Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ЯНВАРЬ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1885 г.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова.** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича.** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева.** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго.** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи П. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубевъ.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*И. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *И. В. С—ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. И—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію.—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ЯНВАРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го декабря 1884 года.

ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унію, какъ переходную ступень къ латинству, замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и уніатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ уніатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ извѣстно, комплектовалось также изъ людей «уроженыхъ», знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ чого иншого розмножилося межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко найбольшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божаго, устали науки, устали казанья»... [1]) Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Ѳриносъ» въ 1610 г.: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Ханецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Калиновскіе, Мелешки, Сосновскіе,

---

[1]) Акты западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальные. «Вы, злые люди, говоритъ Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ» [1]). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишенскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религіозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицькимъ або муравскимъ кчермачкомъ покрываются и сами соби панове и слуги суть».

Православный южнорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религіозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за міряпами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ «вшелякія книги» [2])—богослужебныя, нравоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ заграницу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

[1]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

[2]) Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконецъ, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копыстенскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Оминаютъ, за ласкою Божею, нашу россійскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣетности и правды»[1]).

«Свѣтлость умѣетности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянской коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича[2]). Московское государство стало пользоваться услугами южнорусскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго[3]). Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего пошли

---

[1]) Завитневичъ, Палинодія Зах. Копыстенскаго, стр. 70.

[2]) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи найбольшую пользу Θеофанъ Прокоповичъ и Димитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянъ въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великороссіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими-же проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.[1]).

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученой дѣятельностью малороссіянъ въ Великороссіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учители были «люди острые и разумные»[2]).

---

[1]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

[2]) Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кіевской духовной академіи, 1884 г., т. X, стр. 205.

Глава II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ расовымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., виленское и кіевское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшаго духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенности послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Ѳриносъ»; появляется искуственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южной-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей наклонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Ѳриносъ, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковнославянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполнѣ народныхъ по содержанію и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человѣкъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латино-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодулъ и Іоаннъ Вишенскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религіозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-уніатскимъ религіознымъ полемистамъ. Сильное латино-уніатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О едности церкви Божіей», дол-

гое время оставалось безъ возраженія. Неизвѣстный авторъ «Ключа царства небеснаго» въ опроверженіи латино-уніатскаго сочиненія Гербеста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцеря воевати, а простаку неученому за мудраго оратора отповедати» [1]). Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-уніатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣетности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужчинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призволтша-бы куделя зъ веретеномъ, а нижли тое, што писано перомъ» [2]). Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Феодула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служитъ «Палинодія» Захаріи Копыстенскаго,—огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Палинодія» въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

---

[1]) Завитневичъ, Палинодія, стр. 85.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты всѣ главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служитъ то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собой истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палинодія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе иле менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ» [1]). Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторіи въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе» Памвы Берынды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 341.

логія, лишь отчасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова,—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ [1]). Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Берынды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Берында выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Берында» [2]).

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными тружениками, мы въ заключеніе нашей характеристики греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти всѣ писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупные ученые дѣятели, какъ Христофоръ Бронскій, и мелкіе труженики пера, какъ неизвѣстные авторы «Перестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

---

[1] Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

[2] Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измельчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ посполитству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-руссовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единаго тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, сжальтесь надъ угнетенною братіею своею; наши страданія пусть тронутъ васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однѣхъ съ нашими доскахъ и укрѣплены однѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ» [1])... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ; такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской куріи, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоаннъ Вишен-

---

[1]) Бронскій, Апокрисисъ, стр. 240 (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлилъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и паны. «Бѣдные крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, талярами, полталярами, ортами, четвертаками и трояками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На пановъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Вси бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили» [1]... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусской исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятихъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій колегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

[1]) Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству; наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключающее даже самую возможность появленія строго историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій. Найболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, найболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ—Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали съобща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галятовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начала вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще вліяніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегіумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми вліяніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполнѣ изуродовать Барановича и Галятовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти оброненныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галятовскаго и Гизеля, нужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ внѣшнихъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была-бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-руссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, напримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Іерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Низшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-нравственныхъ началахъ. Специальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылками на Ветхій Завѣтъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Миръ»).

Глава IV.

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладаютъ богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанію и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причемъ весьма цѣнныя сочиненія попадаются не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная библіотека и московскія библіотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ библіотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству спеціальнымъ изслѣдованіемъ южнорусской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кіевскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертація г. Скабалановича объ «Апокрисисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Іоаннѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьозное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Библіотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильтебрандта. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Кіевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могилѣ (рецензіи профессора Н. И. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. И. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «Historia literat. polsk.» Вишневскаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уніи» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. И. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора И. Я. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пигасѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ успѣшной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библіографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, какихъ изданій, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библіографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были изданы южно-русскія старопечатныя книги, нравоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, на подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности изданы старинные московскіе литературные памятники [1]).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

---

[1]) *Примѣчаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Лазарѣ Барановичѣ изданъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй объ Іоанникіѣ Галятовскомъ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками.—П. С.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ [1]).

I.

На территоріи между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ жили славяне подъ разными названіями, а въ числѣ ихъ поляки и русь. Жили они отдѣльными родами, т. е. большими семьями. Каждый родъ повиновался своему начальнику. Старшины родовъ собирались въ опредѣленныя мѣста для совѣщанія; такія собранія назывались вѣчами. Кромѣ вѣча славяне имѣли еще князей, которымъ принадлежала высшая судебная власть и предводительство на войнѣ. Вѣча были общинныя, на которыхъ обсуждались дѣла отдѣльной общины, и народныя, которыя рѣшали общія дѣла народа.

Полную картину старославянскаго вѣча сохранила намъ исторія въ извѣстномъ «Судѣ Любуши», дочери Крока изъ Вышеграда; здѣсь собрана для совѣщанія вся народная старшина, состоящая изъ *кметей*, *леховъ* и *владыкъ*. Такъ какъ въ названномъ памятникѣ древне-чешской литературы термины эти повторяются много разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, то отсюда легко заключить, что *кмети*, владѣющіе землею, составляли главное ядро народа, занимая въ то

---

[1]) Предлагаемый очеркъ составленъ по сочиненію галицко-русскаго ученаго о. Стефана Качалы, вышедшему во Львовѣ въ 1879 г. подъ заглавіемъ *Polityka polaków względem Rusi* и представляетъ сжатое извлеченіе изъ него собственно исторической его части. Трудъ о. Качалы, за устраненіемъ изъ него полемической и публицистической части, даетъ весьма хорошій прагматическій очеркъ исторіи юго-западной Руси, какого именно не достаетъ въ скудной южно-русской исторической литературѣ и какого мы тщетно стали-бы искать въ трудахъ Бантышъ-Каменскаго и Н. Маркевича, устарѣвшихъ не только со стороны фактическаго содержанія, но еще болѣе по основному взгляду и пріемамъ изложенія.

время первое мѣсто на вѣчахъ. Рядомъ съ ними стояли *лехи* или воины, правдоподобно, считавшіеся еще въ то время слугами цѣлаго народа, и наконецъ владыки, т. е. предводители родовъ и верховные жрецы, какъ высшіе начальники народа.

Не смотря на то, что славяне по природѣ своей племя отважное и воинственное, они избѣгали наступательныхъ войнъ и тогда только вступали въ битву, когда приходилось отражать нападеніе.

Необходимость обороны связывала свободныя племена въ политическія единицы; защита вѣры предковъ, съ которой соединялась идея независимости славянъ, была ихъ лозунгомъ въ битвахъ, побуждало-же ихъ къ защитѣ язычества распространеніе новой христіанской вѣры, происходившее на юго-восточной и въ особенности на западной границѣ славянщины.

Съ востока христіанство распространялось спокойно, путемъ убѣжденія и проповѣди. Совсѣмъ иначе происходило это на западѣ. Здѣсь вѣру христіанскую распространяли германцы, прикрывавшіе жажду завоеванія и захватовъ проповѣдью любви христіанской, лишая покоренныхъ не только ихъ земель, но языка и обычаевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство пришло къ славянамъ съ востока, а не на оборотъ, и что въ Польшѣ греческая вѣра съ ея обрядностью проповѣдывалась раньше, чѣмъ латинская.

Въ Великой Моравіи слово Божіе проповѣдывали св. Кириллъ и Меѳодій. Въ Польшѣ вѣра христіанская была насаждена еще до Мечислава I проповѣдниками съ востока, а богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ [1]). Случилось такъ потому, что въ большей части своихъ границъ Польша соприкасалась съ славянскими государствами, принявшими вѣру отъ грековъ [2]); поэтому греческій обрядъ сдѣлался славянскимъ. Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Краковѣ была церковь св. Креста [3]). Еще въ 1491 г. въ Краковѣ

---

[1]) Мацѣіовскій въ Pamiętnikach, стр. 149, говоритъ; Obrządek łaciński z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn nie przemawiał do serc Polaków, dla tego też bardzo wcześnie znalazł do nich przystęp obrządek słowiański.

[2]) Dzieje królewstwa polskiego przez I. S. Bandkie, 1820 r., t. I, str. 67.

[3]) Лавровскій, «Кириллъ и Меѳодій», Харьковъ, 1863 г.; Захарія Копыстенскій, «Защита вѣры восточной въ Польшѣ», 1620 г.

печатались русско-славянскія книги, а возлѣ Опатова за Вислой жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру.

Польскій языкъ того времени также немногимъ разнился отъ современнаго ему чешскаго и русскаго, такъ что и языкъ и религія связывали славянъ. Однако еще до Мечислава I противъ объединенія славянъ возстали сильные непріятели.

Начиная отъ Карла Великаго, врага восточной церкви и цѣлой славянщины, сперва франки, а потомъ нѣмцы, подстрекаемые Римомъ, усиленно стремились къ тому, чтобы уничтожить самихъ славянъ, а восточное богослуженіе ихъ замѣнить обрядомъ римской церкви. Устраняя славянскій языкъ изъ храмовъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить его и изъ домашняго обихода, а основаніемъ нѣмецкихъ колоній въ славянскихъ земляхъ старались онѣмечить эти края. Сверхъ того нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Нѣмцы, эти непрошенные цивилизаторы, называли славянъ язычниками, хотя они были уже христіанами, и считая славянское ученіе языческимъ, вторично крестили исповѣдывающихъ его по латинскому обряду.

Обитавшіе за Эльбою славяне были покорены нѣмцами и, съ теченіемъ времени, мало по малу онѣмечились, другіе хотя и сохранили свою національность, но уже должны были въ своихъ храмахъ принять латинскій языкъ. При Мечиславѣ I въ Польшѣ были христіане какъ греческаго, такъ и латинскаго исповѣданія; первое было насаждено со времени Кирилла и Меѳодія.

Первою женою Мечислава I была Дубравка, чешка славянскаго обряда, отъ чего при дворѣ этого князя господствовало славянское исповѣданіе вѣры. Вторая жена Ода, католическая монахиня, похищенная изъ монастыря, склонила Мечислава къ исповѣданію западной церкви. Примѣру князя послѣдовало рыцарство и такимъ образомъ латинскій обрядъ становится вѣрою *леховъ*, славянскій—вѣрою простаго народа; первый все больше и больше распространялся и бралъ перевѣсъ надъ славянскимъ. Дѣло обращенія въ католичество довершилъ св. Войтѣхъ, окончательно вытѣснившій изъ Польши ученіе восточной церкви [1]). Римская пропаганда съ самаго начала шла объ руку съ религіозной нетерпимостью, которой принципомъ было: прости

[1]) Dzieje I. S. Bandkie, I, str. 174, 175.

ближнему всѣ его прегрѣшенія, но никогда не прощай того, если онъ осмѣлится исповѣдывать неправую вѣру. Русь сохранила греческую вѣру. Не наше дѣло вдаваться въ обсужденіе догматовъ обоихъ исповѣданій; обратимъ только вниманіе на различіе ихъ политическаго характера. Православная церковь стоитъ на принципахъ автономно-федеративныхъ, которыя выработались въ III и IV вв. вселенскою церковью, какъ-то: независимыя епископіи, подлежавшія только власти вселенскихъ соборовъ, далѣе національная церковь, т. е. каждое племя съ богослуженіемъ на своемъ языкѣ и т. д.

Принятіе католической вѣры не освободило однако поляковъ отъ опасностей худаго сосѣдства, и послѣ того они должны были выдерживать упорную вѣковую борьбу съ нѣмцами.

Существованіе западныхъ государствъ и германской имперіи основывалось на томъ завоевательномъ принципѣ, что вся земля цѣлаго края принадлежитъ монарху. Отъ него получали ее владѣтельные князья съ обязательствомъ военной помощи по первому требованію; подъ ихъ начальствомъ сидѣли на меньшихъ участкахъ мелкіе рыцари и еще болѣе мелкіе владѣльцы, оканчивая болѣе всѣхъ ихъ зависимымъ крестьяниномъ. Подобный государственный строй извѣстенъ подъ именемъ феодальнаго.

Зачатки польскаго рыцарства идутъ правда отъ очень отдаленнаго времени, но при такомъ порядкѣ сосѣдскихъ отношеній нужно было подумать объ организаціи военныхъ силъ для защиты края отъ угрожающей ему опасности.

Вѣковая борьба и продолжительное соприкосновеніе съ нѣмцами не осталось безъ послѣдствій. Стоя на защитѣ своей національной независимости, поляки все больше и больше заимствуютъ отъ нѣмцевъ ихъ нравы и обычаи и все быстрѣе теряютъ свой старо-славянскій общественный строй. Тогда старо-славянская равноправность стала колебаться и начало вырабатываться неравенство сословій, такъ какъ рыцарство все больше возвышалось, а крестьянъ постепенно низводили въ состояніе неволи.

Пока однако дѣло дошло до полной неволи, сельскіе жители, притѣсняемые обитателями замковъ, не разъ подымали противъ нихъ возстанія, забирали ихъ имѣнія и женъ, уничтожали привиллегіи, совершенно такъ, какъ то позже дѣлали козаки, съ тою только разницею, что здѣсь папы дѣйствовали заодно съ католическимъ

духовенствомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ пришлыхъ нѣмцевъ; это духовенство помогало панамъ подчинить себѣ поселянъ и въ концѣ концовъ рыцарство съ духовенствомъ получило перевѣсъ надъ возстававшими крестьянами. Поэтому неудивительно, что по смерти Мечислава II народъ снова поднялъ реакцію противъ пановъ и истребилъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ; многіе изъ жителей, по словамъ лѣтописцевъ, оставляли христіанскую вѣру и возвращались къ язычеству, при которомъ были свободными; возвращались они, правдоподобно, не къ язычеству, а къ греческому обряду, который латиняне также называли языческимъ. Догадку эту подтверждаетъ замѣчаніе Лелевеля. «Причиною войны между панами и крестьянами, говоритъ онъ, было преслѣдованіе греческаго обряда». Эта реакція, или, какъ ее называли, бунтъ хлоповъ противъ пановъ, окончательно подавлена была рыцарскимъ сословіемъ въ XI вѣкѣ; съ помощью нѣмцевъ и вновь присланныхъ епископовъ и ксендзовъ, панамъ удалось подчинить крестьянъ и принудить ихъ къ латинскому обряду. Такъ какъ противъ греческаго исповѣданія никогда не бывало подобныхъ возстаній, то это доказываетъ, что оно не нарушало свободы и равенства сословій.

Христіанская вѣра по восточному обряду проповѣдывалась не огнемъ и мечемъ, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій съ саксонцами, крестоносцы и рыцари ордена меченосцевъ съ прибалтійскими народами, и вообще нѣмцы,—эта вѣра распространялась путемъ проповѣди; инквизиція и другія подобныя учрежденія въ ней были неизвѣстны. Характеръ греческаго обряда состоялъ въ томъ, что его іерархи не допускали даже той мысли, чтобы церковь нуждалась въ поддержкѣ путемъ мученій и смерти; крестъ былъ единственнымъ оружіемъ греческой церкви.

Въ началѣ Русью въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Несторовой лѣтописи кіевская земля, которая въ IX в. подчинила себѣ Новгородъ и другія областныя единицы, принявшія также съ этого времени общее имя Руси. Червенскіе города (Галиція) принадлежали Польшѣ; они также принимаютъ названіе Руси послѣ того, какъ Владиміръ святой въ 981 г. присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Люблинская земля до Даніила Романовича, т. е. до половины XIII в., также принадлежала Польшѣ и только со времени этого князя стала называться Русью. Однимъ словомъ все,

что только хоть на время входило въ составъ русскихъ земель, принимало названіе Руси; въ противоположность тому ни червенскіе города, ни люблинская земля, хотя вскорѣ снова возвратились къ Польшѣ, не присвоили себѣ однако имени Лехіи или Польши— мало того, современные польскіе историки не въ состояніи даже указать, какія именно земли и въ какое время начали называться Польшей. Имя это нигдѣ не привилось, и въ настоящее время простой народъ по обѣ стороны Вислы называетъ поляками только шляхту и мѣщанъ, а для себя удерживаетъ старинныя областныя названія: куявяцъ, мазуровъ, краковяпъ и др.

Русь привлекала къ себѣ тѣмъ, что поддерживала мѣстные порядки, равенство и свободу народа, вѣчевое право и греческое исповѣданіе. Польша напротивъ и равенство, и вѣчевое право присвоила только рыцарскому сословію, ни во что обращала свободу народа и вводила неволю.

Вѣчевое право, общее всѣмъ славянамъ, было свойственно и населенію береговъ Вислы; ограниченное здѣсь, оно удержалось при русскихъ князьяхъ. Вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время просуществовало вѣчевое право, уравнивающее всѣхъ гражданъ, тамъ народъ называлъ себя русскимъ; такимъ образомъ слово *русскій* означало тоже, что *славянскій*. Если-бы князь Владиміръ св. Занялъ все пространство земель до Вислы, или далѣе, то можно съ большимъ основаніемъ допустить, что всѣ эти земли приняли-бы названіе Руси, потому что имя Руси было синонимомъ областныхъ учрежденій. Напротивъ того Польша развивалась вопреки народнымъ обычаямъ, поэтому слово *польскій* означало до нѣкоторой степени подчиненіе онѣмеченнымъ и окатоличеннымъ панамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе принятія католическаго вѣроисповѣданія и отчасти феодальнаго устройства, Польша становится на сторонѣ запада. Уже въ XI столѣтіи польское рыцарство фактически захватило въ свои руки всю политическую власть въ краѣ и положило основаніе тому порядку вещей, который впослѣдствіи развился въ полномъ цвѣтѣ въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, какъ это увидимъ дальше. Такое положеніе вещей въ Польшѣ держалось только потому, что народъ былъ бѣденъ и пригнетенъ, а шляхта всегда была вооружена и содержала на жалованьи нѣмецкіе отряды. Польша развилась въ государство по общимъ западно-европейскимъ образцамъ,

и вслѣдствіе того стала въ оппозицію съ прочими славянами. Поляки приняли съ давнихъ временъ принципы прогресса, общаго съ Западомъ; однако это стремленіе, которому они отдались добровольно, часто заводило ихъ слишкомъ далеко, а иногда и просто въ глухой конецъ; они не понимали своего исключительнаго положенія и, что еще хуже, не понимаютъ его и теперь. Польское славянское государство, ставши на сторону Запада, принимало отъ него не только образцы политической жизни, обычаи и права противныя славянству, но даже и языкъ, такъ что народности польской угрожала опасность [1]).

Въ 999 г. Болеславъ Храбрый, сынъ Мечислава I, посылалъ въ Римъ просьбу о королевской коронѣ, но папа отказалъ ему въ ней. Помогъ въ этомъ императоръ германскій.

Не смотря на всю свою силу и вліяніе, германская имперія не была безопасна отъ славянъ и нуждалась въ союзникѣ изъ ихъ среды. Поэтому, императоръ Оттонъ III, которому Болеславъ помогалъ противъ лютичей, прибылъ въ Гнѣзно въ 1000 г., подъ предлогомъ посѣщенія гроба св. Войтѣха, и тутъ возложилъ свою корону на голову Болеслава Храбраго. Однако папа долго еще не давалъ разрѣшенія на религіозный обрядъ коронаціи и Болеславъ только въ 1024 г. приказалъ епископамъ торжественно короновать себя.

Императоръ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, желая склонить польскаго князя на свою сторону, чтобы обезопасить себя отъ славянъ, живишхъ за Одеромъ и надъ Эльбою; вмѣстѣ съ короною онъ далъ Болеславу право завоеванія и покоренія западныхъ славянъ и обращенія ихъ въ католичество. Итакъ Болеславъ вмѣстѣ съ нѣмцами покоряетъ славянъ; такимъ образомъ Польша приняла на себя мисію служенія Германіи и Риму, которую выполняетъ и до настоящаго времени.

Польша врѣзывается клиномъ среди славянъ, понынѣ отличаясь сепаратизмомъ отъ славянскаго дѣла, и въ этомъ кроется причина ея собственной слабости и непопулярности среди остальной славянщины. Въ этомъ именно начало того зла, которое

---

[1]) Lelewel.

яркою полосою проходитъ черезъ всю исторію Польши и послужило причиной сперва ея роста, а впослѣдствіи упадка.

Польша не поняла своего призванія охранять западныхъ славянъ отъ онѣмеченія и вмѣсто опоры сдѣлалась для нихъ врагомъ. Послѣдствіями этой исторической ошибки были дальнѣйшіе успѣхи германизаціи и наконецъ упадокъ Польши.

II.

Русь и Польша граничили между собою и находясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, бились и мирились, воевали и братались, какъ то обыкновенно бываетъ между сосѣдями. Это однако не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Начнемъ съ того времени, когда Польша и Русь начали входить въ болѣе близкія столкновенія между собою, когда различіе взглядовъ и религіи выступаютъ на сцену.

Въ 1336 г. скончался Юрій II, праправнукъ Даніила, послѣдній князь Галицкой Руси изъ династіи Романовичей. Не желая подчиниться татарамъ, галичане вмѣстѣ съ жителями Волыни признали своимъ княземъ племянника покойнаго Юрія по женской линіи Болеслава Тройденовича, сына мазовецкаго князя. Болеславъ былъ воспитанъ въ грековосточной вѣрѣ, но сдѣлавшись галицкимъ княземъ, онъ измѣняетъ обрядъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ обращаться въ латинскую вѣру. Вслѣдствіе такого рода апостольства черезъ три года послѣ избранія (по Длугошу, Анониму Гнѣзненскому и др.) онъ былъ отравленъ и внезапно умеръ. По смерти Болеслава Тройденовича польскій король Казиміръ III по праву сильнаго вошелъ въ Галицкую Русь, осадилъ Львовъ и съ добычею возвратился въ Краковъ. Увидавъ слабость русскихъ, онъ рѣшилъ завоевать Червоную Русь, и, явившись съ новыми силами, занялъ земли: Перемышльскую, Саноцкую и Любачевскую. Русскіе согласились на подданство Казиміру подъ однимъ условіемъ, чтобы ихъ вѣроисповѣданіе и народность оставались неизмѣнными и ненарушимыми. Казиміръ обѣщалъ не стѣснять вѣры русскихъ и уважать ихъ народность, но впослѣдствіи, ободренный своими успѣхами,

началъ преслѣдовать грековосточный обрядъ, притѣснять духовенство и православныя церкви обращать въ латинскіе костёлы [1]).

И такъ польская политика уже съ XIV в. облачилась въ рясу. Поляки дѣйствительно остались побѣдителями, однако имъ не удалось слить оба народа въ одно тѣло. Результатомъ такого обращенія была внутренняя война. Морачевскій (кн. 4, стр. 165) говоритъ: «Только ничтожныхъ людей не оскорбляетъ униженіе ихъ религіи и народности и поэтому перемышльскій князь Дашко условился съ Даніиломъ Острожскимъ и призвалъ татаръ на помощь». Въ древнѣйшее время Польша была абсолютной монархіей; правда, при Болеславѣ Храбромъ выступаетъ рыцарство уже какъ отдѣльное сословіе, однако этотъ король держалъ его въ большой дисциплинѣ. Только со времени Болеслава III, когда государство распалось на удѣлы между его потомками, значеніе монарха все больше начинаетъ падать, а рыцарство съ тѣхъ поръ все больше получаетъ вліянія. Правда по волѣ Болеслава III установленъ сеніоратъ, т. е. право старшинства, за краковскимъ княземъ, однако во внутреннемъ управленіи своими удѣлами младшіе князья признавали себя независимыми владѣльцами и старались во всемъ сравняться съ краковскимъ княземъ. Это послужило источникомъ взаимной зависти, раздоровъ и все большаго ослабленія монархическаго принципа.

Краковскій князь желаетъ возвратить своей власти прежній блескъ, также и младшіе князья стараются уравняться съ нимъ въ значеніи, но не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ помощи сильнѣйшихъ пановъ. Поэтому князья дѣлаютъ въ ихъ пользу различныя уступки, освобождаютъ ихъ отъ многихъ налоговъ и даже отъ всякихъ податей, которыя поэтому всею тяжестью падали на крестьянъ; позволяютъ панамъ собирать съ своихъ подданныхъ чинши, пошлины на таможняхъ и заставахъ, освобождаютъ отъ обязанности поддерживать дороги и городскіе замки, разрѣшаютъ постройку собственныхъ замковъ, изъятіе отъ судебныхъ инстанцій и т. д. Эти и другія подобныя изъятія изъ общаго права, называемыя привилегіями, подымая значеніе пановъ, понижали въ равной мѣрѣ крестьянское сословіе и съ теченіемъ времени все больше и больше обезсиливали королевскую власть. Еще болѣе тяжелая

[1]) Naruczewicz, «Hist. narodu polskiego», t. VI, str. 114.

участь постигла край, когда за обладателями этихъ прерогативъ признано право наслѣдства.

Съ того времени шляхта стремится къ возможно большему расширенію своей власти въ родовыхъ помѣстьяхъ и при Казимірѣ Великомъ достигаетъ уже большаго значенія. Законъ нѣмецкихъ рыцарей требовалъ, чтобы заключенный въ Калишѣ миръ (1343 г.), купленный большими жертвами со стороны Польши, былъ утвержденъ государственными штатами. Съ того времени сословія эти подымаютъ голову, власть законодательная, рѣшеніе всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ переходятъ въ руки рыцарей и шляхты; перевѣсъ шляхты наибольше усилился послѣ того, какъ Казиміръ, минуя близкихъ родственниковъ, пожелалъ послѣ своей смерти упрочить польскій престолъ за своимъ племянникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Эта передача могла состояться только съ согласія шляхты, а такое согласіе въ свою очередь должно было покупаться дарованіемъ новыхъ льготъ. При вступленіи на польскій престолъ Людовикъ долженъ былъ не только подтвердить, но и расширить эти льготы. Чтобы смягчить другихъ претендентовъ на польскую корону, Людовикъ дѣлаетъ имъ уступки, а именно одному изъ нихъ, Владиславу Опольскому, уступаетъ въ удѣльное владѣніе Галицкую Русь, которая около 12 лѣтъ оставалась подъ его властью.

Вступая на престолъ, Людовикъ также обѣщалъ полякамъ возвратить утраченныя раньше земли, однако впослѣдствіи присоединилъ Червоную Русь къ Венгріи, такъ что его дочь Ядвига, сдѣлавшись польскою королевою, принуждена была силою выгонять отсюда венгерскіе гарнизоны. Въ правленіе Владислава Опольскаго папа, вслѣдствіе вліянія Людовика, поставилъ на Руси трехъ латинскихъ епископовъ: перемышльскаго, холмскаго и владимірскаго, а надъ ними архіепископа галицкаго. Учрежденіе латинскихъ епископскихъ каѳедръ, вмѣсто русскихъ, вызывало ропотъ на Руси и вмѣстѣ съ другими аналогическими дѣйствіями польскаго правительства накопляло причины къ вооруженному столкновенію въ восточныхъ областяхъ Польши [1]). Вслѣдствіе того Владиславъ Опольскій, наскучивъ постоянными волненіями въ краѣ, оставилъ Галицкую Русь, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Не имѣя

[1]) Moraczewski, ks. 5, str. 205 i 209.

мужескаго потомства, Людовикъ желалъ польскій престолъ обезпечить въ качествѣ вѣна за одною изъ своихъ дочерей; это обстоятельство снова эксплуатируется для расширенія шляхетскихъ правъ. Съ того времени Польша становится избирательнымъ государствомъ и хотя всегда избирались ближайшіе родственники короля, но все таки они подлежали выборамъ и обязаны были за свое избраніе расплачиваться новыми привилегіями.

Такъ сначала войны съ нѣмцами, дробленіе на удѣлы и раздоры между удѣльными князьями, затѣмъ угасаніе мужескаго потомства и частыя безкоролевья упрочивали привилегіи шляхты, давали ей средства къ увеличенію этихъ привилегій, пока наконецъ Рѣчь Посполитая сдѣлалась чисто шляхетскимъ правительствомъ съ тѣнью короля во главѣ.

При Ядвигѣ опасность угрожала Польшѣ со всѣхъ сторонъ: отъ чеховъ, нѣмецкихъ рыцарей, венгровъ и литвы. Польшѣ необходима была точка опоры и защита и, когда Ягайло сталъ заискивать брака съ Ядвигою, поляки сообразили, что самой лучшей охраной будетъ объединеніе Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

III.

Поступая подъ власть одного государя, Польша и Русь должны были составить одно политическое тѣло, поэтому намъ слѣдуетъ остановиться надъ тѣми различіями, какія существовали между этими двумя народами.

Правда Русь и Польша говорятъ родственными славянскими нарѣчіями, но эти нарѣчія постепенно расходились въ своемъ развитіи и представители ихъ разнятся между собою не только нравами и обычаями, но языкомъ, письменностью и вѣроисповѣданіемъ. Однимъ словомъ эти двѣ славянскія вѣтви становятся отдѣльными народами.

Первое различіе произвели, какъ мы уже видѣли, обряды греческій и латинскій, въ особенности послѣ того, какъ наступило раздѣленіе церквей восточной и западной.

Кромѣ этого различія были и другіе, а именно разница въ строѣ государственномъ и общественномъ. Мы уже говорили выше,

что вслѣдствіе вѣковой борьбы съ германцами въ Польшѣ произошелъ раздѣлъ народонаселенія на сословія: военное и земледѣльческое; въ награду за оборону края рыцари пользовались различными выгодами и преимуществами. Такъ напримѣръ предводительство отрядами, верховное управленіе замками, повѣтами и цѣлыми удѣлами король обыкновенно поручалъ храброму рыцарю, давая ему званіе начальника, кастеляна, воеводы, старосты, надѣляя имѣніями и т. д. Все это подымало значеніе рыцарства и возвышало его въ глазахъ прежде равноправнаго съ нимъ крестьянства. Среди военныхъ занятій рыцарь все больше отвыкалъ отъ земледѣльческаго труда и, возвратившись съ похода, считалъ уже хлѣбопашество дѣломъ недостойнымъ своего военнаго званія. Получивъ перевѣсъ въ краѣ, польское рыцарство, не смотря на безпрестанную борьбу съ нѣмцами, заимствуетъ отъ нихъ германскія понятія о сословіяхъ, еще больше усиливающія его вліяніе. Поэтому нѣмецкія институціи были выгоднымъ образцемъ для польскаго рыцаря, по примѣру нѣмцевъ онъ поселялъ на своей землѣ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, которые обязаны были на него работать.

И такъ военноплѣнные были первымъ постороннимъ явленіемъ, нарушавшимъ старославянское равенство. Поселеніе ихъ на земляхъ побѣдителей приготовляло такую-же участь менѣе зажиточнымъ крестьянамъ, подобно тому положенію, въ какомъ пашлись славяне въ земляхъ покоренныхъ нѣмцами. Установленію этого порядка еще больше способствовало надѣленіе шляхты правомъ наслѣдства, отдававшее сельскихъ жителей, т. е. земледѣльцевъ на милость владѣльца, въ особенности съ того времени, какъ шляхта вытребовала у королей право суда въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Сельскія общины несли вооруженному рыцарству подати припасами и подводами, сверхъ того работали надъ укрѣпленіемъ замковъ, въ которыхъ сосредоточивалась оборона края.

Всѣ эти безплатныя приношенія съ теченіемъ времени превратились въ обязательныя повинности уже не по отношенію къ государю, а по отношенію къ владѣльцу. Между тѣмъ какъ въ прежнее время крестьянинъ-землевладѣлецъ уплачивалъ только подать въ королевскую казну, впослѣдствіи онъ вмѣсто того долженъ былъ платить пану чиншъ за землю: со времени кошицкаго съѣзда крестьяне уже плотятъ панамъ и чиншъ, и другія подати; будучи

единственнымъ судьею надъ крестьянами, панъ могъ по желанію увеличивать эти повинности, или замѣнять ихъ работами, могъ отобрать у подданнаго землю и отдать тому, кто больше заплатитъ. Не удивительно поэтому, что чиншевая система постепенно была замѣнена панщиною и права рабочаго класса стѣснялись все больше и больше; когда-же наконецъ было постановлено (податными универсалами 1511, 1520 и 1531 гг.), чтобы владѣлецъ пополамъ съ крестьянами оплачивалъ *лановое* (поземельный налогъ), помѣщики стали утверждать, что по справедливости могутъ требовать отъ крестьянъ работы въ вознагражденіе за расходъ. Съ того времени число рабочихъ дней растетъ съ поразительною быстротою, требованія панщины увеличивались съ каждымъ годомъ, пока наконецъ она не была введена повсемѣстно въ 1520 году.

Первоначально крестьяне находили защиту въ лицѣ короля и духвенства. Еще Казиміръ Великій слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земледѣльческій классъ не былъ притѣсненъ работами, за что получилъ насмѣшливый титулъ *«короля хлоповъ»*. Въ силу законодательства Казиміра Великаго крестьяне удерживали многочисленные мелкіе земельные участки, обложенные умѣренными налогами. Однако поставленныя имъ преграды не могли устоять передъ своеволіемъ того сословія, которое заботилось только о своихъ правахъ и которому должны были служить суды и всѣ другія власти. Сигизмундъ старый долго сопротивлялся введенію въ королевскихъ имѣніяхъ статута 1520 г. о недѣльной панщинѣ, такъ-же точно и Сигизмундъ-Августъ, гдѣ только могъ, уменьшалъ число рабочихъ дней съ лана; но королевская власть ослабѣвала и крестьяне лишались защиты.

Когда монархическая власть короля уступила свои права аристократіи,—судьба подданныхъ была рѣшена и они нашлись въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, поспѣшившихъ изъять ихъ изъ подъ защиты закона, на мѣсто котораго ставили свой произволъ. Естественнымъ послѣдствіемъ того были побѣги крестьянъ. Часто случалось, что крестьянинъ, не въ состояніи будучи выполнить всѣхъ повинностей и наскучивъ постоянно усиливающимися требованіями панщины, покидалъ свое убогое жилище и въ другомъ округѣ, у лучшаго, какъ онъ думалъ, пана, искалъ облегченія своей участи.

Народонаселеніе западныхъ удѣловъ Рѣчи Посполитой переселялось на востокъ, въ плодородные округи Червоной Руси, Подолія и Украины, гдѣ владѣльцы опустошенныхъ войнами пространствъ предлагали поселенцамъ болѣе легкія условія и обезпечивали болѣе продолжительныя льготы. Отсюда убыль рабочихъ силъ и вмѣстѣ крестьянскихъ земель, а въ тоже время въ равной съ нею прогрессіи увеличивались свободныя отъ податей экономическія земли, увеличивался и недостатокъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того росло число рабочихъ дней.

Еще вислицкій статутъ 1347 г., предотвращая будто-бы опустошеніе имѣній черезъ выходъ изъ нихъ крестьянъ, ограничиваетъ личную свободу послѣднихъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ [1]), а потому крестьяне уже въ XIV в. утрачиваютъ право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто. По конституціи краковскаго сейма 1543 г. бѣглаго крестьянина никто не могъ принять или выкупить ни за какія деньги,—онъ долженъ быть возвращенъ своему пану вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми унесенными пожитками, а всякій дающій ему пріютъ подвергался штрафу.—Исчезли равнымъ образомъ всѣ вольныя крестьянскія общины и потонули въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Нужно признать однако, что не сами поляки изобрѣли неволю, но съ другой стороны нельзя не признать, что въ то время какъ на Западѣ изъ неволи возродилась свобода, въ Польшѣ свобода обращена въ неволю.

Однако германскія аристократическія понятія не могли цѣликомъ укорениться въ Польшѣ; отдѣляясь отъ равноправной общины, польское рыцарство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльные его члены не присваивали себѣ больше выгодъ и привиллегій, чѣмъ всѣ остальные члены военнаго сословія, которое только къ своей средѣ относило старо-славянское равенство и усваивало германскія аристократическія понятія только по отношенію къ невоеннымъ сословіямъ. Такимъ образомъ Польша сложилась въ ту государственную форму, которой польскіе историки даютъ названіе шляхетской демократіи.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ гордость шляхты все больше усиливалась; установилось мнѣніе, что самое рожденіе дѣлаетъ способ-

---

[1]) Vol. leg., I, f. 29.

нымъ къ пользованію правами и освобождаетъ отъ всѣхъ обязанностей; съ тѣхъ поръ не одна военная слава, но и самая изысканная роскошь должны были отличать шляхту отъ низшихъ слоевъ народа.

Итакъ характерными чертами общественной жизни въ Польшѣ были: равенство между членами шляхетскаго сословія, полное ограниченіе власти избирательнаго монарха и безъусловное господство помѣщика надъ подданными.

Теперь обратимся къ Руси.—Здѣсь установились князья и подвластная имъ дружина. Князьямъ принадлежалъ верховный судъ и вмѣстѣ съ своею дружиной они охраняли край отъ нападеній. Поэтому на Руси установилось государство, которое не было королевствомъ, но федераціей многихъ княжествъ, въ которыхъ вліяніе земства брало перевѣсъ надъ значеніемъ князя и не разъ случалось, что князь принужденъ былъ отказываться отъ своего стола, хотя-бы и противъ воли, если не удовлетворялъ требованіямъ земства.

Въ противоположность Польшѣ Русь имѣла демократическое устройство. Эти признаки и нынѣ отличаютъ поляка отъ русскаго и вотъ почему между поляками трудно найти искреннихъ демократовъ.

На Руси не было извѣстно различіе правъ земскихъ и городскихъ, все населеніе было свободно и каждая община имѣла своихъ выборныхъ представителей. Между князьями былъ старшій, великій князь, которому младшіе—удѣльные князья должны были повиноваться. Не всегда однако подчинялись они великому князю, имѣвшему резиденцію въ Кіевѣ, и не одинъ изъ нихъ пытался достигнуть его стола безъ всякихъ правъ на то. Отсюда возникаютъ между князьями несогласія и войны и подъ знаменами этихъ князей русскіе шли противъ русскихъ. Поэтому раздробленная Русь не была въ состояніи оказывать вѣскій отпоръ изнутри при внѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ такое-то время вторглись изъ Азіи татары, побѣдившіе князей и ихъ дружину. Правда, при татарскомъ господствѣ все было обложено тяжелыми налогами, но кромѣ даней, собираемыхъ баскаками, народонаселеніе Руси не знало другихъ ограниченій, такъ какъ баскаки не мѣшались въ дѣла внутренняго управленія. Татары н[illegible] также существовавшаго на Руси политическаго строя; вт[illegible], какъ и прежде, Русь управлялась потомками

Владиміра св. Православная религія оставалась неприкосновенной и ханы даже освободили русское духовенство отъ подушной подати, а церковныя имущества обезпечивались отъ всякихъ притѣсненій. Придавленное при князьяхъ общинное право снова поднялось и усилилось на столько, что впослѣдствіи могло уже давать отпоръ каждой силѣ. На этомъ правѣ опирается вся исторія нашего народа, на немъ-же должна основываться и его будущность.

Свѣтскія лица, міряне выбирали съобща духовныхъ лицъ для замѣщенія приходовъ, архимандрій и епископскихъ каѳедръ и всѣ важныя церковныя дѣла рѣшались на соборахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ по общему совѣту. Поэтому во время татарской неволи русская церковь сдѣлалась не орудіемъ въ рукахъ князей, но святою братскою связью для народонаселенія Руси и общимъ народнымъ достояніемъ.

Въ то время, какъ татары раздѣлились на нѣсколько ордъ и обезсилили вслѣдстіе междоусобныхъ войнъ, Литва подчинила своему господству всю русскую землю отъ Нѣмана до Чернаго моря. Съ этого времени Литовское Княжество слагалось, за малыми исключеніями, изъ чисто русскихъ земель. Сверхъ того между Москвой, Польшей и Турціей простирались неизмѣримыя пустынныя степи, такъ что ни одно изъ этихъ государствъ не знало, гдѣ оканчиваются его границы въ ту сторону. Червоная Русь подверглась завоеванію Польши.

Литва была краемъ малолюднымъ и непросвѣщеннымъ, поэтому побѣдители подчинились вліянію русской культуры въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Поселившись между литвинами, русскіе внесли сюда свой языкъ и культуру, такъ что съ теченіемъ времени почти вся Литва безъ принужденія говорила, писала и молилась по русски; языкъ русскій сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и оффиціально-административнымъ. Литва почти цѣликомъ ассимилировалась съ Русью, весь край отъ Нѣмана до Чернаго моря сталъ русскимъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей въ Польшѣ; сюда не достигали татары и не подавили той силы, исполненной гордости и самомнѣнія, которая оскорбляла исконное общинно-славянское право. Такой силой сдѣлались въ Польшѣ паны, богатая шляхта, поступавшая своевольно по отношенію къ сельскимъ общинамъ.

Польскіе короли, какъ мы уже видѣли, замѣчая перевѣсъ шляхты надъ народомъ, становились сперва на сторону народа и до извѣстнаго времени не давали его во власть пановъ, которые напротивъ добивались того, чтобы въ польской землѣ не было иной воли и инаго права, кромѣ панскаго. Эту волю и это право вельможная шляхта распространила и на Червоную Русь.

Польскому шляхетскому сословію соотвѣтствовало вообще на Руси сословіе бояръ. Въ литовской Руси отношенія сложились своеобразно. Великіе князья литовскіе, разсматривая всю территорію какъ свою личную собственность, раздавали земли на ленномъ правѣ то большими удѣлами второстепеннымъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то меньшими участками—земянамъ, потомкамъ дружинниковъ русскихъ князей, или рыцарямъ литовскимъ и чужеземцымъ, состоявшимъ у нихъ въ военной службѣ; наконецъ раздавали землю свободнымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ и свободнымъ земледѣльцамъ подъ однимъ и неизмѣннымъ условіемъ военной службы пропорціонально размѣрамъ полученной земли. Въ свою очередь второстепенные князья раздавали полученную землю на такихъ-же точно условіяхъ земянамъ и боярамъ; наконецъ и земяне имѣли своихъ бояръ, обязанныхъ отбывать въ ихъ пользу военную повинность. Такимъ образомъ рыцарское сословіе Великаго Княжества Литовскаго представляло цѣлую градацію ленниковъ, зависѣвшихъ другъ отъ друга и стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ феодальныхъ отношеній къ центральной власти.

Форма феодальная не была однако установлена въ Литвѣ въ отношеніяхъ бояръ къ ихъ подданнымъ. Между тѣмъ какъ высшіе слои военнаго сословія по праву рожденія, общественному значенію и размѣрамъ своихъ поземельныхъ владѣній становились почти на равнѣ съ великимъ княземъ, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими жителями. Отношенія военнаго сословія къ крестьянскому въ Литвѣ представляли не менѣе рѣзкое отличіе отъ польскаго строя. Подданные Великаго Княжества Литовскаго не были подавлены цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ юридическихъ постановленій, какъ это было въ Польшѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что крестьяне на Руси въ удѣльный періодъ не сдѣлались собственностью пановъ вмѣстѣ съ землею; они образовали сословіе свободныхъ земледѣльцевъ и по крайней

мѣрѣ имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто и могли селиться тамъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ для себя. Строй этотъ удержался и при татарскомъ господствѣ. Литовско-русская аристократія сама еще недавно возникла и поэтому не имѣла времени образовать изъ себя организованное сословіе; ея отношеніе къ подданнымъ, до времени изданія Литовскаго Статута, не было даже опредѣлено закономъ и слагалось подъ вліяніемъ обычаевъ, преданій и мѣстныхъ договоровъ. По первоначальной редакціи Литовскаго Статута подданные князей и бояръ освобождались отъ подушнаго и другихъ податей, за исключеніемъ работъ при укрѣпленіи замковъ, поддержкѣ дорогъ и мостовъ. Вообще, до самой люблинской уніи положеніе крестьянъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было свободнымъ.

Изъ всѣхъ категорій литовско-русскаго подданства одна только несвободная челядь, образовавшаяся изъ военноплѣнныхъ, находилась въ такомъ безправномъ положеніи, какое въ Польшѣ тяготѣло надъ всею массою земледѣльческаго люда. Но уже послѣ люблинской уніи три раза въ продолженіи шестидесяти лѣтъ измѣнялась редакція Литовскаго Статута, каждый разъ не въ пользу подданныхъ, пока наконецъ они не были совершенно уравнены съ польскими крестьянами.

Сравнивая литовско-русскій строй съ польскимъ, мы видимъ, кромѣ различія въ вѣроисповѣданіи, еще слѣдующія различія между двумя государствами:

1) Неограниченность наслѣдственной монархической власти.

2) Неравенство между боярами.

3) Отсутствіе границъ между сословіемъ бояръ и другими свободными сословіями.

Таковы были отличія между Польшею и Литвою въ моментъ объединенія ихъ подъ властью одного государя; они объясняютъ намъ почему, со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ въ 1386 г., потребовалось цѣлыхъ 183 года на подготовленіе люблинской уніи.

Поляки, какъ мы уже видѣли, усвоили цивилизацію Запада, напротивъ того вѣроисповѣданіе, науки и искусства на Руси распространялись съ Востока—изъ Византіи, стоявшей въ то время въ полномъ разцвѣтѣ высокой культуры. Такія разнородныя вліянія на развитіе руси и поляковъ увеличивали все больше и больше

первоначальныя различія во взглядахъ и направленіи этихъ народовъ; чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ сліяніе, прежде всего необходимо было всѣ указанныя различія устранить, или сгладить такъ или иначе.

IV.

Посадивши Ягайла на польскій престолъ, поляки замѣтили, что раздробленная Русь держится сама собою вслѣдствіе религіознаго единенія, и думали, что господство ихъ надъ Литвою и Русью не будетъ прочнымъ до тѣхъ поръ, пока литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одну вѣру съ московскою Русью. Лучшимъ средствомъ къ объединенію польскаго народа съ русскимъ, къ которому стремились всѣ уніи: городельская, люблинская и брестская, польское духовенство считало замѣну православной вѣры католической, такъ какъ Польша опиралась на католицизмъ. Повсемѣстное распространеніе латинскаго обряда казалось полякамъ и ихъ духовенству самымъ успѣшнымъ средствомъ, чтобы порвать связь между южной и сѣверной Русью.

Ягайло, сынъ Ольгерда и православной княжны Юліаны тверской, былъ окрещенъ въ православіе подъ именемъ Якова, но по желанію поляковъ крестился вторично по латинскому обряду и принялъ имя Владислава, обѣщая при этомъ присоединить къ Польшѣ Литву и Русь и склонить ихъ къ принятію католицизма. Принятая поляками миссія латинизма выступаетъ гораздо рельефнѣе при этомъ монархѣ, теперь сталкиваются два противуположныя теченія: польское аристократическое и демократическое русское и начинаютъ между собою вѣковую борьбу.

Тотчасъ послѣ коронаціи Ягайло поспѣшилъ въ Литву, чтобы тамъ крестить язычниковъ, а когда ихъ не стало (по словамъ Шайнохи, въ изслѣдованіи «Ягелло и Ядвига», ихъ было всего 30 тысячъ, остальные были христіанами по восточному обряду), то старались и православныхъ жителей вторично крестить по латинскому обряду. Въ Литвѣ издавна происходила дѣятельная христіанская пропаганда съ двухъ сторонъ: католическаго Запада и православной Руси; литовскіе князья не запрещали доступа въ страну

ни католическимъ, ни православнымъ проповѣдникамъ; однако суровыя войны съ тевтонами, которые мечемъ водворяли католицизмъ, отталкивали отъ него литовцевъ. Гораздо легче распространялось православіе, тѣмъ болѣе, что самая значительная часть Великаго Княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ земель.

Желая доставить перевѣсъ католическому вѣроисповѣданію, Ягайло издаетъ распоряженіе, по которому только тѣ шляхтичи Великаго Княжества Литовскаго, которые принадлежатъ къ римской церкви, могутъ пользоваться правами польской шляхты; запрещаетъ браки между католиками и православными и не допускаетъ послѣднихъ къ государственной службѣ [1]). Возвращаясь въ Польшу, Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ брата своего Скиргайла въ 1387 г.

Глубоко обиженные преслѣдованіемъ ихъ религіи Ягайломъ, православные жители Великаго Княжества Литовскаго обращаются къ его двоюродному брату Витовту, скрывавшемуся въ Пруссіи. Витовтъ явился въ Литву съ войскомъ прусскихъ рыцарей и осадилъ Вильну. Наконецъ Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Литву Витовту съ титуломъ великаго князя въ 1392 г. При этомъ однако поляки и литовцы обязывались совѣщаться взаимно при выборѣ правителей, не начинать войны другъ безъ друга и собираться для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ. Тогда сдѣлалось ясно, какое важное значеніе имѣло объединеніе Литвы и Руси съ Польшею, потому что только общими силами имъ удалось уничтожить силы крестоносцевъ подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. и удерживать въ теченіи многихъ лѣтъ нѣмецкое *Drang nach Osten*.

Часто ссылаются на городельскій договоръ 1413 года, которымъ будто-бы вполнѣ обезпечивались русской шляхтѣ тѣ-же самыя права и привиллегіи, какими пользовалась польская шляхта; но объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ соотвѣтственные параграфы уніи 1413 года:

2) Литовскимъ католическимъ костеламъ сохраняемъ вольности польскихъ костеловъ.

3) Шляхта и бояре католическаго исповѣданія допускаются къ гербамъ польской шляхты, дѣлятъ съ нею ея привиллегіи и вольности.

---

[1]) Dlugosz, t. XI, str. 338; I. S. Bandke, str. 35, 37.

6) Дочерей своихъ обязаны отдавать замужъ только за католиковъ.

8) Каждый сановникъ или какой-бы то ни было земскій чиновникъ долженъ быть католикомъ; королевскія имѣнія могутъ раздаваться только однимъ католикамъ.

Права и привиллегіи, даваемыя литовцамъ, ставили необходимымъ условіемъ принадлежность къ католической религіи и устраняли русскихъ «схизматиковъ». Поэтому ссылаться на городельскую унію значитъ тоже, что предлагать русскимъ: здѣлайтесь католиками (поляками), инаго примиренія съ вами не можетъ быть.

Будучи самъ католикомъ, Витовтъ не преслѣдовалъ однако восточной церкви; онъ задумалъ создать отдѣльное государство изъ Литвы и Руси и стремился къ тому, чтобы получить его корону, но въ этомъ ему помѣшали поляки.

По смерти Витовта великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался Свидригайло, который симпатизировалъ православнымъ, но поляки, составивши противъ него заговоръ, посадили на его мѣсто Сигизмунда Кейстутовича, ревностнаго католика. Этотъ послѣдній, актомъ 15 октября 1432 г., признаетъ себя ленникомъ Ягайла, обезпечиваетъ послѣ свой смерти возвращеніе Литвы королю или его наслѣдникамъ и отрекается отъ своихъ правъ на Подоліе, Луцкъ, Владиміръ, Городло, Ратну, Олескъ и Лопатинъ, какъ принадлежащіе къ Польшѣ. Отсюда продолжительныя пререканія между Польшею и Литвою за Волынь и Подоліе. Легко понять сильную симпатію поляковъ къ литовской Руси—они льнули къ Руси, какъ пчелы къ меду.

Сигизмундъ былъ убитъ русскими за преслѣдованіе ихъ вѣры. Ягайло отбиралъ русскія церкви, которыя обращалъ въ костелы, какъ напримѣръ въ Перемышлѣ [1]); строилъ такъ-же на Руси новые костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и уряды, основывалъ на Руси города и села, которыя населялъ поляками, и давалъ имъ привилегіи. Тогда-то появилось на Руси такъ называемое магдебургское право, дававшее различныя льготы, вводившее самосудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе городскихъ купцевъ и ремесленниковъ на цехи; этимъ правомъ надѣлялись по преиму-

[1]) I. Długosz, lib., XI, pag. 334.

ществу новые города, заселенные католиками. Такимъ образомъ жители западной Руси распадались на привилегированныхъ и непривилегированныхъ—послѣдними были православные аборигены русскихъ земель.

Видя свои права попранными, русская шляхта собралась во Львовъ, куда прибылъ Ягайло, и просила его прекратить преслѣдованіе русской церкви и насильственное распространеніе католицизма. Передъ лицемъ русской шляхты король Ягайло обѣщалъ не опустошать церквей и никого насильственнымъ образомъ не привлекать къ латинской вѣрѣ [1]), но не смотря на это православные исключались отъ занятія должностей. Во время пребыванія Ягайла во Львовѣ паны малопольскіе получили обширныя пожалованія въ русской землѣ: такъ Ясько изъ Тарнова получилъ званіе намѣстника Руси вмѣстѣ съ огромными помѣстьями, Спытекъ изъ Мельштына самборскій округъ, Петръ Калита Дубѣцко, Тарло изъ Щекоржевичъ стрыйскій округъ и т. д.; князь мазовецкій получилъ белзскую землю, а Димитрій Горайскій холмскую [2]). Въ тоже время русскіе подъ всякими предлогами вытѣснялись изъ своихъ помѣстій, а имущество ихъ конфисковалось. Такъ напримѣръ всѣхъ русскихъ, не желавшихъ на свой счетъ помогать нѣмецкому императору противъ турокъ, Ягайло приказалъ заключить въ тюрьму и конфисковать ихъ имѣнія [3]). Тоже самое дѣлалось и позже подъ различными предлогами [4]). Много русской шляхты увели въ неволю татары въ 1438 и 1456 годахъ, но еще больше погибло въ войнахъ съ турками и татарами [5]).

Даже измѣны допускались по отношенію къ Руси. Такъ при Казимірѣ IV польская шляхта пригласила русскую на совѣщаніе въ Перемышль и тамъ арестовала русскихъ и причиняла имъ различныя насилія [6]). Не удивительно потому, что среди русской шляхты, часть которой погибла въ войнахъ, а другая обѣднѣла, нашлось значительное число людей слабо-характерныхъ, прини-

[1]) Moraczewski, ks. 9, str. 203.

[2]) Szujski, II, str. 12.

[3]) Kromer, ks. XX, r. 1426, str. 380. Długosz, ks. XI, str. 494

[4]) Długosz, ks. XI, rok. 1441.

[5]) Długocz, ks. XII, str. 706 i 213.

[6]) Kronika lit. Narbuta, Wilno, 1846, str. 57.

мавшихъ католичество для сохраненія жизни и имущества. Такимъ образомъ Червоная Русь колонизовалась польскою шляхтою.

Мы уже упоминали выше, что еще при Владиславѣ Опольскомъ созданы на Руси цѣлыхъ четыре епископства для католиковъ, которыхъ здѣсь почти не было; когда-же при Ягайлѣ упразднена русско-галицкая митрополія въ 1414 году, русскіе этой діоцезіи не получили ни одного епископа до 1539 г. За это время митрополитанскія имѣнія перешли въ руки свѣтскихъ лицъ, которымъ галицкіе старосты повѣряли такъ-же юрисдикцію надъ духовенствомъ греческаго обряда [1]). Мало по малу ополяченіе въ Червоной Руси охватило всѣ высшіе слои народонаселенія. Болѣе вліятельные и зажиточные люди шляхетскаго сословія перешли въ католичество и только почти исключительно простые селяне удерживали вѣру, языкъ и обычаи предковъ. Общинное русское право сохранялось въ теченіи столѣтій только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ простаго люда. Распространивши свою цивилизацію далеко вдоль Карпатъ до самаго Покутья, Польша хотѣла такъ-же поступить и съ литовскою Русью.

Щедрый Владиславъ Ягайловичъ, идя по слѣдамъ отца, раздавалъ выпрашивавшимъ у него польскимъ панамъ цѣлыя земли и повѣты русскіе съ титуломъ старостъ, воеводствъ и т. д.—Въ царствованіе этого короля возвратился съ флорентинскаго собора кіевскій православный митрополитъ Исидоръ, принявши тамъ унію. Поляки дѣлаютъ ему торжественный пріемъ въ надеждѣ, что теперь имъ удастся задуманное дѣло сліянія двухъ народовъ въ одинъ. Въ изданной имъ грамотѣ Владиславъ уравниваетъ оба исповѣданія въ правахъ и привилегіяхъ, потому что теперь, какъ онъ выражается, восточная церковь соединилась съ западною. Объединеніе церквей въ то время означало признаніе папы главою вселенской церкви, другаго значенія оно не имѣло; унія въ смыслѣ особаго, средняго католическаго исповѣданія еще не была извѣстна. Однако и въ такомъ видѣ унія не принялась на Руси.

Въ свою очередь Литва настойчиво усиливалась сохранить свою обособленность и своихъ собственныхъ отдѣльныхъ отъ Польши великихъ князей, которые обыкновенно избирались изъ сыновей

[1]) Acta terrestria haliciensia.

короля; наоборотъ поляки, желая соединить Литву съ Польшей, выбирали себѣ въ короли великихъ князей литовскихъ. Такимъ образомъ польскій король становился владыкою обоихъ государствъ, отъ чего все больше и больше нарушалось самоуправленіе Руси и русскій народъ терялъ политическое значеніе.

Въ правленіе Казиміра Ягайловича окончательно устроилась на Петроковскомъ сеймѣ 1446 г. репрезентація польскаго народа, т. е. собсвенно шляхты, которая одна только и признавала себя народомъ.

Католическіе епископы, высшая шляхта и министры образовали первую ступень общественной іерархіи, родъ высшей палаты или сенатъ. Депутаты отъ низшей шляхты представляли вторую ступень, низшую палату. О третьемъ сословіи не было и помину: городовъ было мало, да и тѣ были незначительны; мѣщанинъ въ Польшѣ оставался въ пренебреженіи, а крестьянинъ былъ безправнымъ.

Передъ началомъ сеймовъ собирались повѣтовые сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ и составляли для нихъ инструкціи, такъ что депутатъ уподоблялся мѣшку, который везетъ все, что въ него положено. Весело проводилось время на сеймикахъ: вельможные паны высылали сюда сотни возовъ съ живностью и напитками; «паны братья» ѣли и пили, танцовали при панской музыкѣ, но и дѣлали то, чего хотѣлось пану. Депутаты получали отъ пановъ содержаніе и подарки, за что обязывались вести переговоры и дѣйствовать въ ихъ пользу. Никого это не стѣсняло, хотя всѣ знали о томъ, что все было продажнымъ. Послѣ окончаніи главныхъ сеймовъ наступали реляційные сеймики, на которыхъ послы сдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

Что касается шляхты, то шляхетская конституція дѣлала каждаго пана королемъ въ миніатюрѣ. Знатные содержали на своихъ дворахъ многочисленные вооруженные отряды, какъ маленькіе короли, каждый изъ нихъ поступалъ какъ удѣльный князь; вообще паны на Украинѣ не признавали надъ собою никакого контроля; каждый панскій домъ, какъ напримѣръ князя Острожскаго, былъ государствомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ образовался рядъ монархій, изъ которыхъ одна съ королемъ во главѣ—раздавателемъ королевскихъ имѣній, называлась Рѣчью Посполитой, остальныя

принадлежали мелкимъ королямъ, которые также окружали себя вассалами, мелкою шляхтой. Сверхъ того каждый городъ, надѣленный магдебурскимъ правомъ, назывался городскою республикой, а козаки даже среди сословій, засѣдавшихъ на сеймѣ, назывались козацкой Рѣчью Посполитой.

Поэтому Рѣчь Посполитая польская не была ни королевствомъ, ни республикой, она была собраніемъ монархій и республикъ, существующихъ другъ подлѣ друга, при чемъ ни одна изъ нихъ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла другой. Такъ напримѣръ, когда въ 1596 г. уніятскіе епископы просили Сигизмунда III, чтобы никто не обращалъ уніятскихъ церквей въ латинскіе костелы, король нашелся вынужденнымъ отвѣтить: «мы запретимъ это въ королевскихъ имѣніяхъ, но не можемъ этого сдѣлать въ имѣніяхъ шляхетскихъ». Среди такихъ отношеній все болѣе и болѣе падало значеніе короля, падалъ угнетенный народъ, слабѣла оборона края, а сама Польша распалась на множество мелкихъ государствъ, которыя всего меньше заботились о цѣлости отечества.

Такъ развивалась при Ягеллонахъ польская конституція и съ теченіемъ времени достигла высшаго своего могущества. Преобладаніе шляхты не знало границъ; въ непрерывной борьбѣ съ королевскою властью шляхта мало по малу отняла у этой власти всѣ права и присвоила ихъ себѣ. Для шляхты была невыносима не только власть, происходившая отъ одной особы (короля), но въ равной мѣрѣ становилась она невыносимою и тогда, когда исходила отъ цѣлаго народа. Реляційные сеймики не разъ отвергали постановленія сеймовъ, а любой повѣтъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться закону, установленному по волѣ цѣлаго народа.

Великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, воспитанный въ Литвѣ, любилъ этотъ край и въ немъ проживалъ по большей части, поэтому онъ симпатизировалъ русскимъ подданнымъ, уважалъ права и обычаи Руси и пользовался такой популярностью, что даже новгородская республика склонялась къ связи съ Литвой. Случилось это главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Казиміръ дипломомъ, выданнымъ на виленскомъ сеймѣ 1447 года, уничтожилъ несправедливое постановленіе городельскаго съѣзда и призналъ равноправность обоихъ народовъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Тотъ-же Казиміръ Ягайловичъ, будучи великимъ княземъ литовскимъ, присягалъ литовцамъ, что не отдастъ полякамъ Волыни и Подолія и даже долгое время медлилъ съ принятіемъ польской короны; однако впослѣдствіи, уже какъ король польскій, онъ низводитъ кіевское удѣльное княжество на степень кіевскаго воеводства.

Слѣдствіемъ перемѣны въ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ и и Руси было то, что уже при Казимирѣ IV, правнукѣ Ольгерда, князья Трубецкіе и затѣмъ Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ и потомки Владиміра св. князья Одоевскіе и Воротынскіе, вмѣстѣ со своими удѣлами въ Сѣверской землѣ, добровольно переходятъ въ подданство Москвы. Исторія этого короля весьма поучительна: пока онъ былъ справедливымъ по отношенію къ Руси, до тѣхъ поръ самъ Великій Новгородъ склонялся къ Литвѣ, но съ наступленіемъ польскаго господства начинаютъ отпадать и русско-литовскія земли. Поляки однако не поняли этого урока и непріязненное отношеніе къ этому королю мотивировали тѣмъ предлогомъ, что онъ больше симпатизируетъ Литвѣ, нежели Польшѣ [1]).

Въ правленіе Казиміра IV произошла крупная перемѣна въ католической церкви: право назначенія епископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ переходитъ отъ папы къ королю. Съ того времени должности эти получали не тѣ, которые были болѣе достойны, а приближенные короля, или имѣвшіе покровителей при дворѣ. По словамъ нунція Висконти, въ Польшѣ встрѣчались епископы, не понимавшіе даже значенія слова епископъ. Такіе іерархи занимались свѣтскими дѣлами, предавались развлеченіямъ, содержали вооруженные отряды, съ которыми производили заѣзды на сосѣдей, а исполненіе духовныхъ обязанностей поручали за извѣстное вознагражденіе своимъ намѣстникамъ. Неудивительно поэтому, что подобные епископы оказались впослѣдствіи склонными къ реформаціи. Съ теченіемъ времени право патроната надъ приходами также переходитъ въ руки шляхты.

Послѣ того, какъ церковная унія не удалась при митрополитѣ Исидорѣ, католики возвратились къ прежнему плану распространенія своего исповѣданія въ Литвѣ и на Руси: они прямо начинаютъ принуждать православныхъ къ принятію католичества. Теперь снова,

---

[1]) Bandke, II, str. 75.

какъ и во времена Ягайла, русскихъ принуждаютъ вторично креститься по латинскому обряду, такъ что даже папа принужденъ былъ удерживать поляковъ, чтобы не прямо крестили въ католичество, а только постепенно склоняли православныхъ къ уніи. Въ этомъ и нужно искать причины, почему въ правленіе короля Александра города: Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, вмѣстѣ съ своими князьями, боярами и остальными жителями, отдѣлились отъ Великаго Княжества Литовскаго и подчинились Москвѣ.

V.

Лучшія времена наступаютъ для Польши въ царствованіе Сигизмунда I. Въ продолженіи всей своей жизни король этотъ не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, хотя сторонники папы сильно настаивали на томъ. Противнику Лютера, Эку, желавшему вооружить короля противъ лютеранъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: «Позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ». При раздачѣ наградъ и должностей король не смотрѣлъ на вѣроисповѣданіе, а только на заслуги. Однако отдачею троцкаго воеводства весьма заслуженному князю Константину Ивановичу Острожскому онъ такъ возстановилъ противъ себя польскую шляхту, что въ 1522 издана въ Гроднѣ конституція, въ силу которой такія званія могутъ даваться только литовцамъ, исповѣдывающимъ римско-католическую вѣру. Въ 1507 г. король Сигизмундъ I даетъ католическимъ епископамъ въ Червоной Руси право назначать себѣ намѣстниковъ изъ духовнаго или свѣтскаго званія, которые обязывались осматривать русскія синагоги (такъ названы русскія церкви), наказывать и исправлять священниковъ [1]).

Желая обезпечить спокойствіе со стороны татаръ на время войны съ Москвою, Сигизмундъ I платилъ ежегодно сыновьямъ Менгли-Гирея 15,000 дукатовъ; но когда и это не помогло, онъ заключилъ миръ съ султаномъ Солиманомъ II, который обязался

---

[1]) Liber privilegiorum capituli Leopoliensis, ч. I, № 4. p. 49. Metryka koronna, 23, str. 307.

удерживать татаръ отъ нападеній на Польшу. Въ видахъ болѣе успѣшнаго обезпеченія своихъ границъ, Сигизмундъ I обратилъ вниманіе на козаковъ, составлявшихъ живой оплотъ со стороны Крыма, потому что въ то время козаки еще не безпокоили Польши, не испытывая притѣсненій со стороны ея правительства.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что старый король дважды возвращалъ городскихъ пословъ, изгнанныхъ изъ сейма въ 1533 и 1545 годахъ... Паны признали за собою права сеніоріальнаго суда надъ крестьянами съ правомъ смертной казни; мы не находимъ этого въ законодательствѣ, но такъ происходило на дѣлѣ въ силу обычнаго права [1]). Король хотѣлъ защитить крестьянъ, но не могъ.

Духъ истинной вѣротерпимости и свободы совѣсти усилился въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. То было время реформаціи, когда иновѣрчество такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что въ сенатѣ, кромѣ католическихъ епископовъ, всѣ почти сенаторы за малымъ исключеніемъ были диссиденты. Такое положеніе дѣлъ не позволяло и думать о распространеніи католичества на Руси, нужно было заботиться о сохраненіи его въ Польшѣ. Реформація въ Польшѣ возникла изъ принциповъ охраны шляхетскихъ вольностей. Епископы побуждали короля къ изданію эдиктовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ; въ тоже время магнаты, объятые духомъ гражданской свободы, брали подъ свое покровительство исповѣдниковъ новаго ученія и даже нѣкоторые епископы открыто становились противъ римской церкви. Диссидентизмъ входитъ въ моду, становится доказательствомъ прогресса; каждый панъ желаетъ принадлежать къ какой нибудь сектѣ, но такъ какъ моды быстро смѣняются, то и не удивительно, что реформація въ Польшѣ такъже быстро упала, какъ и развилась. Духъ вѣротерпимости благопріятствовалъ соединенію двухъ народовъ, но требовалось еще много времени и продолжительная подготовка, чтобы слить эти два народа въ одно политическое тѣло.

Цѣлью слиянія Литвы съ Польшей было то, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и своимъ общеніемъ взаимно способствовать политическому значенію обоихъ госу-

---

[1]) Hist. T. Wagi, str. 138, 184.

дарствъ [1]). Морачевскій [2]) идетъ дальше, называя соединеніе Польши съ Литвою и Русью скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, направленнымъ противъ преобладанія ордена крестоносцевъ.

На основаніи федеративной связи каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, а именно: самостоятельную территорію, особые законодательные органы и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльную судебную и административную власть.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Литовскія и русскія земли были точно отграничены отъ земель польскаго королевства и, какъ мы уже видѣли, великіе князья литовскіе правили ими самостоятельно.

По смерти Витовта великимъ княземъ сдѣлался братъ его Сигизмундъ, а когда онъ былъ убитъ, на престолъ литовскій вступилъ братъ Владислава III, Казиміръ IV, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того польскимъ королемъ. Послѣ его смерти (1492 г.) Литва и Польша еще разъ получаютъ особыхъ государей; одинъ изъ сыновей Казиміра, Янъ-Альбрехтъ, былъ польскимъ королемъ, другой Александръ великимъ княземъ литовскимъ. Но со времени вступленія Александра на польскій престолъ Литва уже больше не получала отдѣльнаго князя, оба государства съ тѣхъ поръ имѣютъ постоянно только одного властителя.

Отдѣленная отъ Литвы и Руси прочными границами, благодаря усиліямъ литовско-русскихъ пановъ, Польша въ глазахъ литовско-русскаго народа была чужимъ краемъ; поляковъ считали людьми заграничными, чужеземцами, отъ чего они, на равнѣ съ другими иностранцами, не могли получать никакихъ государственныхъ должностей въ Литвѣ и Руси и не имѣли права владѣть здѣсь поземельной собственностью, какъ то было повторено еще на сеймѣ Брестскомъ въ 1544 г. Женщинъ высшаго сословія, выходившихъ замужъ въ Польшу, статутъ литовскій лишалъ права наслѣдства послѣ ихъ родственниковъ. Во время пріѣзда короля въ Литву или Русь, всѣ польскіе чиновники изъ его свиты должны были оставаться на границѣ; если-же вступали въ предѣлы Вели-

[1]) Vol. leg., t. I, pag. 60—288.

[2]) Dzieje królevstwa polskiego, II, 181.

каго Княжества, то считались иностранцами и гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ политическія дѣла [1]). Эти преграды упали только послѣ люблинской уніи. Отсюда видно, что, заключивши федеративную связь съ Польшей, Литва и Русь сохраняли свою политическую независимость, имѣли свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію.

Предвидя пагубныя послѣдствія болѣе тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, паны литовско-русскіе охраняли такое положеніе дѣлъ и старались противодѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 г. они просили Сигизмунда I короновать его сына литовскимъ королемъ единственно для того, чтобы поднять это княжество на степень королевства, въ той мысли, что королевство не можетъ слиться съ королевствомъ и между ними останется только федеративная связь. Однакожъ поляки были другаго мнѣнія. Какъ теперь говорятъ они: «нѣтъ Польши безъ Литвы и Руси», такъ и прежде думали и заботились о томъ, чтобы Литва и Русь когда-нибудь не отдѣлились, особенно при бездѣтности Сигизмунда-Августа. Съ нимъ прекратилась династія Ягелловъ, служившая политической связью между Литвою и Польшей; въ будущемъ угрожала опасность расторженія этой связи. Польско-католическая партія удвоила свои усилія, чтобы прочно соединить между собою эти два государства [2]). Однако эта партія встрѣтила большія препятствія со стороны литовскаго канцлера князя Николая Радзивила, ревностна́го протестанта. Не смотря на то поляки все болѣе и болѣе стремятся къ достиженію своей цѣли—привлеченію Руси къ Польшѣ съ помощью различныхъ уній политическихъ и церковныхъ.

Со времени объединенія Литвы съ Польшей при Ягайлѣ до люблинской уніи прошло около двухъ столѣтій. Въ теченіи этого времени поляки прилагали всѣ усилія, чтобы на сколько возможно упрочить связь между этими двумя землями и слить ихъ въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но усилія эти встрѣчали постоянную реакцію со стороны Литвы и Руси, опиравшуюся какъ на сознаніи племенной и политической обьособенности своего госу-

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 45, 405.

[2]) Ibidem, str. 433.

дарства, такъ и на различія въ характерѣ общественнаго строя, нравовъ, обычаевъ, религіи и языка. Нужно было сгладить эти различія и создать въ Литвѣ партію, для которой было-бы желательнымъ сліяніе съ Польшей.

Правда, сдѣлавшись польскимъ королемъ, великій князь литовскій могъ отречься отъ своего наслѣдственнаго права, своей неограниченной власти и отъ верховнаго права на всю поземельную собственность, что и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ II; но не легко было справиться съ магнатами. Эти послѣдніе смотрѣли на шляхетское равенство, какъ на принципъ, который долженъ былъ уничтожить ихъ вліяніе въ краѣ и поставить наравнѣ съ зависѣвшими отъ нихъ земянами и боярами; эти напротивъ видѣли въ уніи расширеніе своихъ правъ, законное уравниваніе въ правахъ съ высшими сановниками и удѣльными князьями и возможность снискать полную независимость, какъ въ отношеніи земельной собственности, такъ и общественнаго положенія, наконецъ надѣялись такимъ путемъ достигнуть значительнаго политическаго вліянія.

При такомъ несогласіи интересовъ литовскихъ пановъ съ одной стороны и бояръ и земянъ съ другой, поляки естественно обратили особенное вниманіе на послѣднихъ и старались подробно ознакомить ихъ съ правами и привилегіями польской шляхты, при каждомъ удобномъ случаѣ расширять ихъ права и помочь имъ сплотиться и создать сильную партію. Такой способъ дѣйствій приняли поляки, начиная отъ городельскаго съѣзда.

Такимъ образомъ и Ягайло, объявляя свое намѣреніе объединить Литву съ Польшей, говоритъ, что задумалъ снять съ литовскихъ бояръ то служебное иго, какое они носили до того времени, и уравнять въ правахъ съ польской шляхтой. На первый разъ онъ разрѣшаетъ боярамъ распоряжаться своими землями и отдавать замужъ дочерей безъ контроля великаго князя. Такимъ образомъ положенъ первый зародышъ литовской шляхты, которая должна была объединить разнородные слои литовскаго боярства.

И такъ, вслѣдствіе безпрестанной выдачи новыхъ шляхетскихъ дипломовъ, литовская шляхта все болѣе умножается и усиливается, среди нея распространяются польскія шляхетскія понятія, которыя поддерживаются то общими съѣздами, то присоединеніемъ къ Польшѣ

русскихъ земель и поселеніемъ въ нихъ поляковъ и сверхъ того измѣненіемъ литовскаго законодательства на польскій образецъ. Съ того времени Литовскій Статутъ причисляетъ князей, пановъ, шляхту и бояръ къ одному равноправному сословію, точно отдѣляя его отъ крестьянъ.

Между тѣмъ какъ распространялась пропаганда шляхетскаго равенства, представители высшихъ сословій въ Литвѣ заранѣе употребляли мѣры къ тому, чтобы не лишиться своего значенія. Они окружили великихъ князей «Радою», вынудили у Казимира IV обѣщаніе не допускать отторженія земель великаго княжества и не предпринимать ничего важнаго безъ согласія состоявшей при немъ «Рады». Князья Острожскіе, Чарторыйскіе, Глинскіе, Гаштолды, Радзивиллы, Ходкевичи, составляя «Раду», неослабно стоятъ на стражѣ великаго княжества, требуя для Литвы отдѣльнаго князя въ случаѣ избранія предшествующаго князя на польскій престолъ; они предлагаютъ отъ лица земель литовскаго княжества требованія о запрещеніи полякамъ селиться на принадлежащихъ княжеству земляхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ оказываютъ стойкое сопротивленіе введенію уніи.

Такимъ образомъ высшіе слои литовскаго народа ведутъ борьбу съ Польшей, однако борьба эта рано или поздно должна была окончиться въ пользу послѣдней. Хотя, вслѣдствіе шляхетскаго равенства, партія эта теряетъ свое преобладающее значеніе, за то съ другой стороны она много выигрываетъ, освобождаясь отъ ленной зависимости по отношенію къ великому князю и сверхъ того получая въ собственность огромныя пространства земель, которыми они до того времени владѣли на основаніи леннаго права. Далѣе, отказываясь отъ права составлять «Раду» великаго князя, партія эта входила въ составъ учрежденія, ограничивавшаго власть монарха, гдѣ получала уже голосъ законодательный вмѣсто совѣщательнаго. Наконецъ, легко было предвидѣть, что равенство для нея останется мертвой буквой, потому что огромныя пространства поземельной собственности и неизмѣримое преобладаніе въ имущественномъ отношеніи должны были дать магнатамъ перевѣсъ надъ массой шляхты; поэтому равенство осталось теперь, какъ и впослѣдствіи не болѣе, какъ пышной фразой.

Послѣ люблинской уніи не вполнѣ ослабѣло вліяніе и значеніе магнатовъ, напротивъ литовскіе княжескіе роды сдѣлались центрами, около которыхъ начинають группироваться знатнѣйшіе роды самой Польши. Толпы равноправной братіи поступали въ ряды слугъ къ богатымъ панамъ, продавая имъ свои голоса на сеймикахъ и сеймахъ, участвуя въ ихъ спорахъ и т. д.

Въ силу этихъ причинъ уменьшалась партія, враждебная уніи. Въ 1569 г. созданъ въ Люблинѣ большой сеймъ изъ представителей обоихъ народовъ. Неохотно однако шли на этотъ сеймъ представители Великаго Княжества Литовскаго, предчувствуя, что тамъ рѣшается дѣло уничтоженія ихъ политической и національной обособленности. Соединеніе Польши и Литвы подъ властью одного государя, какъ мы уже говорили, было федеративнымъ до того времени; поэтому Литва и Русь боролись противъ люблинской уніи, смотря на нее, какъ на централизацію.

Обѣ стороны предложили на сеймѣ свой проэктъ уніи. Поляки требовали полнаго сліянія Литвы съ Польшей въ одно государство, упраздненія выбора отдѣльнаго великаго князя, а также упраздненія отдѣльныхъ сеймовъ, администраціи, монеты и т. п. Правда, сохраненіемъ титула великаго княжества собственной Литвѣ оставлена была какъ-бы тѣнь политической независимости, но за эту мнимую уступку южныя области, т. е. Русь, должны были присоединиться къ Польшѣ.

Съ своей стороны литовцы проэктировали братскій союзъ съ Польшей, свободное избраніе государя для Польши и Литвы, которая, согласно ихъ требованіямъ, должна была удержать свои отдѣльные сеймы, монету, собственное правительство и законодательство, литовцы требовали также, чтобы русскія земли оставались въ составѣ великаго княжества.

Какъ результатъ такихъ противоположныхъ требованій возникають споры между обѣими сторонами, наконецъ литовцы съ протестомъ оставили общій сеймъ.

Чтобы сломить сопротивленіе Литвы, Сигизмундъ-Августъ отрекся отъ своихъ великокняжескихъ правъ надъ нею, а русскія области, до того времени соединенныя съ Литвой, какъ: Подляхія, Волынь, Подолье, княжество кіевское, черниговское и Украина отторгнуты отъ Литвы и вошли въ составъ Польши въ качествѣ

провинцій. Король грозилъ непокорнымъ отнятіемъ старостствъ, а поляки съ своей стороны угрожали, что не будутъ помогать Литвѣ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ; изъ Подляхіи и Волыни вызваны были урядники, которыхъ противъ воли принудили къ принесенію присяги [1]).

Унія провозглашена въ отсутствіе депутатовъ [2]), и тѣ, которые по принужденію короля соглашались на унію, отталкивали навязанное имъ благодѣяніе уравненія Литвы съ Короной и просили: «оставьте намъ наши права,—вы нашихъ не знаете, а мы вашихъ не понимаемъ и т. д.». Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, если-бы не вмѣшались два знатнѣйшіе и сильнѣйшіе магната Великаго Княжества Литовскаго или собственно Руси, князь Константинъ Острожскій, кіевскій воевода и главный дѣятель люблинской уніи и волынскій воевода, князь Александръ Чарторыйскій. Они подписали постановленія люблинскаго сейма; за ними подписались ихъ сторонники, а затѣмъ постепенно и всѣ остальные.

Итакъ въ 1569 году преграда, охранявшая Русь отъ ополяченія, была разрушена руками покровителя православія, князя Острожскаго; съ того времени не только Червоная, но и вся остальная Русь подверглась быстрой полонизаціи. Для поляковъ особенно важными были тѣ постановленія уніи, которыя дозволяли имъ пріобрѣтать на Руси земли и занимать государственныя должности.

Такъ закончилось соединеніе Литвы и Руси съ Польшей въ республику на равныхъ правахъ, съ однимъ общимъ сеймомъ и сенатомъ, отчего федеративный характеръ связи между этими государствами замѣнился централизаціоннымъ. Правда, обѣ части сохранили свои правительственные органы: канцлера, подканцлера, маршалковъ, гетмановъ и т. д., однако населеніе Руси требовало для себя такихъ же точно привилегій, какими пользовались поляки, и главными условіями ставило русскій языкъ въ общественныхъ дѣлахъ, свободу православнаго вѣроисповѣданія и полную равноправность. Соединеніе въ смыслѣ централизаціи должно было имѣть пагубныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ сильныя, но въ главныхъ своихъ признакахъ совершенно противоположныя между

[1]) Działyński, Dziennik lubelskiego sejmu, pag. 69, 71, 82, 128.
[2]) Józ. Szujski, Dz. P. II, pag. 320.

собою народности, различавшіяся формами управленія, языкомъ и вѣрой, принуждены находиться въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, парализовавшихъ возможное развитіе государства. Съ этого времени ни Русь, ни Польша не знали покоя,—обѣ истощали свои силы во внутренней національной борьбѣ. Достаточно вспомнить, что 20 лѣтъ спустя послѣ люблинской уніи начинаются козацкія возстанія, прекратившіяся только съ паденіемъ Польши.

Каждая централизація есть первый шагъ къ нивелировкѣ обществъ, игнорированіе ихъ историческихъ особенностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная степень централизаціи военной, финансовой и т. д. необходима для могущества государствъ, но стираніе племенныхъ и областныхъ особенностей подрываетъ его силу, потому что калѣчитъ и связываетъ тѣ народы, которые должны ее двигать и выносить на своихъ плечахъ.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сигизмунда Августа. Онъ желалъ еще ближе соединить два народа, уже сближенные между собою посредствомъ люблинской уніи; но, прослѣдивъ безпристрастно это дѣло, мы видимъ, что вызывалось оно только антагонизмомъ, проявлявшимся до конца Рѣчи Посполитой, въ особенности потому, что поляки не выполнили условій люблинской уніи. Правда, сцентрализованныя Литва и Русь облечены были въ мундиръ все болѣе и болѣе сходный съ польскимъ, однако это не сохранило Польшу отъ упадка, а напротивъ ускорило и произвело этотъ упадокъ. И хотя король утверждалъ въ своихъ декретахъ, что объединеніе произошло по твердой волѣ и добровольному согласію всѣхъ сословій [1]), однако словамъ этимъ противорѣчатъ позднѣйшія королевскія распоряженія. Такъ по закрытіи люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ; въ прибавленіи къ разосланному королевскому универсалу, которымъ предписывалась форма присяги, значится: «А если кто воспротивится выполненію присяги, у того, какъ сопротивляющагося нашей власти, будемъ конфисковать имѣніе».

Приказано было королевскимъ старостамъ составлять списки всѣхъ присягнувшихъ и тѣхъ, кто отказывался отъ присяги, чтобы король могъ подвергать наказанію непослушныхъ. Однако изъ спис-

---

[1]) Vol. leg. II, pag. 754.

ковъ этихъ видно, что очень много лицъ, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ, не смотря на угрозы короля, не явились для принесенія присяги.

Нужно замѣтить однако, что люблинская унія относилась только къ шляхтѣ, народъ собственно не имѣлъ въ ней голоса и не принималъ участія.

Польша и ея элементы только послѣ люблинской уніи столкнулись съ народомъ, который поэтому тогда только въ лицѣ своихъ представителей съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ протестовать противъ этой уніи.

Федеративная связь Литвы и Руси съ Польшей была достаточна для политическихъ цѣлей общей обороны и для могущества обоихъ государствъ и если поляки стремились къ централизаціи обѣихъ земель, то руководились главнымъ образомъ интересомъ; ихъ привлекали неизмѣримыя пространства Руси и надежда овладѣть огромными имѣніями. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ неразборчивости въ средствахъ.

Гальшка (Елизавета) Острожская, единственная дочь Иліи Острожскаго, оставшаяся подъ опекой своей матери Беаты и дяди Константина Василія, была наслѣдницей огромнаго имѣнія и обширныхъ земель на Волыни и въ Подоліи, принадлежавшихъ въ то время къ Литвѣ, а не къ Польшѣ. Много конкуррентовъ добивались руки Гальшки; больше другихъ старался князь Дмитрій Сангушко, но мать и дочь отказали ему. Тогда опекунъ, князь Константинъ Василій, предпочитавшій Сангушка для того, чтобы русскія помѣстья не переходили въ руки поляковъ, заѣхалъ со своимъ женихомъ въ острожскій замокъ и, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повелъ племянницу къ вѣнцу. Беата ѣздила въ Краковъ, требуя правосудія у короля, но Сангушко съ женой удалился въ Чехію, гдѣ и скрывался. Калишскій воевода Мартинъ Зборовскій, сильно заинтересованный въ расторженіи этого брака, съ цѣлью женить на Гальшкѣ своего сына Петра, настигъ Сангушка въ Чехіи и убилъ его.

Когда Гальшка, по смерти мужа, возвратилась на родину, начались новыя соискательства ея руки и отсюда новыя смуты. Первѣйшіе литовско-русскіе магнаты желали, чтобы она изъ числа ихъ родственниковъ выбрала себѣ мужа; того-же самаго желали какъ

мать, такъ и дочь и дали слово князю Семену Олельковичу Слуцкому; напротивъ польскіе паны хотѣли, чтобы молодая княгиня отдала свою руку поляку. Паны польскіе, владѣвшіе ничтожными помѣстьями сравнительно съ литовскими магнатами, издавна старались породниться съ послѣдними, чтобы наслѣдовать имѣнія и земли въ Литвѣ и Руси, такъ какъ зачастую имѣнія эти были обширнѣе цѣлыхъ повѣтовъ въ Польшѣ.

Беата симпатизировала Петру Зборовскому, но одинъ изъ конкуррентовъ, воевода брестско-куявскій, Лука Гурка, противъ котораго были и мать, и дочь, и опекунъ, обратился за помощью къ королю. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Константина Василія Острожскаго отъ опекунства, въ видѣ исключенія отмѣнилъ предписаніе литовскаго статута, по которому женщины, выходившія замужъ въ Польшу, лишались права наслѣдства послѣ своихъ родственниковъ, и приказалъ, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повѣнчать Гальшку съ Лукою Гуркою. Опасаясь насилія, Беата вмѣстѣ съ дочерью держалась при особѣ королевы Боны, а по отъѣздѣ послѣдней въ Неаполь, онѣ удалились во Львовъ и здѣсь заперлись въ доминиканскомъ монастырѣ, занявъ его своимъ гарнизономъ. Гурка снова обращается къ королю, который приказываетъ львовскому старостѣ взять Гальшку силою и отдать Гуркѣ. Дѣло дошло до формальной осады монастыря.

Не смотря на то, князь Семенъ Слуцкій, переодѣвшись нищимъ, пробрался въ монастырь и перевѣнчался съ княгиней. Однако на это не обратили вниманія.

Староста отрѣзалъ водопроводныя трубы и овладѣлъ монастыремъ. Гальшка выдерживала осаду въ высокомъ замкѣ, пока не вышло рѣшеніе короля—отдать ее Гуркѣ, что было исполнено насильственнымъ образомъ: староста отослалъ княгиню къ Гуркѣ, который поселилъ ее въ своемъ замкѣ въ Шаметулахъ. Не смотря на то, Гальшка и здѣсь оставалась вѣрною своему убѣжденію, что она жена одного князя Семена; въ то-же время ея мать употребляла всѣ усилія, чтобы освободить свою дочь изъ рукъ Гурки. Она предлагала 100,000 злотыхъ, но Гурка не соглашался отпустить Гальшку, хотя она была враждебно противъ него настроена; онъ пытался всѣми мѣрами привлечь ее къ себѣ, но Гальшка оставалась непреклонной даже по смерти князя Семена Олельковича. Наконецъ и сама Гальшка умерла

отъ помѣшательства, а Гурка не достигъ цѣли, такъ какъ ея имѣнія перешли въ руки Константина Острожскаго.

Такова вкратцѣ исторія Галшки Острожской, открывающая намъ много характеристическихъ чертъ изъ внутреннихъ отношеній того времени. Исторія несчастной княгини является какъ-бы образомъ люблинской уніи въ миніатюрѣ: какъ польскіе женихи старались получить руку Галшки ради ея имѣній, такъ точно и поляки сватали Русь ради ея богатства.

Въ административномъ отношеніи, послѣ присоединенія къ Польшѣ, Литовская Русь была раздѣлена на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Мстиславское, Минское, Новогродское, Подляшское, Брестско-Литовское, Кіевское, Волынское, Белзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно-же Литовская земля обнимала воеводства: Виленское, Троцкое, Ливонское и княжество Жмудское.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ

МИХАЙЛО МОВЧАНЪ и ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА.

Каждое общество обладаетъ несомнѣнно стремленіемъ къ саморазвитію и естественною наклонностію къ умственной дѣятельности, но для того, чтобы эта наклонность могла успѣшно найти примѣненіе, необходимо, чтобы данное общество могло пользоваться извѣстными условіями быта, при которыхъ только возможно развитіе его умственныхъ силъ. Такими условіями мы должны признать: внѣшнее спокойствіе, обезпеченность матеріальную и возможность развитія путемъ свойственнымъ характеру даннаго народа. Конечно, среди военной тревоги всеобщее вниманіе занято исключительно заботою о сохраненіи личной и коллективной безопасности, и не остается времени для труда интеллектуальнаго. При отсутствіи матеріальнаго обезпеченія повседневная забота о средствахъ существованія отвлекаетъ всѣ силы на борьбу за эти средства, и народъ не имѣетъ досуга для самообразованія; если немногочисленныя зажиточныя группы и пользуются необходимымъ досугомъ, то онѣ не въ состояніи замѣнить въ дѣлѣ народнаго развитія коллективнаго труда всей народной массы. Если онѣ и не погрязнутъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ эпикуреизмѣ, если даже обратятся къ литературной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ онѣ не будутъ выразителями прогрессивнаго развитія всего народа, онѣ создадутъ литературу кружковую, необходимо проникнутую узкими сословными взглядами и интересами, недоступную и непонятную, а слѣдовательно и безполезную для развитія всего народа.—Наконецъ только развитіе, исходящее изъ своеобразныхъ народныхъ на-

чалъ, можетъ сдѣлаться вполнѣ доступнымъ для всей народной массы, не заставляетъ людей культурныхъ выдѣляться изъ народной среды и становиться ей чуждыми, даетъ полное развитіе всѣмъ сторонамъ народнаго духа и ускоряетъ это развитіе, ведя его по пути, предначертанному самою природою. Конечно, лучшимъ примѣромъ для провѣрки сказаннаго можетъ служить продолжительный застой въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ, случившійся въ теченіе среднихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ рыцарское сословіе занято было безконечными войнами, крестьяне вели тяжелую борьбу съ нищетою и голодомъ—одни монахи пользовались достаточною безопасностью и досугомъ, необходимымъ для умственнаго развитія; но культура въ монастыряхъ развивалась на чуждой для народовъ западной Европы латинской почвѣ и потому оказалась почти безслѣдною въ исторіи развитія народныхъ массъ.

Если примѣнимъ все сказанное къ исторіи развитія южной Руси, то несомнѣнно лучшія условія для культуры мы встрѣтимъ въ теченіе XVIII столѣтія въ той половинѣ края, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Вѣковая безпрерывная борьба съ Польшею была кончена въ смыслѣ благопріятномъ для народныхъ интересовъ; покровительство Россіи обезпечивало внѣшнюю безопасность и дозволило наконецъ народонаселенію позаботиться о внутреннемъ устройствѣ своего быта. Обезпеченность имущественная достигла значительныхъ размѣровъ и, выражаясь владѣніемъ поземельной собственности, была распредѣлена болѣе равномѣрно и на большее количество лицъ, чѣмъ когда-либо; наконецъ начала умственной жизни, положенныя въ предъидущемъ столѣтіи трудами ученыхъ кіевской академіи, открывали путь для народнаго развитія въ направленіи чисто національномъ, обнимавшемъ всѣ потребности и интересы народа на присущей ему степени развитія; лица всѣхъ сословій могли свободно стремиться къ образованію, переходя безпрепятственно изъ народныхъ церковныхъ школъ на скамьи кіевской академіи, коллегіумовъ черниговскаго, харьковскаго и т. п. Оживленіе умственной жизни въ самомъ обществѣ выразилось въ попыткахъ зарождавшейся литературы и въ томъ живомъ интересѣ, какой возбуждало печатное слово. Не говоря о многочисленныхъ сочиненіяхъ богословскаго содержанія, о мистеріяхъ, панегирикахъ, виршахъ и т. д., историческая литература дѣлается любимымъ за-

нятіемъ многихъ грамотныхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, то составленныхъ самостоятельно, то компилированныхъ и все болѣе и болѣе стремившихся перейти отъ формы лѣтописи къ формѣ прагматической исторіи. Лѣтописи впрочемъ составляютъ не единственный отдѣлъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія въ Малороссіи; люди, получившіе болѣе полное образованіе (какъ Марковичъ, Ханенко), оставляли мемуары, исполненные весьма живаго интереса, въ которыхъ сохранили весьма цѣнный матеріалъ для обрисовки внутренняго быта своей родины, другія лица заводили *«записныя книги»*, въ которыя вносили все то, что интерессовало ихъ владѣльцевъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Всевозможныя замѣтки, попадавшія въ записную книгу, не смотря на свой отрывочный, повидимому безсвязный характеръ, обрисовываютъ вполнѣ цѣльно внутренній бытъ общества, среди котораго жилъ ихъ составитель, и даютъ картину, правда менѣе полную, но за то и менѣе субъективную, чѣмъ записки мемуариста.

Одну изъ такихъ записныхъ книгъ, принадлежавшую асаулу полковому прилуцкому, Михаилу Федоровичу Мовчану, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою. Книга эта сохранилась у потомковъ составителя, и мы получили ее отъ землевладѣльца полтавской губерніи Аркадія Федоровича Мазараки, которому долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность за просвѣщенное и обязательное сообщеніе намъ этого цѣннаго историческаго матеріала.

Записная книга Михаила Мовчана представляетъ томъ in folio въ кожанномъ старинномъ переплетѣ; она содержитъ 164 полулиста сѣрой, желтоватой бумаги; но далеко не всѣ листы ея заняты письмомъ; записанные листы, числомъ 66, разбросаны на протяженіи всей книги и отдѣлены другъ отъ друга значительными промежутками, состоящими изъ бѣлыхъ листовъ; очевидно, что записи вносились въ книгу безъ всякаго порядка, тамъ, гдѣ книга открывалась въ данный моментъ; хронологическій порядокъ записей также не соблюдался: позднѣйшія статьи часто встрѣчаются въ началѣ книги, болѣе-же раннія въ концѣ ея. Книга писана нѣсколькими почерками: два изъ нихъ, очень четкіе и красивые скорописные почерки XVII вѣка, встрѣчаются въ большинствѣ записей, внесен-

ныхъ въ книгу при жизни Михаила Мовчана, два другіе—скорописные почерки второй половины XVIII столѣтія, менѣе красивы, они встрѣчаются въ тѣхъ записяхъ, которыя были внесены при внукѣ Мовчана—Андреѣ Мазараки, къ которому книга перешла по наслѣдству.

Поводъ, по которому книга заведена была Михайломъ Мовчаномъ, а также время ея возникновенія явствуютъ изъ первой записи, помѣщенной на 6 листѣ книги; запись эта гласитъ: «Року 1727 іюня 27 дня. Для всякихъ случаевъ, за помощію Божіею, казалемъ въ сію книгу вписать, сколко имѣетъся въ мене, асаулы полкового прилуцкого, Михайла Мовчана, купчихъ на грунта». Дѣйствительно Мовчанъ приказалъ запести (самъ онъ былъ неграмотенъ, какъ это видно изъ одного документа) въ книгу копіи всѣхъ имѣвшихся у него имущественныхъ документовъ и продолжалъ вносить ихъ въ послѣдствіи въ теченіе 16 лѣтъ до своей смерти (1742 г.); но, не ограничиваясь этимъ первоначальнымъ назначеніемъ книги, онъ заносилъ въ нее копіи всѣхъ тѣхъ документовъ и сочиненій, которые представляли для него какой-бы-то ни было личный или общественный интересъ. Вообще всѣхъ статей записано было по указанію Мовчана 86; онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ по содержанію: 64 купчихъ крѣпости или извлеченій изъ нихъ, 11 другихъ имущественныхъ документовъ: жалованныхъ грамотъ на ранговыя и наградныя земли, мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, судебныхъ приговоровъ, перечней движимаго имущества и т. п.; 2) два документа: универсалъ гетмана Самойловича, данный отцу Михайла Федору на званіе прилуцкаго полковника (1678) и копія челобитной, поданной Аннѣ Іоанновнѣ въ 1739 году; 3) наконецъ въ книгѣ Мовчана мы находимъ 9 лѣтописныхъ отрывковъ и замѣтокъ. Отрывки эти частью списаны изъ лѣтописей, ходившихъ въ то время по рукамъ среди козацкаго общества, частью продиктованы самимъ Мовчаномъ по его воспоминаніямъ. Изъ числа 9 отрывковъ 4 оказываются списанными дословно изъ лѣтописи Самовидца; они содержатъ разсказы о событіяхъ, сдѣлавшихъ особенно глубокое впечатлѣніе на малороссійское общество; это эпизоды: о возстаніи Хмельницкаго (1648), о кончинѣ Брюховецкаго (1668), о взятіи турками Чигрина (1678) и о паденіи Самойловича (1687); затѣмъ два отрывка за 1664 и 1664—

1678 списаны изъ какой-то краткой, не дошедшей до насъ козацкой лѣтописи и, наконецъ, три послѣдніе отрывка написаны правдоподобно изъ словъ самаго Мовчана; они представляютъ, повидимому, его личныя воспоминанія о походѣ подъ Вѣну 1683 года и краткія замѣтки о позднѣйшихъ событіяхъ.

На основаніи документовъ и замѣтокъ, внесенныхъ въ записную книгу, мы можемъ возстановить біографію Михаила Мовчана, личности весьма типической и тѣмъ болѣе интересной для характеристики современнаго ему общества, что онъ занималъ второстепенное положеніе въ ряду козацкой старшины, не достигъ сколько нибудь видной общественной роли, и потому біографія его представляетъ намъ типъ заурядный, гораздо болѣе характеризующій бытъ знатнаго козачества первой половины XVIII ст., чѣмъ біографіи лицъ, выдававшихся особенными личными дарованіями или развитіемъ и составлявшихъ вслѣдствіе того болѣе исключительныя явленія въ своей средѣ.

Родъ Мовчановъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря ловкости отца Михаила—Федора Мовчана; послѣдній началъ свою военную карьеру на службѣ у гетмана Дорошенка. Гетманъ этотъ, старавшійся провести съ замѣчательною стойкостью свои политическіе планы, долженъ былъ бороться съ препятствіями, далеко превосходившими его силы. Не находя нужной поддержки въ городовомъ козачествѣ правобережной Украины, предпочитавшемъ эмигрировать на лѣвый берегъ Днѣпра или примыкать къ различнымъ честолюбцамъ, претендовавшимъ на гетманскую булаву, чѣмъ поддерживать патріотическія усилія своего гетмана, Дорошенко попытался замѣнить въ значительной мѣрѣ земскія козацкія ополченія наемными козацкими полками, носившими названіе «охочекомонныхъ» и «серденятъ». Тѣ и другіе, принимая службу у гетмана за жалованье и содержаніе, вполнѣ отъ него зависѣли, повиновались назначеннымъ по его выбору старшинамъ и, конечно, не пользовались правомъ ни составлять рады для обсужденія общественныхъ дѣлъ, ни контролировать политическіе планы и дѣйствія гетмана.

Мы встрѣчаемъ въ 1675 году Федора Мовчана въ должности полковника одного изъ такихъ «серденятскихъ» полковъ Дорошенка.

Но предусмотрительный полковникъ замѣтилъ, что дѣла довѣрившаго ему начальство гетмана принимаютъ весьма невыгодный оборотъ, и сталъ заблаговременно помышлять о себѣ. Весною 1675 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Днѣпра и не смотря на ропотъ своихъ «серденятъ», подчинился Самойловичу и поступилъ къ нему на службу. Самойловичъ выпросилъ для Мовчана и его полчанъ царское жалованье [1]) и сталъ опираться на его примѣръ для того, чтобы склонить къ переходу на свою сторону другіе «серденятскіе» полки Дорошенка. Отправляя болѣе или менѣе крупные отряды противъ Дорошенка, Самойловичъ постоянно присоединяетъ къ нимъ полкъ Мовчана и разсчитываетъ на то, что товарищескія связи этого полковника побудятъ и другихъ «серденятскихъ» начальниковъ послѣдовать его примѣру. Такъ въ мартѣ 1676 года Самойловичъ писалъ въ универсалѣ, посланномъ къ наемнымъ полкамъ Дорошенка: «Можете сами слышати, что господинъ Мовчанъ съ своими товарищи и иные компанеи—пѣхотные полки не безъ хлѣба и достойнаго призрѣнія при насъ живутъ; съ которыми и вы, безъ всякаго перечѣнія и поруганія, отъ кого ни есть, равныя милости и призрѣнія отъ насъ, яко единого войска запорожского матери дѣти, узнавати будете—нашимъ словомъ обнадеживаемъ» [2]).

Послѣ сдачи Дорошенка, Самойловичъ рѣшился наградить важныя услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ Мовчаномъ и возвелъ его въ должность прилуцкаго полковника, отъ которой побудилъ отказаться бывшаго полковника Ивана Маценка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Брюховецкаго, замѣняли путемъ назначенія полковниковъ, устраняя существовавшее до того времени выборное начало при занятіи этой должности. Каждый новый гетманъ старался смѣнить по возможности большее количество полковниковъ, бывшихъ при его предшественникѣ и замѣстить ихъ людьми, на преданность которыхъ онъ могъ болѣе полагаться.

Такъ въ прилуцкомъ полку Брюховецкій «великимъ шалоумствомъ» заставилъ отказаться отъ должности полковника Лазаря Гор-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 2, 16.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 210, 589, 589.

ленка, который «по нуждѣ не для чего иного, только отъ налогу гетмана и злого къ нему намѣренія» выѣхалъ изъ Прилукъ [1]); вмѣсто него Брюховецкій назначилъ полковникомъ Ивана Кошевого, одного изъ запорожцевъ, содѣйствовавшихъ его возведенію въ гетманство и составлявшихъ его ближайшую опору. Послѣ паденія Брюховецкаго, Иванъ Кошевой заявилъ полную готовность подчиниться Многогрѣшному; онъ перебилъ отрядъ татаръ, союзниковъ Дорошенка, и пріѣхавъ къ Многогрѣшному, «со всѣмъ полкомъ добилъ челомъ въ винахъ своихъ царскому величеству» [2]). Тѣмъ не менѣе новый гетманъ смѣнилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что на него поступили жалобы «за налоги» отъ полковой старшины, и на его мѣсто назначилъ прилуцкимъ полковникомъ мѣстнаго полковаго асаула Ивана Маценка, принадлежавшаго къ числу лицъ недовольныхъ Брюховецкимъ [1]). Преемникъ Многогрѣшнаго Самойловичъ послѣдовалъ примѣру предшественниковъ и, смѣстивъ Маценка, назначилъ на его мѣсто Федора Мовчана.

Изъ универсала, сохранившагося въ записной книгѣ, которымъ гетманъ извѣщалъ жителей прилуцкаго полка объ этомъ распоряженіи, мы видимъ тѣ пріемы, которыми пользовались гетманы при замѣщеніи по своей волѣ полковничьихъ должностей; они старались для виду сохранить хотя формальное уваженіе къ выборному началу. Въ гетманскомъ универсалѣ къ прилуцкому полку отъ 13 апрѣля 1678 года сказано: «Поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ прилуцкій, доброволне извенялся своего старшинства, и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволенемъ нашимъ, зголливыми голосами своими на той полковницкій урадъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, пана Мовчана, знаючи быти у войску запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способного мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ» [3]).

Впрочемъ Федоръ Мовчанъ пользовался не долго полученною должностію: въ томъ-же 1678 году онъ въ качествѣ прилуцкаго

---

[1]) Таже, томъ VIII, стр. 182.

[2]) Таже, томъ VII, стр. 109 и томъ VIII, стр. 61.

[3]) Записная книга, листъ 95 на оборотѣ.

полковника принималъ участіе въ походѣ Самойловича противъ турокъ подъ Чигиринъ, за что и получилъ похвальную грамоту [1]), а въ слѣдующемъ году былъ уже отставленъ по неизвѣстной намъ причинѣ отъ должности и поселился въ Прилукахъ въ качествѣ частнаго обывателя. Кратковременное исполненіе полковничьяго уряда не дало возможности Федору Мовчану разбогатѣть и пріобрѣсти значительную поземельную собственность; единственное владѣніе, доставшееся Федору Мовчану по наслѣдству отъ отца, это небольшая нивка у города Прилукъ, стоимостью въ 7 копъ грошей литовскихъ [2]).

Въ годъ отставки Федора Мовчана единственный его сынъ Михайло началъ службу въ козацкомъ войскѣ; вмѣстѣ съ прилуцкимъ полкомъ, подъ начальствомъ новаго полковника Дмитрія Чернявскаго онъ ходилъ въ походъ къ Кіеву, гдѣ многочисленныя русскія и козацкія войска были сосредоточены для защиты города отъ ожидавшагося турецкаго нашествія и занимались устройствомъ новыхъ укрѣпленій вокругъ города и печерскаго монастыря [2]). Но отставка отца и скудныя средства семейства Мовчана не предвѣщали Михайлу быстрой и блестящей карьеры въ козацкомъ войскѣ, потому онъ рѣшился искать счастія въ иноземной службѣ: въ 1683 г. польскій король Іоаннъ Собѣсскій, собираясь въ походъ подъ Вѣну противъ турокъ, отправилъ агентовъ въ Малороссію съ порученіемъ вербовать козаковъ въ королевскую службу; не смотря на строгій запретъ Самойловича, многочисленные охотники отправились въ королевскій лагерь; въ числѣ ихъ находился и Михайло Мовчанъ. Послѣ окончанія вѣнскаго похода онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ польской службѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ польскихъ региментарей противъ турокъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палію, устраивавшему, вопреки желанію польскаго правительства, на службѣ котораго онъ числился, на правой сторонѣ Днѣпра новыя козацкія поселенія. Съ Паліемъ Мовчанъ вѣроятно знакомъ былъ еще во время вѣнскаго похода, въ которомъ этотъ полковникъ принималъ участіе въ качествѣ начальника одного изъ козацкихъ отрядовъ;

---

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 733.

[2]) Записная книга, листъ 6.

примкнувши къ Палію, Мовчанъ сопровождалъ его въ многочисленныхъ его военныхъ походахъ и на татаръ подъ Перекопъ и Очаковъ, и на поляковъ подъ Баръ, Наволочь и т. д.[1]). Наконецъ послѣ 1690 года Мовчанъ переѣхалъ въ Запорожье, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи въ рядахъ «низоваго товариства».

Только въ 1696 году, послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія, Михайло Мовчанъ возвратился на родину въ Прилуки. Отецъ его умеръ во время отсутствія сына, а мать, оставшись въ безпомощномъ состояніи, продала нивку сосѣдямъ; молодой Мовчанъ выкупилъ обратно наслѣдственный участокъ поля и поступилъ вновь на службу въ ряды козаковъ прилуцкаго полка въ званіи войсковаго товарища[2]). Вмѣстѣ съ полкомъ онъ ходилъ въ многочисленные походы во время великой сѣверной войны, находился въ козацкихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Ливоніи, Бѣлой Руси, и принималъ участіе въ 10 сраженіяхъ[3]). Въ 1708 году, во время измѣны Мазепы, Мовчанъ находился «при боку» стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго и вмѣстѣ съ нимъ остался вѣрнымъ русскому правительству.

Послѣ возведенія Скоропадскаго въ гетманское достоинство, Мовчанъ получилъ награду за вѣрную службу: уже въ концѣ 1708 года гетманъ издалъ универсалъ, которымъ предоставилъ въ его пользованіе войсковую мельницу въ селѣ Городнѣ, иваницкой сотни, прилуцкаго полка, конфискованную у сторонника Мазепы, Григорія Компанѣйца[4]), а годъ или два спустя Мовчану была предоставлена должность полковаго прилуцкаго асаула; чинъ этотъ онъ носитъ уже въ началѣ 1711 года, а въ сентябрѣ того-же года гетманъ отдалъ въ его пользованіе ранговое имѣніе село Талалаевку, назначенное на содержаніе прилуцкихъ полковыхъ асауловъ[5]). Должность эту Михаилъ Мовчанъ занималъ въ теченіи 30 лѣтъ; въ качествѣ асаула онъ сопровождалъ свой полкъ въ походахъ: персидскомъ (1723), польскомъ (1734) и крымскомъ (1736—1738), а также нѣсколько разъ ходилъ «на линію». Но большую часть времени

---

[1]) Тамъ-же, листъ 157.

[2]) Тамъ же, листъ 6.

[3]) Тамъ-же, листъ 157.

[4]) Тамъ-же, листъ 20.

[5]) Тамъ-же, листъ 7 и 66 на оборотѣ.

полковой асаулъ провелъ дома; здѣсь, повидимому избѣгая дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ рѣдко появлялся въ гетманской резиденціи и проживалъ большую часть времени въ ранговомъ своемъ имѣніи—Талалаевкѣ; онъ очень энергически занялся увеличеніемъ своего состоянія и сталъ скупать по мелочамъ земли у козаковъ, крестьянъ и духовныхъ лицъ. Изъ многочисленныхъ копій купчихъ крѣпостей, замѣтокъ и перечней, внесенныхъ въ записную книгу, мы имѣемъ свидѣтельства о 77 клочкахъ, пріобрѣтенныхъ разновременно Мовчаномъ; онъ скупалъ поземельную собственность во всевозможныхъ ея видахъ: нивки (41), сады и огороды (5), хаты (9), лѣса и гаи (17) и наконецъ «млынки, ставища и гребли» (5); многія изъ этихъ пріобрѣтеній представляли вѣроятно мельчайшія единицы землевладѣнія, судя по ничтожнымъ суммамъ, за которыя они были куплены. Продажные акты совершались иногда въ видѣ купчихъ крѣпостей, заключенныхъ въ «мѣстскомъ» прилуцкомъ урядѣ, или въ присутствіи сельскаго атамана, болѣе-же мелкія покупки вѣроятно основаны были лишь на словесномъ договорѣ и вносились въ записную книгу въ видѣ короткихъ замѣтокъ или перечней для свѣдѣнія владѣльца. Пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, за исключеніемъ 3 статей, купленныхъ близъ города Прилукъ, и 8 угодій, лежавшихъ въ чертѣ земель селъ: Блотницы, Краснянъ и Будъ, сосредоточены были въ Талалаевкѣ, которою Мовчанъ пользовался въ качествѣ рангового имѣнія; здѣсь онъ скупилъ у козаковъ и посполитыхъ болѣе 60 участковъ и, округливъ такимъ образомъ свое личное землевладѣніе, закрѣпилъ свое право на него документомъ, въ которомъ козачье общество Талалаевки, въ благодарность за какую-то «уступку и любовь» къ нимъ полковаго асаула, обязалось признавать навсегда неоспоримое его право на потомственное владѣніе землями, купленными имъ въ чертѣ земельнаго владѣнія ихъ села [1]). Впрочемъ изъ многочисленныхъ купчихъ и записей мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы Мовчанъ прибѣгалъ для увеличенія своей собственности къ насилію или давленію на владѣльцевъ, основанному на его общественномъ положеніи или вліяніи. Постепенныя годъ за годомъ пріобрѣтенія, производимыя на незначительныя суммы, свидѣтельствуютъ лишь о

[1]) Записная книга, листъ 90 на оборотѣ.

бережливости и развитіи нормальныхъ хозяйственныхъ способностей полковаго асаула.

Нѣсколько другой взглядъ существовалъ вѣроятно у Мовчана по отношенію къ «войсковому» имуществу: по крайней мѣрѣ на мнѣніе это наводитъ сличеніе двухъ документовъ, занесенныхъ въ записную книгу: здѣсь мы встрѣчаемъ универсалъ Скоропадскаго отъ 18 сентября 1711 года, въ которомъ сказано, что гетманъ въ виду заслугъ Мовчана «на уряде асаулства полкового, ... для вспартя достоинства его» предоставляетъ ему въ пользованіе село Талалаевку [1]). Затѣмъ, когда при гетманѣ Апостолѣ предприняты были мѣры для точнаго опредѣленія содержанія, выдаваемаго генеральной и полковой старшинѣ, то «по справкѣ съ екстрактовъ слѣдствія о маетностяхъ полку-прилуцкого, въ енеральной канцеляріи имѣючихся, явилося, что .... Михайло Мовчанъ имѣетъ во владѣніи своемъ маетность село Талалаевку не на рангъ, ... но за заслуги войсковыя отъ .... гетмана Скоропадского ему данную универсаломъ року 1711». Въ силу этой «справки» Даніилъ Апостолъ назначилъ универсаломъ отъ 5 ноября 1733 года Мовчану 50 рублей годичнаго жалованія, какъ полковому асаулу, не пользующемуся ранговымъ имѣніемъ и такимъ образомъ призналъ Талалаевку его личнымъ, заслуженнымъ помѣстьемъ [2]).

Должность полковаго асаула Михайло Мовчанъ исполнялъ до глубокой старости. Только въ 1741 году онъ, повидимому, вышелъ въ отставку, по крайней мѣрѣ съ этого только года онъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ упоминается съ титуломъ «абшитованнаго» (отставнаго) полковаго асаула [3]).

Впрочемъ, собираясь выходить въ отставку, Мовчанъ въ началѣ 1739 года подалъ челобитную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которой, перечисляя всѣ свои заслуги въ теченіе 60 лѣтней военной службы, просилъ удостоить его при окончаніи ея какою-либо наградою, или, какъ онъ выразился, просилъ «призрѣнія и респекту» [4]). Мы не знаемъ, какого рода резолюція послѣдовала на

---

[1]) Тамъ-же, листъ 66 на оборотѣ.

[2]) Тамъ-же, листъ 153 на оборотѣ.

[3]) Тамъ-же, листъ 10.

[4]) Тамъ-же, листъ 158.

эту челобитную. Вскорѣ послѣ отставки, 7 августа 1742 года Мовчанъ окончилъ свою многолѣтнюю жизнь; онъ не оставилъ потомковъ мужескаго пола; изъ двухъ его дочерей одна—Марія скончалась въ пожиломъ возрастѣ въ дѣвицахъ, другая—Екатерина, умершая еще при жизни отца, была замужемъ за «значнымъ войсковымъ товарищемъ» Даміяномъ Ивановичемъ Мазараки; ея дѣтямъ досталось по наслѣдству довольно значительное имущество, скопленное Михайломъ Мовчаномъ.

Записная книга полковаго асаула перешла къ его любимому внуку, Андрею Даміяновичу Мазараки, жившему послѣднее время при дѣдѣ и въ угодность ему, подписывавшемуся его фамиліею, какъ видно изъ одного документа, занесеннаго въ книгу [1]).

Новый владѣлецъ продолжалъ, хотя изрѣдка, заносить замѣтки въ дѣдовскую книгу, находившуюся въ его владѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ 1787 года; замѣтки эти чисто семейнаго характера, небезъинтересны для характеристики стремленій и круга интересовъ малороссійскаго дворянства второй половины XVIII ст. Статьи, внесенныя въ книгу Андреемъ Мазараки, числомъ 14, по содержанію распадаются слѣдующимъ образомъ: 2 документа представляютъ перечни земель, купленныхъ въ селѣ Талалаевкѣ Даміяномъ Мазараки, отцемъ Андрея; одна записка содержитъ свѣдѣнія, собранныя о генеалогіи рода Мазараки и всѣ попавшіяся Андрею доказательства о дворянскомъ происхожденіи его предковъ, два документа—это договоры, заключенные священниками села Талалаевки съ прихожанами и владѣльцами этого села, опредѣляющіе размѣры вознагражденія за церковныя требы и содержаніе священниковъ и, наконецъ, девять записей посвящены семейнымъ воспоминаніямъ о днѣ смерти и мѣстѣ похоронъ разныхъ членовъ семейства Андрея Мазараки.

Послѣдній очевидно особенно дорожилъ возстановленіемъ своей родословной, слѣдуя общему стремленію болѣе знатныхъ представителей козачества того времени къ отыскиванію дворянскаго происхожденія своихъ родовъ; такъ какъ отецъ Андрея Мазараки умеръ еще во время его малолѣтства, не оставивъ сыновьямъ никакихъ семейныхъ преданій, то онъ занялся очень дѣятельно собра-

---

[1]) Тамъ-же, листъ 158.

ніемъ этихъ преданій изъ другихъ доступныхъ ему источниковъ. Онъ отправился за справками въ войсковую генеральную канцелярію и тамъ отыскалъ въ гербовникѣ Несецкаго, котораго экземпляръ хранился при войсковой канцеляріи для удовлетворенія любознательности козацкихъ старшинъ, три строчки о нобилитаціи своего дѣда и списалъ ихъ цѣликомъ; затѣмъ онъ встрѣтилъ бывшаго мглинскаго сотника Лесаневича, учившагося нѣкогда съ его отцемъ въ кіевской академіи и со словъ старика тщательно списалъ всѣ воспоминанія, переданныя нѣкогда Даміяномъ Мазараки Лесаневичу на школьной скамьѣ, а также воспоминанія самаго Лесаневича о родовомъ домѣ Мазараки, который мглинской сотникъ видѣлъ за сорокъ лѣтъ до встрѣчи съ Андреемъ во время своего путешествія во Львовъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ составитель генеалогіи прибавилъ подробныя свѣдѣнія о себѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, отмѣтилъ ихъ брачныя связи и имена ихъ дѣтей и такимъ образомъ заготовилъ матеріалъ для своей родословной.

Изъ записки его мы узнаемъ, что предки Мазараки были греческіе купцы, переселившіеся во Львовъ; здѣсь они по видимому сильно разбогатѣли—они владѣли въ львовскомъ рынкѣ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ «со статуи и протчими украшеніи». По неизвѣстной намъ причинѣ представитель рода Янъ Мазараки переѣхалъ при Хмельницкомъ на службу къ козацкому гетману; здѣсь онъ очевидно занялъ выдающееся положеніе и оказалъ важныя услуги, потому что на сеймѣ 1659 года по представленію гетмана Выговскаго, который по гадячскому договору оставилъ за собою право представлять къ «нобилитаціи» болѣе заслуженныхъ козаковъ, Янъ Мазараки вмѣстѣ съ Сомкомъ, Золотаренкомъ, Лесницкимъ и нѣкоторыми другими знатными старшинами, былъ возведенъ въ дворянское званіе[1]). Объ этомъ Янѣ Мазараки Несецкій сохранилъ свѣдѣніе, что въ 1678 году онъ, по порученію польскаго короля Яна Собѣскаго, ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Персію; мы знаемъ также, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ православія: въ 1666 году онъ за-

[1]) Volumina legum, т. IV, стр. 303—304.

писался въ члены львовскаго православнаго братства [1]). Янъ Мазараки оставилъ двоихъ дѣтей: дочь его Анна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ Василіемъ Свѣчкою, сынъ-же Даміянъ служилъ «значнымъ войсковымъ товарищемъ» въ прилуцкомъ полку и въ 1717 году былъ уже женатъ на дочери Мовчана, Екатеринѣ Михайловнѣ. Въ этомъ году онъ купилъ у одного изъ козаковъ талалаевскихъ «грунтъ, хату, зъ пляцемъ, зъ огородомъ, зъ гребелкою и гаемъ за 200 золотыхъ личбы литовское» и выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго утвержденіе этой покупки универсаломъ отъ 21 января 1719 года [2]).

Вскорѣ потомъ вѣроятно Даміянъ Мазараки скончался, потому что въ записной книгѣ прекращаются всякія о немъ упоминанія; онъ оставилъ четырехъ сыновей: старшій Петръ и младшій, Григорій, человѣкъ болѣзненный, не поступавшій на службу и проживщій всю жизнь при братьяхъ, умерли безпотомно; два средніе сына, Иванъ и Андрей Даміяновичи раздѣлили между собою наслѣдство, доставшееся имъ, какъ отъ отца, такъ и отъ дѣда Мовчана, служили въ прилуцкомъ полку въ званіи бунчуковыхъ товарищей и довольно дружно прожили до глубокой старости. Изъ слѣдующаго поколѣнія рода Мазараки болѣе всего выдается племянникъ Андрея—Григорій Ивановичъ, который сталъ быстро подвигаться въ служебной карьерѣ и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, занялъ должность полковаго прилуцкаго асаула, но преждевременная кончина, постигшая его на 26 году жизни, прекратила его служебную дѣятельность.

Остальныя генеалогическія замѣтки Андрея Мазараки не представляютъ особаго интереса и прерываются съ 1787 годомъ, въ которомъ вѣроятно и скончался ихъ составитель. Наслѣдники его не послѣдовали примѣру отца и перестали заносить въ записную книгу факты какъ семейной, такъ и общественной жизни, по крайней мѣрѣ они сохранили свою фамильную записную книгу, за что конечно мы должны выразить имъ искреннюю признательность.

---

[1]) Памятники, изданные кіевскою археографическою Коммисіею, т. III, отд. I, стр. 91.

[2]) Записная книга, листы: 11 и 21 на оборотѣ.

Въ виду значительнаго какъ историческаго, такъ и бытоваго интереса многихъ статей, помѣщенныхъ въ записной книгѣ Михайла Мовчана, мы помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько изъ нихъ, выбравъ тѣ, которыя намъ казались болѣе характеристическими для обрисовки общественныхъ отношеній, сложившихся въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи.

В. Антоновичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Лѣтописные отрывки, занесенные въ записную книгу Михайла Мовчана.

Року 1664. Павелъ Тетера, гетманъ чигиринскый, козацкий, заднѣпрскый, послалъ пословъ своихъ до короля полского Яна Казимѣра. абы ишолъ за Днѣпръ воевати царскихъ козаковъ. И затягъ король орду, рушилъ самъ король зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ мѣсяца августа 17 дня и пришелъ до Бѣлой Церкви на Украину; и тамъ его спотkалъ гетманъ Тетера съ войскомъ козацкимъ, съ усѣми полками: полкъ черкаскій, полкъ чигиринскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсуньскій, наволоцкій, уманьскій, могилевскій, браславскій и кальницкій. И совокупившися все войско полское, татарское и козацкое. пойшли за Днѣпръ мѣсяца ноеврія. Переправился король (чрезъ) Днѣпръ въ Іржищевѣ, десятъ миль нижей Кіева, и подъ Воронковъ мѣстечко прійшолъ. И здалися ему: Воронковъ, Борисполе, Козелецъ и Остеръ. И тамъ въ Остре король святковалъ Рождество Христово, а потомъ вышолъ на городи сѣверскія, а гетманъ Павелъ Тетера съ войскомъ своимъ переправилъ Днѣпръ нижей Черкасъ и мѣлъ онъ и татаръ; а ишлы воеваты Украину и государя царя православного. Алексѣя Михайловича. Король ишолъ отъ сѣвера, а гетманъ Тетера отъ полудня; и такъ ополчишася на государя российского; въ то-бо время государь опановалъ всю Украину и своими людьми военными всѣ столечнія городы осадилъ; въ Кіевѣ на тотъ часъ былъ воеводою Іванъ Івановичъ Чагадаевъ зъ людомъ царскимъ военнимъ; о чемъ увѣдавшись, король

полскій обминулъ Кіевъ, столечный городъ украинской. По семъ король рушилъ зъ Остра на городи сѣверскіе и пришолъ до Дѣвици города, и чрезъ мѣчъ досталъ, и всѣхъ людей выстиналъ, и городъ спалилъ. А Чернѣговъ и Березную минулъ. Соспица, Новие Млини и Коропъ здалися. И дойшолъ король Глухова города, на границѣ Московского государства стоячого, людного. Также притягъ панъ Пацъ, гетманъ литовскій зъ войскомъ литовскимъ и зъ татарами и Богунъ, наказный гетманъ чигиринскій козацкій. Облегли Глуховъ, и штурмовали, и подкопъ чинили, и всѣми силами военними доставали—и не достали, и зъ стидомъ король назадъ пойшолъ на Кричевъ и прийшолъ до Бихова, и здався Биховъ, и тамъ король святковалъ великъдень свой римскый, и былъ въ Могилевѣ, и того часу мѣсто все Могилевъ и крами погорѣли, и вернулся король до Полщи въ томъ же 1664 року.

Листъ 26 на оборотѣ—27.

Въ року 1664 король полскій Казѣмѣръ зъ войскомъ полскимъ и чужоземними силамы Глухова города доставали полтори неделѣ и не досталы.

Въ року 1672 царъ турецкій своими бесурманскими сыламы подолскій Камянецъ опановалъ.

Въ року 1674 также бесурманъ турчинъ Умань, Ладижинъ и инние городи звоевалъ и множество народу въ неволю забралъ.

Въ року 1678 Азевъ, визѣръ порты атаманской, вторимъ приходомъ Чигиринъ взялъ.

Року 1683 турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружили осадою. Янъ Собецкій, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше двадцяти тисячъ человѣкъ, къ разърѣшенію осади и къ освобожденню осаженнихъ поспѣшилъ; еже, пришедшимъ въкупѣ, на помоцъ до своихъ, електорамъ-баварскому и саксонскому и князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворылъ. Егда-же послѣ жесточае при Барканѣ нашелъ на неприятеля, нѣмцомъ славы побѣдительной завидящи, которихъ ужидати билъ долженъ, въ великое житія бѣдствіе впалъ; ибо уже нѣкто отъ турковъ, обнаживши мечъ, хотѣлъ ударити короля, и ударилъ-би былъ, аще бы нѣкто воинъ полскій изъ ручной фузеи не убилъ неприя-

теля; утружденнаго-же короля и горячостію воинского сердца тако ослабѣвшаго, яко на конѣ едва сѣдѣты моглъ, полковникъ нѣкто и другіи шляхтичѣ на рамена восприявши, зъ собою вынесли.

Листъ 88 на оборотѣ—89.

Первая баталья вѣденская. Року 1683, месеца сентеврия, въ день недельный, на рождество Пресвятой Богородицы, зъ вѣзиремъ турецкимъ Янъ Собецкий, король полскый, съ цесарскими електорами совокупившись и ушковавши полки такъ полскія, яко и нѣмецкія, зъ вѣзеремъ турецкимъ далъ баталѣю. ТуркиВвѣдень въ Австріи тѣсною окружали осадою, якъ Собецкый, король полскый, самъ, взявши зъ собою болше ста тисячей человѣкъ, къ разрѣшенію осади и ко освобожденію осажденнихъ поспѣшилъ. Еже пришедшимъ напотомъ въ купѣ двоимъ електорамъ: баварскому и сакъсонъскому, князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ, вшиковавши полки сполне зъ нѣмецкимы силами, просто пошолъ на вѣзѣра турецкого и далъ баталѣю король полскій. А зачалася тая баталѣя зъ ранку, а предъ вечеромъ за двѣ годинѣ зовсѣмъ турковъ збили и Вѣдень свободили. И въ того-жъ вѣзира турецкого било самихъ мѣднихъ пушокъ вусѣмъ сотъ подъ городомъ Видънею, а всей турецкой сили было въ баталѣи сѣмъ сотъ тисячъ.

Того-жъ року еще двѣ баталѣи было зъ визѣремъ турецкимъ надъ Дунаемъ противъ замъку Остроȣону; и далъ баталѣю вѣзѣръ на короля полского Яна Собецкого и билъ короля, потому-же ишолъ, полки не вшиковавши, въ день, імянно четверъ. И въ той баталѣи вырубано поляковъ болѣе пяти тисячъ, а пригнали короля полского ажъ до нѣмецкой пѣхоти, и тамъ, подлѣ оной пѣхоти одержалъ себе король, какъ дали огонь зъ дробного оружя и пушокъ. Король-же полский Янъ Собецкий дневалъ—стоялъ въ пятницю надъ Дунаемъ совокупне зъ пѣхотою и всею арміею. Розяривщись-же визѣръ пишетъ листъ до короля полского, а въ листе виражае: «нехъ король полский дасть со мною еще баталѣю». Переночевавши король полский зъ пятницѣ на суботу, ушиковавши полскія полки, оставя пѣхоту нѣмецкую, пошолъ до визѣра турецкого, дати на писаня его баталѣю. Когда-же увидѣлъ визѣръ, же король идетъ прямо къ нему, вийшолъ зъ войскомъ сво-

нимъ зъ западной долини, зближаючися до короля зъ силами войска своего, похиливши значки, просто пошолъ. Когда-же припустилъ король вѣзѣра къ себе, далъ на сили его огонь и, добувши шабель, войско вѣзѣрова едно въ томъ-же мѣстѣ вирубалъ, а другихъ зъ нимъ, вѣзѣремъ, на мѣстѣ нагнали. И въ той баталѣи всѣ турки пропали, а зъ малимъ числомъ войска самъ визѣръ въ землю свою утекъ. И поляки такую имъ повѣсть обявляли: «О тожъ, турцѣ, ваша пиха наробила вамъ лиха».

Листъ 39.

Року 1709 государь Петръ первый, императоръ всероссийский, зъ войскомъ своимъ якъ московскимъ, такъ и козацкимъ подъ Полтавою на баталѣи збилъ короля шведского.

Листъ 38.

Року 1736, 1737, 1738 и 1739 за помощию Божиею и щастямъ государинѣ нашой, Анни Іоановни, городи татарскія: Перекопъ, Козловъ и Бакцѣсаръ и весь Кримъ московскимъ и козацкимъ войскомъ взятъ.

Листъ 40.

2. Рѣшеніе прилуцкаго полковаго суда по иску войсковаго товарища Михайла Мовчана на козаковъ Котляренковъ, предъявленному по поводу незаконной покупки Котляренками нивы наслѣдственной Мовчана у его матери въ его отсутствіе. Судъ постановилъ, что Мовчанъ имѣетъ право получить обратно ниву, возвративъ Котляренкамъ деньги, заплаченныя за нее матери Мовчана, 1698 г., сентября 8.

За вѣдомомъ самого добродѣя нашего, пана Димитрія Горленка, полковника войска его царского величества запорожского прилуцкого. Передъ нами: Іваномъ Носомъ, судею полковымъ прилуцкимъ, Тимошемъ Брескою, атаманомъ городовимъ, Давидомъ Давидовичемъ, войтомъ, а Грицькомъ Лихопекою и Юскомъ Чернишемъ, бурмистрами, ставши очевисте панъ Михайло Мовчанъ, товаришъ войсковый, обыватель нашъ прилуцкій, доходилъ добръ своихъ лежачихъ, нывя, по небожчину Федору Мовчану, отцевѣ своемъ на него спадаючихъ, у Кондрата и Гаврила Котляренковъ, жителей нашихъ прилуцкихъ, про-

данныхъ маткою его, Орищкою Мовчанихою, имъ Котляренкамъ, за сѣмъ копъ, безъ битности пана Михайла, кгди онъ найдовался въ Сѣчи Запорожской. Тоди мы, выдячи оного ближшымъ быти до тыхъ добръ, а къ тому еще и давностю не зашли отъ того часу, якъ панъ Михайло пришелъ зъ Сѣчи, къ тому позволяемъ ему, пану Михайлу, абы помепеннымъ Котляренкамъ отдалъ гроши копъ сѣмь, за що и они были купили; а що черезъ якій часъ ваковали гроши за нівя данные, то не вотще—за тое Котляренки зъ пашеной десятины пожитки собѣ мѣли. Которимъ то нывямъ, въ Котляренковъ откупленнымъ, волно будеть пану Михайлу зъ малжонкою своею и дѣтками, яко своимъ власнымъ, купнымъ правомъ набытимъ, владѣти, шафовати, дати, даровати, продати и, куда хотячи, на свой пожитокъ оборочати, не узнаючи нѣ отъ кого нѣякой жадной турбаціи теперь и въ потомніе часы. На що для лѣпшой вѣри и певности и сей записъ, при печати нашой мѣской прилуцкой, пану Михайловѣ казалисмо видати. Данъ въ Прилуцѣ сентаврія 8, 1698 году. Звышъ меновенный урядъ войсковый и мѣскій прилуцкій. (М. П.)

Листъ 6.

3. Универсалъ гетмана Скоропадскаго, предписывающій передать во владъніе знатнаго войсковаго товарища Михаила Мовчана войсковую мельницу, находящуюся въ селъ Городнъ, отнятую за измъну у козака Григорія Компаньйца. 1708 г. декабря 19.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великого государя его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества, а особливе пану полковниковѣ на сей часъ наказному, а впредъ совершенному прилуцкому, зо всею старшиною полковою, и пану сотниковѣ Іваницкому, зо всѣмъ товариствомъ и посполствомъ, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: Поневажъ Григорій Компанѣецъ, полчанинъ прилуцкій, въ противную сторону непріятельскую за змѣникомъ Мазепою удался, теди млинокъ войсковий въ сотнѣ Іваницкой, въ селѣ Городнѣ найдуючийся, одъ оного Компанѣйца одобравши, надаемъ пану Михайлу Мовчану, тогожъ полку прилуцкого знатному товаришовѣ войсковому, яко въ неизмѣнной вѣрности и въ услугахъ войско-

вихъ при нашомъ боку найдуючомуся. Прето аби ему, пану Михайлу Мовчану въ отнятю помененого млина и въ одбѣраню зъ него належитихъ розмѣровихъ приходовъ нѣхто изъ старшини и чернѣ полку тамошнего не важилъся жадной найменшой чинити перешкоди, симъ унѣверсаломъ нашимъваруемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ декавря 19, року 1708. Звишъ менований гетманъ рукою власною (мѣсто печати рейментарской).

Листъ 20.

4. Мировая запись, по которой козаки Талалаевки обезпечиваютъ полковому прилуцкому асаулу Михайлу Мовчану неоспоримое право на владьніе землями, пріобрѣтенными имъ въ чертѣ земель Талалаевки. 1729 г. ноября 18.

Року 1729, мѣсяца ноеврія осмогонадцять.

Мы, нижей подписанніе, все товариство куреня Талалаевъского, за тую пана асаулову уступку и любовъ, сами и дѣти-наслѣдники наши нѣ до якихъ его, пана асауловыхъ загоновъ, такожъ и до его подданнихъ, жителей талалаевскихъ, жадною мѣрою интересоватися не мѣемъ и не повинни будемъ подъ штрафомъ рублей ста, но толко въ кого естъ тамже около села Талалаевки пахатное поле, чи то у его, пана асаула, или зъ межи насъ у которого, албо у подданнихъ его пана асауловихъ, жителей талалаевскихъ, то всякъ своимъ пахатнимъ полемъ долженъ владѣти спокойне, не узнаючи ни отъ кого въ томъ жадной и найменшей турбаціи теперъ и въ потомніе часы. Чого ради и сію мировую отъ себе даемъ и на оной подписуемся.

Къ сему мировому писму, по прошенію атамана талалаевского и всего товариства, яко неграмотнихъ, я, іерей Александеръ, священникъ талалаевскій во мѣсто ихъ руку приложилъ.

Я, Дорофей Подоляченко, козакъ куреня талалаевского, по прошенію атамана зъ товариствомъ, во мѣсто ихъ и себе руку приложилъ.

Листъ 90 на оборотѣ.

5. Челобитная Михайла Мовчана императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, заключающая перечень военныхъ заслугъ просителя. 1739 г. марта 28.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государиня Імператрица

Анна Іоановна самодержца всероссійская!

Бьетъ челомъ вашему императорскому величеству асаулъ полковый прилуцкій Михайло Мовчанъ; а въ чемъ тое челобите, нижей того слѣдуеть;

Служилъ я нижайшій съ 1679 году продкамъ блаженія и вѣчно достойнія памяти вашего императорского величества по вѣрно присяжной своей рабской должности. Которіе мои службы представляю [1]):

1683 году въ Цесаріи подъ городомъ Виднею зъ королемъ полскимъ на баталѣи билъ. Тогожъ года подъ городомъ Острогономъ на баталѣи билъ.

1685 году зъ полскимъ рейментаромъ Ревуцкимъ подъ городомъ Язловцемъ на баталѣи билъ,

1686 году зъ тимже рейментаромъ Ревуцкимъ подъ Каменцомъ подолскимъ на баталѣи билъ.

1687 году зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ подъ крымскимъ Перекономъ въ походѣ билъ.

1688 году зъ полковникомъ охочекомонним Семеномъ Палѣемъ подъ городомъ Баромъ на баталѣи билъ.

1689 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Паволочю на баталѣи билъ.

1700 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подъ городомъ Очаковомъ на баталѣи билъ.

1712 году въ баталѣи и на приступѣ зъ полковникомъ Куликомъ подъ городомъ Гданскомъ билъ.

1714 году другимъ разомъ подъ городомъ Очаковомъ зъ полковникомъ Палѣемъ-же на баталѣи билъ.

---

[1]) Перечень походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Михайло Мовчанъ, составленъ имъ въ глубокой старости по памяти и потому многіе факты не датированы, года другихъ проставлены ошибочно и хронологическая послѣдовательность фактовъ не соблюдена.

Зъ фелдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметовимъ въ баталѣи и на приступѣ подъ городомъ Казикерменомъ и Таванню билъ.

Зъ гетманомъ наказнимъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ городомъ полскимъ Кадиномъ посиланъ билъ въ партіи вдарить на короля шведского.

Подъ Ригою, по отходѣ самоблаженія и вѣчно достойнія памяти Петра первого императора и самодержца всероссійского до Полтавы, противъ выпору зъ Риги на баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Данилом Апостоломъ въ Печерахъ подъ Мидзою Рантіною въ баталѣи билъ.

Подъ Баромъ на службѣ ея императорскаго величества билъ.

Зъ гетманомъ (наказнымъ) Митлашевскимъ подъ Быховомъ на приступѣ и въ баталѣи билъ.

На службѣ императорскаго величества въ Польщѣ подъ городами: Варшавою и Гродномъ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества на Либедѣ билъ.

Зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ на службѣ императорского величества, якъ Печерское робили, билъ.

Подъ Сяѣлою (sic) зъ генераломъ Плищиновимъ въ баталѣи билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Сулимою на службѣ императорскаго величества въ Царичинѣ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ Полтавою, когда короля шведского били, бувъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорского величества подъ Камяннымъ Затономъ билъ.

Зъ наказнимъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ низовомъ походѣ у Дербентѣ на службѣ императорскаго величества билъ.

1731 года на службѣ ея императорскаго величества на линѣи за полковника билъ.

1734 года зъ генераломъ Шаховскимъ въ походѣ въ Полщѣ билъ.

1736 года въ военномъ крымскомъ походѣ на Чорной Долинѣ въ баталѣи подъ городами: Перекопомъ, Козловомъ и Бакцисаромъ на приступѣ билъ за полковника.

1737 года въ военномъ крымскомъ ноходѣ подъ Карасевомъ въ баталѣи билъ.

1738 года въ военномъ походѣ у Днѣстра билъ.

О виписаныхъ моихъ службахъ свѣдоми при тогдашнихъ акціяхъ бившіе генералѣтети, гетмани и полковники. За которіе мои вѣрніе службы всемилостивѣйшая государиня императрица прошу вашего императорского величества на мене нижайшого призрѣнія и респекту.

Вашего императорского величества всенижайшій рабъ асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ. Писана сія челобитная 1739 году марта 28 дня. Къ сій челобитной подписался асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ, а вмѣсто его неграмотного, по его веленію унукъ оного Андрей Мовчановъ руку приложилъ.

Къ поданю надлежить високопревосходительнѣйшему и високоповелительному господину генералу и кавалеру Александру Ивановичу его високопревосходительству Румянцову, въ походную войсковую енеральную канцелярію.

Листъ 157—158.

6. Записки Андрея Мазараки о смерти и мѣстѣ погребенія его родственниковъ. 1734—1787 г.

1734 года сентеврія 5 числа Екатерина Михайловна Мовчановна, матка наша, умерла, которую похоронили въ обители святой троецкой Густинской подъ церквою на лѣвой сторонѣ. А въ далшую память себѣ записалы.

1742 года, августа 7 дня дѣдъ нашъ полковый прилуцкій асаулъ, Михайло Федоровичъ Мовчанъ Божею волею умре, которого тѣло погребено въ монастиру свято-троецкомъ густинскомъ, въ склепу каменномъ подъ церквою.

1746 года, августа 12 бабка наша Параскевія Леонтіевна Мовчаниха умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскомъ въ монастиру густинскомъ подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, въ дубовомъ склепу.

1766 года, февраля 22 дня Марія Михайловна Мовчановна, тетка наша родная, умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскому въ селѣ Блотницѣ подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, на лѣвой сторонѣ, въ склепу дубовомъ. Впредъ для памяты записано.

1771 года, февраля 14 родный племенникъ мой, Григорій Ивановичъ Мазаракій, полковой прилуцкій асаулъ, волею Божею заболѣлъ въ 1770 году декабря послѣднихъ числъ, а умре вишеписанних года и числа въ день понеделковый, которого тѣло погребено обычаемъ христіанскимъ, въ дубовомъ склепу, при мѣсту обранномъ на ново строящую церковь въ селѣ Талалаевкѣ. Предвираженний племенникъ, асаулъ полковой, имелъ отъ роду вишше двадцати пяти летъ; осталося по немъ дѣтей малихъ трое, при женѣ его Софѣи Федоровнѣ Богаевсковнѣ. Вредъ для памяти записалъ Андрей Мазаракій.

Любезнѣйший братъ мой, бунчуковий товаришъ, Иванъ Демяновичъ Мазаракий, сего 1784 году въ генварѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и по волѣ Божей отъ временного жития во вѣчное блаженство преставился, февраля въ 24 день, предъ утреннею, въ день суботний; погребенъ-же въ церковномъ склепу марта 4 числа въ талалаевской успенской церквѣ. И для пребудущого знания записалъ бунчуковий товаришъ Андрей Мазаракий. Отъ роду ему было 66 годъ.

Любезний внукъ мой, Степанъ Семеновичъ Мазаракий 1783 года, іюля 27 дня, преставился, а Марѳа Семеновна Мазаракіовна 1787 года, генваря 17 дня, преставилася, коихъ тѣла погребены въ притворѣ церковномъ, съ правои сторони, въ склепахъ дубовихъ.

Родний братъ мой менший, Григорий Демяновичъ, проживающий отъ молодихъ лѣтъ до старости безженнимъ, волею Божею заболѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ, преставился сего 1787 году, ноябра противъ 6, въ день пятничний, въ вечеру; погребенъ-же въ день субботи подъ церквою, съ лѣвой сторони отъ притвора женского, въ обикновенной домовинѣ и дубовомъ склепу. Отъ роду ему 65 лѣтъ било.

Листъ 162 на оборотѣ —163.

7. Замѣтки Андрея Мазараки о генеалогіи своего рода, составленныя въ 1764—1765 годахъ.

1764 года для предбудущого ознанія шляхетства фамиліи Мазаракіевъ зъ Гербаріуша, книги третей печатной, при генералной войсковой канцеляріи имѣючогося, виписанно и въ ономъ значить тако:

„Янъ Мазаракій, о которомъ конституція 1678 на листѣ 3, былъ посломъ отъ короля Яна третого до Персіи, имѣлъ за собою Конститудію (sic, вмѣсто «Констанцію») Крузировне ловчанкеи ифляиско“.

Показанній шляхтичъ нобѣлетованъ въ 1658 году, по рекомендаціи гетмана Виговского, отъ короля полского за услуги, оказанніе въ войску запорожскомъ, о чемъ значить въ книги конституціяхъ полскихъ. Вишие означеній Янъ Мазаракій предиписанному въ универсалѣ полку прилуцкого товаришу, Демяну Мазаракію, отцу мене, на семъ своеручно подписавшогося, отецъ, а мой дѣдъ, съ полской области, оставя свой домъ и всѣ угодія, въ Малороссіи жилъ по смерть свою. По смертижъ оного дочь его старшая, Анна Мазаракіевна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ, Василіемъ Свѣчкою, а синъ Демянъ Мазаракій, женился на дочерѣ полкового прилуцкого асаула, Михайла Мовчана—Екатеринѣ, и отъ нихъ обоихъ половъ я зъ братомъ моимъ, бунчуковимъ товаришомъ Иваномъ Мазаракіемъ силожени; братижъ наши родние: старший Петръ умре безпотоменъ, а менший Григорий, въ болѣзни находяся, проживалъ и проживаетъ при нашихъ домахъ, полку прилуцкого, красноколядинской сотнѣ, въ селѣ Талалаевци—безпотоменъ. Отъ менежъ и жени моей Анни Кандибовни родилося двое дѣтей: дочь Марѳа Миклашевская и сынъ Семенъ Андреевичъ Мазаракій; а отъ брата Ивана и жены его Маріи родился сынъ Григорій, кой умеръ, и остались по немъ жена и дѣти. Про памятъ мною, абшитованимъ бунчуковимъ товаришемъ, Андреемъ Демяновичемъ Мазаракіемъ записано

1765 года, декабря 2 дня, полку стародубовского абшитованій мглинскій сотникъ Иванъ Лѣсаніевичъ въ малороссійской коллегіи въ протоколѣ осмого іюля объявилъ мнѣ, яко онъ въ академіи кіевской обучался, зъ умерлимъ отцемъ меимъ, Деміаномъ Мазаракіемъ, содержалъ знаемость, разговаривалъ, что покойной отецъ мой уроженецъ былъ полской націи, предкижъ его были греческого рода, нобѣлѣтованній полскій шляхтичъ Янъ Мазаракій. И имѣли ихъ домовство въ городѣ полскомъ Львовѣ противъ ринку. Въ коемъ городѣ будучи, вишеименнованій Лѣсаніевичъ въ прошедшомъ 1724 году слихалъ про означенихъ фамилію Мазаракія и видѣлъ показанного Мазаракія ком-

томъ состроенній домъ, которой подъ прописанную реченного Лѣсаніевича бытность назывался вже королевскимъ; а для чего, о томъ не извѣстенъ. Состроенъ-же былъ тотъ домъ Мазаракіемъ со статуями и протчими украшеніи и великокоштовно. И какъ о предпрописанномъ всемъ съ вѣдома моего въ сию книгу уписъ сдѣланъ, такъ рукою моею и подписалъ. Бунчуковий товарищъ Андрей Мазаракій.

Листъ 22—23 на оборотѣ.

8. Росписка, данная владѣльцамъ и прихожанамъ села Талалаевки ставленникомъ Василіемъ Андріевскимъ, содержащая обязательство получать вознагражденіе за труды по оцѣнкѣ, обозначенной въ роспискѣ.

1768 года, февраля 10 дня.

Я, нижей подписавшійся, сеею моею подпискою, данною владѣльцомъ села Талалаевки, господамъ бунчуковимъ товарищамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ и прихожанамъ талалаевскимъ какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, обовязуюся въ томъ, что буди ли Богъ мене при церкве Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Талалаевкѣ удостоитъ быть священникомъ, то я за свои труды не большь, какъ толко по данному мнѣ контракту отъ прихожанъ вышеписанной церквѣ взымать буду; а именно: за крещеніе младенца три копейки, за обвенчаніе первого брака десять копѣекъ, за второй и третой бракъ двадцать копѣекъ, за виводини по брацѣ пять копѣекъ, а когда случится зъ сторони кого вѣнчать, то болшь одного рубля не требовать; за похоронъ малій пять копѣекъ, за похоронъ великій десять копѣекъ, за уписъ въ помяновеніе умерших, когда будетъ соизволеніе чіе и къ заплатѣ возможность, то за суботний пятьдесятъ копѣекъ, за сорокоустъ два рубли, за молебенъ десять копѣекъ, за панахиду десять копѣекъ, за освященіе дому двадцять копѣекъ, за обѣдъ, когда случится купно за упокой и за здоровній отправлять, то десять копѣекъ. За роковщину пашнѣ: у кого имѣется хотя до троихъ воловъ—полъ четверика государевой мѣры, а у кого четири, а хотяй и цѣлой плугъ воловъ—единъ четверикъ пашнѣ тоей-же мѣры, и какой не случится пашнѣ, принимать безспорно долженъ; отъ пѣшого—три копѣйки, отъ подсусѣдка двѣ; которыми доходами буду доволенъ и вимагательства чинить не буду, развѣ кто

зъ доброй своей волѣ похощетъ датъ. О томъ имъ, господамъ владѣльцамъ и прихожанамъ талалаевскимъ даю сію росписку и на оной своеручно при печати подписуюся. Умершого іерея талалаевского Свято-Успенской церкви Петра Андреева сынъ, Василь Петровъ Андрѣевскій руку приложилъ.

Листъ 161.

9. Такая-же росписка, данная ставленникомъ Кирилломъ Александровымъ 1769 года.

1769 года, августа 13 дня. Я, ниже подписавшійся, далъ сію господамъ владѣлцамъ села Талалаевки, бунчуковимъ товарищамъ, Андрею и Ивану Деміяновичамъ Мазаракіямъ и ихъ наслѣдникамъ, да тогоже села прихожанамъ, козакамъ и посполитству росписку въ томъ, что долженъ я буду, когда удостоюся къ церкви талалаевской священническаго чина, бить во всемъ впредь показаннымъ господамъ владѣлцамъ и ихъ наслѣдникамъ снисходителенъ и малѣйше не противенъ, а въ служеніи церковномъ не лѣнивъ и послушливъ безъ отмѣни. За моюж въ чину іерейскомъ услугу, по давнему установленію, какъ предкамъ моимъ: дѣду и отцу, отъ прихожанъ плачено, такъ и я безъ прибавокъ и вимагательствъ взимати буду: за вѣнець первобрачний десять копѣекъ, а отъ второбрачнихъ и третобрачнихъ зъ своихъ прихожанъ по двадцяти копѣекъ, а отъ стороннихъ смотря по имуществамъ, однакъ не болѣе рубля; за погребеніе великое десять копѣекъ, за малое пять копѣекъ, за крещеніе младенца три копѣйки, за освященіе дому двадцять, а за обѣдъ поминалній десять копѣекъ: за сорокоустъ и суботникъ, буди хто пожелаетъ, съ прихожанъ оной талалаевской церкви мене о отправѣ просити, то за сорокоустъ два рублѣ, а суботникъ пятдесятъ копѣекъ получати имѣю. Роковщина-жъ какъ прежде отъ прихожанъ, имущихъ воли, давалась пашнею, какою хто соизволить, то принимать безъ разбору мѣрою казенною, а не старою Роменскою, то есть: отъ вола по одному четверику; а яко и прихожанинъ имѣтиметь воловъ два и болѣе, тотъ давалъ-бы по два четверика. И буди бы я дерзнулъ напротиву сего господамъ владѣлцамъ отъ мене данного обовязателства здѣлать

отмѣну, или причинять прихожанамъ во взяткахъ каково вимагателство и другую непристойность, за то подвергаю себе неопустному оштрафованію по моей командѣ и отъ прихода отставки. Во увѣреніе предвираженного, на семъ своеручно подписалея року и дня вишеписанного. Къ сей росписки іерея талалаевскаго Александра Андреева синъ Кирило Александровъ подписался.

Листъ 116 на оборотѣ—162.

ДРЕВНІЯ и НОВЫЯ СКАЗАНІЯ о НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія).

(Посвящается П. А. Лашкареву).

Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ помѣщены «Историческія замѣтки о Кіевѣ», принадлежащія перу извѣстнаго знатока мѣстной исторіи П. Л—ва. Замѣтки эти, изобилуя новыми данными, извлеченными авторомъ изъ разныхъ архивовъ, или-же представляя новую постановку и освѣщеніе данныхъ уже извѣстныхъ, безспорно важны для исторіи нашего города и напоминаютъ собою чрезвычайно любопытные «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» другаго знатока южно-русской исторіи М. А. Максимовича. Тѣмъ не менѣе одна изъ 6-ти замѣтокъ уважаемаго автора, именно *о началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской академіи*, не можетъ не вызывать возраженій относительно сообщаемыхъ въ ней фактовъ и сдѣланныхъ на основаніи ихъ выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, по недостатку документальныхъ данныхъ о первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, начальная исторія этихъ учрежденій восполняется историками при помощи преданія и собственныхъ соображеній и догадокъ, а потому въ нее привнесено много неточнаго, съ дѣйствительными фактами несогласнаго и самый вопросъ о времени, къ которому должно пріурочить происхожденіе этихъ учрежденій, не имѣя прочной фактической опоры, подверженъ неизбѣжнымъ коле-

баніямъ, что и отразилось на его давней уже исторіи. Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что кіево-богоявленское братство существовало еще въ концѣ XVI стол., что бывшую при немъ школу константинопольскій патріархъ Іеремія въ 1589 г., на возвратномъ пути изъ Москвы чрезъ Кіевъ, благословилъ и возвысилъ на степень первоклассааго училища и что затѣмъ она, просуществовавъ четверть столѣтія, въ 1614 году сгорѣла, а въ слѣдующемъ 1615 г. переведена была во дворъ, подаренный для сей цѣли Гальшкою Гулевичевною, женою Стефана Лозки, маршала Мозырскаго. Но сравнительно въ недавнее время это, почти установившееся въ наукѣ, мнѣніе значительно было поколеблено новыми изслѣдованіями и соображеніями покойнаго М. А. Максимовича и проф. Н. И. Малышевскаго, которые оба относятъ возникновеніе означенныхъ братства и школы къ 1615 году. Пишущій эти строки, раздѣляя мнѣніе названныхъ изслѣдователей, въ свою очередь старался подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями, каковыя и были сообщены имъ въ рефератѣ, читанномъ въ церковно-археологическомъ обществѣ при кіев. дух. академіи и впослѣдствіи напечатанномъ въ мѣстномъ академическомъ журналѣ [1]). По высказанному нами тогда мнѣнію, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, поколебавъ господствовавшее до нихъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ въ концѣ XVI стол., потому не могла окончательно подорвать историческое его значеніе, что почти вовсе не коснулась главной опоры, которая преимущественно и даетъ ему жизненные соки, т. е. тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыя принято указывать, какъ на доказательства несомнѣннаго существованія кіевскаго братства не позже 1589 года. Мы коснулись этихъ данныхъ—старались провѣрить, дѣйствительно-ли въ нихъ можно находить указанія на существованіе кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. Результатъ получился отрицательный. Мы тогда-же заявили, что мнѣніе о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства и школы при немъ не позже 1589 г., какъ не имѣющее никакой прочной опоры для научнаго устоя, неизбѣжно должно быть оставлено. Но заявленію нашему, не суждено было исполниться: въ упо-

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1882 г. № 3-й.

мянутыхъ «Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ» П. Л—въ, имѣя въ виду нѣкоторыя новыя данныя, возвращается къ прежнему мнѣнію о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст., признавая это мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ*. Затѣмъ, относя первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, авторъ «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ» въ этомъ же году полагаетъ и начало кіевской академіи, возникшей изъ означенной школы,—прибавляя въ заключеніе, что «въ 1889 году въ сентябрѣ или октябрѣ кіевская духовная академія можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія».

Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства снова всплываетъ наружу и требуетъ новаго пересмотра. Такой пересмотръ необходимъ не только потому, что защита древняго преданія о возникновеніи кіевскаго братства въ концѣ XVI ст. принадлежитъ извѣстному спеціалисту, вооружена нѣкоторыми новыми данными и помѣщена въ распространенномъ мѣстномъ органѣ, но и въ виду практическихъ соображеній: 1889-й годъ не за горами и въ нашей академіи начинаютъ уже сильно интересоваться предстоящимъ ей юбилеемъ. Рука объ руку съ чисто научнымъ интересомъ выдвигается житейскій вопросъ: лѣтъ черезъ пять можетъ-ли кіевская духовная академія праздновать трехсотлѣтіе своего существованія?

Вопросъ расширяется и обобщается, если взять во вниманіе, что съ началомъ кіевской академіи связана исторія южно-русскаго и вообще русскаго просвѣщенія, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ русская наука, русское просвѣщеніе праздновали-бы трехсотлѣтній юбилей своего древнѣйшаго, доселѣ уцѣлѣвшаго училища, и это былъ-бы не частный академическій, не русскій только, но общій всероссійскій, скажемъ болѣе—всеславянскій юбилей.

По необходимости надо обратиться вновь къ вопросу о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, подвергнуть новой критикѣ мнѣніе о возникновеніи братства и школы еще въ концѣ XVI ст., прослѣдить самую исторію этого мнѣнія, провѣрить выдвигаемыя авторомъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» новыя данныя и соображенія, обслѣдовать вообще всѣ данныя и предположенія,

имѣющія отношеніе къ этому предмету, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ упроченъ на твердыхъ устояхъ и не могъ быть поколебленъ вновь.

I.

Изслѣдователи, относившіе первоначальное возникновеніе кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ къ концу XVI ст., обыкновенно въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылались на *древнее* якобы *преданіе*, гласившее о пріѣздѣ въ 1589 г. въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи и данномъ имъ здѣшнему братству благословеніи завести высшее училище. Но дѣйствительно-ли существовало подобное преданіе и при томъ древнее? Весьма сомнительно. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, мы не видимъ ни малѣйшаго намека на такое преданіе. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ памятниковъ мы находимъ прямыя и ясныя указанія на возникновеніе братства въ Кіевѣ только около 1615 года. Въ относимомъ къ этому году «Уписѣ кіевскихъ братчиковъ» опредѣленно говорится: «Мы грѣшные, послѣдуя божественному и спасительному и человѣколюбивому наставленію...... *хотя и поздно*, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, *восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія*. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію* святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина *Тимоѳея*, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ...... *начинаемъ сей душеспасительный дружелюбный союзъ, братство церковное, въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ.....*» и пр. [1]). Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, въ составленномъ имъ около 1619 года проэктѣ относительно введенія уніи въ Кіевѣ, говоритъ, что большимъ препятствіемъ для латино-уніатской пропаганды въ этомъ городѣ служитъ *три года тому назадъ основанное здѣсь схизматиками брат-*

---

[1]) Памятники, изданные Кіевскою Коммисіею, т. II, № 2.

ство [1]). Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, въ 1620 году посѣтившій Кіевъ, въ своихъ грамотахъ кіево-богоявленскому братству [2]) ни однимъ словомъ не упоминаетъ о благословеніи послѣдняго еще патріархомъ Іереміею, между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и вполнѣ естественнымъ упоминаніемъ мы постоянно встрѣчаемся въ грамотахъ и актахъ тѣхъ братствъ, какія несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ. Равнымъ образомъ другой іерусалимскій патріархъ Паисій, тоже посѣтившій въ 1649 г. Кіевъ, въ своей грамотѣ богоявленскому братству ничего не говоритъ о какихъ-либо отношеніяхъ къ нему Іереміи, между тѣмъ какъ о Ѳеофанѣ упоминаетъ [3]). Нѣтъ указанія на существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI ст. ни въ грамотѣ Сигизмунда III, данной кіевскимъ братчикамъ въ 1629 году [4]), ни въ письмахъ самихъ братчиковъ, посланныхъ въ 1625—1626 гг. царю Михаилу Ѳедоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину [5]). Словомъ, въ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, мы не находимъ никакого слѣда того якобы древняго преданія, на основаніи котораго пріурочивается возникновеніе означеннаго братства ко времени не позже 1589 года. Съ подобнымъ преданіемъ, точнѣе историческимъ мнѣніемъ, мы впервые встрѣчаемся лишь во второй половинѣ XVIII ст. Въ январѣ 1765 года въ кіевской академіи полученъ былъ изъ «Духовной митрополіи кіевской консисторіи» указъ съ требованіемъ доставить для адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, «съ какого времени и кѣмъ именно кіевобратскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ начальники». Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о кіево-братскомъ училищномъ богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, «когда вос-

[1]) Подлинникъ хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ; въ переводѣ напечатанъ въ 8 № «Основы» за 1861 г. и въ «Вѣстникѣ западной Россіи, т. III.

[2]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, №№ 3—5.

[3]) Ibid., т. II, № 14.

[4]) Idid., т. II, № 6.

[5]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигіи патріаршей, на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на гостинницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной». «Но—добавляютъ составители означенной записки—*изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москву*» [1]). Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи кіево-богоявленскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, но изъ сохранившихся между академическими рукописями черновиковъ [2]), имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, «именно въ лѣто 1588 за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита кіевскаго Онисифора Дѣвочки пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси, посѣтившій свою паству», и что сей патріархъ при своемъ посѣщеніи западно-русскихъ областей, «хотяй здѣсь обновити *любовь апостольскую, устрояше по мѣстамъ* (т. е. городамъ) *братства церковные*». Если патріархъ Іеремія устроилъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное *предположеніе*, что могъ устроить онъ таковое и въ Кіевѣ. И такъ вотъ гдѣ кроется первый зародышъ такого якобы древняго преданія, которое, пріурочивая основаніе кіево-богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 гг., съ теченіемъ времени обставилось новыми подробностями и столь крѣпко укоренилось въ нашей исторической литературѣ!.... Подобнаго-же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства кіевская духовная академія держалась и въ 1771 г., когда отъ нея требуема была вторичная историческая замѣтка по тому-же самому вопросу. Это мнѣніе въ 1773 г. по всей вѣроятности при посредствѣ адресъ-календарей занесено было Герардомъ Миллеромъ и Василіемъ Рубаномъ въ «Старину и Новизну».

---

[1]) Сборникъ рукопис. актовъ кіевской духовной академіи, т. III, № 13.

[2]) Ibid.

Но въ томъ-же 1773 году, когда изъ св. синода воспослѣдовалъ новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи кіевской академіи, ученая академическая корпорація, составляя историческую записку о семъ учрежденіи, уже съ недовѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ богоявленскаго братства и школы при немъ и высказала по этому предмету новое мнѣніе. На вопросъ: «съ коего именно года кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?» —воспослѣдовалъ отвѣтъ, что *не ранье 1615 г.,* какъ свидѣтельствуютъ о семъ несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная запись Галышки Гулевичевны). «*Чтожъ нѣкоторые догадкою только утверждаютъ*», объясняютъ составители разсматриваемой записки, «якобы братскій монастырь съ церковію, школою и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ россійскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, паки гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновленъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего увѣриться*, а совершеннѣе можно видѣть такъ по грамотѣ святѣйшаго кѵръ Паисія, патріарха іерусалимскаго, 1649 года, іюля 23 данной [1]), въ которой поминается, что оный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ прочими христолюбцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго кѵръ Өеофана, не разоренную возобновилъ, но вновь своимъ иждивеніемъ церковь и обитель братскую богоявленскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго патріарха кѵръ Өеофана 1620 года мая 17 данной, въ которой между прочаго написано слѣдующее: «Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вящшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ расширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство *(что разумѣется не иначе— новозаложенное или новосооружившееся братство)* богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною въ вѣчные роды укрѣпихомъ, къ нему-же моленіемъ любоподражательныхъ братій, ко еже во множайшее распространеніе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короля польскаго сущихъ, братство *младен-*

---

[1]) Напечатано въ Памятникахъ кіевской коммисіи, т. II № 14.

ческое, старѣйтему братству единомысльное и повинующееся, о Господѣ заложити изволше, благословихомъ и симъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ». Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, *и были въ прочихъ Королевства Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженнаго ни старѣйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія таковаго ничьмъ доказать не можно»* [1]).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полнаго вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ кіевской академіи [2]), хотя какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *Краткомъ извѣстіи о началѣ кіевской академіи* [3]) держится мнѣнія, пріурочивающаго первоначальное основаніе кіево-богоявленской братской школы къ 1589 году, причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ что патріархъ Іеремія на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное острожскому, львовскому и виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности, *какъ видно изъ одной купчей отъ кіевскаго жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на сверчановскій планъ на Подолѣ, уступленный сему братству.* Но когда богоявленская школа сія сгорѣла, то жена маршала мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками,

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи, № 26.

[2]) Не говоримъ всѣми, но *почти всѣми*, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой академіи кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена патріархомъ Өеофаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто 1798 г.*, составленномъ Иринеемъ Фальковскимъ, въ *хронологіи вещей достопамятныхъ* обозначено: *отъ заведенія кіевской академіи — 178 годъ.*

[3]) Помѣщено въ приложеніяхъ къ Описанію кіево-софійскаго собора, подъ № 41-мъ.

находившійся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.—Тоже самое вслѣдъ за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе исторіографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскоченскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ кіево-богоявленскаго братства (Фундуклей, Закревскій и др.), съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями и дополненіями. Такъ Аскоченскій основаніе кіевскаго училища относитъ «къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству»[1]). По его мнѣнію Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева, онъ по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ и преобразовалъ существующую при богоявленской церкви школу въ высшее просвѣтительное учрежденіе. «Благословеніе патріарха, по словамъ Аскоченскаго, было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему». Въ подверждение несомнѣннаго существованія кіево-богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи, Аскоченскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выпись изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями *и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству*»[1]).

Указывая на пожаръ 1614 года, якобы истребившій богоявленскую церковь и бывшую при ней школу, исторіографы кіевской академіи начальную пустоту этого пожарища восполняютъ перечнемъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ или воинскими подвигами

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, т. I, стр. 57.

лицъ, воспитаніе которыхъ, по ихъ словамъ, «неотъемлемо принадлежитъ древней кіевской школѣ». Къ числу такихъ лицъ преосвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, Захарію Копыстенскаго, Богдана Хмѣльницкаго*, а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Соковича* и сподвижниковъ Хмѣльницкаго, *Павла Тетерю* и *Якима Сомка*.

Такъ постепенно укоренялось, распространялось и пріумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.

Сводя все сказанное относительно сего преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы 25-лѣтнемъ (1589—1615) существованіи братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало кіевской академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ именно году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее православное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Братская школа за первое 25-лѣтіе своего существованія воспитала многихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ и разнаго рода услугами отечеству лицъ.

4) Братство въ разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и бывшую при ней школу; но уже въ слѣдующемъ году братство, благодаря дару Гальшки Гулевичевой, начинаетъ возрождаться и снова преуспѣваетъ на пользу православной церкви и русской народности.

II.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. впервые было поколеблено М. А. Максимовичемъ въ 1865 г. въ его

статьѣ «О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства» [1]). Вотъ что писалъ онъ тогда по этому предмету. «Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, того-временныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года. Печальная пустота этого пожарища восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ кіевской академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для признанія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ надобно того-временное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г., семидесятилѣтнимъ старцемъ, и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ»... «Нельзя и подумать, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, чтобы въ кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія свято-памятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ того-временной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасіею Сверщовскою на ихъ сверщовскій домъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года».

Спустя четыре года послѣ этого, проф. Малышевскій въ своей «Исторической запискѣ о кіевской академіи», читанной имъ на юбилеѣ академіи 1869 г., еще рѣшительнѣе доказывалъ несостоятельность мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміи. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Ни откуда не извѣстно,

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г., №№ 21, 23 и 24.

что Іеремія, на пути-ли въ Москву или обратно, былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается о Кіевѣ. 2) О грамотѣ и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ актовъ кіевскаго братства, что̀—буде таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ грамотѣ 1694 года. 4) Мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившимъ будто-бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Гальшки Гулевичевой 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичева говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала-бы этотъ монастырь, упомянула-бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный союзъ—братство церковное; *начинаемъ* по благословенію святѣйшаго патріарха Тимоѳея и прочихъ патріарховъ и *согласно съ уставами*, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно-ли было-бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если-бы то и другое дѣйствительно было?» [1])

Но ни Максимовичъ, ни Малышевскій, возражая противъ достовѣрности мнѣнія объ основаніи кіево-богоявленскаго братства въ 1589 г., не касались тѣхъ документовъ, на которыхъ мнѣніе это опирается. Документы эти слѣдующіе: 1) Купчая отъ 1594 г. кіевскаго земянина Андрея Обуха и его жены Наталіи, урожденной Сверщовской, на проданный ими братству кіевскому дворъ ихъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони за тридцать копъ грошей литов-

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи, 1869 г., т. IV.

скихъ и 2) Листы урядниковъ воеводства кіевскаго отъ 1593 г., подтверждающіе принадлежность трехъ-святительской и крестовоздвиженской церквамъ ихъ вотчинъ и передачу ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому братству.

Оба эти документа упоминаются въ царской грамотѣ 1694 г. и съ тою-же датою поименованы въ находящейся и нынѣ въ библіотекѣ кіево-печерской лавры рукописной «Описи» (конца прошлаго столѣтія) документамъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой послѣдней подъ рубрикою: «Документы на состоящіе въ городѣ Кіево-Подолѣ, кіево-братскому монастырю принадлежащіе плацы», подъ №№ 1 и 2-мъ, значится: 1) «Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго 1593 года марта 20 дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской трехъ-святительской Филиппу Афанасьевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прежнихъ на оную церковь разныхъ привиллегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана», и 2) «Купчая жителя кіевскаго Андрея Обуха на состоящій въ городѣ Кіево-Подолѣ плацъ, называемый сверчановскій, *съ уступкою* онаго кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 г., сентября 5 дня, на двухъ листахъ; одинъ изъ коихъ писаный, а другой порожній». Такимъ образомъ въ существованіи этихъ документовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но является вопросъ, могутъ-ли эти документы служить доказательствомъ существованія кіево-богоявленскаго братства въ тѣ годы, которыми они означены. На этотъ вопросъ въ свое время мы дали и теперь даемъ отвѣтъ отрицательный.

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха 1594 г. Въ приведенномъ нами по лаврской описи заглавіи этого документа слова: *съ уступкою онаго* очевидно находятся въ противорѣчіи какъ съ названіемъ документа *купчею*, такъ и съ выраженіями царской грамоты 1694 г., гдѣ говорится, что «Андрей Обуховъ съ женою своею Наталіею Сверщевскою *продали* въ братскій монастырь дворовое свое мѣсто сверчановское и съ сѣножатью... *за тридцать копъ литовскихъ*». Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе *о подаркѣ, безденежной отдачѣ* какого либо предмета другому лицу и потому въ разсматриваемыхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ

за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ *уступки?*—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ при описаніи документовъ онъ строго различаетъ продажу *отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднею *пожертвованіе, дарственную запись,* какъ можно, напримѣръ, видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) «*уступной листъ,* данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе Совкою»; 2) «*уступка* части мельницъ въ Бѣлгородкѣ кіево-софійскому монастырю отъ Михаила Мисниченка», и т. п.

Чѣмъ-же объяснить указанное нами противорѣчіе?

Думаемъ, что другаго способа для этого нѣтъ, какъ предположить, что въ 1594 г. Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой сверчковскій дворъ, но продалъ не кіево-братскому монастырю, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ извѣстное время купленнымъ мѣстомъ, *уступило* (т. е. пожертвовало) оное кіево-богоявленскому братству, въ то время уже существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій въ 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепроданъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи и четвертыя руки; но очевидно, что сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Когда въ 1694 году купчая Андрея Обуха, какъ основной документъ на владѣніе сверчковскимъ дворомъ, представлена была, вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами кіево-братскаго монастыря, въ Москву для исходатайствованія подтвердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при внесеніи въ грамоту посланныхъ документовъ, въ купчей Андрея Обуха легко могло быть упущено изъ виду слово: *съ уступкою,* которое мы находимъ въ лаврской описи. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчіи, и при томъ сто лѣтъ назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Не мудрено, что какой нибудь малограмотный приказный, обозначая содержаніе разсматриваемаго документа, обошелъ,

быть можетъ по трудности чтенія, уступочную запись, которая могла быть написана кратко гдѣ либо на оборотѣ купчей, а имѣя дѣло лишь съ купчей и выслѣдивъ въ ней имя продавца, названіе продаваемаго мѣста и цѣну онаго, не затруднился самую покупку приписать братскому монастырю, такъ какъ купчая представлена отъ него, какъ одинъ изъ его крѣпостныхъ документовъ. Иначе, т. е. съ большею точностію могъ изложить содержаніе этой купчей составитель упомянутой выше описи, постоянно имѣвшій дѣло съ древними южно-русскими документами и пріобрѣвшій большой навыкъ въ чтеніи ихъ, а потому его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того-же документа писцами Малороссійскаго Приказа.

Было-бы однако съ нашей стороны очень смѣло на одномъ предположеніи о возможной ошибкѣ писца утверждать, что сверчковскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, по запродажной, а отъ втораго и даже третьяго лица и при томъ чрезъ пожертвованіе, если-бы не имѣли на это положительнаго документальнаго свидѣтельства. Въ 1693 году, мая 17-го, т. е. не задолго до отправленія въ Москву крѣпостныхъ документовъ кіево-братскаго монастыря для подтвержденія ихъ царскою грамотою, іеромонахи этого монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Родовичъ явились въ кіевскую ратушу и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братіею, чтобы войтъ, бурмистры и лавники назначили коммисію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна, посредствомъ купли или пожертвованій пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Очень можетъ быть, что это именно была провѣрка недвижимостей по документамъ и самыхъ документовъ предъ отправленіемъ ихъ въ Москву. Назначенные на этотъ разъ отъ ратуши урядники, вмѣстѣ съ братскими старцами, «дворы осматривали и описали ихъ», а въ описаніи ихъ, между прочимъ, находится слѣдующее весьма важное для насъ свѣдѣніе о сверческовскомъ дворовомъ мѣстѣ: «*седьмой* (по счету описи) *дворъ сверческовскій данъ въ монастырь отъ Крестины Левничевой и отъ Агафіи Козачинки*» (слѣдуетъ затѣмъ вычисленіе границъ и размѣровъ этого двора) [1]). И такъ не можетъ подлежать

[1]) Рукопись кіевской духовной академіи: *Выпись размѣренія плацовъ монастыря богоявленскаго братскаго.*

сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой сверческовскій дворъ не кіево-богоявленскому братству, а кому-то другому, можетъ быть родителямъ названныхъ выше жертвовательницъ, или имъ самимъ, и уже отъ этихъ послѣднихъ означенный дворъ перешелъ по дарственной записи во владѣніе братства, а слѣдовательно на принадлежности кіевскому братству крѣпостнаго документа съ датою 1594 г. нельзя основывать заключенія о существованіи въ томъ году самаго братства. Купчая 1594 года передана была братчикамъ жертвовательницами Лешничевою и Козачинкою, какъ основной документъ на владѣніе пожертвованнымъ мѣстомъ, а когда это случилось, неизвѣстно. Но что купчая 1594 года была именно такимъ основнымъ документомъ, это между прочимъ ясно видно изъ дѣвичьей фамиліи жены Андрея Обуха—фамиліи сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. Сверчковскій дворъ, очевидно, былъ родовою собственностію Наталіи Сверщовской.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія кіево-богоявленскаго братства въ концѣ XVI ст., именно «Королевскихъ листовъ...», то какъ въ царской грамотѣ 1694 года, такъ и въ упомянутой лаврской описи документовъ, при изложеніи содержанія этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о кіевскомъ братствѣ. Приведенное нами выше полное его оглавленіе или содержаніе съ указаніемъ на братство принадлежитъ историку академіи Аскоченскому и есть не болѣе, какъ его собственное измышленіе. Руководствуясь этою произвольною добавкою или догадкою, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи кіевскаго братства еще въ XVI ст., разсуждаютъ такъ: въ 1693 году братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ и ему уступленныя, документъ отъ 1593 года; слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало. Но такое разсужденіе столь-же основательно, какъ и ссылка на купчую Обуха. Извѣстно, что въ то время частныя лица и общественныя учрежденія, пріобрѣтая (посредствомъ-ли дара или черезъ покупку) какія либо помѣстья, угодья и т. п., всегда старались получить первоначальные, основ-

ные документы на эти помѣстья и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, напримѣръ, кіево-печерская лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронецкаго въ 1588 году, но когда впослѣдствіи началось тяжебное дѣло по поводу владѣнія лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебнаго утвержденія документъ отъ 1541 года [1]). Точно также поступалъ и кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 года говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодія еще отъ польскаго короля Генриха [2]), слѣдовательно отъ такого времени, когда даже по мнѣнію сторонниковъ древняго преданія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства, послѣднее еще не существовало. Такъ поступилъ братскій монастырь и въ данномъ случаѣ: онъ представилъ документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ нему отъ кіевскихъ трехъ-святительской и кресто-воздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 году. Между тѣмъ по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей трехъ-святительской и кресто-воздвиженской перешли въ владѣніе кіево-богоявленскаго братства *не въ 1593 году, а гораздо позже.* Такъ въ 1615 году на владѣніе имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привилей священникъ Моисей Ивановичъ [3]). Въ слѣдующему году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ вѣденіи священника Филиппа [4]); но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что-же касается до кіево-богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей только съ 1638 года. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утвердившаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича [5]).

---

[1]) Рукопись лаврской библіотеки, № 205.

[2]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, стр. 312.

[3]) Рукопись кіевской академіи, № 26.

[4]) Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи, издан. Н. Г. Лебединцевымъ.

[5]) Рукопись духовной академіи, № 26.

Изъ сказаннаго, надѣемся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 г., такъ и «королевскіе листы» 1593 года первоначально были выдаваемы не кіево-богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли. Слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указанные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI-го столѣтія, теряетъ всякое значеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ». Какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ пользу прежняго мнѣнія о возникновеніи кіевскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI ст., называя означенное мнѣніе *вполнѣ достовѣрнымъ* и приводя въ подкрѣпленіе его нѣкоторыя новыя указанія, бывшія неизвѣстными предшествовавшимъ изслѣдователямъ кіевской старины. Эти указанія касаются пріѣзда въ Кіевъ въ 1589 г. константинопольскаго патріарха Іереміи, который будто-бы благословилъ кіевское братство и его школу и времени построенія первой богоявленской церкви, которое авторъ относитъ не къ XVII, а къ XVI ст.

«Что патріархъ Іеремія, говоритъ Н. Л—въ, дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и бородою, между портретами антіохійскаго патріарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Ѳеофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена».

Прежде всего замѣтимъ, что почтенный авторъ, передавая сжато разсказъ Павла Алепскаго, не совсѣмъ точно приводитъ нѣкоторыя выраженія подлинника. У Павла Алепскаго, въ его «Описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія», приведенное мѣсто въ полномъ видѣ читается такъ: «Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софіи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панагіями и крестами. Первый изъ нихъ, пріятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, прозванный *Сонъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы высчитали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремія, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *пріѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came *to this country*, the one immediately following the other)» [1]).

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они пріѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство, въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были писаны именно въ

---

[1]) The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1836 г., т. 2, стр. 308.

этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконъ Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ, добавимъ мы, списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учрежденіями на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этого, портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда-же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Латино-уніаты, во время возникшей литературной полемики съ православными по поводу возстановленія означеннымъ патріархомъ южно-русской іерархіи, упрекали виленскихъ братчиковъ, что они воздаютъ турецкому шпіону (такъ уніатскія власти называли патріарха Θеофана) чуть не божескія почести: ставятъ около иконъ его портреты, имѣютъ ихъ по церквамъ, носятъ во время крестныхъ ходовъ... Что-же удивительнаго, если у кіевскаго митрополита половины XVII ст. можно было встрѣтить подобные портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятельство поставлять въ неизбѣжную связь съ пріѣздомъ этихъ іерарховъ въ Кіевъ?

Но если-бы у Павла Алепскаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и *Іереміею константинопольскимъ*, то и такому указанію нельзя было-бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ не согласному (за исключеніемъ одного случая—пріѣзда въ Кіевъ Θеофана) съ достовѣрными фактами. Такъ положительно извѣстно, что антіохійскій патріархъ Іоакимъ при своемъ посѣщеніи земли россійской не доѣзжалъ до Кіева, александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и вовсе не посѣщалъ западно-русскія области; что-же касается Іереміи константинопольскаго, то его двухкратный переѣздъ по юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить со всѣми, иногда довольно

длинными остановками, причемъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 г., когда возвращался изъ нея, *въ Кіевъ не заѣзжалъ* [1]).

Итакъ, и это новое подкрѣпленіе древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства не можетъ дать ему никакой опоры, какъ неточное и несогласное съ положительными историческими данными. Не подкрѣпляютъ этого преданія и соображенія П. Л—ва о времени построенія первой богоявленской церкви, хотя и основанныя на новомъ историческомъ указаніи. Сущность этихъ соображеній и ихъ отношеніе къ данному вопросу слѣдующія.

Извѣстно, что братство кіевское всегда называлось богоявленскимъ по имени церкви, при которой оно было учреждено: если

---

[1]) Путь патріарха Іереміи въ Москву и обратно чрезъ литовско-русскія области, какъ видно изъ положительныхъ документальныхъ данныхъ, былъ слѣдующій:

а) *Путь патріарха въ Москву.* Въ началѣ мая 1588 г. патріархъ Іеремія прибылъ на границу Польши, откуда послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замойскому, прося у него дозволенія остановиться въ Замостьѣ. Въ половинѣ мая патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, въ концѣ этого мѣсяца выѣхалъ оттуда и, быстро проѣхавъ Брестъ, къ 3-му іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь патріархъ пробылъ 12 дней и затѣмъ чрезъ Оршу отправился въ московское государство.

б) *Обратный путь патріарха изъ Москвы.* Испросивъ 7 іюля 1589 года позволеніе у польскаго короля Сигизмунда III обозрѣвать находящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополію, патріархъ Іеремія въ половинѣ этого этого мѣсяца былъ уже въ Вильнѣ. Пробывши здѣсь около двухъ недѣль, онъ отправился въ супрасльскій монастырь, гдѣ низложилъ настоятеля архимандрита Тимоѳея Злобу, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ. Къ половинѣ августа патріархъ былъ уже въ Замостьѣ, гдѣ прогостилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, принимая въ это время разныхъ представителей западно-русской церкви (епископовъ, братчиковъ) и дѣлая разныя распоряженія по духовнымъ дѣламъ. Изъ Замостья чрезъ Каменецъ-Подольскъ (13 ноября 1589 г.) и затѣмъ Галицію Іеремія направился къ своей патріархіи (*Arsenii Elassonis.* Iter in Moscoviam. Theiner, Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae, т. III, № 46. Собраніе грамотъ г. Вильны, Ковно, т. II, № 3 и 4. Акты западной Россіи, т. IV, №№ 5, 18, 20, 149. А. Ю. и З. Россіи, т. I, № 191. Виленскій археол. сборникъ, т. IX, № 28. *Зубрицкій,* Лѣтоп. львовск. братства и др. Сравн. Исторію русской церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 458—460, 479 и слѣд.).

основаніе братства относить къ 1589 году, то надо доказать и существованіе въ то время богоявленской церкви въ Кіево-Подолѣ. Авторъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» дѣлаетъ для этого слѣд. сопоставленія. Создателемъ первой богоявленской церкви покойный М. А. Максимовичъ считаетъ жившаго гораздо позже и умершаго, въ 1632 году гетмана Сагайдачнаго, и того-же Сагайдачнаго антіохійскій патріархъ Паисій въ грамотѣ своей, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 г., называетъ создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской. Но о церкви, которая можетъ быть приписываема Сагайдачному, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть документъ, указывающій, что она не была окончена еще и въ 1625 г. Это именно письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Θедоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., которымъ они просятъ его о милостынѣ «на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, возведенной уже до верха, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Съ другой стороны извѣстно, что раньше этой существовала другая богоявленская церковь, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Авторъ «Замѣтокъ» спрашиваетъ: «когда-же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ?» и отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, не въ 1615 г. (къ которому по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ относится основаніе братства и школы), ибо не могла-же она обветшать такъ скоро, что менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей-же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія».

Что сказать противъ этого?

Во 1-хъ почтенный авторъ невѣрно говоритъ, что гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный скончался въ 1632 году,—онъ

умеръ десятилѣтіемъ ранѣе, именно въ 1622 году, апрѣля 10-го, и объ этомъ имѣются несомнѣнныя данныя [1]).

Во 2-хъ, предположеніе автора о существованія какъ въ 1589, такъ и въ 1620 году той богоявленской церкви, о которой упоминается еще въ описи 1555 г., ни чѣмъ другимъ не подтверждается и ему съ большею основательностію можетъ быть противопоставлено другое предположеніе, что богоявленская церковь, въ которой въ 1620 году патріархъ Ѳеофанъ совершилъ посвященіе Исаіи Копинскаго и Іова Борецкаго, построена вслѣдъ за учрежденіемъ братства въ 1615 году. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Анна Гулевичевна, подарившая свой дворъ подъ обитель и уже введшая въ него школу и иноковъ, въ теченіи цѣлыхъ пяти и даже болѣе лѣтъ не озаботилась устройствомъ здѣсь церкви, или, лучше сказать, не озаботилось этимъ кіевское братство, воспользовавшееся фундаціею Гулевичевны? Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что братство, имѣя уже церковь и притомъ недавно сооруженную, приступаетъ къ постройкѣ новой: во первыхъ, прежняя церковь, безъ сомнѣнія строенная на скорую руку, могла не удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства, а во вторыхъ на фундушѣ Гулевичевны, по мысли жертвовательницы, долженъ былъ устроиться монастырь (онъ патріархомъ Ѳеофаномъ и былъ уже благословленъ), въ монастыряхъ же сравнительное обиліе церквей дѣло обычное [2])...

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами «новыхъ указаній», приводимыхъ Н. Л—мъ въ подтвержденіе «полной достовѣрности» древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI стол., онъ въ защиту означеннаго преданія ссылается еще на документъ уже давно извѣстный (запись Гальшки Гулевичевны, 1615 г.) и утверждаетъ, что въ немъ якобы находятся ясные намеки на существованіе братской школы ранѣе

---

[1]) Современная замѣтка въ помянникѣ кіево-михайловскаго монастыря; *Вѣршѣ на жалобный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска его королевской милости запорожскаго... 1622 г.*

[2]) Не говоримъ уже о противорѣчіи, въ которое естественно должны впадать защитники мнѣнія о существованіи кіевскаго братства въ XVI ст., утверждая, что Ѳеофанъ совершалъ посвященіе Копинскаго и Борецкаго въ братской церкви, построенной до 1555 года. А страшный пожаръ 1614 года, истребившій якобы всѣ братскія постройки?

1615 года. «Въ своей записи, говоритъ авторъ, жертвовательница (Гальшка Гулевичевна) пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигіи патріаршеской* и что она *тотчасъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Копинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршей ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпораціей Исаія Копинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открываетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а тотчасъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихъ и учащихся. Итакъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школой, существовала раньше 1616 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ».

Припоминая замѣчаніе проф. Малышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ — дарственная запись Гальшки Гулевичевны — по мнѣнію одного изслѣдователя заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что

кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось,* а по словамъ другаго въ немъ находятся *довольно ясные намеки* на существованіе братской школы и патріаршей при ней ставропигіи *раньше этого времени.*

Обратимся къ разсмотрѣнію самой записи Гальшки Гулевичевны.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Гальшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *кіевскому братству.* Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ запись Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію кіевскаго братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будучимъ», какого-бы они званія и сословія не были (духовнымъ и свѣтскимъ, дворянамъ и простолюдинамъ). Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно всѣ православные разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевною дворъ съ землею, и должно разумѣть не кого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною натяжкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Мыслимо-ли также, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 г. и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе, что фундаторша своею жертвою *замѣнила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?*

Съ одной стороны, принимая во вниманіе сказанное нами о записи Гулевичевны, какъ не заключающей въ себѣ ни малѣйшаго упоминанія о кіевскомъ братствѣ, а съ другой имѣя въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что вскорѣ послѣ 14 октября 1615 года (дата означенной записи) братчики уже владѣли фундушемъ жертвовательницы, мы думаемъ (какъ имѣли уже случай замѣтить въ одномъ изъ своихъ сочиненій) [1]), что въ то время, когда фундація Гулевичевны приводима была къ исполненіе, братство въ Кіевѣ или еще не сформировалось окончательно, или, что едвали не вѣроятнѣе, нѣкоторое, очень непродолжительное время уже существовало при одной изъ кіево-подольскихъ церквей. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что *на самыхъ первыхъ порахъ* фундація Гулевичевны къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣла. Есть довольно твердое основаніе думать, что дарственная запись Гулевичевны состоялась подъ благотворнымъ вліяніемъ кіево-печерской обители: въ числѣ первыхъ лицъ, введенныхъ въ пожертвованный домъ, указывается Исаія Копинскій, *жившій до того въ лаврѣ* [2]); самая школа, введенная Гулевичевною, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора». Такимъ образомъ, мы думаемъ, что фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли въ Кіевѣ почти одновременно, но независимо другъ отъ друга. Но такъ какъ цѣли, имѣвшіяся въ виду при фундаціи Гулевичевны, совершенно совпадали съ задачами, намѣченными для своей практической дѣятельности новообразовывавшимся братствомъ [3]), то очевидною представлялась польза соединенія обоихъ учрежденій въ одно, каковое соединеніе дѣйствительно и состоялось въ самомъ концѣ того-же 1615 года, или въ началѣ слѣдующаго года.

Слова дарственной записи Гальшки Гулевичевны: *жертвую все сіе на монастырь патріаршей ставропигіи*, II. Л—въ, какъ мы видѣли, объясняетъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патріаршую

[1]) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. I, стр. 294.

[2]) Объ этомъ есть упоминаніе въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы.

[3]) Подробнѣе объ этомъ въ сочиненіи: *Петръ Могила*, т. I, стр. 287 и слѣд.

ставропигію, ибо нельзя-же разумѣть въ данномъ случаѣ *ставропигію*, данную братской обители патріархомъ Ѳеофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть.

Относительно такого разсужденія можно замѣтить слѣдующее:

1) Приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на ставропигіальный монастырь, уже существующій: въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была-бы поименовать его. Гулевичевна въ своей записи выражаетъ только желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ устроенъ былъ монастырь, подчиненный непосредственно патріарху, *ставропигіальный*. Большаго вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

2) Если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патріаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представитъ затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и въ память пребыванія своего въ семъ городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патріаршей*. Но если кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патріаршую ставропигію, то какъ-же объяснить означенное дѣйствіе Ѳеофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было-бы естественно; но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, Ѳеофанъ первый изъ патріарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ, очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Извѣстно, какъ братства дорожили патріаршими ставропигіями: патріаршее благословеніе они считали «перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ найдрожайшимъ». Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможное-ли это дѣло, если признать справедливымъ пріѣздъ въ Кіевъ этого патріарха и учрежденіе имъ здѣсь патріаршей ставропигіи?.. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ документовъ есть прямыя указанія, что кіевское брат-

ство пріобрѣло ставропигіальныя права именно отъ Ѳеофана. Кромѣ общеизвѣстной, уже указанной нами грамоты послѣдняго, укажемъ здѣсь па извѣстное и нашему автору письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, изъ котораго видно, что главнымъ устроителемъ братства считается именно Ѳеофанъ, что его грамота посылалась къ царю «во свидѣтельство», что эта грамота постоянно пребываетъ въ братствѣ и почитается за «многоцѣнный бисеръ». Не очевидно-ли, что кіевское братство получило ставропигіальныя права не отъ Іереміи константинопольскаго (имени котораго мы и не встрѣчаемъ въ братскихъ документахъ), но отъ Ѳеофана іерусалимскаго?

IV.

Пишущему эти строки, какъ безусловно отвергавшему достовѣрность сказаній о существованіи братства въ Кіевѣ еще въ XVI столѣтіи, не разъ приходилось выслушивать слѣдующее возраженіе: если возникновеніе кіево-богоявленскаго братства со школою при немъ дѣйствительно относится ко времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси только съ начала XVII столѣтія, благодаря многоплодной и благотворной дѣятельности кіево-печерскихъ архимандритовъ Елисея Плетенецкаго (заведеніе типографіи, изданіе книгъ, фундаціи школъ, вызовы въ лавру ученыхъ мужей), Захаріи Копыстенскаго, въ особенности-же митрополита Петра Могилы; а до того времени, т. е. до самаго конца XVI столѣтія, это былъ городъ, вовсе не могшій хвалиться своими религіозно-просвѣтительными средствами: можно сказать даже болѣе—это былъ городъ въ нравственномъ отношеніи крайне опустившійся. Правда, Кіевъ искони считался главною святынею русской земли, и кіево-печерская обитель всегда привлекала къ себѣ массы

богомольцевъ даже изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Пожертвованія на обитель были частыя и щедрыя и она въ матеріальномъ отношеніи занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, кіево-печерскіе архимандриты, въ большинствѣ случаевъ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе архимандриты. Естественно, что подобное положеніе дѣлъ мало благопріятствовало вліянію кіево-печерской обители на религіозно-нравственную жизнь южно-русскаго народонаселенія. Неудивительно, что не смотря на громадныя богатства, накопившіяся въ лаврѣ къ концу XVI столѣтія, она въ это время не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни [1])... Чего не дѣлала богатая лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, постоянно опасавшихся (по положенію Кіева, какъ окраины государства) враждебныхъ нападеній. Въ своемъ «уписѣ» кіевскіе братчики прямо заявляютъ, что доселѣ (т. е. до 2-го десятилѣтія XVII стол.) они (т. е. жители города Кіева) пребывали *въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской.* Трудно было ожидать отъ кіевлянъ разсматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили возможнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1546 году Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой давней святынѣ, какъ кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишенъ всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрепятственно бродятъ внутри его псы, свиньи и т. п. животныя [2]).

Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ современниковъ. «Писано есть нѣгде, писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣеши,

---

[1]) Подробно обо всемъ этомъ см. наше сочиненіе *Петръ Могила и его сподвижники,* т. I, стр. 242 и слѣд.

[2]) *Ks. Poz. Wereszczyńskiego,* Osada Kijowa.

иже по тебѣ. Всегда видяще разсмотряемъ древняго благолѣпия созданнии драгоцѣнные храмы, прославлении ради всесильнаго имени единосущныя преестественныя Троицы, отъ прародителей благочестіемъ равноцвѣтущимъ великодержавнаго величества вашея царския милости въ Киевѣ, *нынѣ же точію едва слѣдъ ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимѣ жаляще, яко мы послѣдній родъ сихъ зрѣти достигохомъ*; на мѣстѣ, идѣже первѣй начало просвѣщениемъ родъ россійскій истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всѣмъ спасение истече и процвѣте, идѣже богодухновеннии отцы пречуднымъ житиемъ и чудесы просияша, ихъ же тѣлеса донынѣ въ нетлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде нынѣ зримъ изсыхающъ, всякія же бѣды, гонения и укоризны исполненъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекеилемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяніе ты творити остаткомъ израилевымъ[1]).

V.

Подводимъ итогъ всему нами изложенному.

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами кіевской академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ ней глубокіе корни, съ теченіемъ времени пріукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

---

[1]) Съ подлинника находящагося въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.

2) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною.

3) Относительно созданнаго «догадкою» и украшеннаго легендами перваго якобы 25-тилѣтняго существованія кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и «королевскіе листы урядниковъ воеводства кіевскаго», какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI столѣтія, оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ разсматриваемое время къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впослѣдствіи вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

4) Въ начальныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ документахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, находится довольно прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 года (Братскій уписъ, Письмо Рутскаго).

5) Ставропигіальныя права кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Өеофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Мнѣніе-же, якобы означенное право братство получило еще отъ патріарха Іереміи, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчіи какъ съ поименованною грамотою Өеофана, такъ и съ нѣкоторыми другими докумен-

тальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу).

6) Наконецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

С. Голубевъ.

ДУНАЙЦЫ [1]).

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1884 года (стр. 129—131) помѣщенъ любопытный документъ, подъ заглавіемъ: «Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ». Онъ сообщенъ *А. М. Лазаревскимъ*, но откуда имъ заимствованъ, не сказано. Упомянутый въ этомъ документѣ войсковый старшина Филиппъ Стягайло, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и заслуженныхъ молодцовъ запорожскихъ, былъ въ 1769—1770 гг. начальникомъ козачьей флотиліи и имѣлъ въ своей командѣ 3-хъ полковниковъ, 8 полковыхъ старшинъ, 1 іеромонаха, 4-хъ хорунжихъ, 38 канонеровъ и 1690 козаковъ [2]). Служба этой команды была самая трудная и опасная, ибо требовала частыхъ поисковъ внизу Днѣпра, на лиманѣ и въ самыхъ гирлахъ рѣки, тогда сильно укрѣпленныхъ турками въ Очаковѣ, Кинбурнѣ и на Березанскомъ островѣ. 5 января 1771 года доблестный Стягайло награжденъ въ числѣ другихъ 12 старшинъ большою золотою медалью на Андреевской (блакитной) лентѣ.

Въ дополненіе упомянутой реляціи считаю долгомъ сообщить отъ себя нѣсколько документовъ по тому-же предмету.

Въ моемъ архивѣ есть большое дѣло въ 300 слишкомъ страницъ, подъ заглавіемъ, буквально списаннымъ: «2 дѣлъ о командахъ 2-хъ потысячныхъ съ запорожскаго войска, съ Днѣпра Чернымъ моремъ, мимо крѣпости очаковскую и кинбурнскую, въ

[1]) Изъ подлинныхъ документовъ моего запорожскаго архива.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи* и пр., ч. II, стр. 25—26.

Дунай къ первой россійской арміи командированныхъ въ 1771 и 1772 годахъ». Къ этимъ двумъ дѣламъ мы присовокупили еще многіе документы о походѣ козаковъ въ 1773 и 1774 годахъ, до ихъ возвращенія на родину. Такимъ образомъ мы дополняемъ ими сказаніе наше о «Дунайцахъ», помѣщенное въ книгѣ нашей (стр. 95—99) о походѣ ихъ въ 1771 году и обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на новыя свѣдѣнія о доблестяхъ «славнаго войска запорожскаго низоваго».

I.

Опытъ экспедиціи «Дунайцевъ» 1771 года былъ такъ удаченъ, что генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій обратился къ кошевому П. И. Калнишевскому съ слѣдующимъ, почти дружескимъ письмомъ:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ-же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ запорожскаго войска казаковъ, ежели можно, двѣ тысячи человѣкъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Нолиса. И хотя я не сумнѣваюсь, чтобы въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство могли произойти съ стороны войска запорожскаго какія либо затрудненіи; однакожъ поелику не всѣ извѣстны здѣсь могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предпріятіе въ дѣйство произвесть надѣетеся. А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ остановокъ, то ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ войску запорожскому на сіе приуготовленіе, естьли отправлено будетъ двѣ тысячи человѣкъ, то десять тысячъ рублей, и послѣднее число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальные, по мѣрѣ вашего отправ-

ленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ ея величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получатъ тоже самое награжденіе по прибытія въ Дунай, какое получили дошедшія войска запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно ваше и всего войска запорожскаго къ службѣ ея императорскаго величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же пріобрѣтете тѣмъ незабвенную славу. Въ протчемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искреннимъ усердіемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга

Князь *Александръ Вяземскій.*

Февраля 17 дня.
1772 года.

Получивъ столь лестный ордеръ государыни, Кошевой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фальконетовъ [1]) и нужное количество сухарей, такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собравъ-же на сходку 17 апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войску дарованныхъ раздѣлилъ по 100 руб. на всякій курень, всего 3,800 руб., а изъ остальныхъ «за деготь заплочено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковій, для артиллерійскихъ и протчихъ надобностей [2])».

Въ отвѣтѣ своемъ князь Долгоруковъ (12 марта 1772 года) пишетъ, что на счетъ фальконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано, и присовокупляетъ:

«Черезъ сіе-же даю знать, что съ присланною отъ ея императорскаго величества всемилостивейшею грамотою отправляю я къ вамъ переводчика иностранной коллегіи *Архипова*, подтверждая вамъ прежнее мое предписаніе о принятіи сей съ глубокимъ благочестіемъ».

Намъ удалось найти одну весьма подробную реляцію о службѣ косаковъ въ 1771 году на водахъ нашего края, которая допол-

---

[1]) Фальконеты (fauconaut) небольшаго калибра, длины пушки.

[2]) Замѣтимъ кстати, что деньги на куреня получали *кухари*, т. е. *повара* куренные; вѣроятно они были, по обычаю, и интендантами своихъ куреней.

няетъ пробѣлъ, указанный въ книгѣ нашей на стр. 98—99. Это рапортъ полковника Сѣдловскаго отъ 24 сентября того года и при немъ:

«Журналъ 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ какомъ мѣстѣ.

1771 года маія 29 изъ города Аккермана съ командою войшелъ въ усть Дуная; въ Килію мѣсяца іюня 2 числа прибылъ, гдѣ имѣлъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получилъ я отъ г. генералъ-маіора и разныхъ орденовъ кавалера *фонъ Вейсмана* письменый приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечько Измаилъ.

Въ Измаилъ прибылъ я съ командою іюня 8 и находился въ точной его г. генералъ-маіора фонъ Вейсмана командѣ. Тогожъ мѣсяца со всѣмъ корпусомъ означенный генералъ фонъ Вейсманъ, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріятелемъ, гдѣ убито генералъ-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ опого мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ войскомъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, бакчебасовъ и полубакчебасовъ, тоже военныхъ, до немалаго числа.

Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ розъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ розъѣздѣ случились и непріятельскіе розъѣзды и имѣли съ ними частыя перепалки, только безъ всякаго урону возвращались.

Іюля 20 кабардинскаго пѣхотнаго полка полковника *Плачника* вышеупомянутый генералъ Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и со всею моею командою, на нашихъ самихъ лоткахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батареи и сосженія тѣхъ селеній, что тамо все удачнѣе исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

Потомъ вышеозначенный генералъ-маіоръ фонъ Вейсманъ, получа отъ его графскаго сіятельства, генералъ-фельдмаршала графа Румянцова ордеръ объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сах-*

новскаго главными командирами надо мною и козаками[1]) съ оными іюля 26 дня изъ мѣстечка Измаила выступили для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на коихъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ былъ. И прибыли въ мѣстечко Галацы августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ приономъ городи, для разъѣзду и пресиченія непріятелю коммуникаціи, 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генералъ-квартирмейстра фонъ Бавра, въ его корпусъ состоящій надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По сему я въ Браиловѣ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

Тогожъ августа 10-то г. генералъ-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лотки нашихъ и нѣсколько маленькихъ казаковъ, рекогнисцеровалъ на той сторонѣ Дуная города Гирсова; однако состоящій на островѣ неприятельской бекетъ близко подъѣхать не допустилъ; и такъ оной генералъ возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лотки, збить оной бекетъ и тамошнея селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все казаками исполнено.

19 августа посыланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всѣми 13 лотками, вверхъ по Дунаю въ разъѣздъ, въ которомъ разъѣздѣ будучи, на непріятельскія 2 судна напали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немала побили, а 6 человѣкъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и едного козака.

26 онаго-же мѣсяца посыланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ (Сахновскимъ) отъ генерала Бавра, чтобы подъ самымъ непріятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батареями, въ гаваии суда

[1]) Это вѣроятно по случаю безпорядковъ въ лодочной командѣ по наущенію одного изъ куренныхъ атамановъ.

забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками посыланъ на низъ рѣки Дуная, на состоящій подъ мѣстечкомъ Дуянъ (Девно), на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное село разорить, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнъ едного Агу, кой назвалъ себя Бѣмъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ-же сраженіи убито въ смерть 4, тяжко и легко ранено 28 козаковъ. Тѣжъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему запорожскому войску благодарилъ и обѣщался о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу (Румянцову) и государынѣ писать и рекомендовать.

Тогожъ мѣсяца 16 числа посыланъ я съ командою и при командѣ моей венгерскаго гусарскаго [1]) полка капитанъ *баронъ Эренбергъ* въ гору Дуная, подъ неприятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и сжечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграбилъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ симъ:

Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ къ намъ командиромъ секундъ-маіоромъ *Беличемъ*, ходили они подъ непріятельскій берегъ въ разъѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судины турецкіе разбили, а 9 турковъ въ плѣнъ взяли и до немало багажу, возвратились, при томъ нападеніи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

20 августа съ тѣмъ-же маіоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ разъѣздъ и подъ неприятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожъ военныхъ, 2, на кои напали и отбили отъ турокъ ти судна и на оныхъ 26 пушокъ и мѣлкихъ судовъ до немалаго числа. Кои судна и пушки

---

[1]) Изъ новороссійскихъ поселенныхъ полковъ.

въ Браиловѣ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни едного. Турокъ 3 человѣка взято.

Оные 6 судовъ теперь стоятъ зъ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина (Мачинъ) на бекети, и имѣлъ съ непріятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ (картелюнкѣ), пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды в поклонъ съ добутыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: шаблю, подъ серебромъ ножни, попередникъ конскій съ серебренными жучками, пану писарю войсковому Ив. Я. Глобѣ часы карманные, тоже тамо добуты, серебренны, чрезъ атамана поповичева (куреня) Петра Мовчана посылаю».

За службу козаковъ запорожскихъ въ компаніи 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты, о которой упоминаетъ князь Долгоруковъ въ приведенномъ выше ордерѣ отъ 12 мая [1]).

«Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному, низоваго войска запорожскаго Кошевому Атаману и всему войску запорожскому, наше императорскаго величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанѣю отъ поданнаго нашего низоваго войска запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражненно было, возложенная служба исправляема была ревностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы, будучи всегда полезнаго мнѣнія одолженнаго къ намъ и къ службѣ нашей усердія низоваго войска запорожскаго, стѣмъ болшимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подверждевіе, чемъ сходственное тому наше было и собственное ожида-

[1]) Грамота списана съ копіи и формально засвидѣтельствована слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводилъ войсковой канцеляристъ *Демко Ремаревъ*; перекопіевана марта 25, 1772 г.».

ніе, и поелику и случай получаемъ предявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполненному войску монаршее наше благоволеніе за подъятые имъ подвиги, основанныя на сугубой должности вѣрнаго подъданства и благочестия, такимъ образомъ всемилостивѣйше мы, похваляя сею нашею императорскою грамотою помянутое низовое войско запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредъ, какъ при настоящей противъ врага креста Господня войнѣ, пока в миръ твердой и полезной не преобратимся, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда сточностию по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣетъ, кои даванни будутъ отъ насъ и нашимъ высочайшимъ имянемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоенныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе ксему нашему подданному войску не только продолжаемы, ко, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ, и усугубляемы будутъ.

Пребываемъ мы нынѣ къ вамъ Кошевому Аатаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дана въ Санктъ-Питербургѣ февраля 22 дня 1772 года.

Оригинальная собственною ея императорскаго величества рукою подписана тако:

Екатерина [1]).

А вотъ нѣсколько отрывковъ похода Дунайцевъ въ 1772 году.

7-го мая командированный съ пѣшей командою полковникъ Ледо, для привода въ море лодочнаго отряда, доноситъ Копу, что команда съ полковникомъ *Иваномъ Мандро*, замѣнившимъ больнаго, а вскорѣ и умершаго Сидловскаго, мая 5 благополучно отправилась внизъ по Днѣстровскому Лиману, «а мы леда и козаки по близу Кинбурна чрезъ всю ночь стояли и пальбы съ Очакова, съ города и судовъ не слыхали».

23 іюня полковникъ Мандро доноситъ уже Кошевому:

«Исполняя я данное вашей вельможностью, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго маія, мимо крѣпости очаковской и кинбурнской

[1]) Копія почти въ клочкахъ, съ трудомъ мною переписана.—А. С.

прошелъ благополучно, а маршируючи онымъ моремъ, первую имѣли пристань при Аджибеѣ (нынѣ Одесса), гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Акермана, и отъ сихъ обоихъ мѣстъ мая 20 ч. съ Акермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортуною, отъ послѣдовавшаго морскаго не малаго вѣтру, 2 лотки куреней каневскаго и вышестеблевскаго, при косѣ противъ Татаръ-Пунары [1]) лежачой, въ мелкіе части побило и все въономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козаки батуринского куреня втонуло. При которой косѣ мы простояли дней до 5, ожидаючи утишенія погоды. Но сколько не ожидали той тишини, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потапенко къ с. п. г. адмиралу Нольсу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ, такъ и послѣдовавшей вышеписанной фортуни, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ е. п. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствовать высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей очаковской и кинбурнской, зъ платою и за потопленныя въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались было переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что« онъ состоитъ отъ города Смайлова (Измаила) верстъ за 8, при урочищѣ Яссенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лотокъ и козаковъ для посылки по разнымъ экспедиціямъ».

Видно служба козаковъ на водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминовенія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки до дальнѣйшаго распоряженія.

---

[1]) С. *Татаръ-Пунаръ*, акерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, при впаденіи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Замѣтимъ **мимоходомъ**, что вѣроятно и въ давно прошедшее время гг. генералъ-интенданты **были столь**-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850-хъ и 1870-хъ годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда, дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукимъ [1]), попалъ на время отсутствія адмирала Нольса (въ іюнѣ 1772 г.) въ комаяду оберъ-интенданта Мих. Ил. *Рябинина*. На просьбу козаковъ помочь имъ въ поискѣ потерпѣвшихъ въ бурѣ лодокъ или пріобрѣтеніи новыхъ, постоянно «проволучая», отвѣтилъ наконецъ: «что козаки пришли сюда уже не подъ военное время и врядъ въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ. Вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

«Честь имѣя сверхъ регулярныхъ войскъ, запорожескими, прибывшими сюда на судахъ, козаками командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подъ Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силистрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальные, храбрые ихъ дѣла, довольно тогда же его сіятельству, высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и авантажа, и портреты ея императорскаго величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками оставались все неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника Ивана Дуплича, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ онъ, съ командою противу города Силистріи при урочищѣ Шикпрешли, въ командѣ г. г.-маіора и кав. Григорія Александровича *Потемкина*, гдѣ и повелено пріостановится всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до предбудучого 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей [2]) о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей

---

[1]) См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

[2]) *Исторія Новой Сѣчи*, ч. I, стр. 126 —1828.

записываться въ козачество запорожское «товарищами» по избраннымъ куренямъ. Вотъ полковникъ Дуплічь въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года проситъ о зачисленіи въ козаки: черкесскаго князя *Капитанова*, «Кизлярскаго Терека войска: *Ивана и Петра Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Агеева*», такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуетъ нашъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братій и въ томъ числѣ полковника Дуплича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ*. Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе—вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ,—непремѣнно совокупились «куренями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды.

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ донесенія Кошу начальника первой команды полковника *Герасима Коленка*.

«Чрезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана Пилянка Хорта объявляемъ в. в., что у насъ была съ непріятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровицы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Дуплича поранили, и отъ той раны и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ Румянцовъ и генералъ поручикъ Потемкинъ, и нашъ выигрышъ похвалилъ. За что мы, благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ, и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службы своей. Іюля 31, 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня первыхъ чиселъ, принося мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и всемилостивѣйшей нашей государынѣ службу, будучи

подъ городомъ Силистріею, иние смерть пострадали, а иние раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ козаковъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ (какъ оказалось, 43 человѣка).

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаковать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому е. и. в. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество первѣе всѣхъ войскъ, не одинождьі, на той сторонѣ р. Дуная оказать счастіе имѣли. А съ тѣхъ поръ почти не всякій день въ сраженіи съ непріятелемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимихъ непріятелемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью. храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріятелю (доколь приказъ не зайдетъ) ни на одинъ сажень мѣста. Въ тихъ-же сраженіяхъ урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненныхъ до 50.

Городъ Силистровъ (Силистрія) какъ былъ россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторую часть изъ командъ запорожскихъ,—оставляя надлежащее число при судахъ, козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріятельскихъ, также многаго числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастіемъ-же е. и. в. и вашей вельможности, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мѣлкимъ оружіемъ, выбыли съ тѣхъ шанцевъ и рвовъ, также и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козакахъ, по волѣ Божіей, явилось убитыхъ 7 человѣкъ, а раненныхъ 22.

Нынѣ состоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непріятелемъ во верху Дуная лотками, повелителя-же имѣемъ «арміи дежурства г. м. *Малорадовича*» (Августа 9, 1773 г.).

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты запорожцамъ отъ «высокаго» начальства. Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ лодочнымъ козакамъ [1]):

«Войска запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариству!

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественнымъ поступокъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностью съ дружбы вашей, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, имѣвъ счастіе получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генералъ-адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ,—за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостью донести о томъ е. и. в., всемилостивѣйшей государинѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отечества предпріемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла изъ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по домествіи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ* (*Черный*) писаръ, то и его затѣмъ сюда повелите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, одолжаюсь на всѣ курени прислать кашеварныхъ котловъ самой лучшей здѣшней работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей приобрящетъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ разширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдущей и повсемѣстно стяжающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустяться мною,—дабы доказать вамъ, что я былъ, и есьмъ, и на всегда буду. Вашъ всеохотнѣйшій слуга

Село Царское *Григорій Потемкинъ.*

1774 года, 22 мая.

---

[1]) Къ сожалѣнію списано съ копіи; другія письма Потемкина имѣемъ въ подлинникахъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній запорожской старшины, писанныхъ бѣдными писарями войска.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутаго писаря своего Герасима *Чернаю* и козака Демида *Чернаю*.

Но и герой Румянцевъ Задунайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ, къ Кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичъ!

Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ представительство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска запорожскаго, пришедшихъ (къ Дунаю) 772 года, медальми, по примѣру ихъ товариства, что оніе получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обнадежить васъ, что сіи усердные службѣ воины, въ многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставлю я учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

Графъ *Румянцевъ*.

А вотъ и финалъ «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ запорожскихъ аргонавтовъ, и финалъ, увы, довольно злополучный. Разсказомъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась. Миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года, и войску запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генералъ-поручикъ *М. Каменскій* [1]) уже не ласковымъ тономъ, какъ бывало прежде, а грубымъ казарменнымъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей запорожской командой къ Сѣчи. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или купеческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдутъ о томъ жалобы, то винные смертью наказаны будутъ; о чемъ во

[1]) Бывшій въ царствованіе императора Павла новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ.

всѣ лодки объявите. По прибытіи-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ».

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ армій. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ родинѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за таковое емшись сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оного въ ночи, вѣющимъ не обычно вѣтромъ, колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудной и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и неожиданной гибели предало 37 лотокъ съ девяти пушекъ и при оныхъ во множествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовымиденьгами на 20,000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерію спасая, къ сему единому попеченію обратились. И такъ съ разбитыхъ лотокъ 2 только, казавшіеся лучшими и удобнѣйшими къ поправкѣ: купцовскую и незамайскую исправивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лотки подъ оставшуюся артиллерію употребили до *Кизъяго* [1]). А тамъ выгрузя въ суда запорожскіе, и съ сихъ оттоль въ надлежаще мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандрю съ козаками, продолжавшими водою и румомъ (берегомъ) путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ веляку силу достигти Сѣчи ноября 14.

Я-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ возовъ получивъ отъ аккерманскаго коменданта и склавъ на оные харчи и послѣдню одѣжъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовалъ степью на Бендеры, по надъ Яриликомъ (р. Ягорликъ) и Польщею, гдѣ у обывателей перестоять порядочно, по отводу, нашелся

[1]) *Кизъе. Кизій-мысъ* или Кизыляръ, урочище, гдѣ оканчивается кизельмицкое гирло Днѣпра, въ херсонской губерніи и уѣздѣ.

привужденный отъ стужи до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

Полковникъ *Кондратъ Гукъ. Иванъ Мандро.*

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургѣ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго. Вотъ что писалъ оттуда въ Кошъ послѣдній депутатъ войска Антонъ Головатый [1]):

«Мы зъ Велигурою (полковникомъ калміусской поланки) пили у Потемкина крѣпкій пуншъ; нашихъ дунайцевъ оболгалъ какой-то генералъ (Рябининъ): что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы идти пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства. А когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ Потемкинъ не вѣритъ, такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтѣ есть ложь! Они остались бѣдны по причинѣ судьбы своихъ лотокъ, да хотя-бы и пошли пѣшкомъ на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ? Пѣшкомъ пойдетъ, а узду за поясомъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добуть могутъ, чтобы не пѣшому быть каждому, а навьючить добычь, для облегченія себя».

Это было сказано Потемкинымъ въ началѣ февраля 1775 г., т. е. 8 мѣсяцевъ едва спустя послѣ приведеннаго выше любезнѣйшаго письма тогожъ «Нечосы» [2]) и подарка котловъ кашеварныхъ на всѣ курени.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 гг. Потерявъ убитыми и ранеными до 200 челов., потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на капунѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для козака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго человѣка.

А. Скальковскій.

---

[1]) Исторія Новой Сѣчи, ч. III, стр. 171—172.

[2]) «Нечосою» прозвали козаки Потемкина при пріемѣ въ кущовскій курень отварищемъ. Вѣроятно—за его кудрявую прическу или даже парикъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

Чѣмъ долѣе жилъ въ своемъ приходѣ о. Харитонъ, тѣмъ болѣе привязывались къ нему его прихожане: его любили, какъ и прежде, за его тихій нравъ, кроткую и добрую душу, привѣтливое обращеніе, благоговѣйное служеніе, и старались помогать ему во всемъ, предъугадывая его нужды, предупреждая его просьбы. Опорядивъ его дворъ еще великимъ постомъ, руками говѣльщиковъ, громада ждала только времени, чтобы вспахать поле своего батюшки, а потомъ сжать, свезти и перемолотить хлѣбъ.

Настала поздняя, теплая весна. Пришелъ свѣтлый праздникъ— Воскресенье Христово. Въ первый день, разговѣвшись «свяченымъ» и отдохнувъ послѣ ранней и долгой службы, чуть-ли не вся ольшаницкая громада собралась на погостъ провести время вблизи церкви, какъ заведено съ-покопъ вѣку. Староста и братчики, по старому обычаю, наварили къ празднику меду. Медъ продавался въ хаткѣ, которая стояла въ концѣ обширнаго погоста и называлась школой. Въ этой хаткѣ и въ самомъ дѣлѣ была когда-то школа; но это было давно, а теперь никто въ ней не учился, и звалась она школой лишь по преданію. Мущины и женщины разсѣлись кружками по всему погосту. Вездѣ видны были разостланныя въ срединѣ кружковъ на зеленой травѣ чистыя скатерти и полотенца. На нихъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., декабрск. кн., стр. 586—620.

лежали крашанки, писанки, пироги и куски «паски» для закуски. Къ этому приставляли кружки, фляшки и просто горшечки съ медомъ, кое-гдѣ виднѣлись и бутылки съ водкой. На погостѣ стоялъ говоръ, шумъ, веселье, но не громкое, а сдержанное, какъ подобало святому мѣсту. Мущины и женщины христосовались, обнимались и цѣловались. Одинъ кружокъ заправшивалъ къ себѣ близкихъ сосѣдей и пріятелей изъ другихъ кружковъ. Одни другихъ угощали медомъ или водкой, обмѣнивались крашанками и писанками. Подходившія вновь молодицы развязывали платки со «свяченымъ». А за погостомъ, на выгонѣ, дѣвчата и хлопцы впервые выпили пѣть веснянки и играть въ весеннія игры. Дѣвчата впервые, послѣ продолжительнаго поста, нарядились во всѣ цвѣты и ленты, сколько ихъ лежало въ сундукахъ; одѣлись въ свѣтлыя *юбки* и *сподницы*, въ сафьянные красные сапоги. Зеленый выгонъ будто зацвѣлъ роскошными цвѣтами маку и мальвы. Въ одномъ мѣстѣ дѣвчата, побравшись за руки въ кружокъ, выводили танецъ, распѣвая *перепелки*; въ другомъ бѣгали въ *хрещика*, а тамъ далѣе сидѣли длинными рядами и играли въ *женьпана*. Дѣти сновали по погосту и по выгону, катали крашанки по травѣ, играли *на обитки* крашанками. А на выгонѣ, на зеленой травѣ паслись гуси съ желтыми гусятами, паслись и весело подпрыгивали ягнята, а крохотные ребятишки изо всѣхъ силъ гонялись за ягнятами. Молодые парни стояли группами вокругъ дѣвчатъ въ новыхъ барашковыхъ шапкахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ свиткахъ, подпоясанные красными или зелеными поясами, любовно поглядывая на ихъ разцвѣтшія лица, постукивая каблуками въ тактъ игръ и пѣсенъ, подмигивая бровями, заигрывая словами. Вездѣ раздавалась пѣсня. Хлопцы звонили такъ, что тряслась колокольня. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, счастье весны и любви. А солнце съ высокаго синяго неба яснымъ, теплымъ свѣтомъ обливало зеленый выгонъ, цвѣтистыя группы дѣвчатъ и парубковъ. Даже старики принарядились, помолодѣли и похорошѣли. И праздникъ, и весна, и зелень, и золотистое солнце всѣхъ развеселили, всѣхъ наполнили радостью и покоемъ.

— А що, панове громадо,—началъ одинъ старикъ на погостѣ, держа въ рукахъ чарку меду: нашъ молодый батюшка не Богъ-зна съ якими достатками. Въ молодого господаря порожня и кишеня

и комора. Коли мы выбрали ёго соби на парахвію, то треба ёму и помогти.

— А вже-жъ треба,—отозвался староста, сидя на травѣ: давъ Богъ весну, часъ выряжати въ поле плуги. Батюшка самъ не спроможеться выорати поле. Треба выслати въ поле громадськи плуги, та выорати ёму поле пидъ ярину.

— А вже-жъ треба, поки самъ не стане добре на ноги,—отозвались старики: а якъ не мае насиння на посивъ, то треба бъ и засіяти.

— Отъ прийде правити вечерню, то и спитаемо,—сказалъ староста.

Спустя немного вышелъ на погостъ Моссаковскій съ женою. Ихъ окружили люди и стали христосоваться съ ними: и мужчины и женщины христосовались и съ батюшкою и съ матушкою, обмѣниваясь крашанками. Молодицы усадили матушку въ одномъ изъ своихъ кружковъ на камнѣ, батюшка присѣлъ у колокольни на ступенькахъ, окруженный стариками.

Послѣ нѣсколькихъ словъ по поводу праздника и погоды, одинъ изъ почетнѣйшихъ стариковъ заговорилъ къ батюшкѣ отъ лица всѣхъ:

— А що, батюшко, часъ може оце по святахъ и въ поле съ плугами выходити? За теею панщиною та за холодами мы ще не орали, але здаеця и ваше поле не почате лежить;—то може благословитимите по святахъ до ёго попереду зъ плугами зайти.

— Спасиби вамъ, люди добри. Якъ ваша ласка, во й поможить,—ласково благодарилъ Моссаковскій, кланяясь народу.

— Допоможемо, батюшко, отозвался староста. Коли мы вже выбрали васъ, то повинни и въ хазяйстви вамъ допомогти.—Выоремо, батюшечко, приговаривался другой старикъ, а якъ Богъ ма чимъ засіяти, то й насиння дамо.

— Ни, спасиби вамъ, сказалъ Моссаковскій: насиння въ мене е, тесть давъ, а коли ваша ласка, то выорить, бо я не спроможусь своими наймитами та волами.

— Выоремо! Чому не выорать?—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ. Громада сильный чоловикъ: одни пидуть по дню зъ плугами, други зъ ралами, а трети зъ боронами, та и буде кинець. Абы вы до насъ добри були, а мы вамъ поможемо.

Моссаковскій вновь кланялся и благодарилъ. Между тѣмъ староста поставилъ столъ. Принесли меду и «свяченого». Чарка пошла кругомъ стола. Между батюшкой и прихожанами шла искренняя, сердечная бесѣда, какой теперь уже не услышать. Вокругъ церкви, на погостѣ и за погостомъ веселилась, какъ одна душа, убогая паства съ своимъ пастыремъ тихою праздничною радостью.

Зазвонили къ вечернѣ. Говоръ и пѣсни смолкли. Все, что было на погостѣ и выгонѣ, стало на ноги, все двинулось къ церкви. Выгонъ и погостъ опустѣли. Только малые хлопята выглядывали группами изъ оконъ колокольни, выжидая время, когда еще разъ можно будетъ поиграть на колоколахъ.

Прошла Свѣтлая недѣля, минули и проводы. Послѣ проводъ громада выслала плуги на поле Моссаковскаго. Моссаковскій собрался въ поле съ водкой и закуской угощать и подкрѣплять оравшихъ. Онися навязалась ѣхать съ нимъ.

— Оджe, Онисіе Степановно, безъ васъ мабуть и вода не освятится,—говорилъ Моссаковскій, ѣдучи въ поле.

— Я, бачъ, и до хаты, и до плуга, и до рала. Куди хочь поверни, скризь найду ладъ. Не дурножъ я въ батька часомъ и кони поганяла,—отвѣчала Онися.

Громадскіе плуги покрыли поле. Вспаханная свѣжая земля чернѣла и лоснилась на солнцѣ. Жаворонки весело распѣвали надъ нивой, высоко подымаясь вверхъ. Плугатари и погоничи выкрикивали на разные лады, погоняя воловъ. Моссаковскіе, подъѣхавъ къ полю, остановились на межѣ и поздоровались съ людьми. Онися соскочила съ воза и побѣжала по межѣ оглядывать поле. Староста и батюшка едва поспѣвали за нею. Моссаковскій совѣтовался со старостой, гдѣ сѣять гречку, гдѣ просо и овесъ, гдѣ коноплю и ленъ. Онися вмѣшивалась въ разговоръ, сама распоряжалась, будто она была хозяиномъ; показывала, гдѣ и что сѣять, и доказала, что она и въ самомъ дѣлѣ многое понимаетъ въ мужскомъ хозяйствѣ. Староста съ батюшкой, глядя на нее, только пожимали плечами.

На межѣ развели огонь, поставили треножникъ, повѣсили чугунный котелокъ. Онися засучила рукава, закуталась платкомъ, чтобы не загорѣло лицо, и принялась готовить для рабочихъ полдникъ.

— Що це наши хлопци не выизджають съ плугомъ? говорилъ Моссаковскій, посматривая на дорогу: якъ имъ звеливъ заразъ за нами рушати съ двору.

— И не жди, бо не выидуть,—сказала Онися, кроша лукъ и отирая рукавомъ слезы, которыя текли отъ остраго запаху лука.

— А чомъ вони не выидуть? спросилъ удивленный батюшка.

— А тимъ, що я звелила имъ копати зъ дивчатами городъ.

— Алежъ вы, Онисіе Степановно, колись казали, що мы подилимось слугами: щобъ наймички були ваши, а наймиты мои,—припомнилъ насмѣшливо Моссаковскій прежній уговоръ, который онъ исполнялъ свято.

— Атъ, згадавъ торишне свято, отвѣтила Онися: хиба нема кому поле выорати? Дивись, онъ скильки плугивъ!

— Алежъ, Онисіе Степановно, подумайте, що скаже громада. Скажуть, що я скидаю на неи всю роботу, а своихъ наймитивъ жалую.

— Этъ, говори! Вже ты наговоришъ «три мишки гречаноп вовны, та ще и уси не повни». Ты лучше не думай. «Индыкъ думавъ та и здохъ», кажуть у приказци,—говорила съ неудовольствіемъ Онися, бросая лукъ въ котелъ.

Батюшка замолчалъ; онъ самъ уже видѣлъ, что жена его забираетъ верхъ въ хозяйствѣ и лишь для формы спрашиваетъ иногда у него позволенія взять къ своей работѣ мужскую прислугу, на самомъ-же дѣлѣ давно сама всѣмъ распоряжается.

Каша закипѣла. Онися вытянула изъ воза мѣшокъ съ сухарями и хлѣбомъ, разостлала по травѣ полотенца, положила ложки, поставила миски и позвала «орачей» на полдникъ. Староста снялъ котелокъ и налилъ каши въ миски. Въ чистомъ воздухѣ расходился запахъ горячей пищи и смѣшался съ тяжелымъ запахомъ дыма и помятой молодой травы. Ароматы луку и сала дразнили нервы и аппетитъ. Отецъ Харитонъ досталъ съ воза боченокъ съ водкой и налилъ въ фляшки. Загорѣлые плугатари и погоничи въ бѣлыхъ рубахахъ и безъ шапокъ подошли къ возу. Моссаковскій выпилъ самъ, попотчивалъ всѣхъ и сѣлъ за полдникъ рядомъ съ «орачами». Онися брала опорожненныя миски, наливала кашу изъ котла, быстро рѣзала и раскладывала предъ рабочими хлѣбъ, чтобы они не тратили много времени за ѣдой и скорѣе вновь прини-

мались за работу. Окончивши полдникъ, орачи выпили еще по чаркѣ водки, перекрестились на востокъ, поблагодарили панотця и матушку и пошли къ плугамъ. Онися мигомъ убрала все, сложила на возъ, еще разъ пробѣжала по полю, указала старостѣ, гдѣ посѣять коноплю и ленъ, наиболѣе необходимые для ея женскаго хозяйства, и торопила мужа ѣхать домой.

— Поганяй, паноче, швидче, бо я знаю, що мои наймички не копають, а граються зъ наймитами, говорила Онися мужу.

— Та нехай трохи пограються! Не велика бида.

— Отъ тоби и невелика бида. Швидче скопають городъ,—будуть инпу роботу робити.

Только что они въѣхали во дворъ, Онися соскочила съ воза и побѣжала на огородъ. Наймички дѣйствительно заигрывали съ наймитами, кидали въ нихъ корнями бурьяна, комъями земли; наймиты гонялись за дѣвчатами по вскопаннымъ грядамъ, а заступа торчали въ землѣ, какъ сироты. Онися крикнула на слугъ, выбранилась на весь огородъ и побѣжала съ жалобой къ Харитону, которому было однакожъ мало нужды и до слугъ и до огорода. Онися взяла заступъ и пошла сама въ палисадникъ копать грядки на цвѣты.

— А ну, паноче, ходи лишень сюди та скородь мени грядки,— крикнула она мужу, который собирался уже залечь на канапкѣ и почитать «житіе».

Съ этими словами Онися ткнула мужу въ руки грабли, и онъ молча сталъ загребать и выравнивать землю на грядкахъ. Потомъ она заставила мужа чистить дорожки, а сама, продолжая копать грядки, все выглядывала изъ-за угла на огородъ и покрикивала на слугъ.

— Та й забисована оце попадя, говорилъ одинъ изъ наймитовъ. Не дасть и въ голову почухаться; стоить якъ те опудало на конопляхъ, та лякае насъ, якъ горобцивъ.

Онися скопала весь палисадникъ и засѣяла его цвѣтами. Надъ самымъ прудомъ былъ крутой, но не высокій зеленый берегъ. Онъ напоминалъ ей возвышенное мѣсто надъ Росью въ отцевскомъ саду, край котораго былъ засѣянъ цвѣтами. Онися скопала цѣлину длинною полоскою, засѣяла цвѣтами и велѣла мужу проложить туда дорожку.

— Алежъ выгадуете вы все що инше; въ мене вже ажъ спина трищить,—замѣтилъ «панотецъ» и, вздохнувъ, принялся прокладывать дорожку.

Между тѣмъ, Онися кликнула наймичку и полетѣла въ кухню готовить «вечерю», въ ожиданіи съ поля рабочихъ. Моссаковскій поплелся за нею, пользуясь случаемъ хоть немного отъ работы отдохнуть.

Видя, какъ она суетится, перебѣгая изъ кухни въ кладовую и назадъ, Моссаковскій говорилъ:

— Та сядьте, Онисіе Степановно, та спочиньте хочъ трохи.

Сядь уже ты, коли тоби такъ хочеться, тай дивись на мене, а я буду робити, говорила Онися.

— Колижъ-бо вы такъ бигаете, що на васъ и дивитись трудно,— говорилъ о. Харитонъ.

— То бигай и ты за мною, якъ курчя за квочкою, а вже я не сяду, бо мени николи.

— Ей Богу, я васъ колысь привяжу до стильця, щобъ вы одпочили хочъ на годину.

— Ябъ тоби и мотузки порвала, а такибъ утикла.

И Онися опять суетилась и бѣгала то въ комору, то на дворъ, то въ покои, то въ погребъ. Въ ея худощавомъ тѣлѣ, въ ея тонкихъ жилахъ было столько жизни и движенія; ея сухія руки, длинные пальцы постоянно вертѣлись, что-то перебирали, перетряхивали, складывали или раскладывали...

Когда настало лѣто и созрѣли посѣвы, громада толокою сжала своему батюшѣ весь озимый и яровый хлѣбъ и свезла въ гумно, не смотря на то, что была своя работа и заѣдала тяжелая панщина. О. Харитону чувствовалось легко; лучшихъ отношеній къ прихожанамъ желать было нельзя.

Минулъ годъ, Онися родила дочь; дитя прожило только до вечера: отецъ Харитонъ едва успѣлъ окрестить его. Изъ Часкъ пріѣхалъ отецъ съ матерью; поплакали и похоронили дитя возлѣ церкви. Онися такъ плакала и горевала, что едва и сама не умерла. Прошелъ другой годъ, Онися родила сына; но и это дитя умерло чрезъ день. Онися съ отчаянія едва разсудка не лишилась. Насталъ третій годъ,—Онися ходила беременною.

— А що, матушко, борони Боже, якъ и се дитя помре? заговорилъ какъ-то Моссаковскій къ женѣ.

— Нехай Богъ милуе, отвѣчала Онися; кажуть люде, якъ не ростуть діти, треба покликати за кума або старця, або першого, хто на улици стринеться.

— Треба справди покликати за кума старця Олексу Шмида, а за куму абы-яку старчиху, або першу молодицю, яку стрину на улици,—сказалъ отецъ Харитонъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Онися разрѣшилась дочерью. Моссаковскій самъ сходилъ къ нищему Шмиду и пригласилъ его въ кумовья, а возвращаясь домой, встрѣтилъ одну бѣдную женщину-сосѣдку и ее просилъ быть кумою. Дитя было здоровое, и Онися рѣшила устроить крестины немного спустя. Между тѣмъ прихожанки, заслышавъ о благополучномъ рожденіи, спѣшили провѣдать свою матушку. Приваль начался съ утра слѣдующаго дня: чуть-ли не со всего села шли старыя и молодыя, богатыя и совсѣмъ убогія хозяйки «пить родины» матушки, и шли не съ пустыми руками, но каждая съ какимъ-либо подаркомъ изъ своего хозяйства. Предвидя это, Онися еще съ вечера пригласила жену старосты и поручила ей приготовить на утро обѣдъ и варенуху. Подходившія одна за другой прихожанки скоро наполнили всѣ углы просторнаго дома; нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Во всемъ домѣ съ каждымъ часомъ усиливался говоръ и шумъ, происходила небывалая суета. Гостьи помоложе готовили «купиль» для матушки: однѣ носили воду, другія грѣли ее въ горшкахъ, носили въ комнату, гдѣ лежала Онися, и выливали въ большой ушатъ, поставленный у самой постели родильницы. Всѣ суетились, бѣгали, перегораживали дорогу одна другой, спорили... Простая сельская повитуха, въ чистой сорочкѣ, въ бѣлой чистенькой «намиткѣ», озабоченно переходила изъ свѣтлицы въ комнату и обратно, подъ часъ что-то шепча то и дѣло вбѣгавшимъ молодицамъ.

Уставивъ наконецъ ванну и выкупавъ съ разными причитаньями свою матушку, у которой едва хватило силъ стать на ноги, гостьи-прихожанки усѣлись рядами въ свѣтлицѣ за столы. Старостиха распоряжалась угощеньемъ и сама сѣла за столъ только за послѣднимъ кушаньемъ. Шумъ и говоръ усиливался съ каждой выпитой чаркой, воздухъ сгущался по мѣрѣ потребленія разныхъ горячихъ яствъ.

Старостиха внесла варенуху. Запахъ меду, калины, перцу, гвоздики и водки смѣшался съ запахомъ кушаньевъ, съ дыханьемъ людскимъ,— создавалась атмосфера, невозможная для здороваго человѣка, тѣмъ болѣе для родильницы. Старостиха наливала варенуху въ миски, молодицы черпали изъ мисокъ ложками и пили. Десятки языковъ совсѣмъ развязались, въ свѣтлицѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. День клонился уже къ вечеру, когда гости встали изъ-за столовъ и длиннымъ рядомъ потянулись въ комнату, гдѣ лежала Онися, чтобы поблагодарить за хлѣбъ за соль. Молодицы цѣловали Онисю и на радостяхъ обѣщали напрясть матушкѣ каждая по *пиомитку*, а ткачиха и сама не оглядѣлась, какъ съ языка ея слетѣло обѣщаніе выткать матушкѣ даромъ полотно.

Чрезъ недѣлю, въ воскресенье, Моссаковскіе справляли крестины. О. Харитонъ ѣздилъ лично приглашать Балабуху, упросилъ даже и «благочинну». Съѣхались сосѣди священники съ женами, пріѣхали родители Ониси, явились отецъ Мелхиседекъ съ Мартою, пріѣхало нѣсколько семинаристовъ съ своими родителями. «Старецъ» Шмидъ и его простая, убогая кума пріодѣлись въ чистую одежу. Шмидъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ нищихъ; это былъ сильный плечистый дѣдъ, лѣтъ за 70, подслѣповатый на одинъ глазъ, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами, орлинымъ носомъ, сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, и ходилъ на костылѣ. Родился онъ гдѣ-то подъ Уманью, въ молодые годы попалъ въ Запорожье, былъ свидѣтелемъ его разрушенія, бѣжалъ оттуда за Дунай, тамъ затосковалъ по родинѣ, но когда навѣдался домой, былъ заарестованъ, какъ бѣглый крестьянинъ пана Копычинскаго, взятъ въ надворную его «корогву», ходилъ съ ней подъ Тарговицу, воевалъ, какъ говорилъ онъ, «за дурну Польшу», въ стычкѣ съ русскими войсками лишился правой ноги, попалъ въ плѣнъ и при движеніи Суворова къ Бѣлой Церкви брошенъ гдѣ-то на дорогѣ, какъ ненужный хламъ, но какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ и поселился въ окрестностяхъ Богуслава, посвятивъ себя профессіи бандуриста, съ которою ознакомился еще въ дѣтствѣ. Онъ зналъ множество псальмъ, думъ и пѣсень, высоко цѣнилъ свое званіе народнаго рапсода,, на «латану свиту» свою смотрѣлъ, какъ на священную ризу, а въ кобзѣ своей видѣлъ гусли царя Давида и самого себя считалъ призваннымъ возвѣщать людямъ по дорогамъ и на ярмаркахъ слово правды. То былъ гордый,

важный дѣдъ, его знала и чтила не одна Богуславщина, но едва не вся Украина.

Гости собрались въ свѣтлицѣ, Шмидъ съ кумою ожидали въ кухнѣ. Дьячекъ принесъ кадило и свѣчи, о. Харитонъ досталъ съ угла мирницу, принесли новую съ поливой миску и въ ней стаканъ «іорданской» воды для обливанія при крещеніи. Когда все было приготовлено, пригласили кума и куму. Шмидъ гордо вступилъ въ свѣтлицу, какъ-бы древній пророкъ, за нимъ несмѣло вошла и кума. Въ свѣтлицѣ всѣ встали. Повитуха позвала куму въ комнату и подала ей на руки дитя. Ставши рядомъ съ кумою, Шмидъ началъ креститься къ образамъ и тихо шептать молитвы. Благочинный надѣлъ ризы и началъ совершать крещеніе. Свѣтлица сдѣлалась будто церковью. Всѣ стояли чинно, въ молитвенномъ настроеніи. Только Олеся косо посматривала на Шмида и надула губы. Ей очень не нравился этотъ «старець» на костылѣ и простая кума. Этотъ простой обычай казался для нея комедіей, очень компрометирующею даже ее—гостью, не только хозяина.

Крещеніе, за обычнымъ пропускомъ водоосвященія, прошло скоро. Въ свѣтлицѣ накрыли столы; отецъ Харитонъ попросилъ гостей садиться. Шмида съ кумою посадили прямо противъ Балабухи и его жены. Олеся не могла смотрѣть на Шмида, на его кривой глазъ, и даже брезгала ѣсть. Шмидъ держалъ себя съ достоинствомъ, въ духовныя рѣчи «батюшекъ» вставлялъ свое слово изъ набожныхъ пѣсень и козацкихъ думъ, а когда подвыпилъ, пустился въ воспоминанія и доставилъ немалое удовольствіе многимъ изъ гостей своими разсказами про Сѣчь, про житье за Дунаемъ и то, какъ онъ воевалъ «за дурну Польшу».

По окончаніи обѣда, бабка-повитуха вынесла большой подносъ, весь заставленный рюмками съ «варенухой». На подносѣ вокругъ рюмокъ были букеты зеленаго *барвинку* съ калиной. Бабка обнесла всѣхъ гостей и дарила всѣмъ букеты. Гости бросали бабкѣ на тарелку деньги.

Вмѣстѣ съ варенухой поданы были на столъ яблоки, груши, орѣхи, пряники и маковники. Варенуха развеселила гостей; матушки шумно заговорили; чувствовалась потребность общаго развлеченія. Отецъ Мелхиседекъ взялъ гитару и, слегка подыгривая, чуть слышно загудѣлъ своимъ густымъ басомъ:

Тече ричка невеличка, пиду перескочу
Отдай мене, моя мати, за кого я схочу...

При звукахъ гитары и голоса Мелхиседека, молодыя матушки затихли. Его длинная, черная борода, широкій лобъ съ густыми черными бровями, орлиный тонкій носъ, темные блестящіе глаза, помимо голоса и умѣнья пѣть, служили для нихъ большимъ магнитомъ. На второмъ куплетѣ его поддержали уже семинаристы своими тоненькими тенорами. Скоро они совсѣмъ сладились; новая, недавно проникшая въ духовную среду пѣсня пошла бойко, все съ большимъ и большимъ оживленіемъ. Молодые тенора звенѣли, какъ колокольчики, ровный чистый голосъ Мелхиседека гудѣлъ среди ихъ, какъ мѣдная большая труба. Окончивъ эту пѣсню и сдѣлавъ переборъ на гитарѣ, Мелхиседекъ началъ другую, также недавнюю, хоровую и на сходный мотивъ пѣсню: *Ой, послала горлиця припотня по воду.* Пѣли «Петруся», «Василечка» и другія ново-сочиненныя пѣсни; но Мелхиседекъ пѣлъ ихъ для общаго лишь удовольствія, на самомъ дѣлѣ они не нравились ему, и онъ скоро принялся за свои любимыя: «Семена» и «Шума». Пѣлъ онъ ихъ на этотъ разъ съ особымъ воодушевленіемъ и произвелъ поражающее впечатлѣніе. При первыхъ звукахъ «Семена» послышались вздохи, едва не перешедшіе въ плачь подъ вліяніемъ варенухи. Окончивъ «Семена» и «Шума» и переведя немного духъ, Мелхиседекъ съ какою-то особою торжественностію и глубокою задумчивостію запѣлъ:

Ой, ишли наши славни запорожци
По-надъ Бугомъ рикою...

Взоры всѣхъ устремились на него; гости забыли про варенуху, рюмки торчали будто въ омертвѣвшихъ рукахъ. Но эти грустныя потрясающія мелодіи шли въ разладъ съ характеромъ настоящей минуты и компаніи, желавшей и настроенной повеселиться, и вызвали подъ конецъ легкій протестъ. Кое-гдѣ по угламъ послышались голоса нетерпѣливыхъ матушекъ, а сама Марта, жена Мелхиседека, не выдержала и крикнула изъ угла:

— Ану-бо, паноче, якои веселшои! а то мы й поснемо отутъ съ чарками въ рукахъ.

Мелхиседекъ какъ-бы очнулся, встряхнулъ головой, поднялся со стула и, сказавъ по направленію къ женѣ: «на тоби и веселшои:

вставай та танцюй!» со всего размаху гаркнулъ: *Ой, за гаемъ, гаемъ,* да такъ живо и весело, что *паничи* застучали ногами, а благочинная едва удержалась на стулѣ.

— Ой не грай такъ дрибно, бо пиду танцювати! крикнула Марта изъ угла.

Мелхиседекъ на лету отвѣтилъ: «вже тоби не вгодишъ: то дуже смутно, то дуже дрибно», и съ гитарой въ рукахъ, притопывая каблуками, продолжалъ начатую пѣсню. Подхватили семинаристы, присоединились батюшки и матушки. Вся свѣтлица запѣла, только Балабуха сидѣлъ молча съ трубкою въ рукахъ да попивалъ варенуху, а рядомъ съ нимъ, подлѣ Онисі сидѣла надутая Олеся.

Долго продолжалось еще пѣніе. Послѣ варенухи, опять поставили на столъ бутылки съ водкою и наливками. Хозяйка вынесла закуску; спустя немного предложила ужинъ.

Гости въ волю напѣлись и напились. Хозяинъ распорядился готовить для гостей постель. Въ свѣтлицѣ постлали на полу батюшкамъ и паничамъ, въ комнатѣ Онисі, также на полу, матушкамъ, а благочинной предоставлена была кровать. Но до сна было еще далеко: настоящее веселье, сильная выпивка и разныя потѣхи начинались именно предъ отходомъ ко сну, у изголовья.

О. Мелхиседекъ былъ большой мастеръ на разныя выдумки и, въ ожиданіи угощенія подъ названіемъ: *до подушки,* задумалъ потѣшить хмѣльную уже компанію. Незамѣтно вышелъ онъ въ кухню и послалъ наймичекъ въ погребъ набрать мелкаго картофеля такой величины, какъ орѣхи, наказавъ имъ строго никому о томъ не говорить. Наймички принесли картофель, помыли и вытерли. Мелхиседекъ забралъ картофель въ карманъ. Въ комнатѣ Онисі на лежанкѣ стояла большая миска съ волоскими орѣхами. Отецъ Мелхиседекъ незамѣтно положилъ туда мелкій картофель, перемѣшалъ съ орѣхами и присыпалъ еще сверху сѣмячками. Войдя въ свѣтлицу, онъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, заявилъ, что пора-бы уже и спать. Матушки, пожелавъ доброй ночи батюшкамъ, удалились въ комнату Онисі; тѣ и другіе, расположившись на постели на полу, стали уже раздѣваться, какъ въ свѣтлицу подано было особое питье «*до подушки*». Это былъ особаго рода пуншъ, приготовленный изъ спирту «перегнаннаго трихи на алембикъ», настоеннаго на листьяхъ розы. Спиртъ разбавленъ былъ слегка кипят-

комъ лишь настолько, чтобы послѣдній покрывалъ собою сахаръ, и закрашенъ чуть-чуть эссенціею чая, свареннаго въ горшкѣ. Такой пуншъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ведмедика» и билъ въ голову сильнѣе варенухи,—какъ лапа медвѣдя; отъ этого напитка нельзя было не заснуть. Онися, заготовивъ «ведмедика» въ кухнѣ, сама внесла въ свѣтлицу большущій подносъ со стаканами, чтобы поднести батюшкамъ пуншъ покрѣпче, матушкамъ полегче. Но ни разносить, ни дѣлать выборъ ей не пришлось: батюшки бережно приняли подносъ изъ ея рукъ, поставили на постели и раположились вокругъ. Онися стояла въ недоумѣніи. По свѣтлицѣ пошелъ сильный запахъ розы и спирту. Матушки заслышали этотъ запахъ и не выдержали.

— Э, панотци, якъ у васъ тамъ гарно пахне! послышался голосъ изъ-за двери. Вы щось дуже смачне пьете.

— Ходите до насъ, то й вамъ дамо,—послѣдовалъ отвѣтъ изъ свѣтлицы.

Продолженіе было настолько заманчиво, что матушки, на половину уже раздѣтыя, оправивши кое-какъ свои костюмы и накинувъ на плечи большіе платки, скоро, одна по другой, перекочевали къ своимъ муженькамъ.

Въ комнатѣ Ониси осталась только благочинная да нѣсколько молодыхъ застѣнчивыхъ матушекъ. Матушки усѣлись съ батюшками вокругъ подноса. Онисѣ оставалось припросить да указать, въ какихъ стаканахъ пуншъ крѣпче, въ какихъ легче.

— А нуте, панотци и паниматки, будемо давить сёго ведмедика; може винъ намъ сонъ легкій дасть,—заговорилъ о. Мелхиседекъ и, наклонившись къ подносу, сталъ раздавать стаканы. Гости съ усердіемъ принялись пробовать и хвалить напитокъ. Напитокъ оживилъ и развеселилъ всѣхъ; поднялся говоръ, пошли шутки. Стаканы опорожнены, нагорѣвшая сальная свѣча давала слабый свѣтъ; у многихъ изъ гостей и безъ того потемнѣло въ глазахъ. Мелхиседекъ сообразилъ, что настала пора продѣлать задуманную имъ шутку, и онъ обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ:

— А чи нема у васъ, госпожинько, чимъ оцёго ведмедика придушить? Отъ тамъ на лежанци я бачивъ добру миску въ якимись ласощами, здаеця, орихи та ще й непрости, а турецьки. Тобъ-то попробувать зубы, у кого вони мицни.

Онися, вышедшая раньше въ свою комнату, подала Мелхиседеку черезъ дверь миску съ орѣхами. Матушки набросились на орѣхи, протянулъ руку и благочинный и захватилъ полную горсть. Мелхиседекъ взялъ для отвода глазъ. Первая—его жена вмѣсто орѣха захватила въ ротъ картофелину, раскусила и выплюнула. Тоже повторилось и съ другими. Мелхиседекъ, давая видъ, что онъ ѣстъ орѣхи, приговаривалъ:

— А яки мягки горишки! Це мабуть загряничпи, не прости.

— А справди якись мягки та чудни на смакъ, отозвался благочинный, не разобравъ сперва, что было у него во рту.

— Щось неначе гнили горихи, чи що! И лушпиння чогось мягке, неначе картоп... замѣтила жена Мелхиседека, и она выбросила на ладонь раскушенную картофелину и поднесла къ свѣчкѣ;—на ладони и въ самомъ дѣлѣ была картофелина.

— Ой картопля! Ей Богу, картопля! Що це за диво! Чи може въ туркивъ таки горихи ростуть? крикнула Марта.

— О, въ Турціи не таки горихи, якъ наши, началъ было благочинный; но его перебила другая матушка, удостовѣрившаяся, какъ и Марта, что ей пришлось раскусить также картофель.

— Та це таки справди картопля! Це насъ хтось дурить, громко сказала она, искоса поглядывая на Мелхиседека. Но тотъ, и глазомъ не мигнувъ, добродушно спросилъ:

— Чи таки наша картопля, чи може турецька?

— И що винъ насъ дурить!—крикнула Марта, скорѣе другихъ догадавшаяся, что это продѣлка ея мужа.—Накидавъ въ горихи картопли, та ще й питае: чи наша, чи турецька?

— Отъ и выдумала! Пишовъ-бы я оце въ ночи десь картопли шукати. Це, мабуть, ты сама дуришъ насъ, отозвался съ серьезною миной отецъ Мелхиседекъ: одначе дозволяйтеся, матушки, на здоровьячко, ще и у кишени наховайте, та повезить дитямъ на гостинець. Скажете: це одъ зайчика одняли.

Въ свѣтлицѣ поднялся смѣхъ и гвалтъ. Матушки начали бросать въ Мелхиседека орѣхи и картофель. На его голову посыпались сѣмячки.

— Накладимъ ёму пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай у ночи самъ поисть, говорила Марта, подкладывая Мелхиседеку подъ подушку картофель и орѣхи.

Отецъ Мелхиседекъ съ спокойною миною повыбрасывалъ картофель, а орѣхи поѣлъ.

— Оце вамъ папиматки, выпадае молитву одъ оскверненія читать, шутливо замѣтилъ одинъ изъ батюшекъ.

— Нічого тутъ не поможе та молитва, отозвался другой, а треба хиба по другому ведмедику одъ такого оскверненія.

Мысль эта принята была всѣми за самую здравую и ведущую прямо къ цѣли. Онися приготовила по *другому;* но это только охотило гостей къ продолженію обычнаго тогда бражничанья, и Онися долго еще сновала изъ свѣтлицы въ кухню и обратно, унося пустые стаканы и принося полные. Гости расходились такъ, что и сонъ ихъ не бралъ. Всѣмъ хотѣлось говорить. Всѣ разсказывали, кричали, и никто никого не слушалъ. Затѣвали пѣть, но выходило: кто въ лѣсъ по дрова,—одинъ начиналъ, другой кончалъ, тотъ сипѣлъ, этотъ храпѣлъ, обрывались на высокихъ и низкихъ потахъ и выходило какое-то курогглашеніе. Придумали было послать за Шмидомъ, чтобъ на кобзѣ заигралъ: *И по хати ты-ны-ны и по синяхъ ты-ны-ны,* да хозяева замѣтили, что Шмида и въ селѣ пожалуй нѣтъ, что онъ, какъ вольная птица, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и сегодня здѣсь, завтра на десятомъ селѣ.

Кто-то предложилъ позвать бабу Оришку.

— Оця втне! сказалъ Мелхиседекъ.

— А справди, покличмо! крикнули всѣ.

Семинаристы побѣжали въ кухню и разбудили бабу Оришку. Баба съ просонья упиралась, они взяли ее подъ руки и привели въ свѣтлицу. Отецъ Мелхиседекъ поставилъ въ кругу возлежавшихъ стулъ и усадилъ на немъ бабу Оришку. Она сидѣла въ чорной запаскѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ; сѣдыя косы, выбившіяся изъ-подъ *очипка,* висѣли неровными прядями, сонные глаза блуждали по сторонамъ; но въ этой сгорбленной фигурѣ, напоминавшей вѣдьму съ Лысой горы, таился еще большой запасъ жизни, юмора и игривости.

— Отъ на, бабо, выпый цёго дива, то може швидче прочумаешься, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, подавая Оришкѣ стаканъ съ пуншемъ.

Оришка хватила глотокъ и закашлялась по овечьи.

— Ой, цуръ ёму! Якъ ёго попы пьють. Якъ-бы я выпила, то до свита здурила-бъ, сказала веселая баба, большая охотница до шутокъ.

— А ну, бабо, выпійте, мы побачимо, якъ вы здуріете,—говорили панычи.

— Эге, здурійте вы попереду, а я стара за вами, сказала баба, развеселившись.

— А може-бъ ты, бабко, заспивала намъ? бо въ насъ одъ цёго пуншу вже языкъ не повертаеться, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— Потривайте, выпью для смиливости, щобъ голосу набратись, сказала баба, пропуская пуншъ сквозь зубы. Та и смачну-жъ вы горилочку пьете! добавила Оришка. Ото, коли-бъ намъ таку шинкарь продававъ!

— Ага, розсмакувала! Ну, починай уже та бери тонче, крикнули гости.

— Коли соромлюсь! Ей Богу соромлюсь. Хочъ не дивиться вси на мене, сказала баба.

— А може ты, Оришко, щебъ и замижъ пишла? сказала Марта.

— Пишла-бъ, якъ-бы хто сватавъ; але ни одинъ проклятый дидь щось не кваниться мене сватати.

— Посылай старостивъ до Шмида: оце буде тоби пара. Ну, починай бо! сказалъ отецъ Харитонъ.

Баба, съ чаркою въ рукахъ, начала тоненькимъ, но еще твердымъ голосомъ «Грыця», спѣла и еще нѣсколько грустныхъ пѣсень. Гости замолкли и слушали. Отецъ Мелхиседекъ зѣвнулъ на всю комнату, а за нимъ благочинный.

— Годи, бабо, смутныхъ! Спивай намъ веселихъ, такихъ щобъ жижки задрижали! сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

Оришка засмѣялась и начала:

Пишло дивчя по горишки,
Та не знало, що за гай.
Здибавъ ёго гарный хлопець,
На имення Миколай.

Оришка развеселилась и, продолжая пѣть, кивала да подмигивала черными длинными бровями. Батюшки и панычи хохотали.

— Ябъ бы музыки, ты бъ, Оришко, и потанцювала? спросили панычи.

— А чомъ же! Якъ выпью ще одну чарку, то такъ и пиду по хати метелыци.

Пока Оришка тѣшила гостей, Мелхиседекъ вышелъ на дворъ, разбудилъ двухъ пріѣзжихъ кучеровъ и пообѣщалъ имъ кварту водки, если они добудутъ изъ подъ камня въ рѣкѣ нѣсколько раковъ. Кучера, прельщенные выпивкою, живо исполнили порученіе батюшки и принесли ему пять раковъ. Мелхиседекъ бросилъ ихъ въ кружку, подъ полою внесъ ихъ въ комнату и поставилъ подъ стуломъ, прикрывъ голенищемъ собственнаго сапога.

Наслушавшись пѣсенъ и шутокъ Оришки, гости отпустили ее спать. Матушки вышли въ свою комнату, а батюшки и паничи легли «покотомъ» и укрылись, чѣмъ попало.

Потушили огонь. Въ комнатѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Матушки долгонько еще щебетали, пересуживая сосѣдей; на мужской половинѣ раздавался свистъ и храпъ, хотя спали далеко не всѣ: о. Мелхиседекъ не переставалъ шутить и тормошить сосѣдей. Наконецъ и онъ замолчалъ и притворился, будто спитъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ спать.

Только что всѣ начали дремать, Мелхиседекъ досталъ изъ кармана картофель и пустилъ ею слегка въ дверь комнаты, гдѣ спали матушки. Картофелина стукнула о дверь, будто пуля.

— Ой, щось стукнуло, зашептали матушки.

— А може то такъ здалось черезъ сонъ,—говорила Марта.

— Ей Богу стукнуло въ двери, inаче хто выстреливъ, сказала одна матушка.

— Та то мабуть двери на морозъ тріщать, сказала Марта.

Мелхиседекъ всталъ, на цыпочкахъ пробрался въ комнату матушекъ, подкрался къ окну и тихонько постучалъ.

— Ой, щось стукае въ викно, опять вполголоса заговорили матушки.

Мелхиседекъ заџарапалъ ногтями по стеклу.

— Та то мышь шкребе, хиба не чуете? промолвила Марта.

Мелхиседекъ, прислонясь къ стѣнѣ, снова постучалъ въ окно. Матушки подняли головы и глядѣли на окно. Въ окнѣ показалась черная фигура,—то Мелхиседекъ заслонилъ собою окно и мгновенно отодвинулся къ стѣнѣ.

— Ой, лишенько! Це якась мара, крикнули матушки въ одинъ голосъ.

Не успѣли онѣ придти въ себя, какъ за окномъ появилась уже бѣлая фигура, съ распростертыми руками, съ бѣлыми широкими

рукавами. Матушкамъ показалось, что въ окнѣ стоитъ мертвецъ, съ наброшеннымъ покрываломъ. Отъ испугу онѣ подняли крикъ и визгъ, вскочили съ постелей и сбились въ одну кучу возлѣ лежанки. Проснулась и благочинная, соскочила съ кровати и бросилась къ порогу. Фигура стояла за окномъ, неподвижно разставивъ руки.

Въ свѣтлицѣ также всѣ зашевелились. Проснулся Балабуха, проснулись и старые батюшки.

— Що тамъ таке? чого вы кричите? заговорилъ отецъ Мелхиседекъ, очутившійся уже въ свѣтлицѣ.

— Щось биле стоить за викномъ. Иди сюди та засвити свитло, сказала Марта, болѣе смѣлая, чѣмъ другія.

Мелхиседекъ вошелъ въ комнату, заглянулъ въ окно,—бѣлая фигура исчезла.

— Дежъ той мертвець? сказалъ Мелхиседекъ, то мабуть вы черезъ миру хлюснули пуншу до подушки, то вамъ и мерци показуються. Отъ до насъ вони не сміють приступити.

Черезъ минуту въ свѣтлицу съ хохотомъ влетѣлъ мертвецъ съ накинутой простыней, отворилъ дверь къ матушкамъ и низко поклонился имъ. Это былъ семинаристъ, съ которымъ Мелхиседекъ условился попугать матушекъ. Страхъ прошелъ; мужчины смѣялись, матушки бранились, пока опять не улеглись спать.

Страхъ и шутки прогнали сонъ, и на мужской половинѣ долго еще балагурили, перекидывались шутками, бросали другъ въ друга подушками, пока наконецъ не надоѣло это всѣмъ. Чтобы положить конецъ безпутному дурачеству, рѣшили всѣ задать потасовку Мелхиседеку, какъ главному затѣйщику, не дающему никому покою, и всѣ бросились къ нему, но вмѣсто него въ потьмахъ напали на благочиннаго и принялись его тузить. Только гнѣвъ послѣдняго, раздраженнаго неожиданнымъ на его нападеніемъ, заставилъ опомниться опалѣвшую компанію и прекратить перешедшія за предѣлъ шутки.

Покорился и Мелхиседекъ, возлагая еще надежду на раковъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ устали, разговоръ не клеился, шутки не давались. Всѣ притихли и незамѣтно уснули крѣпкимъ, мертвецкимъ сномъ.

Только что на дворѣ стало разсвѣтать, въ комнатѣ зашевелились матушки. Проснулся и Мелхиседекъ: онъ тихонько всталъ, на-

щупалъ кружку съ раками, вынулъ ихъ и подсунулъ подъ кафтаны двумъ старымъ батюшкамъ, которые спали, какъ убитые. Мелхиседекъ поспѣшилъ растолкать другихъ, въ ожиданіи потѣхи.

Не прошло минуты, какъ одинъ изъ старыхъ батюшекъ, быстро схватившись, закричалъ.

— Ой щось щипаеться! Чортъ-зна що выдумавъ! Чого ты отець Мелхиседекъ щипаешься?

— Духъ святый зъ нами! сказалъ Мелхиседекъ. Я лежу одъ васъ за верству, а вы кажете, що я щипаюсь. То може васъ блохи кусають.

— Добри блохи, замѣтилъ батюшка, и снова крикнулъ и вскочилъ съ постели. У него на ногѣ висѣлъ ракъ.

— А бачите, спали такъ довго, що й раки пидъ вами завелись, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, потягиваясь: може и пидъ цимъ старымъ завелись раки. Паничи! а йдить печерувати раковъ.

Отець Мелхиседекъ засунулъ руку подъ кафтанъ другаго батюшки и вытянулъ оттуда рака. Семинаристы бросились къ тому мѣсту, гдѣ спалъ старый батюшка, и нашли еще три рака. Старикъ протеръ заспанные глаза, вскочилъ съ постели и началъ ощупывать себя кругомъ, опасаясь, чтобы раки не сдѣлали и ему неожиданнаго сюрприза, какъ его сосѣду.

Въ комнатѣ поднялся хохотъ. Благочинный схватился съ постели, осматриваясь, нѣтъ-ли и подъ нимъ раковъ. Отецъ Мелхиседекъ, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ лежали матушки, бросилъ къ нимъ двухъ раковъ, приговаривая:

— Нате, матушки, на снидання павуковъ!

Матушки пришли въ переполохъ, подняли визгъ, посхватывались съ своихъ мѣстъ, но скоро пришли въ себя, увидѣвъ, что то были раки, а не пауки.

— И де вони ихъ въ нечистого набрали зимою? говорили матушки. Це все жарты Мелхиседеха. Якъ-же можна такъ жартувати!

— А чого-жъ вы такъ довго спите? отозвался изъ свѣтлицы отецъ Мелхиседекъ: добри хозяйки! сплять до обида. Спасиби ракамъ, що васъ побудили.

Матушки скоро умылись, одѣлись и вышли въ свѣтлицу. На столѣ стояла уже водка и закуска. Благочинный читалъ: *Отче нашъ.*—

Давайте-жъ, говорилъ Мелхиседекъ входившимъ матушкамъ, будемо справлять похристины.

И гости начали пить «похристины». Олеся разсердилась изъ-за раковъ, надулась, велѣла запрягать лошадей и, покинувъ мужа, одна уѣхала домой. Балабуха съ удовольствіемъ остался пить «похристины».

Долго еще гости пили и ѣли и уже послѣ обѣда почувствовали, что пора и честь знать.

Однако всѣ разгулялись: никому не хотѣлось ѣхать домой. Время было зимнее, безработное. Дома брала каждаго тоска за самое сердце.

— А що люде добри! чи розъидемось до дому, чи ще куди гуртомъ заидемо гостювати? предложилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Ой не хочеться до дому! Коли-бъ такъ, щобъ проихати тильки прозъ дому та й поминути іи, заговорили матушки.

— Чія дома найблизче, туди йдьмо вси гуртомъ гостювати, подалъ совѣтъ отецъ Мелхиседекъ.

— Добре, добре! крикнули матушки.

Ближе всѣхъ жилъ благочинный и Прокоповичъ, отецъ Олеси. Гости начали сосчитывать вёрсты, и оказалось, что Богуславъ на полверсты ближе, чѣмъ Чайки. Приходилось ѣхать къ Балабухѣ. Балабуха зналъ, что его жена станетъ на дыбы, когда увидитъ всю эту компанію; однако не посмѣлъ возражать и запросилъ къ себѣ гостей.

Запрягли лошадей. Гости одѣлись и выпили на дорогу. Посидѣвъ нѣсколько въ шубахъ и выпивъ еще по одной, гости вышли на крыльцо; на крыльцѣ выпили опять на дорогу, выпили «до коней» и «до санокъ», дали выпить и погоничамъ, и тогда уже тронулись въ дорогу. Балабуха сѣлъ въ однѣ санки съ Прокоповичемъ. Они выѣхали со двора позади всѣхъ.

Санная дорога была отличная; снѣгъ лежалъ большой. По обѣ стороны дороги были частые сугробы. На дворѣ было тихо и стояла легкая оттепель. Снѣгъ приставалъ къ полозьямъ и къ копытамъ лошадей. Все небо было покрыто облаками, словно густымъ бѣлымъ дымомъ.

Балабуха закутался въ теплую волчью шубу, надвинулъ на лобъ теплую сѣрую барашковую шапку съ ушами и не оглядѣлся,

какъ заснулъ. Старый Прокоповичъ въ свою очередь погрузился въ сонъ, хорошенько выпивши на дорогу. Противъ духовнаго поѣзда ѣхалъ другой такой-же длинный поѣздъ: то ѣхали польскіе паны, перекочевывавшіе, подобно батюшкамъ, для гулянья отъ сосѣда къ сосѣду. Батюшкамъ пришлось сварачивать въ сугробы. Заднія санки покосились на сугробѣ и сонные Балабуха и Прокоповичъ выпали изъ санокъ на мягкій снѣгъ, будто на перины. У погонича шумѣло въ головѣ; онъ даже не оглянулся назадъ. Лошади сами пустились догонять поѣздъ, и батюшки остались спать на сугробѣ. Прокоповичъ спалъ; ему приснилось даже, что онъ спитъ у себя въ катрагѣ (пчельникѣ), что въ катрагу влетѣлъ рой, покружился надъ нимъ, погудѣлъ и вылетѣлъ на дворъ.

Веселая компанія мчалась безъ оглядки и цѣлымъ поѣздомъ влетѣла во дворъ Балабухи сквозь не затворявшіяся никогда ворота.

— Благочинна жде насъ, выглядае, воритечка поодчиняла, говорили матушки, подъѣзжая къ крыльцу.

— Дежъ це ще одни санки? спросилъ Мелхиседекъ, взойдя на крыльцо и окинувъ глазами поѣздъ: мабуть десь зостались. Це отець благочинный съ Прокоповичемъ опизнились.

Гости вошли въ свѣтлицу. Въ покояхъ было тихо: Олеся по обѣдавши легла отдыхать. Матушки сидѣли, ждали, никто не выходилъ, а хозяина не было съ дороги. Онѣ пересмотрѣли картины, посмотрѣли на изображеніе голаго Геркулеса, поражающаго дракона, и притихли, подмигивая одна другой. Казалось, будто Геркулесъ замахнулся на нихъ долбешкой.

— Ой стережиться, бо такъ и стукне котрусь по голови довбнею, говорила Марта, указывая на Геркулеса.

— Такій, якъ Баньковській, шепнула другая веселая матушка.

— Тильки въ Баньковського велики усы; це мабуть благочинна зумисне почепила на стини, щобъ нагадувавъ іи Баньковського, шептала Марта на ухо сосѣдкѣ.

Перешептывались и батюшки, но потомъ не выдержали и стали громко разговаривать и шутить. Олеся проснулась и догадалась, что къ ней по дорогѣ заѣхала пьянственная компанія. Съ досады, она рѣшила оставаться въ постели.

Тѣмъ временемъ батюшки выглядывали въ окно, не ѣдетъ-ли Балабуха, а Балабухи все нѣтъ и нѣтъ. Кое-кто вспомнилъ уже про чарку и закуску, а хозяинъ не ѣхалъ.

Вдругъ въ отворенныя ворота вскочили сани. Погоничъ остановилъ лошадей возлѣ крыльца, оглянулся и ротъ разинулъ: сани были пустыя.

— Що це за диво! Прыихали сами санки безъ благочинного, промолвилъ отецъ Мелхиседекъ, выглядывая въ окно.

— Може де встали въ мистечку, отозвалась Марта: а побижи, паноче, та спитай въ погонича.

Мелхиседекъ выбѣжалъ на крыльцо. Погоничъ стоялъ, вытаращивъ глаза.

— А де ты подивавъ панотцивъ? спросилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Мабуть десь выпали зъ санокъ, бо на санкахъ нема, отвѣчалъ погоничъ, почесывая затылокъ.

— Э ты, роззяво! Выпали... А ты ни разу не оглянувся, чи що? крикнулъ отецъ Мелхиседекъ.

Погоничъ молчалъ; Мелхиседекъ вошелъ въ комнату и разсказалъ всей компаніи, что отецъ благочинный и отецъ Степанъ гдѣ-то вывалились въ дорогѣ. Немедленно посадили на сани одного семинариста и послали искать по дорогѣ вывалившихся гдѣ-то батюшекъ.

Пока ихъ нашли и привезли, Олеся лежала въ кровати и потягивалась. Отъ скуки она достала «Волшебницу Раги-Мунну» и начала читать ее въ третій разъ. Гости сидѣли и томились. Балабуха не возвращался. Отецъ Мелхиседекъ не выдержалъ: пріотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Олеся, и крикнулъ: «добрыдень тому, хто въ цёму дому!»

Олеся вздрогнула и выпустила книжку. Ей показалось, что Мелхиседекъ бросилъ въ нее рака.

Мелхиседекъ замѣтилъ, что благочинная лежитъ на кровати, и притворилъ дверь, а Олеся снова взяла «Волшебницу Раги-Мунну» и продолжала читать.

— Коли напросивъ гостей, то нехай самъ и панькается коло ихъ, а я не встану, думала Олеся.

— Лежить на лижку та одпочивае, тихонько сказалъ отецъ Мелхиседякъ матушкамъ. Цссс... бо благочинна книжку читае.

Тѣмъ временемъ семинаристъ поднялъ съ сугробовъ спавшихъ рядомъ благочиннаго и отца Степана и привезъ ихъ домой. Балабуха съ Прокоповичемъ вошли въ свѣтлицу; при видѣ ихъ поднялся громкій говоръ и хохотъ.

Балабуха прошелъ къ Олесѣ; та сердито посмотрѣла на него и снова уткнула глаза въ книгу.

— Вставай, сердце, та витай гостей, тихо сказалъ Балабуха, будто виновный въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Олеся только взглянула на него и еще пристальнѣе смотрѣла въ книгу.

— Вставай-бо, вставай! Годи качатись. Треба гостямъ подати чай та закуску, просилъ Балабуха.

— Коли напросивъ гостей, то и подавай самъ, а я не выйду до тихъ намитокъ.

— Одначе ѣздила до намитокъ горшиковъ ѣсты. Треба и намитокъ частувати, сказавъ Балабуха.

— Потривай-же ты, саранó, я тебе швидко выпроважу съ хаты, подумала Олеся и вздохнула, вспомнивши Баньковскаго.

Пока она встала, Килина подала самоваръ, а Прокопъ принесъ съ базара прошлогоднихъ бубликовъ, черствыхъ да твердыхъ.

Олеся кое-какъ причесала голову и какъ была въ будничномъ плохенькомъ платьѣ, такъ и вышла къ гостямъ. Матушки въ «намиткахъ» и въ синихъ жупанахъ важно и какъ-то грустно сидѣли рядами подъ стѣнками. Олеся поздоровалась съ ними очень холодно и даже пренебрежительно и сѣла возлѣ стола. Она разлила чай, раздала всѣмъ и сидѣла, молча. Матушки попробовали бубликовъ и едва не поломали зубовъ. Голодные батюшки уплетали ихъ, только трещало въ зубахъ. Разговоръ не клеился, всѣ молчали. Олеся сидѣла, опершись на столъ и кисло смотрѣла на Геркулеса. Выпили чай. Килина подала на столъ графинъ съ водкой и черствый ржаной хлѣбъ съ масломъ; только и всего угощенія. Гости выпили по рюмкѣ, пожевали чернаго хлѣба и, не предвидя ничего лучшаго, стали давать видъ, что хотятъ уѣзжать; но не только Олеся, даже самъ Балабуха не выразилъ особаго желанія ихъ удерживать и только предложилъ пройтись по другой. Выпили по другой, а веселья не прибавилось ни на грошъ. Гости были скучны и хозяева были скучны. Всѣ какъ-то разомъ замолкли; сдѣлалось такъ тихо, будто

въ комнатѣ не было никого. Но пріѣхавшей компаніи стало не въ терпежъ: сколько ей не хотѣлось здѣсь оставаться, столько-же хотѣлось еще погулять и потому, какъ только Олеся вышла изъ свѣтлицы, всѣ стали совѣтываться, куда ѣхать. Приходъ отца Мелхиседека былъ теперь найближе; онъ и запросилъ всѣхъ къ себѣ. Гости снялись и выѣхали со двора. Ни хозяинъ, ни хозяйка ихъ не удерживали.

— Ой сестрице! Я зуба зломила бубликомъ, жаловалась Марта сосѣдкѣ.

— А я трохи не вдавилась черствымъ хлибомъ. Чи вона такъ витае и свого Баньковського? спросила сосѣдка.

— Эге! якъ-разъ такъ! вона Баньковському нече поросята въ вильшаницькихъ поросятникахъ, сказала Марта.

— Тильки трохи перепикае, отозвалась сосѣдка; але ничого: въ Баньковського зубы добри, не поламае.

Мелхиседекъ съ женою поѣхали впередъ, чтобы приготовиться къ пріему голодныхъ гостей. Гости ночевали у нихъ, гуляли еще цѣлый день, но чувствовали, что не нагулялись въ волю. Опять рѣшили всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ Прокоповичу въ Чайки, и только въ Чайкахъ, и то на другой день, почувствовали, что нагулялись до сыта. Отсюда всѣ разъѣхались по домамъ и разнесли по околицѣ, какъ благочинная принимаетъ гостей, лежа въ постели съ книжкой.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ 1884 года.

«Преподобный Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII стол. извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ по святости жизни и по нетлѣнію своихъ мощей, почивающихъ въ почаевской лаврѣ, волынской епархіи. Но до послѣдняго времени рѣдко кто зналъ, *что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на этомъ поприщѣ въ самый скудный духовными писателями и самый смутный періодъ существованія южно-русской православной церкви*». «Но отселѣ (т. е. со времени выхода въ свѣтъ разсматриваемой нами книги) авторство преподобнаго Іова почаевскаго не подлежитъ сомнѣнію и, открывая новую, доселѣ невѣдомую для насъ сферу его духовной дѣятельности, должно пролить новый свѣтъ на внутреннюю жизнь преподобнаго Іова, на его образъ мыслей и убѣжденій и на его отношенія къ церковнымъ и общественнымъ нуждамъ того времени».

Такимъ заявленіемъ начинаетъ свое предисловіе къ разсматриваемой нами книгѣ профессоръ кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ, которому, какъ спеціалисту, духовный соборъ почаевской лавры поручилъ разборъ рукописей преподобнаго Іова.

Авторство преподобнаго Іова почаевскаго, по словамъ профессора Петрова, не можетъ подлежать сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ «житіи блаженнаго отца нашего Іова Желѣза», списанномъ ученикомъ его іеромонахомъ Досиѳеемъ (изд. въ Почаевѣ, около 1791 г.), говорится, что преподобный Іовъ занимался «списаніемъ книгъ церковныхъ». Между тѣмъ, въ почаевской успенской лаврѣ доселѣ хранится, съ подобающимъ благоговѣніемъ, «книга блаженнаго Іова почаевскаго, власною (собственною) рукою его писанная». Книга эта писана частію уставомъ, частію полууставомъ, который имѣетъ генетическое родство съ тѣмъ курсивнымъ почеркомъ, какимъ подписался преподобный Іовъ почаевскій на завѣщаніи Ирины Ярмолинской 1646 года, доселѣ хранящемся въ почаевской лаврѣ. Нѣкоторыя буквы скорописи, не смотря на разницу ея съ полууставнымъ письмомъ, все-таки значительно сходны между собою въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому несходныя съ полууставными, легко могли образоваться изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ упрощенія полууставнаго письма въ скорописи. Къ этому нужно присовокупить преданіе о принадлежности этой рукописи перу преподобнаго Іова, восходящее къ XVII вѣку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени въ полномъ видѣ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она заключаетъ въ себѣ 123 листка (въ продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинаціи показываютъ, что въ ней было болѣе 900 листовъ. Тѣмъ не менѣе и это, сравнительно не многое сохранившееся, имѣетъ, по мнѣнію проф. Петрова, чрезвычайно важное историческое и литературное значеніе.

Все содержаніе книги преподобнаго Іова почаевскаго, насколько позволяетъ судить уцѣлѣвшая часть ея, можетъ быть раздѣлено на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяцы; 2) выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и нѣкоторые подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, и 4) выписки изъ разныхъкнигъ, безъ заглавій и указанія источниковъ, замѣтки и краткія поученія заимствованныя, компилятивныя, подражательныя и оригинальныя, не пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ, которыя можно назвать поученіями на разные случаи. Этотъ, послѣдній отдѣлъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь преимущественно находятся самостоятельные опыты учительной дѣятельности преподобнаго Іова.

По мнѣнію проф. Петрова, главное достоинство рукописнаго сборника преподобнаго Іова состоитъ въ томъ, что этотъ сборникъ не есть безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся преподобному Іову книгъ и отражаетъ на себѣ характеръ личности преподобнаго Іова и его эпохи.

И переписанныя, и компилятивныя, и подражательныя статьи книги преподобнаго Іова указываютъ и опредѣляютъ тотъ кругъ воззрѣній и понятій, въ коемъ вращался умъ преподобнаго Іова и воспитывалась его нравственная природа. Съ другой стороны составъ книги преподобнаго Іова предполагаетъ собою извѣстный выборъ изъ различныхъ источниковъ такого назидательнаго матеріала, который, соотвѣтствуя личному настроенію и вкусамъ преподобнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ болѣе или менѣе прямое и близкое отношеніе къ обстоятельствамъ мѣста и времени жизни преподобнаго Іова. Въ этомъ случаѣ, выборъ преподобнымъ Іовомъ назидательныхъ статей для своей книги обнаруживаетъ въ немъ опредѣленныя цѣли, извѣстное направленіе и самостоятельную мысль, ставящую преподобнаго Іова, *даже въ заимствованныхъ имъ статьяхъ, на одинъ уровень съ самостоятельными проповѣдниками слова Божія*...

Въ рукописи преподобнаго Іова почаевскаго находятся поученія и выписки, направленныя противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Впрочемъ противъ евреевъ и католиковъ здѣсь помѣщено только два обличенія, притомъ заимствованныя у Григорія Цимвлака. Главныя усилія преподобнаго Іова направлены были къ обличенію протестантствующихъ сектъ, преимущественно-же быстро распространявшагося въ то время (конецъ XVI и нач. XVII стол.) въ юго-западной Россіи социніанства. Противъ социніанъ преподобный Іовъ ведетъ обширную полемику, апологически защищая важнѣйшіе догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Такъ въ рукописи преподобнаго находится изложеніе ученія (въ противовѣсъ социніанамъ) 1) *о Пресвятой Троицѣ*, 2) *о Божествѣ Іисуса Христа*, 3) *объ истинномъ Божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа*, 4) *о Пресвятой Богородицѣ*, 5) *о крещеніи*; 6) *о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, 7) *объ образахъ или иконахъ*, 8) *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*, 9) *о постѣ*, 10) *о памяти умершихъ*, 11) *о храмахъ Божіихъ*, 12) *о человѣческихъ страстяхъ и необходимости добрыхъ дѣлъ для человѣка*, 13) *о монашествѣ*, и проч...

По мнѣнію проф. Петрова, полемическіе и апологетическіе опыты преподобнаго Іова противъ сектантовъ протестантскаго характера должны занять почетное мѣсто въ православной противо-лютеранской полемикѣ второй половины XVI вѣка, къ которой они относятся. Перечисливши (хотя и съ немалыми пропусками) [1]) дошедшія до насъ со-

---

[1]) Такъ, кромѣ *повѣсти противъ безбожныхъ еретиковъ* (полов. XVI столѣтія), находящейся въ рукописи и потому естественно автору неизвѣстной, имъ не указаны: 1) Предисловіе къ острожской Библія, 2) Омилія Копыстенскаго,

чиненія православныхъ писателей, обличавшихъ въ разсматриваемое время антитринитаріанство или социніанство, проф. Петровъ заявляетъ, что по широтѣ круга, захватываемаго полемикой преподобнаго Іова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболѣе капитальными трудами того времени въ этой области, именно: «Показаніемъ истины» Зиновія Отенскаго, «посланіями» старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1619 гг., отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и высокими внутренними достоинствами... Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полемика преподобнаго Іова должна быть поставлена даже выше и этихъ капитальныхъ произведеній. Другіе обличители еретиковъ и защитники православія—говоритъ проф. Петровъ—или пользовались католическими пособіями, какъ напр. авторъ «Книги о вѣрѣ», руководившійся полемическими трудами Вуйка, или-же въ борьбѣ съ еретическимъ раціонализмомъ сами становились на раціональную почву, старались опровергнуть еретиковъ доводами ума, переспорить ихъ и заставить признать истину православія, напр., клирикъ Острожескій Василій и Стефанъ Зизаній; тогда какъ преподобный Іовъ всецѣло стоитъ на почвѣ священнаго писанія, церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній, вообще на почвѣ церковности, и не столько доказываетъ, сколько раскрываетъ и уясняетъ истины православія и ихъ свѣтомъ освѣщаетъ еретическія заблужденія. Тѣ, ставши на скользкую почву католическихъ, или-же раціональныхъ доказательствъ, сами могли пошатнуться на этой почвѣ и вдаваться иногда въ противоположныя крайности, выходить за предѣлы строгаго православнаго богословствованія, какъ это и случилось со Стефаномъ Зизаніемъ и нѣкоторыми другими. Напротивъ, преподобный Іовъ почаевскій выражалъ свою богословствующую мысль святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями и потому твердо стоитъ на православной почвѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе существенной части изслѣдованія профессора Петрова, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ изданной подъ его редакціею рукописи преп. Іова почаевскаго.

Самая рукопись помѣщена въ переводѣ на современный русскій языкъ, а частію и въ подлинникѣ, почти цѣликомъ. Изъ нея исключены только, по словамъ издателя, нѣкоторыя произведенія, или сохранившіяся въ отрывкахъ и не могшія быть возстановленными, или непровѣренныя по другимъ исправнымъ спискамъ и греческимъ подлинникамъ, остаю-

---

3) два сочиненія С. Коссова, 4) Крестъ Христа Спасителя, П. Могилы, и др. Съ другой стороны, между лицами письменно обличавшими протестантовъ, напрасно авторомъ помѣщенъ кіевскій митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ, который считался нѣкоторыми прежними историками писателемъ по недоразумѣнію.

щимся неизданными, или-же не имѣющія особеннаго значенія для характеристики жизни и дѣятельности прен. Іова.

Въ разсматриваемомъ изданіи рукопись преподобнаго Іова систематизирована слѣдующимъ образомъ:

Часть первая. Отдѣлъ первый. Слова и бесѣды на воскресные дни и подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (79—271 стр.). *Отдѣлъ второй.* Выписки и поученія о разныхъ предметахъ и на разные случаи (273—316).

Часть вторая. Отдѣлъ первый. Житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (3—172). *Отдѣлъ второй.* Выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго (173—194).

Бесѣды и поученія преподобнаго и Богоноснаго отца Іова, игумена и чудотворца святыя лавры почаевской (стр. 3—46, въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ на современный русскій языкъ).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что проф. Петровъ, редактируя разсматриваемую нами рукопись и составляя изслѣдованіе объ Іовѣ почаевскомъ, какъ духовномъ писателѣ, трудился весьма много и прилагалъ всевозможное стараніе, дабы придать своему труду научную оболочку. Довольно объемистый сборникъ, мелко и не всегда отчетливо написанный, имъ тщательно разобранъ, переписанъ и старательно, почти въ цѣломъ своемъ составѣ, сличенъ съ святоотеческими писаніями въ подлинникахъ или переложеніяхъ, наконецъ переведенъ на современный русскій языкъ и снабженъ тоже немалаго труда стоившимъ предисловіемъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы результаты, добытые столь большимъ трудомъ, были значительны,—разумѣется въ смыслѣ научномъ. Намъ кажется, что проф. Петровъ при своихъ работахъ надъ почаевскою рукописью сразу-же сдѣлалъ невѣрный шагъ, довѣрчиво, безъ надлежащей критики отнесшись къ позднѣйшему оглавленію, сдѣланному на этой рукописи; а затѣмъ, ставши на невѣрную дорогу, упорно продолжалъ идти по ней до самаго конца.

Проф. Петровъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что разсматриваемая имъ рукопись собственноручно писана преподобнымъ Іовомъ почаевскимъ. Мы-же думаемъ, что едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію *противное.* Разумѣется, свидѣтельство Досноея о преподобномъ Іовѣ, какъ о лицѣ, занимавшемся «писаніемъ книгъ *церковныхъ*», нисколько не доказываетъ, чтобы разсматриваемая рукопись была именно рукописью

преподобнаго. Также малоубѣдительна сама по себѣ и *позднѣйшая* приписка, сдѣланная на почаевской рукописи въ концѣ XVII или даже въ XVIII стол. рукою какого-то инока и гласящая, якобы означенная рукопись «власною рукою блаженнаго Іова почаевскаго писана». Знакомые съ древнею нашею письменностію хорошо знаютъ цѣну подобнымъ позднѣйшимъ припискамъ, основаннымъ на преданіи,—знаютъ, какъ иногда и возникаютъ подобныя преданія. Совсѣмъ другое дѣло, когда проф. Петровъ для подтвержденія своей мысли о принадлежности разсматриваемой имъ рукописи Іову почаевскому указываетъ на его собственноручную подпись, находящуюся на одномъ документѣ 1646 года: въ этомъ случаѣ онъ становится на почву положительную, фактическую. Только едва-ли благопріятною для него окажется эта почва. Проф. Петровъ говоритъ, что почеркъ разсматриваемой рукописи, писанный уставомъ и полууставомъ, имѣетъ *генетическое родство* съ курсивнымъ почеркомъ Іова почаевскаго на документѣ 1646 г. Нѣкоторыя буквы *сходны* въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидимому *несходныя* съ полууставными, *легко могли образоваться* изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ, и проч. Читаешь и чувствуешь, что экспертиза какъ будто не совсѣмъ надежная. Дѣйствительно, сравнивая почеркъ почаевской рукописи съ указаннымъ автографомъ преподобнаго Іова, сходства между ними и даже генетическаго родства не находишь никакого и жалѣешь, что издатель разсматриваемой книги не приложилъ къ ней снимковъ какъ съ почаевской рукописи, такъ и съ подписей преподобнаго Іова, чтобы дать читателямъ возможность провѣрить его догадку. Скажутъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана была преподобнымъ Іовомъ въ 1646 г., слѣдовательно когда ему было уже 95 лѣтъ, и что неудивительно поэтому, если между почеркомъ его и почеркомъ гораздо ранѣе писанной рукописи не видится сходства? Замѣчаніе не лишено основанія. Но развѣ нѣтъ другихъ болѣе раннихъ автографовъ преподобнаго Іова? Разумѣется есть, и нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ нашей академической библіотекѣ; но почему не упоминаетъ о нихъ проф. Петровъ—недоумѣваемъ. Можетъ быть они неизвѣстны ему; въ такомъ случаѣ весьма жалѣемъ: ознакомленіе съ означенными автографами, надѣемся, во очію убѣдило-бы его въ томъ, что между почеркомъ преподобнаго Іова и почеркомъ разсматриваемой почаевской рукописи *генетическаго сродства нѣтъ*... Независимо отъ сличенія почерковъ въ подписи преподобнаго Іова и почаевской рукописи, въ послѣдней можно находить нѣкоторые и другіе признаки, не дозволяющіе приписывать принадлежность ея преподобному. Такъ извѣстно, что Іовъ почаевскій принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени, воспитавшихся на древнихъ традиціяхъ и

не сочувственно смотрѣвшихъ на разныя новшества. Къ числу особенностей этихъ лицъ съ консервативнымъ оттѣнкомъ должно отнести сравнительно хорошее знакомство ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ то время почти забывавшимся въ юго-западной Россіи. Между тѣмъ въ почаевской рукописи, по заявленію самаго составителя предисловія, встрѣчается «смѣшеніе грамматическихъ формъ, напримѣръ, дѣепричастія съ изъявительнымъ наклоненіемъ и втораго лица съ третьимъ»,—вообще по мѣстамъ замѣчается крайне неправильная церковно-славянская рѣчь. Но на это обстоятельство составитель предисловія не обращаетъ надлежащаго вниманія, отдѣлываясь только такими замѣчаніями: «преподобный Іовъ пытался поддержать или возстановить этотъ (церковно-славянскій) языкъ, но его попытка оказалась не совсѣмъ удачною и, можетъ быть, эта неудача была одною изъ побудительныхъ причинъ (?!) къ прекращенію преподобнымъ Іовомъ полемической его дѣятельности противъ еретиковъ и къ оставленію имъ дубенской обители».

За первымъ невѣрнымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ: рѣшившись признать разсматриваемую рукопись собственноручною рукописью преподобнаго Іова, профессоръ Петровъ рѣшается во что-бы то ни стало доказать важное ея историческое и литературное значеніе. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого значенія почаевская рукопись не имѣетъ, то послѣдствіемъ этого является цѣлый рядъ изумительныхъ натяжекъ и превратныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, желая въ болѣе яркомъ свѣтѣ представить литературную дѣятельность преподобнаго Іова почаевскаго, профессоръ Петровъ утверждаетъ, что *преподобный трудился на литературномъ поприщѣ въ самый скудный духовными талантами періодъ существованія южно-русской православной церкви.* Разумѣется, это не болѣе, какъ риторическая фигура, потому что всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіею нашего юго-запада, извѣстно, что вторая половина XVI и первая XVII столѣтія (время жизни и дѣятельности Іова почаевскаго) представляютъ *самый богатый* духовными талантами періодъ въ исторіи южно-русской церкви. Въ это время (приводимъ выдержку изъ своего сочиненія о Петрѣ Могилѣ) религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества и достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Реформируются и вновь образуются церковныя братства, заводятся школы и типографіи, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно религіозно-полемическаго содержанія, созываются соборы, пишутся и разсылаются призывающія къ единодушію и твердости въ вѣрѣ посланія,—словомъ, южно-

руссы предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды». Это-ли крайняя духовная скудость?!

Обращаемся къ содержанію самой почаевской рукописи.

Для непредубѣжденнаго изслѣдователя рукопись эта представляетъ весьма обычное въ то время собраніе разныхъ душеспасительныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, наставленій и т. д., принадлежащихъ преимущественно св. отцамъ и учителямъ церкви. Разумѣется, нельзя думать, чтобы собраніе это представляло безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся книгъ, безъ всякой системы и порядка. И цѣль, и система, и порядокъ явственны. Онѣ до извѣстной степени обозначены самимъ издателемъ, систематизировавшимъ рукопись по указаннымъ нами выше отдѣламъ. Очевидно, что писатель, при составленіи своей книги, имѣлъ цѣлію сгруппировать въ ней святоотеческія слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресные, праздничные и нарочитые дни, чтобы имѣть подъ руками ежедневное назидательное чтеніе. Выборъ означенныхъ словъ и бесѣдъ могъ зависѣть отчасти отъ личнаго вкуса составителя, но едва-ли не въ значительной степени обусловливался количествомъ и подборомъ находившихся въ его распоряженіи книгъ. Весьма легко могло даже быть, что почаевская рукопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, переписана съ *одной только книги*, ранѣе составленной, какъ это въ то время случалось зачастую. Такимъ образомъ, первый вопросъ, естественно возникающій при научномъ изслѣдованіи почаевской рукописи (кѣмъ-бы она ни была писана), долженъ состоять въ томъ, есть-ли это рукопись основная, составлявшаяся изъ разныхъ книгъ лицемъ, ее писавшимъ, или-же представляетъ собою простой списокъ со сборника, ранѣе составленнаго. Между тѣмъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма существенный вопросъ проф. Петровымъ совершенно игнорируется. Всѣ старанія его направлены къ тому, дабы доказать, что почаевская рукопись есть замѣчательный полемическій памятникъ противъ социніанъ.

Пріемы, употребляемые при этомъ проф. Петровымъ, весьма замысловаты и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма просты. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Около 1602 года издана очень замѣчательная «Книга о вѣрѣ», содержащая въ себѣ полемику противъ антитринитаріевъ. Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ въ каждой приводится какое либо еретическое мнѣніе и затѣмъ довольно пространно опровергается. Такъ въ одной главѣ говорится, напримѣръ, о *пресвятой Тройцѣ*, въ другой о *Божествѣ Іисуса Христа*, въ третьей о *пресвятой Богородицѣ* и т. д. Такъ какъ *Книга о вѣрѣ* была въ свое время наиболѣе полнымъ и систе-

матическимъ опроверженіемъ антитринитаріанской ереси, то проф. Петровъ кладетъ ее въ основу «апологическаго ученія» преподобнаго Іова противъ еретиковъ, т. е. выписываетъ изъ нея въ указанномъ нами выше порядкѣ важнѣйшіе догматы въ православномъ вѣроученіи, отрицаемые социніанами, и подбираетъ въ почаевской рукописи мѣста, гдѣ раскрывается нужная для него сторона христіанскаго ученія. Напримѣръ, въ *Книгѣ о вѣрѣ* есть глава о *пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ сначала излагается мнѣніе еретиковъ, не признававшихъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и крови Христовой и вещество сего таинства считавшихъ только подобіями тѣла и крови Христовой. Указавши, на основаніи *Книги о вѣрѣ*, на подобное еретическое мнѣніе, проф. Петровъ находитъ, что и Іовъ почаевскій по данному вопросу велъ полемику съ еретиками; потому что въ рукописи Іова почаевскаго помѣщено слово съ именемъ Іоанна Златоустаго въ великій четвертокъ, а въ этомъ словѣ проповѣдникъ, приглашая своихъ слушателей къ священной трапезѣ, говоритъ: «Нынѣ предстоитъ Христосъ, нынѣ предстоитъ Тотъ, кто учредилъ эту трапезу; Онъ-же теперь устрояетъ и эту. Не человѣкъ претворяетъ предложенное въ тѣло и кровь Христову, но распятый за насъ Христосъ. Стоящій іерей носитъ его образъ, и тѣ слова произноситъ іерей, и дѣйствуетъ сила и благодать Божія». Другой примѣръ. Антитринитаріи отвергали троичность лицъ въ Богѣ. Іовъ почаевскій боролся и противъ этого еретическаго мнѣнія, потому что въ его рукописи приведенъ отрывокъ изъ Шестоднева Северіана Гавальскаго и слова Григорія Цимвлака, а въ этихъ произведеніяхъ говорится о троичности Божіей (слѣдуютъ выдержки). Приведемъ еще одинъ примѣръ, изумительный по своей курьезности. Социніане пренебрежительно отзывались *о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*. По мнѣнію проф. Петрова, полемика Іова почаевскаго противъ протестантовъ, замѣчательная по широтѣ круга, касалась и этого пункта, что доказывается нижеслѣдующимъ образомъ. Въ рукописи преподобнаго Іова помѣщенъ конецъ слова (замѣтьте конецъ слова, а не все слово) Григорія Цимвлака. *Если все это слово мы возстановимъ*, то тамъ прочтемъ, между прочимъ, *слѣдующія слова:* «И поелику священная память блаженнаго Филогонія зоветъ нашъ языкъ къ воспоминанію, то, оставивъ теперь ваше безстыдство, побесѣдуемъ вкратцѣ о семъ блаженномъ, поелику *память праведныхъ съ похвалами*, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 10, 7). Ибо, когда восхвалятъ праведники, то возвеселятся люди, возвеселятся и воспріимутъ ревность къ добродѣтели».—Не правда-ли, вполнѣ логическое доказательство!

Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно доказать, что почаевская рукопись составлена противъ какой угодно секты—молоканъ, хлыстовъ и т. д. Слѣдуя примѣру проф. Петрова, можно взять любой сборникъ XVI—XVIII в. религіознаго содержанія или любой сборникъ поученій какого либо современнаго проповѣдника и доказать, что онъ составленъ противъ социніанъ,—ибо социніане отрицаютъ Божество Іисуса Христа, а въ какой современной проповѣди, или въ старинной книгѣ вы не встрѣтите, что Іисусъ Христосъ многократно называется Богомъ?.. Гдѣ вы найдете, что пресвятая Дѣва Марія не называется Богородицею, Богъ не признается троичнымъ въ лицахъ и т. д.

Еще нѣсколько словъ. Въ концѣ разсматриваемой рукописи помѣщены (на 44 страницахъ въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ) якобы не списанныя бесѣды и поученія, а составленныя первоначальнымъ владѣльцемъ рукописи. Послѣднее весьма сомнительно. Самъ издатель почти о всѣхъ изъ нихъ говоритъ, что они составлены въ подражаніе то Златоустому, то Цимвлаку. Не обозначенныя-же, какъ подражательныя, имѣютъ весьма мало значенія. Такъ, напримѣръ, поученія противъ пьянства состоитъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «Послушаемъ съ особеннымъ вниманіемъ о воздержаніи и Іезоніи и братьевъ его. Они были внуки Іонадава, сына Рихава праведнаго. Ихъ, происходящихъ отъ него, Іеремія искушаетъ, какъ бы отъ имени Божія, повелѣвая имъ пить вино. Они сказали въ отвѣтъ: (приводится нѣсколько строкъ изъ 35 гл. Іереміи, чѣмъ и заканчивается поученіе).

Оканчиваемъ свою замѣтку слѣдующимъ заявленіемъ: мы не отрицаемъ совершенно всякое историческое значеніе разсматриваемой почаевской рукописи, мы только не признаемъ ее принадлежащею Іову почаевскому (точнѣе писанною имъ), не признаемъ за нею *того важнаго историческаго значенія, какое усвояется ей проф. Петровымъ*, какъ выдающемуся памятнику противо-протестантской (социніанской) полемики конца XVI и нач. XVII стол. Мы думаемъ, что историческое и литературное значеніе почаевской рукописи совершенно одинаково съ тѣмъ значеніемъ, какое обыкновенно усвояется однороднымъ съ нею рукописнымъ сборникамъ прежняго времени, во множествѣ находящимся какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ книгохранилищахъ. Идти далѣе—значитъ вступать на ложную дорогу.

Безъ сомнѣнія, издатели и проф. Петровъ добрую имѣли цѣль, выпуская въ свѣтъ разсматриваемую нами книгу—желали возвеличить преподобнаго Іова. Но удостоенный за свою святую и многополезную жизнь

небеснаго вѣнца, преподобный не имѣетъ нужды въ вѣнкахъ, сплетаемыхъ грѣшными руками человѣческими, и тѣмъ паче, если онѣ плетутся по узору, ошибочно нарисованному.

С. Голубевъ.

Przegląd archeologiczny, organ c. k. Konserwatoryum pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. (Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Выпускъ 1—3. Львовъ. 1882—1883 г.).

Нельзя не отдать справедливости той старательности, съ которою польская раціональная наука послѣднихъ десятилѣтій занялась изученіемъ и изслѣдованіемъ родной старины. Она не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ того широкаго интереса къ историческому знанію, какой господствуетъ теперь во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Во всѣхъ частяхъ, на которыя раздѣлена бывшая Польша, видимъ значительное вниманіе къ исторіи.

Польскіе историки не ограничиваютъ своего вниманія собственно предѣлами Польши, но касаются минувшей судьбы тѣхъ русскихъ областей, которыя входили нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, интересуются исторіей и этихъ земель въ періодъ польскаго владычества надъ ними.

Разрабатывая исторію этихъ исконно-русскихъ краевъ, хотя-бы и съ своей національной точки зрѣнія, издавая историческіе памятники ихъ, польская исторіографія оказываетъ услугу и намъ. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej polskiej*, которыхъ X-й томъ вышелъ на дняхъ, могутъ быть поставлены вслѣдъ за изданіями нашихъ кіевской и виленской коммисій и собраніемъ «Актовъ западной и южной Россіи»; къ сожалѣнію, львовскіе акты издаются безъ того строго опредѣленнаго плана, который составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ изданій кіевской коммисіи. Они лишены также предисловій, которыя нерѣдко столь цѣнны въ «Архивѣ юго-западной Россіи».

Нельзя не привѣтствовать тѣхъ польскихъ изданій, которыя проникнуты духомъ истинной науки, чтутъ историческую правду, не вносятъ въ исторію національнаго пристрастія и риторизма, не искажаютъ исторической истины, въ чемъ былъ повиненъ, напримѣръ, покойный краковскій профессоръ Шуйскій, въ особенности въ первое время своей

дѣятельности. На почвѣ болѣе или менѣе чистой научности могутъ протянуть другъ другу руку и русскіе, и польскіе историки.

Къ числу отрадныхъ явленій польско-русской исторической литературы принадлежитъ и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше.

Это повременное изданіе составляетъ органъ археологическаго общества во Львовѣ, имѣющаго цѣлью розысканіе, описаніе и сохраненіе всякихъ памятниковъ старины въ Галичинѣ и въ краковскомъ округѣ. Уставъ общества былъ утвержденъ въ 1875 г., но вполнѣ оно организовалось въ 1876 г. Изъ галицко-русскихъ ученыхъ въ составъ археологическаго общества вошли извѣстные изслѣдователи и знатоки галицкой исторіи о. А. С. Петрушевичъ и И. М. Шараневичъ, возведенные недавно университетомъ св. Владиміра въ почетные доктора русской исторіи. Въ 1881 г. они были избраны въ члены «Выдѣла», завѣдывающаго дѣлами общества, и сверхъ того о. Петрушевичу было предложено званіе заступающаго мѣсто президента археологическаго общества. Оба ученые, въ особенности о. Петрушевичъ, приняли весьма дѣятельное участіе въ изданіи «Археологическаго Обозрѣнія», которое общество порѣшило издавать въ послѣднее время.

Общество понимаетъ археологію въ широкомъ смыслѣ слова и старается о правильной постановкѣ дѣла охраненія и изученія памятниковъ старины. Въ указанныхъ выше 3-хъ выпускахъ его трудовъ есть много не лишеннаго интереса и для насъ.

Содержаніе ихъ очень разнообразно: тутъ находимъ и статьи чисто археологическія, заключающія описаніе тѣхъ или иныхъ памятниковъ, и описаніе архивовъ, и акты, и извлеченіе изъ позднѣйшихъ мемуаровъ, и небольшія историческія монографіи по архивнымъ даннымъ, и историко-археологическія розысканія и наконецъ библіографическіе перечни съ критической оцѣнкой. Укажемъ лишь на статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для читателей «Кіевской Старины».

Спеціально по части археологіи заслуживаетъ упоминанія извѣстіе объ открытіи на поляхъ деревни Залуквы около Галича надъ р. Ломницею развалинъ церкви св. Спаса, которая была замковою церковью князя Владимірка и упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Фундаментъ указываетъ на строеніе XI в. въ чистомъ церковномъ романо-византійскомъ стилѣ. Г. Шараневичъ, сообщившій это извѣстіе, описалъ также археологическія раскопки, произведенныя въ 1883 г. въ мѣстности древняго Галича и начатыя по плану его-же и профессора Захарьевича. Раскопаны *церквище Благовищенськé*, валъ около церкви св. Спаса, нѣсколько могилъ, и намѣчены нѣкоторые пункты для дальнѣйшихъ раскопокъ. Эти раскопки, равно и сдѣланныя г. Шараневичемъ, на осно-

ванія ихъ, выводы вызвали рядъ возраженій въ галицкомъ «Словѣ» и въ «Вѣстникѣ народнаго дома» 1883 и 1884 г. въ неоконченной еще статьѣ о. А. Петрушевича: «О городѣ Галичѣ за Луквою». Тѣмъ не менѣе г. Шараневичъ питаетъ надежды, что предположенныя раскопки могилъ на мѣстѣ древняго Галича приведутъ къ результатамъ подобнымъ тѣмъ, какіе добыты изслѣдованіемъ въ 1881—1882 гг. могилъ стараго города Плѣсньска, упомянутаго лѣтописью подъ 1190 и 1233 гг., а въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются рядомъ съ находками, указывающими на христіанство, слѣды языческихъ обычаевъ, ставленія въ могилы пищи и напитковъ, обращеніе покойниковъ головою на западъ, употребленіе колецъ, вложеніе въ уста покойнику золотыхъ бляшекъ и пр.

Изъ статей, относящихся къ вещественнымъ памятникамъ старины, можно отмѣтить живо-написанный очеркъ общаго содержанія, принадлежащій перу графа Дзѣдушицкаго, предсѣдателя археологическаго общества и хранителя памятниковъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: «Деревянныя постройки на Руси». Авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость присматриваться къ деревяннымъ церквамъ, изъ которыхъ иныя заслуживаютъ вниманія и являются истинными произведеніями искусства въ своемъ родѣ. Въ подверждение отчетливости, съ какою выполнена постройка нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывается церковь въ Дрогобычѣ, которая, по преданію, стояла нѣкогда въ Украйнѣ за Днѣпромъ и дрогобычскими мѣщанами, возившими туда для продажи соль, пріобрѣтена за нѣсколько возовъ соли. Церковь была разобрана, каждая изъ частей ея была положена въ отдѣльности на сани, и всѣ онѣ были перевезены на Червонорусское Подгорье. Гр. Дзѣдушицкій описываетъ обычный складъ «русинской церкви» и говоритъ: «Вотъ стародавняя польская (sic!) церковка, которую мы всѣ знаемъ, которую полюбилъ каждый поэтъ и каждый истинный художникъ, и которую теперь неразумно губятъ неумѣлыя руки». Указавъ на живописный видъ такой церкви, соотвѣтствующій нашему небу, авторъ упоминаетъ о *дзвоницѣ* и переходитъ къ старымъ домамъ по мѣстечкамъ. «Не одинъ, замѣчаетъ онъ, удивится тому, что кому либо пришла охота говорить о такихъ убожествахъ; и однако эта архитектура связана со всѣмъ прошлымъ. Въ деревянныхъ неоштукатуренныхъ покояхъ жили наши рыцарственные предки, заслонявшіе грудью Рѣчь Посполитую и христіанство, пока они не опустились подъ вліяніемъ саксонской иноземщины. Въ деревянной церкви молились сотни поколѣній, она является достойнымъ памятникомъ народнаго обычая и свидѣтельницею лучшихъ временъ; деревянная церковка среди дубровы и деревянный домъ въ мѣстечкѣ—то родныя дѣти нашихъ лѣсовъ, нашихъ долинъ и нашей исторіи; не позволимъ, чтобы ихъ выгнали изъ родимой Руси

какіе нибудь безцвѣтные, холодные, гадкіе, бѣленые пришельцы». Помимо тенденціознаго смѣшенія русскаго съ польскимъ, въ статьяхъ сотрудниковъ Przegląd'а, принадлежащихъ къ польской націи, нерѣдко прорывается элегическій тонъ, указывающій на то, что побуждаетъ польскую интелигенцію отдаваться такъ ревностно изученію прошлаго. Тѣже ноты звучатъ и въ такихъ сухихъ статьяхъ, какъ описаніе львовскаго городскаго архива. Въ началѣ этого описанія читаемъ: «*Свое управленіе, свой судъ, своя казна, свое войско* — все это говоритъ намъ, какъ духи, поднимающіеся по заклинанію чародѣя изъ этихъ книгъ, грамотъ, актовъ, историческихъ автографовъ, даже нерѣдко изъ мелкихъ замѣтокъ и частныхъ листковъ».

Гр. Дзѣдушицкому принадлежитъ также описаніе латинскаго костела и церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. Авторъ говоритъ прежде всего о башнѣ романскаго стиля, напоминающей сѣверно-итальянскія и югославянскія сооруженія, восходящей ко времени Володаря Осмомысла (sic) и свидѣтельствующей наравнѣ съ другими памятниками, что и Галицкая Русь не оставалась чуждой вліянія запада. Затѣмъ гр. Дзѣдушицкій переходитъ къ костелу готическаго стиля, построенному краковскими мастерами въ первой половинѣ XV в. и наглядно знакомящему съ костелами времени Ягайла. Этотъ костелъ былъ реставрированъ королевой Боной. Надъ главнымъ кораблемъ явился тогда круглый сводъ, подобный тѣмъ, какіе виднѣются на Суконницахъ, на луцкомъ замкѣ, въ Люблинѣ и въ Красичинѣ. Когда верхъ костела обрушился отъ тяжести народа, искавшаго на немъ защиты во время татарскаго нашествія при королѣ Михаилѣ, его возстановили въ іезуитскомъ стилѣ или barocco. Теперь костелъ приводится въ первоначальный видъ по ходатайству «Выдѣла» общества предъ краевымъ сеймомъ. Послѣ описанія надгробнаго памятника Рамултовой, находящагося внутри собора и относящагося къ первому времени возрожденія, слѣдуетъ упоминаніе о деревянной церкви св. Юрія, привезенной, какъ сказано, по преданію изъ Украйны и подтверждающей своимъ видомъ это преданіе. По мнѣнію автора, церковь можетъ быть названа прибывшею изъ-за Днѣпра и въ иномъ еще смыслѣ: первообразы ея въ Самаркандѣ, въ Тегеранѣ и въ Бенаресѣ; это «татарское (!) искусство». Такъ далеко шагнулъ авторъ, заключающій замѣчаніемъ, что «дзвоница и церковь характеризуютъ судьбу православія въ Польшѣ, которое становилось постепенно вѣрой хлопской. Но когда высшія сословія ходили въ католическіе костелы, церковь все чаще подпадала вліянію, проникавшему съ востока, изъ-за Днѣпра. Раздвоеніе между востокомъ и западомъ, усматриваемое во всей Рѣчи Посполитой, выступаетъ найболѣе ясно въ судьбѣ русской церкви: одна

часть ея клонилась къ уніи, другая отвращалась отъ Европы и тоскливо взирала на Москву».

Переходя къ письменнымъ памятникамъ старины, укажемъ на описаніе городскаго львовскаго архива, составленное секретаремъ общества К. Видманомъ.

Г. Садокъ Баронъ предпринялъ описаніе доминиканскихъ архивовъ и пока помѣстилъ статьи объ архивахъ въ Ярославлѣ и Бохнѣ.

Въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ» встрѣчаемъ рядъ актовъ, сообщенныхъ по большей части гг. Петрушевичемъ и Шараневичемъ Не всѣ документы представляютъ одинаково интересный и цѣнный матеріалъ. Перечислимъ важнѣйшіе. Въ визитѣ 1765 г. церкви и монастыря св. Юрія во Львовѣ есть свѣдѣніе о времени сооруженія этой церкви и о надписи на колоколѣ, отлитомъ въ 1341 года. Интересно примѣчаніе о. Петрушевича къ грамотѣ XIV в. о пожалованіи села двумъ волохамъ и къ двумъ грамотамъ Ѳедора Любартовича (начала XV в.) объ отграниченіи нѣсколькихъ селъ. Грамоты эти свидѣтельствуютъ о поселеніи румынъ въ порѣчьи Ломницы и вообще въ жидачевскомъ повѣтѣ. О. Петрушевичъ излагаетъ по этому поводу кратко свой любимый и интересный тезисъ о румынскомъ вліяніи на юго-западную Русь: онъ говоритъ о румынской колонизаціи въ Галичинѣ, пріурочивая къ румынамъ и болоховцевъ [1]), указываетъ на необходимость изслѣдованія заслугъ румынъ въ исторіи южно-русской образованности. Вліяніе румынъ началось, по мнѣнію о. Петрушевича, съ доисторическаго времени славянъ и объясняетъ начало культуры и христіанства по обѣимъ сторонамъ Карпатъ. Нѣсколько документовъ XVI—XVII в. изображаютъ положеніе православнаго духовенства въ Галичинѣ. Двѣ грамоты начала XVI в. говорятъ объ освобожденіи священника церкви св. Николая во Львовѣ отъ государственныхъ повинностей и отъ подсудности львовскому старостѣ. По ходатайству Константина Острожскаго, Сигизмундъ I освободилъ монаховъ львовскаго онуфріевскаго монастыря отъ государственной подати съ сада. Королевскія и владѣльческія грамоты XVI—XVII вв. предоставляли вносившимъ извѣстную сумму священническія мѣста въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины въ *потомственное распоряженіе* съ угодьями и опредѣленною данью по 1 копѣ жита отъ пасомыхъ подданныхъ; коморничьяго и загродничьяго полагалось по одному дню работы, и сверхъ того вносился извѣстный податокъ. Священникъ

---

[1]) Ср. нашъ разборъ гипотезы г. Петрушевича о Болоховцахъ въ майской книжкѣ «Универс. Изв», 1884 г. Въ ноябрьскомъ № «Вѣстника Народнаго дома», 1884 г. о. Петрушевичъ кратко отвѣчаетъ на этотъ разборъ.

долженъ былъ вносить ежегодно чиншъ и затѣмъ освобождался отъ всякихъ повинностей и панщины. Отнять поповство у потомковъ пожалованнаго имъ можно было лишь по уплатѣ суммы, которая была внесена получившимъ жалованную грамоту. Иной разъ священникъ самъ строилъ церковь и затѣмъ получалъ грамоту на поповство при ней. Значительный интересъ представляетъ грамота Сигизмунда III, которою было разрѣшено въ 1596 г. кіево-печерскому архимандриту Никифору Туру основать надъ р. Ирпенемъ на урочищѣ *Дидовомъ* замокъ и при немъ *мѣсто*. Мѣщанамъ того мѣста грамота воспрещала ходить безъ разрѣшенія гетмана на *запороги*, въ *дикія поля* и заграницу и доставлять туда провизію, олово и порохъ. Изъ позднѣйшихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанное А. С. Петрушевичемъ пространное письмо Филиппа Орлика на латинскомъ языкѣ къ генеральному ассистенту іезуитовъ въ Римѣ, написанное 5 августа 1727 г. въ Θессалоникѣ и заключающее въ себѣ разсказъ объ извѣстныхъ странствованіяхъ этого авантюриста по Европѣ, съ цѣлію добиться у европейскихъ дворовъ освобожденія общими ихъ силами Малороссіи отъ московскаго подданства и возстановленія яко-бы его, Орлика, въ гетманскомъ достоинствѣ. Изъ письма открывается, что Орликъ, преслѣдовавшій свою политическую мечту около 20 лѣтъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ неудачъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ помощи римской куріи. Съ этою цѣлію онъ обратился къ іезуитскому миссіонеру въ Константинополѣ и открылся предъ нимъ, будто его одолѣваетъ ревность о распространеніи католической церкви, и что онъ могъ-бы отдаться этому дѣлу, если-бы ему оказана была помощь въ исполненіи его давнихъ мечтаній. Орликъ далъ миссіонеру записку по этому предмету, которая была сообщена послѣднимъ послу австрійскаго императора. И миссіонеръ, и посолъ обѣщали Орлику позаботиться о немъ. По плану Орлика, папа долженъ былъ похлопотать предъ римскимъ императоромъ о заступничествѣ за него, Орлика, при русскомъ дворѣ, если-же это окажется невозможнымъ, то велѣлъ-лъ своему нунцію домогаться у польскаго короля и польской республики, чтобы послѣдняя согласилась исполнить обѣщаніе, данное королемъ Портѣ, именно о предоставленіи Орлику правобережной Украйны съ гетманскимъ достоинствомъ и древними правами, соблюдавшимися до 1712 г. Орликъ ввелъ-бы тогда унію въ Украйнѣ въ теченіи года не насильственными средствами, къ которымъ прибѣгають поляки изъ неумѣренной ревности (ex zelo minus ordinato), но посредствомъ указанія на заблужденія новѣйшей греческой церкви. Тогда Польша могла-бы быть спокойна относительно козаковъ. Къ этому письму Орликъ прило-

жилъ еще письмо къ папѣ и нѣкоторые документы, относившіеся къ перепискѣ его съ различными лицами, съ которыми онъ сносился.

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ весьма интересенъ отрывокъ изъ дневника холмскаго уніатскаго епископа Важинскаго, относящійся къ возстанію Костюшки.

Изъ обработокъ сырого историческаго матеріала отмѣтимъ нѣсколько датъ для исторіи рода Одровонжей на Руси въ XV в., генеалогическую таблицу потомства Іереміи Могилы и статью о Гозіи, извѣстномъ епископѣ вармійскомъ и кардиналѣ, ратоборцѣ за католичество въ періодъ реформаціи въ Польшѣ.

Упомянемъ въ заключеніе нашего обзора, что въ «Археологическое обозрѣніе» вошла и одна археологическо-лингвистическая замѣтка, вѣроятно—на томъ основаніи, что самымъ важнымъ и старшимъ археологическимъ памятникомъ въ научномъ отношеніи является языкъ «рода людскаго». Замѣтка эта принадлежитъ А. С. Петрушевичу и касается слова *рокошъ*. Приведши различныя мнѣнія объ этомъ словѣ, о. Петрушевичъ присоединяется къ юридическому толкованію Мацѣевскаго, по которому поляки называли рокошемъ «вооруженное выступленіе шляхты противъ короля». О. Петрушевичъ дополняетъ свѣдѣнія, приведенныя у Мацѣевскаго, указаніемъ на то, что венгерскіе *рокоши* или сеймы на полѣ Ракусъ упоминаются уже подъ 1298 г., а въ венгерское право они вошли не ранѣе 1498 г. Окончаніе *ошъ* о. Петрушевичъ считаетъ вопреки Миклошичу не малорусскимъ, а западно-славянскимъ. Въ этой западнославянской (чешско-польской формѣ) слово проникло въ русскій книжный языкъ уже въ XV в. Изъ языка чеховъ и словаковъ (у послѣднихъ это слово употребляется до сей поры) оно перешло въ языки мадьярскій и румынскій. Въ значеніи бунта слово рокошъ проникло въ московскую Русь отъ западныхъ славянъ чрезъ Литву или Малую Русь. Оно встрѣчается въ судебникахъ Ивана III и Ивана IV. Въ старорусскомъ языкѣ существовала чисто русская форма этого слова, *рякоза*, которая была извѣстна и въ юго-западной Руси. Заключена замѣтка г. Петрушевича этимологическимъ производствомъ слова *рокошъ* и указаніемъ различныхъ видоизмѣненій первоначальнаго корня.—О. Петрушевичъ помѣстилъ также описаніе молитвенника Терезы, урожденной Опалинской, второй жены Стефана Немирича, воеводы кіевскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для исторіи польскаго языка.

Н. Д.

Рада, украинскій альманахъ на 1884 года. Кіевъ. 1884 годъ.

Второй выпускъ кіевскаго альманаха составленъ исключительно изъ белетристики и поэзіи. Капитальною вещью въ немъ, какъ и во всей малорусской словесности послѣднихъ 10—15 лѣтъ, является романъ «Повія», изъ котораго появилась теперь вторая часть. Какъ ни неблагопріятенъ для цѣльности литературнаго произведенія подобный способъ печатанья по части черезъ годъ, но впечатлѣніе производимое романомъ г. Мирнаго такъ глубоко, что лица и событія выплываютъ изъ памяти, какъ только приступишь къ чтенію новой части, какъ знакомые, родные, и читатель входитъ сразу и всецѣло въ ихъ жизнь. Въ этой части героиня этой несложной повѣсти, сдѣлавшись жертвою обмана, отслуживаетъ въ городѣ у мѣщанина Загнибиды за деньги, яко бы оставшіеся должными этому кулаку ея покойнымъ отцемъ. Жена Загныбиды—болѣзненная женщина, и молодая, хорошенькая Христя становится цѣлью его назойливыхъ приставаній. Когда, послѣ многихъ терзаній, Христя урывается на денекъ въ село, къ матери, Загныбыда, возвратясь домой и не заставъ наймички, раздосадованный своимъ неуспѣхомъ и считая всему помѣхою постылую жену, нападаетъ на нее съ такою яростью, что несчастная женщина умираетъ отъ побоевъ. Въ испугѣ и попыхахъ онъ выпроваживаетъ домой наймичку, сунувъ ей пятидесятирублевую бумажку. Эти деньги становятся для Христи источникомъ новаго горя. На допросѣ Загныбида бросаетъ тѣнь на Христю и, какъ улику, указываетъ на деньги. Христю берутъ подъ слѣдствіе, а въ это время тамъ, въ селѣ, сраженная этою послѣднею чашей горя, умираетъ ее мать. Отпущенная за отсутствіемъ всякихъ уликъ, Христя попадаетъ въ село на похороны старухи. Она бросаетъ на вѣкъ непривѣтную родину и уходитъ на новое мѣсто.

Глубина анализа и правда изображеній—таковы отличительныя черты таланта автора «Повіи», который мы пытались уже характеризовать, при появленіи первой части романа. Картина жизни малорусскихъ селъ и городковъ, подъ перомъ г. Мирного, является во всей той ширputѣ, какая свойственна крупнѣйшимъ представителямъ современнаго романа, этого послѣдняго слова поэзіи. Если дивишься мощи, съ какою изображаетъ авторъ характеры сильные и жестокіе, то особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство, съ какимъ рисуетъ онъ натуры пассивныя, какъ жена Загныбиды, или среднія, какъ Христя. Психологія обыденнаго, средняго человѣка—самая трудная... Скорбнымъ чувствомъ отсутствія правды въ мірѣ дышетъ созданіе поэта. Людей чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ, высокихъ душею—мало въ мірѣ. Имъ суждено страданіе.

Злоба и эгоизмъ торжествуютъ на свѣтѣ и люди сами устроили свои муки. На его любимое село со всѣхъ сторонъ ложатся тѣни. Ложатся онѣ и отъ этого городка, который, какъ всѣ города въ людскихъ общежитіяхъ—есть представитель хищнаго эгоизма и калѣчитъ и губитъ тѣ свѣжія силы, какія даетъ ему деревня. Украинское мѣщанство и мелкій промышленный классъ нашли въ г. Мирномъ такого-же несравненнаго изобразителя, какъ и сельская жизнь. Сцену праздничной мѣщанской пирушки у Загныбиды надо прочесть, такъ какъ о ея поразительной живости и юморѣ не дадутъ понятія никакія слова.

Очерки «Якъ ведется, такъ и живетця», того-же автора,—также романъ, изъ котораго дано пока только два отрывка. Въ лѣтній зной, подъ палящимъ солнцемъ, три крестьянскихъ мальчика пасутъ скотъ въ степи. Предъ ними, въ отдаленіи, темный силуэтъ Батіевщины, разрушенной панской усадьбы, надъ ними—голубой шатеръ неба. Ихъ дѣтскія рѣчи и составляютъ «содержаніе» очерка «День на пастовнику», а изображеніе ихъ дѣтскихъ натуръ и трехъ различныхъ характеровъ, тонкое и блистательное, составляетъ интересъ этого прелестнаго разсказа. Второй очеркъ «Батьки» ведетъ разсказъ назадъ. Мы предпочитаемъ, когда лица рисуются въ дѣйствіи, параллельно событіямъ, а не такіе ретроспективные очерки. Но когда разсказъ веденъ съ этимъ талантомъ, тогда способъ передачи отходитъ на второй планъ. Мы дѣлаемся очевидцами и участниками жизни цѣлой крестьянской семьи: крутой, но честный старикъ—отецъ, любящая мать, хозяинъ, добрый малый,—старшій братъ, его тихая, покорная жена—всѣ становятся намъ близкими, какъ дѣйствительно видѣнныя лица. Но ярче всѣхъ выступаетъ младшій братъ Ёсипъ, обреченный на солдатчину и его жена Параска, этотъ выродокъ панскихъ усадебъ. Ради любви къ ней онъ обкрадываетъ родныхъ, онъ страдаетъ и мучится. Сценѣ примиренія и ухода Ёсипа въ солдаты, при всей сдержанности и строгости разсказа, суждено имѣть успѣхъ патетизма, успѣхъ слезъ, самый завидный, о какомъ можетъ думать писатель. Надо имѣть очень сильные нервы, чтобъ прочесть ее безъ волненія. Чтобъ покончить съ г. Мирнымъ, скажемъ, что сокровища чувства и слова, внесенныя имъ въ малорусскую литературу, будутъ всегда такимъ-же голосомъ о творческихъ силахъ народа, какъ и самыя созданія народной музы.

Два маленькихъ разсказа въ книгѣ принадлежитъ Ганнѣ Барвинокъ. Это имя давно знакомое въ малорусской летературѣ принадлежитъ писательницѣ, обладающей рѣдкимъ и пріятнымъ свойствомъ: правильнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Съ самаго начала своей дѣятельности писательница избрала форму очерка, каждая черта въ которомъ изучена

съ натуры. Выбирая темы съ умомъ и тонкимъ вкусомъ, г-жа Барвинокъ въ формѣ набросковъ, путевыхъ замѣтокъ и т. п. оставила нѣсколько вещицъ, которыя не забудутся. Любители малорусскаго слова помнятъ ея разсказы въ «Хатѣ» и «Основѣ»: «Не було зъ малку, не буде й до станку», «На Волыни», «Жизнь въ одномъ селѣ». Послѣдній разсказъ напримѣръ ничто иное, какъ простое описаніе украинской мѣстности, одного уголка нашей родины. На этомъ пейзажѣ двѣ три обыденныхъ деревенскихъ фигуры. Но все это такъ вѣрно жизни и безъискуственно, разсказано съ такой любовью къ предмету, что отъ этихъ страницъ какъ-бы вѣетъ здоровымъ воздухомъ деревни, ароматомъ цвѣтущаго сада, душистымъ запахомъ полевыхъ травъ... Въ «Основѣ» была цѣлая школа такихъ добросовѣстныхъ писателей: Номисъ, Л. Жемчужниковъ, Ревякинъ, Каховскій. Къ этому типу произведеній принадлежитъ очеркъ «Квитки зъ слезами, слезы зъ квитками», представляющій попытку обрисовки психологіи калѣкъ. Три женщины, въ ней выведенныя, настоящія украинки, съ ихъ душевнымъ изяществомъ и глубиною чувства. Разсказъ «Вирна пара» вдохновленъ Шекспировской «Ромео и Юлія», изъ которой къ нему взятъ эпиграфъ.

Кому не случалось иногда задумываться надъ великими созданіями фантазіи и рисовать въ умѣ, что было-бы, еслибъ измѣнить такъ или иначе ходъ событій въ поэтическихъ фикціяхъ? Представимъ себѣ, что Лоренцій пришелъ минутою раньше и помѣшалъ Ромео выпить ядъ. Джюльета просыпается, узнаетъ своего обожателя и безсмертные своею вѣрностью сердца наконецъ соединяются. Въ разсказѣ г-жи Барвинокъ находимъ нѣчто подобное: парубокъ Сергій возвращается домой «съ вокзала», узнаетъ о внезапной смерти своей невѣсты. Она была весела и здорова и, принарядившись, пошла въ послѣдній разъ съ подругами на досвитки. Тамъ парубки хотѣли снять у нее съ руки кольцо, обручальное кольцо Сергія. Чтобы не дать никому кольца, она взяла его въ ротъ и проглотила. Кольцо стало въ горлѣ, что произвело обморокъ, схожій съ летаргіей. Сергій возвращается, когда Оннльку только что похоронили. Ночью бѣжитъ онъ на кладбище и въ отчаяніи откапываетъ гробъ, чтобъ взглянуть на свою невѣсту еще разъ. Сильнымъ движеніемъ онъ встряхиваетъ мнимую покойницу. Она просыпается и возвращается къ жизни. Маленькій этотъ разсказъ веденъ очень искусно и неожиданность развязки и интересъ поддерживаются до послѣдняго слова. Послѣдняя прозаическая вещь, сказка «Кладовище»—дебютъ новаго автора г. Алатанченка и, что особенно пріятно, дебютъ удачный. Написанная на шопенгауэровскую тэму, сказка эта обличаетъ нѣкоторую писательскую неопытность: въ ней два разсказа, вставленные одинъ въ другой, отчего двоится впечатлѣніе. Но она умна, довольно образна и написана хорошимъ языкомъ.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРВЫЕ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ: ВЪ ПЕРЕЯСЛАВѢ ИЛИ ВЪ КІЕВѢ?

Лѣтописи и списки церковнаго устава Владимірова говорятъ, что св. Владиміръ принялъ изъ Царьграда митрополита *Кіеву*. Между тѣмъ наши ученые историки: архіепископъ Филаретъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ и профессоръ Е. Голубинскій, согласно съ мнѣніемъ составителя Никоновской лѣтописи, утверждаютъ, что до построенія кіево-софійскаго собора кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ приднѣпровскомъ Переяславѣ, находящемся въ 90 в. ниже Кіева по теченію Днѣпра. Митрополитъ Макарій и Голубинскій указываютъ и причину сего въ томъ, будто «въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось удобнаго помѣщенія для митрополита, а въ Переяславѣ, можетъ быть, существовалъ готовый и удобный для нихъ домъ [1]). Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ И. И. Малышевскій въ своей, только что появившейся статьѣ о кіевскихъ церковныхъ соборахъ (Труды кіевской духовной академіи—декабрь 1884 г.). Митрополитъ кіевскій Евгеній не далъ своего рѣшительнаго заключенія по сему предмету [2]). Нашъ исторіографъ Карамзинъ отвергъ подобное мнѣніе [3]). При всемъ уваженіи къ

[1]) Исторія русской церкви, м. Макарія, т. 1, стр. 37 и 38; Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. 1, ч. 1-я, стр. 286 и 287.

[2]) Описаніе кіево-софійскаго собора, м. Евгенія. Прибавленіе, стр. 65.

[3]) Исторія русскаго государства, ч. 1, примѣч. 160.

ученымъ авторитетамъ названныхъ выше лицъ, позволяемъ себѣ и мы усумниться въ вѣрности ихъ мнѣнія относительно пребыванія кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ и на то имѣемъ достаточныя причины, которыя представляемъ на судъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Первоначальное жительство кіевскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ обстоятельнѣе прочихъ отстаиваютъ митрополитъ Макарій и г. Голубинскій, стараясь доказать это 1) надписью надъ сохранившимся посланіемъ митрополита Леонтія къ латинянамъ, въ которомъ онъ называется митрополитомъ русскаго Переяслава, и 2) замѣткой кіевской лѣтописи подъ 1083 г., гдѣ сказано, что «бѣ преже въ Переяславли митрополья». Переселеніе митрополіи изъ Переяслава въ Кіевъ они полагаютъ не раньше освященія кіево-софійскаго собора, т. е. около 1044 года. Но а) вышеупомянутое посланіе едва-ли принадлежитъ святителю, умершему въ 1008 году, такъ какъ въ немъ въ обличеніе латинянъ говорится объ опрѣснокахъ, о безженствѣ священниковъ, о постѣ въ субботу и прочихъ такихъ предметахъ, которые только спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ сего въ первый разъ обличены константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ; посланіе такого содержанія могло явиться у насъ уже послѣ освященія кіево-софійскаго собора и не раньше 1054 г., т. е. послѣ мнимаго переселенія русскихъ митрополитовъ изъ Переяслава въ Кіевъ. б) Съ титуломъ переяславскаго митрополита упоминается въ самой лѣтописи Нестора *Ефремъ*, бывшій съ 1089 по 1091 годъ, когда митрополиты кіевскіе несомнѣнно жили въ Кіевѣ, и однако ни митрополитъ Макарій, ни г. Голубинскій не считаютъ его кіевскимъ митрополитомъ, а г. Голубинскій считаетъ этого Ефрема митрополитомъ титулярнымъ и доказываетъ это между прочимъ тѣмъ, что сей Ефремъ подъ 1091 г. и подъ 1124 г. называется въ лѣтописи епископомъ переяславскимъ, а не митрополитомъ, и въ то-же время Леонтія или Леона, автора посланія къ латинянамъ, онъ признаетъ за дѣйствительнаго всероссійскаго или, что то-же, за кіевскаго митрополита, временно жившаго въ Переяславѣ, хотя этотъ Леонтій въ одномъ изъ списковъ его посланія, видѣнныхъ В. И. Григоровичемъ на востокѣ, называется *архіепископомъ* русскимъ, а въ другомъ спискѣ только *епископомъ* [1]).

[1]) Исторія рус. церкви, Е. Голубинскаго, т. I й, стр. 230 и 231.

Не скорѣе-ли нужно прійти къ мысли, что у насъ въ XI вѣкѣ было два Леонтія—одинъ митрополитъ кіевскій, управлявшій русскою церковью съ 991 г. по 1008 годъ, а другой епископъ переяславскій, носившій также, какъ и Ефремъ, только титулъ митрополита и жившій въ концѣ княженія Ярослава, когда послѣдовалъ разрывъ между церквами восточною и западною? Это было-бы согласно съ мнѣніемъ и самого Голубинскаго о томъ, что «первые переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ (а не одинъ, значитъ, Ефремъ) носили *титулъ* митрополитовъ, и не противорѣчило-бы его-же мнѣнію о томъ, что «принадлежность Кіева къ области переяславскаго митрополита только вѣроятна, *не болѣе того*» (Исторія русской церкви, стр. 298). Тогда не было-бы для него и необходимости исправленіе обязанностей кіевскаго митрополита по священнослуженію въ Кіевѣ до 1039 г. поручать бѣлгородскимъ епископамъ, которыхъ рядъ начинается только съ 1072 г., если не признавать первымъ бѣлгородскимъ епископомъ Никиту, поставленнаго въ Никоновской лѣтописи, не заслуживающей довѣрія, по мнѣнію г. Голубинскаго. в) Что касается замѣтки, находящейся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1089 г., будто «митрополья бѣ преже въ Переяславли», то она принадлежитъ не преподобному Нестору, а позднѣйшему переписчику лѣтописи, такъ какъ этой приписки нѣтъ въ той-же лѣтописи по Ипатскому списку. Никоновская лѣтопись, говоря, что «живяху множае тамо (въ Переяславѣ) митрополиты кіевскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо», только распространяетъ домысліе переписчика кіевской лѣтописи. Пребываніе кіевскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ со временъ св. Владиміра положительно подтверждается слѣдующими обстоятельствами:

1) По мнѣнію преосвященнаго митрополита Макарія и г. Голубинскаго, основанному на свидѣтельствѣ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, при св. Владимірѣ было въ Россіи уже 8 епископскихъ каѳедръ. Если-же епископскія каѳедры были тогда не только въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Полоцкѣ, но и въ менѣе значительныхъ, каковыми тогда были Владиміръ-Волынскій, Туровъ, Юрьевъ на р. Роси и Бѣлгородъ на р. Ирпенѣ, то нельзя думать, чтобы Кіевъ—столица русскаго государства—оставался 50 лѣтъ безъ епископской каѳедры,

особенно при той любви, какую имѣлъ св. Владиміръ къ духовному чину, и при его уваженіи къ мнѣнію митрополита и епископовъ, съ которыми онъ совѣщался въ важнѣйшихъ, даже государственныхъ дѣлахъ. И почему не быть митрополиту въ Кіевѣ? Неужели потому, какъ думаютъ наши церковные историки, будто не нашлось въ Кіевѣ удобнаго помѣщенія для него? Это болѣе чѣмъ странно предполагать, если находили тогда помѣщенія для архіереевъ даже въ Тмутаракани. Говорятъ, что въ Кіевѣ не было еще тогда митрополичьяго храма. А въ Переяславѣ былъ тогда митрополичій храмъ? Напротивъ, извѣстно, что въ Переяславѣ соборный храмъ освященъ лишь въ 1090 году, а въ Кіевѣ созданный св. Владиміромъ и освященный въ 996 году Десятинный храмъ былъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Ярославовъ-софійскій, и былъ украшенъ больше, чѣмъ всякій другой храмъ тогдашнихъ удѣльныхъ городовъ, такъ что весьма прилично въ немъ могло совершаться митрополичье служеніе даже съ соборомъ епископовъ. Хотя лѣтопись не называетъ Десятиннаго храма каѳедральнымъ или митрополичьимъ, хотя въ ней говорится, что св. Владиміръ «вдаде ту церковь Анастасу Корсунянину» и приставилъ къ ней корсунскихъ поповъ для служенія; но въ этомъ можно видѣть только указаніе на штатъ бѣлаго духовенства при Десятинной церкви, подобный которому былъ при Софіи константинопольской, составлявшей патріархію, и какой существуетъ теперь при каѳедральныхъ соборахъ, не исключая ихъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Но если-бы Десятинная церковь и не была временно митрополичьею церковью подобно тому, какъ въ Петербургѣ казанскій соборъ долгое время замѣнялъ собою каѳедральный храмъ до окончанія исаакіевскаго собора, то отсюда нисколько не слѣдовало-бы заключать, что въ Кіевѣ до Ярослава не жительствовали кіевскіе митрополиты; иначе пришлось-бы утверждать когда-нибудь, что до 1858 г. въ Петербургѣ не имѣли жительства петербургскіе митрополиты. Съ другой стороны извѣстно, что, по примѣру Константинополя, каѳедральными соборами въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ были софійскіе храмы, что при св. Владимірѣ былъ уже въ Новгородѣ храмъ во имя св. Софіи,—обширный, о 12 версѣхъ, хотя деревянный, въ которомъ служилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, а въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софіи освященъ еще при св. Ольгѣ

11 мая въ лѣто 952-е, какъ значится въ Апостолѣ 1307 г., и что въ кіевскомъ храмѣ св. Софіи, также деревянномъ, въ 1018 г. кіевскій архіепископъ встрѣчалъ Болеслава, польскаго короля, какъ свидѣтельствуетъ о семъ современникъ Ярослава и очевидецъ сего событія Дитмаръ, присовокупляя, что храмъ того-же имени сгорѣлъ въ предыдущемъ 1017 году. Эта, безъ сомнѣнія, церковь и была митрополичьимъ храмомъ, при ней, конечно, и жили первые кіевскіе митрополиты прежде, чѣмъ построенъ Ярославомъ нынѣ существующій кіево-софійскій соборъ.

2) Первые два кіевскіе митрополиты Михаилъ и Леонтій и не могли жить въ Переяславѣ по той простой причинѣ, что митрополитъ Михаилъ умеръ, а митрополитъ Леонтій прибылъ къ намъ, когда г. Переяславъ еще не существовалъ. Хотя г. Голубинскій отвергаетъ существованіе св. Михаила, перваго кіевскаго митрополита, но, назначая прибытіе митрополита Леонтія въ Русь въ 991 году, онъ поселяетъ его въ Переяславѣ за 3 года до появленія этого города, который, по свидѣтельству Іакова Черноризца, точно опредѣлившаго годами важнѣйшія событія въ жизни св. Владиміра, заложенъ 5 лѣтъ спустя послѣ принятія св. Владиміромъ крещенія, т. е. въ 993 году. По той-же причинѣ напрасно г. Голубинскій утверждаетъ, а г. Малышевскій за нимъ повторяетъ, будто Переяславъ былъ не только резиденціей, но и собственностью первыхъ кіевскихъ митрополитовъ, чѣмъ-то въ родѣ donum Constantini папѣ Сильвестру [1]. Если Переяславъ немалое еще время послѣ своего заложенія былъ не болѣе, какъ сторожевымъ пунктомъ, острогомъ для защиты Кіева отъ нападенія печенѣговъ, то можно-ли было такую боевую станцію, военный форпостъ, назначать для мѣстопребыванія главы русской церкви? Также немыслимо, чтобы Переяславъ, еще ненаселенный и подвергавшійся ежедневнымъ нападеніямъ дикаго народа, могъ быть собственностью и состоять въ распоряженіи духовнаго лица, которое не могло принять на себя обязанностей комендата крѣпости. Соображенія, приведшія къ противнымъ сего заключеніямъ, свидѣтельствуютъ болѣе о плодовитости воображенія, чѣмъ объ ихъ основательности.

---

[1]) Сличи примѣчаніе къ 489 страницѣ Трудовъ кіевской духовной академіи за декабрь и примѣчаніе къ страницѣ 286 т. 1-го Истор. русск. церкви, Голубинскаго.

Наконецъ 3) положительное и неопровержимое доказательство того, что Кіевъ съ самаго учрежденія кіевской митрополіи былъ сѣдалищемъ кіевскихъ митрополитовъ, находится въ соборномъ опредѣленіи патріаршаго константинопольскаго собора (1354 г.) о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ. Въ этомъ опредѣленіи, извлеченномъ изъ актовъ константинопольской патріархіи, значится, что 1) «въ Кіевѣ *изначала* была соборная церковь митрополіи», и «здѣсь-же имѣли свое жительство и преосвященные русскіе архіереи»; 2) что «преосвященный митрополитъ русскій куръ Ѳеогностъ и прежде него двое другихъ, которые посѣщали Кіевъ, оказывали ему подобающую честь, какъ городу, въ которомъ *изначала* находился престолъ митрополіи» [1]). Въ началѣ XIV вѣка, когда еще живо было преданіе и были цѣлы документы XI вѣка, въ Константинополѣ и въ Россіи вѣрно лучше, чѣмъ теперь, знали, гдѣ первоначально жили кіевскіе митрополиты.

П. Л.

НОВЫЙ ВАРІАНТЪ ДУМЫ „АЛЕКСІЙ ПОПОВИЧЪ“.

Три съ половиною года тому назадъ въ г. Ахтыркѣ г. Твердохлѣбовъ встрѣтилъ слѣпца бандуриста Илью Журавля изъ с. Пархомовки и записалъ отъ него думу: *Олексій Поповичъ.* Прежде, чѣмъ привести текстъ этого новаго варіанта извѣстной давно думы, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ думахъ, о ихъ пѣвцахъ вообще и въ частности объ одной особенности приводимаго варіанта.

Въ XVI и XVII стол. кобза или бандура играла важную роль въ жизни малорусскаго народа. Она была вѣрной подругой слѣпаго пѣвца нищаго, безстрашнаго наѣздника козака, всего народа безъ различія старшины отъ посполъства. Мелодическіе звуки бандуры, сопровождаемые мужественными словами героической пѣсни, оживляли угнетенный духъ народа и поднимали его на новые подвиги борьбы и терпѣнія. Съ прекращеніемъ татарскихъ набѣговъ и польскихъ притѣсненій, съ перемѣной условій народной жизни, мало-по-малу устарѣла и кобза, почти совсѣмъ смолкли героическія думы бандуристовъ и выдохлись, потеряли внутреннюю силу, красоту и

---

[1]) Русская историческая библіотека, т. VI, ч. 2, стр. 64—66.

свѣжесть ихъ бытовыя пѣсни. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ на правой сторонѣ Днѣпра не нашелъ уже бандуристовъ; въ лѣвобережной Украйнѣ онъ познакомился съ весьма немногими бандуристами и, какъ на выдающихся хранителей и выразителей стариннаго народнаго поэтическаго творчества, указалъ на Андрія Шута и Остапа Вересая. Въ 1873 году Андрій Шутъ скончался, и Остапъ Вересай такимъ образомъ остался, если не единственнымъ, то самымъ главнымъ выразителемъ стариннаго народнаго поэтическаго творчества. Въ 1874 году г. Иващенко сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ нѣжинскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, проживаютъ два замѣчательныхъ кобзаря, Павло Братыця и Прокопъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли г. Иващенку обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про Зиновія Богдана Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи находится значительное число кобзарей. Во второмъ томѣ записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества на 110 стр. есть указаніе, что въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ недавнее время были кобзари, ученики которыхъ расходились по черниговской губерніи. Лѣтъ тридцать назадъ Н. И. Костомаровъ и покойные Метлинскій и (позднѣе) Нѣговскій знали многихъ харьковскихъ кобзарей и записали отъ нихъ крупныя поэтическія произведенія. Замѣчательно цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ вильшанскаго кобзаря Кулибабы (Антон., Истор. пѣс. мал. нар., I., 106—113). Одинъ изъ лучшихъ варіантовъ превосходной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записанъ Н. И. Костомаровымъ въ предѣлахъ харьковской губерніи (Чубинскій, Труды этн.-ст. эксп. въ зап.-рус. кр. V. 747). Весьма хорошій варіантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ П. А. Кулишемъ въ Красномъ Кутѣ богодух. уѣзда, харьковской губерніи (Записки о южн. Руси, I., 210).

Въ «Русск. Филологич. Вѣстникѣ» 1879 г., кн. IV, стр. 268, было высказано сомнѣніе, чтобы теперь можно было найти кого-нибудь изъ тѣхъ кобзарей, которыхъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ

пятидесятыхъ годовъ знали въ Харьковѣ покойные А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій. Быть можетъ, кобзари эти живы, но затерялись въ народной массѣ и, никѣмъ не отыскиваемые, не находя болѣе сочувствія въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ-нибудь въ глуши кончаютъ дни свои. Послѣ умершихъ кобзарей остались ученики, и нѣкоторые ученики превосходно усвоили поэтическое достояніе своихъ наставниковъ. Въ Харьковъ довольно часто заходитъ слѣпой съ малыхъ лѣтъ кобзарь изъ Вильшаны Игнатъ Гончаренко. Кромѣ значительнаго числа духовныхъ и юмористическихъ пѣсенъ, онъ знаетъ думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Первую думу онъ поетъ почти буквально сходно съ варіантомъ, записаннымъ Нѣговскимъ отъ Кулибабы,—обстоятельство, указывающее на возможность преемственной связи этихъ двухъ вальшанскихъ кобзарей. Что въ харьковскомъ уѣздѣ не совсѣмъ замерла старая козацкая поэзія, видно изъ того, что въ прошломъ году въ двухъ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ и различными собирателями записаны художественные, свѣжіе и цѣльные варіанты старинныхъ пѣсенъ и думъ. Весьма подробный, цѣльный и художественно выдержанный варіантъ думы (точнѣе пѣсни) о Саввѣ Чаломъ записанъ Д. И. Эварницкимъ въ волчанскомъ уѣздѣ отъ старика крестьянина. Дума «Олексій Поповичъ» въ новѣйшей редакціи слѣпца Ильи Журавля по полнотѣ и цѣльности могла-бы занять почетное мѣсто въ числѣ 9 варіантовъ, приводимыхъ г. Антоновичемъ въ 1 т. «Историч. пѣсенъ». Дума въ устахъ Ильи Журавля пріобрѣла несвойственную эпическому произведенію мягкость, короткость стиха, наклонность къ риѳмѣ, что однако не повредило ея поэтическому достоинству. Что тлетворное начало упадка и разложенія, искаженія и забвенія носится надъ думой, видно изъ первыхъ ея строкъ, именно изъ новѣйшаго осложненія исконнаго содержанія думы вставкой словъ «на царськiй громади, громади козацькiй». Эта вставка не имѣетъ смысла. Соколъ сидитъ или, по крайней мѣрѣ, согласно лучшимъ варіантамъ думы, долженъ сидѣть на камнѣ. Онъ смотритъ на Черное море, гдѣ начинается буря. Таково начало думы, и ни царской, ни козацкой громадѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Пѣвецъ, очевидно, сплошалъ, но сплошалъ лишь на одну минуту, одной чертой, такъ сказать, обмолвился. Начало всегда трудно, и начало сдѣлано съ грѣхомъ пополамъ. Далѣе живая и увлекающая

сила свободнаго отъ неидущихъ къ дѣлу наслоеній пѣснотворчества льется на полномъ просторѣ, и пѣсня дѣлается логически послѣдовательной, цѣльной, вполнѣ художественной. Одна часть думы непосредственно, въ силу поэтической и логической необходимости, вытекаетъ изъ другой части, предыдущей, и обусловливаетъ собой часть послѣдующую. Варіантъ г. Твердохлѣбова не представляетъ, за исключеніемъ обозначенныхъ уже словъ о козацкой и царской громадѣ, ничего новаго, сравнительно съ извѣстными уже въ печати варіантами, но въ немъ есть одно рѣдкое выраженіе, и выраженіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ варіантѣ г. Твердохлѣбова оно занимаетъ какъ разъ подходящее для себя мѣсто. Въ одномъ или въ двухъ варіантахъ упоминается, что Олексій Поповичъ неумѣренно пилъ вино, и упоминается мимоходомъ, какъ-то случайно. Въ варіантѣ г. Твердохлѣбова въ началѣ перечисленія преступленій Олексія Поповича стоитъ стихъ:

У недаленьку рано порапею (пораненьку?)
Солодкій медъ, винову горилку
До сходъ-сонця пивъ-пидпивавъ.

Черта достойная замѣчанія. Нравственное чувство народа возмущается безобразнымъ обращеніемъ Олексія Поповича съ матерью, отцомъ, братомъ и сестрою. Нѣтъ, говоритъ нравственное чувство народа, Олексій былъ не въ своемъ умѣ, Олексій только въ пьяномъ видѣ могъ такъ обойтись съ матерью, и дума про Олексія Поповича удовлетворяла нравственнымъ понятіямъ народа.

Въ виду того обстоятельства, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ годомъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и изслѣдованіе въ подробностяхъ. Для генеалогіи южнорусской кобзы и ознакомленія съ историческимъ типомъ южно-русскаго бандуриста необходимо опредѣлить число кобзарей по мѣстностямъ, села, въ которыхъ они имѣютъ осѣдлость, и села, посѣщаемыя ими временно, главнѣйшія біографическія черты, какъ-то: когда и отчего ослѣпъ, бывалъ-ли въ городѣ, у кого выучился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ. Существенный интересъ представляетъ обстоятельное разъясненіе современнаго отношенія крестьянъ къ кобзарю, его матеріальнаго житья-бытья и свойства и степени его вліянія на окружающихъ. Само собою разумѣется, что на пер-

вомъ планѣ должно стоять приведеніе въ извѣстность поэтическаго достоянія кобзаря: думъ, духовныхъ стиховъ, юмористическихъ пѣсенъ, преданій, легендъ и проч.,—съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей выговора, всѣхъ темныхъ словъ и всѣхъ поясненій и указаній пѣвца.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Олексій Поповичъ[1]).

Якъ то на Чорному морю,
На билому камени,
На царській громади,
Громади козацькій
Ясній сокилъ хвилить-прохвиляє,
Що на Чорному мори
Не добре, не гараздъ починає:
Судно козацькее
Молодецькее
На три части ёго разбиває:
Перву часть ухопило,
На Дунай кинуло—одбило;
Другу часть у турецькую землю
Кинуло—отбило,
Третю часть—въ область
Виры хрестіяньськои
По Чорному морю носило.
Тилько между ними
Старшины козацькои
Молодецькои,
Що бувъ старшиною
Грицько Коломійченко.
Тьманъ запорозьській
До козакивъ словами
Та й промовляе:

---

[1]) Записалъ А. Твердохлѣбовъ со словъ пархомовскаго слѣпца Ильи Журавля, въ г. Ахтыркѣ, 1881 г. іюля 18.

«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы дбайте:
На Чорному морю
Грихивъ вы не тайте!»
Тилько промижъ ними
Обизветьця
Олексій Поповичъ,
Тьманъ запорозьскій:
«Вы-жъ, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы вчините:
Самого мене возьмите,
И червоною китайкою
Очи мои козацькіи,
Молодецькіи
Затмійте,
Самого-жъ мене
У Чорне море пустите.
Нехай буду я
Чорне море даровати,
Нежели я маю за собою
Козакивъ много
Погубляти!»
Козаки тее зачували,—
Вси до Олексія Поповича
Словами промовляли:
«Ты-жъ, Олексію Поповичу,
Ты святе письмо
На день тричи читаешъ,
И насъ, простихъ козакивъ,
Хорошенько научаешъ».
А Олексій тое зачувае,
До козакивъ словами
Промовляе:
«Я святое письмо
На день тричи читаю

И васъ, простихъ козакивъ
Хорошенько поучаю,
Та все-жъ бильше грихивъ
Соби маю,
Що я самъ не добре,
Не гараздъ починаю...
У недиленьку рано поранею
Солодкій медъ, винову горилку
До схидъ сонця
Пивъ—пидпивавъ,
У охотне висько
Волею пидъизжавъ.
За мною отець-мати
За ворота выбигали,
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохали
И благали.
А самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
Отця, матирь у груди
Стременомъ пробивавъ.
Старшого брата
За брата не мавъ,
Старшу сестру
Зборзе зневажавъ.
Менша сестра
За ворота выбигала,
Коня за стремена хватала
Мене, Олексія Поповича
Прошеніемъ прохала
И благала.
Я самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
И меншу сестру у груди
Стременомъ пробивавъ.
Мимо сорока
Церковъ пробигавъ,

Изъ себе шапки не здіймавъ
И отцовськои-матусинои
Молитвы николи
Не споминавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Найбилше той грихъ
На Чорному морю
Мене искаравъ,
Ще мимо громады
Я пробигавъ,
Старшимъ козакамъ,
Мужикамъ и жинкамъ
Шапки не здіймавъ,
Ще за городъ выбигавъ,
Своимъ конемъ добрымъ
Гравъ-выгрававъ,
Триста душъ маленькихъ
Дитокъ розбивавъ.
Ото-жъ вы, козаки,
Панове-молодци,
И той грихъ на Чорному
Морю мене испиткавъ.
Коли-бъ же мене
Отцевська-матусина молитва
На Чорному морю
Не втопила.
Якъ буде мене Господь
До матушки приношати,
Буду я и знати,
Якъ отця-неньку
У домивци чтити,
Шанувати и поважати».
Якъ ставъ Олексій Поповичъ
По чистій правди
Грихи сповидати,
Ставъ его Господь
На Чорному морю

Прощати:
Стала зла-велешня
Хвиля утихати,
Утихала, упадала,
Будьто вона непаче
Тутъ не бувала,
Усихъ козакивъ
До острова прибивала.
И уси козаки
На остривъ выхожали,
Великимъ дивомъ дивували,
Що черезъ Олексія Поповича
Ни одного козака
Не втеряли.
Ставъ Олексій выхожати,
Ставъ святое читати:
«Вы козаки, панове-молодци,
Послухайте, якъ оце
Святое письмо высвичуе:
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци читати,
И шанувати, и поважати,
Господь ему буде
На поли и на мори,
У купецьтви, у ремесьтви
На мишкавію помагати.
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци збарзе зневажати,
Самъ винъ не буде
Щастя и доли
Ни до вику не мати».
А мы довжни есмо
Тое спамъятати,
За которыми молитвами

И хлиба и соли уживати.
Вамъ, Боже, пошли
Всимъ на здоровья
На многи лита спувати (?).

НѢМЕЦКІЙ ТРИНГЕЛЬДЪ НА ЮЖНО-РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Ничто не перенимается однимъ народомъ у другаго такъ охотно и легко, какъ хорошіе обычаи. Вездѣ есть бѣдный, трудящійся людъ и всюду онъ составляетъ огромное большинство; а для простаго, бѣднаго рабочаго что можетъ быть пріятнѣе обычая—сверхъ условленной платы за трудъ получить еще приплату, безъ особаго выпрашиванія, просто въ силу обычая, иногда даже безъ всякаго напоминанія? Въ этой формѣ богатый дѣлился своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, щадя самолюбіе послѣдняго. Обычай *тринкгельда* шелъ также, какъ просвѣщеніе и цивилизація, съ запада на югъ, оттуда на сѣверъ. Въ Малороссіи онъ издавна извѣстенъ былъ подъ названіемъ *тринкала*[1]), позже измѣнился въ общерусское *на водку* или *на чай*, а въ Польшѣ удержался и доселѣ подъ характернымъ терминомъ: *na piwo.* Методичный нѣмецъ придумалъ для него норму, которую предъявляетъ при договорѣ, независимо отъ платы за проѣздъ или иную работу, а широкая славянская натура не любитъ стѣснять себя никакою нормою и платою. Въ Варшавѣ два богатые офицера держали пари, что если вмѣсто 25 коп. за курсъ дать извощику 25 руб., онъ все-таки попроситъ на пиво. Взяли *дружку* и проѣхали самый краткій курсъ. Предложившій пари офицеръ вынулъ 25 руб. и далъ *дружкаржу;* тотъ нѣжно поблагодарилъ и, осклабившись, прибавилъ: *spodziewałem się od pana ieneraɫa ieszcze coś na piwo.* Офицеръ далъ двугривенный; дружкаржъ принялъ и снова поблагодарилъ.

Нѣчто подобное продѣлалъ простодушный малороссіянинъ-кучеръ и не съ кѣмъ либо изъ простыхъ смертныхъ, а съ строгимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный мой отецъ.

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., декабрь стр.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ, получается заблаговременно оффиціальное извѣщеніе о предстоящемъ проѣздѣ государя чрезъ уѣздъ по пути въ какой-то городъ для осмотра войскъ или военныхъ поселеній. Извѣстно, что тогда существовалъ единственный способъ скораго передвиженія—ѣзда на почтовыхъ, почтовыя-же станціи содержались по большей части помѣщиками и содержались хорошо. Но для высочайшихъ проѣздовъ собирались всегда и распредѣлялись по почтовымъ станціямъ собственныя лошади помѣщиковъ и другихъ обывателей, имѣвшихъ хорошихъ лошадей. Понятно, каждый поставившій лошадей почиталъ за особую честь и даже старался, чтобы его лошади, попали непремѣнно подъ экипажъ государя, а не свиты, курьеровъ или кухни. Собранныхъ лошадей долго объѣзжали, гоняли мимо костровъ и даже черезъ костры, пріучали къ ровной и полной рыси, которую такъ любилъ покойный государь, пускали ровнымъ шагомъ и во весь карьеръ. Предводитель дворянства того уѣзда, о которомъ рѣчь, богатый помѣщикъ, хлопоталъ, какъ и всякій, чтобы сдѣлать проѣздъ государя безопаснымъ и удобнымъ. Въ его-же домѣ предназначено было, по предварительно составленному росписанію, приготовить для государя вечерній чай. Еще за недѣлю до проѣзда государя, предводитель отправилъ на почтовую станцію четверку своихъ бурыхъ, извѣстныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, со своимъ не менѣе-же извѣстнымъ кучеромъ Самойломъ, строго приказавъ ему: овса не жалѣть, лошадей ежедневно проѣзжать по той именно дорогѣ, по которой предстояло ѣхать государю, мѣстность изучать, чтобы и ночью, не качнувъ экипажа, всюду проѣхать и лошадей пріучить къ дружной ровной ѣздѣ, какъ-бы шибка она ни была. «Государь любитъ шибко ѣздить, говорилъ предводитель, но помни, вези осторожно, знай, кого везешь! Да еще: начальства слушай, что прикажутъ, исполняй».

— Добре пане, коротко на все отвѣчалъ Самойло.

Въ ожиданіи высочайшаго проѣзда предводитель не разъ самъ проѣзжалъ по станціямъ своего уѣзда, летали исправникъ и становые, осматривали, все-ли въ порядкѣ, и тутъ-же на мѣстѣ немедленно исправляли, если что находили нужнымъ. За день до пріѣзда государя прискакалъ фельдъегерь и передалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ государя ночью, была

соблюдаема всевозможная осторожность и чтобы ямщики не гнали лошадей вскачь. Исправникъ тотчасъ-же поскакалъ по всѣмъ станціямъ своего уѣзда; на каждой изъ нихъ созываетъ кучеровъ и приказываетъ везти государя какъ можно бережно и ночью лошадей отнюдь не гнать. «А если, заключалъ онъ вездѣ, ночью хотя одна лошадь будетъ пущена вскачь, кожу сниму».

Въ назначенный день, на станцію, гдѣ ожидалъ Самойло, пріѣзжаетъ государь, въ сумерки; живо перемѣнили лошадей. Самойло радостно, увѣренно вскочилъ на козлы, лихо, умѣло подобралъ возжи и весь обратился въ слухъ въ ожиданіи традиціоннаго «пошелъ». Съ мѣста тронули ровно. Сейчасъ со станціи дорога пошла въ гору, невысокую—но версты на полторы; лошади энергически, ровно, дружно берутъ; выѣхали на гору, осталось 22 версты по отличной, ровной, обсаженной по обѣ стороны деревьями, дорогѣ, по благодатной степи малороссійской. Взошла луна, ночь чудная, свѣтлая, хоть иголки собирай, какъ говорятъ въ Малороссіи. Самойло тщательно избѣгаетъ всякихъ неровностей, предупреждаетъ малѣйшіе толчки экипажа; лошади идутъ полной, шибкой рысью; впереди скачутъ баринъ его—предводитель дворянства, а за нимъ тутъ-же исправникъ. Проѣхали версты три, государь крикнулъ: «пошелъ». Самойло перевелъ возжи, цмокнулъ, но умѣло держитъ на возжахъ лошадей, чтобы ни одна не пустилась вскачь: впереди летитъ исправникъ, обѣщавшій за это кожу снять.. Немного погодя, государь опять крикнулъ: «пошелъ». Самойло снова повторилъ тоже понужденіе лошадей, но вскачь ни одной не пустилъ. Сидѣвшій съ государемъ въ экипажѣ генералъ, предполагая, что кучеръ не разслыхалъ царскаго приказанія, повторилъ отъ себя: «пошелъ»; повторилъ за нимъ тоже слово и сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Самойломъ камеръ-козакъ. Самойло за каждымъ повтореніемъ только переводилъ возжами, цмокалъ, но за всю станцію ни одной лошади вскачь не пустилъ.

Подъѣхали къ дому предводителя; государь вошелъ въ домъ, привѣтствовалъ хозяйку дома и гостей-дворянъ, собравшихся здѣсь для встрѣчи его. Послѣ нѣсколькихъ словъ, увидѣвъ съ балкона садъ, онъ пожелалъ пройтись по саду, но вспомнивъ, что кучеръ, не смотря на двукратное его: «пошелъ», все ѣхалъ также рысью, поручилъ флигель-адъютанту узнать причину. Флигель-адъютантъ, выйдя на

крыльцо, потребовалъ къ себѣ Самойла, и когда тотъ явился, произошло слѣдующее объясненіе.

— Ты везъ государя? спросилъ флигель-адъютантъ Самойла.

— А хтожъ-бы мигъ везти царя, якъ не я?—съ гордостію отвѣтилъ Самойло.

— Да, положимъ; но отчего ты тихо ѣхалъ?

— Якъ тыхо? вже кони швидче рысью не побижать.

— Отчего-же рысью? Ты вѣдь слышалъ, какъ государь говорилъ: пошелъ?

— А вжежъ чувъ, обы два разы чувъ: якъ царь казавъ, и якъ казавъ той генералъ, що зъ царемъ сыдивъ, и той ще, що зо мною сыдивъ.

— Отчего ты не гналъ шибко лошадей?

— Бо справныкъ не звеливъ.

— А кто старше: государь или исправникъ?

— А вжежъ царь, сказалъ удивленно Самойло.

— Отчего-же ты не послушалъ царя, а послушалъ исправника?

— Бо царь бувъ тай поихавъ, а справныкъ сказавъ, що шкуру здійме, якъ побачыть, що кони скачуть.

Флигель-адъютантъ, возвратившись и найдя государя гуляющимъ въ саду веселымъ и милостиво бесѣдующимъ съ дворянствомъ, докладываетъ ему подробно объясненіе Самойла. Бывшій при этомъ лейбъ-медикъ объясняетъ государю, что распоряженіе исправника о томъ, чтобы кучера не гнали лошадей ночью, сдѣлано по его предупрежденію, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Государь поинтересовался выслушать самого кучера. Является Самойло.

— Разскажи-ка, [illegible] ему государь, какъ это ты не послушалъ меня, а послушалъ исправника.

— А що-жъ, ваше царськее величество, отвѣчалъ Самойло, низко поклонясь. Истинно такъ було: наказували мени мій панъ и справникъ скильки разъ, щобъ визъ ваше величество бережно, доброю рысью въ ночи и щобъ кони не скакали; мы-жъ съ дытынства пріучени слухать своихъ панивъ и начальства. Воны то вже знають, що приказують, а я якъ-бы смивъ не послухаться ихъ? А борони Боже въ ночи якои оказіи!

Оставшись видимо довольнымъ такимъ отвѣтомъ, государь, подзывая ближе къ себѣ Самойла и подавая ему полуимперіалъ, говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты такъ заботился обо мнѣ; молодецъ, что слушаешь и точно исполняешь приказаніе своего барина и начальства; я люблю такихъ.

Самойло, приблизился къ государю со сложенными ладонь на ладонь руками, какъ складываютъ ихъ крестьяне въ церкви, при полученіи отъ священника просфоры, принялъ поданный ему полуимперіалъ, поклонился низко до земли и говоритъ:

— Оце-жъ я сёго золотого буду держать, якъ святую дару, поки мого й вику, и дитямъ и внукамъ закажу. Покорнише благодарю ваше величество.

Слова эти сказаны были Самойломъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ и такимъ трогательнымъ голосомъ, что невольно привлекли къ нему сочувственный и одобрительный взглядъ какъ самаго государя, такъ и всѣхъ присутствующихъ; но, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на государя съ безпредѣльною радостью, Самойло вдругъ сказалъ:

— Ваше величество! пожалуйте кучеру на водку, бо якъ-же не выпить зъ такои радости?

Государь пристально взглянулъ на Самойла и громко сказавъ: «молодецъ!», отъ души расхохотался; потомъ обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «это кажется твой кучеръ? позволь мнѣ съ нимъ проѣхать еще станцію». Хозяинъ отвѣчаетъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что государю понравился его кучеръ. Тогда государь, подавая Самойлу ассигнацію, говоритъ:

— Вотъ-же тебѣ на водку, но я хочу еще съ тобой проѣхать, если ты не усталъ.

— Ге! отвѣчаетъ забывшійся отъ радости Самойло; съ царемъ та щей съ такимъ, та я й до Кременчуга не замучусь.

— А сколько верстъ до Кременчуга?

— Сто двадцать, отвѣчаетъ Самойло.

— А дорогу ты знаешь?

— А-же въ церкви читаютъ: Господь умудряе слипцивъ; то й мене умудрить довезти свого царя бережно и благополучно ажъ до самаго Кременчуга.

— Хорошо; ступай, поѣдешь! заключилъ государь и, обращаясь къ хозяину дома и присутствующимъ, произнесъ:

— Я весьма радъ былъ выслушать все это; благодарю тебя, что

ты съумѣлъ внушить такія убѣжденія, достойныя похвалы и подражанія дворянамъ, которыхъ ты достойный подражатель. Если-бы такія убѣжденія всѣ проводили, то никакія враги небыли-бы намъ страшны.

Предводитель дворянства и присутствующіе глубоко поклонились. Государь напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ и уѣхалъ съ Самойломъ до Кременчуга.

С. Бѣлинскій.

ДВА ПИСЬМА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ П. САПѢГѢ, ВОЕВОДѢ ВИЛЕНСКОМУ, ГЕТМАНУ ЛИТОВСКОМУ [1]).

1.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Хотя мы поддерживали междоусобіе, но и у насъ не было иного твердаго намѣренія, какъ чтобы водворить послѣ продолжительной распри въ Рѣчи Посполитой желанный порядокъ и возвратить и себѣ утраченный во время военныхъ дѣйствій покой и здоровье. Но злорадные и непріязненные люди не могли видѣть такого сильнаго желанія нашего—распря разрослась и причиняла бѣдствія обѣимъ сторонамъ, а враги глумились и радовались. Не дай Богъ, чтобы мы находили удовольствіе въ такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, потерявши столько рыцарей и состояній; но мы преслѣдуемъ неразумныхъ, тайно слѣдящихъ за нами, и искореняемъ такія вещи петлей. Теперь, когда Всемогущій Богъ направилъ сердца вельможнаго панства къ тому, чтобы объявить намъ свои желанія и узнать обратно наши, мы благодарны

---

[1]) Подлинники сообщаемыхъ писемъ, писанныхъ по польски, хранятся въ Познани, въ публичной библіотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ. Оба письма отвѣтныя и писаны, какъ видно, по поводу нареканій на Хмельницкаго, вызванныхъ подданствомъ его царю московскому и послѣдовавшею за тѣмъ войною, въ частности разореніемъ Быхова. Хмельницкій оправдывается, держится на высотѣ своего положенія, не предвидя, чѣмъ кончатся засѣданія виленской коммиссіи, открытой въ томъ-же 1656 г. Извѣстно, что въ сентябрѣ этого года московскіе послы заключили въ Вильнѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой трактатъ, по которому, между прочимъ Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казиміра,

за таковыя къ намъ отношенія; но, будучи весьма за это благодарны, объявляемъ однако, что не согласимся и не примемъ ничего, чтобы было сколько нибудь связано съ униженіемъ и пренебреженіемъ вольности нашей. Чтобы соблюсти уваженіе къ его милости царю московскому, мы извѣщаемъ его о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ для взаимнаго совѣта, такъ и теперь мы не преминемъ дать знать ему съ запросомъ, какого мнѣнія угодно будетъ ему держаться въ настоящемъ дѣлѣ. Мы будемъ ожидать извѣщенія, какого взгляда держится онъ относительно пунктовъ виленской коммиссіи, и съ своей стороны будемъ держаться упомянутаго соглашенія и сдадимся на его милость царя, дабы только не впасть въ рабство, котораго не желаетъ себѣ послѣдній изъ народовъ. О насъ же, вельможный панъ, будьте того убѣжденія, что мы какъ прежде не были причиной бѣдствій государства, такъ и теперь тяжко печалимся о его распаденіи и желаемъ, чтобы Богъ соизволилъ помочь и полѣчить его разумъ. Отецъ Тукальскій хотя не упоминаетъ въ своихъ молитвахъ благодѣяній милостиваго пана, но мы особенно благодаримъ за нихъ и готовы воздать тѣмъ-же при удобномъ случаѣ; что видно милостивому моему пану изъ того, что мы приказываемъ нашимъ воздерживаться. Доброе расположеніе къ войску запорожскому антецессоровъ и самого милостиваго моего пана мы можемъ сами засвидѣтельствовать; однако на мнѣ невинномъ тяготѣетъ жалоба вашей милости, вельможнаго, милостиваго моего пана относительно Быхова, яко-бы онъ былъ нами утѣсненъ и присилованъ поддаться намъ: этимъ самымъ, открывающимъ самое сокровенное въ сердцѣ, свидѣтельствуемъ, что, ей Богу, какъ насъ добровольно просили о покровительствѣ, такъ и были благосклонно приняты, не испытавши, вслѣдствіе той своей добровольности, никакой обиды. А какъ скоро Богъ Всемогущій умиротворитъ распрю и приведетъ къ справедливому окончанію, то меньше будетъ неудовольствія

избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ. Хмельницкій послалъ было на виленскій съѣздъ своихъ пословъ, которые должны были говорить въ пользу южной Руси, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и козаки — подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голосъ тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей. Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ. — Н. С.

и по поводу Быхова. Повторяя, что мы не можемъ быть клятвопреступниками его царской милости, будетъ ожидать его воли. Остальное поручили мы пану Речковскому передать устно, чрезъ котораго поручаемъ себя ласкѣ вашей вельможности, милостиваго моего пана. Данъ въ Чигиринѣ 24 апрѣля 1657 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

2.

Ясневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, панъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Всегда мы желали того-же, чего и теперь желаемъ, чтобы кровь христіанская не проливалась въ междоусобіяхъ и чтобы процвѣталъ желанный покой послѣ таковыхъ бурныхъ замѣшательствъ и непотребныхъ среди христіанъ распрей, какъ то скромно свидѣтельствуютъ намъ давнія времена. Мы приказали своимъ войскамъ расположиться на той сторонѣ Днѣпра, однако собираніе необходимаго продовольствія не можетъ не быть соединено съ отягощеніемъ обывателей, и мы не можемъ этого устранить до тѣхъ поръ, пока не кончитъ своихъ занятій коммиссія, для участія въ которой и отъ насъ отправлены послы. Мы надѣемся на милосердіе Божіе, что коммиссія устранитъ всѣ причины распри и научитъ и насъ управлять краемъ. Поручаемъ себя вашей памяти и пріязни. Данъ въ Чигиринѣ 7 октября 1656 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

Сообщ. **Н. В. С—ко.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О СЛОБОДСКО-УКРАИНСКИХЪ ПОМѢЩИКАХЪ.

Все мое дѣтство, до поступленія въ гимназію, провелъ я въ деревнѣ, но и потомъ, пріѣзжая домой на каникулы и помогая отцу въ хозяйничаньи по имѣнію, я имѣлъ постоянное общеніе съ народомъ, отъ котораго приходилось слышать много преданій и разсказовъ о прежней жизни и порядкахъ въ б. Слободской Украинѣ. Воспроизвожу, какъ сохранила моя память, разсказъ о моихъ собственныхъ предкахъ, слышанный мною отъ одного глубокаго старика изъ крестьянъ.

«Дидъ стараго пана, а вашъ бы то прадидъ бувъ чоловикъ соби не абы якій. Винъ, та оце дидъ Квитковскаго [1]), та ще хтось третій, а хто, я й знавъ, та забувъ, держали тутъ по ричци Красній [2]) оборону видъ татарвы. Оце по цей бикъ була земля наша, а ото по той бикъ татарська. Татарва що часу набигала до насъ, тутъ людей було омаль, а хуторивъ и зовсимъ не було,—все степъ, то во вона и чимчикувала до насъ за-для грабування; а що було награблять, то мерщій переправляють на свій бикъ; а дуванять межъ собою отъ тамъ саме, де теперь Нижня Дуванка и Верхня Дуванка [3]); черезъ то и села ти такъ звутся. Такъ оце вашъ прадидъ Грицько Катруха, та Квитковский, та ще й той панъ, що я ёго забувъ, берегли людей видъ тіеи татарвы, и були вони найстаршими, бо пидъ ними були козаки. За те имъ и надано одъ царя земли, скильки за день конемъ объидешь. У вашого дида було, кажуть, висимнадцять тысячъ десятинъ земли. Вашого дида и мій батько не памьятавъ, а зазнавъ тильки его жинку. Дидизна була, каже, людина добра и проста. Земли у еи було, якъ казавъ, багато, а людей, цебъ то крестьянъ, не совсимъ, та їй и байдуже, бо вона жила смирно, ходила и одягалась, якъ отъ и теперъ наши молодици, у очипку та намитци. Жила вона оттамъ пидъ горою, де велики горныци и теперъ стоять. Кожна симья, або двиръ повинни були що день приносити їй чого попоисти; оттимъ тильки вона и годувалась. Було у еи коней багато, такъ табунами и ходили безъ лику по степу. Купували цихъ коней до виська. Якъ прыиде було ахфицеръ, та сторгуеця зъ панію, то вона й дасть тамъ яку хустку або що, шобъ винъ показавъ табунщикамъ, тай бравъ, скильки ёму треба. Було у неи три сыны, цебъ то вашъ дидъ Олександеръ Григоровичъ, та Евтихий Григоровичъ и Андрей Григоровичъ. Були вони вси въ царськи службi ахвицерами. Якось отписала стара паня до ихъ, щобъ вони кидали службы, та їхали до дому хазяинувати, бо вона вже стара стала, не здужала. Отъ попрыиздили вони; всего имъ хочеться: и чаю, и тютюньцю, и вина, а въ неи ничого сёго не було та й грошей не дае. Змагались, копились вони

[1]) Квитковскій землевладѣлецъ харьк. губ. купянскаго уѣзда.

[2]) Рѣка Красная—притокъ Оскола, впадающаго въ Донецъ.

[3]) Нижняя Дуванка и верхняя Дуванка большія села купянскаго уѣзда харьковск. губ. лежатъ на правомъ берегу рѣки Красной.

зъ нею, ажъ поки не вмерла, а потимъ якъ зачали хазяинувати, такъ зъ висимнадцати тысячъ десятинъ зосталось тильки шисть тысячъ, а то все попроживали у Харькови.

Олександеръ та Андрій були соби паны ничого, поводились, якъ слидъ, зъ людьми, тай по соби почесно жили. А що вже Евтихій, такъ це бувъ правдивый гайдамака, Позаводивъ злодіивъ зъ своихъ хрестьянъ и нихто було не проиде, не пройде, щобъ вони не ограбували. Оце було, якъ ничь, то винъ уже на великимъ шляху и стереже. Людности не було ни якои, сама степъ, то имъ було и вильно. Не одинъ тилько винъ и розбийникувавъ, було ихъ чимало.

Грабувавъ Евтихій и суду надъ имъ ниякого не було, а що зъ хрестьянами робивъ, такъ якъ разсказують, то ажъ волосья до горы лизе. До смерти забивавъ. Було бьють, бьють, та ще розсоломъ, або горилкою зачнуть поливати, поки чоловикъ обомліє, а потимъ одкачають, або пидождуть день—два, поки очуняе, та упъять, та оттакъ ажъ до смерти забивали. А що вже було дивчата, такъ не одна замижъ чесною не вийшла, такій, простить, бувъ катюга. Ну, тай смерть-же соби заробивъ катівську. Терпили, терпили люде, а дали зибрались бабы та дивки, та й задавили его подушками.

Отъ ще, нехай царствуе, ваша ридна таки бабуся Марьяна Ахванасьевна—Боже, яка люта, та немилосердна була до людей. Було роздягнуть дивчину, чи молодыцю, такъ якъ мати породила, обмажуть медомъ, та й привъяжуть у литку на сонце до стовба, щобъ іи бжолы кусали, або якъ що горнычна зробить не такъ, то возьме голку, або вилку, тай почне колоти пидъ ногти.

Отъ таке то було, та все, хвалити Бога, минуло. Довелось всёго покуштовати».

А. Катрухинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишь по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами ордъ татарскихъ и люди, какъ насѣкомыя, пожирали другъ друга,—мнѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, иныя формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспаханныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и самому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ военнымъ служакамъ временъ императора Николая Павловича. Не проходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится мнѣ исторія со своими скрижалами, а не всхлипывающіе патріоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подъ часъ мелкихъ, незначительныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько моихъ о немъ воспоминаній изъ времени маневровъ подъ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались зачастую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко портала дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станетъ обучаться будущій генералъ-адмиралъ, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «гг., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взлетѣли мы на сѣтку и начали тормошить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пошолъ во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдого коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг.! вы тутъ попиваете чаёкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не поспѣемъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не поспѣете? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагерь!...

— Ваше величество! вы изволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности поспѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ виноватъ?... У меня есть конь,—ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ—бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно высыпавшій рой... Объясняясь съ императомъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мундштука, кто за трензеля, кто за путлища и стремена, даже ноги государя, кто но больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьёзная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не до линеекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ разсыпную. Государь подскакалъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерѣ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время попали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ экономъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человѣкъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ однокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель проститъ мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнью отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасирскій) въ первую линію». Я тотчасъ ускакалъ на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизіонъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизіею командовалъ генералъ Гринвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, онъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизіонъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, фланговаго эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. Ѳ. Скляревичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохля, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харпскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харнскаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышловая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно усмиралъ её ѣздовой, лошадь сумашествовала. Довольно сѣдая, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харнскаго, была покрыта крестами, между которыми ясно выдѣлялись два георгіевскіе. Подъѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всѣ, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единаго слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконецъ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и—маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофеичъ, т. е. гр. Д. Е. Сакенъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генералъ, и рѣшаюсь перечить геніальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всѣ предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣ-

чекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошадкѣ.

— Сакенъ! сказалъ ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлалъ изъ своихъ рукъ носъ и, обращаясь къ князю Орлову, сказалъ: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислалъ корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградою, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстьѣ...

Ф. П—нъ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Кіевской старины» за 1884 г. разсказамъ о набѣгахъ татаръ, предлагаю сходный разсказъ о томъ-же явленіи въ исторической жизни южной Руси, записанный мною въ этомъ году отъ одной женщины близъ села Лебедина (кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда) и рисующій переполохъ, какой производило въ населеніи извѣстіе о появленіи татаръ.

«Прійде було горда, передавала разсказчица, попалють геть усе, поріжуть, побьють тай пидуть; тильки земля чорна останеться. Десь туди до Шполы (мѣст. звенигородскаго уѣзда) и доси есть мисто, а може вже ёго розорали, де стояла высока, высока виха; якъ тильки покажеться горда, заразъ виха и повернеться у той бикъ, куды вона йде—заразъ уси утикають у лисъ, кидають и печене и варене. Цилый день бувало дивляться на виху; позакопують у землю де-що лучче: кожухи, свитки, щобъ потимъ прийти, то хочъ було у що одиться. Звистно, дума соби чоловикъ: прийду, то хочъ усе буде попалено, а всежъ таки по дереву якому небудь знайду мисце. Хлиба вчинить бувало боятьcя; дидъ мій напикъ три мишки корживъ, та давай зъ бабою складати на визъ де-що саме главне; наклали вони три возы; коли дивляться, а виха у цей бикъ повернулась; дидъ за коржи; баба зъ переляку забула де вона ихъ поклала; дидъ на визъ, давай скидать зъ возу клунки, свитки... геть чисто визъ роскидавъ, ажъ на самимъ споди найшовъ коржи; мерщій бабу

за руку, коржи на плечи, та втикать...; геть усе покидали: и хату, й волы, й коровы—вони були сильно багати. Усе село порозбигалось, а одна жинка тильно що родила, не здужала утикати тай осталась. Вонажъ то и росказувала: якъ прийшли, давай усе палить; повырывали, де що було въ земли позакопувано; щось таке вивьмуть тай запустять, а воно гуде та рые землю; все, що тамъ е, найде; тильки одны ямы поостаються. Пришли до тои жинки у хату, та іи не тронули, бо вони такихъ (що тильки що родили) не трогають, а дитей взяли, поставили коло стинки тай придавили лавою; кровъ ротомъ и носомъ пишла—подавили. Вона бидна сидить ни жива, ни мертва, звистно якъ уже тамъ матери дивиться на дитей; а дали, якъ прошли, вже вбига одинъ: «Марушка», каже, тай показуе, щобъ та дала напиться; вона, вже якъ тамъ здужала, пидвелась и повела его у погрибъ; а тамъ стояла велика дижка, зъ буряками чищо; «нахились», каже, тай показуе—щобъ винъ нахиливси; винъ тильки що нахилився у дижку, а вона его за ноги та туды, тай утопила. Отто черезъ яке тамъ время дидъ зъ бабою вернулись голодни, голисеньки, якъ бубонъ; у дида ни сорочки, ни штанивъ, ничого, пишли у свій погрибъ, знайшли тамъ платы, котрыми вкривають дижки, та баба сшила дидови сорочку, а соби спидницю. Довго, довго довелось имъ бидувати, поки розбагатили. Писля того выбрали люди «членивъ», найрозумнишихъ-чи що; списали бумагу, щобъ помилували, взяли хлибъ, силь и пишли до Шполы, де стоявъ той главный, що гордою заправлявъ; упали на вколишки; заклялись, що нихто не буде трогать. И доси, мабуть, кипець не выбили, що такого и такого году просили замиреніе».

Сообщ. **М. Васильевъ.**

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

При существованіи нашего журнала, спеціально посвященнаго мѣстному, южно-русскому отдѣлу отечественной исторіи и этнографіи, статьи и матеріалы по этому предмету встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ журналахъ, особенно историческихъ, и отчасти въ газетахъ. Чтобы дать возможность тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, интересуясь всѣмъ новымъ по части мѣстной исторіи, не могутъ слѣдить за тѣмъ, что появляется въ другихъ изданіяхъ, мы,

независимо отъ обзора отдѣльно выходящихъ книгъ, признаемъ полезнымъ время отъ времени сообщать краткія свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, не только русскихъ, но, по возможности, и польскихъ. Такія сообщенія могутъ дастигать и другой цѣли— сосредоточивать свѣдѣнія по южно-русской исторіи въ одномъ изданіи, что облегчитъ труды занимиющихся этимъ отдѣломъ отечественной исторіи. На этотъ разъ мы остановимся на спеціально-историческихъ журналахъ: «Русской старинѣ», «Историческомъ вѣстникѣ» и «Русскомъ архивѣ». Въ истекшемъ году они дали лишь незначительный матеріалъ по занимающему насъ предмету.

Въ «Русской старинѣ», при ея богатомъ содержаніи вообще, южно-русской исторіи было посвящено нѣсколько случайныхъ замѣтокъ. Таковы статьи: «Иванъ Ѳедоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.» (мартовская книжка) и «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол.» (іюльская). Первая написана по поводу 300-лѣтняго юбилея Ѳедорова, исполнившагося въ 1883 году. Авторъ, г. С. Л. Птащицкій, имѣлъ возможность работать во львовскихъ архивахъ и извлекъ изъ нихъ документы, относящіеся ко времени пребыванія Ѳедорова во Львовѣ въ десятилѣтній періодъ отъ 1573—1583 г. Извлеченные и обработанные г. Птащицкимъ документы знакомятъ насъ съ обыденною жизнью и обстановкой русскаго первопечатника: съ кѣмъ и какъ заключалъ онъ сдѣлки по продажѣ книгъ и покупкѣ типографскихъ матеріаловъ, какія препятствія встрѣчалъ въ чужомъ городѣ, на какія суммы велъ свои дѣла и проч. Въ документахъ Ѳедоровъ носитъ названія: *Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus*, *Iwanus Impressor litterarum rutenicalium*. Много затрудненій пришлось перенести Ѳедорову во Львовѣ, прежде чѣмъ дѣло его стало на ноги. Цеховое устройство тамошняго общества дало себя чувствовать печатнику, и именно по случаю найма рабочаго столяра. Пришлось обращаться за разрѣшеніемъ дѣла въ городской совѣтъ, дать разныя обязательства, и все-таки вооружить противъ себя требовательный цехъ. Значительная часть разсматриваемой статьи посвящена описанію мелкихъ денежныхъ сдѣлокъ, которыя приходилось дѣлать Ѳедорову при скудости средствъ. Не смотря на разныя неудачи, Ѳедоровъ оставилъ сыновьямъ значительное по тому времени

состояніе. Можемъ подвести итогъ имущества Өедорова, говоритъ авторъ (стр. 475), въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обезпеченныхъ на имуществѣ долговъ равнялась 1,561 зл., сынъ продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наслѣдственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копъ, т. е. 37½ зл. Такимъ образомъ все имущество Өедорова ко дню его смерти можно было оцѣнить въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена въ окрестностяхъ Львова продавался быкъ за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья 1 зл. и 6 грошей, баранъ 15 гр., курица ½ гр., 10 яицъ ½ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому расчету можемъ составить себѣ понятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ». Статья г. Птаницкаго служитъ дополненіемъ къ труду львовскаго ученаго о. Петрушевича, о которомъ упоминалось въ свое время въ «Кіевской Старинѣ».

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала помѣщена вступительная рѣчь кіевскаго магистранта г. Линниченка предъ защитой имъ магистерской диссертаціи въ петербургскомъ университетѣ. Тема диссертаціи: «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.». По отзыву почтенной редакціи, магистрантъ «блистательно» защитилъ свое сочиненіе. Но самъ г. Линниченко въ своей рѣчи говоритъ между прочимъ: «Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіе XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за время до половины XIV в.

я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

«Однако, съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальныя части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати»... (стр. 219).

Выходитъ, что похвала г. магистранту относится къ будущимъ его трудамъ. Но если *часть 1-я введенія* разрослась въ «цѣлую книжку», то можно себѣ представить, каково (при соотвѣтствіи частей) должно выйдти самое сочиненіе. Самъ собою является вопросъ: обдумалъ-ли авторъ свою задачу? Отвѣтъ можетъ быть такой, или иной, но, во всякомъ случаѣ, *взаимныя отношенія* до конца XII в.— дѣло особое, а будущій разборъ этихъ отношеній въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ—тоже дѣло особое.

Изъ остальныхъ статей «Русской Старины», имѣющихъ нѣкоторую связь съ исторіей южной Россіи, можно назвать: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ къ Арк. Ос. Россети, 1843—1847 гг.» (январь), «Письмо Т. Г. Шевченка къ Е. И. Ковалевскому» (май) и «Виленскіе очерки» (январь). Послѣдняя статья интересна не сама по себѣ, а по приложенію къ ней: «Рукопись Сигизмунда Сѣраковскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года». Это характеристика взгляда передовыхъ поляковъ начала 60-хъ гг. на польскій вопросъ и на отношеніе къ нему юго-западнаго края.

Въ разнообразное содержаніе «Историческаго Вѣстника» попало въ истекшемъ году нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ на книги, разсмотрѣнныя и въ «Кіевской Старинѣ», и кромѣ того двѣ-три отдѣльныя статейки. Въ іюльской книжкѣ помѣщена картинка развалинъ дома Хмельницкаго въ Суботовѣ, которыя существовали еще лѣтъ 20 назадъ; картинка есть снимокъ съ наброска, сдѣланнаго Шевченкомъ во время посѣщенія Суботова, почему собственно и заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрьской книжкѣ при двухъ картинкахъ, изображающихъ, одна видъ на Херсонесъ Таврическій

въ настоящее время, другая храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, приложена замѣтка подъ заглавіемъ: «Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврическомъ». Въ ней нѣсколькими словами разсказана исторія Херсонеса и изображеннаго храма. Храмъ этотъ, возникшій по мысли Александра I, былъ заложенъ только въ 1861 году, причемъ нѣсколько разъ урѣзывался проектъ и планъ; въ семидесятыхъ годахъ храмъ оконченъ вчернѣ и такъ стоитъ до сихъ поръ. Авторъ замѣтки говоритъ въ заключеніе: «Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?»

Въ «Русскомъ Архивѣ» за истекшій годъ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ юго-западному краю (въ выпускѣ 5-мъ): «Обозрѣніе кіевской, волынской и подольской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя» и «Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ 1816». Первая изъ статей имѣетъ высокій интересъ для занимающихся мѣстной исторіей, какъ систематическій обзоръ мѣропріятій правительства въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни края. Записка написана неизвѣстнымъ лицомъ около 1850 года, какъ можно судить по одному мѣсту въ ней [1]) и—надо отдать честь автору—весьма логично. Въ этой статьѣ сначала излагается краткая исторія юго-западнаго края до 30-хъ годовъ. Констатировавъ печальное положеніе края ко времени генералъ-губернаторства Бибикова, авторъ переходитъ затѣмъ къ мѣрамъ, предпринятымъ правительствомъ для устраненія зла. «Мѣры, предложенныя и принятыя въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, долженствовали быть двухъ родовъ. Первыя, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію сношеній края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсиленію сословій, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, латинскаго духовенства и евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россіею посредствомъ упраздненія слѣдовъ польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи. Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью

---

[1]) «Нынѣ коммисія окончила порученное ей дѣло. *Съ 1-го января 1815 г. въ теченіи пяти лѣтъ*, она обревизовала 20,576 дѣлъ».

возбужденіе началъ православныхъ и русскихъ, клонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей церкви въ ея внѣшности, 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края къ Россіи» (стр. 8). Далѣе авторъ разсматриваетъ каждый изъ отмѣченныхъ пунктовъ отдѣльно.

Чтобы пресѣчь сношенія польскаго населенія съ заграничными врагами Россіи, была закрыта такъ называемая *бердичевская станція польскаго банка*, сосредоточившая въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные капиталы и безпрепятственно пересылавшая деньги эмигрантамъ для революціонныхъ цѣлей; она замѣнена была *конторой коммерческаго банка* въ Кіевѣ. Далѣе, была усилена полиція и затруднено сообщеніе съ заграницей строгой выдачей паспортовъ съ пропискою примѣтъ и полнымъ запрещеніемъ выѣзда для лицъ подозрительныхъ.

Мѣры правительства относительно враждебныхъ сословій состояли въ слѣдующемъ. Относительно дворянъ въ 1836 году были учреждены въ губерніяхъ ревизіонныя коммисіи, которыя должны были провѣрить наличныя права шляхты, особенно мелкой, на дворянское званіе, съ цѣлью сократить число этого мятежнаго сословія, такъ какъ извѣстно было всѣмъ, что многіе попали въ него по поддѣльнымъ документамъ. По провѣркѣ оказалось, что внесено въ дворянскіе роды: правильно 581 лицо, по сомнительнымъ доказательствамъ 22,000 лицъ, *совершенно неправильно* 81,121 л. (стр. 15). Послѣдняя категорія была введена въ подушный окладъ. Католическое духовенство было весьма сильно своими имѣніями. «Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятинъ». Имѣнія были отобраны, даже запрещено католическому духовенству держать въ услуженіи лицъ православнаго исповѣданія; изъ Луцка, «какъ-бы Рима той мѣстности», было переведено духовное управленіе, консисторія, семинарія въ Житомиръ, назначенный губернскимъ городомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ связь латино-польскаго духовенства съ помѣщиками, въ силу единства

интересовъ, прекратилась; оно увидѣло свое благосостояніе въ рукахъ правительства и потому принуждено было измѣнить соотвѣтственно этому и свое политическое поведеніе. Что касается евреевъ, этихъ паразитовъ, всегда игравшихъ въ руку пановъ и ксендзовъ изъ жажды къ наживѣ, то правительство старалось съ одной стороны сократить ихъ подвиги упраздненіемъ кагаловъ, подчиненіемъ земской полиціи и проч., съ другой—распространить въ ихъ массѣ образованіе учрежденіемъ въ Житомирѣ раввинскаго училища. Кромѣ того были употреблены всѣ силы удалить евреевъ отъ шинкарства.

Въ законодательствѣ и воспитаніи реформы состояли въ томъ, что въ первомъ Литовскій Статутъ замѣненъ общероссійскимъ Сводомъ законовъ и такимъ образомъ уничтожена рознь и запутанность въ дѣлахъ, въ послѣднемъ былъ очищенъ отъ польскихъ элементовъ кіевскій университетъ и въ среднихъ заведеніяхъ введена закрытая система.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ положительнымъ, авторъ останавливается прежде всего на русскомъ духовенствѣ. Положеніе его во времена уніи было весьма печально. «Удрученные нуждою, они (священники) были въ необходимости вымаливать у католиковъ-помѣщиковъ и поссесоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія. Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломою, въ иныхъ одежда на престолѣ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадилахъ теплился, вмѣсто ладона, мозжевельникъ» (стр. 24). Послѣ возстанія 1830 года вѣрность русскаго духовенства престолу ничѣмъ не была вознаграждена, напротивъ вызвала месть со стороны поляковъ. Положеніе дѣлъ не могло такъ продолжаться, и вотъ въ 1839 году уніаты возсоединены съ православною церковью, храмы приведены въ должное благолѣпіе (въ 1850 году исправлено 2,628 церквей и построено 184 новыхъ), а матеріальное положеніе духовенства обезпечено домами, землями и единовременными пособіями.

Было обращено особое вниманіе на бытъ крестьянъ, которые всегда были опорой русскому правительству и вѣрность свою престолу блистательно доказали въ 1830 году. «Но эта неоцѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не

было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генералъ-фельдмаршаломъ Сакеномъ, по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредь оставаться въ ихъ власти» (стр. 26). Между тѣмъ помѣщики послѣ такого случая стали угнетать крестьянъ еще болѣе. «Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.» (стр. 29). Положеніе казенныхъ крестьянъ было не лучше: «арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти» (стр. 27). Правительство дѣятельно изыскивало мѣры къ улучшенію быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Относительно казенныхъ крестьянъ, послѣ долгой переписки, 5 апрѣля 1844 года наконецъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести ихъ на поземельное оброчное положеніе. Для ограниченія-же произвола помѣщиковъ надъ своими подданными были введены извѣстные инвентари. Такъ какъ они весьма памятны еще и въ настоящее время, то излишне распространяться объ нихъ.

Къ управленію Бибикова наконецъ относится учрежденіе временной археографической коммиссіи и кіевскаго центральнаго архива. Какъ велико значеніе этихъ учрежденій для науки, показало время. Въ высшей степени благородную надежду на эти учрежденія высказываетъ авторъ,—надежду, которая еще пока, къ сожалѣнію, далека отъ осуществленія. «Со временемъ, изданные и предназначенные къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, пріобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество» (стр. 36).

Статья, какъ видно, составлена по оффиціальнымъ даннымъ, лицомъ близкимъ къ Бибикову, слѣдовательно видѣвшимъ, или хотѣвшимъ видѣть положеніе дѣлъ нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться энергіи и систематичности дѣйствій правительства въ данное время. Если-же при введеніи разныхъ мѣръ дѣло нѣсколько и не шло такъ гладко, какъ пишетъ авторъ *Записки*, то, по замѣчанію почтеннаго редактора «Русскаго Архива», когда возводится зданіе, то не обходится безъ стружекъ и мусору.

Вторая статья «Русскаго Архива» есть извлеченіе изъ письма іеромонаха Антонія Смирнитскаго, впослѣдствіи воронежскаго архіепископа, о посѣщеніи императоромъ Александромъ I въ 1816 году Кіева. Государь пробылъ въ Кіевѣ 5 дней (съ 7—12 сентября), посѣтилъ софійскій соборъ, лавру, академію; вездѣ все внимательно осматривалъ и очаровалъ всѣхъ своею набожностью и добродушіемъ. Вотъ какъ государь посѣтилъ въ лаврѣ слѣпаго схимника Вассіана. Вассіану дано было знать, что у него будетъ кн. Волконскій; вмѣсто него въ назначенное время является государь. Происходитъ разговоръ.

— Здравствуйте батюшка!—Отвѣтъ обыкновенный.—Прошу сѣсть, ваше сіятельство!—И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, а гость отдаетъ первенство хозяину.

— Женаты-ли, ваше сіятельство?—Женатъ.—Давно-ли женаты?—Двадцать лѣтъ.—Имѣете дѣтей?—Имѣю».—Давно-ли служите государю?—Давно.

Вассіанъ, воображая предъ собою кн. Волконскаго, спрашиваетъ о государѣ.—Да онъ здѣсь,—отвѣчаетъ ему гость.—Въ Кіевѣ?—Онъ у васъ.—Гдѣ-же, въ лаврѣ, или еще будетъ?—Я Александръ: сказалъ наконецъ мнимый Волконскій схимнику на ухо; благословите меня! Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

— Я (разсказываетъ Вассіанъ) хотѣлъ поклониться, но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ; исповѣдуйте меня, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ».

«Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди» (стр. 116).

Ѳ. Н.

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ“,

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Со вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ).	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ).	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. . . .	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. . . .	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

дахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно **десять лѣтъ** съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матерьяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ"

1885 (годъ **Большой Литературно-Художественный Журналъ.** седьмой) 1885

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ)*.

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ", въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Рукодѣльныя работы: разнообразныя буквы, иниціалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ нумерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ, Хозяйство и кухня, Совѣты и рецепты, отвѣты подписчикамъ, смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ **главную большую премію**: литературно-художественный

Живописный Альманахъ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ каррикатурами.— *«Живописный Альманахъ»*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатымъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ",

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ"

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей **А. И. СОМОВА.**

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ ½—1½ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фотоцинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. И. Андреевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, Ѳ. И. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашевъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. И. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Ѳ. И. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Экъ) Н. В. Павловъ, П. Н. Петровъ, Е. Е. Рейтернъ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. П. Шеміотъ, В. Ѳ. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. Н. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верпле, Ѳ. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, Н. Самокишъ, В. Унгеръ, И. И. Шишкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки **10** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ или съ пересылкою въ другія мѣста **12** р., за границею **15** руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *безплатной преміи* гг. подписчики получатъ ***Альбомъ фототипическихъ снимковъ*** большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленія, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Беггрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія **10** руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемѣсячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Баginскій.* Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Бони. Физіологія* (110 лист.). *Генохъ.* Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Зелигмюлеръ.* Нервныя болѣзни (23 листа); *Мальгень. Оперативная хирургія* (34 лист.). *Нимейеръ.* Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо.* Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ.* Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритшъ.* Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ.* Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ.* Діагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ.* Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ.* Хирургія (105 лист.). *Ришэ.* Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюрингъ.* Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ.* Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакціею проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелимюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *П. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія.* Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Невѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *ПОРТРЕТЫ* русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ.** Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому нумеру «Аккорда» будутъ приложены **также безплатно** *НОТЫ* для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, аррапжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ.** Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тіерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметики. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столъ.*

4) **ГИГІЕНА—новый отдѣлъ.** Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человѣку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтоваго ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пасьянсы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложеніями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **только 5 руб.**, за границу—**7 руб**; на ½ года—**3 руб.**, за границу—**4 руб.**

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ **2 р.**, затѣмъ 1 марта **1 р.**, 1 апрѣля **1 р.** и 1 іюня **1 р.**

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.
Гг. иногороднихъ просятъ адресовать: *Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.*

Редакторъ **Д. А. Мансфельдъ.** Издатель **Л. Метцль.**

---

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ 5

„ЮЖНЫЙ КРАЙ",

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ**—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ**—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ**—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ**—въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ**—въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ"

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ",

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ—достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ офиціальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть офиціальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общеттвеннаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
въ **1885** году.
ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библіографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается *въ С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Александринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ФЕВРАЛЬ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

стр.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

вицкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.— *А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Ѳ. Сумцова** 215

II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подколзина** 229

III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго**. 235

IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). **П. Л.** 268

V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова**. 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.— *И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Ѳ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.— Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатскои Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня па западѣ Европы.— б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ө. Сумцова.* - д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*— д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. О. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИӨИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ө. Сумцова** 417

✓ II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

✓ III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

✓ IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ө. Каминскаго.** . . . 519

✓ VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

✓ VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ө. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. I. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) ✓Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лоначескаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) ✓Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ө. Н.* 569

✓ XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардянскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*П. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ XI.

ФЕВРАЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го января 1884 года.

МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамильныхъ прозваній. Цѣлые ряды хатъ населены семьями одного фамильнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самые улички и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамильныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародьѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамильнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малороссъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамильныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоятельной необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они пріобрѣтаютъ въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человѣкъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременныя возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по скорому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижжатымъ; такъ его зовуть въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, прошлое лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли пріобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разъясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Онъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и нашелъ, что многіе козаки прозвищами не сошлись, что одно и тоже лицо имѣетъ по нѣскольку прозваній. Кикинъ обратился къ полтавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ, что у насъ на Украйнѣ обычай такой: называются люди разными прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими» [1]).

Изслѣдователь малорусскихъ фамильныхъ прозваній располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность выводовъ въ приложеніи къ фамильнымъ прозваніямъ—дѣло въ настоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогательныхъ статей, мѣстныхъ изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на премію Н. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава малорусскаго языка, при ученой разработкѣ народной этимологіи, фамильныя прозвища, можно надѣяться, послужатъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Интересъ такого изслѣдованія увеличится и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамильными прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явленій природы, животныхъ, растеній, болѣзней, кушаньевъ, одежды, дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ селахъ харьковсоой губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ фамильными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются Скорина и Могила,—фамильныя прозванія, знаменитыя въ исторіи. Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст. по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамильныя прозванія, однозвучныя съ фамильными прозваніями несчаст-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ найболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
2) *ка*: Прядка, Коробка, Малинка...
3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовличакъ...
4) *икъ*: Осовикъ, Гуликъ, Солепикъ...
5) *окъ*: Чапокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
6) *укъ, юкъ, юхъ*: Дундукъ, Челюкъ, Болюхъ, Артюхъ...
7) *ай*: Вересай, Бакай, Лутай...
8) *га, ага, яга*: Шульга, Дувага, Дубяга...
9) *анъ, анъ*: Дараганъ, Рубанъ, Щербань...
10) *аль, арь*: Пахаль, Свичкарь, Свинарь...
11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
13) *ашъ*: Недашъ, Кардашъ...
14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
16) *ець*: Лабунець, Рипунець, Луговець...
17) *ця*: Братыця, Иваныця...
18) *ій*: Кучмій, Баглій, Бурлій...
19) *инъ*: Высочинъ, Доброчинъ...
20) *ичъ*: Катричъ, Павичъ, Самойловичъ...
21) *унъ, юнъ*: Корсунъ, Богунъ, Баюнъ...
22) *на, ня*: Щербина, Борозна, Потебня, Варения...
23) *но*: Дахно, Пихно, Сахно...
24) *имъ*: Гудимъ, Бутрымъ, Рудимъ...

25) *оль, ялъ:* Хроль, Мнялъ...
26) *ло:* Мурмыло, Подобайло...
27) *ській, цькій:* Новгородській, Буцькій...
28) *стый:* Ярмистый, Женжуристый...
29) *ра, ря:* Манжура, Матора, Хухря...
30) *ный:* Головурный, Буденный...
31) *да:* Лагода, Штонда, Шелегеда, Жейда, Кирда...
32) *исъ:* Чуплимисъ, Номисъ...
33) *усъ:* Левусъ, Бреусъ, Усъ...
34) *бей:* Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамильныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей*, отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Степенки, Домничи, Катричи, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производятся много фамильныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петрикъ, Петриченко, Петрусь, отъ Даніила Данилейко, Данилченко, Данильчукъ, Данчукъ, Данушка. Къ разсматриваемому отдѣлу фамильныхъ прозвищъ относятся Антонюкъ, Пилипапь, Романика, Андріяшъ, Григорашъ, Богданко, Грицай, Ѳедорка, Ѳедакъ. Такъ какъ личныя имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личныя имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамильныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на низшей сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣсняется ихъ мнѣніями и потому даетъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и даетъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамильныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прозванія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прозванія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенности той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Водолажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залужный, Гаевый, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузинный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (извѣстный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Калюжный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у колодца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ закоулкѣ. Сюда-же можно пріурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполнѣ народное Новохатько.

Къ числу весьма характерныхъ фамильныхъ прозваній и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прозванія *по выдающимся особенностямъ физіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Бойко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человѣкъ); Левенецъ, Хижнякъ (хищный); Мурмыло, Неживый, Черепаха, Несмашный, Кислякъ (лѣнтяй, угрюмый); Горячій, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговый, Човпыло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лащенко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтлишный, Славнынъ, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самоквитъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Мякомелинъ, вѣроятно прозвища мирошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малецъ, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтунъ, Криворучка, Дзюба. Карбань, Шрамко, Ключка, Запка, Губа, Безпалько, Головатый, Сыпливый, Безбородько. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

каютъ прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червоный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно пріурочить фамильныя прозванія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное пріобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожьѣ былъ судья Богацько), Бидняженко, Сиромаха, Сирота, Голый, Пенжченко.

Весьма распространены прозванія *по ремеслу*. Наиболѣе свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали найбольшее число фамильныхъ прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Коваля, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбаси, Рымари, Котляры, Кушниры, Мирошниченки, Винниченки, Черевишные, Склярики и Шкляревскіе (склярикъ—стекольщикъ), Тесли, Справныки (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прозванія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамильныя прозвища *отъ именъ числительныхъ*; напримѣръ, Половинченко, Одинецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прозванія на *ко* и *скій*, исключая прозванія Третяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамильнымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываетъ ясенъ; напримѣръ, Одинецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—когда при одномъ хозяинѣ работникѣ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія. Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающееся въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; напримѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (брац-

лавскій полковникъ), Пугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сычъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишка (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамильныя прозвища *по названіямъ растеній.* Сюда относятся фамильныя прозванія: Верба, Дубъ, Калина, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малинка, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (кіевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянскій (бодянъ—limpinella anisum), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, leontodon Taraxacum). Фамильное прозваніе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначальнаго Яворницкій; послѣднему соотвѣтствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамильнаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій разсказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Разсказъ этотъ въ литературной формѣ изложенъ Г. Ѳ. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамильныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода;* напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коржъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрынька, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамильныя прозванія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіянъ считаютъ юмористами отъ природы. Такую репутацію укрѣпили за ними Котляревскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, наклонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась наклонность малоросса къ *юмору* и въ фамильныхъ прозваніяхъ. Прозваніе Махина (нѣчто очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшаго роста и, наоборотъ, въ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкимъ) и растені-

ямъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жукъ, Муха, Макуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрещака, Чсчекало, Вошколупъ, Заплюсвичка, Пупъ, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопятъ, Доброштанъ, Маргуха, Прилипко, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь) [1]), Кривошапка. Сюда-же относятся такія прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кислякъ, Метла. Попадаются въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно странныя, напримѣръ, Отченашъ, Продайвода, Уворвикишки.

Изрѣдка попадаются *прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе;* напримѣръ, Гайдукъ (гайдукъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдукомъ называютъ одинъ родъ танца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамильное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ нынѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховецъ, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ морѣ или рѣкѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столкновеній съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причемъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы втягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ странный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очеретъ.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности нѣмцевъ и евреевъ.

---

[1]) Чубинскій, Труды эт.-ст. эксп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языкѣ, въ фамильныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ;* замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украйнѣ Памву Берынду и Петра Могилу, Украйна помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамильныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такія фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлаго, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украйнѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ. Изъ украинскихъ фамильныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Вишневскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченной формой слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизеля съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («był podobno bratem Kisiela Eustachego»)[1]). Гизель—нѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамильное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значитъ товарищъ, веселый парень. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное *Г* нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизеля начальное Г произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамильныхъ *прозвищахъ татарскаго происхожденія*, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму[2]). Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещеныя татарскія семьи Глинскихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земяне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., напримѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Черкассъ 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янъ-Меликъ-баша[3]). Казацкій гетманъ Павлюкъ Баюнъ († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамильныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

---

[1]) Wisznewski, Hist. liter. polskiey, т. XIII, стр. 421.

[2]) Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

[3]) «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 19, 27.

мокъ южно-русской старины. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озаматъ, Буникъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай*, *ій*, *укъ*, *юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, влагалища для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словено-россійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, даже половецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружились въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя разныя проявленія народной жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣщеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженыхъ отъ тѣхъ, что «изъ одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами соби панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражались на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывали ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіяне жаловались на полонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ аѳонской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзко упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія перемѣной религіозныхъ вѣрованій, прадѣдовскаго языка, обычаевъ, фамильнаго прозванія. Неизвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» [1]). Полонизированіе фамильнаго прозванія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, сблизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Конисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіяне иногда измѣняли свои фамильныя прозванія на польскій ладъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходыки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамильнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіяне изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *инъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамильное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамильное прозваніе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникало иногда чисто канцелярскимъ или приказнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамильнаго прозванія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *овъ,* какъ выраженіе приниженнаго положенія лица. Если и фамильное названіе оканчивалось на *вичъ,* то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меѳодій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновымъ, второй Адамовымъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловымъ.

Много характерныхъ фамильныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кнышъ, Халява или Горобець; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кныша въ Меліоранскаго, Халяву въ Орнатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писцинаріусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамильнаго названія служитъ прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь.* Латино-уніатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галятовскій отзывается семинарщиной. Въ латинскомъ языкѣ galaxias—бѣлый, какъ молоко, galactites—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоанникія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искуственное прозвище Галятовскій.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, съумѣла привлечь въ свою гостиную кружекъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой пріѣздъ въ Россію появлялся также въ гостиной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семенъ, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшаго интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразились упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксъ, человѣку умному и пылкому [1]). Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолкаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

[1]) В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназіи.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напримѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'а или ликера, утопить неуступчиваго оппотента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустраго мальчика и онъ невольно настраивался подъ общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадается комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человѣкъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ сказать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкаго Пивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаленная книжка переходила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листкѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подъ вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны заискиванія, съумѣлъ заевоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ гувернантокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатыя, но нисколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ гонорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро ученикомъ этого, по институтски «обожаемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослаго въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ» съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вполнѣ имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненнымъ никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые силятся изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходокъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку къ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впослѣдствіи, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказалъ, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которомъ она изображается извѣстнымъ монументныхъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свинушника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ антресоляхъ, не представляли изъ себя interieur'а голандскаго Minherrú, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій неряшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комковидныхъ памятниковъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присущій этимъ помѣщеніямъ специфическій безпорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно безпорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряшества-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (eau forte) рабо-

тами; причемъ онъ избралъ себѣ въ руководители и наставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую библіотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотрѣть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Понятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его невѣроятной, всѣмъ знакомой, мерлушичьей шапкѣ. Часто заходилъ къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, причемъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевичемъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помнится, что однажды я нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ собирался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксессуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, причемъ, нисколько не стѣсняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ цѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измаранные, какъ черти, отрыли мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студію. Былъ-ли когда оконченъ этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперь находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разныя нѣжно ругательныя прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кромѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ вывѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при кинжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особенно видимыхъ цѣлей, рядомъ съ одалиской. Для этой работы являлся старикъ натурщикъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтыя днѣпровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безпощадно; при этомъ, и безъ того страдательный запорожецъ обзывался «бисовой дитиной» и иными непріятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгинувшаго козачины къ слѣдующему уроку появлялся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ днѣпровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвицами, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. Судьба, постигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета масляными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находится ключь. Вообще двери исписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоль, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, воистину огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожъ-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилки», и мы принимались уплетать непомѣрное количество этихъ ревельскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не напивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый пиръ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарасъ Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подъ носомъ напѣвая какіе-то заунывные мотивы, гдѣ слова въ родѣ «серденько», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столику и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполнѣ понятные для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подъ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, причѣвисто-нѣжно выходили эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламаціей иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарасъ Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаніяхъ о какомъ-то плутѣ жидкѣ-солдатикѣ, который вѣчно «шкодилъ» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній начальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытащилъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпицъ-рутенами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, къ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству насталъ желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривенникъ пріобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подкутившихъ

купчиковъ, жарящихъ яичницу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Принадлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ къ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разсказовъ о старой Малороссіи, про Сѣчь запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горшкомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости начну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались нещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто захаживали посѣтители, по большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому засѣло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужъ больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слёзъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому остававшійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удалился, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфелѣ, или папкѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, нынѣ у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодаго человѣка со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самимъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юношей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналъ очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго пріѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Мнѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полушутя, полусеріозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову [1]), большому пріятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Маріинскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особенно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ конецъ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отмѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взялъ свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и пріятели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ неменьшей досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только роковымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

---

[1]) Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи и русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности симпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лиръ мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. Я-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣялся до слёзъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидимому, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-а проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моей матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстроганный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова приняться за рисованіе послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нія прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему нѣкогда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятія съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенію, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненіе загадки, покуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посовѣтовалъ матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣніе по поводу легкомыслія, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполненія просьбы Шевченка и подъ тѣмъ еще предлогомъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣненъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не испортивъ и не запачкавъ его. По полученіи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моей матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обмѣномъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впослѣдствіи моя матушка возобновить дружескія отношенія, Тарасъ Григорьевичъ не поддался никакимъ увѣщаніямъ, и всѣ старанія общихъ друзей устроить примиреніе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣдній долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казинка
10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиной ссоры между Т. Г. Шевченкомъ и моей покойной матушкой, у меня сохранились слѣдующія его произведенія:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашемъ, помѣченъ 1858 годомъ.

2) Большая сепія; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидитъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сепія, изображающая мать, стоящую на колѣняхъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вещицы не имѣютъ артистической цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кіевѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе ограмотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушкинъ, Чалый, Вороной, Бекманъ—вотъ памятныя имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-панычей въ качествѣ крѣпостной прислуги. Я живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчикамъ господами, помѣщиками, а не *старшими братьями.* Спѣшу впрочемъ оговориться, что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было не много.

Такъ какъ студенты-панычи, имѣвшіе изъ дому приставленныхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Грамотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ, принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились читать по разрѣзнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣлись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и послужившія встревоженнымъ панамъ уликою къ обвиненію университетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поляковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчикамъ давали грамотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть ко всему лядскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что контингентъ ея вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣялся, отчасти-же и потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарождавшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ студентовъ малороссіянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ осталась на рукахъ *хохломановъ* (фраза эта понятна помнящимъ то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе при поддержкѣ того-же кружка въ гимназіи. Изъ числа этихъ учениковъ однихъ ужъ нѣтъ, а другіе далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки «Основы». Послѣ уже появились *метелики*—маленькія книжечки, предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скудный матеріалъ для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его соціальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ поднѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдамачинѣ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсенъ. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кинулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многознаменательная книга — Положеніе о *волѣ*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрываемаго, какъ говорили, панами; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его завѣтныхъ идей. Каждый грамотный жадно впивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не всѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ принуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовалъ что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочитать и растолковать Положеніе *о волѣ*. Иногда являлись ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таиться со чтеніемъ закона, уже обнародованнаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня престижа толкователя *достоменнаго* (настоящаго, истаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителями я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода провѣрка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи прочитать, признаюсь, лестный для меня отзывъ: сказано было, что при

введенія уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами «Положенія» и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ коммиссіи потому, что они по навѣтамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волость и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учеты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ рамку письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впослѣдствіи стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противуположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія внѣшней для села государственной власти.— Впослѣдствіи грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ ночью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужику хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ сознавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственные, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *поводырь* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго вполнѣ отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. По нуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквахъ на Украйнѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомные причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соотвѣтствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуявъ неохраняемость мужика вотчинною опекою пана, ставъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу съ мужикомъ, накинулось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостяжанія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проэкту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обработывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣтственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обработываютъ причту всю землю, притомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственныя службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всѣ изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежные сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ропота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсъ у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украйнѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ легла вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устранилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Послѣднее сказалось въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что нибудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви»..., увѣщевалъ громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде вже й такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби накинувъ: то було за винчання бере одинъ карбованець, а то давай три, ще й литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще й солому давать... та же винъ (т. е. батюшка) и такъ усю огорожу за зиму спаливъ (употребилъ на топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде»... Не смотря на такіе или подобные отвѣты громадъ, оффиціальныя донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школъ, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были оффиціальныя свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за истинность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенька на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви сосѣдняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человѣкъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадьей, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и впослѣдствіи поплатившійся за свои недостойные поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этотъ-то батюшка и разсказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толику. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обозрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

залъ. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться намъ.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія оффиціальныя.

На самомъ-же дѣлѣ въ Н—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17—18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздникамъ ходили съ дьячкомъ *ильновать*, т. е. собирать доходъ, носили *коляду*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь учениковъ.

Школъ дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ сноснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для заурядныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священникомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: «*подъ моимъ наблюденіемъ и при моемъ участіи въ преподаваніи закона Божія*». *Наблюденіе и участіе* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслину, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни единаго слова не преподалъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постояннаго числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній обиходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подоучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигрывалъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ нравилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церковную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

переконфузилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ громадянъ, моихъ учениковъ: онъ *загадавъ* имъ разрѣзныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е,* и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: «*бачъ, учатьця, а азбуки не знають*». Присутствующіе громадяне были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой «Положеніе», и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко читавшаго на клиросѣ, дьячковскаго ученика. Въ волости были и наши громадяне. Предложено было прочесть что-либо въ «Положенія» клиросному чтецу, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мои-же не ударили въ грязь лицемъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поскупился на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ дѣлѣ преподносить народу Морозовскія, Манухинскія и Леухинскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіяся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелики*, все таки онѣ были лучше и понятнѣе названныхъ изданій. Вѣдь это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Францылъ Венціанъ, Бова Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Т. Гр. Шевченка весною похоронили около Канева. Гр. Ник. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась «Основа», мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ текстъ русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время мережаныхъ сорочекъ, широкихъ

штановъ, малорусской пѣсни, польско-панскихъ доносовъ... Хохлофильство нужно было для внутренней политики края, нужно было, какъ противувѣсъ полонизму.

Я читалъ многое изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дивчатъ*, *парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію наизусть, напримѣръ *Катерину* Шевченка, видѣлъ я лица слушателей. Улыбаются какъ-то насмѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребеньки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидить батько въ кинци стола, на руки схилився, не дивитьця на свитъ Божій; тяжко зажурився...» декламирую я. Вниманіе все болѣе усиливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаивается. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ ополонку.

Шубовсть въ воду!... По пидъ лёдомъ
Геть загуркотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю пору головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какого кошмара, внимаютъ. Но эпилогъ коротокъ.

Встали сиромахи,
Помолились на схидъ сонця,
Пишли по-надъ шляхомъ...

Кончаю я и вылѣзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жъ сталося зъ хлопцемъ?—спрашиваютъ непремѣнно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слёзы. Стихотворенія легко запамятовывались слушателями, и отрывки послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, разсказы Стороженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ неловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебединъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ неловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слушателямъ, или мало понятной рѣчи архимандрта, благословляющаго ножи. Мимовольно переношусь памятью болѣе подробно къ тому времени. Пасѣка дида Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчелъ. Насъ человѣкъ пять: хозяинъ пасѣки, я, Гаврило Петровичъ, сынъ *дида* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса.* Всѣ мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю праздника, свитки подосланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко внѣ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полученная книжка «Основы» со мной. Я давно уже обѣщалъ дѣду прійти къ нему на пасѣку почитать *щò небудь.* Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сельскія дѣла, про *батюшку*, «що винъ вытворявъ сёгодня писля службы Божои», про урожай, про ройбу...

— А це принесли таки, що обицяли—спрашиваетъ дѣдъ, взглянувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваетъ листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говоритъ дидъ, кивая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бувало, такъ таки й прослухаю, якъ покойный отецъ Василій, царство ёму небесне, читае. И... чоловикъ бувъ! Нехай ёму земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекрасного, або про блудного сына...

— Ну, теперешній якъ прочитае, той слухать не хочетьця, вставляетъ слово Гаврило Петровичъ. Сёгодня, оце писля службы якъ ставъ вычитувать уснмъ по проэкту... Я, каже, можу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толоку покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ёму его й честь буде... Щожъ, прочитайте що небудь... обращается ко мнѣ дидъ Максимъ.

Растягиваемся на «свиткахъ» головами въ кучу, ногами въ рознь, и я читаю «Оповидання Грицька Клюшника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *насупилось*, у дида блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, еле только встряхнувшимъ съ себя ненавистное панское иго, не по душѣ восхваленіе пана, но личность Прокопа Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, докозакувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчью.

— Онъ якои! восклицаетъ Θедоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокипъ Ивановичъ возражаетъ: «брехня, тричи брехня. Зроби, доброго чоловика паномъ, то й буде зъ нёго ледащо...» Или когда тотъ-же Прокипъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говоритъ: «нехай вона тоби скризь землю провалитьця. Отъ стану я въ паньскій хати ночувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской натуры являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Панъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ снискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Кончилъ я. Всѣ благодарятъ. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминанія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и блеяніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставниками, лампадами и даже имѣвшая носильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проводы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучше сказать весеннихъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и поотдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просиживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи [1]) Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться къ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Тоже совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ Н—цахъ *службы* нѣтъ, или когда послѣ обѣда, и то ранняго, нужно было начинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ наличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—цъ и Якимъ Максимовичъ Ст—енко, а иногда завернувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я сглаживалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я перестаоъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновеніе съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—скій. Вслѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергіиха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохать батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохать*. Въ комнату вошла степенная Сергіиха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергіиха промолвить слова, какъ уже онъ зачастилъ:

---

[1]) На первый день Пасхи пьянствовать и танцовать негоже. Молодежь водитъ хороводы, *шума, довгои лозы, короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О кизле, мій кизле, зійди рано! Ой кизле, мій кизле! прійди *Мало* (?).

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хочете, а зъ цею не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концевъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, разсчитывая самъ уговорить упрямаго батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вичъ! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла наниматься ко мнѣ, сколько не посылалъ, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всѣ онѣ. Замужъ такъ на въ-*выпередки*, а ко мнѣ въ наймы нейдутъ, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуста, не просите. Нужно хоть одну проучить. Нужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстныя власти (становой, исправникъ), при немъже священникѣ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихѣ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Заупрямился о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сани, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихѣ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Послѣдовалъ запросъ батюшкѣ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчаетъ потому, что брачущіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, послѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же разсказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церкви объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украйнѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказуютъ Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Тройцѣ, молитву Господню, Символъ вѣры и Богородицу. О. Р—скому это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже*, *Достойно есть* и *Спаси Господи люди Твоя*..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачится. Каждая изъ *дивчатъ* прибираетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* къ ночи... Могутъ *старосты навернутыся*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Нечего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безъинтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дивчата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Палажка! Скортило замижъ?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ пинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ моей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дивчата* прячутся одна за другую, веспрыскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстились на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказувать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*вомя* Отца и Сына и Св. Духа», а «во *имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ нельзя: «треба казать *вомя*, а во *имя*, то це буде по лядзкому», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стану останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «далъ былъ убо» выговаривались: *дов-быхуба, була рахуба, да-ли-губа*, а ужъ дальше *доль-бихъ убо* нельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *паляница* вмѣсто *паляныця*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *далъ быхъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитьця, то провадить якись *тельбухи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компаніи молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелегко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безъуспѣшно, недѣли полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣнчалъ безъ экзамена.

Говоря вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣлъ, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ моихъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обученъ былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, зналъ, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалію, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны *(пущиння)*, сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и набожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Сдержанный и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ябъ бы ёму хоть оттакесинькій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы уси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поваръ, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотенъ и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Онъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ онъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ онъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Бижу я, добигъ на взгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаютьця. Палъ я ныць и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ и трепещу ввесь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горить.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыновей зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матвѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ пана. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимъ имъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже онъ порывался на разные гешефты: то перекупитъ бочку рыбы и торгуетъ ею, то съумѣетъ заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титаря, то интригуетъ по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арендованія громадою помѣщичьей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что онъ *не туды ше*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумаютъ строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Онъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варкѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною онъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ онъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, онъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко этакъ затѣвалъ уронить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, позднею осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозвавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлью будить ея

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то мокраго, храпящаго какъ-то странно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, храпѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозрѣвая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознанія и по ходу дѣла руководилъ тушеніемъ пожара, сбереженіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и разсылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рушится, и потому съ бранью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услыхалъ ревъ толпы, возвѣщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ сзади меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, поснимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. Я туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой акцизной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неотпускъ *на боръ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь ограждалъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, тилько рушъ таблыцю (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: це казенне дило». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрить молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, поснимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покостъ* масляный попузырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окопчена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо виднѣлись буквы надписи *«ровск...»* *«актов...»* *«орчма...»* *«щици...»* *«ковниц...»* *«Габ»*..., что обозначало: «Дударовская трактовая корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявився!» сказалъ мнѣ Михайло, держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я разсмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежъ тутъ Миколай? Вы жъ Михайло грамотни, читайте,— указывалъ я ему.

— Щожъ, винъ святитель тилько разъ *вирующимъ* объявився,—срѣзалъ меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложеннымъ вещамъ, вытащеннымъ изъ корчмы, и съ руганью разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обозрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чъ, поступили, какъ мнѣ разсказывали, неосторожно,—внушалъ мнѣ на другой день священникъ Р—скій. — А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трупахъ были сторожа,—отвѣчалъ я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максима. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъузоренные рѣзьбою, его распятія и аттрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околодкѣ. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, иконостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дида Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно нѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностію. Онъ знавалъ чуть не всѣ гнѣзда пѣвчихъ мелкихъ птичекъ кругомъ своей пасѣки (пасѣку онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

лѣскамъ фруктовыя деревца, прививалъ къ дичкамъ, холилъ, обчищалъ дикія, не плодовыя даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и ея красотамъ, онъ индиферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживалъ. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящемъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я знавалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный по натурѣ, онъ увлекался поэзіею жизни. Вино и женщины тянули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замужнюю цыганку и, бросивъ все, угрожаемый панскою карою, цѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ 'пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пока ему приснился какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его разсказывалъ, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и уединенностію жизни пасѣчника, умерщвленіемъ плоти, тяжкою работою при копаніи омшаника (у него замѣчательный омшаникъ-пещера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодушія и любовности, въ какомъ уже я знавалъ его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынникъ, къ которому шли-бы поучаться, исповѣдываться, упокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его разсказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность типа. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его разсказы про житіе святыхъ, про разные эпизоды священной исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народно-украинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, понялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

при его профессіи, онъ понялъ, что въ жизни не слѣдуетъ «потурать серцю», которое его все время «дурило» и не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Въ сынѣ своемъ дѣду хотѣлось видѣть нѣчто иное: собственный жизненный опытъ этого требовалъ. Но не тутъ-то было.

Якимъ унаслѣдовалъ отъ отца всю поэзію, весь лиризмъ его естества. Это выразилось во первыхъ въ страстномъ стремленіи за предѣлы крестьянской жизни, изъ той рамки, которая назначалась ему обстановкой и въ которой отецъ хотѣлъ его удержать. Началось съ того, что Якимъ вопреки строгому запрету отца, *штовханьцямъ* матери и попрекамъ семьи и родныхъ научился читать у одного экономическаго писарька. Запрещеніе только разжигало его страсть. Страстный по натурѣ, онъ безъ труда дался женить себя на понравившейся ему дѣвушкѣ. При женитьбѣ ему было неполна 19-ть лѣтъ. Женитьба эта собственно и была устроена пораньше ради того, чтобы, какъ говорится, *приборкать* его, подсѣчь его лиризмъ, подрѣзать крылья его фантазіи. При сватаньѣ на Украйнѣ поютъ:

Говорило пиво до своеи пивоварочки:
Якъ вы мене не доварите,
То вы мене и не вдержите
А ни въ бочкахъ, ни въ полубочкахъ,
А ни въ золотихъ кубочкахъ.
Говоривъ-же та панъ (имрекъ)
До своего та пан-отченька:
Якъ вы мене не ожените,
То вы мене и не вдержите
А ни въ доми, ни въ поли,
Ни на вороному кони...

Женитьбою думали удержать Якима *и въ доми и въ поли*, въ предначертанной его отцемъ и рутинной рамкѣ сельской жизни, такъ сказать, задержать его броженіе. Но пиво это было шумное; слишкомъ много было въ немъ дрожжей отцовской страстности и удержу не было.

Многіе опытные *батьки* на Украйнѣ, женивъ сына въ зимній мясоѣдъ, стараются *одлучить* его отъ жены по веснѣ. «*Ажъ змарнивъ, якъ подивлюсь на нёго. Сказано молоде: и молодицю зведе ни*

на вищо й само обезсиліе»... говорилъ мнѣ одинъ такой *батько*. И вотъ таковыхъ ради соображеній опытные отцы на время спроваживаютъ куда нибудь сына на сторону. Лучшимъ въ этомъ случаѣ дѣломъ было чумакованье: работа не тяжелая, корыстная и на сторонѣ отъ жены. У Столяренковъ не было воловъ для чумачки, а молодой Якимъ, которому все хотѣлось чего-то новаго и которому, можетъ быть, и жена прискучила, рвался въ *мандривку* (на заработки) въ *Бессарабію*, какъ на Украйнѣ называютъ весь югъ. Желаніе это совпало съ планами отца, и Якимъ потянулъ съ котомкою за плечами на югъ на встрѣчу подходящему оттуда лѣту, въ новый загадочный для него, полный бурлацкой поэзіи край. Просторъ степи, пестрота населенія, нѣмецкія колоніи, приморскіе города, самое море, новыя знакомства съ *бурлачнею*, которой тогда кипѣли херсонскія степи—все это было не только не унижающее ферментацію страстной натуры Якима, но еще поднимало броженіе идей и чувствъ въ немъ. Онъ и работалъ и мечталъ, поэтизировалъ. То онъ представлялъ себя героемъ—страдальцемъ какой-то небывалой исторіи, воображалъ себя покинувшимъ по нуждѣ отцовскій домъ и принужденнымъ бродяжить, преслѣдуемый какими-то зложелателями; то упивался разсказами о «волѣ», которую уже тогда чуяли (это было въ 1860 году); то ставилъ себя въ роли того, кто разсказывалъ про свою горькую судьбину, то заливался слезами подъ разголосъ бурлацкой пѣсни »: Ой йшовъ козакъ зъ Дону, та зъ Дону до дому »...; то воображалъ себя влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ, взысканнымъ милостями влюбившейся въ него одесской купчихи; то поражался величіемъ города, громадными домами, гаванью, магазинами... Повторяю, броженіе этой страстной натуры не унялось ни чуть за время этой *мандривки*, а напротивъ усилилось.

Но вотъ *стала осинь, лихая година*, бурлачня потянула отъ моря къ сѣверу на Украйну *у теплы запички, на мякеньки млынци*. Нужно было и Якиму вернуться домой. Денегъ онъ таки заработалъ: двѣ книжечки прибавилось въ сумкѣ, на шеѣ появился *шарфъ* (шарфъ), несъ онъ *одеській* поясъ женѣ, платокъ сестрѣ и двадцать два рубля отцу. Любящій сына старикъ давно уже скучалъ за нимъ, молодая жена, которой поввольготнѣло послѣ лѣтнихъ работъ, уже отъ Семена (1 сентября) *ждала-выглядала* мужа и це разъ уже

изорала бривонькими поле. «Орала, орала тай заволочила, дрибненькими слизоньками все поле змочила» (такъ поэтично метафорно образно рисуетъ народная пѣсня жену съ поднятыми надъ напряженными глазами бровями, всматривающуюся въ даль, обводящую взоромъ горизонтъ и наконецъ плачущую). Не остывшая еще вполнѣ поэтичная натура *дида Максима* въ этомъ *блуканьѣ* по свѣту Якима, въ его возвращеніи создавала себѣ знакомую по разсказу и по чтенію *батюшокъ* исторію блуднаго сына. Старикъ иначе и не вспоминалъ Якима, какъ въ образѣ этого героя евангельскаго разсказа.

Вотъ въ этомъ-то настроеніи и встрѣтили Якима дома: старикъ слезами радости, жена объятіями.

Осеннее бездѣлье, храмовые праздники, разсказы про виданное и испытанное, радости свиданій, толки о волѣ—все это заполонило Якима на первыхъ порахъ. Настала зима, долгіе вечера, ранніе досвитки... Книжечки, которыя не покидали его и въ бурлачествѣ, болѣе смѣло появились при свѣтѣ зимняго *каганця* и старикъ, не пересиливая въ себѣ напускнаго пренебреженія къ читаемому, иногда удостоивалъ своимъ вниманіемъ чтеніе. Въ деревнѣ тѣмъ временемъ явилась мысль арендовать помѣщичью землю; желанная *воля* приближалась. Деревенскій публицизмъ былъ по сердцу Якиму. Вопросы публицизма были на лицо—толки о *волѣ* и объ арендѣ. Такъ прошла зима 1860—61 года. Мечты громады о волѣ и объ арендѣ осуществились: явилось «Положеніе» и само по себѣ новый строй деревенской жизни.

Въ это-то самое время Якимъ натолкнулся на меня. Мнѣ онъ съ его любознательностію, съ его поэтичностію сильно понравился, я увлекся имъ; для него-же я представлялъ цѣлый кладъ. Моя грамотность, свѣдѣнія и изобиліе книгъ сразу потянули его ко мнѣ. Онъ перечитывалъ все, распрашивалъ про всячину. Все малорусское очень полюбилось ему, особенно по вразумительности, ибо русское мало было понятно ему. Изъ прочитаннаго онъ усвоилъ себѣ слащавость и нѣжность, какими переполнены были повѣсти Марка Вовчка, Квитки, стихи Шевченка. Практическая сторона жизни не описывалась, не воспѣвалась. Кстати припоминаю слова одной воронежской хохлушки:

— Усе люблятьця, та люблятьця, а колижъ и якъ вони дило робили?—спросила она, прослушавъ нѣсколько повѣстей Марка Вовчка. Вотъ этого-то «якъ дило робить» въ малорусскихъ книжкахъ того времени не было. Правду сказать, и по сю пору литература страдаетъ недостаткомъ указанія, *якъ дило робить*. Я сознавалъ и тогда этотъ недостатокъ; но пополнить его не имѣлъ чѣмъ, да при томъ-же, надо правду сказать, и самъ очень смаковалъ въ лирической сторонѣ народной жизни. Много теплаго, хорошаго, поэтичнаго я нашелъ въ Якимѣ, много хорошихъ часовъ я провелъ съ нимъ. У меня долго хранились его задушевныя письма ко мнѣ. Многое ему разсказывалось, многое отъ него выслушивалось. Любознательности его не было предѣла; ему хотѣлось знать физику, химію, учиться по французски и по нѣмецки. Но все это было какое-то порывистое: еле успѣвалъ онъ ознакомиться съ чѣмъ, какъ оно уже ему надоѣдало и онъ начиналъ рваться къ чему другому. Послѣ, когда намъ съ нимъ пришлось погрузиться въ прозу жизни, я поплылъ по теченію, а онъ захлебывался, не могъ держаться намѣченнаго пути и тонулъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Судьба разлучила насъ. Я съ болью сердца слыхалъ, что онъ не добромъ поминалъ меня, что онъ говорилъ, будто я испортилъ его. Можетъ быть, я и виновенъ предъ нимъ. Но въ чемъ вина моя? Рокъ столкнулъ его со мною и я, можетъ быть, поддержалъ въ немъ готовую осѣсться ферментацію. Но я тоже былъ молодъ, я тоже подверженъ былъ броженію, я былъ сынъ своего вѣка. Онъ или переселился на новое мѣсто, или попалъ въ чигиринскую или иную аграрную сумятицу Украйны или въ лучшемъ разѣ штундитствуетъ. Sic fata tulerant!

Итакъ, возвращаясь къ основному сюжету настоящей замѣтки, я повторяю, что въ селѣ въ началѣ 60-хъ годовъ былъ большой запросъ на грамотность. На этотъ запросъ не послѣдовало своевременнаго предложенія; мы-же учители диллетанты мало дали народу. Мизерный результатъ нашихъ усилій составляетъ миніатюрная цыфра научившихся читать. Но и эту мизерную услугу народу намъ не удалось выполнить по мѣрѣ силъ нашихъ. Вспыхнуло польское возстаніе. У насъ, на Украйнѣ, оно было только три четыре дня, но послѣдствія его и до сихъ поръ видны еще. Народъ украинскій не безъ подстрекательства, замѣчу, вскинѣлъ и смялъ-*потоп-*

тамъ не только кучки выступившихъ въ поле инсургентовъ, но, ассимилируя въ своемъ пониманіи ляха съ паномъ, и все панское. Національнымъ вообще мало присущъ народу, а потому подогрѣтое національное движеніе народа на Украйнѣ противу *ляхивъ* само по себѣ перешло на соціальный мотивъ. «Царь намъ волю давъ, а паны й забунтувались»,—такъ разсуждалъ украинецъ, не внимая разнымъ московскаго издѣлія памфлетамъ. Тогда появилось много брошюрокъ, въ коихъ на всѣ лады пробирались поляки и ихъ возстаніе. Эти брошюрки были чуть не первымъ печатнымъ русскимъ словомъ на Украйнѣ, если не считать «Положенія», оффиціальныхъ бумагъ и лубочной литературы. Я помню эти брошюрки. Это было своевременная и даже послѣ-временная ругань на всѣ лады на поляковъ и на возстаніе со стороны тѣхъ, которые, будучи по натурѣ своей ругателями, почуяли въ то время свободу въ словоизверженіи. Мерзко вспоминать этихъ ругателей, не заслуживающихъ, собственно говоря, и воспоминанія. Украинцы-же, не умѣвшіе читать и не понимавшіе по русски, я думаю, мало знали всѣ эти словоизверженія. Одна изъ этихъ брошюрокъ: «Польская кривда и русская правда», печатанная церковными буквами, и другая, которая раздавалась при иконкахъ Спасителя, почему-то въ нашей мѣстности получили особое, таинственное значеніе. Нѣкій Каллистратовъ въ Кіевѣ издалъ во многихъ экземплярахъ и въ разныхъ размѣрахъ писанную, а также хромолитографированную икону Спасителя въ память освобожденія крестьянъ. Это былъ поясной образъ Іисуса Христа, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой рукѣ держащаго открытую книгу, въ которой написаны слова: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* У нижняго бордюра, на краю синей тоги, буквами золотыми или желтыми (смотря потому, былъ-ли образъ писаный или литографированный) было написано: «19 февраля 1861 года». Кромѣ послѣдней надписи, образъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего, что напоминало-бы это знаменательное событіе; но вся суть недостаточно ясно выраженной образомъ мысли издателя разъяснялась въ прилагаемой къ иконамъ брошюркѣ. Одновременно съ появленіемъ въ продажѣ этихъ иконокъ [1]), правительство вводило по селамъ *бляхи*—знаки для по-

[1]) Начало продажи было расчитано ловко, по коммерчески. Лѣтомъ въ Кіевѣ масса богомольцевъ—покупателей иконъ.

левыхъ и лѣсныхъ сторожей. Въ нашей мѣстности крестьяне толковали, что всякъ, принявшій для ношенія такой знакъ, будетъ закрѣпощенъ опять панамъ и если въ селѣ такихъ носителей будетъ десять человѣкъ, то и все село будетъ закрѣпощено. Единственнымъ спасеніемъ отъ закрѣпощенія, говорили въ народѣ, служатъ вышеномянутыя иконки. Все это я узналъ случайно.

Возвращался я изъ Кіева, гдѣ также купилъ икону Спасителя, изданія Калистратова. Высадившись съ парохода въ м. Х—ровѣ, я шелъ домой пѣшкомъ и несъ иконку въ рукахъ, такъ какъ она была въ рамкѣ за стекломъ и нужно было нести ее бережно. Встрѣтившіеся мнѣ х—вцы объяснили, что иконку слѣдуетъ прятать, чтобы паны не видали, что Василь Щука, односелецъ ихъ, черезъ одного монаха, ходившаго *на прощу* въ Кіевъ, получилъ отъ самаго митрополита такую иконку и къ ней двѣ грамотки, при чемъ ему велѣно иконку и грамотки прятать и не показывать *до слушного часу*, а также *знаковъ* по возможности не брать, ибо если кто возьметъ знакъ, то будетъ опять *паньскимъ*, а если въ селѣ наберется десять человѣкъ со знаками, то все село будетъ *паньскимъ*. Не смотря на всѣ мои просьбы, бывшій тутъ-же Василь Щука иконки и грамотки мнѣ не показалъ, а подосланный мною послѣ грамотѣй видалъ у него брошюрку, разъясняющую смыслъ иконки, и другую: «Польская кривда и русская правда». На разные лады варьированныя подобныя-же толкованія я слыхалъ еще нѣсколько разъ.

Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ во первыхъ неразборчивость издателей и продавцевъ въ средствахъ къ наживѣ и во вторыхъ то, что народъ грамотокъ этихъ вовсе не читалъ.

Какъ извѣстно, украинцы, по случаю польскаго возстанія, при раздѣлѣ съ панами по выкупу земли остались въ выигрышѣ. Повѣрочныя коммиссіи понизили по возможности выкупной платежъ и по мѣрѣ силъ соблюли интересы крестьянъ при разверсткѣ угодій. Насколько это повліяло на благосостояніе бывшихъ подданныхъ украинцевъ, я не имѣлъ случая провѣрить. Украинофильство, переставшее по внутренней политикѣ правительства быть нужнымъ, какъ противувѣсъ полонизму, было устранено. Явилась нужда въ «обрусѣніи» спасеннаго отъ полонизаціи украинца. *Обрусители* не замедлили явиться. На сколько удачно вели дѣло обрусѣнія эти «*эле-*

менты» [1]), я не знаю. Люди, преданные украинскому народу, провели дѣло выкупа земли бывшими панскими крестьянами—*элементы* разводили бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ казною, прихватывая остаточки въ видахъ того-же обрусѣнія края. Чигиринскія дѣла какъ чисто крестьянскія, такъ и въ компаніи съ соціалистами, говорятъ сами за себя и о дѣяніяхъ *элементовъ*.

Любопытно-бы своими глазами посмотрѣть на Украину, увидѣть, что сдѣлано за эти 20 лѣтъ по части благосостоянія народа, его просвѣщенія и наконецъ обрусѣнія.

Въ 1866 году судьба съ по-Днѣпровья закинула меня на Донъ. То, что я видѣлъ здѣсь, что подмѣтилъ, разскажу въ слѣдующемъ за этимъ очеркѣ, а теперь, посмотрѣвши своею памятью-воспоминаніемъ

> На ту Украину,
> Де ходили гайдамаки
> Зъ святыми ножами—
> На ти *шляхи*, що я мирявъ
> Малыми ногами...,

Заканчиваю скорбнымъ разсказомъ эту часть моей замѣтки.

Въ маѣ 1882 года проѣзжалъ я по Днѣпру изъ Кіева въ Кременчугъ. Видѣлъ я эти ..... села

> По-над-днипрянськи не весели.

Тоскливо сжималось сердце, остарѣвшее, измученное. Въ памяти моей возставали цѣлой вереницей представленія моего прошлаго. По дѣламъ я не могъ имѣть даже одного свободнаго дня, чтобы высадиться на берегъ и побывать въ знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, повидать прежнихъ друзей. Приглубый берегъ Днѣпра въ м. Х—ровѣ занялся вынесеннымъ изъ яру муломъ, образовалась отмѣль, на которой устроена дровяная пристань. Празднующій «Зелени святки» людъ пестрой массой толпился къ пароходу; я впивался глазами въ эту толпу, стараясь угадать хоть одно знакомое лицо. Тщетно! все чужіе, незнакомые мнѣ. Но вотъ свистокъ, и мы понеслись внизъ

---

[1]) «Ты понимаешь, я здѣсь представляю собою русскій *элементъ!*» говаривали, часто подъ куражемъ, эти гг. обрусители. Остроумные евреи такъ и звали ихъ: «г. Элементъ, г. элементъ! Пожалуйте...».

по теченію, объѣзжая Трахтемировскую гору. Отдаленный отъ берега рѣки Переяславъ, Трахтемировъ, Монастырище, Зарубинцы, Бучакъ, горы—все это тянулось панорамой передъ моими глазами. Вотъ Селище, а далѣе за лугомъ на полугорѣ Каневъ. Я не сходилъ съ мостка парохода; весь отдавшійся воспоминаніямъ, я не хотѣлъ ничего и ни съ кѣмъ говорить; я смотрѣлъ на горы, села, убогія церкви, или всматривался въ группу богомольцевъ—черкащанъ, чигиринцевъ, помѣщавшихся внизу подъ мосткомъ на палубѣ парохода. Я ихъ узнавалъ по покроямъ свитокъ, по формѣ очипковъ и воротамъ рубахъ. Обойдя лугъ, за которымъ расположенъ самый городъ Каневъ, мы плыли прямо къ Тарасовой горѣ. На мостокъ вышло нѣсколько пассажировъ—какая-то пожилая дама полька, цѣлое отдѣленіе кіевскаго окружнаго суда, ѣдущее въ Черкасы, и нѣсколько жидковъ. На пристани суета, изъ города въ галопъ мчатся жидки въ богуславскихъ бричкахъ. Мостковая публика смотритъ на виднѣющійся между жидкими деревцами крестъ на могилѣ Шевченка. Всѣ разговариваютъ.

— То крыжъ, поставльоны надъ Шевченкемъ,—разъяснила, отдуваясь, запыхавшаяся при всходѣ на мостокъ дама полька, *по россыйску*.

— Ахъ, да! Это тотъ народный поэтъ! надѣвая пенснэ, замѣчалъ одинъ изъ членовъ суда.

Я отодвинулся отъ сосѣдей. Вдругъ слышу, у меня подъ ногами длиннополый еврей объясняетъ богомольцамъ украинцамъ.

— А хиба вы не знаете?! Та тожъ вашъ святый! то самъ Тарасъ, що вамъ книжки писавъ...

— А що мы знаемъ? Може й святый. Хиба мы письменни? —отвѣчали украинцы. Сняли шапки и набожно перекрестились.

— А опуки!...

— Имъ байдуже—жито соби сіють—подумалъ я.

Борисъ П—скій.

6 декабря 1884 года,
г. Павловскъ.

ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Отвѣтъ С. Т. Голубеву).

Въ статьѣ: «Историческія замѣтки о Кіевѣ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы признали вполнѣ достовѣрнымъ высказанное въ свое время исторіографомъ Миллеромъ и принятое впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ мнѣніе о томъ, что кіево-братская обитель, съ братской при ней школой, впослѣдствіи академіей, существовала раньше 1615 года, къ которому начало ихъ относятъ позднѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и что эту школу, бывшую при богоявленской церкви, благословилъ въ 1589 году константинопольскій патріархъ Іеремія II. Чтобы утвердить это мнѣніе, подрываемое гг. Максимовичемъ, Малышевскимъ и Голубевымъ, мы старались, путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, доказать, что 1) богоявленская церковь въ Кіевѣ, на Подолѣ, существовала еще въ XVI ст. и что начатая постройкою при Сагайдачномъ, но не оконченная еще и въ 1625 году, церковь Богоявленія не была первоначальною церковью сего имени, а замѣнила собою церковь существовавшую раньше 1620 г. и даже раньше 1615 года; 2) что константинопольскій патріархъ Іеремія II былъ въ кіевской странѣ на возвратномъ пути изъ Москвы и слѣдовательно могъ благословить кіево-богоявленскую школу, какъ гласитъ о томъ дошедшее къ намъ издавна извѣстіе; 3) что на существованіе въ концѣ XVI ст. кіево-братскаго монастыря указываетъ одинъ изъ документовъ его, называемый въ числѣ прочихъ въ подтвердительной царской грамотѣ 1694 г., именно купчая Андрея Обуха

1594 г. на продажу сверщовскаго двора монастырю, названному кіево-братскимъ и 4) что существованіе кіево-братскаго монастыря и школы при немъ раньше 1615 г. очевидно изъ данной въ этомъ году записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной, въ которой она прямо говоритъ, что подарила свой дворъ на Подолѣ на монастырь *патріаршей ставропигіи* и ввела въ этотъ дворъ, при возномъ и свидѣтеляхъ, какъ школу, такъ и монашествующую братію, но отнюдь не даетъ и намека на то, что и монастырь, и церковь, и школа подлежатъ еще учрежденію и устройству.

Статья наша вызвала помѣщенное въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ обширное возраженіе извѣстнаго изслѣдователя исторіи южно-русской церкви С. Т. Голубева, въ его статьѣ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи». Почтенный авторъ этой статьи не соглашается съ высказанными нами соображеніями и приведенными доводами. Изслѣдуя исторію мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, онъ утверждаетъ, что 1) сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588—1589 г. и объ учрежденіи имъ здѣсь *высшаго* училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, какъ говорятъ нѣкоторые, а позднѣйшее мнѣніе, высказанное впервые въ 1765 г. корпораціею самой академіи въ запискѣ, представленной ею въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ о началѣ этого учрежденія и отвергнутое тою-же корпораціею и по такому-же поводу въ 1773 г.; 2) что патріархъ Іеремія ни въ 1588 г., ни въ 1589 г. не былъ въ Кіевѣ и что свидѣтельство о семъ Павла Алеппскаго не можетъ быть принято; 3) что существованія богоявленскаго братства и школы при немъ съ 1588 г. по 1615 годъ не доказываютъ документы того времени, именно «Листы королевскихъ урядниковъ» 1593 г. и «Купчая Андрея Обуха» 1594 г., такъ какъ они извѣстны по позднѣйшимъ указаніямъ, въ которыхъ названіе *братскаго монастыря* употреблено какъ современное этимъ указаніямъ, а не самымъ документамъ; 4) что учрежденіе кіево-богоявленскаго братства около 1615 года доказывается «Братскимъ уписомъ» и свидѣтельствомъ уніатскаго м. Рутскаго; 5) что мнѣніе о полученіи кіевскимъ братствомъ отъ патріарха Іереміи правъ ставропигіи, т. е. подчиненности только патріарху, не имѣетъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой 1615 г. и стоитъ въ явномъ проти-

ворѣчія какъ съ грамотою патріарха Ѳеофана 1620 г., такъ и съ письмами кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу 1625 г. и 6) что сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Не смотря на полноту и обстоятельность изслѣдованія автора названной статьи, выводовъ его мы не считаемъ послѣднимъ словомъ по вопросу о началѣ кіевскаго богоявленскаго братства и его училища и находимъ возможнымъ противупоставить новыя возраженія его доводамъ и заключенію. Въ настоящемъ отвѣтѣ ему мы не коснемся названныхъ выше документовъ, именно: «Листовъ королевскихъ урядниковъ» и «Купчей Андрея Обуха», такъ какъ первый изъ нихъ упомянутъ у Аскоченскаго, а не у насъ, относительно-же втораго мы готовы согласиться съ разъясненіемъ г. Голубева, что онъ могъ первоначально и не относиться къ братскому монастырю. Оставляемъ также въ сторонѣ и вопросъ о характерѣ кіево-братской школы до 1615 года, которой мы не усвояли значенія высшаго учебнаго заведенія. Послѣ этого спорный вопросъ о началѣ кіевской академіи можетъ касаться въ частности только слѣдующихъ 5-ти пунктовъ: 1) посѣщенія Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, 2) учрежденія кіевскаго братства, 3) времени построенія братской богоявленской церкви, 4) учрежденія кіево-братскаго монастыря и 5) учрежденія братской школы, которая, постепенно развиваясь, стала кіевскою академіею. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы дадимъ отвѣтъ.

Начнемъ съ вопроса о томъ, былъ-ли въ Кіевѣ въ 1588 году патріархъ Іеремія, которому древнее преданіе приписываетъ санкцію кіево-братской школы. Прямыхъ свидѣтельствъ того времени объ этомъ нѣтъ. Мы сдѣлали ссылку на пріѣзжавшаго въ Кіевъ въ 1654 г. съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ діакона Павла Алеппскаго, который говоритъ, что видѣлъ въ кіево-софійскомъ митрополичьемъ домѣ портретъ патріарха Іереміи въ числѣ портретовъ другихъ восточныхъ патріарховъ, и замѣтилъ, что такой обычай въ той *странѣ*—списывать портреты съ патріарховъ въ томъ видѣ, какъ они посѣщали ее. Г. Голубевъ говоритъ, что это не доказательство, что страна не городъ, что Іеремія былъ только въ западнорусской странѣ, но не въ Кіевѣ, что портретъ могъ быть снятъ

съ него въ другомъ мѣстѣ и присланъ въ Кіевъ. Дѣйствительно, Павелъ діаконъ въ указанномъ нами мѣстѣ не говоритъ, чтобы патріархи, портреты которыхъ онъ видѣлъ, посѣщали именно Кіевъ; но говоря, что они посѣщали *эту страну*, безъ сомнѣнія онъ разумѣлъ то мѣсто, въ которомъ тогда находился самъ, т. е. *страну* кіевскую. Г. Голубевъ прибавляетъ, что о посѣщеніи Кіева патріархами антіохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ того времени; но, скажемъ мы, нѣтъ и тоговременныхъ указаній на то, что они не были здѣсь. Что до Іереміи, то на чемъ нибудь основывали свое мнѣніе о посѣщеніи имъ Кіева въ 1589 г. составители академической записки 1765 году, на чемъ нибудь основывалъ свое извѣстіе о томъ-же россійскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ, на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ кіевской академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ кіево-братскаго монастыря и его училища, не дошедшіе до насъ, и кое-что могли слышать о семъ отъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей кіевской академіи.—Г. Голубевъ слѣдитъ путь патріарха Іереміи въ Москву и изъ Москвы, съ цѣлію доказать, что онъ не могъ быть въ Кіевѣ; но изъ его-же свѣдѣній видно, что изъ обратнаго пути Іереміи болѣе двухъ мѣсяцевъ приходится на пребываніе его въ Замостьѣ. Точно-ли и жилъ онъ все это время въ Замостьѣ? Вѣдь главною цѣлью его путешествія былъ сборъ пожертвованій на патріархію. Можно-ли допустить, чтобы патріархъ столь долгое время сидѣлъ безъ дѣла въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ и прежде уже былъ? Естественно-ли вообще думать, чтобы въ это или иное время патріархъ не посѣтилъ г. Острога, гдѣ была резиденція богатѣйшаго и могущественнѣйшаго защитника православныхъ князя Константина Острожскаго, и Кіева, бывшаго все-же главнымъ городомъ воеводства, важнымъ торговымъ пунктомъ и, по своей святынѣ, опорой православія въ Украйнѣ?

По вопросу о времени учрежденія кіевскаго братства г. Голубевъ въ окончательномъ своемъ выводѣ утверждаетъ, что кіевское братство сформировалось около 1615 года; но раньше этого гово-

рить, что «братство не сформировалось еще окончательно въ то время, когда фундація Гальшки Гулевичевой приводима была въ исполненіе», т. е. въ 1615 г., и допускаетъ даже, что «нѣкоторое, очень непродолжительное время оно существовало уже при одной изъ кіево-подольскихъ церквей», словомъ: склоняется болѣе къ тому, что братство учредилось и существовало раньше 1615 года, а слѣдовательно онъ не стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ нашимъ мнѣніемъ о существованіи кіевскаго братства въ 1589 г., т. е. за 25 лѣтъ до записи Гальшки Гулевичевой. Мы не хотимъ однако пользоваться противорѣчіемъ въ словахъ г. Голубева, мы беремъ его окончательный выводъ, что кіево-богоявленское братство сформировалось около 1615 г. На чемъ основанъ этотъ выводъ? Г. Голубевъ ссылается на «Братскій уписъ». Но «уписъ» кіевскихъ братчиковъ, помѣщенный во 2-мъ томѣ Памятниковъ кіевской коммиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ-же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, но отнюдь не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаіи Копинскаго, ни Іова Борецкаго, которые безъ сомнѣнія принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаіи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще въ Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ лаврской школѣ Петра Могилы [1]).

Напрасно также г. Голубевъ полагаетъ, что пожертвованіе Анною Гулевичевою своего двора сдѣлано не кіевскому братству, а «состоялось подъ вліяніемъ кіево-печерской лавры». О кіево-печерской лаврѣ въ записи нѣтъ и помину, между тѣмъ дворъ жертвуется не только для школы, но подъ гостинницу и богадѣльню, подъ такія учрежденія, которыя, какъ извѣстно, вѣдало тогда не школьное начальство, а церковныя братства; значитъ завѣщаніе Анны Гулевичевой необходимо даже предполагаетъ существованіе братства. И дѣйствительно братство не только существовало въ 1615 г. во время этой записи, но самая запись эта дана не кому иному, какъ братству, или, говоря словами записи, «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго *духовнымъ и свѣт-*

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, т. 2, стр. 97.

скимъ въ повѣтехъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго». Г. Голубевъ, не желая подъ духовными и свѣтскими здѣсь лицами видѣть братчиковъ, говоритъ, будто «во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ», т. е. братствомъ. Но мы можемъ указать по крайней мѣрѣ три такихъ документа, именно: письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ-же къ московскому думному дьяку Ивану Грамотину отъ тогоже числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 17 января 1626 г. Ни въ одномъ изъ этихъ документовъ братчики не называютъ себя «братствомъ», но братіями духовными свѣтскими; такъ въ подписи подъ первымъ письмомъ значится: «всѣ о Христѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго *духовныи*, купно и *мирстіи*»; во второмъ «всѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго, *духовные* и *свѣтскіи*»; въ третьемъ «всѣ о Христѣ братія церковнаго соединенія при храмѣ Богоявленія въ Кіевѣ[1]»). Если-же въ записи Гулевичевой не видѣть упоминанія о братчикахъ по отсутствію въ ней слова «братство», то возникаетъ неразрѣшимое недоумѣніе, кому-же дается эта запись? Кто владѣлецъ будущій фундаціи? Кто будетъ вѣдать богадѣльню, гостинницу и школу? Скажутъ: монастырь? Но, по мнѣнію гг. Малышевскаго и Голубева, въ 1615 году братскаго монастыря еще не было, онъ является у нихъ только съ 1620 г., съ прибытіемъ въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Г. Голубевъ свое мнѣніе о сформированіи богоявленскаго братства въ 1615 г. основываетъ еще на фразѣ: «*начинаемъ* братство церковное», употребленной въ «уписѣ» кіевскаго братства. Но, какъ замѣчено выше, этотъ «уписъ» не 1615 года, а 1631 года. Слово *начинаемъ* было стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ «уписовъ», а патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ нерѣдко давали благословеніе и утвержденіе братствамъ не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, безъ упоминанія о томъ и другомъ. Такъ въ 1606 году львовскій епископъ Гедеонъ Бала-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, Приложенія, стр. 554, 556 и 573.

баномъ благословенною грамотой утвердилъ замостьское братство, учрежденное при церкви св. Николая славетнымъ паномъ Ѳедоромъ Волосовичемъ до вступленія Гедеона на львовскую каѳедру и имѣвшее уже грамоту патріаршую на греческомъ языкѣ, «служащую тому братству св. Николая»[1]). Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 г. константинопольскимъ патріархомъ Іеремією; но объ ней въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается. Патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, утвердилъ уставъ виленскаго братства, которое раньше сего, въ 1588 года, было утверждено константинопольскимъ патріархомъ Іереміею. «Чинъ» этого братства напечатанъ былъ въ томъ-же 1588 г. въ Вильнѣ, хотя не дошелъ до насъ. Тотъ-же патріархъ Ѳеофанъ въ томъ-же 1620 году благословилъ и утвердилъ *слуцкое* братство, основанное за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, *могилевское* братство, учрежденное въ 1588 году со школою и съ коллегією ученыхъ и проповѣдниковъ, по грамотѣ испрошенной у патріарха Іереміи въ Вильнѣ и имѣвшее еще утвердительную грамоту отъ патріаршаго протосинкела Никифора, данную въ Варшавѣ 1597 года, и *луцкое* братство на Волыни, сформировавшееся предъ тѣмъ[2]). *Люблинское* братство имѣло привилей королевскій, писанный на пергаменѣ русскимъ письмомъ, раньше своего утвержденія, испрошеннаго въ 1594 г. у митрополита кіевскаго Михаила Рагозы[3]). Такимъ образомъ утвержденіе братства патріаршею или митрополичьей грамотами не служитъ еще датой, опредѣляющей его начало. Съ другой стороны извѣстно, что братства гораздо древнѣе XVII вѣка, хотя прежде они имѣли нѣсколько иной характеръ, будучи болѣе церковными и благотворительными, чѣмъ просвѣтительными учрежденіями. Существованіе львовскаго братства относятъ къ первой половинѣ XV в. Греки еще въ 1498 г. устроили въ Венеціи братскій домъ во имя св. Николая. Особенную извѣстность пріобрѣло братство на островѣ

[1]) «Кіевская Старина», 1882 г., мѣсяцъ іюль, стр. 29—30 и 153, гдѣ напечатана и грамота Гедеона Балабана.

[2]) Исторія русской церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 246—247. Петръ Могила. С. Голубева, т. I, Приложенія, стр. 254—255.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, стр.

Корфу [1]). Отъ чего-жъ не явиться братству раньше XVII вѣка и въ Кіевѣ, который всегда имѣлъ сношенія и съ Львовымъ и съ Греціей? Хотя кіевскіе митрополиты въ XVI вѣкѣ жили не въ Кіевѣ, а близь Вильны—въ Новогрудкѣ, но Кіевъ считался по прежнему ихъ стольнымъ городомъ, а св. Софія кіевская ихъ каѳедрою; при ней находились митрополичіе намѣстники, собиравшіе и доходъ съ земельныхъ митрополичьихъ здѣсь угодій, а потому *чинъ виленскаго церковнаго братства*, напечатанный въ 1588 г. по благословенію митрополита кіевскаго Онисифора и распространенный по юго-западной Россіи въ такомъ числѣ, что 30 экземпляровъ онаго получено было въ одномъ Львовѣ, не могъ не быть извѣстнымъ тогда-же въ Кіевѣ. Могъ-ли онъ не встрѣтить себѣ сочувствія въ кіевскихъ гражданахъ и примѣненія въ тоже время, а не спустя уже 25 лѣтъ? Если вся Литва и Бѣлоруссія къ концу XVI вѣка была уже усѣяна братствами, если около того времени они существовали не только въ болѣе значительныхъ, но и въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской митрополіи, каковыми были: Брестъ, Красноставъ, Бѣльскъ, Слуцкъ и др., то быть не можетъ, чтобы тогда не было братства и въ Кіевѣ. Изъ грамоты патріарха Ѳеофана отъ 17 мая 1620 года видно, что въ бытность его въ Кіевѣ учреждено только *младенческое*, или младшее братство, «*старѣйшему* братству единомысленное и повинующееся», какъ говорится въ упомянутой грамотѣ. Когда-же учреждено это *старѣйшее* братство? Кіевскіе братчики въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г. прописываютъ, между прочимъ, что они «въ единство любви и въ тождество духа совокупились благословеніемъ и *грамотнымъ* утвержденіемъ вселенскаго патріарха *константинопольскаго*», а это ясно указываетъ на начало кіевскаго братства отъ константинопольскаго патріарха Іереміи, ибо никакой грамоты на это дѣло не привозили къ нимъ отъ константинопольскаго патріарха Тимофея ни самъ патріархъ Ѳеофанъ, ни экзархъ константинопольскаго патріарха. Вѣроятно, эта грамота сгорѣла въ пожаръ 1614 года. Наконецъ если въ грамотѣ патріарха Ѳеофана 1620 г. видѣть начальное утвержденіе кіевскаго братства;

[1]) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. И. Малышевскаго, т. I, стр. 40, 509 – 510.

то съ равнымъ правомъ надлежало-бы относить учрежденіе этого братства еще къ позднѣйшему времени—къ 1629 году, въ которомъ польскій король Сигизмундъ III грамотой объявилъ: «мы король на основаніе братства милосердія въ г. Кіевѣ на грунтѣ Лозкиной-Гулевичевой, и богадѣльни, и на устроеніе церкви соизволяемъ [1])».

Время построенія въ Кіевѣ, на Подолѣ, богоявленской церкви, при которой учреждалось братство, основался монастырь и заведена школа, г. Голубевъ относитъ къ 1615 г. и дѣлаетъ это не на основаніи какого-либо историческаго свидѣтельства, а по простому соображенію, что разъ учреждено было братство и получило фундушъ отъ Анны Гулевичевой, то не могло-же оно не позаботиться о постройкѣ церкви. Но какъ быть съ противорѣчащими сему двумя прямыми указаніями, именно: упоминаніемъ о богоявленской церкви въ описи кіевскаго замка 1555 года и извѣстіемъ грамоты патріарха Θеофана 1620 года о строившейся въ его пріѣздъ церкви Богоявленія, между тѣмъ какъ самъ онъ имѣлъ служеніе также въ богоявленской церкви? Первое свидѣтельство г. Голубевъ отстраняетъ тѣмъ предположеніемъ, что существовавшая въ 1555 года церковь сгорѣла во время пожара 1614 года, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ссылку на исторіографа Миллера, котораго извѣстію о началѣ кіевскаго братства и школы въ 1589 году онъ не вѣритъ. Но что-нибудь одно: нужно вѣрить или не вѣрить сообщенію Миллера. Если не вѣрить, то за чѣмъ на него и ссылаться? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что ни Миллеръ, ни Рубанъ, ни митрополитъ Евгеній не говорятъ, чтобы во время этого пожара сгорѣла богоявленская церковь. А если она существовала и позже—въ 1620 году, если въ ней служилъ и совершалъ архіерейскія хиротоніи патріархъ Θеофанъ въ томъ-же году, то нѣтъ сомнѣнія, что не она сгорѣла за 5 лѣтъ предъ тѣмъ, а сгорѣли только жилыя, бывшія при ней постройки. Что касается извѣстія грамоты патр. Θеофана о новозаложенной предъ его прибытіемъ богоявленской церкви, которое не согласуется съ мнѣніемъ г. Голубева о построеніи въ 1615 г. братской того-же имени церкви, то это противорѣчіе Голубевъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдняя церковь строи-

---

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. 2, стр. 86—90.

ена была, безъ сомнѣнія, на скорую руку и не могла удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства». Отъ чего-же на скорую руку? Церквей обыденныхъ и на скорую руку въ юго-западной Руси не строили, и если кіевскому братству въ 1620 г. потребовалось заложить новую церковь, то, конечно, за обветшаніемъ прежней отъ давности. Эта новая трехъ-престольная церковь, заложенная при участіи гетмана Сагайдачнаго и на основаніе которой «даровано первѣе отъ щедротныя и благоподатливыя десницы царской», была конечно обширнѣе и великолѣпнѣе первой; но все-же въ постройкѣ ея не представлялось надобности, если менѣе чѣмъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ была построена уже церковь.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно въ особенности то, что какъ первая, такъ и послѣдняя богоявленскія церкви носили названіе «братскихъ» церквей; такъ первую называетъ братскою Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ кіевскихъ школъ въ 1622 г., а послѣднюю такъ называютъ сами братчики въ письмѣ къ московскому дьяку Грамотину.

Относя къ 1615 году построеніе богоявленской церкви, при которой получила свое начало школа—будущая академія, г. Голубевъ начало кіево-братскаго монастыря не допускаетъ даже и въ это, довольно позднее время. Онъ думаетъ, что Анна Гулевичева въ своей записи 1615 года выражаетъ лишь желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушѣ былъ устроенъ монастырь ставропигіальный, и прибавляетъ: «большаго вывода изъ этой записи и сдѣлать нельзя». Въ самомъ изслѣдованіи Голубева находятся два опредѣленныя, хотя и противорѣчащія другъ другу, давнія мнѣнія о времени устроенія кіево-братскаго монастыря. Такъ, въ исторической запискѣ 1773 г. о началѣ кіевской академіи говорится, что «гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христолюбцами вновь своимъ иждивеніемъ церковь и *обитель* богоявленскую воздвигъ», и въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на грамоту іерусалимскаго патріарха Паисія, бывшаго въ Кіевѣ въ 1649 году; а составители такой-же записки 1765 года, «по соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ», полагали, что кіево-братскій «монастырь со школою заложенъ въ 1588 году патріархомъ Іеремією, когда онъ былъ въ Россіи». Первое мнѣніе исключаетъ собою второе; но оно опирается на такомъ документѣ, который не имѣлъ въ виду исто-

рической точности въ передаваемомъ имъ случайно свѣдѣніи и потому этому мнѣнію нельзя отдать предпочтенія предъ другимъ, болѣе давнимъ. Тѣ «нѣкоторыя обстоятельства», которыя соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—89 г., въ пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи, и исходя въ своихъ соображеніяхъ о прошломъ отъ современнаго имъ положенія, въ которомъ не академія содержала монастырь, но монастырь распоряжался школою, содержалъ ее и училъ въ ней, пришли къ заключенію, что монастырь заложенъ одновременно со школою въ 1588 г. Но если въ такомъ вопросѣ руководствоваться не одними соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными, а прямыми историческими указаніями, то и въ такомъ случаѣ начало кіево-братскаго монастыря нельзя относить позже 1615 года, какъ это дѣлаетъ почтенный нашъ возражатель. Въ 1625 году кіевскіе братчики писали думному дьяку Грамотину, между прочимъ, слѣдующее: «мы, братство сотворше, *монастырь* инокомъ и церковь Богоявленія Господня..... *здати* начахомъ». А какъ церковь, о которой писали братчики и на окончаніе которой они просили теперь царскаго пособія, несомнѣнно начата постройкою до 1620 года то изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что и кіево-братскій монастырь существовалъ до 1620 годавъ которомъ, въ пріѣздъ патріарха Ѳеофана, получилъ подтвержденіе права ставропигіи. Когда-же именно онъ основанъ? Въ записи Анны Гулевичевой говорится, что она тогда-же, т. е. 15 октября 1615 г., въ пожертвованный ею братству дворъ ввела священноинока Исаію Купинскаго и прочихъ *монашествующихъ,* передавъ этотъ дворъ имъ, равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, т. е. судебнымъ порядкомъ. Итакъ, не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что монастырь на нынѣшнемъ братскомъ дворѣ получилъ свое начало никакъ не позже 15 октября 1615 г., если не видѣть въ словахъ завѣщательницы того, что она перевела раньше существовавшій монастырь съ прежняго его мѣста въ свой дворъ. Если понимать слова завѣщанія въ прямомъ смыслѣ, то слѣдуетъ полагать, что основателями кіево-братскаго монастыря были кіевскіе братчики, обыватели

кіевскаго воеводства, которые и въ актѣ 30 декабря 1631 г., признающемъ Петра Могилу главнымъ распорядитетелемъ кіевскихъ школъ, называютъ кіево-братскую церковь своею, «нашею» [1]).

Понятно само собою, что когда рѣчь идетъ о началѣ кіевской академіи, явившейся первоначально въ видѣ братской школы при богоявленской церкви и братскомъ монастырѣ, то всѣ изслѣдованные доселѣ вопросы о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею, объ учрежденіи кіевскаго братства, о построеніи богоявленской церкви и основаніи кіево-братскаго монастыря имѣютъ значеніе лишь сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи, или кіево-братско-богоявленской школы. Почтенный нашъ оппонентъ, рѣшая всѣ эти вопросы заразъ, только отчасти касается вопроса собственно *объ учрежденіи самой школы* — будущей академіи, ограничиваясь однимъ бездоказательнымъ предположеніемъ, что «школа, введенная Гулевичевою въ ея дворъ, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора» (стр. 30). Г. Голубевъ думаетъ, что *учредителемъ кіевской школы* было не братство, а Елисей *Плетенецкій* (1594—1624 г.), и это потому только, что въ надгробномъ словѣ Захарія Копыстенскій назвалъ Плетенецкаго «школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливымъ создателемъ». Но если основываться на одной любви вліятельнаго лица къ просвѣщенію, то почему основателемъ богоявленской школы не считать скорѣе кіевскаго воеводу Константина Острожскаго (1557—1608), учредившаго въ г. Острогѣ школу высшихъ наукъ около 1570 года, а въ 1602 г. устроившаго училище съ типографіею въ Дермани? Вѣдь это былъ, помимо всего, воевода кіевскій, и въ дѣлахъ Кіева принималъ живое участіе. Въ 1603 г. онъ утвердилъ для Кіева протопопа Іоанна Мужиловскаго, въ 1605 г. назначилъ изъ Острога въ кіево-кириловскій монастырь игумена Василія Красовскаго, а раньше въ 1599 году прислалъ въ Межигорье съ двумя иноками па игуменство воспитавшагося въ г. Острогѣ Аѳанасія, обновившаго древній межигорскій монастырь, надѣлялъ угодьями кіево-михайловскій мо-

---

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. II, № 8.

пастырь и даже новопосвященному изъ сенаторовъ владимірскому епископу Ипатію Потѣю совѣтовалъ, въ 1593 году, позаботиться «о закладаньи школъ и наукъ вольныхъ». Если-бы Елисей Плетенецкій хотѣлъ завести въ Кіевѣ училище, то первѣе всего онъ завелъ-бы таковое въ кіево-печерской лаврѣ, подобно Петру Могилѣ, который, только уваживъ просьбы кіевскихъ братчиковъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласился соединить открытое имъ въ 1631 году въ лаврѣ училище съ кіево-братскимъ на Подолѣ. Впрочемъ то вѣрно, что училище братское существовало въ Кіевѣ до 1615 года, хотя съ меньшимъ курсомъ, чѣмъ послѣ 1615 года, и достаточнымъ доказательствомъ сего служитъ уже одно то, что училище, существовавшее только in spe,—*будущее*, какъ назвалъ его И. И. Малышевскій, не могло быть введено въ дворъ Гулевичевой-Лозкиной 15 октября 1615 г. судебнымъ порядкомъ, при возномъ и при свидѣтеляхъ, а въ ея записи значится: «ввожу и ввела въ свой дворъ школу при возномъ и свидѣтеляхъ». Кажется, противъ этого возражать нечего. Потому нѣтъ основанія отвергать и вѣрность передаваемаго исторіографомъ Миллеромъ свѣдѣнія о томъ, что зданіе кіево-братской школы сгорѣло въ 1614 году и что этотъ печальный для братства случай былъ поводомъ къ пожертвованію Лозкиной-Гулевичевой.

Заканчивая нашъ отвѣтъ С. Т. Голубеву, замѣтимъ еще, что напрасно онъ въ состояніи Кіева въ концѣ XVI ст. усматриваетъ невозможность учрежденія училища до 1615 года, когда училища были уже въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ. Онъ старается подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ 1546 году кіево-софійскій соборъ, по свидѣтельству католическаго бискупа, былъ въ запустѣніи, что кіевскіе братчики въ «уписѣ» называютъ себя «пребывавшими въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской»; что самая печерская лавра не имѣла тогда ни училища, ни типографіи, ни богадѣльни. Но въ запустѣніи въ половинѣ XVI ст. стоялъ не одинъ софійскій соборъ, а и другіе древніе храмы такъ называемаго стараго Кіева и не отъ нерадѣнія кіевлянъ, не отъ упадка его жителей въ нравственномъ отношеніи, а отъ того, что этотъ старый Кіевъ, оставленный митрополитами и князьями вслѣдствіе постоянныхъ нападеній и разореній татарскихъ, разбѣжался и почти не имѣлъ жителей; одни изъ нихъ переселились на Подолъ, подъ защиту литовскаго замка на г. Киселевкѣ,

другіе удалились въ болѣе безопасную лѣсистую мѣстность. Но въ послѣднюю четверть XVI вѣка эта древняя часть города стала опять заселяться по вызову кіевскаго воеводы, князя Константина К. Острожскаго, который «на горѣ, подлѣ Софіи, межи валы, вкопалъ столбъ и зазывалъ на слободу». И возстановленіе кіевскихъ храмовъ начато было, какъ извѣстно, въ то-же время. Въ 1577 г. софійскій намѣстникъ Богушъ-Гулькевичъ-Глѣбовскій «своими власными пѣнязьми учинилъ не малый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрылъ и побилъ», какъ значится въ грамотѣ митрополита Ильи Кучи [1]). Кіево-михайловскій монастырь началъ возобновляться еще раньше, почти съ начала XVI вѣка; затѣмъ приступлено къ возобновленію и древнихъ загородныхъ монастырей: кирилловскаго, межигорскаго, выдубицкаго. Смиренные о себѣ отзывы братчиковъ не слѣдуетъ обращать въ обвинительный актъ противъ всѣхъ граждапъ Кіева. Отсутствіе училища и другихъ учрежденій при печерской лаврѣ въ XVI вѣкѣ не можетъ давать основанія заключать о томъ, чего не было въ городѣ Кіевѣ. Печерская лавра въ то время была загороднымъ мѣстомъ и къ городу не принадлежала, а у насъ рѣчь о городѣ Кіевѣ, который въ XVI вѣкѣ существовалъ только на Подолѣ. Вообще г. Голубевъ, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, бросаетъ Кіеву такой упрекъ, который въ равной мѣрѣ могъ относиться ко всей западной Россіи до 2-й половины XVI вѣка, если не принимать во вниманіе положеніе православной церкви подъ гнетомъ полонизма и католицизма и подъ страхомъ непрекращавшихся татарскихъ набѣговъ.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы по прежнему считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патр. Іереміи—личному или данному чрезъ депутатовъ, посланныхъ къ нему въ Замостье, а въ 1615 г. оно, со школою-же, перешло на новое, сосѣднее мѣсто, во дворъ, пожертвованный ему Гулевичевой-Лозкиной.

П. Л.

---

[1]) Описаніе кіево-софійскаго собора, 1882 г., стр. 81.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1]).

VI.

Люблинская унія съ ея правами не относилась къ Галицкой Руси, еще раньше завоеванной Казиміромъ III, съ которой поляки обращались, какъ обыкновенно побѣдители съ побѣжденными.

Законы составлялись для Литовской Руси. Правда Сигизмундъ Августъ незадолго до своей смерти уравнялъ также галицкую и подольскую шляхту съ польской; однако и послѣ того права уніи городельской и люблинской распространялись только на русскую шляхту, исповѣдывавшую латинскій обрядъ, а православная шляхта исключена была отъ урядовъ и должностей.

Поэтому въ томъ-же 1569 году депутаты львовскіе Васько Тихоновичъ и Хома Бабичъ, основываясь на актѣ соединенія, обратились къ королю съ такою петиціею, что русскіе всѣхъ польскихъ провинцій имѣютъ теперь равныя права съ поляками, а потому несправедливо, чтобы русскіе г. Львова лишались этихъ правъ. На варшавскомъ сеймѣ 1572 года 20 мая они получили дипломъ, по которому львовскіе жители, исповѣдывавшіе восточный обрядъ, пользуются равнымъ почетомъ, правами и привилегіями съ послѣдователями латинскаго обряда и могутъ производить всякую торговлю; запрещалось также, подъ штрафомъ въ 20,000 злот. венгерскихъ, притѣснять или преслѣдовать какъ

---

[1]) См. январьск. кн. «Кіевская Старина», 1885 г., стр. 19—56.

ихъ самихъ, такъ и русское духовенство. Однако эта привилегія не была приведена въ исполненіе; король вскорѣ умеръ, а русскіе обыватели г. Львова терпѣли многочисленныя преслѣдованія.

Генрихъ Валуа подтвердилъ этотъ дипломъ своего предшественникъ, но рада города Львова, состоявшая изъ однихъ католиковъ, не хотѣла и слышать о томъ. Русскіе внесли въ урядъ протестацію, на которую радцы не обратили вниманія, когда-же они, во время ярмарки 1575 г. хотѣли публично продавать свои товары, бурмистры приказали разобрать ихъ лавки, а купца Дмитрія Красовскаго арестовать и подвергнуть штрафу. Дѣло представлено было на судъ короля Стефана, который самъ въ 1577 г. подтвердилъ было упомянутый дипломъ. Король рѣшилъ, что русскіе имѣютъ право продавать свои товары только во время ярмарки и то путемъ розвичной продажи. Такимъ образомъ дипломъ Сигизмунда Августа, добытый съ большими препятствіями, издержками и усиліями, подтвержденный двумя королями, былъ уничтоженъ при третьемъ.

Говорить о благодѣяніяхъ люблинской уніи въ особенности для Галицкой Руси можетъ только тотъ, кто не знаетъ польской исторіи, или же упорствуетъ, поддерживая это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія борьба двухъ противоположныхъ между собою элементовъ—польскаго и русскаго въ Червоной Руси. Край этотъ былъ ареной, на которой прежде всего столкнулись русскія и польскія силы, онъ былъ предметомъ споровъ въ теченіи девяти вѣковъ, какимъ остается и до настоящаго времени. Наводненная поляками Червоная Русь первая выработала идею церковныхъ братствъ; она дольше всего удерживала православіе и позже всего приняла унію. Правда, она произвела Жолкевскаго, Собѣскаго и др., но изъ нея-же происходили: Петръ Сагайдачный, Іоаннъ Вишенскій и т. п.

Послѣдствія люблинской уніи оказались еще менѣе благопріятными, вслѣдствіе новаго поворота въ сферѣ религіозныхъ отношеній. Для поддержанія католической церкви кардиналъ Гозіусъ водворилъ въ Польшѣ іезуитовъ и въ 1566 г. основалъ для нихъ коллегію въ Варміи, а въ 1569 г. виленскій епископъ Валерій Протасевичъ вызвалъ ихъ въ Вильно. Іезуиты основали свои коллегіи въ Познани, Пултускѣ, Вильнѣ и т. д. и вновь насаждали въ по-

лякахъ религіозную нетерпимость, которая, какъ гидра, до конца терзала Польшу, потому что іезуиты, ослабивъ протестантскую партію, всю свою энергію обратили на борьбу противъ православія.

Такимъ образомъ къ политической централизаціи, введенной посредствомъ люблинской уніи, прибавилась еще религіозная нетерпимость, окончательно сгубившая Польшу. Поэтому мы не отрицаемъ важность люблинской уніи и напротивъ приписываемъ ей огромное значеніе—это была одна изъ причинъ упадка Польши. Вслѣдствіе принесенія Руси въ жертву Польшѣ и происшедшихъ отсюда столкновеній, составныя части Рѣчи Посполитой до такой степени взаимно ослабились, что уже Янъ Казиміръ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 г., былъ въ состояніи предсказать раздѣлъ Польши.

VII.

По смерти Сигизмунда Августа преемникомъ ему избранъ былъ Генрихъ Валуа. Король этотъ пробылъ на польскомъ тронѣ слишкомъ мало, чтобы можно было сказать о немъ что нибудь положительное. Слѣдуетъ развѣ вспомнить только о томъ, что онъ первый присягнулъ на такъ называемыхъ *pacta conventa,* гдѣ между прочими статьями значилось: «никто не можетъ подвергаться наказаніямъ или преслѣдованіямъ за вѣроисповѣданіе», т. е. иными словами это означало, что диссиденты будутъ оставлены въ покоѣ.

Диссидентами называли всѣхъ иновѣрцевъ, но подъ этимъ именемъ слѣдуетъ по преимуществу разумѣть православныхъ русскихъ, которые были многочисленнѣе другихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно-ли права и привилегіи диссидентовъ считались неприкосновенными въ Польшѣ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ разумный политикъ, Стефанъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, а напротивъ даже бралъ ихъ подъ защиту. Онъ говорилъ обыкновенно: «я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстью». Когда Баторію представляли всѣ выгоды отъ соединенія русской церкви съ римскою для политической цѣльности и усиленія Рѣчи Посполитой, онъ не поддался этимъ наговорамъ и сказалъ въ отвѣтъ слѣдующія памятныя слова: «Благодаримъ Бога за то, что вступивши на польскій престолъ,

мы нашли великій и сильный русскій народъ въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У нихъ одни желанія, они равны между собою и взаимно уважаютъ другъ друга; между ними нѣтъ непріязни. Богослуженіе совершается спокойно и безпрепятственно въ римскихъ костелахъ и въ русскихъ церквяхъ. Мы радуемся такому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ объединенію двухъ церквей. Мы не знаемъ, что можетъ возникнуть и вырости изъ такого положенія дѣлъ, но думаемъ и признаемъ, что въ случаѣ принужденія возникнетъ только непріязнь и борьба между Русью и Польшей, вмѣсто единенія и согласія, и послѣдуетъ паденіе и гибель обоихъ народовъ».

Впрочемъ вліяніе католическаго духовенства на Руси было еще незначительно; ксензовъ было такъ мало, что не только въ кіевской землѣ, но и на Волыни русскіе священники крестили польскихъ дѣтей, пріобщали больныхъ и погребали умершихъ поляковъ, которые не дѣлали большаго различія между католическими и русскими священниками. Іерархія латинская считала необходимымъ выпросить у Баторія универсалъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія православнымъ епископамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла католиковъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ короля Баторія ясно, что онъ предвидѣлъ тѣ бѣдствія, какія должны были наступить въ Польшѣ вслѣдствіе нетерпимости, и указывалъ, что она можетъ повести за собою гибель обоихъ народовъ. Но этотъ разумный король не предвидѣлъ, что орденъ іезуитовъ, которому онъ отдалъ виленскую академію и другія школы, вмѣсто распространенія просвѣщенія занялся впослѣдствіи исключительно преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и что именно этотъ орденъ произвелъ упадокъ, который предвидѣлъ Баторій. Послѣ завоеванія Полоцка въ 1580 г. Баторій, по просьбѣ іезуита Скарги, отобралъ имѣнія четырнадцати русскихъ монастырей и церквей и подарилъ ихъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ.

Въ 1582 г. введенъ новый грегоріянскій календарь. Согласно съ планами іезуитовъ въ слѣдующемъ году прислана львовскому бурмистру королевская грамота, запрещавшая православнымъ заниматься ремеслами и торговлею въ праздничные дни по новому календарю; іезуиты расширили это запрещеніе и на празд-

ники, чествуемые по старому календарю. Дѣйствуя по обыкновенію скрытно, они преслѣдовали православіе черезъ посредство львовскаго латинскаго архіепископа Суликовскаго. Тотъ поручилъ это дѣло своему брату Войцѣху, который наканунѣ русскаго праздника Рождества Христова ходилъ по церквямъ и монастырямъ въ сообществѣ канониковъ львовской капитулы и вооруженныхъ людей, изгонялъ народъ, вытаскивалъ священниковъ изъ алтарей, не дозволяя оканчивать богослуженіе и наконецъ запиралъ и опечатывалъ церкви.

Русскіе мѣщане, сильно оскорбленные такимъ поступкомъ, сорвали печати съ церковный дверей и, вмѣстѣ со своимъ епископомъ Балабаномъ, подали жалобу королю. Жалоба могла-бы имѣть непріятныя для Суликовскаго послѣдствія, такъ какъ здѣсь замѣшанъ былъ интересъ Балабана, принадлежавшаго къ знатному роду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 года Баторій дозволилъ русскимъ сохранить прежній календарь и запретилъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе подъ угрозою тяжкихъ наказаній. Однако тотъ-же самый король еще въ 1578 году запретилъ православнымъ публично и торжественно хоронить своихъ покойниковъ.

Со смертью Баторія оканчивается для Польши то свѣтлое, общее прошлое, на которое такъ охотно привыкли ссылаться поляки; то было время, когда не слишкомъ еще допытывались, кто какого вѣроисповѣданія, а больше обращалось вниманія на то, кто какой гражданинъ. Русская кровь проливалась за польскіе интересы и православные паны, какъ князь Константинъ Острожскій и другіе, такъ горячо защищали Польшу потому, что въ ея лицѣ защищали собственную свободу. Вмѣстѣ съ жизнью Баторія заканчивается свѣтлая и счастливая эпоха польской исторіи.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о казни Подковы, потому что она также стоитъ въ связи съ политикою, какой держалась при Баторіи Польша по отношенію къ Руси.

Румынскій господарь Петръ угнеталъ молдаванъ. Братъ прежняго господаря, Ивони, поступилъ въ козаки, гдѣ за свою огромную силу былъ прозванъ Подковой, такъ какъ ломалъ подковы. Призванный на господарство частью молдаванъ, Подкова прогналъ Петра съ помощью козаковъ подъ предводительствомъ гетмана Шаха. На помощь изгнанному двинулся братъ Баторія Христофоръ,

господарь трансильванскій. Подкова возвратился на Украйну, но здѣсь попалъ въ ловушку къ полякамъ: ему посовѣтовали явиться къ королю, чтобы оправдать свой поступокъ, но король не принялъ Подковы, приказалъ заключить его въ тюрьму и впослѣдствіи казнить во Львовѣ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ казнь Подковы, была его популярность среди козаковъ. Занятый войною съ московскимъ государствомъ, король нуждался въ покоѣ со стороны Турціи и для того хотѣлъ попридержать козаковъ. Крупные землевладѣльцы, въ видахъ обогащенія, раздѣляли взглядъ короля, такъ какъ при такихъ условіяхъ турки не должны были разорять ихъ помѣстья своими набѣгами; напротивъ мелкая русская шляхта считала войны съ невѣрными выгоднымъ промысломъ и даже пограничные старосты не пренебрегали этими походами совмѣстно съ козаками, что давало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ съ турками.

VIII.

Теперь слѣдуетъ приступить къ разбору вопроса о козачествѣ, его происхожденіи и ростѣ на Украйнѣ и на Запорожьи, иначе трудно понять дальнѣйшую судьбу этого края. Украйна въ собственномъ смыслѣ обнимала всю юго-восточную часть Рѣчи Посполитой. По современнымъ понятіямъ поляковъ, козакъ—это разбойникъ или панскій слуга; даже въ литературѣ польской онъ не заслужилъ иной роли, кромѣ обязанности развозить панскія письма (Мальчевскій), напротивъ, для русскаго люда козакъ былъ идеаломъ свободнаго человѣка.

Начиная съ XV ст. недовольные жители Руси уходили въ степи, особенно на берега рѣкъ и днѣпровскіе острова, защищенные скалами, тростниками и болотами. Эти берега и острова представляли бѣглецамъ весьма выгодныя для поселенія мѣста, благодаря необыкновенному обилію рыбы, дичи и богатыхъ пастьбищъ. И такъ рыбная ловля и охота первоначально составляли главное занятіе бѣглецовъ. Но съ теченіемъ времени частыя стычки съ татарами выработали изъ этаго свободнаго населенія христіанское рыцарство, названное козаками, которыхъ походы уже не ограни-

чиваются мелкими схватками съ татарами или грабежемъ купеческихъ каравановъ,—ихъ главною цѣлью въ жизни становится война съ невѣрными; отсюда неожиданные набѣги на турокъ и въ особенности на татаръ, которыхъ грабили безъ милосердія за ту горькую долю, какую отъ нихъ терпѣла Русь.

Таково было происхожденіе козаковъ, т. е. легкихъ наѣздниковъ, свободныхъ и ненаемныхъ воиновъ, занимавшихся войною противъ мусульманъ. Процессъ роста козачества происходитъ при такихъ обстоятельствахъ: завоевавши Русь отъ татаръ, литовское правительство изгнало ханскихъ баскаковъ изъ русскихъ городовъ и селъ. Однако татары не отказались отъ своихъ обычаевъ и, въ особенности послѣ основанія отдѣльнаго крымскаго ханства, не имѣя возможности по прежнему собирать дань, дѣлали набѣги на русскія земли цѣлою ордою и захватывали не только имущество, уводили въ плѣнъ и самое населеніе.

Въ силу внутренняго литовскаго распорядка, князья и крупные паны въ русской землѣ были пограничными королевскими старостами. Первоначально паны эти скликали охотниковъ до военныхъ походовъ, водили ихъ противъ татаръ и пріучали къ военной службѣ. Въ первое время козаки были не болѣе, какъ старостинскою пограничною стражей; но выраженіе «ходить въ козаки» показываетъ, что козачество существовало также и независимо отъ пограничной службы.

Каждая козацкая группа звала своего предводителя гетманомъ (гетманствовать значило предводительствовать войсками), а вооруженная дружина называлась козаками. Такими гетманами были: Предславъ Лянцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, Богданъ Ружинскій и др.

Двое гетмановъ являются организаторами козацкаго сословія: Евстафій Дашковичъ, староста каневскій и черкаскій, и Предславъ Лянцкоронскій, староста хмѣльницкій. Часто пограничный староста держалъ себя, какъ удѣльный князь, и каждый изъ сосѣднихъ монарховъ заботился о дружбѣ съ нимъ, такъ какъ онъ могъ быть опасенъ каждому. Въ войнѣ между Польшею и Москвою Дашковичъ служилъ послѣдней, но впослѣдствіи, возвратившись въ Литву, получилъ въ управленіе два значительные замка—Черкасы и Каневъ, которые съ того времени становятся ядромъ козачества. Въ

1533 году онъ составилъ планъ защиты Украйны посредствомъ устройства на берегахъ Днѣпра постоянной стражи въ двѣ тысячи козаковъ, которые препятствовали-бы татарамъ переходить на правый берегъ Днѣпра. Дашковичъ предлагалъ этотъ проэктъ на сеймѣ въ Петроковѣ, но безъуспѣшно. Очевидно, Сѣчь еще не существовала.

Дмитрій Вишневецкій слѣдовалъ по стопамъ Дашковича: онъ значительно содѣйствовалъ развитію козачества, принимая всѣхъ желающихъ, и когда король отказалъ ему въ какомъ-то требованіи, грозилъ перейти на службу къ султану. Во время управленія Черкасами и Каневомъ Вишневецкій основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и, подобно Дашковичу, сражался противъ турокъ и татаръ. Въ январѣ 1557 г. ханъ осадилъ Хортицу, гдѣ Вишневецкій долгое время выдерживалъ осаду, пока наконецъ голодъ принудилъ его отступить къ Черкасамъ. Вишневецкій пытался завоевать для себя Молдавію, но впослѣдствіи, побѣжденный и принуждаемый къ принятію магометанства, погибъ въ Стамбулѣ, ругая Магомета и его вѣру.

Первоначально, до гетманства Ружинскаго, главное значеніе въ козацкомъ войскѣ принадлежало намѣстникамъ великаго князя литовскаго, но впослѣдствіи князь Богданъ Ружинскій становился выше всѣхъ другихъ предводителей и не столько военными подвигами, сколько благодаря братскому отношенію къ козакамъ. Всѣ прежніе намѣстники великаго князя смотрѣли на козаковъ съ высоты панскаго величія, считали козацкія общества не болѣе, какъ вооруженною крестьянскою семьею, и на самихъ козаковъ смотрѣли какъ на своихъ крѣпостныхъ слугъ; но Ружинскій, по козацки предводительствовавшій козаками въ походахъ, отказался отъ панской роскоши и въ своей домашней жизни; онъ предоставилъ козакамъ свободную раду, нимало не ограничивая ее своимъ правомъ намѣстника. Такимъ образомъ русское общинное право начинаетъ укрѣпляться среди козаковъ; вотъ почему козаки изъ другихъ округовъ начинаютъ стекаться подъ знамена Ружинскаго. Тогда паны весьма настойчиво начинаютъ докучать королю жалобами на произволъ козаковъ, вслѣдствіе чего король хотѣлъ было снова подчинить ихъ власти намѣстниковъ, но принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ и не препятствовать ихъ устройству, такъ какъ Ружинскій съ козаками много помогалъ ему противъ турокъ. Съ тѣхъ

поръ какъ Ружинскій объединилъ козаковъ подъ одну гетманскую булаву, козачество почувствовало себя силой и стало считать себя свободнымъ сословіемъ, которое не отбываетъ никакихъ податей и повинностей и знаетъ одну только военную службу. Съ того времени козачество развиваетъ для себя громадское управленіе и самосудъ; козаки начинаютъ сами выбирать себѣ гетмановъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, состояніе и расположеніе короля. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гетмановъ и не титулованныхъ, какъ: Шахъ, Подкова, Скалозубъ и др.—Козаки селились по обоимъ сторонамъ Днѣпра., заселяя территорію нынѣшнихъ губерній: кіевской, полтавской и южной части подольской.

Первоначальной задачей козачества было—слѣдить за движеніями татаръ и препятствовать имъ переходить за Днѣпръ. Однако польское правительство не оказало поддержки ни Дашковичу въ его проектѣ объ учрежденіи сильной стражи на Днѣпрѣ, ни князю Вишневецкому во время его небезопаснаго пребыванія на островѣ Хортицѣ. Янъ Орышовскій, бывшій запорожскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, готовъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, какъ видно изъ его словъ, записанныхъ Бѣльскимъ: «если-бы построить замки на днѣпровскихъ островахъ, то не лазили-бы къ намъ татары, мы могли-бы отнять у нихъ все поднѣпровье, если-бы только захотѣли, но мы предпочитаемъ отражать ихъ у Самбора».

Итакъ, оборона границъ зависѣла отъ доброй воли козаковъ. Охраняя «татарскіе шляхи», они были весьма полезны польскому правительству, поэтому-то короли дѣлали имъ уступки и не считали ихъ опасными. Между тѣмъ козачество распространяется все дальше и дальше, охватываетъ своими поселеніями цѣлую Кіевщину, Брацлавщину и Черниговщину, однимъ словомъ все, гдѣ только встрѣчались свободныя мѣста на Украйнѣ. Козаки жили въ городахъ, хуторахъ и усадьбахъ. Съ теченіемъ времени городскіе жители раздѣлились на мѣщанъ и козаковъ, первые назывались «послушными», вторые «непослушными или городовыми козаками».

Во времена литовскихъ намѣстниковъ и ихъ бояръ воля народа на Украйнѣ не имѣла значенія. Впослѣдствіи Польша надѣлила бояръ шляхетскими правами и отсюда получила начало шляхетская юрисдикція; но, по мѣрѣ распространенія козачества, общинное право брало верхъ надъ шляхетскою юрисдикціею. Гдѣ-бы

ни поселился козакъ на занятомъ имъ грунтѣ, она не имѣла для него значенія,—онъ подчинялся только своему атаману и радѣ.

Полная личная свобода, неограниченное право земельной собственности, самоуправленіе, основанное на выборномъ началѣ, право собственнаго суда, полное равенство между членами обществъ, презрѣніе къ привиллегіямъ и происхожденію, взаимная оборона противъ внѣшнихъ враговъ—вотъ въ чемъ состояли идеалы козачества. Съ особенной ясностью идеалы эти выступаютъ въ исторіи малорусскаго козачества въ то время, когда ему удалось распространить свое вліяніе на весь южно-русскій народъ.

Украинскихъ или осѣдлыхъ козаковъ нужно отличать отъ тѣхъ, которые жили дальше на югъ, за днѣпровскими порогами, отчего и назывались запорожцами. Хотя послѣдніе были причислены къ польскому королевству, но въ дѣйствительности представляли общество вполнѣ свободное и не подлежали никакой посторонней власти. Козаки не забывали пути, указаннаго Дашковичемъ и Вишневецкимъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя возникла Сѣчъ Запорожская за скалистыми днѣпровскими порогами: на островѣ Томаковкѣ козаки расположились кошемъ, т. е. лагеремъ, окружили его засѣками и назвали Сѣчью. Безъ этого укрѣпленія козакамъ не удалось-бы, съ одной стороны, избавиться зависимости отъ старостъ, съ другой они не были-бы въ состояніи удержать побережье Днѣпра отъ татаръ и турокъ.

Съ теченіемъ времени запорожцы образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные обычаи и законы. Высшая власть находилась въ рукахъ козацкаго вѣча или *рады*; рада избирала главнаго кошевого атамана, который пользовался неограниченною властью надъ козаками, но по истеченіи годичнаго срока давалъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ случаѣ злоупотребленій наказывался смертью.

Первоначально кошевой избирался для каждаго предстоящаго похода и на то время былъ диктаторомъ. Если походъ былъ удаченъ, его ожидала слава,—въ случаѣ неудачи постигалъ военный судъ.

Старшины, оставившіе должность, по выборѣ на ихъ мѣсто другихъ, становились снова простыми козаками. *Кошъ* дѣлился на *курени*, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ начальствомъ выборнаго куреннаго атамана. Сѣчевые козаки жили въ общихъ «куре-

нях» и обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ.—Число запорожцевъ не было ограничено.

Впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, Сѣчь переносилась и на другіе днѣпровскіе острова;—это была военная школа для Руси; тамъ находилась войсковая казна, недоступная для непріятеля; тамъ строились чайки для походовъ по Черному морю. Ни одна національность не была исключена отъ доступа въ сѣчевое братство и выходъ изъ него былъ свободенъ во всякое время.

Населеніе Запорожья, какъ мы уже видѣли, состояло первоначально изъ однихъ мущинъ, только временно проживавшихъ здѣсь для занятія рыбной ловлей, охотой, войной; но съ теченіемъ времени сюда начинаютъ переселяться семьями и образуются хутора. Территорія Запорожья простиралась отъ Днѣпра до Днѣстра и Чернаго моря. Занятый козаками край этотъ, называемый также «*Низомъ*», все больше пріобрѣталъ значеніе свободнаго пріюта для всѣхъ, кому плохо жилось на родинѣ, или кому нравилась борьба съ невѣрными; часто также изъ Запорожья появлялись мстители за обиды, какъ свои, такъ и своихъ братьевъ. Запорожцы находились въ связи съ козаками не только украинскими, но и съ донскими, съ которыми предпринимали не разъ общіе походы. Поселенія низоваго войска не ограничивались одною Сѣчью,—на днѣпровскихъ островахъ и на обоихъ берегахъ рѣки возникали козацкія села и хутора, но центръ все-таки составляла Сѣчь, куда не допускались женщины. Поэтому низовые козаки дѣлились на женатыхъ и неженатыхъ, хотя между тѣми и другими была тѣсная связь. Контингентъ запорожскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами, владѣльцы которыхъ не въ состояніи были преслѣдовать ихъ въ дикихъ степяхъ и заросляхъ за чертою заселенной Украйны; доказательствомъ такого происхожденія запорожской общины может служить господство въ ней православной вѣры и малорусскаго языка.—Таково было войско низовое запорожское.

Развитію козачества наиболѣе способствовала близость татаръ, свирѣпствовавшихъ на границахъ Украйны. Не занимаясь почти ни ремеслами, ни торговлею, ни какими-нибудь другими промыслами, татары принуждены были довольствоваться только скудными пастбищами на полуостровѣ; въ силу этого они не могли прожить безъ добычи и вотъ главная причина ихъ набѣговъ. Князь Криштофъ

Збаражскій, бывшій посломъ въ Константинополѣ въ 1623 г., пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Сама необходимость вынуждаетъ татаръ къ нападеніямъ; въ этомъ для нихъ большая выгода, иначе они вымерли-бы съ голоду. Почти всѣ галеры, всѣ моря наполнены подданными Рѣчи Посполитой. Даже жены и красивѣйшая прислуга происходятъ оттуда-же. Земля татарская бѣдна скотомъ и стадами, все это добывается татарами изъ Польши». Итакъ татары угоняли скотъ, захватывали все безъ разбора, но больше всего предпочитали ясыръ (плѣнниковъ), который продавали во всѣ восточныя страны: восточное общество нуждалось въ большомъ количествѣ слугъ—невольниковъ, которыхъ и поставляли татары. Охотнѣе всего они захватывали дѣтей, которыхъ, подъ названіемъ султанскихъ дѣтей, воспитывали въ султанскихъ сераляхъ для янычарства и другихъ услугъ. Такимъ образомъ христіане служили для поддержки магометанства,—отсюда и происходятъ тѣ исполненныя грусти народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается разлука мужей съ женами, братьевъ съ сестрами, дѣтей съ родителями.

При Солиманѣ I было девять великихъ визирей и всѣ они происходили изъ дѣтей султанскихъ. Турція жила какъ вампиръ, высасывая свѣжую кровь изъ христіанскихъ народовъ и прежде всего изъ присоединенныхъ къ Польшѣ жителей Руси; поэтому никто не дѣлалъ такихъ усилій сломить турецкія силы, какъ южно-русское племя.

Заселеніе украинскихъ степей и развитіе въ нихъ козачества происходило, можно сказать, противъ воли правительства, которое не могло оказывать поддержку козачеству, усиливавшемуся бѣглецами изъ королевскихъ и панскихъ помѣстій. Развиваясь силою оппозиціи русскаго элемента противъ татарскаго, козачество съ одной стороны удерживаетъ главныя особенности своего возникновенія, а именно—христіанскую вѣру и рыцарскіе обычаи, съ другой-же усваиваетъ наѣздническіе обычаи и татарскую политику, безъ чего ему невозможно было-бы существовать. Татары брали быстротою и ловкостью нападеній и воздержаніемъ во время походовъ; тѣ-же качества должны были усвоить косаки еще въ большей степени, чтобы имѣть возможность противустать татарамъ. Какъ татары вторгались въ поднѣпровскую и поднѣстровскую Русь, такъ и запорожцы нападали на татарскіе улусы и турецкія земли, за

разбой платили разбоемъ, за набѣгъ—набѣгомъ. Подобно татарамъ козаки жили добычей, которую брали, гдѣ только было можно, и служили тому, кто больше платилъ; козакъ и добыча были тѣсно связанныя понятія.

Однако захватъ добычи не былъ единственною цѣлью козацкихъ походовъ, перевѣсъ надъ нимъ брала защита края и свободы, освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ; этимъ объясняется, почему и паны принимали участіе въ походахъ. Отсюда отличительныя черты козаковъ вообще и запорожцевъ въ особенности—стремленіе къ славѣ и добычѣ, свобода и безпредѣльное мужество въ битвахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость въ набѣгахъ, необыкновенная выносливость въ походахъ и разгульная разсточительность въ мирное время.

Между тѣмъ какъ въ польской исторіи мы встрѣчаемъ рѣзкіе факты утайки и расхищенія общественной казны, козаки грабятъ для своего вооруженія; гетманъ получалъ не больше простаго козака и между ними не было примѣра кровавыхъ столкновеній изъ-за раздѣла добычи. Отчетъ барскаго старосты Претвича оправдываетъ нападенія козаковъ на татарскіе улусы, указывая съ одной стороны ихъ необходимость, съ другой—выгоды, представляемыя козачествомъ. Не смотря на то, король Сигизмундъ I по требованію хана предпочелъ перевести Претвича изъ Бара въ Теребовль. Король этотъ задумалъ было обратить козаковъ въ замковую службу, что, разумѣется, не отвѣчало ихъ желаніямъ; война съ невѣрными дала начало козачеству и должна была служить также основаніемъ ихъ быта.

Уже при Сигизмундѣ I козацкія силы вмѣстѣ съ поляками побѣдили турокъ подъ Аккерманомъ, но наиболѣе прославились козаки своими черноморскими походами, на которые отправлялись въ легкихъ чайкахъ,—такъ назывались ихъ лодки, обшитыя по краямъ тростникомъ и вмѣщавшія до шестидесяти человѣкъ. На такихъ чайкахъ пускались козаки въ открытое море, нападали на турецкіе города, грабили берега Анатоліи и Румеліи, освобождали христіанскихъ плѣнниковъ изъ галеръ и тюремъ, разбивали турецкіе флоты, не разъ появлялись подъ стѣнами столицы падишаха, и слава козацкая расходилась по свѣту. Такъ въ 1593 г., при гетманѣ Богданѣ Микошинскомъ, императоръ германскій Рудольфъ

II отправилъ на Запорожье посольство, приглашая козаковъ на помощь противъ турокъ. Вслѣдствіе жалобъ и угрозъ турецкаго правительства, Сигизмундъ Августъ приказывалъ запорожцамъ возвратиться въ украинскіе города и замки и не безпокоить турецкихъ земель. Разумѣется, всѣ эти приказанія не имѣли силы.

Что касается внутренняго самоуправленія, то козацкая община обсуждала свои дѣла на сотенныхъ, полковыхъ и «великихъ войсковыхъ» радахъ. Конечно, въ то время козакамъ казалось невозможнымъ, чтобы ихъ рады могли стать наравнѣ съ панскими сеймами; паны въ свою очередь не думали, чтобы низовое братство сохранило въ своемъ «кошѣ» предковскіе народные идеалы, какъ искры подъ пепломъ, изъ которыхъ со временемъ долженъ вспыхнуть на Украйнѣ сильный пожаръ.

Несомнѣнно однако, что въ дѣлѣ внѣшнихъ отношеній государства борьба козаковъ съ татарами и турками была защитой свободы, личной, территоріальной и имущественной безопасности противъ дикихъ азіатовъ. Правда, послѣ объединенія Руси съ Польшею дѣло обороны края должно было выпасть на долю военнаго сословія Рѣчи Посполитой, если-бы она имѣла достаточно силы, чтобы безъ королевской помощи оказывать дѣйствительную защиту землямъ, которыя носили названіе королевскихъ. Однакоже государственная казна въ Польшѣ была пуста, постояннаго войска было очень мало, а *посполитое рушеніе* не отличалось военной дисциплиной, собиралось медленно и спѣшило расходиться по домамъ. Поэтому всѣ надежды на защиту края обращались къ козакамъ и надворнымъ милиціямъ, которыя содержали у себя паны.

Высшее дворянство отказывало королямъ въ средствахъ для содержанія войска, опасаясь съ ихъ стороны сокращенія своихъ вольностей; а въ тоже время козаки своими военными предпріятіями достигли того, что берега Чернаго моря готовы были признать надъ собою господство запорожской общины.

Мы не хотимъ этимъ доказать, чтобы польское правительство совершенно оставило въ сторонѣ войны съ татарами и турками, мы утверждаемъ только, что усилія его были недостаточны, въ то время какъ защита границъ была дѣломъ безпрестанной необходимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

Когда Янушъ Острожскій разбилъ у Пятки войско Косинскаго, паны поставили свою стражу противъ татаръ; между тѣмъ татары захватили стражу и такъ неожиданно ворвались на Волынь, что никто и не узналъ о набѣгѣ, и они удалились также безпрепятственно, какъ и пришли.

Въ слѣдующемъ году, въ то время какъ въ Венгріи шла война христіанъ противъ турокъ, императоръ Рудольфъ II просилъ польскаго короля не пропускать татаръ черезъ Польшу въ Венгрію на помощь туркамъ. Однако въ Польшѣ заняты были другими дѣлами, такъ какъ подготовлялась церемонія оглашенія канонизаціи св. Яцка. Въ то самое время, какъ въ Краковѣ проводили время въ процессіяхъ, обѣдахъ и публичныхъ диспутахъ о томъ, видитъ-ли св. Яцекъ съ неба, что дѣлаютъ его почитатели, зналъ-ли онъ, что будетъ причисленъ къ лику святыхъ и т. д., татары ворвались въ Покутье, разграбили и сожгли Снятинъ, Жуковъ, Толмачъ, Тисменицу, Галичъ, Калушъ, Долину и др. и прошли безпрепятственно до самаго Самбора.

Итакъ, Польша лишена была внѣшней безопасности, такъ какъ не имѣла внутренняго порядка. *Посполитое рушеніе* извѣстно было своею медлительностью, дававшей татарамъ возможность истребить шляхту, прежде чѣмъ она выйдетъ въ открытое поле. Впрочемъ, пусть примѣръ наглядно покажетъ, насколько можно было разсчитывать на посполитое рушеніе.

Въ 1537 г. молдавскій господарь Богданъ вторгся въ Покутье. Сигизмундъ I потребовалъ на время похода наложенія одновременной подати, но, получивши отказъ со стороны шляхты, объявилъ посполитое рушенье. Правда, въ окрестностяхъ Львова собралось до 150,000 вооруженныхъ воиновъ, но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдаванами, шляхта начала грабить имѣнія согражданъ изъ Червоной Руси и, не повинуясь ни королю, ни сенату, вела споры о своихъ вольностяхъ. Только на Руси поддерживался еще военный духъ; неудивительно поэтому, что знаменитые гетманы были родомъ русскіе.

Самое положеніе Руси, сосѣдство дикихъ азіятскихъ ордъ, безпрестанныя ихъ нападенія и въ силу этого необходимость обороны границъ съ одной стороны и безсиліе Рѣчи Посполитой съ другой— должны были вызвать такую добровольную защиту, какою является козачество. Къ этому нужно прибавить, что польское правительство

даже не знало точно границъ польской Украйны отъ татарскихъ степей, и козаки были тою передовою стражею, которая обозначала мечемъ эти границы. Но по мѣрѣ того, какъ козаки все дальше оттѣсняли мусульманъ за днѣпровскіе пороги, и паны все дальше подвигались со своею юрисдикціей, считая никому не принадлежащими занятыя козаками земли.

Чтобы удержать напоръ кочевниковъ, Русь украинская высылала своихъ избранныхъ сыновъ, цвѣтъ своей молодежи въ широкія степи для войны съ невѣрными. Обороняя Русь и Польшу, козаки вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняли отъ магометанъ и всю Европу, что составляетъ ихъ огромную заслугу въ исторіи общеевропейской культуры.

Польское правительство рано съумѣло оцѣнить значеніе того военнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; вотъ почему еще Сигизмундъ I пытался подчинить козаковъ военной дисциплинѣ и придать имъ опредѣленное устройство. Баторій также понялъ заслуги козачества и обратилъ на него вниманіе въ видахъ обезпеченія границъ своего королевства. Онъ укрѣпилъ живую преграду между Польшею и Крымомъ, въ лицѣ малорусскаго козачества, придавши ему войсковое управленіе, а для резиденціи гетмана городъ Трехтемировъ.—Занятыя козаками области дѣлились на шесть округовъ или полковъ, получившихъ названіе отъ своего главнаго города; эти полки были: черкасскій, чигиринскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и переяславскій. Баторій подтвердилъ право избранія гетмана, или предводителя всего козацкаго сословія, изъ среды старшины козацкой; послѣ избранія гетманъ утверждался королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, асаула, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и хорунжихъ. Но и Баторій убѣдился, что войско козацкое трудно подчинить непосредственной королевской власти, такъ какъ немного было среди мѣщанства и сельскаго крестьянства такихъ семействъ, которыя-бы не имѣли чего нибудь общаго съ козаками. Любили «козакування» крестьяне, ремесленники, прославлялъ его въ своихъ пѣсняхъ весь южно-русскій народъ.

Въ то время козаковало все, что только было молодаго и бойкаго на Украйнѣ, а старики тоже когда-то были козаками; даже паны проникались козацкимъ духомъ. Отважнаго хвалили и уважали за храбрость, не различая, былъ-ли онъ гербовный или простой.

Въ своемъ универсалѣ король Стефанъ, въ числѣ прочихъ своевольныхъ людей называетъ: бездомную шляхту, мѣщанъ и другихъ лицъ плебейскаго состоянія.

Ходили въ козаки не только русскіе мѣщане и крестьяне, угнетаемые шляхтою или принуждаемые къ панщинѣ, но и мелкая шляхта, состоявшая въ услуженіи у знатныхъ пановъ. Часто случалось, что города, сверхъ налагаемыхъ закономъ повинностей, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, вслѣдствіе чего мѣщане, въ особенности молодые и менѣе состоятельные, приставали къ козачеству. Были и такіе, которые просто желали сражаться съ невѣрными во славу Божію, или для своей собственной славы. По свидѣтельству герольдика Папроцкаго, не только рыцари изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили на Запорожье для изученія военнаго ремесла и военныхъ порядковъ.

Современный кіевскій епископъ Верещинскій говоритъ: «многіе переселяются на Украйну для защиты христіанства противъ невѣрныхъ, для славы Божіей и прославленія своего рыцарскаго званія».

По законамъ польскимъ каждый шляхтичъ приводилъ съ собою на войну столько вооруженныхъ слугъ, сколько приходилось пропорціонально съ количествомъ владѣемой имъ земли. Изучивши военное ремесло, эти слуги часто оставляли пановъ и приставали къ козакамъ.

Въ то время еще не было среди козачества общественной и національной розни, такъ какъ еще не были извѣстны тѣ противуположные интересы, которые впослѣдствіи раздѣлили козаковъ и шляхту на два враждебные лагеря. Козаки дѣйствовали заодно съ пограничными старостами.

При началѣ козачества, какъ мы уже видѣли, простой народъ отправлялся за добычею подъ предводительствомъ шляхты, но по мѣрѣ развитія козачества шляхта въ свою очередь принимаетъ участіе въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ опытныхъ людей изъ народа. Пограничные жители, проникнутые военнымъ духомъ, выше всего цѣнили личныя качества, привиллегіи не имѣли тамъ

значенія; защита края была здѣсь задачею жизни, которой все служило. Наконецъ, кто-бы ни приходилъ или не селился на Украйнѣ, его имущественная и личная безопасность гарантировалась только полнымъ объединеніемъ съ массою простаго народа, и пограничная шляхта обоихъ народностей превращалась здѣсь въ демократическую козацкую Русь.

Видя такое положеніе дѣлъ, Баторій не рѣшался вооруженной силой сломить козачество, но желая однако обезопасить себя съ ихъ стороны, онъ рѣшился раздѣлить украинскихъ козаковъ. При введеніи реформы было объявлено, что «кто хочетъ оставаться въ волѣ королевской, тѣ будутъ вписаны въ реестръ и права ихъ будутъ подтверждены сеймовою конституціею».

Въ реестръ внесены были шесть тысячъ козаковъ, которые и названы реестровыми, всѣ-же остальные, по плану короля, должны были стать въ зависимыя отношенія къ панамъ. Реестровые козаки свободно владѣли своими землями, не платили никакихъ податей, не отбывали другихъ повинностей, кромѣ военной, и получали жалованье по кожуху и по червонцу въ годъ на человѣка. Однако такое устройство было ничѣмъ инымъ, какъ надѣленіемъ почти шляхетскими правами болѣе зажиточныхъ изъ козаковъ, имѣвшихъ свои усадьбы въ хуторахъ и городахъ, чтобы устранить изъ числа ихъ бѣдняковъ, которыхъ польское правительство постановило уравнять съ крестьянами.

Проэктъ переписи козаковъ, обыкновенно приписываемый Баторію, восходитъ однако къ болѣе отдаленному времени. Въ письмѣ Сигизмунда I къ кіевскому воеводѣ, князю Коширскому, отъ 1540 г. значится: «Посылаемъ нашего придворнаго, Стрета Солтовича. Мы приказали ему переписать всѣхъ козаковъ кіевскаго воеводства и доставить намъ этотъ реестръ». Въ 1572 г. Сигизмундъ Августъ поручилъ также коронному гетману Юрію Язловецкому выбрать для королевской службы лучшихъ козаковъ, жалованье которымъ было опредѣлено изъ королевской казны.

Кромѣ реестровыхъ, польское правительство не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ, между тѣмъ какъ въ южной Руси, напротивъ, всѣ стремились стать козаками, т. е. людьми свободными. Въ силу этого королевскіе приказы не выполнялись, и многіе жители вновь уходили на Запорожье. Реестровые козаки не считали нуж-

нымъ заключать реестры и охотно принимали новыхъ товарищей: правительство въ свою очередь пересматривало списки и выключало сверхкомплектныхъ козаковъ. Исключенные изъ реестровъ не переставали и впослѣдствіи считать себя козаками, съ которыми не разъ и подданные польскихъ пановъ собирались въ вооруженныя «громады» и выбирали своихъ гетмановъ. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ сѣчевыхъ и реестровыхъ, были еще и самостоятельные козаки на Украйнѣ, и многое непонятное въ козацко-шляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что были козаки осѣдлые и бездомные, богатые и бѣдные. Сущность этого различія заключалась въ томъ, что одни жили въ собственныхъ домахъ и хуторахъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, тогда какъ другіе проводили лѣто въ степныхъ промыслахъ и походахъ, а зимою работали на винокурняхъ; эти послѣдніе всегда были готовы погулять на чужой счетъ.

Уже въ концѣ XVI в. самостоятельныя общины становятся опасными для Польши и вызываютъ противъ себя рѣзкія постановленія сеймовъ, которыя однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ паны польскіе часто употребляли такихъ козаковъ въ наѣздахъ на своихъ противниковъ; Мнишки и Вишневецкіе съ ихъ помощью водили самозванцевъ въ Москву, даже сами короли употребляли этихъ козаковъ въ войнахъ съ Турціею, Москвою и Швеціею и т. д.

Сегодня король издавалъ универсалъ, направленный къ уничтоженію козаковъ, а на завтра приглашалъ ихъ къ участію въ походѣ, какъ-то случилось при походахъ подъ Можайскъ, Хотинъ и др.

Съ развитіемъ козачества русское общинное право, какъ мы уже упоминали, оживало и брало верхъ. Въ чемъ-же состояло различіе между русскимъ общиннымъ правомъ и установившимся въ Польшѣ правомъ шляхетскимъ?

1) По древне-русскому общинному праву всѣ люди признавались равными и свободными, кромѣ военно-плѣнныхъ. Согласно польско-шляхетскимъ законамъ свободою пользовалась только гербовная шляхта, простой-же народъ былъ закрѣпощенъ.

2) По русскому общинному праву земля считалась собственностью того, кто первый занялъ ее для своего пользованія. Въ силу польскаго законодательства земля принадлежала исключительно шляхтѣ, — кто не принадлежалъ къ дворянскому сосло-

вію, тотъ по исконнымъ обычаямъ лишался права пріобрѣтать землю въ собственность.

3) Въ силу русскаго обычнаго права всѣ села и города могли посылать своихъ представителей какъ на малыя, такъ и на большія вѣча.—Въ Польшѣ напротивъ одна только шляхта посылала своихъ представителей на повѣтовые сеймики и большой сеймъ.

Вотъ основные принципы и различія между древне-русскимъ общиннымъ правомъ и правомъ польско-шляхетскимъ. Общая равноправность покоилась въ русскомъ правѣ, діаметрально противуположномъ шляхетскому. Итакъ, козацкая свобода коренилась глубоко въ сознаніи русскаго народа—это была общинная равноправность, которую въ теченіи столѣтій наша Русь сохраняла въ своихъ вѣчахъ.

Три упомянутые принципа служили причиною постоянной борьбы между двумя республиками—шляхетской, принявшей въ себя литовско-русскихъ бояръ, и козацкой, бравшей подъ свою защиту крестьянъ и мѣщанъ. Отсюда ясно, что на Руси въ то время сохранялся тотъ внутренній строй, къ какому теперь стремятся многіе народы. Среди польскаго государства Русь была живымъ источникомъ народной свободы, не допустившей подавить себя.

Русское право укоренило принципы выборнаго устройства какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви; принципы эти подготовляли реакцію противъ польскаго права, и козаки являются въ отношеніи пановъ такими-же революціонерами, какими были паны по отношенію къ королю.

IX.

Всѣ польскіе историки согласны между собою въ томъ, что упадокъ королевства и народа польскаго начинается со времени Сигизмунда III, но не могутъ согласиться относительно главныхъ причинъ этого упадка. Иные въ числѣ причинъ приводятъ козацкія возстанія, но весьма немногіе задумывались надъ тѣмъ, почему именно они начинаются при этомъ королѣ. Историки польскіе называютъ бунтами козацкія движенія, народъ украинскій—собраніемъ бунтовщиковъ, а войну 1648 г. относятъ къ личной обидѣ Хмельницкаго. Но если война безпрестанно возобновляется въ теченіи столѣтія слишкомъ, то это уже не бунтъ своевольной шайки,

а за личную обиду хотя-бы и Хмельницкаго не поднялось-бы 200,000 вооруженнаго люда. Тутъ должны быть иныя причины, потому что, гдѣ нѣтъ достаточно горючаго матеріала, тамъ не можетъ вспыхнуть сильный пожаръ.

Не будемъ спорить, что оскорбленіе Хмельницкаго подало поводъ къ войнѣ, но это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру. Цѣлый народъ не подымается изъ-за чисто личныхъ матеріальныхъ причинъ; онъ встаетъ тогда только, когда дѣло идетъ о сохраненіи семейной безопасности, неприкосновенности вѣры или свободы. Польско-козацкія войны не были только борьбою двухъ народовъ и двухъ религій,—онѣ были также усиліемъ коренного населенія древне-русскихъ земель защитить права народныя по отношенію къ польскимъ панамъ.

Если въ развитіи рода человѣческаго поставить за правило, что богатство, власть, просвѣщеніе и свобода должны составить привилегію одного только сословія, тогда придется стать на сторонѣ пановъ. Если-же принять какъ несомнѣнную истину, что добрые нравы, честные поступки и непорочные характеры наиболѣе вырабатываются тамъ, гдѣ личная свобода и поземельная собственность достались на долю всей массы населенія, что право собственности есть необходимое условіе истинной свободы человѣка,—въ такомъ случаѣ трудно не признать справедливости на сторонѣ козаковъ. Тогда ясно выступаетъ впередъ вопросъ объ избыткѣ и бѣдности, демократіи и аристократіи, вопросъ о томъ, должно-ли взять перевѣсъ право шляхетско-польское или общинно-русское? За нимъ слѣдуетъ вопросъ религіозный.

Въ правительственныхъ актахъ временъ Сигизмунда III находимъ частыя упоминанія о неизмѣримыхъ пустыняхъ на Украинѣ. Въ силу польскаго законодательства земля должна принадлежать дворянамъ, и вотъ сеймовое постановленіе 1590 г. объявляетъ отъ имени короля: «чтобы земли эти не оставались впустѣ и приносили какую нибудь выгоду, будемъ раздавать эти пустыни лицамъ шляхетскаго происхожденія за государственныя заслуги».

Поэтому многочисленные польскіе паны, заслуженные и незаслуженные, обезпечиваютъ себѣ у короля обширныя помѣстья въ Руси и на Украинѣ. Въ королевской канцеляріи также безъ разбору отмѣривались польскимъ панамъ на бумагѣ обширныя про-

странства отъ рѣчки до рѣчки, отъ дороги до дороги, отъ урочища до урочища. Такимъ образомъ кіевская, брацлавская и подольская Украина, вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ мало по малу очутилась въ рукахъ немногихъ магнатовъ, которые съ теченіемъ времени завели собственныя укрѣпленія, артиллерію, войска, и по отношенію къ подданнымъ были неограниченными владыками. Такихъ пановъ по русски называли *королятами*.

Украинская Русь, Волынь и Подолье были вообще драгоцѣнной сокровищницей для польскихъ пановъ, не даромъ поляки называли правобережную Украину раемъ польскаго міра. Однако такъ называемыя пустыни не оставались въ то время незаселенными, иначе о нихъ-бы такъ много не хлопотали; это значило только, что они до того времени не принадлежали никакому польскому пану и никому изъ нихъ не приносили дохода. Въ дѣйствительности-же эти земли принадлежали козакамъ; они были заселены людьми, искавшими свободы и бѣжавшими сюда изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣній.

Современные хроникеры и писатели не могутъ надивиться тому, какъ быстро подвигалась украинская колонизація, какъ въ дикихъ степяхъ, на самихъ татарскихъ путяхъ, вся почти Украйна покрылась селами и мѣстечками. Не смотря на то, что татары часто захватывали въ плѣнъ колонистовъ, опустошенныя мѣстности вскорѣ заселялись новыми выходцами. Въ полученныя земли, среди козацкихъ селъ и мѣстечекъ, втискивалась шляхта съ новыми переселенцами, которыхъ привлекала болѣе продолжительными льготами, и шляхетскія села и мѣстечки росли съ каждымъ годомъ.

Такъ существовали другъ подлѣ друга владѣнія козацкія и панскія. Первые часто искоса смотрѣли на сосѣдей, вторые въ свою очередь завидовали ихъ свободѣ. Въ общемъ козаки не препятствовали размноженію панскихъ имѣній на Украинѣ, они мало обращали вниманія на постановленія сеймовъ, и мѣстная шляхта шла одною съ ними дорогою, жила въ пріязни и отправлялась вмѣстѣ съ козаками на военный промыселъ. Уже самая необходимость защищать границы дѣлала каждаго жителя воиномъ, поэтому-то въ теченіи условленнаго льготнаго времени на колонистахъ лежала только военная повинность; военная служба подъ начальствомъ

старосты или помѣщика не прекращалась и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, и дѣла экономическія шли спокойнымъ чередомъ.

Въ Польшѣ къ тому времени развилось сильное магнатство, которое на сеймахъ и сеймикахъ издавало законы исключительно въ своихъ интересахъ. Народъ лишенъ былъ всѣхъ правъ, такъ какъ законъ отдавалъ крестьянина въ полную и безконтрольную власть пана, воля котораго была единственнымъ закономъ для подданныхъ. Польскіе паны вели роскошную жизнь, и въ ихъ обширныхъ дворахъ кормилось множество мелкой шляхты. Для удовлетворенія своей гордости вельможный панъ считалъ непремѣннымъ долгомъ держать въ своемъ дворѣ цѣлую толпу шляхтичей-приживальщиковъ, а жена его съ своей стороны держала такую-же стаю шляхтянокъ, что, очевидно, было напрасной тратой денегъ. Главной причиной развитія роскоши было крѣпостное право, дававшее панамъ возможность безъ личнаго труда имѣть постоянные доходы, окружать себя несвободной прислугой, и напротивъ усиливавшее народныя тягости. По свидѣтельству француза, жившаго въ то время въ Польшѣ, обыкновенный обѣдъ у польскаго пана стоилъ больше, чѣмъ званый обѣдъ во Франціи. Старовольскій пишетъ: «Всѣ деньги у насъ уходятъ на заграничныя вина, сахаръ и паштеты, а для защиты отечества и выкупа плѣнныхъ у насъ нѣтъ денегъ».

Не желая или не умѣя заниматься хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и въ тоже время заботясь объ умноженіи доходовъ, паны отдавали свои помѣстья въ аренду съ уступкой всѣхъ принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей. Переуступка владѣній казалась имъ очень выгодною, однако она не уменьшила, а напротивъ увеличила зло. Новыми арендаторами на Руси чаще всего являются евреи. Чтобы удовлетворить ненасытнаго пана, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить и собственный карманъ, еврей придумывалъ такія подати, о которыхъ странно и подумать. Правда панъ могъ казнить смертью еврея арендатора безъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но зато передавалъ ему всѣ свои права, въ томъ числѣ и право меча, т. е. смертной казни надъ подданными. Еврей арендаторъ носилъ при боку мечъ для отличія отъ невооруженнаго беззащитнаго люда и въ знакъ того, что могъ каждаго казнить смертью за ослушаніе, за дерзкое слово или просто по подозрѣнію.

Жизнь и имущество крестьянина, его жена и дѣти были въ полной власти арендатора. Поэтому ничто такъ сильно не тяготѣло надъ русскимъ народомъ, ничто такъ не оскорбляло его, какъ власть евреевъ.

Чѣмъ болѣе, путемъ козацкихъ войнъ съ мусульманами, гарантировалась экономическая безопасность панскихъ имѣній, тѣмъ сильнѣе тѣснила шляхта мѣщанъ и сельскій людъ различными податьми и налогами. Отправлялся-ли панъ на сеймъ, на свадьбу, или на отпусть, подданные облагались какою-нибудь новою податью. Случается у пана семейная радость—свадьба или крестины, а подданнымъ бѣда,—они обязаны нести *поздравленіе:* купцы несли матеріи, рѣзники—мясо, шинкари—напитки, крестьяне—свои дары. Большую изобрѣтательность въ смыслѣ поборовъ обнаруживають паны, старосты, державцы и евреи арендаторы, устанавливають чинши, «ставщину», роговое, выгонное, десятину отъ воловъ, лошадей, свиней, овецъ и пчелъ, очковое, долю съ помолу на мельницѣ, плату съ жерновонъ, наконецъ такъ называемыя дудки, о которыхъ ниже, дань хлѣбомъ, сборъ каплуновъ, курь и яицъ по нѣсколько разъ въ годъ. Крестьяне не имѣли права варить для себя напитки и покупать все необходимое иначе, какъ у арендатора.

Шляхта управлялась, какъ хотѣла и умѣла, но отъ ея управленія мало пользы было народу. Большинство пановъ не заботилось о томъ, что дѣлалось за ихъ спиною; обогащались они сами, подпанки и арендаторы, не наживался только народъ, надъ которымъ сверхъ того глумились и насмѣхались. Тѣ, кто не могъ стерпѣть воеводской, старостинской или жидовско-панской неволи, изъ селъ, мѣстечекъ и городовъ уходили въ дикія степи и заселяли ихъ. Такъ являлись жители, колонизовавшіе Украйну. Однихъ гнала неволя, другихъ привлекали плодородныя земли и большая свобода. Колонизаторы пустынной территоріи, эксплуатируя такое положеніе дѣлъ, приманивали къ себѣ бѣглецовъ обѣщаніемъ льготъ.

Такимъ образомъ Украйна раздѣлилась на подчиненную панамъ и свободную, съ козацкой, или простонародной общинной юрисдикціей; эту послѣднюю и считали пустынной и раздавали панамъ. Что-же касается дикихъ степей за днѣпровскими порогами, это была территорія безплодная, часто опустошаемая саранчою, удаленная отъ людскихъ поселеній, и человѣкъ здѣсь обрекался на

голодную смерть. Только нѣкоторыя мѣста, представлявшіяся рѣдкими оазисами роскошной растительности, изобиловали рыбой и дичью, и для того, чтобы войско могло стоять лагеремъ въ этихъ степяхъ, отряды его должны были заниматься рыбной ловлей и охотой.

Удаляться за днѣпровскіе пороги значило обрекать себя на большія лишенія, поэтому козакъ и бѣдность, козакъ и нищета были родственныя понятія, и пограничнымъ жителямъ Украйны и Запорожья казалось, что для нихъ уже не можетъ быть другихъ тягостей, кромѣ бѣдности и грозившихъ на каждомъ шагу опасностей; но случилось иначе.

Поляки еще раньше подавили общинное право въ другихъ провинціяхъ и теперь, овладѣвши почти цѣлой Украйной, они не хотѣли оставить ее такою, какъ она была, а задумали сдѣлать изъ нея другую Польшу въ смыслѣ преобладанія польскаго права надъ русскимъ. Однако введеніе польскаго права встрѣтило здѣсь препятствія: большимъ искушеніемъ для народа украинскаго было добываніе свободы; у него передъ глазами было свободное сословіе, сложившееся изъ его братьевъ, по сосѣдству лежали днѣпровскіе острова, куда можно было бѣжать отъ тяжкой неволи; наконецъ близость татаръ пріучила къ оружію украинскій народъ, и сами паны не могли запретить крестьянамъ носить оружіе. Въ силу того въ русскомъ народѣ поддерживался бойкій военный духъ, несогласный съ пригнетеннымъ положеніемъ, какое создалъ для него польскій строй.

Вотъ почему со времени Сигизмунда III сеймъ начинаетъ стѣснять козачество. Конституціею 1590 г. постановлено, что козаки будутъ находиться подъ властью короннаго гетмана, который назначаетъ имъ всю безъ исключенія старшину изъ шляхты. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать кого либо въ козаки безъ согласія старшаго, или гетмана, у котораго долженъ храниться списокъ всѣхъ козаковъ. Съ цѣлью затруднить крестьянамъ и мѣщанамъ переходъ въ козачество, панамъ и старостамъ предписывалось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не уходилъ въ Сѣчь или въ степи. Строго запрещалось продавать крестьянамъ порохъ, селитру, оружіе и т. д. Непослушные и виновные въ нарушеніи закона подверга-

лись слѣдствію и смертной казни. Эти и подобныя постановленія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ раздраженія и ожесточенія козаковъ, которыхъ силы постоянно увеличивались. Поэтому къ концу XVI в., когда на Руси экономическіе интересы взяли среди шляхты перевѣсъ надъ интересами защиты края, козаки все болѣе и болѣе обособляются отъ шляхты. Такимъ образомъ Русь раздѣляется на два враждебные лагеря,—одинъ распространяетъ польское право, другой защищаетъ право русское.

Введеніе безъ всякихъ видоизмѣненій польскаго права, уничтожавшаго козацкія привилегіи, должно было вызвать оппозицію свободнаго люда, и дѣйствительно вызвало тѣ бури, которыя долго опустошали Русь и Польшу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ХУДОЖНИКЪ
КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года исполнится 150-ая годовщина со дня рожденія художника К. И. Гловачевскаго, который слишкомъ 60 лѣтъ провелъ на службѣ въ академіи художествъ въ качествѣ наставника-воспитателя. Но не одно это обстоятельство заставляетъ насъ сообщить о немъ свѣдѣнія; свѣтлая личность, достойная глубокаго уваженія, какъ ниже увидитъ читатель, олицетворяется въ этомъ въ высшей степени гуманномъ человѣкѣ, по тогдашнему времени, и если слава и знаменитость дѣло не всякаго, то во всякомъ случаѣ, быть можетъ, ни къ кому изъ педагоговъ нашей академіи художествъ нельзя болѣе кстати примѣнить слѣдующій эпиграфъ:

«Si le sort ne nous a pas donné le talant pour être célebre,
Il est presque toujours possible de faire un travail qui nous rend utiles».

Гловачевскій родился 27 мая 1735 года, въ городѣ Коронѣ, черниговской губерніи; отецъ его былъ священникомъ коронской соборной церкви, изъ дворянъ, предки котораго въ концѣ XV вѣка основали городокъ Коронъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ К. И. Гловачевскій былъ отправленъ для обученія въ кіевскую академію, единственное того времени учебное заведеніе въ Малороссіи. По праздникамъ Гловачевскій ходилъ въ церковь братскаго монастыря и, полюбивъ церковное пѣніе, часто, во время службы митрополита

Рафаила, пѣлъ на клиросѣ. Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ отправленный по высочайшему повелѣнію въ Малороссію для набора придворныхъ пѣвчихъ регентъ или, какъ тогда называли, *«уставщикъ»* Каченовскій, который, замѣтивъ хорошій голосъ Гловачевскаго, испыталъ его и, найдя вѣрный слухъ и способности къ музыкѣ, написалъ о немъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего приказано было императрицею Елисаветою привезть его въ столицу, куда онъ и прибылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1748 года.

Находясь въ пѣвческомъ придворномъ хорѣ, Гловачевскій скоро обратилъ на себя вниманіе государыни, любившей музыку и обладавшей прекраснымъ голосомъ. Иногда императрица, разсказывалъ своимъ знакомымъ К. И., сама соизволяла пѣть въ хорѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ; бывало, положивъ руку на плечо его, вторила она пѣнію Гловачевскаго, такъ какъ его голосъ очень нравился ей.

Вмѣстѣ съ Гловачевскимъ въ хорѣ находились Антонъ Павловичъ Лосенко, считающійся родоначальникомъ русской школы живописи, и Иванъ Семеновичъ Саблуковъ или Саблучокъ, портретистъ, рано умершій. При видѣ ихъ работъ въ Гловачевскомъ отозвалась его склонность къ рисованію, а голосъ его какъ-бы нарочно ослабѣлъ, и онъ началъ учиться съ ними у портретнаго мастера Ивана Аргунова, изъ крѣпостныхъ людей Шереметева, который учился за границею и былъ въ половинѣ XVIII в. очень извѣстенъ въ Петербургѣ.

Елисавета Петровна узнала о занятіяхъ Гловачевскаго, одобрила ихъ и всемилостивѣйше приказала ему по праздничнымъ днямъ представлять ей свои работы, при чемъ нерѣдко поощряла его особенными знаками монаршаго благоволенія. Такое отношеніе государыни объясняется тѣмъ, что въ то время она предполагала учредить уже академію художествъ; успѣхи Лосенка и Гловачевскаго естественно были ей пріятны. И дѣйствительно мы видимъ, что вскорѣ по переводѣ изъ московскаго университета студентовъ для опредѣленія въ открытую въ Петербургѣ академію художествъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Лосенко, Саблуковъ и Гловачевскій опредѣлены, по именному ея величества повелѣнію, въ академіи подмастерьями живописи. Въ томъ-же году для надзора Гловачевскому были поручены ученики академіи, а вмѣстѣ

съ тѣмъ на него-же возложено и обученіе ихъ живописи. И это все было, когда ему исполнилось лишь 23 года. Въ спискѣ служащихъ лицъ при академіи, составленномъ въ 1761 году, мы встрѣчаемъ Гловачевскаго съ Саблуковымъ и Лосенка въ званіи академиковъ 3-го класса, получающихъ изъ кабинета жалованье по 178 рублей въ годъ. Уча живописи другихъ, Кириллъ Ивановичъ продолжалъ учиться и самъ и за успѣхи свои въ августѣ 1762. г. произведенъ былъ въ адъюнкты. Въ этомъ званіи Гловачевскій показанъ въ вѣдомости о состояніи академіи художествъ отъ 28-го января 1763 года (представленной президентомъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ при донесеніи въ сенатъ), получающимъ содержанія 300 рублей уже въ годъ.

Въ 1765 г. 7 іюля, въ присутствіи императрицы Екатерины II, послѣдовало торжественное открытіе академіи художествъ, или какъ тогда говорили, праздникъ *инаугураціи*, выполненный по церемоніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и жетонами. При этомъ торжествѣ Кириллъ Ивановичъ Гловачевскій получилъ золотую медаль изъ собственныхъ рукъ императрицы вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе академика, такъ какъ адъюнкты были уничтожены новыми штатами. Въ это новое званіе онъ пожалованъ былъ 4 іюля 1765 года обыкновеннымъ собраніемъ господъ членовъ совѣта вмѣстѣ съ другими 7 лицами.

Въ томъ-же году, по опредѣленію академическаго совѣта, Кириллу Ивановичу Гловачевскому были ввѣрены: библіотека, казна и все подвижное имущество академіи. Сдѣлавшись по этимъ должностямъ дѣятельнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хозяиномъ управляемыхъ имъ частей, Гловачевскій часто во время посѣщеній академіи государынею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ сопровождалъ ихъ по классамъ и заламъ академическаго зданія. Цесаревичъ-же узналъ особенно Гловачевскаго, когда онъ былъ назначенъ отъ академіи депутатомъ, для поднесенія его высочеству трудовъ академіи, по случаю принятія наслѣдникомъ престола званія почетнаго любителя художествъ, при чемъ Кириллъ Ивановичъ говорилъ рѣчь отъ лица академіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1765 года утвержденъ инспекторомъ академіи былъ г. Кювилье, а Гловачевскому поручено оставаться при исполненіи другихъ своихъ обязанностей; въ 1766 году

сентября 4 дня, въ четырехъ-мѣсячномъ собраніи, «по предложеніи господина президента Ивана Ивановича Бецкаго, академикъ и казначей Кирилъ Ивановичъ Гловачевскій, который какъ добрымъ своимъ поведенъ и талантомъ въ живописи портретовъ, такъ и ревностною службою въ должности казначея и хранителя вещей художественныхъ въ академіи заслужилъ себѣ честь, общаго собранія согласіемъ произведенъ въ совѣтники академіи». И тѣмъ-же собраніемъ, согласно указанію президента, «за неимѣніемъ довольнаго числа въ совѣтѣ членовъ, чтобы въ текущихъ дѣлахъ остановки не было», общимъ согласіемъ собранія назначено подписывать и засѣдать въ совѣтѣ: Гроту, Гловачевскому, профессору анатоміи Пеккеру и инспектору Кювилье. Въ слѣдующемъ 1767 году Гловачевскому поручены были: а) обученіе портретнаго живописнаго класса и б) ревизія построенія академическаго зданія; въ томъ-же году онъ женился на крестницѣ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедосіи Прохоровнѣ Гнѣвушевой; въ 1771 года совѣтомъ академіи избранъ единогласно въ инспекторы, въ должности котораго пробылъ съ небольшимъ два года, а по увольненіи отъ нея, оставленный членомъ академическаго совѣта, провелъ около десяти лѣтъ въ любимомъ занятіи исключительно живописью. Въ это время произвелъ онъ большую часть своихъ работъ, изъ которыхъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя заслужили извѣстность.

Въ 1777 году Гловачевскій поступилъ въ вѣдомство медицинской коллегіи рисовальнымъ учителемъ; но въ 1783 году призванъ былъ вновь къ принятію должности инспектора въ академіи, въ которой и оставался уже по смерть свою. Президентъ академіи художествъ Ив. Ив. Бецкій, призвавъ Гловачевскаго въ общее собраніе, предложилъ ему должность инспектора такою рѣчью: «Я и академія не находимъ, кому приличнѣе можно поручить воспитанниковъ, какъ вамъ; ибо вы имѣете всѣ качества достойнаго воспитателя. Живя безъ особенной должности и имѣя свободу заниматься художествомъ, вы можете быть полезны собственно для себя; но принявъ предлагаемое вамъ мѣсто, вы будете полезны для многихъ». Вступивъ въ исправленіе должности инспектора, Гловачевскій съ новою энергіею предался надзору за юношествомъ, которому принесъ громадную пользу. Говоря это, мы должны сказать, что виновницею удаленія его отъ академіи была коммисія разбора

счетовъ, которая раскрыла важныя злоупотребленія въ смыслѣ пользованія академическими капиталами для многихъ нуждъ чиновниковъ. Оказался также недочетъ казенныхъ денегъ и у казначея Гловачевскаго, хотя не по винѣ этого честнаго служаки. Призывъ же опять въ академію Гловачевскаго былъ вызванъ докладомъ академическаго совѣта, что порядокъ заведенный инспекторомъ Кювилье въ воспитательномъ училищѣ не можетъ продолжаться далѣе, что приходится или совсѣмъ закрыть его, или распустить французовъ-гувернеровъ, между которыми завелись и скандалезныя исторіи, и что дѣти воруютъ и пьянствуютъ «при бдительномъ надзорѣ воспитателей». Вотъ при какихъ горькихъ результатахъ президенту Бецкому пришлось призвать Гловачевскаго, а на сколько этотъ выборъ былъ удаченъ и цѣлесообразенъ, мы видимъ, что и у преемниковъ президента онъ пользовался тѣмъ-же уваженіемъ и расположеніемъ. Такъ при вступленіи въ должность графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ 1794 году, по смерти Бецкаго, Гловачевскій подалъ въ торжественномъ собраніи списки всѣхъ воспитанниковъ и учителей, съ описаніемъ порядка ученія, при чемъ нѣкоторыми изъ питомцевъ говорены были приличныя случаи сему рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ заключеніе-же всего пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ музыки гимнъ сочиненія бывшаго ученика академіи Скокова, стихи котораго сохранились въ печати (Спб. 1794 г. типографія корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ). Во всемъ этомъ конечно принималъ самое дѣятельное участіе Гловачевскій, затѣмъ слѣдующій президентъ графъ Гавріилъ Августовичъ Шуазель-Гуфье цѣнилъ тоже Кирилла Ивановича, чему служитъ доказательствомъ его представленіе совѣту отъ 16 сентября 1797 г. о выдачѣ Гловачевскому, «въ разсужденіе его усердія и ревностнаго исполненія возложенной на него должности 300 рублей», суммы весьма значительной для того времени. Съ новымъ президентомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, смѣнившимъ вскорѣ Шуазеля, Гловачевскій находился также въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ: еще ранѣе занятія должности въ академіи графъ Строгановъ, по рекомендаціи Гловачевскаго, давалъ нѣкоторыя работы ученикамъ, за что дарилъ имъ деньги, которыя Гловачевскій представлялъ совѣту; напримѣръ въ собраніи 1797 г. ноября 17 опредѣлено: «подаренныя деньги 100 руб. графомъ уче-

нику 4-го возраста Ивану Мойсеевичу, записавъ въ приходъ въ настольной книгѣ, отдать надежнымъ людямъ на приращеніе до выпуску его изъ академіи». Наконецъ, уважая личность Кирилла Ивановича и цѣня его заслуги, графъ Строгановъ постоянно ходатайствовалъ о награжденіяхъ Гловачевскому; при немъ въ 1802 году онъ получилъ орденъ Владиміра 4 степени, весьма рѣдкое отличіе среди тогдашнихъ художниковъ; въ 1807 году получилъ онъ чинъ коллежскаго совѣтника, а въ 1811 году всемилостивѣйше награжденъ былъ пенсіономъ, съ обращеніемъ по смерти его, на жену и дочерей до выхода послѣднихъ въ замужество.

Государыни императрицы: Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна знали лично Гловачевскаго и во время посѣщеній академіи оказывали ему милостивое вниманіе, которое К. И. считалъ отличною наградою за свою необыкновенно-долговременную службу. Всѣ однако перечисленныя нами отличія не даютъ характеристики Гловачевскаго, какъ человѣка, почему мы для этого обратимся къ воспоминанію о немъ нашего извѣстнаго и маститаго профессора живописи и археолога Ѳедора Григорьевича Солнцева (род. 14 апрѣля 1801 г.), напечатанному въ его автобіографіи.

Гловачевскій одѣвался просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, черный суконный камзолъ, синій вицъ-мундиръ съ стоячимъ воротникомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка. Регулярно, къ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря: «вставайте, вставайте! старикъ во сто лѣтъ васъ будитъ!».

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очередной хорошо прочитывалъ ее, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ—кусокъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей опаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Гловачевскій приносилъ книгу или газету, заставлялъ кого нибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ чаще Кириллъ Ивановичъ разсказывалъ про старинное житье-бытье, что обыкновенно очень нравилось воспитанникамъ, а позднѣе, при президентѣ А. Н. Оленинѣ, въ рекреаціонномъ залѣ, на столѣ, были прицѣплены

нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кириллъ Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли кто изъ нихъ почитать вслухъ, и если такой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Гловачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы превращенія—все это разумѣется, въ русскихъ переводахъ; отечественные писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградою; но съ малою медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ нашьетъ петлицы и потихоньку скажетъ: «я тебя не считаю медалистомъ; ты нашали, я петлицы-то спорю, а въ слѣдующую треть ты опять получи, тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кириллъ Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставлялъ, онъ называлъ того «шелопаемъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Гловачевскаго.

У каждаго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ вербному воскресенью и въ Духовъ день инспекторъ требовалъ, чтобы ученики дѣлали для своихъ иконъ какое нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры и т. д.

Такія требованія и желанія его исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ ними мягко, ласково; дѣйствовалъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были народъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человѣкъ строгій, взыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками.

Бывало, заслышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣжитъ къ нимъ и грозно крикнетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы свинопасъ, раздается въ отвѣтъ ему на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое неудовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивановичу, говорилъ, что ученики кидаютъ въ него палками и кирпичами. На эти жалобы Кириллъ Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросятъ, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не кидали, и прыгать Кириллу Ивановичу не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строптивыхъ и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отечески наказывалъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ, считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень плохо, а о другихъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близъ стоявшимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ не замѣтилъ. Старикъ увидалъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову, сказалъ:

— У, батинька! да у тебя талантъ есть!

По окончаніи обѣдни, Кириллъ Ивановичъ отвелъ Егорова въ спальню и наказалъ розгами: «не рисуй де въ церкви!» Послѣ этого лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кириллъ Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія; пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только три раза въ годъ, а именно въ день имянинъ жены своей, въ Рождество Христово и на Пасху выпивалъ по одной рюмкѣ чихирю. Всѣ воспитанники любили и уважали своего престарѣлаго инспектора. Позднимъ вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ занятій Кириллъ Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда его провожали; онъ давалъ имъ по чашкѣ чаю, по сухарю и затѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кириллъ Ивановичъ

совершенно спокойно, безъ всякой болѣзни и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ, два ученика пошли, по обыкновенію, провожать его; онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ прибѣжали сказать, что Кириллъ Ивановичъ приказалъ долго жить.

Умеръ Гловачевскій съ 27 на 28 число іюля мѣсяца 1823 г. 88 слишкомъ лѣтъ; 31 іюля его хоронили. Отпѣвали при собраніи всѣхъ воспитанниковъ въ академической церкви; питомцы вынесли его гробъ и провожали съ церемоніей до Смоленскаго кладбища. «День былъ жаркій, говоритъ В. И. Григоровичъ, стеченіе народа необыкновенное: президентъ академіи, художники и всѣ знавшіе Гловачевскаго почтили погребеніе его своимъ присутствіемъ. Слезы чувствительности невольно текли изъ глазъ, при воззрѣніи на маститыхъ, временемъ убѣленныхъ старцевъ членовъ академіи, съ чувствомъ нѣкоего благоговѣнія сопутствовавшихъ гробу бывшаго инспектора, наставника и втораго отца».

Гловачевскій имѣлъ несчастіе пережить многихъ своихъ дѣтей и въ томъ числѣ старшаго своего сына, который былъ уже въ чинѣ VI класса совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Испаніи, гдѣ умеръ несчастнымъ образомъ въ Мадридѣ. Эта потеря, а равно и другія неменѣе важныя огорченія, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, были причиной его смерти. Наконецъ намъ остается сказать, что Гловачевскій свою молодость провелъ въ кругу самыхъ интелигентныхъ современниковъ, какъ-то: Ломоносова, Хераскова, Княжнина; всѣ они были короткими его пріятелями, а Сумароковъ былъ его другомъ. Бесѣды съ ними развивали его способности, и благодаря ихъ обществу Гловачевскій обязанъ отличительными чертами своего характера, дѣлавшаго его изъ ряда вонъ выходящею личностью.

Изъ произведеній Кирилла Ивановича Гловачевскаго были извѣстны портреты: императрицы Екатерины Алексѣевны, Павла I въ молодости, фельдмаршала графа Захарова, графа Чернышева, фельдмаршала Миниха, графини Анны Родіоновны Чернышевой, а также графини Чернышевой, жены адмирала Ивана Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Шувалова, князя Григорія Григорьевича Орлова (находится въ академіи художествъ), Петра Ивановича Бакунина, директора театровъ Василія Ильича Биби-

кова, г-жи Швебе, грузинскаго князя Атара Егоровича Джапари, графа Аркадія Ивановича Моркова, Алексѣя Яковлевича Римскаго-Корсакова, Лосенка, Саблукова; списалъ онъ также портреты съ брата своего Ивана Ивановича Гловачевскаго, себя и супруги своей, съ актера Шумскаго (читаетъ Сенеку—гравировалъ И. Лапинъ въ 1769 г.), актеровъ Волкова и Дмитревскаго, жены Дмитревскаго, друга своего А. П. Сумарокова, 2-хъ дочерей его, актрисы Т. Михайловны Троепольской и 90-лѣтней старушки Поморской, славившейся приготовленіемъ особенныхъ конфектъ, которыя нравились чрезвычайно при дворѣ. Послѣдній портретъ находили до того превосходно написаннымъ, что сравнивали оный даже со старухою Рембрандта. Черты-же Кирилла Ивановича Гловачевскаго сохранены для потомства кистью извѣстнаго художника Венеціанова, который написалъ его, окруженнаго воспитанниками всѣхъ возрастовъ, и за этотъ портретъ получилъ званіе академика. Кромѣ того существуетъ гравюра исполненная черной манерой Ухтомскимъ, на которой представленъ садъ академическій съ фасадомъ литейнаго зданія; ученики играютъ въ мячъ, а почтенный инспекторъ въ костюмѣ временъ Екатерины отдыхаетъ, сидя на скамейкѣ.

Сынъ Кирилла Ивановича—Александръ, ученикъ своего отца и Лосенка, занимался преимущественно миніатюрою, и въ академіи художествъ его работы есть миніатюрный портретъ Григорія Ивановича Угрюмова (1764 † 1823), писанный въ 1814 г., который считается единственнымъ изображеніемъ этого знаменитаго профессора.

И. Божеряновъ.

АВТОБІОГРАФІЯ
ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ рѣдкій по простотѣ замысла и изложенія, по необработанности и безграмотности языка, но богатый историческими вообще и въ частности бытовыми свѣдѣніями, южно-русскій письменный памятникъ половины XVIII ст. Авторъ помѣщаемой рукописи — простой, едва грамотный малорусскій священникъ первой половины прошлаго столѣтія, лѣвой стороны Днѣпра; тѣмъ болѣе удивительно, что въ умѣ его родилась мысль, выражаясь по нынѣшнему, пуститься въ писательство, «списать житіе и страданіе свое, на память дѣтямъ, внукамъ и всему потомству». Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько распространенъ былъ въ Малороссіи того времени обычай писать діаріуши, лѣтописи, дневники, автобіографіи и другихъ формъ записки. Обычай этотъ восходитъ къ XVI в., проходитъ чрезъ весь XVII вѣкъ и въ XVIII ст., проникая до низшихъ почти слоевъ, ясно говоритъ объ извѣстной умственной высотѣ и развитіи южно-русскаго общества тѣхъ временъ. Если въ началѣ 2-й четверти прошлаго столѣтія совсѣмъ неграмотный полковой асаулъ Михайло Мовчанъ, съ помощію посторонняго писца, ведетъ свою записную книгу, которую продолжаютъ его наслѣдники [1]), то въ началѣ 2-й половины того-же столѣтія «въ память потомству» пишетъ свое житіе простой іерей Илія Турчиновскій, столь-же мало владѣвшій языкомъ, какъ и перомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, его автобіографія не дошла до насъ сполна и обрывается на самомъ оригинальномъ эпизодѣ тѣхъ его страданій, въ которыхъ едва-ли не самъ онъ былъ виновенъ болѣе всѣхъ его враговъ. Передадимъ въ кратцѣ главныя черты его скитальческой жизни и столкновеній, закончившихся весьма печальной катастрофой, послѣдній исходъ которой намъ неизвѣстенъ.

---

[1]) См. янв. кн. «Кіевской Старины» 1885 г., стр. 60.

Родился о. Илія въ м. Березани, въ 12-ти верстахъ отъ г. Переяслава, полтавской губерніи. Отецъ его былъ сотникомъ березанскимъ и носилъ прозваніе Турчина, что указываетъ несомнѣнно на то, что самъ-ли онъ, или его отецъ былъ плѣнный турокъ. Слѣды восточнаго происхожденія сказались въ буйномъ и дикомъ нравѣ сына, тщательно скрывающаго эти черты въ своемъ разсказѣ. Природа надѣлила его хорошимъ голосомъ, и это опредѣлило его первоначальную профессію въ жизни, случайно разрѣшившуюся священствомъ, къ которому, какъ видно, авторъ «житія» не имѣлъ ни подготовки, ни призванія. Много лѣтъ провелъ онъ въ качествѣ вольнаго пѣвца и устроителя хоровъ, переходившаго съ мѣста на мѣсто.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подъучившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, Илія Турчиновскій былъ отданъ родителями въ Кіевъ для продолженія ученія; но обучаясь здѣсь въ низшихъ классахъ академіи, онъ состоялъ канонархомъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Въ шведскую войну, когда отецъ Иліи выступилъ въ походъ, мать взяла сына изъ Кіева для завѣдыванія хозяйствомъ; но хозяйничалъ онъ такъ плохо, что отецъ, по возвращеніи изъ похода, кромѣ укоризны, не «мало приложилъ ему и ранъ». Именно это обстоятельство толкнуло его изъ дому родительскаго «по школамъ волочитись и для повиданія больше свѣту». Скитальчество съ цѣлію пріобрѣтенія знаній и опредѣленія занятій было тогда обыкновеннымъ явленіемъ, и мы видимъ автора «житія» въ этомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ онъ съ точностію не опредѣляетъ: изъ Синявки онъ переходитъ въ Могилевъ, оттуда въ Шкловъ, Гомель, Черниговъ и наконецъ въ Переяславъ. Жизнь его за эту пору полна самыхъ разнообразныхъ приключеній, которыя онъ изображаетъ съ словоохотливостію простаго человѣка того времени; но именно благодаря этой словоохотливости автора, въ его незатѣйливомъ разсказѣ проскальзываютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ тогдашняго обученія, о положеніи православія въ Бѣлоруссіи, объ устроеніи хоровъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, о разыгранномъ имъ діалогѣ съ интермедіею, привлекшемъ все мѣстное населеніе мелкаго города Шклова и вызванной этимъ обстоятельствомъ жизненной бурѣ и проч. Служба Иліи Турчиновскаго въ званіи регента хора переяславскаго архіерея доставляетъ ему наконецъ священство въ родной Березани, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось-бы, покойную и обезпеченную жизнь.

Но не таковы были нравъ и характеръ Иліи Турчиновскаго, не такова была его подготовка къ священству, чтобы онъ могъ спокойно жить на предоставленномъ ему мѣстѣ. Слухи о его похожденіяхъ въ Бѣлоруссіи доходили вѣроятно до Березани, ибо протестъ противъ назначенія его на березанскій приходъ явился какъ до посвященія его, такъ и въ самый день рукоположенія. Главною противницею его въ этомъ дѣлѣ была вдова полковника Думитрашка, которую онъ и считалъ виновницею всѣхъ постигшихъ его потомъ бѣдствій. Она преслѣдовала его всякими способами, пока наконецъ съ помощію своего сына, учившагося за границей и став-

шаго сотникомъ въ Березани, не угодила его подъ судъ. Обвинялся о. Илія въ томъ, что вымогалъ отъ прихожанъ высокую плату за требы и многихъ изъ нихъ билъ, что не далъ причастья полковницѣ Думитрашчихѣ, ходилъ на медвѣдей, билъ волковъ и зайцевъ ловилъ, но отягчили участь его продерзостныя рѣчи его противъ архіерея и консисторіи. Его судили и по совокупности всѣхъ преступленій, не смотря на ходатайство двухъ членовъ синода, испрошенное имъ чрезъ своего сына, служившаго въ Петербургѣ, опредѣлили, лишивъ прихода и права священнослуженія, заточить на три мѣсяца въ монастырь на тяжкія работы въ оковахъ; но кромѣ того, по письму Румянцева къ переяславскому архіерею, ему дано еще сто плетей за какое-то буйство во время ареста, которое онъ называетъ взятіемъ «служебной колодницы съ цѣпью», но которое вѣроятно состояло въ разбитіи арестанскихъ кандаловъ. Въ разсказѣ о. Иліи, хотя и замаскированномъ, живо выступаетъ во всей суровой своей обстановкѣ строгій судъ церковный того времени. Сокрушенный имъ іерей, по видимому, повинился и обѣщалъ удовлетворить обиженныхъ имъ прихожанъ, но, по доставкѣ на мѣсто съ нарочно посланными изъ консисторіи, отказался исполнить свое обѣщаніе. Посланные снова заковали его въ кандалы для доставки въ каѳедру, но, угощенные сотникомъ, на обратномъ пути въ ночную пору опрокинулись въ ровъ, гдѣ и остались отъ сильнаго опьяненія. Испуганныя лошади понесли по полямъ скованнаго о. Илію... На этомъ и обрывается разсказъ въ его автографѣ, обязательно сообщенномъ намъ старѣйшимъ нашимъ этнографомъ, уважаемымъ П. А. Лукашевичемъ. Конецъ автографа очевидно оторванъ и затерялся, но читавшій его первоначальный владѣтель рукописи передавалъ Платону Акимовичу, что о. Илія освободился отъ суда, возстановленъ въ священствѣ и послѣ новыхъ и долгихъ злоключеній умеръ въ глубокой старости, хотя и на другомъ уже приходѣ.

Самый автографъ представляетъ собою небольшую книжечку въ 16-ю долю листа сѣрой бумаги въ бумажной обклейкѣ, писанную непривычною къ письму рукою, очень плохими, теперь совершенно уже выцвѣтшими чернилами. Пунктуація и вообще правописаніе таковы, что во многихъ мѣстахъ совершенно затемняютъ смыслъ рѣчи. Для облегченія читателей мы ввели современную пунктуацію, сообразно теченію рѣчи, а въ орфографіи прибавили твердый знакъ, отсутствующій въ подлинникѣ. Особенность правописанія подлинника заключается въ употребленіи повсюду *и* вм. *ы* и *и* вм. *і*, что въ большей части и нами удержано. Языкъ подлинника нельзя назвать ни народнымъ, ни книжнымъ; онъ приближается къ канцелярскому языку того времени, при очевидномъ вліяніи русскаго языка и съ значительною наклонностію къ славянизму, весьма понятною въ авторѣ-священникѣ. Объединить мелкія бытовыя черты, разбросанныя въ разсказѣ, не возможно; онѣ даются только чтеніемъ подлинника, котораго текстъ за симъ приводимъ.

Списася мною многогрешним, Илиею Турчиновским, священником и наместником Березанским, житие и страдание свое в память детям своим, и внукам, и всему потомству.

Азъ многогрешний Илия рожден от благочестивих родителей, в городку Березане въ ахчи (1695) року, iюля к дня, от отца Михаила, сотника березанского, и матки Анни Садковсковни; воспитан во благом наказанiи. Приспевшу возрасту моему, вдана мя родителие мои книжному ученiю при церкви святоуспенской березанской, за священника и наместника тоей церкви Павла, и к дяку Iоанну Кудинскому, где я обучился граматики. часловця и псалтири; и когда в болший возраст достигну ми, отец мой, отходя в поход военний, въ 1699 году, в Полщу (где и в Ляховичах полк увесь переяславский зъ полковником Мировичем шведя чрез змену гетмана Мазепи взято), мне приказал править господарством; когда же отец мой з походу з-под Ляхович, от шведских рук сохранен, сам единъ (а сотия вся там з полком пропала) пришел в дом, много мне укоризня, за накладом немалих ран, за непорядок домовий наложил; чего я в младих летех не моглъ разуметь.

От того времени стал я сожалеть о науце своей, якую за господарством позабил, и, оставля отца и матку, отийшол 1710 года из Березане по школам волочитись. И шедши малий путь, достиг града Чернигова и тамо при церкви Воздвиженiя Господня малое время поживши, отийшол в сотню, в село Синявку, где через год живши, там, при церкви покровской, обучился книжного чтенiя и пенiя, ибо хочай и трудился чрез три года в богоспасаемом граде Киеви, в манастире святомихайловском, при игумене Iоаникии Сенютовичи и при наместнику Варсонуфии и уставнику Гедеоне, за канархистру левого клироса, та й то еще на кошті оного iгумена и до школ латинских почал бил, за ректора Прокоповича, а подпрофесора Загурского, ходить; от якого ученiя, за отсутствiем отца моего у войско против шведа под Стародуб, где в ахчи года король шведский в Стародубе и вся армiя его зимовала, маткою моею з Киева взят и за домашнею суетою всего позабил. И в той Синявце обучившись, в

сотника тамошнего Мандрики, за писара дворового былъ и сина его Петра Псалтири обучалъ. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія, пойшолъ зъ двома молодиками болшими, Семеномъ и Иваномъ, въ Литовское Княженіе, въ королевский градъ Могилевъ. И шедши многимъ путемъ, пущею, дний два безъ людей, якіе молодики, видя въ мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремишася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Единъ тайно не малимъ древомъ хотѣлъ мене у главу уязвить, но Божіимъ защищеніемъ и Матере святой его защищенъ я отъ глави, но по книжкахъ, якіе на правомъ плечи мною несени били (ударилъ?), отъ котораго я бою упалъ о землю; и тамо мя лежащаго роздѣли изъ одѣянія и деньги, якіе при мнѣ были, изъ одѣяніемъ побрали. И чиняху, стоя, надо мною сваду: единъ Іоанъ желаетъ мене убить у смерть и заволокти зъ дороги внутрь пущи, а другий, Симеонъ, якоби милосердуя о мнѣ, совѣтъ подая свести мя далечайше съ пути, и нага къ древу привязать на снѣденіе комарамъ, или звѣрямъ; но Божіею силою и заступленіемъ моей помощници Матери Божей, ощутяся акиби отъ сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватясь въ єдной копулѣ, ялся бѣгу обратно путемъ тимъ, отколь и шествовали. И бежа съ немалимъ риданіемъ, молилъ Матерь Божію, да избавитъ меня отъ тихъ лютихъ Диоклитіяновъ, и голосно кричалъ о ратунокъ; то оніе убійци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агнцемъ, не малий путь; и яко оніе тѣломъ толсти, ктому же и пяни, не могли постигти и кричали голосно, даби я остановился, изъ немалою клятвою крестнимъ знаменіемъ утверждая не убить мене, но ити купно къ Могилеву, зъ обѣщаніемъ мнѣ все плаття возвратить. Якой я отъ нихъ клятвѣ явъ вѣру, оградилъ себе крестнимъ знаменіемъ и, прочитавъ *Богородице Дѣво, радуйся* и возложася на помощъ и заступленіе Матери Божіей, пришолъ до оныхъ. Якіе оба яша мя въ руцѣ и о землю вдариша, скрежетаху на мя зуби своими и связаша ми руцѣ и нозѣ, покушахуся нести мя внутрь пустиня и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказивалъ онимъ: „та коли клятва ваша и крестное знаменіе въ правдѣ остается, усумнѣтесь и убойтесь Бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избегнете лютѣйшей муки, и здѣсь, и на второмъ пришествіи. А буде желаете денегъ и платя

моєго, я вамъ вовся дарую, и нѣкому сей тайны не явлю". То оніє, полстившись деньгамъ и устрашая мя убийствомъ, ежели би кому обявилъ, развязали ми руцѣ и нозѣ и отдаша мнѣ одѣяніє и книжки съ торбою, якіє отъ срогаго вѣдару вполъ-дощечки поламалисѧ, а деньги рублей десять къ себѣ взяли. И тако изъ оними злосниками яхомся въ путь свой. И дойшли ночу до села, къ границѣ полской, маєтности печерского монастира, зовемаго Попова Гора. Въ якой жіючий городничий, єромонахъ Феодосий, усмотря мене въ церкви въ пѣнію и чтенію искусна, сказалъ дячку того села, чтобы мя принялъ до половини дяковской: и потому мя и принято. Чему я и радъ былъ избыть своихъ враговъ; но они, когда очувствовали моє отъ нихъ отлученіє, весьма опечалились и скрежеща на мя зубами, пожелали тамъ бить, но дякъ той школы не допустилъ и пошедши до городничого, объявилъ, а я зъ оними много водился и тимъ часомъ служителѣ нашедши, отняли мя и оних изъ школы выгнали. Но оніє, умысля на мя злокованіє вымысли, пошли до сотника компанѣйского, который на тотъ часъ въ томъ селѣ Поповой Горѣ стояли на квартирахъ и полкъ Чаусниковъ, и обявили, якобы я отъ нихъ отъ села Синявки уговорился, ежели доведутъ мене до Могилева, тамъ бы онимъ покупить по пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де онъ, изъ нами идучи, не маліє обиди дячкамъ подѣлалъ по школамъ, и якъ котрый его дякъ не приймет по его праву, то розками безъ пощады обиб'єтъ ночу и пойдетъ, а у иныхъ книжки позабиралъ, и тако намъ обратно ити невозможно; якіє де книжки и деньги и нинѣ въ него имѣются. То оний сотникъ, на тотъ часъ будучий въ корчми зъ своими козаками, прислалъ пяти компанѣйцовъ, и оніє взявъ мене насилне изъ школи и приведше предъ сотника, и плаття и книжки позабирали. Оній же сотникъ, не испрося мя, отъ якой страни и коєго рода, но повелѣлъ изняти изъ мене кунтушъ и кафтанъ и отдать моимъ зломышленникамъ, а книжки шинкарцѣ отдалъ за цеберъ меду, ибо не худіє книжки били. И осталіє деньги, якіє отъ тихъ десяти рублей остались, что онимъ я злочинцямъ отдалъ, еще два рубля оніє отъ мене отибрали, где я тилко въ единой рубашци стоя предъ ними, въ немаломъ ридании слези испущалъ; и прочіє мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на пропой шинкарцѣ вручили. Но я, стоя, серцемъ ко Господу Богу

и Матери Божей, возводя очеса свои, молился тайно, прося избавленія отъ такой напасти и разоренія, и воспоминая свой отходъ отъ отца и матки тайный. И уже сотникъ, и козаки, и мои враги Семенъ и Иванъ, за мои книжки и протчее накупленнаго меду напившись, приказали спѣвать предъ собою изъ оними моими врагами: то и мене принуждали; еднакъ я, хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести. Гдѣ минѣ оний сотникъ приказалъ у двѣ колодѣ древяніе ноги забить: який крикъ и шумъ единъ атаманъ компанѣйскій, лежа пянъ за пѣчу, ощутилъ и всталъ, сказуя: „что де то у васъ за шумъ и пѣніе?" Оний же сотникъ отвѣтствовалъ на тое ему атаману: „иди де за столъ, да пий медъ, намъ де злодѣя сіи молодики привели". Який атаманъ, уже не младъ собою, седя близъ сотника, сказывалъ: „где тотъ злодей?" То сотникъ повелѣлъ мя съ подъ караула изъ сѣней привести въ двохъ колодахъ и въ едной кошулѣ. И приведоша мя предъ того атамана, який много мене присмотревалъ у очи и спитуя: „отъ якой ты де страны? чуть де ты мнѣ не по зънаку". То я зъ немалыми слезами отвѣтствовалъ: „и полку переяславскаго, изъ городка Березанѣ". И оний атаманъ сказивалъ: „не ты ли Михайла Турчина, сотника сынъ?" То я отъ той радости мало не плачу не удавился и мало просилъ води напитись. И оный атаманъ сталъ сотнику и козакамъ говорить: „вы де и сами въсѣ въ дому его отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государа первого Петра Алексѣевича въ 710 году подъ Прутъ, и онъ де насъ по веленію отца своего частовалъ и правіянтъ, який намъ изъ сотнѣ належалъ, выдавалъ на сутки и записовалъ; почему онъ, сотникъ, примѣтилъ мя, что тако есть". И началъ я подробне оному сотнику и атаману сказывать, что оніе мои злочинцѣ изъ села Синявки доброволне зо мною пошли и что въ пути отъ нихъ мнѣ приключалось, подробне роскасалъ. И тогда онъ сотникъ и атаманъ повелѣли клади изъ моихъ ногъ розбить, да на моихъ супостатовъ, Семена и Івана наложить и до другого дни въ немаломъ заключеніи содерживать. И совлекши мою одежду со онихъ, мнѣ отдали, и все имущество мое бѣдное и деньги отъ нихъ отибрали и что они били взяли, возвратили; что же цеберъ меду выпили, зъ моихъ денегъ заплатили; мене же онъ сотникъ взялъ на свою квартиру. По утру же, свѣтающу, онъ сотникъ, всѣмъ ата-

манамъ сошедшимся, судили моихъ клеветниковъ и когда велѣли бить безъ пощадѣнія, то оніе всему своему злому дѣлу повинились: якихъ, еще приваливши бою, повелѣли козакамъ изъ села за границю, за рѣчку Сновку, въ польскую область выгнать и тамъ на границѣ немаліе раны наложить и, обидравши до кошуль, отпустить. Что и учинилось. Мене же онъ сотникъ, по совѣту атамановъ и козаковъ, принялъ за писара (ибо онихъ писарь во отлючцѣ былъ въ комисіи польской), где и квартеру мнѣ опредѣленно. Будучи же въ него немалое число въ правленіѣ писарскомъ, попудило мя первое желаніе отийти въ Полщу, въ Могилевъ, для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людекаго обхожденія. И упросилъ я сотника и атамановъ конпанѣйскихъ, чтобы мя отпустили, отъ якихъ и отпущенъ. За Божіею же помощію и Божіей Матере, тогожъ времени прилучившемуся купцю зъ Могилева града Іоану Ронѣ, який изъ Стародуба везлъ желѣзо, и за упрошеніемъ моимъ онаго купца, взятъ и при возахъ его дошедъ града Могилева, який стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ, и отъ него Іоана Ронѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подолѣ; гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрошеніемъ того же Іоана Ронѣ, принятъ до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на клиросъ, услышано отъ покойного архиерея Силивейстра Четвертинскаго мое пѣніе, и къ ему призванъ. Оній же епископъ испросился: „коея вѣры, и отъ якой страны и жительства, и гдѣ мое пребываніе?“ Оному епископу явилъ я свою вѣру и жительство, якое выше сего написанно и гдѣ нынѣ пребываю. Оній же епископъ требовалъ мене съ прошеніемъ, чтобы я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене ксензи до школъ и не пустили, сказуя, что ты де сизматикъ, що у сизматиковъ жіешъ. Но когда обучился чрезъ годъ и разсмотривъ искуство партесное, то единаго времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже былъ отдаленъ отъ капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыходъ концерта за дишкантами, пхнулъ мя изъ хоръ чрезъ желѣзные баляси. Где я изъ

хоръ на долъ летѣлъ вишенъ у пяти человѣкъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камѣнь мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждени были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Мене же Господь и Матирь Божая сохранила невредима. Онъ жъ реентъ, убоясь, бежалъ изъ хоръ и поддался на римскую релѣю, но не малимъ коварствомъ зъ римскими пѣвчими старался, якъ бы мене увѣчить, ктому жъ еще согласился изъ тими моими врагами, Семеномъ и Іваномъ, кои предъ сего мене желали убить, но ихъ зъ села, Поповой Горы, бивши плетми, выгнали за границю, а теперь въ Могилеви въ драгунскій полкъ при замѣку записались, якіе после вскорѣ православную церковь выкрали, и онихъ повѣшано.

Бѣгая того зла, по прошенію случившихся въ Могилеви мѣщанъ изъ города Шклова, просился я отъ епископа могилевскаго отпуску, обявля ему своихъ гонителей, який и отпустилъ мя зъ немалою жалостію. И съ тими купцами Іоаномъ Мазуровичемъ да Михайломъ Косебуцькимъ, имѣя изъ собою двохъ пѣвчихъ, пойшолъ я въ городъ Шкловъ въ манастирь Благовѣщенія Господня, въ якомъ манастири игуменъ Өеодосій изъ братіею приняли меня зъ охотою, зъ награженіемъ за содержаніе пѣвчихъ талярей десять битихъ, кромѣ дохода, ибо тотъ манастирь имѣетъ приходъ,—все благочестивіе къ тому манастиру скланяются, где и тотъ городъ стоитъ надъ рѣкою Днѣпромъ. И тамъ я чрезъ четири года при томъ манастири билъ реентомъ и отъ онихъ мѣщанъ, такъ и отъ игумена имѣлъ довольствіе. Но и тамъ врагъ, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру, воста на мя. Прилучившійся зъ Киева два студенти, желали у Орши или въ Могилеви ходить до школъ, но неприняти за тимъ, что благочестивіе. Съ ними я потрудился, и на Свѣтлое Воскресеніе выправили діаліогъ зъ интермедіею. На якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ. И всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе приня́вши, умыслили, яко бы мя выгнать изъ города Шклова: просили губернатора, чтобы мнѣ на ихъ празники приходить въ кляшторъ доменѣканскій до аргановъ и съ пѣвчими своими спѣвать. Хочай же и билъ присилокъ отъ гу-

бернатора, то я много отказывался, яко намъ благочестивимъ въ римскій кляшторъ неприлично входить, да и правила святыхъ отецъ возбраняютъ. Но и пачей оніи римляне опечалилися и наславши одной нощи въ монастиръ на спѣварню, яко би нечаянно, зъ лихтарнями, арганиста зъ драгунами замковими, и начали бить всѣхъ пѣвчихъ и тихъ студентовъ, а мене зъ чулана вытягши, безмилосердне били и шаблями рубили, где главу мою у двохъ мѣсцехъ до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпръ рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просилъ оного арганисти, яко онъ исперва добръ билъ ко мнѣ, помилованія: якій объявилъ мнѣ, что посланъ отъ замку убить мене и у Днѣпръ уволокти. Однакъ Божія помощь и Матерь Божія заступиста мя: случившіеся того града мѣщане ѣхали въ городи зъ крамами и наѣхавъ на тое, отняли мене и мало въ живыхъ унесли у спѣварню и объявили игумену. Отъ якого я порубанія много страдалъ и все свое имущество врачемъ роздалъ; но ничтоже не успѣлъ би, ожелиби не една вдова, женщина Евдокія Мащиха, излѣчила: ибо оніе римляне, ощутивши, якіе врачи до мене ходять (яко тамъ болѣе жидовъ не имѣется нѣкого), намовляли, чтоби мя умертвить. Когда жъ я отъ той старухи уврачеванъ и сталъ по прежнему спѣвать, то извѣщенно мнѣ отъ добрихъ пріятелей, что хотятъ мене, въ нощи напавши, извязать и воскори у Днѣпръ укинуть. Я, видя и тамъ гоненіе и что уже укритись отъ папиштаковъ невозможно, а случилось такимъ же способомъ, въ ночное время въ едномъ мѣсцу того арганисту самого застать въ шинку, то тамъ зъ своими пѣвчими такожъ ему отреванъжевалъ кіями и шаблями, и забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ.

О такой моей тайнѣ игуменъ и мѣщане извѣстни били и много обо мнѣ сожалѣли, тилько что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплыли миль десять. И приплывши свѣтомъ къ городу, стоящему надъ Днѣпромъ, Гомлю, тамъ препочили дний два. И паки яшася плаванія. И отъ Гомля, когда тамъ же судное плаваніе возъимѣли, то въ единомъ мѣсцю, приносяясь, случаемъ нагнали судно на древо, якое въ рѣцѣ отъ брега отвалилось, и тамъ все шесть насъ человѣкъ изъ судна вывернулись. И такъ само судно внизъ Днѣпра пошло, а имущество наше, якое било, все затонуло, мы же храненіемъ

Божіимъ за лозы похватались, яко поблизу берега имѣли плаваніе, и много, гласомъ немалымъ, искали ратунку. Где почувши рыбалки наехали насъ и побрали у свои лотки. И тилько въ тымъ остались платьемъ, въякомъ выпали изъ судна. И оными рыбалками вывезены на брегъ, где и огнь отъ нихъ распаленъ ради огрѣтія и обсушенія отъ воды. И оттоль, преночевавши, въ пущи пѣшимъ путемъ немалый часъ шедши, доспѣли къ Лоеву городку, а послѣ до Рѣпокъ, и тамъ преночивши мало, дошли до города Чернѣгова, и тамо премедля, ямася и паки въ путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчіе, а два въ Чернѣгови къ архіерею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, тамъ задержаны упрошеніемъ господина обозного генеральнаго Якова Лизогуба—при его церкви остатись за дячка изъ содержаніемъ пѣвчихъ. Видя я себе отъ потопленія и при мнѣ будучихъ пѣвчихъ весьма оскуднихъ на одѣваніе, принужденъ остатись. Въ ономъ Седневѣ жилъ я чрезъ годъ: и мало приодѣвшись, оттоль отийшолъ, поблагодаря, и оставилъ при господину еще двохъ пѣвчихъ, а зо мною единъ хлопецъ Іоанъ. И шедши дний не мало, достигъ до своего пристанища отческаго, и засталъ еще въ живыхъ отца и матку, и всѣхъ братий и сестеръ, и дѣда своего Стефана (якій уже живши купно зъ нами лѣтъ сто и трядцать и умре). Въ дому мало поживши, принятъ въ пѣвчіе въ катедру переясловскую къ преосвященному Кириллу Шумлянскому за регента. И тамо годъ выживши, изволеніемъ Божиимъ и за благословеніемъ родителей своихъ, въ 1718 году женился, февраля остатнихъ чиселъ, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Пилипенка, Анастасіи.

По отходѣ, того жъ года марта первыхъ чиселъ, отцеви моему въ походѣ царичанскій за обозного полкового, на тотъ часъ будучему гетманомъ наказнимъ господину Сулимѣ Іоану, хоружому генеральному, то я въ небытность отца моего, по умертвіи намѣсника березанскаго, Андрея Покоры, тымъ же архіереемъ Шумлянскимъ за заслуги мои пѣвческія, въ 1718 году въ ноябри 3-мъ числѣ, въ городку Березанѣ до храму Успенія Богоматери въ священника рукоположенъ. Еще въ тую пору въ Березанѣ една церковъ была, где со времени моего произвожденія много бѣдъ и гоненій отъ Забѣловни Дмитрашихи претерпѣлъ невыдаваніемъ презентовъ, но за выданіемъ отъ атамана Іоана Зуя нѣ

козаками презента, принятъ я и рукоположенъ. Якая изъ ярости того же дни прислала до архіерея Шумлянскаго съ писменнымъ прошеніемъ, якобы я недостоинъ священства, а недостоинства неякаго не показала: то оное письмо Павло Греско того жъ дни идучему архіерею изъ церквя, въ якой я и рукоположенъ, подалъ. Якое письмо архіерей, когда вшедши по обычаю въ столовой розибранъ съ мантіи, велѣлъ при старшинѣ полковой, якіе въ то время пригодились, писарю Савичу читать. И по вычитаню оного письма, призвавши оного Греска предъ себе и сказывалъ: „Объяви де панюй своюй, что она нехай знаетъ хлопа, а епископъ попа; а когда не похощетъ его Турчиновского въ руку цѣловать, то нехай где инде поцѣлуетъ". И тако отправленъ. И отъ того времени не малыя отъ ней Дмитращихи и сына ея Василія, хочай въ тую пору и младъ былъ, гоненіе и поруганіе претерпѣвалъ и во время моего прихода, по обычаю, зъ молитвою и въ празники зъ крестомъ, немалое поруганіе и выгнаніе изъ дому ея принималъ. А всегда, бывало, лестію мя хотяще уловить, призывая въ домъ свой, питіемъ изнуряетъ, чимъ бы въ словахъ уловить и обезчестить; но я, силою Божескою и Матере Божіей, невредимъ отхожду. Видя оная Дмитращиха, что я не преодолѣванъ состою, на едину обиду якобы мою устроила въ 1719 году церковъ другую на Заричи, съ помоществованіемъ прихожанъ, святого Архангела Михаила, лкая въ годъ состроена и освящена покойними протопопами Григоріемъ Максимовичемъ да Павломъ Добронѣцкимъ. И стала (Дмитращиха) до того прихода референатись, а вмѣсто ея дому домъ отца моего къ моему приходу опредѣленъ. Къ якой церкви приданъ священникъ Кирилло; но оная Дмитращиха и тимъ священникомъ вознегодовавши, почала искать духовныхъ себѣ по своей похоти: и во время святыя четыредесятницы для исповѣди отъѣхала въ село Семеновку и тамъ въ священника Григоріа исповѣдалась, а до моей успенской церкви пришла, чтобы Святыхъ Тайнъ сподобитись. Якую я видя пренебрегательку чина священническаго, пославъ пономаря Михаила, чтобы оная Дмитращиха зъ церкви выступила и ѣхала бы туда причащатись, где исповѣдалася, якая принуждена ѣхать въ церковъ Михайловскую и тамъ сподобилась Святыхъ Тайнъ отъ Кирилла священника: ибо и указъ отъ архіерея Шумлянскаго во всю епархію былъ, чтобы священники не своихъ при-

хожанъ не приймали на духъ и начей Святыхъ Тайнъ не сподобляли. То отъ того времени и пачей немалою яростію наполнилась: начала гонить мене явно и тайно, насылая своихъ подданныхъ пьяныхъ на мой домъ, бранячи и на пути, и въ церкви, а я все снисходительными вещми сохранялся. Единаго же времени, зъ ярости, будучому въ доми ея полковнику Василію Танскому, много непотребностей приключила мнѣ наговоркою. Який, призвавши мя въ домъ ея предъ себе, бранилъ, порываясь бить мене; но я и оттоль безбѣдно, оправдая себе, отийшолъ. А уже когда сынъ ея Василій, будучий въ той время во училищахъ въ Шленску и въ Празѣ, выучась, отъ Праги въ Петербурхъ дойшолъ и тамъ въ архіерея Лопатинскаго учителемъ при домѣ его сталъ; то уже я отъ оной Дмитрашихи весьма былъ поруганъ и гонимъ, съ похвалками оттогнать мене отъ парафіи изъ Березанѣ. Когда же сынъ ея пришедъ въ Петербурга, то уже незносніе мнѣ обиды и козакамъ сталъ приключать. А когда въ 1740 году сотникомъ березанскимъ сталъ; то и тоже гоненіе на мя востало: зъ немалымъ угроженіемъ козакамъ и мужикамъ приказывалъ, чтобы у мене нихто не наймался работать, хотя уморить мя гладомъ и хладомъ. На остатокъ тогожъ 1740 г. мои покупленніе гаи, поля, тако жъ и въ козаковъ, неправеднымъ слѣдствіемъ сотникомъ бубновскимъ Василіемъ Савичемъ, да Кранивлянскимъ Михайломъ Кандибою, да Капцевичемъ канцеляристою поотнимано и ему сотнику Василію Дмитрашку отдано. Но еще не утолясь на томъ, въ 1746 году подалъ на меня доношеніе онъ, сотникъ Дмитрашко, епископу Никодиму, якобы я усиловне отъ прихожанъ за вѣнчаня и за сорокоуста бралъ, и за неданіе его матери причастія, и якобы я многихъ билъ, отъ якого бою и смерть приключилась, и самъ за волками, и за зайцями, и медвѣдями ѣзжу, и бью, и ловлю. По якому его челомъ битію прислано съ катедры слѣдственниковъ: іеромонаха Евксентія, да попа петропавловскаго Гошкіевича, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе, за прибытіемъ своимъ въ Березань, онымъ сотникомъ березанскимъ Василемъ Дмитрашкомъ подкуплены и неправедно людей, козаковъ и мужиковъ допрашивали безъ присяги. Къ тому-же онъ сотникъ всѣхъ устрашалъ боемъ, ежелибы кто за мною правду говорилъ, да къ тому-же и отъ епископа Никодима не-малая посяжка была и того ради ни малѣйшаго оправданія вслѣдствіи отъ мене не

принимано, а болѣе ни за что, яко сынъ мой Алексій, будучи въ Петербургѣ изъ Алексѣемъ Малиновскимъ, для свиданья зъ сыномъ-же моимъ Андреемъ, кой былъ въ службѣ въ тое время въ Петербургѣ, у Воронцова графа, испросили у членовъ сѵнодальныхъ архіепископа московскаго Платона Малиновскаго, да архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго письма къ Никодиму, чтобы мя въ обиду сотнику Дмитрашку не попускалъ. Якій архіерей Никодимъ не только сотнику не возбранилъ, но самъ, согласясь изъ сотникомъ, гонителемъ былъ. И по окончаніи слѣдствія, за поданіемъ его Дмитрашка доношенія, чтобы до окончанія дѣла лишили мене священства и намѣсничества, тогожъ выше писанного года, сентября 14 числа, велѣно мнѣ указомъ явитись для выслушанія дѣла въ консисторію. Но когда я явился; то тоже сентября 19 дня велѣно всѣмъ священникамъ градскимъ переясловскимъ съ причетниками въ консисторію сходитись, а когда сойшлись, то при соборне, и при мнѣ, и ему Дмитрашку, приговоры лишили мене священства, и прихода, и намѣсничества вовся, и въ кого взималъ за вѣнчанья и за сорокоустное поминаніе, мнѣ козакамъ и его подданнымъ деньги возвращать; за битье медвѣдя и волковъ и ловленія зайцовъ въ заточеніе сослать на дванадцать недѣль въ ссылку, за неданіе-же матери сотника Дмитрашка причастія уплатить девятдесятъ и пять рублей безчестія. Все тое за то, что я во время слѣдствія сказалъ: буди де консисторія праведно не осудитъ, то небесная консисторія праведно осудить, онъ архіерей приключилъ. А что я взялъ былъ съ канцеляріи колодницу свою служебну, березанскую, и уже за тое, по жалобѣ отъ его Дмитрашка до Румянцева (якій тогда гетманствомъ правилъ), Румянцевъ писалъ къ архіерею Берлу, и за то я былъ штрафованъ, что взялъ самоправне (колодницу) съ цепью, то и ще, по его доносу сотника, якобы за тое (присуждено) дать мнѣ плетей сто вдаровъ. Где и приказанно воловикамъ держать мене; но я, не даясь держать, объявилъ въ консисторіи: „буди не выдержу, то въ тую пору держать“. И такъ, скилько оніе мордерцѣ били плетьми, я все читалъ: „*Отче нашъ*“ да „*Богородице Дѣво,*“ и тако Божіею помощію и Матери Божіей и малѣйшей болѣзни не ощущалъ. А когда я всталъ, то повелѣно мене заковать въ немаліе желѣза и залютовать вовся, безъ замковъ, и въ хлѣбню посадить, и тамъ

полѣна рубать и дѣжу мѣсить, и всякое послушаніе работать. А после того же сентября 29 въ ссылку въ монастиръ горскій Золотоноскій сосланъ въ железахъ зъ подданнымъ коробовскимъ Василемъ Лепскимъ, якій за привозъ въ горку съ плечей остатную зъ мене реверенду знялъ. И тамъ я въ черной работѣ три мѣсяца, въ завѣдованіи игумена Доротея Лебедевича, въ немалой нуждѣ страдалъ, еднакъ Божіею силою и Матери Божіей былъ подкрѣпленъ. Зъ якой ссылки уже ноября 30 числа велѣно указомъ у железахъ и паки въ катедру представить; где за представленіемъ моимъ подавалъ самому архіерею Никодиму доношеніе, чтоби мои, непринятыя въ слѣдствіи, оправданія въ консисторіи принято и разсматривано былобъ, и мене помилованобъ. Якій архіерей оніе мои оправданіе и доношеніе, три дни держа въ себе безъ помѣты и безъ резолюціи, мнѣ чрезъ писаря Иринарха отдалъ; а когда уже декабря 10 расковали изъ железъ, приказали ѣхать въ домъ, чтоби матери сотниковой, якоби за безчестіе, такъ и козакамъ и мужикамъ за взятіе за вѣнчаня и поминовенія, не виключая того, что викарію, дячку, панамару давано, все до остатка отъ мене бы было награждено, и для того и послано изо мною и съ катедры іеромонаха Мелетія, да канцеляристу Василія Козловскаго. Якіе много принуждали мя, чтоби я матери его Дмитрашка, такъ козакамъ и мужикамъ уплатилъ; но я, видя оный въ консисторіи неправедный приговоръ, ни мало не повинился. Якіе и паки заковавши въ железа и положа на драбинчастій возъ, приказали дячку Ивану Даниленку, да дячку михайловскому Григорію везти мене въ катедру. Якіе когда попились въ его Дмитрашка Василя, и ночью везя мя въ Чирское, у великій ровъ изъ возомъ упали, и тамъ сами остались пьяни, мене же лошади, когда спужась, стали по ролямъ ораннымъ носить; но я, видя...

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Собранія писемъ Достоевскаго и Тургенева, умершихъ какъ-бы вчера, служатъ свидѣтельствомъ того, какую важность стали давать въ послѣдніе годы частной перепискѣ крупныхъ писателей. Въ европейской и русской литературахъ она получила нынѣ почти значеніе литературныхъ памятниковъ. Заключая въ себѣ отзывы и мысли, касающіеся всего, на что наталкивала жизнь, вводя въ интимный міръ писателя, письма, эти неназначенныя къ печати бесѣды, справедливо признаны важнѣйшимъ біографическимъ подспорьемъ. Нельзя не выразить большого сожалѣнія о томъ, что не существуетъ до сихъ поръ хронологически изданной переписки Шевченка. Его писемъ разновременно напечатано было не мало; но разные періоды жизни поэта представлены въ нихъ чрезвычайно неравномѣрно, и эти пробѣлы, при дальнѣйшихъ поискахъ, могли-бы быть еще значительно пополнены, а главное—получилась-бы та цѣльность впечатлѣнія, которая такъ важна при изученіи всякаго большого писателя и такъ значительна въ особенности, когда дѣло идетъ о поэтѣ столь искреннемъ, какимъ былъ Шевченко. Нѣсколько сообщаемыхъ ниже писемъ и записокъ его къ Михаилу Александровичу и Марьѣ Васильевнѣ Максимовичамъ должны примкнуть къ этому будущему собранію, скорѣйшаго появленія котораго вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, конечно, весьма многіе.

Ничто такъ не случайно, какъ судьба писемъ. Съ этой истиной можно согласиться, забывши даже о почтовыхъ порядкахъ. Такъ какъ сохраненіе писемъ обусловливается или особенной аккуратностью или счастливой случайностью, двумя вещами равно рѣдкими, то неудиви-

тельно, что и писемъ, даже людей выдающихся, сберегается немного. Переписка обитателя Михайловой горы съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Нѣсколько писемъ Максимовича къ Шевченку мы напечатали въ прошломъ году («Кіевск. Стар.» 1884 г., № 4, стр. 644), другія помѣстилъ въ своей книгѣ г. Чалый. Письма Шевченка, предоставленныя намъ теперь, не служатъ на нихъ отвѣтомъ. Очевидно, и то и другое—только клочки переписки, бывшей болѣе дѣятельной и обильной.

Изъ Нижняго Новгорода, мѣста извѣстной, невольной стоянки поэта при переѣздѣ его изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко посылаетъ Михаилу Алекс. три новыхъ стихотворенія («Доля», «Муза» и «Слава») и пишетъ нѣсколько взволнованныхъ, «оправдательныхъ» строкъ:

«*10 февраля 1858 г.* Друже мій единый! Яка оце тоби сорока брехуха на хвости принесла, що я тутъ ничого не роблю, тилько бенкетую. Брехня, ей-же Богу брехня! Ты й самъ таки подумай гарненько: хто-жъ насъ шануватыме, якъ мы самы себе не шануемъ? Я-жъ уже не хлопець нерозумный и одъ старости, слава Богу, ще не одуривъ, щобъ таке выроблять, якъ ты пишешъ. Плювь, мій голубе сызый, на цю паскудну брехню и знай, колы мене неволя и горе не поборолы, то самъ я не звалюся. А тоби велыке, превелыке спасыби за щырую любовъ твою, мій голубе сызый, мій друже едыный. Я ажъ заплакавъ на старость, якъ прочытавъ твое письмо, полное самои чыстои, некупленнои любови. Ще разъ спасыби тоби, мое сердце едынее!

Я пославъ тоби письмо харьковского директора. Тытяся цилуе тебе, якъ батька ридного [1]) и просыть, щобъ ты робывъ зъ нею, якъ Богъ тебе навчыть. На Вар—ва нема надіи. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоровъ, мій мылый друже. Незабаромъ прыбуду до тебе. А поки що, любы мене оклеветаннаго твоего щырого друга Т. Шевченка.

Хочъ ты и не велывъ, а я таки не втерпивъ, чмокнувъ сегодня разочокъ нашу любую Тытясю. Чмокны за мене гарненько благородного Сергѣя Тимофеевича [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ вѣроятно объ актрисѣ Піуновой, на которой въ то время Шевченко думалъ жениться, и о ея переходѣ на столичную сцену.

[2]) Аксакова.

Поэтъ «оправдывается» передъ своимъ другомъ очевидно противъ росказней тѣхъ непрошеныхъ и досужихъ моралистовъ, которые преслѣдовали его всю жизнь и не оставили и за гробомъ. Безупречные въ своемъ ничтожествѣ, не падавшіе сами никогда, потому что никто не давалъ себѣ труда ихъ толкать, они мѣряли на свой условный аршинъ каждый шагъ поэта и, глухіе сердцемъ къ его суровой долѣ, накидывались на каждую мелочь, сто разъ искупленную его тяжелымъ страданіемъ. Голоса такихъ господъ слышались при жизни и надъ гробомъ каждаго великаго поэта. Они желали-бы видѣть Данта—чиновникомъ, одинаково служащимъ во Флоренціи при всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, Байрона, поэта страстей и тоски, «примѣрнымъ», окруженнымъ потомствомъ семьяниномъ...

Слыша эти елейные голоса и вспоминая жизнь поэта, испытываешь невольно жгучую грусть. Искреннѣе и болѣе прямодушно, чѣмъ золотушные моралисты, искалъ онъ истинной любви, привязанности, всего того, что даетъ семья; но не такъ сложилась его жизнь. Ушли молодые годы. Къ извѣстнымъ, кончавшимся неудачами поискамъ невѣсты относятся три письма поэта къ Марьѣ Вас. Максимовичъ. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

«*С.-Петербургъ 22 ноября 1858 г.* Вельмы и вельмы шановная и любая Марье Васыльевно! Спасыби вамъ, мое серце едынее, за ваше щыре ласкаве прывитання Я думавъ, що вы давно вже въ Москви сумуете, ажъ бачу, що вы теперъ по Мыхайловій гори походжаете, на сыни горы поглядаете, зъ Днипромъ розмовляете, та й мене сирому одынокого на чужыни не забуваете. Спасыбя вамъ ще разъ, мое серце едынее. Якъ-бы вы ще згадалы про те, що я просывъ васъ въ Москви, та заходылыся гарненько коло сего святого (дила), то це було-бъ такъ. А вы мабуть уже и забулы мою прозьбу? то отъ вамъ нагадаю. Я васъ просывъ, щобъ вы мене оженылы. Оженить, будьте ласкави! А то якъ вы не оженете, то й самъ Богъ не оженыть, такъ и пропаду бурлакою на чужыни. На те лито, якъ Богъ поможе, буду въ Кіеви и на Мыхайловій гори, а вы тамъ де небудь пидъ яворомъ, або пидъ вербою и поставьте мою заквичану княгыню, а я пиду погулять та й зоструну іи. Бачыте, якъ просто и гарно Зробить-же такъ, мое серце едынее, а я вамъ теперъ шлю, замисць парчового

очипка, мій невеличкій *Сонъ*, а литомъ прывезу величенну поэму, якъ зробыте по моему прошенію, а якъ-же ни—то ни».

Слѣдуетъ извѣстное, провосходное стихотвореніе «На панщыни пшеныцю жала...», отъ печатнаго текста отличающееся присутствіемъ въ срединѣ двухъ строкъ, впослѣдствіи уничтоженныхъ и дѣйствительно лишнихъ, и отсутствіемъ двухъ строкъ заключительныхъ, примиряющихъ и прибавленныхъ послѣ, при слухахъ про «волю». За текстомъ «Сна» приписка:

«Не здивуйте, якій удався. Не забудьте-жъ, моя голубко сызая, моей велыкои прозьбы и мене искреннего вашого Т. Шевченка».

Пять мѣсяцевъ спустя, поэтъ пишетъ изъ Петербурга тому-же лицу:

«*25 марта 1859 г.* Сегодня бувъ я у Александры Михайловны [1]). Вона мени показувала ваше послѣднее письмо до неи. Спасыби вамъ, мое серденько, що вы мене згадуете и не забуваете моеи прозьбы. Спасыби вамъ ще разъ и ще разъ. Якъ Богъ поможе мени до маія мисяця кончыть мои дила съ цензурою, то насыплю повну кышеню грошей, та й чкурну черезъ Москву прямо на Мыхайлову гору. Добре, дуже-бъ добре було, якъ-бы то воно такъ сталося, якъ гадаетця. Та вже нехай якъ буде, такъ и буде, а я хочъ безъ грошей прыдыбаю таки до васъ симъ литомъ, та якъ Богъ та вы поможете, то може й одружуся. Якъ-бы то такъ сталося, дуже добре було-бъ. Ажъ страхъ обисило вже мени бурлакуваты. На сей разъ посылаю вамъ свій партреть, тилько вы его не показуйте моій молодій, а то злякаетця. Оставайтеся здорови, нехай вамъ Богъ поможе на все добре. Згадуйте николы искреннього вашого Т. Шевченка».

«Передайте моій будущій молодій княгыни оцю невеличку и не весильну писеньку:

Якъ-бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки,
Горенько мое! и т. д. [2])

Отъ вамъ и друга невеличка:

Якъ-бы мени, мамо, намысто.. [3])

[1]) Кулишъ?

[2]) «Кобзарь», 1884 г., стр. 161. [3]) Ibid., таже страница.

Поздоровляю васъ зъ святымъ Велыкоднемъ!

Фотографъ збрехавъ, не прынисъ мени портрета. Нехай до другого разу. А на сей разъ скажите *їй*, що я лысый и сывоусый, то вона сердешна и такъ злякаетця.

Якъ буде ласка напысать до мене, то напышить усе гарненько и дрибненько, та й адрессуйте въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, такому-то, цебъ-то мени».

Поиски невѣсты, если они предпринимались г-жей Максимовичъ, успѣхомъ не увѣнчались. Тоже было и съ поисками другихъ лицъ и съ сватовствомъ самаго Шевченка. Въ первый разъ сватался онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, на Піуновой. Ея артистическія способности заставляли поэта закрывать глаза на недостатокъ развитія и идеализировать свою избранницу. Когда это сватовство разстроилось, любимой мечтой Тараса Григорьевича стало жениться на женщинѣ изъ той среды, изъ которой онъ вышелъ самъ, и притомъ на самой бѣдной, сиротѣ и крепачкѣ. Наймичка родственника его Варѳоломея Григорьевича Шевченка, сирота Харита, успѣла выйдти замужъ, пока велись переговоры о предполагаемомъ сватовствѣ. Позже женитьба Шевченка на горничной г. Макарова Лукерьи была очень близка къ осуществленію. Мало видѣвъ и зная ее, Тарасъ Григорьевичъ любилъ въ ней свой идеалъ женщины изъ народа, трогательной своей безпомощностью и силою чувства. Дѣйствительность, однако, скоро разочаровала его. Послѣднее изъ писемъ къ г-жѣ Максимовичъ относится къ тому времени, когда собственный выборъ поэта сдѣланъ еще не былъ и въ этихъ поискахъ онъ искалъ помощи друзей. Начинается это письмо, впрочемъ, разсказомъ о хлопотахъ совсѣмъ иного рода.

Спб. 10 мая 1859 г. Воистинну Христосъ Воскресе, мій любый, мій едыный друже! Спасыби вамъ, мое серденько, за вашее щырее, ласковее письмо. Въ той самый день, якъ я получывъ его, заходывся клопотать о паспорти, та й доси ще не знаю, чы дадуть мени его, чы ни. Перше въ столыцю не пускалы, а теперъ зъ ціеи с.... столыци не выпускають. Докы воны будуть згнущатысь надо мною? Я не знаю, що мени робыть и що почать? Утекты хиба ныщечкомъ до васъ та одружывшыся у васъ и заховатьця. Здаетця, що я такъ и зроблю. До 15 мая ждатыму паспорта, а тамъ що буде, то нехай те я буде

А покы що буде, посылаю вамъ свій портретъ, тилько будьте ласкав не показуйте портретъ дивчатамъ, а то воны злякаютця, подумають, що я гайдамацкый батько, та ни одна и замижъ не пійде за такого палыводу. А тимъ часомъ одний, найкращій скажить тыхенько, щобъ рушныкы дбала, та щобъ на своему огороди гарбузивъ не сажала. Такъ щожъ, позычыть, якъ на своему не посадыть. О! бодай такои сусиды одцуралысь!

Оставайтесь здоровы, мій любый, мій едыный друже! Въ маи, або въ іюни побачимось, а поки що, де набачите, що гарбузы посажени, то такъ съ корикемъ и вырывайте. Искренный вашъ Т. Шевченко».

Лѣтомъ 1859 года Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Малороссію и въ іюлѣ гостилъ у М. А. Максимовича. Въ тотъ-же пріѣздъ выбиралъ онъ на днѣпровскихъ берегахъ мѣсто своей будущей усадьбы. Но жить по сосѣдству съ Михайловой горой ему не было суждено. На томъ мѣстѣ, гдѣ думалось жить, онъ успокоился на вѣки и вмѣсто веселой хаты, на Днѣпровой кручѣ выросла черезъ два года высокая Тарасова могила.

КЪ ИСТОРІИ

ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ.

Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года.

Съ переходомъ запорожцевъ въ русское подданство въ 1733 г. явилась надобность въ частыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ крымскимъ ханомъ, по поводу непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній и споровъ запорожцевъ съ татарами. Особаго уполномоченнаго отъ Россіи при ханскомъ дворѣ не было; сношенія поручались обыкновенно кіевскому генералъ-губернатору, въ качествѣ «главнаго пограничнаго командира», и велись при посредствѣ Запорожскаго Коша. Кромѣ улаженія пограничныхъ споровъ, правительство имѣло надобность въ развѣдкѣ о настроеніи хана относительно Россіи, которое служило всегда почти вѣрнымъ отраженіемъ настроенія грозной еще тогда Турціи. Письма къ хану отъ кіевскаго генералъ-губернатора препровождались обыкновенно чрезъ нарочнаго рейтара при особомъ ордерѣ къ кошевому атаману въ Запорожскую Сѣчь, откуда уже командировались для доставленія писемъ въ Бахчисарай нарочные, два-три человѣка изъ «надежныхъ, искусныхъ и татарскаго языка знающихъ» козаковъ, которымъ при этомъ поручалось секретно провѣдывать о разнаго рода «тамошнихъ обращеніяхъ». Козаки эти, по возвращеніи своемъ, представляли кошевому атаману «доѣздные репорты», копіи съ которыхъ и препровождались къ генералъ-губернатору при репортѣ кошеваго объ исполненіи порученія.

Но запорожцамъ въ свою очередь не всегда довѣряли и потому нерѣдко къ хану командировались и прямо изъ Кіева нарочные офицеры, которымъ также поручалось «секретное развѣдываніе» о крымскихъ дѣлахъ, и зачастую это развѣдываніе и бывало главнымъ предметомъ командировки, а письмо къ хану было только предлогомъ. Офицеры эти, по возвращеніи своемъ, представляли особый «журналъ», въ которомъ и давали обстоятельный отчетъ обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, было достойно вниманія и требовало донесенія.

У меня въ рукахъ находится пять такихъ журналовъ, относящихся къ 1750—55 годамъ. Журналы эти не представляютъ собою цѣльнаго историческаго интереса, касаясь мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ и захватывая собою лишь самую незначительную часть нашихъ внѣшнихъ сношеній; тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано не мало цѣнныхъ историческихъ указаній и мелкихъ бытовыхъ чертъ и изданіе ихъ было-бы весьма полезно въ смыслѣ историческаго матеріала. Одинъ изъ такихъ «журналовъ» я предлагаю здѣсь вниманію любителей отечественной старины.

Секундъ-маіоръ Матвѣй Мироновъ командированъ былъ въ Крымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1755 г. управлявшимъ тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами вице-губернаторомъ Костюринымъ. Въ генварѣ этого года получено было извѣстіе о вступленіи на турецкій престолъ султана Османа, и это обстоятельство вызвало, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, усиленныя съ нашей стороны заботы о «соблюденіи сосѣдственной съ турецкою стороною дружбы и объ отвращеніи всего того, что-бы къ малѣйшему несогласію и ссорамъ съ турками поводъ подать могло». Всѣмъ пограничнымъ начальникамъ предписывалось, чтобы они «старались съ тамошней стороны обо всемъ, что происходить будетъ, вѣрныя вѣдомости чрезъ нарочныя посылки доставить». Въ виду-то этого указа, Костюринъ и командировалъ Миронова къ крымскому хану, съ цѣлію поздравить его со вступленіемъ на престолъ новаго султана и переговорить о нѣкоторыхъ пограничныхъ дѣлахъ, а при семъ удобномъ случаѣ и провѣдать о «тамошнихъ обращеніяхъ и воинскихъ пріуготовленіяхъ».

Въ очень длинномъ письмѣ своемъ къ хану, наполненномъ объясненіями по заявленнымъ съ крымской стороны на запорожцевъ претензіямъ, Костюринъ, между прочимъ, предлагалъ хану допустить къ себѣ въ Бахчисарай настоящаго русскаго резидента. «Когда-бъ

кто при вашей ханской свѣтлости, писалъ онъ, отъ россійской стороны ауторизованной человѣкъ безвыѣздно былъ, имѣя власть представлять и доносить, то конечно-бы всѣ оные жалобы сократились и послужилъ-бы къ исправленію всего случающагося и къ пріятному между нами сношенію, чего я искренне желателенъ, да и купечество-бъ съ обоихъ сторонъ въ случающихся между нами распряхъ по такому близкому порядку довольными находились и излишніе затѣвательства и увеличиванія прекратились бы».

Въ данной Миронову инструкціи также предписывалось ему непремѣнно заговорить при свиданіи съ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ россійской стороны какой ауторизованной персоны» и при этомъ примѣчать, какое на то отъ его ханской свѣтлости соизволеніе будетъ».

На путевые въ оба пути расходы выдано было Миронову 50 рублей.

Въ ордерѣ-же къ кошевому атаману отъ 11-го августа предписывалось: «выбравъ самыхъ лучшихъ и къ тому достойныхъ и вѣроятныхъ, доброконныхъ и оружныхъ, изъ запорожскихъ козаковъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного за толмача, знающаго турецкой и татарской языкъ, отправить и снабдить сек.-м. Миронова тремя подводами немедленно».

Изъ «журнала» Миронова видно, что ханъ крайне неблагосклонно отнесся къ предложенію Костюрина относительно «ауторизованной персоны», что составляло одно изъ главныхъ порученій, данныхъ Миронову. Самый журналъ знакомитъ читателей и съ способами «развѣдыванія», и съ характеромъ нашихъ отношеній къ «пріятелямъ»-чужеземцамъ и нѣкоторыми другими подробностями, я-же считаю нужнымъ предварительно дать поясненіе лишь по двумъ пунктамъ этого журнала.

1) Подъ 23-мъ числомъ августа сек.-м. Мироновъ, говоря о встрѣчѣ своей съ нѣкіимъ Гарбузомъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Гарбузъ этотъ ѣхалъ безъ «печатнаго билета» и что вообще «многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у Никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ». Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ, правительствомъ русскимъ, которое, не довѣряя запорожцамъ, рѣшилось зорко наблюдать за ними, учреждены были по рѣкамъ Бугу

и Днѣпру особыя заставы, на которыхъ и выдавались всѣмъ, проѣзжавшимъ въ турецкую сторону, особые билеты. Съ этою цѣлью на Никитинскую заставу командированъ былъ, кромѣ караульной команды, переводчикъ Семеновъ, который весьма ревностно, помимо прямой своей обязанности, занимался «секретнымъ развѣдываніемъ заграничныхъ обращеній». Онъ не ладилъ ни съ запорожцами, ни съ караульнымъ офицеромъ и весьма часто писалъ въ кіевскую губернскую канцелярію реляціи, а къ Костюрину письма, въ которыхъ жаловался на то, что установленныя заставы то и дѣло обходятся запорожцами и малороссійскими купцами, а билеты не берутся.

2) Сообщеніе секундъ-маіора Миронова (подъ 1-мъ и 2-мъ числами сентября) объ укрывавшихся въ Крыму сообщникахъ Мазепы Мировичѣ и Нафимовскомъ возбудило, какъ это видно изъ имѣющагося у меня особаго дѣла, обширную переписку съ малороссійскими полковыми канцеляріями, которыя не могли однако добыть никакихъ свѣдѣній о томъ, «давно-ли оные Мировичъ и Нафимовскій и изъ которыхъ мѣстъ и какимъ случаемъ за границу бѣжали». Между тѣмъ русскія власти, очевидно, придавали большое значеніе этимъ бѣглецамъ и принимали энергическія мѣры къ развѣдыванію о томъ, «отъ помянутыхъ Мировича и Нафимовскаго изъ Бакцысарая или изъ Польши въ Сѣчь и въ Запороги къ кошевому и прочей старшинѣ и къ кому-нибудь, съ письмами или и безъ писемъ, не присылалъ-ли или собою не пріѣзжалъ-ли кто, и не имѣютъ-ли они чрезъ кого тайной пересылки за границу со означенными Мировичемъ и Нафимовскимъ».

Найболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ получены были отъ упомянутаго выше переводчика Семенова, который въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Костюрину: «Когда я посыланъ былъ сего 1755 г. весною въ Крымъ, видѣлъ сего Мировича и Нафимовскаго у церкви и спрашивалъ у архіерея тамошнего и волоского господаря у резидента, которой находится при ханѣ въ Бакцысараѣ для исправленія господарскихъ дѣлъ; и они мнѣ о нихъ акуратно объявили, что они съ Мазепою измѣнили и пріѣхали въ турки съ нимъ и съ свейскимъ королемъ, и тогда ему Мировичу съ прочими отъ Порты опредѣлено жалованья въ каждый день по два левка, т. е. по 1 р. 20 к., получать отъ крымского хана и жить въ Крыму; то онъ Мировичъ тогда немного жилъ въ Крыму и отлучился въ Польшу

и жилъ въ Польшѣ, а опредѣленное ему жалованье за отлучкою отъ хана не получалъ. А бывшій Мировичъ-же, которой былъ при россійской службѣ артилеріи порутчикомъ, потомъ ушедъ изъ Россіи, былъ при крымскомъ ханѣ переводчикомъ и прошедшаго 1753 году здохъ; а сему Федору Мировичу онъ былъ братъ родной меньшой. И услыша сей Федоръ Мировичъ, что братъ его умре, изъ Польши того жъ году пріѣхалъ за братскими пожитками и, раздѣля тѣ пожитки съ женою брата своего, а его невѣсткою, остался въ Крыму и беретъ опредѣленное ему тогда отъ Порты вышеписанное жалованье или кормовые деньги. А Федора Нафимовскаго онъ держитъ при себѣ на своемъ коштѣ. А отъ поляковъ они не присланы, развѣ поляки что ему пишутъ, ибо присылаемыя изъ Польши къ хану письма нынѣшній переводчикъ Есиръ-мехметъ съ нимъ Мировичемъ переводитъ: Мировичъ читая сказываетъ, а переводчикъ по турецки пишетъ. Но и предъ хана хожденіе его Мировича въ годъ раза три или четыре, и то постоя мало и пойдетъ; а чтобъ ханъ принималъ его въ такіе глубокіе совѣты, не слышно и не уповательно; только, какъ я вижу, сіе дѣло не иное что, только сплетки запорожскаго толмача». При этомъ Семеновъ, распространяясь о ненадежности запорожскихъ толмачей, совѣтовалъ употреблять «кіевскихъ толмачей». «Ко мнѣ извольте писать, прибавлялъ онъ, чтобъ сіе дѣло содержалъ я въ найвысшемъ секретѣ и охраненіи, а старшина запорожская тая вся знаетъ, понеже сіе дѣло толмачъ, пріѣхавши сюда въ Сѣчь, своему атаману сказалъ, а отъ него и всѣмъ объявлено». Поручикъ Шемаевъ, который ѣздилъ въ Крымъ для «развѣданія тамошнихъ обращеній» въ октябрѣ мѣсяцѣ 1752 года записалъ въ своемъ журналѣ, что видѣлъ «извѣстнаго Мировича» въ Бахчисараѣ на базарѣ и что «ханскій переводчикъ Али при разговорахъ ему порутчику упоминалъ, что де помянутой Мировичъ ни къ какимъ дѣламъ нынѣ отъ хана не употребляется, затѣмъ де, что пришелъ онъ Мировичъ отъ пребезмѣрного ежедневного пьянства въ меланхолію». Видѣлъ-ли онъ Өедора Мировича, или брата его Ивана,—неизвѣстно.

А. Андр.

Журналъ, содержанной кіевскаго гарнизона стародубскаго полку секундъ-маіоромъ Матвѣемъ Мироновымъ во время посылки его въ Крымъ до Бакцысарая къ хану крымскому Арсланъ-Гирею съ письмами, а что имъ секундъ-маіоромъ въ бытность его въ Бакцысараѣ и въ проѣздъ въ оба пути о тамошнихъ обращеніяхъ развѣдано и присмотрѣно, явствуетъ ниже.

Мѣсяцъ августъ.

21. По отправленіи изъ запорожской Сѣчи зъ данными ему секундъ-маіору отъ кошеваго атамана Федора Толстоногова въ конвой двумя козаками и зъ двумя подводчиками, въ томъ числѣ за толмача однимъ козакомъ, да съ отправленнымъ изъ кіевской губернской канцеляріи солдатомъ однимъ, да Бакцысарая зъ жителемъ грекомъ Ананіемъ, который былъ въ запорожской Сѣчи для купечества и къ россійской сторонѣ благосклоненъ, и прежде сего во всю бывшую съ татарами войну жилъ въ запорожской Сѣчи, а нынѣ жительство имѣетъ въ Бакцысараѣ и весьма ему секундъ-маіору знакомъ и вѣренъ,— и будучи при никитинской заставѣ и ночевали.

22. Отъ никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились, а по перевозѣ на татарской сторонѣ усмотрѣно имъ, секундъ-маіоромъ, у Каменного Затону на татарской землѣ купеческимъ промысломъ торгуютъ запорожскіе козаки до 30 шалашей; а отъ Каменной Заставы не въ далномъ разстояніи оные-жъ запорожскіе козаки накосили въ урочищѣ Малой Цурки сѣна 5 скирдовъ. И отъ Каменной Заставы слѣдовали до р. Рогачика, гдѣ и ночевали.

23. Отъ р. Рогачика слѣдовали до р. Дурицкой, гдѣ и ночевали. Какъ слѣдуя отъ р. Рогачика до р. Дурицкой, наѣхалъ онъ секундъ-маіоръ на дорогѣ полтавскаго миргородскаго полку жителя Гарбуза, и данъ ему изъ сотенной полтавской канцеляріи пашпортъ за рукою той сотни атамана Ивана Миненка до запорожской Сѣчи, а не въ Крымъ, а печатного билета, гдѣ при никитинской заставѣ даются, не имѣетъ. Да и многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволству своему, у никитинской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ.

24. Отъ р. Дурицкой слѣдовали до колодезей и, не доѣзжая тѣхъ колодезей, вышеписанной грекъ Ананій остался на дорогѣ и ѣхалъ съ запорожскими козаками, которые ѣхали въ Крымъ за солью, чтобъ не подать въ Перекопѣ подозрѣнія,—гдѣ и ночевали.

25. Отъ колодезей въ Перекопъ прибыли и отведены были онъ секундъ-маіоръ и съ будучими при немъ, по приказу коймакама Феди-

эфендія, съ чаушемъ и толмачемъ ихъ армяниномъ Шаганомъ, на квартиру. И по пріѣздѣ на квартиру онъ секундъ-маіоръ толмачу ихъ объявилъ: можно-ли съ коймакамомъ видѣться персонално? Ибо напередъ сего оной коймакамъ къ себѣ въ квартиру посланныхъ изъ Кіева офицеровъ не допускалъ. На что оной толмачъ отвѣтствовалъ, что онъ о томъ ему коймакаму доложитъ.

Находящійся въ Перекопѣ запорожскій козакъ ирклѣевскаго куреня Максимъ Рудь, кой пріѣхалъ изъ запорожской Сѣчи для покупки соли, жаловался ему секундъ-маіору на крымскихъ чебановъ, что, не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять у колодезей, хотѣлъ изъ тѣхъ колодезей воловъ напоить, то де напавъ на него безъ всякой причины, одинъ чебанъ гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ оного козака въ руку.

По полудни въ первомъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору коймакамскій толмачъ со объявленіемъ, дабы шелъ къ коймакаму въ квартиру, куда онъ, взявъ съ собою обиженного раненного козака, пошелъ. И по приходѣ въ квартиру, оной коймакамъ просилъ его сѣсть и сталъ вспрашивать, откуда слѣдуетъ, отъ кого и съ чѣмъ; на что секундъ-маіоръ коймакаму отвѣтствовалъ, что отправленъ изъ Кіева отъ его превосходительства, г. генералъ-маіора и кіевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина съ письмами къ его свѣтлости хану крымскому; и притомъ онъ секундъ-маіоръ дружелюбно просилъ его коймакама, чтобъ отправленъ былъ безъ умедленія, и требовалъ подводъ какъ подъ себя, такъ и подъ конвойныхъ козаковъ, и на то онъ коймакамъ объявилъ: что касается до отправленія, изволь де и сего числа слѣдовать, отправленіемъ не умедлю, а подводъ безъ ханского фермана дать не смѣетъ. А потомъ у секундъ-маіора онъ коймакамъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ, гдѣ нынѣ находится, на что ему отвѣтствовано, что отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отпущенъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибудетъ.

Оной-же коймакамъ спрашивалъ у секундъ-маіора: не имѣетъ-ли Россія съ шведскимъ или прусскимъ королевствами войны? У насъ-бы все хорошо было и промежъ обоими высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удоволствія обидящіе не получили. И на то отвѣтствовалъ секундъ-маіоръ: ни съ какимъ королевствомъ великороссійскіе войны не имѣютъ, но со всѣми сосѣдми имѣютъ покой и тишину; что-же мѣшаютъ дружбу запорожскіе козаки, кто изъ нихъ виненъ явится, то таковыхъ безъ штрафа не оставляютъ; а что-же по многимъ коммиссіямъ стороны татарской никакого удоволствія обиженные не получили, такожъ изъ россійской стороны обидящіе отъ татарской стороны удоволствія не получили, но предано молчанію со обоихъ сторонъ и не упоминается; жалуетесь вы

на запорожскихъ козаковъ, что чинятъ татарамъ обиды, но и съ татарской стороны запорожскимъ козакамъ татары болѣе обиды приключаютъ, какъ-то и нынѣ въ проѣздъ его секундъ-маіора въ Бакцысарай запорожскій козакъ приносилъ жалобу на татарскихъ чебановъ, что-де не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять, хотѣлъ напоить воловъ изъ колодезя, и напалъ на него безъ всякой причины чебанъ и гнался за нимъ съ ножемъ и ранилъ того козака въ руку, котораго при томъ для лучшаго свидѣтелства предъявлялъ и просилъ онъ секундъ-маіоръ оного коймакама по сосѣдственной дружбѣ учинить сатисфакцію и обидимого удоволствовать. И на то онъ коймакамъ ему секундъ-маіору объявилъ, что безъ сатисфакціи и безъ удоволствія обидимый оставленъ не будетъ. И по окончаніи вышеписанныхъ всѣхъ разговоровъ поднесли ему секундъ-маіору кофе, а при коймакамѣ сидѣли старшина перекопская человѣкъ до 12, въ томъ числѣ и яничарской ага. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ въ свою квартиру и отошелъ.

Въ Перекопѣ-же хлѣбъ, пшеница и ячмень, продается: пшеницы четверть по 1 р. 20 к., ячмень по 80 к.; да и во всемъ Крыму нынѣшнего лѣта хлѣбу былъ немалой урожай.

Того числа по полудни въ 4-мъ часу, по требованію его секундъ-маіора, прислалъ къ нему на квартиру отъ перекопскаго коймакама для препровожденія изъ Перекопа до Бакцысарая одинъ сеймень, и слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали.

Нынѣшнего лѣта отъ многихъ дожжей въ крымскихъ мѣстахъ соль по малому числу около береговъ родилась.

26. Отъ Соленого озера слѣдовали до села Бадыжа, гдѣ и ночевали.

27. А отъ села Бадыжа слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

28. Отъ г. Козлева слѣдовали до Бакцысарая. И по пріѣздѣ къ Бакцысараю послалъ онъ секундъ-маіоръ данного въ Перекопѣ татарского провожатаго, да состоящего при немъ секундъ-маіорѣ за толмача запорожскаго козака Ивана Орловскаго къ ханскому визиру съ требованіемъ, куда позволятъ ему секундъ-маіору съ будучими при немъ ѣхать: отъ котораго приказано чрезъ оного провожатого отвесть ихъ, и отведены, на квартиру.

29. По утру пришелъ къ нему секундъ-маіору ханскій переводчикъ Мегметъ и поздравлялъ съ прибытіемъ и спрашивалъ, откуда прибыли; и посидя нѣсколько времени, оной переводчикъ объявилъ секундъ-маіору: о прибытіи-де вашемъ его ханской свѣтлости донеслъ; и съ тѣмъ съ квартиры отошелъ. А потомъ, спустя часа съ 4, оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану для поданія писемъ; но онъ секундъ-маіоръ ему переводчику объявилъ, чтобъ донесъ его ханской свѣтлости, чтобъ чрезъ

тотъ день позволилъ пробыть въ квартирѣ, для того, что еще съ дороги здоровьемъ слабъ, а завтрешнего числа въ соизволенiи его ханской свѣтлости, какъ изволитъ приказать. И съ тѣмъ оной переводчикъ и отшелъ. А потомъ спустя часа съ два оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маiору и объявилъ: его-де ханская свѣтлость дозволилъ до завтрешнего числа пробыть въ квартирѣ. И сидѣлъ оной переводчикъ у него секундъ-маiора часа съ два и въ разговорахъ о себѣ объявилъ, какимъ образомъ по великороссiйски говорить, читать и писать научился: въ прошломъ-де 1737 г. взятъ онъ былъ въ Очаковѣ малолѣтнымъ осьми годовъ въ полонъ и былъ прежде у Андрея Фелика, а Феликъ подарилъ его гвардiи капитану Чеботаеву, а Чеботаевъ Радiону Михайлову сыну Кошелеву, у которого будучи крещенъ въ православную христiанско-греческаго исповѣданiя вѣру и нареченъ Елпидифоръ, и хотѣлъ-де его оной Кошелевъ въ подушной окладъ въ ревизiю записать, и оттого онъ отъ него Кошелева бѣжалъ и записался въ сербской гусарской полкъ и былъ рядовымъ ротнымъ писаремъ и ротнымъ квартермистромъ, и по одной причинѣ—а по какой, того не изъяснилъ—содержанъ былъ въ Москвѣ въ военной конторѣ подъ карауломъ и оттуда бѣжалъ и былъ нѣсколько времени въ Нѣжинѣ у грека нѣжинского во укрывательствѣ, а у кого именно, того не объявилъ, и оной-де прiятель его грекъ препроводилъ его тайно чрезъ кременчуцкой форпостъ, а въ которомъ году, того не сказалъ, и былъ въ запорожской Сѣчи года съ два и для воровства ѣздилъ съ запорожскими козаками въ Польшу, и изъ запорожской Сѣчи бѣжалъ въ Бендеры къ отцу своему. И тѣмъ оной переводчикъ свой разговоръ кончилъ и отъ него секундъ-маiора съ квартиры отошелъ.

Вышеписанной-же грекъ Янакiй (Ананiй) 29 числа поутру въ Бакчисарай прiѣхалъ

30. По полудни въ 1-мъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маiору ханской переводчикъ Мегметъ со объявленiемъ, дабы шелъ къ хану для поданiя писемъ; куда онъ секундъ-маiоръ съ письмами и пошелъ; и напередъ его шли ханской переводчикъ вада-баша и, пришедъ къ ханскому двору, остановили и привели въ одну камору, гдѣ ханскiй лошадяной уборъ содержится, и трактованъ былъ кофiемъ. И погодя тамо съ полчаса, пришелъ въ ту камору переводчикъ Мехметъ и объявилъ, дабы шелъ онъ секундъ-маiоръ къ хану для поданiя писемъ, и въ тожъ время изъ оной каморы и пошли, и напередъ его секундъ-маiора шелъ онъ-же переводчикъ, а за нимъ секундъ-маiоромъ шли салдатъ да за толмача запорожскiй козакъ, въ диванъ. И пришедъ въ диванъ онъ секундъ-маiоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маiора и кiевскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина, хана поздравлялъ благополучнымъ восшествiемъ на престолъ его солтанова величества, а при томъ онъ ханъ спрашивалъ: господинъ-де гене-

ралъ какъ въ своемъ здоровьи находится; на что онъ секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ, что г. генералъ въ здоровьи своемъ находится благополучно. И принялъ отъ него секундъ-маіора письма ханской переводчикъ Мехметъ. А до приходу въ диванъ секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ близъ вхожихъ дверей, и приказалъ онъ ханъ чрезъ переводчика своего на томъ стулѣ сѣсть, и притомъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ—гдѣ нынѣ находится; на что секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ со учтивостію, что оной посланникъ отъ всевысочайшаго его императорскаго величества двора съ великимъ удоволствіемъ отправленъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибыть имѣетъ и, что ко отправленію его изъ Кіева надлежитъ, въ его путь, какъ подводы и протчее все пріуготовлено; причемъ трактованъ онъ секундъ-маіоръ конфектами и кофіемъ. И въ то время ханъ чрезъ оного-жъ переводчика отъ него секундъ-маіора спрашивалъ: не имѣетъ-ли еще отъ г. генерала словесного приказу, на что отъ него секундъ-маіора пристойнымъ образомъ со учтивостію отвѣтствовано: егда его ханская свѣтлость изволитъ изъ присланныхъ отъ него писемъ разсмотрѣть, то въ то время его ханской свѣтлости словесно, что ему секундъ-маіору отъ его превосходительства приказано, донесть имѣетъ: и потомъ уволненъ отъ него хана на квартиру по прежнему.

А какъ онъ секундъ-маіоръ приведенъ былъ въ тотъ диванъ, то ханъ сидѣлъ противъ дверей на сафѣ по срединѣ, а отъ хана по правой рукѣ на другой нижней сафѣ сидѣли муфтіи, ханской визиръ Мехметъ и придворные его хана, которые всегда во всякихъ дѣлахъ съ ханомъ присутствуютъ, казнодарь баша, тефтердарь кады и знатные мурзы; отъ хана-жъ по лѣвой рукѣ знатные-жъ мурзы сидѣли, всѣхъ до 40 человѣкъ, а протчіе ханскіе придворные и мурзы во ономъ-же диванѣ стояли на ногахъ до 50 человѣкъ, а на ханскомъ дворѣ простыхъ татаръ было доволное число. Предъ приходомъ къ хану въ диванъ, какъ у него секундъ-маіора, такъ у салдата, шпагъ и у запорожскихъ козаковъ шабель не отбирали.

Того-жъ числа означенный грекъ Янакій, тайнымъ образомъ въ 5 часу ночи пришедъ въ квартиру, ему секундъ-маіору объявилъ: вчерашнего-де числа и сегодня былъ онъ грекъ у пріятеля своего Халихаджи и, что-де вы приказывали о ауторизованной персонѣ, Халихаджи ему греку обѣщался о томъ хану внушить.

Да онъ-же грекъ Янакій о томъ Хали-хаджи ему секундъ-маіору объявлялъ, какимъ онъ Хали-хаджи образомъ при ханскомъ дворѣ содержится: мать-де его родная была гречанка вдовою, давнихъ годовъ ханъ ѣздилъ на охоту и усмотрѣлъ ее, что она лица краснаго и спросилъ, чья-де она жена, то донесли: греческая, а мужа у нея нѣтъ, вдова; и онъ ханъ прислалъ за нею коляску и взялъ къ себѣ во дворъ и содержалъ за жену, а оного Хали-хаджу въ малолѣтнихъ лѣтахъ

побасурманить приказалъ; а годами оной Хали-хаджи болѣе шестидесяти лѣтъ; и нынѣ тайно вѣру греческаго исповѣданія содержитъ и черезъ оного грека Янакія даетъ тайно деньги по церквахъ, чтобъ онъ покупалъ ладонъ, свѣчи и вино разносилъ, и по тому случаю оной грекъ Янакій со онымъ Хали-хаджою доволное знакомство имѣетъ.

А когда-де салтанъ желаетъ, чтобъ былъ ханомъ Шаинъ-Гирей или Аминъ-Гирей, которые живутъ въ Румиліи, а которые бахтигирейскіе сыны живутъ въ Черкесахъ, такожъ и вся ширинбейская фамилія желаютъ быть ханомъ калгу салтаномъ; а оная-де у нихъ ссора съ ханомъ происходитъ для того, чтобъ при немъ ханѣ не были визирь его и козлевской командиръ Эминъ-хасанъ, который раздаетъ на весь ханской дворъ провизію, да ханской сынъ сераскиръ салтанъ, который въ Буджакѣ живетъ.

А война-де у хана съ черкесами по той причинѣ, что черкесы не даютъ хану ясыря, и для того посылано было отъ него хана военныхъ людей татаръ изъ Крыму впервые осьмнадцать тысячъ, и съ того числа токмо возвратилось три тысячи человѣкъ, а тѣ-де всѣ съ голоду и съ холоду пропали, такожъ и лошади; въ другой разъ двадцать восемь тысячъ, а возвратилось оттуда изъ черкесъ токмо четыре тысячи семьсотъ человѣкъ, а прочіе всѣ такожъ съ голоду и съ холоду и лошади ихъ пропали.

А потомъ оной грекъ тайнымъ-же образомъ съ квартиры его секундъ-маіора въ тожъ ночное время и отошелъ.

Будучи-же въ Бахчисараѣ, увѣдалъ онъ, секундъ-маіоръ, что находятся при ханѣ бѣглые малороссіяне: бывшаго-жъ при ханѣ умершаго Ивана Мировича братъ его родной Федоръ Мировичъ да малороссійскаго лубенскаго полку Федоръ Ивановъ сынъ Нафимовской, у которыхъ онъ секундъ-маіоръ въ квартирѣ ихъ былъ и ихъ склонялъ, чтобъ возвратились по прежнему въ отечество свое, но токмо они о томъ и слышать не хотѣли, а употребили такія рѣчи: знаемъ-де, что всемилостивѣйшая государыня монархиня премилосердая, а москали-де злые напрасно нашу всю фамилію въ ссылку сослали, а иныхъ и кнутомъ били; и ежели-де мы возвратимся, то и намъ то же будетъ; и для того незачѣмъ-де намъ въ отечество возвращаться; и здѣсь намъ при ханѣ жить не худо: дается-де намъ на день обоимъ на содержаніе по 2 р. 40 к., и тѣмъ довольны. Оной-же Мировичъ двоекратно въ разговорахъ употреблялъ рѣчь: пообождите-де въ скоромъ времени; а къ чему та рѣчь, того не изъяснилъ. И съ тѣмъ онъ секундъ-маіоръ съ двумя козаками запорожскими съ квартиры ихъ и отошелъ и просилъ ихъ къ себѣ на квартиру, и обѣщались они на другой день быть поутру на чай.

А при ханѣ оные живутъ въ Бакцысараѣ Мировичъ и Нафимовскій годъ и восемь мѣсяцовъ, а прежде того жили они въ Польшѣ

въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ именно, такожъ и о Нафимовскомъ, какимъ былъ человѣкомъ въ лубенскомъ полку, узнать не отъ кого; а годами они уже стары: Мировичъ 65-ти, а Нафимовской 66-ти.

Мѣсяцъ сентябрь.

1. Поутру рано ханскій переводчикъ приходилъ въ квартиру къ секундъ-маіору и секундъ-маіоръ объявилъ ему, чтобъ его ханской свѣтлости донесъ: имѣетъ онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генералъ-маіора и кіевской губерніи вице-губернатора, его ханской свѣтлости словесно донесть, чтобъ дозволено къ его ханской свѣтлости быть; и онъ переводчикъ отъ него секундъ-маіора съ тѣмъ докладомъ къ хану и отошелъ.

Того-жъ числа, по отходѣ ханскаго переводчика, посыланы были отъ секундъ-маіора запорожскіе козаки: за толмача козакъ Иванъ Захарьевъ сынъ Орловской, да полтавскаго куреня козакъ Емельянъ Черевко ко онымъ Мировичу и Нафимовскому съ тѣмъ, чтобы ихъ просить въ квартиру къ секундъ-маіору на чай, какъ они вчерашняго числа и обѣщались быть; токмо оные Мировичъ и Нафимовской Орловскому и Черевку объявили: къ нему-де секундъ-маіору не пойдемъ и къ себѣ не просимъ, токмо васъ Орловскаго и Черевка къ себѣ на слово просимъ, когда-де оной секундъ-маіоръ будетъ спать; а то-де мы вѣдаемъ, каковы москали хитры, мало изъ глазъ своихъ выпускаютъ. И съ тѣмъ оные козаки отъ нихъ и отошли и по приходѣ къ секундъ-маіору о вышеписанномъ и донесли.

Того-жъ числа по-полудни въ первомъ часу присланъ былъ отъ хана переводчикъ Мехметъ и объявилъ, чтобъ шелъ для принятія отвѣтныхъ отъ хана писемъ, съ которымъ переводчикомъ онъ секундъ-маіоръ къ ханскому двору и пошелъ, а напередъ шли: оной переводчикъ и вада-баша да данной съ Перекопа татаринъ сейменъ Измаилъ. И оной переводчикъ привелъ его секундъ-маіора и съ будучими при немъ въ ту-жъ камору, гдѣ и съ пріѣзду былъ, и трактованъ былъ кофіемъ, а потомъ, погодя съ четверть часа, присланъ былъ отъ хана оной-же ханскій переводчикъ съ приказомъ, дабы къ нему хану идти; и по прибытіи не въ диванъ, но въ мамбчи-диванъ ввели; такимъ-же порядкомъ поступано, какъ и съ пріѣзду: въ томъ-же числѣ солдатъ и за толмача запорожскій козакъ и въ конвой одинъ козакъ допущены всѣ были, и до приходу секундъ маіора поставленъ былъ стулъ; а какъ онъ секундъ-маіоръ пришелъ въ мамбчи-диванъ, то ханъ чрезъ своего переводчика Мехмета приказалъ сѣсть, и въ то время, по данной изъ кіевской губернской канцеляріи записке, ему хану онъ секундъ-маіоръ доносилъ, что его превосходительство, г. генералъ-маіоръ приказалъ его ханской свѣтлости словесно донести о учрежденіи при его ханской

свѣтлости съ россійской стороны авторизованной персоны, когда его ханская свѣтлость оной персонѣ для общей на обѣ стороны пользы быть за полезное признать соизволитъ, о чемъ и письменно отъ его превосходительства къ его ханской свѣтлости, съ показаніемъ всего полезнѣйшаго обстоятельства, изъяснено.

На что оной ханъ черезъ своего переводчика Мехмета ему секундъ-маіору отвѣтствовалъ: какъ-де напередъ сего тамо со стороны россійской никакого человѣка не было, то и нынѣ-де быть не для чего, да и такое-де дѣло не генералу дѣлать; но токмо онъ генералъ потакаетъ запорожскимъ козакамъ и не содержитъ ихъ крѣпко въ рукахъ; а ежели-бы-де содержалъ ихъ крѣпко, то такого-бъ воровства не было. Для чего-де у насъ съ поляками смирно живемъ: они-де на насъ не жалуются, а мы де на нихъ; сколько-де комиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено. Скажи-де своему генералу объ ономъ или, гдѣ у васъ надлежитъ, и выше донеси: долго-ли де мнѣ будетъ терпѣть: но и нынѣшнимъ лѣтомъ многое число запорожскіе козаки у моихъ подданныхъ отогнали лошадей.

И оныя рѣчи, по примѣчанію секундъ-маіора, ханъ съ превеликимъ сердцемъ говорилъ и приказалъ скоро отдать отвѣтныя къ его превосходительству письма и болѣе не сталъ ни о чемъ и говорить. Которыя принявъ и откланяясь предъ ханомъ со всякою учтивостью, онъ секундъ-маіоръ отъ хана отпущенъ. А препровождалъ-же его секундъ-маіора переводчикъ Мехметъ даже за ханскія ворота, и притомъ секундъ-маіоръ переводчику объявилъ, чтобъ доложилъ его ханской свѣтлости, дабы дозволилъ ему секундъ-маіору еще переночевать; и онъ ходилъ къ хану и отъ него пришедъ объявилъ, что его-де ханская свѣтлость приказалъ: сію ночь переночевать, а завтрашняго числа въ свой надлежащій путь ѣхать. И шли напередъ до квартиры вада-баша да провожатый изъ Перекопа сейменъ.

Того-жъ числа въ вечеру пріѣхалъ изъ г. Кефы въ Бакцысарай для купечества великороссійскій купецъ г. Воронежа, посадской купецъ Ивановъ сынъ Шумливой и ему секундъ-маіору объявилъ: сего-де 1755 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Кубани и жилъ мѣсяца два для промыслу купеческаго, и слышалъ, что было въ Кубани войско крымское и кубанское, которое ходило подъ Черкесы для взятья ясыра, и оного ясыра требовалъ ханской сынъ, токмо оные черкесы, согласясь съ султаномъ, бахтигиреевымъ сыномъ, оного ясыра ему ханскому сыну не дали; которое войско стояло отъ самой зимы даже до весны и того войска съ холоду и съ голоду и во время происходившей промежъ ими съ начатія войны побито и померло и бѣжало съ крымской стороны 50,000, а до 30 человѣкъ повѣшено; оные-жъ султаны и мурзы, видя себѣ гибель напрасную, учинили промежъ собою бунтъ и раздѣлились

на двѣ части: вышеписанному бахтигирееву сыну половина, а другая половина къ ханскому сыну, и бахтигиреевъ сынъ согласился съ черкесами и ханскаго сына съ немалымъ урономъ прогнали, и нынѣ какъ съ ханской стороны въ Кубань за показанными ссорами не въѣзжаютъ. такъ и съ кубанской стороны въ Крымъ не ѣздятъ.

Сего-жъ году мѣсяца іюля присланъ изъ Константинополя паша и съ нимъ мастеровыхъ людей сто человѣкъ для починки городовъ съ россійской стороны, а именно Темрюка, Ачюева и Капыла.

Сего-жъ году въ Яникале развозили пушки, а сколько числомъ. того показанной купецъ неизвѣстенъ, и всякіе что принадлежитъ къ нимъ снаряды, т. е. ядры и порохъ. Оной-же купецъ слышалъ въ тамошнихъ мѣстахъ: бахтигиреевъ сынъ султанъ нынѣшнего хана крымского не желаетъ и всю орду на кубанскую сторону перевелъ и самъ нынѣ живетъ въ Капылѣ и сераскирскую должность правитъ.

2. По утру, въ 10 часу, грекъ Янакій козаку Орловскому, увидясь тайно, объявилъ, чтобъ донесъ секундъ-маіору тайнымъ образомъ, чтобъ пришелъ въ церковь: нѣкоторые-де вѣдомости объявлю, а мнѣ-де самому днемъ въ квартиру подозрително къ нему быть, чтобъ не дознались, а я-де у митрополита просилъ, чтобъ оная церковь не заперта была. И та церковь отъ квартиры секундъ-маіора не въ далномъ разстояніи, не будетъ я 50 саженъ. И секундъ-маіоръ тайнымъ образомъ, никто его изъ тамошнихъ людей не видѣлъ, и пришелъ въ означенную церковь, и оной грекъ ему объявлялъ, что его пріятель Хаджи-али ему сказывалъ: во всемъ-де препятствовалъ визиръ ханской и представлялъ хану во время совѣту ихъ, что съ россійской стороны отнюдь не надлежитъ быть ихъ персонѣ при вашей ханской свѣтлости, а ежели-де изволишь допустить, то тотъ-же шпіонъ будетъ, и какъ-де будемъ спать ложиться и вставать, а онъ все то будетъ знать и писать, то нельзя будетъ и на дворъ выйти; а муфтій и казаскеръ склонились было и хану представляли, чтобъ съ россійской стороны былъ человѣкъ, токмо не допустилъ хана, всему тому препятствовалъ визиръ.

А въ предбудущую весну велѣно всѣ въ Крыму гдѣ крѣпости есть починять. А нынѣшнимъ лѣтомъ привезено изъ Константинополя моремъ въ городъ Козлевъ 80 пушекъ съ ядрами и перевезены нѣкоторое число въ Перекопъ.

Оной-же грекъ Янакій ему секундъ-маіору объявилъ: ежели-де что будетъ противъ россійской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему Янакію сообщать, а ежели ему Хали-хаджи возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бакцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Андрееву сыну Сушилину или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинъ мало оттуда въ Россію

и выѣзжаетъ, но по болшой части въ Бакцысараѣ и въ протчихъ крымскихъ городахъ торгуетъ; а я ежели-бы-де я самъ умѣлъ писать, то-бы никому ничего не объявлялъ, но самъ-бы писалъ. И на то ему греку Янакію секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ: ежели-де твой пріятель Хали-хаджи будетъ въ Кіевъ къ г. генералу писать о предосторожности какой противъ россійской стороны отъ хана противное, то они оба за то отъ стороны россійской оставлены не будутъ. Да онъ-же грекъ Янакій секундъ-маіору объявилъ: ежели-де хана не перемѣнятъ, то намѣрены войну съ ханомъ имѣть бахтигиреевы сыны. И болѣе ко увѣдомленію оной грекъ секундъ-маіору ничего не имѣлъ и тѣмъ всѣ разговоры кончилъ, и въ той церкви съ нимъ разстались, и напередъ секундъ-маіоръ изъ церкви тайнымъ образомъ, и никто изъ ихъ народу не видалъ, въ свою квартиру пришелъ.

Того-жъ числа, по доносу запорожскихъ козаковъ И. Орловскаго и Е. Черевка, которые посыланы были вчерашнего числа звать Мировича и Нафимовского на чай, и ихъ, Орловскаго и Черевка, они къ себѣ на слово просили и оныхъ козаковъ секундъ-маіоръ къ нимъ отпущалъ и приказывалъ, что будутъ имъ они говорить, ничего-бъ, по присяжной своей должности, какъ вѣрные его императорскому величеству рабы, не утаили. И съ тѣмъ они къ нимъ пошли и были у нихъ въ квартирѣ, а оттуда возвратясь, донесли ему секундъ-маіору, что отъ нихъ, Мировича и Нафимовскаго, происходило. Во первыхъ, стали-де ихъ увѣщевать: что они, Мировичъ и Нафимовскій, будутъ имъ говорить, никому-бъ не сказывали, и приводили ихъ, козаковъ, къ присягѣ и прикладывались къ образу, и потомъ оные Мировичъ и Нафимовскій стали имъ, козакамъ, говорить: вы-де теперъ присягали, мы вамъ объявляемъ, что лупилъ москаль запорожцамъ головы и завладѣлъ-де отчину нашу Малую Россію, и такъ привели Малую Россію, какъ воловъ въ ярмо, а нынѣ король пруской, король французской и король шведской согласились-де между собою противъ Россіи и намѣрены войну имѣть, а мы-де присланы отъ польской стороны для того, чтобъ совокупить орду татарскую и нападеніе учинить на Россію со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года или предбудущого 1756 г. въ генварѣ мѣсяцѣ; такъ мы москаля со всѣхъ сторонъ возмемъ; а вы не сказывайте молодымъ козакамъ о семъ, а сказывайте такимъ, которые еще были во владѣніи подъ ханомъ, чтобъ они къ намъ писали и чтобъ согласились съ нами вмѣстѣ на москаля, а мы-де по времени будемъ и отъ себя къ старымъ козакамъ, кого знаемъ, писать, а къ кому именно, того не сказали, и тѣмъ разговоры кончились. А нынѣ де ногайская орда кочуетъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: первая часть близъ Кинбурна, вторая часть за Очаковымъ.

Того-жъ числа по полудни въ 3-мъ часу съ приданнымъ изъ Перекопа сейменомъ изъ Бакцысарая отъѣхали и слѣдовали по дорогѣ, не доѣзжая Козлева, въ ханской постоялой дворъ, гдѣ и ночевали.

3. Отъ постоялаго двора слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

Будучи-жъ въ Козлевѣ, запорожскій козакъ полтавскаго куреня Трофимъ Григорьевъ приходилъ къ секундъ-маіору и доложилъ, что хлѣба, пшеницы и ячменю въ турецкую сторону запрещено продавать, но зсыпають въ каморы, а нѣкоторую часть возять въ Бакцысарай, какъ-де повидимому, заготовляють въ магазейны, 180 лавокъ насыпано; а въ продажѣ тамо пшеница и ячмень четверть пшеницы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 20 к., ячменя по 80 и по 90 к. Въ Козлевѣ на пристани лежать болшихъ мѣдныхъ новыхъ пушекъ десять, видѣлъ ихъ самъ секундъ-маіоръ.

4. Отъ Козлева слѣдовали до села Джи-алана, гдѣ и ночевали.

5. Отъ с. Джи-алана слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали. И при томъ озерѣ находился г. Путивля купецъ А. А. Сушилинъ и секундъ-маіоръ ему приказалъ: егда какія грекъ Янакій будетъ ему давать письма, то-бы онъ отъ него припималъ и секретно какъ наискорѣе съ нарочнымъ и надежнымъ или и самъ на никитинской заставѣ находящемуся переводчику Семенову отдавалъ, которой немедленно отправлять въ Кіевъ будетъ, или что оной-же грекъ и словесно будетъ ему объявлять, то-бы и о томъ какъ наискорѣе давалъ знать.

6. Отъ Соленого озера слѣдовали до Перекопа, гдѣ и ночевали.

7. Отъ Перекопа слѣдовали до урочища Чаплинки, гдѣ и ночевали.

8. Отъ урочища Чаплинки слѣдовали до Каиръ западного мѣстечка, гдѣ и ночевали. Того-жъ числа у секундъ-маіора на дорогѣ явился запорожскій незамаевскаго куреня козакъ Федоръ Чернявской и объявлялъ: пойманъ-де имъ воръ васюринскаго куреня козакъ Григорій Лукьяновъ сынъ Плакущій, котораго онъ Чернявскій ему секундъ-маіору представлялъ, и онъ секундъ-маіоръ его Плакущаго спрашивалъ, которой сказалъ: самоволне-де изъ Сѣчи и безъ пашпорту поѣхалъ въ Перекопъ якобы лошадей продавать, а чрезъ Днѣпръ, не явясь при никитинской заставѣ, перевезенъ платнеривскаго куреня козакомъ Иваномъ Тараномъ, и оной воръ отданъ въ смотрѣніе тому-жъ козаку Чернявскому и при-

казано ему Чернявскому, чтобъ его не упустилъ и, довезя въ Сѣчь, отдалъ бы кошевому атаману.

9. Отъ Каиръ западного мѣстечка слѣдовали до рѣчки Рогачика, гдѣ и ночевали.

10. Отъ р. Рогачика слѣдовали до никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправились и ночевали.

Переводчику Семенову отъ него секундъ-маіора объявлено секретно: какіе будутъ пересылаемы изъ Бакцысарая письма отъ россійскаго купца Андрея Шумилина, то бы не распечатывая отправлялъ какъ найскорѣе въ кіевскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ.

Того-жъ числа отъ никитинской заставы въ запорожскую Сѣчь благополучно прибыли.

Какъ ѣхали отъ запорожской Сѣчи до Перекопа и обратно до Сѣчи и отъ Сѣчи до Кременчука, то многіе ватажане секундъ-маіору жалобу приносили, что по дорогамъ чинятся днемъ разбои, а не отъ кого иного, какъ видно отъ запорожскихъ все козаковъ.

По прибытіи въ запорожскую Сѣчь онъ секундъ-маіоръ кошевого атамана въ Сѣчи не засталъ, и объявилъ судья: еще-де отъ розъѣзду не бывалъ. Розъѣздная-же команда, кая посылана была внизъ р. Днѣпра на лодкахъ для поиску воровъ и разбойниковъ, не изымавъ ни одного человѣка, возвратилась въ запорожскую Сѣчь по прежнему, а какъ-де слышно, что тоже и у кошевого атамана чинится, но токмо единой скотъ гонять, лошадей и воловъ.

Въ бытность въ запорожской Сѣчи бывшій кошевой атаманъ Якимъ Игнатовъ ему секундъ-маіору секретно, по присяжной своей должности, объявилъ, дабы ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали въ войскѣ запорожскомъ быть кошевому атаману безпеременно, да и великороссійского войска регулярного по крайней мѣрѣ 600 человѣкъ пѣхотныхъ, а драгунъ двѣ роты, при добромъ командирѣ, почему-де можно самоволцовъ злодѣевъ гайдамаковъ смирять и къ доброму и постоянному порядку привесть, какъ на Дону; а ежели-де кошевые атаманы и съ старшиною будутъ съ перемѣною по прежнему, то, по тамошнему ихъ обыкновенію, никоимъ образомъ таковыхъ злодѣевъ искоренить невозможно и къ доброму и постоянному порядку привесть, ибо-де отъ таковаго самоволного и чрезвычайно пьяного народа, при такихъ перемѣнахъ, такъ какъ кошевого атамана, и старшину бьютъ и смертное убивство чинится, а отъ великого пьянства пропьется, а взять негдѣ, толко воровать и разбивать, болѣе не остается.

Будучи-же въ оба пути и въ бытность въ Бакцысараѣ, нигдѣ никакихъ татарскихъ войскъ въ собраніи и къ воинскому дѣйствію пріуготовленій онъ секундъ-маіоръ не видалъ и никакихъ противныхъ къ Россіи съ татарской стороны поступковъ нигдѣ ни отъ кого не слыхалъ.

Какъ въ Крыму и въ самомъ Бакцысараѣ, въ бытность его секундъ-маіора, опасной болѣзни не было, и въ проѣздѣ отъ Перекопа до Бакцысарая и обратно до Перекопа нигдѣ оной опасной болѣзни не слышно.

Секундъ-маіоръ *Матвѣй Мироновъ.*

Кіевъ, сентября 1755 г.

Библіографія.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.

Каждое новое изданіе виленской археографической коммисіи естественно вызываетъ вниманіе къ себѣ и интересъ въ кіевскихъ археографахъ, а потому и теперь, съ выходомъ въ свѣтъ названнаго «Сборника», мы чувствуемъ потребность сказать о немъ нѣсколько словъ.

Надо прежде всего отдать должную дань уваженія неустанному трудолюбію членовъ [1]) виленской археографической коммисіи и ея извѣстному ученому председателю Я. Ѳ. Головацкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенному вниманію и заботливости г. попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, умѣющаго не только привлекать къ столь трудному и важному дѣлу, какъ археографія, достойныя силы, но и внушать имъ необходимость исполненія той или иной работы, вызываемой требованіями обстоятельствъ, не останавливаясь даже предъ денежными затратами изъ бюджета округа на нужды ученаго учрежденія, ему подвѣдомственнаго.

Привѣтствуемъ за симъ первый выпускъ «Сборника» палеографическихъ снимковъ, изданный коммисіею въ видѣ опыта, полнымъ нашимъ сочувствіемъ, такъ какъ дѣло изданія снимковъ, поставленное на

---

[1]) Желающихъ ознакомиться подробнѣе съ дѣятельностію коммисіи и содержаніемъ ея многочисленныхъ изданій мы рекомендуемъ помѣщенную въ 1-й книгѣ «Сборника археологическаго института» (Спб. 1878 г.) статью В. А. Лялина: «Виленскій центральный архивъ» (стр. 22—38).

строго научную почву, обѣщаетъ въ будущемъ обильный практическій и научный плодъ. «Сборникъ» состоитъ изъ «Предисловія», объясняющаго задачу изданія и пріемы его исполненія, съ изложеніемъ содержанія любопытныхъ актовъ. Предисловіе составлено членомъ коммисіи С. В. Шолкевичемъ. Далѣе, въ «объяснительномъ текстѣ» напечатаны крупнымъ шрифтомъ та часть акта, съ которой сдѣланъ снимокъ, и мелкимъ та, которая опущена, причемъ въ заключеніе указывается, появляется-ли документъ въ первый разъ, или былъ уже гдѣ-либо напечатанъ. Къ «тексту» приложено оглавленіе съ указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Самые «снимки», наконецъ, занимаютъ 30 отдѣльныхъ листовъ и потому, по желанію каждаго, могутъ быть сортируемы какъ угодно. Внѣшность «снимковъ» производитъ пріятное впечатлѣніе: самая главная, литографическая работа исполнена безукоризненно; совершенство сходства копированныхъ почерковъ съ дѣйствительными ясно для всякаго, кто когда-либо работалъ надъ западно-русскими рукописями. Одно неудобство, это—форматъ «сборника» in-folio; неловко читать, ни положа тетрадь на столъ, ни держа ее въ рукахъ. Таковы по формату (правда, не много меньше) и другія изданія виленской коммисіи. Кіевская коммисія давно уже избрала для себя форматъ in-quarto; остается еще только пожелать, чтобы и объемъ томовъ былъ уменьшенъ ею на половину, а то шутка-ли, книга въ 700 и болѣе страницъ. Въ данномъ случаѣ виленская коммисія легко могла отступить отъ газетныхъ размѣровъ, разъ она вынуждена была, какъ сама заявляетъ это, отказаться отъ литографированія снимковъ во всю величину оригиналовъ; и форматъ in-octavo былъ-бы наиболѣе удобнымъ, какъ намъ кажется.

Цѣль изданія снимковъ выражена ясно и опредѣленно въ «предисловіи», гдѣ коммисія устами г. Шолкевича говоритъ, «что для цѣлей историческихъ ей казалось болѣе важнымъ представить просвѣщенному русскому обществу возможно большее количество образцовъ древней западно-русской письменности изъ разныхъ мѣстъ, временъ и учрежденій, нежели останавливаться только на образцахъ извѣстныхъ» (послѣднія слова для насъ какъ-то не вполнѣ понятны: какіе и кому это извѣстные образцы, на которыхъ не было необходимости останавливаться?). И эта цѣль будетъ достигнута вполнѣ, если коммисія въ слѣдующихъ выпускахъ не отступитъ отъ намѣченной программы изданія снимковъ по мѣсту, времени и учрежденію. Все это весьма важно, но почему важно, въ «предисловіи» не объяснено и не видно, чтобы важность и плодотворность начатаго дѣла, научная и практическая, была ясна для самихъ издателей. Выраженіе, что снимки «наглядно покажутъ изслѣдователямъ

не только образцы западно-русской дѣловой рѣчи съ половины XV до половины XVI столѣтія, но и характеристическія особенности очень разнообразныхъ почерковъ ея письменности и этимъ расширятъ сферу историческихъ свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ», кажется намъ туманнымъ и неопредѣленнымъ, и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу необходимости изданія снимковъ по мѣстностямъ и эпохамъ. Въ архивахъ, гдѣ собраны рукописи, обнимающія собою большой періодъ времени и притомъ въ болѣе или менѣе хронологической послѣдовательности, а равно добытыя изъ многихъ смежныхъ одна съ другою мѣстностей, занимающихъ значительное пространство, всегда наблюдается очень интересное явленіе, это—генерація почерковъ; каждая эпоха, каждая большая или малая административная единица имѣетъ свой особенный характеръ письма, причемъ въ большихъ единицахъ и разница въ характерѣ больше, въ меньшихъ—меньше. Бывшія воеводства юго-западнаго края: кіевское, волынское, подольское и брацлавское, каждое имѣетъ свои особенныя отличительныя черты письма, свидѣтельствующія о характерѣ культуры, развивавшейся въ той или иной мѣстности. Такъ напр., кіевское и волынское письма носятъ характеръ Византійской культуры почти до XVII вѣка, тогда какъ подольское весьма рано подвергается вліянію романо-германскому, которому было подчинено и польское письмо. Позже это вліяніе, распространившись и на Волынь, доходило только до Кіева, который во всѣ вѣка сохранялъ особенный характеръ своихъ буквъ и лишь въ началѣ текущаго столѣтія началъ мало по малу утрачивать его по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ городѣ велико-русскій элементъ. Однимъ словомъ, измѣненія въ характерѣ почерковъ указываютъ на развитіе и измѣненія въ культурѣ, и такимъ образомъ письмо служитъ столь-же достовѣрнымъ свидѣтелемъ пережитыхъ народомъ эпохъ, какъ археологическіе памятники и филологическія данныя [1]). Только при правильной постановкѣ дѣла изданія палеографическихъ снимковъ мы получимъ и руководство для начинающихъ занятія въ архивахъ и матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій; вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ имѣть основаніе для опредѣленія по внѣшнимъ признакамъ времени и мѣста составленія документа, а также его подлинности или подложности; при изданіи снимковъ съ бумажныхъ руко-

[1]) Будь у насъ подобныя палеографическія изданія, и проф. И. Н. Дашкевичъ пріобрѣлъ-бы немало новыхъ фактовъ для выводовъ при изслѣдованіи вопроса о борьбѣ культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ высокой степени интересное изслѣдованіе его объ этомъ печатается теперь въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (см. № 10 за 1884 г.).

писей нужно обращать всегда вниманіе и на водные знаки бумаги, которые, въ свою очередь, помогаютъ рѣшить безошибочно вопросъ, дѣйствительно-ли документъ написанъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, которое обозначено въ немъ. Виленская коммисія упустила это изъ виду такъ-же, какъ упустила познакомить читателей съ особенностями бумаги и болѣе подробно съ внѣшнимъ видомъ оригиналовъ вообще. Сравнивая изданные образцы почерковъ съ южно-русскими, мы находимъ, что они болѣе всего подходятъ къ волынскому письму и въ частности болѣе къ луцкому, чѣмъ къ владимірскому и кременецкому, съ кіевскимъ-же и подольскимъ почти ничего общаго не имѣютъ. Но все это, конечно, только общія положенія; болѣе точно и опредѣленно можно будетъ высказаться тогда лишь, когда обѣ археографическія коммисіи: кіевская и виленская дружно возьмутся за трудъ изданія палеографическихъ снимковъ, проведутъ его по строго научному плану и дадутъ этимъ необходимый матеріалъ для изслѣдованія. Поэтому, пожелавъ еще разъ усвѣха такъ удачно и своевременно сдѣланному виленской коммисіей опыту, мы, въ надеждѣ на скорое появленіе слѣдующихъ выпусковъ «Сборника», перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія скопированныхъ въ немъ документовъ.

Нѣкоторые изъ 59 изданныхъ документовъ появляются въ печати въ первый разъ, другіе-же были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ виленской коммисіи; послѣдніе составляютъ почти четвертую часть (ихъ 14) общаго числа документовъ «Сборника».

Документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 касаются разныхъ сторонъ исторической жизни бывшей литовской столицы, города Вильны,—ея внѣшняго и внутренняго благоустройства.

№№ 30, 35, 48, 49, 50 и 51 служатъ для исторіи города Ковно, центральнаго города Жмуди.

Подъ №№ 4, 8, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, и 53 помѣщены грамоты и листы великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, касательно утвержденія за разными лицами правъ на владѣніе землями или на занятіе должностей.

Документъ подъ № 41 относится къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Юридическаго быта евреевъ касается актъ подъ № 45.

Документъ подъ № 36 указываетъ на время, когда вводится въ Литвѣ должность вознаго, а изъ акта подъ № 44 мы видимъ, что съ появленіемъ возныхъ и «вижи» еще не исчезаютъ изъ суда.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ для юго-западной Россіи имѣетъ значеніе одинъ № 22; онъ содержитъ въ себѣ подтвердительную грамоту

короля Сигизмунда I отъ 30 іюня 1536 года на продажу познанскимъ бискупомъ Яномъ королевѣ Бонѣ селъ Дунаева, Куликова и Рутки, имѣнія Цециновецъ, опустѣвшаго села Демковецъ и хутора Верха-Велья, лежавшія въ кременецкомъ повѣтѣ волынскаго воеводства. Въ примѣчаніи къ этому акту издатели указываютъ на существованіе въ виленской публичной библіотекѣ другой грамоты, которою король подтверждаетъ дарственную запись того-же бискупа королевѣ Бонѣ на свои предмѣстья подъ замкомъ и городомъ Кременцемъ и Исаевскій хуторъ, на двухъ крестьянъ съ ихъ землею и сѣнокосомъ Хоженевымъ, Ловчимъ и Гремячимъ, и на второе предмѣстье, которое бискупъ заселилъ на полѣ онисковскомъ, гдѣ прежде было село Онисковцы.

Оканчивая нашу замѣтку о виленскомъ «Сборникѣ», позволяемъ себѣ въ заключеніе выразить несогласіе съ объясненіями г. Шолкевича относительно того, будто въ актахъ подъ №№ 36 и 44 указывается на время, когда «дѣтскіе» замѣняются «возными». Не знаемъ, какія наблюденія по этому вопросу сдѣланы авторомъ въ западно-русскихъ актахъ, но въ южно-русскихъ мы замѣтили, что «дѣтскіе» всегда вручаютъ только «дѣцкованные листы», которыми тяжущіяся стороны призываются на судъ въ королевскую коммисію, разбиравшую споры по землевладѣнію; при врученіи «дѣцкованнаго листа» присутствуютъ «вижи». Въ актѣ подъ № 36 дѣйствительно говорится о первомъ возномъ и изъ этого можно заключить, что должность furnished возного введена въ Литвѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, тогда какъ въ юго-западной Руси появленіе возныхъ совпадаетъ со введеніемъ въ 1566 году втораго литовскаго статута; вѣрнѣе же, возный окончательно вытѣсняетъ бывшаго до него «вижа» со времени люблинской уніи 1569 года. Въ документѣ, помѣченномъ № 44, идетъ рѣчь о «вижѣ», котораго авторъ отождествляетъ съ вознымъ ошибочно; это были двѣ должности, хотя и родственныя между собою по нѣкоторымъ одинаковымъ обязанностямъ, но различныя по своимъ правамъ; попадаются акты, гдѣ вижи и возные фигурируютъ рядомъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе опредѣленныя документальныя данныя о «дѣтскихъ», если они встрѣчаются въ книгахъ виленскаго центральнаго архива, желательно было-бы видѣть напечатанными. «Дѣтскихъ», такъ-же какъ и «копные» суды, можно считать остатками удѣльно-вѣчеваго періода, свидѣтельствующими лишній разъ о вліяніи русской государственной жизни на литовскую.

И. Каманинъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 годъ, книга вторая.

Передъ нами не одинъ изъ обыкновенныхъ томовъ изданій почтеннаго историческаго общества, а книга предназначенная къ поднесенію университету св. Владиміра въ день недавно минувшаго его пятидесятилѣтняго юбилея. На второмъ листѣ настоящей книги напечатано: *посвящается императорскому кіевскому университету св. Владиміра въ день полувѣковаго служенія его наукѣ и русскому просвѣщенію.* А на челѣ содержанія помѣщенъ адресъ общества кіевскому университету по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Наша alma mater тѣсно связана съ старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ дорогою памятью объ общихъ своихъ членахъ, особенно о незабвенномъ въ наукѣ южно-русской исторіи М. А. Максимовичѣ, первомъ ректорѣ университета св. Владиміра, и О. М. Бодянскомъ, знаменитомъ секретарѣ общества. Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, адресъ говоритъ между прочимъ: «Да хранитъ на долгія времена и вѣка университетъ св. Владиміра достославно державный имъ полвѣка святой его завѣтъ: самобытно и независимо свѣтить Владиміровымъ солнцемъ русскому просвѣщенію, озарять исторію священнаго кіевскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и укрѣпленіе русскаго сознанія, какъ озарила и просвѣтила это русское сознаніе наша первая лѣтопись, написанная на тѣхъ-же кіевскихъ святыхъ горахъ». Приведенными словами московское общество исторіи и древностей ясно очерчиваетъ программу и способъ просвѣтительной дѣятельности кіевскаго университета, миссію его въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ соотвѣтствіе къ своимъ словамъ оно составляетъ и содержаніе посвящаемаго тома—исключительно почти изъ документовъ, относящихся къ исторіи «Кіевскаго края». Въ высшей степени знаменательны и эти слова отъ лица многозаслуженнаго въ наукѣ русской исторіи московскаго общества, и этотъ подборъ содержанія подносимаго тома. Невольно задаешь себѣ вопросъ: самъ университетъ св. Владиміра такъ-же ли сознаетъ свою священнѣйшую обязанность—служить наукѣ роднаго края, этой исконной «русской земли», съ матерью городовъ русскихъ во главѣ?

Но перейдемъ къ содержанію разсматриваемой книги. Она по обыкновенію раздѣлена на 5-ть отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературные, 3) матеріалы иностранные, 4) изслѣдованія и 5) смѣсь. Наибольшій интересъ для занимающихся южно-русской исторіей заключаютъ въ себѣ два первые отдѣла. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ историческихъ* большую часть занимаютъ описанія актовъ

архива Маркевича. Всѣхъ актовъ перечислено здѣсь до 320; изъ нихъ до 300 относится къ 26 малороссійскимъ монастырямъ, преимущественно трехъ сѣверныхъ полковъ и города Кіева, остальные—къ раскольничьимъ слободамъ Стародубья. Акты монастырскіе въ большинствѣ представляютъ собою жалованныя грамоты и универсалы разныхъ гетмановъ на монастырскія владѣнія; но между ними попадаются и такіе, которые даютъ драгоцѣнныя бытовыя указанія, насколько, разумѣется, это можно заключить изъ краткаго описанія ихъ. Мы узнаемъ напримѣръ, что гетману, какъ говорится, отбою не было отъ настоятелей многочисленныхъ монастырей, засыпавшихъ его поздравленіями съ разными праздниками,—поздравленіями, непремѣнно сопровождавшимися просьбами. Игуменъ крупицкаго батуринскаго монастыря поздравляетъ Скоропадскаго даже «съ полноприщемъ великаго поста» и при сей шаткой оказіи жалуется на чрезмѣрное отягощеніе постоями монастырскихъ подданныхъ. Иногда проскользнетъ образчикъ отношенія самихъ духовныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, и оказывается, что отцы истязывали иногда ихъ не хуже польскихъ пановъ. Вотъ образчикъ другаго рода бытовыхъ указаній. Игуменъ братскаго монастыря Іосифъ, онъ-же и ректоръ кіево-могилянскаго училища, на запросъ генеральной войсковой канцеляріи о людяхъ, знающихъ иностранные языки, отвѣчаетъ: «Отнюдь таковаго человѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, найбарзѣй же-бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не толко былъ искусенъ, но ниже и отчасти свѣдомъ, понеже въ насъ языка нѣмецкаго не учатъ, въ латинскомъ-же и польскомъ языку видно запевне ажъ и канцелярія войсковая искустныхъ, честныхъ и неподозрительныхъ людей имѣетъ довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ доброволно не похощетъ, не такъ есть удобно» (1724 г.). Кромѣ этого разряда документовъ, есть еще такіе, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію монастырей, нынѣ не существующихъ; таковы два документа спасскаго, рыхмо-сосницкаго монастыря. Вообще всѣ документы, относящіеся къ монастырямъ, открываютъ для желающихъ массу новаго матеріала по исторіи ихъ.

Не менѣе важны описанія актовъ, касающихся раскольниковъ Стародубья. Поселившись колоніями среди мѣстнаго малорусско-бѣлорусскаго православнаго населенія нынѣшнихъ сѣверныхъ уѣздовъ черниговской губерніи, эти пришельцы съ замѣчательною устойчивостью сохраняютъ до сихъ поръ свой національно-великорусскій типъ и по сіе время живутъ совершенно обособленно. Тѣ черты ихъ характера, которыя и нынѣ непріятно поражаютъ сосѣдей, какъ-то: высокомѣріе, узкій обрядовой фанатизмъ и совершенно особый кодексъ нравственныхъ правилъ въ сношеніяхъ съ «хохлами-мазепами», особенно давали себя чувствовать

въ первые годы ихъ появленія. Помѣщенные въ разбираемой книгѣ акты именно содержатъ въ себѣ большею частію жалобы какъ разныхъ козацкихъ старшинъ, такъ и цѣлыхъ громадъ на насилія со стороны раскольниковъ; жалобы дышатъ взаимною ненавистью: «ругатели креста Господня... зъ укоризною и наруганіемъ православной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняютъ» (стр. 1); «если раскольщикамъ, яко теперь, разширятися въ полку нашемъ (стародубовскомъ; пишетъ полковникъ Журавка) допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самоволне, що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на ихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю» (стр. 2) и проч. До сихъ поръ въ литературѣ нашей нѣтъ сочиненія, которое-бы ознакомило публику съ бытомъ и исторіей раскольничьихъ колоній Стародубья, и потому описавные документы тѣмъ цѣннѣе; къ нимъ кромѣ того приложена интересная карта этихъ колоній, видимо современная ихъ первому описанію. Добавимъ кстати, что въ «Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за прошлый годъ есть статья о Стародубьи кандидата московской духовной академіи г. Доброгаева.

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщенъ еще весьма интересный документъ — «росписной списокъ города (крѣпости) Кіева 1677 г.». Это подробная опись всѣхъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ кіевской крѣпости, документовъ, знаменъ, казны, — вообще всего того, что вѣдалъ въ городѣ московскій воевода. Опись и составлена по случаю передачи воеводою кн. Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ Кіева своему преемнику Морозову. До сихъ поръ въ литературѣ были извѣстны подобнаго рода описи, относящіяся къ 1661 и 1682 гг. (См. «Сбор. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест., отд. 3, стр. 87 и 96). Собственно для топографіи Кіева, изъ трехъ нынѣ извѣстныхъ документовъ этого рода, болѣе всего данныхъ заключается въ «росписи» 1682 г.; наиболѣе-же подробный инвентарь представляетъ новая «роспись» 1677 года. «Росписи» даютъ точный матеріалъ для приведенія въ извѣстность длины въ цѣломъ и частяхъ валовъ «города» и крѣпостнаго имущества, но не могутъ замѣнить, со стороны рельефности, описаній очевидцевъ современниковъ [1]).

---

[1]) Вотъ напримѣръ какъ живо рисуетъ въ началѣ XVIII в. кіевскій замокъ попъ Лукьяновъ: «*Верхній градъ* (на нынѣшнемъ старомъ городѣ) — валъ земляной весьма крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣнѣ все караулы стоятъ крѣпкіе, по сто сажень караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, таки-ли крѣпокъ караулъ; а ночи уснуть не да-

Перейдемъ ко второму отдѣлу—къ матеріаламъ историко-литературнымъ. Содержаніе этой части книги состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ южно-и западно-русскихъ рукописей изъ собранія Е. В. Барсова, дающихъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи языка, и двухъ документовъ, по поводу которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Первый памятникъ—«Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто». Это приписка на Острожской библіи 1581 года, сдѣланная неизвѣстнымъ ея владѣльцемъ-читателемъ. Нынѣшній владѣлецъ этой замѣчательной книги, о. архим. Амфилохій, въ краткомъ предисловіи во 1) относитъ приписку къ XVII в., во 2) самого автора ея помѣщаетъ, по мѣсту жительства, «между поляками и жидами», въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, почтенный ученый не приводитъ основаній, по которымъ онъ относитъ составленіе «Лексиса» къ XVII вѣку. Если-бы это было дѣйствительно такъ, то можно-бы было изъ «Лексиса» воспользоваться нѣкоторыми данными для исторіи языка, но вѣдь при такомъ замствованіи чьего-бы то ни было увѣренія недостаточно, а внутреннихъ указаній на время составленія, при отсутствіи внѣшности подлинника, печатная копія «Лексиса» въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько наивнымъ представляется и заявленіе составителя предисловія о жительствѣ автора «Лексиса» между поляками на томъ основаніи, что въ одномъ мѣстѣ, «противъ словъ: *предъ судомъ Христовымъ*, на полѣ написано: *предъ судомъ панскимъ*», а между жидами потому, что «мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами». Мы не называемъ «Лексиса», обыкновеннаго словарчика, «*украинскимъ* азбуковникомъ», какъ это дѣлаетъ о. архимандритъ, потому что *азбуковники* были нѣчто другое,—скорѣе слабыя попытки энциклопедическо-филологическихъ словарей. Едва-ли не самый цѣнный документъ во всей книгѣ,—это «Слово на Сошествіе Св. Духа св. Димитрія Ростовскаго, произнесенное въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году, «на украинскомъ нарѣчіи». Нельзя не пожалѣть, что изъ сборника г. Титова, откуда взято «Слово», не напечатаны остальныя малорусскія проповѣди св. Димитрія, которыхъ тамъ числомъ 5. «Слово на Сошествіе св. Духа» помѣщено г. Барсовымъ въ книгѣ «Чтеній», «какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVII вѣка», и то съ замѣчаніемъ, что при сравненіи великорусскихъ проповѣдей св. Димитрія съ его-же малорусскими, первыя выгодно отличаются отъ послѣднихъ «простотою, ясностью

дутъ, все карауль отъ караула кричать и окликаютъ: кто идетъ? Зѣло опасно блюдутъ сей градъ; да подобе блюсти: прямой замокъ московскому государству». (Сборн. мат., отд. 2, стр. 119).

мыслей и художествомъ выраженій». Не говоря уже о томъ, что почтенный ученый забылъ на этотъ разъ, что ясное и простое въ одной сферѣ можетъ оказаться запутаннымъ и сбивчивымъ въ другой и что слѣдовательно рѣчи Димитрія Ростовскаго на разныхъ нарѣчіяхъ--вещи несоизмѣримыя (ибо нельзя-же называть запутаннымъ то, къ чему не привыкло современное ухо), не говоря далѣе про то, что св Димитрій впослѣдствіи усвоилъ не великорусское нарѣчіе, а тотъ «высокій штиль», про который трактуетъ впослѣдствіи Ломоносовъ въ извѣстномъ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ, — не говоря про все это, достаточно мелькомъ пробѣжать напечатанную рѣчь, чтобы видѣть, что она и картинностью отличается, и даетъ цѣнныя религіозно бытовыя указанія, стало быть имѣетъ историческое значеніе. Такъ какъ наша замѣтка и безъ того приняла размѣръ большій, чѣмъ слѣдуетъ, то мы ограничимся только двумя примѣрами для доказательства того и другаго. Объясняя напр., въ чемъ должно состоять сыновнее почтеніе людей къ Богу Отцу, проповѣдникъ говоритъ: «а у людей той (изъ) сыновъ пана отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи — благоговѣйно; таковымъ кшталтомъ чтятъ Бога Отца старши его сынове, святыи ангелы»... «Или при толкованіи словъ *акція и контемпляція* объясняется, что *праца (акція)* состоитъ «въ коленопреклоненіи, въ руку воздѣяніи, *въ крестообразномъ на землю упанью»* (krzyżem leżeć). Въ виду сказаннаго, весьма было-бы желательно видѣть въ печати и остальныя малорусскія проповѣди св. Димитрія.

Остальные отдѣлы можно пройти молчаніемъ, потому что въ нихъ или помѣщаются отрывки большихъ сочиненій, какъ въ III и IV, не дающіе понятія о цѣломъ, или менѣе цѣнные историческіе документы, какъ въ отдѣлѣ смѣси. Въ заключеніе пожелаемъ московскому изданію большей аккуратности въ перепискѣ старыхъ бумагъ и корректированіи ихъ въ печати, такъ какъ въ настоящемъ томѣ встрѣчается огромное число недосмотровъ переписчика и опечатокъ, совершенно портящихъ научное значеніе печатаемыхъ матеріаловъ.

Ѳ. Н.

Dr. H. Michow. Die altesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizzer). Hamburg. 1884—91. (Древнѣйшія карты Россіи, докладъ до исторической географіи въ трохъ картахъ и въ одномъ очеркѣ, Гамбургъ. 1885—91).

Восточная европейская равнина, населенная русскимъ народомъ, долго была въ полномъ смыслѣ terra incognita для Запада. Причиной этому были неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились русскія княжества впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кровавыя междоусобія и послѣдовавшее за ними монгольское иго не давали возможности подумать о чемъ иномъ, кромѣ самообороны отъ насильниковъ—своихъ и бусурманъ. О стремленіи къ лучшему во внутренней жизни, объ участіи въ международныхъ европейскихъ сношеніяхъ, о приданіи своей странѣ политическаго значенія—для чего потребовалось-бы общеніе съ Западомъ—между современниками этихъ мрачныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа не могло быть и рѣчи. Западно-европейскіе-же народы, не нуждавшіеся въ обитателяхъ сѣверо-востока Европы, мало ими интересовались, тѣмъ болѣе, что на Западѣ составилось самое фантастическое представленіе о нихъ, какъ о какихъ-то дикаряхъ, попасть къ которымъ значило обречь себя на гибель; а такъ какъ русскіе не показывались на Западѣ и своимъ появленіемъ не разсѣевали ходившихъ тамъ ложныхъ слуховъ, то западно-европейцы боялись даже помыслить о поѣздкѣ на «дикій сѣверъ». Только случайно изъ любопытства заходили туда смѣльчаки, какъ напримѣръ рыцарь Николай Поппель, явившійся въ Москвѣ въ 1486 г. съ письмомъ императора Фридриха III, безъ опредѣленнаго порученія; по его собственнымъ словамъ, онъ сдѣлалъ этотъ рискъ изъ любопытства: «я видѣлъ столько странъ и городовъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться и съ русской страною» [1].

Географическія познанія о сѣверо-восточной европейской равнинѣ, которыми, кстати сказать, и теперь не могутъ похвалиться западно-европейскіе народы, въ особенности французы, были микроскопическія.

Начиная съ послѣдняго десятилѣтія XV в., освободившіеся отъ монгольскаго ига русскіе завязываютъ довольно оживленныя дипломатическія сношенія съ Западомъ. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно разростается кругъ свѣдѣній о нихъ на Западѣ.

Первое болѣе основательное историко-географическое ознакомленіе Запада съ территоріей, заселенной русскимъ народомъ, относятъ ко вре-

[1]) H. Michow, l. c. 7.

мени появленія труда извѣстнаго рыцаря Сигизмунда фонъ-Герберштейна, цесарскаго посланника въ Москвѣ въ 1516 г., издавшаго въ 1549 г. въ Вѣнѣ in f-o свое сочиненіе: «Rerum Moscovitarum commentarii» съ географической картой. Эта карта была первой картой русской земли, какую только знаетъ наука землевѣдѣнія [1]).

Извѣстный французскій географъ, Vivien de Saint-Martin, говоритъ, что описаніе русской земли Сигизмунда Герберштейна есть первое, какое только имѣлъ Западъ, а приложенная карта—первый опытъ графическаго изображенія сѣверо-восточной европейской равнины [2]).

Свѣдѣнія сообщаемыя Герберштейномъ подвергнуты основательному разбору въ трудѣ петербургскаго профессора Замысловскаго, помѣщавшемся сначала въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ вышедшемъ отдѣльной книгой [3]).

Но Герберштейнъ скромно признается, что онъ имѣлъ предшественниковъ въ описаніи русской земли и поименовываетъ ихъ во введеніи къ своему труду.

Авторъ заинтересовавшей насъ книги, dr H. Michow, задался мыслію отыскать труды этихъ предшественниковъ Герберштейна въ области русской географіи и провѣрить сообщаемыя ими свѣдѣнія, которую и выполнилъ съ успѣхомъ. Онъ останавливается на Себастіанѣ Мюнстерѣ, Антонѣ Видѣ и Павлѣ Іовіи.

По части географіи южной Россіи мы находимъ у нихъ очень мало свѣдѣній. Вотъ все, что можно ихъ нихъ почерпнуть: на картѣ (1544 г.) Себастіана Мюнстера помѣщенъ на р. Днѣпрѣ (Néper) только одинъ Кіевъ (Kioff); изъ притоковъ Днѣпра упомянута только Десна (Desna), на сѣверъ отъ Десны указанъ Почепъ [4]) (Potzap). У Антонія Вида (карта издана въ 1555 г., но составленіе ея нужно отнести къ гораздо болѣе раннему времени) указаны въ области р. Днѣпра (Nepper): Кіевъ (Kioff), Почепъ (Potzap), Стародубъ (Staridob), Черниговъ (Szerniho), Новгородъ-Сѣверскъ (Nouigrad Siderszki). Антоній Вида снабдилъ топографическимъ матеріаломъ бывшій окольничій Иванъ Лятцкій, бѣжавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Бѣльскимъ къ королю польскому Сигизмунду

[1]) O. Peschel. Geschichte der Erdkunde. Ed. 2 von S. Kuge. München. 1848, стр. 318.

[2]) Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris. 1873, стр. 379.

[3]) Е. Замысловскій, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи XIV-го вѣка. Спб. 1884 г. in 8°.

[4]) М. Почепъ—нынѣ мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи.

послѣ смерти (1533 г.) великаго князя Василія Іоанновича, во время правленія великой княгини Елены, матери Іоанна IV [1]). Сигизмундъ думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV, чтобы возвратить прежде отнятыя Москвой у Польши области. Военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ и Лятцкій, происходили въ области Десны, Днѣпра и верхняго теченія западной Двины, оттого Лятцкій и могъ сообщить Антону Виду топографическій матеріалъ. На картѣ (1525 г.) Павла Іовія, или, какъ предполагаетъ d-r Michow, собственно Баптиста Аноезе, на сѣверъ отъ Дуная помѣщена подольская земля (Podolia); у устья Днѣпра указаны два города—находящійся на правомъ берегу названъ Ганане (?); изъ притоковъ Днѣпра указаны: Psola (Псёлъ), Arela (Орель).

Герберштейнъ тоже упоминаетъ: Potzap, Staridob и Czernigow.

Описанія и карты русской земли, упомянутыя нами, были переведены на многіе европейскіе языки и не разъ издавались, такъ какъ представляли едва-ли не все то, откуда можно было почерпнуть географическія свѣдѣнія о русской землѣ.

N. S.

Ив. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадского життя Карпатскои Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.

Въ дѣлѣ развитія историческаго самосознанія исторической беллетристикѣ суждена не маловажная роль. Будучи доступною той массѣ, которая не привыкла къ дѣловитости и строгости ученыхъ трудовъ и еще менѣе къ наивному и энигматическому языку первоисточниковъ, она даетъ не сводъ «сухихъ» фактовъ, не послѣдованіе вырванныхъ у прошлаго свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, а приподнимаетъ завѣсу, за которой видиѣется вся совокупность жизни даннаго времени, вводитъ въ кругъ живыхъ людей той или другой эпохи. Безъ сомнѣнія очень часто «исторической» она бываетъ только по имени. Ея герои напоминаютъ столько-же своихъ былыхъ прототиповъ, какъ маскарадный рыцарь напоминаетъ настоящаго. Но въ рукахъ писателя талантливаго и добросовѣстнаго, изучившаго прошлое научнымъ путемъ и постигнувшаго его поэтическимъ проникновеніемъ, историческая повѣсть можетъ стать великой силой. Нигдѣ, однако, роль ея не можетъ быть столь значительной, какъ въ литературахъ молодыхъ, какъ въ обществахъ

[1]) Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. VIII, гл. 1, стр. 9. Изданіе Эйнерлинга. Спб. 1842 года.

странъ, переживающихъ эпоху культурнаго и политическаго возрожденія. Въ литературѣ родной намъ, возрождающейся Галиціи историческая поэзія еще не имѣла виднаго представителя. Доселѣ галицкіе авторы разрабатывали преимущественно историческую драму. Но, при всей симпатіи къ дѣятельности и цѣлямъ этихъ авторовъ, трудно было побороть въ себѣ возбуждаемое чтеніемъ ихъ произведеній чувство тоски. Дѣло въ томъ, что драма, вся основанная на рисовкѣ отдѣльныхъ лицъ и характеровъ и на взаимныхъ ихъ коллизіяхъ, едва-ли возможна изъ эпохъ отдаленныхъ, если она не задается изображеніемъ общечеловѣческихъ чертъ и страстей. А галицкіе авторы именно излюбили сѣдую древность. Какъ очертанія отдѣльныхъ предметовъ на извѣстномъ разстояніи, такъ и облики отдѣльныхъ лицъ во времени сливаются и скрадываются, и глазъ можетъ угадывать только общіе признаки, массовые контуры. Въ этомъ отношеніи форма романа гораздо благодарнѣе. Рисуя эпоху, извѣстный строй жизни, такой или иной фазисъ и типъ народнаго развитія, романистъ изображеніемъ общихъ чертъ времени сообщаетъ колоритъ эпохи своимъ героямъ, представленнымъ въ приблизительно намѣченныхъ и скорѣе угаданныхъ, чѣмъ изученныхъ образахъ. Широкія рамки романа, не принуждая писателя держаться одной только психологической области, допускаютъ всѣ виды воспроизведенія жизни и позволяютъ автору обставить свой вымыселъ какъ солиднымъ оружіемъ, взятымъ изъ кладовыхъ науки, такъ и болѣе легкимъ, добытымъ изъ творческаго воображенія.

Названная выше книга молодого писателя г. Франка является въ галицкой литературѣ прекраснымъ опытомъ. Не смотря на отдаленность времени дѣйствія, повѣсть полна живого интереса. Авторъ взялъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Червоной Руси — время Даніила Романовича. Изображеніе сельскаго общиннаго быта, съ его правдою и младенчески патріархальными порядками, распространеніе губительнаго боярскаго вліянія и ужасное народное бѣдствіе — нашествіе монголовъ — таковы главные мотивы повѣствованія. Общинные порядки и типы того далекаго вѣка занимаютъ центръ картины и изображены съ большою любовью. «Злая доля, говоритъ авторъ, издѣвалась вѣка надъ нашимъ народомъ. Тяжелые удары подкосили его благосостояніе, нужда сломила его могучую, свободную постать. И теперь только смутныя воспоминанія напоминаютъ правнукамъ о далекомъ, счастливомъ житьѣ предковъ. Но мысль поэта летитъ въ тѣ давніе часы и воскрешаетъ давнихъ людей. И у кого чистое сердце и истинно-человѣческое чувство, тотъ въ нихъ увидитъ своихъ братьевъ, живыхъ людей, а въ ихъ жизни, хоть и столь

не похожей на нашу, увидитъ кое что такое, чего можно-бы пожелать и нашему «культурному» вѣку».

Дѣйствіе начинается весною 1241 года. Бояринъ Тугаръ Вовкъ, вновь прибывшій въ горную тухольскую околицу, охотится на медвѣдей съ обывателями Тухли. Обокъ съ нимъ, не уступая никому изъ охотниковъ ни въ ловкости, ни въ отвагѣ, идетъ его дочь—Мирослава. Въ главѣ тухольскихъ охотниковъ шествуетъ молодой горецъ Максимъ, неустрашимый и достойный сынъ главы тухольской общины, 90-лѣтняго мудреца Захара Беркута. На этой охотѣ молодые люди видятся въ первый разъ и тутъ-же, среди опасностей и на краю смерти, зарождается ихъ любовь. Максимъ спасаетъ жизнь Мирославѣ, неосторожно отставшей отъ охотниковъ и вступившей въ единоборство съ медвѣдицей. Такова экспозиція романа.

Своебразность изображаемаго міра и свѣжесть письма пріятно дѣйствуютъ съ первыхъ двухъ его главъ. Въ третьей главѣ это впечатлѣніе усиливается. На сценѣ общинная рада и изображеніе порядковъ общиннаго быта. Руководитъ радою умудренный жизнію, но чистый душею, какъ голубь, беззавѣтно преданный общему благу, старый Беркутъ. Бояринъ является на раду и заявляетъ свои притязанія на господство въ общинѣ и свои требованія подчиненія. Рада встрѣчаетъ эти заявленія крайне враждебно, а когда, какъ аргументъ въ свою пользу, Тугаръ Вовкъ приводитъ то, что онъ проливалъ кровь за народъ, изъ толпы выступаетъ безрукій человѣкъ, при видѣ котораго бояринъ мѣняется въ лицѣ. Этотъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вовкъ измѣнилъ своимъ и предалъ ихъ въ битвѣ при Калкѣ. Зато князь Даніилъ, ненавидѣвшій его, но боявшійся, какъ всѣхъ подкапывавшихся подъ него бояръ, услалъ его въ дальнюю Тухлю. Бояринъ убиваетъ безрукаго человѣка, прежде чѣмъ тотъ успѣваетъ открыть все громадѣ. Послѣ этого онъ бѣжитъ изъ Тухли, увлекая за собой и дочь и пристаетъ къ монголамъ, о приближеніи которыхъ уже носились тревожные слухи. Съ небольшимъ отрядомъ монголовъ онъ нападаетъ на село въ то время, когда тухлинская молодежь, съ Максимомъ во главѣ, уничтожала его жилище и разбирала его домъ. Одного Максима щадили стрѣлы, вслѣдствіе слова, даннаго бояриномъ дочери. Онъ становится плѣнникомъ монголовъ. Взбѣшенный бояринъ, потерявшій почти весь свой отрядъ, возвращается къ монгольскому табору и уговариваетъ полководца Бурундая идти на Тухлю, обѣщая указать ему тамъ проходъ черезъ горы. Приводимъ картину одного изъ эпизодовъ нашествія варваровъ, чтобъ познакомить съ манерой автора.

„Монголы! Монголы!—и вслѣдъ за тѣмъ прибѣжали сторожевые люди, крича, что монголы въ безчисленномъ количествѣ показались въ долинѣ надъ Опоромъ. Теперь приходилось рѣшать немедленно, что дѣлать и какъ защищаться? Захаръ Беркутъ еще разъ сталъ на томъ, чтобы впустить монголовъ въ тухольскую котловину и тутъ, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, вырѣзать или выморить всѣхъ до одного.

Теперь не раздавалось уже возраженій противъ этого совѣта и быстро громада рѣшилась дѣйствовать. Всѣ устремились къ своимъ хатамъ, чтобъ прятать имущество въ лѣсахъ. Воины изъ сосѣднихъ селъ двинулись сейчасъ на противоположную сторону долины, чтобъ сдѣлать въ выходѣ изъ нея засѣки и не дать монголамъ туда пройдти. Страшный переполохъ сдѣлался въ селѣ. Крики, разсказы, расспросы, ревъ воловъ и скрипъ деревянныхъ двухколесныхъ телѣгъ раздавались со всѣхъ концовъ, наполняя воздухъ какимъ-то стономъ, отдававшимся эхомъ въ горахъ. Съ тоской прощались тухольцы съ своими хатами, подворьями и огородами, съ засѣянными нивами, которыя сегодня же долженъ былъ истребить и вытоптать страшный наплывъ монголовъ. Матери несли на рукахъ и вели своихъ плачущихъ дѣтей, отцы гнали скотъ, везли на телѣгахъ домашніе пожитки, мѣшки съ хлѣбомъ, одежу; облака пыли стояли надъ селомъ. Только горный потокъ шумѣлъ, какъ и всегда, серебряной волною.

Уже совсѣмъ опустѣло село. Хаты потонули въ вечернемъ туманѣ. Пыль улеглась на дорогѣ. Замолкли голоса и крики, какъ будто въ этой долинѣ никогда и не было жизни. Солнце садилось за тухольскія горы, утопая въ легкихъ, красноватыхъ облакахъ. Темные сосновые лѣса, окружавшіе Тухлю, шептали тихо, таинственно, какъ будто бесѣдовали о какой-то зловѣщей новости. Только земля, неизвѣстно почему, глухо стонала какъ-бы отъ отдаленнаго топоту. Въ воздухѣ, хоть чистомъ и ясномъ, переливались какіе-то необычайные, смѣшанные звуки, отъ которыхъ дрожь пронимала самаго смѣлаго. А далеко-далеко въ лѣсахъ, въ глубокихъ, темныхъ ярахъ, въ недоступныхъ чащахъ выли волки, отрывисто лаяли лисицы, блеяли олени, рычали туры. А въ селѣ такъ тихо, такъ мертво! А на небѣ такъ ясно и спокойно! Но нѣтъ! Вотъ свѣтъ потемнѣлъ отъ какой-то черной тучи. Эта живая туча сплошною массою движется съ запада, оглашая воздухъ дикимъ карканьемъ и спускаясь надъ Тухлей. Это вѣстники и не отступные спутники орды—хищные вороны тянутся безчисленными стадами, чуя поживу. Зловѣщее пернатое ополченіе билось въ воздухѣ, разрывалось огромными чорными платками и металось, какъ мечутся тучи передъ бурей. Мирныя кровли тухольскихъ хатъ въ одинъ мигъ покрылись чорными гостями и ихъ неумолчный клекотъ раздавался, какъ кипѣнье воды въ какомъ-то гигантскомъ котлѣ. Безъ словъ, неподвижно стояли тухольцы надъ обрывистыми берегами своей котловины, смотрѣли на отвратительныхъ птицъ и проклинали въ душѣ тѣхъ вѣщуновъ смерти и разоренія.

Но вотъ видъ измѣнился. Какъ вода, прорвавъ плотину, такъ начали вливаться въ котловину массы темнолицыхъ воиновъ, съ страшнымъ крикомъ. Ряды тѣснились за рядами, безъ конца и краю. Какъ вода внизу водопада, такъ остановились и они, вышедши изъ тѣснины и стали устанавливаться въ длинные ряды, двигаясь свободно и заливая пустую равнину. Впереди всѣхъ, дорогою, ѣхалъ на бѣломъ конѣ огромный великанъ—Бурундай-богадырь, и рядомъ съ нимъ меньшій всадникъ, Тугаръ Волкъ".

Опустѣлая Тухля разсвирѣпѣлыми хищниками была предана пламени и сравнена съ землей. Закованный въ цѣпи Максимъ сидѣлъ на сельской улицѣ во время пожара. Предъ нимъ горѣла его родная хата. Между тѣмъ Мирослава, еще до вторичнаго нападенія монголовъ на Тухлю, будучи не въ состояніи больше оставаться въ монгольскомъ лагерѣ съ измѣнникомъ-отцомъ и пользуясь правомъ свободнаго прохода черезъ кордонъ, бѣжала къ тухольцамъ. Здѣсь она принесла Захару Беркуту вѣсть о томъ, что сынъ его живъ. Старикъ, относившійся къ ней сперва недовѣрчиво, побѣжденъ былъ ея самоотверженіемъ, храбростью и умомъ. Когда завязалась битва съ монголами, Мирослава совѣтами, указаніями и личной дѣятельностью принесла великую пользу тухольцамъ. По ея наставленіямъ, ночью, устроены были изъ наскоро срубленныхъ деревьевъ метательныя орудія, осыпавшія камнями стоявшихъ въ долинѣ варваровъ. Но безпримѣрный успѣхъ выпалъ на долю тухольцевъ, благодаря мудрости Захара. По его совѣту заваленъ былъ каменными глыбами выходъ изъ котловины, и вода горнаго потока, не имѣя болѣе выхода, стала заливать долину, затопляя стоявшее на ней монгольское войско. Залитое водой и осыпаемое сверху камнями, погибло полчище Бурундая. На глыбѣ камней, по поясъ въ водѣ, стоялъ еще самъ предводитель, съ сотней воиновъ, между которыми былъ Тугаръ Вовкъ и плѣнный Максимъ. Его щадили до сихъ поръ, надѣясь цѣною его выдачи купить у тухольцевъ право спасенія хотя остатками войска. Но Захаръ Беркутъ отвергъ такую сдѣлку, рѣшившись лучше пожертвовать сыномъ, чѣмъ оставить горсть готовыхъ къ мести враговъ. Уже мечъ Бурундая занесся надъ головой плѣнника, но Тугаръ Вовкъ отрубилъ руку монгола. И Бурундай и Максимъ исчезли подъ водой. Прибывшіе на импровизированномъ плоту тухольцы спасли вынырнувшаго изъ воды монгольскаго плѣнника. Максимъ съ торжествомъ отведенъ былъ къ своимъ, къ потрясенному и умирающему отцу, гдѣ,—нужно-ли прибавлять?—испросилъ его благословенія на бракъ съ Мирославой. Старикъ не перенесъ погибели родного села, волненій и бѣдствій этой ужасной ночи. Онъ умеръ въ тотъ-же день на рукахъ дѣтей, обращаясь къ односельцамъ съ словами возвышеннаго напутствія. Вотъ эти слова, заключающія въ себѣ «мораль» разсказа:

„Братья! сегодняшняя наша побѣда имѣетъ для насъ великое значеніе. Чѣмъ мы побѣдили? Только-ли нашимъ оружіемъ? Нѣтъ. Одною-ли нашей хитростью? Тоже нѣтъ. Мы побѣдили нашимъ общественнымъ согласіемъ, единодушіемъ и дружностью дѣйствій. Не забывайте этого никогда! Пока будемъ жить въ общемъ согласіи, дружно держаться вмѣстѣ, несокрушимо стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, до тѣхъ поръ никакая вражеская сила не побѣдитъ васъ. Но я знаю, братья, и чуетъ это душа моя,

что то не былъ послѣдній ударъ на нашу общинную твердыню, что за нимъ послѣдують другіе и разобьютъ въ концѣ концовъ нашу общину. Для нашего народа настануть тяжелыя времена. Отстранится братъ отъ брата, отмежуется сынъ отъ отца и начнутся великія междоусобія и раздоры въ русской землѣ и сокрушатъ они силу народную и попадетъ тогда народъ въ неволю чужимъ и своимъ собственнымъ грабителямъ, которые сдѣлаютъ изъ него покорнаго раба своихъ прихотей и рабочую скотину. Но среди тѣхъ невзгодъ вспомнитъ народъ свой давній общинный бытъ, и благо ему будетъ, если во время и быстро вспомнитъ онъ о немъ: это избавитъ его отъ цѣлаго моря слезъ и крови, отъ цѣлыхъ столѣтій неволи. Но рано или поздно онъ вспомнитъ непремѣнно жизнь своихъ предковъ и захочетъ пойти ихъ путемъ. Счастливъ тотъ, кому суждено будетъ жить въ тѣ дни! Это будутъ дни прекрасной весны, дни народнаго возрожденія!".

«Съ того времени, кончаетъ свою повѣсть г. Франко, многое измѣнилось. Но въ точности сбылись предсказанія стараго общинника. Великія напасти грозовыми тучами пронеслись надъ русскою землей. Давній общинный бытъ давно преданъ забвенію и казалось-бы похороненъ. Такъ нѣтъ-же! Не нашимъ-ли днямъ суждено видѣть, какъ онъ оживаетъ вновь? Не живемъ-ли мы въ ту счастливую пору возрожденія, о которой говорилъ умирающій Захаръ? О, пусть наше время будетъ хоть предразсвѣтными часами той счастливой поры!»

Мы по возможности подробно и близко изложили произведеніе молодого галицкаго писателя, такъ какъ, во первыхъ, съ талантомъ его у насъ совсѣмъ еще не знакомы, а во вторыхъ въ такомъ детальномъ изложеніи могутъ стать болѣе замѣтными какъ сильныя, такъ и слабыя стороны романа. Слабою частью надо признать нѣкоторую искуственность въ развитіи фабулы. События являются немного по щучьему велѣнію, какъ deus ex machina, и благополучный случай ждетъ непремѣнно героевъ въ самую критическую минуту. Подчасъ просвѣчиваетъ и даетъ себя чувствовать «мораль», тамъ гдѣ достаточно было-бы голоса однихъ художественныхъ образовъ. Но эти недостатки выкупаются симпатичностью всего замысла, оригинальностью и неподдѣльной поэзіей нѣкоторыхъ мѣстъ разсказа. Какъ на самыя сильныя страницы, можно указать на приведенный уже эпизодъ вторженія монголовъ и послѣдующій за нимъ пожаръ Тухли и на сцену языческаго моленія Захара, на разсвѣтѣ, передъ рѣшительной битвой. Эта сторона борьбы стародавнихъ языческихъ понятій съ новыми, христіанскими, изображена вообще еще очень своеобразно. Захаръ, человѣкъ стараго вѣка, остается еще поклонникомъ силъ природы и шлетъ свою молитву къ солнцу, Дажьбогу,—источнику жизни. Образъ старого общинника наиболѣе удался автору и отъ него вѣетъ эпическимъ величіемъ.

Рисуя общинный строй и общую картину времени, г. Франко не стремится къ фактической точности и беретъ своими героями лицъ вымышленныхъ. Проводниками писателя въ тѣ давніе вѣка могли быть только народныя преданія и безхитростныя слова галицко-волынскаго лѣтописца. Страницы ипатьевской лѣтописи, полныя горячаго патріотизма и чувства, нашли въ душѣ романиста живой отголосокъ. Онъ ненавидитъ отвратительныхъ прошлыхъ хищниковъ не меньше своего древняго предшественника. «О злѣе зла честь татарская!» готовъ онъ воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ-же съ нимъ покарать горячимъ словомъ крамолы, бывшія «въ безбожныхъ боярѣхъ Галицкыхъ». Мотивъ борьбы боярства съ народомъ—не выдуманный, это историческій фактъ, гибельно отразившійся на судьбѣ юго-западной Руси на самой зарѣ ея историческаго существованія. Тамъ ранѣе всего сталъ образовываться туземный, мѣстный классъ угнетателей народа. «Здѣсь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, прорывалось уже начало того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противупоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ его на борьбу въ лицѣ козачества». Начавшись при Ярославѣ Осмомыслѣ и при Романѣ Мстиславовичѣ, боярская «крамола» усилилась особенно при Даніилѣ и на борьбу съ собой отвлекла силы этого князя, который при другихъ условіяхъ сдѣлалъ-бы, можетъ быть, болѣе для будущности своей страны и народа, такъ какъ былъ человѣкомъ рѣшительно выдающимся по уму и достоинствамъ, «бѣ бо, какъ говоритъ лѣтописецъ, дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока». Имя главнаго монгольскаго предводителя, названнаго въ разсказѣ г. Франко Бурундаемъ, принадлежитъ дѣйствительно историческому лицу, предводителю позднѣйшаго монгольскаго нашествія. Авторъ или взялъ Бурундая изъ народной легенды, всегда склонной къ вольному обращенію съ хронологіей, или назвалъ тѣмъ-же именемъ начальника какого-нибудь частнаго монгольскаго отряда. Лѣтописный Бурундай остался непобѣжденнымъ и верховодилъ въ галицко-волынской землѣ, заставляя самихъ князей разрушать города. Такъ, по его приказанію, княземъ Василькомъ былъ разрушенъ городъ Володимеръ. Онъ былъ начальникомъ нашествія 1229 года.

Нельзя въ заключеніе не обратить вниманія на хорошій языкъ повѣсти г. Франко, какимъ вообще не особенно избаловали насъ галицкіе писатели. Онъ очень близокъ къ малорусской литературной рѣчи, если

не считать небольшаго количества мѣстныхъ словъ и нѣкоторыхъ особенностей. Къ этимъ вполнѣ законнымъ особенностямъ привыкаешь, впрочемъ, скоро и не потому только, что ко всему привыкнуть можно, но потому, что въ этомъ говорѣ, столь близкомъ къ украинскому, встрѣчаешь ту-же звуковую прелесть простонародной, «на лонѣ природы» выросшей рѣчи.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РУССКАЯ СВЯТЫНЯ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

Въ столицѣ папства, въ Римѣ, въ церкви св. Петра хранится таинственный образъ Спасителя. Никому онъ не доступенъ, никто его не видитъ и только три дня въ году,—въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли, образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по Риму, никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣнценосцы западные не иначе были допускаемы до цѣлованія этой иконы, какъ по предварительномъ возведеніи ихъ въ санъ канониковъ св. Петра. Видѣвшіе-же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показываютъ, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли, даже при помощи увеличительныхъ стеколъ, разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не разсматривали его вблизи» [1]).

Что-же это за таинственный образъ?

Въ эстампныхъ магазинахъ Рима продаются, по весьма не дорогой цѣнѣ, литографированные, различной величины, снимки съ него, а къ каждому снимку дается печатное на латинскомъ языкѣ,

---

[1]) Путеводитель по Риму, Вл. Мордвинова, 1875 г., стр. 36—37

за подписью одного изъ членовъ соборнаго причта, удостовѣреніе въ томъ, что снимокъ дѣйствительно сходенъ съ подлинникомъ, который называется изображеніемъ Спасителя, даннымъ отъ него св. Вероникѣ. Но это названіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Надо сказать, что въ христіанской церкви съ первыхъ вѣковъ существовало преданіе о такъ называемомъ у насъ *нерукотворенномъ* образѣ Іисуса Христа, т. е. не писанномъ кистью художника, а чудесно отпечатлѣвшемся на холстѣ, которое Спаситель приложилъ къ своему лицу. По римскому преданію это изображеніе явилось такимъ образомъ. Когда Іисуса Христа вели на Голгофу для распятія и Онъ, изнемогая подъ тяжестію креста, обливался потомъ, шедшая въ толпѣ одна сострадательная дѣвица, по имени Вероника, подала Ему свой платокъ, чтобы Онъ могъ отереть потъ, крупными каплями катившійся съ Его божественнаго лица. Спаситель отеръ потъ и возвратилъ платокъ, но на платкѣ Вероника увидѣла изображеніе лица божественнаго Страдальца. Иначе получилось это изображеніе по преданію восточной церкви. Современный Іисусу Христу едесскій царь Авгарь, слышавшій много о Его чудесахъ, пожелалъ списать съ Него портретъ и для того прислалъ къ Нему живописца. Живописецъ явился съ кистями, красками и холстомъ и объяснивъ, отъ кого и за чѣмъ присланъ, просилъ позволенія приступить къ работѣ. Спаситель взялъ холстъ, приложилъ къ своему лицу и отдалъ назадъ живописцу для передачи царю Авгарю. На холстѣ оказалось точное изображеніе Его лица. Какъ извѣстно, православная церковь ежегодно, 16 августа, празднуетъ память объ этомъ чудесномъ событіи и самомъ образѣ.

Напоминаетъ-ли собою то или другое преданіе окруженный таинственностью образъ Спасителя въ римскомъ соборѣ св. Петра?

Этого образа никто, какъ сказано выше, не видѣлъ и видѣть не можетъ; но есть копія съ него, притомъ очень древняя. Объ этой-то копіи мы нашли любопытныя свѣдѣнія въ одномъ старинномъ французскомъ изданіи половины XVIII ст., заключающемъ въ себѣ описаніе городовъ, королевскихъ дворцовъ, замковъ и болѣе замѣчательныхъ памятниковъ Франціи [1]). По тому, что говорится здѣсь о копіи, легко разгадать и самый подлинникъ, такъ тща-

[1]) Nouvelle Description de la France. Paris. 1753. T. I, pag. 427—430.

тельно скрываемый служителями Ватикана. Передадимъ вкратцѣ сообщеніе автора указаннаго описанія.

Въ женскомъ монастырѣ, называемомъ Montreuil-les-Dames, близъ г. Лаона [1]), у подошвы горы, на которой расположенъ этотъ городъ, славится убрусъ или платъ св. Вероники съ ликомъ Спасителя, привлекающій множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. По мѣстному преданію подлинникъ этого изображенія на убрусѣ или на платѣ изъ Іерусалима принесенъ въ Римъ, гдѣ находится и нынѣ въ храмѣ св. Петра, а копія съ него, хранящаяся въ монастырѣ Montreuil-les-Dames, дана сюда въ 1246 году папою Урбаномъ IV, въ бытность его еще архидіакономъ Лаонскимъ и капелланномъ папы Иннокентія IV. Въ верхней части этого образа начертаны буквы I. C., X. C., которыя означаютъ *Іисусъ Христосъ*, а въ нижней видпѣется надпись, надъ прочтеніемъ которой долго и тщетно трудились многіе ученые. Патеръ Мобилльонъ, сообщая объ этой надписи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сознался, что характеръ ея письменъ остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что здѣсь начертано слово *Abrasax*, употреблявшееся на талисманахъ или филактерахъ. Другой славный своею ученостію писатель, изслѣдовавъ эту надпись въ 1707 году, нашелъ, что это греческій спондаическій стихъ, но спустя 10 лѣтъ послѣ этого призналъ, что это стихъ гекзаметра. Кармъ Дешоссэ (Carme Déchausse'), получившій названіе почетнаго патера св. Маріи, во 2 томѣ своихъ изслѣдованій о правилахъ критики помѣстилъ цѣлое разсужденіе объ этомъ изображеніи Спасителя и пришелъ наконецъ къ заключенію, что находящаяся на немъ надпись не греческая, а славянская. Такое свое мнѣніе этотъ ученый подкрѣплялъ отзывами москвитянъ, къ которымъ онъ обращался по сему предмету. Но авторитетъ ихъ не признанъ достаточнымъ для рѣшенія даннаго вопроса. Сомнѣніе ученыхъ оставалось-бы надолго еще неразрѣшеннымъ, если-бы не прибылъ въ Парижъ русскій царь Петръ Великій. Почтенный патеръ de S. Marie чрезъ маршала де Мессъ обратился тогда къ сопровождавшему царя князю Куракину съ просьбой взглянуть на мѣстно чтимый св. ликъ Спасителя и сказать, дѣй-

---

[1]) *Лаонъ — Laon*, въ древности *Lugdunum Clavatum* — епископскій городъ, былъ нѣкогда главнымъ городомъ Пикардіи.

ствительно-ли буквы, находящіяся на немъ, могутъ быть признаны за славянскія и что они означаютъ. Князь, которому французскій языкъ былъ извѣстенъ почти столько-же, какъ и русскій, письменно удостовѣрилъ, что находящіяся на иконѣ слова значатъ: «Образъ Спасителя или Господа, отпечатлѣнный на платѣ», или что тоже «Образъ Вероники». Это объясненіе оказалось совершенно согласнымъ съ отвѣтомъ, даннымъ прежде почтенному патеру однимъ москвитяниномъ, а бывшій у князей Нарышкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ, духовникомъ монахъ прочелъ надпись такъ: *Образъ Господень на убрусь*, что по латыни значитъ: Imago Domini in lintea. Что русскій монахъ прочелъ безошибочно, въ этомъ удостовѣряетъ представляемое здѣсь *fac simile* надписи:

Въ заключеніе своего сообщенія авторъ упомянутаго выше описанія замѣчаетъ: «если подлинникъ изображенія дѣйствительно сходенъ съ его копіей, данной папою Урбаномъ IV монастырю Монтрель, то весьма сомнительнымъ должно быть то значеніе, которое усвояется хранящемуся въ церкви св. Петра въ Римѣ изображенію лика Спасителя на холстѣ, извѣстному *il Santo Sudario* (св. убрусъ) и ни для кого недоступному, а лишь въ нѣкоторые дни выставляемому предъ народомъ съ высоты подкупольнаго балкона».

Это сказано за 130-ть съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ и еще раньше разъяснились и всѣ недоумѣнія относительно загадочной надписи на иконѣ Спасителя въ монастырѣ Монтрель, подлинникъ которой увезенъ въ Римъ. Но не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣка, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлиникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета... Не потому-ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ-бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Что образъ этотъ славянскаго, точнѣе русскаго происхожденія, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Кѣмъ однако и когда могъ быть занесенъ во Францію, а оттуда въ Римъ нашъ *нерукотворенный образъ Спасителя?* Съ вѣроятностью можно полагать, что это одна изъ святынь, принесенныхъ во Францію въ XI вѣкѣ нашей княжной Анной Ярославной, супругой французскаго короля Генриха 1-го; копія съ нея въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтрель, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ, вступившимъ на епископскую каѳедру въ Римѣ.

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

(1753—1754).

Въ серединѣ прошлаго столѣтія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась мысль устроить въ сѣверной окраинѣ теперешней Новороссіи военное поселеніе преимущественно изъ австрійскихъ сербовъ, также изъ болгаръ, волоховъ и пр. Какъ извѣстно, раньше другихъ вышелъ изъ Австро-Венгріи Хорватъ и съ 1752 года принялся за поселеніе своихъ полковъ въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи; за нимъ послѣдовали другія партіи сербовъ, подъ командой Шевича и Прерадовича, которыя поселены въ сѣверо-восточной части екатеринославской губерніи. Сербы—колонисты слѣдовали на Кіевъ, откуда ихъ и отправляли на мѣста, предназначенныя для поселенія. Хорватъ оставался въ Кіевѣ зиму 1751 г. и отправился въ свою Новую Сербію весною 1752 г., а Шевичъ съ Прерадовичемъ провели здѣсь 1753 годъ и только въ первыхъ числахъ августа 1754 г. тронулись въ путь. Этимъ продолжительнымъ пребываніемъ Шевича и Прерадовича въ Кіевѣ объясняется документальный слѣдъ ихъ, оставшійся въ видѣ связки дѣлъ, съ которой мы познакомились, благодаря любезности А. А. Андріевскаго. Большинство документовъ связки представляютъ «доношенія» и указы касательно выдачи денежныхъ суммъ и потому не имѣютъ важности; но мы отобрали нѣсколько такихъ, которые характеризуютъ нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и самый способъ ихъ отправленія. Все это—мелочи, конечно, но мелочи, не лишенныя интереса.

Поселившись въ Кіевѣ временно, въ ожиданіи передвиженія, сербы предались пресловутой славянской розни. Главнымъ поводомъ для нея было взаимное переманиваніе людей изъ одной команды въ другую, отъ чего не отставалъ и Хорватъ, хотя его въ это время не было уже въ Кіевѣ.

Прерадовичъ переманилъ у Шевича троихъ гусаръ; тотъ жаловался военной коллегіи; военная коллегія приказала, чтобы Прерадовичъ возвратилъ гусаръ по принадлежности и чтобы впередъ чужихъ людей не переманивалъ, потому что такіе за нимъ зачисляемы не будутъ, а старался-бы комплектовать свою команду вызовомъ изъ-за границы (16 ноября 1753 г.).

Но оказывались безсильными и указы военной коллегіи. Вслѣдъ за указомъ, Прерадовичу опять удалось переманить изъ команды своего соперника какого-то капрала. Послѣдовала жалоба, за нею новый указъ; въ результатѣ получилось «доношеніе» кіевскому вице-губернатору слѣдующаго содержанія: 16 января 1754 г. команды генералъ-маіора Шевича подполковникъ Шевичъ отправилъ къ Прерадовичу адъютанта съ просьбою прислать двухъ офицеровъ для выслушанія указа военной коллегіи; Прерадовичъ послалъ капитановъ Радовановича и Губера; когда они пришли къ подполковнику Шевичу, то капитанъ Шевичевой команды, Юзбаша, назвалъ перебѣжавшаго капрала шпіономъ и добавилъ, что его надо бить батожьемъ, чтобы онъ изъ команды не уходилъ; парламентеры оскорбились и одинъ изъ нихъ, Радовановичъ, съ чувствомъ достоинства замѣтилъ, что онъ съ Губеромъ присланы не съ Юзбашею разговаривать, а выслушать указъ ея императорскаго величества; въ отвѣтъ на это, Юзбаша, восточная кровь котораго вскипѣла, представилъ резоны не словесно, а дѣйствіемъ: бросился на Радовановича, «билъ по щекамъ, и таскалъ за волосы и лицо все ободралъ до крови, а потомъ секундъ-маіоръ Шевичъ прискоча, такожъ и прочіе оберъ-офицеры и офицеры и гусары, таскали за волосы», пока Радовановичъ не спасся на квартиру подполковника Шевича. Прерадовичъ съ своей стороны не оставилъ этого дѣла, а просилъ вице-губернатора «куда надлежитъ представить» о происшествіи, изъ опасенія обидъ, «а паче смертнаго убивства». Чѣмъ кончилась распря—не извѣстно.

А вотъ волошенинъ Аѳанасій Коры перекочевываетъ изъ Новой Сербіи къ тому-же Прерадовичу, какъ-бы въ утѣшеніе за понесенную его офицеромъ обиду. Этотъ Аѳанасій очень хотѣлъ выбиться въ аристократію. Онъ вывелъ въ Новую Сербію девять волоховъ и одного грека, всего десять человѣкъ, «съ такимъ намѣреніемъ, чтобы за то награжденъ былъ по вступленіи въ службу какимъ по разсмотрѣнію рангомъ»; но Хорватъ ни чина не доставилъ предпріимчивому колонизатору, ни издержекъ не возвратилъ: вотъ причина, побудившая Коры перейти къ Прерадовичу.

Утѣшившись въ горѣ, Прерадовичъ опять принялся за свое. 24 марта 1754 г. Шевичъ жаловался, что пятеро его гусаръ, «по наущенію и подговору постороннихъ, многія упрямства и ослушности приставленнымъ надъ ними вахмистрамъ чинятъ» и отказываются явиться за жалованьемъ, говоря, что они въ командѣ Прерадовича и жалованье получаютъ отъ него; Шевичъ, указывая на то, что до сихъ поръ эти гусары жалованье получали у него, о чемъ, замѣчалъ онъ, правительствующему сенату и военной коллегіи извѣстно, не безъ ядовитости прибавлялъ: «а чтобъ таковыхъ въ другую команду отдать, о томъ ни откуда указа у меня не имѣется»; поэтому онъ просилъ предписать Прерадовичу возвратить перешедшихъ къ нему гусаръ. О послѣдствіяхъ жалобы не знаемъ.

Бывали случаи, когда, не смотря ни на что, удавалось Прерадовичу оттягать у противника людей. Такъ, собираясь въ путь, 23 іюля онъ доноситъ вице-губернатору, что къ его командѣ причислено трое гусаръ «изъ *спорныхъ* команды генералъ-майора Шевича», и проситъ увеличить число подводъ.

Интриговалъ въ Кіевѣ и Хорватъ черезъ своихъ агентовъ. 29 іюля подполковникъ его команды Дмитрій Перичъ обратился въ кіевскую губернскую канцелярію за справкою о томъ, по какой срокъ выдано жалованье четыремъ называемымъ имъ гусарамъ команды Шевича: они, «по желанію ихъ», находятся въ Новой Сербіи, и Хорватъ хлопочетъ въ сенатѣ объ опредѣленіи ихъ къ себѣ на службу. Подобную-же справку дѣлалъ послѣ и самъ Хорватъ о четырехъ другихъ гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича, и кіевская губернская канцелярія удовлетворила просьбу.

У всѣхъ троихъ генераловъ чувствовалась нужда въ людяхъ, надо было кѣмъ нибудь комплектовать полки, потому что выведены

ими едва какія нибудь сотни людей, а надобность предстояла въ тысячахъ. Поэтому-то съ такимъ азартомъ они охотились за людьми, поэтому такъ настойчиво просили начальство ловить бѣглецовъ. Губернская канцелярія предписывала объявлять о бѣглыхъ съ барабаннымъ боемъ, а пойманныхъ забивать въ ручныя и ножныя колодки и присылать немедленно; иногда посылались въ погоню гусары-же. Такое свѣдѣніе имѣемъ отъ 1753 г. о прапорщикѣ Дмитріѣ Марковичѣ, котораго, послѣ по возвращеніи изъ неудачной поѣздки за границу, обвиняли въ ограбленіи жидовки, ѣхавшей съ фастовской ярмарки; было наряжено по этой жалобѣ слѣдствіе, но явныхъ уликъ не оказалось; однако истица опредѣлительно заявляла, что ограблена гусарами.

Понятно, что при такой крайней нуждѣ въ гусарахъ, они своевольничали, зная, что не тутъ, такъ тамъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями. Интересно напр. слѣдующее «доношеніе», поданное въ губернскую канцелярію муровщикомъ Яковомъ Бубликомъ: изъ 25 работниковъ, данныхъ ему, четверо бѣжали и были замѣнены другими; одинъ изъ бѣжавшихъ, Кирилъ Шапочникъ, явился въ Кіевъ и записался «въ новобранные сербы», по документальному выраженію,—и, ставши «Сербомъ», напалъ на домъ Бублика, разорилъ и обидѣлъ его (подробностей въ документѣ нѣтъ); не удовольствовавшись и тѣмъ, 13 декабря 1753 г. встрѣтилъ Бублика на улицѣ, напалъ съ «другими» сербами и «хотѣлъ ободрать», но тотъ откупился полтиною; Бубликъ утверждаетъ, что Шапочникъ ни сербъ, ни волохъ, а слобожанинъ, въ чемъ, конечно, нельзя и сомнѣваться. Видно, сербскимъ командамъ не приходилось брезговать и такими самозванными сербами.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ междоусобій, колонисты собираются въ путь. Вѣрный своему праву, Прерадовичъ просилъ отправить его раньше Шевича, на томъ основаніи, что въ его командѣ все обстоитъ благополучно, а въ командѣ его соперника предстоитъ еще разбирать какіе-то споры. Однако, къ обидѣ его, раньше выѣхалъ Шевичъ, а не онъ.

Отправка ихъ не обошлась безъ затрудненій. Надобно было всего 405 подводъ; изъ этого числа 100 подводъ по закону обязанъ былъ поставить магистратъ, остальное число разложено было на кіевскіе монастыри, съ 8 дворовъ по 1 подводѣ; пора была

рабочая (конецъ іюля), раскладка сдѣлана только на правобережныя волости, и потому какъ консисторія, такъ и монастыри согласились удовлетворить требованіе на подводы со стѣсненнымъ сердцемъ, прося выдать впередъ прогоны и увѣдомить, до какихъ мѣстъ наряжаются подводы, а когда вице-губернаторъ потребовалъ добавочныхъ 12 подводъ, духовная консисторія отказала, ссылаясь на то, что повинность должна лечь на весь кіевскій полкъ; указывая, что магистратъ принимаетъ на себя слишкомъ малую долю подводъ и наконецъ жалуясь, что передъ тѣмъ съ великою нуждою поставлены подводы и работники для работъ въ Новой Сербіи, консисторія просила прислать въ копіи указъ, которымъ подобныя повинности налагаются только на правобережныя вотчины.

По требованію губернской канцеляріи, войсковая канцелярія разослала приказы по полкамъ, чтобы сербскимъ командамъ, во время слѣдованія черезъ полки, ставилось достаточное число подводъ и наряжались коммисары для сопровожденія ихъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа двинулся Шевичъ: Прерадовичу пришлось подождать нѣсколько дней, за недостаткомъ подводъ. По отъѣздѣ ихъ, Хорватъ заявилъ еще о 13 гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича еще во время пребыванія послѣдняго въ Кіевѣ; заявилъ о нихъ и на этотъ разъ не съ цѣлью возвратить, а, наоборотъ, присвоить. Впрочемъ и по отъѣздѣ Шевича, съ самаго мѣста его поселенія побѣги продолжались. Ему, замѣтно, въ этомъ не везло,—быть можетъ оттого, что онъ былъ скромнѣе другихъ.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ мѣстныхъ архивахъ, при бѣгломъ ихъ осмотрѣ, намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ той поры, когда край нашъ присоединялся къ Россіи послѣ распаденія Польши. Они не имѣютъ между собою близкой связи и мы передадимъ ихъ въ порядкѣ простой нумераціи.

1) Въ настоящее время болѣе и болѣе разъясняется, что при возсоединеніи нашего края съ остальной Россіей нѣкоторыя имѣнія, принадлежавшія польской коронѣ и находившіяся во времен-

номъ или пожизненномъ владѣніи нѣкоторыхъ пановъ, обращены ими въ свою личную собственность. Незнаніе русскими властями законовъ и обычаевъ вновь присоединеннаго края, завѣдомый обманъ со стороны низшихъ властей и сообщеніе ими невѣрныхъ свѣдѣній о землевладѣніи и пр., были причиною того, что нѣкоторыя казенныя имѣнія остались въ частномъ владѣніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, генералъ-лейтенантъ русской службы, князь Сангушко 2-й, заявилъ, что ему принадлежитъ г. Кременецъ и приноситъ ежегодно дохода 50 тысячъ польскихъ злотыхъ. Дошло дѣло до сената, который, усмотрѣвъ, что сообщеніе о принадлежности Кременца князю Сангушко сдѣлано только на основаніи показанія, даннаго управляющимъ имѣніями Сангушко, поручилъ произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе.

Бывшій въ то время волынскимъ вице-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты, Грохольскій донесъ военному губернатору минской, подольской и волынской губерніи, графу Гудовичу, что г. Кременецъ не принадлежитъ Сангушко, а находится у него въ пожизненномъ владѣніи на правѣ старостинскомъ. Вѣроятно это добросовѣстное разслѣдованіе Грохольскаго и спасло г. Кременецъ изъ частнаго владѣнія.

2) Около 1798 года возникло подозрѣніе о томъ, что наши жиды, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жидами заграничными, а особенно французскими, усвоили себѣ тотъ взглядъ на Бапапарта, что «якобы онъ есть Мессія, долженствующій освободить народы отъ рабства». Завѣдывавшій въ то время нашимъ краемъ, графъ Гудовичъ, предписалъ секретно всѣмъ начальникамъ округовъ наблюдать за образомъ мыслей нашихъ евреевъ по отношенію къ Бонапарту. Никакихъ свѣдѣній объ этомъ начальники округовъ Гудовичу не сообщили; но надо полагать, что евреи, находясь въ постоянномъ ожиданіи Мессіи, дѣйствительно обращали свои мечты и на Бонапарта. Затѣмъ, когда Наполеонъ, сдѣлавшись французскимъ императоромъ, постоянными войнами препятствовалъ правильному ходу торговыхъ дѣлъ, а реквизиціями и всесословными рекрутскими наборами сильно огорчалъ всѣхъ капиталистовъ и особенно евреевъ, то становится весьма понятнымъ, почему евреи во время нашествія Наполеона не особенно ему сочувствовали и даже дѣлали довольно серьезныя пожертвованія на военныя надоб-

ности въ пользу русскаго правительства, представляя въ этомъ отношеніи совершенную противуположность помѣщикамъ, которые одни только изъ всѣхъ сословій волынской губерніи отъ пожертвованій на военныя надобности въ 1812 году отказались и въ свою очередь смотрѣли на Наполеона, какъ на Мессію. Къ сожалѣнію, во время нашествія Наполеона, помѣщики производили замѣшательства, заявляя то изъ того, то изъ другаго уголка губерніи о мнимыхъ возстаніяхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ и требуя для усмиренія ихъ военную силу. Политика хорошо расчитанная: поставить въ непріязненное отношеніе крестьянское народонаселеніе къ властямъ и постоянно безпокоить и разобщать наши войска посылкой отдѣльныхъ отрядовъ для усмиренія мнимыхъ бунтовъ крестьянъ.

3) Лѣтомъ 1795 года распространились на Волыни слухи, что чернь намѣрена рѣзать шляхту и евреевъ и что днемъ всеобщаго избіенія назначенъ праздникъ св. Петра и Павла 29-го іюня. Многіе помѣщики сообщили объ этомъ брацлавскому губернатору Берхману, требуя строгихъ мѣропріятій противъ крестьянъ и посылки войскъ для усмиренія бунтовщиковъ. Но Берхманъ къ такимъ заявленіямъ отнесся очень осторожно и предварительно отправленія военной силы по просьбѣ помѣщиковъ, затребовалъ свѣдѣнія отъ начальниковъ округовъ, а особенно винницкаго, такъ какъ слухи объ избіеніи шляхты и евреевъ шли преимущественно изъ этого округа. Оказалось впослѣдствіи, что слухи эти неизвѣстно кѣмъ распущены: бригадиръ и кавалеръ Исаевъ слышалъ отъ вице-губернатора Кублицкаго, а Кублицкій отъ судьи кіевскаго воеводства Ивановскаго, сей-же послѣдній никакъ не могъ припомнить, отъ кого дошли къ нему слухи о предполагаемомъ избіеніи шляхты и евреевъ.

4) Въ 1794 г. нѣкто Сафоновъ, какъ видно, лице оффиціальное, донесъ по начальству, что профессора житомірской католической академіи на вечеринкѣ у ксендза Венціовскаго пили за здоровье Костюшки. Губернаторъ Шереметевъ поручилъ предсѣдателю уголовной палаты Батурину произвести по сему предмету строгое разслѣдованіе. Но при допросѣ профессоровъ и ксендзовъ на Сафонова полетѣло столько грязи и завѣдомой лжи, что бѣдный доноситель на профессоровъ и ксендзовъ, не имѣя, вѣроятно, понятія

о людяхъ, съ которыми пришлось ему вести дѣло, горько раскаялся въ своемъ неосторожномъ сообщеніи по начальству.

Одинъ изъ ксендзовъ показалъ, а остальные ксендзы и профессоры подтвердили, что незадолго передъ этимъ они имѣли въ виду подать губернатору на Сафонова меморіалъ, что онъ взялъ у нихъ пять эстамповъ, изображающихъ два образа и три портрета и по требованію не возвратилъ, что онъ, Сафоновъ, также взялъ у нихъ шкатулку, погребецъ, ландкарту для путешественниковъ Царства Польскаго и два червонца, и по требованію ихъ также не возвратилъ, а чтобы предупредить на него жалобу послалъ доносъ. Кончилось тѣмъ, что ксендзы и профессоры вышли сухи изъ воды, а Сафоновъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ. Да и какъ было повѣрить, что ксендзы и профессоры могли пить за здоровье Костюшки...

5) Русскій посланникъ графъ Панинъ извѣщалъ изъ Берлина начальника присоединеннаго края графа Гудовича, что Костюшко, оставивъ свое мирное пребываніе въ Америкѣ, появился въ Парижѣ, изъ котораго затѣмъ отправился неизвѣстно куда, подъ именемъ Дюфренуа. Одни говорили, что онъ выѣхалъ въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ отправиться въ бывшую Польшу, для возмущенія своихъ соотечественниковъ, забывъ данное имъ обѣщаніе не служить противъ Россіи, другіе-же полагали, что онъ ѣдетъ въ Италію, для соединенія съ извѣстнымъ Домбровскимъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, графомъ Гудовичемъ было сдѣлано строгое распоряженіе о томъ, чтобы начальники округовъ наблюдали за появленіемъ между помѣщиками какихъ-либо воззваній или подозрительныхъ лицъ и въ особенности было усилено наблюденіе по границѣ. Поэтому, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ мечтателей и почитателей Костюшки пробраться на Волынь изъ Польши съ цѣлью поднятія бунта противъ Россіи, иногда въ составѣ небольшихъ вооруженныхъ шаекъ, какъ напр. шайка подъ предводительствомъ шамбеляна Деныска; но эти шайки немедленно были уничтожаемы занимавшими границу донскими козаками.

6) Шамбелянъ Деныско, «кой нынѣ», какъ доносилъ 14 октября 1794 года губернатору Шереметеву секундъ - маіоръ Евдокимъ Степановъ, «называется бригадиръ», принадлежалъ къ старой южно-русской дворянской фамиліи, окатоличившейся и ополячив-

шейся, вмѣстѣ съ прочими волынскими и русскими дворянами, въ XVI столѣтіи. Онъ былъ помѣщикъ с. Лысогорки, близъ м. Ямполя, кременецкаго уѣзда. Послѣ разбитія Суворовымъ арміи Костюшки, остатки ея разсѣялись по всей Польшѣ и подъ предводительствомъ различныхъ безпокойныхъ личностей стремились прорваться и на Волынь, предполагая найти здѣсь удобную почву для своего, какъ они думали, еще не потеряннаго дѣла, несмотря на извѣстное изреченіе Костюшки: «*finis Poloniae*». Денысько съ шайкою болѣе 300 вооруженныхъ воиновъ бродилъ по границѣ ровенскаго и дубенскаго уѣзда. Вотъ какія свѣдѣнія о его шайкѣ даны однимъ изъ невольныхъ участниковъ въ его затѣяхъ.

Шляхтичъ Жабинскій, слѣдовавшій за границу по порученію своего довѣрителя князя Четвертинскаго, былъ захваченъ шайкою Деныска. По показанію Жабинскаго, шайка состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 человѣкъ; при ней было четыре плѣнныхъ русскихъ солдата, въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами; ни одинъ изъ плѣнныхъ не былъ раненъ. При дальнѣйшихъ переходахъ шайки, Жабинскій услышалъ въ лѣсу мелкую перестрѣлку, а затѣмъ вскорѣ привели къ обозу донскаго козака, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ тутъ-же застрѣлилъ въ упоръ изъ ружья. Затѣмъ привели къ обозу другого донскаго козака, въ богатомъ козацкомъ одѣяніи, котораго также застрѣлили, отобравъ у него предварительно вещи и деньги. Шайка продолжала двигаться по направленію къ Дубно и перешла муравицкую дорогу, идущую отъ Тарговицы и Дубно къ Варковичамъ. Здѣсь попался отряду ѣхавшій верхомъ донской козакъ, котораго также схватили; но когда одинъ изъ бунтовщиковъ взялся за ружье, чтобы застрѣлить козака, также какъ и первыхъ двухъ, то козакъ сильно увернувшись, вырвался и скрылся въ лѣсу, такъ что мятежникъ не успѣлъ и выстрѣлить по немъ. Отсюда опять поворотили къ Дубно, перешли р. Икву, ночевали при с. Садкахъ. Денысько распустилъ свой обозъ и усилилъ маршъ; видя, что Жабинскій, имѣя грыжу, не можетъ слѣдовать за отрядомъ, Денысько отпустилъ его. Отправляясь по направленію къ Ровно, Жабинскій видѣлъ отрядъ русскихъ войскъ, очевидно разыскивающихъ бунтовщиковъ.

На этомъ оканчиваются показанія Жабинскаго; но о дальнѣйшей судьбѣ Деныска есть еще сказаніе.

Отрядъ Денысака увеличился присоединеніемъ къ нему еще другихъ мелкихъ шаекъ польскихъ мятежниковъ; но близъ м. Козина былъ разбитъ русскими войсками. Затѣмъ Денысько съ своимъ отрядомъ направился къ г. Кременцу; но подъ Кременцемъ настигъ его донской козачій отрядъ подъ командой подполковника Ребрикова и окончательно разсѣялъ шайку Денысака. Козаки, преслѣдуя Денысака, направились въ его имѣніе Лысогорку; но тамъ его уже не нашли; убѣжалъ изъ имѣнія также и коммисаръ Денысака, Александровичъ. Начались допросы; оказалось, что многіе изъ крестьянъ Денысака находились въ шайкѣ мятежниковъ; но были забраны туда насильно. Затѣмъ Денысько очутился въ предѣлахъ Турціи и, тоскуя по родинѣ, находился въ постоянномъ сношеніи съ Волынью, посредствомъ жидовъ. Фамилія Денысака угасла, кажется, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ; но отъ родныхъ его по женской линіи намъ приходилось слышать, что по просьбѣ сенатора графа Ильинскаго Деныську было разрѣшено возвратиться въ Россію и представиться императору Павлу I-му. Плѣнившись красивой и осанистой наружностью Денысака, императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а взамѣнъ конфискованной Лысогорки подарилъ большое селеніе «Гетманцы» на Подольѣ, кажется, балтскаго уѣзда.

7) Въ 1800 году состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ за границу французскихъ монаховъ ордена траппистовъ, главный религіозный подвигъ которыхъ состоялъ въ обѣтѣ молчанія. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ траппистовъ мотивировано тѣмъ соображеніемъ, что траписты принимаютъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей мужскаго пола и не обучаютъ ихъ ничему другому, какъ только подвигу «молчанія», почему повелѣно учениковъ траписттовъ, взявъ изъ монастырей, возвратить на прежнее ихъ мѣсто жительства. Въ волынской губерніи траписты находились въ двухъ монастыряхъ, въ то время еще уніатскихъ, жидичинскомъ, луцкаго уѣзда и дерманскомъ, дубенскаго уѣзда. Обязанность высылки трапистовъ за границу, чрезъ радзивиловскую таможню, была возложена на фискала волынской губерніи, надворнаго совѣтника Маньковскаго. Изъ представленнаго Маньковскимъ списка высланныхъ за границу трапистовъ видно, что въ дерманскомъ монастырѣ было трапистовъ:

Хорныхъ священниковъ	7 человѣкъ.
Братіи	10 »

Послушниковъ или служителей	3	человѣка.
Учителей	4	»
Обучающихся, отъ 10 до 26 лѣтъ . . .	29	»
Всего . .	53	»

В ъ ж и д и ч и н с к о м ъ:

Хорныхъ священниковъ	11	человѣкъ.
Братіи	10	»
Учителей	12	»
Учащихся, отъ 8 до 17 лѣтъ	27	»
Всего . .	60	»

Замѣчательно, что всѣ ученики траппистовъ оказались иностранными подданными и названы французскими фамиліями, такъ что учениковъ изъ мѣстныхъ жителей, по изысканіямъ Маньковскаго, оказалось только 10-ть, которые и возвращены въ свои дома. Видно, что школы траппистовъ не были пустыми и обучали въ нихъ не одному молчанію; но странно, что при высылкѣ траппистовъ за границу всѣ ихъ ученики, даже до десятилѣтняго возраста, оказались французами и выѣхали за границу, а мѣстныхъ учениковъ оказалось будто-бы только 10 человѣкъ.

И. А. Шафарукъ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ, КАКЪ ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1838 году вышло правительственное распоряженіе объ изданіи въ губернскихъ городахъ офиціальныхъ печатныхъ листовъ, или вѣдомостей. Правила изданія Губернскихъ Вѣдомостей предписывали различать отдѣлы офиціальный и неофиціальный. Въ первый входили всякаго рода административныя распоряженія и предписанія должностныхъ лицъ. Границы неофиціальнаго отдѣла были строго опредѣлены. Статьямъ полемическимъ и беллетристическимъ доступъ въ Губернскія Вѣдомости былъ строго воспрещенъ. Нельзя не признать разумности этого запрещенія. И въ столичныхъ журналахъ тридцатыхъ годовъ полемика стояла на низкой ступени личныхъ нападокъ, клеветы и брани. Тѣмъ менѣе могла обстоять благополучно и прилично провинціальная полемика. Несомнѣнно, она

выродилась-бы въ сплетничество. Беллетристика была также совсѣмъ не по плечу областной официальной печати. Лучшее, чего можно было ожидать отъ провинціальной беллетристики тридцатыхъ годовъ,—это сентиментальныя повѣстушки и хвалебные стишки разнымъ чиновнымъ милостивцамъ. Правила совѣтовали помѣщать въ неофиціальномъ отдѣлѣ вѣдомостей статьи по мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи. Тридцатые годы были временемъ пробужденія въ русскомъ образованномъ обществѣ склонности къ археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, временемъ дѣятельности графа Румянцова, Строева, Востокова. Правительственное указаніе редакціямъ Губернскихъ Вѣдомостей о помѣщеніи статей археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ, отвѣчало желаніямъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени. Много позже, лѣтъ на тридцать, такое желаніе высказывалось самими редакціями Губернскихъ Вѣдомостей. Такъ въ 38 № Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1864 г. редакція съ провинціальной развязностью и словоохотливостью ставитъ такой упрекъ мѣстнымъ, т. е. иркутскимъ пишущимъ людямъ: «статьи этнографическія у насъ рѣдкость; мы больше склонны къ писанію à la Щедринъ (!); насъ все пороки людскіе занимаютъ; мы и Губернскія Вѣдомости старались-бы превратить въ газету сатирическую по преимуществу. А между тѣмъ въ интересахъ края не ощущается именно въ этомъ надобности, при избыткѣ сатирическаго элемента во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ и въ особенности при существованіи газетныхъ корреспонденцій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть Губернскихъ Вѣдомостей на длинномъ протяженіи 47 лѣтъ, отъ 1838 до 1885 года, представляетъ бумажный хламъ, обращенный практичными провинціалами на обертку сальныхъ свѣчей и вяленой рыбы. Но въ общей громадной массѣ областныхъ вѣдомостей встрѣчаются весьма цѣнные номера, цѣнные именно для этнографа и историка. Перелистывая Губернскія Вѣдомости пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ петербургской публичной библіотекѣ, гдѣ, кстати замѣтить, только и можно отыскать за старые годы Губернскія и разныхъ областей Вѣдомости, я довольно часто находилъ въ этихъ изданіяхъ драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи замѣтки. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Для историка русскихъ народныхъ вѣрованій интересно напечатанное въ 64 № «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 года донесеніе псковскаго уѣзднаго священника Яковлева 1783 года о поклоненіи крестьянъ его прихода соснѣ. Яковлевъ доносилъ псковской духовной консисторіи: «усмотрѣно де имъ въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, на бую, близъ храма, за часовнею лежитъ спадшая великая похиловая сосна съ нѣсколькими на маковкѣ струтѣвшими (?) сучьями, оберегаемая отъ прельщеннаго невѣжествующаго народа, чрезвычайною отмѣнностью почитаемая; на которую сосну отъ окольностей собирающееся повсегда множество народа къ празднуемой іюля мѣсяца въ разныхъ числахъ Ильинской пятницѣ приносятъ обѣты свои слѣдующіе: шерсть, сыры, масло, хлѣбы, свѣчи, кои свѣчи на той соснѣ прилѣпленныя палятся, и иные капли съ тѣхъ свѣчъ собираютъ себѣ въ тряпочки и въ домы свои носятъ для незнаемыхъ выгодъ; иные отъ той сосны отламываютъ себѣ гнилушки и берутъ въ домы яко бы для излѣченія животныхъ отъ болѣзней». По просьбѣ консисторіи, намѣстническое правленіе приказало военной командѣ срубить сосну и сжечь. Дополненіемъ къ этому документальному свидѣтельству о сохранившемся мѣстами поклоненіи народа деревьямъ можетъ служить корреспонденція изъ г. Славянска, напечатанная въ 174 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1880 года. «3 іюля по нашему городу пронесся слухъ, говоритъ корреспондентъ, что будто въ саду одного мѣстнаго обывателя, близъ минеральныхъ водъ, появился какой-то мальчикъ въ красной шапочкѣ, трехъ четвертей росту. Мальчикъ этотъ будто-бы обладаетъ свойствами сверхъестественными; онъ, напримѣръ, внезапно является, внезапно исчезаетъ; для взрослыхъ онъ невидимъ. Послѣднее обстоятельство варьировалось, впрочемъ, различнымъ образомъ; говорили, что онъ является изъ дупла дерева и видимъ только мужчинами; другіе увѣряли, что онъ прыгаетъ по деревьямъ... Иные стали утверждать, что мальчикъ говоритъ; но говоритъ только съ другимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйки сада. Послѣдній мальчикъ 8—10 лѣтъ увѣряетъ каждаго, что онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ уже съ чудеснымъ мальчикомъ въ красной шапочкѣ. 4 іюля къ мѣсту явленія мальчика хлынула масса любопытныхъ. Наши набожныя старушки начали уже таскать пироги къ дуплу дерева, клали деньги и восковыя свѣчи. Дерево срубили, въ дуплѣ ничего

не оказалось; но мальчикъ, сынъ хозяйки, клянется, что онъ не одинъ разъ говорилъ съ чудеснымъ мальчикомъ. Показанія мальчика подтверждаетъ парень лѣтъ 18, который будто-бы видѣлъ однажды мальчика въ красной шапочкѣ и хотѣлъ поймать его; но тотъ внезапно исчезъ. Въ это время въ городѣ былъ уѣздный исправникъ, который посѣтилъ мѣсто происшествія».—Между донесеніемъ Яковлева и корреспонденціей изъ Славянска лежитъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ; одно извѣстіе идетъ изъ сѣверной Россіи, другое изъ Россіи южной, и однако какое поразительное сходство между ними! Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ очевидномъ проявленіи языческихъ вѣрованій и языческихъ жертвъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ обнаруживается вмѣшательство администраціи.

Значительное число небольшихъ статей и замѣтокъ о южнорусскихъ народныхъ повѣрьяхъ разбросано въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пятидесятыхъ годовъ. Такъ въ № 22 1859 г. Ѳоминъ приводитъ интересный народный разсказъ объ ужѣ. Ужа не слѣдуетъ трогать; въ противномъ случаѣ, если его обидѣть, онъ отомститъ. Въ доказательство мстительности ужа приводится слѣдующее: однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и напустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожать яицъ ужа и положилъ ихъ на прежнее мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю. Въ 23 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. П. С. Ефименко сообщаетъ нѣсколько народныхъ повѣрій о волкахъ, о томъ, что волки дѣлятся по уѣздамъ, имѣютъ своего бога Палисуна и высшимъ управителемъ св. Георгія. «Святый Юръ звиря пасе».

Наплывъ историческаго и этнографическаго матеріала въ тѣ или другія Губернскія Вѣдомости является спорадически, по мѣрѣ того, какъ появляется тамъ или здѣсь страстный и вмѣстѣ свободный любитель археологіи и этнографіи. Такъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ оставилъ въ этомъ отношеніи слѣды своего нахожденія не удѣлъ извѣстный В. И. Аскоченскій, въ Черниговскихъ отмѣтилъ время своей тамъ службы А. М. Лазаревскій, въ Архангельскихъ записалъ годы своего заточенія П. П. Чубинскій, и т. д., и т. д.

Болѣе, кажется, этнографическаго, чѣмъ строго историческаго матеріала находимъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,—множество загадокъ, пословицъ и особенно пѣсенъ. Встрѣчается много описаній свадебныхъ обрядовъ. Такъ въ 23 и 24 №№ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1880 годъ помѣщенъ весьма интересный этнографическій очеркъ свадебныхъ обычаевъ устюгскаго уѣзда. По какой-то счастливой случайности, въ библіографической литературѣ оказывается хорошій указатель напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статей о свадебныхъ обрядахъ. Указатель этотъ составленъ Якушкинымъ и носитъ названіе «Обычное право». Нужно замѣтить, что описанія свадебъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ грѣшатъ однообразнымъ изложеніемъ, пропускомъ важныхъ бытовыхъ подробностей и, за немногими исключеніями, пропускомъ пѣсенъ.

Что касается былевыхъ и семейно-родственныхъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то между ними встрѣчаются искусственныя, ошибочно принятыя за пѣсни народныя; такова, напримѣръ, малорусская пѣсня: *Ой вийшла зоря*, сообщенная Косменкомъ въ № 24 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Весьма дѣльное и основательное критическое и историко-литературное изложеніе пѣсенъ мы встрѣтили только въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Изложеніе это сдѣлано г. Новицкимъ. Такъ въ 87 № этихъ Вѣдомостей за 1867 г. находится пѣсня: *Родився Травинъ сынъ на чужинѣ самъ одинъ*, представляющая интересный варіантъ пѣсни о «Травинѣ сынѣ», напечатанной позднѣе въ V т. «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». У Чубинскаго Травинъ сынъ коситъ въ степу одинъ. Онъ увидѣлъ табунъ лошадей, погналъ ихъ въ Ротмистровку и продалъ за сорокъ тысячъ. Наѣхали паны, поймали Травина сына, связали его, заковали въ цѣпи и отдали въ Черкасахъ въ солдаты. Въ варіантѣ, записанномъ Новицкимъ, Травинъ сынъ родился на чужбинѣ. Онъ имѣлъ «стадовья» (рѣдко встрѣчающееся малорусское слово), продалъ ихъ на базарѣ и собралъ много золота и серебра. Онъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и въ тюрьму посадили. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ темницѣ, а Травина сына вывела за руку на улицу. Въ 76 № тѣхъ-же Вѣдомостей за

1871 г. Новицкій напечаталъ три варіанта малорусской пѣсни о состязаніи копя съ орломъ, причемъ въ примѣчаніи пѣсня эта отнесена къ козацкому періоду южно-русской исторіи; въ 104 № напечатана пѣсня объ отравленіи брата сестрою и при этомъ указаны пункты сходства этой пѣсни съ пѣснями сербскими, чешскими и польскими. Г. Новицкій полагаетъ, что пѣсня объ отравленіи брата сестрою занесена въ Малороссію сербами въ XVIII ст. Въ 106 № г. Новицкій помѣстилъ 4 варіанта пѣсни о женитьбѣ сына на матери и указалъ сходную сербскую пѣсню о Находѣ Симеунѣ. Вообще, малорусскія пѣсни, напечатанныя г. Новицкимъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по остроумнымъ историко-литературнымъ примѣчаніямъ Новицкаго.

Не желая дѣлать настоящую статью обширной и спеціальной, прохожу молчаніемъ Минскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., гдѣ напечатана масса бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1859 съ малорусскими пѣснями, собранными г. Ефименкомъ въ харьковской губерніи, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1861 г., гдѣ находится много малорусскихъ пѣсенъ, сообщенныхъ Лавренкомъ, Дорошенкомъ и Косменкомъ, Гродненскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., гдѣ въ №№ 23—36 напечатаны бѣлорусскія пѣсни съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; прохожу молчаніемъ также народныя загадки, напечатанныя Носомъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Нельзя не сказать хоть двухъ словъ о сборникахъ пословицъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 и 1859 гг. Шишацкимъ-Иличемъ и П. С. Ефименкомъ. Сборники эти очень маленькіе; но заслуживаютъ вниманія потому, что нѣкоторыя пословицы сопровождаются объясненіемъ. Есть, дѣйствительно, пословицы очень темныя, объясненіе которыхъ издателемъ со словъ народа необходимо, напримѣръ: «годуй мене до Ивана, а я зроблю съ тебе пана (хозяинъ долженъ кормить дома скотъ по крайней мѣрѣ до 19 апрѣля,—дня Іоанна Ветхопещерника); «Иванъ несе плахту, а Настя булаву» (историческая пословица, намекающая на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ помыкала жена его Настасья); «мовчи видьма! каянська ты дочка»! (приводится народный разсказъ о происхожденіи вѣдьмъ отъ Каина); «що пьяна жинка, що скажена кишка, що зъ Бариполя чоловикъ—то все

одно» (Борисполь—мѣстечко переяславскаго уѣзда, полтавской губ., жители котораго отличаются задорливостью и страстью къ тяжбамъ).

Историко-литературный интересъ представляетъ малорусскій разсказъ о цыганѣ въ 29 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. У цыгана было денегъ всего одинъ шагъ, и вотъ онъ накупилъ на него хрѣну. Ѣстъ бѣдный, слезы изъ глазъ катятся, а онъ все уплетаетъ хрѣнъ, приговаривая: «бачили чортови очи, що куповали». Подобнаго рода разсказъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе повѣсти Квитки-Основьяненка: «Пархимово снидание».

Въ южно-русскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др., находится довольно много историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала. Такъ, въ первомъ № Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 г. находится статья Квитки: «Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи». Впослѣдствіи въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ были помѣщены статьи о харьковскомъ коллегіумѣ, о городищахъ, о В. Н. Каразинѣ, о Запорожьѣ. Въ 1853 г. г. Лазаревскій помѣстилъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ біографическую статью о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. Въ 1855 г. Геннади напечаталъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ дополненіе къ этой статьѣ. Въ №№ 20—21 тѣхъ-же Вѣдомостей за 1859 г. появились добавочныя дополненія Григорія Милорадовича. Въ № 24 Милорадовичъ помѣстилъ списокъ иностранныхъ сочиненій о Малороссіи съ 1855 до 1857 г. Весьма важнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или «духовницы», помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ «духовницахъ» находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. «Духовницы» интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. «Духовницы» начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. «А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моей остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный обва-

ровую: да будетъ проклятъ анаѳема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнетъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія, а въ будущемъ пекельная да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметця оный нарушити»...

Черезъ три года исполнится пятидесятилѣтіе существованія Губернскихъ Вѣдомостей. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни органа печатнаго слова срокъ большой. Губернскія Вѣдомости сослужили свою просвѣтительную службу, да,—просвѣтительную. Нельзя не признать, что эти скромныя изданія вносили въ провинціальную глушь кое-какія свѣдѣнія о мірѣ и людяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ Губернскихъ Вѣдомостей встрѣчаются Вѣдомости хорошо поставленныя и разумно веденныя, такія напримѣръ содержательныя газеты, какъ Вѣдомости харьковскія, екатеринославскія и нѣкоторыя другія. Можно надѣяться, что редакціи Губернскихъ Вѣдомостей ознаменуютъ пятидесятилѣтній юбилей Вѣдомостей составленіемъ указателя ихъ содержанія за все пережитое ими время. Это было-бы прямой услугой наукѣ. Въ настоящее время такихъ указателей нѣтъ или почти нѣтъ. Мы знаемъ только одинъ указатель,—къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, составленный Тихонравовымъ, и слышали еще, что есть указатель Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но о послѣднемъ только слышали. Указатель Тихонравова составленъ довольно хорошо и могъ-бы послужить до нѣкоторой степени образцомъ (находится въ петербургской публичной библіотекѣ). Тотъ планъ и распорядокъ содержанія, по какому составленъ указатель содержанія Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, нуждается въ измѣненіи, въ расширеніи, согласно съ мѣстными, краевыми особенностями извѣстныхъ Вѣдомостей. Такъ нѣкоторыя Вѣдомости имѣли свою исторію, и потому не лишнимъ представляется сообщеніе при указателѣ краткой исторической записи.

Время отъ времени въ печати проходитъ слухъ, что Губернскія Вѣдомости въ скоромъ времени подвергнутся преобразованію. Тутъ могутъ быть предъявлены многія пожеланія и требованія, болѣе или менѣе основательныя, и въ числѣ такихъ требованій навѣрно крупное мѣсто займетъ требованіе приблизить Губернскія

Вѣдомости къ массѣ народной. Въ интересахъ этнографіи и исторіографіи вообще, въ особенности этнографіи и исторіи южно-русской, намъ представляется желательнымъ сохранить и, болѣе того, расширить тѣ требованія, которыя были заявлены и выражены въ правительственныхъ правилахъ при самомъ возникновеніи Вѣдомостей, именно требованія этнографическія, историческія и археологическія. Желательно, при этомъ, чтобы малорусскія преданія, пѣсни, заговоры, загадки, историческія сказанія, дневники и письма не были отвергаемы потому только, что изложены языкомъ того народа, среди котораго возникли и сохраняются. Въ строгой наукѣ факты или явленія жизни и слова, ихъ выражающія, неотдѣлимы одно отъ другаго, и полнота смысла и значенія открывается только въ ихъ внутреннемъ органическомъ соединеніи.

Н. Сумцовъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1816 Г.

Объ этомъ памятномъ Кіеву посѣщеніи его императоромъ Александромъ помѣщено было въ минувшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченіе изъ письма бывшаго тогда намѣстника кіево-печерской лавры, впослѣдствіи архіепископа воронежскаго Антонія Смирницкаго, перепечатанное въ нѣкоторой части во всѣхъ почти газетахъ. Помимо того разсказывается объ этомъ-же посѣщеніи въ статейкѣ *Кіевской Старины,* помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ того-же года, подъ заглавіемъ: *Кіевскія Лѣтописныя Замѣтки XVIII и XIX ст.* Шестидневное пребываніе этого государя въ Кіевѣ (съ 7-го по 12-е сентября) описано Миславскимъ очень кратко. Но и это своего рода находка для лѣтописной исторіи Кіева. Ибо время съ 1812 по 1830 г. лишено лѣтописныхъ замѣтокъ о кіевскихъ событіяхъ и у Закревскаго, и у Сементовскаго. На основаніи записи Миславскаго исправляется напр. ошибка Аскоченскаго, который, упоминая вкратцѣ о пребываніи императора Александра 1-го въ Кіевѣ, между прочимъ говоритъ: «день *2-го сентября* навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кіевской академіи, т. е. вслѣдствіе посѣщенія ея Александромъ 1-мъ. Оказывается, что этотъ день былъ не 2-го сентября, а 11-го.

Любителямъ лѣтописной исторіи Кіева пріятно будетъ узнать, что существуетъ *подробное описаніе* пребыванія императора Александра въ Кіевѣ въ 1816 г. Мы нашли его лѣтомъ 1883 г. въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей подольской губерніи, именно въ селѣ *Слободо-Вербкѣ*, ольгопольскаго уѣзда. Туда занесъ его какой-нибудь изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ-академистовъ; ибо въ архивѣ томъ нашлись и проповѣди нѣкоторыхъ учителей старой кіевской академіи, напр. *Стефана Семяновскаго*. Старый священникъ села *Слободо-Вербки Ѳома Новицкій*, коего бумаги преимущественно составляютъ архивъ церкви этого села, очевидно, имѣлъ сношенія съ кіевскою академіею. Самое *описаніе* это принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу какого-нибудь кіево-академическаго учителя. Оно, кромѣ сообщенія многихъ подробностей пребыванія Александра І-го въ Кіевѣ, интересно вообще для характеристики этого государя, особенно со стороны его *религіозности*, которая наложила на него свою сильную и неизгладимую печать послѣ великихъ событій *отечественной войны*. Къ сожалѣнію, рукопись *описанія* не вездѣ осталась въ цѣлости... Именно, къ концу, гдѣ описывается посѣщеніе государемъ кіевской академіи, чернила совсѣмъ поблекли—отъ сырости, и нельзя ничего разобрать. Впрочемъ видно, что до конца рукописи уже оставалось немного. Вотъ это краткое описаніе.

«Достовѣрное извѣстіе о въѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Его Императорскаго Величества изъ Кіева въ 1816 году.

7-го сентября, въ 4 часа по полудни, начался звонъ въ одинъ колоколъ въ лаврѣ, и митрополитъ во всемъ облаченіи съ архимандритомъ и двадцатью парами іеромонаховъ въ богатыхъ ризахъ вышли во святыя врата, и ожидали Его Императорскаго Величества. Лишь только узнали, что Государь въ Красномъ трактирѣ остановился для обозрѣнія лавры съ той стороны Днѣпра,—вдругъ въ лаврѣ и во всемъ городѣ ударили во всѣ колокола. Всякая встрѣча со стороны военной и гражданской была запрещена. Его Величество ѣхалъ тихонько въ открытой дорожной коляскѣ съ княземъ Волконскимъ, въ шефскомъ конно-егерскомъ мундирѣ, и прибылъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ въ совершенные сумерки. Колокольня и весь монастырь освѣщены были плошками, а у всѣхъ іеромонаховъ были въ рукахъ бѣлыя горящія большія свѣчи. Митрополитъ привѣтствовалъ Его Величество комплементомъ (рѣчью) и началось шествіе въ церковь,

освѣщенную всѣми, гдѣ только ни находятся, лампадами, при пѣніи всѣми духовными и пѣвчими стиха: *Днесь благодать св. Духа насъ собра* и прочая. Приближившись къ церковнымъ дверямъ, Государь отдалъ свою шпагу генералъ-адъютанту Уварову и, положивши троекратные земные поклоны, приложился къ образу чудотворныя Богоматере и мощамъ, почивающимъ въ большой церкви, предводимъ будучи митрополитомъ; во время лобызанія пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а по облобызаніи Государь сталъ не на приготовленномъ для него подлѣ праваго клироса тронѣ, но подлѣ онаго, и пропѣта эктенія малая и многолѣтіе.

Послѣ сего Государь поѣхалъ въ пріуготовленный для него домъ г. Оболонскаго, ибо дворецъ, хотя совершенно очищенъ и поправленъ послѣ саксонцевъ, но какъ никто еще тамъ не жилъ, то и разсудили всѣ остановиться Государю тамъ, гдѣ и ангелоподобный братъ Его останавливался. Дорога отъ лавры до квартиры Государя была иллюминована и домы всѣ.

8-го сентября, въ день рождества Божія Матере, Государь былъ въ разводѣ предъ дворцемъ. Весь генералитетъ пѣшкомъ, кромѣ верхами государя, графа Сакена, прибывшаго на сей случай изъ Полтавы, графа Милорадовича, князя Волконскаго и ген. Уварова. Послѣ разводу Государь прибылъ въ Софійскъ въ 11 часовъ для слушанія литургіи. Встрѣченъ былъ въ колокольнѣ отъ митрополита комплементомъ, архимандритами и знатнѣйшимъ духовенствомъ. Прибывши въ церковь, приложился къ иконамъ и почивающимъ мощамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненія при изображеніи креста. Обѣдня была пѣта вся напѣвомъ простымъ по присланнымъ книжкамъ изъ Синода,—пять человѣкъ Государевыхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архіерейскими, справившись поутру: и самъ Государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ. По окончаніи обѣдни, Государь осматривалъ митрополичью ризницу и удостоилъ его въ комнатахъ его—угощаемъ былъ богатымъ *столомъ*—завтракомъ. Толпа людей подлѣ дома архіерейскаго была чрезвычайна. Лишь только Государь сѣлъ въ коляску, вдругъ раздалось повсемѣстно: ура! Въ сей день Государь обѣдалъ у себя съ своимъ штатомъ. Въ вечеру Государь подъ именемъ князя Волконскаго посѣтилъ невидящаго совершенно схимника въ лаврѣ *Вассіана* (что былъ нѣкогда казначеемъ въ академіи—*Вавила*) въ глубокія

сумерки; побесѣдовавъ съ нимъ предовольно, какъ поклонникъ, по самымъ словамъ Государевымъ, ищущій путей спасенія, просилъ дать ему исповѣдь, что и совершено, и потомъ сознал свое имя. Туда въ 9 уже часовъ призванъ намѣстникъ лавры *Антоній Смирницкій* и удостоился говорить съ Государемъ по откровенности. Затѣмъ Государь удалился въ квартиру.

9-го сентября, въ 7 часовъ утра Государь изволилъ ходить по пещерамъ съ намѣстникомъ и казначеемъ только, да съ княземъ *Волконскимъ* и *Вилье*, лейбъ-медикомъ, и благоговѣйно прикладался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивалъ о житіи всякаго святого съ удивленіемъ, како Господь удиви вся хотѣнія своя въ нихъ. По полудни въ часъ митрополитъ съ духовенствомъ допущенъ на аудіенцію: отъ академіи архимандриты—ректоръ и префектъ съ богато-оправленною одою; отъ лавры—старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами; отъ собора—протоіерей *Снигиревичъ* и ключарь *Семяновскій* съ иконою и хлѣбомъ; отъ флоровскаго—монахини съ иконою и хлѣбомъ, и все принято было ласково. Къ вечеру у генерала корпуснаго *Раевскаго* былъ на балу, данномъ на большомъ государевомъ дворцѣ, и участвовалъ въ танцахъ съ хозяйкою Раевскаго, покойнаго Прозоровскаго женою и статсъ-дамою Браницкою.

10-го сентября за золотыми воротами, что на Старомъ Кіевѣ дѣлалъ смотръ тремъ полкамъ, гдѣ проходило войско два раза мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ. Въ 11 часовъ изволилъ прибыть въ лаврскую большую церковь для слушанія литургіи, которую совершалъ митрополитъ; и приказано было отъ его величества пѣть обѣдню лаврскимъ напѣвомъ, и совершали одни монахи по обѣихъ клиросахъ, и Государю сіе пѣніе понравилось и утверждено навсегда для одной лавры. Государь въ сей день былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англинской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ обѣдни, въ архіерейскомъ лаврскомъ домѣ Государь угощаемъ былъ богатымъ завтракомъ; но онъ, кромѣ одной рюмки шампанскаго и одного пирожка, ничего не употреблялъ. Митрополитомъ
лавры. выѣхалъ къ подольскимъ лавкамъ,
на фроловскомъ монастырѣ, былъ въ андреевской церкви и въ михайловскомъ монастырѣ. Послѣ обѣда Государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналъ, а къ вечеру

былъ на балу, данномъ кіевской губерніи дворянствомъ, въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и участвовалъ въ танцахъ съ княгинею Шуйскою и прежде сказанными дамами. Потомъ, уѣхавши изъ дому дворянскаго, призвалъ лаврскаго намѣстника въ кабинетъ свой, возложилъ на него бриллiантами украшенный крестъ, равно поручилъ для доставки такой-же крестъ и схимнику, яко духовному своему отцу.

11 сентября въ 10 часовъ чрезъ полковника гвардіи посланы были митрополиту отъ Государя бриллiантовыя знаки Андрея Первозваннаго и объявлено симъ полковникомъ, что Государь изволитъ быть въ академіи послѣ обѣда въ 4 часа. Предъ обѣдомъ осматривалъ Государь крѣпость, ходилъ часа четыре пѣшкомъ. . . . былъ въ военномъ госпиталѣ...

. Наступало вожделѣнное время посѣщенія его академіи» . . .
. . . .

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

СЛѢДЫ ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ СВАНЕТІИ.

(*Изъ письма въ редакцію*).

Въ почтенномъ вашемъ изданіи за 1882 годъ, въ іюньской книжкѣ сдѣлано было крайне любопытное сообщеніе о живущихъ и въ настоящую пору въ Банатѣ потомкахъ запорожцевъ, неизмѣнно сохранившихъ свою вѣру, языкъ и обычаи, рѣзко отличающіе ихъ отъ окружающаго ихъ венгерско-сербскаго поселенія. Къ сожалѣнію, это сообщеніе, давая точныя свѣдѣнія о времени поселенія тамъ запорожцевъ и первоначальномъ ихъ устройствѣ и положеніи, содержитъ лишь слабыя и случайныя указанія на мѣсто нахожденія и положеніе ихъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе и эти указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ режимомъ цесарско-австрійскимъ и подъ гнетомъ венгерскимъ, совершенно изолированно, живутъ потомки вольныхъ запорожцевъ, лишь въ позднѣйшее время, къ немалому своему удивленію, узнавшіе о томъ, что невдалекѣ отъ нихъ, въ Галиціи находятся люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ и имѣющіе книги на томъ-же, природномъ и имъ языкѣ. Никто однако не взялся подробно изслѣдовать этотъ любо-

пытнѣйшій оазисъ малорусской жизни въ мадьярско-нѣмецкой Сахарѣ.

Г. Кондратовичъ въ своемъ драгоцѣнномъ изслѣдованіи о Сѣчи задунайской, помѣщенномъ въ вашемъ изданіи 1883 года, говоря, со словъ уцѣлѣвшаго 120 лѣтняго запорожца Ананіи Коломыйца, о выселеніи запорожцевъ послѣ 1775 г. въ Турцію, Австрію и даже якобы и на островъ Мальту, ни словомъ не упоминаетъ о выселеніи ихъ въ какое-либо другое мѣсто, въ такую напр. неприступную, холодную горную страну, какова Вольная Сванетія, хотя, понятно, не за Дунаемъ можно было искать преданія объ этомъ. А между тѣмъ фактъ выселенія нѣкоторой части запорожцевъ въ Вольную Сванетію имѣетъ за собою нѣкоторыя основанія и при тщательныхъ поискахъ могъ-бы быть установленъ и болѣе прочно.

Не давно попали мнѣ въ руки Записки полковника Бартоломея, который еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ командированъ въ Вольную Сванетію, съ цѣлію привлечь и ее въ такую-же зависимость отъ русской власти, въ какую уже приведена была Княжеская или Дадешкеліановская Сванетія. Записки эти изданы были отдѣльной книжечкой въ 90 стр. въ 8-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году». Въ самомъ концѣ обращенія къ читателю отъ редакціи и находится упоминаніе объ интересующемъ насъ предметѣ. Привожу его цѣликомъ.

«Оканчивая печатаніе сочиненія полковника Бартоломея, редакція получила отъ автора еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и замѣчанія. «Тамъ, гдѣ я говорю, пишетъ намъ авторъ, о сходствѣ Дадаша Курбіани съ портретомъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ, слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллакѣ, живутъ потомки запорожцевъ, бѣжавшихъ туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *мулаки или запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курбіани, о которомъ я упомянулъ и которое, конечно, ничего не доказываетъ, въ муллакскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ сванетовъ отъ жителей прочихъ сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали».

Въ добавокъ къ этому отдаленному и недостаточно опредѣленному сообщенію мнѣ удалось получить на дняхъ новыя и болѣе рѣшительныя указанія на тотъ-же предметъ. Сынъ бывшаго владѣтельнаго князя Сванетіи Кукансинъ Дадешкеліани въ случайномъ разговорѣ о его родинѣ передавалъ мнѣ, что когда онъ поступалъ въ ставропольскую гимназію для обученія и ему попались на глаза въ Ставрополѣ какія-то картины, изображавшія малороссіянъ и запорожцевъ, то его, никогда не видавшаго этого племени, поразило сходство изображенныхъ лицъ въ костюмахъ и другихъ типическихъ особенностяхъ съ видѣнными имъ въ дѣтствѣ жителями трехъ сельскихъ обществъ, живущихъ и доселѣ въ Вольной Сванетіи, не подчинявшейся никакимъ князьямъ. Впослѣдствіи во время своихъ поѣздокъ по Сванетіи онъ посѣщалъ эти общества и на мѣстѣ получилъ отъ тамошнихъ жителей свѣдѣнія, что они не тамошніе аборигены, а вышли съ Кубани въ лицѣ своихъ предковъ. Вѣроисповѣданія они православнаго, но говорятъ языкомъ туземцевъ, а изъ обычаевъ у случайнаго туриста осталось въ памяти лишь обыкновеніе ихъ подбривать голову вокругъ и чубъ распускать по бритой уже головѣ. Общества эти: Мужальское, Мулакское и Местійское; всѣ члены ихъ называютъ себя выходцами съ Кубани.

Сопоставляя сообщеніе полковника Бартоломея, въ особенности его упоминаніе о названіи *запорожцы* на старинной картѣ Кавказа, съ тѣми свѣдѣніями, какія вскользь брошены кн. Дадешкеліани, нельзя не видѣть въ общей ихъ совокупности вѣскаго указанія на слѣды поселенія запорожцевъ въ Вольной Сванетіи. Можно сожалѣть, что ни тотъ, ни другой не занялись нарочитымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ языкомъ, вѣрованіями, преданіями, обычаями и домашнимъ бытомъ членовъ названныхъ обществъ. Быть не можетъ, чтобы во всемъ этомъ не оказалось другихъ болѣе существенныхъ указаній на ихъ пришельство, если они сами считаютъ себя пришлецами. Впрочемъ князь Дадешкеліани собирается съ наступленіемъ лѣта вновь посѣтить свою родину, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ моей просьбѣ нарочито побывать въ названныхъ выше поселеніяхъ и собрать обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и настоящемъ видѣ. Если въ нихъ дѣйствительно утратились всѣ признаки малорусской рѣчи, то это можно объяснить развѣ тѣмъ предположеніемъ, что сюда забрели

истые безъсемейные сѣчевики, что здѣсь они переженились на туземкахъ и что настоящее ихъ потомство произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Подобное перерожденіе, по словамъ очевидцевъ, постигаетъ не только единичныхъ русскихъ, попадающихъ въ Польшу и женящихся на полькахъ, но и переселяющихся туда семьями и обществами нѣмцевъ. Тутъ дѣло не въ культурѣ, а въ изолированности переселенцевъ отъ сродныхъ имъ элементовъ жизни и продолжительности воздѣйствія элементовъ иноплеменныхъ. Языкъ матери является въ такихъ случаяхъ главнымъ и рѣшающимъ факторомъ.

Г. Лебединецъ.

1 янв. 1885 г.
Уроч. Манглисъ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

(*Некрологъ*).

Въ ночь съ 12 на 13 генваря совершенно неожиданно смерть вырвала изъ нашей среды, не богатой умственными силами и нравственными качествами, еще одну крупную научную и общественную силу, еще одного талантливаго и честнаго дѣятеля. Безжалостно унесла она въ могилу человѣка, еще полнаго умственныхъ силъ и энергіи, обѣщавшаго многое сдѣлать для русской науки, и унесла въ тотъ моментъ, когда онъ готовился подарить насъ рядомъ трудовъ по самымъ интереснымъ и для *ученаго* юриста, и въ особенности для историка, вопросамъ. Унесла она лучшаго, выдающагося изъ профессоровъ кіевскаго университета, одного изъ самыхъ симпатичныхъ людей, и оставила мѣсто, занимаемое Александромъ Ѳедоровичемъ, какъ ученымъ, профессоромъ и человѣкомъ, пустымъ...

15 генваря, въ послѣдній разъ, но уже бездыханный оставлялъ Александръ Ѳедоровичъ горячо любимый имъ университетъ. Тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ въ него, въ качествѣ студента, исполненный надеждъ, богатый молодыми силами, и почти ни разу не оставлялъ уже его. Въ немъ онъ воспитался, въ немъ началъ и кончилъ свою учено-педагогическую дѣятельность, ему посвящалъ всецѣло всѣ свои силы. Искренно и горячо предан-

ный своей родной almae matris, дорожившій ея успѣхами и процвѣтаніемъ, онъ не могъ и не рѣшался бросить ее, разорвать съ нею связи даже въ самыя тяжелыя для него лично дни, въ минуты тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій, трудной борьбы... Съ университетомъ связывали его юношескія воспоминанія, любовь глубокая къ родной ему странѣ.

Покойный былъ сынъ сельскаго священника черниговской губерніи и семинарскій курсъ ученія окончилъ въ 1853 г. двадцатилѣтнимъ юношей (род. 14 марта 1833 г.). Предъ нимъ открывались двери академіи, обезпеченная жизнь въ школѣ, а въ будущемъ, быть можетъ, карьера, но онъ рѣшился искать высшаго образованія въ храмѣ свѣтской университетской науки. Тяжело и неприглядно было то время, не мало способныхъ людей заглохло въ тогдашней атмосферѣ. Но Александръ Өедоровичъ, перенесшій тяжелую ломку въ бурсѣ, испытавшій ферулу ея съ малыхъ лѣтъ и не исковерканный ею, съумѣлъ и въ средѣ университетской сохранить тѣ нравственныя качества и начала, которыя онъ вынесъ изъ своей семьи, встрѣчалъ и въ окружавшей его съ дѣтства простой крестьянской средѣ. Глубокая, искренняя привязанность къ родной семьѣ не исчезала въ немъ до послѣднихъ минутъ жизни, глубокое уваженіе къ отцу высказывалось Александромъ Өедоровичемъ и потомъ, въ позднія годы, и выразилось внѣшне въ посвященіи ему одной изъ научныхъ работъ. Ту-же привязанность, ту же горячую любовь сохранилъ онъ и къ народу, съ которымъ связывали его воспоминанія дѣтства.

Два года спустя по вступленіи А. Ө. въ университетъ (на юридическій факультетъ), стало обозначаться новое движеніе въ обществѣ, занималась заря иной, невиданной жизни, и уже на студенческой скамьѣ его увлекла за собой волна новаго движенія, зародившая въ немъ новыя стремленія и еще болѣе укрѣпившая его нравственныя начала. Любовь къ народу, вопросы о его свободѣ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго волновали умъ юнаго студента, страстное желаніе видѣть господство началъ права и справедливости,—этого девиза всей послѣдующей жизни Александра Өедоровича,—преданность общимъ интересамъ, хотя-бы и вопреки личнымъ выгодамъ, уже и тогда, и даже въ рѣзкой формѣ, проявлялась въ немъ. Лица, близкія къ нему, уже тогда подмѣчали, съ какимъ увлеченіемъ онъ

относился къ интересамъ товарищей, къ вопросамъ общественной жизни, съ какимъ упорствомъ и горячностью проводилъ и отстаивалъ свои убѣжденія, несмотря на личныя послѣдствія. То было проявленіемъ юношескаго увлеченія, но Александръ Өедоровичъ съумѣлъ сохранить эти качества и до самой смерти. Одна черта его нравственнаго характера уже и на студенческой скамьѣ бросалась въ глаза: это—симпатическое отношеніе къ человѣку, любовь къ нему, вѣра въ него, вѣра въ то, что самый дурной человѣкъ способенъ исправиться, что въ немъ всегда рядомъ съ дурными существуютъ и хорошія стороны, что его проступки—временное заблужденіе—черта, не утраченная Александромъ Өедоровичемъ и въ послѣдующіе годы, на аренѣ дѣйствительной жизни. Человѣконенавистничество и тогда, и позже, было ему чуждо, просто непонятно. Человѣкъ пятидесятыхъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ цѣльныхъ, нераздвоенныхъ натуръ, по которымъ не прошелъ разрушающій вихрь скептицизма и отчаянія, натуръ, нерѣдко встрѣчавшихся въ то время и составляющихъ сильный контрастъ съ людьми послѣдующаго времени.

Эта цѣльность натуры, эта вѣра въ человѣка, человѣчество и будущее, которая не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты жизни, эта сила и искренность убѣжденій, и дѣлали Александра Өедоровича прочнымъ и устойчивымъ противъ невзгодъ, не допускали его отступать отъ разъ усвоенныхъ убѣжденій.

«Задача юриспруденціи, высказалъ однажды Александръ Өедоровичъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть основныя начала человѣческаго правосудія и *справедливости*. Тотъ не судья, кто не воодушевленъ мыслію, что онъ въ своей дѣятельности долженъ, насколько возможно для человѣка даннаго общества, стремиться при дѣйствующихъ законахъ къ осуществленію *идеала справедливости*; тотъ не достоинъ имени юриста, кто поставитъ задачею своей дѣятельности только одинъ успѣхъ внѣшній, матеріальный, личный, торжество во чтобы-то ни стало своей стороны, съ забвеніемъ началъ права, которыя въ концѣ концовъ суть начала справедливости,—съ попраніемъ посредствомъ уловокъ, изворотовъ, софизмовъ того, что совѣсть человѣческая издавна признала справедливымъ и истиннымъ. Воплощеніе въ мірѣ человѣческомъ идеи справедливости путемъ дѣятельности практическаго юриста способствуетъ

въ высокой степени благосостоянію и процвѣтанію человѣческихъ обществъ, возвышенію ихъ индивидуальной и общественной морали, водворенію лучшихъ способовъ общежитія и человѣческихъ отношеній. Напротивъ, правосудіе, не воодушевленное идеею справедливости, не руководящееся принципами, равнодушное къ добру и злу, погрязшее въ одномъ только лишенномъ духа формализмѣ, въ казуистикѣ, уловкахъ и тонкихъ хитросплетеніяхъ, бываетъ источникомъ большихъ общественныхъ бѣдствій, задерживаетъ развитіе истинно нравственныхъ, справедливыхъ и возвышающихъ общественное благосостояніе отношеній». Въ этихъ словахъ—полное и настоящее profession de foi Александра Θедоровича. Правда, они были произнесены по одному частному случаю, касаются лишь одной изъ сферъ общественной дѣятельности,—судебной, но то, что сказано имъ было въ 1880 г., при открытіи засѣданій юридическаго общества, повторялось имъ много разъ и раньше по разнымъ другимъ случаямъ, въ отношеніи къ другимъ сферамъ и сторонамъ жизни. Кто встрѣчалъ Александра Θедоровича еще юнымъ человѣкомъ, въ скромномъ званіи домашняго учителя, вскорѣ по выходѣ его изъ университета въ 1857 г. (у М. А. Маркевича), кто видѣлъ и сталкивался съ нимъ, простымъ чиновникомъ сначала сената, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія (съ 1858 по 1863 г.), кто зналъ его въ Кіевѣ въ первые годы пребыванія его здѣсь (съ 1863 г.), когда онъ проходилъ цѣлую лѣстницу ученыхъ степеней отъ кандидата (1863) до доктора (1868) включительно, тому не разъ приходилось слышать такія-же рѣчи и мнѣнія, дышавшія всегда тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Убѣжденіе въ высокомъ значеніи и силѣ идеи справедливости Александръ Θедоровичъ вынесъ еще съ студенческой скамьи, хранилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни и могъ сказать съ полнымъ правомъ, что не измѣнялъ ему никогда. Онъ не зналъ, что такое честолюбіе, не искалъ почестей и съ постояннымъ усердіемъ проводилъ вездѣ, гдѣ могъ, чистую идею правды. Проводилъ онъ ее и на каθедрѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ рефератахъ, читанныхъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, и наконецъ въ собственной жизни. Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не разъ приходилось видѣть, какъ горячо

отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся ему несправедливо обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шло дѣло объ его друзьяхъ... Будущему историку университета прійдется не разъ помянуть въ этомъ смыслѣ покойнаго, какъ прійдется помянуть его и тогда, когда рѣчь зайдетъ о лучшихъ членахъ университета, выдающихся научныхъ его силахъ, которые, благодаря его личнымъ усиліямъ, достигли университетской каѳедры. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Александръ Ѳедоровичъ является уже какъ дѣятель науки, какъ защитникъ ея интересовъ.

Но не одни нравственно-общественные идеалы вынесъ Александръ Ѳедоровичъ изъ любимаго имъ университета. Еще на студенческой скамьѣ пріобрѣлъ онъ здѣсь любовь къ наукѣ, къ научнымъ занятіямъ, къ тому научному труду, который постепенно создалъ ему почетное положеніе въ русской наукѣ. Еще здѣсь зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ тенденцій, которыя не позволили ему сдѣлаться зауряднымъ, цеховымъ ученымъ, погрузиться въ узкую сферу изученія исключительно правовыхъ отношеній самихъ въ себѣ, безъ отношенія ихъ къ жизни, къ окружающей обстановкѣ. Въ средѣ тогдашнихъ профессоровъ, въ лицѣ покойнаго Иванишева, къ которому Александръ Ѳедоровичъ не переставалъ питать чувства глубокаго уваженія, какъ къ выдающемуся русскому ученому дѣятелю, онъ встрѣтилъ рѣзко отличавшагося отъ цеховыхъ юристовъ, профессора-человѣка юриста, который стремился перенести изученіе права на *научную* историческую почву и одинъ изъ немногихъ мечталъ о разработкѣ вопросовъ исторіи права помощью сравнительно-историческаго метода. Вліяніе Иванишева сказалось уже рано на Александрѣ Ѳедоровичѣ, и молодой юристъ-студентъ ревностно изучалъ не только право, но и чуждыя тогда юридическому факультету науки: всеобщую исторію и политическую экономію.

Не переставая быть юристомъ, не переставая интересоваться юридическими вопросами самими по себѣ, но съ той точки зрѣнія,

которая составляла его profession de foi, Александръ Өедоровичъ, усиленно работавшій по выходѣ изъ университета въ императорской публичной библіотекѣ, старался всегда находить объясненіе нормамъ и институтамъ права въ ихъ историческомъ развитіи. Уже въ первые годы своей ученой дѣятельности, къ которымъ относятся первыя его статьи по уголовному праву (объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи 1860 г.), онъ обнаружилъ свои историко-юридическія наклонности въ своей небольшой, но и до сихъ поръ цѣнной статьѣ объ исторіи крѣпостнаго права въ Малороссіи (въ 1861 году). Въ этой полно, обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла написанной статьѣ онъ далъ первый и весьма удачный опытъ той исторіи, которую нѣсколько позже, на основаніи новыхъ данныхъ, разработалъ А. М. Лазаревскій въ своей книгѣ «О посполитыхъ» Наклонность къ изслѣдованію вопросовъ права на исторической почвѣ получила еще большее развитіе, болѣе яркое выраженіе въ томъ трудѣ Александра Өедоровича, который создалъ ему сразу высокое положеніе въ научномъ мірѣ, именно въ его «Изслѣдованіи о смертной казни» (Кіевъ 1867 года). «Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, заявилъ авторъ въ предисловіи, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка». И это была не обыденная фраза съ его стороны: какъ-бы мы не относились къ тѣмъ общимъ выводамъ и заключеніямъ Александра Өедоровича относительно послѣдовательныхъ примѣненій, чрезъ которыя прошло развитіе смертной казни, для каждаго знакомаго съ его трудомъ несомнѣнно, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ изслѣдователемъ, съ глубокимъ знатокомъ своего дѣла. Болѣе того: читающій наталкивается здѣсь на ученаго, понявшаго вполнѣ, что изучать кодексы прошлаго можно и должно не такъ, какъ изучаемъ мы современные кодексы, а съ иной научно-исторической точки зрѣнія, что юристу мало знать тѣ или другіе писанные законы, но необходимо знать обычаи и воззрѣнія и первобытныхъ, дикихъ народовъ, и народныхъ массъ вообще.

Эта точка зрѣнія, которой придерживался Александръ Өедоровичъ въ своемъ трудѣ «О смертной казни», являющемся первымъ опытомъ исторіи смертной казни не въ одной только русской

литературѣ, была всегда основною и неизмѣнною во всѣхъ чисто научныхъ его работахъ. Она привела его и къ тому ряду работъ по обычному праву, которыя остались, къ сожалѣнію, не оконченными. Тѣмъ не менѣе его труды въ этой области (изслѣдованія о волостныхъ судахъ, о цензурѣ нравовъ у народа и т. д.) составили крупный вкладъ въ науку, а его заботы о собираніи этого рода матеріала, составленная имъ программа для собиранія юридическихъ народныхъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, возбудили общее вниманіе. За такіе труды свои Александръ Ѳедоровичъ избранъ былъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и награжденъ отъ тогоже общества серебрянною медалью. Въ тоже время, въ признаніе ученыхъ заслугъ Александра Ѳедоровича въ той-же области, московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Но Александръ Ѳедоровичъ не только работалъ самъ лично, но своимъ вліяніемъ возбуждалъ къ работамъ такого-же рода и другихъ, старался создать цѣлую школу работниковъ въ важной области изученія народныхъ обычаевъ и народнаго обычнаго права (часть трудовъ напечатана была въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» кіевскаго университета) и для болѣе быстрой и усиленной разработки матеріаловъ этого рода создалъ при кіевскомъ юридическомъ обществѣ спеціальное отдѣленіе обычнаго права. Благодаря усердной и постоянной своей дѣтельности, Александръ Ѳедоровичъ успѣлъ скопить массу матеріала по обычному праву и началъ даже разработку его, когда смерть прервала драгоцѣнные его труды...

Исторія Малороссіи и сама по себѣ, внѣ спеціально научныхъ цѣлей сравнительнаго изученія права, нашла въ лицѣ Александра Ѳедоровича не менѣе усерднаго и плодовитаго работника. Достаточно упомянуть изданный имъ сборникъ Малороссійскихъ правъ, его изслѣдованіе по исторіи этого права, столь мало извѣстнаго до него, чтобы оцѣнить тѣ заслуги, которыя онъ и въ этой области оказалъ наукѣ.

Намъ долго пришлось-бы говорить, если-бы мы стали перечислять въ подробности все то, что сдѣлано уже для науки покойнымъ А. Ѳ. и что предполагалъ онъ сдѣлать. Полная оцѣнка его трудовъ—дѣло исторіи; но можно и теперь уже сказать, что во всѣхъ тѣхъ

сферахъ знанія, въ которыхъ работалъ онъ, имя его останется навсегда въ русской наукѣ. Уже и при жизни ученыя заслуги Александра Өедоровича были единогласно признаны всѣми выдающимися дѣятелями науки въ Россіи. Избраніе его почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ двухъ русскихъ университетовъ, сосредочивающихъ въ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, одно уже говоритъ за то, съ какого рода научною силою мы имѣли дѣло въ лицѣ Александра Өедоровича. Смерть его въ самомъ разгарѣ его научной дѣятельности является, поэтому одному уже, крупною и трудно вознаградимою потерею.

Научный авторитетъ Александра Өедоровича, его личныя качества, та постоянная, неустанная дѣятельность, которую обнаруживалъ онъ и какъ ученый, и какъ членъ юридическаго общества, не говоря уже о другихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, легко объясняютъ то отношеніе, то глубокое уваженіе къ нему интеллигентнаго общества, которыя ярко сказались въ тотъ день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что этого выдающагося дѣятеля науки не стало.

Похороны А. Ө. Кистяковскаго не были похоронами зауряднаго человѣка, не были они и простымъ выполненіемъ долга, обязанности, но были яркимъ выраженіемъ сознанія той горестной утраты, которую въ лицѣ покойнаго понесла наука.

14 января при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ лицъ самыхъ разнородныхъ сферъ дѣятельности: профессоровъ, учителей, членовъ судебнаго міра, студентовъ и т. д., тѣло Александра Өедоровича было вынесено изъ его дома на рукахъ его бывшихъ товарищей и учениковъ въ университетскую церковь. 15 числа въ зданіи университета, въ университетской церкви совершено отпѣваніе дорогаго и уважаемаго покойника. Все время службы церковь и корридоръ подлѣ нея были запружены толпою, чрезъ которую поминутно и съ большимъ трудомъ протискивались лица, приносившія вѣнки, эту послѣднюю дань уваженія покойнику. Вскорѣ вѣнки покрыли весь гробъ. Тутъ были вѣнки отъ ученыхъ обществъ: общества пр. Нестора Лѣтописца, московскаго и кіевскаго юридическихъ обществъ, уважаемымъ и полезнѣйшимъ членомъ которыхъ былъ Александръ Өедоровичъ, масса вѣнковъ отъ бывшихъ

его слушателей и учениковъ и отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, вѣнки отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ чиновниковъ канцеляріи 2-го гражданскаго отдѣленія кіевскаго окружнаго суда, отъ рубежовской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д., и т. д. Въ половинѣ перваго часа окончилось отпѣваніе; началось послѣднее прощаніе съ покойнымъ. Снова поднятъ онъ былъ руками товарищей и слушателей и вынесенъ изъ церкви на парадный выходъ изъ университета. Въ предверьи университета гробъ былъ поставленъ, чтобы можно было сказать послѣднее «прости» покойному; всякій чувствовалъ, что не одно лишь тѣло многолѣтняго дѣятеля науки выносилъ изъ своего зданія университетъ. Огромныя массы почитателей покойнаго толпились вездѣ и кругомъ. Онѣ наполняли всю громадную переднюю университета, обѣ широкія лѣстницы, ведущія къ большой актовой залѣ университета, скрывались отъ глазъ стоявшихъ внизу въ корридорахъ верхняго этажа. Въ простомъ гробу, въ простомъ костюмѣ лежалъ этотъ дорогой дѣятель съ спокойнымъ лицомъ, застывшимъ въ ту минуту, когда мысль его неслась въ залу суда присяжныхъ. Послѣднее слово ему сказалъ отъ лица университета проф. Тальбергъ, ученикъ и преемникъ его по каѳедрѣ, воздавъ должное заслугамъ и трудамъ покойнаго. Похоронное шествіе тронулось, направляясь къ самому скромному изъ кіевскихъ кладбищъ, къ Байковой горѣ. Все время длиннаго пути покойнаго несли на рукахъ, катафалкъ слѣдовалъ пустымъ до самой могилы. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на полверсты: за хоругвями и крестами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, шли факельщики, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ, шелъ второй хоръ, сформировавшійся экспромптомъ на пути изъ любителей, а съ боковъ и сзади гроба, во всю ширину улицъ, колыхалась трехтысячная масса сопровождавшихъ, главнымъ образомъ изъ лицъ учебнаго и вообще интеллигентнаго міра. Около 3-хъ часовъ похоронная процессія достигла Байковой горы, гдѣ въ уютномъ и отдаленномъ уголкѣ вырыта была простая яма близъ могилы матери покойнаго, по его личному желанію.

Три рѣчи произнесены были у могилы: проф. В. Б. Антоновича, пишущаго эти строки и рѣчь П. И. Житецкаго, прерванная рыданіями. Среди родной семьи и друзей пропѣли въ послѣдній разъ

«вѣчную память». Гробъ былъ опущенъ въ могилу, и чрезъ нѣсколько минутъ земля навсегда раздѣлила покойнаго съ тѣмъ міромъ, который онъ такъ любилъ и отъ котораго такъ часто страдалъ.

Честнаго человѣка, выдающагося ученаго, любимаго учениками профессора—не стало!

И. Лучицкій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ новаго года періодическая печать въ Галиціи увеличилась однимъ органомъ, возникшимъ въ найболѣе глухомъ и отдаленномъ ея уголкѣ: въ Черновцахъ, столицѣ маленькой Буковины, стала выходить два раза въ мѣсяцъ русинская газета, посвященная исключительно народнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ первомъ номерѣ «Буковины», редакція состоящая, какъ видно, изъ кружка мѣстныхъ патріотовъ, высказываетъ въ такихъ словахъ свой взглядъ на задачи и значеніе политическихъ органовъ, желающихъ служить народу: «газеты должны быть зеркаломъ нашей духовной жизни, голосомъ нашихъ желаній и мѣстомъ обмѣна нашихъ мыслей и думъ. Въ нихъ должны мы встрѣчать совѣтъ и утѣшеніе на всѣ наши душевныя боли—отъ нашихъ учителей, наставниковъ, голосъ которыхъ научилъ-бы насъ жить полнотою народной жизни, хранить и оберегать нашу народную честь и пробуждалъ-бы въ насъ народное самосознаніе. Ихъ голосъ долженъ скликать насъ на борьбу съ неправдой и на смѣлое отстаиваніе справедливости и предоставленныхъ намъ законныхъ правъ». Единственною цѣлью, которую ставитъ себѣ газета—это «способствовать тому, чтобы буковинскій русскій народъ сталъ на равную степень моральнаго и духовнаго развитія съ остальными народами австрійской монархіи и вступилъ равноправнымъ членомъ въ общую жизнь страны».

Въ статейкѣ о сеймовыхъ выборахъ и господствующихъ на нихъ порядкахъ газета горько жалуется на отсутствіе въ сеймѣ, не смотря на предоставленную закономъ возможность, истинно мѣстныхъ представителей. Съ 1868 года въ сеймѣ не засѣдаетъ ни одинъ русинъ. Объясненіе этого факта авторъ статьи видитъ въ томъ, что ближе къ 1848 году еще жива была въ народѣ память о крѣпостномъ правѣ и онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ обществен-

нымъ элементамъ, чуждымъ крестьянству. Но когда черезъ 20 лѣтъ у него явилась своя интеллигенція, то онъ привыкъ къ «сюртучникамъ», принимая ихъ всѣхъ за происходящихъ изъ подъ сельской «стрѣхи». Передъ выборами всѣ эти господа объявляютъ себя русскими, обѣщаютъ стоять за учрежденіе русской гимназіи въ Коцмани и т. п. и задаютъ угощеніе народу. Главная причина неудовлетворительности буковинскаго представительства—народное легковѣріе, оружіе противъ этого зла—просвѣщеніе.

Особая рюбрика заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности русскихъ буковинскихъ обществъ. Въ Черновцахъ ихъ нѣсколько: «русска Бесѣда» (библіотека и клубъ), драматическое общество, русскій народный домъ, академическій союзъ и мѣщанская читальня. Изъ этихъ обществъ «Союзъ» собирается въ нынѣшнемъ году праздновать десятилѣтіе своего существованія изданіемъ литературнаго альманаха.

Въ «Мелкихъ Извѣстіяхъ» встрѣчаемъ новости объ успѣхѣ народнаго дѣла въ Галиціи: близкомъ открытіи школы въ Львовѣ съ обученіемъ на мѣстномъ языкѣ, учрежденіи тамъ-же пѣвческаго общества, благопріятныхъ для русиновъ распоряженіяхъ министра торговли Пино на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Но чисто литературный интересъ обѣщаетъ сообщать газетѣ участіе извѣстнаго, талантливаго беллетриста Осипа Федьковича. Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ его очеркъ «Сафатъ Зиничъ», вошедшій въ собраніе его повѣстей, вышедшее въ 1874 году въ Кіевѣ, но, вѣроятно, еще неизвѣстный на родинѣ писателя. Федьковичъ въ галицкой да и во всѣхъ славянскихъ литературахъ представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Никто лучше его не владѣетъ искусствомъ развернуть на двухъ-трехъ страничкахъ текста цѣлую бытовую драму, дать въ этихъ крошечныхъ рамкахъ отличающуюся глубиной бытовую картину. Это настоящій «маньятюристъ» блестящей поры искусства, особенно интересный тѣмъ, что въ его талантѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типичныя черты народности, къ которой онъ принадлежитъ. Возвращеніе его на литературную арену нельзя поэтому не привѣтствовать истиннымъ сочувствіемъ.

Г.

I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже;*—Разсказъ правосл. латыша *Индрика Страумита,* 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ,—Вредныя секты, очерки *А. Пругавина;*—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій—И. С. Тургеневъ,—В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. **1885 г.**

„Одесскій Вѣстникъ",

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Со вступленіемъ въ соиздатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго,* средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и внѣшности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ).	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ).	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. . . .	7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. . . .	8 р. — к.
За 3 мѣсяца	3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
За 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. 50 к.

На пересылку за границу *прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.*

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа подписной платы** по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодичной* вно-

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. Н. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Тройницкій, М. К. Цебрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

1885 ГОДЪ. „ЭХО“, ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году,* сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта, на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ горо-

дахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно **десять лѣтъ** съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя програму газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матерьяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну' т. е. съ доставкою и пересылкою *шесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1-го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ",

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы,** монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ"** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ",

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивоваренпаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Програма журнала: 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное производ. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей **А. И. СОМОВА.**

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ ½—1½ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ политипажи, исполненные ксилографіей и фотоцинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. И. Андреевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, Ө. И. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вашенъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлицкій, А. Н. Кирпичниковъ, Д. О. Кобеко, Ө. Н. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Экъ) Н. В. Павловъ, Н. П. Петровъ, Е. Е. Рейтернъ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкевичъ, В. Н. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. Н. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Манфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, П. Самокишъ, В. Унгеръ, И. И. Шишкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки **10** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ или съ пересылкою въ другія мѣста **12** р., за границею **15** руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *безплатной преміи* гг. подписчики получатъ ***Альбомъ фототипическихъ снимковъ*** большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленія, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зельмюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *П. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія*. Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

Большой еженедѣльный, художественно-лижуирратетурный алъ

„РОССІЯ“.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ **увеличенномъ** объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ **четырьмя** отдѣльными большими **оригинальными** рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній **въ 1885 году будутъ напечатаны**: 1) Неизданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Саліаса*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. Н. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Круглова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипицына*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. И. Пальминъ*, *В. С. Баскинъ*, *В. В. Чуйко*, *М. М. Ивановъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впослѣдствіи подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти И. И. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тишнеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

И. М. Быковскаго, В. М. Васнецова, С. И. Иванова, Н. Н. Каразина, К. В. Лемохъ, К. Е, Н. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, В. Д. Полѣнова, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и миог. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получатъ **роскошную премію акварель** (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, спеціально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Невревымъ: **«СЦЕНА У ФОНТАНА»** (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К°.

Подписная цѣна **7** р. на мѣстѣ и **8** р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даціаро, Аванцо, Вольфа, Мамонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбецова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. **Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдающихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Іюля.**

Редакторъ-издатель **О. М. Умнецъ.**

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 нумеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году **«Радуга»** дастъ своимъ читателямъ рядъ **романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни**, съ участіемъ **выдающихся** современныхъ русскихъ писателей. **ИЛЛЮСТРАЦІИ** извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **СЦЕНА.** Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и **для любительскихъ спектаклей**. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

лается на югѣ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ И. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковскаго.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ офиціальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть офиціальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣстн.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи. статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *десятью отдѣлами* неофиціальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, «Толкованія на Ветхій Завѣтъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолжніе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ болѣе **двухсотъ шестидесяти** (260) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5 р.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣст.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева), въ Москвѣ—при кн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ",

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый страною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи становятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общеттвеннаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.	
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяцъ	— р. 80 к.	За 1 мѣсяцъ	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
въ **1885** году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библіографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается *въ С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Александринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

МАРТЪ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1885 г.

стр.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе)*. **К. М.** 465

IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ѳ. Каминскаго.** . . . 519

VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ притензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ѳ. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммиссіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ“.—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лоначевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ѳ. Н.* 569

XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)*. 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

МАРТЪ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го февраля 1885 года.

РЕЛИГІОЗНО-МИѲИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Къ торжественнымъ днямъ бракосочетанія пріурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологію, свойственную всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени образованія и культуры, но и психологію опредѣленнаго народа, напримѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всѣми своими религіозно-миѳическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служитъ довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ спеціальностей, и литература предмета представляется громадной.

Историки быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что нѣкогда свадьбы завязывали узелъ общественности, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и миѳологи разсматриваютъ свадебные обряды, какъ достопримѣчательныя ископаемыя народнаго быта или какъ нуждающіеся въ научномъ разъясненіи символы обоготворенія внѣшнихъ силъ и явленій природы.

Изслѣдователи словеснаго народно-поэтическаго творчества стремятся или, по крайней мѣрѣ, начинаютъ стремиться къ сравнительно-критическому изслѣдованію свадебныхъ пѣсенъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ внутреннее единство и пути распространенія и затѣмъ указать на связь свадебныхъ пѣсенъ съ колядками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы съ живымъ интересомъ относятся къ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ на томъ основаніи, что въ нихъ просвѣчиваютъ краевыя особенности русскаго народнаго духа. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять немало разнообразія. Вопросъ о разностороннемъ изученіи краевыхъ особенностей имѣетъ не только научную важность, но и серіозное общественное значеніе, такъ какъ это изученіе должно привести къ извѣстному равновѣсію въ степени жизненности областей и центровъ.

Въ языкѣ и бытѣ индоевропейскихъ народовъ свадьба имѣетъ значеніе величайшаго на землѣ веселья и торжества. Въ языкахъ малорусскомъ, сербскомъ, польскомъ, въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ брачное торжество носитъ характерное названіе *веселья*. Весьма распространено выраженіе «играть свадьбу», причемъ слово «играть» указываетъ на проявленіе вакхическаго экстаза и сильное напряженіе жизненныхъ силъ. Значеніе свадьбы, какъ величайшаго, доступнаго человѣку, веселья, сложилось въ древнюю эпоху подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-миѳическихъ воззрѣній на творческія силы внѣшней природы и естественныя проявленія половой зрѣлости физической природы человѣка. «Природа, — это живой предметъ, говоритъ Карлейль, предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе». Къ такому воззрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришелъ путемъ отвлеченнаго мышленія, построеннаго на пантеистическихъ началахъ германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружавшей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охваченный могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагу ощущалъ свою отъ нея зависимость, сознавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельско-хозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отвратить, въ случаѣ непріятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволъ силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратить ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ свѣтломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благопріятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи канибализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религіозно-миѳическая свадьба возникаетъ въ героическій періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтическаго возрѣнія на природу.

Грубое насиліе со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыканія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большею частью безсмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и освятила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формой фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ прирученіемъ животныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянинъ небесное и земное сливалъ въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяцъ или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, по временамъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устроителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣднему величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуетъ благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой начало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзіи. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Внѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невѣсты и обнаруживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое воззрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замужней женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранятъ отъ вреда»[1]).

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо[2]). Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово Hochzeit, древ.-сакс. hôgetidi, слово, нѣкогда обозначавшее высшее и священное время въ году[3]). У поляковъ «gody»—свадьба; у нижне-лужицкихъ сербовъ «gody»—праздникъ Рождества Христова[4]). Изъ первоначаль-

[1]) *Weber*, Indische Studien. V. 394.

[2]) *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.

[3]) *Hamerle*, Salzburg. Hochzeit-gebr. 2.

[4]) *Haupt u. Smoler*, Volkslieder. II, 270.

наго понятія *gody*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ-же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершеніе свадебъ было пріурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мнѣнія г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мыяковъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ [1]). Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ коровая, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чествуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука» ...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ окошечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Внѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

---

1) *Верковичъ*, Опис. быта болг. 1868 г., 8.

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняютъ голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденнаго ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровай и вѣнокъ, какъ символическія выраженія поклоняемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзіи. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполнѣ отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшаго самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготовляло приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной супругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу новобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и пріемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступавшихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возліяніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ къ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльческой культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причемъ подъ ножъ шли крупныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣдные люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего пѣтуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-миѳическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновеніе приносить въ жертву ихъ изображенія изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пищи. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльческой культуры въ пищу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная кашица, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у иранцевъ, виноградымъ виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волоса ребенка или новобрачныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-миѳическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой каннибализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невѣсты передъ вѣнчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нынѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ потолокъ виномъ; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямыя указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или танецъ, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вакхическій религіозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь внѣшнія формы поэтическаго творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанію близко подходитъ къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась однимъ лицомъ или большею частью цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя къ богамъ покровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религіозныя пѣсни, *certa et solemnia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Между молитвами и религіозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религіозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изстари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпаниментомъ пѣнію.

Культъ солнца проникаетъ весь свадебный ритуалъ славянскихъ народовъ, и культу громовника и домашняго огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древеснаго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью земледѣлію. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что «alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne» (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѳ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономическій и соціальный строй народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависитъ отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гана, появленіе саранчи совпадаетъ съ *minimum'омъ* солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и посильно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбѣ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ пирахъ, на похоронахъ.

Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.

По обилію религіозно-миѳическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распредѣлены довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсенъ. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью [1]).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Вытье» невѣсты и ея подругъ наполняетъ брачный пиръ. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжанами. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всемъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое [2]).

---

[1]) Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Кіевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

[2]) О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.: Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычн. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бучка*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ [1]).

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу [2]).

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣе всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ [3]).

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ новобрачныхъ [4]).

Главныя религіозно-миѳическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровая*. Свадебный коровай играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (кровай) и Сербіи (кравалъ). По удачному выраженію Новосельскаго, въ короваѣ «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» [5]). О свадебномъ короваѣ я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертаціи «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложенъ порядокъ приготовленія и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-миѳическія и бытовыя стороны свадебнаго коровая: 1) коровай, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) коровай, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) коровай, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) коровай, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

---

[1]) О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолакова, Каравелова, Княжескаго, Миладиновы (собраніе пѣсенъ и сборники обычаевъ).

[2]) О сербской свад. см. Гласникъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczich, Das Leben d. Südslav.

[3]) О чешск. свад. см. Sumlork, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Casop čes Musea 1859 g., I; Kulda, Swadba.

[4]) О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

[5]) *Nowosielski*, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мірѣ коровая обусловлена тѣмъ, что коровай замѣнилъ собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе аріи время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастьбу, на водопой. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову закалали въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣднота придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровай представлялъ собой подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи сверху коровая налѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогатъ я и богатъ—въ печь не влѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровая, имѣетъ форму продолговатой булки — витушки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровая называется «бгати коровай», причемъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обряднаго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ приготовлять коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

берніи, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большаго бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что дивень есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровая «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай»,—первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вильце* или *гильце*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвинка, перевязываютъ цвѣтнымъ шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у куявлянъ подъ названіемъ «Jabłonke». Свадебное вильце—символъ жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое воззрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедуиновъ Синая сватъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просваталъ дѣвушку [1]). Существуетъ глубоко-древняя пословица: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая пословица могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отмѣченное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуалъ, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, пояснять, что обрядовой пляской вокругъ зеленаго дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

---

[1]) *Klemm*, Allgem. Kulturgesch. IV, 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, нисколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какая-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный разсказъ о братѣ и сестрѣ, нѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно орошаетъ поля своими слезами (роса), а братъ грустить по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяцъ [1]). Подобный разсказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашелъ себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невинныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величіи богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, бѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленныя дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину водъ на свое вдовье ложе» [2]). Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

---

[1]) *Терещенко*, Бытъ рус. народа. II, 573.

[2]) *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечирняя,
Чому рано не зиходыла?
Чомъ мисяця не догоныла?

скрывается такая-же полнота содержанія, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Ишовъ-перейшовъ мисяць по неби,
Та стрився зъ ясною зорёю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
Першая радость—сына женити,
Другая радость—дочку отдавати [1]).

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
Та на тое подвиренько, де дѣвчина красна [2]).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяцъ и звѣзду:

Отсе тоби проводничокъ
Ясный мисячокъ;
Отсе тоби проводничка
Ясна зирныця [3]).

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жъ ты бувавъ,
Що ты чувавъ,
Святый короваю?
Бувавъ же я, чувавъ же я
Мисяця зъ зорёю [4]).

1) *Чубинскій*, Труды Этн.-Стат. Эксп., т. III, стр. 415.
2) *Головацкій*, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.
3) *Метлинскій*, Южно-рус. пѣс., 225.
4) *Чубинскій*, Труды Э.-С. Э. III, 463.

Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяцъ иногда называется «перебирчикомъ», потому что любитъ перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя»—не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой разсказъ о любви луннаго бога Сомы [1]) къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. Древне-индусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительною любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской миѳологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую весну. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяцъ отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкунъ разгнѣвался на мѣсяцъ и разрубилъ его ликъ мечемъ [2]).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-миѳическаго представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

---

[1]) Культъ божества Сомы въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* *«Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности»* 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сомы, какъ божества экстаза, божества солнца и божества мѣсяца.

[2]) *Сумцовъ*, О свадеб. обряд., стран. 51 и слѣд.

Если по короваю, гильцу и остаткамъ вѣрованія въ супружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія миѳологіи не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пирогъ о пирогъ, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и цѣлуетъ печь. Малорусское обсыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявлявшееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣнка, чаши, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причемъ чаша въ особенности видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, причемъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи коровая, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-миѳическаго элемента свадьбы.

Жестоко ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-миѳической архаичности малорусской свадьбы, прійдетъ къ мысли, что въ

нравственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности человѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ къ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предпріимчивости, при женственной мягкости и чувствительности малорусса. «Однимъ махомъ дерево не можь истяти», говорятъ малороссіяне при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни женятъ, ни отдаютъ замужъ. Дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитья:

Змовленная Марусенька
Положила билу руку на заруку [1]).

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ [2]). Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особенности

[1]) *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсни, 124.
[2]) *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лепше миленькій, якъ братъ рідненькій».

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1].

X.

Опасаясь, чтобы Польша не возвратилась вновь къ тому печальному состоянію, въ какомъ находилась до объединенія съ Литвою, поляки боялись также, чтобы Русь литовская современемъ не отдѣлилась и не присоединилась къ Руси московской. Слѣдствіемъ того являются уніи: городельская и люблинская, имѣвшія цѣлью слить литовцевъ и русскихъ въ одинъ народъ съ поляками. Но и этого было мало,—для полнаго слiянія все еще не доставало внутренней основы, и главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію русской и польской народности было различіе вѣроисповѣданія.

Не смотря на то, что поляки уже пріучили русскую шляхту къ польскимъ порядкамъ и привилегіямъ, что шляхта эта породнилась съ польской, усвоила себѣ польскій языкъ, нравы, обычаи и весь польскій бытъ,—поляки замѣтили, что растерзанная Русь сдерживается единствомъ вѣры, такъ какъ еще оставалась нетронутой русская православная церковь, этотъ важный элементъ русской народности. Подстрекаемые своими менторами іезуитами, поляки рѣшились измѣнить религію, а съ нею вмѣстѣ и народность въ великомъ княжествѣ литовскомъ, т. е. рѣшились окатоличить и ополячить всѣхъ русскихъ до послѣдняго пана, до послѣдняго шляхтича и мѣщанина. Представленіе о вѣрѣ сливалось здѣсь съ

---

[1]) См. февральск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 283—307.

представленіемъ о національности; всякій католикъ былъ уже полякомъ, напротивъ, кто былъ православнымъ, уже по тому самому признавался и назывался русскимъ.

Король Сигизмундъ III всю славу своего царствованія видѣлъ въ томъ, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ обратить въ католичество, а потому и русскую церковь въ Литвѣ желалъ соединить съ римскимъ костеломъ; и король, и все польское общество сходятся здѣсь въ своихъ намѣреніяхъ относительно ополяченія Руси. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшая цивилизація побѣждаетъ низшую. Если дѣйствительно польская культура того времени была выше русской, какъ то утверждаютъ поляки, то Русь могла-бы ополячиться постепенно безъ насилія и принужденія; и нужно признать, что во время либеральнаго правленія первыхъ Сигизмундовъ и Баторія польскій языкъ дѣлалъ успѣхи на Руси. Но потому-ли, что поляки слишкомъ горячо принялись за дѣло національнаго обезличенія русскихъ, потому-ли, что духъ русскій обладалъ огромнымъ запасомъ жизненныхъ силъ,—уничтоженіе Руси оказалось дѣломъ неисполнимымъ. Давленіе вызвало отпоръ, наступили кровавыя внутреннія войны, которыя потрясли всѣ основы польскаго государства, ослабили его и подготовили его паденіе. Мы видѣли, что уже Ягайло пытался Литву и Русь обращать въ католичество, но это вѣроисповѣданіе не привлекало русскихъ. Послѣ стойкаго протеста православнаго населенія противъ новой вѣры, іезуиты, недовольные слабыми успѣхами католицизма на Руси, возобновили проектъ уніи съ Римомъ, которымъ усердно занимались Скарга и Поссевинъ.

Для поддержки политической люблинской уніи, рѣшено было ввести унію церковную подъ тѣмъ предлогомъ, какъ говорилось, чтобы не было споровъ между двумя церквями, восточной и западной, при чемъ первая должна была удержать свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Унія должна была только соединить православныхъ и католиковъ подъ властью римскаго папы и одинаково уважать обряды восточной и западной церкви. Такою повидимому казалась сущность церковной уніи, но это было только повидимому, на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду національное вырожденіе. Оказалось, что католическая подкладка въ православной вѣрѣ должна была служить только новымъ орудіемъ къ обращенію православныхъ въ католичество, или что-тоже, къ превращенію русскихъ въ по-

ляковъ, такъ какъ унія считалась переходной ступенью отъ одного исповѣданія къ другому, или переходомъ изъ одной народности въ другую.

И на этотъ разъ унія также не могла легко привиться на Руси, какъ не оказала она никакого вліянія при митрополитѣ Исидорѣ; дѣло это требовало сперва надлежащей подготовки; необходимо было съ одной стороны путемъ школы и воспитанія расположить къ уніи подростающее русское поколѣніе, съ другой всѣ мѣста въ церковной русской іерархіи замѣстить лицами, симпатизировавшими Польшѣ и уніи.

Высшій общественный классъ былъ полновластнымъ въ Польшѣ; поэтому, пока русская шляхта твердо держалась языка и вѣры своихъ предковъ, до тѣхъ поръ трудно было думать о введеніи уніи и ополяченіи. Слѣдовательно, необходимо было обратить особенное вниманіе на русскую шляхту. Чего не могли сдѣлать политическія уніи — городельская и люблинская, то должны были довершить школы. Орудіемъ для того служили коллегіи, заводимыя іезуитами одна за другою.

Главной и, можно сказать, исключительной цѣлью іезуитскаго воспитанія того времени въ русскихъ областяхъ было приготовить возможно больше адептовъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ привить въ нихъ пренебреженіе и даже презрѣніе къ православію. Для этой цѣли іезуиты пользовались не столько научными доказательствами, сколько разными другими пріемами, вліявшими на молодые умы. Внушая не столько глубокій внутренній смыслъ религіи, которая должна все человѣчество соединять узами любви, сколько по преимуществу внѣшнія ея формы, они прививали своимъ ученикамъ пагубный для народа фанатизмъ и вмѣсто любви учили ненависти.

Католики имѣли несравненно болѣе возможности и способовъ къ образованію, нежели православные, и потому-то дѣти православныхъ пановъ воспитывались у іезуитовъ. Предки наши думали, что, получивши изъ рукъ иновѣрцевъ духовное оружіе, молодое поколѣніе русскихъ людей употребитъ его на защиту православія. Но іезуиты умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушая имъ въ тоже время согласныя со своими цѣлями убѣжденія о превосходствѣ католическаго исповѣданія. Путемъ такого воспитанія ученики такъ искусно

пріучены были оказывать предпочтеніе католичеству и презирать православіе, что сами, какъ-бы на перекоръ своимъ воспитателямъ, спѣшили принимать католичество, и тогда іезуиты приписывали такое обращеніе дѣйствію благодати.

Итакъ, одни оставляли свою народность благодаря іезуитскому воспитанію, другіе — вслѣдствіе браковъ съ польками и т. д. Несмотря на блестящіе успѣхи, римско-католическая пропаганда не могла, однако, быстро достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Православіе поддерживалось съ одной стороны церковными братствами и просвѣщеніемъ, которое уже начало развиваться, съ другой стороны на защиту его выступилъ народъ и козаки. Правда, церковная іерархія рѣдко употребляла въ дѣло козаковъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что между корпораціями духовной и военной существовала тѣсная связь. Какъ представители православнаго духовенства, такъ и знаменитые козацкіе гетманы происходили обыкновенно изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры при дворахъ крупныхъ магнатовъ, а самъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію въ обществѣ.

Братства сами избирали своихъ старшинъ, открывали школы для обученія дѣтей безъ различія сословій, основывали больницы и типографіи, а въ религіозномъ отношеніи, заручившись значительными привилегіями отъ восточныхъ патріарховъ, старались поднять церковь изъ того состоянія упадка, въ какое она приведена была панскимъ патронатомъ.

Магдебургское право, связывавшее мѣщанъ въ цехи, навело русскихъ мѣщанъ на мысль о церковныхъ братствахъ; являются братства съ характеромъ опекуновъ надъ церквами и монастырями, они становятся патронами не на словахъ, а на дѣлѣ; они слѣдятъ за поведеніемъ духовенства и даже за дѣйствіями епископовъ.

Братства являются главнымъ орудіемъ развитія просвѣщенія въ краѣ; они быстро возникаютъ одно за другимъ, и вездѣ, гдѣ появляется братство, тотчасъ открывается школа. Братства посылали способныхъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія и подготовки къ преподаванію въ братскихъ школахъ. По мѣрѣ размноженія братскихъ школъ и типографій увеличивалось и число тѣхъ, кто писалъ, читалъ и думалъ надъ вопросами,

касавшимися ихъ духовной и національной жизни и въ состояніи былъ бороться противъ іезуитской пропаганды.

Такъ какъ шляхта представляла собою силу въ Польшѣ, то братства стараются вербовать для себя членовъ среди богатой и сильной шляхты православнаго вѣроисповѣданія и часто находятъ содѣйствіе въ томъ-же домѣ и даже въ томъ-же лицѣ, что и іезуиты. Большее значеніе получали братства, когда въ спискахъ ихъ фигурировали имена магнатовъ, приносившія имъ впрочемъ больше блеску, нежели дѣйствительной пользы. Сами эти паны говорили: «мы не живемъ въ городахъ и рѣдко въ нихъ бываемъ, поэтому возлагаемъ надзоръ и передаемъ все дѣло меньшимъ нашимъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы они сносились съ нами, а мы, въ свою очередь, обязуемся помогать имъ». Не смотря на свой характеръ, братства церковныя были явленіемъ болѣе или менѣе кратковременнымъ. Они могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католической пропагандѣ не удалось обратить въ католичество высшіе слои русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить мѣщанство. Случилось это въ теченіи XVII ст., и братства сами собою потеряли значеніе.

Что касается церковно-іерархическаго устройства, то предки наши избирали громадской волей достойныхъ лицъ не только на приходы и архимандріи, но и для замѣщенія епископскихъ и митрополичьихъ каѳедръ. Церковь русская сохраняла тотъ основной принципъ, что пастыри церковные выбираются для народа, для него и надъ нимъ существуетъ духовная власть; поэтому только народъ, а не кто иной, долженъ избирать пастыря изъ среды себя, такъ какъ онъ лучше всего можетъ знать жизнь и способности избираемаго. Но со времени политическаго объединенія Литвы съ Польшею короли польскіе распространяютъ и на православную церковь захваченное ими раньше въ церкви католической право подаванія «духовныхъ хлѣбовъ» и зачастую раздаютъ епископскія мѣста лицамъ, никогда не приготовлявшимся къ занятію духовныхъ должностей.

Русскія епископскія каѳедры замѣщались придворными или чиновниками безъ всякаго богословскаго образованія. Кліентъ кн. Радзивилла, впослѣдствіи кастелянъ брестскій, Адамъ Поцѣй, измѣнившій православію ради реформатства, а этому послѣднему для католичества, по совѣту близкихъ и вліятельныхъ людей по смерти

жены своей возвратился снова къ вѣрѣ отцевъ и принялъ монашество, чтобы достигнуть епископской каѳедры. Такимъ образомъ Поцѣй, бывшій еще въ мартѣ кастеляномъ, въ апрѣлѣ того же года былъ уже епископомъ.

Илія Мороховскій изъ королевскаго секретаря сдѣлался епископомъ владимірскимъ.

Арсеній Желиборскій, на двадцать третьемъ году жизни, изъ придворнаго короля Владислава IV сдѣланъ былъ епископомъ львовскимъ.

Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, до поставленія во епископы былъ писаремъ литовскаго скарбника Николая Тризны.

Янъ Рутскій, прежде кальвинистъ, обращенъ былъ въ католичество и затѣмъ, по совѣту іезуита Бокса и по приказанію папы, перешелъ въ православіе, чтобы быть поставленнымъ русскимъ епископомъ.

Такъ продолжалось до самаго конца XVII и начала XVIII ст. Іосифъ Шумлянскій изъ солдата сдѣлался епископомъ львовскимъ и т. д.

Однимъ словомъ, люди свѣтскіе, безъ малѣйшаго богословскаго образованія, постригались въ монахи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть поставленными въ русскіе епископы. Для дополненія картины нужно вспомнить православнаго кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, чтобы имѣть понятіе о томъ, какими владыками управлялась православная церковь подъ польскимъ патронатомъ.

Русская шляхта, собранная на сеймѣ варшавскомъ въ 1585 г., указываетъ митрополиту на безпорядки въ русской церкви: «много зла произошло въ нашей церкви во время пастырскаго правленія вашей милости: оскорблялась святыня, запирались св. дары, опечатывались церкви, воспрещался колокольный звонъ, священниковъ отрываютъ отъ алтарей и сажаютъ въ тюрьмы, а міряпамъ запрещаютъ молиться, изгоняя ихъ изъ храмовъ Божіихъ. Но того мало,—рубятъ кресты, по требованію жидовъ берутъ на замокъ колокола, а ваша милость своими сочиненіями еще помогаетъ противъ церкви на радость жидамъ, на приниженіе святой вѣры и на нашу погибель. Сверхъ того обращаютъ церкви въ іезуитскіе костелы и въ ихъ пользу записываютъ церковныя имѣнія. Въ монастыряхъ, вмѣсто игумена и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и то, что

должно-бы служить къ славѣ Божіей, осквернено святотатствомъ... Но хуже всего то, что ваша милость сами ставите епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, своей братіи, что воспрещается и уставами церкви,—въ слѣдствіе того являются недостойные епископы, которые въ своихъ епархіяхъ, на поруганіе святой вѣры, живутъ съ женами и имѣютъ дѣтей»...

Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія по пути въ Москву испросилъ у короля Сигизмунда III позволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патріархъ зналъ о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и намѣревался низложить митрополита Онисифора Дѣвочку, тѣмъ болѣе, что оказалось, что онъ жилъ въ двоеженствѣ. Католики не противились этому намѣренію—они готовили на этотъ важный постъ своего кандидата, минскаго архимандрита Михаила Рагозу, воспитаннаго іезуитами. А патріархъ, не собирая справокъ, удовольствовался только рекомендаціей воеводы Скумина Тышкевича, будущаго противника уніи, да немногихъ русскихъ пановъ, подготовленныхъ къ возвышенію Рагозы на митрополію, и возвелъ послѣдняго въ санъ митрополита.

Между тѣмъ Рагоза получилъ отъ іезуитовъ особую инструкцію относительно подготовки русскаго духовенства и народа къ уніи; за успѣшное выполненіе этого дѣла они обѣщали сдѣлать его примасомъ восточной церкви и доставить ему первое мѣсто въ сенатѣ послѣ коронпаго или католическаго примаса. Въ инструкціи между прочимъ значилось: «поучать декановъ, налагать подати на священниковъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался устраивать соборикові или съѣздовъ. Непослушныхъ сажать въ тюрьму. Не вводить сразу новыхъ церковныхъ обрядовъ,—обряды могутъ быть замѣнены постепенно. Не пренебрегать диспутами и спорами для виду съ представителями западной церкви, чтобы тѣмъ легче отводить глаза шляхтѣ и черни. Не вступать въ открытую борьбу противъ черни, но вести ее тайно и постепенно. Основывать особыя школы для русской молодежи, но не препятствовать имъ посѣщать католическіе костелы и оканчивать образованіе въ школахъ отцевъ іезуитовъ и т. д.» Такъ-то, вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Русь путемъ удовлетворенія справедливыхъ ея интересовъ, старались усилить дѣло объединенія путемъ деморализаціи.

Деморализація охватила въ особенности высшее русское духовенство. Достигшіе епископскихъ каѳедръ путемъ вышеуказаннымъ заботились о себѣ, а не о церкви, ихъ привлекали церковныя имѣнія, а не духовные интересы, они вели свѣтскую и даже семейную жизнь,—однимъ словомъ жили, какъ магнаты, предпринимали другъ противъ друга походы за обладаніе церковными имѣніями, налагали на низшее духовенство большія подати и тягости, а между тѣмъ церковь разрушалась, приходила въ сильное разстройство и клонилась къ упадку.

Неудивительно поэтому, что такіе пастыри, не задумываясь, принимали унію, къ чему обыкновенно обязывались еще до посвященія, а потомъ принуждали къ тому свои епархіи.

Скарга приписывалъ упадокъ русской церкви семейной жизни православнаго духовенства, богослуженію на славянскомъ языкѣ и вмѣшательству свѣтской власти въ церковныя дѣла. Іезуитскій духъ мѣшалъ ему видѣть, или, правдоподобнѣе, онъ не хотѣлъ сознаться, въ чемъ состояла причина зла.

Послѣдняя изъ указанныхъ имъ причинъ, именно присвоенное королями право назначенія русскихъ епископовъ по своему произволу имѣло здѣсь огромное значеніе,—оно сдѣлалось вскорѣ источникомъ многихъ золъ для православной церкви; но было-бы несправедливо приписывать все іезуитской пропагандѣ и полякамъ: они только эксплуатировали въ свою пользу положеніе вещей.

Русскому обществу не доставало просвѣщенія, и до второй половины XVI в. оно не имѣло другой литературы, кромѣ хроникъ, актовъ и рукописныхъ церковныхъ книгъ. Правда, во времена Ярослава и его преемниковъ, по свидѣтельству ученыхъ и между прочимъ Шафарика, просвѣщеніе на Руси стояло выше, нежели въ большей части европейскихъ странъ; но съ тѣхъ поръ Русь пережила княжескія междоусобія, татарское иго и религіозно-политическое давленіе Польши сперва въ отдѣльныхъ частяхъ, а потомъ и въ цѣломъ.

Упадокъ богатой древне-русской культуры долженъ былъ произойти не столько подъ вліяніемъ первыхъ двухъ причинъ, сколько отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія послѣдней. Съ тѣхъ поръ, какъ Русь пришла въ политическое соприкосновеніе съ Польшею, польское правительство не только не способствовало развитію,

а напротивъ не пренебрегало ничѣмъ, что могло повести къ ослабленію и уничтоженію русской народности,—лучшія силы и способности народа должны были ослабнуть. Когда обрекались на упадокъ церкви и школы, когда ограничивались гражданскія и общественныя права приверженцевъ православія, отнималось ихъ имущество и собственность, когда хитростью или силою отрывали отъ народа русскую шляхту и ополячивали ее,—то каждый легко пойметъ, что остатокъ русскаго народа былъ низведенъ до состоянія матеріальнаго безсилія и политическаго нуля, а по тому самому и языкъ народный оставался въ пренебреженіи.

Собравшись на сеймъ, патроны не разъ толковали объ упадкѣ русской церкви, обращались иногда къ русскимъ епископамъ съ рѣзкими замѣчаніями, какъ мы это видѣли въ письмѣ къ митрополиту Онисифору, и однако ни разу отъ словъ не перешли къ дѣлу.

Правда, явилась было мысль—поднять просвѣщеніе, сдѣлавъ общедоступнымъ для массы священное писаніе; но какъ достигнуть этого, когда долгое время не было ни школъ, ни типографій? Полочанинъ Скорина перевелъ библію на современный русскій языкъ, какой употреблялся высшими сословіями, т. е. болгарскій, уснащенный полонизмами. Эту библію онъ напечаталъ въ чешской Прагѣ. Въ 1562 г. основана первая типографія въ Несвижѣ. Здѣсь Симеонъ Будный напечаталъ протестантскій катехизисъ и предложилъ его русскому обществу. Нѣсколько позже литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ типографію въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и здѣсь бѣжавшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали евангеліе съ толкованіемъ. Наконецъ основана на Руси знаменитая острожская типографія, въ которой тотъ-же Ѳедоровъ напечаталъ въ первый разъ полную церковную библію на славянскомъ языкѣ. Это было первымъ важнымъ шагомъ на пути къ просвѣщенію русскаго общества.

Давая у себя пріютъ московскимъ типографщикамъ, русскіе паны—Ходкевичъ и Острожскій оказали великую заслугу не только типографскому дѣлу, которое впослѣдствіи расширили братства, но и всей Руси. При посредствѣ книгопечатанія Несвижъ, Заблудовъ, Острогъ, Львовъ, Вильна, затѣмъ Кіевъ и многіе другіе города пришли къ сознанію русскаго единства, а дѣйствовавшіе въ этихъ

городахъ станки сблизили Литву съ Червоною Русью, а вскорѣ потомъ—съ 1580 г. сблизили съ обѣими и Украйну.

Въ XVII ст. южная Русь значительно возвысилась въ европейской цивилизаціи своими школами и типографіями, своими духовными писателями и учеными во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Между тѣмъ исходъ борьбы между двумя враждебными элементами долго оставался сомнительнымъ.

Въ толпѣ гостей, безпрестанно окружавшихъ магната, ни одинъ изъ элементовъ не имѣлъ перевѣса: ни польскій, ни русскій, ни православный, ни католическій, ни новое реформаціонное ученіе. Домъ магната уподоблялся рынку, на которомъ встрѣчались всевозможные товары; это было какъ-бы порто-франко, куда свозилось все безъ контроля. На столѣ знаменитаго защитника православія, князя Острожскаго, лежали сочиненія Поссевина и Скарги рядомъ съ сочиненіями князя Курбскаго или аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго; іезуитъ Мотовило былъ его любимымъ собесѣдникомъ. Въ дворецъ Острожскаго собирались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители католицизма и православія вмѣстѣ съ представителями лютеранства, кальвинизма и социніанства. Неудивительно поэтому, что Янушъ Острожскій еще при жизни отца отрекся отъ вѣры и національности своихъ предковъ и сдѣлался полякомъ.

Итакъ, не патроны охраняли русскую народность. Охраняли ее стойкость мѣщанъ съ одной стороны, монастырскій аскетизмъ съ другой, и наконецъ храбрость запорожцевъ; простой народъ былъ четвертымъ консервативнымъ элементомъ, но онъ находился въ рукахъ тѣхъ, кто владѣлъ имъ.

Въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи митрополиту Рагозѣ значилось: православную церковь унижать во всѣхъ отношеніяхъ.

Для уясненія этого пункта нужно указать, какимъ имуществомъ владѣла русская церковь и что сдѣлано съ нимъ мало по малу. До водворенія польскаго правительства на Руси, здѣсь не было ни одной епархіи, ни одного прихода католическаго, поэтому всѣ церковныя имѣнія составляли собственность православныхъ церквей. Пожертвованія на церкви и монастыри были такъ значительны,

что давали полную возможность епископамъ удовлетворять ихъ миссіи, поддерживать учебныя и благотворительныя заведенія, украшать храмы и т. д. Чтобы унизить русскую церковь, іезуиты задумали лишить ее имущества, что и было постепенно исполнено съ теченіемъ времени. Исторія не знаетъ ничего о томъ, чтобы польское правительство учреждало новыя православныя епархіи, или надѣляло бенефиціями уже существующія; напротивъ, извѣстно огромное число фактовъ отобранія православныхъ церквей и обращенія ихъ въ латинскіе костелы.

Еще Ягайло отбиралъ у православныхъ церкви и отдавалъ ихъ католикамъ. Когда въ 1414 г. сдѣлалась вакантною галицкая митрополія, православные въ теченіи 125 лѣтъ не получали для себя епископа, вслѣдствіе чего церковныя имущества перешли въ частныя руки. Гораздо позже начали надѣлять латинскіе епископства и костелы и то по большей части имѣніями, принадлежавшими русскимъ церквамъ, что вызывало вооруженныя схватки и порождало ненависть.

Вмѣстѣ съ отобраніемъ церквей отнимались у православнаго духовенства и всѣ средства къ существованію. Десятина, предназначенная для русскихъ церквей, послѣ обращенія ихъ въ католическія, переходила къ послѣднимъ. Такимъ образомъ бѣднѣли православные епископы, духовенство, учебныя и богоугодныя заведенія приходили въ упадокъ и научная подготовка бѣлаго духовенства становилась невозможной, блѣднѣлъ старинный блескъ русской церкви, исчезало ея значеніе и вліяніе. Прежнее богатство монастырей и другихъ учрежденій смѣнилось бѣдностью и нуждою. Для враговъ православія это было самое желательное положеніе вещей, когда духовенство, обнищавшее, погрязшее въ невѣжествѣ и лишенное значенія вмѣстѣ съ церковью, которой оно было представителемъ, могло быть выставлено на позоръ и осмѣяніе. Въ видахъ униженія православія русскихъ епископовъ называли владыками, священниковъ попами, а церкви синагогами.

Такъ, путемъ воспитанія русской шляхты въ іезуитскихъ школахъ, замѣщенія епископскихъ каѳедръ удобными для іезуитовъ лицами и обнищанія русскихъ церквей подготовлялось введеніе уніи. Послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ агенты римской куріи считали Русь вѣрной и легкой добычей для латинской церкви. Однако

на дѣлѣ оказалось, что добыча далеко не была такъ легка и что невѣжественныхъ православныхъ поповъ и неграмотный русскій народъ гораздо труднѣе заставить перемѣнить вѣру, нежели образованныхъ патроновъ православія.

XI.

Русскіе имѣли много поводовъ задуматься надъ уніею. Съ одной стороны имъ говорили: «примите унію и будете уравнены въ правахъ съ поляками»; съ другой—православные епископы и русская шляхта уже въ теченіи двухъ столѣтій привыкли къ союзу съ католической Польшей.

Долгій путь, исполненный терпѣнія съ одной стороны и всевозможныхъ притѣсненій съ другой, заставилъ многихъ православныхъ освоиться съ мыслью о необходимости какимъ-бы то ни было образомъ положить конецъ двухвѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Мысль эта поддерживалась еще тѣмъ соображеніемъ, что и въ старину обѣ церкви, западная и восточная, были объединены, не смотря на различіе ихъ обрядовъ; поэтому надѣялись, что унія не измѣнитъ православной вѣры.

Съ другой стороны Константинополь находился во власти турокъ, отъ которыхъ зависѣлъ и православный патріархъ; ограбленные турками, патріархи не разъ находились въ необходимости собирать на Руси подаяніе; то-же происходило и при смѣнѣ духовныхъ начальниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ являлись большіе безпорядки и униженіе высокаго значенія патріарха.

Упадокъ православной церкви порождаетъ религіозный индиферентизмъ среди русскихъ пановъ; неудивительно поэтому, что послѣдніе такъ быстро переходятъ въ лоно католической церкви, особенно съ того времени, какъ начинаютъ вступать въ родственныя связи съ польскими домами. Вотъ причины, почему даже такіе столпы православія, какъ князь Константинъ Острожскій, входятъ въ переговоры объ уніи. Острожскій, вмѣстѣ со многими другими панами, надѣялся, что покровительство папы можетъ защитить русскую церковь отъ притѣсненій со стороны поляковъ и прекратитъ неурядицы въ православной іерархіи. Такъ думало и большинство; всѣ надѣялись на возможность сохранить во всей чистотѣ греко-восточное испо-

вѣданіе, пока не убѣдились наконецъ въ истинномъ значеніи уніи.

Что князь Острожскій понималъ унію, какъ дѣйствительное объединеніе церквей, видно изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, и съ этою цѣлью началъ сношенія съ московской Русью. Иначе смотрѣли на дѣло русскіе епископы: они думали только о присоединеніи одной западно-русской церкви, находившейся въ польскомъ государствѣ, и для того нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщанія, пока наконецъ не подписали согласія на унію. Поцѣй извѣстилъ о случившемся князя Острожскаго, который былъ этимъ сильно раздраженъ.

Душою уніатской партіи были: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій.

Возобновленіе уніи, популярное въ средѣ польской шляхты, которая усматривала въ ней еще одну сильную связь съ короной, не было однако популярнымъ среди русскаго народа, который предчувствовалъ, что это нововведеніе не будетъ въ его пользу. Если мѣщане и крестьяне и принимали унію, то дѣлали это изъ страха и въ теченіи долгаго времени готовы были отпасть отъ нея. Между тѣмъ на Украйнѣ, гдѣ народъ въ силу долговременной привычки къ войнѣ былъ отважнѣе и менѣе проникся невольничьимъ страхомъ, унія прививалась съ большимъ трудомъ. Сверхъ того отвращеніе къ уніи усиливали тѣ пріемы, какими сопровождалось ея насажденіе въ краѣ.

Когда вѣсти о принятіи уніи дошли до народа, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, требовавшіе всеобщаго собора. Между тѣмъ митрополитъ колебался или дѣлалъ видъ, что не можетъ оставить своей церкви; онъ объявилъ главнымъ дѣятелямъ уніи, Терлецкому и Поцѣю, а черезъ нихъ и королю, что не отказывается отъ уніи,—готовъ принять ее, если она будетъ принята на соборѣ духовенства и мірянъ, до отправленія депутаціи въ Римъ. Князь Острожскій въ свою очередь заявилъ, что такое важное дѣло не можетъ быть рѣшено безъ общаго собора. Этотъ путь былъ самымъ естественнымъ.

Сперва король согласился созвать соборъ и даже распорядился изготовить универсалъ, но, убѣдившись въ невозможности ожидать

общаго согласія на унію, не выпустилъ его изъ канцеляріи и приказалъ Поцѣю съ Терлецкимъ ѣхать въ Римъ. По крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что унія не была навязана, но что ее приняли даже русскіе епископы.

Между тѣмъ, пока Поцѣй и Терлецкій успѣли съѣздить въ Римъ и возвратиться, въ Украйнѣ вспыхнуло первое козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Косинскаго. Позволительно еще сомнѣваться въ томъ, чтобы возстаніе Косинскаго поднялось изъ чисто религіозныхъ побужденій. Вначалѣ у козаковъ освобожденіе братьевъ изъ неволи считалось лучшимъ дѣломъ благочестія. Если когда-нибудь козакъ задумывался о своемъ душевномъ спасеніи, то навѣрно представлялъ его себѣ не иначе, какъ въ размѣрѣ того вреда, какой онъ наносилъ татарамъ и туркамъ. Какъ люди необразованные и не посвященные во всѣ тайны богословія, козаки знали только, что вѣра ихъ—не шляхетская; они знали, что ихъ предки, какъ и сами они, убѣгали въ степи отъ пановъ-католиковъ; поэтому папъ-католикъ является для нихъ такимъ-же враждебнымъ существомъ, какъ бусурманинъ, набѣгающій съ лукомъ и арканомъ, или еврей арендаторъ.

Теперь козаки нападаютъ на панскіе дворы, разоряютъ ихъ, уничтожаютъ шляхетскіе документы, они сильнѣе борются противъ польскихъ порядковъ, которые усматриваютъ также и въ подчиненіи русской церкви папѣ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Косинскій заѣзжаетъ и опустошаетъ имѣнія князя Острожскаго, котораго считали польскимъ магнатомъ за то, можетъ быть, что онъ хлопоталъ объ уніи.

Овладѣвъ многими украинскими городами и даже Кіевомъ, безъ особаго ихъ сопротивленія, Косинскій вездѣ отбиралъ присягу на вѣрность украинскому войску. Онъ уже составляетъ планъ—оттогрнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій распорядокъ, ввести козацкое устройство и распространить его равно на лицъ шляхетскаго и не шляхетскаго происхожденія, чтобы не было различія сословій, чтобы всѣ были равны и на равныхъ правахъ владѣли землею. Такой планъ угрожалъ Польшѣ опасностью политическаго и общественнаго переворота, поэтому король обратился къ дворянству южно-русскихъ воеводствъ, призывая его къ оружію противъ врага.

Князь Острожскій вооружилъ шляхту въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и послалъ ее противъ возставшихъ, подъ начальствомъ своего сына Януша. На этотъ разъ Косинскому не посчастливилось: послѣ неудачнаго боя подъ Пяткой козаки принуждены были дать обѣщаніе выбрать себѣ другаго предводителя,—тѣ-же, которые не были подъ Пяткой, не думали о новомъ выборѣ и, напротивъ, побуждали Косинскаго къ новому возстанію, говоря: «Абожъ то не наша земля? чи-жъ не мы іи видъ орды одибрали? Чіе-жъ тутъ право»? Косинскій не могъ противиться общественному давленію, но, пока стягивались новыя силы, онъ погибъ во время пирушки въ Черкасахъ; тамъ поднялся споръ, перешедшій въ драку, и одинъ ударъ измѣнника, или просто пьянаго, пресѣкъ бурную жизнь Косинскаго. Козаки избрали послѣ него гетманомъ Лободу.

Такъ начались продолжительныя войны между тѣми, кто считалъ землю своею собственностью на основаніи королевскихъ привилегій, и тѣми, которые признавали ее своею собственностью, пріобрѣтенною путемъ завоеванія отъ татаръ; между тѣми, кто смотрѣлъ на свободу, какъ на гербовую привилегію, и тѣми, кто считалъ ее природной и неотъемлемой собственностью каждаго человѣка. Силы были неравны и если борьба не имѣла слѣдствіемъ завоеванія свободы, то все таки приготовила упадокъ Польши.

Обыкновенно шляхетская партія, съ помощью наемныхъ регулярныхъ войскъ, одерживала верхъ надъ возставшими, предводители возстанія подвергались строгимъ карамъ, а Украйна—еще болѣе тяжкимъ притѣсненіямъ.

Изъ вождей козацкихъ, въ эпоху между 1593—1638 гг., особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Остряннъ. Одному только Сагайдачному, вѣрному защитнику православія, удалось достигнуть почета отъ польскаго правительства и жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ шляхетскою партіею, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ какъ поляки стараются всѣми силами подавить возстаніе Косинскаго, Поцѣй и Терлецкій приносятъ присягу на вѣрность папѣ, обѣщая ему всегдашнее послушаніе въ дѣлахъ вѣры, а на родинѣ всѣ возмущаются самовольнымъ ихъ поступкомъ.

Въ это время, кромѣ реестровыхъ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Лободы, появляется другое козацкое войско, возникшее

по собственной инищіативѣ, подъ предводительствомъ Наливайка. Возстаніе его, начавшись на Волыни, носитъ до нѣкоторой степени религіозный характеръ. Наливайко нападаетъ на имѣнія русскихъ епископовъ и мірянъ, склонныхъ къ уніи, занимаетъ Луцкъ, гдѣ месть козаковъ обращается на сторонниковъ и слугъ Кирилла Терлецкаго; затѣмъ поворачиваетъ на Бѣлоруссію, добываетъ Слуцкъ, гдѣ находитъ большой запасъ оружія, занимаетъ Могилевъ, захватываетъ спрятанныя въ Пинскѣ драгоцѣнныя церковныя вещи, принадлежавшія Терлецкому, и овладѣваетъ важными документами на пергаминѣ съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унію.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать грозные размѣры. Король посылаетъ противъ козаковъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго и война между ними продолжается упорно до конца мая 1596 г. Для обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, вопросъ о томъ, быть-ли на Руси польскимъ или русскимъ порядкамъ. Стѣсненные польскими войсками, козаки переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены подъ Лубнами. Тутъ между козаками начались несогласія; сначала Наливайко низложилъ съ гетманства и убилъ Лободу, а самъ сдѣлался гетманомъ, но въ свою очередь былъ схваченъ, выданъ полякамъ и казненъ въ Варшавѣ.

Какой-то *fatum* тяготѣлъ надъ Польшей. Едва казнили одного Наливайка, какъ къ тому времени уже появлялся другой; у воротъ новаго замка въ Жолквѣ явился Михайло Хмѣльницкій, отецъ Богдана, называя себя банитомъ, и этого было достаточно, чтобы онъ былъ принятъ въ замкѣ. Недостатокъ людей близъ границъ не позволялъ слишкомъ критически относиться къ ихъ прошлой жизни. Послѣ брака дочери Жолкѣвскаго съ богатымъ паномъ Даниловичемъ, Михаилъ Хмѣльницкій былъ причисленъ къ свитѣ, сопровождавшей молодую въ домъ ея мужа.

Даниловичу принадлежала вся Корсунщина и Чигиринщина и онъ поручилъ Хмѣльницкому управленіе этими обширными имѣніями. Тотъ, съ разрѣшенія своего пана, завелъ собственное хозяйство въ лѣсистой мѣстности Суботовѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина; позиція была опасная—еще недавно за Тясминомъ кочевали татары, да и теперь появлялись они на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Такъ возникло Суботово, послужившее въ непродолжительномъ времени послѣднимъ поводомъ къ всеобщей внутренней войнѣ.

Правда, на Украйнѣ съ давнихъ поръ шли споры съ козаками за поземельную собственность. Шляхта старалась захватить козацкія земли въ фактическое владѣніе и обратить жителей въ крѣпостныхъ, что впрочемъ не такъ-то легко удавалось; но безпрерывныя требованія шляхты о распространеніи польскаго права были главнымъ поводомъ непріязненныхъ отношеній между козаками и шляхтой, превратившихся вскорѣ въ упорную борьбу. Козаки видѣли, что тѣ порядки, отъ которыхъ ихъ предки уходили изъ центра шляхетства, послѣдовали за ними и на Украйну, а отсюда уже нѣкуда было уходить, развѣ въ турецкую или татарскую неволю. Оставалось на выборъ изъ двухъ одно: или склонить голову подъ панское ярмо, или защищать свободу до послѣдней капли крови. Убѣгая изъ-подъ власти пана или старосты въ козачество, крестьянинъ приносилъ туда глубокую ненависть ко всему, что было панскимъ, шляхетскимъ и польскимъ, такъ какъ ненавистный ему панъ былъ или становился полякомъ. Наравнѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна была козаку католическая вѣра, а еще нестерпимѣе была унія, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго гнёта, насильно навязанный его совѣсти; православная вѣра, напротивъ, была для русскаго народа признакомъ свободы. Съ этого времени козачество, которое теперь пополняется исключительно изъ простаго народа, готово защищать съ оружіемъ въ рукахъ все, что было дорогаго для этого народа. Съ этого времени козачество становится народнымъ представительствомъ на Руси.

Въ началѣ 1596 г. возвратились на родину Поцѣй и Терлецкій. Кромѣ писемъ къ православнымъ епископамъ и митрополиту, привезли они отъ папы письмо на имя короля Сигизмунда III съ просьбою возвратить несправедливо отнятыя церковныя имѣнія, русское духовенство уравнять въ правахъ съ польскимъ, а именно— дать мѣста въ сенатѣ русскимъ епископамъ, однимъ словомъ удовлетворить представленнымъ епископами условіямъ, исполненіе которыхъ зависѣло отъ короля. Однако просьба папы осталась безъ послѣдствій.

Между тѣмъ унія встрѣтила въ краѣ сильное противодѣйствіе со стороны церковныхъ братствъ и даже на сеймѣ варшавскомъ

1596 г. враждебно смотрятъ на введеніе уніи, предвидя могущія произойти отсюда волненія. Но не смотря на то, что всѣ опасались народнаго возстанія и предвидѣли большія несчастья, Сигизмундъ III рѣшился ввести унію и созвалъ соборъ въ Брестѣ литовскомъ на 6 октября 1596 г. для ея утвержденія. Съ своей стороны князь Острожскій извѣстилъ о томъ восточныхъ патріарховъ; по его просьбѣ присланы были протосинкелы (намѣстники) отъ константинопольскаго патріарха Никифора и александрійскаго Кирилла. Острожскій также дѣлалъ приготовленія къ собору. Собравшись въ назначенный срокъ, соборъ тотчасъ раздѣлился на два лагеря, изъ которыхъ каждый по своему относился къ уніи. Уніатскій лагерь составляли католическіе бискупы, іезуиты, поляки и уніаты, явившіеся съ митрополитомъ Рагозою. Засѣданія уніатской партіи происходили въ каѳедральномъ соборѣ. Православный лагерь образовали экзархи двухъ восточныхъ патріарховъ, сербскій митрополитъ Лука, русскіе епископы: львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ, и другіе сановники церкви, далѣе со стороны мірянъ—князь Острожскій, представители братствъ, земскіе послы и т. д.

Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, который приказалъ запереть всѣ остальныя церкви, чтобы лишить православныхъ мѣста для собраній, такъ что они были принуждены собираться въ частномъ домѣ.

Православные въ свою очередь раздѣлились на двѣ партіи: духовную и свѣтскую. Согласно древнимъ обычаямъ восточной церкви, для измѣненія догматовъ вѣры недостаточно было постановленія одного только духовенства, требовалось также согласіе свѣтскихъ лицъ какъ шляхетскаго сословія, такъ и простаго народа. Въ силу этого принципа, на созванный въ Брестѣ соборъ для совѣщанія объ уніи явились многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ литовскихъ и русскихъ. Между тѣмъ какъ духовенство занялось обсужденіемъ уніи со стороны религіозной, свѣтская партія, не вдаваясь въ богословскіе диспуты, защищала свою вѣру на основаніи правъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія и подтвержденныхъ какъ великими князьями литовскими, такъ и польскими королями. Глава православнаго собора, протосинкелъ Никифоръ, три раза приглашалъ кіевскаго митрополита на засѣданія собора, но когда онъ не явился и отвѣтилъ, что подчинился уже западной

церкви, православный соборъ объявилъ лишенными сана какъ самаго митрополита, такъ и епископовъ, признавшихъ унію. Эти съ своей стороны отвѣтили тѣмъ-же, т. е. низложили православныхъ іерарховъ.

Послѣ отказа со стороны духовной партіи, свѣтская единогласно объявила, что весь литовско-русскій народъ настроенъ противъ уніи. Составленъ былъ протестъ какъ противъ самой уніи, такъ въ особенности противъ способовъ ея введенія, объявлено низложеніе принявшихъ унію священниковъ и послана королю просьба о назначеніи новыхъ епископовъ на мѣсто отпавшихъ отъ православія.

Уніатскій лагерь уже не обсуждалъ вопроса объединенія церквей,—оно еще раньше было рѣшено безъ собора и утверждено папою. Прочитанъ былъ только папскій декретъ, т. е. объявлена унія, которую нужно было ввести насильно.

Такое объявленіе уніи сильно возмутило русскихъ пановъ. Всюду ожидали страшныхъ волненій; дѣйствительно, шляхта, мѣщане и козаки могли на этотъ разъ соединиться для общаго дѣла, но іезуиты разсчитывали иначе: они знали, что будетъ волненіе только на словахъ—дворянское волненіе. Они знали также, что мѣщане не пользуются правомъ голоса на сеймѣ, патроны ограничатся одними словами и не подымутся на дѣло, а козаки были разбиты. Патроны были прежде всего русско-польскими панами и самъ Острожскій, грозившій собрать 15—20,000 вооруженнаго войска, не собралъ ни одной тысячи, а братству львовскому писалъ въ тоже время: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе».

Обѣ стороны—уніатская и православная обратились за рѣшеніемъ дѣла къ королю; православные протестовали, ссылаясь на существовавшія права. Король принялъ сторону уніатовъ; онъ не признавалъ другой восточной церкви, кромѣ объединенной уже съ Римомъ. Всѣ не принявшіе уніи были въ его глазахъ не исповѣдниками греко-восточной вѣры, а ея отступниками, схизматиками.

Съ этого времени начинается преслѣдованіе православныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція съ ихъ стороны. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникъ его по митрополичьей каѳедрѣ, Поцѣй, такъ усердно распространялъ унію, что едва не былъ убитъ виленскими мѣщанами. Но еще тяжелѣ личной неволи оскорбляло народъ униженіе православной церкви. Въ свою очередь евреи, пользуясь такимъ положеніемъ, надоумили пановъ уступить имъ въ

аренду, вмѣстѣ съ прочими статьями дохода, и православныя церкви; тутъ началась новая эксплуатація. Родится ребенокъ у крестьянина, прежде всего нужно заплатить жиду, иначе дитя останется некрещеннымъ; женитъ крестьянинъ сына, или отдаетъ дочь замужъ, опять плати жиду, иначе не будетъ вѣнчанья; нуждался-ли крестьянинъ въ какой-нибудь требѣ или церковной службѣ,—за ключи отъ церкви, за веревки отъ колоколовъ, за все нужно было платить еврею. Даже пасху для освященія нужно было покупать у евреевъ, или оплачивать право печь ее дома. Жалобы народа на все это отзываются и понынѣ въ его пѣсняхъ.

Неудивительно поэтому, что народъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія подобными порядками, толпами обращался въ козачество, неудивительно, что возникали возстанія за возстаніями.

Послѣ казни Наливайка польское правительство издаетъ грозное постановленіе противъ козаковъ; всѣ низовые козаки объявляются врагами отечества и стоящему въ Украйнѣ «кварцяному» войску вмѣняется въ обязанность истреблять ихъ; у козаковъ отнимаютъ ихъ старинныя права, земли и даже данный имъ Баторіемъ Трехтемировъ.

Но всѣ эти постановленія только сильнѣе раздражали козаковъ. Напрасно поручалось панамъ и «дозорцамъ» ловить бродягъ и доставлять на мѣсто жительства, гдѣ ихъ могли наказывать смертью безъ суда и слѣдствія; пока Запорожье не находилось во власти пановъ, невозможно было подавить козаковъ. Между тѣмъ сами паны своими колонизаціонными пріемами способствовали росту козачества, зазывая народъ на слободы, куда принимали всѣхъ безъ разбора, даже разбойниковъ. Украинскіе паны жили между собою несогласно, наѣзды были для нихъ явленіемъ ежедневнымъ; поэтому каждый нуждался въ козакахъ, какъ для наѣздовъ, такъ и для защиты. Но эти козаки готовы были, при первомъ неудовольствіи, поступить съ своими панами также точно, какъ поступали по ихъ приказанію съ сосѣдями.

Смѣлость козаковъ возрасла до такой степени, что рѣдко выдавался годъ, въ который не бывало похода; такъ въ 1601 г. со стороны крымскаго хана жаловался Ахметъ Калга на набѣгъ запорожцевъ на Крымъ, а уже въ слѣдующемъ 1602 г. жалуются турки на то, что атаманъ Килей разбилъ на Черномъ морѣ отрядъ

Гассана аги, что козаки захватили турецкій купеческій корабль, шедшій изъ Кафы и т. д. Чѣмъ-же отвѣчали поляки? Пясочинскій объяснялъ, что козаки не были подданными польской короны и король не могъ отвѣчать за своевольныхъ людей, уходившихъ въ степи,—пусть ихъ истребляютъ татары.

Всѣ указанныя выше обстоятельства и жалобы вызвали рѣзкія постановленія противъ козаковъ со стороны сейма 1607 г. Та-же конституція повторена была и въ 1609 г.; козаки подчинены власти старостъ и пановъ, имѣвшихъ надъ ними право смертной казни, а старшій войска запорожскаго долженъ былъ назначаться изъ лицъ шляхетскаго происхожденія. Однако вскорѣ, вслѣдствіе появленія самозванцевъ и войны Сигизмунда III съ московскимъ государствомъ (1609 г.), правительство нашлось въ необходимости понизить тонъ; вербовали всевозможныхъ бродягъ и составляли отряды, часть которыхъ отправилась съ польскимъ войскомъ подъ Смоленскъ, а другіе разошлись на слободы, или прямо въ Сѣчь, а оттуда на Черное море. Наконецъ магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгся въ 1612 г. въ Молдавію, съ цѣлью удержать низложеннаго господаря, и польское правительство могло опасаться мести со стороны турокъ—все это способствовало лишь росту козачества.

XII.

Вступая въ тѣсную связь съ Польшей, русское боярство старалось обезпечить свою народность отъ чуждыхъ вліяній, а главными основами русской національности были—языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, поставленныхъ при объединеніи Руси съ Польшею, была гарантія русскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ актахъ. Вслѣдствіе того, когда въ 1576 г. король Стефанъ Баторій вызвалъ ко двору нѣкоторыхъ брацлавскихъ бояръ польскимъ письмомъ, боярство брацлавское запретило своимъ собратьямъ исполнить королевскій приказъ и напомнило королю, что всѣ предписанія должны дѣлаться на русскомъ языкѣ, который въ старину употреблялся въ Литвѣ и на Руси во всѣхъ письменныхъ памятникахъ. На этомъ языкѣ писались лѣтописи, законы, княжескія грамоты и т. д. Самъ Ягайло не говорилъ иначе, какъ по русски и мѣстные бояре въ теченіи долгаго времени старались

сохранить неприкосновеннымъ свой языкъ. На конвокаційномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 г. въ число его постановленій занесено слѣдующее (Art. 27): «всѣ русскіе законы, какъ того требуетъ старинное право и какъ то нынѣ было въ обычаѣ, всѣ привилегіи, письма, мандаты и всѣ прочія дѣла воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и браціавскаго, выпущенныя изъ канцеляріи его королевской милости, должны быть написаны на русскомъ языкѣ *sub nullitate* всего дѣла».

Что касается религіозныхъ отношеній, то для защиты вѣры, какъ мы уже видѣли, учреждались церковныя братства, куда вступали членами представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Предметомъ особаго попеченія русскихъ пановъ была кіево-печерская лавра. Король Сигизмундъ III, вмѣстѣ съ іезуитами, понялъ ея огромное значеніе въ краѣ, поэтому, едва только нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ изъявили согласіе на унію, какъ Сигизмундъ, еще раньше ея опубликованія, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, отдававшую кіево-печерскую лавру, со всѣми ея имѣніями и доходами, въ полное владѣніе кіевскихъ митрополитовъ подъ условіемъ, что эти послѣдніе будутъ пребывать въ единеніи съ римскою церковью. Отсюда произошло такое раздраженіе, что самъ король нашелся вынужденнымъ просить папу оставить лавру въ прежнемъ положеніи.

Со времени брестскаго собора, на которомъ была принята унія, ни одинъ сеймъ не проходилъ безъ того, чтобы не подымались на немъ голоса въ защиту православной вѣры. Цѣлый рядъ жалобъ, начатый соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Онисифору въ 1585 г., тянется до временъ Хмѣльницкаго. Въ 1606 г., волынскіе бояре въ союзѣ съ боярами кіевскаго воеводства, съѣхавшись подъ Сандомиромъ, постановили просить короля объ уничтоженіи уніи. Напуганный конфедератами король обѣщалъ, что православный русскій народъ на будущее время не станетъ подвергаться преслѣдованіямъ за вѣру. На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. внесено было особое предложеніе о православной вѣрѣ. Король обязался не нарушать правъ русскаго народа въ религіозномъ отношеніи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Но все это было безполезно—всѣ королевскія обѣщанія и постановленія польскихъ сеймовъ оставались мертвой буквой. Въ дока-

зательство приведемъ, напримѣръ, жалобу русской шляхты, поданую въ сенатъ во время сейма 1623 г.

«Мы—русскій народъ въ теченіи двадцати восьми лѣтъ докладываемъ вамъ на каждомъ сеймѣ о великихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, какія терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ—митрополита и епископовъ уніатскихъ. Мы просили со слезами вступиться предъ королемъ за освобожденіе русскаго народа отъ упомянутыхъ притѣсненій, но и понынѣ не достигли просимаго. Теперь, если русскій шляхтичъ стараго греческаго вѣроисповѣданія бываетъ въ необходимости обращаться къ властямъ, его спрашиваютъ—уніатъ онъ или нѣтъ?

Во многихъ городахъ наши отступники отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему запрещено крестить или погребать публично; все это нужно совершать ночью, тайно, такъ какъ схваченныхъ при этомъ мѣщанъ строго наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и изгоняютъ изъ города».

Однако всѣ хлопоты, просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. И король, и сеймы, каждый съ своей стороны, или не обращали на нихъ вниманія, или откладывали разсмотрѣніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или, наконецъ, объявляли свободу православной вѣры, не принимая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ. Впрочемъ, Сигизмундъ III, всецѣло преданный іезуитамъ, умѣлъ вновь обходить постановленія сеймовъ и давать поддержку религіозной нетерпимости. Такъ брестскіе мѣщане, оставшіеся вѣрными религіи своихъ предковъ, были отлучены отъ церкви Поцѣемъ, изъяты королемъ изъ подъ защиты закона и объявлены «банитами», вслѣдствіе чего товары ихъ были опечатаны.

Раньше другихъ выказалъ нетерпимость къ православнымъ полоцкій архіепископъ, Іосафатъ Кунцевичъ. Всѣ жалобы на насилія, несправедливые процессы, самоуправства, грабежи, запираніе и печатаніе церквей православныхъ, выставленіе ихъ на посмѣшище и концунство, лишеніе народа богослуженія и св. Тайнъ—все это подтвердилъ католикъ и государственный человѣкъ, литовскій канцлеръ князь Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ Іоасафату Кунцевичу.

Далѣе можно замѣтить, что болѣе образованные изъ католиковъ приходятъ наконецъ къ сознанію, что объединять путемъ насилія значитъ разлучать; въ сочиненіяхъ, дошедшихъ отъ того времени,

часто встрѣчаются слова: «въ воздухѣ пахнетъ кровью и пожаромъ». Ясно предвидѣлъ канцлеръ Сапѣга смутныя послѣдствія религіознаго фанатизма какъ для государства, такъ и для самой уніи, но предотвратить грозившей опасности уже не было возможности. Іосафатъ самъ вызвалъ въ народѣ раздраженіе, достигшее такой степени, что онъ былъ убитъ въ 1623 г. Вотъ подробности этого дѣла.

Явившись въ Витебскъ, Кунцевичъ, при помощи войскъ, причинялъ православнымъ обычныя насилія, отбиралъ церкви, запиралъ ихъ, опечатывалъ, или обращалъ въ уніатскія. Православные жители терпѣливо переносили эти насилія, но отказались посѣщать уніатскія церкви, построили за городомъ палатки и тамъ отправляли свое богослуженіе.

Утромъ 12 сентября, въ воскресенье, архидіаконъ Кунцевича Дорофей напалъ на православнаго священника, переправлявшагося черезъ Двину для совершенія службы Божіей. Избивъ священника, онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ и заперъ въ архіерейской кухнѣ. Вѣсть объ этомъ новомъ насиліи потрясла весь городъ, и терпѣливые до того времени граждане Витебска наконецъ заволновались; ударили въ набатъ; толпа раздраженныхъ людей ворвалась въ домъ архіепископа, православный священникъ былъ освобожденъ, а руководитель ненавистной уніи палъ среди своихъ искалѣченныхъ слугъ и трупъ его брошенъ въ рѣку.

Вѣсть объ убійствѣ полоцкаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Вначалѣ ее сочли сигналомъ къ истребленію католиковъ, опасались козацкихъ волненій въ Бѣлоруссіи и т. п. Черезъ два мѣсяца и десять дней прибыла въ Витебскъ коммисія для наказанія бунтовщиковъ. Около ста человѣкъ были осуждены на смерть, но большинство заблаговременно успѣло скрыться и только двадцать душъ было обезглавлено; однако имущество всѣхъ осужденныхъ конфисковано. Сверхъ того Витебскъ утратилъ магдебургское право и старинныя привилегіи, городская ратуша разрушена; соборную церковь Богородицы, близъ которой исполнено убійство, рѣшено снести съ тѣмъ, чтобы на счетъ жителей витебскихъ выстроить новую, болѣе обширную и величественную и т. д. Всѣ церкви отданы уніатамъ, всѣ жители безъ исключенія принуждены принять унію; а вслѣдъ за тѣмъ королевскими декретами запрещена была «схизма» въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ; запрещено

строить и починять православные храмы и всѣмъ жителямъ бѣлорусскимъ нешляхетскаго сословія приказано принять унію.

Короля поддерживали въ такой политикѣ не одни іезуиты, но также декретъ папы Урбана VIII, отъ 10 февраля 1624 г., въ которомъ сказано: «не щадите ни огня, ни меча». Іоасафатъ признанъ блаженнымъ и вскорѣ послѣ того былъ канонизованъ и объявленъ святымъ.

Между тѣмъ унія не имѣла того успѣха, на какой разсчитывали католики; все дѣло ея ограничивалось печатаніемъ церквей и монастырей и отнятіемъ принадлежавшаго имъ имущества. Сельскіе жители просто отказывались отъ церквей, отданныхъ уніатамъ, но мѣщане часто оказывали активное сопротивленіе, чѣмъ и навлекали на себя гнѣвъ правительства. Потеря торговыхъ правъ, опечатываніе товаровъ, исключеніе изъ городской общины, лишеніе покровительства законовъ—всѣ эти репрессіи постигли прежде всего мѣщанъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ.

Главной причиной такого стойкаго отпора уніи со стороны мѣщанъ и бѣднѣйшаго духовенства было стремленіе сохранить вѣру отцовъ; главною ихъ цѣлью было—спасти предковскія преданія и отстранить отъ своихъ святынь всѣхъ чужихъ и отступниковъ. Если фанатизмъ приводилъ католиковъ къ нетерпимости, то православными руководилъ духъ консерватизма.

Впрочемъ, въ правленіе уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго борьба уніи съ православіемъ въ Червоной Руси и на Волыни теряетъ до нѣкоторой степени тотъ воинственный характеръ, какой она носила при Поцѣѣ. Болѣе тихая пропаганда Рутскаго примиряла стремленія православныхъ и уніатовъ и тѣмъ самымъ была еще опаснѣе для православія. Онъ какъ-бы стремился отыскать *modus vivendi*,—извѣстную терпимость между уніатами и православными; подавалъ мысль создать для польской Руси патріаршество, которому были-бы равно подчинены какъ православные, такъ и уніаты. Православные сложа руки обсуждали проектъ Рутскаго, но насильственные поступки Кунцевича побудили ихъ снова стать на защиту своей вѣры и народности, а когда собственныя силы оказались недостаточными, тогда начали искать другую точку опоры.

Въ 1622 году епископъ сѣверскій Исаія Копинскій посылаетъ священника Гедеона къ московскому воеводѣ въ Путивль съ до-

несеніемъ о томъ, что христіане въ южно-русскомъ краѣ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія. «Князей и бояръ православныхъ уже нѣтъ,—всѣ отступили отъ нашей вѣры,—одни поляки, другіе уніаты, третьи еретики... Нигдѣ нѣтъ отъ нихъ покою и всѣ мы, православные, тѣснимся пока на Украйнѣ въ кіевской землѣ и освѣдомляемся: не дозволитъ-ли царь монахамъ изъ сѣверской земли переселиться въ свое царство».

Подобное-же посольство отправилъ въ Москву двумя годами позже православный кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій съ просьбою принять Малороссію подъ свое покровительство. Тоже самое и въ то-же время сдѣлалъ Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, недопущенный уніатами въ свою епархію.

Итакъ, ни одна изъ желанныхъ уній, ни политическая, ни религіозная, не достигли намѣченной цѣли—дѣйствительнаго отдѣленія юго-западной Руси отъ восточной и сліянія ея съ Польшей въ одно государство, въ одинъ народъ. Онѣ, напротивъ, вызвали тяжелую борьбу между обоими вѣроисповѣданіями—борьбу, пробудившую въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію съ сѣверо-восточной и подготовившую упадокъ Польши.

Если и было когда лучшее прошлое и общія цѣли, то теперь они окончательно прекращаются. Необузданное попраніе человѣческихъ правъ и свободы совѣсти вынуждаютъ обитателей южной Руси искать иныхъ путей для будущаго, а поляки, упоенные мнимымъ торжествомъ подавленія схизмы въ одной половинѣ Россіи, простираютъ свои виды на другую. Завоеваніе московскаго государства, подчиненіе московской церкви Риму становится польской національной политикой.

Первый самозванецъ, Димитрій, появился въ предѣлахъ Польши, а именно при дворѣ Адама Вишневецкаго; іезуиты объявили его царевичемъ Димитріемъ и подъ этимъ именемъ представили королю, который назначилъ ему на содержаніе 40,000 злотыхъ ежегодно. Въ тоже время, чтобы не нарушать мирныхъ отношеній съ Россіею, Сигизмундъ, не объявляя войны, разрѣшилъ польскимъ панамъ помогать Димитрію въ отыскиваніи престола. Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 человѣкъ шляхты; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ козаковъ.

Самозванецъ съ тріумфомъ вступилъ въ Москву и, по предварительному соглашенію съ царицей инокиней Мареой, былъ признанъ ею за сына и царевича. Но царствованіе его продолжалось всего одинадцать мѣсяцевъ,—его сгубили пренебреженіе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. По убіеніи его царемъ избранъ Шуйскій, но и тотъ не долго пользовался добрымъ расположеніемъ народа.

Между тѣмъ, по примѣру перваго самозванца, стали появляться и другіе обманщики; полякамъ понравилось вторгаться въ Россію при посредствѣ самозванцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ III, находя это время удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, нарушилъ наконецъ миръ и началъ войну съ Россіею, намѣреваясь заевоевать ее уже не для самозванца, а для себя, и со временемъ обратить въ католичество. Коронный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ королю идти прямо на Москву, но король предпочелъ начать съ осады Смоленска, считая за лучшее сперва овладѣть этимъ пунктомъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, по низложеніи Шуйскаго, наступила семибоярщина и среди борьбы различныхъ партій стали наконецъ думать объ избраніи царя. Когда Жолкѣвскій подступилъ къ Москвѣ, партія королевича получила перевѣсъ, бояре заключили съ нимъ договоръ и принесли присягу на вѣрность Владиславу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы королевичъ самъ принялъ на себя правленіе и чтобы царская власть была ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для завершенія договора отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, потребовавшее отступленія отъ Смоленска, прекращенія войны и прибытія королевича Владислава въ Москву для принятія царскаго престола. Но Сигизмундъ не снялъ осады Смоленска, не пустилъ сына въ Москву и, вопреки международному праву, отправилъ пословъ въ качествѣ плѣнниковъ въ Польшу.

Такимъ образомъ, тѣ-же самыя причины, которыя помѣшали удержать при польской коронѣ юго-западную Русь, принесенную ей въ даръ Литвою, помѣшали полякамъ создать великое славянское государство. Это были: гордость и тщеславіе поляковъ, религіозный фанатизмъ, презрѣніе и ненависть къ православной вѣрѣ и народности, оскорбленіе національнаго русскаго достоинства. Съ другой стороны опасность общаго польскаго ярма и нерасположенность къ латинскому исповѣданію пробудили въ московскомъ народѣ сознаніе необходимости согласной дѣятельности; собравшійся въ Москвѣ земскій соборъ избралъ на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Народъ сплотился вокругъ своего молодаго царя, а королевичъ Владиславъ, оставленный среди непріятелей половиною польскаго войска, которое не получало жалованья, довоевался до того, что едва не погибъ подъ Можайскомъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи польское правительство волею-неволею принуждено было обратиться за помощью къ козацкому гетману Сагайдачному, котораго до той поры отказывалось признать въ гетманскомъ достоинствѣ.

Съ того времени, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный началъ управлять козаками, ихъ морскіе походы выигрываютъ въ значеніи; въ 1613 г. козаки взяли приступомъ Кафу и освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; въ 1614 г. разрушили Синопъ и т. д.

По призыву короля, Сагайдачный спѣшитъ на выручку Владислава съ 20,000 тѣхъ самыхъ козаковъ, число которыхъ еще недавно было ограничено до одной тысячи, и освобождаетъ королевича съ остатками польскаго войска изъ осады. Получивъ такое значительное подкрѣпленіе, Владиславъ обратился на Москву, но, послѣ неудачнаго приступа, принужденъ былъ, въ силу Деулинскаго договора, отказаться отъ титула царя.

Не смотря на только что оказанную козаками важную услугу, Жолкѣвскій, по требованію пановъ, мечтавшихъ о подчиненіи своей власти козаковъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и обязалъ козаковъ подчиниться сеймовымъ конституціямъ, ограничивавшимъ до минимума ихъ число и права, и не нападать на турецкую землю. Однако требованія эти плохо исполнялись. Послана была коммисія для усмиренія козаковъ, а они снова отправились на море и на этотъ разъ опустошили окрестности самаго Константинополя. Непривыкшій переносить такое безчинство, султанъ, какъ пишетъ Жолкѣвскій, былъ до крайности раздраженъ тѣмъ, что козаки, разрушивъ множество турецкихъ городовъ, осмѣлились еще зажечь свои походные огни передъ окнами сераля. По удаленіи козаковъ, порта рѣшила выслать большое войско съ цѣлью истребить козаковъ и заселить Украйну мусульманами. Уже Скандеръ паша вошелъ въ предѣлы Подоліи; но какъ война съ Россіей еще не была окончена, то Жолкѣвскій просилъ о мирѣ, обѣщая усмирить козаковъ. Снова учреждена коммисія, снова вымогаютъ у козаковъ обѣщаніе прекратить морскіе походы; въ Константинополь донесли, что козаки укрощены, а между тѣмъ походы ихъ продолжались по прежнему.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Продолженіе*) [1]).

VIII.

Дорога изъ Бакоты въ Старую Ушицу.—Общій видъ города.—Экскурсія въ хороборскія пещеры.—Историческія воспоминанія объ Ушицѣ.—Мѣстные промыслы.

Верстахъ въ десяти или двѣнадцати къ юго-востоку отъ Бакоты расположенъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ подольскихъ, теперь заштатный городъ, Старая Ушица. Само названіе указываетъ на древность города и отличаетъ его отъ Новой Ушицы, носившей до недавняго времени названіе Летневцы. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Бакоты дорога дѣлаетъ весьма крутой подъемъ и, удаляясь отъ Днѣстра, прорѣзываетъ наддиѣстрянскія горы.

Характеръ мѣстности здѣсь чрезвычайно напоминаетъ военно-грузинскую дорогу, правда въ миніатюрѣ; налѣво подымается высокая и обрывистая, мѣстами совсѣмъ отвѣсная, стѣна изъ фіолетоваго и зеленаго глинистаго сланца, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Дорога такой ширины, что двумъ экипажамъ едва можно разминуться, и то не совсѣмъ ровная, а нѣсколько наклонная къ обрыву; вправо глубокій, тоже почти отвѣсный обрывъ, куда и заглянуть страшно. Кавказскія дороги по крайней мѣрѣ хорошо вымощены и на всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ мѣстахъ ограждены каменными парапетами, такъ что въ лѣтнее время путешественникъ отдѣлывается

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., октябрск. кн., стр. 254—275.

только головокруженіемъ, здѣсь-же, хотя обрывъ не сравнится глубиною съ кавказскими пропастями, за то не полагается ни мостовой, ни какой-бы то ни было ограды, не только каменной, но даже простаго плетня. Удивительно право, какъ мѣстные крестьяне умудряются провозить здѣсь тяжело нагруженные возы съ сѣномъ и снопами, когда возъ и безъ того въ наклонномъ положеніи, а разбросанные на дорогѣ камни, разумѣется, мало способствуютъ ровности хода. Впрочемъ крушенія здѣсь сравнительно весьма рѣдки, благодаря выносливости крестьянскихъ лошадей, привычныхъ къ такимъ дорогамъ, какъ это вообще бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда случился сильный проливной дождь, значительно повредившій дорогу: множество камней осыпалось сверху, а между тѣмъ водою до такой степени снесло наносную почву съ дороги и размыло ея край, что мѣстами случалось, что одно изъ колесъ нашего воза висѣло въ воздухѣ надъ обрывомъ, а остальныя поминутно прыгали съ камня на камень. Не смотря на то нашъ возница погонялъ своихъ лошадокъ и самъ бѣжалъ за возомъ, какъ по самому удобному пути, а мы—пассажиры, давно уже вставшіе изъ экипажа, издали слѣдовали за нимъ, теряя его изъ виду при поворотахъ и мысленно прощаясь со своими пожитками.

Во время этого крутаго подъема намъ удалось видѣть довольно интересную картинку изъ мѣстной жизни—починку подольской дороги. Эта повинность лежитъ на мѣстномъ крестьянскомъ населеніи, и по распоряженію ушицкаго урядника жители окрестныхъ селъ выслали опредѣленное число рабочихъ; но время было лѣтнее, «жнива» и «возовиця» въ полномъ разгарѣ, и каждый сколько нибудь сильный человѣкъ необходимъ дома, поэтому на обязательную работу вышли только старики да дѣти, большею частью дѣвочки, примѣрно отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Явились они съ запасомъ хвороста и, размѣстившись группами на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, закладывали фашинникомъ промоины по краямъ, сверху присыпали землею и щебнемъ ровно на столько, чтобы первый сильный дождь разрушилъ всѣ ихъ труды; дѣйствительно, отважившись заглянуть на дно оврага, я замѣтилъ огромную массу хвороста и земли, снесенныхъ предшествующими дождями. Рытвины и ухабы

мѣстами замащивали кремнемъ и другими мелкими камнями, а большею частью и такъ оставляли, по пословицѣ: «якось-то буде».

Подъемъ на гору продолжается около версты или немного больше, послѣ чего дорога выходитъ на возвышенную плоскогорную равнину и сперва удаляется отъ Днѣстра, затѣмъ у села Гораевки, на половинѣ разстоянія между Бакотой и Ушицей, снова приближается къ Днѣстру и до конца тянется вдоль вершины наддиѣстрянскихъ горъ, хотя самой рѣки не видно. Мало по малу замѣчается спускъ къ рѣкѣ, сначала очень пологій, прямо по наклонной плоскости горы, но, чѣмъ дальше впередъ, все болѣе крутой и неровный; влѣво отъ дороги показывается глубокій оврагъ, вдоль котораго расположено одно изъ предмѣстій Ушицы.

Ушицу составляютъ два ряда большихъ бѣлыхъ хатъ съ просторнымъ, опрятнымъ дворомъ и прилегающимъ къ нему огромнымъ фруктовымъ садомъ; одни спускаются къ Днѣстру, другіе—на дно оврага, затѣмъ снова выныряютъ новыя улицы и доходятъ до рѣки Ушицы. Судя по внѣшнему виду предмѣстій, населеніе Ушицы должно быть довольно зажиточно: при каждой хатѣ много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по двору прогуливаются въ значительномъ количествѣ домашняя птица и животныя; въ огородѣ, кромѣ обычныхъ овощей и цвѣтовъ передъ домомъ, замѣтны довольно обширныя плантаціи аниса, но несомнѣнно, что самыми доходными статьями въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ являются, кромѣ хлѣбопашества, садоводство и воздѣлываніе табаку. Какъ вездѣ почти по Днѣстру, хлѣбъ сѣется для продажи, а кукуруза для собственнаго потребленія; въ каждомъ огородѣ, а весьма часто и на поляхъ видны болѣе или менѣе значительныя плантаціи табаку, какъ бессарабскаго, такъ и турецкаго, отличающагося своими розовыми цвѣтами среди зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ бессарабскаго табаку. Въ обширныхъ садахъ разводятся главнымъ образомъ сливы лучшей венгерской породы и различные сорта яблокъ. Проѣзжая вдоль улицы, мы замѣтили разостланныя на крышѣ и на «призьбѣ» почти каждой хаты рядна, на которыхъ сушились раннія сливы и порѣзанныя въ куски яблоки и груши, между тѣмъ какъ вдоль стѣнъ красуются гирлянды изъ табачныхъ листьевъ и нанизанныхъ на шнурокъ яблокъ, также развѣшанныя для просушки.—Всѣ эти продукты закупаются мѣстными евреями, разумѣется, по самымъ

ничтожнымъ цѣнамъ, но все таки они составляютъ значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и расходятся отсюда по всѣмъ рынкамъ южной Руси.

Наконецъ, главная улица поворачиваетъ параллельно теченію Днѣстра, и мы въѣзжаемъ въ глубокое ущелье, окаймленное высокими горами; въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи въ Днѣстръ небольшой рѣчки Ушицы, расположенъ самый городъ въ видѣ треугольника, котораго двѣ равныя стороны сходятся почти подъ прямымъ угломъ у подножія параллельныхъ имъ горъ; третья сторона, самая длинная, тянется вдоль днѣстровскаго берега. Посреди города по обыкновенію находится рынокъ, весьма обширный; ратушу замѣняетъ въ южной сторонѣ продолговатой площади большая каменная корчма съ прилегающимъ къ ней зданіемъ самой заурядной уѣздной архитектуры, кажется, мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ или думою. Рынокъ, разумѣется, окруженъ еврейскими заѣздами и лавками, послѣднія дѣйствительно скорѣе напоминаютъ городъ, чѣмъ мѣстечко; сохранилось еще нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ съ балконами, галлереями, мезонинами подъ острой крышей, повидимому армянской архитектуры, какихъ много еще уцѣлѣло въ Могилевѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ. Здѣсь помѣщаются лучшіе ушицкіе магазины, въ которыхъ производится торговля самыми разнообразными товарами и даже такими предметами роскоши, какихъ мы не встрѣчали отъ самаго Хотина. Очевидно Ушица служитъ промышленнымъ центромъ для весьма значительнаго округа, и дѣйствительно въ ярмарочные дни сюда съѣзжаются столько окрестныхъ помѣщиковъ, что трудно бываетъ найти квартиру, какъ это и случилось съ нами: хотя ярмарокъ уже разъѣзжался, когда мы прибыли въ городъ, но пришлось порядочно таки потолкаться на площади отъ заѣзда къ заѣзду, отыскивая «станцію»; къ счастью одинъ старый еврей выручилъ насъ изъ затрудненія, согласившись уступить свою парадную комнату.

Пока мы располагались на жительство, начались обычные разспросы: кто, какъ, куда, зачѣмъ, откуда и т. д., и затѣмъ въ общихъ чертахъ разсказывается біографія самихъ хозяевъ. Въ этой квартирѣ намъ въ первый разъ пришлось встрѣтить извѣстный комфортъ и даже буржуазную роскошь въ еврейскомъ жилищѣ. Большая парадная комната, замѣнявшая гостинную и залу, совмѣщала

въ себѣ всѣ самыя лучшія и дорогія вещи въ домѣ: подъ стѣнами два или три дивана, покрытыхъ клеенкою и ситцемъ, и нѣсколько разнокалиберныхъ мягкихъ стульевъ; правда, обивка нѣсколько потерлась, но все таки мягкая мебель бываетъ не въ каждомъ домѣ; въ углу стеклянные шкафики, наполненные лучшей праздничной посудой, подсвѣчниками и т. д., и шкафикъ съ книгами; на стѣнахъ красуются нѣсколько канделябровъ, а между ними множество картинъ и литографій. Вся эта разнокалиберная обстановка,—ломберные столы, зеркала и пр. очевидно была куплена по случаю и свидѣтельствуетъ объ эстетическихъ потребностяхъ своего владѣльца. Дѣйствительно хозяинъ съ гордостью сообщилъ намъ, что мебель привезена изъ Каменца, куда онъ нарочно ѣздилъ за этой покупкой. Вниманіе наше особенно привлекли поставленные па самомъ видномъ мѣстѣ огромный контрабасъ, скрипка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Оказалось, что хозяинъ нашъ—музыкантъ по профессіи и въ свое время имѣлъ большіе заработки, играя на еврейскихъ свадьбахъ и въ особенности при различныхъ торжествахъ въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ; тогда-то была куплена и драгоцѣнная мебель. Но мало по малу времена измѣнились: самъ хозяинъ теперь слишкомъ старъ, чтобы заниматься прежнимъ ремесломъ, и кажется извлекаетъ только незначительный доходъ изъ своихъ инструментовъ, отдавая ихъ на прокатъ другимъ артистамъ. Сыновья его не хотятъ заниматься отцовской профессіей, и вообще въ семьѣ замѣчается разладъ: младшее поколѣніе въ лицѣ двухъ сыновей, уже семейныхъ, возстаетъ противъ старшаго. Мы не знаемъ поводовъ этого разлада, выражающагося совсѣмъ непривычнымъ образомъ для нашей мѣщанской среды, именно необыкновенной въ евреяхъ пассивностью и отсутствіемъ всякой дѣятельности; въ семьѣ тихо, не замѣтно ни враждебнаго взгляда, ни грубаго слова, но чувствуется, что тишина эта чисто внѣшняя, и люди не могутъ придумать удовлетворительнаго выхода изъ труднаго положенія; женщины по крайней мѣрѣ занимаются хозяйствомъ, а мужская половина просто слоняется изъ угла въ уголъ и не знаетъ, куда себя дѣвать. Чѣмъ-бы ни сдерживалось проявленіе рѣзкаго протеста съ одной стороны и проявленіе насилія съ другой, часто не знающее удержу въ соотвѣтственной средѣ нашего мѣщанства,—сдерживается-ли оно патріархальнымъ воспитаніемъ,

убѣжденіями, нравственнымъ давленіемъ еврейской общины, религіей или другими мотивами, но во всякомъ случаѣ сдержанность служитъ доказательствомъ сравнительно высшей культуры. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ у насъ не только необразованный классъ, но зачастую и представители высшей интеллигенціи умѣютъ заблаговременно устроить себѣ адъ на этомъ свѣтѣ, вѣроятно въ видахъ подготовки къ будущей жизни, а здѣсь люди едва грамотные все таки живутъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Увидя наши книги и инструменты, старикъ тотчасъ принялся ихъ разсматривать, распрашивать о ихъ назначеніи, и наконецъ замѣтилъ, что хотя самъ онъ человѣкъ неученый и читаетъ только по еврейски, но тѣмъ не менѣе очень уважаетъ всякую науку. Подтвержденіемъ тому дѣйствительно можетъ служить его умная рѣчь, маленькая библіотека и наконецъ множество портретовъ различныхъ еврейскихъ знаменитостей, большею частью заграничныхъ ученыхъ, раввиновъ и т. д. Замѣчу кстати для характеристики еврейскаго племени, что подобное уваженіе и интересъ къ наукѣ мы встрѣчали почти въ каждомъ евреѣ, съ которымъ приходилось сталкиваться и который узнавалъ, что мы заняты не коммерческими или промышленными интересами. Эта черта бываетъ только у народа, очень долго прожившаго культурною жизнью.

Устроившись какъ можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Рынокъ составляетъ центръ города, отъ котораго подобно радіусамъ во всѣ стороны расходятся улицы и переулки, узкіе, кривые, невымощенные; сперва идутъ по обыкновенію еврейскіе дома, затѣмъ у подножія горы лѣпятся окруженныя садами жилища мѣщанъ и крестьянъ. На продолженіи главной улицы видиѣется съ одной стороны каменное зданіе костела и при немъ маленькій домикъ для ксендза; по другую сторону возвышается православная церковь, построенная въ 1792 г.; въ настоящее время она перестраивается заново изъ камня по общему типу церквей въ уѣздныхъ городахъ и составляетъ предметъ гордости ушицкаго православнаго населенія, Въ южной части города, примыкающей къ Днѣстру, живутъ мѣстные нотабли, представители интеллигенціи и администраціи.

Мы разсчитывали отыскать въ костелѣ какія-нибудь древнія книги или рукописи, но ожиданія наши не сбылись, и кромѣ простыхъ

метрическихъ книгъ въ архивѣ не оказалось ничего интереснаго. Нужно было свою жажду открытій направить въ другую сторону.

Мы знали еще раньше, что существуетъ нѣсколько пещеръ гдѣ-то въ окрестности Ушицы, и обратились за необходимыми свѣдѣніями къ мѣстному священнику, извѣстному своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ весьма обязательно указалъ намъ средства пробраться въ село Хороборъ или Хоробрівъ, гдѣ находились пещеры, и сверхъ того сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и промыслахъ ушицкихъ жителей и ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ мы узнали, между прочимъ, что въ лѣтнее время сюда съѣзжаются для пользованія цѣлебными днѣстровскими водами купальщики изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ такъ-же, какъ въ Жванецъ и Студеницу. Пріѣзжіе живутъ въ свое удовольствіе, проводятъ время въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ и, конечно, поправляются, хотя трудно сказать, что больше помогаетъ разстроенному здоровью—спокойная, беззаботная жизнь или soi disant минеральныя воды Днѣстра.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы въ тотъ-же день наняли подводу и отправились осматривать пещеры.

Село Хороборъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ушицы верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Миновавъ костелъ и церковь, дорога выходитъ на довольно крутой подъемъ по направленію къ рѣчкѣ; поднявшись на гору, замѣчаемъ на самой вершинѣ влѣво отъ дороги отдѣленное отъ нея оврагомъ земляное городище, съ округленными контурами, окруженное валами. Отсюда начинается спускъ къ рѣкѣ. Вдоль берега тянутся баштаны съ обычными пугалами и «куренемъ» по серединѣ, съ привязанной у входа собакой и т. д. Каждый баштанъ представлялъ весьма оживленную картину: хозяева всей семьей вышли для сбора спѣлыхъ овощей; старый «дѣдъ баштанникъ», осторожно ступая среди полузасохшей «огудины», осматриваетъ арбузы и дыни и обрываетъ спѣлые экземпляры; за нимъ со смѣхомъ и шутками бѣгутъ дѣти, собираютъ ихъ и складываютъ въ кучи возлѣ куреня, а старшіе тѣмъ временемъ выбираютъ огурцы и другія овощи и складываютъ все это на возы. Едва удалился нагруженный возъ, какъ на баштанѣ воцаряется спокойствіе,—старшіе сѣли отдохнуть, рѣжутъ и пробуютъ лучшій арбузъ и чинно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ: о возможной выручкѣ съ баштана,

засухѣ и т. д., между тѣмъ какъ дѣти, получивъ по «кавунчику» или дынькѣ, сбились въ кучу, и каждый ѣстъ самъ свою добычу, разбивая ее объ землю, за отсутствіемъ ножа или для большей скорости; иной, желая лучше полакомиться, продавливаетъ пальцемъ дырочку въ спѣлой дынькѣ и сперва выпиваетъ сокъ, а затѣмъ съѣдаетъ и мясо. Тутъ конца нѣтъ шуткамъ и остротамъ, друзья угощаютъ другъ друга корками, и нерѣдко взаимныя любезности оканчиваются рукопашной схваткой. Способъ выраженій самый энергичный, благодаря вліянію сосѣдства съ молдаванами.

Спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ р. Ушицу, настоящую горную рѣчку, неглубокую, но чрезвычайно быструю, извилистую и довольно широкую; высокіе глинистые берега густо заросли вербами и лозою. Дорога все время идетъ вдоль берега, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно теченію р. Ушицы, тянутся высокія горы, частью поросшія лѣсомъ. При одномъ поворотѣ рѣчки нѣсколько душъ крестьянъ, подъ руководствомъ побережника, заняты починкой плотины, поврежденной недавнимъ ливнемъ. Распросивши, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ, побережникъ очень настойчиво увѣрялъ насъ, что пещеръ невозможно найти и намъ лучше безъ хлопотъ возвратиться въ городъ. Впрочемъ скептицизмъ его не убѣдилъ насъ, и мы отправились дальше.

Обогнувъ крутой выступъ у берега, сразу въѣзжаемъ въ Хороборъ. Большое село чрезвычайно живописно раскинулось далеко вдоль берега у подножія горы, въ которой по нашимъ соображеніямъ должны были находиться пещеры. Стояла рабочая пора, село почти совсѣмъ опустѣло, на улицѣ живой души не видно, и только послѣ многихъ поисковъ и усилій удалось намъ найти крестьянина, согласившагося служить нашимъ проводникомъ.

Въ разстояніи около версты къ востоку отъ села пролегаетъ глубокій оврагъ съ болѣе или менѣе пологими склонами, поросшими лѣсомъ и въ свою очередь изрѣзанными глубокими рытвинами; на днѣ оврага въ глинистой наносной почвѣ протекаетъ маленькій ручеекъ. Мѣстами каменистая подпочва обнажается въ видѣ огромныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ и горнымъ папоротникомъ; среди этихъ скалъ расположены двѣ пещеры. Снаружи онѣ совсѣмъ незамѣтны—просто скалы нависли на склонѣ горы, и мы-бы преспокойно прошли мимо, если-бы проводникъ не сказалъ, что это и

есть входъ въ пещеры. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ нихъ можно было входить ползкомъ, но теперь входы настолько обрушились и заплыли землею, что проникнуть внутрь нѣтъ никакой возможности; одна изъ пещеръ закрылась герметически, другая представляется въ видѣ небольшаго углубленія у подножія скалы, образующей какъ-бы навѣсъ, куда едва можно влѣзть ползкомъ и лежать совершенно неподвижно. По словамъ проводника, здѣсь недавно въ теченіи нѣсколькихъ дней скрывался солдатъ-дезертиръ, и съ того времени, какъ его убѣжище было открыто, входъ въ пещеру засыпанъ по распоряженію властей. Проводникъ нашъ очевидно рѣдко бывалъ здѣсь и не могъ сообщить ничего положительнаго о внутреннемъ устройствѣ пещеръ, или о какихъ-нибудь находкахъ внутри ихъ, но случай смиловался надъ нами и вознаградилъ за неудачу. Пытаясь проникнуть хоть въ ту пещеру, гдѣ скрывался дезертиръ, я замѣтилъ, что входъ въ нее переполненъ сухими листьями, какъ будто нарочно сложенными здѣсь въ такомъ количествѣ. Пока я выгребалъ листья, проводникъ разсказывалъ, какъ зимою во время охоты случается загнать сюда лисицу или зайца, и тогда звѣрь исчезаетъ безслѣдно; очевидно, должно существовать хоть небольшое сообщеніе съ самой пещерой, и я старался всѣми силами отыскать ощупью эту лисью норку, чтобы расширить ее и проникнуть въ подземелье. Но всѣ усилія были напрасны—нигдѣ ни малѣйшаго выхода, зато въ самомъ далекомъ углу оказались сложенными десятка два папушъ табаку, бережно прикрытыя древесными листьями; табакъ нѣсколько отсырѣлъ, но все таки можно было закурить и, попробовавши, мы нашли, что это очень хорошій турецкій табакъ мѣстнаго производства. Теперь становилось понятнымъ, почему побережникъ такъ старался отговорить насъ отъ экскурсіи и осмотра пещеръ. Посмѣявшись надъ его предусмотрительностью, мы хотѣли положить находку на прежнее мѣсто, но проводникъ рѣшительно воспротивился этому; онъ тоже подозрѣвалъ побережника, но былъ съ нимъ не въ ладахъ и считалъ своимъ долгомъ воспользоваться находкой. «Аже-жъ вы не вкрали его, а знайшли, то й треба взяти, а якъ не хочете, то я визьму»,—отвѣчалъ онъ на всѣ наши доводы и убѣжденія· «тутъ жадного гриха нема, а табакъ дуже добрый,—нехай не роскладае по лисахъ. За решту, мени нема чого ся турбувати: винъ на мене не подумае, а на васъ, то й не посміе ся поскар-

жити, а вы-жъ не забаромъ и поидете зъ Вушицы». Пришлось согласиться съ этимъ неопровержимымъ аргументомъ; проводникъ сложилъ табакъ за пазуху, расщелину прикрылъ листьями, такъ что не было замѣтно признаковъ похищенія, затѣмъ пригласилъ насъ на свой баштанъ, угостилъ «кавунами» и братски раздѣлилъ свою находку съ нашимъ извощикомъ и со всѣми бывшими на баштанѣ. «Отъ воно и до ладу: поки ще свій табакъ поспіе, а тутъ Богъ пославъ готовый, та ще й добрый«, такъ рѣшила публика, а гласъ народа—гласъ Божій. Начались догадки и предположенія о томъ, гдѣ и какъ достался этотъ табакъ побережнику, но время уже не позволяло намъ ожидать рѣшенія этого минутнаго вопроса,—солнце садилось за высокими горами, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы возвратились въ Ушицу.

Что касается историческихъ воспоминаній объ Ушицѣ, то въ этомъ отношеніи мнѣ удалось собрать весьма немного.

Первое лѣтописное извѣстіе объ этомъ городѣ встрѣчается подъ 1144 годомъ. Къ этому времени всѣ галицкія земли успѣли объединиться въ рукахъ Владиміра Володаревича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ представителей вообще чрезвычайно даровитой династіи Ростиславичей. Князь этотъ былъ очень ловкій и дальновидный политикъ, извѣстный централизаторъ, человѣкъ въ высшей степени самостоятельный, скептикъ и реалистъ своего времени, не останавливавшійся ни предъ какими мѣрами, прибѣгавшій то къ жестокости, то къ хитрости и обману для достиженія своихъ цѣлей. Правда, что касается внѣшней политики, то цѣли, къ которымъ онъ стремился, не были предосудительны, хотя это не всегда можно сказать о его внутреннихъ отношеніяхъ. Воспользовавшись смертью своихъ родственниковъ, Владиміръ Володаревичъ присвоилъ себѣ ихъ удѣлы и устранилъ послѣдняго удѣльнаго князя, своего племянника Ивана Ростиславича, называемаго *берладникомъ*, который представляетъ весьма симпатичный типъ князя кондотьера, скитающагося по чужимъ краямъ и въ то-же время глубоко преданнаго народнымъ интересамъ своей родной земли.

Оставшись единственнымъ распорядителемъ галицкой земли, Владиміръ всю свою дѣятельность и способности направлялъ прежде всего на то, чтобы какъ можно прочнѣе сплотить между собою всѣ

удѣлы и подавить всѣми мѣрами неспокойные внутренніе элементы, главнымъ образомъ вѣчевую партію, державшую сторону Ивана берладника. Владиміръ не стремился къ завоеваніямъ внѣ Галичины, но зато ревниво оберегалъ ея неприкосновенность и безопасность отъ покушеній со стороны сосѣдей; онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями на Руси и, какъ опытный политикъ, умѣлъ заручиться выгодными союзниками, какъ въ русской землѣ, такъ и за границей, умѣлъ при случаѣ путемъ ловкихъ переговоровъ разъединить непріятельскія силы, давалъ обѣщанія, которыхъ и не думалъ исполнять и т. д. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы на границахъ его княжества не появлялся такой сильный сосѣдъ, который могъ-бы угрожать силѣ и внутреннему росту галицкой земли. Между тѣмъ около половины XII ст. перевѣсъ на Руси получили на время князья черниговской вѣтви. Старшій изъ нихъ, Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, по обыкновенію принялся раздавать лучшіе удѣлы своимъ близкимъ родственникамъ, въ томъ числѣ Владиміръ Волынскій отдалъ своему сыну Владиміру. Галицкій князь смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на чрезмѣрное усиленіе одного рода—политика его требовала равновѣсія между всѣми или по крайней мѣрѣ ближайшими къ нему русскими областями--и онъ потребовалъ удаленія новаго владимірскаго князя, но, получивъ отказъ, сталъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь венгровъ.

Зная могущество, ловкость и изворотливость Владиміра Володаревича, Всеволодъ собралъ противъ него цѣлую коалицію изъ русскихъ князей и съ огромнымъ войскомъ вошелъ въ галицкую землю. Пока союзники осаждали Владиміра у Звенигорода, одинъ изъ нихъ Изьяславъ Давидовичъ съ помощью половцевъ овладѣлъ двумя пограничными подольскими городами: Ушицей и Микулинымъ. Между тѣмъ Владиміръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, значительно превосходившими его силы, не могъ разсчитывать на побѣду и прибѣгнулъ къ дипломатіи—сначала ловкими переговорами перессорилъ между собою союзниковъ и затѣмъ безъ боя сдался на капитуляцію, заплативъ за военныя издержки 1,400 гривенъ серебра, послѣ чего ему возвращены Ушица и Микулинъ.

Не смотря на умѣнье ловко обойти непріятелей и выйдти изъ труднаго положенія, Владиміръ не могъ быть покойнымъ, пока оставался на волѣ Иванъ берладникъ, проживавшій на службѣ у различныхъ русскихъ князей и неоднократно пытавшійся возвратить себѣ отцовскій удѣлъ. Онъ умѣлъ хорошо ладить съ народомъ, сочувствовалъ его интересамъ, поэтому галичане предпочитали его своему суровому князю, и при каждомъ удобномъ случаѣ тотъ или другой городъ призывалъ его къ себѣ на княженіе, но подобныя попытки всегда подавлялись вооруженной силой. Послѣдняя попытка въ этомъ смыслѣ случилась въ 1159 году.

Вѣроятно одно имя бѣднаго изгоя было грознымъ для могущественнаго галицкаго князя, и вотъ въ 1159 г. сынъ и наслѣдникъ Владимірка Володаревича, знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, собираетъ противъ него огромный союзъ, состоявшій изъ русскихъ и польскихъ князей и венгерскаго короля. Иванъ Ростиславичъ находился въ это время на службѣ у кіевскаго великаго князя Изяслава, который пытался защищать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Встревоженный однако военными приготовленіями, злополучный князь ушелъ за помощью въ половецкія степи, нанялъ здѣсь орду кочевниковъ и отправился съ нею къ низовью Дуная, чтобы отрѣзать пути для греческой торговли, которою очень дорожили русскіе князья. Расположившись «въ городѣхъ подунайскыхъ, изби двѣ кубарѣ и взя товара много въ нею, и паскостяше рыболовомъ галичьскымъ». Вскорѣ явилось къ нему сильное подкрѣпленіе изъ множества половцевъ и шести тысячъ берладниковъ [1]), и съ этими силами онъ направился къ галицкимъ предѣламъ. Городскія общины, все болѣе и болѣе подавляемыя боярской партіей, которая въ это время брала перевѣсъ надъ княжеской властью, охотно поддерживали симпатичнаго для себя князя, который сверхъ того былъ-бы имъ всѣмъ обязанъ и потому долженъ былъ отстаивать ихъ интересы. Поэтому первый пограничный городъ въ галицкой землѣ

---

[1]) Жителей берладскаго удѣла въ низовьяхъ Дуная. Иванъ Ростиславичъ по смерти отца владѣлъ нѣкоторое время берладскимъ удѣломъ, отчего и получилъ названіе берладника; кажется, онъ былъ вытѣсненъ отсюда Владиміркомъ и съ того времени скитался на Руси, но и вдали отъ родины продолжалъ пользоваться симпатіями галицкаго населенія.

Кучелминъ съ радостью принялъ Ивана Ростиславича, который отсюда направился къ Ушицѣ, бывшей въ то время укрѣпленнымъ городомъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ гарнизонъ, присланный заблаговременно галицкимъ княземъ, узнавшимъ уже о народномъ движеніи въ пользу его соперника. Хотя гарнизонъ храбро защищался, но общественное мнѣніе ушицкихъ гражданъ было на сторонѣ осаждавшихъ, и многіе изъ нихъ, именно простой народъ, при удобномъ случаѣ перебѣгали въ лагерь Ивана берладника: «и вошла бяше засада Ярославля въ городъ, говоритъ лѣтопись, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересъ заборала (ограда) къ Иванови, и перебѣже ихъ 300».

Не напрасно народъ такъ сочувствовалъ Ивану берладнику, который особенно наглядно оправдалъ довѣріе народныхъ массъ во время осады Ушицы. Наскучивъ сопротивленіемъ гарнизона и продолжительной осадой, половцы, составлявшіе главный контингентъ въ войскѣ берладника, предлагали князю взять городъ приступомъ. Но Иванъ Ростиславичъ, знавшій обычаи кочевниковъ, зналъ, что въ такихъ случаяхъ половцы, ворвавшись въ городъ, грабятъ и захватываютъ все, что только можно взять, и уводятъ жителей въ рабство; онъ велъ борьбу только съ великокняжескимъ гарнизономъ, а не съ горожанами и, не желая вредить имъ, запретилъ половцамъ идти на приступъ. Обиженные отказомъ и лишеніемъ добычи, половцы возвратились въ свои кочевья, а Иванъ берладникъ, оставшись съ незначительными силами, принужденъ былъ снять осаду и удалился въ Кіевъ.

На этомъ обрываются лѣтописныя свѣдѣнія объ Ушицѣ. Вѣроятно укрѣпленія ея были уничтожены въ 1240 г. татарами, какъ и повсюду въ Подоліи; можетъ быть слѣды ихъ уцѣлѣли въ невысокихъ валахъ на одной изъ возвышенностей, господствующихъ надъ нынѣшней Ушицей. Затѣмъ свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ прекращаются почти въ продолженіи пяти съ половиною столѣтій.

Въ 1702 году жители Ушицы потерпѣли какіе-то убытки отъ сосѣдняго помѣщика Станислава Кавецкаго, владѣльца села Лоевецъ (ниже по Днѣстру); они призвали на помощь молдаванъ изъ-за Днѣстра и въ числѣ 150 душъ конницы напали на Лоевцы, ограбили дворъ помѣщика и забрали пасѣки. Сеймикъ подольскаго воеводства того-же года постановилъ употребить противъ нихъ строгія

мѣры взысканія, которыя впрочемъ не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ жители Ушицы, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ поднѣстровья отъ Студеницы до Могилева, возстали противъ Польши и, перейдя въ козачество, избрали своимъ полковникомъ Шпака и примкнули къ движенію Самуся и Палія. Вѣроятно воспоминаніе объ этомъ движеніи сохранилось понынѣ въ южной Подоліи въ названіи главнаго чумацкаго пути, пролегающаго по водораздѣльной линіи между системами Буга и Днѣстра. Дорога эта носитъ названіе *шпаковый шляхъ*. Когда это движеніе было подавлено въ Подоліи, жители Ушицы переселились въ Молдавію, откуда напрасно требовали ихъ выдачи дворяне подольскаго воеводства [1]). Около этого времени Ушица вошла въ составъ королевскихъ имуществъ и затѣмъ обращена въ самостоятельное староство, къ которому принадлежало нѣсколько селъ. Заселился городъ вновь вѣроятно благодаря бывшему тогда во всеобщемъ употребленіи колонизаціонному пріему *«скликать слободы»*. Въ 1722 г. владѣльцемъ ушицкаго староства былъ князь Юрій Доминикъ Любомірскій [2]). Въ люстраціи 1765 г. Ушица описывается, какъ мѣстечко, къ которому принадлежатъ села: Пыжовка, Гораевка и Коноховка, между которыми происходили частыя столкновенія и захваты вслѣдствіе несогласія въ разграниченіи земель. По недостатку земли на подольской сторонѣ жители Ушицы по большей части пользовались полями, лѣсами и пастбищами на молдавскомъ берегу, внося за нихъ арендную плату волохамъ и туркамъ. Староство приносило чистаго дохода 14,500 зл. Въ 1770 году жителямъ ушицкаго староства пришлось вѣроятно испытать общее народное бѣдствіе, постигшее всю подольскую землю—чуму и военныя замѣшательства по поводу барской конфедераціи: однако, не смотря на то, производительность староства не только не уменьшилась, но даже нѣсколько поднялась въ это время. Такъ по словамъ люстраціи 1789 г. оно приносило уже чистаго дохода 19,000 зл.; владѣльцемъ староства въ это время былъ Станиславъ Садовскій, получившій его въ силу привиллегіи 1772 г. Люстрація замѣчаетъ, что притѣсняемые подданные въ значительномъ количествѣ ушли за границу, къ чему правительство

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 430—561.

[2]) Ibid., ч. VI, т. II, приложеніе, стр. 329.

не можетъ относиться безразлично. Въ мѣстечкѣ съ давнихъ поръ производилась торговля солью и существовалъ значительный складъ этого продукта; сверхъ того было двѣ мельницы на р. Ушицѣ и фолюша на Днѣстрѣ.

Не знаемъ, пользовалась-ли Ушица когда либо магдебургскимъ правомъ, но послѣ присоединенія края къ Россіи, она сдѣлана уѣзднымъ городомъ и получила городское самоуправленіе. Такъ просуществовалъ городъ до 1826 года, когда уѣздъ перенесенъ въ м. Летневцы, переименованное въ Новую Ушицу, а Старая Ушица осталась заштатнымъ городомъ, который и до настоящаго времени управляется выборною думой.

Памятниками старины здѣсь остались только полуразрушенное городище, православная церковь, построенная въ 1792 г. и костелъ, по преданію основанный еще въ XIV ст. Когда онъ пришелъ въ упадокъ, на мѣстѣ его въ 1742 г. построенъ былъ ксендзомъ Мѣрошевскимъ другой деревянный костелъ, сгорѣвшій въ 1790 г.; постройка нынѣшняго начата въ 1816 году, приходъ его очень малъ и бѣденъ, по словамъ нынѣшняго его настоятеля.

Въ настоящее время промыслы жителей весьма немногочисленны: они занимаются воздѣлываніемъ аниса и табаку, приготовленіемъ одпихъ фруктовъ, преимущественно сливъ, рыболовствомъ и заработками на днѣстровской пристани. Впрочемъ торговые обороты пристани весьма незначительны и ограничиваются почти исключительно сплавомъ зерноваго хлѣба, да можетъ быть съ недавняго времени вывозомъ за-границу фосфоритовъ, какъ изъ всего средняго поднѣстровья. Изъ статистическихъ данныхъ мы знаемъ, что напримѣръ въ 1868 г. изъ ушицкой пристани отпущено въ Одессу 13,125 пудовъ хлѣба. Что касается рыболовства, то оно не составляетъ правильнаго промысла и носитъ такой-же случайный и первобытный характеръ, какой мы замѣчали повсемѣстно на берегахъ Днѣстра. Чѣмъ дальше внизъ по Днѣстру, тѣмъ встрѣчающіеся сорта рыбъ все лучше и разнообразнѣе, ихъ ловятъ постоянно и не приготовляютъ въ прокъ.

IX.

Лядава.—Пещерная церковь.—Эпизодъ съ графомъ Дунинымъ-Борковскимъ.—Нагораны—пещеры и рисунки на камняхъ.

Между Старой Ушицей и Могилевомъ, верстахъ въ восемнадцати къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, при впаденіи въ Днѣстръ горной рѣчки Лядавы раскинулось небольшое село того-же имени. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ съ сѣвера на югъ, при чемъ лѣвый берегъ носитъ постоянный общій характеръ подольскихъ береговъ, — это узкая, низменная береговая полоса, окаймленная сплошною стѣной высокихъ горъ, почти отвѣсныхъ въ верхней своей части; ниже осыпи камня и земли облегчаютъ подъемъ до половины горы. Въ самой глубинѣ залива горы прорѣзываются широкой, но неглубокой рѣчкой Лядавой, протекающею среди такихъ-же высокихъ скалистыхъ береговъ. На противоположной сторонѣ бессарабскій берегъ представляетъ низменную равнину, шириною въ нѣсколько верстъ, покрытую наносною почвою; равнина эта окаймлена высокими, пологими горами, пролегающими параллельно теченію Днѣстра; она покрывается водою во время половодья, а лѣтомъ составляетъ прекрасный сѣнокосъ.

Само по себѣ село Лядава не представляетъ ничего особеннаго: если не считать прекраснаго мѣстоположенія, это самое обыкновенное подольское село, расположенное у подножія горы въ самомъ углу при устьи р. Лядавы; тѣ-же просторныя бѣлыя хаты, тѣ-же огороды и густые тѣнистые сады, обнесенные низкою каменною оградой. Но достопримѣчательность села, которая привлекаетъ сюда огромное количество посѣтителей, составляетъ весьма интересный, уцѣлѣвшій здѣсь памятникъ старины—древній скальной монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь во имя св. Николая.

Къ церкви ведетъ широкая, довольно крутая тропинка, расчищенная по склону горы и обнесенная со стороны обрыва легкою деревянною рѣшеткой; по одну сторону тропинки тянется рядъ фонарей, по другую—рядъ крестовъ, высѣченныхъ изъ мѣстнаго бѣловатаго известняка. Въ двухъ мѣстахъ дорога прерывается глубокими оврагами, вырытыми протекающимъ на днѣ ихъ источникомъ; черезъ нихъ перекинуты деревянные мостики; при болѣе крутыхъ

подъемахъ въ скалѣ вырублены ступеньки. Однимъ словомъ сдѣлано все, что можно, чтобы облегчить для посѣтителей доступъ къ храму во всякое время и во всякую погоду. Поднявшись на большую половину горы, мы выходимъ на довольно обширную площадку, разчищенную искусственно еще въ незапамятныя времена у подножія отвѣсныхъ скалъ. Справа крутой спускъ къ Днѣстру, слѣва каменныя ворота съ жилищемъ для сторожа, вырубленная въ скалѣ часовня съ ярко раскрашенными иконами по стѣнамъ, передъ ними разноцвѣтныя лампадки, а по срединѣ часовни чистой хрустальной струсю бьетъ фонтанъ, для котораго воспользовались естественнымъ источникомъ, прорывавшимся въ этомъ мѣстѣ изъ скалы. Вода, холодная какъ ледъ и необыкновенно пріятная на вкусъ, собирается въ резервуаръ, откуда чрезъ закрытыя трубы проходитъ подъ площадкой и затѣмъ, въ видѣ маленькаго водопада, сбѣгаетъ по склону горы. Подъ праздникъ, когда во время вечерняго богослуженія зажигаютъ лампадки и разноцвѣтные огни отражаются въ мелкихъ струйкахъ и безчисленныхъ брызгахъ, фонтанъ долженъ представлять волшебное зрѣлище для богомольцевъ. Влѣво отъ него гостинница—двухъ-этажное зданіе, пристроенное къ скалѣ, съ весьма изящными открытыми галлереями для лѣтняго помѣщенія; по обѣ стороны отъ нихъ находятся двѣ крытыя двухъ-этажныя пристройки съ номерами. На другомъ концѣ площадки, прямо противъ воротъ, возвышается довольно обширная церковь—двухъ-этажное квадратное зданіе съ непропорціонально низкимъ восьмиграннымъ куполомъ; колокольни нѣтъ, а возлѣ церкви обыкновенная малороссійская «дзвиныця». Какъ церковь, такъ и всѣ остальныя постройки, за исключеніемъ гостинницы, отдѣланы заново стараніемъ мѣстнаго священника, употребившаго массу времени и труда на украшеніе своего храма. Все это блеститъ самыми разнообразными красками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чего церковь представляетъ издали подобіе хорошенькой игрушки, чрезвычайно рельефно выдѣляющейся на темномъ фонѣ известковыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ. Возлѣ церкви возвышается огромный монументъ—неотесанная глыба известняка около двухъ саженъ вышиною, сверху до низу испещренная надписями, по большей части на языкахъ русскомъ и польскомъ, гербами и различными эмблематическими изображеніями, иногда весьма сложными.

Это богомольцы и туристы различныхъ временъ, народовъ и сословій вырѣзывали свои имена на память о посѣщеніи лядавскаго монастыря; современные посѣтители, за недостаткомъ времени, поручаютъ эту работу мѣстному причетнику, который за извѣстное вознагражденіе стираетъ старыя надписи и вырѣзываетъ новыя.

Еще до недавняго времени на мѣстѣ нынѣшняго новаго храма видна была въ своемъ первоначальномъ видѣ старая пещерная церковь, высѣченная въ скалѣ монахами въ незапамятныя времена; въ настоящее время она совершенно скрыта новою церковью. Отдавая полную справедливость благочестивому чувству, побуждавшему мѣстнаго священника и его паству къ украшенію ихъ святыни, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что задача эта была ими не совсѣмъ правильно понята и что ихъ старанія, заслуживающія полнаго уваженія, были обращены на обновленіе церкви. Въ настоящее время, когда въ обществѣ уже ясно сознается необходимость сохраненія и изученія всевозможныхъ памятниковъ старины, между которыми весьма видное мѣсто должно принадлежать памятникамъ старинной архитектуры, сохранившимся у насъ почти исключительно въ остаткахъ церквей и монастырей, когда спеціалисты занялись уже реставраціей такихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древнерусской культуры, какъ кіевскіе софійскій и кирилловскій соборы и другіе храмы, нельзя не пожалѣть, что такой рѣдкій и интересный памятникъ, какъ древній скальной монастырь, не сохраненъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а замаскированъ новой церковью самой обыденной архитектуры, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется изученіе основнаго архитектурнаго типа. Впрочемъ большая часть древней церкви вошла въ составъ новой, такъ что по уцѣлѣвшимъ частямъ можно, безъ большихъ погрѣшностей, представить себѣ цѣлое. Отъ древней церкви сохранился главный престолъ, два выступа на подобіе колоннъ, къ которымъ придѣланы клиросы; самое помѣщеніе для вѣрующихъ и надъ нимъ сводъ, довольно высокій для одного этажа, ходъ на хоры и ризница—все это высѣчено въ цѣльной скалѣ и хотя въ настоящее время заново окрашено и заштукатурено, но все таки и сквозь краску ясно видны слѣды древней насѣчки. Алтарная часть значительно расширена: пристроены два боковые престола, которыхъ не было въ древней церкви, иконостасъ, наружная двухъ-этажная стѣна и сводъ надъ

алтаремъ. Всѣ основныя части церкви: престолы, аналои, амвонъ, клиросы и т. д. все это высѣчено въ цѣльной скалѣ. Какъ главную святыню лядавской церкви, показываютъ старинный образъ главы Іоанна Крестителя, который считается чудотворнымъ и пользуется большимъ почетомъ среди населенія. Ежегодно, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, въ честь этого образа бываетъ «отпустъ», на который стекается огромное количество богомольцевъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей какъ Подоліи, такъ и Бессарабіи; гостинница и церковный дворъ не могутъ вмѣстить всей массы приходящаго люда, многіе должны искать пріюта у мѣстныхъ жителей, и тогда тихое молчаливое сельце на нѣсколько дней принимаетъ оживленный, праздничный видъ; но разъѣдутся гости и все снова обращается къ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ.

Тотчасъ за церковью начинается лѣсъ: здѣсь въ скалѣ видпѣется искусственно вырубленный гротъ, повидимому составлявшій часть монастырскихъ построекъ; онъ могъ служить малой церковью или трапезою; въ настоящее время здѣсь помѣщается складъ старой церковной утвари и гротъ запирается деревянною дверью. Нѣсколько дальше, одна надъ другою идутъ три—четыре келіи, которыя сообщаются между собою высѣченными въ скалѣ ступеньками. Еще выше, уже совсѣмъ въ отвѣсной скалѣ, расположено нѣсколько пещеръ съ выходами, обращенными на югъ, также какъ и въ келіяхъ; доступъ въ эти пещеры весьма затруднителенъ, особенно въ верхнія, куда можно пробраться не иначе, какъ съ помощью канатовъ, лѣстницъ и другихъ приспособленій. Мы не имѣли достаточно времени для подобнаго восхожденія, но проводникъ нашъ, молодой причетникъ, показывавшій намъ церковь и до мельчайшихъ подробностей изслѣдовавшій мѣстность, разсказывалъ, что онъ нѣсколько разъ лазилъ въ пещеры, которыя образуютъ болѣе или менѣе глубокіе корридоры; на днѣ пещеръ попадаются въ значительномъ количествѣ огромной величины кости, принадлежащія по всей вѣроятности ископаемымъ животнымъ, и кремневыя орудія. По его мнѣнію кости могли быть занесены сюда орлами, которые и понынѣ гнѣздятся въ пещерахъ; но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предположить, что эти пещеры могли служить жилищемъ или убѣжищемъ для первобытнаго человѣка-современника ископаемой фауны. Подтвержденіемъ тому можетъ служить: во первыхъ

самый видъ пещеръ, очевидно искусственно вырубленныхъ, или по крайней мѣрѣ поддѣланныхъ, съ выходами, обращенными на юго-западъ, а во вторыхъ рисунокъ, вырѣзанный на скалѣ у подножія одной изъ болѣе доступныхъ пещеръ. Мѣстные жители видятъ въ немъ «лемишъ» отъ плуга и приписываютъ его изображеніе монахамъ. О сюжетѣ рисунка, мнѣ кажется, можно еще поспорить: онъ можетъ дѣйствительно представлять часть плуга, но можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображать и многіе другіе предметы; что-же касается характера выполненія, то онъ повидимому носитъ признаки самаго древняго стиля. Кажется, здѣсь повторилось тоже самое, что мы уже видѣли въ Бакотѣ: первобытное населеніе воспользовалось естественными пещерами и гротами, или искусственно произвело ихъ для своего поселенія. Когда исчезла древнѣйшая человѣческая раса и перемѣнились условія быта, пещеры были оставлены, но съ введеніемъ христіанства онѣ были заново отдѣланы и приспособлены для благочестивыхъ цѣлей, какъ нельзя болѣе удовлетворяя потребностямъ монастырскаго пустынножительства. Такимъ образомъ изъ готовыхъ пещеръ были устроены келіи и церковь. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности вполнѣ точно провѣрить свою догадку о доисторическомъ происхожденіи и заселеніи пещеръ.

По словамъ проводника, въ окрестностяхъ Лядавы весьма часто находятся огромныя кости допотопныхъ животныхъ, по всей вѣроятности, мамонта, который встрѣчается повсюду въ известковыхъ и глинистыхъ горахъ Подолья. Сверхъ того эта мѣстность изобилуетъ огромнымъ количествомъ фосфоритовъ, обстоятельство, которое подольскіе геологи и естествоиспытатели ставятъ въ извѣстную зависимость отъ присутствія болѣе или менѣе значительнаго количества остатковъ мамонта въ каждой данной мѣстности.

Разсказываютъ, что прибывшій сюда нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Галичины графъ Дунинъ-Борковскій, во время своего путешествія по Подоліи, посѣтилъ знаменитый лядавскій монастырь и такъ плѣнился красотою мѣстоположенія и прекраснымъ климатомъ, что задумалъ здѣсь поселиться со всѣмъ семействомъ, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время. Получивъ необходимое разрѣшеніе, графъ выписалъ архитектора, всевозможныхъ мастеровыхъ, техниковъ, живописцевъ и въ самое непродолжительное время выстроилъ рядомъ съ церковью то изящное зданіе, состоящее изъ двухъ флигелей,

соединенныхъ галлереями, которое теперь обращено въ гостинницу. Не было недостатка въ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ, стѣны расписаны снаружи и изнутри прекрасными рисунками, наконецъ окончено изящное жилище, черезчуръ роскошное для такого села, какъ Лядава, и графъ перевезъ свою семью на лѣтнюю резиденцію. Хотя графская крыша была увѣнчана крестомъ, но все таки религіозное чувство поселянъ возмущалось такою близостью міранъ, да еще въ добавокъ иновѣрцевъ, къ ихъ древней, уважаемой святынѣ, гдѣ спасались въ старину благочестивые отшельники. Мало по малу росло въ народѣ раздраженіе и наконецъ приняло такой угрожающій характеръ, что графъ принужденъ былъ удалиться изъ Лядавы, а домъ его, по приговору громады, поступилъ въ пользу церкви. Послѣ того, въ pendant къ нему, построена новая церковь, которая своимъ стилемъ и яркой окраской рѣзко отличается отъ графской постройки, хотя, по всей вѣроятности, вполнѣ удовлетворяетъ эстетическому вкусу мѣстныхъ жителей.

Впрочемъ графъ не безъ пользы для себя провелъ время въ Лядавѣ. Не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этой мѣстности, онъ обратилъ вниманіе на ея минеральныя богатства и, замѣтивъ чрезвычайное обиліе фосфоритовъ, закупилъ на извѣстное число лѣтъ право сбора ихъ въ цѣломъ округѣ и въ свою очередь заключилъ контрактъ съ какой-то иностранной фирмой, обязавшись поставлять ежегодно 600 пудовъ этого минерала.

Въ такомъ видѣ намъ передали этотъ разсказъ на мѣстѣ. Хотя вывозъ такого полезнаго удобренія, какъ фосфориты, въ недалекомъ будущемъ долженъ вреднымъ образомъ отозваться на экономіи края, но по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы хоть для настоящаго времени составить сколько-нибудь доходный промыселъ для мѣстнаго населенія, если-бы это дѣло было иначе поставлено. Между тѣмъ повсюду въ Подоліи сборомъ и сбытомъ фосфоритовъ, какъ и всякаго другаго продукта, занялись евреи, которые, обладая наличными капиталами, съ свойственною имъ ловкостью какъ-бы взяли на откупъ эту отрасль промышленности: они закупаютъ фосфориты у крестьянъ за баснословно дешевую цѣну—до десяти копѣекъ за пудъ, немедленно доставляютъ на ближайшія днѣстровскія пристани и сплавляютъ на галярахъ къ ближайшей желѣзнодорожной вѣтви.

Проходя по горной тропинкѣ вдоль берега Днѣстра отъ Лядавы до Нагорянъ, я могъ наглядно убѣдиться въ изобиліи фосфоритовъ въ этой мѣстности: вдоль откоса на пути довольно часто встрѣчались его экземпляры, имѣющіе всегда видъ шара болѣе или менѣе объемистаго, величиною въ орѣхъ и больше, до размѣра крупнаго апельсина. Поверхность шара гладкая, какъ-бы отполирована, темно-коричневаго цвѣта.

Кромѣ фосфоритовъ въ ущельи на берегахъ Лядавы и въ Днѣстрѣ крестьяне находятъ дорогіе камни: разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, рубины и въ большомъ количествѣ темные камни (гранаты?) [1]), покрытые кремнистой массой, но эти находки не составляютъ правильнаго промысла и не приносятъ дохода крестьянскому хозяйству.

Мнѣ почти ничего не удалось собрать о минувшей судьбѣ Лядавы. Вѣроятно и въ старину это было такое-же небольшое и незначительное поселеніе, какъ и теперь, входившее въ составъ могилевскаго или калюсскаго староства, и потому оно не упоминается отдѣльно ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ. Единственное извѣстіе, какое мнѣ встрѣтилось, состоитъ въ томъ, что всѣ жители Лядавы въ 1702 году ушли въ Молдавію. Изъ этого намека можно догадываться, что они жили общею жизнью и раздѣляли общіе интересы со всѣмъ населеніемъ Поднѣстровья, которое, какъ извѣстно, въ 1702 г. примкнуло къ движенію Палія, но потерпѣвъ неудачу, удалилось на молдавскій берегъ.

Осмотрѣвши лядавскія достопримѣчательности, оставалось еще увидѣть нагорянскія пещеры, чтобы покончить съ этой мѣстностью. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы сѣли на свою подводу, переѣхали въ бродъ рѣчку Лядаву и, поднявшись версты двѣ вверхъ по Днѣстру, очутились противъ Нагорянъ. Это огромное село съ двумя или тремя церквями, вытянутое по вершинѣ горы. Въ противуположность зеленѣющей лядавской возвышенности, болѣе полной и покрытой остатками нѣкогда огромнаго лѣса, нагорянскія горы значительно обрывистѣе и выше и совершенно лишены растительности, если не считать тощаго дерна, пріютившагося мѣстами на уступахъ, по берегамъ микроскопическихъ источниковъ, которые по

[1]) Очеркъ Днѣстра, стр. 208.

капелькѣ сочатся изъ камня. Нѣсколько ниже села, почти у самой вершины горы выдѣляется пластъ отвѣсныхъ скалъ отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень вышины, повидимому отполированный движеніемъ льдовъ въ ледниковый періодъ. Въ этихъ скалахъ видѣнъ цѣлый пещерный городъ,—до двадцати пещеръ и гротовъ, расположенныхъ въ пять ярусовъ одинъ надъ другимъ. Крутой склонъ горы покрываютъ осыпи вывѣтривающагося известняка, съ каждымъ шагомъ почва уходитъ подъ ногами, стараешься удержаться за выдающіеся камни, но и они начинаютъ по немногу спускаться, лишая путника послѣдней точки опоры,—все это сильно затрудняетъ подъемъ на гору.

Наконецъ кое какъ послѣ многихъ усилій добрались мы къ нижнимъ пещерамъ. Это два-три обширные, высокіе грота съ широкими выходами, обращенными на югъ къ Днѣстру; самый большой гротъ представляетъ обширную залу въ 14 сажень длиною и 9 шириною; потолокъ его состоитъ изъ цѣльной горизонтальной скалы,— дно представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ глубины до входа. Среди мусора на днѣ грота намъ попадались отбивныя кремневыя орудія, указывающія, правдоподобно, на то, что гротъ могъ служить жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Поднѣстровья въ доисторическую пору. Это еще болѣе подтверждается множествомъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ, вырѣзанныхъ на стѣнахъ у входа; такого рода изображенія относятся археологами спеціалистами къ самой отдаленной порѣ человѣческой культуры.

Кое какъ, съ опасностью для жизни, намъ удалось еще пробраться во второй ярусъ пещеръ, откуда вылетѣлъ огромный орелъ, спугнутый появленіемъ человѣка въ своемъ неприступномъ жилищѣ; мы были испуганы, вѣроятно, не меньше его самого, но все таки взяли изъ гнѣзда огромное перо въ видѣ трофея. Второй ярусъ мало чѣмъ отличается отъ перваго—это тѣ-же гроты, только поменьше, лучше закрытые и неиспорченные посѣщеніемъ пастуховъ. Пробраться выше не было возможности; въ верхній ярусъ можно было проникнуть только спускаясь на канатѣ сверху, но мы не рѣшились рисковать жизнью изъ любви къ научнымъ изысканіямъ и предпочли возвратиться назадъ.

На склонѣ горы, среди осыпей попадаются фосфориты въ такомъ количествѣ, что мы сперва начали собирать ихъ на память о Нагорянахъ, но, собравши въ нѣсколько минутъ порядочную ношу, стали подымать только лучшіе экземпляры.

Утомленные и огорченные неудачнымъ посѣщеніемъ пещеръ, которыхъ даже нельзя было осмотрѣть надлежащимъ образомъ и въ которыхъ, исключая чашечныхъ углубленій по стѣнамъ, не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, бѣдные, голодные туристы медленно возвращались назадъ, но вдругъ были вознаграждены за неудачу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы замѣтили на южномъ склонѣ горы рядъ огромныхъ глыбъ известняка, числомъ около десяти, расположенныхъ правильнымъ полукругомъ прямо противъ пещеръ. Спѣшимъ туда и видимъ, что это скалы не природныя, а искусственно поставленныя на мягкой почвѣ. Въ самомъ центрѣ стоитъ огромный монолитъ, въ которомъ вырубленъ цѣлый гротъ, довольно помѣстительный, обращенный къ Днѣстру; его поддерживаютъ нѣсколько камней поменьше. Вся поверхность этого камня, такъ-же какъ и всѣхъ остальныхъ, покрыта весьма сложнымъ рисункомъ изъ черточекъ, крестиковъ и весьма замысловатыхъ фигуръ, на подобіе крылатаго человѣка, звѣрей, птицъ и другихъ изображеній; все это испещрено огромнымъ количествомъ чашечныхъ углубленій, величиною отъ орѣха до небольшой тарѣлки, расположенныхъ то единично, то въ видѣ крестиковъ, розетокъ и различныхъ геометрическихъ фигуръ. Рисунки вырѣзаны весьма глубокими чертами и по большей части разбросаны безъ опредѣленной системы, но иногда они располагаются рядами, на подобіе строкъ на страницѣ, и тогда чрезвычайно напоминаютъ іероглифическія надписи, только болѣе условныя, чѣмъ египетскіе іероглифы.

Повидимому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣзами или рунами древнихъ обитателей нагорянскихъ пещеръ. Было-бы чрезвычайно интересно прочесть эти надписи,—можетъ быть въ нихъ заключаются біографіи знаменитѣйшихъ гражданъ этого поселенія, или разсказаны важнѣйшія событія изъ его жизни, или изложенъ религіозный кодексъ того народа... Къ сожалѣнію для насъ утерянъ ключъ къ этой грамотѣ; остается только надѣяться, что со временемъ, когда наука сдѣлаетъ большіе успѣхи, какой нибудь спеціа-

листъ найдетъ возможность объяснить таинственный смыслъ нагорянскихъ надписей. Пока можно сказать только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мегалитическими сооруженіями, что подтверждается и находкою отбивныхъ кремневыхъ орудій на склонѣ горы у подножія пещеръ. Если допустить, что въ лядавскихъ пещерахъ мы имѣемъ постоянныя или временныя жилища первобытнаго племени, то Нагоряны, гдѣ пещеръ гораздо больше и слѣдовательно населеніе должно было быть многочисленнѣе, могли служить центральнымъ пунктомъ для извѣстнаго района и здѣсь легко могли создаваться и уцѣлѣть какіе нибудь памятники религіозныхъ вѣрованій того народа.

Мѣстное преданіе разсказываетъ, что во время существованія лядавскаго монастыря жили отшельники и въ нагорянскихъ пещерахъ, они-то и вырѣзали всѣ рисунки на камняхъ и на стѣнахъ пещеръ. Но достаточно только взглянуть на эти изображенія, чтобы убѣдиться въ невѣрности этого преданія; монахи дѣйствительно могли жить въ пещерахъ и уничтожить здѣсь слѣды древнѣйшаго поселенія, но несомнѣнно, что творческая фантазія христіанскихъ иноковъ должна была обратиться къ религіознымъ предметамъ и выразить ихъ церковно-славянскимъ шрифтомъ; притомъ культура въ христіанское время стояла у насъ несравненно выше, между тѣмъ какъ эти изображенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ религіозно-христіанскихъ сюжетовъ и напротивъ носятъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей культуры.

К. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ представленныхъ нами въ минувшемъ году на страницахъ «Кіевской Старины» матеріаловъ для исторіи появленія и распространенія штунды на югѣ Россіи [1]) всякій не предъубѣжденный читатель могъ до очевидности удостовѣриться въ томъ, что такъ называемая у насъ штунда есть ничто иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга и что первыми его адептами изъ среды малорусскаго православнаго населенія были лица, случайно, въ качествѣ рабочихъ, попавшіе къ колонистамъ,—люди оторванные отъ дома и семьи, отъ общенія въ молитвѣ церкви и таинствахъ, отъ поученія своихъ пастырей, чувствовавшіе быть можетъ именно поэтому потребность въ духовной пищѣ и подвергшіеся дѣйствію искусныхъ и фанатичныхъ проповѣдниковъ новаго ученія. Съ появленіемъ первыхъ послѣдователей этого ученія въ средѣ православныхъ малороссіянъ, съ увеличеніемъ числа нарочитыхъ проповѣдниковъ онаго въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ и учрежденіемъ правильно организованныхъ баптистскихъ общинъ въ разныхъ пунктахъ Новороссіи и между прочимъ въ Одессѣ, дальнѣйшее распространеніе баптизма въ малорусскомъ населеніи того края не представляетъ ничего удивительнаго, или непонятнаго. Зараза душевная съ такою-же легкостію и быстротою, какъ и физическая, передается людямъ, находящимся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ зараженнымъ; всякое новое религіозное ученіе дѣйствуетъ съ неотразимою силою во образѣ живаго убѣжденнаго человѣка той-же среды, того-же близкаго, особливо родственнаго круга. Но то удивительно, что зараза, о

[1]) См. «Кіевскую Старину» за 1884 годъ, октябр. и ноябр. книжки.

которой у насъ рѣчь, сдѣлала быстрый скачекъ съ крайняго юга въ глубь кіевской губерніи,—сдѣлала при отсутствіи вышеуказанныхъ обстоятельствъ, проникла въ сплошную православную среду, ничѣмъ къ ней непредрасположенную.

Пользуясь и на этотъ разъ офиціальными данными, мы передадимъ кратко о томъ, когда и какъ проникла къ намъ штунда, каковъ былъ первоначальный ея ходъ, при какихъ обстоятельствахъ она распространялась, какъ локализовалась и какова теперь численность ея послѣдователей, какія общія мѣры принимались къ ея пресѣченію и что способствовало ея распространенію у насъ.

Занесеніе штунды въ кіевскую губернію относится къ 1870 г. Первоначально она появилась въ с. Плосскомъ, таращанскаго уѣзда, потомъ перешла въ с. Чаплинку, а отсюда въ с. Косяковку того-же уѣзда. Вблизи этихъ приходовъ, да и вообще въ таращанскомъ уѣздѣ, никакихъ нѣмецкихъ сектантовъ не было какъ до этого времени, такъ и послѣ; весь уѣздъ представлялъ сплошное православное населеніе, кромѣ 3,367 лицъ римско-католическаго исповѣданія, находящихся и теперь въ разныхъ селахъ этого уѣзда. Въ названныхъ приходахъ священниками въ ту пору были: въ с. Чаплинкѣ Димитрій *Низгодинскій* 38 л. изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, имѣвшій въ семьѣ только жену; въ с. Косяковкѣ—Корнилій *Леоновичъ* 41 года, также изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ благочиннаго; въ семействѣ у него было 8 дѣтей; въ с. Плосскомъ —Тимофей *Руткевичъ* 59 лѣтъ; послѣдній хотя не получилъ семинарскаго образованія, но былъ подготовленъ къ пастырскому званію самообразованіемъ и прохожденіемъ діаконской должности, а въ санѣ священника состоялъ уже 26 лѣтъ; въ семействѣ у него было 4 дѣтей. Какихъ либо жалобъ на этихъ священниковъ не поступало отъ прихожанъ ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству и всѣ они находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, аттестовались всегда съ лучшей стороны въ своемъ поведеніи и свои обязанности исполняли примѣрно. Въ свою очередь ихъ прихожане и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стояли нисколько не ниже прихожанъ другихъ церквей той-же мѣстности. Такимъ образомъ въ мѣстной почвѣ не было никакихъ задатковъ или поводовъ къ возникновенію какой либо противуцерковной секты.

И вдругъ нежданно ни для кого являются здѣсь лица, возстающія противъ православныхъ священниковъ, чуждающіяся церкви и богослуженія, отвергающія таинства и обряды и глумящіяся надъ тѣмъ, что дорого и священно было для нихъ, какъ и для всякаго православнаго христіанина. Что-же возмутило душевный миръ этихъ благоговѣйно набожныхъ людей, что толкнуло ихъ на путь сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, которую они воспринимали и хранили въ простотѣ сердецъ своихъ, что привело ихъ къ отрицанію завѣта отцевъ, святыни всего народа, кровію его въ теченіи вѣковъ искупленной и освященной?

Зараза пришла отъинуды—изъ нѣмецкихъ колоній херсонской губерніи; тамъ ученіе баптистовъ раньше было посѣяно и распространено прусскими миссіонерами изъ Гамбурга, тамъ заразились имъ случайные выходцы изъ кіевской губерніи и принесли оное на свою родину. Нѣмцамъ, а не кому либо другому, мы обязаны появленіемъ у насъ штунды. Вотъ съ чего началось и какъ шло это дѣло.

Село Плосское, въ которомъ баптистское ученіе появилось раньше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, въ значительной части населено однодворцами. Не имѣя земельнаго надѣла, они въ лѣтнее время отправляются обыкновенно для заработковъ въ херсонскую губернію, иногда цѣлыми семьями. Въ числѣ другихъ часто ходили туда изъ с. Плосскаго однодворцы: *Тышкевичъ, Богдашевскій* и родные братья *Яковъ и Павелъ Цыбульскіе.* Яковъ Цыбульскій былъ на заработкахъ въ Одессѣ, а прочіе около 2-хъ лѣтъ прожили близъ с. Николаевки. Судьба привела ихъ на службу къ нѣмцамъ-баптистамъ, которые принялись завлекать ихъ въ свои собранія и знакомить съ особенностями своего вѣроученія; но совращеніе ихъ произошло не вдругъ и обнаружилось не скоро. Первымъ отсталъ отъ православія Яковъ Цыбульскій. Въ Одессѣ онъ жилъ въ домѣ купца Кеиды, прикащика одного изъ главныхъ членовъ баптистской секты Карла Шутца, чрезъ котораго шла корреспонденція одесскихъ баптистовъ съ ихъ колоніей въ Добруджѣ и получались оттуда брошюры баптистскаго содержанія; здѣсь и произошло совращеніе его въ штунду, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что, совратившись самъ въ новую нѣмецкую вѣру, Яковъ Цыбульскій совратилъ въ нее своего брата Павла Цыбульскаго и односельцевъ своихъ Тышкевича и Богдашевскаго. Число послѣдователей новой вѣры

увеличилось съ возвращеніемъ Павла Цыбульскаго домой въ с. Плоское, въ концѣ 1868 года; въ эту и слѣдующую зиму къ нему собирались по вечерамъ для чтенія евангелія и пѣнія стиховъ Тышкевичъ, Флоринскій, Богдашевскій и сестра послѣдняго Өекла Богдашевская, хотя эти собранія велись втайнѣ и долго объ нихъ не было извѣстно никому. Въ концѣ-же 1868 года, однодворецъ с. Розумницы Хмѣлевскій, проживая по найму въ экономіи с. Рожевъ, познакомился съ Павломъ Цыбульскимъ, а чрезъ него и съ ученіемъ баптистовъ. Сперва Хмѣлевскій ходилъ изъ Рожекъ въ с. Плосское къ Павлу Цыбульскому на ночныя собранія, въ которыхъ толковалось евангеліе и пѣлись духовные стихи изъ книги «Приношеніе православнымъ христіанамъ.—С.-Петербургъ 1864 года», а потомъ такія-же собранія захотѣлъ открыть у себя въ с. Рожкахъ, привлекши въ нихъ двухъ молодыхъ крестьянъ изъ бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. О ночныхъ собраніяхъ у Павла Цыбульскаго мѣстный священникъ Руткевичъ узналъ лишь въ сентябрѣ 1869 года, и тотчасъ донесъ объ этомъ благочинному. Благочинный поспѣшилъ для дознанія дѣла на мѣстѣ; но въ это время Павелъ Цыбульскій отлучился въ херсонскую губернію, а участники его собраній отреклись отъ всего, въ чемъ ихъ обвиняли, и въ доказательство своей вѣрности православію полагали на себѣ крестное знаменіе, цѣловали крестъ и евангеліе. Скоро однако Цыбульскій возвратился въ с. Плосское, а съ возвращеніемъ его возобновились и ночныя собранія у него. Сектанты настолько утвердились въ своихъ вѣрованіяхъ, что когда священникъ предъ праздникомъ Рождества Христова посѣщалъ съ молитвою и ихъ дома, наравнѣ съ другими прихожанами, они отказались уже цѣловать крестъ. Священникъ опять отрапортовалъ благочинному, а благочинный вновь прибылъ на мѣсто сколько для обстоятельнаго обслѣдованія обнаруженной секты, столько и для увѣщанія сектантовъ. Произведя новое дознаніе и предоставивъ священнику Руткевичу и его сыну, ученику богословія, продолжать увѣщанія заблудшихъ, благочинный Петрушевскій о появленіи секты сообщилъ тогда-же таращанскому исправнику, а отъ 4 января 1870 г. донесъ уѣздному протоіерею Пахаловичу, который донесъ о томъ митрополиту Арсенію, равно какъ исправникъ губернатору. Въ началѣ того-же января 1870 г. становой приставъ, по порученію исправника, производилъ дознаніе

о совратившихся. При этомъ дознаніи головщики Цыбульскій и Тышкевичъ оказались упорными въ своихъ убѣжденіяхъ, а ихъ послѣдователи показали раскаяніе. Къ концу января хотя иконы находились еще въ домахъ Цыбульскаго и Тышкевича и содержались въ приличныхъ мѣстахъ, но стало уже извѣстнымъ о хулахъ, произносимыхъ на иконы Тышкевичемъ, а потому какъ Тышкевичъ, такъ и Цыбульскій, по распоряженію полиціи, были арестованы и отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ с. Рожкахъ дознаніе о сектѣ произведено благочиннымъ Павломъ Забузскимъ въ началѣ февраля. При дознаніи оказалось, что молодые крестьяне—Кошель и Петрукъ еще прежде перестали посѣщать Хмѣлевскаго; Хмѣлевскій повинился въ своемъ заблужденіи и обязался не ходить въ село Плосское на ночныя собранія и не открывать таковыхъ у себя. Между тѣмъ во время нахожденія подъ арестомъ въ Таращѣ Цыбульскаго и Тышкевича увѣщаніемъ ихъ занимался соборный священникъ г. Таращи Игнатовичъ. Цыбульскій и Тышкевичъ сначала отъ всего отказывались, утверждая, что они ни въ чемъ неповинны, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви и если дѣлаютъ иногда частныя собранія въ домахъ, то только для молитвы, для чтенія св. писанія и для пѣнія духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ; но послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали наконецъ такія свои вѣрованія: Богородица и святые ничѣмъ не отличались отъ прочихъ людей и потому не могутъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ; каждый человѣкъ долженъ самъ за себя молиться, не надѣясь на молитвы церкви и святыхъ; внѣшнее богослуженіе не нужно; Богу слѣдуетъ поклоняться только духомъ и истиною; поклоненіе кресту и иконамъ есть идолопоклонство; мощи святыхъ не могутъ быть предметомъ поклоненія; увеселенія предосудительны; употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, хотя-бы то въ маломъ количествѣ, противно христіанскому ученію.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ лицѣ увѣщаемыхъ и ихъ немногихъ сообщниковъ появлялась въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія особая религіозная секта съ опредѣленными, твердо усвоенными мнѣніями, хоть и не получившая еще прочной организаціи. Тѣмъ не менѣе относительно подавленія ея, по самой новости дѣла, не было еще придумано опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сношенія властей только еще начинались; самое про-

исхожденіе секты не было достаточно выяснено. Митрополитъ кіевскій Арсеній находился въ то время въ Петербургѣ для обычнаго присутствованія въ св. синодѣ. Завѣдывавшій на мѣстѣ дѣлами кіевской епархіи, пр. викарій Порфирій въ столь важномъ дѣлѣ не могъ предпринять чего-либо особеннаго самъ собою. Въ началѣ февраля онъ получилъ отъ кіевскаго губернатора составленное на основаніи донесенія таращанскаго исправника увѣдомленіе о появленіи секты въ сс. Плосскомъ и Рожкахъ и въ то-же время препровождено ему тѣмъ-же губернаторомъ въ копіи сообщеніе херсонскаго губернатора о появленіи такой-же секты въ херсонской губерніи и о предполагаемой высылкѣ изъ херсонской въ кіевскую губернію, на мѣсто жительства, одного изъ пропагандистовъ секты, крестьянина с. Чаплинки Герасима Болобана. Преосвященный Порфирій донесъ обо всемъ митрополиту Арсенію, испрашивая его дальнѣйшаго распоряженія. По резолюціи митрополита необходимыя распоряженія сдѣланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному почину преосвященнаго Порфирія, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ сообщенія херсонскаго губернатора, въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ для всего духовенства кіевской епархіи опасное лжеученіе, прокрадывавшееся темными путями, указать источникъ, изъ котораго оно исходитъ, и признаки, по которымъ оно могло-бы быть открываемо. При этомъ однако опущено изъ виду, что это сообщеніе, составленное первоначально какимъ-либо полицейскимъ слѣдователемъ со словъ, конечно, преслѣдуемыхъ сектантовъ и прошедшее нѣсколько другихъ редакцій, въ неумѣломъ изложеніи представляло собою порицаніе православныхъ поселянъ и похвалы нравственности послѣдователей баптитскаго ученія и пастору Бонекемферу, а самое происхожденіе лжеученія затемнялось и извращалось; въ сообщеніи, напримѣръ, говорилось, что «Павелъ Цыбульскій, пріобрѣвъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, вычиталъ въ нихъ наставленія проводить время въ чтеніи св. книгъ и пѣніи псалмовъ, узналъ о необходимости вести жизнь трезвую и благочестивую и согрѣтый сими наставленіями (а не совращенный въ баптитскую секту своимъ братомъ Яковомъ Цыбульскимъ), сталъ приглашать своихъ односельцевъ для чтенія, пѣнія и толкованія св. евангелія». Въ такомъ видѣ сообщеніе способно было привести священниковъ въ подоумѣніе, а на

сектантовъ, если оно достигло ихъ, произвести возбуждающее и ободряющее дѣйствіе.

Не смотря впрочемъ на изложенный первоначальный ходъ дѣла, опасность дальнѣйшаго распространенія ереси скоро какъ будто миновалась и къ маю 1870 года секта какъ-бы совсѣмъ заглохла въ с. Плосскомъ. Богдашевскій былъ отданъ въ военную службу, а Тышкевичъ, по возвращеніи изъ херсонской губерніи, въ наступившій великій постъ говѣлъ въ приходской церкви, раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и причащался св. тайнъ. Когда вскорѣ потомъ умерло его дитя, онъ не только позаботился о его погребеніи по христіанскому обряду, но просилъ священника отслужить еще и заупокойную литургію. Въ августѣ того-же года возвратились въ православіе Павелъ Цыбульскій и Флоринскій.

Но въ то время, какъ огонь потухалъ въ одномъ мѣстѣ, онъ неблагоразумно разведенъ въ другомъ, недалекомъ отъ прежняго мѣстѣ, именно въ с. Чаплинкѣ таращанскаго уѣзда; разгораясь здѣсь постепенно, онъ охватилъ и сосѣдніе приходы. Дѣло было такъ.

Въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда проживалъ, какъ упомянуто выше, крестьянинъ с. Чаплинки кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда, Герасимъ Болобанъ; онъ скрывался здѣсь изъ опасенія отвѣтственности по дѣлу о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета. Для большей безопасности Болобанъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Витенкомъ. Въ Игнатовкѣ обзавелся онъ и семьей, женившись на православной крестьянкѣ, вдовѣ Матренѣ Ивановнѣ Довгошеевой. Совратившись здѣсь въ баптизмъ, при участіи извѣстнаго пропагандиста этого ученія, крестьянина д. Основы, одесскаго уѣзда, Михаила Ратушнаго, Болобанъ сталъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ совращенія православія и распространеніи баптизма между православнымъ населеніемъ рясно-польскаго прихода. Его участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружено въ 1870 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что онъ проживалъ подъ чужимъ именемъ и безъ письменнаго вида. Болобану предстояло подвергнуться судебному преслѣдованію за совращеніе другихъ въ баптитскую ересь; но херсонское губернское начальство сочло почему-то за лучшее выслать его на мѣсто приписки въ с. Чаплинку кіевской губерніи. О выселеніи Болобана и его противоправослав-

номъ образѣ мыслей херсонскій губернаторъ увѣдомилъ кіевскаго митрополита Арсенія 20 іюня 1870 года, по резолюціи коего отъ 23 сентября кіевская консисторія предписала священнику села Чаплинки Низгодинскому и мѣстному благочинному Забузскому наблюдать за образомъ мыслей и за дѣйствіями Болобана и о последствіяхъ своихъ наблюденій доносить преосвященному митрополиту полугодично. Но Болобанъ прибылъ въ Чаплинку еще раньше полученія этого указа. Не имѣя здѣсь ни кола, ни двора, онъ первоначально поселился въ сельской корчмѣ, у еврея, гдѣ всего чаще могъ видѣться и бесѣдовать съ народомъ. Въ Чаплинкѣ находилось волостное управленіе, а волостнымъ писаремъ при немъ состоялъ солдатскій сынъ Иванъ Лясоцкій. Болобанъ постарался сблизиться съ нимъ и нашелъ въ немъ столько сочувствія, что отъ чаплинскаго волостнаго правленія не замедлило поступить къ таращанскому исправнику донесеніе, будто въ дѣйствіяхъ Болобана не оказывается ничего предосудительнаго, а исправникъ отрепортовалъ такимъ-же образомъ губернатору. Это было въ концѣ августа, а вскорѣ послѣ того, при участіи писаря Лясоцкаго, Болобанъ получилъ отъ чаплинскаго волостнаго правленія отпускъ въ херсонскую губернію на 28 дней. Указъ консисторіи о наблюденіи за Болобаномъ не засталъ уже его на мѣстѣ. Но пребываніе Болобана въ херсонской губерніи было открыто, и 20 ноября 1870 года, по распоряженію херсонской полиціи, онъ снова препровожденъ въ кіевскую губернію и водворенъ на жительство въ Чаплинкѣ. Тутъ ждалъ его духовный надзоръ; но Болобанъ, какъ видно, мало имъ смущался: въ церковь онъ приходилъ, но порядка не соблюдалъ и стоялъ въ ней небрежно, увѣщаніямъ священника Низгодинскаго не подчинялся и приходить къ нему въ домъ для собесѣдованія отказался, а между тѣмъ начиналъ уже вести тайно пропаганду—днемъ въ корчмѣ, ночью въ волостномъ правленіи. Священникъ Низгодинскій, навѣщая Болобана, по долгу пастыря, три раза заставалъ его за чтеніемъ и толкованіемъ евангелія въ русскомъ переводѣ при двухъ или трехъ посѣтителяхъ, причемъ пѣлись также стихи изъ книжки: «Приношеніе православнымъ христіанамъ». Для подкрѣпленія духовнаго или матеріальнаго Болобанъ успѣлъ снова побывать у своихъ единомышленниковъ въ херсонской губерніи, куда отлучался съ 19-го декабря по 6-е января, а

возвратясь оттуда, сталъ уже открыто говорить противъ соблюденія постовъ, почитанія иконъ и св. креста, противъ таинствъ и обрядовъ православной церкви и ожесточенно злословилъ православное духовенство, прилагая къ нему все, что сказано въ евангеліи въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ. Впрочемъ, первая проповѣдь Болобана къ народу въ корчмѣ была неудачна, его даже поколотили за кощунство надъ священными предметами; не помогли и угощенія водкой, къ которымъ прибѣгалъ Болобанъ, пользуясь деньгами, принесенными изъ херсонской губерніи. Хотя нельзя сказать, чтобы бесѣды Болобана не заронили въ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ с. Чаплинки сомнѣній въ истинности исповѣдуемой ими вѣры, но до конца января 1871 года къ нему никто еще не приеоединился открыто, кромѣ писаря Лясоцкаго, какъ объ этомъ доносили священникъ Низгодинскій и благочинный Забудскій.

Въ маѣ дерзость Болобана достигла крайнихъ предѣловъ; онъ всенародно кощунствовалъ, богохульствовалъ, разбилъ даже икону св. Николая. Сельская власть арестовала его и передала въ руки уѣздной полиціи, а полиція отнеслась къ прокурорской власти о возбужденіи противъ Болобана судебнаго преслѣдованія. Консисторія не была увѣдомлена объ этомъ ни полиціей, ни судебною властью, но, усматривая изъ донесеній священника, что мѣры, принимаемыя имъ къ вразумленію Болобана, оказываются недѣйствительными, потребовала, чтобы онъ высланъ былъ къ ней на увѣщаніе. Изъ отвѣта таращанскаго уѣзднаго полицейскаго правленія на это требованіе консисторіи видно, что Болобанъ отправленъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюля; но въ консисторію онъ присланъ только 24 августа, а между тѣмъ раньше сего въ консисторіи было получено отъ судебнаго слѣдователя таращанскаго уѣзда требованіе объ отпускѣ къ нему Болобана въ Таращу по касающемуся его дѣлу, которое въ бумагѣ слѣдователя не было объяснено.

И консисторія, и судебный слѣдователь, и самъ Болобанъ были одинаково въ недоумѣніи: первая—зачѣмъ не высылаютъ къ ней Болобана на увѣщаніе, второй—почему консисторія не отпускаетъ привлекаемаго къ слѣдствію, а третій—зачѣмъ безъ надобности томятъ его въ тюрьмѣ. Впрочемъ дѣло скоро разрѣшилось вполнѣ благополучно для Болобана, благодаря съ одной стороны его притворству, а съ другой недоразумѣнію, если не намѣренному

снисхожденію судебнаго слѣдователя. Началось съ того, что Болобанъ, явясь въ присутствіе консисторіи, принесъ, такъ сказать, полную повинную: тутъ онъ съ клятвою увѣрялъ присутствующихъ, что никогда не отступалъ отъ ученія, таинствъ и обрядовъ православной церкви, полагалъ на себѣ крестное знаменіе съ земными поклонами предъ иконой, обѣщалъ и впредь неизмѣнно слѣдовать уставамъ церкви и требованіямъ духовной власти и далъ собственноручную подписку въ вѣрности своихъ словъ. Консисторія повѣрила искренности заявленія Болобана, признала оное за раскаяніе въ заблужденіяхъ и, отправляя его обратно въ кіевскій тюремный замокъ, сообщила смотрителю онаго, что Болобанъ можетъ быть отправленъ въ г. Таращу къ судебному слѣдователю, согласно требованію этого послѣдняго, а при этомъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи заявила, что Болобанъ можетъ считаться свободнымъ по тому дѣлу, по которому былъ вызываемъ въ консисторію. На основаніи этого заявленія судебный слѣдователь счелъ себя въ правѣ дать Болобану полную свободу и отпустить его на жительство въ с. Чаплинку, прекративъ начатое противъ него преслѣдованіе за богохульство, кощунство и разбитіе иконы св. Николая. Ловкому пропагандисту развязаны были теперь руки. О привлеченіи его къ слѣдователю по означеннымъ дѣламъ консисторія узнала изъ донесенія благочиннаго лишь 2-го сентября, и хотя этому послѣднему тогда-же предписано было имѣть наблюденіе за положеніемъ сего дѣла, но до января слѣдующаго 1872 года епархіальное начальство оставалось въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ с. Чаплинкѣ и какъ ведетъ себя состоящій подъ полицейскимъ и духовнымъ надзоромъ Болобанъ, а тамъ дѣлалось многое такое, чего впослѣдствіи и болѣе серьезными мѣрами нельзя было ни измѣнить, ни остановить.

Освобожденный судебнымъ слѣдователемъ подъ поручительство чаплинскихъ крестьянъ, подставленныхъ конечно волостнымъ писаремъ Иваномъ Лясоцкимъ, и водворившись опять въ Чаплинкѣ, Болобанъ началъ увѣрять своихъ односельцевъ, что его ученіе и въ Кіевѣ и въ Таращѣ признано истинно евангельскимъ. Устроивъ затѣмъ ночныя собранія для молитвы, пѣнія псалмовъ и толкованія евангелія въ нѣсколькихъ хатахъ, онъ поперемѣнно наставлялъ тамъ и здѣсь и широко развернулъ свою проповѣдь. Плоды этой

проповѣди не замедлили обнаружиться: крестьянка Дарія *Швыдкая*, оповѣщавшая сектантовъ о времени и мѣстѣ ночныхъ собраній, обозвала самымъ поноснымъ именемъ икону Спасителя; Гавріилъ *Шмель* публично издѣвался надъ таинствомъ крещенія; до открытаго кощунства и поруганія святыни дошли также Иванъ *Свириденко*, Агафія *Музычиха* и Евгенія *Цымбалова*. Зная, что успѣшнѣе можно дѣйствовать на молодое поколѣніе, писарь Лясоцкій, по предложенію Болобана, вызывалъ изъ с. Косяковки и д. Шушковки въ чаплинское волостное правленіе молодыхъ парней будто для исполненія обязанности разсыльныхъ или вѣстовыхъ и удерживалъ ихъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, а Болобанъ совращалъ ихъ въ секту особымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ евангелія. Чтобы расширить дѣло пропаганды новаго ученія, Гавріилъ Лясоцкій, родной братъ волостнаго писаря, тайно обучилъ грамотѣ совращеннаго уже изъ православія въ баптизмъ крестьянина села Косяковки Аѳанасія Курку, 20 лѣтъ, по ремеслу кравца или портнаго. Проповѣдь Курки имѣла большой успѣхъ, чему помогало его ремесло. Это была такъ сказать передвижная школа нововозникшей ереси. Переходя изъ избы въ избу для шитья крестьянскихъ свитокъ и другой одежды, Курка превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ стиховъ евангелія разсѣевалъ всюду сомнѣнія относительно церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. На такую пропаганду употреблены были 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Неудивительно поэтому, что въ началѣ января 1872 года на ночномъ собраніи въ домѣ крестьянки Швыдкой, въ ночь съ 6 на 7-е января, присутствовало до 60 сектантовъ изъ разныхъ сосѣднихъ селъ. Сектанты оставили соблюденіе постовъ, отвергали таинства, кощунствовали надъ иконами и мощами и глумились надъ духовенствомъ. Хотя священникъ с. Чаплинки съ своей стороны употребилъ всѣ мѣры для противодѣйствія ереси: проповѣдывалъ во всѣ воскресные и праздничные дни, открылъ воскресныя послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами въ школьномъ домѣ, нерѣдко и у себя въ домѣ собиралъ прихожанъ для разъясненія основъ истинной вѣры и возбуждалъ сельское начальство содѣйствовать охраненію православной вѣры; но всѣ эти мѣры оказывались уже тщетными. Прибѣгли опять къ содѣйствію судебной власти. 9 января Болобанъ былъ наконецъ арестованъ и преданъ суду за

распространеніе ереси, кощунство и поруганіе святыни. Спустя немного за тѣ-же преступленія изъ послѣдователей Болобана привлечены къ судебной отвѣтственности Иванъ и Гавріилъ *Лясоцкіе*, Яковъ *Коваль*, Климентъ *Терещукъ*, Евгенія *Цымбалова*, Агафія *Музычиха*, Ѳекла *Богдашевская* и еще 5 лицъ, всего 12; но по извѣстной быстротѣ нашихъ судовъ дѣло о нихъ затянулось надолго.

Между тѣмъ для увѣщанія оставшихся на свободѣ сектантовъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, командированы въ Чаплинку, Косяковку и Плосское протоіереи г. Таращи Андрей Пахаловичъ и г. Сквиры Іаковъ Сташевскій съ нѣсколькими священниками. При увѣщаніи чрезъ протоіерея Пахаловича 25 лицъ изъ числа совратившихся дали подписку оставаться въ православіи; при двукратномъ увѣщаніи чрезъ протоіерея Сташевскаго въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ до 40 лицъ совратившихся также изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и желаніе быть православными по прежнему. Къ несчастію, въ это время приходъ с. Чаплинки лишился своего дѣятельнаго и вліятельнаго пастыря, священника Ницодинскаго; въ октябрѣ, возвращаясь изъ Кіева по желѣзной дорогѣ, онъ скоропостижно скончался въ вагонѣ, какъ полагаютъ, отъ огорченія, что мало нашелъ въ Кіевѣ утѣшенія по дѣламъ своего прихода. Оставшись безъ пастыря хотя и на короткое, но самое горячее время приходъ сталъ болѣе и болѣе наполняться сектантами; число ихъ вскорѣ возросло до 145. 19 ноября 1872 г. всѣ совращенные публично наконецъ заявили свое отступленіе отъ православной церкви; въ этотъ день они вынесли изъ своихъ домовъ иконы и сложили ихъ въ колокольнѣ. Эта фанатическая выходка сектантовъ вызвала въ Чаплинкѣ цѣлую бурю: волостной старшина арестовалъ зачинщиковъ сходки, арестованные вырвались изъ заключенія и избили старшину.

Болобана и его первыхъ послѣдователей не было въ это время на мѣстѣ; они содержались въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ въ ожиданіи суда по обвиненію—одни въ распространеніи ереси, другіе въ богохульствѣ и кощунствѣ. Въ высшей степени любопытно и важно, какъ отнесся судъ къ этому новому явленію въ народной нашей жизни, такъ глубоко ее взволновавшему и смутившему. Рѣшеніе суда имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу вновь зарождавшейся секты. Судились правда наши сектанты въ старомъ

еще или переходномъ судѣ, въ такъ называемой Соединенной Палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, гдѣ было, можно сказать, и *вино ново* и *мѣхи ветхи*; но едва-ли это обстоятельство могло дѣлать разницу въ оцѣнкѣ такого жизненнаго факта, какимъ являлась новоизобрѣтенная прусскими нѣмцами и пересаженная на малорусскую почву штунда. Если и вообще теологическія познанія судей были не выше такихъ-же познаній какого-либо исправника или становаго пристава, то въ данномъ случаѣ и обвинительная власть и самый судъ не имѣли никакого почти представленія о томъ жизненномъ явленіи, которое подлежало ихъ обсужденію и опредѣленію. Баптистская секта, съ послѣдователями которой суду приходилось теперь имѣть дѣло, не была предъусмотрѣна никакими статьями закона; она являлась впервые, въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, сами послѣдователи мало откровенничали и опытно научились, гдѣ и что говорить, чего и когда не слѣдуетъ открывать. По тѣмъ отрывочнымъ и неяснымъ даннымъ, какія давались сельскимъ протоколомъ или судебнымъ слѣдствіемъ, въ родѣ напр. чтенія евангелія или собраній для молитвы и пѣнія духовныхъ стиховъ, надо было опредѣлять новую ересь, искать въ ея обнаруженіи состава преступленія и подтягивать оное къ той или другой статьѣ закона... Путь столько-же трудный, какъ и скользкій. Судъ, насколько можно судить по его рѣшенію, шелъ ощупью, терялся, искалъ опоры то въ сознаніи подсудимыхъ, то въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ видимо предрасположенъ былъ не придавать новообнаруженному явленію серьезнаго значенія со стороны его преступности или вреда для церкви и общества.

Послѣ того, что намъ уже извѣстно о дѣйствіяхъ Болобана и его послѣдователей, читатель будетъ удивленъ, узнавъ, что кіевскій судъ самый фактъ существованія секты въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи въ данное время призналъ сомнительнымъ. Суду какое дѣло до того, что въ какой-то Чаплинкѣ или Плоскомъ идетъ чуть не ежедневная, ожесточенная борьба между проповѣдниками господствующей вѣры и проповѣдниками какого-то новаго, малоизвѣстнаго религіознаго вольномыслія, подрывающаго въ основѣ самое существованіе церкви,—что борьба эта оглашается всюду, что она волнуетъ общество и доводитъ до рукопашныхъ схватокъ, что она вноситъ раздоръ въ семьи, тотъ раздоръ, котораго сила и значе-

ніе понятны лишь тому, кто постигъ глубину словъ самаго Христа *не пріидохъ на землю воврещи миръ, но мечъ*, что духовная и гражданская власть выбиваются изъ силъ, чтобы потушить поднимающійся пожаръ, способный принять обширные и опасные размѣры,—какое до всего этого суду дѣло? Онъ дѣйствуетъ въ своемъ строго-опредѣленномъ, точнѣе замкнутомъ, узкомъ кругѣ; онъ не руководитъ слѣдствіемъ, не направляетъ, не расширяетъ, не пополняетъ его, онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой данъ ему обвинительною властію, ему притомъ нужны формальныя доказательства, указанныя закономъ. Мы не касаемся личныхъ убѣжденій обвинителей и судей и ихъ симпатій, которыя тѣмъ не менѣе могли имѣть здѣсь мѣсто, давать извѣстную постановку дѣлу, руководить подборомъ или оцѣнкою доказательствъ. Какъ-бы впрочемъ ни было, судъ разсудилъ и рѣшилъ такъ о Болобанѣ, Лясоцкомъ и другихъ по предмету обвиненія ихъ въ распространеніи ереси: «ни одинъ изъ обвиняемыхъ не сознался въ распространеніи ереси, а большая часть изъ нихъ не сознались даже и въ томъ, чтобы усвоили себѣ какую-либо ересь, и такъ какъ и тѣ изъ нихъ, между которыми распространена будто ересь, не сознались, чтобы они совратились въ какую-либо ересь, то и самый фактъ распространенія ими ереси между другими является ничѣмъ неподтвердившимся, ибо при необнаруженіи того, чтобы кто-либо былъ совращенъ ими въ ересь, выставляемыя противъ *Болобана*, *Лясоцкаго*, *Швыдкой* и *Богдашевской*, въ смыслѣ уликъ, собранія ихъ для чтенія св. писанія и письма Богдашевской къ Болобану, сами по себѣ ничего не доказываютъ еще въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего и не представляется достаточныхъ основаній къ обвиненію поименованныхъ лицъ въ распространеніи между другими ереси».

Отстранивъ такимъ образомъ обвиненіе названныхъ лицъ въ распространеніи штундистской ереси, не признавъ и самаго существованія ереси, кіевская палата уголовнаго и гражданскаго суда, продолжая сужденіе по обвиненію тѣхъ-же и другихъ лицъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, относительно главнаго вожака Болобана наткнулась на такіе факты, которыхъ никакими толкованіями отстранить было невозможно, но которыхъ значеніе можно было особыми объясненіями ослабить, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и самое наказаніе. Болобанъ поносилъ священниковъ, хулилъ иконы, крестъ, таин-

ства, обряды: это подтверждалось «многими свидѣтельскими, присяжными и безприсяжными показаніями». Палата готова была признать Болобана изобличеннымъ въ порицаніи православной вѣры и церкви; но, разсуждала она, «съ одной стороны имѣются указанія, что Болобанъ во время совершенія упомянутыхъ дѣйствій былъ въ *пьяномъ видѣ*, съ другой нельзя не прійти къ заключенію, что преступленіе это учинено имъ по *невѣжеству*»... Какъ же быть?— Но это сейчасъ увидимъ.

Изъ остальныхъ 11-ти подсудимымъ лишь относительно *Цымбаловой* и *Музычихи* найдены Палатой такія доказательства по обвиненію ихъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыхъ ни отвергнуть, ни обойти было невозможно. Два присяжныя свидѣтельскія показанія удостовѣряли, что Цымбалова съ язвительною насмѣшкою отзывалась о чудотворныхъ иконахъ и приносимой ими людямъ помощи, и Палата признала ее изобличенною въ кощунствѣ, доказывающемъ явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной. Относительно Музычихи было одно лишь такое показаніе, и въ виду его Палата пришла къ заключенію, что Музычиха навлекаетъ на себя *подозрѣніе* въ томъ, что произносила хулу на иконы Спасителя и Божіей Матери. По соображеніи всѣхъ приведенныхъ доказательствъ и подведеніи къ нимъ соотвѣтственныхъ статей свода законовъ, Палата, въ концѣ концовъ постановила: Болобана, Швыдкую, Ивана Лясоцкаго и Богдашевскую по обвиненію въ распространеніи ереси освободить; изобличеннаго въ порицаніи православной вѣры и церкви Болобана подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; Евгенію Цымбалову 19 лѣтъ, какъ несовершеннолѣтнюю, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, Агаѳію-же Музычиху оставить въ подозрѣніи по обвиненію въ богохульствѣ и отдать на поруки. Остальные подсудимые были признаны совершенно свободными отъ суда.

Рѣшеніе Палаты состоялось въ самомъ концѣ 1872 г., именно 22 декабря. Судъ оказался не скорымъ, какъ и подобало старому суду; но чтобы онъ былъ не милостивымъ, этого никто сказать не могъ. Газеты привѣтствовали такое рѣшеніе полнымъ сочувствіемъ, громкими похвалами; но что вышло изъ него для дѣла и жизни, какъ отразилось оно по дальнѣйшей судьбѣ секты—это вопросъ другой. Палата и относительно признанныхъ ею на сей разъ винов-

ными нашла много смягчающихъ обстоятельствъ, и между прочимъ невѣжество въ дѣлахъ вѣры. Замѣчательно, что и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевскаго губернатора за 1872 годъ, извлеченіе изъ котораго по Высочайшему повелѣнію было сообщено кіевскому митрополиту, возникновеніе и распространеніе штунды между православнымъ крестьянскимъ населеніемъ кіевской губерніи поставлялось въ зависимость главнымъ образомъ отъ его невѣжества въ дѣлахъ вѣры. Но, что болѣе достойно вниманія, таже кіевская Палата, отнесшаяся такъ милостиво къ насадителямъ штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, не дала никакого снисхожденія православнымъ крестьянамъ с. Новой Гребли уманскаго уѣзда, которые, поревновавъ о вѣрѣ не по разуму, разорили хату своего односельца, совратившагося въ штунду и начавшаго пропагандировать ее въ своемъ селѣ: обвиненные въ насиліи, они сосланы въ Сибирь на поселеніе. Тутъ не было уже ничего приведено въ видѣ смягчающаго обстоятельства для тѣхъ, которые не могли стерпѣть безнаказаннаго кощунства надъ святыней, дорогой ихъ вѣрующему сердцу. Позже присяжные засѣдатели новгородскаго окружнаго суда оправдали крестьянъ, сжегшихъ, конечно, по невѣжеству, вмѣстѣ съ избой и женщину, заподозрѣнную ими въ колдовствѣ; кіевскіе коронные судьи не вошли въ душевное состояніе лицъ, которыя также по невѣжеству не нашли другаго средства выжить изъ своей среды человѣка, потрясавшаго душевный миръ ихъ и посягавшаго на ихъ святыню.—Но пойдемъ далѣе.

Присужденное Болобану годичное тюремное заключеніе, въ срокъ котораго зачтено было и содержаніе его въ тюрьмѣ во время суда, ни мало не повліяло на него и не охладило его ревности въ распространеніи штунды. Явившись въ маѣ 1873 г. въ с. Чаплинку, онъ снова сталъ воодушевлять сектантовъ и дѣлать сходки, но вновь взятъ въ таращанскую тюрьму. Что могло ждать его здѣсь, судить не беремся; но вдругъ судьба перебрасываетъ его на мѣсто прежней его дѣятельности, въ херсонскую губернію и приводитъ его снова на скамью подсудимыхъ. 15 октября 1873 г. Болобанъ, по требованію судебнаго слѣдователя 2-го участка одесскаго уѣзда, былъ отправленъ къ нему изъ таращанской тюрьмы и вскорѣ, вмѣстѣ съ прежними своими сообщниками, судился въ одесскомъ окружномъ судѣ за распространеніе штунды между православнымъ

населеніемъ херсонской губерніи; но, будучи и здѣсь оправданъ, поселился при своей семьѣ въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, среди первыхъ своихъ послѣдователей, и съ того времени открыто не появлялся въ кіевской губерніи.

Между тѣмъ посѣянныя имъ въ Чаплинкѣ и сосѣднихъ селахъ сѣмена продолжали расти и увеличивать годъ за годомъ число послѣдователей штунды. Приинимаемыя епархіальнымъ начальствомъ мѣры не приводили къ желаемой цѣли и были лишь слабою преградою къ дальнѣйшему распространенію секты. Въ мартѣ 1873 года для ознакомленія съ ученіемъ сектантовъ на мѣстѣ и для воздѣйствія на нихъ командированъ былъ въ Чаплинку іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, служившій нѣкогда миссіонеромъ въ латинской церкви. Въ лѣтніе мѣсяцы того-же года вызывались для увѣщаній въ кіевскую консисторію лица, болѣе выдающіяся по своему вліянію между совращенными: солдатъ Григорій Демчукъ, Василь Музыка—казначей совращенныхъ, Романъ Слипенко, Агаѳія Музычиха, Пелагія Ковалева, Тарасъ Болобанъ, Митрофанъ Ковтунъ, Макаръ Горовенко, Дарія Дзюменкова, Евгенія Диденкова, Анастасія Орлюкова, Аѳанасій Курка и нѣкоторые другіе. Послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія въ консисторіи, признано было полезнымъ размѣстить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мужскіе кіевскіе монастыри и въ кіево-фроловскій женскій. Въ числѣ намѣченныхъ къ водворенію въ монастырѣ находился извѣстный уже намъ пропагандистъ новаго ученія Аѳанасій Курка; онъ былъ помѣщенъ въ кіево-братскій монастырь въ томъ предположеніи, что на исправленіе его убѣжденій повліяетъ и помѣщающаяся тамъ духовная академія. Входилъ-ли кто изъ академической корпораціи въ собесѣдованія съ нимъ, неизвѣстно; по два мѣсяца спустя настоятель монастыря, онъ-же и ректоръ академіи, въ отзывѣ своемъ въ консисторію призналъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь Курки не только безполезнымъ для него, но и вреднымъ для другихъ. Изъ числа всѣхъ удержанныхъ въ Кіевѣ для увѣщаній только Василь Музыка и его жена раскаялись повидимому въ своемъ заблужденіи, другіе показали притворное раскаяніе, а большая часть, особенно женщины, остались упорными. Оказалось потомъ, что бывшіе на увѣщаніи въ Кіевѣ сектанты, возвращаясь домой, становились болѣе дерзкими въ отношеніи къ своимъ властямъ и

мѣстному духовенству, а по пути не удерживались отъ внушенія своихъ убѣжденій лицамъ, встрѣчающимся съ ними на ночлегахъ и отдыхахъ; вслѣдствіе этого епархіальное начальство признало за лучшее дѣлать увѣщанія совращеннымъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Умножаясь въ числѣ и становясь смѣлѣе, сектанты чаплинскіе стали вліять и на сосѣдніе съ Чаплинкою приходы звенигородскаго уѣзда, гдѣ имѣли родственныя связи, и вотъ штунда появляется въ м. Виноградѣ, с. Вотилевкѣ и въ м. Бояркѣ. Совращенные въ новую секту все болѣе отдѣляются отъ церкви и организуются въ строго замкнутую самостоятельную общину съ своею особою обрядностію и даже особыми лицами для исполненія оной, которымъ усвоили названіе пресвитеровъ. Тогда какъ прежде совратившіеся въ штунду отказывались только приносить своихъ дѣтей къ крещенію, теперь они совершаютъ перекрещиваніе надъ взрослыми, погребаютъ своихъ умершихъ съ пѣніемъ лишь употребительныхъ у нихъ псалмовъ, вступаютъ и въ бракъ безъ благословенія церкви, по своему обряду. Пресвитерами у нихъ явились Яковъ Коваль въ Чаплинкѣ, а въ Косяковкѣ Сляпенко, Демчукъ и Полѣщукъ. Тайныя сношенія мѣстныхъ сектантовъ съ херсонскими вожаками Болобаномъ и Рябошапкой не прекращались; въ свою очередь эти послѣдніе тайно навѣдывались въ Чаплинку, а нѣкоторые изъ мѣстныхъ штундистовъ, какъ напримѣръ Григорій Демчукъ, отправлялись въ херсонскую губернію, откуда приносили и денежную помощь, получаемую отъ тамошнихъ баптистовъ. Оказалось наконецъ у нашихъ штундистовъ и письменное вѣроученіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Правила новообращеннаго русскаго братства». Ихъ молитвенныя собранія, не въ тайнѣ, какъ прежде, устраиваемыя, ихъ смѣлыя и дерзостныя бесѣды съ оставшимися вѣрными православію, ихъ наконецъ своеобразныя требы, открыто совершаемыя, побудили гражданскую власть для прекращенія внѣшняго оказательства ереси помѣстить полицейскаго чиновника въ самой Чаплинкѣ; но и онъ не могъ ничего почти сдѣлать. Посѣщеніе митрополитомъ Арсеніемъ Чаплинки и Косяковки въ іюлѣ 1874 года и не долгая его бесѣда со штундистами могла повліять только на укрѣпленіе вѣры въ тѣхъ, которые еще не совратились въ секту. Ходатайство о выселеніи хотя вожаковъ ереси въ отдаленныя губерніи по представленнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ не имѣло успѣха у министра внутреннихъ дѣлъ. Г. ми-

нистръ отвѣтилъ чрезъ оберъ-прокурора св. синода, что, по его мнѣнію, противодѣйствіемъ распространенію ереси можетъ служить «единственно неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи оной словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія». Въ 1875 году на новое ходатайство объ удаленіи хотя главныхъ вожаковъ-пропагандистовъ ереси, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ оберъ-прокурору св. синода, что едва-ли высылка можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а скорѣе послужитъ поводомъ къ распространенію заблужденій въ мѣстностяхъ еще не зараженныхъ, какъ случилось съ Болобаномъ, высланнымъ изъ херсонской въ кіевскую губернію.

Мѣстныя духовныя и гражданскія власти терялись въ изысканіи средствъ для того, чтобы какъ нибудь остановить дальнѣйшее распространеніе ереси. Мѣстная власть употребила было такую мѣру: воспретивъ штундистамъ сходки и публичныя оказательства ереси, виновныхъ въ томъ или другомъ она отсылала къ мировому судьѣ, какъ ослушниковъ полицейскихъ распоряженій. На признанныхъ виновными мировой судья налагалъ денежные штрафы, и мѣра эта дѣйствительно сдерживала отчасти развитіе ереси, но конечно не могла вразумить и переубѣдить заблуждающихъ. Кіевская духовная консисторія въ тѣхъ-же видахъ сдѣлала попытку тѣхъ изъ сектантовъ, которые носили званіе пресвитеровъ, привлечь къ суду по 289 и 290 статьямъ уложенія о наказаніяхъ за самовольное присвоеніе ими названія и должности, предоставляемыхъ закономъ только лицамъ, опредѣляемымъ духовною властію и особо на это посвящаемымъ. Поводомъ къ этому послужило повѣнчаніе извѣстнымъ уже намъ Яковомъ Ковалемъ штундиста Кириленка съ штундисткою Михаленковою. Но кіевскій губернскій прокуроръ нашелъ, что «лжепресвитеръ могъ-бы подлежать судебному преслѣдованію по означенной статьѣ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ, выдавъ себя за пресвитера православной церкви или инаго, признаннаго нашимъ правительствомъ, исповѣданія, пресвитеры коего утверждаются въ семъ званіи установленною властью, совершилъ-бы бракосочетаніе по правиламъ этого исповѣданія, въ настоящемъ-же случаѣ бракосочетаніе совершено не по правиламъ православной церкви и не по правиламъ одного изъ

признанныхъ закономъ христіанскихъ или нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, совершившій бракосочетаніе Кириленка и Михаленковой Коваль не выдавалъ себя за пресвитера православной церкви или иного признаннаго закономъ вѣроисповѣданія и совершеніе Ковалемъ бракосочетанія не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть лишь фактъ, указывающій на принадлежность Ковали, Кириленка и Михаленковой къ штундистской ереси». Такимъ образомъ еще разъ духовная власть обманулась въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе суда въ борьбѣ съ возникавшею сектою. Приходилось ей возвратиться къ словамъ министерскаго отвѣта, что единственнымъ свойственнымъ ей оружіемъ въ семъ дѣлѣ можетъ быть «только неусыпное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о ввѣренной имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи паствы словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія».

Прекрасныя, возвышенныя слова! Правъ былъ министерскій чиновникъ, изъ-подъ пера котораго такъ плавно вылились они. Правъ былъ кіевскій прокуроръ, съ такою тонкостію отличавшій законное пресвитерство всѣхъ признанныхъ исповѣданій съ его функціями отъ пресвитерства самозваннаго, никѣмъ не признаннаго. Правъ былъ даже и тотъ товарищъ прокурора, который разъяснялъ арестованнымъ въ г. Таращѣ первымъ послѣдователямъ Болобана, что за принадлежность къ сектѣ никто по закону не принадлежитъ отвѣтственности, а только за пропаганду ереси. Но какая глубокая пропасть лежитъ между этими сужденіями и взглядами, позади которыхъ стоитъ возвышенный идеалъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, и дѣйствительною нашею жизнью, всѣмъ ея строемъ общественнымъ и политическимъ, между умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ нашихъ учителей вѣры и тѣмъ-же до безконечности разнообразнымъ состояніемъ поучаемаго народа! Надо различать однако между свободою совѣсти и индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, между идеалами и согласованіемъ ихъ съ дѣйствительнымъ строемъ жизни и примѣненіемъ ихъ къ данному времени и данной мѣстности. Мы готовы стать на какую угодно высоту, начертить такіе возвышенные идеалы, до которыхъ не досягнуть и американскому баптисту, но примѣнять ихъ къ жизни—это не наше дѣло. У насъ все власти и власти и каждая

власть имѣетъ свою строго отграниченную сферу дѣйствія, и блюдетъ извѣстную серію закона. Гражданская власть мнитъ себя на высотѣ своего призванія, когда никакое исповѣданіе, признанное закономъ, не нарушаетъ общественнаго внѣшняго порядка и тишины, судебная—когда во взаимныхъ соприкосновеніяхъ признанныхъ и даже не признанныхъ еще исповѣданій нѣтъ нарушенія письменнаго закона, нарушеній въ опредѣленной формѣ и извѣстнымъ образомъ доказанныхъ, духовная... но ея высшее призваніе въ томъ, какъ видѣли мы выше, если она просвѣщаетъ словомъ евангельской истины. А жизнь течетъ предъ ними, пѣнясь и шумя, течетъ своимъ широкимъ русломъ и тайными новыми извилинами и углубленіями, и лишь когда она прорвется наружу и подѣлаетъ серьезные обрывы, провалы и опустошенія,—мы начинаемъ, если дойдемъ до соглашенія властей, дѣлать искусственныя запруды, чтобы ввести жизнь въ ея нормальное теченіе и загладить, на сколько можно, слѣды причиненныхъ ею опустошеній...

Не таково-ли было положеніе наше въ виду распространенія у насъ штунды?—Первое появленіе ея у насъ почти не было замѣчено: прусскіе нѣмцы свободно насаждали ее у насъ, какъ-бы картофель или сѣмена горчицы. То вѣдать былъ долженъ особый далекій отдѣлъ власти. Мы спохватились, когда посѣянная штунда сдѣлала значительные успѣхи въ рядахъ православнаго населенія, а пока мы переписывались, не спѣша, по всѣмъ правиламъ канцеляризма и съ неизбѣжнымъ пререканіемъ властей, штунда пробралась въ большіе центры юга—Одессу, Николаевъ и даже въ Крымъ, проникла въ Курляндію, мелькнула въ Польшѣ, прошла по Волыни, свила то тамъ, то здѣсь прочныя гнѣзда и почти оффиціально пересажена съ юга на юго-западъ Россіи, въ губернію кіевскую. Тутъ всѣ власти, повидимому, бодрствовали и что-то дѣлали, но каждая отдѣльно, въ кругѣ своихъ обязанностей, по своимъ традиціоннымъ воззрѣніямъ, зачастую, какъ мы видѣли, съ признаками несомнѣннаго либерализма и самыхъ высокихъ принциповъ, а штунда коренилась и ширилась на глазахъ всѣхъ дѣйствовавшихъ властей.

Число сектантовъ увеличивалось въ такой постепенности по годамъ: въ 1875 г. ихъ было 561, въ 1876 г. 706, въ 1877 г. 946, въ 1878 г. 1100, въ 1879 г. 1196, въ 1880 г. 1380, въ 1881 г. 1294 душъ обоего пола съ дѣтьми. Возвратилось въ православіе

въ 1877 г. 18, въ 1878 г. 51, въ 1879 г. 109, въ 1880 г. 58 и въ 1881 г. 36. До 1875 г. ересь ограничивалась 7-ю приходами таращанскаго уѣзда: Чаплинкой, Косяковкой, Плосскимъ, Веселымъ Кутомъ, Попружной, Малой Березянкой и Жидовской Греблей. Въ 1876 г. она появляется въ с. Вотилевкѣ, Виноградѣ и Бояркѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1878 г. въ с. Шубиныхъ Ставахъ, Моринцахъ, Каменномъ Бродѣ, Рѣпкахъ и Яблуновкѣ того-же уѣзда; въ 1879 г. въ с. Тиновкѣ, Розумницѣ и Крутыхъ Горбахъ таращанскаго уѣзда и въ с. Чижовкѣ и Красногородкѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1880 году проникаетъ въ сквирскій и чигиринскій уѣзды, наконецъ въ 1883 г. появляется и въ предмѣстьѣ г. Кіева Дымієвкѣ. Положеніе секты за 1883 и 1884 годы относительно числа ея послѣдователей и мѣстностей, въ которыхъ они находятся, представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1884г.
I. Кіевъ.		
1. Предмѣстье Дымієвка	—	15
Саперная слободка звѣринецкаго прихода	—	26
Кіево-лыбедской владимірскій приходъ	—	60
Итого	—	106
II. Васильковскій уѣздъ.		
4. С. Яблуновка	9	—
С. Прусы	39	—
Итого	48	—
III. Звенигородскій уѣздъ.		
6. С. Рижановка	7	8
С. Кобеляки	18	13
С. Вотылевка	39	88
С. Чижовка	8	9
С. Шубины Ставы	20	11
С. Яблуновка	26	28
С. Каменный Бродъ	175	178
С. Рѣпки	81	70
М. Боярка съ д. Порадовкой и Долгой Греблей	49	72
С. Моринцы	34	13
Итого	508	561

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883 г.	Число сектантовъ въ 1884 г.
IV. Сквирскій уѣздъ.		
17. С. Скибинцы	38	Свѣд. нѣтъ
С. Капустинцы	16	—
С. Дѣдовщина	—	6
С. Лучинъ	19	12
С. Турбовка	—	6
Д. Кошланы, при м. Романовки	12	—
Д. Ерчики жидовецкаго прихода	3	—
Итого	88	24
V. Уманскій уѣздъ.		
24. С. Русановка	4	—
С. Новая Гребля	4	—
Итого	8	—
VI. Таращанскій уѣздъ.		
25. Г. Тараща	16	23
С. Кирданы	99	91
Д. Болкунъ, принадл. къ церкви с. Степка	38	—
С. Ставишевка	19	15
С. Рожки	18	22
С. Брилевка	17	16
С. Лѣсовичи	15	36
С. Веселый Кутъ	54	32
С. Косяковка съ д. Шушковой и Антоповкой	242	226
С. Чаплинка съ д. Поповкою	268	221
С. Жидовская Гребля	42	60
С. Попружная	86	97
С. Плосская	58	59
С. Малая Березянка и д. Малая Волнянка	80	97
С. Крутые Горбы	48	81
С. [illegible]ип[illegible]вка	50	55
С. Розумница	35	24
С. Антоповка	5	—
С. Скибинъ	—	13
Итого	1190	1163

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты.	Число сектантовъ въ 1883г.	Число сектантовъ въ 1883г.
VII. Чигиринскій уѣздъ.		
45. С. Мордва	—	2
С. Топиловка	104	155
Всего .	1946	2006

Для противодѣйствія распространенію баптитской ереси, или такъ называемой штунды, кіевское епархіальное начальство, кромѣ увѣщаній, какія дѣлались совратившимся чрезъ приходскихъ священниковъ и особо командированныхъ лицъ, принимало еще нѣкоторыя общія мѣры. Такъ, на первыхъ порахъ развитія ереси въ с. Чаплинкѣ, кіевская консисторія, давъ знать по епархіи о появленіи новой противоправославной секты, въ мартѣ 1873 г. предписала всѣмъ священникамъ тщательно слѣдить за отношеніемъ прихожанъ къ ученію православной церкви, богослуженію и таинствамъ, и употребить все стараніе для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ духовнымъ, которыя людей простодушныхъ, подстрекаемыхъ лжеучителями, влекутъ къ новопоявившейся сектѣ. Съ этой цѣлью требовалось отъ священниковъ, чтобы они объясняли своимъ прихожанамъ св. писаніе въ поученіяхъ, учили истинамъ вѣры и нравственности, въ особенности-же старались разъяснять ученіе о призываніи святыхъ, почитаніи св. иконъ, о постахъ, о необходимости таинствъ и богослуженія, предотвращали отъ разврата, пьянства, сквернословія и тому подобныхъ пороковъ; сверхъ того священникамъ предлагалось въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ извѣстные дни, въ неучебные часы, открыть чтенія для возрастныхъ прихожанъ изъ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ ноябрѣ того-же года консисторія выслала въ с. Чаплинку, Косяковку, Плоское и Таращу нѣсколько экземпляровъ книгъ: «Камень вѣры», «Постановленій апостольскихъ» и «Полемическаго богословія» — архимандрита Иннокентія. Впослѣдствіи эти-же приходы и другіе, куда проникла ересь, снабжены ‹Толковымъ Евангеліемъ› архимандрита Михаила, бесѣдами о штундѣ и молоканской сектѣ, посланіями апостольскими въ русскомъ переводѣ и разными брошюрами, заключающими въ себѣ отдѣльныя житія святыхъ. Въ слѣдующемъ 1874 г. консисторія проэктировала образовать въ с.с. Чаплинкѣ,

Косяковкѣ и Плосскомъ библіотеки книгъ, касающихся тѣхъ предметовъ христіанской вѣры, которые отвергаются сектантами, пріобрѣтая таковыя книги на счетъ суммъ св. владимірскаго братства и кіевскаго отдѣла миссіонерскаго общества. Подтвердивъ вновь объ открытіи послѣобѣденныхъ воскресныхъ чтеній для народа въ церковно-приходскихъ школахъ, консисторія тогда-же предложила настоятелямъ церквей, чтобы эти чтенія происходили въ опредѣленные часы и чтобы о началѣ ихъ даваемо было знать прихожанамъ посредствомъ треократнаго удара въ церковный колоколъ; а чтобы священники могли дѣйствовать съобща и съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ со штундою, для этого вмѣнялось имъ въ обязанность одинъ разъ въ мѣсяцъ собираться у благочиннаго для совѣщанія о мѣрахъ противъ распространенія ереси, обмѣниваться при этомъ своими наблюденіями и помогать другъ другу совѣтами. Въ 1875 г. предписано было открыть въ Чаплинкѣ и Косяковкѣ церковно-приходскія попечительства, съ тѣмъ, чтобы члены его не менѣе одного раза въ недѣлю собирались у приходскаго священника для совѣщаній объ охраненіи оставшихся вѣрными православію отъ вреднаго вліянія ереси и для принятія мѣръ къ возвращенію заблудшихъ; но благочинный донесъ, что открытіе церковныхъ попечительствъ соединено съ большими затрудненіями и почти невозможно при шаткости убѣжденій и тѣхъ, которые еще сохраняютъ въ себѣ привязанность къ православной церкви. Въ августѣ 1882 г. священникамъ кіевской епархіи разослано было наставленіе о мѣрахъ для противодѣйствія штундѣ, составленное архіепископомъ могилевскимъ Евсевіемъ для духовенства могилевской епархіи и сообщенное г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода преосвященному митрополиту кіевскому, хотя слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти и раньше сего были практикованы по кіевской епархіи. Наконецъ, въ виду повторяющихся случаевъ совращенія въ новую ересь, кіевской консисторіей въ августѣ 1883 года разосланъ чрезъ благочинныхъ циркуляръ, въ которомъ сведены, обобщены и точнѣе опредѣлены тѣ мѣры, которыя разновременно прежде рекомендованы были приходскому духовенству для борьбы со штундою, а въ частности опредѣленъ порядокъ и характеръ увѣщаній и обличеній совратившихся. Конечно, дѣло не въ однихъ мѣрахъ, какъ-бы онѣ цѣлесообразны и практичны не были, а въ ихъ примѣненіи, частнѣе въ способности

ихъ исполнителей, въ ихъ энергіи, одушевленіи, въ ихъ нравственномъ авторитетѣ, простотѣ, огнѣ и силѣ слова. Мы далеки отъ мысли, что всѣ предложенныя мѣры въ каждомъ приходѣ выполнялись всегда съ точностію и съ должнымъ усердіемъ, но во всякомъ случаѣ онѣ сдерживали развитіе секты въ теченіи 15 лѣтъ со времени ея появленія въ предѣлахъ кіевской губерніи. Если въ сектѣ числится теперь не болѣе 2,000 душъ обоего пола съ малолѣтними дѣтьми, то уже по этому одному нельзя сказать, чтобы развитіе ея шло у насъ свободно, безъ препятствій.

Но то и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣтельствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только усугубляютъ и распаляютъ этотъ внутренній огонь и сторонники новой идеи, какъ-бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною. А мы противуставляемъ имъ спокойное разсужденіе, тотъ сухой, нерѣдко холодный анализъ, какой свойственъ доктринамъ установившимся. сражаемся оружіемъ неравнымъ, безъ одушевленія, свойственнаго христіанамъ первыхъ вѣковъ, стоя далеко не на высотѣ апостольства.

Но помимо этого было много другихъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ распространенію у насъ штунды, не смотря на всѣ противупоставляемыя ей преграды. Убѣжденные въ правотѣ своего ученія, наши штундисты пользовались для цѣлей пропаганды всякою нашею оплошностію, всякимъ снисхожденіемъ власти, всякимъ сочувственнымъ, неосторожнымъ или съ заднею мыслію пущеннымъ либеральнымъ словомъ. Не даромъ Болобанъ и его послѣдователи, возвращаясь изъ Кіева послѣ увѣщаній и суда, увѣряли всѣхъ и каждаго при всякомъ подходящемъ случаѣ, будто ихъ ученію сочувствуютъ «кіевскіе паны».

Большое удобство для ихъ проповѣди представляло распространеніе, съ иными конечно цѣлями, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, по крайне дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ форматѣ

Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Съ карманнымъ евангеліемъ въ рукахъ они проповѣдывали всегда и вездѣ—на работѣ, въ полѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ, въ семейныхъ собраніяхъ, извращая смыслъ отдѣльно взятыхъ текстовъ и отвергая всякое св. преданіе. Насколько распространеніе Новаго Завѣта и евангелія въ переводѣ на русскій языкъ по дешевой цѣнѣ послужило уясненію христіанскаго вѣроученія въ массѣ народа, это еще неизвѣстно; а что въ рукахъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и малорусскихъ сектантовъ оно сдѣлалось орудіемъ протестантской пропаганды для совращенія изъ православія въ баптизмъ, то не подлежитъ сомнѣнію.

Ничѣмъ почти не сдерживаемые въ своей проповѣди, за которою и услѣдить не представлялось подъ часъ никакой возможности, наши сектанты сильны были тѣмъ единодушіемъ, какого нерѣдко не доставало въ средѣ православныхъ, особливо-же власть имущихъ. Пропагаторы штунды въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи сносились съ проповѣдниками того-же ученія въ херсонской губерніи и даже нѣмецкими миссіонерами, на подмогу которымъ не замедлили прійти и наши пашковцы. Болобанъ, какъ уже извѣстно намъ, не разъ уходилъ въ херсонщину къ своему тамошнему сообщнику Ратушному и каждый разъ возвращался оттуда болѣе нафанатизированный и съ большею смѣлостію принимался за распространеніе штунды на своей родинѣ. Съ Ратушнымъ переписывались Созонтъ Капустяный и Никита Исаієвъ Воронинъ, а также другія лица изъ крестьянъ Чаплинки и Косяковки. Въ 1873 г. въ Чаплинку пріѣзжалъ самъ Ратушный, давалъ деньги, воодушевлялъ и обѣщалъ помощь. Въ 1876 году задержаны полиціей въ с. Топорищахъ житомірскаго уѣзда, волынской губерніи, жители с. Плосскаго таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи, Павелъ Цыбульскій и Исидоръ Красовскій и с. Веселаго Кута Симеонъ Величукъ. При допросѣ они показали, что прибыли туда якобы для знакомства съ нѣмцами и займа денегъ, а по справкѣ оказалось, что они были изъ числа уличенныхъ въ порицаніи православной вѣры и обрядовъ. Годомъ раньше, именно въ 1875 году посѣщалъ с. Чаплинку и Косяковку графъ Корфъ, сообщникъ Пашкова. Отъ самаго Пашкова чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль часто получалъ письма и деньги, а въ 1879 г. получилъ отъ него одновременно 200 р.

Содѣйствіе пашковцевъ распространенію и укрѣпленію штунды среди православнаго населенія кіевской губерніи проявилось нако-

нецъ еще въ особой формѣ, которой подозрѣвать было невозможно. Извѣстна исторія учрежденія въ Петербургѣ общества распространенія св. писанія и книгъ для религіозно-нравственнаго чтенія. Общество состояло подъ Высочайшимъ покровительствомъ; ему сыпались со всѣхъ сторонъ похвалы и пожеланія, о его дѣйствіяхъ печатались отчеты и сообщенія. Пашковцы съумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Его агенты, подъ названіемъ книгоношъ, не замедлили появиться и въ кіевской губерніи, преимущественно тамъ, гдѣ посѣяна была штунда. Поселяясь здѣсь, они не только безплатно раздавали книги Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, но принимали на себя обязанность благовѣстниковъ новаго пути ко спасенію, являлись какъ-бы новыми апостолами. По донесенію учителя церковно-приходской школы с. Плосскаго, окончившаго курсъ семинаріи, Василія Стрижевскаго, въ февралѣ 1876 г. туда являлся въ качествѣ книгоноши рядовой Василій Васильевъ. Поселившись въ домѣ одного изъ начальныхъ сектантовъ—Богдашевскаго, этотъ не призванный проповѣдникъ собиралъ къ себѣ послѣдователей штунды для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, руководилъ собиравшимися, читалъ имъ евангеліе, толковалъ его, пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, раздавалъ брошюры, внушалъ, что ходить въ церковь не зачѣмъ, что тамъ люди только больше грѣшатъ, присматриваясь, кто во что одѣтъ и т. п. Видно, проповѣдь его была сильна, такъ какъ, по донесенію того-же учителя, въ извѣстные моменты участники собранія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, повергались на землю и плакали. И не мудрено: предъ бѣдными, простыми жителями глухой деревни, склонившимися уже на сторону новаго ученія, но принужденными таиться съ нимъ и терпѣть разныя стѣсненія, появлялся не просто убѣжденный человѣкъ, но человѣкъ бывалый, прошедшій тысячи верстъ и забредшій сюда изъ столицы, съ патентомъ отъ общества, состоявшаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Въ высшей степени любопытна эта связь нашихъ штундистовъ съ сектою пашковцевъ, возникшею на огромномъ отъ нихъ разстояніи, въ иной совершенно средѣ, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Но чтобы понять и эту связь, и силу и опасность закравшагося къ намъ новаго ученія, доселѣ извѣстнаго подъ именемъ штунды, надо заглянуть туда, откуда оно вышло, прослѣдить его развитіе тамъ и причины, обусловившія его возникновеніе, обо-

зрѣть современное положеніе этой секты и ея видоизмѣненія на Западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и наконецъ уяснить ея историческое начало, а также ея мѣсто въ ряду другихъ сектъ и ученій, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Только тогда мы можемъ понять сущность и характеръ отразившагося и у насъ религіознаго движенія, установить для него точное названіе и знать навсегда, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло. Сдѣлать это мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду не перестающаго практиковаться у насъ простаго, домашняго такъ сказать способа рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей штунды, формулируемаго приблизительно такъ: «народъ-де нашъ подвинулся въ своемъ развитіи, назрѣли новыя духовныя потребности, а наше отсталое духовенство не могло удовлетворить имъ»... Но это должно составить предметъ особаго очерка, который мы не замедлимъ представить.

П. Л—въ.

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА.

Ziarko do ziarka—
To zbierzesię miarka.
(Зерно къ зерну
И соберется мѣрка).
Польск. пословица.

Нѣсколько писемъ Т. Г. Шевченка къ М. А. Максиновичу, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, съ симпатичными поясненіями къ нимъ неизвѣстнаго автора, дополнили и уяснили кое-что изъ скорбной жизни поэта. Его письма, поэтическія его произведенія, работы граверныя далеко не всѣ приведены въ извѣстность; многія изъ нихъ разошлись по рукамъ при жизни и особливо по смерти его и глохнутъ въ безъизвѣстности, забытыя не рѣдко самыми владѣльцами ихъ. Долгъ каждаго изъ насъ собирать и приводить въ извѣстность все, что можетъ относиться къ характеристикѣ и жизни поэта, какъ-бы не были незначительны тѣ данныя, которыми кто-либо располагаетъ, ибо, только собирая по крохамъ, мы можемъ съ теченіемъ времени подготовить достаточный матеріалъ для полной біографіи и надлежащей оцѣнки Т. Г. Шевченка.

Тѣ немногія и, можетъ быть, очень незначительныя данныя, которыя я намѣренъ предложить здѣсь въ видѣ матеріала для біографіи Т. Г. Шевченка, стали извѣстны мнѣ совершенно случайно и приводятъ меня къ мысли, что такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе при доброй волѣ, можетъ быть найдено еще многое и гораздо болѣе важное для уясненія свѣтлаго образа славнаго нашего поэта. Вотъ что я могу предложить почитателямъ его.

Въ фундаментальной библіотекѣ лубенской мужеской гимназіи есть «Кобзарь» Шевченка, изданіе Семиренка 1860 г., печат. въ типографіи Кулиша. Въ этомъ экземплярѣ, въ трехъ мѣстахъ извѣстной поэмы «Катерина» нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя строки наклеены; если-жъ приподнять наклейки, то подъ ними видны точки. Ясно, что изданіе вышло съ точками или пропусками въ тѣхъ мѣстахъ, а наклейки сдѣланы послѣ. Когда, кѣмъ и по какому случаю? Но прежде ознакомимся съ этими таинственными строками. Всѣхъ ихъ счетомъ 28 и содержаніе ихъ не представляетъ ровно ничего особеннаго, запретнаго.

Вотъ эти сроки:

Въ главѣ 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки слезы льються», слѣдуетъ.

Отъ-таке то лихо, бачите, дивчата,
Жартуючи кинувъ Катрусю москаль.
Недоля не бачить, съ кимъ ій жартувати,
А люде хочъ бачать, та людямъ не жаль:
«Нехай», кажуть, «гине ледача дитина,
Коли не зъумила себе шануватъ».
Шануйтеся жъ, люби, въ недобру годину
Щобъ не довелося москаля шукать.

Поводомъ къ недоразумѣнію и цензурному запрещенію приведенныхъ строкъ послужило, кажется, слово: *москаль*. Но въ смыслѣ великорусской національности это слово никогда не употреблялось и осталось съ этимъ значеніемъ лишь въ польскомъ языкѣ. Въ малорусскомъ говорѣ оно употреблялось и употребляется какъ однозначущее слову: *солдатъ* и въ этомъ смыслѣ употреблено и поэтомъ. Тѣмъ не менѣе изъ-за него, по очевидному недоразумѣнію, выпущено цѣлыхъ 8 строкъ. Даже въ пражскомъ изданіи «Кобзаря», гдѣ приведены первыя двѣ изъ этихъ строкъ, стоитъ: «*кинувъ Катрусю свою*», а не *москаль*, какъ въ наклейкѣ.

Въ главѣ 3-й, послѣ словъ: «що мени робити?» читаемъ въ наклейкахъ слѣдующіе заключительные стихи:

«Сирота собака мае свою долю,
Мае добре слово въ свити сирота;
Его бьють и лають, закують въ неволю,
Та нихто про матиръ на смихъ не спита.

А Ивася спитають, заранне спитають,
Не дадуть до мовы дитини дожить.
На кого собаки на улици лають?
Хто голый, голодный пидъ тыномъ сидить?
Хто лобуря водить? Чорняви байстрята...
Одна ёго доля—чорни бровинята,
Та й тихъ люде заздри не дають носить».

Трудно и теперь понять, что могло быть поводомъ къ пропуску въ печати этихъ вполнѣ невинныхъ строкъ.

Наконецъ 4-я глава начинается одинадцатью слѣдующими прелестными стихами:

«По пидъ горою, яромъ, доломъ,
Мовъ ти диды высокочоли,
Дубы зъ гетьманщины стоять;
У яру гребля, вербы въ рядъ,
Ставокъ пидъ кригою въ неволи,
И ополонка—воду брать...
Мовъ покотело червоніе,
Кризь хмару—солнце занялось,
Надувся витеръ; якъ повіе—
Нема ничого, скризь биліе...
Та тилько лисомъ загуло».

Высоко-поэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхожденіе наклеекъ, текстъ которыхъ приведенъ. Экземпляръ «Кобзаря», въ которомъ онѣ находятся, подаренъ гимназіи землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда Ѳ. И. Дейкуномъ-Мочаненко: къ нему я и обратился за разъясненіемъ. Даритель разсказалъ мнѣ объ нихъ слѣдующее.

Бывши въ 1860 г. въ Петербургѣ, я зашелъ въ типографію Кулиша; чрезъ нѣкоторое время быстро вошелъ туда Шевченко и торопливо спрашивалъ:

— А что, готово? готово?

— Готово, отвѣчали ему, и подали нѣсколько листковъ съ напечатанными стихами.

На вопросъ мой: что это такое? покойный Каменецкій, завѣдывавшій тогда типографіей Кулиша, объяснилъ, что это не пропущенныя цензурою мѣста изъ «Катерины», для наклейки въ

экземплярахъ, предназначенныхъ для поднесенія нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, между прочими, бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Я выпросилъ и для себя такой листокъ и наклеилъ его въ своемъ экземплярѣ.

Вотъ этотъ самый экземпляръ и хранится въ настоящее время въ библіотекѣ лубенской гимназіи.

У г-на же Дейкуна нашлась давняя тетрадка съ малорусскими стихами. Въ ней рядомъ съ «Хустиною» Шевченка, напечатанною лишь недавно въ кіевскомъ альманахѣ «Луна», нашелъ я другое, также неизвѣстное еще стихотвореніе Шевченка. Вотъ его заглавіе и самый текстъ.

ДО СЕСТРЫ.

Не питай ты моихъ писень,
Сестро моя мила!
Цуръ имъ: вони сумни, смутни,
Мовъ тая могила.

* * *

Нащо слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

* * *

Нехай твои квити квитять
На твоїй дорози,
Нехай твою минуть весну
Витри та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Я сказалъ уже, что прелестное это стихотвореніе въ тетрадкѣ Ѳ. И. Дейкуна стоитъ рядомъ съ «Хустиною». Дѣлаю это для опредѣленія времени, когда написана «Хустина». Оба стихотворенія сохранились въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукописи слѣдуютъ одно за другимъ и участь обоихъ одинакова—забыты они и авторомъ, и хранителемъ, не разысканы и издателями; да и настроеніе поэта въ обоихъ глубоко-грустное, хотя спокойное:—поэтъ, какъ-бы упоенный прелестью самой этой грусти, ищетъ и находитъ и сердечно улыбается этому горькому успокоенію; наконецъ и игривая легкость стиха одинакова въ обоихъ; отсюда можно заключить, что и писаны они одновременно, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, навѣянныя одними и тѣми-же обстоятельствами. Даже одни и тѣже предметы сравненія при писаніи обоихъ носились въ воображеніи автора.

Въ «Хустынѣ»·

Ой заплакавъ сивый пугачъ
Въ степу на могыли.

Въ стихотвореніи «До сестры»:

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае.

Еще одно обстоятельство: стихотвореніе «До сестры», а также и «Хустина» списаны г. Дейкуномъ въ 1855—1856 г. изъ рукописи В. В. Т--скаго, въ которой они находились вмѣстѣ съ другьми произведеніями Шевченка и тоже ему приписывались, но почему-то въ собраніе его сочиненій не вошли. Подъ обоими даты нѣтъ; но когда они были списываемы г. Дейкуномъ, поэтъ давно уже надъ Араломъ *личивъ въ неволи дни и ночи, и ликъ забувавъ;* значитъ, позже 1-й половины 1847 года, т. е. времени ареста и ссылки Шевченка, написанными они быть не могли. А гдѣ предъ тѣмъ былъ поэтъ и что особеннаго, выдающагося случилось въ его жизни?—Сообразивъ это, можно съ большею вѣроятностію опредѣлить, къ кому относилось стихотвореніе «До сестры», а за тѣмъ и время, раньше котораго оно не могло быть написано, и даже довольно точно опредѣлить его дату. Если эти соображенія покажутся достаточно убѣдительными, тогда менѣе всего можно рисковать ошибаться, относя къ тому-же времени и «Хустину».

Какія у Шевченка были сестры?—Двѣ родныя: Катря, о которой онъ рѣдко вспоминалъ, и Ярина, которую величалъ «многострадальною и святою»... но была у него и названная сестра—княжна Рѣпнина. Не къ родной, конечно, сестрѣ относятся слова:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

Сестрѣ Иринѣ посвящено совсѣмъ другое стихотвореніе, въ которомъ братъ лучемъ надежды ободряетъ ее въ тяжкомъ прохожденіи *колючей нивы:*

Молися, сестро! Будемъ жыви,
То Богъ поможе перейти.

Если мы при этомъ вспомнимъ все, что намъ извѣстно о жизни юнаго (29 л.) художника—поэта, уже пользовавшагося извѣстностію, въ 1843 г. въ Яготинѣ, то у насъ не только мало останется сомнѣнія, что стихотвореніе «До сестры» писано княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Рѣпниной, но, сверхъ того, оно броситъ яркій лучъ свѣта на тѣ ихъ взаимныя, для нихъ самихъ какъ-будто темныя отношенія, надъ формулированіемъ которыхъ ими, особенно княжной, потрачено столько тревожныхъ усилій.

«Княжна Варвара Николаевна, обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею—Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній и т. д. Шевченко благоговѣлъ передъ этой необыкновенной женщиной и т. д. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написанномъ въ 1843 г.» Такъ говоритъ г. Чалый въ своей біографіи Шевченка.

«Княжна, обладая неистощимой добротой души, снизошла къ плебею—Шевченку», и въ то-же время вошла въ *дружескія, чисто братскія* отношенія съ 29-лѣтнимъ художникомъ-поэтомъ. Отношенія эти вышли такъ необыкновенны, такого сложнаго свойства, что у обоихъ вызвали тревожную потребность разобраться въ нихъ, формулировать и дать имъ имена. Окрестили ихъ искренней дружбой—мало, назвали братскими отношеніями — еще не то, понадобилось измѣнить обыновенное значеніе словъ: *братъ, сестра,* придавъ имъ болѣе глубокій смыслъ, повысивъ ихъ значеніе; но все это не удовлетворяло, чувствовалось еще нѣчто не досказанное, еще одно

слово,—слово, которое въ силу общественныхъ условій не только не могло быть произносимо, но должно было быть исключеннымъ изъ самой мысли; княжна, судя по извѣстнымъ даннымъ, первая произноситъ это слово, хотя и въ смыслѣ отрицательномъ, желая такъ сказать документально устранить его изъ отношеній.

По отъѣздѣ Шевченка изъ Яготина, при одномъ изъ своихъ писемъ къ поэту, княжна прилагаетъ длинное разсужденіе о томъ, что такое *сестра* и *возлюбленная*. Въ немъ проводитъ она параллель между этими двумя понятіями, очевидно перенося многое лучшее со втораго понятія на первое, оставляя за вторымъ только очень вульгарное значеніе, и такимъ образомъ разъясняетъ, какъ она понимаетъ принятую на себя роль «сестры» поэта. Если понадобилось устранять слово *возлобленная*, значитъ въ отношеніяхъ прокрадывалось нѣчто такое, для выраженія чего напрашивалось уже это слово. Да и устраняется оно не прямо, а съ особенной тревожной заботливостью, чтобы, устраняя слово, не затронуть самыхъ отношеній, сохранить чувства, замѣнивъ ихъ имя. Все это затѣмъ, чтобы чрезъ исключеніе неудобнаго слова, такъ сказать, очистивъ, освятивъ существовавшія отношенія передъ другими и даже передъ самими собою формально, выработать право на ту долю высшаго наслажденія, которая очевидно чувствовалась въ продолженіи этихъ отношеній. Такъ деликатно дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ княжна. Поэтъ-же, не мудрствуя лукаво, въ приводимомъ стихотвореніи назвалъ настоящимъ именемъ тѣ послѣдствія, которыя въ обыденной жизни слѣдуютъ за подобными отношеніями:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

«Я, я—сестра ваша, вашъ искренній другъ—ваша обвинительница» и т. д., пишетъ княжна въ іюнѣ 1844 года.

Очень ужъ старая и слишкомъ извѣстная пѣсня. Когда различіе общественнаго положенія или другія условія устраняютъ всякую возможность проявленія питаемыхъ чувствъ, когда самая возможность существованія этихъ чувствъ даже самимъ дѣйствующимъ лицамъ кажется неумѣстною, преступною, тогда инстинктивное влеченіе между двумя различными полами дѣлаетъ обходъ и продолжаетъ свое дѣйствіе въ болѣе терпимой формѣ, въ формѣ игры въ брата и сестру и въ очень ужъ искреннюю дружбу.

Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ была, конечно осложненная многими другими чувствами, и... *нѣмая любовь;* мы здѣсь, въ стихотвореніи «До сестры»—свидѣтели этой любви и горькаго, но спокойнаго сознанія бѣднякомъ-поэтомъ всей ея неумѣстности.

На що слухать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари,—
Твое сонце свитыть ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

Такъ какъ извѣстно, что на письмо, писанное княжной въ январѣ 1844 г., отвѣта не получено, и переписка на долго прервалась, то является возможность предположить, что именно отвѣтомъ на это письмо и было стихотвореніе «До сестры», въ которомъ такъ глубоко-грустно поютъ и *прощальныя* пожеланія.

Нехай твои квиты квитять
На твоій дорози,
Нехай твою минуть весну
Витры та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...

Если это такъ, то и дата приведеннаго стихотворенія будетъ: январь—февраль 1844 г. Былъ-ли посланъ княжнѣ этотъ поэтическій отвѣтъ, или нѣтъ—мнѣ неизвѣстно и я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ хотя гадательно.

Перехожу къ граверным работамъ Шевченка.

Весьма желательно поспѣшить собрать свѣдѣнія о художественныхъ произведеніяхъ Шевченка всѣхъ родовъ—авось когда-нибудь явится возможность собрать все это вмѣстѣ. Отмѣчаемъ здѣсь одинъ

изъ фактовъ. Въ 1845 г. вышло иллюстрированное изданіе Исакова: «Наши, списанные съ натуры», теперь уже очень рѣдкое. Въ немъ, между прочимъ, есть «Знахарь» Гр. Основьяненка, украшенный значительнымъ числомъ весьма хорошихъ виньетокъ изъ малорусскаго быта. Виньетки въ другихъ статьяхъ подписаны Тимомъ, Клодтомъ и еще кѣмъ-то (неразборчиво); виньетки-же въ «Знахарѣ» не подписаны никѣмъ, кромѣ первой большой—на всю страницу, изображающей знахаря, гдѣ имѣется весьма отчетливая подпись: *Шевченко*. Не принадлежатъ-ли и остальныя виньетки «Знахаря» Шевченку?—Хорошо, если-бы люди знающіе, кому это удобно, поспѣшили рѣшить этотъ маленькій, но не безъинтересный вопросъ, пока, можетъ быть, еще не утрачена возможность его *рѣшенія*.

Отмѣчаю еще одинъ, не замѣченный другими, столь-же незначительный, но не лишенный смысла фактъ изъ жизни поэта: *правописаніе предсмертнаго его письма* къ одному изъ земляковъ и пріятелей, правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера И. Н. Мокрицкому. Привожу самое письмо съ удержаніемъ подлиннаго его правописанія.

Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ!

Поздравляю васъ съ вожделеннимъ днемъ вашого святого ангела извините что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ «другой мѣсяцъ не только на улицу меня и въ коридоръ не поскаютъ... и не знаю чемъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюсь марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ. отъ души желаю вамъ повеселится по прошлогоднему Досвиданія. Искренній вашъ *Т. Шевченко.*

24 февраля
1861 г.

Письмо это списано мною, съ точнымъ соблюденіемъ правописанія самаго автора, въ 1876 г. въ г. Лубнахъ съ подлинника, хранившагося у г. Мокрицкаго, сына Ивана Николаевича, которому оно адресовано. Текстъ письма приведенъ уже въ книгѣ г. Чалаго, только безъ удержанія правописанія автора, а мнѣ кажется, что именно въ этомъ письмѣ правописаніе подлинника и имѣетъ зна-

ченіе. Т. Гр. Шевченко не проходилъ старо-адемическаго класса «грамматики», да и вообще никакихъ классовъ, но въ ряду поэтовъ самоучекъ могъ-бы похвалиться своею грамотностію, въ особенности предъ Кольцовымъ, котораго удобочитаемымъ дѣлали лишь воронежскіе семинаристы. Откуда-же здѣсь полное почти отсутствіе всякой орѳографіи? Писано письмо 24 февраля, за день до смерти Шевченка. Смыслъ его еще довольно бодръ, поэтъ не видитъ быстро приближающейся роковой развязки, хотя въ письмѣ прорывается закравшаяся уже съ нѣкотораго времени тревога: «и не знаю, *чимъ кончится* мое затворничество?» Но правописаніе ясно свидѣтельствуетъ, что болѣзнь успѣла уже разстроить и ослабить организмъ. Поэтъ и прежде относился къ правописанію небрежно; но кто видѣлъ подлинники его писемъ, для того ясно, что хотя въ этомъ письмѣ есть общее съ другими, но что все-таки это—не то. Это одно изъ проявленій приближавшейся смерти, та болѣзненная слабость, когда человѣкъ не совсѣмъ отчетливо относится къ внѣшнему міру, самъ того не сознавая.

А «хочеться... Боже милый!
Якъ хочеться жити,
И любити твою правду,
И весь свитъ обняти!»

На другой день, 25 февраля утромъ, М. М. Лазаревскій засталъ поэта въ ужасныхъ мученіяхъ—съ ночи началась у него сильная боль въ груди, не позволявшая лечь. Такъ продолжался день, и всю ночь онъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, а въ половинѣ 6-го утра 26-го февраля поэта не стало [1]). Значить, послѣ написанія приводимаго письма оставалась еще въ жизни поэта только 2-я половина дня 24 февраля, когда онъ могъ-бы еще что-либо написать; а потому можно съ большою вѣроятностью предположить, что изъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ поэтомъ на бумагѣ, это были послѣднія—къ пріятелямъ-землякамъ.

Упоминаемая въ письмѣ Марья Львовна—жена имянинника, уроженка лубенскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ дневникѣ Шевченка есть нѣсколько словъ объ этомъ знакомствѣ. «6-го апрѣля (1858 г.). Познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-

[1]) Разсказъ А. М. Лазаревскаго въ 3-мъ т. «Основы», 1861 г.

полиціймейстера И. Н. Мокрицкаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые».

«Разставшись съ милѣйшею землячкою, пошелъ я въ академію художествъ на выставку».

Привожу наконецъ послѣднее свидѣтельство на проживаніе Шевченка въ Петербургѣ, съ помѣтами полиціи и съ засвидѣтельствованіемъ священника о его смерти и погребеніи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОБЕРЪ - ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

Канцелярія.

столъ I.

7-го апрѣля 1860 года.

№ 142.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіе отставному рядовому Оренбургскаго Линойнаго № 1-й баталіона Тарасу Шевченко, для свободнаго проживанія въ С.-Петербургѣ, въ теченіи одного года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока свидѣтельство это было представлено мнѣ.

Свиты его величества генералъ-маіоръ (подпись неразборчива).
Правитель канцеляріи *Мокрицкій.*

(М. П.)

На обратной сторонѣ свидѣтельства читаемъ:

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Тарасъ Шевченко сего 1861 года 16 февраля волею Божіею умеръ отъ водяной болѣзни и сего-же февраля 28-го дня погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Въ чемъ свидѣтельствуется. Марта 2 дня 1861 г.

Екатерининской церкви, что при академіи художествъ,
Священникъ *Илья Денисовъ.*

(М. П.)

На послѣдней страницѣ свидѣтельства слѣд. помѣты:

№ 50. По Большой Морской.

1 часть, 3 кварталъ. Запис. на квартирѣ 11 апрѣля 1860 года.
За надзирателя *Давидовъ.*

№ 1/6

Васильевская часть, 1 кварталъ. Записанъ на квартирѣ 22-го апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Астафьевъ.*

№ 1 и 6 по 5 линіи	№ 50
На квартирѣ у Назаревскаго (Лазаревскаго?)	Большая Морская. На квартирѣ возобновлено.

Это копія съ подлинника, хранящагося при фундаментальной библіотекѣ лубенской гимназіи, за № 3257. Подлинникъ въ траурной рамкѣ за стекломъ, подаренъ гимназіи В. Я. Яновскимъ, землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда, а имъ пріобрѣтенъ отъ П. Н. Мокрицкаго, брата раньше упоминаемаго Ивана Николаевича, бывшаго правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ небольшимъ мѣсяца не дожилъ поэтъ по выданному ему свидѣтельству и пошелъ въ путь, изъ котораго никто не возвращается, въ званіи отставного рядового оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ этомъ главный интересъ сохраненнаго документа, разрѣшающій вопросъ о томъ, было-ли Шевченку послѣ ссылки возвращено званіе художника. Свидѣтельство причта удостовѣряетъ болѣзнь, которая привела поэта къ смерти, а полицейскія помѣты указываютъ, гдѣ жилъ онъ по возвращеніи изъ Кіева до перехода въ зданіе академіи художествъ.

Ѳ. Каминскій.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.

(Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей елисаветградской провинціи).

Письмо это получено нами отъ достопочтеннаго историка «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскаго. Авторъ его, священникъ с. Знаменки, херсонской губерніи, современникъ и отчасти очевидецъ описываемаго въ письмѣ, что даетъ его свѣдѣніямъ большую историческую достовѣрность. Письмо писано въ послѣдніе годы прошлаго или первые нынѣшняго столѣтія, по просьбѣ неизвѣстнаго лица, очевидно занимавшагося собираніемъ свѣдѣній о заселеніи Новороссіи. Множествомъ мелкихъ, но яркихъ штриховъ оно рисуетъ намъ разные моменты и стороны этой достопамятной колонизаціи: тутъ и всемогущество Потемкина, которому не доставало лишь власти цареградскаго патріарха, и его желаніе порисоваться предъ Екатериною дутыми плодами насаждаемой имъ культуры, — мелькаютъ темныя фигуры узурпаторовъ и прихлебателей всемогущаго временщика, въ траги-комическомъ положеніи выступаютъ французскіе эмигранты и обманутые въ своихъ надеждахъ старообрядцы, въ жалкомъ видѣ паріевъ, изъ-за спины налетѣвшихъ со всѣхъ концевъ колонизаторовъ, выглядываетъ та *сволочь*, которую разными льготами влекутъ въ ярмо неволи и которыхъ кабальнымъ трудомъ дикія степи и луга должны превратиться въ цвѣтущій садъ, а мимоходомъ проскальзываютъ и тѣ естественныя условія, въ которыхъ по мѣстамъ должны были жить новые поселенцы; есть нѣкоторыя частныя историческія и даже археологическія указанія. Вообще, это частное, простое и не затѣйливое, письмо даетъ болѣе для исторіи, чѣмъ десятки офиціальныхъ бумагъ.

Милостивый государь!

Между тѣмъ временемъ, какъ я обѣщался доставить вамъ вѣдомость о поселеніи здѣшняго округа, довольно я промедлилъ, ибо есть человѣческое: «не еже бо иногда хощу, то и творю». Надѣюсь въ томъ отъ васъ имѣть прощеніе.

Вамъ уже извѣстно, что когда въ 1781 году въ Кременчугѣ, по открытіи намѣстничества, была учреждена таврическая губернія, князь Потемкинъ, яко намѣстникъ новыхъ, но малолюдныхъ губерній, а паче таврической, изыскивалъ способъ къ населенію. Ему открывался тогда случай слѣдующій. Старообрядцы, живущіе въ Москвѣ и иныхъ городахъ, равно и черниговской губерніи, слободъ стародубскихъ, сословія купеческаго и мѣщанскаго, находя себя недостаточными въ разсужденіи церковнаго чиноначалія, безъ коего живши цѣлый вѣкъ, многіе изъ нихъ, какъ-бы отъ забвенія опомнившись, стали свое состояніе подозрѣвать въ неправильности, такъ какъ оно было и есть, судили за благо, чтобы секту свою, довольно устарѣлую, возобновить, или только починить, и какъ нужно было на то имѣть духовный матеріалъ, согласились требовать не отъ святѣйшаго синода, какъ-бы слѣдовало, но устремились къ его свѣтлости, какъ-бы къ цареградскому патріарху, съ прошеніемъ, дабы онъ исходатайствовалъ имъ епископа особеннаго для старообрядцевъ, подъ названіемъ «хорепископъ», то есть селской. Сему ихъ предпріятію былъ я самовидецъ, когда отъ московскихъ и стародубскихъ повѣренные два человѣка—одинъ чернецъ, другой старикъ изъ купцовъ, повсюду князя преслѣдовали, даже и въ Елисаветградѣ въ домѣ Красноглазова. Когда позванъ былъ я къ его свѣтлости, князь лично у меня спросилъ: 1) здѣшніе стародубскіе слободы имѣютъ-ли желаніе имѣть законныхъ священниковъ и церкви на старыхъ обрадахъ? 2) знаю-ли я повѣренныхъ, отъ старообрядцевъ уполномоченныхъ, требующихъ епископа себѣ особеннаго? И когда отвѣчалъ я, что знаю, князь промолвилъ: «объяви имъ, чтобы они оставили епископа просить; священниковъ дадутъ имъ и церкви на старыхъ обрядахъ имѣть дозволятъ, если въ таврическую область на жительство пожелаютъ». Вышедши я отъ князя, приказаніе его исполнилъ. Между тѣмъ князь, вышедши, намѣривался садиться въ карету; повѣренные, подошедши, подали князю бумагу.

— Вамъ сказано? князь промолвилъ.

— Слышали, отвѣчали они.

Князь поѣхалъ къ обѣденному столу, который купечествомъ былъ изготовленъ у Никиты Ивановича Масляникова. По обѣдѣ тотъчасъ ускорилъ въ Кременчугъ, и мнѣ на почтовыхъ лошадяхъ приказано было слѣдовать. На канунѣ открытія намѣстничества я прибылъ, видѣлъ все, что только въ глаза попадалось. Въ ту самую пору въ Кременчугѣ открылась чумная зараза; по сему случаю вся губернія была переведена въ Полтаву. Послѣ тридневнаго торжества и я туда-жъ отправленъ былъ съ курьеромъ и писмомъ княжескимъ къ преосвященному для постриженія въ попы. Все сіе происходило въ Петровъ постъ. По прибытіи посвященъ я въ Петровъ день въ соборѣ. На другой день преосвященный отправилъ меня съ письмомъ къ его свѣтлости; но его въ Кременчугѣ уже не было,—по окончаніи открытія не медля отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ 1785 году, по высочайшей волѣ, князь учинилъ къ старообрядцамъ письменное воззваніе, и оное разпубликовано было внутрь Россіи, и внѣ оной: желающіе высокомонаршею милостію пользоваться какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили-бы въ таврическую область. Тогда-жъ отъ князя и къ знаменскимъ молдавскимъ выходцамъ, въ елисаветградской провинціи живущимъ, прислана грамота о переселеніи, что и было въскорѣ исполнено. Князь надѣялся своими обѣщаніями выманить отовсюду старообрядцевъ, но на опытѣ оказалось противное: черниговской губерніи семей до 60 толко согласились и пришли тогда, какъ земли были розданы; знаменскіе, не смотря на выгодное переселеніе: 1) что домы ихъ, иные ничего не стоющіе, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждаго изъ казны и 3) льгота 8-лѣтняя, не хотѣли переселяться. Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ не обитаемыхъ; но знаменскіе не захотѣли тамъ селиться. Имъ дано было на волю, только-бы не упорствовали. Князь однако-жъ не оставилъ своего предположенія,—приказалъ моему отцу, чтобы непремѣнно выходцами, какого-бы званія не были, водворять противъ Никополя на первый

разъ хотя одну Набережную улицу, которая удобнѣе могла быть видима изъ никопольскаго дворца во время шествія и пребыванія государини въ дворцѣ. Князь столько былъ доволенъ, что не оставилъ о томъ доложить государинѣ, какъ о томъ я словесно вамъ повѣдалъ.

Князь, видя, что старообрядцы его воззванія не внемлютъ, бросилъ ихъ, а дабы земли, въ пустѣ лежащія, населить, было позволено всякого званія бродягъ принимать, отъ чего въ Россіи помѣщики многіе лишились крестьянъ. Тогда-жъ земли стали быть роздаваемы помѣщикамъ, начиная отъ устья Конской рѣчки, да многіи пространства степей, и Великій Лугъ, запорожцами прозванный, г. Поповъ занялъ, ниже того—Бродскій, Ливанидовъ, Синельниковъ.

Слѣдуетъ теперь о Днѣпровкѣ упомянуть. Выше объявленные черниговской губерніи старообрядцы, семей до 60-ти, за дальнимъ разстояніемъ, опоздали сюда притить и не зная, что земли уже назначены помѣщикамъ, избрали себѣ мѣсто ниже болшой Знаменки, верстахъ въ 10-ти поселялись, въ землянкахъ перезимовали, весною старались о водвореніи; кромѣ всякаго пособія, изнурялись и до послѣдняго имущества истощились, стараясь вновѣ землю распахали, не зная того, что отъ знаменской межи по теченію рѣки верстъ до 30-ть, до урочища Лепатихи, земля князю Вяземскому уже назначена. Между тѣмъ къ нимъ-же присовокупился старообрядческій архимандритъ съ чернецами, тотъ самый, котораго собили епископомъ. И сему князь обѣщалъ много, но ничего не исполнилъ, потому что старообрядцы въ Крымъ не пожелали. Сей архимандритъ, не находя себѣ пристойнаго монастыря для мѣста, расположился въ концѣ новой усадьбы и было построилъ нѣсколько келѣй. Отъ сего поселяне вознегодовали, а тѣ въ Симферополь ходили къ губернатору на разрѣшеніе. Тогда былъ Каховскій Михаилъ Васильевичъ; онъ имъ обьявилъ, что земля, ими занятая, принадлежитъ князю Вяземскому. Тогда онѣ съ плачемъ, разорившись, принуждены переселяться. Архимандритъ прибѣгнулъ къ знаменскимъ; сіи во уваженіе уступили полосу земли, на которой, въ горѣ Мамайсуркѣ, и былъ построенъ монастырь съ церковью, а поселяне избрали себѣ мѣсто выше селенія Водяной. Поселясь и тамъ, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проѣздъ въ пахатное поле, что и понудило ихъ къ вторичному переселенію въ *поды*, отъ чего

названіе получила Подовка. Сначала они, держась старообрядчества, воздвигнули самобѣднѣйшую церковь, которая и теперь, имѣли и священника; но когда присовокупились къ нимъ народы, въ множествѣ староверства не знающіе,—уничтожили старообрядство. Слобода Водяная сначала ея водворенія заселена людьми бывшими прежде елисаветградскаго уѣзда; они жили въ сосѣдствѣ съ знаменскими и вообще всѣ занимались тамъ гончарствомъ; слобода ихъ и тамъ имѣла тоже названіе—Водяна балка. На водвореніе имъ здѣсь было выдано только по 15 рублей на хозяина. Вотъ все то, что я знаю о населеніи здѣшней округи народами, по волѣ князя Потемкина селившимися. Изъ нихъ многіе на прежніе свои жилища возвращались по причинѣ чрезмѣрной трудности, когда селились: 1-е воздухъ дикой, не очищенной отъ паровъ, происходившихъ изъ плавень, не проходимыми камышами и трущебникомъ лѣснымъ покрытыхъ; 2-е мошка столько была сильна—душила даже рогатый скотъ, въ ноздри набившись, въ день нельзя было работать, а ночью комарь не давалъ покою. Этой бѣды едва могли переносить. Ктому еще третья: оврахи или суслики въ такомъ были множествѣ въ полѣ, чтобы не было посѣянное, истребляли все до послѣдняго на нивѣ, тоже самое, какъ и сарана. Для истребленія разные опыты отъ поселянъ были: выливали водою, но безуспѣшно, дѣлали самострѣлы и надъ норами ставили, но надобно было сидѣть и заводить; наконецъ вздумали съ огня кипяткомъ. Хотя истребляли, но на мѣсто того годъ отъ года болѣе ихъ выпложивалось; поселяне отчаялись было имѣть когда либо свой хлѣбъ, въ елисаветградскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ зажинали и покупали, наконецъ отъ овраховъ чудомъ спасены: Богъ знаетъ откуда, появились въ множествѣ хори; сіи истребили овраховъ почти безъ остатка; послѣ того и хори скрылись и до нынѣ не видно тѣхъ и другихъ. По истинѣ чудное въ натурѣ дѣйствіе!

Слѣдуетъ теперь упомянуть о земляной крѣпости, что у переправы подлѣ казармъ: хотя вся уже развалилась и пескомъ засыпалась, но отъ западной стороны есть цѣлость правильнаго треугольника и часть стѣны и ровъ видѣнъ. Надобно думать, что сія крѣпость была сдѣлана при Петрѣ, когда Азовъ былъ взятъ, а когда обратно отданъ туркамъ, тогда оставлена. Сіе повѣствованіе яко не сомнительное есть,

потому что я имѣлъ карту, доставшуюся по кончинѣ графа Клермонтера, тамъ означена сія крѣпость и названіе выставлено «Затонъ», потому что соединяется тутъ зъ Днѣпромъ Конская рѣка;—соединилась и какъ-бы утонула,—или потому что было запинаніе татарамъ. Я узнать хотѣлъ отъ старыхъ запорожцевъ; но они помнятъ то только, что крѣпость оная была россійская. Доказательствомъ еще и то, что подлѣ крѣпости на берегу находили серебрянныя старинныя копѣйки,—болѣе о семъ ничего не могу сказать. Что-же по сю сторону Лимана къ слободѣ Знаменкѣ видна крѣпость и отъ оной валъ, простирающійся къ Лиману и по ту сторону до селенія Малой Знаменки и въ самомъ берегу Конки кончившійся, такъ объ ономъ для себя разумѣй: быть можетъ или половцами, или печенѣгами и козарами неправильно построенный. Хищные отъ хищныхъ защищались. Въ срединѣ самой крѣпости было строеніе похожее на дворецъ; знаменскіе рыли и доставали въ землѣ камень тесаный и кирпичь жженый, весьма прочный, болѣе никакихъ нѣтъ признаковъ. Еще въ вершинѣ Лимана есть окопы или ретраншаменты, имѣющіе правильные треугольники. Когда князь готовился къ взятію Очакова и самъ во всю зиму до самой весны находился въ крѣпости елисаветградской, въ ту самую зиму отъ него былъ присланъ подполковникъ инженерный, нѣкто Андрей Алексѣевичъ Темкинъ, въ здѣшнія плавни для заготовленія туровъ и фашинъ; онъ любопытствовалъ оный окопъ и увѣрялъ, что во время Миниxова похода здѣланъ. Также, по теченію рѣки въ верхъ, примѣтно былъ лѣсъ: находили коревья не у самой рѣчки, но въ полу-горѣ, слѣдовательно не вербовой, но иного рода,—думать надо, войска истребили. Годовъ пять или шесть тому прошло, какъ знаменской мужикъ скотоводникъ въ степи, верстъ за 50-тъ, на казенномъ участкѣ для скота рылъ колодезь; вырывши аршинъ 6, открыли необыкновенной величины кость, толщиною едва можно обхватить двумя четвертьми аршина, излучистая, похожа какъ-бы на ребро какого звѣря; они по глупости разбили и раздробили; потомъ, не нашедши воды, оставили и завалили. Сіе есть доказательство бывшаго всемірнаго наводненія.

Минуя Рогачинъ, бывшее имѣніе князя Вяземскаго, скажу нѣчто мимоходомъ о Лепатихѣ. Сіе мѣстоположеніе, не бывъ удобное къ населенію, оставалось никѣмъ не занятое до дней извѣстныхъ француз-

ской революціи. Въ то самое время два графа, извѣстные Шуазель и Клермонтеръ, избѣгнувши, получили здѣсь въ удѣлъ себѣ землю лепатихскую, гдѣ теперь казенное селеніе. Тамъ они графы водворились по обѣ стороны балки: Клермонтеръ восточную сторону занялъ, а Шуазель западную. Имѣя деньги, старались во первыхъ о населеніи людьми всякою сволочью, не надежными бродягами; записывали имена и прозванія, какіе были фальшиво показаны, между тѣмъ (записавшіеся) для заработковъ отходили и не возвращались. Когда учинена была ревизская перепись, тогда графы увидѣли, что со временемъ платить надобно подати, у нихъ-же, кромѣ изнуренія и убытковъ, все пустое, языка россійскаго, ни его свойства не знали; хотя и былъ переводчикъ, молодой, 18-ти лѣтній, но и тотъ былъ утопленъ также въ рѣкѣ. За тѣмъ Клермонтеръ помре; тамъ и погребенъ, не имѣя памятника. Имущество его, какое оставалось, земскою полиціею продано. Тогда и мнѣ досталось имѣть карту, объемлющую одну только крымскую область по самый Днѣпръ. Оставался Шуазель; онъ просилъ императрицу, было повелѣно принять землю и людей по списку въ казну; взамѣнъ ему дано въ Бѣлоруссіи; такъ о томъ слышалъ я отъ его превосходительства Семена Семеновича Жегулина. Лепатиха славна должна быть по первому заведенію!

Ниже Лепатихи было занято Самойловымъ; онъ потомъ продалъ Рахманову; сей своими людьми населилъ большую слободу. За Рахмановымъ земля принадлежала прежде Завадовскому и во многіе годы не была населена такъ, какъ теперь: у графа Кочубея здѣлалось селеніе многолюдное. Казенные Каиры есть давніе, также какъ и Знаменка; тамъ отставной былъ капитанъ, старикъ смолдавскій (изъ Молдавіи), подъ его смотрѣніемъ оная слобода населялась. Дурицкая земля и слобода прежде всего принадлежала принцу Нассау. Его жена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два или три жила одинехонька, претерпѣвая оводъ, мошку и комары, въ простой хижинѣ, никуда не выѣзжая. Однажды пріѣзжала къ Дмитрію Матвѣевичу Куликовскому, болѣе никуда; имѣла прилежаніе къ разведенію разныхъ садовыхъ и иныхъ деревъ, наипаче-же акацій, но увидя изъ опыта, что здѣшній климатъ ей не благопріятствуетъ, продала Константинову и навсегда удалялась въ родину свою.

Каховка имѣетъ названіе въ честь бывшаго первоначально въ Крыму генералъ-губернатора Михаила Васильевича Каховскаго. Дмитрій Матвѣевичъ Куликовскій, имѣвши тогда случай, занималъ земли, гдѣ только пожелалъ; онъ имѣлъ тѣсную дружбу съ Василіемъ Степановичемъ г. Поповымъ. По княжескому благоволенію Куликовскій опредѣленъ былъ къ соли; свои земли заселилъ людьми и Васильевку г. Попова слободы. Государь Павелъ когда воцарился, фельдъ-егеръ, подхватя Куликовскаго, отвезъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ около двухъ лѣтъ содержался, потомъ освободился. Тогда происходили поиски за военныхъ, оставившихъ службу и въ поселяне приписавшихся, подъ видомъ бродягъ. Гдѣ только таковые были отысканы, были штрафованы наборомъ два рекрута за одного; въ Большой и Малой Знаменкахъ штрафныхъ человѣкъ 20 отдали; тоже самое и у помѣщиковъ. Дабы освободиться отъ помѣщиковъ, не бывъ никогда служивыми показывались.

Вотъ все, что я знаю о населеніи здѣшней округи. Благоснисходительно за медленное донесеніе и за всю въ письмѣ неисправность,—ибо ни ладу, ни складу,—простите.

Честь имѣю пребыть къ вамъ навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,

Милостивый государь, вашъ всеохотнѣйшій слуга

Карпъ Маркіановъ.

День Преполовенія.
Знаменка.

УНИВЕРСАЛЪ
ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА[1]) 1690 Г.

(Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ).

Какъ ни страннымъ можетъ казаться въ настоящее время, но то несомнѣнный историческій фактъ, что до половины XVII ст. нынѣшняя черниговщина и полтавщина находились въ фактическомъ владѣніи польскихъ пановъ, а польская культура и языкъ господствовали тамъ, особливо въ Черниговщинѣ, до половины XVIII в. Дальнѣйшія измѣненія въ землевладѣніи лѣвобережной Украйны являются результатами переворотовъ въ политической исторіи Украйны.

Въ началѣ XVII вѣка, говоритъ Багалѣй въ своей статьѣ: «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.» [2]), начинается усиленное нашествіе польскихъ пановъ..., ко второй половинѣ XVII в., т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, шляхта пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ... Возстаніе Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ—крупное землевладѣніе совершенно почти исчезло..., земля сдѣлалась собственностью всего народа малороссійскаго... Займанщина—вотъ та типичная форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ

[1]) Біографическія о немъ свѣдѣнія см. въ янв. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: «Лизогубы».

[2]) «Кіевская Старина», декабрь, 1883 г.

экономическихъ оковъ... Постепенно количество земли должно было уменьшиться какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра... Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной земельной собственности, которая произошла путемъ пожалованія, скупли и захватовъ».

Помѣщаемый ниже универсалъ черниговскаго полковника Якова Кондратовича Лизогуба (1687—1698) можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому изслѣдованію г. Багалѣя, иллюстрируя положеніе землевладѣнія въ Черниговщинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго и установленіе въ немъ новаго, прочнаго порядка, безобиднаго для обѣихъ столкнувшихся на этомъ сторонъ.

Извѣстно, что польская шляхта бѣжала изъ Украйны безъ оглядки при первомъ громѣ козацкаго оружія: дома, грунты, поля опустѣли. Послѣ первой войны Москвы съ Польшей (1653), переяславской рады и второй войны, окончившейся андрусовскимъ договоромъ (1667), лѣвобережная Украйна фактически присоединилась къ Москвѣ. Пока прежніе владѣльцы земельной собственности скитались по разнымъ областямъ польскаго государства, спасаясь отъ ужасовъ народнаго возстанія, ихъ имущества попали въ другія руки: давно уже кто хотѣлъ, тотъ и занималъ ихъ, иное-же отдано было за военныя заслуги чинамъ войска запорожскаго, но за все, какъ говоритъ универсалъ, «великіе государи православно-россійскіе черезъ мирніе договоры *сумою* своею монаршою королю польскому и Речи Посполитой оплачували».

Но вотъ, послѣ андрусовскаго договора, когда въ Украйнѣ наступили относительно тихія времена, шляхта начала мало по-малу возвращаться па свои старыя гнѣзда и нашла тамъ другой режимъ, другіе порядки: чужіе люди полноправно владѣютъ ся прежними имуществами. Шляхта не желаетъ примириться съ совершившимся фактомъ, подаетъ жалобы высшему малороссійскому уряду, ведетъ процессы съ новыми землевладѣльцами и добивается возвращенія своихъ прежнихъ имуществъ *statu quo ante*. Эти-то «частыя докуки и уприкренія» и заставили высшій урядъ страны войти въ обсужденіе вызваннаго предшествовавшею бурею жгучаго земельнаго вопроса. Дѣло обсуждалось по полкамъ: полковники, совмѣстно съ

старшиной и значнымъ войсковымъ товариствомъ, придумывали исходъ изъ такого положенія дѣлъ и результаты своихъ обсужденій объявляли особыми универсалами во всеобщее вѣдѣніе. Одинъ изъ такихъ универсаловъ предъ глазами читателя. Вотъ его текстъ:

Изъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго

Полковникъ черниговскій Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ.

Всѣмъ, кто-бы потребенъ того былъ вѣдати, теперъ и въ пришліи часи, а особливе всѣмъ жителемъ постовбицкимъ, слободскимъ, золубицкимъ, гонопаловскимъ, даницкимъ, гусиявскимъ войсковымъ и посполитымъ людемъ, ознаймую, ижъ, узнаючы я, за ураду моего, частіи докуки и уприкренія черезъ заводы неуспокоення о кгрунтахъ, на которихъ описанніи сидять села, же ославляючіися шляхтою въ тыхъ селахъ, за антецесоровъ моихъ, прошлихъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣнущіе лѣта, не обзивалися до тихъ кгрунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперъ, давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалии чинити. Для успокоення того, за сполною обрадою, съ полковою старшиною и значнимъ войсковимъ товариствомъ, казалемъ видати сей мой унѣверсалъ зъ таковимъ постановленнемъ и вырокомъ: поневажъ якъ война першая наступила и освободивши съ подданства лядского войско запорожское отчизну свою, увесь малороссійскій край, волне и свободне помежи тими и на тихъ то шляхецкихъ кгрунтахъ пооседали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тіи-жъ шляхецкіе кгрунта запустѣлія зостали, которіе, или тутъ у Сѣверщинѣ лежачіе, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи наши православно-россійскіе, обнявши въ свою державу Украину, черезъ мирніе договори сумою своею монаршою королеви полскому и Речи Посполитой оплачували, и годніи особы заслугуючіеся у войску запорожскомъ, за унѣверсалами рейментарскими, одержали тие-жъ ку пожиткове своему кгрунта, теди на чомъ хто оседѣлъ зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанихъ прошлими часы и теперъ сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ, а болше роспахати и розробити самъ не може, абы тимъ ся контентовали, и тые за власность свою мѣли, а що над-то иними хто розробилъ, и еще не розробленихъ и запустѣлихъ мѣло бы

бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе собѣ иле шляхта звикла ославлювати, и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити, присвоюють и не допускають сполмешканцомъ своимъ розробляти и поседати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и веякіе люде, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожиткове своему, безъ жаднихъ заводовъ и турбаціи, приводили, нынѣшнимъ, подъ щасливою Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ православно-россійскихъ монарховъ нашихъ державою, власти войсковой служачимъ правомъ, теперъ и на потомніе часы, подъ винами и карою срокгою на сопротивнихъ и упорнихъ, утверждаю.

Данъ въ Чернѣговѣ 13 сентевріа року 1690.

Вышменованный полковникъ чернѣговскій.

(М. П.)

Приписка. Тутъ-же и тое докладаю, не отпустною виною на маетку и не легкою карою на здоровю варую, и срокгій заказъ чиню, абы нихто зъ тихъ-же селянъ и въ тихъ кгрунтахъ давно и новоприбранныхъ сѣножатяхъ не важился орати, яко мѣло уже своволно и допустно поорано, иле рачей гдѣ прибрано на сѣножать, нехай тое сѣножатю буде, а що на поле пахатне, абы кождый працею своею старался робити, албо на томъ престалъ, що хто старого розробленія мае.

СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА.

Подъ этимъ заглавіемъ дошла до нашего времени и циркулируетъ не въ однихъ спискахъ, но даже въ живомъ изустномъ обращеніи одна изъ такъ называемыхъ *интермедій*, начало которыхъ теряется въ первыхъ годахъ XVII ст., но которыя полное свое развитіе получили въ срединѣ прошлаго столѣтія и дожили до самаго почти конца онаго. Печатаемую теперь интермедію мы слышали въ дѣтствѣ, въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, отъ многихъ лицъ и знали ее наизусть; но это было лѣтъ 50 назадъ. Интермедія давно была забыта нами, какъ вдругъ въ минувшемъ году съ одной почтой мы получили два списка оной: одинъ сдѣланный первоначально въ Бессарабіи, но циркулировавшій въ Галиціи и пріобрѣвшій тамъ особенности галицкаго правописанія, а другой болѣе близкаго и, такъ сказать, живаго происхожденія—онъ сдѣланъ въ м. Новомъ Ропскѣ, черниговской губерніи, новозыбковскаго уѣзда, подъ диктовку 73-лѣтняго, уже ослѣпшаго старика изъ крестьянъ Алексѣя Лисовскаго, совершенно неграмотнаго, но въ молодости бывшаго приватнымъ дьячкомъ, по выбору прихожанъ. Обѣ редакціи значительно повреждены—первая неизвѣстными переписчиками, а вторая ослабѣвшею памятью старика, но обѣ въ такой степени другъ друга исправляютъ и пополняютъ, что остается одно лишь мѣсто, въ которомъ чувствуется нѣкоторый пропускъ, что и отмѣчается нами въ самомъ текстѣ интермедіи. Смыслъ искаженныхъ и непонятныхъ словъ намъ легко было возстановить и по памяти, и по ходу рѣчи.

Содержаніе интермедіи—простая, несложная сцена изъ жизни малорусскаго народа той отдаленной эпохи, когда дѣйствовалъ еще

гетманскій режимъ и существовалъ козачій строй въ нашей гражданско-общественной жизни. Авторъ интермедіи неизвѣстенъ, но конечно это было лице, принадлежавшее къ составу старой кіевской академіи, и самая интермедія—произведеніе школьное, хотя довольно уже обшлифовавшееся въ народномъ обращеніи, съ размѣромъ стиха силлабическимъ. Дѣйствіе происходитъ вѣроятнѣе всего во второй уже половинѣ XVIII столѣтія и несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Селомъ отъ имени громады правитъ атаманъ, но тутъ-же и резиденція сотника. Священникъ этого села втерся въ приходъ путемъ окольнымъ, помимо выбора громады, женившись на воспитанницѣ сотника. Онъ изъ молодыхъ, сторонится отъ народа, не раздѣляетъ его предковскихъ, нерѣдко суевѣрныхъ обычаевъ, борется съ предразсудками и невѣжествомъ народа, заводитъ школу для дѣтей, энергически преслѣдуетъ нравственную распущенность прихожанъ и ихъ охлажденіе къ церкви. Недовольные давно уже своимъ священникомъ прихожане въ случайно сошедшемся кружкѣ толкуютъ о томъ, какъ-бы избавиться не милаго и строгаго священника, перечисляютъ всѣ его выдумки и затѣи, сравниваютъ его порядки и поступки съ тѣмъ, что было при прежнемъ ихъ священникѣ старикѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ нихъ въ жизни, не превосходившемъ ихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ и другихъ воззрѣніяхъ и потому не преслѣдовавшемъ того, что издавна вошло въ ихъ общую жизнь. Результатомъ этого случайнаго совѣщанія нѣсколькихъ громадянъ является рѣшимость ихъ идти гуртомъ къ протоіерею и архіерею съ письменною просьбою о перемѣнѣ священника, за составленіемъ которой они и направляются къ дьячку. Тутъ толки о винахъ священника продолжаются; подходятъ еще нѣсколько стариковъ. Дьячекъ не слушаетъ, что говорятъ, строчитъ свое, безъ подготовки и запинки сочиняетъ жалобу—*суплику* (supplicare—жаловаться, доносить) въ непроглядно-темныхъ общихъ фразахъ, пересыпанныхъ церковно-библейскими словами и съ соблюденіемъ тогдашней формы прошеній; но когда онъ кончилъ и прочелъ, громада, толковавшая уже о необходимости подкрѣпленія просьбы обычною тогда во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества посулою, ничего не понявъ изъ прошенія, пришла въ смущеніе, изъ котораго выручилъ одинъ изъ стариковъ, заявивъ, что причина зла въ сотникѣ, вліяніемъ котораго верховодитъ священникъ, и что надо начинать съ

сотника, а потомъ уже приниматься за священника. Но какъ подобная борьба казалась почти невозможною, то собравшіеся громадяне, признавъ, что тщетно было-бы сыпать противъ вѣтра пескомъ, предпочли, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, направиться въ корчму и запить неудавшуюся попытку водкой. Уходя, они приглашаютъ съ собою составителя прошенія, но тотъ отказывается въ виду скораго начатія вечерни.

Драматичности дѣйствія, комичности сцены въ общемъ и мелочахъ и глубокой вѣрности ея съ жизнію интермедія обязана своею долговѣчностью и широкою распространенностію. Она даетъ намъ яркую картину нравовъ и понятій, господствовавшихъ въ сельской средѣ далекаго отъ насъ времени, меткими чертами рисуетъ происходившую тогда борьбу привычекъ и воззрѣній старыхъ съ новопроторгавшимися и рисуетъ, надо сказать, такъ вѣрно, что многія, даже мелкія явленія можно подтвердить архивными ссылками. Такимъ образомъ помѣщаемая нами интермедія есть не только литературный, но вмѣстѣ и историческій памятникъ. Вотъ ея любопытный текстъ.

Пархимъ. Охримъ!

Охримъ. Ащо, Пархимъ?

Пархимъ. А нумо лишь, свату Охриме, думати, гадати,
Якъ бы намъ попа свого у шоры вбрати.
Геть винъ силомитью влизъ въ нашу парафію,
Та дивись, яку надъ нами крутить веремію.
Чого наши диды й батьки не чували,
То щобъ мы ёму на сповиди слебезували.
Та щежъ выдумавъ яку затію,
Щобъ мы давали дитей у винацію! [1])...

Охримъ. Геть я вамъ самъ казавъ: не дуже вы на ту оковитку! [2])
А въ рештп хто-жъ те знавъ? винъ добрымъ казався зъ дитку.

Пархимъ. Нема на свити, якъ нашъ бувъ пипъ старый,
Що ёго и доси згадуе велыкій и малый.

Охримъ. Та й будемо, свату, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.

---

[1]) *Винація*—обученіе, школа, отъ лат. *vinacea* въ производ. или перен. смыслѣ.

[2]) Намекъ на выборы священника и подпаиванье при томъ водкой.

Умивъ бо, свате, изъ людьми обходиться,
Та ще було де й горилки напиться.
Хочъ за винчаня и добре бравъ,
Та добре объ храми й людей пацуваъ.
Попили, голубчики, теи оковитки,
Та ще не тилько мы, але и наши дитки.
А до сего але ніякъ и приступиться,
Не тилько щобъ коли горилки напиться.
Хоть и за диломъ прійдешъ, то все рыло дуе,
А якъ чого попросишъ, то мовъ и не чуе.

Тарасъ. Нехай але то насъ не шануе,
А то й Грицька Дяденка, що ще й титаруе.

Опанасъ. Та винъ и отамана ни въ-вищо не ставить:
Хочъ той що скаже, то винъ свое все править.

Лецько. Хоть е за що, хоть нема, а сажае въ куну,
Ось якъ посадивъ и Хиврю, мою куму;
А то тилько за те, що согришила,
Выбачайте ...., якъ дижу мисила.
Хоми причастя зовсимъ не давъ,
Що до церкви йдучи, горилки покуштувавъ.
И Семена старого за то въ куни державъ,
Що якось разъ съ кумою пожартувавъ;
Педора передъ причастямъ квашп покуштувала
Та й за те въ куни весь день стояла;
Снигуръ Гара́симъ тилько въ пятинку скорому наився,
То й за то въ куни добре насидився;
И Кирикъ Овадченко не втикъ сёго сорома:
Залицався на Настю, а вона ёго кума;
Та й Левко Музыка три дни въ куни-жъ сидивъ,
Що куми, выбачайте, щось не до ладу зробивъ.
А Процько за куму хочъ въ куни й не сидивъ,
Такъ на саме Риздво весь день поклоны гривъ;
Зинець изъ ридною кумою женихався,
Та и за то неборакъ у куну попався.

Педько. Ходимъ лишъ до дяка, та все ёму гарненько роскажимо,
Та ще й хороше ёго попросимо.

Приходять до дяка.

Свиридъ. Здоровъ будь, пане дяче, якъ соби маешъ?
А за чимъ прійшли, чомъ не питаешъ?
Дякъ. Почтеннiи парафіяне, изволте сидати,
Коли въ гости прійшли, то будемъ витати.
Миронъ. Та спасыби, пане дяче, за твою ласку,
Послухай насъ, яку мы скажемо тоби казку:
Возьми лишъ каламаръ и перо, та напиши круто,
Щобъ надили на нашого попа зализнее путо.
Дякъ. Почтеннiи миряне, извольте казати;
Чернилница готова, що маю писати?
Педько. Ой пиши, пане дяче, що не велывъ челяди колядувати,
На улицю ходити и на Купайла черезъ огонь скакати;
Объ клечиппи заказавъ винцивъ робити
И тихъ въ ночи на воду до рички носити.
Не вольно вже парубкамъ зъ дивчатами гуляти;
По чимъ же вони молодисть свою будуть знати?
Охримъ. А праздныкивъ наказавъ—що може зъ пивкопы буде
И щобъ кожного свята ходили до церкви вси люде.
Пархимъ. А коли жъ, пане свате, будемо робити,
Якъ станемо що свята до церкви ходити?
Старый, небижчикъ, не знавъ тихъ виваціи,
Та й не було тоди нiякихъ затiй:
До церкви ходили не кожноп недили,
А говилы тилькы тiи, котри сами хотили.
А сей же молодый выдумавъ таку затiю:
Не сповидае, хто скаже, що *Отче нашъ* не вмiю,
А хто *Тройци* не скаже, то й не причащае,
А самъ зъ дякомъ въ церкви що день галагалае.
Педько. А жежъ старый небижчикъ пипъ не разъ и въ шинку хрестивъ,
И на Купайла скакавъ, и колядувати ходивъ,
А по весиляхъ не тилько було старостуе,
—Ходить у придани, та ще було й задружкуе;
И винчавъ, небижчикъ, не тилько що зъ кумою,
А хочъ прійди до єго изъ ридною сестрою.
Аже випъ, покiйникъ, не менше грихивъ знавъ,

Та парафіянъ своихъ такъ не мордувавъ
И хочъ мы тогди помолиться и не вмили,
А все жъ таки насущный хлибъ ѝли.

Сутрунъ. Тогди, пане Педьку, и Богъ лучче годивъ,
Отъ тилько що народъ до церкви не ходивъ;
А при сёму то и Богъ не хоче годити,
Бо цей ставъ дитей въ випаціи вчити.

Стецько. Геть правду казала небижчиця Настя,
Що не буде народъ мати билше щастя;
Бо вона бачила, якъ замирала,
Що пятинка свята Пречисту прохала:
«Перестали люди Пречисту давно шанувати,
Не дай-же имъ щастя и доли мати.
Все кажуть: николи й погуляти;
А коли-жъ пятинку святую шанувати» [1])?

Федько. Чи любо дивиться на дивку Стицькивну,
Що волосъ побиливъ, та не найде соби ривню?
Бо теперъ безъ вина [2]) не до порога.
Ось якъ дивче Иваська—небога,
Що до неи нихто и не заглядае,
Геть тимъ, що въ бодни нычого немае.

Лавринъ. Прійдется и нашимъ дочкамъ дѝвувати,
Якъ сей довго буде попувати.

Буцъ Илько. Не бійся, пане Лецьку, не буде довго попомъ.
Отъ якъ до хурхурея вси пидемъ гуртомъ,
А тамъ якъ роскажемъ, якъ винъ нами крутить,
Або и суплику якъ розбере,
То може й самого до рукъ прибере.
Та якъ крутопопа попросимъ старого,
То, не бійся, заразъ дадуть другого.
Тоди перестане намъ за шкуру сала заливати,
Вывчимо мы ёго, якъ мае попувати;
Буде винъ памятати, що робивъ тутъ тартаръ,
Якъ одъвидае хурхурейськихъ барбаръ.

---

[1]) Послѣ этого чувствуется въ обоихъ спискахъ пропускъ.

[2]) *Вѣно*, приданое.

Винтипъ. Колибъ, Ничипоре, хоть по мошличку таки зложили,
Та пиднесли-бъ хурхурееви, щобъ его виддалили;
Тай крутопопи треба щось дати,
Бо правду казала небижчиця мати,
Що безъ грошей не доступити до пана,
Якъ безъ сукна до гетмана.

Котухъ. То правду, пане куме, оце ты кажешъ;
Бо й цееи справы дурницею не розвяжешъ.
Иди лишъ, кликни мого Демка кума,
Тай попросите сюда Безпалька Наума,
Вони люде стари и всюди бували,
Тобъ може й вони що небудь сказали.
А ось вони й сами сюда чимчикують...
Читай лишъ, пане дяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае:

«Въ Бозѣ Преосвященнѣйшему, надъ Владиками владичествуюшему, Божіей церкви и Христовой невѣсти красителю, премудрѣйшему учителю, усердному всѣхъ бидныхъ защитителю, эпархіи новогроденской архіепископу, смиреннѣйшему Егору Своевольскому отъ православныхъ парахвіянъ села Нерушъ-мене, пресвятой еленской церкви, премного грешнихъ рабовъ;

Слѣзное доношеніе:

Мы нижайшіи раби просимо и молбы дѣемо, услыши святій, пресвятій Владико просящихъ и молящихъ Тебѣ, припадающихъ и цѣлующихъ святѣйшіи нозп твои, просящихъ милосердія твоего.

Избави насъ отъ хищнаго волка, бѣснословлющаго латинника, недостойнаго пресвитерскаго сана.

Ібо яко волкъ овцы пожераетъ, а не яко пастиръ во едино стадо собераетъ, и яко левъ свирѣпствующій ищетъ кого поглотити, тако и сей нашъ по Божому допущенію, грѣхъ ради нашихъ винаціянъ. У вѣчной памяти бувъ Хома Боголюбскій, не воспрещавшій, но еще поучавшій такову паству. На всякомъ мѣстѣ владычества твоего благослови душе моя Господа!

Наумъ. А щожъ вы це написали?
Аже вы сами себе извязали.
Аже-жъ винъ не самъ се крутить,
То все ёго панъ сотникъ учить.

Демко. Та винъ-же ёго сюда и втоптавъ,
Бо за нёго свою годованку виддавъ.

Терешко. Та вже-жъ, Демку, хоть грунты позбуваемъ,
А таки его съ попивства зпихаемъ.

Супрунъ. Ты гляди, Терешку, не дуже тупай,
Та старихъ людей послухай.
Бо въ ихъ багацько грошей и вони розумни люде,
То куда не пидуть, то ихъ правда буде.

Наумъ. Треба перше сотника спахлювати,
То тоди будемо и на попа подавати.

Лавринъ. Та вже жъ, Терешку, не сыпать противъ витру пискомъ,
А черезъ позовы будемо ходити пишкомъ.
Ходимъ лучше до Манайла горѣлки пити,
Чимъ маемъ, врагъ знае, що робити.

Стецько. Кликнить-же и дяка, нехай и винъ выпье чарку.

Супрунъ. Ходимъ зъ нами, пане-дяче, Марку!

Дякъ. Благодарю покорно за ваши привиты,
Бо йде паламарь до церкви звонити!

Библіографія.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.

«Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» Новицкаго изслѣдователямъ этнографіи и исторіи Сибири было извѣстно въ рукописи съ тридцатыхъ годовъ. Въ истекшемъ году это описаніе было издано обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Л. Н. Майкова. Изъ небольшаго предисловія Л. Н. Майкова видно, что свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ его сочиненія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіяниномъ, по всей вѣроятности, питомецъ кіево-могилянскаго коллегіума. Новицкій былъ по неизвѣстной причинѣ сосланъ въ Сибирь въ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибири Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора кн. М. П. Гагарина и митрополита Филоѳея Лещинскаго; послѣдняго Новицкій сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти поѣздки подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 г. При преемникѣ Филоѳея митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ Новицкій назначенъ былъ въ кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ. Изъ «Описанія» видно, что авторъ его былъ человѣкъ весьма образованный и любознательный; онъ зналъ латинскій языкъ, читалъ римскихъ поэтовъ, самостоятельно ознакомился съ прошлыми судьбами сибирскаго края по лѣтописи Саввы Есипова. Несомнѣнно, Новицкій обладалъ свѣтлымъ умомъ и энергіей. Много малороссіянъ въ разное время было заброшено на дальній сѣверъ, гдѣ

пришлось имъ быть превозвѣстниками научнаго и литературнаго развитія краевой жизни, и среди нихъ Григорій Новицкій занимаетъ почетное мѣсто. Уважаемый редакторъ изданія даетъ «Краткому описанію» слѣдующую оцѣнку: «Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосв. Филоѳея даютъ «Краткому описанію» значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито и Шарлевца, съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени спеціальное сочиненіе. Да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были-бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса»

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей нынѣшняго секретаря статистическаго комитета, П. Е. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харькова, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой даетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ

барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Вѣдь продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядъ-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе губерніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи, 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Бѣлополья, 5) Замѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ, 9) Выписка изъ фамильной записи Квитокъ и 10) Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ. Минуя первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткія біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Ковалевскихъ, пр. Черняева, малороссійскаго поэта Я. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, пр. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Писаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *jus manium*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ тружениковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы

провинціальныхъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы примѣръ ихъ ободрялъ другихъ. Это до нѣкоторой степени могло-бы содѣйствовать подъему энергіи и общественной самодѣятельности въ провинціи; съ другой стороны полученныя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Разсматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно наталкиваешься на грустныя мысли. Болѣе выдающіяся лица сдѣлали для своего края гораздо менѣе, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такія лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами слободской Украйны нынѣшней харьковской губерніи. Но эта-же самая книга была цѣлымъ вкладомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровской преміей отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрогиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русской исторіей извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украйны почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украйны, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для его исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ богатые матеріалы для исторіи лѣвобережной Украйны, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣкѣ. Но документы бывшей слободской Украйны частью отсыла-

лись въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ принять какія нибудь мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраннымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любопытные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, ахтырской полковой канцеляріи, переписную книгу харьковскаго полка, перепись лейбъ-гвардіи майора Хрущова 4-хъ слободскихъ полковъ, коммиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранящихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда нынѣшній архивъ малороссійской коллегіи, хранящійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти полтавской губерніи. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и поставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему извѣстной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполнѣ обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ обще-русскихъ событіяхъ. Извѣстный архивистъ Ник. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ истори-

ческаго архива и архивной коммисіи; и это одно уже обстоятельство служитъ хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исключительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было — 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужескаго пола); вторыхъ — 422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужескаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы; великороссіянъ, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, дозволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужескаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевци, котляры, ковали, рымари, музыки, скляри, шаповалы, гончари, кравци, кушнери, тесли, олейники, винники, солодовники, кацари. Но если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, чѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украйнѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разницею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Нѣжина или Стародуба), а въ слободской Украйнѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разночинцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянъ, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворкахъ и въ хуторахъ жили *подданные* разныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губерній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужескаго пола); общее количество душъ обоего

пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпиталя и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хрущова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамильной записи Квитокъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси. Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитками, Тевяшовыми, Лесевицкими, Кондратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтописцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Величка, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ несчастью даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамильныя записи Квитокъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе были *лѣтописныя замѣтки*, чѣмъ фамильные мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитокъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ утратѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторія пролила-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ разсказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрованые дяки въ слободской Украйнѣ» передаетъ намъ біографію одного дячка-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрованными такіе дячки назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривкахъ». Любопытный примѣръ такого мандрованнаго дячка представляетъ изъ себя и тотъ «безпаспортный» дячокъ и учитель,

Козьма Порадинъ, о скитальческой жизни котораго разсказывается въ документѣ, разысканномъ пр. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же кочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковно-служителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обязанности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южно-русскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *подданными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украйнѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край заселялся исключительно пришлымъ людомъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе извѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, нотному пѣнію и т. п. Такимъ путемъ вырабатывалась страсть къ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мандривныкъ» получалъ кондицію. Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мандрованыхъ дячковъ, школьниковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Данилевскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенныя въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ. **Дм. Багалѣй.**

О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Сенигова. Спб. 1884 г.

«Основная задача предлагаемаго изслѣдованія, говоритъ авторъ,—опредѣлить время возникновенія первоначальной новгородской лѣтописи». Въ первой части этого труда приводятся мнѣнія по вопросу о возникно-

веніи новгородской лѣтописи, уже существующія въ наукѣ. Въ этомъ перечнѣ авторъ упустилъ лишь мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Голубинскимъ, который признаетъ всю Іоакимовскую лѣтопись за подлогъ [1]). Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго и вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Лавниченка, что отношенія Татищева къ источникамъ, которыми онъ пользовался, не оставляютъ никакой возможности подозрѣвать его въ фальсификаціи [2]). Изъ приводимыхъ г. Сениговымъ мнѣній о первоначальной новгородской лѣтописи ясно видно, «что никто изъ нашихъ ученыхъ не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ относятъ начало новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI в., а другіе полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св.»

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи анализируетъ тѣ лѣтописныя извѣстія, которыя служатъ основаніемъ для мнѣнія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св. Нельзя не согласиться съ г. Сениговымъ, что эти извѣстія не даютъ возможности признать этого мнѣнія. Подобныя записи, какъ о св. Ольгѣ, о мѣстѣ погребенія Олега, о построеніи Ладоги и Новгорода, объ избраніи перваго новгородскаго посадника Гостомысла и т. п., внесены въ лѣтопись изъ устъ народа, у котораго всѣ эти событія могли долго сохраняться въ памяти и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи, и прибавимъ, съ присоединеніемъ новыхъ подробностей, создаваемыхъ народной фантазіей. Противорѣчія въ хронологіи этихъ преданій съ хронологіей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» также доказываютъ, что всѣ эти записи нельзя считать современными самымъ событіямъ, въ нихъ описываемымъ. Если это такъ, заключаетъ авторъ, то нѣтъ основанія предполагать, существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра св.—Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правъ, дѣлая подобный выводъ. Можно сказать, что *въ дошедшихъ до насъ спискахъ новгородскихъ лѣтописей* нѣтъ данныхъ, указывающихъ, что начало лѣтописанія въ Новгородѣ относится ко времени до Владиміра св., но, можетъ быть, существовали списки, которые содержали записи событій до принятія христіанства и притомъ записи, современныя самымъ событіямъ. Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ. Еще Срезневскій, на основаніи утраты начала синодальнаго и академическаго списковъ новгородской лѣтописи, предполагалъ, что въ Новгородѣ существовала обширная лѣтопись о древ-

---

[1]) См. его Исторію Русской Церкви и Актъ московской дух. академіи, 1881 г.

[2]) Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись. Въ Ж. М. Н. Пр.

нѣйшихъ событіяхъ, какъ и такъ называемая Несторова [1]), а недавно г. Янишъ высказывалъ мысль, что въ начальныхъ тетрадяхъ синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ кіевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная новгородская начальная лѣтопись и вмѣстѣ съ нею значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси. Это предположеніе весьма правдоподобно. Г. Сениговъ старается доказать его несостоятельность на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Такими достопамятными событіями у всѣхъ народовъ считались событія политической жизни. Въ древнѣйшей жизни В. Новгорода не было такихъ событій, которыя-бы свидѣтельствовали о политическомъ ростѣ новгородской области, о расширеніи предѣловъ и т. д.; политической силы В. Новгородъ не имѣлъ и находился въ полной зависимости отъ князей кіевскихъ. Стало быть, въ В. Новгородѣ не могло зародиться лѣтописаніе въ первый періодъ его исторіи. Этотъ выводъ логически вѣренъ, но не вѣрны самыя посылки этого умозаключенія. По нашему мнѣнію, категорически ставить ихъ нельзя. Укажемъ на нѣкоторые факты, ослабляющіе категоричность этихъ выводовъ. Авторъ считаетъ В. Новгородъ слабымъ, находящимся въ полной зависимости, подчиненіи у кіевскихъ князей; онъ приводитъ мнѣніе С. М. Соловьева, что междоусобія въ русской землѣ дали силы этому вольному городу. Но подъ 970 г. лѣтопись разсказываетъ, что новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава, который отвѣчалъ: «абы кто къ вамъ шелъ;» Ярополкъ и Олегъ дѣйствительно отказались. Новгородцы говорятъ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ». Неужели этотъ фактъ указываетъ на слабость В. Новгорода? Напротивъ видно, что новгородцы не церемонились съ своими князьями и третировали ихъ и въ это время уже такъ, что князья боялись сидѣть у нихъ. Угроза—отыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ также могла быть сдѣлана только при сознаніи своей силы. Припомнимъ дальше, что въ 1014 г. Ярославъ отказался платить дань Кіеву. Очевидно, онъ разсчитывалъ на силы Новгорода въ борьбѣ, которая неминуемо должна была открыться съ кіевскимъ княземъ: Владиміръ св. уже приказалъ: «теребите путь и мосты мостите», приготовляясь идти на Новгородъ, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе [2]). Если до второй четверти XII в. кіевскіе князья садили въ Новго-

---

[1]) Срезневскій, Чтеніе о лѣтописяхъ, 1862 г., стр. 16.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 89.

родѣ своихъ сыновей, то это еще нисколько не указываетъ на слабость этого города. Что и самъ Новгородъ сознавалъ свою силу, и князья признавали ее, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Между Святополкомъ кіевскимъ и Владиміромъ Мономахомъ заключенъ былъ договоръ, по которому В. Новгородъ долженъ былъ принадлежать Святополку, а Владиміръ Волынскій—Мономаху. Въ силу этого договора Святополкъ хотѣлъ отправить въ В. Новгородъ своего сына. Но новгородцы прислали въ Кіевъ пословъ, которые сказали Святополку: «се мы, княже, присланы къ тобѣ, и рекли намъ тако: «не хощемъ Святополка, ни сына его; аще-ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то посли и». Святополкъ долго спорилъ съ ними, но новгородцы не уступили и взяли себѣ снова Мстислава, сына Мономаха [1]). Если-бы В. Новгородъ былъ слабъ, неужели-бы кіевскій князь такъ легко уступилъ постановленію его вѣча. Не въ половинѣ XIII в., не вслѣдствіе междоусобій на Руси возросла сила Новгорода, когда уже въ 1102 г. мы видимъ, что новгородцы грозятъ смертью князю, принять котораго не хотятъ. Сила В. Новгорода заключалась въ матеріальныхъ средствахъ. Что изъ Новгорода князья въ случаѣ опасности бѣгали за море для найма варяговъ (напр. Ярославъ),— это не показываетъ слабости его: средства на наемъ западныхъ дружинъ давали тѣ-же новгородцы. Карѳагенъ былъ могучъ, но имѣлъ также наемныя войска и распускалъ ихъ по минованіи надобности, но, повторяемъ, онъ былъ могучъ. Сила В. Новгорода заключалась въ его торговлѣ. Богатства были у Новгорода всегда, и, пока можно было нанимать въ Западной Европѣ войска, до тѣхъ поръ онъ могъ бороться со всякими притязаніями, и сила его сознавалась и уважалась современниками. Мы привели эти лѣтописныя извѣстія только потому, что авторъ разбираемой статьи не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Не станемъ приводить фактовъ, доказывающихъ древность торговли В. Новгорода: желающіе могутъ найти ихъ въ нашей лѣтописи, у Адама Бременскаго; они сгруппированы въ сочиненіяхъ гг. Костомарова, Аристова, Фортинскаго [2]). Въ трудѣ г. Григорьева о куфическихъ монетахъ находятся указанія, что онѣ были открываемы на шведскомъ материкѣ, и еще болѣе на островѣ Аландѣ и Готландѣ. Онѣ относятся къ промежутку времени VII—X в. [3]). Заходить на Балтійское побережье онѣ могли только чрезъ Русь, кото-

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 181—182.

[2]) Костомаровъ, Сѣверно-Русскія народоправства; Аристовъ, Промышленность древней Руси; Фортинскій, Ганзейскіе города.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, 1848 г., т. II; затѣмъ въ Сборникѣ «Россія и Азія».

рая была съ востокомъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно съ огромною вѣроятностью можно относить торговлю Новгорода съ берегами Балтійскаго моря еще къ VII в.

И такъ въ силѣ В. Новгорода, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Соглашаясь съ г. Сениговымъ, что до оффиціальнаго введенія христіанства въ В. Новгородѣ не могло быть тамъ важныхъ событій церковнаго характера, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что во внутренней жизни этого города не было фактовъ, которые могли-бы быть записаны въ первоначальной новгородской лѣтописи. Если была обширная торговля, сношенія со всѣми берегами Балтійскаго моря, то смѣло можно предположить, что было много достопамятнаго для занесенія въ лѣтопись. Исторія Новгорода стояла въ тѣсной связи съ его торговыми сношеніями. Извѣстно, что прекращеніе торговли съ югомъ или низовыми городами служило сильнымъ орудіемъ у князей въ послѣдующій періодъ для ослабленія силы Новгорода и подчиненія его своей власти. Не станемъ приводить фактовъ. Если такова была зависимость политической жизни Новгорода отъ его торговли, то понятно, что всякій выдающійся фактъ ея, всякое событіе, способствовавшее развитію его торговыхъ сношеній или приносившее имъ вредъ, могло служить матеріаломъ для первоначальной лѣтописи.

Нисколько нельзя сомнѣваться въ томъ, что письменность существовала въ Кіевѣ до принятія христіанства; несомнѣнно существовала она и въ Новгородѣ, и, насколько мы поняли, самъ г. Сениговъ не сомнѣвается въ этомъ. Кто могъ принадлежать къ числу грамотныхъ людей? Прежде всего, конечно, христіанское духовенство, существовавшее на Руси еще до Владиміра св. Въ договорѣ съ греками 944 г. читаемъ: «мы же свѣщаное все положихомъ *на двою харатью*, и едина харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой посли ваша и *гостье ваши*» [1]). Въ договорѣ 912 г. также говорится о двухъ хартіяхъ [2]). Не имѣло-бы никакого смысла оставлять одинъ экземпляръ договора на Руси, если-бы въ ней не было людей грамотныхъ. Договоры эти по преимуществу касаются торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а стало быть и точное выполненіе заключающихся въ нихъ условій интересовало главнымъ образомъ купцовъ, которые подъ договорами и подписываются. Въ договорѣ 944 г. между прочимъ находимъ; «иже посылаеми бывають отъ нихъ послы и гостье, да приносять

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 32—33.

[2]) Ibidem., стр. 22.

грамоту, пишюще сице [1])»... Что купцы умѣли писать, это видно изъ сообщенія арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана, видѣвшаго ихъ на Волгѣ. По его разсказу, купцы поставили на курганѣ, насыпанномъ надъ пепломъ ихъ умершаго товарища, столбъ, на которомъ написали имя покойника и имя князя, при которомъ онъ умеръ [2]). Слѣды хронологіи до-христіанской, когда счетъ времени велся по годамъ правленія правившаго князя, мы находимъ и въ періодъ христіанскій, на первыхъ страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и въ похвалѣ Владиміру св. Іакова Мниха [3]). Если сохранялась такая хронологія, значитъ, она и употреблялась раньше, слѣдовательно существовали записи и въ языческій періодъ. Въ разсказахъ нашихъ лѣтописей, въ очень и очень многихъ мѣстахъ, видно, что писавшіе были лица не духовныя; тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно предположить это для времени языческаго. Первоначальная лѣтопись В. Новгорода могла вестись и въ языческій періодъ людьми мірскими; въ нее могли входить записи о фактахъ внутренней жизни В. Новгорода, о его торговыхъ предпріятіяхъ, о распространеніи его колоній. Что съ утвержденіемъ христіанства, особенно въ первое время, лѣтопись слѣдитъ, главнымъ образомъ, за фактами религіозной жизни и дѣйствіями князей, а на первыхъ страницахъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ почти нѣтъ извѣстій о внутренней жизни, это не можетъ служить доказательствомъ отсутствія подобныхъ записей и въ тотъ періодъ, когда лѣтопись велась лицомъ не духовнымъ. Итакъ, намъ кажется, что *дѣлать категорическій выводъ* объ отсутствіи лѣтописи въ В. Новгородѣ въ періодъ до утвержденія тамъ христіанства нельзя. Можно только сказать, что *имѣющіяся у насъ лѣтописныя данныя* не могутъ служить къ утвержденію мнѣнія о существованіи первоначальной новгородской лѣтописи до Владиміра св... Словомъ, лѣтописи, если основывать все дѣло на ихъ содержаніи, не говорятъ ни за, ни противъ. Но нѣкоторые факты, сообщаемые нашими древнѣйшими лѣтописями и другими источниками, скорѣе даютъ право предполагать существованіе въ В. Новгородѣ лѣтописныхъ записей и въ до-христіанскій періодъ.

П. Голубовскій.

---

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 30.

[2]) Разсказъ Ибнъ-Фоцлана у Френа въ Ibn-Foszlan's und andere Araber Berichte.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 10; Лавр. лѣт., стр. 17. Похвала въ послѣдній разъ напечатана у г. Голубинскаго въ Исторіи Русской церкви, т. I, стр. 2.

Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552—1555 г. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.

«Читали-ли вы писцовыя книги? А если вы ихъ не читали, то я съ вами и разговаривать не буду!» такъ рѣзко иногда обрывалъ покойный А. П. Щаповъ горячіе споры свои съ товарищами. Мы вспоминаемъ его слова не съ тѣмъ, конечно, чтобы отнести ихъ къ нашимъ благосклоннымъ читателямъ и самимъ отказаться отъ пріятной бесѣды, но съ тѣмъ, чтобы указать на то, какое важное значеніе этимъ книгамъ придается лучшими изслѣдователями въ наукѣ русской исторіи. Хотя наши историки давно уже обратили на нихъ должное вниманіе и время отъ времени подвергали ихъ разработкѣ, тѣмъ не менѣе этотъ родъ книгъ не только еще не весь изданъ, но и изданный далеко еще не весь изслѣдованъ. Въ особенности мало писцовыхъ книгъ издано для исторіи южной и западной Россіи. Въ этомъ отношеніи виленская археографическая коммисія, надо отдать ей справедливость, сдѣлала больше другихъ. Благодаря ея неутомимости, мы имѣемъ:

1) Ревизію пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Григорія Воловича 1559 года. Вильна. 1867 г.

2) Ординацію королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго 1641 года. Вильна. 1877 г.

3) Писцовую книгу пинскаго староства Лаврина Войны. Часть I и II. Вильна. 1874 г.

4) Ревизію кобринской экономіи 1563 года. Вильна. 1876 г.

и 5) Писцовую книгу гродненской экономіи (XVI ст.). Вильна. 1881 г.

Каждая изъ названныхъ книгъ ждетъ еще до сихъ поръ своего изслѣдователя, такъ какъ обычныя предисловія кого либо изъ членовъ археографической коммисіи знакомятъ только съ памятникомъ въ самыхъ общихъ чертахъ и далеко не исчерпываютъ всѣхъ заключающихся въ немъ данныхъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ упрекнуть авторовъ «предисловій» за то, что они не обработали своего матеріала во всемъ его объемѣ или въ какой либо части его, съ большей полнотой, но имѣемъ въ виду указать лишь на ту «жатву многу», для которой «дѣлателей» у насъ мало, да и тѣ немногіе, которые есть, не всегда знаютъ, гдѣ ся искать, и напоминаютъ судьбу крестьянъ, пускающихся зря въ отхожіе промыслы. Что дѣйствительно «жатва» въ писцовыхъ книгахъ «многа», въ доказательство этого мы позволимъ себѣ напомнить кратко объ ихъ происхожденіи и содержаніи, конечно, не для тѣхъ почтенныхъ спеціалистовъ, которые могутъ еще и насъ поучить. Цѣль составленія

писцовыхъ книгъ была двоякая: съ одной стороны имѣлось въ виду укрѣпить права частныхъ лицъ на владѣніе въ опредѣленныхъ границахъ и извѣстнаго рода и качества поземельной собственностью, съ другой—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ извѣстной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его. Попытки привести въ извѣстность и исчислить имущество, съ котораго собиралась подать, дѣлались со времени основанія русскаго государства; опредѣленнѣе всего это выражено въ разсказѣ Нестора лѣтописца о княгинѣ Ольгѣ, которая, съ сыномъ своимъ и дружиной, ходила по землѣ древлянъ, «устанавляющи уставы и уроки» [1]). Въ первое время, за недостаткомъ письменности, все основывалось на памяти, и едва-ли князья прибѣгали къ тѣмъ «чрѣтамъ и рѣзамъ», которыми сначала славяне «чьтяху и гадаху». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ дальнѣйшее развитіе писцовыхъ книгъ К. А. Неволинъ видитъ въ грамотѣ великаго князя Всеволода Юрьеву монастырю въ Новгородѣ, въ уставѣ новгородскаго князя Святослава о церковной дани (1137 г.) и въ уставныхъ грамотахъ (1150 г.), данныхъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ смоленской епископіи [2]). Потомъ дѣло описанія продолжали въ восточной Руси монголы, а въ западной литовскіе князья, а за ними и польскіе короли. Разъ начатое дѣло продолжалось и позже, становясь все болѣе необходимымъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь. Дальнѣйшая судьба писцовыхъ книгъ въ Россіи изложена обстоятельно въ актовой рѣчи К. А. Неволина, читанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и помѣщенной въ томъ же томѣ «Полнаго Собранія его сочиненій» подъ заглавіемъ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II» (стр. 431—517). Къ тому времени, къ которому относится писцовая книга пинскаго и клецкаго княжествъ, оно велось уже весьма обстоятельно. Въ этихъ книгахъ мы находимъ богатый матеріалъ для исторической географіи: указанія на характеръ мѣстности, перечисленіе рѣкъ, рѣчекъ, болотъ, озеръ, лѣсовъ и проч., описаніе путей сообщенія, свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи страны, топографіи городовъ и селъ, съ опредѣленіемъ занимаемаго ими пространства, количествомъ улицъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, съ опредѣленіемъ величины усадьбъ, перечнемъ домохозяевъ, ихъ семей и съ указаніемъ на занятія жителей; въ селахъ описывалось, кромѣ вели-

---

[1]) Лавр. лѣт., т. I, стр. 25. Полагаютъ, что описаніе земель заимствовано изъ Греціи, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Мы думаемъ, что потребность въ такихъ описаніяхъ возникла еще до принятія христіанства, какъ доказываетъ примѣръ кн. Ольги (Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина. Спб. 1859, т. VI, стр. 446).

[2]) При этомъ Неволинъ предлагаетъ гипотезу о заимствованіи обычая.

чины крестьянскихъ надѣловъ, качество и количество обрабатываемой земли, размѣръ и все разнообразіе крестьянскихъ платежей и натуральныхъ повинностей и проч. Какъ видите, Щаповъ отчасти правъ былъ, пожалуй, упрекая изслѣдователей въ томъ, что они обходятъ этотъ главный матеріалъ для выводовъ и заключеній при рѣшеніи вопросовъ о судьбахъ общества и государства. Историческая географія, политическая экономія и статистика должны быть и будутъ, въ числѣ другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, краеугольными камнями, на которыхъ только, съ увѣренностью въ прочность, и можно будетъ построить законы развитія общества. Кто-же послѣ этого не пожелаетъ, чтобы изданіе и разработка такого рода данныхъ нашли себѣ побольше преданныхъ работниковъ? Кто-же послѣ этого не порадуется, вмѣстѣ съ нами, выходу въ свѣтъ новой писцовой книги, заглавіе которой мы привели выше и къ обозрѣнію которой мы и приступимъ теперь?

Названіе «писцовая книга» усвоено только описаніямъ земель, производившимся въ восточной половинѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а разсматриваемый матеріалъ получилъ его впервые отъ своихъ издателей; въ дѣйствительности-же заглавіе книги таково: «Regestr pomierzania ziem na włoki powiatow y theze kxiestwa Pynskiego, Klieczkiego» ect.[1]). Это уволочное измѣреніе начато было весной 1552 года, а окончилось также весной въ 1555 году. Приказъ объ измѣреніи былъ данъ королевой Боной пинскому и клецкому старостѣ Станиславу Хвальчевскому, который, въ свою очередь, поручилъ исполненіе этого дѣла дворянину Яну Горецкому и землемѣрамъ Яну Дубовскому и Богушу Михновичу. Измѣреніе было произведено въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ[2]), которыя, принадлежа сначала князьямъ Ярославичамъ, Ивану и его сыну Θеодору, перешли потомъ по наслѣдству къ королю Сигизмунду I, отдавшему ихъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ королевѣ Бонѣ. Одной изъ главныхъ задачъ при назначеніи измѣренія земель было округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ посредствомъ размежеванія ихъ съ сосѣдними землевладѣльцами, при чемъ интересы частныхъ лицъ, если они сталкивались съ интересами королевскихъ крестьянъ, всегда приносились въ жертву послѣднимъ. Издаваемому «регистру» предшествуетъ обычное предисловіе, авторомъ котораго на

[1]) Вообще подобныя описанія въ западномъ краѣ носятъ названіе: люстрацій, ревизій, тарифовъ, инвентарей и проч.

[2]) Г. Пинскъ, уѣздный городъ, и м. Клецкъ, слуцкаго уѣзда, оба въ минской губерніи, были въ XVI и слѣд. вѣкахъ повѣтовыми городами брестъ-литовскаго воеводства, граничавшаго на югѣ съ кіевскимъ и волынскимъ воеводствами.

сей разъ является г. Синтко. Въ своей статьѣ онъ касается всего по немножку: и экономическаго положенія крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ, и администраціи сихъ послѣднихъ, и состава населенія по профессіямъ, и количества земли въ волокахъ подъ землями разнаго назначенія, и количества населенія, съ выдѣленіемъ въ главныхъ городахъ евреевъ, и описанія городовъ и мѣстечекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на состояніе православія, количество церквей и монастырей и надѣлы духовенства. Правду сказать, статья читается легко и не безъ удовольствія, хотя пониманіе ея затрудняется постояннымъ употребленіемъ древнихъ мѣръ: земельной и денежной, безъ перевода ихъ на современныя[1]); самый главный отдѣлъ статьи—объ экономическомъ положеніи крестьянъ—изложенъ нѣсколько неясно, и чтобы оріентироваться въ немъ, приходится прочитывать одно и то-же два, три раза. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и найболѣе интересный, то мы извлечемъ изъ него общіе выводы и сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ данными о положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ. Оказывается, что повинности, наложенныя на крестьянъ пинскаго и клецкаго княжествъ королевой Боной, были ниже повинностей, въ общей сложности, ложившихся на крестьянъ по «уставѣ на волоки» короля Сигизмунда-Августа (приблизительно, будто-бы, для тяглыхъ на 65 коп., и для осадныхъ на 1 руб. 43 коп., по современному счету). Въ имѣніяхъ-же частныхъ владѣльцевъ крестьянскія повинности были гораздо разнообразнѣе и вообще обременительнѣе, нежели въ королевскихъ. Сравнивая теперь брестъ-литовскихъ крестьянъ съ сосѣдними волынскими того-же времени, находимъ, что положеніе однихъ ничуть не было лучше положенія другихъ. Какъ брестъ-литовскіе, такъ и волынскіе крестьяне въ королевскихъ имѣніяхъ должны были работать въ году отъ 108 до 128 дней или, перелагая натуральныя повинности на денежныя, платить около 10 рублей, тогда какъ въ имѣніяхъ частныхъ лицъ число рабочихъ дней въ году возвышалось отъ 190 до 290, что, въ переводѣ на деньги, равнялось 15–20 рублямъ. Мы не говоримъ о кіевскомъ воеводствѣ, особенно южной половинѣ его, гдѣ постоянно

[1]) Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что уволока равна 19 десятинамъ съ половиной (почти), а жеребей равняется уволокѣ; причемъ переводъ уволоки заимствуется изъ «Словаря древняго актоваго языка» г. Горбачевскаго, безъ указанія источника, а при переводѣ жеребья дѣлается ссылка на сочиненіе г. Ярошевича: «Obraz Litwy», тогда какъ гораздо лучше и проще было-бы ссылаться на наши русскіе законы («Законы гражданскіе и межевые», часть 2-я, статья 500—502), гдѣ прямо сказано, что уволока равна 19 десятинамъ, 2010 квадратнымъ саж.; шнуръ—23 саж.; служба—190 десятинамъ и 900 квадратнымъ саженямъ; сѣнные покосы—100 копнамъ или 10 десятинамъ; моргъ—1452 квадратнымъ саженямъ, а жеребей—20 десятинамъ.

крестьянскія повинности и платежи были не высоки, вслѣдствіе близости Запорожья и частыхъ побѣговъ туда крестьянъ, искавшихъ приволья и независимости. Къ концу XVIII столѣтія число рабочихъ дней на Волыни увеличилось до 320; въ пинскомъ и клецкомъ повѣтахъ, само собою разумѣется, оно должно было быть не меньше, если еще не больше. Окраины-же кіевскаго и подольскаго воеводства и въ это время находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Характеръ землевладѣнія былъ подворный, хотя есть указаніе и на общинный; напримѣръ: въ селѣ Матвѣевичахъ, послѣ исчисленія крестьянскихъ надѣловъ (средній надѣлъ въ обоихъ княжествахъ равняется 20 десятинамъ или одной уволокѣ), говорится, что крестьяне «przyely *wszysthkym szyolem* na czynszu w thym ze obrubye szochu nye rozganianych wlok 3 (60 десятинъ) gruntliu szrednyego». Подобныя-же указанія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книги. Пожертвованіе крестьянами земли въ пользу церквей («мужицкое наданье», фундушъ) въ свою очередь служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ общиннаго землевладѣнія.

О католическихъ церквахъ и монастыряхъ, равно какъ и объ ихъ служителяхъ упоминается рѣдко, вслѣдствіе того, конечно, что католицизму въ это время далеко не принадлежала здѣсь преобладающая роль и всюду, напротивъ, господствовало православіе, хотя польская колонизація края уже даетъ себя чувствовать и сказывается въ языкѣ.

Евреи въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ составляли самый незначительный процентъ (въ городахъ около 4%). Изъ 28 домохозяевъ въ Пинскѣ, напримѣръ, только два занимались земледѣліемъ, остальные довольствовались усадьбами и огородами въ городѣ и принадлежали, по мнѣнію г. Спитко, къ торговцамъ; въ селахъ-же, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, евреи чаще всего отдавались земледѣлію (стр. 75 и 76).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой богатой новыми и при томъ, что особенно важно, точными данными.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы въ будущемъ изданіе всякаго рода люстрацій, ревизій, тарифовъ и другихъ книгъ со статистическимъ матеріаломъ приняло болѣе широкіе размѣры, ибо только цифры могутъ дать незыблемое основаніе историческому знанію. Старая, правда, это истина, но она долго еще будетъ нова.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ СТАТЬѢ Г. БЕРХИНА „О ПОСОЛЬСТВАХЪ ВЛАДИМІРА СВ. ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы исторія нашего древняго періода изобиловала источниками, а поэтому всякое новое извѣстіе, дополняющее наши свѣдѣнія, встрѣчается съ большимъ интересомъ. Извѣстіе Іегуды о посольствѣ Владиміра св. въ Хозарію для испытанія вѣры іудейской несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія, но признать его достовѣрность можно только послѣ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ вопросъ о подлинности самого этого документа можетъ быть рѣшенъ только оріенталистами. Въ настоящей нашей замѣткѣ мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о легендѣ лѣтописной, которую подвергаетъ разбору и г. Берхинъ.

Г. Гаркави въ своемъ разборѣ извѣстія Іегуды указываетъ весьма справедливо, что въ Кіевѣ были евреи при Владимірѣ св. и что поэтому испытать іудейскую вѣру можно было, и не посылая въ Хозарію. Г. Берхинъ, возражая г. Гаркави, говоритъ, «что это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора». Онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ доказательствъ о существованіи въ Кіевѣ христіанъ и до Владиміра св. и при немъ и въ заключеніе спрашиваетъ: «для чего Владиміръ св. отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ

---

[1]) «Кіевская Старина» 1884 г. Декабрь.

увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?» Совершенно вѣрно. Если было безъ всякой нужды отправлено посольство въ Грецію, то могло быть послано и въ Хозарію. Но тутъ произошло недоразумѣніе. Г. Берхинъ ошибочно предполагаетъ, будто наукой признается фактъ отправки посольства въ Грецію: онъ отрицается, какъ и фактъ посольства въ Болгарію. Посольства были не нужны, потому что представители христіанства, мусульманства и іудейства были тогда въ Кіевѣ, какъ въ важномъ торговомъ центрѣ. Тутъ путями греческимъ, залознымъ и солонымъ сходились купцы изъ Греціи, Хозаріи и культурнаго арабскаго юга. Фактъ посольства въ Грецію не подтверждается при томъ извѣстіями иностранныхъ писателей. Византійскіе хроникеры разсказываютъ о крещеніи св. Владиміра, о женитьбѣ его на Аннѣ, но ничего не упоминаютъ о посольствѣ для испытанія вѣры. Нужно замѣтить, что византійцы были народъ весьма самолюбивый. Они могли умолчать о завоеваніи руссами Корсуня (Херсонеса), но не преминули-бы разсказать о подавляющемъ впечатлѣніи, произведенномъ на руссовъ пышностью и торжественностью ихъ богослуженія. Кедринъ и другіе не преминули-бы разукрасить это событіе, какъ льстившее ихъ національной гордости. Писатель западный, Дитмаръ Мерзебургскій, также знаетъ о крещеніи св. Владиміра и его женитьбѣ на Аннѣ, которую смѣшиваетъ съ Еленой, но ему ничего неизвѣстно о посольствѣ для испытанія вѣры. Говорятъ объ этомъ событіи и восточные писатели, Ибнъ-эль-Атиръ и Яхія антіохійскій. Они раскрываютъ намъ дѣйствительную причину фактовъ. Императоры Василій и Константинъ просили у Владиміра помощи, обѣщая выдать за него свою сестру. Крещеніе совершилось, и съ обѣихъ сторонъ было исполнено условіе [1]). Таково извѣстіе Ибнъ-эль-Атира, заслуживающаго полнаго нашего довѣрія по своей добросовѣстности и обширнымъ свѣдѣніямъ [2]). Оказывается, что внутреннія неурядицы въ самой Византіи дали толчекъ къ женитьбѣ Владиміра св. на Аннѣ. Стало быть,

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucases, pag. 240.

[2]) О немъ см. «Записки академіи наукъ», по I и III отд. 1854 г., т. II, а также Defrémerey. Fragments des géographes et d'historicus... О Ибнъ-Яхіи антіохійскомъ см. статью г. Флоринскаго въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: «Новыя книги по южно-славянской исторіи».

извѣстіе лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣръ не можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ. Такимъ образомъ, фактъ посольства въ Хозарію отрицается не вслѣдствіе умолчанія о немъ лѣтописи, а вслѣдствіе непризнанія достовѣрнымъ *всего* разсказа лѣтописи о всѣхъ посольствахъ для испытанія вѣръ.

Г. Берхинъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе, что разсказъ о крещеніи Руси былъ написанъ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами. Это по нашему мнѣнію вполнѣ вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не могли-же іудейскіе проповѣдники говорить: «и предана бысть земля наша христіанамъ»[1]), пока крестоносцы не основали іерусалимскаго королевства. Слѣдовательно весь разсказъ о принятіи Владиміромъ св. христіанства явился въ послѣдней своей редакціи послѣ 1099 г. Источниками этого разсказа признаются: Палея, житія Владиміра св. Іакова Мниха, исповѣданіе вѣры Михаила Синкела[2]), но несомнѣнно также сюда вошли и народныя преданія, а можетъ быть и мѣстныя русскія литературныя произведенія, существовавшія до составленія лѣтописнаго свода Сильвестромъ. «Се-же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть въ Кыевѣ, инии-же рѣша въ Василевѣ, друзии-же рѣша, ино сказующе», говоритъ Сильвестръ[3]). Итакъ Владиміръ св. крестился въ Корсунѣ, въ Кіевѣ, въ Василевѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Существовало значитъ нѣсколько преданій, привязанныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; можетъ быть, каждое изъ нихъ существовало въ формѣ литературнаго произведенія. Но несомнѣнно, что народныя преданія, съ характеромъ своего особеннаго творчества, послужили въ сильной степени для послѣдняго редактора: живость и юморъ— вотъ двѣ характеристическія черты всего разсказа о крещеніи Руси. Народная память разукрасила фактъ, расширила его несуществовавшими подробностями. Выкиньте исповѣданіе вѣры, поученіе о вѣрѣ греческаго философа, что все есть несомнѣнная вставка; оставьте только діалогъ Владиміра св. съ этимъ философомъ въ видѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, и тогда весь разсказъ о приходѣ проповѣдниковъ и о докладѣ возвратившихся пословъ приметъ харак-

[1]) Ипатск. лѣт., стр. 57.

[2]) См. работы: Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др.

[3]) Ипатск. лѣт., стр. 76.

теръ народной пьесы, въ родѣ вертепнаго представленія объ Иродѣ. Южно-русскій народный юморъ, который былъ таковъ-же прежде, какъ и теперь, вывелъ на сцену своихъ сосѣдей и заставилъ ихъ предстать въ комическомъ видѣ, не упустивъ случая посмѣяться надъ врагомъ и недругомъ. Составитель лѣтописи сгладилъ нѣсколько этотъ колоритъ народнаго творчества, внесъ поученіе и исповѣданіе вѣры, а также то извѣстіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ, которое существовало, можетъ быть, въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Интересно, что разсказъ Ибнъ-эль-Атира въ одномъ мѣстѣ вполнѣ согласенъ съ лѣтописнымъ. Хозарское владычество заставило тѣсно сблизиться Русь съ Хозаріей. Припомнимъ, что титулъ «каганъ», придаваемый митрополитомъ Иларіономъ русскому князю, есть наслѣдіе хозарское. Въ южной Руси до сихъ поръ сохранились названія: Козаровка, Козари, Козаричи, что ясно указываетъ на пребываніе козаръ среди туземнаго населенія. Тѣмъ болѣе они должны были существовать въ Кіевѣ.

Остановимся еще на одномъ соображеніи г. Берхина. Предположеніе, что лѣтописецъ или составитель духовнаго званія выпустилъ извѣстіе о посольствѣ къ хозарамъ по своей враждѣ къ іудейству и евреямъ, не имѣетъ твердаго основанія. Наша лѣтопись отличается вообще большою религіозною и національною терпимостью. Лѣтописцы наши готовы были представить всѣхъ иностранцевъ, не только евреевъ, въ смѣшномъ видѣ, разсказать ужасныя вещи про ихъ нравы и обычаи, но нѣтъ у нихъ нигдѣ при этомъ и тѣни враждебности. Что-же касается евреевъ, то въ разсказѣ о крещеніи Руси лѣтопись не только не относится къ нимъ враждебно, но даже какъ-бы старается обходить ихъ, не позволяетъ въ отношеніи ихъ ни одной насмѣшки, никакого преувеличенія. Прочтите, что разсказывается въ этой повѣсти о католикахъ, а особенно о магометанахъ. Ничего подобнаго лѣтопись не допускаетъ, говоря объ евреяхъ.

Извѣстіе Іегуды само по себѣ можетъ быть не поддѣлано, потому что и въ древности, и въ средніе вѣка не было цѣли этой поддѣлки, но нужно доказать, что дѣйствительно существовалъ съ давнихъ поръ (съ древности) этотъ документъ, эта бумажка или пергаментъ съ надписью, что эта бумажка съ этою надписью не есть плодъ поддѣлки ни собирателя коллекціи рукописей, ни болѣе

ранняго владѣтеля, знакомыхъ, по всей вѣроятности, съ русской исторіей. Словомъ, повѣрить можно тогда, когда вполнѣ ясно будетъ представлена исторія рукописи, при чемъ ни малѣйшаго вниманія не должно быть обращено на сообщенія собирателя коллекціи. Исторія рукописи, ея переходы изъ рукъ въ руки, должны быть прослѣжены какъ можно тщательнѣе. Когда оріенталисты разскажутъ намъ эту исторію, укажутъ, подлинникъ-ли это или копія, и если копія, ясно обнаружатъ, что оригиналъ существовалъ или существуетъ и гдѣ именно, только тогда извѣстіе Іегуды можно будетъ принять, какъ доказательство вѣрности во всѣхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа о посольствахъ къ Владиміру св.

П. Голубовскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ ВЪ ГОМЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Года два назадъ, когда я уѣзжалъ въ Гомель, Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ не преминулъ, по обыкновенію, попросить и меня поискать на мѣстѣ моего жительства археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось кое-что если не найти, то разузнать, и какъ гомельскій уѣздъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи, то полагаю, что сообщаемыя теперь мною свѣдѣнія не будутъ лишними для нашихъ археологовъ.

Свѣдѣнія, которыя хочу здѣсь передать, получены мною, главнымъ образомъ благодаря М. М. Филонову. Состоя болѣе двадцати лѣтъ землемѣромъ въ имѣніи князя Паскевича, онъ собралъ, согласно желанію князя, значительную коллекцію древностей, которая и хранится въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Наибольшее число предметовъ найдено на берегу озера, которое на картѣ генеральнаго штаба обозначено надписью: «оз. Козарино», а по мѣстному «озеро Козара». Находится оно на лѣвомъ берегу р. Сожа (съ которымъ сливается во время весенняго разлива) верстахъ въ 40 отъ устья рѣки, противъ села Новые Дят-

ловичи, расположеннаго на противуположномъ берегу рѣки. Озеро имѣетъ форму буквы С, написанной обратно—отверстіемъ къ рѣкѣ.

Исторія произведенной здѣсь раскопки очень своеобразна.

Однажды г. Филоновъ работалъ надъ измѣреніемъ земли возлѣ озера и замѣтилъ, что весь восточный берегъ его усѣянъ небольшими курганами, разбросанными безъ всякой системы на значительномъ пространствѣ. У него явилось желаніе ознакомиться съ содержаніемъ кургановъ, но не имѣя свободнаго времени, по причинѣ спѣшной работы въ другой мѣстности, онъ обратился къ одному изъ крестьянъ сосѣдней деревни съ такимъ предложеніемъ: если онъ раскопаетъ указанный ему курганъ и найдетъ какую-нибудь вещь, глиняную, каменную или металлическую, то получитъ за нее рубль, хотя-бы эта вещь была негодна ни для какого употребленія. Черезъ нѣкоторое время крестьянинъ явился къ г. Филонову: «Пожалуйте, баринъ, рубль!» — «За что?» — «А вотъ за это!» и крестьянинъ подалъ мѣдный браслетъ, найденный имъ на ногѣ скелета въ курганѣ. Черезъ нѣкоторое время опять явился тотъ-же крестьянинъ: «Пожалуйте, баринъ, и другой рубль вотъ за эту штуку». На этотъ разъ онъ принесъ еще браслетъ, снятый съ руки того-же скелета.

Г. Филоновъ сообщилъ князю о козарскихъ курганахъ и о найденныхъ тамъ браслетахъ. Князь поручилъ ему распорядиться относительно раскопки этихъ кургановъ, при чемъ и самъ пожелалъ присутствовать на мѣстѣ раскопки, когда все уже будетъ готово. Г. Филоновъ послалъ рабочихъ къ оз. Козара и приказалъ имъ снимать верхи кургановъ, пока не наткнутся на скелетъ или на какой-либо предметъ, а если ничего не найдутъ, то копать до цѣлины. Когда такимъ образомъ было препарировано около двадцати кургановъ, пріѣхалъ г. Филоновъ и затѣмъ князь съ семействомъ. Изъ кургановъ выбрали всѣ предметы, которые признаны были достойными вниманія, и пріобщили ихъ къ археологической коллекціи въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Г. Филоновъ доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этой коллекціей; съ помощью горнаго инженера М. П. Мельникова составлено мною слѣдующее описаніе археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ.

Прежде всего предметы, найденные во время описанной выше раскопки козарскихъ кургановъ:

Два глиняныхъ кувшина, въ 4 и 8 д. высоты, по формѣ похожи на нынѣшніе молочные кувшины. У каждаго по 2 ушка съ дырочкой. Снаружи—орнаментъ въ видѣ зигзагообразной линіи.

Бѣлый глиняный горшечекъ, около 5 д. высоты. Снаружи—орнаментъ изъ зигзагообразной линіи въ три пояса.

Глиняная «мысочка», величиною въ обыкновенную тарелку; по формѣ похожая на теперешнія.

Каменный топоръ изъ мелкозернистаго гранита, около 5 д. высоты. Неполированъ, очень грубой работы. Найденъ на ребрахъ скелета.

Ожерелье изъ семи продолговатыхъ зеренъ, около полудюйма длиною—пять сердоликовыхъ и два янтарныхъ. Зерна различной формы—цилиндрическія, призматическія и проч. Всѣ отшлифованы и хорошо полированы. Попали-ль эти зерна на одну нитку случайно, или-же потому, что найдены были въ одномъ курганѣ—свѣдѣній не имѣется; это замѣчаніе относится и къ остальнымъ ожерельямъ: на предметахъ коллекціи имѣется одна лишь надпись—въ какой мѣстности предметы найдены.

Ожерелье изъ нѣсколькихъ десятковъ одинаковыхъ зеренъ синеватаго цвѣта, лишь немного больше зеренъ проса.

Ожерелье изъ 30-ти зеренъ длиною отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ дюйма; преимущественно стеклянныя, нѣкоторыя—будто фарфоровыя. Формы самой разнообразной. Нѣсколько штукъ, изъ числа имѣющихъ цилиндрическую форму, позолочены снаружи; остальныя по цвѣту бѣлыя, синія, желтоватыя и черныя.

Два браслета красной мѣди, сдѣланные изъ проволоки.

Семь мѣдныхъ колецъ для пальцевъ. Два изъ нихъ плоской формы, широкія, съ орнаментомъ въ видѣ какихъ-то фигурокъ.

16 серебряныхъ ушныхъ колецъ, серегъ.

8 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава. Состоятъ изъ пластинокъ, причудливо по краямъ обрѣзанныхъ,—такъ что можно принять ихъ, при пылкомъ воображеніи, за намекъ на изображенія животныхъ. Формы различной.

7 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава,—замѣчательно изящной формы. Сдѣланы изъ тончайшей проволоки (филигреневыя) и имѣютъ видъ ажурныхъ бубенчиковъ.

Изъ козарскихъ кургановъ только три желѣзныхъ предмета попали въ коллекцію: что-то въ родѣ клинка кинжала, гвоздь въ 3 д. длиною и обыкновенное огниво.

Къ великому сожалѣнію, во время раскопки на берегу озера Козара никто никакого журнала не велъ, и потому не осталось никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Воспоминанія г. Филонова, за давностію времени, стушевались относительно подробностей. Однако-жъ онъ съ увѣренностью утверждаетъ, что во 1-хъ, чуть-ли не въ каждомъ курганѣ попадались человѣческія кости (одинъ скелетъ головы попалъ и въ коллекцію, а вещи найдены лишь въ нѣсколькихъ изъ числа раскопанныхъ кургановъ, и во 2-хъ, что кости и вещи лежали на уровнѣ земли, т. е. что при погребеніи покойниковъ не дѣлали углубленій въ почвѣ—могилъ не копали.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, найденныхъ возлѣ озера Козара, въ коллекціи князя Паскевича есть еще слѣдующіе предметы, найденные въ другихъ мѣстахъ гомельскаго уѣзда.

Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, вѣроятно изъ большой урны, съ острымъ коническимъ дномъ,—самой первобытной грубой работы. Черепки около дюйма толщины, снаружи красно-желтые, а съ внутренней стороны—черные. На нѣкоторыхъ простой орнаментъ. Найдены возлѣ села Осовцы, въ 6-ти верстахъ на ю.-з. отъ Гомеля.

Обручъ изъ сплава въ родѣ бронзы, $^3/_4$ арш. длиною. Состоитъ изъ четырехъ нитокъ проволоки, сплетенныхъ въ видѣ обыкновенной веревки. Концы застегиваются, обвивая другъ друга, подобно концамъ обруча на бочонкѣ. Найденъ на шеѣ скелета въ курганѣ возлѣ м. Добруша, на рѣкѣ Ипути, въ 30 верстахъ отъ Гомеля.

Два каменныхъ топора, съ сквозными отверстіями, найденные крестьянами въ полѣ, при раскопкѣ нови, — одинъ возлѣ деревни Вылевъ (7 верстъ отъ Гомеля, на сѣверо-западъ), а другой возлѣ села Волковичи, на рѣкѣ Ипути, выше Добруша. Послѣдній изъ нихъ ($5^1/_2$ д. длины) изъ зеленоватаго порфира; онъ представляетъ рѣдкій и поразительный примѣръ красоты и изящества, какъ по формѣ, такъ и по чистотѣ отдѣлки; украшенъ кольцевымъ валикомъ вокругъ отверстія. Не имѣетъ ни малѣйшей царапинки и вообще такъ хорошо сохранился, будто только что вышелъ изъ рукъ художника-мастера. Можно полагать, что этотъ топоръ предназначался не для

обыкновеннаго практическаго употребленія, а служилъ аттрибутомъ какого-либо сана или священнодѣйствія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ достаточное количество собрано въ коллекціи князя Паскевича. Г. Филоновъ сообщилъ, что подобныя кости ежегодно обнажаются весною на берегахъ Сожа, верстъ 15 ниже Гомеля, возлѣ селъ Бобовичи и Терешковичи.

Полагаю, что нашимъ археологамъ пригодятся и свѣдѣнія, собранныя мною относительно мѣстонахожденія въ гомельскомъ уѣздѣ кургановъ и городковъ.

Курганы находятся возлѣ селъ: Абрамовки, Жгуня, Студеной Гуты, Осовецъ, Якубовки и возлѣ Романовскаго парома.

Городки возлѣ Добруша, Любенъ, между Покалюбичами и Хохлицей, между Иваками и Хохлицей.

Послѣ этого я въ правѣ разсчитывать, что Владиміръ Бонифатьевичъ не откажется посѣтить нашъ уѣздъ съ археологической цѣлью. На сочувствіе и содѣйствіе князя Паскевича въ его обширныхъ владѣніяхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Чтобы еще болѣе подвинуть къ этому дѣлу нашего уважаемаго археолога, я ему напомню одно обстоятельство. Въ 1873 году я уѣзжалъ на жительство въ г. Лубны, и Владиміръ Бонифатьевичъ тоже напутствовалъ меня пожеланіями доставить ему археологическія свѣдѣнія. Результатомъ моихъ сообщеній была хорошо извѣстная всѣмъ археологамъ раскопка, произведенная въ с. Гонцахъ г. Каменскимъ и г. Ѳеофилактовымъ. Можетъ и теперь посчастливится...

До сихъ поръ гомельскій уѣздъ совсѣмъ неизвѣстенъ относительно археологическихъ памятниковъ; но, какъ видно изъ приведеннаго сообщенія, вовсе не потому, что этихъ памятниковъ нѣтъ, а потому лишь, что такая уже доля радимичей съ незапамятныхъ поръ. Оказывается однако-жъ, что хотя почтенные здѣшніе аборигены и имѣли странную натуру (сохраненную и до сего дня) бѣгать Волчья Хвоста, тѣмъ не менѣе и послѣ нихъ остались историческіе памятники. Впрочемъ я боюсь, чтобы господа археологи не вздумали доказывать, будто эти памятники остались послѣ тѣхъ, кому радимичи такъ смиренно платили по шелягу отъ рала (кстати и помянутое озеро называется такимъ именемъ)...

А. Лоначевскій.

ГЕТМАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Въ любопытной замѣткѣ г. Бакая о Гадячскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 годъ, о самомъ Гадячѣ сказано лишь нѣсколько словъ. Но подобныя замѣтки вызываютъ собою цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, и только иллюстрируемая ими всякая такая замѣтка способна оживить заглохшую старину. Хочу поэтому дополнить почтеннаго автора, къ его немногимъ словамъ о Гадячѣ хочу прибавить еще нѣсколько словъ.

Я назвалъ Гадячъ гетманскимъ городомъ не въ смыслѣ постоянной резиденціи гетмановъ. Въ этомъ смыслѣ ни одинъ малорусскій городъ не можетъ быть названъ такимъ именемъ. Гетманство въ томъ видѣ, какъ оно прошло въ исторіи, и не могло имѣть постоянной резиденціи. Это была особаго рода военно-административная функція, доведенная едва не до степени верховной власти силою исключительнаго положенія народа, но случайная и временная, какъ и самое это положеніе. Въ вихрѣ кровавой борьбы и случайностей военнаго счастья, гетманская власть витала на всемъ пространствѣ борьбы и не могла установиться на одномъ мѣстѣ прочно и на долго, пока сама не испарилась съ измѣненіемъ политическаго положенія народа. Самъ «батько козачій» всю жизнь носился на поляхъ битвъ и лишь кости свои сложилъ въ родномъ ему Суботовѣ. Наиболѣе продолжительное время резиденціею гетмановъ былъ Глуховъ, за нимъ Гадячъ въ гетманство Брюховецкаго и потомъ Батуринъ при Мазепѣ и Разумовскомъ. Но Гадячъ сверхъ того былъ жалуемъ въ собственность тремъ гетманамъ и потому ему по преимуществу можетъ принадлежать названіе гетманскаго.

Гадячъ основанъ въ 1634 году польскимъ шляхтичемъ *Жолкевскимъ.* Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, городъ этотъ царскою грамотою 1654 г., марта 24 дня, со всѣми угодьями, составлявшими имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Богдану Хмельницкому и его потомкамъ. Въ 1726 году, 25 іюля, князь Меншиковъ получилъ отъ Екатерины I во владѣніе Гадячъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, селами и слободами; но въ малолѣтство Петра II сильный временщикъ, помолвивъ за него дочь свою, вмѣсто Гадяча взялъ себѣ

лучшія и доходнѣйшія мѣста. Императрица Анна Іоанновна, въ 1730 году, подарила Гадячъ гетману Даніилу Апостолу († 17 января 1734 года), а Екатерина II пожаловала тотъ-же городъ въ потомственное владѣніе графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства въ 1764 году, 10 ноября. Но въ 1785 году императрица выкупила въ казну Гадячъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ мужескаго пола, заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу. Въ 1791 году Гадячъ съ округомъ былъ причисленъ къ кіевскому намѣстничеству, а въ 1802 году, 9 марта, вошелъ въ составъ полтавской губерніи.

Вотъ важнѣйшія историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Гадячъ.

Когда писарь Хмельницкаго Выговскій, принявъ сторону Польши, достигъ гетманства, имъ заключенъ былъ здѣсь (1658 года, 16 сентября) договоръ съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Ведя потомъ войну съ Москвою, Выговскій въ 1659 году цѣлыя три недѣли держалъ Гадячъ въ осадѣ и снялъ ее лишь послѣ того, какъ всѣ его приступы съ великою потерею были отражены донскимъ козачьимъ полковникомъ Ефремовымъ, а за Днѣпромъ появился Юрій Хмельницкій и провозглашенъ гетманомъ. Выдержавшіе осаду жители Гадяча, за вѣрность царю, получили въ награду, въ числѣ 922, по полтинѣ на брата. Во время возстанія Мартина Пушкаря, нѣжинскій полковникъ Григорій Гуляницкій взялъ приступомъ этотъ городъ, державшій тогда сторону соперника Выговскаго. Въ памятную эпоху вторженія Карла XII въ Украйну Гадячъ былъ занятъ шведами и, осажденный войсками Петра I-го, видѣлъ подъ стѣнами своими самаго Карла, поспѣшившаго на помощь осажденнымъ.

Бывъ такимъ образомъ не разъ мѣстомъ и предметомъ военныхъ дѣйствій, Гадячъ имѣлъ укрѣпленіе, слѣды котораго замѣтны еще и теперь въ той части города, которая обращена къ р. Пслу. Гадячъ долгое время былъ полковымъ городомъ сперва лубенскаго, а потомъ и собственнаго имени полка. Нѣкоторое время, какъ сказано выше, онъ былъ и гетманскою резиденціею. Здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, убитый въ маѣ 1668 года въ мѣст. Опошнѣ (зеньковскаго уѣзда). Внутри гадячскихъ укрѣпленій находился *замокъ*, а въ немъ дере-

вянный дворецъ гетмана. Здѣсь-же была и полковая деревянная церковь Богоявленія Господня, построенная тѣмъ-же гетманомъ Брюховецкимъ: въ ней онъ и былъ погребенъ. Въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій, а равно церкви и замка.

Къ городу Гадячу приписаны были села: Вельбовка, Свинарное, Лютенька, Будище, Плѣшивецъ, Книшовка, Подолки, Капустинцы, Сергѣевка, Липовая Долина, Красная Лука, Крутьки и деревня Млины, за исключеніемъ жительствующихъ въ этихъ мѣстахъ козаковъ. Эти имѣнія составляли такъ называемый *гадячскій ключъ*.

Каковъ былъ гербъ города Гадяча въ прежнее время, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. При Екатеринѣ II, въ 1782 году, 4 іюня Гадячу присвоенъ слѣд. гербъ: въ красномъ полѣ архангелъ Михаилъ въ голубомъ военномъ одѣяніи; онъ поражаетъ золотымъ копьемъ лежащаго змія, стоя лѣвой ногой на его животѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ВУЛКАНЪ ВЪ ТАВРИДѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII СТ.

Недавно всѣ газеты обошло извѣстіе изъ смоленской губерніи о примѣченномъ тамъ будто-бы вулканѣ. Оно вызвало множество опроверженій и насмѣшекъ и лишь одно научное объясненіе описаннаго въ немъ явленія, да и это объясненіе признано излишнимъ.

Упомянутое извѣстіе припомнило намъ другое извѣстіе, не надѣлавшее въ свое время столько говору лишь потому, что во время появленія его не было такого множества газетъ. Извѣстіе это найдено нами въ видѣ замѣтки на отдѣльномъ листѣ, въ ворохѣ фамильныхъ нашихъ бумагъ, и гласитъ слѣдующее.

«Изъ Санктпетербурга, апрѣля 14 дня.

Сообщенно отъ таврическаго генералъ-губернатора Зубова.

Прошедшаго февраля 27 дня въ области таврической, управленію его ввѣренной, случилось достойное примѣчанія явленіе природы. Въ половинѣ 9 часа, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, слышенъ былъ близъ сѣверной косы, разстояніемъ отъ города Тамани въ прямую линію на 12, а въ объѣздъ на 60, въ состоящей при урочищѣ Пущукоѣ—небольшой горѣ великой шумъ и трескъ, по-

добный грому; послѣ чего вскорѣ изъ вершины ея появился густой черной дымъ столбомъ и чрезъ минуту началъ изъ нея пылать огонь съ высокимъ преужаснымъ пламенемъ, которое поднималось перпендикулярно вверхъ до 30-ти сажень и продолжалось около получаса. Потомъ гора изъ отверстія навер . . . . гося стала выбрасывать вокругъ себя . . . . ящую глинистую матерію и камѣнья . . . . угой день земля была покрыта отъ полутора до четырехъ аршинъ вышиною сими изверженіями; а мѣстами составились изъ нихъ большія кучи въ три сажени и болѣе вышиною. Выбрасываніе глинистой матеріи продолжалось еще и на третій день, временно показывалось пламя и слышенъ былъ внутри горы шумъ на подобіе кипящей воды. Явленіе сіе тѣмъ паче заслуживаетъ примѣчаніе и любопытство, что имѣетъ великое вліяніе въ естественную исторію края сего; ибо посредствомъ онаго докажется, отъ куда произошли издавна уже извѣстныя на нѣкоторыхъ на островѣ Фанагоріи находящихся горахъ и холмахъ круглыя отверстія, изъ коихъ выбрасывается безпрестанно солонцоватой жидкой илъ, мѣстами съ горнымъ масломъ, или съ нефтью смѣшанными. Такожъ подтвердится тѣмъ и мнѣніе то, что въ нѣдрахъ всего острова сего должны сокрыты быть многія горючія вещества. При томъ нужно еще и сіе замѣтить, что со времени Плинія, описавшаго въ письмѣ своемъ къ Тациту страшное изверженіе горы Везувія, не было еще въ Европѣ подобнаго явленія.

Сіе извѣстіе есть только предварительное для дальнѣйшаго освидѣтельствованія на мѣстѣ сего явленія и снятія плана съ горы и вида оной, также и для собранія разныхъ веществъ, изъ горы сей выкинутыхъ, отправленъ землемѣръ, коего замѣчанія обнародованы будутъ въ удостовѣреніе любителей естественной исторіи».

Сообщ. **С. Н. И.**

КІЕВЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Весною 1799 года изъ Москвы на Серпуховъ выѣзжала дорожная коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ баринъ, державшій на рукахъ «англинскую собачку». На козлахъ сидѣло двое крѣпостныхъ «людей». Баринъ ѣхалъ обозрѣвать свое отечество и направлялся на югъ, «въ прекраснѣйшую его часть». Это былъ начинающій писатель

Владиміръ Измайловъ. Черезъ три года, плодомъ его поѣздки явилось нѣсколько томиковъ дорожной болтовни, названной «Путешествіемъ въ полуденную Россію».

Болтливость,—сама по себѣ вещь несносная,—при наблюдательности и въ путевыхъ запискахъ превращается чуть не въ достоинство. Было-бы счастіемъ, если-бы нашъ путникъ, человѣкъ не безъ способностей, оставилъ правдивый, богатый наблюденіями дневникъ своихъ странствій по Украйнѣ и югу въ то далекое время. На бѣду онъ больше занятъ былъ своими чувствованіями, чѣмъ тѣмъ, что мелькало передъ его глазами, и смотрѣлъ внимательнѣе внутрь себя, чѣмъ по сторонамъ. Это былъ путешественникъ *сентиментальный*.

Въ то время въ Европѣ сентиментализмъ доживалъ свои дни. На сценѣ оставались только третьестепенные послѣдователи Руссо и Ричардсона. Въ Англіи это направленіе дошло до уродливыхъ крайностей. Послѣ романа Мекэнзи «Чувствительный человѣкъ» идти дальше было некуда. Герой этой удивительной повѣсти, нѣжный, деликатный, волнуется чувствами разъ шесть въ день, отъ избытка чувствъ впадаетъ въ чахотку, рѣшается открыть свою любовь только передъ смертію и, потрясенный признаніемъ, умираетъ... Въ Россіи сентиментализмъ переживалъ тогда блистательную пору. Дорогу ему проложили «Письма русскаго путешественника». Одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, Измайловъ задумалъ въ томъ-же духѣ описать поѣздку по Россіи.

Его вниманіе занято тѣмъ, чтобъ передать какъ можно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души. Въ каждомъ лѣсу онъ прислушивается къ пѣнію птичекъ, на каждой горѣ приходитъ въ восторгъ, на холмахъ и долинахъ вспоминаетъ о своей юности, каждое утро неистово восхищается восходомъ солнца... Эпиграфомъ къ книгѣ онъ ставитъ слова дю-Патти: «пусть другіе путешественники привозятъ изъ посѣщенныхъ странъ медали, статуи и произведенія природы. Я возвращаюсь съ идеями и чувствами!» При такомъ настроеніи, озабоченный выкладкой своихъ чувствъ, онъ говоритъ о мѣстахъ и людяхъ въ однообразныхъ, общихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочныя, случайныя его замѣтки — голосъ живаго очевидца. Въ помощь имъ возьмемъ двѣ-три старыхъ

книги и попробуемъ представить себѣ хоть уголокъ того стараго Кіева, какой Измайловъ видѣлъ своими глазами.

Дорога путника по Малороссіи есть рядъ умиленій и трогательныхъ сценъ. Но описываемые имъ люди какъ-то космополитичнодобродѣтельны. Въ разговорѣ съ «поселянами», гдѣ нибудь на греблѣ близъ Сумъ, подъ высокими осокорами, въ бесѣдѣ съ семействомъ «малороссійскаго дворянина Карпова», видятся не старосвѣтскіе украинцы, а швейцарцы «Писемъ русскаго путешественника». Полевые курганы, какъ памятники войны и борьбы, наполняютъ его нѣжное сердце ужасомъ. Онъ «не можетъ ихъ видѣть безъ содроганія». Зато видъ какихъ-то счастливыхъ супруговъ распаляетъ его воображеніе, и вотъ уже готовъ планъ, какъ «въ низкой хижинѣ» будетъ жить онъ «съ нѣжною подругою и еще нѣжнѣйшими плодами любви». О малороссіянахъ у него вырывается нѣсколько искреннихъ строкъ. Уроженцу сѣвера, ему люба и чистота жилищъ и живописность мѣстностей, независимый характеръ народа и самый національный типъ. «Малороссійскій народъ, заключаетъ онъ, достоенъ любопытства и можетъ быть славы, если не одинъ наружный блескъ въ состояніяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженія».

Не останавливаясь нигдѣ, Измайловъ спѣшитъ къ Кіеву и «любопытство его обвиняетъ въ медленности природу». Наконецъ, подлѣ бориспольскихъ болотъ, онъ дышетъ смолистымъ воздухомъ броварскаго бора. «Мрачныя сосны возносились къ облакамъ, святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ». Какъ видитъ читатель, это было задолго до процесса, предъявленнаго броварскимъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ. Броварской боръ не похожъ былъ на свои теперешніе остатки. Подъ его сѣнью укрывались не только грѣхи лѣсничихъ, но и усталые путники. Но вотъ сквозь просвѣты лѣса мелькнулъ золотой куполъ печерской колокольни. Кіевъ вдали! «Зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показались сквозь ряды деревъ и снова скрылись». Вотъ открылась наконецъ и вся, милая сердцу южанина, гористая панорама древняго города. Вмѣстѣ съ сотнями богомольцевъ путникъ переплываетъ черезъ Днѣпръ, къ ночи водворяется въ Кіевъ.

Гдѣ поселился онъ? Обуреваемый ощущеніями, онъ забываетъ сообщить о такой мелочи, но по всѣмъ признакамъ—на Печерскѣ,

обстраивавшемся тогда казенными и частными зданіями. Онъ что-то толкуетъ объ «отелѣ», но очевидно это такая-же гипербола, какъ «сосны, уходящія въ облака». По «Краткой вѣдомости о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ», изданной 17 лѣтъ спустя [1]), видно, что въ городѣ Олега и Владиміра было въ то время только четыре постоялыхъ двора. Конечно одинъ изъ нихъ пріютилъ и сентиментальнаго путешественника.

По обычаю странниковъ всѣхъ временъ и народовъ, онъ спѣшитъ бросить взглядъ на городъ, чтобы составить о немъ общее представленіе. Предъ нимъ какъ-бы три отдѣльныхъ поселенья, раздѣленныхъ рощами и пустырями. «Съ одной стороны печерская крѣпость съ ея предмѣстьями и зеленымъ валомъ, на высокой горѣ надъ Днѣпромъ, съ другой стороны, на нѣсколькихъ холмахъ, съ Михайловскимъ и Софіевскимъ монастыремъ въ видѣ замковъ, съ домами и садами лежитъ старый Кіевъ. Внизу, къ самому Днѣпру, подобно остроконечному мысу, видѣнъ Подолъ, украшенный громадою зданій». Все залито веселымъ блескомъ майскаго солнца. Оно горитъ на золотыхъ главахъ церквей, играетъ въ днѣпровскихъ волнахъ, по которымъ плывутъ медленно барки. Эта зелень, солнце и блескъ, далекіе днѣпровскіе луга и пески, синіе лѣса, уходящіе на горизонтъ тонкой опушкой, вся эта лѣтняя кіевская картина наполняетъ путника неподдѣльнымъ восторгомъ. «Если-бы любовь къ природѣ и къ изящному могла когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, восклицаетъ онъ, то одинъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова».

Посѣщеніе Лавры—первое дѣло каждаго путника въ Кіевѣ. Наружный видъ лаврскихъ зданій, въ описаніи Измайлова, не разнится отъ нынѣшняго. Святыя ворота и тогда украшены были изображеніями праведниковъ, по его словамъ, «оживленныхъ конечно не кистью эспаньолета». Но описаніе Великой церкви и живописи ея стѣнъ говоритъ о вещахъ безвозвратно исчезнувшихъ. «На лѣвой рукѣ отъ большаго входа написаны на стѣнѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе князья и малороссійскіе гетманы являются одинъ за другимъ къ великому удовольствію того, кто любитъ отечество и славные подвиги его сыновъ». Отдѣльно отъ

---

[1]) «Краткое описаніе Кіева», Берлинскаго, 1820 г.

другихъ, за лѣвымъ клиросомъ, былъ портретъ Хмельницкаго, о которомъ упоминаетъ еще въ 1820 г. Берлинскій. По его словамъ портреты князей русскихъ и литовскихъ были плохи и испорчены реставрировкой. Интересъ подлинности имѣли конечно портреты позднѣйшаго времени, когда искусство живописи поднялось до извѣстной высоты. Взглянувъ на Хмельницкаго, нашъ путникъ наивно ищетъ портрета Наливайка и восклицаетъ съ огорченіемъ: «Нѣтъ сего великаго мужа!» Онъ не зналъ еще той истины, что изображеній лицъ отъ эпохъ столь отдаленныхъ и смутныхъ искать въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ напрасно: всѣ онѣ находятся въ галлереяхъ любителей, у которыхъ коллекціонерская рьяность побѣждаетъ научныя познанія.

«Князь Острожскій, изваянный изъ бронзы, лежитъ на одрѣ подъ балдахиномъ. И онъ имѣетъ право на признательность малороссійскаго народа». Надгробный памятникъ князя Острожскаго описываетъ и позднѣйшій путешественникъ, Левшинъ, видѣвшій его въ 1815 году [1]). Оба они, да и прочіе описатели стараго Кіева, считаютъ этотъ исчезнувшій памятникъ надгробіемъ славнаго князя Константина Константиновича. Но какъ помирить съ этимъ мнѣніе ученѣйшаго и всезнающаго начетчика, почтеннаго М. А. Максимовича? Онъ утверждаетъ рѣшительно, что то была могила отца князя Константина, великаго гетмана литовскаго [2]). Надо думать что великій знатокъ кіевской старины былъ и въ этомъ случаѣ правъ.

Надпись надъ прахомъ Румянцева—«Внемли, Россъ!»... сдѣлана была, кажется, позже. Поклонникъ эффектныхъ словъ, Измайловъ не упоминаетъ о ней, описывая могилу фельдмаршала. Но мы замѣтимъ къ слову, что мѣсто постановки доски съ этой надписью ставитъ и нынѣ умиленнаго Росса въ нѣсколько странное положеніе: прахъ полководца въ дѣйствительности покоится не «предъ тобою», а какъ разъ въ противуположномъ концѣ храма.

Замѣтки о живописи другихъ древнихъ церквей Кіева, какъ у Измайлова, такъ и у позднѣйшихъ описателей, крайне поверхностны. Какъ ни старайся, ничего не представишь себѣ изъ отзывовъ въ

---

[1]) «Письма изъ Малороссіи», Харьковъ, 1816 г.

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 717.

родѣ слѣдующаго: «Живопись образовъ сей церкви, хотя не соотвѣтствуетъ вѣку, но довольно разительна!»

Отъ древностей взоры путника обращаются къ окружающей дѣйствительности. Съ своими пышными представленіями о предметахъ, онъ не удовлетворяется тою въ сущности скромною картиною, какую представляла физіономія Кіева въ ту эпоху. Какъ пришельцу, ему ничего не говоритъ та сила воспоминаній, преданій прошлой жизни, которая мѣстамъ и предметамъ самымъ бѣднымъ сообщаетъ неотразимую прелесть. Онъ оставилъ хотя сухую, но по счастью довольно точную страницу описанія общей внѣшности города. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одна отъ другой. Кажется, что вы видите три разныя селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названія города». Не забудемъ, что рѣчь идетъ о Кіевѣ конца прошлаго вѣка. Въ то время Подолъ сохранялъ еще свой старый видъ, совершенно измѣнившійся послѣ страшнаго пожара 1811 года, а Печерскъ и Старый городъ не приняли еще того строгаго оттѣнка, какой приданъ былъ имъ казенными постройками къ концу царствованія Николая I. Какъ сказочная красавица, за руку которой спорило нѣсколько богатырей, надѣвала въ угоду имъ разные уборы, сохраняя все ту-же красоту, тѣ-же прекрасныя очи, такъ нашъ Кіевъ мѣнялъ не разъ свой видъ въ теченіи своей исторической судьбы. Къ картинкѣ Измайлова подставимъ цифры. Ихъ сохранилъ усердный Берлинскій. Въ этомъ деревянномъ городкѣ отдѣльныхъ домиковъ было тогда много: 3,968. Изъ нихъ каменныхъ было только 49. Лавокъ деревянныхъ городскихъ и партикулярныхъ—214, каменныхъ—147. Послѣднія—почти всѣ (136) на Подолѣ, на Печерскѣ же была большая часть деревянныхъ (147). Было 17 «пахвахтерскихъ будокъ», три гостиныхъ двора, два каменныхъ, одинъ

деревянный. Противъ нынѣшняго подольскаго гостиннаго двора стояло, уничтоженное пожаромъ 1811 года, огромное каменное зданіе магистрата, а въ началѣ нынѣшняго Крещатика, покрытаго густой растительностью,—деревянный театръ. Жителей обоего пола, всякаго званія и состоянія, числилось около 40 тысячъ. Самою бойкою и торговою частью былъ Подолъ. Тамъ-же «цвѣла» и еще дореформенная академія. Странствуя по Кіеву, въ одинъ изъ дней нашъ путникъ попалъ туда на ученый диспутъ.

«Святилище искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ грековъ», ввело у себя обычай диспутовъ со времени Петра Могилы. Диспуты были третные, еженедѣльные, годичные и двухгодовые, одни—какъ замѣна экзаменовъ, другіе—какъ торжественные акты. Со свойственнымъ ему легкомысліемъ, нашъ путникъ не допрашиваетъ себя хорошенько о значеніи явленія, происходящаго передъ нимъ и, говоря о самомъ диспутѣ въ 50—60 строкахъ, на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о чувствахъ, вызванныхъ въ немъ ученымъ поединкомъ. «Я пришелъ требовать позволенія видѣть академію и нашелъ у префекта собраніе духовныхъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ префектъ пригласилъ меня съ собою. Зданіе древнее, но достойное служить театромъ академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каѳедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство. На листкѣ, поданномъ при входѣ, написаны были утверждаемые и оспариваемые тезисы. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и студентъ, принявъ благословеніе архипастыря, началъ говорить на латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры». Они показались нашему слушателю какъ-бы затверженными. Весьма возможно, что это и было такъ. Въ то время академія находилась уже въ состояніи упадка, да къ тому-же еще едва оправилась отъ постигшаго ея неожиданнаго сюрприза. Въ 1786 году та школа, «гдѣ цвѣли науки въ то время, когда мракъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію», однимъ почеркомъ пера переведена была въ кіево-печерскую лавру, а слава Кіева, братскій монастырь превращенъ былъ въ военный госпиталь. Черезъ нѣсколько времени дѣло поправилось, но вся эта перетасовка не могла не отразиться на ходѣ академической жизни.

Не такой видъ имѣли диспуты въ блестящую пору академіи. Въ своемъ любопытномъ трудѣ о «Кіевѣ, съ его древнимъ училищемъ» Аскоченскій довольно живо рисуетъ ученые споры того времени. Годичные диспуты, гдѣ возражатели являлись изъ охотниковъ, были очень любимы и посѣщаемы кіевлянами. Но самыми торжественными были диспуты, происходившіе по окончаніи двухгодичнаго курса. «Наканунѣ назначеннаго дня на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибивали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюзіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь вразумительнѣе и для простого народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на какомъ преимущественно производились эти ученыя состязанія,— нѣкоторыя изъ положеній были переводимы на русскій языкъ. По прибытіи митрополита въ академическую залу, произносимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. Въ анналахъ академіи особенно памятнымъ остался диспутъ, на которомъ присутствовала въ 1744 году императрица Елисавета Петровна. Здѣсь ректоръ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь о томъ, «какое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государь», а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, поднесъ наслѣднику престола Петру III переведенную имъ книгу «Зерцало должности государей» [1]).

Немалый блескъ сообщало диспутамъ участіе знаменитыхъ академическихъ пѣвческихъ хоровъ. Инструментальная музыка была въ академіи также въ ходу, и прекрасный оркестръ исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ. Чубатые студенты-любители, въ киреяхъ и цвѣтныхъ «сапьянцяхъ» разыгрывали сочиненія Палестрины и Скарлати.

Библіотека академіи, посѣщенная также нашимъ путникомъ, не разъ подвергалась пожарамъ. Она пострадала не задолго до этого,

---

[1]) Аскоченскій, т. 2, стр. 96.

въ 1780 году. Однако, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, до новаго пожара 1811 года, въ ней было опять 10,000 томовъ.

На общую легкость сентиментальнаго путешественника приходится сѣтовать еще разъ, переходя къ его замѣткамъ о кіевскомъ обществѣ. Ему не по силамъ, разумѣется, подмѣтить тѣ видоизмѣненія, ту ломку, какая происходила въ общественномъ, бытовомъ строѣ Кіева въ ту переходную эпоху. О цѣлыхъ классахъ, о народѣ, о духовенствѣ, онъ прямо отказывается говорить и ограничиваетъ свои наблюденія «высшимъ состояніемъ». Отзывъ получается однако довольно кислый. «Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой, домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастіе въ удовлетвореніи мирныхъ потребностей и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей». За то изъ поведенія онъ ставитъ кіевлянамъ хорошій балъ. «Счастіе и вѣрность сохраняютъ супружеское состояніе, согласіе обитаетъ въ семействахъ, цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности». Онъ приписываетъ всѣ эти совершенства первобытному строю жизни и не сомнѣвается, что, «при сближеніи нравовъ и народовъ», кіевскіе жители позаимствуютъ новые обычаи и мнѣнія. «Пройдетъ немного времени, зловѣще предрекаетъ онъ, и они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго». Они пріобрѣтутъ нѣкоторыя, недостающія имъ «блестящія качества», но вмѣстѣ съ ними «захватятъ и развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію».

Изъ отдѣльныхъ лицъ Измайловъ упоминаетъ о какой-то богомольной старушкѣ Б. и о генералѣ К., съ которымъ можно пріятно провести время, «говоря не объ изящной словесности, и не объ задачахъ философіи и метафизики».

Старушки, болѣе или менѣе богомольныя, генералы, военные и штатскіе, болѣе или менѣе храбрые, конечно не характеризовали никогда и ничего. Интересны воспоминанія объ извѣстномъ проповѣдникѣ Левандѣ. Измайловъ нѣсколько разъ посѣтилъ его въ скромномъ домикѣ его на Подолѣ и, согласно со всѣми другими, говоритъ о его значительномъ образованіи, простотѣ и рѣдкомъ дарѣ слова. Сынъ подольскаго сапожника Сикачки, принявшій при поступленіи въ братскую школу имя благоухающаго цвѣтка, Леванда, въ одинъ моментъ своей жизни, явился истиннымъ народнымъ

человѣкомъ и историческимъ лицомъ. Это было во время моровой язвы 1770 года, когда своими огненными проповѣдями въ подольской церкви Успенія онъ поднималъ духъ народа и призывалъ его къ высокой задачѣ самоисправленія. Популярность его въ Кіевѣ и впослѣдствіи была громадна. Біографъ его, покойный Ф. А. Терновскій, отдаетъ впрочемъ преимущество въ его дѣятельности первой половинѣ его жизни, и чтеніе рѣчей Леванды подтверждаетъ это мнѣніе. Впослѣдствіи Леванда сталъ, такъ сказать, присяжнымъ ораторомъ, и «его рѣчь сдѣлалась такой-же необходимою принадлежностью кіевскаго праздника, какъ колокольный звонъ, басъ протодіакона и громкій хоръ пѣвчихъ». Это былъ ораторъ по призванію, надѣленный блестящими внѣшними средствами; насколько велика была въ немъ склонность къ публичному слову, показываютъ тѣ двѣ рѣчи, которыя онъ произнесъ *на собственной свадьбѣ*, одну передъ вѣнцомъ, другую послѣ вѣнца.

Изъ замѣтныхъ людей того времени Измайловъ упоминаетъ о цитованномъ нами нѣсколько разъ Максимѣ Берлинскомъ, «профессорѣ натуральной исторіи въ главной школѣ». Къ сожалѣнію изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ знатокомъ кіевскихъ древностей, нашъ путникъ приводитъ только какую-то «философическую прю» самаго общаго содержанія, гдѣ Берлинскій будто-бы заявлялъ, что «для него веселѣе быть отцомъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками». Этого Берлинскаго, почтеннаго ученаго, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ почти сказочнымъ Кесаремъ Берлинскимъ, о которомъ талантливый г. Лѣсковъ, на этихъ самыхъ страницахъ, разсказалъ столько уморительныхъ анекдотовъ.

Вѣрный своей задачѣ—все видѣть, путешественникъ не преминулъ посѣтить одно изъ ежедневныхъ общественныхъ гуляній въ дворцовомъ саду. Въ качествѣ столичнаго франта и поклонника красоты, онъ позаботился конечно о своей внѣшности. Отдаленное подобіе парижскихъ «мюскаденовъ» и incroyabl'ей той поры, вотъ выступаетъ онъ по кіевскимъ улицамъ въ предвечерній часъ, когда спалъ уже дневной жаръ. Зеленый фракъ, вздернутый выше ушей огромный галстухъ, треугольная шляпа, пудренные волосы съ косой, кривая палка и четыреугольный монокль въ рукахъ—таковъ его уборъ. По кривой улицѣ идетъ онъ къ «большой площади, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города». Тамъ дворецъ, тамъ

присутственныя мѣста, дома частныхъ лицъ, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. «Кареты скачутъ, форейторы кричатъ: *поди!* Пыль вьется столбомъ, и вашъ философствующій пѣшеходъ, скрываясь въ пыльномъ туманѣ, но счастливѣе Діогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ петиметровъ и старушекъ, забывшихъ на часъ богомолье». Вступивши въ тотъ садъ, гдѣ нынѣ бродитъ угрюмый босякъ, а прежде гуляли нарядныя пары, столичный человѣкъ прислушивается къ разговорамъ. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ души и «не проглядываетъ основательный разумъ», Но онъ съ избыткомъ утѣшенъ другимъ: «я сижу въ царствѣ красоты. Женщины, одна другой прелестнѣе, мелькаютъ предо мною и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія». Его взоры привлечены преимущественно одной, и онъ готовъ отзываться о ней стихами той поры:

> На лицахъ прелести у многихъ раздѣленны,
> Въ ея лица чертахъ цвѣтутъ совокупленны!..

«Она улыбнулась, ея улыбка принадлежитъ мнѣ, я имѣю на нее право. Ахъ! Одна улыбка дала мнѣ предчувствовать всѣ восторги любви!»

Подъ вліяніемъ этой невѣдомой, давно забытой въ могилѣ кіевской розы, онъ окончательно впадаетъ въ сентиментальный экстазъ. Только на обратномъ пути домой, нѣсколько приходитъ онъ въ себя и занимается параллелями между женщинами кіевскими и московскими. Побѣда остается за кіевлянками. «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій. Москвички милѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

Прощаніе странника съ Кіевомъ—трогательно. «Прости Кіевъ, простите мѣста прекрасныя!» Въ послѣдній разъ гуляетъ онъ по зеленымъ горамъ и даетъ обѣтъ привезти сюда, подъ это ласковое небо, своего будущаго сына. Мечты объ этомъ сынѣ и о семейныхъ радостяхъ увлекаютъ его. Незамѣтно для него самаго волны Днѣпра уже уносятъ его изъ Кіева. Своей мечтою онъ наслаждался до самаго вечера. Когда онъ очнулся на ночлегѣ, то оказался вдали отъ Кіева, «безъ подруги, безъ сына!.. Одинъ!»...

На этой скорби объ отсутствіи сына и потомства,—скорби наименѣе допускающей постороннее вмѣшательство, простимся съ сентиментальнымъ странникомъ и мы. Лѣтъ пятнадцать спустя, мы встрѣчаемъ его уже издателемъ «Вѣстника Европы», переданнаго ему Карамзинымъ. Въ этомъ журналѣ появились первые опыты Пушкина. Если-бы печатавшій простые, глубоко-реальные стихи юнаго поэта представитель сентиментализма зналъ, кого онъ впускаетъ въ домъ, то навѣрное закрылъ-бы передъ нимъ двери. Разсказываютъ, что когда одинъ изъ министровъ Людовика XVI явился къ докладу въ простомъ черномъ платьѣ и безъ парика, то церемоніймейстеръ въ ужасѣ воскликнулъ: теперь все кончено! Дѣйствительно это была минута, съ которой измѣнилось все.

В. Горленко.

МАЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШАРАДА.

Въ доставшейся намъ отъ г. Григоріади записной книгѣ рода Забѣлъ, напоминающей собою записную книгу асаула Мовчана, описанную В. Б. Антоновичемъ, но болѣе пространную, мы нашли въ ряду другихъ любопытныхъ замѣтокъ и слѣдующую запись:

«Року 1733, октоврія 10 въ Глуховѣ получено: Игра ломберъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Папа. Еслибъ я болше козирей, нежели иныхъ картъ, имѣлъ, то й я сталъ играть.

Цезаръ. Я имѣю добрихъ козирей: три короля и даму одну; однако-жъ я подожду, пока другіе станутъ играть.

Англѣя. Пусть играютъ, какъ хотятъ, только-бы козири роздѣлени били.

Францѣя. Я стану грать, когда мой король прикритъ будетъ.

Пруссія. Я радъ былъ, только опасуюсь, что перебютъ.

Швойцарская Земля. Когда будутъ играть, то надлежащіе игри отъ мене не уйдутъ.

Россія. Я нарочитую игру мѣю, и виграть допустить могу.

Швеція. Я не буду играть, если-жъ мнѣ гоноровъ не заплатятъ.

Гишпанія. Моя игра не весьма важна, развѣ въ черной масти.

Данія. По малой мѣрѣ не буду играть безъ матадоровъ.

Польша. Отъ одного короля, которого у мене нѣтъ, могу всѣ програть.

Имперія. Мнѣ трохъ картъ не достаетъ, и я опасаюсь, чтобъ ремиза не заплатить.

Португалія. Я не буду играть, ежели стадали моя не принудятъ.

Савойская Земля. Я прежде не играю, пока не имѣю надежной игри.

Голандія. Когда всѣ пашуютъ, то и я такъ.

Курфирстъ Саксонскій. Я напрасно пашовалъ, а теперь я подиймаю играть, хотя можетъ быть и лабетъ поставлю, чтобъ проклятого хлопа до игри не допустыти.

Король Станиславъ. Пождѣте, моѣ господа, я не отреклъся и не хочу лабетъ дважди поставить.

Приймасъ. Играйте, какъ изволите, а я одинъ зъ сихъ лабетъ озьму.

Республика полская. Я ставлю карти, и сущіе прибилѣ всегда на моей сторонѣ.

Hev patior telis vulnera facta meis.
Pro patria et in patria dulce est mori.
Vir honestus, sincerus, nemini molestus, omnibus gratus.
Prima philosophia est meditatio mortis.

Pódź, Polska, zamąź, iesli dziweczka!
Oy, nie póyde, francuzowie, oz nie póyde, alendrowie,
Bom nie caleczka.
Zgwałcili mnie w Litwie panowie,
Wzieli wianek mey czystosci
I nabytey znak wolnosci
Zli synowie.

Saturnus in Roma infortunatus, super alios elevatus, malum pertendet ex frigiditate et infortunio, quod totam terram premet.

Предлагаемъ читателямъ разгадать эту шараду, а мы пока воздержимся отъ объясненія оной.

Евгеній Желеховскій.

(*Некрологъ*).

Маленькая, родная намъ Галиція, живущая въ иныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и несущая непосильную борьбу за свою вѣру и народность съ польскою «справою», теряетъ годъ за годомъ своихъ лучшихъ дѣятелей. Въ короткое время похоронивъ Барвинскаго, Навроцкаго, Заклинскаго и Шашкевича, 6-го сего февраля она лишилась Желеховскаго.

Умершій Евгеній Желеховскій извѣстенъ у насъ, и лишь весьма немногимъ, какъ составитель малорусско-нѣмецкаго Словаря, не доведеннаго имъ до конца. Въ единоплеменной намъ Галиціи его смерть составляетъ событіе дня и вызвала болѣзненный стонъ во всей странѣ. Что-же такое самъ Желеховскій? Сынъ мѣщанина, если не крестьянина, жившаго частною службою, воспитанникъ львовскаго университета, учитель, выражаясь по нашему, русскаго языка и словесности въ гимназіи маленькаго городка Станиславова. У насъ съ подобнымъ положеніемъ и формуляромъ, въ случаѣ смерти, можно занять мѣсто лишь въ ряду происшествій, и то въ случаѣ напр. тифозной или иной эпидеміи, какъ упомянуто было недавно въ кіевскихъ газетахъ о смерти одного изъ учителей кіевской гимназіи. Въ Галиціи вѣсть о смерти Желеховскаго передавалась изъ конца въ конецъ страны, а его похороны собрали до 50-ти священниковъ, мѣстный муниципалитетъ, подняли на ноги всю мѣстную интеллигенцію и большую часть населенія Станиславова, вызвали множество телеграммъ, до 20 депутацій, массу вѣнковъ и цѣлыя группы крестьянъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ. Статьями о смерти, погребеніи и дѣятельности Желеховскаго переполнены теперь всѣ русскія газеты въ Галиціи, какъ у насъ въ свое время объ И. С. Тургеневѣ. Даже польскія газеты пишутъ объ немъ и отдаютъ честь своимъ противникамъ за то, что они умѣютъ чтить память своихъ дѣятелей.

Что-же сдѣлалъ Желеховскій для своей родины, за что такъ ублажаетъ она его память и такъ горячо оплакиваетъ его смерть?

Онъ былъ «гимназіальнымъ» учителемъ..., онъ участвовалъ въ учрежденіи общества «Просвѣты» въ Львовѣ, учредилъ отдѣленіе этого общества въ Станиславовѣ, выдавалъ изъ его библіотеки книги

приходившимъ изъ селъ крестьянамъ, содѣйствовалъ учрежденію дамскаго станиславовскаго кружка, былъ членомъ уѣзднаго и городскаго совѣта, сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ, хотя и не довелъ до конца, малорусско-нѣмецкій Словарь. Вотъ и все.

У насъ малопонятна будетъ вызванная смертію Желеховскаго общественная, почти всенародная скорбь въ Галиціи, и мы считаемъ нужнымъ пояснить ее.

Наши братья галицкіе живутъ не похоже на насъ. Они представляютъ собою общество, не подраздѣленное ни на какіе классы. У нихъ нѣтъ ни высшаго, ни средняго классовъ, нѣтъ магнатовъ, ни богачей, нѣтъ сановниковъ, графовъ и князей,—не только политическая, даже административная власть не въ ихъ рукахъ. Это въ собственномъ смыслѣ народъ, который изъ среды себя путемъ образованія, но отнюдь не богатства, выдвигаетъ интеллигенцію—священниковъ, учителей, незначительное число чиновниковъ на не важныхъ постахъ и еще меньшее число людей торговыхъ. И этотъ столь бѣдный народъ находится подъ двойнымъ—нѣмецкимъ и особенно польскимъ гнетомъ и ведетъ непрерывную тяжкую борьбу за свою политическую равноправность и сохраненіе своей вѣры и національности. Но именно эти обстоятельства даютъ ему то единство, котораго мы не имѣемъ, и ту сплоченность, которой не можетъ одолѣть съ своими громадными средствами польская пропаганда. Непрерывная жизненная борьба выдвигаетъ дѣятелей, увлекаетъ ихъ въ свой водоворотъ и надѣляетъ ихъ тѣми свѣтлыми качествами и дѣлами, которыя влекутъ къ нимъ симпатіи всего народа и даютъ популярность въ его средѣ. Такими дѣятелями являются здѣсь и священникъ, и чиновникъ, и торговецъ, и редакторъ газеты, и учитель гимназіи, даже учитель сельской школы. Тутъ общественнымъ, народнымъ дѣятелемъ, даже противу воли, сдѣлаться легко, но быть имъ необычайно трудно. Патріотизмъ всасывается, можно сказать, съ молокомъ матери и воспитывается всею послѣдующею жизнью. Это не тотъ патріотизмъ, о которомъ пишутъ въ книгахъ, который высказываютъ въ застольныхъ рѣчахъ или проявляютъ на поляхъ битвъ, это жизненный стимулъ, непрерывною нитью идущій отъ колыбели до гроба. Но и патріотомъ надо умѣть и имѣть твердость духа быть. И въ средѣ галичанъ находятся люди равнодушные къ

судьбамъ родины, непостоянные, колеблющіеся, даже «перекинчики», или-же патріоты односторонніе, не умѣлые, не въ мѣру рьяные. Борьба воспитываетъ не одинъ патріотизмъ, но вмѣстѣ тактъ, умѣлость, твердость, энергію, честность, мягкость души, любовь къ ближнему—высшія качества, составляющія лучшее украшеніе человѣка. И такимъ именно былъ, судя по отзывамъ всѣхъ галицкихъ газетъ, преждевременно скончавшійся Желеховскій. Его научный трудъ—Малорусско-нѣмецкій Словарь, для котораго онъ приготовилъ весь необходимый матеріалъ и окончаніе котораго завѣщалъ въ предсмертный часъ своему товарищу и другу—Недѣльскому, еще ждетъ своей оцѣнки, а его патріотическая дѣятельность очерчивается и долго еще будетъ очерчиваться въ родной ему странѣ на всѣ лады.

Только сообразивъ все вышесказанное, мы поймемъ то глубоко трогательное объявленіе о смерти Желеховскаго, какое мы нашли въ наиболѣе распространенной галицкой газетѣ «Дѣло». Оно стоитъ на первой страницѣ, непосредственно послѣ заголовка, и занимаетъ мѣсто строкъ въ 20-ть во всю ширину большого газетнаго листа. Въ траурной широкой рамкѣ—осьмиконечный въ сіяніи крестъ, а подъ нимъ слѣдующія скорбныя слова:

«Съ тяжкимъ болемъ въ серцю, зъ дрожачою одъ зворушеня рукою приходится намъ сегодня дѣлитися съ Вп. читателями печальною вѣстею: *Евгеній Желеховскій*, профессоръ русского языка при гимназіи въ Станиславовѣ, взорецъ (образецъ) русина патріота, найчестнѣйшого характеру, ангельской доброты сердця, довголѣтный неутомимый предсѣдатель филіи товариства «Просвѣта» и членъ другихъ русскихъ товариствъ, одинъ зъ першыхъ найгорячѣйшыхъ піонерôвъ просвѣты народнои, чоловѣкъ неусыпнои науковои працѣ, авторъ першого руско-нѣмецкого «Словаря», упоковвся вчора, дня 6 лютого 1885 р., о 5 годинѣ по-полудни, въ Станиславовѣ, на рукахъ опечаленнои дружины, дѣточокъ я другôвъ. Въ субботу рано мощѣ покôйного Евгенія пріиме свята земля русска, а память его буде жити у насъ и у грядучихъ поколѣнь на Руси—на вѣки!»

Буди вѣчная память ему!—скажемъ и мы, знавшіе покойнаго еще скромнымъ юношею, стремившимся къ намъ для довершенія образованія и возвратившимся на родину по исключительному случаю, о которомъ разскажемъ когда нибудь впослѣдствіи.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(*Русскій Вѣстникъ. — Новь. — Кіевлянинъ. — Заря*).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли съ точки зрѣнія нашей программы содержаніе столичныхъ *историческихъ* журналовъ прошлаго года; обратимся теперь къ остальнымъ. Какъ извѣстно, на страницахъ «толстыхъ» журналовъ иногда являются весьма цѣнныя монографіи нашихъ историковъ, которыя часто выходятъ потомъ отдѣльными книгами. Таковы по южно-русской исторіи извѣстныя статьи Костомарова, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли». Истекшій годъ, къ сожалѣнію, не далъ намъ ничего подобнаго. Мы имѣли возможность разсмотрѣть всѣ книги за прошлый годъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателя», «Русскаго Богатства», и ни въ одной изъ нихъ не нашли ничего, на чемъ можно было бы остановить вниманіе. Только въ мартовской книгѣ «Русскаго вѣстника» была статья А. Воронова о штундизмѣ («*Штундизмъ. Очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи*», *4—45 стр.*), о которой скажемъ нѣсколько словъ,—кстати для сопоставленія ея съ помѣщаемымъ въ этой-же книгѣ «Кіевской Старины» очеркомъ штунды въ кіевской губерніи.

Статья носитъ чисто публицистическій характеръ. Спачала авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состоитъ ученіе штундистовъ и откуда оно появилось. На первый вопросъ отвѣчаетъ весьма неясно, въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ о сходствѣ ученія штундистовъ съ протестантами-анабаптистами; на второй,—что штундизмъ явленіе заносное, пришедшее къ намъ отъ нѣмцевъ. По словамъ автора, онъ 10 лѣтъ наблюдаетъ за штундою въ центрѣ ея развитія, таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и констатируетъ, что въ эту мѣстность она занесена изъ Новороссіи, отъ херсонскихъ колонистовъ. Вслѣдъ за этимъ разсматриваются элементы общества, среди котораго появилась штунда: крестьянство, духовенство, интеллигенція (русская и польская) и евреи.

Изъ крестьянъ уклонились въ штунду большею частію низшіе слои, голяки, необезпеченные матеріально на родинѣ и потому принужденные искать пропитанія на сторонѣ. Долгія скитанія по раз-

нымъ краямъ пріучаютъ къ разнообразію, воспитываютъ индиферентизмъ ко всѣмъ формамъ быта и проявленіямъ жизни, въ томъ числѣ и къ религіи,—ослабляютъ традиціонную привязанность къ родной вѣрѣ и обрядамъ и слѣдовательно дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ стороннимъ вліяніямъ. А тутъ экономическое и нравственное давленіе нѣмца хозяина. Не мудрено, что голякъ уступаетъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ, словами мужичковъ, то положеніе, въ которое попадаютъ они у нѣмцевъ-хозяевъ на заработкахъ, и которое подготовляетъ ихъ къ штундѣ:

«Нанялись мы до нимця, та й не знали потимъ, якъ выбратця одъ ёго. Въ середу и пятныцю обидъ скоромный: все зъ молокомъ та зъ мясомъ; въ Петривку тожъ скоромне. Стали казать, щобъ намъ писный варили, такъ де тоби! не хоче нимець: каже, косыть не будешь за ти гроши, що даю. Та ще таке тоби верзе про посты, що лучче уши заткни. Цилыхъ 2 — 3 мисяци празднyка не знаешь, все на роботи, въ церкви не буваешь; руськи слободы не блызько, а стань просытьця въ недилю у хозяина до церквы, то винъ заразъ тоби каже: иди въ нашу кирку, та все сміетця зъ насъ» (стр. 16).

Нѣкоторые убѣгаютъ домой отъ такой обстановки, другіе привыкаютъ къ ней, и почва для штунды готова.

Что касается духовенства въ зараженномъ ересью краѣ, то оно, по мнѣнію автора, совсѣмъ не такъ низко стоитъ въ нравственномъ отношеніи, какъ пишутъ обыкновенно либералы; напротивъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія; жаль только, что не обезпечено матеріально и лишено возможности вліять на народъ посредствомъ школы. Далѣе—длинный панегирикъ церковно-приходскимъ школамъ. Причина появленія ереси та, что послѣ крѣпостнаго права, когда народъ очутился въ возможности, сверхъ насущнаго хлѣба, думать и о духовныхъ нуждахъ, онъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія» (стр. 32). Жаль, что «охраненія» не дали въ руки духовенству.

Интеллигенція, напротивъ, не соотвѣтствуетъ своему высокому положенію—учителей простаго народа; она не утверждаетъ его въ вѣрѣ, но даже хвалитъ штунду въ печати, какъ «религію прогресса». Особенно развращающимъ образомъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ мѣстная польская интеллигенція.

Евреи въ корчмахъ тоже помогаютъ проповѣдникамъ штунды, ругая поповъ и иконы.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый двухнедѣльный журналъ «Новь», съ неслыханно пестрымъ содержаніемъ. Въ двухъ его книгахъ (т. I, № 4—вторая половина декабря 1884 г., и т. II, № 5—первая половина января 1885 г.), въ отдѣлѣ критики и библіографіи, пріютилась весьма интересная историко-литературная статья г. Н. М. В. подъ заглавіемъ: *Иванъ Петровичъ Котляревскій. Критико-біографическій очеркъ.*

Русская литература, начинаетъ авторъ, выгодно отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ, подмѣченнымъ уже давно и повтореннымъ покойнымъ Тургеневымъ въ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ,—«прямодушной правдою, отсутствіемъ лжи и фразы, простотою, откровенностью и честностью ощущеній». Достоинство это принадлежитъ ей давно, съ первыхъ шаговъ ея самостоятельнаго развитія, тогда какъ иностранная литература начинаетъ выставлять эти начала только теперь, и то какъ pia desideria. Какія-же причины этого явленія?

«Одна изъ причинъ, недостаточно выясненная нашей критикой, заключается въ томъ, что въ созданіи русской поэзіи участвовала не одна народность, но двѣ, хотя единовѣрныя и единокровныя, но выработавшія свою духовную физіономію подъ такими различными условіями быта, исторіи, климата и почвы, что было-бы нелѣпо ихъ національныя свойства смѣшивать въ одну народную сущность. Наоборотъ, въ русской литературѣ отразились и слились двѣ народныя сущности, не противоположныя, но взаимно восполняющія одна другую, и въ этомъ заключается тайна ея скораго и пышнаго разцвѣта. Подобное сліяніе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ литературахъ и вездѣ служило залогомъ высокаго развитія... Каждая народность, предоставленная самой себѣ, спѣшитъ довести свои врожденныя свойства до крайняго развитія, — и цивилизація такой народности будетъ отличаться исключительной односторонностію, а литература, въ которой долженъ преобладать элементъ или разсудочный, или чувствительный, будетъ носить въ себѣ признаки разложенія и фальши... Исключительность и правда враждебны одна другой. Только при сочетаніи двухъ элементовъ является художественная правда. Тургеневъ эти два элемента называетъ воспріимчивостью и самодѣятельностью, началомъ женскимъ и мужскимъ.

Въ русской литературѣ, къ счастью, эти два элемента слились во едино, потому что въ ея созданіи участвовали двѣ народности, общія по происхожденію, но различныя по характеру,—народности великорусская и малорусская». (Т. I, № 4-й, стр. 702—703).

Участіе малороссовъ въ выработкѣ обще-русской культуры начинается очень рано.

«Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевская ученость была возбуждающей силой для Москвы. Константинъ Острожскій, Смотрицкій, Петръ Могила, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій—вотъ единственные проводники между европейскою ученостью, правда — схоластической, и допетровской Москвой. Петръ выбиралъ среди малороссовъ ревностныхъ поборниковъ своихъ реформъ, какъ напримѣръ Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, Варлаама Коссовскаго, Ѳеодосія Яновскаго, Гедеона Вишневскаго, Ѳеофилакта Лопатинскаго и др.» (Ibid., стр. 703).

Впослѣдствіи малороссъ Гнѣдичъ первый создастъ русскій гекзаметръ и двадцать лѣтъ трудится надъ переводомъ Иліады, Капнистъ своей «Ябедой» первый послѣ Фонвизина создаетъ серьезную общественную комедію, Богдановичъ «Душенькой» освободилъ русскую литературу отъ оковъ ложно-классицизма и «оживилъ ее духомъ шутки и бодрой веселости».

«Но центральнымъ поэтомъ, сосредоточившимъ въ себѣ весь своеобразный геній Малороссіи и пріобщившимъ этотъ геній нашей литературѣ, былъ Гоголь. Онъ, можно сказать, вдохнулъ душу живую въ нашу поэзію и первый придалъ ей тотъ характеръ правдивости и человѣчности, которымъ мы по справедливости такъ гордимся. Да, этотъ характеръ придалъ ей Гоголь, а не Пушкинъ, не потому чтобы онъ былъ талантливѣе Пушкина, а потому, что онъ заставилъ звучать въ великорусской поэзіи струны ей дотолѣ чуждыя,—примиряющаго юмора, непритворной чувствительности и горячей любви къ человѣку, ко всякому человѣку вообще. Только Гоголь сдѣлалъ у насъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ фальши и условности, только онъ приготовилъ появленіе Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого». (Ibid., стр. 704).

Послѣ Гоголя малорусская народность, почуявъ собственныя силы, направила ихъ къ созданію собственной литературы. Пока литература эта воспроизводила чисто народные идеалы, ей достаточно было и исключительно малороссамъ свойственныхъ качествъ—сосредоточенной глубины чувства и юмора, «въ которомъ нераз-

рывно сливаются злоба и нѣжность, насмѣшка и любовь». Апогеемъ развитія въ этомъ направленіи были произведенія Шевченка. Но лишь только малорусскіе писатели захотѣли коснуться культурныхъ сторонъ общественной жизни, національныхъ качествъ малорусскаго характера оказалось недостаточно; а такъ какъ они пожелали замкнуться исключительно въ кругу этихъ качествъ, то вырожденіе малорусской поэзіи пошло быстрымъ шагомъ.

Всѣ малорусскіе писатели, до Шевченка, должны быть изучаемы, какъ элементы, подготовлявшіе почву для появленія его генія.

«Но есть и другая исходная точка при изученіи украинскихъ писателей. Юморъ и чувствительность малорусскаго генія оказали громадное вліяніе на нашу литературу, служили основнымъ элементомъ при ея созиданіи,—и поэтому всякое проявленіе этого генія для насъ фактъ не случайный, а глубоко поучительный, имѣющій связь съ нашей родной поэзіей. Изученіе малорусскихъ писателей для насъ крайне важно, и въ особенности такихъ, въ произведеніяхъ которыхъ наиболѣе ярко отразились основныя свойства малорусской натуры. Родоначальникомъ этихъ писателей по справедливости слѣдуетъ считать Котляревскаго, и потому его жизнь и поэтическая дѣятельность имѣютъ такое-же право на наше вниманіе, какъ и на вниманіе природныхъ малороссовъ». (Ibid., стр. 705).

Затѣмъ авторъ излагаетъ біографію Котляревскаго, совмѣстно съ его литературной дѣятельностью и оцѣнкой его произведеній. На фактахъ біографіи мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они и безъ передаваемой нами статьи хорошо извѣстны, а посмотримъ, какъ г. Н. М. В. смотритъ на «Энеиду», «Наталку-Полтавку» и другія творенія Котляревскаго.

По окончаніи полтавской гимназіи Иванъ Петровичъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному помѣщику малороссу. Здѣсь, къ концу 1795 года, 26 лѣтъ отъ роду, онъ начинаетъ набрасывать начерно строфы «Энеиды».

«Прежде чѣмъ выяснить значеніе этой поэмы, намъ сперва необходимо опредѣлить, какъ она зародилась въ мозгу поэта, какія жизненныя явленія вызвали идею о ней. Глухая Украйна конца прошлаго столѣтія и пародія Виргилія, патріархальные помѣщики С—іе съ ихъ балбесами-племянниками и насмѣшка надъ классическими богами и героями, все это такіе разительные контрасты, которые невольно наводятъ на размышленіе. Какимъ образомъ бурсацкій виршеплетъ понялъ художественную несостоятельность «Энеиды», какъ Эней очутился въ золотонош-

скомъ уѣздѣ полтавской губерніи, переодѣтый въ малороссійскую свиту и чоботы? Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ очутиться въ такомъ медвѣжьемъ углу, Эней совершилъ довольно далекое странствіе, перемѣнивъ на себѣ не одинъ костюмъ и не одну маску». (Ibid., стр. 706).

Впервые «Энеида» подверглась пародированію у француза Скаррона, этого «шута, поэта и философа въ одно и то-же время». Другая замѣчательная передѣлка Энеиды появилась въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и принадлежала перу нѣмца Блумауера. Эта пародія попала въ руки россійскаго стихотворца Николая Осипова и окончательно «раздѣлана имъ подъ орѣхъ», выражаясь примѣнительно къ кабацкому языку произведенія Осипова. Въ то время какъ Скаррону и Блумауеру нуженъ былъ только предлогъ для сатиры надъ ихъ отечественными пороками, цѣль Осипова заключалась единственно въ кабацкомъ смѣхотворствѣ, такъ какъ публика, которой адресована была россійская «Энеида» не имѣла ровно никакого представленія о предметѣ, подвергшемся вывороту на изнанку. Эта-то знаменитая поэма Осипова «въ Энеевомъ вкусѣ» и попалась Котляревскому и послужила стимуломъ къ его «Виргиліевой Энеидѣ, на украинскую мову перелицованной». Вопросъ о томъ, кто для кого послужилъ образцомъ, Котляревскій-ли для Осипова, или наоборотъ, рѣшается авторомъ въ пользу первенства Осипова на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Первое изданіе «Энеиды» Котляревскаго было сдѣлано въ 1798 г., безъ его вѣдома, какимъ-то черниговскимъ помѣщикомъ Пурпурою, которому авторъ далъ поэму только для списанія. Вотъ этотъ-то Пурпура, по отзывамъ всѣхъ біографовъ Котляревскаго, былъ осмѣянъ въ строфѣ о «мацапурѣ» и осмѣянъ не за присвоеніе себѣ чужаго творчества (въ изданіи г. Пурпуры авторомъ названъ Котляревскій), а лишь за промыселъ чужимъ добромъ. Первое-же изданіе «Энеиды» Осипова появилось въ 1791 году, слѣдовательно за семь лѣтъ раньше малороссійской передѣлки. Но мы знаемъ, что еще къ концу 1795 года Котляревскій писалъ на лоскуткахъ свою «Энеиду», въ то время никому неизвѣстную даже въ Малороссіи, а тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Въ 1791 году Котляревскому было всего 21 годъ; онъ былъ еще въ бурсѣ, но ни одинъ изъ его товарищей по бурсѣ не упоминаетъ, что-бы онъ уже тогда писалъ свою «Энеиду». Принимая-же во вниманіе, что «Энеида» Осипова представляетъ искаженную копію съ передѣлки Блумауера, мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что первенство

по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій». (Ibib., стр. 708).

Какъ-же вышло, что подражаніе такому шутовскому произведенію, какъ «Энеида» Осипова, сдѣлалось безсмертнымъ твореніемъ? Причины этого—какъ въ талантѣ писателя, такъ и въ историческихъ обстоятельствахъ времени появленія поэмы. Малороссы, обреченные на усвоеніе чуждыхъ, сосѣднихъ культуръ, всегда однако хранили въ себѣ безсознательно любовь къ родному языку, обычаямъ и, главное, къ славной своей исторіи. Усвоенная культура обрекала всѣ эти вещи на посмѣяніе, какъ принадлежащія простонародью, а внутреннее чувство тяготѣло къ нимъ. Вотъ почему малороссійскіе паны упивались смѣшными украинскими анекдотами, полными національнаго юмора. Они относились къ нимъ свысока только потому, что ложный стыдъ культурнаго человѣка мѣшалъ признаться къ народнымъ произведеніямъ, стать открыто на сторону народнаго генія. Нуженъ былъ только писатель, «который, подъ предлогомъ насмѣшки, раскрылъ-бы предъ культурными людьми всѣ сокровища языка и духа украинскаго простонародія, предъуготовывая такимъ образомъ путь для будущаго вдохновеннаго пѣвца».

«Этимъ писателемъ и былъ Котляревскій, который, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на малороссійскомъ языкѣ. Но, изучая для этого народный языкъ и нравы, Котляревскій безсознательно исполнялъ великую историческую миссію. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ онъ проникалъ все глубже въ народную жизнь, его отношеніе къ ней мѣняется, безсознательная миссія разъясняется въ его душѣ, и онъ пользуется знаніемъ народной жизни не для издѣвательства надъ ней, а для поэтическаго ея воспроизведенія, пробудивъ своими прежними произведеніями интересъ и любовь культурныхъ читателей къ языку и быту простонародья. Такимъ образомъ дѣятельность Котляревскаго распадается на два періода: безсознательнаго народничества и сознательнаго. Къ первому періоду относится большая часть «Перелицованной Энеиды», ко второй—послѣднія пѣсни этой поэмы и, главнымъ образомъ, драматическія произведенія Котляревскаго». (Стр. 709—710).

Изъ сказаннаго вытекаютъ и достоинства и недостатки «Энеиды».

«Главное достоинство ея—народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы, во вто-

рыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію. Главный недостатокъ «Энеиды»—отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма была задумана съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа!... Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя». (Ibid., стр. 712).

Успѣхъ «Энеида» имѣла колоссальный. Она разошлась въ громадномъ количествѣ списковъ до напечатанія, а по напечатаніи въ 1798 году, въ теченіи 11 лѣтъ, выдержала 4 изданія. Одинъ экземпляръ попалъ даже въ походную библіотеку Наполеона I и завезенъ имъ въ Парижъ. Общественное мнѣніе признало «Энеиду» основаніемъ малорусской поэзіи, «но не столь согласны были приговоры о ней критики».

Далѣе разбирается двукратное сужденіе объ «Энеидѣ» Кулиша: одно, 60-хъ годовъ, въ которомъ онъ не находитъ словъ для порицанія Котляревскаго за каррикатурное изображеніе малорусскаго народнаго характера и за насмѣшку надъ народнымъ языкомъ, другое 80-хъ годовъ, гдѣ Котляревскій превозносится за демократизмъ, за то, что «онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами... и все олимпійское барство обратилъ въ мужицкую простоту». «Выходитъ, слѣдовательно, остроумно замѣчаетъ г. Н. М. В., что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него».

Выше авторъ замѣтилъ, что ко второму періоду настроенія Котляревскаго, времени искренней любви къ народу, относится созданіе его драматическихъ произведеній: «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка». Первую пьесу г. Н. М. В. называетъ «комедіей типовъ» и защищаетъ ее отъ упрека въ тогдашнемъ общерусскомъ литературномъ сентиментализмѣ.

«Правда, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» несомнѣнно звучитъ сентиментальная нотка; правда и то, что въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка господствовало сентиментальное направленіе; но между сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и Котляревскаго—съ другой, лежитъ цѣлая бездна. У Карамзина чувствительность была болѣзненная, заимство-

ванная съ Запада, чуждая великорусскому характеру, и потому успѣхъ ея былъ крайне недолговѣченъ... Не то было съ Котляревскимъ. Чувствительность въ его пьесахъ была нисколько не заимствованная извнѣ, а почерпнутая изъ самыхъ тайниковъ національнаго духа украинцевъ» (Ш. И, № 5-й, стр. 129).

Затѣмъ авторъ для иллюстраціи къ только что высказанному имъ проводитъ параллели между аналогичными положеніями персонажей Карамзиновской «Бѣдной Лизы» и «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, и каждый разъ находитъ, что лица «Наталки-Полтавки» поступаютъ вполнѣ естественно, сообразно съ данными обстоятельствами и своимъ національнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ «Бѣдной Лизѣ» они просто ломаются.

«Москаля-Чаривныка» авторъ называетъ «забавнымъ водевилемъ изъ народной жизни, въ которомъ много шаржа и случайностей, но веселѣе котораго нѣтъ ни одной пьески среди всѣхъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта».

Художественная дѣятельность Котляревскаго оканчивается 1819 годомъ. Въ 1822 году его избрали членомъ петербургскаго общества любителей россійской словесности; литературная извѣстность его къ этому времени достигла довольно обширныхъ размѣровъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1838 году, на 70-мъ году жизни, въ родной Полтавѣ, среди всеобщей любви и почитанія.

«Въ 1869 г. кружокъ полтавцевъ торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей дня рожденія Котляревскаго, имя котораго навсегда останется памятнымъ въ Малороссіи не столько потому, что Котляревскій былъ великій талантъ, какъ потому, что ему выпало счастье быть инціаторомъ, первымъ народнымъ поэтомъ, отцомъ малорусской литературы. Струны юмора и чувствительности, впервые имъ затронутыя, продолжали звучать во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинской поэзіи. Но особенно явное подражаніе Котляревскому видно въ слѣдующихъ произведеніяхъ малорусской литературы: въ «Горпинидѣ» Н. И. Бѣлецкаго-Носенка, «Гараськиныхъ одахъ» И. П. Артемовскаго-Гулака, «Жабомышодракіевкѣ» К. Д. Думитрашкова, «Патретѣ» Квитки-Основьяненка, затѣмъ—въ комедіяхъ и операхъ Гоголя—отца, Я. Кухаренка и др. Котляревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ литературнымъ инціаторамъ, произведенія которыхъ имѣютъ не одно историческое, но и художественное значеніе и спустя почти столѣтіе послѣ своего написанія еще читаются съ живымъ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той богатой жатвы, которую впослѣдствіи собралъ Шевченко, и недаромъ этотъ въ лучшемъ

смыслѣ слова народный пѣвецъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ думъ»... (Ibid., стр. 133).

Хорошо сдѣлалъ авторъ переданной нами статьи, что въ концѣ ея приложилъ для интересующихся предметомъ «библіографическій указатель сочиненій Котляревскаго и о Котляревскомъ», который мы дополнимъ указаніемъ на статью о Котляревскомъ въ галицко-русскомъ журналѣ «*Свiтъ*» за 1881 годъ, гдѣ между прочимъ высказано объ одѣ Котляревскаго «до князя Куракина» мнѣніе, замѣчательно сходное съ мнѣніемъ о томъ-же г-на Н. М. В.

Замѣтимъ кстати, что въ одной изъ тѣхъ-же книжекъ «Нови», именно въ т. I, № 4-мъ, напечатанъ новый разсказецъ П. А. Кулиша—«*Дѣдушкинъ завѣтъ*», заслуживающій упоминанія на страницахъ нашего журнала хотя-бы потому, что самъ г. Кулишъ теперь нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ уже исторіи.

Обѣ кіевскія газеты, «Кіевлянинъ» и «Заря», впродолженіе истекшаго года не только своевременно отзывались на извѣстныя явленія, такъ или иначе относившіяся къ мѣстной исторіи, но удѣляли на своихъ столбцахъ мѣсто даже историческимъ документамъ. На статьяхъ, вызванныхъ злобой дня, мы останавливаться не будемъ, а только перечислимъ ихъ параллельно въ обѣихъ газетахъ; помѣщенные-же документы, въ интересахъ исторіи, позволимъ себѣ привести цѣликомъ.

Въ январѣ прошлаго года, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, скончался заслуженный въ наукѣ южно-русской этнографіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Въ «Кіевлянинѣ» (№ 17) помѣщенъ некрологъ его, написанный Ив. Новицкимъ. Въ «Зарѣ» (№ 15), кромѣ некролога, принадлежащаго г. В. А., напечатаны и подробныя рѣчи, сказанныя на похоронахъ Чубинскаго гг. Кулябкой, Науменкомъ и покойнымъ А. О. Кистяковскимъ.

2 февраля исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гнѣдича, автора приснопамятной «Иліады», родившагося и воспитывавшагося въ Полтавѣ. Обѣ газеты почтили память его статьями: въ «Зарѣ» въ день годовщины (№ 27) памяти Гнѣдича посвящена передовая статья, а въ «Кіевлянинѣ», тоже начиная со 2 февраля, въ трехъ номерахъ (№№ 27, 28 и 29) помѣщены довольно обстоятельныя

біографическія замѣтки г-на П. С., подъ заглавіемъ «Къ столѣтней годовщинѣ Николая Ивановича Гнѣдича».

По выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст.», въ обѣихъ газетахъ помѣщены рецензіи на нее, въ «Кіевлянинѣ» (№ 43) г. Ив. Новицкаго, въ «Зарѣ» (№ 48) обстоятельная рецензія г. М-на, и еще раньше, въ № 37, замѣтка на ту-же книгу: «Судьбы украинской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи».

Обѣ газеты въ теченіи августа и сентября, по случаю 50-лѣтняго юбилея университета св. Владиміра, помѣстили массу замѣтокъ, такъ или иначе касающихся исторіи университета, причемъ «Кіевлянинъ» очевидно пользовался офиціальными свѣдѣніями и потому далъ болѣе матеріала. Всѣ эти замѣтки, впрочемъ, утратили свой интересъ послѣ появленія исторіи университета профессора Владимірскаго-Буданова.

Та и другая газета своевременно давала публикѣ отчетъ о засѣданіяхъ и чтеніяхъ мѣстнаго историческаго общества Нестора-лѣтописца.

Остановимся теперь на каждой газетѣ отдѣльно. «Кіевлянинъ» помѣстилъ въ нѣсколькихъ померахъ (№ 60, 61, 65 и 66) «*Очеркъ развитія малорусской штунды*», неизвѣстнаго автора. Очеркъ написанъ на основаніи газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей; о достоинствѣ его можно судить по отзыву объ этомъ очеркѣ г-на П. Л. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Въ той-же газетѣ два неодинаковой достовѣрности сообщенія. По поводу помѣщеннаго въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» портрета русской княжны Анны Ярославны, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I, въ № 152 сообщалось, будто объ этой княжнѣ готовится ученымъ православнымъ монахомъ о. Августиномъ Мовильономъ, французомъ по происхожденію, цѣлое сочиненіе, основанное въ значительной степени на неизвѣстныхъ доселѣ источникахъ. Извѣстіе это, обошедшее всѣ почти газеты, оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Иного рода сообщеніе о томъ, что высокопреосвященный митрополитъ Платонъ испросилъ у Государя Императора позволеніе возстановить славную межигорскую обитель, эту драгоцѣнную по историческимъ воспоминаніямъ руину, храмы которой стоятъ почти въ запустѣніи съ 1798 года, когда она по

распоряженію правительства обращена была въ фаянсовую фабрику («Кіевлянинъ», № 148).

Не лишены интереса также выдержки изъ доставшагося редакціи «Кіевлянина» «*Росписанія доходовъ и расходовъ губернскаго города Кіева, 17 сентября 1831 года*» (№ 16).

«Изъ документа этого видно, что въ 1831 г. всѣ доходы города равнялись 243 тыс. руб. ассигнац., что составляетъ рублями металлическими около 81,000 р., между тѣмъ какъ по отчету 1882 года доходы города равняются почти милліону рублей кредитныхъ, или считая по курсу въ 60 коп. металлическихъ, 600 тысячъ руб. металлическихъ. Расходы въ тоже время были опредѣлены въ 209 тыс., такъ что предполагалось сбереженія 34 тыс. руб.»

Газета сравниваетъ дальше различныя статьи дохода и расхода того времени съ настоящими и отмѣчаетъ несуществующіе нынѣ источники доходовъ, напр. питейный откупъ, или «съ эквилибристовъ, ташеншпилеровъ, штукмейстеровъ и отъ театра—500 р.» Изъ статей расхода интересна—содержаніе городскаго общественнаго управленія, которое обходилось въ 20,270 руб., причемъ войтъ получалъ 700 р., два бухгалтера по 250 р., четыре ратсгера по 200 р.

«Содержаніе словеснаго суда обходилось всего въ 420 р., изъ коихъ лавникъ получалъ 100 р., инстигаторъ 80 р., урядникъ 80 р., и 2 разсыльщика по 80 р.» «На народное образованіе расходывалось 4,000 руб. въ настоящее время до 65,000 р.; расходы на врачебную помощь заключались въ платѣ городовому врачу, въ настоящее время на больницы и врачей расходуется 72 т. рублей» («Кіевл.», № 16).

Но дѣйствительно важное историческое значеніе имѣютъ два документа, напечатанные «Кіевляниномъ» и относящіеся къ извѣстной успенской церкви въ г. Переяславѣ, въ которой по преданію присягалъ на вѣрность московскому царю Богданъ Хмельницкій. 10 августа (№ 178) въ газетѣ помѣстилъ какой-то «любитель старины» замѣтку, въ которой негодуетъ на то, что по распоряженію епархіальнаго начальства имѣетъ быть въ скоромъ времени разрушена въ Переяславѣ успенская церковь, стоящая въ центрѣ города, въ «Замковищѣ», въ которой по преданію присягалъ 8 января 1654 г. Богданъ Хмельницкій и въ которой хранятся до сихъ поръ крестъ и евангеліе, употребленные при присягѣ. Разнохарактерность постройки зданія собственно и дала поводъ автору замѣтки думать, что старая успенская церковь, обреченная на сломъ, въ своемъ остовѣ

есть именно знаменитая церковь Хмельницкаго. Эту ошибку раздѣляли многіе. Было доведено о церкви до свѣдѣнія президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, который озаботился дать средства для поддержанія древняго храма и командировалъ на мѣсто депутата отъ академіи художествъ для осмотра зданія. Но мѣстное епархіальное начальство и председатель мѣстнаго комитета о. Терлецкій не соглашались почему-то съ мнѣніемъ нѣсколькихъ членовъ на счетъ древности церкви и приготовляли матеріалъ для постройки новой, каменной на ея мѣстѣ. Пошли пререканія съ обѣихъ сторонъ, члены комитета раздѣлились, почетныя лица города перестали въ немъ участвовать. Дѣло принимало неблаговидный оборотъ. Къ счастію, мѣсяца черезъ два послѣ замѣтки «любителя старины» въ редакцію «Кіевлянина» была прислана изъ Переяслава другая замѣтка, г. Т., съ двумя документами, которые рѣшили споръ. Оказалось, что нынѣшняя обветшавшая успенская церковь построена прихожанами въ 1767 году, на мѣстѣ сгорѣвшей исторической. Одинъ изъ документовъ—копія указа епархіальнаго архіерея о постройкѣ нынѣшней успенской церкви, другой—копія контракта мастера съ причтомъ и прихожанамами. Вотъ эти документы: («Кіевлянинъ», № 229).

I. «Божію милостію смиренный Гервасій, епископъ переяславскій и борнепольскій. Всечестному протопопу переяславского полку Скрынинскому, Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ. Настоящаго 1767 года іюня 1 дня, священникъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы верхнего горнизоннаго перяславскаго города Андрей Берло съ прихожанами тоя церкви поданнымъ намъ пастыревѣ доношеніемъ представили: прошлаго де 1761 года, изволеніемъ Божіимъ, церковь ихъ приходская болшая Успенія Богоматере, бывшая о трехъ престолахъ, до основанія сгорѣла, на мѣсто которой устроена была неболшая съ хоромнаго строенія, пока къ строенію по надлежащему большой церкви дерева и прочихъ принадлежащихъ матеріаловъ изготовили. А яко де нынѣ уже какъ деревьевъ, такъ и другихъ матеріаловъ довольное число пріуготовленно, и майстеръ уконтрактованъ и за Божіимъ благословеніемъ желаютъ оную начать на прежнемъ мѣстѣ, такъ же о трехъ престолахъ, съ коихъ будетъ первый, средній, престолъ во имя Успенія Пресвятыя Богоматире, другой, по правую сторону, во имя святаго Іоанна Предтечи, третый, съ лѣвой стороны, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того просили на заложеніе показанной ихъ о трехъ престолахъ церквы нашего благословенія: того ради мы пастырь всечестности вашей предлагаемъ и показанную новую цер-

ковь во имя Господне, въ честь Успенія Пресвятыя и Преблагословенія Богородицы и Приснодѣвы Маріи и во имя святыхъ великаго Іоанна Предтечи и первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, по чиноположенію святыя восточныя церкви, заложити благословляемъ, а по заложеніи въ консисторію нашу репортовати; 1767 года іюня 2 дня. Въ подлинномъ тако: вышеименованный Гервасій епископъ».

II. «1766 года ноября 6 дня. Я нижеподписавшійся полку переяславского, житель сотнѣ бубновской, села Сошховъ, майстеръ Евстратій Прохоровъ, даю сей контрактъ церкви Успенской переяславской презвитеру Андрею Берлу съ прихожанами въ томъ, что подрадился я нижеподписанній строить церковь Успенія Богоматере крижовую (въ формѣ креста) на три престола съ предѣлами, на косй и главъ три имѣетъ быть... за цѣну денгами сто девятдесятъ рублевъ, съ харчей, яко то: житного борошна четвертковъ новой мѣры 40, гречаного тоже, пшеничного 10, сала пудовъ 10, пшона 10, олѣи три ведра, сивухи здѣшней роботы 10 кадокъ, рыбы иголнѣ (иголкою низанной) 4 тысячи, барановъ 10, когда востребуется, работникамъ капусти дѣжка, бураковъ дѣжка, квартера, кухаръ, горшки, миски и ложки, при закладѣ сукна на кунтушъ товарового пять локотъ съ половиною, и за всю вышеписанную суму имѣю я нижеподписанній означенную церковь строить съ крайнимъ моимъ раченіемъ, скоропоспѣшно и неостановительно, подъ потераніемъ, за состановкою моего дѣла, всей посуленной отъ нихъ суммы, въ томъ и подписуюся. Майстеръ Евстратій Прохоровъ».

«Изъ приведенныхъ документовъ, говоритъ г. Т., ясно видно, что зданіе успенской церкви XVII вѣка, въ коей присягалъ Богданъ Хмельницкій, 8 января 1654 года, съ малороссійскимъ народомъ на вѣрноподданство Россіи, сгорѣло до основанія въ 1761 г. На мѣстѣ сгорѣвшей церкви построена была маленькая церковь, въ родѣ часовни, на время, изъ простаго жилаго зданія. Затѣмъ уже въ 1767 году, прихожане, собравшись съ силами, начали строить на старомъ мѣстѣ новую деревянную церковь о трехъ престолахъ и трехъ главахъ. Но похожа-ли эта церковь была на сгорѣвшую въ своемъ планѣ и фасадѣ, изъ документовъ не видно. Несомнѣнно только, что церковь построена на прежнемъ мѣстѣ и что главный престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Значитъ, памятникомъ XVII вѣка служитъ не зданіе церкви, а мѣсто, ею занимаемое, и ея имя. Это-то и нужно сохранять и увѣковѣчивать, если не сохранилось самое зданіе».

Въ 47 номерѣ «Зари» также помѣщенъ любопытный документъ, дополняющій извѣстный «Сборникъ матеріаловъ для исто-

рической топографіи Кіева» и трактующій о «*Шевномъ дворѣ*» на Подолѣ. Документъ появился въ газетѣ по слѣдующему поводу. Въ январѣ прошлаго года окончился процессъ между кіевскимъ сапожнымъ цехомъ и мѣщанами г. Кіева о владѣніи *Шевнымъ дворомъ*, что на Подолѣ, противъ такъ называемой толкучки. Дворъ этотъ купленъ былъ кіевскимъ шевскимъ цехомъ въ 1609 г. у бѣлгородскаго священника Киріака Исаевича, за 140 копъ литовскихъ. Король Сигизмундъ III выдалъ сапожному цеху въ 1619 году грамоту на право пользованія купленнымъ дворомъ, а Владиславъ II впослѣдствіи подтвердилъ ее. Но такъ какъ *шевцы* прежде составляли часть мѣщанъ кіевскихъ, то дворомъ владѣли вообще мѣщане. Мѣщане продолжали владѣть имъ и по отдѣленіи отъ ремесленниковъ сословно. Но нынѣшній сапожный цехъ г. Кіева, считая себя прямымъ преемникомъ «шевского цеху», предъявилъ къ мѣщанской управѣ искъ о «Шевномъ дворѣ» и отобралъ его у мѣщанъ по рѣшенію окружнаго суда, причемъ дѣло въ пользу сапожниковъ, по сообщенію редакціи, рѣшила упомянутая выше грамота Сигизмунда III, которая читается такъ:

«Жикгимонтъ третій, Божію милостю король полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецкий, жимонтской, инфлянтский, шведский, кготский, вандалский, дедичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ посполите и каждому зособна, нинешнимъ и напотомъ будучимъ: показывали передъ нами мещане киевские присуду замкового, то есть цехмистръ швецкий и все братте цеху швецкого и гарбарского (кожемяки) выписъ съ книгъ земскихъ киевскихъ, подъ датою року тисеча шестсотъ девятого, мясяца октября пятого дня для продажи вечистое пляцу и дому съ коморами и всимъ будованемъ въ месте нашомъ киевскомъ, межи домами съ одное стороны Макаровича, зъ другое монастыра печерского, тыломъ къ дому Севасткова, а воротами ку улици рынковой лежачий, которого-то пляцу и дому (у) Кирияка Исаевича попа белогородского и у жены его за певную суму пенезей, то есть за сто и сорокъ копъ литовскихъ достали и купили на вѣчность собе самымъ и наступникомъ своимъ, яко-то въ томъ выписе выражено есть; и били намъ челомъ пререченые мещане, абыхмо ихъ при томъ пляцу и дому, яко власное купли ихъ вечистое, заховали и водлугъ давнихъ правъ и звычаевъ ихъ на томъ пляцу шопы и коморы для продаваня товаровъ разныхъ побудовать позволили. А такъ мы, король, бачечи быть въ томъ челомбите ихъ слушное, того всего, чого рѣчь и слушность самая потребуетъ, не одмовилисмо, и овшемъ, заховавши ихъ самихъ и наступниковъ ихъ при томъ пляцу и доме, яко

при власномъ кгрунте ихъ, на вѣчные часы, надто шопы и коморы, для продаваня товаровъ ихъ, тымъ то мещаномъ побудовати позволили есмо и тымъ листомъ нашимъ затвержене тое купли позволяемъ; волни водлугъ волности и правъ давныхъ ихъ, наданихъ темъ, шевци, яко и гарбари, гандлевати и оные продавати, и ихъ наступники на веѣ потомные часы, безъ вшелякихъ податковъ местскихъ, въ чемъ имъ мещане киевские права майдебургского и тежъ врядъ замковий киевский жадное перешкоды и перевагабаня чинити не маютъ и не будутъ съ повинности своей и для ласки нашое королевское. И на то далисмо сей нашъ листъ съ подписомъ руки нашое, до которого и печать нашу коронную притиснути есмо казали. Писано у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча шестсотъ девятнадцать, месяца марца двападцетаго дня, панованя нашого полского тридцать второго, а шведского двадцеть шостого року. Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woisky Włodzimirsky Pisarz. 3 Maji 1619, cechmistrz pomieniony per oblatam podał do Ksiąg grodskich Kijowskich. Przyiołem Michał Myszka Choloniewsky. Conserwatia placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie kramnic i na sprzedawanie towarow ich szewskich». («Заря» 1884 г., № 47).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ той-же газетѣ, №№ 229 и 231, напечатанъ краткій очеркъ исторіи кирилловской церкви и сообщеніе о ходѣ работъ въ ней проф. Прахова; въ № 273—рецензія на вторую часть украинскаго альманаха «Рада».

Ѳ. Н.

16. Парфененку даны за медь 12 рублей.

17. Золотарю Івану Сергуну данъ на позолоту червоный, ему-жъ на живое срѣбро 18 к. Івану Пищолцѣ данъ до оправованя рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, ночовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль віехавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ ночовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тоболского полку Алексій Івановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христичевскій. Драгуну дано 5 к. На рибу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василіовцѣ. Священникамъ и прочіимъ причетникамъ дано 47 к. Іванъ Мелниченокъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Микрунова, на линіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Виехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два конѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлось на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку бранную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до робления Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для папеи зъ огонковъ куничихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ чорного баранка. На нитки 3 к.

26. Купили до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ минѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребы дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ $^1/_4$, за которую дано 81 к. Далъ Плешковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы писма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Івана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и мапну, и до Юркевича.

27. Даны осталные Парфененку за медъ 10 р. Розышлось на розницю 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подкововатъ коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлось 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На нитки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлихъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчора родилась дочь Екатерина. На ниткѣ Чубѣ и кравцю 10 к. На розницю розышлось 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опос 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлось на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зелѣзо Евдашцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и ночовали. Розышлось 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Івана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамаліина, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медъ 20 к.

7. Въ Погарѣ[164]) . . . .

---

[164]) За симъ въ рукопись вплетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вплетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу кригсъ-комісcару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшого при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оного-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ феерверкъ съ пущаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енералный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енералный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пробыть принужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ квартерѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а одтоль возвратясь въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ черпѣговскимъ п. Леонтовичемъ. И. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генералъ, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессіею церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляючихъся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючіесь. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоронадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

7. Отклонилисъ генералу наши депутаты и приняли свою експедицію.

8. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Івановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Інихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери ездили въ Дунаецъ [185]), для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, обявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдителствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено [186]).

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ інструкція и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералній подскарбій Михайло Василіевичъ Скоронадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтиновцѣ [187]), а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Іванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводъ на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

---

[185]) Село глуховскаго уѣзда.

[186]) Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоронадскаго—Толстого; смѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здирственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

[187]) Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи віехавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеновича Хрущова и обявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енералной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о протчемъ. Потомъ обезджали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пущинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у оногожъ полковника Хрущова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него пернachъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Носовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рано явились у мене гварнѣзону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Динисьевъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ носовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленныи къ заготовленію провизіи, подводъ и протчего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переясловскую; да о томъ же и въ войсковую енералную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Носовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и протчего; потомъ зъ Носовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелецъ по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ[186]) новопожалованного дѣйствительного камергера Алексія Григоріевича Розумовского матка Наталія Демянова дочъ и вручила писмо для пересилки къ овому сину своему. Осматривалъ я квартеръ и стаенъ для турецкого посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полкового Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорского и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ почю отехалъ въ Носовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартерою у намѣстника тамошнего отца Малотина.

16. По пересмотрѣ пріуготовленныхъ въ Носовкѣ квартеръ и конюшень и прочего и пообѣдавши у оного жъ намѣстника носовского, отехалъ оттоль и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартерою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшого полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшнего войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартери, зъ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ зъ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартеру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроенъ, отехали зъ нимъ въ однихъ саняхъ къ манастырю, где за пріѣздомъ нашимъ, зъ музикою и приклоненіемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ зъ знаменами окружилъ насъ, а я зъ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, обявилъ имъ и всему полку, что ея імператорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковой Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали оного полковника

---

[186]) Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшаго владѣнія Тарховой, въ с. Лемешахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначавшій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кириллъ Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то зпову музика полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбурского полку Зотъ, подполковникъ Карнѣй Івановичъ Басмановъ, нарвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офіцери и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службы Божой и молебствіе, которое отправовалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшнего манастыря нѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оного молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніално зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музики полковой до квартери его въ войтовъ домъ, тоже стали за пріуготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго вночь, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту.

19. Рано пріехалъ въ Нѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посолъ зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартеру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которымъ онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и протчими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переясловскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двохъ дѣвокъ крещеныхъ, однужъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Кушалъ я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ посолъ зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Синяковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при посолствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто саней заготовлять подъ оное посолство телѣги и роспуски, обявлено.

29. Обявлено жъ, что посолъ турецкій совсѣмъ ити намѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явилъся сотникъ столинскій [189]) Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку черпѣговского набраннымъ. Отправлены писма въ Товкачовку [190]), до старосты тамошнего и до судника о стаднинѣ нашей.

31 Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащое приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцеляристъ Костенецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубнѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночю прислано требованіе отъ полковника Алеуфева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудоволствія посолству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оной же полковникъ Алеуфевъ обявилъ, что посолъ знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

---

[189]) Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

[190]) Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночъ долго отправляли свои молитви зъ музикою своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздноватись имѣючого.

5. Первей въ поселской квартери музика ихъ турецкая играла и самъ послъ нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набожеству отправлялъ, потомъ оная жъ музика и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила зъ поздравленіемъ, а съ полдня стали собиратись къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты почю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорилъся сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ посолъ зъ осталною свитою подвялъся зъ Нѣжина, которого препровождено зъ пушечною палбою и зъ командами драгунскою и козацкою. Оный же посолъ обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночъ прибылъ въ Носовку. Объ ономъ виездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки обявленіяхъ, что уже посолъ на Кіевъ трактъ восприялъ.

7. Мы зъ Нѣжина віехали, а посолъ зъ Носовки поднявъся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а ночовалъ въ Козелцѣ; мы же ночовали въ Ставискомъ.

8. Зъ Козелца поселская свита рушила почю, а самъ посолъ въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелецъ; посолъ же на ночъ притягъ въ Семиполки и почюжъ одтоль поднялъся. Я ночовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ посолъ въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись зъ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ спѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою зъ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночъ въ Бровари.

10. Посланы поруччикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночъ въ Димерку, где заехавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капралъ, въ Глуховъ посиланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кіевскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секирино до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которихъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночъ въ Козелецъ и тутъ сталъ квартерою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартерѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козелця и прибылъ на ночъ до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и комендапта Пущына.

15. Купилъ сукенка 20 локотъ за 5 р. 40 к., четири юои за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ троихъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и дзигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для направы. Послѣ простясь съ нимъ на квартерѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночю въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартерою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницю мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринъ, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Иліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунаецъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночю получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генералъ Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствителные камергеры, чимъ его превосходителство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ енералный п. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣючого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночъ 2 години, оттоль виехалъ о полночи и въ Образѣевцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлъся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Львовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Покасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, доволно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками послана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василіовцѣ. За леченіе хлопца полудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василіовскому одному человѣку позиченъ 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на роботу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки квартъ 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный дзигаръ для направы, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегелника.

26. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ ночовалъ.

27. Отехалъ онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писалъ до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оные писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа падвечери отехалъ я зъ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ віехавши прибыли на ночъ въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовнецъ о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого [191]), где и ночовали.

---

[191]) Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Пріехали рано въ слободу Александра Корецкого Упоповъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на почь въ Лотоки, где сталъ квартерою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартерѣ сержантъ стародубского гварнѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люде при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Імшицкое и тамъ обще зъ Іваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людми лотоковскими розсматровали мѣстъ, подъ селидбою тамъ же будучихъ, а отголь заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣнному прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсипано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сковиню. По полудни віехали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли почю въ Кузнеци и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и пташина лотоковская дана для оробковъ, якыхъ паръ 10 къ празднику онъ обѣщалъ. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и отголь прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Івану Борознѣ въ Медведовъ о снѣцару Никитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погодя малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Івану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за роботу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скорупа, Іванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и протчіе. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери віехали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчучная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енералной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитріевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и віехалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 годипи въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартеру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построилъся въ тріангулъ, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играню музики, ружьемъ и випалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ обявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енералной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтеніи уневѣрсалу, взявъ я перве болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ випалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ випалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкого ружья палбѣ, гуляли до позна въ ночъ.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашного излишнего питя, посилалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судового Косача; потомъ у полковника кушали, где случился и Григорій Борозна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого коника.

17. Простившись зъ полковникомъ и прочими, отехалъ зъ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ зъ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ зъ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйця, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского зъ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ зъ подданимъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую платы давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и кафанъ злотоглавный къ починки, и на потребы къ той роботѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ зборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасиму Григоріеву.

19. Отправлено доношеніе въ судъ енералный зъ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйця, да и писма до г. бригадира Илінна, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отсилки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита свѣцарь, присланный отъ Івана Борозды медведовского, началъ роботу въ Городищѣ. Римаръ Ярема наказанъ за пянство и обѣщалъся впредъ не пить.

20. Маляръ, изъ Гримячого присиланный, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи зъ шинку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, зъ которыми договорилъся зъ панѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а зъ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по чвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пѣвецъ для обученя хлопця зъ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышенамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 чвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрункевича за Іваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчаненко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Лвова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня отголь овса въ Погаръ.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ кухаръ Іванъ и дано ему 2 р. 10 к. и писмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой енералной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ пѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа поліового для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ зъ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное писмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писалъ. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ся службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марковского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Почовали въ Городищѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратилисъ опять въ Перегопъ и тутъ какъ зъ городецкими попами обома, такъ и зъ отцемъ Алексіемъ, общe кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ поліовымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовского г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексіемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Іванъ стародубовскій, такожъ п. Александръ Корецкій зъ жоною, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ толко вехалъ въ дворъ, то зъ музикою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крилцемъ; а когда вошолъ я въ болшую избу, то випалено зъ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принесть перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компанѣи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волынки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій зъ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шаблю, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили проценіе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожъ старшина полковая отошли, а мы отехали на ночъ до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорій Борозпа ярцевскій зъ своею жоною.

30. Послано отъ старосты перегонского въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленія козаковъ зъ ближныхъ куреней, чтобъ напомятовалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожъ писалъ до сотника топалского Янджула о присылки зъ Сытой Буды маляра Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу присланного ко мнѣ о поездѣ для присутствія

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

АПРѢЛЪ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—IV

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Вакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) Н. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*Н. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской кампаніи.—Сообщ. *Н. И Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

АПРѢЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го марта 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

стр.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. **Н. Ѳ. Сумцова** 1

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ 20

III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЪ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. **В. Антоновича** 57

IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). **С. Голубева** . . . 85

V. ДУНАЙЦЫ. **А. Скальковскаго** 117

VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 133

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года.—*С. Голубева.*—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—*Н. Д.*—в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—*Г.* . . 157

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—*П. Л.*—б) Новый варіантъ думы «Алексій Поповичъ».—*Н. Ѳ. Сумцова.*—в) Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ.—*С. Бѣлинскаго.*—г) Два письма Б. Хмель-

стр.

вицкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ.— *А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. П—на.*—ж) Изъ письма въ редакцію —з) Журнально газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Θ. Н.* 177

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

✓ I. МАЛОРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. **Н. Θ. Сумцова** 215

✓ II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. **Б. Суханова-Подколзина** 229

✓ III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). **Бориса П—скаго.** 235

✓ IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). **П. Л.** 268

✓ V. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 282

✓ VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). **И. Божерянова.** 308

VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ 318

✓ VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. 333

✓ IX. КЪ ИСТОРІИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ **А. Андр.** 339

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической коммисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильна. 1884 г.— *И. Каманина.*—б) Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2—*Θ. Н.*—в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.—*N. S.*—г) Ив. Франко.— Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣцѣ. Львовъ. 1884 г.—*Г.* 357

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня на западѣ Европы.— б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волынская бывальщина.—*И. А. Шафарука.*—г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской

стр.

исторіи и этнографіи.—*Н. Ө. Сумцова.*—д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г.—Сообщ. *Левъ Мацѣевичъ.*—д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію).—*Г. Лебединца.*—е) А. О. Кистяковскій. (Некрологъ) —*И. Лучицкаго.*—ж) Библіографическое извѣщеніе.—*Г.* 377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

I. РЕЛИГІОЗНО-МИӨИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ. **Н. Ө. Сумцова** 417

✓ II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 437

✓ III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М.** 465

✓ IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **П. Л—ва.** . 500

V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. **Ө. Каминскаго.** . . . 519

✓ VI. КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ. 501

✓ VII. УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529

VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.—*Н. Ө. Сумцова.*—б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.—*Дм. Багалѣя.*—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. I. Сенигова. Спб. 1884 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Писцовыя книги пинскаго и клецкаго княжества. Изданіе виленской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.—*И. Каманина* 551

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) ✓Къ статьѣ г. Берхина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ".—*П. Голубовскаго.*—б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.—*А. Лонăчевскаго*—в) Гетманскій городъ.—*В. Е. Бучневича.*—г) Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. *С. Н. И.*—д) ✓Кіевъ въ 1799 году.—*В. Горленка.*—е) Малоруская историческая шарада.—ж) Евгеній Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ө. Н.* 569

✓ XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

стр.

I. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ . . . . I—VI

II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). **Бориса П—скаго** 613

III. ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). **Н. Ѳ. Сумцова** 649

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 678

V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. **Николая Бакая** . . . 716

VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ) 743

VII. ПРОЭКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕННЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ 746

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.—*Н. Сумцова.*—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.—*И. Каманина.*—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.—*И. Каманина.* 755

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года.—Свящ. *В. Никифорова.*—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. *Е. Попруженко.*—в) Къ характеристикѣ шляхетско-козачаго быта XVIII в.—*Ѳ. Н.*—г) Изъ фамильныхъ преданій.—*С—ка.*—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. *Д. Багалѣй.*—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.—*П. Ревы.*—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компаніи.—Сообщ. *Н. И. Барсовъ* 767

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе)* 145-160

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

6-го апрѣля 885 г. въ столицѣ моравскаго княжества Велеградѣ, нынѣ заброшенномъ и малоизвѣстномъ городкѣ, мирно опочилъ отъ апостольскихъ трудовъ святитель Меѳодій, архіепископъ моравскій, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, въ схимѣ Кирилломъ, ранѣе его скончавшимся, увѣковѣчилъ память свою проповѣдію христіанской вѣры среди языческихъ славянскихъ племенъ и колоссальнымъ трудомъ перевода св. писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Смерть этого дивнаго по своимъ подвигамъ святителя прошла въ то время мало кѣмъ замѣченною, какъ обыкновенное явленіе въ мірѣ человѣческомъ. Враги его, враги славянскаго слова, жизни и силы—утѣшились, ученики и друзья его со слезами опустили гробъ его въ могилу, и только въ ихъ сердцахъ, да въ переложенныхъ св. Меѳодіемъ, вмѣстѣ съ братомъ, словенскимъ языкомъ книгахъ святыхъ, хранилась скромная память объ немъ. Вскорѣ потомъ ученики его были изгнаны изъ Моравіи и дѣло св. братьевъ солунскихъ—православная греко-восточная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь—стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольскаго служенія.

Теперь, когда съ 6-мъ апрѣля сего 1885 г. наступаетъ тысячелѣтіе со дня кончины святаго Меѳодія, дѣло первоучителей славянскихъ разрослось широко и слава ихъ гремитъ повсюду. Волнуется католическій Западъ и какъ-бы оспариваетъ

у православія право чествованія священной ихъ памяти. На самомъ дѣлѣ со стороны католическаго Запада это только давнее, нынѣ уже тысячелѣтнее притязаніе его къ православному Востоку съ цѣлію подорвать его авторитетъ, унизить, раздѣлить, ослабить православное и неправославное славянство и рано или поздно привести его въ подчиненіе римскому престолу. Къ счастію всего славянскаго міра, во главѣ его стоитъ стомилліонная Россія и не страшны ему никакія ухищренія и подходы соединеннаго католическаго ультрамонтанства. Православная Россія, поддерживаемая симпатіями всего почти славянства, готовится со всѣмъ великолѣпіемъ и торжествомъ отпраздновать тысячелѣтнюю память первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меѳодія, въ день кончины послѣдняго, 6 апрѣля с. г. Во всѣхъ церковно-общественныхъ, правящихъ и умственныхъ центрахъ ея идутъ дѣятельныя приготовленія къ этому великому торжеству. Вѣдомства духовное, военное, гражданское и учебное то раньше, то позже сдѣлали соотвѣтственныя распоряженія. Города и села, думы и приходы, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, духовные и міряне, ученые и простые, художники и артисты—всѣ стараются чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе памяти святыхъ учителей, общими силами создать всей Россіи великое торжество. Изготовлены или изготовляются въ различныхъ концахъ и кружкахъ хромолитографированныя изображенія св. братьевъ и иконы на доскахъ, пространныя и краткія ихъ жизнеописанія для безплатной раздачи въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, ученыя изслѣдованія и карты славянскаго міра IX вѣка, церковныя, академическія, кружковыя рѣчи и просто рѣчи, идутъ пожертвованія, проэктируются учрежденія и постройки съ цѣлію увѣковѣчить въ народѣ память славянскихъ первоучителей. Въ день кончины святителя Меѳодія, 6-го апрѣля, во всей православной Россіи совершатся торжественныя богослуженія, крестные ходы, молебствія; милліоны людей сольются въ одномъ народно-историческомъ представленіи и сознаніи знаменательности и величія празднуемаго событія, милліоны голосовъ вознесутся къ небу съ

прославленіемъ дивнаго во святыхъ своихъ Господа и памяти св. братьевъ—учителей нашихъ. Отнынѣ день св. Кирилла и Меѳодія станетъ снова праздникомъ всей православной Россіи и память о нихъ и великомъ, совершенномъ ими для всего славянства и для насъ дѣлѣ возрастетъ и укрѣпится незыблемо въ сознаніи народномъ. Да будетъ великъ и святъ этотъ день!

Какъ фактъ историческій, какъ фактъ даннаго времени и мѣста, жизнь и смерть св. Кирилла и Меѳодія и все совершенное ими для славянства выступаютъ изъ сферы спеціальныхъ нашихъ изслѣдованій; но разсматривая трудъ великихъ учителей и проповѣдниковъ, какъ событіе обозначившееся въ исторіи различныхъ славянскихъ племенъ и ихъ соотношеніяхъ многочисленными и весьма важными послѣдствіями, мы не можемъ не остановиться предъ нимъ съ чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія и тѣми думами, что навѣваются невольно какъ самымъ празднуемымъ событіемъ, такъ и близкими и далекими судьбами всего славянства и въ частности нашими.

Потому мы участники въ наступающемъ торжествѣ, что мы воспользовались, хотя и значительно позже другихъ, плодами письменности славянской, созданной трудами братьевъ солунскихъ; потому еще празднуемъ мы тысячелѣтнюю память ихъ, что они лично были въ нынѣшнихъ предѣлахъ земли нашей, видѣли разцвѣтавшее христіанство въ древнемъ Херсонесѣ, по берегамъ понта Эвксинскаго и пронесли слово ученія Христова до береговъ моря Хвалынскаго, въ страну невѣрныхъ хозаръ. И только,—если не считать того, что намъ досталась часть обрѣтенныхъ ими мощей св. Климента, которую мы не умѣли или не могли сохранить. Хотѣлось-бы однако думать, что мы нѣсколько болѣе близкіе участники предстоящаго торжества тысячелѣтія славянской письменности, хотѣлось-бы вѣрить, что св. братья Кириллъ и Меѳодій просвѣтили свѣтомъ ученія Христова не однихъ инородцевъ тогдашней Россіи, но и коренныхъ, хотя и не многихъ ея обитателей.

Начало нашей письменности теряется въ сумракѣ вѣковъ; но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что невдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе-то *руссы* и что св. братья Константинъ и Меѳодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь руськими письмены писано». Каковы были эти письмена, какъ отнеслись къ нимъ св. братья, въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки,—остается неизвѣстнымъ. Позволительно однако-жъ думать, что не однимъ сорокадневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовилъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

Еще болѣе невыясненнаго, не досказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишеннаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все лѣтописное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ и назвавъ все остальное легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣйствія стоятъ одиноко лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самыя лица и дѣйствія какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говоритъ въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ *русскихъ* свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Меѳодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполнѣ опредѣленъ, а обратный и совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятью преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько-же нерѣдки во всеобщей и въ частности въ нашей южно-рус-

ской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими розысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодомъ фантазіи народной. Не мѣсто и не время останавливаться здѣсь на подведеніи такихъ примѣровъ; но кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи къ Владиміру греческихъ проповѣдниковъ, и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленіи нами намѣчаемомъ...

Кстати припомнить здѣсь мнѣніе польскаго ученаго Мацѣевскаго о томъ, что «страна между р. Стырью, г. Луцкомъ и р. Бугомъ нѣкогда входила въ составъ епархіи св. Меѳодія», а мнѣніе это онъ основываетъ на офиціальномъ актѣ 973 г. о присоединеніи моравскаго архіепископства къ пражскому.

Участіе наше въ празднованіи тысячелѣтней памяти первоучителей славянскихъ расширяется, когда мы обратимся къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, какія имѣли для насъ и другихъ славянъ изобрѣтенныя ими славянскія письмена и полученный отъ нихъ славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Мирное и скорое распространеніе у насъ православно-христіанской вѣры, возможность созданія національной іерархіи, послѣдующее богатство и широкое развитіе нашего языка, обогащеніе нашей древней литературы переводными и оригинальными произведеніями, удобство умственнаго общенія съ другими славянскими народами—все это было и всѣмъ этимъ мы обязаны безсмертному труду св. Кирилла и Меѳодія.

Съ грустью однако мы должны припомнить при этомъ, что дѣло сцѣпленія славянскихъ племенъ единствомъ греко-восточнаго ученія и общей всѣмъ имъ письменности, такъ славно начатое св. братьями солунскими, еще при жизни ихъ было поколеблено своекорыстіемъ нѣмецко-католическаго духовенства и коварною искони политикою Рима, то признававшаго, то отвергавшаго славянскую службу. Послѣдствія сего не замедлили обнаружиться: въ единый славянскій міръ внесено раздѣленіе, племена западныя, путемъ вѣковыхъ

насилій и неправдъ, отторгнуты отъ духовнаго единенія съ юго-восточными, обрядъ ихъ и самыя письмена замѣнены латинскими. Не будь этого, духовное развитіе славянства пошло-бы инымъ путемъ и значеніе и положеніе его въ Европѣ было-бы, безъ сомнѣнія, иное. Отнимите и теперь отъ западныхъ славянъ гнетущую его силу Рима, снимите латинскій покровъ съ ихъ обряда и письменъ, и единство славянъ возстановится, національное развитіе ихъ быстро пойдетъ, сила ихъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Но не къ тому стремился въ теченіе всего тысячелѣтія Римъ, заправлявшій романскимъ міромъ, не того онъ хочетъ и теперь, и самый праздникъ тысячелѣтней памяти славянскихъ просвѣтителей задуманъ имъ лишь въ подрывъ славянству. Пойметъ-ли онъ или его клевреты, что самый праздникъ этотъ служитъ обличеніемъ ихъ неправды и ухищреній, а кости первоподвижниковъ славянства, мирно почіющія въ Велеградѣ и Римѣ, нѣмымъ для нихъ укоромъ?

Что до насъ, то мы, какъ и оставшіеся единовѣрными и единомысленными съ нами славяне южные, съ чистымъ сердцемъ, съ непомраченнымъ прошлымъ, съ неподавленною совѣстію встрѣтимъ и почтимъ тысячелѣтній праздникъ просвѣтителей славянскихъ. Прямыми наслѣдниками и вѣрными хранителями богатаго достоянія ихъ мы были и пребудемъ навсегда. Да будетъ радостенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, а объ отторгнутыхъ отъ насъ неправдами и насиліемъ братьяхъ нашихъ будемъ молить Бога, да придутъ и они въ единеніе вѣры, духа и слова!

ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ[1].

(Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій).

Въ 1866 году изъ Поднѣпровья судьба занесла меня въ воронежскую губернію на Донъ. Чужо все казалось мнѣ. Таже русская рѣчь, которую я съ дѣтства привыкъ слышать въ городахъ на Украйнѣ, въ школѣ и дома—здѣсь на чужбинѣ показалась мнѣ иною, мало знакомою. На самомъ дѣлѣ и теперь я могъ-бы указать на многія особенности тамошняго нарѣчія. Въ мѣсто моего водворенія—г. Павловскъ я прибылъ, послѣ недолгаго переѣзда, 30 іюля и на другой день по прибытіи устроился на дешевой квартирѣ у мѣщанина, на самомъ берегу р. Дона. Большія рѣки всегда хороши, а Донъ, въ зеленой рамкѣ луговой поросли, съ его мѣловыми горами, съ темнѣющими по-верхъ ихъ кустами чагарниковъ, съ его свѣтложелтыми отмелями, быстротекущей чистою водой, восхитительно прелестенъ. Съ особеннымъ какимъ-то упоеніемъ я пожиралъ глазами просторный пейзажъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ. Рѣка, луговой, въ ту пору еще густой, старый лѣсъ, поросшія кустарникомъ высокія мѣловыя горы, теряющіяся въ си

---

[1]) Въ воронежской губерніи великорусскіе поселенцы называютъ малороссовъ *хохлами* и ихъ женъ *хохлушами*, а малороссы въ свою очередь зовутъ великоруссовъ *москалями* и великорусскихъ женщинъ *московками*.

нѣющей дымкѣ по мѣрѣ удаленія къ краю горизонта, бѣлыя хатки задонскаго какого-то села... все это я обводилъ глазами, во всемъ этомъ душею искалъ успокоенія. Вдругъ слышу—трезвонъ, и городской берегъ рѣки сталъ сначала испещряться, а послѣ и вовсе потемнѣлъ отъ массы вытиснувшейся изъ улицы толпы народа. Показались кресты и хоругви. Это былъ крестный ходъ къ рѣкѣ по случаю праздника Маккавеевъ (1 августа). Наскоро пріодѣвшись, я поспѣшилъ къ берегу и тутъ сразу попалъ въ кучку малороссіянъ,—по воронежскому хохловъ. Какими-же родными показались они мнѣ тогда!... Подстриженные въ кружокъ чубы, *очипки*, жупаны, лица родственныя, крестятся безъ отмахиванія головою нависающихъ на глаза волосъ... Ну, какъ есть свои, родные украинцы. Это, оказалось, были жители ближайшей къ городу задонской деревни изъ хутора Босовки, острогожскаго уѣзда. Считаю нужнымъ пояснить, что въ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, поселенія большія, гдѣ есть церковь (часто болѣе одной, ибо села здѣсь многолюдны), называются *слободами*, меньшія-же поселенія безъ церквей, а особенно безъ базаровъ, называются *хуторами*. Слобода вообще соотвѣтствуетъ великорусскому селу и украинскому мѣстечку, хуторъ—великорусскимъ поселку, выселкамъ, дворикамъ, починкамъ и т. п. Хуторами, кромѣ того, называютъ одинокія фермы, займища и пасѣки.

Моя квартирная хозяйка послѣ разсказала мнѣ, что недалеко отъ города на той (правой, западной) сторонѣ Дона есть святое мѣсто—Бѣлогорскія пещеры, основанныя какою-то святою женщиною. «Идите, побудете на всенощной, переночуете тамъ, отстоите обѣдню и къ обѣду домой—такъ-то почти всѣ дѣлаютъ»,—убѣждала она меня. «Это недалеко, версты четыре, много пять отсюда», добавила она, какъ-бы догадываясь о моей неохотѣ къ пѣшему путешествію. Я съ удовольствіемъ согласился съ совѣтомъ хозяйки, чтобы чѣмъ нибудь разсѣять давившую меня на первыхъ порахъ тоску, и сейчасъ-же отправился въ мою комнату захватить съ собой кое-что въ дорогу. Вотъ какъ отмѣченъ мною этотъ эпизодъ моихъ здѣсь похожденій въ замѣткахъ, какія я тогда писалъ про себя.

.... Четыре часа по полудни. Жара спала. Надъ городомъ пронесся густой звукъ большаго соборнаго колокола. Завтра большой праздникъ Преображенія Господня, Спаса по нашему (6 августа).

Я поднялся съ лежанки въ полутёмной съ закрытыми ставнями комнатѣ, умылся, взялъ краюху хлѣба и отправился въ путь. Подъ городомъ переправился я на паромѣ черезъ Донъ и, не торопясь ко всенощной, поплелся лугомъ по-надъ рѣкою вверхъ по теченію, останавливаясь, любуясь видами. Такъ дошелъ я до горы. Измятая ногами богомольцевъ песчаная тропка, то спускающаяся къ самой водѣ, то прячущаяся въ прибрежныхъ порсляхъ лозы, вербы и тополи, довела меня къ быстро-текущему протоку. Это обновляющееся русло Дона, который въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ отъ горъ на юго-востокъ, обходя луговой лѣсъ и поднимаясь къ г. Павловску. Вѣроятно, Донъ когда-то протекалъ сплошь подъ горами, что доказывается ихъ обрывистостью и обнаженіемъ мѣла. Теперь вода опять стала прорываться подъ гору и, нужно думать, когда нибудь Донъ пророетъ себѣ свое старое русло. Черезъ этотъ протокъ, не широкій, но быстрый и глубокій, устроенъ до нельзя плохой мостикъ. Это попросту звенья плетня, уложенныя на плохенькихъ утлыхъ козлахъ. Весь этотъ мостикъ до того скрипѣлъ и шатался, что я, боясь полетѣть въ воду, пролѣзъ по немъ на четверенькахъ. Тоже продѣлывали, какъ я увидѣлъ на другой день, и другіе.

За протокомъ дорожка пошла подъ крутыми мѣловыми горами. Мѣлъ торчалъ громадными потрескавшимися слоями по склону горы и различной величины глыбами и даже розсыпями доходилъ до самой воды. Сапоги побѣлѣли. Высоко вверху надъ мѣломъ виднѣлся обрѣзъ покрывающей мѣлъ почвы, на которой сплошь поросъ мелкій орѣшникъ. Недалеко отъ протока гора прерывалась долиною. Тропка раздѣлилась на трое по склону горы, обрамляющей долину: одна пошла въ сторону отъ рѣки, одна повилась надъ самою водою, опять по-подъ кручею, а одна полѣзла на бѣлую, лишенную растительности «Лысую» гору. Я полѣзъ на гору.

Взобравшись на гору, я очутился невдалекѣ отъ баштана, бакчи, по здѣшнему, около куреня которой раздавался веселый женскій смѣхъ. Это были хохлушки, стерегшія баштанъ, за отсутствіемъ сторожа—двое *дивчатъ* и одна *молодыця*. Посидѣлъ я около нихъ, покурилъ. Но очевидно мое присутствіе ихъ стѣсняло. Шутки и смѣхъ ихъ выходили какими-то неудачными и натянутыми. Не будучи настроенъ поддерживать, подзадоривать веселость, смѣхъ

и шутки, я ограничился нѣсколькими распросами у молодицы о шитыхъ золотомъ очипкѣ и висѣвшемъ на ея поясѣ, «кармошѣ», и съ удовольствіемъ услыхалъ чистый малорусскій «жиночій» говоръ. Кромѣ того я наскоро срисовалъ узоры обшивки корсетовъ и шейные *хресты* и *дукачи*. Знакомство не ладилось. Я былъ слишкомъ объективенъ съ моими распросами при моей городской одеждѣ. Пораспросивши, куда идти, я пошелъ отъ нихъ, не оглядываясь и какъ-бы не слыша вновь раздавшагося смѣха и задѣвающихъ шутокъ.

Отошедши за бугоръ, такъ что стало не видно ни бакчи, ни куреня, я улегся надъ крутымъ обрывомъ, закурилъ трубку и, всматриваясь въ обширную, открывшуюся предо мною картину, предался невеселымъ размышленіямъ.

Вѣдь шелъ-то я за Донъ именно къ этимъ или, лучше сказать, къ этакимъ *дивчатамъ*—мнѣ нужно было найти, увидѣть кого нибудь изъ родныхъ людей. И что-же?! При первой встрѣчѣ я наткнулся на чужихъ, я самъ оказался чужимъ для нихъ, смѣшнымъ съ моею хоть-бы только наружною панскостію, съ моимъ деликатничаньемъ, съ моимъ любопытствомъ относительно такихъ обыкновенныхъ на ихъ взглядъ вещей, какъ *очипокъ*, *лядунки*, *хрестъ* или *дукачъ*. Чужой я имъ. А еще такъ недавно я былъ своимъ въ средѣ подобныхъ людей. Думы мои, какое-то жалкое, больное чувство, понеслись далеко, далеко на западъ, на Поднѣпровщину, въ недалекое утерянное, прошлое...

Уже совсѣмъ повечерѣло. Даль затянулась туманомъ. Поднявшаяся высоко луна то и дѣло заволакивалась тучками, изъ коихъ одна побольше крапнула дождемъ, прервавшимъ мою задумчивость и заставившимъ подумать о пріютѣ на ночь. Монастырекъ былъ близко. Это я зналъ по недавно умолкнувшему звону колоколовъ, по доносящимся голосамъ людей. Я пошелъ надъ обрывомъ, стараясь разсмотрѣть впереди себя колокольню монастыря. Тучки совсѣмъ заволокли луну. Прошедши немного, я наткнулся на какой то курень. Нужно было разспросить дорогу. Это была опять бакча. Осторожно переступая огудину, я подошелъ къ самому куреню; луна, вынырнувшая изъ-за тучекъ, освѣтила на минуту плетеный шалашъ, кучу арбузовъ и бѣлаго, какъ лунь, дѣда-сторожа. Старый дѣдъ весь былъ бѣлый, начиная съ волосъ, подстриженныхъ спереди низко надъ глазами, и бороды, и кончая длинною, на выпускъ, ру-

бахою и бѣлыми спущенными на босыя ступни ногъ штанами. Послѣ привѣтствія дѣдъ пригласилъ меня ѣсть сочный кавунъ. Разговорились мы съ нимъ. Оказался хохломъ и чуть не землякомъ. Еще маленькимъ онъ былъ завезенъ сюда изъ-подъ Кіева «изъ якоись Обуховои слободы» (не Обуховъ-ли кіевскій). Разсказалъ мнѣ дѣдъ кое-что про монастырекъ, при которомъ онъ состоитъ братчикомъ, и совѣтовалъ идти ночевать «на гостину». Послышались женскіе голоса. По межѣ подошли къ куреню нѣсколько велико-русскихъ бабъ, московокъ по тамошнему. Дѣдъ и ихъ поподчивалъ арбузами; поѣли онѣ и, помолившись, поблагодарили дѣда, на что тотъ отвѣчалъ: «*Богу святому дякуйте*». Пошли бабы въ «гостину», поплелся и я вслѣдъ за ними.

Черезъ какой-то перелазъ, по узкой тропкѣ между кустами, обдававшими насъ росою, дошли мы до большой простой хаты,— одной изъ нѣсколькихъ здѣсь жилыхъ построекъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлся шпицъ колокольни. Окна были освѣщены, и было людно на крыльцѣ и въ сѣняхъ. Мои спутницы, видно, бывалыя уже здѣсь, отправились прямо въ хату, а я остался на крыльцѣ съ какими-то бабами. Вообще мужчинъ здѣсь не было видно.

— Что-же ты стоишь тутъ? Иди, родимый, въ избу-то! обратилась ко мнѣ какая-то богомолка.

Я пошелъ. Большая, просторная изба была выбѣлена и убрана чисто по малорусски: передній уголъ уставленъ образами, обвѣшанъ рушниками, лампадками и «*голубцями*»... Тѣ-же лавки подъ стѣнами, тотъ-же большой покрытый *настольникомъ* столъ у *покутя*. Бабъ было полно. Были хохлушки, были и московки. Сидѣли на лавкахъ и на полу. Сидѣли и лежали. Лампадки у образовъ и нѣсколько восковыхъ свѣчей мигали въ духотѣ, слабо освѣщая всѣхъ богомольцевъ.

— А вотъ, можетъ быть, онъ намъ прочитаетъ какую нибудь *заповѣдь изъ божества*... отозвалась какая-то русачка.

— И то, родимый, почитай, потѣшь душу—ты, надо быть, грамотный...—пристали еще голоса. Вотъ она-то жажда духовной пищи, подумалъ я. Хохлушки молчали, а больше приставали московки. Я согласился читать. Нѣсколько книгъ духовнаго содержанія нашлось у завѣдующей этой избой женщины, которая вынесла ихъ изъ *валькиря*. Я выбралъ Четьи Минеи. Нашлось «Житіе св. Ольги»

княгини, заложенное какъ на то-жъ тоненькой книжечкой московскаго изданія: «Житіе равноапостольнаго князя Владиміра». Я порѣшилъ это читать.

Меня усадили за столъ въ передній уголъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчекъ въ рукахъ ближе ко мнѣ сидящихъ дали больше свѣта. Нѣсколько не зажженныхъ свѣчей было подано прямо на книгу, какъ-бы приношеніе. Все, что было въ избѣ, сдвинулось къ столу. Сцена меня воодушевляла. Я читалъ и неудобопонятное объяснялъ по русски и по малорусски. Бабы только вздыхали и были въ восторгѣ отъ меня

— И нихто-жъ, нихто намъ николи такъ не читавъ!...

— Такъ прямо въ душу кладе! слышались возгласы, сопровождаемые вздохами.—Отъ такъ читае, наче розсказуе!...

Прочиталъ я житіе св. Ольги и передъ чтеніемъ житія св. Владиміра разсказалъ связующія событія. Жарко было невыносимо. Бабы сняли съ меня жакетку, утирали рукавами потъ на моемъ лицѣ, принесли воды напиться, утирали мокрымъ полотенцемъ лицо мое—и все это такъ ласково, любяще. Я былъ растроганъ, воодушевленъ, читалъ и говорилъ до изнеможенія. Эта обстановка, эти добрыя, простыя, вѣрующія лица, эта искренняя вѣра и жажда слова живаго, все это было необычайно трогательно и возбуждающе.

Далеко за полночь продлилось наше засѣданіе. Дальше помѣстившіяся отъ стола, наморенныя—уснули. У меня кружилась голова, во рту все больше и больше пересыхало. Наконецъ я дочиталъ книжку и всталъ изъ-за стола. Всѣ перекрестились и я съ ними. Бабы стали пріискивать мнѣ мѣсто на лавкѣ, но я отказался и, напутствуемый благодарностями, направился къ выходной двери: мнѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ, возбужденные нервы не располагали ко сну.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ, тамъ гдѣ нибудь примостимся заснуть,—отозвался изъ угла избы густой мужской басъ, и предо мною предсталъ высокій, не старый еще мужчина, въ подрясникѣ, съ широкою бородою и подстриженными въ скобку волосами.

Какъ грѣхъ какой явился предо мною этотъ молодецъ. Я мнилъ себя совершенно однимъ съ богомолками, вовсе ни кѣмъ стороннимъ не наблюдаемымъ, и вдругъ оказывается, что этотъ человѣкъ все время сидѣлъ здѣсь и слушалъ.

Мы вышли изъ избы, переступая размѣстившихся въ сѣняхъ и на крыльцѣ богомольцевъ. Небо было чисто и безоблачно; луна ярко освѣщала все, тѣни рисовались отчетливо. Я положительно не зналъ, куда идти. Хотѣлось остаться самому, хотѣлось при томъ покурить, что было неловко дѣлать въ оградѣ, особенно между постройками, крытыми соломою. Вообще мнѣ было, что называется, *не по себѣ*. Мой новый знакомецъ предложилъ расположиться подъ навѣсомъ амбара, куда онъ еще съ вечера принесъ сѣна. Мы начали моститься. Онъ все хвалилъ мое чтеніе.

— Вотъ-бы вамъ почитать у черницъ... онѣ-бы васъ озолотили... Вѣдь вы читаете на славу и еще лучше объясняете. А знаете что?! произнесъ онъ шепотомъ, и обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, которое заставило меня заподозрить въ немъ случайнаго пришлеца и большой руки проходимца, что вскорѣ вполнѣ подтвердилось.

Я отказался отъ предложенія и пошелъ за ограду. Кстати, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ передъ приходомъ на бакчу къ дѣду, я забылъ носовой платокъ. Нашелъ платокъ и долго сидѣлъ надъ обрывомъ, покуривая трубку и мечтая.

Да! Мечталъ и думалъ... Вспоминая теперь, много лѣтъ спустя, мимовольно призадумаешься, и что-то болѣзненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, повѣетъ въ душу. Чужой всѣмъ, никѣмъ незнаемый, сидѣлъ я надъ глухимъ обрывомъ въ какомъ-то отупѣніи уставшихъ нервовъ. Нашелъ-же я тогда возможность воспрянуть духомъ, удовлетворилъ-же я требованію этихъ чужихъ мнѣ людей, которымъ не было дѣла до того, кто я и откуда! Нашлась-же у меня точка соприкосновенія съ этими чужими людьми! Да! Все это, вся эта сцена въ избѣ, эта глушь надъ обрывомъ, эта лунная, тихая, мертвая спасовская ночь—все это живо встаетъ въ моей памяти. Это моя молодость, это моя, теперь поломанная жизнью, молодая сила души, души еще не зачерствѣвшей, свѣжей:

Молодее лихо! якъ-бы ты вернулось,
Проминявъ-бы долю, що маю теперь.

Продолжаю выписку изъ замѣтокъ, пополняя и исправляя ихъ.

Когда я вернулся подъ навѣсъ амбара, моего знакомца не было. Шушуканье въ закутѣ указывало, гдѣ онъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Еще солнце не подымалось, какъ уже началось движеніе въ монастырѣ: раздался благовѣстъ, бабы умывались, оправлялись, перевязывали головные платки и шли въ пещерную церковь. Мой знакомецъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ сѣна и сейчасъ-же назвался проводить меня всюду, куда я пожелаю. Мнѣ положительно нельзя было отвязаться отъ него.

Монастырь этотъ или, какъ здѣсь говорятъ, монастырекъ, былъ еще только, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Полагаю, что начало устройства этого, выросшаго на моихъ глазахъ монастыря можетъ служить объясненіемъ устройства и другихъ, если не всѣхъ, монастырей на Руси. Разница будетъ развѣ только въ подробностяхъ или въ фонѣ эпохи, въ которую устраивались обители. Поэтому-то считаю не лишнимъ разсказать здѣсь все, что мнѣ извѣстно про этотъ монастырь—Бѣлогорскія пещеры въ простонародьи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ слободѣ Бѣлогорьѣ жила вдова козачка Марія Константиновна Шерстюкова. Она вела разгульную жизнь, доведшую ее до омерзительной болѣзни—половой истерической раздражительности. Омерзительна она стала цѣломудреннымъ хохламъ, особенно когда болѣзненная страсть заставляла ее кидаться на всякаго мужчину. Отверженная, презираемая всѣми, она бродила по полямъ, гдѣ отъ нея положительно отбивались всѣ мужчины. Не знаютъ, какимъ образомъ она очутилась въ Кіевѣ, и тамъ какой то схимникъ убѣдилъ ее бросить эту грѣховную жизнь, смирить бушующую плоть трудомъ, постомъ и молитвою. Знакомый съ по-донскою мѣстностью схимникъ посовѣтовалъ Маріи предпринять тяжелый трудъ—копаніе пещеры въ мѣловыхъ горахъ. Возвратившись изъ Кіева въ 1796 г., Марія стала неузнаваемою. Вдали отъ всякаго жилья, въ дикомъ и глухомъ мѣстѣ мѣловыхъ надъ-донскихъ обрывовъ, она начала рыть пещеру, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Этимъ она обратила на себя вниманіе однослобожанъ: на нее стали смотрѣть, какъ на спасающагося человѣка и, руководимые сначала любопытствомъ, а послѣ и набожностію, ея однослобожане приходили въ свободное время помогать ей, при чемъ приносили харчи и восковыя свѣчи. Такимъ образомъ рылись эти пещеры, и мѣсто это пріобрѣтало себѣ все большую и большую извѣстность въ мѣстномъ народонаселеніи. Твердый сплошной мѣлъ далъ возможность устроить правильные своды корридоровъ, изъ

которыхъ кое-гдѣ выдѣляются особыя помѣщенія, въ родѣ келій и олтарей. Пещеры совершенно такія-же, какъ и кіевскія, только бѣлый мѣлъ, менѣе скрадывая свѣтъ, дѣлаетъ ихъ будто-бы болѣе свѣтлыми. Меньше кіевскихъ эти пещеры только по протяженію.

Такія-же пещеры по Дону, въ предѣлахъ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, кромѣ Бѣлогорья, находятся и въ другихъ мѣстахъ: въ Лыскахъ, въ Костомаровой, въ Шатрищѣ, около Богучара,—но всѣ онѣ малоизвѣстны и никѣмъ не заняты. Всѣ эти пещеры вырыты въ этомъ уже столѣтіи. Можетъ быть, эта работа Маріи осталась-бы безъ всякаго особаго значенія, какъ и подобныя работы другихъ безвѣстныхъ тружениковъ-пещерокопателей по-донскихъ, но одно обстоятельство помогло ей. Мѣстное, слободы Бѣлогорья, духовенство обратило вниманіе на то, что по праздникамъ много народу ходитъ помогать Маріи и кромѣ того носятъ туда восковыя свѣчи, чѣмъ уменьшаютъ доходъ церкви. Въ то время выдѣлка и продажа восковыхъ церковныхъ свѣчей не составляла еще своего рода церковной монополіи, не была стѣснена и такъ сказать спеціализирована: приходящіе приносили въ церковь свѣчи своего издѣлія, какъ это и теперь кое-гдѣ можно видѣть на Украйнѣ, но именно это вызывало неудовольствіе причтовъ въ сельскихъ приходахъ, гдѣ главный источникъ содержанія церкви заключался въ продажѣ свѣчей. Въ это-же время пошли въ ходъ разныя репрессаліи правительства, направленныя противъ раскола. Отвлеченіе нѣкоторой части доходовъ было такъ сказать внутреннимъ стимуломъ борьбы, которую мѣстное духовенство повело противъ пещерокопателей, внѣшнимъ-же предлогомъ для нея выставлялись подозрѣнія въ возникновеніи какого-то толка. Пошли доносы, вмѣшалась свѣтская власть. Сначала ограничились удаленіемъ пещерокопателей и Маріи и забитіемъ (въ 1807 г.) входа въ пещеры; но когда пещеры опять были народомъ открыты и стали опять раздѣлываться, тогда Марію арестовали и посадили въ тюрьму (1808 г.). По дознанію начальства тогдашней слободско-украинской губерніи ничего въ этомъ дѣлѣ противозаконнаго не оказалось. Марія была освобождена изъ заключенія и возвращена въ Бѣлогорье. Ея односельцы-хохлы, и безъ того не расположенные ко всѣмъ этимъ предержащимъ властямъ, поверставшимъ ихъ дѣдовъ-козаковъ въ войсковыхъ обывателей, а теперь пре-

вращавшимъ ихъ въ государственныхъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ привиллегіи винокуренія, стали на сторонѣ Маріи, увидѣли въ ней мученицу, гонимую за спасеніе души. Къ счастью, острогожскій уѣздъ въ это время отдѣленъ былъ отъ слободско-украинской губерніи и присоединенъ къ воронежской. Новыя власти забыли про Марію и пещерокопаніе. Работа, моленіе, посѣщеніе пещеръ—пошли своимъ чередомъ, явилось подвижничество, самомученичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и почитаніе Маріи и больше рвенія къ помощи ей. Ближайшія мѣстныя власти не переставали донимать Марію и ея почитателей, но разъ начатое дѣло двигалось въ силу своей внутренней интенсивности. Случайныя обстоятельства помогали ему и отклоняли отъ него преслѣдованіе.

Мѣстнаго священника, ѣхавшаго съ цѣлію разгонять молящихся въ пещерахъ, понесли лошади; священникъ испугался и подумалъ, что это Богъ караетъ его за преслѣдованіе Маріи. При этой мысли его лошади остановились на краю обрыва, и онъ былъ спасенъ. Понявъ это, какъ особое знаменіе Божіе, священникъ изъ преслѣдователя обращается въ покровителя пещерокопанія. Въ это время у Маріи появился постоянный сотрудникъ, какой-то Иванъ. Пещеры разработывались, слава о нихъ распространялась. Проѣзжала черезъ Павловскъ богатая донская козачка Иловайская, направляясь къ Сергію-Троицѣ и далѣе въ Петербургъ. Услыхавъ про Бѣлогорскія пещеры, она посѣтила ихъ и обѣщала свое содѣйствіе защитѣ этого дѣла отъ притѣсненій. Извѣстно, что послѣ отечественной 1812 году войны донцы были въ милостяхъ у правительства. Пріѣзжавшіе въ Питеръ донцы были тамъ обласкиваемы, были принимаемы въ высшихъ кружкахъ. Вотъ эта-то Иловайская и разсказала въ Петербургѣ про пещеры, про Марію. Сейчасъ-же послѣдовалъ запросъ (1818 г.) мѣстнымъ, воронежскимъ уже властямъ о томъ, какой такой скитъ завелся на Дону около Павловска и не есть-ли это раскольничій скитъ. Власти испугались и донесли о скитѣ, выгораживая себя, какъ о дѣлѣ святомъ и богоугодномъ, ничего общаго съ расколомъ не имѣющемъ. Иловайская знала объ этой перепискѣ и на обратномъ пути, посѣтивъ опять Марію, посовѣтовала ей заняться устройствомъ церкви и съ своей стороны сдѣлала пожертвованіе, подарила между прочимъ въ пещеры икону въ серебряной ризѣ. Это поощрило Марію и ея приверженцевъ.

Скоро, испросивъ разрѣшеніе, приступили здѣсь къ устройству церкви во имя св. Александра Невскаго (въ 1819 г.). Марія задумала устроить женскій монастырь. Между тѣмъ молва о Бѣлогорьѣ прошла по Дону, и въ чаяніи учрежденія тамъ монастыря, къ Маріи прибыло до 30 дѣвушекъ-козачекъ съ Дону. Въ 1821 г. Марія видѣла монастырь какъ-бы уже на дѣлѣ. Окруженная ищущими спасенія, она старалась и обставить себя по монастырски, по духъ гордыни проникъ въ ея сердце: она стала одѣваться въ черное длинное платье, затруднила доступъ къ себѣ приходящихъ, появляясь только послѣ доклада очередной келейницы, стала давать цѣловать свою руку—однимъ словомъ изображала изъ себя настоятельницу. А тутъ какой-то ворожей-татаринъ (sic), проживавшій въ г. Бирючѣ (воронежской губерніи), *прорекъ* Маріи, *что за ея гордыню* Богъ не сподобитъ ее увидѣть осуществленіе ея желаній—женскій монастырь въ *пещерахъ*. Кто-то не изъ знахарей объяснилъ ей, что, если разрѣшатъ устроить обитель, то игуменьею назначена будетъ не она, рачительница, а пришлютъ кого-нибудь *зъ вельможного якого роду*. Разрѣшеніе какъ на бѣду не приходило; оно задерживалось просто неимѣніемъ достаточнаго фонда для обезпеченія существованія монастыря. Ничего этого не соображала Марія; напуганная знахаремъ и всякими толками, она озлобилась и, чтобы уничтожить всякій зачатокъ обители, разогнала дѣвицъ-козачекъ. «Щобъ и духу московського тутъ не було», говорила Марія, разгоняя келейницъ; «бо вже вони й такъ остогыдили. Хай имъ сей та той, щобъ вони моими трудами корыстувались»! добавлялъ разсказывавшій мнѣ хохолъ-старикъ.

Такъ и умерла Марія (въ 1822 г.), не видѣвъ монастыря. Къ ея не долго еще жившему сотруднику—Ивану *поприставали* кое-какіе старцы и, составивъ родъ братства, вѣдали дѣла этого скита. Такимъ и я засталъ въ 1866 году этотъ монастырекъ. *Братчики* завѣдывали хозяйствомъ и церковью, находившеюся въ вѣдѣніи бѣлогорскаго благочинія, и имѣвшей особаго, назначаемаго на жалованьи священника.

Хорошіе эти были старики-братчики, хорошо, умѣло они хранили это почитаемое народомъ мѣсто. Окрестные жители-селяне по мѣрѣ возможности оказывали поддержку имъ—хлѣба давали, лѣску на постройки и ремонтъ, какую-нибудь нивку сѣнокосную...

кромѣ денежныхъ церковныхъ приношеній. Бабы—крестьянки окрестныя въ огородахъ всегда назначали грядку-другую капусты или картофеля на братію. Ладили Божіе старцы съ народомъ. Шли всѣ туда, какъ къ своимъ, простолюдинъ чуялъ себя своимъ человѣкомъ въ этой обители: отдохнулъ, помолился, поѣлъ въ общей трапезѣ, привѣтствованный, приласканный, напутствуемый благодарностями за его неотвергнутую скудную лепту, богомолецъ уходилъ съ добрымъ чувствомъ, съ чувствомъ любви къ этому мѣсту, къ этимъ братчикамъ. Все это просто, любовно, сердечно. Любили ихъ и уважали за ихъ любовь, за ихъ труды, за строгость подвижнической жизни и главное за то, что это были свои люди.

Помню я одного изъ этихъ старцевъ—Андрій Миколаёвичъ Васильченко, въ монашествѣ Антоній († 1876 г.) Его всѣ помнятъ и вспоминаютъ. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ въ обители. Тихій, степенный, кроткій такой, привѣтливый. Только густыя, не сѣдѣющія брови, да каріе, пытливые глаза выказывали силу воли, какъ-бы какую-то властность его. Успокоивающее, умиротворяющее чувство навѣвали на душу бесѣды съ нимъ. Онъ не былъ ханжа, но его искренняя вѣра, религія души, если такъ можно выразиться, побѣждали холодность, индиферентизмъ собесѣдника. Въ немъ понималось *спасеніе въ Бозѣ*, уразумѣвалась возможность обрѣтенія благодати въ самомъ себѣ, сочтаніе наружной обрядности съ душевными вѣрою, надеждою и любовью. Жилъ онъ въ небольшомъ особливомъ домикѣ-келіи, построенномъ надъ самымъ обрывомъ. Около келіи чисто выметено. На дверяхъ въ рамкѣ за стекломъ церковнославянскимъ письмомъ написано было.

Аще не увидишъ въ дверяхъ ключа,
Отыди, другъ мой, молча, не стуча.
Аще же имѣешъ ко мнѣ дѣло,
Толцы въ двери смѣло.
Въ домъ вошедъ, молитву сотвори,
А лишняго ничего не говори.

Не помню больше. Въ келіи чисто, скромно. Иконы, лампадки, рушникъ, простая скамья широкая, на которой онъ и спалъ. Книги подъ иконами.

Въ 1867 или въ 1868 году скитокъ этотъ причислили къ митрофаньевскому воронежскому монастырю. Стали называть его филіаль-

нымъ монастыремъ, а по просту подворьемъ. Выслали туда часть братіи. Я слыхалъ, что высылались провинившіеся въ чемъ-либо за наказаніе. Воображаю, какъ больно это было старцамъ-братчикамъ. Андрій Миколаёвичъ принялъ монашество. Онъ вскорѣ умеръ іеромонахомъ. Остальные митрофаньевскіе монахи и послушники далеко не споспѣшествовали доброй славѣ монастыря.

Относительно ихъ неприглядной жизни многое разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ-хохолъ изъ ближайшаго хутора, желая охарактеризовать духъ ново-поселенной монастырской братіи. Иного и нельзя было ожидать отъ тѣхъ, которые посылаемы были сюда въ наказаніе. Естественно, что, вмѣсто исправленія, они только портили доброе имя зарождавшейся обители и производили смущеніе въ народѣ.

Въ 1870-хъ (1873—1875) годахъ случился въ монастырѣ скандалъ: два послушника удушили какую-то женщину изъ тѣхъ, что странствуютъ подъ названіемъ черничекъ, и стащили ее въ монастырскую баню. Водовозъ, которому приказали остатокъ воды въ банѣ слить въ чанъ, наткнулся на трупъ несчастной чернички и оповѣстилъ дѣло. Началось слѣдствіе. Настоятель, іеромонахъ Аврамій, спасая репутацію обители, вздумалъ послать судебному слѣдователю сто рублей. Судили въ острожскомъ окружномъ судѣ; присяжные признали виновными и послушниковъ и настоятеля; всѣхъ троихъ сослали.

Для устроенія монастыря присланъ новый настоятель, о. Петръ, бывшій духовникомъ воронежскаго архіепископа Серафима. Энергичный и строгій, онъ, какъ видно, хорошій хозяинъ. Обитель теперь, по разрѣшенію св. синода, признана самостоятельнымъ монастыремъ. Теперь тамъ, кромѣ пещерной, устроены еще двѣ церкви, подъ одной изъ коихъ открыты гробы Маріи и Ивана. Это самопростѣйшіе саркофаги изъ того-же мѣла. Нѣсколько иконъ и лампадокъ, аналой—вотъ все убранство этого склепа, кромѣ того у входа на стѣнѣ два большаго формата портрета пещерокопателей, Маріи и Ивана. Марія написана одѣтою въ бѣлую свитку, какія и по сю пору носятъ крестьянки-хохлушки, и въ *намиткѣ,* повязанной по *очипку*, Иванъ въ обыкновенномъ халатѣ, въ длинныхъ волосахъ, расчесанныхъ по духовному по обѣ стороны головы. Приставленный къ этимъ гробамъ старикъ-монахъ читаетъ по книгѣ,

хотя, говорятъ, онъ неграмотный, и прикладывающихся къ иконѣ окропляетъ водою, при чемъ простонародію совѣтуетъ смачивать этою водою глаза: «многимъ помогаетъ...» говоритъ онъ. Монастырь за настоящее время пріобрѣлъ небольшое имѣніе, въ которомъ исполняютъ «послухъ» испытуемые разнаго рода послушники, готовящіеся къ иноческой жизни. Трудность добыванія воды устранена усройствомъ водокачальной машины, устроенной подъ горою на берегу Дона при чертѣ найвысшаго весенняго подъема воды [1]). Вообще, повторяю, о. Петръ оказывается хорошимъ устроителемъ обители; по внѣшнему виду она пріобрѣтаетъ все больше благолѣпія, по внутреннему—порядка и постепеннаго совершенствованія, хотя трудно поднять сразу ту репутацію, которую такъ уронили ссыльные монахи. Какъ о всякомъ монастырѣ, и о бѣлогорскомъ пришлось выслушать мнѣ немало всякихъ разсказовъ: въ иныхъ видишь отголоски прежней неурядицы, въ другихъ какое-то недоразумѣніе.

Не такъ давно въ пещерахъ объявился схимникъ-затворникъ. Пребывалъ онъ *замурованнымъ* въ особой келійкѣ. Сквозь окошечко приходящіе подавали ему приношеніе и выслушивали его наставленія. Послѣ оказалось, что тутъ повторилась исторія, такъ огорчившая въ свое время въ кіево-михайловской обители пр. Иринея Фальковскаго [2]); роль схимника здѣсь разыгрывалъ пребывавшій на послушаніи отставной солдатъ К..., который, будучи выпущеннымъ изъ затворничества, не стѣсняясь, разсказывалъ подъ выпивкой о своемъ заточеніи.

Во время послѣдней турецкой 1877—1878 гг. войны въ монастырькѣ проживалъ какой-то паломникъ, направлявшійся ко св. мѣстамъ изъ астраханской губерніи, но остановившійся здѣсь въ виду того, что пропускъ за границу по случаю войны былъ невозможенъ. Вступивъ въ обитель, внесъ онъ на храненіе или навсегда 600 руб. Когда война окончилась, паломникъ вздумалъ отправиться въ дальнѣйшее странствованіе и потребовалъ возврата внесенныхъ денегъ. Денегъ почему-то не выдали. Возникло дѣло. Паломникъ

---

[1]) Хронологическія данныя я почерпнулъ изъ описаній этой обители проф. Данскаго, изд. въ 60-хъ годахъ, и нѣкоего Н. Кразовецкаго, изд. въ 1878 году. Остальное изъ разсказовъ.

[2]) См. «Кіевскую Старину» за 1883 годъ, августъ, стр. 696.

долго таскался по судамъ, но въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ничего не смогъ сдѣлать, такъ какъ у него не было во первыхъ никакой сохранной росписки, а во вторыхъ по дѣйствующему закону (2101 ст. X т., ч. I) монахи не могутъ принимать на сохраненіе денегъ или иного имущества. Неудовлетворенный судомъ, паломникъ затѣвалъ идти въ Питеръ, но гдѣ-то пропалъ безслѣдно.

Нѣкая старая дѣвица, мѣщанка Анастасія Рѣзанова, не живя постоянно дома, а путешествуя по святымъ мѣстамъ, отдала также на храненіе, но не въ кассу монастырскую, а одному изъ іеромонаховъ бѣлогорскаго монастыря, два билета внутренняго займа съ полными купонными листами. Послѣ одной изъ отлучекъ, возвратясь въ г. Павловскъ, она узнала, что іероманахъ умеръ. Въ принятіи имъ билетовъ Рѣзановой никакой росписки и никакой замѣтки не было, да и самъ онъ о томъ, умирая, не успѣлъ сказать; найденные по смерти его билеты причтены къ числу имущества умершаго и по закону обращены въ собственность монастыря. Единственнымъ доказательствомъ права на билеты у Рѣзановой имѣлись квитанціи страхованія ихъ отъ погашенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ничто, кромѣ ея слезныхъ увѣреній, не доказывало, что билеты не подарены умершему, или чрезъ него монастырю. Братія не поддалась ни на какія просьбы Рѣзановой, ни на ходатайство одного изъ сопровождавшихъ сенатора-ревизора чиновника, ни даже на высказанное въ письмѣ къ настоятелю желаніе высокопреосвященнаго Серафима воронежскаго уладить это дѣло, и билеты остались собственностію монастыря.

Еще одинъ случай. Устраивалась водокачалка, о которой я выше упоминалъ; дѣло какъ-то не ладилось. Монахи узнали, что въ слободѣ Бутурлиновкѣ есть механикъ-самоучка, нѣкій Григорій Матвѣевичъ Крайно, пользующійся извѣстностію. Его пригласили устроить водокачалку и согласились на предложенную имъ цѣну 800 рублей, но съ тѣмъ, чтобы принять водокачалку на ходу, въ дѣйствіи. Крайно проработалъ тамъ съ помощниками 26 дней; водопроводъ оказался устроеннымъ вполнѣ удовлетворительно. Но тогда братія предъявила ему письмо изъ какого-то механическаго заведенія, которое обѣщало прислать монастырю механика съ платою по 10 руб. въ день. Письменнаго договора не оказалось, и

Крайно долженъ былъ удовольствоваться 260 рублями; за то братія обѣщала записать его имя на вѣчное поминовеніе.

Не въ осужденіе бѣлогорской братіи я привелъ всѣ эти случаи, но лишь для того, чтобы показать, какъ отклонялась жизнь обители отъ первообраза пещерокопателей и братчиковъ-пещерниковъ, и какъ отодвигалась отъ народнаго идеала сама обитель, регламентируясь по общему типу и проникаясь заботами о «благопріобрѣтеніи» и «благоукрашеніи».

Руководясь въ моихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ единственно желаніемъ очертить развитіе народной жизни въ подпадавшей моему наблюденію мѣстности, я остановился, можетъ быть, болѣе долго, чѣмъ-бы слѣдовало, на описаніи бѣлогорскаго монастыря. Но мнѣ кажется, что возникновеніе, возростаніе и наконецъ доведеніе этой обители до степени самостоятельнаго монастыря, со всѣми присущими монастырямъ квалификаціями, есть тоже одно изъ явленій развитія духовной жизни народа. Насколько удачно проведено регламентированіе этого проявленія, на сколько осталось оно схожимъ со своимъ первообразомъ, судите сами, читатели.

Возвращаюсь къ прерванному расказу о моемъ первомъ посѣщеніи монастырька.

У заутрени вчерашнія слушательницы привѣтливо кивали мнѣ головами. Передъ ранней обѣдней я ходилъ съ богомольцами въ пещеры, и провожавшій насъ старецъ вывелъ насъ оттуда особымъ ходомъ, находящимся въ склонѣ той-же горы, но ниже саженей на 5 отъ фронтона пещерной церкви. Я всегда, какъ вѣроятно, и всѣ, испытываю особое облегченіе, выходя изъ всякаго рода подземелій, какъ будто-бы освобождаешься отъ угнетавшаго чувства страха. Но это отрадное чувство въ данномъ случаѣ усугублялось прелестію утра, яснаго солнца, обливавшаго весь обширный видъ, открывавшійся съ небольшой площадки, прокопанной въ цѣльномъ мѣлу передъ выходомъ изъ пещеры. Вида этого, его всей величавой прелести я не стану, да и не съумѣю описывать. Скажу только, что этотъ не менѣе какъ сорокаверстный видъ совмѣщаетъ въ себѣ и широкую рѣку Донъ, и зеленый лугъ, и синѣющія въ дали горы, и села, и городъ Павловскъ, и безконечную, уходящую за край горизонта задонскую степь, и все это сразу охватывается глазами человѣка, только что освободившагося отъ гнетущаго чувства. Я

думаю, что и всѣ богомольцы испытывали тоже, что и я. Всѣ мы стали и смотрѣли. Даже мой соночлежникъ молчалъ, оставивъ свои комментаріи, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня все утро.

— Что-жъ, пойдемте въ лѣсокъ; тамъ тоже хорошо и все видно... покурить можно,—прервалъ онъ мое любованіе картиной.

Я пошелъ за нимъ, всматриваясь въ его статную фигуру, въ эти могучія плечи, надъ которыми, точно стрѣха новопокрытой хаты, оттопыривались изъ-подъ измятаго картуза въ линію высоко отхваченные ножницами густые бѣлокурые волосы. Могучая фигура! Смотря на него и на лѣсокъ, поросшій по ложбистому скату горы, куда онъ велъ меня, мнѣ пришлось мимовольно вспомнить спрятанный за жилеткой, не покидавшій меня никогда татарскій ножикъ. Береженаго Богъ бережетъ.

Мы поднялись къ постройкамъ и оттуда, переступивъ ветхій плетень, вошли въ лѣсную ложбину; большія деревья глушили своею тѣнью мелкую поросль, но въ лѣсочкѣ было не густо, и видъ передъ нами оставался почти тотъ-же, съузившись только рамкою ложбины и закрывши отъ насъ рѣку.

Очевидно, мой спутникъ искалъ случая быть со мною съ глазу на глазъ. Едва успѣли мы закурить, какъ сейчасъ онъ принялся разсказывать о себѣ, начавъ съ того, что онъ родомъ съ Кавказа, ставропольской губерніи, причемъ показалъ паспортъ, гдѣ значилось, что ему 46 лѣтъ, росту средняго и волосы, брови, борода и усы темнорусые. Я уже послѣ, разставшись съ нимъ, вспомнилъ это несходство примѣтъ: ему нельзя было дать болѣе 30 лѣтъ и притомъ онъ былъ свѣтлый блондинъ. Смотря на паспортъ, я былъ все еще въ мечтательномъ состояніи. Кромѣ того у него имѣлось увольнительное свидѣтельство, данное ему на предметъ поступленія въ монахи. Былъ онъ, по его словамъ, въ донецкомъ монастырѣ, во святыхъ горахъ, былъ уже разъ и здѣсь, послѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ Задонскѣ. Тамъ случилось съ нимъ что-то непріятное, недостаточно ясно объясненное имъ мнѣ. Жилъ онъ тамъ у какого-то мѣщанина, *облагодѣтельствовалъ* его, далъ ему нѣсколько рублей, но послѣ этотъ мѣщанинъ что-то на него выдумалъ, почему-то вмѣшалась полиція, кто-то ему обрѣзалъ волосы, и онъ уже, не заходя въ Воронежъ «*отъ стыда*», очутился здѣсь *въ критическомъ* положеніи, изъ котораго, какъ онъ наконецъ открылся мнѣ, я могъ-бы выру-

чить его, давъ ему нѣсколько рублей... Въ карманѣ у меня было ровно пять копѣекъ, что тоже равнялось *критическому* положенію, а потому въ этомъ разѣ не вышелъ плюсъ отъ помноженія минуса на минусъ. Въ умѣ у меня промелькнули было соображенія объ отрѣзываніи косъ дѣвицамъ и хвостовъ лошадямъ, но благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ развитіе дальнѣйшаго осужденія *друга*, и мы, какъ-бы немного отчуждившіеся, пошли по направленію къ церкви.

Въ цѣлой цѣпи вытянувшихся по береговой тропѣ богомольцевъ я возвратился въ городъ.

Возлюбилъ я эту обитель и частенько хаживалъ туда. Старцы узнавали меня и всегда привѣтливо встрѣчали. Въ обители и по пути къ ней и обратно я успѣвалъ знакомиться съ тамошними хохлами. На баштанахъ, при оранкѣ и посѣвѣ, а послѣ и въ домахъ, я былъ знакомъ съ ними. Мнѣ всегда становилось какъ-то неловко, когда приходилось быть въ компаніи занятыхъ дѣломъ и трудомъ крестьянъ праздношатающимся человѣкомъ. Моя наружная панскость мало извиняла мое бездѣлье и, что хуже, какую-то, что называется, *неприкаянность*. Люди работаютъ, трудятся, заняты дѣломъ, а я болтаюсь, бездѣльничаю. Эту неловкость я испытывалъ, будучи школьникомъ, въ каникулярное время. Это самое пришлось испытывать и во время моихъ задонскихъ отлучекъ изъ г. Павловска. Во извиненіе этой моей неприкаянности мнѣ пришлось объяснять моимъ новымъ знакомцамъ обстоятельства, приведшія меня сюда. Это еще болѣе располагало ихъ ко мнѣ, усиливало ихъ привѣтливость, вызывало на расспросы.

— Що-жъ у тебе й сим'я е—жинка, дити? участливо распрашивали меня.

— Бачь, якъ-то воно прийдетця чоловикови!—и т. п.

Старцы монастырскіе мою досужесть объясняли, по всему вѣроятію, какъ и досужесть иныхъ посѣтителей городскихъ, притомъже я бывалъ у нихъ обыкновенно днемъ и не разъ съ охотничьимъ ружьемъ, а иногда и съ добытою на охотѣ дичью. Къ осени приходящихъ богомольцевъ стало меньше—монастырекъ опустѣлъ. Ставропольскаго знакомца я разъ только встрѣтилъ идущимъ кудато изъ монастырька, по направленію къ слободѣ Бѣлогорью, по какому-то дѣлу. Но почему-то я все еще мнилъ его постояннымъ жителемъ пещерной обители.

Разъ позднею осенью, уже подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, я подходилъ къ монастырскому плетню (каменной ограды тогда еще и помину не было). За плетнемъ высился только что сметанный стожокъ привезеннаго сѣна, виднѣлись выпряженные волы. Андрій Миколаёвичъ стоялъ тутъ-же, оперпись на вилы, другіе старцы подгребали сѣно и оправляли стогъ.

— Богъ въ помочь! привѣтствовалъ я старцевъ.

— Спасыби! отвѣчали мнѣ.

— Отъ бачъ, раньше не приходили—усебъ таки помогли дидамъ трудитьця—отозвался Андрій Миколаёвичъ, а то отъ якъ поморились...

— Та хиба-жъ на цей разъ у васъ никого й не лучилось зъ богомольцивъ, щобъ пособить? У васъ-же тутъ усе проживае отой бородатый москаль, чи що воно таке. Вы-бъ ёго заставили, не порушився-бъ,—сказалъ я.

— О! це той ставропольській! Богъ зъ нимъ! Винъ намъ оце якого хлопоту наробивъ! Богъ зъ нимъ!

— Якого хлопоту?!

— Та такъ, просто халепа! У насъ тутъ усяки люде бувають... Хиба-жъ намъ билеты у нихъ спрошувать? Всяки бувають... Такъ и винъ. Оце навернеться, поживе днивъ два-три, тай зайде кудысь. Приходящи у насъ уже на гостыни ночують. Оце соберуться, свичечки свои свитять, що небудь читають, або тамъ иноли псальмы якои заспивають, або що списують... Ну, пройдешъ, подивишся—усе тихо, по Божому, ну и Богъ зъ ними! Коли оце разъ, саме у глупу ничъ, чуемо, прибигае становый, старшина зъ понятыми... Такъ и накрыли ихъ рабивъ Божихъ. Оцей бородань, та ще якійсь, та три якихсь-то черныци у насъ на гостыни за столомъ хвальшиви билеты-паспорты списують. Й печати захватили у нихъ. Господь ёго знавъ, що вони таке діють! Отъ вамъ й богомольци! Коли-бъ ще й намъ чого не було?! Богъ зъ ними!

И такъ здѣсь на Дону я сразу натолкнулся на піэтическую жажду слушать чтеніе *«изъ божсства»*, *«заповѣдь какую-нибудь»* и въ то-же время на поддѣлывателей паспортовъ. Жажда грамотности и практическое примѣненіе ея—піэтизмъ и крайняя проза жизни.

Воронежскую губернію, а особенно ея южные уѣзды, я знаю лѣтъ семнадцать. Многое измѣнилось со времени моего перваго

пріѣзда сюда. Крестьянское самоуправленіе укрѣпилось (къ лучшему-ли—это другой вопросъ), крестьяне постепенно начинаютъ сознавать себя въ земствѣ; на моихъ глазахъ устроились сельскія школы. *Школьники*, какихъ я знавалъ по началу, теперь уже своихъ дѣтей посылаютъ въ школу. Человѣкъ, занятый постоянно наблюденіями народной жизни, могъ-бы многое сказать про эту жизнь, про эту хотя-бы сторону жизни народной—грамотность. Но я обстоятельствами былъ оттолкнутъ отъ народа, тѣсныхъ непосредственныхъ связей у меня съ селомъ не было; и потому приходится сводить только случайныя наблюденія, которыя давались мнѣ по старой привычкѣ, по не остывшему съ лѣтами интересу ко всему народному. Разумѣется, меня въ моихъ хотя-бы и случайныхъ наблюденіяхъ больше занимали хохлы, какъ народъ родной, болѣе мнѣ понятный.

Воронежскій хохолъ не похожъ па украинца: онъ живѣе, поворотливѣе, нѣтъ въ немъ украинской недовѣрчивости, угрюмости, не глядитъ онъ изъ-подлобья, какъ по-днѣпровецъ. Здѣшній, донской хохолъ—колонистъ, совершенно потерявшій традицію и отдавшійся всецѣло устроенію себя на новомъ мѣстѣ. Далекіе предки его, умирая на первоначально занятыхъ ими, ближайшихъ къ родинѣ степяхъ теперешней харьковщины, въ могилу унесли и ихъ исторію, ихъ прошлое; а они, здѣшніе теперешніе хохлы, не знаютъ даже, откуда пришли ихъ отцы, а ужъ не говорю о томъ, что не знаютъ, кто были ихъ отцы. Столкнувшись здѣсь, даже не на рубежѣ, а на нейтральной, брошенной ордою степи, съ великорусскими поселенцами подъ суровой, но тѣмъ не менѣе умиротворяюще регламентирующей властью, хохлы не воевали съ сосѣдями, съ сопосельниками мечемъ, но не избѣгли войны экономической, культурной. Въ этой борьбѣ съ колонистомъ сопосельникомъ хохлы остались побѣдителями, но въ свою очередь были побѣждены культурой метрополіи. Здѣсь въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи торговля вся и вся промышленность въ рукахъ хохловъ. Великоросъ преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тѣмъ, что здѣсь на югѣ торгово-промышленныхъ великорусскихъ селъ нѣтъ, а торгуютъ хохлацкія слободы,—разумѣется не всѣ, есть и хохлы пахари, торговыхъ-же русскихъ селъ въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи нѣтъ положительно. Но этотъ

торгашъ-хохолъ значительно обрусѣлъ. Обрусѣлъ онъ всетаки не по здѣшнему, а по общерусскому образцу. Онъ, можно сказать, обрусѣлъ, но не обмосковился. Это опредѣленіе лучше всѣхъ поймутъ сами здѣшніе хохлы, если кто изъ нихъ прочитаетъ эти строки. Онъ ничего общаго не имѣетъ со своимъ великорусскимъ сопосельникомъ пахаремъ; онъ говоритъ языкомъ русскимъ, но не языкомъ своего сосѣда, нарѣчіе котораго онъ передразниваетъ; онъ не брачится съ великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизмъ [1]). Онъ вообще на пути къ такому обрусѣнію, какому подпали мы люди книжные. Но тѣмъ не менѣе этотъ коверкающій русскій языкъ, этотъ бородатый, даже иногда подстриженный въ скобку и размашисто, «якъ отъ московськи купци», крестящійся хохолъ все таки нашъ природный малороссіянинъ. Нельзя-же на самомъ дѣлѣ въ этихъ названіяхъ: Перевертайловка, Нехотійловка, Голівка, Загузнивка, Церанка, Дуванка, Бжджолинка, Пилипенкова, Макогоновъ, Хорольскій и т. п. видѣть московскія поселенія. Не могу-же я въ этихъ Кащенко-выхъ, Яцько-выхъ, Боровиковыхъ, Сыроватскихъ, Масцѣевыхъ, Ругахъ, Зозулиныхъ, Дудецькихъ, Ляпогузахъ, Мерзлозадахъ, Рыбалкахъ, Лозовыхъ, Старосвѣтскихъ и т. п. и т. п., какъ-бы они ни *русѣли*, видѣть русаковъ, а не хохловъ, особенно если я знаю ихъ происхожденіе, ихъ домашній бытъ, ихъ родъ-племя. Между собою, а особенно въ семьяхъ, они говорятъ по малорусски, ругаются, если въ мѣру, тоже по малорусски: «бисовъ сынъ, побила-бъ тебе лиха година» и т. п.; подъ чаркою у хохла вы тоже слышите родную рѣчь; но если нужно говорить съ чужакомъ, нужно превозноситься, если нужно въ сласть выругаться, тогда ужъ начинается говореніе *по россейскому*. Забогатѣвшій купецъ-торговецъ усвоиваетъ себѣ всѣ пріемы русскаго купца, у него уже *не челядь*, а *молодцы*, у него уже рѣчь русская звучитъ при обращеніи къ мелкой сошкѣ, онъ уже выражается о сѣромъ хохлѣ: «*хохла необразованна*». Онъ весь скрон-

---

[1]) Замѣчательно то, что антагонизмъ этотъ проявляется совершенно въ такихъ формахъ, въ какихъ, по разсказамъ, онъ встрѣчается у порубежныхъ русиновъ съ мазурами. Также воронежскій хохолъ осмѣиваетъ простоватость москаля сосѣда, какъ люблинскій русинъ приглупость мазура. Анекдоты объ этомъ совершенно аналогичны; разнятся вставкою передразниваемой рѣчи и именами націй.

вается на образецъ виданнаго имъ московскаго купца, по купечески московски и въ церкви крестится—размашисто, патлами вскидываетъ. Это его идеалъ вѣдь! Онъ даже, какъ я самъ видѣлъ, подписывается по неграмотному замоскворѣцкому образцу: Василей, вмѣсто Василій, и все это нарочно, сознательно, подражая своему идеалу. У стариковъ это выходитъ комично. Эта русская рѣчь смѣшна: старые захолустные священники на Украйнѣ, писцы кіевской, полтавской и черниговской консисторій, *шевцы* съ Кожемякъ говорятъ похожимъ языкомъ. Что-жъ дѣлать?! Это существующій фактъ; это тоже стадія культуры. Вѣдь не такъ еще давно на Подоліи, Волыни въ особенности, польская рѣчь была въ употребленіи въ семействахъ мѣстныхъ священниковъ православныхъ, вѣдь поетъ же австрійскій солдатъ-мазуръ въ пѣснѣ «nie masz jak w Milańskiem *landzie*», вѣдь осталось по сю пору въ русскомъ и малорусскомъ и даже въ польскомъ языкѣ много татарскихъ словъ. Жизнь беретъ свое! Хорошо-бы было умѣло изобразить разноэпохныя стадіи развитія села. Меня давно занимаетъ эта мысль, кстати образцы передъ глазами. Я знаю слободы здѣсь, которыя на моихъ глазахъ ростутъ, если такъ можно выразиться, цивилизуются. Мерзки сами по себѣ эти проявленія цивилизаціи, онѣ отталкиваютъ отъ себя своимъ внѣшнимъ видомъ, тѣмъ, что начинаются съ гніенія стараго строя, а всякое гніеніе противно; но такъ оно всегда бываетъ, это въ порядкѣ вещей. И зерно, проростая, истлѣваетъ, чтобы дать жизнь растенію.

— Що-жъ була ты, Галько, въ Воронцевій на ярмарку? Бачила тамъ хлопцивъ? Хороши?—спрашивалъ я въ 1867 году молодую хохлушку-*дивчину* въ Михайловкѣ, пахарской хохлацкой слободѣ, вернувшуюся съ ярмарки въ большой торговой слободѣ Воронцовкѣ.

— А то-жъ и не бачила! Тамъ парубки не нашеньски-прости: усе въ *пиддёвкахъ* (крытыхъ полушубкахъ), въ *брюкахъ* (на выпускъ, поверхъ голенищъ штаны).

А теперь, въ 1884 году, и въ Михайловкѣ уже *парубки* носятъ и *пиддёвки* и брюки, помадятъ волосы, *въ гармонію грають* и сама Галька, которой вскорѣ послѣ моего съ нею разговора «насунули за весильнымъ столомъ очипокъ», врядъ-ли носитъ это характерное головное малорусское украшеніе, а вѣроятно «накриваетьця шалью». Да!

По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ рязанская и орловская губернія дали сюда много выходцевъ, занявшихся здѣсь въ воронежской губерніи торговлею. Елецъ (орловской губерніи), онъ же по пословицѣ «всѣмъ ворамъ отецъ», особенно много своихъ обывателей выпустилъ въ эти южныя края для промысловъ, и «елецкіе», какъ ихъ здѣсь называютъ, торговали въ этихъ мѣстахъ на славу. Шибайный, скотный, хлѣбоссыпочный промыслы были въ ихъ рукахъ. Послѣ крымской войны на югѣ воронежской губерніи по торговымъ слободамъ явилось много греческихъ торговыхъ по ссыпкѣ зерна конторъ. Вальяно, Зидлы, Маврокордаки, и другіе *раки* южныхъ портовыхъ городовъ—Ростова, Таганрога забросали край этотъ если не золотомъ, то кредитными билетами,—они тогда были дешевы въ Ростовѣ и Нахичевани,—и тащили за море пшеницу и ленъ съ нововспаханныхъ степей. Конторы греческія приглушили было *елецкихъ*. Но въ концѣ концовъ обучившіеся у нихъ хохлы превзошли и тѣхъ и другихъ. Греки сошли со сцены на взморьѣ, а *елецкіе* большею частію служатъ теперь *молодцами* у тѣхъ хохловъ, которыми они прежде помыкали и которыхъ прежде обманывали.

Развитіе торговли и промысла на югѣ Россіи ожидаетъ еще своего историка. Этою исторіею многое-бы объяснилось въ нашей отечественной исторіи: объяснилось-бы стремленіе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, объяснилось-бы современное намъ стремленіе на югъ и юго-востокъ, разъяснилось-бы, почему это воронежскіе хохлы еще такъ недавно, уступая у себя арену торговли ельчанамъ, сами промышляли *на линіи* въ ставропольской губерніи, здѣсь даже понаселяли цѣлыя слободы; объяснились-бы эти параллели переселенческихъ теперешнихъ путей съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Многое-бы мы поняли. Но я отказываюсь разсуждать объ этомъ, а возвращаюсь къ описанію замѣченныхъ мною у здѣшнихъ хохловъ стремленій къ грамотности, къ цивилизаціи.

Въ 1866—1867 годахъ я не видалъ еще повсемѣстно по селамъ училищъ. Были училища, устроенныя помѣщиками, были школы частныя, случайныя. Черничка-келейницы, отставные солдаты, изрѣдка дьячки имѣли по нѣсколько учениковъ.

— Оце, спасиби вамъ, вона стала трохи на ноги, а то мы вже думали отдавати іи до черниць грамоти учитьця, объясняла мнѣ

мать одной излеченной по моему указанію и рекомендаціи докторомъ дѣвушки.

— А теперь може й замижъ згодитьця, объясняла заботливая мать мнѣ, ставшему причиною неграмотности дѣвицы.

Новыя, и даже можно сказать вдругъ поновляющіяся условія жизни потребовали и грамотности. Сначала министерство народнаго просвѣщенія, а послѣ и явившееся земство созидали сельскія школы. Требованіе отъ окончившихъ семинарію пребыванія извѣстнаго срока въ должности учителя дали немалый контигентъ учителей. Новые суды, земство, всеобщая воинская повинность вызвали грамотность въ народѣ. Дѣло это вѣдь изъ самого себя растетъ: грамотные родители непремѣнно захотятъ видѣть грамотными своихъ дѣтей. При этомъ, разумѣется, потребность эта регулировалась спросомъ. Въ слободахъ торговыхъ, промышленныхъ потребность грамотности была большая, чѣмъ въ слободахъ пахарскихъ, гдѣ подростокъ съ еле сознанными имъ силами утилизировался, какъ погонычъ, пастухъ и т. д.

Мнѣ случилось проживать въ большой торговой слободѣ, Бутурлиновкѣ. Это впрочемъ самая большая слобода въ воронежской губерніи; въ ней еще по ревизіи 1857 года считалось свыше 10,000 душъ. Слобода эта по ея оригинальному соціальному строю, по условіямъ жизни, достойна особой монографіи, которою я займусь со временемъ. Промышленность и торговля создали въ ней съ одной стороны крупныхъ денежныхъ тузовъ, а съ другой горьчайшій пролетаріатъ—двѣ крайности экономическаго быта, экономической борьбы капитала и труда.

Въ Бутурлиновку я попалъ въ то время, когда дѣла греческихъ конторъ падали, когда мѣстные доки захватывали дѣло въ свои руки. На моихъ глазахъ росли тамошніе богачи, разумѣется, въ различныхъ степеняхъ богачества. Эти-то вожаки торговой и промысловой предпріимчивости почти всѣ были кое-какъ грамотны— читали, умѣли кое-какъ писать. Но дѣти ихъ уже пишутъ бойко, одѣваются чисто по европейски и не прочь щегольнуть иностранными словами, говорятъ чисто по русски. Все это съ извѣстными градаціями. Купцы тамошніе, недавніе *господа купци,* повторяю, употребляютъ иностранныя слова, изъ коихъ нѣкоторыя получили, такъ сказать, право гражданства въ ихъ рѣчи. Наприм: «сижетъ»,

«мараль» (вмѣсто сюжетъ, мораль). «*Мы имѣли съ нимъ по этому поводу сижетъ*», т. е. сужденіе. «*Я не хочу ни за что взять на себя этой марали*», т. е. чего-то грязнаго, стыднаго, марающаго меня. А то напримѣръ не угодно-ли:

— Тамъ, братецъ ты мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну, тай годи. И, чортъ ихъ знаетъ, *зъ чого* эта у нихъ *инструкція началась?!* Амбаришка, собствэнно говоря, самъ по себе пустой! Разви ужъ *внутреннее убѣжденіе* въ немъ (т. е. въ амбарѣ-то) что нибудь стоило?! А вѣдь *сужетъ* (молва, разговоръ) пошелъ по всей ярмаркѣ—*мараль* такая! Вѣдь дошли до того, что чуть не за бороды другъ друга *мотивировали! Карамболь* просто!

И это вѣдь не выдуманное, а слышанное.

— Що це вы такъ запехаяли кимнату! Заразъ-же приберить! Це вовси *не согласно зъ мненіямъ*!—понукалъ хозяинъ постоялаго двора семью, сводя меня въ комнаты. Такъ и видно, что мужъ сей былъ гласнымъ въ земскомъ собраніи. Или: «теперь они заключили между собою *междуметію*».

А ужъ дѣти этихъ людей, ихъ меньшіе братья и сестры учатся уже въ прогимназіяхъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже я знаю бутурлиновцевъ, вышедшихъ и выходящихъ въ близкомъ будущемъ технологами, прокурорами, врачами, инженерами, пепиньерками при институтѣ—ужъ мои уши услаждались музыкою бутурлиновской рояли. Положимъ, что это только въ Бутурлиновкѣ, но вѣдь эта Бутурлиновка не можетъ-же не представлять изъ себя хоть и крайняго, но все-же народнаго стремленія къ цивилизаціи. Школьность и грамотность несомнѣнно развиваются. Въ самыхъ черноземныхъ слободахъ и хуторахъ пахарскихъ, особенно зимою, натыкаешься на хлопчиковъ съ сумочками, изъ которыхъ торчатъ книжечки, тетрадки и грифельная доска. Земство, воинская повинность дѣлаютъ свое. Многаго еще можно желать, но немало уже и имѣемъ по сравненію съ недалекимъ прошлымъ.

Я помню случай въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ одномъ хуторѣ общество порѣшило на зиму учителя не нанимать, а школьный домъ сдать подъ кабакъ (Юниковъ хуторъ, семеновской волости павловскаго уѣзда). Теперь этакой случай невозможенъ. Это тоже вѣдь крайность. Въ пахарскихъ слободахъ и теперь еще можно

видѣть, что грамотность не составляетъ насущной жизненной, лучше сказать сельской потребности. Мало-мальски обучившіеся грамотѣ выбиваются изъ сельской пахарской жизни и попадаютъ въ дѣло далеко не пахарское: идутъ въ писаря, приказчики, служатъ мелкими сошками въ штатѣ желѣзно-дорожной службы. Это объясняется спросомъ на грамотныхъ въ государствѣ и тяжелою обстановкою крестьянской сельской жизни.

— Винъ у насъ школьникъ; вывчитьця, писаремъ буде.

— Вона каже, буду вчить хлопцивъ, въ школу отдамъ, вони въ мене будуть образовани, въ очкахъ будуть ходить...

Такія pia desideria чадолюбивыхъ родителей слыхалъ я. Не улыбайтесь! Вѣдь эти пожеланія совершенно равнозначущи пожеланіямъ такимъ:

— Учись сынокъ, будешь попомъ, прокуроромъ, инженеромъ, докторомъ и т. п.

Разумѣется послѣднія пожеланія высказываются родителями, которые сами только попы, прокуроры, инженеры, доктора, люди не крѣпкіе земли, а граждане доходовъ и требовательныхъ вѣдомостей, люди, испытавшіе всю выгоду этихъ профессій, а не селяне, которые должны-бы учиться только ради ученія, ради того, чтобы умѣть лучше, осмысленнѣе жить въ своей сферѣ. Но такъ какъ пока еще у насъ грамотность не даетъ примѣнительнаго къ обыденной жизни знанія, и такъ какъ жизнь пахаря у насъ слишкомъ сурова, малоотрадна и многотрудна; то желаніе видѣть дѣтей своихъ живущими болѣе легкимъ трудомъ, ядущихъ болѣе вкусный кусокъ— простительно и понятно. Эти желанія родителей вполнѣ совпадаютъ съ желаніями и самихъ дѣтей. Я знаю много грамотныхъ молодыхъ крестьянъ, которые попали въ военную службу или остались тамъ служить по окончаніи обязательнаго срока службы, либо вышедши въ запасъ, пристроивались внѣ условій сельско-пахарской жизни, и въ то-же время не могу припомнить ни одного хорошо знающаго грамотѣ солдата изъ крестьянъ, который занялся-бы по возвращеніи со службы пахарствомъ.

Разумѣется, это еще пока только стадія обще-народной грамотности; со временемъ, когда число грамотныхъ увеличится до того, что спросъ на нихъ во внѣ-пахарской жизни будетъ менѣе предложенія и когда самыя условія жизни пахаря потребуютъ болѣе,

чѣмъ непосредственнаго примѣненія физической силы къ землѣ,— грамотность займетъ надлежащее мѣсто и въ быту сельскомъ, хлѣборобномъ. Но пока еще, повторяю, грамотность крестьянъ сильно развивается въ слободахъ торговыхъ и промышленныхъ и слабо въ сѣромъ, пахарскомъ быту.

Въ ноябрѣ 1864 г. мнѣ пришлось быть въ слободѣ Бутурлиновкѣ во время призыва. Мѣстный учитель двухкласснаго училища разсказывалъ мнѣ, что въ этотъ призывъ попали почти всѣ его ученики начала семидесятыхъ годовъ. Если принять во вниманіе, что въ Бутурлиновкѣ, кромѣ двухкласснаго училища, еще имѣется пять сельскихъ земскихъ училищъ, да еще много обучающихся у черницъ, солдатъ и дьячковъ, то выйдетъ, что громадное число новобранцевъ этого года грамотны.

Говоря вообще о здѣшней грамотности, нельзя обойти молчаніемъ народныя школы. Лучшія изъ этихъ училищъ, это тѣ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а именно двухкласныя училища. Какъ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ училище, я знаю двухклассное училище въ слободѣ Бутурлиновкѣ. Можетъ быть и это училище не выдавалось-бы ничѣмъ изъ числа другихъ, но въ началѣ 70-хъ годовъ въ это училище учителемъ попалъ очень хорошій человѣкъ, окончившій курсъ воронежской духовной семинаріи первымъ студентомъ Василій Андреевичъ Тихоновъ. Вообще нужно сказать, что въ воронежской семинаріи долго не выдыхался духъ начала 60-хъ годовъ, когда и въ Воронежѣ была литературная жизнь. Тогда издались сочиненія Никитина, издавалась «Воронежская Бесѣда», мѣстная интеллигенція отзывалась на общероссійскій призывъ къ движенію впередъ, къ духовной жизни. «Записки семинариста» Никитина оказали свое вліяніе на воронежскихъ семинаристовъ, указали имъ жизнь внѣ стѣнъ бурсы, вызвали въ нихъ критику по отношенію къ своему положенію, охоту читать, самообразовываться, совершенствоваться. И по сю пору въ Воронежѣ можно услыхать, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, лучшія стихотворенія Кольцова написаны вовсе не имъ—Кольцовымъ, а семинаристомъ, нѣкіимъ Серебрянскимъ. Это убѣжденіе твердо особенно у семинаристовъ. Разъ я видѣлъ въ Воронежѣ памятникъ Кольцова съ лицемъ обращеннымъ назадъ, на пьедесталѣ видны были грязные слѣды сапогъ. Говорили, что эту штуку не разъ уже

продѣлывали семинаристы именно потому, что Кольцова считаютъ похитителемъ славы семинариста Серебрянскаго.

Тихоновъ былъ изъ числа семинаристовъ, хранившихъ хорошія традиціи 60-хъ годовъ. Не чувствуя призванія къ священству, онъ, не смотря на всѣ преимущества, не взялъ на себя этого сана, а всего себя отдалъ дѣлу ученія. Училъ онъ другихъ и училъ себя. Состоя учителемъ бутурлиновскаго 2-хъ класснаго училища, онъ въ тоже время подготовлялся къ поступленію въ Петровско-разумовскую академію, куда и попалъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ академіи онъ шелъ по двумъ отдѣламъ—лѣсному и сельско-хозяйственному, не зная, на какомъ изъ нихъ откроется прежде стипендія, которая дала-бы возможность ему учиться. Получивъ наконецъ стипендію, онъ, по выраженію его товарищей, «такъ засмаковалъ въ обоихъ отдѣлахъ, что и до окончанія курса шелъ по обоимъ и при томъ со скучнѣйшимъ однообразіемъ въ отмѣткахъ: не имѣлъ ни по одному изъ предметовъ менѣе 5». Теперь уже г. Тихоновъ возвратился изъ двухгодичной съ ученою цѣлью поѣздки за границу, и мы всѣ его знакомые ждемъ отъ него чего нибудь больше обыкновеннаго завѣдыванія какимъ нибудь лѣсничествомъ. Вотъ этотъ-то Тихоновъ, при его умѣніи и добросовѣстности, и умѣлъ хорошо поставить бутурлиновское 2-хъ классное училище. Память о немъ на долго сохранилась въ Бутурлиновкѣ. Я такого другого учителя не видалъ, не видалъ и не знаю такъ отдавшагося обученію дѣтей человѣка, какимъ былъ Тихоновъ. Онъ смотрѣлъ на свою обязанность вполнѣ серьезно и отдавался ей съ увлеченіемъ. Къ каждому уроку онъ готовился самымъ усерднымъ образомъ, много читалъ по части педагогіи, умѣлъ снискать любовь своихъ учениковъ, заохотить ихъ. Школьныя пособія, небольшая, но избранная библіотека и даже посильный музей,—все это дѣло Тихонова, но что всего важнѣе, это то, что онъ съумѣлъ это собственное сознаніе важности и неукоснительности дѣла обученія дѣтей всецѣло влить въ своего помощника, а теперь преемника, зятя своего Ив. Гр. Зеленскаго, который достойно продолжаетъ по сю пору дѣло, начатое Тихоновымъ. Да, это образцовое училище!

Не то, разумѣется, представляютъ собою иныя училища. Много недостатковъ можно-бы въ нихъ указать, но пока еще слава Богу и за то, что и такія училища есть у насъ. Училищные совѣты по

уѣздамъ, дирекція училищъ губернская дѣлаютъ по возможности свое дѣло. Я думаю, что сельское учительство, представляя собою убѣжище отъ воинской повинности, временную жизненную станцію для окончившихъ духовную семинарію, но не получившихъ мѣста священника и временное занятіе для молодыхъ дѣвицъ, кончающихъ свою карьеру выходомъ замужъ, много теряетъ въ своей профессіональности. Всѣ эти временные учителя, не видя въ учительствѣ исключительной цѣли жизни, недостаточно усердные и часто малоспособные преподаватели. Въ земствѣ все дѣло школьное находится въ прямой зависимости отъ предсѣдателя управы, взглядъ коего на степень нужды и важность народнаго образованія, ставитъ это дѣло въ уѣздѣ на лучшую и худшую ногу, вліяя на успѣшность дѣла какъ подборомъ учителей, такъ и контролемъ надъ ними, а равно и заботливостію о возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ труда. Послѣднее особенно важно, ибо размѣромъ жалованья опредѣляется и качественность учителей. Цифры этого жалованья отъ 100 до 240. Ну, какого въ самомъ дѣлѣ учителя, который не рвался-бы изъ своей профессіи, нанять можно за 100 рублей?! Разумѣется, при этакомъ мизерномъ содержаніи и ютятся на учительствѣ или временные станціонеры, или то, что уже ни на что большее въ жизни и разсчитывать не можетъ, или, въ крайнемъ разѣ, тотъ, кто умѣетъ къ дѣлу учительства пристегнуть какіе нибудь иные заработки—частные уроки, посѣвы, занятіе въ правленіи ссудосберегательныхъ товариществъ, регенство и т. п. Я знаю одного учителя, который живетъ верстахъ въ трехъ отъ школы, арендуя водяную мельницу. Непригодность многихъ учителей, безконтрольность школы и по просту неразвитіе школьнаго дѣла лежатъ вполнѣ на отвѣтственности предсѣдателей земскихъ управъ, какъ почти самовластныхъ распорядителей земскихъ дѣлъ и большею частію иниціаторовъ всякихъ вопросовъ въ земствѣ. Училищный совѣтъ только вѣдаетъ школы въ уѣздѣ въ установленныхъ рамкахъ. Не говоря уже о томъ, что въ совѣты эти часто попадаютъ люди еле грамотные, но, что тоже отчасти зависитъ отъ предсѣдателя, совѣтъ не можетъ прибавить содержанія учителямъ и училищамъ. А это самое важное: «дешева рыбка—погана юшка», гласитъ народная пословица. И вотъ попалась въ одномъ селѣ эта «дешева рыбка» въ видѣ учительницы, съ жалованьемъ по 8 р. въ мѣсяцъ, и,

по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта, которому было поручено произвесть о ней и ея дѣяніяхъ дознаніе, учила дѣтей только кричать «ура» (это ей особенно нравилось), пьянствовала и напоминала собою Марію Египетскую до ея покаянія. На самомъ дѣлѣ это была особа, не годившаяся даже въ горничныя и получавшая жалованье меньшее, чѣмъ жалованье горничной. Но все таки въ виду существованія въ каждомъ селѣ школы, такъ или иначе контролируемой, въ виду существующихъ уже на этотъ предметъ цифръ земскихъ бюджетовъ, нельзя не сказать и за это—слава Богу.

Да, село за послѣдніе 20 лѣтъ много прошло впередъ по пути цивилизаціи, которую нельзя не видѣть даже въ ея мерзѣйшихъ проявленіяхъ. Цивилизація на столько заполоняваетъ село, что съ каждымъ годомъ подвластныхъ режиму *ржаного колоса* (Гл. Успенскаго) мужиковъ становится все меньше и меньше. Колосьевъ-ли этихъ стало меньше, или ужъ *мудрствованіе* крестьянское такъ развивается?... А это *мудрствованіе* тоже вѣдь результатъ цивилизаціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревенской грамотности. До 60-хъ годовъ крестьянинъ былъ положительно, такъ сказать, подъ игомъ всего, что было тогда мало мальски грамотно. Грамотѣй господствовалъ надъ нимъ, гнулъ его въ барацій рогъ, выжималъ его въ свою пользу, замкнувшись въ непроницаемую для крестьянина сферу грамотности во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ прикащичьяго наряда до распоряженій и узаконеній правительственной власти. Какъ изъ черной тучи метались на мужика изъ этой сферы громы и молніи, заставлявшіе его корчиться, сжиматься, припадать къ землѣ. Онъ видѣлъ, осязалъ дѣйствія этой незнаемой имъ силы, но ея, самой-то силы не понималъ. И вдругъ ему дается въ руки эта самая сила, онъ узнаетъ ее, самъ грамотится, въ судахъ, въ волости, въ земствѣ уразумѣваетъ эту силу. Возчувствовавъ это, онъ, этотъ пахарь-мужикъ, начинаетъ *мудрствовать*, старается по своему эксплуатировать это новое пріобрѣтеніе: дѣлается кулакомъ, ищетъ жизненной удачи въ примѣненіи этой силы въ жизни, дѣлается сутягою, пускается во всѣ тяжкія. «Такъ вотъ въ чемъ вся сила!»—разсуждаетъ онъ, «это и я могу не хуже другихъ». И дѣйствительно можетъ! Посмотрите, какъ скоро этотъ мудрствующій мужикъ понялъ законъ о томъ, что долгъ доказывается только письменнымъ документомъ, какъ ловко научился во избѣжаніе

платежа долговъ переводить свое имущество на родичей, давать дутые векселя и т. п. Многое онъ можетъ. Умѣетъ напримѣръ подписывать, не будучи грамотнымъ, свое имя и фамилію на векселѣ или роспискѣ съ вынутаго изъ кармана образца и послѣ увѣрять, что онъ не могъ подписываться по своей неграмотности; увѣряетъ, что его сына, котораго на самомъ дѣлѣ онъ-же заставлялъ подписаться на договорѣ, подарками прельстилъ подписаться за него его контрагентъ, помимо его о томъ вѣдома... А подлоги, а шантажи деревенскіе?! Это все дѣла прозрѣвшаго, начинающаго *мудрствовать* мужичка. Судъ въ его упрощенномъ видѣ тоже манитъ его. Въ средѣ крестьянъ развивается сутяжничество и при томъ съ полнѣйшею вѣрою въ то, что и самое неправое дѣло при умѣніи и ловкости можно выиграть. Онъ самъ при малѣйшемъ смеканіи судебной процедуры лично ведетъ процессы или старается закупить ту, не такъ давно еще непосредственно давившую его, грамотную силу—разнаго рода ех-чиновниковъ, стоящихъ не у дѣлъ, бывшихъ крючковъ, послугивается ими. Въ крайнихъ случаяхъ онъ становится больнымъ процессоманіей, въ лучшемъ разѣ онъ вѣритъ въ силу всякой шельмографіи: у него постепенно теряется традиція Соломоновской правды, замѣняясь вѣрою въ крючкотворство.

— Оце тоби четвертный (25 р. билетъ) и ще дамъ, мени не треба вже высужувать дила, а зроби тильки такъ, що ото у ёго (противника) есть витрякъ, такъ щобъ винъ ёго просудивъ, щобъ извився»... излагаетъ одинъ изъ тяжущихся свое желаніе адвокату.

— Это онъ, ваше высокородіе, меня за себя желаетъ *отговорщикомъ* поставить—свое недоуміе мене передать,—т. е. мнѣ передаетъ защиту дѣла по своему неумѣнію.

— Я вотъ, что хочу попросить тебя: купи ты мнѣ *законъ*,— просилъ одинъ крестьянинъ знакомаго грамотника. Что онъ будетъ стоить?

— Какой *законъ?*

— Да вотъ такой, какъ у тебя есть, этотъ размалёванный самый (судебные уставы изд. Анисимова, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ). У меня теперь внукъ грамотѣ обученъ,—я самъ стану судиться.

— Ничого не высудишъ, хоть и не судись; въ тебе клепки не стане перехитрить мене: не таки дила повертали, куды схотили.

Я уси уходы знаю, вразъ закручу тебе,—нагло увѣряетъ мудроватый хохолъ болѣе простоватаго противника.

Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько случаевъ, но ихъ-бы можно набрать массу въ подтвержденіе вѣры мужика въ крючкотворство, въ силу грамотности, въ возможность извернуться, обойти законъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ прибѣгаетъ къ уловкамъ, къ изворотливости, въ уголовномъ онъ прибѣгаетъ съ полною вѣрою къ защитнику. Въ томъ и другомъ случаяхъ ему присуща вѣра въ то, что при умѣніи можно выйти изъ воды сухимъ.

— Эхъ вы! Аблакаты! Вывозите!—кричитъ лихой ямщикъ на свою тройку, замявшуюся въ глубокомъ сугробѣ.

Пока еще, разумѣется, это только явленія, но въ нихъ нельзя не видѣть явленій, подтверждающихъ вполнѣ теорію Гл. Успенскаго о *мудрствованіи* мужика, выбивающагося изъ сферы *ржаного колоса*. И все это нечто иное, какъ цивилизація, какъ тоже самое извѣчное вкушаніе плода съ древа познанія добра и зла. Вся вина наша, общества-государства, въ томъ, что этотъ аппетитъ ко злу мы ничѣмъ не воздерживаемъ, ничѣмъ не развиваемъ вкуса къ добру. Гдѣ село цивилизованнѣе, тамъ и зла этого больше. А такъ какъ на югѣ воронежской губерніи малороссіяне культурнѣе великороссіянъ, то съ политическою грустью приходится сознаться, что хохлы здѣсь en masse порочнѣе москалей. Москаль, преимущественно пахарь, дичѣе хохла, а потому самому онъ примитивнѣе сохранилъ въ себѣ простоту, наивность, благодушіе селянина; онъ болѣе остался тѣмъ мужикомъ, къ которому мы въ 60-хъ годахъ простирали свои объятія.

Но тѣмъ не менѣе, повторяю, это все таки цивилизація, это истлѣваніе старыхъ формъ жизни и созиданіе новыхъ.

«Що було, те бачили, а що буде, побачимо». Нельзя не предугадывать того, что будетъ. Культура сдѣлаетъ свое—измѣнитъ понятія, взгляды, обряды и вѣрованія, передѣлаетъ весь строй жизни сельской вообще и жизни малорусскаго села въ частности. У москаля еще остается нетронутымъ крестьянскій костюмъ—нагольный тулупъ, лапоть, малахай, панёвка, самодѣльное бѣлье и сукно, кичка; но и у него уже по праздникамъ является кумачевая рубашка, китайчатые синіе портки, *хранцузская* шаль, покрывающая кичку или кокошникъ. У хохла этого уже мало: *пиддёвка* (крытые сук-

номъ, казинетомъ, трикомъ полушубки) замѣнили кожухи, *чосане* (лавочнаго сукна) пальта самодѣлковаго сукна—*халаты* и *черкески*, ситецъ—домашнее полотно и плахту, *гарнитурови* (шелковое) платки—очипокъ, *штиблеты*—черевики, *вытяжки*—прежній чоботъ. Не говорю уже про большія торговыя слободы, гдѣ уже въ ходу сюртуки, *шлейхи, панье, визётки, картузы* и даже зонтики и непремѣнно глубокія калоши, надѣваемыя на высокіе сапоги съ дутыми голенищами, не снимаемыя въ самую сухую погоду и даже въ комнатахъ. Только въ захолустныхъ, пахарскихъ слободахъ и хуторахъ у хохловъ остается простое сукно, нагольная или дубленая овчина, бѣлый домашній холстъ, очипокъ и изрѣдка, при черной работѣ, *дерга*, т. е. *запаска—охватъ*. У *необразованныхъ* осталась пѣсня, свадебный обрядъ, выставка красныхъ флаговъ, въ смылѣ доказательства дѣвственности *молодой, щедривка, посивання, колядка, кутя* на сочельникъ, *жарене порося* на Пасху. У *образованныхъ* торговыхъ слобожанъ молодежь не *посьваетъ*, не *колядуетъ*, у нихъ не *верещатъ* дружки, не ходятъ *колядуватъ*, стыдятся по простому заявлять о дѣвственности *молодои*. Между этими крайностями, разумѣется, можно-бы размѣстить много такого, что посредствовало-бы между той или другою формою, приближаясь или отдаляясь къ крайностямъ, но нельзя не замѣтить прогрессивнаго уничтоженія *старовины*, старыхъ обрядовъ и формъ жизни. Слободской-сельскій строй жизни переходитъ въ мѣщанскій и затѣмъ, какъ это я имѣлъ уже случай указать, говоря о Бутурлиновкѣ, въ купеческій и даже совершенно европейскій—цивилизованный.

Сношенія съ торговымъ людомъ, знакомство съ городами, облегченное желѣзными дорогами и возникшими потребностями бывать въ судѣ и земствѣ, ознакомленіе села посредствомъ своихъ новыхъ солдатъ со внѣ-сельскою жизнью—значительно измѣняетъ физіономію села. Новострояющаяся церковь уже не размалевывается своимъ доморослымъ маляромъ, а украшается работою болѣе умѣлыхъ живописцевъ и рѣзчиковъ. Въ сѣромъ селѣ можно еще видѣть передній уголъ хаты уставленнымъ иконами сельскихъ живописцевъ, можно еще примѣтить на иконахъ предковскія украшенія шитыми *рушниками*, барвинкомъ, любисткомъ и другими цвѣтами, но въ торговыхъ слободахъ, въ домѣ молодоженовъ, въ углу стоитъ икона въ ризахъ, хотя и фольговыхъ, и за стекломъ въ ней видны вѣн-

инструментѣ. Во время призыва нашъ городъ оглашается звуками гармоніи, аккомпанирующей пѣснямъ *гожихъ*, т. е. призываемыхъ парней. Въ слободскихъ церквяхъ всегда имѣются сносные хоры пѣвчихъ, а въ большихъ торговыхъ слободахъ, особенно въ базарныхъ церквяхъ, содержатся на счетъ церкви и общества хорошіе регенты.

И такъ, сводя итоги сказаннаго, нельзя не видѣть, что здѣшнее малорусское населеніе цивилизуется, грамотѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняясь общерусской культурѣ, утрачиваетъ свою національность. Проявленія обрусѣнія наиболѣе замѣтны въ людѣ торговомъ, промышленномъ. Здѣсь дѣлается тоже, что съ кіевскими старожилами, что можно встрѣтить въ мѣщанахъ южныхъ новороссійскихъ городовъ. Условія жизни тамъ и здѣсь неотразимо влекутъ къ такой культуризаціи; сѣрое пахарское село еще пока чисто малорусское, но и въ немъ нельзя не видѣть проявленій той-же руссификаціи, вліянія той-же культуры. Что-жъ, это существующій фактъ, это въ порядкѣ вещей! Одно непріятно поражаетъ въ этомъ явленіи: оно возникаетъ не изъ сознательнаго стремленія къ обрусѣнію, а изъ желанія только стать выше мужика, достигать положенія русскаго купца. Стараясь выйти изъ мужичества и передѣлываясь въ *купцивъ*, здѣшніе хохлы въ силу лишь этого отстраняются отъ родной рѣчи, обряда и обычая, а затѣмъ, чувствуя совершившуюся въ нихъ перемѣну, не знаютъ уже, какъ и назвать себя.

— Положимъ, что мы не великороссы, но ужъ и малороссами, простыми хохлами насъ нельзя назвать.

— А какъ-же васъ назвать?—спросилъ я.

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ *бѣло*россами: всетаки мы почище хуторскихъ хохловъ, необразованныхъ.

Бѣлая и черная кость, или одѣваться просто, черно и чисто, *бѣло*—вотъ источникъ этого слова: *бѣло*россъ, какъ видите, еще не додумался до объединяющаго слова *русскій*.

— Нѣтъ! Это пито! Давайте заспиваемъ нашой хохлацькой: «На всегда зъ друзьями ростаюся я...» или «Не бѣли снѣжки...» или «Взвейся пташка... Это все пѣсни *наши хохлацьки* потому, что ихъ не поютъ сѣрые москали, а поютъ хохлы *образованни*.

Да! эти хохлы потеряли сознаніе себя, своей національности и не доросли еще до распознаванія ея у другихъ.

Борисъ П—скій.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человѣкъ рано или поздно попадаетъ на свою полочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное, однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ мишурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и безпочвенныхъ знаменитостей на поприще общественной или литературной дѣятельности, что̀ выдвинуло ихъ на высоту, что̀ дало имъ имя и извѣстность. Многіе дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума, безъ прославленія. Слава ихъ выростаетъ впослѣдствіи при безпристрастной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и тормазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ ея глубины талантъ и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдаетъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вишни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія аѳонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ нестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сана, иноческой жизни и въ особенности иноческой одежды.

2) *Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224—227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроеній, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничествѣ отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробиваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унію*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказывается право міранъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміи, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный разсказъ о нападеніи латиновъ на аѳонскую гору слѣдующаго содержанія: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латины, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, поспѣшили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищѣ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ *«Зачапку мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію»* аѳонскаго инока Христофора. «Зачапка» извлечена издателемъ изъ рукописи кіевской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачапкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачапкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачапкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачапки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фигуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чого? для того»... тождественныя фигуры заключенія мысли: «о семъ доздѣ», тождественные эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латынниче» (въ ироническомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству самосохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятнѣе, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человѣкъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латиноуніатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежатъ еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старицѣ Домникіи* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсеньку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палинодіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., №№ 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открытые. Документальные памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аѳонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у вашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядками, привели Іоанна на Аѳонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аѳонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аѳонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтить со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аѳонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ разъясненій запутавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить, что ему не былъ закрытъ доступъ въ Украйну. Сколько-бы враговъ ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣрованіямъ, по политическимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ словомъ, личнымъ вліяніемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное посланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны, шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ настолько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и защиту можно было вполнѣ положиться. Іоаннъ Вышенскій приходилъ съ Аѳона въ Украйну, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова. Говоря о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Игнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ (въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время». При этомъ іеромонахъ Игнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ такимъ образомъ: «бяше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ мужъ и трудолюбенъ, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб., прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таинственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; соборъ кіевскій 1621 г. опредѣлилъ: «послать на аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишневскаго, и прочихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ» (Тернов., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ лучшіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной поддержки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ мудрости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званные не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кіевскую коллегію, какъ за найболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кіевскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Аѳонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патріотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались папа, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на южнорусское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обиталницы Малой Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ невѣрію и зло житіе принрагши». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссовъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ острупѣли есте, отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмраднѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все коэнь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущее-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ пластра приложити на исцѣленіе нѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и гееною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірнаго потопу, который-бы васъ погубити и искоренити могль, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на человѣчество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ разсказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взятъ. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные разсказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполнѣ удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-нравственной жизни народа и затѣмъ стоящія отъ нихъ въ зависимости явленія соціальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе посторонних, противныхъ православію вѣрованій народа. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедривки, волочебныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣстъ и селъ ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесеть.

Щедрій вечеръ изъ мѣстъ, изъ селъ въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдитъ, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши, утопите. Не хочетъ бо Христосъ при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле исшедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваетъ бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое діавольское очистити и изгнати моглъ.

Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ поганскій не знаходитъ.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попущаете діаволу ругатися вами зъ васъ же ся самыхъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеницы, на день ихъ чиненые па Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся только тое знаходити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое діавольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ,... прилагающе отъ своего

умысла что или отъимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ». Еретическихъ «забобоновъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полнаго простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Іисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышенскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распадалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папежникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индиферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтивостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ концѣ трапезы вашея пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеся рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенскомъ позорищѣ, ибо нашея вѣры таинства весь міръ вмѣстити не можетъ; иншіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, покланяться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись одновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхоленныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по обрисовкѣ личносии автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлянине, смѣеши зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же ми, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ каптуръ или страшило на головѣ носить,—што мы зовемо клобукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носить и не подголився, и зась простое одѣне носить, што некшталтовне, яко въ мѣхъ, оболокся, и зась поясище нѣкчемное скужаное или ременное, черевичище—не машъ на што поглядѣти, или чоботища невытертіи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простый, не знаетъ и проговорити съ чоловѣкомъ, коли его што запытаешь». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але зась речеши, яко зло житіе маютъ иноки, по корчмахъ ходятъ и упиваются, и по господахъ обѣды чинятъ, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднаютъ, и до того гроши збираютъ и на лихву даютъ». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо пшеница въ посѣваню ся знаходитъ, говоритъ онъ по этому поводу, але знайдешь другую ниву, которая больше куколю, нежели пшеницы народитъ. Также и межи иноки въ доспѣяню на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападокъ на православние монашестве, приводимыя малороссомъ-аѳонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю непривлядность монашескаго клобука, пояса, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назади—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотною не блудили, а «отъ мерзяки некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ременный поясъ убиваетъ «подъ ременемъ тѣлесныя кожи внутръ крыючіяся страсти, похоти и всякія прагненя грѣхолюбивыя, придавлюючи кожу кожею и моцно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носитъ, чтобы «безпечно на змію наступити и василиску голову сокрушить... Черевичище невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогды, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молитъ, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Іудами и христопродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишество въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звытяжитися, тому не мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и переночуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому небораковн въ мѣсяцъ разъ трафится напитися, и то безъ браку, що знайдстъ, горькое-ли, или квасное, пиво албо медъ, тое глоцетъ, только-бы тую поганку утробу насытити могъ, а по насыченю зась терпитъ, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такій праздникъ трафункомъ намѣритъ (т. е. случится)... А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфель оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознающи; онъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-уніатская мудрость—прелесть міра сего. «Тое признаваю, што еси реклъ, яко не вмѣетъ инокъ зъ дворапы, смѣхотворци, курцыапы шкурты и блазны (шутки) говорити, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожномовства уморилъ, убилъ и память тую мірскихъ справъ запамятанемъ погребъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслію и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣетъ бесѣдовати съ тобою: албо его пытаеши о борбѣ духу съ тѣломъ, албо его пытаеши о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаеши о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаешь о томъ, въ чомъ животъ вѣчный крыется?.. Чѣмъ же ся ты ругаешь съ инока, ижъ съ тобою не умѣетъ бесѣдовати? Албо мнимаешь, ижъ ты чого пожиточного въ замтузѣ научилъ? албо мнимаешь, ижъ ты што цнотливого у курвы слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты што богобойнаго отъ шинкарки навыкъ? албо мнимаешь, ижъ ты што разсуднаго отъ дудки и скрипки и фрюярника (польск. fryjer—волокита) разобравъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пищальника, шамайника, органисты, регалисты, инструментисты и бубенисты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешь, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возницъ или скачомудрецъ, кухаровъ или пирогохитрцовъ-пекаровъ што о богомысліи навыкъ? Чѣмъ ся ругаешь, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вмѣетъ съ тобою говорити? А што-жъ ты маешь за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою? А

чого-жъ ся инокъ отъ тебе научить?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателеви иноческого чина и чудуюся тому твоему несносному осѣдланю тымъ тяжкимъ и бременоноснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смієшь зъ инока, нижъ онъ не умѣеть съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаешь да говоришь»? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышутъ въ подномъ мѣстѣ опровержевія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и приниженнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортаноигратель, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младенецъ; еще еси мископій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матерной у дома сидячи, розознаты, розсудиты?... Я васъ упевняю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые каптуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко елина исчезнете и запустѣете».

«Терпитъ Богъ латину — тое таемницы не знаешь? спрашиваетъ далѣе Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не терпитъ, але змѣнниковъ русскихъ искореняетъ!» Разъ Господь терпитъ латину,—Вышенскій, можно думать, и не трогалъ-бы ее, не вступалъ-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не выступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братоненавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны человѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвопреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы обѣщаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ уніи; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическіе акты, чтобы дать церковной уніи каноническія и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подносили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабощенію южной Россіи, получали въ Римѣ религіозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзѣйшія проявленія угнетенія, насилія, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малоруссовъ гоненій: «сице нынѣ латина христіанамъ православнымъ творитъ, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, пріими его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще-же не хощете, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, властъ мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче-же и крывдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся обцѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папежникомъ волности единой да не иматъ; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попапежитъ; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ. Аще-же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хоцутъ, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, новый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еще не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и потопчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

По долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

молчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроеній и латино-уніатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды малочисленныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василіемъ, авторомъ небольшаго противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василіево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантазіи новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже написа». Содержаніе сочиненія Василія острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣснокахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣиная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачапкѣ» находится опроверженіе двухъ мнѣній Скарги: 1) «Греки словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливый есть костелъ латинскій, ижъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ внѣшней, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи [1]); при всемъ томъ они убѣдительны, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладывающіяся въ памяти; но самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (mit dem Blute des Herzens ùnd dem Safte der Neruen), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздился Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

---

[1]) Ученіе о Filioque отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мечтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводятъ въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою папѣ, и все стало быть теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на внѣшнее, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго. «Въ той .... книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») знашолъ есми яму глубокую, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, яму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знашолъ есми, который изривши его, самъ его ся вмѣтаетъ, тую глубину знайшолъ есми, съ которіи погрязнувшій николиже вернутися не можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мниманьемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препочиваетъ вѣка сего таинство, тая гордость, которая высокое чинитъ сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ преисполненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста кгвалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея»... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій даетъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тое возношеніе есть, который самаго себя быти лѣпшимъ, зацнѣйшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣетъ и наявно тое розумѣніе о себѣ гласомъ изъявляетъ». Какъ ни теменъ языкъ приведенныхъ мѣстъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго высокомѣрія во время Іоанна Вышенскаго были староͅжитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два краеугольные камня польско-латинскаго высокомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаетъ сильные перуны своего краснорѣчія противъ пановъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-иновѣрца. Предлагая православнымъ выбирать достойное лицо въ епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочетъ вамъ подати и не послухаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувша и онѣмѣвша; зане поставленъ судъ правый судити, а не своей вѣры прелести фалкговати» (содѣйствовать). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержащей власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіяне всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показываетъ, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждутъ власти мірскія,—они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластяхъ гноя тѣлеснаго погребаютъ, о размноженіи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбаютъ... Постраждутъ и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покаряются, обѣщницы татемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовицъ не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтеся, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межи ляхи князья русскіе всѣ поеретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, иноческій чинъ ругаютъ, лгутъ, клевещутъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства— высокомѣріе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышшими надъ своими подручными подданными ся почипили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещеные турки честнѣйшіе суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ якой-такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родятся». «Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазыяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ». Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облупленую голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымакглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, «косичку или перце заявши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ,

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и инишихъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая делѣя» и «алтембасовый копенякъ», провадящіе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой—дабы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдачѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живеши и самъ шинкарямъ еси корчмы запродаеши, людскія сумнѣня опоиваеши скупостью корчемнаго торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, и тое поганство видѣти не хощеши, и очи, суда себе не видѣти, зажмурилъ еси».

Римско-католическое и уніатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесь бо въ лядской землѣ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле нѣкогда Елзавелины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣруютъ». Высшее латино-уніатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженыхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесь-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жолнѣры, воины, кровопролійцы, купцы, медвѣдники, а утро попами, а поутру бискупами, а по утру утрешнемъ арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышеніе обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обычнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червоные, золотые) съ бѣлыми великими таляры, полталярками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендаримъ, похлѣбцямъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человѣкъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшетечнаго мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирець сто, или якъ ся трафитъ, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыцъ, другому зась тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыцъ; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ таляровъ, овымъ зась полталярковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыцъ, овому тыцъ и сему тыцъ, а писаредрачи южъ не бракують, и потройники съ грошами берутъ и дерутъ». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связанныя съ нею маетности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и снимали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чинили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ, лупите и съ гумна стоги и аборогы (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетеся, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво трoякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ!»... «Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вѣно*, приданое) готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обагачаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно разсчитывало «прагнене непасычоное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ пастырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію», говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латино-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свысока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en canaille, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожемяки, хлопы. «Якъ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровно съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такій-же, скажи ми; албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не тая-жъ желчъ хракотины, слина и тлѣніе; или ачей ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слюзу холопскаго; ознайми ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или паветь и золотый, только такій-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. «Ваши милости, обращается онъ къ уніатскимъ владыкамъ, обнажаете изъ оборы кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и оныхъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ,—которыхъ кровь, силъ и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не маютъ!» Іоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопахъ, которые «изъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть». Понятно, что Іоаннъ вполнѣ одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призвавшаго Анну и Каіафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомѣрія, гордости и нравственной распущенности латино-уніатовъ Іоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ снѣди», «во тьмѣ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская душа насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нынѣ поганскіе учители, жалуется Іоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣютъ». Очевидно, Іоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «краспомовнаго Аристотеля». Относясь вполнѣ отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Іоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Іоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучаютъ.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Іоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никоимъ

образомъ нельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципіально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачапкѣ», жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Вопервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ черного бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учатъ богомолебнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учатъ богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учатъ плачивый и смиренномудрый Охтаикъ, та-же конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполнѣ согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предусмотрѣно все главное въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служитъ, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачапкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-уніаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,— да знаешь запевно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творятъ. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для выразумѣня людского, по просту толкуйте и выкладайте».

Идеалъ Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ настойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не попы насъ спасутъ, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство нашей православной, храненіе заповѣдей Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеалъ общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отповѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: общій слогъ въ карванъ [1]), кто вдовица нищетою двѣ лепты, шелюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а наветь и сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожшее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшиломъ клобукомъ», въ «невытертыхъ черевичницахъ» скрывался вели-

[1]) Корвана — церковное казнохранилище въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ.—Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человѣкъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовнотворческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сливаясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ — аѳонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачапки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зась хто... на мене отъ зависти потваръ сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и ущипливе въ томъ писаню мовитъ, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научилея отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью, что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ риѳмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розсказанье и толстое отрыганье того вашего выкриканья, яко мы прелюбодѣйчицами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упевнистъ». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролитіе мечтательнаго мниманія (т. е. мнѣнія)»; «трупъ гласа папежскаго невѣрія, нагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унію); четверо-рогатые Іисусоругатели (іезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православнаго на католицизмъ—налетъ шершня на паутину; переходъ въ унію—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревци, мясочревохотный, безхристоприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буяетъ, хвалится, возносится, щедруетъ» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣльникать». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или источникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно истекалъ изъ желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славянскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусыть, пожитокъ, заховать, никчемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкій,—все слова хорошо извѣстныя. Въ Посланіяхъ и Зачапкѣ находится нѣсколько любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлопы простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидятъ» (стр. 242); нынѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи клѣти для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтемба-

совый копенякъ»—свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; alten-bazz—золотая матерія, Goldleinwand; кобенякъ, коренекъ—плащъ (Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV); «златоглавая делія»—епанча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная»—въ польскомъ языкѣ *szkuta*—барка, *komaga*—водоходное большое судно, «кермаши пирожные»—подарки, отъ польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, пиръ; «гмахъ копотовный»—большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малопонятныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Зачапкѣ относятся: выналѣзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагнене (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саколюбецъ (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (пятно), злюзнить (клеветать, хулить), стлумить (укротить, унять), огарь (ogier, жере-[illegible]цъ), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (chart, борзая собака), блазна [illegible]а (стойло, хлѣвъ), кундысъ (дворовая собака), бадавія [illegible]), валахъ (меринъ,—встрѣчается и въ малорусскомъ [illegible] прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыкгантъ [illegible]), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, экономъ), уфане (упованіе), встеклый (бѣшеный), хелпить (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукгловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Зачапки Іоанна Вишенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ большій интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Памвы Берынды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1].

XIII.

Будучи противниками поляковъ и турокъ, козаки въ тоже время являются поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ между этими двумя народами.

Если-бы не козаки на Украйнѣ, Польша была-бы безопасна со стороны турокъ, говорили поляки.

Если-бы не козаки, разсуждали турки въ свою очередь, Турціи не нужно было-бы заботиться о защитѣ своихъ приднѣстровскихъ колоній и береговъ Чернаго моря, она могла-бы всѣ свои усилія обратить на завоеваніе христіанскаго міра. Тогда могъ-бы создаться калифатъ, достойный пророка, всѣ короли платили-бы султану дань.. и въ то время, какъ вся Европа дрожала передъ турками, одни только козаки осмѣливались мечтать объ уничтоженіи гидры, засѣвшей въ Цареградѣ. Неустрашимость ихъ передъ турками выражается и въ пѣсняхъ, напримѣръ:

Та вже шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще серце козацькее
Не боиться туркивъ.

Побуждаемые угрозами султана, поляки пытались силою удержать козаковъ отъ походовъ на Черное море, и выстроили крѣпость у днѣпровскихъ пороговъ, но всѣ эти мѣры только раздражали

[1] См. мартовск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 437—464.

козаковъ. Неудивительно, что въ Польшѣ шли оживленные споры о мѣрахъ, какія должно принять противъ нихъ, такъ какъ организація, подобная козачеству, не могла быть терпима въ краѣ, гдѣ господствовали паны.

Шляхта роптала на произволъ козаковъ, а о своемъ собственномъ не хотѣла и слышать; войны турецкія приписывала козацкимъ набѣгамъ, а не вспоминала о своихъ походахъ на Молдавію и на Москву. Шляхтѣ все было дозволено, особенно въ мирное время. Такъ во время мира съ Турціей паны Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій доставили своему родственнику Могилѣ молдавскій престолъ и тѣмъ самымъ вызвали турецкую войну. Съ Москвою также былъ миръ въ то время, какъ Мнишекъ велъ своего зятя, самозванца Димитрія на московскій престолъ. Итакъ, не одно простое южно-русское козачество создавало затрудненія польскимъ королямъ: кромѣ козаковъ на Запорожьи и на Украйнѣ, были въ Польшѣ и вельможные козаки, какъ Потоцкіе, Корецкіе, Мнишки, Вишневецкіе и др., предпринимавшіе въ мирное время походы противъ сосѣднихъ государствъ на собственныя средства.

Для усмиренія козаковъ правительство назначило коммисію, которая собралась надъ рѣчкой Раставицей, ниже Паволочи, гдѣ стояло королевское войско. Коммисія поставила такія требованія: «козаки пообѣщаютъ и присягнутъ на томъ, что не только сами не станутъ тревожить султанскихъ владѣній, но и другимъ этого не дозволятъ и уничтожатъ свои морскія лодки. Отъ козаковъ не должны терпѣть вражды жители королевскихъ, церковныхъ и панскихъ имѣній, и изъ козацкихъ реестровъ будутъ исключены ремесленники, купцы, шинкари, войты, бурмистры, рѣзники, портные и т. п.; они должны подчиниться старостамъ, «державцамъ» и панамъ, на землѣ которыхъ живутъ. Кто не захочетъ остаться крѣпостнымъ у пана, долженъ удалиться изъ его имѣнія ко дню св. Иліи 1620 г.». Само собою разумѣется, что принятыя украинскими козаками условія не имѣли силы на Запорожьи; реестровые козаки избрали своимъ гетманомъ Бородавку, вслѣдствіе давленія со стороны поляковъ, которымъ желательно было сдѣлать противовѣсъ власти Сагайдачнаго.

Новая война съ Турціей дала возможность козакамъ возобновить ихъ морскіе походы; они опустошили побережье европейской Турціи и взяли богатый городъ Варну.

Въ 1621 г. посланъ былъ противъ турокъ коронный гетманъ Ходкевичъ, но силы его были слишкомъ ничтожны сравнительно съ турецкими; едва удалось собрать до 30,000 войска, да и тѣ бунтовались и расходились частью отъ страха, частью вслѣдствіе неуплаты жалованья и совсѣмъ разбѣжались-бы изъ лагеря, если-бы правительство не обратилось къ козакамъ для спасенія государства. Явившись съ 30,000 запорожцевъ, Сагайдачный удвоилъ силы Ходкевича, избавилъ поляковъ отъ страха и, благодаря ему, подъ Хотиномъ сломаны были турецкія силы. Но Сагайдачный былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ заключенъ миръ съ турками, при чемъ поляки обязались усмирить козаковъ въ награду за оказанную ими помощь; между прочимъ козакамъ строго воспрещалось отправляться на море и безпокоить татаръ и турокъ.

Но помимо мѣръ, принимаемыхъ противъ козачества, еще большія притѣсненія терпѣлъ весь южно-русскій народъ въ религіозномъ отношеніи. Со времени введенія уніи, принятой кіевскимъ митрополитомъ, православные до 1620 г. не получали себѣ отдѣльнаго митрополита, не стало также и епископовъ и некому было рукополагать священниковъ; но въ 1620 г. случилось важное событіе, удержавшее быстрые успѣхи полонизаціи. Проѣзжалъ въ Москву черезъ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. По просьбѣ гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго и представителей русской шляхты, патріархъ рукоположилъ имъ православнаго митрополита Іова Борецкаго и епископовъ въ Полоцкъ, Луцкъ, Владиміръ-Волынскій, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Такимъ образомъ въ каждой изъ этихъ епархій являются по два епископа, православный и уніатскій.

Возстановленіе православной іерархіи было тяжкимъ ударомъ польской пропагандѣ, для которой главнымъ условіемъ успѣха было именно отсутствіе православнаго духовенства. Разумѣется, такое нарушеніе королевскихъ привиллегій было очень смѣлымъ поступкомъ, но это была реакція, вызванная введеніемъ уніи. Король Сигизмундъ и всѣ ревностные католики были сильно раздражены этимъ фактомъ. Видя свои планы парализованными, король по

жалобамъ уніатскихъ епископовъ объявилъ новопосвященныхъ православныхъ іерарховъ самозванцами и отступниками; правительство требовало ихъ ареста и смертной казни, но король все таки принужденъ былъ терпѣть возстановленіе іерархическаго строя русской церкви, уступая ходатайству русскихъ пановъ и въ особенности требованіямъ гетмана Сагайдачнаго, пока нуждался въ козацкой помощи. Такъ Сагайдачному удалось склонить козаковъ къ участію въ хотинскомъ походѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство утвердило митрополита Борецкаго и православныхъ епископовъ въ ихъ епархіяхъ.

Козаки ненавидѣли поляковъ также, какъ и крестьяне, но они понимали, что самоуправленіе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной силы, а не отъ милости пановъ. Легко понять ненависть къ полякамъ крестьянъ—потомковъ тѣхъ козаковъ, которые сложили головы подъ Лубнами, но Сагайдачный умѣлъ примирять самыхъ непокорныхъ; политика его вполнѣ соотвѣтствовала современному положенію вещей.

Украйна лежала между двухъ враждебныхъ силъ; между тѣмъ какъ Польша стремилась къ моральному уничтоженію Руси, татары разоряли ее матеріально. Вести борьбу съ обоими врагами одновременно не было возможности, и Сагайдачному приходилось раздумывать, съ кѣмъ воевать раньше. Война съ невѣрными, у которыхъ томились въ неволѣ христіанскіе плѣнники, поминутно ожидая освобожденія отъ своихъ братьевъ, была главнымъ призваніемъ козаковъ; въ эту сторону имъ нужно было направить всѣ свои силы, по отношенію-же къ полякамъ слѣдовало сохранять оборонительное положеніе. Заслуга козачества для Руси состояла въ противодѣйствіи двумъ враждебнымъ силамъ, и Сагайдачный понялъ эту задачу. Онъ избѣгалъ вооруженныхъ столкновеній съ поляками, зная хорошо ихъ обычай—фактически отмѣнять то, что еще вчера было подтверждено юридически. Поэтому его мало занималъ вопросъ о количествѣ вписанныхъ въ реестръ козаковъ, такъ какъ и не вписанные отъ этого не страдали, и дѣйствительно всякій, бравшійся за оружіе, становился козакомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ: на сеймѣ варшавскомъ 1616 г. поляки даютъ торжественное обѣщаніе туркамъ усмирить козаковъ; въ слѣдующемъ году повторяютъ тоже обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а

въ 1618 г. обращаются къ козакамъ съ просьбою избавить отъ опасности московскаго плѣна королевича Владислава съ остатками польскаго войска; тоже повторилось въ 1621 г. и т. д.

При Сагайдачномъ поляки считаются уже съ козачествомъ, какъ съ силой и, пока нуждаются въ ней, до тѣхъ поръ Украйна пользуется отъ нихъ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но едва миновала опасность, какъ о заслугахъ козаковъ тотчасъ забываютъ; паны по прежнему настаиваютъ на постановленіяхъ раставицкой коммисіи и предлагаютъ козакамъ, недовольнымъ мѣстными порядками, уходить, куда захотятъ. Поэтому народъ съ давнихъ поръ направлялся въ степи и, чтобы не погибнуть, шелъ туда, гдѣ не было произвола человѣка надъ человѣкомъ, и куда сверхъ того привлекала добыча на счетъ невѣрныхъ. Но мало по малу эти выходцы очутились между поляками съ одной стороны и татарами съ другой. Куда-же теперь идти? развѣ изъ польской неволи попасть въ татарскую или турецкую. Оставалось на выборъ—или подчиниться польскому праву, или защищать до послѣдней капли крови древне-русское общинное право. Уже въ другихъ русскихъ областяхъ шляхта овладѣла и землею, и крестьянами и подавила своими законами общинное право, поэтому не хотѣлось ей оставить и Украйну съ ея прежнимъ внутреннимъ строемъ. Но паны не предвидѣли, сколько крови должно пролиться вслѣдствіе ихъ домогательствъ.

Казалось-бы по справедливости, что за помощь въ войнахъ: шведской, московской и турецкой козаки заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ право гражданства для своей вѣры и народности. Но не смотря на все это, Сигизмундъ III рѣшается искоренить въ предѣлахъ своего государства и православную вѣру, и ея защитниковъ козаковъ. Напрасно самъ королевичъ Владиславъ заступался за угнетаемыхъ козаковъ, Сигизмундъ не обратилъ вниманія на его ходатайство.—Наконецъ въ 1625 г. козаки отправляютъ депутацію на сеймъ для предъявленія своихъ требованій: 1) обезпечить свободу православной вѣры; 2) возвратить церкви и церковныя имѣнія, отданныя уніатамъ; 3) признать законнымъ поставленное іерусалимскимъ патріархомъ духовенство; 4) дозволить козакамъ жить въ коронныхъ и панскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства; 5) разрѣшить имъ собственный судъ, право завѣщать свое имущество и т. д. Сверхъ того, къ этимъ пунктамъ присоеди-

венъ былъ меморіалъ, перечислявшій всѣ обиды, какія терпѣли православные въ предѣлахъ Литвы и Короны.

Впрочемъ козаки не ограничивались одной юридической защитой своей вѣры; приходилось имъ отстаивать свои права и другимъ путемъ. Такъ напримѣръ, козаки убили кіевскаго войта Ходыку за то, что тотъ запечатывалъ православныя церкви. Въ то-же время, по совѣту митрополита Іова Борецкаго, отправлено было къ московскому царю посольство съ просьбой—принять козаковъ подъ свое покровительство; во главѣ посольства стоялъ луцкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ.

Этого не могло спокойно перенести польское правительство, и гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ усмирить козаковъ вооруженной силой. Потерпѣвъ пораженіе при Куруковскомъ озерѣ, козаки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обѣщали покориться. Заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго число козацкаго войска сводилось до 6,000; изъ нихъ тысяча человѣкъ должны были поочередно находиться за порогами, чтобы препятствовать переправамъ непріятеля. Строго запрещалось ходить на море, или какимъ-бы то ни было образомъ нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должны быть сожжены. Не вошедшіе въ реестръ козаки должны подчиниться старостамъ или панамъ.—Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1625 г. договоръ на урочищѣ «Медвѣжьи лозы» при Куруковскомъ озерѣ, и козаки присягнули на этихъ статьяхъ.

Нуждаясь прежде въ военныхъ силахъ, польское правительство при Сагайдачномъ допускало и большее количество козаковъ сравнительно съ установленнымъ реестромъ; теперь-же куруковская коммисія большинство изъ нихъ обращаетъ въ крѣпостныхъ. Съ этого времени является названіе *выписчиковъ*, т. е. козаковъ, выписанныхъ изъ реестра. Выписчики избрали себѣ особаго гетмана Тараса Трясила въ 1627 г.

Послѣ пораженія, понесеннаго козаками при Куруковскомъ озерѣ, усиливается притѣсненіе православной вѣры, церкви русскія остаются въ пренебреженіи, въ городахъ увеличивается число религіозныхъ процессовъ, православные подвергаются арестамъ и т. д. Таково было положеніе дѣлъ, когда польскія войска расположились на постой на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировали до того времени. Отсюда среди народонаселенія распро-

странился слухъ, будто польскіе солдаты присланы для искорененія православной вѣры и истребленія южно-русскаго народа; а пьяные солдаты, изъ ненависти къ схизматикамъ, съ своей стороны похвалялись уничтожить всѣхъ украинцевъ до самой московской границы.

Тогда гетманъ Тарасъ, выйдя изъ Запорожья, издалъ универсалъ, которымъ народъ украинскій призывался къ возстанію противъ поляковъ, и объявлялось, что всѣ желающіе могутъ поступать въ козаки; въ то-же время онъ отправилъ посольство къ коронному гетману съ требованіемъ, чтобы польскія войска не квартировали на Украйнѣ восточнѣе Бѣлой-Церкви и чтобы отмѣнены были куруковскія статьи.

Между тѣмъ распространившіяся въ народѣ опасенія вполнѣ подтвердилъ своими поступками коронный стражникъ Самуилъ Лящъ. На первый день Пасхи 1630 г. панъ этотъ вырѣзалъ поголовно все населеніе мѣстечка Лысянки безъ различія пола и возраста; жители искали спасенія въ церкви, но солдаты ворвались туда и всѣхъ истребили. Другой его отрядъ вырѣзалъ всѣхъ жителей мѣстечка Дымера. Понятно, что народъ убѣгалъ къ Тарасу, вокругъ котораго вскорѣ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, но войско это было не обучено и не вооружено.

Мы уже видѣли причины, усиливавшія составъ козацкаго войска; теперь-же къ прежнимъ контингентамъ прибавился еще одинъ. Принужденіе мѣщанъ къ принятію уніи, лишеніе ихъ магистратскихъ должностей, наказанія за сопротивленіе при опечатываніи церквей и отбираніи церковныхъ имуществъ и т. д.,—все это увеличивало количество бѣглецовъ.

Въ Переяславѣ сошлись всѣ козацкія силы, туда-же направился и Конецпольскій. Исходъ этой войны описываютъ различно, но свидѣтельства историковъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ сходятся въ одномъ, что Конецпольскій потерялъ подъ Переяславомъ больше войска, чѣмъ стоила ему трехлѣтняя шведская война. Наконецъ гетманъ Тарасъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ посла Пясочинскаго, извѣщавшаго Порту о томъ, что гетманъ козацкій и его старшина наказаны смертью.

Сигизмундъ III тѣшился мыслью, что ему удалось наконецъ обратить южно-руссовъ въ унію и католичество, и не замѣчалъ

въ своемъ ослѣпленіи, что навсегда разрознилъ своихъ подданныхъ, поселивши въ нихъ ненависть другъ къ другу по религіознымъ вопросамъ, ослабилъ Польшу путемъ пониженія культуры и приготовилъ могилу для государства, котораго онъ былъ королемъ. Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III въ первый разъ породило мысль о раздѣлѣ этого государства. Молдавскій господарь Михаилъ, поддерживаемый австрійцами и турками, подумывалъ уже о раздѣлѣ Польши, основываясь на ненависти малорусскаго народа къ брестской уніи. А между тѣмъ король не обращалъ вниманія на разстройство государственнаго организма, онъ всецѣло занятъ былъ диссидентами. Если признать, что упадокъ Польши начинается со времени Сигизмунда III, то спрашивается, чѣмъ-же вызвалъ его этотъ король? Исторія отвѣчаетъ: ввелъ унію.

XIV.

Смерть Сигизмунда III, случившаяся въ 1632 г., оживила подавленныя надежды русскаго народа. На провинціальный сеймъ въ Луцкъ съѣхались около двухсотъ волынскихъ дворянъ и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Остальные православные паны собрались въ Варшавѣ вокругъ Петра Могилы, явившагося въ качествѣ уполномоченнаго отъ митрополита Исаіи Копинскаго, и пытались юридическимъ путемъ принудить правительство къ возвращенію всѣхъ прежнихъ правъ и гарантій для православной церкви.

Главными дѣятелями православной партіи были въ то время: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Воровичъ. Они требовали уничтоженія всѣхъ предписаній, изданныхъ съ 1596 г. и направленныхъ въ пользу уніатамъ и во вредъ православнымъ, которыми не только стѣснялась свобода совѣсти, но и запрещалось православнымъ строить церкви, занимать магистратскія должности и т. п. Требовали полной свободы совѣсти какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и королевскихъ имѣніяхъ не только для лицъ, удержавшихся въ православіи, но и для тѣхъ, которые пожелали-бы оставить унію и возвратиться къ прежней вѣрѣ. Далѣе требовали права основывать школы и типографіи, права свободно издавать и читать книги, не содержащія въ себѣ ничего противъ короля и Рѣчи Поспо-

литой, чтобы никто изъ-за этихъ причинъ не привлекался ни къ духовному, ни къ свѣтскому суду, а чтобы, напротивъ, подвергался отвѣтственности каждый, кто причинитъ насиліе церкви, или будетъ препятствовать собраніямъ православныхъ. Требовали также, чтобы признано было законнымъ посвященіе кіевскаго митрополита патріархомъ, чтобы всѣ епархіи, коллегіи, типографіи и госпитали вмѣстѣ съ фундушами, назначенными для ихъ содержанія и захваченными уніатами, были возвращены православнымъ, чтобы всѣ опечатанныя церкви были открыты для православнаго богослуженія, а паны католики разрѣшили-бы своимъ православнымъ подданнымъ строить церкви въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ требовали, чтобы русскимъ духовнымъ властямъ возвращены были всѣ захваченные уніатами церковные акты и метрики, чтобы на будущее время всѣ спорныя дѣла между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разбирались не въ Римѣ, а смѣшаннымъ судомъ въ мѣстныхъ трибуналахъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ православные купцы и ремесленники пользовались равными правами съ католиками, наконецъ, чтобы шляхта православная не устранялась отъ должностей за свое вѣроисповѣданіе. Всѣ эти условія, по требованію православной партіи, должны быть внесены въ королевскую присягу.

Того-же самаго требовали для себя и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Послѣ долгихъ безплодныхъ споровъ православные съ диссидентами обратились къ посредничеству Владислава и, благодаря его вліянію, проэктировано было соглашеніе между уніатами и православными на слѣдующихъ условіяхъ: православнымъ возвращены будутъ кіевская митрополія со всѣми церквями и монастырями, за исключеніемъ Софійскаго собора и Выдубецкаго монастыря, львовская епархія со всѣми церквями и монастырями, не принявшими уніи, епархіи луцкая и перемышльская, когда сдѣлаются вакантными, архимандріи печерская и жидичинская, въ Литвѣ епархіи пинская и мстиславская, и вездѣ объявлена будетъ свобода богослуженія; останутся неприкосновенными братства, школы, семинаріи и госпитали съ правомъ открывать новые, а не-униты будутъ допущены къ занятію общественныхъ должностей въ городахъ; наконецъ прекращены будутъ всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ

унію, а прихожане не пожелаютъ къ ней пристать, церковь должна быть отдана прихожанамъ.

Впрочемъ, ни католики, ни православные не удовлетворились такими уступками; послѣднимъ хотѣлось, чтобы этотъ компромиссъ послужилъ только основаніемъ для дальнѣйшихъ уступокъ въ будущемъ.

На избирательномъ сеймѣ явились также послы отъ козаковъ, которые съ своей стороны жаловались какъ на притѣсненіе своей вѣры, такъ и на сокращеніе своихъ правъ. «Всѣмъ извѣстно, какія тяжкія обиды переносили мы въ царствованіе покойнаго короля. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ мы на каждомъ сеймѣ просили со слезами о неприкосновенности нашей древней церкви, но насъ постоянно обманываютъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса отъ сейма до сейма, до настоящаго времени. Паны украинскіе не желаютъ терпѣть козаковъ въ своихъ имѣніяхъ, и въ тоже время не даютъ намъ возможности удалиться, запрещая своимъ подданнымъ покупать наши дома и имущества, и т. д.».

Требуя полнаго уничтоженія уніи и терпимости для православныхъ, козаки обѣщаютъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, не жалѣть жизни для защиты отечества. Итакъ не православіе, а религіозная нетерпимость навлекла на Польшу грозныя опасности.

На избирательномъ сеймѣ опять возобновился религіозный споръ и когда православные депутаты отказались заняться другими вопросами, пока ихъ дѣло не будетъ покончено, рѣшено было, чтобы обѣ стороны избрали не заинтерессованное лице для третейскаго суда. Такимъ третьимъ лицемъ могъ быть одинъ королевичъ Владиславъ, кандидатъ на престолъ. Къ нему и обратились депутаты обѣихъ сторонъ; по просьбѣ ихъ Владиславъ согласился принять роль полюбовнаго судьи и пригласилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ. Судьи признали справедливыми уступки, означенныя въ меморіалѣ конвокаціоннаго сейма, и рѣшеніе ихъ утверждено избирательнымъ сеймомъ.

Послѣ избранія его королемъ, Владиславъ выдалъ православнымъ грамоту, въ которой ясно опредѣлялась данная православной церкви свобода. Каждому дозволялось переходить въ унію, или изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлено право избранія

епископовъ и митрополита, послѣдній долженъ получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; луцкая епархія должна быть отдана немедленно, а перемышльская и львовская послѣ ихъ освобожденія; въ Литвѣ должны быть учреждены епархіи мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ религіозные процессы прекращены, и наконецъ кромѣ всѣхъ уступокъ, означенныхъ въ меморіалѣ, кіевскому митрополиту возвращенъ и Софійскій соборъ. Уніатскому митрополиту предоставлена была власть только надъ уніатами и для его жительства назначенъ Выдубицкій монастырь. Послѣ всѣхъ этихъ компромиссовъ обѣ стороны обязаны были жить въ мирѣ и согласіи.

Новый король благосклонно относился къ козакамъ, помня ихъ услуги въ московскихъ походахъ и нуждаясь въ ихъ помощи для новой войны съ русскими, уже осадившими Смоленскъ.

Однако доброе расположеніе короля не могло защитить козаковъ отъ ненависти шляхты, которая усматривала въ нихъ элементъ, опасный для государства.

Какъ мы уже видѣли, взгляды и стремленія шляхты и козаковъ были діаметрально противоположны между собою. Шляхта считала землю своею исключительно собственностью и не могла понять своего существованія иначе, какъ съ подданными, съ панщиной и другими видами неволи. Напротивъ, козаки, а за ними и весь народъ, признавали землю собственностью того, кто первый занялъ ее для обработки. Находясь подъ властью козаковъ, народъ платилъ только подать въ войсковую казну, былъ вполнѣ свободнымъ и не испытывалъ никакихъ препятствій въ своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Хотя Владиславъ и уравнялъ въ правахъ православныхъ съ уніатами, но тѣмъ не менѣе свобода греко-восточной вѣры должна была остаться только на бумагѣ, такъ какъ на сторонѣ уніатовъ было почти все дворянство въ краѣ, между тѣмъ какъ за православіе стояла только небольшая часть шляхты и козаки, т. е. именно та часть народа, которая силилась только вырваться изъ неволи. Сверхъ того, такъ какъ сеймъ постановилъ одни церкви отдать православнымъ, другія уніатамъ, то потребовалась особая коммисія для выполненія этого дѣла; вмѣстѣ съ вопросомъ о церквахъ шелъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, приводившій къ спорамъ, въ

которыхъ одерживала верхъ та сторона, за которую стояло большинство шляхты.

Въ послѣдній день коронаціоннаго сейма была прочитана грамота въ пользу православныхъ; католики приняли ее съ большимъ раздраженіемъ.

И такъ примирительные пункты сейма и грамота короля Владислава IV, выданная русскому народу, не примирили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованія православной вѣры, такъ какъ въ государственномъ организмѣ Польши укоренилась иноземная, чуждая государственнымъ интересамъ, власть, которая стремилась наложить оковы на разумъ и совѣсть народа. Представителями этой власти было католическое духовенство и въ особенности іезуиты.

Едва изданы были вышеуказанные примирительные пункты, какъ тотчасъ поднялись протесты отъ всего католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства, а вслѣдъ за нимъ и вся клерикальная партія заявили, что никакія постановленія короля и сейма, направленныя въ пользу православныхъ, не могутъ имѣть законной силы до тѣхъ поръ, пока не получатъ утвержденія отъ папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица католическаго и уніатскаго духовенства послана была депутація къ папѣ Урбану VIII съ жалобою на распоряженія польскаго правительства, «нарушавшія права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ».

Владиславъ IV, ясно сознававшій, что интересы церкви не сходятся съ государственными интересами, которые въ свою очередь подвергаются опасности, напрасно старался убѣдить намѣстника св. Петра въ томъ, что возвращеніе русскому народу его религіозныхъ правъ основано на строгой справедливости, что въ противномъ случаѣ неизбѣжно должна вспыхнуть междоусобная война, и что наконецъ самое дѣло объединенія церквей подвергается опасности, если папа не утвердитъ пунктовъ, поставленныхъ сеймомъ для прекращенія религіозныхъ раздоровъ.

Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи de propaganda fidei, которая отвергла какъ сеймовыя постановленія въ пользу православной вѣры, такъ и королевскую грамоту къ русскому народу, объявивши ихъ противными всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Такъ были парализованы спасительныя для

Польши попытки Владислава IV, и унія, какъ и предсказывалъ этотъ король, римской политикой обрекалась на погибель, что вполнѣ подтверждалось дальнѣйшими событіями. Въ то-же время папскому нунцію въ Польшѣ предписывалось издать отъ имени апостольской столицы манифестъ, уничтожающій всѣ права, какія-бы ни были предоставлены православной церкви.

Вотъ почему въ то-же время уніатскій митрополитъ Рутскій получилъ на сеймѣ 1655 г. королевскую грамоту, обезпечивавшую уніатскимъ епископамъ все, что до того времени находилось во владѣніи уніатовъ, и предписывавшую, чтобы схизматики не имѣли ни одной церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогродкѣ.

Со времени введенія уніи и до смерти Владислава IV польское правительство издаетъ 10 конституцій въ пользу греко-восточнаго вѣроисповѣданія, но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій 1) потому, что католическое духовенство, ставившее церковь выше государства, не считало себя обязаннымъ подчиняться этимъ предписаніямъ, а 2) и потому, что всѣ конституціи касались одной только шляхты.

Православный панъ могъ, если хотѣлъ, въ своемъ имѣніи или староствѣ строить церкви и монастыри, покровительствовать духовенству и т. д; но для нетолерантнаго католика всѣ конституціи оставались безсильны, помѣщики по прежнему захватывали церковныя имущества и самыя церкви обращали въ уніатскія; въ городахъ одни католики избирались на магистратскія должности, а во Львовѣ православнымъ запрещено было не только участвовать въ городской радѣ, но даже заниматься торговлею и вписываться въ ремесленные цехи. Львовскій магистратъ не дозволялъ русинамъ ни спокойно жить, ни даже спокойно умирать [1]).

Въ 1634 г. воспитанники іезуитской коллегіи въ Луцкѣ напали на православный монастырь св. Креста, избили монаховъ, преподавателей, учениковъ и нищихъ въ госпиталѣ, разграбили кассу братства, затѣмъ разбивали дома, били хозяевъ и нѣсколько человѣкъ убили на смерть; но, не подвергаясь никакой отвѣтственности, хвастали своими подвигами, называя ихъ дѣломъ богоугоднымъ.

На пространствѣ всей русской территоріи возникло безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты подстрекають като-

[1]) Bandtke, t. II, str. 367.

ликовъ и уніатовъ доносить на православныхъ и обвинять ихъ въ оскорбленіи римско-католической вѣры; обжалованныхъ заковывали въ цѣпи и подвергали болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Дизуниты вынуждены представлять на сеймъ горькія жалобы на то, что законы, изданные при вступленіи Владислава на престолъ, не приводятся въ исполненіе и церковь православная страдаетъ по прежнему. Подобныя жалобы продолжаются до самаго 1648 г., но всегда остаются безъ послѣдствій.

Между тѣмъ какъ религіозный фанатизмъ мало по малу приводилъ государство къ паденію, ненормальность общественныхъ отношеній съ своей стороны неизбѣжно должна была привести къ тому-же результату.

Въ 1635 г. гетманъ Конецпольскій, въ видахъ укрощенія козаковъ, основалъ на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Въ іюлѣ того-же года козаки подъ предводительствомъ Сулимы возвращались изъ морскаго похода; замѣтивъ новую крѣпость, козаки бросились на нее, взяли приступомъ и вырѣзали весь гарнизонъ. Подымалось новое возстаніе.

Подъ знамена Сулимы пришли и реестровые козаки. Посолъ ихъ сказалъ запорожскому войску: «Ляхи хочуть выгубиты насъ усихъ до щенту; прыймить насъ до себе, то будемо разомъ бороныться». Самовольные козаки, не довѣряя реестровымъ, отвѣчали: «заприсягнить намъ, що не маете на думци ничого злого». Реестровые принесли присягу; вооруженный отрядъ ихъ, высланный Конецпольскимъ для прекращенія бунта и превосходившій числомъ войска Сулимы, вошелъ въ окопы. Вскорѣ они арестовали Сулиму съ пятью старшинами и выдали ихъ Конецпольскому, который отослалъ плѣнниковъ въ Варшаву, гдѣ они были казнены по требованію татаръ и турокъ. Послѣ того гетманомъ избранъ Томиленко. Конецпольскій получилъ приказъ размѣстить свое войско на постой въ Украйнѣ; солдаты выказывали въ отношеніяхъ къ народу большую жестокость и произволъ. Козаки съ своей стороны обращались съ жалобами къ королю и требовали уплаты слѣдуемаго имъ жалованья.

Въ это время крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, часто тревожившими Польшу своими набѣгами. При этомъ случаѣ онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ польскимъ пра-

вительствомъ, которое позволило козакамъ оказать ему помощь. Между тѣмъ какъ отрядъ смѣльчаковъ изъ запорожцевъ и выписчиковъ, подъ предводительствомъ Павлюка, отправился на помощь къ хану, оставшіеся дома послали на сеймъ депутатовъ съ жалобами и съ требованіемъ уплаты. Но и на этотъ разъ на свои жалобы козаки, какъ и всегда, получили неблагопріятный отвѣтъ съ извѣстіемъ, что прислана будетъ коммисія для разслѣдованія дѣла. Коммисія состояла изъ Станислава Потоцкаго и Адама Киселя.

Козаки требовали возврата Корсуня «на гармату», но съ своей стороны не соглашались отдать пушки, захваченныя въ Кіевѣ. Когда-же коммисія не могла успокоить козаковъ, Потоцкій обратился къ нимъ съ энергичною рѣчью: «Напрасно бунтуетесь, панове молодци; если-бы даже Рѣчь Посполитая нашлась вынужденною обнажить противъ васъ мечъ, она его обнажитъ и изгладитъ самое имя ваше». Такъ аргументировалъ польскій панъ, и свойственное его племени самомнѣніе не позволяло ему допустить и мысли о томъ, чтобы козаки могли подчиниться кому-нибудь другому.

Между тѣмъ Павлюкъ возвратился изъ похода и, узнавъ, что дѣлается на Украйнѣ, сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, забралъ пушки и увезъ на Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ универсалы, въ которыхъ значилось, «что никто, желающій быть козакомъ, не долженъ быть принуждаемъ къ подданству панамъ». Сочувствіе къ Павлюку возрастало и среди реестровыхъ, часть ихъ низложила Томиленка съ уряда и выбрала на его мѣсто Савву Кононовича; Конецпольскій утвердилъ выборы, но утвержденіе уже не застало Кононовича въ живыхъ, такъ какъ Павлюкъ, услыхавъ о переворотѣ, захватилъ Савву и нѣкоторыхъ старшинъ; по козацкому обычаю имъ прочитанъ приговоръ за измѣну ихъ козацкому дѣлу, послѣ чего они были казнены. Та-же самая рада, что судила Кононовича, объявила гетманомъ Павлюка, которому подчинился и Томиленко.

Убѣдившись, что поляки вмѣсто того, чтобы при помощи козаковъ держать турокъ въ повиновеніи, предпочитали покупать данью ихъ дружбу, чтобы имѣть возможность всѣ свои силы обратить противъ козаковъ, Павлюкъ разсылаетъ универсалъ, призывая народъ къ оружію, оставляетъ на Украйнѣ чигиринскаго полковника Скидана, а самъ отправляется на Запорожье собирать силы. Между

тѣмъ Конецпольскій приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стягивать войска, которыя впрочемъ бунтовались, не получая жалованья. Время было весьма удобное для успѣшнаго нападенія на поляковъ и козаки съ нетерпѣніемъ ожидали Павлюка; но онъ напрасно потратилъ время, трактуя съ ханомъ о помощи. Ханъ отказалъ въ содѣйствіи, а между тѣмъ правительство дозналось о планахъ Павлюка.

Рѣшительная битва поляковъ съ козаками произошла подъ Кумейками. Вытѣсненные изъ лагеря, козаки окопались вблизи мѣстечка Боровицы; Потоцкій далъ отдыхъ своему войску, а козакамъ послалъ универсалъ, въ которомъ именемъ короля обѣщалъ прощеніе, если они покорятся и будутъ просить милости. Между тѣмъ въ козацкомъ лагерѣ происходили несогласія. Полковники Скиданъ и Чечуга, видя свое дѣло проиграннымъ, ушли изъ лагеря въ надеждѣ сохранить себя на будущее время. Между тѣмъ появились универсалы Потоцкаго и письмо Киселя; реестровые забунтовались, сваливая всю вину на Павлюка, который подстрекнулъ ихъ, а самъ ушелъ въ Сѣчь и потерялъ удобное время. Нашлись ораторы, говорившіе, что слѣдуетъ выдать Павлюка и тѣмъ загладить свою вину передъ правительствомъ; этихъ послѣднихъ удерживалъ Гуня, распорядительности котораго козаки обязаны были своимъ спасеніемъ подъ Кумейками.

Когда Потоцкій приблизился къ Боровицѣ, реестровые козаки выдали Павлюка, Томиленка и Ивана Злого. Послѣ того имъ приказано было собраться на раду, сюда явились коммисары, вычитали козакамъ ихъ вины, объявили утрату прежнихъ правъ, низложили старшину и назначили новую. Козаки принуждены были дать письменное обязательство, скрѣпленное присягою, въ томъ, что будутъ повиноваться правительству, прекратятъ морскіе походы, сожгутъ лодки и т. д. Грамота эта, подписанная въ числѣ прочихъ и Хмельницкимъ, ставшимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того во главѣ козачества и всего русскаго народа, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, до какой степени безсильны всевозможные договоры, если они заключаются вопреки естественной логикѣ фактовъ и вопреки законамъ историческаго развитія.

По усмиреніи возстанія, Потоцкій отправился для наказанія крестьянъ въ свое имѣніе Нѣжинъ, гдѣ также подымались волне-

нія; нѣсколько дней продолжалась экзекуція, послѣ чего, проѣзжая черезъ Кіевъ, Потоцкій приказалъ посадить на колъ полковника Кизима съ сыномъ. Павлюкъ, Томиленко и Иванъ Злый съ двумя товарищами въ цѣпяхъ доставлены въ Варшаву и здѣсь казнены, не смотря на усиленное ходатайство Киселя о дарованіи имъ жизни. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ; я поручился, что республика оставитъ имъ жизнь; если теперь они будутъ казнены, народъ утратитъ довѣріе какъ къ поручителю, такъ и къ самому правительству». Однако заступничество его не помогло.

Послѣ казни Павлюка сеймъ варшавскій 1638 г. опредѣлилъ уничтожить всѣ права и привиллегіи, какими пользовались еще козаки, ихъ самихъ обратить въ крѣпостныхъ и принудить къ уніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановили овладѣть Запорожьемъ и организовать въ немъ постоянную стражу, которая не допускала-бы скопленія бѣглаго люда для морскихъ походовъ и возмущенія Украйны; что же касается реестровыхъ козаковъ, то имъ хотѣли поручить охрану днѣпровскихъ бродовъ, поставивъ ихъ сперва въ зависимость отъ короннаго гетмана, который долженъ былъ держать ихъ въ повиновеніи посредствомъ назначаемаго имъ самимъ коммисара и т. д.

Коммисары прибыли на Украйну, привели козаковъ къ обычной присягѣ: повиноваться правительству, не ходить на море, не созывать черной рады, никого не принимать въ свои ряды; два полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ полковника Мѣлецкаго, назначеннаго коммисаромъ, отправлены на Запорожье съ предписаніемъ выгнать бѣглецовъ и остаться въ качествѣ пограничной стражи.

Между тѣмъ польскія войска занимаютъ и лѣвый берегъ Днѣпра и безчеловѣчно обращаются съ народомъ: повсюду торчали висѣлицы и колы. Народъ толпами бѣжалъ отъ притѣсненій въ московское государство, гдѣ украинцы получали достаточно земли для поселенія; иные по прежнему уходили въ Сѣчь.

Въ мартѣ 1639 г. полковникъ Мѣлецкій, приблизившись къ границамъ Запорожья, послалъ козацкихъ старшинъ объявить запорожцамъ королевскую милость и потребовать выдачи Скидана, Чечуги и другихъ предводителей, ушедшихъ изъ-подъ Боровицы. Въ отвѣтъ на эти требованія запорожцы арестовали пословъ. Мѣлецкій попробовалъ было употребить въ дѣло оружіе, но вскорѣ убѣдился, что

реестровые козаки весьма неохотно шли противъ своихъ братьевъ, а часть ихъ прямо перешла на сторону запорожцевъ. Въ виду необходимости защиты запорожцы выбрали новаго гетмана, Острянина.

Весною того-же года Острянинъ и Скиданъ вышли въ Украйну: козаки одержали сперва побѣду подъ Голтвой, затѣмъ встрѣтились съ поляками у Жовнина. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, поляки прорвали козацкій таборъ, отняли четыре орудія и множество возовъ съ провіантомъ. Острянинъ съ частью конницы успѣлъ переправиться вплавь черезъ р. Сулу и уйти. Этимъ пораженіемъ оканчивается военная дѣятельность Острянина. Козаки тотчасъ выбрали предводителемъ Гуню и продолжали отстрѣливаться въ лагерѣ, отражая всѣ приступы Вишневецкаго въ надеждѣ вскорѣ получить изъ-за Днѣпра подкрѣпленіе отъ Скидана; но узнавши, что на помощь полякамъ идутъ свѣжія силы, сняли лагерь и, отстрѣливаясь шагъ за шагомъ, направились къ югу и окопались при впаденіи рѣчки Старицы въ Днѣпръ, въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ теченіи шести недѣль продолжалась осада, сопровождавшаяся постоянными стычками; положеніе козаковъ становилось все болѣе критическимъ; начались переговоры о мирѣ,—Гуня наконецъ соглашался сдаться на милость короля. Это одно доказываетъ уже, что козаки подымали оружіе не противъ короля, а противъ распоряженій польской шляхты и сеймовъ.

Начавъ переговоры о мирѣ, Гуня разсчитывалъ на подкрѣпленіе, которымъ предводительствовалъ Филоненко, но поляки тоже своевременно узнали о приближеніи этой помощи и выслали свои отряды, чтобы разбить подходившихъ козаковъ или по крайней мѣрѣ не допустить ихъ соединиться съ осажденными. Правда, Филоненку удалось прорваться въ козацкій лагерь, но въ схваткахъ съ поляками онъ потерялъ столько провіанта и аммуниціи, что оставшихся въ цѣлости припасовъ едва могло достать на два дня. Не оставалось другаго исхода, какъ снова заключать договоръ съ поляками, но Гуня уже не принялъ въ немъ участія—онъ ушелъ изъ лагеря вмѣстѣ съ Филоненкомъ.

Козаки отправили пословъ къ королю съ просьбою о мирѣ. 4 декабря польный гетманъ созвалъ ихъ на урочище «Масловъ Ставъ» для выслушанія отвѣта короля и Рѣчи Посполитой. Отвѣтъ былъ короткій: козаки лишаются всѣхъ прежнихъ правъ, въ томъ

числѣ и права избранія своихъ старшинъ, а вмѣсто выборнаго гетмана и прочей старшины, отнынѣ будутъ получать назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ изъ шляхты.

Между тѣмъ Острянинъ и Гуня удалились въ предѣлы московскаго царства; съ ними ушло также значительное количество козаковъ, селившихся хуторами на плодородной равнинѣ нынѣшней харьковской и курской губерній.

Послѣ усмиренія козацкаго возстанія шляхта обратила всю свою месть противъ народа, но и реестровому козачеству пришлось немногимъ лучше; полковники и коммисары присваивали въ свою пользу ихъ жалованье, обращались съ козаками, какъ со своими подданными и обогащались на ихъ счетъ.

Между тѣмъ на Украйнѣ начинаетъ устанавливаться новый экономическій распорядокъ, знатные магнаты, какъ Вишневецкіе, Конецпольскіе, Калиновскіе, Потоцкіе и др. получаютъ въ собственность огромные участки земли. По свидѣтельству Боплана, онъ основалъ для одного только коронпаго гетмана сто селъ на территоріи бывшихъ свободныхъ козацкихъ поселеній; козакамъ запрещено было даже занятіе рыбной ловлей и охотой въ новыхъ панскихъ имѣніяхъ, а по мѣрѣ ихъ распространенія водворялись въ краѣ іезуиты и распространялась унія. Однако занятіе обширныхъ пространствъ панами, вмѣсто желаннаго спокойствія, послужило залогомъ новыхъ неурядицъ въ будущемъ. Для того, чтобы имѣнія могли приносить доходы, они нуждались въ рабочихъ силахъ, которыя можно было привлечь только обѣщаніемъ льготъ на продолжительные сроки, по истеченіи которыхъ они становились поводомъ къ новымъ волненіямъ.

Мы видѣли, что кромѣ мѣщанъ и козаковъ и среди высшаго класса на Руси находились люди, подымавшіе свой голосъ на защиту своей вѣры и народности, но заступничество ихъ дѣлалось все рѣже, пока наконецъ совсѣмъ не прекратилось. Правда, среди русской шляхты были еще люди, преданные православію, но двойственность стремленій дѣлала ихъ неспособными къ энергичному протесту; между тѣмъ какъ симпатіи религіозныя могли связывать ихъ съ русскимъ народомъ, соціальныя выгоды привлекали ихъ на польскую сторону. Въ результатахъ получались жалобы отъ лица русской шляхты, но мы не встрѣчаемъ въ исторіи никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій, никакихъ жертвъ съ ихъ стороны на пользу православія. При возрастающихъ козацкихъ волненіяхъ многіе изъ русской шляхты, для сохраненія своей жизни и имущества, находились вынужденными или пристать къ козачеству, или сдѣлаться поляками, т. е., отрекшись отъ своей народности, принять католичество, чѣмъ только и обезпечивались для нихъ права польской шляхты и открывался путь къ полученію староствъ и другихъ должностей.

Отсюда происходило также, что по мѣрѣ того, какъ народное возстаніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры и грозитъ большимъ опустошеніемъ края, измѣняется и смыслъ сеймовыхъ постановленій; въ постановленіяхъ этихъ мѣстные дворяне уже не трактуютъ ни о русской народности, ни о православной вѣрѣ, напротивъ, заявляютъ себя ревностными католиками. Правда, волынское дворянство проситъ еще о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но руководится въ этомъ случаѣ уже не преданностью вѣрѣ предковъ, а только желаніемъ предотвратить новое народное возстаніе.

Такая перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, какъ быстро шла полонизація русской шляхты, благодаря постановленіямъ, правамъ и привиллегіямъ, какими пользовались одни католики, въ особенности-же благодаря іезуитскому воспитанію; съ перемѣною религіи русскіе паны утрачивали и свою народность, усвояя польскій духъ и языкъ, нравы и обычаи; принявъ католичество и пользуясь всѣми правами, они уже считали себя поляками.

Правда, со времени введенія уніи въ русскомъ обществѣ появилось было стремленіе поднять русскую уніатскую церковь, а съ нею вмѣстѣ и русскую народность; желая парализовать православіе, хотѣли было создать новое русское просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ религіозное, но это направленіе явилось уже слишкомъ поздно для ополяченнаго зажиточнаго класса. Въ польской Руси трудно уже было представить себѣ лицъ, по происхожденію и состоянію принадлежащихъ къ высшему классу, иначе какъ съ польскимъ языкомъ и польскими правами. Подчиняясь польскому вліянію, этотъ высшій классъ уже не нуждался въ прежнихъ традиціяхъ и относился свысока ко всему русскому.

Простой народъ хотя и огорчался униженіемъ вѣры своихъ предковъ, но, какъ сословіе безсильное и безправное, ничѣмъ не могъ помочь горю и съ теченіемъ времени могъ-бы забыть прежнюю религію. Въ свою очередь и мѣщанство также не имѣло нужныхъ силъ для того, чтобы самому оказывать вѣское сопротивленіе, и потому, въ силу естественнаго хода вещей, современемъ все было-бы окатоличеннымъ и ополяченнымъ. Но, къ неудовольствію католиковъ и поляковъ, подымается противъ нихъ вооруженное козачество— цвѣтъ и матеріальная сила русскаго народа.

Время доказало, что унія, придуманная первоначально для привлеченія высшаго сословія, не понравилась ему,—паны предпочитали просто сдѣлаться католиками; въ концѣ концевъ оставался для обращенія въ унію только простой народъ, который прежде не имѣлся въ виду; вотъ почему новая вѣра и не могла пользоваться такимъ почетомъ, какъ вѣра пановъ. Итакъ, съ теченіемъ времени, католическая пропаганда начинала уже достигать намѣченной цѣли— русская шляхта подчинилась ей и ополячилась. Переманивъ на свою сторону такіе вліятельные русскіе роды, какъ Жолкевскіе, Сапѣги, Чарторыйскіе, Реи и, что еще хуже, такихъ ученыхъ, какъ Саковичи, Смотрицкіе и др., Польша, повидимому, отняла у Руси все, что составляло самый прочный жизненный элементъ соціальнаго организма. Въ дѣйствительности-же оказалось, что она украсила свой латинскій бытъ только свѣжими вѣтвями русскаго дерева, между тѣмъ какъ корни и стволъ его остались невредимы и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ въ состояніи были дать новые побѣги и цвѣты. Вотъ почему католическая пропаганда не могла уничтожить русскаго народа, какъ не могла къ нему привиться. Только разладъ становился сильнѣе, такъ какъ дворянство, отрекшись отъ своей вѣры и народности, порвало внутреннюю моральную связь съ русскимъ народомъ, сдѣлалось чуждымъ по отношенію къ нему, а власть, какую оно сохранило надъ мѣстными крестьянами, получаетъ характеръ иноземнаго господства. Отказавшись отъ своей національности, русскіе паны перестаютъ быть представителями русскихъ интересовъ и теряютъ свои національныя и политическія традиціи.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на свое прошлое и тѣмъ, какъ

онъ относился къ своему настоящему. Только забвеніе своего прошлаго или, что тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ было причиной перехода южно-русскаго общества отъ русскаго элемента къ польскому, отъ собственнаго центра къ чуждому. Однако, несмотря на всѣ препятствія, естественный ходъ народной жизни южно-русскаго края не прекратился. Связь Руси съ ея прошлымъ опиралась не на шляхтѣ, не на Смотрицкихъ или Саковичахъ, она поддерживалась русскимъ народомъ и его представителями—Могилами, Борецкими, Вышенскими. Они-то и спасли русскую національную самобытность.

Причины, вызывавшія полонизацію русской шляхты, не имѣли вліянія на всю народную массу. Въ то время, какъ верхніе слои русскаго общества превращаются въ польскій элементъ при посредствѣ католической культуры, низшіе слои, при всей своей бѣдности и необразованности, не обрываютъ связи съ тѣмъ, что создало русскую жизнь еще во времена дотатарскія, они по прежнему остаются *русскимъ* народомъ, свято охраняющимъ основы своей національной самобытности—языкъ, вѣру предковъ и, по мѣрѣ возможности, общинное устройство.

Послѣ отпаденія дворянства мѣщане вмѣстѣ съ убогимъ духовенствомъ остаются защитниками края и вѣры во имя Руси. Благодаря своей стойкости, мѣщанство послужило твердымъ оплотомъ въ дѣлѣ обороны русской народности и если гдѣ нибудь, то прежде всего въ Кіевѣ, олицетворяло собою русскій народъ среди польскаго. Не на шляхту кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрятъ теперь православные жители Вильны, Полоцка, Могилева, Луцка, Львова и др. съ готовностью подражать имъ въ трудныхъ случаяхъ. Центръ тяжести національной жизни фактически перемѣстился въ Кіевъ—центръ Украйны. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему впослѣдствіи унія, съ цѣлью привлеченія мѣщанъ, начинаетъ искать прозелитовъ среди городскихъ ремесленниковъ и, будучи прежде доступной только для лицъ высшаго сословія, начинаетъ съ теченіемъ времени возвышать людей низкаго происхожденія, какъ напримѣръ Іоасафата Кунцевича.

Кромѣ церкви православной, представителями которой являются духовенство и мѣщанство, на защиту русскаго дѣла, какъ мы видѣли, подымаются прежде всего козаки. Хотя обѣ эти стороны и

не всегда соображались другъ съ другомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣе шли въ одномъ направленіи и къ одной цѣли. Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертью князя Константина Василія Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры; легальные протесты оставались безъ послѣдствій, отъ короля тоже нельзя было ожидать никакихъ уступокъ,—выведенный изъ терпѣнія народъ долженъ былъ искать другой поддержки. И вотъ онъ начинаетъ группироваться вокругъ козацкихъ гетмановъ, пока наконецъ не подымается цѣлою массою подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить тотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ русскою шляхтою путемъ сеймовыхъ совѣщаній. Такъ протестуетъ Русь сперва при посредствѣ своего дворянства, затѣмъ при посредствѣ мѣщанскихъ корпорацій и наконецъ переноситъ духъ оппозиціи противъ польщизны въ козацкія громады. Такимъ образомъ козакамъ суждено было сдѣлаться борцами за русскую народность противъ Польши, защитниками православія, поборниками свободы и независимости южной Руси.

Послѣ неудачнаго возстанія подъ предводительствомъ Острянина и Гуни казалось, что силы козачества и всей Руси сломлены, и Украйна должна утихнуть; но прошло всего лишь десять лѣтъ, и вспыхнуло возстаніе цѣлаго народа.

Какъ мы уже видѣли, послѣ подавленія возстанія 1638 г. козакамъ объявлено отъ польскаго правительства, что они навсегда теряютъ право избирать гетмана и старшину, подъ страхомъ смерти запрещалось имъ плавать по Черному морю или уходить на Запорожье. Сожжены козацкія чайки, артиллерія отобрана, въ старшины надъ реестровыми козаками назначены лица изъ польской шляхты, а вмѣсто гетмана присланъ польскій коммисаръ. Теперь вольные слобожане обращены въ панщинныхъ крестьянъ, а на свободныя общины старосты возлагали обязанность охраненія границъ; сверхъ того старосты захватываютъ въ свои руки всѣ найболѣе обильные источники городскихъ доходовъ, мѣщане становятся въ подчиненіе владѣльцу города; подобно тому, какъ въ королевскихъ городахъ они находились въ зависимости отъ короля, въ панскихъ признавались подданными пановъ. Съ той поры гнетъ

польскій всею своею тяжестью ложится на Украйну. Тихо и безъ протеста склонилъ свои головы русскій народъ; развѣ только тотъ, кто былъ посмѣлѣе, предпочиталъ скитаться по степямъ, или, оставивъ все родное и дорогое, уйти на Запорожье; но и сюда достигала уже рука правительства.

Такое положеніе дѣлъ въ теченіи десяти лѣтъ держалось по всей русской землѣ; но самому тяжелому гнету подпало то сословіе, которое стало во главѣ народа и которое могло, какъ того и справедливо опасались, разрушить шляхетскіе порядки и ввести народнообщинные. Вельможные паны и шляхта съ пренебреженіемъ смотрѣли на козака-хлопа, а козачество, еще недавно свободное и почти равное шляхетскому сословію, а теперь закрѣпощенное, думало объ улучшеніи своей участи и обсуждало въ подробностяхъ средства для возврата къ прежнему состоянію.

Лѣтопись Самовидца[1]) такъ отзывается о причинахъ, вызвавшихъ войны Хмельницкаго: «начатокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе; тогда бо онымъ не хотячи, чого не звикли были, панщини робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами въ городѣ до хандоження коней старостове держали, въ дворахъ грубу, то есть печи топити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ незносныхъ дѣлъ приставляли. Знову зась которие зоставали козаками реестровимы, а надъ оными полковникове шляхта панове отъ гетмана коронного насиланніи были, которіе-бъ объ ихъ волности бинамнѣй не дбаючи, але, яко могучи, оныхъ мѣрали, легце поважаючи; плату которая постановлена была на козаки отъ короля его милости и Рѣчи-Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрали, зъ сотниками дѣлячися; бо сотниковъ не козаки оббирали и настановляли, але полковники кого хотѣли зъ своеи руки, жебы онимъ зичливими были. Такъ-же полковникове козаковъ до всякои домовои незвичайнои роботы пристановляли; въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у татаръ коня доброго, того отоймутъ; знову зась, хочай бы якого язика татарского поймали козаки, то зъ языкомъ татарскимъ, на кого ласкавъ

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 3—4.

полковникъ, якого жолнѣра своего высилаетъ до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляютъ» и т. д.

Итакъ горючаго матеріала слишкомъ много собрано было на Украйнѣ. Государство, изъ-за религіознаго вопроса лишившее всѣхъ правъ производительную массу народную, т. е. большую часть народонаселенія, неизбѣжно должно было очутиться въ борьбѣ съ нею и подвергнуться ея ударамъ. Неудивительно поэтому, что на призывъ Хмельницкаго подымается весь южно-русскій народъ.

Желая удержать козаковъ отъ избранія гетмана, польское правительство само назначаетъ одного изъ старшинъ козацкихъ, Барабаша, наказнымъ гетманомъ въ зависимости отъ коронпаго, а генеральнымъ писаремъ—Богдана Хмельницкаго. По совѣту этого послѣдняго Барабашъ дѣлаетъ представленіе королю о всѣхъ притѣсненіяхъ; король съ своей стороны дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ представленія въ сенатъ, но безуспѣшно. Тогда король отвѣтилъ козакамъ: «вы сами рыцари, имѣете ружья и сабли, и можете сами защищать свои права; я-же вамъ не могу помочь».

Въ это самое время случилось, что чигиринскій подстароста Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣкой и мельницей на урочищѣ Суботовѣ, взялъ его жену и избилъ сына, отъ чего тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій также искалъ правосудія въ Варшавѣ, но тамъ его осмѣяли. Возвратившись на Украйну, Хмельницкій задумалъ было отомстить панамъ войною, но былъ схваченъ Потоцкимъ и приговоренъ къ смертной казни; онъ успѣлъ бѣжать въ Сѣчь, но, не чувствуя себя въ безопасности и тамъ, принужденъ былъ уходить дальше на низъ Днѣпра и наконецъ въ Крымъ.

Что не одна личная обида послужила причиною къ войнѣ, доказываютъ слова Хмельницкаго на радѣ въ Запорожьѣ: «оскорбляютъ святую вѣру, почтенныхъ епископовъ и монаховъ лишаютъ насущнаго хлѣба: ругаются надъ священниками; іезуиты преслѣдуютъ вѣру нашихъ предковъ, а уніаты пристаютъ съ ножомъ къ горлу. На сеймахъ издѣваются надъ нашими просьбами и отвѣчаютъ на нихъ презрѣніемъ. Мало того, что безъ повода угрожаютъ нашей жизни, войска подъ предлогомъ усмиренія безпорядковъ ходятъ по селамъ и нерѣдко разрушаютъ до основанія цѣлые города, какъ-бы намѣреваясь истребить все наше племя...

А въ довершеніе всѣхъ этихъ мученій отдали насъ въ неволю проклятому жидовскому племени»[1]).

Всѣ возстанія, бывшія до Хмельницкаго, уже по тому одному не имѣли желаннаго успѣха, что козаки заботились исключительно о своихъ правахъ, оставляя въ сторонѣ народные интересы. Сознавая эту слабую сторону и желая достичь цѣли, Хмельницкій призываетъ универсаломъ весь южно-русскій народъ къ возстанію противъ Польши, обѣщая всѣмъ доставить козацкія права, или что тоже, освободить народъ отъ тяжкаго подданства. Вотъ почему въ новой борьбѣ козачества противъ шляхты на сторонѣ козаковъ становится не одна голота, но вмѣстѣ съ нею идутъ также почетные селяне и мѣщане. Мало того, когда Хмельницкій явился подъ Замостьемъ, католическіе крестьяне изъ окрестностей Варшавы готовы были пристать къ нему, и по свидѣтельству Станислава Радзивилла, если-бы хоть одинъ козацкій полкъ явился подъ Варшаву, всѣ вельможные паны были-бы принуждены бѣжать изъ города.

Излагая причины и ходъ народныхъ возстаній въ южной Руси, мы не имѣемъ намѣренія описывать войны Хмельницкаго, обратимъ только вниманіе на главный интересъ борьбы.

Чего проситъ Хмѣльницкій послѣ побѣдъ при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и Баромъ? Того-же, чего еще раньше добивались другіе предводители, т. е. свободы вѣроисповѣданія и гарантіи козацкихъ правъ. Король по прежнему усиленно хлопочетъ, чтобы сенатъ прекратилъ кровопролитіе и не подвергалъ опасности цѣлое государство, но по прежнему безуспѣшно. Видя свои просьбы напрасными, Хмельницкій втайнѣ начинаетъ переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Украйны подъ его покровительство.

Польскіе моралисты, отстаивающіе аристократическіе принципы, тоскуютъ надъ упадкомъ цивилизаціи, вызваннымъ по ихъ мнѣнію козацкими возстаніями. Правда, что польская цивилизація пострадала отъ нихъ, но она и не была тою истинною цивилизаціею, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы; напротивъ она развивалась исключительно

---

[1]) Коховскій, Annal., I, 25.

среди одного сословія на счетъ другихъ и приводила къ деморализаціи цѣлаго общества. Идеаломъ того культурнаго быта, какой завели паны на Украйнѣ, была панщина, такъ какъ подчиненіе и неволя народа были неразлучны съ польской культурой.

XV.

По смерти Владислава до избранія новаго короля Хмельницкій не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Польши и стоялъ со своимъ войскомъ, одинаково готовый на войну и миръ.

Однако польское правительство не умѣло разумнымъ образомъ воспользоваться козаками и подвластнымъ ему народомъ для блага Польши, а конвокаціонный сеймъ предложилъ Хмельницкому такія унизительныя условія, какъ если-бы онъ понесъ сильное пораженіе, и въ тоже время, не разсчитывая на принятіе условій, выслалъ противъ него свои войска, которыя, встрѣтивъ козаковъ подъ Пилявцами, разбѣжались безъ малѣйшей битвы, оставивъ Хмельницкому весь свой обозъ. Послѣ этого скандала войска въ Польшѣ какъ не бывало. Сами поляки недоумѣвали, почему Хмельницкій оставался въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли, когда могъ за это время завоевать всю Польшу; одни считали это чудомъ, другіе—ослѣпленіемъ гетмана.

Между тѣмъ Хмѣльницкій ожидалъ выбора короля, такъ такъ онъ не былъ бунтовщикомъ и не думалъ о завоеваніи Польши, онъ думалъ только о сохраненіи того, что всего дороже для человѣка,—свобода и неприкосновенность семьи, имущества и вѣры предковъ. Съ другой стороны онъ разсуждалъ, что, послѣ завоеванія слѣдуемыхъ Руси правъ, выгоднѣе всего будетъ сохранить ихъ и на будущее время въ союзѣ съ Польшей.

Наконецъ избранный королемъ Янъ Казиміръ отправляетъ къ Хмельницкому свое извѣстное посольство съ предложеніемъ мира. Во время переговоровъ съ Адамомъ Киселемъ въ Переяславѣ, гетманъ, отзываясь о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, въ тоже время рѣзко упрекаетъ польскихъ пановъ и латинское духовенство за притѣсненіе козаковъ и ихъ вѣры и предлагаетъ слѣдующія условія мира:

1) Будутъ возвращены козакамъ всѣ прежнія права и привиллегіи.

2) Удалены будутъ изъ предѣловъ Руси іезуиты и евреи.

3) Унія будетъ уничтожена.

4) Постоянный комплектъ козацкаго войска увеличится до 40,000.

5) Православный кіевскій митрополитъ получитъ право засѣдать въ сенатѣ.

6) Всѣ должности и достоинства на Руси могутъ раздаваться только православнымъ.

Польскіе сенаторы не хотѣли и слышать о такихъ условіяхъ. Пока Хмельницкій осаждалъ въ Збаражѣ отрядъ Вишневецкаго, Янъ Казиміръ выступилъ противъ него съ войскомъ и былъ разбитъ подъ Зборовымъ; здѣсь козаки одержали такую блестящую побѣду, что легко могли взять въ плѣнъ самаго короля, но гетманъ приказалъ имъ «не касаться королевской особы». Король просилъ мира и получилъ его на указанныхъ выше условіяхъ съ однимъ дополненіемъ, чтобы коронное войско не могло квартировать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ жить козаки.

Но недолго народъ радовался своей побѣдѣ, вскорѣ наступило разочарованіе. По смыслу договора число реестровыхъ козаковъ сводилось до 40,000; всѣ остальные, принимавшіе участіе въ войнѣ должны были изъ войска возвратиться въ подчиненное состояніе и снова работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ только что выгнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался привести въ исполненіе это условіе, противъ него поднялось такое сильное недовольство, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Съ своей стороны и поляки также не выполнили условій, поэтому зборовскій договоръ не продержался и года. Правда король выдалъ грамоту, подтверждавшую права православной церкви, но она имѣла не больше силы, чѣмъ подобные-же указы короля Владислава IV.

Итакъ зборовскій договоръ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны; нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ могъ-бы привести къ извѣстнымъ результатамъ, но теперь было уже слишкомъ поздно; онъ не могъ уже быть исполненъ. «Не всѣхъ-ли насъ призывали сражаться за свободу? Не всѣ-ли мы были козаками?» — роптал̆ъ русскій народъ. «Или мы слагали свои головы только за свободу этихъ сорока тысячъ, а остальные снова должны пойти въ неволю? Гдѣ-же обѣщанія Хмельницкаго?»... Крестьяне, не желавшіе возвращаться подъ власть пановъ, подвергались наказаніямъ со сто-

роны гетмана, отъ чего терялась его популярность, и войска становилось еще меньше, чѣмъ до возстанія.

Въ свою очередь и поляки не думали о выполненіи договора; не только унія не была отмѣнена, но даже митрополитъ кіевскій не былъ допущенъ въ сенатъ послѣ того, какъ католическіе бискупы объявили, что сами оставятъ сенатъ, если въ немъ покажется схизматикъ. Поэтому обѣ стороны снова начинаютъ готовиться къ войнѣ. Коронный гетманъ Потоцкій нарушилъ границу, обозначенную зборовскимъ трактатомъ, и расположился съ войскомъ въ Подоліи подъ предлогомъ водворенія спокойствія среди крестьянъ. Пока Хмельницкій велъ новые переговоры о томъ-же съ сенатомъ, поляки напали ночью на стоявшій подъ Краснымъ брацлавскій козацкій полкъ и разбили его на голову; узнавъ о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, полковникъ Богунъ переправился со своимъ отрядомъ черезъ р. Богъ и также неожиданно напалъ на поляковъ въ то самое время, когда они торжествовали свою побѣду, и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Снова начинается кровопролитная война, которая носитъ уже явно религіозный характеръ. Янъ Казиміръ вторично получаетъ изъ рукъ папскаго нунція освященное знамя, а въ козацкомъ лагерѣ военнымъ лозунгомъ было: *«за вѣру, братья, за вѣру»*.

Послѣ битвы подъ Берестечкомъ польское войско вступило въ Украйну, но здѣсь встрѣтило неожиданное сопротивленіе; все народонаселеніе вмѣстѣ съ козаками защищается до послѣдней крайности, пока всѣ не погибнутъ; женщины сражаются наравнѣ съ мущинами. Наконецъ обѣ враждующія стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, заключаютъ въ Бѣлой-Церкви миръ на невыгодныхъ для козаковъ условіяхъ; вмѣсто сорока тысячъ войска Хмельницкому оставлено только двадцать тысячъ, а евреямъ и іезуитамъ разрѣшено жить на Руси. Между тѣмъ народъ, стремившійся къ освобожденію изъ подъ панской зависимости, роптал и искалъ выхода.

Уже съ давнихъ поръ начались переселенія за Днѣпръ въ предѣлы Россіи, гдѣ съ теченіемъ времени появляются южно-русскія слободы вблизи Рыльска, Путивля и Бѣлгорода; послѣ того какъ обѣщанія Хмельницкаго не были исполнены, переселеніе принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ какъ даже многіе изъ козаковъ не хотѣли жить вблизи польской границы.

Первый примѣръ переселенія подали жители Волыни. Заручившись царскимъ разрѣшеніемъ, волынскіе выходцы основали на берегу рѣчки Тихой Сосны поселеніе Острогожскъ. Вслѣдъ за козаками начинаютъ переселяться въ большомъ количествѣ русины съ береговъ Днѣстра, Бога и т. д. въ вольныя степи московскаго царства, гдѣ не было ни польскаго шляхтича, ни ксендза, ни полновластнаго еврея арендатора, и основываютъ тамъ слободы: Ахтырку, Изюмъ, Корочу, Бѣлополе, Сумы, Харьковъ, Лебединъ и другія. Оставляя родное село, переселенцы сжигали свои хаты и гумна, чтобы они не достались полякамъ.

Такъ недальновидная и эксклюзивная политика поляковъ привела только къ уменьшенію польскаго населенія и къ заселенію Россіи.

Сомнѣваясь въ возможности вести борьбу съ одними наличными силами, Хмельницкій еще при началѣ возстанія входилъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять южную Русь подъ свое покровительство. Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата, онъ еще съ большей настойчивостью возобновляетъ свои просьбы.

Вскорѣ поляки нарушили и бѣлоцерковскій договоръ. Когда Тимофей Хмельницкій отправился въ Молдавію, чтобы жениться на дочери тамошняго господаря Лупулы, польный гетманъ Калиновскій преградилъ ему путь подъ Батогомъ, но былъ разбитъ и отрядъ его истребленъ. Этотъ случай подалъ поводъ къ новой войнѣ. Гетманъ Богданъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ осадилъ короля подъ Жванцемъ. Ханъ преслѣдовалъ только собственную выгоду и согласился отступить, если поляки заплатятъ ему контрибуцію въ 100,000 червонныхъ злотыхъ и дозволятъ брать плѣнниковъ на возвратномъ пути. Поляки приняли условія и выговорили себѣ только одну уступку, а именно, чтобы татары грабили только въ теченіи сорока дней и брали въ плѣнъ одних русиновъ. Ханъ обѣщалъ съ своей стороны помогать впослѣдствіи полякамъ противъ козаковъ, чтобы совершенно истребить ихъ.

Трудно было Хмельницкому одновременно вести войну съ поляками и татарами, приходилось соглашаться на миръ, какія-бы ни были условія. Въ такомъ критическомъ положеніи гетманъ, послѣ долгаго раздумья, снова обращается къ царю съ просьбою принять

южную Русь въ свое подданство, въ противномъ случаѣ она принуждена будетъ подчиниться султану. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ созываетъ земскій соборъ для обсужденія этого вопроса; рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ.

Въ 1654 г. собранная въ Переяславѣ великая рада козацкая приняла присягу на вѣрность царю.

Мы говорили въ свое время о люблинской уніи, не слѣдуетъ опускать и постановленій переяславской рады, на которую собралась вся старшина и множество козаковъ, и куда прибыли также и царскіе послы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ собравшимся: «Нѣтъ нужды и напоминать вамъ о притѣсненіяхъ польскихъ пановъ,— сами знаете, что они жида и собаку ставили выше нашего брата христіанина, а православный восточный царь одной съ нами вѣры. Великій государь христіанскій сжалился надъ тяжкимъ оскорбленіемъ церкви православной въ Малой Руси, не пренебрегъ нашими шестилѣтними просьбами, обратилъ къ намъ благосклонно свое царское сердце и прислалъ пословъ съ царскою милостью. Нигдѣ не найти намъ такого вѣрнаго пріюта, какъ подъ его высокой рукой, а если кто не согласенъ съ нами, пусть идетъ куда угодно,—путь свободенъ». Раздались возгласы: «Хотимъ подъ царя восточнаго». Переяславскій полковникъ, обходя присутствующихъ, спрашивалъ: «Всѣ-ли на то согласны?»—«Всѣ соглашаемся,—отвѣчали ему».

Послѣ того прочитаны были составленныя раньше условія новаго договора, слѣдующаго содержанія. Вся украинская козацкая земля присоединяется къ московскому царству подъ именемъ Малороссіи съ правомъ избранія гетмана, который могъ принимать иностранныхъ пословъ и сноситься съ другими государствами, съ правомъ выборнаго самоуправленія и самосуда. Гарантируется неприкосновенность правъ духовнаго и мѣщанскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ повышено до 60,000, но сверхъ того разрѣшалось имѣть и больше охочихъ козаковъ. Въ договорѣ Хмельницкаго отъ имени народа ясно сказано: «Мы сами разберемъ между собою, кто козакъ, а кто земледѣлецъ», и дѣйствительно болѣе состоятельные остались козаками, бѣднѣйшіе крестьянами. Козаки понимали свои вольности также какъ и поляки; они желали пользоваться привиллегіями, какихъ не имѣли другіе. Значительное большинство поземельной собственности находилось въ рукахъ коза-

ковъ и приставшей къ нимъ шляхты. Даже среди самаго привилегированнаго козацкаго сословія утрачено прежнее равенство; оно распадается на *значныхъ* и *чернь*. Такое положеніе вещей начинаетъ развиваться еще при Хмельницкомъ, окончательно-же вырабатывается послѣ его смерти.

Такъ уничтоженъ былъ трактатъ люблинской уніи переяславскими статьями. Религіозная нетерпимость, соединенная съ ополяченіемъ Руси, привела къ результатамъ прямо противуположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду.

Подчиненіе Хмельницкаго Россіи влечетъ за собою новую войну, которая вспыхнула одновременно въ Литвѣ и на Украйнѣ, и здѣсь съ особенною силою. Весною 1654 г. польская армія вошла въ Подоліе; какой пріемъ встрѣтила она отъ мѣстнаго народонаселенія, могутъ показать нѣсколько примѣровъ. Послѣ упорнаго сопротивленія городъ Немировъ былъ разрушенъ до основанія; въ большомъ каменномъ погребѣ заперлось до трехъ тысячъ человѣкъ; поляки обѣщали имъ пощаду, если выдадутъ старшинъ, но предложеніе отвергнуто; тогда ихъ начали выкуривать дымомъ: всѣ погибли, но никого не выдали.

Въ мѣстечкѣ Бушѣ собралось до 12,000 человѣкъ. Всѣ убѣжденія начальниковъ польскаго войска Чарнецкого и Любомирскаго относительно сдачи не имѣли вліянія; тогда поляки отрѣзали воду и начали послѣдній приступъ: осажденные, видя свое безвыходное положеніе, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; женщины бросали дѣтей въ колодцы и сами бросались въ слѣдъ за ними. Жена сотника Зависного, зарѣзавши мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и взорвала себя на воздухъ. Семдесять другихъ женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ скрылись въ пещерѣ; полковникъ Целаріусъ продлагалъ имъ сдаться, обѣщая оставить въ живыхъ, женщины отвѣчали выстрѣлами; тогда полковникъ приказалъ провести въ пещеру воду изъ источника: всѣ погибли, но не сдались. Подобные факты повторялись повсюду, русины вездѣ защищались до крайности; «лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться полякамъ», говорили они. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ слышать объ опустошеніи государства, по инымъ мѣрами трудно подавить злость хлоповъ».

Въ 1656 г. союзными шведскими и русскими войсками заняты были сѣверныя и западныя польскія области, взяты также обѣ столицы: Краковъ и Варшава и паденіе Польши казалось неизбѣжнымъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Янъ-Казиміръ, по совѣту своихъ сенаторовъ, обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, обѣщая ему польскую корону послѣ своей смерти. Получивъ надежду наслѣдовать польскій престолъ, Алексѣй Михайловичъ смотритъ уже на Польшу, какъ на свою собственность, и не смотря на предостереженія Хмельницкаго, что поляки не сдержатъ условія, военныя дѣйствія были приостановлены. Тогда Хмельницкій, предвидя для Украйны въ будущемъ прежнее подчиненіе полякамъ, входитъ въ договоръ съ трансильванскимъ княземъ Ракочи и шведскимъ королемъ Карломъ X о раздѣлѣ Польши. То былъ уже второй проектъ раздѣла Польши, причиною которому служило озлобленіе малороссіянъ.

Между тѣмъ, едва только положеніе дѣлъ въ Польшѣ измѣняется къ лучшему, какъ къ виленскому трактату перестаютъ относиться серьезно, какъ и предсказывалъ Хмельницкій; онъ вскорѣ умеръ и не видѣлъ уже исполненія своихъ словъ.

Между тѣмъ подчиненіе Украйны Россіи было смертельнымъ ударомъ для Польши; оно ослабило ее настолько, насколько усилило Россію. Поэтому время Богданъ Хмельницкаго имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ этихъ государствъ.

Въ семьѣ славянскихъ народовъ и Польша, и Русь являются съ самобытною исторической жизнью преимущественно передъ всѣми другими народами славянскаго племени, которые или раньше подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или-же проявили свою историческую жизнь только противодѣйствіемъ иноплеменному натиску. Не смотря на сходныя, родственныя основы, государственный и гражданскій строй, историческая дѣятельность и національный характеръ русскій и польскій разнились между тобою и даже приняли у обоихъ народовъ не только различное, но прямо противоположное и взаимно враждебное другъ другу направленіе. Вотъ почему эти два народа, объединенные въ теченіи многихъ столѣтій, ведутъ между собою непрерывную, упорную борьбу. Польша стремилась пересоздать русиновъ на свой образецъ и долгое время перевѣсъ былъ на ея сторонѣ. Овладѣвши значительною частью рус-

скихъ земель послѣ присоединенія Червоной Руси и Литвы, Польша подвигается шагъ за шагомъ въ глубь русскаго міра и едва не овладѣваетъ имъ совершенно въ началѣ XVII ст. Мы видѣли выше, какія причины помѣшали ихъ сліянію, а эпоха Хмельницкаго дала другое направленіе старинному спору; на пути историческаго развитія она является поворотнымъ пунктомъ къ паденію Польши и усиленію Россіи; съ этого времени падаетъ окончательно перевѣсъ Польши въ борьбѣ между двумя народностями. Было, правда, еще нѣсколько попытокъ воротить его, но уже безъуспѣшныхъ.

Такъ напримѣръ, Выговскій, получивъ гетманскую булаву, хотѣлъ было снова привести Украйну къ союзу съ Польшей, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ 1658 г. извѣстный гадячскій договоръ съ поляками, съ цѣлью поставить южную Русь въ такія отношенія къ Польшѣ, въ какихъ стояла къ ней Литва. На основаніи этого трактата Рѣчь Посполитая на будущее время должна была слагаться изъ трехъ равноправныхъ народовъ: польскаго, русскаго и литовскаго. Къ вновь возстановляемому княжеству русскому должны были принадлежать три воеводства: волынское, подольское и кіевское. Русь получала своего канцлера, маршалка, сенаторовъ, собственное судопроизводство, университетъ и школы; православный митрополитъ и епископы получаютъ мѣста въ сенатѣ; унія должна быть упразднена и обезпечена свобода православнаго вѣроисповѣданія. Русскимъ предоставлено право имѣть 40,000 постояннаго козацкаго войска и выбирать самимъ нѣсколькихъ кандидатовъ на гетманское достоинство, изъ которыхъ одинъ утверждался королемъ. Русскому духовенству и церквамъ обѣщана свобода отъ всѣхъ повинностей, отъ суда и патроната надъ ними польскихъ пановъ. Въ городахъ и поляки, и русскіе должны были пользоваться равными правами на занятіе городскихъ должностей и т. д.

Насколько неискренно было отношеніе поляковъ къ союзу съ русью, можно видѣть уже изъ того, что когда гадячскій договоръ вызвалъ сильную оппозицію въ Варшавѣ, то самъ инициаторъ его Бѣнёвскій говорилъ: «Извѣстно, въ какомъ положеніи находится теперь Рѣчь Посполитая—съ одной стороны угрожаютъ шведы, съ другой Москва; раздражать теперь козаковъ значило-бы отвергать и ту помощь, какая предлагается. Въ настоящее время намъ нужно лаской привлечь къ себѣ козаковъ, а впослѣдствіи

можно будетъ все перемѣнить на прежній ладъ». Мысль эта была принята, и на гадячскихъ пунктахъ присягаетъ самъ король Янъ Казиміръ, а за нимъ примасъ Польши, бискупъ виленскій, польскіе гетманы, королевскій канцлеръ, маршалокъ сейма и другіе сановники, которые, принося присягу, мысленно клялись нарушить ее при первой возможности. Поэтому договоръ, утвержденный наконецъ сеймомъ 1661 г., а не былъ исполненъ. Съ другой стороны не пользовался онъ популярностью и на Украйнѣ, гдѣ никто не могъ довѣрять ему послѣ столькихъ тяжелыхъ опытовъ.

Наконецъ гадячская конституція явилась уже слишкомъ поздно для русскаго народа. Выполненная добросовѣстно во времена Хмельницкаго и Киселя, она могла-бы утишить народныя волненія, теперь же однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій русскаго народа было стремленіе освободиться отъ польско-панскаго гнета, отъ безъусловной зависимости, основанной на принципахъ, на которыхъ развивалась польская жизнь. Послѣ договоровъ зборовскаго и бѣлоцерковскаго народъ понялъ, что служитъ только орудіемъ въ рукахъ козаковъ; потерявъ довѣріе къ козакамъ, онъ охладѣваетъ къ ихъ борьбѣ и начинаетъ переселяться въ предѣлы Россіи, въ такъ называемые вольные полки. Съ того времени всѣ надежды народа обращаются къ Россіи.

Между тѣмъ въ Украйнѣ нерѣдко происходятъ волненія, по большей части изъ-за гетманскаго достоинства, зависѣвшаго отъ свободнаго выбора всѣхъ козаковъ; на гетманскую булаву являлось одновременно по нѣсколько претендентовъ, каждый со своею партіею. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго бывало по нѣсколько самозванныхъ гетмановъ заразъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга съ помощью козацкаго войска; но какъ простой народъ, такъ и чернь козацкая поддерживаютъ только гетмановъ вѣрныхъ Москвѣ и не признаютъ тѣхъ предводителей, которые пытаются сблизиться съ Польшей. Причины такого нерасположенія кроются какъ въ религіозныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и во враждѣ, которая выработалась, какъ результатъ вѣковой борьбы съ польскимъ государствомъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ то инстинктивное чувство народа, которое подсказало ему, что старшина козацкая стремится создать изъ себя новую шляхту по образцу польской; народъ опасался, что въ союзѣ съ

Польшей цѣль эта легко будетъ достигнута, между тѣмъ какъ подъ покровительсвомъ Россіи дѣло можетъ пойти иначе,—но и эта послѣдняя надежда не оправдалась.

Этимъ только и можно объяснить огульное нерасположеніе массы народной противъ гадячскихъ статей; народъ не переносилъ самой мысли о шляхтѣ во всѣхъ ея видахъ.

Въ силу указанныхъ причинъ противъ Выговскаго подымается значительное большинство козаковъ, которые и пристаютъ къ московскимъ воеводамъ. Въ 1659 г. гетманъ съ помощью крыскаго хана разбилъ своихъ. противниковъ подъ Конотопомъ, но вскорѣ послѣ того оставленъ былъ татарами и принужденъ бѣжать въ Польшу. Вслѣдствіе подчиненія Выговскаго Польшѣ и невыполненія послѣднею виленскаго договора, Россія начинаетъ новую войну съ Польшей, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ краткій промежутокъ гетманы съ чрезвычайной быстротой смѣняютъ другъ друга на Украйнѣ.

Сперва народъ вмѣстѣ съ козаками въ противовѣсъ Выговскому выбираютъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, котораго утверждаетъ и царь. Но, разбитый поляками, Юрій Хмельницкій также измѣняетъ Россіи подъ вліяніемъ старшинъ, совѣтовавшихъ ему помириться съ поляками на условіяхъ гадячскаго договора. Въ Чудновѣ подписанъ былъ миръ, подтвердившій всѣ гадячскія статьи за исключеніемъ одной, касавшейся образованія русскаго княжества изъ трехъ воеводствъ. Впрочемъ король не могъ выполнить чудновскаго договора, какъ не выполнилъ и гадячскаго, благодаря постоянному противодѣйствію со стороны шляхты, магнатовъ и духовенства.

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго черная рада, собранная въ 1663 г. въ Нѣжинѣ, выбрала на его мѣсто Брюховецкаго. Въ 1665 гетманъ этотъ отправился въ Москву, женился тамъ на боярской дочери и получилъ отъ царя титулъ боярина и богатыя помѣстья. Въ угоду московскому правительству самъ Брюховецкій совѣтовалъ сократить козацкое самоуправленіе и увеличить число московскихъ воеводствъ въ Малороссіи.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы Брюховецкій становится во враждебныя отношенія ко всей Украйнѣ; всѣхъ поражалъ титулъ боярина, но раздраженіе еще больше усиливается, когда явились, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, новые воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть военную, гражданскую и судебную. Наступаютъ новыя волненія; народъ отказывается платить подати воеводамъ и начинаетъ избивать московскихъ солдатъ; считая Брюховецкаго главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, все населеніе—мѣщане, козаки и крестьяне—сражается съ гетманскими козаками, собиравшими подати.

Вторая русско-польская война оканчивается въ 1667 г. миромъ, заключеннымъ въ Андрусовѣ, по которому Смоленскъ, Сѣверская земля, вся Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра и Кіевъ съ прилежащимъ къ нему округомъ на правомъ берегу рѣки отошли къ Россіи, а правобережная Украйна, подъ начальствомъ своего особаго гетмана, досталась Польшѣ.

Такимъ образомъ гетманщина была раздѣлена на двѣ части, восточную и западную, или на правобережную и лѣвобережную Украйну. Вслѣдствіе этого происходятъ неурядицы, которыхъ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, для выясненія вопроса о ростѣ Россіи и ослабленіи Польши.

Когда объявленъ былъ андрусовскій договоръ, паническій страхъ охватилъ все населеніе праваго берега Днѣпра; начинаются постоянныя волненія, какъ поспольство, такъ и козаки впали въ уныніе: оказалось, что всѣ кровавыя возстанія и тяжелыя жертвы, всѣ бѣды и лишенія, испытанныя народомъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Если силы цѣлой Украйны оказались недостаточными для борьбы съ поляками, то что могла сдѣлать теперь половина края, обезлюдѣвшая и опустошенная въ теченіи продолжительныхъ войнъ? Снова возвратятся ненавистные паны и станутъ обращать въ крѣпостное состояніе народъ, привыкшій уже къ свободѣ. Еще скорѣе наѣдутъ ненавистные ксендзы латинскіе и уніатскіе и снова начнутъ силою обращать народъ въ унію и католичество, отбирать церкви, изгонять духовенство и т. д. Народъ южно-русскій зналъ по опыту, что условія договора, обезпечивающія свободу совѣсти и личности, не

будутъ исполнены и кромѣ обычныхъ притѣсненій придется еще испытывать всю тяжесть мести за возстанія, опустошенія и войны.

Впрочемъ поляки сами идутъ на встрѣчу всѣмъ опасеніямъ въ этомъ смыслѣ. Региментарь Маховскій, явившись съ отрядомъ войска въ Брацлавщину, начинаетъ опустошать ее огнемъ и мечемъ подъ предлогомъ приведенія жителей къ подчиненію республикѣ.

Послѣ того, какъ восточная половина Украйны вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла къ Россіи, всѣ помыслы жителей западной половины направляются къ тому, чтобы не отдѣляться отъ правобережной Украйны. Гетманъ лѣвой стороны Днѣпра Дорошенко обращается къ царю съ просьбою принять его съ краемъ въ свое подданство; но царь съ своей стороны не желаетъ нарушать мира и народъ волею-неволею принужденъ покориться своей участи. Такимъ образомъ пустыни, усѣянныя пожарищами и человѣческими костями, въ силу андрусовскаго договора снова достаются въ руки шляхты.

Народъ назвалъ козацко-польскія войны *руиною*, потому что козаки разрушили, «*зруйновали*» въ древне-русскихъ земляхъ шляхетскіе порядки. Съ одной стороны вельможные паны силятся сдѣлать изъ Украйны другую Польшу и утвердить въ ней польское право; съ другой природная приднѣпровская Русь, предчувствуя въ этихъ стремленіяхъ свою гибель, опустошаетъ и разоряетъ города и села, грабитъ и сожигаетъ панскіе замки, а въ особенности католическіе костелы и монастыри, выгоняетъ пановъ и евреевъ арендаторовъ, сноситъ польское право, желая сохранить общинный порядокъ и свою вѣру и удержать въ рукахъ народа тѣ земли, которыя паны раздѣлили только между дворянами.

Резюмируя всѣ указанные факты, становится яснымъ, что вся исторія Украйны характеризуется стремленіемъ южно-русскаго народа и его представителей козаковъ къ демократическимъ институціямъ. Войны козацкія представляютъ борьбу народной демократіи съ шляхетскою. Затѣмъ слѣдуетъ ясно отвѣтить на вопросъ: почему среди православнаго южно-русскаго народа замѣчается такой сильный антагонизмъ именно противъ католиковъ и католицизма?

а) Паны католики захватили въ собственность всѣ земли и обращали свободный народъ въ крѣпостное состояніе.

б) Католицизмъ въ Польшѣ стремился къ полному уничтоженію православія и русской народности.

Итакъ ничто иное, какъ любовь къ свободѣ и родной землѣ, любовь къ вѣрѣ отцевъ и собственной національности порождаетъ этотъ антагонизмъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА.

Еще со второй половины XVII вѣка среди южно-русскаго общества начала мало по-малу обособляться отдѣльная сословная группа — козацкая старшина, дѣлившаяся на генеральную, полковую и сотенную. Въ составъ этой соціальной группы входили только лица, занимавшія въ краѣ видные административные посты — то были: полковники, обозные, судьи, писаря, асаулы, хорунжіе, бунчучные, сотники и проч. Всѣ эти лица выполняли военныя и гражданскія обязанности, насколько вторыя проникались первыми. Они предводительствовали въ походахъ, засѣдали въ судахъ, распоряжались общественными суммами, слѣдили за общественными нуждами, являлись представителями интересовъ края и проч. Къ первой половинѣ XVIII вѣка эта сословная группа въ количественномъ отношеніи настолько успѣла расшириться, что представляла уже изъ себя какъ-бы сословіе съ особенными правами, лично впрочемъ присвоенными. Въ это-же время она успѣла значительно обособиться, замкнуться отъ другихъ сословій, насколько конечно позволяла тогдашняя общественная жизнь южной Руси.

Интересы козачей старшины XVIII вѣка дѣлаются діаметрально противоположными интересамъ другихъ соціальныхъ группъ: козачества, мѣщанства и крестьянства.

Всѣ пріобрѣтаемыя старшиною права, ея матеріальное благосостояніе создаются въ ущербъ этимъ общественнымъ группамъ. Нѣтъ болѣе въ жизни фактора, который сглаживалъ-бы возникшую сословную рознь. Въ будущемъ виднѣлось одно только дальнѣйшее обособленіе

старшины, которая съ нетерпѣніемъ лишь ждала легальнаго расширенія своихъ правъ и преимуществъ. Это-то расширеніе не только прежнихъ правъ, но и дарованіе новыхъ законодательнымъ порядкомъ и произошло сто лѣтъ тому назадъ, въ достопамятный день 21-го апрѣля 1785 года, когда Екатерина II даровала грамоту на права и привиллегіи русскому дворянству, въ составъ котораго должна была войти и южно-русская козачая старшина. Далеко не вдругъ конечно совершился переходъ южно-русской козачей старшины въ дворянство. Много было истрачено представителями послѣдней труда на хлопоты въ дворянскихъ присутствіяхъ, въ герольдіи и проч., чтобы доказать свои права на дворянство. Не мало было при этомъ и злоупотребленій, но объ этомъ въ другой разъ... Теперь-же посмотримъ, какъ жилъ, что дѣлалъ, чѣмъ занимался южно-русскій дворянинъ въ теченіи прошлаго вѣка, каковы были его стремленія, идеалы, потребности. Предупреждаемъ читателя, что отнюдь не претендуемъ на полную и всестороннюю характеристику.

Проста и незатѣйлива была домашняя жизнь южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, чуждая лоска и моды, лишенная въ большинствѣ случаевъ искуственности и иноземщины.

Не въ палатахъ бѣлокаменныхъ жилъ онъ, а въ будынкахъ простыхъ, выстроенныхъ почти всегда доморощенными мастерами, обращавшими вниманіе не на вычурность и архитектурность строенія, а на то, чтобы оно было пообширнѣе, да «во углахъ и замкахъ крѣпко, а въ стѣнахъ прямо и ровно». Образцемъ для постройки панскаго дома служила простая крестьянская изба, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Такія сѣни дѣлили на двѣ части и панскіе будынки, состоявшіе изъ четырехъ и болѣе комнатъ [1]).

Внутренняя обстановка дома тоже лишена была особеннаго блеска и также не поражала посѣтителя, какъ не поражалъ его и внѣшній видъ дома. Внутреннія стѣны его бѣлились или оклеивались шпалерами (обоями), разрисованными большею частію мѣстными малярами, и оби-

---

[1]) Сулимовскій Архивъ, № 168. Судіенко, Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. 3, стр. 5, 17 и др. Москвитянинъ, 1852 г., № 17. Историческіе матеріалы, стр. 25.

вались плахтами. Въ покояхъ (комнатахъ) разставлены были «ослонци» мѣстной фабрикаціи, выкрашенные дубовые стулья, два три кресла, обитыхъ «красною шкурою», канапе стоячое, набойкою выбитое, столы дубовые, покрытые скатертями мѣстныхъ ткачей, на стѣнахъ «картины новоманерные», портреты: Богдана Хмельницкаго, хозяина и его родственниковъ близкихъ, кисти маляра-иконописца, подчасъ глиняныя статуи, росписаныя разными красками, твореніе рукъ доморощеннаго скульптора-гончара изъ Лубенъ, часы, купленные съ большимъ коштомъ— вотъ почти и вся обстановка комнатъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка [1]). Не щедрый на украшенія и мебель, дворянинъ щедрѣе былъ на посуду, которая отличается даже нѣкоторою роскошью. Тутъ находимъ: серебрянныя доски на чай, серебрянные кубочки, ложки и чайники, фарфоровыя чашки и тарелки, хрустальные стаканы и рюмки; впрочемъ, здѣсь-же блюда, полумиски и тарелки «цѣни аглицкой», а не то и прямо деревянныя [2]).

Но если не особенно красна была наша дворянская изба XVIII вѣка углами, то за то красна была она пирогами. Гостепріимство и радушіе, составляющія до сихъ поръ отличительную черту малоросса, въ XVIII вѣкѣ среди дворянства южной Руси было чрезвычайно распространено. Не проходило недѣли, чтобы у того или у другаго державцы (помѣщика) не собирались сосѣди на обѣдъ, семейную вечеринку, приватный бенкетъ и проч. Главною, почти единственною забавою на такихъ собраніяхъ была игра въ карты: марьяжъ, кадрилія, ломберъ, пикетъ, три листа—были въ полномъ ходу. Вмѣстѣ съ карточной игрой воздавалось, конечно, достодолжное поклоненіе Бахусу. Гости на вечеринкахъ «куликали, подпивали зѣло, гуляли шумно», а иногда цѣлый слѣдующій день проводили «въ веселой и шумной компаніи, переходя отъ снидання къ обѣду, отъ обѣда къ полудню, отъ полудня къ пидвечерку, отъ пидвечирка къ вечери, а въ промежуткахъ занимаясь все

---

[1]) Сулимовскій архивъ, № 82, 91: Дневникъ Н. Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 5, стр. 43, № 3, стр. 11, № 4, стр. 20; Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 51 и 289; ч. II, стр. 185, 305, 97.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 289; ч. II, стр. 131, 180, 183; Сулимовскій архивъ, № 162.

тѣми-же кадриліями. Самые обѣды на этотъ разъ подслащаемы были, съ одной стороны, домашними настойками — циномоновыми, курдымоновыми, персиковыми и другими, венгерскимъ, бургонскимъ и волоскимъ винами, съ другой стороны легоминками: маковниками, вафлями, марцѣпаннами и проч. [1]). Кромѣ приватныхъ бенкетовъ, въ которыхъ принимали участіе лишь близкіе знакомые державцы, устраивались еще «бенкеты публичные» по случаю какого либо особенно-радостнаго общественнаго событія: восшествія на престолъ новаго государя, выбора гетмана, полковника, дарованія милостей и проч. Устраивали такіе бенкеты или гетманъ, или полковникъ, или наконецъ какой нибудь присланный въ Малороссію правитель: число гостей на этомъ празднествѣ было весьма значительно, такъ какъ тутъ принимала участіе почти вся мѣстная старшина [2]).

Но главное значеніе въ дворянскомъ быту XVIII вѣка, какъ источникъ продолжительныхъ увеселеній, имѣли дворянскія свадьбы. Много простоты, общенародныхъ чертъ можно найти въ этой свадьбѣ, отличавшейся отъ крестьянской лишь большей роскошью, - большимъ просторомъ, но не носившей еще вполнѣ характера сословной исключительности. Не стѣснительный, многосложный свадебный этикетъ, не привнесенныя церемоніи, лишенныя нерѣдко смысла и значенія, а простые народные обычаи имѣли главное мѣсто въ «весельномъ» пиршествѣ нашего дворянина прошлаго вѣка. Посмотрите на самое высватываніе, какъ просто, незатѣйливо, при полномъ отсутствіи современныхъ интригъ, подходцевъ и заднихъ цѣлей—совершается оно... Завидитъ бывало какой нибудь панъ ѣдущихъ черезъ деревню знатныхъ молодыхъ людей, приглянутся эти люди, «запроситъ онъ до себе на вечеру и при той вечери скажетъ своей дочцѣ частовать; и почнетъ самъ свадьбу заводить, мовячи: если кому панна потребна, то смотрите! чаю не встыдъ буде до Чернигова (родины жениха) привезти. Потомъ на завтрашній день, запросивши на обѣдъ, да и свадьбу учинитъ и знаки сва-

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 18, 30, 35, 44, 104; ч. II, стр. 6, 18, 70 и другія; «Кіевская Старина» 1883 г. № 10 и 12 (Разновидности марцѣпаннъ и ганусковой горѣлки).

[2]) Дневникъ Марковича, ч. I. стр. 119, 247, 429; ч. II. стр. 43, 108.

дебные подаетъ» [1]). Пріѣдетъ женихъ домой, разскажетъ о случившемся, испроситъ согласія у отца и матери, а затѣмъ отправятся родственники сваты къ намѣченной женихомъ невѣстѣ. Пріѣдутъ они къ родителямъ ея съ хлѣбомъ-солью, уговорятся о приданомъ, передадутъ подарокъ невѣстѣ отъ жениха и заключать все это обильнымъ «куликаньемъ» [2]). Пройдетъ мѣсяцъ, другой въ приготовленіи къ свадьбѣ... Возвратится «выправленный для купления подаровъ и для споражения деякихъ рѣчій, потребныхъ до того акту весельного» женихъ, окончательно приготовится гардеробъ невѣсты, состоящій изъ десятка кунтушовъ, шнуровокъ аксамитовыхъ и квѣтчастыхъ, сподницъ гранѣтуровыхъ, запасокъ красныхъ златоглавыхъ, а за это-же время родители новобрачныхъ успѣютъ, частію лично, частію при посредствѣ писемъ, пригласить своихъ родныхъ и знакомыхъ «допомогти весельной компаніи», мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что «таковія весельные акты найвящше пріукрашаемы бываютъ собраніемъ друзей и пріятелей» [3]). Если приглашаемый на свадьбу не могъ прибыть лично, то онъ присылалъ родителямъ новобрачныхъ поздравительныя письма съ пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ честное это намѣреніе совершить весьма благополучно, укрѣпилъ-бы союзъ супружескій счастіемъ, долголѣтіемъ, здравіемъ и «сыны сыновъ своихъ видѣть даровалъ» [4])... Но вотъ оставалось нѣсколько дней «до весельного акта». Въ домѣ державцы, справлявшаго весельный актъ, въ это время шли самыя тщательныя приготовленія: вычищали посуду, прибирали комнаты, подметали дворъ; особенно-же рьяно мѣстныя поварихи работали на кухнѣ. Да и было надъ чѣмъ поработать, ибо гостепріимный державца «на зарѣзъ для веселья вылучилъ въ хуторѣ барановъ 40, яловицъ старыхъ двѣ, молодую одну, воловъ двухъ» [5]). Наканунѣ дня свадьбы на дворѣ пана

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 5 и 6 (Черты быта и нравовъ XVII и XVIII в., ст. Лазаревскаго).

[2]) Ibid., стр. 25. Дневникъ Марковича ч. I, стр. 72. Сулимовскій архивъ, № 153-й.

[3]) Записки черниговскаго статистическаго Комитета. Выпускъ 5, 6, стр. 86. Сулимовскій архивъ № 154, 158, 68.

[4]) Ibid., 70, 71.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 409.

появлялись рыдваны и повозки кованые, а въ нихъ державцы въ жупанахъ съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ привѣшены были сабли; въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ; а тутъ-же и жены ихъ, разодѣтыя въ штофные цвѣтные кунтуши, полутабенковые желтые, грезетовые голубые, обложенные серебрянымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками, съ блестящими корабликами на головахъ [1])... Всѣ эти гости или размѣщались въ домѣ державцы, или-же его родныхъ, ожидая вѣнчанія. Передъ вѣнцомъ слѣдовало обычное благословеніе родителей, наконецъ послѣ вѣнчанія наставало самое свадебное гулянье съ музыкой, съ хорами, съ обильнымъ поклоненіемъ Бахусу, съ легоминками и закусками, съ продолжительнымъ хожденіемъ перезвы по роднымъ и знакомымъ новобрачныхъ [2]). Около недѣли тянулся свадебный пиръ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, требовавшій много средствъ, много хлопотъ отъ хозяевъ, но доставлявшій не мало удовольствія и имъ и гостямъ посѣтителямъ. Шумная дворянская свадьба заканчивалась одариваніемъ новобрачныхъ на первое хозяйство [3]).

Другимъ семейнымъ праздникомъ было рожденіе ребенка. И тутъ разсылались пригласительныя письма, но послѣднія сопровождались всегда посылкой родильнаго хлѣба и родильнаго взвара, т. е. сушеныхъ фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, изюма, сваренныхъ въ водѣ; позже, къ концу XVIII в., родильный взваръ замѣнился у дворянъ посылкой бутылки вина и пряниковъ. Пріѣхавшіе гости ко дню крещенія новорожденнаго привозили подарки державцѣ, посвящая нѣсколько дней куликанью и выпиванью [4]).

Не менѣе удовольствій дворянской семьѣ приносили наступавшіе праздники Рождества Христова и Пасхи, въ особенности послѣдніе. И старъ, и младъ изъ семьи дворянина принималъ участіе на первый

---

[1]) Сулимовскій архивъ, № 154, 162; Кулишъ, Михаилъ Чарнышенко, стр. 10.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 4, стр. 27.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 13. Сулимовскій архивъ № 42. Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 410, 417.

[4]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 69, 72; Шафонскій, Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 27; Сулимовскій архивъ, № 31, 67.

день въ розговѣнахъ; мало этого—въ обѣдѣ принимали участіе и «честнѣйшіе служители» [1]).

Открытіе праздника принадлежало юнымъ членамъ семьи—дѣтямъ дворянина, приготовлявшимъ для поздравленія вирши, написанныя учителемъ ихъ—какимъ либо студентомъ или дьячкомъ. Пріятно было родителямъ видѣть своихъ юныхъ грамотѣевъ, пріятно было воспитателю услышать благодарность отъ хозяевъ; вирши, наполненныя непонятной для ребенка миѳологіей о томъ, напримѣръ, какъ Плутонъ похитилъ Діану, приспособлялись иногда имъ самимъ къ семейному торжеству. Неприличнымъ казалось ему для поздравленія имя Плутона и вотъ недолго думая перемѣнялъ онъ его на знакомое имя тутъ-же стоявшаго дяди Платона [2]). А не то бывало полѣнится воспитатель написать виршу, а подъ руками реторика, возьметъ оттуда готовое стихотвореніе, придѣлаетъ въ концѣ: «чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю» и отдаетъ ученику. Выступаетъ тотъ съ знакомыми ему стихами и начнетъ декламировать:

Лишь дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ...

Въ семьѣ смущеніе: отецъ улыбается, мать тихо укоряетъ дядю-воспитателя, дѣдъ и бабка умильно посматриваютъ, а грамотѣй все больше и больше воодушевляется:

А притчу всю короткимъ толкомъ,
Позвольте, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать,

«чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздоровляю». Родительскія объятія были лучшей наградой виновнику семейной утѣхи [3]). На другой и на третій день праздниковъ къ дворянину (если онъ жилъ въ городѣ)

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 68; Москвитянинъ, № 17, 1852 года, Историческіе матеріалы, стр. 17.

[2]) Москвитянинъ, № 17, 1852 г., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 16—17.

приходили съ поздравленіемъ цехи: кушнѣрскій, кузнецкій, ткацкій, рѣзницкій, неся въ подарокъ что либо отъ своихъ издѣлій. Приходили также крестьяне и козаки тоже съ даяніемъ, что называлось дачей на «ралецъ» [1]). Лѣтомъ много удовольствія доставляли для дворянина южно-русскаго поѣздка по пасѣкамъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе всѣ домашніе, а подчасъ и сосѣди державцы [2]).

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ увеселеній, число которыхъ, какъ мы видимъ, было значительно, дворянинъ не забывалъ своихъ нравственно-религіозныхъ обязанностей. Постройка и украшеніе на свой счетъ церквей, содержаніе священниковъ и всего церковнаго причта, отписываніе имущества на монастыри—явленія заурядныя въ прошлой жизни нашего дворянина [3]). При этомъ, заботясь объ устройствѣ церкви, онъ заботился въ тоже время и о нравственной сторонѣ священника-пастыря, который обязывался державцѣ: «съ парафіянами обходиться ласкаво и тихо, въ лишнія гулянья, непристойныя мѣста и шинки не ходить, не упиваться, парафіянъ-же обучать христіанскимъ обрядамъ, какъ почитать Всевышняго Творца и ему молиться» [4]).

Мало того, даже въ домашней жизни религіозные обряды исполнялись строго; назначались домашнія эпитеміи: «Новый Завѣтъ прочесть черезъ годъ и внимательно набоженства слушать, мыслію не скитаяся», или «псалтырь прочесть не въ зачетъ обыкновеннаго чтенія», «по средамъ й пяткамъ по три каѳизмы» [5]). По умершемъ справлялись частые обѣды: третинный, девятинный, полусорочинный, сорочинный, роковый (годичный) обѣдъ и на святой въ четвергъ. Обѣды сопровождались щедрой раздачей денегъ: церковному причту, школьнымъ молодыкамъ, старцамъ, въ шпитали, на бурсу, наконецъ на «тѣхъ, которые по турмахъ сидятъ». Сорокоусты при этомъ справлялись въ двадцати и болѣе церквяхъ. Годичный расходъ на поминки доходилъ до нѣсколькихъ сотъ рублей [6]).

[1]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина», № 10, стр. 103.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 144.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 166, 168, 180.

[4]) Сулимовскій архивъ, № 472.

[5]) Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 106, 200.

[6]) Сулимовскій архивъ, № 40, 47, «Кіевская Старина» 1883 г., № 11. Завѣщаніе Григорія Галагана, стр. 466; Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 1 и 2, стр. 77, ст. Лазаревскаго.

Но какъ ни важны и ни дорого стоющи были всѣ эти заботы о спасеніи души и въ тоже время о разныхъ удовольствіяхъ, не онѣ главнымъ образомъ охватывали жизнь нашего дворянина, не въ нихъ онъ видѣлъ счастье своей жизни, не здѣсь сосредоточивалось главное его вниманіе. Были въ его жизни болѣе дорогія, болѣе близкія заботы, на которыя посвящалось много времени, силъ, труда. То были попеченія о семьѣ. Каковъ былъ идеалъ семейныхъ отношеній, лучше всего видно изъ слѣдующаго завѣщанія одного дворянина прошлаго вѣка (1746 г.): «всѣмъ вамъ дѣтямъ моимъ, старшимъ и меншимъ, когда прийдутъ въ возрастъ сей крайній, предаю завѣтъ, дабы вы, яко единокровные, другъ друга любили, житіе свое при всякихъ доброчинностяхъ по заповѣдемъ Божіимъ производили и всякіе дѣла не сами собою, но за совѣтомъ старшихъ сестеръ и братовъ, а паче въ малженствѣ (супружествѣ) и другихъ станахъ вщинали, и порученніе вамъ отъ мене имѣнія у добромъ порядкѣ содержували и не расточевали онихъ». Если-же кто нибудь изъ дѣтей расточалъ имѣніе, то другіе должны были лишить его части наслѣдства и раздѣлиться ею; въ случаѣ-же несчастнаго разоренія имѣніе потерпѣвшаго должно было поступить въ залогъ или продажу, но только его родственникамъ [1]).

Семья дворянская никакимъ образомъ не допускала выдѣлять своего члена прежде женитьбы. Холостая жизнь внѣ семьи считалась новшествомъ, позорящимъ семью, удручающимъ родителей, противнымъ общенароднымъ обычаямъ. Даже женатые сыновья не всегда выдѣлялись изъ семьи, предпочитая жизнь подъ родительскимъ кровомъ, при взаимной помощи, жизни самостоятельной, внѣ семьи [2]). Много лежало заботъ у отца и матери о семьѣ; но главными изъ нихъ были воспитаніе дѣтей и возможно большее матеріальное ея обезпеченіе.

Первоначальное воспитаніе дѣтей велось на дому: съ этою цѣлью нанимаемы были дьяки и семинаристы для мальчиковъ, учительки или инспекторки для дѣвочекъ. Дьячки, собравъ достаточное число мальчиковъ, заводили нѣчто въ родѣ школы, гдѣ столы замѣняли классы.

---

[1]) Завѣщаніе бунчуковаго товарища Бутовича. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Выпускъ 1 и 2, стр. 119, ст. Лазаревскаго.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 60.

Назывались они по предметамъ преподаванія: букварь, часословъ и псалтырь. «Школьники дѣлились на мальчиковъ, подростковъ и взрослыхъ. Писали сначала разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго-же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, уроки котораго производились раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ... А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ поручалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Окончившій приносилъ въ школу большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ особымъ обрядомъ бралъ платокъ себѣ, школьники съѣдали кашу, а горшокъ разбивали палками гдѣ либо на пустырѣ въ мелкіе куски. Къ праздникамъ дьякъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши» [1]).

Болѣе состоятельные дворяне предпочитали имѣть у себя дома учителя. Бывало и такъ, что два или три семейства совмѣстно договаривали воспитателя. Предметами обученія были: латинскій, нѣмецкій, французскій языкъ, политика, поэтицкое искусство и учтивство. Съ учителемъ заключался обыкновенно контрактъ, чему онъ долженъ учить, а также, какое ему вознагражденіе. Вотъ, для примѣра, такой контрактъ: «Иванъ Аркадійскій обязался учить сына Мишу по латыни и по нѣмецки, а ему за ученіе 20 р. въ годъ, за столъ-же и прочее 50 р., муки пшеничной 1 четверть, гречневыхъ крупъ 1 четверть, муки житной 4 четверти, пшена полъ-четверти, сахару двѣ головы». «Учителкѣ» къ подобнымъ условіямъ прилагались еще «лигоминки» [2]).

Домашними учителями являлись чаще всего семинаристы, бродившіе по городамъ и селамъ за денежными пособіями. Прійдя въ деревню, семинаристы пѣли по церквямъ, затѣмъ посѣщали господскіе дома, гдѣ, вручивъ предварительно хозяину свои ораціи, играли интермедіи и распѣвали духовные стихи [3]). Державца, нуждавшійся въ воспитателѣ,

---

[1]) Москвитянинъ, 1852 г., № 17, стр. 7.

[2]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 392, 399, 403, 225, 264.

[3]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 3, стр. 7, 16.

заставлялъ одного изъ пришедшихъ семинаристовъ что нибудь пропѣть, прочитать, а затѣмъ уже заключался контрактъ [1]).

Научившись первоначальной грамотѣ, дворянскія дѣти поступали въ латинскія школы, гдѣ совершенствовались въ латинскомъ языкѣ, постигали затруднительное, темное стихотворство, краснорѣчіе, философію и отчасти новые языки. Такія латинскія школы существовали въ Кіевѣ съ именемъ академіи, Черниговѣ, Переяславѣ и Харьковѣ подъ названіемъ коллегій. Но главное мѣсто, куда направляли свои стопы дворяне, былъ Кіевъ. Здѣсь поступали они въ академію, живя на частныхъ квартирахъ подъ присмотромъ инспектора, привезеннаго изъ дому. На обязанности инспектора лежало веденіе продовольственной части, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ воспитанниками, за хожденіемъ въ церковь, баню и проч. Инспекторъ поступалъ съ дѣтьми гуманно: ему не только не позволялось «за лобъ рвать, по головѣ бить, но даже назвать дѣтей мужикомъ или свиньей» [2]). Ученіе, происходившее въ неизмѣнныхъ классахъ: Фары, Инфимы, Грамматики, Синтаксики, Поэзіи, Риторики, Философіи и Богословіи, носило характеръ безжизненности, темноты и схоластичности. Покончивъ ученіе въ мѣстныхъ школахъ, часть воспитанниковъ поступала въ гражданскую службу, начиная ее въ войсковой генеральной канцеляріи, а позже въ малороссійской коллегіи [3]). Но значительное число покончившихъ съ домашней наукой продолжали искать свѣта въ польскихъ училищахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а съ половины XVIII в. и въ нѣмецкихъ университетахъ. Охота продолжать ученіе въ заграничныхъ школахъ была настолько велика у воспитанника, что даже матеріальная нужда не страшила его. «Когда мнѣ не пришлютъ денегъ, пишетъ воспитанникъ изъ Вроцлавля, и то, хочъ хлѣба просячи, буду учиться. Богъ мене не оставитъ... Але теперъ познаю, що то есть наука, що то ученый человикъ? якій зъ его пожитокъ! Также вѣра святая не можетъ стояти безъ науки: якъ можемъ церковь святую отъ еретиковъ чисту сохранити безъ науки? Не могу словами выразити» [4]).

---

[1]) Москвитянинъ, ibid., стр. 9.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 143. Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 275.

[3]) Шафонскій, стр. 35.

[4]) Сулимовскій архивъ, № 34.

Интересны по своей значительности и разнообразію тѣ требованія, которыя предъявлялись подчасъ сыну со стороны отцовъ при отправкѣ его въ заграничный университетъ. Требовалось изучить латинскій, французскій, нѣмецкій языки настолько, чтобы «чинно и свободно оными разговаривать и самимъ изряднымъ стилемъ писать», но главное «высокихъ авторовъ на тихъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать»; сверхъ языковъ полагалось пройти: церковную и свѣтскую, генеральную и партикулярную исторію, поэтику, риторику, логику, физику, метафизику, отчасти ариѳметику, астрономику, геометрію, тригонометрію, архитектуру, географію, этику, экономику, политику, юриспруденцію и механику, да еще «живописства, музыки, либо какого другого мастерства». При этомъ все это требовалось постигнуть такъ, чтобы «за возвращеніемъ въ отечество показать въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно время» [1]). Допустимъ, что это максимумъ требованій, предъявляемыхъ учащемуся, допустимъ, что писавшій это письмо генеральный хорунжій, Николай Ханенко былъ человѣкъ въ то время по образованію и уму не заурядный, но все таки, если возьмемъ даже минимумъ требованій, то и тогда они будутъ значительны. Здѣсь мало одного формальнаго отношенія къ дѣлу. Нужна любовь къ наукѣ, особенная страсть и уваженіе къ просвѣщенію, чтобы, теряя значительныя матеріальныя средства, претерпѣвая нерѣдко лишенія, ѣхать учиться въ чужія страны и одолѣть такую массу научнаго матеріала.

Что привязанность къ наукѣ была въ значительной степени развита среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя занятія дворянина у себя на дому. Желаніе знать современныя событія понуждало его выписывать газеты французскія, нѣмецкія и русскія. Выписка заграничныхъ газетъ затруднена была тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось сначала высылать деньги въ Москву къ почтмейстеру и уже оттуда выписывались заграничныя газеты [2]). Кромѣ газетъ, выписывались еще книги изъ Гданска (Дан-

---

[1]) Дневникъ Ханенка. Предисловіе А. Лазаревскаго, «Кіевская Старина» 1884 г., № 3, стр. XI и XII.

[2]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 6, стр. 62; Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 181, 126; ч. 1, стр. 62.

цига), Москвы и другихъ мѣстъ. Постепенное накопленіе книгъ способствовало составленію домашнихъ библіотекъ, число томовъ которыхъ доходило иногда до нѣсколькихъ сотенъ [1]). Иная книга переходила долго изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ бывала возвращена въ библіотеку. Судя по книгамъ, особенный интересъ среди дворянства имѣли сочиненія историческія: Sulpitii Severi—historia sacra; Buddei—historia ecclesiae; Cleverii—introductio in universam geographiam; Puffendorfi—introductio ad historiam Europae; Historia Poloniae; Historia rerum in Europa; De bello scytico cosacico; Woyna domowa; geographia antiqua et nova—Celarii и проч.

Непомѣрное чтеніе доводило иной разъ слишкомъ усерднаго читателя до сумашествія. Въ 1740 г. бунчуковый товарищъ Лаврентій Борозна помѣшался, началъ буйствовать, выгоняя изъ дому дѣтей и жену. Послѣдняя жаловалась на мужа за его «непотребніе затѣйки», объясняя, что «то все ему не съ чего иного приходитъ, какъ толко зъ его едного во умѣ помѣшателства, которое ему болѣе, уповаю, приключилось отъ излишнего пянного напитку, такожъ многаго писання и излишнего тожъ чтенія книгъ, ибо онъ, мужъ мой, и нинѣ не токмо, чтобъ куда проездился или за экономію господарскую имѣлъ какое радѣние, кромѣ едного разорения, не прибавля по экономіи ничего, но здержуя и готовие, по излишеству его, денги, а болѣе, затворясь крѣпко въ избѣ, пишетъ и читаетъ и чрезъ восѣмъ лѣтъ уже, по закону христіянскому, не сообщается всенайсвятѣйшимъ тайнамъ и въ церковъ никогда не ходитъ; но когда пойдетъ, то развѣ подъ алтаремъ постоитъ мало, а внутрь церквѣ никогда ходу не имѣетъ, имѣя о томъ нѣкоторое умовредное мнѣніе: взялъ-же себѣ въ мысль, что ежели неправедного, по его мнѣнію, человѣка убить, нѣкакова отвѣта предъ Богомъ не дасть, но еще, за то и особливое получитъ спасеніе» [2]).

Трудно опредѣлить въ данномъ случаѣ содержаніе книгъ, чтеніе которыхъ такъ гибельно отразилось на умственномъ состояніи Борозны.

---

[1]) Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 года, № 8, стр. 67. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 121, 225; ч. 1, 267.

[2]) Записки черниг. статист. комитета. Вып. 1 и 2, стр. 73.

Видно одно только, что помимо чтенія въ данномъ случаѣ работала мысль и работала, по всей вѣроятности, сильно...

Послѣ всего сказаннаго о степени и характерѣ образованности южно-русскаго дворянства, намъ станутъ вполнѣ понятны его просьбы къ русскому правительству объ открытіи въ краѣ университетовъ и гимназій. Первая попытка (1760 г.) въ этомъ родѣ принадлежитъ гетману Разумовскому, который внушилъ члену малороссійской коллегіи Теплову составить проэктъ относительно учрежденія университета въ Батуринѣ. Мотивами къ устройству университета были выставлены, съ одной стороны, склонность малороссійскаго народа къ наукамъ, съ другой отсутствіе удовлетворительныхъ школъ для высшихъ занятій, ради которыхъ «желающіе понять свыше того, что въ школахъ малороссійскихъ преподается, добровольно, положа надежду на щедрость подателей, выходятъ въ польскія училища, нѣмецкіе университеты, а иногда и до Рима, почитая оный, по ихъ мнѣнію, за древній Коринфъ». На постройку университета предполагалось часть суммы собрать изъ дворянъ «по пропорціи своего имущества», такъ какъ «сіе учрежденіе для воспитанія господскихъ дѣтей постановляется». Въ студенты университета могли поступать воспитанники, окончившіе курсы въ кіевской, переяславской, черниговской, бѣлгородской и польскихъ школахъ. Курсъ ученія полагался трехгодичный. Лекціи должны были читаться по слѣдующимъ каѳедрамъ: 1) латинскаго краснорѣчія; 2) логики, метафизики, философіи практической; 3) натуральному праву и юриспруденціи; 4) древностямъ, исторіи литеральной и политической, генеалогіи и геральдики; 5) физикѣ теоретической и практической; 6) физикѣ экспериментальной и математикѣ со всѣми ея частями; 7) анатоміи; 8) химіи; 9) ботаникѣ и исторіи натуральной [1]).

Въ 1764 году было подано Екатеринѣ II прошеніе южно-русскаго дворянства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, гдѣ между прочимъ была выражена просьба объ основаніи въ Малороссіи двухъ университетовъ: въ Кіевѣ съ четырьмя факультетами, въ Батуринѣ съ тремя. Въ этомъ-же прошеніи возбуждалось ходатай-

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ 1863 г. книга 2, стр. 67—85.

ство объ основаніи гимназій [1]). Три года спустя, когда выбирались депутаты въ «коммиссію для сочиненія новаго уложенія», наше дворянство въ своихъ наказахъ снова проситъ императрицу пожаловать ихъ высочайшею милостію, учредить университетъ въ Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими городами»; затѣмъ проситъ учредить шляхетскій корпусъ, гимназію и «домъ воспитательный для дѣвицъ, ибо и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи». Но не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ порывамъ южно-русскаго дворянства [2]). Ни одинъ изъ проэктируемыхъ университетовъ не былъ открытъ, а гимназіи начали открываться только въ началѣ XIX вѣка. Становится въ данномъ случаѣ непонятнымъ тотъ индеферентизмъ, съ какимъ правительство Екатерины II отнеслось къ просьбамъ дворянства о расширеніи мѣстнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина любила просвѣщеніе и глубоко уважала дворянское сословіе. Нельзя думать, чтобы тутъ была боязнь или какое-нибудь преднамѣренное желаніе задержать образованіе края. По всей вѣроятности, военныя предпріятія екатерининской эпохи и другія дѣла внутри государства заставляли откладывать просвѣщеніе южной Руси въ долгій ящикъ.

Подводя теперь итогъ потребностямъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка, мы увидимъ, что онѣ были довольно значительны. Начиная съ увеселеній, переходя къ религіознымъ потребностямъ и кончая стремленіемъ къ наукамъ и воспитанію дѣтей—все требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе высокой матеріальной обезпеченности, а также хорошаго состоянія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ добывались средства, говорю хорошаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было находить другія лазейки. Къ сожалѣнію, южно-русское дворянство прошлаго вѣка, стремясь къ обогащенію, сосредоточивало свои заботы только на количествѣ доходовъ, а какимъ образомъ они добывались, объ этомъ, какъ увидимъ, мало думали наши дворяне.

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 6, стр. 344.

[2]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., стр. 48.

Главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для нашего дворянина служила земля, пріобрѣтеніе которой большею частію обходилось безъ затратъ, а если и съ затратами, то самими незначительными: получались земельные участки съ хуторами и селами въ подарокъ отъ государя или гетмана за службу, отъ родныхъ по наслѣдству, отъ козаковъ путемъ покупки и отбиранія за долги, наконецъ присваивались ранговыя имѣнія, т. е. отданныя на время занятія извѣстной должности. Такимъ образомъ составлялись громадныя имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, съ даровыми рабочими руками, являвшимися въ лицѣ крестьянъ, жителей полученныхъ помѣстій [1]). Большая часть земель засѣвалась рожью, но послѣдняя рѣдко шла въ продажу. Для нея было другое употребленіе—это винокуреніе. Производство водки было сильно распространено между дворянскимъ сословіемъ XVIII в., что является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе съ одной стороны полную свободу выкуриванія и продажи водки, безъ всякихъ налоговъ, а съ другой невозможность сбывать на рынкѣ рожь за отсутствіемъ большаго спроса. Вотъ почему въ XVIII в. почти въ каждомъ помѣщичьемъ хуторѣ находилась винокурня, выкуривавшая десятки куфъ (бочекъ) водки, которая путемъ продажи распространялась на мѣстѣ, а еще больше въ Великороссіи, на Кавказѣ и за границей [2]). Каждый державца, имѣвшій винокурню, имѣлъ въ то-же время нѣсколько шинковъ по городамъ и селамъ. Шинки эти отдавались иногда въ аренду евреямъ, а иногда помѣщикъ садилъ туда честнѣйшаго изъ своихъ слугъ. Торговля въ шинкахъ была очень выгодна для державцы. Она доставляла ему и деньги и рабочую силу, ибо всякій крестьянинъ и козакъ, набравшій въ долгъ водки и не имѣвшій средствъ уплатить долга—поступалъ въ услуженіе къ державцѣ [3]). Кромѣ земледѣлія, державцы занимались еще скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Число овецъ державцы простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; но содержаніе овецъ велось небрежно, что вызвало извѣстныя

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 213; см. вып. 62.

[2]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г. Прибавленіе, стр. 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 339.

[3]) Дневникъ Марковича, стр. 256, ч. 2.

мѣропріятія Петра I, разославшаго по Малороссіи регулы, т. е. правила, какъ содержать овецъ. Больше цѣнились волы, которыхъ много продавали въ Силезіи и Москвѣ. Распространены были также конскіе заводы, гдѣ содержались лошади разныхъ породъ: неаполитанской, англійской, гишпанской, датской, барбарской и проч. Лошади сбывались преимущественно въ Польшѣ [1]). Но самымъ любимымъ занятіемъ для дворянина было пчеловодство. Пасѣки были громадны: каждая вмѣщала до 200 пней, а такихъ пасѣкъ бывало 4, 5 и больше. Непосредственное веденіе пасѣки поручалось пасѣчнику, на обязанности котораго лежало: ульи дѣлать, аккуратно пчелъ кормить медомъ, выискивать удобныя мѣста для перевозки лѣтомъ пасѣки, стараться объ увеличеніи прибыли, ставить ульи въ погребъ на зиму и навѣдываться туда [2]). Существовало еще дупляное пчеловодство, иначе бортничество, особенно распространенное въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Не менѣе было развито производство пеньки, особенно въ Стародубовщинѣ. Мало того, что дворяне сами разводили ее; они давали еще мужикамъ въ долгъ деньги, требуя возврата пенькой. Пеньку для продажи отправляли въ Ригу, Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ частію продавали за деньги, частію-же промѣнивали на сукна и вино и на товары, необходимые для домашняго обихода [3]).

Существовали еще тютюнныя (табачныя) плантаціи, преимущественно въ полкахъ черниговскомъ и нѣжинскомъ, въ сотняхъ конотопской и борзенской, отчасти въ полкахъ полтавскомъ, гадяцкомъ, прилуцкомъ и сотнѣ роменской. Табакъ производился: простой, виргинскій, амерфордскій, турецкій и гадяцкій. Для продажи его отправляли въ Бѣлоруссію, Сибирь, Петербургъ, Польшу, Крымъ, Курляндію и Запорожье [4]). Что касается до заводовъ и фабрикъ, то ихъ, кромѣ винокурень и будъ (селитренныхъ заводовъ), въ южно-русскомъ краѣ было мало.

У нѣкоторыхъ державцевъ были заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Руда, добываемая изъ болота, годилась только

---

[1]) Шафонскій, Топограф. опис. черн. нам., стр. 533. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 316; ч. 1, стр. 253.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 98.

[3]) Сулимовскій архивъ, № 129.

[4]) Шафонскій, стр. 10. Дневникъ Марковича, ч. 1. стр. 21, 39.

для плавленія чугуна и мелкихъ полосъ желѣза. Послѣднее употреблялось исключительно на мѣстѣ [1]). Больше было развито стекляное производство. На гутахъ (такъ назывались въ южной Руси стекляные заводы) выдѣлывалась посуда для домашняго обихода, часто изъ простаго зеленаго стекла; бѣлаго-же оконнаго и хрусталя почти не выдѣлывалось. Въ большомъ распространеніи, какъ я уже сказалъ, было селитреное производство. Въ каждомъ полку и сотнѣ находились буды, выдѣлывавшія селитру. Главнымъ мѣстомъ продажи ея были шостенскіе пороховые заводы [2]).

Наконецъ у помѣщиковъ въ домахъ выдѣлывались: домашніе холсты, скатерти, серветки, ковры, простыя бѣлыя и черныя сукна для домашняго употребленія и продажи [3]). Если товары продавались дворяниномъ на мѣстныхъ деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ, то покупателями ихъ чаще всего являлись мѣстные торговцы, называвшіеся «гандлювными людьми». Эти гандлювные люди покупали: водку, тютюнъ, вовну, воскъ, лой, ганушъ (анисъ) и проч., ведя торговлю въ Силезіи, Кролевцѣ прусскомъ, Слуцкѣ, Вильнѣ, Данцигѣ, Могилевѣ и проч. [4]).

Такимъ образомъ предметомъ торговли въ большинствѣ случаевъ были сырые матеріалы.

Вообще-же обрабатывающая промышленность и торговля края были весьма неразвиты и среди низшихъ сословій, и среди дворянства, такъ что съ «великою нуждою можно какую нибудь порядочно сдѣланную вещь получить, а должно почти все изъ Москвы или Петербурга доставать» [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 20; Сулимовскій архивъ, № 141.

[2]) Шафонскій, стр. 21, 328, 412, 628. 650. Сулимовскій архивъ, № 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 310. Въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній до сихъ поръ сохранились названія селъ и хуторовъ: Буды, Рудни, Гуты, мѣста, гдѣ были въ XVIII в. заводы.

[3]) Шафонскій, стр. 616 и др. Намъ приходилось видѣть въ Гадячѣ изъ этихъ издѣлій ковры; цвѣта шерсти подобраны были удачно. Рисунки выполнены удовлетворительно и взяты изъ мѣстной жизни: бандуристъ сидящій, крестьяне въ національныхъ костюмахъ и проч.

[4]) Архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, № 3216. Сообщеніемъ этого документа мы обязаны проф. Д. И. Багалѣю.

[5]) Шафонскій, ibid., стр. 21.

Вотъ эта-та невозможность удовлетворять большую часть своихъ потребностей у себя дома, а также мѣстными произведеніями, въ связи съ неумѣренной страстью къ обогащенію заставляла дворянина искать другихъ источниковъ доходовъ. Этими источниками явились непомѣрныя повинности крестьянъ, выражавшіяся въ двухъ ихъ положеніяхъ: одни «крестьяне панщину робили», другіе на «чиншѣ сидѣли». Кромѣ этого крестьяне должны были давать державцѣ еще такъ называемую осенщину. Она собиралась съ урожая по числу рогатаго скота: помимо хлѣба осенщина выплачивалась деньгами, домашней птицей, овцами, мотками нитокъ, орѣхами, хмѣлемъ, яйцами, произведеніями домашней утвари и проч. Платили также за позволеніе жениться, что называлось «куничными грошами». Съ пасѣкъ брали пчелиную десятину (1 улей отъ десятины), очковое (отъ улья), съ тютюна-же— тютюнную.

Что касается до количественныхъ размѣровъ этихъ повинностей, то они опредѣлялись исключительно самимъ державцею. Отъ его воли зависѣло уменьшать или увеличить требованія, щадить крестьянъ и ихъ имущество, заботиться о развитіи ихъ хозяйства или, игнорируя всѣмъ этимъ, стараться только лишь о возможно большемъ полученіи прибыли. Къ сожалѣнію среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка проявились стремленія лишь втораго рода. Какъ панщина, такъ и другія повинности были неумѣренны, и тяжело ложились на крестьянское сословіе. Панщина, ограниченная 2-мя днями въ недѣлю, дошла до 4-хъ и 5 дней, благодаря чему крестьяне жаловались, что «имъ не можно и хлѣба лѣтомъ заработать» [1]). Размѣры другихъ повинностей были настолько значительны, что окончательно разоряли крестьянское хозяйство [2]). Большей зависимости крестьянъ отъ державцы способствовали также частые ихъ займы денегъ и продуктовъ. Державца, дабы побольше получить себѣ выгоды, запрещалъ своимъ крестьянамъ зани-

---

[1]) См. Посполитые крестьяне, А. Лазаревскаго, стр. 48, 46.

[2]) Ibid. Въ м. Шаповаловкѣ (борзенской сотни) крестьянъ считалось 78 домохозяевъ: многоземельныхъ 5, малоземельныхъ 27, огородниковъ 8 и безземельныхъ 38. Одни отдавали державцѣ жита батуринской мѣры 50 осмачковъ, овса 75 осмачковъ, пшеницы 3 четверти, пшона 3 четверти, гороху 3, сѣмени конопля-

мать что-либо у кого другаго, кромѣ себя. Заемъ для большей гарантіи производился иногда цѣлому обществу. Вотъ для примѣра условія займа: «слоутцы дали обликгъ на 50 р., имъ данные взаймы, съ условіемъ возить намъ 10 лѣтъ дрова и дерево и всякаго года давать намъ на 1 или 2 дня косарей по 20 человѣкъ» [1]).

Нѣкоторые державцы, занимавшіеся торговлей, имѣли обыкновеніе раздавать крестьянамъ для продажи свои товары: шелкъ, сафьянъ, вино и др. Цѣны на товаръ выставлялись высокія, такъ что крестьяне отъ продажи товара получали значительные убытки; но державца требовалъ означенную плату сполна, что и долженъ былъ выполнить посполитый, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили «кіевіе побоища, мордерское обращенье», наконецъ тюрьма, куда сажали подъ часъ и ни въ чемъ неповинную жену должника [2]). Результатомъ такихъ угнетеній крестьянъ было то, что они бросали свои дома, бросали свое имущество и уходили искать лучшей жизни; но бывали еще худшія послѣдствія— крестьяне поднимали буйства, оканчивавшіяся весьма плохо для державцы: «онъ бывалъ забитъ, пробитъ и носъ ему отрѣзанъ» [3]).

Коснувшись крестьянскихъ повинностей, какъ источника доходовъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, нельзя тутъ-же не упомянуть о другой общественной группѣ XVIII вѣка—козачествѣ, приносившемъ то-же немало прибыли дворянину. Правда, добываемыя изъ этого источника средства, являются результатомъ насилія, цѣлаго ряда несправедливостей, нарушенія войсковаго права и носятъ какъ-бы частный, случайный характеръ, но они настолько все-таки значительны, что не упомянуть о нихъ нельзя. Прежде всего козаки являлись рабочей силой для нашего дворянина. Недостатокъ въ работникахъ при обширности

наго 3 четверти; кромѣ того 300 квартъ масла (по квартѣ отъ вола), 300 квартъ олѣи, овецъ 230, кабанивъ годованихъ 60, гусей 300, утокъ 300, курей 600, яицъ 5000, грошей 200 золотыхъ (золотой 20 коп.), не говоря уже о томъ, что эти-же крестьяне безплатно орали поле, косили сѣно, убирали хлѣбъ, возили подводами въ Москву пашню и горѣлку. Въ большей или меньшей степени такой-же характеръ носили повинности и у другихъ державцевъ. Ibid., стр. 36—68.

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 391; ч. 2, стр. 377, 387.

[2]) Лазаревскій. Посполитые крестьяне, стр. 51, 63.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 122.

маетностей побуждалъ державцу, занимавшаго извѣстный урядъ (должность), произвести давленіе на козаковъ и заставить ихъ не только плотины гатить, дерево возить на разныя постройки, землю пахать своими плугами, хлѣбъ жать, но даже печи топить, дрова рубить, коней поить и проч. Вдовъ козачьихъ также сгоняли для всякой работы: бѣлье мыть, посуду чистить, хаты бѣлить и всякое дѣло дѣлать, что прикажутъ наравнѣ съ наемными работницами [1]).

Да при этомъ «жезлъ внушенія» имѣлъ большое приложеніе, такъ что козаки заявляли, что «не мордовали такъ паны лядскіе (польскіе) своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями», какъ панъ свой, «препровождавшій до смерти и калѣцства» [2]).

Но на этомъ власть дворянина не останавливалась, она шла дальше; она посягала не только на личныя, но и на имущественныя права козака. Захватывали державцы у козаковъ поля, рыбныя ловли, млины, сѣнокосы; при этомъ съ такимъ «гвалтовнымъ нападеніемъ», что выбирали изъ жилыхъ хатъ двери и окна [3]).

Пути, которыми производились захваты козацкаго имущества, были разные.

Купитъ бывало державца въ своемъ полку часть земли и начнетъ отсюда мало по малу распространять свое давленіе на козаковъ, пріобрѣтая все больше и больше грунтовъ. Заплатитъ одному, другому за землю, «а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; да настроитъ хуторовъ на свободныхъ степяхъ, и такое стѣсненіе сдѣлаетъ хуторами въ полку, что куда не глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не рады продавать» [4]). А вотъ и другой путь. Отдастъ державца козаку изъ извѣстной части «вышинковать» въ своей деревнѣ водки, «а ищетъ къ такому дѣлу такихъ козаковъ, которые-бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли» и достигнетъ своей цѣли. Пройдетъ извѣстный срокъ, помѣ-

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., № 5, стр. 494. Жалоба лубенскаго козака на пана Марковича Петру II. «Кіевская Старина» 1882 г., № 3. Люди старой Малороссіи, Лазаревскаго, стр. 425.

[2]) Русскій Архивъ 1875 г., № 7, стр. 252.

[3]) Русскій Архивъ, 1875 г., № 3, стр. 324.

[4]) Ibid., 1875 г., № 7, стр. 252.

щикъ задастъ козаку столько вина, что онъ не въ состояніи за него потомъ всѣ деньги уплатить. Тогда начинается судебный процессъ по козацкому обязательству; въ итогѣ получается потеря козакомъ грунтовъ своихъ, если-же ихъ мало, то и самъ поступалъ къ державцѣ въ отслугу [1]).

Такими или иными путями, козакъ, доведенный южно-русскимъ дворяниномъ до крайняго убожества и скудости, нерѣдко бросалъ свою козацкую службу, отказывался отъ присвоенныхъ ему правъ и поступалъ къ державцѣ въ качествѣ простаго работника, крестьянина.

Другаго исхода отъ насилій у козака не было, такъ какъ дворянинъ, являвшійся въ данномъ случаѣ его угнетателемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его военный и гражданскій начальникъ. Онъ могъ тѣснить на каждомъ шагу. Поданная въ судъ жалоба въ большинствѣ случаевъ не имѣла значенія, ибо была парализуема судьями, представлявшими собою людей, которые установили за принципъ: сильнаго миловать, слабаго тѣснить. По селамъ процвѣтали корчемные суды, т. е. судили въ шинкахъ, гдѣ можно было скорѣе прійти къ желаемымъ результатамъ, благодаря спаиванію. Въ городахъ дѣйствовала взятка и насиліе. Не сдерживаемый на урядѣ властію, смотрѣвшій на свои служебныя обязанности лишь только съ точки зрѣнія наживы, державца бывалъ плохимъ общественнымъ дѣятелемъ, еще худшимъ общественнымъ борцемъ, въ особенности, когда его личные интересы были въ сторонѣ. Въ походахъ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, словомъ, гдѣ только можно было поживиться, онъ живился, не стыдясь взятокъ, насилій, утаиваній общественныхъ денегъ и проч. Ни слезы, ни мольбы потерпѣвшихъ не могли смягчить его сердца. Стремленіе къ наживѣ, къ пріобрѣтенію богатства—все заслоняло предъ его глазами [2]). И дѣйствительно дворянинъ южно-русскій въ значительной степени этой цѣли

---

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси; Записка Теплова, стр. 193.

[2]) Желающихъ подробно ознакомиться съ общественною дѣятельностію украинскаго дворянства прошлаго вѣка отсылаемъ къ статьямъ почтеннаго изслѣдователя южно-русской старины А. Лазаревскаго. См. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Вып. 1 и 2; Русскій Архивъ, Очерки малорусскихъ фамилій, 1875 г., т. I, II, III; 1880 г., т. I; «Кіевская Старина» 1882 г., № 1, 3; 1884 г., № 1.

достигалъ. Матеріальное его положеніе въ XVIII в. было, какъ мы видѣли, весьма удовлетворительно.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ государственныхъ повинностяхъ, которыя лежали на южно-русскомъ дворянинѣ.

Главныя изъ нихъ были: 1) содержаніе войскъ на зимнихъ квартирахъ, 2) раціи и порціи, взимавшіяся во время войнъ, 3) наконецъ участіе на свой счетъ лично въ походахъ и посылка крестьянъ въ такіе походы.

Всѣ эти повинности тяжело отражались на хозяйствѣ державцы. Размѣры порцій и рацій на консистентовъ (квартирующихъ солдатъ) и на армію не были строго установлены, почему эти налоги взимались большею частію безъ мѣры, притомъ взимались экстренно, такъ что не было никакой возможности приготовиться заранѣе или просить отсрочки. При этомъ, если не выполнялось то или иное требованіе, то прибѣгали къ весьма строгимъ мѣрамъ. Чтобы показать, насколько эти требованія были разнообразны и значительны, я приведу два три примѣра. Староста державцы Марковича заявляетъ ему «о нуждахъ людскихъ, что были поборы людей съ подводами отъ квартирующихъ военныхъ воронежскаго полка, а также возка двойнаго провіанта и фуража, перевозка изъ магазиновъ кулей и возка сѣна кобылицамъ государевымъ въ два мѣста. На армію брали по 20 тысячъ и болѣе муки, овса, крупъ; брались раціи по нѣсколько разъ въ годъ; дача сѣна простирала до 500 тысячъ пудовъ, которое нужно было еще везти въ какую нибудь Царицанку за 993 версты. А тутъ переходила артиллерія, требовали отъ каждыхъ двухъ дворовъ по надежной подводѣ. Пріѣхавши, прапорщикъ ярославскаго полка требовалъ въ это-же время воловъ съ чиновниковъ: съ полковниковъ по тридцати, съ бунчуковыхъ по 15, со значковыхъ по 1 [1]). Много страдало хозяйство державцы отъ повинностей, но еще больше отъ насильственныхъ захватовъ солдатами продуктовъ, скота и проч. Солдаты забирали хлѣбъ у крестьянъ державцы, и не только тотъ, что на верху былъ, но и изъ ямъ; воловъ уводили, токъ палили, иногда нападали въ день на домъ державцы, со шпагами галясовали, а когда слуги державцы отняли у нихъ

[1]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 62, 82, 105.

шпаги, то солдаты занесли жалобу своему капитану, и слуги были побиты въ наказаніе палками. Или наѣдетъ какой нибудь капралъ на избу державцы и начнетъ здѣсь требовать себѣ незаконно постоя. Хозяинъ отказываетъ; тогда капралъ дѣйствуетъ внушительнѣе: приводитъ на подмогу товарищей, нападаетъ на хозяина съ палашами, валитъ его на землю, таскаетъ за волосы, «порицая змѣнникомъ и другими скверными словами.» И прибьетъ капралъ державцу настолько сильно, что тѣло его опухнетъ, и самъ онъ «съ минуты на минуту смерти ожидаетъ» [1]).

Для предотвращенія такихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство просило Екатирину II вновь подтвердить, чтобы своевольствъ солдаты не дѣлали: «лагерями безъ отводу не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали и несноснѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче злобы военные начальники въ городахъ и землѣ подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли [2]). Не меньше ущерба хозяйству державцы приносили частыя высылки посполитыхъ для различныхъ сооруженій, а также и военные походы въ качествѣ погонщиковъ. Высылки такія доходили до десяти и болѣе тысячъ. Большая часть высылаемыхъ крестьянъ отъ тяжелаго климата и трудныхъ работъ умирали въ походѣ. «Съ выправленныхъ мною Сваржовцевъ (13 человѣкъ), замѣчаетъ Яковъ Марковичъ, въ походъ прошлаго года (1738 г.), возвратился одинъ зайченокъ, да и у того ноги отморожены, о протчихъ объявляется, что всѣ померли» [3]).

Въ этихъ-же походахъ принимали личное участіе и сами дворяне. То была одна изъ самыхъ тяжелыхъ ихъ обязанностей. Многіе не хо-

---

[1]) Записки черниговскаго статистическаго комитета. Вып. 1 и 2, стр. 43. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 26, 40.

[2]) Авсѣенко, стр. 53.

[3]) Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 40.

тѣли идти, отнѣкивались, но отказаться трудно было, такъ какъ въ будущемъ грозилъ большой штрафъ.

Приходилось дворянину идти, приходилось бросать родной кровъ, родную семью, излюбленное хозяйство, покидая все на попеченіе жены. Наставалъ тяжелый, грустный день проводъ; сумрачнымъ онъ казался державцѣ, страшило его неизвѣстное будущее, нелегкая походная жизнь, не совсѣмъ пріятное сосѣдство чужихъ людей; провожали его за 20, 30 верстъ жена, близкіе родные и знакомые и «гладили» на остановкахъ дорогу... Долго тянулось скучное шествіе въ походѣ, много истрачивалъ средствъ дворянинъ на содержаніе себя и своихъ слугъ. Придя къ мѣсту, гдѣ строилась линія или крѣпость, или усмирялись возставшіе горцы, дворяне болѣли отъ тяжелаго климата десятками; но возвращались домой, до окончанія похода, только тогда, когда нѣсколько докторовъ давали удостовѣреніе въ дѣйствительности болѣзни [1]. Да и вообще положеніе ихъ было тяжелое... «О здешнемъ нашемъ поведеніи,» пишетъ дворянинъ матери съ сулацкаго похода, «не освѣдчаю, бо гидко и освѣдчати, тилко еще милостію Божію ненарушимо въ здоровю зостаемъ. Денегъ сколко взялемъ отъ вашой родителской милости, толко есть третяя часть при мнѣ; много стратилемъ дорожнетою купуючи... А о всякихъ болшъ нуждахъ не освѣдчаю, толко добродѣйку матку мою о призрѣніе добродѣйское на мене, здесь страждущого, всепокорнѣйше прошу» [2].

Другой державца въ своей автобіографіи замѣчаетъ: «въ 1760 году отправленъ былъ тисячною командою въ прусскій походъ и тамъ чрезъ цѣлій годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалымъ убиткомъ имѣній моихъ, обритался» [3]. Кратки эти замѣтки, но понятны... Вотъ почему возвращеніе дворянина домой съ походу было вторымъ свѣтлымъ праздникомъ для семьи. Выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ возвѣщали домашнимъ о возвращеніи съ похода. Дома же, въ этомъ случаѣ, не только устраивались бенкеты, но даже сочиняли близкіе родственники вирши, которыя и читали при встрѣчѣ съ возвратившимся».

---

[1]) Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 9, 10, 16, 183, 196, 209.

[2]) Сулимовскій архивъ, № 39.

[3]) «Кіевская Старина» 1883 г., № 11, стр. 450.

Такова была жизнь южно-русскаго дворянина XVIII в. до той знаменательной поры, когда пришлось ему перемѣнить кунтушъ на вицмундиръ, шапку на шляпу, подбритый чубъ на искуственную косу, саблю козацкую на короткую шпагу. Страннымъ онъ казался въ такомъ нарядѣ среди своей семьи; но еще болѣе страннымъ представлялся онъ крестьянамъ, съ усмѣшкой смотрѣвшимъ теперь на своего пана. «То таки бувало выйде,» говорили они, «або на коня сяде, уже панъ якъ панъ: а теперъ—абы-що; нимець не нимець, такъ соби пидщипаный» [1]).

Николай Бакай.

---

[1]) Москвитянинъ 1852 г., № 17. Исторія Малороссіи, стр. 13.

УНИВЕРСАЛЪ
КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА.

(*Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернардинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ*).

Приводимый здѣсь универсалъ, какъ крѣпостной документъ на недвижимую собственность церкви Николая Добраго въ Кіевѣ, давно утратилъ свое значеніе, но сохранилъ свою цѣну историческую. Въ немъ содержится яркое указаніе на то, какъ ширились поляки, ихъ ксендзы и костелы въ Кіевѣ, въ самой торговой его части—Подолѣ, до половины XVII вѣка, какъ увеличивали они недвижимую собственность, какъ тѣснили православныхъ, съ участіемъ жидовъ и армянъ, и какъ радикально отдѣлались отъ всѣхъ этихъ пришлецовъ козаки въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Фактически всѣ они изгнаны при занятіи Кіева восторжествовавшею козацкою силою; но тогдашній полковникъ кіевскій Василій Дворецкій не удовольствовался этимъ, а испросилъ особую царскую грамоту, воспрещавшую кому-бы ни было изъ названныхъ пришельцовъ селиться въ Кіевѣ,—мѣра, сохранявшая относительно евреевъ всю свою силу до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, точнѣе до генералъ-губернаторства князя И. И. Васильчикова и Н. Н. Анненкова.

Въ этомъ-же документѣ находимъ подтвержденіе существованія полумиоическаго въ исторіи козачества гетмана Кушки, но съ именемъ Матфея, а не Самойла, какъ въ думахъ. Онъ былъ строителемъ церкви Добраго Николая, и это, кажется, обстоятельство послужило поводомъ для полковника Дворецкаго отдать въ вѣчное владѣніе означенной церкви всѣ не козаками занятые грунта бернардинскіе, іезуитскіе и орменскіе, съ обращеніемъ въ доходъ церкви и обычной отъ тѣхъ грунтовъ *куницы*, т. е. денежной платы и натуральной повинности отъ тѣхъ мѣщанъ, которые построились на нихъ. Гетманская де-скать, козачья церковь, пусть-же она и владѣетъ добромъ,

козачею шаблею добытымъ, «абы въ ней богомоліе было за его пресвѣтлое царское величество и на войско его запорозское изъ домовъ Божіихъ благословеніе зоставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ и надъ непріятелми вѣры нашой православной побѣду и одолѣніе подалъ».

Универсалъ заимствованъ нами изъ документовъ церкви Добраго Николая, гдѣ онъ хранится въ подлинникѣ, съ именною восковою печатію, на которой въ изящной орнаментикѣ въ самой срединѣ помѣщенъ фамильный гербъ полковника, въ видѣ серпа и звѣзды въ центрѣ его, а на верху его инициалы: *В. Д.* На оборотѣ слѣдующая надпись, сдѣланная почеркомъ XVII ст.: *Фундушъ, або универсалъ пана Василія Дворецкого, полковника кіевского, на владѣніе фундушовъ шляхетскихъ, на церковь свято-добро-николскую данный.*

Василій Дворецкій, полковникъ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского кіевскій.

Всимъ вобецъ и кождому зъ-особна, кому-бы о томъ вѣдать належало, а меновѣте ихъ милостямъ паномъ полковникомъ, эсавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, городовымъ и всей черни козакамъ зъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозского и каждое кондиціи людемъ, на урядахъ въ городе Кіеве теперъ и въ потомніе часы зостаючимъ, тымъ писанемъ моимъ до вѣдомости доношу, иже мы, видечи, счо предъ часы одъ многихъ шляхтичовъ, въ Кіеве дворы для пріѣзду своего маючихъ, дѣялося стисненє церквамъ Божимъ и знищене оттоль уростало знаменитыхъ фундацій отъ православныхъ князей малороссійскихъ кіевскихъ и уйма чиниласе, а ляхи—одни кадуками (захватами), а другіе беручи себе одъ мѣщанъ дочки за жоны, пососорами добръ по мѣщанахъ, у Кіеве будучихъ, ставалися; теды въ тотъ часъ кождый ляхъ, ку вѣры своей ближшимъ будучи, на своихъ пляцахъ костелы побудовали, а другіе и помуровали, утиокъ великій церквамъ Божимъ, обывателемъ и мѣщаномъ кіевскимъ за своего панства чинили и силомоцю грунта и пляцы одыймовалы, где мы о томъ добре вѣдаючи и знаючи и тому въ потомные часы запобѣгаючи, жебы болшей мешканцами въ Кіеве ляхи, ормяне, жиды не были вѣчными часы, одъ его царского пресвѣтлого величества на покрипость и грамоту городу Кіеву, за нашимъ старанемъ даную, выправилисмо; теды теперъ, углядаючи,

жебы стислымъ церквамъ Божимъ кіевскимъ цвинтари, где бы могли людей мертвыхъ класти, розширены и гробовиска не по улицахъ были, але абы въ опасаню ширшомъ коло церквей Божихъ мертвыхъ кладено и ховано было, на церковъ святого Николы доброго, которую то церковъ небожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорозского, фундацію заложивши, побудовалъ, пляцы ксендзовъ барнадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якые въ своей долгости и широкости маютъ зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался, надаемо и вѣчно лекгуемо, абы хвала Божая розширалася, а за его царское пресвѣтлое величество и за увесь сvнклитъ его богомоліе было, и на войско его царского пресвѣтлого величества запорозкое изъ домовъ Божіихъ благословеніе зоставало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословилъ, и надъ непріятелмы вѣры нашой православной побѣду и одолѣніе подалъ; стороны засъ козаковъ, которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблей добыли и, за вѣдомостю прежныхъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорозского даные маютъ и ведлугъ пунктовъ въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленыхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпомененыхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куницъ волными быти маютъ. Которое то писаніе наше для болшое и далшое вѣры и певности паномъ ктиторомъ и парафіяномъ церквы святого Николы доброго съ подписомъ руки нашое и при печати полковой даемо. Дѣялося въ Кіеве, мая 12 дня 1660 року.

Вышменованный рукою власною.

(М. П.)

Проэктъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія. Онъ составленъ правителемъ канцеляріи литовскаго генералъ-губернатора, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Щепановскимъ въ 1801 г., подъ скромнымъ названіемъ «*Записки*», а достался намъ въ современной копіи въ числѣ бумагъ покойнаго профессора кіевскаго университета Ставровскаго, извлекшаго этотъ, какъ и массу другихъ документовъ изъ архива потемкинскаго секретаря В. Попова.

Основная мысль проэкта заключается въ томъ, чтобы въ ново-присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, нынѣшнемъ сѣверозападномъ и юго-западномъ краѣ, въ оставшихся за казною населенныхъ имѣніяхъ вести въ широкихъ размѣрахъ сельское хозяйство, съ помощію особой казенной администраціи, проэктируемой къ учрежденію запиской Щепановскаго. Ближайшимъ поводомъ или исходной точкой такого проэкта служитъ мысль о необходимости содержать въ новоприсоединенныхъ областяхъ огромную военную силу, по крайней мѣрѣ въ числѣ 150,000 душъ. Содержаніе такой арміи обычнымъ и тогда подряднымъ способомъ заготовленія фуража по смѣтнымъ цѣнамъ обходилось-бы очень дорого, а получая главные предметы продовольствія—хлѣбъ и сѣно изъ казенныхъ имѣній въ натурѣ, можно было не только значительно уменьшить цифру содержанія войскъ, но и доставить казнѣ знатный доходъ, въ особенности при чрезвычайномъ плодородіи земли въ юго-западномъ краѣ. Такъ разсуждалъ авторъ проэкта, и его разсужденіе, внѣ условій практическаго примѣненія, было вполнѣ справедливо и основательно. Расходы не достигаютъ и 100,000, а барыши могли быть милліонные. Кого не могла прельстить подобная мысль? Самъ составитель проэкта настолько увлекся ею, что предлагаетъ не только прекратить дальнѣйшую раздачу земель, но взять въ казну старостинскія и католическія духовныя, равно выкупить пожалованныя прежде въ этихъ провинціяхъ имѣнія, владѣльцы которыхъ въ самое короткое время успѣли такъ обременить ихъ долгами, что были-бы только рады казенной отъ нихъ покупкѣ.

Имѣлъ ли проэктъ въ такомъ или иномъ видѣ дальнѣйшій ходъ, ни откуда не видно. Едва-ли однако записка столь важнаго содержанія, составленная притомъ въ центрѣ управленія присоединеннымъ краемъ, могла быть писана такъ сказать на вѣтеръ, или для любопытства потомства. Самая мысль записки едва-ли

принадлежала тому, кто на ней подписался полнымъ своимъ титуломъ и именемъ. Мысль эта могла принадлежать лишь людямъ, облеченнымъ болѣе широкою властью, надѣющимся на проведеніе самыхъ широкихъ плановъ. Такая мысль могла быть тогда въ ходу въ сферахъ вліятельныхъ, если не принадлежала самому тогдашнему генералъ-губернатору; а сопоставляя ее съ основною мыслью проэкта устройства военныхъ поселеній, нельзя не видѣть между ними большаго сходства. Въ послѣднемъ проэктѣ вся и разница въ томъ лишь, что военная администрація замѣняетъ не ясно очерченную здѣсь гражданскую сельско-хозяйственную администрацію. Промежутокъ времени между тѣмъ и другимъ проэктомъ весьма незначительный. Помѣщаемый проэктъ могъ пройти нѣсколько инстанцій, претерпѣть измѣненія, быть болѣе разработаннымъ и точнѣе опредѣленнымъ, на что указываютъ и заключительныя слова записки, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ въ найденной нами Запискѣ первоначальный зародышъ военныхъ поселеній. Не даромъ военныя поселенія являются главнымъ образомъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, на сѣверѣ же Россіи, кромѣ печальной извѣстности Грузина, резиденціи Аракчеева, никакого другаго военнаго поселенія не находимъ.

Помимо этого записка даетъ цѣнныя указанія на экономическій строй присоединенныхъ провинцій, вмѣстѣ съ взглядами на оный новыхъ правителей, и любопытна, какъ давнишній проэктъ довольствія войскъ безъ посредства подрядовъ.

Физическое положеніе присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинцій по всѣмъ политическимъ правиламъ требуетъ, чтобы содержать въ нихъ преимущественно предъ другими знатную военную силу.

Пространство же и изобиліе въ оныхъ дозволяютъ удобно расположить и продовольствовать до 150,000 войска, которыя, кромѣ нужной преграды отъ чужихъ земель, еще въ разные виды удовлетворятъ полезныя государственныя предположенія.

Отмѣнная государственная польза будетъ та, что сіи войска въ тѣхъ мѣстахъ продовольствоваться могутъ провіантомъ и фуражемъ по цѣнамъ, не превосходящимъ штатнаго положенія, такъ что въ сравненіи съ состоящими нынѣ тамъ цѣнами останутся, за продовольствіемъ вышеписаннаго количества войскъ, по меньшей мѣрѣ двѣ трети издерживаемой нынѣ суммы въ казнѣ.

Вѣрнѣйшее и не опровергаемое средство къ достиженію сей знатной прибыли для казны есть—учредить въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ *казенныя земледѣльческія приноленія*.

Для удостовѣренія въ томъ, что цѣна и количество собираемаго зерна въ помѣстьяхъ провинцій соотвѣтствуютъ выше упомянутому пред-

положенію, довольно истребовать, гдѣ слѣдуетъ, вѣдомость всѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ по инвентарямъ количествомъ и цѣною въ доходъ показаннымъ продуктамъ.

Таковыя вѣдомости не только ясно докажутъ, что даже при нынѣшнемъ весьма нерадивомъ домоводствѣ продукты къ продовольствію войскъ способные, состоятъ не свыше штатной цѣны положенія, но что, замѣняя прочіе плоды земли и наличные доходы въ главной предметъ продовольствія войскъ, цѣна провіанту и фуражу гораздо уменьшится, такъ что казна изъ своего земледѣлія, кромѣ другихъ выгодъ (о которыхъ ниже сказано будетъ), вѣрныхъ до 25 процентовъ изъ своего капитала получитъ ежегодно. Къ тому же добавить должно неминуемо ежегодно возрастающую прибыль отъ удобренія земли и порядочнаго соблюденія земледѣльческихъ правилъ.

Полагая содержать въ присоединенныхъ провинціяхъ 150,000 войскъ, а именно; въ бѣлорусскихъ, минской, виленской, гродненской, кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, должно быть казеннаго имѣнія по малой мѣрѣ 100,000 дымовъ или 200,000 мужеска пола душъ, дѣйствительно къ земледѣлію опредѣленныхъ. Въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, по поводу доброты земли, меньше казеннаго имѣнія имѣть нужно, нежели въ другихъ губерніяхъ.

Извѣстно, что при присоединеніи сихъ провинцій къ Россіи количество дымовъ въ казенныхъ имѣніяхъ превосходило выше сказанное предполагаемое количество; но какъ послѣ того Высочайше угодно было всемилостивѣйше пожаловать разнымъ чинамъ знатное изъ нихъ число въ вѣчно потомственное, а инымъ во времянное владѣніе, почему уповательно, нынѣ толикое количество не состоитъ въ казенномъ вѣдомствѣ; то къ пріобрѣтенію онаго представляются слѣдующія средства:

1-е.

Отнынѣ впредь не давать въ награжденіе никому никакое казенное имѣніе во времянное владѣніе; удостоившихся же монаршей милости мужей государь довольно имѣетъ способовъ жаловать, а истинный сынъ отечества не можетъ того желать, что есть съ ущербомъ онаго.

2-е.

Состоящіе нынѣ казенныя всякаго рода имѣніи *по привилегіямъ польскимъ* во времянномъ владѣніи у помѣщиковъ взять въ казенное владѣніе (разумѣется само про-себя, что государю императору чинить изъятіе предоставляется), въ мѣсто же того опредѣлить имъ (такъ, какъ въ Пруссіи здѣлано) на томъ же имѣніи получать ежегодно деньгами ту часть доходовъ, которая имъ по послѣдней 1798 года люстраціи предоставлена была по значенію инвентарей.

Кромѣ очевидной казенной пользы, всѣ правила политической економіи и моральности одобряютъ сіи распоряженія, *во первыхъ* по тому, что рѣдко которые изъ сихъ владѣльцовъ могутъ доказать, что они свою привилегію получили за оказанную отечеству полезную услугу. Напротивъ того произшествія минувшаго столѣтія доказываютъ ясно, что оныя имѣнія были въ слабыхъ рукахъ королей польскихъ орудіемъ разстройки, а по интригамъ вельможей и причиною уничтоженія отечества, *во вторыхъ*, всѣ безъ изъятія казенныя во времянномъ владѣніи у дворянъ состоящія имѣнія, по той-же самой причинѣ, находятся по всѣмъ частямъ въ отмѣнно худомъ состояніи; всякій владѣлецъ старается какъ можно скорѣе и больше получить пользы, не употребляя на нужные издержки ко удобренію оныхъ даже и тѣ способы, которые дозволяютъ мѣсто, положеніе и угодье, *въ третьихъ*, почти всѣ таковыя имѣніи по древнему обыкновенію отданы владѣльцами въ откупъ небогатымъ дворянамъ за возвышенную противу инвентаря цѣну; сіи откупщики употребляютъ всякіе чрезвычайные способы, дабы на сроки заплатить за откупъ и себѣ получить пользу, что безъ тягости для крестьянъ, изнуренія земель и прочихъ угодій статься не можетъ; и въ семъ-то видѣ предстоитъ ощутительная картина нерадѣнія, ибо настоящій помѣщикъ государь покупаетъ нынѣ для продовольствія войскъ, назначенныхъ къ защищенію отечества, провіантъ и фуражъ у старостинскаго откупщика, платитъ ему трижды дороже, нежели въ инвентарѣ сихъ имѣній цѣна положена онымъ продуктамъ; староста же и его откупщикъ въ воздаяніе раззоряютъ часъ отъ часу больше имѣнія, а что всего хуже отягощаютъ крестьянъ посредствомъ изобрѣтенія особенныхъ прибылей, а тѣмъ самымъ уничтожаютъ источ-

ники главной (по политической экономіи) государственной пользы, понеже утружденные крестьяне, не имѣя защиту, бѣгутъ за границу, гдѣ нарочито привлекаютъ земледѣльцовъ отмѣнными выгодами; государь для содержанія войскъ, къ сохраненію государственной и частной безопасности необходимыхъ, платитъ дорого за собственной свой хлѣбъ тѣмъ, которые для полученія сей прибыли уменьшаютъ число подданныхъ, предопредѣленныхъ къ военной службѣ и къ продовольствію военно-служащихъ. *Четвертое*, продолжающееся и по нынѣ въ сихъ провинціяхъ обыкновеніе, что дворяне отдаютъ собственныя и по привилегіямъ состоящія у нихъ во времянномъ владѣніи казенныя имѣнія въ срочные откупы дворянамъ, противно основнымъ законамъ самодержавнаго правленія.

Утвердительно доказать можно, что къ паденію Польши сіе обыкновеніе было главною причиною, ибо дворяне откупщики не знали привязанности къ отечеству, а единственно къ знатнымъ помѣщикамъ, которые давали имъ съ выгодою свои имѣнія на откупъ; но за то во время сеймовъ употребляли ихъ голоса по своимъ прихотямъ, то есть по мѣрѣ, какъ они королемъ или какою сосѣдственною державою обольщаемы были.

Сей однако же порокъ былъ такъ сказать извинительнымъ слѣдствіемъ непростительной погрѣшности главнаго постановленія, по которому всѣ государственныя гражданскія должности безплатно дворянами исполняемы были, равно какъ и военныя офицерскія чины покупаемы быть могли заживными только дворянами, небогатые же принуждены были откупами и служеніемъ у богатыхъ заниматься; но въ самодержавномъ государствѣ, а особливо Россіи, гдѣ гражданскіе и воинскіе мѣста доставляютъ дворянству и пропитаніе и всякаго рода чести, должно употребить всѣ способы, дабы устранить сіе вредное обыкновеніе, ибо хотя въ самодержавномъ правленіи вліяніе вельможей не столько быть можетъ предосудительнымъ въ отношеніи самаго правленія, но не меньше того таковые откупы отвлекаютъ большую часть дворянъ отъ государственной службы, не считая и того, что сіи откупщики пользуются защитою правительства и благоденствіемъ государства, не чувствуя никакой тягости прочихъ согражданъ, поелику обыкновенно всѣ

государственныя подати платимы суть дѣйствительными помѣщиками, а откупщикъ и самъ безъ всякихъ податей пользуется и не рѣдко бываетъ причиною, что притѣсненные имъ крестьяне бѣгутъ за границу, а по меншей мѣрѣ дѣлаются безполезными своему отечеству.

Изъ сего явствуетъ необходимость, чтобы, пока помѣщики, узнавши сіе зло, свои возьмутъ мѣры, казна не отлагательно собственными своими имѣніями сама управляла.

Полезныя слѣдствія изъ таковаго правленія неизчислимы, ибо кромѣ дешеваго продовольствія войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ преимущественно нужныхъ, количество доходовъ безпрерывно возрастать должно по мѣрѣ порядочнаго управленія.

Извѣстно, что въ домоводствѣ нерѣдко одинъ рабочій день одного человѣка приноситъ пользу до 5-ти рублей, удобреніе земли, возведеніе казенныхъ строеній, даже крѣпостей и по положенію мѣстъ соотвѣтственныхъ разнаго рода заводовъ, при которыхъ ручная ребота крестьянина заступаетъ знатные денежные издержки, всѣ сіи источники суть неизчисленные прибыли для государя, а крестьянину доставятъ чрезъ непосредственную защиту и пособія приличное благоденствіе.

3-е.

По тѣмъ же самымъ причинамъ слѣдуетъ (также не безъ изъятія) взять въ казенное вѣдомство всѣ казенныя имѣнія, кои всемилостивѣйше пожалованы разнымъ чинамъ во временное владѣніе, назначивъ нынѣшнимъ владѣльцамъ, какъ выше сказано, ту часть доходовъ, которая по инвентарю того имѣнія значитъ, наличными деньгами. Можно даже надѣяться, что многіе изъ нихъ охотно на сіе согласятся, потому что они, будучи въ отсутствіи внутри Россіи по мѣстамъ, принуждены или отдавать въ откупы свои имѣніи, или поручать оныя за глазами въ управленіе неспособныхъ и невѣрныхъ служителей, а въ обоихъ случаяхъ едва могутъ надѣяться получать и инвентарнаго дохода, а особливо когда со стороны казны соблюдены будутъ всѣ способы къ прекращенію всякаго злоупотребленія.

4-е.

Казна можетъ пріобрѣсть имѣній въ знатномъ количествѣ, взявъ въ свое вѣдомство всѣ римско-католическія духовныя имѣніи; поводомъ

самымъ справедливымъ къ тому служить могутъ въ особой здѣсь прилагаемой запискѣ показанныя причины, равно и способы, которые употребить можно для содержанія въ тѣхъ мѣстахъ сего званія людей.

5-е.

Пріобрѣтеніе въ казну имѣній въ тѣхъ провинціяхъ производимо еще быть можетъ посредствомъ покупки, особливо у тѣхъ помѣщиковъ, коимъ всемилостивѣйшее жаловано тамъ изъ казенныхъ имѣній въ вѣчно потомственное владѣніе.

Извѣстно, что большая часть сихъ помѣщиковъ, живучи внутри Россіи, принуждены или отдавать въ откупъ, или заочно управлять своими имѣніями; а потому охотно согласятся за сходную цѣну продать оные въ казну.

Таковая покупка и потому для казны выгодна, что почти всѣ сіи имѣніи находятся въ закладѣ въ государственныхъ банкахъ, и по расчету казнѣ доплатить не много придется, помѣщики же, освободясь симъ способомъ отъ долговъ, остальныя деньги по своей волѣ употребятъ въ свою пользу.

Для облегченія таковой покупки можно выпустить единственно къ тому предмету служащія, нужное количество особенныхъ государственныхъ обязательствъ, кои быть могутъ отъ 50, 100, 200, 500 и до 1,000 рублей цѣны, съ тѣмъ, что капиталъ по истеченіи 15 лѣтъ по частямъ и по очереди платимый будетъ; а между тѣмъ владѣтели оныхъ получать будутъ по четыре процента въ годъ противу существующихъ нынѣ государственныхъ ассигнацій.

Сіи обязательства служатъ помѣщикамъ по всѣмъ ихъ надобностямъ наравнѣ, какъ и наличные деньги, въ теченіи же 15-ти лѣтъ уповательно казна выручитъ всѣ тѣ суммы изъ доходовъ купленныхъ имѣній.

Покупка имѣній въ казну должна быть производима съ крайнею разсмотрительностію, дабы пріобрѣтеніе оныхъ соотвѣтствовало и положеніемъ мѣстъ и угодьями ожидаемой отъ того вышесказанной государственной пользѣ; особливо бдѣть должно о пріобрѣтеніи лѣсныхъ дачъ, безъ которыхъ домоводство удобно производимо быть не можетъ.

Покупка имѣній въ тѣхъ провинціяхъ произведена быть можетъ отъ 150 до 200 рублей за одну мужеска пола душу, которыя деньги безъ всякаго сомнѣнія въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ казну возвратятся, не щитая политическихъ пользъ, какія отъ таковаго распоряженія неминуемо воспослѣдуютъ.

Наконецъ казенное домоводство въ тѣхъ провинціяхъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доставитъ, кромѣ провіанта и фуража, кожи, полотна, холста и сукна для войскъ, и сіи вещи навѣрно не превзойдутъ цѣнъ, по штату положенныхъ.

Казенныя *земледѣльческія правленіи*, подъ названіемъ *казенныхъ имѣній администраціи*, должны быть въ тѣхъ провинціяхъ три. А именно: *первое* для виленской, гродненской и минской губерній, *второе* для бѣлорусскихъ и *третіе* для волынской, подольской и кіевской губерній.

Всѣ сіи администраціи, подъ защитою губернскаго начальства, относиться будутъ непосредственно къ министру финансовъ, который соразмѣрно съ важностію предмета, положеніемъ и образомъ домоводствованія въ тѣхъ мѣстахъ составитъ и дастъ имъ особенныя наставленія.

ШТАТЪ ОДНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

1-нъ главный администраторъ, ему жалованья въ годъ 4,000 рублей, казенная квартира, гдѣ и канцелярія будетъ, и отопка съ казенныхъ лѣсовъ.	5-го класса.
1-нъ вицъ-администраторъ, ему жалованья 2,500 рублей, квартира и дрова казенныя.	6-го класса.
2-ва секретаря по 1,200 рублей каждому.	8-го класса.
6-ть ревизоровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
3-хъ землемѣровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
2-хъ архитекторовъ по 600 рублей одному.	9-го класса.
1-нъ казначей 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ стряпчій 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ переводчикъ 600 рублей.	9-го класса.
3-ри магазейна смотрители по 1,200 рублей каждому	8-го класса.
4-хъ канцеляристовъ по 350 рублей каждому.	
8-мъ писарей по 250 рублей каждому.	14-го класса.

На канцелярскіе расходы 1,000 рублей въ годъ.

На разные проѣзды и экстренныя надобности 3,600 рублей въ годъ.

Итого для одной администраціи 31,500 рублей въ годъ.

А для трехъ 94,500 рублей.

Сумма, по сему штату положенная, можетъ казаться велика; но важность предмета и необходимость, дабы служащіе при администраціи чиновники, имѣя достаточное содержаніе, изъ опасенія лишенія онаго, не покушались ни на какое злоупотребленіе, оправдать должны сіе положеніе.

Содержаніе для мѣстныхъ по фольваркамъ управителей не можетъ быть навѣрно опредѣлено, а платимы будутъ соразмѣрно трудовъ ихъ и пространства управляемаго ими имѣнія, однако-же смотря по обыкновеннымъ установленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, содержанія ихъ, не превосходятъ 12-й или 15-й части собираемыхъ съ имѣнія продуктовъ: но для сбереженія и по сей части казеннаго интереса можно опредѣлить къ таковымъ мѣстамъ выслуженныхъ грамотныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

Смотря на нынѣшнее разстроенное состояніе казенныхъ имѣній въ тѣхъ мѣстахъ, нужно будетъ въ первые годы для скорѣйшаго исправленія онаго принимать по контрактамъ землемѣровъ и ревизоровъ и сверхъ штата, нужнаго по обстоятельствамъ числа.

Когда состоится учрежденіе сихъ администрацій, то состоящія нынѣ по казеннымъ палатамъ камеральныя экспедиціи, яко не нужныя, уничтожены быть могутъ, и положенная для оныхъ по штату сумма, обращена будетъ на штатное содержаніе экономической администраціи.

Не меньше того обращены быть могутъ къ сему предмету и положенныя нынѣ суммы на содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ оберъ-форштмейстеровъ, въ коихъ тогда не будетъ надобности; ибо кромѣ того, что администрація непосредственнымъ своимъ управленіемъ чрезъ нижніе лѣсные служители удобнѣе и по сей части сбережетъ казенную пользу; но и существо домоводства того требуетъ, чтобы лѣсныя угодьи, столь сопряженныя съ земледѣльческою статьею, имѣли и взаимно воздавали себѣ немедлительное пособіе, что при раздѣленномъ и независимомъ начальствованіи почти никогда сбыться не можетъ.

А наконецъ и въ содержаніи по провіантской части чиновниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ надобности; ибо расположенные войска безъ затрудненія продовольствоваться могутъ изъ казенныхъ экономическихъ магазейновъ; относительно-же расчетовъ военный и финансъ министры учинить могутъ свои соображенія.

Подробнѣйшія объясненія по сему предмету, по востребованію, доставлены будутъ.

Библіографія.

Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV B-de. (Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ).

Серьезный историко-культурный интересъ представляетъ разложеніе лексическаго состава языка, какъ отдѣльнаго народа, такъ и отдѣльнаго замѣчательнаго писателя на части, съ опредѣленіемъ, что оригинально и что заимствовано, когда и отъ кого заимствовано. Большая или меньшая обширность лексикона опредѣляется степенью и силой духовнаго развитія народа или автора, широтой и разносторонностью природныхъ дарованій и благопріобрѣтенныхъ познаній о мірѣ и человѣчествѣ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, мало понятій, мало знаній, потому мало словъ. Съ развитіемъ образованности, съ накопленіемъ знаній, съ возникновеніемъ и усиленіемъ международныхъ отношеній и связей усиливается лингвистическій составъ языка, впрочемъ только до извѣстныхъ предѣловъ, преимущественно до того періода духовнаго народнаго творчества, когда слово начинаетъ терять живой этимологическій смыслъ и превращается въ отвлеченное обозначеніе предмета, дѣлается механическимъ орудіемъ для выраженія мысли. Опредѣленіе состава лексическаго достоянія народа—дѣло крайне трудное и, можно сказать, никогда вполнѣ неисчерпываемое словарями. Не столь труднымъ дѣломъ представляется опредѣленіе лексическаго богатства и разнообразія отдѣльнаго писателя, такъ какъ самый геніальный писатель не пользуется всѣмъ достояніемъ языка роднаго народа, не овладѣваетъ даже пятой его частью. Лексиконъ Шекспира—самый богатый и однако въ немъ насчитываютъ немного болѣе десяти тысячъ словъ. Такъ какъ въ исторіи культуры важное значеніе имѣетъ изло-

женіе взаимныхъ вліяній народовъ, то особенный интересъ получаетъ опредѣленіе иноземныхъ элементовъ народнаго или авторскаго лексикона. Есть такіе языки, напр. англійскій, гдѣ, строго говоря, все лингвистическое цѣлое построено на симметрическомъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ, такъ что нельзя опредѣлить, въ чемъ состоитъ главное лингвистическое ядро языка. Огромное однако большинство народовъ, всѣ славянскіе народы обладаютъ такимъ лингвистическимъ ядромъ. У славянъ — лингвистическое ядро вполнѣ славянское, и рѣчь можетъ идти только о наслоеніяхъ постороннихъ лингвистическихъ элементовъ, наслоеніяхъ болѣе или менѣе густыхъ и крупныхъ.

Составные элементы малорусскаго народнаго лексическаго достоянія весьма разнообразны. Малороссіянамъ приходилось входить въ близкія связи со многими иноплеменными народами, съ румынами, нѣмцами, татарами, греками. Естественно, происходилъ обмѣнъ предметовъ и понятій и *eo ipso* словъ. Въ однихъ случаяхъ проникали слова церковныя, въ другихъ слова, касающіяся военнаго дѣла, скотоводства или огородничества. Для опредѣленія инородныхъ элементовъ лексическаго состава малорусскаго языка сдѣлано очень мало; намѣчены лишь пути, указаны исходные пункты; на первое время и этому немногому нужно порадоваться, тѣмъ болѣе, что указателями пути въ данномъ случаѣ явились такіе авторитетные и строгіе ученые, какъ Миклошичъ и Потебня.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на появившемся въ печати обширномъ изслѣдованіи Миклошича о тюркскихъ элементахъ въ языкахъ южной и восточной Европы, греческомъ, албанскомъ, румынскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, малорусскомъ, великорусскомъ и польскомъ. Трудъ Миклошича напечатанъ въ XXXIV—XXXV томахъ Записокъ вѣнской академіи наукъ прошлаго 1884 года и затѣмъ вышелъ отдѣльно въ двухъ частяхъ.

Миклошичъ указываетъ на три періода, когда приливъ тюркскихъ словъ въ славянскіе языки обнаруживался съ большой силой. Первый періодъ относится къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, до переселенія славянъ на западъ. Къ этой отдаленной эпохѣ относится заимствованіе словъ: клобукъ, колпакъ, топоръ. Второй періодъ относится ко второй половинѣ седмаго столѣтія, ко времени подчиненія славянъ на правомъ берегу Дуная тюркскимъ болгарамъ. Къ этому времени Миклошичъ относитъ заимствованіе слова санъ (по турецки — уваженіе), перешедшее потомъ чрезъ церковныя книги въ Россію. Третій періодъ начинается съ половины XIV ст., когда турки твердо стали на Балканскомъ полуостровѣ. Миклошичъ дѣлаетъ, между прочимъ, оговорку, что въ рус-

скій языкъ тюркскія слова проникали не только съ юга, но и съ сѣвера и востока.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ малорусскахъ словахъ тюркскаго происхожденія.

Арьянъ—кислое козье молоко изъ ajran—сыворотка, кислое молоко.

Лембикъ (слово, пропущенное Миклошичемъ), болгарское аламбикъ, сербское ламбикъ, польское alembik. Въ арабскомъ, по Миклошичу—alanbik-Gefäss zum destilliren. Миклошичъ указываетъ при этомъ и греческій *амбика*, *амбикосъ*—чаша. Малорусское лембикъ—сосудъ для перегонки водки.

Лоша, *лошьщя*, русское лошадь, сербское алаша—тюркское alaša въ значеніи лошади.

Альтембасъ, польское altembas, изъ alten и bazz, Goldleinwand; alten—золото, деньги, отсюда алтынъ.

Андаракъ—женское платье, болгарск. и сербск. антерія изъ турецкаго anteri—нижнее платье.

Балабанъ—въ старинное время весьма извѣстная малорусская фамилія; въ турецкомъ baloban—толстый, густой. Русское балобанить—пустомелить.

Балта, *балда*—изъ турецкаго balta—слуга при дворцѣ. Здѣсь можно припомнить прозваніе Вишневецкаго балдой.

Базаръ, въ болгарскомъ и сербскомъ *пазаръ*, польское и великорусское, румынское, албанское базаръ изъ турецкаго bazar—торговое мѣсто, рынокъ.

Бакиръ (шапка на бакиръ) вѣроятно изъ турецкаго bekri—пьяница; въ румынскомъ bekriu—распутный, невоздержный.

Баштанъ, болгарское, румынское, сербское *боштанъ*, персидское и курдское bustan, греческое *мпостани*,—изъ турецкаго bostan—огородъ, Gemüsengarten, Melonengarten.

Буздыханъ, въ сербскомъ, болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, румынскомъ, греческомъ и мадьярскомъ звучитъ какъ будыганъ, буздоганъ, бузоганъ,—изъ турецкаго bozdogan—дубина, жезлъ, булава, Keule, Streitkolben.

Болюкъ—въ Малороссіи довольно распространенное фамильное прозваніе. Въ турецкомъ bölük—отрядъ солдатъ, bölük baši. Слово булюкъ встрѣчается въ болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, греческомъ языкахъ. Сюда примыкаетъ фамильное прозваніе Булюбашъ.

Бре—ранѣе было объяснено профессоромъ А. А. Потебней въ III ч. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 15. Гуцульское бре, сербское бре, новогреческое мпре; у Памвы Берынды—море—спрѣчь юроде, дурню. Миклошичъ указываетъ на турецкое bre.

Буджакъ, татары буджацкіе—въ турецкомъ budźak—уголъ; въ румынскомъ буджакомъ называется Бессарабія.

Бокай, Бакай—въ Малороссіи встрѣчаются крестьяне съ такимъ фамильнымъ названіемъ; въ болгарскомъ букаджіа, букай, бокай, польскомъ bugańce въ значеніи kajdany,—отъ турецкаго bukadge—налагать цѣпи, приковывать, retten, fesseln.

Булава—знакъ гетманскаго и полковничьяго сана, русское булавка, отъ турецко-татарскаго bulava—знакъ военачальника, Commandostab.

Бунчукъ отъ турецкаго bundžuk—раковина, жемчугъ, Muschel, Perle.

Черга. У Миклошича приводится одно турецкое слово, которымъ можно объяснить малорусское слово черга (пропущенное имъ-же). Въ персидскомъ находится čeragah—въ значеніи пастбища, Weideplatz, Wiese; у сербовъ чергія—лугъ.

Дерга—часть женскаго костюма, верхнее платье въ родѣ короткой юбки, плотно охватывающее тѣло; въ болг. черга—грубый коверъ; у сербовъ черга—цыганскій шатеръ; румын. черге или джерче—покрывало, коверъ,—отъ турец. čerge въ значеніи палатки, хижины, Zelt, Hutte.

Чячка, у Іоанна Вишенскаго часто встрѣчается въ смыслѣ цацка, игрушка, должно быть, происходитъ отъ упоминаемаго Миклошичемъ турецкаго слова čiček—цвѣтокъ, Blume.

Чижмы—сапоги; слово вполнѣ турецкое; кромѣ малороссійскаго оно встрѣчается въ польскомъ, сербскомъ, румынскомъ.

Чабанъ—въ турецкомъ и персидскомъ пастухъ; вошло въ сербскій, болгарскій, малорусскій, польскій, румынскій, греческій языки.

Чугай—родъ архалука или свиты, болгарское, сербское чога, изъ турецкаго čoha—сукно, Fuch.

Драбантовать, драбантъ встрѣчается во многихъ европейскихъ языкахъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ, происходитъ отъ турецкаго derban—привратникъ, Fhorwart.

Доломанъ, въ сербскомъ и болгарскомъ *долама*, русскомъ и польскомъ *долома*, изъ турецкаго dolama—платье, которое носили янычары въ торжественныхъ случаяхъ.

Душманъ—зашло въ Малороссію изъ турецкаго или персидскаго языка, гдѣ слово это означаетъ врага.

Аргатъ—работникъ, наемникъ (см. «Къ ист. звук.» Потебни III, 15)—не отъ греческаго слова, а повидимому, вмѣстѣ съ греческимъ *ергатесъ*, болгарскимъ и румынскимъ *аргатъ* изъ турецкаго erged—наемщикъ, Fagelöhner.

Фирезыя, ферязь, болгарское и сербское фереджа изъ турецкаго efradže—верхняя одежда женщинъ.

Пундыки—родъ пирожнаго; у Котляревскаго «полтавськи пундыки пряжени». Кажется, что объясненія этого слова надо искать въ находящемся у Миклошича персидскомъ fendek—въ смыслѣ орѣшка или ружейной пули.

Фудулный, фудулатый—гордый изъ турецкаго fodul—гордый.

Гайда, гайдукъ отъ турецкаго hajde—пошелъ, hajdud—разбойникъ.

Гайдамакъ—въ турецкомъ погонщикъ стадъ, eine Herde Vieh-treiber.

Кобзарь, вѣроятно изъ персидскаго hokka—baz—скоморохъ, музыкантъ, gaukler, въ румынскомъ kabaz.

Гарбузъ (тыква), арбузъ изъ персидскаго karbuz—дыня, тыква.

Кавунъ (у малороссовъ арбузъ) изъ турецкаго kavun--сахарная дыня.

Козакъ въ турецкомъ языкѣ значитъ легко вооруженный воинъ, искатель приключеній.

Кунтушъ изъ турецкаго kontoš—родъ одежды.

Калика, калѣка отъ персидскаго kalak—уродливый, безобразный. Таково-же происхожденіе древне-русскаго калики (перехожаго), въ польскомъ kaleka, въ румынскомъ kalik; въ румынскомъ kaliči—просить милостыню.

Кобенякъ отъ турецкаго kepenek--родъ плаща изъ шерстяной матеріи, войлокъ.

Кишень—тур. kese—кошелекъ.

Килимъ—персидскій kilim—коверъ; въ болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ, русскомъ и румынскомъ *килимъ* также означаетъ коверъ.

Ни—гичъ, въ смыслѣ «вовсе нѣтъ», ранѣе было объяснено Потебней въ III вып. «Къ ист. звук.» стр. 15. Миклошичъ приводитъ самый турецкій оригиналъ малороссійскаго слова: güč—сила, Gewal.

Локшина, русское лапша отъ персидскаго lakše,—то-же, что русская лапша или вермишель, Art Nudeln.

Левенець—у Миклошича пропущено; но въ словарѣ приведено одно персидское слово, какъ нельзя болѣе подходящее для объясненія малорусскаго значенія слова левенець. Въ персидскомъ levend—солдатъ доброволецъ на турецкихъ галерахъ, бродяга, должно быть первоначально означало левантинца. Въ малорусскомъ левенець—рослый человѣкъ, бродяга, негодяй.

Лиманъ—въ турецкомъ гавань, Hafen; встрѣчается въ сербскомъ, польскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Люлька, люля—персидское lule—трубка, Röhre, Pfeife.

Могоричъ—отъ арабскаго maxaridž—расходъ, выдача, Ausgaben; въ славянскіе языки вошло черезъ турецкій.

Гамазыя, магазинъ—отъ арабскаго maxzan—лавка, торговый домъ.

Мандрыка—сырное кушанье, родъ пампушекъ изъ сыра овечьяго. Не отъ турецкаго-ли mandra—ограда, овчарня, Hürde?

Манжура—фамильное прозваніе. Не стоитъ-ли оно въ связи съ турецкимъ—manzur—любимый, geliebt?

Мартолось—фамильное прозваніе, происхожденія турецкаго; въ турецкомъ martolos—солдатъ христіанской вѣры.

Машкара, маска, изъ арабскаго maskara—насмѣшка, Gespött.

Майданъ—изъ арабскаго mejdan—открытое мѣсто, площадь, мѣсто сраженія; встрѣчается въ сербскомъ, болгарскомъ, польскомъ, русскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Мелешъ—фамильное прозваніе; въ исторіи извѣстенъ Мелешко; въ турецкомъ meles—незаконнорожденный, смѣшанный, Bastard, gemischt.

Бешкетъ (оскорбленіе, обида), изъ персидскаго pěskeš—почетъ, награда, Trinkgeld, Ehrengabe.

Шабашъ—довольно, по Миклошичу, отъ персидскаго šabaš—хорошо, отлично.

Шапка—въ турецкомъ šapka—картузъ, Hut.

Таборъ—въ турецкомъ tabor—войско, отрядъ.

Потебня—фамильное прозваніе. Миклошичъ въ объясненіе малорусскаго слова тебеньки (на что указано у Потебни «Къ ист. звуковъ» IV, 49) приводитъ турецкое tebengii—боковыя части сѣдла, Sattelriemen.

Торба—болгарское, сербское, польское, малорусское—изъ турецкаго, torba—мѣшокъ, Sack.

Товаръ—рогатый скотъ отъ турецкаго скотъ, Vieh, Reitthier, Schaf.

Туманъ—въ турецкомъ tuman—туманъ, десять тысячъ.

Учкуръ—въ турецкомъ učkur—поясъ, Hosenband.

Оставляемъ въ сторонѣ тюркскія слова, вошедшія въ малорусскій и великорусскій языки и довольно извѣстныя; напримѣръ: яръ, барышъ, башмакъ, чанъ, чабанъ, чамаданъ, чай, чекменъ, чума, ботянъ (по турецки гусь, въ старин. книгахъ баснословная птица), кинжалъ, амбаръ.

Турецко-татарскій міръ, судя по словарю Миклошича, оказалъ на малороссіянъ вліяніе относительно внѣшнихъ знаковъ власти, вооруженія, скотоводства и огородничества. **Н. Сумцовъ.**

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна 1884 года.

Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 г. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.

Пересматривая огромную массу календарей, этихъ особаго рода періодическихъ изданій, являющихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

быстро раскупаемыхъ и едва-ли кѣмъ изъ интелигентныхъ покупателей читаемыхъ, пересматривая всѣ эти календари, начиная отъ календарей «всеобщихъ» до «календарей для учащихся», отъ объемистыхъ, цѣною въ рубль, до крошекъ, цѣною въ копѣйку,—календари ученые (къ сожалѣнію, не многіе) и юмористическіе (для большаго числа праздныхъ людей), «русскіе», народные вообще и въ частности по мѣстностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ старается, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, отвѣтить требованіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что виленскій и холмскій календари подчиняются этому общему правилу, и намъ остается только указать по характеру календарныхъ статей на ту злобу текущей годины, которая волнуетъ нашъ западъ и сѣверо-западъ, и опредѣлить, насколько умѣло ведутся такія изданія въ городахъ, далекихъ отъ центровъ умственной жизни и дѣятельности и удовлетворяются-ли ими означенныя требованія.

Начнемъ съ виленскаго календаря.

Это весьма изящная книжка, разумно и цѣлесообразно составленная. Въ ней выдается прежде всего церковный отдѣлъ; тутъ помѣщены житія не только мѣстныхъ святыхъ, но и вообще русскихъ. Для насъ важнѣе, конечно, первыя, такъ какъ въ нихъ излагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Къ сожалѣнію, редакція календаря на каждое житіе, безъ различія мѣста дѣятельности святого, удѣлила по одинаковому числу страницъ. Изъ числа житій западно-русскихъ святыхъ мы отмѣтимъ только малоизвѣстныя. Напримѣръ, подъ 20-мъ апрѣля разсказывается о печальной судьбѣ св. Гавріила, заблудовскаго мученика-младенца, мощи котораго хранятся теперь въ слуцкомъ монастырѣ. Редакція чрезвычайно осторожно даетъ понять, что этотъ св. младенецъ былъ замученъ евреями въ 1690 году съ фанатически-религіозною цѣлію, и ссылается на судебныя книги заблудовскаго городскаго магистрата, гдѣ это дѣло было разобрано. Подъ 5-мъ сентября изложена кратко жизнь преподобно-мученика Аѳанасія Филипповича, брестскаго игумена, а подъ 7-мъ—преподобно-мученика Макарія, бывшаго сначала настоятелемъ въ овручскомъ, а потомъ въ каневскомъ монастырѣ, и обезглавленнаго въ 1678 году, при нападеніи на Каневъ турокъ. Далѣе слѣдуютъ житія преподобнаго Іова, почаевскаго игумена, князя Ѳеодора Острожскаго и другихъ святыхъ, проведшихъ свою жизнь въ борьбѣ за вѣру и народность. Изложеніе житій строго объективно и сжато; главные факты нигдѣ не опущены, выдвинуты на первый планъ и выразительно говорятъ сами за себя. Такими-же достоинствами отличается и «отрывокъ изъ исторіи уніи въ Бѣлоруссіи», въ которомъ изображена полная трагизма борьба витебскихъ и полоцкихъ мѣщанъ

со своимъ епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, преданнымъ уніи до фанатизма. «Краткое описаніе супрасльскаго благовѣщенскаго монастыря», а равно біографія недавно умершаго минскаго архіепископа Антонія Зубка заставляетъ авторовъ этихъ статей коснуться исторіи уніи за все время ея господства, т. е. отъ конца XVI-го и до первой почти половины XIX-го вѣка. Объ архіепископѣ Антоніѣ достаточно замѣтить, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ, другомъ, а потомъ и главнымъ сотрудникомъ митрополита Іосифа Симашка въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Всѣ статьи, при полной точности и историческомъ безпристрастіи, изложены литературнымъ языкомъ, легкимъ и удобопонятнымъ. Приложенный къ календарю, литографированный, прекрасной работы, портретъ цесаревича Николая Александровича напоминаетъ намъ приложенія, какія въ былое время давались «Кіевскимъ Народнымъ Календаремъ». И все это за 30 копѣекъ!

Нельзя не отдать полной справедливости умѣнью и такту редакціи виленскаго календаря: при выборѣ статей она руководилась исключительно желаніемъ познакомить своихъ читателей съ роднымъ прошлымъ, воздерживаясь отъ полемики, хотѣла дать имъ духовное оружіе для духовной-же борьбы съ католицизмомъ и полонизмомъ, этимъ больнымъ мѣстомъ сѣверо-западнаго края. Въ пользѣ такихъ изданій сомнѣваться нельзя, за успѣхъ ихъ ручаться можно.

Холмскій народный календарь, изданный холмскимъ свято богородицкимъ братствомъ, которое ставитъ цѣлью своего существованія и дѣятельности поддержаніе и распространеніе православія въ Забужной Руси, имѣетъ національно-религіозный полемическій характеръ; этотъ послѣдній образно выражается въ виньеткѣ оберточнаго листа, гдѣ представлено преніе о вѣрѣ князя Романа Галицкаго съ послами папы Иннокентія III. Содержаніе виньетки передано словами Радзивиловской лѣтописи (на второмъ листѣ), которыя и составляютъ такимъ образомъ эпиграфъ книги. Обычныя календарныя свѣдѣнія здѣсь совершенно отсутствуютъ, если не считать правилъ о пріемѣ учениковъ въ холмское духовное училище да списка ярмарокъ въ губерніяхъ привислянскаго края (даже нѣтъ разбора вексельной и гербовой бумаги). Святцы православной и католической церкви, а также все, что касается богослуженія и праздниковъ, сообщено весьма обстоятельно. Рядомъ со святцами и обычнымъ историческимъ календаремъ помѣщены народныя примѣты о погодѣ и урожаяхъ; но это примѣты великорусскаго происхожденія и едва-ли подходятъ подъ климатическія условія Холма и его окрестностей. Мы думаемъ, что въ каждой мѣстности есть своя особенная метеорологія и свои обычаи въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ и слѣдовало-бы дать здѣсь мѣсто,

какъ сдѣлано это, напр., въ Календарѣ юго-западнаго края на 1873 годъ, лучше и полнѣе котораго у насъ до сихъ поръ не появлялось въ Кіевѣ ни одного. Остальныя статьи въ холмскомъ календарѣ историческаго содержанія и приближаютъ его нѣсколько къ древнимъ изборникамъ XIV и XV вѣковъ (Златая Чепь, Матица Златая или Жемчугъ, Измарагдъ, Маргаритъ и проч.), особенно-же къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались хронографами или палеями и въ которыхъ, по преимуществу, помѣщались историческія и полемическія произведенія. Первая изъ его статей излагаетъ исторію «города Холма и его святыни», чудотворной иконы Божіей Матери, отчетливое изображеніе которой и приложено при этомъ. Авторъ предполагаетъ основаніе города еще при Владимірѣ св. и заканчиваетъ разсказомъ о неудачной попыткѣ татаръ взять городъ въ 1260 году; неудача приписывается заступничеству Божіей Матери, которой икона, израненная татарами, стала съ тѣхъ поръ чествоваться христіанами. Это серьезная статья и одна изъ лучшихъ въ календарѣ. Далѣе слѣдуетъ житіе «св. преподобномученика Афанасія Филипповича, игумена брестскаго», составленное по его «Діаріушу»; оно выиграло-бы въ живости изложенія и въ точности характеристики этого святого, если-бы авторъ воспользовался очеркомъ жизни и дѣятельности Филипповича, напечатанномъ г. Орестомъ Левицкимъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878-й годъ. «Житіе преподобнаго пустынножителя Онуфрія», подвизавшагося въ Ѳиваидской пустынѣ, изложено весьма подробно, въ ущербъ житію Филипповича, имѣющему мѣстный интересъ. Первое съ удобствомъ могло-бы быть сокращено, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ. Статьи: «Наша родная исторія» и «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ брестской церковной уніи», очерчиваютъ кратко исторію козацкихъ войнъ до Богдана Хмельницкаго и въ его время; ради послѣдовательности слѣдовало-бы переставить ихъ одну на мѣсто другой; вторая статья—простая перепечатка изъ извѣстнаго «Вѣстника Юго-Западной Руси» г. Говорскаго. Слѣдуетъ затѣмъ сказаніе 1766 года о страданіяхъ млієвскаго старосты Данила Кушнира, замученнаго поляками за преданность православію. Сказаніе передается безъ обработки, какъ сырой матеріалъ; въ такомъ видѣ оно не разъ уже переходило изъ одного сборника въ другой и пріобрѣло большую извѣстность, благодаря своей характерности. Честь открытія сказанія принадлежитъ о. П. Г. Лебединцеву; въ первый разъ оно было напечатано имъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1860 г., потомъ вошло въ составъ брошюры, предназначенной для народнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли» (Кіевъ. 1865 года), затѣмъ помѣщено въ «Собраніи сочи-

невій М. А. Максимовича» (стр. 555), наконецъ перепечатано въ «Сборникѣ документовъ пропаганды» (стр. 239) и отсюда уже заимствовано редакціей календаря. Краткій, но любопытный «Разсказъ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со временъ древняго благочестія», касается лишь обрядовъ при вѣнчаніи, крещеніи и панихидѣ, которые, выведенные въ эпоху уніи изъ употребленія въ церкви, стали исполняться съ тѣхъ поръ православными дома; это—обведеніе жениха и невѣсты вокругъ аналоя, наложеніе вѣнцовъ на нихъ, обведеніе кума и кумы вокругъ купели и служеніе панихиды на заупокойной просфорѣ. «Отношенія южно-русскаго народа къ полякамъ и жидамъ во времена уніи» изображены по народнымъ пѣснямъ хотя рѣзко, но живо и обстоятельно. Этотъ трудъ г. Янковскаго производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, вызывая горькое чувство при мысли о пережитыхъ народомъ страданіяхъ. «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 году» описана весьма подробно священникомъ Алек. П....нымъ; въ описаніи не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ весьма прискорбный фактъ, что католичество и до сихъ поръ, не будучи господствующимъ исповѣданіемъ, продолжаетъ вести, и не безъ успѣха, борьбу съ православіемъ. Этотъ-же фактъ еще убѣдительнѣе подтверждается Виленскимъ Календаремъ, по которому въ Супрасльскомъ имѣніи (бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи) въ 1867 году было 1327 человѣкъ обоего пола православныхъ, а въ 1884 году всего 125; остальные католики и лютеране.

«Выписки изъ древняго историческаго календаря» привели насъ просто въ недоумѣніе. Ни на какой древній историческій календарь здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Это ничто иное, какъ переданныя словами неизвѣстнаго автора выдержки мнѣній извѣстныхъ историковъ Карамзина, Кояловича, Даниловича, Петрушевича, Шараневича и другихъ по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Трудно понять, почему потребовалось несоотвѣтствующее содержанію заглавіе. Въ календарѣ есть не мало историческихъ изреченій и анекдотовъ, характеризующихъ враждебныя отношенія народностей въ краѣ. Все это заканчивается древними духовными виршами и нотами къ нимъ. Въ календарѣ для тамошняго народа это едва-ли не лучшее.

Сопоставляя оба названные календаря, мы видимъ, что содержаніе ихъ отъ начала до конца вызвано и обусловлено потребностями культурной и религіозной борьбы національностей и оба они имѣютъ въ виду эту именно цѣль; тѣмъ не менѣе они замѣтно отличаются другъ отъ друга. Въ то время какъ Виленскій Календарь старается излагать печальные факты исторіи безъ всякихъ прикрасъ и коментаріевъ, въ виду, конечно,

того, что факты сами за себя и отъ себя говорятъ,—Холмскій, напротивъ, давая извѣстный оттѣнокъ этимъ фактамъ, получаетъ весьма замѣтный полемическій характеръ. Само собою разумѣется, что эта разница должна быть объясняема взглядами и характеромъ самихъ редакцій.

Искренне желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Указывая на слабыя стороны календарей, мы съ удовольствіемъ отмѣчали все, что заслуживаетъ вниманія и уваженія въ нихъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить надежды, что полезное это дѣло не прекратится и въ будущемъ году и что обѣ редакціи, снабжая народную массу хлѣбомъ духовнымъ, не откажутъ ей въ указаніяхъ, необходимыхъ иногда при добываніи и хлѣба насущнаго. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ указать, какъ на примѣръ, на календари кіевскіе.

И. Каманинъ.

П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.

Ну, чтобы, кажется, проще, какъ имѣть нашему «Богомъ хранимому граду Кіеву» свою подробную исторію? А между тѣмъ мы, не смотря на близящееся трехсотлѣтіе духовной академіи и недавно исполнившееся пятидесятилѣтіе университета, до сихъ поръ не имѣемъ ни исторіи городской общины, ни исторической топографіи города. Собираются пока матеріалы. Исторія отдѣльныхъ мѣстъ, древностей, зданій, хотя и давно уже разрабатывается многими славными мужами, но цѣльнаго до сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Капитальный трудъ г. Закревскаго: «Описаніе Кіева» требуетъ пересмотра, исправленій и дополненій и скорѣе можетъ служить сводомъ матеріала для исторіи, чѣмъ самой исторіей. Весьма многіе вопросы разрѣшаются гадательно и нерѣдко даютъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ. Разрѣшенію мѣстныхъ вопросовъ посвящаетъ свои труды и уважаемый авторъ названной брошюры П. Л. Онъ не первый годъ работаетъ по исторіи нашего края вообще и города въ частности, и это не первая его работа; каждая изъ нихъ всегда заключала въ себѣ что-либо новое и неожиданное. Благодаря глубокому знанію нашихъ лѣтописей и подробному критическому анализу мелкихъ данныхъ лѣтописи и ихъ удачной комбинаціи, у автора всегда получается въ результатѣ такое рѣшеніе затронутаго вопроса, что оно, будучи наиболѣе вѣроятнымъ, измѣняетъ

сложившіяся раньше мнѣнія. Цѣль брошюры «Описаніе михайловскаго монастыря» дать кіевскимъ паломникамъ краткое руководство при обозрѣніи одной изъ древнихъ мѣстныхъ святынь. Составленное вполнѣ научно и обстоятельно, это описаніе, при бѣдности у насъ такого рода произведеній, является вполнѣ желанной и отрадной новинкой. Авторъ описанія, хорошо знакомый съ литературой своего предмета, сообщаетъ новыя и выбираетъ найболѣе основательныя мнѣнія. Такъ подъ рубрикой: «начало монастыря» онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что на мѣстѣ теперешняго златоверхо-михайловскаго монастыря существовалъ прежде дмитріевскій, основанный въ 1060 году великимъ княземъ Изяславомъ-Дмитріемъ Ярославичемъ, около 1086 г.—св. Петра, а въ 1108 году заложена была церковь во имя архистратига Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ. Въ 1128 г. «переяша печеряне (т. е. власти печерскаго монастыря) церковь св. Димитрія и нарекоша ю Петра». Съ этого времени исчезло названіе церкви св. Димитрія; поведеніе печерянъ лѣтописецъ называетъ «великимъ грѣхомъ и неправдою». По мнѣнію автора церковь св. Димитрія погибла среди запустѣнія Кіева въ теченіи XV вѣка, уцѣлѣла-же только михайловская, которая и даетъ теперь монастырю свое имя, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка [1]). Далѣе авторъ излагаетъ исторію сооруженія и расположенія храмовъ монастыря, иллюстрируя ее приложеннымъ въ концѣ книги планомъ, описываетъ иконостасъ, отдѣльныя замѣчательныя иконы, алтарь и мозаику въ немъ; передаетъ разсказъ о судьбѣ мощей св. великомученицы Варвары, исчисляетъ лицъ, погребенныхъ въ михайловскомъ храмѣ и его придѣлахъ, описываетъ колокольню, ограду, гостинницу, архіерейскій домъ и монашескія келіи, а равно земельныя угодья, прежде принадлежавшія и нынѣ принадлежащія, и монастыри, зависимыя отъ михайловскаго. Авторъ говоритъ кратко, между прочимъ, о ризницѣ и библіотекѣ; о послѣдней только упоминаетъ, а между тѣмъ людямъ, наученнымъ книжному искусству (какъ мѣстнымъ, такъ и посѣщающимъ Кіевъ) прежде всего интересно было-бы имѣть, конечно, не каталогъ, а хотя-бы общее знакомство съ содержаніемъ книгъ и рукописей и временемъ ихъ изданія; этихъ-то указаній въ брошюрѣ и нѣтъ, къ сожалѣнію. Наконецъ въ ней приводится списокъ настоятелей кіево-михайловскаго монастыря, начиная съ 1503 года и до благополучно правящаго имъ нынѣ преосвященнаго Виталія Іосифова; въ заключеніе описана живописная дача монастыря—Ѳеофанія.

И. Каманинъ.

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ «Чтеніяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца, кн. I, 1873—1877 г.» стр. 28—36.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КУРАКОВСКІЙ ДОГОВОРЪ КОЗАКОВЪ СЪ ПОЛЯКАМИ 1625 ГОДА.

Кураковскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и унизительныхъ для козаковъ. Мѣсто заключенія его опредѣляется въ исторіи Кураковымъ озеромъ и урочищемъ «Медвѣжьи лозы». Очевидно, договоръ былъ заключенъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ, на походѣ или на мѣстѣ сраженія. Опредѣленіе мѣста его заключенія, кромѣ прямаго своего интереса, можетъ служить объясненіемъ невыгодности самаго договора и его тяжкихъ условій. Въ этомъ и заключается поводъ и цѣль настоящей замѣтки.

Для ясности дѣла очертимъ вкратцѣ политическое положеніе козаковъ и всего православнаго населенія южной Россіи въ 20-хъ годахъ XVII ст. и вызванное имъ вооруженное столкновеніе между козаками и польскими силами, закончившееся куруковскимъ договоромъ, а затѣмъ уже попытаемся съ возможною точностію опредѣлить мѣсто заключенія этого договора.

Двадцатые годы XVII ст. были однимъ изъ самыхъ тяжкихъ періодовъ въ жизни южной Руси. Длилось царствованіе фанатика-короля, игралища магнатовъ, орудія римской куріи, слуги іезуитовъ. По побужденіямъ внутренней и внѣшней политики правительство Сигизмунда III напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы сломить выроставшую на его глазахъ грозную козачую силу, мѣшавшую давно задуманной имъ и всѣми мѣрами проводимой полити-

ческой и церковной уніи; но въ тоже самое время ему пришлось не разъ искать спасенія въ этой самой силѣ отъ внѣшнихъ враговъ, какъ было въ войны шведскую и турецкую. Судьба козаковъ и всего православнаго населенія Польши облегчалась по мѣрѣ неудачъ поляковъ въ войнахъ съ сосѣдями. Гетману Сагайдачному, выручившему дважды изъ неминуемой гибели королевича Владислава, удалось отстоять права козаковъ, возстановить православную іерархію, съ возвратомъ отнятыхъ уніатами церквей и монастырей, и добиться провозглашенія свободы православнаго исповѣданія; но лишь только онъ скончался отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ подъ Хотиномъ, какъ всѣ плоды его умной и твердой политики обращены въ ничто. И при жизни впрочемъ его притѣсненія козаковъ, гоненія на православныхъ не прекращались. Правительство польское давало самыя противурѣчивыя обѣщанія, которыхъ никогда не думало да и не могло исполнить. Не разъ отъ лица сейма оно торжественно обязывалось смирять козаковъ и не допускать ихъ до набѣговъ на турецкія и татарскія владѣнія; но, прибѣгая къ помощи тѣхъ-же козаковъ для собственной защиты, оно должно было дѣлать уступки въ пользу ихъ и всего южно-русскаго народа, а между тѣмъ никогда не отступало отъ своего давняго плана совершеннаго уничтоженія православія и народности русской, поддерживаемое въ этомъ всѣма силами польской шляхты, іезуитовъ и самаго папы. Неудивительно, что со смертію Сагайдачнаго строгости противъ козаковъ, стѣсненія православныхъ усилились вновь. Православный митрополитъ не былъ признанъ въ своемъ званіи, прочіе православные епископы были вовсе изгнаны изъ своихъ епархій, возвращенныя недавно церкви и монастыри вновь отняты, исповѣдники православія подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Въ 1625 году православные епископы отправили своихъ пословъ на сеймъ съ цѣлію добиться легальнымъ путемъ возстановленія попираемыхъ повсюду ихъ правъ. Но въ то время, когда они съ нетерпѣніемъ ждали, какую-то вѣсть принесутъ имъ депутаты съ сейма, гоненія на православіе открылись въ самой колыбели его Кіевѣ. Представитель общественнаго здѣсь самоуправленія, кіевскій войтъ Ѳеодоръ Ходыка, уступая давленію польско-уніатской партіи, началъ въ самомъ Кіевѣ печатать церкви, отнимать у нихъ угодья, имущества. При первой вѣсти объ этомъ козаки двинулись на

Кіевъ, отпечатали церкви, возвратили имъ отнятыя угодья, убили самаго Ходыку. Сеймъ требовалъ укротить козаковъ силою оружія, и противъ нихъ двинутъ былъ Конецпольскій съ войскомъ.

Козаки оставили Кіевъ и поспѣшили отступить къ Каневу, куда не замедлилъ прибыть и Конецпольскій. Козаки просили его не начинать противъ нихъ войны, заявляя, что они желаютъ войти съ Рѣчью-Посполитою въ переговоры, лишь только прибудетъ съ Низу ихъ гетманъ Жмайло. Между тѣмъ, часть козаковъ, числомъ 3 тысячи, ушла изъ Канева по направленію къ Черкасамъ, а затѣмъ къ Боровицѣ. За ушедшими послана погоня. Пользуясь раздѣленіемъ силъ Конецпольскаго, и остальные козаки ушли изъ Канева по направленію къ тому-же мѣсту, т. е. Черкасамъ и Боровицѣ, куда и прибыли 19 октября. Здѣсь опять обратились козаки къ Станиславу Конецпольскому съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, направленныя противъ нихъ.

Не получая отвѣта, козаки опять отступаютъ и достигаютъ 25 октября мѣстечка Крылова, находящагося въ углу, на лѣвой сторонѣ р. Тясмина, при впаденіи ея въ Днѣпръ. На другой день прибылъ сюда и Конецпольскій и тотчасъ-же послалъ условія козакамъ. Условія были невыгодныя, унизительныя; козаки собрали раду и тутъ-же отвергли ихъ.

Конецпольскій, разсмотрѣвъ съ высокаго кургана въ зрительную трубу козачій лагерь и замѣтивъ его слабыя стороны, быстро ударилъ на козаковъ; тѣ дали отчаянный отпоръ. Битва продолжалась цѣлый день, до поздняго вечера, и все таки осталась нерѣшительною. На другой день Конецпольскій отдаетъ приказъ штурмовать козачій таборъ. Находясь въ невыгодной позиціи и ослабѣвъ въ силахъ, козаки не надѣялись устоять противъ настойчиваго и опытнаго вождя Рѣчи-Посполитой, а потому рѣшились тайно переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра; но поднявшаяся буря не допустила ихъ до переправы. Нѣкоторые смѣльчаки бросились вплавь, но тутъ-же, на глазахъ своихъ, потонули. Что оставалось дѣлать? Козаки опять рѣшаются отступать, разсчитывая, быть можетъ, на помощь запорожцевъ. Переправясь черезъ рѣчки (*Тясминъ* и *Цыбульникъ*), они достигаютъ «стараго городища» надъ Кураковымъ озеромъ, на Медвѣжьихъ Лозахъ». Конецпольскій по пятамъ слѣдуетъ за ними, пославъ предварительно кавалерійскій отрядъ окружнымъ

путемъ, чтобы перерѣзать отступавшимъ путь. Увидѣвъ себя окруженными съ двухъ сторонъ, козаки пріостановились, рѣшившись еще разъ попытать счастья на полѣ битвы. Нѣсколько разъ они бросались въ битву, но безуспѣшно. Не видя ни откуда помощи, истощивъ свои огнестрѣльные припасы, козаки согласились наконецъ на условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, и заключили съ Рѣчью-Посполитою, такъ называемый, *Кураковскій договоръ въ 1625 году, 6-го ноября.*

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ найти, къ чему пріурочить то мѣсто, на которомъ козаки, побѣжденные Конецпольскимъ, рѣшились на тяжелыя условія, выраженныя въ кураковскомъ договорѣ?

Чтобы отыскать это мѣсто, разсмотримъ тѣ примѣты и названія, которыя упоминаются историками, повѣствующими объ изложенныхъ выше событіяхъ.

Припомнивъ, что козаки начали отступленіе свое отъ Крылова 28 октября, что еще нѣсколько дней прошло въ битвахъ и что самый кураковскій договоръ окончательно заключенъ только 6-го ноября того-же, т. е. 1625 г., мы легко прійдемъ къ тому заключенію, что козаки отъ мѣста своего послѣдняго отступленія не могли далеко уйти внизъ по Днѣпру. Большіе пески, находящіеся ниже Крылова, въ днѣпровскихъ плавняхъ, задержали отступленіе козаковъ, потому они успѣли пройти, быть можетъ, не болѣе 20—25 верстъ. На такомъ разстояніи мы и будемъ искать историческихъ слѣдовъ мѣста заключенія этого договора.

Первая примѣта, обозначающая мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть «старое городище», а въ районѣ разсматриваемой мѣстности есть три городища: *табурищенское, камяно-потоцкое* и *кременчугское.*

Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и не малое поселеніе, отдѣльныя-же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій. И дѣйствительно тутъ долго существовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній

старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ. Итакъ лѣтописное «старое городище» легко пріурочивается къ нынѣшнему селенію Табурище. Здѣсь Днѣпръ близко подходитъ къ Табурищу. Далѣе горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніи отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ. Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень». Разстояніе между двумя пунктами, указанными выше, будетъ 20—25 верстъ.

Камяноцотоцкое городище находится на скатѣ горы, въ селѣ этого имени, возлѣ самой церкви. Относительно времени его происхожденія я не имѣю никакихъ свѣдѣній: ни письменныхъ, ни печатныхъ, ни устныхъ.

Городище кременчугское находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра тамъ, гдѣ теперь Кременчугъ. Въ татарскій періодъ здѣсь была крѣпость, называвшаяся по татарски «Керменчикъ». Послѣднее слово въ устахъ нашего народа могло легко измѣниться въ Кременчугъ, подобно тому, какъ Херсонесъ въ Херсонъ. Лясота видѣлъ и это городище. Если авторъ повѣствованія о возстаніи козаковъ въ 1625 г. подъ именемъ «стараго городища» разумѣлъ именно кременчугское, въ такомъ случаѣ его слова надобно понимать такъ: уходя изъ-подъ Крылова, козаки пришли къ тому мѣсту, которое находится противъ «стараго городища», лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра.

Второй признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть Кураково озеро.

Названіе это у разныхъ авторовъ приводится различно именно: Кураково и Краково, Куруково и Круково. Послѣднее слово въ устахъ народа измѣнилось въ Крюковъ. Въ настоящее время нѣтъ ни озера, ни рѣчки съ именемъ «Крюковъ». Но въ прошломъ столѣтіи одна изъ рѣчекъ въ днѣпровскихъ плавняхъ называлась «Крюковъ». Объ этомъ свидѣтельствуетъ Семенъ Степановичъ Пишчевичъ въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ прошломъ году профес-

соромъ московскаго университета г. Поповымъ. При этомъ меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Нишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ» не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Нишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и тоже. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ. Нишчевичъ-же переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ раннею весною, когда, слѣдовательно, вода прибавляется отъ таянія снѣговъ и когда потому многія озера обращаются въ рѣчки, а въ томъ числѣ и Круково (Крюково).

Наконецъ третій признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть урочище: «Медвѣжьи Лозы».

Въ днѣпровскихъ плавняхъ, въ окрестностяхъ Крюкова, лоза растетъ въ большомъ изобиліи. Она бываетъ разныхъ сортовъ: бѣлая, красная, черная. Лозы здѣсь названы медвѣжьими, конечно потому, что въ нихъ водились медвѣди. Лясота, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Запорожья по направленію къ Чигирину, проѣзжалъ отъ окрестностей нынѣшняго Крюкова не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, гдѣ повстрѣчался съ медвѣдемъ. Да и писатели XVIII и даже XVII столѣтій упоминаютъ между прочимъ о медвѣдяхъ, водившихся въ лѣсныхъ мѣстахъ сѣверо-западной части нынѣшняго александрійскаго уѣзда.

Припомнимъ теперь кратко путь, по которому двигались козацкія и польскія силы, и мы увидимъ ясно мѣсто послѣдней ихъ стычки и самаго договора. Козаки, переправившись черезъ рѣку Тясминъ, пошли вдоль праваго берега Днѣпра, перешли рѣчку Цыбульникъ и пройдя мимо «стараго городища», которое называю табурищенскимъ, вступили въ днѣпровскую долину, или плавни. Осенью и лѣтомъ здѣсь очень хорошо и удобно проходить и проѣзжать. Конецпольскій съ главными силами пошелъ вслѣдъ за коза-

ками, а обходной отрядъ слѣдовалъ конечно по горѣ, идущей въ 6—7 верстахъ отъ Днѣпра. Возлѣ нынѣшняго Крюкова и было то мѣсто, гдѣ козаки, увидѣвъ себя атакованными съ двухъ сторонъ, вынуждены были согласиться на тяжкія условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, заключивъ кураковскій или куруковскій договоръ 6 ноября 1625 года. Это именно мѣстности нынѣшняго посада Крюкова, лежащаго на правой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ уѣзднаго города Кременчуга, полтавской губерніи. Тутъ, какъ и подъ Крыловымъ, козаки очутились какъ-бы въ западнѣ: спереди и сзади ихъ давили поляки, съ боковъ были Круково озеро и горы, Медвѣжьи Лозы и за ними Днѣпръ. Какъ ни были тяжки условія, предложенныя Конецпольскимъ, козаки должны были принять ихъ. Это вынуждала не только слабость ихъ силъ, но и позиція, въ которую они попали, тщетно ожидая съ низу подкрѣпленія.

Свящ. **В. Никифоровъ.**

КІЕВСКАЯ АКТОВАЯ РѢЧЬ 1841 ГОДА.

Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскихъ, да и другихъ, публичные акты явились недавно, съ 60-хъ годовъ. Прежде ихъ замѣняли публичные экзамены, соединявшіеся до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія съ публичными-же диспутами. Тогда какъ теперь ядро актовъ заключается въ составляемыхъ по неизмѣнной формѣ отчетахъ и жизнь заведенія, даже знанія и поведеніе учениковъ представляются въ цифрахъ, тогда все это выставлялось, такъ сказать, натурою. Да, это въ собственномъ смыслѣ была выставка знанія и успѣховъ учащихся и притомъ съ казоваго конца. Испытаній въ обыкновенномъ смыслѣ тутъ не было,—они производились раньше при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ, для публичныхъ-же не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но даже въ академіи назначалось заранѣе, кто и что долженъ отвѣчать по тому или другому предмету. Назначались, конечно, лучшіе и болѣе казистые студенты, по два на предметъ. Предсѣдательствовавшій владыка объявлялъ лишь предметъ, по которому слѣдуетъ испытаніе; кого и объ чемъ именно спросить—предоставлялось профессору. Конечно, отвѣты не могли быть иными, какъ только самыми лучшими по

всѣмъ вообще предметамъ. Въ частности интересъ отвѣта зависѣлъ не только отъ темы, удачно выбранной, но и отъ бойкости отвѣчавшаго, такъ какъ владыка дѣлалъ свои замѣчанія, поправки и возраженія, на которыя долженъ былъ отвѣчать испытуемый студентъ. Въ такомъ видѣ публичные экзамены отнюдь не были обманомъ публики, но только выставкою предъ нею знанія и науки, точь въ точь какъ производили это наши дворяне XVIII ст. предъ роднею и сосѣдями съ своими Петрусями и Ясями, по обученіи ихъ дома или за границей. Роль отца здѣсь занималъ владыка и ему конечно должны были выразить публично свои чувства и испытуемыя имъ дѣти и приставленные къ нимъ учители, а онъ публично-же ихъ похвалялъ и благодарилъ. Выраженіе чувствъ производилось въ двухъ рѣчахъ: привѣтственной предъ началомъ экзамена и благодарственной по окончаніи онаго. Рѣчи обращались обыкновенно къ лицу владыки. Конечно, рѣчи готовились заранѣе, прочитывались, исправлялись и даже прослушивались, а для составленія и сказыванія рѣчей выбирались самые рѣчистые и съ хорошею дикціею студенты. Все это лежало на заботѣ и обязанности профессора краснорѣчія. Въ 40-хъ годахъ такимъ профессоромъ въ кіевской академіи былъ глубоко памятный намъ Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Это былъ человѣкъ оригинальнаго ума и высокихъ дарованій. Однообразіе сказываемыхъ на публичныхъ экзаменахъ рѣчей и выражаемыхъ ими чувствъ претило ему, и вотъ въ X курсѣ академіи, оканчивавшемся въ 1841 году, онъ пожелалъ пооригинальничать рѣчью и для этой цѣли выбралъ въ ораторы оканчивавшаго тогда курсъ молдована Василія Скрибана-Попеску, впослѣдствіи архіепископа ясскаго Филарета. Рѣчь имъ сказанная произвела глубокое, поражающее впечатлѣніе. Плакалъ старецъ—владыка Филаретъ, глоталъ слезы говорившій, прослезились многіе и многіе изъ слушавшихъ. О рѣчи говорили много и долго, студенты и семинаристы списывали ее и теперь она циркулируетъ во многихъ и многихъ спискахъ. Вотъ эта блестящая, глубоко трогающая рѣчь.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Милостивый архипастырь и отецъ!

Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принятъ какъ свой, и, можетъ быть, болѣе чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь, подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ, и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшій архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои сотоварищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ; «вы свои, вы имѣете право на благодѣянія, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности: предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія священныхъ чувствій души, глубоко признательной. Они предоставили, и я почитаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшій архипастырь, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной христіанской мудрости и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ я нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ у меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? я скажу имъ: не только позналъ, но и видалъ ихъ, и укажу на тебя, іерархъ благочестивый.

Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію, и укажу на тебя, іерархъ христолюбивый! на великодушіе и гостепріимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго.

Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть, вы и все знаете; но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ и благолѣпіи, и я не видалъ между вами особъ православныхъ.

Такъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ, въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной, здѣсь видѣлъ я чинъ и устройство истинной церкви Христовой, видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней; при твоемъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной; и все, что могъ познать, могъ видѣть, все понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святый обѣтъ, и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ нечѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жилъ я гостемъ;—нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь.

И у меня есть владыка, старецъ благоговѣйный и милостивый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда я прійду къ нему, и принесу ему твою любовь, и твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделѣнно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный своею ревностію по вѣрѣ христіанской.

Посторонніе посѣтители публичнаго экзамена академіи въ тотъ день, слыша эту рѣчь, получили конечно высокое представленіе объ ораторскомъ талантѣ студента-молдована и о томъ, какъ быстро и превосходно овладѣлъ онъ русскою рѣчью; для насъ-же сокурсниковъ Скрибана-Попеску ясно было лишь то, что онъ отлично усвоилъ эту рѣчь, проникся ея духомъ и мастерски произнесъ ее своимъ особымъ акцентомъ, но ни для кого не составляло секрета, что настоящимъ ея авторомъ былъ все тотъ-же знаменитый и приснопамятный нашъ Яковъ Козьмичъ.

Сообщ. прот. Е. Попруженко.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ШЛЯХЕТСКО-КОЗАЧАГО БЫТА XVIII В.

(*Два партикулярныя письма*).

Ниже приводятся два частныхъ письма первой половины XVIII ст., совершенно различныя по содержанію, но имѣющія, кромѣ своей характерности, еще то общее качество, что оба относятся къ

обыденной, домашней южно-русской жизни первой половины прошлаго вѣка. Даже скудныя, отрывочныя бытовыя указанія на пережитыя формы жизни весьма цѣнны для исторіи. Тѣмъ цѣннѣе для нея указанія точныя, недвусмысленныя, яркія. А такія именно и заключаются въ приводимыхъ письмахъ, заимствованныхъ нами изъ фамильныхъ бумагъ А. С. Лашкевича, частью которыхъ мы еще воспользуемся при удобномъ случаѣ.

Вышедшій въ прошломъ году въ Петербургѣ 8-й томъ «Исторической библіотеки», издаваемой археографической коммиссіей (рецензія—въ октябр. кн. «Кіев. Стар.» за 1884 г.) помѣстилъ подробную опись *скарбовъ* низложеннаго гетмана Самойловича, и читающая публика получила понятіе о поражающемъ множествѣ и разнообразіи цѣнностей гетманскаго имущества. Между прочимъ въ описи сразу бросается въ глаза то, что въ безконечномъ ряду описываемыхъ предметовъ—чарокъ, кубковъ, кружекъ, четвертинъ, братинъ, блюдъ, чашъ, поясовъ, перстней, шубъ, сподницъ, сѣдель, ружей и проч. и проч.—нѣтъ, какъ у насъ теперь, или по крайней мѣрѣ весьма мало—«дюжинъ», «сервизовъ», «костюмовъ», вообще того, что пріобрѣтается нарочито, съ подборомъ. Тамъ каждый слѣдующій предметъ только по названію похожъ на предыдущій, всѣмъ остальнымъ—вѣсомъ, формой, матеріаломъ—отличается отъ него. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ историческія свидѣтельства, что колоссальные «скарбы» гетманскіе собирались по крупицамъ. Собственно о Самойловичѣ лѣтопись говоритъ, что этотъ человѣкъ отличался большимъ «здирствомъ», слѣдовательно сокровища его въ значительной долѣ и составлены именно путемъ неустаннаго насильственнаго извлеченія изъ чужихъ рукъ всего, что только удостоилось непосредственнаго или посредственнаго вниманія его ясневельможности.

Но составъ имущества Самойловича можно, не рискуя ошибиться, принять за типическій, что подкрѣпляется извѣстными доселѣ многочисленными описями приданнаго богатыхъ и знатныхъ малороссіянокъ,—«виновными записями» (отъ слова вѣно), какъ онѣ иногда назывались.

Какъ составлялись скарбы, подобные Самойловичевскому, у другихъ гетмановъ? Несомнѣнно, что въ значительной степени изъ подарковъ. Дарили всѣ сословія и по всѣмъ случаямъ: являлась-ли

генеральная старшина и всѣ бывшіе «при боку гетманскомъ», по случаю какого-либо семейнаго или иного праздника; пріѣзжали-ли въ гетманскую резиденцію полковая старшина; прибывалъ-ли какой «посолъ государевъ» или просто купецъ «россійской породы»; поздравлялъ-ли письменно какой-либо игуменъ «съ полпоприщемъ великаго поста»; добивался-ли кто-нибудь юстиціи «рейментарской», а тѣмъ паче вниманія и милостей—все это непремѣнно сопровождалось приношеніями всѣхъ видовъ, сортовъ и способовъ. Въ напечатанной въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала «Супликѣ на попа», чисто народной и нѣкогда весьма распространенной пьескѣ, прямо говорится, что къ гетману безъ сукна не ходи. Отсюда, рядомъ съ произведеніями художествъ, въ родѣ «золотаго корабля съ человѣчьими парсунами, щоглами и пушечками», рядомъ съ нѣмецкими картинами, часами и проч. въ гетманскихъ кладовыхъ оказываются старые пистолеты, сѣдла, собольи шубы, парчевыя «спидныци», ломъ серебра, «люльки», нагайки, сукно и проч. Жаль, что червонцы не имѣли особыхъ примѣтъ, а то-бы и они показали, что сплылись къ гетману изъ разныхъ источниковъ, иногда въ дарахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ, на нашъ современный взглядъ, гетманскому великолѣпію.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и помѣщаемый ниже документъ. Пишетъ полковникъ стародубовскій, извѣстный Лукьянъ «Жоравко» [1]) стародубовскому войту Симеону Тихоновичу, изъ Глухова въ Стародубъ, что пять червонныхъ золотыхъ, присланные паномъ войтомъ чрезъ нарочнаго «на поклонъ пану гетмановѣ», онъ полковникъ получилъ, но вручить его ясневельможности тотчасъ не можетъ, «понеже не по тому теперь часъ», т. е. неподходящее время. Дѣло происходитъ 8 октября 1718 года. Почему время было неудобно для «ознайменя» о панѣ войтѣ предъ ясневельможнымъ, находимъ отвѣтъ въ «Дневныхъ запискахъ» Якова Марковича, гдѣ на стр. 4, подъ 1718 годомъ, читаемъ: «Мѣсяца октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселье было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстаго,

---

[1]) Журавка былъ сотникомъ новгородскимъ; возведенъ на полковничій урядъ самимъ Петромъ Великимъ въ 1708 году, за проведеніе царскихъ войскъ въ укрѣпленный Мазепою Новгородсѣверскъ.

сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича». Разумѣется, гетману, въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ было не до войта стародубовскаго.

Письмо Журавки написано на полулистѣ, замѣчательно красивымъ почеркомъ. Вотъ текстъ его.

Пане вуйте майстрату стародубовского!

Червоныхъ золотихъ пять, на поклонъ ясневелможному пану гетмановѣ отъ вмти чрезъ козака посланные, дошли рукъ нашихъ. Съ взглядомъ самого вмти и его войтовского уряду, не предкладалисмо еще его панской велможности, понеже не потому теперь часъ. Однакъ же потрафивши благополучное время, ознаймити не забудемъ о вмти, и якій будетъ его рейментарской на тое отвѣтъ, листовне не замедлимъ о томъ дати вѣдомо. А теперь похваляемъ вмти, же имѣете коло оправованя города нашего полкового старанне, и не лѣнивое о томъ же имѣти тщаніе пилно, пилно жадаемъ, и ему жъ доброго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Зъ Глухова. октоврія 8, 1718 року.

Вмти зичливий его царского пресвѣтлоо величества войска запор.
Полковникъ стародубовскій *Лукиянъ Жоравко.*

А найбарзѣй о войсковомъ погребѣ имѣйте попеченіе зъ господаремъ.

На другой сторонѣ:

Пану Сумеону Тихоновичу, майстрату стародубовского войтовѣ, подати.

Изъ дневниковъ Марковича, Ханенка, изъ находящагося въ редакціи «Кіевской Старины» рукописнаго дневника Лашкевича и другихъ источниковъ мы знаемъ, что малороссійская козацкая старшина прошлаго вѣка, рядомъ съ веденіемъ обширнаго хозяйства, занималась и торговлею, сбывая преимущественно продукты собственнаго хозяйства. Торговля не ограничивалась предѣлами Малороссіи; очень часто партіи товаровъ и скота препровождались въ Великороссію и даже за границу: стада воловъ гоняли въ Москву и Данцигъ, табакъ и водка шли въ Персію или Сѣчь, хлѣбъ въ Азовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ рынкахъ поставщики-помѣщики имѣли знако-

мыхъ купцовъ и факторовъ, съ которыми вели даже дѣловую переписку, поручая имъ разныя коммиссіи.

Второй изъ нашихъ документовъ и есть именно образчикъ такого дѣловаго письма. Пишетъ въ 1739 году изъ Риги нѣмецъ, какой-то Готгардъ Христіанъ Гартманъ братьямъ Тищенкамъ, помѣщикамъ Стародубовщины, искони отличавшейся производствомъ пеньки, вывозимой оттуда и въ настоящее время въ огромномъ количествѣ. Нѣмецъ пишетъ по польски, довольно чистымъ языкомъ и нѣмецкимъ почеркомъ. Въ концѣ письма приложенъ характерный счетъ предметовъ нарочитой покупки, порученной Гартману Тищенками. Между сельдями, рукавицами и окулярами фигурируетъ неизмѣнный «пурганцъ», которымъ, сколько можно судить по тѣмъ же дневникамъ, считали долгомъ время отъ времени полѣчиться люди, обладавшіе вполнѣ здоровыми желудками.—Мы передаемъ письмо по русски, удержавъ (въ русской транскрипціи) только непереводимое обращеніе тогдашнихъ польскихъ и южно русскихъ писемъ.

Мнѣ велце мосци панс и добродію,

Мосци пане Тыщенскъ! (sic.)

За письменное увѣдомленіе покорнѣйше благодарю, отъ души желая, что-бы Всевысочайшій Богъ и ваши милости, пановъ, благоволилъ сохранять и содержать на долгія времена въ добромъ здоровьѣ и всякомъ счастіи. Какъ мнѣ пріятно было изъ письма вашего получить свѣдѣнія о товарахъ тамошнихъ, такъ и я готовъ вашимъ милостямъ объяснить, какъ здѣсь дѣла стоятъ въ торговлѣ. До сихъ поръ мало вѣрнаго касательно будущей весенней цѣны, потому что главныхъ сдѣлокъ еще не слыхать. Было нѣсколько—по 9 талеровъ за берковецъ чистой пеньки, заплативъ половину наличными деньгами; безъ денегъ—9 съ половиною талеровъ. Пенька *половая* [1]) по $6^1/_4$ талеровъ. Изъ Польши все пишутъ, что тамъ пенька уродила очень короткая и ожидается небольшое количество; поэтому по веснѣ, при малой партіи оттуда, цѣна можетъ быть гораздо выше; я такъ полагаю, что по крайней мѣрѣ чистая пенька ниже не будетъ, какъ 10 талеровъ или $10^1/_2$

---

[1]) Сѣрожелтая, худшій сортъ.

рублей, половая—по 6 съ половиной. Послѣднюю пеньку, которая тутъ была и которую доставили къ осени, продали по 10 талеровъ чистую и по 6 талеровъ половую. Такъ взялъ Петръ Вольскій за свою партію, которую теперь имѣлъ здѣсь доставленною; еще и самъ онъ тутъ. Рожь что-то идетъ въ гору: лѣтомъ продали по 19 талеровъ ластъ, теперь даютъ 23—24 талера за полновѣсную. Конопля по 17 шостаковъ, иль по 90 копѣекъ за бочку. Сѣмя льняное, если имѣетъ 108 фунтовъ вѣсу, по 7 съ половиною тымфовъ или 120 коп. Пакля ни по чемъ и рѣшительно не слѣдуетъ отправлять, никто не покупаетъ. Цѣна на золото высока: платили 2 битыхъ талера и 11 грошей за червонный золотой,—мало имѣется этой монеты. Талеры теперь идутъ по 105 коп. Такъ какъ тутъ теперь много купцовъ смоленскихъ, пріѣхавшихъ за деньгами, то и золото дорого стало: на рубли—2 руб. 24 коп. Сообразно съ этимъ благоволите, милостивые государи, сдѣлать свои соображенія, и зимою—дай Боже, въ добромъ здоровьѣ—пріѣхать сюда, что-бы я могъ сторговать что-либо порядочное и продолжить съ вашими милостями давнее знакомство. Требуемыя вещи, перечисленныя въ письмѣ, что только могъ достать, я постарался, и посылаю вашей милости съ сей оказіей, какъ ниже показано. Желаю, что-бы все дошло въ цѣлости. Оносительно очковъ для его милости родителя вашего, не знаю, поспѣлъ-ли во время; поклонъ мой нижайшій посылаю ему, при желаніи здоровья и всякаго спокойствія въ его старости. Желая того-же самаго и вашимъ милостямъ, панамъ братьямъ, отдаю себя въ неизмѣнную доброжелательную дружбу вашу, подписываясь вашей милости пана и благодѣтеля моего нижайшимъ слугою.

Готгардъ Христіанъ Гартманъ.

Въ Ригѣ 31 октября
1739 года.

P. S. Прошу васъ, постарайтесь, по добротѣ своей объ общемъ долгѣ отъ извѣстнаго вамъ Семена (?); хорошо было-бы взыскать сколько нибудь и употребить въ помощь (?).. Весьма рекомендую этотъ интересъ и готовъ отслужить.

2 осьмушки свѣжей сельди по 5 орт. .	2 тал. 45	гр.
4 барилка лямпреды (миноги) по $^1/_2$ талер. и 2 шост.	2 — 40	—

60 коль (? не разобрано) сухихъ миногъ едва досталъ по 12 за кал. .	5 тал.	„		гр.
2 пары лосинныхъ рукавицъ, одна 3 орт., друга $3^1/_2$	1	—	$56^1/_2$	—
7 фунтовъ сахару леденцу	1	—	„	—
Пурганцу (слабительнаго) за $^1/_2$ тал.	„	—	45	—
Окуляры съ футляромъ.	„	—	40	—
Итого .	13 тал.		36	гр.

Ѳ. Н.

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ пирятинскомъ повѣтѣ жило семейство Александровичей. Предки его занимали разные уряды въ гетманщинѣ. Тогдашній представитель этого рода, бунчуковый товарищъ, Иванъ Ильичъ Александровичъ былъ сначала лубенскимъ подкоморіемъ, а потомъ прилуцкимъ полковымъ писаремъ.

У Ивана Ильича было много дѣтей: два сына—Варѳоломей и Порфирій—и пять дочерей, младшую изъ нихъ звали Ульяной. Судьба Ульяны Ивановны настолько своеобразна, что мы позволимъ себѣ остановить на ней вниманіе читателя.

Когда М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій князь смоленскій, еще въ маленькомъ чинѣ стоялъ съ полкомъ въ Пирятинѣ, онъ познакомился съ семьей Александровичей и сталъ часто бывать на ихъ хуторѣ Великой Кручѣ (нынѣ село). Ему приглянулась красивая Ульяна, взаимно его полюбившая, и онъ хотѣлъ на ней жениться; но влюбленные ничего еще не говорили родителямъ, какъ вдругъ Ульяна опасно заболѣваетъ. Всѣ лѣченія ничего не помогали и мать въ отчаяніи дала обѣтъ, что если дочь выздоровѣетъ, то останется всю жизнь дѣвственницей. Ульяна выздоровѣла, вмѣстѣ съ этимъ возросла взаимная любовь молодыхъ людей. Когда мать объявила Ульянѣ, чему обязана она, по ея мнѣнію, спасеніемъ отъ смерти, они было призадумались, но вскорѣ любовь превозмогла другія чувства и они просили у родителей благословенія на бракъ. Мать отговаривала, боясь кары Божіей, но потомъ не препятствовала счастью любимой дочери. Уже былъ назначенъ день свадьбы, какъ

вдругъ, невѣста заболѣваетъ горячкой. Женихъ былъ въ страшномъ отчаяніи и принималъ всѣ мѣры къ спасенію несчастной невѣсты — она не умерла, но поразившій ее параличъ сдѣлалъ ее калѣкою на вѣки. Всѣ видѣли въ этомъ перстъ Провидѣнія. Хотя Кутузовъ все настаивалъ на совершеніи брака, но несчастная Ульяна рѣшительно не захотѣла «завязывать ему свѣтъ». Она стала постоянно молиться и сохранила къ любимому человѣку тихую святую привязанность и добрую память до послѣднихъ дней своихъ († 1836 г.). Кутузовъ постоянно съ ней переписывался; когда-же Ульяна Ивановна умерла, то приказала положить ей въ гробъ подъ голову письма къ ней Кутузова.

Порфирій Ивановичъ Александровичъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ, въ чинѣ маіора, въ турецкой войнѣ 1789 года, въ корпусѣ Суворова.

Однажды Суворовъ дѣлалъ смотръ. Былъ жаркій день; Суворова долго не было; а тутъ море влекло къ себѣ томившихся отъ жары воиновъ. Порфирій Ивановичъ, разсчитывая, что успѣетъ выкупаться до пріѣзда Суворова, быстро раздѣлся и бросился въ воду. Вдругъ какъ-то незамѣтно подъѣхалъ Суворовъ. Увидѣвъ купавшагося, онъ крикнулъ: «что ты тамъ дѣлаешь, маіоръ Александровичъ». Злосчастный маіоръ нашелся: «ъ измѣряю, ваш... ство, глубину моря!» бойко отвѣчалъ онъ.

Суворовъ засмѣялся, и Порфирій Ивановичъ моментально одѣлся и побѣжалъ къ своей части.

С—ко.

НАСЛѢДНИКИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Громадныя степныя, луговыя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привиллегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселенными на нихъ людьми. Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была инструкція относительно раздачи этихъ земель, въ размѣрѣ отъ 1,500 до 12,000 десятинъ на одно лице съ микроскопическою помѣрною платою и съ обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными зако-

номъ людьми податнаго класса. Тамъ-же замѣчено, что главными участниками въ наступившемъ раздѣлѣ явились самъ Потемкинъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и князь А. Прозоровскій, Послѣдніе получили по 100,000 десятинъ; сколько взялъ Потемкинъ, остается неизвѣстнымъ.

Намъ удалось найти довольно длинный списокъ другихъ лицъ, получившихъ большія или меньшія доли изъ запорожскаго наслѣдства, но... въ одномъ лишь екатеринославскомъ уѣздѣ бывшей азовской губерніи, составлявшей лишь половину бывшей Новороссійской провинціи, которая образована была изъ запорожской территоріи и которой генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ самъ Потемкинъ. Списокъ этотъ интересенъ для исторіи заселенія Новороссіи, представляя имена небольшаго числа первыхъ ея колонизаторовъ и полученныхъ ими земельныхъ участковъ. Приводимъ этотъ списокъ въ современной копіи, обязательно сообщенной намъ г. Манджурою.

Копія.

Екатеринославъ.

Вѣдомость учиненная въ азовской губернской канцеляріи, во-лпкое число въ екатеринославскомъ уѣздѣ состоятъ вновъ отведенныя къ отводу назначенныхъ помещикамъ земель.

1776 ГОДЪ.

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Отставному секундъ-маіору *Василію Лосеву* на реке Большой Терновке по теченію справой стороны .	6000	80
Старшине *Караванцу* на речке Богатой по теченію справой стороны	1500	32
Отст. сек.-маіору *Неплюеву* по теч. реки Большой Терновки слѣвой стороны	12000	400
Прем.-маіору *Сергею Неплюеву* на р. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны	3000	70
Сек.-маіору *Наковальнину* на р. Днѣпрѣ на реч. Вороной по теченію справой стороны . . .	2500	1275
Капитану *Рябому* на речкѣ Кельгени . . .	9000	87

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Провіантмейстеру *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1700
Подполковнику *Синельникову* на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1644
Маіору *Герсеванову* на р. Орель по теченію слѣвой стороны къ реч. Богатой	6400	182
Подполков. *Колпаку* на р. Орели по теч. слѣв. стор. при устьи реч. Богатой	4500	450
Самарскому жителю *Непійбриги* на р. Кильгени по теченію справой стороны	3000	218
Бывшему запорожскому полковнику Гараджѣ на р. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны . .	3005	38
Поруч. *Легкоступу* про Солономъ Лиманѣ и на реч. Волчой по теченію слѣвой стороны.	3000	840
Поручику *Лосеву* на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	43
Прапорщику *Лосеву* на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	31
Полковому старшинѣ *Хижняковскому* на реч. Орели и Орелки по теченію слѣвой стороны . . .	1500	400
Ротмистру *Вишневецкому* на реч. Нижней Терѣ по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Карпову* между реч. Осокировки и Отногой Осокоровки	1500	150
Порутчику Николаю *Черткову* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны.	9000	6570
да къ мелнице	150	
Ген.-порутчику князю *Прозоровскому* на р. Волчей при устья Нижней Тересы	10000	3200
да на р. Днѣпрѣ и реч. Татаркѣ. . . .	3000	3562
Маіору *Мерлину* на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	330

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Подполк. *Лалашу* на реч. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	600
Порутчику *Озерову* на реч Осокировки по теч. слѣвой стороны	3000	300
Порутч. Алексѣю *Попову* на реч. Большой Терновка по теченію справой стороны	3000	45
Прапорщ. *Пекезщу* въ вершинѣ реч. Осикировки по теченію справой стороны	1500	150
Полковому старшинѣ *Попову* на реч. Протовчи по теченію слѣвой стороны.	1500	541
Маіору *Мерлину* на реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	3000	300
Прапорщику *Тимофееву* при балкѣ Береснюговатой	3000	150
Старшинѣ *Рудю* въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію справой стороны	3000	300
Капитану *Черткову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	300
Маіору *Выродову* на реч. Самарѣ по теченію справой стороны.	4500	160
Отставному сотнику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны. . . .	1500	26
Порутчику *Павлову* на реч. Богатой по теченію справой стороны.	1500	30
Полковому старшинѣ *Рудю* на вершинѣ Нижней Тереи.	9000	300
Оборъ-полицмейстерской канцеляріи переводчику *Коростовцу* на реч. Большой Терновкѣ по теч. справой стороны	1500	40
Подпоручику *Косинскому* на речки Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	6000	406
Провіантъ-комиссару Коху на реч. Большой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	21

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Прокурору *Ракицкому* на Нижней Терсѣ справой стороны	3000	300
Адъютанту *Турченеву* на вершинѣ реч. Вороной справой стороны	3000	540
Прем.-маіору *Заврову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	350
Прапорщику князю *Мусчелову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	260
Маіору *Гиржеву* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	210
Секундъ.-маіору *Герсеванову* между реч. Днѣпра и Протовчи	1500	1585
Полковому старшинѣ *Гордѣенку* на реч. Малой Терновкѣ справой стороны	3000	46
Маіору *Герсеванову* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	270
Полковому старшинѣ *Высочину* на реч. Волчей и верхней Терси по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	98
Вахмистру *Лисовицкому* на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	6000	
Осадчему *Мураеву* при Дубовой балкѣ	1500	13
Порутчику *Головатому* на реч. Кильчени по теченію справой стороны	3000	593
Ген.-порутч. *Спиридову* по реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	12000	400
Маіору *Надоржинскому* по р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	200
Бригадиру *Куроедову* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	
Прокурору *Сабурову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	6000	600

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Маіору *Суханову* по р. Протовчи по теченію слѣвой стороны	4500	312
Порутч. *Черткову* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	70
Порутч. *Александрову* на верш. р. Вьязовской по теченію справой стороны	3000	17
Прапор. *Шицу* на р. Нижней Тересѣ по теченію справой стороны	1500	120
Полковому старшинѣ *Кобезчину* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	136
Полскому полковнику *Джараю* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	6000	136
Сотнику *Коростовцу* на р. Опалихѣ по теченію справой стороны	1500	29
Порутчику *Минину* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	63
Прапорщику *Билимову* на р. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	1500	52
Оберъ-провіантмейстеру *Бунину* на р. Большой Терновкѣ слѣвой стороны	6000	120
Сек.-маіору *Писемскому* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	4500	520
Бригадиру *Балабину* на р. Бритой по теченію слѣвой стороны	6000	200
Маіору *Герсеванову* къ тремъ плотинамъ по р. Самарѣ по теченію справой стороны	360	90
Сарш. *Попатенку* между дачь поруч. *Легкоступа* и прапорщ. *Тимофѣева*	1500	480
Ген.-порутч. *Черткову* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны къ устью Солоненькой	3000	800
Ген.-порутч. князю *Прозоровскому* для колонистовъ на р. Волчей при мелницѣ Колотечиной	3000	1210

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Поручику *Писменному* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	6000	600
Регистратору *Ставровскому* на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	60
Надворному Совѣтнику *Шалигину* на балкѣ Охтыркѣ	4500	350
Маіору *Лаврову* по теченію р. Вороной справой стороны	9000	700
Полковнику *Мартинову* на р. Днѣпрѣ при устьѣ реч. Осикоровки по теченію справой стороны	3000	920
Пустынниколаевскому монастырю на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Лозоватой	1500	240
Дачѣ *Хоцовой* мельницѣ	120	
Старшинѣ *Кореневскому* на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	125
Полковому старшинѣ *Балицкому* на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	1500	150
Сек.-маіору *Надаржинскому* на р. Опалихѣ по теченію оной слѣвой стороны	3000	120
Статскому совѣтнику *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Скотоватой Имачки	4500	450
Ему же *Семичеву* на р. Самарѣ по теченію справой стороны	1000	300
Генралъ-маіору и кавалеру *Потемкину* на р. Нижней Терсѣ слѣвой стороны	12000	2680
Полковому старшинѣ *Щекину* въ вершинѣ балки Скотоватой	1500	90
Прапорщику *Галичу* на р. Опалихѣ слѣвой стороны	1500	210
Генералъ-маіору *Юзюпову* по правой сторонѣ р. Самары	12000	600
Капитану *Черніявскому* при р. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	189

	Число десятинъ удобной.	неуд.
Коллежскому асессору *Титову* на вершинѣ реч. Вьязовской	3000	30
Екатеринославскому купцу *Фалѣеву* по правой сторонѣ р. Самары для фабрики . :	12000	400
Сек.-маіору *Наковальнину* въ верш. р. Нижней Тересы	6000	620
Дивизіонъ-квартирмистру *Федорову* на р. Нижной Тересѣ по теченію слѣвой стороны	6000	560
Валдмейстеру *Кесареву* на р. Нижней Тересѣ справой стороны	3000	80
Вагмейстеру Ивану *Горленскому* на р. Нижней Тересѣ справой стороны	3090	30
Регистратору *Башнатову* на р. Нижней Тересѣ по теченію справой стороны	1500	50
Архиваріусу *Бурманъ* на р. Нижней Тересѣ отъ дачи регистратора Башнатова внизъ	1500	50

На подлинномъ тако подписано по листамъ:

Въ должности секретаря поручикъ *Петръ Осиповъ.*

Регисторъ *Антонъ Степановъ.*

На копіи по листамъ написано: подлинное читалъ копіистъ *Павелъ Перекрестовъ.*

Съ копіей вѣрно *Ив. Манжура.*

Сообщ. **Д. Багалѣй.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

Однимъ изъ польскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи, наиболѣе человѣчно относившихся къ своимъ крестьянамъ, былъ панъ Бардашевицкій, помѣщикъ с. Кожанки, липовецкаго уѣзда. Онъ не иначе называлъ ихъ, какъ дѣтьми, и никогда между нимъ и крестьянами не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Крестьяне въ свою очередь любили своего «пана» и всегда охотно «слухали его», если пану что-либо требовалось сверхъ обязательной ихъ работы.

Но вотъ вспыхнуло возстаніе и крестьяне получили возможность выместить на нелюбимыхъ ими панахъ свои старыя обиды. Бардашевицкій на ту пору заболѣлъ, слегъ въ постель и не принималъ никакого участія въ творившейся вокругъ суматохѣ. Однажды, въ самый разгаръ возстанія, ему докладываютъ, что пришла «громада» и желаетъ его видѣть.

— Скажите имъ, отвѣтилъ панъ, что я боленъ, лежу и никого принять теперь не могу; пусть прійдутъ послѣ.

Но громада не уходила и настойчиво домогалась свиданія съ паномъ. Не видя возможности отдѣла́ться отъ посѣтителей, Бардашевицкій позвалъ крестьянъ въ свою спальню и ласково спросилъ ихъ:

— Чого вамъ треба, дитки? Адже вы бачите, що я слабый... лежу...

— Та воно такъ, паночку, отвѣчала ему громада; бачити мы бачимо, але дило, знаете, у насъ таке...

— Яке-жъ тамъ у васъ дило?

— Таке дило, паночку, що якъ-же це тепера буде? Вже вси люди своихъ панивъ повязали та у городъ позавозили, а мы васъ ще й доси не займали!.. Ждали мы, ждали, та дали думаемо, що вже й намъ безъ того ниякъ обійтися не можна...

И крестьяне связали Бардашевицкаго и отправили его у «городъ»...

Коментаріи излишни тутъ; замѣчу только, что эта «исторія» разсказана мнѣ тѣми самими крестьянами, которые были въ ней дѣйствующими лицами.

И. Рева.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА НА ПОЛЬШУ ПО ПОВОДУ ЕЯ РАЗДѢЛА.

Враждебныя отношенія, вѣками установившіяся между поляками и малороссіянами, давали послѣднимъ побужденіе при всякомъ политическомъ кризисѣ Польши выражать свои дѣйствительныя чувства къ ней, язвить ее игривой насмѣшкой, или злой сатирой. Примѣръ первой представленъ нами въ мартовской книжкѣ журнала въ письменномъ памятникѣ 1733 года, названномъ нами «Политическая шарада», въ которой неизвѣстный малорусскій политикъ того времени мѣтко и съ добродушнымъ смѣхомъ рисуетъ

политику европейскихъ державъ въ вопросѣ о наслѣдствѣ польскаго престола и безшабашно равнодушное и самодовольное положеніе въ этомъ дѣлѣ Рѣчи Посполитой, заключая тонкой, но полной глубокаго политическаго знанія ироніей надъ жалкимъ разложеніемъ государственно-общественнаго организма Польши, какимъ-то рокомъ, подъ вліяніемъ Сатурна, обездоленнаго въ Римѣ (намекъ на польско-католическій ультрамонтанизмъ), выдыхающей изъ себя политическій хладъ и несчастье и ими гнетущей всю страну, все подвластное ей населеніе. Образчикъ второй мы видимъ въ помѣщаемой ниже политической сатирѣ позднѣйшаго времени, когда наступили уже раздѣлы Польши. Форма этой сатиры, безъ сомнѣнія, странная для нашего времени, но мы имѣемъ дѣло съ историческимъ памятникомъ и тѣмъ отдаленнымъ временемъ, когда подобныя, крайне разнообразныя формы были въ ходу и даже доживали свои послѣдніе годы. Онѣ не будутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ памфлеты виленскихъ іезуитовъ XVI и XVII столѣтія, въ родѣ листовъ съ неба, писемъ и молитвъ къ апостолу Петру отъ лица православнаго мѣщанина, пробирающагося въ рай,—переполненныхъ грубою, циничною бранью. Чѣмъ язвили католики православныхъ, тѣмъ платили православные католикамъ. Мы читали въ старой рукописи конца XVII в. политическій памфлетъ, написанный замѣчательно чистымъ южнорусскимъ языкомъ въ формѣ священной исторіи, начинающейся сотвореніемъ міра и оканчивающейся крестною смертію Іисуса Христа. Распинателями и мучителями Спасителя міра представлены здѣсь поляки и жиды, а защитниками Его козаки, тщетно пытающіеся избавить отъ смерти невинную жертву злобы и мщенія за праведное обличеніе. Въ настоящемъ памятникѣ формою сатиры избранъ такъ называемый польско-католическій *пацѣржъ*, или повседневныя молитвы: *Ойче-нашъ, Здровась Марія, Вѣржe въ Бога и дзѣсѣнціоро пржиказань Бозкихъ.* Такимъ образомъ историческому и политичеткому шляхтичу, куралесившему столько вѣковъ и теперь погибавшему отъ собственнаго своевольства и безпутства, приходится самому, какъ-бы въ молитвѣ къ Богу, исповѣдывать вины и виновниковъ его политической гибели и произносить приличныя, такъ сказать, случаю мольбы и пожеланія. Форма даетъ сатирѣ всю соль и ядъ и заставляетъ шляхтича изрекать горькія для него, но глубоко вѣрныя истины. «Да изыдетъ царствіе твое изъ нашей Польши,

вопитъ обезумѣвшій шляхтичъ; «права нашего не ламай намъ и оставь намъ нашу волность». Вотъ единственное его желаніе при послѣднемъ издыханіи ойчизны! Иноземныя войска входятъ и выходятъ изъ нея и располагаются въ ней, какъ дома, забирая у пановъ провіантъ по квитанціямъ, а уплаты надо долго, даже тщетно ожидать. Отсюда полное самаго ѣдкаго сарказма *прошеніе*: «И остави намъ долги наша, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ». Непокорность королю, пренебреженіе имъ, обуявшая шляхтича страсть къ мятежнымъ политическимъ союзамъ, раздиравшимъ Польшу на части, вызываетъ не менѣе ядовитую насмѣшку въ 3-й по польско-католическому счету заповѣди: «шесть лѣтъ конфедерацію твори, да совершиши все безстрашіе твое; на единое лѣто суббота королю-господу твоему». Испытанное уже барскими конфедератами (1768 г.) многолѣтнее пребываніе въ Сибири вызываетъ еще болѣе злую насмѣшку въ 4-й заповѣди: «И да долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорность твою». Характеренъ конецъ 5-й заповѣди: «не убый москалей, не дадутся бо тебѣ». «Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ»—записано можно сказать съ живаго голоса всей Европы. «Не пожелай» въ 10-й заповѣди—послѣднее, самой злой ироніи полное указаніе на тѣ нестерпимые поборы, которыми шляхта обременяла беззащитныхъ своихъ «подданныхъ». Достойно особаго примѣчанія, что въ этой политической исповѣди польскаго шляхтича,—свидѣтеля паденія Рѣчи Посполитой, онъ съ особою яростію обрушивается на короля Фридриха и тѣмъ выставляетъ его во главѣ послѣдовавшихъ раздѣловъ, вопреки распространенному и теперь мнѣнію *ягеллончиковъ*, что всему злу виною была Екатерина II. Изъ этой сатиры не мѣшало-бы многое припомнить затѣйщикамъ современной польской справы.

Списокъ приводимой за симъ сатиры заимствуемъ изъ огромной записной книги (конца прошлаго вѣка) нѣкоего «капитана Ивана Михайлова сына Новаковича», принесенной въ даръ редакціи многоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ. Къ этому богатому сборнику любопытнѣйшихъ памятниковъ южно-русской письменности XVIII ст. намъ прійдется не разъ еще обращаться, а пока дѣлаемъ изъ него это первое заимствованіе.

Во имя цесарское государство и короля прусскаго (здѣсь въ рукописи пропускъ).

Аминь.

I.

Отче нашъ, иже еси въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ! Да святится имя твое въ тѣхъ областяхъ, да изидетъ царство твое изъ нашей Польши, да будетъ воля твоя, яко въ Австріи, Брандебургіи, такъ и въ Москвѣ; права нашего насущнаго не ламай намъ, но оставь намъ нашу волность, якоже и мы отпущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ удушенія или удавленія. Аминь.

II.

Радуйся Марія Терезия, благодати полской полная, Фридерикъ съ тобой! Благословенна ты въ австрійцахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, Іосифъ цесарь.

III.

Вѣрую въ Екатерину императрицу россійскую, самодержицу всея Россіи, вѣрую въ Фридерика брандебургского, короля прусского, предателя единого, воплотившагося отъ духа военного и вочеловѣчшася отъ неосторожности полской, страдавшаго подъ русскимъ адомъ, распятаго при Лаудонѣ и Даунѣ, но не умершаго, погребенного и снисшедшаго во адъ и съ подчиненности полской воскресшаго при третемъ королѣ, возшедшаго на тронъ королевскій, и сѣдящего одесную всѣхъ монарховъ, и грядущаго трясти живыми и мертвыми; вѣрую въ Іосифа цесаря христианского, святую соборную христианскую церковь, а не въ едину затѣю католицкую, монарховъ за погибель нашу отмщение, домовъ разореніе, тела падение, волности потеряние, и муку вѣчную. Аминь.

IV.

1. Азъ есмь Станиславъ-Августъ король твой, изведый тя изъ распутства полского, изъ дому смятения; не будутъ теби короли иные, развѣ мене.

2. Не приемли всуе имени короля господствующаго тобою, москаль бо будетъ мстить тебе за сие.

3. Помни день снисхождения или попущения святити; шесть лѣтъ конфедерацию твори, да совершиши все безстрашие твое, на седмое лѣто суббота королю—господу твоему.

4. Чти пруссака отца твоего, императрицу матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорливость твою.

5. Не убій ты, ни маршалокъ твой, ни конфедерація твоя, ни съ чуждей ограды взятый скотъ, ни французъ, пришлецъ твой, прелстившій тебе во вратахъ твоихъ; не убый москалей, не дадутся бо тебѣ.

6. Не прелюбодѣйствуй, да не умножишися помощию прелюбодѣяния.

7. Не украдеши, уже бо ничего.

8. Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣритъ.

9. Не пожелай ни оружия, ни подружия или жены ближняго твоего.

10. Ни коня его, ни слуги его, ни вола его, ни барана его, ни петуха его, ни гуся его, ни поросенка его, ни теленка его, ни всего, еже есть ближняго твоего, но довольствуйся кускомъ сухаря, отъ фуража оставшаго.

ТРИ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ИЗЪ ПЕРІОДА КРЫМСКОЙ КОМПАНІИ [1]).

Пѣсня графу Паскевичу-Эриванскому.

То не ясный соколъ
Яструбовъ взбивае:
То Паскевичъ за Кавказомъ
Басурманъ ганяе.

* * *

То не буйный вихорь
Сосны вывертае:
То Паськевичъ у Варшавѣ
Ляхо̂въ присмиряе.

---

[1]) Малорусское пѣсенное творчество не оскудѣваетъ. Мы знаемъ мѣстности, гдѣ и теперь простой крестьянинъ слагаетъ пѣсни, отмѣчая событія текущей ихъ жизни. Время освобожденія крестьянъ оставило намъ рядъ пѣсень, между которыми

То не сиза хмара
Громомъ выгремляе:
То Паськевичъ за Дунаемъ
Супостатъ карае.

***

Слава-жъ тоби, пане,
Великая слава,
Що ворогамъ святой Руси
Ты якъ Божа кара!

***

Честь и тоби, маты,
Стара Украино,
Що ты на свѣтъ породила
Багатыря—сына [1])!

Пѣсня греко-славянска.

Гомо́нъ, гомо́нъ по Востоку
Зашумѣли вербы;
Стрепенулись наши греки,
Болгары и сербы.
Натерпѣли́сь, кажуть, лиха,
Подъ турчиномъ лютымъ,
Прійшла пора розирвати
Залѣзныи пута!
Прійшли жнива великіи,
Житечко поспѣло...
Нуте-жъ, братья, живо, живо!
Нуте въ дѣло смѣло!

много чисто народныхъ. Приводимыя здѣсь три пѣсни не принадлежатъ къ числу народныхъ, но въ нихъ очень замѣтно стремленіе приблизиться къ тону и складу народныхъ, что мѣстами и удается неизвѣстному ихъ слагателю. Проникли-ли онѣ въ народъ, не знаемъ. Всѣ три пѣсни взяты изъ одного рукописнаго сборника 1850—1860 годовъ. Очевидно онѣ относятся къ событіямъ русско-турецкой войны 1853—1854 годовъ.

[1]) Князь Паськевичъ—уроженецъ полтавской губерніи.

Святый Богъ намъ помогае
За ваши молитвы:
Русь святую посылае
На святыи битвы.
Зъ врагомъ Христа зъединились
Галлы вѣтрогоны,
И ты, многихъ водъ царица,
Дочка Вавилона!
Блаженъ, хто дасть вамъ отплату
За ваше безчинье!
Хто розбъе й дѣтей вашихъ
Объ бѣле камѣнья!

Пѣсня про турковъ.

Бье и вые хуртовина
На морѣ глыбокôмъ
Згнущается лютый турокъ
Надъ святымъ Востокомъ.
Ой часъ-пора, хуртовино,
Покой морю дати!
Годѣ тебѣ, вражій турче,
Годѣ лютовати!
Спустошивъ ты край веселый,
Ставъ вôнъ якъ темниця:
Наглумився ты зъ христьянства
Якъ зъ биднои вдовици...
Летитъ орелъ отъ пôвночи,
Якъ синяя хмара:
То-жъ на тебе, вражій турче,
Летить Божа кара!
Орелъ летить, перо дзвенить,
Крикнули орлята;
Стрепенулись, обозвались
Ясни соколята...
Бѣда тоби, вражій турче,
Бѣда неминуча!

Дивись: летить одъ Западу
Вже воронôкъ ключа.
Вже почули твою гибель,
Кругомъ тебе грають,
Тобѣ въ вôчи заглядають,
Труна пôджидають.
Згинь-же вража злая сило,
У мори глыбокôмъ!
Засвѣтися сонце правды
Надъ святымъ Востокомъ!

Сообщ. **Н. И. Барсовъ.**

Отъ редакціи. Прилагавшійся доселѣ отдѣльно къ каждому тому журнала Указатель личныхъ и географическихъ именъ редакція «Кіевской Старины» признаетъ за лучшее издать въ концѣ въ видѣ Общаго Указателя ко всему годовому изданію, находя это болѣе удобнымъ и для единства Указателя и для справокъ, какія понадобятся читателю.

въ коммиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Івану Гамаліи, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ гг. брегадиру Іліину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашого Поленского, въ Товкачовку.

Априлъ.

1. Григорій Бороздна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жъ и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сина ея Павла посланы; емужъ на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцю погарскому Гришку 3 р. Пріездилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкціею о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, обявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жъ. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый и поясъ коломійковый и протчимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожъ сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хоружого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Ісакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчъ 49 позолочованыхъ и зеленыхъ.

7. За оные-жъ покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукенъ и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у панеи Григоріевой, а на ночъ прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ козаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Івану Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при церквѣ курковской отправлять ктитарство и въ походъ нынѣ не наряжать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставлячихся мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратилъся въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядилъся на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Федьченокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порахунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драпь. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашой полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будутъ должны, и по дню роботать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моей былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рибы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленного вчора до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый срѣбный до направы въ новгородскій монастырь, и майстеру за роботу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ новыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ роботу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Івану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковного, да и Россарію, что подсусѣдку нашему Супаненку за 2 годы за службу не платитъ, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ присилалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сковпневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сковпню и до Федора Пригаровского о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной кухнѣ со всѣмъ и о присилки нтушокъ[182]). Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и чвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкаючему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашого, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и чвертка жита. Гришку кравцю погарскому за роботу его дана чвертка жита.

13. Посилапъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ которого писалъ и до Кудрицкого о присилки подлинного отъ Ломаки данного писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрункевичу.

---

[182]) Т. е. птицъ, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-ипутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратилъся и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, стороны присиланной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенныя) куници и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашомъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и науголную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до панеи Григоріевой Гамаліиной дукатъ въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позику денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сковпня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ нашомъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позику 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за ниву 10 к. и чвертку жита. Василко синъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда енералного до Івановой Миклашевской, по челобитю жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на всеедной, то есть февраля зъ среднихъ чиселъ.

17. Паникадилщику Никитѣ Іванову, который дѣлаетъ до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и чвертку житной муки, да у него-жъ припято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу $15^1/_2$ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилщика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожъ, такожъ и стрименъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтилисъ зъ панеею Григоріевою Гамаліиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у панеи Григоріевой Гамаліиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сиръ, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожъ канцеляристъ Покасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Пріездилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его черници пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ занесена на него челобитная въ судъ енералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ея величества Елисавсты I імператрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночовалъ въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же пріехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и ночовалъ у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приездилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимную Василковѣ, которому на потребы и за роботу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаетъ окна до нового городецкого будинку, дано 1 р. 50 к. впредъ до щоту, що ему за роботу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій писмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадаючой, дѣйствовать по моему разсмотренію [193]). Получилъ писма отъ судіи полкового чернѣговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого чернѣговского отца Іраклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція состроить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ сторони Іванихи Миклашевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ зароботокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

Маій.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлого априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантіевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни виехалъ я зъ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ попалъся намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ [194]),

---

[193]) См. примѣч. 104.

[194]) См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтоль прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлъся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболонскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ оные чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримяцкого. Рапо былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлъся зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Іліна, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енералной канцеляріи и коммисіи своду[195]). Обѣдалъ у Скоропадского и зъ нами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ коммисіи свода чрезъ нѣсколько часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелецъ до п. дядка Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до комендапта Пупцина о сукепку, чтобъ купилъ 13 локотъ,

---

[195]) Объ этой коммисіи см. книгу А. Ф. Кистяковскаго: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о тесляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣдиѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнина и позабавилъся у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералного Якубовича, у которого и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великого імператора и самодержца всероссійского взялъ; потомъ у енералнихъ писара Безбородка и бунчучного Оболонского былъ-же.

9. Обѣдиѣ слушали въ церквѣ святого Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучного и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обозного енералного г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взятъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартеру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ которого присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинского Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и конемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадского Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребы Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералного, который и осятриною свѣжою обославъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадского.

13. Были у мене на квартерѣ отецъ игуменъ петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролевецкій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ коммисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалчичъ зъ капраломъ караулнымъ. Інформаторъ пріездилъ зъ Дунайца [186]).

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны дранѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Івану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашныхъ нуждахъ и меморіалъ посланъ, да до Кавраиского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Івану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святои Варвары, былъ съ протчими первей у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтоль прибывъ въ квартеру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проездж алъся зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтоль заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оные принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратилъся зъ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сина Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пущалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

---

[186]) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мих. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; одтоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ пріехалъ ко мнѣ п. писаръ енералный Безбородко зъ судіею чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня теслѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двохъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до коммисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Інформатору Юнкгансу за науку сина моего Василя прошлого 1741 году съ априля мѣсяца надлѣжащой плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаку, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. інформатору-жъ, а послѣ поручницѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спалня (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣючихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли полъоктя за 2 рубли. Пріехалъ въ Глуховъ генералъ-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартерою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелця везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василія Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое попривозилъ.

24. Ради именинъ сина полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, брегадиръ Ілінъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль пріехавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ стороны Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчорашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проездждался въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ коммиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь министерской канцеляріи Василь Маркелловичъ Леонтіевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвари, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадиному осматривать заводячихъся отъ нихъ для кошеня намъ сѣножатей.

28. Генералъ Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ коммиссіи, а по обѣдѣ оной коммиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича [197]).

29. Звано мене на свадбу въ домъ бывшой сотниковой Умановой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новый інформаторъ.

30. Пріехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же малярь былъ у мене и обѣщалъ отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелкидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и писма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому інформатору данъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него коммиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлся зъ сотникомъ полко-

---

[197]) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчимъ—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьею. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сина Василка сукна василкового 4 локтѣ безъ чвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчорашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два столы для маліованя и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ коммиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовского, тако-жъ и въ енералной канцеляріи. Припроважено компанѣйцями сотника яготинского Филипа Купчинского, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енералной [108]). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ парусного полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной были въ церквѣ святого Василія.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жиди металники разные свои фиглѣ показивали.

вымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболонскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболонскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболонскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впослѣдствіи перешли къ Красовскимъ.

[108]) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о протчемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ тоей-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтіевъ, канцеляристъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ коммиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашого городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонского.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варлавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ маи мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Івану Гамалін и къ Федору Корецкому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бъ посуди новомодной зъ кришками штукъ 6, ложокъ циновыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложокъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитяныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретару Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Синъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енералные, да изъ коммиссіантовъ нашихъ п.п. Семенъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семенъ Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Іванъ перехристъ отосланъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартеру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Івановичемъ Владиславичемъ и зъ Іваномъ Бороздною видѣлъся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на коммиссію розграниченя зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Мойсея Івановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Борозновною, при нашемъ посиденю, перве пріехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечерн оттоль пріехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣкгъ на тіе денги, до первого сентября сего году. Дзигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано писмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ писмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчима его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ писмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человѣкъ работныхъ, когда востребуетъ тамошный господаръ, зъ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундіру, сину Василевѣ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василкового 3³/₄ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералного г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчуковый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартери, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ министерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ ночъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простилъся, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова попъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано писмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, дранѣ и 20 р. должныхъ. Писаны писма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсилки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ сторони сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней цуgа, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные писма отданы въ енералной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсилки оныхъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его писма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣляя о Косику и до старости погарского о домашныхъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Пріехалъ зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ оного жъ Тодорскаго получилъ и я писма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского сторони побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и сторони слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтнантъ Іванъ Івановичъ Бибіковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Івановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были зъ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена зъ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены теслѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при ныхъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашныхъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, сторони сѣножатій Выидиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ осталные 10 руб., изъ привезенныхъ женою зъ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшого зъ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генералъ маіоръ Кезерлинъ зъ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялъся въ домѣ и въ коммиссіи не былъ.

Юлъ.

1. Былъ въ коммиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ домы.

2. Едучи, по именному указу зъ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова, былъ перве въ коммиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа зъ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ коммиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генералъ съ протчими гг. великороссійскими и малорос-

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

МАЙ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго** 1

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ»—МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалья* 142

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ» или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальсскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

МАЙ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1885 года.

ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Русская наука, русское общество, исторія русская вообще и въ особенности южно-русская понесли тяжелую невознаградимую потерю. Даровитѣйшаго писателя, многоплоднѣйшаго дѣятеля науки, популярнѣйшаго историка-художника не стало. 7-го апрѣля въ семь часовъ утра прекратилась жизнь дорогаго и всѣмъ извѣстнаго Николая Ивановича Костомарова.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты, для всѣхъ равно чувствительной, не можемъ и мы не посвятить свѣтлой памяти славнаго историка особыхъ страницъ, не можемъ не удѣлить особаго мѣста въ нашемъ изданіи для того, кто дарилъ оное своимъ теплымъ сочувствіемъ и по временамъ принималъ въ немъ участіе. Въ задачахъ нашего изданія столько близости и внутренняго родства съ многолѣтнею и разностороннею научною дѣятельностію нашего несравненнаго историка, что намъ долго и много разъ придется возвращаться къ воспоминаніямъ о его личности, къ изслѣдованію и оцѣнкѣ его научныхъ трудовъ. На этотъ разъ мы ограничимся передачею главнѣйшихъ фактовъ его жизни, полной тревогъ и заботъ, и перечнемъ его многочисленныхъ научныхъ работъ, присовокупивъ и тѣ теплыя воспоминанія, которыми почтило его въ своемъ экстренномъ собраніи кіевское историческое общество преп. Нестора Лѣтописца.

I.

Краткій біографическій очеркъ Н. И. Костомарова.

Родъ умершаго историка нашего принадлежитъ, по его словамъ, къ числу весьма древнихъ, хотя ничѣмъ не заявилъ себя въ исторіи. На южно-русское происхожденіе этого рода указываетъ самое его названіе, которое не могло сложиться въ сферѣ сѣверно-русскаго нарѣчія. Въ тѣ отдаленныя времена, когда, не смотря на полное отдѣленіе московской Руси отъ литовской, свобода передвиженія давала возможность поселенцамъ Юга переходить на Сѣверъ, а внѣшнее положеніе той или другой страны и личныя обстоятельства переселяющихся представляли для того настоятельную необходимость, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ предковъ Н. И. Костомарова находился въ предѣлахъ московскаго государства, но извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ въ числѣ бѣжавшихъ оттуда, въ правленіе Ивана Грознаго, на Волынь къ князю Андрею Курбскому. Въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ, въ ту злосчастную пору, когда разбитые поляками предводители козаковъ Острянинъ и Гуня принуждены были спасаться бѣгствомъ въ предѣлы московскаго государства, родъ Костомаровыхъ переходитъ туда въ массѣ козачества, переселявшагося на незаселенныя степи по теченію Дона и Хопра, переживаетъ всѣ произведенныя въ немъ перемѣны и въ концѣ прошлаго, или началѣ нынѣшняго столѣтія является въ сословіи дворянъ-помѣщиковъ, что указываетъ на принадлежность этого рода въ прежнее время къ козачей старшинѣ.

Отецъ историка былъ помѣщикомъ сл. Юрасовки, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда, гдѣ и родился Николай Ивановичъ въ 1817 году. На 10-мъ году отъ рожденія, онъ отданъ былъ въ одинъ частный московскій пансіонъ, конечно, послѣ предварительной домашней подготовки. Вскорѣ отецъ былъ убитъ доведенными имъ до ожесточенія крестьянами; сынъ въ свою очередь оказался большимъ, даже буйнымъ шалуномъ, и мать принуждена была взять его оттуда и опредѣлила его сперва въ частный-же пансіонъ въ г. Воронежѣ, а съ 1831 г. въ воронежскую гимназію, состоявшую тогда изъ четырехъ классовъ. Пройдя

здѣсь послѣдніе два класса и прослушавъ затѣмъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, Николай Ивановичъ 19 ти лѣтъ отъ роду, со степенью кандидата, опредѣлился юнкеромъ въ стоявшій въ Острогожскѣ кинбурнскій драгунскій полкъ. Но военная служба не влекла къ себѣ юнаго кандидата исторіи; вмѣсто изученія военныхъ артикуловъ онъ занялся разборомъ бумагъ слободско-украинскаго острогожскаго полка, хранившихся въ архивѣ острогожскаго уѣзднаго суда, и накинулся на это дѣло съ такимъ жаромъ, что спустя мѣсяцъ былъ отчисленъ отъ полка, какъ неспособный къ военной службѣ. Это временное, случайное знакомство съ историческими источниками толкнуло его на путь научныхъ занятій. Тогда-же явилась у Николая Ивановича мысль искать степени магистра русской словесности и предварительно готовиться къ тому въ Москвѣ, куда онъ и отправился въ концѣ 1837 г., но этой мысли суждено было осуществиться въ Харьковѣ, нѣсколько въ иномъ видѣ и притомъ лишь спустя шесть лѣтъ. Проѣхавъ изъ Москвы весною 1838 г. на родину и, по случаю болѣзни, переѣхавъ для лѣченія въ Харьковъ, Костомаровъ остался здѣсь надолго, вошелъ въ знакомство съ представителями тамошней литературной дѣятельности: Основьяненкомъ, Гулакомъ-Артемовскимъ, Метлинскимъ, Бецкимъ и другими, примкнулъ къ ихъ работѣ и написалъ нѣсколько поэтическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, произведеній на малорусскомъ языкѣ прежде, чѣмъ представилъ диссертацію на степень магистра исторіи. Первая его диссертація: *Значеніе уніи въ западной Россіи* не была даже допущена въ публичной защитѣ, вслѣдствіе протеста извѣстнаго проповѣдника и богослова, преосв. Иннокентія, а печатные ея экземпляры, по распоряженію министра Уварова, вслѣдствіе отзыва о ней академика Устрялова, преданы были сожженію, не смотря на то, что основныя ея положенія приняты теперь въ наукѣ. Костомарову пришлось, занявъ должность субъинспектора, еще два года поработать надъ новою диссертаціею: *Объ историческомъ значеніи народной русской поэзіи*. Эта новая работа, посвященная въ большей своей части малорусской поэзіи, доставила ему въ началѣ 1844 г. степень

магистра русской исторіи, но не открыла доступа къ университетской каѳедрѣ. Въ характерѣ Костомарова было всегда много самостоятельности, во взглядахъ новости, оригинальности, въ сужденіяхъ смѣлости, въ образѣ выраженія прямоты, подъ часъ рѣзкости, а такіе люди не легко прокладываютъ себѣ дорогу. Притомъ занятія этнографіею, сближеніе съ простолюдьемъ съ цѣлію изучить его міровоззрѣніе, записать пѣсню или сказку, въ ту пору болѣе, чѣмъ когда либо, казались странными и возбуждали подозрѣніе. И на Костомарова смотрѣли нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ на человѣка съ причудами и странностями. При такихъ условіяхъ его кандидатура на профессорскую должность не могла осуществиться. Костомаровъ переѣзжаетъ изъ Харькова въ Кіевъ и въ томъ-же 1844 г. получаетъ мѣсто учителя исторіи въ ровенской гимназіи, спустя годъ переходитъ на такую-же должность въ гимназію кіевскую, а еще чрезъ годъ занимаетъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра.

Въ этихъ переходахъ самостоятельныя научныя занятія Николая Ивановича не только не ослаблялись, но расширялись и усиливались. Еще въ 1841 г. изъ Харькова онъ путешествовалъ въ Крымъ для осмотра тамошнихъ древностей; изъ Ровна предпринималъ поѣздки въ Почаевъ и другія историческія мѣстности Волыни и собралъ большой запасъ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ впослѣдствіи въ сборникѣ Мордовцева; въ Кіевѣ писалъ о славянской миѳологіи, о началѣ христіанства въ Россіи и изучалъ эпоху и личность Хмельницкаго. Но надъ всѣми стремленіями молодаго ученаго, надъ всѣми занимавшими его умъ думами и мечтами носилась идея національности, какъ отраженіе пробудившагося предъ тѣмъ у западныхъ славянъ національнаго самосознанія и предпринятыхъ этнографическихъ и историческихъ трудовъ и изданій. Примкнуть къ новому движенію, во имя славянской идеи и единства, ознакомить съ этимъ движеніемъ путемъ печати и устныхъ бесѣдъ русское общество, поработать для развитія этой идеи на почвѣ южно-русской этнографіи—такова, кажется, была основная мысль Костомарова, которою онъ дѣлился съ своими

кіевскими пріятелями: Н. И. Гулакомъ, В. М. Бѣлозерскимъ и А. А. Навроцкимъ. На эту излюбленную тему велись одушевленныя пріятельскія бесѣды; электризуемые возвышенною идеею юноши мечтали о томъ, какъ-бы хорошо было, если-бы всѣ славянскіе народы освободились изъ-подъ власти иноземной и образовали изъ себя одну славянскую федерацію, а эту федерацію пламенное воображеніе ихъ рисовало въ видѣ идеальнаго политическаго организма—безъ рабства и сословныхъ привилегій, съ религіозною свободою и вѣротерпимостію, полною свободою мысли, воспитанія, печатнаго слова и т. под. Мечтатели понимали, конечно, что осуществленіе такой грандіозной мысли отнюдь не могло быть дѣломъ близкаго будущаго, что для этого требовалось долгое время и усилія многихъ и что было-бы крайне желательно, чтобы для осуществленія идеи славянскаго возрожденія и единства организовалось сильное и численное по составу общество. Тѣмъ не менѣе никакого общества, ни даже проэкта онаго у нихъ не существовало и лишь три лица постепенно посвящены были въ ихъ задушевныя бесѣды: А. В. Маркевичъ, П. А. Кулишъ и Т. Г. Шевченко. Бесѣды возобновлялись каждый разъ, когда сходились два или три изъ вышеназванныхъ пріятелей. Велись онѣ и въ квартирѣ Гулака за софійской оградой, въ домѣ протоіерея Завадскаго, а здѣсь, рядомъ съ Гулакомъ, за дощатой перегородкой, квартировалъ студентъ Петровъ. По долетавшимъ до него отрывочнымъ фразамъ онъ заключилъ, что за стѣной у него совершается заговоръ, собираются члены какого-то тайнаго общества, и въ этомъ смыслѣ учинилъ доносъ, послѣдствіемъ котораго былъ арестъ всѣхъ названныхъ лицъ и препровожденіе въ Петербургъ для разслѣдованія и суда. Арестъ Костомарова послѣдовалъ на канунѣ его свадьбы, и это усугубило его страданія. Въ мнимомъ обществѣ и заговорѣ ему приписана первенствующая роль, а въ наказаніе назначено заключеніе въ петропавловской крѣпости на годъ, ссылка въ Саратовъ, воспрещеніе служить по ученой части, писать и издавать книги собственнаго сочиненія. По отбытіи заключенія, будучи водворенъ въ Саратовѣ, Костомаровъ въ скромной должности переводчика при Губернскомъ Правленіи, къ ко-

торой придана была ему впослѣдствіи и должность секретаря статистическаго комитета, посвящалъ часы досуга собиранію великорусскихъ пѣсенъ, разбору мѣстныхъ архивовъ, ознакомленію съ невѣдомымъ для него краемъ, подготовляя матеріалъ для научныхъ своихъ работъ и самыя эти работы, а въ томъ числѣ и давно задуманную имъ историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ. Такъ прошло около 10-ти лѣтъ и когда наконецъ въ началѣ минувшаго царствованія Костомарову возвращена была свобода писать, она не застала его не готовымъ и, начиная съ 1857 г., онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ солидныхъ по учености и талантливо написанныхъ историческихъ изслѣдованій, начиная съ монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ. Эти изслѣдованія пріобрѣли Николаю Ивановичу симпатіи читающей публики, составили ему сразу репутацію выдающагося по таланту и эрудиціи историческаго писателя, а въ 1859 г. расположили петербургскій университетъ обратиться къ Костомарову съ приглашеніемъ занять въ немъ каѳедру русской исторіи, остававшуюся не занятою по смерти Устрялова, что и послужило поводомъ къ исходатайствованію снятія съ Николая Ивановича тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія служить по ученой части. Въ промежуткѣ этихъ двухъ высочайше дарованныхъ ему льготъ, онъ совершилъ поѣздку за границу, посѣтивъ Швецію, Германію, Францію, Италію и Австрію, а по возвращеніи оттуда принималъ участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ трудахъ саратовскаго комитета по дѣлу освобожденія крестьянъ.

Кратковременна, но блестяща была служба Костомарова въ званіи профессора петербургскаго университета и едва-ли когда какой либо профессоръ пожиналъ такіе лавры, какіе выпадали на долю его. Его лекціи (съ ноября 1859 г. по май 1862 г.) привлекали такую массу слушателей, что онъ читалъ ихъ не иначе, какъ въ большой университетской залѣ. И учащееся юношество, и посторонніе слушатели иногда буквально носили его на рукахъ, осыпая громами рукоплесканій. Къ этому времени относится знаменитый, привлекшій вниманіе всей образованной Россіи, диспутъ его съ Погодинымъ по такъ называемому варяжскому вопросу,

редактированіе имъ «Памятниковъ старинной русской литературы», издававшихся на средства гр. Кушелева-Безбородка, основаніе имъ вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ и Кулишемъ журнала «Основа», первые труды его въ званіи члена археографической коммисіи, доведенные впослѣдствіи до одинадцати томовъ, и множество статей въ разныхъ журналахъ по исторіи сѣверной и южной Россіи. То было самое кипучее время въ нашей общественной и умственной жизни, чреватое вопросами, обильное всякими начинаніями, въ томъ числѣ и научно-литературными, но не чуждое недоразумѣній, не вѣрно или не ясно понятыхъ стремленій и пылкихъ увлеченій, оканчивавшихся не только разочарованіями, но и болѣе ощутительными послѣдствіями. Однимъ изъ такихъ явленій были волненія и безпорядки въ петербургскомъ университетѣ, послужившіе причиною продолжительнаго закрытія онаго, а вмѣстѣ и поводомъ для Николая Ивановича оставить столь блистательно начатую службу при университетѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, сохраняя лишь должность члена археографической коммисіи, съ окладомъ въ 3,000 р., и подвигая своими работами ея изданія, Николай Ивановичъ жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ, предавшись исключительно кабинетнымъ занятіямъ, и помимо научныхъ трудовъ, перечню которыхъ мы отводимъ особое мѣсто, за все это время едва-ли можно указать какіе либо выдающіеся факты въ его жизни, кромѣ двухъ земныхъ отличій въ видѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена св. Владиміра 3-й ст., да исключительной его женитьбы на прежней своей невѣстѣ Алинѣ Леонтьевнѣ, спустя 28 лѣтъ послѣ неудавшагося намѣренія, когда она, успѣвъ побывать въ замужествѣ за другимъ лицемъ, овдовѣть и пристроить своихъ дѣтей, прибыла къ нему по газетнымъ извѣстіямъ о постигшей его тяжкой болѣзни и замѣнила такъ необходимыя для него заботы тогда-же скончавшейся престарѣлой матери его. Въ этотъ длинный промежутокъ времени Николай Ивановичъ широко развернулъ свою научно-литературную дѣятельность, раскрылъ вполнѣ свой блестящій талантъ и неистощимый запасъ знанія и творчества. Въ теченія 23 лѣтъ онъ не зналъ отдыха, не допускалъ перерывовъ: писалъ по исторіи и этнографіи,

пробовалъ себя, и весьма удачно, въ исторической беллетристикѣ, составлялъ рецензіи, критическіе отзывы, большіе и малые историческіе разсказы, статьи полемическія, отрывочныя воспоминанія, путевыя замѣтки и т. д., передѣлывалъ по нѣскольку разъ свои прежніе труды, выпускалъ ихъ новыми изданіями, объединяя подъ особымъ названіемъ «Историческихъ монографій», и самъ отчасти дѣлалъ то, что дѣлаютъ обыкновенно другіе по смерти многоплоднаго писателя. Плодовитость его была изумительна, энергія неистощимая. Не было ни одного порядочнаго литературнаго органа, которому онъ не посвящалъ-бы своихъ трудовъ, и не было изданія, которое не считало-бы за честь украсить свои страницы его произведеніями. Съ начала 60-хъ годовъ онъ сталъ любимѣйшимъ историческимъ писателемъ, имя его сдѣлалось популярнѣйшимъ въ средѣ образованной публики, названіе «историка», съ прибавкою «художника» и впослѣдствіи «маститаго», неразрывно слилось съ его собственнымъ именемъ. Всякое новое, сколько нибудь крупное его произведеніе ждалось съ нетерпѣніемъ, читалось съ наслажденіемъ и восторгомъ. Скромный кабинетъ Николая Ивановича сперва въ IX, потомъ въ I линіи Васильевскаго Острова, былъ любимѣйшимъ учено-литературнымъ салономъ для всѣхъ интересовавшихся успѣхами русской исторіи и этнографіи. Всѣмъ памятны его четверги, замѣненные потомъ вторниками. Кромѣ множества постоянныхъ или частыхъ его посѣтителей изъ числа его петербургскихъ друзей и знакомыхъ, тутъ можно было встрѣтить людей начинавшихъ или уже поработавшихъ на полѣ науки и литературы со всѣхъ концевъ Россіи. Всѣхъ и каждаго онъ принималъ съ неизмѣннымъ своимъ радушіемъ, всѣхъ оживлялъ своимъ полнымъ занимательности и юмора разговоромъ, въ каждомъ соработникѣ своемъ принималъ живѣйшее участіе, дѣлился съ нимъ своими взглядами и знаніями. Не было вопроса изъ сродной ему сферы занятій, къ которому онъ не отнесся бы съ живѣйшимъ сочувствіемъ и на который не отозвался-бы устно или печатно. На нерѣдкіе литературные нападки на него, возраженія и замѣчанія, направленныя по его адресу, нашъ историкъ-писатель отвѣчалъ безъ промедленія и всегда съ достоинствомъ. Онъ

высоко держалъ свое знамя, отстаивалъ свои убѣжденія и симпатіи съ твердостію и искренностію, но уступалъ своимъ противникамъ, когда самъ переубѣждался ихъ доводами.

Слишкомъ рано было-бы пытаться опредѣлить съ полною обстоятельностію и непогрѣшимою точностью талантъ, характеръ, направленіе и симпатіи Н. И. Костомарова; но мы не знаемъ писателя болѣе искренняго, и если по дѣлу виденъ художникъ, если въ произведеніяхъ его отражается со всѣми изгибами его внутренняя жизнь, путь, ступени и обстоятельства ея теченія и развитія, то на этотъ разъ мы имѣемъ такъ много данныхъ, какъ можетъ быть ни въ какомъ иномъ подобномъ случаѣ. Произведенія Николая Ивановича такъ многочисленны, читались всегда съ такимъ интересомъ и такъ рѣзко запечатлѣвались въ душѣ читавшаго, что стоитъ теперь представить возможно полный перечень ихъ, чтобы видѣть колоссальный его трудъ, изумительную эрудицію, всю мощь и силу его таланта, опредѣлить то громадное вліяніе, какое онъ имѣлъ на наше общество и оцѣнить ту незамѣнимую потерю, какую мы понесли съ смертію его.

II.

Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.

Приводя ниже перечень трудовъ Н. И. Костомарова [1]), мы раздѣлили ихъ на два отдѣла: I. *Произведенія на русскомъ языкѣ*, II. *Произведенія на малорусскомъ языкѣ*. Первый отдѣлъ распадается на двѣ части: а) *по всеобщей исторіи*, в) *по русской исторіи*. Для первой части перваго отдѣла, какъ и для всего втораго отдѣла достаточно простаго хронологическаго перечисленія. Что касается второй части перваго отдѣла, т. е. трудовъ по русской исторіи, то кромѣ хронологическаго порядка выхода ихъ въ свѣтъ, необходимаго для уясненія развитія и хода

[1]) Составленъ преимущественно по «Біографическому словарю профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», изданному подъ редакціей проф. В. С. Иконникова.

дѣятельности автора, необходимо еще оттѣнить сочиненія по ихъ важности, иначе невольно получается только представленіе о поражающей массѣ заглавій. За мѣрку для такого оттѣненія мы примемъ, конечно, взглядъ самаго ученаго на свои произведенія, который все болѣе важное выдѣлилъ въ шестнадцать томовъ «Монографій», содержаніе которыхъ и приводится ниже. Историко-беллетристическія сочиненія мы также подъ конецъ сгруппируемъ въ одномъ мѣстѣ.

I. Произведенія на русскомъ языкѣ.

A. По всеобщей исторіи.

1) *Кремуцій Кордъ.* Историч. драма. Спб. 1862 г.

2) *Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей*, написано по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: «Fotus und seine Zeit». Вѣстн. Евр. 1868 г.

3) *Еллины Тавриды.* Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884.

B. По русской исторіи.

Харьковскій періодъ 1838 — 1844 годъ.

1) *О значеніи уніи въ Западной Россіи.* Первая магистер. диссертація, напеч. въ 1842 г. [1]).

2) *Объ историческомъ значеніи народной поэзіи.* Вторая магист. диссерт., защищенная 12 янв. 1844 г.

Кіевскій періодъ 1845—1847 годъ.

3) *Славянская миѳологія* (изъ лекцій, читан. въ университетѣ св. Владиміра), напечатано кириллицей. 1846 г.

Саратовскій періодъ 1848 — 1859 годъ.

4) *Взглядъ на состояніе саратовской вызозной торговли въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Моск-*

---

[1]) Сожжены всѣ печатные экземпляры, по протесту тогдашняго харьковскаго архіерея Иннокентія (Борисова). См. объ этомъ статью М. И. Сухомлинова въ «Древней и Новой Россіи» 1877 г., т. I, стр. 42—55. Диссертація эта въ передѣланномъ видѣ вошла въ III-й томъ «Монографій» подъ заглавіемъ: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка».

вой и Саратовымъ. Состав. по распоряженію начальника губ. въ саратов. статистич. комит. Костомаровымъ. Саратовъ, 1856 г.

5) Горе-Злосчастіе. Древнее русское стихотвореніе, *съ замѣчаніями Н. Костомарова* (Современникъ 1856 г., т. LVI, отд. I, стр. 49—68).

6) *О миѳическомъ значеніи Горя-Злосчастія* (Совр. 1856 г., т. LIX, № 10, отд. II, стр. 113—124).

7) *Письмо къ редактору «Саратов. Губ. Вѣд.» по поводу замѣчаній г. Егунова о торговлѣ г. Саратова* (Сар. Губ. Вѣд. 1857 г., №№ 10—14).

8) *Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII в., до Богдана Хмельницкаго* (Отечеств. Зап. 1856 г., № 9).

9) *Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи* (Отеч. Зап. 1857 г., № 1—8). Первая форма знаменитой впослѣдствіи монографіи.

10) *Рецензія изданія:* «Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ», т. I. Кіевъ. 1856 г. (Отечеств. Зап. 1857 г., т. CX, № 2, отд. II, стр. 114—123).

11) *Критическая статья* на «Записки о южной Руси», издалъ П. Кулишъ, т. I—II (Отеч. Зап. 1857 г., т. CXII, № 6 и т. CXIV, № 9).

12) *Очеркъ исторіи саратовскаго края отъ присоединенія его къ россійской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I.* (Памятн. кн. саратов. губ. 1858 г.).

13) *Бунтъ Стеньки Разина*. Отеч. Зап. 1858 г.

14) *Рецензія сочиненія:* «Черная рада, хроника П. Кулиша» (Совр. 1858 г., т. LXVII, отд. II, стр. 1—28).

15) *Два слова Погодину* по вопросу: «Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

16) *Рецензія сочиненія:* «Архивъ Юго-Зап. Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; ч. I. Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ Юго-Зап.

Россія», съ 1481—1596 г., т. I. Кіевъ, 1859 г. in—8 (Отеч. Зап. т. CXXV, № 8, отд. III, стр. 113—134).

17) *Предисловіе къ переводу:* «Путешествіе Олеарія» (Арх. ист. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

18) *Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи,* читан. въ Имп. Спб. унив. 22 ноября 1859 г. (Русское Слово, № 12, стр. I—XIV).

Петербургскій періодъ 1859—1885 годъ.

19) *Рецензія* статьи С. М. Соловьева: «Малороссійское козачество до Хмельницкаго, напеч. въ Русск. Вѣстникѣ; т. XXIII, № 18, сент. кн. 2-я, стр. 177—196 (Соврем. 1859 г., т. LXXVIII, № 11, отд III, стр. 163—166).

20) *Объясненіе* по поводу «Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ къ М. П. Погодину» Максимовича (Украинецъ, кн. I, стр. 148—174; Спб. Вѣд. 1859 г., № 122).

21) *Поѣздка въ г. Вольскъ* (Памятн. кн Саратов. губерніи на 1859 г.).

22) *Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.).

23) *Иванъ Свирговскій.* Историческ. монографія (Москвитянинъ, 1859 г.).

24) *Сынъ.* Истор. пов. (Архивъ истор. и практич свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.). Отдѣльной книгой вышла въ 1864 г.

25) *Очеркъ быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ* (Современникъ, 1860 г.). Въ то-же время статья вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

26) *Петровскъ* (Памятн. кн. саратов. губ. 1860 г.) [1].

27) *Легенда о кровосмѣсителѣ* (Современникъ, 1860 г.).

28) *Изслѣдованіе о литовской народной поэзіи* (Русское Слово 1860 г.).

---

[1]) На основаніи документовъ, извлеченныхъ Костомаровымъ изъ царицынскаго архива и сообщенныхъ Д. Л. Мордовцеву, послѣднимъ составлена статья «Заметаевъ» (разбойникъ на Волгѣ 1775 г.), напечатанъ въ «Русскомъ Дневникѣ» 1859 годъ, №№ 7 и 8.

29) *Критическая статья* на сочиненіе: «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, В. И. Ламанскаго», Учен. зап. втораго отд. импер. акад. наукъ, кн. V, стр. 1—370 (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, кн. 5, отд. IV, стр. 18—35).

30) *Русскіе инородцы. I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи* (изъ лекцій по русск. ист., читан. въ Имп. Спб. университетѣ въ 1860 г., полнѣе чѣмъ въ «Монографіяхъ» (Русское Слово, № 5, отд. I, стр. 1—100).

31) *Начало Руси* (Соврем., т. LXXIX, № 1, отд. I, стр. 1—32 и отдѣльный оттискъ, Спб. 1860 г., in—8, 32 стр.).

32) *Какъ пишутъ въ наше время ученыя статьи въ защиту происхожденія руссовъ отъ норманновъ* (Пчела 1860 г., № 168).

33) *Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси,* на статью Грота: «Литва или Скандинавія?» въ Отеч. Зап. (Соврем. 1860 г., т. LXXX, № 4, отд. III, стр. 413—417).

34) *Письмо къ редактору по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы.* I. Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы. II. Объясненіе по поводу статьи г. Васильева (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. I, отд. I, стр. 61—92).

35) *Г. Юрію Летголѣ* (Сѣв. Пчела 1860 г., № 262).

36) *Публичный диспутъ 19 марта 1860 г. о началѣ Руси между г. Погодинымъ и Костомаровымъ.* I. Письмо г. Погодина въ г Костомарову, чит. г. Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. II. Отвѣтъ г. Костомарова. III. Отвѣтъ на возраженія г. Погодина, читанный г. Костомаровымъ на томъ-же публичномъ диспутѣ. IV. Приложеніе. Словесныя пренія между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ, записанныя В. Мордвиновымъ (Совр. 1860 г , т. LXXX, № 3, отд. I, стр. 257—292).

37) *Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей.* Отвѣтъ на отложенное до печати дополненіе къ диспуту (Совр. 1860 г., т. LXXXI, № 5, отд. III, стр. 73—83).

38) *О норманскомъ племени.* Замѣтка по поводу описанія диспута Шелизибова (Сѣв. Пчела 1860 г., № 71).

39) *Объясненія по поводу диспута* (Спб. Вѣд. 1860 г., № 69; Сѣв. Пчела, № 78; Наше Время, № 34).

40) *О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику»* (Совр. 1860 г., т. LXXXII, № 7, отд. III, стр. 75—92. Статья въ „Виленск. Вѣст.“ №№ 34—36, Тадеуша Падалицы, на польскомъ языкѣ, по поводу возраженій Костомарова на мнѣніе г. Соловьева о козачествѣ) и *Отвѣтъ г. Падалицѣ* (Совр. т. LXXXIV, № 12, отд. III, стр. 373—382).

41) *Отвѣтъ г. Максимовичу.* По поводу письма о Богданѣ Хмельницкомъ (Спб. Вѣд. 1860 г., №№ 8 и 283).

42) *Запорожская пѣсня* (Сообщена въ Лѣтоп. рус. литер. и древн., т. III, кн. 6, отд. III, стр. 89).

43) *Разбойничья пѣсня* (Сообщ. въ Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи Калачова, кн. I, отд. 5, стр. 1; записана въ сердобскомъ у., въ с. Волконщинѣ).

44) *Русскія народныя пѣсни,* собранныя въ саратов. губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ (Лѣтоп. рус. лит. и древн., т. IV, отд. II, стр. 3—311).

45) *О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи,* напис. для произнесенія на торж. актѣ въ С.-Петерб. университетѣ (Русское Слово 1861 г., № 2 и отд.; Спб. Вѣд., № 51).

46) *Лекціи по русской исторіи проф. Н. И. Костомарова.* Состав. по запискамъ слушателей, изд. П. Гайдебуровымъ. Спб. 1861 г. (100 стр.). Часть I. Источники русской исторіи (о лѣтописяхъ).

47) *Правда полякамъ о Руси.* По поводу новой статьи въ „Revue Contemporaine“ (Основа 1861 г., № 10, стр. 100—112).

48) *Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) „Czas“* и журнала *„Revue Contemporaine“*, по поводу анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь (Основа, 1861 г., № 2, стр. 121—135).

49) *Рецензія* сочиненія И. Попки «Черноморскіе козаки» (Основа 1861 г., № 8, стр. 1—8).

50) *Слово о Сковородѣ*, по поводу рецензіи на его сочиненія въ „Русскомъ Словѣ" (Основа 1861 г., № 7, стр. 176—179 и № 8, стр. 11—14).

51) *Воспоминаніе о двухъ малярахъ*: о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ и Грицькѣ (Основа 1861 г., № 4, стр. 44—56).

52) *Правда москвичамъ о Руси* (Основа 1861 г., № 10, стр. 1—15 и 1862, № 1, стр. 59—62).

53) *Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси* (Основа 1861 г.). Вошло потомъ въ I т. „Монографій".

54) *Двѣ русскія народности* (Основа 1861 г.). Вошло въ I томъ «Монографій».

55) *Черты народной южно-русской исторіи* (Основа, 1861 г.). Вошло впослѣдствіи въ I-й т. «Монографій».

56) *Гетманство Выговскаго* (Основа, 1861 г.). Вошло во II-й т. «Монографій».

57) *Нѣсколько словъ* по поводу мнѣнія о положеніи южно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ, въ соч. Мордовцева (Спб. Вѣд., 1861 г., № 168; Русское Слово 1861 г., № 4).

58) *Замѣчаніе о нашихъ университетахъ*, по поводу напечатанной въ № 1 газеты «День» статьи Хомякова (Спб. Вѣд. 1861 г., № 237).

59) *Еще объ университетахъ* (Спб. Вѣдом. 1861 годъ, №№ 258 и 261).

60) *О служебныхъ преимуществахъ университетовъ* (Спб. Вѣд. 1861 г., № 262).

61) *Замѣчанія объ университетахъ*, по поводу мнѣній г. Никитенка, Рус. Инвалида и др (Спб. Вѣд. 1861 г., №№ 270, 275 и 281).

62) *Старинный южно-русскій переводъ Пѣсни пѣсней съ послѣсловіями о любви*, одинъ изъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ синодальной московской библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вв. (Основа 1861 г., № 11—12, стр. 33—64).

63) *Критическій обзоръ статей*, напечатанныхъ въ 3-й

книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» (Русское Слово, 1861 г., № 4, отд. II, стр. 64—116).

64) *Мистическая повѣсть о Нифонтѣ* (Русское Слово, 1861 годъ).

65) *Іудеямъ* (Основа 1862 г., № 1).

66) *Дополненіе къ «Правдѣ москвичамъ о Руси»* (Основа 1862 г., № 1, стр. 58—62).

67) *Замѣтка объ іудеяхъ* (Основа, 1862 г., № 5).

68) *Тысячелѣтіе Россіи* (Спб. Вѣдомости, 1862 г., № 5 и отдѣльно).

69) *Мысли южноруссa о преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ* (Основа 1862 г., № 5, стр. 1—6).

70) *О значеніи Великаго Новгорода* (Отеч. Зап. 1862 г.).

71) *Великорусскіе религіозные вольнодумцы XVI вѣка* (Отеч. Зап. 1862 г.).

72) *Иванъ Сусанинъ* (Отеч. Зап. 1862 г.)

73) *Князь Владиміръ Мономахъ и козакъ Богданъ Хмельницкій* (Русскій Инвалидъ, 1863 г., № 86).

74) *Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія:* «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи. Отвѣтъ г. Буслаеву (Спб. Вѣд. 1863 г., № 162).

75) *О преподаваніи на народномъ языкѣ въ южной Руси* (Голосъ, 1863 г., № 94).

76) *Г. публицисту «Московскихъ Вѣдомостей» и воскресныхъ прибавленій къ этимъ Вѣдомостямъ* (Спб. Вѣд. 1863 г., № 164).

77) *Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»*. По поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южно-русскомъ языкѣ и *Письмо къ редактору* (День, № 29).

78) *Сѣверно-русскія народоправства*: Исторія Новгорода, Пскова и Вятки. Спб., 1863 г. Впослѣдствіи составило VII и VIII тт. «Монографій».

79) *Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи* (Записки Географическаго Общества 1863 г., т. XII). Потомъ вошло въ III-й томъ «Монографій».

80) *Куликовская битва* (Академическій Календарь 1864 г.). Вошло затѣмъ въ III-й томъ «Монографій».

81) *Ливонская война* (Библіотека для чтенія, 1864 г.).

82) *Переписка Погодина и Костомарова по поводу статьи послѣдняго о куликовской битвѣ* (Голосъ, 1864 г., №№ 32 и 62).

83) *Апологія за Дмитрія Донскаго г. Аверкіева и Аскоченскаго* (Голосъ 1864 г., № 124).

84) *Кто былъ первый Лжедмитрій?* Истор. изслѣд. Спб. 1864 г., и дополн. къ нему въ «Голосѣ» №№: 20, 30 и 56.

85) *Лекціи Кояловича по исторіи западной Россіи* (Голосъ 1864 г., № 118, и *Отвѣтъ Кояловичу*, № 127).

86) *Отвѣтъ Волыницу и малороссу-волыницу* (День 1864 г., № 6 и Голосъ 1864 г., № 120).

87) *Замѣчаніе г. Лохвицкому* (о федеративномъ началѣ, Спб. Вѣд. 1864 г., № 205, по поводу книги «Губернія»).

88) *Воспоминанія о молоканахъ* (Отеч. Зап. 1865 г.).

89 *Отчетъ о варшавскихъ библіотекахъ* (Лѣтоп. занятій арх. ком., т. IV, проток., стр. 10—13).

90) *О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивиловъ* (Лѣтоп. занятій археолог. ком. т. V, стр. 16—21).

91) *Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII в.* (Вѣстникъ Европы 1866 г.). Отдѣльно издано въ 3-хъ тт. «Историч. монографій» и составило тома: IV, V и VI.

92) *Гетманство Юрія Хмельницкаго* (Вѣст. Евр. 1868 г.). Вошло въ XII т. «Монографій».

93) *Отзывъ о книгѣ г. Хрущова:* «Изслѣдованіе о сочиненіи Іосифа Волоцкаго» (XII-е присужденіе Демид. преміи, 1869 г., 208—214).

94) *Рецензія* на соч. В. Б. Антоновича: «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго» (Историч. Вѣстн. 1870 г., т. II, стр. 178—186).

95) *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой* (Вѣстн. Евр. 1869—1870 гг.). Отдѣльное изд. 1870

96) *Начало единодержавія въ древней Руси.* (Вѣст. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій“.

97) *Костюшко и революція 1794 года* (Вѣст. Евр. 1870 года, №№: 1, 2, 3).

98) *Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ* (Вѣстн. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII-й томъ „Монографій“.

99) *Лекція 20-я „о Словѣ о полку Игоревѣ“* (Голосъ 1870 г., № 117).

100) *Исторія раскола у раскольниковъ* (Вѣстн. Евр. 1871). Вошло въ VII томъ „Монографій“.

101) *Преданія первоначальной русской лѣтописи* (Вѣст. Евр. 1871 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій“.

102) *Личность царя Ивана Васильевича Грознаго* (Вѣст. Евр. 1871 г.) Вошло въ XIII томъ „Монографій“.

103) *О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го т. „Монографій“.

104) *Личности смутнаго времени* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го тома „Монографій“.

105) *Кто виноватъ въ смутномъ времени* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Потомъ вошло въ XIII-й томъ „Монографій“.

106) *Великорусская народная пѣсенная поэзія* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Вошла въ составъ XIII-го тома „Монографій“.

107) *Отвѣтъ на статью Погодина о Скопинѣ-Шуйскомъ* (Вѣстн. Евр 1872 г., т. II, стр. 859—864).

108) *Отвѣтъ запорожцевъ на письмо турецкаго султана 1680 года* (Русск. Старина 1872 года, т. VI, стр. 450—451).

109) *Князь М. А. Оболенскій, его труды и изданія* (Русск. Архивъ 1873 г. и отдѣльно).

110) *Аѳанасій Филипповичъ* (Газета Гатцука). Вошло потомъ въ XIV томъ «Монографій».

111) *Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени* (Вѣстн. Евр. 1874 г.). Вошло потомъ въ составъ XIV-го тома «Монографій».

112) *Историческая поэзія и новые ея матеріалы* (Вѣстн. Евр. 1874, № 12).

113) *Царевичъ Алексѣй Петровичъ* (Древ. и Нов. Россія 1875 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

114) *Разборъ книги* Антоновича и Драгоманова: „Малорусскія народныя историческія пѣсни" (Вѣстн. Евр. 1874 г.).

115) *Примѣры сопротивленія власти при Петрѣ В.* (Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 381—383).

116) *Кудеяръ*. Истор. пов. (Вѣстн. Евр. 1875 г., отдѣльной книгой въ 1882 г.).

117) *По поводу статьи „Кіевлянина" о Кудеярѣ* (Кіев. Телегр. 1875 г., № 85).

118) *Павелъ Полуботокъ* (Русск. Стар. 1876 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

119) *По поводу современнаго портрета Лжедимитрія I, 1606 г.* (Русск. Стар. 1876 г., т. XV, стр. 1—8).

120) *Русская историческая литература въ 1876 году* (о соч. гг. Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова, Русск. Старина 1877, т. XVIII, стр. 159—184).

121) *Императрица Екатерина I.* (Древ. и Нов. Россія 1877 г). Вошло въ XIV т. „Монографій".

122) *Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты* (Вѣстн. Евр. 1878 г.). Вошло въ XIV т. „Монографій".

123) *О казакахъ* (Русск. Стар. 1878). Вошло въ составъ XIV т. „Монографій"

124) *Разборъ книги* Драгоманова: „Малорусскія народныя преданія" (Русск. Стар. 1877 г.).

125) *Самодержавный отрокъ* (Древн. и Нов. Россія, 1878 года). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

126) *Холопъ* (Новое Время 1878 г.). *Руина* (Вѣстн. Евр. 1879 г.).

127) *Разборъ книги* А. И. Никитскаго: «Очеркъ исторіи церкви въ В. Новгородѣ" (Русск. Стар. 1880 г., т. XXVII, стр. 194—208).

128) *Поэтъ Т. Г. Шевченко,* біогр. очеркъ (Русск. Стар. 1880 г., стр. 587—610).

129) *Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ* (Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр. 1—25).

130) *Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества* (Началась печатаніемъ въ жур. „Бесѣда" 1872 г., продолжалась въ „Русской Мысли" 1880 и 1883 гг. и не окончена).

131) *Черниговка.* Историч. повѣсть (Историч. Вѣстн., 1881 года, и отдѣльною книгою).

132) *Украинофильство* (Русск. Стар. 1881 г., т. XXX).

133) *Малорусское слово* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. I).

134) *По вопросу о малорусскомъ словѣ „Соврем. Извѣстіямъ"* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. II).

135) *Еще по поводу малорусскаго слова „Москов. Вѣдомостямъ"* (Вѣст. Евр. 1881 г., т. II).

136) *Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. VI).

137) *Предисловіе къ выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра В.* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. V, стр. 182—183).

138) *Библіографическія замѣтки* о „Сборн. Моск. Арх. иностр. дѣлъ", вып. I—II (Вѣстн. Евр. 1881 года, т. IV, стр. 451—453).

139) *По поводу статьи де Пуле въ „Русск. Вѣстникѣ" объ украинофильствѣ* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. III).

140) *Крашанка Кулиша. Письмо въ редакцію* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. IV).

141) *Мазепа.* Ист. моногр. (Русская Мысль, 1882 г.; въ томъ-же году отдѣльной книгой).

142) *Поѣздка въ Бѣлую Церковь* (Кіев. Стар. 1882 года, томъ II).

143) *Матеріалы для исторіи Колiивщины* (Кіев. Стар. 1882 г., т. III).

144) *Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка*: двѣ торговки, царскій родичъ, черви (Историч. Вѣстн. 1883 г., томъ XI).

145) *Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

146) *По поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

147) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.).

148) *Рецензія* на драму І. Старицкаго „Не судилось" Кіев. Стар. 1883 г., т. VII).

149) *Изъ прожитыхъ на Волыни дней* (Кіев. Стар. 1883 г. т. VIII).

150) *Историческій памятникъ въ Переяславѣ* (Русск. Стар. 1883 г., т. XXVIII, стр. 689—690).

151) *Мазепинцы* (Русская Мысль 1884 г.)

152) *Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи* (Вѣстн. Евр. 1884 г., т. VIII, стр. 510—564 и IX, стр. 5—57).

153) *Ксенія Борисовна Годунова* (по поводу картины художника Неврева. Истор. Вѣст. 1884 г., т. XV, стр. 7—23).

154) *Марина Мнишекъ* (по поводу картины художника Рябушкина. Истор. Вѣстн. 1885 г., т. XIX, стр. 5—11).

155) *Рецензія* на книгу Иловайскаго: «Исторія Россіи», т. 2. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси (Новь, т. II, № 5-й, стр. 134—142).

156) *Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе* (Новь, т. III, № 10, стр. 199—214; т. III, № 11-й, стр. 331—351).

157) *Мазепа и Мазепинцы*. Истор. мон. Спб. 1885 г.

158) *По поводу книги М. О. Кояловича:* «Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (Вѣстн. Евр. 1885 г., т. IV, стр. 867—878).

Подъ редакціей Н. И. Костомарова изданъ «*Сборникъ малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ*», *въ III, IV и V томахъ* «*Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ*

юго-западный край». *Въ XVI томѣ «Сборника императорскаго историческаго общества»* (1875 г.) изданы подъ ред. Костомарова: *«Бумаги князя Николая Васильевича Репнина»*. Подъ его-же редакціей изданы: *«Памятники старинной русской литературы»* и одинадцать томовъ *«Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи»*.

«Есть указаніе на *Записки* Н. И. Костомарова, значительная часть которыхъ была написана въ 1878 г. (Русск. Стар. 1878 г., т. XXIII, стр. 308»)[1].

Нѣкоторыя, болѣе важныя изъ перечисленныхъ сочиненій, отмѣченныя нами выше, изданы Костомаровымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: *«Историческія монографіи и изслѣдованія»*, которыхъ вышло до сихъ поръ XVI томовъ, именно:

Томъ I, Спб. 1863 г. содержитъ въ себѣ: I. Мысли о федеративномъ устройствѣ въ древней Руси; II. Черты народной южно-русской исторіи; III. Двѣ русскія народности; IV. Мистическая повѣсть о Нифонтѣ; V. Легенда о кровосмѣсителѣ; VI. О значеніи Великаго Новгорода; VII. Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права; VIII. Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в. Матвѣй Башкинъ и его соучастникъ Ѳеодосій Косой.; IX. Иванъ Сусанинъ.

Томъ II, Спб. 1863 г.: I. Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI в.; II. Гетманство Выговскаго; III. Бунтъ Стеньки Разина; IV. По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: «Сельское духовенство».

Томъ III, Спб. 1867 г.: I. Куликовская битва; II. Ливонская война; III. Южная Русь въ концѣ XVI вѣка; IV. Литовская народная поэзія; V. Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

Томы IV, V и VI: Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія.

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра, стр. 297. Костомаровъ писалъ въ газетахъ «Новое Время», «Голосѣ» и «Газетѣ Гатцука», подъ псевдонимомъ Богучарова. Ibid., стр. 291.

Томы VII и VIII: Сѣверно-русскія народоправства: исторія Новгорода, Пскова и Вятки.

Томы IX, X и XI: Богданъ Хмельницкій [1]).

Томъ XII, Спб. 1872 г.: I. Начало единодержавія въ древней Руси; II. Гетманство Юрія Хмельницкаго; III. Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ; IV. Исторія раскола у раскольниковъ; V. Воспоминанія о молоканахъ.

Томъ XIII, Спб. 1881 г.: I. Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и обычаяхъ; II. Личность царя Ивана Васильевича Грознаго; III. О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія; IV. Личности смутнаго времени; V. Кто виноватъ въ смутномъ времени; VI. Великорусская народная пѣсенная поэзія.

Томъ XIV, Спб. 1881 г.: I. Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ западной Руси; II. Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени; III. Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты; IV. О козакахъ; V. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; VI. Павелъ Полуботокъ; VII. Императрица Екатерина I; VIII. Самодержавный отрокъ.

Томъ XV, Спб. 1881 г.: I. Руина. Исторія гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича.

Томъ XVI, Спб. 1885 г.: I. Мазепа; II. Мазепинцы.

Впродолженіе 1873–1876 г. Н. И. Костомаровъ написалъ *«Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»*. До сихъ поръ вышло 6 выпусковъ, а именно:

Выпускъ I: X—XIV столѣтія: I. Князь Владиміръ Святой; II. Великій князь Ярославъ Владиміровичъ; III. Преподобный Ѳеодосій Печерскій; IV. Князь Владиміръ Мономахъ; V. Князь Андрей Боголюбскій; VI. Мстиславъ Удалой; VII. Князь Данило Романовичъ Галицкій; VIII. Князь Александръ Невскій; IX. Московскіе князья братья Даниловичи; X. Преподобный Сергій; XI. Великій князь Димитрій Ивановичъ Донской; XII. Соловецкіе чудотворцы.

[1]) Въ 1884 года вышла 4-мъ изданіемъ.

Выпускъ II: XV и XVI столѣтія: XIII. Великій князь и государь Иванъ Васильевичъ; XIV. Новгородскій архіепископъ Геннадій; XV. Московскій государь великій князь Василій Ивановичъ; XVI. Преподобный Нилъ Сорскій и Вассіанъ, князь Патрикѣевъ; XVII. Максимъ Грекъ; XVIII. Сильвестръ и Адашевъ; XIX. Матвѣй Семеновичъ Башкинъ и его соучастники; XX. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Выпускъ III: XV и XVI столѣтія: XXI. Ермакъ Тимофеевичъ; XXI. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; XXIII. Борисъ Годуновъ; XXIV. Названый Димитрій; XXV. Марина Мнишекъ; XXVI. Василій Шуйскій: XXVII. Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій; XXVIII. Патріархъ Гермогенъ и Прокопій Ляпуновъ; XXIX. Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ; XXX. Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій; XXXI. Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Выпускъ IV: XVII столѣтіе: I. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ; II. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила; III. Царь Алексѣй Михайловичъ; IV. Патріархъ Никонъ.

Выпускъ V: XVII столѣтіе: V. Малороссійскій гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій; VI. Преемники Богдана Хмельницкаго; VII. Стенька Разинъ; VIII. Сибирскіе землеискатели XVII вѣка; IX. Галятовскій, Радивиловскій и Лазарь Барановичъ; X. Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и ихъ преемники; XI. Юрій Крижаничъ; XII. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ; XIII. Царевна Софья; XIV. Ростовскій митрополитъ Димитрій Туптало.

Выпускъ VI: XVIII столѣтіе: XV. Петръ Великій; XVI. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа; XVII. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; XVIII. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ; XIX. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

По упоминанію самаго Костомарова (см. «Біографич. словарь проф. и преподав. имп. унив. св. Владиміра», стр. 291), написанъ и VII-й выпускъ «Исторіи въ жизнеописаніяхъ», въ которомъ біографіи доведены до Екатерины II.

Историческо-беллетристическія произведенія Костомарова.

1) *Сынъ*. Истор. пов. изд. 1859 и 64 г.

2) *Кремуцій Кордъ*. Истор. драма 1862 г.

3) *Кудеяръ*. Истор. пов. 1882 г.

4) *Холопъ*. Истор. пов. (Новое Время 1878 г.)

5) *Черниговка*. Истор. пов. 1881 г.

6) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.)

7) *Еллины Тавриды*. Истор. драма 1884 г.

II. Произведенія на малорусскомъ языкѣ.

(Псевдонимъ: Іеремія Галка).

1) *Савва Чалий*. Драматичні сцени въ 5 діяхъ. Харьковъ 1838 р.

2) *Украинскія баллады*. Харьковъ 1839 г.

3) *Вітка*. Збірникъ віршівъ (всѣхъ 30). Харьковъ 1840 г.

4) *Переяславська нічъ*, трагед. въ 9 сценахъ и *Еврейські співоньки Байрона*. Сніпъ, українськый новорочникъ. Харьковъ 1841 г.

5) *Сказки: «Торба и Лови» и 17 стихотвореній*. Въ сборникѣ И. Бецкаго: *Молодикъ*, украинскій альманахъ на 1843 г. Харьковъ 1843 г.

6) *Вірші* (всѣхъ 4). Малорусскій литературный сборникъ Мордовцева. Саратовъ. 1859 г.

7) *Вірші*. Основа 1869 г., 1—3; Галицкій журналъ «Світъ» 1882 г., № 13.

8) *Христіянство и кріпацтво*. Основа 1862 г., № 6.

9) *Загадка*. Сцени. Основа 1862 г., № 6.

10) *Судъ чехівъ надъ собою*. Основа 1862 г., № 9.

11) *Збірникъ творівъ І. Галки*. Одесса 1875 г (заключаетъ въ себѣ: a) Савва Чалий, b) Переяславська нічъ, c) Загадка, d) Вірші—числомъ 50).

Ѳ. Николайчикъ.

III.

Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ [1].

Настоящее засѣданіе намъ приходится открыть грустною, всѣмъ правда извѣстною уже новостью. Разумѣю смерть Н. И. Костомарова, одного изъ первоклассныхъ русскихъ ученыхъ, работавшаго на полѣ отечественной исторіи долго и неутомимо.

Если покойный историкъ имѣетъ право на всеобщее уваженіе и признаніе его заслугъ всѣми образованными людьми, интересующимися преуспѣяніемъ наукъ въ Россіи, то мы съ удвоенною скорбью должны принять извѣстіе о его кончинѣ, потому что имя его было неразрывно связано съ университетомъ, при которомъ наше общество имѣетъ честь состоять.

Преподавательская дѣятельность Николая Ивановича, правда, слишкомъ кратковременная, началась на каѳедрѣ нашего университета. Университетъ Св. Владиміра первый оцѣнилъ ученыя заслуги Николая Ивановича: въ 1864 году онъ призналъ его почетнымъ докторомъ исторіи, а празднуя пятидесятилѣтнюю годовщину своего существованія, возвелъ его въ свои почетные члены.

Намъ, конечно, какъ лицамъ, заинтересованнымъ въ преуспѣяніи отечественной исторіи, слѣдуетъ помянуть Николая Ивановича, какъ дѣятеля историческаго. Я не стану перечислять его многочисленныхъ трудовъ. Изумительная плодовитость покойнаго дала намъ такой громадный сборникъ его сочиненій, что одно перечисленіе ихъ заняло-бы гораздо болѣе времени, чѣмъ мы можемъ посвятить теперь грустному воспоминанію о немъ. Мы укажемъ поэтому лишь главныя типическія черты, которыя характеризуютъ Николая Ивановича, какъ историка.

Прежде всего нашъ историкъ бралъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій изъ *первыхъ* источниковъ, изъ первыхъ рукъ. Онъ никогда не прибѣгалъ къ темамъ разработаннымъ, не пользовался чужими трудами. Архивы и разныя другія древне-хранилища — вотъ мѣста, откуда онъ добывалъ свой сырой матеріалъ, и онъ

[1]) Сказано въ засѣданіи общества пр. Нестора Лѣтописца предсѣдателемъ онаго профессоромъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичемъ, 14 апрѣля 1885 г.

разрабатывалъ его тщательно, подвергалъ суровой, строгой, въ уровень съ наукой, критикѣ. Только переработавъ матеріалъ критически, Николай Ивановичъ воспроизводилъ изъ него исторію того или другаго историческаго событія, біографію того или другаго историческаго дѣятеля, иногда цѣлую эпоху. Въ изображеніи историческихъ событій господствующею чертою покойнаго была художественность, которою всѣ, читавшіе его произведенія, увлекались. Сочетаніе въ талантѣ Николая Ивановича указанныхъ чертъ было тою счастливою случайностію, которую рѣдко можно наблюдать въ ученомъ историческомъ мірѣ. Въ ряду представителей европейской исторической науки типъ наиболѣе близкій къ тому, который представлялъ собою нашъ историкъ, можно, кажется, видѣть въ Augustin Thierry. Таже эрудиція и умѣнье добывать матеріалъ изъ сырья, таже строго-научная критика и художественность въ воспроизведеніи историческихъ эпизодовъ... Архивные поиски Н. И. Костомарова оставили громадный слѣдъ за собой; начались они, какъ извѣстно, съ перваго юношескаго возраста, когда онъ въ качествѣ молодаго юнкера, случайно попавшаго въ военную сферу, долженъ былъ бросить эту службу, потому что увлекся маленькимъ провинціальнымъ архивомъ. Начиная съ этого, острогожскаго архива, Николай Ивановичъ обнаружилъ замѣчательное умѣнье вѣрно отыскивать историческіе памятники, собирая сырьё и приготовляя изъ него матеріалъ для будущихъ работъ. Уже одно пребываніе его въ Саратовѣ и Царицынѣ обогатило его громаднымъ количествомъ матеріала, добытаго изъ мѣстныхъ архивовъ; когда же онъ переселился въ Петербургъ, то въ поискахъ за архивнымъ матеріаломъ дѣлилъ свое время между этой столицей и Москвой. Въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, за лѣтописями и мемуарами въ рукописномъ отдѣлѣ императорской публичной библіотеки, просиживалъ нашъ историкъ по цѣлымъ днямъ, извлекая оттуда богатыя данныя съ удивительною опытностью и умѣлостью, а потомъ весь этотъ матеріалъ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ вѣскихъ томовъ, которые изданы Императорскою Археографическою Коммиссіею.

Для опредѣленія критическаго отношенія Николая Ивановича къ историческимъ фактамъ довольно указать на то сочиненіе, которое въ критикѣ нашихъ лѣтописей составило переворотъ, т. е. на тотъ курсъ лекцій, который былъ читанъ имъ въ 1860 году въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ въ первый разъ систематически разобралъ составъ, происхожденіе и источники древнихъ русскихъ лѣтописей. Занявшись потомъ древнимъ періодомъ русской исторіи, онъ относился вообще довольно скептически къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и, подвергая критической оцѣнкѣ ихъ достовѣрность, отыскивалъ и указывалъ источникъ, откуда повѣствованіе взято лѣтописцемъ. Въ отношеніи художественности это былъ истинный талантъ, въ своемъ осуществленіи увлекавшій тою яркостію красокъ, цѣльностію картинъ, мѣткостію очертаній, историческою жизненностію и правдою, которыя мы замѣчаемъ въ сочиненіяхъ покойнаго. Истинное значеніе и такъ сказать секретъ этой увлекательности мы поймемъ, когда обратимъ вниманіе на тѣ пріемы, какими сопровождались работы нашего историка и тотъ процессъ, который проходила каждая изъ нихъ.

Николай Ивановичъ занимался *исключительно исторіею Россіи*, исторіею своего народа; но на народъ онъ смотрѣлъ, какъ на живой организмъ. Историческія данныя, опредѣляющія жизнь и судьбу этого народа черпалъ онъ изъ архивныхъ документовъ или изъ старинныхъ лѣтописей; но эти данныя не оставались въ представленіи историка сухимъ перечнемъ лицъ и событій, не были однимъ лишь пергаментнымъ сюжетомъ кабинетной работы. Дѣйствующія лица, событія, цѣлыя эпохи, одушевлялись въ богатомъ творческомъ воображеніи автора и, не теряя реальнаго, провѣреннаго строгою критикою характера исторической истины, стряхивали съ себя гробовую плѣсень и воспроизводились въ исполненныхъ жизни картинахъ. Конечно, желая удержаться въ предѣлахъ исторической истины и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтить описываемые сюжеты изъ прошедшаго, иногда довольно отдаленнаго, историкъ становился подъ-часъ въ трудное по свойству самаго матеріала положеніе: изъ документовъ бытовыя подробности онъ могъ собрать только въ видѣ разрозненныхъ, отдѣльныхъ чертъ, съ трудомъ укладывав-

шихся въ цѣльную картину, а въ лѣтописяхъ запасъ бытовыхъ подробностей оказывался еще скуднѣе, такъ какъ описаніе внѣшнее, фактическое заслоняло ихъ почти всецѣло; между тѣмъ эти-то подробности и были необходимы для понятія исторической эпохи. Чтобы восполнить этотъ скудный матеріалъ, нашъ историкъ обращался съ одной стороны, гдѣ возможно было, къ мемуарамъ, т. е. къ запискамъ современниковъ, съ другой—бралъ массу красокъ изъ *этнографіи*, для возстановленія быта и понятій народныхъ массъ. Этой вспомогательной исторической наукѣ, составляющей важный источникъ историческаго познанія, онъ посвятилъ много времени, много труда и немало готовыхъ работъ; онъ самъ собиралъ пѣсни, пословицы, легенды, преданія и пользовался работами другихъ,—тѣми многочисленными сборниками по этнографіи, которые выходили въ его время. Матеріалу этому ученый историкъ, конечно, не придавалъ фактическаго значенія, но въ уцѣлѣвшихъ въ народной литературѣ историческихъ намекахъ и указаніяхъ старался уловить нравственную физіогномію эпохи, дополнить ими тѣ нѣжныя, тонкія, неуловимыя черты, которыя вывѣтрились и засохли въ строго-историческихъ памятникахъ. Этнографію въ широкихъ размѣрахъ онъ считалъ необходимымъ вспомогательнымъ источникомъ для изученія русской исторіи. Понятно, что при указанныхъ выше чертахъ своей научно-исторической дѣятельности Николай Ивановичъ *не могъ браться за любые сюжеты*, и если мы припомнимъ его многочисленныя историческія работы, то увидимъ, что выборъ сюжета для него составлялъ особую задачу, далеко не легкую. Онъ бралъ по преимуществу сюжеты, исполненные высокаго драматизма, въ которыхъ народный духъ проявлялся во всей полнотѣ своего развитія, или личности, біографіи которыхъ были настолько типичны и исполнены рельефныхъ, характерныхъ чертъ, что историкъ могъ ихъ воспроизвести во всей ихъ жизненной полнотѣ.

Въ послѣднее время Николай Ивановичъ пожелалъ написать исторію Россіи, но отказался написать ее въ видѣ прагматическаго разсказа; за то онъ построилъ, такъ сказать, Россію въ біографіяхъ

ея исторических лицъ. Этотъ методъ былъ для него совершенно доступенъ.

Припоминая многочисленные труды Николая Ивановича на полѣ исторіи, нельзя не обратить вниманія на то, что въ одномъ отношеніи если онъ не самъ проложилъ, то способствовалъ къ проложенію новаго пути въ исторіи. Занимаясь общими задачами русской исторіи, онъ обратилъ весьма серьезное вниманіе на научную разработку областной исторіи Россіи. Въ этомъ отношеніи онъ проще понялъ положеніе исторіи въ Россіи, чѣмъ другой, современный ему, даровитый историкъ русскій, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Появившіяся почти одновременно первыя двѣ ихъ монографіи: «Рязанское княжество» и «Сѣверно-русскія народоправства» произвели новый переворотъ въ русской исторіи; а затѣмъ областныхъ монографій покойнаго находимъ много. Изъ нихъ особенно извѣстны относящіяся къ удѣльному времени русской исторіи.

Въ 1861 году появилась статья Николая Ивановича о «федеративномъ началѣ» въ русской исторіи, гдѣ онъ доказывалъ, что заниматься этой наукой, не сдѣлавши систематическаго обозрѣнія всѣхъ областей, на которыя распадалась Русь, невозможно и что тутъ открываются такія черты, которыхъ прежніе историки не замѣчали.

Достойны особаго вниманія взгляды Николая Ивановича на „послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, а также цѣлый рядъ его работъ по исторіи Днѣпровскаго казачества. Этой послѣдней онъ занимался съ особенною любовію, посвятилъ ей много времени и труда, но примѣнилъ къ ней съ полнымъ безпристрастіемъ тѣ же пріемы здравой исторической критики, которые отличаютъ всѣ его историческіе труды, и произвелъ въ ней также значительный, если не совершенный переворотъ. До Николая Ивановича спеціальная *южно-русская* исторія была почти совсѣмъ не разработана, находилась можно сказать въ хаотическомъ состояніи, была заслонена массою измышленій, предвзятыхъ, фиктивныхъ гипотезъ, фантастическихъ выдуманныхъ положеній, цѣлую массу которыхъ заключала въ себѣ любимая, въ свое время, хо-

дившая долго въ спискахъ и наконецъ напечатанная «Исторія Русовъ», которая долго приписывалась архіепископу Георгію Конисскому. Было собственно два предшественника Николая Ивановича, которые много потрудились въ разработкѣ мѣстной южно-русской исторіи: это—извѣстные Бантышъ Каменскій и М. А. Максимовичъ. Бантышъ-Каменскій ограничился собраніемъ матеріала, и его попытка составить исторію Малороссіи была неудачною: если она представляетъ какую-либо цѣну, то лишь наборомъ архивнаго матеріала, который Бантышъ-Каменскій внесъ въ свою исторію, заимствовавъ его изъ обширныхъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Гораздо болѣе послѣдовательны выводы и указанія Максимовича; но Максимовичъ всю свою дѣятельность этого рода провелъ въ борьбѣ, такъ сказать, съ препятствіями. Не смотря на свою глубокую эрудицію, трудолюбіе, онъ, по его собственному выраженію, оттачивалъ лишь «кирпичи для будущей исторіи южной Россіи». На каждой строкѣ этой исторіи его встрѣчаютъ неточности, предвзятыя положенія, фиктивныя данныя, и много труда и времени онъ долженъ былъ употребить, чтобы исторію Малороссіи очистить отъ указанныхъ недостатковъ. Хотя многіе труды его содѣйствовали отчасти Николаю Ивановичу, но по своимъ выводамъ были далеки еще отъ тѣхъ предѣловъ, которые этотъ послѣдній намѣтилъ въ своихъ научныхъ требованіяхъ. Для изученія въ систематическомъ порядкѣ событій южной Россіи и точнаго ихъ освѣщенія покойный историкъ прибѣгалъ къ самымъ источникамъ. Одиннадцать томовъ актовъ южной и западной Россіи, изданные подъ его редакціей, пополнялись въ значительной долѣ работами другихъ. Уже благодаря трудамъ покойнаго Бодянскаго, лѣтописный матеріалъ сталъ пріобрѣтать значеніе для образованнаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ историческая зрѣлость общества и кругозоръ его мало по малу расширялись. Николай Ивановичъ пошелъ еще дальше, и въ этомъ отношеніи интересенъ процессъ изданія имъ самимъ историческихъ памятниковъ въ упомянутомъ выше числѣ томовъ. Присоединивъ свой матеріалъ къ матеріалу, собранному другими, онъ употребилъ такую систему разработки его: по мѣрѣ того какъ

набирался одинъ томъ, онъ бралъ крупнѣйшіе факты изъ извѣстнаго періода и пока подготовлялся къ изданію второй томъ, на основаніи собраннаго уже матеріала, обработывалъ ихъ и въ видѣ монографій выпускалъ затѣмъ въ свѣтъ. Отсюда длинный рядъ монографій, посвященныхъ исторіи южной Россіи; въ послѣднемъ сочиненіи его, вышедшемъ почти на дняхъ, эта исторія доведена Николаемъ Ивановичемъ до конца первой четверти XVIII стол.

По временамъ въ журнальныхъ и газетныхъ рецензіяхъ, по поводу изданія новыхъ трудовъ Николая Ивановича, слышалось неодобреніе одной стороны его научно-исторической дѣятельности, именно его излишняго якобы скептицизма. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ упрекъ, какъ на единственный, который раздавался противъ него въ исторической литературѣ. Николая Ивановича обвиняли и упрекали въ излишней, такъ сказать, строгости историко критическихъ его требованій, въ какомъ-то какъ бы преднамѣренномъ развѣнчиваніи нѣкоторыхъ отечественныхъ героевъ и сведенія ихъ съ историческихъ пьедесталовъ, въ недовѣріи къ установившимся издавна въ исторической наукѣ разсказамъ и характеристикамъ, основаннымъ на извѣстныхъ преданіяхъ, и это было всякій разъ, когда онъ, подвергая строгой исторической критикѣ эти преданія, приходилъ не къ такимъ выводамъ, на которыхъ привыкли успокоиваться прежніе историки и нѣкоторые ему современные. Но въ этомъ, по нашему мнѣнію, и состоитъ великая заслуга покойнаго писателя. Только историкъ, глубоко вѣрующій въ могущество своего народа, въ его силы, въ его будущность и духовную мощь, не стѣсняется отстранять то, что хотя иногда и пріятно патріотическому чувству, но не выдерживаетъ строгой критики, или такія преданія, которыя граничатъ очень часто съ панегирикомъ. Какъ писатель глубоко патріотическій, какъ человѣкъ, которому присуща была вѣра въ будущность русскаго народа, въ его могущество, въ его духовныя силы, Николай Ивановичъ не могъ стѣсняться такими дюжинными соображеніями, какъ храненіе хотя и давнихъ, но ложныхъ традицій и основаннаго на нихъ фальшиваго національнаго самоуслажденія. Намъ кажется, что только писатель, не до-

вѣряющій умственнымъ силамъ и духовному могуществу своего народа, можетъ *per tacitum consensum* остерегаться прикосновенія къ исторической традиціи даже тогда, когда на основаніи критическихъ изслѣдованій онъ потерялъ довѣріе къ ней. Истинный историкъ знаетъ, что исторія—это есть народное самопознаніе и что чѣмъ болѣе вносится въ него свѣта, правды и науки, тѣмъ выше, нравственнѣе, а слѣдовательно и могущественнѣе становится данный народъ; духовныя силы развиваются не отъ созданія фантастическихъ тенденціозныхъ образовъ, а отъ трезваго и, прежде всего, истиннаго пониманія своего прошедшаго.

Ошибался ли нашъ историкъ, или нѣтъ, въ своихъ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ, это укажетъ будущее; но даже если-бы онъ ошибался, то онъ поступалъ *bonâ fide*, по убѣжденію, по долгу, такъ сказать, совѣсти историка. Съ сердечною можетъ быть иногда болью, Николай Ивановичъ дотрогивался до преданій, которыя были пріятны его пытливому духу, и не могъ скрывать въ душѣ тѣхъ сомнѣній, какія возникали относительно ихъ въ его строго логическомъ умѣ; но если бы и были у него ошибки, то во всякомъ случаѣ это ошибки совершенно искреннія, вытекавшія изъ убѣжденія въ истинѣ высказываемаго по данному вопросу взгляда, взгляда освѣщеннаго возможнымъ для изслѣдователя изученіемъ источниковъ и практическою ихъ провѣркою. Покойный Николай Ивановичъ на сдѣланное ему въ такомъ направленіи возраженіе могъ всегда сказать: *quod potui, feci, faciant meliora potentes!*

Къ величайшимъ заслугамъ умершаго историка нашего нужно отнести и ту черту, которая должна быть присуща всякому добросовѣстному изслѣдователю,—это *готовность признать свою ошибку* и сейчасъ же обратить на нее свое вниманіе, какъ только она ему указана или онъ самъ додумался до этого. Николай Ивановичъ никогда не отстаивалъ своего положенія, если оно было не вѣрно. Для примѣра укажемъ два случая. Было время, когда Николай Ивановичъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ о происхожденіи варяговъ. Онъ высказывалъ мысль, что имѣетъ достаточное основаніе для того, чтобы варяговъ отождествлять съ

литовцами. Это возбудило оживленную полемику.—Погодинъ, который очень дорожилъ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, предложилъ публичный диспутъ, и Николай Ивановичъ охотно принялъ его. Диспутъ ни къ чему не привелъ и оба противника остались при своихъ мнѣніяхъ; но когда впослѣдствіи этотъ же вопросъ былъ въ новомъ свѣтѣ представленъ Иловайскимъ, Николай Ивановичъ призналъ, что Иловайскій правъ и что въ варягахъ дѣйствительно нужно видѣть славянъ.—Прослѣдимъ другой фактъ. То сочиненіе, которымъ покойный Николай Ивановичъ болѣе всего дорожилъ и котораго художественная отдѣлка особенно замѣчательна,—разумѣю монографію о Богданѣ Хмельницкомъ,—вызвало цѣлый рядъ весьма обстоятельныхъ возраженій по частностямъ со стороны М. А. Максимовича, работавшаго всю жизнь надъ этой эпохой и имѣвшаго громадный запасъ матеріала. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ писемъ, число которыхъ доходило до тридцати, Максимовичъ указывалъ въ названномъ трудѣ Костомарова неточности, ошибки, фактическія несообразности. Николай Ивановичъ отвѣчалъ на тѣ только возраженія Максимовича, съ которыми не былъ согласенъ, основываясь на другихъ данныхъ; на *большинство* же возраженій онъ не отвѣчалъ, но въ другомъ изданіи своей монографіи всѣ мѣста, указанныя Максимовичемъ, *поправилъ*. Эта черта свидѣтельствуетъ о высокой добросовѣстности писателя-историка и ученаго, не всегда встрѣчающаяся у писателей, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность.

Не сомнѣваюсь, что только въ слабой степени мнѣ удалось указать черты многоплодной дѣтельности незабвеннаго историка и что другіе могутъ дополнить еще новыми чертами мой скороспѣлый очеркъ и представить въ болѣе полномъ и яркомъ свѣтѣ дорогой намъ образъ усопшаго. Но время впереди...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты пожелаемъ, чтобы и впослѣдствіи на полѣ русской исторіи было побольше дѣятелей, которые отличались бы такимъ трудолюбіемъ, знаніемъ, эрудиціей и въ особенности художественностью, какія мы видимъ въ твореніяхъ почившаго, и приносили бы столько плодовъ этой наукѣ, сколько принесъ ей покойный Николай Ивановичъ.

В. Б. Антоновичъ.

IV.

Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ [1]).

Въ своей лекціи «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», читанной въ Географическомъ Обществѣ въ 1863 г., Николай Ивановичъ сказалъ: «Исторія должна идти рука объ руку съ этнографіей. Обѣ науки должны быть изучаемы вмѣстѣ и развиваться нераздѣльно одна отъ другой. Историкъ долженъ быть этнографомъ уже потому, что онъ историкъ, и наоборотъ—этнографъ дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ историкомъ, насколько онъ этнографъ» [2]).

Въ одной болѣе ранней его статьѣ [3]) читаемъ слѣдующія строки: «народныя произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго рода исключительности, которую надо усвоить изученіемъ поэтическаго народнаго быта, чтобъ сочувствовать ей вполнѣ». Это было написано въ 1857 году, когда Николай Ивановичъ могъ съ полнымъ правомъ прійти къ такому выводу, руководствуясь не только одними теоретическими соображеніями, но и личнымъ чувствомъ, какъ человѣкъ, пережившій это сочувствіе къ исключительности русской народной поэзіи и не мало поработавшій надъ изученіемъ поэтическаго народнаго творчества,—однимъ словомъ, какъ человѣкъ, глубоко уразумѣвшій всѣ задачи и все значеніе этнографіи въ широкомъ пониманіи этого слова.

Какими-же путями и при какихъ условіяхъ выработалась въ немъ эта любовь къ изученію народной жизни? Вопросъ этотъ является самъ собою, такъ какъ мы знаемъ, что Николай Ивановичъ по происхожденію своему не былъ настолько тѣсно связанъ съ южнорусскимъ населеніемъ, чтобы, такъ сказать, стихійно, по природѣ отдаться этой идеѣ. Будучи родомъ изъ воронежской губерніи острогожскаго уѣзда, т. е. изъ той мѣстности, гдѣ насе-

[1]) Читано въ засѣданіи «Историческаго общества Нестора лѣтописца» 14 апрѣля 1885 года.

[2]) Монографіи Н. И. Костомарова, т. III, стр. 360.

[3]) Библіографическія статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша. Отечественныя Записки 1857 г., № 6 и 9.

леніе малорусское живетъ въ перемежку съ великорусскимъ, Николай Ивановичъ едва-ли могъ въ этотъ дѣтскій періодъ своей жизни воспитать въ себѣ особенную любовь къ Украйнѣ и ея народу. Воспитываясь затѣмъ въ частномъ московскомъ пансіонѣ и въ воронежской гимназіи, онъ скорѣе могъ утратить и тѣ задатки влеченія къ простонародью, которые могли быть вынесены изъ дому. Но вотъ ѣдетъ онъ доканчивать свое образованіе въ харьковскій университетъ, и тутъ почти сразу начинаетъ заниматься весьма усердно изученіемъ народности. Несомнѣнно, этому способствовала сама обстановка тогдашней культурной жизни города Харькова. Хотя г. де-Пуле въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ [1]) говоритъ, что въ ту пору «южное украинофильство» не появлялось еще въ Харьковѣ, но здѣсь очевидно автора вводитъ въ заблужденіе самый терминъ, употребленный имъ, потому что именно въ тѣ годы ни въ одномъ городѣ Украйны не обнаруживалась такъ сильно любовь къ народу и народности, какъ въ Харьковѣ. Вспомнимъ нѣкоторыхъ дѣятелей на почвѣ народной, въ среду которыхъ попалъ Николай Ивановичъ, поступившіи въ харьковскій университетъ и по окончаніи его оставшись жить въ Харьковѣ.

Въ то время живъ былъ еще извѣстный народный писатель и горячо преданный Украинѣ человѣкъ, Грицько Основьяненко (Григорій Квитка), проживавшій въ своемъ хуторѣ Основа, вблизи Харькова. Не могъ Николай Ивановичъ не позаимствовать этой любви къ народности отъ того человѣка, котораго покойный И. И. Срезневскій въ поминальныхъ словахъ о немъ назвалъ «*первымъ народнымъ писателемъ* въ Украйнѣ» [2]). Еще болѣе должно было оказать на него вліянія въ этомъ направленіи близкое знакомство съ Гулакомъ-Артемовскимъ, давно уже осѣвшимся въ Харьковѣ; у него, во время своего студенчества, жилъ Николай Ивановичъ, а именно въ тотъ періодъ, когда Гулакъ-Артемовскій, послѣ не вполнѣ удачныхъ опытовъ въ русской беллетристикѣ и стихотворствѣ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1874 г., № 1 и 2.

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

перешелъ къ писанію малорусскихъ стихотвореній, доставившихъ автору въ то время чрезвычайную славу и популярность. Самъ Николай Ивановичъ даетъ о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ, знавшемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ народный бытъ и нравы малороссовъ. Тутъ-же, въ Харьковѣ, встрѣтилъ Николай Ивановичъ и давняго харьковянина Амвросія Метлинскаго, въ малорусской письменности извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, который, по словамъ Николая Ивановича, «изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ» [1]). Можно вспомнить также двухъ братьевъ Степана и Петра Писаревскихъ и Кухаренка, которые подвизались тогда въ Харьковѣ, какъ малорусскіе писатели, и Корсуна, издателя алманаха «Снопъ», въ которомъ помѣщены были и нѣкоторыя малорусскія стихотворенія Николая Ивановича. А въ завершеніе всего тутъ еще въ 1833 году началъ издавать «Запорожскую Старину» И. И. Срезневскій, который помѣстилъ въ ней значительное число думъ и пѣсень малорусскихъ съ историческими объясненіями, а свое стремленіе къ народоизученію заявилъ публично по поводу смерти Квитки, сказавъ, что дѣйствовать на простолюдиновъ можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту [2]). Вотъ тотъ кругъ лицъ,— не въ смыслѣ, правда, опредѣленнаго литературнаго кружка,—которыхъ стремленія къ народоизученію и любовь къ своему меньшему брату не могли не отразиться на направленіи и всей дальнѣйшей дѣятельности Николая Ивановича, тѣмъ болѣе, что съ одними изъ нихъ онъ былъ связанъ дружбою, а къ другимъ относился съ уваженіемъ и любовью, какъ напримѣръ, къ Срезневскому, у котораго постоянно бывалъ въ домѣ и въ честь котораго написалъ малорусскіе стихи при проводахъ его за границу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Николай Ивановичъ

---

[1]) Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ. Іеремія Галка (Молодикъ на 1843 г.).

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

вскорѣ проникся такимъ-же стремленіемъ къ изученію этнографическихъ особенностей южно-русскаго племени и такимъ же желаніемъ и самому поработать на народной нивѣ, какими заявляли себя въ то время близкіе ему харьковцы

На первыхъ порахъ эта страсть къ этнографіи проявилась у него болѣе въ художественной формѣ, нежели въ научной, результатомъ чего и были тѣ его малорусскія драматическія и лирическія произведенія, которыя начались еще со студенческой скамейки и продолжались нѣкоторое время и послѣ окончанія университета, когда и появились въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Но будучи по натурѣ менѣе склоннымъ къ художественной этнографіи, нежели къ научной, Николай Ивановичъ вскорѣ переходитъ къ этой послѣдней и тутъ постепенно работаетъ, то какъ собиратель сырого матеріала народной словесности, то еще болѣе, какъ изслѣдователь матеріала, уже собраннаго. Чтобы показать, какое значеніе придавалъ онъ этому научному изслѣдованію въ дѣлѣ примѣненія его къ писательству на народномъ языкѣ, я приведу слова его изъ статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, слова, въ которыхъ высказана мысль, не разъ потомъ повторенная имъ, какъ только онъ касался вопроса о южно-русской литературѣ. «Въ наше время (это было въ 1857 г.), говоритъ Николай Ивановичъ, писатели повѣстей, очерковъ и драматическихъ сочиненій выводятъ въ своихъ произведеніяхъ лица, говорящія съ областными особенностями, стараются подлаживаться подъ рѣчь простолюдина и считаютъ, повидимому, литературнымъ достоинствомъ удержаніе мелкихъ фанетическихъ и этимологическихъ отмѣнъ и синтаксическихъ своеобразностей. Правда, это направленіе доводитъ писателей, въ сущности мало знакомыхъ съ народною жизнію, до безплоднаго набора словъ изъ областнаго словаря и выраженій изъ сборниковъ пословицъ и поговорокъ; за то оно показываетъ, что прошла пора скользить по поверхности народнаго быта и схватывать съ него общія черты, что наступила потребность знать и изображать свою народность основательно со всѣми ея изгибами» [1]). Ясно послѣ этого, почему

[1]) Отечественныя Записки 1857 г., № 6, отдѣлъ критики, стр. 44.

Николай Ивановичъ, сознавая всю силу научнаго изученія народа, почти покидаетъ дѣятельность поэта-этнографа и становится болѣе ученымъ изслѣдователемъ народной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ. Первый трудъ его въ этомъ направленіи былъ изданъ въ 1843 г.; но чтобы лучше видно было его значеніе, необходимо хотя коротко вспомнить о томъ, въ какомъ положеніи находилась тогда южно-русская этнографія.

Изъ серьезныхъ этнографическихъ изслѣдованій того времени, кромѣ сочиненія О. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» (издано въ 1837 г.), небольшая часть котораго посвящена болѣе общей характеристикѣ южно-русскихъ пѣсенъ, нельзя, кажется указать ничего выдающагося, да и самые матеріалы далеко были неполные. За первымъ сборникомъ малорусскихъ думъ (всѣхъ 8) князя Цертелева, изданнымъ въ 1819 г. съ весьма плохими варіантами, слѣдовало небольшое собраніе малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827 г.), главнымъ образомъ рисующихъ семейный бытъ, а затѣмъ съ 1833—38 гг. идетъ 6-ть выпусковъ «Запорожской Старины Срезневскаго,—изданіе, значительно отличавшееся отъ первыхъ двухъ, какъ количествомъ матеріала, такъ и тѣмъ методомъ, которому слѣдовалъ издатель, а именно: имъ впервые была указана важность оцѣнки историческихъ пѣсенъ совмѣстно съ критическимъ разборомъ событій,—хотя, наряду съ этими достоинствами, были и очень крупные недостатки, сказывавшіеся какъ въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ думъ, такъ и въ неясномъ толкованіи нѣкоторыхъ фактовъ. Далѣе слѣдовалъ сборникъ Вацлава изъ Олеска, изданный въ Галиціи въ 1833 году, но въ немъ южно-русскихъ пѣсенъ очень немного; въ 1834 г. явились «Украинскія пѣсни» Максимовича, среди которыхъ было немного новыхъ, но за то онѣ снабжены весьма серьезными историческими примѣчаніями; въ 1836 г.—«Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни» Лукашевича, гдѣ помѣщено нѣсколько прекрасныхъ думъ и пѣсенъ, явившихся впервые въ печати, и наконецъ въ 1840 г. сборникъ Жеготы Паули, изданный въ Галиціи и заключающій нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ. Вотъ и все, что было тогда въ печати, такъ какъ обширный сборникъ Ходаковскаго и

громадное собраніе пѣсен (более 8 тысячъ) Бодянскаго, о которомъ онъ заявлялъ въ упомянутомъ выше сочиненіи «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», были въ рукописи и оставались невѣдомыми міру. Еще слабѣе представлена была въ то время этнографія Великой Россіи, такъ какъ главнаго матеріала—пѣсеннаго и сказочнаго—было издано гораздо меньше, чѣмъ въ Малороссіи.

Съ этими печатными матеріалами въ рукахъ и приступилъ Николай Ивановичъ, послѣ уничтоженія его первой магистерской диссертаціи объ уніи, къ составленію второй: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (изд. въ Харьковѣ 1843 г.) Впрочемъ, извѣстно, что Николай Ивановичъ, понимая бѣдность печатнаго матеріала, долго собиралъ самъ пѣсни, исключительно малорусскія, такъ какъ ему приходилось собирать ихъ только въ Харьковщинѣ.

Чтобы яснѣе стало, какъ трудно было въ то время выступать съ работой, проводившей принципъ изученія народа и его исторіи по памятникамъ народнаго творчества, я напомню нѣкоторые изъ тѣхъ отзывовъ о трудѣ Николая Ивановича, которые нашли себѣ пріютъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ. «Гердеры, Нибуры, Тьерри, удивляйтесь нашимъ славянскимъ открытіямъ»!—такъ иронически восклицала «Библіотека для чтенія»[1]). «Мы глубокомысленны и дальновидны до самаго нельзя! Примѣромъ сказать книга г. Костомарова: по ея заглавію вы подумаете, что тутъ нѣтъ смысла: *«историческое значеніе поэзіи»* и при томъ *русской народной поэзіи!* Да вѣдь это все равно, что сказать: *«историческое значеніе зелена вина и красныхъ дѣвушекъ въ философіи ямщиковъ!»* И нѣсколько далѣе: «Прочь пыльныя лѣтописи! Дюжину пѣсенниковъ съ порядочнымъ запѣвалой, и вы изучите русскую исторію такъ-же основательно, какъ одинъ ученый изслѣдователь французскую, бѣгая по парижскимъ трактирамъ». Не болѣе глубины въ пониманіи вопроса обнаружили тогда и «Отечественныя Записки»[2]), давши такой отзывъ объ изслѣ-

[1]) Библіотека для чтенія, 1844 г., т. 66-й, отдѣлъ 6-й, стр. 12.

[2]) Отечественныя Записки 1844 г., т. 33-й, отдѣлъ 6-й, стр. 11.

дованіи Николая Ивановича: «Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было-бы выжать какое-нибудь содержаніе». Если такъ разсуждали тогдашніе толстые журналы, то чего-жъ можно было ожидать отъ средней русской публики? Не безъ того, конечно, чтобы не было совсѣмъ людей, иначе смотрѣвшихъ на дѣло, уразумѣвшихъ истинное значеніе новаго принципа народоизученія, въ подтвержденіе чего я и сошлюсь на критическую статью о трудѣ Николая Ивановича того ученаго, который тогда уже заявилъ себя своими научными работами въ той-же области, то есть Изм. И. Срезневскаго[1]). Въ то время, какъ большинство читающей публики, вѣроятно, готово было съ улыбкою на устахъ повторять приведенные ироническіе отзывы Библіотеки для чтенія и Отечественныхъ Записокъ, — Срезневскій писалъ въ Москвитянинѣ, что «книга Костомарова драгоцѣнна не для однихъ русскихъ любителей народности, но для Гриммовъ и Тальви столько-же, какъ и для Сахаровыхъ и Снегиревыхъ, Караджичей и Клаґровъ; взгляды сочинителя у насъ новость, но на западѣ они еще болѣе новость». И дѣйствительно, въ трудѣ Николая Иваномовича, не лишенномъ нѣкоторыхъ недомолвокъ и недодѣлокъ (что объясняется новизной предмета), мы встрѣчаемся съ такою массою новыхъ фактовъ, а главное—съ такими новыми основными положеніями и съ такой постановкой вопроса, что невольно придется признать, что трудъ этотъ былъ первымъ тогда научно-этнографическимъ изслѣдованіемъ, далеко не утратившимъ своего значенія и по настоящее время.

Исходя изъ той мысли, что человѣкъ лучше всего изучается, если за нимъ есть возможность наблюдать въ моменты его дѣйствій, не разсчитанныхъ на зоркій глазъ наблюдателя, авторъ

---

[1]) Москвитянинъ 1844 г., ч. II, № 3.

примѣняетъ это положеніе къ цѣлому народу, видя въ его произведеніяхъ тотъ источникъ, въ которомъ выражаются чувства не выученныя, движенія души непритворныя, понятія не занятыя,—однимъ словомъ онъ видитъ, что въ нихъ выступаетъ народъ такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Поэтому, Николай Ивановичъ въ книгѣ своей разсматриваетъ народныя произведенія русскаго народа, преимущественно—пѣсни, розыскивая, какъ народъ въ нихъ высказалъ намъ свою собственную жизнь—духовную, историческую и общественную. Сообразно съ этимъ, въ первомъ отдѣлѣ книги, авторъ слѣдитъ за жизнью духовной, подъ которой онъ понимаетъ взглядъ на отношенія человѣка къ высшему существу и природѣ; тутъ особенно богаты мѣста, гдѣ раскрывается народная символика. Еще лучше второй отдѣлъ книги, гдѣ просматривается прошедшая историческая жизнь русскаго народа, какъ ее понялъ и помнитъ самъ народъ; наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ авторъ рисуетъ общественную жизнь русскаго народа, поскольку она отразилась въ его пѣсняхъ; тутъ дается характеристика разныхъ типовъ (царя, боярина, разбойника, солдата, козака, чумака, парубка, пана, знахарки и мн. др.), фигурирующихъ въ народныхъ произведеніяхъ. Нужно замѣтить, что большая часть изслѣдованія посвящается южно-русской поэзіи, а не великорусской, въ чемъ, очень нерѣшительно впрочемъ, упрекалъ изслѣдователя Срезневскій. Но нельзя не принять во вниманіе, что во 1-хъ Николай Ивановичъ въ то время почти не зналъ великорусской жизни, проводя многіе годы сознательной своей жизни въ Малороссіи; во 2-хъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ было очень мало, гораздо меньше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ малорусскихъ, и наконецъ, въ 3-хъ, самими обстоятельствами выработались у него, такъ сказать, этнографическія симпатіи больше къ южной Руси, чѣмъ къ сѣверной, что указано было раньше.

Я остановился на этомъ трудѣ Николая Ивановича потому, что въ немъ опредѣлилось основное воззрѣніе будущаго этнографа-ученаго на задачи его дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. И нужно признать, что въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ этнографическихъ работъ его мы найдемъ, конечно, много новыхъ

фактовъ, иногда новое освѣщеніе этихъ фактовъ, однимъ словомъ— много усовершенствованій, но основная точка зрѣнія, основной принципъ изслѣдованія проведенъ имъ съ постоянствомъ и настойчивостью. Даже въ тѣхъ статьяхъ своихъ, которыя были написаны 30—40 лѣтъ послѣ выхода указанной книги («Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества»,—Бесѣда 1872 г., и «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго творчества»,—Рус. Мысль 1880 и 1883 гг.) и которыя были переработкой, даже почти новой разработкой того-же сюжета, онъ въ основныхъ положеніяхъ не измѣнилъ первоначальному своему взгляду и едва-ли кто-нибудь рѣшится упрекнуть его въ ненаучномъ методѣ изслѣдованія народнаго творчества въ этихъ его статьяхъ. Вся разница между этими статьями и первымъ трудомъ его опредѣляется совершенно ясно, если сказать, что въ нихъ Николай Ивановичъ восполнилъ (хотя не успѣлъ закончить) недостатокъ своей диссертаціи, отмѣченный словами Срезневскаго такъ: «Все сочиненіе только кажется опытомъ начала большого труда; въ немъ пересказано содержаніе русскихъ пѣсенъ, обращено вниманіе на многое, что въ нихъ заслуживаетъ вниманія историка, но не на все, и притомъ только съ одной стороны— со стороны взгляда народа на самого себя. Вопросъ-же, какъ и чѣмъ можетъ историкъ тутъ пользоваться, остался совершенно въ сторонѣ; между тѣмъ какъ рѣшеніе его одно-бы могло дать сочиненію право называться разсужденіемъ «*объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи*».

Обращусь еще разъ къ выдержкѣ изъ статьи Срезневскаго. Заканчиваетъ онъ свой разборъ книги г. Костомарова такими словами: «Отъ всего сердца можно пожелать, чтобы онъ не оставилъ заниматься народностями русскими: дѣлателей на этомъ поприщѣ у насъ много, но такіе, какъ Костомаровъ, никогда не будутъ лишни». Это пожеланіе Срезневскаго Николай Ивановичъ выполнилъ всецѣло, и хотя вскорѣ онъ перешелъ къ спеціальнымъ занятіямъ историка, но въ теченіе всей жизни продолжалъ дарить науку и своими работами по этнографіи. Такъ въ слѣдующемъ 1844 г., поселившись на Волыни и занявшись ис-

торіей Богдана Хмельницкаго, онъ производилъ розыски всякихъ преданій, связанныхъ съ нимъ, изучалъ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ его эпохи, и тутъ же, при случаѣ, собралъ много пѣсенъ, впослѣдствіи (въ 1859 г.) напечатанныхъ имъ въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, Д. Мордовцева». Это собраніе содержитъ 202 пѣсни; изданы они такъ, что многія изъ нихъ снабжены болѣе или менѣе важными примѣчаніями, особенно объ историческихъ событіяхъ, которыхъ время можетъ быть опредѣлено съ точностью. Впрочемъ, Николай Ивановичъ никогда не былъ постояннымъ, а лишь случайнымъ только собирателемъ народнаго матеріала; по справедливому замѣчанію г. Пыпина, «ученый самъ рѣдко бываетъ собирателемъ, а при такой громадной области наблюденія, съ какою должна имѣть дѣло русская этнографія, соединеніе обѣихъ работъ (собираніе и изслѣдованіе) въ одномъ лицѣ является просто немыслимымъ» [1]). Этимъ и объясняется то, что изъ этнографическаго матеріала, относящагося къ малорусской литературѣ, Николаемъ Ивановичемъ, сверхъ только-что указаннаго собранія пѣсенъ, была сообщена одна только запорожская пѣсня въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова (1860 г., т. 3). Но за то, какъ ученый изслѣдователь, онъ велъ окончательную редакцію трехъ томовъ (3, 4 и 5) такого громаднаго собранія народнаго южнорусскаго матеріала, какъ извѣстные всѣмъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» П. Чубинскаго. Нельзя не отмѣтить и того, что, какъ изслѣдователь-этнографъ и притомъ изслѣдователь между прочимъ, среди своихъ постоянныхъ занятій исторіей, Николай Ивановичъ всегда слѣдилъ за всѣмъ, касавшимся южнорусской литературы, и давалъ болѣе или менѣе обстоятельный отзывъ обо всякой новинкѣ. Начиная съ его «Обзора сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ», въ которомъ была дана первая сводная оцѣнка малорусской письменности до 1843 г., можно насчитать громадное количество статей—и крупныхъ, и малыхъ,—помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, о южнорусской литературѣ,

---

[1]) «О задачахъ русской этнографіи», Вѣстникъ Европы 1885 г. № 4.

было-ли то въ формѣ, такъ сказать, художественной этнографіи, или въ видѣ научныхъ этнографическихъ сборниковъ и изслѣдованій. Изъ этихъ статей мы напомнимъ только нѣкоторыя, а именно: обширную критическую статью о «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша (Отечест. Зап. 1857 г., № 6 и 9), 2) такую-же обстоятельную статью подъ заглавіемъ: «Историческая поэзія и новые ея матеріалы» (Вѣстн. Евр. 1874 г., № 12), объ «Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа», изданныхъ Антоновичемъ и Драгомановымъ, и наконецъ 3) статью по поводу изданной г. Драгомановымъ книги: «Малорусскія народныя преданія» (Рус. Стар. 1877 г.).

Всѣ указанныя мною до сихъ поръ работы Николая Ивановича по этнографіи касались южно-русскаго народа; но авторъ статьи: «Двѣ русскія народности», по происхожденію своему, такъ сказать, принадлежавшій обѣимъ имъ, не оставилъ въ забвеніи и другой изъ нихъ ни въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, ни въ этнографическихъ трудахъ. Хотя, какъ было сказано, въ первомъ трудѣ своемъ по этнографіи онъ болѣе занялся изслѣдованіемъ южнорусской народной поэзіи, но во 1-хъ на то были свои причины, о которыхъ упомянуто раньше, а во 2-хъ и тамъ все-таки дано было посильное объясненіе великорусскаго пѣсеннаго матеріала. Впослѣдствіи, когда судьба привела Николая Ивановича въ болѣе близкія столкновенія съ великорусскимъ народомъ, любовь его къ этнографіи вообще оказала свое воздѣйствіе, выражавшееся въ томъ, что, живучи съ 1848 по 1856 г. въ Саратовѣ, онъ посвящалъ свой весь досугъ занятіямъ исторіи и, вмѣстѣ съ г-жей Мордовцевой, собранію мѣстныхъ пѣсенъ, которыя и были частію напечатаны въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а потомъ въ видѣ полнаго собранія помѣщены были въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Тихонравова (1862 г., т. 4). Это довольно большое собраніе пѣсенъ представляетъ цѣнный вкладъ въ науку, давая, какъ матеріалъ мѣстной этнографіи, пѣсни былеваго эпоса, историческія и бытовыя—семейнаго и общественнаго быта. Какъ въ отдѣлѣ южнорусской этнографіи, и тутъ Николай Ивановичъ былъ только случайно этнографомъ-со-

бирателемъ; по крайной мѣрѣ, сверхъ указаннаго сборника пѣсенъ саратовской губерніи, кажется, извѣстна еще только одна разбойничья пѣсня, сообщенная имъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи» (1860 г., кн. I). Но какъ ученый изслѣдователь, онъ слѣдилъ за тѣмъ, что новаго появлялось въ этомъ отношеніи въ русской наукѣ. Такъ, по поводу прекраснаго собранія великорусскихъ пѣсенъ г. Шейна, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древн.»,—онъ печатаетъ изслѣдованіе свое подъ заглавіемъ: «Великорусская народная пѣсенная поэзія» (Вѣстн. Евр. 1872 г.), въ которомъ, помимо обстоятельнаго разбора самого сборника, высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о задачахъ этнографическихъ работъ. Чтобы видѣть, насколько постояннымъ и неизмѣннымъ принципомъ всегда руководился Николай Ивановичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по народоизученію, приведу одну мысль его, высказанную въ этой статьѣ, которая оказывается совершенно однородной съ тѣмъ вышеприведеннымъ взглядомъ, который былъ проведенъ имъ въ его магистерской диссертаціи 1843 г. Вотъ эта мысль: «Свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій взѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа, а затѣмъ событія, поворотъ, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ-бы то ни было актовъ, записокъ и т. п.» [1]). И если теперь послѣднее слово, высказанное по этому вопросу па дняхъ г. Пыпинымъ въ статьѣ «Задачи русской этнографіи», оказывается тождественнымъ съ тѣмъ, что было намѣчено Николаемъ Ивановичемъ 42 года назадъ и настойчиво проведено во всѣхъ

---

[1]) Костомаровъ, Монографія, т. 13-й, стр. 448.

трудахъ его, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ еще разъ повторить, что онъ долженъ быть причисленъ къ однимъ изъ первыхъ по времени и по значенію ученыхъ этнографовъ-изслѣдователей въ русской наукѣ.

Отмѣченная мною любовь къ этнографическому изслѣдованію у Николая Ивановича, такъ сказать, вышла даже за предѣлы русскихъ народностей, что видно изъ статьи его «Литовская народная поэзія», напечатанной въ Русскомъ Словѣ 1860 г. [1]), гдѣ онъ съ тѣми-же пріемами изслѣдованія вопроса останавливается на опредѣленіи народной физіономіи литовцевъ по ихъ пѣснямъ и сказкамъ. Тутъ онъ опять видитъ подтвержденіе того, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа. И дѣйствительно, народъ, такъ сказать, только промелькнувшій на историческомъ полѣ и заявившій себя будто-бы воинственнымъ и опустошительнымъ, по пѣснямъ своимъ оказывается «кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться на болѣе широкое поле жизни». Чѣмъ-же объясняется это противорѣчіе? А тѣмъ, какъ говоритъ авторъ, что «судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ нетвердо», что даже въ XIII и XIV столѣтіи, во время могущества Литвы, «возникавшее государственное тѣло питалось русскою стихіею, а не литовскою», и что поэтому, «громкая слава, которая внесла имя Литвы на театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка». Опредѣливши такъ общій характеръ литовской поэзіи, Николай Ивановичъ по установленному имъ методу переходитъ къ обзору религіозныхъ вѣрованій, съ объясненіемъ народной символики, и къ уясненію семейнаго и общественнаго быта.

Этимъ я заканчиваю обзоръ дѣятельности Николая Ивановича, какъ изслѣдователя живаго, современнаго народа, выразившаго изустно свои міровоззрѣнія. Но помимо этого онъ былъ также изслѣдователемъ и той старины народной, которая въ жи-

---

[1]) Также Монографіи, т. 3-й.

вомъ словѣ не дошла всецѣло до насъ и которая то представляется въ обрывкахъ, разбросанныхъ по разнымъ памятникамъ письменности, свидѣтельствуя о поэтическихъ воззрѣніяхъ народа въ старину на окружающее его, то является въ формѣ тѣхъ письменныхъ произведеній старины, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ вліяли на народное воображеніе,—это область религіозной легенды, апокрифическихъ сказаній, повѣстей и проч.

Въ видѣ изслѣдованія тѣхъ старыхъ поэтическихъ воззрѣній на природу, которыя породили у нашихъ предковъ славянъ ихъ миѳологію, мы имѣемъ прекрасную книгу Николая Ивановича: «Славянская Миѳологія», отпечатанную имъ въ 1847 г., какъ извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра. Здѣсь дается объясненіе тѣмъ божествамъ, которыя когда-то составляли миѳологическій циклъ славянскихъ народовъ, какъ-то: Даждь-Богъ, Сварожичъ, Радегастъ, Свантовитъ, Перкунъ, Триглавъ и другія, которые всѣ сводятся къ одному божеству свѣта, а въ противоположность имъ выступаютъ божества мрака. Подъ эти два начала подводятся всѣ остальные миѳы. Изъ характера изслѣдованія видно, что это есть та-же этнографія, но основанная не на современныхъ сказаніяхъ, а на обрывкахъ отъ старины, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ и кое-какъ въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, но больше возстановляемая по памятникамъ письменности.

Въ другой области изученія старины народной, т. е. въ области старинной письменности въ формѣ легендъ, сказокъ, повѣстей, притчъ и пр., еще болѣе потрудился Николай Ивановичъ, редактируя въ 1860—68 годахъ 3 выпуска (1, 2 и 4) прекраснаго изданія гр. Кушелева-Безбородка: «Памятниковъ старинной русской литературы». Но и тутъ не ограничивается дѣло изданіемъ матеріаловъ: почти всѣ они снабжены то объяснительными статьями, то болѣе или менѣе обстоятельными примѣчаніями и объясненіями, проливающими свѣтъ на значеніе самыхъ памятниковъ. Кромѣ этого труда, можно указать еще на отдѣльныя изслѣдованія, относящіяся къ вопросамъ старинной русской литературы этого-же характера, а именно: статьи его о повѣсти «Горе-

Злосчастіе», помѣщенныя въ Современникѣ 1856 г., статья «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», помѣщенная въ Русскомъ Словѣ 1861 г. № 3,[1]) и статья «Изъ могильныхъ преданій или легенда о кровосмѣсителѣ», въ Современникѣ 1860 г., № 3 [2]).

Вотъ тѣ труды Николая Ивановича по этнографіи, одинъ перечень которыхъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ указаніемъ научнаго значенія ихъ въ дѣлѣ народоизученія. Если-же прибавить къ этому, что, согласно основной мысли своей, онъ былъ этнографомъ, потому что былъ историкомъ, и обратно, то есть, что въ равной мѣрѣ этнографическое значеніе имѣютъ и его историческія статьи, то это научное значеніе дѣятельности его, какъ этнографа, еще болѣе расширяется и еще болѣе пріобрѣтаетъ цѣнности. Но нельзя пройти молчаніемъ и еще одной стороны вопроса, а именно—того значенія этой этнографической дѣятельности его, которое сказывалось въ воспитаніи въ обществѣ любви къ народности и къ ея изученію. Безспорно, дорога та любовь къ народу, которая является у человѣка, такъ сказать, по природѣ, какъ результатъ семейной обстановки въ дѣтскомъ возрастѣ; но чтобы любовь эта была вполнѣ укрѣплена и оформлена, необходимо завершить ее сознательной, разумной любовью, что достигается путемъ научнаго изученія народа. Николай Ивановичъ своимъ личнымъ примѣромъ прекрасно доказалъ, что народоизученіе есть средство воспитать любовь къ народу даже въ человѣкѣ, не обладающемъ традиціонною стихійною привязанностію къ нему,—и всѣми своими трудами воспитывалъ это чувство въ современныхъ поколѣніяхъ. Хотя главнымъ образомъ эта черта его дѣятельности была причиной тѣхъ недоразумѣній, подъ часъ той подозрительности, которыя въ худшемъ случаѣ ставили его въ тяжелыя положенія, въ лучшемъ вызывали горячую полемику, очень часто выходившую за предѣлы ученыхъ споровъ, что тянулось болѣе 40 лѣтъ; хотя счеты по этимъ недоразумѣніямъ не покончены и до сихъ поръ, такъ какъ и послѣднее, предсмертное

---

[1]) Также Монографія, т. I.

[2]) Также Монографія, т. I.

печатное его слово было словомъ полемическимъ съ г. Кояловичемъ (Вѣстникъ Европы 1885 г., № 4); но будемъ надѣяться, что пройдутъ годы, улягутся страсти, настанетъ время болѣе хладнокровнаго обсужденія этихъ спорныхъ вопросовъ, всѣ недоразумѣнія сойдутъ со сцены и тогда во всей полнотѣ каждому откроется то громадное значеніе дѣятельности Николая Ивановича, которое надолго сохранитъ его славное имя въ новыхъ поколѣніяхъ. Мы-же, помнящіе еще свѣжую память о немъ, пока оставимъ въ сторонѣ всѣ непорѣшенные вопросы и почтимъ имя его нашимъ обычнымъ пріемомъ выражать уваженіе къ людямъ, не только живымъ, но и отошедшимъ отъ насъ въ иной міръ.

В. Науменко.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ[1].

7. ГОЛУБЫ.

1. *Иванъ Григорьевичъ Голубъ*, житель м. Краснаго Колядина, 1654 года. Жена—*Евдокія Еремѣевна*.
2. *Захарій*, войсковой товарищъ, 1667—1690 г. . . . . 1.
3. *Константинъ*, генеральный бунчучный 1681 года. Жена—1, *дочь Ивана Петровича Забѣлы*; 2, *Настасья Марковна*, во второмъ бракѣ—за гетманомъ Скоропадскимъ . . . . 1.
   Марья. Мужъ—*Иванъ Самойловичъ*, гетманъ. . . . . 1.
4. *Евстафій*, † 1707 года. Жена—*Марья* . . . . 2.
   Марья. Мужъ—*Дмитрій Лазаревичъ Горленко*, полковникъ прилуцкій. 2.
   Пелагея. Мужъ.—*Иванъ Мировичъ*, полковникъ переяславскій.
   Дочь. Мужъ—1, *Николай Ивановичъ Огіенко*; 2, *Захарій Калиновскій*, сотникъ кролевецкій . . . . 2.
   Васса. Мужъ—*Федоръ Топольницкій* . . . . 3.
   Дарья. Мужъ—*Иванъ Діаковскій*, сотникъ кролевецкій . . . . . . 3.
   Евдокія. Мужъ—*Иванъ Чарнышъ*, генеральный судья. . . . . . . 3.
5. *Григорій*, бунчуковый товарищъ 1727 года, потомъ монахъ Афонской горы—*Гурій*, 1757 года . . . . 4.
6. *Павелъ*, бунчуковый товарищъ 1727 года . . . . 4.

Родоначальникъ Голубовъ жилъ сначала въ мѣстечкѣ Красномъ Колядинѣ (конотопскаго уѣзда), какъ видно изъ акта 1654 г., по которому Юско Ивановичъ, обыватель рябушинскій, продалъ «ставокъ на рудцѣ Березовицѣ подъ с. Рабухами лежачій, славет-

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., январск. кн., стр. 50—82.

ному урожоному Ивану Григоровичу, обывателю краснянскому и Вовдотіи Еремѣевнѣ, малжонцѣ его». Иванъ Григорьевичъ, по прозванію Голубъ, былъ тесть Самойловича, сначала красно-колядинскаго писаря, а потомъ гетмана [1]). Неизвѣстно почему, семья Голуба изъ Краснаго Колядина переселилась въ Кролевецъ, какъ видно изъ акта 1663 г., гдѣ читаемъ, что «славетный п. Михайло Васильевичъ Дуля, мельникъ подоловскій (с. Подоловъ около Кролевца) позволилъ пану Ивану Григоровичу поставить млинъ на той же греблѣ подоловской, на рекѣ Ретѣ». Около 1669 г. старый Голубъ умеръ; зять его въ это время былъ уже генеральнымъ судьею и конечно при его участіи тогдашній гетманъ Многогрѣшный далъ семейству Голуба слѣдующій охранный универсалъ: «респектуючи мы на тое, абы права и вольности козацкіе были захованы въ потомные часы, безъ всякаго нарушенія, чтобы также и жены козацкія съ оставшимися дѣтьми по смерти мужей своихъ, сидячи на удовимъ стольцу, спокойно пользовались, по правамъ войсковымъ, своими и мужниными имѣніями,—Овдотью Ивановую краснянскую вдову, козачку и обывательку коропскую, съ сынами ея Захаріемъ и Костемъ при всѣхъ имѣніяхъ, т. е. при млинахъ на рекѣ Ретѣ, подъ с. Подолками, отъ умершаго мужа ея Ивана построенныхъ, сохраняемъ». По смерти стараго Голуба, въ семьѣ его возникли несогласія; въ 1671 г. вдова Голубиха жаловалась генеральному суду, что, оставшись по смерти мужа на вдовиномъ стольцу, перезвала она отъ любви своей, старшаго сына Захарія изъ мѣстечка Краснаго Колядина и дала ему на прокормленіе изъ мужниныхъ мельницъ «одну заставку съ коломъ мучнымъ», съ условіемъ, чтобы онъ войсковою службою «боронилъ вольности домовыя»; но Захарій, не довольствуясь выдѣленною частью, завладѣлъ всѣми мельницами, отдаляя мать и брата Константина вовсе отъ доходовъ съ мельницъ и не оказывая притомъ никакого уваженія и послушанія своей родительницѣ. Позванный въ генеральный судъ Захарій Голубъ отвѣчалъ, что отцовскія мельницы въ недавнюю московскую экспедицію были уничтожены огнемъ, послѣ чего онъ самъ, безъ всякой помощи со стороны матери, возобновилъ тѣ мельницы и

---

[1]) Величко II, стр. 305. О женитьбѣ Самойловича см. у Гордона, Tagebuch, т. II, стр. 75.

устроилъ четыре «кола» мучныхъ. Судъ рѣшилъ, что мельницами должна владѣть мать, а Захарій имѣетъ право потребовать отъ нея только возвращенія понесенныхъ расходовъ по возобновленію мельницъ. Затѣмъ Захарій отдѣлился отъ матери и сталъ заводить свое хозяйство, какъ видно изъ слѣдующаго расказа, записаннаго въ 1722 г.: Федоръ Дубоносъ, житель с. Дубовичъ, разсказывалъ, «что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ пришелъ отецъ мой изъ Нѣжина въ Дубовичи и занялъ себѣ вольную пущу, между Кролевцемъ и Воронежемъ, и построилъ тамъ гуту (стекляный заводъ), но, не имѣя достаточныхъ средствъ, принялъ къ себѣ въ товарищи Захарія Голуба, расчитывая, что Голубъ, какъ зять Самойловича, выпроситъ у гетмана универсалъ на пущу и, кромѣ того, дастъ денежныя средства для лучшаго устройства гуты. И стали затѣмъ они съ Голубомъ хозяйничать въ той гутѣ и прибыль получать. Потомъ Голубъ около той гуты и слободу поселилъ[1]). Но когда отецъ мой не смогъ вести съ Голубомъ совмѣстнаго хозяйства, то уступилъ ту гуту ему Голубу, вмѣстѣ съ грунтами...»—Младшій Голубъ Константинъ остался при матери, которая его женила на дочери старшаго сына генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, Ивана, убитаго подъ Чигириномъ. Около этого-же времени, зять Голубовъ сталъ гетманомъ, но изъ братьевъ своей жены Самойловичъ выдвинулъ въ ряды старшины одного только Константина и то не сразу. Константинъ Голубъ получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго около 1681 г. Тогда-же должно быть гетманъ далъ Константина и маетность—подконотопское с. Подлипное; но вскорѣ затѣмъ село это было отнято для гетманскаго свата — Федора Сулимы. Несмотря на близкое свойство съ гетманомъ, Голубы остались бѣдняками. Захарій владѣлъ слободою Ретикомъ, которую поселилъ самъ, а Константинъ—подоловскими мельницами, около которыхъ онъ осадилъ слободку Довгалевку. По низложеніи Самойловича, Константинъ лишенъ былъ своего уряда, но затѣмъ Мазепа оставилъ шурьяковъ Самойловича безъ прислѣдованія. Чрезъ

[1]) Рѣчь идетъ повидимому о теперешнемъ хуторѣ Ретикѣ кролевецкаго уѣзда, принадлежащемъ Кочубеямъ. Въ «листѣ» нѣжинскаго полковника Артема Мартыновича 1667 года читаемъ, что этотъ хуторъ находился «въ трактѣ кролевецкомъ надъ рудкою, за рѣчкою Ретью, у милѣ отъ Кролевца и Воронежа лежачій».

мѣсяцъ послѣ своего избранія, Мазепа выдалъ старшему Голубу такой универсалъ: «маючи мы въ респектѣ нашемъ невинность п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими, гдѣ какіе есть пріобрѣтены по праву, владѣлъ свободно». Константину Голубу подтвердительный универсалъ на его маетности Мазепа выдалъ только въ 1689 г. въ такихъ словахъ: «доносилъ намъ п. Константій Голубъ, что на собственномъ его грунтѣ сидятъ люди подъ Довгалевкою и подъ Подоловомъ и просилъ, чтобы мы позволили ему тѣми людьми владѣть и послушаніемъ ихъ пользоваться для дворовой своей выгоды; склоняясь на эту просьбу п. Голуба, приказываемъ старшинѣ городовой кролевецкой, чтобы п. Голубу въ завѣдыванію тѣми людьми препятствія не дѣлалось, если только такъ есть, какъ Голубъ доноситъ, что тѣ люди живутъ на его собственныхъ земляхъ [2]»).

Овдовѣвъ послѣ перваго брака, Константинъ Голубъ женился во второй разъ на дочери Марка Аврамовича [3]) Настасьѣ, которая впослѣдствіи стала столь извѣстною гетманшею Скоропадскою. Константинъ Голубъ сыновей не оставилъ; у него было только три дочери, изъ которыхъ Евдокія рождена была отъ второго брака. Захарій Голубъ умеръ около 1690 г., оставивъ вдову и сына Евстафія. Еще при жизни Захарія, около хутора Ретика сталъ селить слободу (Грузскую) кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій. По смерти Голуба, Маковскій пользуясь беззащитностью его вдовы, хотѣлъ присоединить къ своей слободѣ и часть ретицкихъ земель, уже занятыхъ умершимъ Голубомъ подъ свое хозяйство. Вдова «Захарчиха» стала было не допускать грузчанскихъ слобожанъ къ своимъ землямъ, но съ Маковскимъ трудно было спорить: онъ былъ кумъ Мазепы и кромѣ того имѣлъ пріятелей между приближенными гетмана. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны вдовы Голуба, Маковскій пожаловался гетману и на свою жалобу получилъ отъ тогдашняго генеральнаго судьи Прокоповича слѣдующее письмо: «мой велце ласкавый пріятелю, п. сотнику кролевецкій! Пишешъ ты мнѣ о своихъ слобожанахъ, поселен-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

[2]) Фамильный архивъ графа Гр. А. Милорадовича.

[3]) См. Марковичи, «Кіевская Старина» 1884 г., январь.

ныхъ близь Голубовой гуты, которымъ Захарчиха не только не позволяетъ собрать посѣянный ими хлѣбъ, но еще грозитъ и въ подданство ихъ къ себѣ привернуть. Исполняя вашей милости просьбу, я докладывалъ объ этомъ дѣлѣ самому ясневельможному добродѣю, прося разрѣшенія—можно-ли вашей милости безъ опасеній устроивать тамъ свое хозяйство; получивъ на свой докладъ милостивое рѣшеніе пана гетмана, обнадеживаю вашу милость ласкою его панской вельможности, что можешъ безопасно вести тамъ свое хозяйство, считая поселенныхъ людей за своихъ. А если-бы Захарчиха стала дѣлать какое препятствіе вашей милости относительно засѣянныхъ слобожанами полей, то можешъ обратиться съ письменною просьбою къ ясневельможному добродѣю или самъ пріѣзжай въ Батуринъ; а теперь тѣхъ людей успокой, что посѣвы свои они могутъ собрать, ничего не опасаясь, о чемъ увѣдомивши, поручаю себя доброму в. м. афекту." В. м. вседоброжелательный пріятель Сава Прокоповичъ, судья генеральный» (1691 г.) [1]).

Трудно было спорить вдовѣ Голуба съ сосѣдомъ, имѣвшимъ такую сильную руку въ Батуринѣ, но еще труднѣе стало сыну ея, когда старая «Захарчиха» умерла. Видя уже полную беззащитность молодаго Евстафія Голуба, Маковскій рѣшилъ совсѣмъ согнать его съ отцовской гуты, а слобожанъ, поселившихся въ ней, перевести въ Грузскую. Бывшіе слобожане Голуба разсказывали, что когда, по смерти Захарчихи, сталъ хозяиномъ гуты Евстафій Голубъ, то Маковскій, желая присоединить Голубовскія земли къ своимъ, послалъ слугъ своихъ Карпѣку и Федорца забрать и привести къ нему Евстафія, который находился въ это время въ Дубовичахъ. Слуги Маковскаго подговорили Голуба ѣхать вмѣстѣ—будто для разграниченія спорныхъ земель... Евстафій, ничего не подозрѣвая, согласился; но только они выѣхали изъ Дубовичъ, Карпѣка и Федорецъ связали Голуба и привезли въ гуту въ шинокъ Моргунки, гдѣ стали его бить и «мордовать», говоря: «не касайся больше къ гутѣ, потому что ее заберетъ себѣ нашъ панъ!» Затѣмъ связанный Голубъ брошенъ былъ подъ лавку. Но тутъ прибѣжалъ «дозорца» Голубовой гуты, старый Грукъ, съ другимъ человѣкомъ и отнявъ Евстафія у слугъ Маковскаго, отвезли его снова въ Ду-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

бовичи, и Маковскій больше къ Голубу не касался; только собравъ подводы, разоралъ всѣхъ гутянскихъ людей: поразбивалъ въ хатахъ печи, а хаты позабиралъ и перевезъ въ Грузскую; туда перешла и часть гутянскихъ слобожанъ, а другіе—поросходились по разнымъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и гутянскія земли Маковскій присоединилъ къ своимъ. А когда Кочубей завелъ Ретицкій хуторъ и сталъ отдѣлять свои земли отъ земель Маковскаго, то послѣдній просилъ не трогать его земель, а взять Голубовскія земли, но Кочубей взялъ земли Маковскаго... Разсказывая о разореніи Голубовской гуты, слобожане прибавляли, что Маковскій позволилъ себѣ такія насилія послѣ того, какъ покумился съ Мазепой [1])...

Послѣ разоренія своего хутора, Евстафій скоро умеръ, оставивъ вдову съ двумя малолѣтними сыновьями. Вдова Евстафія жила въ с. Андреевкѣ (кролевецкаго уѣзда) и ждала, пока подростутъ сыновья, чтобы начать дѣло за свою гуту, которая въ это время перешла во владѣніе внуки стараго Маковскаго, вышедшей замужъ за Федора Чуйкевича. Учрежденіе послѣ смерти Скоропадскаго малороссійской колегіи возбудило надежды у многихъ обиженныхъ за прежнее время; «отновлены были старыя тяжбы», какъ жаловался Полуботокъ. Начала отыскивать свою гуту у наслѣдниковъ Маковскаго и вдова Евстафія. По распоряженію генеральной канцеляріи обслѣдована была вся исторія разоренія Маковскимъ Голобовой гуты и послѣдняя возвращена была дѣтямъ Евстафія—Григорію и Павлу. Но послѣдніе хозяйничали не долго, продавъ свою гуту въ 1733 г., значковому товарищу Филону Михайловичу за 2140 рублей [2]). Послѣ этого старшій Голубъ—Григорій отправился на Афонскую гору, гдѣ постригся въ монахи подъ именемъ Гурія. Въ 1754 г. онъ приходилъ навѣстить родину уже глубокимъ старикомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Обозрѣніе румянцевской описи, стр. 360.

[3]) Записки Марковича, II, 324.

8. КРЫЖАНОВСКІЕ.

1. *Антонъ Степановичъ Крыжановскій*, сотникъ глинскій 1742 г., полковникъ гадячскій 1762—1772 года. Жена—*Анна Павловна.*
2. *Антонъ*, премьеръ-майоръ 1780 г. . . . . 1.
3. *Настасья.* Мужъ—*ИванъИвановичъ Борозда*, бунчуковый товарищъ . 1.
4. *Елена.* Мужъ—генералъ-поручикъ *Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ*, губернаторъ воронежскій 1776 г. . . . . 1.

Антонъ Степановичъ Крыжановскій, бригадиръ и гадяцкій полковникъ, былъ выкрещенный еврей. Происхожденіе Крыжановскаго подробно разсказалъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка. По этому разсказу, около 1730 г. у бѣлоцерковскаго раввина служилъ еврей Мошко, который перебрался потомъ въ м. Медвѣдовку (кіевской губерніи) и женился тамъ на племянницѣ медвѣдовскаго арендатора Аврама. Тутъ Мошко былъ выкрещенъ двумя поляками — губернаторомъ (управляющимъ) чигиринскаго ключа Гороховскимъ и его помощникомъ Тупелецкимъ и изъ Мошка—сталъ Антономъ Крыжановскимъ [1]).

Выкрестившись, Крыжановскій перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселившись въ миргородскомъ мѣстечкѣ Городищѣ, скоро сталъ однимъ изъ откупщиковъ тѣхъ сборовъ, которыми пополнялся «войсковой скарбъ». Войсковой скарбъ—общественная казна Малороссіи—составлялся изъ различнаго рода налоговъ на торговые и хозяйственные промыслы. Однимъ изъ старыхъ источниковъ для пополненія войсковаго скарба были пошлины на товары, которые ввозились въ Малороссію и вывозились изъ нея. Пошлины на привозные товары назывались «индуктою», а на вывозные — «эвектою». Индукта и эвекта установлены были еще Хмельницкимъ, который универсаломъ 1654 г. опредѣлилъ размѣръ этихъ пошлинъ и назначилъ главнаго экзактора, который чрезъ особыхъ агентовъ долженъ былъ собирать индукту и эвекту [1]). Сначала эти сборы расходовались на общественныя нужды; но потомъ гетманы стали

---

[1]) Безбородко, не отвергая еврейскаго происхожденія Крыжановскаго, утверждаетъ только, что послѣдній въ «сказкѣ» о своемъ происхожденіи показалъ себя сыномъ выкрещеннаго еврея.

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. III, стр. 507.

забирать ихъ себѣ. Какъ велико было общее ихъ количество въ XVII в.—неизвѣстно; но когда учрежденная Петромъ Великимъ малороссійская коллегія стала приводить въ извѣстность количество разныхъ существовавшихъ до того сборовъ, то объ индуктѣ бывшій домоправитель Скоропадскаго далъ такое показаніе: «индукта на домъ гетмана належала, которой было даетъ индуктарь Петръ Лукинъ въ годъ по 8 тысячъ рублей, а иного года по 9 тысячъ рублей»[1]).

Когда гетманы присвоили себѣ индукту и эвекту, то для пополненія войсковаго скарба установлены были налоги на сельскохозяйственные промыслы. Самый старый изъ нихъ былъ налогъ на винокуреніе, который опредѣлялся числомъ винокуренныхъ «казановъ» (котловъ) и потому назывался «показанщиною»; показанщину платилъ только посполитый народъ, т. е. мѣщане и крестьяне. При Многогрѣшномъ отъ котла въ годъ платили по 80 к., а при Самойловичѣ по 1 р. 40 к. Другой старый налогъ заключался въ двухъ третяхъ помола съ водяныхъ мельницъ, который собирался на «войско» натурою. Но этотъ налогъ гетманы вмѣстѣ съ полковниками скоро роздарили старшинѣ, можетъ быть и потому, что сборъ его былъ весьма затруднителенъ. Самойловичъ установилъ новый налогъ—на право торговли виномъ, табакомъ и дегтемъ; сборъ этого налога отданъ былъ на откупъ. «При Самойловичѣ стала аренда на горѣлку, на деготь и на табакъ; и невольно было никому горѣлки, дегтю и табаку по домамъ и по шинкамъ продавать, а продавали одни только арендаторы, которые оную аренду брали на откупъ», разсказывали старожилы въ 1729 г.[2]). Самойловичъ-же установилъ и съ водяныхъ мельницъ, взамѣнъ части помола, денежный налогъ—«поколющину» и «покабанщину».—«Аренды» были уничтожены вслѣдъ за измѣною Мазепы и замѣнены «покуховнымъ» сборомъ; отъ каждой бочки (куфы) хлѣбнаго вина, проданнаго въ раздробь, бралось по 2 р. Позднѣе установленъ былъ другой налогъ на оптовую продажу вина—«скатное», отъ каждой сваленной на ярмаркѣ бочки. Существовали и другіе еще, мелкіе налоги.

---

[1]) Рукописи нашей библіотеки.

[2]) Т. ж. Объ этой арендѣ см. Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1858 года, т. I, стр. 6.

Сборъ всѣхъ этихъ налоговъ, пополнявшихъ войсковой скарбъ, производился крайне неуравнительно и разнообразно, такъ какъ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія гетмана, который безконтрольно расходовалъ войсковую казну, частью на общественныя нужды (преимущественно на компанейскіе полки), а частью лично на себя. Неурядица въ сборѣ налоговъ существовала всегда, но при Скоропадскомъ дошла до того, что сборомъ сталъ завѣдывать частный домоправитель гетмана, его своякъ—Кондзеровскій. Малороссійская коллегія стала было эти сборы приводить въ порядокъ, но ея мѣры показались слишкомъ крутыми для малороссійской старшины и коллегія никакихъ порядковъ установить не смогла. Грамотою 1727 г. сборы, установленные коллегіей, были отмѣнены и оставлены только старые: индукта, покуховное и скатное съ вина и съ дегтя, табачная и медовая десятина, ярмарковое, мостовое (за проѣздъ чрезъ мосты, паромы и гребли) и особый денежный сборъ съ ратушныхъ селъ. Въ 1724 г. коллегія собрала 95,796 рублей, за исключеніемъ индукты и хлѣба въ зернѣ. Въ 1730 г. разрѣшено было сборы уменьшить до 52,169 р.; но взиманіе и этой суммы шло до того безпорядочно, что съ 1729 по 1743 г. недоимки накопилось до 300 тысячъ. Сенатскій указъ объяснялъ, что недоимка накопилась «нерадѣніемъ малороссійскихъ сборщиковъ и ослушаніемъ старшины, полковниковъ и другихъ владѣльцевъ, которые не только сборовъ съ своихъ промысловъ и доходовъ не платили, но и тѣхъ промысловъ своихъ описывать не допускали; чего ради бывшіе въ правленіи гетманскаго уряду великороссійскіе и малороссійскіе члены, *усмотря въ оныхъ сборахъ такой непорядокъ и войсковыхъ доходовъ опущеніе, принуждены были отдавать тѣ сборы на откупъ,* вѣрнымъ самоохотнымъ сборщикамъ изъ ихъ-же малороссійскаго народу».—Этихъ то откуповъ и сталъ искать Крыжановскій. Въ 1737 г. онъ успѣлъ взять на откупъ миргородскій полкъ, а въ слѣдующемъ году и лубенскій, а потомъ и гадяцкій. Марковичъ въ своихъ Запискахъ отмѣчаетъ, что въ концѣ 1740 г. Крыжановскій взялся миргородскій полкъ безъ откупу содержать по 5,500 р., за что въ генеральной канцеляріи опредѣлено награжденіе ему сдѣлать по 200 р. въ годъ и вакансовымъ назначенъ сотникомъ (II, 126). Дѣйствительно, тогдашній правитель Малороссіи Кейтъ, распоряженіемъ своимъ 5 декабря 1740 г., выразилъ: «егда

вакансъ гдѣ имѣлъ-бы быть сотничества, хочай-бы на кого и выборы были, то опредѣлитье го, Крыжановскаго, за приращеніе казны въ доходѣхъ малороссійскихъ, на то мѣсто настоящимъ сотникомъ»[1]). Года черезъ два послѣ этого, Крыжановскій получилъ урядъ глинскаго сотника, въ лубенскомъ полку. Купчинскій разсказываетъ, что и откупъ и сотничество Крыжановскій получилъ съ помощью «датковъ», подвесенныхъ генеральному писарю Безбородку, который, незамѣтно для самихъ «правителей», руководилъ ими и имѣлъ рѣшающее значеніе во всѣхъ дѣлахъ администраціи. Купчинскій говоритъ, что, желая получить на откупъ полки лубенскій и миргородскій, Крыжановскій склонилъ Безбородка на свою сторону «датками», «поднеся ему 260 червонцевъ да женѣ его—жемчугъ и цѣпку на шею тоже изъ червонцевъ, цѣною до 300 р.; да опъ-же Крыжановскій за датки учиненъ и сотникомъ въ глинскую сотню, давши Безбородку коляску съ парою лошадей и червонцевъ не малое число; а давалъ взятки Безбородку Крыжановскій въ Глуховѣ, когда стоялъ квартирою у Гаврила Почеповца; тогда пріѣзжалъ къ Крыжановскому Безбородко ночью и ту коляску съ лошадьми и червонцы забралъ». Разсказу этому нельзя не дать вѣры, потому что на Крыжановскаго дѣйствительно сыпались милости изъ генеральной канцеляріи въ то время, когда онъ на ряду съ другими откупщиками одинаково тѣснилъ народъ, заботясь, разумѣется, о личныхъ выгодахъ, а не о «казнѣ», какъ писалось въ бумагахъ.— Получивъ за откупа сотничество, Крыжановскій сталъ искать и маетностей, чтобы сдѣлаться настоящимъ паномъ. Даны были и маетности; въ универсалѣ генеральной канцеляріи, 10 декабря 1743 г., читаемъ: «сотникъ глинскій Антонъ Крыжановскій первое чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, подлежащихъ въ скарбъ войсковой съ полковъ лубенского, миргородского и гадяцкого, а потомъ чрезъ содержаніе оныхъ сборовъ съ лубенского и миргородского полковъ на вѣрѣ, знатную показалъ казнѣ прибыль, до 28,000 р., за которую его знатную прислугу и ревностные труды просилъ къ полученію въ вѣчность въ Малой Россіи изъ свободныхъ войсковыхъ до 30-ти дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то, яко онъ при по-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 11,242.

мянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быть не желаетъ. Того ради по опредѣленію генер.-лейтенанта Ивана Ивановича Бибикова съ присуствующими въ войсковой генеральной канцеляріи члены, яко предбудущаго 1744 г. съ перваго числа генваря впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ, лубенского и миргородского полковъ сборы ему, Крыжановскому, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, ассигновано ему, Крыжановскому, и поручено до указу во владѣніе: мѣст. Красный Колядинъ да полку лубенского сотнѣ роменской с. Великіе Бубны, съ принадлежащими до оныхъ грунтами и угодіями, кромѣ козаковъ, въ которыхъ—Красномъ Колядинѣ по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24, а въ с. Великихъ Бубнахъ—8 дворовъ». Какъ ни жаловался Крыжановскій на разорительность для него откуповъ, тѣмъ не менѣе онъ ихъ не оставлялъ и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе распространялъ свою откупную дѣятельность. Въ 1752 г. съ нимъ заключенъ былъ контрактъ, по которому «отданы Крыжановскому на откупъ всѣ старинные сборы, до скарбу войскового принадлежащіе, съ полковъ лубенского, переяславского, нѣжинского да полтавского и миргородского съ заднѣпрскими тѣхъ полковъ мѣстами; а особливо того, отданъ ему Крыжановскому и кременчугскій перевозъ (на Днѣпрѣ), срокомъ все то на шесть лѣтъ, по 1 ноября 1708 г. А за собираемые въ означенныхъ полкахъ на войсковой скарбъ сборы и за кременчугскій перевозъ имѣетъ онъ, Крыжановскій, по всякъ годъ давать по 40,000 руб.» [1]). На этотъ разъ Крыжановскому однакожъ не удалось удержать свой откупъ до срока; недоимки откупныхъ сборовъ, увеличиваясь съ году на годъ, ставили «войсковой скарбъ» въ невозможность удовлетворять неотложныхъ расходовъ по администраціи Малороссіи. Гетманъ созвалъ старшину на совѣтъ и вмѣстѣ съ нею въ декабрѣ 1754 г. рѣшилъ: «всѣ имѣющіеся въ Малой Россіи откупа надлежащихъ до скарбу войскового сборовъ съ начала 1755 г. отмѣнить, а велѣть къ собиранію тѣхъ сборовъ съ 1755 г. опредѣлить отъ полковыхъ канце-

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 15850. Всѣ скарбовые сборы при этомъ въ десяти полкахъ отданы были за 54,847 руб. 85 коп.; кіевскій—Пасенку за 2,300 р. и гадяцкій—греку Казнаферу за 1,422 р. Кромѣ того, такъ называемый «цыганскій» сборъ отданъ былъ за 1,404 руб.

лярій вѣрныхъ полковыхъ и сотенныхъ сборщиковъ, учиня надлежащими инструкціями и вѣдомостями — почему гдѣ съ чего и за что въ скарбъ войсковой собирать должно»[1]). Но Крыжановскій успѣлъ уже нажиться: кромѣ полученныхъ въ 1743 г. маетностей, онъ выпросилъ въ 1752 г. у Разумовскаго с. Мойсеевку, да скупилъ по разнымъ полкамъ не мало грунтовъ, водяныхъ мельницъ и земель. Въ 1755 г. Крыжановскій былъ уже богатымъ паномъ, которому не доставало только важныхъ чиновъ; но богачу чины уже легко было получать. Въ 1760 г. Крыжановскій назначенъ былъ полковникомъ перваго компанейскаго полка и произведенъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ чинъ коллежскаго асессора. Не знаемъ, какими путями (вѣроятно, черезъ Мих. Ил. Воронцова) Крыжановскій сдѣлался затѣмъ извѣстнымъ наслѣднику престола, который въ февралѣ 1761 г. пожаловалъ его рангомъ бригадира шлезвигъ-голштинскаго[2]). А когда наслѣдникъ Елизаветы вступилъ на престолъ, Крыжановскій именнымъ указомъ 9 января 1762 г. назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ[3]); черезъ мѣсяцъ послѣ этого пожалованія, государь поручилъ Крыжановскому навербовать въ Малороссіи изъ добровольцевъ гусарскій полкъ, причемъ полковнику выданъ былъ слѣдующій интересный патентъ: «симъ объявляемъ, что мы нашему бригадиру Крыжановскому поручили извѣстное число вольныхъ людей, не чиня притомъ никому какого вреда и убытка, для нашей шлезвигъ-голштинской легкой конницы, а именно подцобелтицкой гусарской полкъ вербовать. И понеже сей наборъ, яко волной безъ всякого

---

[1]) Т. ж.

[2]) Приводимъ здѣсь данный Крыжановскому по этому случаю «патентъ»: «симъ объявляется, коимъ образомъ мы великокняжескою милостію вознамѣрилися бывшаго украинскаго полковника Крыжановскаго нынѣ нашимъ бригадиромъ инфантеріи пожаловать и установить. Симъ наимянуемъ, жалуемъ и установляемъ его въ сіе достоинство и въ силу его такимъ образомъ, чтобы оной паче всего наши и нашего великокняжескаго дома интересы и пользы старался наблюдать и оныя умножать; напротивъ того всякой вредъ и убытокъ по крайней возможности отвращать; а впрочемъ при всѣхъ случаяхъ такъ поступать и себя весть, какъ честному великокняжескому шлезвигъ-голштинскому бригадиру и вѣрному рабу надлежитъ».

[3]) Уже въ 1760 году К. Разумовскій просилъ предстательства у М. И. Воронцова за Крыжановскаго, чтобы послѣднему доставить «покойное мѣсто» полковника, а въ маѣ 1761 г. гетманъ представлялъ въ сенатъ о назначеніи Крыжановскаго гадяцкимъ полковникомъ. Указъ Петра III послѣдовалъ, значитъ, по ходатайству Разумовскаго. *Семейство Разумовскихъ I, 274.*

понужденія и безъ малѣйшого насилства въ Малой Россіи произведенъ быть имѣетъ, того ради... уповаемъ, что всѣ вѣрноподданные и вазалы нашего государства бригадиру Крыжановскому въ томъ, какъ при самомъ вербованіи, такъ и на походѣ и въ отправленіи рекрутовъ, всякаго вспоможенія чинить не оставятъ». Нѣкоторыя разъясненія къ этому патенту находимъ въ «Исторіи Руссовъ», авторъ которой, будучи современникомъ Петра III, разсказываетъ (стр. 251), что «Крыжановскій, по природѣ жидъ и свѣжій перекрестъ, всегдашними арендами своими и откупами дошедшій до богатства и чина полковника, увидѣлъ необыковенный успѣхъ при вербовкѣ голштинцовъ, тотчасъ взялся за раду (вербовать добровольцевъ) и отозвался о томъ государю, съ обѣщаніемъ поставить ихъ цѣлый полкъ конный на своемъ иждивеніи. Государь, уважая усердіе Крыжановскаго, но не зная его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти іудейской, непремѣнно поставлялъ онъ всякой обрончикъ [1]) вчетверо дороже отъ его цѣны, произвелъ Крыжановскаго на первый случай бригадиромъ. А онъ дѣйствительно изъ козачьихъ дѣтей своего полка, да изъ стадниковъ и чабановъ, заводской и всякой другой сволочи, сформировалъ было полкъ, такъ называвшійся Подцабольскій. Но какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой-же конецъ, то и голштинцы съ подцабольцинцами тѣмъ-же были поражены: они съ іюня мѣсяца 1762 г., т. е. по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію...».

Послѣ смерти Петра III, Крыжановскій правилъ гадяцкимъ полкомъ до 1772 г., когда мы встрѣчаемъ его въ послѣдній разъ. Должно быть на этомъ урядѣ онъ и умеръ. Крыжановскій оставилъ одного сына, о которомъ мы знаемъ только, что въ 1776 г. онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Потаповой красноколядинское имѣніе, отданное ей отцомъ, вслѣдствіе чего имѣніе это Потапова въ 1780 г. продала дворянкѣ Анисьѣ Бобошковой-Вишневской за 24 т. рублей. Куда дѣвался затѣмъ этотъ сынъ Крыжановскаго съ отцовскими богатствами—не извѣстно [2]).

---

[1]) Обрончикъ—тотъ красный воротникъ, который надѣвался на всякаго добровольца, вслѣдъ за его согласіемъ «пристать до вербунку».

[2]) Не отъ него-ли происходилъ извѣстный епископъ Смарагдъ Крыжановскій? Говорятъ, что Смарагдъ сказалъ однажды литовскому митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ:

9. ТОМАРЫ.

1. *Иванъ Томари*, выходецъ изъ Греціи, 1662—1675 г.
2. *Степанъ*, сотникъ домонтовскій, 1689 г.; полковникъ переяславскій, 1706 † 1715 года. Жена 1, *NN*; 2, дочь *Якова Лизогуба*, черниговскаго полковника . . . . 1.
3. *Василій*, сотникъ выбельскій, 1704 — 1715 г.; черниговскій полковой судья 1715 † 1726. Жена—*Пелагея Васильевна Болдаковская*. . . 1.
4. *Парфенъ* . . . . 1.
5. *Иванъ* (отъ перваго брака) значковый товарищъ . . . . 2.
6. *Василій* (отъ втораго брака) бунчуковый товарищъ; убитъ въ 1736 году, въ Крыму, будучи переяславскимъ наказнымъ полковникомъ . . . . . . 2.
   Евдокія. По универсалу 1716 года, Скоропадскій далъ ей за службы отца с. Калинки . . . . 2.
   Катерина. Мужъ—*Федоръ Марковичъ Марковичъ*, братъ лубенскаго полковника Андрея Марковича . . . . 2.
7. *Григорій*, † 1730 года. Жена—дочь генеральнаго судьи *Лысенка* . . . 3.
   Дочь. Мужъ—*Григорій Стороженко*, сотникъ ичепскій . . . . . . 3.
8. *Федоръ*, значковый товарищъ 1781 года. Жилъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, гдѣ и въ мѣстечкѣ Гельмязовѣ имѣлъ 74 крестьянъ м. п. Жена—*Прасковья Матвѣевна Тоцкая*, дочь священника. . . . . 5.
9. *Степанъ*, р. 1718 года, бунчуковый товарищъ 1737—1786 г.; потомъ коллежскій совѣтникъ. Жилъ въ Ковраяхъ. У него крестьянъ: въ Ковраяхъ—701, Бубновской слободѣ—331, Богушковой слободѣ—217, Войтовцахъ—541, Семеновкѣ—503 и хуторѣ Чумгацкомъ—287. Имѣлъ имѣніе и въ екатеринославской губерніи, куда переводилъ крестьянъ изъ переяславскаго и золотоношскаго уѣздовъ . . . . 6.
   Ульяна. Мужъ—*Иванъ Гавриловичъ Вишневскій*. У нихъ 2499 крестьянъ: въ Переяславѣ, Фарбованомъ, Сосновомъ, Пристромахъ, Дѣвичкѣ, Волчковѣ, Стовпягахъ, Хоцькахъ и Гланышевѣ . . . . 6.
   Софія. Мужъ—*Григорій Ивановичъ Краснокуцкій*, кіевскій прокуроръ 1788 г. . . . . 6.
   Елизавета. Мужъ—1, *Матвѣй Самойловичъ Сулима*, сотникъ воронковскій, 2, *Фаддей Антоновичъ Пашкевичъ*, польской службы камергеръ. 6.
   Катерина, 1749 года. Мужъ—*Василій Комаровскій*, бунчуковый товарищъ 7.
10. *Семенъ*, домонтовскій возный 1784 года. Жена—*Марья Акимовна Марченко*, козачка . . . . 8.

«ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что вы, владыка, изъ дворянъ да попали въ архіерея! а вотъ *мой дѣдъ былъ еврей*, бабка съ голоду жевала пирей, отецъ—іерей, а я—архіерей!» «Русская Старина» 1874 года, т. I, стр. 210.

11. *Прокофій*, домонтовскій сотенный атаманъ. Жена—*Евдокія Филипповна Лотошевичъ* . . . . 8.
12. *Степанъ*, ротмистръ 1798 г. Жена—*Варвара Васильевна Черниченко*. 8.
13. *Василій*, р. 1748 г.; полковникъ лубенскаго карабинернаго полка 1788 г. 9.
14. *Павелъ*, р. 1751 года; маіоръ 1798 года; переяславскій предводитель дворянства, 1824 г. Жилъ въ селѣ Войтовцахъ. У него крестьянъ—2463. Жена — 1, *Марья Васильевна Дунинъ-Борковская;* 2, дочь «австрійскаго дворянина» *Дмитрія Муранта* . . . . 9.

Родоначальникъ Томаръ—Иванъ былъ выходецъ изъ Греціи. Правнукъ его Степанъ разсказываетъ, что «Иванъ Томара вышедъ изъ Греціи въ Малороссію, отъ предковъ своихъ Томаръ породою—древней, шляхетской фамиліи, кой родъ искони въ Эпирусѣ и въ Македоніи пребывали и съ онаго одинъ домъ той-же Томариной фамиліи, при бывшихъ въ Греціи великихъ нестроеній и бѣдствъ, обратился въ Сицилію, что̀ еще прежде обладанія турками Константинополя послѣдовало; и до сихъ поръ та фамилія въ тѣхъ областяхъ еще остается. Иванъ Томара, съ сыновьями его, Стефаномъ, Василіемъ и Парфеномъ, къ той, прежде вышедшей изъ Греціи, фамиліи обратился было тожъ въ Сицилію, а оттуду понеже тѣ родственники его были римскаго закона, то онъ тамо съ авантажемъ пребывать не изобрѣлъ; но, въ разсужденіи согласія религіи, пришелъ въ государство россійское, предъ кончиною царя Алексѣя Михайловича» Изъ актовъ XVII в. видимъ, что «греченинъ» Иванъ Томара, перейдя въ Малороссію, поселился въ Переяславѣ и сталъ тамъ торговать «турскими» товарами, а потомъ занялся всякими промыслами. Въ 1662 г. Сомко, жалуясь царю на обиды ратныхъ людей, стоявшихъ въ Переяславѣ, между прочимъ писалъ: «и нынѣшнему посланцу нашему Томарѣ на завтріе Покрова (ратные люди) въ лавку подкопавшися, готовыхъ денегъ 200 рублей, суконъ, шелковъ турскихъ, по его явкахъ, на 4000 и на 80 рублей украли и роздѣлили» [1]). А въ 1666 г. кіевскій воевода Шереметевъ жаловался, что «велѣлъ де было онъ въ Переясловѣ греченину Яну Томару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великого государя, противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ

---

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. V, стр. 128.

Янъ сбирывалъ на гетмановъ, и нынѣ де онъ Янъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, извѣщалъ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переясловѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, да прислалъ де къ нему гетманъ (Брюховецкій), велѣлъ ему перевезть къ себѣ въ Гадячь такихъ пошлиныхъ денегъ 1,000 рублей; и онъ де, чего не собрано и занявъ, везетъ; а не везть не смѣетъ, чтобы безъ головы не быть»[1]). Затѣмъ Томара изъ Переяслава переселился въ Каневъ и присталъ тамъ къ Дорошенку; нѣжинскій воевода Ржевскій писалъ въ 1662 г., что стрѣлецъ его «стрѣтился въ Переяславѣ съ гречаниномъ съ Яномъ Томарою, что бывалъ напередъ сего жилецъ переясловскій; онъ, Янъ Томара, живетъ въ Каневѣ, а ѣдетъ де онъ отъ гетмана Петра Дорошенка къ гетману Демьяну Игнатовичу съ листами, для своего дѣла»[2]). Иванъ Томара дожилъ до временъ Самойловича, которому и «припоручилъ» двухъ сыновей своихъ Степана и Василія, какъ разсказываетъ тотъ-же его правнукъ. Гетманъ принялъ Томаръ въ число своихъ «дворянъ», которые личною службою гетману нерѣдко выслуживали себѣ и войсковые уряды. У Самойловича Томары однако-жъ ничего не выслужили. Только при Мазепѣ выслужилъ старшій изъ нихъ, Степанъ, сотничій урядъ; но и этого уряда добился Томара повидимому лишь съ помощью черниговскаго полковника Лизогуба, на дочери котораго онъ женился. Степанъ Томара поставленъ былъ домонтовскимъ сотникомъ и на этомъ урядѣ получилъ онъ отъ Мазепы, въ 1689 г., Богушкову слободу и с. Подставки, а чрезъ нѣкоторое время и еще два села, Оробьевку и Хмельную, въ каневскомъ уѣздѣ. Въ 1706 г. переяславскій полковникъ Иванъ Мировичъ взятъ былъ шведами въ плѣнъ, гдѣ и умеръ; на мѣсто Мировича поставленъ былъ Мазепою Степанъ Томара, который чрезъ Лизогубовъ сталъ въ это время уже свойственникомъ гетмана. Несмотря однако-же на это свойство, Томара не раздѣлилъ замысловъ Мазепы и остался вѣренъ царю; за это Скоропадскій подтвердилъ Томарѣ маетности, данныя ему Мазепою, присоединивъ къ нимъ с. Нехайки, на Супоѣ. Въ 1711 г. Орликъ прислалъ было Томарѣ «прелестныя письма», склоняя его на свою сторону, но Томара поспѣшилъ это письмо

---

[1]) Т. ж., т. VI, стр. 103.
[2]) Т. ж., т. IX, стр. 658.

представить царю; письма были сожжены «катомъ», а «вѣрность» Томары утвердилась окончательно [1]). Томара правилъ переяславскимъ полкомъ до смерти, въ 1715 г. Онъ женатъ былъ два раза; отъ первой жены Томара имѣлъ сына Ивана, который почему-то по службѣ не вышелъ изъ ряда значковыхъ товарищей, а по смерти отца лишенъ былъ и наслѣдства. Отъ втораго брака съ дочерью Якова Лизогуба Томара имѣлъ другого сына, Василія, и двухъ дочерей. Василій Степановичъ Томара поведенъ былъ иначе; онъ учился въ «нѣмецкихъ земляхъ», что было въ то время рѣдкостью. По смерти Степана Томары маетности послѣдняго были Скоропадскимъ утверждены безраздѣльно за однимъ Василіемъ: 21 ноября 1715 г., гетманъ утвердилъ за нимъ Богушкову и Бубновскую слободы, Войтовцы и Нехайки, а на другой день Василій выпросилъ у гетмана подтвердительный универсалъ на два села, Козацкое и Веприкъ, которыми завладѣлъ старый Томара безъ гетманскаго позволенія. Василій Томара считался бунчуковымъ товарищемъ, а когда въ 1735 г. переяславскій полковникъ Василій Танскій сосланъ былъ въ Сибирь, на его мѣсто назначенъ наказнымъ Томара. Предводительствуя переяславскимъ полкомъ въ крымскомъ походѣ, Василій Томара былъ убитъ въ 1736 г. [2]). Сынъ Василія—Степанъ сталъ уже однимъ изъ замѣтныхъ богачей въ Малороссіи. Младшій братъ Степана Ивановича, Василій Ивановичъ Томара не выслуживъ у Самойловича никакого уряда, отправился искать счастья въ Черниговъ, разсчитывая конечно на покровительство тестя старшаго брата—Якова Лизогуба, тогдашняго черниговскаго полковника. Здѣсь Василій женился на дочери умершаго бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго, вдова котораго искала такого зятя, который могъ-бы, за малолѣтствомъ ея сыновей, распоряжать и охранять ея хозяйство. Впослѣдствіи жена Василія Томары разсказывала, что мужъ ея «женился на ней—нищъ, былъ принятъ въ домъ ея материстій въ прійми, а засталъ при ней движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не малымъ числомъ». Бѣдность Томары была такова, по тому-же разсказу жены, что когда онъ «женился на ней, увольнясь зъ двору отъ службы гетмана Ивана Самойловича, то

---

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 182.

[2]) Записки Марковича, т. II, стр. 10.

не имѣлъ у себя больш ничего съ пожитковъ, кромѣ **единого** коня и паръ нѣскольких суконъ» [1]). Женитьба на **Болдаковской** сразу поставила Томару на ноги; прежде всего онъ сталъ значнымъ полку черниговскаго товарищемъ, какъ называетъ его универсалъ Мазепы 1690 г., а потомъ сталъ добиваться и урядовъ. Помогли ему въ этомъ искательствѣ деньги жены. Сначала онъ получилъ выбельское сотничество, а потомъ и черниговское судейство. Жена его разсказывала, что, добиваясь этихъ урядовъ, Василій Томара издержалъ денегъ до 400 рублей, но за то онъ, вмѣстѣ съ сотничествомъ, получилъ отъ Лизогуба с. Сядричи, которое утвердилъ за нимъ и Мазепа, вмѣстѣ съ женинымъ наслѣдственнымъ селомъ—Рогощею; а въ 1715 г. Скоропадскій прибавилъ Томарѣ с. Брагинцы въ басанской сотнѣ. Изъ бѣдняка, пріѣхавшаго въ Черниговъ на одномъ конѣ, Томара сталъ богатымъ паномъ, оставивъ по смерти «пожитковъ движимыхъ и недвижимыхъ, якъ-то: селъ, деревень, хуторовъ, мельницъ, рощей, лѣсовъ, пахатной земли, сѣнокосовъ, лошадейного заводу, рогатаго скота, овецъ, всего—не малымъ числомъ, винокурные и броварные заводы съ котлами, тако-жъ войсковыхъ порядковъ: сѣделъ, оправныхъ серебромъ, рондовъ, панцеревъ, сагайдаковъ и шабель, подъ серебро оправныхъ въ каменье, сребра столоваго, пукаловъ, крушокъ, стакановъ, подносовъ, чарокъ и ложокъ, клейнотовъ женскихъ: перлъ, ланцужковъ, канаковъ, червонцевъ, дукатовъ, мѣховъ—собольихъ, куньихъ, рысьихъ, песцовьихъ, лисьихъ, бѣлковыхъ, платья мужескаго и женскаго—бархатного, парчеваго, разнаго матеріальнаго (шелкового) и суконного имъ, Томарою, набитого». Такъ исчисляли Томарины богатства его наслѣдники [2]). Василій Томара оставилъ двухъ дочерей: Ульяну и Ѳедору и малолѣтняго сына Григорія. Дочери выданы были замужъ еще при жизни отца, одна за Григорія Стороженка, а другая за Григорія Криштофовича Фридрикевича. Сына Григорія женила уже вдова Василія Томары, въ 1729 г., на дочери генеральнаго судьи Федора Лысенка. На третій годъ послѣ женитьбы Григорій умеръ, оставивъ дочь Катерину. Оставшись безпомощною вдовою, Пелагея Васильевна пригласила къ себѣ внука—Степана Григорьевича Сто-

---

[1]) Румянцовская Опись, стр. 28.

[2]) Т. ж., стр. 31.

роженка, думая сдѣлать изъ него хозяина своихъ маетностей, которыя и отдала въ его распоряженіе. Стороженко, будучи наслѣдникомъ умершаго Василія Томары, своего дѣда, считалъ эти маетности своими по закону и поэтому не старался годить своей бабкѣ, а бабка считала, что всѣ маетности, какъ нажитыя на ея средства, принадлежатъ ей, тѣмъ болѣе, что и своихъ трудовъ на увеличеніе богатства положила она не мало; такъ умершій ея мужъ «былъ оскарженъ, якобы многіе скарбовые гроши потерялъ», и она вдова «болѣе десяти лѣтъ волочась въ Глуховѣ, поколь отъ той напасти освободилась, утратила до тысячи рублей», да «доходя села Брагинцевъ, мужу ея за его службы наданнаго, якимъ былъ завладѣлъ тогдашній полковникъ переяславскій Богдановъ, сдержала до пятисотъ рублей». Нелады внука Стороженка съ бабкою Томарихою дошли до того, что онъ, «забывъ страхъ Божій и пренебрегъ праматернее ея къ нему явленное милосердіе, дерзнулъ не только словами безчестить, поносить и бранить, называя ее непочтивою женою, злодѣйкою и брехухою, но самую ея, при старости ея лѣтъ, отважился за груди похватить и немилосердно вдарить объ стѣну». Послѣ этого Томариха выгнала внука изъ своего дома и задумала искать болѣе надежной опоры въ мужѣ для внуки Катерины, которая въ это время стала уже невѣстою. При этомъ она обѣщала будущему мужу внуки записать всѣ свои маетности. Катерина Григорьевна стала завидною невѣстою, и женихъ скоро нашелся въ лицѣ бунчуковаго товарища Василія Комаровскаго. Комаровскіе, два брата—Иванъ и Василій, были шляхтичи, вышедшіе въ Малороссію изъ-за Днѣпра; учились они сначала въ кіевской академіи; затѣмъ старшій изъ нихъ—Иванъ поступилъ учителемъ въ черниговскую семинарію, принялъ монашество съ именемъ Ираклія и въ 1737 г. поставленъ былъ архимандритомъ въ троицко-ильинскій монастырь. Въ 1752 г. онъ былъ назначенъ черниговскимъ епископомъ и правилъ епархіею девять лѣтъ, отличаясь жестокостью къ подчиненному ему духовенству, за что былъ и лишенъ епархіи [1]). Вотъ этотъ Ираклій Комаровскій, будучи троицкимъ архимандри-

[1]) См. Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1855 года, № 43, гдѣ приведены очень интересныя свѣдѣнія о многихъ черниговскихъ епископахъ, извлеченные изъ архива черниговской духовной консисторіи.

томъ, и высваталъ у Томарихи внучку ея Катерину за своего брата Василія, который служилъ войсковую службу въ черниговскомъ полку. По уступной записи 1742 г. Томариха отдала Василію Комаровскому всѣ свои маетности: с. Рогощу и деревни Сядрячи, Кашовку, Ямище, Тамаровку и Высокинь. Такимъ образомъ богатства, нажитыя Василіемъ Томарою, перешли въ родъ Комаровскихъ.

А. Лазаревскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1].

XVI.

Казалось-бы, что послѣ стольких уроковъ фанатизмъ поляковъ въ дѣлѣ обращенія и ополяченія Руси долженъ былъ исчезнуть или по крайней мѣрѣ уменьшиться, на самомъ-же дѣлѣ случилось иначе.

Въ 1669 г. избранъ былъ королемъ Михаилъ Вишневецкій. Гетманъ Дорошенко вмѣстѣ съ митрополитомъ Тукальскимъ подали въ избирательный сеймъ петицію о томъ, чтобы православнымъ возвращены были отнятыя у нихъ церкви и чтобы русскимъ епископамъ изъ польской Украйны были предоставлены мѣста въ сенатѣ. Однако новый король не только не дозволилъ православнымъ епископамъ засѣдать въ сенатѣ, но даже устранилъ диссидентовъ отъ всѣхъ должностей и урядовъ.

Народъ православный, хотя и лишенный церковной іерархіи, не переставалъ по прежнему выбирать изъ среды себя кандидатовъ на приходы и посылалъ ихъ за границу для посвященія. Въ видахъ предупрежденія этой мѣры, въ правленіе короля Михаила изданъ былъ законъ, въ силу котораго ни одинъ священникъ не могъ получить прихода, не испросивши предварительно презенты (согласія) отъ владѣльца села, старосты или державцы королевскаго имѣнія. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что хотя сеймомъ 1669 г. изданъ былъ законъ, освобождавшій русское духовенство отъ панщины и все-

---

[1]) См. апрѣльск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 678—716.

возможныхъ работъ въ пользу помѣщика, но польская шляхта не считала его обязательнымъ для себя и на гродненскомъ сеймѣ 1726 г. сыновья русскихъ священниковъ признаются панскими подданными.

Такъ какъ религіозныя преслѣдованія въ западной половинѣ Украйны продолжались по прежнему, то народонаселеніе и его представители козаки продолжаютъ стремиться къ объединенію ея съ восточною. Главнымъ препятствіемъ къ такому объединенію является андрусовскій договоръ; не оставалось иного средства, какъ обходъ этого договора, согласно съ требованіями тогдашней дипломатіи.

Нѣкоторые историки приписываютъ Дорошенку намѣреніе создать изъ Малороссіи особое княжество подъ протекторатомъ султана; но если принять во вниманіе нерасположеніе народа къ такому проэкту, то болѣе правдоподобною является слѣдующая программа: Россія отказалась въ пользу Польши отъ одной половины Украйны, но по отношенію къ Турціи она не была связана никакимъ трактатомъ. Поэтому нужно было сперва отдѣлиться отъ Польши съ помощью турокъ, чтобы въ свое время освободиться и отъ подчиненія Турціи съ помощью Россіи. Составивъ такой планъ, Дорошенко, защитникъ единства и независимости Украйны, начинаетъ склонять къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ гетмана восточной Украйны Брюховецкаго.

Старшина и значные козаки домогались отъ Россіи возстановленія въ полной силѣ своихъ привилегій; они раздѣляли польско-шляхетскіе идеалы, отвѣчавшіе украинской культурѣ того времени, выработавшейся подъ польскимъ вліяніемъ; но, встрѣтивъ отпоръ со стороны московскаго правительства, они готовы были при первой возможности отказаться отъ этого правительства. Напротивъ посполитые козаки и простой народъ вначалѣ всѣ свои надежды обращали къ московскому правительству; но, при болѣе близкихъ сношеніяхъ съ его агентами—воеводами и стрѣльцами, также возмущались ихъ суровымъ и безцеремоннымъ отношеніемъ и въ свою очередь готовы были отдѣлиться отъ Москвы. Условившись съ Дорошенкомъ, Брюховецкій воспользовался общественнымъ настроеніемъ и началъ выгонять воеводъ и стрѣльцовъ; но въ Гадячѣ поднялась противъ него группа козаковъ, выдвигавшая другаго кандидата на гетман-

ство; Брюховецкій былъ арестованъ, отправленъ къ Дорошенку и тамъ убитъ козаками. Тогда Дорошенко объявилъ себя гетманомъ всей Украйны и рѣшился приступить къ подчиненію Турціи. Измѣна Брюховецкаго произвела сильную тревогу какъ въ Москвѣ, такъ и въ Малороссіи; населеніе здѣсь раздѣлилось на два лагеря; въ 1669 г. козаки получили дозволеніе избрать новаго гетмана; сторонниками Москвы избранъ былъ черниговскій полковникъ Многогрѣшный, человѣкъ совершенно бездарный и лишенный политическихъ способностей. Но власть его не простиралась на всю Малороссію; полки: лубенскій, гадячскій, прилуцкій и нѣкоторое время переяславскій признали своимъ гетманомъ Дорошенка, стремившагося удержать всю Украйну въ рукахъ одного гетмана и тѣмъ самымъ дать ей новыя силы противъ внѣшнихъ враговъ.

Видя такое положеніе дѣлъ на Украйнѣ, польское правительство поняло грозящую ему опасность и универсалами, полными либеральныхъ фразъ, объявляетъ Дорошенка лишеннымъ власти и приглашаетъ козаковъ къ избранію новаго гетмана, что запрещалось имъ уже много разъ. Между тѣмъ уманскій полковникъ Ханенко самъ объявилъ себя гетманомъ, но, побѣжденный Дорошенкомъ, подчинился польскому королю и былъ утвержденъ въ гетманскомъ достоинствѣ; впрочемъ власть его была весьма незначительна. Въ противовѣсъ болѣе популярному гетману поляки сами заняли Брацлавъ, Могилевъ-Подольскъ, Рашковъ и Баръ и отдали ихъ въ управленіе Ханенку.

Такимъ образомъ являются снова три гетмана: Дорошенко и Ханенко въ правобережной Украйнѣ и Многогрѣшный въ лѣвобережной. Всѣ эти обстоятельства ставятъ Дорошенка въ весьма трагическое положеніе. Подобно Богдану Хмельницкому, онъ стремится къ единству и независимости всей Украйны и въ тоже время сознаетъ, что для нея невозможно не признать надъ собою власти котораго нибудь изъ сосѣднихъ государствъ. Наконецъ въ 1669 г. онъ созвалъ въ Корсунѣ козацкую раду и предложилъ рѣшить вопросъ, что дѣлать дальше: входить-ли въ соглашеніе съ Москвою, подчиниться-ли Польшѣ или турецкому султану? Козаки отдали предпочтеніе турецкому правительству.

Вскорѣ обстоятельства поставили и Многогрѣшнаго въ непріязненныя отношенія къ своему правительству. Управленіе воеводъ,

несогласное съ украинскими обычаями, порядками, со всѣмъ складомъ народной жизни, было нестерпимымъ для мѣстнаго народонаселенія; крестьяне по прежнему стремились въ запрещенное для нихъ козачество; однимъ изъ поводовъ къ народнымъ волненіямъ было опасеніе, чтобы Кіевъ со всѣми святынями не былъ отданъ полякамъ. Напрасно Многогрѣшный входилъ съ представленіемъ къ московскому правительству объ освобожденіи Украйны отъ управленія и суда воеводскаго; всѣ эти представленія оставлены безъ послѣдствій. Наконецъ противъ гетмана составился заговоръ старшинъ козацкихъ; Многогрѣшный былъ арестованъ, отправленъ въ Москву и затѣмъ сосланъ въ Сибирь послѣ суда надъ нимъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Дорошенко съ своей стороны ведетъ безпрестанныя сношенія съ московскимъ правительствомъ, повторяя все тѣже условія: чтобы московскій царь принялъ всю Украйну подъ свою верховную власть, отозвалъ воеводъ и предоставилъ козакамъ обоихъ береговъ Днѣпра всѣ ихъ права подъ управленіемъ одного гетмана. Дорошенко увѣряетъ, что онъ не врагъ Москвы и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ украинскимъ стремится подъ власть великаго государя, но только въ томъ случаѣ, если царь согласится принять въ свое подданство обѣ стороны Днѣпра, не присылать сюда своихъ воеводъ, не нарушать автономіи края и правъ козацкихъ, однимъ словомъ, если оставлены будутъ во всей силѣ всѣ постановленія перваго договора, заключеннаго съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Наконецъ высказываетъ, что только крайность принуждаетъ его подчиниться на время султану.

Но, не смотря на всѣ представленія, московское правительство, сохраняя постановленія андрусовскаго договора, требуетъ и отъ Дорошенка вѣрности Польшѣ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ раздѣлъ Украйны, вопреки стремленіямъ гетмана и цѣлаго народа.

Итакъ, Дорошенко принужденъ былъ одновременно вести дипломатическую борьбу и противъ Москвы и противъ Польши, но сверхъ того ему предстояла еще борьба противъ своихъ же собратьевъ: запорожцы не хотѣли подчиняться ни Дорошенку, ни лѣвобережному гетману и подъ предводительствомъ кошевого Сирка, а впослѣдствіи Суховіенка, продолжали при удобномъ случаѣ грабить и разбивать татаръ и турокъ.

Послѣ ссылки Многогрѣшнаго гетманомъ восточной Украйны избранъ въ 1672 г. Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ ученый, но мало способный, низкопоклонный передъ высшими и надменный передъ низшими и сверхъ того чрезвычайно корыстолюбивый; старшина козацкая выбрала его въ надеждѣ имѣть въ его лицѣ покорное орудіе—до того низошло значеніе гетмана. Переворотъ этотъ случился въ то самое время, какъ Дорошенко, избравши вѣрнѣйшій способъ приведенія въ дѣло своей программы, рѣшился подчиниться султану, который благосклонно принялъ предложеніе и началъ готовиться къ войнѣ съ Польшей.

Въ декабрѣ 1671 г. получена въ Варшавѣ султанская нота, въ которой поставленъ ультиматумъ: добровольно отказаться отъ всѣхъ притязаній на Украйну, которая ищетъ покровительства Турціи, или готовиться къ войнѣ. Итакъ полякамъ угрожала новая турецкая война, но они заняты были внутренней войной и не думали объ отраженіи непріятеля. Между тѣмъ султанъ Магометъ IV выступилъ въ походъ съ 300,000 войскомъ, занялъ Каменецъ подольскій, осадилъ Львовъ и взялъ съ города выкупъ въ 7,000 талеровъ. Сознавая свое безсиліе, король Михаилъ заключилъ подъ Бучачемъ (въ Галиціи) миръ, по которому уступалъ туркамъ Подолію съ каменецкою крѣпостью, всю правобережную Украйну, принадлежавшую до того времени Польшѣ, и сверхъ того обязывался ежегодно платить Портѣ 22,000 червонцевъ. Поляки обязывались вывести изъ Украйны свои войска, оставить Бѣлую-Церковь и другія крѣпости и признать всю территорію собственностью козаковъ, находящихся въ зависимости отъ Турціи.

Такимъ образомъ исполнилась первая половина программы Дорошенка; но другая половина—освобожденіе Украйны изъ турецкаго подданства съ помощью Россіи не могла быть выполнена, вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ гетмановъ не хотѣлъ отказаться отъ своего достоинства и напротивъ хотѣлъ сдѣлаться гетманомъ всей Украйны.

Между тѣмъ поляки одумались, сеймъ отказался утвердить бучацкій договоръ и польскія войска подъ предводительствомъ великаго короннаго гетмана Собѣскаго выступили противъ турокъ. Самъ король хотѣлъ сопровождать армію, но заболѣлъ на пути и умеръ во Львовѣ 10 ноября 1673 г. На слѣдующій день гетманъ

Собѣскій одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Хотиномъ, но узнавши о смерти короля, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ и былъ избранъ королемъ въ 1674 г.

Теперь Собѣскій считаетъ своею обязанностью окончить войну; правда, его побѣды избавили Польшу отъ полнаго униженія, но всѣ усилія поляковъ уже не въ состояніи были возвратить утраченную Подолію; турки энергично отстаивали свое пріобрѣтеніе и главная сила—козачество была не на сторонѣ Собѣскаго. Султанъ снова овладѣлъ Хотиномъ и распускалъ свои загоны до самаго Львова; снова заключенъ миръ, при чемъ Турція удержала за собою Подолію и Украйну.

Дорошенко понялъ, что всѣ разсчеты его были ошибочны: турки и не думали о единствѣ Украйны, а онъ, сдѣлавшись турецкимъ подданнымъ, первый принужденъ былъ выдерживать удары враговъ ислама; между тѣмъ силы его слабѣли, народъ выселялся за Днѣпръ и правый берегъ становился все безлюднѣе. Обоимъ гетманамъ—и Дорошенку, и Ханенку оставалось управлять только жалкими остатками народонаселенія. Дорошенко снова обращается къ московскому правительству съ просьбою принять его въ подданство, но не иначе, какъ на тѣхъ-же условіяхъ, какія предлагалъ и раньше, т. е. объединенія и автономіи Украйны. Съ другой стороны Самойловичъ, опасаясь, чтобы его не лишили гетманства въ пользу Дорошенка, не переставалъ возстановлять противъ него центральное правительство.

Значительная часть Украйны, а именно восточная ея половина, уже находилась подъ властью московскаго царя, оставалось только Дорошенку присоединиться; онъ давно готовъ былъ на это, но не хотѣлъ видѣть такую бездарную личность, какъ Самойловичъ, гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра.

Въ 1674 г. Самойловичъ перешелъ за Днѣпръ съ помощію русскихъ войскъ подъ начальствомъ Ромодановскаго. Тогда Дорошенко потерялъ всю свою популярность; на турокъ не было больше надежды, два раза являлись они на помощь Дорошенку и не принесли ни малѣйшей пользы, а только до такой степени опустошали край, что остатки населенія цѣлыми массами переселялись въ восточную половину Украйны. Поэтому народъ и козаки сочув-

ственно встрѣчаютъ Самойловича, города открываютъ передъ нимъ ворота, цѣлые полки оставляютъ Дорошенка и переходятъ на сторону Самойловича, принимая его, какъ избавителя отъ польской и татарской неволи. Собранная въ Переяславѣ рода выбрала его гетманомъ всей Украйны, которому подчинился и Ханенко; во власти Дорошенка остался одинъ Чигиринъ. Но титулъ гетмана и народныя симпатіи были еще недостаточны, прежде всего нужно было освободить правобережную Украйну изъ-подъ власти турокъ, а для этого не доставало Самойловичу ни энергіи, ни предпріимчивости; онъ возвращается въ Малороссію и вліяніе Дорошенка снова начинаетъ усиливаться.

Желая обойти Самойловича, Дорошенко еще разъ дѣлаетъ попытку подчиниться Москвѣ; съ этою цѣлью онъ созвалъ раду, на которую пригласилъ и Сирка съ запорожцами, и здѣсь въ присутствіи духовенства принесъ присягу на вѣрность царю, прося запорожцевъ поддержать его въ томъ, чтобы царь оставилъ его со всѣмъ козачествомъ въ своей милости и своими войсками помогъ защититься отъ турокъ, татаръ и поляковъ—для того, чтобы правая сторона Днѣпра снова могла заселиться, чтобы не перегоняли народъ на лѣвый берегъ, а дозволили ему оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ прошелъ слухъ, будто московское правительство задумало сжечь всѣ города на правомъ берегу и выселить все народонаселеніе на лѣвый.

Съ своей стороны Самойловичъ доноситъ на Дорошенка, будто онъ насылаетъ турокъ на Кіевъ. Изъ Москвы полученъ былъ приказъ идти войною противъ Дорошенка, который держался еще въ южной части Украйны. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ обращается къ турецкой помощи, но Ромодановскій отразилъ турокъ подъ Чигриномъ; тогда Дорошенко сложилъ здѣсь булаву и затѣмъ вызванъ былъ въ Москву, откуда уже не возвратился на родину.

Однако султанъ не хотѣлъ оставить своихъ притязаній на Украйну, поляки также и—обѣ враждебныя стороны выдвигаютъ своихъ гетмановъ: поляки Ханенка, Гоголя, Куницкаго, турки сперва Юрія Хмѣльницкаго, затѣмъ господаря Александра Дуку и Драмнича, послѣ чего и сами явились подъ Чигриномъ. Тогда по приказу Самойловича сожжены всѣ села и города на пра-

вой сторонѣ Днѣпра и все оставшееся народонаселеніе переведено на лѣвую сторону. Съ того времени падаетъ господство козачества на правой сторонѣ Днѣпра; не стало жителей, не стало и козаковъ. Автономія козацкая продержалась еще нѣкоторое время въ лѣвобережной Украйнѣ и нѣсколько дольше въ вольныхъ степяхъ запорожскихъ, но уже въ состояніи близкомъ къ упадку. Такимъ образомъ когда наконецъ въ 1681 г. состоялось въ Бахчисараѣ перемиріе на двадцать лѣтъ, то цвѣтущій нѣкогда край былъ до такой степени разоренъ и опустошенъ, что какъ Польша, такъ и Турція и Россія перестали уже дорожить господствомъ надъ нимъ. Каждая изъ сторонъ готова была отказаться отъ этой спорной пустыни, никому не приносящей выгоды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она не досталась никому другому. Дальновидные политики даже выражали желаніе, чтобы спорный край на вѣчныя времена остался пустымъ и незаселеннымъ. Въ силу особаго параграфа договора, вѣчная пустыня должна была раздѣлять эти три государства. Такимъ образомъ плодородный край обращенъ въ пустыню; но не смотря на договоръ, и Турція, и Польша по прежнему не оставляютъ своихъ притязаній на этотъ край, обѣ стороны продолжаютъ ставить для него своихъ гетмановъ и пытаются снова заселить его въ свою пользу.

Вторичная колонизація правобережной Украйны принадлежитъ Александру Дукѣ, гетману поставленному турками по смерти Юрія Хмельницкаго. Получивши въ управленіе этотъ роскошный, но безлюдный край, новый гетманъ понялъ всѣ выгоды, какія можно было бы извлечь изъ него, если бы удалось его заселить, и постарался дать народу гарантіи спокойствія и самоуправленія. Поэтому Дука объявилъ всеобщее право на слободы по всей Украйнѣ и на организацію новыхъ козацкихъ полковъ съ прежнимъ ихъ значеніемъ, если народъ пожелаетъ возвратиться на родину. Въ доказательство справедливости своихъ обѣщаній, Дука назначилъ полковниковъ и послалъ ихъ въ степи для завѣдыванія колонизаціею и сформированія полковъ, чѣмъ первый нарушилъ бахчисарайскій договоръ.

Дѣйствительно, колонисты чрезвычайно быстро являются со всѣхъ сторонъ, не смотря на всѣ препятствія, особенно многочисленныя со стороны московскаго правительства, желавшаго остаться

вѣрнымъ договору. Вскорѣ однако послѣ паденія Дуки мысль о колонизаціи была оставлена.

Съ того времени западная Украйна, лишенная возможности заселиться осѣдлымъ людомъ, служитъ пристанищемъ различнымъ бѣглецамъ и смѣлымъ бродягамъ; въ ней снова повторяется тоже самое, что случилось двѣсти лѣтъ назадъ и дало въ теченіемъ времени начало запорожской Сѣчи. Бѣглецы собираются въ отряды, кочующіе въ степяхъ и занятые безпрерывными войнами съ татарами и турками.

Если съ одной стороны очистить степи было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то съ другой стороны польское правительство въ своихъ продолжительныхъ войнахъ съ Турціею постоянно нуждалось въ военныхъ силахъ; короля Собѣскаго преслѣдовало сожалѣніе объ упадкѣ козачества и при разстройствѣ государственныхъ финансовъ онъ рѣшился воспользоваться для своихъ военныхъ замысловъ готовыми уже вооруженными отрядами. Съ этою цѣлью при войскѣ, стоящемъ на Украйнѣ, онъ организуетъ козацкіе полки и назначаетъ для нихъ гетманомъ Гоголя. Собѣскій долгое время воевалъ на Украйнѣ; онъ зналъ и высоко цѣнилъ быстрые козацкіе набѣги, по его мнѣнію, козаки одни только умѣли вести партизанскую войну съ татарами, они одни знали всѣ татарскія военныя хитрости, не знали затрудненій, когда нужно было добыть языка и т. д. Поэтому, собираясь въ походъ подъ Вѣну, Собѣскій задумалъ организовать для себя отрядъ козаковъ и не рѣшился вступать въ сраженія съ турками до прибытія козацкой милиціи. Чтобы извлечь изъ козаковъ возможную пользу для своего предпріятія, Собѣскій признаетъ ихъ козацкимъ войскомъ, обѣщаетъ ему жалованье, поручаетъ предводительство надъ ними Куницкому съ титуломъ гетмана и указываетъ имъ, какъ легкую добычу, Молдавію и буджацкія степи, откуда татары ушли подъ Вѣну. Походъ Куницкаго не удался, за что самъ онъ былъ казненъ своими козаками.

Въ декабрѣ 1683 г., возвратился Собѣскій изъ подъ Вѣны въ Краковъ и тотчасъ же началъ приготовленія къ новой войнѣ съ турками.

Не обращая вниманія на самые убѣдительные опыты прошлаго, Собѣскій усердно занялся проектомъ возобновленія зависимаго отъ Рѣчи Посполитой козацкаго войска, необходимаго для успѣшнаго

исхода турецкой войны. Зная въ совершенствѣ стремленія какъ рускаго народа, такъ и его представителей козаковъ, король понималъ, что единственная возможность усилить козачество въ западной Украйнѣ могла-бы представиться только въ такомъ случаѣ, если-бы удалось вызвать обратно въ пустыню вышедшій отсюда народъ. Съ своей стороны и народъ не могъ возвратиться безъ достаточныхъ гарантій, что имъ снова не овадѣютъ паны и что права козацкія, личная свобода и поземельная собственность будутъ распространяться на всѣхъ жителей края, а выполненіе этихъ желаній было связано со многими затрудненіями. Колонизація, даже самая успѣшная, требуетъ продолжительнаго времени, а козацкое войско нужно было Собѣскому немедленно. Трудно также было надѣяться, чтобы шляхта согласилась на возстановленіе козачества, съ которымъ вела вѣковую борьбу на жизнь и смерть. Наконецъ самъ народъ русскій не довѣрялъ уже полякамъ, и едва-ли можно было придумать такія гарантіи, которыя въ состояніи были-бы сломить недовѣріе народа послѣ стольких противуположныхъ опытовъ.

Однако, не смотря на всѣ указанныя трудности, королю удалось хотя отчасти выполнить свое намѣреніе.

Въ 1684 г. онъ издаетъ универсалъ, которымъ уступаетъ козакамъ для поселенія земли, уже предназначенныя къ вѣчному запустѣнію и только по имени принадлежавшія Польшѣ, а именно всю территорію отъ Тясмина и Тыкича до границъ кіевскаго Полѣсья. На этотъ разъ шляхта не противится королю, въ надеждѣ на сильную и дешевую помощь отъ козаковъ въ турецкихъ войнахъ; но не такъ легко было преодолѣть недовѣріе русскаго народа къ польскому правительству. Успѣшный исходъ дѣла въ этомъ направленіи зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ личныхъ качествъ и характера лицъ, которыя взяли-бы на себя иниціативу колонизаціи. Было ясно, что шляхтѣ нельзя поручить ее, иначе все дѣло погибнетъ; поэтому нужно было назначать полковниками людей изъ народа или изъ козаковъ. Можно было надѣяться, что найдутся лица способныя и популярныя, но популярность ихъ могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они останутся преданными интересамъ своего народа, а на стойкость ихъ не всегда можно было разсчитывать.

Между тѣмъ при первомъ извѣстіи о королевскихъ универсалахъ народъ начинаетъ подыматься въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще держалась шляхта, подымались даже волненія. Желая дать возможный выходъ безпорядкамъ, успокоить встревоженную шляхту и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно скорѣе, получить козацкое войско, пока колонизація не успѣетъ еще развиться, король рѣшился усилить вербованіе козацкихъ полковъ въ Полѣсьи. Въ 1684 г. многіе шляхтичи получаютъ королевскія грамоты на право вербовать всѣхъ, кто пожелаетъ, въ козацкіе полки на королевскомъ жалованьи. Полки расквартировываются въ Полѣсьи, но полковники не считаютъ выгоднымъ для себя идти на войну, а вмѣсто того пользуются своими силами для своихъ личныхъ дѣлъ: для мести противъ личныхъ враговъ или для нападеній на сосѣдей, оставляя безъ вниманія королевскіе универсалы или приказы войсковаго региментаря.

Такимъ поведеніемъ шляхта доказала свою непригодность къ формированію козацкихъ полковъ; король въ теченіи года задерживаетъ жалованье и тѣмъ самымъ вынуждаетъ распустить полки, послѣ чего въ началѣ 1686 года назначаетъ цѣлый рядъ новыхъ полковниковъ изъ козаковъ. Дѣйствительно, полки ихъ болѣе отвѣчаютъ своему назначенію, они принимаютъ участіе въ военныхъ походахъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковники, какъ Искра, Самусь, Абазинъ и Палій, поняли, какую важную выгоду можно извлечь для народа изъ королевскаго универсала; они являются проводниками новой колонизаціи, зазываютъ народъ на слободы и заселяютъ украинскія степи; они не только принимаютъ участіе въ королевскихъ походахъ, но также успѣшно отражаютъ татарскіе набѣги.

Такъ возникаютъ новые козацкіе полки; главный контингентъ для нихъ доставляютъ выходцы изъ Малороссіи, во множествѣ переселявшіеся оттуда главнымъ образомъ потому, что Самойловичъ съ Мазепой пытались установить въ Малороссіи шляхетское сословіе и поставить его въ такія отношенія къ народу и козакамъ, какъ то было въ Польшѣ.

Между тѣмъ Собѣскій, окончивъ приготовленія къ войнѣ съ Турціей, считалъ необходимымъ обезпечить себѣ миръ со стороны Россіи. По его порученію, познанскій воевода Гржимултовскій заключилъ въ 1686 г. договоръ въ Москвѣ, по которому Польша на вѣчныя времена отказывается отъ своихъ притязаній на Малороссію,

Кіевъ съ округомъ и Запорожье. Прибывшее во Львовъ русское посольство, съ Борисомъ Шереметевымъ во главѣ, потребовало, въ числѣ другихъ условій, свободы греко-восточнаго вѣроисповѣданія въ польскихъ областяхъ. На это сенаторы отвѣчали, что «никому не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужаго государства, и что для гарантіи старой русской вѣры достаточно того, если король во время коронаціи приноситъ присягу—никого не преслѣдовать за вѣру».

XVII.

Пока живъ былъ Собѣсскій, нуждавшійся въ козакахъ для своихъ войнъ съ турками, до тѣхъ поръ козачество было терпимо; но въ 1696 г. умеръ Собѣскій и преемникомъ ему избранъ Августъ II. Между тѣмъ турки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, принуждены были искать мира и въ 1699 г. состоялся въ Карловицахъ договоръ между Турціей, Австріей, Польшей и Россіею, въ силу котораго Польша получаетъ обратно все Подоліе и перестаетъ платить дань туркамъ. Теперь козацкое войско становится ненужнымъ. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, что по удаленіи туровъ изъ Каменца поляки изгоняютъ изъ города православныхъ жителей, церкви ихъ были опечатаны и только одна изъ нихъ отдана уніатамъ.

Когда окончилось вторичное заселеніе Украйны, города и села заново отстроены, шляхта вспоминаетъ свое прежнее господство въ этихъ краяхъ и выражаетъ претензію на исключительное право землевладѣнія. Снова подымаются противъ козаковъ жалобы со стороны дворянства и латинскаго духовенства; шляхта совершенно справедливо утверждаетъ, что козачество преслѣдуетъ принципы прямо противоположные шляхетскимъ и сеймъ 1699 г. постановилъ раскассировать и упразднить козачество.

Въ 1702 г. появляются въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ городахъ польскіе помѣщики, старосты или управители для водворенія шляхетскихъ порядковъ; начинаются прежнія гоненія противъ православія, народъ снова принуждаютъ къ уніи и требуютъ отъ козаковъ, чтобы они поступали въ подданство къ панамъ, или очистили города и села. Козаки не перестаютъ протестовать противъ такого ненавистнаго порядка вещей и въ началѣ XVIII в. всѣ недовольные

собираются подъ знаменами Палія, героя народныхъ преданій. Отсюда возникаютъ новыя столкновенія съ козаками, и возстаніе разростается на Украйнѣ, Волыни и Подоліи; сторону козаковъ принимаетъ и народъ, которому Палій и Самусь объявили свободу и призвали всѣхъ къ оружію. Между тѣмъ поляки, занятые войной съ шведами, обращаются къ царю Петру I съ просьбою объ усмиреніи козаковъ; на приказаніе предводителямъ возстанія распустить свои силы Палій и Самусь отвѣчаютъ, что не козаки, а сами поляки подали поводъ къ несогласіямъ, такъ какъ паны польскіе черезчуръ угнетали народъ, котораго свобода обезпечена королевскимъ универсаломъ,—и въ свою очередь просятъ принять ихъ въ свое подданство. Но Петръ I не соглашался на это, такъ какъ былъ въ союзѣ съ Польшей противъ шведовъ; наконецъ онъ приказалъ призвать Палія, который былъ схваченъ и сосланъ въ Енисейскъ. Такимъ образомъ возстаніе, лишенное предводителя, вскорѣ было усмирено, но русскій народъ снова цѣлыми тысячами переходитъ на лѣвую сторону Днѣпра и Запорожье.

Съ того времени снова начинаютъ появляться различные проэкты искорененія, ополяченія и окатоличенія русскихъ: одинъ въ 1717 г., другой въ 1752 г. и третій въ 1786 г. Три эти проэкта предлагаютъ полякамъ различныя средства къ уничтоженію Руси; въ частности проектъ 1717 года, представленный сейму и внесенный въ книги гродскія варшавскія, предлагаетъ оные въ тринадцати пунктахъ, между прочимъ: пренебреженіе и издѣвательство, преслѣдованіе и всевозможныя притѣсненія русскихъ; недопущеніе шляхты греческаго и даже уніатскаго вѣроисповѣданія къ занятію общественныхъ должностей, удержаніе православныхъ священниковъ въ бѣдности и невѣжествѣ для того, чтобы они не могли ни имуществомъ, ни образованіемъ помочь своему дѣлу и т. д.

Вотъ почему архипресвитеръ уніатской капитулы луцкой Өеодосій Бродовичъ пишетъ въ своихъ замѣчаніяхъ 1789 г. (Widok przemocy cz. II, str. 50): «Знай возсоединенный русинъ, навсегда удаленный въ своемъ родномъ краѣ отъ пользованія какими бы то ни было правами, льготами и прерогативами, что напрасно силишься доказать твою вѣрность и покорность, напрасно отдаешься въ неволю въ доказательство твоей преданности уніи, тебѣ никто не повѣритъ, и твоя участь всегда печальна. Полякъ будетъ преслѣдовать тебя

въ убѣжденіи, что ты преданъ Москвѣ—москаль поступитъ также, потому что ты уніатъ».

Въ то время всѣ диссиденты вообще не пользовались спокойствіемъ въ Польшѣ. Августъ II повторяетъ присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія некатоликовъ отъ должностей и урядовъ, и преслѣдованіе диссидентовъ въ Польшѣ не прекращается въ теченіи всего XVIII ст., когда вездѣ въ Европѣ усиливается религіозная терпимость. Уже на сеймѣ гродненскомъ 1718 г. лишенъ доступа въ сеймъ виленскій посолъ Петровскій за то, что былъ диссидентомъ; запрещено диссидентамъ въ городахъ записываться въ члены свободныхъ общинъ; наѣзды и самоуправства становятся такъ-же часты, какъ въ средніе вѣка, въ XII или XIII ст.

Въ періодъ междуцарствія и шведской войны правобережная Украйна переходитъ на время во владѣніе Россіи, но послѣ прутской осады Петръ I принужденъ былъ возвратить ее полякамъ; въ Украйнѣ было объявлено: «всѣхъ жителей селъ и мѣстечекъ перевести въ Малороссію, а землямъ этимъ навсегда оставаться пустыней». Многіе жители уходили добровольно изъ нерасположенія къ шляхтѣ, другіе по принужденію полковниковъ; переселенцы берутъ съ собою все, что можно унести, даже разобранныя хаты и церкви, а села и города сожигаютъ. Итакъ поляки снова дѣлаются единственными собственниками плодородной пустыни, въ которой уже въ третій разъ начинаютъ появляться шайки бѣглецовъ, занятыхъ грабежемъ.

Надъ шляхтой польской, какъ мы уже видѣли неоднократно, тяготѣлъ извѣстный фатализмъ. Чтобы извлекать доходъ изъ поземельной собственности, она должна была заботиться о привлеченіи рабочихъ силъ, чего можно было достигнуть только, предлагая поселенцамъ выгодныя условія на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Такимъ образомъ шляхта сама подготовляетъ противъ себя враждебную силу. По истеченіи льготнаго срока отъ крестьянъ требуютъ панщины,—начинается реакція, которая послѣ упраздненія козаковъ принимаетъ характеръ гайдамачества.

О шляхтѣ того времени исторія дѣлаетъ не слишкомъ благопріятный отзывъ: партіозность, узкій эгоизмъ и отсутствіе всякаго гражданскаго чувства—вотъ ея характерныя черты, но перевѣсъ надъ всѣмъ брало пьянство и продажность; вся дѣятельность шляхты

состоитъ въ пьянствѣ, взаимныхъ раздорахъ и дракахъ и въ продажѣ своихъ голосовъ въ сеймахъ и судахъ. Сеймы становятся бурными собраніями, на которыхъ каждый упрямецъ или подкупленный могъ однимъ словомъ сорвать сеймъ или отмѣнить рѣшеніе цѣлой республики. Поэтому у сосѣднихъ народовъ составилось на основаніи польскихъ сеймовъ мнѣніе, что нѣтъ въ свѣтѣ другой земли, въ которой было-бы больше словъ и меньше дѣла, какъ въ Польшѣ. То-же самое происходило и на областныхъ сеймикахъ, гдѣ путемъ насилія проводили пословъ, и на депутатскихъ сеймикахъ, на которыхъ избирались депутаты для трибуналовъ. Такимъ образомъ сеймы становятся ареною для интригъ магнатовъ и иностранныхъ державъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ въ Польшѣ всѣ общественныя должности были доступны только лицамъ шляхетскаго сословія, въ Россіи, послѣ реформъ Петра I, посредствомъ государственной службы, открытъ для всѣхъ сословій доступъ къ дворянству; всякій, поступившій на службу, становился дворяниномъ. Между тѣмъ какъ петровскія реформы сѣютъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и культуры, Польша въ то самое время все больше погружается въ средневѣковое невѣжество. Науки почти совершенно падаютъ въ Польшѣ; за исключеніемъ богословія, всѣ остальныя науки остаются въ пренебреженіи, и тотъ, кто ревностнѣе другихъ преслѣдуетъ иновѣрцевъ, признается найболѣе ученымъ и способнымъ среди духовенства.

Въ 1732 г. издано сеймовое постановленіе, по которому католическая церковь не должна была терпѣть наравнѣ съ собою никакого другаго вѣроисповѣданія. Иновѣрцы—православные и протестанты лишаются права быть избранными въ депутаты на сеймы, трибуналы и спеціальныя коммисіи; однимъ словомъ они приравниваются въ правахъ къ евреямъ. Духовенству запрещено открыто носить св. дары къ больнымъ, публично хоронить умершихъ и т. д. Наконецъ въ 1718 году подданные православныхъ монастырей въ Литвѣ и Бѣлоруссіи обращаются къ Петру I съ просьбою избавить ихъ церковь отъ преслѣдованій со стороны католиковъ и уніатовъ. Епископъ могилевскій князь Сильвестръ Четвертинскій, повторяетъ ту-же просьбу въ 1720 г. и еще нѣсколько разъ впослѣдствіи. Поэтому дипломатическія ходатайства петербургскаго двора за пра-

вославныхъ въ Польшѣ становятся все чаще и настоятельнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается его вмѣшательство во всѣ польскія государственныя дѣла.

Какъ единичныя личности, такъ и каждая держава обыкновенно желаетъ по возможности расширить свое вліяніе, поэтому слѣдуетъ винить не тѣхъ, кто старается усилить свое вліяніе, а скорѣе тѣхъ, кто подаетъ къ тому поводъ. По мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ государство, сосѣди начинаютъ вмѣшиваться въ его дѣла, такъ какъ само оно не въ состояніи справиться съ внутренними безпорядками, вредно отзывающимися на спокойствіи сосѣднихъ державъ. Между тѣмъ польское правительство не обращаетъ вниманія ни на близость паденія государственнаго организма вслѣдствіе его разложенія, ни на требованія петербургскаго двора, и сеймъ 1733 г. по прежнему издаетъ постановленіе объ исключеніи диссидентовъ не только изъ сената и сейма, но и отъ всевозможныхъ должностей, урядовъ, посольствъ и старостъ; а слѣдующій сеймъ 1736 г., повторяя всѣ эти постановленія, прибавляетъ къ нимъ отказъ принимать пословъ отъ диссидентовъ и запрещеніе имъ искать покровительства у иностранныхъ державъ. Запрещеніе это естественно не могло имѣть силы, такъ какъ не прекратились вызвавшія его причины, напротивъ жалобы и представленія православныхъ привели наконецъ къ тому, что въ 1744 г., передъ собраніемъ гродненскаго сейма, царица Елизавета Петровна поручаетъ своему послу при польскомъ дворѣ Бестужеву хлопотать объ удовлетвореніи православныхъ и о возвращеніи нѣкогда принадлежавшихъ имъ церквей.

То былъ единственный не сорванный сеймъ въ теченіи тридцатилѣтняго царствованія Августа III, на которомъ рѣшеніе всего собранія не было уничтожено крикомъ: «не позволяю».

XVIII.

По смерти Августа III является одинъ только кандидатъ на польскую корону,—такъ низко упало ея значеніе,—и кандидатъ этотъ былъ сынъ умершаго короля, между тѣмъ какъ многіе изъ польскихъ пановъ хотѣли выбрать королемъ природнаго поляка—Пяста, какъ они говорили.

Двое знаменитыхъ людей своего времени, литовскій канцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій и Августъ Чарторыйскій, воевода русскій, задумываютъ пересоздать свое несчастное отечество посредствомъ учрежденія въ немъ наслѣдственной монархіи и понемногу начинаютъ приготовленія къ этому дѣлу, разсчитывая на содѣйствіе петербургскаго двора. Польша упала уже такъ низко, общество перестало вѣрить въ собственныя силы, что безъ посторонняго вмѣшательства нельзя было и думать о какихъ-бы то ни было реформахъ. Поэтому партія Чарторыйскихъ обращается къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ русскихъ войскъ, что и было исполнено. На избирательномъ сеймѣ 1764 г., по представленію петербургскаго двора, избранъ королемъ Понятовскій подъ именемъ Станислава Августа.

Между тѣмъ диссидентскій вопросъ не перестаетъ ослаблять польское государство. Не смотря на утрату восточной Украйны въ XVII ст., польское духовенство стремится всѣми средствами къ обращенію православныхъ жителей западной Украйны въ унію и католичество; средства къ тому употребляются тѣ-же, что и прежде; поэтому жалобы русскаго духовенства не прекращаются. Въ 1765 г. епископъ Кониской говоритъ королю Станиславу Августу въ Варшавѣ: «единственное, въ чемъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи, это наша вѣра... Насъ христіанъ угнетаютъ христіане, запираютъ наши церкви, въ которыхъ непрестанно прославляется Христосъ, между тѣмъ какъ еврейскія синагоги, гдѣ Христосъ постоянно оскорбляется, стоятъ открытыми».

Со времени Петра I вліяніе Россіи на польское правительство постоянно усиливается, поэтому православное населеніе Польши начинаетъ все чаще обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія.

Послѣ коронаціи Станислава Понятовскаго послы петербургскій и берлинскій предъявляютъ сейму требованія своихъ дворовъ, а именно: чтобы всѣ диссиденты въ Польшѣ пользовались свободою вѣроисповѣданія и допускались къ государственной службѣ, и чтобы православные епископы получили право засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ католическими бискупами. Король Станиславъ Августъ съ своей стороны находилъ совершенно справедливымъ признаніе за диссидентами, т. е. православными и протестантами, равныхъ

правъ съ католиками. Трудно повѣрить, чтобы такія справедливыя требованія могли быть отвергнуты, тѣмъ болѣе, что письменныя постановленія сеймовъ до 1717 года были по большей части въ пользу диссидентовъ, и каждый король, при вступленіи на тронъ, приносилъ присягу сохранить неприкосновенными права иновѣрцевъ. Однако въ Польшѣ писали одно, а дѣлали другое, и несчастные диссиденты подвергались постояннымъ преслѣдованіямъ, въ особенности со времени Сигизмунда III. Но съ 1717 г. уже перестаютъ и писать въ пользу диссидентовъ и начинаютъ издавать законы, направленные къ ихъ притѣсненію. Сперва запрещаютъ строить новыя церкви и поправлять старыя, вслѣдъ затѣмъ закрываютъ для диссидентовъ доступъ въ сеймъ и наконецъ съ 1733 г. удаляютъ ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей.

Заступничество иностранныхъ державъ за диссидентовъ вызвало цѣлую бурю въ засѣданіяхъ варшавскаго сейма 1766 г. Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ вмѣстѣ съ римскимъ нунціемъ Висконти страшно возстаютъ противъ диссидентовъ и требуютъ уничтоженія для нихъ всѣхъ правъ религіозныхъ, политическихъ и гражданскихъ. Направляемый духовенствомъ, сеймъ послѣ нѣкоторыхъ споровъ соглашается на этотъ гибельный шагъ, и въ засѣданіи 24 декабря уничтожены права всѣхъ некатоликовъ.

Потерявъ надежду на свободу совѣсти и всѣ гражданскія права, диссиденты начинаютъ собираться въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а затѣмъ въ различныхъ мѣстахъ; такихъ конфедерацій было въ то время въ Польшѣ около двухъ сотъ. Предводители ихъ, собравшись въ Радомѣ, избрали князя Радзивилла предводителемъ цѣлаго возстанія. Противъ диссидентовъ вооружается другая часть польскаго общества, т. е. католики. Начинаются волненія и кровопролитныя стычки, а затѣмъ и постороннее вмѣшательство, такъ какъ королю не оставалось ничего больше, какъ просить русскую императрицу о присылкѣ войскъ для водворенія порядка въ Польшѣ. Не смотря на то, Каетанъ Солтыкъ на сеймѣ 1767 г. продолжаетъ возставать какъ противъ самихъ диссидентовъ, такъ и противъ оказывавшихъ имъ покровительство дворовъ петербургскаго и берлинскаго. Примѣру его слѣдуютъ бискупъ куявскій—Залускій, воевода краковскій Вацлавъ Ржевускій и сынъ его Северинъ; этотъ послѣдній, указывая на четырехлѣтнія неуря-

дицы, говоритъ: «стѣны Рѣчи Посполитой еще стоятъ, но сама она уже не существуетъ». Наконецъ русскій посолъ арестовалъ всѣхъ четырехъ за ихъ протесты и отправилъ въ Россію.

Вотъ къ чему привела нетерпимость противъ диссидентовъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ низко упала Польша, если подобный поступокъ иностраннаго посла общество приняло молчаніемъ; упадокъ моральный долженъ былъ повести за собою и политическое паденіе государства. Послѣ такого энергическаго поступка со стороны Россіи остальные фанатики притихли и 13 февраля 1768 г. сеймъ постановилъ: 1) отмѣнить всѣ законы, изданные противъ диссидентовъ отъ 1717 г., и предоставить имъ свободу отправлять свое богослуженіе, строить церкви, открывать школы, занимать мѣста въ сенатѣ и сеймѣ; 2) предоставить русской императрицѣ право защиты какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ и самой Польши. Договоръ въ этомъ смыслѣ подписанъ, и послѣ закрытія сейма русское войско вышло изъ предѣловъ Польши; но этимъ дѣло и кончилось.

Если-бы хоть эти условія были исполнены, Польша могла-бы успокоиться, и существованіе ея было-бы обезпечено—на дѣлѣ случилось иначе. Товарищъ Солтыка, бискупъ каменецкій Адамъ Красинскій первый нарушилъ общественное спокойствіе. Переодѣтый проѣхалъ онъ всю Польшу, вселяя повсюду ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи и къ самому королю за дарованіе свободы диссидентамъ. Союзникъ Красинскаго староста Іосифъ Пулавскій начинаетъ собирать сторонниковъ и открываетъ въ городѣ Барѣ вооруженную, такъ называемую барскую конфедерацію. Конфедераты огнемъ и мечемъ истребляютъ своихъ согражданъ диссидентовъ, въ особенности-же послѣдователей греко-восточнаго обряда въ то время, какъ евреи пользуются полною свободою вѣроисповѣданія по всей Польшѣ. Начинается страшная религіозная война, рѣзня безъ различія пола и возраста, истребленіе цѣлыми тысячами ближнихъ, почитавшихъ одного и того-же Спасителя; фанатизмъ къ несчастью снова пробуждается къ жизни служителемъ алтаря, католическимъ епископомъ.—Наконецъ война эта вызвала противъ себя такое-же возмездіе.

Въ то время не оставалось больше знатныхъ православныхъ пановъ, которые могли-бы поднять свой голосъ; но, не смотря на

то, нашлись другіе мстители въ лицѣ запорожцевъ и гайдамаковъ. Главнымъ предводителемъ гайдамаковъ является Максимъ Желѣзнякъ. Онъ собираетъ численные отряды изъ недовольныхъ, главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, и проходитъ съ ними изъ конца въ конецъ кіевское воеводство, подымая на своемъ пути села, мѣстечки и панскіе дворы, вырѣзывая шляхту и евреевъ. Самымъ страшнымъ эпизодомъ этого возстанія была такъ называемая уманская рѣзня. Городъ Умань принадлежалъ Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ козаковъ для защиты своихъ имѣній. Эти-то козаки подъ начальствомъ сотника Гонты, перешли на сторону Желѣзняка, помогли ему овладѣть городомъ и вырѣзать почти поголовно всѣхъ жителей. Польское правительство, тѣснимое конфедератами, могло противупоставить Желѣзняку только ничтожный отрядъ войска, пока наконецъ Екатерина II не прислала генерала Кречетникова въ помощь полякамъ для усмиренія возстанія. Дѣйствительно движеніе было подавлено, но запорожцы не перестаютъ и въ послѣдствіи дѣлать набѣги на Уманщину. Время это, оставившее весьма глубокій слѣдъ въ народной памяти, извѣстно въ народѣ подъ именемъ Колиивщины.

Между тѣмъ, не смотря на подавленіе народнаго возстанія, безпорядки въ Польшѣ не прекращаются, конфедерація продолжаетъ свое дѣло и паны по прежнему враждуютъ другъ съ другомъ. Наконецъ, не имѣя возможности собственными силами удержать кровопролитіе, король и часть сенаторовъ обращаются къ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ войскъ, а бискупъ Красинскій съ своей стороны ищетъ помощи версальскаго двора. Францiя дѣйствительно даетъ средства, присылаетъ своихъ офицеровъ и генерала Дюмурье для командованія польскими войсками и склоняетъ Турцію объявить войну Россіи за то, что, преслѣдуя конфедератовъ, русское войско перешло границу и сожгло татарское мѣстечко Балту.

Война окончилась очень выгодно для Россіи—наступилъ первый раздѣлъ Польши, послужившій приманкою заинтересованнымъ сторонамъ къ дальнѣйшимъ раздѣламъ. Теперь узкій національзмъ польской политики принесъ свои плоды; правда, Украйна исчезла съ горизонта, но вскорѣ, какъ результатъ, послѣдовало паденіе и самаго польскаго государства. Послѣ перваго раздѣла три участвовавшія въ немъ державы гарантируютъ неприкосновенность осталь-

ныхъ польскихъ владѣній подъ условіемъ, что поляки не измѣнять установленнаго порядка, по которому опредѣлялось избраніе короля изъ династіи Пяста и учрежденіе при немъ постояннаго совѣта, удержаніе liberum veto, сохраненіе за диссидентами свободы вѣроисповѣданія съ правомъ поступленія на государственную службу и въ число пословъ на сеймъ.

Впрочемъ такой порядокъ просуществовалъ не долго, онъ былъ нарушенъ насильственнымъ образомъ вслѣдствіе соображеній европейской политики. Какъ турецкая война послужила поводомъ къ первому раздѣлу Польши, такъ великая французская революція становится причиною, вызвавшею второй раздѣлъ. Австрія и Прусія, войдя съ соглашеніе съ Россіею, посылаютъ свои войска противъ французовъ, но потерпѣвъ пораженіе, ищутъ случая вознаградить потерянное. Австрія надѣялась возвратить свои потери посредствомъ присоединенія Баваріи, а Пруссіи не оставалось другаго средства, какъ искать вознагражденія въ Польшѣ; для этого необходимо было не допустить союза Польши съ Россіею, къ которому стремился Станиславъ Августъ. Дѣйствительно Пруссія начинаетъ задабривать поляковъ, предлагая свой союзъ, 40,000 войска въ распоряженіе поляковъ по ихъ требованію, даже объявленіе войны Россіи и приглашая къ низверженію установленнаго въ Польшѣ порядка.

Сеймъ принялъ предложеніе, отказалъ въ пропускѣ черезъ Польшу русскимъ войскамъ, идущимъ въ Турцію, отмѣнилъ постоянный королевскій совѣтъ и рѣшилъ усилить число постояннаго войска до ста тысячъ. Вслѣдъ затѣмъ объявлена конституція 3 мая 1791 года, которой главными статьями были: наслѣдственность престола, уничтоженіе liberum veto, доступъ въ сеймъ посламъ отъ городовъ и т. д. Конституція эта, хотя и имѣла нѣкоторыя, правда весьма незначительныя, хорошія стороны, но на самомъ дѣлѣ охраняла права одной только шляхты; въ ней нѣтъ и рѣчи о свободѣ народа и свободѣ совѣсти, а тѣмъ болѣе ни словомъ не упоминается о равноправности русскихъ, что даетъ поводъ къ дальнѣйшему ихъ ополяченію. Къ сожалѣнію даже такая конституція явилась слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность развиться при неблагопріятныхъ условіяхъ; сто лѣтъ раньше и эти незначительныя уступки были-бы въ состояніи отсрочить упадокъ Польши, но теперь онѣ были уже недостаточны.

Какъ оправданіемъ въ полемикѣ, поляки постоянно прикрываются своею свободою, однако свобода эта распространялась только на два сословія—шляхту и католическое духовенство, при той феодально-государственной фикціи, будто два эти сословія и составляютъ политически польскій народъ; Польша была олигархіею, въ которой только два сословія признавали себя полноправнымъ народомъ и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить реформъ, которыя могли-бы измѣнить ихъ отношеніе къ государству. Многіе и до настоящаго времени не перестаютъ восторгаться своею минувшей свободой, равенствомъ, самоуправленіемъ, толеранціею въ Польшѣ, но все это было только въ теоріи, на самомъ-же дѣлѣ видимъ противное. Такъ напримѣръ, аріане или социніане были осуждены на смерть и принуждены разойтись по свѣту.

Такимъ образомъ шляхетская свобода, основанная на самолюбіи, была произволомъ, она искала всѣхъ выгодъ только для себя и ничего не хотѣла оставить ни для общества, ни для государства, угнетала и короля, и крестьянина. Равенство, какъ мы видѣли, было только фразой, прикрывавшею анархическія стремленія богатыхъ пановъ. Въ дѣйствительности мы видимъ вмѣсто автономіи одно разстройство въ судѣ и администраціи, безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, религіозный фанатизмъ и преслѣдованіе иновѣрцевъ. По истинѣ рѣдкій контрастъ между теоріею и дѣйствительностью. По словамъ Іосифа Шуйскаго (Dzieje Polsk. III, str. 480), «желаніе закрѣпостить козаковъ навлекло на Польшу сильныя бури. Мстительные козацкіе набѣги жестокой рукой достигли гордыхъ головъ польскихъ пановъ, сорвали съ нихъ золото и бархатъ, а блестящія толпы польскаго панства, сіявшія золотомъ на публичныхъ торжествахъ, померкли въ грозныхъ битвахъ. Опасеніе народнаго возстанія мучитъ польское общество, пировавшее нѣкогда такъ вкусно и обильно; дерзкій шведъ разрушалъ костелы и жилища и протягиваетъ жадную руку къ сокровищамъ и драгоцѣнностямъ; вслѣдъ за тѣмъ турокъ покрылъ короля и пановъ покровомъ неволи и позора... Огромныя владѣнія пановъ опустѣли и обезлюдѣли»...

Между тѣмъ шляхта польская упорно отказывалась видѣть, что она только разрушаетъ государство своею невоздержностью по отношенію къ подданнымъ, притѣсненіемъ козаковъ, преслѣдова-

ніемъ народной религіи и ополяченіемъ Руси. Конституція 3 мая 1791 года раздѣлила Польшу на два враждебные лагеря. Русская партія проситъ императрицу Екатерину о присылкѣ войскъ для возвращенія старинной польской свободы. Другая партія обращается за обѣщанною помощью къ Пруссіи, которая на этотъ разъ соглашается объявить войну Россіи въ такомъ только случаѣ, если Польша уступитъ ей Данцигъ и Торнъ. Поляки отказали, тогда пруссаки переходятъ на сторону Россіи, противъ которой вооружили Польшу. Наступилъ второй раздѣлъ Польши, который былъ только прямымъ результатомъ перваго.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).

ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ.

(*По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ»*).

Извѣстный польскій беллетристъ, г. Генрихъ Сенькевичъ, издалъ въ прошломъ году четырехтомную историческую повѣсть «Огнемъ и мечемъ»[1]), сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи южно-русскаго края. Переплетаясь романическими эпизодами, составляющими принадлежность художественнаго творчества, повѣсть г. Сенькевича представляетъ историческое воспроизведеніе борьбы Хмельницкаго съ поляками съ весны 1648 года до заключенія зборовскаго договора, т. е. до конца августа 1649 года. Авторъ изучилъ описываемую имъ эпоху довольно тщательно; крупныхъ фактическихъ ошибокъ и неточностей онъ избѣжалъ, и съ этой стороны критика обязана отдать ему полную справедливость. Но нѣсколько иначе мы должны отнестись къ той сторонѣ произведенія г. Сенькевича, въ которой онъ старается освѣтить бытовыя черты общества какъ польскаго, такъ и южно-русскаго въ XVII столѣтіи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи авторъ не ограничивается объективнымъ воспроизведеніемъ прошедшаго, но высказываетъ безпрестанно и свое субъективное мнѣніе—идеализируетъ одни принципы, пори-

[1]) Ogniem i mieczem, изданіе 2-е. Варшава. 1884 г. Русскій переводъ этой повѣсти въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г. и въ «Русской Мысли» 1885 года.

щаетъ другіе, накладываетъ совершенно произвольно темныя краски на одни лица, стремленія и общественныя группы и непомѣрно нѣжно, а иногда и крайне страстно освѣщаетъ другія. Конечно, мы-бы не придавали особеннаго значенія всему этому, если-бы произведеніе г. Сенькевича представляло лишь обыкновенное беллетристическое произведеніе одной изъ сосѣднихъ литературъ; но повѣсть г. Сенькевича по пріему, оказанному ей въ польскомъ обществѣ и по впечатлѣнію, какое она произвела на это общество, является несомнѣнно выразителемъ современнаго состоянія историческаго самопознанія польской интеллигенціи, послѣднимъ словомъ его патріотическихъ, національныхъ и общественныхъ воззрѣній, тѣмъ болѣе для насъ интересныхъ, что, вслѣдствіе избраннаго сюжета, воззрѣнія эти высказываются по преимуществу на почвѣ отношеній польско-русскихъ въ XVII столѣтіи.

Дѣйствительно ни одно сочиненіе польской литературы въ XIX столѣтіи не пользовалось такимъ сочувствіемъ своей публики и не вызывало столь повсемѣстныхъ и единодушныхъ овацій, какъ повѣсть г. Сенькевича; ни къ одному сочиненію, какъ-бы оно талантливо и художественно ни было написано, польская публика не отнеслась съ такою восторженностью и не признавала въ немъ такого цѣльнаго воплощенія своихъ задушевныхъ убѣжденій. Лишь только появились первыя главы «Огнемъ и мечемъ» въ фельетонѣ варшавской газеты «Слово», онѣ провозглашены были и въ печати и въ общественномъ мнѣніи небывалымъ геніальнымъ произведеніемъ; имена лучшихъ польскихъ поэтовъ: Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Поля, поблекли при блескѣ новаго свѣтила и скромно отодвинулись на второй планъ. Восторгъ и похвалы, по свойственному польской народности сангвиническому порыву, дошли до гиперболическихъ размѣровъ: профессоръ исторіи польской литературы въ краковскомъ университетѣ, графъ Тарновскій, открылъ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ повѣсти г. Сенькевича, въ которыхъ заявилъ, что разбираемое имъ произведеніе превосходитъ художественными достоинствами всѣ произведенія Шекспира, Мильтона, Данте, Тасса, Гёте и др., взятыя вмѣстѣ; публика, слушавшая лектора, покрыла аплодисментами эту гасконаду, и вслѣдъ за тѣмъ, аристократическое краковское общество стало иллюстрировать геніальное произведеніе, изображая въ живыхъ картинахъ болѣе эффект-

ныя сцены повѣсти; мода на живыя картины эпизодовъ романа «Огнемъ и мечемъ» распространилась вскорѣ на другіе города и веси, населенные поляками, и въ теченіи года стала любимою забавою польскаго интеллигентнаго общества; затѣмъ картины эти воспроизводились въ иллюстрированныхъ журналахъ и т. д. Нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ, представляющихъ болѣе трезвое и прогрессивное направленіе въ своей печати: «Атеней», «Край», «Правда», «Еженедѣльное обозрѣніе» (Przegląd Tygodniowy) попытались было отнестись критически къ обаянію, вызванному г. Сенькевичемъ, и удержать мнѣніе своего общества въ болѣе нормальныхъ предѣлахъ; не отрицая таланта г. Сенькевича, они указывали съ одной стороны на то, что чрезмѣрныя похвалы въ глазахъ объективныхъ читателей могутъ послужить лишь сюжетомъ для весьма комическихъ выводовъ, или зародить подозрѣніе въ томъ, что онѣ исходятъ лишь изъ спекулятивной книгопродавческой рекламы; они намекали, правда слегка, на то, что если сближенія съ иностранными литературными произведеніями и умѣстны, то «Огнемъ и мечемъ» гораздо болѣе напоминаетъ «Трехъ мушкетеровъ» Дюма—отца, чѣмъ Шекспира, Гёте или Тасса. Съ другой стороны эти-же органы польской печати указывали, весьма впрочемъ сдержанно и объективно, на то, что публицистическія и историческія убѣжденія, проводимыя г. Сенькевичемъ въ его повѣсти, стремятся къ тому, чтобы воскресить общественные идеалы XVII столѣтія, вредные для народнаго самопознанія уже въ то время, совершенно архаическіе и немыслимые въ настоящемъ, что взглядъ автора на международныя отношенія и несправедливъ и вреденъ для польскаго общества, такъ какъ онъ разжигаетъ международную вражду, которая стала нѣсколько улегаться подъ вліяніемъ современной намъ культуры, что страстность въ этомъ отношеніи противорѣчитъ и чувству человѣческой справедливости и трезвому здравому смыслу, съ преобладаніемъ котораго связаны и насущные интересы польскаго общества и т. д. Мнѣнія эти остались впрочемъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и огромное большинство польскаго интелигентнаго общества оказалось на сторонѣ традиціонныхъ идеаловъ, иллюстрированныхъ г. Сенькевичемъ.

Собравъ разбросанныя въ повѣсти разсужденія, высказываемыя то отъ имени дѣйствующихъ лицъ, то очень часто лично отъ имени

автора, и пополнивъ ихъ картинными изображеніями всѣхъ слоевъ общества, описываемаго въ повѣсти, мы постараемся возстановить вкратцѣ основныя публицистическія положенія автора, которыми онъ и подкупилъ въ свою пользу гораздо больше, чѣмъ художественными достоинствами своего произведенія, безграничную симпатію польской публики, затѣмъ оцѣнимъ степень вѣрности или невѣрности этихъ положеній по отношенію къ исторической истинѣ и укажемъ нѣкоторые пріемы артистическаго творчества автора, исключительно лишь съ точки зрѣнія ихъ правдивости исторической и этнографической.

Историко-философскій взглядъ г. Сенькевича на описываемую имъ эпоху сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: въ половинѣ XVII столѣтія Польша представляла могущественное государство, опиравшееся на многочисленное, вполнѣ сознательное, исполненное энергіи и гражданскихъ доблестей шляхетское сословіе; сословное преобладаніе шляхты въ государствѣ было признакомъ высшей культуры, на уровнѣ которой стояла тогда Польша. Государство это преслѣдовало великую культурную миссію; оно призвано было цивилизовать, т. е. претворить по своему образцу обширныя русскія области, входившія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Миссію эту оно исполняло весьма энергично и цѣлесообразно, но наткнулось на неожиданное препятствіе—на врожденную дикость и непригодность къ культурѣ русскаго племени, которое неспособно было по природѣ усвоить себѣ какую-бы то ни было гражданственность и цивилизацію; всѣ попытки поляковъ къ насажденію культурныхъ идей разжигали въ русскомъ населеніи лишь ненависть и дикіе необузданные порывы, проявленія того непонятнаго для поляковъ настроенія, которое шляхтичи XVII столѣтія называли весьма мѣтко «хлопскою innata malitia». Въ борьбѣ съ этою врожденною дикостью польская шляхта напрасно истощала свои доблестныя геройскія качества, она не могла осилить враждебной стихійной силы. Впрочемъ нѣкоторыя ошибки замѣчаются и въ дѣйствіяхъ польскаго государства; важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ средѣ правящихъ польскихъ классовъ существовала вліятельная партія, которая относилась слишкомъ гуманно къ враждебному элементу, предлагала дѣлать русскимъ нѣкоторыя уступки, заставляла воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, даже намекала по временамъ на

какія-то частныя злоупотребленія, будто-бы подававшія поводъ къ козацкимъ возстаніямъ. Эта партія ослабила энергическія мѣры, которыя стремились осуществить лучшіе представители тогдашней Польши, считавшіе необходимымъ потопить козацкій бунтъ въ цѣломъ морѣ крови, хотя-бы пришлось для этого истребить поголовно все русское народонаселеніе края. По мнѣнію г. Сенькевича, достоинство польскаго государства требовало не только казнить смертью всѣхъ участниковъ возстанія, но и примѣнять къ нимъ всевозможныя жестокости, пока они не смирятся и не станутъ такимъ образомъ достойными вкусить плодовъ шляхетской культуры, которая послѣ расправы готова была облагодѣтельствовать строптивыхъ, но покаявшихся, ополяченіемъ, іезуитскою школою и прежде всего панщиною. Козаки, какъ представители русскаго населенія, не только не умѣли понять этихъ высшихъ культурныхъ стремленій шляхетства, но, благодаря своей дикости и врожденной злости, усумнились въ пригодности для своего народа того государства, которое навязывало имъ свои общественныя, не совсѣмъ выгодныя бытовыя формы, и дерзнули послѣ долгихъ безплодныхъ просьбъ и заявленій прибѣгнуть къ бунту; конечно, какъ бунтовщики, они обрекли себя на казнь и истребленіе, которое, къ несчастью, поляки не съумѣли примѣнить съ нужною энергіею и тѣмъ нанесли чувствительный ударъ своему государству. Полагаемъ, что это изложеніе мнѣній г. Сенькевича нисколько нами не утрировано, и постараемся оправдать нашу резюмировку при подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ положеній автора.

Въ положеніяхъ г. Сенькевича есть, конечно, и нѣкоторая доля справедливости и нѣкоторые признаки развившагося въ польскомъ обществѣ въ послѣднее время прогресса, только мы полагаемъ, что такого рода положенія высказаны слишкомъ страстно и доведены вслѣдствіе этого до абсурда. Такимъ положеніемъ мы считаемъ особое благоговѣніе, высказанное г. Сенькевичемъ передъ государственной идеею. Конечно государство представляетъ одну изъ высшихъ формъ человѣческаго общежитія, и идея государства тѣмъ дороже для всякаго развитаго человѣка, чѣмъ болѣе сознательно онъ къ ней относится; мы привыкли въ современныхъ намъ европейскихъ государствахъ видѣть учрежденія, гарантирующія и матеріальную безопасность и благосостояніе обществъ и удовлетвореніе

ихъ высшихъ нравственныхъ потребностей: свободу совѣсти, возможность умственнаго развитія и т. д. Мы привыкли смотрѣть на государственную власть, какъ на выраженіе возможной въ данномъ обществѣ суммы справедливости и безпристрастія по отношенію ко всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія ихъ сословной группировки, національнаго типа, личнаго положенія въ обществѣ, и потому считаемъ идею государства равно дорогою для всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его. Г. Сенькевичъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. По его мнѣнію, Польша XVII столѣтія представляла образцовое государство потому именно, что отрицала лучшія стороны государственной дѣятельности, потому, что не признавала равноправности своихъ гражданъ и преслѣдовала свою «миссію», невозможную по антропологическимъ законамъ природы—претвореніе одного народнаго типа въ другой и несправедливую въ общественномъ отношеніи—абсолютное подчиненіе всего народа привилегированному классу. Наткнувшись на сопротивленіе національное и сословное, польское государство не обязано было, по мнѣнію г. Сенькевича, сознать и исправить ошибочное направленіе своей внутренней политики, напротивъ того, идея государства требовала отъ него другого образа дѣйствія, который онъ слишкомъ, можетъ быть, краснорѣчиво высказываетъ, возстановляя мысли, слова и дѣянія самаго, по его мнѣнію, даровитаго государственнаго человѣка того времени, князя Іереміи Вишневецкаго: князь Вишневецкій сознавалъ обязанность «наказывать безъ мѣры и милосердія», онъ полагалъ, что «достоинство Рѣчи-Посполитой» возлагаетъ на него обязанность истреблять козаковъ и хлоповъ «безъ остатка» («co do nogi»—излюбленное выраженіе автора), сажать на колъ и рубить головы посламъ козацкимъ; онъ даетъ клятву въ томъ, «что потопитъ въ крови хлопскіе бунты»; размышляя въ рѣшительную минуту о предстоящей ему роли руководителя государственныхъ стремленій Польши, онъ такимъ образомъ очерчиваетъ свою дѣятельность: «растоптать Запорожье, пролить океанъ крови, сломить, уничтожить, раздавить, а потомъ только отмѣнить злоупотребленія», «пожрать бунтъ и вскормиться его тѣломъ» — ему грезится поле, на которомъ распростерты «сотни тысячъ труповъ» и т. д. Читая всѣ эти страстные канибальскіе возгласы, невольно образованный читатель нашего времени приходитъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ въ

головѣ писателя XIX вѣка зародились эти кровавые порывы, болѣе приличные клевретамъ Нерона или сподвижникамъ Чингизхана, чѣмъ мыслителю или художнику нашего времени; между тѣмъ всѣ эти кровавыя пожеланія являются въ повѣсти не результатомъ объективнаго воспроизведенія настроенія эпохи, но продуктомъ политическихъ воззрѣній самаго автора. Князь Вишневецкій изображенъ идеаломъ государственной мудрости, гражданскихъ добродѣтелей и поборникомъ правды и справедливости; авторъ до того увлекается своимъ героемъ, что доходитъ въ отзывахъ о немъ до кощунства; такъ всякій неуважительный отзывъ о Вишневецкомъ г. Сенькевичъ называетъ «богохульствомъ» (sic! «bluznierstwo», т. II, стр. 231; т. III, стр. 132), онъ одаряетъ князя какою-то сверхъестественною силою, дарованною ему свыше, вслѣдствіе которой цѣлыя тысячи козаковъ, населенія цѣлыхъ округовъ бѣгутъ, объятыя паническимъ страхомъ, при одномъ имени «Яремы». Во время приступа козаковъ къ Збаражу на валахъ крѣпости появляется среди знаменъ и факеловъ князь Вишневецкій и козаки дрожатъ и выпускаютъ оружіе при его видѣ; можетъ быть ошибаемся, но намъ кажется, что краски для этой эфектной картины заимствованы г. Сенькевичемъ изъ VI книги потеряннаго рая Мильтона... Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ договаривается авторъ, исходя отъ мысли совершенно вѣрной—уваженія къ государству и установленному порядку. Утрировку въ развитіи этой мысли и неточное пониманіе авторомъ и сочувствующимъ его произведенію обществомъ значенія государственной идеи мы можемъ себѣ объяснить только однимъ мотивомъ, свидѣтельствующимъ впрочемъ о поворотѣ къ лучшему убѣжденій польской интелигенціи. Польское общество съ конца XVIII столѣтія постоянно протестовало противъ тѣхъ государственныхъ организмовъ, среди которыхъ оно размѣщено было историческою судьбою, протестовало оно упорно и мыслью, и словомъ, и 4 или 5 разъ въ теченіи столѣтія дѣломъ; наконецъ, оно убѣдилось вѣроятно въ неосновательности и незаконности своихъ протестовъ, въ убѣжденіи произошелъ крутой поворотъ и ненавистная до того времени мысль о святости государственныхъ учрежденій и о преступности всякаго бунта заняла почетное мѣсто въ кругу общественныхъ принциповъ польскаго общества и высказалась въ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкихъ и необдуманныхъ чертахъ подъ

перомъ излюбленнаго беллетриста. Что-жъ, и слава Богу, только на первыхъ порахъ неофиты зашли слишкомъ далеко и попали въ другую крайность—прійдется лишь сказать «trop de zèle».

Но если въ развитіи государственной мысли у автора «Огнемъ и мечемъ» мы готовы признать, при всей утрировкѣ въ частностяхъ, вѣрную исходную точку, то другое основное положеніе автора,—что Польша въ XVII вѣкѣ была символомъ цивилизаціи, а Русь представителемъ дикости—кажется намъ совершенно ложною и въ основаніяхъ и въ развитіи. Конечно обѣ народности, укладывались въ силу и естественныхъ этнографическихъ особенностей, и историческаго воспитанія въ разные типы культуры, весьма часто не сходные другъ съ другомъ или даже противуположные; можетъ быть въ данный историческій моментъ доля цивилизаціи была нѣсколько больше на одной сторонѣ, чѣмъ на другой, но все это не даетъ права утверждать, что борьба, вспыхнувшая въ XVII столѣтіи, характеризируется исключительно культуртрегерствомъ съ одной стороны и абсолютною дикостью съ другой. Здѣсь не мѣсто излагать исторію параллельнаго развитія культуръ русской и польской—это задача обширныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій. Мы остановимся лишь на моментѣ, изображенномъ г. Сенькевичемъ и подвергнемъ краткому анализу приводимыя имъ самимъ данныя.

Если-бы г. Сенькевичъ прилагалъ одну и туже мѣрку къ описываемымъ имъ событіямъ и лицамъ, то, даже по весьма пристрастно сгруппированнымъ имъ-же самимъ фактамъ, онъ убѣдился бы, что ни особенной дикости съ одной стороны, ни особой гражданственности и цивилизаціи съ другой въ фактахъ этихъ не замѣтно; ёще труднѣе замѣтить ихъ, если устранить всѣ произвольныя характеристики и субъективныя разсужденія, исходящія не изъ фактовъ, а исключительно изъ личнаго взгляда автора и провѣрить передаваемыя имъ событія свидѣтельствомъ современныхъ источниковъ. Увлекаемый побужденіями художественнаго творчества, г. Сенькевичъ не замѣтилъ противурѣчія, существующаго между его положеніями и имъ-же описываемыми сценами, но за то широко воспользовался своимъ правомъ артиста для того, чтобы эпитетами, голословными утвержденіями, апріористическими сужденіями наложить тѣни и пролить свѣтъ въ желательномъ для него, хотя исторически невѣрномъ смыслѣ. Разъ задавшись мыслью, что южно-рус-

скіе козаки и хлопы дикари, онъ при каждомъ случаѣ поддерживаетъ это мнѣніе всевозможными стилистическими пріемами, иногда даже выходящими за границы литературнаго приличія. Козаки въ его произведеніи не говорятъ, не возражаютъ, не кричатъ, не поютъ, но всегда верещатъ, ревутъ, рычатъ и воютъ. Лишь только дѣло идетъ о недворянскомъ населеніи Украйны, оно всегда упоминается съ эпитетами: «хлопство дикое и разнузданное», «народъ дикій, разбойничій», «разбойничья сволочь», «народъ дикій по природѣ», «народъ дикій, стремящійся къ дикой свободѣ», «дичь сорвавшаяся съ цѣпи», «чернь жаждущая крови и убійства»; если въ описаніи сраженія ему нужно сказать, что шляхтичъ нанесъ ударъ козаку, то онъ выражается такъ: «треснулъ ватажка саблею въ морду» (II, 181) и т. д. Такихъ стилистическихъ цвѣтковъ можно набрать въ повѣсти цѣлые ворохи, но мы ограничимся немногими приведенными примѣрами для того, чтобы указать, какими пріемами авторъ пользуется для того, чтобы подготовить читателя къ воспріятію своей мысли о дикости народа; затѣмъ уже слѣдуютъ картины и разсужденія, развивающія эту мысль.

Конечно, козаки и хлопы по мнѣнію г. Сенькевича лишены всякаго инстинкта гражданственности и тѣни всякаго общественнаго убѣжденія, они стремятся лишь къ «дикой свободѣ и безсознательно разрушаютъ плоды вѣковаго труда шляхтичей» (I, 132); «дикій народъ, преобразованный шляхтичами изъ разбойниковъ въ земледѣльцевъ, тяготился существованіемъ права, строгостью управленія и существованіемъ порядка» (II, 88), вслѣдствіе этого онъ мечталъ о такомъ ненормальномъ строѣ, при которомъ «вся земля принадлежала-бы не князьямъ и панамъ, а свободнымъ земледѣльцамъ козакамъ» (II, 77). Религіозныя побужденія въ козацкихъ возстаніяхъ отсутствовали, Хмельницкій только искуственно прикрылъ инстинкты разбойническіе мнимымъ заступничествомъ за вѣру и постарался разжечь религіозный фанатизмъ (II, 268), до того-же времени запорожцы грабили православныя церкви и награбленными церковными предметами торговали на базарѣ въ Сѣчи; «все то, что разсказываютъ о религіозномъ настроеніи запорожцевъ—выдумка» (I 169). Запорожцы—это сбродъ людей, «покрытыхъ лохмотьями, полунагихъ, полудикихъ, окоптѣлыхъ дымомъ, черныхъ, вымазанныхъ грязью и кровью, сочившеюся изъ язвъ и т. д.» (ibid).

Въ Сѣчи, собираясь на раду, они выкачивали бочки водки и совѣщались кое какъ только потому, что асаулы водворяли нѣкоторый порядокъ палочными ударами, весьма щедро расточаемыми, и пистолетными выстрѣлами; они заподозрѣнныхъ товарищей предавали казни на радѣ, терзая ихъ тутъ-же на части, и т. д. (I, 170, 180).

Конечно, изъ приведенныхъ цитатъ легко убѣдиться не только въ тенденціозности г. Сенькевича, но и въ умышленномъ извращеніи имъ общественныхъ историческихъ фактовъ. По его мнѣнію, народонаселеніе Украйны до появленія шляхты занималось исключительно разбоемъ и не помышляло о земледѣліи, хотя и желало, чтобы земля принадлежала земледѣльцамъ. Помимо яснаго противурѣчія въ самомъ положеніи, оно составляетъ очевидную историческую неправду. Всѣ историческія свидѣтельства со временъ Геродота и до конца XVI столѣтія, когда шляхта польская появилась въ южной Руси, указываютъ на занятіе земледѣліемъ, какъ на главный промыселъ жителей этого края. Вспомнимъ, напримѣръ, земледѣльческія орудія и зерна хлѣба, находимыя въ курганахъ языческой эпохи въ землѣ сѣверянъ или древлянъ; вспомнимъ характеристику смерда и его занятій, записанную лѣтописью со словъ Владиміра Мономаха подъ 1103 годомъ, вспомнимъ цѣлые округи, которые обязались давать монголамъ дань пшеницею въ XIII столѣтіи, транспорты хлѣба, которыми южно-русскій край снабжалъ Константинополь въ XV столѣтіи при посредствѣ хаджибейской гавани (нынѣшняя Одесса), многочисленныя данныя о земледѣліи, занесенныя въ люстраціи украинныхъ замковъ въ половинѣ XVI столѣтія, т. е. до люблинской уніи, и убѣдимся, что разговоры г. Сенькевича объ отсутствіи земледѣлія и разбойническомъ бытѣ народонаселенія не болѣе, какъ его тенденціозная выдумка. Отсутствіе религіознаго побужденія въ козацкихъ восстаніяхъ до Хмельницкаго такая-же историческая фальшь; можно-бы процитировать до 20 документовъ: прошеній, подававшихся козаками въ сеймы и королямъ, проектовъ договорныхъ условій и т. п., въ которыхъ «войско запорожское», предъявляя свои желанія, на первомъ мѣстѣ предлагаетъ статьи о свободѣ православной церкви и вѣротерпимости. Довольно, полагаемъ, указать на то, что Запорожье выдвинуло за 30 лѣтъ до Хмельницкаго Сагайдачнаго, который возстановленіемъ православной іерархіи на долго устранилъ враждебный для народонаселенія напоръ уніатской

интриги,—для того чтобы убѣдиться, что религіозные мотивы глубоко проникли въ сознаніе низоваго братства и вовсе не принадлежатъ къ области «выдумок».—Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ авторъ черты непривлекательной наружности запорожцевъ, но убѣждены, что рады не происходили въ видѣ пьяныхъ оргій и что на нихъ никого не терзали на части и т. п. Подобныхъ подробностей нѣтъ у авторовъ, цитируемыхъ г. Сенькевичемъ (Лясоты, Боплана) и онѣ конечно составляютъ принадлежность его собственной фантазіи, настроенной на слишкомъ тенденціозный ладъ.

Не лучше Запорожья у г. Сенькевича изображено и остальное народонаселеніе Украйны. Авторъ пытается описать составъ этого населенія и мы не знаемъ, чему болѣе удивляться въ его попыткѣ: его тенденціозности или незнанію. Вотъ по его словамъ группы, на которыя распадался малороссійскій народъ въ XVII столѣтіи: чумаки, степные и лѣсные пасѣчники, воскобои, смоляры, конюхи, хуторники, охотники, сиромахи, рыбаки, чабаны и просто хлопы (I, 32, IV, 14).—По мнѣнію автора, перечисленныя категоріи возникли не только вслѣдствіе занятія извѣстными промыслами, это какія-то касты и даже какъ-бы отдѣльныя племена, изъ которыхъ каждое отличается оригинальными чертами дикости. Соберемъ напримѣръ черты, которыми авторъ характеризуетъ чабановъ, почему то особенно ему ненавистныхъ. «Чабаны, это пастухи, проводящіе всю жизнь въ степи и пустыняхъ; они совершенно дики и не исповѣдуютъ никакой религіи; они вмѣсто пѣсни издаютъ мрачный вой; примкнувъ къ возстанію Хмельницкаго, они не умѣли даже отличить козацкой старшины и признавали власть лишь за тѣмъ, кто ихъ билъ или убивалъ; они конечно не имѣли никакого понятія о международномъ правѣ (sic), но за то сгарали жаждою крови и грабежа; это дикое племя встрѣчалось въ лѣсахъ около Чернигова, но по преимуществу обитало на территоріи полтавскаго полка; послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ того, что дикій полтавскій полковникъ Пушкаренко предводительствовалъ исключительно чабанами» (I, 32, 36; II, 132, 155; III, 222; IV, 15). Читая эту белиберду, недоумѣваешь, заимствована-ли она авторомъ изъ записокъ какого-нибудь легкомысленнаго путешественника по Австраліи или центральной Африкѣ, или нарочито, хотя не особенно остроумно сочинена самымъ беллетристомъ. Если уже чабаны особенно за-

интересовали г. Сенькевича, то ему не мѣшало-бы справиться о значеніи этого слова—онъ нашелъ-бы весьма обстоятельныя данныя въ описаніи херсонской губерніи Шмидта, въ очеркѣ южно-русскихъ артелей Щербины и т. п.; изъ справокъ этихъ онъ узналъ-бы, что чабаны вовсе не особенное дикое племя, а тѣ-же южно-русскіе крестьяне, составляющіе артели для занятія овцеводствомъ; онъ убѣдился-бы, что артели эти состоятъ вовсе не изъ дикарей, а изъ людей успѣвшихъ выработать весьма правильную форму рабочаго товарищества, съ выборнымъ атаманомъ, съ точнымъ разпредѣленіемъ разныхъ отраслей труда между членами артели, съ правильнымъ, впередъ условленнымъ, распредѣленіемъ прибылей и т. п.; Не менѣе чабановъ достается въ повѣсти г. Сенькевича и рыболовамъ: «это люди дикіе, нравы ихъ грубы, они пребываютъ въ камышахъ на берегу Днѣстра» и т. д.; еще оригинальнѣе характеристика «сиромахъ»: въ одномъ мѣстѣ повѣсти слово это означаетъ волка, въ другомъ категорію народонаселенія, которая опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «сиромахи—это Богъ вѣсть какіе люди, бродяги, пришедшіе изъ конца свѣта» (sic) (I, 32). Полагаю, что достаточно приведенныхъ примѣровъ для того, чтобы дать понятіе о пріемахъ исторической этнографіи г. Сенькевича.

Но, не ограничиваясь характеристикою отдѣльныхъ группъ, авторъ утверждаетъ, что и все народонаселеніе Украйны носило тѣ-же черты непреодолимой, врожденной дикости, которою отличалось отъ другихъ народовъ, даже такихъ, которые стояли на одномъ съ нимъ уровнѣ просвѣщенія и въ одинаковыхъ общественныхъ условіяхъ. Приведемъ для примѣра параллель крестьянъ польскихъ и южно-русскихъ словами самаго г. Сенькевича: «Дикій по природѣ народъ шелъ охотно къ Хмельницкому; въ то время, когда хлопъ въ Мазовіи и великой Польшѣ безъ ропота несъ бремя гнета, тяготѣвшее во всей Европѣ надъ потомками Хама [1]), украинецъ

[1]) Относительно положенія «потомковъ Хама» во всей Европѣ въ XVII ст. г. Сенькевичъ повторяетъ легкомысленно общее излюбленное мѣсто польскихъ публицистовъ, которые стараются тяжелое положеніе крѣпостныхъ людей въ Польшѣ объяснить такъ называемымъ «духомъ времени», т. е. указаніемъ на то обстоятельство, будто во всей Европѣ въ то время крѣпостные находились въ столь-же тяжеломъ положеніи, какъ и въ польскомъ государствѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано это голословное утвержденіе польскихъ публицистовъ; но если обратимся

вмѣстѣ съ воздухомъ степей вдыхалъ любовь къ свободѣ, столь-же безграничной и дикой, какъ самая степь... конечно онъ предпочиталъ буянить и рѣзать пановъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, нежели сгибать гордую спину подъ ударами подстаросты» (III, 237). Этотъ дикій инстинктъ украинцевъ, заставлявшій ихъ не любить нагайки подстаросты, былъ настолько свойственнымъ ихъ дикой природѣ, что все народонаселеніе увлеклось имъ; «всѣ ушли къ Хмельницкому, даже женщины; остались въ селахъ однѣ старухи и дѣти» (IV, 14); въ началѣ возстанія вообще хлопы, изъ страха передъ Вишневецкимъ, колебались, но болѣе вредныя личности—«гультяи и резуны» дали починъ и увлекли остальныхъ. Поднявшись, хлопы стали жечь всѣ города и села, хлѣбъ, лѣса и сады, стали грабить и убивать всѣхъ, сами-же кормились древесною корою и т. п. (I, 242; II, 166, 172, 266; III, 201, 238).—Картины эти, къ которымъ г. Сенькевичъ возвращается безпрестанно въ своей повѣсти, совершенно не понятны: всѣ крестьяне возстали и ушли къ Хмельницкому, села

къ любой исторіи крестьянскаго сословія въ Европѣ, то не найдемъ подтверждающихъ это утвержденіе историческихъ фактовъ. Вотъ въ доказательство нѣсколько ссылокъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненія Зугенгейма (Sugenheim — Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa — 1861).

Въ Англіи многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ земледѣльцевъ (liberi homines) существуетъ уже въ XI столѣтіи; другая еще болѣе численная група (Ceorls) даетъ только чиншъ дворянамъ, но лично свободна; въ XIII в. Генрихъ III замѣняетъ повсемѣстно панщину взносомъ десятины или оброка. Въ XIV столѣтіи при Эдуардѣ III крѣпостныхъ въ Англіи нѣтъ уже вовсе и все земледѣльческое населеніе состоитъ изъ свободныхъ работниковъ (стр. 273, 274, 289, 291).

Во Франціи правительство постоянно стремится къ облегченію крѣпостныхъ и доставляетъ имъ цѣлый рядъ гарантій отъ насилія дворянъ. Въ 1407 году Карлъ VI уничтожаетъ подати, произвольно налагавшіяся дворянами (droit de prise). Въ 1479 г. Людовикъ XI отмѣняетъ повинность «сторожи». Въ XV—XVII ст. короли поручаютъ парламентамъ заботу о защитѣ крестьянъ и назначаютъ спеціальныя коммиссіи для преслѣдованія помѣщичьихъ злоупотребленій (Grands jours d'Auvergne). Коммисіи эти ведутъ дѣло очень энергично и издаютъ въ одну сессію 53 смертныхъ приговора па дворянъ за злоупотребленіе ими помѣщичьей власти (стр. 116, 140—141, 145).

Въ Италіи, по почину Флоренціи и другихъ городскихъ республикъ, отмѣна крѣпостнаго права началась еще съ XII столѣтіи и вскорѣ охватила всю Италію (стр. 188—191).

запустѣли: не знаемъ, кого-же возставшіе убивали и грабили, не понимаемъ, зачѣмъ они жгли села и города, то есть свои собственныя жилища, почему они истребляли хлѣбъ, для того, чтобы питаться древесною корою. Словомъ, что ни слово, то необъяснимая загадка, можетъ быть нужная автору для эффектныхъ картинъ, но вполнѣ затемняющая ихъ смыслъ. Такъ, напримѣръ, со словъ г. Сенькевича не возможно понять, кто и зачѣмъ сжегъ Корсунъ въ то время, когда происходила въ окрестности этого города извѣстная битва Хмельницкаго съ поляками; по его мнѣнію не всѣ хлопы ушли въ битву, часть ихъ осталась въ Корсунѣ для того, чтобы разрушить этотъ городъ, уже занятый козаками. Мы-бы и не догадались, съ какою цѣлью совершено было это разореніе, еслибы не знали изъ современныхъ источниковъ, что Корсунъ, равно какъ и Черкассы, Стеблевъ и окрестныя села, были сожжены вовсе не чернью и не хлопами, а отступавшимъ польскимъ войскомъ, по приказанію гетмана Потоцкаго (Ерличъ, 64) [1]). Такимъ образомъ г. Сенькевичъ переноситъ обвиненіе въ разореніи края съ больной головы на здоровую и приводитъ, какъ доказательство неукратимой дикости хлоповъ, фактъ совершенный тѣми, кто по его мнѣнію былъ представителемъ культуры.

Убѣдивши достодолжно читателя въ дикости русскаго народа, г. Сенькевичъ съ увлеченіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рисуетъ

Въ Германіи въ XV столѣтіи большинство крестьянъ составляло классъ чиншевиковъ или наслѣдственныхъ, свободныхъ лично арендаторовъ, въ Голландіи-же и Бельгіи въ XV столѣтіи не оставалось никакого слѣда крѣпостнаго права (стр. 351—358, 539).

Въ Швеціи рабство было отмѣнено декретомъ короля Магнуса Эрихсона въ 1335 году; въ Норвегіи всякіе слѣды крѣпостнаго права исчезли въ XIII и XIV столѣтіяхъ (стр. 502, 539) и т. д.

Подобныхъ фактовъ можно-бы набрать десятки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Европѣ; возможно-ли послѣ этого говорить, что гнетъ, тяготѣвшій надъ «потомками Хама» въ Польшѣ XVII столѣтія былъ результатомъ духа времени, господствовавшаго во всей Европѣ и что отвращеніе народонаселенія къ крѣпостному праву, введенному въ южной Руси польскими порядками послѣ люблинской уніи (1569), было лишь результатомъ его дикости и отсутствія европейской культуры?

[1]) Въ польскомъ дневникѣ современника читаемъ: «24 мая гетманъ выдалъ Корсунь на разграбленіе жолнерамъ, дабы городъ этотъ не достался врагамъ; онъ былъ совершенно уничтоженъ и разграбленъ». Jakób Michałowski. Xięga Pamiętnicza, стр. 21.

картины тѣхъ жестокостей, какія совершали возставшіе хлопы; весь запасъ своей богатой фантазіи беллетристъ истощаетъ для того, чтобы создать отвратительнѣйшія сцены. Всѣ, дѣйствительно бывшіе факты крутой расправы среди ожесточенной борьбы, всѣ ужасные слухи, созданные паникою и озлобленіемъ побѣжденныхъ шляхтичей, служатъ только канвою, на которой авторъ выводитъ узоры собственнаго измышленія, заимствуя краски изъ описанія варварскихъ поступковъ всѣхъ временъ и народовъ. По его словамъ, козаки, подобно монгольскимъ завоевателямъ, укладывали пирамиды изъ отсѣченныхъ головъ, подобно Нерону зажигали живыхъ людей вмѣсто факеловъ, подобно ацтекамъ таскали внутренности убитыхъ жертвъ и т. п. Для того, чтобы сличить картины дикой жестокости, изображенныя г. Сенькевичемъ, съ дѣйствительными историческими фактами, возьмемъ для примѣра любой конкретный фактъ. Вотъ, напримѣръ, извѣстія современныхъ источниковъ о смерти Барабаша: комендантъ кудацкой крѣпости, Гродзицкій, сообщалъ въ рапортѣ гетману Потоцкому слѣдующее: замѣтивъ возмущеніе реестровыхъ, «асаулъ... схватилъ было ружье, но его тотчасъ стали бить кистенями, арестовали вмѣстѣ съ другими старшинами и того же дня, по приговору рады, всѣхъ казнили» (Памятники кіевской коммисіи, I, III, 24). Другой полякъ современникъ сообщаетъ: «козаки реестровые... перешли къ Хмельницкому, умертвивъ своихъ полковниковъ: Ильяша и Барабаша, отличавшихся вѣрностью къ Рѣчи Посполитой» (Michałowski. Xięga pamiętnicza, 33). Пользуясь этими данными, г. Сенькевичъ изображаетъ слѣдующую картину: «Барабашъ предпочелъ погибнуть, чѣмъ измѣнить своему знамени... онъ отвѣтилъ выстрѣлами на предложеніе сдаться... съ булавою въ рукахъ, съ развивающимися сѣдыми волосами онъ давалъ приказанія громовымъ голосомъ, исполненнымъ юношеской силы. Судно его окружили со всѣхъ сторонъ... вскорѣ вѣрные его козаки, исколотые, изрубленные или *изорванные руками на части* легли на палубѣ; но старикъ продолжалъ защищаться съ саблею въ рукахъ... къ несчастью онъ поскользнулся въ крови и упалъ... тотчасъ многія лезвія пронзили его... лежавшій трупъ продолжали рубить, *разсѣкли на части, отрѣзанную голову бросали отъ одного байдака къ другому, играясь ею, какъ мячемъ,* пока наконецъ она случайно не попала въ воду».

(I. 218—219). Подобные параллели можно бы привести во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ желаетъ картинно изобразить варварство и жестокость козаковъ; конечно, употребляя такіе пріемы, можно въ любомъ военномъ столкновеніи преобразить одну сторону въ доблестныхъ рыцарей, другую въ канибаловъ, лишь только авторъ пожелаетъ пожертвовать историческою истиною для предвзятой мысли.

Кромѣ жестокости, наклонности къ грабежу и разбою дикость козаковъ проявлялась, по мнѣнію г. Сенькевича, повальнымъ пристрастіемъ къ пьянству. Сюжетъ этотъ, излюбленный публицистами извѣстнаго пошиба, г. Сенькевичъ эксплоатировалъ съ излишнимъ рвеніемъ. Взявъ въ основаніе картину Боплана, расказывающаго о томъ, какъ помѣщики южной Руси спаивали крестьянъ въ XVII столѣтіи, онъ перенесъ ее въ Сѣчь, украсилъ плодами собственный фантазіи и возвращается къ ней много разъ въ теченіи повѣсти. По его словамъ, весь народъ пьетъ поголовно «въ смерть» (I, 115); всякое готовившееся среди народа волненіе старосты и паны предугадывали потому, что за долго до него все населеніе оставляло обычныя занятія и пьянствовало въ шинкахъ безъ просыпу. Начальство строго воспрещало козакамъ пьянствовать во время похода и наказывало этотъ порокъ смертью, утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти г. Сенькевичъ (I, 169); но потомъ, забывъ о сказанномъ, разсказываетъ, какъ Богунъ спаиваетъ козаковъ, собираясь въ опасный походъ (III, 62) и какъ козаки идутъ храбро на приступъ потому только, что ихъ напоили водкою (IV, 95). Пьянство это, замѣчаетъ не безъ повода г. Сенькевичъ, было особенно отвратительно потому, что козаки употребляли водку не очищенную, издававшую кислый запахъ (I, 169).

Вотъ черты, которыя г. Сенькевичъ замѣтилъ и изобразилъ въ бытѣ южнорусскаго народа. Перейдемъ теперь къ обратной сторонѣ медали и соберемъ тѣ черты, которыми авторъ обрисовалъ польское дворянство, представлявшее, по его мнѣнію, антитезу русской дикости: дворяне принесли съ собою и старались упрочить въ южной Руси гражданственность; правда, они начали съ того, что всю поземельную собственность взяли себѣ и заставили свободный до того времени народъ отбывать въ свою пользу барщину, но за то они облагодѣтельствовали край, доставивъ ему безопас-

ность отъ татаръ, водворивъ порядокъ и населивъ нѣкоторыя области.—Мы сильно сомнѣваемся въ этихъ заслугахъ, вмѣняемыхъ польскому дворянству XVII столѣтія и полагаемъ, что это лишь пустыя общія фразы, покрывающія далеко не благодѣтельную для края реальную дѣйствительность, которая обнаружится, лишь только обратимся къ историческимъ фактамъ. Безопасность отъ татаръ была доставлена краю гораздо раньше появленія въ немъ польской шляхты усиліями зародившагося въ концѣ XV столѣтія козачества и его предводителей литовско-русскихъ старостъ; довольно вспомнить военные подвиги Евстафія Дашковича, Дмитрія Вишневецкаго, князя Константина Ивановича Острожскаго, чтобы убѣдиться что южная Русь собственными силами могла отражать татарскіе набѣги. Порядокъ въ краѣ былъ водворенъ весьма прочно еще со времени Витовта; онъ выражался точнымъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей жителей, правильно организованнымъ судомъ, обезпеченіемъ личности и имущества жителей, старостинскою администраціею и т. д. Правда, это былъ порядокъ не шляхетскій, но мы полагаемъ, что шляхта, ниспровергнувшая его послѣ люблинской уніи, наложившая руку на всю поземельную собственность, на свободу «похожихъ» людей, на религіозныя и національныя стремленія народа, именно и принесла съ собою зародыши безпорядка и вызвала междоусобныя войны. Намъ потому кажется, что шляхетскій строй, насаждаемый въ южно-русскомъ краѣ, былъ не символомъ культуры и порядка, а скорѣе симптомомъ отсталости и культурной аберраціи самаго польскаго общества.

Что касается заслугъ шляхты относительно колонизаціи края, мы не знаемъ точно, не смотря на всѣ увѣренія польскихъ писателей, въ чемъ состояли эти заслуги. Конечно, мы готовы были бы признать заслугу колонизаціи въ такомъ случаѣ, если бы польскіе поселенцы заняли незаселенную до того времени область и превратили пустыню въ производительную страну; но этого въ южной Руси не случилось. Если въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія и заселяются вновь обширныя пространства между Днѣпромъ и Дономъ, то заселяются они не польскими выходцами, а тѣмъ-же южно-русскимъ народомъ; если шляхетство играетъ въ этомъ дѣлѣ какую-бы то ни было роль, то конечно скорѣе отрицательную, чѣмъ активную: закрѣпостивъ народъ, имѣвшій право свободнаго

перехода до люблинской уніи, оно заставило крестьянъ бѣжать въ ненаселенную пустыню, чтобы спастись отъ рабства; но за бѣглыми крестьянами на лѣвый берегъ Днѣпра послѣдовали шляхтичи, вооружившись жалованными грамотами на земли, безъ ихъ почина заселившіяся; тогда народонаселеніе поднялось вновь: часть его вступила въ отчаянную борьбу съ преслѣдовавшимъ ее сословіемъ, другая перешагнула рубежъ Рѣчи Посполитой и нашла, наконецъ, въ Слободской Украйнѣ пріютъ, куда не могли достичь до бѣглецовъ ни паны съ жалованными грамотами на земли, ни ихъ подстаросты съ нагайками. Если прослѣдить возникновеніе многочисленныхъ и многолюдныхъ поселеній, основанныхъ въ XVII столѣтіи на территоріи нынѣшнихъ губерній: харьковской, курской и воронежской, населенныхъ выходцами изъ польской Украйны, то во всякомъ случаѣ мы должны признать, что присутствіе шляхтичей не было необходимымъ условіемъ развитія колонизаціи. Поселенія эти, принятыя радушно правительствомъ царей московскихъ, не нуждались ни въ панщинѣ, ни въ нагайкѣ подстаросты, ни въ строгости Вишневецкаго для того, чтобы заняться производительнымъ земледѣльческимъ трудомъ; народонаселеніе ихъ безъ всякой регулировки, но съ разрѣшенія правительства, уложилось въ правильныя формы быта, изъ собственной среды выдвинуло выборную военную, гражданскую и судебную администрацію (полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, судій и т. д.), съумѣло новыя свои земли защитить отъ татарскихъ набѣговъ, не менѣе грозныхъ въ бассейнѣ Дона, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра и Буга, и, не встрѣтивъ насилія со стороны новаго правительства, не только не проявило инстинктивнаго стремленія къ бунту, но, напротивъ того, отличалось всегда вѣрностью и преданностью государству и въ значительной мѣрѣ вспомоществовало огражденію его южныхъ границъ отъ нападеній крымской орды. Такимъ образомъ одинъ и тотъ-же народъ, въ одно и тоже время и при одномъ уровнѣ развитія, заселялъ двѣ смежныя области; въ одной изъ нихъ колонизація двигалась при участіи польской шляхты и привела къ кровавому столкновенію, стоившему безконечныхъ жертвъ и напряженій, въ другой, при отсутствіи шляхты, сразу установились правильныя формы гражданской жизни и, развиваясь безъ всякихъ потрясеній, полтора столѣтія спустя привели къ открытію перваго на югѣ Россіи уни-

верситета. Если остановиться на историческомъ значеніи этихъ двухъ параллельныхъ типовъ южно-русской колонизаціи, то выводы конечно не выскажутся въ пользу шляхетскаго колонизаціоннаго типа, и польскимъ публицистамъ можно бы посовѣтовать менѣе усердно выставлять на видъ колонизаторскія способности и заслуги шляхтичей XVII столѣтія.

Впрочемъ только въ общихъ фразахъ г. Сенькевича, высказанныхъ отъ его собственнаго лица, упоминаются заслуги шляхетскаго сословія, состоявшія будто въ защитѣ края, въ надѣленіи его гражданственностью и въ колонизаторской предпріимчивости; въ картинахъ, изображенныхъ беллетристомъ, дѣятельность эта не проявляется, за то съ особенною любовью и, можетъ быть, съ излишествомъ изображена одна сторона польской гражданственности—военная организація и военная храбрость. Странно, что, желая особенно восхвалить свое прошедшее съ точки зрѣнія военной дисциплины, стратегіи и тактики, г. Сенькевичъ выбралъ именно такое время, когда польскія арміи терпѣли самыя крупныя пораженія; неудачный выборъ момента ставитъ очевидно романиста въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ долженъ выворачиваться, пользуясь лишь всею свободою, предоставленною беллетристу. Разсказывая ходъ военныхъ дѣйствій по впечатлѣніямъ одного изъ фиктивныхъ героевъ своей повѣсти, онъ благоразумно заставляетъ его тяжело болѣть во время битвы у Желтыхъ Водъ, удерживаетъ его въ плѣну, далеко въ тылу дѣйствующей арміи, во время корсунскаго сраженія и удаляетъ благоразумно въ далекую рекогносцировку во время пилявецкаго погрома; за то ничтожныя стычки у Махновки, у Росоловецъ, онъ раздуваетъ до размѣровъ первостепенныхъ битвъ и старается украсить ихъ безконечнымъ количествомъ эпизодовъ и единоборствъ, заимствуя довольно безцеремонно для этихъ описаній пріемы изъ Иліады. Воображеніе его до того разгорается, что въ одной изъ этихъ передовыхъ стычекъ (у Росоловецъ) онъ истребляетъ 14 козацкихъ полковниковъ (II, 243), когда всѣхъ полковъ у Хмельницкаго было 20. Въ этихъ-то стычкахъ или въ экскурсіяхъ, придуманныхъ самимъ авторомъ, созданные имъ герои совершаютъ чудеса храбрости; они являются до того непобѣдимыми рыцарями, что читатель остается въ недоумѣніи, почему собственно князь Вишневецкій и 4 героя, создан-

ные фантазіею г. Сенькевича, не истребили не только всего козацкаго войска и всей орды, но и всего населенія Украйны и Крыма. Герои г. Сенькевича лица не обыкновенныя: они изображены съ такою долею шаржа и съ такимъ видимымъ подражаніемъ полубогамъ Гомера, что, какъ намъ кажется, даютъ не лестное свидѣтельство объ артистическихъ пріемахъ автора: всѣ они обладаютъ необыкновенною тѣлесною силою; одинъ изъ нихъ (Аяксъ—Подбипята) камнями разбиваетъ башни, другой (Діомидъ—Володіевскій) побѣждаетъ всякаго противника въ единоборствѣ, третій (хитроумный Одиссей—Фальстафъ—Заглоба) владѣетъ безграничнымъ запасомъ наивныхъ военныхъ хитростей и т. д. Правда, при существованіи огнестрѣльнаго оружія физическая сила отдѣльныхъ героевъ потеряла гомеровское значеніе, но г. Сенькевичъ успѣлъ устранить и это препятствіе: враги его героевъ настолько дики и глупы, что, нападая на нихъ, догадываются выстрѣлить или пустить стрѣлу не раньше, чѣмъ герои эти искрошатъ нѣсколько сотъ противниковъ въ рукопашномъ бою.

Но допустимъ, что шляхтичи XVII столѣтія были дѣйствительно неимовѣрно сильны, что польскія арміи были прекрасно вооружены и дисциплинированы, хотя нѣсколько странно настаивать на этомъ качествѣ въ виду пилявецкой паники, допустимъ, что поляки были очень храбры и прекрасно знали военное дѣло—все это, по нашему мнѣнію, нисколько не свидѣтельствуетъ о высокой степени ихъ гражданственности и культуры. Храбрость военная свойственна не въ меньшей мѣрѣ, если не въ большей, дикимъ народамъ, чѣмъ образованнымъ. Это прекрасно сознаетъ самъ г. Сенькевичъ, изобразившій козаковъ и хлоповъ представителями дикости; въ его-же собственныхъ картинахъ козаки весьма храбры—они цѣлыми десятками и сотнями тысячъ гибнутъ подъ ударами его героевъ и не обращаются въ бѣгство. Военная выправка, хорошее вооруженіе и т. п.—обстоятельства случайныя, вовсе не свидѣтельствующія о культурномъ превосходствѣ; качества эти встрѣчаются иногда развитыми въ большей степени у народовъ менѣе цивилизованныхъ—вспомнимъ для примѣра исторію нашествія варваровъ на римскую имперію или монголовъ на восточную Европу въ XIII столѣтіи. Намъ кажется, что, освѣщая военныя доблести польской арміи въ XVII вѣкѣ, какъ признакъ культуры, г. Сенькевичъ исходитъ изъ

ложнаго понятія о значеніи военнаго дѣла у культурныхъ народовъ. Военная храбрость конечно качество весьма почтенное, но оно пріобрѣтаетъ значеніе культурнаго двигателя только въ такомъ случаѣ, если проявляется у лицъ или группъ, глубоко сознавшихъ правоту своего дѣла и гражданскій долгъ храбро стоять въ защиту его въ случаѣ, если ему угрожаетъ посторонняя военная сила; съ этой точки зрѣнія конечно мы признаемъ культурное значеніе за военными подвигами весьма многихъ военныхъ людей, отъ Эпаминонда до Жижки и Вашингтона. Но сама по себѣ военная храбрость, безъ сознанія правоты дѣла и гражданскаго долга, не только не составляетъ признака культуры, но нерѣдко служитъ враждебнымъ противъ нея орудіемъ, какъ-бы сильны и воинственны ни были одаренныя ею лица. Вѣдь въ храбрости и умѣніи руководить военными дѣйствіями нельзя отказать ни Аттилѣ, ни Чингизхану, ни множеству другихъ крупныхъ и мелкихъ грабителей. Потому мы полагаемъ, что военныя доблести не служатъ указателемъ культурнаго развитія даннаго народа, а напротивъ того по степени развитія этого народа и по степени справедливости преслѣдуемыхъ имъ цѣлей опредѣляется польза или вредъ для человѣчества его военныхъ подвиговъ. Приложивъ такого рода мѣрку къ стратегической части труда г. Сенькевича, мы полагаемъ, что чѣмъ сильнѣе и воинственнѣе были его реальные и вымышленные герои, тѣмъ вреднѣе они были въ данномъ случаѣ, потому что преслѣдовали несправедливую цѣль—желаніе лишить южно-русскій народъ его народности, религіи, личной свободы и благосостоянія и, съ другой стороны, сколько-бы г. Сенькевичъ ни приписывалъ храбрость Хмельницкаго и его сподвижниковъ вліянію водки и дикости, мы не можемъ не признать, что храбрость эта была благотворна для ихъ народа, потому что стремилась къ защитѣ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія этого народа, угрожаемаго вооруженнымъ насиліемъ со стороны воинственной шляхты.

Но посмотримъ на дальнѣйшее развитіе антитезы у г. Сенькевича: выше было указано, что козаки, вслѣдствіе врожденной дикости, отличались страшною жестокостью; слѣдуетъ ожидать, что представители культуры оказались гораздо гуманнѣе и мягче и если были принуждены къ употребленію репрессивныхъ мѣръ, то употребляли ихъ только по приговору надлежащаго суда, совершенно

безстрастно и, во всякомъ случаѣ, не измышляли истязаній, не указанныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Г. Сенькевичъ чувствуетъ повидимому необходимость этого контраста и по временамъ заявляетъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ фразахъ, что «Рѣчь Посполитая проявляла по отношенію къ козакамъ милосердіе безъ границъ и мѣры» (I, 254), но въ провѣренномъ имъ историческомъ матеріалѣ онъ не нашелъ фактовъ для подкрѣпленія этого положенія и сослался лишь на то, будто Наливайку предложено было прощеніе (sic). За то фактовъ, противурѣчащихъ мнимому милосердію, оказалось слишкомъ много, до того много, что увлеченный артизмомъ авторъ не могъ удержаться отъ ихъ воспроизведенія. Польскіе жолнеры, по словамъ г. Сенькевича, всегда истребляютъ козаковъ поголовно, даже тогда, когда они бросаютъ оружіе и просятъ помилованія (II, 182, 241). По пути князя Вишневецкаго, усмирявшаго бунты, «исчезаютъ села, слободы, хутора и мѣстечка и вмѣсто нихъ торчатъ окровавленные колы и висѣлицы (I, 257). Князь этотъ бралъ приступомъ Погребище и истребилъ поголовно все народонаселеніе: «700 плѣнниковъ повѣсили, 300 посадили на колъ», причемъ князь даетъ жолнерамъ приказъ: «казните ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ» (II, 152), на пути черезъ лѣса «онъ украшалъ сосны, вѣшая на нихъ плѣнныхъ» (II, 133) и т. д. Герои г. Сенькевича неутомимо и нѣсколько дней сряду «жгутъ села и рубятъ головы» до изнеможенія (II, 255); взявъ въ плѣнъ въ битвѣ полковника Кречевскаго, изнемогавшаго отъ ранъ, они сажаютъ его на колъ (III, 214). Вообще плѣнныхъ они подвергаютъ пыткѣ и жгутъ огнемъ (II, 130) даже и въ такомъ случаѣ, если эти плѣнные покрыты ранами (II, 246). Они хладнокровно, прикидываясь друзьями, снискиваютъ довѣріе женщины и убиваютъ ее вмѣстѣ съ калѣкою слугою, на томъ основаніи, что признаютъ ее вѣдьмою (III, 316) и т. д. Словомъ какъ ни старается авторъ стушевать подобнаго рода данныя и сохранить въ этомъ отношеніи слишкомъ велерѣчивые источники, факты эти все таки выступаютъ наружу. Конечно, жестокость и отсутствіе гуманнаго чувства, вѣра въ существованіе вѣдьмъ и т. п. могутъ быть въ данное время если не оправданы, то по крайней мѣрѣ объяснены ожесточеніемъ борьбы и недостаткомъ гуманнаго развитія въ обществѣ, но во всякомъ случаѣ не приходится особенно настаивать на высокой культурѣ общества, совершавшаго

подобные поступки и одареннаго руководившими ими чувствами. Если обѣ враждовавшія стороны допускали среди борьбы проявленія безчеловѣчной жестокости, то приходится лишь сожалѣть о слабой степени развитія обѣихъ сторонъ, но не возможно совершенно тождественныхъ фактовъ вмѣнять въ укоръ одной изъ нихъ и въ заслугу другой.

То-же самое можно сказать и о другомъ порокѣ—о пьянствѣ; г. Сенькевичъ крайне возмущается пьянствомъ козаковъ, между тѣмъ излюбленные его герои почти никогда не ведутъ бесѣды безъ кувшина напитка; одинъ изъ нихъ даже попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ, находившимся подъ его начальствомъ, вслѣдствіе того, что напивается до безчувствія. Все отличіе культурнаго пьянства отъ дикаго состоитъ развѣ въ томъ, что шляхтичи пьютъ вино, медъ, наливку и водку очищенную, хлопы-же должны удовлетворяться только водкою, притомъ неочищенною и издающею кислый запахъ. Разница, конечно, въ гастрономическомъ отношеніи серьезная, но не знаемъ, насколько она важна въ отношеніи культурномъ.

Такимъ образомъ, сличая бытовыя черты культурной шляхты и дикихъ хлоповъ, мы находимъ разницу лишь въ произвольныхъ эпитетахъ, даваемыхъ авторомъ обѣимъ группамъ, но не можемъ ее усмотрѣть въ поступкахъ и дѣяніяхъ, изображаемыхъ самимъ г. Сенькевичемъ; изъ положеній его на лицо остается лишь одно—это его глубокая вѣра въ врожденную добродѣтель однихъ и врожденную злость другихъ; къ положенію этому, весьма на нашъ взглядъ сомнительному, онъ возвращается довольно часто, какъ къ непоколебимой твердынѣ. Такъ, одинъ изъ его героевъ, повстрѣчавъ незнакомаго ему до того времени Хмельницкаго и замѣтивъ въ выраженіи его лица большую рѣшимость, недоумѣваетъ, откуда такое выраженіе явилось на лицѣ человѣка неизвѣстнаго происхожденія. Правда, оно напомнило ему выраженіе лица князя Вишневецкаго, «но у князя оно являлось естественнымъ даромъ природы, свойственнымъ знатному происхожденію» (I, 14). Героиня романа одарена, конечно, небывалою красотою и энергіею «въ силу княжеской крови Курцевичей» (III, 17), за то ея тетка, княгиня Курцевичева груба въ обращеніи, нахальна и своекорыстна, потому что она родомъ «изъ семьи сомнительнаго происхожденія» (I, 63). Полковникъ Богунъ, украшенный авторомъ большою силою и храбро-

стію, для того, чтобы его герои имѣли возможность проявить на его счетъ свое непобѣдимое геройство, является обладателемъ этихъ качествъ только потому, что мать его заподозрѣваютъ въ незаконныхъ связяхъ съ шляхтичемъ (III, 177), но за то качества эти совершенно изуродованы дикостію, наслѣдованною отъ матери, до того свирѣпою, что у полковника этого ночью глаза блестятъ, какъ у волка и т. д. Конечно, эту теорію «бѣлой кости» мы только констатируемъ въ кругу убѣжденій г. Сенькевича, оспаривать-же ее считаемъ излишнимъ.

Характеристика пріемовъ г. Сенькевича была-бы далеко не полна, если-бы мы не обратили вниманія на тѣ черты, которыми онъ обрисовываетъ личность Хмельницкаго. Романистъ сосредоточиваетъ на немъ всю массу ненависти и злобы, какая накипѣла въ сердцахъ шляхтичей XVII столѣтія, и не только не смягчаетъ этой злобы сколько-нибудь объективнымъ взглядомъ на давно минувшія историческія событія, не только не старается посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія современныхъ намъ требованій общественнаго развитія и гражданскихъ идеаловъ, но относится къ покойному гетману съ страшною личною ненавистью, указывающею на то, что какъ самъ авторъ, такъ и восхищающаяся его произведеніемъ публика, ни на волосъ не подвинулись по пути европейскаго прогресса въ теченіи $2^1/_2$ столѣтій и продолжаютъ по прежнему приносить жертвы религіознымъ, сословнымъ и національнымъ кумирамъ, стоявшимъ на алтарѣ Рѣчи Посполитой въ XVII столѣтіи.

Конечно на первомъ мѣстѣ у г. Сенькевича стоитъ излюбленное польскими историками и публицистами, хотя странное и съ исторической точки зрѣнія невозможное положеніе, будто Хмельницкій произвелъ все возстаніе исключительно изъ-за личной мести, за причиненныя ему Чаплинскимъ обиды. Къ темѣ этой авторъ возвращается безпрестанно, полагая вѣроятно, что отъ частаго повторенія она сдѣлается болѣе правдоподобною. Начавъ съ появленія Хмельницкаго въ Сѣчи, г. Сенькевичъ рекомендуетъ его такъ: «этотъ кровавый гетманъ, исполинъ, собирался личную обиду выместить на милліонахъ людей» (I, 172). Затѣмъ одинъ изъ героевъ повѣсти очень патетически упрекаетъ Хмельницкаго въ томъ, что онъ «изъ-за личной обиды и частной ссоры» поднимаетъ страшную сумятицу «потому только, что Чаплинскій отнялъ у него хуторъ и выругалъ его

въ нетрезвомъ видѣ» (I, 192). Самъ Хмельницкій, по мнѣнію г. Сенькевича, настолько убѣжденъ въ справедливости этого упрека, что не находитъ возраженія и въ отвѣтъ выпиваетъ лишь стаканъ водки и т. д. Мы невольно приходимъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ образованный писатель нашего времени, сочиняя историческую повѣсть, можетъ прибѣгать къ такимъ мизернымъ пріемамъ въ обрисовкѣ историческихъ дѣятелей. Мы, конечно, не отрицаемъ, что Хмельницкій былъ лично обиженъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, что Чаплинскій не только отнялъ у него хуторъ и ругалъ его спьяна, но похитилъ у него жену, засѣкъ до смерти его сына [1]) и подготовилъ ему самому смертный приговоръ, отъ котораго Богданъ едва спасся бѣгствомъ. Но если-бы эти обиды носили исключительный, личный характеръ, если-бы онѣ не были выраженіемъ общаго гнета, распространявшагося на все южно-русское населеніе края, если-бы другіе жители не подвергались такимъ-же точно, если не большимъ обидамъ, то конечно въ такомъ случаѣ возстаніе не могло-бы произойти, ибо съ одной стороны Хмельницкій нашелъ-бы защиту и удовлетвореніе въ администраціи и судѣ, съ другой народонаселеніе не поднялось-бы изъ-за личной обиды одного человѣка. Только общій гнетъ и общее насиліе вызываютъ общую реакцію и личная месть безсильна поднять народныя массы. Въ чемъ-же въ сущности заключается упрекъ Хмельницкому и по какой логикѣ въ общественной реакціи не имѣютъ права принимать участія лица, потерпѣвшія отъ безобразнаго строя общественной жизни? Если-бы это требованіе имѣло какія-либо основанія этическія или юридическія, то мы-бы имѣли лучшій рецептъ для предотвращенія всякаго протеста противъ любого общественнаго насилія. Тѣмъ, кто производитъ насиліе, слѣдовало-бы лишь настолько щедро расточать обиды, чтобы надѣлить ими всѣхъ жителей страны и лишить ихъ такимъ образомъ права на протестъ. Вообще росказни о личной мести Хмельницкаго напоминаютъ намъ анекдотъ изъ судейской практики былыхъ временъ: нѣкій буянъ затѣялъ ссору на улицѣ и ударилъ своего противника; обиженный

---

[1]) «Чаплинскій, разсердившись на Хмельницкаго за то, что онъ подалъ жалобу въ судъ на его насилія, сына его, десятилѣтняго мальчика, приказалъ своимъ слугамъ высѣчь нагайками среди рынка такъ сильно, что вскорѣ послѣ того онъ умеръ». Michałowski. Xięga pamiętnicza, стр. 5.

обратился къ четыремъ случайно проходившимъ лицамъ и просилъ ихъ быть свидѣтелями случившагося; но буянъ нисколько не смутился, онъ всѣмъ четыремъ прохожимъ далъ по пощечинѣ и объявилъ, что они, какъ «причастные къ дѣлу», не могутъ быть свидѣтелями. Такъ, по мнѣнію г. Сенькевич et consortium, и Хмельницкій является «причастнымъ къ дѣлу» и потому участіе его въ возстаніи считается дѣломъ грѣховнымъ. Интересно, такую-ли мѣрку прилагаетъ г. Сенькевичъ и къ Вильгельму Телю за его столкновеніе съ Гесслеромъ и къ Ріенци за то, что римскіе бароны убили его брата. Другіе художники, по нашему мнѣнію, далеко не уступающіе г. Сенькевичу въ силѣ артизма, но съ нѣсколько болѣе развитымъ этическимъ чувствомъ—Шиллеръ и Бульверъ, высказали по этому поводу взглядъ, противуположный его мнѣнію.

За исключеніемъ мотива личной мести, г. Сенькевичъ не замѣчаетъ въ личности Хмельницкаго никакихъ другихъ побужденій къ возстанію; по его мнѣнію, въ головѣ гетмана происходитъ страшный хаосъ, среди котораго можно замѣтить лишь проблески самаго грубаго эгоизма. Вотъ какими словами авторъ характеризуетъ внутренній складъ мыслей Богдана: «По мѣрѣ того, какъ росли силы Хмельницкаго, возросталъ и его безсознательный эгоизмъ, равнаго которому не найдемъ въ исторіи. Понятія о добрѣ и злѣ, о преступленіи и добродѣтели, о насиліи и справедливости слились въ душѣ Хмельницкаго въ одно цѣлое съ воспоминаніями личной обиды и съ представленіемъ о личной выгодѣ. Онъ считалъ честнымъ лишь того, кто ему помогалъ, и преступникомъ всякаго, кто ему противудѣйствовалъ. Онъ готовъ былъ укорять солнце въ пристрастіи и нанесеніи ему личной обиды, если-бы оно не свѣтило согласно его желанію (?). Людей, событія и цѣлый міръ онъ измѣрялъ лишь по мѣркѣ собственнаго интереса. Однако, не смотря на всю хитрость и притворство гетмана, въ его міровоззрѣніи была какая-то искренняя вѣра (?)... Весь край превращался въ пустыню, въ развалины, въ одну великую рану, залѣчить которую было невозможно въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, гетманъ-же этого не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, ибо кромѣ себя онъ ни на что не обращалъ вниманія;—въ силу чудовищнаго самолюбія онъ питался кровью и огнемъ и топилъ свой собственный край и свой собственный народъ» (I, 253—254, III, 238). Предоставляемъ философамъ оцѣнить, на-

сколько изображенная картина возможна психологически; съ исторической точки зрѣнія замѣтимъ, что она совсѣмъ невѣрна; какъ-бы мало ни была развита народная масса, она не можетъ единодушно и по собственной инициативѣ подчиняться руководству лица, преслѣдующаго исключительно эгоистическія цѣли, да притомъ лица безсознательнаго, не умѣющаго ни намѣтить цѣли своихъ дѣйствій, ни оцѣнить окружающія явленія. Южно-русскій народъ въ свое время иначе отнесся къ Хмельницкому, оказавъ ему дружную поддержку и признавъ его такимъ образомъ выразителемъ своихъ общенародныхъ интересовъ. Самъ авторъ знаетъ прекрасно, каково было отношеніе народа къ Хмельницкому; словами источниковъ онъ описываетъ въѣздъ гетмана въ Кіевъ послѣ возврата изъ-подъ Замостья и встрѣчу его духовенствомъ и народомъ съ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и съ рѣчью депутатовъ кіевской академіи, въ которой Хмельницкій провозглашенъ былъ «Богомъ даннымъ охранителемъ, спасителемъ и освободителемъ народа отъ ляцкой неволи» (III, 236). Г. Сенькевичъ, не ограничиваясь собственною общею характеристикою Хмельницкаго, пытается выразить его общественныя убѣжденія и политическій кругозоръ отъ его собственнаго лица и производитъ этотъ опытъ въ разговорѣ одного изъ своихъ фиктивныхъ героевъ съ Хмельницкимъ въ Сѣчи. Герой повѣсти, или скорѣе г. Сенькевичъ его устами читаетъ гетману строгую нотацію, мотивы которой заимствованы исключительно изъ шляхетскаго политическаго и государственнаго кругозора, но весьма не убѣдительны для лица, стоявшаго на точкѣ зрѣнія народной и общечеловѣческой; тѣмъ не менѣе въ повѣсти г. Сенькевича мотивы эти пріобрѣтаютъ значеніе непреодолимыхъ аргументовъ; бѣдный Хмельницкій не находитъ возраженій и, сраженный афоризмами своего собесѣдника, то хватается за ножъ, то выпиваетъ стаканъ водки. Онъ пытается, правда, поставить на видъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ выраженіяхъ, гнетъ, претерпѣваемый крестьянами и всѣмъ южно-русскимъ народомъ отъ шляхты. Но намекъ этотъ г. Сенькевичъ отражаетъ побѣдоносно слѣдующею аргументаціею: «Если допустимъ, что это правда, то кто тебѣ, гетманъ, поручилъ судъ и расправу. Ты увлекаешься гордостью и жестокостью. Судъ и наказаніе ты долженъ предоставить Богу... Если-бы даже всѣ шляхтичи и князья были изверги, что впрочемъ не правда, то судить ихъ можетъ лишь Гос-

подь на небесѣхъ и сеймы на землѣ, но не ты, гетманъ». «Хмельницкій опять выпилъ стаканъ водки» и т. д. (I, 194—196). Пріемъ въ спорѣ несомнѣнно весьма оригинальный и неожиданно поразившій Хмельницкаго, который не догадался даже обратить высказанный аргументъ въ противуположную сторону и предложить польскимъ гетманамъ распустить армію и предоставить рѣшеніе дѣла на судъ Божій. Но этого онъ не могъ сдѣлать потому, что, по мнѣнію беллетриста, дѣло возстанія противъ шляхетскихъ порядковъ настолько грѣховно, что конечно Хмельницкій не могъ ожидать помилованія отъ небеснаго суда. Вѣроятно, при такой постановкѣ вопроса г. Сенькевичъ такъ и остался въ недоумѣніи, почему Провидѣнію угодно было даровать цѣлый рядъ побѣдъ гетману, предпринявшему дѣло столь грѣховное. Конечно, если-бы писатель былъ менѣе субъективенъ, то, можетъ быть, за предѣлами шляхетской морали XVII вѣка онъ предъугадалъ-бы стремленія и идеалы нѣсколько болѣе широкіе и гуманные и, во всякомъ случаѣ, вовсе не обреченные на гнѣвъ Господень. Но г. Сенькевичъ и восхищающаяся имъ публика не умѣютъ, кажется, въ общественныхъ вопросахъ выйти на путь мышленія, проложенный европейскимъ прогрессомъ, и продолжаютъ вращаться въ тѣсномъ кругу воззрѣній, въ которомъ заколдовали ихъ езуиты въ XVII столѣтіи. Они подходятъ къ старому вопросу съ старыми предвзятыми сужденіями и невольно напоминаютъ замѣчательные по наивному субъективизму старинные духовные стихи, въ которыхъ «салтанъ турецкій» обращается къ св. Георгію съ слѣдующею приблизительно рѣчью:

«Ой ты гой еси, святой Георгій Побѣдоносецъ!
Брось *свою* вѣру правую, святую, христіанскую,
Прими *мою* вѣру нечистую, поганую, бусурманскую» и т. д.

Читая всю повѣсть г. Сенькевича и особенно принципіальный разговоръ, изъ котораго мы привели отрывокъ, намъ постоянно казалось, что передъ нами разыгривается мистерія, сочиненная на тему разговора Салтана съ св. Георгіемъ, въ которой роль Салтана принялъ обязательно на себя г. Сенькевичъ, предоставивъ великодушно Хмельницкому роль св. Георгія Побѣдоносца.

Остается намъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ пріемовъ артистическаго творчества г. Сенькевича. Уступая художественнымъ требованіямъ современнаго искусства, белле-

тристъ счелъ необходимымъ сообщить своимъ образамъ реальный колоритъ; вслѣдствіе этого онъ вводитъ подробности этнографическія и даже старается вложить въ уста дѣйствующихъ лицъ слова, а иногда цѣлыя рѣчи на мѣстномъ языкѣ. Этотъ couleur locale, можетъ быть и кажущійся польской публикѣ весьма типическимъ, преисполненъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и извращеній этнографическихъ и лингвистическихъ, которыя ежеминутно заслоняютъ художественныя достоинства повѣсти для всякаго читателя, сколько нибудь знакомаго съ историческою этнографіею и народною рѣчью южной Руси. Укажемъ нѣсколько примѣровъ: козаки Хмельницкаго называются по временамъ «гайдамаками» (I, 94), т. е. терминомъ возникшимъ въ XVIII столѣтіи и раньше неизвѣстнымъ въ южной Руси; козаки панскихъ надворныхъ милицій носятъ постоянно названіе «Семеновъ», а терминомъ этимъ, насколько намъ извѣстно, турки называли тѣхъ козаковъ, которые поселились въ Бессарабіи въ концѣ XVII столѣтія. Запорожцы изображаются разъ какъ полунагая голь, другой разъ оказываются одѣтыми въ мундиры, по которымъ можно отличить одинъ курень отъ другаго (I, 250). Въ полкахъ козацкихъ кромѣ полковниковъ встрѣчаются постоянно никогда не существовавшіе подполковники (I, 267). Хмельницкій, возвращаясь изъ корсунской битвы, куда то заѣзжалъ, вѣроятно, перемѣнялъ костюмъ, потому что въѣзжаетъ въ Корсунъ въ парадномъ театральномъ облаченіи, весь въ пурпурѣ. (I, 251). Запорожцы будто заставляли народъ называть себя «шляхетно урожеными козаками» (sic! I, 245). Описывая княжескій православный домъ Курцевичей, будто совершенно одичавшій въ степномъ селѣ, члены котораго учились однако у кіево-братскаго монаха, авторъ заставляетъ дѣвицу Курцевичеву писать интимныя письма на польскомъ языкѣ (I, 108), съ явнымъ подражаніемъ стилю XVII столѣтія; это неожиданное ополяченіе княжны, которой всѣ родственники говорили по русски и воспитывались подъ руководствомъ русскаго монаха, вѣроятно можно себѣ объяснить лишь теоріею г. Сенькевича о врожденномъ благородствѣ, тождественномъ, по его мнѣнію, съ польскими національными формами. Церковь Николая Добраго въ Кіевѣ передѣлана въ женскій монастырь, исключительно изъ за того, чтобы козаки могли передавить въ немъ монахинь (?) и укрывшихся въ монастырѣ «ляшекъ» (III, 266). Разныя лица по-

вѣсти поютъ по временамъ народныя пѣсни изъ репертуара, невозможнаго въ XVII столѣтіи. Такъ въ ихъ распоряженіи находятся пѣсня о Сериагѣ, никогда не бывшая народною и сочиненная нарочито псевдо-этнографами для Запорожской Старины Срезневскаго, пѣсня о Бондаривнѣ, воспѣвающая дѣянія старосты Каневскаго съ второй половинѣ XVIII столѣтія (II, 65), о Дорошенкѣ, ставшемъ гетманомъ 20 лѣтъ спустя послѣ описываемымъ событій (II, 73) и наконецъ книжныя силлабическія вирши, выписанныя изъ лѣтописи Ерлича, которыя никогда не пѣлись и пѣть которыя едва ли возможно (II, 198). Для козаковъ г. Сенькевичъ придумалъ небывалый, особый, боевой окликъ: «коли! коли!»; который они произносили будто бы не только во время схватки (I, 161), но и на радѣ, когда желали выразить готовность къ походу, хотя собственно колоть никого и не предстояло въ данную минуту (II, 164) и т. п.

Имена лицъ и мѣстъ подверглись значительнымъ передѣлкамъ для усиленія того же мѣстнаго колорита; такъ обозный генеральный Гарасимъ Чернота перекрещенъ въ «Эразма» (II, 159), полковникъ Иванъ Богунъ въ «Юрка» (III, 61), полковникъ Половьянъ въ Пулъ-Яна; какой то сотникъ Овсій въ Овсивуя; затѣмъ появляются лица съ такими фамиліями, которыхъ и возстановить невозможно, какъ полковники: Пулксенжицъ (II, 206), Наоколопалецъ (I, 267) и т. п.

Еще страннѣе передѣлки именъ географическихъ, которыя коверкаются авторомъ на польскій ладъ. Мы привыкли каждое географическое названіе произносить и писать такъ, какъ произносятъ и пишутъ туземцы; полагаемъ, что и г. Сенькевичъ не станетъ называть Ліона Люгдуномъ, Аахена Аквисграномъ, Львова Лембергомъ и т. д.; мы даже увѣрены, что онъ возмущается, когда встрѣчаетъ въ нѣмецкой печати: Позенъ, Грауденцъ, Тешенъ, Неймарктъ, вмѣсто: Познань, Грудзіондзъ, Цѣшинъ, Новы Таргъ; а между тѣмъ это общее логическое правило онъ считаетъ излишнимъ примѣнять къ названіямъ рѣкъ и городовъ южно-русскаго края. Такъ у него мы встрѣчаемъ названія: Пшола, Оржелъ, Лубнѣ, Пржылука, Мантовъ (II, 100), Брагимъ, Бучачъ (на Днѣпрѣ, II, 100) вмѣсто: Псёлъ, Орель, Лубны, Прилука, Домонтовъ, Брагинъ, Бу-

чакъ. Остерскій полкъ[1]) названъ остренскимъ (ostręski), да введенъ какой то миѳическій полкъ карвовскій (?) съ столь же миѳическимъ полковникомъ Кулакомъ (IV, 63) и т. д. Вообще географическая картина края сильно утрирована авторомъ съ цѣлью произвести возможный эффектъ. Такъ низовья Днѣпра покрыты, по словамъ г. Сенькевича, густыми лѣсами вишень, до того сплошными, что проѣзжающимъ по Днѣпру во время цвѣтенія деревьевъ кажется, что всѣ берега покрыты снѣгомъ (I, 144). Въ степяхъ нынѣшней Полтавщины произрастала будто бы столь высокая трава, что всадники исчезали въ ней совершенно (II, 46). Берега Сулы, Псла и ихъ притоковъ покрыты были огромными дѣвственными лѣсами, въ которыхъ обитали «бесчисленныя стада бородатыхъ туровъ» (I, 37) и т. д. Мы удивляемся, зачѣмъ авторъ счелъ нужнымъ разсказывать всѣ эти небылицы. Если онъ, какъ художникъ, желалъ представить наглядно пейзажи описываемыхъ имъ мѣстностей, то проще было бы познакомиться съ ними или совершивъ путешествіе въ описываемую область, или прочитавъ любой географическій очеркъ страны, вмѣсто того, чтобы рисовать фантастическія картины въ Майнридовскомъ стилѣ, въ которыхъ конечно житель южной Руси не можетъ узнать физіономіи роднаго края.

Еще безцеремоннѣе поступаетъ авторъ съ народною южнорусскою рѣчью: онъ постоянно влагаетъ въ уста южно-руссовъ слова и выраженія, будто бы заимствованныя изъ ихъ собственнаго разговорнаго языка, но по большей части выходятъ изъ этихъ попытокъ самыя странныя ошибки, а иногда весьма комическія qui pro quo. Оказывается, что слова и рѣченія, приводимыя г. Сенькевичемъ, или вовсе не существуютъ въ южно-русской рѣчи, или употреблены имъ въ совершенно превратномъ значеніи, или подверглись слишкомъ усердной передѣлкѣ на польскій ладъ, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ эта передѣлка не требуется фонетикою и польскаго языка. Приведемъ нѣсколько болѣе выдающихся примѣровъ. Послѣ опасности, которой подвергся въ степи Хмельницкій, его окружаютъ козаки, которымъ онъ разсказываетъ, какъ злоу-

---

[1]) Остерскій полкъ вовсе несуществовалъ, онъ помѣщенъ ошибочно въ спискѣ Каховскаго, вмѣсто полка прилуцкаго (Собраніе сочиненій Максимовича, т. I, стр. 666).

мышленники чуть было не задавили его арканомъ. Козаки желаютъ выразить удивленіе, ужасъ и сочувствіе и вслѣдствіе этого дружно произносятъ: «спасыби! спасыби!» (спасибо! I, 13). Читатель конечно недоумѣваетъ, кого и за что они благодарятъ. Слѣпой аскетъ, обращается къ присутствующимъ съ мрачнымъ предсказаніемъ и хочетъ сказать имъ: ‹горе вамъ братія›, но вмѣсто того говоритъ: ‹горже вамъ браця›. Конечно это не по южно-русски, но кажется и не по польски, потому, что по польски эта фраза означаетъ: «горитъ у васъ братія» (I, 72). Предчувствуя опасность, запорожцы выражаютъ свои опасенія фразою: ‹сохрани Бигъ», вмѣсто ‹бороны Боже!› (I, 166, 167). Слово царь (по польски *car* по южно-русски *царъ*) звучитъ въ устахъ южно-руссовъ г. Сенькевича ‹царжъ› (I, 225). На вопросъ шляхтича, гдѣ находится село Сыровата, спрошенный крестьянинъ отвѣчаетъ: «нѣ знаемъ никакій (ниякои) Сыроватей› (II, 53). Слово *мажа* (чумацкій возъ) передѣлано въ мазь (unguentum). Сердце преобразовано въ «сердцѣ». Криныця (въ западно южно-рускомъ говорѣ керныця) преобразована въ крыница и означаетъ не колодезь, но ручей (III, 10). Проѣзжій въѣзжаетъ въ село и, желая удостовѣриться о его названіи, спрашиваетъ у крестьянъ: ‹скажыте, дитки, вже йе Деміянувка?› (вмѣсто ‹чи се Демьянивка?›). Конечно крестьяне въ приведенной формѣ или вовсе не поняли бы вопроса, или поняли бы его въ томъ смыслѣ: ‹основано ли уже село Демьяновка›? Въ другомъ мѣстѣ, описывая наружность шляхтича, крестьянинъ такъ выражается: ‹кгрубы якъ пѣцъ, а проклинавъ какъ дідко› (вмѣсто ‹грубый якъ пичъ, а клявъ, якъ дидько). Козакъ, привезшій письмо къ полякамъ, слѣдующими словами выражаетъ свое желаніе возвратиться назадъ: ‹я письмо виддавъ, такъ и *пуйдеи*› (т. е. пиду), и т. д.—до безконечности.

Но, не ограничиваясь отдѣльными словами и фразами, г. Сенькевичъ рискуетъ сочинять цѣлыя рѣчи на языкѣ ему незнакомомъ. Конечно эта излишняя храбрость порождаетъ рѣчи, написанныя на невозможномъ, иногда совсѣмъ непонятномъ жаргонѣ, въ которомъ фонетическія и грамматическія черты нѣсколькихъ славянскихъ языковъ механически перемѣшаны и рѣчь теряетъ не только характеръ живаго организма, но и всякій смыслъ. Мы для наслажденія филологовъ славистовъ приведемъ нѣсколько образчиковъ этой за-

мѣчательной тарабарщины, которую г. Сенькевичъ выдаетъ своимъ читателямъ за живую рѣчь украинцевъ XVII столѣтія.

Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ рѣчи полковника Максима Кривоноса, въ которой онъ излагаетъ военному совѣту свою готовность къ походу: «разъ маты родыла! Война мнѣ маць и сьостра. Висьньовецки режетъ—и я буду; онъ вшаетъ и я буду... Такъ и пуйден(ę) замкiвъ будуваты (sic), быты, ризаты, вшаты! На погыбель имъ, бялоручкимъ!» (II, 164).

А вотъ образчики мнимой элоквенціи Хмельницкаго: «Згрешы князь—урезаць му шыйен(ę); згрешы козакъ—урезаць му шыйен. Кгрозицѣ ми шведами, але и они ми не здержо(ą)» (II, 251), или въ другомъ мѣстѣ онъ такъ сообщаетъ о судьбѣ Богуна: «Мени король пысавъ, же онъ въ пойедынку усѣчонъ» (II, 260) и т. д.

Такихъ и тому подобныхъ тирадъ можно-бы процитировать весьма много, но ограничимся выше приведенными. Ни одинъ славистъ не будетъ никогда въ состояніи опредѣлить, на какомъ языкѣ сказаны эти слова; многіе поляки подозрѣваютъ вѣроятно, что это по малорусски; люди, знающіе рѣчь южно-русскую, полагаютъ, что отрывки эти написаны на архаическомъ польскомъ языкѣ. Русскіе журналы, переводящіе повѣсть г. Сенькевича, вѣроятно воспроизведутъ эти перлы краснорѣчія, гадая на двое, что если они написаны не по польски, то вѣроятно по малорусски. Между тѣмъ это только общеславянская тарабарщина, придуманная г. Сенькевичемъ въ качествѣ couleur locale, при чемъ онъ не потрудился справиться ни съ фонетикою, ни съ грамматикою, ни съ лексикографіею, и, положившись слишкомъ на свои силы, возмечталъ, что талантливый писатель можетъ исключительно силою своей творческой фантазіи не только возсоздать эффектныя историческія картины, но также и правильно воспроизвести незнакомый ему языкъ.

Этими, далеко не исчерпывающими предмета, замѣтками мы и покончимъ обозрѣніе повѣсти г. Сенькевича и постараемся кратко резюмировать главныя положенія общественнаго и національнаго міровоззрѣнія автора и той многочисленной публики, которая приняла его произведеніе съ безграничнымъ восторгомъ.

Г. Сенькевичъ и его почитатели стоятъ пока еще на той низкой степени развитія патріотическаго чувства, на которой люди

полагаютъ, что все свое непремѣнно хорошо, потому только, что оно свое. Въ силу этого ложнаго патріотическаго чувства, они считаютъ долгомъ отрицать всякую попытку критическаго отношенія къ своему прошедшему и стремятся, путемъ отрицанія или извращенія несомнѣнныхъ фактовъ, путемъ всевозможныхъ натяжекъ, оправдать и возвеличить всякое безобразное явленіе въ исторической жизни своего народа. Писатель, руководящійся такимъ чувствомъ, особенно если онъ писатель талантливый и вліятельный въ своемъ обществѣ, оказываетъ этому обществу плохую услугу. Онъ способствуетъ затемнѣнію народнаго самопознанія, стремится къ увѣковѣченію ошибокъ прошедшаго, способствуетъ застою и косности и затрудняетъ прогрессъ своего народа.

Увлекаясь указанною ложно-патріотическою исходною точкою зрѣнія, г. Сенькевичъ старается освятить поэтическимъ воспроизведеніемъ, невѣрными толкованіями и громкими фразами о культурѣ и цивилизаціи всѣ тѣ историческіе недуги, которые были причиною политическаго, общественнаго и культурнаго паденія Польши: эксклюзивность національную и сословную, необузданность дворянскаго сословія, презрѣніе къ земледѣльческому классу народа и наклонность къ жестокости при сопротивленіи насилію правящаго сословія.

О государствѣ и государственной власти у автора совершенно превратныя понятія: власть эта должна, по его мнѣнію, не удовлетворять потребностямъ управляемыхъ, но навязывать имъ свои предвзятыя цѣли и, въ случаѣ протеста, обязана охранять свое достоинство жестокими казнями и даже поголовнымъ истребленіемъ народонаселенія, оказывающаго сопротивленіе.

По отношенію къ южно-русскому народу г. Сенькевичъ старается возбудить въ своихъ единоземцахъ презрѣніе, мотивированное мнимою дикостью этого народа и непригодностью его къ культурѣ; онъ разжигаетъ чувства нехорошія и несправедливыя: международную ненависть и народную гордость; онъ не умѣетъ отнестись къ противникамъ не только объективно, но даже сколько нибудь прилично; краски, которыми онъ изобразилъ южно-русскій народъ, не только исторически невѣрны, но до того пристрастны, что являются скорѣе злостнымъ пасквилемъ, чѣмъ невѣрно нарисованною характеристикою.

Не думаемъ, чтобы всѣ указанныя стороны тенденціи г. Сенькевича, какъ-бы онѣ ни льстили національному чувству, какъ-бы обаятельно ни дѣйствовали на его публику, были полезны для будущаго развитія этой публики или для удовлетворенія насущныхъ ея интересовъ. Самомнѣніе, упорное отстаиваніе своихъ ошибокъ, ненависть и отрицаніе примиренія, на основахъ болѣе широкаго и всесторонняго человѣческаго развитія, врядъ-ли могутъ послужить основаніями для лучшей умственной, нравственной и практической жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ группъ человѣческихъ.

Мы должны съ прискорбіемъ констатировать, что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по пріему оказанному повѣсти г. Сенькевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія—явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скораго поворота къ лучшему какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи.

Впрочемъ съ отраднымъ чувствомъ мы можемъ указать и симптомы прогресса. Среди польской-же интеллигенціи нашлось, правда малочисленное, меньшинство, которое опротестовало мысли и сужденія, высказанныя въ повѣсти «Огнемъ и мечемъ», и имѣло достаточно гражданскаго мужества для того, чтобы на столбцахъ четырехъ періодическихъ изданій высказать въ сдержанной, но вполнѣ ясной формѣ несогласіе съ порывами шовинизма и ретрограднаго направленія, выдвинутыми г. Сенькевичемъ. Протестъ этотъ, основанный на болѣе широкихъ гуманныхъ взглядахъ, появился въ то именно время, когда увлеченіе произведеніемъ г. Сенькевича находилось въ полномъ разгарѣ и когда пришлось плыть противъ порывистаго теченія почти всего польскаго общества. Мы полагаемъ, что дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего конечно мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой-бы онъ средѣ не проявлялся.

В. Антоновичъ.

„ПРОРОКЪ"-МНОГОВѢРЪ
и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ.
(1825—1833 гг.).

Въ числѣ старыхъ дѣлъ, недавно переданныхъ изъ бывшихъ кіевскихъ судовъ въ центральный архивъ при кіевскомъ университетѣ, находится въ отдѣльной связкѣ небольшое «дѣло объ именующемся шляхтичемъ Аѳанасіи Марцинкевичѣ, судившемся за неимѣніе письменнаго вида, бродяжество и внушеніе противныхъ христіанской религіи словъ по губерніямъ: минской, волынской, кіевской, полтавской, екатеринославской, таврической и херсонской людямъ простаго состоянія» и пр. Дѣло это прошло черезъ всѣ тогдашнія судебно-уголовныя инстанціи г. Кіева: нижній земскій судъ, повѣтовый судъ, 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда, и тянулось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Къ сожалѣнію, тогдашній судъ занялся исключительно почти безпаспортностью Марцинкевича и если производилъ о немъ кое-какія справки и дознанія, то единственно съ цѣлью удостовѣренія его личности; что-же касается «внушенія Марцинкевичемъ противныхъ христіанской религіи словъ людямъ простаго состоянія», то эта сторона дѣла осталась совершенно не обслѣдованною, становится извѣстною намъ единственно по показаніямъ подсудимаго, да по особой, составленной имъ въ тюрьмѣ запискѣ о предметахъ своего вѣроученія и призваніи его Богомъ на дѣло проповѣди, и въ качествѣ обвинительнаго пункта выступаетъ, и то совершенно случайно, лишь подъ конецъ судебнаго о немъ процесса. И показанія и записка Марцинкевича даютъ намъ

какую-то странную смѣсь повидимому противоположныхъ другъ другу вѣрованій и положеній не то жидовствующаго, не то раціоналистическаго характера, съ оттѣнкомъ крайняго, почти болѣзненнаго мистицизма,—смѣсь, въ которой разобрать трудно, что откуда; во всемъ «дѣлѣ» о подсудимомъ также нѣтъ и намековъ на то, откуда онъ позаимствовалъ свои «лжеумствованія» и подъ вліяніемъ какихъ причинъ въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ совершился рѣзкій переломъ, приведшій его къ рѣшительному извращенію христіанства въ самыхъ его основахъ. Но совокупляя всѣ мелкія данныя, разбросанныя въ дѣлѣ о Марцинкевичѣ и анализируя его показанія и записку, нельзя не видѣть въ немъ фанатика религіозной доктрины, хотя крайне неопредѣленной: это не оригинальный религіозный новаторъ даннаго времени, скорѣе это человѣкъ, подавленный встрѣчавшимся на жизненномъ его пути разновѣріемъ,—*многовѣръ*, какъ есть старовѣры, какъ бываютъ нововѣры, но съ такимъ пламеннымъ религіознымъ одушевленіемъ, съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ вѣрованій, которыя зародили въ немъ мысль, что онъ есть «слуга и пророкъ Божій». Дойдя до сознанія своего высшаго призванія, Марцинкевичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ревностно пропагандируетъ свое ученіе, безпрепятственно обходитъ съ проповѣдью почти всю южную Россію—отъ Минска до Николаева и отъ Дона до Житоміра, безпрестанно подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, не разъ изнемогаетъ подъ бременемъ своего подвига и, подобно библейскому пророку Іонѣ, рѣшается однажды оставить родину и бѣжать «отъ гласа Божія» въ Турещину, но удерживается высшею волею и, наконецъ, попадаетъ подъ судъ, восемь лѣтъ томится то въ тюрьмѣ, то въ домѣ умалишенныхъ, и умираетъ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія судомъ начатаго о немъ дѣла. Личность Марцинкевича очень интересна, не столько быть можетъ сама по себѣ, сколько по своей оригинальной судьбѣ, и благодаря сохранившемуся о немъ «дѣлу» и многоглаголанію судебныхъ бумагъ того времени, мы можемъ воспроизвести разсказъ объ немъ и о судѣ надъ нимъ, способный перенести насъ въ недалекое наше прошлое, въ среду бѣднаго вѣрующаго люда, и отчасти очертить намъ старые судебные порядки въ Кіевѣ.

Четырнадцатаго апрѣля 1825 г. выдался необыкновенно теплый, весенній день. По случаю наступившей страстной седмицы, члены кіевскаго нижняго земскаго суда хотя и явились въ присутствіе, но видимо тяготились своими обычными занятіями и давно готовы были-бы дать стречка изъ засѣданія, если-бы не удерживалъ ихъ на мѣстахъ угрюмый видъ первоприсутствующаго засѣдателя Калиновскаго, неподвижно возсѣдавшаго на своемъ креслѣ и разсѣянно прислушивавшагося къ веселому чириканью воробьевъ за окномъ. Собственно говоря, онъ и самъ предпочелъ-бы предаться этому занятію не здѣсь, а дома, снявъ съ себя лишнія одежды и съ трубкою въ рукахъ; но его удерживала мысль о той невообразимой кутерьмѣ, какая (онъ навѣрное это зналъ) поднята была дома его достопочтенною Степанидою Кононовною по случаю предпраздничныхъ приготовленій. Поэтому онъ рѣшилъ высидѣть въ присутствіи все узаконенное время, т. е. до вечерняго благовѣста въ братскомъ монастырѣ. Это рѣшеніе болѣе всего огорчало судейскаго секретаря Снѣжка, который, въ качествѣ молодаго человѣка, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ это самое время избранная кіево-подольская публика прогуливается въ Царскомъ саду и любуется зрѣлищемъ разлива днѣпровскаго, до каковаго зрѣлища и самъ онъ, секретарь нижняго земскаго суда, былъ большой охотникъ. Ктому-же, не далѣе какъ вчера лучшій подольскій портной, самъ цехмистеръ «кравецкого цеха» прислалъ ему сшитый къ празднику новый сюртукъ изъ аглицкаго сукна, цвѣта верблюжьей шерсти, съ бархатнымъ зеленымъ воротникомъ и «лацканами»,—вотъ-бы хорошо теперь щегольнуть обновкой въ Царскомъ саду передъ подольскими «панночками!» Нѣтъ, онъ рѣшительно не станетъ оставаться въ судѣ до конца присутствія и придумаетъ какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы испросить у первоприсутствующаго позволеніе уйти раньше срока. Онъ уже привелъ въ порядокъ лежавшія предъ нимъ бумаги и поднялся съ мѣста, чтобы исполнить задуманное намѣреніе, когда въ сѣняхъ послышались чьи-то голоса, а вошедшій сторожъ доложилъ, что пришли крестьяне изъ с. Копачева [1]) и привели какого-то арестанта «при бумагѣ отъ экономіи».

---

[1]) Кіевской губерніи и уѣзда.

— Отъ прынесла ихъ нечиста!—проворчалъ Снѣжко. «Де-жъ та бумага? Неси іи сюда!»

Бумага была отобрана и вручена засѣдателю. Тотъ не спѣша надѣлъ очки, разрѣзалъ пакетъ изъ грубой синей бумаги, запечатанный плохимъ сюргучемъ, вынулъ оттуда изпещренный блѣдными каракулями поллистъ такой-же синей бумаги и прочелъ въ этихъ каракуляхъ слѣдующее:

Въ кіевскій нижній земскій судъ

Копаческой економія

Рапортъ.

Въ слѣдствіе данно свидѣтельства изъ кіевского губерскаго правленія для свободного пропуска въ повѣтовой городъ Чигиринъ, въ коемъ пояснено: не проживать ему нигдѣ и не держать никому; которой занимаясь пророчествомъ повсемѣстнымъ и проповѣдуеть разнія неприличнія пророчества, котораго сія економія запечатавъ, при семъ честь имѣеть оному суду препроводить. Апрѣля 13 дня, 1825 года.

Економъ *Шемпинскій.*

— Хочъ мене вбыйте, ничого не второпаю, що тутъ накрутивъ премудрый економъ! проговорилъ засѣдатель, передавая бумагу секретарю. «На, лишъ, прочитай, може ты молодшій краще розберешъ».

Секретарь пробѣжалъ глазами бумагу и видимо тоже ничего въ ней не понялъ. Наконецъ, онъ догадался осмотрѣть конвертъ и вынулъ оттуда еще одну бумагу, которая и разъяснила, въ чемъ дѣло: то было проходное свидѣтельство, выданное изъ кіевскаго губернскаго правленія «именующемуся отставнымъ товарищемъ татарскаго уланскаго полка Аѳанасію Марцинкевичу» для слѣдованія въ повѣтовый городъ Чигиринъ и обратно, въ каковомъ свидѣтельствѣ предъявителю дѣйствительно вмѣнялось въ обязанность «въ слѣдованіи на пути нигдѣ напрасно не проживать». Очевидно стало, что объ этомъ-то свидѣтельствѣ, отобранномъ у какого-то Марцинкевича, копачевскій экономъ и упоминаетъ въ своемъ рапортѣ и что при рапортѣ долженъ находиться этотъ самый Марцинкевичъ.

Дѣйствительно въ слѣдъ за симъ, по распоряженію засѣдателя, введенъ былъ въ присутствіе и самый арестантъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, трехъ человѣкъ копачевскихъ крестьянъ. То былъ

худощавый, малорослый, довольно уже пожилой человѣкъ, съ длинными, темнорусыми волосами и морщинистымъ, земельнаго цвѣта лицемъ. На немъ былъ полукрестьянскій, полушляхетскій костюмъ, сильно засаленный и оборванный, и вся его тощая фигура имѣла крайне жалкій видъ. Онъ спокойно и толково отвѣчалъ на обращенные къ нему со стороны засѣдателя вопросы о его имени, званіи, лѣтахъ, но затѣмъ, выступивъ впередъ, скороговоркой, на смѣшанномъ польско-бѣлорусско-малорусскомъ нарѣчіи, заговорилъ что-то такое о томъ, что онъ человѣкъ слабый «а подойшлый», не имѣетъ силъ «заробить на кавалекъ хлѣба», и чтобы не отправляли его пѣшкомъ обратно въ Чигиринъ, а пожалѣли-бы его старыя ноги. Неожиданно-одушевленный тонъ его рѣчи и странный выговоръ нѣкоторыхъ словъ вызвали улыбку на лицахъ присутствующихъ. Это сразу взорвало его: «нехъ панове не смиваютъ се зе мнѣ, бо они невне не знаютъ, зъ кого смиваютъ!» выпалилъ онъ въ упоръ смѣявшимся, и его сѣрые, слезившіеся глаза метнули искрами. Ему приказали удалиться, а присутствіе нижняго земскаго суда, по выслушаніи рапорта копачевской экономіи, составило надлежащій журналъ, въ коемъ «приказали: представленнаго при семъ человѣка допросить и, что покажетъ, доложить, а между тѣмъ содержать его подъ стражей».

На другой день состоялся допросъ арестанта. Его біографія оказалась настоящей Одиссеей. Зовутъ его и прозываютъ Аѳанасій Тадеушъ Марцинкевичъ; отъ роду ему 47 лѣтъ, исповѣданія римско-католическаго, въ каковомъ пребывалъ до 1822 года, а съ того года и по сіе время въ ономъ по своей волѣ не пребываетъ (почему—объ этомъ скажется ниже); грамоты россійской и польской читать и писать умѣетъ. Родился онъ въ минской губерніи, игуменскаго повѣта, въ м. Березенѣ, отъ родителей шляхтичей Ильи и Марины Марцинкевичей, уже умершихъ, гдѣ и по ревизіи былъ записанъ и гдѣ проживаютъ его братья, сохраняя у себя древнія привиллегіи, пожалованныя нѣкогда польскимъ королемъ Сигизмундомъ III предку ихъ, маіору Марцинкевичу, на земельныя владѣнія и гербъ бѣлаго лебедя. Выросши при родителяхъ, Аѳанасій на 30 году своей жизни поступилъ въ 1808 г. добровольно на военную службу въ татарскій уланскій полкъ и черезъ годъ произведенъ былъ въ званіе «товарища» (нѣчто въ родѣ офицера). Въ этомъ званіи онъ участвовалъ

въ отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ противъ французовъ подъ Брестомъ-Литовскимъ, Пружанами, Турійскомъ, Любомлемъ и наконецъ подъ Межиричемъ (послѣднія три мѣстности—на Волыни), гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелями и отправленъ въ Варшаву (въ ноябрѣ 1812 г.). Когда французы бѣжали изъ Россіи, а русская армія предприняла походъ за-границу, Марцинкевичъ снова присоединился къ своему полку, но въ дорогѣ заболѣлъ и былъ оставленъ для излѣченія въ м. Скрипѣвичахъ. Черезъ шесть недѣль онъ выздоровѣлъ, и такъ какъ полкъ его ушелъ уже далеко, то его зачислили въ 12-й пѣхотный вольтижерскій корпусъ, съ которымъ онъ и отправился за границу. Полгода спустя, Марцинкевичъ снова былъ взятъ въ плѣнъ венгерскими гусарами въ сраженіи подъ г. Дрезденомъ и отправленъ въ маркграфство моравское, въ г. Ольмюцъ. Здѣсь его завербовали въ австрійскую службу и послали въ католинскій региментъ, гдѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ; но въ августѣ 1816 г. бѣжалъ оттуда, шатался нѣкоторое время по разнымъ мѣстамъ въ Германіи и Пруссіи и, прибывъ въ Кенигсбергъ, явился къ находившемуся тамъ россійскому генеральному консулу фонъ-Рету (Reth), который и выдалъ ему проходное свидѣтельство для возвращенія въ Россію. Прибывъ на родину, Марцинкевичъ видимо затруднялся вопросомъ, что ему дѣлать здѣсь и къ чему пристроиться. Узнавъ, что на его родинѣ (въ игуменскомъ уѣздѣ) квартировалъ тогда его прежній татарскій уланскій полкъ, онъ явился къ полковнику и выразилъ желаніе продолжать службу подъ его командой. Его, однако, не приняли въ службу, но охотно выдали ему увольнительное свидѣтельство, въ которомъ прописали, что служившій въ означенномъ полку «товарищемъ» Аѳанасій Марцинкевичъ «у штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ и велъ себя честно и допропорядочно, нынѣ-же за выслуженіемъ лѣтъ, по слабости здоровья и по неспособности далѣе продолжать кавалерійскую службу, уволенъ отъ полка». Пришлось Марцинкевичу просить пріюта у своихъ братьевъ. Но братья были сами люди бѣдные, жили на чужой землѣ и съ нуждой перебивались съ своими семьями. Надо было искать частныхъ заработковъ. И вотъ отставной «товарищъ» нанимается въ услуженіе къ одному купцу и съ открытіемъ навигаціи 1817 г. отправляется на его плотахъ по Днѣпру внизъ до Кременчуга, а зимою служитъ у бобруйскаго купца Терлецкаго,

который теряетъ его паспортъ, вслѣдствіе чего Марцинкевичъ подвергается полицейскому задержанію и попадаетъ подъ судъ за проживательство безъ письменнаго вида. Черезъ годъ бобруйскій нижній земскій судъ, по наведеніи надлежащихъ справокъ, удостовѣряется въ личности Марцинкевича и освобождаетъ его, съ выдачей проходнаго свидѣтельства для слѣдованія въ игуменскій уѣздъ минской губерніи. Но Марцинкевичу нечего было дѣлать на родинѣ и онъ не захотѣлъ возвращаться туда, а проживалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ минской и могилевской губерніи, занимаясь обученіемъ грамотѣ дѣтей мелкихъ шляхтичей. Подъ конецъ этого времени онъ гдѣ-то затерялъ свой документъ (указъ объ отставкѣ) и это обстоятельство скоро и существенно ухудшило его скитальческую жизнь: никто не хотѣлъ принимать его къ себѣ въ домъ, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за передержательство безпаспортнаго. Худо пришлось тогда Марцинкевичу! Зашелъ онъ какъ-то въ одинъ католическій кляшторъ и сталъ проситься, чтобы его приняли на службу,—ему отказали; обратился онъ съ такою-же просьбою въ православный (дятеловскій, пинскаго уѣзда) монастырь, но и тамъ получилъ отказъ. Пошелъ огорченный Марцинкевичъ, куда глаза глядятъ. Наступила ночь, и онъ, идя лѣсомъ, пѣлъ по польски псаломъ: «Услыши, Боже, гласъ мой!» а, помолившись, легъ подъ деревомъ и уснулъ. Въ полночь, по словамъ Марцинкевича, было ему видѣніе: въ чудномъ сіяніи предъ нимъ спустился съ неба кто-то, въ комъ онъ предположилъ самаго Бога; явившійся предрекъ скорую гибель христіанскимъ народамъ за то, что они утѣснили народъ Божій—іудеевъ; онъ-же объявилъ ему, что Христосъ не есть Сынъ Божій, а посланъ былъ на землю для временнаго наказанія Израиля. Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ Марцинкевичу повелѣно было открыто возвѣщать людямъ и располагать ихъ къ покаянію; это-же повелѣніе, спустя нѣкоторое время, повторено было ему еще два раза въ сонномъ видѣніи.

Такъ повѣствовалъ о себѣ на судѣ Марцинкевичъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разсказанному имъ видѣнію предшествовалъ какой-то продолжительный и сложный процессъ переработки религіозныхъ его вѣрованій, начавшійся, вѣроятно, еще во время заграничныхъ его скитаній, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ тогдашними нѣмецкими піэти-

тистами и мистиками; къ сожалѣнію, въ «дѣлѣ» нѣтъ никакихъ на это указаній. Ниже мы болѣе подробно познакомимъ читателя съ религіозными воззрѣніями Марцинкевича, какъ они сформировались у него впослѣдствіи, а пока продолжимъ исторію его дальнѣйшихъ скитаній.

Получивъ вторичное напоминаніе о неукоснительномъ исполненіи возложенныхъ на него свыше «пророческихъ» обязанностей, Марцинкевичъ не посмѣлъ болѣе противиться волѣ Божіей. Но онъ горькимъ опытомъ извѣдалъ уже, какъ существенно отличны условія его времени отъ тѣхъ древнихъ временъ, когда пророки Божіи, повинуясь лишь силѣ призвавшаго ихъ духа и не нуждаясь ни въ какихъ паспортахъ, обходили грады и веси, проходили царства и языки и преплавали моря. Поэтому онъ рѣшился сперва отправиться на родину, чтобы добыть надлежащій документъ на мѣсто утраченнаго имъ свидѣтельства объ отставкѣ. Дошелъ онъ благополучно до предѣловъ роднаго уѣзда, но здѣсь въ первомъ-же селеніи мѣстный ключь-войтъ арестовалъ его за неимѣніе паспорта и подъ стражей препроводилъ въ г. Игуменъ. Пока игуменскій нижній земскій судъ собиралъ нужныя справки, Марцинкевичъ 8 мѣсяцевъ просидѣлъ въ заключеніи, а затѣмъ, въ виду открывшейся прежней судимости его за безпаспортность-же въ г. Бобруйскѣ, дѣло о немъ поступило «для дослѣдованія» въ бобруйскую полицію, самъ-же подсудимый этапнымъ порядкомъ переведенъ былъ въ бобруйскую тюрьму, гдѣ опять пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Отсюда его подъ карауломъ препроводили въ м. Несвижъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи), гдѣ въ то время квартировалъ татарскій уланскій полкъ, для удостовѣренія, точно-ли подсудимый служилъ прежде въ этомъ полку и не бѣжалъ-ли онъ со службы. Здѣсь личность Марцинкевича была окончательно удостовѣрена и ему выдали изъ полка вторичное свидѣтельство объ отставкѣ, вмѣстѣ съ которымъ онъ получилъ, наконецъ, и свободу. Это случилось въ маѣ 1823 г. Тогда-то Марцинкевичъ, слѣдуя примѣру апостольскому и памятуя слово: «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ», отряхнулъ прахъ родины отъ ногъ своихъ и направился для проповѣди въ тотъ благодатный край, который пришелся ему по душѣ еще въ то время, когда онъ гонялъ плоты по волнамъ днѣпровскимъ, т. е. въ Малороссію. Изъ минской губерніи, онъ спустился въ волынскую, далѣе въ кіевскую,

полтавскую, екатеринославскую, заходилъ и на берега тихаго Дона, оттуда—въ таврическую и херсонскую губерніи. Два года провелъ онъ въ такихъ странствованіяхъ, обращаясь съ проповѣдью преимущественно къ людямъ простаго званія и внушая имъ, чтобы они иконамъ не кланялись, священниковъ не слушали, Іисуса Христа за Спасителя не почитали и Ему не молились. Можно полагать, что въ таврической губерніи Марцинкевичъ встрѣчался въ жившими тамъ сектантами, духоборцами и, вѣроятно, этому обстоятельству надо приписать нѣкоторое сходство его ученія съ воззрѣніями этой секты. Изъ Николаева черезъ Одессу Марцинкевичъ возвратился въ кіевскую губернію и собирался уже отсюда направиться въ подольскіе края; но тутъ съ нимъ случилось непріятное приключеніе.

Шелъ онъ въ м. Камянку (чигиринскаго уѣзда) и остановился для отдыха въ Ребидайловской корчмѣ, гдѣ встрѣтилъ какого то проѣзжаго унтеръ-офицера. Вступивъ съ нимъ въ разговоръ, Марцинкевичъ задумалъ обратить его въ свою вѣру и конфиденціально открылся предъ нимъ въ своемъ званіи «пророка Божья». Въ отвѣтъ на это признаніе унтеръ-офицеръ позвалъ бывшихъ въ корчмѣ крестьянъ и приказалъ имъ связать Марцинкевича и представить по начальству. Строгій унтеръ-офицеръ поѣхалъ далѣе, а пьянствовавшіе крестьяне на другой день дали узнику свободу, но сочли себя въ правѣ воспользоваться его убогимъ багажемъ, гдѣ, вмѣстѣ съ платьемъ, хранилось и его свидѣтельство объ отставкѣ. Зная по неоднократному горькому опыту, какъ трудно жить на свѣтѣ безъ документа, Марцинкевичъ отправился въ чигиринскій нижній земскій судъ и заявилъ жалобу о грабежѣ, а чрезъ мѣсяцъ ходилъ лично жаловаться о томъ же къ кіевскому губернатору, по распоряженію котораго и было выдано ему изъ кіевскаго губернскаго правленія проходное свидѣтельство для слѣдованія въ г. Чигиринъ, куда вмѣстѣ съ тѣмъ было послано какое то предписаніе по его жалобѣ. Въ Чигиринѣ Марцинкевичу сказали, что его дѣло уже отослано въ Кіевъ, и велѣли возвратиться и самому туда же; но въ виду наступившей осени и по неимѣнію теплаго платья, онъ провелъ зиму въ чигиринскомъ повѣтѣ, ходя по разнымъ селамъ для испрошенія милостыни и для проповѣди, въ началѣ же апрѣля отправился въ Кіевъ съ намѣреніемъ явиться въ губернское правленіе и узнать о своемъ дѣлѣ; но при проходѣ

черезъ м. Копачевъ, по распоряженію эконома, былъ взятъ подъ караулъ и при рапортѣ доставленъ въ кіевскій нижній земскій судъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его теперь.

Въ дополненіе къ этому показанію, спустя нѣсколько дней отъ Марцинкевича изъ тюрьмы поступило въ судъ любопытное заявленіе, написанное имъ своеручно, на польскомъ языкѣ, съ надписью вверху: *Całemu sądu kijowskiemu czytać, jeden drugiemu podawając.* Эта записка Марцинкевича содержитъ себѣ отчасти повтореніе того, что высказано имъ при изустномъ допросѣ и записано секретаремъ суда, отчасти же новыя подробности относительно призванія его на проповѣдь, равно изложеніе его своеобразнаго вѣроученія, за распространеніе котораго ему пришлось угодить подъ судъ. Приведемъ изъ нея въ переводѣ на русскій языкъ болѣе важное и существенное, опуская извѣстное уже изъ его словеснаго показанія.

«Я, слуга Божій,—начинаетъ Марцинкевичъ свое посланіе изъ тюрьмы,—подаю ко всеобщему свѣдѣнію то, что Всевышній благоволилъ открыть мнѣ, человѣку грѣшному, и о чемъ Онъ повелѣлъ объявлять всѣмъ и каждому. Откровеніе это послѣдовало въ 1822 г. такимъ образомъ. Ночью, когда одолѣлъ меня сонъ въ лѣсу, услышалъ я шумъ и, открывъ глаза, увидѣлъ на воздухѣ какъ бы простой столъ, поддерживаемый четырьмя человѣками, также на воздухѣ парившими, а на томъ столѣ стоялъ какъ бы еврей, въ бѣломъ одѣяніи, который, назвавъ меня по имени, сказалъ: «я баде-рей-оры, бадей, говорящій нынѣ съ тобою!» и такъ какъ я неоднократно читалъ библію, то тотчасъ уразумѣлъ, что оныя слова означаютъ имя Божіе. Въ страхѣ я палъ на колѣни, сложилъ на груди руки и началъ пѣть молитву: «Царю небесный, утѣшителю». Явившійся мнѣ слушалъ внимательно, стоя въ воздухѣ, а я, окончивъ пѣніе, воскликнулъ: «о всевышній Творецъ неба и земли: теперь мы, бѣдные люди, погибли»! на что Онъ отвѣтилъ: «такъ, вы погибнете! не дамъ вамъ ничего, ибо вы мой народъ утѣснили, и я васъ скоро разсѣю, опущу на васъ мою руку и погублю васъ». Тогда я спросилъ: «Господи! прикажешь ли славить Сына твоего единороднаго, посланнаго Тобою Іисуса Христа, или нѣтъ»? и получилъ отвѣтъ: «какъ себѣ хочешь: я его не знаю». И съ этими словами явившійся быстро поднялся къ

облакамъ, какъ пуля, пущенная изъ ружья, и только видно было четыре какъ бы птицы съ крыльями, а подъ облаками сдѣлалось бѣло, какъ бы простыня была протянута, а потомъ и то сошло и невидимо стало. Долго я лежалъ на томъ мѣстѣ, какъ полумертвый, и плакалъ горько, ибо доселѣ возлагалъ на Христа надежду спасенія души своей, а теперь утратилъ эту надежду. Когда я снова уснулъ, приходитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и говоритъ: „встань и не бойся! я повѣдаю тебѣ, чей есть сынъ Іисусъ Христосъ, которому вы покланяетесь: Онъ сынъ Юпитера и былъ посланъ въ наказаніе Израилю за грѣхи, надъ которымъ онъ и далъ власть господствовать вашимъ народамъ. Читай псалмы Давида и они все это объяснятъ тебѣ. А ты долженъ будешь проповѣдывать тѣ слова людямъ и увидишь чудеса Всевышнаго». Переночевавъ на томъ мѣстѣ, я всталъ и пошелъ далѣе, а по пути читалъ псалмы Давида, ибо имѣлъ ихъ въ переводѣ съ русскаго на польскій языкъ. Вникнувъ въ смыслъ псалмовъ, я тотчасъ убѣдился въ истинѣ, но не смѣлъ еще объявлять о ней людямъ. Вскорѣ я нашелъ себѣ мѣсто: сталъ у одного писаря за «директора» (т. е. учителя) и прожилъ у него три недѣли, обучая дѣтей его грамотѣ; а далѣе стало твориться со мной что-то странное: бывало, лишь только усну, ко мнѣ приходитъ какая-то дѣвушка (dziwka), беретъ меня за горло и начинаетъ душить; но въ ту минуту являлся какой-то старичекъ и спасалъ меня отъ рукъ той дѣвушки. Я просыпался, молился Богу, снова ложился спать; но едва только засыпалъ, какъ приходила таже дѣвушка и снова душила меня за горло, а старичекъ защищалъ меня. Одинъ разъ она душила меня съ такою силою и такъ долго, что я совсѣмъ уже началъ умирать; какъ вдругъ приходитъ тотъ, который объяснилъ мнѣ, чей сынъ Христосъ, и, освободивъ меня изъ рукъ той дѣвушки, говоритъ мнѣ: «иди и проповѣдуй всѣмъ трехдневное покаяніе». А въ то время было утеряно мною свидѣтельство о моей отставкѣ и я ходилъ лишь съ тѣми аттестатами, какіе имѣлъ отъ разныхъ пановъ, у которыхъ служилъ». Далѣе Марцинкевичъ передаетъ извѣстную уже намъ изъ его показанія исторію ареста и суда надъ нимъ въ г.г. Игуменѣ и Бобруйскѣ, до той поры, когда ему выдано было изъ полка вторичное свидѣтельство, и онъ, получивъ свободу, отправился на проповѣдь. «Прошелъ я (пишетъ онъ далѣе) часть грод-

ненской и минской губерніи и вступилъ въ предѣлы житомирской (т. е. волынской), былъ и въ г. Житомирѣ; затѣмъ ходилъ по губерніямъ: кіевской, полтавской, екатеринославской, заходилъ и на Донъ, и въ таврическую губернію, и всюду, гдѣ ни проповѣдывалъ я тѣ слова, что были открыты мнѣ свыше, вездѣ меня бранили, а въ иныхъ мѣстахъ и въ «холодную» сажали. И помыслилъ я въ сердцѣ своемъ: «Господи! развѣ-жъ можно отъ меня требовать больше, чѣмъ отъ другихъ людей? Пойду въ Одессу, сяду тамъ на корабль и поѣду въ Турецкую землю: авось тамъ буду жить въ покоѣ»! Пришелъ я въ г. Николаевъ, къ лиману, и сѣлъ на катеръ, чтобы ѣхать въ Одессу. Когда катеръ вышелъ въ море, поднялась страшная буря и продолжалась все время, пока мы прибыли въ Одессу. Я сильно испугался и, выйдя на берегъ, болѣе трехъ часовъ лежалъ въ забытьи. А во снѣ приходитъ тотъ, который послалъ меня на проповѣдь, и говоритъ: «возвращайся назадъ, ибо въ Турецкую землю тебѣ не за чѣмъ ѣздить». Я долженъ былъ повиноваться и на обратномъ пути повсюду проповѣдывалъ простымъ людямъ. Изъ Чигирина думалъ я направиться въ подольскую губернію, но прослышалъ, что въ м. Смѣлой проживаетъ одинъ мужъ Божій, обладающій великими знаніями. Я направился къ нему; но въ Ребидайловской корчмѣ, лишь только началъ я объявлять тѣ слова, что мнѣ открыты были, меня связали хлопы изъ с. Давыдовки и отобрали мой «клунокъ» съ платьемъ и паспортомъ». Далѣе слѣдуетъ извѣстная намъ исторія ареста Марцинкевича копачевскимъ экономомъ и препровожденія его въ Кіевъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ обращается къ судьямъ съ такою рѣчью: «вы, господа судьи, насмѣхались надо мною, хотя сами не знали, надъ кѣмъ насмѣхались. Теперь имѣете сіе писаніе мое и знаете, кто я. Покажите это писаніе губернатору и митрополиту, пошлите и высшему начальству, ибо я человѣкъ слабый и ходить дальше не могу. Нѣтъ у меня также силъ заработать себѣ хлѣба, и потому вы должны давать мнѣ пропитаніе, пока держать здѣсь будете; ибо я такой же человѣкъ, какъ и другіе, подлежу болѣзнямъ и нуждаюсь въ питаніи».

Во второй половинѣ своего посланія Марцинкевичъ «объявляетъ вѣрнымъ народамъ Божіимъ слѣдующіе пункты, которые ему повелѣно гласить отъ высочайшей и страшной руки Божіей:

1) скоро наступитъ голодъ, моръ и казнь Божія; 2) молитвъ и поклоновъ нашихъ не благоволитъ принимать Всевышній; 3) Богъ скоро разсѣетъ насъ за утѣсненіе Его народа израиля, спуститъ на насъ руку свою всемогущую и страшную и погубитъ всѣхъ насъ, христіанъ; 4) Всевышній ничего не благоволитъ знать о Христѣ, и если кто хочетъ чтить Христа, пусть чтитъ Его до конца своей жизни; Всевышній не возбраняетъ этого; 5) кто хочетъ сдѣлаться подобнымъ израилю, пусть удалится въ безлюдное мѣсто, выкопаетъ для себя яму глубиною въ поясъ и въ теченіе трехъ дней и ночей пусть взываетъ съ плачемъ: «Всевышній Творче неба и земли, единый Боже! смилуйся надо мною!» Къ этому Марцинкевичъ прибавляетъ и догматическія какъ бы основанія высказанныхъ имъ аподиктически положеній: «наши архіереи, іереи и книжники утверждаютъ, будто Іисусъ есть сынъ Бога Авраама и Исаака; а мнѣ во время молитвы открыто, что Іисусъ есть сынъ Юпитера. И вотъ теперь наступаетъ часъ, когда Юпитеръ будетъ низвергнутъ съ неба на землю; та же участь ожидаетъ, вѣроятно, и нашего Христа, какъ о томъ написано въ евангеліи: прійдетъ день, когда звѣзды упадутъ на землю и силы небесныя подвигнутся. Туда слетятся орлы, ибо отецъ Іисуса возсѣдаетъ на орлѣ. Тогда упразднится и христіанство, а на его мѣстѣ воцарится на землѣ правда Божія. Въ то время будетъ возстановленъ новый Іерусалимъ и Господь Богъ снова станетъ принимать жертвы всесожженія, какъ о томъ у Давида пророка въ 50-мъ псалмѣ написано: «яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы»... (цитата до конца псалма). Хотя наши архіереи, іереи и книжники выводятъ, будто церковь или костелъ есть тотъ новый Іерусалимъ, о которомъ говорится у пророка Давида, но вы сами видите, что это сказка; и какъ нѣтъ правды въ нашихъ богахъ и костелахъ, такъ нѣтъ ея и въ цѣломъ народѣ христіанскомъ: повсюду одно ругательство, воровство, прелюбодѣйство, убійства. А отъ чего все это происходитъ? Отъ того, что Іисусъ упразднилъ законъ Божій, а себя и отца своего Юпитера чтить приказалъ. Посмотрите, какой теперь законъ и какая правда царствуютъ въ мірѣ? Левъ пануетъ, тигръ за нимъ, лисица лукавитъ, волкъ чужое стадо пожираетъ, а оселъ погибъ. Такое же точно право и законъ установилъ и Христосъ въ евангеліи: «кто имѣетъ много, тому еще дано будетъ, а кто имѣетъ мало, у того и послѣднее отнимется». Отсюда

каждый легко увидитъ и уразумѣетъ, что настало въ мірѣ безъ Бога. И самой малой мухи никто, кромѣ Бога, создать не можетъ; а наши христіане доскамъ и земнымъ богамъ покланяются, и за то Господь всевышній прогнѣвался на всѣхъ христіанъ и хочетъ вскорѣ погубить ихъ! Поэтому всѣ спѣшите покаяться тѣмъ способомъ, какъ выше показано, ибо я одинъ не могу заступиться за васъ всѣхъ. Видите сами, какіе теперь люди ненасытные; еще большій прожора—духъ нечистый. Для него недостаточно, что онъ пожралъ милліоны милліоновъ душъ: онъ и теперь, гоняясь за мной, еще проситъ ихъ у меня, и я долженъ буду дать безъ отговорки. Посему вы какъ можно скорѣе кайтеся; старшіе начните первыми. Знаете-ли, что кого я отдамъ ему, того онъ заживо сожретъ, и только съ великимъ стенаніемъ проситъ моего на то позволенія. Но вы спѣшите принести покаяніе и исповѣдайте единаго Бога, который простеръ Себя съ неба до земли и отъ края до края и трудится для васъ, заботясь о вашемъ пропитаніи. А дурныхъ и порочныхъ людей (hultajów), если имѣете въ рукахъ, карайте смертью, ибо вскорѣ будетъ присланъ бѣсъ, который откроетъ отъ вѣковъ скрытыя въ землѣ сокровища, и всѣ «гультяи» пойдутъ за нимъ. Вы ихъ щадите теперь, а они вамъ въ тотъ часъ не дадутъ пощады. Не разбирайте «гультяевъ» по родамъ: если окажется только, что бездѣльникъ, то и смерть ему!

Обо всемъ этомъ объявляетъ вамъ слуга Божій и пророкъ Марцинкевичъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что болѣе сумбурной доктрины нельзя найти ни въ одной изъ христіанскихъ сектъ. Трудно и представить себѣ, чтобы въ головѣ здравомыслящаго человѣка могли одновременно вмѣститься такіе разнородные элементы, какъ: ветхозавѣтное іудейство, но безъ предписанія ветхозавѣтной обрядности; провозглашеніе Христа сыномъ Юпитера и упразднителемъ Божія закона, и дозволеніе по прежнему почитать Его и покланяться Ему; раціоналистическое отрицаніе священства, иконопочитанія и всей церковности, и болѣзненно-мистическія представленія о Юпитерѣ, о прожорѣ-діаволѣ, вымаливающемъ у пророка добычу въ видѣ человѣческихъ душъ, о покаяніи, обязательно совершаемомъ въ ямѣ глубиною въ поясъ, и т. под.; протестъ противъ насилія и неправды, царствующихъ въ мірѣ, явное сочувствіе пророка къ

судьбѣ бѣдныхъ, слабыхъ и обиженныхъ, и безсердечная жестокость по отношенію къ людямъ порочнымъ и преступникамъ, между которыми всегда значительное большинство именно и оказывается людьми глубоко несчастными. Не удивительно, что когда кіевскій нижній земскій судъ разсмотрѣлъ «писаніе» Марцинкевича, то первымъ дѣломъ распорядился произвести медицинское освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ его способностей. На бѣду, тогдашній кіевскій повѣтовый лѣкарь Рихтеръ ничего не слыхалъ о современной психопатіи и 22 апрѣля того-же 1825 года донесъ суду, что совмѣстно зъ земскимъ исправникомъ (тоже экспертъ!) свидѣтельствовалъ-де онъ находящагося подъ судомъ Аѳанасія Марцинкевича и нашелъ, что «дѣйствительнаго сумашествія оный не имѣетъ, но одержимъ лишь меланхоліей».

На обязанности тогдашнихъ нижнихъ земскихъ судовъ въ уголовныхъ дѣлахъ лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, и потому кіевскій нижній судъ, получивъ отъ бобруйской полиціи, отъ игуменскаго и чигиринскаго судовъ и отъ другихъ мѣстъ удовлетворительныя справки о личности подсудимаго, во всемъ согласныя съ его показаніями [1]), въ августѣ того-же года представилъ дѣло о Марцинкевичѣ «для разсмотрѣнія и рѣшенія по законамъ» въ кіевскій повѣтовый земскій судъ, вмѣстѣ съ собственноручною роспискою подсудимаго въ томъ, что при снятіи съ него допросовъ онъ «стращаемъ и истязываемъ не былъ».

Кіевскій повѣтовый судъ также прежде всего обратилъ вниманіе на вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Марцинкевича, и независимо отъ даннаго уже лѣкаремъ Рихтеромъ заключенія, постановилъ: «вытребовавъ подсудимаго изъ тюремнаго замка, препроводить въ здѣшнюю врачебную управу съ тѣмъ, чтобы оная благоволила освидѣтельствовать по своимъ испытаніямъ, дѣйствительно-ли онъ одержимъ меланхоліеческою болѣзнію, или нѣтъ». Врачебная управа оказалась еще менѣе, нежели повѣтовый

---

[1]) Вышла было маленькая зацѣпка съ татарскимъ уланскимъ полкомъ: первая полученная оттуда справка гласила, что Аѳ. Марцинкевичъ дѣйствительно состоялъ въ семъ полку на службѣ съ 1808 г., но въ спискахъ значится убитымъ въ сраженіи 2 мая 1813 г. По настоянію подсудимаго вытребована была изъ полка вторичная справка, вполнѣ подтвердившая показанія Марцинкевича.

лѣкарь, компетентною въ распознаваніи психическихъ болѣзней и дала заключеніе, что «никакихъ признаковъ меланхоліи или сумасшествія въ подсудимомъ не примѣчено». Повѣтовому суду не оставалось ничего болѣе, какъ осудить Марцинкевича «по силѣ законовъ». И вотъ въ сентябрѣ 1825 г. послѣдовалъ тако рода судебный декретъ: «подсудимаго Аѳанасія Марцинкевича за бродяжество и за внушеніе простымъ народамъ по разнымъ губерніямъ противныхъ христіанской религіи словъ, именованіе себя слугою Божіимъ и пророкомъ, по силѣ воинскихъ статей 3 и 6 артикуловъ и Устава Благочинія ст. 241, 242, 237 и 254, выдержать въ смирительномъ домѣ; для принесенія-же покаянія во лжѣ противу имени Божію и религіи, равно чтобы изглажена была изъ памяти его мысль безразсудная, а обращена на путь праваго христіанина, отдать его на церковное покаяніе, со внушеніемъ ему тамо таковаго заблужденія».

Къ счастью для Марцинкевича, рѣшеніе повѣтоваго суда не было окончательнымъ: по тогдашнимъ порядкамъ оно должно было еще поступить, съ приложеніемъ подлиннаго дѣла, на ревизію высшей судебной инстанціи—перваго департамента кіевскаго главнаго суда.

Главный судъ съ своей стороны остановилъ вниманіе на вопросѣ о здравомысліи подсудимаго и, усматривая противорѣчіе въ заключеніяхъ врачей, призналъ произведенную ими экспертизу недостаточною, тѣмъ болѣе что при личныхъ объясненіяхъ, данныхъ Марцинкевичемъ въ судебномъ присутствіи, онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, который «долженъ быть почитаемъ внѣ разума»; поэтому врачебной управѣ было предписано вторично освидѣтельствовать подсудимаго и представить суду подробное и мотивированное заключеніе. Управа, сообразивъ, что тутъ одной отпиской не отдѣлаешься и что къ ней предъявлено серьезное требованіе, пришла къ совершенно правильной мысли, что «для точнѣйшаго удостовѣренія въ положеніи ума помянутаго подсудимаго необходимо подвергнуть его продолжительному наблюденію», и возложила это дѣло на городоваго штабъ-лѣкаря Магазинера, который кстати состоялъ также врачемъ при кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Это былъ, какъ видно по всему, добрый человѣкъ и добросовѣстный врачъ. Онъ помѣстилъ Марцинкевича въ больницу, внимательно производилъ

надъ нимъ наблюденія въ теченіе цѣлаго мѣсяца и далъ о немъ слѣдующее заключеніе: «хотя Марцинкевича наружность, тѣлесныя силы и видимыя отправленія организма кажутся съ перваго взгляда въ естественномъ положеніи, но при частомъ наблюденіи замѣтить можно, что цвѣтъ лица его желтой, глаза мутные, видъ смущенный и разстроенный. Иногда онъ жалуется на боль и тяжесть въ правой повздошной части, при тщательномъ выщупываніи коей примѣтны завалы во внутренностяхъ. Онъ рѣдко имѣетъ настоящій позывъ къ пищѣ, часто жалуется на безсоницу, во время коей говоритъ самъ съ собою неудобовразумительными словами. По временамъ, особливо-же послѣ безсонной ночи, или-же когда наканунѣ онъ не занятъ былъ тѣлесною работою, находитъ на него мрачность, тоска и задумчивость. Если кто въ такомъ положеніи его входитъ съ нимъ въ разговоръ, то онъ начинаетъ ссориться, бранится, при самомалѣйшихъ случаяхъ дѣлается вспыльчивымъ, а всего болѣе разговариваетъ и судитъ о вещахъ противныхъ догматамъ христіанской религіи, приводя въ доказательство софизмы изъ астрономіи и миѳологіи». Соображая все сказанное, врачъ Магазинеръ полагалъ, что Марцинкевичъ «страдаетъ болѣзнію въ печени или въ другихъ желчъ-отдѣляющихъ органахъ; что онъ одержимъ меланхоліею, имѣющею пароксизмы непостоянные, и наконецъ—помѣшательствомъ въ здравомъ разсудкѣ, а особливо въ отношеніи къ религіи».

Эта добросовѣстная и для того времени довольно тонкая экспертиза рѣшила судьбу Марцинкевича. Основываясь на ней, кіевскій главный судъ опредѣлилъ: «прежнее рѣшеніе кіевскаго повѣтоваго суда исправить и подсудимаго Марцинкевича, на основаніи высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 389 ст., отослать въ домъ сумасшедшихъ», т. е. въ кіево-кирилловское богоугодное заведеніе. Рѣшеніе это послѣдовало въ памятный для всей Россіи день 14 декабря 1825 г., а спустя нѣкоторое время оно было утверждено кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Ковалевскимъ и приведено въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ прошло около шести лѣтъ и казалось, что Марцинкевичу придется и вѣкъ свой окончить въ кирилловскомъ заведеніи. Его «помѣшательства», конечно, не излѣчили, но общее

состояніе здоровья нѣсколько поправили. Пользуясь относительнымъ обезпеченіемъ и находясь въ постоянномъ сообществѣ подобныхъ ему полу-больныхъ, полу-здоровыхъ людей, вѣчно праздныхъ и всегда резонирующихъ, Марцинкевичъ имѣлъ возможность по цѣлымъ днямъ дебатировать религіозные вопросы, гласно и открыто развивать и защищать свои убѣжденія. Врачи и начальство относились къ его разглагольствіямъ, какъ къ рѣчамъ безумнаго, и не думали останавливать ихъ; это развило въ немъ смѣлость и самоувѣренность, его рѣчи сдѣлались рѣзче и самая проповѣдь пріобрѣла болѣе смѣлый характеръ. Трудно сказать, какъ долго продолжалась-бы эта безмятежная жизнь «пророка» въ домѣ умалишенныхъ, если-бы не подоспѣло одно, чисто случайное обстоятельство, именно—перемѣна въ личномъ составѣ больничной администраціи.

Въ кирилловское заведеніе, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ Марцинкевича, поступилъ на службу нѣкій штабълѣкарь Рудиковскій, родомъ поповичъ, учившійся нѣкогда въ духовной семинаріи. Онъ былъ плохой психіатръ, но за то изрядный богословъ и большой охотникъ поразсуждать о божественномъ. Встрѣчаясь ежедневно съ Марцинкевичемъ, какъ своимъ паціентомъ, онъ имѣлъ неосторожность вступать съ нимъ въ догматическія препирательства, которыя, при горячности обоихъ спорившихъ, почти всегда приводили ихъ въ крайнее раздраженіе: нерѣдко эти дебаты оканчивались тѣмъ, что Рудиковскій съ кулаками бросался къ противнику и приказывалъ надѣвать на него смирительную рубашку. Скоро между врачемъ и паціентомъ установились самыя невозможныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ они не могли терпѣть другъ-друга. Рудиковскій на каждомъ шагу притѣснялъ больного, не скрывавшаго своей злобы къ нему, и наконецъ задумалъ выжить его совсѣмъ изъ богоугоднаго заведенія: онъ послалъ въ кіевскій приказъ общественнаго призрѣнія рапортъ, въ которомъ прописывалъ, что Марцинкевичъ, по его наблюденіямъ, оказался «не имѣющимъ никакого поврежденія въ умѣ, но что онъ словами и собственноручными показаніями обнаруживаетъ себя уклоняющимся отъ христіанской вѣры въ жидовскую секту и твердо придерживается старинныхъ своихъ мнѣній, и потому подлежитъ исключенію изъ дома умалишенныхъ». Приказъ препроводилъ этотъ рапортъ губернскому правленію, которое съ своей стороны предписало вра-

чебной управѣ подвергнуть Марцинкевича медицинскому освидѣтельствованію. Больной былъ вытребованъ въ присутствіе управы, и послѣдняя нашла, что онъ находится въ здоровомъ состояніи: «никакого повреждения ума его не видно, а видно только, что онъ отклонился отъ христіанской вѣры и, толкуя превратно священное писаніе, привер̇женъ къ еврейской сектѣ». Можно подумать, что члены управы на это время забыли, что они—врачи, а возмнили себя богословами, экспертами отъ консисторіи. Тѣмъ не менѣе, основываясь на ихъ заключеніи, губернское правленіе согласилось, что Марцинкевичъ «дальнѣйшему содержанію въ домѣ умалишенныхъ не подлежитъ, а подлежитъ за таковое его отсутствіе отъ исповѣдуемой имъ римско-католической религіи и присоединеніе къ еврейской сектѣ сужденію духовнаго начальства по его религіи», и потому отнеслось въ могилевскую римско-католическую консисторію съ требованіемъ ея заключенія о томъ, какъ надлежитъ поступить далѣе съ Марцинкевичемъ. Консисторія, какъ и слѣдовало ожидать, постаралась всячески уклониться отъ хлопотливаго дѣла, ссылаясь на то, что въ дѣйствіяхъ Марцинкевича она усматриваетъ, между прочимъ, богохуленіе, «которое есть тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, подлежащимъ постепенному разсмотрѣнію и рѣшенію гражданскихъ судебныхъ мѣсъ, тѣмъ паче, что и приговоръ кіевскаго главнаго суда, въ 1825 г. послѣдовавшій, не подвергалъ подсудимаго духовному сужденію». Въ концѣ концевъ консисторія предписала іеромонахамъ кіевскаго доминиканскаго кляштора (что нынѣ приходскій костелъ), чтобы они, «при гражданскихъ чиновникахъ и лѣкаряхъ, увѣщаніями старались вывести онаго Марцинкевича изъ душегубнаго заблужденія и чтобы о послѣдующемъ составленъ былъ актъ, каковой и передать судебному разсмотрѣнію».

Изъ дѣла не видно, исполняли-ли іеромонахи кіевскаго кляштора возложенное на нихъ порученіе, но то несомнѣнно, что наибольшую миссіонерскую ревность въ этомъ дѣлѣ оказалъ штабъ-лѣкарь Рудиковскій. Въ октябрѣ того-же 1832 г. онъ такимъ образомъ рапортовалъ о результатахъ своихъ усилій на новомъ поприщѣ: «Марцинкевичъ изъ греко-уніатскаго (sic!) христіанина впалъ въ іудейскую секту и сталъ такъ упоренъ въ своихъ лжемудрованіяхъ о истинной вѣрѣ, что никакими доводами и увѣщаніями, ему отъ него, Рудиковскаго дѣланными, обратиться къ истинѣ

не можетъ, такъ что нѣтъ никакой надежды на его обращеніе. Кромѣ предметовъ вѣры, онъ, Марцинкевичъ, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства, обнаруживая не разъ покушеніе сообщить ядъ лжеученія своего и другимъ; почему онъ сочтенъ быть долженъ принадлежащимъ къ сектѣ іудействующихъ и вмѣстѣ къ сектѣ духоборцевъ или молокановъ. А какъ онъ другаго поврежденія въ умѣ не имѣетъ, кромѣ сектаторскихъ лжемудрованій, простирающихся до фанатизма, что составляетъ произвольное дѣяніе, относящееся къ упорству развратной воли, то онъ лѣченію и содержанію въ домѣ умалишенныхъ вовся не подлежитъ, а требуетъ мѣръ исправительныхъ; почему и былъ имъ, штабъ-лѣкаремъ, представленъ къ переводу изъ дому умалишенныхъ, куда подобные ему подлежатъ. Но какъ объ немъ продолжается переписка и нѣтъ понынѣ никакого рѣшенія, онъ-же, Марцинкевичъ, можетъ во время прогулки и общаго стола находить случай разсѣвать свое ученіе другимъ приходящимъ, или даже самой прислугѣ, кои всѣ дали ему пройменованіе «*пророка*», то онъ, Рудиковскій, представляетъ, что Марцинкевичъ хотя иногда и бываетъ боленъ ревматизмомъ и сыпью на лицѣ, впротчемъ тѣломъ здоровъ, работать можетъ и знаетъ портное мастерство, а въ домѣ умалишенныхъ остается въ праздности, безъ всякаго занятія, тогда какъ можетъ съ пользою быть употребленъ гдѣ-либо въ работу, или для исправленія переведенъ, по его штабъ-лѣкаря мнѣнію, въ исправительную роту, или, въ силу имѣющагося изданнаго о субботникахъ или іудействующихъ христіанахъ постановленія, на поселеніе».

Положительно, приходится признать, что этотъ штабъ-лѣкарь обладалъ самыми разносторонними талантами: кромѣ познаній въ богословіи, опытности въ миссіонерствѣ, онъ и въ обвинительномъ искусствѣ, какъ видимъ, былъ, что называется, докой и справедливо могъ возбуждать завистъ среди тогдашнихъ прокуроровъ. Неудивительно, что приказъ общественнаго призрѣнія сдался, наконецъ, предъ его краснорѣчіемъ и опредѣлилъ: «исключивъ Марцинкевича изъ дома умалишенныхъ, отослать онаго въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по законамъ»; а губернское правленіе въ свою очередь постановило: «предать его суду и впредь до учиненія объ немъ постановленія отослать его въ вѣдомство кіевской полиціи», которая и водворила его въ тюремный замокъ.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1832 г. въ кіевскомъ уѣздномъ (недавно—повѣтовомъ) судѣ началось новое дѣло о Марцинкевичѣ по обвиненію его въ «отступленіи отъ христіанской религіи и въ протчемъ» — такъ оно озаглавлено въ канцелярскомъ реестрѣ. Въ указѣ губернскаго правленія относительно преданія Марцинкевича суду обвинительный актъ цѣликомъ построенъ на рапортѣ штабъ-лѣкаря Ѓудиковскаго; отсюда-же выбраны и вопросные пункты. Въ своихъ показаніяхъ Марцинкевичъ былъ нѣсколько сдержаннѣе, нежели во время перваго процесса, и видимо перезабылъ или перепуталъ многія подробности изъ своей скитальческой жизни, но на вопросъ о томъ, что побудило его отступить отъ христіанства, отвѣчалъ очень рѣзко: «христіанскую вѣру я потому бросилъ, что нѣтъ въ законѣ христіанскомъ никакой правды, но одно насильство и мученіе, а за обиду некому жаловаться, и своего собственнаго долженъ отректись бѣдный человѣкъ. Государь—христіанинъ и начальство—христіане, а привели народы въ робость, и лучше не родиться на сей свѣтъ бѣдному и правдою живущему человѣку! А спасеніе человѣка зависитъ отъ воли единаго Бога Творца, давшаго ему жизнь: кто далъ человѣку душу, тотъ и спасти ее можетъ; а на другихъ боговъ я не полагаю надежды спасенія, ибо и самъ Творецъ не можетъ спасти человѣка безъ его желанія. А Христосъ былъ человѣкъ и пророкъ, а не Богъ, и потому я кланяться Христу не хочу, а покланяюся единому Богу, Творцу своему, и привер-женъ къ Нему, и соблюдаю его десять заповѣдей, и въ началѣ Бога боюсь дѣлать худыя дѣла, но сколько силъ стараюсь дѣлать людямъ добро, а не зло. А еврейскихъ книгъ я не знаю и закона ихъ соблюсти не могу».

Нельзя не замѣтить, что характеръ этой рѣчи значительно разнится отъ всего того, что говорилъ и писалъ Марцинкевичъ о своихъ убѣжденіяхъ ранѣе семью годами, во время перваго процесса. Здѣсь выступаетъ предъ нами не столько «пророкъ», слѣпо убѣжденный въ своемъ высшемъ посланничествѣ и съ наивною самоувѣренностью мнящій преобразовать общество своею проповѣдью, сколько обыкновенный человѣкъ, путемъ критики наблюдаемыхъ имъ порядковъ и отношеній составившій себѣ (а не получившій по откровенію свыше) извѣстныя убѣжденія и не желающій ни передъ чѣмъ поступиться ими. Онъ уже признаетъ Христа

пророкомъ, а не сыномъ какого-то миѳическаго Юпитера, и вообще о прежнихъ болѣзненно-мистическихъ грезахъ и фантазіяхъ нѣтъ болѣе и помину. Теперь Марцинкевичъ довольно трезво сознаетъ свое положеніе, знаетъ, что его рѣзкія порицанія общественныхъ порядковъ могутъ лишь ухудшить его судьбу, и онъ старается смягчить впечатлѣніе своихъ показаній, предлагаетъ судьямъ нѣкоторый какъ-бы компромиссъ и на дополнительномъ допросѣ прибавляетъ слѣдующее: «когда бѣдному человѣку нѣтъ никакого вспомоществованія, то лучше ему пристать къ тѣмъ народамъ, кои наблюдаютъ законъ Божій. Я никогда не приставалъ къ евреямъ, а желаю опредѣлиться къ народамъ русскимъ, у которыхъ съ еврейскаго на русскій діалектъ переведены книги и сами они содержатъ законъ Божій и не даютъ другъ-друга въ обиду. Поэтому прошу, дабы меня оставить спокойно и опредѣлить въ таврическую губернію, въ орѣховскій уѣздъ, въ волость субботниковъ, на Молочныхъ-Водахъ, а я готовъ дать отъ себя присягу и подписку въ томъ, что больше христіанамъ противнаго говорить ничего не буду». Очевидно, во время своихъ прежнихъ скитаній по южной Россіи Марцинкевичъ бывалъ у этихъ субботниковъ на Молочныхъ-Водахъ и ему понравилась ихъ братская солидарность и взаимопомощь— черты, какъ извѣстно, свойственныя послѣдователямъ всякой новой и въ особенности гонимой вѣры.

Онъ заблуждался, однако, полагая, что можетъ поплатиться лишь выселеніемъ въ таврическую губернію: по понятіямъ новаго суда такое наказаніе было-бы равносильно вверженію виновной щуки въ море. Въ русскомъ правительствѣ господствовали теперь совершенно иные взгляды на дѣятельность новаторовъ, подобныхъ Марцинкевичу, далеко не столь благодушные, какъ въ прежнее царствованіе. При томъ-же, кромѣ отступленія отъ христіанства, Марцинкевичъ сверхъ того обвинялся еще и въ политическомъ проступкѣ: въ извѣстномъ доносѣ штабъ-лѣкаря Рудиковскаго, послужившемъ основою для обвинительнаго акта, именно значилось, что Марцинкевичъ «кромѣ предметовъ вѣры, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства», и мы видѣли, что своими отзывами на судѣ о правительствѣ, якобы «приведшемъ народы въ робость», онъ могъ дать нѣкоторое подтвержденіе этому обвиненію. Наконецъ, припомнимъ и то, что дѣло происходило

всего спустя годъ послѣ перваго польскаго мятежа, когда въ правительственныхъ сферахъ существовало извѣстное предубѣжденіе противъ поляковъ, въ число которыхъ засчитывали тогда огуломъ всякаго католика, хотя-бы онъ былъ, напримѣръ, подобно Марцинкевичу, чистой крови бѣлоруссомъ. Все это вмѣстѣ взятое мало добраго сулило подсудимому.

Но и положеніе судей было довольно затруднительно. Они сознавали, что отъ нихъ требуется строгій приговоръ, «дабы другимъ неповадно было», но не знали, чѣмъ руководствоваться при его опредѣленіи. Тогда еще не существовало нынѣшняго Свода Законовъ, старое-же мѣстное право, Литовскій Статутъ, было отмѣнено; оставались для руководства судьямъ: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Воинскіе Артикулы Петра I. Отыскать въ этихъ, и для самой коренной Россіи давно уже отжившихъ свой вѣкъ, кодексахъ статьи, примѣнительныя къ проступкамъ Марцинкевича—составляло, дѣйствительно, не легкую задачу. Кіевскій уѣздный судъ разрѣшилъ эту задачу такъ, что, въ видѣ матеріала для составленія приговора, учинилъ слѣдующую «выписку изъ законовъ»:

«1) Уложенія глава 22, пунктъ 24: буде кто бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить—сжечь огнемъ безъ милосердія; а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть ему учинити указъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ».

«2) Указа 1737 г., ноября 14: естли явятся притворныя кликуши, то таковыя суевѣрія стараться какъ найскорѣйше пресѣчь, искоренить и въ недопущеніи того съ крайнимъ прилѣжаніемъ смотрѣть и предостереженіе всегда имѣть».

«3) Воинскихъ Артыкуловъ пункта 3: кто имяни Божію хуленіе приноситъ и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ и ругается слову Божію и св. таинствамъ, а весьма въ томъ обличенъ будетъ, хотя сіе въ пьянствѣ или трезвомъ умѣ учинитъ: тогда ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ и потомъ отсѣчена глава да будетъ».

«и 4) Кто пресвятую Матерь Божію Дѣву Марію и святыхъ ругательными словами поноситъ, оный имѣетъ, по состоянію его особы и хуленія, тѣлеснымъ наказаніемъ отсѣченія сустава наказанъ, или живота лишенъ быть».

А кіевская уголовная палата (не задолго предъ тѣмъ преобразованная изъ бывшаго главнаго суда), на ревизію и окончательное рѣшеніе которой поступило въ декабрѣ 1832 г. дѣло о Марцинкевичѣ, усмотрѣвъ въ «выпискѣ» уѣзднаго суда отсутствіе статьи, примѣнительной къ политическому проступку подсудимаго, дополнила съ своей стороны эту выписку еще слѣдующимъ:

«5) Уложенія главы 2 пунктъ 1: буде кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло и про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ: и такова по сыску казнити смертію».

Не трудно угадать, какой приговоръ могъ-бы послѣдовать на основаніи этихъ зловѣщихъ статей, хотя и не совсѣмъ кстати подобранныхъ; но пока онъ подготовлялся, судьба изрекла надъ Марцинкевичемъ свой приговоръ, предъ которымъ умолкаютъ самые грозные декреты земныхъ судовъ. 7-го марта 1833 г. въ уголовной палатѣ было получено отъ кіевской полиціи донесеніе о томъ, что «содержащійся въ тюремномъ замкѣ арестантъ Аѳанасій Марцинкевичъ сего числа волею Божіею помре».

На этомъ мы могли-бы и остановиться, такъ какъ извлекли изъ дѣла о Марцинкевичѣ все, что считали болѣе существеннымъ. Но не хотѣлось-бы намъ совсѣмъ обойти молчаніемъ одинъ, довольно важный вопросъ, отвѣта на который не находится въ судебномъ дѣлѣ, именно: считать-ли религіозное новаторство Марцинкевича самороднымъ явленіемъ, возникшимъ самостоятельно на почвѣ какихъ-либо мѣстныхъ условій, или-же оно должно быть признаваемо не болѣе, какъ слабымъ отголоскомъ идей, волновавшихъ иные умы и возникшихъ совсѣмъ при иныхъ условіяхъ? Какъ видитъ читатель, это тотъ самый вопросъ, который въ настоящее время усердно дебатируется (между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины») примѣнительно къ малорусской штундѣ.

Гдѣ не достаетъ точныхъ фактическихъ указаній, тамъ дозволительны догадки и предположенія, степень вѣроятности которыхъ будетъ зависѣть отъ бóльшаго или меньшаго ихъ согласія съ фактическими данными. Намъ лично исторія Марцинкевича представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По національности онъ бѣлоруссъ, по вѣроисповѣданію первоначально греко-уніатъ, ибо не даромъ этотъ терминъ употребилъ относительно его докторъ Рудиковскій, такъ горячо споривщій съ нимъ о предметахъ вѣры; въ католичество обратился онъ наравнѣ съ массами совращаемыхъ тогда уніатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоилъ себѣ и польскій языкъ; православіе было знакомо ему изъ дѣтства, хотя быть можетъ, подъ названіемъ схизмы; въ заграничномъ странствованіи и плѣну онъ могъ познакомиться не съ одною изъ тамошнихъ сектъ, а во время путешествія въ Крымъ просвѣтился ученіемъ духоборцевъ и молоканъ, которое положило на его вѣрованіяхъ слишкомъ замѣтную печать и дало поводъ причислять его къ сектѣ жидовствующихъ, что однако твердо отрицалъ самъ Марцинкевичъ. Затѣмъ это былъ человѣкъ, одаренный прежде всего большою впечатлительностью и склонный къ тому, что называютъ созерцательностью. Искренно набожный и вѣрующій, онъ прилѣплялся ко всякому новому исповѣданію, но, не обладая сильнымъ и научно-развитымъ умомъ, не могъ совладать съ массою встрѣчавшихся ему вѣроисповѣдныхъ отличій и составилъ себѣ ту религіозную амальгаму, съ которою знакомятъ насъ его показанія на судѣ и особая записка. Мы не знаемъ, гдѣ и чему учился Марцинкевичъ; но то несомнѣнно, что онъ обладалъ болѣе нежели простою грамотностью: вспомнимъ донесеніе одного изъ врачей-экспертовъ, что Марцинкевичъ, споря о предметахъ религіозныхъ, любилъ приводить «софизмы изъ *астрономіи и миѳологіи*». Эта полуобразованность, можетъ быть пріобрѣтенная и путемъ начитанности, дѣлала его способнымъ интересоваться тогдашними общественно-политическими событіями, которыя, по своей грандіозности, въ состояніи были глубоко потрясать и не такія исключительно-нервныя натуры, какою обладалъ Марцинкевичъ. Мало того, ему пришлось самому принять участіе въ колоссальнѣйшей борьбѣ, рѣшившей судьбу Европы: онъ сражается съ войсками Наполеона, попадаетъ въ плѣнъ, затѣмъ преслѣдуетъ остатки «великой арміи» послѣ бѣгства ея изъ Россіи,

переходитъ границу, подъ Дрезденомъ снова попадаетъ въ плѣнъ, насильно вербуется въ австрійскую военную службу, но затѣмъ бѣжитъ изъ нея и въ теченіе почти трехъ лѣтъ скитается по разнымъ мѣстамъ Германіи. Здѣсь онъ застаетъ всеобщее возбужденіе умовъ, степень напряженія котораго легко себѣ представить, если вспомнить, какое громадное значеніе въ судьбѣ германскихъ государствъ имѣли войны наполеоновскія. Возбужденіе это, между прочимъ, выразилось въ религіозномъ движеніи — мистическомъ *піэтизмѣ*, самымъ вліятельнымъ представителемъ котораго былъ въ то время Юнгъ-Штиллингъ, жившій въ Карлсруэ. Его вліяніе на умы современниковъ было громадно и далеко простиралось за предѣлы Германіи: извѣстно, что его удостоилъ однажды своимъ посѣщеніемъ русскій императоръ Александръ I и долго бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, какая изъ христіанскихъ церквей всѣхъ болѣе согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа; а въ Россіи ревностнѣйшей послѣдовательницей его была извѣстная баронесса Крюднеръ. Ученіе піэтистовъ отличалось почти такою-же туманностью и неопредѣленностью, какая замѣчается и въ проповѣди Марцинкевича. Они проповѣдывали возстановленіе чистаго христіанства, призывали своихъ послѣдователей строить новый Іерусалимъ (о чемъ твердилъ и Марцинкевичъ) и основывать тысячелѣтнее царство Божіе. Самъ Штиллингъ, подобно нашему Марцинкевичу, считалъ себя избраннымъ орудіемъ Божіимъ и во всѣхъ приключеніяхъ своей жизни видѣлъ непосредственное божеское руководительство, а его сочиненія съ теченіемъ времени все болѣе принимали характеръ пророчествъ и духовидѣній. Любимою темою проповѣди піэтистовъ обыкновенно служили туманныя прорицанія о грядущихъ бѣдствіяхъ: «времена приходятъ и величайшія несчастія будутъ тяготѣть надъ землею!» многократно прорицала, напримѣръ, въ своихъ письмахъ рьяная послѣдовательница Юнга-Штиллинга, баронесса Крюднеръ. «Буря приближается, все будетъ ниспровергнуто: школы, человѣческія науки, государства и троны. Не будетъ больше священниковъ по образу людей: священство, пріятное Господу, будетъ возстановлено, и будетъ проповѣдываться служеніе

чистой любви, хотя князь тьмы дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы воспрепятствовать сему» и т. под.[1]). Не правда-ли, это очень напоминаетъ мистическія прорицанія нашего «пророка!» Но сходство это простирается еще далѣе. Въ тѣ именно годы, когда Марцинкевичъ скитался въ Германіи, тамъ безпрестанно подвизались ученики Штиллинга, выступавшіе съ открытою проповѣдью піэтизма. Намъ болѣе извѣстны подвиги въ этомъ родѣ все той-же баронессы Крюднеръ, нѣкогда блестящей свѣтской женщины, тщеславной куртизанки и великой грѣшницы, старавшейся прельстить Наполеона, а въ то время экзальтированной піэтистки. Она ходила по деревнямъ, собирала вокругъ себя толпы крестьянъ и нищихъ и проповѣдывала имъ о необходимости вѣры, о настоящемъ ученіи Христа, очищенномъ отъ всего, что къ нему примѣшали люди, о покаяніи, о несчастіяхъ того времени и объ ожиданіи въ грядущемъ еще болѣе страшныхъ бѣдствій и т. под. Къ этимъ отвлеченностямъ она нерѣдко присоединяла рѣзкія выходки противъ собственности и противъ людей богатыхъ и предсказывала, что скоро наступитъ царство бѣдныхъ и неимущихъ. Бѣдные люди называли ее «пророчицею» и тысячами стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы послушать ея проповѣдей и получить отъ нея милостыню. Правительство не долго терпѣло агитаціонную дѣятельность «пророчицы» и удалило ее изъ предѣловъ Базельскаго кантона, гдѣ она впервые поселилась; та-же участь постигла баронессу затѣмъ въ Баденѣ, Австріи, Виртембергѣ, Баваріи и Саксоніи. Все это очень напоминаетъ исторію скитаній и нашего русскаго «пророка» и его рѣчи о томъ, что правительства «привели въ робость» свои народы и что «лучше не родиться на свѣтъ бѣдному человѣку».

Безспорно, что мистицизмъ Марцинкевича представляется довольно грубымъ по сравненію съ нѣмецкимъ оригиналомъ; но эта разница болѣе всего обусловливается различіемъ культурнаго развитія нѣмецкихъ піэтистовъ и нашего «пророка». При томъ-же,

---

[1]) Русскій Архивъ, 1885 г., кн. 3, статья, «Баронеса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ».

мы и не считаемъ его послѣдователемъ Юнга-Штиллинга, который никогда не доходилъ до отрицанія самой основы христіанства. По нашему мнѣнію, нѣмецкій піэтизмъ могъ послужить лишь толчкомъ, или вѣрнѣе, отправнымъ пунктомъ, съ котораго началась переработка убѣжденій Марцинкевича, толкнувшая его на путь религіознаго новаторства; но что затѣмъ, свернувъ на этотъ скользкій путь, онъ могъ уже и самостоятельно дойти до нѣкоторыхъ положеній его странной доктрины, а иное и просто могъ заимствовать у духоборцевъ или другихъ имъ подобныхъ сектантовъ.

Ор. Левицкій.

НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ.

(Рѣчь проф. новорс. у-та Ѳ. М. Успенскаго въ одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ 6 апрѣля 1885 г.).

Мм. гг. Я не могу не чувствовать нѣкотораго смущенія передъ задачей—истолковать передъ вами значеніе совершающагося нынѣ всеславянскаго торжества. Тысячелѣтній юбилей для насъ весьма непривычное слово, въ тысячелѣтнемъ періодѣ вся наша исторія. На нашей памяти исполнилось 1,000 лѣтъ отъ основанія русскаго государства, и только черезъ сто лѣтъ будетъ праздноваться тысячелѣтіе просвѣщенія Руси христіанствомъ. Между тѣмъ, нынѣ мы собрались почтить благодарною памятью несравненныя дѣянія, которыя подготовлялись въ тишинѣ монашеской кельи, но мировое значеніе которыхъ необъятно, ибо сто милліоновъ славянъ соединяютъ съ дѣломъ Кирилла и Меѳодія начало своей исторіи и національнаго самосознанія.

Чтобы оцѣнить заслуги Кирилла и Меѳодія, необходимо сосредоточиться вниманіемъ на слишкомъ отъ насъ отдаленныхъ событіяхъ и отношеніяхъ, на которыхъ лежитъ покровъ таинственности и интересъ къ которымъ у насъ еще не народился.

Припомнить судьбы славянства за тысячу лѣтъ, значитъ въ то-же время привести себѣ на память и начало русской исторіи. И въ этомъ особенное значеніе нынѣшняго торжества, что, будучи всеславянскимъ, онъ въ то-же время есть и національное русское торжество.

Позволяя себѣ сблизить съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія начало руской исторіи, я желаю и обозначить этимъ предметъ нашей бесѣды, и заранѣе снискать себѣ оправданіе, мм. гг., за неизбѣжныя мелочныя и, можетъ быть, скучныя подробности въ надеждѣ, что вы охотнѣй окажете къ нимъ вниманіе ради дорогихъ именъ, которыя выставляю впереди себя.

I.

Переносясь къ судьбамъ славянствъ въ IX вѣкѣ, нельзя пройти мимо византійской имперіи. Въ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія старая Византія имѣетъ блистательное доказательство своей всемірной культурной миссіи.

Носительница высшей культуры и христіанской вѣры, гордая сознаніемъ своихъ заслугъ—Византія имѣла для славянъ въ IX в. такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время Россія на востокѣ. Не столько силой оружія, какъ дипломатіей и превосходствомъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніи, Византійская имперія привлекала подъ свое вліяніе южныя и восточныя славянскія племена, находившіяся тогда въ періодѣ перехода отъ племенной къ государственной жизни. Сила разнообразныхъ вліяній, которыя неизбѣжно распространялись отъ Византіи къ славянамъ, не ограничивалась ближайшими племенами Ѳракіи и Македоніи, но шла при посредствѣ ихъ къ сербамъ, болгарамъ и моравамъ, а чрезъ Крымъ—и къ русскимъ. Было-бы весьма ошибочно измѣрять область византійскихъ вліяній на славянъ протяженіемъ имперіи въ IX в. Точно также нельзя думать о способѣ распространенія византійской образованности въ границахъ опредѣленнаго періода. Византизмъ дѣйствуетъ между славянами съ VI вѣка, постепенно приготовляя изъ нихъ культурные народы, предопредѣленные принять и развивать далѣе усвоенное отъ Византіи. Соприкосновенія между греками и славянами были разнообразны и не ограничивались извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Византія была тогда колыбелью европейской образованности, вкуса и изящества, которымъ учились у нея не только южные славяне, но и западно-европейцы. Что удивительнаго въ томъ, если моравскій князь Ростиславъ сознавалъ, что отъ грековъ «распространяется на всѣ страны

добрый законъ», когда не могли не чувствовать того-же и тогдашніе римскіе императоры германской націи. Замѣчательный идеалистъ между германскими императорами, сынъ нѣмца и гречанки Оттонъ III, писалъ, между прочимъ, слѣдующее къ ученому Герберту (впослѣдствіи папа Сильвестръ II): «Не откажитесь прибыть къ намъ и попытайтесь смягчить грубость нашей саксонской натуры и оживить—что въ насъ осталось отъ греческаго изящества. Можетъ быть, вамъ и удастся еще раздуть во мнѣ искорку любви къ греческой наукѣ и пробудить въ насъ мощь греческаго генія».

Можно-ли удивляться, что славяне, бывшіе далеко позади нѣмцевъ въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, старались вполнѣ усвоить себѣ византійскіе образцы, перенося къ себѣ безъ разбора рядомъ съ хорошимъ и дурное.

Относительно общаго характера и силы византійскихъ вліяній на славянъ нужно однако сдѣлать одну оговорку. У насъ мало обращается вниманія на то обстоятельство, что, начиная съ VI вѣка, сама византійская имперія стала сильно проникаться славянскимъ элементомъ, который умными политиками и администраторами византійскими своевременно былъ включенъ въ составъ имперіи.

Ѳракія и Македонія, принявшія сильный наплывъ славянскаго населенія, остались византійскими провинціями, но новые поселенцы въ свою очередь выхлопотали себѣ разнаго рода изъятія, вступивъ въ договорныя отношенія къ имперіи. Нашедши въ славянахъ полезныхъ подданныхъ и по преимуществу хорошихъ солдатъ и матросовъ, имперія съ большой для себя выгодой примѣняла колонизаціонную политику и въ Малой Азіи. Въ VII, VIII и послѣдующихъ вѣкахъ тамъ поселены были такія массы славянъ, что съ нихъ однихъ Византія собирала до 50 тыс. войска. Типъ устройства славянъ въ областяхъ имперіи напоминаетъ собой первоначальный способъ отношеній козаковъ къ московскому государству.

Славяне, поступившіе въ подданство къ византійскому императору, составляли передовой постъ славянства и играли роль передаточнаго пункта по части тѣхъ «добрыхъ законовъ», которые исходили изъ Византіи. До IX вѣка македонскіе славяне сохраняли еще особенности своего внутренняго устройства, т. е. жили небольшими колѣнами въ общин-

номъ или задружномъ быту, подъ управленіемъ своихъ колѣнныхъ старшинъ, у грековъ называемыхъ друнгаріями. Правительство требовало отъ славянъ за уступленную имъ землю военной службы и податей и весьма осторожно и съ большой постепенностью дѣлало попытки къ подведенію ихъ подъ обычный въ Византіи административный строй. Прежде всего, конечно, правительство привлекало на свою сторону славянскихъ колѣнныхъ старшинъ, награждая ихъ землями и титулами, воспитывая дѣтей ихъ въ Константинополѣ и дѣлая славянъ полугреками. Въ IX и X в. мы знаемъ нѣсколькихъ славянскихъ князей, получившихъ греческое образованіе и старавшихся усвоить себѣ заимствованные изъ Византіи образцы этикета, роскоши, вкуса къ постройкамъ и стремленія къ измѣненію народнаго быта.

II.

Солунь, мѣсто рожденія св. Кирилла и Мееодія, была окружена славянскими поселеніями. Не говоря о раннемъ періодѣ, отъ IX до XIV в. славяне жили здѣсь въ значительной массѣ, о которой можно составить себѣ понятіе на основаніи весьма достовѣрныхъ памятниковъ. Нельзя было-бы понять дѣятельность Кирилла и Мееодія, если не считать ихъ по происхожденію славянами. Въ вѣкъ составленія нашихъ главныхъ источниковъ о жизни и дѣятельности Кирилла и Мееодія, написанныхъ первоначально на греческомъ языкѣ, а потомъ уже переведенныхъ на славянскій, вопросъ происхожденія знаменитыхъ миссіонеровъ не имѣлъ еще остраго характера, и въ паннонскихъ житіяхъ прямо не сказано, кто они были по рожденію: греки или славяне. Но есть рядъ косвенныхъ указаній, которыя кратко заключаются въ слѣдующемъ: 1) у византійскихъ писателей нѣтъ и помина о проповѣднической дѣятельности Кирилла и Мееодія, чего нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что греки не могли усвоить себѣ этой дѣятельности; 2) они прямо называются сыновьями друнгарія, т. е. славянскаго старшины, и св. Мееодій самъ нѣкоторое время былъ друнгаріемъ, управляя славянскимъ княженіемъ; 3) важнѣйшее дѣло ихъ—изобрѣтеніе славянской азбуки, переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ и въ особенности безпримѣрный въ лѣтописяхъ христіанской миссіи успѣхъ служенія ихъ на пользу славянству—нельзя было-бы понять человѣ-

ческимъ умомъ, если-бы Кириллъ и Меѳодій не были сами славяне; 4) греки вообще не обнаружили склонности изучать варварскіе языки для миссіонерскихъ и политическихъ цѣлей.

Въ IX вѣкѣ славяне полагаютъ начало сосредоточенія своихъ силъ и образованія государствъ. Признакомъ того, что извѣстная группа колѣнъ выходила изъ состоянія розни и броженія и вступала въ число государствъ, было тогда просвѣщеніе христіанствомъ и церковная организація. Теперь новыя княжества, королевства и имперіи могутъ возникать посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній; тогда первымъ условіемъ признанія извѣстнаго народа въ качествѣ европейскаго было требованіе, чтобы онъ принялъ христіанство. Христіанство было громадной политической и моральной силой въ рукахъ крещеннаго языческаго князя, ибо оно давало ему образецъ государственнаго устройства и вѣрныхъ слугъ, чтобы провести новую организацію. Изъ среды духовенства выходили тогда министры, канцлеры, государственные секретари, а на западѣ губернаторы и военачальники. Церковь давала направленіе всей политической жизни въ Европѣ. Оставаться въ язычествѣ народу, поселившемуся близъ границъ западной или восточной имперіи, было невозможно, какъ нельзя нынѣ, разорвавъ дипломатическія сношенія со всѣми государствами, не рисковать потерей всего.

Эпоха дѣятельности св. братьевъ, такимъ образомъ, была въ высшей степени знаменательной въ исторіи славянства. Отъ первыхъ шаговъ славянъ на новомъ политическомъ поприщѣ зависѣло многое, именно тогда ставился на очередь вопросъ: что могли противопоставить славяно греческимъ и латино-германскимъ вліяніямъ. Окажется-ли у нихъ какое живое народное начало, которое-бы легло въ основаніе ихъ національной жизни, или же подчиненность, подражательность и усвоеніе иностранныхъ образцовъ должно сдѣлаться ихъ вѣчнымъ удѣломъ? Ставился вопросъ какъ о политическомъ, такъ и о народномъ началѣ у славянъ. И этотъ вопросъ своевременно и весьма благопріятно для славянъ разрѣшенъ былъ чествуемыми нами св. братьями.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что проповѣдь у славянъ Кирилла и Меѳодія не ограничивается мѣстомъ и племенемъ, въ которомъ лично подвизались св. братья. Какъ сказанія о ближайшихъ ученикахъ и апостолахъ Христовыхъ расширяютъ кругъ ихъ путе-

шествій и личной христіанской миссіи до отдаленныхъ странъ, такъ и просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія, по всей вѣроятности ограничивавшаяся южной Русью, Моравіей и Паннонiей, захватила своими послѣдствіями всѣ племена и мѣста, въ которыхъ раздавалась славянская рѣчь. Болгаре, сербы (лужицкіе), чехи, поляки и русскіе не только считаютъ для себя честью связать начало распространенія у себя христіанства съ именемъ Кирилла и Меѳодія, но и долго усвояли себѣ церковный чинъ, отличающій православіе отъ католичества. Чѣмъ больше обострялись отношенія между востокомъ и западомъ, чѣмъ больше разностей возникало въ вѣроученіи и въ церковной практикѣ между Римомъ и Константинополемъ, тѣмъ выше и выше поднимался авторитетъ св. братьевъ и тѣмъ тѣснѣе ихъ дѣло сростáлось съ вопросомъ о славянскомъ національномъ самосознаніи и политической самобытности.

Область личной дѣятельности св. братьевъ несомнѣнно была тѣснѣй, чѣмъ можно о томъ судить по народнымъ преданіямъ, сохранившимся почти у каждаго славянскаго племени. Плоды проповѣднической дѣятельности не во всѣхъ славянскихъ земляхъ сохранились, ибо часть славянъ подверглась въ разное время другимъ вліяніямъ, пришедшимъ изъ Рима и разносимымъ латинскимъ духовенствомъ. Въ цѣлости сохранили оставленное Кирилломъ и Меѳодіемъ наслѣдіе русскіе, болгаре и сербы. Но другая сторона просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей носитъ въ себѣ гораздо больше вѣковѣчности и до настоящаго времени остается внѣ измѣненій. Славянскій языкъ перевода священнаго писанія есть памятникъ всеславянскій. Посредствомъ христіанства славянскіе народы введены въ кругъ европейскихъ, при помощи литературнаго языка пріобрѣли средство усвоить себѣ плоды знаній, переданныхъ Византіей. Были весьма трудныя эпохи въ жизни славянства, когда ни одно почти племя не было самостоятельнымъ, находясь подъ чуждой и иновѣрной властью, когда еще не стала русская Москва третьимъ Римомъ,—въ эти эпохи почти единственнымъ дѣятельнымъ началомъ, оберегавшимъ славянъ, былъ богослужебный ихъ языкъ и литературныя преданія, связанныя съ языкомъ церкви и съ именами Кирилла и Меѳодія.

III.

Но изъ всѣхъ славянскихъ народовъ въ охраненіи великаго дѣла славянскихъ просвѣтителей безспорно первымъ долженъ считаться русскій народъ. Это одна изъ загадочныхъ сторонъ въ славянской исторіи, которая продолжаетъ изумлять всѣхъ изслѣдователей. Не русскіе кабинетные ученые и не русская славянофильская партія выдумала роль Россіи въ славянствѣ. Нѣтъ, едва-ли не въ первый разъ она указана была намъ изъ Рима и задолго до славяно-филовъ напомнена была нѣмцемъ Шлецеромъ, который говоритъ: «Кириллъ и Меѳодій и участь его единовѣрцевъ въ другихъ земляхъ неоспоримо принадлежатъ вѣдомству русскаго историка».

Неисповѣдимыми путями русская земля, постепенно воспринявъ дѣло св. братьевъ и усвоивъ себѣ наслѣдство, сохранившееся въ древне-славянской письменности, стала на стражѣ народной и политической самобытности славянъ.

Въ тысячелѣтней исторіи славянства менѣе знаменательна эпоха дѣятельности святыхъ братьевъ, какъ и судьбы преподаннаго ими просвѣщенія, переходившаго изъ страны въ страну.

Позже другихъ славянъ замѣченные исторіей, уступая имъ въ старшинствѣ и пользуясь отъ нихъ разными культурными пріобрѣтеніями—для IX вѣка мы должны еще доказывать свое существованіе. Съ рѣчью о заслугахъ Кирилла и Меѳодія мнѣ пришло на умъ соединить воспоминаніе о Руси IX вѣка, ибо мнѣ думается, мм. гг., что въ періодъ дѣятельности св. братьевъ мы не только причастны были христіанскому ученію, но даже непосредственно слышали его отъ чествуемыхъ нынѣ просвѣтителей.

Болѣе загадочные и менѣе распутанные факты изъ нашей древней жизни связываются съ исторіей Крыма вообще, Корсуня и Судака въ частности. Здѣсь были для восточной Европы IX и X в. окна въ Европу, черезъ Корсунь и Судакъ мы имѣли сношенія съ просвѣщенными народами; отсюда проникали къ намъ иноземныя вліянія. Сюда стремились торговые люди и отсюда открывались морскія сношенія. Русское господство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей въ IX и X в. является не домысломъ, а необходимымъ объясненіемъ періода

русско-византійскихъ отношеній. Къ сожалѣнію наше научное сознаніе, за теоріей варяжскаго начала въ исторіи, успѣло забыть про ту силу, которая претворила варяговъ въ славянъ. Какъ будто варяги приготовили завоеваніе Кіева, дунайскіе и балканскіе походы, осаду Константинополя, завладѣніе Крымомъ—все это въ IX и X вѣкѣ!

Въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ я буду отправляться отъ обстоятельствъ жизни Кирилла и Меѳодія.

Около 861 года, т. е. за два года до начала проповѣднической дѣятельности въ Моравіи, св. братья были въ нашемъ Крыму. Поводомъ къ посѣщенію южной Россіи была миссія къ козарамъ, предпринятая по просьбѣ кагана и съ разрѣшенія царя. Въ связи съ козарской миссіей стоитъ рядъ фактовъ, имѣющихъ для насъ глубокое значеніе.

Но чтобы заставить говорить эти факты, нужно дать имъ объясненіе и историческое освѣщеніе, а для этого необходимо напомнить про Русь. Да какая-же Русь въ 860-хъ годахъ?

Между древними самое видное свидѣтельство о Руси какъ по авторитету лица, которому оно принадлежитъ, такъ и по обстоятельствамъ его происхожденія—есть безспорно бесѣды патріарха Фотія, учителя св. Кирилла. Эти бесѣды произнесены были въ 865 г. въ церкви св. Софіи по случаю нападенія на Константинополь Руси Аскольда и Дира (Бесѣды найдены были преосвященнымъ Порфиріемъ на Аѳонѣ въ 1858 г. и изданы въ 1864 г.) «Откуда упалъ на насъ этотъ иперборейскій ужасный ударъ громовый? Вышелъ съ сѣвера народъ, поднялись племена съ крайнихъ предѣловъ земли, въ одно и то-же время мы услышали объ нихъ и увидѣли и узнали. Это народъ неисчислимый, неизвѣстный, получившій имя отъ похода на насъ, ничтожный и бѣдный, но достигшій блестящей высоты и неизмѣримыхъ богатствъ, гдѣ-то въ дали отъ насъ живущій, варварскій, гордящійся своимъ оружіемъ, не имѣющій твердыхъ границъ, неизслѣдованный. Таковъ народъ, который во мгновеніе ока, подобно морской волнѣ, нахлынулъ на наши предѣлы!»

Годъ спустя тому-же патріарху Фотію случилось еще разъ упомянуть о Руси, именно въ окружномъ посланіи, гдѣ указываются заслуги константинопольской церкви по отношенію къ обращенію невѣрныхъ.

«Не только болгаре обращены къ христіанству, но также и тотъ пресловутый народъ, который превосходитъ другихъ грубостью и звѣрствомъ, т. е. такъ называемая Русь. Поработивъ сосѣдніе народы и чрезъ-то чрезмѣрно возгордившись, они подняли руку и на Ромэйскую имперію. Но теперь они перемѣнили безбожную вѣру на чистое христіанское ученіе, вошедши въ число преданныхъ намъ и друзей, хотя не задолго предъ тѣмъ грабили насъ и обнаруживали необузданную дерзость. Въ нихъ возгорѣлась такая жажда вѣры и ревность, что приняли епископа и пастыря и съ великимъ тщаніемъ исполняютъ христіанскіе обряды».

Итакъ, въ свидѣтельствѣ Фотія мы имѣемъ одно изъ древнѣйшихъ извѣстій о русскомъ народѣ. То обстоятельство, что Аскольдъ и Диръ напали на Константинополь въ 865 году, какъ ожесточенные враги, разрушили предмѣстья и пожгли много монастырей на Босфорѣ, конечно, не легко согласовать съ заявленіемъ патріарха Фотія въ 866 г., что тѣ-же русскіе приняли христіанскаго епископа и обнаружили ревность къ христіанскимъ обрядамъ. Совсѣмъ иначе представляется дѣло, если допустить, что въ окружномъ посланіи разумѣются другіе факты, чѣмъ въ бесѣдахъ. Въ первомъ должно видѣть не крещеніе Руси Аскольда и Дира въ Константинополѣ, а указаніе на успѣхъ христіанской миссіи, распространявшейся изъ Корсуня и Сурожа.

Роль этихъ епископскихъ каѳедръ въ дѣлѣ миссіи между славянами у насъ почти совсѣмъ оставляется безъ вниманія, а между тѣмъ прямыя и косвенныя указанія на мѣсто крещенія Руси, какъ извѣстно, одинаково ведутъ къ Корсуню. Нѣсколькими годами ранѣе того, чѣмъ преосвященный Порфирій ознакомилъ съ бесѣдами Фотія, другой ученый, протоіерей Горскій обратилъ вниманіе на два житія Георгія Амастридскаго и *Стефана Сурожскаго*. Въ настоящемъ случаѣ для насъ болѣе интереса представляетъ второе житіе. Любопытно, что память св. Стефана, грека по происхожденію, такъ сказать предвосхищена у грековъ русскими; она празднуется 15 декабря и только въ Россіи. Св. Стефанъ жилъ во второй половинѣ VIII в., онъ былъ патронъ города Судака; о Руси упоминается въ его житіи слѣдующее: «По смерти святаго мало лѣтъ минуло и пришла рать великая изъ Новгорода; князь со многою силою подошелъ къ Сурожу. На десятый день

онъ вломился въ городъ и вступилъ во храмъ св. Софіи, гдѣ были мощи св. Стефана; при этомъ были разграблены богатыя украшенія въ храмѣ и на гробѣ святаго. Но вотъ вдругъ князь разболѣлся, лицо его искривилось и онъ говоритъ приближеннымъ: великій человѣкъ покоится здѣсь, возвратите все назадъ и выведите войско изъ города. Все было исполнено, но князь не выздоравливалъ. Святой сказалъ: если ты не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься домой. Тогда князь призвалъ священниковъ, и они крестили его во имя Отца и Сына и св. Духа».

Не можетъ быть сомнѣнія, что житіе Стефана первоначально было на греческомъ языкѣ. Но оно до сихъ поръ не издано. У меня списана копія съ греческаго житія, но это не есть полное житіе, а лишь сокращеніе; о чудесахъ въ немъ только замѣчено кратко, но они не разсказаны. Однако греческое житіе представляетъ и нѣчто любопытное для разъясненія миссіонерской дѣятельности крымскихъ епископскихъ каѳедръ.

О св. Стефанѣ сказано, что онъ былъ поставленъ на сурожской каѳедрѣ подобно свѣтильнику, да свѣтитъ всѣмъ не только *вѣрнымъ*, но и *невѣрнымъ*, не только *ближнимъ*, но и *дальнимъ*, освѣщая и согрѣвая ихъ подобно солнцу.

Заключительныя слова, гдѣ читается, что св. Стефанъ переселился къ Господу 15 декабря, совершивъ многія чудеса при жизни и продолжая совершать по смерти, показываютъ, что составитель краткаго греческаго сказанія имѣлъ уже подъ руками болѣе подробную повѣсть, въ которой могло заключаться и чудо надъ русскимъ княземъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ не открытомъ еще греческомъ оригиналѣ не могло быть рѣчи о новгородской рати, которая появилась вмѣсто козарской или русской подъ перомъ новгородскаго книжника. Для дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи агіографической литературы въ вопросѣ о просвѣщеніи Руси христіанствомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ греческомъ житіи Стефана выводится одна благочестивая жена, по имени Ирина, освободившая святаго отъ узъ темничныхъ.

Судакскіе или сурожскіе епископы, подобно корсунскимъ, принимали участіе въ христіанской миссіи между народами, жившими въ южной Россіи. Съ теченіемъ времени, судакская епископія возведена

была въ архіепископію и на оффиціальномъ языкѣ называлась Сугдео-Фулльскою (Σουγδαιοφούλλων, Σουγδοφούλλων), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разсмотрѣнная мною прошлымъ лѣтомъ халкинская рукопись, представляющая подобіе лѣтописи Судака. Объ ней можно составить понятіе по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ V томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

Житіе Стефана Сурожскаго давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Теперь, когда уже приблизительно опредѣленъ объемъ источниковъ, отъ изученія которыхъ можно ожидать разъясненія темныхъ фактовъ древней русской исторіи, возлагаемыя на агіографическую литературу надежды возрастаютъ больше и больше. Такимъ образомъ, изученіе житій въ особенности провинціальныхъ святыхъ, которыя греками продолжали составляться въ VIII и IX вѣкѣ, является настоятельной задачей нынѣшняго времени.

Останавливая ваше вниманіе на сурожскомъ житіи, я имѣлъ цѣлью сопоставить съ нимъ нѣкоторые факты, относящіеся до пребыванія Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи.

Бесѣды патріарха Фотія и Сурожское житіе должны быть сопоставлены съ извѣстіями о пребываніи св. Кирилла и Меѳодія въ Крыму. Во-первыхъ, на это время падаетъ походъ козарскаго воеводы на Крымъ и осада одного изъ крымскихъ городовъ. Козарскій воевода обращенъ былъ къ христіанству проповѣдью Кирилла. Никакъ нельзя допустить, чтобы тотъ самый каганъ, который ожидалъ изъ Византіи ученыхъ мужей и находился съ царемъ въ дружбѣ, могъ въ то же самое время воевать въ Крыму. Если-бы это случилось, то мѣстный стратигъ или губернаторъ Корсуня конечно не позволилъ-бы святымъ братьямъ идти къ кагану. Что нибудь одно: или путешествіе было предпринято не къ козарамъ, или нападеніе на Крымъ сдѣлалъ не козарскій воевода. Обратите вниманіе, что въ IX вѣкѣ, передъ призваніемъ князей, русскіе славяне платили дань козарамъ и составляли часть козарскаго царства, что въ X и XI в. русскіе князья носили титулъ кагановъ, какъ показываетъ между прочимъ извѣстная похвала митрополита Иларіона кагану Владиміру. Этотъ титулъ усвоялся русскимъ князьямъ и за границей, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе историческаго сожительства Руси съ козарами и смѣшенія государственной области того и

другаго народа. Я не берусь утверждать, что св. братья были съ проповѣдью при дворѣ славянскаго кагана, но имѣю основаніе думать, что нападавшій на Крымъ и обращенный св. Кирилломъ воевода былъ не козаринъ, но славянинъ. Мимоходомъ замѣчу еще, что на сказаніе объ обращеніи в. князя Владиміра философомъ несомнѣнно вліяли: сказаніе объ обращеніи болгарскаго Бориса и сочиненіе о козарской миссіи Кирилла и Меѳодія. Во-вторыхъ, между народами, обращенными св. братьями въ христіанство во время козарской миссіи, упоминается загадочное *фулльское племя или кольно:* «бѣше-же въ фульстѣ языцѣ (въ фильстѣ, въ филицѣ, въ филистѣ и др. разночтенія) дубъ великъ и подъ нимъ требы дѣаху»... Св. Кириллъ пришелъ къ этому фулльскому колѣну и началъ проповѣдывать о тщетѣ служенія бездушной твари. Язычники отвѣчали ему: «Не нами это установлено, мы приняли этотъ обычай отъ отцевъ, которымъ дубъ всегда благодѣтельствовалъ и никогда не отказывалъ въ дождѣ, а безъ дождя намъ жить нельзя». Философъ доказалъ имъ ихъ заблужденіе; тогда старшина колѣна подошелъ и поцѣловалъ евангеліе, а за нимъ всѣ присутствующіе. Затѣмъ было срублено дерево, и по молитвѣ святаго ночью пролилъ обильный дождь. Занимавшіеся толкованіемъ этого мѣста изслѣдователи усвоили себѣ взглядъ, что здѣсь разумѣется подъ фулльскимъ колѣномъ населеніе города или области Фуллы. Правда, мѣстоположеніе этого города точно не опредѣлено, но изъ того обстоятельства, что епископъ сурожскій носилъ титулъ и фулльскаго, дѣлаютъ заключеніе къ мѣстонахожденію его въ южной части Крыма по близости отъ Судака (*Кеппенъ,* Крымскій Сборникъ, 177, 178; *Васильевскій,* Житіе Іоанна Готскаго въ Журн. мин. народ. просв. 1877 г., стр. 152).

Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ сомнѣваться въ правильности толкованія мѣста о фулльскомъ колѣнѣ въ жизнеописаніи Кирилла. Прежде всего трудно допустить языческія требы въ епископскомъ греческомъ городѣ въ половинѣ IX в. Если-бы проповѣдью св. Кирилла обращены были жители города Фуллъ, это служило-бы не къ чести и архіепископа сугдеофулльскаго и духовенства. Далѣе, выраженіе фулльскій языкъ (γένος или ἔθνος τῶν Φούλλων) не примѣнимо къ населенію города, а именно къ племени или къ колѣну. Наконецъ, самыя подроб-

ности сказанія: поклоненіе дереву, которое посылаетъ дождь, значеніе дождя въ жизни населенія, колѣнный старшина, подающій примѣръ обращенія къ христіанству,—все это такія данныя, которыя непримѣнимы къ греческому южному Крыму. Обратимъ вниманіе хотя на то, что дерево представляется подателемъ дождя. Извѣстно, что въ южномъ Крыму преобладаетъ система орошенія посредствомъ отвода воды изъ горныхъ источниковъ. Такимъ образомъ въ южномъ Крыму едва-ли могъ образоваться культъ дерева—подателя дождя.

Обращеніе фулльскаго колѣна—весьма любопытная для насъ подробность въ проповѣднической дѣятельности святыхъ братьевъ, если поискать другаго толкованія для загадочнаго термина. Даже въ позднѣйшую пору, когда свѣдѣнія византійскихъ грековъ о странахъ на сѣверъ отъ Чернаго моря могли быть менѣе сбивчивы, мы встрѣчаемъ у нихъ рядъ замысловатыхъ выраженій, подъ которыми они разумѣли Россію. Таково между прочимъ выраженіе Фула (Φούλη *Mihael Akominatos* изд. Лемброса, 1, 321, II, 216), равносильное Скифіи и Тавроскифіи и обозначающее южную Россію. Если такимъ образомъ перенести фулльское колѣно изъ Крыма въ южную Россію, то получимъ въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ одно очень важное обстоятельство, прямо входящее въ область древней русской исторіи.

Приведенное выше свидѣтельство патріарха Фотія объ обращеніи къ христіанству русскихъ совершенно произвольно относимо было нашими церковными историками къ Аскольду и Диру (что въ послѣднее время вполнѣ доказано проф. *Голубинскимъ*, Исторія русской церкви, I, 17—30). Оффиціальное сообщеніе его въ окружномъ посланіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но въ немъ подразумѣвается не обращеніе къ христіанству Аскольда и Дира и не основаніе греческой епископіи въ Кіевѣ, чего въ дѣйствительности не было въ 866 году. Самое вѣроятное и въ сущности единственное основаніе, какое имѣлъ патріархъ Фотій говорить о началѣ христіанства на Руси, заключалось въ донесеніи Кирилла и Меѳодія объ обращеніи нападавшаго на Крымъ воеводы и объ успѣшной проповѣди среди фулльскаго колѣна. Результаты ихъ проповѣднической дѣятельности въ южной Россіи могли быть извѣстны въ Константинополѣ уже въ 863 году.

Оказывается, что существуютъ особенныя причины къ нарочитому почтенію у насъ памяти славянскихъ первоучителей. По всей вѣроятности, первыми христіанами на Руси были именно обитатели южной Россіи, которые въ церковномъ отношеніи подчинялись не кіевской епископской кафедрѣ, о каковой въ X и IX в. нѣтъ и помину, а одной изъ крымскихъ епископій — сурожско-фулльской или тмутараканской. Этимъ объясняются наши тяготѣнія въ X и IX в. къ Крыму, съ которымъ тогда мы были въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, чѣмъ съ XI по XVIII столѣтіе.

Преданія сурожской легенды, сказанія о походахъ въ Крымъ и о правахъ на херсонскую область, ходъ распространенія христіанской вѣры изъ Крыма на сѣверъ—все это были живые факты въ X и IX вѣкѣ, но начавшіе приходить въ забвеніе уже въ вѣкъ первоначальнаго лѣтописца. Куманы, половцы, печенѣги и татаре, отдѣлившіе насъ отъ черноморскихъ береговъ, надолго отшибли у насъ память о нашихъ древнихъ сношеніяхъ. Лишь какъ слабый слѣдъ дѣйствительно происходившаго можетъ быть указано воспоминаніе, вошедшее въ первоначальную лѣтопись, что первыя сѣмена христіанства посѣяны были на Руси нѣкоторымъ философомъ.

Возрождающаяся на Руси память о Кириллѣ и Меѳодіѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе нашей исторической и національной памяти. Вотъ почему, мм. гг., сегодняшній праздникъ долженъ отозваться согласнымъ гимномъ по всѣмъ концамъ Россіи.

IV.

Въ ряду славныхъ подвиговъ нашихъ просвѣтителей, есть одинъ безпримѣрный, съ которымъ я затрудняюсь сопоставить чей либо другой. Самая заслуга христіанской проповѣди между славянами была-бы лишена своей силы и жизненнаго значенія, если-бы она не имѣла своимъ основаніемъ крѣпкихъ столбовъ, которыхъ не можетъ сокрушить время. Народы живутъ въ народномъ языкѣ, языкъ есть хранитель народностей. Кириллъ и Меѳодій дали славянамъ эту, охраняющую народность и вѣру, силу въ церковнославянскомъ языкѣ. — Я-бы не исполнилъ своей задачи, если-бы не остановился на выясненіи этой несравненной заслуги въ дѣятельности св. братьевъ. Но позвольте мнѣ

и въ этомъ вопросѣ ограничить свою задачу. Я бы желалъ показать, что высокопросвѣтительная и всеславянская заслуга св. братьевъ, заключающаяся въ изобрѣтеніи славянской азбуки и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ, можетъ быть если не пріурочена, то сближена съ дѣятельностію ихъ въ южной Россіи и частію объяснена ею.

Прежде всего, что можно думать о времени и мѣстѣ происхожденія славянской азбуки?

Не можетъ быть сомнѣнія, что, выступивъ на дѣло проповѣди у моравапъ, Кириллъ и Меѳодій владѣли уже средствомъ переводить на славянскій языкъ священное писаніе и богослужебныя книги. Точно также извѣстно, что они явились къ князю Ростиславу съ готовымъ уже переводомъ нѣкоторыхъ книгъ. Такимъ образомъ, время изобрѣтенія славянской азбуки и начало перевода священнаго писанія относится къ первоначальному и подготовительному періоду ихъ дѣятельности, который весьма трудно поддается наблюденію.

Что касается до мѣста изобрѣтенія славянской азбуки, къ рѣшенію этого вопроса пытались и пытаются приходить то посредствомъ филологическихъ наблюденій надъ церковнославянскимъ языкомъ, то при помощи изученія историко-литературныхъ данныхъ. Наблюденія надъ языкомъ перевода священнаго писанія, въ связи съ историческимъ изученіемъ живыхъ славянскихъ языкомъ, не привели однако къ точнымъ выводамъ, которые-бы давали основаніе утверждать, что переводъ сдѣланъ былъ для славянъ солунскихъ, или для болгаръ, или для моравапъ. Съ одинаковымъ правомъ, на основаніи изученія историко-литературныхъ данныхъ (*Бодянскій*, Чтенія въ м. обществѣ исторіи древностей 1863 г., кн. II, стр. 31; *Гильфердингъ*, Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 164) можно говорить о близости языка восточныхъ славянъ съ старо-церковнославянскимъ. Въ этомъ смыслѣ и указываютъ какъ на мѣсто изобрѣтенія славянской азбуки на Солунь и Брегальницу въ Македоніи и Корсунь въ Крыму.

Солунь конечно много имѣетъ за себя, какъ родина св. братьевъ. Но любопытно, что многократныя попытки открыть въ Солуни какіе-либо слѣды памяти о св. братьяхъ остались безъ всякаго успѣха. Въ солунской области самымъ популярнымъ святымъ и, такъ сказать, па-

трономъ населенія былъ св. Дмитрій Солунскій. Ему строили храмы, съ его именемъ соединяется большинство народныхъ преданій, сказаній и историческихъ фактовъ (*Григоровичъ*, замѣтка о Солуни и Корсунѣ, Одесса 1872 г.); о Кириллѣ о Меѳодіи здѣсь не сохранилось воспоминаній. Укажу въ частности на слѣдующее наблюденіе. Въ каждой области и въ каждомъ народѣ есть особенно излюбленныя личныя имена, которыя всего чаще даются при крещеніи. Сохранилась одна писцовая книга изъ солунской области (изданный мной хиландарскій практикъ), въ которой находимъ до 300 мужскихъ именъ, но между ними нѣтъ Кирилла и Меѳодія. Въ связи съ другими указаніями, это послѣднее должно также ослаблять роль Солуни въ вопросѣ объ изобрѣтеніи славянской азбуки.

Какія-же основанія имѣетъ Корсунь считаться мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки?

Кратковременная дѣятельность св. братьевъ въ южной Россіи привлекаетъ къ себѣ наше любопытство именно потому, что она предшествуетъ ихъ общественной всеславянской миссіи. Во время козарской миссіи Кириллъ и Меѳодій, какъ мы видѣли, вошли въ непосредственныя сношенія съ восточными славянами, сдѣлавъ на Руси первыя попытки насажденія христіанства. И въ вопросѣ объ языкѣ перевода священнаго писанія, начатаго до 863 года, личныя сношенія св. братьевъ съ южно-русскимъ славянскимъ населеніемъ конечно не могли оставаться безъ значенія. Прошу, мм. гг., извиненія, что долженъ снова обременять ваше вниманіе мелочами, которыя, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, здѣсь играютъ рѣшающую роль.

При отсутствіи твердыхъ филологическихъ и историко-литературныхъ основаній, по которымъ-бы можно было усвоить языкъ перевода священнаго писанія предпочтительно передъ другими македонскимъ славянамъ, является совершенно правильной задача—возстановить по мѣрѣ возможности забытые слѣды, которые приводятъ Кирилла и Меѳодія въ соприкосновеніе съ восточными славянами.

Одинъ изъ такихъ слѣдовъ относится ко времени подготовки Кирилла и Меѳодія къ общественной дѣятельности и, такъ сказать, выдаетъ секретъ монастырскаго уединенія. Жизнеописатель Кирилла, разсказывая о жизни его въ Константинополѣ въ должности патріар-

шаго библіотекаря, дѣлаетъ слѣдующую вставку: «онъ ушелъ на Узкое море и скрылся тамъ въ монастырѣ; едва отыскали его черезъ шесть мѣсяцевъ». *Узкое море* не есть географическій терминъ, а переводъ греческаго слова τὸ Στενόν, какъ назывался у византійцевъ Босфоръ. Для насъ съ Узкимъ моремъ соединяются воспоминанія о русско-византійскихъ отношеніяхъ IX и X вѣка, которыя происходили или на Босфорѣ, или на берегахъ Босфора. Въ Русской лѣтописи во всѣхъ этихъ случаяхъ названъ Судъ. Русь Аскольда и Дира «внутрь Суду вшедше, много убійство крестьяномъ сотвориша» (изд. Археографической коммисіи, стр. 20); по случаю нападенія Олега «греци замкоша Судъ и градъ затвориша» (стр. 29); при Игорѣ «Судъ весь пожьгоша» (стр. 43); Ольга приказываетъ сказать греческимъ посламъ: «пусть вашъ царь постоитъ у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла въ Судѣ»... (стр. 61).

Между находившимися на Босфорѣ или на Судѣ монастырями былъ и тотъ, близъ котораго въ 907 году засвидѣтельствована русская колонія, т. е. монастырь св. Мамонта. Одной статьей Олегова договора съ греками предусматриваются права и обязанности русскихъ торговыхъ людей, приходящихъ въ Византію и имѣющихъ гостинный дворъ у св. Мамы. Когда былъ основанъ этотъ дворъ, сказать трудно, но что онъ могъ существовать во второй половинѣ IX вѣка, это весьма вѣроятно.

Изъ того извѣстія, что Кириллъ секретно удалился въ одинъ изъ монастырей на Узкомъ морѣ, а не въ Олимпъ или Полихронъ, гдѣ жилъ его братъ, и что, оставаясь здѣсь, онъ не давалъ никому знать о себѣ, я вывожу пока то заключеніе, что знакомство его съ Русью возможно было даже до козарской миссіи, т. е. въ тотъ подготовительный къ общественному служенію періодъ, къ которому должно быть отнесено изобрѣтеніе славянской азбуки.

Но есть гораздо болѣе ясное указаніе на связь кирилловской азбуки съ восточнославянскимъ языкомъ—въ разсказѣ о пребываніи св. братьевъ въ Корсуни. Житіе Константина, въ которомъ находится этотъ разсказъ, составлено очень рано, едва-ли не въ концѣ IX вѣка, и непосредственными учениками св. братьевъ. Историческая цѣнность этого житія признана всѣми изслѣдователями и въ особенности въ той части, которая занимается открытіемъ мощей св. Климента и которая

составлена несомнѣнно очевидцемъ и участникомъ. Будучи составлено въ Моравіи или Болгаріи, т. е. въ земляхъ южно-славянскихъ, жизнеописаніе Кирилла, само собою разумѣется, не могло имѣть тенденціи въ пользу восточныхъ славянъ. Между тѣмъ, въ немъ читается слѣдующее мѣсто о пребываніи Кирилла въ Корсуни: «и нашелъ тамъ евангеліе и псалтырь, написанные русскими письменами, и встрѣтилъ говорящаго на томъ языкѣ человѣка и бесѣдовалъ съ нимъ и усвоилъ себѣ рѣчь его и провѣрялъ въ бесѣдѣ съ нимъ различныя буквы гласныя и согласныя».

Я не нахожу возможнымъ останавливаться здѣсь на доказательствахъ той мысли, что у славянъ были свои письменные знаки и ранѣе азбуки Кирилла и Меѳодія (кириллица). Этотъ очень спорный вопросъ едва-ли въ настоящее время не подготовляется къ разрѣшенію на почвѣ изученія взаимныхъ отношеній кириллицы и глаголицы—и именно въ смыслѣ старшинства послѣдней передъ первою. Чтобы оправдать сдѣланныя указанія на роль восточнаго славянства и въ частности русскаго языка въ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки, я позволю себѣ ограничиться выясненіемъ одной историко-литературной черты, которая должна бросить яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

Возможно-ли было св. братьямъ встрѣтить Русь въ Крыму въ 861 году?

Кому случалось вдумываться въ русскую исторію IX и X вѣка, тотъ пойметъ, что это далеко не праздный вопросъ. Отрывочныя извѣстія, почерпаемыя частію въ греческихъ, частію въ восточныхъ источникахъ, позволяютъ думать о распространеніи русскаго элемента въ IX в. до береговъ Чернаго моря. Но изслѣдователю приходится считаться и съ другими не менѣе реальными выводами изъ фактовъ позднѣйшей исторіи: почему-же Русь, совершая въ IX и X вѣкѣ удачные походы на Константинополь и на Малую Азію, такъ круто повернула въ своей политикѣ съ конца X в. и въ теченіе 700 лѣтъ совсѣмъ пожертвовала своими интересами на Балканахъ и на Черномъ морѣ? Нѣтъ-ли ошибки и преувеличенія въ томъ, что говорятъ о Руси IX вѣка?

Кромѣ лѣтописныхъ извѣстій о роли Руси на Черномъ морѣ въ IX и X в., у насъ есть безцѣнный памятникъ для изученія того-же

вопроса въ *договорахъ Руси съ греками.* Такія формы международныхъ договоровъ, какія представляются на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, составляютъ невѣдомые факты даже для тогдашней западной Европы. Онѣ просто невозможны, если допустить, что Русь была тогда только что выступившимъ на историческое поприще народомъ. Уже въ договорѣ 907 года предусматриваются формы торговыхъ сношеній между Русью и греками, упоминается русскій гостинный рядъ на Босфорѣ у монастыря св. Мамонта, устанавливается порядокъ судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ между Русью и греками. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особую важность представляютъ статьи, касающіяся притязаній русскаго населенія въ Крыму и по берегамъ Чернаго моря. Договоры устанавливаютъ напримѣръ взаимныя отношенія славянъ и грековъ по вопросу о кораблекрушеніяхъ,—статья конечно совершенно излишняя, если-бы Русь не владѣла берегами. Херсонская земля составляетъ предметъ спеціальныхъ постановленій. Договоромъ 945 г., князь русскій обязывается не имѣть власти въ этой странѣ и не воевать ее,—статья точно также излишняя, если-бы Русь не дѣлала попытокъ или не могла владѣть херсонской землей, иначе говоря—статья подтверждаетъ попытки русскихъ утвердиться въ Корсунѣ, о которыхъ говорятъ житія Стефана Сурожскаго и Кирилла. Особой статьей предусматривается случай, когда херсонесцы будутъ захвачены русскими на рыбной ловлѣ въ устьяхъ Днѣпра. Греки берутъ съ Руси обязательство не зимовать въ этихъ мѣстностяхъ, иначе не устраивать здѣсь поселеній.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключать, что распространеніе русскаго элемента по берегамъ Чернаго моря, а слѣдовательно и въ Крыму, согласно съ документальными свидѣтельствами древней русской исторіи. Вообще-же цѣлымъ рядомъ намековъ и довольно ясныхъ слѣдовъ мы приходимъ къ подтвержденію той мысли, что св. братья могли дѣйствительно лично бесѣдовать съ русскими въ Корсуни.

Мм. гг. Въ знаменательную эпоху славянской жизни, когда только что начиналъ разрѣжаться доисторическій мракъ, покрывавшій восточную Европу, мы встрѣчаемъ славныя имена братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые дали славянскимъ народамъ вѣроисповѣданіе, національное и литературное знамя. На этомъ знамени написаны историческія задачи

славянства, съ нимъ тѣсно связаны и минувшія судьбы его. Рядъ событій выдвинулъ изъ среды славянскихъ народовъ русское племя, которое, по своему могуществу, политическому вліянію и извѣстной всѣмъ роли среди славянъ, является въ настоящее время самымъ виднымъ представителемъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и литературныхъ интересовъ славянства. Мы видѣли, что русскіе имѣютъ до нѣкоторой степени право на ряду съ другими славянами считать себя учениками св. братьевъ. Но съ этимъ правомъ соединяются обязанности и отвѣтственность передъ исторіей. Кириллъ и Меѳодій были не только основатели церковнаго чина, который соблюдаетъ православная церковь, но и просвѣтители народа книжнымъ ученіемъ и, смѣло прибавлю, глубокіе ученые и изслѣдователи. Какъ общественные дѣятели, какъ борцы за идею славянскихъ народностей и основатели общеславянскаго литературнаго языка, они являются въ половинѣ IX вѣка носителями такихъ началъ, которыя и въ настоящее время сохранили жизненную силу. Дѣло славянскихъ первоучителей и въ концѣ XIX вѣка не составляетъ достоянія пережитаго прошлаго.

Чтобы достойно почтить память Кирилла и Меѳодія, намъ не нужно придумывать себѣ новыхъ задачъ и искусственно подогрѣвать общественныя сочувствія. Не къ Солуни и не къ Велеграду должны стремиться наши помыслы, не тамъ мы можемъ принести св. братьямъ угодную жертву. Мы имѣемъ то преимущество даже передъ Кіевомъ и Москвой, что можемъ сказать: мѣсто, на которомъ стоимъ, земля свята есть, ибо южная Россія была свидѣтельницей проповѣднической и просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Не ясно-ли, что мы находимся въ долгу передъ нашими наставниками и учителями, что такъ мало заботились о возстановленіи ихъ памяти на югѣ. Раскрытіе слѣдовъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи тѣсно связывается съ изслѣдованіями по древней русской исторіи. Какія широкія задачи открываются въ исполненіи просвѣтительныхъ завѣтовъ Кирилла и Меѳодія! Просвѣщеніе славянъ есть высшая заслуга чествуемыхъ нынѣ св. братьевъ, и всякій вкладъ на пользу просвѣщенія будетъ съ нашей стороны достойнымъ памятникомъ нынѣшняго дня.

Ѳ. Успенскій.

ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ
римско-католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ.

Съ наступленіемъ послѣдняго раздѣла Польши всѣ принадлежавшія ей исконно-русскія области, за исключеніемъ Галиціи, вошли опять въ составъ Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она унаслѣдовала и тѣ общественно-политическіе недуги, которые разъѣдали государственный организмъ Польши и довели ее до совершеннаго паденія. Бороться намъ съ этими недугами было трудно, исцѣлить ихъ въ короткое время нельзя, но и закрывать отъ оныхъ глаза было также невозможно. Мы не можемъ похвалиться ни особою проницательностію въ ихъ распознаваніи, ни быстротою и рѣшительностію принятыхъ противъ нихъ мѣръ; одно время мы думали самыя эти провинціи возвратить Польшѣ, оставивъ ее лишь въ династической связи съ Россіею; даже и теперь, по истеченіи болѣе столѣтія, мы видимъ въ тѣхъ-же провинціяхъ—юго-западномъ и особенно сѣверо-западномъ краѣ проявленіе тѣхъ-же недуговъ. Тѣмъ не менѣе столѣтній періодъ русскаго господства въ возсоединенныхъ областяхъ даетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ съ нашей стороны парализовать господствовавшее въ нихъ преобладаніе шляхты и духовенства надъ массою населенія и ихъ политическія тенденціи, и едва-ли не самую раннюю изъ нихъ представляетъ собою помѣщаемый ниже проэктъ упорядоченія дѣлъ римско-католической церкви въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія и составленъ тѣмъ-же правителемъ дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ, Иваномъ Щепановскимъ, какъ и помѣщенный въ предъидущей книжкѣ «Кіевской Старины» проэктъ устройства въ тѣхъ-же провинціяхъ казеннаго хозяйства, и притомъ одновременно съ нимъ. Авторъ проэкта мрачными красками рисуетъ положеніе римско-католической церкви въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, произволъ и распущенность высшаго духовенства, поддерживаемаго шляхтою, малочисленность и бѣдность церквей и бѣдственное положеніе народа, не находившаго нерѣдко средствъ къ удовлетворенію своихъ высшихъ религіозныхъ потребностей. Онъ справедливо почитаетъ это за

величайшее зло, находитъ необходимымъ привлечь привилегированные классы къ служенію духовнымъ нуждамъ народа и вручаетъ правительству посредство и контроль въ столь великомъ дѣлѣ. Обращаетъ на себя особое вниманіе смѣшанный (изъ представителей православія, католичества и лютеранства) составъ проэктируемыхъ для указанной цѣли комиссій. Съ остальными подробностями проэкта читатели ознакомятся изъ самого его содержанія.

Древнія преданія и новѣйшіе опыты довольно доказываютъ, что благоденствіе народовъ существовало только при почитаніи и соблюденіи законовъ и обрядовъ вѣры, и что напротивъ того, паденіе величайшихъ государствъ, было слѣдствіемъ ослабленнаго уваженія къ религіи.

Одни искуствомъ къ пріятному и выгодному употребленію изобрѣтенныя способы не доставляютъ роду человѣческому спокойствіе души, безъ котораго частное и общее блаженство сохраняемо быть не можетъ.

Щастливая нынѣ и процвѣтающая Россія болѣе всякаго инаго государства бдѣть должна, чтобы многочисленные, подъ ея скипетромъ состоящіе народы, пользуясь блаженною толеранціею правительства, неупустительно почитали и исполняли все то, что исповѣдываемая ими религія отъ нихъ требуетъ.

Къ сожалѣнію однако-жъ сказать должно, что въ ново отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ провинціяхъ, а особливо въ губерніяхъ литовскихъ, состояніе латинско-католической церкви, часъ отъ часу хуже становится. Поводы и неминуемыя слѣдствія привлекутъ наконецъ вниманіе (и безъ того бѣднаго) земледѣльца, которой, потерявши единожды должное уваженіе къ своей религіи, звѣрскимъ своимъ чувствіемъ нарушить можетъ собственное и общее спокойствіе.

Извѣстно, что по положеніямъ бывшаго польскаго правленія, званіе духовное, будучи совмѣстнымъ законодателемъ и правителемъ государства, легко соединяло користолюбивыя свои выгоды съ властіею религіи.

Безвластные короли и (по интересу или по невѣжеству въ обрядахъ государственнаго собранія несогласующіеся дворяне) не

рѣдко прибѣгали къ политическо-религіозному покрывалу духовенства для достиженія желаемыхъ ими успѣховъ.

Слѣдствія показали, что между прочими и злоупотребленная власть религіи, развративши умъ и сердце народа, довела сіе нѣкогда пространное государство до совершеннаго уничтоженія.

Но и нынѣ усмотрѣть еще можно слѣды сего печальнаго безпорядка, а именно: почти всѣ латинско-католическаго обряда приходскіе церкви въ тѣхъ провинціяхъ состоятъ по прежнему (по поводу большихъ съ нихъ доходовъ) во владѣніи знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; многіе съ нихъ пользуются и многими вдругъ приходами, въ которыхъ едва сами побывали, собираемыя съ нихъ доходы проживаютъ (съ соблазненіемъ даже) въ городахъ и другихъ своихъ помѣстьяхъ; а содержатъ при церквахъ бѣдныхъ недоучоныхъ намѣстниковъ на жалованіи весьма скудномъ, такъ что они и по нуждѣ и по своенравію пріискиваютъ безъ разбору и непозволительныя средства къ выгоднѣйшему ихъ содержанію. О соблюденіи-же должнаго порядка, сохраненіи въ годности церкви и ея убранства, и объ надлежащемъ прихожанамъ духовномъ угожденіи никто не печется.

По селеніямъ въ литовскихъ губерніяхъ съ прискорбіемъ увидѣть можно большую часть церквей въ толико ветхомъ состояніи, что опасно входить въ нихъ даже и на службу Божію; утварь, неприличная священному употребленію, церковь окружающіе и отдаленныя кладбища не огорожены, такъ что сіи священныя мѣста, почти всегда безпокоиваемыя нечистымъ скотомъ, не могутъ никому внушить должнаго имъ почтенія. Но всего хуже есть то, что вездѣ почти большая часть прихожанъ не могутъ пользоваться священными угодьями религіи, потому что при основаніи приходскихъ церквей не взирали на отдаленность селеній, а старались только какъ можно больше причислять ихъ къ приходу для пользы священниковъ и помѣщичьихъ кабаковъ. Многіе нынѣ христіане, по поводу отдаленности, или вовсе не ходятъ, или теряютъ дорогое время, отлучаясь отъ домовъ для хожденія въ дальнюю церковь, а нерѣдко отдаленные прихожане

и умираютъ безъ приличнаго духовнаго призрѣнія, оставляя душетомлящее соблазненіе сожителямъ своимъ; сверхъ того церковный законъ признаетъ не важными всѣ исправленные религіозные обязанности въ другой приходской церкви, и бѣдные прихожане не смѣютъ пользоваться въ ближайшихъ церквахъ угодьями, которыми они по большой отдаленности въ приходской ихъ церкви пользоваться не могутъ. Словомъ, опустошеніе церковнаго строенія и убранства, отдаленность прихожанъ отъ приходскихъ церквей, неспособность и корыстолюбіе опредѣленныхъ намѣстниковъ, и соблазнительная жизнь въ роскошѣ обрѣтающихся пробощовъ, часъ отъ часу уменьшаютъ почтеніе народа къ обрядамъ религіи, а праздность, мать всѣхъ пороковъ, побуждаетъ прихожанъ заниматься упражненіями, нравственности и политикѣ весьма вредящими; положеніе же присоединенныхъ отъ Польши провинцій окружено завидующими Россія державами; образъ ихъ правленія въ пріобрѣтенныхъ ими отъ Польши частяхъ искусно привлекаетъ къ нимъ простой народъ, въ то самое время, когда съ россійской стороны и по нынѣ не доставлено земледѣльцу противу прежняго никакой личной выгоды. Справедливо потому опасаться должно, что по званію своему утѣсненный нуждою народъ простой, не будучи обезпеченъ и поддерживаемъ религіею, не только бѣгствомъ своимъ обезсиливать станетъ границы, но что, по малодушію его, оныя всегда пребудутъ въ безнадежной защитѣ отъ зазорывающихъ сосѣдовъ.

Политика и моральность требуютъ того, чтобы правительство сколь можно спѣшило отвратить отъ опустошенныхъ тѣхъ провинцій величайшее зло. Приведеніе въ надлежащій порядокъ церковныхъ дѣлъ есть главная и непосредственная потребность; а дабы удобнѣе успѣвать въ семъ предпріятіи, то:

1-е.

Правительство нарядитъ во всякой губерніи коммисіи.

2-е.

Опредѣлитъ отправленнымъ коммисарямъ нарочитую, на дневное ихъ содержаніе нужную сумму денегъ, которые изъ доходовъ

приходскихъ, въ губерніи нынѣ пробощами получаемыхъ, въ соразмѣрности взяты быть должны.

3-е.

Въ члены сихъ коммисій назначить должно людей, не только обряды, правила и обычаи латинско-католической церкви знающихъ, но и по твердости характера, и по приверженности къ государю и отечеству отличающихся.

4-е.

Всякая коммисія составлена будетъ изъ 6-ти членовъ, то есть двухъ греческо-россійскаго, двухъ католическаго и двухъ лютеранскаго или реформатскаго исповѣданія, отъ всякаго закона членъ будетъ одинъ свѣтскаго, а другой духовнаго званія.

5-е.

Предсѣдателями и секретарями всѣ по очереди члены ежедневно перемѣняться будутъ для сохраненія равновѣсія въ ихъ голосахъ.

6-е.

Для соблюденія порядка и поспѣшности въ дѣлахъ особые при всякой коммисіи наряжены будутъ прокуроры или стряпчіе.

7-е.

Никакое въ губерніи присутственное мѣсто не должно вмѣшиваться въ дѣянія сихъ коммисій, губернское правленіе дѣлать будетъ всякое по обстоятельствамъ нужное пособіе коммисіи, которая, окончивши порученное ей дѣло, представитъ оное прямо правительствующему сенату.

Сіи коммисіи должны изслѣдовать:

А.

Кѣмъ, когда и на какомъ основаніи гдѣ церковь построена была.

В.

Описать, въ какомъ она нынѣ состояніи находится и что по оному сдѣлать нужно.

C.

Показать, какія недвижимыя имѣнія, денежныя суммы и всякаго рода доходы означены были на содержаніе церкви, сколь-понынѣ дѣйствительно доходу собирается и куда сколько употребляется.

D.

Соображаясь съ мѣстоположеніемъ, коммисія должна узнать и показать, сколько точно гдѣ нужно опредѣлить для церковнаго впредь содержанія деньгами, или по удобности другими угодьями.

E.

Вѣрную сочинить вѣдомость причисленнымъ ко всякой церкви прихожанамъ, съ показаніемъ разстоянія ихъ селеній отъ церкви и гдѣ-бы въ случаѣ нужды удобно было построить еще новую церковь.

Узнать состояніе имущества и способности опредѣленныхъ нынѣ пробощовъ и намѣстниковъ.

F.

Показать, какъ давно нынѣшніе пробощи пользуются доходами приходской церкви и сколько они дѣйствительно употребили изъ тѣхъ доходовъ въ пользу церкви.

Правительство изъ полученныхъ таковыхъ вѣдомостей легко усмотритъ, что сохранить и что ради пользы отмѣнить нужнымъ окажется.

А между тѣмъ слѣдующія распоряженія кажутся необходимо нужны:

1-е.

Чтобъ всякая приходская церковь особаго имѣла пробоща, который обязанъ жить въ приходѣ своемъ и отвѣчать правительству за всѣ должности, до его званія касающіяся.

2-е.

Определеніе въ пробощи по представленію отъ приличныхъ мѣстъ и по согласію большинства прихожанъ должно быть высочайшимъ имяннымъ указомъ утверждено.

3-е.

Намѣстники пробощовъ нигдѣ при церквахъ терпимы быть не должны; гдѣ-же по мѣстному положенію обрѣтающееся великое число прихожанъ того (все) требуетъ, определить по имянному-же указу съ жалованьемъ, нужное число священниковъ въ помощники, которые впредь, смотря по заслугамъ и по старшинству, произведены будутъ въ пробощи на вакансіи.

4-е.

Никто изъ пробощовъ и помощниковъ да не смѣетъ отлучиться отъ церкви, даже и на 24 часа, безъ нарочитаго на то письменнаго отъ гражданскаго и духовнаго начальства дозволенія.

5-е.

Число прихожанъ къ одной церкви полагать должно въ уѣздѣ на одного священника до 350, а въ городахъ до 800 обоего пола душъ.

6-е.

Разстояніе селеній отъ приходской церкви не должно превосходить 7-ми верстъ.

7-е.

Всѣ нынѣ находящіяся при церквахъ недвижимыя имѣнія или капитальныя суммы поступить должны въ казенную вѣдомость, изъ нихъ основать должно удобнѣйшія доходы и употребить на содержаніе церквей, церковныхъ служителей, приходскихъ училищъ и госпиталей, которыя учредиться должны въ каждомъ приходѣ.

8-е.

Наличныя жалованья, или вмѣсто оныхъ хозяйственныя угодья для церковныхъ служителей, опредѣлены быть должны соразмѣрно состоящимъ въ тѣхъ мѣстахъ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ. Самое большое-же жалованье пробощу полагать должно по 500, а помощнику по 300 рублей въ годъ. При томъ домы и огороды казенные, а дрова по раскладкѣ отъ прихожаныхъ помѣщиковъ получать будутъ, прочимъ нижнимъ служителямъ по обыкновеніямъ и по мѣстоположеніямъ содержаніе означено будетъ.

9-е.

Починка всякаго рода при строеніяхъ церковныхъ служителей, приходскихъ школъ и госпиталей возложена будетъ касательно матеріаловъ и денежныхъ издержекъ на помѣщиковъ, распредѣливъ оные соразмѣрно пространству ихъ земли въ приходѣ состоящей. Ручная-же простая работа и перевозка матеріаловъ міромъ—прихожанами въ приличномъ времени исправляема быть можетъ.

10-е.

Для построенія въ нужныхъ мѣстахъ новыхъ церквей помѣщики прихода доставятъ, по мѣрѣ владѣемой ими земли, находящіеся въ ихъ имѣніяхъ матеріалы безденежно; простую ручную работу прихожане поселяне сдѣлаютъ; всякія-же денежныя издержки, яко-то: на покупку не имѣющихся въ приходскихъ помѣстьяхъ матеріаловъ и на заплату мастеровымъ, казна изъ доходовъ приходскихъ уплачивать должна будетъ.

11-е.

Во всякомъ уѣздѣ дворянство изберетъ на три года отъ себя трехъ инспекторовъ, поведеніемъ и благонравіемъ своимъ общаго удостоившихся почтенія; они обязаны будутъ ежегодно объѣхать въ приличномъ времени всѣ въ уѣздѣ находящіеся приходскіе

церкви, осмотрѣть и представить по данному имъ наставленію все, что нужно будетъ правительству знать по церковнымъ дѣламъ; уѣздное дворянство складкою, соразмѣрною пространству ихъ земли, заплатить должно издержки, на сей проѣздъ употребленныя испекторами.

12-е.

Со стороны духовенства назначить нужно, кромѣ епархіальнаго начальства, при 4-хъ приходскихъ церквахъ по очереди одного изъ пробощовъ инспекторомъ на три года. Должность его будетъ объѣзжать на подставленныхъ отъ прихожанъ лошадяхъ свою инспекцію единожды въ годъ, изслѣдовать и смотрѣть за точнымъ соблюденіемъ порядка церковнаго и исполненіемъ должности церковными служителями, а обо всемъ гражданскому и духовному въ губерніи начальству доставлять вѣдомости; на непредвидимый расходъ назначить съ доходовъ приходскихъ ему инспектору въ годъ по 50-ти рублей.

Сіе распоряженіе по дѣламъ латинско-католической церкви не только не причинитъ казнѣ никакого убытка; но напротивъ того симъ образомъ знатные, понынѣ во зло употребленные, доходы обращены будутъ въ общенародную пользу.

13-е.

Изъ сихъ-же доходовъ слѣдуетъ содержать высшее духовенство съ соразмѣрнымъ жалованьемъ.

14-е.

Равнымъ образомъ взять должно въ казенное вѣденіе всѣ монастырскія имѣнія и капиталы, а вмѣсто того назначить *во первыхъ* по обстоятельствамъ нужное число во всякомъ монастырѣ монаховъ, *а во вторыхъ* положить имъ жалованье отъ 150-ти до 300 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они кромѣ исполненія под-

лежащихъ званію ихъ должностей, элементарныя преподавали науки недостаточныхъ родителей дѣтямъ, желающимъ учиться, и приготовляли ихъ къ дальнѣйшимъ въ народныхъ училищахъ наукамъ.

Правитель дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ:
Надворный совѣтникъ *Иванъ Щепановскій.*

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.

Изъ мрачныхъ, сырыхъ, съ кирпичнымъ поломъ подваловъ извлекаетъ г. Андріевскій печатаемые имъ «историческіе матеріалы», которые безкорыстно отъ времени до времени приноситъ въ даръ наукѣ, не думая о прибыткѣ или славѣ, но спасая то, что обречено на гибель и истлѣніе. Работать въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, рѣшительно подвигъ, и г. Андріевскій совершаетъ 8-й подвигъ, выпуская въ свѣтъ 8-ю книжку «матеріаловъ». Дай Богъ ему здоровья для будущихъ выпусковъ!

Что до настоящаго, въ немъ тотъ-же безспорный интересъ матеріала при отсутствіи систематизаціи онаго, при недостаткѣ нарочитаго подбора актовъ однородныхъ. И неудивительно: издатель печатаетъ обрывки дѣлъ и вноситъ все, что представляетъ историческій интересъ. Отсюда то большее разнообразіе въ содержаніи, которымъ отличается и настоящій выпускъ, какъ и всѣ предшествующіе. Впрочемъ, при всемъ разнообразіи изданныхъ теперь актовъ, нельзя не замѣтить, что всѣ они относятся главнымъ образомъ къ внутренней исторіи г. Кіева, и это связываетъ ихъ въ одинъ сборникъ.

Въ ряду напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ дѣлъ особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣло о наслѣдствѣ, оставшемся по смерти кіевскаго войта половины прошлаго столѣтія, Павла Войнича. Оно не сообщаетъ правда фактическихъ данныхъ о личности этого войта, вообще мало извѣстной, и касается лишь мимоходомъ его общественной дѣятельности, по поводу налога на него и другихъ членовъ магистрата за неправильно рѣшенное въ судѣ дѣло, но за то рисуетъ съ большими

подробностями его домашній бытъ. Такое значеніе имѣютъ приложенныя къ дѣлу завѣщаніе и «опись пожитковъ его благородія привиліованнаго войта». Какъ и естественно ждать, Войничъ скопилъ немало добра: у него много одежды, посуды и вообще всякой домашней утвари; осталось и недвижимое имущество, хотя оно и не все въ завѣщаніи означено и нельзя потому судить о размѣрахъ онаго. Впрочемъ, кромѣ доли зятя его, бурмистра Петра Тихоновича, о которой узнаемъ вскользь изъ просьбы Войнича о поминовеніи души его, въ завѣщаніи упоминаются три большія усадьбы съ семью жильцами («куничниками»), двѣ торговыя лавки, хуторъ на Пріоркѣ и дворъ, въ которомъ жилъ самъ Войничъ. Послѣдній, вѣроятно, представлялъ собою лакомый кусокъ, ибо имъ воспользовался путемъ захвата, по смерти Войнича, генералъ-маіоръ сербской націи Хорватъ: «наѣхалъ» и всѣмъ завладѣлъ. Когда-же впослѣдствіи оказалось, что даромъ воспользоваться дворомъ нельзя и что наслѣдники готовы возбудить искъ, то Хорватъ предложилъ въ уплату 500 р., во что былъ оцѣненъ домъ магистратомъ. Необходимость пріобрѣтенія для себя этого дома генералъ сербской націи мотивировалъ тѣмъ, что «ему, по должности его православія», необходимо пріѣзжать со всей своей фамиліей въ Кіевъ на поклоненіе св. мѣстамъ, «что по крайности въ годъ случиться можетъ до двухъ или трехъ разъ». И таково было тогда обаяніе сербскихъ выходцевъ, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, вопреки волѣ наслѣдниковъ, порѣшила отдать дворъ Войнича Хорвату.—Новая черта для характеристики любопытнаго «генерала сербской націи».

Опись имущества Войнича открываетъ намъ отчасти духовные интересы войта. Вотъ перечень его книгъ: 1) Новый Завѣтъ, чвертковій, въ золотомъ пергаминѣ; 2) Псалтирь, въ пергаминѣ, подъ золото оправленая; 3) Псалтирь, вовсе ветхая; 4) Акафистникъ, старый, чвертковій; 5) Навечерникъ, чвертковій; 6) Октоихъ, чвертковій, старый; 7) Полуставъ, получвертковій, въ бѣломъ пергаминѣ; 8) Полуставець старый; 9) Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на дѣянія св. апостоловъ; 10) Бесѣды св. Макарія; 11) Слово, поученіе; 12) Вѣнецъ Христовъ; 13) Царскій путь; 14) Гисторія о Варлаамѣ и Іосифѣ св. Іоанна Дамаскина; 15) Книги Діонисія Ареопагита; 16) Перло многоцѣнное и 17) Книги объ антихристѣ. Книгъ юридическаго содержанія было у войта всего двѣ: «Процессъ польская» и Литовскій Статутъ; историческаго содержанія одна: «Книга историческая писанная» (вѣроятно, списокъ какой-нибудь изъ южнорусскихъ лѣтописей). Были еще у войта «папѣри, невѣдомо какіе, въ звязки за четырма печатми переопечатовани», и наконецъ «книжка за-

писная, порожня».—Обычный подборъ книгъ у людей того времени: помнили они долгъ христіанскій, любили почитать и книгу историческую.

По поводу спора о наслѣдствѣ войта и взысканіи съ него, приводится списокъ должностныхъ лицъ магистрата съ означеніемъ количества получаемаго ими жалованья. Въ 1752 году войтъ получалъ въ годъ 100 р., шесть бурмистровъ по 60 р. каждый, шесть райцевъ по 60 р., шесть лавниковъ по 20 р., шесть инстигаторовъ по 16 р. 96 к., писарь 60 р. Съ жалованьемъ копіистовъ, разныхъ канцелярскихъ служителей и расходовъ по канцеляріи содержаніе магистрата стоило городу ежегодно около 1,200 р., а какъ средній доходъ города, по даннымъ настоящаго выпуска, составлялъ въ годъ 5,500 р. и остатки ни откуда не видны, то можно полагать, что жалованье «урядовыхъ людей» составляло немного болѣе $^1/_4$ всѣхъ расходовъ или почти 22% по отношенію къ нимъ. Мы не считаемъ натуральнаго довольствія чиновъ магистрата выдачею имъ двойнаго вина, меда, пива и дровъ. Сопоставляя помѣщенный въ этомъ-же выпускѣ штатъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, мы находимъ тамъ гораздо высшіе денежные оклады (переводчикъ получалъ въ четыре раза больше самаго войта), но эта разница въ значительной степени пополнялась сколько натуральнымъ довольствіемъ магистратскихъ чиновъ, столько и доступностію для нихъ разнаго рода промысловъ.

Не безъинтересенъ въ сборникѣ списокъ кіевскихъ полиціймейстеровъ съ 1734 по 1774 годъ, и нѣкоторыя случайныя о нихъ свѣдѣнія. Одинъ, напримѣръ, характеризуется въ дѣлахъ какъ строгій блюститель нравственности, преслѣдующій «оказавшихся въ блудодѣяніи великороссійскихъ и малороссійскихъ женокъ» и наказывающій ихъ плетьми, другой обвиняется «въ непорядочныхъ поступкахъ относительно мясныхъ торговцевъ»...

Въ сборникѣ г. Андріевскаго есть интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго († 8 декабря 1796 г.); къ сожалѣнію издатель опустилъ самый любопытный въ дѣлѣ актъ, именно—церемоніалъ погребенія этого сановника, похороненнаго, какъ извѣстно, въ великой успенской церкви кіево-печерской лавры.

Нельзя не пожалѣть также, что «рапорты кіевскаго магистрата о томъ, сколько котораго числа и съ какой болѣзни живущихъ въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ обывателей померло», не приведены цѣликомъ. Они относятся ко осеннему времени съ 4-го сентября по 8 октября и особенно важны потому, что показываютъ нормальную смертность,

такъ какъ по свидѣтельству врача ни на комъ изъ умершихъ «опасной болѣзни знаковъ не явилося».

Очень любопытны въ книжкѣ Андріевскаго выдержки изъ дѣла по приводу къ присягѣ въ 1754 и 1760 годахъ на вѣрноподданство студентовъ академіи. Какъ видно, составленъ былъ списокъ учениковъ, въ которомъ указывались: «имена и прозванія, гдѣ кто родился, коихъ родителей сыны, сколько кому отъ роду лѣтъ, а ежели зъ заграницы вышедшія, то котораго повѣту или полку, чрезъ которые форпосты и котораго году въ Кіевъ пришелъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ указаны уніаты и всѣ ученики вообще раздѣлены по классамъ. Эта вѣдомость—первостепенной важности документъ; она стоитъ всего «дѣла о присягѣ», но, къ сожалѣнію, издатель не приводитъ его.

Нѣчто подобное встрѣчаемъ въ концѣ сборника. Сообщается, что въ 10 часовъ вечера 26 марта 1790 года «чувствовано въ Кіевѣ легкое землетрясеніе, продолжавшееся около трехъ минутъ, ощутительнѣе-же сіе было въ Старомъ Кіевѣ и на Подолѣ». Г. Андріевскій замѣчаетъ при этомъ, что приведенный фактъ извлеченъ имъ изъ связки «репортовъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, изъ которыхъ сочинена къ Е. И. В. о благосостояніи реляція за 1-ую половину марта мѣсяца 1790 года». Намъ кажется, что изъ указанныхъ репортовъ можно было бы извлечь болѣе цѣнныя, особенно цыфровыя данныя, и мы сожалѣемъ объ отсутствіи ихъ.

Остальныя извлеченія изъ старыхъ дѣлъ, собранныхъ г. Андріевскимъ, характеризуютъ бытъ духовенства, чернаго и бѣлаго, чиновничества, мѣщанства и крестьянства, и будущій историкъ Кіева не разъ поблагодаритъ издателя за его кропотливый, добросовѣстный трудъ, значеніе котораго достаточно ясно и изъ приведенныхъ нами выдержекъ.

И. Каманинъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.

Авторъ названнаго сочиненія принадлежитъ къ числу плодовитыхъ ученыхъ. Въ короткій промежутокъ времени имъ написано около полутора десятка болѣе или менѣе обширныхъ статей по исторіи южно-русской литературы и по исторіи русскаго быта и міросозерцанія. Особенно могли-бы быть важны по своимъ практическимъ результатамъ послѣднія работы, если-бы они проникли, въ измѣненномъ для этой цѣли видѣ, въ среду грамотнаго сельскаго люда, гдѣ особенно сильны всякіе предразсудки, поддерживаемые глубокимъ невѣжествомъ и гдѣ до

сихъ поръ двоевѣріе составляетъ обычное явленіе. Понятно, что популяризованныя сочиненія, подобныя названному выше, полезны тѣмъ именно, что разъясняютъ происхожденіе многихъ обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отъ времени язычества и удерживающихся слѣпою вѣрою въ ихъ необходимость и суевѣрнымъ страхомъ предъ тяжкой карой, постигающей нарушителя ихъ. Что же касается до научнаго значенія этихъ сочиненій, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, потому что безъ предварительнаго разрѣшенія такихъ вопросовъ, какъ затронутый г. Сумцовымъ о хлѣбѣ, «нельзя понять ни древняго міросозерцанія, ни современнаго народнаго міросозерцанія, насколько его загромоздили обрывки и обломки стародавнихъ воззрѣній на природу и человѣка».

Приступая къ изслѣдованію обрядоваго употребленія хлѣба, авторъ прежде всего указываетъ на глубокую древность земледѣлія на востокѣ, потомъ въ Европѣ и наконецъ у славянъ, въ связи съ которою стоитъ древность хлѣбныхъ обрядовъ, опредѣляемыхъ древними формами быта и древними способами приготовленія хлѣбной пищи. По мнѣнію автора, приготовленіе хлѣбной пищи прошло нѣсколько послѣдовательно измѣнявшихся ступеней развитія (простое поджариваніе зеренъ, размельченіе ихъ и употребленіе въ пищу въ смоченомъ водѣ, въ видѣ кашицы и приготовленіе печенаго хлѣба). Сообразно съ этимъ, осыпанье и посыпанье хлѣбнымъ зерномъ есть древнѣйшая форма обрядоваго употребленія хлѣба и обнаруживается въ наиболѣе архаичныхъ явленіяхъ народнаго быта: въ заговорахъ (лѣченіе лихорадки), на свадьбахъ (осыпаніе зерномъ молодыхъ), на рождественскихъ святкахъ («засѣванье» мальчиками), при встрѣчѣ дорогаго гостя (осыпанье), на крестинахъ (посыпанье зарытаго подъ поломъ родоваго послѣда) и при похоронахъ (посыпанье зерномъ мѣста, гдѣ лежалъ покойникъ). За употребленіемъ хлѣбныхъ зеренъ слѣдуетъ обрядовое употребленіе каши на рождественскихъ святкахъ (кутья), свадьбахъ (кормленіе молодыхъ кашей), родинахъ (моленіе каши), похоронахъ (коливо) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Въ связи съ обрядовымъ употребленіемъ каши и напитковъ (на свадьбахъ) авторъ ставитъ обрядовое разбиваніе посуды. Предполагая, что каша есть спеціальное родинное кушанье, онъ считаетъ круглый хлѣбъ отличительною особенностью свадьбы, на что указываетъ общее во всѣхъ славянскихъ земляхъ названіе его короваемъ, при чемъ всякія другія названія составляютъ лишь мѣстную его замѣну. Указавъ отличительныя особенности свадебнаго хлѣба: его величину, круглую форму, часто отверстіе въ срединѣ и наконецъ наружныя украшенія изъ тѣста или бумаги, имѣющія символическое значеніе, г. Сумцовъ изслѣдуетъ далѣе употребленіе хлѣба въ разныхъ его видахъ, со значеніемъ жертвы или

символа, въ различные праздничные дни языческой эпохи, къ которымъ пріурочены были потомъ праздники христіанскіе, а именно въ рождественскіе святки и масляницу и примыкающія къ послѣдней: Закликаніе весны, Красную Горку, Егорій весенній, Семикъ и Троицынъ день, а также въ праздники Купала и обжинокъ, къ которымъ примыкаютъ Ярило, Семеновъ день, Госпожка, Егорій осенній, и указываетъ употребленіе его въ эти праздники то въ видѣ каши, пряженины, крачуна, блиновъ, вареникосъ, хвороста, «Boži milosti» и тутманика, то въ видѣ креста, благовѣщенской просфоры, лѣсенки, пасхальныхъ куличей, блиновъ на Вознесеніе, Георгіевскаго коровая, троицкаго коровая, купальской кулаги, бабки и проч. Къ праздничному употребленію хлѣба авторъ причисляетъ употребленіе его при разнаго рода обстоятельствахъ: при отъѣздахъ, постройкахъ, новосельи, во время пожара, на именинахъ, при первомъ выгонѣ скота въ поле, при сборѣ зелья, при посадкѣ и уборкѣ капусты и при пчеловодствѣ. Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе употребленія хлѣба для гаданій, упоминаніе онаго въ поговоркахъ, примѣтахъ и повѣрьяхъ, какъ предмета священнаго, отождествляемаго съ божествомъ, счастьемъ и жизнью; далѣе юридическое и бытовое значеніе хлѣба, когда онъ является знакомъ уполномоченія (сваты съ хлѣбомъ), знакомъ заключеннаго договора или сдѣлки (обмѣнъ хлѣбами), символомъ брачнаго союза (положеніе рукъ жениха и невѣсты на одинъ хлѣбъ, и мног. друг.), подаркомъ или платой за трудъ (священнику, родильницѣ, повививальной бабкѣ, учителямъ и «судящимъ») и наконецъ, простымъ угощеніемъ и источникомъ веселья, семейной и общественной радости, почета и ласки.

Вслѣдствіе большой распространенности хлѣбныхъ обрядовъ, при исполненіи послѣднихъ должны были сложиться и занять въ народной поэзіи видное мѣсто хлѣбныя пѣсни. Авторъ слѣдитъ по нимъ за изслѣдуемымъ имъ предметомъ, перебирая пѣсни жатвенныя, подраздѣляющіяся на зажиночныя, жнивныя и дожиночныя (пѣсни о вѣнкѣ и бородѣ), пѣсни колядскія и волочебныя (прославленіе силъ и явленій природы), коровайныя (кѣмъ, какъ, изъ чего и каково дѣлался коровай), веснянскія (гаевскія) и семейно-бытовыя.

Переходя къ объясненію причины появленія хлѣба въ обрядахъ, авторъ указываетъ на то, что отличительной чертой древняго народнаго міросозерцанія представляется олицетвореніе и обоготвореніе силъ и явленій внѣшней природы, съ перенесеніемъ на нихъ свойствъ и особенностей нравственной природы человѣка, его характера, семейнаго и домашняго быта. У славянъ въ обоготворенной внѣшней природѣ на первомъ мѣстѣ стояло солнце по той простой причинѣ, что хлѣбопа-

щество находится въ полной зависимости отъ положенія этого свѣтила. Но такъ какъ религіозныя вѣрованія насквозь проникали народную жизнь и неразрывно переплетались съ новѣйшими ея проявленіями, поэтому безъ религіознаго освѣщенія не могъ обойтись ни одинъ фактъ или предметъ частной или общественной жизни. Отсюда возникаютъ жертвоприношенія съ цѣлью умилостивленія божества или испрошенія у него въ молитвахъ какихъ-либо благъ. Само собою разумѣется, что въ пастушескій періодъ народной жизни жертвоприношеніе богамъ состояло исключительно изъ животныхъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ земледѣлія въ жертву стали приносить хлѣбы разной величины и формы; но все-таки, по архаичности народной жизни, животныя жертвы долгое время преобладали, играли главную роль въ богослуженіи, первенствовали надъ хлѣбомъ, и самое жертвоприношеніе хлѣба дополняло только или замѣняло иногда жертвоприношеніе животныхъ. Постепенность перехода жертвоприношенія животныхъ въ жертвоприношеніе хлѣба, обусловленнаго развитіемъ земледѣльческой культуры, выразилось въ обрядовомъ употребленіи хлѣба тѣмъ, что хлѣбу придавались формы животныхъ. Подобнаго рода замѣны встрѣчаются у разныхъ народовъ. Въ Египтѣ, Греціи и Римѣ животныя жертвы замѣнялись символическими фигурами ихъ изъ мѣди, тѣста и воска [1]). Въ однихъ случаяхъ хлѣбная замѣна жертвоприношенія произошла съ цѣлью избѣжать лишенія жизни, въ другихъ-же по большей части изъ экономическихъ побужденій. Впослѣдствіи языческое обыкновеніе дѣлать хлѣбы въ видѣ животныхъ получило христіанскую окраску. Но хлѣбъ приносился въ жертву не одному солнцу, но и землѣ (зарываніе въ землю каши и хлѣбныхъ зеренъ), водѣ (жертвоприношеніе Садка, купца, богатаго гостя), домашнему очагу или домовому (бросаніе небольшихъ хлѣбовъ въ печь передъ печеніемъ корована невѣстой), духамъ предковъ (бросаніе крошекъ подъ столъ во время поминокъ), лѣсному духу (обмазываніе деревьевъ тѣстомъ). Религіозно-обрядовый хлѣбъ придалъ большее или меньшее освященіе тѣмъ предметамъ, которые стоятъ къ нему въ извѣстной близости, именно: гумну, снопу, квашнѣ, вику (крышкѣ отъ квашни), плугу, боронѣ, рѣшету, ситу и соломѣ. Соль имѣетъ значеніе, такъ сказать, дополнительное при хлѣбѣ. Жертвоприношенія хлѣба сопровождались естественно

---

[1]) Къ этой категоріи обычаевъ авторъ относитъ приношеніе больнымъ человѣкомъ въ храмъ моделей своихъ пораженныхъ членовъ, съ цѣлью умилостивленія божества или какъ благодарственное жертвоприношеніе послѣ излѣченія. Обыкновеніе это имѣло мѣсто въ Египтѣ, Греціи, Германіи и нынѣ еще встрѣчается въ Индіи и Россіи.

разными молитвами и священнодѣйствіями, сохранившимися отчасти до сихъ поръ въ заговорахъ, пѣсняхъ и обрядахъ, преимущественно свадебныхъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе любопытной книги г. Сумцова. Если она не блещетъ большою новизною фактовъ и ихъ объясненій, то имѣетъ высокую цѣну по обстоятельному и полному подбору всѣхъ обрядовъ, въ которыхъ употребляется хлѣбъ, и пѣсенъ, въ которыхъ онъ воспѣвается, по вполнѣ научной группировкѣ собраннаго матеріала и основательному разрѣшенію вопроса о причинахъ, вызывавшихъ употребленіе хлѣба въ томъ или другомъ случаѣ. Настоящій трудъ автора, подобно предъидущимъ, приближаетъ науку къ возможности возсоздать со временемъ величественную славянскую миѳологію, которая помогаетъ опредѣлить народный характеръ вообще и въ частности понять вѣрованія, обычаи и преданія, смыслъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ затерялся совершенно.

Раздѣляя вполнѣ основную мысль автора, объясняющаго обрядовое употребленіе хлѣба религіознымъ характеромъ племени, требовавшимъ жертвъ для умилостивленія божества, и состояніемъ культуры, обусловливавшимъ обряды и формы жертвоприношенія въ пастушескій и земледѣльческій періодъ жизни славянъ, не можемъ не остановиться въ заключеніе на томъ, что во многихъ второстепенныхъ случаяхъ употребленіе хлѣба должно быть объяснено тѣмъ первенствующимъ значеніемъ, какое имѣетъ онъ для народной массы, какъ главное питательное вещество. Авторъ самъ не отвергаетъ этой мысли, но къ сожалѣнію онъ не вполнѣ точно и опредѣленно отдѣлилъ случаи, когда и почему въ употребленіи хлѣба слѣдуетъ видѣть жертву, и когда и почему его употребленіе имѣетъ просто бытовое значеніе; имъ оставлены безъ гадательнаго даже объясненія многія обстоятельства, въ которыхъ фигурируетъ хлѣбъ и о которыхъ приходится лишь догадываться, не замѣняетъ-ли здѣсь жертва самое божество (юридическое и бытовое значеніе хлѣба), какъ было это у древнихъ арійцевъ, возводившихъ въ отдѣльныя божества жертву, жидкость, возливаемую на нее (сому), огонь, пожирающій жертву (агни) и проч.. Слѣды начинавшагося обожествленія хлѣба у славянъ яснѣе всего видны въ его эпитетахъ, нѣкоторыхъ пѣсняхъ и юридическомъ значеніи; оно могло быть задержано и измѣнено распространеніемъ христіанства.

И. Каманинъ.

Θеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Θеодосія 1884 г. Въ пользу учащагося юношества, Ц. 80 коп. съ пересылкою 1 рубль.

Въ прошломъ номерѣ «Кіевской Старины» мы сѣтовали о томъ, что нашъ городъ не имѣетъ своей исторіи. Сожалѣніе наше усилилось, когда мы, получа названный очеркъ отъ автора, должны были увидѣть, что даже такой незначительный, хотя и очень древній городокъ, какъ Θеодосія, и тотъ нашелъ своего лѣтописца. Съ особымъ поэтому интересомъ прочли мы эту книгу, тѣмъ болѣе, что она написана такимъ прекраснымъ, чистымъ и легкимъ языкомъ, какой встрѣчается не у многихъ писателей.

Подкупленные внѣшней формой, мы надѣялись найти въ книгѣ и соотвѣтственное содержаніе. Необычайная древность города и его долгая разнообразная судьба сулила намъ таинственную и полную разнообразной жизни картину. Мы думали найти въ очеркѣ г. Виноградова все прошлое этого города во всемъ его объемѣ: участіе города въ общей политической и культурной жизни тѣхъ государствъ и народовъ, которымъ онъ въ разныя эпохи принадлежалъ, исторію его самоуправленія, условія его вызвавшія, измѣненія и реформы въ немъ происходившія, отношенія къ нему центральной власти и вліяніе послѣдней на самоуправленіе, характеристику замѣчательнѣйшихъ городскихъ представителей, разнообразную картину городскаго хозяйства, этнографическій составъ населенія и отношенія между собою народностей, элементы сословные и ихъ положеніе, состояніе образованія, торговли, промышленности и проч., съ соотвѣтственными историко-статистическими данными, наконецъ исторію сооруженія и современнаго состоянія общественныхъ зданій: храмовъ, учебныхъ заведеній и проч., съ присовокупленіемъ картъ, снимковъ, плановъ и т. п. Но далеко не все это нашли мы въ трудѣ г. Виноградова. У него на первомъ планѣ политическая исторія мѣстности, а судьба города лишь въ общемъ очертаніи судьбы цѣлаго края, что напоминаетъ отчасти извѣстную графу формуляровъ: «въ походахъ противъ непріятеля былъ-ли, и въ какихъ именно?» Но исторію города уже если сравнивать съ чѣмъ-либо, то конечно съ біографіей, а не съ формуляромъ... Просмотримъ однако и формуляръ г. Θеодосіи.

Г. Виноградовъ дѣлитъ исторію этого города на четыре періода: 1) древній, обнимающій время отъ VI в. до Рождества Христова до V в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 900 лѣтъ. Θеодосія называлась тогда на языкѣ своихъ древнѣйшихъ обитателей тавровъ или алановъ Ардавдою (даромъ Боговъ); открытая греками въ половинѣ VI в. до Рождества Христова, переведшими ея древнее названіе на свой

языкъ, она сдѣлалась колоніей Милета и управлялась республикански. Развившаяся здѣсь торговля вызвала неудачныя попытки боспорскаго царя Сатира I завоевать городъ, чего однако достигъ только его сынъ Левконъ. Послѣдній пощадилъ жителей и ихъ самоуправленіе съ цѣлью развить здѣсь земледѣліе, чтобы поднять вывозъ хлѣба изъ портовъ Греціи; принятыя Левкономъ мѣры привели къ желанному результату: вывозъ достигъ громадныхъ размѣровъ, но въ эпоху развитія римскаго могущества, вслѣдъ за паденіемъ Греціи, пало и значеніе ѳеодосійскаго порта. Во время борьбы римлянъ съ боспорскимъ царемъ Митридатомъ, ѳеодосійцы поднялись и хотѣли было отложиться, но Митридатъ подавилъ возстаніе; затѣмъ слѣдовало подчиненіе Риму и нашествіе алановъ, скиѳовъ, сарматовъ и гунновъ. 2) Въ средній періодъ, продолжавшійся отъ V до XV в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 1000 лѣтъ, Ѳеодосія подвергалась нападенію угровъ, болгаръ и хозаръ, которыхъ побѣдилъ въ 988 году Владиміръ Святой и основалъ по сосѣдству тмутараканское княжество (Тамарха, въ древности τα Μάτραχα); въ 1030 г. вторглись печенѣги, а потомъ команы или половцы, вытѣсненные въ 1239 г. татарами. Къ этому времени относится появленіе въ Ѳеодосіи генуэзцевъ. Оно связывается съ завоеваніемъ Константинополя латинянами въ 1204 году. Генуэзцы пріобрѣли сначала здѣсь покупкой небольшое пространство и впослѣдствіи такъ его укрѣпили, что въ состояніи были отражать нападенія татаръ; окончательно городъ былъ обнесенъ стѣной въ 1383—1386 г.

Подъ 1318 г. упоминается о существованіи русской церкви въ Кафѣ. Подъ властью генуэзцевъ городъ скоро достигъ цвѣтущаго состоянія, управляясь консулами, ежегодно присылавшимися изъ метрополіи. Усиленіе и обогащеніе города привело его въ столкновенія съ ханами, которыя окончились невыгодно для горожанъ: они сдѣлались данниками татаръ. Съ завоеваніемъ Константинополя турками для Ѳеодосіи наступаетъ тяжелое время: доступъ въ Черное море былъ затрудненъ ими, турки дѣлали попытки овладѣть полуостровомъ и Ѳеодосіей, а внутри города происходили смуты и раздоры; плебеи возстали противъ патриціевъ и требовали, чтобы консулъ избирался изъ среды ихъ. Къ сожалѣнію, авторъ не изслѣдуетъ причинъ этого явленія, объясняя его просто зараженіемъ жителей демократическимъ духомъ, хотя это могло быть только протестомъ горожанъ противъ притѣсненій олигарховъ. Попытки турокъ относительно Крыма скоро увѣнчались успѣхомъ; дошла очередь и до Ѳеодосіи: 1-го іюня 1475 года она была окружена турками; правители города отправили посольство, съ епископомъ Симеономъ во главѣ, къ кіевскому воеводѣ Гаштольду съ просьбой о немедленной помощи

городу, находившемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ», но было уже поздно. Ѳеодосійцы вынуждены были сдаться; городъ былъ разоренъ, наступилъ періодъ турецкаго владычества, данное Ѳеодосіи генуэзцами названіе Кафы искажено турками въ Кефу. Любопытенъ фактъ отношеній города Кафы къ кіевскому воеводѣ Гаштольду; къ сожалѣнію авторъ умалчиваетъ о томъ, когда и при какихъ условіяхъ возникли эти отношенія и когда стали враждебными, какъ умалчиваетъ, по непонятной причинѣ, и вообще объ отношеніяхъ кафянъ къ южной Руси и козачеству запорожскому и донскому. А между тѣмъ всѣ наши лѣтописи и памятники сѣверной Россіи упоминаютъ о Кафѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ продавались христіанскіе плѣнники, захваченные татарами во время ихъ частыхъ набѣговъ на южную Россію. Такъ, въ лѣтописи Самовидца подъ 1547 годомъ разсказывается о грабежахъ татаръ въ окрестностяхъ г. Винницы, уводѣ плѣнниковъ и преслѣдованіи татаръ барскимъ старостой Бернатомъ Пертфицемъ, который, хотя и настигъ ихъ подъ г. Очаковымъ, но «плѣнниковъ не засталъ, ибо татары уже ихъ распродали и оные въ городъ Кафу увезены». Особенно-же извѣстно изъ лѣтописей и пѣсень взятіе г. Кафы гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1606 году, такъ художественно описанное г. Мордовцевымъ въ его повѣсти: «Сагайдачный». Этотъ гетманъ погромилъ въ Кафѣ 14,000 мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ каторги, т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана. Покойный М. А. Максимовичъ помѣстилъ въ приложеніи къ «Сказанію о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», напечатанномъ въ его «Кіевлянинѣ» за 1850 годъ, рисунокъ, изображающій приступъ къ Кафѣ и заимствованный имъ изъ книги: «Вѣршѣ 1622 года»[2]). Донскіе козаки также дѣлали нападеніе на Кафу то одни, то въ союзѣ съ запорожскими. Но все, что касается козачества, обойдено въ очеркѣ молчаніемъ. Чѣмъ объяснить такой важный пропускъ въ трудѣ г. Виноградова? Неужели это простое невѣдѣніе? Не знать этого факта, намъ кажется, нельзя. Навѣрно, его зналъ и авторъ и если обошелъ его, то имѣлъ вѣроятно какую-нибудь сокровенную причину. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Третій періодъ въ жизни г. Кафы, какъ совершенно вѣрно называетъ его авторъ, турецкій, продолжался 308 лѣтъ, отъ 1475 и до

---

[1]) См. также: «Архивъ юго-западной Россіи», ч. V, т. I, стр. 66, Лѣтопись Самуила Величка, т. II, 381; т. IV, стр. 151, 155. Лѣтопись Грабянки, стр. 6, 25 и Самовидца, стр. 215 и 339.

[2]) Полное собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 358.

1783 года. Въ этотъ періодъ положеніе города значительно измѣнилось. Турки изгнали генуэзцевъ и сами взяли въ свои руки торговлю; въ то же время они укрѣпили городъ. Въ этотъ-же періодъ участіе въ судьбѣ полуострова принимають и русскіе цари. Поводомъ къ сближенію послужилъ союзъ хана Менги-Гирея съ Іоанномъ III противъ кипчакскаго хана Ахмета. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что сношенія русскихъ съ Крымомъ съ тѣхъ поръ почти не прерывались и постепенно подготовляли почву къ отложенію его отъ Турціи. Сказано это, по всей вѣроятности, для краснаго словца, ибо доказательствъ этого не находимъ, знаемъ-же, напротивъ, что на земскомъ соборѣ въ Москвѣ 3 января 1642 года обсуждался вопросъ: принять или не принять Азовъ отъ донскихъ козаковъ [1]), которые завоевали его передъ этимъ и отстояли противъ грозныхъ турецкихъ силъ, и что тогда рѣшено было Азова не принимать въ виду неизбѣжной войны съ Турціей. Если у московскихъ государей могла явиться мысль о завоеваніи побережья Чернаго моря, то не раньше, какъ лѣтъ черезъ 200 послѣ оказанной Менгли-Гиреемъ помощи великому князю противъ хана Золотой Орды, когда теченія рѣкъ Днѣпра и Дона сдѣлались болѣе безопасны отъ козацкихъ грабежей, т. е. съ того времени, когда козачество, донское и запорожское, залегавшее эти рѣки, стало въ большее подчиненіе государямъ. Поэтому-то первые походы съ завоевательными цѣлями были совершены кн. Голицынымъ въ 1687 г. сначала въ союзѣ съ Самойловичемъ, а потомъ въ союзѣ съ Мазепой въ 1689 г. Только Петру I удалось стать твердой ногой при Азовскомъ морѣ. Въ 1736 году гр. Минихъ проникъ до Перекопа. Политика Екатерины II въ періодъ 1768—1774 года была направлена къ тому, чтобы отдѣлить Крымъ сначала отъ Турціи, а за тѣмъ подчинить его своей власти. Первая цѣль была достигнута ею въ 1771 году, а вторая 8 апрѣля 1783 года. Съ этого момента авторъ ведетъ новѣйшій періодъ города до послѣднихъ дней. Такъ какъ съ этимъ-же годомъ прекращается жизнь полуострова, то и объ участіи въ ней Ѳеодосіи уже не приходится говорить автору; онъ *volens-nolens* долженъ былъ обратиться къ внутренней исторіи города, и онъ обращается, но излагаетъ ее не прагматически, а хронологически, какъ лѣтопись событій. Конечно, послѣдній способъ изложенія легче, нѣтъ необходимости много мудрствовать, за то у читателя составляется смутное понятіе обо всемъ: самоуправленіи, промышленности, образованіи и проч. Такого-же порядка держался авторъ при передачѣ

---

[1]) Нападеніемъ козаковъ были тогда встревожены всѣ города полуострова, не исключая и Кафы. Кафяне особенно близко приняли къ сердцу судьбу Азова, ожидая и къ себѣ непрошеныхъ гостей.

исторіи Өеодосіи и во всѣхъ предъидущихъ періодахъ. Всѣ факты общественной жизни, всѣ роды дѣятельности горожанъ перемѣшаны до крайности; сначала, напримѣръ, говорится о выселеніи изъ Кафы турокъ и снятіи плана города, потомъ объ устройствѣ монетнаго двора, о путешествіи Екатерины II въ Крымъ, о дѣлахъ церковныхъ и учрежденіи епархіи, далѣе приводится описаніе города академикомъ Палласомъ, передается о дарованіи Өеодосіи Павломъ I права «порто-франко», объ особомъ губернаторѣ, сооруженіи соборной церкви, открытіи училища, отмѣнѣ порто франко... и т. д. Все это заканчивается похвалами өеодосійской думѣ за ея заботы о преуспѣяніи внутренней жизни и о внѣшнемъ благосостояніи и благоустройствѣ города. Особенно, по словамъ автора, велики заботы думы объ образованіи, они ростутъ не по днямъ, а по часамъ; въ настоящее время городъ съ 10,000 населеніемъ и имѣетъ даже мужескую гимназію, въ которой директоромъ и состоитъ авторъ книги г. Виноградовъ, издавшій ее *«въ пользу учащагося юношества»*, т. е. съ обращеніемъ, какъ можно догадываться, выручки отъ продажи книги на нужды учениковъ гимназіи, ему подвѣдомой.

Въ концѣ книги приложены: 1) Свѣдѣнія о движеніи судоходства и торговли по өеодосійскому порту за періодъ времени съ 1800 по 1883 годъ, 2) Надписи на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Өеодосіи и хранящихся въ мѣстномъ музеѣ и 4) списокъ консуловъ Кафы; но за отсутствіемъ внутренней исторіи города эти приложенія теряютъ для читателя историческій интересъ, сохраняя лишь значеніе сыраго матеріала для другихъ изслѣдователей. А жаль: у г. Виноградова въ распоряженіи былъ богатый сырой матеріалъ и обширная литература; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ «примѣчанія», расположенныя впрочемъ также въ концѣ книги, что очень затрудняетъ справки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ (оттискъ изъ №№ 38—49 Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1884 г.). Черниговъ. 1885 г. 58 стр.

Небольшая книжечка, заглавіе которой мы привели, представляетъ послѣдній дополнительный выпускъ того изданія, которое начато было еще въ шестидесятыхъ годахъ черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, по инииціативѣ неутомимаго изслѣдователя южно-русской старины А. М. Лазаревскаго, которому принадлежитъ и честь открытія самаго памятника. Румянцевская опись, заключавшая нѣкогда

всѣ *десять* полковъ лѣвобережной Украйны и обнимавшая нынѣшнія черниговскую и полтавскую губерніи, не дошла до насъ цѣликомъ: значительная часть ея, относившаяся къ нынѣшней полтавской губерніи, сгорѣла въ архивѣ полтавской казенной палаты; сохранилась-же едва-ли не меньшая ея половина и при томъ не въ одномъ мѣстѣ: 1) самая большая часть—въ Черниговѣ (открытая А. М. Лазаревскимъ въ черниговской казенной палатѣ и хранящаяся нынѣ при губернскомъ статистическомъ комитетѣ въ размѣрѣ 148 фоліантовъ приблизительно въ 1000 листовъ каждый); 2) значительная часть—въ Кіевѣ при университетской библіотекѣ; 3) 18 связокъ открыто мною въ Полтавѣ, въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и нѣсколько штукъ проф. И. В. Лучицкимъ—въ архивѣ полтавской казенной палаты. Черниговская часть обнимаетъ черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій, часть кіевскаго, прилуцкаго и смѣлянскую сотню лубенскаго полковъ; кіевская—остальную недостававшую часть кіевскаго полка и почти всю опись переяславскаго полка; полтавская—неполныя 2 сотни миргородскаго полка и 4 полтавскаго. Такой замѣчательный памятникъ, какимъ несомнѣнно является Румянцевская опись Малороссіи, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе изслѣдователей. Въ Черниговѣ на него обратили вниманіе сначала губернскій статистическій комитетъ, а потомъ земское статистическое бюро. «Съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ то-же время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ», А. М. Лазаревскій издалъ два выпуска «Обозрѣнія Румянцевской описи Малороссіи» (сначала въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ отдѣльными оттисками); вскорѣ затѣмъ вышелъ третій выпускъ подъ редакціей Н. А. Константиновича, теперь подъ его-же редакціей вышелъ четвертый, послѣдній, дополнительный. Съ другой стороны въ вышедшемъ IX-мъ томѣ «Матеріаловъ для оцѣнки земель и угодій», обнимающемъ суражскій уѣздъ, мы находимъ статью г. Филомонова о формахъ землевладѣнія, основанную исключительно на данныхъ Румянцевской описи; кромѣ того редакція этого-же изданія объявила, что въ имѣющихъ скоро выйти въ свѣтъ описаніяхъ двухъ новыхъ уѣздовъ - кролевецкаго и городнянскаго, параллельно съ современною подворною описью, будетъ приведена и подворная опись, составленная въ 1767 году по распоряженію гр. Румянцева. Наконецъ пользовались уже этимъ источникомъ нѣкоторыя лица и для своихъ частныхъ изслѣдованій; нѣсколько извлеченій (образцы подворныхъ описей и инструкціи) приводитъ въ своей книгѣ: «Малороссійскіе посполитые крестьяне» А. М. Лазаревскій; подворная опись города Стародуба и часть описи города Нѣжина извлечена мною. Предварительный комитетъ одес-

скаго археологическаго съѣзда поставилъ нѣсколько вопросовъ о Румянцевской описи Малороссіи и въ отвѣтъ получилъ обстоятельное обозрѣніе черниговской части Румянцевской описи, доставленное г. Кужбою 2-мъ.

Не осталась безъ вниманія и та часть описи, которая хранилась въ Кіевѣ. Инипіатива въ разработкѣ ея несомнѣнно принадлежитъ проф. И. В. Лучицкому. По его предложенію полтавское губернское земское рѣшилось издать «Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ полтавской губерніи въ XVIII в.» и поручило это дѣло тому-же И. В. Лучицкому; пока вышелъ только 1-й выпускъ 1-го отдѣла (козачьи владѣнія золотоношскаго уѣзда). Вмѣстѣ съ тѣмъ И. В. Лучицкій въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», а потомъ отдѣльною книгой издалъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общ. земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.», заключающій весьма интересныя данныя о малороссійской общинѣ XVIII в. Кромѣ того таже Румянцевская опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, послужила ему матеріаломъ для нѣсколькихъ статей: въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1882 годъ онъ помѣстилъ статью «Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.»; въ полтавскомъ земскомъ органѣ «Обзоръ» — малороссійская община и сельское духовенство; на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ онъ читалъ рефераты о малорусской общинѣ и Румянцевской описи Малороссіи. Этими-же матеріалами удалось воспользоваться и мнѣ въ бытность въ Кіевѣ и на основаніи нхъ я составилъ двѣ статьи: «Генеральная опись Малороссіи» (въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г. ноябрь) и «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.» (ibidem, 1883 г., декабрь). Что касается до связокъ, отысканныхъ мною въ Полтавѣ, то о нихъ я сдѣлалъ краткое сообщеніе на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Такимъ образомъ Румянцевская опись Малороссіи въ настоящее время вызвала уже значительную литературу. Но смѣло можно утверждать, что интересъ къ ней только что возбужденъ и что матеріалы ея могутъ послужить основою многихъ изслѣдованій. Въ ней, напримѣръ, заключаются богатѣйшія данныя для характеристики экономическаго быта южно-русскаго дворянства, козачества, мѣщанства и крестьянства во второй половинѣ XVIII в.; еще болѣе данныхъ мы найдемъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія (крупнаго и мелкаго); въ этомъ отношеніи особенно любопытны приложенные къ описи документы. На нашъ взглядъ наиболѣе пригодной была-бы именно такая разработка данныхъ Румянцевской описи, такъ какъ расчитывать на полное систематическое изданіе ея врядъ-ли возможно.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ очень полезной попытку гг. Лазаревскаго и Константиновича дать краткое, но систематическое обозрѣніе Румянцевской описи—нѣчто въ родѣ географическаго указателя къ ней съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. Такое же значеніе имѣетъ и нынѣшній выпускъ. Онъ заключаетъ въ себѣ съ одной стороны краткія статистическія данныя о тѣхъ селеніяхъ, описанія коихъ сохранились, а съ другой—разнаго рода документы, приложенные къ описямъ. Большая часть селеній (черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій и часть кіевскаго полка) были уже описаны. Въ настоящемъ выпускѣ описана «большая связка отдѣльныхъ описаній селъ и владѣній, выбранная, очевидно, кѣмъ-то изъ разныхъ томовъ описи»; въ ней описано 36 селеній нынѣшней черниговской губерніи, въ томъ числѣ имѣется часть описи г. Чернигова, которая сама по себѣ, какъ отрывокъ, не представляетъ интереса, но имѣетъ нѣкоторое значеніе, потому что полнаго описанія г. Чернигова вовсе не сохранилось. Что-же касается приложеннымъ къ «Обозрѣнію» документовъ, то нѣкоторые изъ нихъ представляютъ положительный интересъ; таковы напримѣръ документы, рисующіе намъ положеніе монастырскихъ подданныхъ (универсалъ Мазепы 1701 года о монастырскихъ подданныхъ, ушедшихъ къ козакамъ въ подсусѣдки, универсалъ Скоропадскаго о тѣхъ-же подданныхъ, универсалъ Скоропадскаго, запрещающій посторроннимъ лицамъ продавать «горілку» въ монастырскихъ маетностяхъ). Со стороны настоятелей черниговскаго єлецкаго монастыря шли постоянныя жалобы на крестьянъ, которые записывались въ подсусѣдки къ козакамъ, но оставляли за собою участки монастырской земли; въ виду этихъ жалобъ гетманы и издавали свои строгіе универсалы. Издана книжка для черниговской губернской типографіи довольно опрятно, хотя къ несчастью изобилуетъ опечатками.

Во всякомъ случаѣ честь и хвала г. Константиновичу, что онъ довелъ свое дѣло до конца!

Дмитрій Багалѣй.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЧУМА ВЪ СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ 1813 ГОДА.

Въ семейномъ архивѣ А. П. Пишчевича, въ его имѣніи с. Скалевомъ александрійскаго уѣзда сохранилось довольно большое число бумагъ дѣда его, Александра Семеновича[1]). Значительнѣйшую долю ихъ составляютъ дневники за разные годы начала нашего столѣтія, затѣмъ слѣдуютъ спеціальныя статьи о Потемкинѣ, о кавказской войнѣ, въ которой авторъ самъ принималъ участіе, есть также небольшія замѣтки о началѣ военныхъ поселеній въ Новороссіи, о чумѣ 1813 г. и наконецъ офиціальные документы, какъ то переписка Пишчевича съ герцогомъ де-Ришелье по поводу борьбы съ чумою, копіи съ разныхъ правительственныхъ актовъ и т. п. Что касается дневниковъ, то главное содержаніе ихъ составляютъ личныя дѣла автора, много мѣста отведено всевозможнымъ слухамъ и небылицамъ о Наполеонѣ, также мѣстныя вѣсти, большею частію интимнаго характера. Все это могло-бы быть прочтено и пригодиться въ хорошемъ сокращеніи: авторъ нашъ чрезвычайно многорѣчивъ, а часто и совсѣмъ, такъ сказать, непечатенъ. Но лично мы имѣли возможность познакомиться съ архивомъ Пишчевича мимолетомъ и не полно и успѣли лишь кое что замѣтить въ свою запи-

---

[1]) Его «Примѣчанія на новороссійскій край» помѣщены въ «Кіевской Старинѣ» за прошлый годъ, № 1.

сную книжку. На этотъ разъ сгруппируемъ извѣстія Пишчевича о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ его дневникахъ 1812 и 1813 г., а также въ особой тетрадкѣ, озаглавленной «Изслѣдованіе о появившейся чумѣ въ полуденномъ краю Россіи», дополняя ихъ данными, извлеченными изъ переписки съ Ришелье, и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ дѣлъ архива елисаветградской городской думы. Замѣтимъ кстати, что историкъ Новороссіи, г. Скальковскій, говоря, что чума прекратилась въ началѣ 1813 года[1]), упустилъ конечно изъ виду, что въ серединѣ этого года болѣзнь еще свирѣпствовала въ сѣверной части херсонской губерніи и прекратилась лишь въ концѣ сентября мѣсяца. Въ 1813 г. Пишчевичъ былъ предводителемъ дворянства александрійскаго уѣзда и лично принималъ участіе въ борьбѣ съ заразою, а потому разсказъ его особенно цѣненъ, какъ показаніе очевидца.

Гдѣ былъ источникъ заразы въ 1813 г., одинъ-ли онъ былъ, или ихъ было нѣсколько, не знаемъ съ опредѣленностію; но по мнѣнію современниковъ чумы, болѣзнь эта распространилась изъ двухъ пунктовъ: изъ Одессы и изъ Молдавіи. Напуганное воображеніе создало фантастическое сказаніе, будто чума приняла образъ бѣлой безхвостой собачки, которая перебѣгала изъ села въ село и заносила заразу.

Въ Одессѣ чума появилась въ іюлѣ 1812 г., въ декабрѣ затихла, благодаря энергической дѣятельности генералъ-губернатора де-Ришелье, но въ началѣ слѣдующаго года возобновилась, хотя и не въ обширныхъ размѣрахъ. Одновременно разыгралась чума въ с. Коренихѣ, противъ Николаева, распространилась и по всей забугской области, вплоть до Днѣстра, но не извѣстно откуда. Заболѣванія чумою констатированы въ хотинскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ, повидимому, появилась она независимо отъ Одессы.

Въ «Запискахъ» 1812 года, 4 октября, Пишчевичъ говоритъ объ учрежденіи карантиновъ по границамъ кіевской, подольской, полтавской и екатеринославской губерній, но сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія о дѣятельности ихъ. «Не буду ничего говорить

---

[1]) Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края, 1838 г., ч. II, стр. 224.

о тѣхъ карантинахъ, которыхъ я не видалъ, пишетъ онъ, а скажу только о крюковскомъ, учрежденномъ для безопасности Кременчуга. Здѣсь не имѣя никакой заставы, съ одной стороны кирпичный заводъ, съ другой шалашъ, а между сими двумя предметами стоитъ унтеръ-офицеръ, приставъ карантина, растопыря ноги, съ палкою въ рукахъ. Слово «стой!», повелительно выговоренное, останавливаетъ всѣхъ. Господа проѣзжаютъ, но извощики, чумаки, жиды и поселяне ближнихъ деревень задерживаемы всѣ, чумныхъ и не чумныхъ мѣстъ. Продержавъ до вечера, сіи распоясываются и заплатя по полтинѣ съ воза, ѣдутъ куда хотятъ»... «Здѣсь, продолжаетъ Нишчевичъ, кромѣ денегъ сбираютъ всѣми продуктами, какіе только поселяне везутъ для продажи въ городъ. У заставы видны кучи арбузовъ, капусты, буряковъ и пр. Нерѣдко припуждаютъ продать у карантина птицу, масло, яйцы за цѣну, установленную приставами и все сіе они продаютъ съ барышемъ уже сами. Два городничіе: кременчугскій Брижинскій и крюковскій Череповъ съ штабъ-лѣкаремъ Захаржевскимъ предоставляютъ пользоваться сею добычею унтеръ-офицерамъ и мѣщанамъ, къ карантину приставленнымъ, а сами дѣлятся собираемыми деньгами. Для предосторожности имѣются при карантинѣ предлинные желѣзные щипцы, которыми принимаются билеты проѣзжающихъ, опасаясь прямо въ руки брать, дабы не пристала чума, но присемъ-же замѣчается, что ассигнаціи, которыми откупаются проѣзжіе отъ долгаго постоя (т. е. остановки), берутся безъ щипцовъ. Есть еще одно обидное для проѣзжающихъ здирство, добавляетъ Нишчевичъ: везущіе сѣно для пропродажи въ Кременчугъ останавливаемы у карантина и изъ каждаго воза приставы щиплютъ по нѣскольку сѣна, что составляетъ нѣкоторое число вязанокъ. Изъ сего сѣна продаютъ тѣмъ, кого въ карантинѣ задерживаютъ, и по какой цѣнѣ хотятъ, для чего и вѣсы сдѣланы, другому-же никому не позволяютъ привезть сѣна въ оный для продажи. Къ этому еще надобно добавить жадность живущаго отъ карантина въ одной верстѣ помѣщика Николая Степановича Раздеришина, у котораго на кухнѣ приготовляютъ обыкновенный малороссійскій борщъ, саломъ заправленный, и сію пищу вынося къ карантину, продаютъ небольшой горшокъ по рублю».—Интересная черта нравовъ...

Въ мартѣ 1813 года чума обнаружилась въ Знаменкѣ, александрійскаго уѣзда. По офиціальнымъ даннымъ, исторія появленія здѣсь болѣзни была такова. Житель Знаменки, Лукьянъ Шумиловъ, по промыслу извощикъ, въ октябрѣ 1810 г. выѣхалъ въ Молдавію и возвратился оттуда въ іюнѣ 1811 года, при чемъ привезъ какія то вещи; въ 1812 г., въ февралѣ или мартѣ, умеръ послѣ довольно продолжительной болѣзни; через 8 мѣсяцевъ послѣ него умерла и жена; двоихъ дѣтей ихъ взялъ родственникъ Василій Дречонкинъ: дѣти Шумилова, Дречонкинъ самъ и его дѣти всѣ умерли также; дочь Шумилова, переѣзжая къ Дречонкину, привезла сундукъ съ платьемъ и тряпьемъ; лоскутокъ, взятый изъ него, достался знакомой ея Натальѣ Харитоновой; та пошила изъ него верхи на шапки двумъ сыновьямъ своимъ къ свѣтлому празднику, и оба умерли вскорѣ послѣ Пасхи; еще раньше умеръ отецъ ихъ, а въ маѣ зачумѣла сама Наталья съ остальными дѣтьми, но всѣ выздоровѣли.

Къ сожалѣнію, болѣзнь не была захвачена во время, вслѣдствіе оплошности елисаветградскаго врача Гезейна. Командированный въ Знаменку для опредѣленія появившейся тамъ болѣзни, онъ призналъ ее гнилою горячкой, поэтому только въ іюлѣ приняты были энергическія мѣры противъ распространенія заразы: въ Знаменкѣ учрежденъ двойной кордонъ и очистительный карантинъ, а дома, гдѣ обнаружилась зараза, велѣно сжигать. Кордономъ окруженъ также весь елисаветградскій уѣздъ. Заслуга по уничтоженію чумы въ Знаменкѣ принадлежитъ герцогу Ришелье, лично прибывшему въ Знаменку и безбоязненно распоряжавшемуся уничтоженіемъ болѣзни. По словамъ старожиловъ Знаменки, здѣсь умерло отъ чумы болѣе 400 человѣкъ, что подтверждается значительными размѣрами чумнаго кладбища, находящагося верстахъ въ трехъ отъ селенія. Болѣзнь продолжалась до глубокой осени.

Въ декабрѣ 1812 г., на помощь Ришелье явился изъ Петербурга князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Говорили, что онъ посланъ вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ Ришелье въ обществѣ, какъ къ французу, хотя самъ государь очень его любилъ. Прибывъ въ Кременчугъ, петербургскій гость намѣревался отправиться въ Одессу, но узнавъ, что въ окрестностяхъ ея чума, повернулъ въ Тульчинъ. Въ Тульчинѣ приняла его знаменитая когда-то своею красотою графиня Софья Потоцкая, бывшая графиня Виттъ, владѣлица

Тульчина и Умани. Для борьбы съ заразою князь Куракинъ организовалъ комитеты подъ названіемъ предохранительныхъ, очистительныхъ и истребительныхъ. Предохранительные состояли изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго, исправника, лѣкаря и стряпчаго. Они должны были строго слѣдить за соблюденіемъ правилъ о карантинахъ и кордонахъ. Карантины были трехъ категорій: чумные, сомнительные и наблюдательные. Все населеніе мѣста, гдѣ открылась чума, поступало на «обсерваціонное» положеніе: никто не смѣлъ выходить изъ дому, пока оно не будетъ прекращено; продовольствіемъ должны запастись заранѣе сами обыватели или-же комитетъ озаботится доставкой его; всѣ обыватели подвергаются тщательному осмотру, и больные какою-бы то ни было болѣзнью поступаютъ въ наблюдательный карантинъ на 6 дней; полиція съ медикомъ ежедневно осматриваетъ всѣхъ живущихъ въ томъ домѣ, гдѣ оказался больной; изъ обывателей составляются очистительные комитеты, которые, раздѣля село или городъ на участки, обязаны произвести очищеніе всѣхъ жилищъ и лавокъ, при помощи хозяевъ ихъ. Пріемы очищенія указывались слѣдующіе: домъ долженъ быть выбѣленъ известью или мѣломъ на соленой водѣ, дома деревяные, а равно мебель вымыты соленой водою, а металлическія вещи уксусомъ; зданіе окуривается 6 разъ сѣрой, селитрой или порохомъ, окуривается и одежда, а затѣмъ вымывается сначала горячей, потомъ холодной водою и вывѣшивается для провѣтриванія [1]). Для очищенія разныхъ предметовъ, способныхъ сохранять заразу, рекомендовалось учреждать пакгаузы.

Въ объявленіяхъ, составленныхъ княземъ Куракинымъ, всѣ мѣстные жители приглашались объявлять о вещахъ, почему-либо сомнительныхъ, а особенно о полученныхъ изъ зачумленныхъ мѣстъ или найденныхъ зарытыми въ землѣ, съ обѣщаніемъ получить ихъ обратно послѣ очищенія. Виновные въ сокрытіи такихъ вещей и владѣльцы, не объявившіе о нихъ, лишаются таковыхъ вещей, которыя отдаются лицу, донесшему о сокрытіи, а владѣлецъ подвергается суду. Жители обязывались особой присягой исполнять это предписаніе. Къ сожалѣнію, такого рода объявленія мало исполня-

---

[1]) Вслѣдствіе усилившагося требованія, цѣна на соль возросла съ 80 коп. до 2 руб. за пудъ.

лись, не помогала и присяга. Самъ Куракинъ открыто жаловался, что вещи продолжаютъ скрывать, изъ опасенія, какъ-бы ихъ не стали жечь. За тайными ходами, которыми распространялась зараза, комитеты не могли услѣдить. При этомъ чиновный штатъ, которымъ располагалъ Куракинъ, по словамъ Пишкевича, началъ свою дѣятельность съ очищенія бутылокъ съ виномъ, ромомъ и водкою; этой недобросовѣстной бездѣятельности чиновниковъ Пишкевичъ приписываетъ появленіе заразы въ Балтѣ и Тираснолѣ. Князю Куракину приходилось удвоить свою дѣятельность и вести борьбу не съ одной чумою, но и съ ея истребителями. Если вѣрить Пишкевичу, было время, когда 700 чиновниковъ находились подъ судомъ. Мѣста чиновниковъ, отданныхъ подъ судъ, занимались чиншевыми шляхтичами, вѣроятно,—не безъ вліянія и указанія графини Потоцкой. Но и эти оказывались не лучше. Пишчевичъ отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «сія шляхта, будучи голая шляхта, положила нажиться отъ этихъ мѣстъ и потому теперь на все такса; безъ рубля въ рукахъ нельзя показаться передъ шляхтича ни съ чумою, ни безъ чумы» и т. д. Одно время было предположеніе уничтожить домашній скотъ въ зараженныхъ мѣстахъ, но оставлено; въ замѣнъ этого подверглись уничтоженію кошки и собаки, а въ результатѣ, по замѣчанію Пишчевича, оказались прекрасныя шубы на кошачьемъ мѣху у шляхтичей-очистителей и у чиновниковъ нижняго земскаго суда. Злоупотребленія карантинныхъ приставовъ продолжались своимъ чередомъ, и карантины, не мѣшая распространенію болѣзни, дѣлали не малыя затрудненія населенію, а особенно крестьянамъ. «Карантинные приставы, говоритъ Пишкевичъ, пустились на лихоимство и кто поважнѣе чинъ имѣлъ, того сажали въ карантинъ, а купцовъ и другихъ, заплатившихъ имъ щедро, начали пропущать безъ 16-дневнаго закупориванія въ землянки и безъ окурки. Таковая несправедливость случилась съ какимъ-то генераломъ, котораго остановили въ карантинѣ, а двухъ купцовъ, взявъ съ нихъ 500 р., пропустили. Генералъ жаловался князю Лобанову-Ростовскому, малороссійскому генералъ-губернатору, которому ввѣрено княземъ Куракинымъ начальство надъ карантинами, прикосновенными полтавской губерніи. Купцы возвращены въ карантинъ, а карантинные смотрители смѣнены. Послѣ этого, продолжаетъ нашъ авторъ, день ото дня болѣе и болѣе стѣсняемыя мѣры прекратили почти совсѣмъ

сообщеніе между Кременчугомъ и херсонской губерніей. Съ херсонской стороны ни хлѣба, ни сѣна въ Кременчугъ и Крюковъ привозимо не было и бѣдный крестьянинъ не имѣлъ куда свои избытки сбывать, а казна требовала взноса податей и въ казенныхъ селеніяхъ выставляли людей въ трескучіе морозы нагишомъ, обливая ихъ притомъ водою, дабы таковымъ звѣрствомъ понудить ихъ къ скорому взносу слѣдуемыхъ въ казну денегъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, избѣгая истязаній, желали скорѣе взнесть подати, прокрадывались въ Кременчугъ, дабы за что-бы то ни было продать, что могли, но тамъ были пойманы, сѣчены плетьми, посажены въ тюрьму и продуктовъ своихъ лишились, которые отсылались въ богоугодное заведеніе, т. е. во дворъ городничаго». Въ другомъ мѣстѣ Пишчевичъ говоритъ: «...По случаю чумы, князь Куракинъ прислалъ печатные билеты для проѣздовъ жителей, которые (билеты) должны получать—крестьяне помѣщичьи отъ предводителя, а казенные—отъ нижняго земскаго суда безъ заплаты. Секретарь (александрійскаго земскаго суда) Симоновъ учредилъ брать себѣ за всякій билетъ по рублю, а писари берутъ за приложеніе печати по 10 к., а другія 10 к. долженъ дать крестьянинъ копіисту, у двери стоявшему самъ отъ себя, для наживы, за то, что сего бѣдняка въ судъ впустятъ».

Теперь посмотримъ, какъ относилось къ бѣдѣ само общество, и для этого заглянемъ въ Елисаветградъ. Городъ былъ окруженъ караулами, выбраны были надзиратели, улицы перекопаны для прекращенія сношеній съ зачумленными мѣстностями, словомъ, приняты были всѣ мѣры предосторожности, какія еще въ 1812 г. предписаны начальствомъ. Затѣмъ Елисаветградъ опочилъ отъ дѣлъ своихъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, стало быть, когда въ Одессѣ чума не прекратилась еще, проникъ въ городъ одесскій купецъ Головатый, безъ всякаго свидѣтельства отъ карантина; по осмотрѣ докторомъ, онъ оказался здоровымъ, тѣмъ не менѣе, по поводу этого случая мѣстная полиція отнеслась къ городской думѣ съ требованіемъ собрать купеческое и мѣщанское общество и предложить имъ выбрать 10 человѣкъ надзирателей въ помощь къ наличнымъ. Дума обидѣлась, что отъ нея *требуютъ*, и постановила: «увѣдомить полицію, чтобы въ дѣлѣ о сохраненіи города отъ заразы она дѣйствовала по перепискою, а общимъ распоряженіемъ съ думою лично, на основаніи имѣющихся отъ херсонскаго вице-губернатора предписанія». Отвѣтъ этотъ заста-

вилъ замолчать противника на 4 недѣли и 2 дня; тогда онъ пріободрился и снова потребовалъ, потребовалъ на этотъ разъ исправленія окоповъ, которые засорились, а также наряда 6 караульныхъ на день. Но дума, съ подобающимъ мужествомъ, приказала: «увѣдомить исправника Цвѣтковича, что по настоящему зимнему времени невозможно поновить въ недавнемъ времени перекопанныхъ рвами и запущенныхъ по недосмотру улицъ, а если онъ находитъ въ томъ возможность, то произвелъ-бы сіе отпущенными съ сей думы для окопа улицъ лопатками чрезъ неважныхъ содержащихся въ острогѣ арестантовъ, въ чемъ и сія дума способствовать обовязана, и потомъ имѣть ихъ въ лучшемъ присмотрѣ посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ». О нарядѣ караульныхъ дума повторяла прежнее нравоученіе, что полиція не должна дѣйствовать перепискою. Такимъ образомъ окопы оставались засоренными, а караулы въ прежнемъ числѣ. Продолжались и посѣщенія лицъ въ родѣ Головатаго, безъ карантинныхъ свидѣтельствъ.

Между тѣмъ почва для развитія чумы въ Елисаветградѣ была готова. О гигіеническихъ условіяхъ жизни никто тогда и думать не хотѣлъ. Къ тому-же по городу было расквартировано большое число плѣнныхъ французовъ, австрійцевъ и поляковъ, содержавшихся крайне плохо. Плѣнные не имѣли не только верхняго платья, крайне необходимаго въ зимнее время, особенно въ суровую зиму 1812 года, но и нижняго, а ходили въ рубищахъ, отчего сильно заболѣвали и умирали. На положеніе несчастныхъ обратилъ вниманіе вице-губернаторъ при личномъ посѣщеніи города и предписалъ думѣ озаботиться снабженіемъ ихъ бѣльемъ и тулупами; исполняя его приказаніе, дума ассигновала на этотъ предметъ 7,000 руб. асс. заимообразно. Можно предположить, что плѣнные въ такомъ состояніи мало способствовали очищенію и оздоровленію города.

Чума въ Елисаветградѣ открылась 24 мая 1813 г., а прекратилась въ сентябрѣ того-же года. По разсказамъ стариковъ, болѣзнь занесена сюда изъ Знаменки, какимъ-то крестьяниномъ, привезшимъ женскіе наряды, должно быть, припрятанные отъ комитетовъ. Наряды эти купилъ елисаветградскій купецъ Моренковъ для своей дочери, которая вскорѣ умерла. Догадывался-ли отецъ о причинѣ ея смерти, или нѣтъ, но наряды эти были отданы духовенству, чуть-ли не въ вознагражденіе за похороны, вслѣдствіе этого зараза

постигла самый причтъ греческой церкви, въ приходѣ которой Моренковъ жилъ, и потомъ переходила и на лѣвую сторону Ингула. Число смертныхъ случаевъ отъ чумы въ Елисаветградѣ съ точностью опредѣлить трудно: метрической книги за 1819 г. въ греческой церкви не существуетъ, остальныя-же указанія не полны; Пишчевичъ говоритъ, что умерло 27 человѣкъ, но по рапортамъ городской думы насчитывается 97 смертныхъ случаевъ; слѣдуетъ замѣтить, что рапорты сохранились не всѣ и, стало быть, общая сумма должна быть еще выше.

Очистительные комитеты изъ горожанъ произвели перепись жителямъ города. Больные отправлялись въ сомнительный карантинъ, дома окуривались, а въ случаѣ обнаруженія чумы сжигались. По отношенію къ евреямъ, которыхъ считалось въ Елисаветградѣ свыше 1,000 душъ, начальство приняло особенно строгія мѣры: приказано всѣхъ ихъ «до души» вывести за городъ съ пожитками, помѣстить въ казенныхъ конюшняхъ, взять съ нихъ строжайшую присягу въ томъ, что ничего изъ вещей ими не скрыто, и потомъ тщательно очистить всѣхъ по системѣ Гитона де Морво. Основаніями для такого внимательнаго отношенія къ евреямъ начальство почитало неопрятность и корыстолюбіе ихъ, заставлявшее прятать вещи.

Трудно сказать, насколько успѣшна была борьба комитетовъ съ чумою въ Елисаветградѣ, но, по словамъ старожиловъ, заслуга прекращенія ея и здѣсь, какъ въ Знаменкѣ, принадлежитъ личной распорядительности Ришелье, безъ страха являвшагося къ больнымъ и ободрявшаго духъ ихъ привѣтливостью обращенія и внимательностью къ нуждамъ ихъ; Ришелье запретилъ колокольный звонъ, которымъ провожали покойниковъ на кладбище, и который безъ нужды разстраивалъ и безъ того напуганное воображеніе населенія.

27 іюня констатирована чума въ с. Аврамовкѣ (18 верстъ отъ города Александріи). Здѣсь, повидимому, источникъ заразы была ярмарка. На ярмарку прибыла изъ Елисаветграда торговка Черникова съ сыномъ, дочерью и работникомъ; дочь умерла послѣ кратковременной болѣзни 8 іюня и на груди ея найдены синія пятна, признанныя штабъ-лѣкаремъ Хабаревымъ пятнами горячки; вслѣдъ за дочерью умерла и мать, но на тѣлѣ ея не было найдено никакихъ знаковъ; сынъ и работникъ Черниковой помѣщены въ каран-

тинѣ и тамъ умерли 27 числа; по медицинскомъ осмотрѣ на нихъ найдены признаки чумы. Затѣмъ открыта чума у какого-то еврея. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Аврамовкѣ не имѣемъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ чума открылась въ посадѣ Петриковкѣ. Виновникомъ появленія болѣзни здѣсь былъ еврей Уширъ Соколовскій, занимавшійся торговлей и державшій въ елисаветградскомъ уѣздѣ шинокъ; сначала умерли дочери его, отъ ситцу, откуда-то привезеннаго имъ отцомъ на платья; потомъ умерла мать ихъ и наконецъ зараза распространилась и среди русскаго, преимущественно бѣднѣйшаго населенія посада, отъ того-же ситцу, раскупленнаго бабами на очипки. Точной цифры смертныхъ случаевъ здѣсь не имѣется; по оффиціальнымъ даннымъ, съ 11 по 29 августа умерло 26 человѣкъ; а Пишчевичъ говоритъ, что всего умерло 300 человѣкъ; болѣзнь продолжалась до конца сентября. 22 числа Пишчевичъ записалъ: «сегодня я выпустилъ изъ карантина до 200 душъ, остаются одни сумнительные»... Въ своемъ дневникѣ Пишчевичъ даетъ потрясающую картину чумы въ Петриковкѣ и мы приводимъ его описаніе цѣликомъ.

«28 августа. Съ одной стороны лежитъ еврей при послѣднемъ издыханіи, третій или четвертый день борющійся съ чумою, въ другой сторонѣ вижу жидовку, съ которою вчера вечеромъ еще я разговаривалъ, а теперь умершую отъ чумы; окостенѣвъ уже, она держитъ еще дитя въ своихъ объятіяхъ, которое, пробудившись, крикомъ своимъ не можетъ разбудить матери своей, ищетъ ручонками тѣхъ сосцовъ, которыми питалось, но они уже на вѣки засохли; въ другомъ мѣстѣ встрѣчаюсь съ зачумленною матерью, которая видитъ дѣтей, раздѣленныхъ по одному—по два въ разные шалаши: всѣ чумою уже пойманы и всѣ ожидаютъ послѣдней минуты; здѣсь поражаюсь внезапною смертью человѣка, предо мною стоявшаго, со мною говорившаго: его уже нѣтъ, онъ вдругъ прекратилъ свое бытіе; чума была для него милосердна, она его не мучила; тамъ вижу каторжныхъ, одѣтыхъ въ платье въ смолу обмокнутое, зацѣпившихъ за руку или ногу или за шею умершихъ веревкою, влекущихъ умершія тѣла къ могилѣ, и слышу страшный гулъ, раздававшійся по чумному стану отъ того удара, когда они безъ всякой бережи бросаютъ тѣло въ яму, въ 3 аршина глубиною вырытую; а тамъ поражаетъ мой слухъ крикъ дитяти, едва годъ отъ роду

имѣющаго: оно лишено чумнаго отца, матери и, будучи сумнительно, никѣмъ изъ родныхъ не принимается и потому отдано для присмотру одному изъ каторжныхъ. Каторжный—нянька!.. Съ одной стороны вижу зачумленнаго человѣка, лежащаго съ самаго начала безъ всякаго чувства, ибо ядъ болѣзни уже подавилъ въ немъ его; съ другой—человѣкъ находится въ великомъ бреду и жару, лицо его сдѣлалось багровымъ, говоритъ—Богъ знаетъ что̀ и въ такомъ положеніи прекращаетъ жизнь...» «Все оставшееся семейство умершаго стоитъ раздѣто до нага, должно купаться въ р. Бешкѣ, тутъ протекающей, вытирается уксусомъ, потомъ переодѣвается въ другое платье, для сего приготовленное, а бывшее на нихъ предается огню; врачи осматриваютъ ихъ, ищутъ карбункуловъ и раздѣляютъ семейства по сортамъ: одни идутъ въ чумный, другіе въ сомнительный, третьи—въ наблюдательный лазареты».

25 августа прибылъ въ Петриковку герцогъ Ришелье и взялъ на себя лично руководство дѣломъ. Въ зачумленныя мѣста направился и князь Куракинъ, по дорогой заболѣлъ самъ. Ришелье, оставившій Петриковку 6 сентября, встрѣтился съ нимъ въ Елисаветградѣ и послѣ продолжительной бесѣды съ нимъ отправился въ Одессу, а князь Куракинъ направился въ Чигиринъ для осмотра карантина, потомъ посѣтилъ Андрусовку, Крыловъ и Онофреевку. Наконецъ, 17 сентября прибылъ онъ въ Петриковку, въ которой чума еще не прекратилась, и, осмотрѣвъ наблюдательный карантинъ, уѣхалъ въ Умань.

4 сентября чума обнаружилась въ с. Протопоповкѣ, раньше всего въ семьѣ священника, но, кажется, продолжалась не долго. Умерло, по показанію Пишчевича, 11 душъ.

Этимъ ограничиваются данныя о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ запискахъ А. С. Пишчевича.

Н. И.

РАСКОПКИ У ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ Г. КІЕВѢ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, на усадьбѣ трехсвятительской церкви г. Кіева, прилегающей къ самому погосту оной, по распоряженію епархіальнаго начальства, приступлено къ постройкѣ сб-

ширнаго зданія для втораго кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Стали планировать мѣсто, занятое подъ постройку, до уровня улицы, а для этого оказалось нужнымъ произвести значительную съемку земли на глубину около двухъ саженей. При этой съемкѣ, которая велась съ хозяйственною, а не научною цѣлью, стали попадаться нѣкоторые предметы глубокой древности, что и дало поводъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ сдѣлать осмотръ обнаженныхъ при съемкѣ древнихъ пластовъ земли и произвести нарочитыя нѣкоторыя раскопки въ мѣстахъ нахожденія предметовъ древности. Осмотръ и раскопки произведены 28 марта мною при участіи проф. А. В. Прахова, прот. П. Г. Лебединцева и нѣкоторыхъ другихъ членовъ общества пр. Нестора лѣтописца и хотя не привели къ какимъ-либо положительнымъ и вѣрнымъ результатамъ, но опредѣлили характеръ той мѣстности и дали поводъ и основаніе для интересныхъ предположеній, для которыхъ, быть можетъ, нашлось-бы и полное подтвержденіе, если-бы раскопки были подвинуты дальше по направленію къ обрыву горы и немного приближены къ трехсвятительской церкви.

Извѣстно, что тамъ, гдѣ стоитъ трехсвятительская церковь, до самаго принятія св. Владиміромъ крещенія, находилось капище языческаго бога Перуна и приносились жертвы, иногда даже человѣческія. Когда Перунъ былъ низвергнутъ, на мѣстѣ его построена была св. Владиміромъ церковь во имя св. Василія, которымъ онъ былъ нареченъ при крещеніи. Здѣсь-же рядомъ былъ потомъ большой Ярославовъ дворъ и помѣщались древніе княжескіе теремы. Церковь св. Василія, по всей вѣроятности, была деревянная и когда она обветшала, то великій князь Святославъ Всеволодовичъ построилъ на мѣстѣ оной каменную церковь во имя трехъ святителей: Василія В., Григорія Б. и Іоанна Златоустаго, освященную кіевскимъ митрополитомъ Никифоромъ въ 1184 г. и уцѣлѣвшую до настоящаго времени.

Итакъ съемка земли производилась несомнѣнно на одной изъ самыхъ древнихъ и по преимуществу историческихъ мѣстностей Кіева. Произведенный нами осмотръ обнаженныхъ пластовъ земли обнаружилъ слѣдующее: въ самомъ первомъ слоѣ земли, оказавшемся наноснымъ пластомъ, на достаточной глубинѣ найдено нѣсколько кирпичей довольно крупныхъ размѣровъ, по остаткамъ которыхъ можно судить, что кладка ихъ производилась при помощи

особеннаго состава, въ родѣ нашего цемента и, что самое главное, способъ кладки кирпичей таковъ, какой существовалъ во времена первыхъ кіевскихъ князей. Нѣсколько ниже, на третьемъ метрѣ, появляется еще слой чернозема, нѣкогда находившійся на поверхности почвы и произшедшій отъ перегноя растеній. Ниже этого черноземнаго слоя лежитъ глина (четвертичной формаціи), лёсъ, образовавшаяся изъ смытаго водою и разсыпавшагося гранита. Тутъ при раскопкахъ обнаружено было пространство, на которомъ оба слоя чернозема, сплошь до лёса, были прорваны другою наносною и болѣе свѣжею почвою, верхняя половина которой состояла ясно изъ сгнившихъ органическихъ остатковъ весьма поздняго происхожденія. Это просто была яма, вырытая въ позднѣйшее время для хозяйственныхъ потребностей, и черноземъ ея, очевидно позднѣйшаго происхожденія, отличался и рыхлостью и цвѣтомъ. Затѣмъ былъ слой, почти совпадавшій съ уровнемъ стараго черноземнаго слоя, который цвѣтомъ и составомъ напоминалъ послѣдній, но былъ значительно рыхлѣе. Найденные предметы древности начинались только здѣсь, въ особой ямѣ, на полъ-метра ниже уровня лёса, и объ нихъ-то я скажу нѣсколько словъ.

На поверхности, гдѣ слой отличается рыхлостью, лежали звѣриныя кости, но не полный скелетъ; между ними можно было отличить лошадиныя челюсти и нѣсколько другихъ крупныхъ костей, такъ однако разрозненныхъ, что если допустить ихъ давнишнее происхожденіе, то можно принять ихъ за остатокъ скелета лошади. Самое дно ямы было наполнено слоемъ угля въ одинъ или два вершка толщины. Поверхъ угля находились человѣческія кости и въ такомъ странномъ порядкѣ, какой почти никогда не попадается въ качествѣ похоронныхъ остатковъ. Было три скелета человѣческихъ, но не было ни одного полнаго. Кости были не въ порядкѣ, но отдѣльно лежали группами. Этого нельзя приписать позднѣйшей переброскѣ костей въ другую яму, потому что всѣ кости, которыя составляютъ у живаго человѣка полный органъ, какъ стопа, предплечье, сохраняли совершенно полный свой составъ и естественное положеніе: кости не были разрознены, но лежали группами въ порядкѣ, а скелета все таки не составляли. Мы встрѣтили отдѣльныя предплечія, отдѣльныя кости рукъ и ногъ, но не въ такомъ порядкѣ, какъ можно было-бы ожидать. Такъ напримѣръ,

у одного скелета отдѣльно лежало туловище, т. е. грудная и брюшная полость, рукъ-же и головы не было; въ другомъ мѣстѣ нашли голову, но не было ни ногъ, ни рукъ. На днѣ этой ямы были расположены довольно систематически одна за другой въ разломленномъ видѣ урны краснаго цвѣта, составляющія одинъ изъ типовъ древнѣйшихъ находокъ, попадающихся въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Это огромные сосуды, цѣльные экземпляры которыхъ находятся въ университетскомъ музеѣ; они могли вмѣщать до десяти ведеръ. На изслѣдованномъ нами мѣстѣ, очевидно, такой сосудъ былъ разбитъ и на каждомъ изъ крупныхъ черепковъ лежала группа костей. Предметовъ бытовыхъ мы нашли очень мало, но нѣкоторые изъ нихъ весьма характерны. Нѣкоторые глиняные небольшихъ размѣровъ сосуды какъ будто были сверху отбиты; были-ли это свѣтильни или вещи, предназначенныя для другаго употребленія, я не могу утверждать; но по сравненію ихъ съ другими, мнѣ извѣстными, подобными предметами, могу думать, что это находка очень древняго характера. Другой круглый, глиняный, малыхъ размѣровъ сосудецъ, разбитый рабочими, былъ герметически закупоренъ и представлялъ форму сплошнаго шара, такого, какого я прежде никогда не встрѣчалъ. Затѣмъ слѣдовала небольшая урночка («слезница», какъ ее называли въ древности). Отдѣльно были найдены: одно кольцо и обломки стекляннаго браслета изъ разноцвѣтнаго стекла. Можно сказать вообще, что эти стеклянные витые браслеты изъ цвѣтнаго стекла представляютъ характеристическую черту кіевскихъ раскопокъ съ X—XIII столѣтіе. Позднѣе они не попадаются; подъ постройками, несуществовавшими въ княжескую эпоху, ихъ нѣтъ. Наконецъ, у туловища одного скелета открытъ скрученный и изогнутый наконечникъ копья. Если сличить всѣ найденные предметы съ открытыми прежде въ разныхъ мѣстахъ, то окажется, что изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ похоронныхъ типовъ не только въ кіевской области, но и вообще въ южной Россіи, подобнаго рода типы не были констатированы. Кости лежатъ на черепкахъ, и не смотря на то, что онѣ лежали на слоѣ угля, оказались не сожженными, такъ что дно ямы несомнѣнно было выложено холоднымъ углемъ, и если былъ костеръ, то вѣроятно въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ни малѣйшихъ слѣдовъ сгаранія нѣтъ. На открытыхъ данныхъ единичнаго факта, конечно, нельзя строить какой либо научной гипотезы,

но и отъ признанія въ нихъ остатковъ похороннаго обряда надо также отказаться.

Соображая однако все найденное съ историческими свидѣтельствами о характерѣ и назначеніи изслѣдуемой мѣстности, невольно приходимъ къ мысли, не имѣемъ-ли мы на этотъ разъ дѣло съ остатками человѣческой языческой жертвы. Дальнѣйшихъ какихъ либо выводовъ и предположеній допустить никакъ нельзя, такъ какъ раскопки все таки нѣсколько удалены отъ церкви и слѣд. отъ мѣста, на которомъ стоялъ Перунъ и гдѣ приносились жертвы. Если мы захватили остатки какого либо культа, то захватили ихъ на самомъ рубежѣ и вѣроятно на мѣстѣ характеристичномъ, которое становится тѣмъ интереснѣе, чѣмъ ближе къ церкви. Замѣтимъ также, что едва-ли раскопанная и изслѣдованная нами яма могла быть результатомъ позднѣйшей переброски земли, площадь которой принадлежитъ къ погосту церкви. Намъ извѣстна единственная переброска земли, происходившая здѣсь въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда воеводы кіевскіе съ 1656 по 1682 годъ укрѣпляли Кіевъ по новой фортификаціонной системѣ. Насыпанный тогда валъ остался доселѣ, но далеко за мѣстностью, о которой идетъ рѣчь, и произведенныя теперь раскопки его не коснулись.

В. Б. Антоновичъ.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПЕЩЕРА НАДЪ ДНѢПРОМЪ.

Не далѣе, какъ недѣли три тому назадъ мнѣ пришлось быть въ с. Свистуновѣ (Петровскомъ), александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, расположенномъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Ненасытецкаго порога и выше Волниговскаго. Быть у Днѣпра и не видѣть его пороговъ—это значитъ быть въ положеніи Тантала, стоящаго по поясъ въ водѣ и вѣчно испытывающаго жажду... Итакъ, въ лодку и на порогъ! Быстро, какъ молнія, промчался я чрезъ Волниговскій и Будиловскій пороги, миновавъ на своемъ пути нѣсколько островов, заборъ и камней, каковы: Гроза, Кобыла, Лоша, Курчина скеля и др. Оставивъ лодку у лѣваго берега рѣки, я, въ сопровожденіи «дида-рыбалки», направился въ степь, прямо на востокъ отъ Днѣпра.

— А що, диду, есть табака?

— Есть. А хиба вы нюхаете?

— А то-жъ!

— А якъ нюхаете, то извольте-сь!

Я подставилъ щепотку, и дѣдъ мѣрно отсыпалъ мнѣ табаку на ноготь, постучавъ предварительно рожкомъ о колѣно своей правой ноги.

— Добра табака!

— Уже-жъ, що добра, коли чхаете!

Такъ мы идемъ съ дѣдомъ, потихоньку, не спѣша, опираясь на палочки и мирно бесѣдуя.

— А що, диду, чи не знаете вы якои-небудь козацькои писни?

— Знавъ колись, та теперъ забувъ, не зведу.

— А може й зведете.

— Та яку-жъ вамъ?

— Та хочъ про козака та про долю.

— Це, мабуть, оцю:

«Уже литъ бильшъ десять, якъ козакъ нетяга
По-надъ Днипромъ ходе, выкликае долю:
Гей, ты, доле, выйди изъ воды,
Вызволь мене, серденько, зъ тяжкои биды»...

— Оцю саму.

— И заспивавъ-бы вамъ, паниченьку, такъ теперъ грихъ и рота роскрывати, бо страшна недиля зайшла.

— Ну, якъ грихъ, то й грихъ; хай у друге.

Идемъ дальше, все также не спѣша, опираясь на палочки.

— А якъ воно, диду, у старовину тутъ було?

— Якъ? У старовину тутъ таке було, що й сказати трудно. Травы таки, що йде товаряка по степу, и ригъ не видко; рыбы тееи стилько, що якъ уткнешъ рогелю у Нипро, то ажъ ручка трищить, якъ назадъ потягнешъ...

— Чого-жъ теперъ того нема?

— Чого? Бо людей багацько наплодилось. Теперъ ты выйдешъ на Нипро однимъ каюкомъ, а за тобою ѝдуть десять; тоди на всю слободу двое рыбалокъ тилько й було, а теперъ имъ и счоту нема: такъ де яке надъ рыбою и нависа. Було!.. И травы було, и лиса, и звиру—всего багато було... Оце бувало устанешъ ничью, пидешъ

до Нипра, сядешъ у каюкъ та й хода! А ничъ така, що, Господи великій! умирати не хочетця... Вода не шелесне, а зори такъ и типаютця у неби. Така затишъ, така затишъ, наче-бъ то въ домовини. Тилько й почуешъ, якъ шубовсне яка рыбина у води, або завые де въ бальци середъ лису вовкъ...

— Такъ тутъ и лиса були?

— Були! Вони и теперъ есть, та вже не таки. Ось тутъ на Россоховати бальци; та тутъ и печери були.

— И печери, кажете, диду, були?

— И печери були; вони де-сь и теперъ зостались.

— Не вже? А чи не можно яку-небудь побачити?

— Потягнемъ до балки, то може и вбачимъ.

Итакъ, мы направились къ Россоховатой балкѣ. Идемъ да идемъ, медленно подвигаясь и на палочки опираясь. Вотъ и балка Россоховатая. Гдѣ-же пещера? Вотъ и пещера. Чтобы точно опредѣлять мѣстонахожденіе пещеры, нужно прежде всего сказать, что балка Россоховатая находится версты на двѣ ниже с. Свистунова, между церковною землей и крестьянскимъ надѣломъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по направленію отъ юга къ сѣверу. Затѣмъ нужно замѣтить, что съ самой вершины, отъ юга, балка идетъ однимъ жолобомъ, а потомъ приблизившись къ Днѣпру, раздѣляется на два рукава, въ видѣ «россохи». Почти отъ самой вершины и до устья она покрыта довольно густымъ дубовымъ лѣсомъ. Не далеко отъ устья балки и наткнулся я на желанную пещеру. Она идетъ по направленію отъ запада къ востоку, отъ одного рукава къ другому. Съ запада въ пещеру, видимо, вела дверь, которая прикрывалась большимъ дубомъ, отъ коего остался въ настоящее время лишь одинъ огромный пень. Изгибаясь, что называется въ три погибели, я пролѣзъ сквозь отверстіе во внутрь пещеры. Пещера оказалась длины болѣе, чѣмъ двадцать аршинъ, высоты болѣе, чѣмъ сажень; своды ея закопчены дымомъ; видимо, пещера служила для кого-то жильемъ. Самое расположеніе пещеры представляется въ такомъ видѣ: главный ходъ ея идетъ сперва однимъ направленіемъ, срединнымъ; затѣмъ, срединное отдѣляетъ отъ себя боковое правое, по направленію къ югу, въ степь, и боковое лѣвое, по направленію къ сѣверу, на Днѣпръ. Очевидно, въ стратегическомъ отношеніи пещера устроена какъ нельзя лучше.

чрезъ боковое правое отверстіе пещеры, подъ прикрытіемъ лѣса, можно было пронести въ нее необходимое для пропитанія, а чрезъ боковое лѣвое, также подъ прикрытіемъ лѣса, можно было бѣжать на Днѣпръ и дальше внизъ по рѣкѣ. Само собою разумѣется, что при бѣгломъ осмотрѣ пещеры мы не могли найти никакихъ данныхъ для опредѣленія того, къ какому времени она принадлежитъ и какой народъ обиталъ въ ней; но едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что она служила запорожцамъ въ ихъ военныхъ походахъ и дѣйствіяхъ. Само собою разумѣется, что внимательный осмотръ и раскопки могли-бы съ большею точностью опредѣлить происхожденіе и назначеніе случайно найденной нами пещеры, мы-же ограничиваемся указаніемъ на мѣсто нахожденія оной, въ надеждѣ, что когда нибудь оно можетъ привлечь любителей-археологовъ.

Д. И. Эварницкій.

«ПАМЬЯТКОВЫЙ ПРОЧУХАНЪ» ИЛИ ПРИМѢНЕНІЕ ПИСАННАГО ЗАКОНА ВЪ СФЕРѢ ОБЫЧНАГО ПРАВА.

«Дать прочухана» на языкѣ малорусскаго юмора значитъ порядкомъ посѣчь кого нибудь. «Памятковый прочуханъ»—будетъ значить наказаніе для памяти Такія наказанія употреблялись въ старинныхъ нашихъ школахъ по субботамъ—не въ видѣ прочемъ взысканія за какую-либо шалость или проступокъ, а для внушенія страха учащимся и чтобы всѣ они *помнили*, что надо учиться прилежно и остерегаться шалостей.

Нѣчто подобное практиковалось въ старину и внѣ школы и входило въ сферу обычнаго права, имѣя въ основѣ писанный законъ. Но это требуетъ болѣе пространнаго объясненія. Вотъ въ чемъ дѣло.

Извѣстно, что въ южной Руси въ тѣ времена, когда она находилась въ союзѣ съ Польшею, широко развиты были произволъ и насиліе, всего болѣе проявлявшіяся въ захватѣ чужихъ земель. Такіе захваты господствовали долго и въ бывшей гетманщинѣ, состоявшей уже подъ русскимъ владычествомъ. То и дѣло возникали споры и тяжбы поземельныя, а для рѣшенія ихъ требовались свидѣтели, «вѣры годные» и хорошо знавшіе границы спорныхъ земель. Когда по уничтоженіи гетманщины и распространеніи на нее обще-

имперскихъ порядковъ явились и въ ней казенные крестьяне, состоявшіе въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, то «Экспедиціею государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства», въ 1797 г., выработаны были Высочайше утвержденныя правила должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія [1]), одно изъ которыхъ касалось охраненія неприкосновенности земельныхъ границъ и гласило слѣдующее:

«О цѣлости во всѣхъ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній, дабы они по ихъ ограниченіи ненарушимо пребывали, сельскимъ выборнымъ недреманнымъ окомъ бдѣть и оные всякую весну въ свободное отъ работъ время объѣзжать и осматривать, бравъ съ собою изъ молодыхъ и понятыхъ людей по нѣскольку, которые бы всякое урочище и межу примѣчали и твердо памятовать для будущаго свѣдѣнія могли».

Таковъ былъ законъ, но вотъ какъ онъ примѣнялся на практикѣ по разсказамъ старожиловъ: сельскій начальникъ (соотвѣтствующій нынѣшнему старостѣ), отъ времени до времени обходитъ границы общественныхъ земель въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ «хлопчакивъ» (подростковъ 14—15 л.) и обращалъ ихъ вниманіе на живыя урочища и признаки, въ видѣ балочекъ, горбиковъ (бугровъ), одиночныхъ деревьевъ или пней и пр., разсказывалъ болѣе или менѣе подробныя исторіи перехода земель и т. д. А для того, чтобы все это ярче отпечатлѣлось въ памяти хлопцовъ, подвергалъ то одного, то другаго изъ нихъ сѣченію на какомъ нибудь изломѣ межи, отсчитывая шагами разстояніе до куста, горбика и т. п. и числомъ ихъ опредѣляя число ударовъ. Это-то сѣченіе и называлось «памьятковымъ прочуханомъ», и конечно подвергшійся ему будущій свидѣтель уже твердо на всю жизнь помнилъ мѣсто секуціи и всѣ его особенности.

Нарушеніе земельныхъ границъ путемъ захвата въ силу долговѣчнаго навыка сохранялось до самой почти крестьянской реформы, а вмѣстѣ съ нимъ сохранялся и указанный мною обычай подготовки надежныхъ свидѣтелей. О слѣдахъ этого оригинальнаго обычая я сообщалъ незабвенному А. Ѳ. Кистяковскому лично, и онъ въ свою

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ правилахъ мы нашли въ архивѣ смѣлянскаго (полтавской губерніи, роменскаго уѣзда) волостнаго правленія въ дѣлѣ объ учрежденіи волости этого имени.

очередь передавалъ мнѣ, что въ доставленныхъ ему матеріалахъ по обычному праву было нѣсколько аналогичныхъ замѣтокъ. «Прочухана» получали многіе изъ тѣхъ, которымъ впослѣдствіи доводилось быть въ качествѣ понятыхъ при началѣ межевыхъ работъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ, и сѣканція производилась какъ сельскимъ начальствомъ, такъ и нѣкоторыми заботливыми дѣдами и отцами на тотъ конецъ, чтобы сыновья и внуки могли «заприсягнуть», что межа была въ томъ или другомъ мѣстѣ и направлялась такъ или иначе. Возникновеніе такого обычая покойный А. Ѳ. объяснялъ тѣмъ, что лицо непосредственно не заинтересованное можетъ не обращать должнаго вниманія на всѣ особенности межевыхъ знаковъ въ общественномъ и частномъ землевладѣніи, но при воздѣйствіи наказанія въ возрастѣ впечатлительномъ, особенности подобнаго рода связывались въ памяти съ событіемъ.

Достойно особеннаго вниманія то, что существовавшій до недавняго времени «памьятковый прочуханъ» не считался позорнымъ или обиднымъ, хотя производился такъ сказать публично, и что въ прежнее время потерпѣвшему отъ него не приходило и въ голову обращаться съ жалобою къ начальству. Только въ пореформенное время неприкосновенность личности получила болѣе широкое опредѣленіе и огражденіе, и физическое насиліе со стороны лицъ постороннихъ стало считаться дѣяніемъ противузаконнымъ.

В. Василенко.

ОДНА ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ ПОГОДЫ.

Нельзя сказать, чтобы предсказанія погоды, которыми пользуется нашъ простой народъ, были всегда невѣрны и не имѣли другаго основанія, кромѣ слѣпо воспринимаемой традиціи. Напротивъ, во многихъ изъ нихъ видна тонкая наблюдательность и вѣковая опытность. Я хочу познакомить читателя съ однимъ предсказаніемъ погоды, которое пришлось мнѣ услышать недавно въ кіевскомъ уѣздѣ.

Мнѣ нужно было по своимъ обязанностямъ ѣхать вечеромъ по кіевскому уѣзду. Вечеръ былъ прекрасный, настоящій южный, украинскій вечеръ. На небѣ ни одного облачка, вѣтра никакого, звѣздъ неисчислимое множество. Мой возница сидѣлъ, согнувшись на козлахъ брички и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то тоскли-

вую пѣсню. Вдругъ онъ, взглянувъ вверхъ, приподнялся на козлахъ, задергалъ возжами и замахалъ кнутомъ. Когда лошади побѣжали быстрѣе, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Треба швидче ѣхати, бо буде дощъ.

— А какъ ты это знаешь? спросилъ я.

— Бачите, якъ мисяць труситця?

И онъ показалъ при этомъ кнутомъ на край выглянувшаго изъ-за горизонта мѣсяца, который дѣйствительно казался какъ-бы дрожащимъ. Это явленіе я замѣчалъ уже и прежде, но не придавалъ ему никакого значенія. Слова возницы заинтересовали меня: я хотѣлъ выпытать у него хотя какія-нибудь основанія для такого предсказанія погоды по мѣсяцу, но не добился ничего. Онъ только повторялъ: «ось побачите, що буде дощъ» и ничѣмъ другимъ доказать вѣрность своихъ словъ не умѣлъ. Но возница былъ правъ: дѣйствительно, черезъ полъ часа на чистомъ прежде небѣ тамъ и сямъ появились маленькія тучки, которыя увеличивались и своимъ числомъ, и размѣрами, пока наконецъ не затянули собою весь горизонтъ. Возница все сильнѣе и сильнѣе гналъ лошадей, и не даромъ: едва мы подъѣхали къ корчмѣ, гдѣ думали сдѣлать остановку, хакъ хлынулъ проливной дождь. Предсказаніе по мѣсяцу не обмануло.

Не берусь объяснять, какая тутъ связь между этимъ кажущимся дрожаніемъ мѣсяца и тѣмъ дождемъ, который едва не вымочилъ насъ; быть можетъ, примѣтою здѣсь служило колебаніе свѣта въ скопившихся въ воздухѣ водяныхъ испареніяхъ: повторяю судить о томъ не берусь, а указываю только фактъ,—одну изъ народныхъ примѣтъ погоды, оправдавшуюся на моихъ глазахъ.

О.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Часто приходится слышать печатныя и устныя жалобы на чрезмѣрное развитіе у насъ канцелярской переписки. Это одно изъ наиболѣе тягостныхъ золъ въ нашихъ государственныхъ отправленіяхъ. Нѣтъ учрежденія, которое не страдало бы имъ; органы правительственной администраціи, правосудія, общественнаго хозяйства

въ равной степени одержимы этимъ недугомъ. Самое пустяшное дѣло бываетъ причиной возникновенія массы безсодержательныхъ фоліантовъ. Служащіе до того заражаются склонностью къ переспискѣ, что почти отвыкаютъ выражать устною рѣчью свои мысли и готовы, сидя рядомъ въ одной комнатѣ, пересылаться входящими и исходящими. Страдательный элементъ—публика съ радостью привѣтствуетъ всякій печатный слухъ о принятіи мѣръ къ устраненію излишней канцелярской переписки. Но, увы! отъ слуха до исполненія всегда бываетъ далеко.

Въ виду того, что вопросъ о чрезмѣрномъ развитіи канцелярской переписки представляетъ не послѣднюю злобу дня, не безполезно было бы заглядывать иногда и въ далекое прошлое и тамъ искать близкихъ и отдаленныхъ причинъ возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого дѣйствительнаго зла. Мнѣ сдается, что одной изъ главныхъ причинъ было стремленіе увеличить доходы фиска. Въ подтвержденіе этой мысли я приведу фактъ изъ исторіи внутренняго управленія Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи часть архива варвинской сотенной канцеляріи прилуцкаго полка (м. Варва находится нынѣ въ лохвицкомъ уѣздѣ полтавской губ.), я перебиралъ эти бумаги и остановился между прочимъ на перепискѣ между варвинской сотенной и прилуцкой полковой канцеляріями по слѣдующему поводу.

Полковое управленіе разослало по подвѣдомственнымъ ему сотнямъ по нѣскольку листовъ гербовой бумаги (въ Варву—семь листовъ) и чрезъ нѣкоторое время потребовало присылки надлежащаго числа денегъ за посланную бумагу. Сотникъ Димитрій Конисскій рапортовалъ въ отвѣтъ на это, что присланные семь листовъ гербовой бумаги не разошлись и сохраняются въ цѣлости, такъ какъ просители не подавали въ сотенную канцелярію какихъ бы то ни было писанныхъ жалобъ, а тѣмъ паче писанныхъ на гербовой бумагѣ, что хотя и подаются исковыя прошенія, но что они излагаются устно и тотчасъ же ставится устная резолюція, такъ что денегъ за гербовую бумагу не могло быть собрано, а откуда за ту бумагу «прежде ея продажи къ присилки гроши взять, на то не було роспорядка».

Получивши этотъ рапортъ, полковая канцелярія отправила къ варвинскому сотнику новый ордеръ съ выговоромъ и разъясненіемъ

въ такихъ словахъ: «понеже какъ полковие, такъ и сотение суда въ Малой Россіи вездѣ учреждени на основаніи указовъ и малороссийскихъ правъ, въ коихъ судящие никоихъ челобитческихъ дѣлъ по словесному ихъ челобитчиковъ прошенію, но по обстоятелнимъ писменнимъ просьбамъ, разсмотреннимъ судовими порядками, производити и всякие дѣла рѣшати должни, того ради опредѣлено послати къ вамъ въ резолюцию сей ордеръ и накрѣпко предложити, даби ви одъ сего впредь во всякихъ исковихъ дѣлахъ словесних прошеній ни одъ кого не принимали, но принимали писменно челобитними, на гербовой бумагѣ написанними, и по онимъ же челобитческие дѣла судовымъ письменнимъ порядкомъ, а не словесними резолюциями чинити неотмѣнно, а гроши въ скорѣмъ часѣ висилати».

Конечно, гербовая пошлина наименѣе обременительна для населенія, но нехорошо, если ради увеличенія доходовъ съ нея удлиняется дѣлопроизводство и вмѣстѣ съ тѣмъ всасывается въ плоть и кровь служащимъ привычка къ безконечной перепискѣ.

С—ко.

ЮЖНО-РУССКІЕ СВЯЩЕННИКИ, ОТЫСКИВАЮЩІЕ ПРАВА ДВОРЯНСТВА.

Грамота императрицы Екатерины II 27 апрѣля 1775 г. de jure только подтвердила то, что de facto уже существовало почти цѣлое столѣтіе въ Малороссіи. Козачья старшина задолго до этого привыкла видѣть въ себѣ пановъ въ отношеніи къ посполитымъ и даже козакамъ. Пользваться даровымъ трудомъ посполитыхъ и отчасти козаковъ входило въ ея привычки, всасывалось ею такъ сказать съ материнскимъ молокомъ. Раздавались голоса, что свои паны-старшина хуже обращаются съ подвластными, чѣмъ въ давнее время поляки...

Грамота Екатерины признавала права на дворянство не одной старшины. Не стоящимъ у кормила правленія по тѣмъ или другимъ причинамъ предоставлялась возможность пользоваться правами дворянства по представленіи доказательствъ о благородномъ происхожденіи.

Всеобщій потокъ ищущихъ правъ и привиллегій дворянства на основаніи заслугъ и благородства предковъ увлекъ и южно-русское духовенство. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по имѣющимся у меня нѣсколькимъ документамъ, которые принадлежатъ состоящимъ нынѣ въ духовномъ званіи древнимъ двумъ родамъ Тихоновичей и Залѣсскихъ. Отъ перваго изъ этихъ родовъ осталась лишь часть длинной родословной, представленной для доказательства древняго шляхетнаго происхожденія, и свидѣтельство о причисленіи вновь къ дворянскому роду; отъ втораго вновь выданная дворянская грамота съ немногими записями и фамильными преданіями. По нынѣшнимъ представителямъ этихъ родовъ трудно было бы догадываться объ особой древности ихъ, особливо рода Тихоновичей, который ведетъ свое начало съ 1440 г. и заканчивается теперь исправляющимъ должность псаломщика въ с. Скопцахъ, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда.

Упомянутый выше обрывокъ генеалогіи Тихоновичей, имѣющій заглавіе: «Гербъ благородныхъ Тихоновичовъ», написанъ на плотной бумагѣ и сверху онаго расписанъ изящно восемью красками самый гербъ. Содержаніе этого документа представляетъ описаніе родоваго герба и генеалогическія данныя въ слѣдующихъ словахъ:

«Корогва бѣлая, зъ голубыми концами, по срединѣ звѣзда, на верху крестъ, на холмѣ въ коронѣ три перья струсьи, въ полѣ красномъ. Пишетъ авторъ Бѣльскій на страницѣ 27 въ Гербутѣ, что тотъ гербъ наданъ отъ короля польского Владыслава Ягелловича 1440 году Федору Тихановичу за оказанную Тихановичемъ службу рицерскую: когда король Владыславъ Ягелловичъ имѣлъ войну съ турками подъ Бѣлградомъ, то въ то время Федоръ Тихановичъ храбро и смѣло поступалъ, пока ездниковъ войска турецкаго много побилъ и знамя турецкое отбилъ, за то король Владыславъ Ягелловичъ приказалъ Федора Тихановича до индіонату шляхетства и рицерства польского припустить и въ знакъ того и гербъ надалъ ему: корогву съ голубыми концами. Съ которыхъ фамилій Тихановичовъ: Игнатій Тихановичъ былъ воеводою калискимъ, Антонъ Тихановичъ кастеляномъ виленскимъ, Мартинъ Тихановичъ подвоеводою черниговскимъ, Павелъ Тлхановичъ к оморникомъ смоленскимъ....

На этомъ прерывается интересный актъ.

Древность рода Тихоновичей и заслуги членовъ его были очевидны и просьба потомка ихъ, священника Ѳедора Тихоновича о причисленіи его къ дворянству полтавской губерніи была удовлетворена, что подтверждается выданнымъ ему 19 декабря 1788 года свидѣтельствомъ. Свидѣтельство это написано на простой бумагѣ, печатей на немъ никакихъ. Скрѣплено подписями губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ. Вотъ его текстъ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

«Кіевскаго Намѣстничества изъ дворянскаго собранія жительствующимъ въ уѣздѣ переяславскомъ дворянамъ, священникамъ Фіодору и братьямъ его Андрею, Филипу, Кирилѣ и Михаилу Тихоновичамъ въ томъ, что сіе собраніе, по разсмотрѣніи доказательствъ, представленныхъ отъ нихъ Тихоновичовъ, о благородномъ ихъ достоинствѣ, находя оные достаточными и доставляющими имъ, Тихоновичамъ, неоспоримое право быть дворянами, *опредѣлили*: принять ихъ Тихоновичовъ въ число дворянъ здѣшней губерніи, съ ихъ дѣтьми, и внесть въ дворянскую родословную книгу, а затѣмъ на благородное ихъ достоинство выдать грамоту, но пока оная изготовлена будетъ, дать (и дано) имъ Тихоновичамъ о вышеписаномъ сіе свидѣтельство. Декабря 12 дня 1788 года.

Губернскій предводитель дворянства Иванъ Иваненко.
Депутатъ уѣзда городиского (?) Андрей Иляшенко.
Депутатъ уѣзда кіевского Петръ Хитрово.
Депутатъ уѣзда остерского Петръ Кричинскій.
Депутатъ уѣзда миргородского Яковъ Бровковъ.
Депутатъ уѣзда хорольского Ѳедоръ Ковальскій.
Депутатъ уѣзда голтвянского Иванъ Игнатовичъ.
Депутатъ уѣзда золотоношского Яковъ Кулябка.
Депутатъ уѣзда козелецкого Андрей Тущанскій.
Секретарь Петровскій.
У дѣлъ дворянскаго собранія копіистъ Ив. Симоновичъ.

Дворянской грамоты на имя Федора Тихоновича не сохранилось; но сохранился подлинникъ такой грамоты, выданной тогдаш-

нему представителю другаго упомянутаго выше рода Залѣсскихъ, моему прадѣду, тоже священнику, Василію Залѣсскому. Доказательствъ на право дворянства при этой грамотѣ, въ родѣ вышеприведенныхъ, не нашлось; но отсутствіе ихъ замѣняется нѣкоторыми фамильными записями и преданіями, по которымъ родъ Залѣсскихъ ведетъ свое начало отъ *сотника* сенчанской сотни, Павла Залѣсскаго, который былъ въ Сенчѣ сотникомъ около 1677 г. и приходился прадѣдомъ священнику Василію Залѣсскому, искавшему правъ дворянства въ концѣ XVIII ст. У этого послѣдняго въ ту пору былъ еще живъ отецъ, іерей Өедоръ, глубокій старикъ, какъ значится въ фамильной родословной, отецъ же Өедора, сынъ сотника Павла, а дѣдъ Василія, тоже священникъ, если и не былъ живъ въ моментъ исканія внукомъ правъ на дворянство, то умеръ недавно предъ тѣмъ, такъ какъ въ фамильной родословной значится: «Іерей Андрей—1760 г. былъ уже старикомъ». Неудивительно поэтому, что священникъ Василій Залѣсскій при живомъ отцѣ и недавно умершемъ дѣдѣ,—сынѣ козачаго сотника, получилъ желаемыя права на дворянство. Какъ показываетъ этотъ случай, дворянство предоставлялось не только тѣмъ, которые лично принадлежали къ козачей старшинѣ, но и происшедшимъ отъ нихъ, на этотъ разъ *правнуку* старшины-сотника.

Выданная священнику Василію Залѣсскому грамота напечатана на большомъ гербовомъ листѣ съ прекрасной виньеткой. Въ верхней части виньетки по срединѣ красуется государственный гербъ—двуглавый орелъ; надъ главами его въ сіяніи стоитъ буква «Е» съ короной. Отъ шеи орла чрезъ распростертыя крылья идутъ вправо и влѣво цѣпи, переплетаясь съ правой стороны съ дубовой вѣткой, а съ лѣвой—лавровой; на цѣпяхъ означены гербы уѣздовъ, справа: лубенскаго (жезлъ въ рукѣ), миргородскаго (крестъ, внизу звѣзда), хорольскаго (сабля на крестъ, со стрѣлой), золотоношскаго (крестъ),—и слѣва: пирятинскаго (натянутый лукъ со стрѣлой), переяславскаго (башня, вверху корона, но не царская), козелецкаго (коза со скипетромъ на спинѣ) и остерскаго (крѣпость, сверху крестъ). Кіевскій гербъ—на груди орла. Грамота скрѣплена подписями губернскаго предводителя дворянства съ уѣздными депутатами и огромною печатью «кіевскаго намѣстничества, дворянскаго собранія».

ГРАМОТА

«Кіевской губерніи отъ губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ собранныхъ для составленія дворянской родословной книги данная дворянину Василію Федоровичу Залѣскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи Всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамоты, предъявленныя отъ него Залѣского о дворянскомъ его достоинствѣ доаазательства, признали оныя согласно съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ семдесятъ осьмой статьи объявленной грамоты, онъ и родъ его внесенъ въ дворянскую родословную кіевской губерніи. Октября 23 числа 1792 г.

Губернскій предводитель дворянства Степанъ Тарновскій.

Депутатъ уѣзда золотоношского Николай (?)

Депутатъ уѣзда кіевского коллежскій ассесоръ Василій Копыстенскій.

Депутатъ уѣзда пирятинского секундъ-маіоръ Левъ Горбановскій.

Депутатъ уѣзда остерского секундъ-маіоръ Петръ Новаковичъ.

Депутатъ уѣзда миргородского секундъ-маіоръ Антонъ Кириченко.

Депутатъ уѣзда хорольского титулярный совѣтникъ Степанъ Твардовскій.

Дворянства секретарь Степанъ (?)

№ грамоты 258.

Дворяне-священники, какъ кажется, изъ всѣхъ правъ и привиллегій дворянства воспользовались только даровымъ крѣпостнымъ трудомъ.....

Аполлинарій Залѣсскій.

ОБРАЗЧИКЪ СТАРИННОЙ МАЛОРУССКОЙ ЭПИТАФІИ.

Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища (р. 1694 † 1776).

Всякъ жительствующій въ семъ временномъ свѣтѣ,
Въ чернѣговскомъ, паче ближайшомъ повѣтѣ,
Пришедъ на се мѣсто, постой умиленно,
Кто здѣ лежитъ въ гробѣ, прочти вразумленно.
Николай именовался, сынъ-же Іоанновъ
И сынъ родителей людей знатныхъ сановъ,
Тризна съ фамилій предковъ ублаженныхъ,
Шляхетствомъ издавна въ Полщѣ предпочтенныхъ.
Отъ младости страхомъ утвержденъ Господнимъ,
Вдалъ себе въ сиротствѣ къ наукамъ свободнымъ.
Всей философіи имѣлъ превосходство
И другихъ ученій получилъ доволство.
Во высокихъ домѣхъ почитали сіи
И славили его внутрь и внѣ Россіи.
Вступилъ онъ въ службу, сущу младу лѣты,
Сталъ въ воинствѣ себе прилежно трудиты.
Въ щастіи его были входы и исходы,
Въ Сулакъ, въ Полщу и въ Кримъ знатные походы.
Ревнуя за вѣру, не щадѣлъ онъ сили,
Поступки всякому были его мили.
Не щадѣлъ и живота, храбро подвизался,
Въ сраженіяхъ на врагъ крѣпко ополчался,
При томъ отъ общества къ двору посиланъ,
Гдѣ и депутатомъ третимъ былъ издѣланъ —
Искать монаршой милости къ отчинѣ,
Въ чемъ извѣрено двомъ а третому Тризнѣ.
Былъ онъ правосудцемъ, всѣмъ людемъ пріятнымъ
Сотникомъ, а после бунчуковымъ знатнымъ,
Въ коммисіяхъ разныхъ находился въ трудѣ,
Какъ и въ генералномъ присудствовалъ судѣ.
Въ судахъ каковыхъ былъ, предѣлы вѣщаютъ
И зъ правосудія безсмертна являютъ.

Съ подписа руки его всякъ правду узнаетъ,
Въ опредѣленіяхъ законы слагаетъ.
Взискивалъ онъ мира, правдою щитился;
Всякой лжи и лести у свѣтѣ хранился.
Одна мудрость права его услаждала,
Кая и жизнь его отъ злыхъ охраняла.
Въ писаніи умномъ упражнялся,
Къ людемъ учителнимъ зчаста прилѣплялся;
Чтеніе книгъ разныхъ та была забава,
О его качествахъ безсмертная слава.
Богъ любляй далъ ему болѣзнь пятолѣтную,
Кая отняла жинь его сегосвѣтную
Въ начатіи года седмъдесятъ шестого,
Генваря мѣсяця, дня двадцать второго,
Въ память Тимофея апостола свята.
Во небесній чертогъ душа его взята.
Въ честныхъ поступкахъ, якъ честного рода,
Поживе въ семъ свѣтѣ осмдесятъ два года.
Супругу-жъ чадъ и внукъ препоручилъ Богу,
Когда отшелъ отъ ныхъ къ вѣчному чертогу.
Всѣ знакомцы, съ други, на гробъ сей прійдѣте
И о Николаи Бога помолѣте,
Да и вамъ равная возмѣрится мѣра,
Какъ и вы отійдете душами отъ мира.
Богъ-же да дастъ всѣмъ намъ со святыми лики
Въ послѣдній день вставшимъ царствоватъ во вѣки.
А преставленному: вѣчна память буди!
Скажемъ при молитвахъ усердніе люды.
Слагателю сего (въ память здѣ лежащу),
Іерею Якову, во молитвахъ бдящу,
Да пошлетъ Богъ ему всяко благо въ жизни
Отъ теплыхъ молитовъ Николая Тризни!

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Іюнь
1885

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1885 годъ.

стр.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогриця-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ.—*П. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога.—*И. Камошина.*—з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе)*. 161—761. 176

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮНЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1885 года.

„ДАВЫДОВА БОЖЕНКА".

(Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья).

Просматривая не разъ извѣстныя, драгоцѣнныя «Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи» Похилевича, я всегда останавливался надъ замѣткой, помѣщенной въ этой книгѣ при описаніи села Глѣбовки, лежащаго при Днѣпрѣ, выше Вышгорода и устья Ирпени, и принадлежащаго къ древнѣйшимъ въ окрестностяхъ Кіева. «Въ полуверстѣ отъ селенія, гласитъ эта замѣтка, по дорогѣ въ Ясногородку (лежащую тоже при Днѣпрѣ, выше Глѣбовки), уединенно стоитъ деревянная каплица (часовня) съ образами святыхъ, а внутри ея находится колодезь. Каплица эта и колодезь очень древни, но о времени и причинѣ построенія ихъ не сохранилось у жителей преданій» [1]). Что первоначальное возникновеніе этой часовни могло быть отнесено къ глубокой древности,—это казалось мнѣ довольно вѣроятнымъ, въ противномъ случаѣ традиція о поводѣ построенія часовни едва-ли могла-бы быть столь радикально забыта на мѣстѣ ея существованія, въ близъ лежащей Глѣбовкѣ, какъ въ этомъ пришлось мнѣ и самому убѣдиться.

Должно быть, въ силу того психологическаго факта, что все таинственное имѣетъ свойство съ особенною силою приковывать къ себѣ наше вниманіе, мнѣ не разъ приходилось, перебирая въ своей памяти дошедшія до насъ лѣтописныя свидѣтельства, относящіяся къ кіевскому Полѣсью, вспоминать приведенную замѣтку о часовнѣ

[1]) Сказанія... Кіевъ, 1884 г., стр. 107.

у Глѣбовки, и я рѣшился, наконецъ, попробовать, не удастся-ли мнѣ, при помощи анализа этихъ немногихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и сопоставленія ихъ какъ между собою, такъ и съ топографическими данными, представляемыми занимающею насъ мѣстностью, набрести хотя на кой-какіе слѣды, которые повели-бы къ раскрытію причины существованія таинственной часовни въ этой мѣстности.

Подъ 1150-мъ годомъ въ ипатской лѣтописи (стр. 289) идетъ чрезвычайно бойкій, полный драматизма и бытовыхъ подробностей разсказъ о борьбѣ волынскаго князя Изяслава Мстиславовича съ дядею Юріемъ суздальскимъ, Долгорукимъ, за обладаніе Кіевомъ. Юрій, сидѣвшій въ Кіевѣ, въ виду внезапнаго наступленія Изяслава съ воями на Кіевъ, убѣжалъ за Днѣпръ, въ свой «городецъ востръскій», что теперь Остеръ, уѣздный городъ черниговской губерніи. Между тѣмъ Володимерко галицкій, извѣстный своимъ хитроуміемъ, вкрадчивостью и вѣроломствомъ, союзникъ и пріятель Юрія, преслѣдовавшій Изяслава, при его движеніи къ Кіеву, по пятамъ, остановился у Мичьска, что теперь Радомысль, уѣздный городъ кіевской губерніи [1]). Съ Володимеркомъ была и родня Юрьева: сынъ Юрія Андрей, прозванный впослѣдствіи Боголюбскимъ, и двоюродный братъ Юрія Володимеръ Андреевичъ [2]). Володимерко, узнавъ у Мичьска, что Изяславъ очутился уже въ Кіевѣ, а Юрій въ Городцѣ, разсердился на своихъ союзниковъ и, обругавъ бывшую съ нимъ родню Юрьеву, вернулся отъ Мичьска домой, а Андрей и Владиміръ отправились изъ Мичьска, какъ выражается лѣтопись: «*туда, на устье Припети, на Давыдову боженку* [3]), *въ остръскій городокъ* къ Юрію» [4]).

---

[1]) Собственно городище *Мыкъ-городъ* (Мыцко), предмѣстье Радомысля, между р. Тетеревомъ и его притокомъ Мыкою.

[2]) Андрей княжилъ въ то время въ г. Пересопницѣ на Волыни, а Владиміръ, должно быть, въ г. Дорогобужѣ, на Волыни-же.

[3]) *Бо́жница, бо́женка, божо́нка* — часовня надъ алтаремъ сломанной церкви; надъ родникомъ; на мѣстѣ, почему-либо особенно чтимомъ; для выставки кружки на подаянія; на распутіи, для освященія нечистаго по понятіямъ народа и пр. (Словарь Даля).

[4]) Объ этомъ-же самомъ фактѣ повторяется въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ и нѣсколько ниже (Ипат. лѣт., стр. 290).

Лѣтопись лаврентьевская (стр. 313), разсказывая подъ тѣмъ-же самымъ годомъ и о томъ-же самомъ фактѣ, не упоминая ни о Владимірѣ Андреевичѣ, ни объ устьи Припети, ни о боженкѣ, говоритъ объ одномъ лишь Андреѣ Юрьичѣ и о какомъ-то селѣ или урочищѣ Воровичь (Воровича или Воровиче): «Андрей-же перебреде Днѣпръ *на Воровичь* и иде въ городокъ».

Когда на картѣ Стрѣльбицкаго я провелъ прямую линію отъ Радомысля до Остра, то меня тотчасъ поразило, что линія эта пересѣкла Днѣпръ именно между Глѣбовкой и Ясногородкой, стало быть, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ загадочная часовня у села Глѣбовки (см. прилож. планъ). Еще болѣе поразило меня при этомъ сопоставленіе имени лѣтописной *Давыдовой* боженки съ именемъ села *Глѣбовки* въ виду того, что христіанское имя Давида носилъ, какъ извѣстно, св. страстотерпецъ Глѣбъ.

Совпаденіе положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ мѣстностью между Глѣбовкой и Ясногородкой подкрѣпляется и слѣдующими соображеніями. Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что у Давыдовой боженки былъ бродъ черезъ Днѣпръ. Броды обыкновенно бывали и бываютъ въ такихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ существуютъ значительныя косы и мели, а въ этой-то мѣстности, противъ Ясногородки, и въ настоящее время существуетъ очень значительная мель, одна изъ значительнѣйшихъ на всемъ среднемъ теченіи рѣки и хорошо извѣстная капитанамъ пароходовъ, какъ представляющая значительное препятствіе для судоходства [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на этимологію имени села или урочища Воровичь, упоминаемаго въ лаврентьевской лѣтописи. Имя это имѣетъ самое близкое отношеніе именно къ мели и къ броду: для того, чтобы препятствовать переходу съ одного берега рѣки на другой, на бродахъ устраивались *воры*, т. е. загражденія изъ кольевъ [2]).

---

[1]) Наиболѣе значительныя мели на Днѣпрѣ, въ его среднемъ теченіи, по Словарю Семенова, находятся противъ деревни *Теремцы* и селъ *Ясногородки* и *Сваромья*. О мели у Ясногородки см. въ Справочной Книжкѣ, изданной обществомъ пароходства по Днѣпру (Кіевъ, 1883 года).

[2]) Это видно, напр., изъ слѣдующаго свидѣтельства псковской лѣтописи (подъ 1407 года): «князь Местеръ, събравъ силы многія... пріиде.. въ землю псковскую, а псковичи поидоша противу имъ и усрѣтоша ихъ на броду у Выбути,

Подъ 1161-мъ годомъ ипатская лѣтопись (стр. 352), разсказывая о движеніи Изяслава Давыдовича изъ Чернигова для отнятія Кіева отъ княжившаго въ немъ Ростислава Мстиславовича, говоритъ: «Изяславъ пошелъ *за Вышгородъ, къ божницѣ*, потому что тутъ и Днѣпръ сталъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ не сталъ еще нигдѣ, и *тутъ, перейдя Днѣпръ у боженки*, пошелъ къ Кіеву». Хотя божница, или боженка и не названа въ этомъ свидѣтельствѣ Давыдовой, но обозначеніе ея положенія: «за Вышгородомъ» по отношенію, конечно, къ Кіеву, въ которомъ жилъ лѣтописецъ, а также упоминаніе о ней въ связи съ упоминаніемъ о переходѣ черезъ Днѣпръ, кажется, съ достаточною ясностью указываютъ на то, что это не иная какая-либо боженка надъ Днѣпромъ, но та-же самая «Давыдова боженка», о которой шла рѣчь въ той-же лѣтописи выше, подъ 1150-мъ годомъ, и которая, конечно, хорошо была извѣстна кіевлянамъ [1]).

Вотъ и всѣ лѣтописныя свидѣтельства объ интересующей насъ мѣстности.

Трудно, мнѣ кажется, допустить, чтобы съ одной стороны это совпаденіе топографическаго положенія лѣтописной Давыдовой боженки съ положеніемъ теперешней часовни у Глѣбовки, съ другой—соотвѣтствіе имени боженки съ именемъ села Глѣбовки были не болѣе, какъ причудливое сцѣпленіе простыхъ случайностей. Изъ лѣтописнаго упоминанія, столь-же случайнаго, какъ и приведенное

а броды вси бяху заворены ворами, и стояша погани 4 дни и многажды хотяху перебрести и не возмогоша, Псковичемъ бьющемся съ ними, и пойдоша прочь». *Во́ры*—заворы, забойка, колóва, сваи (Словарь Даля).

[1]) Упоминаніе въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ объ устьи Принети подало поводъ искать Давыдовой боженки у этого устья (*Погодинъ*, Излѣдованія и пр., т. IV, стр. 182; *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 151). Прямая линія, проведенная отъ Радомысля къ Остру, пересѣкаетъ Днѣпръ верстахъ въ 34 хъ *ниже* устья Принети; проѣзжая дорога могла, конечно, подходить и нѣсколько ближе по направленію къ этому устью; во всякомъ случаѣ очевидно, что лѣтописецъ воспользовался именемъ столь извѣстной рѣки, «на устье Принети», лишь для *общаго приблизительнаго* указанія на направленіе пути, приложивъ сейчасъ-же къ этому указанію еще и другое, болѣе частное и точное: «на Давыдову боженку». Подобные приведенному лѣтописному пріемы указанія обычны и теперь въ языкѣ. Ср. «наздогнавъ іи у степу, що теперъ за Мирониллямъ,—*туди, до Гордіевки*» (Малорусскія народныя преданія, Кіевъ, 1876, стр. 226).

нами выше упоминаніе о Давыдовой боженкѣ, дошло до насъ свѣдѣніе о существованіи въ древности «Летьской», т. е. «Альтской» божницы на р. Альтѣ, на мѣстѣ убіенія, или, какъ выражается лѣтопись, «на крови» св. страстотерпца Бориса—Романа (подъ 1154-мъ годомъ, Лавр. лѣт., 326, Ипат., 328). Едва-ли будетъ слишкомъ смѣлымъ, по аналогіи, предположить, что и лѣтописная «Давыдова боженка» первоначально поставлена была въ ознаменованіе и въ память такого-же факта изъ исторіи другого брата—страстотерпца, св. Глѣба, въ крещеніи Давида.

Извѣстно, что преданіе объ убіеніи св. Бориса и Глѣба есть одно изъ трогательнѣйшихъ древне-русскихъ преданій, имѣвшее глубокое нравственное вліяніе какъ на князей, такъ и на народъ. Извѣстно также, что отъ древности дошло до насъ два сочиненія, воспроизводящія это преданіе: одно, принадлежащее *Нестору*, названному лѣтописцемъ, другое на основаніи очень вѣскихъ доводовъ приписываемое обыкновенно черноризцу *Іакову*. Произведеніе Нестора можетъ быть названо *повѣстью*, такъ какъ оно имѣетъ въ виду полное изложеніе житія св. братьевъ, между тѣмъ какъ произведеніе Іакова есть собственно *сказаніе* о мученической ихъ кончинѣ [1]. Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніи между этими житіями, въ особенности о противорѣчіяхъ между ними, очень живо занималъ въ свое время многихъ ученыхъ и породилъ значительную научную литературу, и то обстоятельство, что *лѣтописный* разсказъ о св. братьяхъ согласуется не съ повѣстью Нестора, но со сказаніемъ Іакова, послужило однимъ изъ существенныхъ возраженій противъ господствовавшаго прежде мнѣнія о томъ, что лѣтопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, написана Несторомъ, что̀ въ свою очередь повело къ анализу состава лѣтописи, столь плодотворному для дальнѣйшей разработки древне-русской исторіи.

Выдвинутое мною предположеніе о лѣтописной «Давыдовой боженкѣ», какъ о боженкѣ, поставленной въ ознаменованіе какого-то событія изъ исторіи св. Глѣба или Давида, подаетъ поводъ и даже обязываетъ меня къ пересмотру вопроса о противорѣчіяхъ между

---

[1]) Доказательства принадлежности сказанія Іакову развиваются у преосв. *Филарета* («Обзоръ русской духовной литературы»), *Макарія* («Исторія рус-

упомянутыми двумя житіями,—вопроса, который научною критикою считается какъ-бы окончательно уже порѣшеннымъ въ пользу большей достовѣрности сказанія Іакова.

Противорѣчія эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ главнымъ пунктамъ:

а) По повѣсти Нестора, *Борисъ*, во время смерти отца, княжилъ во *Владимірѣ на Волыни*, а по сказанію Іакова—*въ Ростовѣ*, хотя оба житія сходятся въ томъ, что Борисъ какъ-бы временно и случайно находится въ то время въ *переяславской* области.

б) По повѣсти Нестора, *Глѣбъ*, не имѣя еще удѣла, жилъ въ Кіевѣ; по смерти отца, узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, бѣжалъ изъ Кіева въ лодьѣ вверхъ по рѣкѣ (конечно по Днѣпру, который однако въ повѣсти не названъ) въ сѣверныя страны, но былъ настигнутъ убійцами (гдѣ—не сказано) и убитъ. По сказанію Іакова, Глѣбъ княжилъ и находился въ *Муромѣ* и, на пути изъ Мурома въ Кіевъ (будто-бы по *Волгѣ*, мимо устья *Тьмы* [1]), мимо *Смоленска*), былъ убитъ при устьи *р. Смядыни*, нѣсколько ниже Смоленска.

Очевидно, что для разрѣшенія этихъ противорѣчій и тѣхъ недоразумѣній, которыя ими возбуждаются и которыя на разные лады были объясняемы разными изслѣдователями, необходимо прежде всего рѣшить общій вопросъ о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Владиміра святого. Если намъ удастся разрѣшить этотъ вопросъ, то это и дастъ намъ точку опоры для того, чтобы оноэнаться и въ преданіяхъ о странствованіяхъ и смерти св. Бориса и Глѣба.

Изъ свода и сопоставленія всѣхъ дошедшихъ до насъ историческихъ извѣстій о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра [2]) слѣдуетъ предположить, что въ княженіе Владиміра св. такихъ распредѣленій было три.

ской церкви»), у *Погодина*, *Срезневскаго*, *Бестужева-Рюмина* («О составѣ русскихъ лѣтописей»). *Г. Иловайскій* («Исторія Россіи», ч. I, прим. 58-е) наоборотъ считаетъ житіе, приписываемое Іакову, сочиненіемъ болѣе позднимъ и менѣе заслуживающимъ довѣрія, чѣмъ повѣсть Нестора.

[1]) *Тьма*—небольшой лѣвый притокъ, впадающій въ Волгу немного выше Твери.

[2]) Извѣстія эти сведены у *Бестужева-Рюмина*: «О составѣ русск. лѣтоп.», Приложенія, стр. 19.

1) Первоначальное распредѣленіе областей между сыновьями сдѣлано было Владиміромъ вслѣдъ за крещеніемъ Руси, въ 988 году (Лавр. 118, Ипат. 83). На первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ, что въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этомъ распредѣленіи не упоминается вовсе о древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городахъ русскихъ, какъ Черниговъ и Переяславъ, о которыхъ упоминается еще въ договорахъ Руси съ греками. Изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о распредѣленіи областей между вѣтвями династіи св. Владиміра мы видимъ, что Муромъ принадлежалъ къ черниговской области, къ которой принадлежалъ также и «градъ Тмутаракань», а Ростовъ къ переяславской [1]). Такая группировка земель основывалась, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, на этнографическомъ сродствѣ славяно-русскаго населенія этихъ областей [2]). Обыкновенно думаютъ, что эта группировка ведетъ свое начало со времени Ярослава; но едва-ли это такъ. Вся разница между извѣстіемъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Владиміромъ, и свидѣтельствомъ о распредѣленіи, сдѣланномъ Ярославомъ, какъ мнѣ кажется, заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ упоминаются только окраинные города, или колоніи, а во второмъ, наоборотъ, лишь главные, или метрополіи. Что князья при Владимірѣ св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, естественно объясняется интересами охраненія, колонизаціи и устройства колоній, а главное—насажденія въ нихъ, среди инородческаго населенія, христіанства, на что прямо указываютъ и нѣкоторыя историческія свидѣтельства [3]). Такъ какъ князья во времена Владиміра св. жили по большей части въ окраинныхъ городахъ, то естественно, что въ народной памяти (и у лѣтописцевъ, которые писали объ этихъ временахъ *лишь по преданіямъ*) удержались тѣ только города, въ которыхъ князья жили. Итакъ, на основаніи этихъ

---

[1]) Это ясно видно изъ исторіи Мстислава тмутараканскаго, Олега Святославича, Владиміра Мономаха, Юрія Суздальскаго и пр.

[2]) О сродствѣ населенія Тмутаракани съ населеніемъ сѣверной земли см. *Н. Барсова*: «Очерки рус. исторической географіи», стр. 131.

[3]) «Посла съ ними и священника, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо по области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити; еже и бысть». (П. С. Р. Л., т. II, стр. 259; Степ. кн., т. I, стр. 151, 153). Ср. Исторію русской церкви. *Макарія* во 2-му изданію, т. I, стр. 21.

соображеній, слѣдуетъ предположить, что по первоначальному распредѣленію областей, сдѣланному Владиміромъ св., Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Мстиславу* (который былъ старше Ярослава), а Переяславъ съ Ростовомъ *Ярославу*, подобно тому, какъ по смерти Ярослава Черниговъ съ Муромомъ и Тмутараканемъ достался *Святославу* (который былъ старше Всеволода), а Переяславъ съ Ростовомъ *Всеволоду*. При этомъ первоначальномъ распредѣленіи ни Борисъ, ни Глѣбъ не получили удѣловъ, по всей вѣроятности, по своему малолѣтству.

2) Свидѣтельство Нестора о томъ, что Борисъ сперва жилъ при отцѣ, а потомъ получилъ городъ Владиміръ на Волыни, указываетъ какъ-бы на то, что вслѣдъ за первоначальнымъ распредѣленіемъ послѣдовало по какому-то неизвѣстному намъ поводу новое распредѣленіе [1]).

3) Подъ 1010-мъ годомъ читаемъ у Татищева: «Преставися въ Новгородѣ Вышеславъ (который тамъ княжилъ, стало быть, съ 988 по 1010 годъ, т. е. около 11-ти лѣтъ), и далъ Владиміръ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Ярославлю отчину, *Глѣбу, брату его, Муромъ, отчину Борисову*». По этому извѣстію выходитъ, что въ Муромѣ до смерти Вышеслава княжилъ Борисъ, а послѣ смерти Вышеслава Глѣбъ. Но дѣло въ томъ, что *ни Борисъ, ни Глѣбъ не могли княжить въ Муромѣ,* такъ какъ этотъ городъ принадлежалъ Мстиславу Тмутараканскому. До смерти Вышеслава Борисъ княжилъ, по свидѣтельству Нестора, не въ Муромѣ, но во Владимірѣ волынскомъ; стало быть по смерти Вышеслава Глѣбъ могъ получить *эту* вотчину Борисову, т. е. Владиміръ на Волыни [2]).

---

[1]) Что могло послужить поводомъ къ тому, объ этомъ можно лишь догадываться. Въ 991-мъ году, стало быть, спустя всего три года послѣ первоначальнаго распредѣленія, въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о походѣ Владиміра св. на хорватовъ, т. е. въ Карпатскую Русь. Къ этому-то времени и относится, б. м., занятіе Владиміромъ Червоной Руси, въ которую онъ и могъ перевесть изъ сосѣдняго съ нею Владиміра-волынскаго *Всеволода,* посадивъ вмѣсто его *Бориса.*

[2]) Лѣтописецъ какъ о первоначальномъ распредѣленіи, такъ и о томъ, которое произошло по смерти Вышеслава, говоритъ подъ 988-мъ годомъ, но очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ разныхъ распредѣленіяхъ, о которыхъ дошли до него сбивчивыя свѣдѣнія, подъ однимъ годомъ ради того только, чтобы сразу покончить съ этимъ предметомъ.

Въ дѣйствительности событія могли происходить такъ:

Борисъ, получивши въ 1010 году, вмѣсто Владиміра, Переяславъ и Ростовъ, отправился къ окраинную, ростовскую, часть своего удѣла для ея обозрѣнія и устройства. Въ Кидекши на р. Нерли сохранилось преданіе о мѣстѣ, гдѣ было становище св. Бориса во время его пути (Ср. въ преданіи объ Ольгѣ: «и суть *становища* ею и ловища») [1]). Но въ 1015 году, во время смерти Владиміра св., мы видимъ Бориса *въ его центральной, переяславской области*, защищающимъ ее отъ печенѣговъ [2]). Прогнавши печенѣговъ, онъ узналъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кіевъ, но на пути изъ Переяслава былъ убитъ на р. Альтѣ 26 іюля.

Что касается Глѣба, княжившаго на Волыни, то онъ, получивши вѣсть о смерти отца, должно полагать, отправился съ дружиною своею изъ своего княжества въ лодьѣ внизъ по Припети и по Днѣпру, и здѣсь то, ниже устья Припети, въ пустынномъ мѣстѣ, на днѣпровскомъ бродѣ близъ теперешней Глѣбовки, какъ слѣдуетъ предполагать, и поджидали его убійцы, которые и совершили убійство 5-го сентября.

Должно быть, еще въ княженіе Ярослава, послѣ вписанія св. Бориса и Глѣба въ синодикъ (1021 г.), на мѣстѣ убіенія Бориса была поставлена божница, называемая, по мѣстности, «Летьскою», а на мѣстѣ поверженія убійцами тѣла Глѣбова — «Давыдова боженка» [3]). Быть можетъ, около этого-же времени, возникъ и *Летьчь* монастырь, откуда пришелъ въ монастырь печерскій тотъ

[1]) Подъ 1159-мъ годомъ (Лавр. лѣт., стр. 331) въ спискахъ Радзивилловскомъ и моск. дух. академіи: «преставися Борисъ Гюргевичъ и положиша братья и въ церкви святою мученику, юже бѣ создалъ отецъ ихъ Гюрги (княжившій въ Суздалѣ 1096—1155) на Нерли, идеже бяше становище *святаго Бориса*».

[2]) Стало быть, не безъ историческаго основанія въ нѣкоторыхъ варіантахъ извѣстнаго поэтическаго преданія, связываемаго съ такъ называемыми «зміевыми валами», какъ побѣдитель змія, выступаетъ св. Борисъ и неразлучно связанный съ нимъ Глѣбъ.

[3]) Подъ 1117-мъ годомъ въ лѣтописи (Лавр., стр. 277, Ипат., стр. 205) упоминается о закладкѣ Владиміромъ Мономахомъ *каменной* церкви св. мучениковъ на Альтѣ. Подъ 1154-мъ (Лавр., стр. 326, Ипат., стр. 328) читаемъ: «много зла створиша половци около Переяславля: пожгоша бо села вся и летьскую божницю и святою мученику (церковь) зажгоша». Очевидно, что здѣсь отличается церьковь отъ божницы. Церковь *каменная* была заложена въ 1117-мъ году, а

самый Іаковъ мнихъ, которому приписывается сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ [1]).

Предполагаю, что преданіе, воспроизведенное Несторомъ, могло составиться въ правобережной (по отношенію къ Днѣпру) Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса во Владимірѣ на Волыни и гдѣ существовала Давыдова боженка, между тѣмъ какъ преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, могло составиться въ лѣвобережной Руси, гдѣ живѣе помнилось княженіе Бориса въ Переяславлѣ и Ростовѣ и гдѣ очень мало знали о Глѣбѣ.

Теперь спрашивается, какимъ-же образомъ въ лѣвобережной Руси могло сложиться преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ, въ которомъ онъ никогда не княжилъ?

Не слѣдуетъ забывать, что главною цѣлью составителей житій была вообще не строгая провѣрка историческихъ фактовъ, но поученіе, воздѣйствованіе на религіозное чувство читателей, которое возбуждалось тѣми или другими *общими* представленіями. Вотъ подъ эти-то представленія, незамѣтно даже для самихъ составителей житій, могли подгоняться и самые факты. Глубокое и трогательное религіозное чувство неудержимо стремилось *ту неразрывную связь св. братьевъ, которою соединила ихъ мученическая кончина, перенести и на обстоятельства ихъ земной жизни.* Естественнымъ образомъ возникло представленіе; что они и при жизни были очень дружны между собою и оба были любимцами отца. На основаніи этого представленія народное преданіе приписало Владиміру св. желаніе, чтобы они владѣли и сосѣдственными областями, вслѣдствіе чего онъ, давши Борису ростовскую область, далъ будто-бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, Глѣбу *сосѣдственную съ нею* область муромскую. Путешествіе Бориса, не задолго до смерти отца, изъ ростовской обла-

божница, а также, по всей вѣроятности, и *деревянная* церковь существовали, конечно, гораздо раньше.

[1]) См. подъ 1074-мъ годомъ (Лавр., стр. 181, Ипат., стр. 131). *Эрбенъ* («Nestoruv Letopis, Praga», 1867) совершенно правильно читаетъ: «летьча» и подразумѣваетъ: «монастыря»: такое чтеніе прямо вытекаетъ какъ изъ этимологической формы слова (летьчь—«прилагат. отъ «льто»), такъ и изъ контекста, въ которомъ монастырю *печерскому* противополагается *летьчь*. А если это чтеніе вѣрно, то очевидно, что уже въ 1074-мъ году былъ монастырь на Альтѣ, а божница могла существовать тамъ и гораздо раньше.

сти рѣчнымъ путемъ въ Русь переносится на Глѣба, вслѣдствіе чего и возникло представленіе, что Глѣбъ изъ Мурома плылъ по ростовскому пути (какъ-бы на Ростовъ) и былъ убитъ у Смоленска при устьи Смядыни. Само собою разумѣется, что это преданіе о княженіи Глѣба въ Муромѣ могло сложиться лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти Мстислава Тмутараканскаго († 1034), когда воспоминаніе о принадлежности ему, при Владимірѣ св. и Ярославѣ, Мурома и о самой личности этого князя-богатыря, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми», значительно затемнилось и изгладилось.

Обыкновенно думаютъ, что Несторъ, составляя свою повѣсть, не зналъ о существованіи сказанія Іакова. Мнѣ кажется это вполнѣ невѣроятнымъ, и не только на основаніи сопоставленія внѣшнихъ обстоятельствъ жизни обоихъ авторовъ (Ѳеодосій печерскій, при кончинѣ своей, въ 1074 году, предлагалъ Іакова въ преемники себѣ, а Несторъ пришелъ въ монастырь вскорѣ послѣ смерти Ѳеодосія), но и на основаніи сличенія самыхъ ихъ сочиненій. Несторъ пользуется сказаніемъ Іакова, какъ матеріаломъ, который онъ находитъ нужнымъ обработать по своему, сглаживая собственныя имена мѣстъ и лицъ и нѣкоторыя живыя бытовыя подробности, которыя, по тогдашнему церковному взгляду, усвоенному изъ Византіи, казались въ оффиціальномъ, такъ сказать, житіи неумѣстными [1]) Въ разсказѣ о Борисѣ, за исключеніемъ показанія объ удѣлѣ Бориса, онъ вообще слѣдуетъ за Іаковомъ; въ разсказѣ-же о Глѣбѣ онъ измѣняетъ разсказъ Іакова, хотя и согласуется съ нимъ вполнѣ при описаніи мѣста, гдѣ было повержено тѣло Глѣба и гдѣ оно потомъ найдено было ловцами. Слѣдуетъ думать, что Несторъ измѣнялъ разсказъ Іакова согласно тѣмъ, уже смутнымъ воспоминаніямъ, которыя могли еще сохраняться въ его время въ Кіевѣ и вообще въ правобережной Руси и которыя ему казались болѣе достовѣрными, чѣмъ то

[1]) Отношеніе между сказаніемъ Іакова и повѣстью Нестора разъясняется у *Голубинскаго* (Исторія русской церкви, 1-я половина 1-го тома, стр. 620). Кромѣ того, замѣтки объ отношеніи между этими двумя произведеніями съ литературной точки зрѣнія см. у *И. П. Хрущова* (О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, глава 2-я).

лѣвобережное преданіе, которое воспроизведено было Іаковомъ [1]). Такимъ образомъ повѣсть Нестора представляетъ не только литературную *переработку* сказанія Іакова, но и какъ-бы нѣкотораго рода *провѣрку* его и *поправку* къ нему.

Сказаніе Іакова мниха гораздо болѣе пришлось по душѣ читателямъ, чѣмъ повѣсть Несторова. И для каждаго безпристрастнаго читателя ясно, что это сказаніе, не смотря на то, что безъискусственное народное преданіе и украшается въ немъ цвѣтами краснорѣчія, все таки по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по индивидуализаціи и обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, по глубинѣ психологическаго анализа, по изображенію живыхъ бытовыхъ подробностей, наконецъ по выраженію искренности и задушевности религіознаго чувства, несравненно выше повѣсти Нестора, отличающейся риторической, условной общностью изображеній. Сказаніе Іакова распространилось въ гораздо большемъ числѣ списковъ, чѣмъ повѣсть Нестора [2]). Не изъ повѣсти Нестора, а изъ сказанія Іакова извлеченіе или сокращеніе вошло и въ первоначальный, Сильвестровскій лѣтописный сводъ и, согласно этому, и въ текстѣ самой лѣтописи, подъ 988-мъ годомъ, въ извѣстіи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями св. Владиміра, замѣчено, что по смерти Вышеслава Глѣбъ получилъ Муромъ [3]). Должно полагать, что подъ вліяніемъ письменно установившагося преданія о княженіи Глѣба въ Муромѣ и о путешествіи его въ Русь чрезъ область ростовскую и первоначальное мѣстное преданіе о становищѣ св. Бориса въ Кидекши на р. Нерли

---

[1]) Въ представленіи самаго Нестора путешествіе Глѣба въ Кіевъ изъ Волыни могло быть смѣшано съ отправленіемъ его на Волынь, по полученіи этого удѣла, вверхъ по Днѣпру. Но могло быть и такъ, что Глѣбъ, прибывъ въ Кіевъ и узнавъ о злыхъ замыслахъ Святополка, тотчасъ отправился обратно, но былъ настигнутъ на пути и убитъ.

[2]) Списковъ сказанія Іакова насчитывается 14-ть, изъ коихъ одинъ отрывокъ относится къ XII-му вѣку, между тѣмъ какъ повѣсть Нестора найдена лишь въ двухъ спискахъ.

[3]) Преосв. *Макарій* (Исторія рус. церкви, т. I, стр. 21, прим.) замѣчаетъ, что «извѣстіе о сопротивленіи муромцевъ св. Глѣбу (пытавшемуся просвѣтить ихъ св. вѣрою) основывается только на рукописномъ житіи князя муромскаго Константина, которое составлено уже въ XVI вѣкѣ, *содержитъ въ себѣ немало несообразностей, отличается напыщенностью и преувеличеніями*».

стало пріурочиваться не къ одному только Борису, но и къ Глѣбу; наконецъ подъ тѣмъ-же вліяніемъ могло утвердиться и преданіе объ убіеніи Глѣба на Смядыни близъ Смоленска [1]).

Но существованіе «Давыдовой боженки», упоминаемой въ ипатской лѣтописи подъ 1150-мъ и безъименно подъ 1161-мъ годомъ, надъ Днѣпромъ близъ теперешняго села Глѣбовки бросаетъ яркій лучъ свѣта въ эту темную глубину древности и, въ связи съ показаніями Нестора, свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе, воспроизведенное Іаковомъ, успѣхомъ своимъ обязано не столько исторической дѣйствительности, сколько подкупавшимъ читателей высокимъ художественнымъ своимъ достоинствамъ.

Не смотря на фактическія противорѣчія, въ особенности по отношенію къ св. Глѣбу, о которыхъ у насъ была рѣчь выше, есть однако въ обоихъ интересующихъ насъ житіяхъ, по отношенію къ обстоятельствамъ мученической кончины св. Глѣба, и нѣчто вполнѣ согласное и даже тождественное. Это—описаніе прибрежной мѣстности, въ которой повержено было убійцами тѣло св. Глѣба и которая въ обоихъ житіяхъ рисуется вполнѣ тождественными чертами, а также разсказъ объ обстоятельствахъ обрѣтенія тѣла св. Глѣба въ этой мѣстности ловцами. Видно, что обстоятельства и обстановка этого звѣрскаго закланія невиннаго отрока, жаждавшаго жизни, трепетавшаго предъ страхомъ смерти и съ воплями

---

[1]) Замѣчательно, что и при устьи Смядыни, нынѣ пересохшей, за Свирскимъ предмѣстьемъ г. Смоленска, въ полуверстѣ отъ него, стоитъ едва замѣтная убогая часовня надъ колодяземъ, какъ и близъ Глѣбовки. Въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ (въ Прологѣ XIV в., во 2-й софійской лѣтописи, въ никоновской, новгородской попа Іоанна, Степ. книгѣ и др.) о чудесахъ, бывшихъ на мѣстѣ погребенія св. братьевъ въ Вышгородѣ, какъ это изложено у Іакова и Нестора, говорится, какъ о чудесахъ происходившихъ на мѣстѣ поверженія тѣла св. Глѣба на Смядыни до перенесенія его въ Смоленскъ, а оттуда въ Вышгородъ. Изъ этихъ повѣствованій можно, кажется, усмотрѣть, какъ вышгородскія преданія съ теченіемъ времени пріурочивались къ Смоленску. Авторъ «Историко-статистическаго описанія смоленской епархіи» (Спб., 1864 г., стр. 210) какъ-бы съ недоумѣніемъ замѣчаетъ: «вся Русь поминала въ молитвахъ св. страстотерпцевъ, призывала ихъ на помощь въ минуты опасности, строила имъ храмы и монастыри: въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Владимірѣ и др. городахъ, въ Смоленскѣ-же, на мѣстѣ обагренномъ кровью св. Глѣба, не существовало ни монастыря, ни храма до княженія Ростислава Мстиславича» (1127—1159).

умолявшаго убійцъ о пощадѣ,—этотъ отчаянный, раздиравшій душу дѣтскій крикъ, огласившій пустынныя днѣпровскія дебри, въ особенности сильно поразили чувство и воображеніе какъ свидѣтелей убійства, такъ и народную массу, и отчетливо запечатлѣлись въ народной памяти. Не даромъ обстоятельства убійства Глѣба переносятся въ нѣкоторыхъ легендахъ и въ духовныхъ стихахъ и на Бориса [1]). Оба житія согласно повѣствуютъ, что тѣло Глѣба, убитаго въ лодьѣ, во время плаванія, было выброшено убійцами *на берегъ рѣки, въ пустынномъ мѣстѣ, въ лѣсу, и повержено межи двѣма колодами*. Въ послѣднихъ словахъ г. Иловайскій видитъ указаніе на существовававшій обычай погребенія и передаетъ ихъ такъ: «тѣло его было *заключено* между двумя колодами, т. е. *выдолбленными обрубками*, и *зарыто* въ лѣсу [2]). Но такое толкованіе прямо противорѣчитъ житіямъ, по которымъ тѣло Глѣба долгое время лежало непогребеннымъ, совершенно открытымъ [3]). Мнѣ кажется, чтобы понять надлежащимъ образомъ это мѣсто, необходимо, отказавшись отъ «умничанья», имѣть въ виду, что разсматриваемыя нами житія основаны на народныхъ преданіяхъ, долгое время (по меньшей мѣрѣ около сорока лѣтъ) переходившихъ изъ устъ въ уста. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что факты, передаваемые въ житіяхъ, выдуманы или по меньшей мѣрѣ не имѣютъ реальнаго основанія, но слѣдуетъ только то, что эти факты передаются при помощи тѣхъ пріемовъ, которые для подобныхъ случаевъ обычны въ народной поэзіи. «Межи двѣма колодами»—это просто тѣ образы, въ которые привыкли облекаться народная мысль и народное чувство въ разсказахъ, подобныхъ настоящему. Такіе пріемы и образы замѣчаются въ житіяхъ не въ одномъ случаѣ, но нерѣдки и въ народной поэзіи.

Въ одной гайдамацкой пѣснѣ разсказъ объ убійствѣ польскаго пана заканчивается такъ:

---

[1]) Въ Лавр. лѣт., подъ 1263-мъ годомъ (стр. 456) разсказано видѣніе, въ которомъ Глѣбъ и Борисъ изображаются *плывущи по морю въ насади*.

[2]) Исторія Россіи, ч. I, стр. 91-я.

[3]) «Тѣло Глѣбово найдено ловцами совершенно цѣлымъ, ни мало не измѣнившимся и не поврежденнымъ ни отъ плотоядныхъ звѣрей, ни отъ вліянія стихій, *хотя около пяти лѣтъ лежало безъ всякой защиты*» (*Макарій*, Исторія рос. церкви., т. I, стр. 91).

«Въ зеленiй диброви гропи поличили,
Зъ холодноi криниченьки могоричъ запили;
Пидъ гнилу колоду пана пидкотили».

Въ другомъ варiантѣ читаемъ:

«*На гнилий колоди* гроши поличили,
Тамъ мы твого пана спати положили;
За свидкивъ стояли дубы та березы».

(См. у Чубинскаго, т. V, стр. 243 и 903).

«Гнилая колода» и «болотная вода»—это типическiя черты лѣсной глуши и въ великорусской народной поэзiи. Въ духовномъ стихѣ объ Iоасафѣ царевичѣ пустыня говоритъ:

«Во мнѣ, во пустынѣ
Гнилая колода, болотная вода!»

Совершенно въ духѣ народной поэзiи изображается убiйство святыхъ страстотерпцевъ въ многочисленныхъ варiантахъ распѣваемаго въ Великороссiи духовнаго стиха о нихъ, почерпнувшаго свое содержанiе конечно уже изъ житiй, но переносящаго обстоятельства убiйства св. Глѣба и на Бориса:

«Терзалъ онъ (Святополкiй) тѣлеса святыхъ
И *промежду двухъ кладъ* погрузиша».
«Въ топки болота отволочаючи,
Подъ гнилу колоду подкладаючи» [1]).

Ясно, что въ словахъ житiй *межи двьмя колодами* разумѣется обстановка убiйства Глѣба, а не обычай погребенiя. И дѣйствительно, мѣстность Глѣбовки удивительно соотвѣтствуетъ той обстановкѣ поверженiя тѣла Глѣбова убiйцами и обрѣтенiя его ловцами, которая согласно изображена какъ у Iакова, такъ и у Нестора. Дикою, глухою и пустынною была, конечно, въ древности приднѣпровская мѣстность того, и теперь довольно пустыннаго, уголка кiевскаго Полѣсья, гдѣ теперь стоитъ часовня у села Глѣбовки. Что эта мѣстность «за Вышгородомъ» была въ глубокой древности поприщемъ лововъ для смѣлыхъ ловцовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ идущее изъ глубокой древности извѣстное преданiе о Лютѣ Свѣнельдичѣ, прiурочиваемое къ теперешнему селу Лютежу, между Вышгородомъ и Глѣбовкой, которое и теперь стоитъ среди боль-

[1]) *П. Безсоновъ*, «Калѣки перехожiе», ч. I.

шихъ лѣсовъ. Кромѣ того, въ лѣтописи не разъ упоминается о княжескихъ ловахъ «за Вышгородомъ» [2]). Да и теперь лѣса, простирающіеся въ этой мѣстности (т. н. «дымерскіе», по м. Дымеру, находящемуся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Глѣбовкой), славны своею обширностью и хорошимъ качествомъ. Прежде водились въ нихъ медвѣди, росомахи, бобры, а дикія козы, кабаны, лоси, волки и пр. попадаются и теперь [1]).

Что касается мѣстности при устьи р. Смядыни близъ Смоленска, то едва-ли и въ древности она могла быть пустынною, такъ такъ она находилась подъ самымъ городомъ, который былъ политическимъ центромъ цѣлаго отдѣльнаго племени, слѣдовательно не могъ быть незначительнымъ и малонаселеннымъ.

Во всякомъ случаѣ загадочная часовня у Глѣбовки, соотвѣтствующая по всѣмъ видимостямъ лѣтописной Давыдовой боженкѣ, представляетъ очень любопытный примѣръ переживанья традиціи о какомъ-то фактѣ: чего ради первоначально построена была на этомъ мѣстѣ часовня, это, по какимъ-то неуловимымъ причинамъ, давнымъ давно было уже забыто, а самая часовня продолжала поддерживаться и возобновляться усердіемъ благочестивыхъ людей.

Хотя я и провелъ всѣ свои школьные годы въ Кіевѣ и хотя мнѣ не разъ случалось въ то время бывать въ разныхъ его окрестностяхъ, однако къ сѣверу отъ Кіева дальше кирилловскаго монастыря мнѣ ни разу не случалось тогда проникнуть. Съ извѣстной галлереи, окружающей церковь Андрея Первозваннаго, мнѣ нерѣдко приходилось всматриваться въ таинственную тогда для меня синеву, покрывавшую гору вышгородскую, но ни въ Вышгородѣ, ни въ скрывающемся за нимъ отъ взора Межигорьи, о которомъ я такъ много слышалъ, мнѣ ни разу не пришлось въ тѣ времена побывать.

Лѣтомъ 1883-го года, послѣ продолжительныхъ странствованій по другимъ мѣстамъ, пришлось мнѣ прибыть и въ богоспасаемый Кіевъ. Пользуясь этимъ случаемъ, я положилъ себѣ исполнить на этотъ разъ давнишнее мое желаніе—посѣтить давно интересовав-

---

[1]) Подъ 1091 г. (Ипат., стр. 150, Лавр., стр. 307), 1180 (Ипат., стр. 416) 1193 (Ипат., стр. 455).

[2]) *Похилевичъ*, Сказанія, стр. 11-я.

шій меня уголокъ кіевскаго Полѣсья «за Вышгородомъ». Внѣшнія обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали моему предпріятію; оставалось только, хоть это казалось и довольно труднымъ, найти себѣ подходящаго спутника. Сверхъ всякаго чаянія, послѣ непродолжительныхъ поисковъ, желанный спутникъ нашелся въ лицѣ моего стараго знакомца и пріятеля Н. С. Т.

Въ одно прекрасное утро мы прибыли на пристань «Общества пароходства по Днѣпру и пр.» и взяли билеты на пароходъ, отходившій вверхъ, по кіево-пинской линіи. Когда пароходъ отвалилъ, мы вышли на палубу и оставались тамъ почти все время, вплоть до прибытія къ глѣбовской пристани, созерцая красоты днѣпровскихъ видовъ. День былъ пасмурный, не жаркій; небо обложено было сѣренькими дождевыми облаками, дулъ сѣверный вѣтеръ, по временамъ нанося собою мелкій дождикъ.

Почти на половинѣ теченія Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ, ближе впрочемъ къ послѣднему, впадаетъ въ Днѣпръ съ черниговской стороны *р. Десна*, вслѣдствіе чего, въ былое время князья черниговскіе, идучи съ воями своими изъ Чернигова, лежавшаго на правой сторонѣ Десны, на Кіевъ (какъ сдѣлалъ это въ 1161 году и упомянутый мною выше Изяславъ Давыдовичъ), и обратно князья кіевскіе, идучи на Черниговъ, переправлялись черезъ Днѣпръ выше впаденія Десны, подъ Вышгородомъ или еще выше, избѣгая такимъ образомъ переправы черезъ Десну.

Пароходъ прошелъ мимо устья Десны, и мы стали приближаться къ *Вышгороду*. Гора вышгородская, въ цѣпи горъ придпѣпровскихъ, образуетъ какъ-бы полукруглый мысъ, выдавшійся къ востоку. Самое село Вышгородъ со своими хатами и огородами не представляетъ ничего особеннаго. Это самое обыкновенное, притомъ маленькое украинское село. Только высящаяся на горѣ небольшая изящная каменная церковь палеваго цвѣта съ темнозеленою желѣзною кровлею, построенная на мѣстѣ знаменитой, «мученической», св. Бориса и Глѣба, составляетъ особенность села, нисколько не гармонируя съ окружающею ее сельскою обстановкою.

Огибая гору вышгородскую, пароходъ поворачиваетъ къ сѣверозападу, и Кіевъ скрывается отъ взоровъ за вышгородскою горою. До села Новыхъ Петровецъ, на протяженіи четырехъ верстъ, пароходъ идетъ подъ самыми горами. Вотъ тутъ-то, между Вышгоро-

домъ и Новыми Петровцами, и скрывается знаменитое *межигорское удолье, или ущелье,* съ протекающимъ въ глубинѣ его и впадающимъ въ Днѣпръ ручьемъ («Звонки»). Темнымъ зеленымъ пятномъ, полнымъ тѣни и прохлады, рѣзко выдается оно среди окрестной горной мѣстности, вообще бѣдной растительностью.

Начиная отъ Новыхъ Петровецъ днѣпровскія горы снова, какъ между Кіевомъ и Вышгородомъ, отступаютъ отъ Днѣпра къ западу и значительно понижаются, переходя постепенно въ волнистую равнину, перерѣзываемую широкою низменностью, или *впадиною рѣки Ирпени* съ ея протоками и рукавами. На этихъ постепенно понижающихся возвышенностяхъ, которыя виднѣлись намъ вдали съ запада, въ глубинѣ такъ сказать сцены, расположены села: *Старые Петровцы, Лютежъ,* еще глубже *Демидовъ,* на сѣверномъ берегу нижней Ирпени, затѣмъ ближе къ Днѣпру деревня *Борки,* на южной сторонѣ устья Ирпени, и село *Казаровичи*—на сѣверной. Начиная отъ Новыхъ Петровецъ оба берега Днѣпра становятся похожими другъ на друга, представляя необозримую луговую равнину, перерѣзываемую теченіемъ рѣки съ ея многочисленными протоками (рѣчищами) и островами.

Глѣбовская пристань находится тотчасъ за впаденіемъ въ Днѣпръ небольшой рѣчки, которая называется «Пѣховка», или «рѣкша» (должно быть, уменьшительное отъ «рѣка», стало быть «рѣчка»), на которой верстахъ въ двухъ отъ днѣпровскаго берега, прямо къ западу, расположено и самое село Глѣбовка. Глѣбовки впрочемъ съ парохода не было видно, такъ какъ мѣстность эта лѣсиста. Глѣбовская пристань отъ кіевской отстоитъ въ 36-ти верстахъ, отъ Вышгорода въ 22, отъ устья Ирпени въ восьми, и плаванье наше къ ней длилось около трехъ часовъ. Это одна изъ незначительныхъ пристаней на Днѣпрѣ. Пароходъ останавливается здѣсь ради набиранія дровъ.

Съ прибытіемъ нашимъ къ глѣбовской пристани погода немного поправилась, небо прояснилось. Отправившись по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, мы очутились, такъ сказать, въ глубинѣ кіевскаго Полѣсья. Дорога шла лѣсомъ, и вдругъ передъ нами неожиданность: мы увидѣли передъ собою болото, образованное теченіемъ «рѣкши» Пѣховки и расширившееся отъ дождей на значительное пространство. Впрочемъ это не вязкая трясина, въ которой можно увязнуть,

но покрытая водою лѣсная низина съ илисто-песчанымъ дномъ, совершенно твердымъ, словно полъ, вымощенный мраморными плитками. Съ лѣвой стороны дороги ручей былъ загроможденъ исполинскимъ трупомъ дерева-великана, «гнилою колодою», какихъ должно быть есть много въ этой лѣсной глуши. Убѣдившись въ невозможности перебраться черезъ низину по упомянутой колодѣ, мы поскидали обувь и съ немалымъ удовольствіемъ вступили въ свѣжую, проточную струю низины. Небо почти совершенно прояснилось; сквозь лѣсную чащу стали проскальзывать золотистые лучи солнца, отражаясь въ водѣ. До Глѣбовки намъ пришлось еще нѣсколько разъ раззуваться и обуваться, такъ какъ и дальше встрѣчались, хотя и меньшія, чѣмъ пройденная нами, но все-же значительныя низины и лужи.

Село Глѣбовка лежитъ среди большаго пролѣсья на отлогой возвышенности, которая едва замѣтно подымается надъ уровнемъ пространства, пройденнаго нами отъ берега Днѣра. Послѣднее есть не что иное, какъ лугъ Днѣпра, а возвышенность, на которой расположена Глѣбовка, не что иное, какъ продолженіе цѣпи днѣпровскихъ горъ, понизившихся до самой незначительной высоты и почти сравнявшихся съ лугомъ. Отъ церковнаго «цвинтаря» узенькія, кривыя улицы расходятся въ разныя стороны. На одной изъ улицъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «цвинтаря», церковно-приходская школа, а на другой, тоже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью, домъ, въ которомъ помѣщается «батюшка». Мы подошли къ школѣ. Школа старая и убогая хатка съ маленькимъ дворикомъ, бокомъ прислоненная къ улицѣ. Внутренняя обстановка этого «класса», или, что тоже, жилища учителя, поразила насъ своею нищетою. Когда мы вошли, учитель, по имени О., человѣкъ пожилой, сидя за громаднымъ столомъ (во время «науки», зимою, исправляющемъ должность «партъ») занимался перепиской клировыхъ вѣдомостей (жалованья ему мужики лѣтомъ не даютъ). Относительно часовни: кѣмъ, когда и по какому поводу она построена, онъ не слыхалъ ничего; за этими свѣдѣніями совѣтовалъ онъ намъ обратиться къ батюшкѣ. Мы оставили нѣкоторыя наши вещи у О. съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавши визитъ батюшкѣ, отправиться налегкѣ къ часовнѣ. Батюшка, старикъ, изъ великороссіянъ, живетъ въ Глѣбовкѣ издавна, но о времени и причинѣ построенія часовни также ничего не слы-

халъ и за интересовавшими насъ свѣдѣніями рекомендовалъ обратиться къ благочинному.

Мы вышли изъ села въ сѣверо-восточномъ направленіи, по дорогѣ въ Ясногородку. Отошедши съ четверть версты отъ центра села, мы вступили въ сосновый лѣсъ съ песчаною, бугристою почвою. Дорога идетъ по окраинѣ того возвышеннаго пространства, на которомъ расположена и Глѣбовка: влѣво—возвышенное пространство, вправо—низменное, луговое. Возвышенное пространство, поросшее боромъ, и луговая низменность, густо поросшая лещиною (орѣшникомъ) и вообще чернолѣсьемъ, очень рѣзко отграничиваются другъ отъ друга. Верхушки деревьевъ луга находятся почти на одномъ уровнѣ съ дорогой, по которой мы шли. Мы шли и поглядывали вправо и наконецъ увидѣли чуть замѣтную тропу, спускающуюся по откосу внизъ, къ лугу, въ глубину чащи. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по этой тропинкѣ, мы замѣтили внизу, значительно ниже уровня дороги, черный металлическій крестъ и черную, покрытую мхомъ, кровлю часовни. Скоро мы увидѣли ее всю. Часовня представляетъ собою большой деревянный срубъ правильной восьмигранной пирамидальной формы, должно быть, сажени двѣ въ діаметрѣ. Она сложена изъ прочныхъ толстыхъ тесанныхъ бревенъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени и не имѣетъ оконъ. Тропинка ведетъ прямо къ низкой, маленькой двери, ведущей во внутренность часовни, освѣщаемую лишь тѣмъ полусвѣтомъ, который проникаетъ въ нее чрезъ эту дверь. Внутри часовни, въ центрѣ ея, находится низенькій квадратный срубъ («цямрины») криницы, въ которой вода стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ поломъ часовни. На срубѣ лежалъ черпакъ изъ березовой коры, прикрѣпленный къ срубу веревочкой. На стѣнѣ, противоположной входу и обращенной прямо къ востоку, установлены иконы. Всѣхъ иконъ я насчиталъ семь. Одна изъ нихъ, св. Владиміра, выше всѣхъ, на значительной высотѣ, по срединѣ стѣны, малого размѣра, новая, окаймленная розовою кисейною занавѣскою, съ лампадкой. Значительно ниже этой, какъ-бы главной, иконы установлены рядомъ шесть иконъ, считая отъ сѣвера къ югу, въ такомъ порядкѣ: 1) св. Параскевы, 2) Спасителя, 3) св. Николая, 4) Божіей Матери, 5) Спасителя, 6) изображающая нѣсколько св. лицъ, изъ коихъ замѣтнѣе прочихъ Петръ и Павелъ. Первая, вторая и чет-

вертая иконы новыя; третья и пятая старыя, писанныя на деревѣ; краски ихъ сильно полиняли и вывѣтрились. Внизу пятой иконы надпись: «Року 1769 мѣсяца марта дня 7»; на третьей иконѣ сверху: «святитель Христовъ Николай», внизу: «1769 мѣс. мая 12 дня». Шестая икона очень древняя, писана на полотнѣ, теперь уже полуистлѣвшемъ, масляными красками, сильно почернѣвшими отъ времени. Должно полагать, что это чья-нибудь семейная икона, изображающая патроновъ всей семьи. Стѣны внутри часовни, особенно переднія, ближе къ выходу, кругомъ, даже на значительной высотѣ, испещрены надписями посѣтителей часовни, сдѣланными ножикомъ, карандашемъ, угολькомъ и мѣломъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Всѣхъ надписей мы конечно не могли пересмотрѣть, такъ какъ ихъ цѣлая масса и такъ какъ многія изъ нихъ находятся очень высоко. Надписи состоятъ по большей части изъ обозначенія именъ и фамилій посѣтителей, нерѣдко года, иногда и мѣсяца и дня посѣщенія. Изрѣдка впрочемъ встрѣчаются и эпиграфы въ родѣ: «Byłem i wodę piłem: woda dobra». Встрѣчаются надписи даже 1805 года. Встрѣтивъ крупную, четкую надпись: «1824 roku, Adam Mickiewicz», мы пришли въ недоумѣніе. О. потомъ разъяснилъ намъ, что въ селѣ Казаровичахъ былъ поссессоръ Адамъ Мицкевичъ, который и сдѣлалъ эту надпись. Пробовалъ я и воду изъ криницы и никакъ не могъ согласиться съ надписью, гласящею, что «woda dobra»: вода въ значительной степени отзывается болотомъ. Я обошелъ вокругъ часовни и замѣтилъ, что здѣсь начинается луговая низина, что почва покрыта мхомъ и пропитана водою. Часовня стоитъ на самой границѣ между возвышеннымъ пространствомъ, тянущимся отъ Глѣбовки, и луговой днѣпровской низменностію, о которыхъ была рѣчь выше. Несомнѣнно, что когда-нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленной древности, здѣсь былъ берегъ рѣки и что криница и часовня, если онѣ тогда существовали, находились на самомъ берегу.

Когда мы, возвращаясь отъ часовни, поднялись по тропинкѣ опять на дорогу, вправо отъ дороги, противъ начала тропинки, стало быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ часовни, мы замѣтили большіе бугры, или горбы довольно правильной полусферической формы, поросшіе соснами, а пройдя по дорогѣ къ Глѣбовкѣ, подальше впрочемъ отъ дороги, мы замѣтили линію возвышенности въ родѣ вала, простирающуюся по опушкѣ лѣса перпендикулярно по отношенію къ дорогѣ. Мы долго присматривались сперва къ буграмъ, а потомъ къ возвышенности, стараясь опредѣлить, природныя-ли это

поднятія почвы, или искусственныя насыпи; но ничего однако не могли рѣшить. Бугры казались будто природные, а возвышенность будто насыпной валъ, представляющій одну изъ сторонъ городища или остатокъ такъ называемаго «Зміеваго вала» [1]).

Солнце склонялось уже къ западу, когда мы вернулись къ О. У него пробыли мы немного времени, въ теченіи котораго онъ разъяснилъ намъ, что икону своего патрона, св. Владиміра, по освященіи ея въ церкви 15-го іюля 1880 года, поставилъ въ часовнѣ помѣщикъ села Казаровичъ, Владиміръ Ивановичъ Ляшкевичъ. Вода освящается въ часовнѣ иногда на Ѳоминой недѣлѣ, если кто закажетъ батюшкѣ такое водосвятіе.

Сколько я ни допытывался у О., не слыхалъ-ли онъ о томъ, кто, когда и по какому поводу построилъ или возобновилъ эту частвню,—ничего яснаго не могъ узнать. Онъ говорилъ что-то о какомъ-то *Ивицкомъ*, отставномъ солдатѣ что-ли, проживавшемъ и имѣвшемъ свое хозяйство въ Глѣбовкѣ, который вслѣдствіе какихъ-то личныхъ или семейныхъ приключившихся съ нимъ обстоятельствъ, *поновилъ* эту часовню. Когда я, прощаясь съ О., просилъ его распросить у старыхъ людей поосновательнѣе, не припомнятъ-ли они, кѣмъ, когда и по какому поводу выстроена часовня, не бывало-ли въ прежнія времена въ какой-нибудь урочный день крестныхъ ходовъ къ ней, не взято-ли какихъ старинныхъ иконъ изъ нея въ церковь и пр., въ разговоръ нашъ вмѣшалась О-ва жена: «Эге, скажуть! перебила она; теперь такій гаспидьскій народъ наставъ... Зачни про се питати, то вони таке тоби загнуть, що й на вики одцураешься про те досвидчуватись»!

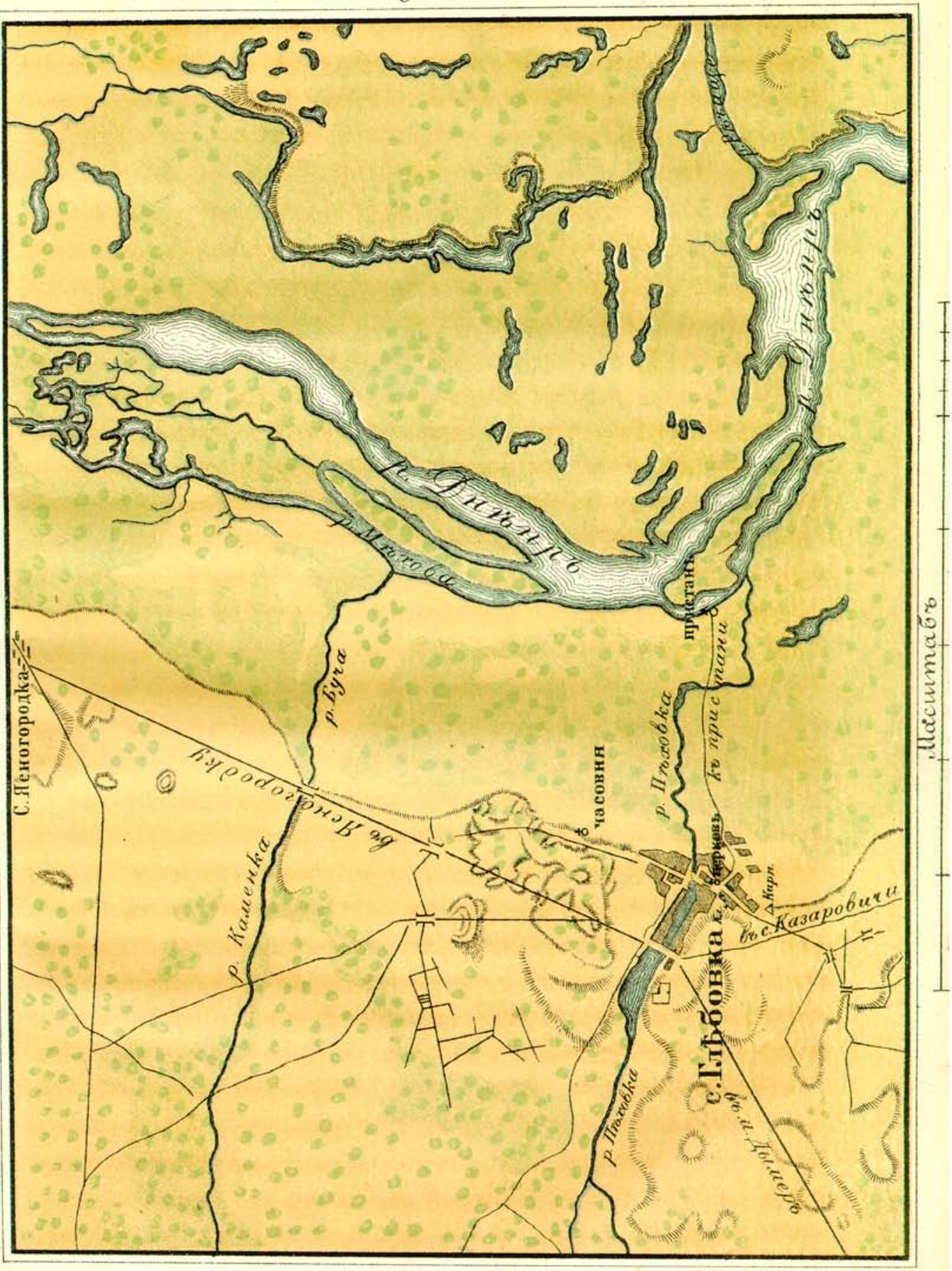
Такова-то была наша лѣтняя экскурсія къ глѣбовской часовнѣ. Тамъ-ли точно стоитъ эта часовня, гдѣ стояла лѣтописная «Давыдова боженка», предоставляю рѣшить это другимъ; но если всѣ эти мои гаданья ошибочны, въ такомъ случаѣ все таки останутся открытыми вопросы, съ одной стороны: по какому поводу возникла часовня у Глѣбовки и чего ради село названо Глѣбовкой, съ другой: гдѣ-же стояла лѣтописная «Давыдова боженка» надъ Днѣпромъ и чего ради она называлась Давыдовой?

г. Екатеринославъ. **М. Андріевскій.**

---

[1]) На картѣ, приложенной къ статьѣ *В. Антоновича*: «Зміевы валы» (Кіевская Старина 1884 г., мартъ), обозначена часть вала, тянущаяся по направленію отъ Запада къ Востоку южнѣе м. Дымера. Быть можетъ валъ этотъ оканчивался, упираясь въ Днѣпръ, именно здѣсь у Глѣбовки.

ПЛАНЪ
мѣстности у села Глѣбовки



ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(*Окончаніе*) [1]).

XIX.

Главною причиною паденія Польши были, какъ мы уже видѣли, во первыхъ анархія и произволъ шляхты, ни съ кѣмъ не считавшейся и никого не признававшей, кромѣ себя, а во вторыхъ и по преимуществу фанатизмъ польско-католическаго духовенства, направленный къ уничтоженію греко-восточной вѣры, и нетерпимость самихъ поляковъ, задавшихся цѣлью ополяченія всего православнаго населенія южной Россіи.

Послѣ паденія Костюшки наступилъ третій раздѣлъ Польши и съ 1796 г. польское государство исчезаетъ на картѣ Европы. Дѣйствительность показала, что нѣкому было защищать цѣлость государства, и это естественно. Крестьянинъ былъ только собственностью помѣщика; также мало заботилась Польша и о мѣщанахъ, среди которыхъ сложилась поговорка: «Одъ Кіева до Кракова всюды бида однакова». Такимъ образомъ народъ польскій представляли собою едва сто тысячъ душъ дворянъ, болѣе заботившихся о самихъ себѣ, нежели объ интересахъ государства. Кто-же долженъ былъ защищать Польшу? Извѣстно изъ исторіи, каково было состояніе Руси во время присоединенія ея къ Польшѣ; въ ней были богатые земяне, многочисленное и состоятельное мѣщанство и свободное крестьянское сословіе; состояніе-же ея въ моментъ отдѣленія отъ

---

[1]) См. майск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 21—43.

Польши сами поляки опредѣляютъ словами: «весь народъ состоитъ изъ попа и хлопа». Короче сказать: безсильный король, полновластные магнаты, необузданная шляхта, фанатическое духовенство, оставленное въ пренебреженіи мѣщанство, подавленное и безправное крестьянство и покровительствуемые евреи—вотъ элементы, изъ которыхъ слагалось польское государство.

Но главною причиною паденія Польши былъ, какъ мы уже говорили выше, религіозный фанатизмъ и происходящая отсюда манія ополяченія Руси, которыя, возбуждая жалобы и протесты со стороны послѣдней, давали поводъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Польши. Сперва иностранные послы требуютъ для диссидентовъ свободы вѣроисповѣданія, затѣмъ требованія ихъ поддерживаются вооруженною силою, между тѣмъ поляки не додумались до того, что надо искать помощи внутри государства, а не за его предѣлами, и не съумѣли воспользоваться данными элементами для созданія великаго государства. Въ Польшѣ преслѣдовалась политика, основанная на іезуитскомъ принципѣ, по которому «государство держится единствомъ вѣры». Дѣйствительность показала однако, что римско-религіозные интересы не были тождественны съ интересами государственными.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій былъ православнымъ, что однако не мѣшало ему быть вѣрнымъ слугою короля католика и врагомъ православной Москвы, которой онъ нанесъ тяжкое пораженіе подъ Оршею. Сравненіе Польши съ Римомъ оказалось невѣрнымъ, потому что, уничтожая Карѳагенъ, Римъ уничтожалъ своего соперника, тогда какъ Польша истребленіемъ Руси терзала собственное тѣло. Вся исторія Польши отъ начала до конца представляетъ борьбу государственнаго и аристократическаго начала съ принципомъ равенства, котораго домогались отъ пановъ сперва низшіе слои общества, затѣмъ мелкая польская шляхта и наконецъ козаки. Но Польша чѣмъ начала, тѣмъ и кончила: до самаго паденія ея, шляхта не хотѣла признать ни права поземельной собственности, ни личной свободы за сословіями нешляхетными, вопреки врожденнымъ понятіямъ и стариннымъ институціямъ славянскихъ племенъ. Если Польша погибла, то именно потому, что гербовое дворянство ничего не хотѣло уступить изъ своихъ привилегій другимъ классамъ населенія.

Въ 1807 г. Наполеонъ I изъ части отобранныхъ отъ Пруссіи польскихъ земель образовалъ особое княжество варшавское, къ которому въ 1809 г. присоединилъ часть западной Галичины, т. е. воеводства: подляское, люблинское и сандомірское, но тотъ-же самый Наполеонъ выразился о полякахъ, что «этотъ народъ въ самомъ характерѣ своемъ носитъ зародышъ своей гибели».

Послѣ паденія Наполеона, дипломаты задумали на вѣнскомъ конгресѣ снова раздѣлить княжество варшавское, но въ это время оно было занято рускими войсками и поляки обратились къ императору Александру I съ просьбою не выдавать ихъ нѣмцамъ. Александръ I возстановилъ до нѣкоторой степени польское государство, принявъ титулъ польскаго короля, чѣмъ заслужилъ безграничную благодарность поляковъ. Онъ ставилъ поляковъ въ примѣръ рускимъ, отдѣлилъ Польшу отъ Россіи, ввелъ для нея особыя пошлины, пожертвовалъ собственный капиталъ для основанія банка въ Варшавѣ и т. д.

XX.

Мы говорили уже о преслѣдованіи вообще диссидентовъ и въ частности православной церкви, но по мѣрѣ ослабленія православія уніатская церковь также подвергалась все большему униженію. Поляки не оставляютъ своей тенденціи обращать уніатовъ въ католичество; уніатское духовенство подвергается явному униженію и не безъ зависти принуждено смотрѣть на привиллегіи латинскаго духовенства. Такъ митрополитъ Вельяминъ Рутскій, ревностнѣйшій уніатъ, доносилъ папѣ въ 1615 г.: «народъ рускій ропщетъ и жалуется на то, что церковная унія служитъ только средствомъ къ болѣе легкому обращенію въ католическую вѣру и къ ополяченію». Впослѣдствіи, именно въ 1624 г. онъ-же жаловался папскому правительству на то, что «привлеченіе русиновъ къ латинскому вѣроисповѣданію всего больше препятствуетъ распространенію уніи». Въ 1664 г. холмскій уніатскій епископъ Іаковъ Суша отъ имени остальныхъ рускихъ епископовъ заноситъ въ Римъ жалобу на то, что бискупы латинскіе стараются уничтожить уніатскія епископскія каѳедры, завладѣть ихъ имѣніями, а также подчинить и уніатовъ своей юрисдикціи. Мало того, что рускія церкви лишены были

своихъ прежнихъ, нѣкогда богатыхъ имѣній, русскій священникъ принужденъ былъ и послѣ принятія уніи платить десятину въ пользу латинскаго духовенства, даже съ тѣхъ участковъ земли, которые самъ обработывалъ своими руками.

Когда съ появленіемъ уніи возникли и непрерывно шли ожесточенные споры между православными и уніатами, поляки только радовались этому, говоря: «стоитъ лишь натравить русина на русина, и они сами истребятъ другъ друга». И что факты такого рода не были явленіемъ случайнымъ, но вытекали изъ сознательной политической системы, доказательствомъ тому могутъ служить заключительныя слова того проекта 1717 г. относительно искорененія Руси, о которомъ мы говорили выше.

Въ 1768 г. бискупы латинскіе жалуются папѣ Клименту XIII на русскихъ уніатскихъ епископовъ за извращеніе вѣры; папа однако обвиняетъ бискуповъ, защищая русскихъ.—Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, встрѣтившись въ Варшавѣ съ могилевскимъ православнымъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ, такъ выражается объ отношеніи поляковъ къ уніатамъ: «не смотря на унію, насъ называютъ схизматиками также, какъ и васъ православныхъ, и не боятся причинять намъ всевозможныя обиды и несправедливости».

Достовѣрные документы не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что латинское духовенство вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ уніатовъ, съ дѣтскимъ ослѣпленіемъ раздражало и озлобляло ихъ; на провинціальномъ варшавскомъ соборѣ 1643 г. латинскіе бискупы совершенно серьёзно издаютъ грозныя постановленія, направленныя къ тому, чтобы уніатскіе епископы не употребляли одинаковыхъ съ ними титуловъ, чтобы не носили крестовъ на золотыхъ цѣпяхъ; самый меньшій по власти и значенію бискупъ, даже викарный, не хотѣлъ допустить первенства или предсѣдательства надъ собою первѣйшихъ сановниковъ русской церкви и съ пренебреженіемъ называлъ ихъ владыками, а не епископами. Даже въ матеріальномъ отношеніи и безъ того бѣдное русское духовенство, принужденное, подобно крестьянамъ, тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, нерѣдко терпѣло обиды отъ ксендзовъ, которые собирали десятину съ русскаго народа, имѣвшаго своихъ собственныхъ пастырей. По закону уніатскій митро-

политъ долженъ былъ получить доступъ въ сенатъ, но бискупы не допускали его пользоваться этимъ правомъ, а тѣмъ болѣе не дозволяли того другимъ русскимъ епископамъ. Вопреки привиллегіи Владислава III низшее духовенство по большей части привлекалось въ свѣтскіе суды, между тѣмъ какъ латинское духовенство судилось своимъ собственнымъ судомъ. Въ силу подобнаго униженія какъ православной, такъ и уніатской вѣры почти вся русская шляхта и все, что было самаго выдающагося среди русскихъ, перешло въ латинскую церковь, такъ что вѣра простаго народа стала въ буквальномъ смыслѣ *хлопскою вѣрою*, какъ выражались въ то время. Дѣйствительно, если въ Польшѣ въ началѣ и покровительствовали уніатамъ, то впослѣдствіи трактовали ихъ не лучше, чѣмъ православныхъ, и духовенство уніатское съ намѣреніемъ держали въ невѣжествѣ. Въ недавнее время самъ Пій IX не колебался упрекать поляковъ въ притѣсненіи уніатовъ-русиновъ.

XXI.

Спору нѣтъ, что сама по себѣ церковная унія, въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее лучшіе изъ современниковъ и между прочимъ князь Константинъ Острожскій, могла-бы имѣть и благотворное значеніе какъ для Польши и Руси, такъ и для всей славянщины; но вмѣшательство въ это дѣло политики, неразвитость и фанатизмъ польской шляхты, узкость взгляда іезуитовъ—всѣ эти причины измѣнили ея назначеніе.

Католицизмъ, какъ извѣстно, существовалъ и раньше и, хотя въ краѣ существовали рядомъ двѣ религіи, православная не мѣшала католической. Сущность уніи состояла собственно въ единствѣ церковной юрисдикціи, несмотря на разность въ исповѣданіи и обрядѣ; подчинившіеся папѣ русскіе епископы выговорили для себя и всего народа русскаго неприкосновенность своей вѣры и обрядовъ, что было принято папами на вѣчныя времена. Иначе разсуждали поляки и ихъ руководители въ дѣлѣ уніи іезуиты. Затѣявъ объединеніе церквей православной и католической въ предѣлахъ Польши, они хотѣли только принадлежавшую Польшѣ часть русиновъ оторвать отъ Руси московской и церкви восточной, сблизить ихъ и слить съ польской народностью; унія разсматри-

валась при этомъ только какъ средство къ переходу отъ такъ называемой *схизмы* къ католичеству. И къ ней принуждали всевозможными насиліями и лишеніемъ гражданскихъ и общественныхъ правъ, привлекали обѣщаніемъ покровительства закона, свободы исповѣданія, равенствомъ въ правахъ съ католиками; на самомъ дѣлѣ льготы и привилегіи существовали не для однихъ православныхъ, но и для уніатовъ только на словахъ, русскія церкви называли синагогами, а самихъ русиновъ язычниками; для нихъ закрытъ былъ доступъ ко всѣмъ должностямъ и урядамъ; послѣдніе были открыты только для тѣхъ, кто измѣнялъ свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народность. Совращаемая въ католичество богатая русская шляхта строитъ обширные костелы и монастыри и щедро надѣляетъ ихъ имѣніями, между тѣмъ какъ оставленный шляхтою бѣдный русскій народъ принужденъ былъ молиться въ тѣсныхъ и убогихъ деревянныхъ церквахъ. Сама унія служила предметомъ посмѣянія для поляковъ; еще и нынѣ нерѣдко можно слышать въ польскомъ обществѣ изреченія, въ родѣ слѣдующихъ: «русская вѣра—хлопская вѣра», или «попъ для хлопа, а плебанъ для попа». И напрасно уніатскіе епископы обращаются съ представленіями и жалобами къ королямъ и къ папамъ, заявляя, «что переходомъ русской шляхты въ католичество сама унія подвергается опасности и что одинъ народъ не въ состояніи ее поддержать». Ни жалобы, ни представленія не помогли. Польскіе политики были иного мнѣнія: они думали, что если путемъ окатоличенія и ополяченія оторвать шляхту, то народъ русскій безъ нея погибнетъ. Послѣдствіемъ несоотвѣтственной пропаганды уніи и насильственнаго ея введенія, вмѣсто постепеннаго развитія и распространенія новой вѣры, былъ ея упадокъ. Она даже временно отмѣняется гадячскимъ договоромъ, какъ вѣра, поселявшая раздоры въ обществѣ. Руководители уніи, въ видахъ скорѣйшаго сближенія ея съ католичествомъ и болѣе успѣшнаго ополяченія русиновъ, мало по малу вводятъ отступленія отъ обрядовъ греческой церкви и замѣну ихъ латинскими. Такъ постепенно сдѣланы значительныя измѣненія въ требникѣ, введена неизвѣстная въ греческой церкви тихая или шептаная обѣдня, смѣшанъ порядокъ греческой литургіи

[1]) Zsujski, Dzieje Polski, III, 1185.

съ церемоніями латинской мессы, русскимъ храмамъ начинаютъ придавать наружность костеловъ уничтоженіемъ царскихъ вратъ и устройствомъ боковыхъ при стѣнахъ алтарей. Уніатскимъ священникамъ приказано брить бороды и замѣнить облаченіе греческой церкви чѣмъ-то подобнымъ одеждѣ латинскаго духовенства; къ церквахъ введены колокольчики, органы, католическіе часы и молитвы по четкамъ и допущенъ такой произволъ въ этихъ перемѣнахъ, что каждый священникъ, каждая церковь имѣютъ свой особый обрядъ. Такимъ образомъ унія перестаетъ уже быть восточною церковью, которая не знаетъ всѣхъ этихъ обычаевъ. Эти произвольныя перемѣны въ теченіи столѣтія принято называть уніатскими обрядами, хотя они не были установлены ни однимъ соборомъ и никогда не получали папскаго утвержденія. Заправители уніи дѣлали ихъ въ видахъ внутренней политики, напротивъ сами уніаты всѣми силами заботились о сохраненіи въ чистотѣ греческаго обряда, надѣясь найти въ немъ и охрану своей русской народности.

Послѣ раздѣла Польши русское правительство еще долгое время не заботилось о привлеченіи уніатовъ въ православіе и завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ для всѣхъ католиковъ въ Россіи. Напротивъ поляки съ своей стороны удваиваютъ усилія въ дѣлѣ обращенія уніатовъ въ католичество, чѣмъ порождались безпрерывные раздоры, даже въ самой уніатской церкви происходили частыя недоразумѣнія, въ особенности между свѣтскимъ духовенствомъ и монахами. Въ 1828 г. по указу императора Николая I учреждена для управленія уніатскою церковью греко-католическая коллегія и основана въ Жировицахъ уніатская семинарія. Только послѣ возстанья 1831 г. правительство обратило вниманіе на политическое значеніе уніи.

Въ 1839 г. собранный въ Полоцкѣ соборъ уніатскихъ епископовъ составилъ меморіалъ, въ которомъ представлено было положеніе уніатской церкви, и просилъ царя о присоединеніи ея къ господствующей православной церкви. Такимъ образомъ унія, созданная соборомъ епископовъ, уничтожена постановленіемъ такого-же собора.

Со времени Сигизмунда III и до самаго паденія Польши поляки усердно трудились надъ введеніемъ уніи, не смотря на тяж-

кія безпокойства и неурядицы, которыхъ она была причиною. Посмотримъ теперь, каковы были результаты этихъ усилій. Правда, достигли наконецъ того, что въ цѣлой Польшѣ осталась одна только православная епархія въ Могилевѣ; но не смотря на то унія стояла такъ слабо, что при первой возможности послѣдователи оставляютъ ее въ большомъ количествѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

1) Кіевская діецезія состояла изъ 32 деканатовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ болѣе 60 церквей; изъ нихъ до марта 1773 г. въ рукахъ уніатовъ осталось только девять; такимъ образомъ унія, въ продолженіи приблизительно одного года, потеряла двадцать три деканата [1]).

2) Православный епископъ Викторъ Садковскій при занятіи своей каѳедры въ Слуцкѣ въ 1785 г. имѣлъ подъ своею властью только 94 церкви въ Литвѣ, и тѣ по большей части были недавно обращены Георгіемъ Конискимъ; въ 1787 г. въ его вѣдѣніи числилось уже 300 церквей [2]).

3) За время четырехлѣтней вакансіи полоцкой епархіи присоединились къ православію около 800 приходскихъ церквей и съ ними болѣе 100,000 народу, а къ римскому костелу 24 прихода и до 8,000 прихожанъ; но и они вскорѣ перешли въ православіе.

4) Извѣстно, что изъ 5,000 уніанскихъ приходовъ въ діецезіяхъ: кіевской, каменецкой, луцкой и владимірской до 1796 г. едва только двѣсти остались при уніи, вообще-же со времени перваго раздѣла Польши до 1796 г. уніатская церковь потеряла восемь милліоновъ послѣдователей въ 9,316 приходахъ и сверхъ того 145 базиліанскихъ монастырей. Слѣдуетъ замѣтить, что и дальнѣйшее обращеніе происходило также быстро, такъ что въ царствованіе Николая I унія въ предѣлахъ россійской имперіи исчезла совершенно, за исключеніемъ холмской епархіи.

Всѣ указанные факты, какъ-бы ихъ не разсматривать, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что унія не имѣла прочныхъ основъ, и это естественно, потому что при установленіи оной думали не о соединеніи церквей, а подъ предлогомъ уніи преслѣдовали совсѣмъ иныя цѣли.

---

[1]) Ks. Likowski, hist. unij, str. 145.

[2]) Przegląd poznański r. 1863, str. 420.

XXII.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію польско-русскаго государства; мы видѣли при этомъ, что одна часть русскаго края, Червоная Русь, присоединена была къ Польшѣ въ 1340 г. Казиміромъ Великимъ путемъ завоеванія, другая часть его, въ союзѣ съ литовскимъ княжествомъ, составляла русское государство, какъ по характеру, такъ и по большинству жителей. Польша возрасла и окрѣпла, единственно благодаря присоединенію Литвы и Руси на основаніи династической уніи, вслѣдствіе брака Ягайла съ Ядвигою. Поэтому хотя въ XV и XVI ст. на польскій престолъ постоянно избирались великіе князья литовскіе, но это еще не означало присоединенія Литвы и Руси къ Польшѣ, а напротивъ служило доказательствомъ личнаго союза. Дѣлалось это собственно съ тою цѣлю, чтобы три названныя государства, имѣя одного главу, не разошлись разными путями. Мы указали различія, какія существовали между тремя составными частями Рѣчи Посполитой. Различія эти, препятствовавшія сліянію ихъ въ одно тѣло, надо было устранить или сгладить, для чего конечно требовалось весьма продолжительное время. Между тѣмъ вся политика Польши основывалась на томъ, чтобы какими-бы то ни было средствами привязать къ ней юго-западную Русь; эту цѣль преслѣдовали всѣ уніи, какъ политическія, такъ наконецъ и церковная.

Уже городельская унія даетъ русскимъ земянамъ привиллегіи польской шляхты и тѣмъ самымъ пріучаетъ ихъ къ польскимъ порядкамъ, кладетъ начало шляхетству на Руси и подготовляетъ высшіе классы русскаго народа къ тѣснѣйшему сліянію съ Польшей. Не смотря на то, Польшѣ постоянно грозила опасность отдѣленія Литвы и Руси, въ особенности-же при Сигизмундѣ II Августѣ, съ которымъ, по причинѣ его бездѣтности, прекращалось обязательство династическаго союза; поэтому поляки настоятельно требуютъ отъ Сигизмунда-Августа болѣе тѣснаго сплоченія обоихъ частей государства, такъ какъ личный союзъ, какой существовалъ со времени Ягайла, уже казался имъ недостаточнымъ. Объявленъ съѣздъ въ Люблинѣ; но когда дѣло дошло до основнаго акта, въ силу котораго литовско-русскія области должны были навсегда составить съ Польшей одно политическое тѣло, причемъ Литва теряла свои особенности, среди дворянства возникаютъ опасенія національныя

и политическія. Литовскіе дворяне съ протестами оставляютъ сеймъ, а на ихъ мѣсто правительство призываетъ чиновниковъ. Чтобы успѣшнѣе подавить отпоръ со стороны Литвы, отъ нея отдѣлены были русскія области: Волынь, Подоліе и Украйна и присоединены къ Польшѣ. Не смотря на то, дѣло объединенія все еще оставалось сомнительнымъ, пока наконецъ двое знатнѣйшихъ русскихъ магнатовъ, князья Константинъ Острожскій и Александръ Чарторыйскій согласились подписать актъ соединенія и склонили къ тому своихъ сторонниковъ. Тогда объявлена унія при отсутствіи заинтересованной стороны и къ принятію ея вынуждали конфискаціею имущества. Опасенія народа могли быть на время успокоены только обезпеченіемъ для русиновъ дальнѣйшей ихъ политической обособленности и гарантіею ихъ народности, языка и вѣры.

Все это были только подготовительныя мѣры, дѣйствительное-же соединеніе Литвы и Руси съ Польшей наступило только на люблинскомъ сеймѣ 1569 г.; но и оно не было такимъ добровольнымъ актомъ, какъ обыкновенно говорятъ польскіе писатели: участіе въ этомъ актѣ принимало одно дворянство, народъ-же не имѣлъ здѣсь никакого права голоса.

Вскорѣ однако и люблинская унія показалась недостаточною полякамъ; поэтому для усиленія результатовъ городельской и люблинской уніи рѣшили уничтожить православіе въ Польшѣ, замѣнивъ оное католицизмомъ или по крайней мѣрѣ уніею съ римскою церковью. Тогда начинаются интриги іезуитовъ, постепенно подготовляется и наконецъ объявляется церковная унія.

Мы видѣли, что все время, пока уважались права и вѣра русиновъ, Польша пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и оставалась побѣдительницею въ внѣшнихъ столкновеніяхъ, напротивъ по мѣрѣ сокращенія свободы совѣсти, политической, гражданской и личной свободы русскаго народа, Польша теряетъ въ объемѣ, силѣ и значеніи. Еще при Ягайлѣ и Витовтѣ соединенныя силы литовскія, русскія и польскія подъ Грюнвальдомъ побѣдили и удержали нѣмецкій «Drang nach Osten». При великомъ князѣ литовскомъ Казимірѣ Ягайловичѣ, пока онъ уважалъ права Руси, даже Великій Новгородъ склонялся на сторону Литвы; при первыхъ Сигизмундахъ и Баторіи расширяются границы Польши и сила ея даетъ себя чувствовать сосѣдямъ. Вѣрные своему призванію козаки

охраняютъ Русь и Польшу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю западную Европу отъ напора азіатовъ; напротивъ того, униженіе русской народности и вѣры уже при Казимірѣ В. и позже при Ягайлѣ становится причиною внутреннихъ замѣшательствъ, которыя открываютъ татарамъ свободный доступъ въ предѣлы польскаго государства. При Казимірѣ Ягайловичѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, потомки Владиміра св. и Ольгерда отпадаютъ отъ Литвы и вмѣстѣ со своими родовыми удѣлами подчиняются московскому государству. Также точно поступаютъ при Александрѣ города со своими округами въ сѣверской землѣ. Но ничто не въ состояніи было вразумить поляковъ, и они вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Литву и Русь предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и свободы, какими сами пользовались, рѣшили удержать ихъ путемъ деморализаціи и своего преобладанія. Церковная унія и насильственное ея введеніе, посягательства католической партіи на свободу совѣсти, на вѣру народа, лишеніе православныхъ всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ—всѣ эти мѣры раздражали русскій народъ и вызывали возмущенія, потрясавшія основы польскаго государства.

Долгое время дворяне русскіе энергично отстаиваютъ свою вѣру и народность, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ они превращаются въ поляковъ и католиковъ, голосъ ихъ слабѣетъ и наконецъ совершенно утихаетъ.

Послѣ того какъ перевоспитанное іезуитами русское дворянство отступаетъ отъ вѣры и народности своихъ предковъ, оставленное имъ дѣло переходитъ въ руки народа, который съ оружіемъ въ рукахъ пытается отстоять то, чего не удалось дворянамъ выхлопотать сеймовымъ порядкомъ. Такой оборотъ принимаетъ дѣло въ особенности послѣ того, когда магнаты на занятыхъ ими огромныхъ земельныхъ участкахъ начинаютъ вводить польскіе порядки, когда понятіе о гражданскихъ правахъ сосредоточилось на одномъ только сословіи, остальная-же масса народонаселенія нашлась въ зависимости, простиравшейся даже до закрѣпощенія козаковъ. Отсюда возникаютъ козацкія возстанія.

Простой, необразованный народъ подымаетъ голову и начинаетъ протестъ противъ люблинской уніи, но уже не на бумагѣ, путемъ дипломатическимъ, какъ то было раньше, а на самомъ дѣлѣ. Уже въ концѣ XVI и началѣ XVII в. встрѣчаемъ въ польскихъ консти-

туціяхъ извѣстія о появленіи вооруженныхъ шаекъ простаго народа, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Выработанныя въ Польшѣ соціальныя отношенія, бывъ распространены на Украйну, измѣняютъ назначеніе институціи козаковъ и изъ защитниковъ дѣлаютъ ихъ врагами Польши. Возстаніе слѣдуетъ за возстаніемъ; попытки Косинскаго, Наливайка, Павлюка, Острянина оканчиваются неудачею; но, не смотря на то, дѣло ихъ продолжало развиваться. Непріязнь народа къ шляхтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Польшѣ, росла и становилась грознѣе. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ возстаніемъ положеніе массъ все больше и больше ухудшалось, народъ группируется вокругъ козацкихъ гетмановъ и дѣлаетъ козаковъ своими представителями. Казалось, что самыя неудачи возбуждали и поддерживали народныя силы и, когда недовольство народа достигло высшей степени, онъ всею массою подымается подъ знаменами Хмельницкаго на всемъ пространствѣ присоединеннаго къ Польшѣ русскаго края. Окончаніемъ этой кровавой драмы было подчиненіе Украйны Россіи. Хмельницкій довершилъ то, къ чему вынуждали его обстоятельства и что было желаніемъ всего русскаго народа.

Подтвержденіемъ можетъ служить то обстоятельство, что когда, по смерти Хмельницкаго, лица, стоявшія во главѣ управленія Украйною, задумали было снова присоединить ее къ Польшѣ, на основахъ федеративной автономіи (какъ это признано было статьями гадячскаго договора), то большинство козаковъ и народа не хотѣли слышать о какихъ-бы то ни было договорахъ съ Польшей, напротивъ народъ русскій поддерживалъ только тѣхъ гетмановъ, которые оставались вѣрными Россіи.

Послѣ войны, поднявшейся вслѣдствіе отдѣленія Украйны, не только въ рукахъ Россіи остались: Полоцкъ, Сѣверская земля, лѣвобережная Украйна и Кіевъ съ округомъ на правой сторонѣ Днѣпра, но и другіе сосѣди съ своей стороны протягиваютъ руки къ польскому наслѣдству, такъ что Янъ Казиміръ уже въ 1661 и 1668 г. могъ предсказать полный раздѣлъ Польши, который дѣйствительно и произошелъ сто лѣтъ спустя.

Политика поляковъ ни въ чемъ не измѣнилась, они по прежнему продолжаютъ трудиться надъ разрушеніемъ своего отечества.

Русскій народъ энергично протестуетъ противъ навязаннаго ему андрусовскаго договора, раздѣлившаго Украйну между Польшею и Россіею. Дорошенко проситъ царя о принятіи цѣлой Украйны въ свое подданство; когда-же онъ получилъ отказъ, народъ цѣлыми массами начинаетъ переходить изъ правобережной Украйны, Волыни и Подолія за Днѣпръ, въ русскую Украйну. Благодаря этимъ переселеніямъ, значительно ослабившимъ Польшу, Россія усилилась на столько, что и та половина южной Руси, которая въ силу андрусовскаго договора возвращена была къ Польшѣ, почти совершенно опустошенная, все таки отошла къ Россіи. Послѣ отказа московскаго правительства принять въ подданство правобережную Украйну, Дорошенко, съ цѣлью освобожденія края отъ Польши, подчиняется Турціи. Слѣдствіемъ этого для поляковъ является потеря Подоліи съ Каменцемъ и уплата дани туркамъ.

Убѣдились-ли поляки теперь въ томъ, что своею политикою въ отношеніи Руси они работаютъ только на пользу своимъ сосѣдямъ?

Очевидно—нѣтъ, потому что при Собѣскомъ уже и самое Запорожье отходитъ къ Россіи.

Правда, когда при Собѣскомъ блеснула было надежда на свободу, народъ началъ толпами возвращаться обратно изъ московской Украйны въ польскую; но движеніе это было непродолжительно, такъ какъ надежда на свободу продолжалась недолго.

Фанатизмъ католической пропаганды не давалъ покоя Польшѣ до самаго конца ея существованія и породилъ наконецъ проэкты ея раздѣла.

Еще при жизни Сигизмунда III молдавскій господарь Михаилъ, основываясь на ненависти русиновъ къ брестской уніи, входилъ въ соглашеніе съ другими державами о раздѣлѣ Польши, а именно предлагалъ московскому царю Литву, шведамъ Лифляндію, австрійцамъ Краковъ, все-же остальное предполагалъ завоевать въ свою пользу.

Позже, въ 1656 г., князь Семиградскій Ракочи также условливается съ шведскимъ королемъ Карломъ X и съ Богданомъ Хмельницкимъ относительно раздѣла Польши, которая тѣмъ временемъ платитъ дань въ видѣ подарковъ татарамъ.

Проэкты въ этомъ смыслѣ повторяются безпрестанно. Даже Турція, а именно великій визирь Рейсъ Еффенди, обращается къ Австріи съ предложеніемъ относительно раздѣла Польши.

Продолжавшаяся религіозная нетерпимость, принявшая въ основаніе гибельный принципъ: *государство держится единствомъ вѣры*, породила наконецъ барскую конфедерацію, послѣдствіемъ которой былъ первый дѣйствительный раздѣлъ Польши 1772 года, давшій починъ и заохотившій къ дальнѣйшимъ раздѣламъ.

Такъ, намѣреваясь уничтожить Русь, поляки не понимали, что въ дѣйствительности уничтожаютъ Польшу. Ополяченіемъ Руси и уничтоженіемъ ея автономіи рыли могилу независимости самой Польши. И оправдалось надъ ними евангельское слово: «какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрится». Неуваженіе чужихъ правъ есть прямой путь къ потерѣ своихъ собственныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Пять лѣтъ тому назадъ, переселившись въ С.-Петербургъ, я въ первые три года часто бывалъ у Николая Ивановича Костомарова; имѣя много свободнаго времени, я проводилъ у него два, три вечера въ недѣлю. Мы перечитывали съ нимъ новыя книжки журналовъ, отдѣльныя монографіи, а также новыя книги, касавшіяся Украйны или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Чтеніе обыкновенно прерывалось и заканчивалось бесѣдами, крайне интересными для меня: Николай Ивановичъ, по поводу прочитаннаго вставлялъ замѣчанія, дѣлалъ сближенія, высказывалъ свои мнѣнія или-же разсказывалъ о событіяхъ и случаяхъ изъ прошлой своей жизни. Онъ въ это время писалъ свою автобіографію, которая со временемъ появится въ печати; я поэтому не стану передавать этихъ разсказовъ—пусть читатель лучше познакомится съ ними въ мастерскомъ изложеніи самаго историка-художника.

Какъ ни дорожилъ я этими чтеніями и бесѣдами, но два года тому назадъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ отказаться отъ нихъ, такъ какъ у меня прибавилось много обязательныхъ занятій. Въ послѣднее время я опять сталъ чаще бывать у него, особенно когда болѣзнь его приняла угрожающій характеръ.

Крѣпко врѣзалось мнѣ въ память впечатлѣніе, которое въ первое время болѣе близкаго знакомства производила на меня личность знаменитаго земляка. Это впечатлѣніе для самаго себя выражалъ я словами: *«плоть немощна, духъ силенъ»*. Неотвязчиво

приходилъ мнѣ на умъ этотъ текстъ, когда я, бывало, бесѣдовалъ съ нимъ, или-же когда онъ жаловался на свои недуги; «духъ силенъ, но плоть слаба» — повторялъ я иногда даже безсознательно, возвращаясь домой послѣ проведеннаго у него вечера. И теперь, когда его уже не стало, я лучше всего выражу впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, все тѣми-же четырьмя словами.

Покойный Костомаровъ физически одряхлѣлъ раньше времени, по внѣшности казался старѣе своихъ лѣтъ. Морщины на лицѣ, длинная, но рѣдкая сѣдая борода, на головѣ сѣдые, какъ-бы поблекшіе волоса съ желтоватымъ отливомъ, глаза, хотя прекраснаго темноголубаго цвѣта, но плохо фиксировавшіе, недостатокъ многихъ зубовъ, худоба тѣла, согнувшагося, подавшагося впередъ, не твердая походка мелкими шажками, частое спотыканіе,—все это придавало всей фигурѣ покойнаго характеръ слабости и дряхлости. Ослабѣвшее зрѣніе, по временамъ плохой слухъ, продолжительные припадки упорнаго кашля и удушья еще усиливали это впечатлѣніе дряхлости, тѣмъ болѣе, что изъ разсказовъ самаго Николая Ивановича можно было заключить, что съ молоду онъ рѣдко болѣлъ, отличался здоровьемъ. Даже въ старости многія привычки его свидѣтельствовали о быломъ постоянномъ здоровьи, о силѣ смолоду. Такъ онъ очень любилъ, напримѣръ, холодъ, порывался купаться съ ранней весны до поздней осени даже въ холодной Невѣ, не умѣлъ вовсе беречь свое здоровье, подчиняться предписаніямъ врача. Простуженный, онъ открывалъ зимою окно въ своей комнатѣ и выходилъ на улицу въ холодную и сырую погоду, употреблялъ пищу, запрещенную ему докторомъ. Все это привычки, вѣроятно усвоенныя въ молодости, когда крѣпкій организмъ все переноситъ; у Николая Ивановича онѣ сохранились и къ старости и, можетъ быть, не мало ускорили его кончину.

Впечатлѣніе дряхлости усиливалось еще постоянною мнительностью. Онъ преувеличивалъ значеніе своихъ болѣзненныхъ припадковъ, постоянно опасался, что они смертоносны; впрочемъ и съ молоду онъ, повидимому, не вѣрилъ въ свое здоровье; такъ онъ разсказывалъ, какъ однажды ему вообразилось, что онъ неизлечимо заболѣлъ; долго всѣ увѣренія врачей, доказывавшихъ ему, что онъ вполнѣ здоровъ, не могли переубѣдить его. Въ старости эта неувѣренность въ собственномъ здоровьи усиливала производимое имъ

впечатлѣніе болѣзненности; послѣдней невольно приписывалась и чрезвычайная разборчивость въ пищѣ; онъ не перебиралъ, правда, кушаній, не желалъ какихъ либо изысканныхъ блюдъ, но за то былъ до нельзя разборчивъ, даже прихотливъ относительно качества пищи, ея свѣжести, способа приготовленія и температуры. Если эта прихотливость напоминала объ ослабленномъ пищевареніи, то чрезвычайная аккуратность и опрятность принимали у него характеръ привычекъ, упорство въ которыхъ свидѣтельствовало о ихъ давности: даже во время болѣзни, онъ отъ нихъ не отступалъ. Вставалъ онъ всегда очень рано, около 6 час. утра, немедленно открывалъ окна своей комнаты и отправлялся гулять; прогулки бывали продолжительныя и отдаленныя: однажды четыре года тому назадъ я былъ не мало удивленъ, когда въ 8 час. утра Николай Ивановичъ посѣтилъ меня, хотя я жилъ отъ него въ разстояніи часа доброй ходьбы и на четвертомъ этажѣ. Возвратившись, Николай Ивановичъ, послѣ утренняго чаю, приступалъ къ работѣ дома, не то въ архивѣ или-же въ публичной библіотекѣ; трудился онъ до четырехъ часовъ, обѣдалъ и потомъ отдыхалъ часа два; вечеръ посвящался чтенію; ночью онъ спалъ мало и чутко. Какъ старикъ, онъ крѣпко привязывался къ давнимъ вещамъ и очень берегъ ихъ—такъ всѣ его посѣтители вѣроятно помнятъ, какъ онъ оберегалъ свои столовые часы отъ какого-либо неосторожнаго толчка; многотомную библіотеку свою онъ также очень берегъ, неохотно ссужая даже друзей книгами; при этомъ онъ ссылался на распространенную у насъ скверную привычку не беречь или даже вовсе не возвращать чужихъ книгъ; прикупая постоянно новыя книги, онъ отдавалъ ихъ немедленно въ переплетъ; свою огромную библіотеку зналъ онъ отлично и легко отыскивалъ въ ней нужную книгу. Въ такой-же мѣрѣ соблюдалъ онъ аккуратность и относительно квартиры, а также одежды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстныхъ здѣсь докторовъ опредѣлилъ у Костомарова старческую немощь (marasmus) и предсказывалъ, что онъ отъ нея и умретъ. Глядя на согбенную, немощную фигуру состарившагося ученаго, можно было повѣрить этому предсказанію; но мнѣ казалось оно вполнѣ неправдоподобнымъ. Я зналъ, что при маразмѣ рядомъ съ физическими замираютъ постепенно и духовныя силы человѣка, но этого-то замиранія я не

могъ замѣтить. Хотя давніе знакомые Николая Ивановича и утверждали, что и въ духовномъ отношеніи онъ представлялъ лишь тѣнь теперь сравнительно съ тѣми годами, когда онъ создавалъ всѣ наиболѣе капитальные свои труды, но я лично былъ мало знакомъ съ нимъ въ то время и потому не могъ самъ дѣлать сравненій. Для меня онъ и теперь, въ старости, такъ рѣзко выдавался своимъ мощнымъ духомъ между всѣми лицами, съ которыми я его сравнивалъ, что я не могъ допустить мысли о происходящемъ уже постепенномъ ослабленіи его способностей. Это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, что я во очію убѣждался въ побѣдѣ сильнаго духа надъ немощью тѣла. Ослабѣвшими глазами, по цѣлымъ часамъ разбиралъ онъ «старинныя письмена», пожелтѣвшія отъ времени; не смотря на кашель и физическую слабость, по долгу писалъ онъ, предпринималъ утомительныя въ его возрастѣ поѣздки къ отдаленнымъ памятникамъ старины или на археологическіе съѣзды, гдѣ участвовалъ во всѣхъ выдающихся засѣданіяхъ.

Припоминаю я еще по этому поводу, какъ года три тому назадъ вечеромъ я засталъ Николая Ивановича совсѣмъ больнымъ; его уже цѣлыя сутки мучило сильное удушье; онъ постоянно стоналъ, по временамъ даже кричалъ отъ нестерпимыхъ болей въ груди. Я предложилъ ему проѣздиться, питая слабую надежду, что перемѣна воздуха и обстановка хоть нѣсколько облегчатъ его страданія; мнѣ хотѣлось также доставить хотя кратковременный отдыхъ его семейству, измученному отъ продолжительнаго ухода за нимъ. Сверхъ ожиданія, Николай Ивановичъ немедленно согласился и мы поѣхали по Набережной Большой Невы сначала на Васильевскомъ островѣ, потомъ на противоположномъ берегу. Сначала и на извощикѣ громкіе стоны и даже крики продолжались; прохожіе обращали на насъ вниманіе—я уже опасался, что насъ, пожалуй, остановятъ; вскорѣ однако-же больной сталъ успокоиваться: печерское подворье, зданіе двѣнадцати коллегій (университетъ), домъ кн. Меньшикова (Павловское военное училище), сенатъ и домъ купеческаго собранія, гдѣ прежде помѣщался Румянцевскій музей и на этотъ разъ возбудили интересы историка въ больномъ; онъ сталъ говорить объ этихъ зданіяхъ, о лицахъ и событіяхъ, связанныхъ съ ними. Стоны стали рѣже, потомъ и вовсе прекратились; съ оживленіемъ разсказывалъ мнѣ Николай Ивановичъ о церковномъ служеніи и кіевскихъ

митрополитахъ, о Меньшиковѣ и Петрѣ, о странной судьбѣ зданія, сооруженнаго русскимъ меценатомъ для музея, но превращеннаго потомъ въ игорный домъ. Съ большою радостью слушалъ я эти разсказы; я думалъ, что болѣзненные припадки исчезли; но когда мы черезъ полтора часа возвратились къ нему домой, они возобновились, хотя уже не съ прежнею силою.

Да, мощный былъ духъ! Меня прежде всего поражала рѣдкая, феноменальная память, какой я ни въ комъ другомъ не встрѣчалъ. Мелкія фактическія подробности не только изъ русской исторіи, которой онъ постоянно занимался, но и изъ всемірной, подробныя географическія и хронологическія данныя, напримѣръ не только годы, но и дни рожденія даже второстепенныхъ историческихъ дѣятелей, цитированіе дословно цѣлыхъ актовъ, договоровъ, мѣстъ изъ лѣтописей и историческихъ писателей постоянно вызывали во мнѣ изумленіе. Онъ зналъ наизусть не только родныхъ и отечественныхъ поэтовъ, но и иноземныхъ; помнится, кто-то изъ собесѣдниковъ цитировалъ по польски одинъ стихъ изъ мало-извѣстной пьесы Мицкевича—Николай Ивановичъ продекламировалъ ее цѣликомъ, хотя, какъ оказалось, прошло уже 40 лѣтъ со времени, когда онъ ее читалъ; первоклассныхъ иностранныхъ писателей, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и др. зналъ онъ такъ, какъ рѣдко знаютъ ихъ соплеменники. Еще поразительнѣе было его знакомство съ народною поэзіей славянъ, отчасти литовцевъ; ближе всего ему было украинское пѣсенное творчество, которое онъ изучилъ до совершенства: онъ не разъ наизусть произносилъ цѣлыя думы съ указаніемъ всѣхъ имѣющихся варіантовъ; въ разговорѣ приводилъ цѣлыя малоизвѣстныя народныя пѣсни. Таже дивная память сказывалась и въ его личныхъ воспоминаніяхъ, въ мелкихъ, часто яркихъ подробностяхъ, которыми отличались разсказы о пережитомъ имъ прошломъ.

Но не только впечатлѣнія, принадлежавшія молодости и зрѣлому возрасту, хранила блестящая память Николая Ивановича; она сохраняла свою дивную воспріимчивость и въ старости. Въ этомъ я не разъ убѣждался изъ его разсказовъ о явленіяхъ недавнихъ, убѣждался и изъ той легкости, съ которой онъ усвоивалъ новый научный или литературный матеріалъ. Содержаніе прочитанныхъ книгъ или выслушанныхъ разнообразныхъ докладовъ на археологи-

ческихъ съѣздахъ онъ передавалъ съ замѣчательною полнотою, сопровождая ихъ чрезвычайно мѣткими и остроумными сближеніями и замѣчаніями. При этомъ ясно обозначалась еще одна выдающаяся способность его духа: до глубокой старости новыя свѣдѣнія воспринимались имъ не механически, а стройно укладывались среди громаднаго запаса ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній; если эти новыя свѣдѣнія противорѣчили какому нибудь выводу или взгляду, раньше имъ высказанному, онъ въ интересахъ истины тутъ-же, безъ мелочнаго самолюбія, столь свойственнаго многимъ ученымъ, отказывался отъ своего прежняго мнѣнія. Если онъ поступилъ такъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ на археологическомъ съѣздѣ, когда въ пользу мнѣнія г. Иловайскаго публично отказался отъ своей теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси, то и недавно, на моихъ глазахъ, подъ вліяніемъ новыхъ матеріаловъ, онъ измѣнилъ во многомъ свой ранѣе высказанный взглядъ на стремленія Богдана Хмельницкаго.

До послѣднихъ дней Николай Ивановичъ не представлялъ ничего общаго съ тѣми учеными, которые всю жизнь разрабатываютъ какой нибудь частный, второстепенный вопросъ, не имѣющій ни научнаго, ни практическаго значенія. Подобная спеціализація и отрѣшенность отъ интересовъ дня, до нѣкоторой степени понятная въ математикѣ и натуралистѣ, встрѣчается и среди историковъ; существуютъ критики, которые даже готовы ставить это въ заслугу ученому. Костомаровъ, напротивъ, всегда старался не упускать изъ виду связи своихъ трудовъ съ наукой въ ея цѣломъ; до послѣднихъ дней, даже среди сильныхъ страданій, онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми новыми сочиненіями не только по своей наукѣ, но и за выдающимися успѣхами знанія вообще. Совершающіяся событія находили въ немъ живой откликъ; съ этой стороны, какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ, Костомаровъ представляетъ много общаго съ другимъ историкомъ-художникомъ, Маколеемъ; практическая дѣятельность послѣдняго, при существующихъ въ Англіи условіяхъ, была много шире, но интересъ къ современнымъ событіямъ едва-ли больше. Историкъ въ Николаѣ Ивановичѣ всегда шелъ рука объ руку съ гражданиномъ. Живо интересуясь всѣми явленіями современной политической и національной жизни, онъ въ качествѣ историка старался разъяснить происхожденіе этихъ явленій настоящаго, добраться въ прошломъ до ихъ зародыша; изучая факты

прошлаго, онъ стремился указать ихъ современные намъ последніе отпрыски. Эта черта сказывается не только во всѣхъ его сочиненіяхъ; она еще болѣе проявлялась во всѣхъ его устныхъ разсказахъ и сужденіяхъ. Эту отзывчивость къ современности онъ сохранилъ до глубокой старости; напомню, что, вслѣдъ за еврейскими безпорядками, въ «Кіевской Старинѣ» явился разсказъ его «Жидотрепаніе».

Костомаровъ и въ послѣдніе годы слѣдилъ за новыми произведеніями лучшихъ представителей русской литературы, особенно Тургенева и Льва Толстого; малораспространенныя новѣйшія произведенія послѣдняго отвѣчали до извѣстной степени его религіозному настроенію, но онъ никогда не раздѣлялъ безнадежнаго отношенія къ земному будущему человѣчества; не раздѣлялъ онъ также воззрѣній Толстого и Достоевскаго, по которымъ лучшая будущность человѣчества явится результатомъ одного лишь нравственнаго обновленія индивидуумовъ независимо отъ усовершенствованія формъ политическаго и общественнаго быта. Любилъ Костомаровъ и сатиру, но при условіи, чтобы она не требовала коментаріевъ, была всѣмъ понятна, не отличалась излишнимъ многословіемъ, чтобы въ ней притомъ ясно сказывался высокій идеалъ, лежащій въ основаніи отрицательнаго отношенія ея автора къ явленіямъ современной жизни. Какъ и многіе другіе, онъ съ глубокою скорбію признавалъ, что въ современной русской литературѣ замѣчается оскудѣніе талантовъ.

Украинская литература всегда оставалась близкою, излюбленною для состарившагося Іереміи Галки. Внимательно перечитывалъ онъ всѣ, даже самыя незначительныя, впрочемъ вообще очень немногочисленныя произведенія, появившіяся за послѣдніе годы. И здѣсь онъ жаловался на оскудѣніе талантовъ послѣ смерти Шевченка. Украинская литература, по его мнѣнію, предназначена служить массѣ народа, поэтому сюжеты ея должны черпаться изъ жизни народа, изложеніе должно быть вполнѣ доступно пониманію массы. Этотъ взглядъ онъ всегда примѣнялъ къ оцѣнкѣ украинскихъ произведеній рядомъ съ общими началами всякой здравой критики. Отсюда его осужденія г. Старицкаго за нѣкоторыя его произведенія; онъ не выискивалъ въ произведеніяхъ этого автора отдѣльныхъ неудачно примѣненныхъ или рѣдко-употребляемыхъ словъ, какъ дѣлаютъ это люди предвзято-враждебные—онъ указы-

валъ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ сюжетовъ и въ связи съ этимъ недостатки изложенія. Такъ отнесся Николай Ивановичъ къ переводу «Гамлета». Я возражалъ ему, доказывалъ между прочимъ, что нельзя ограничиваться чисто-крестьянскою литературой, потому что языкъ въ такомъ случаѣ не можетъ развиться, указывалъ на потребности Галиціи, гдѣ украинскій языкъ получилъ права гражданства въ немногихъ, правда, но все-же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчасти соглашаясь, Николай Ивановичъ сослался на невозможность перевода по необработанности языка. Я на удачу прочиталъ тутъ-же нѣсколько мѣстъ изъ «Принца Даньского»; выборъ вышелъ благопріятнымъ для переводчика—изложеніе оказалось звучнымъ, доступнымъ для пониманія и Николай Ивановичъ тутъ-же заявилъ мнѣ, что онъ еще разъ внимательно прочитаетъ книгу. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ онъ впослѣдствіи встрѣтилъ пьесу того-же Старицкаго «Не судылось»; по его словамъ, авторъ, какъ драматическій писатель, выказалъ въ этомъ произведеніи замѣчательный талантъ, какъ въ выборѣ типовъ и развитіи ихъ характеровъ, такъ и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ.

О другомъ украинскомъ писателѣ г. Нечуѣ-Левицкомъ Костомаровъ составилъ себѣ высокое мнѣніе по его первымъ произведеніямъ (Дви Московки, Рыбалка Панасъ Круть, Баба Параска и Баба Палажка). Вмѣстѣ читали мы появившіяся изъ подъ пера этого автора повѣсти «Бурлачку» и «Старосвитськи батюшки и матушки» (послѣднюю по крайне неразборчивой рукописи). Во время чтенія Николай Ивановичъ выражалъ свое удовольствіе по поводу многихъ мѣстъ изъ этихъ повѣстей («Бурлачка» ему особенно понравилась), но и г. Левицкій, по его мнѣнію, попалъ на ложный путь въ выборѣ сюжетовъ («Хмары», «Причепа»), и его талантъ не далъ тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать по началу; при этомъ онъ указалъ на недостаточную отдѣлку, однообразіе тона и напыщенность въ описаніяхъ природы, на встрѣчающуюся иногда искусственность языка, на недостаточное развитіе характеровъ («Мыкола Джеря»). Я напомнилъ ему условія, въ которыя поставленъ украинскій беллетристъ, указалъ на отсутствіе литературной критики: вмѣсто безпристрастной оцѣнки своего произведенія, украинскій беллетристъ встрѣчаетъ въ большинствѣ печати либо умолчаніе, либо въ извѣстныхъ органахъ печати приправленное заподозрѣ-

ваніями и зубоскальствомъ яростное осужденіе за самый фактъ своего авторства.—Когда я потомъ, черезъ нѣсколько дней опять посѣтилъ Николая Ивановича, онъ прочиталъ мнѣ рецензію на «Бурлачку», напечатанную потомъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Послѣднее украинское произведеніе, съ которымъ мы вмѣстѣ знакомились, принадлежало перу г. Мирного; Костомаровъ признавалъ за авторомъ громадный талантъ, соединенный съ близкимъ знакомствомъ и искреннею любовью къ народу; онъ находилъ однакоже, что въ этомъ произведеніи начинающаго автора не вездѣ удачно выбраны и проведены характеры дѣйствующихъ лицъ. Не могу не вспомнить еще и о той искренней радости, съ которой онъ встрѣтилъ извѣстіе о разрѣшеніи «Кіевской Старины», о томъ интересѣ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всякую книгу этого журнала; по полученіи ея всѣ другія начатыя чтеніемъ статьи откладывались въ сторону до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось изученіе близкаго сердцу журнала—впрочемъ свое мнѣніе объ этомъ журналѣ онъ самъ высказалъ печатно. Самъ онъ нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе написать популярную исторію Украйны для народа по малорусски; въ это время онъ написалъ повѣсть «Черниговка»; сначала онъ думалъ написать ее цѣликомъ по украински, потомъ издалъ ее по русски, но разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ малороссовъ—украинскій.

Николай Ивановичъ любилъ разсказывать о своемъ прошломъ, быть можетъ потому, что было чѣмъ его вспомнить. Это была жизнь не зауряднаго ученаго или писателя, который послѣ ряда экзаменовъ безпрепятственно достигаетъ профессорской каѳедры, чтобы на ней успокоиться и отдохнуть отъ экзаменныхъ и выборныхъ треволненій. Уже самое происхожденіе и событія его дѣтства представляли много необычайнаго, онъ всегда съ гордостью вспоминалъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, потомъ ему приходилось не разъ испытывать рѣзкіе и неожиданные переломы судьбы, переходить изъ одного положенія въ другое противоположное; дважды занималъ онъ каѳедру и дважды оказался не прочнымъ на ней,—все это черты, рѣдко встрѣчающіяся въ мирной жизни современныхъ ученыхъ,—это скорѣе полная превратностей и трагизма жизнь ученыхъ гуманистовъ эпохи возрожденія; съ ними Костомаровъ имѣлъ еще общее въ томъ, что всю жизнь долженъ былъ бороться

съ неразборчивыми на средства врагами, выступавшими подъ явнымъ или замаскированнымъ знаменемъ обскурантизма. Эта борьба не озлобила его, напротивъ, въ сужденіяхъ Николая Ивановича о людяхъ меня всегда поражало замѣчательное благодушіе и безпристрастіе, которое, какъ мнѣ казалось, переходило иногда даже въ старческій индиферентизмъ. Знаменитый писатель, дорожившій каждой минутой для работы, считалъ себя обязаннымъ аккуратно отвѣчать на всякое письмо, какъ-бы безсодержательно, иногда даже наивно оно ни было, хотя-бы притомъ оно было писано лицемъ, вовсе неизвѣстнымъ отвѣчающему. Человѣкъ, котораго враги много разъ обвиняли въ «развѣнчиваніи отечественныхъ авторитетовъ», виновенъ былъ развѣ въ томъ, что какъ историкъ требовалъ документальныхъ доказательствъ доблести и гражданскихъ добродѣтелей описываемыхъ имъ историческихъ дѣятелей. Я не разъ удивлялся въ немъ крайней осторожности и чрезвычайной сдержанности, когда по какому-либо поводу обсуждались поступки того или другаго изъ его враговъ. Къ враждебнымъ противъ него выходкамъ онъ относился безъ признака злобы, съ какимъ-то всепрощеніемъ, на зло старался отвѣчать добромъ, часто нарушая такимъ образомъ даже общественные интересы. Въ недавнее время одинъ молодой магистрантъ въ своемъ первомъ ученомъ трудѣ обрушился несдержанно на Костомарова; авторъ самъ обнаружилъ однако незнакомство съ общеизвѣстными научными и критическими пріемами; Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе отзывался о диссертаціи своего смѣлаго антагониста съ чрезвычайною снисходительностью; пытался найти въ незрѣлой работѣ какія-либо достоинства; привѣтливо встрѣтилъ онъ потомъ автора, гостепріимно принималъ у себя и на прощаніе снабдилъ его рекомендательными письмами, хотя къ этому времени успѣла обнаружиться и нравственная несостоятельность молодаго искателя; одобрительные отзывы и покровительство Костомарова оказали ему несомнѣнную услугу. Такимъ-же безмѣрнымъ благодушіемъ отличались его отзывы о нѣкоторыхъ ученыхъ, которые сначала прикидывались его послѣдователями, получали при его помощи каѳедру, а потомъ стали толковать своимъ слушателямъ, что «Костомаровъ не историкъ», хотя сами своими малочисленными трудами вовсе не доказали своихъ правъ на такое званіе, тѣмъ менѣе на право по усмотрѣнію раздавать или отни-

мать его. Съ какимъ-то непонятнымъ благодушіемъ и всепрощеніемъ относился онъ даже къ тому, что на языкѣ его извѣстно было подъ именемъ «іудина предательства», едва не погубившаго его навсегда.

Мнѣ иногда казалось, что это благодушіе является результатомъ старческой немощи духа, равнодушія и безразличія, которыя свидѣтельствуютъ, что всѣ счеты съ жизнію и ея идеалами уже заблаговременно покончены. Но потомъ я убѣждался, что въ этомъ всепрощеніи сказывается только прирожденная доброта въ связи съ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, результатомъ наблюдательности, постояннаго изученія исторіи и многолѣтняго жизненнаго опыта. Николай Ивановичъ никогда не забывалъ, что нѣтъ ходячаго зла, какъ нѣтъ на землѣ олицетвореннаго добра; привычка доискиваться всегда причины явленія сказывалась въ его безпристрастіи, даже снисходительности къ врагамъ; содѣйствовало этому и глубокое религіозное настроеніе, проникнутое христіанскою любовью, наконецъ стремленіе къ истинѣ, всегда очень сильное, боязнь уклониться отъ нея подъ вліяніемъ личной пріязни или вражды.

Относясь ко злу, какъ къ чему-то неизбѣжному, покойный историкъ однакоже никогда не мирился съ нимъ и глубоко вѣрилъ въ окончательную побѣду добра. Стремленіе къ идеалу оставалось въ немъ до смерти: направленію, усвоенному съ молоду, онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Горячая любовь къ родинѣ и стремленіе къ благу народа были руководящими идеями всей его дѣятельности; широкое развитіе славянской взаимности, тѣсная связь между славянскими народами для дружнаго противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, постоянный обмѣнъ идей между ними рядомъ съ широкой племенною и мѣстною самобытностью, основанной притомъ на свободныхъ учрежденіяхъ, на терпимости и личной свободѣ— вотъ въ чемъ, по мнѣнію Костомарова, должна заключаться ближайшая задача всѣхъ славянъ. Единственное могучее средство для этого, по его мнѣнію, широкое просвѣщеніе народной массы и высокій уровень образованности въ наиболѣе интелигентномъ классѣ. Знаніе—залогъ лучшаго будущаго и всяческаго прогресса, которому насиліе въ какой-бы то ни было формѣ является лишь препятствіемъ— вотъ идеи и мнѣнія, которыя не разъ высказывались мнѣ Николаемъ Ивановичемъ и которыя сквозили во всѣхъ его сужденіяхъ. Иногда

дружныя нападенія враговъ и собственныя размышленія по поводу мрачныхъ современныхъ явленій колебали въ немъ вѣру въ себя и въ истинность идей, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь: въ такія тяжкія минуты Николай Ивановичъ отрицалъ всякое значеніе за своими многолѣтними трудами, и это самоотрицаніе сопровождалось въ немъ такими нравственными страданіями, что даже присутствовать при этомъ «милліонѣ терзаній» старика-идеалиста было мучительно. Сила духа и тутъ брала верхъ; онъ побѣждалъ эти сомнѣнія и принимался вновь за работу, съ юношескою энергіей, съ чисто малорусскимъ упрямствомъ въ стремленіи къ идеалу, упрямствомъ, которое такъ мѣтко выражено другомъ Костомарова, Шевченкомъ въ словахъ:

«А я, брате,
Такы буду сподиватысь,
Такы буду выглядаты,
Серцю жалю завдаваты».

И жадно «выглядалъ» Костомаровъ явленій, которыя помогли-бы ему унести въ близкую могилу надежду на лучшее будущее. Съ чистою радостью привѣтствовалъ онъ мѣсяца за два до смерти двухъ молодыхъ ученыхъ, труды которыхъ посвящены изслѣдованію украинской старины; Костомаровъ какъ-бы ожилъ; я, за недосугомъ, долго не видѣлъ его; при первомъ-же свиданіи, уже послѣ отъѣзда его новыхъ знакомыхъ, онъ съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о трудахъ этихъ молодыхъ людей, о ихъ талантливости, о личной обаятельности одного изъ нихъ. До конца своей жизни, Николай Ивановичъ всегда близко принималъ къ сердцу все касавшееся молодаго поколѣнія,—на него онъ, вѣрный историческому опыту, возлагалъ всѣ свои упованія; минутныя увлеченія, грубыя иногда выходки, самыя заблужденія молодежи не колебали этой вѣры. Какъ-то за полгода до смерти, въ одинъ изъ вторниковъ, [1]) онъ измученный болѣзнію лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ закрытыми глазами, какъ-бы совсѣмъ чуждый разговору гостей, толковавшихъ о нашей учащейся молодежи; оказалось однакоже, что хозяинъ слѣдилъ за разговоромъ;

---

[1]) По вторникамъ въ теченіи многихъ лѣтъ у Николая Ивановича собирались его друзья и знакомые; въ прежнее время здѣсь въ этотъ день можно было встрѣчать наиболѣе выдающихся представителей русской мысли.

онъ неожиданно горячо присоединился къ мнѣнію одного изъ собесѣдниковъ, который доказывалъ, что наша молодежь легко поддается вліянію и терпима къ чужимъ мнѣніямъ и желаніямъ, когда къ ней относятся искренне и прямо, но что она никогда не прощаетъ колебаній, двуличности и лицемѣрія. Даже въ огорчавшихъ его увлеченіяхъ и крупныхъ ошибкахъ нашей молодежи онъ способенъ былъ замѣчать благородные, честные порывы и не умирающее стремленіе къ истинѣ—этотъ, какъ онъ говорилъ, залогъ усовершенствованія въ будущемъ.

Таково было впечатлѣніе, которое производилъ на меня Николай Ивановичъ, особенно въ первое время послѣ переселенія моего въ Петербургъ. Посѣщая его часто, я видѣлъ, какъ крѣпкое отъ природы тѣло его все болѣе и болѣе подтачивалось недугами, потомъ я сталъ замѣчать, что вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу слабѣли и мощныя силы его духа. Урывками, по временамъ, какъ-бы воскресали и сильный умъ его и благородное чувство. Осенью 1881 г. Николай Ивановичъ при переходѣ черезъ улицу на Васильевскомъ Островѣ былъ сбитъ съ ногъ ломовымъ извощикомъ; оглобля попала ему въ голову, очень близко отъ виска и глаза. Окровавленный возвратился онъ домой; скоро впрочемъ онъ поправился и случай этотъ, повидимому, не имѣлъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Въ 1882 г. къ кашлю и постепенно учащавшимся удушьямъ впервые присоединилось кровохарканье. Оно, кажется, было результатомъ его неосторожности, холодныхъ купаній и несоблюденія діэты; непривычка беречь себя дѣлала эти новые болѣзненные припадки болѣе упорными и опасными. Желаніе вылечиться отъ недуговъ, освободиться отъ физическихъ нестерпимыхъ страданій, заставляли его обращаться къ докторамъ, хотя онъ медицинѣ вообще мало вѣрилъ и потому неохотно, какъ-бы по принужденію, подчинялся предписаніямъ врачей. Его особенно мучила невозможность продолжать работы; часто жаловался онъ на ослабленіе зрѣнія и слуха, говорилъ, что совершенно потерялъ умственныя способности, что все забываетъ, что не можетъ мыслить. И вслѣдъ за такими жалобами садился онъ читать или писать, а послѣ острыхъ припадковъ болѣзни его первый выходъ всегда имѣлъ цѣлью архивъ, гдѣ онъ

собиралъ матеріалы для новыхъ трудовъ. Лѣто 1883 года Костомаровъ провелъ въ Малороссіи, въ имѣніи своей жены—Дѣдовцахъ (полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда); тамъ онъ отдохнулъ, поправился и съ возстановленными силами вернулся въ Петербургъ. Грудныя страданія прошли и люди близкіе къ нему съ надеждой, что онъ еще долго потрудится надъ родною наукою, проводили старый годъ.

Новый 1884-й годъ вскорѣ разбилъ эти надежды: 25 января Костомаровъ возвращался изъ архива иностранныхъ дѣлъ, погруженный въ размышленія о Минихѣ, и вотъ подъ аркой генеральнаго штаба онъ опять былъ сбитъ съ ногъ, на этотъ разъ быстро мчавшимся экипажемъ. Въ безчувственномъ состояніи былъ онъ поднятъ городовыми; его сначала доставили въ управленіе участка, потомъ онъ самъ возвратился домой. Казалось, что этотъ несчастный случай также сошелъ благополучно: значительныхъ ушибовъ не было и Николай Ивановичъ быстро оправился. Но скоро къ прежнимъ груднымъ страданіямъ прибавились частыя и упорныя разстройства желудка, страшно ослаблявшія немощнаго уже старика; по временамъ возобновлялись зловѣщія кровохарканія. Все болѣе уменьшалась возможность трудиться, но не уменьшалась страсть къ труду, не изчезала способность къ творчеству. Пересматривался для новаго изданія Богданъ Хмельницкій, написаны «Греки въ Тавридѣ», собирались матеріалы для новаго выпуска «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», появились статьи о Минихѣ, задумывались и новыя работы. Подготовка новаго изданія Богдана Хмельницкаго, чтеніе вызывавшаго у Николая Ивановича остроты романа Сенькевича «*Ogniem i mieczem*» и диссертаціи г. Буцинскаго заставили воображеніе историка-художника опять поработать надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ эпохи, которая послужила темой для его перваго капитальнаго труда. «Жена Хмельницкаго», говорилъ онъ мнѣ, «не даетъ мнѣ покою. Это несомнѣнно была замѣчательная личность; чувствуется, что въ ней надо искать завязку всей драмы Хмельницины; немного чертъ для обрисовки ея даетъ намъ исторія, но она все-же выдвигаетъ ее: она страстно любима мужемъ, участвуетъ въ пріемѣ польскихъ пословъ, она ихъ угощаетъ, вмѣшивается въ переговоры, потомъ сама пьетъ по приказанію мужа и напивается до пьяна; впослѣдствіи

она измѣняетъ мужу, который нарочно уѣзжаетъ, а Тимошъ, съ вѣдома гетмана, вѣшаетъ ее вмѣстѣ съ соучастниками измѣны; а между тѣмъ Хмельницкій страшно огорченъ ея смертью; долго не можетъ онъ успокоиться, на время теряетъ даже свою обычную энергію и находчивость и терпитъ вслѣдствіе этого крупныя неудачи, имѣвшія чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ этой женщинѣ все загадочно; источники, къ несчастью, недостаточно освѣщаютъ ее; я чувствую, что она отличалась выдающимся характеромъ, что принимала активное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ бурной эпохи. Она какъ будто у меня передъ глазами; я ее какъ будто вижу, но не могу уловить ея образа; даже ночью, во снѣ, она является предо мною; мнѣ хотѣлось-бы написать трагедію—для таковой она является вполнѣ подходящей личностью, но у меня нѣтъ достаточныхъ подробностей,—источники молчатъ объ нихъ».

Весною прошлаго года мы опять провожали Костомарова при отъѣздѣ его въ Малороссію; семья и близкіе почитатели надѣялись, что благодатный югъ возстановитъ здоровье больного. Ихъ ожидало грустное разочарованіе. Крайне холодное въ началѣ, потомъ очень сухое и знойное лѣто еще болѣе разстроило его здоровье. Осенью возвратился онъ въ Петербургъ и съ этихъ поръ уже почти не поправлялся, не выходилъ изъ-подъ опеки врачей, безуспѣшно боровшихся съ грудными страданіями и желудочнымъ разстройствомъ. Онъ все болѣе слабѣлъ и худѣлъ; блѣдность и прозрачность кожи на лицѣ, ямы на вискахъ и ввалившіяся щеки, страшная худоба всего тѣла—все это живо напоминало изображенія престарѣлыхъ аскетовъ Рибейры. По временамъ ему какъ будто становилось лучше—тогда онъ посѣщалъ архивы, предпринималъ небольшія прогулки; такъ онъ однажды неожиданно утромъ посѣтилъ знакомыхъ, заинтересовавшись красивымъ видомъ изъ ихъ новой квартиры. Работать онъ продолжалъ и теперь, но конечно урывками; онъ вновь пересматривалъ свою обширную монографію «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», дополнялъ ее по новымъ матеріаламъ; изъ послѣднихъ онъ съ особеннымъ интересомъ знакомился съ трудомъ польско-галицкаго іезуита Калинки, у котораго находилъ подтвержденіе своимъ взглядамъ. Въ это-же время писалъ онъ жизнеописанія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и приготовилъ всѣ матеріалы для біографіи Ломоносова. Костомаровъ гово-

рилъ, что издавши жизнеописанія этихъ дѣятелей вмѣстѣ съ Минихомъ, онъ довелъ свою исторію до Екатерины II; Петръ III, по его мнѣнію, по своимъ личнымъ качествамъ, не представлялъ условій, вызывающихъ отдѣльное жизнеописаніе.

Жизнеописанія Миниха и Анны Іоанновны уже напечатаны; Елизавета также вполнѣ закончена имъ; о Ломоносовѣ Николай Ивановичъ говорилъ, что его геніальныя способности и труды опять поражаютъ его при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, но что въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ русскаго академика ему предстоитъ разойтись съ большинствомъ біографовъ великаго самоучки. Изготовлялъ къ печати въ это время Костомаровъ и ранѣе написанную статью: «*Семейный бытъ* въ произведеніяхъ малорусскаго пѣсеннаго народнаго творчества»; ему очень хотѣлось приготовить еще статью о чумацкихъ пѣсняхъ, и среди бумагъ, кажется, должны быть черновые объ этомъ предметѣ наброски.

Среди физическихъ недуговъ, страданій и вынужденнаго ими частаго бездѣйствія, смѣняемаго трудомъ, при постоянномъ неутомимомъ уходѣ жены, кончился для нашего дорогого историка тяжелый 1884-й годъ; новый годъ не принесъ ему облегченія; на нѣсколькихъ консиліумахъ извѣстнѣйшіе врачи (Боткинъ, Кошлаковъ, Эйхвальдъ и др.) признали его положеніе безнадежнымъ. По цѣлымъ днямъ лежалъ теперь Н. И. на диванѣ и лишь по временамъ у него хватало силъ для небольшихъ выѣздовъ или прогулокъ; садился онъ въ минуты облегченія и къ письменному столу, чтобы продолжать начатыя работы. Въ концѣ вербной недѣли онъ пожелалъ еще разъ видѣть картину Рѣпина «Іоаннъ Грозный послѣ убійства сына», картину, въ которой, по его мнѣнію, художественно воспроизведенъ характеръ Грознаго и вѣроятное настроеніе его въ полный для него трагизма моментъ. Николая Ивановича внесли на лѣстницу выставки; встрѣтивъ здѣсь талантливаго автора картины, онъ съ сердечнымъ удовольствіемъ высказалъ ему свое мнѣніе о картинѣ и выразилъ ему свою благодарность за нее.

На страстной недѣлѣ Костомаровъ послѣдній разъ выѣзжалъ на прогулку. Онъ теперь ужасно страдалъ отъ нестерпимыхъ по временамъ болей, слабости и невозможности работать во время сильныхъ припадковъ болѣзни. Онъ приходилъ въ отчаяніе, призывалъ смерть, призывалъ ее и тогда, когда прихоти его, вызываемыя

болѣзнію, невозможно было немедленно-же исполнить. Потомъ опять являлось желаніе жить еще, трудиться—онъ отгонялъ отъ себя мысль о близкой смерти, но она являлась вновь, повидимому не оставляла его.

Со Свѣтлаго Воскресенія можно было ежедневно ждать его смерти. Знакомые земляки упросили его жену, изнемогавшую отъ продолжительныхъ попеченій о больномъ, допустить ихъ къ участію въ уходѣ за дорогимъ страдальцемъ, и вотъ мы видѣли, какъ въ этомъ слабомъ, изнемогающемъ, страшно исхудавшемъ тѣлѣ все еще сказывался великій духъ. Еще въ пятницу на свѣтлой недѣлѣ онъ въ послѣдній разъ сѣлъ писать; сильныя боли часто прерывали его послѣдній трудъ. Это была повѣсть изъ временъ Бироновщины; выведены Минихъ и какой-то русскій религіозный вольнодумецъ, освобождаемый первымъ отъ розысковъ; изложеніе, насколько я могу судить по нѣсколькимъ прочитаннымъ строкамъ, отличается живостію. Съ большимъ интересомъ относился Николай Ивановичъ къ вопросу объ угрожавшей намъ войнѣ съ Англіей; его пугала эта война; онъ полагалъ, что послѣдствія ея были-бы равно гибельны для обѣихъ сторонъ. Со среды, 2-го апрѣля, онъ уже не оставлялъ постели; лишь изрѣдка открывалъ глаза и отъ слабости мало говорилъ; по временамъ выражалъ свою любовь и признательность женѣ; иногда произносилъ отрывочныя слова и фразы; но ихъ значеніе трудно бывало уловить, такъ какъ неизвѣстно было теченіе его мыслей.

6-го апрѣля послѣ молебна въ память св. Кирилла и Меѳодія я отправился къ тому, кто первый оцѣнилъ великія заслуги славянскихъ первоучителей, кто всю жизнь свою посвятилъ дѣятельности, вѣрной ихъ духу. Я чувствовалъ нравственную потребность въ этотъ день услышать хоть слово объ нихъ отъ Костомарова. Тщетная надежда! онъ лежалъ скорчившись на своей постели въ спальнѣ; глаза его были закрыты; на мое привѣтствіе онъ едва слышно отвѣтилъ «здравствуйте!» и съ усиліемъ изъ-подъ одѣяла протянулъ мнѣ свою руку; я не знаю даже, узналъ-ли онъ меня. Вечеромъ я опять пришелъ, чтобы провести у него ночь. Онъ лежалъ теперь въ кабинетѣ; слышно было его тяжелое, затрудняемое мокротою дыханіе. Прибывшій вслѣдъ за мною докторъ Штанге выразилъ мнѣніе, что больному остается жить лишь нѣсколько часовъ, и предсказалъ при-

близительно самый моментъ смерти. Потянулись мучительные часы. Въ комнатѣ умирающаго находилась его жена, сидѣлка и я; среди тишины раздавалось тяжелое дыханіе больного, сопровождаемое наводившимъ на меня какой-то невольный страхъ клокотаніемъ накопившейся мокроты; чувствовалось, что она тутъ-же, гдѣ-то близко, что достаточно малѣйшаго усилія, чтобы ее вывести; но у больного не было уже достаточныхъ для этого силъ. Изрѣдка онъ мѣнялъ свое положеніе, самъ приподнимался, выражалъ въ одномъ какомъ нибудь словѣ свое желаніе.

Около 4-хъ часовъ утра клококотоніе какъ будто ослабѣло, дыханіе стало менѣе затруднительнымъ; потомъ къ 6 часамъ опять возобновились прежнія явленія. Въ 6¾ часовъ (въ воскресенье, 7-го апрѣля) больной сильно раскашлялся, самъ приподнялся и сѣлъ; жена его поддерживала, кашель продолжался; вдругъ глаза его широко раскрылись и громадные, неподвижные, установились въ одну точку, затѣмъ они мгновенно потускнѣли; еще нѣсколько едва замѣтныхъ судорожныхъ движеній и дорогого нашего *учителя* не стало.

Въ тотъ-же день художникъ Рѣпинъ написалъ портретъ покойнаго, художникъ Сластіонъ снялъ съ него фотографію, а художникъ Беклемишевъ маску; теперь профессоръ Лаверецкій изготовилъ уже чрезвычайно удачный бюстъ покойнаго; онъ изобразилъ его лѣтъ на 15 моложе, въ цвѣтѣ силъ и съ творческою мыслію на лицѣ; сбору съ продажи снимковъ г. Лаверецкій далъ прекрасное предназначеніе служить основаніемъ на стипендію имени покойнаго въ харьковскомъ университетѣ для студентовъ, занимающихся преимущественно мѣстною исторіей и этнографіей. На дняхъ поступятъ въ продажу первые гипсовые снимки съ этого бюста, сдѣланнаго въ натуральную величину; можно надѣяться, что университеты и коллекціи пріобрѣтутъ ихъ, не смотря на высокую цѣну; осенью явятся въ продажѣ болѣе доступные по величинѣ и цѣнѣ гипсовые бюсты.

Особенно сильно сказалось глубокое чувство признательности Малороссіи къ заслугамъ великаго ея сына. Покойнаго бальзамировалъ бывшій студентъ кіевскаго университета гофъ-медикъ Вывод-

цевъ; отъ Кіева, Харькова, Одессы и другихъ городовъ Малороссіи, не смотря на короткій срокъ, который препятствовалъ цѣлымъ корпораціямъ, напримѣръ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, получить разрѣшеніе начальства, было особенно много вѣнковъ и другихъ выраженій сочувствія; рѣчи произносились надъ могилой преимущественно малороссами и притомъ представителями трехъ поколѣній (Мордовцевъ, Цвѣтковскій и Галипъ). Выразила свое глубокое сочувствіе Костомарову и молодежь, которую онъ такъ любилъ и цѣнилъ при жизни: не смотря на трудное экзаменное время, она явилась въ огромномъ числѣ; во весь путь, смѣняясь, провожали его гробъ три хора изъ учащейся молодежи съ пѣніемъ «Святый Боже»; молодежь, не смотря на одиннадцати-верстное разстояніе, все время несла тяжелый металлическій гробъ и никому не хотѣла уступить права доставить останки дорогого ей человѣка къ его послѣднему, вѣчному жилищу.

В. Беренштамъ.

ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО.

Смерть такъ неожиданно постигшая профессора Александра Ѳедоровича Кистяковскаго унесла безспорно одного изъ самыхъ выдающихся представителей въ русской наукѣ уголовнаго права, съумѣвшаго, вмѣстѣ съ другими немногими коллегами, поднять ее до высоты современнаго знанія. Вооруженный основательнымъ знакомствомъ съ тремя европейскими языками—французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ, давшимъ ему возможность изучить если не всю, то по крайней мѣрѣ лучшую часть иностранной уголовно-юридической литературы, надѣленный глубокимъ дедуктивнымъ умомъ, покойный профессоръ скоро перешелъ отъ компиляціи и подражанія къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ, поставившимъ нѣкоторые изъ его трактатовъ въ уровень съ лучшими произведеніями западной науки.

Александру Ѳедоровичу выпала завидная доля начать свою научную дѣятельность въ 60-е годы, въ періодъ подъема русскаго духа и вѣры въ силу европейской науки и цивилизаціи, плодами которыхъ наше общество считало нужнымъ воспользоваться, приноровивъ ихъ къ условіямъ своего быта. Этотъ общій подъемъ духа и вѣры въ русскомъ обществѣ увлекъ собою и впечатлительную, отзывчивую натуру Александра Ѳедоровича, и такъ какъ ему пришлось встрѣтиться съ созрѣвшимъ у насъ уже въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ убѣжденіемъ въ несостоятельности старыхъ русскихъ формъ уголовнаго процесса и въ необходимости его реформы, то онъ и обратился къ изученію и къ опредѣленію лучшихъ

формъ послѣдняго, выработанныхъ на западѣ. Плодомъ этого изученія явилась первая работа Александра Ѳедоровича въ области той спеціальности, которой онъ себя потомъ посвятилъ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса» (Журналъ Минист. Юст. 1860 г., кн. 6, 9, 12). Эта статья представляетъ изложеніе послѣдняго по сочиненію Митермайера: «Das englische, Schottische und Nordamericanische Strafverfahren 1851 года» и запечатлѣна такимъ-же глубокимъ уваженіемъ къ достоинстамъ англійскаго уголовнаго процесса, какое всегда высказывалъ къ нему и знаменитый нѣмецкій криминалистъ. Но это уваженіе не переходитъ въ слѣпое поклоненіе; Александръ Ѳедоровичъ еще рельефнѣе, чѣмъ Митермайеръ, выставляетъ недостатки излагаемаго процесса, заключающіеся въ отсутствіи стройной, научно-установленной системы и единства, которые бы давали въ руководство судьямъ твердыя, однообразныя правила на сходные случаи. Реальной подкладкой превосходства англійскаго уголовнаго процесса надъ континентальнымъ Александръ Ѳедоровичъ, согласно съ Митермайеромъ, считаетъ высокое развитіе гражданскаго сознанія въ англійскомъ обществѣ, воспитанномъ въ прямодушіи, любви къ правдѣ, уваженіи къ закону и къ потребностямъ общества, то развитіе, которое побуждаетъ всѣ отдѣльные органы суда совокупно стремиться къ одной и той-же цѣли—отысканію справедливаго рѣшенія. Между присяжными и коронными судьями поэтому царитъ полная гармонія; первые, не встрѣчая въ послѣднихъ правительственнаго давленія на свои приговоры, охотно постановляютъ таковые, сообразуясь съ указаніями судей, чѣмъ обезпечивается какъ интересъ личности, такъ и общества, ибо справедливость правосудія при этомъ не приносится въ жертву стремленіямъ оградить гражданскую свободу.

За этой первой работой, которой Александръ Ѳедоровичъ отвѣтилъ на желаніе русскаго общества достигнуть реформы въ уголовномъ процессѣ, послѣдовали въ 1864 г. двѣ новыхъ. Въ это время чаянія русскаго общества нашли энергическую поддержку въ самомъ правительствѣ, въ лицѣ покойнаго Государя, по повелѣнію котораго въ 1862 году были изданы основныя положенія судоустройства. При составленіи судебныхъ уставовъ, какъ извѣстно, правительство рѣшилось обратиться къ содѣйствію общественныхъ силъ,

способныхъ помочь поставленной задачѣ—цѣлесообразной организаціи уголовнаго процесса. Александръ Ѳедоровичъ, признававшій важное значеніе подобной задачи, не могъ въ виду этого обращенія остаться въ бездѣйствіи и не принести и свою лепту въ сокровищницу общественнаго труда: онъ написалъ два изслѣдованія, имѣвшія въ виду реформу двухъ самыхъ темныхъ сторонъ нашего стараго процесса: 1) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Журн. Мин. Юст., 1863 г., книга 8) и 2) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по русскому дѣйствующему законодательству (Кіевъ, 1864 г.).

Первая изъ этихъ работъ представляетъ очеркъ устройства адвокатскаго сословія во Франціи, Англіи и Германіи—въ виду *будущей постройки*, въ которой можетъ принять участіе каждый способный къ ней. Но предлагая свой очеркъ въ этихъ видахъ, Александръ Ѳедоровичъ вовсе не рекомендуетъ одно только механическое копированіе западно-европейскихъ образцовъ; напротивъ, по его мнѣнію, къ другимъ необходимо обращатся, въ виду отсутствія собственнаго опыта, только за совѣтомъ, а не за моделью для рабскаго подражанія, иначе—копируя чужія учрежденія, мы можемъ усвоить и то, что признано несостоятельнымъ и близкимъ къ отмѣнѣ у самыхъ творцовъ учрежденій.

Статья начинается опроверженіемъ мнѣнія, будто адвокатура есть не столько учрежденіе, истекающее изъ требованій хорошей организаціи юстиціи, сколько политическое право, которому могутъ покровительствовать государства извѣстнаго режима. Дѣятельность адвокатовъ въ отправленіи правосудія, говоритъ авторъ, на столько неизбѣжна, на сколько необходимо недопущеніе до судовъ и изгнаніе изъ нихъ ябеды, крючкотворства, волокиты; безъ участія адвокатовъ нѣтъ и не можетъ быть правосудія въ собственномъ смыслѣ, а могутъ существовать только суды, будто-бы творящіе правосудіе; адвокаты существовали въ государствахъ съ разнообразнымъ режимомъ, не исключая и абсолютнаго, и это понятно—какова-бы ни была форма правленія, правительству невыгодно ослаблять правосудіе, это значило-бы налагать руку на собственные интересы.

Послѣ этого вступленія, авторъ переходитъ къ очерку организаціи адвокатуры во Франціи, а затѣмъ Англіи, съ указаніемъ общественнаго ея значенія въ этихъ государствахъ: статья преры-

вается на изложеніи состоянія адвокатуры въ Англіи; очеркъ ея въ Германіи, а также общіе выводы объ условіяхъ, при которыхъ она дѣйствительно можетъ быть полезной въ интересахъ возможно лучшаго отправленія правосудія въ государствѣ вообще и въ нашемъ отечествѣ въ частности,—обѣщанные авторомъ, остались невыполненными, быть можетъ потому, что авторъ одобрялъ ту организацію адвокатуры, которая была установлена вышедшими вскорѣ судебными уставами.

Во второмъ изъ названныхъ трудовъ, представленномъ Александромъ Ѳедоровичемъ какъ диссертація *pro venia legendi*, авторъ, изслѣдуя способы уклоняться отъ слѣдствія и суда по своду 1857 г., подвергаетъ ихъ критикѣ и раскрываетъ всю нецѣлесообразность ихъ организаціи, заключавшуюся въ крайней неопредѣленности границъ примѣненія каждой изъ мѣръ пресѣченія, недостаткѣ формальностей, которыми должно быть обставлено принятіе каждой мѣры, особенно взятіе подъ стражу, отсутствіи раціональныхъ правилъ обжалованія, многочисленности лицъ, имѣвшихъ право брать подъ стражу и наконецъ—въ общемъ направленіи уголовнаго судопроизводства. Все это вмѣстѣ приводило нерѣдко къ совершенно неосновательному стѣсненію личности, къ частому и неумѣстному примѣненію содержанія подъ стражей, отъ котораго тюрьмы безъ нужды переполнялись слѣдственными арестантами. Показавъ столь печальное положеніе одной изъ весьма важныхъ частей уголовнаго процесса, Александръ Ѳедоровичъ взываетъ къ ея улучшенію и надѣется, что при предстоящей реформѣ участь лицъ, имѣющихъ несчастіе подпасть подъ слѣдствіе, будетъ облегчена.

Въ томъ-же 1864 году, кромѣ названныхъ статей, были напечатаны еще двѣ: «Вліяніе Беккарія на русское уголовное право» (Ж. М. Ю., 1864, № 9, Псевдонимъ Городецкій) и «Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу» (Кіев. Унив. Извѣстія, 1864 г., № 10). Эти статьи, изъ коихъ одна была пробной лекціей Александра Ѳедоровича въ кіевскомъ университетѣ, суть плодъ продолжительнаго изученія трудовъ Монтескье и Беккаріи, какъ источниковъ Наказа,—изученія, задачей котораго было опредѣлить степень заимствованій и оригинальности въ мысляхъ Екатерины II, а также вліяніе названныхъ мыслителей на русское уголовное законодательство. Эта задача касалась одного изъ весьма важныхъ, но совер-

шенно не изслѣдованныхъ въ то время вопросовъ въ исторіи нашего уголовнаго права, и нужно сказать, что она была выполнена покойнымъ съ успѣхомъ; наука русскаго уголовнаго права не должна забывать этой заслуги покойнаго. Александръ Ѳедоровичъ точно показалъ, что̀ и какъ заимствовано законодательницей изъ трудовъ двухъ великихъ мыслителей XVIII вѣка и что̀ принадлежитъ перу самой императрицы, а именно больше 100 статей Наказа (147—248) взято изъ Беккаріи, при чемъ это заимствованіе представляетъ простой переводъ подлинника, а еще болѣе статей Наказа взято изъ Монтескье, но здѣсь работа Екатерины уже подходитъ подъ компиляцію; перу законодательницы принадлежатъ статьи о воспитаніи, дворянствѣ, среднемъ родѣ людей и т. д.

Общіе выводы Александра Ѳедоровича о вліяніи Беккаріи и Монтескье на наше уголовное законодательство таковы: а) въ первое время имп. Екатерина II была исполнена желаній усвоить русскому законодательству положенія великихъ мыслителей, для чего и созвала депутатовъ отъ всѣхъ сословій, но ея желаніямъ не суждено было осуществиться по причинѣ низкаго культурнаго состоянія общества, не подготовленнаго къ воспріятію улучшеній; b) тѣмъ не менѣе сочиненія Беккаріи и Монтескье можно до нѣкоторой степени считать источниками нашего уголовнаго права; такъ напримѣръ: мысль Беккаріи, чтобы каждый судился себѣ равными (§ VII его сочиненія «О преступленіи и наказаніи» и 180 ст. Наказа) нашла свое выраженіе въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., по которому каждое сословіе въ Россіи получило свой особый гражданскій и уголовный судъ; многія положенія Беккаріи о доказательствахъ, составившія содержаніе X главы Наказа, вошли въ Сводъ Законовъ (ст. 305—310, т. XV, ч. 2), раздѣляющій доказательства на совершенныя и несовершенныя и опредѣляющій ихъ вліяніе на приговоръ, а еще раньше указами 13 ноября 1767 г. и 8 ноября 1774 г. было предписано именно этою послѣднею главою руководствоваться въ изысканіи доказательствъ.

Въ слѣдующемъ 1875 году Александръ Ѳедоровичъ предложилъ Обществу пр. Нестора лѣтописца свою небольшую, но весьма цѣнную работу: «Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи» (читано 8 января). Эта работа проливаетъ свѣтъ на важный вопросъ въ исторіи русскаго уголовнаго права, а именно—

о томъ, какимъ образомъ некультурная Россія могла пріобрѣсти въ культурной Европѣ извѣстность страны, въ которой еще въ 1753 году смертная казнь была отмѣнена, т. е. раньше, чѣмъ какое либо иное государство о томъ подумало и даже раньше, чѣмъ Беккарія впервые рѣшился теоретически доказывать ея несостоятельность. Наиболѣе близкое къ истинѣ объясненіе этого историческаго факта Александръ Өедоровичъ видитъ въ сообщеніи историка XVIII вѣка Щербатова, что Елизавета Петровна, рѣшившись достигнуть престола при помощи гвардіи преображенскаго полка, поклялась предъ Всевышнимъ, что если ея предпріятіе удастся, то она во все время своего царствованія не лишитъ никакого виновнаго жизни; такимъ образомъ—«смертныя казни, заключаетъ Щербатовъ—были оставлены императрицей не на основаніи системы человѣколюбія, но по единой набожности».

Указавъ мотивы важнаго событія, Александръ Өедоровичъ раскрываетъ затѣмъ дѣйствительное положеніе вещей и на основаніи свидѣтельства того-же историка и Полнаго Собранія Законовъ доказываетъ, что, не смотря на видимую отмѣну смертной казни, она фактически примѣнялась—за государственныя преступленія явно, въ силу самаго закона, а за общія въ замаскированномъ видѣ, посредствомъ засѣченія кнутомъ, плетьми, шпицрутенами и даже розгами. Только въ царствованіе покойнаго государя этой замаскированной смертной казни былъ положенъ или почти положенъ конецъ. Эти выводы Александра Өедоровича перешли потомъ въ его извѣстную монографію «О смертной казни», удостоенную степени магистра (Кіевъ, 1867 г.).

Высокое значеніе этого изслѣдованія въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ методомъ, съ которымъ Александръ Өедоровичъ приступилъ къ дѣлу. Послѣ Беккаріи, а также Митермайера трудно было сказать что либо новое съ отвлеченно-схоластической точки зрѣнія по вопросу о смертной казни; разсуждая дедуктивнымъ путемъ можно всегда найти доводы какъ въ защиту смертной казни, такъ и противъ нея; по этому изслѣдованіе о справедливости или несправедливости смертной казни, какъ метко замѣтилъ покойный, было-бы пустой и безполезной работой. Цѣнные результаты здѣсь могъ принести только философско-историческій методъ, устанавливающій связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ

развитіемъ человѣка. Вооружившись этимъ методомъ, Александръ Ѳедоровичъ нашелъ, что только на низшихъ стадіяхъ жизни народовъ смертная казнь можетъ считаться необходимымъ учрежденіемъ, органически связаннымъ съ тогдашнимъ соціальнымъ строемъ, въ основѣ котораго лежало превосходство или физической силы или юридическаго неравенства, привиллегій меньшинства. Болѣе-же высокія стадіи культуры этой органической необходимости смертной казни вовсе не предполагаютъ; государство и его учрежденія, съ утвержденіемъ формальнаго единства—умственнаго, нравственнаго и религіознаго, пріобрѣтаютъ такую крѣпость, что для поддержанія ихъ нѣтъ нужды въ жестокихъ мѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ природа человѣка, вслѣдствіе успѣховъ разныхъ сторонъ общественнаго развитія, на столько измѣняется, что для дальнѣйшаго прогресса потребна не жестокая система наказаній, а организація цѣлесообразныхъ мѣръ. Общимъ слѣдствіемъ такого хода вещей является смягченіе нравовъ, съ чѣмъ тѣсно связано вымираніе нравственной необходимости смертной казни, и дѣйствительно исторія показываетъ, что по мѣрѣ развитія народовъ область примѣненія смертной казни все болѣе и болѣе сокращается. Процессъ этого уменьшенія, хотя медленный, за то до такой степени постоянный, что тождественность его направленія въ будущемъ не подлежитъ сомнѣнію: «совершившееся уменьшеніе, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, слишкомъ незначительны для того, чтобы уменьшеніе остановилось и не окончилось полною отмѣною». Когда послѣдняя совершится,—вопросъ практическій, но что уменьшеніе должно послѣдовать, это также несомнѣнно, какъ несомнѣненъ прогрессъ народовъ; осуществленіе общественной перемѣны можно замедлить, но предотвратить его нѣтъ возможности. Сохраненіе смертной казни до сихъ поръ въ законахъ и практикѣ объясняется тѣмъ, что еще не вымерли тѣ элементы и силы, которые ее создали и которые до сихъ поръ даютъ поддержку мыслителямъ, отстаивающимъ справедливость и необходимость смертной казни. Но лишь только эти элементы и силы угаснутъ, исчезнетъ и практика простыхъ смертныхъ казней, подобно тому, какъ исчезли пытка, членовредительныя наказанія и квалифицированные виды смертной казни, вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ раздаваться голоса защитниковъ смертной казни, изъ коихъ большинство и теперь отстаиваетъ ее не въ принципѣ, а ради временной ея не-

обходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до ея отмѣны.—Мы нарочно изложили тѣ выводы, къ которымъ пришелъ почтенный ученый, такъ какъ позволяемъ себѣ считать его трудъ, изобличающій глубокое знакомство съ обширнѣйшей литературой вопроса, лучшимъ его даромъ наукѣ уголовнаго права, превосходящимъ всѣ существующія по этому вопросу изслѣдованія, не исключая и работы знаменитаго Митермайера, котораго покойный Александръ Ѳедоровичъ называлъ своимъ учителемъ.

Слѣдующая крупная работа Александръ Ѳедоровича, его докторская диссертація, вышла въ 1868 г. подъ заглавіемъ: «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда»; она распадается на двѣ части—историческую и догматическую. Въ исторіи мѣръ пресѣченія авторъ различаетъ четыре періода: а) время до Судебниковъ или періодъ господства и почти исключительнаго примѣненія порукъ, b) время Судебниковъ или періодъ совмѣстнаго примѣненія порукъ и отдачи за пристава, c) время Соборнаго Уложенія или періодъ ослабленія порукъ и частаго примѣненія отдачи за пристава и тюрьмы и d) наконецъ послѣдующее время до изданія Судебныхъ уставовъ—періодъ преобладающаго примѣненія тюрьмы, крайне рѣдкаго употребленія порукъ и уничтоженія отдачи за пристава. На этомъ послѣднемъ періодѣ Александръ Ѳедоровичъ останавливается съ особенной обстоятельностью и раскрываетъ намъ крайне безотрадную картину того положенія, въ которомъ находились лица, привлекавшіяся къ слѣдствію, въ силу несовершенства какъ спеціальныхъ законовъ, регулировавшихъ примѣненіе мѣръ пресѣченія, такъ и общей организаціи судоустройства и судопроизводства. Примѣненіе содержанія подъ стражей и тюрьмы зависѣло, говоритъ Александръ Ѳедоровичъ, больше отъ произвола слѣдователей, чѣмъ отъ закона, который не содержалъ точныхъ, опредѣленныхъ правилъ. Отсюда само собою являлись заключеніе въ тюрьму, когда не слѣдовало, переполненіе тюремъ слѣдственными и подсудимыми арестантами и непомѣрная продолжительность ихъ заключенія. Всѣ эти выводы Александра Ѳедоровича составляютъ результатъ изученія вопроса по многочисленнымъ источникамъ первой руки, образцоваго по строгости отношенія къ послѣднимъ, мастерскому освѣщенію историческихъ явленій и осторожности въ заключеніяхъ. Догматическая часть изслѣдованія представляетъ изложеніе поста-

новленій о мѣрахъ пресѣченія по уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г., сопровождаемое глубокимъ анализомъ и мѣткими замѣчаніями, которыя потомъ нерѣдко цѣликомъ цитировали послѣдующіе изслѣдователи.

Въ 1875 году А. Ѳ. Кистяковскій подарилъ науку уголовнаго права новымъ трудомъ: «Элементарнымъ учебникомъ уголовнаго права», который быстро разошелся, такъ что въ началѣ 1877 г. его въ продажѣ уже не оказалось. Такой успѣхъ учебника объясняется его внутренними достоинствами: сравнительной полнотою изложенія, соединенной съ краткостью, болѣе или менѣе правильной постановкой ученій, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ и наконецъ простымъ конкретнымъ языкомъ, весьма легкимъ для пониманія и усвоенія излагаемыхъ ученій. Лучшая часть книги— это отдѣлъ о наказаніяхъ, сохраняющій въ вопросахъ уголовной политики свое важное значеніе и до сихъ поръ, не смотря на неустанные успѣхи науки. Покойный былъ менѣе силенъ въ вопросахъ чисто юридико-логической конструкціи, за то въ области уголовной политики онъ не имѣетъ соперниковъ въ русской наукѣ. Превосходство его трудовъ въ этой области въ значительной мѣрѣ объясняется его ровнымъ, теплымъ отношеніемъ къ падшему ближнему. Въ послѣднемъ покойный всегда признавалъ человѣка, котораго надо *исправлять* принятіемъ цѣлесообразныхъ мѣръ, а не *казнить*, ибо самые тяжкіе преступники, какъ глубоко вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ, способны къ исправленію. Особенно вѣрилъ Александръ Ѳедоровичъ въ возможность исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, которымъ и посвятилъ рядъ публичныхъ лекцій, составившихъ отдѣльную монографію, вышедшую въ 1878 году подъ заглавіемъ: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія». Установивъ статистическими данными положеніе, что причина преступности $^3/_4$ испорченныхъ дѣтей коренится въ дурномъ примѣрѣ и дурномъ воспитаніи, или, говоря иначе, въ преступности окружающей среды, Александръ Ѳедоровичъ призываетъ въ этомъ сочиненіи законодательную власть къ принятію раціональныхъ мѣръ въ видѣ организаціи земледѣльческихъ колоній и пріютовъ, способныхъ образовать и исправить малолѣтнихъ преступниковъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшими монографіями другихъ авторовъ, какъ въ исторіи

и изложеніи законодательной политики вообще, предлагая нѣкоторыя новыя соображенія законодательнаго характера и новыя свѣдѣнія о положеніи исправительныхъ заведеній во Франціи, такъ и въ обозрѣніи отечественныхъ учрежденій, сдѣланномъ съ несуществовавшей до того полнотой.

Отвѣчая на вопросы минуты, Александръ Өедоровичъ въ концѣ 70-хъ годовъ напечаталъ двѣ новыхъ статьи:

1) «Нуждается-ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду? (Сборникъ государственныхъ знаній, т. IV, 1877 г.). Въ этой статьѣ послѣ общаго замѣчанія, что вмѣстѣ съ высшими формами общественной жизни человѣкъ все болѣе усваиваетъ себѣ убѣжденіе въ цѣлесообразности примѣненія наказанія къ подобнымъ себѣ не иначе, какъ по суду, авторъ устанавливаетъ два положенія. а) Въ обществѣ, въ которомъ, какъ въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима, господствуетъ рабство, не можетъ быть личной свободы и неприкосновенности личности, будетъ-ли господствовать рабство въ чистомъ видѣ или нѣсколько очищенномъ, каково крѣпостное состояніе. Этимъ положеніемъ А. Ө. Кистяковскій, вслѣдъ за Бенжаменомъ-Констаномъ, опровергаетъ довольно распространенное въ обществѣ убѣжденіе, что въ древнихъ республикахъ и особенно въ Римѣ человѣкъ обладалъ величайшею личною свободою и неприкосновенностью. Такое убѣжденіе есть грубая ошибка, проистекающая изъ того, что, вслѣдъ за воззрѣніемъ древнихъ, свобода и личная безопасность немногихъ привиллегированныхъ гражданъ принимается за свободу и безопасность человѣка вообще въ государствѣ. При томъ неприкосновенность личности и этихъ немногихъ крайне шатка и въ сущности призрачна, ибо достаточно честолюбія одного, способнаго опереться на инстинкты угнетенныхъ, чтобы ее перевернуть вверхъ дномъ, сначала фактически, а потомъ и юридически, какъ это дѣйствительно и было въ Римѣ. в) Нѣтъ свободы и неприкосновенности въ государствѣ, въ которомъ всякій гражданинъ можетъ быть безъ суда сосланъ, арестованъ, заключенъ въ тюрьму, отданъ подъ надзоръ полиціи и т. д. Если общество или государство не желаетъ вѣчно стоять на вулканѣ, оно должно превратить въ положительный законъ слѣдующее правило: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію и какому бы то ни было стѣсненію свободы или взысканію иначе, какъ по

суду. Правило это—достояніе новѣйшей общественности, отвергнувшей рабство, совершенно чуждо учрежденіямъ древнихъ и даже неизвѣстно мыслителямъ того времени. Впрочемъ и въ новѣйшей общественности оно лишено было практическаго значенія, за исключеніемъ Англіи, до позднѣйшаго времени. Правда, еще въ концѣ XVIII вѣка французская революція провозгласила правило, о которомъ идетъ рѣчь, но оно дѣятелями этой-же послѣдней было попрано и потоптано самымъ рѣзкимъ образомъ, напомнившимъ самыя худшія времена абсолютизма. Можно положительно сказать, что въ этой революціонной дѣятельности лежали причины непрочности и неустойчивости всѣхъ послѣдующихъ правительствъ Франціи.

Практическому осуществленію положеній о неприкосновенности личности гражданина и наказуемости его не иначе, какъ по суду, предшествовала теоретическая постановка вопроса о правѣ опредѣленія наказаній помимо суда, возникшая только послѣ улучшеній въ уголовномъ процессѣ и появленія идеи отдѣленія власти судебной отъ административной. До этого времени, вслѣдствіе смѣшенія суда и администраціи и господства въ уголовномъ процессѣ элементовъ самаго грубаго насилія, никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣетъ-ли право администрація по своему произволу подвергать гражданъ наказаніямъ. Постановка названнаго вопроса породила двѣ теоріи—нѣмецкую и французскую. Первая, представителемъ которой является Эйзенгардтъ, не была новостью: она представляла только теоретическую защиту того, что существовало фактически; она хотѣла оправдать старые порядки подъ благовиднымъ предлогомъ общественной безопасности. По ученію Эйзенгардта, противъ навлекшаго на себя подозрѣніе должно быть примѣняемо не наказаніе, а *мѣры безопасности*, какъ напримѣръ, тюрьма, ссылка, отдача подъ надзоръ полиціи, которыя, не преслѣдуя цѣли причинить лицу подозрительному матеріальное зло, имѣютъ своею задачею не возстановленіе уваженія и силы закона, какъ это бываетъ при наказаніи, а лишь отвращеніе опасности, согласно съ чѣмъ органомъ этихъ мѣръ должна быть полицейская власть. Вторая-же теорія, выработанная довольно рано въ Англіи и нашедшая себѣ энергическихъ защитниковъ въ французскихъ теоретикахъ XVIII и XIX вѣка, особенно въ лицѣ Бенжамена-Констана, явилась для континентальныхъ государствъ, какъ совершенная новость:

она возвѣстила личную неприкосновенность гражданина, основавъ ее на отрицаніи справедливости какихъ-либо наказаній и взысканій, опредѣляемыхъ по произволу и усмотрѣнію администраціи. Французская теорія вскорѣ была признана и нѣмецкой наукой за истинновѣрную и въ началѣ XIX вѣка мало по малу вошла въ положительный законъ. Согласно началамъ этой теоріи въ основныхъ законахъ европейскихъ народовъ приняты слѣдующія правила въ огражденіе личной неприкосновенности: a) никто безъ суда и помимо суда не можетъ быть ни привлеченъ къ отвѣтственности предъ судомъ, ни наказанъ; b) никто не можетъ быть судимъ, осужденъ и приговоренъ къ наказанію иначе, какъ на точномъ основаніи закона и съ строгимъ соблюденіемъ точно установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и c) предварительный арестъ по общему правилу есть дѣйствіе судебной власти, подчиняющееся извѣстнымъ формальностямъ. Изложенная статья весьма цѣнна, какъ восполняющая существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ въ обстоятельномъ изложеніи теоріи и исторіи вопроса о гарантіи свободы и неприкосновенности личности.

2) «Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы» (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, 1879 г., № 2 и 3). Эта статья, какъ показываетъ и ея заглавіе, написана въ виду тѣхъ реформъ въ судебной организаціи во Франціи, которыя были предприняты республиканскимъ правительствомъ, постоянно встрѣчавшимъ рѣшительное противодѣйствіе своимъ законнымъ распоряженіямъ въ судебной магистратурѣ и рѣшившимся поэтому нарушить самый принципъ несмѣняемости судей. Изложивъ на основаніи двухъ работъ: 1) Barrot, De l'organisation Judiciaire en France, 1872 г. и 2) Jules Favre, De la reforme Judiciaire, 1877 г. исторію французской магистратуры и недостатки ея организаціи, въ числѣ коихъ едва-ли не первое мѣсто принадлежитъ способу назначеній на должности и повышеній, авторъ заключаетъ свою статью мнѣніемъ, что недостатки французской магистратуры несомнѣнно доказываютъ невозможность одной несмѣняемостью создать независимость и самостоятельность судейскаго сословія въ его дѣятельности, а потому старая доктрина о значеніи несмѣняемости безъ дальнѣйшихъ оговорокъ должна быть разъ навсегда покинута. Такимъ образомъ Александръ Ѳедоровичъ высказалъ полупризнаніе цѣлесообразности

задуманныхъ въ то время французскимъ правительствомъ реформъ въ дѣлѣ судебной организаціи.

Послѣднимъ цѣннымъ вкладомъ, который сдѣланъ въ науку уголовнаго права Александромъ Ѳедоровичемъ, было второе изданіе его элементарнаго учебника общаго уголовнаго права, вышедшее въ 1882 году. Это изданіе, увеличенное противъ прежняго болѣе, чѣмъ въ двое, представляетъ существенныя дополненія, среди которыхъ наиболѣе выдается историческій очеркъ науки уголовнаго права—работа солидная, весьма цѣнная не только для нашей литературы, но и для иностранной, въ которой, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного столь цѣльнаго и обстоятельнаго очерка. Въ предисловіи къ послѣднему авторъ доказываетъ, что установленный Іерингомъ общій законъ развитія права, какъ органическаго явленія, подобнаго языку и религіи, вполнѣ примѣнимъ и къ области уголовнаго права, которое есть только закрѣпленіе правовыхъ отношеній, выработанныхъ народною жизнью. Согласно съ симъ и наука уголовнаго права есть только объясненіе, развитіе и углубленіе тѣхъ понятій, которыя живутъ въ сознаніи общества о преступленіи и наказаніи, и самыя повидимому оригинальныя философскія построенія криминалиста, будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ или въ такъ называемомъ обществѣ. Но отношенія народной жизни не остаются неизмѣнными: будучи произведеніемъ человѣка, существа развивающагося, они вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣняются, что въ свою очередь влечетъ соотвѣтственныя движенія, перемѣны въ уголовныхъ законахъ, какъ закрѣпленіи выработаннаго, и въ самой наукѣ уголовнаго права. Отсюда возникаютъ два закона, которымъ подчиняется эта наука—законъ постоянствъ и движенія; дѣйствіе послѣднихъ проявляется въ разныхъ сочетаніяхъ—то въ видѣ равновѣсія, то въ видѣ преобладанія одного закона надъ другимъ. За предисловіемъ слѣдуетъ 1) самый очеркъ исторіи науки уголовнаго права, начиная съ древнихъ народовъ и кончая XVIII и XIX столѣтіями, 2) простое и ясное изложеніе теорій наказанія, съ довольно мѣткой критикой, 3) изученіе природы и объема юридическаго значенія вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіями, составившее содержаніе новой, лишней сравнительно съ учебникомъ

1875 года главы и 4) наконецъ подробное изложеніе постановленій русскаго законодательства съ кассаціонной практикой.

Кромѣ перечисленныхъ монографій и статей по уголовному праву, Александръ Ѳедоровичъ написалъ цѣлый рядъ рецензій на многія лучшія работы русской и иностранной литературы этого права, перечисленіе которыхъ можно найти въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ кіевскаго университета. Въ этомъ перечнѣ недостаетъ послѣдней рецензіи, конченной печатаніемъ въ газетѣ «Заря» уже по смерти автора, а именно—по поводу изслѣдованія Д. Дриля «Малолѣтніе преступники».

Наконецъ перу Александра Ѳедоровича принадлежатъ также нѣкоторыя работы по обычному праву, изученію котораго въ послѣдніе годы своей жизни онъ предавался до страсти и успѣлъ собрать богатѣйшіе матеріалы, свести во едино и разработать которые составитъ долгъ будущихъ изслѣдователей. Между работами по обычному праву солидное мѣсто занимаютъ слѣдующія три:

1) Программа для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву (Кіевъ, 1878 г.), въ которомъ, между прочимъ, помѣщенъ цѣнный очеркъ литературы этого права. Программа изобличаетъ глубокое знакомство Александра Ѳедоровича съ тѣмъ, что было сдѣлано въ то время по обычному уголовному праву, и составлена такъ просто и искусно, что чрезвычайно облегчила послѣдующее собираніе и записываніе уцѣлѣвшихъ народныхъ обычаевъ и преданій о нихъ для всякаго, кто готовъ былъ заняться этимъ дѣломъ. Программа Александра Ѳедоровича по уголовному праву по достоинству не имѣетъ соперницъ.

2) Статья подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа», помѣщенная въ Запискахъ императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи т. VIII. Эта небольшая работа, предлагающая чрезвычайно интересную, мастерски нарисованную картину цензуры нравовъ, которую проявляетъ народъ во время совершенія браковъ въ Малороссіи, составлена отчасти на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ въ Сборникахъ Терещенко и Чубинскаго, а больше на основаніи личныхъ наблюденій нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ Александра Ѳедоровича. По мнѣнію автора, болѣе глубокое

изученіе жизни нашего народа приводитъ къ убѣжденію, что его бытъ сохранилъ многія архаическія черты, изъ коихъ нѣкоторыя гораздо древнѣе происхожденія русскаго государства. Названное убѣжденіе, между прочимъ, подкрѣпляется сохранившимися обрядами брачнаго торжества. Послѣдніе совершаются съ извѣстною пунктуальностію и являются чѣмъ-то на столько необходимымъ и важнымъ, что безъ нихъ бракъ не въ бракъ: малороссійское *весилля* это цѣлая драма, непремѣнно имѣющая своего дирижера въ лицѣ ветхой, но опытной старухи, сидящей на печи, напоминающей, что зачѣмъ должно слѣдовать, и наблюдающей за тѣмъ, чтобы ничто важное не было опущено; отсюда выраженіе «играть весилля, играть свадьбу». При исполненіи этихъ обрядовъ каждое лицо, приглашенное для извѣстнаго назначенія, играетъ свою роль, а всѣ лица, исполняющія эту драму, составляютъ то общество, которое заинтересовано въ исполненіи этихъ обрядовъ. Къ числу этихъ обрядовъ принадлежатъ тѣ, во первыхъ, которыми сопровождается удостовѣреніе, сохранила-ли невѣста до брака цѣломудріе или нѣтъ, а во вторыхъ тѣ, которыми проявляется выраженіе въ первомъ случаѣ одобренія, похвалы, радости, а во второмъ порицанія, позора и неудовольствія. Описавъ затѣмъ эти обряды, авторъ въ концѣ статьи указываетъ важное значеніе изученія юридическихъ обычаевъ народа; по его мнѣнію, оно должно пролить свѣтъ на многіе темные пункты исторіи уголовнаго права, какъ, напримѣръ, причины прежней тяжкой наказуемости, до смертной казни включительно, нѣкоторыхъ преступленій противъ нравственности, напр. прелюбодѣянія, незаконнаго сожительства и т. п. Подобное изученіе, по мнѣнію автора, со временемъ скорѣе приведетъ къ познанію первоначальнаго источника многихъ юридическихъ институтовъ, чѣмъ постоянное обращеніе къ римскому и церковному праву—этой альфѣ и омегѣ всѣхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

3) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ» (Кіевъ, 1879 г.). Этотъ очеркъ написанъ по поводу рукописи, заглавіе которой приведено, полученной А. Ѳ. Кистяковскимъ во время археологическаго съѣзда 1874 г. и заключающей въ себѣ обширный сводъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ XVII и въ XVIII вв. Издавая въ свѣтъ эту рукопись,

Александръ Өедоровичъ счелъ нужнымъ предпослать своему изданію изслѣдованіе поводовъ, которые послужили къ составленію свода, условій и способовъ послѣдняго, а также тѣхъ главныхъ источниковъ, изъ которыхъ составленъ сводъ, а именно литовскаго статута и книгъ магдебургскаго права. Это изслѣдованіе показываетъ, что поводомъ къ составленію свода послужили двѣ причины: во 1-хъ разнообразіе законовъ, въ числѣ коихъ были магдебургскіе и саксонскіе статуты, и противорѣчіе однихъ другимъ, а во 2-хъ печальное положеніе правосудія. Что касается литовскаго статута и магдебургскаго права, какъ источниковъ свода, то по мнѣнію Александра Өедоровича, система и идея перваго легли въ основаніе изслѣдуемаго памятника, служа руководствомъ и авторитетомъ для ея составителей. Эта идея впрочемъ подверглась въ сводѣ, подъ вліяніемъ магдебургскаго права, или значительному развитію и болѣе обстоятельному изложенію въ первоначальномъ своемъ духѣ, или-же замѣтному видоизмѣненію въ духѣ магдебургскаго права или давнихъ обычаевъ. Поэтому вліяніе двухъ послѣднихъ источниковъ, отразилось прежде всего видоизмѣняющимъ и развивающимъ образомъ на нѣкоторыхъ положеніяхъ основнаго закона—литовскаго статута; но кромѣ того они часто являются первоисточниками, легшими въ основаніе многихъ положеній свода; въ послѣднемъ есть главы, которыя цѣликомъ или почти цѣликомъ заимствованы изъ магдебургскаго права; обычное-же право не только послужило основою для многихъ положеній свода, но признано здѣсь тѣмъ неписаннымъ правомъ, къ которому судьи должны обращаться, когда писанное право не даетъ отвѣта на извѣстный случай. Это изданіе Александра Өеодоровича, результатъ усиленнаго труда нѣсколькихъ лѣтъ, представляетъ собою весьма важный вкладъ въ исторію нашего права; оно не только даетъ основательное изслѣдованіе недавно открытаго памятника, но проливаетъ новый свѣтъ на значеніе вообще особыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи и въ частности на роль и судьбу литовскаго статута и Магдебургскаго права, опредѣленію которыхъ авторъ-издатель посвятилъ особую главу въ своемъ трудѣ.

Очертивъ научную дѣятельность профессора А. Ө. Кистяковскаго, которая, кажется, достаточно говоритъ сама за себя, я не могу заключить свой очеркъ иначе, какъ глубокимъ сожалѣніемъ объ

утратѣ для русской науки уголовнаго права, въ лицѣ Александра Ѳедоровича, не только такого ученаго, который двигалъ ее впередъ своимъ трудомъ, но и такого, который умѣлъ разлить вокругъ себя уваженіе и любовь къ наукѣ и вдохнуть охоту къ научнымъ работамъ во всякого, кто былъ къ тому способенъ. Авторъ этихъ строкъ, ученикъ и другъ покойнаго, именно Александру Ѳедоровичу обязанъ не только первой искрой любви къ наукѣ, но и болѣе глубокимъ ея развитіемъ.

Л. Бѣлогриць-Котляревскій.

НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

Голубе мій сивый-волохатый,
Братику риденькій!
Чи зъ-зи сходу сонця, чи зъ заходу тябе вызирати?
Мы жъ до тебе й на тропокъ не влучимо,
И де подивсь еси, згаснувши, не вгадаемо.

—

Не диждавсь еси насъ, орле,
Не звеливъ у дрсты пекрострунни дзвонити,
Про свою далеку дорогу насъ обохъ сповистити.
Поспишавсь у велику путь,
Не давъ часу намъ у сыру землю чоле схилити,
Твій таемничій тропокъ слизьми скропити,
Винокъ на твоій домовыни зложити.

—

Орле сизоперый, пышный-величный!
И докоромъ горкимъ тяжко тебе корити,
И свого серця трудного не здолію мовчанкою вviolation.

I.

Николая Ивановича Костомарова я увидала впервые въ Кіевѣ въ 1847 году, проѣздомъ за границу. Я тогда была въ тревожномъ состояніи: оставила мать, родныхъ, родину и не ясно понимала, что значитъ провести нѣсколько лѣтъ среди чужихъ народовъ, какъ это было предположено. Образъ Костомарова едва скользнулъ по моей душѣ.

Очутясь въ Петербургѣ, я составила себѣ о немъ представленіе всего больше по разсказамъ его невѣсты. Обѣихъ насъ иску-

шало желаніе видѣть хоть на секунду затворниковъ III-го Отдѣленія. Мы составляли заговоръ, чтобы переодѣться охтенками, купить себѣ жестяныя ведра, наполнить ихъ хоть водой, проникнуть во дворъ III-го Отдѣленія и кричать: «хорошее, неподдѣльное молоко!» Мы были увѣрены, что, узнавъ наши голоса, дорогіе намъ затворники, которыхъ окна выходили во дворъ, бросятся къ желѣзнымъ рѣшеткамъ, и мы увидимъ ихъ обоихъ. Уже при одной этой мечтѣ у насъ голова кружилась и сердце радостно и печально замирало. Мы восторженно другъ друга обнимали и не могли дождаться утра, чтобы привести свой планъ въ исполненіе. Но старшій братъ мой, Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, котораго мы посвятили въ свою тайну, сказалъ намъ, что мы этимъ можемъ только повредить узникамъ. Онъ былъ нашимъ руководителемъ въ столицѣ, и мы положились на его опытность.

Съ горестью должны были мы отказаться отъ своей романической затѣи,—тѣмъ болѣе, что въ III Отдѣленіи съ нами, т. е. съ матерью Костомарова, съ его невѣстой и со мною, обращались очень внимательно. Генералъ Дубельтъ меня называлъ своей дочерью, увѣщевалъ меня осушить свои слёзы и обнадеживалъ благополучнымъ исходомъ дѣла, хотя при этомъ говаривалъ: «ахъ, какую вашъ мужъ написалъ опасную книжку! Что это за Повѣсть объ Украинскомъ Народѣ? Недоставало пороху, чтобы все вспыхнуло».

Я всякій разъ отвѣчала на это: «книжка моего мужа издана съ дозволенія цензуры. Развѣ онъ тайно ее напечаталъ?»

Не знаю, до какой степени говорилъ искренно генералъ Дубельтъ, выражая мнѣ свое участіе; но въ персоналѣ III-го Отдѣленія дѣйствительно были люди, проникнутые чувствомъ искренняго состраданія къ намъ. Однажды, когда я съ матерью Костомарова вошла въ пріемную, обѣ измученныя неутѣшными слезами, одинъ изъ чиновниковъ укоризненно указалъ на насъ доносчику Петрову, сказавъ: «это г-жа Кулишъ и г-жа Костомарова».

Вторично я увидала Н. И. Костомарова въ крѣпости, о чемъ разскажу ниже, а въ третій разъ—въ Петербургѣ, по возвращеніи его изъ Саратова. Помню, какъ нетерпѣливо ждали его пріѣзда друзья его, собравшіеся у его почитателя и друга, моего другого брата, Василія Михайловича Бѣлозерскаго. Въ числѣ ихъ были мужъ мой, Симоновъ (Номисъ), польскій поэтъ Желиговскій и многіе

другіе. Но Костомаровъ не пріѣхалъ въ тотъ день. На улицѣ, когда я уходила раньше другихъ домой, мнѣ почудился его голосъ до такой степени, что слова, произнесенныя кѣмъ-то у меня за спиной и совсѣмъ не ко мнѣ относившіяся, заставили меня остановиться. Я все думала о немъ.

По пріѣздѣ его въ Петербургъ, вскорѣ вышла его книга: «Стенька Разинъ». Она мнѣ очень понравилась; я купила три экземпляра и подарила своимъ роднымъ. Въ то время издавался украинскій журналъ «Основа», въ которомъ были напечатаны маленькіе мои разсказы изъ повседневной жизни украинскаго народа. Ему эти разсказы нравились. Николай Ивановичъ говорилъ иногда со мной о народной жизни, о повѣрьяхъ народа, объ обрядныхъ пѣсняхъ; впрочемъ я вскорѣ уѣхала въ Малороссію, и наше знакомство прервалось.

Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, Костомаровъ пріѣхалъ въ Варшаву. Бывалъ у насъ часто. Насмотрѣлась я тогда на него и наслушалась его бесѣдъ, насколько это возможно. Костомаровъ былъ очень разборчивъ въ ѣдѣ. Раньше я была свидѣтельницею, какъ онъ критиковалъ у своей матушки масло къ чаю, говоря, что отъ этого масла его «морозитъ»; теперь я боялась, чтобъ и у насъ его не морозило. Но, къ удивленію моему, гостю чрезвычайно понравились приготовленные мною маринованные грибы и вообще къ нашему обѣду и ужину относился онъ благосклонно. Что касается маринованныхъ грибовъ, то безъ нихъ не обходился ни одинъ мой герасъ. Такъ и родной всѣмъ намъ украинцамъ Шевченко, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, до того полюбилъ маринованную мною корюшку, что я постоянно снабжала ею студію художника поэта. Онъ былъ моимъ старшимъ *бояриномъ*, и мнѣ было пріятно служить ему. Съ именемъ Костомарова всегда соединяется въ моей душѣ имя Шевченка.

Счастливые дни и вечера! Умная рѣчь этихъ людей, озаренныя вдохновеніемъ ихъ лица восхищали меня невыразимо. Я заслушивалась, когда Костомаровъ бесѣдовалъ съ моимъ мужемъ по церковно-славянски. Это было его любимою забавою. Не всѣ предметы ихъ бесѣды были доступны для меня, но я любила смотрѣть на историка, воображавшаго себя Несторомъ лѣтописцемъ или аѳонскимъ отшельникомъ и отъ шутки мало по малу переходившаго

къ серьезному лицедѣйствію. Шевченко любилъ столько-же языкъ нашихъ кобзарей и ихъ думъ, сколько его другъ церковно-славянщину, и часто просилъ моего мужа прочитать ему то про Ганжу Андыбера, то про вдовиченка Коновченка и т. д. Онъ любилъ его дикцію, и всякій разъ приходилъ въ такое восхищеніе отъ народнаго нашего эпоса, какъ будто слышалъ декламацію кобзарскихъ думъ впервые.

Всегда благословляла я судьбу за общеніе съ такими людьми, какъ мужъ мой, Костомаровъ и Шевченко. Во время ихъ задушевныхъ и шуточныхъ бесѣдъ, я молодѣла противъ лѣтъ, и Костомаровъ говаривалъ мнѣ не разъ: «вы не перемѣняетесь, Александра Михайловна». Даже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда мы встрѣтились въ Москвѣ, онъ повторилъ мнѣ свой комплиментъ, а я отвѣтила ему стихомъ украинской пѣсни:

За хорошимъ чоловикомъ жинка молодіе.

Въ награду мнѣ за это, раздавался великолѣпный, звонкій, задушевный смѣхъ Костомарова. Онъ смѣялся, закидывая голову. Никто не смѣялся такъ отъ души и такъ молодо, какъ онъ.

II.

Возвращаюсь къ варшавскому нашему общенію. Однажды Николай Ивановичъ предложилъ мнѣ идти въ катакомбы святокрижскаго костела. Онъ уже былъ въ нихъ и осмотрѣлъ всѣ гробницы. Объ одной покойницѣ XVII вѣка онъ говорилъ, что она удивительно хорошо набальзамирована, что онъ ее посадилъ и она была гибкая, мягкая, какъ живая. Я согласилась на оригинальное предложеніе и пригласила съ собой мою племянницу. Спустились мы въ подземелье; прошли нѣсколько мрачныхъ пустыхъ отдѣленій, потомъ онъ зашелъ въ какую-то келію и оттуда вышелъ въ сопутствіи капуцина, который и повелъ насъ далѣе, давъ намъ въ руки по восковой свѣчкѣ.

Страхъ охватилъ меня. Глухой гулъ шаговъ томительно раздавался подъ молчаливыми сводами; но я собрала все свое мужество, не показываю страха. Идемъ: впереди капуцинъ, за нимъ Костомаровъ, потомъ я и моя племянница. Капуцинъ останавливается у каждой надгробной доски въ стѣнѣ и читаетъ. Племянница

моя дрожитъ, жмется ко мнѣ и развлекаетъ мое вниманіе. Чтобъ ей не было такъ страшно, я послала ее впередъ, сама стала идти въ арріергардѣ. Гулъ нашихъ шаговъ раздавался глуше, все глуше. И меня пробираетъ ужасъ. Я страшусь оглянуться назадъ, точно кто-то хватаетъ меня за плечи холодными руками и дышетъ сзади холодомъ. Свѣчи тускнѣютъ; но въ выраженіи Николая Ивановича сіяетъ что-то очаровательное, хоть и не понятное для насъ. Къ чему онъ такъ восторженно стремится? Не боится онъ ни сырости, ни странныхъ, какихъ-то могильныхъ звуковъ изъ устъ капуцина.

Чѣмъ дальше углубляемся въ катакомбы, тѣмъ больше сердце наше, что называется по украински, вянетъ. Катакомбы дѣлаются все мрачнѣе; свѣчи все больше тускнѣютъ. По угламъ стоитъ густая, неподдающаяся освѣщенію темнота.

Но вотъ мы почти уже достигаемъ цѣли. Костомаровъ такъ насъ намагнитизировалъ, что мы безсознательно несемся за нимъ, хотя и трепещемъ и сердце у насъ, что называется не на мѣстѣ. Одинъ онъ сіяетъ какою-то торжественностью, какимъ то откровеніемъ былаго. Шуба у него сползла съ плечь,—въ экстазѣ, онъ всегда являлся въ шубѣ декольте, такъ что и въ Петербургѣ я узнавала его по шубѣ издали; вдругъ капуцинъ оглянулся на насъ и, замѣтивъ, что наша спутница трусливо жмется ко мнѣ, возвыся голосъ, произнесъ: *umarły wstaje*. Мы обѣ вздрогнули; у обѣихъ насъ подкосились ноги. Въ нѣсколькихъ шагахъ виднѣлся гробъ Маріи (забыла я фамильное имя усопшей), оставалось только видѣть покойницу XVII столѣтія, сохранившуюся точно сонная; но мы были не въ силахъ приблизиться. Ни просьбы Костомарова, ни убѣжденія самаго капуцина не могли насъ успокоить.

Мнѣ представилась амфилада темныхъ безвыходныхъ комнатъ, которую мы прошли. Въ опасную минуту некуда спасаться; кричать было-бы безполезно.

Мы просили объ одномъ: вывести насъ отсюда. Я скоро оправилась, но племянницу свою едва довела подъ руку до выхода изъ катакомбъ. Очень совѣстно было передъ Костомаровымъ: онъ такъ искренно хотѣлъ насъ просвѣтить, а мы оказались еще не доросшими до историческихъ открытій въ царствѣ мертвыхъ. На другой день Костомаровъ одинъ отправился туда и вполнѣ исчерпалъ все, что ему было нужно для его изслѣдованія.

III.

Въ шестидесятыхъ годахъ была я одна въ Петербургѣ. Матушка Костомарова любила меня. Мы общую съ ней чашу горя пили въ несчастливомъ 47 году. Мы являлись вмѣстѣ и въ петропавловскую крѣпость, къ незабвенному по сердцу безрукому коменданту, для свиданья съ тѣми, кто былъ для насъ всего дороже на свѣтѣ. Въ первый разъ мы пришли трепетныя съ просьбой дозволить намъ повидаться. Вышелъ къ намъ суровый съ виду комендантъ.

Слабымъ и дрожащимъ голосомъ первая доложила о своемъ желаніи мать Костомарова, а я еще болѣе робко проговорила такую-же просьбу, потому что у меня былъ въ рукахъ букетъ незабудокъ, перевитый длинной полоской бумаги, испещренной нѣжностями и утѣшеніями, для передачи тому, который былъ теперь въ положеніи государственнаго преступника, но котораго сердце мое называло святымъ. При этомъ я принесла и незапечатанное письмо къ мужу моему, облитое слезами. Трепещущей рукой передала я все это коменданту для цензировки, и жду громоваго удара отъ безрукаго великана. Онъ взялъ, взглянулъ на букетъ, замѣтилъ записочку въ видѣ ленточки, но не сказалъ ни слова, потомъ развернулъ письмо и прочелъ нѣсколько строкъ. У меня начали ноги дрожать... Онъ бросилъ мнѣ обратно письмо, закрылъ лице, заплакалъ и стремительно вышелъ въ третью комнату.

Вскорѣ появился Николай Ивановичъ Костомаровъ, блѣдный, совершенно разстроенный. Одежда его и все остальное сжало мое сердце. Пришелъ, поцѣловалъ руку матери. Разговору не было слышно. Я сидѣла далеко, безмолвная и несчастная. Я думала и о своей матери. Вдали сидитъ жандармъ офицеръ. Всего одну четверть часа свиданья дозволили Татьянѣ Петровнѣ съ сыномъ, а мнѣ съ мужемъ; но я передала ему цвѣты и письмо. Этого не описываю. Слабые, непослушные шаги осужденныхъ унесли отъ насъ все—и серце и душу и дыханіе.

Великодушный братъ мой Викторъ всегда и вездѣ сопутствовалъ мнѣ въ моихъ печальныхъ странствованіяхъ по петербургскимъ мытарствамъ. Безъ него мы обѣ неспособны были оказать другъ другу никакой человѣческой помощи. Мы бы упали и умерли тутъ же въ крѣпости.

И такъ въ шестидесятыхъ годахъ я пріѣхала въ Петербургъ одна. Татьяна Петровна и Николай Ивановичъ встрѣтили меня радушно, оставили меня у себя обѣдать. Татьяна Петровна за обѣдомъ угощала меня любимыми кушаньями Костомарова—солянкой изъ свѣжей осетрины и рисовой кашей съ изюмомъ. Меня поразило, что сама она ничего не ѣла: она нѣсколько лѣтъ питалась однимъ чаемъ.

Меня пригласили бывать у нихъ по вторникамъ, когда у Николая Ивановича собирались литературные пріятели; но я посѣщала ихъ въ неопредѣленное время. Мы часто бывали съ нимъ въ театрѣ. Николай Ивановичъ всякій разъ пріѣзжалъ за мной. Однажды жду, жду,—его нѣтъ. Я думала, что не будетъ совсѣмъ. Вдругъ звонокъ, и входитъ вмѣсто него Татьяна Петровна. Меня это встревожило. Но она меня тотчасъ успокоила. «Николаша мой извиняется передъ вами, не могъ быть сегодня самъ; то на свое мѣсто меня послалъ къ вамъ. Только, что собрался ѣхать къ вамъ, какъ Толстой пріѣхалъ и взялъ его. Сегодня, говоритъ, будутъ ставить на сцену мою пьесу «Іоаннъ Грозный», будетъ репетиція».

Такъ я невольно заставила Татьяну Петровну перемѣнить свою иноческую жизнь на свѣтскую. Давали «Русалку» Пушкина. Мы обѣ остались довольны игрой и великолѣпными декораціями.

Добрѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ не замедлилъ явиться ко мнѣ съ предложеніемъ смотрѣть вмѣстѣ съ нимъ и «Іоанна Грознаго», и многія другія пьесы.

Потомъ еще ѣздили мы въ школу стенографіи. Она была тогда въ модѣ. Зала была полна учащихся всѣхъ возрастовъ. Потомъ еще однажды ѣздили мы вмѣстѣ въ греческую церковь; но къ богослуженію опоздали, осмотрѣли только церковь съ ея прекрасною живописью и изящною деревянною скульптурою.

Когда бывалъ у меня Костомаровъ, мы больше всего съ нимъ говорили о родинѣ. Онъ удостоивалъ меня своихъ серьезныхъ размышленій о бывшей и возможной въ будущемъ роли нашего народа, отъ серьезныхъ размышленій переходилъ къ анекдотамъ, шуткамъ, и почти всегда я видѣла его веселымъ. Часто онъ говорилъ мнѣ: «найдите мнѣ невѣсту. Я женюсь безъ всякаго колебанія, если *вы* найдете мнѣ невѣсту».

Но гдѣ-же было искать подходящей ему жены? Несчастье одиночества его происходило отъ его превосходства, какъ это случается въ жизни часто. Такъ, бывало, мы потолкуемъ, посмѣемся да и закончимъ этимъ свиданіе. Искомое было не находимо.

IV.

Въ послѣдній разъ я видѣла Костомарова въ Москвѣ, все такимъ-же веселымъ, жаждущимъ живой бесѣды, цѣнящимъ каждое доброе или умное слово собесѣдника. Я всегда находила безмѣрное, безпредѣльное удовольствіе въ томъ, чтобы слушать Костомарова, когда онъ говорилъ съ моимъ мужемъ, хотя-бы о самыхъ спеціальныхъ предметахъ. Иной разъ ихъ споры, доводы, разсказы и воспоминанія продолжались часа по два. Я забывала о себѣ и не скучала тѣмъ, что не могла быть ни судьею, ни участникомъ ихъ исторической, часто религіозной, часто и политической бесѣды. Съ обѣихъ сторонъ не было ни пристрастія къ себѣ, ни раздраженія. Они бесѣдовали мирно, называя другъ друга по монашески: «отче Николае! отче Пантелеймоне»! Когда-же Николай Ивановичъ бывалъ особенно доволенъ своимъ собесѣдникомъ, или особенно хотѣлось ему быть убѣдительнымъ, онъ восклицалъ какъ-то трогательно: «честнѣйшій отче Пантелеймоне!» на что получалъ въ отвѣтъ: «честнѣйшій отче Николае!» Дорогія для меня имена! незабвенныя имена! вы не соедините уже въ одномъ бесѣдованіи о тайнахъ былой и будущей жизни, которая для обоихъ васъ была такъ дорога. Рѣчь у нихъ лилась потокомъ, точно цѣлыя лѣтописи и архивныя связки расплавливались въ горнилѣ ихъ ума. Святое, невозвратное время! Для меня эти бесѣды были лучше всякихъ концертовъ.

Николай Ивановичъ это чувствовалъ: онъ зналъ, что я, не умѣя поддержать бесѣды ученой, умѣла цѣнить ее; что я восхищалась не однимъ краснорѣчіемъ его, но каждымъ его движеніемъ, звуками его голоса и его задушевнымъ, все еще молодымъ смѣхомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ и добръ ко мнѣ. Онъ щедро расточалъ передо мной свое духовное богатство. Перомъ тебѣ земля, великій и благоволящій человѣкъ!

А. Кулишъ.

Возваніе конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу.

(около 1733 года).

Въ послѣднее десятилѣтіе заправители польской политики не разъ выдвигали вопросъ о примиреніи съ русскими, забвеніи всего прошлаго, равенствѣ и братствѣ, горячо иногда дебатирующійся въ печати и устныхъ бесѣдахъ. Остроумное напоминаніе недавно умершаго историка нашего Н. И. Костомарова о деревянномъ конѣ, ввезенномъ греками въ Трою, хотя временно озлило, но не остановило ихъ. Пройдетъ годъ-другой, и вновь гдѣ нибудь на берегахъ Вислы и даже Сены, въ Галиціи или Познани, поднимется тотъ же вопросъ и дебатируется съ паѳосомъ, приводящимъ къ мысли, что троянскій конь остался гдѣ-то далеко назади. Всего любопытнѣе въ этихъ дебатахъ то, что главнымъ мотивомъ необходимости примиренія выставляется опасность, грозящая полякамъ и русскимъ, и гораздо болѣе послѣднимъ, со стороны общаго врага славянъ—нѣмца.

Маневръ далеко не новый. Любопытный образчикъ подобнаго заигрыванья поляковъ съ русскими, въ видахъ будто-бы дружной борьбы противъ нѣмцевъ, найденъ нами въ бумагахъ покойнаго профессора Н. Д. Иванишева и относится къ тому далекому времени, когда Польша впервые почувствовала надъ собою тяжелую руку державъ, впослѣдствіи ее раздѣлившихъ. Это возваніе шляхты сандомирскаго воеводства къ русскому народу, время появленія котораго ученый нашъ историкъ полагалъ около 1733 г., но которое вѣроятнѣе, кажется, будетъ относить именно къ этому году. Дѣло шло тогда о замѣщеніи польскаго престола; вся почти Европа заинтересована была этимъ вопросомъ. Два кандидата оспаривали другъ у друга польскую корону: Станиславъ Лещинскій, бывшій уже однажды на польскомъ престолѣ, но отрекшійся отъ него, и курфирстъ саксонскій Августъ, сынъ умершаго предъ тѣмъ польскаго короля. Перваго, какъ природнаго поляка и слабаго короля, же-

лала наиболѣе либеральная и патріотическая часть польскаго шляхетства, а поддерживала Франція въ союзѣ съ нѣкоторыми другими державами; второй былъ выдвинутъ Австріею и дѣятельно поддержанъ Россіею, войска которой вступили въ Польшу. Въ Россіи между тѣмъ именемъ императрицы Анны Іоановны царилъ въ ту пору кровожадный Биронъ, въ короткое время успѣвшій заявить себя сколько покровительствомъ своимъ единоземцамъ, столько-же и жестокимъ преслѣдованіемъ всего русскаго. Этимъ-то печальнымъ для Россіи обстоятельствомъ старается воспользоваться сандомірская шляхта, чтобы разстроить столь невыгодный для ея цѣлей союзъ Австріи и Россіи и остановить двинутыя послѣднею войска. Моментъ былъ повидимому вполнѣ благопріятный и шляхта пользуется имъ съ замѣчательною ловкостью, но вмѣстѣ съ свойственнымъ ей легкомысліемъ и безстыдствомъ: она задѣваетъ самыя нѣжныя и уже сильно наболѣвшія чувства русскихъ — національную ихъ честь и самолюбіе, выставляетъ на видъ то постыдное иго нѣмецкое, отъ котораго они въ то время терпѣли, старается увѣрить ихъ, что «поколѣніе царей русскихъ прекратилось» и объявленный тогда наслѣдникъ русскаго престола не имѣетъ кровной связи съ прежнею династіею, съ своей точки зрѣнія изображаетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европѣ и настоятельно убѣждаетъ, оставивъ въ покоѣ Польшу, произвести у себя ни болѣе, ни менѣе, какъ полный *coup d'etats* и этимъ путемъ не только избавиться отъ господства нѣмцевъ, но въ одинъ разъ добиться той златой вольности, которую она, шляхта, вѣками завоевала для себя, отнявъ власть у королей. Понятно, что подъ именемъ народа русскаго, къ которому на этотъ разъ взываетъ сандомірская шляхта, она разумѣетъ только равное ему дворянство русское, а до того, въ какомъ положеніи очутились-бы при выхваляемыхъ ею вольностяхъ прочіе классы русскаго народа, ей дѣла нѣтъ, какъ не было дѣла и у себя дома. Она соболѣзнуетъ правда о той части «козацкаго народа», которая, отдѣлясь отъ Польши подъ русскую державу, терпѣла теперь отъ нѣмецкаго ига вмѣстно памятной ему польской свободы, но забываетъ о той части этого-же народа, которая, оставшись противу воли за Польшею, не знала, какъ вырваться изъ ея объятій и, какъ къ послѣднему для того средству, прибѣгала къ поголовному почти гайдамачеству.

Конечно, мудрый совѣтъ сандомірской шляхты не могъ встрѣтить сочувствія въ русскомъ народѣ и ей самой потерею ойчизны пришлось увѣриться въ томъ, что на золотой шляхетской вольности нельзя построить ни политическаго могущества, ни общественнаго благополучія: тѣмъ не менѣе ея воззваніе къ русскому народу остается весьма интереснымъ памятникомъ политико общественныхъ стремленій польской шляхты и ея отношеній къ намъ, не забытыхъ ею и доселѣ и служащихъ основою возобновляемой отъ времени до времени игры въ дружбу и братство съ русскими для общей борьбы противъ нѣмцевъ.

Рукопись, по которой мы печатаемъ это любопытное воззваніе, писана хорошо знакомымъ намъ почеркомъ покойнаго Николая Дмитріевича и имѣетъ не

мало поправокъ; послѣднее указываетъ на то, что это есть имъ-же сдѣланный переводъ съ польскаго списка или же подлинника, найденнаго, имъ по всей вѣроятности, во время неоднократныхъ его поисковъ въ польскихъ архивахъ. Содержаніе воззванія и извѣстная всѣмъ добросовѣстность и крайняя осторожность умершаго ученаго не допускаютъ никакого сомнѣнія въ подлинности памятника, хотя первоначальнаго источника его мы и не можемъ указать.

Пресвѣтлое воеводство сендомирское возложило на меня обязанность немедленно изъявить и засвидѣтельствовать искреннее благорасположеніе нашей Рѣчи Посполитой къ русскому народу и войску, по случаю нынѣшняго вторженія войскъ московскихъ въ Польшу. Исполняя эту обязанность, я, на основаніи постановленія сендомирской конфедераціи, объявляю всему свѣту, симъ своимъ манифестомъ, нижеслѣдующее.

Никогда мы не терпѣли болѣе тяжкой обиды. Все свое несчастное положеніе Рѣчь Посполитая приписываетъ не столько единоплеменной русской націи, сколько иному народу, посягающему на вольность польскаго народа. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ проницательныхъ людей, совершенно знающихъ причину настоящаго переворота въ Рѣчи Посполитой и въ цѣлой Европѣ, можетъ обвинять преимущественно народъ русскій въ жестокихъ насильствахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ намъ Москвою? Уже интриги, казавшіяся тайными, открыты всему свѣту. На тѣхъ, которые подали дѣйствительный поводъ и были истинною причиною зла, всѣ должны обратить праведную месть, какъ мы, такъ и славный народъ русскій. Уже всякому извѣстно, что настоящая причина и источникъ нынѣшнихъ смутъ въ Польшѣ и въ другихъ европейскихъ государствахъ заключается въ интригахъ вѣнскаго двора. Австрія, по безмѣрному своему честолюбію, стремясь ко всемірному обладанію, возбудила такую великую бурю въ отечествѣ нашемъ и въ цѣломъ свѣтѣ. Не видя возможности распространять свое могущество на востокѣ, югѣ и западѣ, получивъ сильный отпоръ отъ могущественнѣйшихъ сосѣдей, она обратила всѣ свои силы на сѣверныя государства, стараясь поглотить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ нихъ полусамостоятельныя государства, ей подвластныя.

По завоеваніи чеховъ и венгровъ, очередь дошла до насъ и до дальнѣйшихъ сѣверныхъ государствъ, по предсказанію прозорливаго на-

шего Замойскаго, великаго канцлера и гетмана: «Periit Ungaria, periit Bohemia a vicina Germania,—cave tibi Polonia», то есть: «погибли венгры, погибли чехи отъ сосѣдственныхъ нѣмцовъ, берегись и ты Польша!» Очевиднымъ доказательствомъ такихъ замысловъ служатъ теперешнія дѣйствія Австріи въ Россіи и въ нашемъ отечествѣ, направленныя къ порабощенію обоихъ народовъ. Уже въ Москвѣ всѣ высшія должности находятся во власти австрійцевъ; всѣ повинуются имъ, а сенаторы и министры изъ русскихъ присутствуютъ только какъ свидѣтели и служатъ для того, чтобы не нарушилась законная симметрія въ давнемъ устройствѣ сената. Уже самодержцемъ россійской монархіи насталъ нѣмецъ; уже никто изъ придворныхъ и министровъ не смѣютъ шагу ступить въ противность правиламъ, составленнымъ и предписаннымъ въ Вѣнѣ. Отсюда, безъ сомнѣнія, происходитъ и то, что австрійская политика, вопіющая къ Богу объ отмщеніи, жестоко нападаетъ на свободу народа польскаго и, управляя абсолютною нѣмецкою диктатурою въ Москвѣ, достигла того, что московское войско, нарушивъ неслыханнымъ образомъ всякую справедливость, вторгнулось въ наши границы и, исполняя только планы нѣмецкіе, навязываетъ нѣмца на шею вольному народу. Поэтому мы поляки не хотимъ обвинять русскаго народа, хотя онъ-же такъ жестоко обижалъ насъ, но, напротивъ того, оплакиваемъ нестерпимое притѣсненіе, претерпѣваемое какъ имъ, такъ и нами отъ нѣмцовъ, ожидая того времени, когда русскіе вмѣстѣ съ нами рѣшатся силою выбиться изъ-подъ нѣмецкой опеки. Въ настоящемъ насильственномъ нападеніи на наше отечество мы не имѣемъ никакихъ другихъ плановъ, какъ только, пользуясь естественнымъ правомъ обороны (jure defensionis), защищаться всѣми силами противъ всѣхъ враждебныхъ нападеній; при чемъ мы будемъ выжидать, когда славный народъ русскій почувствуетъ свое угнетеніе, пойметъ, какъ жестоко обходятся съ нимъ нѣмцы и, сознавъ свои силы, воспользуется теперешнимъ найлучшимъ и найудобнѣйшимъ случаемъ, чтобъ свергнуть съ себя нѣмецкую неволю. Тогда мы съ своей стороны окажемъ ему возможную помощь, и австрійцы потеряютъ всякую надежду не только господствовать надъ сѣверными государствами, но и управлять нами. И для чего мы будемъ терпѣть долѣе? Терпѣніе русскаго народа уже приводитъ въ изумленіе сосѣдей и цѣлый свѣтъ. Гдѣ можно найти за

свѣтѣ государство, которое-бы такъ угнетаемо было деспотическою рукою, какъ нынѣ московская монархія? Знаютъ объ этомъ сосѣди, но лучше знаютъ сами русскіе. Уже власть Австріи надъ Москвою достигла высшей степени, всѣ дѣла совершаются нѣмецкими педагогами или подъ ихъ ферулою: русскій дворъ предпочитаетъ нѣмцовъ русской крови, государственная тайна и государственное управленіе ввѣрены однимъ нѣмцамъ и на нихъ возлагаются всѣ надежды. Нѣмцы изображаютъ русскихъ подозрительными, невѣрными и непокорными, считаютъ ихъ мятежниками, упорными головами, существами, способными только къ слѣпому повиновенію, людьми, для которыхъ необходимы строжайшія мѣры и казни. Русскіе знаютъ, какимъ отличіемъ пользуется при дворѣ всякій бѣднякъ нѣмецъ въ сравненіи съ русскимъ патріотомъ, славящимся древнею фамиліею; знаютъ, что управленіе губерніями, генеральскія должности и первыя мѣста въ имперіи раздаются пришлецамъ иноземною рукою; знаютъ, въ какомъ уничиженіи находятся древніе роды, славные своими заслугами, не уступающіе знатностію монархамъ, происходящіе отъ крови Ягеллона. Съ жалостію смотрѣли мы на погибель князей Долгорукихъ, пострадавшихъ за честь и свободу народа. Но кто можетъ изобразить, что дѣлается въ народѣ русскомъ, что дѣлается въ народѣ козацкомъ, помнящемъ недавнюю свою свободу, и у другихъ народовъ, униженныхъ, стонущихъ подъ нѣмецкимъ управленіемъ? Могъ-ли когда нибудь народъ быть въ такомъ угнетеніи отъ чужеземцовъ, пришедшихъ ѣсть хлѣбъ русскій? Правда, что Петръ первый, достойный безсмертной памяти, славный между благородными монархами, казалось, имѣлъ склонность къ чужеземцамъ, но онъ любилъ свой народъ отеческою любовію, распространялъ его славу, царствовалъ самъ своимъ величествомъ, давалъ высшія должности, гражданскія и военныя, русскимъ людямъ: онъ отличалъ и принималъ заслуженныхъ иноземцовъ, уважалъ иностранцовъ и охотно давалъ имъ пріютъ, но никогда не позволялъ имъ управлять своимъ народомъ. Въ настоящее время власть Австріи не только взяла верхъ, не только лишила русскихъ всякаго уваженія, но нѣмцы постарались лишить русскихъ всякой надежды избавиться отъ настоящей бѣды, утвердивъ основаніе своего владычества въ Москвѣ и на будущее время. Безусловно приказано всѣмъ присягать въ томъ, что никому не было извѣстно, каждый

присягою обязался признавать государемъ всей россійской монархіи того, кого признавать приказано будетъ. Чтожъ это за присяга, когда присягаешь, самъ не зная о чемъ? Не видно-ли здѣсь старанія о томъ, чтобъ русскіе роды обязались признать государемъ лицо, хотя-бы даже самое ненавистное, противное Россіи, вредное для религіи и общественной пользы? Скоро обнаружилось, кого нѣмцы навязываютъ на совѣсть великому народу. Назначенный нынѣ наслѣдникъ есть нѣмецъ родомъ, вѣрою и обычаями, то есть чужой для русскаго народа; а назначенъ для того, чтобы, при его содѣйствіи, власть Австріи болѣе и болѣе расширялась, чтобъ опустошала русскую націю, искоренила древнія знаменитые роды и со временемъ обратила-бы Россію въ нѣмецкую державу. Поэтому не настало-ли уже время возбудить великодушныхъ ко сверженію вѣчнаго нѣмецкаго ига? Теперь именно настало время рѣшиться на этотъ спасительный, необходимый и славный для всего народа подвигъ. Если Москва не воспользуется настоящими обстоятельствами, то ей никогда уже не вырваться изъ нѣмецкихъ когтей. Нѣмецкій императоръ, въ настоящее время занятый внутренними дѣлами государства, не можетъ думать о чужихъ дѣлахъ, но долженъ защищать свое государство послѣдними силами. Довольно сильна противъ нѣмецкой имперіи одна Франція, долго воевавшая съ императоромъ и другими сосѣдними государствами, и окончившая войну на выгодныхъ для себя условіяхъ. Нѣмецкія войска не пойдутъ теперь въ Россію, императорская партія въ Москвѣ не получала денежнаго вспомоществованія; въ настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе послѣдній трактатъ, которымъ обязался императоръ поддерживать всѣми своими силами постановленіе нѣмцовъ о наслѣдникѣ русскаго престола. Поэтому Россія, не видя опасности отъ Австріи, можетъ свергнуть съ себя ярмо нѣмецкое и совершить подвигъ, который прославитъ русскую націю на вѣчныя времена. Никто не помѣшаетъ въ исполненіи такихъ благородныхъ плановъ, доблестный народъ русскій! ни нѣмецъ, ни польская Рѣчь Посполитая, ни шведская, которыя желали-бы вамъ такихъ-же вольностей, какими они сами пользуются, для водворенія въ народѣ вѣчнаго мира. Спасительная ваша рѣшимость утвердила-бы покой и довѣріе между нашими сѣверными странами; поэтому мы были-бы рады помогать вамъ всѣми своими силами къ водворенію

въ московскомъ государствѣ рѣчи посполитой. Теперь вы замѣшаны интригами Австріи въ долголѣтнюю войну съ Польшею, съ Франціею и ея союзниками, съ Портою оттоманскою. Вмѣсто этой гибельной войны, вы наслаждались-бы миромъ со всѣми сосѣдственными державами и даже для достиженія свободы получили-бы помощь отъ Франціи, Швеціи, Голландіи, Англіи и отъ турковъ. Если-бы вы сдѣлались вольнымъ народомъ, то пріобрѣли-бы почетъ и большое счастіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ваша свобода интересовала-бы иностранные сосѣдственные народы. Она интересовала-бы Польшу, Швецію, Турцію, Персію, потому что гораздо удобнѣе сохранять миръ съ вольною рѣчью посполитою, нежели съ монархіею, управляемою деспотически. Ваша свобода интересовала-бы венгровъ, чеховъ и нѣмецкую имперію, потому что ослабила-бы могущество Австріи, тяжкое самимъ государямъ и князьямъ нѣмецкимъ; интересовала-бы Голландію, Англію, потому что укрѣпился-бы ихъ торговый союзъ съ Россіею; интересовала-бы вольность ваша Францію, потому что австрійскій дворъ потерялъ-бы всякую надежду къ распространенію своей власти въ сѣверныхъ государствахъ; интересовала-бы наконецъ и цѣлую Европу вольность ваша, потому что утвердилось-бы на вѣчныя времена въ Европѣ политическое равновѣсіе. Попытайтесь отважиться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на славный подвигъ, дайте знать себя и вы увидите, что всѣ державы похвалятъ ваше намѣреніе и подадутъ вамъ руку помощи. Чѣмъ долѣе будете откладывать, тѣмъ будетъ труднѣе предпріятіе, а наконецъ сдѣлается и совершенно невозможнымъ. Пусть только заключенъ будетъ съ императоромъ миръ, пусть только войска возвратятся въ Москву, пусть только сядетъ на престолѣ наемный наслѣдникъ нѣмецъ, тогда все кончено, всякая надежда исчезнетъ; тогда уже русскому государству не избавиться отъ иноземцовъ во вѣки. Подумайте, славные роды и войска московскія, въ какихъ счастливыхъ вы находитесь обстоятельствахъ! Мы должны были въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ заслуживать свободу кровью нашихъ предковъ, а вамъ Богъ посылаетъ случай получить и утвердить свободу въ одинъ годъ. Вамъ уже легко сдѣлаться свободными, потому что поколѣніе царей вашихъ прекратилось, нынѣшняя государыня, возведенная на престолъ вольнымъ избраніемъ, не имѣетъ наслѣдниковъ, а между тѣмъ австрійцы навя-

зываютъ вамъ нѣмецкое владычество. Наша свобода возрастала безъ всякой посторонней помощи, въ теченіи многихъ вѣковъ, а ваше настоящее положеніе такъ счастливо, что вамъ всѣ помогать будутъ, какъ сосѣдственные, такъ и отдаленные могущественные народы. Наконецъ мы достигали свободы только постепенно, по частямъ, получая привиллегіи по волѣ королей, за наши заслуги; вамъ, напротивъ того, въ настоящее время вольно заимствовать свободныя установленія у всѣхъ европейскихъ государствъ, избирая найлучшее. У васъ предъ глазами, кромѣ древнихъ республикъ: римской, аѳинской и спартанской,—Польша, Англія, Швеція, Венеція, Генуя, Швейцарія, Голландія; изъ всѣхъ этихъ государствъ можете сдѣлать любой выборъ. Вы могли-бы совокупить въ единой россійской рѣчи посполитой найлучшія права, обычаи, привиллегіи и вольности, принявъ все полезное и отвергнувъ все ненужное. Руководствуясь опытомъ и примѣрами, вы могли-бы въ надлежащей мѣрѣ опредѣлить права и преимущества царской фамиліи, сенаторовъ, дворянъ и простаго народа и установить такую совершенную форму правленія, какая могла-бы служить къ вашей чести, къ усиленію и обогащенію государства, водворенію справедливости и милосердія и къ утвержденію мира съ сосѣдними государствами. Вы-бы могли принять основное начало нашей свободы: «neminem captivabimus, nisi jure victum», то есть, никого мы не будемъ арестовать безъ судебнаго приговора. Это ограниченіе королевской власти приноситъ намъ много добра, а зла никакого причинить не можетъ. Король не можетъ отнять у насъ, безъ суда Рѣчи Посполитой, ни того, что мы имѣемъ, ни того, что онъ самъ даетъ намъ. Вы могли-бы ввести у себя установленіе податей, заключеніе мира и объявленіе войны по опредѣленію сословій, судопроизводство безъ апелляціи ко двору, предоставленіе всѣхъ почестей и вакантныхъ мѣстъ туземнымъ подданнымъ, всѣмъ сословіямъ вѣчное право de non praestantia et obedientia, то есть о правѣ не повиноваться преступнымъ государямъ. Наконецъ, изслѣдовавъ причины процвѣтанія и погибели государствъ, можно-бы было принять самыя мудрыя и самыя полезныя мѣры къ тому, чтобы государство сдѣлать славнѣйшимъ, счастливѣйшимъ и свободнѣйшимъ. Рѣшитесь только на славное для русскаго народа дѣло, которое будетъ имѣть самыя счастливыя послѣдствія. Если-бы даже въ началѣ и встрѣтились какія-нибудь

затрудненія, то любовь къ своему отечеству и честь должны все превзойти и преодолѣть. Безъ рѣшительности и отваги никогда не утверждалась свобода; лѣность и слабость никого не сдѣлали безсмертнымъ, напротивъ, для рѣшительной души и отважнаго сердца нѣтъ ничего труднаго (приводятся въ примѣръ Голландія, Швеція и Швейцарія). Свобода драгоцѣннѣе всякихъ богатствъ. Люди, живущіе въ свободныхъ государствахъ, царствуютъ вмѣстѣ съ государями и свободно управляются. Единственное стремленіе всѣхъ народовъ къ свободѣ есть важнѣйшій даръ Божій. Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, и свобода процвѣтала въ родѣ человѣческомъ прежде всякой монархіи. Размысли, славный народъ русскій, лучше-ли тебѣ подпасть подъ власть нѣмцевъ, по своей природѣ непріязненныхъ славянскому племени, или стать наравнѣ съ свободными, дружественными народами и управляться безъ нѣмецкой опеки? Посмотри только на насъ, какъ на свѣжій примѣръ несчастія. Избравъ въ первый разъ государемъ нѣмца, мы терпѣли жестокое угнетеніе: Рѣчь Посполитая стонала подъ контрибуціями войскъ саксонскихъ, саксонское министерство управляло нами, а теперь нѣмецкая партія принуждаетъ насъ нарушить добровольную присягу, располагаетъ престоломъ, опираясь на одни военныя силы, насильственно лишаетъ насъ свободы, возжигаетъ войну въ цѣломъ свѣтѣ, навязываетъ намъ, чрезъ насъ-же самихъ, государя, стремясь осѣдлать наше и ваше государство нѣмецкою силою. Не ужели-же мы опустимъ руки, смотря на такую силу или насиліе? Свидѣтельствуемся предъ Богомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ вами, что мы готовы скорѣе потерять все свое имущество и вытерпѣть тысячу смертей, чѣмъ отказаться отъ свободы, добытой нами въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Кому пріятно было жить на свободѣ, тому и умереть не страшно за свободу. Представляя себя въ примѣръ, мы убѣждаемъ васъ не бояться никакихъ трудностей, если желаете вмѣстѣ съ нами освободиться отъ власти нѣмцевъ, враждебныхъ славянскому имени. Кто изъ васъ первый отважится на такой подвигъ, тотъ заслужитъ вѣчную честь и славу, тотъ будетъ названъ благодарными потомками спасителемъ и избавителемъ своего народа, отцемъ отечества, покровителемъ свободы; безсмертное имя его будутъ прославлять отечественныя хроники и лѣтописи всего свѣта. Мы много наслышались отъ знатныхъ и первыхъ особъ вашего русскаго

народа, вздыхающихъ о вольности и свободѣ, ожидающихъ благопріятнаго времени, чтобы избавиться отъ неволи. Въ частныхъ разговорахъ никогда не могъ скрыть своихъ помысловъ вашъ доблестный народъ, у котораго есть разумъ и храбрость и которому недостаетъ одной только милой вольности. Настало время, приспѣлъ часъ, когда мы свободно и смѣло можемъ воодушевлять васъ, пробуждать вашъ великій духъ, а вы, не боясь препятствій, можете оказать для своего отечества несравненную услугу; уже во время прежняго нѣмецкаго господства въ нашемъ отечествѣ мы имѣли сердечное желаніе содѣйствовать вамъ въ исполненіи вашихъ замысловъ, но не позволяли обстоятельства. Теперь у насъ король полякъ, рожденный въ вольности и равенствѣ, любящій свободу, не могущій и думать объ абсолютизмѣ, не имѣющій другаго наслѣдника, кромѣ славы и безсмертнаго имени. Онъ, при помощи Божіей, поможетъ вамъ привести въ исполненіе ваши намѣренія; а Рѣчь Посполитая ничего болѣе не желаетъ, какъ только смотрѣть съ удовольствіемъ на ваши успѣхи и видѣть народъ русскій въ найсвободнѣйшей вольности. Такое усердіе нашей Рѣчи Посполитой къ народу русскому не покажется милымъ и пріятнымъ одной только Царицѣ, ея милости, если она увидитъ, что мы, поляки, всѣмъ сердцемъ желаемъ единоплеменному славянскому народу драгоцѣннѣйшаго блага, какое только есть у насъ. Императоръ нѣмецкій и царица объявляютъ, что защищаютъ нашу свободу, но мы видимъ, въ чемъ состоитъ эта защита. Если дѣйствительно цѣлая нація избрала королемъ польскимъ саксонскаго электора, то противъ кого идутъ въ Польшу войска московскія и саксонскія?..

(За симъ слѣдуетъ не важное по содержанію изслѣдованіе о несправедливости вторженій русскаго войска въ Польшу, обѣщаніе защищать свою свободу и стоять за Станислава Лещинскаго, жертвуя жизнію и имуществомъ).

НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ.

Южно-русская письменность XVII—XVIII в., довольно богатая содержаніемъ по вопросамъ, такъ сказать, имѣющимъ спеціальное значеніе, очень бѣдно памятниками чисто литературнаго характера и причина этого кроется прежде всего въ общемъ ходѣ политической судьбы южно-русскаго народа.

Слѣды самобытной южно-русской письменности, отличной отъ чисто народной устной литературы, проявлявшейся въ былинахъ, думахъ, пѣсняхъ и сказкахъ, мы находимъ весьма рано. Еще въ XI и XII вв., когда на югѣ Россіи начиналась духовно-нравственная литература и зарождалась исторія въ формѣ лѣтописей, лучшіе люди того времени любили уноситься мыслію отъ реальной дѣйствительности, отъ житейской прозы, въ иной міръ, міръ поэзіи. Въ этомъ отношеніи довольно указать на того туманомъ покрытаго Бояна, который, по словамъ Буслаева, «былъ достойный современникъ Нестору и если самъ заимствовалъ свои пѣсни изъ историческихъ разсказовъ, то безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины[1]), или вспомнить о пѣвцѣ Игоревомъ, чтобы сказать, повторяя слова Максимовича, что хотя «можетъ быть и не было у насъ *періода* письменной поэзіи, но *пѣснопѣнія* письменныя были»[2]). Объясняется существованіе этой старины—нашей самобытной искусственной по-

---

[1]) Лѣтоп. русск. лит. изд. Тихонравовымъ, т. I, стр. 31.

[2]) Собраніе сочиненій, т. 3, стр. 488.

эзіи тѣмъ согласіемъ и той близостью, которыя существовали тогда между отдѣльными поэтами-писателями и поэтомъ-народомъ.

Но столь счастливое начало нашей письменности отнюдь не соотвѣтствуетъ ея преодолженію. Уже съ XII в. начинаются тяжелые дни въ жизни южно-русскаго народа, тянувшіеся въ теченіе многихъ столѣтій и задержавшіе правильное развитіе его жизни и вмѣстѣ самой письменности. Трудно опредѣлить даже, какъ и на чемъ оборвалось развитіе старинной поэзіи, но на разстояніи трехъ вѣковъ мы встрѣчаемъ почти пустыя страницы въ исторіи литературы южной Руси. И между тѣмъ вся историческая жизнь южной Руси за этотъ періодъ сложилась такъ, что когда вновь возродилась въ ней наука и началась литературная дѣятельность, произошло полное отдѣленіе представителей письменности отъ народа. И наука и литература, вызванныя къ жизни въ концѣ XVI вѣка усиленными стремленіями южно-руссовъ поднять слабыя стороны своего духовнаго развитія для борьбы съ католицизмомъ, попали въ оковы царившей тогда въ Польшѣ и на всемъ Западѣ схоластики. Нельзя отрицать, что и съ такимъ характеромъ литература того времени стояла въ тѣсной связи съ народной жизнью, защищая его интересы; но что касается поэзіи, то ничего общаго съ народнымъ пѣснотворчествомъ въ ней не видно. Мы имѣемъ отъ того времени массу произведеній богословскихъ, полемическихъ, поучительныхъ, историческихъ, филологическихъ, но все это составляетъ тотъ отдѣлъ прозы, который удовлетворяетъ лишь научнымъ, политическимъ, общественнымъ интересамъ и остается въ сторонѣ отъ потребностей души, стремящейся, помимо всего, еще и къ эстетическому наслажденію въ формѣ словесныхъ поэтическихъ произведеній. Правда, и такого рода произведеній не мало въ южно-русской литературѣ XVII и особенно XVIII ст.; но подъ вліяніемъ продолжавшейся религіозной борьбы и схоластическаго образованія и они были запечатлѣны тѣмъ-же характеромъ, какъ и другія литературныя произведенія того времени. Если-бы писателями этой эпохи преемственно унаслѣдованъ былъ пріемъ старинныхъ поэтовъ брать сюжеты изъ жизни родной, близкой, чаще всего изъ историческихъ событій, если-бы при томъ осталось прежнее единеніе поэтовъ-художниковъ съ поэтомъ-народомъ, если-бы современный поэтъ воспитался въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи на началахъ на-

роднаго пѣснотворчества, то сюжетовъ такихъ для художественной разработки можно было найти безконечное множество въ исторіи Украйны XVI и XVII вв., а поэтическое вдохновеніе и образы въ безконечности могли черпаться изъ народныхъ думъ и пѣсенъ козацкой эпохи. Но оторванная отъ народной поэзіи литература XVII и XVIII ст., вмѣсто всего этого, вырабатываетъ въ читающей публикѣ иные вкусы, давая ей стихотворныя (виршевыя) произведенія съ сюжетами богословскаго характера. Для примѣра довольно назвать «Перло многоцѣнное» Кирилла Транквилліона, гдѣ большую половину книги составляютъ стихотворенія въ похвалу Тройцы, Богородицы и т. д., или вспомнить, что извѣстный Іоаннъ Максимовичъ издалъ весьма объемистую книгу на тему «Богородице Дѣво, радуйся» въ стихахъ, которыхъ количество доходитъ до 25 тысячъ. Не больше жизненности представляли собою духовныя драмы, почти все время остававшіяся принадлежностью школы. Нѣкоторые проблески народности начали было обнаруживаться въ интермедіяхъ, но имъ не суждено было развиться вполнѣ и облечься въ художественную форму, хотя-бы на подобіе англійскихъ интерлюдій Гейвуда. Вообще южно-русская книжная поэзія XVII—XIII в., подчиняясь всецѣло латино-польскимъ образцамъ, ничего самобытнаго представить не могла.

Такія обстоятельства развитія и существованія нашей письменности приводили къ мысли о заимствованіи недостающаго изъ литературъ другихъ народовъ,—мысли, которая сознательно развилась въ XVII и усилилась въ XVIII в., и въ ряду заимствованій этого времени едва-ли не первое мѣсто по качеству и по своей распространенности занимаютъ зашедшія въ южную Русь старинныя повѣсти, преимущественно западныхъ редакцій. Старинная повѣсть, по словамъ Пыпина, «имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто литературнымъ потребностямъ читателя» [1]). Заимствованія вообще начались

[1]) Пыпинъ, Очерк. лит. истор..., стр. 2 (Учен. Зап. 2 отд. имп. ак. наукъ, кн. IV).

у насъ весьма рано. Въ теченіе восьми столѣтій, отъ X-го до XVIII, наша письменность, въ большей или меньшей мѣрѣ, пополнялась переводами и передѣлками тѣхъ сказаній, которыя распространены были въ византійской и западно-европейской литературахъ. Раньше всего, конечно, началось движеніе этихъ сказаній изъ Византіи черезъ посредство южно-славянскихъ литературъ (болгарской и сербской), благодаря если не единству, то во всякомъ случаѣ близости литературнаго языка послѣднихъ съ языкомъ литературнымъ въ Россіи. При этомъ, нужно замѣтить, что многія изъ этихъ сказаній настолько въ переводахъ и передѣлькахъ примѣнялись къ характеру русской письменности, что становились какъ-бы самобытными, и потому теперь только методъ сравнительнаго изслѣдованія можетъ открыть до извѣстной степени ихъ дѣйствительное происхожденіе и опредѣлить какъ ближайшіе посредствующіе, такъ и болѣе отдаленные пути, которыми они доходили до насъ. Въ ряду многочисленныхъ повѣстей, зашедшихъ къ намъ изъ Византіи, болѣе другихъ замѣчательны «Исторія Александра Македонскаго», приписываемая псевдо-Каллисфену, и «Троянская война», впрочемъ гораздо менѣе первой распространенная у насъ, а изъ повѣстей этой группы, наиболѣе соприкасавшихся съ народною словесностью, можно указать «Слово о купцѣ Басаргѣ», гдѣ фигурируютъ какъбы исконные мѣстные люди: кіевскій гость Басарга и его сынъ Мудромыслъ.

Заимствованіе этимъ путемъ шло лишь до XIV ст., до тѣхъ поръ, пока южно-славянскія государства жили своей политической независимостью; съ паденіемъ-же ихъ и съ подпаденіемъ самой Руси подъ иго татарское, тамъ и здѣсь пріостановилось надолго литературное развитіе, и въ теченіе трехъ столѣтій, отъ XIV до XVII, мы не можемъ указать въ нашей письменности ничего такого, что свидѣтельствовало-бы о новыхъ литературныхъ заимствованіяхъ или какихъ-нибудь новыхъ варіантахъ прежде зашедшихъ къ намъ повѣстей. Начиная съ XVII ст. повѣсть, ставшая, за отсутствіемъ другой какой-либо изящной литературы, любимымъ чтеніемъ публики, обогатилась значительно новыми источниками: стало замѣтно переселеніе къ намъ западно-европейскихъ повѣстей черезъ Польшу и, если не исключительно, то въ большинствѣ случаевъ, именно въ южную Русь, откуда онѣ, видоизмѣняясь болѣе

или менѣе въ языкѣ, направлялись и на сѣверъ, въ Великороссію. Существеннымъ отличіемъ этихъ новыхъ повѣстей служитъ то, что онѣ никогда не сближались, подобно нѣкоторымъ старымъ, съ народной поэзіей, не принимали самобытнаго отпечатка, а оставались со всѣми признаками иноземнаго своего происхожденія.

Главнѣйшими изъ повѣстей, пришедшихъ изъ запада, были: «Римскія Дѣянія», «Зерцало Великое» и нѣкоторые рыцарскіе романы (Петръ Золотые-Ключи, повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ, исторія Бовы Королевича и пр.). Всѣ эти переводы сдѣланы были съ польскаго подлинника [1]), и тотъ-же польскій подлинникъ послужилъ матеріаломъ для перевода у насъ нѣкоторыхъ новеллъ (напр.: Повѣсть о семи мудрецахъ), разсказовъ полу-историческихъ и полу-анекдотическихъ (напр. Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей книги три—напечатаны въ 1711 г., а переведены еще въ XVII в.), и западныхъ фацецій (Смѣхотворныя повѣсти, переведенныя Новгородъ-Сѣверцемъ) [2]). Въ эти смѣхотворныя повѣсти-фацеціи попали и нѣкоторыя новеллы Боккачьо.

Всѣхъ новеллъ Боккачьо, переведенныхъ или передѣланныхъ въ старину на русскій языкъ, по изслѣдованію г. Пыпина, было *пять*, изъ которыхъ четыре помѣщены въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ», а именно: 1) «О друзехъ, о Маркѣ и Шпинелетѣ» по Декамерону VIII. 8, гдѣ друзья названы Zeppa и Spineloccio; 2) «О женѣ и гостѣ», новелла Декамерона VII, 2; повѣсть русская не слѣдуетъ тексту Декамерона и не имѣетъ картиннаго окончанія итальянской новеллы; 3) «Повѣсть о господинѣ Петрѣ и о прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ» есть очень близкая редакція новеллы Декамерона VII, 7. и 4) «О женѣ, обольстивиней мужа, якобы ввержеся въ кладезь», новелла Декамерона VII, 4.

Но тотъ-же изслѣдователь замѣчаетъ, что была переведена еще одна изъ прекраснѣйшихъ новеллъ Боккачьо (Декамер. II, 9), именно «Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея» [3]). Теперь счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки новый, совершенно неизвѣстный пересказъ одной изъ новеллъ

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 251.

[2]) Ibid., стр. 265.

[3]) Ibid., стр. 276—277.

Боккачьо [1]), своимъ языкомъ и другими примѣтами удостовѣряющій несомнѣнно свое южнорусское происхожденіе и принадлежащій концу XVII или началу XVIII в. Сказавъ, что было необходимо для опредѣленія мѣста и времени этого новаго памятника южнорусской письменности въ общемъ ходѣ ея развитія, я перейду теперь къ передачѣ его содержанія и указанію тѣхъ особенностей, какія представляетъ пересказъ сравнительно съ подлинникомъ по пріемамъ изложенія, языку и т. под., а равно значенія его для южнорусскаго общества даннаго времени.

Начну съ оригинальнаго заглавія этого памятника: «*Историчніе вѣрши*». Иначе, какъ *вѣршами* неизвѣстный переводчикъ не могъ назвать передаваемой новеллы Боккачьо, избравъ для передачи ея излюбленную тогда у насъ силлабическо-стихотворную форму. Историческаго въ перелагаемой повѣсти слишкомъ мало и названіе «*историчніе*» придано «*вѣршамъ*» по простому недоразумѣнію: переводчикъ, или лучше сказать, пересказщикъ ея, найдя въ дѣйствующемъ лицѣ историческую личность, порѣшилъ, что весь разсказъ есть историческій фактъ. Стоитъ впрочемъ знать, каково было у насъ тогда пониманіе исторіи, стоитъ вспомнить только, какія баснословія попадали изъ западныхъ хроникъ въ наши тогдашніе сборники по всемірной исторіи—хронографы, чтобы вполнѣ оправдать автора перевода за данное имъ названіе повѣсти.

Разсказъ новеллы Боккачьо пріуроченъ къ *Танкреду* (Tancredi prenze Salerno, какъ сказано въ новеллѣ), именуемому «де Отвилль», отцу двѣнадцати доблестныхъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Вильгельмъ «Желѣзная рука», предводительствуя норманскими удальцами, по просьбѣ греческаго намѣстника въ нижней Италіи, явился для борьбы съ арабами. Братъ Вильгельма, *Робертъ Гвискардъ* впослѣдствіи овладѣлъ, благодаря отвагѣ и хитрости, большею частію нижней Италіи (въ 1060 г.). Сюжетъ новеллы можно относить именно къ этому Танкреду; съ именемъ его связывается и имя *Гвискарди*, его сына,—имя, встрѣчающееся и въ новеллѣ, хотя отнесено оно здѣсь совершенно къ другому лицу. Правда, въ новеллѣ совершенно не упоминается о 12 сыновьяхъ Танкреда, напротивъ того сказано,

[1]) Рукопись дана мнѣ для пользованія г. Дусквэъ, за что приношу ему искреннюю благодарность.

что у него была единственная дочь, которую онъ безмѣрно любилъ, но построеніе такихъ разсказовъ, въ которыхъ фигурируютъ отецъ и любимая имъ дочь, было весьма распространено, особенно въ средневѣковыхъ сказаніяхъ. Въ извѣстномъ сборникѣ «Gesta Romanorum» встрѣчается болѣе 10 разсказовъ, завязкой которыхъ служатъ отношенія между отцомъ и единственной любимой дочерью [1]).

Сюжетъ новеллы состоитъ въ слѣдующемъ:

У Танкреда, принца салернскаго, была единственная дочь Сигизмунда, которую онъ такъ сильно любилъ, что, изъ желанія подольше не разставаться съ нею, не рѣшался долгое время выдавать ее замужъ. Однако, когда Сигизмунда достигла уже вполнѣ возмужалаго возраста, отецъ въ концѣ концовъ отдалъ ее за сына принца капуанскаго. Вскорѣ Сигизмунда овдовѣла и опять возвратилась въ домъ отца. При положеніи вдовства, Сигизмундѣ не чужда была потребность въ любви; но считая неприличнымъ заявить объ этомъ отцу, она обратила свою любовь на одного изъ придворныхъ отца, нѣкоего Гвискарда, молодаго человѣка съ благородными чувствами, но низкаго происхожденія. При встрѣчѣ съ нимъ, она стала оказывать ему явное свое расположеніе, и Гвискардъ, не будучи новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, сразу замѣтилъ это расположеніе къ нему принцессы и отвѣчалъ ей тѣмъ-же, такъ что въ концѣ концовъ они страстно полюбили другъ друга. Чтобы сохранить эти отношенія въ тайнѣ, Сигизмунда написала записку своему возлюбленному съ указаніемъ мѣста свиданія и записку эту передала ему въ выдолбленной снизу палкѣ. Свиданія ихъ происходили въ комнатѣ Сигизмунды, куда Гвискардъ пробирался черезъ запущенный, старый погребъ, сообщавшійся съ помѣщеніемъ принцессы посредствомъ потайной лѣстницы. На первыхъ порахъ свиданія проходили благополучно для влюбленныхъ; но однажды Танкредъ оказался свидѣтелемъ ихъ свиданія, самъ впрочемъ оставшись незамѣченнымъ ими. На слѣдующую ночь Танкредъ поставилъ стражу, и Гвискардъ былъ схваченъ и приведенъ къ принцу. На всѣ упреки и обвиненія онъ оправдывался только тѣмъ, что могущество любви не признаетъ владыкъ. Принцъ приказалъ заключить его въ одну изъ

---

[1]) Gesta Romanorum, herausgegeben von Hermann Oesterley. Berlin 1872 г. cap. 1, 27, 60, 61, 63 и др. стр.

комнатъ дворца и не упускать изъ виду, а самъ отправился къ дочери и обратился къ ней съ такими-же упреками, между прочимъ называя проступокъ ея тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что она избрала предметомъ любви Гвискарда, происхожденіе котораго очень темно, а не остановила своего выбора на комъ-нибудь изъ болѣе знатныхъ придворныхъ. Сигизмунда, увидавъ, что ея интриги обнаружены и что помилованія Гвискарду ожидать нельзя, порѣшила и себѣ не испрашивать милости, а только защитить свою честь. Въ длинной рѣчи, обращенной къ отцу, она, не отрицая своей страстной привязанности къ Гвискарду, объяснила пробужденіе ея исключительнымъ положеніемъ своимъ и сказала, что, замѣтивъ свое безсиліе устоять противъ обуревавшей ее страсти, она употребила всѣ предосторожности, чтобы согласовать любовь съ честью, вслѣдствіе чего заботилась о сохраненіи полнѣйшей тайны. Больше-же всего въ отвѣтѣ своемъ она обратила вниманія на упрекъ въ томъ, какъ могла она отдаться человѣку такого низкаго происхожденія, и въ исполненныхъ чувства и силы выраженіяхъ высказала, что не знатность рода, но добродѣтель и нравственность дѣлаютъ человѣка благороднымъ, а эти именно качества она вполнѣ видитъ въ Гвискардѣ. Въ заключеніе она заявила, что рѣшилась твердо раздѣлить участь, назначенную Гвискарду, а потому просила отца предоставить ей съ Гвискардомъ умереть вмѣстѣ, если только онъ признаетъ, что они достойны смерти. Хотя Танкредъ въ обращенныхъ къ нему словахъ дочери усмотрѣлъ ея мужество и твердость характера, но все-таки не считалъ ее способной привести въ исполненіе свою угрозу и потому приказалъ казнить Гвискарда, вынуть его сердце, положить на золотое блюдо и отнести къ дочери. Сигизмунда, предвидя исходъ дѣла, заранѣе запаслась ядомъ, и когда увидала Гвискардово сердце, въ длинной патетической рѣчи излила свою скорбь, перемѣшивая ее съ упреками отцу, и выпила приготовленную отраву. Придворныя дамы, замѣтивъ, что ей дурно, тотчасъ-же дали знать отцу; но было уже поздно. Сигизмунда въ предсмертной агоніи обратилась къ отцу съ послѣдней просьбой—похоронить ее вмѣстѣ съ Гвискардомъ. Черезъ минуту она скончалась. Никогда еще старый Танкредъ не испытывалъ подобнаго горя; онъ раскаялся въ своей жестокости и велѣлъ похоронить съ парадомъ въ одномъ гробу обоихъ влюбленныхъ,

сопровождаемыхъ сожалѣніемъ всѣхъ салернитанцевъ (Il Decamerone. Giornata 4, novel. I.).

Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько вообще романическіе сюжеты были любимы въ старину, какъ въ позднѣйшей классической литературѣ, такъ особенно въ средне-вѣковой и какъ много являлось впослѣдствіи подражаній и передѣлокъ ихъ. Извѣстно также, какое громадное количество новеллъ Боккачьо посвящено всякимъ эротическимъ и романическимъ приключеніямъ. Но ни одна изъ нихъ, кажется, не удостоилась стольких переводовъ, передѣлокъ и подражаній, какъ только-что приведенная, дѣйствительно являющаяся едва-ли не самой лучшей изъ новеллъ четвертаго дня, предназначеннаго у Боккачьо для разсказовъ о любовныхъ приключеніяхъ съ трагической развязкой. Изъ такихъ передѣлокъ и подражаній Дёнлопъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи *History of fiction* указываетъ слѣдующія [1]): Леонардъ Аретино пересказалъ ее латинской прозой, Филиппъ Бероальдъ латинскими стихами, Аннибалъ Гуаско итальянскими октавами; она послужила сюжетомъ пяти итальянскихъ трагедій, изъ которыхъ одна «La Ghismonda» пріобрѣла громкую извѣстность, потому что обманнымъ образомъ приписана была Торквато Тассо. Одна англійская драма, сюжетъ которой заимствованъ изъ этой новеллы, была съиграна въ 1568 г. въ присутствіи королевы Елизаветы. Развитъ также этотъ сюжетъ Жаномъ Флери во французскихъ стихахъ и Вильямомъ Вальтеромъ—въ англійскихъ октавахъ. Но Англія болѣе всего познакомилась съ этимъ сюжетомъ по драмѣ Драйдена «Сигизмунда и Гвискардъ». Равнымъ образомъ, эта новелла послужила матеріаломъ для картины, приписываемой Корреджіо, гдѣ Сигизмунда представлена рыдающей надъ сердцемъ своего возлюбленнаго. Гогартъ пытался подражать этой картинѣ, но подражаніе его, по замѣчанію Горація Вальполя, вышло вполнѣ неудачно. Конечно, перечисленными у Дёнлопа подражаніями и передѣлками далеко не исчерпывается все ихъ количество. Можно указать еще, напримѣръ, на балладу Бюргера «Lenardo und Blandine», въ которой находится

---

[1]) Iohn Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen. Aus dem englischen übertragen von Felix Liebrecht. Berlin 1851 г., стр. 231.

много общаго съ новеллой Боккачьо [1]). А если сдѣлать болѣе смѣлое предположеніе, то можно сказать, что въ поэмѣ Лермонтова «Бояринъ Орша» до извѣстной степени замѣчается отголосокъ этого-же сюжета.

Тѣмъ болѣе, можно сказать теперь, любопытенъ тотъ фактъ, что и въ нашей, сравнительно очень бѣдной, поэтической литературѣ XVII в. оказался пересказъ, да еще и стихотворный, этой прекрасной новеллы.

Какимъ-же путемъ могла попасть эта новелла въ южную Русь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ указаній, приходится ограничиться лишь догадкой, которая, конечно, потребуетъ еще провѣрки.

Если принять во вниманіе разницу между имѣющимся у насъ пересказомъ новеллы и подлинникомъ оной, сообразить отсутствіе какихъ-либо указаній на то, чтобы наши южно-русскіе писатели непосредственно пользовались подлинниками новеллъ вообще, то останется предположить, что нашъ пересказъ повѣсти Боккачьо не составленъ по подлиннику, а представляетъ переводъ съ польскаго языка. Впрочемъ какимъ-бы путемъ ни пришла къ намъ эта новелла, за ней остается все-таки право на вниманіе, какъ за произведеніемъ, дававшимъ тогдашней читающей публикѣ интересный сюжетъ, не лишенный и нѣкоторой идейности.

Сличеніе подлинника новеллы съ нашимъ стихотворнымъ пересказомъ прежде всего показываетъ, что въ пересказѣ нѣкоторыя мѣста повѣсти сокращены, а иныя совсѣмъ опущены. Очевидно отсюда, что слагатель «Историчныхъ вѣршъ» отнесся къ самому сюжету повѣсти вполнѣ серьезно и, видя такую трагическую развязку, не рискнулъ помѣстить тѣхъ остротъ и сатирическихъ штриховъ, которыми, какъ извѣстно, такъ искусно перенизываетъ свои разсказы Боккачьо. Особенно рѣзко бросается это въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда итальянскій новеллистъ, по поводу Сигизмунды, дѣлаетъ свои вылазки противъ женщинъ. Мы знаемъ, что въ нашей старинной литературѣ не только не избѣгали подобныхъ нападокъ

---

[1]) Въ сочиненіи Вильмара (Vorlesung über die Geschichte der deutsch. National-Literat. Leipzig. 1847 г., стр. 616) сказано, что сюжетъ заимствованъ Бюргеромъ изъ Декамерона Боккачьо.

на женщинъ, но даже очень охотно варьировали ихъ на разные лады, что и сказалось въ тѣхъ шуточныхъ сборникахъ-фацеціяхъ, которые перешли къ намъ изъ польской литературы. Но другое дѣло—шуточные сборники, и совсѣмъ иное—серьезные, трагическіе сюжеты, подобные данному. Этимъ, вѣроятно, и надо объяснить, что въ южнорусскомъ пересказѣ повѣсти о Сигизмундѣ совершенно отсутствуютъ слѣдующія выраженія Боккачьо:

1) Характеризуя Сигизмунду, Боккачьо прибавляетъ какъ-бы вскользь: «принцесса эта... была замѣчательно умна, больше, чѣмъ можно было-бы потребовать отъ природы для женщины [1])». Въ нашемъ пересказѣ Сигизмунда характеризуется нѣсколько иначе.

«А была красотою и умомъ такъ славна,
Что во области не бѣ ей ни едина равна.
Нелзя было не думать и не удивляться,
Смотря толко на нея и не услаждаться,
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнымъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнымъ».

2) Когда Сигизмунда очутилась съ глазу на глазъ съ отцомъ, упрекавшимъ ее за ея поступокъ, она, по тексту подлинника новеллы, «была уже нѣсколько разъ близка къ тому, чтобы обнаружить это съ крикомъ и слезами, какъ большею частью это дѣлаютъ женщины [2])». Въ нашемъ пересказѣ это мѣсто передано такъ:

«Печална-жъ Зигисмунда буд (учи) въ томъ часѣ,
Стала безотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего
Звѣздарда [3]), мысля въ себѣ: ахъ не щастія моего!

---

[1]) Кажется, я точно передаю фразу Боккачьо: *savia più che a donna per avventura non si richiedea* (Il Decamerone. Paris 1861 г.). Французскій переводчикъ *Сабатье де Кастръ* придалъ еще большій оттѣнокъ остроты:... d'un esprit supérieur et peut-être trop pour une femme (Contes de Boccace. Paris, 1857).

[2]) ... e a mostrarlo con romore e con lagrime, *come il più le femmine fanno*, fu assai volte vicina. У Сабатье де Кастра и тутъ переиначено: Sigismonde... pensa vingt fois faire éclater sa douleur par ses larmes; *faible ressource, mais fort ordinaire aux personnes de son sexe.*

[3]) Какимъ образомъ *Гвискардъ* переименовался въ *Звѣздарда*, не совсѣмъ ясно; вѣрнѣе всего, это чисто русская передѣлка по созвучію, съ желаніемъ дать въ тоже время свой, понятный корень.

Что се намъ случилося? тяжко воздыхала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайны ихъ открыты,
Стали и вси любве той знаки явны быти,
Отъ жалости несносной ни едина слова
Не могла проговорить до отца сурова.
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что́-бы отказала,
А въ мысли своей твердо тое закрѣпила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила».

Равнымъ образомъ отсттетвуютъ въ южно-русскомъ пересказѣ и многія подробности въ описаніи любовныхъ свиданій Гвискарда съ Сигизмундой, и та реальность въ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ любовныхъ сценъ, которая встрѣчается у Боккачьо. Опущена напримѣръ та подробность, что Гвискардъ, отправляясь на свиданіе черезъ узкую отдушину погреба, надѣвалъ кожаный костюмъ, чтобы не оцарапать себя колючками терновника, разросшагося около погреба; и опущено это конечно потому, что имѣетъ нѣсколько веселый характеръ. Если мы и встрѣчаемъ въ нашей редакціи нѣкоторыя выраженія, могущія вызвать улыбку, то это явилось не результатомъ желанія автора, а результатомъ несовершенства стиля. Напримѣръ:

«А о то стыдно было у отца прохати,
Не пригожо-бо дамѣ жениха искати».

Или:

«Починаетъ умышлять, какимъ-бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднымъ купѣдомъ».

Или еще:

Хотѣлъ князь обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, только тайно румалъ.

Несовершенство стиля южно-русскаго пересказа болѣе всего замѣчается въ тѣхъ рѣчахъ, которыя произноситъ Сигизмунда. У Боккачьо ея рѣчи исполнены не столько чувства, сколько размышленія, напоминающаго въ многихъ мѣстахъ философскій трактатъ; въ русскомъ-же переложеніи далеко не та сила мысли, но за то пересказщикъ старается придать больше силы чувству и прибѣгаетъ нерѣдко къ патетическимъ украшеніямъ. Особенно

характерно въ этомъ отношеніи то мѣсто повѣсти, гдѣ изображается состояніе души Танкреда, извѣщеннаго объ отравленіи дочери. У Боккачьо просто говорится, что онъ, «не будучи въ силахъ видѣть ее въ такомъ печальномъ положеніи, не могъ воздержаться, чтобы не пролить слезъ, исполненныхъ нѣжности и раскаянія». Нашъ пересказчикъ обнаруживаетъ явное желаніе болѣе оттѣнить и опоэтизировать горестное состояніе Танкреда, и рисуетъ оное такими чертами:

Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но рыдалъ по той втѣсѣ цѣлой,
На себе и на дочерь свою нарѣкая
И день тотъ свой нещастный горко проклиная.
Аки при Меандровыхъ брегахъ лебедь бѣлый,
Такъ жалостно надъ дщерью плакалъ отецъ милый.
Лебедь гласомъ плачевнымъ кричитъ воздыхая
И крылами быстрыя воды разбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнымъ,
Равно пѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннымъ,
Жалѣя по дочерѣ, румалъ неутѣшно
И себѣ умреть желалъ...

Не смотря однако на такія прибавки и прикрасы, игривая новелла Бокачьо много теряла отъ той внѣшней формы, какая придана была ей южно-русскимъ пересказчикомъ: языкъ или стиль пересказа, облеченный въ неуклюжій силлабическій стихъ, оказывается далеко неудовлетворяющимъ той легкости и той задушевности, которыя необходимо связываются съ подобными сюжетами. Особеннымъ-же препятствіемъ легкости изложенія является, по моему мнѣнію, та пестрота рѣчи, которая въ каждой строкѣ даетъ себя чувствовать. Несомнѣнно, что основную канву языка въ данномъ памятникѣ составляетъ церковно-славянскій элементъ, и по этой канвѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ слова малорусскія, русскія и немногія польскія. Присутствіе малорусскаго элемента прежде всего провѣряется риѳмами, тѣмъ камнемъ преткновенія для нашихъ старинныхъ малорусскихъ писателей, который всегда обнаруживалъ ихъ мѣстное происхожденіе. Вспомнимъ, напримѣръ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, желавшіе совсѣмъ отрѣшиться отъ мѣстнаго говора,—когда являлись со своими стихо-

твореніями, прежде всего оказывались уроженцами юга въ риөмахъ (у Өеофана, напримѣръ, въ стихотвореніи, обращенномъ къ Кантемиру, читаемъ: *зритель—добродѣтель; лики—вѣки; дружины—перемѣны*; или у Стефана Яворскаго въ стихотвореніи «In vituperium Maseрае»: ахъ тяжку горесть терплю мати *бѣдна*, утробу мою снѣдаетъ *ехидна;* кто ми дастъ слезы, яко-же *Рахили?* заплачу горко въ своемъ смутномъ *дѣлѣ*). Совершенно аналогичные факты встрѣчаемъ и въ пересказѣ новеллы Бокачьо. Напримѣръ:

Когда-бо пришла въ возрастъ Зигизмунда *дѣва*,
Добронравна надъ звычай и красна до *дива*.

Или:

Многіе-жъ отъ велможныхъ господъ ю *хотѣли*
Поять себѣ за жену и отца *нудили*.

Или еще:

Не видѣла и свѣта за слезами *тѣми*,
Лице заразъ змѣнила печалми *таким*и.

Но еще болѣе этотъ малорусскій элементъ обнаруживается въ отдѣльныхъ словахъ, раскиданныхъ въ разныхъ мѣстахъ повѣсти. Отмѣчаю нѣкоторыя изъ нихъ, хотя этимъ далеко не исчерпывается все ихъ количество (надъ звычай, израда, заграла, прохати, догожій, певный, свѣдомый, закохатысь, зъ очей, звѣритись, никóму, отислала, сишлись (зійшлись), знароку, нѣякіесь, наметъ, побавившись и т. п.). И все это стоитъ на ряду съ такими русскими словами, какъ: удивляться, дѣйствительно, стыдно, молодецъ, тотчасъ, препятствіе и др. Присутствіе послѣднихъ словъ между прочимъ заставляетъ насъ относить нашу рукопись не раньше, какъ концу XVII или началу XVIII в., когда у южно-русскихъ писателей сталъ замѣтно прорываться великорусскій элементъ въ языкѣ.

Заканчивая мои замѣчанія о новонайденномъ памятникѣ южно-русской переводной литературы, остановлюсь на вопросѣ, какое значеніе можно придавать этому произведенію, какъ матеріалу для чтенія нашей публики конца XVII или начала XVIII столѣтія?

Г. Пыпинъ въ статьѣ «Очерки изъ старинной русской литературы», по поводу новеллъ Боккачьо въ нашей письменности говоритъ такъ: «новелла Боккачьо и русская письменность XVII столѣтія производятъ вмѣстѣ какое-то странное впечатлѣніе; старинный борзописецъ, переписывающій новеллу Боккачьо, для многихъ можетъ

показаться миѳомъ, невозможнымъ на дѣлѣ, потому что трудно представить игривую, остроумную и не весьма скромную новеллу подъ перомъ стариннаго грамотѣя, подъячаго или посадскаго человѣка, привыкшаго списывать и наслаждаться словами о злыхъ женахъ, сказаніями о воеводѣ Дракулѣ и царѣ Агеѣ, и другими «вельми дивными» и «зѣло душеполезными» повѣстями. Новелла Боккачьо въ старинной русской одеждѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ ненормальныхъ явленій, какими всегда сопровождаются первые шаги начинающей литературы, не управляемой одною идеею и дѣйствующей безсознательно»[1]).

Очевидно изъ этого, что г. Пыпинъ, считая самый фактъ существованія переводовъ новеллъ Боккачьо въ XVII в. ненормальнымъ явленіемъ, не можетъ признать положительнаго значенія ихъ для нашихъ старинныхъ грамотниковъ; поэтому въ заключительныхъ словахъ указанной статьи его читаемъ:

«Какой смыслъ имѣли для нашихъ читателей и грамотѣевъ новеллы Боккачьо, трудно сказать опредѣлительно; но судя по неловкому, тяжелому языку, которымъ выражались они въ этомъ случаѣ, подобныя вещи были непривычны и дики для нихъ. Нескладная передача легкой фразы Боккачьо, безъ сомнѣнія, много отнимала у новеллы, даже и вовсе искажала ее, потому что ложный тонъ, въ который необходимо впадали наши переводчики, совершенно противорѣчилъ ея характеру. Виноваты здѣсь не фривольный взглядъ на вещи и не нескромность описаній, которыми иные могутъ кольнуть здѣсь Боккачьо—потому что и древняя наша словесность имѣетъ нѣчто въ подобномъ родѣ—а только незначительность литературнаго развитія. Переводъ Боккачьо былъ вещью случайною и преждевременною, и хотя онъ повидимому вызванъ былъ извѣстными потребностями и вкусами читателей, но въ сущности оказался явленіемъ несостоятельнымъ, которое только обнаружило недостаточныя средства тогдашней нашей письменности и образованія»[2]).

Соглашаясь съ замѣчаніемъ уважаемаго нашего ученаго, по скольку оно относится къ новелламъ Боккачьо, извѣстнымъ по шуточнымъ сборникамъ, я не считаю возможнымъ сдѣлать тогоже отно-

---

[1]) Отеч. Зап. 1857 г., № 2, стр. 458.

[2]) Ibid., стр. 465.

сительно новеллы о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Безспорно литературный стиль служилъ громаднымъ препятствіемъ для передачи всей силы содержанія новеллъ Боккачьо, на что и было указано мною выше; но, помимо стиля вообще, литературной формы, существуетъ еще извѣстное содержаніе, проводящее какой-нибудь принципъ. Вотъ со стороны этого послѣдняго новелла, о переводѣ которой у насъ рѣчь, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ шуточныхъ разсказовъ, которые, будучи лишены легкости въ изложеніи, теряютъ отъ этого все свое значеніе. Что сами переводчики и составители такихъ веселыхъ разсказовъ относились къ нимъ поверхностно, не серьезно, по крайней мѣрѣ въ XVIII в., унаслѣдовавшемъ ихъ отъ XVII-го, это видно изъ того объясненія, которое находится въ одной рукописи XVIII вѣка:

Хотя не для историческаго чтенія,
Сочиненны нѣкоторымъ человѣкомъ для увеселенія,
Самые забавные жарты,—
Охотно читать, какъ играть въ карты [1]).

Но совсѣмъ иное дѣло такой сюжетъ, какой мы встрѣчаемъ въ данной повѣсти,—сюжетъ, исполненный трагизма, производящій сильное впечатлѣніе и проникнутый идеей, очевидно берущей перевѣсъ надъ самой романической завязкой, что и обнаруживается въ прекрасной рѣчи Сигизмунды на тему объ истинномъ благородствѣ. Едва-ли можно сказать, что чтеніе произведеній, проникнутыхъ такими идеями, было преждевременно и самыя произведенія не имѣли значенія. Вѣдь трактатъ объ истинномъ благородствѣ, который въ большей или меньшей степени удачно проведенъ и въ нашемъ пересказѣ, есть ничто иное, какъ такой-же трактатъ во 2-ой сатирѣ Кантемира, вложенный въ уста Филарету. Если мы признаемъ значеніе этой сатиры Кантемира для современниковъ, помимо ея сатирической формы, то и явившійся раньше нѣсколькими десятками лѣтъ переводъ новеллы Боккачьо должны признать равносильнымъ по своему значенію для воспитанія здравыхъ понятій въ современникахъ.

Помимо того, самая личность Сигизмунды, послужившая поводомъ, какъ мы видѣли, къ составленію многихъ передѣлокъ и под-

---

[1]) Пыпинъ, Очеркъ лит. истор., стр. 292.

ражаній въ разныхъ литературахъ, не могла не производить впечатлѣнія и на нашихъ предковъ и тѣмъ способствовать выработкѣ литературныхъ вкусовъ. Что такое увлеченіе было въ дѣйствительности, видно отчтсти изъ того, что нашъ переводчикъ, очевидно увлекшійся типомъ этой мужественной личности, попробовалъ выразить свое впечатлѣніе, нужно думать, въ самостоятельныхъ короткихъ стихахъ, помѣщенныхъ въ концѣ повѣсти подъ заглавіемъ «Ляментъ Зигисмунды». Стихи, положимъ, не блистательные, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о силѣ впечатлѣнія, полученнаго авторомъ.

Несщасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливы!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ карать мали?
Чему мене первѣе червь не стлѣла въ гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ?

И такъ, скажу въ заключеніе, если нашей поэзіи суждено было уклониться отъ нормальнаго пути въ своемъ развитіи и, послѣ значительнаго перерыва, обратиться къ произведеніямъ иноземнымъ, то для XVII вѣка едва-ли не однимъ изъ самыхъ отрадныхъ литературныхъ фактовъ является переводъ новеллы Боккачьо о Сигизмундѣ и Гвискардѣ. Не предлагаю ни подлиннаго текста этой новеллы, ни перевода ея на современный намъ языкъ, хотя это и помогло бы читателю ознакомиться съ тѣмъ, какъ справился нашъ старинный переводчикъ съ произведеніемъ первокласснаго италіанскаго писателя. Послѣдняя цѣль достигается отчасти нашими указаніями, а ознакомленіе съ подлинникомъ этого произведенія вовсе выступаетъ изъ предѣловъ программы нашего изданія. Иное дѣло южнорусскій пересказъ той же повѣсти; мы приводимъ цѣликомъ его текстъ по найденной рукописи, какъ памятникъ языка, мѣстами самостоятельной литературной работы и какъ памятникъ литературной потребности и вкуса прежняго времени.

В. Науменко.

Историчніе вѣрши [1]).

1. Князь Танкредъ, по имени Салернѣтанскъ бывій,
Долгіе пожилъ лѣта въ той власти щасливій;
Умре безъ наслѣдія, толко дщерь едину
Имѣлъ онъ Зигисмунду, и ту любя вину,
Любя сердцемъ безъмѣрно, якъ зеницу ока,
Хранилъ, хотя оную видѣти безъ порока.
И такъ тѣмъ любленіемъ привелъ къ тому тую,
Что ажъ безвременную смерть принеслъ оной злую:
Когда бо пришла въ возрастъ Зигисмунда дѣва,
10. Добронравна надзвичай и красна до дива
Видѣнна была, коей задивяся мнози,
Не быть бо ся краснѣйшу судили и бози;
Многіе жъ отъ велможнихъ господъ ю хотѣли
Поять себѣ за жену и отца нудили,
Но отецъ любовію былъ къ ней обдержимій,
Отказалъ актъ веселній дѣвѣ той любимой,
Не хотя лишится радости всецѣлой
И отдалить отъ себя Зигисмунди милой.
Потомъ и не съ волею принужденъ отдати
20. За княжича едина въ свѣтліе полати,
Которому не долго Богъ далъ съ нею жити,
Благоволилъ жизнь его смертію *скратити* [2]).
Завдовѣвши жъ, прекрасна Зигисмунда млада
Узнала, что за прелесть въ свѣтѣ и зрада;
Кривавіе отъ очесъ своихъ лила слези,
Какъ росою кропила свои ходя стези;
Не видѣла и свѣта за слезами тѣми,
Лице заразъ змѣнила почалми такими.
А была красотою и умомъ такъ славна,
30. Что во области не бѣ ей ни едина равна.

---

[1]) Удерживаю правописаніе подлинника, кромѣ надстрочныхъ буквъ; знаки препинанія, совершенно почти отсутствующіе въ подлинникѣ, разставляю по смыслу.

[2]) Другимъ почеркомъ поправлено: *прекратити.*

Нелзя было не думать и не удивлятся,
Смотря толко на нея и не услаждатся;
Насквозь та проникала сердца зракомъ вдатнимъ
И къ себѣ привлекала словомъ всепріятнимъ.
Была-жъ въ дому отческомъ не малъ часъ вдовою,
Въ дому славномъ, роскошномъ, въ великомъ покою.
Но понеже всякому долго скорбь прикучитъ,
Затѣмъ стала приходить въ чувство, что ю мучитъ,
Стала о томъ забывать, роскошми нудима,
40. Спомянула жизнь брачну, какъ она любима.
Кровь млада дѣвственная въ тѣлѣ ей заграла
И жаръ въ ней, какъ бурній вѣтръ, всегда разжигала.
Толко о томъ и думаетъ, кто имѣетъ тѣло,
Чтобъ въ свѣтѣ аггелское было его дѣло;
Развѣ былъ-би адамантъ тотъ непобѣдимій,
Даби молотомъ біенъ билъ ненарушимій.
Но кровь сія козлія и камень тотъ крушитъ,
А отрада и роскошь ея не утушитъ;
Для чего горкой скорби по мужу забила
50. И горячку силную въ тѣлѣ ощутила.
Искала жъ средствъ удобнихъ и лѣкарства певна,
Какъ бы могла лѣчити болѣзнь ту плачевна.
А о то стидно было у отца прохати,
Не пригожо бо дамѣ жениха искати.
Что-жъ чинитъ Зигисмунда, искрей потаенныхъ
Не могучи угасить, внутрь ея разженнихъ?
Починаетъ умишлять, какимъ бы то видомъ
Снестися могла въ любовь съ изряднимъ купѣдомъ,
Кой бы желаніямъ ея былъ догожій
60. И въ той ея секретно сокривать моглъ дрожи.
Сискала способъ латвій въ отеческому дому,
Врачбу такъ на боль певну къ здравію свѣдому.
Такъ между протчіими лучша всѣхъ слугами,
Такъ красна, какъ и умна и крѣпка силами,

По имени избравши Звѣздарда едина
И есъ тѣмъ закохалась (о любве кручина)!
Красоту и пріятство и умніе справи,
Паче за куріозность стался быть другъ правій;
А вродою хотяй-же онъ и билъ сравненній,
70. Со другими-жъ честію не былъ соединенній,
Кого Зигисмунда такъ уже сподобала,
Что зъ очей сердца и мисли всегда не спускала.
Молодецъ-же разуменъ Звѣздардъ узналъ тое,
Что сердце Зигисмунди есть къ нему прямое,
Сталъ ходить вслѣдъ ея мислями и очима
И такъ тую уловилъ въ любовь между сима.
Какъ-же бъ далѣ поступить, мислить о томъ стала
И чтобъ дѣломъ искусить, кого закохала.
Се-жъ уже когда любовь въ нихъ жить стала равна,
80. Тогда расти вещь къ дѣлу стала въ нихъ исправна;
Однакъ она, не хотя звѣритись никому,
Опасаяся израда отъ слугъ своихъ въ дому,
Сискала таковъ способъ: картку написала,
Въ трость тайно вложивши, къ нему отислала,
Молодецъ-же разуменъ тотчасъ догадался,
Что недармо даръ къ нему отъ нея прислался,
Такъ хитро умисленній, да еще чрезъ дѣву;
На многъ часъ чудяся тому ея дѣлу,
Взявъ тую, роспечатавъ и прочитавъ скрито,
90. И сталъ любить чрезъ тое ея ненасито;
Растопился отъ сладости и развеселился,
Что о часѣ и мѣстѣ, гдѣ быть, извѣстился.
И такъ спилися въ едино, волю учинили
И конецъ желанія любве улучили;
Покой бо билъ далече Зигисмунди въ боку,
Для утѣхи ей самой дѣланній знароку,
При которомъ и ліохъ билъ уже запалій
И смѣттемъ нанесенній, толко поостали
Нѣякіесь тамъ мѣста секретніе къ входу,

100. Правящіе въ покою сѣнми охолоду,
Где и наметъ Зигисмунди надъ вся былъ любимій
И нарочно для потѣхъ собственнихъ держимій.
Въ томъ наметѣ при ліоху желѣзніе двери,
И стална была засовъ съ желѣзними пери.
Тотъ ліохъ зъ давнихъ временъ былъ вже запустѣлій,
И домашніе о немъ весма позабили;
Но любовь бысть раззорна, проходя сквозь всюди,
Усмотрѣла мѣсто то угодно, где труди
Облегченни бываютъ, и соединила
110. И тугу сердечную онимъ тамъ разбила.
Зигисмунда бо, въ помощь не прося никого,
Сама двери отверзла, трудяся въ томъ много,
Упустила Звѣздарда къ своему покою
И тамъ утѣшилися обоя межъ собою.
Сіе-жъ часто бывало, а единой ночи,
Желанію своему не имѣя мочи,
За препятствіемъ слугъ своихъ, онихъ розослала,
Умисливши сказать то, что еще не спала,
И пошедши къ покою, тамъ сладко уснула
120. Съ Звѣздардомъ въ прохладѣ, а якъ ночь минула,
Обоими обявши своима руками,
Звѣздарда цѣловала вcѣ уди устнами;
И долго побавились еще въ той утѣсѣ,
Якъ пташечки играя въ красномъ якомъ лѣсѣ.
По игрѣ-же той Звѣздардъ у домъ возвратился
И пришедши, где медлѣлъ, въ дому не звинился.
Зигисмунда, замкнувши двери, тожъ вступила,
Какъ-би отъ сна себе толко обудила;
Взявши шубку на себе, пришла между слуги
130. И, съ ними въ рѣчь вдавшися, била какъ лукъ тугій,
Не дала ни мала по себѣ въ томъ знаку,
Сахарнимъ розговоромъ прикрила желчъ смаку,
И смѣяся съ паннами, шутливо сказала:
„Якъ я долгое время въ покою томъ спала!“

Они-жъ въ отвѣтъ ей сказали: доволно и много
Ізволили спать, госноже. Она-жъ имъ до того
Сказала, что прiятнымъ сномъ бѣ отягощена
И сладкимъ отъ чувствiя велми вспокоенна.
Потомъ едини въ шати другiе вбирали,
140. Другiе-же вечеру вкусну готовали.
А Звѣздардъ всегда невенъ было посѣщаетъ
И печално ея сердце въ тузѣ утѣшаетъ.
Но противна фортуна щирости той вѣрной
Не могла укротити завѣсти безмѣрной,
Кая всѣмъ тѣмъ потѣхамъ конецъ даровала
Печалнiй и обоихъ смертiю карала.
Обиклъ бо Танкредъ онiй, князь Салернѣтанскiй,
Часто ходить къ покою, въ наметъ тотъ панянскiй,
Хотя часомъ утѣшить дщерь вдову печалну
150. И ей отгнать тугу отъ сердца нахалну.
А временемъ обиклъ билъ ходить до покою,
И тамъ было розговоръ имѣютъ зъ собою.
И такъ часу едного, въ полудней годинѣ,
Ходя онъ по покою самъ толко единiй,
Когда дщерь Зигисмунда съ паннами играла
Въ городку и цвѣтками себе забавляла
Маiовими, якъ звичай,—тогда онъ въ покою
По многой уснулъ утѣсѣ, утружденъ собою;
Уснулъ онъ у тихости вкупѣ наединѣ,
160. И окна бо заперти были у той сѣни.
Зигисмунда-жъ, не зная, что дѣлалось тамо,
Пожелавши Звѣздарда, идетъ въ покой прямо,
Где и Звѣздардъ надойшолъ, тѣшились вспаняло
По желанiю сердецъ; когда-жъ позднѣйшъ стало,
Обудився зъ сна, Танкредъ видить, что дщерь дѣеть,
Ничего не говорить, отъ жалю ввесь млѣеть;
Хотѣлъ къ нимъ обозватись, а потомъ раздумалъ
Не обличать дочери, толко тайно румалъ,
Румалъ горко и ревно, уста притиская

170. Къ подушки, на кой лежалъ, гласъ утаевая;
Не двинулся, ажъ поколь ростались обое,
Окончивши забаву, не мисля на тое,
Что вже (з)рада съ ними есть. Ахъ израда скрита,
Кую любовь дѣеть слѣпа и не сита;
Та бо ихъ разстопила такъ, какъ воскъ и масло,
И въ той они цѣлуясь, паки дали гасло.
Звѣздардъ обыкновенно отойшолъ съ покою;
Зигисмунда-жъ въ надежномъ бывши слова строю,
Пойшла въ домъ между панни и тамъ жартовала,
180. Посредѣ ихъ, играя съ ними, розмовляла.
А Танкредъ нечаяннимъ видомъ пораненній,
Вишолъ тайно съ покою, сердцемъ болѣзненній,
И утвердилъ надъ ліохомъ тѣмъ стражи опасни,
Гдѣ въ третій день пойманъ сталъ Звѣздардъ той нещасній.
Между тѣмъ, звязавъ его, дали князю знати
Скрито о немъ, что уже далъ имъ Богъ поймати.
Князь-же, не хотя того и видѣть очима,
Приказалъ вложить въ тюрму, какъ вора злозрима.
И то все тайно дѣлалъ; казалъ, чтобъ не знала
190. Зигисмунда о тому и тужить не стала,
Что свого рачителя уже упустила
И своимъ сношеніемъ его погубила;
Приказалъ говорити—съ пѣсмомъ отпущенна
И надежно съ отвѣтомъ скоро возвращена.
Потомъ, время избравши, пойшолъ самъ въ темницу
И гнѣвную на его обратилъ зеницу,
Хотя слишать отъ него, чтоби онъ зрадливій
По совѣсти сказать моглъ. Питалъ, какъ плачливій:
О злодѣй безъсовѣстній! сами тѣ доброти
200. Мои тебе отвесть могли бъ отъ срамоти,
Даби дому моему и слави такои
Не дѣлалъ и сердцу болѣзни тяжкои;
Кое дѣло самъ видѣлъ очима моима

И покрилъ то горкими слезами моима.
На что въ отвѣтъ отказалъ то Звѣздардъ Танкреду:
Согрѣшилъ, господинъ мой, ставлю грѣхъ на среду,
Но что буде, то буде; правду сказать, знаю,
Что любовь болшу силу, нижъ ти и я маю,
Оной я слушать мусилъ, тебе позабивши
210. И волѣ тоя себе всего поручивши.
Князь-же Танкредъ ридая війшолъ болѣзненній,
Приказалъ, чтобъ Звѣздардъ былъ крѣпчае замкненній.
Зигисмунда-жъ частенко зъ окна виглядала,
На всякъ часъ и минуту Звѣздарда чекала
И мисля, что зъ писмами тѣми забарился,
Воздихала горко, что не знаеть, гдѣ подѣлся.
Отецъ, часъ усмотрѣвши, пойде до покою,
Якъ обиклъ былъ; ажъ дочеръ сама тамъ собою
Лежить скорбне, въ наметѣ. Когда его взрѣла,
220. Ставши предъ нимъ, какъ должно, отца сѣсть просила.
Онъ же сѣдши зачалъ рѣчь свою къ ней ту править,
Что до смерти за жену, какъ она лукавить,
Ручитися не хотѣлъ-би, тое всякъ дознаеть,
Здравіе-бо и славу та отъ часу тераеть.
О дщи моя едина! скорбенъ я до зѣла,
Ібо твоя мнѣ въ очи сваволя вступила,
Чего когда бъ очима своими не видѣлъ,
Никогда бы, кто казалъ, тому-бъ я не вѣрилъ,
А то видѣлъ и плакалъ, въ слезахъ утопая;
230. Говорить ажъ онъ не моглъ, съ жалю умирая.
Съ такимъ то щастіемъ бѣдній умирать я мушу
И такъ въ горкой печали злѣй зверну душу.
Грѣхъ твой мене тотъ мучить и свѣта лишаеть,
Твоя любовь зъ Звѣздардомъ мене погубляеть.
О дщи моя, дщи злая! что се ти зробила?
Кости моя и мене жива въ гробъ вложила,
Смѣшеваешъ зъ землею, жалемъ покриваешъ
И такъ сердце бѣдное насквозь пробиваешъ.

О бѣдная Зигисмундо, вдовице неправа,
240. На что далась бездѣлнику звестися лукава?
Для той своей свободи могла бъ изобрати
Зъ нобилетовъ изрядна, нежели такъ каляти
Славу свою, и себе худу учинила.
Когда вже желанія въ томъ не преломила,
Много дворянъ у мене лучшихъ избрать можно,
Если вже захотѣла такъ жити безбожно.
Не знаю, что въ томъ сердце твое возлюбило,
На кого и смотрѣть другимъ есть не мило.
Сего бо млада еще взявши я нагаго
250. Отъ отца, вмѣсто сина здѣлалъ таковаго,
Пріодѣнулъ нагаго и сдѣлалъ якъ сина,
Хотя его за вѣрна слугу мѣть едина;
Се же онъ мнѣ наградилъ за тія доброти,
Нанесъ въ тяжкой старости моей мѣстъ клопоти.
О сердце старости! что ти такъ нещасно,
Что отъ сего терпишъ ти такъ тяжко, напрасно.
Однакъ уже, какъ ни есть и какъ тое стало,
О нещастіе велико такъ мене попало,
Что самъ я не знаю, что чинити зъ собою:
260. Прійдется въ горести умрѣть въ неспокою.
Поступлю я съ Звѣздардомъ, какъ съ таемнимъ воромъ,
Убію безъсовѣстна во времени скоромъ;
А съ тобою не знаю, что дѣлать имѣю,
Прибрать мисли не могу, сердцемъ тя жалѣю,
Любовь бо природная дѣлать воспящаеть,
Хоть на тое судъ правій мя и поущаеть,
Чтобъ тя казнить за грѣхъ твой и сущіе сіи зліи
Помстять тя сами нехай дѣла твои тіи.
А я поколь умишлю, хощу въ тебе бути,
270. Чтоби ти мнѣ сказала, якъ би избѣгнути
Могла еси казни злой и прощенна быти;
Лучше бо тя мнѣ мертву, нежъ безъчестну зрѣти.
Печална-жъ Зигисмунда буд(учи) въ томъ часѣ,

Стала безъотвѣтна вдругъ въ немалому страсѣ,
Не такъ себе жалѣя, якъ друга своего,
Звѣздарда, мисля въ себѣ: ахъ нещастія моего!
Что се намъ случилося? тяжко воздихала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайни ихъ открити
280. Стали и вси любве той знаки явни быти,
Отъ жалости несносной ніедина слова
Не могла проговорить до отца сурова;
Однакъ предъ нимъ мужеско сердцемъ поступала,
Прибирая разума, что би отказала;
А въ мисли своей твердо тое закрепила,
Что съ Звѣздардомъ и смерть ей будетъ въ свѣтѣ мила
И быть-би вже готовой, еслиби згубити
Звѣздарда отецъ имѣлъ, тамъ же положити
И свой животъ съ нимъ купно; и такъ учинила,
290. Что по смерти вже своей его въ гробъ вложила;
Мужественно стояла до смерти и вѣрно
Не просила ни о чомъ отца, толко мирно,
Безъ гнѣва, со слезами тое говорила:
Что ти де, отче, виненъ, не я учинила,
Отецъ мой, государь! ти самъ въ томъ причина,
Что я такъ согрѣшила, тебѣ дщерь едина.
Грѣхъ мой исповѣдую и вини не крію
И о милость просити тебе не имѣю;
Готова все терпѣти, чтобъ имѣло быти,
300. Съ Звѣздардомъ совокупно хощу и умрѣти.
Не тая-же и сего, что его любила
И такъ, какъ съ мужемъ своимъ, я съ нимъ жизнь имѣла
И поколь жива буду, хочъ то и немного,
Не престану любити отъ сердца прямого;
И по смерти, когда би власть кости имѣли,
Желала бъ, чтобъ и въ гробѣ Звѣздарда любили.
Не такъ моя хоть къ тому и любовъ его же,
[illegible] то сдѣлать возможе:

Моглъ би еси въ младости моей то вчинити,
310. Даби мене другому мужу обручити,
Тобѣ я сіеи своволѣ такъ худой не знала
И всегда бъ зъ своимъ мужемъ въ сладости играла.
Не помислилъ ти па то, что я самъ тѣлесній,
Въ тѣлѣ своемъ имаши тотъ же духъ прелестній,
И мене не каменну родилъ ти жъ такову,
И для того и нравомъ знай быть еднакову.
Моглъ би еси и тое еще разсуждати,
Какъ въ младихъ лѣтахъ нашихъ кровъ звикла играти
А и сама младость есть ко грѣху всесклонна,
320. Найпаче-жъ праздна; а любовъ законна
Всего сего не знаеть, но живеть нелестно.
Бракъ честенъ, какъ сказують, и ложе всечестно:
Якъ-же мнѣ, женѣ, бывшей въ отрадѣ доволной,
Младой, къ тому и праздной, не быть своеволной?
Сіи твои и-къ сему мене понудили,
Что всѣ уди Звѣздарда мои такъ любили;
Бывши бо я за первымъ супругомъ законнимъ,
Хочъ не долго зъ нимъ жила, однакъ бракомъ полнымъ,
Узнала, что то есть бракъ и что въ немъ за сила,
330. Всякихъ тайнъ сердечнихъ сладости вкусила;
Когда-жъ въ той горячести самой завдовѣла,
Надъ мѣру въ младой кровѣ огнемъ разгорѣла,
Какимъ во дни и въ нощи палая сердечно,
Принужденна промишлять о то всеконечно,
Якъ би пламень природній могла утолити
И кровь, во мнѣ горящу, хоть мало залити.
Однакъ съ прилѣжаніемъ и о то старалась,
Какъ-би найсекретнѣе въ той вещи справлялась,
И искала способовъ таемнихъ до того,
340. Чтоби подозрѣнія избѣгнути злого.
Тебе ради, не себе, тайно такъ чинила,
Даби когда подзоромъ не обезъславила.
И до тихъ поръ щасливо текло тое дѣло,

Покамисть твое око отче не узрело.
Когда-жъ тебѣ досадно наче всего тое,
Что не зъ равнимъ любилась, се резонъ на тое:
Той бо мнѣ полюбился и я ему равно,
Любовъ не перебираетъ, все дѣлаетъ травно.
Но что очесамъ людскимъ кажется въ придачу,
350. Любвѣ пріятно, то намъ есть въ удачу.
Мниши-ли грѣхъ тотъ быти менщій межъ грѣхами,
Которій бя имѣла дѣлать зъ шляхтичами?
Слѣпъ твой въ томъ разумъ, отчо! мисль маешъ неправу,
Не Звѣздардъ, но щастіе отіймаетъ славу.
За щастіемъ все течетъ: то славитъ безъславнихъ,
То убогихъ, богатихъ, то и князей славнихъ
Возноситъ и смиряетъ,—то дѣлаетъ само.
Слово-жъ твое, отче мой, и Богу упрямо;
Всѣмъ бо намъ единъ отецъ, една земля мати,
360. Вси отъ нея созданни, отъ нея зачати,
И достоинство наше отъ земли-же взято.
Вси земля, прахъ и пепелъ, толко едно свято
Племя и родъ, коего добродѣтель славить:
Та сама славу родить, та богатихъ ставить,
Та ворота къ шляхетству и ключъ къ славѣ златій,
Тая шляхтовъ дѣлаетъ—не отецъ, ни мати.
Присмотрись толко, отче, своей шляхти нравамъ
И всѣмъ ихъ дѣламъ добримъ и дѣламъ исправнимъ;
Положи на мирилѣ Звѣздардови справи,
370. Добрій нравъ и красоту—какъ болшой суть слави,
Такъ увидишъ всю правду, чего онъ достойній,
Какъ тѣхъ стома крати лучшій есть и стройній,
Зачимъ я извѣрилась, якъ вѣрному другу
И хотѣла-би ему быти за супругу.
Болше-жъ сего еще то я въ немъ усмотрѣла,
Что онъ горячъ любитись,—за то я влюбила,
И что болшъ (есть шляхтичъ), хоть убогъ да правій,
Доброти въ немъ нѣсть подобной, красни имать нрави.

Обманулся ти, отче, что такъ мужа умна
380. Чрезъ долгій часъ не узналъ быть нелегкоумна,
И за службы вѣрніе по сей часъ заплати
Не наградилъ достойной зъ своей благодати.
Нѣсть сіе ново и дивно: часто бо бываеть
Господинъ убогимъ, убогій-же его провишаеть;
Много тихъ, что у себе ничего не мали,
Щастіе-же имъ дало, господами стали.
Многіе-жъ хочъ и мали, да щастіе побрало,
Много мавши, послѣжди ничего не стало.
Въ заключеніи-же рѣчи сіе утверждаю:
390. Что хочешъ, дей со мною,—умрѣть съ нимъ желаю;
Если згубишъ Звѣздарда,—чего не дай Боже.—
Узришъ мертву и мене, что будетъ негоже.
Мене карай, мене мучъ,—я то во всемъ винна:
Сама его извела, сама въ томъ безъчинна;
Сама смерти я годна,—пусть-же пойду зъ свѣта,
Не дасть онъ предъ Богомъ безъвинній отвѣта.
Да дасть Господь Богъ ему, ему лѣта многи
И вся свишше благая безъ всякой тривоги.
Если-жъ изъ свѣта, отче мой, Звѣздарда мнѣ истратишъ,
400. Смертію вже моею ти лютость уплатишъ;
Лучше насъ обоихъ згубить, нежель розлучити,
Дружно бо хощу съ Звѣздардомъ и въ гробѣ жити.
Положи насъ въ единой трунѣ нерозлучно,
Пусть едину не будетъ жити въ свѣтѣ скучно;
Погреби кости наша въ единой яскинѣ,
Пусть лежать въ памятку любве вѣрной нынѣ.
Смотря-жъ Танкредъ на ея такъ рѣчь ту статечну,
Не зналъ, чимъ-би устрашить оную безпечно;
Умыслилъ онъ тотъ пламень, внутрѣ ей розгорѣлій.
410. Кровою залить, Звѣздарда животъ отявъ милій.
Хотя все тайно здѣлать для своей неслави,
Казалъ въ ночь глубокую лишить его глави
И сердце его къ себѣ принести неживо,

И положивъ на златомъ блюдѣ то на диво,
Послалъ къ дщерѣ на покой съ таковими слови:
Отецъ ти про память прислалъ се суровій,
Даби тѣмъ и по смерти себе потѣшала,
Которому за жизни любовъ даровала.
Се имашъ сердце его; кой отялъ доброти,
420. Тѣмъ закрій свою нечесть, знакъ вѣчной срамоти;
Теперь ему присмотрися, есть-ли что въ немъ мило,
И испросися, любить-ли, какъ прежде любило.
Зигисмунда-жъ, будучи вже на смерть готова,
Не говорить въ отвѣтъ ни едина слова;
Держа въ руцѣ напитокъ изъ ядомъ смѣшенній,
Силною отравою бывій растворенній,
Ожидаетъ, что будетъ съ Звѣдардомъ чинится,
Ажъ видитъ, что ихъ секретъ явно всѣмъ вже зрится.
Взявши сердце оное отъ златого блюда,
430. Воздохнула плачевна о причинѣ студа,
И очи въ небо поднесла и благодарила
Отцу за тотъ даръ драгій, которій узрѣла.
И заразъ узнала, что то Звѣздардово
Сердце было, которое отецъ далъ сурово,
И спустивши внизъ очи, плакала ревниво.
Потомъ къ послу сказала тѣ слова плачливо:
Достойно и по истиннѣ золотого блюда
Сердце сіе и его любовна утроба,
Кая ему труна и быть надлежала,
440. Въ чомъ я теперъ отческу милость вже узнала.
Достойно Звѣздардъ лежитъ по смерти на златѣ,
Положилъ-бо любови моей то въ заплатѣ,
Сердце-же его, кое въ рукахъ пѣстовала
И своими сердечно усти цѣловала.
Сказуя то, прирекла: о моя утѣхо!
Ти теперъ въ небѣ еси радостно и тихо.
Потомъ, обратившись (къ) панянтамъ, сказала:
Всегда я отческую милость узнавала,

Но тепера найпаче тую узнаваю
450. И за такій даръ ему воздать чимъ не маю;
Вмѣсто всего самую пусть онъ будетъ знати,
Дая ему жизнь мою и покой мой златій.
И къ сердцу обратившись, такъ горко слезила,
Что отъ жалю и плача зѣлно обомлѣла,
Сказуя такъ до сердца: о сладкій покою
Всѣхъ моихъ потѣхъ! тайно добро мнѣ съ тобою.
О радостній доме мой, любве пребезмѣрній,
Постоянній и вѣрній и нелицемѣрній!
Ти замокъ таинъ сихъ всѣхъ! Где-жъ тебе подѣли?
460. Въ тебѣ-ли суть, иль въ небо зъ душею вступили?
Богдай-же тотъ не дождалъ вѣка вже своего,
Кто живота не щадѣть приказалъ твоего!
Доволно въ тебѣ, сердце, было мнѣ спокою,
Когда-жъ умрѣть наперадъ ти зволилъ собою,
Быть тому такъ; для мене ти князя лишился,
Отъ его-же и на тотъ свѣтъ итить поспѣшился.
Когда-жъ еще до мѣста не дойшолъ своего,
Я гонюся за Звѣздардомъ, свѣтъ бо мнѣ безъ него
Не милій. Далъ тебѣ гробъ неприятель злобній,
470. О сердце любимое, твой сходъ мнѣ удобній(?);
Болшъ ти слави и погребу вже не доставало,
Толко-бъ еси въ слезахъ моихъ омокало,
Какихъ я не жалѣю, и ти бо однако
Не жалѣлъ своей крови и живота тако.
И кого-жъ-би сердце то днесь не засмутило
И воздохнуть отъ сердца внутръ не понудило?
Мнѣ было еднаково въ землю пойти прямо
И зъ сухими очима и безъ слѣзъ бить тамо.
Но фортуно измѣнна! отъ тебе се цвѣти
480. Понужденни ввязнути у смертніи сѣти;
Души-жъ наши, мню, будуть совокупно обѣ,
Когда купно положать тѣлеса во гробѣ.
Еще бо, надѣюся, духъ твой во покою

Моемъ здесь пребываеть, лѣтая собою,
Смотря на плачъ и жаль, такъ тяжко ревнивій,
Ожидаеть, поколь духъ мой вийдеть зъ мя плачливій,
Не желаеть дружества остатися вѣрна,
И нинѣ любя его, какъ нелицемѣрна.
Но уже душа моя мене оставляеть
500. И тѣло отъ немощи тяжкой умираеть.
Сказуя, гласъ въ себѣ таила плачевній,
А въ сердцѣ диханіе и жаль велми ревній;
Слези-жъ лія на сердце тое безъ престани,
На мертвость смотря его и смертніи рани.
Жени тамо и панни, тожъ видя, слезили
І на слезній тотъ позоръ вси тамо смотрѣли,
А она плакавшись очи утирала,
На сердце Звѣздардово смутно поглядала.
Потомъ всѣмъ вслухъ сказала: плакать уже годѣ,
510. Но не годѣ зъ Звѣздардомъ быть мнѣ при отходѣ.
То говоря, веемъ чашу, смертна яда полну,
Іспила и упала, жизнь оставя долну;
Тамъ на ложѣ, якъ трупъ, тотчасъ поблѣднѣла,
Сердце-же Звѣздардово къ себѣ прихилила,
Цѣловала и скорой смерти ожидала.
Тѣмъ бо своимъ случаемъ всѣхъ женъ понужала:
Что-бо она испила, того не узрѣли,
Толко знать, что ядъ смертній, мислми доходили.
Тотчасъ, толко пала, лице измѣнила,
520. Вся стала нечувственна и вся омертвѣла.
Дали о томъ отцу знать, что дочеръ болѣеть;
Услишавши-жъ то, отецъ тотчасъ къ ней приспѣеть,
Спрашиваеть, что се есть! Она-жъ вже канаеть.
Крикнеть отецъ: ахъ, бѣда! дочеръ умираеть!
Пособити не зналъ, пройшло-бо то время,
А ядъ лютъ непослабно налагалъ вже бремя.
Видя-жъ отецъ смерть явну дщери своей милой,
Не плакалъ, но ридалъ по той втѣсѣ милой,

На себе и на дочерь свою нарѣкая
530. І день тотъ свой нещастній горко проклиная.
Аки при Меандровихъ брегахъ лебедь бѣлій,
Тако жалостно надъ дщерю плакалъ отецъ милій;
Лебедь гласомъ плачевнимъ кричить, воздихая
І крилами бистріе води розбивая,
Поетъ пѣснь печалну гласомъ умиленнимъ,—
Равно пѣлъ и старушекъ сердцемъ сокрушеннимъ;
Жалѣя по дочерѣ, румалъ неутѣшно
І себѣ умрѣть желалъ за тоею спѣшно.
Дочерь отцу слезну каная говорить:
540. Мнѣ вже тѣхъ слезъ не треба, и Звѣздардъ не спорить.
Сокрій тія на славу насъ умершихъ нинѣ;
Ідемъ зъ свѣта черезъ тебе въ сей горкой кручинѣ.
Напрасно ти жалѣешъ, сего ти хотѣлось,
Тѣшся съ того, о чемъ вже тебѣ и ходилось;
Ти сего рачително желалъ,—Богъ съ тобою!
Богъ судія ти буди, что намъ жить зъ собою
Не допустилъ ти въ любви; дай-же хочъ по смерти
Кости наши ямѣ едной вже пожерти;
Даруй сію благодать дочери единой,
250. Буди въ тебѣ любовъ есть къ мнѣ, отче, безвинной.
Яви отчу милость къ намъ, сдѣлай вконецъ тое,
Даби въ гробѣ единомъ положилисъ двое.
Тѣло мое зъ Звѣздардомъ пусть вже почиваетъ,
І по смерти бо своей быть съ нимъ желаетъ.
Надѣюся, отче мой, что мнѣ подаруешъ,
Въ едномъ гробѣ наши кости замуруешъ.
Тогда Танкредъ, будучи жалемъ ураненній,
Не моглъ слова отказать, крича изумленній.
А Зигисмунда, видя смерть уже предъ очима,
260. Съ отцемъ попрощалась и зъ всѣми своими,
Сердце-же пѣстуючи усти цѣловала
І тяжко воздохнувши, въ томъ и жизнь скончала.
По томъ всемъ князь печалній сталъ осиротѣлій,

Зделалъ погрѐбъ обоимъ и гробъ единъ цѣлій,
Схоронилъ ихъ преславно. Пусть-же почиваютъ
И такъ въ вѣчной любвѣ купно пребиваютъ!
Танкредъ пожилъ въ печали, скоро преселился,
І такъ животъ Танкредовъ и тѣхъ окончился.

Ляментъ Зигисмунды.

Нещасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливи!
На что мене нещастну такъ долго держали,
Когда мене такъ тяжкимъ смуткомъ ка́рать мали?
Чему мене первѣе червъ не стлила въ гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ!

Библіографія.

Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губ.). С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома). Изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Начало этого изданія относится къ 60-мъ годамъ, когда правительство приступило къ обновленію обветшалыхъ и разрушающихся православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ и занялось собираніемъ потребныхъ для этого свѣдѣній о составѣ населенія края въ племенномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Командированные для собранія этихъ свѣдѣній штабъ-офицеры генеральнаго штаба, при разъѣздахъ въ краѣ, встрѣчали весьма часто развалины древнихъ православныхъ храмовъ и другіе замѣчательные остатки старины и дѣлали съ нихъ снимки. Изъ такихъ снимковъ составился интересный историко-археологическій альбомъ, который былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе покойнаго Государя, соизволившаго на отпускъ средствъ для изданія этихъ рисунковъ въ свѣтъ.

Первые четыре выпуска «Памятниковъ» были посвящены волынскимъ древностямъ и изданы подъ наблюденіемъ того-же лица, которому принадлежатъ и дальнѣйшіе выпуски, включая и настоящій. Они представляютъ довольно интересный альбомъ, недурно исполненный въ художественномъ отношеніи, но оставляющій желать весьма многаго со стороны научныхъ требованій. Въ его составъ почему-то включены старинные памятники лишь четырехъ волынскихъ городовъ: Острога, Овруча, Луцка и Владиміра, и оставлены совершенно безъ вниманія такіе пункты, какъ Почаевъ, Кременецъ, Дубно и многія другія мѣст-

ности Волыни, извѣстныя по нахожденію въ нихъ старинныхъ памятниковъ; притомъ издателя видимо интересовали исключительно почти развалины церквей, другіе-же остатки древности, которыми такъ обильна Волынь, совсѣмъ не нашли мѣста въ альбомѣ; наконецъ, и тѣ немногочисленные памятники, рисунки которыхъ были изданы, оставлены безъ надлежащаго научно-историческаго изслѣдованія и снабжены лишь самыми краткими поясненіями.

Болѣе научно были изданы 5 и 6-й выпуски «Памятниковъ», посвященные древностямъ виленской губерніи. Кромѣ превосходнаго альбома, заключающаго въ себѣ весьма художественно исполненные снимки церквей, древнихъ замковъ, надгробныхъ памятниковъ, предметовъ церковной утвари, старопечатныхъ книгъ, рукописей и т. под., въ отдѣльныхъ книгахъ были помѣщены обстоятельныя описанія этихъ древностей и цѣлыя монографіи, между которыми особенно выдѣляются превосходный трудъ проф. Васильевскаго, посвященный исторіи г. Вильны, и статья П. А. Гильтебрандта «Матеріалы для исторіи западно-русской старопечати».

Настоящій, седмой выпускъ «Памятниковъ» посвященъ Холмской Руси. Въ отношеніи ученаго достоинства содержащихся въ немъ статей онъ уступаетъ двумъ предыдущимъ выпускамъ, не превосходя ихъ въ то-же время ни богатствомъ, ни большею систематичностью въ выборѣ статей: въ послѣднемъ отношеніи книга нѣсколько даже напоминаетъ тѣ сборники, которые издаются съ благотворительными цѣлями и наполняются тѣмъ, «кто что дастъ», по пословицѣ: «съ міру по ниткѣ»... Но есть въ настоящемъ выпускѣ одна особенность, которую нельзя не привѣтствовать сочувствіемъ и въ которой нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ въ дѣлѣ пониманія издателемъ своей задачи. Желая представить матеріалъ для возможно-полнаго ознакомленія съ Холмщиною, какъ исконно-русскимъ краемъ, издатель не ограничился изслѣдованіемъ вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, но пожелалъ хотя отчасти познакомить читателей съ духовною физіогноміею *живаго народа*, исконнаго обитателя этого края, и помѣстилъ въ своей книгѣ весьма интересный «Очеркъ быта крестьянъ холмской и подляшской Руси», съ описаніемъ ихъ обычаевъ и собраніемъ всякаго рода пѣсенъ, записанныхъ большею частью изъ народныхъ устъ воспитанниками холмской учительской семинаріи. Эти пѣсни оказываются совершенно однородными съ тѣми, что поются на Волыни, Украйнѣ и вообще въ цѣлой Малороссіи. Безспорно, что въ виду спеціальной цѣли издателя «Памятниковъ» доказать «исконную принадлежность забужскаго края къ Россіи» (правильнѣе слѣдовало-бы сказать «русскому племени»), этнографія можетъ пред-

ставить аргументы болѣе убѣдительные, нежели археологія, и можно лишь удивляться тому, что издатель совсѣмъ не пользовался этнографическими матеріалами въ прежнихъ выпускахъ своего изданія. Нельзя не пожалѣть только, что въ художественномъ отдѣлѣ разбираемаго выпуска мы не находимъ изображеній мѣстныхъ народныхъ типовъ, костюмовъ, построекъ и тому подобныхъ особенностей племеннаго народнаго быта, которыя однѣ могутъ дать наглядное понятіе о томъ, насколько мѣстное населеніе сохранило свои исконныя національныя черты, не смотря на многовѣковыя хлопоты объ его полонизаціи.

Въ виду значительнаго объема новаго выпуска «Памятниковъ», составляющаго книгу въ 450 стр., намъ не станетъ ни мѣста, ни времени для подробнаго разбора его содержанія; ограничимся лишь краткими замѣчаніями по поводу отдѣльныхъ статей. На челѣ книги поставленъ прекрасный именно по его простотѣ и ясности этюдъ профессора Д. И. Иловайскаго о начальныхъ временахъ г. Холма и его основателѣ, князѣ Даніилѣ Романовичѣ, составленный на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ начальною лѣтописью. Совсѣмъ противоположными качествами отличается слѣдующая за нимъ статья мѣстнаго ученаго г. Хрусцевича, имѣющая цѣлью представить историческій очеркъ г. Холма со времени его основанія до нашихъ дней. На первыхъ-же страницахъ ея авторъ впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ предыдущимъ изслѣдователемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется,—съ истиною: вопреки яснымъ свидѣтельствамъ лѣтописи, приписывающей основаніе г. Холма князю Даніилу Романовичу въ первой половинѣ XIII ст., мѣстный ученый силится доказать, что этотъ городъ существовалъ еще во времена «предшествовавшія основанію русскаго государства», и въ доказательство этого положенія, какъ на непререкаемый авторитетъ, ссылается на извѣстнаго польскаго лѣтописца Длугоша, жившаго въ XV в. Не правда-ли, какъ это доказательно въ примѣненіи къ событіямъ IX или даже VIII вѣка! Гораздо интереснѣе статья того-же автора о бѣлавинской и столпьенской башняхъ подъ г. Холмомъ, не разъ впрочемъ описывавшихся; но и въ ней дѣло не обошлось безъ курьеза: разбирая существующія догадки и предположенія о назначеніи въ древнее время этихъ башень, авторъ не соглашается съ тѣми, которые видятъ въ нихъ укрѣпленія или-же пограничные столпы, а склоняется въ пользу по истинѣ удивительнаго предположенія, высказаннаго холмскимъ уніатскимъ епископомъ XVII в. Яковомъ Сушею на основаніи существовавшаго яко-бы въ то время народнаго преданія, будто башни эти не что иное, какъ зданія, построенныя для приваловъ или отдыховъ нѣкогда охотившагося здѣсь— кого-бы вы думали?—*князя Щека* (Кій, Щекъ и Хоривъ), котораго ав-

торъ склоненъ считать «лицемъ не легендарнымъ, а историческимъ». Этакъ, пожалуй, не далеко дойти и до царя-Гороха!...

Съ большимъ интересомъ читается статья г. А. Будиловича о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери, между прочимъ живо передающая исторію пререканій между православными и уніатами (въ XVII ст.) изъ-за обладанія этою святынею. Описаніе Апостола львовской первопечати (1573—1574 г.) попало въ сборникъ лишь потому, что въ холмскомъ музеѣ случайно находится экземпляръ этого Апостола, иного-же отношенія къ холмскому краю этотъ первенецъ южно-русской печати не имѣетъ. Другое дѣло—рукописныя евангелія XVI в. крешовское и долженское, краткія описанія коихъ находимъ въ «Памятникахъ». Въ первомъ изъ этихъ евангелій встрѣчается интересная приписка—«постановенье» или договоръ 1552 г. между «громадою» крешовскою и мѣстнымъ священникомъ относительно его доходовъ и вообще содержанія. Обѣ рукописи украшены превосходнѣйшими орнаментами, весьма напоминающими современные малорусскіе народные узоры; снимки съ нихъ имѣются въ альбомѣ «Памятниковъ». Такіе-же снимки сдѣланы еще съ двухъ рукописей мѣстнаго происхожденія: метрической книги замостской николаевской церкви 1670 г. и благословенной грамоты епископа Гедеона Балабана на учрежденіе православнаго братства при той-же церкви въ 1606 г. Упомянувъ о рукописяхъ, нельзя не пожалѣть, что издатель оставилъ совершенно безъ вниманія несравненно болѣе древній и высоко-цѣнный памятникъ письменности, имѣющій при томъ самое близкое отношеніе къ холмскому краю: разумѣемъ знаменитое *холмское евангеліе* XIII—XIV в., хранящееся въ румянцевскомъ музеѣ подъ № 106. Вотъ древность, которая по всей справедливости должна была занять первое мѣсто въ изданіи, спеціально посвященномъ «памятникамъ православно-русской старины» въ холмскомъ краѣ! Трудно извинить такую непростительную оплошность издательскую.

Изъ числа остальныхъ статей сборника упомянемъ о весьма любопытномъ очеркѣ: «Грекоуніаты въ Царствѣ Польскомъ (1864—1866 г.) и князь Черкасскій», перепечатанномъ изъ «Холмско-Епархіальнаго Вѣстника», ярко рисующемъ хотя не давнюю, но мало извѣстную исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ очищенію уніи отъ польско-католическихъ церковныхъ и національныхъ наслоеній и подготовившихъ послѣдовавшее въ 1875 г. возсоединеніе холмскихъ уніатовъ съ греко-россійскою церковью. Здѣсь-же находимъ изслѣдованіе кіевскаго проф. Н. И. Петрова о холмско-подляскихъ монастыряхъ, представляющее извлеченіе изъ статьи того-же автора, помѣщенной раньше въ

«Кіевской Старинѣ». Затѣмъ слѣдуетъ историческое описаніе нѣкоторыхъ старинныхъ церквей люблинской и сѣдлецкой губерній.

Не будучи записнымъ знатокомъ холмско-подляшскаго края, трудно судить о томъ, насколько изданіе г. Батюшкова полно обнимаетъ сколько-нибудь замѣчательные памятники мѣстной старины; но то всякому очевидно, что оно заключаетъ въ себѣ не мало лишняго. Таковыми нельзя не признать, напримѣръ, слѣдующихъ статей: проф. Петрова о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ-Антоніи Господнѣчичѣ (De-Dominis) и его посланіи, и Я. Ѳ. Головацкаго о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи. Нѣтъ слова, что обѣ эти статьи весьма любопытны, но онѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ тому краю, изслѣдованію о которомъ спеціально посвященъ сборникъ. За то мы рѣшительно отказываемся понять, въ силу какихъ соображеній попала въ сборникъ замѣтка какого-то В. К. *о бердышѣ* яко-бы Богдана Хмельницкаго! Эта курьезная «древность» находится не въ Холмѣ, а въ Краковѣ, въ музеѣ краковской академіи, и представляетъ собою желѣзный бердышъ съ изображеніемъ архангела Михаила и съ надписью: «Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмельницкій съ 80 тысячъ козаковъ, а ляхамъ, жедамъ и попамъ супостатамъ симъ бердышомъ заграю на ихъ толстыхъ шияхъ козака. Року 1648, мѣсяца лѣстопада 11 дня». Издатель «Памятниковъ», по его словамъ, предварительно обращался за справками къ хранителю древностей краковскаго музея, извѣстному археологу Киркору, и получилъ отвѣтъ, что эта «лжедостопамятность» лѣтъ 20 назадъ поступила въ музей отъ неизвѣстнаго лица, что относительно подлинности бердыша нѣтъ никакого надежнаго ручательства и что въ глазахъ его, Киркора, эта яко-бы древность «болѣе чѣмъ сомнительна». Сверхъ ожиданія, этотъ отзывъ спеціалиста только болѣе утвердилъ г. В. К. въ предвзятомъ мнѣніи, что бердышъ именно принадлежалъ знаменитому малороссійскому гетману. Въ словахъ польскаго ученаго онъ почуялъ заднюю мысль: хитришь, молъ, братецъ, не надуешь! «И почему это, спрашиваетъ авторъ замѣтки о бердышѣ, столь сомнительнаго происхожденія вещи принимаются и хранятся въ краковскомъ музеѣ»? Г-ну В. К., очевидно, не извѣстно, что рѣдкій изъ лучшихъ европейскихъ музеевъ вполнѣ свободенъ отъ предметовъ сомнительной древности. И вотъ онъ, ничтоже сумняся, категорически утверждаетъ «историческую подлинность» бердыша и всякое сомнѣніе въ этомъ смыслѣ готовъ признать ни чѣмъ инымъ, какъ польскою интригою. Какія-же основанія г. В. К. приводитъ для столь категорическаго утвержденія? А вотъ какія: 1) на бердышѣ есть изображеніе *архистратига* Михаила,—ну, а Богданъ Хмельницкій, стоя съ козаками подъ Замостьемъ, тоже изображалъ собою *«архистратига* русскихъ силъ»;

и 2) въ надписи на бердышѣ написано: «подъ Замосцемъ», «жедамъ», «лѣстопада», а такъ-де именно «писали южноруссы въ XVI—XVII ст.». Можемъ увѣрить почтеннаго автора, что южноруссы тѣхъ вѣковъ обыкновенно писали эти слова иначе, а именно: «подъ *Замостямъ* (См. Лѣтоп. Самовидца, изданіе 1878 г., стр. 16), *«жидамъ»*, *«листопада»*. Кто читалъ подлинныя лѣтописи и документы того времени, тотъ подтвердитъ наши слова. Кромѣ того знающіе люди, надѣемся, согласятся съ нами и въ томъ, что подобной грубой плоскости, какую представляетъ надпись на бердышѣ, не только не могъ написать Богданъ Хмельницкій, человѣкъ по тому времени весьма образованный, но ее не могли-бы сочинить и тѣ замостскіе горожане, которые, по предположенію автора, якобы поднесли въ даръ гетману эту лжедостопамятность: навѣрное, они составили-бы надпись поумнѣе! Наконецъ—и это главное—автору, очевидно, совсѣмъ неизвѣстно, что *бердышъ* въ первой половинѣ XVII ст. составлялъ исключительную принадлежность великорусскаго вооруженія и ни поляки, ни малороссы не употребляли этого оружія. Досадно право, что въ такомъ капитальномъ изданіи, каковы «Памятники», такъ мало научной критики! Вмѣсто того, чтобы посылать за тридевять земель, въ Краковъ, художниковъ срисовывать столь очевидную подделку, какъ пресловутый «бердышъ» Хмельницкаго, не разумнѣе-ли было-бы командировать ихъ въ Москву для производства снимковъ съ памятника несомнѣнной древности—холмскаго евангелія XIII—XIV столѣтія?

Указывая недостатки въ изданіи г. Батюшкова и сожалѣя о допущенныхъ имъ недосмотрахъ, мы нисколько не думаемъ умалять несомнѣнныя заслуги его по изданію цѣлаго ряда памятниковъ западно-русской старины, которые безъ его многолѣтнихъ стараній и заботъ, можетъ быть, никогда не были бы извѣстны русской наукѣ и образованному обществу. И настоящій выпускъ «Памятниковъ», не смотря на присущіе ему недостатки, мы охотно признаемъ полезнымъ вкладомъ въ историческую науку, особенно въ виду слабаго знакомства нашего съ окраинами своего отечества, а также въ виду полнаго почти отсутствія въ нашей литературѣ сочиненій о Холмскомъ краѣ, кромѣ издававшагося съ перерывами Холмскаго Календаря и Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника—изданій, имѣющихъ свой, ограниченный кругъ читателей. Жаль только, что издатель не обозначилъ на оберткѣ ни цѣны книги, ни мѣста, гдѣ можно пріобрѣсти ее, и въ газетахъ не сдѣлалъ своевременно необходимой о томъ публикаціи. Выходитъ, будто книга совсѣмъ не предназначалась для продажи; но въ такомъ случаѣ для кого же и для чего она издана? Неужели для однихъ высокопоставленныхъ лицъ или вообще для правительственныхъ сферъ, какъ изданіе, сдѣланное на

счетъ казны? Но такое предположеніе противорѣчило-бы основной цѣли изданія—доказать, что Холмскій край есть и былъ искони русскимъ. Полагаемъ, что если для кого нужно еще доказывать эту истину, такъ это скорѣе всего для обыкновенной читающей публики, и преимущественно въ западно-русскихъ мѣстностяхъ, но именно въ эту среду изданіе почему-то и не попадаетъ. Въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ мы тщетно искали изданную книгу въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ и тщетно при посредствѣ ихъ пытались добыть ее изъ Петербурга, пока наконецъ не попала она къ намъ совершенно случайно. Сколько намъ извѣстно, этого изданія не имѣютъ еще самыя обширныя кіевскія книгохранилища, да едва-ли и будутъ его имѣть; о частныхъ лицахъ, труженикахъ исторической науки, которымъ оно найболѣе дорого, нечего и говорить,—оно мало доступно имъ и по высокой цѣнѣ. Мы доподлинно знаемъ, что на это изданіе отпущено отъ казны 10 т. р. и, какъ видно, г. Батюшковъ не пощадилъ данныхъ ему средствъ, но для чего? Одни приложенія, безъ солиднаго научнаго объясненія, не оправдаютъ такой затраты, хотя бы исполнены были со всею роскошью. Изданія «Памятниковъ Западно-русской Старины», возобновляемыя уже въ третій разъ и ведущіяся уже болѣе 20 лѣтъ, представляютъ собою въ нашей исторической литературѣ ту замѣчательную особенность, что они становятся библіографической рѣдкостью тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Отъ этого, конечно, мало выигрываютъ наука и общество; но самъ издатель съ каждымъ новымъ выпускомъ съ справедливою гордостью можетъ заявить, какъ это онъ дѣлаетъ и теперь, что всѣ экземпляры прежнихъ выпусковъ разошлись сполна. Не завидное преимущество, если изданія расходятся путемъ разсылки и раздачи, а не путемъ пріобрѣтенія на кровныя деньги. Въ первомъ случаѣ книга нерѣдко остается неразрѣзанною и развѣ скука заставитъ случайнаго обладателя полюбоваться роскошнымъ альбомомъ, во второмъ она прочтется отъ доски до доски, да и не однимъ пріобрѣтателемъ. Путемъ частной распродажи, притомъ по удешевленной цѣнѣ, изданіе хотя не стало-бы вдругъ библіографическою рѣдкостью, но несомнѣнно въ значительной степени возвратило-бы затраченную сумму и дало-бы возможность, не прибѣгая къ испрошенію новыхъ субсидій, сдѣлать новые выпуски, или-же повторить прежніе, ставшіе давно недоступными для читающей публики.

На это послѣднее обстоятельство мы позволимъ себѣ въ заключеніе обратить особенное вниманіе уважаемаго издателя, который болѣе 20-ти лѣтъ столь ревностно преслѣдуетъ высокую цѣль сохраненія и закрѣпленія въ памяти потомства памятниковъ минувшей жизни въ западнорусскихъ окраинахъ. Переизданіе первыхъ четырехъ выпусковъ «Памят-

никовъ», посвященныхъ волынскимъ древностямъ, становится нынѣ настоятельною потребностію. Выше было указано, какъ мало они удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, даже по сравненію съ послѣдующими выпусками; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самаго издателя, они давно разошлись сполна, а мы прибавимъ, что въ лучшихъ библіотекахъ даже такого крупнаго центра, какъ Кіевъ, они составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость и совершенно недоступны для огромнаго и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивающагося круга лицъ, интересующихся западно-русской стариной. Само собою разумѣется, что новое изданіе не можетъ быть лишь повтореніемъ прежняго. Оно, во первыхъ, должно быть значительно пополнено включеніемъ въ него цѣлаго ряда памятниковъ (и не однихъ монументальныхъ), пропущенныхъ въ прежнемъ изданіи. Извѣстно, напримѣръ, что волынскому краю принадлежитъ древнѣйшій памятникъ южно-русской письменности — такъ называемое Луцкое евангеліе XIV в., хранящееся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 112). Какъ-бы желательно было имѣть его подробное описаніе и художественные съ него снимки! А сколько драгоцѣнныхъ предметовъ старины отыщется еще въ Почаевѣ, Кременчугѣ, Дубнѣ, Дермани, Загайцахъ, Вишневцѣ, Олыкѣ, Нискеничахъ и многихъ другихъ мѣстахъ Волыни! И надо какъ можно болѣе поспѣшить съ этимъ дѣломъ, потому что, «яко таетъ воскъ отъ лица огня», такъ исчезаютъ съ каждымъ годомъ драгоцѣнные остатки старины отъ равнодушія, невѣжества и алчности. Спасти ихъ отъ неизбѣжной гибели, хотя-бы путемъ воспроизведенія художественныхъ снимковъ и рисунковъ съ нихъ — какая это была-бы великая заслуга предъ наукою, исторіею и будущими поколѣніями! Имѣяй силу свершити сія, да свершитъ.

И. Беркутъ.

А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. „Прав. Обозр.“ 1885 г. и отд. оттиски.

Послѣднее время дало намъ нѣсколько опытовъ разработки мелкихъ архивовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и церквямъ, и нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому направленію дѣятельности трудящихся надъ изслѣдованіемъ родной старины. Лучшимъ и наиболѣе важнымъ опытомъ въ этомъ родѣ, образцомъ такого рода работъ можно считать изданный въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго года «Сулимовскій Архивъ», трудъ А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго многочислен-

ными работами по исторіи Малороссіи, лучшаго знатока украинской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій [1]).

Довольно цѣнно для изученія общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ изданіе владѣльца одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи, графа Гр. А. Милорадовича: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей» (Кіевъ. 1884 г. 8°. 131).

Не мало историческаго матеріала, почерпнутаго изъ частныхъ архивовъ, разсѣяно въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др. [2]).

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ довольно разработаны церковные архивы. Такъ, напримѣръ, въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщено много статей, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ различными авторами [3]).

Къ подобнаго-же рода трудамъ принадлежитъ и статья г. А. Дмитріевскаго, помѣщенная въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1885 г., появившаяся потомъ и отдѣльными оттисками — «Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи» (1—31).

Авторъ этой статьи весною прошлаго года заглянулъ въ уѣздный городъ черниговской губерніи Нѣжинъ — плодомъ этой поѣздки и была вышеназванная статья.

Г. Дмитріевскій заинтересовался нѣжинскими церковными архивами. Церквей въ г. Нѣжинѣ очень много и немало древнихъ по своему построенію, но авторъ занявшей насъ статьи, по его собственнымъ словамъ, «обратилъ свое вниманіе исключительно на мѣстные греческіе храмы, такъ какъ отчасти изъ распросовъ частныхъ лицъ, а болѣе всего благодаря личному знакомству съ бывшимъ въ то время эпитропомъ греческихъ церквей Анастасіемъ Юрьевичемъ Кунелакисъ, ему «удалось узнать, что въ этихъ храмахъ и доселѣ еще сохранилось очень много рѣдкихъ и интересныхъ предметовъ въ археологическомъ отношеніи».

Въ Нѣжинѣ собственно три греческіе храма: два въ самомъ городѣ — въ честь Архангела Михаила и Всѣхъ Святыхъ, и одинъ на греческомъ кладбищѣ въ честь св. благовѣрнаго царя Константина.

---

[1]) См. Отзывъ объ этомъ изданіи проф. В. Б. Антоновича въ «Кіевской Старинѣ», т. X, стр. 332—326.

[2]) См. статью Н. Ѳ. Сумцова «Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи», «Кіевская Старина», т. XI. стр. 391—399.

[3]) Полное перечисленіе этихъ статей можно найти въ замѣткѣ г. Н. С. въ «Кіевской Старинѣ», т. VIII, стр. 684—588; «Малоизвѣстные и неизвѣтные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины».

Разсказавъ коротко исторію г. Нѣжина, г. Дмитріевскій дѣлаетъ историческій очеркъ двухъ изъ этихъ храмовъ, на основаніи найденныхъ тамъ документовъ. Постройка ихъ относится къ концу XVII столѣтія, третьяго къ 1820 г. Конечно, г. Дмитріевскій заинтересовался болѣе первыми двумя, какъ болѣе древними. «Осмотрѣвши, говоритъ онъ, оба греческіе храма, которые, по своему архитектурному стилю, ничѣмъ не отличаются отъ храмовъ греческихъ настоящаго времени, я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ въ собственномъ смыслѣ слова драгоцѣнностяхъ, какія сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилъ въ этомъ полузабытомъ почти въ настоящее время храмѣ». Г. Дмитріевскій нашелъ здѣсь очень много древнихъ иконъ греческаго и русскаго письма; въ алтарѣ на престолѣ и жертвенникѣ два греческія евангелія, обдѣланныя въ дорогіе серебряные оклады съ богатѣйшими эмалевыми въ византійскомъ стилѣ украшеніями; великолѣпной работы большой серебряный крестъ, сдѣланный въ Янинѣ въ 1636 году; кипарисный крестъ, оправленный въ серебро, съ изображеніемъ святыхъ, чудно выточенныхъ изъ дерева; прекраснѣйшую вышитую золотомъ по бѣлому атласу плащаницу и др. Въ библіотекѣ михайловской церкви оказалось много интересныхъ въ научномъ отношеніи древнихъ книгъ, а внимательное знакомство съ имѣвшимися рукописями обнаружило ихъ громадное научное значеніе.

Послѣ общаго осмотра всего достопримѣчательнаго г. Дмитріевскій убѣдился, что онъ находится предъ однимъ изъ весьма богатыхъ древнехранилищъ и рѣшилъ спасти его отъ неминуемой гибели. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ прочелъ въ засѣданіи церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи рефератъ о разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ и рукописяхъ и просилъ общество ходатайствовать предъ причтомъ нѣжинской греческой церкви объ уступкѣ ихъ, а равно и другихъ рукописей и книгъ, вышедшихъ изъ практическаго употребленія, для церковно-археологическаго музея. Общество отнеслось, конечно, вполнѣ сочувственно къ этому предложенію и послѣ многихъ хлопотъ доставлены были въ музей драгоцѣнныя книги и рукописи.

Наиболѣе важныхъ въ научномъ отношеніи книгъ около двадцати. Назовемъ: греческое евангеліе, писанное красивою и четкою скорописью X вѣка, на великолѣпномъ пергаментѣ; архіератиконъ, рукопись 1670 г.; октоихъ на крюковыхъ нотахъ, рукопись, писанная въ 1671 году скорописью и испещренная множествомъ киноварныхъ нотныхъ знаковъ; нѣсколько нотныхъ анѳологіевъ XVII, XVIII и начала XIX столѣтій; арабское евангеліе, изданное въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ

XVIII вѣка, съ посвященіемъ гетману Мазепѣ, гербъ котораго и изображенъ въ концѣ евангелія.

Въ музей, помимо книгъ и рукописей, поступили и нѣкоторыя церковно-богослужебныя вещи, интересныя въ археологическомъ отношеніи.

Иногда какъ будто-бы и пожалѣешь, когда увозятъ мѣстныя достопримѣчательности изъ городковъ и деревень въ крупные культурные центры; но когда увидишь или услышишь, въ какомъ положеніи находятся онѣ въ своихъ первомѣстахъ, то какъ-то самъ собою улетучивается этотъ мѣстный патріотизмъ. Послушайте, въ какомъ видѣ нашелъ г. Дмитріевскій вышеназванныя рѣдкости: «Въ библіотекѣ, состоящей изъ шкафа и комода, прежде всего я замѣтилъ полное отсутствіе всякаго порядка. Время и люди, мало понимающіе этого рода капиталы, сдѣлали то, что рукопись, которая бы могла служить въ полномъ смыслѣ этого слова украшеніемъ библіотеки,—я разумѣю греческое пергаменное евангеліе X вѣка,—лежала здѣсь въ полномъ безпорядкѣ со множествомъ оторванныхъ листковъ въ началѣ ея и въ концѣ. Только впослѣдствіи мнѣ удалось отыскать нѣсколько листиковъ или вѣрнѣе тетрадокъ изъ этого евангелія, уже полуизгнившими между книжнымъ мусоромъ, не имѣющимъ дѣйствительно никакой цѣны. Въ шкафѣ и комодѣ старыя книги смѣшаны были съ новѣйшими, а эти послѣднія чередовались съ рукописями. Однимъ словомъ все было свалено въ кучу, въ которой возиться никому не было охоты».

Пожелаемъ, чтобы болѣе являлось розысковъ и изданій, подобныхъ вышеуказаннымъ и болѣе находилось лицъ, которые готовы были-бы самоотверженно жертвовать своимъ трудомъ и временемъ для борьбы съ безпощаднымъ временемъ и равнодушіемъ, или небрежностію, не дорожащими своей родной стариной. Великое спасибо скажутъ имъ потомки за сохраненіе отъ тлѣнія драгоцѣнныхъ памятниковъ культурной жизни предковъ.

Въ особенности можно пожелать, чтобы просвѣщенные представители южнорусскихъ родовъ позаботились не только о сохраненіи и приведеніи въ порядокъ своихъ фамильныхъ архивовъ, но и объ изданіи цѣнныхъ для исторіи документовъ и другихъ рукописей. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ г. Войцеховичъ, давшій матеріалъ и средства для изданнаго А. М. Лазаревскимъ «Сулимовскаго архива», о которомъ мы упоминали выше.

Примѣру этому, какъ мы слышали, готовы послѣдовать въ непродолжительномъ времени два представителя извѣстныхъ малорусскихъ фамилій: П. И. Скоропадскій и помянутый нами графъ Г. А. Милорадо-

вичъ, въ архивѣ котораго, по словамъ А. М. Лазаревскаго, «сохраняется значительное количество юридическихъ актовъ, многіе изъ которыхъ относятся къ XVI в. и уже потому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, что бумагъ относящихся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмельницкаго, сохранилось очень мало» (Кіев. Стар. т. X. 33—139).

Н. В.

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 г.

Кому изъ читателей «Кіевской Старины» неизвѣстно имя нашего мѣстнаго историка и археолога, профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича? Кто изъ учащихъ, учащихся и вообще занимающихся южно-русскою исторіей не убѣдился до сихъ поръ, что едва-ли найдется какой-либо важный вопросъ въ мѣстной исторической наукѣ, который бы не былъ уже изслѣдованъ Владиміромъ Бонифатьевичемъ и при томъ изслѣдованъ по источникамъ первой руки, на основаніи сыраго матеріала, добытаго или изъ архивовъ, или изъ нѣдръ земли; имъ раскрыты историческія судьбы всѣхъ сословій: духовенства, дворянства, мѣщанства, крестьянства и козачества; изучающему мѣстную исторію нельзя шагу ступить безъ предварительнаго изученія работъ В. Б. Антоновича, а между тѣмъ пріобрѣсти ихъ было весьма не легко, такъ какъ изслѣдованія уважаемаго профессора печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, иногда мало распространенныхъ, и если отдѣльные оттиски поступали въ продажу, то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Нужно-ли послѣ этого говорить о томъ, какую важную услугу книжнымъ людямъ оказываетъ авторъ монографій, издавая ихъ всѣ вмѣстѣ въ нѣсколькихъ томахъ, соединяя въ каждомъ однородныя по содержанію статьи. Въ настоящее время вышелъ первый томъ монографій, въ который вошли:

1) Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до смерти великаго князя Ольгерда (1377 г.).

2) Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края.

3) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569 году).

4) Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

5) Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви.

6) Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія.

7) Лѣтопись сатановскаго монастыря.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ монографій при выходѣ въ свое время въ свѣтъ были горячо привѣтствуемы мѣстной и столичной періодической печатью въ многочисленныхъ одобрительныхъ рецензіяхъ и вызывали даже цѣлыя новыя изслѣдованія, или давали толчекъ къ разработкѣ въ новомъ направленіи научныхъ вопросовъ. Особенно, это справедливо по отношенію къ *«Очерку исторіи Великаго Княжества Литовскаго»*. Покойный Н. И. Костомаровъ далъ самый лестный отзывъ объ этомъ сочиненіи въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1880-й годъ и рекомендовалъ его всѣмъ, кого интересуетъ самый предметъ; желая же указать тѣ стороны труда Владиміра Бонифатьевича, въ которыхъ онъ представляетъ что либо важное и новое для науки, незабвенный историкъ, работавшій самъ по исторіи Литвы, ничего не нашелъ болѣе удобнымъ, какъ подробно передать содержаніе книги г. Антоновича.

Въ настоящее время, когда названная книга циркулируетъ уже пять лѣтъ, когда ея основныя положенія стали общеизвѣстными, а большинство читателей нашихъ ознакомились вѣроятно и съ самою книгою, было бы излишне возвращаться вновь къ подробному обзору и оцѣнкѣ ея содержанія. Не смотря на протекшее время, изслѣдованіе г. Антоновича не утратило ни своей важности, ни даже новизны въ томъ смыслѣ, что доселѣ никѣмъ не сказано еще ничего новаго о данномъ предметѣ. Въ свое время другой, тогда только начинавшій свое ученое поприще, нынѣ профессоръ Н. П. Дашкевичъ, посвятившій исторіи западной Россіи нѣсколько цѣнныхъ работъ, сдѣлалъ не мало возраженій противъ труда г. Антоновича; но они касались не основныхъ его выводовъ и положеній, а частнѣйшихъ заключеній, иногда мелкихъ историческихъ фактовъ. Основныя положенія капитальнаго труда г. Антоновича остались не поколебленными никѣмъ, а потому приступая къ новому изданію онаго въ общемъ выпускѣ своихъ сочиненій, онъ не сдѣлалъ въ немъ никакихъ существенныхъ измѣненій или дополненій. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ противъ него г. Дашкевичемъ возраженій онъ принялъ къ свѣдѣнію для соотвѣтственныхъ поправокъ лишь весьма не многія, какъ напр. по вопросу о времени, позже котораго не упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ Вышгородъ и Бѣлгородъ, или по поводу предположенія о тождествѣ волынскаго князя Владиміра и Андрея Юрьевича, остальныя же

возраженія обошелъ, какъ болѣе или менѣе правдоподобныя, но не важныя гипотезы, требующія еще потвержденія и дальнѣйшаго обслѣдованія, возможнаго лишь при открытіи какихъ либо новыхъ данныхъ.

Сущность изслѣдованія г. Антоновича и основная такъ сказать его идея заключается въ томъ, что подъ именемъ литовскаго княжества усиліями литовскихъ князей, но при соотношеніяхъ съ русскими князьями и главнымъ образомъ изъ русскихъ земель постепенно образуется новое государство, которое по всему его строю, законамъ, вѣрѣ, языку и преобладающему населенію иначе нельзя назвать, какъ западно-русскимъ. Фактъ окончательнаго образованія литовскаго княжества на русской территоріи г. Антоновичъ констатируетъ со времени основанія княженія въ Новгородѣ Литовскомъ, въ Черной Руси [1]), Мендовгомъ, который стремился также къ соединенію подъ своей властью многочисленныхъ удѣловъ всей земли кривичей и къ созданію изъ нихъ обширнаго литовско-русскаго государства. Вызванная стремленіями этого князя реакція, послѣдствіемъ которой была смерть его самаго, обнаружила уже борьбу двухъ народныхъ началъ: литовскаго и русскаго за преобладаніе въ государствѣ и на этотъ національный антагонизмъ опираются по очередно соискатели велико-княжескаго стола. Достойно вниманія, что по смерти Мендогва, власть, хотя временно, перешла было къ русскому князю Шварну Даниловичу, а послѣдовавшіе за Тройденомъ Витень и Гедиминъ, князья также литовскаго племени, усилили до небывалыхъ размѣровъ русское вліяніе. Въ правленіе Гедимина предѣлы его княжества значительно расширились присоединеніемъ многихъ русскихъ областей; къ числу ихъ авторъ относитъ Пинско-Туровское княженіе, которое Гедиминъ далъ въ удѣлъ своему сыну Наримунту; другой его сынъ Ольгердъ получилъ Витебское княжество за своей женой, дочерью кн. Ярослава Васильевича, въ наслѣдство по смерти тестя. Третій сынъ Любартъ этимъ же путемъ получилъ Волынь и вступилъ въ управленіе ею только въ 1340 году. При этомъ В. Б. Антоновичъ совершенно отрицаетъ фактъ завоеванія Волыни и Кіева Гедиминомъ въ 1320 г. Присоединеніе Кіева авторъ относитъ къ 1362 году, когда Ольгердъ Гедиминовичъ, поразилъ на берегахъ

---

[1]) По мнѣнію г. Дашкевича Мендовгъ не пріобрѣталъ въ 1235 г. новгородскаго княженія; въ Черной Руси княжилъ тогда не Мендовгъ, а Изяславъ Свислочскій. Мендовгъ, по его словамъ, пытался подчинить себѣ не только Черную Русь, но также Черниговъ и Смоленскъ, и долженъ былъ поэтому терпѣть въ этихъ городахъ подручныхъ князей: Изяслава Свислочскаго, Глѣба въ Черной Руси и Романа Даниловича.

Синей Воды трехъ татарскихъ темниковъ, освободилъ отъ татаръ и Подоліе и Кіевщину; тогда только «Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взятъ и посади въ немъ Володимера, сына своего». Изъ сыновей Гедимина наиболѣе потрудились для укрѣпленія и расширенія литовскаго государства Ольгердъ и Кейстутъ, нравственный обликъ которыхъ живо и ярко обрисованъ авторомъ. Въ то время, когда Кейстутъ велъ непрерывныя войны съ нѣмцами, Ольгердъ обратилъ все свое вниманіе на русскія земли. Въ стремленіи къ объединенію русскихъ земель подъ своей властью, Ольгердъ во всѣхъ указанныхъ ниже случаяхъ шелъ на встрѣчу такимъ же стремленіямъ великихъ князей московскихъ; столкновеніе между двумя великими княжествами было поэтому неизбѣжно, хотя обѣ стороны и не были долго расположены къ враждебнымъ другъ къ другу отношеніямъ и старались, не вступая въ открытую борьбу, ограничиться усиліями къ утвержденію своего авторитета въ спорныхъ русскихъ областяхъ. Усилія Ольгерда сосредоточивались на четырехъ важнѣйшихъ интересахъ: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) онъ стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольской земли и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами и наконецъ 4) поддерживаетъ продолжительную борьбу брата своего кн. Любарта съ Польшею за наслѣдіе Галицко-владимірскихъ князей. Особенно подробно В. Б. Антоновичъ разбираетъ извѣстіе лѣтописей о покореніи Подолія въ 1362 году послѣ Синеводской битвы, когда вмѣстѣ съ Подоліемъ было присоединено и Бѣлобережье (пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра), и Кіевское княженіе. Борьба за Волынь окончилась въ 1377 году миромъ, по которому Владимірскій, Луцкій и Берестейскій повѣты остались за Литвой, а Холмская и Белзская земли отошли къ Польшѣ. Въ томъ же году скончался великій князь Ольгардъ, раздвинувшій предѣлы своего государства отъ Балтійскаго до Чернаго моря, съ одной стороны, и отъ Угры, Оки и истоковъ Сейма до западнаго Буга, съ другой. Смертію его и заканчиваетъ г. Антоновичъ свой интересный и высоко цѣнный очеркъ, замѣчая притомъ, что государство, продолжая называться литовскимъ, на самомъ дѣлѣ, съ конца XIV вѣка, стало во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княжествомъ западно-русскимъ.

Второе мѣсто въ разсматриваемомъ выпускѣ сочиненій проф. Антоновича, по важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, принадлежитъ «*изслѣ-*

дованію о городахъ юго-западнаго края. По мнѣнію В. Б. Антоновича, они имѣютъ троякое значеніе: 1) городъ представляетъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу; община городская управляется особенными законами; жители города пользуются особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края—они составляютъ отдѣльное сословіе; 2) городъ является центромъ торговой и промышленной дѣятельности и жители его отличаются отъ другихъ сословій не только правами, но и качествомъ занятій и сферой примѣненія труда и 3) города представляютъ мѣстности укрѣпленныя—замки и составляютъ центръ военной организаціи края. Въ виду такой тройственности значенія городскихъ поселеній, авторъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи порознь на каждомъ изъ упомянутыхъ отличительныхъ признаковъ городской жизни.

Первоначально города имѣютъ значеніе вѣчевыхъ центровъ, служатъ представителями земель; они выставляютъ ополченія, рѣшаютъ общественныя дѣла и творятъ судъ. Значеніе городовъ измѣняется подъ вліяніемъ феодальнаго строя, образовавшагося въ Литвѣ и приведшаго наконецъ къ тому, что дѣленіе края на земли и волости замѣняется дѣленіемъ на княжества и повѣты; служилые люди выдѣляются изъ общины и стараются подчинить себѣ неслужилое сословіе; между общиной и военнымъ сословіемъ происходитъ борьба, продолжающаяся около 200 лѣтъ, но по недостатку источниковъ мы не можемъ судить о ходѣ этой борьбы; только съ XV вѣка появляются грамоты князей на магдебургское право, свидѣтельствующія о разложившемся уже общинномъ порядкѣ. Въ борьбѣ этого послѣдняго порядка съ военно-феодальнымъ строемъ литовскаго государства основной вопросъ состоялъ во взглядѣ на поземельную собственность. Общины считали на основаніи незапамятнаго обычая всю территорію, тянувшую къ данному вѣчевому центру, своей неотъемлемой собственностью. Князья, напротивъ, смотрѣли на землю какъ на собственность, принадлежавшую имъ въ силу верховной ихъ власти и полагали, что общины и отдѣльныя лица могутъ владѣть землей только въ силу княжескаго разрѣшенія, жалуемаго отдѣльными грамотами, взамѣнъ за обязательство исполнять военныя повинности. Въ этой борьбѣ общинъ съ феодализмомъ прежде другихъ подчинилось западное Подоліе, потомъ Волынь, Полѣсье и сѣверная Украйна, тогда какъ въ степной Украйнѣ общины владѣютъ еще всецѣло землями и власть, признавая за ними право землевладѣнія, пользуется со стороны общинъ военными услугами и повинностями и едва только начинаетъ разрывать общинную поземельную собственность раздачею ея по частямъ въ личную собственность служилымъ людямъ. Но такъ какъ община

привыкла смотрѣть на военное дѣло, какъ на защиту исключительно своей земли, поэтому и военныхъ повинностей жители несутъ больше тамъ, гдѣ сильнѣе сохранилось общинное начало; чѣмъ далѣе будемъ подвигаться къ сѣверо-западу отъ Украйны, тѣмъ менѣе размѣръ военныхъ повинностей, возложенныхъ на городскихъ обывателей, тѣмъ ранѣе послѣдніе отъ нихъ освобождаются; съ освобожденіемъ городовъ отъ военныхъ повинностей возрастаетъ обложеніе ихъ «мѣстными платами». По мѣрѣ того, какъ общинное начало все болѣе стѣснялось служилымъ сословіемъ, по мѣрѣ того какъ жители городовъ становились сословіемъ мѣщанскимъ (т. е. торгово-ремесленнымъ), видоизмѣнялось внутреннее самоуправленіе и самосудъ общины. Власти, начальствовавшія надъ ополченіями въ военное время, оставались правителями въ мирное; отсюда происходитъ столкновеніе общинъ съ представителями княжеской власти изъ-за самоуправленія и самосуда. Зависимость и беззащитность общинъ отъ произвола этихъ представителей должны были привести къ подчиненію первыхъ послѣднимъ и къ упадку городскихъ промысловъ. Короли стараются спасти города пожалованіемъ имъ самоуправленія по магдебургскому праву, но это «право, выработавшееся на чужой почвѣ, при другихъ условіяхъ быта и въ довольно отдаленное время не могло быть усвоено жителями южно-русскихъ городовъ, съ юридическими понятіями и историческими преданіями которыхъ оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось въ противоположномъ направленіи. Даже въ главныхъ городахъ магдебургское право мало гарантировало независимость общины, а еще меньше въ городахъ мелкихъ или владѣльческихъ. Народонаселеніе смотритъ на это право не какъ на сводъ обязательныхъ для себя законовъ, а только какъ на хартію, гарантирующую ему ту долю самостоятельности, при которой возможно было до извѣстной степени примѣненіе собственныхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Упадокъ торговли и промысловъ вызвалъ нѣкоторыя мѣры правительства къ поднятію ихъ: короли освобождаютъ города отъ платежа торговыхъ пошлинъ, предоставляютъ имъ право свободной торговли горячими напитками и право устройства торговыхъ складовъ, а равно утверждаютъ и учреждаютъ цеховыя братства въ южно-русскихъ городахъ; но и при всемъ этомъ города не поднимались; сильными конкуррентами ихъ въ промышленности и торговлѣ являются евреи, противъ которыхъ безуспѣшно принимаются различныя мѣры, ибо они при поддержкѣ правительства сплочиваются въ кагалы и прикагалки, члены которыхъ, связанные между собой религіозно-національными и экономическими интересами, дѣйствуютъ всегда въ выгодахъ своей общины. Въ послѣдніе годы Рѣчи Посполитой упадокъ городовъ дошелъ до крайнихъ возмож-

ныхъ предѣловъ. Конституція 1789—1792 гг. издала 18 апрѣля 1791 года законъ «о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой», но онъ просуществовалъ недолго и былъ уничтоженъ постановленіемъ враждебной шляхетской конфедераціи 29 октября 1792 года. Прежнія права старостъ и владѣльцевъ были возстановлены и города въ такомъ положеніи вошли въ составъ Россіи.

Противъ мнѣнія В. Б. Антоновича о господствѣ обычнаго права въ городахъ высказался проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ; онъ признаетъ старой истиной господство чужеземныхъ источниковъ права въ городскихъ (магистратскихъ) судахъ; къ этому выводу онъ пришелъ, разобравъ историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ книгъ Витебскаго центральнаго архива, въ которыхъ не нашлось ни одного указанія на обычное право. Оба эти радикально противоположныя мнѣнія старался согласить покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій въ предисловіи къ изданнымъ имъ «Правамъ, по которымъ судится малороссійскій народъ». Онъ указалъ, что проф. Антоновичъ ошибочно сослался на изданіе Щербича, изложившаго магдебургское право, и что неправильныя на него ссылки оказываются совершенно согласными съ Porządkiem B. Гроицкаго и изложеннымъ въ немъ магдебургскимъ правомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Кистяковскій считалъ преувеличеннымъ мнѣніе М. Ф. Буданова. Разбирая и то и другое, онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) магдебургское право въ изложеніи польско-литовскихъ ученыхъ юристовъ Варѳоломея Гроицкаго, Щербича, Іоанна Кирштейна Церазина и другихъ было въ литовско-русскомъ государствѣ не номинальнымъ, но дѣйствующимъ правомъ; 2) что сочиненія названныхъ юристовъ были ручными книгами въ судахъ южной Россіи; но 3) магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе какъ въ изложеніи отечественныхъ юристовъ, такъ и отъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и его замѣняли. Впрочемъ самъ г. Кистяковскій находилъ, что эти положенія требуютъ для своего подтвержденія тщательной разработки и новыхъ ученыхъ изслѣдованій (стр. 80—83). При второмъ изданіи своего сочиненія о городахъ г. Антоновичъ, согласно сдѣланному г. Кистяковскимъ замѣчанію, опустилъ ссылку на Щербича, оставаясь однако при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно преобладанія обычнаго права. Сверхъ того имъ сдѣлано нѣсколько дополненій. Напримѣръ на 137 стр. прибавлено замѣчаніе о раздачѣ князьями участковъ земли служилымъ людямъ подъ условіемъ военной службы; на стр. 136 и 140 введено описаніе территоріи черкасскаго замка: на стр. 143—просьба кіевскихъ мѣщанъ, обращенная ими въ 1654 году къ московскому государю о присоединеніи

къ городу его древней территоріи, которая принадлежала имъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, но потомъ отнята была шляхтой.

Далѣе слѣдують двѣ связанныя между собою по содержанію статьи: *«Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1369—1569)»*, и какъ-бы продолженіе предыдущей: *«Кіевскіе войты Ходыки—эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ»*. Первая изъ нихъ была напечатана въ январской, а вторая въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ и извѣстны уже нашимъ постояннымъ читателямъ; поэтому, не сообщая ихъ содержанія, мы укажемъ лишь, что во второмъ изданіи каждая изъ названныхъ статей снабжена ссылками на источники, которыхъ (т. е. ссылокъ) не было въ нашемъ изданіи. Обѣ эти статьи въ высшей степени занимательны и важны особенно потому, что касаются періода, совершенно неразработаннаго въ нашей исторической наукѣ и о которомъ сложились ложныя представленія (напримѣръ о запустѣніи кіевской земли послѣ татарскаго погрома, о мнимомъ благодѣтельномъ вліяніи магдебургскаго права на самоуправленіе городовъ и проч.).

«Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви» былъ изданъ въ 1866 году въ видѣ отдѣльной брошюры кіевской археографической коммисіей и затѣмъ въ 1867 году вышелъ вторымъ изданіемъ въ Вильнѣ также отдѣльной брошюрой. Въ настоящемъ изданіи онъ предлагается въ нѣсколько дополненномъ видѣ; авторъ притомъ выдѣлилъ изъ первоначальнаго изданія только ту часть труда, которая лично ему принадлежала. Вотъ краткое содержаніе «очерка», въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собрана вся сущность религіозныхъ отношеній Польши и южной Руси.

Еще въ XIV вѣкѣ, когда русскія области, составлявшія галицкое княженіе, были захвачены Польшей, правительство послѣдней стремилось къ распространенію католичества и подавленію православія оффиціальными мѣропріятіями. Стремленіе это обнаружилось прежде всего въ учрежденіи для Руси католическихъ епископскихъ каѳедръ (во Львовѣ въ 1362 г. и въ Переяславѣ, Галичѣ, Луцкѣ и Каменцѣ въ 1375 г.), новымъ епископамъ короли жаловали щедрой рукой имѣнія, доходы и десятины, каѳедральные же соборы учредили въ русскихъ церквяхъ, которыя силой были отняты у православныхъ и переданы католикамъ. Законодательнымъ памятникомъ католическихъ пропагандическихъ стремленій короля Ягайла служитъ актъ такъ называемой городельской уніи, въ которомъ права и преимущества предоставляются только дворянамъ, исповѣдующимъ католичество. Хотя при Витовтѣ обезпечена была независимость церкви учрежденіемъ отдѣльной для Кіева митрополіи, а князь

Казиміръ Ягайловичъ въ 1447 г. уничтожилъ тѣ ограниченія правъ православнаго населенія, которыя вытекали изъ городельской уніи Ягайла, и положеніе этого населенія значительно облегчилось, но послѣ люблинской уніи (1569 г.) и водвореніи въ Польшѣ іезуитовъ открылось широкое поле для польско-католической пропаганды, съ объявленіемъ же церковной уніи 1596 года началось систематическое преслѣдованіе православія. До половины XVII ст. оно имѣетъ правда болѣе видъ частныхъ насилій и правительственныхъ интригъ, чѣмъ гнета, возводимаго въ законную норму; но съ шестидесятыхъ годовъ того же столѣтія гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ. Король Янъ-Казиміръ, бывшій іезуитскій монахъ, въ день коронаціи далъ обѣтъ не предоставлять ни одной должности, ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одного староства некатолику. Въ 1668, 1675 и 1696 годахъ, Михаилъ Вишневецкій, Янъ III Собѣсскій и саксонскій курфирстъ Августъ II, вступавшіе преемственно на польскій престолъ обязывались къ повторенію этой же присяги. По сеймовому постановленію 1667 г., уніатское духовенство освободилось отъ постоя и военныхъ повинностей, которыя должны были тяготѣть на православномъ духовенствѣ. На сеймѣ 1676 г. былъ постановленъ законъ, по которому православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, воспрещалось подъ какимъ бы то не было предлогомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда. Запретъ этотъ подтверждался конституціями 1678 и 1699 годовъ. Послѣдней конституціей постановлено, что только уніаты допускаются къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей, а въ Каменцѣ православнымъ совсѣмъ запрещалось жить, точно евреямъ; вслѣдствіе этого церкви ихъ были опечатаны, а духовенство изгнано. По конституціи 1712 года канцлерамъ запрещалось прикладывать государственныя печати по всѣмъ актамъ, заключающимъ въ себѣ что-либо выгодное для лицъ некатолическаго исповѣданія. Послѣ смерти Августа II конфедераціею, устроенною во время междуцарствія въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлено было, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою никакимъ образомъ другихъ исповѣданій; отсюда возникалъ для диссидентовъ цѣлый рядъ насилій и стѣсненій. На сеймѣ 1764 года опредѣлено карать смертью каждаго, переходящаго изъ католицизма въ православіе, а сыновей священниковъ записывать въ крестьяне, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода занятій. Сеймъ 1766 года рѣшилъ объявлять врагомъ отечества всякаго, кто осмѣлится сказать слово въ защиту иновѣрцевъ. По договору съ Россіей въ 1768 году положеніе православныхъ было нѣсколько облегчено; но облегченіе было

непродолжительно, такъ какъ въ 1775 году Россія, возвратя себѣ Бѣлоруссію, сдѣлала въ новомъ трактатѣ уступку общественному мнѣнію Польши. Права неунитовъ были снова ограничены и съ ними они дожили до паденія Польши.

Вмѣстѣ съ ограниченіемъ правъ православной народной массы шло ограниченіе правъ и преслѣдованіе высшей и низшей духовной іерархіи, на которую опирался народъ. Послѣ брестъ-литовской уніи 1596 года, правительство рѣшилось утверждать новыхъ преемниковъ умершихъ епископовъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію, послѣдствіемъ чего было совершенное прекращеніе православной высшей іерархіи, возстановленной лишь въ 1620 году по вліянію гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, въ содѣйствіи котораго король нуждался для войны съ Москвою. Возстановленіе правъ православныхъ при Хмельницкомъ удерживало свою силу весьма недолго. Въ 1664 г. митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ схваченъ и заточенъ въ крѣпость; православнымъ духовнымъ было запрещено выѣзжать за границу и тѣмъ затруднена возможность замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ. Когда умиралъ какой-либо православный владыка, правительство подчиняло его паству уніатскому епископу той-же епархіи; наконецъ оно стѣснило самый выборъ православныхъ епископовъ и всякія собранія съ этою цѣлью православныхъ были строго запрещены; еще рѣже король подтверждалъ выборы, если-же и случалось подтвержденіе, то въ такомъ только случаѣ, когда утверждаемый давалъ обязательство принять унію, какъ дали Иннокентій Винницкій, Кипріанъ Жоховскій, Іосифъ Шумлянскій, Аѳанасій Шумлянскій и Діонисій Жабокрицкій. Послѣ удаленія изъ края Жабокрицкаго въ 1709 году и до присоединенія въ 1796 г. южно-русскаго края къ Россіи ни въ одной епархіи не состоялось выбора православнаго епископа.

Польскимъ правительствомъ не было забыто также и низшее православное духовенство. Древній обычай, по которому міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника, былъ ограниченъ сеймовымъ постановленіемъ 1647 года, требовавшимъ согласія шляхтича или старосты и вообще владѣльца имѣнія на занятіе священникомъ мѣста; согласіе выражалось въ подтвердительной грамотѣ, называвшейся презентой, и пріобрѣталось покупкой или другими какими-либо уступками въ пользу помѣщика; если выборъ падалъ на едва грамотнаго поселянина, то шляхтичъ удерживалъ надъ нимъ доминіальное право, гналъ его на барщину и проч.; оскорбленія и обиды сыпались градомъ на низшее духовенство, которымъ былъ положенъ конецъ Россіей въ послѣднихъ годахъ XVIII-го вѣка.

Мы подробно передали содержаніе этого небольшаго «Очерка» въ виду того, что онъ составляетъ основу другой обширной статьи: «*Очерка состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII вѣка*», въ которой приведенные факты и положенія дополнены и развиты подробностями, ярко освѣщающими то печальное и угнетенное состояніе, въ какомъ находилось православное населеніе края и его низшее и высшее духовенство въ теченіи почти двухъ съ половиной столѣтій. Сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, въ настоящей статьѣ прибавлены слѣдующіе разсказы: 1) о сопротивленіи, оказанномъ своему епископу Іосифу Шумлянскому львовскимъ братствомъ при распространеніи имъ уніи (стр. 311 и 312) и 2) объ оскорбленіяхъ и насмѣшкахъ надъ православными, причиненныхъ въ мѣстечкѣ Ходоровѣ канонникомъ Монастырскимъ и ксендзомъ Извейнарскимъ (стр. 340).

«Лѣтопись сатановскаго монастыря» была помѣщена въ отдѣлѣ «Извѣстій и Замѣтокъ» въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ подъ заглавіемъ «Православный монастырь и его уніатская лѣтопись». Въ настоящемъ второмъ изданіи «лѣтописи», ей предпослана краткая исторія мѣстечка Сатанова и его монастыря.

Этой небольшой «лѣтописью» заканчивается 1-й томъ монографій уважаемаго историка. Покойный Н. И. Костомаровъ, разбирая «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго», замѣтилъ, что «книга г. Антоновича не страдаетъ тою сухостью, которую мы привыкли встрѣчать во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и которую нѣкоторые признаютъ даже достоинствомъ, и можетъ быть читаема легко». Этотъ лестный отзывъ можно еще усилить относительно такихъ живыхъ и художественныхъ очерковъ, какъ исторія кіевской земли, эпизодъ изъ исторіи самоуправленія города и очеркъ состоянія православной церкви; въ нихъ видны не только сильная, глубокая мысль, яркія картины народнаго быта или меткія характеристики историческихъ дѣятелей, но и теплое чувство, которое согрѣваетъ работу и увлекаетъ читателя производимымъ на него сильнымъ впечатлѣніемъ.

Внѣшность настоящаго изданія вполнѣ кажется удовлетворительна и не вызываетъ насъ ни какія замѣчанія, кромѣ развѣ того, что если въ примѣненіи къ В. Б. Антоновичу вполнѣ справедлива пословица: «aquila muscas non capiat», то все таки большое количество опечатокъ въ первомъ томѣ рѣзко бросается въ глаза и вызываетъ желаніе, чтобы ихъ было поменьше въ остальныхъ.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗГАДКА „МАЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШАРАДЫ".

Помѣщенная въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ историческая шарада 1733 г., взятая изъ записной книги рода Забѣлъ, не есть собственно произведеніе мѣстныхъ публицистовъ того времени и малорусской можетъ быть названа лишь въ томъ смыслѣ, что, попавъ въ резиденцію гетманскую, она привилась на малорусской почвѣ и циркулировала въ тогдашнемъ обществѣ въ переложеніи на его литературный языкъ. Въ сущности это переводъ французской шарады [1]), напечатанной въ *Mercure français*, и переводъ, нужно замѣтить, не всегда точный. Тотъ фактъ, что она попала въ книгу Забѣлъ, объясняется тѣмъ интересомъ, который въ то время возбуждали въ Малороссіи какъ европейскія дѣла вообще, такъ и въ частности болѣе близкія малороссамъ дѣла Польши. Чтеніе французскихъ газетъ было въ то время явленіемъ довольно не рѣдкимъ въ Малороссіи, и въ семейныхъ архивахъ, найдется вѣроятно не мало рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ переводъ на тогдашній языкъ политическихъ извѣстій изъ французскихъ и иныхъ газетъ. У насъ подъ

[1]) Текстъ этой шарады перепечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ, вышедшей въ Москвѣ въ 1862 году: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году», стр. 164—165.

руками имѣется одинъ изъ такихъ сборниковъ, принадлежащихъ роду гг. Велецкихъ, потомковъ бывшаго полковника гадяцкаго. Сборникъ этотъ (въ 16-ю долю) прямо даже озаглавленъ: «переводъ зъ французскихъ печатнихъ газетовъ на русскій іазикъ», и заключаетъ въ себѣ рядъ извѣстій, относящихся къ 1733 году и къ дѣламъ польскимъ, реляціи объ осадѣ Гданска и т. д.

Обращаясь къ самой шарадѣ, къ ея разъясненію, мы должны прежде всего выяснить нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ ней.

Вся шарада построена на игрѣ въ *ломберъ*. Съ понятія о ломберѣ мы и начнемъ нашу замѣтку. Въ одной старинной книгѣ, вышедшей въ 1752 г. и озаглавленной: «La plus nouvelle academie universelle des jeux» (2 тома. Amsterdam et Leipzig, т. I, стр. III и сл.), эта испанская игра, le jeu de l'Lombre, выяснена съ большой подробностью и, опираясь на ней, намъ не трудно объяснить термины ея. Въ игрѣ допускалось сорокъ картъ, раздѣлявшихся на два цвѣта: чорный и красный. Порядокъ счета картъ былъ слѣдующій: для чорныхъ (пикъ и трефъ)—король, дама, валетъ, семерка, шестерка, пятерка, четверка, тройка и двойка; для красныхъ—король, дама, валетъ, тузъ, двойка и т. д. до семерки. Тузы чорной масти, при всякой козырной масти, считались *triomphes*, т. е. самыми сильными. Тузъ пикъ признавался первою картою и первымъ triomphe и носилъ названіе *spadille*, неправильно переведенное въ малорусскомъ текстѣ шарады словомъ «*стадали*». Пикъ тузъ—первый triomphe, тузъ трефъ—третій, послѣдняя карта масти—второй, называемой manille. Ихъ совокупность, т. е. *spadille, manille* и *baste* (тузъ трефъ), означалось словомъ *matadors*. Лабетъ=la bête въ игрѣ служитъ терминомъ для опредѣленія факта проигрыша. Выигранною считается игра, въ которой главный играющій, l'ombre, беретъ пять взятокъ.

Эти немногія объясненія даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ шарады.

Извѣстно, что въ 1733 году вслѣдствіе смерти польскагѣ короля Августа II, саксонскаго курфирста, польскій престолъ сталъ вакантнымъ, что вызвало рядъ притязаній со стороны разныхъ лицъ на его занятіе. Кандидатами явились: 1) Станиславъ Лещинскій, зять Людовика XV, уже однажды бывшій королемъ Польши и замѣненный Августомъ II, 2) сынъ Августа II, принявшій католицизмъ,

3) инфантъ португальскій, донъ Еммануэль, младшій братъ португальскаго короля Іоанна V, и многіе другіе. Кандидатуру перваго поддерживала Франція, кандидатуру третьяго,—инфанта, выдвинула еще при жизни Августа II, Австрія, второй очутился опаснымъ кандидатомъ позже всѣхъ и нашелъ поддержку главнымъ образомъ въ Россіи и затѣмъ уже въ Австріи. Къ кандидатурѣ перваго враждебно и категорически враждебно отнеслись Россія и Австрія. Отсюда затаенная, дипломатическая борьба между важнѣйшими государствами изъ-за кандидатовъ, главнымъ образомъ между Россіей и Австріей съ одной стороны, и Франціей съ другой. Шансы, какъ извѣстно, склонились вначалѣ въ пользу Франціи, и Станиславъ Лещинскій, явившійся тайкомъ въ Варшаву, во время засѣданій избирательнаго сейма былъ провозглашенъ королемъ польскимъ, 12 сентября 1733 г. Но успѣхъ его былъ непродолжителенъ. Русскія войска подъ командой Ласси, явились въ Польшу и Августъ саксонскій былъ провозглашенъ королемъ 6 октября того-же года. То былъ моментъ, вызвавшій крайне напряженное состояніе въ Европѣ и къ этому-то моменту относится и разсматриваемая шарада.

1) *Станиславъ* не желалъ отказаться отъ игры, не думалъ поставить la bête, какой онъ поставилъ въ первый разъ, когда его низвергли и замѣнили Августомъ II. Онъ разсчитывалъ на помощь Франціи и ея союзниковъ и началъ борьбу за корону. Этимъ объясняется выраженіе: «не хочу лабетъ дважды поставить».

2) Россія, крайне заинтересованная въ польскихъ дѣлахъ, еще при жизни Августа II начала дипломатическую компанію съ цѣлью составленія союза изъ Австріи и Пруссіи. Для нея не желателенъ былъ Станиславъ, какъ король Польши, а своего личнаго кандидата она не имѣла, предоставляя дать его Австріи. Позже она, во первыхъ, склонила Австрію къ признанію кандидатомъ саксонскаго курфирста, во вторыхъ заранѣе двинула войска къ Польшѣ, въ третьихъ, благодаря ловкости Левенвольда старшаго, посланнаго чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу и не щадившаго денегъ, обезпечила не мало голосовъ въ свою пользу. Это была «ея нарочитая игра», какъ сказано въ шарадѣ, и такъ какъ ожидаемый французскій десантъ оказался менѣе значительнымъ (всего 1500 чел.) и кромѣ того застрялъ подлѣ Копенгагена, то для Ласси, выигравшаго время и уже стоявшаго подлѣ Варшавы, затрудненій не могло представиться и игра могла быть выиграна.

3) Австрійскій императоръ обезпеченъ былъ союзомъ съ Россіей «дамой», т. е. императрицей Анной Іоановной, его послы привели къ союзу Пруссію, и онъ имѣлъ основанія разсчитывать на поддержку Англіи и Голландіи. Правда, Остерманъ пытался было доказать Австріи, что обѣ послѣднія державы не примутъ участія въ войнѣ, но безуспѣшно. Выраженіе шарады: «я подожду, пока другій станетъ играть»[1]), намекъ на ту осторожность, съ какою дѣйствовала Австрія, сильно опасавшаяся Франціи, своего вѣчнаго врага. Она разсчитывала на силы Россіи и уклонялась отъ посылки войскъ въ Польшу, ссылаясь на необходимость выслать армію на Рейнъ, противъ Франціи, что молъ будетъ выгоднѣе и для Россіи, ибо если ея армія будетъ имѣть успѣхъ на Рейнѣ, то Россіи не зачѣмъ будетъ помогать ей тамъ.

4) Пруссія, на союзъ съ которой противъ Станислава Лещинскаго разсчитывали Австрія и Россія и которая даже было приступила къ нему, обнаружила въ рѣшительный моментъ крайнее равнодушіе. Для Фридриха Вильгельма воцареніе Станислава не представляло опасности, а между тѣмъ противодѣйствіе ему могло вовлечь его въ войну съ Франціей, считавшейся тогда очень сильной и опасной державой, и Швеціей. Съ другой стороны, король прусскій былъ раздраженъ тѣмъ, что Австрія и Россія не ратификовали извѣстный трактатъ Левенвольда, касавшійся излюбленной цѣли Фридриха-Вильгельма, т. е. наслѣдства Юлихъ-Бергъ, и не разсчитывалъ получить выгодъ отъ двухъ своихъ союзниковъ: онъ боялся, слѣдовательно, что его игра будетъ «перебита». Я готовъ былъ-бы играть, говоритъ шарада, «si je ne craignaies d'être coupé», т. е. даже не получить ни Курляндіи, ни Юлихъ-Берга.

5) *Англія* склонна была къ союзу съ Австріей. Она при Георгѣ разорвала союзъ съ Франціей, но внутреннія отношенія, стремленія и заботы министерства удержаться и сохранить позиціи между королемъ и народомъ побуждали ее дѣйствовать уклончиво. Георгъ англійскій, обѣщавшій Австріи помощь, совѣтовалъ императору не давать повода Франціи обвинять Австрію въ нарушеніи европейскаго мира, заявляя ему, что онъ, Георгъ, обязанъ сообразоваться съ волею парламента и настойчиво требовалъ, чтобы императоръ не

---

[1]) Во франц. текстѣ: «J'attendrai qu'un joue».

вторгался въ Польшу и не давалъ повода Людовику XV открыто выступить въ защиту Станислава. Англія желала, чтобы Франція сама начала войну, и тогда она выступила-бы для уравновѣшенія силъ, постаралась-бы, «чтобы козыри раздѣлены были», «que les triomphes soyent partagés».

5) Голландія въ то время перестала быть могущественною державою, какою она была въ XVI и XVII в., опасалась рисковать и шла за Англіей. Она старалась не выйти изъ ряда другихъ и согласна была «пасовать», когда «пасовала» Англія.

6) Что касается Имперіи, т. е. Германіи, то фраза шарады «мнѣ не достаетъ трехъ картъ, и я опасаюсь, чтобы ремиза не заплатить»,—вполнѣ ясна. Австрія, Пруссія и Саксонія,—три недостающихъ карты германской имперіи,—считались членами имперіи только на бумагѣ, de facto они были независимы и въ то-же время и наиболѣе сильны. Остальная Германія состоявшая изъ мелкихъ государствъ, еще со временъ Ришелье сдѣлалась игрушкою въ рукахъ могущественныхъ европейскихъ державъ. Вестфальскій миръ лишилъ ее всякаго значенія, и она сдѣлалась просто ареною борьбы Франціи и Австріи. Ей приходилось, обыкновенно, выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія разоренія отъ войнъ, и теперь, въ виду соперничества Австріи и Франціи за польскую корону, ей грозила таже участь: заплатить кровью и разореніемъ за чужіе интересы, поставить крупный ремизъ.

7) Понятна и роль Португаліи въ шарадѣ. Ея инфантъ былъ кандидатомъ на польскій престолъ, и однимъ изъ первыхъ. Въ игрѣ въ ломберъ онъ долженъ былъ быть первымъ triomphe, т. е. тузомъ пикъ, *espadille*. Но португальскій король и его правительство не были особенно склонны поддерживать Австрію. Императору пришлось два раза посылать посольство въ Португалію, чтобы склонить ее къ союзу. Въ первый разъ данъ былъ уклончивый отвѣтъ, во второй разъ Іоаннъ V высказалъ желаніе видѣть кандидатомъ на польскій престолъ не донъ Еммануэля, а донъ Антоніо. Между тѣмъ, въ 1733 г., благодаря Россіи, Австрія отказалась отъ проэктируемой ею кандидатуры инфанта, и Португаліи можно было оставаться покойной, развѣ въ крайнемъ случаѣ принудили-бы ее къ тому, выдвинувши вновь кандидатуру инфанта.

7) Роль папы въ шарадѣ схвачена очень ясно и рельефно.

малыхъ усилій стоило папству и іезуитамъ дѣло обращенія сына Августа II, теперешняго кандидата на польскій престолъ, въ католицизмъ. Его мать была ревностная протестантка и только хитростью удалось освободиться отъ ея вліянія. Еще при ея жизни будущій Августъ III принялъ тайно католицизмъ, и только послѣ смерти ея послѣдовало открытое заявленіе о переходѣ его въ лоно католической церкви и заключеніе брака съ дочерью австрійскаго императора. Папы могли смѣло разсчитывать на своего обращеннаго сына. Но область римская была мала, о прежнемъ авторитетѣ и вліяніи папъ въ XVIII в. не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ близкими сосѣдями оказывались и Франція, и Испанія, и Савойя, отъ которыхъ могло прійтись плохо и которыя, какъ хорошо было извѣстно римской куріи, были за одно, поддерживали кандидатуру Станислава. На Австрію разсчитывать было трудно, но и раздражать ее опасно. Папа находился между двухъ огней. Въ рукахъ были у него взаимно нейтрализующія карты, и онъ предписываетъ своему нунцію, Паулуччи, дѣйствовать въ пользу курфирста, но не противодѣйствовать въ тоже время Станиславу. А извѣстно, что французскій посолъ усердно слѣдилъ за нунціемъ, а нунцій зналъ, что отъ Франціи зависитъ полученіе имъ той кардинальской шапки, которую онъ видѣлъ на своей головѣ и во снѣ, и на яву.

Посмотримъ теперь, какова роль другой группы европейскихъ государствъ, какъ она обрисована въ шарадѣ.

Наиболѣе темна и неопредѣленна характеристика Франціи. «Je jouerai, quand mon roi sera à couvert», говоритъ шарада. Между тѣмъ на дѣлѣ Франція играла видную роль въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля. Она поддерживала кандидатуру Станислава, ея посолъ не щадилъ денегъ и ей удалось устроить выборъ ея кандидата. Очевидно здѣсь существуетъ противорѣчіе между дѣйствительностью и шарадою, и это противорѣчіе можетъ быть лишь отчасти объяснено тѣмъ, что во первыхъ Людовикъ XV лично долгое время колебался и не выступалъ рѣшительно въ польскомъ вопросѣ, что во вторыхъ въ моментъ женитьбы его на Маріи Лещинской, дочери ех-короля Станислава, дано было имъ какъ-бы обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла изъ-за Станислава, обязательство, скоро нарушенное, наконецъ въ третьихъ тѣмъ, что уже въ моментъ избирательной агитаціи Франція вмѣсто того, чтобы

дѣйствовать военными силами, прибѣгла къ дипломатіи и пыталась, хотя тщетно, отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, дѣлала ей различныя обѣщанія подъ условіемъ поддержки Станислава. Но послѣдняя попытка по отношенію къ Россіи и можетъ отчасти объяснить фразу шарады на счетъ прикрытія, потому что еще до выбора Станислава французскій король имѣлъ достаточно союзниковъ и въ лицѣ Испаніи, раздраженной поведеніемъ австрійскаго императора, не выдавшаго своей дочери за донъ-Карлоса, и Савойи, не перестававшей мечтать о захватѣ Милана. Союзъ съ этими государствами уже тогда былъ заключенъ и, 15 дней спустя послѣ избранія Августа III, война уже началась между Франціей и Австріей.

2) Роль *Испаніи* въ шарадѣ объясняется ея союзомъ съ Франціей. Она играетъ въ черной масти, такъ какъ главный triomphe— король польскій Станиславъ, являющійся первымъ кандидатомъ, тузомъ пикъ или baste, тузомъ трефъ, если инфанту, согласно шарадѣ, принадлежитъ честь быть espadille. То, что Испанія считаетъ игру не важною, объясняется колебаніями Франціи, нерѣшительностью кардинала Флери, не прибѣгнувшаго сразу къ военной силѣ и тѣмъ давшему возможность Россіи выиграть время, наконецъ отдаленностью ея и ея союзниковъ отъ театра дѣйствій.

3) *Савойя* была прямо не заинтересована въ польскомъ вопросѣ, ея мысли и желанія были устремлены на Миланъ и, понятно, она согласилась принять участіе въ игрѣ только тогда, когда оказалась надежда на выигрышъ, благодаря вмѣшательству Франціи и Испаніи.

4) Относительно *Швеціи* фраза шарады объ уплатѣ «оноровъ» (honneurs) выясняется ея внутреннимъ состояніемъ въ то время. Смерть Карла XII была и гибелью монархической власти въ Швеціи. Аристократія захватила управленіе въ свои руки и управляла дѣлами почти безконтрольно. Но управлять оказалось трудно. Войны Карла XII довели страну до полнаго истощенія. Погибла масса людей, казна оказалась совершенно пустой, пустой до такой степени, что не на что было отправить въ Варшаву посла. Союзъ съ Швеціей считался однако не безполезнымъ и Франціи, и Россіи, и обѣ державы употребляли всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону Швецію, заинтересованную въ вопросѣ о выборѣ короля лишь косвенно, благодаря личной симпатіи многихъ изъ шведской знати къ Станиславу. Денегъ не щадили, чтобы купить шведское правитель-

ство, не щадилъ русскій посолъ Бестужевъ, которому это было предписано, не щадило и французское пртвительство. Но шведское правительство, не смотря на это, не рѣшалось выступить открыто и давало уклончивые отвѣты: оно ограничивалось предъявленіемъ bona officina, т. е. посредничества и ничего болѣе. Оно выжидало, кто дастъ больше и въ союзѣ съ кѣмъ: Франціей или Россіей, можно будетъ возвратить потерянное на континентѣ. Франція предлагала свои услуги Швеціи, чтобы возстановить права ея на прибалтійскія провинціи. Россія обѣщала уплатить долгъ Швеціи съ города Риги, который Швеція требовала не разъ, но безуспѣшно, и не препятствовать упроченію шведской короны въ гессенскомъ домѣ. Въ виду всего этого Швеція и не думала о приготовленіяхъ и въ самую рѣшительную минуту оказалась безъ флота, хотя болѣе склонялась къ Франціи.

5) Что касается *Даніи*, то въ моментъ борьбы за польскій престолъ она оказалась совершенно безъ «матадоровъ». Ея король Христіанъ VI отвергъ предложеніе Россіи и Австріи, сдѣланное ему въ 1732 году, на счетъ Шлезвига, который обѣ державы обязывались признать его владѣніемъ, если онъ откажется отъ своихъ притязаній. Онъ разсчитывалъ на поддержку Франціи, въ которой горько ошибся, и остался безъ Шлезвига. Во время войны Данія въ одно и то-же время и открыла Зундъ для прохода французскаго флота, и послала 6 т. войска въ Германію на Рейнъ въ помощь Австріи.

Изъ всего выясненнаго выше становится понятною фраза курфирста саксонскаго. Въ виду такихъ союзниковъ, какъ Данія и Австрія, всѣ недоразумѣнія съ которой изъ-за прагматической санкціи были сглажены, онъ смѣло рѣшился начать игру. Правда, онъ опасался Франціи, которая считалась весьма сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, опасался даже, благодаря ей, поставить la bête, т. е. проиграть, но его убаюкивала надежда не допустить, съ помощью союзниковъ, «проклятого хлопа» (во французскомъ текстѣ «d'un mandit valet»), т. е. Станислава до польской короны.

Роль, приписанная примасу и республикѣ польской, т. е. шляхетному представительству Польши, я думаю, не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ. Положеніе того и другой было исключительное, безпримѣрное въ исторіи народовъ. Вся власть въ госу-

дарствѣ была въ ихъ рукахъ, король для нихъ ничего не значилъ и потому они равнодушно и пренебрежительно относились къ его избранію, увѣренные напередъ, что каковъ-бы ни былъ исходъ выборовъ, они не потеряютъ ничего изъ своего положенія, съ которымъ связано существованіе всего государственнаго строя, напротивъ могутъ выторговать отъ электора новыя для себя льготы. Но это непомѣрно льготное положеніе польскаго шляхетства съ примасомъ во главѣ и было источникомъ тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствій, которыя терзали общественный организмъ Польши и послужили причиною ея паденія. Такой взглядъ на внутренній неизлечимый недугъ Польши господствовалъ и въ то отдаленное время и онъ выраженъ въ полныхъ злой сатиры латинскихъ изреченіяхъ и польскихъ стихахъ, заканчивающихъ напечатанную шараду. Приводимъ тѣ и другіе въ возможно-близкомъ переводѣ и этимъ закончимъ объясненіе всей шарады.

Ахъ какъ я (т. е. Польша) страдаю отъ ранъ, наносимыхъ мнѣ моими-же стрѣлами!

За отечество и въ отечествѣ пріятно умереть.

Мужъ честный, прямодушный, никому не тягостный, всѣмъ пріятный (Станиславъ).

Главнѣйшая мудрость—памятовать о смерти (Польшѣ).

Иди смѣло замужъ, Польша, если сохранила дѣвство!
Ахъ, не пойду, французы, не пойду голландцы;
Я уже не дѣвица!
Обезчестили меня литовскіе паны,
Сняли съ меня вѣнокъ моей невинности
И добытой мною свободы
Негодные сыны (подкупленные французскимъ золотомъ).

Обездоленный въ Римѣ Сатурнъ, превозносившійся надъ другими, износитъ бѣдствіе изъ собственнаго безсилія и злосчастія и имъ гнететъ всю страну (Польша во образѣ планеты, приносящей съ собою несчастіе на землю, съ намекомъ на извращеніе ея римскимъ католичествомъ).

Читатель.

КЪ ДѢЛУ О НАЧАЛѢ ЕДИНОВѢРІЯ ВЪ КРЕМЕНЧУГѢ.

Значительную массу населенія г. Кременчуга составляютъ раскольники различныхъ сектъ; въ числѣ ихъ существуетъ въ Кременчугѣ и церковь *единовѣрческая*, получающая священство отъ нашего епископа и вообще признающая администрацію церкви православной. Дѣло обращенія нѣкоторой части кременчугскихъ старовѣровъ въ *единовѣріе* принадлежитъ преосвященному полтавскому Гедеону. Въ мірѣ Георгій Вишневскій, Гедеонъ родился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1798 г., московской губерніи, верейскаго уѣзда, въ с. Котузовѣ отъ бѣдныхъ родителей причетническаго званія. По окончаніи курса въ петербургской академіи, Вишневскій былъ опредѣленъ инспекторомъ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ ректоромъ каменецъ-подольской семинаріи, а въ 1834 г. назначенъ епископомъ полтавской епархіи, каѳедра которой находилась въ то время въ г. Переяславѣ, а при немъ перенесена (въ 1847 г.) въ Полтаву.

Гедеонъ—это одинъ изъ выдающихся іерарховъ полтавской паствы по своей дѣятельности, это одна изъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ, невольно располагающихъ къ себѣ личностей—по своей душѣ и характеру. Высокообразованный, гуманный, проникнутый истинно пастырскими чувствами по отношенію къ своей паствѣ, отечески заботившійся о благѣ ввѣренной ему епархіи, чуждый честолюбія и своекорыстныхъ цѣлей, преосвященный Гедеонъ привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ, оставивъ по себѣ добрую память въ средѣ и духовнаго и свѣтскаго общества, особенно въ средѣ духовенства низшаго, къ нуждамъ котораго онъ былъ весьма внимателенъ. Отказываясь отъ занятій высшей каѳедры, что ему не разъ предлагали, онъ говорилъ: «Я считаю самою первою наградою и повышеніемъ—оставаться тамъ, гдѣ я окруженъ любовію и преданностію; не желаю и никогда не желалъ-бы оставлять ввѣренной мнѣ паствы: люблю Малороссію и ея народъ, я не предполагалъ, чтобы люди этого края могли меня такъ сильно къ себѣ привязать. Я желалъ-бы, когда Богъ меня воззоветъ, оставить здѣсь и мой бренный прахъ; дорога мнѣ родина, но этотъ край для меня дороже». Отмѣченный правительствомъ, Гедеонъ, оставаясь епископомъ полтавскимъ, съ 1843 г. и до конца жизни (1849 г.) былъ членомъ святѣйшаго Си-

нода, почему и болѣе проживалъ уже въ Петербургѣ. Вотъ та задушевная и чисто отеческая рѣчь, съ которой достойный іерархъ обратился къ своей паствѣ, отправляясь въ дальній путь: «Богъ васъ благословитъ, Онъ не оставитъ васъ своею благостію, а меня сохранитъ для васъ; мое всегдашнее желаніе быть съ вами и никогда не оставлять васъ. Увѣренъ, что пребываніе въ С.-Петербургѣ, при неблагопріятномъ климатѣ, болѣе разстроитъ мое здоровье и приблизитъ ко гробу [1]), но я совершенно убѣжденъ, что пожертвованіемъ своего здоровья много сдѣлаю пользы для епархіи, достигну того, чему представляются теперь неодолимыя препятствія. Поэтому я отправлюсь въ страну далеку, съ надеждою и упованіемъ на Бога—достигнуть желаемаго. Впрочемъ, не смотря на мое отсутствіе, я буду съ вами» [2])...

Самымъ важнымъ памятникомъ дѣятельности преосвященнаго Гедеона было обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе;* за это, успѣшно исполненное, предпріятіе онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа. Дѣло это было предметомъ особенной заботливости Гедеона; во все продолженіе пастырскаго служенія своего онъ неотступно и съ необыкновенною ревностію стремился къ осуществленію искренняго и сильнаго желанія: видѣть кременчугскихъ раскольниковъ обращенными въ единовѣріе. У насъ имѣется 32 собственноручныхъ письма, писанныя преосвященнымъ къ кременчугскому протоіерею Алексѣю Петрову исключительно по этому именно предмету. Письма эти и служатъ источникомъ для настоящей замѣтки по вопросу объ обращеніи кременчугскихъ раскольниковъ въ *единовѣріе*.

Ревностными сотрудниками Гедеона въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Петрова, были: протоіерей Алексѣй Протопоповъ, первый священникъ новоучрежденной единовѣрческой церкви Кременчуга, Бабаринъ—богатый и почетный купецъ, собиравшій подписи раскольниковъ, желавшихъ перейти въ единовѣріе, Авдіевъ—священникъ изъ великороссіянъ, котораго преосвященный посылалъ съ нарочитою цѣлію въ Кременчугъ къ раскольникамъ-великоруссамъ,

---

[1]) Простудившись при выпускѣ изъ академіи, Гедеонъ до конца жизни страдалъ ревматизмомъ и особенно—головы, золотухой и чахоткой.

[2]) Рукописныя замѣтки современника.

раскольничій священникъ Хламовъ, склонявшійся къ единовѣрію и другіе. Изъ нихъ найбольшую роль игралъ Петровъ, который былъ въ этомъ случаѣ непосредственнымъ исполнителемъ воли преосвященнаго и посредникомъ между нимъ и раскольниками. «Ваше дѣйствованіе на пользу церкви было *похвально*»; «я благодаренъ вамъ за ваше *усердное дѣйствіе* въ обязанности на васъ возложенной»,—неоднократно въ томъ-же духѣ писалъ къ нему Гедеонъ.

Въ достиженіи своей цѣли преосвященный старался дѣйствовать мѣрами чисто нравственными. «Сношенія съ полиціей должны быть оставлены. Мнѣ желательно, чтобы вы болѣе *сблизились* съ ними, заслужили у нихъ *довѣріе*, болѣе уступая, нежели настаивая, дабы вышелъ результатъ: cedendo victor abibis. Надобно въ разговорахъ отдѣлять существенное отъ несущественнаго, корень вѣры и обряды вѣры, надобно обращать ихъ къ положеніямъ вселенскихъ соборовъ, а не къ помѣстнымъ. Надобно доказывать, что литургія у нихъ должна отправляться не скрытно, а явно, не бѣглымъ, а законнымъ священникомъ. Впрочемъ, что и какъ должно съ ними бесѣдовать, *благоразуміе*, руководимое изданными книгами, должно руководить и васъ. Часто бесѣдуя, можно узнать, на чемъ они преимущественно стоятъ»..., писалъ Гедеонъ Петрову. «Желаю, чтобы вы чаще у нихъ бывали и *духомъ кротости* старались преклонить ихъ». «Уговорите раскольниковъ, но безъ всякой *настойчивости, приличіе и кротость*—лучшіе проводники къ ихъ упорнымъ мыслямъ». «Правительству угодно, чтобы мѣрами *кротости*, мѣрами *убѣжденія* достичь предположенной цѣли»; «въ этомъ случаѣ потребно *благоразуміе*». Такого рода совѣты и наставленія даетъ преосвященный почти въ каждомъ писмѣ.

Извѣстенъ вообще религіозный фанатизмъ раскольниковъ и закоснѣлость ихъ въ старинѣ; при такихъ условіяхъ внѣшнія, принудительныя мѣры не только, разумѣется, не могли-бы привести къ цѣли, но скорѣе раздражали-бы раскольниковъ и испортили дѣло въ конецъ. Не преслѣдованія-ли старовѣровъ и довершили дѣйствительно то, чему положено начало исправленіемъ книгъ? Мѣры кроткія, гуманныя въ этомъ случаѣ единственныя и самыя дѣйствительныя; прибѣгая только къ нимъ, Гедеонъ старался быть послѣдовательнымъ и дѣйствовать осмотрительно и осторожно. И все-таки обращеніе кременчугскихъ раскольниковъ шло весьма туго, встрѣ-

чая съ ихъ стороны всевозможнаго рода преграды и противодѣйствія; извѣстная часть ихъ если и соглашалась на присоединеніе, то предъявляла слишкомъ непомѣрныя требованія и условія соглашенія, на которыя правительство и церковь согласиться не могли. Раскольники сверхъ того проявляли крайнее непостоянство и всегда поэтому внушали къ себѣ недовѣріе. Самое главное, на что раскольники долго не могли согласиться, это имѣть «священника въ зависимости отъ епархіальнаго начальства и воспоминать, гдѣ слѣдуетъ, святѣйшій синодъ». «Жаль, что правыя дѣла о кременчугскихъ раскольникахъ *остановились*. Надобно дать имъ направленіе благое». «Удивляюсь, что *нескоро* раскольники могутъ пристать къ пристани. Волнуются отъ своего невѣдѣнія, а еще болѣе отъ неблагонамѣренности нѣкоторыхъ лицъ». «Желательно, чтобы былъ положенъ конецъ заботамъ о раскольникахъ. Удивляюсь, какъ они приходятъ къ концу и отходятъ отъ него почти въ тоже время; видно, что путь въ царствіе Божіе труденъ, но намъ слѣдуетъ трудности преодолѣвать». «Удивительно, какъ плевелы не скоро искореняются»: писалъ владыка.—Въ виду крайняго упорства и непостоянства раскольниковъ, въ виду предъявленія съ теченіемъ времени со стороны раскольниковъ новыхъ и новыхъ требованій, Гедеонъ, чтобы только положить начало обращенію ихъ, изъявлялъ готовность на многія уступки и потому писалъ Петрову: «Обѣщайте раскольникамъ все, что имъ нужно, только чтобы они вошли въ союзъ съ церковію». Неуспѣхъ и противодѣйствіе со стороны раскольниковъ побуждали Гедеона къ уступкамъ, но не ослабляли однако его энергіи и не приводили въ отчаяніе. «Не смотрите на противодѣйствія, писалъ онъ, дѣлайте, дондеже день есть. Насаждайте и и поливайте, а Богъ возраститъ». Непосредственно съ своей стороны Гедеонъ писалъ воззванія къ раскольникамъ, текстъ которыхъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, какъ равно неизвѣстно, какое впечатлѣніе на раскольниковъ произвели эти воззванія.

Наконецъ, обращенію раскольниковъ было положено начало. Отъ 29 марта 1840 г. Гедеонъ писалъ Петрову: «Вы, я думаю, уже давно получили копію съ указа о кременчугскихъ раскольникахъ касательно обращенія часовни (раскольниковъ «часовенныхъ») въ церковь». А въ слѣдующемъ году (отъ 11 іюля) писалъ: «Дѣло о раскольникахъ кременчугскихъ рѣшалось; но вышло затрудненіе.

Устранить его будетъ зависѣть отъ благоразумнаго вашего дѣйствія вмѣстѣ съ о. Протопоповымъ. Рѣшено присоединить ихъ и дать имъ священникомъ о. Алексѣя». Отъ 28 августа 1842 г. владыка снова увѣдомляетъ: «Дѣло о кременчугскихъ раскольникахъ рѣшено и секретно дано мнѣ знать. Это дѣло теперь окончательно должно быть рѣшено генералъ-губернаторомъ».—Но всѣ эти успѣхи пока были только на бумагѣ, или, по крайней мѣрѣ, самая незначительная часть раскольниковъ съ твердою рѣшимостію вступила въ единовѣріе, масса-же продолжала упорствовать и колебаться. Не взирая на мѣры «благоразумія» и на «осторожность», съ какой велось дѣло, раскольники оказали даже насильственное сопротивленіе при исполненіи правительственнаго рѣшенія и не хотѣли «отдать ключей» отъ часовни, въ Крюковѣ также произведено было возмущеніе. Эти обстоятельства «заставили принять еще большую осторожность, дабы не вышло непріятныхъ послѣдствій». «Раскольники всѣ остаются по прежнему при своихъ непостоянныхъ мысляхъ, то рѣшаются, то отказываются, то желаютъ, то не желаютъ. Прискорбно, что они и доселѣ держутъ покрывало на своей душѣ и не хотятъ видѣть свѣта православной вѣры. Но все есть надежда имъ вразумиться. Господь многомилостивъ. Не ослабѣвайте въ своихъ дѣйствіяхъ, только съ осторожностію»,—писалъ преосвященный.

Какъ-бы то ни было, но преосвященный Гедеонъ достигъ своей цѣли: существующая нынѣ въ Кременчугѣ *единовѣрческая церковь* есть именно плодъ его дѣятельности. Послѣ всякаго рода невзгодъ по этому дѣлу, онъ въ 1845 г. съ особенною радостію писалъ: «Настало время по благословенію Божію, когда посѣянное должно было взойти и плодъ принести. Обращеніе часовенныхъ есть утѣшительное и радостное событіе для церкви и для насъ. Надѣюсь, что они всѣ войдутъ въ церковь»...

Вотъ тѣ условія, предложенныя Гедеономъ, потомъ измѣненныя и утвержденныя св. синодомъ, по которымъ состоялось обращеніе раскольниковъ:

1) «Часовню признать единовѣрческою, если освящена дѣйствительнымъ священникомъ и разрѣшить въ ней совершеніе божественной литургіи, по совершеніи освященія воды и по молитвѣ на обновленіе храма».

2) Антиминсъ, если не настоитъ сомнѣнія, что онъ есть патріаршаго освященія и если присоединяющіеся по совѣсти убѣждены, что онъ сохраненъ въ неприкосновенности освященія, оставить на своемъ мѣстѣ, а для служенія на престолѣ положить *илитонъ* (платъ или обертка антиминса), съ изображеніемъ креста, который изображенъ въ старопечатныхъ книгахъ на антиминсѣ.

3) Если-же о сохраненіи святости антиминса окажется сомнѣніе: то, оставивъ его на своемъ мѣстѣ внутри престола, или обрѣсти другой патріаршаго-же освященія, или устроить новый по рисунку, находящемуся въ старопечатныхъ книгахъ и по старопечатной-же книгѣ освятить съ положеніемъ въ него св. мощей.

4) Священника единовѣрческому обществу избирать изъ великороссіянъ въ полтавской или въ другихъ епархіяхъ и объ избранномъ входить съ прошеніемъ къ преосвященному полтавскому, а ему, если выборъ сдѣланъ въ другой епархіи, сноситься съ епархіальнымъ архіереемъ и по сему сношенію, если избранный надеженъ, опредѣлять его къ единовѣрцамъ.

5) Въ случаѣ проступковъ единовѣрческаго священника единовѣрцы обращаются съ жалобою къ преосвященному полтавскому, который по личномъ разсмотрѣніи исправляетъ его приличною епитиміею; а если проступки важны и единовѣрцы не желаютъ болѣе имѣть его, отрѣшаетъ отъ ихъ церкви и препровождаетъ въ консисторію для дальнѣйшаго о немъ разсмотрѣнія.

6) При богослуженіи воспоминать благочестивѣйшаго Государя и Высочайшую фамилію, и святѣйшій Синодъ, и епархіальнаго преосвященнаго на ектеніяхъ, какъ положено въ старопечатныхъ книгахъ, а на великомъ входѣ поступать, какъ въ сихъ-же книгахъ положено.

7) Старосту церковнаго избираетъ общество и утверждаетъ преосвященный.

8) Строительныя и хозяйственныя исправленія по церкви производить по согласію общества, а въ важныхъ случаяхъ и по благословенію преосвященнаго.

9) Церковную сумму никуда не отбирать [1]).

«Видите, присовокупляетъ Гедеонъ, что старообрядцамъ еще въ нѣкоторыхъ условіяхъ сдѣлано снисхожденіе, а особенно относительно антиминса».

Иванъ Матченко.

---

[1]) Письмо Гедеона безъ обозначенія времени.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ О. М. ГЛАДКОМЪ И ВОЗВРАТИВШИХСЯ СЪ НИМЪ ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля сего года представился мнѣ случай объѣхать прилегающую къ границамъ харьковской и екатеринославской губерній часть константиноградскаго уѣзда губерніи полтавской, по рр. Берестовой и Орели. Территорія эта, по описанію Арандаренка [1]), составляла границу Украйны, съ непрерывнымъ валомъ и крѣпостями, построенными въ 1730 г., и входила въ составъ орельской паланки запорожской Сѣчи.

Изъ Петровки до Старовѣровки (около 30 вер.) возницей моимъ былъ содержатель обывательскихъ лошадей петровскаго сельскаго общества. За неисправностію моста на р. Берестовой, пришлось ѣхать по луговой сторонѣ, такъ что возвышенная степная равнина оставалась далеко отъ проселочной дороги. Замѣтивъ въ степи особеннаго рода земляныя насыпи, отличающіяся отъ обычныхъ могилъ, я спросилъ возницу, съ цѣлію вызвать его на разговоръ:

— Що то за могилы таки довги генъ у степу?

— Онъ-то? переспросилъ онъ, указывая рукой. То-жъ, бачите, колись була крипость Иванъ-городъ,—така якъ отъ у Костянтини [2]), та й у Парасковеи. Тутъ-же йшла украинська линія, чи кардонъ, скризь по Берестовій та по Орели ажъ до самого Дниця. А хиба-жъ вы не бачили тихъ валивъ, що потяглися степомъ кудысь далеко у харькивську губернію, та перескакують черезъ Орель и пишли геть на Катеринославщину? Багато вже валивъ та могилъ порозъорювали, та пороскопували, та й крипостямъ тожъ така шана, бо звисно якъ воно безъ догляду.

День выдался свѣтлый, теплый; молодая зелень озимыхъ посѣвовъ и сѣнокосовъ едва стала развиваться; проселокъ плохо былъ накатанъ, да и возница не обнаруживалъ склонности къ побужденію своихъ коней, двигавшихся «пидтюпцемъ». У меня явилось желаніе вызвать разсказы и воспоминанія возницы о запорожцахъ. Я завелъ разговоръ на эту тему—и мой возница замѣтно оживился, не безъ

---

[1]) Записки о полтавской губерніи, ч. III, стр. 258—362.

[2]) Такъ обыкновенно мѣстные крестьяне называютъ Константиноградъ.

достоинства упомянувъ, что ему приходилось видѣть «справжнихъ» запорожцевъ.

— Дуже цикаво знати: де-жъ то й коли доводилося вамъ бачити справжнихъ запорожцивъ?

— Э, воно вже давненько таки й діялося: мабудь рокивъ зъ пивсотни буде. Та буде, буде... соображалъ возница вслухъ: у тридцять третьему... такъ-же... пьятдесятъ; та вже колы вамъ такъ любопытно, то треба розказати; тильки й позабувалося багато.

— Мого таки батька тесть—мій дидъ значить по матери, зайшовъ ажъ пидъ Марнополь (Маріуполь), та й оселився тамъ, а мій батько жили тутечки у Петривцяхъ, на своему грунти. Якъ попидростали хлопци,—а насъ у батька було зъ чотыри,—то стало сутожно на землю. Отъ, тесть—чи черезъ людей переказувавъ, чи письмо засылавъ, того вже певно не докажу,—почавъ кликати мого батька до себе: прибувай лишень, сыну, до мене, бо хлопцивъ у тебе чимало, то тутъ швидче роскобижкаешся: тутъ таки й на землю довильнишъ, та й хлопцямъ буде кращый заробитокъ. А пидъ той случай пидскочивъ голодный 33-й годъ. Отъ, батько бачять, що вже мовлявъ не перелевки, та ото зибралися, та й переихали зовсимъ туды, до тестя значить. А винъ оселився у Новомикильскій слободи (за 18 вер. одъ Марнополя), та й проживъ тамъ либонь годъ зъ 15. Якъ переихали мы, то вже застали у слободи й тихъ запорожцивъ, що вернулися зъ Турецчини пидъ нашого царя. Було роскажуть батько та й слобожане стари, що запорожци надумалися покинути Сичу десь за Дунаемъ, та стали прохатися знову на Вкраину; дакъ ото й прийшовъ приказъ видъ царя, щобъ значить запорожци оселялися у слободахъ Новомикильскій та Новопокривській. Потимъ стали вертатися запорожци зъ Турецчины, а зъ ними Ёсипъ Михайловичъ Гладкій, що правивъ у Сичи за коннового. Почали вони селитися на слободахъ, а Гладкому дано було килькись сотъ десятинъ степу биля Новомикильскои слободы, и винъ оселився хуторомъ такъ—у вершини балки, а слобода потяглася дали внизъ. Пожили батько трохи у тестя, а потимъ Гладкій таки покликавъ до себе на хутиръ. А я бувъ тогди не величкимъ пидросточкомъ—здаетця годивъ зъ десять було, та отдали мене батько за пастушка до слобидськои громадськои ватаги. Було якъ хожу зъ вивцями по степу, то частенько оце бижить Гладкій

визкомъ, та якъ забачить мене, то заразъ зупинить коня, та й погутарить. Та такий бувъ моторний та любопытный: роспитуе про всячину, а часомъ пошуткуе, а найпаче було наказуе мени, щобъ гараздъ роздивлявся по степу та замичавъ, де яка могилка чи горбикъ, або-що, значить щобъ не заблудивъ. Винъ бувъ не дуже высокого зросту, але такий у соби огрядный, великий, а волосся ему совсимъ сиве стало, та вусы таки довги, наче оселедци высили, а бороду голивъ. Балакавъ винъ зовсимъ по простому й ходивъ по будняхъ у жупани, а пидъ свято прибирався въ мундерь съ палетами, якъ охвицеры. Спершу багатенько запорожцивъ було по слободахъ; ходили вони тежъ у синихъ жупанахъ, ще й на плечахъ маіорили попришивани други рукава кармазинови, та й телипалися, або инши було затыкають за поясъ. Тильки щось не довго маіорили тіи кармазинови рукава: якъ стали служити запорожци зъ москалями та воювати зъ черкесами, дакъ було одказано, щобъ значить не носили кармазиновыхъ рукавивъ черезъ те, що либонь ихъ далеко було видно, а черкесы набачять, та зъ очеретивъ або зъ-за скель стриляли здорово, та багато побивали.

Зъ тихъ запорожцивъ, що перебралися на слободы, де-яки поприходили зъ Турещины зъ посимействами; инши трохи обашморилися та поженилися й стали хазяинувати; отъ-же билше було такихъ, що повешталися на слободахъ, та й покрылися знову у дычу, а де-яки пишли служити по флотахъ. А тихъ, що зосталися по слободахъ, потимъ поростикали по троху по крипостяхъ, а инщихъ попровадили за Ковбаню. У Новомикильскій слободи, якъ прыйшли запорожци, була вже крипость, острогъ, та й горниць понастроювали; тамъ ото й жили де-яки запорожци. Згодомъ Гладкій переихавъ у Петривську крипость, та туди вже перебралося посимейство й родичи Гладкого, а потимъ тамъ зостався ёго старшій сынъ, а старый переихавъ либонь у катеринославську губерню, та тамъ и вмеръ. Чутно було, що царь нагрэдивъ ёго генеральськимъ чиномъ, и винъ бувъ якимъ-сь генералъ-литинянто́мъ. Якъ винъ переиздивъ у Петривську крипость, той мій старший братъ бувъ у ёго годовымъ наймитомъ; а якъ ёму треба було говити, то батько посылали мене на перемину. Доводилося бувати у Гладкого у господи,—тильки до горниць не ходивъ я, а було ночую звисно тамъ зъ наймитами та кучеромъ.

— Ну, а ще-жъ не чували: якъ-же то Гладкій съ запорожцями живъ у Турещини, та якъ вони вернулися на Вкраину?

— Ге, де-бъ то не чувъ: таки й батько, й инши було гомонять; про те мени не звисно, чи воно такъ, чи не такъ. Балакали бачите, що якъ зайшло страженіе у 29-му годи, дакъ салтанъ турецькій потребувавъ запорозське військо па пидпомогу—руськихъ воювати. А Гладкій мабуть надумавъ зробити змину бусурманови. Отъ, позбиравъ запорозьцивъ, сказавъ що таке—й таке дило, й звеливъ выступати въ походъ у яке тамъ мисце. На дорогу попапувавъ ихъ добре та й вырядивъ, а самъ ще чогось дома зоставсѧ. Пишли вони, а Гладкій вже десь тамъ догнавъ, та давай смотръ робить; коли се якъ начинить репету, що, каже, вы пьяни выходили, та й я бувъ не тверезый—къ лихій матери забулися взяти бунчука (таке знамено давъ имъ салтанъ). Выбатькувавъ ото зъ серця, та звеливъ війську йти дали, а самъ побигъ назадъ за бунчукомъ бы то. Прибигъ отъ до Сичи, та счинивъ бунтъ, що буцимъ-бы запорожцямъ нема миста, бо Росія надходить и зруйнуе Сичъ та позабирае запорожцивъ у плинъ. А винъ вже попереду змовився зъ де-якими товаришами, щобъ вырядити військо, а тогди счипити веремію—значить, щобъ швидче передалися пидъ нашого царя. Пишла колотнеча та галасъ помежъ черню сичевою, а Гладкій смеркомъ пишовъ зъ товаришами до батюшки, щобъ одчинивъ церкву та выдавъ бунчука, та почавъ присоглашати й батюшку передатися у Россію. Пинъ на те не згожувався, але якъ вони до ёго пристали добре, то винъ давъ ключи одъ церкви й сказавъ: робите, що хочете, абы мене не займали. Вони забрали бунчука, а батюшци сказали, що коли винъ не пристае до гурту, то гиршъ ёму буде, та взяли та й заперли ёго у комирчини биля церкви, а сами позабирали що треба, та поихали у каюкъ й поплыли на озеро, та поховалися по очеретахъ, щобъ бачити, куды буде черня двигатись: чи за своимъ військомъ, чи згодятця передатися у Россію. Якъ залясментувавъ батюшка у комирци биля церкви, то звисно люде заразъ позбигалися та отбили замка, а батюшка й розказавъ, яка приключка вчинилася. Отъ ще бильшъ пишовъ бунтъ та галасъ; людей зійшлось багацько й почали миркувати та радитись. Побачили, що Гладкій зробивъ змину, бо запорожци пишли у походъ, а черню сичову й боронити никому, може й зосталося тамъ кильки

збройнихъ воякъ. Цилисиньку ничъ прокалатали на ради, той тееи спива, а той иншои заводе: значить, де-яки згожувалися передатися пидъ нашого царя, а наши казали зостатися тамъ, щобъ не вовтузатися зъ мизеріею. Про те мовлявъ не знали, на яку й ступить. Сподивалися великого лиха видъ бесурменивъ, коли вони довидаютця, що Гладкій зминивъ, та й видъ москаливъ не безъ халепы буде, якъ набижять руйнувати сичовикивъ. Тимъ часомъ почали хапати збижжя та вкладатися. Отъ де-яки выряжалися слидкомъ за своимъ військомъ, а билшъ було такихъ, що зносили та звозили добро, та худобу гнали до Дунаю. Понагружали кильки можна на каюки, та поховалися по островахъ по Дунаю. Тогди Гладкій зъ товаришами, розслухавшись та роздивившись гарненько, выпливъ своимъ каюкомъ зъ озера на Дунай ричку, та й попровадилися вони, не докажу вже у яку крипость, до москаливъ. Ото тамъ Гладкій погуторивъ зъ началниками, росказавъ по якихъ островахъ зибралася запорожська черня, та й послали московськи судна, щобъ позабирали людей зъ збижжямъ. Тогди вже поперевозили чи у Браиловъ, чи въ Очакивъ. Якъ подали звистку до війська, то й тамъ тежъ пишла колотнеча та клопитъ, що Гладкій зробивъ змину. При війську не було ни копового, ни бунчука— то клопоталися, що безъ бунчука не можна й зъявитися до турецького началника. Де-яки згожувалися вертатись та приставати до москаливъ, а инши тягли руку за турка,—бачте, щобъ не ламати присягу. Казали, що запорожци не то поспорилися, а й побилися помежъ собою, та й роздилилися: одни пишли до Дунаю, та москали поперевозили зъ народомъ, а частина зосталася таки у Турещини. Тильки либонь вже имъ бесурмены виры не йняли и не пустили воювати зъ москалями, а посажали десь по крипостямъ; та вже якъ выйшло замиреніе, то ажъ тогди де-якихъ потребувавъ нашъ царь, бо й вони стали прохатися до гурту.

Частенько було росказують слобожане, що запорожьци були жваві козаки, та велики митци брати крипостя. Шось довго таки прожили вони у Турещини, та завжде нишпорили по надъ Дунаемъ, то вже звисно знали добре та гараздъ, де який перевизъ бувъ придобнишій, та й плавнями, то-що, куди способнишъ пробратися. Якъ воювали ото зъ туркомъ, дакъ нашъ царь запитавъ Гладкого: можешъ ты взяти оттаку й таку крипость турецьку? а

винъ-бы то одказавъ: а чому-жъ пакъ?—можу; я ів у три часа визьму.—Ну, смотри-жъ, приказавъ царь—бери військо та справляйся гараздъ. А тая крипость була на гори надъ Дунаемъ трохи въ степъ. Скризь по гори позароставъ густый лисъ, а по низу плавни тяглися до Дунаю зъ куцами та гниловодами,—значить грузьке та неприд обне мисце. Отъ, турецькій кардонъ ходивъ по гори та по-надъ лисомъ, а про плавни й байдуже, бо дуже грузько було. А Гладкій то добре розглядивъ та й назнавъ путненькій переиздъ; насажавъ москаливъ на судна та й поплывъ Дунаемъ до того переизду, а потимъ потихеньку перебралися плавнями та й поховалися у лиси й заночували тамъ. Тильки-жъ Гладкій у досвита раненько звеливъ рушати та обійти лисомъ геть на степъ, та наближатися до крипости, а самъ зъ де якими пищечкомъ выкрався зъ лиса та надибавши турецьку сторожу й поризавъ; потимъ наближився до крипости, а війська чимало ще зоставивъ у лиси, поки судъ та дило. Коли се ранкомъ одчинилася у крипости бряма й почали люде вештатись сюды та туды, а Гладкій якъ гукнувъ на своихъ, та раптово якъ кинулися на штурму, дакъ не дали й брямы зачинити, а тутъ пидоспила и пидпомога, та якъ заходилися гуртомъ, то побили туркивъ та й крипость забрали. Оце такъ гомонили слобожане, та й запорожцы тежъ розсказували, що по-надъ Дунаемъ вони додивилися навить до кожного куцика, бо завжде тамъ то рыбу ловили, то звиря та птицю добували. Вони й межъ москалями мали велику повагу, бо проводили скризь, де придобнищи мисця. Поки воювали зъ туркомъ, та якъ треба було йти куди війську, то старшій начальникъ покличе запорожцивъ, та й приказуе тамъ полковникамъ то-що, щобъ вони слухали запорожцивъ—то ото вже они й радилися зъ начальниками та порядкували: куди й коли йти.—Отъ-таки то були запорожцы! заключилъ мой возница.

Разсказъ показался мнѣ довольно интереснымъ; хотѣлось воспроизвести его по возможности подлинными словами. Я сталъ припоминать болѣе оригинальныя слова и выраженія и просилъ повторить нѣкоторыя. Замѣтивъ особенное вниманіе къ разсказу, возница повидимому недоумѣвалъ: по чему меня такъ интересуетъ разсказъ его и отдѣльныя слова. Пришлось отчасти растолковать этотъ вопросъ, а между тѣмъ, пользуясь поднявшимся

вѣтеркомъ, мѣшавшимъ зажечь спичку, я сказалъ пріостановить лошадей, и, вставъ съ воза, приспособился закурить папиросу; съ тѣмъ вмѣстѣ досталъ карандашъ и записную книжку, а изъ связки съ подушкой импровизировалъ письменный столъ и принялся записывать. Возница смущенно и даже съ безпокойствомъ поглядывалъ на меня и очень нерѣшительно повторялъ нѣкоторыя интересовавшія меня выраженія. «И на що ото вы пишете?»—промолвилъ онъ. Отъ бачъ,—коли-бъ бувъ знавъ таке, то й не росказувавъ-бы, а то ще, чого доброго, потребують до Петербурга, або-що». Съ трудомъ удалось мнѣ разувѣрить возницу въ неосновательности его тревогъ и безпокойства, такъ что онъ повторилъ почти весь разсказъ, а я наскоро записывалъ. Возница съ любопытствомъ слѣдилъ за процессомъ записыванія и замѣтивъ, что я исписалъ уже нѣсколько страничекъ, просилъ ѣхать скорѣе, чтобы засвѣтло добраться до Старовѣровки. Все таки мнѣ удалось воспроизвести цѣликомъ болѣе характерныя слова и выраженія, но чтобы не возбуждать сомнѣній, я не счелъ умѣстнымъ спросить имя и фамилію повѣствователя. Мы проѣхали еще верстъ съ десятокъ или больше, я все-таки отъ времени до времени возобновлялъ въ памяти то или другое выраженіе, и возница, добродушно ухмыляясь, иногда дѣлалъ поправки или утвердительно поддакивалъ. Вотъ тѣ бѣглыя замѣтки, которыя были набросаны мною при оригинальной обстановкѣ.

В. Василенко.

ЧЕРТИ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Перестала съ нѣкотораго времени «Кіевская Старина» помѣщать что-либо о преосв. Анатоліѣ Мартиновскомъ, архіепископѣ могилевскомъ, что-либо изъ его любопытнѣйшихъ писемъ, записокъ, проэктовъ. Горячій былъ ревнитель своего пастырскаго долга, многолюбящій человѣкъ. Помню живо рисовавшія его «Архіерейскія печали» (Кіев. Стар. 1882 г., майск. кн.), помню теплую, сердечную статью о немъ доктора Пирожкова (Кіев. Стар. 1883 г., іюль, стр. 573—578). Многое она напомнила мнѣ объ этомъ достойнѣйшемъ пастырѣ церкви, уснувшемъ преждевременно въ бессарабскомъ гербовецкомъ

монастырѣ. Какъ землякъ и соученикъ пр. Анатолія, я помню многое изъ его жизни; но старость, живущая воспоминаніями, въ самой себѣ носитъ препону къ записыванію и передачѣ другимъ того, что живо иногда сохраняетъ ея память. Живя въ Кишиневѣ, я часто переписывался по дружески съ умершимъ архипастыремъ. Много жизни и отрады вливали въ душу его письма. Набралось ихъ у меня очень много; но однажды постигъ меня тяжкій недугъ, и я, опасаясь, чтобы они не попали подъ недостойную критику, всѣ сжегъ; одно только не подверглось этой участи, которое взято отъ меня г. Маціевичемъ и напечатано въ одной изъ книжекъ «Трудовъ кіевской духовной академіи».

Да, архіепископъ Анатолій былъ мужъ дѣла, другъ ближнихъ и паствы своей, человѣкъ очень популярный. Хочу почтить память его передачею одного изъ тѣхъ характерныхъ разсказовъ, которыхъ много приходилось мнѣ слышать отъ него.

Разсказывалъ онъ мнѣ однажды много и долго о томъ, какъ въ старое наше время всякое полицейство вело себя нестерпимо по разнымъ закоулкамъ въ уѣздахъ. Въ ближайшемъ отношеніи къ населенію стоялъ *становой* и онъ-то всюду давалъ чувствовать себя, придираясь безвинно ко всякому и вынуждая ублажать его на каждомъ шагу. О взяточничествѣ того времени трудно теперь и понятіе себѣ составить; но чинами уѣздной полиціи, которые всегда почти были изъ поляковъ и были на откупѣ у помѣщиковъ, руководило не одно корыстолюбіе въ дѣйствіяхъ ихъ относительно православнаго населенія, особенно-же его пастырей—православныхъ священниковъ. Вступись священникъ за угнетаемыхъ крестьянъ, помоги имъ совѣтомъ или разъясненіемъ, тутъ уже не отстанетъ отъ него становой и дойметъ его доносами и придирками по всякимъ дѣламъ—о вымогательствѣ за требы, о передержательствѣ безпаспортныхъ, о сыченіи меду въ праздники, о погребеніяхъ раньше узаконеннаго 3-хъ дневнаго срока, пропускѣ молебна въ табельный день и проч. и проч. Одному изъ священниковъ такъ надоѣлъ становой, что онъ обратился къ преосвященному Анатолію съ просьбою защитить его отъ несносныхъ поступковъ этого полицейскаго чиновника. Преосвященный поѣхалъ къ губернатору, расказалъ ему жалобу священника и просилъ поступить съ становымъ по строгости законовъ. Губернаторъ согласился удовлетворить это ходатайство и отвѣтилъ,

что онъ переведетъ виновнаго въ другой станъ и на мѣсто его опредѣлитъ изъ другаго уѣзда. Тогда, разсказывалъ преосвященный, я попросилъ губернатора выслушать такой анектотъ на подобный случай.

Въ одно мѣстечко въ базарный день пріѣхалъ изъ сосѣдней деревни какой-то шляхтичъ. Бродитъ онъ по базару, ища нужное для себя; идетъ между прочимъ туда, гдѣ рядами расположились такъ называемые «перекупки». Видитъ, сидитъ женщина въ ряду безъ всякаго товара, но сидитъ также въ ожиданіи покупщиковъ, какъ и другія. Любопытство взяло шляхтича и онъ спросилъ ее:

— А что-же ты здѣсь сидишъ, когда у тебя ничего нѣтъ для продажи?

— Якъ ничого, пане?

— А гдѣ-же твой товаръ? тутъ ничего не видно.

— Есть, пане, тутъ у мишку, пидо мною.

— А что-же тамъ у тебя въ мишку?

— Чортяки! чортякъ продаю.

— Гм! а по чемъ продаешь?

— По три шаги, по шисть копійокъ, пане.

— Ну, выбери-жъ мнѣ, да самаго лучшаго.

— Э, пане, не безпокойтесь, все одно: якого чортяку не визьмете, все буде чортяка, якъ и други!

Губернаторъ, добавилъ преосвященный, многозначительно взглянулъ на меня, дружелюбно улыбнулся и тотъ часъ позвавъ своего правителя канцеляріи, распорядился произвести разслѣдованіе о поступкахъ становаго и вообще съ тѣхъ поръ зорко сталъ слѣдить за дѣйствіями чиновъ уѣздной полиціи и принимать рѣшительныя мѣры къ ограниченію ихъ произвола и насилія, не ограничиваясь одними перемѣщеніями.

Коллеж. Совѣт. **Прибыльскій.**

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ 1-й майской книгѣ «Нови» помѣщены воспоминанія о Костомаровѣ П. Кулиша за долгій промежутокъ времени отъ 40 годовъ и до конца 70-хъ. Если отбросить нѣсколько странный жаргонъ, который почему-то избралъ для этого случая «отецъ Пантелей-

моній», и тотъ субъективный тонъ, съ которымъ этотъ, по признанію якобы скончавшагося историка, «великій человѣкъ», разсказываетъ о «козаковавшемъ Николашѣ», то эти воспоминанія лица близкаго къ Костомарову даютъ все-таки цѣнный матеріалъ для біографіи нашего выдающагося писателя.

Желая и съ своей стороны принести хоть маленькую лепту на дѣло выясненія разныхъ случаевъ изъ жизни Костомарова, передаемъ для будущаго его біографа воспроизведенный и г. Кулишемъ разсказъ, но по варіанту, слышанному нами отъ самого Н. И. Костомарова.

Было это въ 1874 г., когда, по словамъ г. Кулиша, старые знакомые «по разнымъ причинамъ видались рѣже прежняго». Главною причиною было конечно то, что г. Кулишъ хотѣлъ «переломать ребра Николаю Ивановичу» и былъ занятъ изданіемъ 1-го тома «Возсоединенія Руси»—не то историческаго сочиненія, не то памфлета, въ которомъ, гдѣ только была возможность, бранилъ Шевченка и Костомарова, называя послѣдняго то диллетантомъ и неумѣлымъ популяризаторомъ исторіи, то иноплеменникомъ, чуждымъ пониманія духа народной малорусской жизни. Книга была наконецъ изготовлена и вышла изъ типографіи. Костомаровъ успѣлъ уже ее прочесть, о чемъ кажется не зналъ Кулишъ. Встрѣтились прежніе друзья, какъ разсказываетъ и г. Кулишъ, въ императорской публичной библіотекѣ, обнялись и разцѣловались,—«по чину книжнаго иночества».

— Лобзаніемъ-ли, отче Пантелеймоніе, предаешь сына человѣческаго? спросилъ у г. Кулиша Костомаровъ послѣ этого и тѣмъ далъ знать ему, что уже прочелъ и самый томъ «Возсоединенія Руси», и рецензіи, которыя появились по его поводу въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Недѣлѣ».

Кулишъ, по разсказу Костомарова, постарался тотчасъ-же стушеваться.

Незабвенный нашъ историкъ передавалъ мнѣ этотъ маленькій эпизодъ изъ своей жизни съ игривымъ описаніемъ подробностей обстановки и передавая его, обыкновенно хохоталъ до упаду.

N.

КАКЪ САЖАЛИ ВЪ СТАРИНУ ЛЮДЕЙ СТАРЫХЪ НА ЛУБОКЪ.

Труднѣе представить, чѣмъ объяснить существованіе обычая, о которомъ хочу разсказать. Повѣрить-ли кто нибудь, чтобы людей живыхъ лица близкія къ нимъ, даже родныя дѣти или внуки обрекали на неминуемую голодную смерть? И не за какую либо вину, а единственно потому, что они состарѣлись,—не по чувству вражды, или минутнаго раздраженія, но въ силу обычая, унаслѣдованнаго съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемаго нерѣдко всею сельскою общиною. А между тѣмъ такой обычай существовалъ въ мѣстахъ намъ родныхъ, и еще такъ недавно, едва не на нашей памяти. Людей старыхъ, не подававшихъ надежды на жизнь, бывшихъ въ тягость себѣ и другимъ вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не могли разбиться, или-же задержаться на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ, какъ на саняхъ, они доходили до дна оврага. Отсюда и выраженія: «сажать на лубокъ», или «пора его на лубокъ». Практиковались и другіе болѣе какъ-бы гуманные способы примѣненія названнаго обычая—засаживаніе въ пусткѣ на печь, опусканіе въ пустую яму и проч.

На существованіе такого обычая въ недавнее сравнительно время я наткнулась, собирая, по предложенію покойнаго Александра Ѳедоровича Кистяковскаго, свѣдѣнія по его программѣ о «юридическихъ обычаяхъ и народныхъ воззрѣніяхъ по уголовному праву», по отдѣлу «вѣдовства и колдовства». Въ черниговской губерніи, въ глуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Землянкѣ отъ столѣтней почти женщины и 65 лѣтняго мущины пришлось мнѣ услышать слѣдующіе два разсказа, объясняющіе выраженіе: *сажать людей на лубокъ.*

Крестьянка Марфа Гутариха, родившаяся въ с. Землянкѣ 1787 г., † 1884 г. 23 декабря, разсказала мнѣ слѣдующее:

«Слыхала я въ молодости, что тогда сажали людей старыхъ на лубокъ, вывозили въ поле и оставляли ихъ тамъ умирать, но сама лично этого не видѣла. А когда это запретили, то такихъ за старостію уже неспособныхъ къ работѣ людей оставляли въ пустой хатѣ зимой, гдѣ они отъ голода и холода и умирали. Послѣдній такой случай на моихъ глазахъ былъ у насъ въ с. Землянкѣ

еще при *старомъ* Бартошѣ (помѣщикъ, † въ 1824 г.) Жила у насъ на Шульговкѣ (такъ называлась улица) старуха, вдова Тетяна Кобежка, безъ роду и племени. Пани Писарева, Екатерина Михайловна, уговорила Тетяну, чтобы она перешла жить къ ней во дворъ. Тетяна перешла, а ея хатка стала пусткою. Продержала ее пани не долго и какъ пришла зима, видитъ, что Тетяна не въ состояніи работать, то и велѣла одному изъ своихъ людей отвезти Тетяну въ ея хатку и посадить на печь, а тотъ такъ и сдѣлалъ. Гуляла я какъ-то съ дивчатами ночью на улицѣ, только слышимъ, кто-то у Кобежки въ хатѣ стонетъ и плачетъ; подошли мы послушать,— а то сама Тетяна на холодной печи безъ теплой одежи. Дождались мы утра и доложили пану. «Безсовѣстная Олексовна (Писарева, урожденная Алексенко)», сказалъ старый Бартошъ, и велѣлъ намъ пойти къ Тетянѣ и взять ее оттуда. Мы пошли, а она уже и Богу душу отдала. Бартошъ далъ *доску*, на которой и похоронили Тетяну. Тогда доски были дороже: лѣса было много, но не умѣли распиливать дерево на доски; потому «домовины» дѣлались только для богатыхъ людей, а бѣдныхъ хоронили, положивъ на одну доску, къ которой привязывали трупъ веревками».

Другой разсказъ передалъ мнѣ Наумъ Савченко, крестьянинъ той-же деревни (род. 1813 г., † 1881 г.).

«Слыхалъ и я, говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на распросы, что не такъ давно *сажали людей на лубокъ*, но не видалъ этого и Тетяны Кобежки не помню. А слышалъ только, отъ чего перестали людей на лубокъ сажать. Громада, какъ сами знаете, за всѣмъ у насъ смотритъ; такъ и въ этомъ дѣлѣ. А тутъ вышла такая оказія. Въ какомъ-то тамъ селѣ жила большая семья, а въ ней былъ отецъ такой старый да немощный, что самъ уже себѣ у Бога смерти просилъ. Сыновья никакъ не хотѣли сажать его на лубокъ, а громада все требовала. Вотъ они посадили «свого тата» въ пустую яму, гдѣ хлѣбъ ссыпали, а громадѣ сказали, что вывезли его въ поле и посадили на лубокъ. Прошло такъ довольно времени. Дѣти, извѣстно, жалѣли отца и кормили его. Наступилъ неурожайный годъ. Сыновья пошли къ ямѣ спросить у отца, что̀ имъ дѣлать, чтобы родился хлѣбъ. Отецъ велѣлъ имъ весь озимый посѣвъ прикрыть на зиму слегка старой соломой. Дѣти такъ и сдѣлали, и у нихъ вышелъ богатый урожай, когда у другихъ снова былъ недо-

родъ. Громада диву давалась, почему сыновья такъ поступили, и пристала къ нимъ съ распросами. Нечего было дѣлать, пришлось признаться, что отецъ ихъ живъ и что онъ ихъ научилъ такъ поступить съ посѣвомъ. Тогда громада съ почетомъ вынула старика изъ ямы и съ той поры запретила сажать стариковъ на лубокъ».

Чѣмъ объяснить существованіе такого, повидимому, варварскаго обычая въ нашемъ малорусскомъ народѣ, извѣстномъ своею добросердечностію и человѣколюбіемъ, а также особою почтительностію и привязанностію дѣтей къ родителямъ? Ничѣмъ, мнѣ кажется, инымъ, какъ только именно этими-же самыми чувствами. Жизнь крестьянина много отлична отъ нашей, иные у него и взгляды на нее. Въ старину эта разница была гораздо значительнѣе. Въ исторіи нашего козачества и гайдамачества насъ поражаетъ это безстрашіе въ опасностяхъ и равнодушіе къ жизни. Эти качества вырабатывались вѣками подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ условій жизни и присущи были всему народу. Когда жизнь ничѣмъ не привязываетъ къ себѣ, не даетъ ничего, кромѣ нужды, горя и голода, какъ ею дорожить? Когда законъ жизни исполненъ, дѣти вырощены и пристроены, а притупленные органы не даютъ возможности чувствовать жизнь, недуги-жъ старости, въ соединеніи съ нуждою и лишеніями, дѣлаютъ ее невыносимо тягостною, смерть является чѣмъ-то желаннымъ, упокоеніемъ, отрадою, которыхъ какъ милости вѣрующій человѣкъ проситъ у Бога. При такихъ условіяхъ ускореніе развязки съ жизнью, на взглядъ народа, на извѣстной ступени его развитія, является дѣломъ человѣколюбія, долгомъ естественной любви дѣтей и лицъ близкихъ. Иначе я не могу понять этого обычая, разъ онъ существовалъ, какъ удостовѣряютъ народные разсказы и преданія. На это наводитъ меня и самый способъ, которымъ помогали ускорить развязку съ жизнью, т. е. «сажаніе на лубокъ». Замерзаніе, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ легкихъ и даже пріятныхъ смертей, а когда тѣло истощено и ничѣмъ не подкрѣпляется, самая смерть наступаетъ быстро. Если такимъ образомъ сажаемые на лубокъ считали это въ отношеніи къ себѣ дѣломъ благодѣянія, то сажавшіе безъ сомнѣнія были увѣрены, что исполняютъ долгъ человѣколюбія.

П. Литвинова.

ПАМЯТИ ОДНОГО КІЕВСКАГО ПЕДАГОГА.

2-го февраля сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой, хотя непродолжительной болѣзни учитель кіевской 4-ой гимназіи *Николай Θеодосіевичъ Левицкій.* Объ учителяхъ у насъ не принято говорить, некрологовъ ихъ не пишутъ. Мы хотимъ нарушить этотъ неблагодарный обычай и почтить память Николая Θеодосіевича нѣсколькими словами, главнымъ образомъ, какъ учителя народнаго училища, какимъ онъ долго былъ, а онъ былъ здѣсь отраднымъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ странно какъ-то говорить о значеніи учителя для общества; но объ этомъ значеніи рѣшительно необходимо напоминать въ виду того очень и очень скромнаго положенія, какое занимаютъ наши учителя вообще и нородные въ особенности. «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», каковъ учитель, таково будетъ и то общество, въ которомъ онъ учитъ дѣтей. Недавно нѣмцы громко говорили, что побѣдой надъ французами они обязаны своему народному учителю. Умершій Н. Θ. Левицкій принадлежалъ именно къ такимъ народнымъ учителямъ, которые въ состояніи дѣлать завоеванія культурнымъ путемъ, если ихъ имя легіонъ. Онъ былъ рѣдкимъ, счастливымъ исключеніемъ изъ огромной сѣрой массы народныхъ учителей, учителемъ въ полномъ и святомъ значеніи этого слова, ученымъ спеціалистомъ-педагогомъ, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, мало. Онъ ставилъ своей задачей не то, чтобы сообщить ученикамъ какъ можно больше всякихъ свѣдѣній и фактовъ, но чтобы сообщенное было усвоено ими, какъ существенно необходимое, легко, скоро и на долго. Этимъ-же духомъ проникнуты и всѣ его статьи по педагогикѣ и методикѣ преподаванія.

Родился Николай Θеодосіевичъ 27 мая 1819 года въ черниговской губерніи. Отецъ его, сынъ священника, по какимъ-то обстоятельствамъ воспитывался въ кіевской духовной семинаріи и, по окончаніи въ ней курса, послѣ неудавшейся попытки поступить въ медицинскую академію, дослужился скромной должности столоначальника кіевской духовной дикастеріи. Здѣсь онъ вскорѣ и умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго сына и не многимъ старшую дочь. Сострадательные люди пристроили мальчика сначала въ кіево-подольское духовное училище, а потомъ въ кіевскую семинарію на казен-

ный счетъ. Такимъ образомъ сиротство, нужды и лишенія окружали дѣтство и юность Николая Ѳеодосіевича, но они несомнѣнно развили въ немъ съ дѣтства любовь къ труду и наукѣ и настойчивость въ занятіяхъ. Вслѣдствіе крайней бѣдности матери и скудости казеннаго содержанія, Николай Ѳеодосіевичъ еще въ школѣ много времени отдѣлялъ на переписку, чтобы выработать что-нибудь на свои нужды и для пособія матери. Окончивъ на 23-мъ году семинарію и не чувствуя призванія къ обязанностямъ священнослужителя, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ сначала на медицинскій, а потомъ на юридическій факультетъ. Но скоро крайняя нужда и безвыходное положеніе матери и сестры вынудили его отказаться отъ высшаго образованія и опредѣлиться на службу въ какую-то канцелярію. Въ чиновничьемъ мірѣ царили тогда взятки, водка и глубокое невѣжество, и Николай Ѳеодосіевичъ вскорѣ промѣнялъ канцелярскую службу на мѣсто школьнаго учителя въ г. Городнѣ черниговской губерніи, въ одномъ изъ тамошнихъ приходскихъ училищъ. Новымъ занятіямъ своимъ Николай Ѳеодосіевичъ отдался всей душей, посвящая свободные отъ занятій часы на удовлетвореніе томившей его жажды знанія. Мы не знаемъ, какой родъ книгъ избиралъ онъ для чтенія въ это время; но судя по первымъ его работамъ, предназначавшимся для печати, должны заключить, что мысль его была занята предметами религіозными. Это было не только послѣдствіемъ полученнаго имъ въ духовной школѣ направленія, но и потребностію искренно и глубоко-вѣрующаго христіанина, какимъ мы его знали во всю остальную жизнь. Съ другой стороны велико должно было быть въ немъ стремленіе къ просвѣщенію, если, сидя въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, весь поглощенный службою и матеріальнымъ недостаткомъ, онъ успѣлъ написать три довольно обширныя статьи:

1) Жизнь и перенесеніе мощей святителя Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи.

2) Мысли о христіанствѣ и доказательство его истинности, соч. Дроза. Переводъ съ французскаго.

и 3) Краткое изъясненіе Христовой заповѣди о блаженствѣ.

Труды эти, бывъ представлены по начальству для препровожденія въ цензурный комитетъ, не получили одобренія и разрѣшенія со стороны этого послѣдняго, но просмотрѣнные предварительно ди-

ректоромъ народныхъ училищъ, невольно расположили его въ пользу автора. Литературныя занятія приходскаго учителя въ 1848 г., были конечно фактомъ исключительнымъ, и директоръ Невѣровскій письменно просилъ смотрителя изъявить учителю Левицкому «полную и совершенную его признательность за столь полезное и благородное употребленіе своего досуга».

Неодобреніе тогдашнею цензурою первыхъ литературныхъ опытовъ Н. Ѳ. Левицкаго не умаляло относительнаго ихъ достоинства, но свидѣтельствовало лишь о строгости и нѣкоторой исключительности тогдашнихъ цензурныхъ правилъ. Такъ первая рукопись потому не разрѣшена къ печати, что «христіанскіе читатели довольствуются извѣстнымъ на славянскомъ языкѣ житіемъ святителя Филиппа»; во второй рукописи, заключающей въ себѣ опроверженіе возраженій противъ христіанства, дѣлаемыхъ французскими деистами, возраженія признаны слишкомъ дерзкими, а опроверженія очень слабыми; третья-же рукопись, подвергшаяся наиболѣе подробному разбору цензурнаго комитета, хотя найдена «душеполезною вообще по многимъ назидательнымъ мыслямъ», но не одобрена къ печати потому, что «содержала не мало погрѣшностей, противныхъ или требованіямъ вѣроученія, или законамъ твердаго мышленія, или чистотѣ языка».

Эта первая неудача не убила однако въ молодомъ труженикѣ охоты къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ, хотя въ другомъ родѣ. Въ бумагахъ покойнаго, среди огромнаго множества выписокъ изъ читанныхъ имъ книгъ, найденъ нами переводъ повѣсти, сдѣланный Николаемъ Ѳеодосіевичемъ, въ концѣ 40 или началѣ 50-хъ годовъ, съ французскаго, подъ заглавіемъ: «Талисманъ». Рукопись разрѣшена была къ печати бывшимъ кіевскимъ цензоромъ и профессоромъ университета А. А. Федотовымъ-Чеховскимъ; осталась-же не печатанной за невозможностью найти издателя.

Неудача имѣла и другую выгоду: она еще болѣе сосредоточила заботы и трудъ Николая Ѳеодосіевича на школѣ и указала ему его истинное призваніе въ педагогикѣ, которой онъ отдался со всею, можно сказать, страстію. Школа его была образцовою и такою признана была его ближайшимъ начальствомъ. Упомянутый уже нами директоръ Невѣровскій, посѣтивъ Городню въ 1848 г., остался въ высшей степени доволенъ дѣятельностію Николая Ѳеодосіевича

и «его заботливостью объ истинномъ образованіи ввѣряемыхъ ему дѣтей и о нравственномъ ихъ развитіи». Помимо объявленной Николаю Өеодосіевичу за его труды и знаніе письменной благодарности директора и признательности министерства, онъ былъ вскорѣ перемѣщенъ на должность смотрителя еврейскаго училища въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Но это повышеніе мало удовлетворяло его; Николай Өеодосіевичъ стремился къ знанію, къ работѣ мысли, а слѣдовательно и къ чтенію и къ общенію съ умными и опытными людьми своей профессіи. Глухія мѣстечка, въ которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ, само собою разумѣется отдаляли его отъ всего этого. Отсюда горячія желанія его перейти на службу въ Кіевъ, въ центръ умственной жизни, ближе къ университету, который представлялся для него всегда, какъ «святая святыхъ». Желаніе Николая Өеодосіевича вскорѣ исполнилось, хотя и съ нѣкоторымъ матеріальнымъ ущербомъ: по собственной просьбѣ онъ былъ перемѣщенъ на должность учителя въ лыбедское приходское училище г. Кіева, основанное въ 1840 году и бывшее весьма долго единственнымъ для этой части города. По переѣздѣ въ Кіевъ у Николая Өеодосіевича явилась мысль докончить свое образованіе въ университетѣ, и хотя рѣшительное къ этому препятствіе представляли ежедневныя занятія въ школѣ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ посѣщать университетскія лекціи, какъ только являлось у него свободное время, ища конечно не правъ и преимуществъ высшаго образованія, но самаго образованія. Пріобрѣтая этимъ широкимъ путемъ новыя знанія, работая при этомъ надъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ, знакомясь годъ за годомъ съ лучшими произведеніями европейскихъ и русскихъ педагоговъ и вообще сосредоточивая свои занятія на педагогикѣ, какъ теоретической, такъ и практической, онъ мало по малу достигъ того, что обнаружившійся подъемъ народнаго образованія послѣ крестьянской реформы, при открытіи новыхъ школъ, болѣе широкія программы преподаванія школьныхъ предметовъ, болѣе раціональная и болѣе сообразная съ требованіями новой жизни методика преподаванія, спросъ на большую самодѣятельность учителей,—всѣ эти и подобныя имъ требованія не застали Николая Өеодосіевича въ расплохъ. Для удовлетворенія ихъ онъ обладалъ достаточной подготовкой, которой былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Съ этихъ поръ условія школьной дѣятельности гармонировали вполнѣ

съ его цѣлями и стремленіями; значеніе его труда, бывшаго теперь на виду у всѣхъ, поднялось. Онъ рѣшился выступить уже и съ чисто-научными статьями педагогическаго содержанія, которыя обращаютъ на него вниманіе не только начальства, но и вообще лицъ, считавшихъ близкими себѣ интересы школы; статьи свои Николай Θеодосіевичъ помѣщалъ въ «Циркулярѣ по управленію округомъ», и по времени они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1) Протоколы и статьи, касавшіеся собственно педагогическихъ совѣщаній (1867 г., № 3).

2) Замѣтки и соображенія по вопросу объ общеобразовательномъ характерѣ приходскаго училища (1867 г., №№ 8 и 9).

3) Планъ обученія русскому языку въ городскомъ приходскомъ училищѣ, съ объяснительной запиской къ нему (1867 г., № 12).

4) О «родномъ словѣ» г. Ушинскаго, какъ лучшемъ учебникѣ для приходскаго училища (ibid.).

5) О методическомъ развитіи дѣтей въ дѣлѣ обученія ихъ (ibid.).

6) О преподаваніи географіи въ приходскомъ училищѣ (1868 г., № 1).

7) О наглядномъ обученіи (1868 г., №№ 8 и 9).

8) Программа по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариѳметикѣ для сельскихъ школъ (1869 г., № 8).

и 9) наконецъ, болѣе капитальная работа Н. Θ. «Очеркъ курса грамотности», появившійся въ 1874 году, былъ изготовленъ уже въ 1869 году подъ заглавіемъ: «Курсъ грамотности, обусловливаемый въ обученіи требованіями раціональности и жизни».

Не считая себя компетентными въ дѣлѣ педагогики, мы не рѣшаемся дѣлать оцѣнку работъ покойнаго и потому ограничимся лишь указаніемъ на мнѣнія лицъ болѣе насъ въ томъ свѣдущихъ; Такъ напримѣръ, на статью Н. Θ.: «Замѣтки и соображенія по предмету обученія грамотности въ приходскомъ училищѣ, какъ канва для дальнѣйшей разработки этого вопроса», бывшій тогда помощникомъ попечителя М. А. Туловъ написалъ такой отзывъ: «Читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Пріятно было встрѣтить въ г. Левицкомъ опытнаго учителя, сознательно и съ успѣхомъ ведущаго обученіе во ввѣренной ему лыбедской школѣ по новѣйшимъ способамъ; равно пріятно встрѣтить въ немъ образованнаго человѣка, способнаго удовлетворительно въ литературномъ отношеніи

изложить свои мысли о способѣ раціональнаго обученія въ элементарной школѣ. Статьѣ этой (она почему-то не была напечатана) слѣдуетъ дать почетное мѣсто въ «Циркулярѣ», измѣнивъ въ ней только начало, гдѣ авторъ, понявъ обученіе на мѣстномъ нарѣчіи въ смыслѣ обученія мѣстному нарѣчію, вдается въ рѣшеніе вопроса непедагогическаго свойства. Вмѣсто этого можно сказать нѣсколько словъ объ употребленіи мѣстнаго нарѣчія, какъ пріема педагогическаго, для объясненій неизвѣстныхъ дѣтямъ выраженій языка литературнаго». Когда рукопись сочиненія: «Очеркъ курса грамотности» была представлена къ напечатанію и Н. Ѳ. въ особомъ письмѣ просилъ М. А. Тулова позволенія посвятить ему этотъ трудъ, послѣдній отвѣчалъ: «желаніе ваше посвятить вашу книгу мнѣ я могу принять не иначе, какъ съ глубокою благодарностью и буду считать это посвященіе одною изъ лучшихъ наградъ въ своемъ родѣ (если не единственною), какихъ я удостоился въ теченіи всей моей служебной практики». По поводу этой-же книги одинъ изъ членовъ комитета грамотности далъ самый лестный отзывъ о ней въ особомъ письмѣ къ ея автору, а бывшій редакторъ-издатель журнала «Народная школа», С. Мѣдниковъ, по поводу той-же книги обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ издаваемомъ имъ журналѣ, заявляя, что труды Н. Ѳ. могли-бы принести несомнѣнную пользу дѣятелямъ по народному образованію и сдѣлать честь его журналу. Наконецъ проэктированныя Н. Ѳ. програмы обученія грамотности были приняты во всѣхъ кіевскихъ училищахъ, а потомъ предложены окружнымъ начальствомъ къ руководству и въ сельскихъ школахъ въ нѣсколько измѣненномъ для нихъ видѣ. Въ то-же время въ школѣ Н. Ѳ., какъ образцоваго учителя, пріобрѣтали навыкъ и знакомство съ лучшими современными методами преподаванія многіе изъ сельскихъ учителей и учительницъ. Въ заключеніе перечня трудовъ Н. Ѳ. намъ остается сказать, что отъ времени до времени онъ помѣщалъ статьи и въ мѣстной газетѣ «Кіевлянинъ», но только до 1872 года, когда онъ былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ кіевскую прогимназію, преобразованную недавно въ 4-ю гимназію. Съ этихъ поръ прекращается вообще учено-педагогическая дѣятельность покойнаго, такъ какъ заботы о воспитаніи собственныхъ дѣтей вмѣстѣ съ суровыми заботами о матеріальномъ обезпеченіи семьи, при скудномъ жалованьи

учителя, отвлекали его отъ любимаго дѣла. Но на этомъ тернистомъ поприщѣ ему не было удачи: никогда не искавшій прибыльныхъ занятій, онъ такъ и оставилъ вдову и шестерыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Таковъ горькій конецъ этого безкорыстнаго труженика на полѣ науки и просвѣщенія!

Помянемъ его этими немногими словами похвалы и благодарности за то святое дѣло народнаго просвѣщенія, которому служилъ онъ всю свою долгую жизнь и которому преданъ былъ всею душей. Какъ народный учитель, онъ сѣялъ на доброй почвѣ дѣтскихъ сердецъ сѣмена правды и добра, былъ для нихъ первымъ и послѣднимъ учителемъ, замѣняя имъ высшую школу и давая тѣ знанія, съ которыми они прямо вступали въ жизнь. Краткость времени, назначеннаго для курса народной школы, заставляла его дѣлать «non multum, sed multa», и эти мудрыя слова были девизомъ его трудовъ. Строго относясь къ святой обязанности учителя, онъ всегда помнилъ, что для исполненія своего призванія надо не только учить, но и учиться самому, и потому все свободное время онъ проводилъ надъ самоусовершенствованіемъ и движеніемъ своего дѣла впередъ. Любовь къ дѣтямъ была стимуломъ всей его жизни и дѣятельности, любовью ихъ онъ пользовался всегда и въ этомъ полагалъ высшую для себя награду. И долго, долго свѣтлый его образъ будетъ храниться въ памяти какъ тѣхъ его учениковъ, для которыхъ онъ былъ единственнымъ просвѣтителемъ, такъ и тѣхъ, коихъ приготовлялъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути образованія!

И. Каманинъ.

ПѢСНЯ НА ИСХОДЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ЗА ДУНАЙ.

Извѣстно, что по уничтоженіи Сѣчи въ 1775 году половина запорожцевъ не пожелала оставаться на родинѣ, гдѣ ей предстояло крѣпостное положеніе, и предпочла удалиться въ Турцію, чтобы сохранить прежнюю свободу. Когда они вышли на своихъ лодкахъ въ море, поднялась буря, лодки стали погружаться въ воду. Запорожцы пришли въ отчаяніе. Тогда послѣдній пастырь ихъ, іеромонахъ Владиміръ, поднявъ высоко предъ ними крестъ, призвалъ ихъ

къ молитвѣ, атаманъ-же Свердило сильными словами пробудилъ упавшій ихъ духъ. Запорожцы горячо молились и, по молитвѣ ихъ, море утихло и ихъ *чайки* тихо понеслись къ Дунаю. Этотъ моментъ, достойный кисти художника, передаетъ намъ прилагаемая пѣсня.

Ой на Лиманъ-мори зашумила филя,
Та стали чайки поринати.
А отець Владиміръ, пиднявши хрестъ у гору,
Ставъ Господа Бога благати:
Ой, пошли ты Боже, запорозьцямъ сгоду
Видъ москалевои неволи втикати!
Якъ не твоя-жъ воля, пидемъ вси у воду
Спасення за грихи шукати.
Ажъ ось гукнувъ батько отаманъ Свердило:
Чого-жъ намъ, дитки, журиця?
Бились мы зъ татарвою, бились и зъ ляхами,
То й фили не будемъ корыця.
Пиднимайте-жъ стерна,
Нехай вона грае, стогне-завивае,
Козачу недолю зъ моря выкликае,
А мы будемъ Богу молиця.
И, схиливши чубы до чесного кресту,
Козаченьки щиро молились.
Заяснилось море, крячки налетили
И фили до разу не стало.
Полетили човны, мовъ птахи по витру,
Шукати козачои воли.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

ПРИЛОЖЕНИЯ

сійскими у полковника Андрія Тимофієвича Тютчева, ради тезоименитства его, и весь день пробавили.

5. Жена, зъ панею судіиною Лисенковою, ездила къ полковници Тютчевой.

6. Обѣдали у сотника глуховского Турянского и долго тамъ пробавили; а потомъ были у писаря суда енералного Пиковця, котораго дочь новорожденная крещена сего-жъ числа, а восприемниками были асаулъ енералный п. Валкевичъ и вдова Лисевичова, теща сотника золотоношского Костантія Леонтовича.

7. Сторговалъ у насъ футоръ, на Артополотѣ будучій, Матвѣй Чижевскій, зять Неижсалникъ, за 230 р. и далъ въ задатокъ 110 рублей. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ сотникъ золотошоскій Леонтовичъ.

8. Трактовалъ у себе генерала зъ протчіими гг. великороссійскими и малороссійскими писарь суда енералного Пиковець, ради крестинъ дочери своей, и доволно гуляли; потомъ ездилъ генералъ за городъ, где нововылитымъ пушкамъ дѣлалась проба чрезъ капитана артилерійского Бреклинга.

9. Весь день въ домѣ пробавилъ ради вчорашного шумства и ради отправленя жены въ домъ. Присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе наше, чтобъ не разездиться на каникулярные дни и сидѣть за дѣлами той коммиссіи поутру и по обѣдѣ.

10. Рано жена отехала въ домъ и я потомъ былъ въ коммиссіи и обѣдалъ зъ домашними у себе.

11. Подписаны указы въ полки и ко всѣмъ бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ о бытіи къ походу нечаянному въ такой готовности, чтобъ за полученіемъ повторного указу мощно было выступить въ 24 часа. Рано и по службѣ были у генерала, а обѣдалъ я въ домѣ.

12. Сотникъ березанскій Василій Думитрашко Райча кудась нечаянно отправленъ и отехалъ зъ Глухова. Повторное доношеніе зъ коммиссіи въ енералную канцелярію объ отпускѣ на каникулярные дни подписали. За шапку зеленую аксамитную, что здѣлана зъ сивымъ баранкомъ, дано 2 р.

13. Обѣдалъ со мною Стефанъ Савицкій, а надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у Валкевича, съ которымъ и о дѣлѣ нашем ъ стороны Рубановщини, розговаровалъ.

14. Привезено зъ Товкачовки 19 овчинъ чиненыхъ и шкуру дриганта вороного, да и Леска служителя утекшого; и сего-жъ числа отпущенъ туда подводчикъ, чрезъ которого къ старостѣ писано о разныхъ дѣлахъ.

15. Рано отехалъ зъ Глухова сотникъ золотопошскій Леонтовичъ и оставилъ мнѣ двоихъ коней, одного гнѣдого, другого буланого. Зрана-жъ слушали зъ енераломъ дѣла попа Лецковского Григорія, потомъ обѣдали у енерала-жъ; а послѣ обѣда и вчора по обѣдѣ слушали дѣла по челобитю матки Оболонского зъ Іваномъ Щѣроцкимъ о добрахъ Ялоцского [199]).

Іосифа Ханенка, племѣнника, рекомендовалъ въ войсковую енералную канцелярію, при поданной отъ него челобитной, который и врученъ въ повитье канцеляристу войсковому Василю Туманскому.

17. По присланному указу въ коммиссію нашу позволителному розехаться оной коммиссіи членамъ до 15 августа, послѣдняя была сессія, потомъ члены духовные и мірскіе были у мене на водки, мірскіе-же и обѣдали.

18. По службѣ Божой были у генерала, а по обѣдѣ домашнемъ отехалъ я въ Кочерги, где осмотрѣвъ каменя Рубановского и грунту и приказавъ дѣлать ступникъ, ночовалъ у б. т. Филиповского. Изъ Перегону присланные косари вчора заведены на сѣножати Виндины, где при моей бытности почали оные и косить.

19. Рано зъ Кочергъ отехавъ, переездомъ былъ въ Зазѣркахъ, потомъ прибылъ въ Рубановку, где и обѣдалъ, а послѣ оттоль поехавъ, заездилъ до Дунайця, а оттоль прибылъ на сумерку въ Глуховъ.

20. Пришли разные указы изъ Сената, въ томъ числѣ и о благополучныхъ прогрессахъ россійской арміи въ Финляндіи, где шведы, подорвавъ свою крѣпость Фридриксъ-Гемъ, ретировались къ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Сумахъ, подъ командою генерала Левенгоупта, о чемъ при публикаціи реляцій во время благодарственного молебствія была палба трикратная зъ 31 мартира всякой разъ; потомъ обѣдали у генерала и до вечерень гораздо веселились, а притомъ просилъ я генерала о позволеніи отехать въ домъ, что и получилъ. Сего-жъ числа рано былъ я зъ протчими у генерала

[199]) См. примѣч. о Мануйловичѣ, стр. 155.

маіора Петра Ивановича Стрешнева, 18 числа въ Глуховъ зъ женою прибывшого, а сего дня отселя въ Кіевъ отезжаючого, который зъ нами-жъ былъ у гг. генералныхъ писаря и бунчучного; а какъ проводили его паки въ квартеру, то онъ, простясь съ нами, и генералша отехали зъ Глухова передъ обѣдомъ. Я вечеромъ былъ еще и у г. Скоропадского и зъ Валкевичемъ видѣлъся.

21. Подрядилъ дѣлать себѣ наметъ (палатку) зъ паруспого полотна за 3 р. 50 к. и далъ майстеру задатку 1 р., а Іосифу на разные росходы 1 р. 50 к. Максиму кравцю далъ въ заплату за синее сукно 4 р. 50 к., а за пошите картуза 1 р. 50 к. На вечерѣ былъ у бригадира Івана Кондратовича Іліина, потомъ у Скоропадского и Валкевича, и съ оными простилъся.

22. Въ 8 часу отехавъ зъ Глухова, коней кормилъ подъ монастыремъ Гамалѣевскимъ, а оттоль поехавъ и перевезшись чрезъ Десну, почовалъ подъ Обичаевымъ футоромъ.

23. Рано прибылъ въ Новгородокъ, а оттоль въ Смячъ, где въ сотника шептаковского домѣ и обѣдалъ; съ полдня оттуду поехавши, прибылъ вечеромъ въ Городище, где засталъ и Александра Корецкого зъ женою, зъ которыми и вечеряли.

24. По службѣ Божой съ ними-жъ обѣдали, а потомъ онъ Корецкій зъ женою и отехалъ.

25. Во время службы Божой пріехалъ зъ женою своею Федоръ Корецкій, а передъ службою отехалъ зъ Павликомъ отецъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого послано предложеніе зъ коммиссіи нашей до сотника мглинского Лисаневича въ Стародубъ для отправленія оного одтоль. Я писалъ до писаря судового Косача о дѣлахъ суворовскомъ и городецкомъ, такожъ стороны доношенія старости нашего о подданныхъ нашихъ, грабленныхъ въ Погарѣ и посланныхъ за овсомъ въ Новгородокъ и о Івану кравцю.

26. По обѣдѣ Федоръ Корецкій зъ женою своею отехали въ домъ свой. Сего-жъ числа отправленъ Кавpайскій зъ Троеносенкомъ въ Лотоки, которому и приказъ написанный въ 8 пунктахъ данъ, что тамъ справовати надлежитъ.

27. Зранку былъ у мене откупщикъ сотни погарской Савва Нѣживцевъ зъ претензіею о платежѣ за казаны василевскіе, городецкіе и за нѣкоторые шинки и о протчемъ, и обѣдалъ у мене; а

послѣ обѣда пріездилъ атаманъ погарскій Бѣляй зъ женою и вечерялъ у насъ.

28. Я по обѣдѣ зъ сыномъ Василемъ ездилъ на Василювку, где при нашей бытности господарь тамошный поймалъ рой пчолъ, а сказовалъ, что два рои-жъ новые сѣли въ бортныхъ деревяхъ нашихъ, коло того-жъ футора найдуючихся. Мамцѣ Куксѣ, которая кормила дочь Ефросинію, даны 3 р. и другое де-що. Жена ей-же дала за ея службу бывшую коло оной дитины.

29. Послѣ обѣда отехали до Левенки къ шваграмъ (Корецкимъ), а едучи встрѣтились зъ діакономъ Іваномъ Духовскимъ, которій зъ женою своею ехалъ въ домъ нашъ, куда они и отехали, а мы перве въ Случокъ заездили, потомъ прибыли въ Левенку уже поздно и тамъ, отужинавши у п. Федора Корецкого, ночовали.

30. Рано посылали по попа Алексія и по Булавкина, хоружого полку чернѣговского, но оные не пріехали, о чемъ противъ писма того хоружого и отъ мене къ нему отписано. Тамъ-же писалъ я къ Косачу, писару судовому, поручаючи ему присутствовать отъ моей стороны при расположеніи порцій, на весь полкъ опредѣленныхъ, въ томъ числѣ что доведеться и на мое владѣніе. Да написана явочная челобитная отъ старости нашего перегонского на Василя Романовича, что онъ въ огородѣ нашемъ ягоды порвалъ и мене поносно ругалъ при томъ. На полученный зъ войсковой енералной канцеляріи указъ сочиненъ репортъ о взятыхъ у грековъ въ Нѣжинѣ подъ турецкое посолство колясках. Обѣдали у Федора, а вечеряли у Александра Корецкихъ и у него-жъ ночовали. Передъ вечеромъ тамъ-же въ Левенцѣ пріездилъ ко мнѣ зъ візитою войтъ стародубовскій Коменокъ, зъ своими мѣщанами.

31. Оные: писмо до Косача, явочная челобитная и репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу вручены Кочержинскому для подачи въ Стародубѣ въ полковую канцелярію. За личакъ Василку на колдру дано 2 р. Обѣдали у Александра Корецкого, а потомъ оттоль отехавши заездили въ Гриневъ, до Федора Ширая, и тамъ мало поседя отехали въ домъ и заледво уже коло полуночи прибыли въ Городище.

Августъ.

1. По службѣ Божой и по водосвятіи были у мене оба священники городецкіе зъ парохіянами и умовили нового дяка до здешней городецкой церкви, на такой-же кондиціи, якъ и прежные дяки служили. Никита скляръ отпущенъ до Івана Бороздны медведовского и на дорогу ему дано 50 к., сверхъ тѣхъ, что прежде ему дано въ заработокъ 1 р. 50 к. Діакону Духовскому Івану, Марьѣ Украинки мужу, дано сукно на рясу, тое что было для Ефимихи куплено.

2. Прибылъ зъ Товкачовки Степанъ Клесуновъ и зъ нимъ одинъ тамошній человѣкъ, чрезъ которыхъ прислалъ староста товкачовскій 120 р. денегъ, за футоръ нашъ Артополотскій, проданный Чижевскому, взятые, такожъ прислалъ килими и плахты.

3. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище Федоръ Ширай, который у насъ и обѣдалъ, и уже съ полдня, послѣ бывшихъ зъ городчанами разговоровъ о спорномъ грунтѣ, отехалъ. Писалъ я чрезъ суворовцевъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа.

4. Отправлены подводы до Новгородка для забранія печи одной и гончарей для ставленя печей, и писалъ о томъ, такожъ о присилки муровщика до Демяна Несторовича. Да писалъ до Івана Шепелича, завѣдуючого въ Новгородку, пакетъ почтою и до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, стороны присланныхъ отъ него копій реляцін, тамо полученныхъ печатныхъ. Іванъ Григоровичъ посланъ въ Стародубъ и Левенку зъ писмомъ до Федора Корецкого и зъ дзигаркомъ его.

5. Посилалъ Кочержинского въ Борщовъ звать къ намъ въ Городище Григоріину Гамаліину на утро, да оттоль-же зъ Борщова пріездилъ къ намъ Осипъ Ятченко, стороны дѣла зъ Ломаками.

6. По исповѣди, передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ отправленной, удостоилисъ благостію Божіею причастія святыхъ таинъ, а обѣдали у насъ попы оба городецкіе, атаманъ погарскій Бѣляй, Кочержинскій зъ женою. Послѣ обѣда пріездила къ намъ-же зъ Борщова Григоріева Гамаліина, и повечерявши, паки отехала въ домъ свой.

7. Зъ панікадѣлщикомъ Никитою Івановымъ, который дѣлалъ бляхи мѣдные до шоръ шестерныхъ, чиненъ рощотъ, и по щоту

явилось, что здѣлалъ онъ всѣхъ штукъ болшыхъ и малыхъ 231, вѣсу въ нихъ было 25½ фунтовъ, въ томъ числѣ нашей мѣди 10, у Карпа людвісара взято 4, а его панікадилщиковой было 11½ фунтовъ; забралъ же онъ передъ симь, трома рази, денегъ 6 р., а теперь еще ему доплачено 1 р. 40 к.; и тако уже со всѣмъ роеплатка съ нимъ учинена.

8. Писалъ до Петра Багинскаго о присилки еще 50 шибъ аркушовыхъ (листоваго стекла) и на оные послано 2 р., такожъ и стекло битое послано для передѣлки. Послѣ полдня отехалъ зъ Городища къ Курковичамъ и ночовалъ въ Демянкахъ.

9. Рано ездилъ къ заводу своему винычному и обездилъ сѣножати, а послѣ полдня писалъ писмо къ Багинскому за курковцями о показаніи имъ способу до куплення на церковную потребу гонты, да и о подрядѣ на нашу дворовую потребу дранѣ 50 копъ, пополамъ двосаженной и полуторной.

10. Былъ у мене рано Слоуцкій зъ хлѣбомъ, рибою и питьемъ и у мене-жъ обѣдалъ; а послѣ обѣда заездилъ ко мнѣ Демянъ Рубецъ и розговоровалъ на лице зъ Іваномъ Лавриновымъ Ломакою о дѣлѣ ихъ съ нимъ, а мене просилъ, чтобъ я не давалъ имъ Ломакамъ въ позику денегъ и хлѣба. Былъ тутъ-же у мене и Василь Тимоновичъ, зоставилъ облѣдъ и реестръ о должномъ хлѣбѣ Шейнѣ отъ курковцювъ у тамошнего священника Симеона Тимоновича.

11. Припроваженъ римаръ Ярема зъ Озаровки отъ Пилатовича, потомъ отдавъ я приказъ на писмѣ и на словахъ о разныхъ дѣлахъ тамошныхъ нашихъ, отехалъ зъ Курковичъ и проехавъ Демянки, какъ вездилъ въ Андрійковичи, то кухарь Варшаковскій, будучи жестоко пянъ, скрился былъ, чего для припужденъ я былъ заночовать въ Андрійковичахъ; и какъ сысканъ и приведенъ онъ, кухаръ, то жестоко за пянство и за утечку наказанъ плетми.

11. Рано зъ Андрійковичъ поехавъ, заездилъ въ Борщевъ къ Григоріевой Гамаліиной, которой и денги у ней позиченные, 296 руб., отдалъ, а свои закладные червонные и таляри битые отобравъ, прибылъ въ Городище. Писалъ до Івана Гамаліи въ Юдиновъ о прибытіи его ко мнѣ въ Городище зъ Григоріемъ холопецкимъ.

12. Отправлены 4 подводы въ Новгородъ для забраня печи и гончарей и муровщика, о чемъ писано отъ мене и до атамана тамошнего Помаранского. Писалъ до Александра Корецкого о показанiи, где брать вапну и фарбу, о кухнѣ, рогожахъ и ташинѣ, въ заводѣ его оставленной, и о присылки шпалерника, зъ которымъ писмомъ отправлены подводы за желѣзомъ въ рудню Василя Гудовича, за Лищичи,називанную Кулажную, и за вапномъ и фарбою. Привезены отъ Багинского фляши къ пуздеркамъ приробливанные. — Получилъ писма зъ Козелца отъ Шума, асаула полкового кiевского, зъ прiобщенiемъ писемъ изъ Москви отъ сотника старого козелецкого Алексiя Подвисоцкого, на которые писма какъ отвѣтъ къ Шуму, такъ и къ оному сотнику Алексiю писалъ и пакетъ Шумовъ къ нему-жъ пославъ, включивши все оное въ пакетъ до племѣнника Iосифа въ Глуховъ, для отправи оттоль въ Москву. О пересылки чего до Глухова писалъ и къ сотнику новгородскому, да писалъ-же и до отца брата въ Козелецъ о сину его Iосифу.

13. Отправленъ козакъ кiевского полку Топалювскiй, которiй присланъ былъ зъ писмами отъ асаула Шума зъ Козелця, чрезъ которого писано и въ Нѣжинъ, къ протопопу тамошнему отцу Волховскому о шафѣ, тамъ для насъ дѣлаючойся. Оному козаку на дорогу дано 20 к.

14. Послана подвода при писмѣ до п. Александра Корецкого о присилки теслѣ Тригуба и мелника на время и о шпалернику.

15. Была у насъ панѣ Григорiева Гамалiина и обѣдала зъ нами, а по обѣдѣ она въ домъ, а мы отехали на ярмарокъ въ Погаръ, где декоторые малые справляли покупки. Бабѣ глуховской Улiанѣ за ея службу годовую, теперь окончившуюся, заплатили два рубли денегъ.

16. Прибылъ къ намъ на обѣдъ Iванъ Гамалѣя зъ женою и дѣтми, тако-жъ Антонъ Ботарскiй зъ женою, а надвечери и Григорiй Гамалѣя холопецкiй и тутъ у насъ же почовали.

17. Тѣ-же гостѣ, отъобѣдавъ, отехали въ домы свои. Антону ботарскому, ради рожденiя ему дочери, дано 2 р. Муровщикъ новгородскiй Стефанъ Жолдакъ началъ въ верхъ виводить комены (трубы).

18. Отправлены писма въ Глуховъ къ отсилки зъ Новгородка до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа о болѣзни жены, о чемъ и къ сотнику новгородскому писано.—Росплатка учинена зъ откупщиномъ сборовъ Савою Нѣжинцемъ за 1739, 40 и 41 года за казаны василювскіе и городискіе 8 р., да за шинкъ перегонскій тѣхъ-же годовъ 72 к. и отъ него взята квитанція. Писалъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу о дѣлѣ суворовцевъ и цедулою о своихъ дѣлахъ, да до п. Алексія о присилки цефалики, камфори и протч.; того-жъ числа надвечери отехалъ на Василювку и тамъ ночовалъ.

19. Рано зъ Василювки отехавъ, прибылъ къ перевозу городискому и оттоль въ Чаусы, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ чрезъ Марковско проехавъ, прибылъ завременно въ Городище, где засталъ писма, принесенные зъ Глухова и зъ Стародуба. Вечеромъ привезено зъ Стародуба-жъ цефалики 3 слоики и камфори 3 лоты.

20. Господару василювскому Дмитру Никитину Шабалдану въ зачотъ заслуги его годовой дано 50 к. Виннику Грипану за горѣлки становъ 22 на Василювцѣ, самимъ имъ выробленные, дано платы 1 р. 32 к. и вручены дочцѣ его, мамцѣ. Вчорашного числа отойшолъ отъ насъ Тихонъ Павловъ, служивший годъ за возницю. Взяты зъ Василювки до двора городиского 2 станы горѣлки. Тесля Тригубъ Тимохъ прибылъ зъ Левенки и началъ робить коло пекарнѣ и другого заложенного строенія.

21. Повернулъся козакъ зъ Новгородка посланный зъ писмами, до Глухова писанными, и привезъ росписку, что тѣ писма отправлены.

22. Чрезъ Самойла, поповича суворовского, посланы въ Стародубъ для направы 2 мѣдные казаны и 6 трубъ до котляра Карпа, которому велѣно и еще новыхъ 4 трубы придѣлать; да чрезъ него-жъ послано на росплатку за разные вещы попу Алексію 85 к. и ремесникамъ 81 к., итого 1 р. 71 к. Посланъ-же мелникъ городискій туда-жъ въ Стародубъ для куплення каменя вершняка, при писмѣ до Гуриновского, а лукинскій Юденокъ въ Медведовъ до Івана Борозды за шкляремъ Никитою зъ писмомъ-же.

23. Зъ теслею Тихономъ Тригубомъ учиненъ договоръ: платить ему за роботу на недѣлю по 30 к., а на мѣсяцъ по 1 р.

20 к. Гришко Литвакъ привезъ зъ Стародуба двѣ медвежые шкурки и одну овчую, за которыхъ чипбу дано 45 к.

24. Писалъ къ сотнику новомѣскому Силевичу о доправки должныхъ мнѣ денегъ на Федору Пригарѣ въ Лотокахъ и о присилки Івана Дащенка, до Ісака Ляшонка о покупки китайки блакитной штучки, до швагра Александра Корецкого о Тригубу и о показаніи, где фарбу брать. Теслѣ Тригубу дана чвертка жита не въ зачотъ заплаты.

25. Писалъ къ сотнику мглинскому зъ урядомъ, чтобъ подрядили виточить липовыхъ балясъ 150 до будинку нашого городиского, и отправлено тое писмо чрезъ Погаръ.

26. Былъ у насъ въ Городищѣ судия полковый стародубовскій Андрей Рубецъ и отобѣдавъ взялъ свою дочь Варварку и отехалъ въ Стародубъ, которому дано отъ мене и меморіалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ и о покупкахъ до Тищенка. Принесены денги зъ Лотоковъ отъ Федора Пригары 48 р., намъ должные, да отъ него-жъ взяли 31 тинфъ и 2 шостаки битіе, вмѣсто пяти талеревъ битихъ, впредь до щоту, а къ нему обратно посланы 33 тинфи и шостаками 125 тинфовъ. Получены писма зъ Глухова и лекарства отъ доктора Бока, для жены присланные.

27. Писаны писма 1) до сотника мглинского о виточеню балясъ 300, на которые и мѣрка послана, и чтобъ оное писмо отправлено зъ Стародуба зъ полковой канцеляріи; 2) до Самойла, поповича суворовского; 3) до Федора Пригары, дяка лотоковского, зъ отсылкою вышеобявленыхъ осталныхъ денегъ и о пріемѣ другихъ, 4) до Афанаса Сковпня и до Димида о медовой данѣ роковой, о доправки должного намъ хлѣба и о протчемъ, чрезъ Макара Іванова, жителя лотоковского. Гончаръ новгородскій началъ строити печи. Послѣ обѣда отехали зъ женою на Василювку и тамъ ночовали.

28. Зъ Василювки прибывши, засталъ писмо отъ Федора Ширая, чтобъ съехатся въ Стародубѣ для розговору зъ Валкевичемъ и Ланчихою (женою Ланка) о рубановскихъ добрахъ, о чемъ къ нему и отписано.

29. Рано отехалъ зъ Городища и выслушавъ обѣдни въ Лобкахъ, прибылъ въ Гринювъ, где отобѣдавши, поехали вкупѣ зъ Федоромъ Шираемъ до Стародуба и тамъ прибывши, заехали до Григоріевой Скорупиной, куда пріездила къ намъ и капитанша

Ланкова для помянутого розговору и постановили писать къ Валкевичу о прибытіи и его въ Стародубъ.

30. Зъ тимъ писмомъ нашимъ ездилъ къ Валкевичу Михайло Ширай и привезъ отъ него отвѣтъ. Рано были у мене судія и писарь полковые зъ другими, а отобѣдавъ у Скорупиной, какъ пришолъ въ свой домъ, то у мене-жъ была Іванова Миклашевская стороны долгу отъ ней намъ належного и войтъ зъ майстратовыми, а рано былъ Артемъ Тищенко. Потомъ заездилъ я до капитана Ланка и въ дворъ свой шинковный противъ важницы, а послѣ къ лѣкару Конеу, которій сину моему и книжки одной нѣмецкой позичилъ и де которые далъ ему-жъ на болячку, а мнѣ на цингу лѣкарства. Таже отехавши зъ Стародуба, прибылъ въ Левенку позно и тамъ у Александра Корецкого заночовалъ.

31. Тамъ въ Левенцѣ обѣдалъ, что за дозчемъ ехать было нельзя, а по обѣдѣ пожегнавшись зъ обома Корецкими и взявши у нихъ два дзигарки до направы, отехалъ и прибылъ завременно въ Городищє.

Септеврій.

1. Посланы книжки до Александра Корецкого: 1) Гербаръ [200]), 2) о перегринаціи князя Радзівѣла до Іерусалиму [201]), 3) Демокритъ, вѣршами полскими, и писмо къ нему-жъ писано.

2. По доношеніямъ отъ Афанаса Сковпня на Василя Глушачонка писалъ къ дядѣ его Озерскому о учиненіи справедливости, а на Стефана Пригаровского до сотника новомѣстского о изслѣдованіи, тако-жъ и по доношенію на Сковпня отъ жителей лотоковскихъ, и оные писма отправлены чрезъ Івана Дащенка и чрезъ Сковпня при писмѣ до Кудрицкого.

3. Писмо до капитана Козлова и хоружого полкового чернѣговского Івана Булавкина, писанное прошлого августа 26, о скуплѣ

---

[200]) Разумѣется вѣроятно или книга Папроцкаго: Herby rycerstwa Polskiego (Kraków, 1584) или Нѣсецкаго: Herby i familie rycerskie (Lwów, 1728—1743).

[201]) Извѣстное сочиненіе князя Николая Криштофа Радзивила (Сиротки) Hierosolimitana peregrinatio, имѣвшее нѣсколько польскихъ переводовъ, 1607, 1683 и другихъ г.г.

лотоковской и подлинные купчіе зъ точными копіами, посланы въ Погаръ чрезъ Каврайского. Мелникъ въ дворѣ Мовчановомъ въ Суходолѣ мешкавшый и Василь Мовчаненко за свои проступства наказаны кіемъ и посланъ мелникъ на Василювку, а Василю приказано быть при домѣ.

4. Поутру былъ у мене въ Городищѣ Сава Барлуй и взялъ купчую Івана Горленка лукинского зъ 2 старинными его-жъ купчими, да купчой шаповала погарского копію, а по обѣдѣ былъ у мене-жъ хоружій полку черниговского Іванъ Булавкинъ.

5. Послѣ обѣдни было молебствіе ради тезоименитства ея імператорскаго величества и обѣдалъ у мене хоружій полку черпѣговского Іванъ Булавкинъ.

6. Весь день прибирался къ ездѣ до Глухова и писано представленіе въ коммиссію слѣдствія о скупляхъ, взглядомъ скуплѣ нашей лотоковской [202]). Оставлены у Каврайскаго для росходу дворового 28 р. 38 к.

7. Рано поутру распорядивши де що надлежитъ въ дворѣ, отехалъ къ Глухову, а при отездѣ оставлены панеи 5 р. Попасали коней противъ Ковпинки, прибылъ почю въ Новгородокъ.

8. Купилъ 10 четвертей ванны у Гойской и данъ ей 1 р., а на покупку писчей бумаги въ Шатрищахъ данъ 1 р. хоружему сотенному новгородскому. Зъ Новгородка писано къ сину Василю и къ старостѣ перегонскому о посилки туда подводъ по оную купленную ванну. По выслушаніи въ монастырѣ обѣднѣ и отобѣдавъ у намѣстника, поехалъ и прибылъ позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовалъ.

9. Прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлься и зъ писаремъ Безбородкомъ и асауломъ Валкевичемъ енералными, такожъ зъ полковникомъ лубенскимъ г. Апостоломъ, прибывшими сее-же ночи зъ Москви въ Глуховъ; отъ него-жъ и писмо Павла Скоруппы принялъ.

10. Рано былъ у генерала (которого и генералша ночю прибыла) и въ канцеляріи енералной и тутъ писалъ писма въ Москву къ Павлу Скоруппѣ и къ Алексію Подвисоцкому, сотнику козелецкому; потомъ былъ въ коммиссіи, а оттоль заезжалъ посѣтить бол-

---

[202]) См. Сулимовскій архивъ, стр. 214 и 216.

ного писара полку лубенского Столповского. Обѣдалъ въ домѣ зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ; потомъ былъ у мене обозного енералного синъ Григорій Лизогубъ, зъ Москви пріехавшый. Отправлены Прокопъ и Грицко Дмитренки въ домъ зъ 4 коними, 2 возками и протчимъ, чрезъ которыхъ писано до жены, до сина Василя и до старости зъ Коврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да къ Григорію Скоруппѣ, зъ приложеніемъ писемъ отъ сина его Павла зъ Москви. Жителю села Березы Гаврилу Тилогузенку, у которого гай на зрубъ наняли, дано рублей сѣмъ, а еще отъ насъ ему доводится 2 р.

11. Рано былъ у генерала, гдѣ видѣлъся и зъ каморданомъ г. Разумовского Пустотою [203]), который прибылъ зъ Москви, и подано мнѣ писмо отъ сотника Алексія съ обявленіемъ, что Михайла Танского упевнено полковничествомъ кіевскимъ.

12. Писалъ къ асаулу полковому кіевскому Шуму и оное-жъ писмо Подвисоцкого сообщилъ. Сего-жъ числа отправленъ маіоръ Полянскій для отказу волостей ропской и бакланской зъ принадлежности въ владѣніе г. Разумовского.

13. Обѣдалъ у мене сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, зъ которимъ и о дѣлахъ товкачовскихъ розговоровали; а вечеромъ былъ я у полковника полтавского г. Кочубея, который пріехалъ въ Глуховъ 11 сего теченія.

14. Рано обослалъ мене тотъ-же г. полковникъ Кочубей бариломъ вина. По обѣдѣ генералъ отехалъ до Кролевця на ярмарокъ, а я былъ ввечеру у п. Скоропадского и имѣлъ зъ Валкевичемъ розговоръ о Рубановцѣ, токмо суетный.

15. Послѣ обѣда зъ Глухова віехалъ къ Кролевцю на ярмарокъ и ночовалъ въ Тулиголовахъ и оттоль писалъ къ сотнику новгородскому, зъ посилкою челобитной термѣны, такожъ до жены и до сина писма послалъ.

---

[203]) Семенъ Ивановичъ Пустота, управляя потомъ имѣніями матери Разумовскихъ въ козелецкомъ уѣздѣ, разбогатѣлъ, женился на дочери слабинскаго сотника Ивана Тризны и получилъ чинъ войсковаго товарища. Затѣмъ купилъ у Терлецкихъ часть села Баклановой Муравейки (подъ Черниговомъ) и по смерти своей передалъ это имѣніе сыну Демьяну, который былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Андрея Войцеховича и имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника За бездѣтствомъ Демьяна Пустоты († 1788) Муравейка перешла къ Войцеховичамъ.

16. Прибылъ въ Кролевецъ рано и отобѣдавъ у Федора Чуйкевича, ходили по ярмарку и нѣкоторые малые покупки справлены; вечеромъ былъ у Івана Гамалѣи, потомъ и онъ въ моей квартерѣ ужиналъ.

17. Зрану покуплены футра и протчіе покупки, а обѣдалъ у Івана Гамалѣи купно зъ Федоромъ Шраемъ; да рано-жъ былъ и у генерала и читалъ вѣдомости о учиненной прошлого августа 24 зъ войскомъ шведского генерала фелтмаршала графа фонъ Леси капитуляціи.

18. Віехавъ зъ Кролевця, заездилъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, у которого и обѣдалъ, и пили доволно, потомъ отехавши, прибылъ на ночъ въ Полошки, где и ночовалъ у вдовы Івановой Филоненковой.

19. Рано прибылъ въ Глуховъ, где засталъ сина Василя, пріехавшого зъ дому, и не былъ на службѣ за немощію; въ церквѣ же соборной была публикація отвѣтной грамоты, чрезъ депутатовъ присланной, и вѣдомостей о прогрессахъ арміи нашей въ Финляндіи и молебствіе.

20. Рано былъ въ коммиссіи свода и обѣдалъ въ домѣ; да сего-жъ числа началъ знову синъ Василь ходить для ученія французского языка къ інформатору. Сего-жъ числа Петру Гаврилову Ковалю, жителю глуховскому, позиченъ 1 р. на мѣсяцъ. Какъ хотѣлъ наказаніе учинить кухарю за пянство, то обявилось, что вина бочку страчено Іосифомъ, що и по осмотру такъ показалось.

21. Писалъ писма въ Москву къ п. Скоруппѣ зъ посылкою и отъ отца его писма-жъ, да къ Андрею Горленку, чрезъ служителя его. Інформатору, обучаючому сина нашего Василя по французскому, даны 2 р.

22. Дано для позлоты шесть кубковъ срѣбныхъ Александра Корецкого и три червонные золотару Івану Алберку іноземцю; да для насъ на роблене шести ложокъ—срѣбра выжоги 30 золотниковъ, тинфами 46, талярами битыми 13, въ ложцѣ старой 17 золотниковъ, и того всего 106 золотниковъ, который обѣщалъ всю ту роботу здѣлать за три неделѣ. Даны до здѣланя два куптуши кравцю Неделченку, одинъ кармазиновый суконный, другій зъ меніоного канавацу.

23. Была публикація о дѣйствіяхъ благополучныхъ арміи імператорскаго величества въ Финляндіи и о учиненной зъ войскомъ шведскимъ капитуляціи по службѣ Божой и благодарственный молебень при трикратной пушечной стрелбѣ; потомъ былъ банкетъ у генерала при палбѣ-жъ зъ мартировъ; а послѣ обѣда жиды металники разные показывали фиглѣ. Зъ Винденками о забратю ими сѣна былъ споръ въ поранку.

24. Данъ шить мундиръ сину Василю красный и на потребы до того мундѣра кравцю Максиму даны 2 р. Позичилъ сынъ Василь у сотника глуховского Даміана Турянского сина книжку граматику нѣмецкую зъ русскимъ. Освобожденъ зъ канцеляріи министерской атаманъ чаусовскій Бобовъ, который взятъ былъ туда по дѣлу зъ старостою евдоколскимъ Старжинскимъ.

25. Зъ писемъ, писанныхъ отъ нашихъ депутатовъ зъ Москви, пришло извѣстіе, что определены архіерсями въ Чернѣговъ: Амвросій Дубневичъ, въ Бѣлгородъ—митрополитъ яскій Антоній, санктъпітербурскимъ и шлютелбурскимъ архіепископомъ Никодимъ Сребрніцкий, митрополитомъ московскимъ и володимирскимъ епископъ могилевскій Іосифъ Волчанскій, крутицкимъ архіепископомъ Платонъ Малѣновскій да памѣстникъ Тройцы Сергіева монастыря Антоній Нарожневскій митрополитомъ сібирскимъ.

26. Учиненъ сговоръ дочери енералской Аскитерси Івановнѣ за полковника харковского Стефана Івановича Тевяшова, для якой оказіи и банкетъ былъ у генерала, при пушечной палбѣ, по обявленіи того сговора, и до позна гуляли доволно.

27. Ради вчорашного шумства принужденъ весь день, неисходно зъ дому, валяться и никуда не віеджалъ.

28. Писалъ до Максима Турковского стороны токаря, уговоренного дѣлать 300 балясъ до будинку городиского, чтобъ тотъ токаръ не требовалъ отъ насъ къ той роботѣ человѣка, но самъ-бы себѣ наймалъ-ли, или другимъ образомъ сискалъ, а за то хотябъ ему надъ учиненный уговоръ и прибавить плати; и тое писмо для пересилки отдано сотнику мглинскому Лисаневичу.

29. Данъ крестъ деревяній церквѣ Воздвиженской городиской для оправы въ срѣбро золотарю Матвію Матюшу и срѣбра дано чарку да рубль, вѣсомъ о пять лотовъ зъ неболшимъ. Писаны писма: 1) до судіиной полковой миргородской Параскевіи Остроградской

зъ отсилкою книгъ двохъ латинскихъ: Августина и о імператорахъ римскихъ, 2) до старости товкачовского о присилки денегъ и протчего. Званы на свадбу помянутого полковника Тевяшова, который вѣнчалъся зъ генералскою дочерю въ церквѣ Варвары святыя въ 5 часу по полдни, а послѣ былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и за полночъ гуляли.

30. Знову былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и такожъ до вечера гуляли.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Писалъ писма въ домъ чрезъ Романа Гапонова и копей 7, такожъ разные вещи, въ томъ числѣ и полсукепца 13 локотъ Александру Корецкому купленного, послано чрезъ него-жъ при писмѣ, да и до Ширая писалъ-же о Рубановцѣ; а у генерала и сегодня былъ банкетъ, отъ которого вечеромъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ судія генералный Федоръ Лисенко. На покупку лоя и другихъ вещей розыплось сегодня 2 р.

2. Былъ я въ коммиссіи, обѣдалъ въ домѣ, а ввечеру присилалъ брегадиръ Іванъ Кондратовичъ Іліинъ просить на завтрее къ себѣ обѣдать.

3. Рано прибылъ староста товкачовскій Ілія Паленскій и привезъ денегъ 80 р. Обѣдали зъ генераломъ у брегадира, где и штатскій совѣтникъ Александръ Івановичъ Панинъ былъ зъ протчими нашими. Сего-жъ числа утѣкъ возница Ілія и знесъ кожухъ, черкеску зъ парусного полотна. чоботы, смушъ баранѣй, гребло, попону новую, Савкины штаны, обротей ремѣнныхъ 2, ветчины плѣчко.

4. Обѣдали зъ сенераломъ у полковника Андрея Тимофіевича Тютчева. Куплено дранѣ 158, за котороруго дано 1 р. $47^1/_2$ к.

5. Генералъ кушалъ обѣдъ у індуктаря Романа Янепка зъ протчими, а я не былъ тамъ, ради бывшихъ передъ тимъ частихъ трактаментовъ, и другіе наши не были-жъ. Конѣ Антонія Ботарского, которые были пропали, приведены зъ дому Піроцкого.

6. Подводы и теслѣ зъ Товкачовки пришли. Купчая Якову Чижевскому на футоръ Артополотскій написана и зъ старими на тотъ же футоръ купчими для отдачи ему вручена старостѣ товкачовскому Ілію Паленскому. На подводахъ токавчовскихъ привезено барановъ 4, гусей 10, утокъ 9, каплуновъ 23, фаску масла, фаску сира неповную, качковаловъ 5, плахту.

7. Старости-жъ товкачовскому дано клеймо железное коней и скотъ клеймовать, да двѣ лѣбри паперу на тамошный дворовый росходъ.

8. Посланы писма въ домъ до жены и до Каврайского зъ старостою о бѣжавшомъ паробку Іліи, о которомъ приложено писмо-жъ и до Григорія Бороздны въ Ярцевъ. Староста товкачовскій Паленскій отехалъ зъ Глухова обратно, которому на покупку подездковъ даны 30 р., и чрезъ него-жъ писалъ сотникъ полковый Стефанъ Лукомскій о дачи козака, когда востребуетъ.

9. Подскарбій енералный Константинъ Федоровичъ Ушаковъ простился со мною, отежджая въ Москву. Наметнику, которій зъ парусного полотна дѣлаетъ наметъ намъ, дано на тясму 1 р. 50 к., кромѣ прежде данного ему-жъ рубля денегъ.

10. Обѣдали у мене Андрей Думитрашко и Григорій Іваненко, бунчуковые товарищи, зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ, и зрана былъ у мене-жъ государыни пѣвчій Гаврило Матвіевичъ Головня, который у попадѣ Мойсѣевой засваталъ дочь. По обѣдѣ ездилъ къ Федору Савичу для посѣщенія въ его болѣзни, а отоль заездилъ къ капитану Бреклингу. Писма къ Москвѣ писанные до г. Новоторжцова 2, одно подъ 6, другое подъ 12 числами, зъ включеніемъ въ последнемъ табакерки и 15 червонцовъ, до Петра Лисаневича подъ 6, до п. Скурупцы подъ 8 числами, запечатаны въ одинъ пакетъ, надписанный на имя Якова Марковича, зъ писмомъ къ нему-жъ, подъ датою 5 сего жъ мѣсяця, да особое писмо до отца Симона Тодорского, подъ числомъ 2-мъ и оные всѣ писма

11. Вручилъ пѣвчому вышеупомянутому Гаврилу Матвіевичу, который, за прибытіемъ своимъ въ Москву, обѣщалъ вручить въ цѣлости г. Марковичу. Сего числа ночю бѣжалъ кухаръ. За позументу золотого 5 цѣвокъ и полтретя золотника заплачено 7 р. 4 к., за 9 тертицъ 72 к., за роботу трохъ шапокъ 30 к. Писалъ писмо къ п. Скоропадскому чрезъ дядку дѣтского Івана Павлова.

12. Писаны писма къ женѣ и до старости зъ Каврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да до Самоцвѣта о Антонію Ботарскомъ. Получилъ писмо и 2 календари Дунчевского отъ полковника полтавского г. Кочубея, чрезъ старосту его ярославского.

13. Оные писанные въ домъ писма и при томъ помянутій купленный золотій позументъ, тако-жъ писмо до Івана Гамалии въ

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

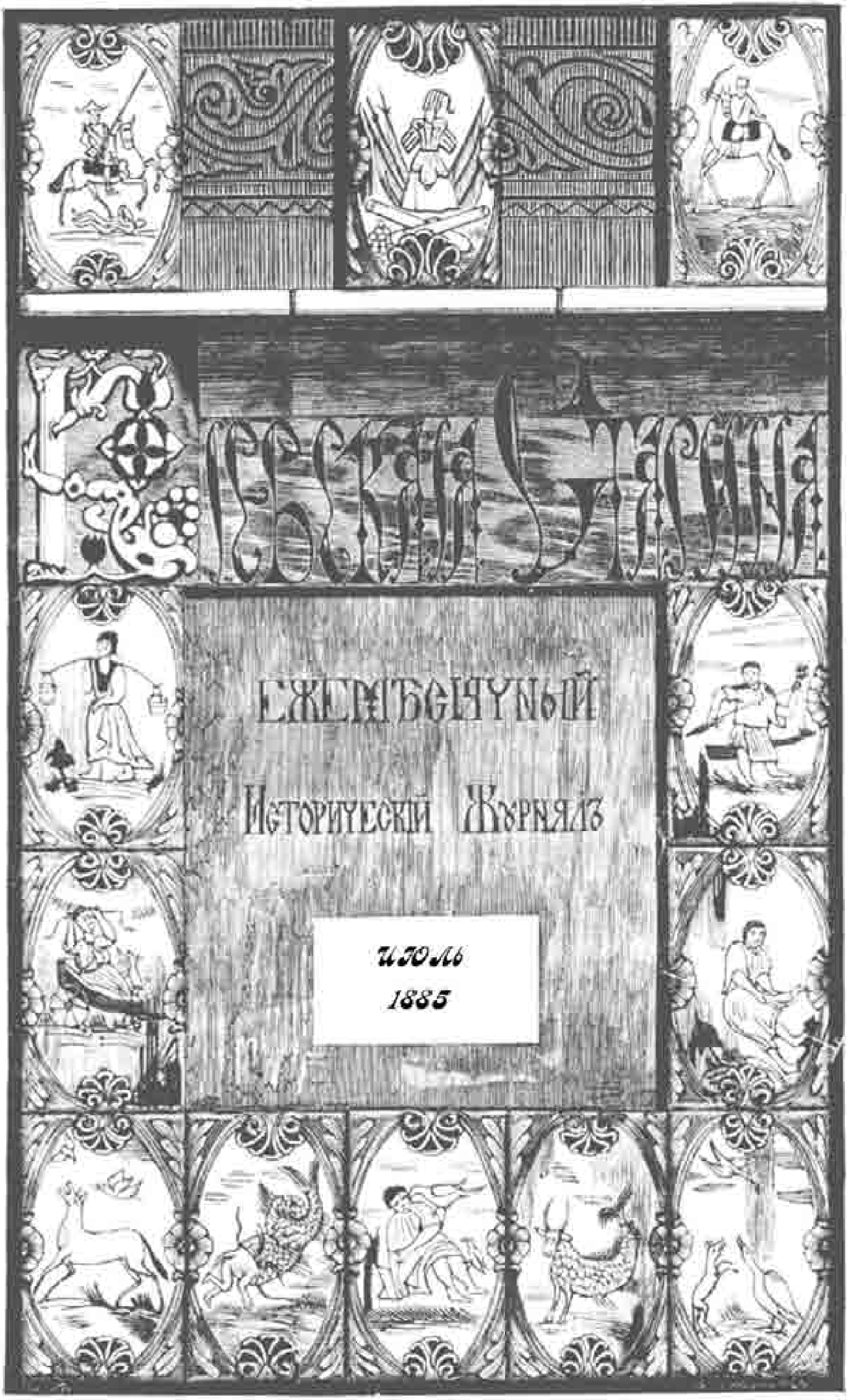
За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова, Диптера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Июль
1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** 1

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ»—МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалья* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Ѳдна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Залѣсскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогрица-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ Ѳ. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*И. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога. — *И. Каманина.* — з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.—*И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*—г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*—в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.—*Д. Гродецкаго.* — г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*—з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545
II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597
III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631
V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*—б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовець. Оповидання. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алесѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*—г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А.*—д) Портретъ Гонты.—*Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*—ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*—з) Къ портрету Адама Киселя. 707
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮЛЬ.

1885

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1885 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. КІЕВЪ, 20 іюня 1885 г. ГЕЛІОГРАВЮРА ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОЕВОДСКІЯ „ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ" XVII В.,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

I.

Сношенія московскаго правительства XVII вѣка съ своими послами и резидентами въ сосѣднихъ государствахъ были крайне затруднительны и потому очень рѣдки. Безобразное состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, или, лучше сказать, почти полное отсутствіе ихъ, продолжительныя войны, внутреннія неурядицы и проч.—все это мѣшало установленію правильныхъ и постоянныхъ сношеній посольскаго приказа въ Москвѣ съ его дипломатами за рубежомъ. Добраться московскимъ гонцамъ изъ Москвы въ Польшу, Швецію, особенно-же въ Крымъ и Турцію, и обратно—было дѣломъ большой трудности и даже опасности. Не только варварскія правительства Турціи и Крыма позволяли себѣ слишкомъ безцеремонно относиться къ московскимъ гонцамъ и чинить имъ всякія притѣсненія [1]), но даже полуцивилизованное польское правительство весьма приближалось въ то время въ своихъ международныхъ сношеніяхъ къ указаннымъ странамъ. Приведу въ подтвержденіе одинъ характерный случай. Въ апрѣлѣ 1690 года кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ *Ромодановскій* писалъ въ Москву [2]),

---

[1]) См., напр., Исторію Россіи, *Соловьева*, т. XIV, 38; *Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, стр. 191--192 и др.

[2]) Московскій архивъ министерства юстиціи: *Разряднаго Приказа московскаго стола столбецъ № 749*, дѣло № 7, лл. 172—176.

что вернувшись незадолго передъ тѣмъ изъ Польши, кіевскій мѣщанинъ Иванъ *Павловъ* видѣлся зимою съ московскимъ резидентомъ въ *Варшавѣ* Иваномъ *Волковымъ*, который жаловался ему на крайнюю трудность поддерживать сношенія съ своимъ правительствомъ. Резидентъ разсказывалъ, что онъ отправилъ въ Москву двухъ человѣкъ съ важною «вѣстью» о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ, но опасается, что эта «вѣсть» не дойдетъ до Москвы, такъ какъ ему «вѣдомо», что *«одного посланнаго»* поляки «переняли съ письмами на дорогѣ» и *«предали смерти»*. О судьбѣ другаго гонца Иванъ Волковъ ничего не могъ сообщить Ивану Павлову. Онъ хотѣлъ послать съ послѣднимъ письмо къ князю Ромодановскому, но побоялся, чтобы поляки *«не отняли* на дорогѣ» того письма, и потому поручилъ ему только словесно передать воеводѣ сильно интересовавшую въ то время московское правительство новость о союзѣ короля съ ханомъ.

Подобныя насилія надъ гонцами и вообще всякія препятствія въ сношеніяхъ московскихъ резидентовъ съ своимъ правительствомъ были въ XVII вѣкѣ самымъ зауряднымъ явленіемъ. Понятно, что такое положеніе вещей наносило явный и громадный ущербъ политическимъ видамъ Москвы и заставляло ее подумать надъ уничтоженіемъ, или по крайней мѣрѣ смягченіемъ этого зла. Нѣкоторымъ выходомъ изъ этого положенія явилось собираніе политическихъ *«вѣстей»*, помимо заграничныхъ пословъ, чрезъ посредство порубежныхъ московскихъ воеводъ и чрезъ распросы въ самой Москвѣ всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ-за рубежа.

Дѣло собиранія такихъ «вѣстей» было широко развито въ XVII в. и довольно стройно организовано. Въ каждомъ «воеводскомъ наказѣ», какой давался изъ Разряднаго Приказа лицамъ, отправлявшимся на воеводство въ города порубежные съ Польшею, Швеціей, Крымомъ и Турціей, одно изъ видныхъ мѣстъ отводится именно наставленіямъ о собираніи воеводами политическихъ и военныхъ «вѣстей» изъ сосѣднихъ государствъ. И что порубежные воеводы дѣйствительно считали это дѣло одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, это доказывается массою сохранившихся до нашего времени (напр. въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи) воеводскихъ *«вѣстовыхъ отписокъ»*, или «вѣстовыхъ *писемъ»*, какъ они тогда назывались. Изъ всего количества «отписокъ» порубеж-

ныхъ воеводъ громадное большинство ихъ именно говоритъ о «вѣстяхъ», собранныхъ воеводами тѣмъ или инымъ путемъ. Мало-мальски цѣнная зарубежная вѣсть сейчасъ-же записывалась воеводою и отсылалась имъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Если вѣсть говорила только о военныхъ предпріятіяхъ извѣстнаго сосѣдняго государства, то она и оставалась для надлежащихъ распоряженій въ этомъ приказѣ, служившемъ средоточіемъ военной дѣятельности московскаго правительства; но если отъ воеводы приходили и политическія вѣсти, онѣ немедленно-же отсылались Разрядомъ въ Посольскій приказъ.

«Вѣсти» собирались порубежными воеводами изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Главную массу имъ доставляли *«выходцы»* изъ сосѣднихъ государствъ, переходившіе на вѣчную службу въ московское государство, и русскіе *«полоненики»*, возвратившіеся на родину изъ плѣна. Затѣмъ очень усердно и исправно служили государству въ разсматриваемомъ дѣлѣ московскіе *«торговые люди»*, ѣздившіе къ сосѣдямъ «для торговыхъ промысловъ» и *обязательно* собиравшіе тамъ разныя вѣсти. Наконецъ московское правительство имѣло и своихъ спеціальныхъ *«вѣстовщиковъ»* или *«лазутчиковъ»*, нарочно посылавшихся въ сосѣднія государства для собиранія вѣстей [1]).

Наибольшую степень достовѣрности слѣдуетъ признать за «вѣстями», сообщавшимися *«торговыми людьми»*. Это были наиболѣе опытные и развитые люди сравнительно съ остальными собирателями вѣстей, много видѣвшіе и слышавшіе на своемъ вѣку и невольно ко всему присматривавшіеся въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ зарубежныхъ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ. Они довольно хорошо были знакомы и съ московскими политическими событіями, и съ событіями разныхъ сосѣднихъ государствъ. Они знали, что интересуетъ правительство и какого рода вѣсти нужны ему въ данную минуту. Собираясь за рубежъ, торговые

[1]) Отъ зарубежныхъ «вѣстовщиковъ» слѣдуетъ отличать порубежныхъ «вѣстовщиковъ», какіе существовали на южной и юго-западной окраинахъ государства и назначались для сообщенія изъ одного города въ другой «вѣстей» о татарскихъ набѣгахъ. См. о нихъ въ моемъ «Обозрѣніи Историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Опись докум. моск. архива минист. юстиціи», книга IV, отдѣлъ II, стр. 312).

люди должны были явиться къ своимъ воеводамъ, чтобы получить отъ нихъ «проѣзжую память» на право свободнаго проѣзда за рубежъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взять отъ нихъ и наставленія относительно собиранія вѣстей. Оттого они и привозили изъ-за рубежа всегда болѣе или менѣе цѣнныя вѣсти и не обращали вниманія на пустяки, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаемъ у другихъ вѣстовщиковъ. Хотя собираніе вѣстей было обязательно для торговыхъ людей, но, не будучи связаны съ правительствомъ никакими служебными отношеніями, они свободно и болѣе или менѣе по совѣсти относились къ этой своей обязанности. Они не должны были, подобно напримѣръ «выходцамъ» или спеціальнымъ «лазутчикамъ», во что-бы то ни стало добыть и доставить своему воеводѣ вѣсти. Они дѣйствовали тутъ такъ, какъ допускала возможность и какъ подсказывало имъ желаніе принести посильную пользу своему правительству. Вообще, знакомство съ воеводскими «вѣстовыми отписками» заставляетъ признать, что торговые люди относились серьезно и толково къ дѣлу собиранія политическихъ и иныхъ вѣстей.

Второе мѣсто по степени достовѣрности слѣдуетъ отвести вѣстямъ, доставлявшимся русскими *«полонениками»*, особенно тѣми изъ нихъ, которые вышли на родину послѣ очень продолжительнаго плѣна. Долгая жизнь на чужбинѣ отлично знакомила ихъ съ тою страною, въ которой имъ приходилось отбывать свое «полонское терпѣнье». Возвращаясь на родину послѣ мучительнаго ряда годовъ и сообщая правительству послѣднія новости извѣстной страны, они освѣщали ихъ своимъ практическимъ и точнымъ знаніемъ условій тамошней жизни. Совершенную противоположность въ этомъ отношеніи представляли полоненики, побывавшіе въ полону не большое количество времени, напр. всего нѣсколько мѣсяцевъ. Эти лица успѣвали нахвататься однихъ верхушекъ и потому несли часто порядочную околесицу въ своихъ вѣстяхъ.

Вѣсти спеціальныхъ *«лазутчиковъ»* отличались достовѣрностію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этой роли являлись лица изъ высшихъ разрядовъ служилыхъ людей (дворянъ, боярскихъ дѣтей и т. п.), или когда вообще данное лицо, хотя-бы и изъ низшихъ служилыхъ (стрѣльцовъ и т. п.), а также изъ посадскихъ жителей или крестьянъ, служило въ роли лазутчика болѣе или менѣе продолжительное время. Тогда оно успѣвало хорошо познакомиться съ

своею спеціальностію, изучить требованія своихъ властей, завязать сношенія съ зарубежными жителями и узнать условія тамошней жизни. Но вообще обязательное сообщеніе вѣстей, поощряемое денежными и другими наградами въ случаѣ удачной ловли ихъ и напротивъ наказываемое въ случаѣ неудачи болѣе или менѣе чувствительнымъ образомъ, не могло не вліять дурнымъ образомъ на степень достовѣрности вѣстей, доставлявшихся «вѣстовщиками».

Еще хуже были поставлены въ этомъ отношеніи «выходцы», которыхъ нерѣдко даже не пропускали въ московскіе предѣлы, если они приходили безъ всякихъ вѣстей, или съ вѣстями пустаго свойства. Понятно, что при такой крайности имъ нерѣдко приходилось просто выдумывать тѣ или другія вѣсти, чтобы только добиться права принятія въ московское подданство. И это тѣмъ чаще случалось, что въ большинствѣ случаевъ выходцы бросались въ Москву не добровольно, но вслѣдствіе какихъ-либо осложненій въ ихъ личной жизни, не позволявшихъ имъ спокойно оставаться на родинѣ. Нужда гнала ихъ въ Москву, но все-таки они не могли по свойству человѣческой натуры сразу и безповоротно отвернуться отъ родины. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляли одни русскіе выходцы, т. е. русскіе уроженцы Литвы и Польши. Они не могли не симпатизировать единокровной и единовѣрной Москвѣ, и шли въ Россію охотно, забывая свое непривѣтливое для нихъ отечество. Но у выходцевъ иноземцовъ непремѣнно оставалась хотя маленькая доза патріотизма, которая мѣшала имъ вполнѣ отдаться Москвѣ и откровенно выложить ей всѣ политическія и военныя вѣсти своего отечества. Полное предательство претило лицамъ, уходившимъ съ родины вслѣдствіе стеченія разныхъ неблагопріятныхъ для нихъ лично обстоятельствъ. Оттого и вѣсти такихъ лицъ не отличаются искренностію и достовѣрностію. Только одинъ сортъ выходцевъ не сдерживалъ себя ничѣмъ и готовъ былъ все и всѣмъ продать за чечевичную похлебку... Разумѣю прямыхъ авантюристовъ, сновавшихъ въ то время вдоль и поперекъ всей Европы и съ удовольствіемъ служившихъ и Москвѣ, щедро платившей имъ за ихъ «благородную кровь»... Но хотя вѣсти такихъ авантюристовъ всегда почти очень пространны и повидимому откровенны, имъ нужно довѣрять съ осторожностію, помня, что нравственность подобныхъ лицъ была не высокаго достоинства.

Къ числу «выходцевъ» примыкаютъ также русскіе «бѣглые люди», уходившіе за рубежъ и затѣмъ возвращавшіеся обратно, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ и по другимъ причинамъ. Къ ихъ вѣстямъ также слѣдуетъ относиться съ осторожностію, такъ какъ подобныя лица не отличались особенною нравственностію и не прочь были ради права возврата на родину наговорить съ три короба пустыхъ вѣстей.

Эти различныя степени достовѣрности показаній тѣхъ или иныхъ собирателей вѣстей всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи самихъ вѣстей.

II.

Въ XVII вѣкѣ «выходцы» въ московское государство шли главнымъ образомъ изъ Литвы, Малороссіи и Польши и рѣже «изъ Нѣмецъ», «изъ Свеи» (Швеціи) и остальныхъ европейскихъ странъ. Чаще всего упоминаются между выходцами «литвины» и «поляки», причемъ тѣ и другіе постоянно смѣшиваются въ современныхъ документахъ. Установленію племеннаго различія между ними помогаютъ отчасти ихъ имена и фамиліи, но не вполнѣ, такъ какъ русское населеніе Литвы и Польши нерѣдко носило тогда чисто польскія фамиліи. Одни бѣлоруссы витебскаго, полоцкаго и другихъ повѣтовъ предпочитали въ то время носить фамиліи съ русскими окончаніями (на *инъ* и *овъ*). Гораздо болѣе уясняютъ вопросъ о происхожденіи выходцевъ изъ Литвы или Польши указанія на мѣста ихъ родины. Въ этихъ указаніяхъ болѣе или менѣе обстоятельно приводятся названія «повѣтовъ», городовъ, селъ и проч. [1]). Разбирая эти данныя, приходишь къ заключенію, что поляки были довольно рѣдкими гостями въ московскомъ государствѣ сравнительно съ русскими выходцами изъ польскихъ областей.

Послѣ литвиновъ первое мѣсто въ количественномъ отношеніи занимали выходцы «черкасы»—«малороссійскіе» и «запорожскіе»,

[1]) Встрѣчаются, конечно, и очень глухія указанія. Напр. «выѣзжій литвинъ» 7140 (1632) г. Прокофій Залѣсскій показанъ родомъ изъ «виницкаго повѣта» (Разряднаго приказа помѣстнаго стола столбецъ № 2, л. 219). Разумѣется-ли здѣсь виницкій повѣтъ, или какой-либо другой съ подходящимъ именемъ, рѣшить трудно.

тѣ и другіе почти въ равномъ количествѣ. Послѣ черкасъ слѣдуетъ поставить татаръ крымскихъ, нагайскихъ и другихъ. Затѣмъ идутъ обитатели православнаго востока—«гречане», «волохи», «сербины» и проч., далѣе—нѣмцы и др. западно-европейцы. Наконецъ, менѣе всего выходило въ XVII вѣкѣ въ Россію «турчанъ» и кавказскихъ горцевъ.

Всѣ эти разношерстные выходцы, появляясь на московскихъ рубежахъ, направлялись порубежными «сторожами» въ ближайшіе города, въ распоряженіе мѣстныхъ воеводъ. «Черкасы» выходили (въ 1-й половинѣ XVII вѣка) главнымъ образомъ въ Путивль, затѣмъ въ Рыльскъ, Масальскъ, Мещовскъ и другіе пункты, литвины-же и поляки преимущественно направлялись въ Сѣвскъ и Великіе Луки.

Принявши выходца, воевода извѣстнаго города немедленно распрашивалъ его о происхожденіи и о «вѣстяхъ» изъ того государства, откуда онъ вышелъ, и записывалъ эти вѣсти въ такъ называвшихся «распросныхъ (или «допросныхъ») рѣчахъ». Приготовивши свою «отписку» въ Разрядный приказъ о фактѣ прихода извѣстнаго выходца и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ, или-же приложивши послѣднія въ отдѣльномъ документѣ—въ «распросныхъ рѣчахъ», воевода снаряжалъ выходца въ дорогу, въ Москву: приводилъ его «къ крестному цѣлованью» на подданство московскому государю, давалъ ему «кормецъ» и «подводку» [1]) и отправлялъ въ Москву вмѣстѣ съ провожатымъ, бравшимся преимущественно изъ ратныхъ людей, или изъ «разсыльщиковъ» при мѣстной «приказной избѣ». Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ мартѣ 7140 (1632 г.) сѣвскій воевода Михаилъ Еропкинъ отправилъ въ разрядной приказъ «отписку» [2]) о выходѣ въ Сѣвскъ изъ-за польскаго рубежа, изъ Новгородка-Сѣверскаго «выходца—литвина» Яна Заблоцкаго, «шляхтича» родомъ изъ города Каменска, лежавшаго въ 20 верстахъ отъ Варшавы. Въ той-же отпискѣ воевода сообщалъ разряду и вѣсти, какія привезъ Янъ Заблоцкій. Какъ

[1]) Любопытно, что эти уменьшительныя названія «корма» и «подводы» очень часто фигурируютъ въ воеводскихъ «отпискахъ», когда они говорятъ о снаряженіи въ Москву выходцевъ. Но этихъ-же выраженій не приходилось встрѣчать въ тѣхъ-же отпискахъ или въ другихъ документахъ въ примѣненіи къ своимъ ратнымъ или вообще служилымъ людямъ.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

отписка, такъ и самъ выходецъ были сданы воеводою на руки «козаку сѣвскаго острожка» Кондратію Чаусу, который долженъ былъ доставить первую и втораго въ Разрядъ къ думному дьяку Ивану Гавреневу и дьяку Михаилу Данилову. Передъ отправленіемъ въ дорогу воевода Михаилъ Еропкинъ, по обычаю, привелъ Яна Заблоцкаго къ присягѣ и далъ ему на дорогу «кормецъ и подводку».

Кондратій Чаусъ пріѣхалъ въ Москву съ выходцемъ 29 марта и въ тотъ-же день представилъ его въ Разрядъ. Въ этотъ-же день въ Приказѣ немедленно сняли съ Яна Заблоцкаго дополнительныя «допросныя рѣчи» [1]). Это почти тѣ-же самыя вѣсти, какія сообщалъ и сѣвскій воевода въ своей отпискѣ, но съ бо́льшими подробностями и съ нѣкоторыми дополненіями. Такой передопросъ выходцевъ почти всегда дѣлался въ Разрядѣ, особенно если воевода не сообщилъ подлинныхъ «распросныхъ рѣчей» выходца на мѣстѣ, а ограничился болѣе или менѣе краткою передачею его вѣстей въ своей отпискѣ.

Проживъ нѣсколько времени въ Москвѣ и состоя въ это время у кого-либо «на порукахъ», выходцы (или какъ ихъ съ этого времени называли, «нововыѣзжіе иноземцы») били челомъ государю о выдачѣ имъ «выходнаго жалованья», т. е. денежнаго пособія за выходъ въ московское государство и «поденнаго корма» (денежнаго) на содержаніе свое до той поры, когда они будутъ куда-либо «написаны въ службу» и когда ихъ «поверстаютъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ». При подачѣ этихъ челобитій Разрядъ снималъ съ выходцевъ подробныя «сказки» о происхожденіи ихъ, объ ихъ прошлой жизни до выѣзда въ московское государство и о побужденіяхъ къ этому выѣзду. Эти «сказки» очень любопытны для характеристики той бродячей вольницы—«гулящихъ людей», какіе нерѣдко наѣзжали въ XVII вѣкѣ въ Русь и служили для нея однимъ изъ проводниковъ въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнію сосѣднихъ государствъ. Приведу примѣры такихъ «сказокъ».

Въ 7140 (1632 г.) выѣхалъ въ Москву «литвинъ» Василій Емельяновъ Вахрамѣевъ [2]), какъ называетъ его «выпись» (т. е. справка) Разряда по дѣлу (самъ-же онъ назвалъ себя въ челобитьѣ

---

[1]) Ibid., лл. 149—154.

[2]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 81—84.

«полякомъ Вохромѣевскимъ»). Въ своей «сказкѣ» онъ показалъ слѣдующее: родомъ онъ изъ оршанскаго повѣта, сынъ «шляхтича», который «служилъ королю съ имѣнья козацкую службу на 4 коняхъ». По смерти отца (тому назадъ 10 лѣтъ) имѣнье перешло къ двумъ братьямъ Вахрамѣева, которые и до сихъ поръ «служатъ королю козацкую службу, на 3 коняхъ». Но Василій еще при жизни отца, имѣя отъ роду всего 12 лѣтъ, ушелъ въ Кіевъ, а оттуда «въ Запороги», гдѣ жилъ три года. Выйдя отсюда, онъ «служилъ въ цысарской землѣ и на волоской границѣ по козацки, на 2 коняхъ, а былъ въ ротѣ у Григорья Чеплинскаго». Три года тому назадъ Василій участвовалъ въ походѣ на Крымъ Шинъ-Гирея и «запорожскихъ черкасъ». Вернувшись изъ этого похода, проживалъ въ Нѣжинѣ и Новгородкѣ-Сѣверскомъ. Во время пребыванія въ послѣднемъ городѣ съ нимъ случилась крупная непріятность, которая собственно и заставила его бѣжать въ Москву, именно: здѣсь онъ «подрался» съ какимъ-то «ляхомъ» «и того ляха посѣкъ саблею, и убояся за то отъ ляховъ, что его убьютъ до смерти, поѣхалъ на государево имя» въ Сѣвскъ, откуда и присланъ былъ воеводою въ Москву.

Для провѣрки этой «сказки» были вызваны въ Разрядъ 8 человѣкъ иноземцовъ—такъ называвшихся «знатцевъ», т. е. лицъ, знающихъ выходца. Они подтвердили сказку Вахрамѣева относительно его происхожденія, отцовской службы и его собственной въ ротѣ у Гр. Чеплинскаго.

Въ концѣ сказки стоитъ такая помѣта Разряда: «а что Василій Вахрамѣевъ вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы», т. е. «вѣдомы» изъ «допросныхъ рѣчей» выходца о вѣстяхъ, или приложенныхъ къ отпискѣ сѣвскаго воеводы, или снятыхъ съ него въ Разрядѣ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву. Послѣ полученія «выходныхъ и кормовыхъ денегъ», Василій Вахромѣевъ былъ «отосланъ въ иноземской (или панской) приказъ», который долженъ былъ распорядиться назначеніемъ выходца въ ту или другую службу. Съ этого момента выходецъ становился въ ряды московскихъ служилыхъ людей, съ которыми окончательно связывало его «поверстаніе помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ», производившееся Разрядомъ спустя нѣсколько времени послѣ пріѣзда выходца въ Москву.

Остановлюсь еще на одной «сказкѣ» выходца, именно «литовскаго иноземца» Николая Хрипуновскаго [1]), выѣхавшаго въ Москву въ томъ-же 1632 году. Онъ былъ родомъ изъ того-же оршанскаго повѣта, сынъ шляхтича. Николай «учалъ королю служить» тому лѣтъ съ 20 назадъ. Первая боевая служба его была у «Тушинскаго вора», которому онъ служилъ въ полку Сапѣги «по пятигорски (sic), на 1 конь»... Затѣмъ онъ перешелъ въ полкъ Лисовскаго, «въ лисовчики», и находился съ ними подъ Смоленскомъ, далѣе ходилъ съ королевичемъ Владиславомъ подъ Можайскъ, Москву и Тройцу. Послѣ заключенія мира «служилъ по козацки, на 2 коняхъ», находясь по прежнему «въ лисовчикахъ». Вмѣстѣ съ ними онъ долго бороздилъ русскую землю, а затѣмъ ушелъ въ «волоскую землю», гдѣ служилъ у пана Русиновскаго, на 3 коняхъ, и воевалъ съ турками. Выйдя «изъ Волохъ» и женившись (гдѣ—не сказалъ), служилъ годъ «въ Ифлянтахъ», въ полку пана Александра Гонсѣвскаго, на 2 коняхъ. Когда войско было тамъ распущено, Николай поселился вмѣстѣ съ своими племянниками (дѣтьми его «большаго брата») въ отцовскомъ помѣстьѣ, въ оршанской деревнѣ Рожновщинѣ, которая «съ племянниками его была не въ раздѣлѣ». Былъ у нихъ земельный споръ съ сосѣдомъ, паномъ Романомъ Максимовымъ, окончившійся тѣмъ, что Максимовъ «отнялъ» у Хрипуновскихъ «треть ихъ имѣнья». Николай сталъ искать случая отомстить своему врагу и скоро нашелъ его: какъ-то разъ онъ «заѣхалъ» на отнятомъ у него полѣ максимовскихъ людей—его «прикащика» и «старосту», и «побилъ ихъ до смерти». Послѣ этого ему невозможно было оставаться въ своемъ помѣстьѣ и онъ, бросивъ жену и дочь, бѣжалъ въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ 2 года служилъ капитану пану Куницкому, получая годоваго жалованья 24 рубля. Затѣмъ онъ выѣхалъ въ Путивль «на государево имя, слышачи государское жалованье къ ихъ братьѣ къ иноземцамъ, да и потому, что ему къ женѣ своей ѣхать не мочно: за убойство его-бы казнили смертью-жъ» (л. 140).

Въ концѣ «сказки» Николая Хрипуновскаго стоитъ обычная въ подобныхъ документахъ «помѣта» Разряда: «а что Миколай вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы».

---

[1]) Ibid., лл. 136—142.

Далѣе идетъ въ дѣлѣ сказка «знатцевъ» о происхожденіи и прежней службѣ выходца. Дѣло оканчивается «памятью» изъ Разряднаго въ Иноземскій приказъ (л. 12), куда препровожденъ былъ Николай Хрипуновскій, для опредѣленія его въ службу. На памяти читаемъ такую «помѣту»: «отводилъ (т. е. сдавалъ въ иноземскій приказъ) литвина приставъ Иванъ Ростопчинъ».

Подобные Василію Вахрамѣеву и Николаю Хрипуновскому уголовные преступники нерѣдко спасались отъ наказанія на родинѣ бѣгствомъ въ московское государство. Здѣсь правительство, такъ сказать, забывало ихъ прошлыя преступленія и смотрѣло на нихъ, какъ на новыхъ людей, начавшихъ иную жизнь въ московскихъ предѣлахъ. Точно также снисходительно смотрѣло нерѣдко московское правительство и на своихъ «бѣглыхъ людей», уходившихъ за рубежъ и затѣмъ снова возвращавшихся на родину. Если такіе выходцы бѣжали изъ московской земли не вслѣдствіе учиненныхъ ими здѣсь болѣе или менѣе важныхъ преступленій, но, какъ они часто выражались, «своею дуростію», т. е. по глупости, или «для гулянья», т. е. для вольной, свободной жизни въ чужой землѣ, то при возвращеніи подобныхъ лицъ правительство не подвергало ихъ никакому наказанію, ограничиваясь ссылкою на службу въ понизовые города. Но это была скорѣе мѣра благоразумія, заставлявшая удалять побывавшихъ за рубежемъ лицъ отъ этого соблазнительнаго для нихъ рубежа. Конечно эти выходцы изъ своихъ бѣглыхъ людей уже не получали отъ правительства никакого «выходнаго жалованья, подобно иноземцамъ. Иногда, впрочемъ, и они ухитрялись получать «выходное жалованье» и вообще ставили себя въ положеніе настоящихъ «выходцевъ-иноземцевъ»: это бывало въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда вернувшіеся бѣглые люди для утайки своего прошлаго проступка на родинѣ скрывали свое московское происхожденіе и выдавали себя за иноземцевъ. Очень часто такія продѣлки сходили имъ съ рукъ благополучно, но когда они открывались, то были наказываемы жестоко.

Приходя въ извѣстный порубежный городъ, бѣглые люди должны были немедленно явиться къ мѣстному воеводѣ, который тотчасъ разспрашивалъ ихъ о «вѣстяхъ». Если бѣжавшій принадлежалъ къ мѣстнымъ служилымъ или жилецкимъ людямъ, то онъ на время оставлялся въ городѣ, до изслѣдованія причинъ его бѣгства,

такъ какъ за нимъ могли быть разные проступки. Послѣ такого разслѣдованія, а такъ-же въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣглые принадлежали къ другому городу, а не къ тому, куда они вышли, воевода отсылалъ ихъ въ Москву, въ разрядной приказъ, а послѣдній пересылалъ ихъ въ приказъ казанскаго дворца, для распредѣленія ихъ по понизовымъ городамъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми (а въ случаѣ задержки ихъ въ городѣ—безъ нихъ) воевода посылалъ свою «отписку» въ Разрядъ (а иногда въ малороссійскій приказъ) съ приложеніемъ «распросныхъ рѣчей» выходцевъ. Въ Разрядѣ снова допрашивали бѣглыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда принесенныя ими вѣсти представляли большой интересъ.

Такъ, въ апрѣлѣ 7198 (1690 г.) кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій отправилъ въ приказъ малой Россіи «отписку» [1]), въ которой сообщаетъ, что 3 апрѣля пріѣхалъ въ Кіевъ «изъ Запорогъ» стрѣлецъ Ивашка Григорьевъ, бѣжавшій изъ «кіевскаго жилаго солдацкаго строя полка» полковника Антона Рубкова. Того-же числа бѣглый стрѣлецъ былъ «распрашиванъ» о вѣстяхъ въ «приказной избѣ», передъ воеводою съ товарищи, и его «распросныя рѣчи» воевода приложилъ къ отпискѣ, которую велѣлъ своему посланному подать въ приказъ Малой Россіи, думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи.

Въ своихъ «распросныхъ рѣчахъ» Иванъ Григорьевичъ показалъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье именно «для гулянья»... Сознавая, однако, свою вину, онъ заключаетъ допросныя рѣчи такимъ воззваніемъ къ государевой милости: «а что де онъ, Ивашка, отъ своей братьи остался (т. е. ушелъ со службы) и былъ въ Запорогахъ по сіе время—и въ той его винѣ великіе государи вольны»... (л. 182). Но простили-ли государи (Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи) ему «вину» и какъ было дальше поступлено съ покаявшимся дезертиромъ, изъ документовъ не видно.

На разсматриваемой отпискѣ князя Ромодановскаго читаемъ такую «помѣту», сдѣланную въ приказѣ Малой Россіи, рукою думнаго дьяка Емельяна Украинцева: «198 года, апрѣля въ 26 день: великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтена» (л. 177 на обор.), т. е., что данная отписка и распросныя рѣчи были доложены го-

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, дѣло № 7, лл. 177—182.

сударямъ и прочтены въ боярской думѣ, такъ какъ сообщенныя Иваномъ Григорьевымъ вѣсти касались весьма важной и животрепещущей новости о сношеніяхъ Запорожья съ Крымомъ. Подобныя помѣты о внесеніи распросныхъ рѣчей на обсужденіе боярской думы довольно часто встрѣчаются на воеводскихъ вѣстовыхъ отпискахъ» XVII вѣка [1]).

Если-же «вѣстовыя отписки» не представляли особенной важности, то они доходили только до Разряда или Малороссійскаго Приказа, а выше не шли. На подобныхъ отпискахъ обыкновенно ставилась такая помѣта: «чтена», т. е. отписка чтена лицами, засѣдавшими въ извѣстномъ приказѣ. Если отписка, доставленная въ Разрядъ, говорила о дипломатическихъ вѣстяхъ, т. е. касалась вѣдомства посольскаго приказа, то въ помѣтѣ Разряда всегда значилось, что отписка сообщена въ этотъ приказъ, какъ это, напримѣръ, сдѣлано на вѣстовой отпискѣ путивльскаго воеводы 7133 (1625) г., гдѣ стоитъ такая помѣта: «чтена и въ посольскій приказъ такова-жъ» [2]), разумѣется отослана.

III.

«Полоненики» составляли въ XVII вѣкѣ почти такой-же многочисленный контингентъ собирателей вѣстей для московскаго правительства, какъ и «выходцы». «Полонское терпѣнье» выпадало въ то время вслѣдствіе постоянныхъ войнъ на долю громадной массы русскихъ людей; за весь XVII вѣкъ не переводились русскіе полоненики въ Польшѣ, Турціи, Ногайской землѣ («въ Нагаѣхъ») и особенно въ Крыму. Торговля ими въ послѣднихъ странахъ была очень развита и доставляла немалыя выгоды. Отсюда наши полоненики шли на продажу въ Европу и Малую Азію. Въ Европѣ они проникали до Италіи и даже до Испаніи. Понятно, что изъ этихъ далекихъ странъ рѣдкому полоненику удавалось вернуться

---

[1]) Напримѣръ, въ тоже 26 число апрѣля 7198 г. была доложена въ боярской думѣ другая важная «вѣстовая отписка» князя Ромодановскаго, на которой также намѣчено рукою того-же Емельяна Украинцева что эта отписка «великимъ государемъ извѣстна и бояромъ чтена» (ibid., л. 172 на об.).

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (листы неперенумерованы)

на родину и поразсказать здѣсь свои «вѣсти» о чужой сторонѣ. Но изъ Турціи, Крыма и особенно изъ Польши полоненники возвращались очень часто то вслѣдствіе выкупа и обмѣна ихъ правительствомъ и роднею, то самовольнымъ уходомъ.

Являясь въ извѣстный порубежный городъ, полоненники немедленно представлялись воеводѣ, который отбиралъ отъ нихъ вѣсти, снаряжалъ ихъ въ дорогу и вмѣстѣ съ своей «вѣстовой отпиской» отправлялъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Здѣсь снова дѣлался имъ передопросъ о вѣстяхъ и затѣмъ полоненники подавали государю челобитье о пожалованіи имъ «выходнаго жалованья» за «полонское терпѣнье». При этомъ отъ нихъ отбирались «сказки» объ обстоятельствахъ ихъ плѣненія и объ ихъ жизни въ полону. Эти «сказки» очень любопытны своими богатыми бытовыми подробностями о положеніи русскихъ полоненниковъ. Кромѣ того они сообщаютъ иногда очень цѣнныя данныя по исторіи и географіи сосѣднихъ съ московскимъ государствомъ странъ. Приведу для примѣра сказки «литовскихъ» и «турскихъ» полонениковъ. Въ 7140 (1632) г. «вышелъ на государево имя»[1]) въ Путивль «литовскій полонеників» боярскій сынъ изъ Переяслава-Залѣсскаго Иванъ Андреевъ Литвиновъ. Путивльскіе воеводы князь А. Литвиновъ-Мосальскій и П. Уваровъ прислали его при своей отпискѣ въ Разрядъ, гдѣ онъ «въ роспросѣ сказалъ»: взятъ онъ еще «невеликимъ» (малолѣтнымъ) въ полонъ «лисовчиками» въ Переяславѣ-Залѣсскомъ, когда именно—того онъ не помнитъ. Литовцы свели его въ Быховъ и отдали купцу А. Мышкову, которому Иванъ «служилъ» 12 лѣтъ. Когда «не стало» купца (т. е. когда онъ умеръ), быховскій староста А. Роса «отдалъ его гайдуцкому ротмистру» В. Рожновскому, у котораго онъ служилъ «противъ шведъ» 4 года. Рожновскій былъ убитъ во время этой войны, послѣ чего Литвиновъ годъ «служилъ собою, на одинъ конь козацкую службу, въ ротѣ у Зиновича». По окончаніи этой войны Литвиновъ бросилъ военную службу и пошелъ въ Кіевъ, гдѣ служилъ годъ у купца С. Дурыгина, затѣмъ годъ въ Черкасахъ, у «черкашенина» А. Татарина. Оттуда пошелъ снова въ Быховъ, гдѣ 3 года служилъ купцу С. Вахрамѣеву, потомъ полгода жилъ въ Переяславѣ, у козака П. Криво-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 20—24.

шеи и также полгода въ Стародубѣ, у «русскихъ людей» — у боярскихъ дѣтей В. и И. Львовыхъ. Здѣсь съ нимъ случилось происшествіе, которое заставило его уѣхать въ Россію и о которомъ онъ разсказываетъ довольно глухо. Именно: въ 7139 г., вскорѣ послѣ Петрова дня, пріѣхалъ изъ Смоленска «протопопъ ляцкой (вѣроятно—уніатскій) печатать русскихъ церквей»... Какимъ-то образомъ у Литвинова произошло столкновеніе съ «человѣкомъ» этого «ляцкаго протопопа» и онъ «убилъ человѣка, и оттого побѣжалъ» въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ пробылъ 3 дня и затѣмъ «вышелъ» въ Путивль, откуда воеводы послали его въ Москву.

Давши эту «сказку», Литвиновъ представилъ Разряду «знатца» своего, Переяслава-Залѣсскаго боярскаго сына Богдана Замятнина-Айгустова, показавшаго въ особой «сказкѣ», данной «по крестному цѣлованью», что онъ «полоненика Ивашку знаетъ»: это, дѣйствительно, сынъ Андрея Литвинова, который передавалъ «знатцу», что Ивашка взятъ въ полонъ 5 лѣтъ.

Другой «литовскій полоненикъ» [1]) калужскій «посадскій человѣкъ» Богданъ Ѳоминъ Шатуновъ, въ томъ-же 140 г. передавалъ слѣдующее въ своей «сказкѣ» Разряду: взятъ онъ былъ въ полонъ въ Калугѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою, въ 127 (1619) г., когда «Саадачной Колугу взялъ». Богдана съ матерью свели въ Кіевъ, а сестру въ Черкасы. Первые двое служили въ Кіевѣ разнымъ купцамъ. Послѣ смерти матери онъ пошелъ въ Черкасы, гдѣ нашелъ свою сестру замужемъ «за черкашениномъ». Проживъ здѣсь годъ, да годъ въ Иванѣ-городкѣ, Богданъ послѣ 11-ти лѣтняго плѣна пошелъ «на государеву землю» — на «селитренныя варницы» (куда именно—не сказалъ), гдѣ работалъ полгода и затѣмъ вышелъ въ Рыльскъ, откуда и присланъ воеводою въ Москву.

«Знатецъ», калужскій посадскій человѣкъ Самойликъ Семеновъ сынъ Плотникъ, показалъ въ своей «сказкѣ», что онъ «зналъ» отца и братьевъ Богдана Шатунова, а «его де Богдашка не знаетъ (потому), что онъ взятъ въ полонъ не великъ»...

Потому-ли, что «знатецъ» не подтвердилъ ссылки на него Богдана, или-же по общему, практиковавшемуся въ подобныхъ случаяхъ правилу—полоненикъ былъ отданъ «на поруки» 5-ти ли-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ, № 2, лл. 75—80.

цамъ—«порутчикамъ». Въ «поручной записи» они «выручили въ томъ», что Богдану «за нашею порукою въ Крымъ, въ Литву и въ Нѣмцы и въ иныя ни въ которыя государства не отъѣхать. А какъ его, Богдашку, спросятъ, и намъ, порутчикамъ, его Богдашку поставить въ Разрядѣ передъ дьяки передъ думными»... Если-же Богданъ «отъѣдетъ» въ какое нибудь государство, «или какъ его спросятъ, а мы его не поставимъ, и на насъ на порутчикахъ пеня государя..., а пеню—что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его (Богдана) головы мѣста»... (л. 80).

Остановлюсь еще на слѣдующей сказкѣ [1]) «турскаго полоненика» ливенскаго боярскаго сына Лаврентія Сергѣева, того-же 140 г.:

Сергѣевъ показалъ, что въ 133 г. ливенскій воевода Андрей Измайловъ отправилъ его съ отписками къ сосѣднему оскольскому воеводѣ. Когда онъ ѣхалъ подъ Савинскимъ лѣсомъ, между Ливнами и Осколомъ, его захватили татары и свели въ Кафу. Здѣсь онъ былъ проданъ «торговому турченину», который взялъ его «за море», въ городъ Холявъ, гдѣ Сергѣевъ жилъ 2 года. Отсюда онъ «ушолъ» въ г. Кесарею, гдѣ служилъ 3 года «торговому греченину». Затѣмъ полгода служилъ въ г. Анбарѣ, у митрополита Саввы, да полгода жилъ въ г. Якбозарѣ. Всего онъ пробылъ въ «турской землѣ» 6 лѣтъ. Побывавъ въ Царьградѣ, въ 139 г. Сергѣевъ пошелъ съ однимъ «волошениномъ» въ «волосскую землю», а оттуда чрезъ города Каменецъ-Подольской, Константиновъ и Прилуки вышелъ въ Путивль.

Къ этой сказкѣ въ «выпискѣ» (т. е. справкѣ) Разряда прибавлено: «и какъ Лаврентей взятъ въ полонъ—того не сыскано: отписочные столпы (т. е. «столпы» съ воеводскими «отписками») 133 года погорѣли» (л. 127). Но «знатцы» подтвердили справедливость показаній Л. Сергѣева объ обстоятельствахъ его плѣненія.

Вообще, почти каждая сказка полоненика представляетъ значительный интересъ въ томъ или другомъ историческомъ отношеніи.

[1]) Ibid., лл. 125—127.

IV.

Организація собиранія вѣстей у «торговыхъ людей» была менѣе сложна, чѣмъ у выходцевъ и полоненниковъ. Она сосредоточивалась исключительно у порубежныхъ воеводъ и до Разряда доходили только результаты—самыя вѣсти. Всякій торговый человѣкъ, возвращавшійся изъ-за рубежа въ извѣстный порубежный городъ, обязательно являлся къ мѣстному воеводѣ, который записывалъ его вѣсти и эти «распросныя рѣчи» отсылалъ въ Разрядъ. Напримѣръ: въ іюлѣ 198 (1690) г. [1]) вернулся въ Кіевъ богатый мѣстный торговый человѣкъ, гречанинъ Николай Ивановъ Торніотъ, ѣздившій «для торговаго промысла» въ Польшу, Венгрію и Турцію. Онъ самъ явился въ «приказную избу» и обстоятельно передалъ воеводѣ князю М. Г. Ромодановскому «съ товарищи» всѣ вѣсти, какія онъ успѣлъ собрать во время своей продолжительной торговой поѣздки. Эти вѣсти немедленно были отправлены воеводою въ Разрядъ.

За исправнымъ отправленіемъ этой обязанности торговыхъ людей дѣятельно наблюдали ихъ выборныя общественныя власти. Такъ [2]), въ апрѣлѣ того-же 198 г. кіевскій воевода князь Ромодановскій прислалъ въ Разрядъ «вѣстовую отписку» съ вѣстями, доставленными ему кіевскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Павловымъ, ѣздившимъ въ Варшаву «для торговаго промысла». Воевода сообщаетъ, что И. Павлова прислалъ къ нему «изъ Нижняго города» (т. е. Кіево-Подола) кіевскій «войтъ» Янъ Быковской.

Очень часто, когда Разрядъ настоятельно требовалъ отъ воеводъ присылки вѣстей, или когда сами воеводы догадывались о необходимости добыть свѣжія политическія новости, они не дожидались добровольнаго отправленія за рубежъ торговыхъ людей, но сами нарочно посылали ихъ туда. Для этого, конечно, они выбирали лицъ, хорошо имъ извѣстныхъ, зарекомендовавшихъ себя уже раньше удачными поисками зарубежныхъ вѣстей. Напримѣръ: въ мартѣ 133 (1625) г. вяземскіе воеводы писали въ Разрядъ, что они отправили «вязмитина торговаго человѣка» Гришку Чертолина за рубежъ, въ Дорогобужъ—«провѣдывать литовскихъ вѣстей» [3]). О

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, д. № 7, л. 95.

[2]) Ibid., л. 172.

[3]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (нумераціи листовъ нѣтъ).

такой-же посылкѣ торговыхъ людей за рубежъ сообщалъ въ іюнѣ того-же 133 г. рыльскій воевода [1]).

Понятно, что, для сокрытія истинныхъ цѣлей подобныхъ зарубежныхъ посылокъ торговыхъ людей, воеводы не отпускали ихъ туда съ пустыми руками, но всегда съ товарами. На это обстоятельство воеводы прямо указываютъ въ своихъ отпискахъ. Такъ, тѣ-же вяземскіе воеводы сообщали Разряду въ августѣ 133 г., что они отпустили въ Дорогобужъ «торговаго человѣка Климку Васильева съ товаромъ для торгу и вѣстей ему всякихъ провѣдать приказывали» [2])...

Когда случалось, что у торговыхъ людей не было заготовлено собственнаго товара для зарубежной торговли, а между тѣмъ посылка ихъ за рубежъ настоятельно требовалась, воеводы въ такихъ случаяхъ снабжали торговцевъ «государевыми заповѣдными товарами», взятыми изъ мѣстной «государевой казны». Напримѣръ: въ маѣ 133 г. новгородскіе воеводы «отпустили въ Свейскіе городы съ соболиною казною новгородцевъ торговыхъ людей, и велѣли имъ въ Свейскихъ городахъ про всякія вѣсти проповѣдывать подлинно» [3])...

Вообще къ содѣйствію своихъ торговыхъ людей воеводы прибѣгали очень часто, особенно потому, что по своему положенію эти лица могли проникать въ такія сферы, какія почти совершенно были недоступны спеціальнымъ лазутчикамъ. Напр., въ январѣ 133 г. торопецкіе воеводы писали Разряду, что они посылали съ товарами за рубежъ, для провѣдыванія вѣстей, посадскаго торговаго человѣка Алексѣя Бѣляева, который, какъ оказалось, очень удачно выполнилъ свою задачу—привезъ цѣнныя вѣсти, добытыя имъ изъ надежнаго источника. Бѣляевъ отправился въ Витебскъ, а оттуда поѣхалъ «на ярманку» въ Копылъ—имѣніе гетмана Христофа Радзивилла. Гетманъ жилъ въ это время здѣсь и Бѣляеву удалось проникнуть въ его палацъ и «торговать съ нимъ съ гетманомъ, съ Радзивиломъ съ самимъ—собольми и куницы». Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, Бѣляевъ ловко завелъ съ гетманомъ «разговоръ» о собы-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

тіяхъ дня въ Польшѣ и «слышалъ отъ него Радзивилла въ разговорѣ, что былъ у литовскаго короля сеймъ [1]) въ Варшавѣ»... и проч. [2]).

Въ дѣлѣ собиранія вѣстей московскому государству служили и иноземные торговые люди, пріѣзжавшіе для своихъ промысловъ въ порубежные города. Воеводы всегда старались выпытать у нихъ какія либо политическія новости. Напр. въ мартѣ 133 г. пріѣхалъ въ Брянскъ «литовскій торговой человѣкъ» Тимофей Ляховъ и остановился съ своими товарами «на гостинномъ дворѣ». Воеводы немедленно послали къ нему подьячаго своей «съѣзжей избы» и приказали ему у того Ляхова «въ розговорѣ (т. е. незамѣтно и осторожно) про литовскія вѣсти распросить» [3]). Въ іюнѣ того-же года новгородскіе воеводы сообщили Разряду вѣсти, которыя они добыли при посредствѣ свого «переводчика» Павла Грубова у только что пріѣхавшаго въ Новгородъ «голанскаго торговаго нѣмчина» [4]).

Понятно, что къ вѣстямъ, добытымъ этимъ послѣднимъ путемъ, нужно относиться съ большой осторожностію, такъ какъ несомнѣнно, что иноземцы хорошо понимали цѣль подсылки къ нимъ «для розговору» разныхъ подьячихъ, переводчиковъ и т. п. и съ своей стороны вели эти «розговоры» осторожно. Несомнѣнно также, что и сосѣднія правительства пользовались услугами своихъ торговыхъ людей для добыванія необходимыхъ имъ московскихъ вѣстей; по крайней мѣрѣ о польскомъ правительствѣ извѣстно (см. V главу), что оно, подобно московскому, имѣло у себя спеціальныхъ «лазутчиковъ» для провѣдыванія вѣстей, а слѣдовательно должно было пользоваться для этой цѣли и своими торговыми людьми.

V.

Особенно любопытна организація «лазутчества» въ московскомъ государствѣ XVII в. «Лазутчики» или «вѣстовщики» существовали въ то время во всѣхъ городахъ на рубежѣ съ Швеціей,

---

[1]) Т. е. сеймъ. Вообще, во всѣхъ попадавшихся мнѣ воеводскихъ отпискахъ XVII в. слово «сеймъ» неизбѣжно пишется «соймъ»...

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

Польшей, Турціей, Крымомъ и проч. Но въ извѣстныхъ мнѣ документахъ Разряднаго приказа я находилъ свѣдѣнія о лазутчикахъ собственно на свейскомъ и литовскомъ рубежахъ. Въ «наказахъ» воеводамъ на этихъ рубежахъ наставленія о «лазутчествѣ» занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ и излагаются въ особой «статьѣ». Въ наказѣ, данномъ 23 февраля 138 (1630) г., новому великолуцкому воеводѣ стольнику О. В. Бутурлину находимъ слѣдующія любопытныя наставленія относительно выбора «лазутчиковъ», ихъ обязанностей, пріемовъ собиранія вѣстей, назначенія имъ жалованья, порядка доставленія въ Разрядъ «вѣстовыхъ отписокъ» и проч.[1]).

Воеводѣ предписывается «выбрать на Лукахъ изъ посадскихъ людей и изъ пашенныхъ крестьянъ и изъ всякихъ людей—лазутчиковъ, добрыхъ людей и разумныхъ, которые къ тому государеву дѣлу пригодятся, кого пригоже, и привести ихъ къ государеву крестному цѣлованью на томъ, что имъ государю служить, въ литовскіе города лазучить ходить и вѣстей всякихъ провѣдывать подлинно, а московскихъ никакихъ вѣстей и на смуту, и никакого дурна литовскимъ людямъ, опричь добра, ничего не сказывать, и въ подаркахъ ничего не имать, и литовскихъ людей къ государевымъ городамъ измѣною не привесть, и во всемъ государю служить въ правду, безъ всякой хитрости».

«А приведши ихъ ко кресту, государева жалованья дать имъ, по чему доведется, смотря по человѣку и, примѣряясь къ прежнимъ дачамъ, изъ тамошнихъ (т. е. мѣстныхъ) доходовъ, и тѣхъ лазутчиковъ имена прислать къ государю», т. е. въ Разрядный приказъ.

Далѣе говорится, что воевода долженъ «посылать тѣхъ лазутчиковъ въ литовскіе города, куда пригоже, а велѣть про вѣсти провѣдывать всякими обычаи». Лазутчики должны «провѣдывать про короля, и про королевича», также о томъ, гдѣ стоятъ литовскіе ратные люди, или куда назначенъ имъ сборъ; когда и съ какою цѣлью былъ или будетъ у короля «соймъ»; въ какихъ отношеніяхъ находится Польша къ Турціи, Крыму и Швеціи; нѣтъ-ли у короля «какого умышленья на московское государство»; не собираются-ли куда походомъ «запорожскіе черкасы» и проч. и проч. Вообще о всякихъ политическихъ и военныхъ новостяхъ лазутчики должны «провѣдывать на крѣпко», т. е. основательно и точно.

---

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 362—364.

Воевода долженъ посылать лазутчиковъ «почасту» и ихъ вѣсти сообщать въ Москву «почасту-жс». Всѣ «отписки о вѣстяхъ» слѣдуетъ посылать въ Разрядъ, а «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» (т. е. о недоразумѣніяхъ съ зарубежными властями) въ Посольскій приказъ. Впрочемъ «о задорахъ» воевода долженъ извѣщать и Разрядъ, а также писать и къ сосѣднимъ воеводамъ, «куда пригоже».

Въ заключеніе «статьи» о лазутчествѣ говорится снова о жалованьѣ лазутчикамъ: «лазутчикамъ, которые придутъ съ прямыми (т. е. достовѣрными) вѣстями изъ литовскихъ городовъ, давать за вѣсти государева жалованья по полтинѣ, или по рублю, и смотря по вѣстямъ» [1])...

Помимо «наказовъ», Разрядъ и въ другихъ случаяхъ напоминалъ воеводамъ о старательномъ собираніи вѣстей чрезъ лазутчиковъ и другихъ лицъ. Это особенно часто бывало въ моменты натянутыхъ отношеній Москвы къ сосѣднимъ государствамъ и вообще въ виду какихъ либо зарубежныхъ событій особенной важности. Напр. въ 133 (1625) г. въ Литвѣ появилось «моровое повѣтріе». Опасаясь перенесенія его въ московскіе предѣлы и принимая разныя необходимыя при этомъ мѣры, московское правительство между прочимъ разослало чрезъ Разрядъ «грамоты» къ порубежнымъ воеводамъ, съ приказаніемъ «у выходцовъ и у полонениковъ и у «лазутчиковъ и у торговыхъ людей провѣдывать и распрашивать накрѣпко» о моровомъ повѣтріи въ Литвѣ и Польшѣ, а также кстати о тамошнихъ политическихъ вѣстяхъ [2]). Эти грамоты были разосланы въ маѣ и іюнѣ въ гг. Мосальскъ, Рыльскъ и Брянскъ.

Лазутчики выбирались воеводами какъ изъ служилыхъ, такъ и изъ жилецкихъ людей—посадскихъ и крестьянъ. Служилые люди сравнительно рѣдко брались за лазутчество. Такъ, въ апрѣлѣ 133 г., путивльскій воевода посылалъ за рубежъ «лазучить» путивльскаго боярскаго сына Григорья Гладкова. Въ августѣ того-же года воронежскіе воеводы посылали «провѣдывать на Дону про всякія вѣсти»—«станичниковъ», дѣтей боярскихъ, Неустроя Тарарыкова

---

[1]) Въ этомъ-же «наказѣ» (л. 364 и слѣд.) говорится о собираніи вѣстей отъ «выходцевъ», «полонениковъ» и проч.

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

и еще 5 человѣкъ, да «полковыхъ козаковъ» 9 человѣкъ. Гораздо охотнѣе шли въ лазутчики жилецкіе люди. Напр. въ февралѣ 133 г. Бѣльскій (смоленскій) воевода посылалъ «за рубежъ, для вѣстей», крестьянъ своего уѣзда Сеньку Рыжковскаго и Ивашку Скюлетина. Но наиболѣе всего контингентъ лазутчиковъ пополнялся изъ посадскихъ людей. Такъ, въ маѣ 133 г., новгородскіе воеводы посылали «для провѣдыванія вѣстей» въ Иванъ-городъ «посадскаго человѣка» Ивана Иванова. Въ томъ-же мѣсяцѣ псковскіе воеводы также посылали за рубежъ «для вѣстей» посадскаго человѣка. Въ мартѣ того-же года торопецкіе воеводы «посылали въ литовскіе городы для вѣстей» посадскихъ людей Ивашку Зиму и Ивашку Щеку [1]). Въ другой мартовской отпискѣ тѣхъ-же торопецкихъ воеводъ Ив. Зима названъ прямо «торопецкимъ лазутчикомъ». Въ маѣ 133 г. масальскій воевода посылалъ «масальскаго лазутчика» крестьянина четвертаго Елизарова. Но по большей части въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» не опредѣляется званіе лазутчиковъ, а только приводится это названіе ихъ, иногда въ соединеніи съ именемъ города, къ которому они принадлежали. Такъ, въ августѣ 133 г. брянскіе воеводы посылали за рубежъ «брянскаго лазутчика» Ивашку Лаптя [2]).

Большею частію воеводы посылали за рубежъ по одному лазутчику, но нерѣдко и по 2 человѣка. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, укажу еще на одинъ—посылку брянскими воеводами, въ іюнѣ 133 г., 2 лазутчиковъ—Степана и Павла Вяхиревыхъ. Еще рѣже встрѣчаются посылки 3 человѣкъ. Такова, напр., была посылка рыльскимъ воеводою, въ томъ-же іюнѣ, 3 лазутчиковъ [3]). Вышеупомянутая посылка съ Воронежа на Донъ 15 ратныхъ людей (станичниковъ и козаковъ) представляется исключительною. Это былъ скорѣе не большой воинскій отрядъ, чѣмъ партія лазутчиковъ.

Лазутчики высылались не только въ ближайшія зарубежныя мѣстности, но иногда и на очень значительное разстояніе отъ своего города. Такъ, въ 133 г. были слѣдующія довольно далекія посылки лазутчиковъ: изъ Брянска въ Смоленскъ, изъ Пскова въ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

Ригу, изъ Путивля въ Кіевъ, изъ Рыльска въ Кіевъ и Бѣлую-Церковь и т. п. [1]).

Лазутчики находились на лазутчествѣ обыкновенно по нѣсколько дней, но при дальнихъ посылкахъ бывали за рубежомъ и по полумѣсяцу, по мѣсяцу и больше. Напр. въ 133 г. вышеупомянутый путивльскій лазутчикъ боярскій сынъ Г. Гладковъ былъ посланъ въ Кіевъ 4 апрѣля, а вернулся въ Путивль 17 апрѣля. Три рыльскихъ лазутчика, посланные въ Кіевъ и Бѣлую Церковь, поѣхали 14 іюня, а вернулись 21 іюля. Торопецкій лазутчикъ Ив. Зима былъ посланъ «въ литовскіе города» 27 марта, а вернулся 11 мая [2]).

Для собиранія вѣстей лазутчики прибѣгали къ разнымъ пріемамъ. Прежде всего они старались заводить за рубежомъ «знакомцевъ» — друзей и пріятелей, на свѣдѣнія которыхъ могли-бы вполнѣ положиться. Въ 133 г. путивльскій лазутчикъ Гладковъ собралъ въ Кіевѣ разныя вѣсти отъ митрополита Іова Борецкаго и отъ своихъ «знакомцевъ—литовскихъ людей». Гладковъ былъ боярскій сынъ [3]) и потому могъ проникнуть къ митрополиту; лазутчики изъ крестьянъ и посадскихъ людей были далеки отъ подобныхъ сферъ, вращались въ низшихъ слояхъ общества и лишь болѣе ловкимъ изъ нихъ удавалось проникать куда либо повыше, на что давались имъ отъ воеводъ особыя средства. Такъ брянскіе воеводы, посылая въ августѣ 133 г. въ смоленскій уѣздъ своего лазутчика Ивашку Лаптя «для промыслу и проходу за рубежъ, дали ему 2 куницы, чтобъ ему у кого за рубежомъ литовскихъ подлинныхъ всякихъ вѣстей провѣдать»..., собственно-же на путевые расходы ему была особо дана «полтина» [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Любопытно, что воеводскую «вѣстовую отписку», сообщавшую вѣсти, добытыя Гладковымъ, доставилъ въ Разрядъ самъ вѣстовщикъ, т. е. лице отличившееся въ данномъ порученіи. Здѣсь видимъ тоже самое, что въ XVII в. всегда практиковалось въ ратномъ дѣлѣ, гдѣ для доставленія въ Разрядъ «сеунча» (извѣстія) о боѣ «сеунщикомъ» обыкновенно назначался кто либо изъ ратныхъ людей, найболѣе отличившихся въ томъ бою (см., напр. «Истор. царств. Петра В.» *Н. Устрялова*, т. I, стр. 378; см. также столбцы московскаго и друг. столовъ.

[4]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

Лазутчики обыкновенно лично доставляли воеводамъ собранныя ими вѣсти, но иногда они сносились съ ними и письменно. Это бывало въ случаяхъ большой экстренности, когда добытая лазутчикомъ вѣсть была очень важнаго свойства и когда письменное донесеніе лазутчика воеводѣ могло придти раньше его самого, или когда вообще лазутчикъ находилъ необходимымъ продолжить свое пребываніе за рубежомъ и въ тоже время не могъ медлить съ увѣдомленіемъ о важной вѣсти. Подобный примѣръ указываетъ отписка брянскихъ воеводъ, въ августѣ 133 г., о посылкѣ ими за рубежъ вышеупомянутаго лазутчика Ив. Лаптя.

Ив. Лапоть былъ отпущенъ въ смоленскій уѣздъ 8 августа, а 11-го онъ прислалъ воеводамъ (изъ деревни Шиплевой, въ 40 верстахъ отъ Смоленска) «память, за своею рукою и за печатью», въ которой сообщалъ очень важную вѣсть, именно, что панъ Гонсѣвскій «накликаетъ» (созываетъ) въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Серпейскѣ «охочихъ воинскихъ людей» и замышляетъ идти съ ними къ можайскому рубежу. Пославши воеводамъ «память», Лапоть остался за рубежомъ для провѣрки своей вѣсти. 16 августа онъ вернулся въ Брянскъ и отчасти успокоилъ имъ-же надѣланную тревогу, сообщивъ, что Гонсѣвскій, хотя дѣйствительно собираетъ «охочихъ людей», но идетъ съ ними не къ можайскому рубежу, а къ Полотску—именно потому, «что будто подъ Полотскъ свицкой (шведскій) король пришелъ и Полотскъ осадилъ»... Однако Лапоть не могъ «подлинно» сказать, какую изъ его двухъ вѣстей слѣдуетъ признать болѣе достовѣрною, и потому воеводы снова послали его «того-жъ числа» за рубежъ для разрѣшенія этого важнаго недоумѣнія. Въ этотъ-то разъ они и дали ему 2 куницы «для промыслу и проходу за рубежъ», т. е. чтобы онъ нашелъ тамъ и задобрилъ такихъ лицъ, которые могли-бы сообщить ему «подлинную» вѣсть о замыслахъ Гонсѣвскаго [1]).

Конечно, польское и другія сосѣднія съ Москвою правительства хорошо знали о существованіи московскихъ лазутчиковъ и, насколько было возможно, старались преслѣдовать ихъ и мѣшать ихъ дѣятельности. Любопытныя данныя объ одномъ случаѣ подобнаго выслѣ-

[1]) Ibid.—Чѣмъ кончилась эта посылка Лаптя за рубежъ—свѣдѣній не сохранилось.

живанія московскихъ лазутчиковъ польскимъ правительствомъ сообщаетъ отписка великолуцкаго воеводы В. А. Третьякова, въ ноябрѣ 136 (1627) г. [1]).

Воевода сообщаетъ Разряду, что въ іюлѣ 135 г. онъ отпустилъ за рубежъ въ г. Невель 2 стрѣльцовъ «для долгового взятку» (т. е. для взысканія долга съ невельскихъ жителей) и 2 козаковъ, Афанасія Федорова и Никиту Константинова, и «для провѣдыванія вѣстей». Невельскій «воевода», узнавши о пріѣздѣ въ городъ лазутчиковъ, велѣлъ ихъ «переймать и удержать ихъ на Невлѣ за приставы», не отпуская въ Великія Луки. Воевода В. А. Третьяковъ, для выручки изъ Невля своихъ людей, прибѣгнулъ къ оригинальному пріему: онъ послалъ въ свой уѣздъ «луцкихъ (т. е. великолуцкихъ) помѣщиковъ» Богдана Креницына и Константина Пасынкова, съ 2 «стрѣлецкими сотниками», и велѣлъ имъ «въ луцкомъ уѣздѣ, на государевѣ землѣ невельскихъ людей вмѣсто тѣхъ козаковъ изымавъ, привести на Луки Великіе»... Б. Креницыну дѣйствительно удалось исполнить воеводское порученіе: онъ поймалъ въ уѣздѣ 6 человѣкъ «литовскихъ мужиковъ невельскаго уѣзда» и доставилъ ихъ въ Великіе Луки, гдѣ воевода велѣлъ ихъ «держать за приставы». Въ тоже время воевода поспѣшилъ извѣстить Разрядъ о случившемся у него «задорѣ» съ зарубежными польскими властями. Разрядъ приказалъ немедленно отправить «грамоту» къ невельскому «уряднику» и потребовать, чтобы онъ «мирнаго договора не нарушивалъ», т. е., чтобы «урядникъ» освободилъ «отъ пристава» луцкихъ козаковъ и стрѣльцовъ и отпустилъ-бы ихъ въ Вел. Луки, обѣщая и съ своей стороны отпустить задержанныхъ «литовскихъ мужиковъ». Конечно, воевода при этомъ скрылъ то обстоятельство, что посланные имъ козаки были лазутчиками: онъ долженъ былъ выставить ихъ мирными людьми, поѣхавшими въ Невель, подобно стрѣльцамъ, «для долговаго взятка» съ невлянъ. Свою грамоту воевода отправилъ въ Невель съ однимъ изъ задержанныхъ имъ невельскихъ крестьянъ. Невельскій урядникъ Петръ Мровинскій долженъ былъ уступить этому правильному съ формальной точки зрѣнія требованію московскаго правительства: на основаніи послѣдняго «мирнаго договора» съ Польшею подданные

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 78—80.

обѣихъ договорившихся сторонъ имѣли право свободнаго перехода чрезъ рубежъ для своихъ личныхъ дѣлъ. П. Мровинскій согласился отпустить московскихъ стрѣльцовъ и козаковъ въ обмѣнъ на невельскихъ крестьянъ и просилъ «учинить розмѣну» на рубежѣ, на рѣчкѣ Ловницѣ. Воевода В. А. Третьяковъ послалъ для размѣна великолуцкаго помѣщика Ивана Хмѣлева, вмѣстѣ съ невельскими крестьянами. «Размѣна» была произведена 12 октября, т. е. вся эта исторія тянулась около 3 мѣсяцевъ.

На воеводской отпискѣ въ Разрядъ объ этомъ дѣлѣ читаемъ такую помѣту Разряднаго Приказа: «чтена; отписать на Луки, а велѣть, роспрося подлинно тѣхъ луцкихъ стрѣльцовъ и козаковъ, которые были задержаны на Невлѣ, отписать ко государю: для чево ихъ тамъ держали, и чево у нихъ роспрашивали какихъ вѣстей, и што опи имъ сказывали, и што какихъ литовскихъ вѣстей они, тамъ будучи, слышели, про тобъ про (все) отписали имянно»).

Подобною-же ловлею чужихъ лазутчиковъ не рѣдко приходилось заниматься и московскому правительству. Что сосѣднія государства также не брезгали прибѣгать къ лазутчеству для ознакомленія съ московскими политическими новостями, объ этомъ можно найдти не мало свѣдѣній въ современныхъ документахъ. Приведу одинъ случай, сообщающій интересныя данныя о польскихъ лазутчикахъ. Въ іюлѣ 137 (1629) г. великолуцкій воевода Ѳедоръ Елецкій прислалъ въ Разрядъ отписку [1]) о «выходцѣ» изъ Литвы шляхтихѣ Васильѣ Степановѣ Ляховичѣ, служившемъ «пахолкомъ» у невельскаго «урядника» вышеупомянутаго Петра Мровинскаго. Къ отпискѣ приложены «распросныя рѣчи» о вѣстяхъ, доставленныхъ Ляховичемъ. Онъ сообщилъ между прочимъ (л. 246), что въ прошломъ 136 г. польскій король и «паны — рада» во время «сойма» послали въ московскіе города 6 человѣкъ «лазутчиковъ — шляхтичей Якова Катковскаго и другихъ. Всѣмъ лазутчикамъ велѣно было «идти въ нищемъ образѣ и провѣдывать про все подлинныхъ вѣстей». Это переодѣванье дало лазутчикамъ возможность исполнить свою задачу вполнѣ благополучно: московскія власти ихъ не замѣтили и лазутчики вернулись изъ московскихъ городовъ «всѣ цѣлы» и «вѣсти написавъ, принесли съ собою». При этомъ

---

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758; лл. 243—246.

Ляховичъ замѣтилъ, какъ-бы въ поученіе московскимъ властямъ: а «грамотѣ-де они (польскіе лазутчики) всѣ умѣютъ»... Они сошлись вмѣстѣ въ Полоцкѣ и оттуда направились къ королю на «соймъ», въ Варшаву, куда прибыли около Рождества 137 г. Доставленныя ими вѣсти были очень важнаго свойства и повліяли на постановленія сойма: «и по ихъ вѣстямъ, говорилъ Ляховичъ, литовскіе люди на соймѣ говорили, что было идти войною въ московское государство»... и проч.

Вообще въ Разрядныхъ документахъ можно найдти много подобныхъ любопытныхъ данныхъ объ организаціи «лазутчества» въ XVII в., какъ въ московскомъ, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ (особенно въ Польшѣ).

VI.

Вѣсти, собранныя въ XVII вѣкѣ порубежными воеводами, при посредствѣ «выходцевъ», «полонениковъ», «торговыхъ людей» и «лазутчиковъ», представляютъ очень обширный, довольно цѣнный и притомъ почти не тронутый матеріалъ для исторіи Россіи XVII в. и особенно для исторіи Малороссіи. До соединенія съ Москвою, Малороссія была для первой зарубежною страною, положеніе которой очень интересовало московское правительство, особенно съ тѣхъ поръ, когда появились несомнѣнные признаки, говорившіе о близкомъ соединеніи. Поэтому въ ближайшихъ къ Малороссіи московскихъ порубежныхъ городахъ постоянно и тщательно собирались вышеуказанными путями различныя вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ и аккуратно доставлялись въ Разрядъ. Но и позже, послѣ соединенія, когда часть Малороссіи еще оставалась за Польшею, въ эти невозсоединенныя земли также усердно шли московскіе лазутчики и торговые люди, для провѣдыванія тамъ всякихъ вѣстей, и также часто выѣзжали оттуда съ вѣстями выходцы и полоненики. Кромѣ того, и въ возсоединенной части Малороссіи оставалось еще не мало вопросовъ, окончательно невыясненныхъ и требовавшихъ не ослабнаго наблюденія со стороны московскаго правительства. Таковы, напримѣръ, были дѣла запорожскаго войска, гдѣ Москвѣ приходилось зорко слѣдить за отношеніями запорожцевъ къ Польшѣ и Крыму. Поэтому вѣсти о запорожскихъ дѣлахъ постоянно интересовали

московское правительство. Вообще, во все продолженіе XVII вѣка въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ преимущественно вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ.

Кромѣ того, положеніе Малороссіи въ сосѣдствѣ съ Польшею, Крымомъ и Турціей, такъ тѣсно переплетало всегда интересы этихъ странъ, что знакомство съ исторіей Малороссіи немыслимо безъ изученія жизни ея сосѣдей. а о послѣдней постоянно говорятъ московскія вѣсти. Польша, Крымъ и Турція были первыми и самыми опасными въ то время врагами Москвы. Для Посольскаго приказа въ Москвѣ самыми цѣнными вѣстями были именно вѣсти о польскихъ и крымскихъ дѣлахъ, отъ того и порубежные воеводы наиболѣе всего заботились о собираніи политическихъ и военныхъ новостей изъ Польши и Крыма. Большинство вѣстовыхъ отписокъ касается именно исторіи сношеній Москвы съ этими странами. Рѣже говорятъ они о Турціи и Швеціи, и еще рѣже о «цесарской землѣ», о Франціи и другихъ западно-европейскихъ странахъ.

Историческое значеніе этихъ вѣстей не подлежитъ сомнѣнію. Главнымъ образомъ они являются матеріаломъ для политической исторіи Москвы, Малороссіи и ихъ сосѣдей. Отношенія сосѣднихъ государствъ къ Москвѣ и между собою, а также къ другимъ европейскимъ государствамъ, ихъ планы и намѣренія въ будущемъ, ихъ настоящее положеніе—войны, мирные договоры, союзы другъ съ другомъ и проч.—все это стоитъ на первомъ планѣ въ «вѣстовыхъ отпискахъ». Не менѣе этихъ сторонъ интересовалось московское правительство ратнымъ дѣломъ у своихъ сосѣдей. Поэтому въ вѣстяхъ можно встрѣтить массу свѣдѣній о состояніи войскъ въ сосѣднихъ государствахъ, объ ихъ размѣщеніи вообще и особенно въ порубежныхъ съ Москвою городахъ, о составѣ и количествѣ войскъ, о военоначальникахъ и пр. Словомъ, здѣсь можно найдти не мало цѣнныхъ матеріаловъ для военной исторіи Малороссіи, Польши и другихъ странъ.

Еще болѣе цѣнны многія данныя «вѣстовыхъ отписокъ» для бытовой исторіи. Въ этомъ отношеніи можно найдти здѣсь свѣдѣнія о положеніи тѣхъ или другихъ сословій въ порубежныхъ съ Москвою государствахъ, о проявленіяхъ политической жизни народа (напр. о сеймахъ и сеймикахъ въ Польшѣ), объ административныхъ учрежденіяхъ и распорядкахъ и т. п. Здѣсь-же нерѣдко

попадаются брошенныя мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе очень любопытныя свѣдѣнія о частной жизни тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ Малороссіи, Польши и проч. Особенно часто встрѣчаются свѣдѣнія о придворной жизни въ Польшѣ, о личностяхъ польскихъ королей, малороссійскихъ гетмановъ, крымскихъ хановъ и проч. Всякое событіе изъ частной жизни этихъ высшихъ сферъ заносилось воеводами въ ихъ политическія лѣтописи—«вѣстовыя отписки», игравшія отчасти для московскаго правительства ту роль, какая теперь принадлежитъ газетамъ. И нужно отдать честь этимъ правительственнымъ «корреспондентамъ»—воеводамъ, что они очень внимательно относились къ этой своей задачѣ. Все крупное и мелкое, но носившее характеръ новизны и интереса, неизмѣнно заносилось ими на столбцы ихъ «отписокъ».

Мало того: воеводы интересовались не только политическою жизнію сосѣднихъ странъ, но и жизнью природы. Всѣ великія и грозныя явленія ея—«трясенія земли», страшныя бури, наводненія, сильные морозы, неурожаи и проч.—все это также находило для себя мѣсто въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ». Вообще эти документы очень цѣнны и для исторической географіи московскаго государства и порубежныхъ съ нимъ странъ. Здѣсь встрѣчается масса драгоцѣнныхъ топографическихъ указаній о городахъ, селахъ, деревняхъ и другихъ населенныхъ пунктахъ, попадаются также свѣдѣнія гидрографическія, статистическія и проч. Особенно-же важны данныя о рубежахъ московскаго государства, преимущественно о литовскомъ, свейскомъ и крымскомъ: объ измѣненіяхъ ихъ направленія и протяженія, о порубежныхъ укрѣпленіяхъ, о составѣ и порядкахъ порубежной службы—«сторожевой», «станичной», лазутческой и проч., о тягостяхъ жизни порубежнаго населенія и т. п.

Между тѣмъ, не смотря на такое важное историческое значеніе разсматриваемыхъ матеріаловъ, они очень мало извѣстны въ нашей исторической литературѣ и богатыя собранія ихъ въ нашихъ архивахъ лежатъ почти совершенно нетронутыми. Правда, нѣкоторыя «вѣстовыя отписки» напечатаны въ актовыхъ изданіяхъ [1]) и многіе историки (напр. Соловьевъ, Костомаровъ, Устряловъ и др.)

---

[1]) См., напр., т. VI, «Акты западной и южной Россіи», №№ 31, 51, 56, 59, 64 и друг.

мимоходомъ пользовались ими, такъ сказать, при случаѣ, но спеціальному изученію «вѣстовыя отписки» не подвергались еще и ждутъ своего изслѣдователя.

«Вѣстовыя отписки» сохранились въ большомъ количествѣ въ документахъ Разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь встрѣчаются цѣлые столбцы и книги, сплошь наполненныя разсматриваемыми документами воеводской дѣятельности. Особенно богаты ими столбцы московскаго, приказнаго, бѣлогородскаго, новгородскаго и сѣвскаго столовъ Разряда. Проф. Н. П. Загоскинъ высказываетъ предположеніе [1]), что именно приказный столъ завѣдывалъ полученіемъ вѣстовыхъ отписокъ и дальнѣйшимъ направленіемъ ихъ для доклада царю и боярской думѣ, а также передачею ихъ въ посольскій и другіе приказы. Это возможно допустить, хотя нахожденіе вѣстовыхъ отписокъ и въ другихъ вышеуказанныхъ столахъ (особенно много ихъ въ московскомъ столѣ), повидимому, подрываетъ это предположеніе. Впрочемъ этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только спеціальнымъ изученіемъ разсматриваемыхъ документовъ.

Въ книгахъ Разряда вѣстовыя отписки встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ столбцахъ. Они попадаются въ книгахъ преимущественно московскаго и приказнаго столовъ [2]). Въ «записныхъ книгахъ» московскаго и бѣлогородскаго столовъ встрѣчаются сокращенныя записи (выдержки) изъ воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ [3]). Такія-же записи находятся и въ «записныхъ книгахъ» другихъ столовъ, особенно въ тѣхъ отрывкахъ изъ нихъ, которые носятъ заглавія: «записокъ отпискамъ» (т. е. воеводскимъ отпискамъ) [4]). Но эти записи, изложенныя очень сокращенно, не представляютъ такого интереса и значенія, какъ подлинныя воеводскія вѣстовыя отписки, цѣнныя именно своими богатыми подробностями.

Кромѣ Разряднаго приказа, вѣстовыя отписки встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи, напримѣръ въ малороссійскомъ приказѣ.

---

[1]) «Столы Разряднаго Приказа», стр. 44—45.

[2]) Ibid., стр. 6, 42—45.

[3]) Ibid., стр. 6 и слѣд., стр. 33.

[4]) См. IV приложеніе къ «Обозрѣнію историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Описаніе документовъ московскаго архива министерства юстиціи», кн. IV, стр. 415—416).

Изъ другихъ нашихъ архивовъ богатое собраніе воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ находится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. е. въ дѣлахъ посольскаго приказа. Извѣстно, что воеводскія отписки, говорившія «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» [1]), пересылались Разрядомъ въ посольскій приказъ. Хотя тѣ-же самыя отписки Разрядъ оставлялъ и у себя (въ подлинникахъ или «спискахъ»), но такъ какъ въ Разрядномъ архивѣ сохранились воеводскія отписки далеко не въ полномъ своемъ составѣ, то встрѣчающіеся здѣсь пробѣлы могутъ быть восполнены только отписками, уцѣлѣвшими въ архивѣ посольскаго приказа. Этими послѣдними отписками наши историки (Соловьевъ и др.) пользовались гораздо усерднѣе, чѣмъ болѣе богатымъ собраніемъ вѣстовыхъ отписокъ въ архивѣ Разряднаго приказа.

VII.

Нѣтъ нужды особенно распространяться о томъ, что содержаніе «вѣстовыхъ отписокъ» нельзя всегда принимать на полную вѣру, но необходимо провѣрять его историческимъ анализомъ. Вѣсти, какъ мы знаемъ, очень часто доставлялись воеводамъ людьми простыми и не развитыми въ политическомъ отношеніи, взглядъ которыхъ на событія въ жизни разныхъ государствъ не могъ быть вполнѣ безошибоченъ и безпристрастенъ. Кромѣ того, извѣстно также, что иногда вѣстовщики были вынуждаемы говорить вѣсти во что-бы то ни стало (напр. «выходцы», которыхъ иногда и не пропускали чрезъ рубежъ, если они шли безъ вѣстей, или «бѣглые люди», искупавшіе сообщеніемъ вѣстей свой грѣхъ побѣга). Къ такимъ и подобнымъ вѣстямъ нужно относиться къ крайнею осторожностію. Но и вѣсти, сообщенныя внушающими довѣріе лицами, во многихъ случаяхъ неизбѣжно требуютъ историческаго анализа и провѣрки ихъ по даннымъ другихъ источниковъ. Остановлюсь для примѣра на содержаніи нѣсколькихъ «вѣстовыхъ отписокъ».

---

[1]) См., напр., выше упомянутый «наказъ» великолуцкому воеводѣ, 7138 г. (новгородскаго стола столбецъ № 7758, л. 364).

Примѣромъ сомнительной и курьезной вѣсти можетъ служить одно извѣстіе вѣстовой отписки сѣвскаго воеводы, посланной Разряду въ мартѣ 140 (1632 г.)[1]) о «выходцѣ» изъ-за литовскаго рубежа литвинѣ Янѣ Заблоцкомъ и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ. Воевода сообщаетъ Разряду многія политическія и военныя новости Польши, слышанныя Яномъ Заблоцкимъ въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ отъ тамошняго «урядника» Яна Куницкаго. Сообщивши о томъ, что «изо всѣхъ литовскихъ и украинскихъ городовъ шляхты и поляки (sic) поѣхали въ Польшу, къ королю на соймъ,—а о чемъ-де соймъ будетъ, того-де онъ, Янъ, не вѣдаетъ»,—выходецъ передалъ воеводѣ и такую крупную новость:

«Да Янъ-же Заблоцкій сказалъ, что въ польской землѣ, отъ волоского рубежа, было трясенье земли въ нынѣшнемъ въ 140 г., въ Филиповъ постъ и провалилася-де земля на сорокъ верстъ (?!)— городъ и съ уѣздными съ селы и съ деревнями, а которой-де имянемъ городъ, тово-де онъ подлинно не вѣдаетъ»... (л. 145)[2]).

Воевода значительно измѣнилъ эту любопытную вѣсть Яна Заблоцкаго; по крайней мѣрѣ въ Разрядѣ выходецъ показалъ нѣчто другое. Въ слѣдующихъ за воеводскою отпискою «допросныхъ рѣчахъ» Яна въ Разрядѣ (лл. 149—154) читаемъ болѣе подробную передачу привезенныхъ имъ вѣстей. Любопытно ихъ происхожденіе. Заблоцкій объяснилъ, что за 3 дня до его отъѣзда «на Русь» пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій изъ Варшавы татаринъ съ «листомъ» отъ королевича къ «капитану» Яну Куницкому. Послѣдній сталъ читать этотъ «королевичевъ листъ» передъ «всѣми панами». Янъ Заблоцкій, стоявшій тутъ-же въ горницѣ, «тотъ листъ слышалъ». Королевичъ сообщалъ о предстоящемъ сеймѣ въ Варшавѣ и требовалъ присылки туда 2 выборныхъ «добрыхъ пановъ» отъ Новгородъ-Сѣверскаго «повѣта». Въ тотъ-же день, говоритъ Янъ Заблоцкій, паны собрались, выбрали и послали на сеймъ Станислава Осинскаго и пана Маровича, имени котораго выходецъ не знаетъ (л. 151).

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

[2]) Далѣе (лл. 146—148) идетъ буквальное повтореніе этой-же отписки. Не назначалась-ли вторая отписка для отсылки въ посольскій приказъ? «О трясеніи земли» здѣсь повторено тоже самое (л. 148).

О землетрясеніи-же 140 г. Заблоцкій такъ разсказывалъ въ Разрядѣ: «да въ королевичевѣ-жъ листу писано, что идетъ на нихъ гнѣвъ Божій, не токмо что отъ людей: за Польшею, а въ которомъ мѣстѣ, того не написано, тряслася земля на 24 мили, по русски на 120 верстъ, и городъ со всѣмъ уѣздомъ и съ лѣсами съ землею смѣшало»... (л. 151).

Эта послѣдняя редакція вѣсти Заблоцкаго значительно отличается отъ первой—воеводской: 1) воевода отнесъ землетрясеніе къ Польшѣ, тогда какъ королевичъ сообщалъ о случаѣ, бывшемъ «за Польшею». Выходецъ, бывшій польскій подданный, не могъ такъ грубо ошибиться относительно своей родины, чтобъ событіе случившееся внѣ ея предѣловъ отнести къ ней самой. 2) Воевода сообщилъ явную несообразность, утверждая, что «провалилась земля на 40 верстъ»; самъ-же выходецъ передалъ совершенно естественный фактъ, что «тряслась земля на 24 мили» или «по русски на 120 верстъ». Точно также естественно сообщеніе Заблоцкаго о томъ, что во время этого землетрясенія какой-то городъ съ его «уѣздомъ» (т. е. съ окрестностями) «съ землею смѣшало», т. е., что городъ обрушился; тогда какъ воевода утверждалъ, что городъ съ уѣздомъ именно «провалились»... Понятно, что разрядной редакціи вѣсти Яна Заблоцкаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ воеводской редакціей; но вообще самый фактъ крупнаго землетрясенія въ 140 г., гдѣ-то на рубежѣ Польши съ Валахіей, требуетъ провѣрки по другимъ современнымъ свидѣтельствамъ.

VIII.

Перехожу къ другимъ вѣстямъ, имѣющимъ несомнѣнное историческое значеніе. Таковы, напримѣръ, любопытныя вѣсти, заключающіяся въ вышеупомянутой вѣстовой отпискѣ кіевскаго воеводы, боярина князя М. Г. Ромодановскаго, полученной Разрядомъ въ 20-хъ числахъ апрѣля 198 (1690 г.) [1]. Воевода сообщаетъ въ этой отпискѣ вѣсти, доставленныя ему кіевскимъ бѣглымъ стрѣльцомъ Ивашкой Григорьевымъ, вернувшимся 3 апрѣля 1690 г. въ Кіевъ послѣ полутора-годичнаго (съ августа 1688 года) пребыванія въ Запорожьѣ.

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 177—182.

Иванъ Григорьевъ доставилъ воеводѣ такія вѣсти о Запорожьѣ, которыя представляютъ совершенно новый матеріалъ для исторіи отношеній Запорожья въ разсматриваемое время къ Москвѣ и Крыму. Стрѣлецъ попалъ въ Запорожье въ интересный моментъ—въ промежутокъ между первымъ (1687 г.) и вторымъ (1689 г.) крымскими походами князя Вас. Вас. Голицына, и пробылъ тамъ все время 2-го похода. Такимъ образомъ его вѣсти имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи 2-го крымскаго похода. Они-же сообщаютъ нѣкоторыя новыя данныя въ дополненіе къ извѣстному факту сношеній Запорожья съ Польшей въ 1689 г. Кромѣ того, разсматриваемыя вѣсти цѣнны и для характеристики бытовой исторіи Запорожья. Такую-же важность имѣютъ и находящіяся въ отпискѣ географическія указанія.

Всѣ эти данныя сообщаетъ лице, не внушающее съ перваго взгляда довѣрія—бѣглый стрѣлецъ, возвращавшійся въ Кіевъ подъ страхомъ наказанія и заинтересованный въ томъ, чтобы смягчить это возможное наказаніе какою нибудь услугою правительству, именно сообщеніемъ ему крупныхъ политическихъ новостей изъ Запорожья. Не забывая этого обстоятельства, нельзя однако же и совершенно игнорировать вѣсти И. Григорьева только на томъ основаніи, что его личность возбуждаетъ сомнѣнія. Собственно говоря, его личность совершенно намъ неизвѣстна, а кличка «бѣглый» ничего существеннаго не заключаетъ въ себѣ: тысячи самыхъ невинныхъ причинъ могли заставить И. Григорьева бѣжать въ Запорожье—такихъ причинъ, которыя покажутся темными пятнами развѣ для слишкомъ щепетильной совѣсти. Самъ Ивашка говоритъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье «для гулянья», т. е. для привольной, свободной жизни въ Сѣчи. Мотивъ очень извинительный для простого стрѣльца, далеко не избалованнаго порядками и условіями своей стрѣлецкой службы. Сознаніе, что онъ своимъ бѣгствомъ измѣняетъ долгу присяги, врядъ-ли было въ немъ, особенно въ виду того, что онъ бѣжалъ не къ «басурманамъ» какимъ нибудь, а къ своей-же «хрестьянской братіи», къ козакамъ, при томъ уже вошедшимъ въ составъ московскаго государства. «Погулявши» въ Запорожьѣ и отведя этимъ «гуляньемъ» свою душу, онъ смиренно возвращается на службу въ Кіевъ, отдавая себя государевой волѣ: «въ той его винѣ великіе государи вольны»... Чело-

вѣкъ нравственно погибшій никогда не почувствовалъ-бы нужды въ такомъ прямомъ раскаяніи. Онъ не пошелъ-бы туда, откуда бѣжалъ и гдѣ его не могли похвалить за это бѣгство: онъ не бросился-бы въ Кіевъ, къ своему полку, а пошелъ-бы бродить по Руси, какъ бродили тогда многочисленные «гулящіе люди». Къ его услугамъ былъ Донъ, Поволжье, Покамье и прочія привольныя мѣста. Словомъ, мнѣ кажется, что личность Ивашки Григорьева не должна возбуждать нарочитаго недовѣрія къ его вѣстямъ. Но во всякомъ случаѣ на слово нельзя ему повѣрить и историческій анализъ также необходимъ для его вѣстей, какъ и для тысячи другихъ.

Что же разсказывалъ И. Григорьевъ въ приказной избѣ кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому и его «товарищамъ?».

«Распросныя рѣчи» стрѣльца, приложенныя къ воеводской отпискѣ, передаютъ слѣдующее: въ августѣ 1688 г. были отправлены по Днѣпру на «стругахъ» хлѣбные запасы въ «новопостроенный» Богородицкой городъ. «Струги» шли подъ прикрытіемъ конвоя изъ «салдатъ и стрѣльцовъ», въ числѣ которыхъ находился и Ивашка Григорьевъ. Отрядомъ командовалъ маіоръ Иванъ Личковской. Доставя запасы по назначенію, маіоръ отправился съ своимъ отрядомъ назадъ въ Кіевъ, но Ивашка, «не похотя итти въ Кіевъ,» остался въ Ново-Богородицкомъ «для гулянья». Здѣсь онъ сошелся съ запорожскими козаками и, увлеченный ихъ разсказами о привольной жизни на Запорожьѣ, пошелъ «въ Сѣчь». Кошевымъ атаманомъ во время прихода Ивашки въ Сѣчь, т. е. въ 1688 г., былъ козакъ по «прозвищу» Лихоцой. Ивашка жилъ въ Сѣчи больше года и «для добычи» ходилъ съ запорожцами и подъ турскіе городки»: Казикерменъ, Ясламъ и Старой Ханской. Походы сюда они дѣлали Днѣпромъ, въ «судахъ». Кромѣ того, «многажды» ходили и степью подъ «крымскіе улусы», именно къ р. Тонкой. Эти набѣги были очень удачны: нерѣдко козаки цѣлыя «конскія стада отганивали» изъ-подъ тѣхъ городковъ и улусовъ.

Въ слѣдующемъ 1689. г. избранъ былъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Гусакъ. Весною 1689 г. проводивши съ своими козаками войско князя В. В. Голицына до рѣки Бѣлозерки, Иванъ Гусакъ вернулся въ Сѣчь, куда въ это время пришелъ «листъ» отъ крымскаго хана. Атаманъ немедленно приказалъ собрать запорожскихъ козаковъ, и тотъ «листъ чтенъ всѣмъ вслухъ». Тутъ-же присут-

ствовалъ и Ивашка, который такъ передаетъ содержаніе ханскаго листа: ханъ выражалъ желаніе, чтобъ запорожцы «помирились» съ крымцами, при чемъ обѣщалъ, что «которая де была ихъ казачья вотчина на р. Самарѣ и гдѣ поставленъ нынѣ городъ, и они-де крымцы то мѣсто имъ очистятъ, а въ своихъ-де мѣстахъ они, крымцы, имъ казакамъ поступаются, по рѣчкамъ и въ степяхъ по самое Черное (sic) море всякими угодьи, и въ тѣхъ угодьяхъ по рѣчкамъ и по лугамъ звѣриными и рыбными ловлями (заниматься) и посламъ ходить повольно и безопасно»... Запорожцы, «выслушавъ тотъ ханской листъ», отпустили въ Крымъ пріѣзжавшаго оттуда татарина, не давши хану никакого рѣшительнаго отвѣта.

Но когда узнали въ Сѣчи, что князь В. Голицынъ «распустилъ» свое войско, И. Гусакъ послалъ «листъ» къ крымскому хану, съ козакомъ Лазукою, атаманомъ незымаевскаго куреня. Въ этомъ «листѣ» Сѣчь выражала готовность помириться съ ханомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) крымцы даютъ обѣщаніе, что запорожцы могутъ «всякими промыслы промышлять» по рѣчкамъ, лугамъ и всякимъ угодьямъ, «безъ всякаго вредительнаго опасенія» со стороны крымцевъ; 2) когда ханъ съ ордою «войною пойдетъ» подъ «украинные города великихъ государей», или пошлетъ съ татарами своихъ салтановъ и мурзъ», то козаки «обѣщались имъ въ той войнѣ никакой помѣшки не чинить».

Ханъ охотно пошелъ на эти условія и послалъ въ Сѣчь съ своимъ листомъ одного изъ «мурзъ» (имени его Ивашка не знаетъ), который пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Лазукой. Съ мурзою-же прибыли «янычены» (sic), около 20 человѣкъ. «И въ то-де время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханскаго) межъ себя вѣрились: запорожцы цѣловали крестъ, а мурза съ янычены за хана шестовали на куранѣ» (т. е. присягали на коранѣ). Мурза пробылъ въ Запорожьѣ 4 дня и затѣмъ «съ честью отпущенъ» въ Крымъ. И нынѣ, заключаетъ Ивашка, запорожцы съ ханомъ въ миру, и подъ турецкіе и крымскіе города «для здобычи» не ходятъ.

Далѣе Ивашка сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о сношеніяхъ Запорожья съ Польшею въ томъ-же 1689 г: въ Филиповъ постъ Ив. Гусакъ, «по совѣту съ запорожскими козаками», отправилъ къ польскому королю куренныхъ атамановъ: незымаевскаго куреня Лазуку и кислековскаго куреня Забіяку, да съ ними-же 200 чело-

вѣкъ козаковъ. Въ «листѣ» къ королю запорожцы писали, чтобы король «принялъ (ихъ) подъ державу свою», а они-де будутъ «служить ему вѣрно, какъ служили дѣды ихъ и отцы прежнимъ королямъ»... Дорогою (въ Кіевъ) Ивашка слышалъ отъ многихъ запорожскихъ козаковъ, что они просятся «подъ державу» короля собственно потому, что недовольны тѣмъ «небольшимъ жалованьемъ», какое получаютъ отъ московскихъ государей... Послѣдніе жалуютъ имъ по 10 алтынъ да по 2 «локтя» сукна на годъ человѣку, «а отъ короля польского получаютъ они себѣ бо̀льшую плату»...

Въ заключеніе Ивашка говоритъ: «а онъ-де Ивашка, слыша отъ тѣхъ козаковъ тѣ слова измѣнныя и памятуя къ великимъ государямъ свое обѣщаніе и крестное цѣлованье, съ тою подлинною вѣдомостью изъ Запорогъ пришелъ въ Кіевъ»... Шелъ онъ изъ Запорожья около 3 недѣль, чрезъ «черкасскіе города»: Переволочную, Перекопъ и Городище. Вышелъ онъ съ 3 запорожцами, которые были родомъ изъ черниговскаго, батуринскаго и прилуцкаго уѣздовъ. Они отстали отъ Ивашки въ Городищѣ, откуда направились «въ полкъ къ козацкому компанскому (компанѣйскому) полковнику Михайлѣ» (фамиліи его не приводитъ), а Ивашка пошелъ въ Кіевъ къ «сродичамъ»...

Вотъ всѣ вѣсти, доставленныя Ив. Григорьевымъ кіевскому воеводѣ кн. Ромодановскому. Въ какой-же мѣрѣ слѣдуетъ признать эти вѣсти достовѣрными въ смыслѣ матеріала для исторіи отношеній Запорожья къ Москвѣ, Крыму и Польшѣ?

IX.

Остановимся прежде всего на той вѣсти И. Григорьева, которая говоритъ о желаніи Запорожья стать «подъ державу» польскаго короля и объ отправкѣ къ послѣднему въ 1689 г. куренныхъ атамановъ Лазуки и Забіяки.

Этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ извѣстенъ нашимъ историкамъ по другимъ источникамъ. Такъ, Н. И. Костомаровъ (въ монографіи «Мазепа») разсказываетъ о немъ слѣдующее [1]): по возвращеніи въ 1689 г. изъ Москвы Мазепа

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 43—44.

узналъ о наклонности Запорожья къ примиренію и союзу съ Польшей и Крымомъ. Именно, какой-то запорожскій писарь Сажка «извѣстилъ гетмана, что кошевой Гусакъ, хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства, послалъ въ Варшаву къ польскому коронному гетману Прокопа Лазуку съ товарищами Забіякою и Кисляковскимъ»[1]). Они жаловались въ Варшавѣ на притѣсненія Москвы и просились въ подданство польскому королю. Мазепа сообщилъ о томъ въ Москву, но тамъ уже знали о посольствѣ Лазуки изъ донесеній варшавскаго резидента Ивана Волкова.

Именно этими донесеніями Волкова пользуется Соловьевъ[2]), разсказывая о посольствѣ Лазуки и Забіяки. Резидентъ Волковъ узналъ въ половинѣ декабря 1689 г. о пріѣздѣ этихъ лицъ къ королю съ письмомъ отъ кошеваго Гусака. «Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое утѣсненіе, запасовъ въ Сѣчь не пропускаютъ, за добычею ѣздить внизъ Днѣпромъ нельзя, опасно отъ татаръ. Для этого они съ ханомъ крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону... Волкову передали, что король не приметъ запорожцевъ въ подданство, «развѣ прикажетъ имъ что тайно». При свиданіи съ короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ Волковъ спросилъ его о причинѣ пріѣзда запорожцевъ. Гетманъ увѣрилъ резидента, что король «не приметъ Запорожья въ свое подданство» и что запорожцы пріѣхали «для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьѣ большой голодъ». Гетманъ находилъ, что вступленіе на польскую службу нѣсколькихъ запорожцевъ «не нарушаетъ» мирнаго договора съ Москвою. Позже Волковъ узналъ, что король видѣлся съ Лазукой и Забіякой и, повидимому, не прочь «принять всѣхъ запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами».

Такимъ образомъ вѣсти Ив. Григорьева о томъ-же посольствѣ Лазуки и Забіяки нисколько не противорѣчатъ извѣстіямъ другихъ источниковъ. Мало того, первыя дополняютъ послѣднія нѣкоторыми новыми данными. Такъ: 1) Иванъ Григорьевъ опредѣляетъ поло-

---

[1]) Здѣсь почтенный историкъ ошибся: никакой Кисляковскій не былъ посылаемъ вмѣстѣ съ Лазукою и Забіякою, но, какъ говоритъ Ив. Григорьевъ въ своихъ вѣстяхъ, Забіяка былъ атаманомъ кисляковскаго куреня.

[2]) Томъ, XIV, стр. 167—168.

женіе запорожскихъ пословъ—называетъ ихъ «куренными атаманами»; 2) опредѣляетъ количество козаковъ (200 человѣкъ) въ отрядѣ, сопровождавшемъ пословъ. Послѣ этого указанія становится понятнымъ, почему гетманъ Яблоновскій увѣрялъ резидента Волкова, что запорожцы прибыли «для вступленія въ службу королевскую»[1]). Если-бы свита Лазуки состояла только изъ нѣсколькихъ человѣкъ, гетману было-бы неудобно настаивать на своемъ объясненіи. Но цѣлый отрядъ въ 200 человѣкъ прямо подтверждалъ увѣренія Яблоновскаго и очень возможно, что прибывшіе съ Лазукою козаки дѣйствительно имѣли въ виду вступленіе на королевскую службу.

Любопытны наконецъ мотивы, которыми Григорьевъ объясняетъ возникновеніе переговоровъ Запорожья съ Польшею. Какъ рядовой запорожецъ (временный), не посвященный въ высшія политическія соображенія запорожской старшины, онъ слишкомъ просто посмотрѣлъ на это дѣло, какъ смотрѣли на него и тысячи другихъ такихъ-же простыхъ запорожцевъ. Онъ объясняетъ недовольство Запорожья на Москву единственно тѣмъ, что «великіе государи» даютъ запорожцамъ «небольшое жалованье»—по 10 алтынъ и по 2 локтя сукна на годъ человѣку, а отъ польскаго короля козаки «получаютъ большую плату».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ у Запорожья накопилось много причинъ недовольства Москвою и причинъ гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ указываемая Григорьевымъ. О такихъ причинахъ говорятъ, между прочимъ, въ своихъ отпискахъ въ Москву и гетманъ Мазепа, и резидентъ Волковъ (см. выше). Не только въ данный моментъ, но и раньше Запорожье имѣло очень вѣскія основанія задумываться о своемъ будущемъ... Постепенно охватываемая московскимъ кольцомъ, Сѣчь невольно металась въ разныя стороны—то къ Крыму, то къ Польшѣ, чтобъ отдалить тотъ моментъ, когда это кольцо окончательно сожметъ ее и перевернетъ по своему... Но понятно, что такое предчувствіе будущей судьбы давалось не многимъ, болѣе прозорливымъ дѣятелямъ Запорожья, простая-же масса жила интересами настоящей минуты и о нихъ только и хлопотала. И среди этихъ будничныхъ интересовъ

---

[1]) *Соловьевъ*, XIV, стр. 167.

забота о «государевомъ жалованьѣ» Запорожью занимала козаковъ постоянно. Жалобы на недостаточность московскаго жалованья выливались у запорожцевъ очень часто. Напр., спустя полтора года послѣ посольства Лазуки, весною 1691 г. пріѣхалъ въ Сѣчь стольникъ Чубаровъ съ царскимъ жалованьемъ, состоявшимъ изъ 500 червонцевъ, соболей и суконъ. Во время передачи козакамъ этого жалованья одинъ изъ куренныхъ атамановъ закричалъ: «это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше, такіе соболи мы и прежде видали! Другіе козаки кричали: «соболи присланы только четверымъ (?), а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье—прислали 500 золотыхъ червонныхъ! намъ надобно присылать по 5,000!»[1]). Позже, лѣтомъ 1693 г., когда во время сношеній Запорожья съ извѣстнымъ Петрикомъ недовольство запорожцевъ на Москву замѣтно усилилось, въ числѣ мотивовъ этого недовольства высказывалось снова и то обстоятельство, что запорожцамъ «присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ донскимъ козакамъ». Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и сочли нужнымъ прибавить запорожцамъ къ обычной дачѣ еще 100 «половинокъ» сукна[2]).

Вообще подобныя рѣзкія проявленія недовольства Запорожья московскимъ жалованьемъ обнаруживались очень часто. Такимъ образомъ въ соображеніяхъ Григорьева о причинѣ стремленія Запорожья къ подданству Польшѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Не нужно только забывать, что Григорьевъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ мнѣній темной массы запорожцевъ, а не сѣчевой старшины. Необходимо также помнить, что кромѣ указываемой Григорьевымъ причины недовольства Москвою существовали еще и многія другія, на которыя Григорьевъ не могъ обратить своего вниманія по степени своего развитія и вслѣдствіе не долгаго сравнительно пребыванія въ Запорожьѣ.

И такъ, одна изъ крупныхъ вѣстей, доставленныхъ Григорьевымъ въ Кіевъ, вполнѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами. Полагаю, что это обстоятельство должно внушить довѣріе и къ остальнымъ его вѣстямъ. Перехожу къ нимъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, т., XIV, стр. 177—178.

[2]) Ibid., стр. 209—210.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода (1689 года) князя В. В. Голицына Иванъ Григорьевъ сообщаетъ не много данныхъ, касающихся участія запорожцевъ въ этомъ походѣ. Соловьевъ [1]) ничего не говоритъ объ участіи въ походѣ запорожцевъ, Устряловъ же [2]), пользуясь «отписками» съ похода князя Голицына и другими документами, говоритъ объ этомъ участіи, но довольно не ясно. Онъ сообщаетъ, что въ арміи князя Голицына были малороссійскіе полки, подъ начальствомъ Мазепы, но о составѣ ихъ выражается очень глухо: называетъ ихъ вообще то «малороссійскими казаками», или «украинскими черкасами», то «регментами» гетмана Мазепы, то говоритъ объ участіи въ разныхъ бояхъ «старшины и полковниковъ» гетмана и т. п. Конечно, во всѣхъ этихъ терминахъ слѣдуетъ видѣть и запорожцевъ. Въ одномъ мѣстѣ описанія похода Устряловъ (1,232) уже прямо говоритъ о запорожцахъ, находившихся въ полкахъ Мазепы. Но для большей исторической точности этого мало, и фактъ участія запорожцевъ нуждается въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ. Поэтому-то очень цѣнно указаніе Ивана Григорьева, который прямо говоритъ, что запорожцы участвовали во 2-мъ крымскомъ походѣ, подъ предводительствомъ свего кошеваго атамана Ивана Гусака. На обратномъ пути, послѣ несчастнаго поиска подъ Перекопомъ, запорожцы проводили рускую армію до рѣчки Бѣлозерки. Здѣсь И. Гусакъ разстался съ русскимъ войскомъ и вернулся въ Сѣчь.

Устряловъ [3]) также говоритъ о томъ, что князь Голицынъ переходилъ черезъ рѣчку Бѣлозерку (впадающую въ Днѣпръ вблизи Запорожской Сѣчи) какъ на пути къ Перекопу, такъ и при обратномъ возвращеніи. Въ первый разъ онъ стоялъ на этой рѣчкѣ въ началѣ мая (около 7-го числа) 1689 г. Здѣсь, очевидно, и соединились съ нимъ запорожцы. На обратномъ пути князь Голицынъ пришелъ къ р. Бѣлозеркѣ 1 іюня и расположился здѣсь лагеремъ, въ виду Сѣчи. Простоявши тутъ нѣсколько дней, чтобъ дать отдыхъ изнуреннымъ войскамъ, Голицынъ двинулся далѣе къ р. Самарѣ, къ г. Ново-богородскому, куда 11 іюня «пришли въ цѣлости», какъ писалъ князь въ Москву.

---

[1]) Томъ, XIV, стр. 59—63.

[2]) Томъ, I, стр. 218, 220, 224, 231, 361, 363, 367—371, 377, 387.

[3]) Томъ I, стр. 220—1, 236—7, 367, 372, 376—7.

Такимъ образомъ, и это свѣдѣніе Ивана Григорьева объ участіи запорожцевъ во 2 крымскомъ походѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами.

X.

Но особенно цѣнна вѣсть И. Григорьева о заключеніи Запорожьемъ мира съ крымцами лѣтомъ 1689 г., послѣ окончанія 2-го крымскаго похода. Это событіе оставалось доселѣ неизвѣстнымъ въ нашей исторической литературѣ, если не считать нѣкоторыхъ глухихъ указаній и намековъ на него. Такъ, Н. И. Костомаровъ неопредѣленно говоритъ, что въ 1688 г. у запорожцевъ возникла мысль о примиреніи съ Крымомъ [1]). Ниже онъ замѣчаетъ, что Мазепа, вернувшись въ 1689 г. изъ Москвы, узналъ и отписалъ въ Москву, что Запорожье склоняется къ миру съ Крымомъ и Польшей [2]). У Соловьева же находимъ [3]) извѣстіе о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., но оно брошено мимоходомъ и достаточно не разъяснено. Именно: резидентъ Волковъ, сообщая изъ Варшавы о пріѣздѣ туда запорожскихъ атамановъ Лазуки и Забіяки и объ ихъ жалобахъ на Москву, писалъ между прочимъ, что запорожцы «съ ханомъ крымскимъ помирились». Но этимъ и ограничивается все извѣстіе. Изъ дальнѣйшаго разсказа историка не видно, обратили-ли въ Москвѣ вниманіе на эту вѣсть Волкова и приняты-ли были какія мѣры для ея повѣрки. Во всякомъ случаѣ, теперь мы знаемъ, что въ апрѣлѣ слѣдующаго 1690 г. въ Москвѣ были получены подробныя вѣсти о союзѣ Запорожья съ Крымомъ, благодаря выходцу Ивану Григорьеву.

Его разсказъ объ этомъ союзѣ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Весьма естественно и правдоподобно разсказываетъ Иванъ Григорьевъ, что въ Сѣчи очень осторожно отнеслись къ первому посольству крымскаго хана, явившемуся (какъ заставляетъ полагать разсказъ выходца и указанія историка Устрялова) въ половинѣ іюня 1689 г., когда князь Голицынъ отошелъ отъ р. Бѣло-

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 22—23.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Томъ XIV, стр. 167.

зерки къ р. Самарѣ. Запорожцы только «выслушали» ханскаго посланца объ условіяхъ мира и отпустили его въ Крымъ. Близость русскаго войска мѣшала имъ завязать съ ханомъ серьезные переговоры. Но когда въ Сѣчи узнали, что князь Голицынъ «распустилъ» свое войско (это было въ концѣ іюня и началѣ іюля), тогда запорожцы смѣло возобновили переговоры и даже сами отправили въ Крымъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тотъ же Лазука, атаманъ незымаевскаго куреня, который позже (зимою того-же 1689 г.) былъ посланъ къ польскому королю. Очевидно, что это былъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей Запорожья того времени, котораго считали годнымъ для исполненія самыхъ щекотливыхъ и опасныхъ порученій. Лазука вернулся въ Сѣчь вмѣстѣ съ ханскимъ мурзою, который и заключилъ отъ имени хана миръ съ Запорожьемъ, на условіяхъ, предложенныхъ обѣими сторонами [1]).

Рѣшимость запорожцевъ на вступленіе въ этотъ союзъ вполнѣ будетъ понятна, если вспомнимъ, что онъ состоялся сейчасъ послѣ того, какъ Москва на глазахъ Запорожья потерпѣла двойную и крупную неудачу (въ 1687 и 1689 гг.,) въ своей борьбѣ съ Крымомъ. Эти неудачи Москвы естественно подняли духъ Крыма, который теперь смѣлѣе сталъ дѣйствовать, какъ и показали послѣдующія событія (особенно исторія Петрика).

Немудрено послѣ этого, что Запорожье, на которое прежде всего должны были обрушиться татары, охотно пошло на миръ съ своимъ давнимъ врагомъ, высоко поднявшимъ теперь свою голову. Со стороны Запорожья союзъ состоялся единственно изъ побужденій самозащиты.

Подобные союзы Запорожья съ Крымомъ не были новинкою для обѣихъ сторонъ: и раньше (напр. при Хмельницкомъ) они нерѣдко заключались между ними, и послѣ 1689 г. повторялись не разъ. Спустя три года, въ 1692 г., во время волненій, вызванныхъ въ Запорожьѣ и вообще въ Малороссіи происками Петрика, мысль о союзѣ съ Крымомъ усердно и успѣшно пропагандировалась сторонниками Петрика и вообще лицами, недовольными Москвою. И хотя большинство козаковъ, и во главѣ ихъ старшина съ кошевымъ атаманомъ Ив. Гусакомъ, были противъ этого союза и противодѣй-

---

[1]) См. о нихъ въ VIII гл. въ разсказѣ И. Григорьева.

ствовали ему, сколько возможно, однако въ концѣ концовъ сторонники Петрика взяли верхъ и въ іюнѣ слѣдующаго года «голутьба на Запорожьѣ» заставила старшину заключить перемиріе съ ханомъ. При этомъ кошевой Гусакъ, бывшій противникомъ этого союза, «сдалъ атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ» [1]).

Этотъ фактъ, что въ 1693 г. атаманъ Гусакъ оказался противникомъ союза съ Крымомъ, нисколько не противорѣчитъ вѣсти И. Григорьева о мирѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., когда кошевымъ былъ тотъ-же Гусакъ. За 4 года воды уплыло немало и политическое положеніе Москвы и Крыма совсѣмъ измѣнилось. Тогда Крымъ торжествовалъ вслѣдствіе неудачныхъ московскихъ походовъ и въ своемъ торжествѣ могъ серьезно угрожать Запорожью. Теперь-же, въ 1693 г., Москва уже достаточно оправилась отъ понесенныхъ неудачъ и могла успѣшно бороться съ Крымомъ. Напримѣръ въ началѣ этого года вторглись въ Украйну 40,000 татаръ (съ Петрикомъ), но успѣха не имѣли и отступили съ ничтожною добычею [2]). Иванъ Гусакъ, уже много лѣтъ, хотя съ перерывами, стоявшій во главѣ Запорожья и потому хорошо знакомый съ политическими дѣлами и своей родины, и Москвы, и Крыма, не могъ не замѣтить такой перемѣны въ отношеніяхъ Москвы къ Крыму. Слѣдовательно, въ 1693 г. онъ долженъ былъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ въ 1689 г.

Но и помимо этого, нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что за эти 4 года въ характерѣ Ивана Гусака произошла рѣзкая перемѣна. Во время исторіи Петрика Гусакъ велъ себя очень энергично, и очень твердо и неуклонно преслѣдовалъ свои цѣли. Видно, что въ это время его личность и политическія воззрѣнія сложились настолько прочно, что онъ уже не считалъ возможнымъ поступаться ими въ пользу иныхъ воззрѣній. Онъ былъ сознательнымъ противникомъ Петрика и боролся съ его сторонниками въ Запорожьѣ до послѣдней возможности. Но когда продолженіе этой борьбы стало для него немыслимымъ, онъ не пошелъ на уступки и поблажки своимъ убѣжденіямъ, но просто сошелъ со сцены и далъ дорогу инымъ дѣятелямъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, 178—185, 204—208.

[2]) *Соловьевъ*, XIV, 204.

Не такимъ сложившимся характеромъ представляется Иванъ Гусакъ 4 года назадъ—въ 1689 г. Видимо, что тогда онъ чувствовалъ себя еще очень неопытнымъ и новымъ человѣкомъ на своемъ посту. Онъ мало проявлялъ тогда самостоятельности и больше дѣйствовалъ по совѣту съ «товариствомъ». Напримѣръ, въ томъ-же 1689 г. онъ противился мысли о подданствѣ Запорожья польскому королю и однако, «хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства», послалъ въ Варшаву Лазуку и Забіяку...[1]). Если такъ онъ поступилъ въ такомъ рискованномъ предпріятіи, какъ подчиненіе Запорожья Польшѣ въ моментъ мира послѣдней съ Москвою, то тѣмъ легче онъ долженъ былъ уступить «товариству» въ дѣлѣ союза съ Крымомъ, торжествовавшимъ свои побѣды надъ Москвою. Понятно, что этотъ выводъ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если допустимъ, что и въ 1689 г. Иванъ Гусакъ былъ такимъ-же противникомъ Крыма, какимъ онъ оказался въ 1693 г.

Такимъ образомъ вѣсть Ив. Григорьева о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г. подтверждается и намеками другихъ историческихъ свидѣтельствъ (у Соловьева и Костомарова) и естественностію и правдоподобностію самаго факта, оправдываемаго аналогичными предыдущими и послѣдующими явленіями въ исторіи отношеній Запорожья къ Крыму. Кромѣ того, эта вѣсть Григорьева внушаетъ довѣріе еще и потому, что и другія его вѣсти (о посольствѣ запорожцевъ къ польскому королю въ 1689 г. и объ участіи запорожцевъ во 2-мъ крымскомъ походѣ) вполнѣ подтверждаются.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о заключающихся въ разсказѣ Ив. Григорьева данныхъ для бытовой исторіи Запорожья. Сюда относится, во первыхъ, указаніе на имя кошевого Лихопоя, который атаманствовалъ короткое время—во второй половинѣ 1688 г. и вѣроятно въ началѣ 1689 г., т. е. между атаманствами Григорія Сагайдачнаго и (первымъ) Ивана Гусака. Сколько мнѣ извѣстно, кошевой атаманъ Лихопой не встрѣчался ранѣе въ историческихъ указаніяхъ. Но имя его извѣстно по другому поводу, о которомъ разсказываетъ Н. И. Костомаровъ, именно: въ 1688 г. производилась постройка на р. Самарѣ новобогородскаго городка. Эта постройка сильно волновала Запорожье и Мазепа очень заботился о

---

[1]) «Мазепа» *Н. И. Костомарова*, стр. 43.

томъ, чтобы слухи о ней не проходили въ Сѣчь. «Но объ этомъ сообщилъ туда бывшій въ Москвѣ посланцемъ изъ Сѣчи Лихопой» [1]). Нужно думать, что это было то самое лицо, которое въ томъ-же году (но позже) является кошевымъ атаманомъ, по свидѣтельству Ив. Григорьева. Фактъ посылки Лихопоя посланцемъ въ Москву говоритъ о томъ, что онъ не былъ рядовымъ казакомъ въ Сѣчи, но принадлежалъ къ ея старшинѣ, или вообще къ «лучшимъ людямъ».

Также цѣнны и указанія Ив. Григорьева на имена двухъ куренныхъ атамановъ—Лазуки и Забіяки, изъ которыхъ первый принадлежалъ къ очень виднымъ запорожскимъ дѣятелямъ разсматриваемаго времени. Любопытны наконецъ и тѣ данныя, какія находимъ въ разсказѣ Григорьева относительно порядка совѣщаній у запорожцевъ, также о походахъ подъ «турскіе городки» и «крымскіе улусы» и проч.

XI.

Остановлюсь еще на двухъ «вѣстовыхъ отпискахъ», имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому времени и событіямъ.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода относится вѣстовая отписка кіевскаго воеводы кн. М. Г. Ромодановскаго, посланная въ Приказъ Малой Россіи въ іюлѣ 198 (1690) г. [2]). Она сообщаетъ вѣсти, доставленныя воеводѣ кіевскимъ торговымъ человѣкомъ грекомъ Ник. Ив. Торніотомъ и собранныя имъ во время поѣздки въ Польшу, Венгрію и Турцію. Торніотъ, выѣхавшій изъ Кіева въ концѣ октября 1689 г., посѣтилъ послѣднія двѣ страны во время войны султана съ цезаремъ. Поэтому всего болѣе онъ разсказываетъ именно объ этой войнѣ и о начавшихся затѣмъ переговорахъ о мирѣ. Однако и здѣсь встрѣчается нѣсколько свѣдѣній, прямо относящихся къ Россіи. Такъ, говоря объ участіи крымцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ цезаря, Торніотъ сообщаетъ любопытное извѣстіе о тѣхъ толкахъ, какіе ходили въ Крыму и Турціи по поводу неудачи Голицына подъ Перекопомъ. Конечно, въ этихъ толкахъ есть много преувеличеннаго и лестнаго для самолюбія крымцевъ, тѣмъ не менѣе

---

[1]) «Мазепа», стр. 21.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 95—98.

они очень интересны для характеристики и того подъема духа у крымцевъ, какой замѣчается у нихъ послѣ неудачныхъ для Россіи крымскихъ походовъ.

Торніотъ говорилъ воеводѣ, что крымскій ханъ «хвалился» передъ турскимъ салтаномъ и визиремъ, что подъ Перекопъ приходили «ратные люди великихъ государей», а онъ, ханъ, ихъ «не допустилъ до Перекопа, многихъ побилъ и въ полонъ поймалъ, и пушки отбилъ, и за то хану крымскому салтанъ турской и визирь воздали честь и жаловали многимъ жалованьемъ»... (л. 97).

Примѣры подобнаго самохвальства крымцевъ въ это время извѣстны и изъ другихъ источниковъ. Такъ вернувшійся въ 1691 г. изъ татарскаго полона смоленскій шляхтичъ Поплонскій разсказывалъ, между прочимъ, такія рѣчи татаръ во время крымскаго похода: «если-де, говорили они, кн. Голицынъ станетъ приступать къ Перекопу, то они пустятъ его туда и тамъ «безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ» [1])... Если такъ самохвальничали татары во время пребыванія руской арміи подъ Перекопомъ, то позже, послѣ постыднаго отступленія Голицына, такое настроеніе ихъ естественно еще болѣе усилилось.

Другая вѣстовая отписка того-же кіевскаго воеводы, посланная въ приказъ Малой Россіи въ апрѣлѣ 1690 г. и сообщающая вѣсти кіевскаго торговаго человѣка мѣщанина Ивана Павлова [2]), содержитъ въ себѣ любопытныя данныя о заключеніи польскимъ королемъ мира съ крымскимъ ханомъ въ началѣ 1690 г., затѣмъ нѣсколько свѣдѣній объ извѣстномъ полковникѣ Семенѣ Палѣѣ, о проискахъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго и проч.

Иванъ Павловъ разсказывалъ слѣдующее: въ декабрѣ 1689 г. поѣхалъ онъ изъ Кіева въ Варшаву, куда прибылъ во время сейма, на которомъ были между прочимъ московскій резидентъ Ив. Волковъ и послы: цесарскій, крымскій и французскій. «И того-де французскаго посла съ сейма сослали скована въ польскій городъ Малборокъ, а для чего сосланъ, про то не слыхалъ»... Резидентъ Ив. Волковъ пригласилъ И. Павлова «на постоялой свой дворъ, и на-одинъ сказывалъ ему тайно, «что польскій король съ крым-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 61.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 172—176.

скимъ ханомъ «учинили вѣчной миръ тайно», такъ что когда московскіе ратные люди пойдутъ войною на Крымъ, поляки соединятся съ татарами и нападутъ на московскія войска и на малороссійскіе города...

Иванъ Павловъ изъ Варшавы отправился во Львовъ, гдѣ также слышалъ подтвержденіе этой вѣсти о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ. Объ этомъ мирѣ говорилъ ему здѣсь «Егорьевскій игуменъ», который узналъ о немъ отъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, только что вернувшагося съ сейма. При этомъ Иванъ Павловъ добавляетъ, что цесарскій посолъ и «литовскіе гетманы» ничего не вѣдали о заключеніи мира съ ханомъ, но когда послѣдніе узнали о томъ, то стали противиться этому союзу и «къ миру не допускаютъ» польскаго короля.

Жалуясь Ивану Павлову на трудность сношеній съ Москвою (смотр. объ этомъ въ 1 главѣ), резидентъ Иванъ Волковъ вообще замѣтилъ, что ему «отъ короля польскаго почести противъ прежнихъ обыклостей нѣтъ»...

Далѣе Иванъ Павловъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Варшавѣ пріѣзжали къ королю изъ Немирова два козацкихъ сотника изъ полка Семена Палѣя и просили короля, чтобы онъ ихъ полковника «изъ-за караула свободилъ и смертью его не казнилъ»... Но король имъ «отказалъ» и говорилъ, что не можетъ освободить Палѣя, такъ какъ тотъ «мыслилъ будто идти хотѣлъ на поляковъ войною», соединившись съ московскими ратными людьми. Находившіеся въ это-же время въ Варшавѣ крымскіе мурзы также просили выдать имъ Палѣя, чтобы «учинить ему смерть», но король и имъ отказалъ, говоря: «Палѣя-де вамъ не отдамъ, а дамъ-де вамъ 40 человѣкъ татаръ»...

Въ заключеніе Иванъ Павловъ сообщилъ, что Егорьевскій игуменъ во Львовѣ говорилъ ему слѣдующее: собирается-де идти въ Кіевъ одинъ «студентъ, будто для наукъ», а въ дѣйствительности «съ прелестными письмами»... Кѣмъ посылался этотъ студентъ, Иванъ Павловъ не сказалъ, а только описалъ его примѣты, очевидно со словъ игумена, именно: «ростомъ онъ высокъ, на головѣ волосы черны, собою толстоватъ, а одежду на себѣ носитъ пестру»...

Всѣ эти вѣсти И. Павлова очень любопытны. Особенную цѣнность имѣетъ извѣстіе о заключеніи въ началѣ 1690 г. «вѣчнаго

мира» между Польшей и Крымомъ. У Соловьева и Устрялова встрѣчаемъ извѣстія только о томъ, что въ это время шли переговоры о мирѣ между Польшей и Крымомъ, но о фактѣ заключенія мира ничего не говорится. Соловьевъ глухо замѣчаетъ, что въ разсматриваемое время Польша начала «сноситься съ крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ» [1]). Устряловъ-же сообщаетъ [2]), что весною 1690 г. резидентъ И. Волковъ писалъ въ Москву, что «въ Варшаву прибыли крымскіе послы съ мирными предложеніями». Тоже подтвердилъ въ іюлѣ и польскій резидентъ въ Москвѣ Доминикъ Довмонтъ, увѣряя посольскій приказъ, что король не дастъ посламъ рѣшительнаго отвѣта, пока не согласится объ этомъ вопросѣ съ Москвою. Отсюда отвѣтили, что если ханъ не станетъ искать мира съ Москвою, то король, согласно данному обязательству, не долженъ отдѣльно мириться съ Крымомъ. Въ декабрѣ король отвѣчалъ, что не будетъ мириться съ ханомъ, пока онъ не возобновитъ переговоровъ съ Москвою. Тоже сказали польскіе сенаторы и нашему резиденту, не объявивъ ему однакоже, чего требуетъ Рѣчь Посполитая отъ хана. Волковъ стороною узналъ объ этихъ условіяхъ и что татары не приняли ихъ и «были отпущены» обратно.

Такимъ образомъ И. Павловъ сообщаетъ совершенно новое извѣстіе, о которомъ онъ слышалъ отъ лицъ, внушающихъ довѣріе: отъ русскаго резидента и (чрезъ посредство львовскаго игумена) отъ епископа Іосифа Шумлянскаго. Если объ этомъ заключеніи мира ничего не говоритъ Устряловъ, пользовавшійся донесеніями Волкова и на основаніи ихъ сообщающій только о предварительныхъ переговорахъ Польши съ Крымомъ, то это естественно объясняется тѣмъ, что Устрялову не были извѣстны всѣ донесенія Волкова, или правильнѣе, что эти донесенія не всѣ сохранились до нашего времени. Притомъ самъ резидентъ говорилъ И. Павлову (см. 1 главу), что поляки перехватывали его донесенія въ Москву.

Разсматриваемое извѣстіе И. Павлова не противорѣчитъ тѣмъ переговорамъ Польши съ Москвою о мирѣ съ Крымомъ, какіе, по словамъ Устрялова, тянулись въ теченіи всего 1690 г. Оффиціально Польша должна была скрывать отъ Москвы отдѣльное заключеніе

---

[1]) Томъ XIV, стр. 175.

[2]) Томъ II, стр. 193—194.

мира съ ханомъ, такъ какъ оно явно нарушало ранѣе заключенные мирные договоры между правительствами этихъ странъ. Но тайно ничто не мѣшало Польшѣ вступить въ союзъ съ ханомъ, особенно послѣ неудачныхъ московскихъ походовъ въ Крымъ. Любопытенъ намекъ И. Павлова на то обстоятельство, что въ Польшѣ и Крыму повидимому ожидали новаго московскаго похода, не смотря на неудачу двухъ первыхъ. Именно это ожиданіе и побуждало какъ хана, такъ и короля торопиться заключеніемъ союза: для хана въ виду ожиданія новаго нападенія Москвы былъ дорогъ каждый союзникъ, а тѣмъ болѣе такой старый врагъ Москвы, готовый всегда на ловлю добычи въ мутной водѣ... Если-же въ декабрѣ 1690 г., какъ говоритъ Устряловъ, дѣйствительно (въ чемъ еще можно сомнѣваться, имѣя въ виду оффиціальность этого извѣстія) король прервалъ мирные переговоры съ ханомъ, то и здѣсь нельзя видѣть противорѣчія съ вѣстью И. Павлова. Послѣдній говоритъ о самомъ началѣ 1690 г., Устряловъ-же о концѣ этого года, а на такомъ пространствѣ времени событія мѣняются быстро. Заключивши миръ съ Крымомъ въ началѣ 1690 г., король затѣмъ всегда могъ разорвать его изъ разныхъ политическихъ видовъ, напримѣръ въ виду несбывшагося ожиданія новаго похода Москвы на Крымъ, или въ виду склонности московскаго правительства къ примиренію съ ханомъ, обнаружившейся именно въ концѣ того-же года, когда Мазепа, по порученію Москвы, завелъ съ Крымомъ мирные переговоры, которые въ началѣ 1692 г. продолжалъ уже нарочный московскій посолъ подъячій Айтемировъ [1]).

Къ исторіи отношеній Польши къ Россіи въ разсматриваемое время относятся и нѣкоторыя другія вѣсти И. Павлова, именно — о положеніи резидента И. Волкова въ Варшавѣ [2]) и о проискахъ извѣстнаго епископа Іосифа Шумлянскаго. Разсказъ объ этихъ проискахъ заключается въ той вѣсти И. Павлова, гдѣ онъ говоритъ, со словъ егорьевскаго игумена, о посылкѣ изъ Львова въ Кіевъ какого-то «студента» съ «прелестными письмами». Имя Іосифа Шумлянскаго тутъ не приведено, но его рука явно здѣсь присут-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 176.

[2]) Любопытный эпизодъ о ссылкѣ французскаго посла въ г. Малборокъ нуждается въ подтвержденіи и объясненіи другими историческими свидѣтельствами.

ствуетъ. Именно «прелестными письмами» и прославился въ это время Іосифъ Шумлянскій, какъ свидѣтельствуютъ современные источники. Занятый мечтами о кіевской митрополіи, львовскій епископъ дѣятельно интриговалъ въ свою пользу и въ Польшѣ и въ Малороссіи, всюду разсылая своихъ агентовъ и разнаго рода «прелестныя письма». Еще въ 1683 г. явились въ Малороссіи подосланные Іосифомъ монахи съ «прелестными листами» отъ польскаго гетмана Яблоновскаго [1]). Въ 1690 г. епископъ принималъ несомнѣнное участіе въ извѣстной исторіи монаха Соломона, явившагося къ польскому королю съ письмами якобы отъ гетмана Мазепы [2]). Въ началѣ того-же года Іосифъ, по повелѣнію короля, вошелъ въ сношенія съ Мазепою и отправилъ къ нему съ письмомъ шляхтича Доморацкаго [3]). Не о посылкѣ-ли именно этого шляхтича подъ видомъ «студента» и говорилъ И. Павлову во Львовѣ егорьевскій игуменъ?—Очень возможно, потому что по времени оба извѣстія совпадаютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что посылка въ Кіевъ «студента», о которой говоритъ Ив. Павловъ, могла быть устроена во Львовѣ однимъ только Іосифомъ Шумлянскимъ.

Что касается наконецъ вѣсти Ив. Павлова о Семенѣ Палѣѣ, то и она, не заключая въ себѣ ничего исторически невѣроятнаго, сообщаетъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ данныхъ къ исторіи знаменитаго хвастовскаго полковника. Извѣстно, что въ 1689 г. онъ дѣйствительно былъ схваченъ поляками и посаженъ въ тюрьму сначала въ Немировѣ, а потомъ въ Каменномъ городкѣ, гдѣ просидѣлъ всю зиму [4]). Подтверждая этотъ фактъ, И. Павловъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія, что именно въ это время пріѣзжали въ Варшаву изъ Немирова 2 сотника Семенова полка и просили короля объ освобожденіи Палѣя изъ тюрьмы. О томъ-же просило тогда короля и крымское посольство, но съ другою цѣлью—«чтобы учинить ему смерть». Король отказалъ обѣимъ сторонамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1690 г. Семенъ Палѣй, какъ извѣстно, ушелъ изъ

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 166—172, 186 и слѣд.

[3]) Ibid., 169.

[4]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 174.

тюрьмы въ свой Хвастовъ и снова принялся хлопотать о принятіи его съ полкомъ въ московское подданство.

Такимъ образомъ всѣ вѣсти И. Павлова (исключая не разъясненной мною вѣсти объ арестѣ въ Варшавѣ французскаго посла въ 1690 г.) болѣе или менѣе основательно подтверждаются разными историческими свидѣтельствами и почти всѣ представляютъ новыя неизвѣстныя доселѣ историческія данныя.

Полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы доказать цѣнность воеводскихъ «вѣстовыхъ отписокъ» XVII в., какъ матеріала для исторіи Россіи вообще и Малороссіи въ особенности. Считаю необходимымъ при этомъ замѣтить, что я не искалъ найболѣе цѣнныхъ въ историческомъ смыслѣ отписокъ, но обратилъ вниманіе на первые случайно встрѣченные мною документы этого рода, которые еще ждутъ своего спеціальнаго изслѣдователя. На мою-же замѣтку слѣдуетъ смотрѣть какъ на попытку обратить вниманіе историковъ на малоизвѣстный родъ документовъ XVII вѣка.

Москва, 1885 г. **Н. Оглоблинъ.**

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ.

Въ Галичинѣ, въ жолковскомъ округѣ, записана любопытная пѣсня о Журилѣ. Поютъ ее на свадьбахъ во время танцевъ:

1. Ишовъ Журыло зъ миста,—
2. За нымъ дивочокъ триста,
3. Чекай, Журыло, пане,
4. Де твое войско стане?
5. У лиси на пывоньци,
6. При зеленій лищыноньци,—
7. Пидъ зелененькимъ дубомъ
8. Былы жовнеры въ бубонъ;
9. Тамъ я се забавыла,
10. Черевычкы зоставыла;
11. Боюся до дому иты,—
12. Буде мя мама быты
13. Щиткою, грыбинкою,
14. Веретеномъ, куживкою.
15. Ой ты, Журыло, ой ты,
16. Куды до тебе зайты?
17. По за гуменю, Ксеню,
18. Не толочи ячменю.
19. Куда Журыло ишовъ,
20. Туди ячменикъ зійшовъ;
21. А куды Ксеня ишла,
22. Туды пшенычка зойшла.

Удовлетворительное объясненіе этой пѣсни можетъ бросить свѣтъ и на великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ, повидимому, ей родственныя. Пѣсня о Журилѣ вошла въ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, въ отдѣлъ пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ небольшомъ объясненіи этой пѣсни ученые издатели указываютъ, что «въ древней Руси издавна былъ боярскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ, члены котораго упоминаются съ конца XIV по начало XVII ст., въ качествѣ сановниковъ земель: перемышльской, галицкой и подольской; въ послѣдней изъ нихъ Чурилами основанъ былъ городъ Чуриловъ (нынѣ Джуринъ подольской губ., ямпольскаго уѣзда), въ которомъ въ началѣ текущаго столѣтія польскій этнографъ Липинскій слышалъ варіантъ настоящей пѣсни; но, къ несчастью, записалъ только двѣ первыя строчки». Въ варіантѣ, слышанномъ Липинскимъ, имя пана имѣло форму Чурило вмѣсто Журило.

Издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» обратили вниманіе на два обстоятельства въ пѣсни о Журилѣ: на ея разный составъ и обрядовое значеніе. «За основные стихи пѣсни о Журилѣ, говорятъ они, мы считаемъ только 1—6 и 15—22; стихи 8—14 вставка, прилѣпившаяся къ пѣснѣ, благодаря теперешнему плясовому ея употребленію. Варіантъ этотъ (т. е. записанный въ жолковскомъ округѣ), слишкомъ не ясенъ, чтобы по немъ можно было составить опредѣленное понятіе о значеніи личности Журила. Исполненіе пѣсни на свадьбѣ и послѣдніе четыре стиха заставляютъ предполагать обрядовое значеніе въ старину за пѣсней о Журилѣ» (стр. 54—55).

Я нахожу возможнымъ объяснить пѣсню о Журилѣ, не вдаваясь въ политическую исторію южной Россіи, на основаніи современныхъ явленій народнаго быта, преимущественно пѣсенъ и обрядовъ. По моему мнѣнію, пѣсня о Журилѣ есть хлѣбная пѣсня, сложенная въ честь и прославленіе хлѣбной пищи—*жура*, на подобіе того, какъ въ Великороссіи въ честь и на прославленіе хлѣба сложена пѣсня: «Слава Богу на небѣ, слава!»

Самое слово *журъ*, повидимому, происходитъ отъ слова *жрать*, въ простомъ и древнемъ его значеніи ѣсть; литов. *gerte*, наст. вр. *geriù*—пью; къ этому разряду словъ относится слово *жрецъ*, по

первоначальному смыслу, кормитель боговъ. Слово *журъ* и выражаемое имъ хлѣбное кушанье свойственны всѣмъ славянамъ, по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянамъ въ древности. Журъ прежде всего и болѣе всего польское народное кушанье. Въ польскихъ историческихъ памятникахъ пятнадцатаго вѣка встрѣчается уже хлѣбная похлебка *журъ*. Въ настоящее время журъ самое распространенное среди польскихъ крестьянъ хлѣбное кушанье, приготовляемое изъ ржаной муки и воды. По свидѣтельству польскаго этнографа Кольберга, «журъ приготовляется изъ кислаго тѣста ржаной муки и приправляется болѣе мелкою, также ржаною мукою» (Kolberg. Lud. III, 73). Линде (въ VI т. Словаря польскаго языка) указываетъ нѣсколько польскихъ словъ, произведенныхъ отъ жура, журный, журавый, въ смыслѣ: кислый, острый на вкусъ. Журъ распространенъ также среди лужицкихъ сербовъ, въ значеніи заквашеннаго тѣста, *Saüerteig*, въ родѣ русской кваши или саламаты (См. Лужицко-нѣмецкій Словарь Пфуля). Повидимому, журъ встрѣчается или встрѣчался у южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. У болгаръ словомъ *журать* обозначаютъ процессъ размельченія въ муку и разбалтыванія водой фасоли, крапивы. *Джуркалъ*—палочка, съ одного конца снабженная зубцами; ее опускаютъ зубьями въ смоченную водой крапиву и вертятъ, причемъ крапива превращается въ жидкую массу; въ сербскомъ языкѣ отъ *жура*, повидимому, происходитъ *джуровача*—большая деревянная чашка. Галицкіе русины знаютъ и употребляютъ журъ въ пищу. Журъ вошелъ даже въ малорусскія пѣсни, напримѣръ: «Ой журъ, мати, журъ, лѣпшій русинъ, мати, якъ мазуръ». Въ южной Россіи журъ не встрѣчается; по крайней мѣрѣ, его не оказывается въ спискахъ малорусскихъ яствій, приведенныхъ у Маркевича («Обычаи, нравы малороссовъ», 150—164) и у Чубинскаго («Труды этнографическо-статической экспедиціи», XVII, 433—446). Въ Малороссіи замѣной жура служитъ *кваша*, въ Великороссіи *саламата*. Въ областномъ великорусскомъ языкѣ названіе журъ удержалось. Такъ въ смоленской губерніи журомъ называютъ овсяный кисель, подонки или остатки конопляннаго масла (Даль, I, 489, также въ Академическомъ Словарѣ великорусскаго языка). Въ связи съ журомъ, быть можетъ, стоитъ областная, именно псковская кличка свиньи—*жура*.

Въ историко-культурномъ отношеніи журъ представляетъ древнее хлѣбное кушанье, ржаную похлебку, предшествующее возникновенію и развитію хлѣбопеченія. Архаичность жура подтверждается какъ общей исторіей хлѣбной пищи, такъ и данными языка, пѣснями и обрядами.

Какъ извѣстно, народная мысль чрезвычайно склонна къ олицетворенію неодушевлённыхъ предметовъ внѣшняго міра, склонна даже въ настоящее время, при широкомъ разливѣ цивилизаціи въ обществѣ, при проникновеніи обусловленнаго культурой реальнаго міросозерцанія въ низшіе слои общества и даже въ простой народъ. Тѣмъ болѣе склонность эта должна была обнаружиться въ древности, по мѣрѣ удаленія къ религіозно-миѳическому складу народнаго міросозерцанія. Можно думать, что въ глубокой древности человѣкъ-дикарь былъ пантеистъ, въ томъ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ этого слова, что всѣ или почти всѣ окружавшіе его предметы представлялись ему одушевленными.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Разумѣется, тутъ не было дѣйствительнаго пониманія, дѣйствительнаго знанія. Лепетаніе ручья было понято и объяснено именно какъ лепетаніе младенца, у котораго есть водяной дѣдушка, проживающій въ рѣчномъ омутѣ или въ глубинѣ озера. Говоръ древесныхъ листьевъ былъ также понятъ и объясненъ съ исключительно субъективной точки зрѣнія, какъ говоръ лѣснаго духа. Звѣздная книга была первобытному человѣку ясна, гораздо болѣе ясна, чѣмъ впослѣдствіи для Коперника, Ньютона, Лапласа, Гершеля, потому именно ясна, что не было еще приступлено къ ея прочтенію, и заранѣе было категорически и ортодоксально рѣшено, что она говоритъ о богахъ и богиняхъ, ихъ брачномъ союзѣ, ихъ странствованіи по небеснымъ пространствамъ, ихъ гнѣвѣ, выражающемся въ громѣ, ихъ слезахъ, молокѣ или спермѣ, выражающихся въ весен-

дождѣ.

Обожествленіе и олицетвореніе силъ, явленій и предметовъ внѣшней природы и внутренняго психическаго міра въ древности переплетались одно съ другимъ и связывались невидимыми нитями, скрывавшимися преимущественно въ языкѣ, въ словѣ. Съ теченіемъ времени обожествленная природа стала мало-по-малу терять свои божественныя прерогативы и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій и представленій, остаткомъ котораго служатъ нынѣ заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Тѣ народно-поэтическіе образы, которые нѣкогда могли имѣть значеніе божества, таинственнаго вышеміряаго существа, обратились въ простое олицетвореніе, напримѣръ, встрѣчающіеся нынѣ въ народной поэзіи образы доли, горя-злочастія, болѣзни, смерти.

Область олицетворенія весьма обширна, гораздо обширнѣе области обожествленія. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, наиболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ достаточно живо и сочувственно можетъ отнестись къ предмету, лишь приблизивъ его къ своей личности. Изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, которое обусловливается удовлетвореніемъ эстетическаго чувства, могло возникнуть, напримѣръ, олицетвореніе цвѣтка Иванъ да Марья (Melampyrum nemorosum) въ малорусскихъ пѣсняхъ подъ видомъ брата и сестры, которые, не зная о своемъ кровномъ родствѣ, вступили въ бракъ, потомъ горько раскаевались и превратились въ цвѣтокъ, встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ Великой Россіи олицетвореніе масляной недѣли въ видѣ толстой бабы, олицетвореніе стараго и новаго года въ видѣ старика и младенца, весны, лѣта, осени и зимы въ видѣ дѣвушки и парня, замужней женщины и возмужалаго человѣка, окруженныхъ малыми дѣтьми, старика и старухи; такое олицетвореніе свойственно и простому народу, какъ видно изъ пѣсенъ и сказокъ, и образованному обществу, какъ видно изъ произведеній живописцевъ и скульпторовъ (напр., Торвальдсена).

Нѣтъ нужды доказывать, что у преданныхъ мирному земледѣльческому труду славянскихъ народовъ олицетвореніе хлѣба вообще и разныхъ выдающихся хлѣбныхъ печеній въ частности представляется явленіемъ обыкновеннымъ. Трудно судить на основаніи

имѣющагося въ печати этнографическаго матеріала, насколько такого рода олицетвореніе хлѣба обычно сербамъ, болгарамъ и чехамъ. Несомнѣнно только, что олицетвореніе хлѣба часто встрѣчается въ польскихъ, русскихъ и преимущественно малорусскихъ пѣсняхъ и обрядахъ.

Хлѣбъ олицетворяется въ крупные праздники и торжественныя событія народной жизни. Такъ на Свѣтлое Христово Воскресенье осѣвшій куличъ или пасха знаменуетъ несчастье въ домѣ или кончину домохозяина. Здѣсь впрочемъ болѣе символизма, чѣмъ олицетворенія. Олицетвореніе отчетливѣе выступаетъ на свадьбахъ, въ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ въ повѣрьи, что невѣста, отвѣдавшая коровай до свадьбы, не будетъ любима мужемъ (Терещенко, II, 113), скрывается олицетвореніе хлѣба и отождествленіе его съ женихомъ. Такого рода отождествленіе хлѣба обнаруживается въ обрядахъ. Въ тульской губерніи мать невѣсты на дѣвичникъ ставитъ на столъ два крупныхъ пирога, знаменующихъ жениха и невѣсту (Шейнъ, Великор. пѣсни, стр. 418). Въ минской губерніи, при печеніи свадебныхъ калачей, одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха (Крачковскій, «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей», 1873 г., IV, 19). Въ особенности ясно олицетвореніе хлѣба выступаетъ въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ о короваѣ. Въ пѣсняхъ коровай «румяный», «красный», «святый», обращается къ людямъ съ рѣчью, обладаетъ способностью передвигаться, летать. Олицетворяется самая пшеница, изъ которой коровай приготовленъ:

Сварылася пшеныченька зъ куколемъ на поленьку:
Ой ты, черный куколеньку,
Не стій ты на поленьку!
Бо тебе за плитъ вергуть,
А зъ мене коровай плещуть [1]).

Олицетвореніе коровая не могло однако вполнѣ развиться, потому что самый предметъ олицетворенія никогда не приходилъ въ забвеніе, всегда былъ на лицо. Хлѣбный коровай ограничивалъ и стѣснялъ коровайное олицетвореніе. Для творческой фантазіи были въ данномъ случаѣ указаны строгіе предѣлы, и, при всей популяр-

---

[1]) Сборникъ Головацкаго, т. II, стр. 638.

ности коровая, изъ него никакъ не могъ выйти цѣльный поэтическій образъ такого молодца, какъ Журило или Чурило.

Олицетвореніе хлѣбнаго кушанья—*жура* пошло дальше, полнѣе развернулось. Въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ удержался, какъ хлѣбное кушанье, олицетвореніе жура, какъ малорусское олицетвореніе коровая, не поглотило самаго предмета, тутъ оно просто и ясно; въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ, какъ кушанье, вышелъ изъ употребленія, связанный съ нимъ и имъ порожденный поэтическій образъ Журила или Чурила получилъ оригинальную обработку и настолько удалился отъ своего вещественнаго первообраза, что представляется большое затрудненіе въ опредѣленіи его родословной. Въ историческомъ развитіи олицетворенія жура я усматриваю три ступени: древнѣйшее олицетвореніе жура, при полномъ пониманіи, что источникъ олицетворенія лежитъ въ хлѣбномъ кушаньѣ, затемнѣніе олицетвореннаго жура, или намекъ на олицетвореніе жура, при исчезновеніи самаго кушанья изъ быта народа и наконецъ совершенно самостоятельная обработка стариннаго хлѣбнаго олицетворенія, при полномъ забвеніи жура, какъ кушанья. Первую ступень олицетворенія жура выражаетъ сохранившійся до настоящаго времени въ польскихъ обрядныхъ пѣсняхъ «Журовскій», на второй ступени стоитъ малорусскій «Журило» и на третьей великорусскій «Чурило».

Краковскіе поляки въ началѣ поста носятъ журъ по деревнѣ, съ пѣніемъ и пляской. Въ честь жура поютъ:

A jakze mi się mas, mój panie Żurowski?
A sprawię ja tobie cerwone pończoski,
Cerwone pończoski, zielone portecki—
Bedzies ci tańcował, mój panie Żurowski.
Wiwat! wiwat! wiwat!
Wstępna środa następuje,
Pani matka zur gotuje;
A pan młody siedzi w dziurze,
Witaj, witaj, panie Żurze!
Wiwat! wiwat! wiwat!

Въ селѣ Новоселовкѣ подъ Краковомъ въ первый день великаго поста домохозяинъ вноситъ въ хату привязанную на палкѣ селедку и мѣшочекъ съ золой, домохозяйка—постный журъ. Домохозяинъ

обходитъ вокругъ избы и, потрясая селедкой и золой, прогоняетъ такимъ образомъ масляную недѣлю. Остатки мясной пищи тщательно прячутъ; ставятъ на столъ журъ; всѣ, находящіеся въ домѣ, пробуютъ его и при этомъ поютъ пѣсню:

A jakze się miéwasz,
Mój panie Żurowski?
Będzie cię zajadał
I sam pan Krakowski.
A sprawię ja tobie,
Mój panie Żurowski,
Czerwone pończoszki,
Zieloną kapotę,—
Będziesz miał Żurowski
Caly post robotę.
Stanie ć téj roboty
Do wielkiéj soboty.
Wstępna środa następuje,
Pani matka żur gotuje,
A pan ojciec siedzi w dziurze,
Iak się miewasz, panie Żurze?
Wiwat! wiwat! wiwat! (Kolberg, Lud. V, 270—271).

Польскій «панъ Журовскій» стоитъ, какъ видно, въ неразрывной связи съ журомъ. Пана Журовскаго наряжаютъ въ красные сапоги, въ зеленый кафтанъ, говорятъ, что ему предстоитъ въ посту большая работа; но тутъ-же немедленно и раскрывается происхожденіе пана Журовскаго, уясняется, что его работа будетъ состоять въ пропитаніи домохозяина и его семейства.

Малорусскій Журило — осложнившійся польскій Журовскій. Значеніе его дѣятельности, его «работы» настолько затемнилось, что произошла своеобразная, такъ сказать, подмѣна, перекраска: на кухоннаго героя накинули военный костюмъ, что, быть можетъ, было обусловлено бурными военными передрягами, которымъ такъ часто подвергался южно-русскій народъ. Впрочемъ самое войско въ малорусской пѣснѣ—войско скромное, это дѣвушки—подруги невѣсты. Можно думать, что пѣсня была сложена именно во время приготовленія жура къ свадьбѣ. Объясняя Журила, какъ олицетвореніе жура, я нахожу стихи 8—14, признаваемые В. Б. Анто-

новичемъ за стихи вставочные, умѣстными, генетически связанными по смыслу со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ пѣсни. Дѣвушки такъ много истратили денегъ и всякихъ припасовъ на приготовленіе жура, что разорились и даже не рѣшаются возвратиться домой, чтобы не подвергнуться со стороны родителей наказанію. Въ первыхъ восьми стихахъ выражена мысль, что много дѣвушекъ участвовало въ приготовленіи жура; въ слѣдующихъ затѣмъ шести стихахъ указано, что онѣ много истратили на него всякаго добра, и такимъ образомъ большая часть пѣсни выражаетъ только одну мысль—мысль о томъ, что свадебный журъ отлично приготовленъ. Окончаніе пѣсни, съ 15 до 22 стиха, представляетъ вполнѣ естественное и даже совершенно необходимое въ хлѣбной пѣснѣ пожеланіе урожая. Множество народныхъ пѣсенъ, какъ стоящихъ отдѣльно, такъ и вошедшихъ въ гаевки, зажнивныя, дожиночныя, свадебныя, колядки и волочебныя, представляетъ выраженіе пожеланія урожая. Пѣсенныя пожеланія урожая начинаются наканунѣ новаго года и затѣмъ повторяются при разныхъ случаяхъ семейной и хозяйственной жизни до конца года. Окончаніе пѣсни о Журилѣ:

Куда Журыло ишовъ,
Туды ячменикъ зійшовъ,
А куды Ксеня ишла,
Туды пшеничка зійшла

представляетъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ пѣсенныхъ пріемовъ пожеланія урожая. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ на хлѣбныя поля идетъ съ цѣлью дать людямъ урожай Ярило, или св. ап. Петръ, или Спаситель, и результатомъ такого посѣщенія поля всегда бываетъ:

А гдзѣ іонъ нагою,
Тамъ жито капою;
А гдзѣ іонъ ни зырне,
Тамъ колосъ зацвицне.

(Записки географическаго общества по отдѣлу этнографіи 1869 г., II, 84).

Пошелъ колосъ [1]) на ниву,
На бѣлую пшеницу,—
Уродися на лѣто рожь съ овсомъ,
Съ дикушею (гречкой), со пшеницею.
(Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія, III, 764).

Всѣ подобнаго рода пожеланія урожая, между прочимъ, и связанный съ хожденіемъ Журила и Ксеніи урожай ячменя и пшеницы, быть можетъ, представляютъ лишь измѣненіе прекрасныхъ поэтическихъ образовъ солнца и весенняго дождя, находящихся въ галицкихъ колядкахъ. Къ хозяину приходятъ въ гости солнце, мѣсяцъ и дождь, и каждый гость похваляется своими услугами, оказываемыми землѣ и людямъ. Въ заключеніе говоритъ дождь, именно «дробенъ дожджейко», т. е. хорошій, тихій, продолжительный, благодатный для земли:

Нѣтъ, якъ надъ мене:
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяца мая,—
Возрадуются жита, пшеныци,
Жита, пшеныци и всѣ ярныци (Головац. II, 9, 11 и 19).

Такъ какъ пѣсню о Журилѣ поютъ на свадьбахъ и такъ какъ пѣсня эта носитъ на себѣ всѣ характерныя черты хлѣбныхъ пѣсенъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнно типичное хлѣбное пѣсенное окончаніе, то можно допустить, что и первый стихъ имѣетъ вполнѣ хлѣбный характеръ, другими словами, что онъ представляетъ вызванный изъ другой хлѣбной пѣсни запѣвъ. Предположеніе это до нѣкоторой степени подтверждается коровайными пѣснями, начинающимися со словъ: «короваево тисто летило черезъ мисто, черезъ все село текло» (Чубин. IV, 243; Голов. II, 116).

Нельзя не замѣтить сродства малорусскаго Журилы съ Чурилой Пленковичемъ великорусскихъ былинъ. «Кромѣ тождества въ названіи, говорятъ по этому поводу ученые издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», южно-русская

---

[1]) Колосъ здѣсь—дѣвочка, которую ведутъ торжественно на хлѣбное поле. О великорусскомъ и болгарскомъ «вожденіи колоска» см. мое сочиненіе «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ», 80—81.

пѣсня рисуетъ такія-же коренныя черты типа, какія былина присвоиваетъ Чурилу: и въ южно-русской пѣснѣ за «Журиломъ зъ миста йде дивочокъ триста», и въ сѣверной былинѣ женщины заглядываются на Чурила: «Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трепшатъ; гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконеньки звенятъ; гдѣ стары бабы глядятъ—манаты на себѣ дерутъ» (стр. 55). Объемъ былинъ о Чурилѣ довольно великъ, но содержаніе ихъ не сложно, просто. Князь Владиміръ пируетъ въ Кіевѣ съ князьями и боярами. Къ нему пришли около трехъ сотъ неизвѣстныхъ молодцовъ съ жалобой, что на охотѣ ихъ избили какіе-то богато одѣтые всадники. Владиміръ не обратилъ вниманія на ихъ жалобу. Немного спустя приходятъ къ нему съ такой-же жалобой рыболовы, и на нихъ Владиміръ не обратилъ вниманія; наконецъ являются къ нему съ тожественной жалобой сокольники и причетники и въ поясненіе жалобы замѣчаютъ, что ихъ избила дружина Чурилы. «Тутъ Владиміръ князь за то слово схватился», начинаетъ разспрашивать про Чурилу, и старый Бермята даетъ отвѣтъ, что Чурило живетъ пониже Малаго Кіевца, и описываетъ при этомъ яркими красками его богатство, въ особенности его дворъ и домъ. Владиміръ съ князьями и боярами отправился къ Чурилѣ въ гости. Ихъ радушно принимаетъ и предлагаетъ роскошное угощеніе старый Пленъ, отецъ Чурилы; вскорѣ возвратился съ своей дружиной самъ Чурило и поднесъ Владиміру богатые подарки. По приглашенію Владиміра, Чурило переселился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Чурило ухаживаетъ за женой стараго Бермяты, прекрасной Катериной, и она его полюбила; влюбляются въ Чурилу всѣ женщины. Старый Бермяла узнаетъ, что Чурило гоститъ у его жены, является къ ней съ острой саблей, допрашиваетъ ее, откуда въ его горницѣ взялись золотая шапка, шелковыя перчатки, зеленый кафтанъ; жена говоритъ, что шапка подарена ей отцомъ ея, перчатки матерью, кафтанъ братомъ. Бермята подмѣтилъ однако, что за печкой скрылся Чурило, и повелъ свою жену на крыльцо, съ цѣлью «женить ее на острой сабелькѣ». Въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ Чурило соперничаетъ съ Дюкомъ относительно богатства [1]).

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, т. IV, изданіе второе, стр. 78—90.

Какъ извѣстно, русскій народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ амплификаціи пѣсенныхъ мотивовъ, въ особенности былевыхъ, и потому русскія былины такъ обширны, длинны. Былины о Чурилѣ не представляютъ въ данномъ случаѣ исключенія, и въ нихъ на каждомъ шагу обнаруживается попытка къ осложненію и расширенію простаго поэтическаго мотива вставками и приставками разныхъ побочныхъ обстоятельствъ. Въ дѣйствительности найболѣе устойчивымъ, такъ сказать, кореннымъ въ былинахъ представляются лишь нѣсколько мотивовъ, именно тѣ самые мотивы, которые лежатъ въ основаніи Журовскаго и Журилы.

Виликорусская былина не удовольствовалась однимъ именемъ Журилы; потребовалось отчество, тѣмъ болѣе потребовалось, что въ Великороссіи отчество въ народномъ быту имѣетъ большое значеніе, и часто человѣкъ взрослый, пожилой, семейный называется, изъ вѣжливости, только отчествомъ. Названія Пленковичъ, Пленъ преставляются эпитетами жура, Журилы, Чурилы: журъ полный, хорошо заквашенный. Достаточно было Плену, Пленковичу появиться въ пѣснѣ, какъ появился и варіантъ пѣсни о пріемѣ имъ гостей въ отсутствіе сына, о его гостепріимствѣ.

И Журовскій и Журыло—паны, слѣдовательно, люди богатые, вѣжливые, обладающіе деньгами, слугами, хорошей одеждой, хорошо устроенными домами; по этой канвѣ великорусская былина вывела затѣйливые узоры чурилинаго богатства, могущества, вѣжливости, ухаживанія за женщинами.

Въ малорусской пѣснѣ за Журиломъ идетъ триста дѣвицъ; въ русской былинѣ въ него влюбляются всѣ женщины, дѣвушки и старухи; въ первомъ случаѣ характеристика его красоты выражена въ числѣ дѣвицъ, во второмъ въ различіи возраста увлекающихся имъ женщинъ.

Въ малорусской пѣснѣ войско Журилы останавливается въ лѣсу, на полянѣ, при зеленомъ орѣшникѣ. Въ русской былинѣ войско Чурилы также проводитъ время въ поляхъ и лѣсахъ и на отдыхъ идетъ ко двору стараго Плена, когда «на дворѣ уже день вечеряется, красное солнышко закатается».

У польскаго пана Журовскаго «czerwone panczoszki i zieliona kapota», на великорусскомъ Чурилѣ «золотъ колпакъ», «зеленъ кафтанъ».

Былины о Чурилѣ вошли въ составъ былинъ кіевскаго цикла и подчинились общему складу и содержанію былинъ, воспѣвающихъ князя Владиміра. Явилась необходимость локализировать Чурилу, и его поселили «пониже Малаго Кіевца»; затѣмъ явилась необходимость связать его съ княземъ Владиміромъ и съ его застольными богатырями, и его переселили въ Кіевъ, ввели въ вольную и отчасти даже распутную жизнь велико-княжескаго двора, и журъ, Журовскій, Журило получилъ совсѣмъ особый характеръ богатыря-волокиты.

Коснувшись Чурила мимоходомъ, по связи его съ малорусскимъ Журиломъ, мы должны оговориться, что великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ имѣютъ довольно обширную литературу. Чурилу объясняли различно: выводили его изъ греческихъ религіозно-поэтическихъ сказаній, изъ южно-русской исторіи, изъ миѳологіи. Проф. А. И. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что имя богатыря Чурило есть народное измѣненіе греческаго имени Κορίλλος (Arhiv für slav. Philolog. III, 573—574). На связь Чурилы съ древней южно-русской исторіей указывалъ еще К. С. Аксаковъ, между прочимъ, указывавшій на мѣсто близъ Кіева, называвшееся Чуриловщиною (См. его сочиненія, т. I, стр. 336). Относительно миѳическаго происхожденія Чурилы много курьезнаго высказалъ проф. П. А. Безсоновъ, повидимому, своими фантастическими доводами на всегда отбившій у ученыхъ охоту искать въ его примѣчаніяхъ къ былинамъ что-либо дѣльное. Г. Безсоновъ для объясненія слова Чурило высыпалъ кучу разнородныхъ словъ латинскихъ, чешскихъ, русскихъ, предоставивъ читателю разбираться въ этой филологической окрошкѣ. «Что касается до его миѳическаго происхожденія или, правильнѣе, до значенія дѣда его Чура, глубокомысленно разсуждаетъ г. Безсоновъ, очевидно заранѣе уже рѣшивъ, что у Чурила былъ дѣдъ Чуръ, то здѣсь очень важны слѣдующія данныя»... Далѣе идетъ такой филологическій венигретъ изъ всевозможныхъ собственныхъ именъ, что его недурно привести цѣликомъ, какъ веселенькій въ области строгой науки дивертисментъ: «въ показаніяхъ о древнихъ божествахъ у западныхъ славянъ, преимущественно балтійскихъ, въ памятникахъ писанныхъ по латыни, не разъ упоминается Сатурнъ, равняющійся Кроносу и нашему Сварожичу-Дажьбогу. Между именъ славянскихъ, соотвѣтствующихъ тому названію, из-

вѣстно слово кьртъ, krt; это то-же, что извѣстное намъ чуръ, только въ его древнѣйшемъ, еще божескомъ значеніи, въ тожествѣ съ Сварожичемъ, каковъ былъ нѣкогда и Гермесъ, Меркурій. На второй ступени въ переходѣ къ значенію демоническому является чешское Плевникъ... Ступенью третьею въ значеніи божескомъ и миѳологическомъ является уже внукъ Крта, по латыни Меркурій, по славянски Рядигостъ»... (Примѣч. Безс. къ пѣс. Рыбникова II, XLVIII). И все это у г. Безсонова происходитъ, такъ сказать, по щучьему велѣнію. Латинскіе и славянскіе боги родятся и плодятся очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выплодить для г. Безсонова Чурила.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ
ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ [1].

3-го марта 1669 года на радѣ въ городѣ Глуховѣ былъ избранъ гетманомъ бывшій черниговскій полковникъ Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный, а 6-го марта новоизбранный гетманъ, старшина и царскіе послы учинили договоръ, составленный изъ двадцати семи статей. По требованію царскихъ пословъ, одною изъ статей этого договора было постановленно учредить конный полкъ въ тысячу человѣкъ изъ охотниковъ, разнаго званія людей, на обязанности которыхъ было-бы подслушивать «всякіе ссорніе и смутніе слова», подмѣчать «всякія шатости и измѣны», какія затѣваютъ выдающіе себя за козаковъ «пахатніе мужики, бутники, винокуренники» и пр., и «своеволнихъ унимать по своимъ правамъ» [2]). Содержать этотъ новоучрежденный полкъ должны были жители тѣхъ мѣстъ лѣвобережной Украйны, въ которыхъ части его были расквартированы, что называлось стоять «на лежѣ». Это давало поводъ ко всякаго рода вымогательствамъ, проходившимъ для виновныхъ безнаказанно. «Охочекомонники», «компанейцы», получивши широкія полномочія, были людьми, которыхъ всякій доженъ былъ бояться и по мѣрѣ силъ задабривать; они знали это и при всякомъ случаѣ злоупотребляли своими правами. Конечно, найболѣе страдали отъ

---

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ будетъ помѣщенъ портретъ этого выдающагося представителя козачей старшины 2-й половины XVII ст.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т III, стр. 258, М. 1842.

ихъ произвола посполитые, но доставалось и козакамъ и даже старшинѣ. Что новоучрежденный охочій полкъ допёкъ всѣмъ и каждому, видно изъ того, что не прошло и трехъ лѣтъ со времени его учрежденія, какъ уже въ статьяхъ, такъ называемыхъ конотопскихъ, постановленныхъ на радѣ у Козацкой Дубровы, 25-го мая 1672 года, при избраніи гетманомъ Самойловича, «генералніе, обозной Петръ Забѣла съ товарищи, и полковники съ войсковою старшиною и козаки... бьютъ челомъ Великому Государю, чтобъ Его царское Величество ихъ пожаловалъ гетмана, полковниковъ и козаковъ, тысяча человѣкомъ полку Новицкаго кумпанѣи быти не указалъ, для того, что отъ такихъ кумпаній малороссійскихъ городовъ и мѣстъ и мѣстечекъ и селъ жителемъ всякое чинитца разореніе и обиды»[1]. Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбѣ, но статья эта не была соблюдена. Новоизбранный гетманъ, какъ оказалось, относился къ ней не очень сочувственно и вовсе не думалъ объ ея выполненіи. Ему, конечно, было очень удобно имѣть въ своемъ личномъ постоянномъ распоряженіи полкъ въ тысячу человѣкъ и не зависѣть отъ старшины и отъ частныхъ дѣлъ каждаго реестроваго козака въ отдѣльности; съ другой стороны, по тогдашнему ненадежному времени, когда такъ легко было лишиться гетманскаго уряда, гетману просто необходимо было имѣть столь внушительную силу на всякій случай подъ рукой. Самойловичъ не только не распустилъ «охочекомонниковъ», но съ теченіемъ времени набралъ еще нѣсколько охотныхъ полковъ. Въ этомъ помогъ ему невольно извѣстный правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, отъ смѣлыхъ, но неудачныхъ попытокъ котораго осталась въ народѣ лишь такая печальная память:

За Дорошенка гетмана
Пуста Украина стала,
    Все то презъ его бунты,
    Всѣмъ прійшло погинути.
Вкраина тяжко вздыхае,
Подолья плаче, рыдае
    Чадъ своихъ заколенныхъ
    И въ неволю одведеныхъ.

[1]) Лѣт. Сам. Величка, т. II, стр. 326. Кіевъ, 1851.

Ой Боже нашъ милостивый!
Ты-сь судія справедливый,
Не даждь бисурману
И Петру гетману
Въ замыслахъ тое чинити,
Рачь ихъ отомстити,
Абы южъ перестали,
И въ прудкомъ часѣ упали! [1]).

Еще до паденія и добровольной сдачи Дорошенка, въ числѣ другихъ его сторонниковъ, покинулъ его и полковникъ найболѣе вѣрныхъ ему серденятъ Ѳедоръ Мовчанъ, съ пятью стами своей команды прибывшій въ Каневъ и присягнувшій царю. Это было весною 1675 года. Вскорѣ Мовчанъ получилъ въ управленіе прилуцкій полкъ, а его серденята вошли въ составъ охочекомоннаго полка [2]).

Въ 1683 году наказной полковникъ переяславскій Леонтій Полуботокъ переманилъ козаковъ, признававшихъ власть Польши, отъ выбраннаго ими гетмана Андрея Могиленка—часть изъ нихъ распустилъ по домамъ, а другихъ, въ числѣ 400 конныхъ и 200 пѣшихъ, Самойловичъ разставилъ «на лежѣ» и приказалъ вмѣстить ихъ въ охотный полкъ [3]).

I.

Какъ мы видѣли выше, начальникомъ надъ учрежденнымъ, на основаніи глуховскихъ статей, охочекомоннымъ полкомъ, въ 1672 году, былъ нѣкій Новицкій. Звали его Илья Ѳедоровичъ. Каково происхожденіе его—неизвѣстно. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его въ началѣ 1672 года, когда онъ былъ «комендантомъ его королевской милости Дымерскимъ». Въ это время онъ переписывался очень дружелюбно съ кіевскимъ воеводою княземъ Трубецкимъ, извѣщая его о разныхъ происшествіяхъ въ Польшѣ [4]). Въ этомъ же

[1]) Я. О. Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, т. I, стр. 31. Москва. 1878 г.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Михайло Мовчанъ и его записная книга. «Кіевская Старина», т. XI, стр. 62.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Руина, стр. 634. Спб., 1882 г.

[4]) Симбирскій Сборникъ. Малороссійскія дѣла, стр. 25. Москва, 1845 г.

году, Самойловичъ перезвалъ Новицкаго на службу къ себѣ и поручилъ ему начальство надъ охочекомоннымъ полкомъ.

Находясь постоянно на глазахъ у гетмана, Новицкій со своимъ полкомъ принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ столкновеніяхъ, которыми былъ такъ обиленъ конецъ XVII вѣка.

Весною 1673 года Новицкій послалъ, по распоряженію гетмана, отрядъ охочихъ козаковъ къ низовьямъ Днѣпра для тайнаго развѣдыванія о движеніяхъ турецкаго и татарскаго войскъ, появившихся въ южныхъ степяхъ [1]); а лѣтомъ слѣдующаго года онъ самъ со всѣмъ своимъ полкомъ съ успѣхомъ отбилъ набѣгъ татаръ, но былъ раненъ [2]). Службою Новицкаго Самойловичъ дорожилъ: еще въ сентябрѣ 1673 года онъ далъ ему сосницкое село Нехаевку, а за мужественное отраженіе татаръ гетманъ осыпалъ Новицкаго похвалами и послалъ ему сорокъ восемь лѣвовъ на излѣченіе ранъ [3]). Воротившись въ гетманщину, охочекомонники отдыхали послѣ понесенныхъ трудовъ; въ это время отправленъ былъ изъ Москвы въ Чигиринъ по царскимъ дѣламъ стольникъ Василій Тяпкинъ, гетманъ послалъ съ нимъ войсковаго канцеляриста Дорошевича и приказалъ компанейцамъ Новицкаго сопровождать ихъ [4]).

Въ слѣдующемъ году Новицкому было немало хлопотъ. Жители правобережной Украйны въ ужасѣ, съ проклятіями на устахъ, покидали свои родныя насиженныя мѣста и безсознательно, какъ испуганное стадо, бѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь отъ дикихъ союзниковъ и покровителей несчастнаго Дорошенка, турокъ и татаръ. Новицкому и переяславскому полковнику Войцѣ Сербину Самойловичъ приказалъ способствовать этому переселенію и направлять бѣгущихъ въ глубь гетманщины, подальше отъ Днѣпра [5]). Вѣроятно, Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, такъ какъ съ этого времени онъ сталъ пользоваться особою пріязнью гетмана: лѣтомъ 1676 года Самойловичъ утвердилъ Новицкаго на урядѣ полковника охочекомоннаго полка, вручивши

---

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 90.
[2]) Ibid., № 94.
[3]) Ibid., № 94.
[4]) Ibid., № 95.
[5]) Ibid., № 96.

ему «надлежный до тоей полковницкой зверхности знакъ войсковый»... утвердилъ «яко человѣка отъ молодыхъ лѣтъ трактуючого военную услугу». Нѣсколько дней спустя по утвержденіи ему дано было порученіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ былъ учрежденъ охочекомонный полкъ въ 1669 году. Въ стародубовскомъ полку, по случаю выбора старшинъ, вслѣдствіе «предсявзятости Рославцевой» было сильное волненіе умовъ; Самойловичъ приказалъ Новицкому собрать въ одно мѣсто полчанъ своихъ, расположенныхъ на «лежѣ» въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, и тайно наблюдать за происшествіями [1]). Въ награду за исполнительность гетманъ далъ компанейцамъ изъ конфискованнаго имущества стародубскаго полковника Петра Рославца, присужденнаго сначала къ смертной казни, а потомъ по особой царской милости къ ссылкѣ въ Сибирь, по 20 злотыхъ на брата (всего 10,000 зл.) и 1,000 злотыхъ на полковыхъ старшинъ [2]).

Высоко цѣня воинскія способности Новицкаго, Самойловичъ все болѣе увеличивалъ его компанію: въ сентябрѣ 1676 года гетманъ велѣлъ ему принять въ свой полкъ козаковъ, перешедшихъ отъ королевскаго гетмана Гоголя [3]), а въ началѣ 1677 года въ составъ его полка вошли серденята Ѳедора Мовчана, назначеннаго прилуцкимъ полковникомъ.

Находясь постоянно «при боку» гетманскомъ, Новицкій участвовалъ во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Самойловича. Когда, послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ убѣдить Дорошенка сложить съ себя гетманство и предаться на волю царя, московское правительство рѣшилось указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться къ Днѣпру со своими войсками, то гетманъ послалъ впередъ Новицкаго и другаго охочекомоннаго полковника Павловскаго съ ихъ полками [4]) Главное войско, расположившись таборомъ надъ Днѣпромъ, противъ Вороновки, приготовлялось къ переправѣ, а впередъ къ Чигирину былъ посланъ отрядъ, въ составъ котораго вошелъ и Новицкій со своимъ полкомъ. Дорошенко сложилъ съ

---

[1]) Ibid., №№ 97, 98.

[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 530.

[3]) Акты западной Россіи. т. V, № 103.

[4]) Ibid., № 101.

себя гетманское достоинство къ великой радости Самойловича. «Справуючему рѣчи и къ доброму концу приводящему Богу должное отъ всѣхъ нехай будетъ благодареніе: понѣважъ отчизну нашу расторгненную Украйну привелъ подъ единаго монарха и региментъ въ соединеніе», писалъ гетманъ Новицкому и обѣщалъ въ скоромъ времени прибыть въ Чигиринъ, для личнаго устройства тамошнихъ потребностей [1]). Пробывши въ Чигиринѣ всего одинъ день, бояринъ и гетманъ воротились, и уже 13-го сентября Самойловичъ писалъ Новицкому «зъ табору подъ Лубнями», чтобы онъ охранялъ жителей Корсуня отъ навѣтовъ и прельщеній Гоголя [2]). Не долго пришлось Новицкому исполнять возложенное на него порученіе, уже 12-го октября онъ и ротмистръ Бравцовъ доставили въ Москву взятые у Дорошенка клейноты. 17-го числа клейноты были торжественно отвезены въ Кремль. Явившись предъ царскія очи, Новицкій проговорилъ короткую рѣчь о присылкѣ клейнотовъ, подалъ грамоту и велѣлъ положить клейноты у подножія царскаго сѣдалища. По царскому приказанію, думный дьякъ принялъ грамоту, спросилъ о здоровьѣ боярина и гетмана, объявилъ имъ царскую похвалу, а посланцамъ сказалъ, что, по царской милости, вмѣсто стола, будетъ посланъ имъ кормъ вдвое. Затѣмъ они были отпущены [3]).

Вернувшись на родину, Новицкій отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ упоминанія о немъ до самой осени слѣдующаго года, когда гетманъ, извѣстивши его о распущеніи остававшейся въ Черкасахъ донской пѣхотной сотни и запорожцевъ, приказалъ наблюдать за ихъ своевольствами, а также доставить свѣдѣніе, дѣйствительно-ли татары приходили подъ Ржищевъ и сосѣднія съ нимъ мѣста [4]). Этотъ слухъ оказался не справедливымъ, но, чтобы разузнать о намѣреніяхъ крымцевъ, Новицкій послалъ за Бугъ козачій отрядъ для развѣдокъ. Когда козаки, воротившись, доставили самыя успокоительныя вѣсти, гетманъ позволилъ Новицкому перейти съ полкомъ на лѣвую сторону Днѣпра и остановиться въ Лубнахъ, чтобы воспользоваться отды-

[1]) Ibid., № 102.

[2]) Ibid., № 104.

[3]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 511.

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 107.

хомъ[1]). Это случилось очень своевременно, такъ какъ слѣдующій годъ былъ особенно тяжелъ для Новицкаго. Уже весною ходили упорные слухи о намѣреніи турокъ произвесть вторичное вторженіе въ правобережную Украйну. Готовясь къ этому, Самойловичъ въ маѣ приказалъ всѣмъ козакамъ, въ томъ числѣ и полку Новицкаго, собраться у р. Артополота на смотръ, совмѣстно съ царскими войсками, состоявшими подъ начальствомъ князя Ромодановскаго[2]). Въ началѣ іюля войска двинулись къ Чигирину, въ которомъ были осаждены Ржевскій и Гордонъ. Впередъ были посланы компанейцы и уже въ первыхъ числахъ іюля Новицкій прибылъ въ Чигиринъ, гдѣ гетманъ приказалъ ему остаться на нѣкоторое время съ отрядомъ его полка для развѣдыванія о предпріятіяхъ непріятелей, извѣщая, что самъ онъ гетманъ, стоитъ съ войскомъ у Бужинской переправы, готовясь перейти на другую сторону Днѣпра[3]). Въ первыхъ числахъ августа главныя силы переправились на правую сторону Днѣпра и 3-го произошло кровопролитное сраженіе съ авангарднымъ турецкимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Капланъ-паши, окончившееся полной побѣдой надъ турками. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Новицкій. Въ среднихъ числахъ августа онъ былъ отправленъ въ побережные днѣпровскіе города «для обороны ихъ отъ наѣздовъ татарскихъ и для защиты людскихъ добытковъ». Новицкій остановился въ Веремѣевкѣ; гетманъ приказалъ ему держать неослабную сторожу между Ирклѣевомъ и Жовниномъ, чтобы татары не отважились вторгнуться загонами, и доносить о происходящемъ ему, гетману, и князю Каспулату Черкаскому. Военныя заслуги послѣдняго Самойловичъ очень цѣнилъ и въ особомъ письмѣ къ Новицкому приказывалъ ему пріобрѣсть у веремѣевскихъ козаковъ двухъ верблюдовъ и двухъ муловъ и прислать для подарка князю Каспулату. Когда-Черкаскій возвращался изъ-за Днѣпра, гетманъ приказалъ Новицкому выдать ему на дорогу «осмь сотъ барановъ досужнихъ и шестьдесятъ яловицъ лучшихъ изъ быдла войскового, въ Веремѣевцѣ зостаючого».

---

[1]) Ibid., № 108.
[2]) Ibid., № 109.
[3]) Ibid., № 110.

Самойловичъ во время разставилъ стражу по лѣвому берегу Днѣпра, такъ какъ крымцы, дѣлая постоянныя попытки переправиться въ гетманщину, нѣсколько разъ совершали набѣгъ на Каневъ и другіе расположенные на правомъ берегу Днѣпра города. Въ первыхъ числахъ сентября каневцы снова готовились выдержать ихъ натискъ и Новицкій получилъ отъ гетмана приказаніе оказать имъ поддержку посылкой отряда пѣшихъ компанейцевъ и переселить остальныхъ тамошнихъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Ходили также слухи, что Юрась Хмельницкій думаетъ вторгнуться въ гетманщину, и гетманъ въ среднихъ числахъ сентября приказалъ Новицкому развѣдать о мѣстопребываніи и предпріятіяхъ Хмельницкаго и его сторонниковъ, о состояніи городовъ, лежащихъ въ низовьяхъ Днѣпра и о томъ, насколько тамошніе жители склонны быть подъ властью его, гетмана; въ тоже время онъ предписывалъ ему наблюдать за дѣйствіями крымцевъ у Корсуня и воспрещать тамошнимъ и другимъ побережнымъ жителямъ переселяться на другую сторону Днѣпра, что противорѣчило его-же приказанію относительно каневцевъ. Впрочемъ это объясняется словами гетмана: «бо и тые, туда (въ гетманщину) намѣрившися, ничого намъ доброго не мыслятъ». Новицкій по обыкновенію съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе и заслужилъ похвалу гетмана. Продолжительная сторожевая служба становилась тягостна, такъ что Самойловичъ всячески старался задобрить компанейцевъ: «хочай холодно и голодно, и до дому далеко, писалъ онъ Новицкому, а однакъ потерпи вашмосьць еще: бо претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ; самъ ты часто тое проповѣдуешъ»; «ижъ подъ сей часъ вашу компанѣю—пишетъ гетманъ въ другой разъ—зоставуемъ еще тамъ, въ побережныхъ мѣстцахъ: того не мѣйте за жадную прикрость» и обѣщаетъ «ласковый взглядъ мѣти» и всѣмъ «укоптентовати». Единственнымъ утѣшеніемъ Новицкому были письма Василія Кочубея, въ которыхъ послѣдній сообщалъ ему всевозможныя новости.

Между тѣмъ, не смотря на принятыя Самойловичемъ мѣры, Юрась Хмельницкій перешелъ на лѣвый берегъ и всѣ вѣрные Самойловичу козаки собрались въ болѣе укрѣпленные пункты, полковые города. Новицкій, по приказанію гетмана, расположился было

[1]) Ibid., №№ 111, 121, 113, 114, 115.

со своимъ полкомъ въ Барышполѣ и Воронковѣ [1]), но въ то время, когда передовой отрядъ Хмельницкаго, подъ начальствомъ Ивана Яненченка-Хмельницкаго, отправленный 27-го января изъ-подъ Жовнина, подходилъ къ Лубнамъ, Новицкій вмѣстѣ съ лубенскимъ полковникомъ Ильяшенкомъ заперлись въ этомъ городѣ, присягнувъ вмѣстѣ съ товариствомъ стоять крѣпко. Скоро однако отправленные противъ Хмельницкаго миргородскій и полтавскій городовые полки вытѣснили Юрася со всѣми его сторонниками за Днѣпръ и Самойловичъ въ февралѣ отрядилъ своего сына Семена, въ званіи наказнаго гетмана, за Днѣпръ опустошать правобережную Украйну и перегонять населеніе въ предѣлы гетманщины [2]). Въ этомъ «сгонѣ» пришлось опять принять участіе и Новицкому съ его компанейцами. Уже 27-го февраля гетманичъ послалъ приказаніе ему и Ильяшенку идти съ полками своими въ Домонтовъ, но предостерегалъ ихъ, чтобы они не вздумали съ одними своими силами вступать въ сраженіе съ непріятелемъ, такъ какъ онъ силенъ, въ подтвержденіе чего добавлялъ, что онъ самъ «въ Ржищевѣ подъ осмь тысячъ маючи войска, и арматъ съ потребу, заледво змогъ двуденною працою того доказати, же взялъ замокъ». 1-го марта Новицкій и Ильяшенко получили приказаніе поспѣшить съ полками изъ Домонтова въ Каневъ, а оттуда подъ Корсунь, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Яненченка. Совершивши «сгонъ», гетманичъ и ходившіе съ нимъ полковники вернулись въ свои становища на отдыхъ. Но еще въ концѣ того-же года пришлось предпринять походъ противъ татаръ. Въ ноябрѣ лубенскій полковникъ Ильяшенко доносилъ гетману, со словъ бѣжавшаго изъ татарскаго плѣна жителя м. Яблонова, о чинимыхъ крымскимъ ханомъ Мурадомъ приготовленіяхъ для вторженія въ Украйну [3]). Самойловичъ сдѣлалъ тотчасъ-же необходимыя распоряженія относительно похода противъ татаръ, послалъ 1,860 злотыхъ Новицкому для раздачи жалованья полковымъ его старшинамъ и товариству, а въ концѣ декабря наказный гетманъ Семенъ Самойловичъ двинулся съ войскомъ и послалъ приказъ Новицкому о высылкѣ къ нему въ Ромны полутораста «комонни-

---

[1]) Ibid., №№ 119, 120, 121, 122, 117.

[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 595, 601.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 124, 125, 126.

ковъ», для слѣдованія вмѣстѣ съ отрядомъ его въ Гадячъ. Въ январѣ 1680 года гетманичъ извѣщалъ Новицкаго, что такъ какъ по слухамъ татары думаютъ вторгнуться въ слободскіе полки, то, чтобы онъ со своими компанейцами двигался къ Гадячу и Зенькову на соединеніе съ нимъ, гетманичемъ. Но слухи о намѣреніяхъ татаръ оказались ложными и Семенъ Самойловичъ въ первыхъ числахъ февраля возвратился въ Батуринъ, а Новицкій въ Лубны. Только что успокоился было Новицкій, какъ вдругъ Самойловичъ въ срединѣ февраля извѣщаетъ его, что татары, пользуясь тѣмъ, что Днѣпръ покрылся льдомъ, думаютъ сдѣлать набѣгъ на гетманщину, и приказываетъ дать имъ отпоръ совмѣстно съ полками гадяцкимъ и лубенскимъ. Самъ гетманъ понималъ, какъ непріятно было это новое порученіе Новицкому, спѣшившему домой въ Нехаевку заговлять на великій постъ и потому утѣшалъ своего полковника пріятельскою припискою: «вѣдаемъ и то, же моркатно вашмосьци приходитъ не въ дому запустъ мѣти; а такъ ты Пилипа, а найпаче того молодого скрынника взявши, роскажи имъ заговѣйную загради».

Въ началѣ лѣта всѣ въ гетманщинѣ съ волненіемъ ожидали прибытія царскаго ближняго боярина князя Голицына; гетманъ велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ, въ томъ числѣ и Новицкому, собраться на смотръ къ Ромнамъ [1]). Самойловичъ остался очень доволенъ состояніемъ своихъ полковъ, особенно похвалилъ компанію Новицкаго за военные подвиги и дозволилъ компанейцамъ занять зимнія квартиры въ городахъ лубенскаго и миргородскаго полковъ, но не отягощать жителей излишними поборами. Въ началѣ 1681 г., снова надѣлали Новицкому хлопотъ слухи о движеніяхъ татарскихъ «чатъ». На этотъ разъ обычный товарищъ Новицкаго, лубенскій полковникъ Ильяшенко не раздѣлялъ его трудовъ; извѣщая объ этомъ своего пріятеля, Ильяшенко сообщалъ ему о какихъ-то предсказателяхъ явившихся въ Польшѣ. Конецъ 1681 года прошелъ спокойно, Новицкій исполнялъ свою обычную службу—собиралъ ходившіе въ народѣ слухи и сообщалъ о нихъ гетману. Такъ, онъ донесъ гетману, что говорятъ, будто валахскій господарь Дука замышляетъ овладѣть малороссійскими городами, лежащими въ опусто-

[1]) Ibid., №№ 127, 128, 129, 130, 131.

шенной заднѣпровской Украйнѣ, и вновь населить ихъ выходцами изъ козаковъ. Самойловичъ благодарилъ Новицкаго за сообщеніе этого слуха и опровергалъ его.

Въ іюнѣ 1682 года Самойловичъ разослалъ по всѣмъ полкамъ универсалъ о восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ повелѣніемъ принести имъ присягу на вѣрность. Новицкаго гетманъ извѣстилъ объ этомъ письмомъ, въ концѣ котораго сообщалъ о высылкѣ задержаннаго жалованья. Въ послѣдующіе года пріязнь гетмана къ Новицкому все болѣе увеличивается— благосклонное отношеніе Самойловича къ нему не прерывается, даже при нѣкоторыхъ оплошностяхъ съ его стороны, какъ напримѣръ, когда у него вылизнули въ заднѣпровскую Украйну два важныхъ преступника [1]). Въ пріятельскихъ письмахъ Самойловичъ сообщаетъ Новицкому самыя разнообразныя извѣстія: о бракѣ царя Іоанна Алексѣевича съ Параскевою Ѳеодоровною Салтыковою, о пораженіи королевскаго заднѣпровскаго гетмана Куницкаго крымцами близь рѣки Прута, о пораженіи заднѣпровскаго гетмана Могиленка турками и татарами подъ Студеницею, о побѣдѣ, которую одержалъ крымскій ханъ надъ поляками подъ Жванцемъ, о своемъ выѣздѣ въ Глуховъ для встрѣчи зятя, царскаго боярина Ѳедора Шереметева, назначеннаго кіевскимъ воеводою и т. д. Число компанейцевъ все болѣе увеличивалось и они исполняли всякаго рода порученія: сопутствовали до границы ханскому гонцу и гетманскимъ посланцамъ къ хану, ловили бродягъ, вообще подозрительныхъ людей и т. д. За то гетманъ постоянно награждалъ ихъ похвалами и подарками.

Въ послѣдніе годы гетманства Самойловича Новицкій больше сидѣлъ въ Нехаевкѣ, исполнять-же порученія посылалъ своего полковаго асаула Ивана Максимовича, съ приказаніемъ доносить ему о самомалѣйшихъ происшествіяхъ, что тотъ въ точности исполнялъ: онъ извѣщалъ о набѣгахъ крымцевъ на прибрежныя днѣпровскія села, о походѣ польскаго короля съ войсками къ Цецорѣ и объ ожиданіи въ Немировѣ козачьихъ полковъ, бывшихъ въ походѣ съ Могиленкомъ подъ Язловцемъ, объ отысканіи въ Чигиринѣ мѣста жилища гетмана Богдана Хмельницкаго и женщины, бывшей корми-

---

[1]) Ibid., №№ 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 140.

лецею двухъ его дочерей. Впрочемъ, Новицкій лично провожалъ крымскаго посла, мурзу Магметъ-Чагина [1]), и въ походѣ въ татарскія степи «для такой потреби, аби смотрѣли на обороти ордъ бѣлогородскихъ и буджацкихъ, которія если-бы мѣли на помощь кримскимъ ордомъ приставати, то жеби не допустили имъ чрезъ Днѣпръ переправоватися» [2]).

Такова была разнообразная роль и служебная дѣятельность Новицкаго въ первые годы его полковничества. Между тѣмъ гетманство Самойловича приходило къ концу; умноженные и взысканные особыми его милостями компанейцы не поддержали его въ моментъ паденія и сдѣлались такими-же исполнительными слугами новаго гетмана Мазепы, главнаго виновника низверженія Самойловича. Также безучастно отнесся къ его паденію и Новицкій, получившій при Мазепѣ большій ходъ и болѣе выдающееся положеніе.

II.

Мазепа заискивалъ у компанейцевъ. Съ береговъ Коломака, гдѣ происходила избирательная рада, онъ отправился къ Гадячу и уже оттуда обратился къ Новицкому и Пашковскому съ универсаломъ, приглашавшимъ ихъ быть вѣрными ему. Они вполнѣ спокойно отнеслись къ факту паденія Самойловича и избранію Мазепы и обратились только къ новоизбранному гетману съ просьбой, чтобы не было относительно ихъ никакихъ перемѣнъ, на что Мазепа отвѣчалъ въ томъ-же универсалѣ, что онъ готовъ «контентовати всѣ жаданя и потреби» [3]). Мазепа цѣнилъ Новицкаго не только какъ хорошаго исполнителя возлагаемыхъ на него порученій, но и какъ дѣльнаго, опытнаго совѣтника. Онъ обращался къ нему за совѣтами, видимо, по многимъ дѣламъ, подлежавшимъ его разрѣшенію [4]). Хорошо зная военныя способности Новицкаго, Мазепа

---

[1]) Ibid., №№ 143, 144, 147, 152, 148, 146, 153, 161, 166, 161, 163.

[2]) Лѣт. Сам. Величка, т. III, стр. 12.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 172.

[4]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 февраля 1690 года изъ г. Хорола: «Жадаемъ вашмосьци, абысь скоро, за одобраннямъ сего листа нашего, прибувавъ до насъ въ Лубнѣ для устное обо всемъ, о чемъ належить, розмови и для ото-

не разъ поручалъ ему общее начальство надъ всѣми охотными конными и пѣшими полками. Такъ, въ февралѣ 1683 года, хотя крымскіе «чатовники», судя по донесенію компанейскаго асаула Ивана Максимовича [1]), и перестали тревожить приднѣпровскія поселенія, Мазепа отправилъ въ татарскія степи лубенскій, миргородскій и компанейскій полки подъ главнымъ начальствомъ Новицкаго. Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, нанесши полное пораженіе большому татарскому отряду, близъ устья рѣки Тясьмина [2]). Уже въ іюнѣ Мазепа извѣщаетъ Новицкаго, что онъ думаетъ опять послать противъ татаръ нѣсколько полковъ подъ его начальствомъ. Въ первыхъ числахъ сентября гетманъ вызываетъ Новицкаго въ Батуринъ для отдачи послѣднихъ приказаній [3]), а въ концѣ этого мѣсяца извѣщаетъ всѣхъ полковниковъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, назначенныхъ въ походъ, что, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, татарскія войска находятся въ разбродѣ, въ Молдавіи, Польшѣ и на Кавказѣ, и потому предстоитъ благопріятный случай дѣйствовать противъ нихъ съ надежнымъ успѣхомъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября гетманъ приказалъ Новицкому двинуть городовые полки съ пятью пушками и охочихъ козаковъ

брання въ дѣлѣ певномъ выразное словесное информаціе. А мы ознаймуемо вашмосьци, же завтрешняго дня конечне въ Лубнѣ прибудемо. Где скорый пріѣздъ и себѣ и повторе вашмосьци зичачи, поручаемъ оного въ схраненя Богу».

Тоже можно усмотрѣть и въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25 марта 1691 года изъ Батурина: «Посылаючи въ пилнихъ дѣлахъ моихъ до Переволочной молодця своего, велѣлисьмо оному и до вашмосьци уступити зъ симъ моимъ писаннямъ, чрезъ которое яко доброго здоровя вашмосьци жадаю, такъ оного-жъ о тое пилно жадаю, жеби на тие рѣчи, которые велѣлисьмо сему молодцеви говорити вашмосця, слушный отвѣтъ менѣ черезъ него жъ учинилисьте, о що и повторе жадаючи, въ сохранення Господу Богу вашмосьць поручаемъ». Эти и помѣщенныя ниже письма нигдѣ не напечатаны и находятся въ моемъ распоряженіи.

[1]) Акты западной Россіи, т. V, ш 178.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, 317. Москва, 1842. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малороссіи, т. 3, стр. 11. Москва. 1822.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 8-го сентября 1688 г.: «якъ скоро дойде рукъ вашмосьциныхъ сей нашъ листъ, такъ ажебы вашмосць заразъ а заразъ безъ жадного омешкання до насъ въ Батуринъ прибувавъ, жеби розмовити о справѣ. О тое пилно жадаючи, зичимъ вашмосьци доброго здоровя и за тымъ Господу Богу поручаемъ».

отъ Чигирина по р. Бугу къ Очакову, истребляя по пути татарскіе загоны [1]). Подошедши къ Очакову, они выжгли посады, причинили большія разоренія и возвратились со многими плѣнными [2]). Новицкій подробно доносилъ гетману о придуманномъ имъ планѣ дѣйствій и когда, одобренный Мазепой [3]), онъ былъ съ успѣхомъ выполненъ, то гетманъ, осыпавъ Новицкаго похвалами и благодарностію, въ январѣ 1689 года далъ ему «опустѣлое городище» Снѣтинъ съ селами Окопомъ и Исакчами (въ лубенскомъ полку). Весну 1689 года Новицкій стоялъ въ Ромнахъ и когда Мазепа лѣтомъ поѣхалъ въ Москву, то наказалъ ему строго сохранять въ народѣ порядокъ. Въ нѣскольких письмахъ изъ Москвы гетманъ, извѣщая Новицкаго о милостивомъ пріемѣ, котораго онъ удостоился въ Москвѣ, подтверждалъ свой наказъ [4]), а чтобы поощрить своего вѣрнаго слугу, выхлопоталъ утвержденіе своего универсала на подаренное Новицкому с. Шеки. Но несмотря на всѣ старанія Новицкаго, пока Мазепа ѣздилъ въ Москву, на Украйнѣ произошли нѣкоторыя смуты и Новицкій съ нетерпѣніемъ ожидалъ гетмана, развѣдывая, скоро-ли воротится Мазепа изъ Москвы [5]). Получивши непріятныя

---

[1]) Акты западной Россіи, V, № 183 и 184.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 11.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому, помѣченное 1688 г., безъ обозначенія числа и мѣсяца: «зъ листа вашмосьциного есть намъ вѣдомо, якъ маете роспорядити войска, прибывши подъ непріятельскіе жилища, же тисячъ двѣ оставите въ таборъ; подъ городъ тисячу для заставы, а тисячу для пустошення посаду, а другую на заставу именуете, мы похваляемъ и за слушность быти уважаемъ, а хочабъ и болше на вдаръ било, тобъ лѣпше. А ще двѣ тысячи войска для отгрневвя статковъ назначаете, то такая махина войска на тое дѣло не потребна, кгды-жъ тое дѣло можно въ двохъ или въ трехъ, а найболше въ чтирохъ сотъ коней зорудовати, поневажъ военная орда не маетъ ходити за статками и битися тамъ будетъ нѣ зъ кимъ. Вся битва мусить быти подъ городомъ, а статки мусять быти одъ города отрѣзани и поблизу оныи на паствискахъ найдоватися мають. Прето тутъ вамъ одно въ таборѣ потреба крѣпости, а другое подъ городомъ на вдаръ отважныхъ и добрихъ надобѣ и не дробно зготовати людей, жеби бой моглъ быти крѣпко удержанный. А кгды вашмосць зовсѣмъ якъ належить зготовитеся, то въ Божій часъ, по указу монаршему и нашому ординансу, зачинайте и кончайте подлугъ информаціе нашое намѣреное дѣло. Где мы зычимъ вашмосьци при добромъ здорови щасливого повоження и хвалебного надъ непріятелемъ звитяжства».

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 188, 191 и 192.

вѣсти изъ Украйны, Мазепа поторопился съ отъѣздомъ, въ особенности безпокоили его волненія на Запорожьи, возникшія вслѣдствіе постройки городковъ на р. Самарѣ. Мазепа предвидѣлъ это, поэтому, собираясь строить укрѣпленія, старался не допускать объ этомъ вѣсти до Запорожья: но это было, конечно, почти неисполнимо. Теперь гетманъ думалъ подавить волненія въ самомъ началѣ и потому, извѣщая Новицкаго съ товарищами о своемъ пріѣздѣ, приказывалъ готовиться къ походу [1]). Но случилось иначе: ѣздившій вмѣстѣ съ нимъ въ Москву посланецъ изъ Сѣчи Лихопой сталъ всѣмъ разсказывать про все, что слышалъ въ Москвѣ, многое при этомъ умышленно извращая, и волненія усилились. Мазепѣ оставалось только стараться, чтобы эти смуты не приняли остраго характера, поэтому онъ приказывалъ Новицкому внимательно слѣдить за Лихопоемъ и подслушивать, что онъ болтаетъ и какое впечатлѣніе производятъ его росказни на слушателей [2]). Не смотря на принятыя Мазепой мѣры, Лихопой усилилъ враждебное отношеніе въ дѣйствіямъ высшей власти вообще въ Украйнѣ и въ особенности на Запорожьи. Прибѣгать къ оружію Мазепѣ не хотѣлось, а тутъ начали безпокоить татары. Въ срединѣ февраля гетманъ приказалъ Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу; въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Новицкій часто и во всѣхъ подробностяхъ увѣдомлялъ гетмана о своихъ дѣйствіяхъ противъ вторгнувшихся было татаръ и доставлялъ ему пойманныхъ татарскихъ «языковъ» для отправки въ Москву.

Въ это тяжелое время Мазепа особенно нуждался въ вѣрныхъ, толковыхъ и усердныхъ помощникахъ. Онъ старался всячески задобрить компанейцевъ, такъ какъ только въ нихъ могъ быть вполнѣ увѣренъ: въ апрѣлѣ онъ далъ Новицкому с. Клишинцы, впослѣд-

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 194.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Хорола отъ января 1690 г.: «увѣдомилисьмося, же той пьянюга Лихопой, зоставшися одъ насъ въ Лубняхъ, через ночь въ полковника пилъ. Жадаемъ тедя, жебы вашмосьць пилно тамъ хочай дослухався.

ствіи прибавилъ еще три села: Литвяки, Хорошки и Гробище (на р. Сулѣ) и Галицкую слободку; въ сентябрѣ поручилъ Новицкому раздать коннымъ охотницкимъ полкамъ деньги, пѣхотнымъ «барву» (одежу) суконную и денежный придатокъ, и сдѣлать всѣмъ имъ смотръ; въ октябрѣ снова разослалъ по коннымъ полкамъ деньги, а пѣшимъ велѣлъ раздать по жупану и по четыре злотыхъ на человѣка [1]).

Но, отличая компанейцевъ своимъ довѣріемъ, Мазепа не давалъ имъ спуску, дѣлалъ замѣчанія, а иногда и прямые выговоры за замѣченные безпорядки. Такъ, когда въ началѣ 1691 года до гетмана дошли жалобы на допущенное Новицкимъ пристрастіе въ разстановкѣ его компанейцевъ по сотнямъ лубенскаго полка, съ обремененіемъ рядовыхъ козаковъ постоями и сборами провіанта и фуража и съ послабленіемъ для старшины, то Мазепа сдѣлалъ Новицкому строгое внушеніе [2]). Гетманъ запрещалъ также посполитымъ компанейской старшины, пользовавшимся важнымъ значеніемъ своихъ пановъ, записываться въ козаки [3]).

зъ кимъ власне, чи самъ, чи съ товариствомъ якимъ черезъ ночь тели у полковника пилъ и що тамъ за розмова ихъ отправовалася. Также чи не были оному якіе давани подарки, а що вывѣдается, о томъ намъ черезъ сего посланця давати знати пилно жадаемъ».

[1]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 122, 214.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 марта 1691 года: «яко на пана полковника лубенского, такъ и на вашмосць сподѣвалисьмося, же товариство компанѣя вашмосьциной въ полку лубенскомъ слушне и порядне, подлугъ давнего обычая, по становискахъ будеть распоряжено, якобы всѣ заровно полчане лубенскіе, ни чіихъ сіолъ не минаючи, подъ кимъ кольвекъ найдуются, тотъ тенжаръ двигали; але на той надѣи нашои омылилисьмося, поневажъ донесено намъ, що одны въ той мѣрѣ збыть зостали отяжены, а другихъ, яко то подданныхъ старшихъ полковыхъ, сотницкихъ и иныхъ особъ, той тенжаръ и не дотыкается, зъ чого отяжены плачуть, а иныи, которыхъ тое не долѣгаеть, зъ сусѣдовъ своихъ посмѣвиска веселятся. За чимъ яко до пана полковника лубенского о томъ писалисьмо, жеби, никому *не глядячи въ зубы*, поправилъ тое товариства вашого розстановлення, такъ и вашмосьць, жадаемъ, абисте, знесшися зъ нимъ паномъ полковникомъ, были въ той мѣрѣ помочнымъ и намъ реестровне ознаймили, килька товариства вашого въ якой сотнѣ полку лубенского на становиску станеть».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 185.

Осенью 1690 года волненія не улегались, а татары съ своей стороны не переставали безпокоить гетманщину. Въ октябрѣ «чаты» появились у Переволочной, и гетманъ приказалъ Новицкому послать противъ нихъ, какъ можно скорѣе, асаула Рубана съ отрядомъ компанейцевъ; въ декабрѣ Рубанъ былъ отправленъ къ Чигиринъ-Дубровѣ, на случай набѣга крымцевъ.

Слѣдующій годъ весь прошелъ то въ ожиданіи татарскихъ загоновъ, то въ отраженіи ихъ. Уже въ январѣ лубенскій полковникъ Свѣчка благодарилъ Новицкаго за извѣщеніе о вторженіи крымцевъ. Но въ этомъ году Новицкому какъ-то не везло: то онъ не догналъ крымцевъ и не отбилъ людей, взятыхъ въ плѣнъ; то не во время вернулъ отрядъ, посланный противъ непріятеля; то отправленный имъ въ татарскія степи компанейскій асаулъ упустилъ удобный случай ударить на Очаковъ. За все это Новицкій получалъ строгіе выговоры отъ гетмана. Въ гетманщинѣ старый годъ провожали, а новый встрѣчали звуками оружія: 22-го декабря гетманъ приказалъ Новицкому быть готовымъ къ отраженію крымцевъ и отправить въ Чигиринъ полтораста компанейцевъ; 27-го самъ Новицкій со всѣмъ своимъ полкомъ двинулся противъ татаръ; чтобы не потерпѣть пораженія, онъ соблюдалъ надлежащую осторожность и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полковниками лубенскимъ, кіевскимъ и переяславскимъ. Въ январѣ онъ получилъ отъ гетмана извѣщеніе о набѣгѣ татаръ подъ Сороку и Немировъ и приказъ быть въ готовности выступить въ заднѣпровскія степи, чтобы тамъ перерѣзать дорогу непріятелямъ [1]); въ февралѣ татары произвели цѣлый рядъ набѣговъ на разныя приднѣпровскія поселенія и притомъ такъ неожиданно, что Новицкій и его товарищи полковники окончательно растерялись и не знали, за кѣмъ гнаться, откуда отражать [2]). Гетманъ былъ до того встревоженъ, что, не смотря на все свое расположеніе къ Новицкому, безпрестанно дѣлалъ ему выговоры [3]). Въ мартѣ Мазепа приказалъ Новицкому перейти на лѣвый

---

[1]) Ibid., №№ 215, 216, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228.

[2]) Ibid., №№ 230, 232, 233, 235.

[3]) Ibid., №№ 231, 234, 236. Письмо отъ 2 февраля 1692 года изъ Барышевки: «дано намъ знати сегодня, на праздникъ Срѣтенія, же орда въ не-

берегъ, а на правый послать разъѣзды, на случай появленія татаръ. Въ это же время наступила новая и болѣе бурная смута, надѣлавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немало кутерьмы и на Запорожьи и во всей гетманщинѣ; виновникомъ ея былъ войсковой канцеляристъ Петро Иваненко, носившій кличку Петрикъ. Въ дѣлѣ подавленія этой смуты Новицкій со своими компанейцами оказалъ немаловажныя услуги.

Петрикъ ускакалъ изъ Полтавы, куда онъ былъ посланъ съ наградами къ полковнику Жученку на Запорожье. Скоро послѣ того пришло къ гетману извѣщеніе, что Петрикъ настраиваетъ на мя-

---

малой купѣ вдарила подъ Кропивную, да и подъ Золотоношу подганялася, а тихъ сотенъ всѣ люде военные пошли зъ паномъ асауломъ нашимъ за ордою, перше подъ Золотоношею бувшею. За чимъ дивуемся вельце тому, же вашмосьць зъ паномъ полковникомъ лубенскимъ и зъ паномъ полковникомъ миргородскимъ и зъ паномъ полковникомъ наказнымъ переяславскимъ, зъ людьми полковъ вашихъ въноготовности будучи, а напередѣ найдуючися, оспалисьте, же якъ за тою першою ордою въ погоню не йшлисте, такъ и сіей не постереглисте приходу. Чего встыдитися вамъ належало. Яко теди разумѣемъ, же сяя орда мѣла одъ Кизикерменя оказатися, такъ приказуемъ вамъ пилно, абисте зъ тыми пречечоными панами полковниками сославшися и зъ людьми полковъ вашихъ оразъ совокупившися, ишли за тими ворогами въ огонь, конечне хочай же до Кизикерменя; просячи Господа Бога помочи, аби вамъ помоглъ достигнути ихъ погромити. Тое пилно, пилно приказавши, поручаемъ васъ Господу Богу».

Переяславскимъ полкомъ въ этомъ походѣ командовалъ, въ званіи наказного полковника, переяславскій полковой судья Молютъ; Мазепа придалъ сверхъ того Новицкому для какихъ-то цѣлей нѣкоего Кулика, личность котораго и миссію трудно опредѣлить. Приписка къ вышеприведенному письму: «залецаемъ вашмосьци Молюта, судю переяславского, который пойдеть зъ вашмосьцей наказнымъ полковникомъ, же есть человѣкъ статечный и въ дѣлѣхъ военныхъ досвѣдчоный, а здаеться намъ, що и справный, зъ которымъ хоти вашмосьць любезне и совѣтно въ той дорози поступовати. А особливе зъ паномъ Куликомъ, ведлугъ устное нашое науки, ласкове во всемъ вашмосьць маешъ, якъ зъ товаришемъ, заховатися и его зъ собою завше въ одномъ куренѣ мѣти, яко онъ, того вдяченъ будучи, щире зъ вашмосьцей тожъ може поступовати и намъ нелениво въ той дорозѣ послужити».

Въ концѣ, вѣроятно, въ дополненіе изустнаго распоряженія о расправѣ съ какими-то разбойниками, Мазепа пишетъ: «по нашихъ правахъ войсковыхъ, зъехавши, тихъ збродніовъ и бунтовниковъ, которыи надъ Сулою забойствомъ безбожне руки свои помазали, судить и учинить декретъ, кого доведется, на горлѣ карати, а кого киями обкладати».

тежническія затѣи запорожцевъ. Петрикъ увѣрялъ козаковъ и кошеваго, что если пригласить татаръ и съ ними войти въ Украину, то весь тамошній людъ поднимется, гетманъ убѣжитъ въ Москву, а бѣдные люди всѣ пристанутъ къ запорожцамъ и передушатъ пановъ своихъ, которымъ цари надавали вольностей [1]). Хотя Петрикъ возбудилъ сочувствіе запорожцевъ къ своему предпріятію, но онъ не рѣшился опереться только на содѣйствіе однихъ сѣчевиковъ, хорошо зная то непостоянство, которымъ издавна отличалось Запорожье. Приходилось ему искать еще какой нибудь иноземной помощи и, прежде чѣмъ уйти въ Крымъ, онъ думалъ, по всей вѣроятности, обратиться за содѣйствіемъ къ полякамъ; по крайней мѣрѣ, Мазепа въ началѣ апрѣля приказывалъ Новицкому переправиться спѣшно за Днѣпръ и стараться схватить Петрика по пути въ Польшу [2]). Поймать Петрика Новицкому не удалось, но, какъ видно, ему отбили охоту заводить сношенія съ поляками: послѣ Юрьева дня онъ отправился въ Крымъ. Ханъ въ это время какъ разъ былъ озлобленъ противъ Москвы и охотно согласился помочь Петрику въ его предпріятіи [3]). Въ срединѣ мая крымцы пошли отъ Кизикерменя между Бугомъ и Днѣпромъ на Ингулъ, Мазепа приказывалъ Новицкому немедленно увѣдомить асаула Рубана объ этомъ и самому въ слѣдъ за тѣмъ переправиться черезъ Днѣпръ и разбить непріятеля [4]). Но такъ какъ не только силъ Новицкаго, но даже гетманскихъ войскъ было для этого недостаточно, то Мазепа

---

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 83. Спб. 1885 г.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 9-го апрѣля 1692 года: «увѣдомилисьмося теперь свѣжо одъ певныхъ сторонъ и людей, же нецноти Петрикъ маетъ сими часы зъ Запорожья выправленъ были въ поселствѣ до короля, а безмалъ чи не зъ нимъ хочеть и самъ кошовый туда-жъ удатися. За чимъ пилно вашмосьци жадаемъ, жеби вашмосьць заразъ, чимъ найскорѣе, зъ полку своего прибравши якое сотце доброго товариства, выправили на тую сторону Днепра, не такъ для промысловъ военныхъ, якъ для того здрайцы, и прикажите, жеби межъ Богомъ и Днепромъ зъ пилностію на шляхахъ всюда попилновали и старалися зъ якими особами оного перенявши займати. Кгдыжъ не такъ намъ языки татарскіе, якъ той здрайца потребенъ есть для многихъ причинъ. О що и повторе вашмосьци жадаемо, а будеть тое зъ великою вашмосьци прислугою, а товариству нагородою, если дасть Богъ въ руки брати оного».

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 97.

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 238.

послать въ Москву просить, чтобы указано было воеводамъ Шереметеву и князю Барятинскому соединиться съ полками гетманскаго регимента. Въ концѣ іюля самъ гетманъ съ пятью охотницкими полками сталъ подъ Гадячемъ и оттуда распоряжался движеніями своихъ полковъ. Новицкій стоялъ подъ Будищами [1]). Сначала Мазепа думалъ послать Новицкаго впередъ, но потомъ раздумалъ и оставилъ на прежней стоянкѣ [2]). Пріостановка эта была вызвана получившимися извѣстіями о томъ, что орда идетъ на слободскіе города. Отправляясь, вслѣдствіе этихъ слуховъ, изъ подъ Гадяча къ Мерлу на соединеніе съ Шереметевымъ, Мазепа звалъ къ себѣ и Новицкаго съ его полкомъ [3]).

Хотя попытка Петрика всколыхнуть изъ конца въ конецъ Украйну и не удалась, но онъ не покидалъ надежды исполнить свои мечты. Татары по прежнему продолжали безпокоить Украйну, компанейцы то и дѣло разъѣзжали по степямъ, ловили «языковъ» и доносили о намѣреніяхъ крымцевъ, а при появленіи «чатовниковъ» вблизи границъ Украйны извѣщали объ этомъ Новицкаго, и онъ ходилъ предупреждать и отражать татарскіе набѣги [4]) и за усердную службу получалъ похвалы отъ гетмана [5]).

Чтобы быть постоянно въ готовности дать отпоръ непріятелямъ, охотницкіе полки были сосредоточены въ приднѣпровскихъ городахъ, въ южной части гетманщины, и былъ заранѣе выработанъ планъ дѣйствій, на случай появленія непріятелей. Въ числѣ другихъ находился тамъ со своимъ полкомъ и Новицкій. Онъ придумалъ болѣе выгодное размѣщеніе войскъ, которое и было одобрено Мазепой [6]).

---

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 240.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому «зъ табору подъ Гадячемъ на Оболоньѣ» отъ 2-го августа 1692 г.: «любо розсказалисьмо вашмосьци найдоватися въ купѣ зъ полками пана полковника лубенского и пана Пашковского, а простовати зъ ними до пановъ полковниковъ миргородского и полтавского, однакъ теперь засылаемъ вашмосьци симъ нашимъ листомъ, абись, где колвекъ сей листъ нашъ вашмосьць знайдеть, на томъ мѣсцу зостался до далшого указу нашого. О що и повторе жадаючи, засылаемъ ласку нашу».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 241 и 242.

[4]) Ibid., №№ 243, 244, 245, 250, 254, 259, 260, 262, 265, 266, 268.

[5]) Ibid., №№ 246, 247.

[6]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 27-го іюля 1694 г.: «писавъ до насъ полковникъ лубенскій, же вашмосьци учинили таковый приговоръ

Мазепа, впрочемъ, не ограничивался отраженіями татарскихъ набѣговъ, но посылалъ отряды, чтобы громить бусурманъ въ ихъ владѣніяхъ. Въ сентябрѣ 1694 года гетманъ отправилъ въ «дикія поля» нѣсколько городовыхъ полковъ и охотницкихъ, въ томъ числѣ и Новицкаго [1]). Перешедши за Днѣпръ, Новицкій сталъ со своимъ полкомъ въ с. Бугаевкѣ (васильковскаго уѣзда), вмѣсто того, чтобы стать въ Васильковѣ, согласно распоряженію гетмана, за что и получилъ строгій выговоръ [2]). Вскорѣ Мазепѣ пришлось сдѣлать вторичное внушеніе Новицкому. Когда всѣ полки, предназначенные въ походъ, собрались, то возникли ссоры, напоминающія великорусскіе мѣстническіе споры. Хотя главное начальство надъ всѣмъ войскомъ было поручено черниговскому полковнику Якову Лизогубу, но другіе козацкіе старшины, въ томъ числѣ и Новицкій, не могли

и постановлення, ижъ онъ маеть стати зъ полкомъ своимъ у Чигиринъ-Дубровы и въ Жовнинѣ, а вашмосьць зъ полкомъ своимъ комонным у Веремѣевцѣ, въ побережныхъ мѣсцяхъ, для лучшои осторожности отъ приходу непріятельского и для береження цѣлости людской, а тожъ и для одпору непріятельскому приходу: къ которому то приговору и постановленню вашмосьцей и мы пристаючи, позволяемъ вашмосьци тое словами назначенное дѣло въ самий приводити скутокъ. А поколь вашмосьць на тое назначенное побережное мѣсьце прійдеть зъ полкомъ своимъ комоннымъ, теперь впередъ прибыття своего высылай заразъ человѣкъ зъ полтораста товариства охотницкого, знявши зъ городовъ въ горѣ Сулы будучихъ, именно зъ Ромна, Смѣлой и Глинска до Веремѣевки, которое товариство полку вашмосьци мѣють тамо въ Веремѣевцѣ для всякой осторожности людской знайдоватися. А мы писалисьмо до пана полковника лубенского, жеби приказалъ старшинамъ въ городахъ тихъ и посполитымъ людямъ зъ ихъ станціи мѣсячной кормъ найскорѣе выстачити. О чемъ ознаймивши вашмосьци, зычливое наше засылаемъ поздоровлення».

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, стр. 119.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 2-го сентября 1694 г.: «не такъ бысьмо дивовалися тому, который не знаючи, що то есть рейментарскій ординансъ и не вѣдаючи, якое за неисполненіе оного бываеть карання, поступаеть собѣ безпечно, не постерегаючи ординансу, але вашмосьци дивоватися мусимъ, же вашмосьць и ординансы, якъ треба ихъ хранити, вѣдаючи и карання за неохранення оныхъ знаючи, не учинилисьте тако, яко мы, гетманъ, учинити приказали, жебысь станули въ Васильковѣ, але учинилисьте тако, же станулисьте зъ товариствомъ въ Бугаевцѣ, не знесшися о томъ зъ нами и не пытаючися насъ о томъ, за що по артикулахъ войсковыхъ годенъ бысь суду и карання; однакъ оставивши тое наше наказання, пріймуемъ одъ вашмосьци тое вѣдомости, же жадныхъ непріятельскихъ бусурманскихъ загоновъ тамъ не бывало сими часы».

помириться между собою изъ-за старшинства. Чтобы успокоить разыгравшіяся страсти, Мазепа разъяснилъ Новицкому, наиболѣе спорившему, свою волю [1]). Наконецъ войско двинулось въ Бѣлгородщину и подошло къ татарской крѣпости Базанкѣ, овладѣло ею, взяло большую добычу и двѣсти плѣнныхъ. За такой успѣшный походъ отъ царя былъ присланъ гетману золотой кафтанъ и порядочное количество матерій и соболиныхъ мѣховъ, а Лизогубу и бывшимъ съ нимъ въ походѣ полковникамъ прислано также соразмѣрное вознагражденіе [2]). Въ 1695 году, для отвлеченія татарскихъ силъ отъ Азова, производилась осада Кизикирменя, окончившаяся взятіемъ крѣпости. Въ этой осадѣ участвовалъ и Новицкій.

Лѣтомъ 1696 года Новицкій получилъ новое доказательство высокаго мнѣнія о немъ Мазепы — онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ пограничныхъ городовъ и селъ со стороны татаръ.

Это, кажется, послѣднее упоминаніе объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Новицкомъ. Въ 1700 году охотные полки ходили подъ Нарву; въ 1703 г. гетманъ обставилъ ими весь рубежъ гетманскаго регимента, чтобы удерживать украинцевъ, бѣжавшихъ «купами» въ запорожскія степи, отъ своевольства царскихъ «ратныхъ людей»; въ 1705 г. охотницкіе полки принимали участіе въ сѣверной войнѣ; въ 1707 г. они работали при постройкѣ кіево-печерской крѣпости; въ 1708 г. участвовали въ усмиреніи Булавинскаго бунта; когда Карлъ XII

[1]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го сентября 1694 г.: «О власти вашмосьци не треба бъ турбоватися и черезъ тое мѣти на себе одъ кого порозумлення, але надобно вашмосьци обще зо всѣми панами полковниками справовати полеценное себѣ дѣло, которое могло-бы быти всѣмъ зъ службою у великихъ государей нашихъ и у насъ гетмана похвалено. Тутъ теди прекладаемъ вашмосьци, же товариство полку лубенского нехай будеть подъ комендою вашмосьциной, а и Переяславцѣ подъ вашимъ-же старшинствомъ будуть, если панъ полковникъ самъ не пойдеть въ тую дорогу, яко до насъ писавъ онъ, вимовляючися якимись своими нужными домашними дѣлами, и мы ему тое далисьмо на волю, насилно его въ тую дорогу не выправуючи. А еслибъ панъ полковникъ переяславскій пошовъ самъ, то повиненъ онъ мѣти команду надъ своимъ полкомъ.

Листъ особливый до пана Палѣя имѣемъ, жеби зъ вашмосьцью любовне и згодливе въ той дорозѣ поступовати хотѣлъ, о то жадаючи, который вашмосьць ему оддайте».

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 25, прим. 2.

намѣрился идти внутрь Россіи, 1,600 компанейцевъ, въ числѣ другихъ, были отправлены, по приказанію Петра, въ Литву къ Пропойску,—при разсказѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, мы не встрѣчаемъ нигдѣ никакого упоминанія объ Ильѣ Өедоровичѣ Новицкомъ.

Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII, то, по показанію запорожскаго атамана Тимоөея Полугера, приведеннаго въ Лебединъ на расправу, за нимъ перешло за Десну къ шведамъ не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ—Кожуховскаго, Андріяша и Кгалакгана [1]). Какъ видимъ, о Новицкомъ нѣтъ и рѣчи. Быть можетъ, онъ не принималъ участія въ событіяхъ начала XVIII вѣка по старости лѣтъ. Если-бы онъ былъ убитъ, то лѣтописцы украинскіе не преминули-бы упомянуть объ этомъ. Онъ умеръ, вѣроятно, естественною смертью, какъ можно предполагать, около 1700 года.

III.

Въ свободное отъ службы время Новицкій проживалъ въ с. Нехаевкѣ. Будучи сосѣдомъ поэтому пустынно-рыхловскаго монастыря, онъ, какъ видно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ рыхловскимъ игуменомъ Лукою Григоріевичемъ. Новицкій часто обращался къ игумену за совѣтами по разнымъ дѣламъ.

Какому то «товарищу» изъ полка Новицкаго нужно было выхлопотать разрѣшеніе на четвертый бракъ; Новицкій проситъ игумена устроить это дѣло. На этотъ разъ игуменъ, какъ видно, хорошо знавшій порядки кіевской консисторіи, отвѣчаетъ, что это дѣло «безъ мѣшковой розвязки (т. е. безъ денегъ) зачати не можетъ; а безъ той розвязки, поки живота, въ четвертое брака сочетаніе пойти не позволятъ» [1]).

Оказывая разныя услуги, игуменъ побуждалъ Новицкаго жертвамъ въ пользу рыхловскаго монастыря. Въ «Чтеніяхъ» Москов. общества ист. и древн. помѣщено восемнадцать писемъ о. Луки, въ которыхъ онъ благодаритъ Новицкаго за пожертвованія и указываетъ, что было бы нужно монастырю. Въ письмѣ отъ 25-го

[1]) Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1863 г., кн. I. Смѣсь, стр. 36.

марта 1680 года игуменъ привѣтствуетъ Новицкаго съ возвращеніемъ «зъ военной дороги», желаетъ благополучія ему, женѣ, дѣтямъ, посылаетъ въ подарокъ осетра и напоминаетъ, что онъ хотѣлъ принести въ даръ монастырю или серебряную кадильницу, или лампаду. Въ другихъ письмахъ игуменъ проситъ прислать позументу для отдѣлки ризъ, разнаго борошна, пшена, рыбы, пива, водки, денегъ, чтобы заплатить за работу лампады, кирпичу; благодаритъ за подаренную лампаду, ризы, сыръ и масло, за присланнаго коня и за денежныя приношенія [1]).

Составивъ за долговременную службу, всякими правыми и неправыми путями, хорошее состояніе, Новицкій любилъ дѣлать благотворенія вообще церквамъ и монастырямъ. До насъ дошла цѣлая серія писемъ къ нему различныхъ духовныхъ лицъ, просящихъ пожертвованій и благодарящихъ за уже оказанныя. Митрополитъ Пахомій привѣтствуетъ Новицкаго и жену его съ петровскимъ постомъ и проситъ прислать чрезъ подателя письма, какого то діакона, «ласкавую обѣтницу». Въ другомъ письмѣ тотъ же Пахомій проситъ прислать чрезъ посланнаго имъ челядника «обѣтницы» (бочку пива и «инныя на свята потребныи лигомини»), и, чтобы болѣе расположить въ свою пользу Новицкаго, проситъ передать также «реестръ преставшихъ родителей своихъ, абы-мъ ихъ вписалъ въ помяникъ, межи инныхъ добродѣевъ моихъ, яже що разъ при литургияхъ воспоминаются, и гдысь есьте самъ ваша милость зъ панею вписанъ, толко иныхъ родовниковъ вашей милости не вѣдомъ естемъ».

Архимандритъ Исаія, святой горы аѳонскаго монастыря святаго Павла, благодаритъ за оказанный ему въ домѣ Новицкаго пріемъ и желаетъ всякаго счастья «во вшелякихъ военныхъ экспедицияхъ»; архимандритъ зографскаго аѳонскаго монастыря напоминаетъ Новицкому объ обѣщанномъ ему конѣ за молитвы о недавно умершей женѣ его, Софіи; игуменъ полтавскаго монастыря, Лазарь Ђузневичъ благодаритъ за разныя пожертвованія [2]).

Духовенство, зная благочестіе Новицкаго, часто обращалось къ нему также съ жалобами, надѣясь получить удовлетвореніе.

---

[1]) Ibid., стр. 23—41.

[2]) Idib., стр. 20, 21. 23, 42, 45.

Такъ, архимандритъ спасовскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій, жалуется Новицкому, что староста его имѣнія Нехаевки насильно отнялъ у «подданного» монастырскаго, нѣкоего Матвѣя, коня, когда тотъ проѣзжалъ мимо Нехаевки на ярмарку въ Борзну. Игуменъ лубенскаго монастыря, Макарій Русѣновичъ, жалуется, что полковника люди обижаютъ братію [1]).

. . . .

Илья Ѳедоровичъ Новицкій былъ два раза женатъ. Первая жена его Софія умерла около 1685 года, судя по вышеупомянутому письму архимандрита зографскаго монастыря. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ дѣтей—сына Григорія и дочь. Новицкій, видимо, очень заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, въ особенности сына. Въ одномъ письмѣ игуменъ Лука спрашиваетъ, нужна-ли все еще «статечна черничка до милыхъ дѣтокъ», что онъ имѣетъ въ виду одну, которая многихъ дѣтей «читати и шити повчила». Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, въ письмѣ отъ 25-го сентября 1696 года, хвалитъ Новицкаго за то, что онъ прилагаетъ усердіе въ образованіи сына [2]). Григорій Новицкій воспитывался въ кіево-могилянской академіи. Впослѣдствіи онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ [3]), вѣроятно, того-же полка, надъ которымъ начальствовалъ его отецъ.

Когда Мазепа измѣнилъ, за нимъ ушелъ въ числѣ прочихъ и Григорій Новицкій, вѣроятно, увлеченный свояком своимъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Вслѣдъ затѣмъ Мазепа назначилъ его своимъ «резидентомъ» при великомъ гетманѣ коронномъ Сѣнявскомъ, откуда Григорій Новицкій уже въ началѣ 1709 г. писалъ Головкину, принося повинную [4]). Новицкому позволили вер-

---

[1]) Ibid., стр. 22, 44.

[2]) Ibid., стр. 26, 47. Два письма отъ двухъ духовныхъ лицъ, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ», отличаются своимъ содержаніемъ отъ тѣхъ, содержаніе которыхъ я сейчасъ передалъ, именно: игуменъ батуринскаго крутицкаго монастыря, Димитрій, извиняется за столкновеніе, которое произошло изъ-за сѣнокоса между монахами и людьми Новицкаго, и проситъ не жаловаться гетману; игуменъ Пивско-Городищенскаго монастыря, Даніилъ Кокаревъ, пишетъ о своемъ согласіи отдать въ аренду Новицкому монастырскія имѣнія Городище и Максимовку за 1,200 злотыхъ и еще кое-какую прибавку.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 654.

[4]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 113.

нуться, но тогда-же сослали его въ Сибирь, гдѣ онъ былъ поселенъ, кажется, въ Березовѣ [1]). Въ Сибири онъ сопровождалъ митрополита Филоѳея Лещинскаго въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ. Эти-то путешествія и дали Григорію Новицкому матеріалъ для его труда «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ». Авторъ прежде всего знакомитъ читателей съ богатствами Сибири, затѣмъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ остяковъ и вогуловъ и кончаетъ исторіей введенія христіанства въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Свѣдѣнія эти вообще въ высшей степени интересны, такъ какъ наблюденія производились въ 1715 году и слѣдовательно надъ народами, гораздо болѣе сохранившими свою собственную физіономію, чѣмъ наблюдается это теперь; трудъ этотъ въ печати появляется въ первый разъ въ текущемъ году, изданный Л. Майковымъ; но еще гораздо ранѣе, именно въ 1721 году, появилась въ сочиненіи Фр. Хр. Вебера «Das veränderte Russland» статья І. Б. Мюллера: «Das Leben und die Gewonheiten der Ostiaken», въ которой было переведено почти цѣликомъ «Краткое описаніе» Григорія Новицкаго, безъ указанія источника. При преемникѣ митрополита Филоѳея, Антоніѣ Стаховскомъ, Новицкому было поручено наблюдать, чтобы новокрещенные остяки въ концѣ исполняли христіанскія обязанности. Тамъ онъ былъ впослѣдствіи убитъ.

Дочь Ильи Новицкаго вышла замужъ за племянника Мазепы, Степана Трощинскаго, бывшаго впослѣдствіи гадяцкимъ полковникомъ и участвовавшаго въ задержаніи Кочубеихи въ Диканькѣ и отвозѣ ея въ Батуринъ. Бракъ этотъ устроилъ самъ Мазепа—онъ посылалъ Трощинскаго къ Новицкому, чтобы тотъ познакомился съ нимъ, будто-бы съ какими-то порученіями, и указывалъ Новицкому на своего племянника, какъ на подходящаго для его дочери жениха [2]). Этотъ бракъ содѣйствовалъ упроченію дружескихъ отношеній между Мазепой и Новицкимъ.

---

[1]) См. Извѣстія географическаго общества 1875 г., № 1. Потомки Григорія Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя собою почти исключительно село Шаркавинское, и міроѣдничаютъ на счетъ окрестныхъ остяковъ. Природа и Охота. 1878 г., № 2, статья Полякова объ остякахъ, стр. 47.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ октября 1690 г.: «яко всегда мы урейиую нашу имѣемъ ку вашмосьци прихильность, такъ памятаемъ такое ваш-

Вдова Ильи Ѳедоровича Новицкаго, Меланья Васильевна, съ младшими сыновьями его, Яковомъ и Иваномъ, какъ не причастные къ измѣнѣ Григорія Новицкаго, получили отъ Скоропадскаго въ февралѣ 1709 года универсалъ, которымъ подтверждались за ними Снѣтинъ, Щеки, Оконъ, Литвяки, Клиשинцы, Исаечи и Нехаевка. Изъ этихъ мастностей впослѣдствіи была отобрана часть, слѣдовавшая Григорію Новицкому: Нехаевка отдана была Гаврилу Милорадовичу, а Клищинцы Ѳедору Лысенку. Остальныя села, а также Гребище и Хорошки, были утверждены за Яковомъ и Иваномъ по универсалу 1737 года тогдашняго правителя Малороссіи Александра Румянцова. Въ 1741 году мы встрѣчаемъ Ивана Новицкаго полковымъ прилуцкимъ комиссаромъ.

Н. Стороженко.

мосьцяне слово, же некедысь просилъ вашмосьць насъ о вараенье человѣка сиромѣ дочцѣ своей. Теперь теди нашъ кревный Стефанъ Трощинскій, объявивши тое намъ, же онъ имѣетъ свое усердіе до ней, хочетъ у вашмосьци побувати. Мы теди его не хочемъ залецати вашмосьци, якій у него поступокъ и достатокъ, самъ вашмосьць добре о томъ знаетъ. А кгды онъ помененный кревный нашъ до вашмосьци прибудетъ и якое взглядомъ его намѣренія будетъ поваженіе, о томъ за оказіею даси вашмосьць намъ знати».

Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го ноября 1690 г.: «Писалъ до насъ панъ Стефанъ Трощинскій, доносячи, же былъ онъ въ дому вашмосьциномъ и принятый есть любезне зъ неотреченіемъ тоее милости, якое онъ въ дому вашмосьциномъ ищетъ. И мы теди тое прихильности вашмосьци естесьмо вдячни и зичачи, аби въ намереніи его пана Трощинского моглъ быти скутокъ, вкладаемся въ тое симъ листомъ нашимъ, аби вашмосьць и до самого дѣла оного совершенства не отмовилъ своее склонности. При томъ зичимъ вашмосьци доброго здоровя и егожъ въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ». См. также Акты западной Россіи, т. V, № 217.

КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія).

Въ исторіи юго-западнаго нашего края было время, когда самобытная его жизнь совершенно какъ-бы изсякла и замерла, когда, находясь подъ русскимъ уже скипетромъ, онъ представлялъ изъ себя болѣе, чѣмъ когда либо, чисто польскую провинцію: всюду дѣйствовали польскіе законы, польская администрація, польскіе суды, царилъ польскій, всему русскому враждебный духъ и складъ жизни, развертывалась во всей широтѣ польская культура, закрывая доступъ всякому русскому вѣянію, подавляя всякое проявленіе мѣстной самобытной жизни, образованіе общественное и частное находилось въ польскихъ рукахъ. Это время отъ присоединенія края къ Россіи до окончанія перваго польскаго возстанія.

Изучающему судьбы края въ это сугубо-печальное время любопытно наблюдать теченіе чужеродной въ немъ силы и жизни, ихъ господство и преобладаніе: за неимѣніемъ другихъ данныхъ, по нимъ можно судить о степени приниженности, придавленности здѣсь коренныхъ русскихъ началъ.

Интереснымъ памятникомъ полнаго отсутствія русскаго элемента въ одной изъ сторонъ общественной жизни края въ это время и полнаго господства элемента польскаго можетъ служить предлагаемая ниже переписка. О русскомъ театрѣ въ юго-западномъ краѣ въ эту сравнительно недавнюю пору не могло быть и рѣчи. Мистеріи и интермедіи старой кіевской академіи давно отжили свой вѣкъ, вертепныя представленія ушли въ глухіе уголки и предавались также забвенію. Единственнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и для русскихъ людей былъ театръ польскій, перестроенный по общеевропейскимъ образцамъ. Но по слабому тогда развитію общественной жизни, и польскихъ постоянныхъ театровъ, даже въ большихъ городахъ, еще не было; былъ передвижной такъ сказать театръ, въ видѣ тѣхъ странствующихъ труппъ актеровъ, которыя и теперь составляютъ отличитель-

вую принадлежность польско-общественной жизни. Одна изъ такихъ труппъ прибыла въ Каменецъ-Подольскій на зиму 1827—28 г. и открыла тамъ свои представленія. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе странствующихъ представителей сценическаго искусства было всегда печальное; жрецы и жрицы его жили въ проголодь. Но вотъ настало время великаго поста, епископъ каменецкій Мацкевичъ воспретилъ театральныя представленія, и странствующей труппѣ пришлось голодать въ буквальномъ смыслѣ. Актеры обратились къ епископу съ почтительною просьбою отмѣнить объявленное запрещеніе; они просто ссылались на свою бѣдность и, чтобы расположить епископа въ свою пользу, обѣщали сдѣлать изъ своихъ скудныхъ доходовъ пожертвованіе для вновь строющейся богадѣльни. Епископъ далъ ядовитый и презрительный отвѣтъ: онъ выставилъ 13 причинъ отказа, отвергъ предложенную актерами жертву, считая ее конечно нечистою, и вмѣсто того предложилъ имъ выдавать отъ себя на хлѣбъ по рублю въ седмицу. Оскорбленные актеры въ ѣдкой формѣ отвергли предложенное имъ нищенское подаяніе, въ язвительныхъ выраженіяхъ доказывали неосновательность епископскаго запрещенія и вновь домогались отмѣны онаго. Въ отвѣтъ на это ксендзъ Замбржицкій, съ вѣдома конечно епископа, грянулъ на актеровъ анаѳемою съ каѳедры каменецкаго собора. Пораженные актеры прибѣгаютъ къ суду и милосердію римско-католическаго митрополита и въ своей длинной жалобѣ-просьбѣ цѣлымъ рядомъ доказательствъ отстаиваютъ естественное право своей профессіи, открывая намъ любопытныя черты тогдашнихъ взглядовъ одной и другой стороны на положеніе и значеніе сценическаго искусства, отношенія къ нему правительственной власти, сравнительный характеръ проповѣди православнаго и католическаго духовенства и непонятную уже теперь преобладающую силу этого послѣдняго въ дѣлахъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, эта характерная переписка, доставшаяся мнѣ въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ пробощу села Конюхъ (владимірскаго уѣзда, волынской губерніи) Феліціану Годлевскому и купленныхъ мною съ аукціона послѣ ссылки сего ксендза за участіе въ возстаніи 1831 г., не имѣетъ конца.

Въ высшей степени было-бы любопытно знать, какъ отнесся къ такому казусному дѣлу митрополитъ, и чѣмъ кончилось трагическое положеніе каменецкихъ драматурговъ. Въ архивѣ каменецкаго капитула безъ сомнѣнія сохранилось подлинное объ этомъ происшествіи дѣло, и было-бы очень желательно, чтобы, при начавшейся теперь въ Каменцѣ архивной работѣ, кто нибудь изъ тамошнихъ дѣятелей взялъ на себя трудъ отыскать это дѣло и подѣлился-бы съ читателями «Кіевской Старины» окончаніемъ онаго, быть можетъ гораздо болѣе любопытнымъ, чѣмъ предлагаемые мною начальные документы.

I.

Ясневельможному Мацкевичу, епископу діоцезіи каменецкой,

От ъ актеровъ драматическихъ

прошеніе.

Стучите и отворятъ вамъ (Мат. VII, 7).

Слѣдуя этимъ словамъ, мы стучимся у дверей твоего, ясневельможный пастырь, сердца, будучи убѣждены, что оно откроется на вопль ищущихъ милосердія, которое Спаситель насаждалъ и завѣщалъ своимъ ученикамъ. И какъ въ этой губерніи на тебѣ, по преимуществу, лежитъ обязанность быть распространителемъ и истолкователемъ Его святаго ученія, то тѣмъ усерднѣе ты окажешь намъ это милосердіе. Обязанность религіи и законъ природы заставляютъ насъ, обремененныхъ женами и дѣтьми, стараться обезпечить ихъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Но какъ мы исполнимъ эту лежащую на насъ обязанность, если намъ воспретятъ въ продолженіи семи недѣль трудиться на томъ поприщѣ, на которомъ судьба насъ поставила? И если нашею судьбою управляетъ Всемогущая Власть, то невозможно допустить, чтобы тотъ трудъ, на который Она обрекла насъ, былъ для Нея оскорбительнымъ. Почему, ясневельможный пастырь, какъ податель благъ Всемогущаго Творца, не поскупись для насъ въ Его милосердіи, которое такъ щедро ты низводишь для своихъ духовныхъ овецъ. А хотя-бы ты почелъ насъ за овецъ заблудшихъ, то своимъ благословеніемъ обмый черныя наши пятна,—спаси отъ погибели, не лишая насъ пастбища: ибо и мы отъ трудовъ нашихъ охотно удѣляемъ для помощи слабымъ и на устройство для нихъ госпиталя при каѳедральномъ костелѣ.—Ожидаемъ съ глубокимъ уваженіемъ милостиваго отвѣта.

Нижайшіе слуги актеры.

II.

Отвѣтъ ксендза епископа актерамъ.

Чтобы я разрѣшилъ вамъ давать театральныя представленія въ продолженіи настоящаго Великаго поста—это совсѣмъ невозможно:

1) Вы сами, слѣдуя правилу осмѣивать худые нравы среди людей, *Ridendo castigo mores*, имѣли-бы поводъ и право осмѣять

меня самаго, если-бы я подписавъ распоряженіе касательно приготовленія къ святой исповѣди посредствомъ надлежащихъ реколлекцій (говѣнія), вмѣстѣ съ тѣмъ и тою-же рукою подписалъ вамъ дозволеніе разыгривать представленія въ театрѣ.

2) Какъ цѣнится ваше искусство въ церкви Божіей, это блаженный Августинъ указываетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ: «Commodius saltus lurataurorum certamina et simile novi, admodum pia sint, utrocitare» (лучше смотрѣть на бой быковъ и тому подобное, чѣмъ на скачки театральные,—все это благовиднѣе въ своемъ движеніи).

3) Истинный христіанинъ долженъ избѣгать театральныхъ представленій во всякое время года, не долженъ самъ представлять и быть на представленіяхъ, развѣ-бы эти представленія были очень набожны.

4) Необходимо, чтобы представленія театральныя давались въ духѣ религіи, чтобы они вели къ благочестію, а въ наше время на это не обращаютъ вниманія; всѣ представленія даются подъ девизомъ: «Ridendo castigo mores», посему и ведутъ онѣ болѣе къ развращенію, а не къ исправленію.

5) Въ сказанномъ можете удостовѣриться изъ книги изданной подъ заглавіемъ: «Wyrazy niectóre sposobem alfabetu» въ объясненіи слова—Komedya. И можно-ли не постановить, чтобы такія представленія не давались бы, по крайней мѣрѣ, въ Великій постъ и постъ рождественскій! Въ столицѣ нашего государства этихъ представленій не бываетъ;—можно-ли допустить таковыя въ Каменцѣ?

6) Упражняющимся въ театральномъ искусствѣ развѣ нѣтъ нужды подумать о спасеніи душъ своихъ?

7) Изъ вашей просьбы совершенно не видно духовной цѣли вашихъ занятій.

8) Пишете, что вамъ нечѣмъ содержаться во время поста; но это нужда временная.

9) Пишете, что хотите удѣлить отъ трудовъ своихъ на содержаніе бѣдныхъ, на постройку богадѣльни; но вамъ хорошо извѣстно, что богадѣльня постройкою уже оканчивается и что вы совершенно не думали о ней, пока вамъ не воспрещались представленія. Если-жъ тогда мы обходились безъ вашей жертвы, то и впредь, всегда и теперь можемъ обходиться безъ помощи вашей. Забота о бѣдныхъ совершенно

не была въ вашей мысли, когда вы были свободны давать свои представленія; она явилась у васъ только теперь и лишь какъ предлогъ испросить дозволеніе на то, что теперь вамъ воспрещено.

10) Св. апостолъ Павелъ пишетъ, что не слѣдуетъ допускать такого зла, изъ котораго могло-бы выйти что нибудь доброе: *Non sunt facienda mala, ut eveniant bona.*

11) Одно только дѣлаетъ просьбу вашу заслуживающею вниманія, это то, что вы нуждаетесь въ собственномъ содержаніи. Но удивительно, что объ этомъ вы нимало не размышляли впродолженіи года, равно не останавливались вашею мыслію и надъ тѣмъ, что надо и вамъ заняться спасеніемъ вашихъ душъ; конечно, вы должны были обезпечить себя содержаніемъ прежде всего на семь недѣль Великаго поста, а затѣмъ еще на четыре недѣли и поста рождественскаго.

12) Но не входя въ дальнѣйшія сужденія, а желая лишь съ своей стороны оказать вамъ пособіе въ нуждѣ вашей и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать себя въ отношеніи приведенныхъ вами словъ св. евангелиста Матѳея (гл. 7, ст. 7), я назначаю давать вамъ въ продолженіи Великаго поста по одному рублю серебромъ на каждую седмицу, на руки посланнаго вами, если только вы не отринете сей моей жертвы. Больше того я дать не въ состояніи; но быть можетъ вы найдете для себя болѣе щедраго дателя.

13) Такимъ образомъ въ продолженіи теперешняго поста вы будете имѣть чѣмъ содержаться, я-же исполняю слова того-же св. евангелиста Матѳея, на котораго вы ссылались, по, помѣщенныя далѣе, въ ст. 9 и 10 той-же VII главы,—подавая вамъ то, чего просите, т. е. не подносяв вамъ камня вмѣсто хлѣба и змія вмѣсто рыбы.

14) Отъ души желаю, чтобы вы, оставаясь въ вашей профессіи, памятовали объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіею и заботясь о нуждахъ тѣлесныхъ, не забывали въ тоже время и нуждъ духовныхъ.

Дано въ Каменцѣ-Подольскомъ 18 февраля 1828 года.

Бискупъ Мацкевичъ.

III.

Благодарственное письмо актеровъ въ отвѣтъ ксендзу бискупу.

Желая заслужить доброе мнѣніе ясневельможнаго нашего архипастыря, мы за необходимое признали доказать вамъ, что благодарность, которая въ обществѣ почитается одною изъ великихъ добродѣтелей, намъ не чужда. Одушевленные этою добродѣтелію, мы припадаемъ къ стопамъ вашимъ и сердечно благодаримъ за обѣщанную намъ щедрую жертву и усердное попеченіе о спасеніи душъ нашихъ. Но неуклонно слѣдуя ученію самаго Господа, заповѣдавшаго намъ трудиться, жертвы вашей принять не можемъ, потому, что, пожиная тамъ, гдѣ не сѣяли, мы соблазнили-бы другихъ, которые жаждутъ чужаго добра и имѣя способности и силы для труда, эксплуатируютъ другихъ, проводя сами дорогое время въ постыдной праздности. Въ этомъ да проститъ насъ, ясневельможный архипастырь!

Что касается заботы вашей о спасеніи душъ нашихъ, то мы усердно принимаемъ преподанные намъ благіе совѣты. Доселѣ, быть можетъ, въ ослѣпленіи, считали мы наше званіе невиннымъ, не подающимъ для другихъ никакого соблазна, а театральную сцену, на которой всегда добродѣтели воспѣвается похвала, а пороку наказаніе и гдѣ въ самомъ дѣйствіи добрые ощущаютъ удовольствіе, а въ беззаконныхъ возбуждается угрызеніе совѣсти, признавали училищемъ добродѣтели. Но если ты, ясневельможный нашъ архипастырь, благоволишь показать намъ свѣтъ истины и приговоромъ блаженнаго Августина подтвердить, что все это, вопреки нашему невѣжеству, ведетъ къ вѣчной погибели: то мы, какъ обреченные на погибель самою судьбою нашею и въ то-же время не могущіе навсегда оставить своего поприща, по крайней мѣрѣ, въ это спасительное время собиранія духовныхъ плодовъ въ вертоградѣ Господнемъ, въ духѣ религіи покорно слѣдуемъ совѣтамъ нашего ясневельможнаго архипастыря, чтобы не обременять совѣсти другихъ, не чувствовать угрызенія своей собственной и не уподобиться фарисеямъ, которые налагаютъ на другихъ тяжелое бремя и оставаясь въ ослѣпленіи, сами даже перстомъ своимъ коснуться не хотятъ. О сохрани насъ, Господи, отъ подражанія фарисеямъ, которые заграждаютъ другимъ

путь въ царствіе небесное и сами войти не могутъ! Если наша внѣшность не влечетъ съ собою назиданія, то не откажись, ясневельможный архипастырь, видѣть въ насъ ту по крайней мѣрѣ добродѣтель, что мы готовы уважать и исполнять святыя истины евангелія: ибо не считая себя лучше того, какъ всѣ насъ видятъ, мы не подражаемъ по крайней мѣрѣ тѣмъ фарисеямъ, которые, считая себя чистыми по внѣшности, внутри исполнены жестокосердія и неправды. Для засвидѣтельствованія-же нашего сердечнаго раскаянія и дѣйствительнаго на насъ вліянія вашихъ наставленій, скажемъ откровенно, что мы предлагали нашу жертву не съ намѣреніемъ постройки госпиталя,—объ этомъ мы и не упомянули-бы въ оффиціальной просьбѣ, такъ какъ, по ученію евангельскому, не должна знать правая рука, что подаетъ лѣвая,—но считая святою обязанностію поддержаніе нашихъ женъ и дѣтей, мы хотѣли купить право на нее путемъ жертвы. Если мы въ свободное для нашихъ представленій время не запаслись ничѣмъ на время запрещенное, то это потому, что труды наши приносятъ намъ только однодневную пищу, какъ однодневная была нѣкогда для евреевъ манна въ пустынѣ Синъ. Но такъ какъ, ясневельможный архипастырь, учишь насъ для блага души забывать о тѣлѣ, хотя оба эти естества тѣсно соединены одно съ другимъ—такъ что поддерживая одно, о другомъ нерадѣть невозможно; то мы совѣсть нашу въ такъ важномъ дѣлѣ совершенно предаемъ въ волю ясневельможнаго архипастыря нашего, умоляя имѣть о насъ не такъ гнусное, но болѣе милостивое мнѣніе и не смотрѣть на насъ какъ на попрошаекъ, негодяевъ и отступниковъ, хотя-бы мы и на самомъ дѣлѣ таковыми были. Господь Іисусъ Христосъ не гнушался бесѣдовать съ мытарями и грѣшниками: почему-же ты, ясневельможный нашъ архипастырь, его послѣдователь, захотѣлъ-бы миловать однихъ только благословенныхъ—тѣхъ только, которымъ Господь грѣха не вмѣняетъ, а тѣми, для которыхъ единственно Отецъ небесный послалъ Спасителя, сталъ-бы гнушаться и презирать ихъ, какъ вовсе недостойныхъ! Кажется, довольно похвалы тому, кто предъ совѣстію своею, предъ всѣмъ міромъ можетъ свидѣтельствовать о точномъ исполненіи имъ предписаній церкви: но горе намъ, горе всякому считающемуся истиннымъ христіаниномъ, когда мы только два раза въ годъ будемъ вспоминать о спасеніи душъ нашихъ! Объ этомъ самомъ

важномъ предметѣ мы должны помнить во всякое время жизни нашей, при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ занятіяхъ нашихъ. Это должно быть самою цѣлію всѣхъ мыслей нашихъ.

Принимая благодушно наши благодаренія и наше оправданіе и очистивъ насъ отъ проказы, изволь, ясневельможный архипастырь, причесть и насъ къ избраннымъ своимъ овцамъ. О семъ благопокорнѣйше просимъ.

Нижайшіе слуги актеры.

IV.

Ясневельможному ксендзу бискупу etc. etc.

Отъ актеровъ

прошеніе.

Строго испытавъ нашу совѣсть, разсмотрѣвъ всѣ заповѣди Господни и человѣческіе законы, мы нашли въ себѣ только свойственные всѣмъ людямъ недостатки. Мы не нашли въ себѣ той вины, за которую слѣдовало-бы насъ, въ виду всего міра, такъ строго наказывать, предъ лицемъ неба такъ поражать насъ, ради которой такъ жестоко заперты предъ нами двери милости Господней и мы такъ унижены предъ всѣми людьми. Въ католичествѣ родились мы, въ католической вѣрѣ крещены и воспитаны. Усердно держимся нашей вѣры и исполняемъ ея предписанія. Мы преданныя дѣти св. римско-католической церкви: кто-же имѣлъ право безнаказанно извергать насъ изъ лона этой матери христіанскаго міра и называть насъ сынами развратнаго Вавилона, лишая ея материнскаго крова? Когда и псамъ вольно питаться отъ крупицъ, падающихъ изъ ея трапезы, намъ преграждена и эта милость: не въ другомъ смыслѣ мы должны понимать публично, предъ всѣмъ народомъ, съ церковной каѳедры брошенное на насъ проклятіе. Смертельно пораженные на чести нашей, мы слезно просимъ ясневельможнаго архипастыря, по справедливости, наказать казнодѣя (проповѣдника), который, вопреки св. апостолу Павлу, какъ самъ-же высказалъ, внесъ сквернословіе въ свое слово и обитель Господню изреченіемъ постыдныхъ словъ унизилъ, заставилъ краснѣть отъ стыда слухъ цѣломудрія, святые алтари обезчестилъ, и тѣмъ и самое апостольское велѣніе въ ничто обратилъ. Онъ съ того мѣста, которое

посвящено одной только правдѣ, дерзнулъ изрыгать самую низкую клевету, которой доказать не въ силѣ, а такимъ образомъ бросилъ между людей ядъ развращенія и вмѣсто того, чтобы вдохнуть имъ любовь къ добродѣтели, далъ урокъ ненависти, клеветы и неистоваго гоненія. Іисусъ Христосъ простилъ грѣхъ блудницѣ: но было-ли здѣсь видно кроткое ученіе Христово, когда языкъ казнодѣя дерзнулъ съ мѣста святаго бросить на насъ пламенѣющую адскимъ огнемъ головню, а изъ чаши, изъ которой изливается неистощимая благодать, излилъ убійственный ядъ, чтобы упразднить всякую добродѣтель? Онъ отвратилъ дѣтей нашихъ отъ послушанія намъ: потому что не найдется дочь, которая сочла-бы нужнымъ почтить свою матерь, имъ обезславленную. Онъ порвалъ связь въ семействѣ нашемъ: ибо кто изъ насъ и за милліоны будетъ согласенъ держать при себѣ такую жену, которая публично обозвана блудницею? Наконецъ онъ сердца наши, горѣвшія надеждою ко Господу, горестію наполнилъ, ибо никто изъ насъ, ища спасенія и видя на себѣ клеймо постыднаго отлученія, не дерзнетъ войти въ храмъ Господень. И есть-ли тутъ милость евангельская! Въ томъ-ли заключается обязанность проповѣдника евангелія? Не онъ-ли обязанъ приводить всѣхъ къ вѣрѣ, а не удалять отъ нея? Вѣдь и за одну потерянную овцу ему нужно дать строгій отвѣтъ предъ Богомъ. Онъ общество наше именуетъ сборищемъ злодѣевъ, театръ называетъ притономъ разврата. Однакожъ никогда на театрѣ никто изъ насъ не имѣлъ дерзости порицать смиреніе въ такихъ постыдныхъ выраженіяхъ, какихъ вельможный ксендзъ Замбржицкій не пощадилъ въ св. мѣстѣ. И хотя не наше дѣло разбирать стиль его слова; но обвиняемымъ въ безнравственности нужно однакожъ остановиться надъ тѣмъ, какъ имѣютъ изъяснить отецъ хорошо воспитанному сыну-юношѣ, мать своей цѣломудренной дочери, что значатъ слышанныя ими въ проповѣди слова: прелюбодѣяніе, нечистота, развратъ, сладострастіе... Съумѣютъ-ли они объяснить имъ это спасительное ученіе ксендза Замбржицкаго?.. Едва-ли онъ имѣлъ въ памяти слова Господни: *кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской!* А между тѣмъ можно-ли христіанскому проповѣднику забывать эти слова? Говорятъ, что мы осмѣиваемъ людей, посвятившихъ себя на

служеніе добродѣтели. Правда, мы это дѣлаемъ, но осмѣиваемъ только тѣхъ, которые подъ покровомъ добродѣтели сумазбродствуютъ. Мы для сего и призваны. Обязанность-же церковнаго оратора возбуждать вообще любовь къ добродѣтели и щадя ближнихъ, вообще поражать заблужденія, не выставляя цѣлыя корпораціи на безчестіе и посмѣяніе. Почему и драмматическую сцену онъ не можетъ обзывать торжествомъ злодѣяній, посрамленіемъ добродѣтели. Сего вельможный ксендзъ Замбржицкій не докажетъ изъ печатныхъ драмматическихъ сочиненій, когда каждое изъ нихъ одобрено государственной цензурой. И если-бы театръ на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, какъ онъ клеймитъ его, то захотѣла-ли бы правительственная власть покровительствовать ему? Указъ, изданный 13 ноября 1827 года для устройства придворнаго театра, доказываетъ, что августѣйшій монархъ нашъ не уничтожаетъ и не изгоняетъ сего искусства. И мы хотя и далеко живемъ отъ столицы, но пользуемся однимъ и тѣмъ-же правомъ, подъ тѣмъ-же заботливымъ покровительствомъ власти. А когда верховная власть не лишаетъ насъ чести и вѣры и не осуждаетъ нашего званія, а напротивъ того охраняетъ оное своимъ покровительствомъ; то на какомъ основаніи вельможный ксендзъ Замбржицкій, злоупотребляя свободою оратора, обитель правды ставитъ въ обитель клеветы и оправдывая себя именемъ будто-бы христіанскаго проповѣдника, безчеститъ это учрежденіе гнусною клеветою и дерзаетъ поступать вопреки волѣ правительства, насъ-же немилосердно безславитъ своимъ словомъ, отнимая у насъ честь, которою самый бѣдный человѣкъ дорожитъ наравнѣ съ самою своею жизнію.

Покорно затѣмъ просимъ, ясневельможный архипастырь, подвергнуть примѣрному строгому взысканію ксендза Замбржицкаго, который въ своемъ словѣ, произнесенномъ 26 февраля, нагло исказилъ право духовное и общественное и безчеловѣчно оскорбилъ насъ; просимъ, чтобы онъ, по вашей архипастырской милости, намъ публично оскорбленнымъ публично-же далъ удовлетвореніе.

V.

Ясневельможному митрополиту

Отъ актеровъ

ПРОШЕНІЕ.

Если ищущій справедливости ожидаетъ надлежащаго удовлетворенія; то мы, прибѣгая къ вашему, ясневельможный митрополитъ, суду, живо уповаемъ, что все то, что изрекъ ты своими устами, тѣми-же устами и приведешь, по обѣщанію, къ точному исполненію. Терпѣть обиду отъ чужихъ и терпѣть ее отъ тѣхъ, у которыхъ благодать искупленія, которые составляютъ съ нами одно тѣло и въ духѣ своего званія обязаны изливать бальзамъ христіанскаго утѣшенія въ сердца пораженныхъ,—не одно и тоже. Терпѣть отъ послѣднихъ... о кто эту боль перенести можетъ! Кто можетъ изобразить ее словами! Ужели мы, преслѣдуемые отъ братій по вѣрѣ, отъ исповѣдниковъ одного и того-же евангельскаго ученія, должны искать самаранина, который, исцѣливъ наши раны, оказалъ-бы намъ братскую любовь! Но потерявшихъ надежду вѣра оживляетъ. Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете. Такая вѣра послѣ первой неудачи не угасаетъ. Мы стремимся дальше, ищемъ, просимъ и несомнѣнно вѣримъ, что найдемъ еще такія руки, которыя, по врученной имъ съ неба власти, охотнѣе развязать, чѣмъ связать готовы; найдемъ уста, которыя спасеніе, а не пагубу изрекать обыкли, уста, которыя износятъ милосердіе, а не осужденіе, которыя судъ немилосердый, судъ противный духу евангелія, но который, о горе! устами духовнаго лица изреченъ, по милости своей разрушатъ. Непогрѣшимыми судьбами небесъ каждому изъ насъ въ сей юдоли изгнанія обозначенъ свой путь—врата къ земной персти, изъ которой создалъ насъ Господь. И наша-ли вина, что мы пошли тѣмъ путемъ, который намъ назначенъ, и что путь этотъ такъ скользокъ и такъ тяжелъ! Почему-же, вмѣсто того, чтобы поддержать насъ падающихъ, такъ жестоко давятъ насъ къ землѣ и отъ оставленныхъ судьбою стараются еще отнять и человѣческое знамя? Изнемогая подъ такими тяжелыми ударами, мы прибѣгаемъ къ твоему ясневельможный митрополитъ милосердію,, и въ обидѣ нашей хочемъ найти единственную защиту въ твоей справедливости.

Но чтобы въ надлежащемъ порядкѣ представить всѣ эти обстоятельства, намъ необходимо обратиться къ ихъ началу. Хорошо было намъ извѣстно, что въ столицѣ государства нашего въ великій постъ представленій въ театрѣ не положено. Но мы знали и о томъ, что всѣ нужды столичныхъ артистовъ обезпечены изъ сокровищницы августѣйшаго монарха, во всѣхъ-же губерніяхъ Россіи и даже въ Варшавѣ, въ виду его императорскаго высочества великаго князя, распоряженіемъ духовной власти дѣйствіе театральной сцены не прекращается. На семъ основаніи мы обратились съ просьбой къ ясневельможному епископу Мацкевичу, чтобы намъ позволено было въ нѣкоторые дни великаго поста давать представленія, потому что въ городѣ Каменцѣ только въ зимнее время можно выручить что нибудь для нашего содержанія; въ лѣтнее-же время дохода быть не можетъ, и намъ нужно было пользоваться временемъ. Можно-ли утопающему вмѣнять за грѣхъ, когда онъ проситъ помощи, проситъ таковой во имя человѣколюбія, безъ котораго, по указанію священнаго писанія, самое благочестіе ни къ чему негодно? Мы просили необходимой помощи, но напрасно; толкали въ дверь, но намъ ее не растворили; мы голодали, но намъ вмѣсто хлѣба поднесли не камень, вмѣсто рыбы не змѣю, но хуже еще всего этого: насъ накормили жестокимъ презрѣніемъ, поразительною насмѣшкой. И однако этотъ хлѣбъ, этотъ приговоръ съ отказомъ мы приняли смиренно. Но получить неповинно ударъ предъ лицемъ Бога, въ виду всей публики—можно-ли перенести это съ терпѣніемъ?.. Нѣтъ, это выше силъ нашихъ, это было-бы не христіанское смиреніе, а подлость душъ нашихъ. Вотъ суть нашей жалобы. Все, о чемъ прежде упомянуто, ничего не значитъ: ибо что значитъ обречь насъ на праздность, осудить на нищенство, что значило-бы предать насъ даже самой смерти, въ сравненіи съ тою унизительною клеветою, съ тѣмъ покровомъ безчестія, которымъ окинулъ вообще наше званіе вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ каѳедры церковной предавъ насъ анаѳемѣ и лишивъ насъ всѣхъ правъ и привилегій человѣчества? Трудно во всей силѣ изобразить этотъ ударъ. Стоя въ костелѣ въ эту пору, никто не замѣчалъ того, что онъ стоитъ въ домѣ Божіемъ: это было сборище любопытныхъ, гдѣ съ наложеніемъ на шею петли объявляется вина нечестивымъ злодѣямъ. Это былъ не домъ молитвы, но домъ развра-

щенія; не домъ христіанскаго ученія, но сѣдалище соблазна и клеветы. Въ немъ-то неумолимый казнодѣя, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ Духъ Господень, Духъ милости и мира распростеръ надъ нимъ свои [1]) крылья, бросая на насъ громы за громами, наименовалъ насъ сынами нечестиваго Вавилона, исключилъ насъ изъ числа правовѣрныхъ, удалилъ насъ отъ общества и алтаря Господня, отъ благодати Тѣла и Крови Господней отторгъ. Какою властію онъ это сдѣлалъ? По духу какой вѣры любовь къ ближнимъ нарушилъ? На какомъ законѣ основалъ свое беззаконіе? Если-бы онъ лично простеръ къ намъ свою ненависть, мы далеко стояли бы отъ гнѣва его; удары личной ненависти славѣ и чести вреда не наносятъ. Но онъ ударилъ на насъ съ мѣста, святостію котораго прикрылъ себя, и эту святость употребилъ въ нашу обиду... Вотъ за что и жалуемся мы. Чѣмъ святѣе было то мѣсто, тѣмъ онъ больше причинилъ намъ поруганіе и тѣмъ больше наша скорбь. Безъ милосердія пораженнымъ на чести намъ оставалось лишь одно только средство къ защитѣ нашей — подать жалобу ясновельможному ксендзу бискупу Мацкевичу, съ надеждою, что онъ, руководствуясь евангельскимъ благоволеніемъ, остановитъ неблагопристойное и законамъ противное о насъ оглашеніе. Но вмѣсто соотвѣтвѣтственныхъ нашей жалобѣ распоряженій, спустя двѣ недѣли, тотъ-же ксендзъ Замбржицкій, одушевленый прежнимъ намѣреніемъ взошелъ на святое мѣсто правды, чтобы вторично свѣтъ ея небесный затмить гнусною клеветою и сердца наши, еще горѣвшія горькимъ жалемъ, поразить новымъ ударомъ. Не скажемъ съ увѣренностію, что это сдѣлано съ вѣдома начальника здѣшней каѳедры, но знаемъ, что послѣ этого уже просьба наша возвращена намъ безъ удовлетворенія и единственно потому, что не по формѣ представлена. Что касается словъ, то въ ней нѣтъ такихъ, которыя были бы оскорбительны; развѣ тѣ, которыя заимствованы изъ слова самого проповѣдника: вообще нѣтъ въ ней ничего, что несоотвѣтствовало-бы правдѣ. А если правда поражаетъ; то мы-ли виновны въ томъ, что такъ ее примѣнили? Но какова бы она ни была, пусть явится на

[1]) Въ католическихъ костелахъ всегда находится въ верху амвона изображеніе Св. Духа съ распростертыми надъ главою оратора крыльями.

судѣ, потому что безъ нея справедливости отыскать невозможно. Нынѣ мы не знаемъ иной правды, кромѣ надежды и упованія на тебя, ясновельможный митрополитъ; и въ этомъ упованіи мы поручаемъ себя твоему покровительству. Наши сердца говорятъ твоему сердцу; а гдѣ сердца говорятъ и сердце слушаетъ, тамъ нѣтъ формы и правилъ для рѣчи. Выслушай-же насъ и войди въ судъ съ твоими рабами; понесши опять тяжкую обиду отъ вельможнаго ксендза Замбржицкаго, они вторично приносятъ тебѣ жалобу самую справедливую. Такъ поистинѣ, самую справедливую; пусть Слово Божіе станетъ въ нашу защиту и за насъ возглаголетъ. По мимо другихъ многочисленныхъ изреченій, пусть взяты будутъ въ наше оправданіе тѣ самыя слова, которыя ясновельможный ксендзъ бискупъ Мацкевичъ привелъ въ основаніе своего на нашу просьбу отказа: *non sunt facienda mala, ut eveniunt bona.* Въ этихъ словахъ заключается ясное свидѣтельство противъ казнодѣя, и тѣмъ оно яснѣе, что съ нашей стороны mala (зло) было недостовѣрное, а bona (благо) очевидное, съ его-же стороны добро было сомнительное, а зло очевидное: ибо первое его оглашеніе дало поводъ для многоразличныхъ соблазнительныхъ разсужденій, и не одинъ отецъ зарекся посылать дѣтей своихъ на проповѣдь о прелюбодѣяніи, о развратѣ, о сладострастіи и безчинствѣ, при второмъ-же, слушатели, зная о поданной нами жалобѣ, что могли сказать о проповѣдникѣ, кромѣ осужденія его въ томъ, что, проповѣдуя о добродѣтели, онъ самъ въ тоже время горитъ местію, противною и тому мѣсту, на которомъ находится, и тому сану, въ который облекся. Но какія бросалъ онъ сѣмена, такія и пожалъ плоды. Какое духовное благо вышло изъ сего? Вотъ что вышло: онъ собственную свою ризу осквернилъ, храмъ Господень поругалъ. Тамъ, гдѣ правда должна вселяться, онъ водворилъ ложь, а тѣмъ самимъ оскорбилъ и святую вѣру. Кто изъ насъ теперь докажетъ лучшее исполненіе святыхъ ея уставовъ: мы-ли, которые чтимъ и исполняемъ всѣ обряды нашей церкви, на что и свидѣтельства можемъ представить, или вельможный ксендзъ Замбржицкій, который не по духу вѣры, а только подъ ея покровомъ судитъ: гдѣ слѣдуетъ поучать, тамъ предаетъ казни; гдѣ долженъ утѣшить, тамъ печалитъ; а гдѣ долженъ явить милость, тамъ проклинаетъ. Въ указѣ для православнаго русскаго духовенства 1827 года, въ главѣ 8. на страницѣ 103, сказано: «про-

повѣднику въ проповѣди своей никому не мстить. о грѣхахъ говорить вообще". Этому указу предшествовалъ другой подобный указъ, 1821 года 15 февраля изданный. Если-же каѳедры господствующей церкви никогда не чернятъ насъ, не поражаютъ клятвой, никогда не устрашаютъ, чтобы, вмѣсто возращенія въ сердцахъ нашихъ христіанской милости и упованія о Господѣ, не явилась-бы у насъ одна только тревога и отчаяніе: то, въ годину воздвигнутаго на насъ гоненія, развѣ мы не вправѣ сослаться на эти спасительные для насъ указы? И это тѣмъ болѣе, что и въ римско-католическихъ костелахъ всего государства нигдѣ не дѣлаютъ намъ такого погрома, дѣлаетъ это въ одной только каменецкой каѳедрѣ и одинъ только ксендзъ Замбржицкій. Въ чемъ-же онъ насъ уличаетъ? Въ чемъ мы провинились предъ лицемъ Бога и людей и наконецъ въ чемъ погрѣшили противъ него самаго, чтобы онъ имѣлъ поводъ съ мѣста освященія насъ благодатію Христовой изливать на насъ свой гнѣвъ и ненависть? Если увлекаетъ его общественное благо, то какія преступныя вины предъ обществомъ объявить намъ можетъ? Развѣ было когда либо товарищество наше сбродомъ разврата? Покушалось-ли оно когда нибудь на погибель и вредъ религіи? Было-ли оно вертепомъ тайныхъ заговоровъ? Подстрекало-ли оно кого либо къ тайнымъ крамоламъ, нарушало-ли общественное спокойствіе? Да какія еще къ тому другія совершили мы злодѣянія предъ Богомъ, предъ Государемъ, предъ закономъ, предъ церковію и обществомъ? Если-бы и отыскались въ насъ какіе либо недостатки, то только потому, что и мы обыкновенные люди. Но проповѣдникъ, обличая зло, не долженъ указывать на личность, потому что обличаемый имѣетъ право сказать обличителю: «вынь прежде бревно изъ своего ока и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего». Кто изъ насъ свободенъ отъ грѣха!

Въ просьбѣ нашей, поданной ясновельможному бискупу Мацкевичу, мы указали на то любвеобильное попеченіе правительства, подъ которымъ всѣ мы находимся; но вельможному ксендзу Замбржицкому во второмъ его словѣ необходимымъ показалось признать это надъ нами покровительство только кажущимся, т. е. что правительство принуждено бываетъ терпѣть не одного рода зло. Но могло-ли-бы правительство равнодушно смотрѣть на все то, что по своему изяществу такъ много имѣетъ вліянія на обычаи и поведеніе народа, а по разумѣнію слу-

жителя Слова Божія заключаетъ въ себѣ столько опасности и столько зла? Развѣ такое зло могло-бы терпѣть правительство? Не могло-ли оно однимъ словомъ прекратить его разъ навсегда? Развѣ оно требовало въ томъ услуги и помощи ксендза Замбржицкаго? Такими упреками не срамитъ-ли онъ и самое правительство? не хулитъ-ли онъ его, не порицаетъ-ли, не приписываетъ-ли ему слабости? Пусть объснится, на какомъ основаніи приходитъ онъ къ такой дерзости! Вельможный ксендзъ казнодѣя слишкомъ уже поддался своему собственному мнѣнію: ибо когда всѣ европейскіе дворы содержатъ театры, когда всѣ монархи не мало расходуютъ суммъ на ихъ содержаніе и посвящающимъ себя этому званію, подъ своимъ покровительствомъ, дозволяютъ устраивать судьбу свою въ провинціяхъ, когда даже въ самомъ Римѣ, подъ властію отца святаго, не воспрещается имъ сіе искусство, то можно-ли согласиться на то, чтобы вельможный ксендзъ Замбржицкій видѣлъ истину лучше всѣхъ? Чѣмъ онъ поддержитъ себя въ своемъ мнѣніи? Въ священномъ писаніи нигдѣ ничего не сказано о театрѣ. Блаженный Августинъ разсуждаетъ о развратѣ, идущемъ еще изъ временъ языческихъ. А права духовныя въ отношеніи мірскаго званія обыкновенно сообразуются съ правами народа, котораго дѣйствительнымъ главою есть монархъ. И кто-бы изъ монарховъ могъ терпѣть въ своемъ государствѣ, а тѣмъ болѣе при своемъ дворѣ, содомское учрежденіе, каковымъ именемъ вельможный ксендзъ Замбржицкій обзываетъ театръ! Театръ, не выходящій изъ предѣловъ строгой цензуры, по истинѣ можетъ называться школою благонравія. По указу изданному 17 декабря 1817 года мѣщанинъ, служащій этому искусству, изъемлется даже отъ подушнаго оклада. Школу драматическую, королемъ саксонскимъ въ Варшавѣ на 12 лицъ устроенную, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I увеличилъ на неопредѣленное число лицъ. Развѣ сей благословенный монархъ, образецъ благочестія и народной любви, монархъ, которому благодарность народа воздвигла въ сердцахъ ихъ вѣчный памятникъ, могъ открывать камень преткновенія и вести несчастныхъ къ безчестію временному и вѣчной погибели? Августѣйшій монархъ, нынѣ у насъ царствующій, никогда словомъ своимъ не предавалъ насъ осужденію, а напротивъ того устроеніемъ въ 1827 году придворнаго театра почтилъ насъ; а писателямъ драматическихъ

произведеній, которыя вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ адскимъ издѣліемъ, назначилъ по достоинству награду. Какъ-же вельможный ксендзъ Замбржицкій можетъ имѣть дерзость порицать монарховъ и такъ восхвалять себя, поставляя свою волю выше ихъ воли! Чего-же желаетъ онъ наконецъ? Не того-ли, чтобы заботливое о насъ правительство держало народъ свой въ горькой печали, возбраняя ему самое лучшее и могущественнѣйшее удовольствіе? Благословенно то правительство, которое охотнѣе желаетъ видѣть свой народъ радующимся, нежели печалящимся. Но вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ холодною душею, не ощущая въ себѣ этого божественнаго удовольствія, желалъ-бы все покрыть гробовымъ саваномъ тамъ, гдѣ отеческая рука монарха сѣетъ радость и веселіе. И когда, по милосердію его, мы свободно дышемъ отечественнымъ воздухомъ, когда правительство его не лишаетъ насъ своего покровительства и общество не гонитъ насъ изъ среды своей, одинъ только онъ, вельможный казнодѣя, закрываетъ отъ насъ небо, низводитъ тучи на главы наши и хотѣлъ-бы ударами перуновъ совершенно поразить насъ. О если-бы онъ совершилъ такое чудо надъ нами прежде лишенія насъ чести нашей, прежде отнятія отъ насъ того, чего не далъ намъ и дать не можетъ, равно какъ и возвратить отнятаго не въ силѣ! Вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ насъ провинціальныхъ актеровъ бродягами, но откуда получилъ онъ право назначать мѣсто нашему пребыванію? Правительству хорошо извѣстно, что у насъ нѣтъ имѣній, а потому оно, подъ своимъ отеческимъ наблюденіемъ, даетъ намъ право пользоваться и мѣстомъ и временемъ. Упрекая въ бродяжествѣ, онъ опять не столько насъ, сколько самое правительство порицаетъ. Если-же онъ исключительно къ намъ, живущимъ здѣсь, въ Каменцѣ, простираетъ свою ненависть; то пусть станетъ предъ судомъ, пусть докажетъ, пусть свидѣтелями удостовѣритъ, въ чемъ погрѣшили мы, что онъ такъ злобно порицаетъ насъ. Когда указомъ воспрещается злобно говорить предъ лицемъ судей, вельможный казнодѣя мещетъ безпощадно перуны въ святилищѣ Господнемъ, предъ лицемъ самаго Бога. Намъ не возможно представить письменныхъ доказательствъ обиды нашей, потому что никто не дастъ намъ тѣхъ писанныхъ проповѣдей, по поводу которыхъ мы заносимъ сію нашу жалобу. Кто можетъ даже увѣрить насъ, чтобы и по повелѣнію ясно-

вельможнаго митрополита были представлены тѣже самыя проповѣди. Но мы имѣемъ для себя свидѣтельство во всемъ народномъ собраніи,—свидѣтельство совѣсти, и за нашимъ поведеніемъ свидѣтельство свѣтскихъ властей, изъ которыхъ никто не уличаетъ насъ въ порокахъ, а тѣмъ болѣе въ какихъ либо злодѣяніяхъ.

Посему дерзаемъ искать справедливости и, слыша голосъ, взывающій: *пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я васъ упокою*, съ дерзновеніемъ идемъ на этотъ голосъ Спасителя нашего и припадаемъ къ стопамъ твоимъ, достойнѣйшій Его намѣстникъ. Припадаемъ, обремененные, чтобы ты насъ падшихъ возставилъ; сожженные пламенемъ клеветы, просимъ у тебя прохлады. Не удивляйся, смотря на нашу глубокую скорбь. Не имѣемъ мы правъ властелиновъ, не обладаемъ высокими достоинствами, но мы подданные одного монарха, дѣти одной матери..., имѣемъ чувства общія всѣмъ благомыслящимъ. Если не владѣемъ землею, то мы самы земля,—земля, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ освященная въ святой вѣрѣ. И могъ-ли проповѣдникъ божественной истины, вмѣсто благодатной росы, обдавать кровію Его наслѣдіе! По истинѣ, онъ залилъ кровію сердца наши; благое сѣмя Спасителя—вѣру, надежду и любовь однимъ дуновеніемъ устъ своихъ съ корнемъ развѣялъ. Вотъ приближаются уже дни искупленія, дни новой жизни во Христѣ, но не для насъ!.. Жизнь намъ не въ жизнь; мы отдыхаемъ со стонами, ходимъ, какъ погребенные мертвецы... Мы какъ-бы лежимъ во гробѣ, и гробъ нашъ заваленъ камнемъ презрѣнія, камнемъ самымъ тяжелымъ, съ гнусною печатію тяжелой клятвы... Чьяже рука сорветъ печать сію? Кто возвратитъ насъ къ жизни? Кто раскроетъ предъ нами врата святыни Господней и содѣлаетъ насъ участниками Его трапезы? Ибо кто изъ бездны осужденія къ ней приблизиться посмѣетъ? Кто воззоветъ: прости намъ грѣхи наши, когда тернъ глубоко поразилъ сердца наши. Есть-ли среди смертныхъ, кто въ сей добродѣтели могъ-бы стать наравнѣ съ Господомъ, своимъ избавителемъ? И чья рука слабымъ дастъ силу, а усилившихся надъ ними удержитъ и къ смиренію обратитъ? Не другая чья, только твоя, достоуважаемый архипастырь! И объ этомъ еще разъ изъ глубины крайняго уничиженія трепещущими устами просимъ тебя, отецъ римско-католической церкви нашей; къ тебѣ взываемъ, образецъ христіанскаго человѣколюбія! ты

наше прибѣжище, властію небесъ тебѣ данною, избави насъ отъ обдержащей насъ печали; сними цѣпи съ окованныхъ; пролей прохладу въ сердца унывающихъ; порази своимъ праведнымъ и милосердымъ судомъ судъ немилостивый. Ужасъ поразилъ сердца наши; сила жизни оставила насъ и свѣтъ очей помрачился у насъ: но ты, достойнѣйшій архипастырь, который добродѣтель обыкъ заявлять міру въ истинномъ ея свѣтѣ, ты, который зажженную свѣчу подъ одръ не ставишь, но на свѣщникѣ возвышаешь, да свѣтитъ всѣмъ и каждому, не потушишь ее и предъ нами. Неужели мы, твои овцы, изуродованныя, отъ стада отлученныя, осиротѣлыя, должны блуждать во мракѣ клеветы и неизвѣстности, въ тревогѣ, безъ двора овчаго и безъ пастыря? Вѣдь имѣвшій сто овецъ, когда зашла въ горы одна, оставилъ девяносто девять и пошелъ искать заблудшей: такъ и ты, заботливый пастырь, поступишь съ нами и насъ заблудшихъ погибнуть не допустишь... Не допустишь отнять у насъ ниву для труда, чтобы погребсти трудъ въ праздности. Не дашь званія нашего злословіемъ унизить и не оставишь насъ стонать подъ тяжестію клятвы, но окажешь намъ справедливость во всеуслышаніе, ибо всюду слышна была обида наша,—окажешь справедливость и по праву человѣчества, какъ глава нашего духовенства, и по правамъ Божескимъ, какъ первый ихъ стражъ и истолкователь.

Перевелъ съ польскаго священникъ *Даніилъ Левицкій.*

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО,

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ

Господину полковнику переясловскому Сулимѣ,

съ полковою старшиною.

Поданнымъ въ нашу генеральную войсковую канцелярію отъ суда войскового генерального доношеніемъ представлено, что въономъ генеральномъ судѣ слушано дѣла, произведенного и рѣшенного въ полковой миргородской канцеляріи, по иску коллежскаго ассесора, грузинскаго князя Давида Церетелева, на бывшого подданного его жителя хорольского Данила Кораблєнка о не переходѣ нимъ по прежнему въ его Церетелева владѣніе и о протчемъ, по которому де дѣлу въ рѣшеніи миргородской полковой канцеляріи между протчимъ показано, яко отвѣтчика Кораблєнка, за то, что онъ на прежнее жилле не перейшолъ, винить не слѣдуетъ, ибо-де по указу въ 1749 году августа въ 18 день малороссійскому народу съ мѣста на мѣсто переходъ дозволенъ; скотъже, лошади, овцы и все, что имѣлося движимое и недвижимое въ его Кораблєнка тогда, когда онъ съ подъ владѣнія истцева отошелъ, долженъ онъ Кораблєнко за нимъ истцомъ по силѣ правъ оставить; а по разсмотрѣнію-де суда генерального, хотя по праву книги Статута, раздѣлу 12-му, по артикулу 14, показано: беглыхъ людей зъ женами и дѣтьми и ихъ пожитки владѣльцу отдавать, но что-де по вышеписанному указу обывателемъ малороссійскимъ съ места на место переходъ дозволенъ, а чтобъ при переходѣ имѣючіесь у нихъ пожитки отбираемы

были и остановлялись при владѣлцахъ, либо перешедшихъ, того въ томъ указѣ не доложено; затѣмъ судъ генеральный по иску истца Церотелева какъ самого помянутого изшедшого подданного его Корабленка, такъ имѣній его движимыхъ приговорить собою истцу Церетелеву не смѣетъ и какъ объ ономъ потому и по другимъ примѣрнымъ дѣламъ поступать, требовалъ отъ генеральной войсковой канцеляріи резолюціи. А по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилося: въ высочайшемъ имянномъ ея императорскаго величества 1742 году августа 18 дня, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшомся и напечатанномъ указѣ между протчимъ по 4 пункту изображено: въ Малой Россіи, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи 1759 году, отъ посполитого народу волной съ места на место переходъ (какъ то у нихъ напредъ сего бывало) подъ видомъ за границу побега не точію подъ жестокимъ наказаніемъ, но и подъ смертною казнію запрещенъ, что имъ тотъ свободный переходъ нынѣ по прежнему позволяется, токмо того накрѣпко смотрѣть и по силѣ прежнихъ указовъ, кому надлежитъ, предостерегать, дабы между тѣмъ изъ Малой Россіи и изъ слободскихъ полковъ отъ тамошнего народа побѣговъ за границу не было; да въ указѣ ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената 1748 г. іюля 6 дня состоявшомся и напечатанномъ о непринимании переходящихъ изъ слободскихъ полковъ козаковъ между инымъ написано, по оному-де имянному ея императорскаго величества августа 18 дня 742 году указу такой волной съ места на место переходъ позволенъ токмо въ Малой Россіи, да и то одному посполитому народу, а не козакамъ; посляже въ высочайшихъ, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшихся, грамотахъ, въ первой 1749 году декабря 18 дня на избраніе въ Малой Россіи гетмана изображено, что ея императорское величество обѣщать соблагоизволили своимъ императорскимъ словомъ новоизбранному гетману и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ малороссійскому народу всѣ волности, права и привилегіи, которіи оніе отъ времени принятія подъ державу всероссійскую гетмана Богдана Хмельницкаго зъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ малороссійскимъ народомъ и притомъ при государствованіи ея императорского величества вседражайшого государя родителя, блаженныя и высокославныя памяти,

государя императора Петра Великаго имѣли, свято ненарушимо и цѣло содержать; въ 2-й 1751 года мая 22 дня всемилостивѣйше жалованною грамотою тоже конфирмовано зъ высочайшимъ соизволеніемъ и повелѣніемъ управлять намъ въ Малой Россіи воинскія и гражданскія дѣла по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которихъ приступилъ подъ державу государя, дѣда ея императорского величества, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи самодержца, его царского величества гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ и по ея императорского величества указамъ опредѣленымъ и впредь опредѣляемымъ, безъ нарушенія правъ и волностей стародавнихъ народа малороссійского; въ правахъ-же малороссійскихъ книги Статута, роздѣлу 12, въ артикулѣ 14-мъ напечатано, что если чій человѣкъ отчизній, материстый, наслѣдственній, либо купленній, дарованный, выслуженный и всякимъ образомъ набитый, или служитель дворовый, отчистій, купленный или полоненный, мужеска и женска полу, отъ господина своего бѣжавшій, до кого другого перейшовъ, а тотъ господинъ, до кого такій бѣглецъ зайдетъ, за то отъ уряду позванъ былъ-бы по артикулу 18, роздѣлу 4, для отдачи его или учиненія съ нимъ справедливости, и такихъ-бы бѣглецовъ не отдалъ и справедливости съ ними по сему праву общему не здѣлалъ, то тотъ позванный долженъ будетъ самъ или чрезъ повѣренного своего у суда стать, и того или тѣхъ бѣглецовъ, сколько ихъ будетъ, въ судѣ представить, тогда истецъ ежели персонально предъ судомъ докажетъ отвѣтчику, что оной человѣкъ или служитель, или сколько ихъ будетъ, суть его собственные, то отвѣтчикъ долженъ ему истцу того человѣка или служителей, съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ пожитками, возвратить, а за пожилое тѣхъ людей навязки за каждую недѣлю отъ каждой персоны мужеска и женска полу по шести грошей заплатить, щитая ту навязку отъ начатія иску; да того-жъ роздѣлу по артикулу 17 и 18 узаконено: слугамъ отъ господъ своихъ безъ отпуску и свидѣтельства письменного господского не отходить своеволно, а ежели-бъ которого господинъ удерживалъ напрасно, то такимъ слугамъ искать отъ уряду вспоможенія и опредѣленія и хотя-бъ въ наблюденіе высочайшого оного

ея императорского величества 1749 году состоявшогося указа посполитому народу съ места на место волный переходъ оставленъ, но что мы нынѣ изъ нашихъ, вшедшихъ въ нашу генеральную канцелярію, писменныхъ видовъ усмотрѣть могли, что при взисканіи на указно положенныхъ въ Малой Россіи конеистентовъ безденежного доволства умножились не малые доимки, съ той болше причины, что инніе посполитіе, не живя на едномъ мѣстѣ, частой съ одного на другое и безвѣстное мѣсто переходъ по волности имѣя, ни въ едномъ мѣстѣ того указного доволства не платятъ, а другіе постояннѣйшіе и живущіе на одномъ мѣстѣ, заплатя за себя указное, лишняго платить не хотятъ, но иногда съ нихъ не безъ отягощенія, а предъ другими не безъ обиды и лишнее взыскуется; ктому-жъ яко въ Малой Россія всякъ владѣльческій подданный живетъ и пользуется владѣльческою землею и всякими угодіи и тѣмъ себе во всемъ спабдѣваетъ, слѣдовательно, что изъ движимости себѣ ни пріобрѣтетъ, все то, по дозволенію того, чіи суть грунта, на коихъ онъ въ жительствѣ состоитъ, то при оном, ему дозволенномъ, съ мѣста на мѣсто переходѣ, той нажитой имъ движимости, которую онъ, пользуясь временно чужими грунтами и угодій, пріобрѣлъ себѣ, забирать, по силѣ вышепоказанныхъ малороссійскихъ правъ, не долженъ, какъ по причинѣ той, что онъ то нажилъ имѣніе не на своемъ грунтѣ, а чій грунтъ, того и доходъ отъ оного долженъ быть, такъ паче дабы то нажитое имъ имѣніе могло быть употреблено на дачу за него-жъ удобно подлежащаго консистентамъ довольства, не менше того, дабы унять отъ тѣхъ посполитыхъ то лакомство, кои лакомясь на то, что ему свободно нажитое имъ изъ чужихъ грунтовъ при своемъ переходѣ забрать съ собою, ни за кѣмъ постоянно не проживаютъ, но токмо зъ одного на другое мѣсто частой имѣютъ переходъ, не отдавая указно принадлежащаго отъ нихъ въ обще-народныхъ податяхъ, и утрачивая чрезъ разные частые переходы все то изъ чужихъ грунтовъ нажитое имѣніе, а тѣмъ какъ другимъ налично оставшимся подданнымъ причиняя излишнюю тяжесть, такъ и себе приводятъ въ одно разореніе и неминуемую бѣдность. Того ради, во исполненіе оной высочайшей ея императорскаго величества громоты, данной намъ на урядъ гетманского достоинства, которою повелено намъ управлять всякіе войсковіе и гражданскіе дѣла по войсковымъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и

постановленнымъ пунктамъ, и въ наблюденіе выше помѣненныхъ малороссійскихъ правъ, малороссійскому народу указами конфирмованныхъ, не менше того во отвращеніе умножившихся на указныхъ консистентовъ не малыхъ доимокъ и слѣдуемыхъ владѣльцамъ и другимъ людемъ отъ взятія съ ихъ грунтовъ нажитого подданными имѣнія обидъ, а болше и самому посполитому народу въ переходѣ своемъ бываемого того изъ чужихъ грунтовъ нажитого имѣнія напрасного ростерянія, *приказуемъ:* по всей малой Россіи учинить публикацію, дабы посполитой народъ, при переходѣ своемъ зъ одного владѣнія въ другое, нажитого ими съ владѣльческихъ грунтовъ имѣнія не забирали и отъ того онымъ владѣльцамъ убытка не наносили; равнымъ образомъ и владѣльцы, принимая изъ чужого владѣнія къ себѣ посполитого, нажитого въ другомъ владѣніи имъ имѣнія не принималибъ, но буде кто въ томъ изобличеннымъ явится, воленъ будетъ владѣлецъ тотъ, отъ которого посполитый отойшолъ съ нажитымъ имѣніемъ къ другому владѣльцу и тамо его принято безъ письменного вида, искать съ того владѣльца слушного удовольства и награжденія, по силѣ малороссійскихъ правъ, по якимъ искамъ въ малороссійскихъ судахъ по тѣмъ же малороссійскимъ правамъ и поступаемо быть должно, безъ всякія отмѣны, оставя имъ посполитымъ свободный въ силѣ ея императорского величества указа переходъ; однако дабы и владѣльцы иногда, подъ видомъ нажитого посполитыми у нихъ имѣнія, задерживать у себе тѣхъ посполитыхъ не могли и тѣмъ волного имъ переходу не воспящали, то долженствуютъ оные посполитые, при отходѣ своемъ, являтся у владѣльцевъ для взятія къ волному себѣ переходу письменного свидѣтельства, которое владѣльцы и давать безспорно должны. А буде каковы владѣльцы въ томъ упрямство показыватимуть, о томъ могутъ тѣ посполитые явится на какой близшой урядъ, отъ которого и изтребовать то письменное свидѣтельство у владѣльца надлежитъ, или отъ иного уряду таковымъ свидѣтельствомъ снабдѣть, дла чего другіе владѣльцы переходящихъ посполитыхъ и принимать безъ свидѣтельствъ не должны; что же принадлежитъ и до слугъ господскихъ, особливо поступаючихъ въ противность малороссійскимъ правамъ, яко оные служители у господъ въ домахъ ихъ бываючіе, иные свободные и иные съ подданства принятые въ дворовую службу, другіе же за крайнюю нищету свою и сиротство въ службу

упросившіесь и всѣ тые коштомъ владѣльческимъ разного масторства обученные, потомъ не хотя порядочно жить, а свободные, не дослужа уговоренного сроку, починивши шкоды и воровства хозяевамъ своимъ, уходятъ отъ нихъ тайно и безъ отпуску и къ другимъ владѣльцамъ пристаютъ, кои ихъ безъ всякаго вида и безъ пашпортовъ, иногда еще и подговоривъ, принимая, содержатъ, а таковымъ служителямъ безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ отъ хозяевъ своихъ отходить и другимъ ихъ принимать тѣми же малороссійскими правами запрещается: того ради, дабы и владѣльцы, чиновники и другіе люды въ принимапіи, а паче съ подговору, бѣгаючихъ отъ хозяевъ служителей безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ воздержаны и такой подлости не косни были и тѣмъ бы правъ малороссійскихъ не нарушили, симъ накрѣпко запрещается; но ежели кто такому приниманію бѣгающихъ хозяйскихъ, безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ,колми паче съ подговору, служителей изобличеннымъ явится, то изъ таковыми поступать во всѣхъ малороссійскихъ судахъ, въ случаѣ чіей жалобы, по силѣ малороссійскихъ правъ безъ отмѣны О чемъ вамъ ко исполненію предлагается. А въ протчіе полки малороссійскіе, такожъ и въ судъ генеральный о семъ же къ исполненію ордера посланы.

На подлинномъ тако:
Гетманъ графъ *К. Разумовскій.*

1760 г.
апрѣля 22-го.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ университета святаго Владиміра іюля 15 дня 1834 года.

Всякое выдающееся событіе въ жизни государственной, общественной и даже личной всегда настраиваетъ чувства человѣка на особый лирическій ладъ, результатомъ чего обыкновенно является у болѣе поэтическихъ натуръ стихотворное изліяніе въ томъ или другомъ видѣ. Конечно, при этомъ не обходится безъ того, чтобы, риемоплеты не выступали съ своими вынужденными, а иногда и просто вымученными произведеніями, болѣе повинуясь установившемуся обычаю, нежели влеченію искренняго настроенія. Особенно эта черта присуща была тѣмъ одослагателямъ, которые, со всѣмъ ихъ поэтическимъ вдохновеніемъ, такъ прекрасно охарактеризованы Дмитріевымъ въ сатирѣ «Чужой толкъ». Не обошлось безъ такой хвалебной лирики и открытіе въ Кіевѣ университета въ 1834 году, какъ не обошлось безъ лирическихъ піесъ и недавнее празднованіе 50-тилѣтія сего открытія. Но какая разница въ направленіи поэзіи, если сравнить современную намъ лирику прошлаго года въ стихотвореніяхъ С. Пономарева и г. Тулуба, издавшихъ свои произведенія къ юбилейному торжеству, съ приводимой ниже пѣснью, сложенной 50 лѣтъ назадъ! Пѣснь эта, кажется, нигдѣ въ свое время не напечатанная, сохранилась въ рукописи среди бумагъ покойнаго Максимовича, которому, какъ тогдашнему ректору университета и вмѣстѣ съ тѣмъ представителю всякихъ піитическихъ хитростей, доставлена она была для просмотра, что видно изъ надписи, карандашемъ, кажется, рукою тогдашняго попечителя Брадке: «препровождаю къ Михайлу Александровичу на разсмотрѣніе. 5 іюля 1835». Внизу карандашемъ-же помѣчено: «сочинено бывшимъ старшимъ учителемъ кіевской гимназіи».

Послѣдняя помѣта опредѣляетъ не только званіе и положеніе поэта, воспѣвшаго столь важное для Кіева событіе, какъ открытіе университета, но отчасти и самый возрастъ его и время, къ которому онъ принадлежитъ по воспитанію и знакомству съ искусствомъ поэзіи. Это безъ сомнѣнія риемоплетъ конца XVIII ст.,

воспитанный на традиціяхъ хвалебнаго пѣснопѣнія со всѣми пріемами псевдоклассическими, и таково все настоящее его произведеніе, отъ начала и до конца не заключающее въ себѣ ни одной жизненной мысли, ни одного живаго, двигающаго чувство слова. Но это продуктъ мѣстной школы, памятникъ мѣстной, искаженной схоластическою наукою мысли и слова, единственный памятникъ праздновавшагося тогда событія, за которымъ должна была начаться новая умственная жизнь, и ради этого мы даемъ мѣсто этому давно поблекшему цвѣтку кіевской поэзіи.

Какая непостижна сила
Творитъ предъ нами чудеса?
Чья длань и горъ сердца подвигла,
И ихъ вершины пренесла?
Потомковъ зрю теченье новыхъ,
Струями орошать готовыхъ
Младый Минервы вертоградъ;
И чудотворно премѣненье
Въ благоговѣйно восхищенье
Приводитъ древній Кіевъ градъ.

* * *

Эллада! се твои преславны
Парнассы, Пинды здѣсь стоятъ,
И Иппокренскіе кристальны
Ключи предъ нами токъ струятъ;
Не Фебъ твой,—чадо воображенья,—
Намъ сыплетъ искры просвѣщенья,
Но *Николай* Фебъ симъ странамъ;
Наукамъ храмы созидая
И нынѣ новый открывая,
Онъ юнымъ Аполлонъ умамъ.

* * *

Возжги свѣтильникъ, Мнемозина,
И намъ на той стезѣ предстань,
Временъ по коей быстродвижна
Проводитъ смертныхъ въ вѣчность длань;

Да мглой забвенья прикровенна,
Сѣдая древность и почтенна
Свой зракъ откроетъ нынѣ намъ,
Да межъ развалинъ свѣтъ мелькаетъ
И да вниманіе склоняетъ
Нашъ слухъ къ нѣмымъ ся словамъ.

* * *

Когда лучемъ небесной правды
Равноапостольный Ирой
Осіявалъ славенски грады,
Кумирной омраченны мглой;
И расточенныхъ музъ Ахайскихъ
Отъ силы полчищъ Агарянскихъ
Въ свои Скиѳъ кровы принималъ:
Тогда ихъ животворна сила
Въ славенскія сердца проникла,
И нѣкій свѣтъ отъ нихъ блисталъ.

* * *

И Савроматъ въ кольчугѣ ратной
И въ мразной Агаѳирсъ[1]) странѣ
Восхищены воней пріятной
Цвѣтовъ лишь первыхъ на веснѣ.
Пустынна дебрь перемѣнялась
Во злачный долъ,—на немъ являлась
Паллада съ блещущимъ щитомъ,
И музъ соборъ на брегъ высокій
Взошедъ, и въ Борисеенски токи
Смотрѣлъ юнѣющимъ лицомъ.
Но что? Не Пириней-ли новый,
Привѣтливый являя видъ,
А въ сердцѣ замышляя ковы,
Призвалъ въ чертоги Аонидъ,

---

1) Plin. Hist. Nat. lib. IV, cap. 12.

И предложивъ успокоенье,
Имъ учиняетъ притѣсненье;
Завистникъ тотъ и мрака другъ,
Что дѣвы, крыльями снабдѣнны,
Симъ Мизозофомъ устрашенны,
Оттолѣ улетаютъ вдругъ [1]).

***

Нѣтъ, нѣтъ! Перо златое Кліи
Именъ не начертало намъ
Скиптродержателей Россіи,
Желавшихъ тьмы словенъ сынамъ.
Подъ знаменемъ Беллоны ярой
Протекъ, увы! протекъ кровавой
Стезей Эрева сынъ Мунгалъ;
Какъ вѣтръ палящій дуновеньемъ
Грозитъ природѣ изсушеньемъ, —
Дохнетъ на злакъ, и злакъ увялъ.

***

Протекъ,—и образъ разоренья
Являлся позади его,
Отъ варваровъ успокоенья
Лишались Меры своего.
Какъ дикій вепрь, сломивъ ограду,
Опустошенье вертограду
Наноситъ яростью клыковъ,
Древа и вѣтви сокрушаетъ,
Рветъ корни, гроздіе съѣдаетъ;
Вослѣдъ Мунгалъ былъ видъ таковъ (?).

***

Но твердый духъ сыновъ словенскихъ
Не палъ въ переворотахъ сихъ;
Но Александровъ храбрость Невскихъ,
Геройство Дмитріевъ Донскихъ

---

[1]) Ovid. Met. lib. V, ver. 273 etc.

Безстрашно на враговъ возстали
И звѣрство мужествомъ попрали
Возженнымъ вѣрою въ сердцахъ.
Начало видимъ мы отмщенья,
Для музъ жилищъ уготовленья
Вторична въ скиѳскихъ областяхъ.

***

Возрадуйтесь, мужи священны,
Въ селеньи выспреннемъ небесъ!
Врагъ, древле вами пораженный,
И именемъ межъ насъ исчезъ.
Исчезъ—и гласъ воскликновеній,
Гласъ пламенныхъ благодареній
Въ послѣднихъ возгремитъ родахъ:
Великъ въ царехъ миролюбитель;
Но слезъ всеобщихъ осушитель
Во вѣки будетъ жить въ душахъ.

***

Кумиръ, высоко вознесенный,
Далече мещетъ черну тѣнь;
Тмитъ мглою чувствія смущенны
И въ нощь преобращаетъ день.
Химеры, чуды, привидѣнья,
Взявъ плоть изъ силы воображенья,
По мраку бродятъ и страшатъ;
Въ брань мудролюбца вызываютъ
И самой кротости внушаютъ
Противъ ученья возставать.

***

Но тщетно сей Парнассу грозный
Вознесъ изъ блатъ главу Пиѳонъ;
Готовитъ въ тунѣ лавроносный
Побѣдны стрѣлы Аполлонъ.
Взведите взоръ,—онъ сокрушился,—
Упалъ кумиръ—Петръ воцарился!

Въ ущелья скалъ, во тьму лѣсовъ
Скрываются ночныя птицы
При восхожденіи денницы:
Такъ духъ мечты разгналъ Петровъ.

***

Сей духъ, сей благотворный геній,
Преобразившій тьму во свѣтъ,
Небесныхъ гражданинъ селеній
Межъ нами жилъ и днесь живетъ.
Надъ влагой, сушею парящій
Орелъ, и мятежамъ грозящій,
Былъ дивомъ храбрости самой,
Какъ витязи непобѣдимы
Были въ путяхъ руководимы
Безсмертныя жены рукой.

***

И росски барды, восхищенны
Величіемъ души Ея,
Ея эгидомъ прикровенны,
Искали славы своея,
Чтобъ безподобной героинѣ
Владычицѣ Екатеринѣ
Хвалы достойны воспѣвать,
Простертый свѣтъ при ней ученья
И благотворны учрежденья
Въ потомствѣ пѣснью передать.

***

И пишущій уставы міру
Въ совѣтѣ вѣчномъ начерталъ,
Чтобъ умъ ея, ея порфиру
И жезлъ правленія принялъ
Внукъ Александръ благословенный,
Народовъ щитъ, царей другъ вѣрный,

Любитель музъ и ихъ покровъ;
Чтобъ въ кроткое его правленье
Небесныхъ истинъ возвѣщенье
Прошло и дикарю подъ кровъ.

***

Лучи отъ бриліантовъ новыхъ
Въ златыхъ играютъ музъ вѣнцахъ,
Что отъ щедротъ Богоподобныхъ
Имъ сыплетъ Николай монархъ.
Се вящшее имъ совершенство
И неизмѣнное блаженство
Еще, еще онъ начерталъ!
Воспой, Полянъ потомокъ древнихъ,
Отъ чувствъ твоихъ благоговѣйныхъ
Царю пѣснь громкую похвалъ!

***

Монархъ! Огнемъ любви чистѣйшимъ
Сердца у насъ къ тебѣ горятъ,
И гласомъ истины святѣйшимъ
И музъ языкомъ то твердятъ.
Но слабой лиры пѣснопѣнье
Возможетъ-ли благодаренье
Твоимъ щедротамъ уравнить?
Подъ скипетромъ твоей державы
Она желаетъ только славы,
Чтобы тебѣ угодной быть.

***

А вы, ревнители великихъ
И благотворныхъ дѣлъ царя,
Краса и цвѣтъ сыновъ россійскихъ.
Усердіемъ къ нему горя,
Міръ восхищая лѣпотою,
Вы щедродательной рукою
Въ честь Николая временамъ,

Являя души благородны,
Приносите дары свободны
Въ сей новый Піеридамъ храмъ.

***

Се торжество великолѣпно
Для жаждущихъ наукъ умовъ!
Се слава, коей неизмѣнно
До поздныхъ звукъ пріидетъ родовъ,
И усугубившись въ стократныхъ
Восторгахъ чистыхъ, благородныхъ
Грядущимъ временамъ речетъ:
Живетъ во вѣки музъ любитель,
Наукъ великій покровитель,—
И нынѣ меценатъ живетъ.

***

О ты, предъ Богомъ предстоящій
Святый святыя Ольги внукъ,
Мольбы за россовъ приносящій,
Воззри на новый храмъ наукъ,
Въ томъ самомъ градѣ сотворенный,
Гдѣ твой престолъ стоялъ священный;
Се Николай, потомокъ твой,
Твоимъ названьемъ украшенъ,
Тебѣ его онъ посвящаетъ
Торжественно, святый герой!—

Сообщ. **В. Науменко.**

Библіографія.

Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.

Недавно минувшій праздникъ тысячелѣтней годовщины смерти св. Меѳодія вызвалъ обширную ученую литературу по вопросу о происхожденіи русской письменности и распространеніи христіанства среди славянъ, удвоившую предшествующія подобныя же работы въ Кирилловскій юбилей 1863 года. Названный нами сборникъ, не смотря на разновидность своего содержанія, нерѣдко несогласіе въ заключительныхъ выводахъ, занимаетъ въ ней весьма видное мѣсто, и мы считаемъ нужнымъ, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ шесть болѣе или менѣе объемистыхъ статей, въ общей сложности дающихъ собою солидную книгу свыше 400 страницъ. Статьи носятъ слѣдующія названія и идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Лавровскаго Н. А. *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, 2) Будиловича А. С. *Нѣсколько мыслей о греко славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла*, 3) Первольфа О. О. *Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ*, 4) Кулаковскаго П. А. *Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ*, 5) Грота К. Я. *Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія* и 6) Зигеля Ѳ. Ѳ. *Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія*.

Всѣ статьи, какъ видитъ читатель, вращаются около одного и тоже предмета, хотя касаются его съ различныхъ сторонъ и даютъ не всегда согласные между собою выводы; тѣмъ не менѣе всѣ онѣ содержатъ въ себѣ довольно новыхъ данныхъ, не мало мѣткихъ сужденій, остроумныхъ со-

ображеній и сближеній, болѣе или менѣе осмотрительныхъ предположеній и заключеній. Мы не будемъ касаться ни общаго ихъ содержанія, ни частностей, ибо все это удалено отъ программы нашего изданія. Остановимся лишь на одной изъ статей, своимъ содержаніемъ и выводами приближающейся къ затронутому въ нашемъ изданіи вопросу о началѣ письменности. Это замѣчательная по своей краткости и вмѣстѣ полнотѣ, ясности и убѣдительности статья П. А. Лавровскаго: *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, занимающая по достоинству первое мѣсто въ «Меѳодіевскомъ сборникѣ». Уважаемый авторъ выходитъ изъ той извѣстной всѣмъ истины, что великія событія не совершаются внезапно, но что имъ обыкновенно предшествуетъ долгій и сложный подготовительный историческій процессъ, и они сами являются только окончательнымъ выраженіемъ послѣдняго. Указавъ на всенародный актъ крещенія Руси, который заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства и неожиданно открываетъ предъ нами то быстрое развитіе у насъ христіанскаго просвѣщенія, которое выразилось, спустя съ небольшимъ полъ-вѣка, въ блестящемъ словѣ «о законѣ и благодати» перваго русскаго митрополита Иларіона, въ проповѣдяхъ Ѳеодосія печерскаго, Кирилла Туровскаго и въ «словѣ о полку Игоревѣ», г. Лавровскій, хотя вполнѣ раздѣляетъ недоумѣніе профессора Голубинскаго предъ этой быстротой книжнаго развитія, но не считаетъ этого явленія неразгаданнымъ и утверждаетъ, что наши предки задолго до Владиміра пріобщались христіанству и его просвѣщенію и что, слѣдовательно, начавшіе появляться съ половины XI вѣка самостоятельные литературные опыты, такъ удивляющіе насъ теперь, имѣли предъ собой гораздо болѣе продолжительную школу и могли развиться естественно и органически, начавшись еще въ половинѣ IX вѣка. Распространеніе христіанства среди южно-русскихъ славянскихъ племенъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ изслѣдованій о христіанствѣ въ Россіи до Владиміра, авторъ признаетъ не подлежащимъ уже сомнѣнію. Что же касается до письменности, то, по словамъ автора, «процессъ приспособленія языка для выраженія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX вѣкѣ наши священныя и богослужебныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную, предшествовавшую этому его состоянію исторію. Невольно припоминаются тѣ русскія письмена, которыя нашелъ въ Корсуни св. Кириллъ въ 860 году и которыя, по всей вѣроятности, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ въ Крыму и по сѣверному побережью Чернаго моря и нахо-

дивнимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Образованіе и начало употребленія этихъ письменъ, продолжаетъ авторъ, безъ сомнѣнія относится къ далекому прошлому. Срезневскій еще въ 1869 году доказывалъ, что «уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX -X в., а соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ памятникамъ VI – VII в, что въ эпоху дѣятельности первоучителей господствовали надстрочные знаки и правильное употребленіе знаковъ препинанія. чего нѣтъ въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ». Не смотря однако на такое очевидное доказательство древности нашей письменности, осторожный авторъ не рѣшается относить начало оной раньше половины IX вѣка, мѣстомъ-же изобрѣтенія до кирилловской церковно-славянской азбуки и г. Лавровскій, на равнѣ съ другими, считаетъ Корсунь, чему вѣскія доказательства представлены въ рѣчи профессора Θ. Успенскаго, помѣщенной въ майской книжкѣ «Кіевской старины». Мнѣніе о томъ же профессора А. С. Будиловича примыкаетъ къ мнѣніямъ Н. А. Лавровскаго и Θ. М. Успенскаго.

Слѣдя частности, въ родѣ указанной нами, много любопытнаго можно бы указать и въ другихъ статьяхъ «Меѳодіевскаго сборника», въ особенности въ выдающейся статьѣ профессора Первольфа: «Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ», но, повторяемъ, мы должны держаться въ предѣлахъ программы изданія и ограничить нашу замѣтку о почтенномъ сборникѣ нашихъ варшавскихъ ученыхъ этими немногими словами.

И. Каманинъ.

Священникъ Климентъ Θоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 года.

Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.

Къ числу изданій совершившагося юбилея относится также первая изъ названныхъ брошюръ. Она посвящена вопросу о томъ, кто были и гдѣ жили тѣ козарскіе евреи, съ которыми препирались о вѣрѣ свв. Кириллъ и Меѳодій, проповѣдники которыхъ предлагали потомъ кн. Владиміру свою вѣру, которыхъ упрекалъ и съ которыми спорилъ о Христѣ преподобный Θеодосій печерскій и которые наконецъ были настолько сильны въ Корсунѣ, что въ день св. Пасхи распяли на крестѣ преподобнаго Евстратія печерскаго. Вопросъ этотъ до сихъ поръ разрѣшался

какъ-то мимоходомъ и не подвергался специальной разработкѣ. Нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ онъ былъ разрѣшенъ окончательно и вполнѣ основательно; тѣмъ не менѣе въ брошюрѣ о. Ѳоменка находится довольно любопытныхъ соображеній и выводовъ, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Сопоставляя свидѣтельства житія свв. Кирилла и Меѳодія и данныя Несторовой лѣтописи, авторъ находитъ, что если св. братья были приглашены козарами для огражденія ихъ, съ одной стороны, отъ евреевъ (слѣдовательно не отъ козарскихъ), а съ другой—отъ сарацинъ, усиливавшихся, какъ и тѣ, обратить ихъ въ свою вѣру, и если козарскіе евреи отвѣтили св. Владиміру, что отечество ихъ въ Іерусалимѣ, а сами они расточены по всей землѣ (чего не могли-бы сказать козары, вышедшіе изъ-за Каспійскаго моря), то это должны были быть туземные крымскіе евреи. Чтобы установить вѣроятную догадку о томъ, какіе это были евреи, т. е. іудеи или израильтяне, о. Ѳоменко слѣдитъ судьбу обоихъ народовъ: собственно іудеи окончили, какъ извѣстно, путь свой составленіемъ Талмуда, израильтяне-же приведены судьбой къ самарянскому расколу, завершившемуся потомъ протестомъ противъ «преданія старцевъ» и признанія одного лишь «писаннаго закона»; уцѣлѣвшимъ остаткомъ этого послѣдняго народа, этихъ протестантовъ въ еврействѣ является караимская секта въ Крыму. Авторъ старается утвердить то мнѣніе, что именно эту секту надо разумѣть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ выступаютъ козарскіе евреи. Только она, эта отверженная горсть людей, не имѣвшая права успокоить свои кости на настоящей Іосафатовой долинѣ, но заброшенная судьбою на полуостровъ и пораженная сходствомъ Чуфуть-Кале и его окрестностей съ Іерусалимомъ, только она, по мнѣнію автора, могла основать вторую Іосафатову долину въ Мертвомъ городѣ. Основываясь на сочиненіяхъ караимскихъ раввиновъ, о. Климентъ думаетъ, что остатки израильтянъ проникли въ Крымъ съ войсками Кира и Дарія Гистаспа. Но намъ кажется, что если можно еще допускать появленіе евреевъ въ Крыму съ Даріемъ, то отнесеніе этого факта ко времени Кира болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ племена, въ борьбѣ съ которыми погибъ основатель персидскаго могущества, занимали окрестности Аральскаго моря. Вѣроятнѣе предполагать, что эмиграція караимовъ въ Крымъ началась въ эпоху римскаго владычества надъ Палестиной; тогда понятно будетъ, почему древнѣйшіе надписи, найденныя извѣстнымъ археологомъ-караимомъ А. Фирковичемъ, относятся лишь къ 8-му и 30-му году по Рождествѣ Христовомъ, и почему не встрѣчается памятниковъ болѣе ранняго времени. Такъ или иначе, но пребываніе караимовъ въ Крыму въ до-христіанское время

доказано авторомъ весьма убѣдительно и едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Но Крымъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстомъ ссылки первыхъ христіанъ, а потому ученіе Христа, при своемъ распространеніи, должно было столкнуться съ закономъ Моисея и это столкновеніе выразилось въ попыткѣ караимовъ обратить въ свою вѣру козаръ, для огражденія которыхъ крымскіе христіане и вызвали свв. Кирилла и Меѳодія. Занятіе караимовъ торговлей весьма рано могло привести ихъ въ Кіевъ, гдѣ они и предлагали свою вѣру св. Владиміру а потомъ подвергались укорамъ со стороны препод. Ѳеодосія. Хотя это мнѣніе намъ кажется весьма правдоподобнымъ, но не лишено основанія и другое, по которому допускается, что въ Кіевъ могли проникнуть и евреи талмудисты вслѣдствіе частыхъ и несомнѣнныхъ сношеній южной Руси съ западомъ. Во всякомъ случаѣ, почтенный авторъ выдвигаетъ интересный вопросъ въ исторіи русскихъ евреевъ.

Говоря о евреяхъ и еврейской колоніи въ Кіевѣ, о. Климентъ высказываетъ догадку, что эта колонія и упоминаемыя лѣтописью жидовскія ворота находились у Днѣпра, близъ древняго села Берестова. Но въ пользу его догадки можетъ быть приведено доводомъ только хожденіе по ночамъ преподобнаго Ѳеодосія къ евреямъ для прецій о вѣрѣ, между тѣмъ какъ и Закревскій и Максимовичъ согласно утверждаютъ, что жидовскія ворота это тѣ-же львовскія и находились за оградой софійскаго собора; мнѣніе этихъ двухъ ученыхъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Не менѣе любопытное изслѣдованіе, хотя также основанное болѣе на предположеніяхъ, нежели на твердыхъ научныхъ данныхъ, представляетъ вторая выше названная брошюра того-же автора—о пещерныхъ храмахъ въ Крыму, которые о. Климентъ имѣлъ случай наблюдать на обратномъ пути своемъ изъ Іерусалима чрезъ Крымъ въ Кіевъ. Храмы эти, по словамъ одного путешественника XVII в., пронизываютъ горы, «подобно стрижамъ (гнѣздамъ ласточекъ), комора объ комору, высоко и низко, на полверсту и больше». Устройство ихъ во многомъ отличается отъ храмовъ позднѣйшаго времени, главное-же ихъ отличіе заключается въ устройствѣ алтарей. «Вмѣсто иконостаса здѣсь стоитъ каменная преграда во всю высоту пещернаго храма. Преграда эта изсѣчена въ самой скалѣ, а за нею далѣе изсѣченъ малый алтарь храма. Вмѣсто царскихъ вратъ въ преградѣ изсѣчены изъ монолита двѣ колонны во всю высоту пещернаго храма. Сѣверныхъ и южныхъ вратъ вовсе нѣтъ (такое-же устройство алтарной преграды авторъ видѣлъ и въ древнемъ коптскомъ храмѣ въ Каирѣ). На томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ обыкновенно поставляются

мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, здѣсь въ монолитной преградѣ высѣчены два окна. Чрезъ правое окно можно было принимать исповѣдь кающихся, чрезъ лѣвое—поминовеніе на проскомидіи. Устройство престола имѣетъ ту выдающуюся особенность, что онъ непосредственно присоединенъ къ восточной стѣнѣ и есть небольшой камень, высѣченный въ самой скалѣ. Такъ устроены престолы во всѣхъ пещерныхъ храмахъ въ Крыму. По правую сторону престола, съ боку его, а не на горнемъ мѣстѣ, высѣчено изъ камня сѣдалище для священнослужащаго. Алтарь храма такъ малъ, что, сидя на этомъ сѣдалищѣ, священнодѣйствующій могъ принимать чрезъ правое окошко и исповѣдь». Въ этихъ храмахъ всегда устраивались усыпальницы и теперь въ нихъ постоянно находятъ черепы и другія части человѣческаго скелета. Надъ престоломъ выдалбливались ниши, служившія для мощей святыхъ. Многія изъ пещеръ украшены фресками, которыя авторъ относитъ къ тому-же времени, какъ и кіево-софійскія. Изъ этого описанія крымскихъ храмовъ нельзя, намъ кажется, не видѣть большаго сходства въ устройствѣ ихъ съ храмами въ римскихъ катакомбахъ, относящимися приблизительно къ тому-же времени, какъ и пещерные. Авторъ не ставитъ своей задачей этого сравненія, также какъ и разрѣшенія вопроса о томъ, составляютъ-ли пещерные храмы вторую ступень въ развитіи церковно-архитектурнаго искусства, или-же различіе между ними и храмами римскихъ катакомбъ зависитъ отъ условій мѣста и обстоятельствъ, въ которыя поставлены были ссыльные христіане на нашемъ полуостровѣ, но предоставляетъ это труду будущихъ изслѣдователей, людей, спеціально подготовленныхъ для этой цѣли; своей-же брошюрой онъ хотѣлъ только вызвать вниманіе послѣднихъ къ этимъ древнимъ святынямъ, и мы вполнѣ присоединяемся къ желанію автора, чтобы она достигла указаннаго назначенія и вызвала-бы всестороннее изученіе пещерныхъ храмовъ въ церковно-археологическомъ отношеніи [1]). Но брошюра имѣетъ и практическое значеніе, какъ руководство при ознакомленіи въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи съ моделями крымскихъ пещерныхъ поселеній и храмовъ. Въ этомъ музеѣ хранится довольно полная коллекція гипсовыхъ слѣпковъ съ крымскихъ древностей. Гипсовыя модели пещерныхъ жилищъ и храмовъ были сдѣланы художникомъ-археологомъ Струковымъ и пріобрѣтены императорскою академіею

[1]) Въ прошломъ году, на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, однимъ изъ членовъ его, протоіереемъ Чепурнымъ сдѣланъ былъ докладъ объ этихъ храмахъ, съ представленіемъ снимковъ стѣнной фресковой живописи.

художествъ, гдѣ они были помѣщены въ архитектурномъ музеѣ. Въ мартѣ 1882 года модели были пожалованы церковно-археологическому обществу при кіевской академіи августѣйшимъ покровителемъ этого общества великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и составляютъ теперь одно изъ лучшихъ украшеній академическаго музея.

И. Каманинъ.

Межигорская старина. Кіевъ. 1885.

«Губернскія Вѣдомости» съ давнихъ поръ время отъ времени помѣщаютъ на своихъ страницахъ документы, касающіеся мѣстной исторіи. Подольскія «Губернскія Вѣдомости» съ нынѣшняго года открыли для этого у себя особый отдѣлъ и издаютъ акты въ видѣ приложеній; но объ этомъ скажемъ особо. Подобныя работы входятъ существенно въ програму «Губернскихъ Вѣдомостей» и можно лишь радоваться, если эти мѣстныя изданія приближаются и въ этомъ къ прямой своей задачѣ. Успѣхъ зависитъ отъ богатства мѣстныхъ архивовъ, отъ умѣнья сдѣлать надлежащій выборъ, хорошей группировки, равно отъ нѣкоторой обраоотки и освѣщенія печатаемаго матеріала.

Кіевскія «Губернскія Вѣдомости», въ теченіи 50-ти лѣтняго своего существованія, много разъ принимавшіяся за это дѣло, въ послѣдніе годы посвятили ему особенное вниманіе. Только что окончился въ нихъ печатаніемъ рядъ дѣлъ, касающихся древнѣйшаго въ южной Руси Кіево-межигорскаго монастыря, и отдѣльные оттиски ихъ дали брошюру, заглавіе которой мы выше привели. Брошюра заключаетъ въ себѣ 86 страницъ; въ ней помѣщено 11-ть дѣлъ въ извлеченіи и сокращеніи. Итакъ, мы имѣемъ еще одинъ сборничекъ матеріаловъ для исторіи Кіева и его окрестностей, въ частности одной изъ древнѣйшихъ нашихъ обителей.

Напечатанныя дѣла извлечены изъ обрывковъ стараго архива кіевскаго губернскаго правленія, о судьбѣ котораго намъ не разъ приходилось говорить. Одно можно повторить: напечатанное теперь погибло-бы, быть можетъ, завтра, если бы не было напечатано.

Все это дѣло рукъ того же редактора неофиціальной части Кіевскихъ «Губернскихъ Вѣдомостей», г. Андріевскаго, о нарочитыхъ выпускахъ подобныхъ матеріаловъ котораго столько уже разъ говорилось у насъ,—дѣло привычное, умѣлое, производимое скоро, безъ особыхъ хлопотъ и затратъ. Дѣйствительно, надо имѣть большую сноровку, чтобы справляться съ многосложными и многословными архивными дѣлами, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ. Г. Андріевскій прибѣгаетъ въ

своихъ изданіяхъ къ сокращеніямъ, притомъ двухъ родовъ: сокращаетъ отдѣльныя, постоянно повторяющіяся слова, каковы въ особенности названія разныхъ правительственныхъ учрежденій, обозначая ихъ нерѣдко одними начальными буквами, опускаетъ длинные титулы, вообще начало бумагъ и не менѣе длинные заключенія и подписи,—выпускаетъ и цѣлыя бумаги, служащія лишь переходомъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, обозначая кратко самый переходъ, судь дѣла и его результаты. Съ такою экономіею отпечатанная, небольшая съ виду брошюрка даетъ много цѣннаго и весьма любопытнаго матеріяла.

Въ напечатанныхъ 11-ти дѣлахъ давно уничтоженная древнѣйшая наша обитель проходитъ предъ нами на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, какъ живой человѣкъ, со всѣми ея достатками, имуществомъ и учрежденіями, помѣщеніями и обстановкой, съ труждающимися въ ней людьми, живущими и умирающими, съ ея заботами, печалями и радостями, съ ея правами и привилегіями, то оспариваемыми, то утверждаемыми и въ общемъ очерчивающими ея судьбу въ теченіи вѣковъ,—съ ея наконецъ святымъ призваніемъ, подвигами и страданіями, и въ тоже время гнѣздившимися въ ней людскими пороками и слабостями.

Установилось въ южно-русской нашей исторіи мнѣніе, что межигорская обитель была метрополіею для Запорожья и что въ нее удалялись запорожцы на обѣтъ и послушаніе, для спасенія своей души. И что-же? первое изъ напечатанныхъ въ «Межигорской Старинѣ» дѣлъ, озаглавленное: «*Послушники межигорского монастыря запорожцы на рыбной ловлѣ въ дачахъ кіево печерскаго монастыря*, случайно выдвигаетъ главныхъ пять, а всѣхъ вообще 14 запорожцевъ, одновременно скопившихся въ Межигорьѣ на послушаніи. А читая кратко изложенное дѣло видишь въ этихъ послушникахъ истыхъ сѣчевиковъ. За плохимъ вѣроятно уловомъ рыбы на собственныхъ водахъ, эти послушники сѣчевики, залечивавшіе въ обители свои боевыя раны, подъ начальствомъ то іеромонаха Өеодосія, то монаха Якова, быть можетъ также сѣчевиковъ, на трехъ дубахъ, съ неводомъ, ружьями и дубинами, день за днемъ, въ ночную пору, наѣзжають на лаврскія озера, какъ подъ стѣны Азова или Кизикирменя, и наловивъ рыбы, возвращаются въ свои келіи съ богатою добычею. Но не дремали и печеряне. На защиту лаврскаго добра сталъ полатный іеромонахъ Поликарпъ и 2 сентября 1739 г., вооруживъ болѣе 50 лаврскихъ подданныхъ, разбилъ отважныхъ межигорцевъ, и захвативъ пятерыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, засадилъ ихъ въ лаврскую ткачню, а затѣмъ препроводилъ ихъ въ кіево-губернскую канцелярію. Результатомъ такого неудачнаго для межигорцевъ похода было то, что 14 изъ нихъ попросились въ дѣйствующую гр. Миниха армію, куда вѣроятно и были от-

правлены.—Въ томъ-же родѣ дѣло подъ № VII о защитѣ межигорскими монахами смежной съ ихъ монастыремъ лѣсной пущи, которую оспаривалъ у него кіевскій магистратъ и которую подвладные ему мѣщане кіевскихъ предмѣстій Куреневки и Пріорки стали вырубать. Тутъ храбро и отважно дѣйствуетъ полатный іеродіаконъ Іероѳей: въ мірскомъ платьѣ, съ пистолетами вокругъ всего пояса, съ 70-ю монастырскими слугами и подданными, вооруженными списами и дубинами, онъ, съ тактикою военною, зашелъ въ тылъ мѣщанамъ, рубившимъ пущу, напалъ на ихъ домы, разграбилъ ихъ имущество, нападалъ на ихъ хутора съ ожесточенною стрѣльбою и т. д.—Какой богатый матеріалъ для характеристики порядковъ, монастырскихъ и общественныхъ нравовъ того времени!—Производившееся по этому поводу между межигорскимъ монастыремъ и кіевскимъ магистратомъ исковое дѣло, проходившее много инстанцій и неоконченное еще и въ 1780 г., за 6-ть лѣтъ до упраздненія монастыря, воспроизводитъ длинную его исторію и даетъ множество свѣдѣній не только для нея, но вообще и для исторіи края.

Минуемъ другія, весьма интересныя въ томъ или другомъ отношеніи дѣла, помѣщенныя въ «Межигорской Старинѣ»; но не можемъ обойти молчаніемъ крайне характернаго дѣла подъ № X «о смертномъ убивствѣ кіево-межигорскаго монастыря подданными заграничнаго с. Карапышева шляхтича Адама Лясковскаго». Жена этого шляхтича, по неизвѣстнымъ причинамъ, бѣжала отъ него и скрывалась близъ монастыря межигорскаго въ с. Петровцахъ. Мужъ провѣдалъ о томъ и явился для розысковъ; но какъ село подвластно было монастырю, то надо было обратиться въ монастырь какъ за благословеніемъ архимандрита, такъ и за полученіемъ ближайшихъ свѣдѣній о бѣжавшей. Много водки и вишневки истрачено было шляхтичемъ Лясковскимъ на развѣдки, много мелкихъ чертъ внутренней жизни обители всплыло при этомъ. Лясковскій открылъ наконецъ убѣжище своей жены; въ захватѣ оной въ ночную пору взялись помочь ему монастырскіе послушники Иваницкій, гулящій дьячекъ изъ гетманщины, и б. запорожецъ Перехристъ. Но ихъ прельстили богатые пистолеты шляхтича и они зарѣзали его ночью въ лѣсу, на пути къ убѣжищу его жены. Условившись объ убійствѣ, они цѣловали крестъ, бывшій на шеѣ у Перехриста, что не станутъ другъ друга выдавать. Перехристъ былъ изъ жидовъ г. Збаража, въ 1732 г. попалъ въ плѣнъ къ запорожцамъ, ими крещенъ, грамотѣ обученъ и принятъ въ «товариство». Когда Иваницкій не соглашался на убійство, ради смертности сего грѣха, Перехристъ истинно по-запорожски убѣждалъ его: *за ляха-де грѣха не будетъ.*

Послѣднее, помѣщенное въ настоящемъ изданіи дѣло выдвигаетъ предъ нами давно знакомую намъ по исторіи кіевской академіи личность Анны Гулевичевой-Лозкиной, пожертвовавшей въ 1615 г. свой дворъ въ Кіевѣ на Подолѣ для кіево-братскаго монастыря и его школы, впослѣдствіи академіи. Теперь, въ 1651 г., она, подчашина кіевская, по 2-му мужу Козинская, находится во «всекрайнѣйшей нуждѣ», беретъ у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича въ займы 2 тысячи злотыхъ и въ залогъ и за проценты (7% со ста) отдаетъ монастырю свою слободку Красную Луку со всѣми ея доходами и желѣзною рудою впредь до выплаты долга.

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

МОЛДАВСКІЯ СВѢДѢНІЯ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ И МОГИЛѢ МАЗЕПЫ.

Послѣ бѣгства Карла XII изъ-подъ Полтавы въ турецкіе предѣлы, Мазепа умеръ въ лагерѣ шведскаго короля около Бендеръ, въ селѣ Варницѣ. Мѣсто его погребенія оставалось долго неизвѣстнымъ. Бантышъ-Каменскій, описавшій подробно похороны Мазепы на основаніи извѣстій, заимствованныхъ Энгелемъ изъ шведскихъ источниковъ, высказалъ предположеніе о мѣстѣ его погребенія въ слишкомъ положительной формѣ, утверждая, что «тѣло Мазепы предано въ землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [1]). Свѣдѣніе это повторилъ Николай Маркевичъ въ своей «Исторіи Малороссіи» еще въ болѣе положительной формѣ; описавъ похороны со словъ Бантышъ-Каменскаго, Маркевичъ заключаетъ разсказъ словами: «Онъ лежитъ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [2]). Н. И. Костомаровъ въ первомъ изданіи своей монографіи о Мазепѣ повторилъ мнѣніе Бантышъ-Каменскаго о похоронахъ въ Варницѣ, но, нашедши въ шведскихъ источникахъ ошибочное свѣдѣніе о переносѣ тѣла гетмана въ Яссы, старался помирить оба извѣстія; вслѣдствіе этого онъ говоритъ: «Его (Мазепу) опустили въ землю недалеко отъ королевскаго стана въ Варницѣ, близъ Бендеръ, но, спустя немного времени,

---

1) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россія, т. III, стр. 124 и примѣч. 187.

2) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 505.

перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественные похороны». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе похоронъ по извѣстіямъ Энгеля, Бантыша и шведскихъ мемуаровъ [1]). Между тѣмъ мнѣніе, высказанное Бантышемъ, мало по малу распространилось среди публики; туристы заѣзжали по временамъ въ Варницу и разыскивали мѣсто погребенія Мазепы—таковымъ признали древній, дохристіанскій, полуосыпавшійся курганъ на берегу Днѣстра [2]) и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земнаго величія.

Ошибка Бантыша первый разъ была обнаружена въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года; здѣсь былъ напечатанъ допросъ, снятый съ одного изъ болѣе видныхъ сторонниковъ Мазепы—Григорія Павловича Герцыка, который въ 5 пунктѣ своего отвѣта показалъ, что послѣ смерти Мазепы племянникъ послѣдняго Войнаровскій посылалъ Герцыка съ двумя «челядниками» провожать тѣло Мазепы изъ Бендеръ въ Галацъ, «гдѣ тамошнимъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похороненъ» [3]). Въ виду этого извѣстія Н. И. Костомаровъ во второмъ изданіи «Мазепы» съ свойственною ему научною добросовѣстностью отстранилъ мнѣніе Бантыша о погребеніи въ Варницѣ и шведскія извѣстія о похоронномъ торжествѣ въ Яссахъ и призналъ Галацъ мѣстомъ погребенія умершаго гетмана [4]).

Такимъ образомъ былъ констатированъ фактъ погребенія Мазепы въ Галацѣ; гораздо болѣе подробный разсказъ объ этомъ фактѣ и о послѣдующей судьбѣ Мазепиной могилы мы нашли недавно въ румынскихъ источникахъ. Нѣсколько отрывковъ изъ молдавскихъ лѣтописей, или точнѣе мемуаровъ, относящихся къ исторіи первой четверти XVIII в., изданы были во французскомъ переводѣ маіоромъ Кагальничано въ Яссахъ въ 1845 году, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ молдавскихъ и валашскихъ хроникъ, какъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, Карла XII, Станислава Лещинскаго, Димитрія Кантемира и Константина Бранкована» [5]). Во второмъ изъ отрыв-

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа, изданіе 1883 г., стр. 438—439.

[2]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ южную Русь, т. II, стр. 388.

[3]) «Кіевская Старина», мартъ 1883 г., стр. 600.

[4]) Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изданіе 1885 г., стр. 582.

[5]) Fragments, tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislas Leszchyński,

ковъ, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, извлеченномъ изъ хроники Николая Костина, великаго логофета Молдавіи (1662—1711) находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи Мазепы:

«18 марта 1710 года умеръ въ Бендерахъ гетманъ Мазепа. Похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви села Варницы около Бендеръ, затѣмъ его тѣло отправлено въ Галацъ, гдѣ оно было похоронено въ монастырѣ св. Георгія; но даже въ могилѣ Мазепа не нашелъ спокойствія, которымъ не пользовался при жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ похоронъ, во время прутской кампаніи, бывшей при господарѣ Дмитріѣ Кантемирѣ, турки заняли и разграбили городъ Галацъ; они отрыли тѣло Мазепы, разсчитывая найти большія сокровища въ его могилѣ и, какъ говорятъ, выбросили его кости на берегъ Дуная. Утверждаютъ, что послѣ его смерти у него нашли сумму въ 160,000 золотыхъ червонцевъ и, сверхъ того, значительное количество серебряной монеты; но изъ нихъ 40,000 червонцевъ взялъ Карлъ XII, остальное-же имущество досталось его племяннику Войнаровскому» [1]).

Заинтересованный этимъ извѣстіемъ издатель отрывковъ, г. Кагальничано, нарочно отправился въ Галацъ для провѣрки извѣстія на мѣстѣ и для собранія свѣдѣній о современномъ ему состояніи мазепиной могилы. Вотъ интересныя и подробныя свѣдѣнія, которыя ему удалось собрать въ Галацѣ о дальнѣйшей судьбѣ гробницы злополучнаго гетмана:

«Монастырь св. Георгія въ Галацѣ—старинное зданіе, расположенное въ прекрасной мѣстности на берегу Дуная; зданіе само построено генуезцами еще раньше того времени, когда возникло молдавское господарство. Гетманъ Мазепа былъ похороненъ въ немъ на самой серединѣ церкви въ склепу, сложенномъ изъ кирпичей, надъ нимъ въ полу церкви положена была надгробная плита съ надписью и гербомъ Мазепы, на которомъ, между прочими эмблемами, былъ изображенъ одноглавый орелъ. Вѣроятно послѣ опустошенія Галаца турками гробница гетмана была возстановлена его приверженцами, ибо надгробная плита, хотя разбитая, до недавняго

Démètre Cantimir et Constantin Brancovan par le major M. Kagalnicean, Jassi. 1845.

[1]) Также, стр. 91—92.

еще времени находилась посреди церкви; надпись мало по малу истерлась отъ хожденія по ней, но изображеніе орла на гербѣ можно было ясно различить. Въ 1835 году греческіе монахи не знали уже имени лица, погребеннаго въ ихъ церкви; въ этомъ году они хотѣли похоронить среди церкви умершаго тогда бояра, называвшагося сердарь Димитрій Дерекчи баша; приготовляя для него могилу, наткнулись на сводъ мазепинскаго склепа и открыли его; внутри оказался черепъ и скелетъ гетмана, монахи отодвинули въ сторону невѣдомые имъ останки и въ томъ-же склепу положили тѣло упомянутаго бояра. Нѣсколько лѣтъ спустя молдавское правительство издало указъ, воспрещавшій хоронить мертвыхъ внутри церковныхъ зданій; тогда родственники Дерекчи-баши открыли гробницу его, вынули его останки, вмѣстѣ съ костями Мазепы и, отслуживъ панихиду, перенесли ихъ въ новую гробницу, приготовленную внѣ церкви на право отъ входа. Тогда-же снята была и старая разбитая надгробная плита и въ качествѣ историческаго памятника подарена Михаилу Гикѣ, брату бывшаго молдавскаго господаря, собиравшему историческій музей. Вѣроятно нынѣ она находится въ его дворѣ среди множества другихъ камней съ надписями и изваяніями, которые онъ собиралъ на пространствѣ всего молдавскаго княжества».

«Такъ какъ на старой надгробной плитѣ явственно можно было отличить орла, то родственники Дерекчи-баши, заказавъ новую плиту изъ бѣлаго мрамора, приказали на ней вырѣзать такое-же изображеніе, въ воспоминаніе лица, случайно раздѣлившаго могилу близкаго имъ человѣка; но рѣзчикъ, не заботясь о геральдической точности, изобразилъ, вмѣсто прежняго двуглаваго, австрійскаго орла. Плиту эту можно видѣть нынѣ по правую сторону у входа въ церковь; я ее осматривалъ въ настоящемъ году (1845), когда ѣздилъ въ Галацъ съ цѣлью произвести на мѣстѣ разысканія относительно останковъ Мазепы» [1]).

Такимъ образомъ, благодаря научной пытливости г. Кагальничано, собраны на мѣстѣ свѣдѣнія о судьбѣ мазепиной гробницы до 1845 г. Мы не знаемъ, какая судьба постигла за истекшія 40 лѣтъ музей Михаила Гики и хранившуюся въ немъ плиту,—не знаемъ

---

[1]) Ibid., стр. 91—92 примѣчаніе.

также, есть-ли въ церковныхъ книгахъ монастыря св. Георгія современная происшествію запись о похоронахъ Мазепы; но, благодаря точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кагальничано, полагаемъ, что всякій путешественникъ, заинтересованный южно-русскою стариною, весьма легко можетъ собрать въ Яссахъ и Галацѣ недостающія намъ свѣдѣнія.

В А

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

Подъ такимъ заглавіемъ была уже напечатана въ «Кіевской Старинѣ» (см. февральск. кн. 1885 г.) небольшая замѣтка, составленная на основаніи сообщенныхъ мною автору ея документовъ, характеризующихъ «нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныя отношенія и самый способъ ихъ отправленія». Въ настоящее время я нашелъ нѣсколько документовъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени отношенія переселявшихся въ Россію сербовъ къ мѣстному населенію во время пребыванія ихъ въ г. Кіевѣ. Эти-то отношенія, насколько онѣ сказываются въ найденныхъ мною документахъ, и служатъ предметомъ настоящей замѣтки.

Рѣчь идетъ о той колонизаціи австрійскими сербами сѣверной части Новороссіи, которая задумана была нашимъ правительствомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Елисаветы. Послѣ обнародованія откровенныхъ записокъ одного изъ дѣятелей этой колонизаціи, Пишчевича, не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что это была одна изъ неудачнѣйшихъ мѣръ правительства и что призванные, точнѣе принятые имъ тогда «братушки», облеченные у насъ полковничьими и генеральскими чинами, были не что иное, какъ ловкіе авантюристы, проще сказать, проходимцы, нарушившіе покой страны, наводнившіе ее невозможнымъ сбродомъ буйныхъ и преступныхъ людей разныхъ національностей, добившіеся незаслуженныхъ почестей и богатствъ и поглотившіе безъ пользы и нужды огромныя суммы государства.

Какъ кажется, сборнымъ пунктомъ для прибывавшихъ въ Россію сербовъ былъ назначенъ Кіевъ; здѣсь комплектовались и долгое время оставались команды генерала Хорвата и Шевича съ Прерадовичемъ.

Понятно, что переселявшіеся къ намъ «братушки» далеко не были пріятными гостями для мѣстнаго населенія; послѣднему прежде всего пришлось крѣпко потѣсниться для нихъ, довольно долго нести обременительную постойную повинность. Столкновенія изъ-за этого начались, можно сказать, съ первыхъ-же дней появленія сербовъ въ Кіевѣ и поселили между ними и кіевскими обывателями враждебныя чувства, выразившіяся вскорѣ въ нѣкоторомъ издѣвательствѣ послѣднихъ надъ своими гостьми.

Прибывъ въ Кіевъ въ октябрѣ 1751 года, сербы команды генерала Хорвата въ генварѣ 1752 г. формально жалуются генералъ-губернатору Леонтьеву на то, что-де «подольскіе обыватели и многіе студенты не малое посмѣятельство имъ чинятъ и съ великимъ поруганіемъ называютъ ихъ женъ цыганками, потому что они имѣютъ на головѣ уборъ, булавками заткнутой, и будто-бы пріѣхали сюда булавками торговать». Объ этихъ насмѣшкахъ заявляла и сама генеральша Хорватова, прося, чтобы «женской полъ отъ такого ругателного посмѣятелства защищенъ былъ». Согласно требованію Леонтьева, кіевскій магистратъ разослалъ по всѣмъ цехамъ и сотнямъ особыя «притвержденія», чтобы обыватели обходились съ сербами «по единовѣрію дружелюбно и ласково, а не грубіянски».

Но слишкомъ продолжительное пребываніе сербовъ не могло благопріятствовать развитію этого «дружелюбія» и магистратъ самъ въ теченіи трехъ лѣтъ посылалъ въ правительствующій Сенатъ нѣсколько разъ ходатайства объ освобожденіи города отъ безпокойныхъ квартирантовъ, которые-де «неудобь сносніе магистрату и мѣщанству обиды и озлобленія дѣлаютъ».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ снарядилъ особую депутацію въ Петербургъ по своимъ дѣламъ и въ жалобѣ, поданной въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала сербскихъ выходцевъ, настойчиво просилъ освободить городъ отъ сербовъ, «отъ которыхъ онъ поноситъ всякія нужды, разоренія, пакосты и крайнее поруганіе». Магистратъ заявлялъ, что сербы самовольно заняли и опустошили городскіе сѣнокосы, что для отопленія квартиръ сербовъ, въ виду бѣдности обывателей, на счетъ города выдавались дрова, что, вмѣсто всякой благодарности, магистратъ и мѣщанство встрѣчаетъ со стороны сербовъ и ихъ начальства однѣ обиды и разоренія.

Столкновенія между сербами и кіевлянами возникали постоянно въ массѣ ежедневныхъ, житейскихъ случайностей. Сербы чувствовали себя въ положеніи привилегированномъ и давали это чувствовать кіевскимъ обывателямъ; послѣдніе въ свою очередь не могли понять, за что обрушилось на нихъ столь продолжительное и тяжелое бремя, какъ постойная и другія повинности въ пользу сербовъ. Взаимное раздраженіе усиливалось значительно распущенностію и своеволіемъ сербской команды, въ большей части холостой.

Въ октябрѣ 1753 года какой-то сербскій гусаринъ поселился самовольно у кіевскаго мѣщанина Герасима Чикирденка. Этотъ гусаринъ, какъ жаловался на него Чикирденко, «напиваясь пьянъ, жену его, сосѣдокъ двохъ и наемницу дивчину силился неготовать горѣлкою и нѣкоторые онимъ по прихоти своей оказывалъ поступки». Хозяинъ попытался было воздержать своего квартиранта отъ нескромностей, разогнавшихъ со двора всѣхъ женщинъ; но тотъ, «обнажа шаблю и зъ обухомъ шатаясь, окна повыбивалъ, посуду побилъ и за нимъ, Герасимомъ, гонялся съ шаблею, почему и принужденъ гвалтъ кричать». Жалоба эта, вмѣстѣ съ обухомъ и обнаженною шаблею, представлена была уже изъ магистрата въ кіево-губернскую канцелярію съ просьбой «дать руку помощи» вообще противъ сербскихъ гусаръ, чтобы они «самоволствъ производить не дерзали».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1754 года обнаружилось столкновеніе между сербами и однимъ изъ магистратскихъ чиновниковъ, по всей вѣроятности, подготовленное намѣренно и бывшее послѣдствіемъ возникшихъ раньше взаимныхъ обидъ.

Однажды вечеромъ сошлись на межигорской улицѣ, близъ церкви Воскресенія Христова, магистратскій инстигаторъ Яковъ Павловскій и мѣщанинъ Иванъ Лукавый; невдалекѣ отъ церкви, близъ «неуказного шинку» сотника кіевскаго Павла Гудима, они замѣтили какого-то человѣка, «зъ бородою притворною, зъ льна или клочча здѣланною, и на шіи зъ брижамы зъ нѣякогось рубища обвѣшенными, зъ капелюшомъ распростертимъ, въ свиту одѣтого, вовся подобію жида». Инстигаторъ сталъ присматриваться, недоумѣвая, «что ето за позорище и кто онъ страннообразенъ», а мѣщанинъ Иванъ Лукавый подошелъ было уже поближе; но тутъ «оное бородатое позорище зъ нѣякимсь гусаромъ, напавъ на оного

Ивана, обваливъ на землю, били до полусмерти». Павловскій подбѣжалъ на выручку; тогда «бородатій», снявъ бороду и брижи, бросилъ ихъ на землю и накинулся на Павловскаго, для котораго теперь ясно стало, что онъ имѣетъ дѣло съ сербомъ. Между тѣмъ изъ сотницкаго шинка выбѣжалъ капитанъ Станкевичъ (также сербъ) и, «прискакивая зъ многимы навязкамы», схватилъ инстигатора за грудь и приказалъ гусару бить «по головѣ нещадно». На крикъ сбѣжалось «множество другихъ сербовъ съ фузіями» и, толкая Павловскаго въ спину дулами ружей, потащили его «гвалтомъ нахално» во дворъ генералъ-маіора Прерадовича. По дорогѣ, на крикъ Павловскаго и протестъ именемъ императорскаго величества, явились было для обороны гренадеры, стоявшіе на подольской гауптвахтѣ, но сербы не выпускали его изъ своихъ рукъ, отбиваясь и отъ гренадеръ и отъ сбѣжавшагося народа, охраненію котораго Павловскій и приписывалъ свое спасеніе отъ «всеконечной смерти». Тутъ-же на улицѣ встрѣтилъ эту процессію сынъ генерала Прерадовича, маіоръ Георгій Прерадовичъ и сталъ наносить Павловскому побои. Открылось, что молодой Прерадовичъ давно питалъ къ инстигатору злобу за то, что тотъ, по должности своей, часто являлся отъ имени магистрата и «смѣло выговаривалъ» по поводу разныхъ безобразій, чинимыхъ обывателямъ командою этого маіора. Павловскаго потащили во дворъ сербскаго генерала; молодой маіоръ и здѣсь всячески бранилъ его «своимъ нарѣчіемъ мерзостно и издѣваясь», называлъ его «гунстволомъ, канальею и шельмою», порывался бить его по щекамъ; но вышла генеральша и сдержала расходившагося сынка. На выручку инстигатора явился наконецъ караульный русской арміи офицеръ и взялъ его подъ свой караулъ.

Этимъ однако дѣло не ограничилось. Въ то время, когда сербы тащили инстигатора Павловскаго во дворъ своего генерала, одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, нѣкто Алексѣй Нехайкевичъ, выйдя на крикъ изъ дому и возмущенный такимъ «крайнимъ кіевскому мѣщанству безчестіемъ и поругательствомъ», сталъ говорить, что-де «у насъ, когда возьмутъ кого подъ караулъ, хотя й би самого послѣднѣйшого, то уже подъ карауломъ бить не можна, а се человѣкъ также служивый и при магистрату ранговій, также денги по своему рангу казенніе получаетъ, якъ бы и офицеръ, и бить би его, ведучи подъ караулъ, не надобно». За этотъ невинный протестъ досталось и

Нехайкевичу: къ нему, по отводѣ инстигатора, вернулся меньшій сынъ генерала Прерадовича съ другимъ гусаромъ и нанесъ ему немалые побои, которые въ тотъ же день и освидѣтельствованы были «за столника правящимъ капитаномъ» Лбовымъ. «Точію того времени, писалъ черезъ нѣсколько дней въ своей жалобѣ Нехайкевичъ, з горячого часу, что ногу скаличили, той ножной болѣзни не чувствовалъ, а нынѣ съ того бою во все не могу ходитъ».

Возбужденныя этими исторіями жалобы и производившіяся по нимъ слѣдствія въ концѣ концовъ никакой «сатисфакціи» мѣщанству кіевскому не доставляли. Раздраженіе усиливалось и росло, пока наконецъ сербскія команды не двинулись на отведенную имъ землю. Поводомъ къ нему служило и то, что сербскіе командиры, затрудняясь, какъ мы знаемъ изъ записокъ Пишчевича, комплектованіемъ своихъ полковъ, которые они сформировать взялись, сманывали въ свою команду людей и часто мѣстной, такъ сказать, породы, выдавая ихъ за сербовъ, и эти то «нововписные сербы» представляли изъ себя, какъ видно, элементъ весьма безпокойный, готовый на всякія «шалости» по отношенію къ мирнымъ обывателямъ. Магистратъ кіевскій и жаловался, между прочимъ, на этотъ неблаговидный способъ пополненія сербскихъ командъ. Способъ этотъ практиковался, вѣроятно, и во время слѣдованія сербовъ на мѣста своего поселенія. Такъ жена полковаго эсаула Анастасія Лукашевичева жаловалась на генерала Прерадовича, что онъ во время стоянки своей въ Переяславѣ, принялъ кучера ея, человѣка «породы малороссійской», въ свою команду, въ число сербовъ. Кучеръ этотъ, получилъ слѣдуемую ему за годъ впередъ плату, сбѣжалъ отъ хозяевъ, предварительно ихъ обокравши, и былъ принятъ въ сербскую команду, «какъ иноземецъ». При этомъ, подъ предлогомъ взятія одежды этого «нововписного серба», Прерадовичъ прислалъ въ домъ Лукашевичевой человѣкъ семь гусаръ, которые «гвалтомъ» набѣжали во дворъ, отбивъ ворота, и «чинили немалые съ бранью крики и похвалялись самую Лукашевичеву да и слугъ вбить», такъ что для защиты ея потребовался особый караулъ отъ полковой канцеляріи.

Такъ или иначе сербы оставили наконецъ Кіевъ и двинулись къ Запорожью чрезъ Переяславъ, но и тутъ дали знать себя. Полковники переяславскій Сулима и лубенскій Апостолъ жаловались на причиненныя командою Прерадовича во время слѣдова-

нія ея чрезъ ихъ полки разнаго рода безчинства и разоренія. Нечего и говорить, что командиры нигдѣ не доплачивали слѣдуемыхъ за подводы прогоновъ, совсѣмъ не платили или не доплачивали за поставляемый имъ заблаговременно фуражъ.

Прибывъ въ августѣ 1754 года въ Переяславъ, сербы со своими командирами заняли квартиры «по своей волѣ», не обращая вниманія на «учиненную имъ квартиръ ассигнацію» мѣстною полковою старшиною, «вмѣсто добродѣтельнаго и ласковаго обхожденія, какъ имъ и поступать повелѣно, оказали себя недобропорядочно и поступали съ хозяевами неучтиво и съ явною обидою». Такъ писалъ въ генеральную войсковую канцелярію полковникъ переяславскій Сулима. А магистратъ переяславскій представилъ цѣлый реестръ обидъ, какія причинилъ ему и обывателямъ мѣщанамъ генералъ Прерадовичъ и его команда во время трехдневнаго своего пребыванія въ городѣ (съ 14 по 16 августа). Магистратъ, между прочимъ, не захотѣлъ выдать командѣ, при ея отходѣ, установленной квитанціи въ томъ, что она «никакихъ обидъ и налоговъ не причиняла». По этому поводу явился въ магистратъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ и, «не почитая онаго яко урядового приказного мѣста», сталъ шумѣть и бранить засѣдавшихъ въ магистратѣ урядниковъ, презрительно относясь къ самой ихъ «малороссійской породѣ». Когда же обиженные урядники спросили его, «въ чемъ тая о малороссійскихъ его рѣчь состоитъ и чѣмъ малороссійцы худы», то прапорщикъ призвалъ вооруженныхъ своихъ гусаръ и велѣлъ имъ поспѣшно забрать стоявшія въ магистратскомъ дворѣ подводы. Пошли было урядники жаловаться къ Прерадовичу, но тотъ никакой «сатисфакціи не учинилъ», подводы велѣлъ забрать и, явившись затѣмъ самъ въ магистратъ и «ходя въ шапкѣ по магистрату, съ крикомъ урядниковъ мерзкими рѣчами бранилъ и кидался бить». Урядники, въ виду такого насилія, «пришли въ немалый страхъ и смятеніе и принуждены были, оставя магистратъ, бѣжать и скриваться».

Въ Переяславѣ же имѣлъ мѣсто такой казусъ. Проживавшій здѣсь «польской націи отставной драгунъ», Казиміръ Тарасовскій въ числѣ «сербской націи», слѣдовавшей черезъ городъ съ генераломъ Прерадовичемъ, «опозналъ собственную свою вѣнчанную жену Агафію Іосифовну», которую и хотѣлъ было задержать; но сербы

этого не допустили и скрывали ее на своихъ квартирахъ во все время пребыванія своего въ Переяславѣ. Тарасовскій обратился за содѣйствіемъ въ полковую канцелярію, но она оказалась въ этомъ дѣлѣ безсильною: только и могла она добиться отъ Прерадовича того, что онъ послалъ двухъ унтеръ-офицеровъ для охраненія квартиры Тарасовскаго, который, сидя подъ карауломъ, и не могъ, конечно, видѣть своей сбѣжавшей съ сербскими гусарами жены.

А. А—скій.

ЗАМѢТКА О ВРЕМЕНИ СМЕРТИ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» сего 1885 года, въ статьѣ: «Очеркъ исторіи юго-западной Россіи», стр. 700-я, между прочимъ, говорится: «Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертію князя Константина Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры»...

Въ цитированномъ мѣстѣ авторъ категорически утверждаетъ, что годомъ смерти князя Острожскаго былъ упомянутый 1608 годъ. Тоже повторяютъ и другіе историки: М. А. Максимовичъ (Собр. соч., Кіевъ т. I, стр. 189) пишетъ, что князь К. К. Острожскій скончался 1608 года 13 февраля, въ субботу Феодоровой недѣли, на 82-мъ году жизни.

Между тѣмъ въ архивѣ почаевской лавры находится книга, заключающая въ себѣ фундушевые документы бывшихъ дубенскихъ монастырей спасскаго и Честнаго-Креста, № $^{5}/_{5}$. Однимъ изъ числа этихъ документовъ подтверждается пожертвованіе отъ предковъ князя спасскому монастырю грунтовъ «на паркапю и за брамою луцкою, названное Волици», въ такихъ словахъ: «що разъ уже отдалы на офѣру Богу, такое наше наданіе не повинно нарушонное буты, що хотячы вѣчными часы мѣти, при печати нашой рукою княжою подписуемо во Острогу. Писанъ року Божого тысяча шестсотъ осьмого, мѣсяца декабря дня одинадцатого. Константинъ». Ясно, что князь Острожскій не могъ умереть въ началѣ 1608 года, когда въ самомъ его концѣ, собственноручно подтверждаетъ спасскому монастырю «наданіе» своихъ предковъ; да едва-ли и могъ онъ

умереть въ этомъ году, хотя и былъ въ это время въ глубокой старости. Понятно, что споръ монаховъ съ княжескою администраціею и управителями Дубна, касавшійся грунтовъ и подданныхъ цѣлаго пригороднаго предмѣстья, былъ не изъ пустячныхъ и не могъ миновать личнаго разбирательства князя и разсмотрѣнія имъ предковскихъ записей; но несомнѣнно и то, что, стоя на порогѣ гроба, никто не станетъ заниматься земными дѣлами и вникать въ имущественные интересы, и особенно такой благочестивый, истинный христіанинъ, какимъ былъ князь.

Такимъ образомъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался послѣ 1608 г.; но когда именно—это задача, разрѣшеніе которой будетъ честью и заслугой предъ отечественной исторіей какого-нибудь труженика или счастливца.

Д. Гродецкій.

25 апрѣля 1885 г.
С.-Петербургъ.

ДАРСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ СТАНИСЛАВА ПОТОЦКАГО ВЕРОНИКѢ КРЕПСЪ.

Предсѣдатель винницкаго съѣзда мировыхъ судей П. С. Гаевскій любезно сообщилъ мнѣ нижеслѣдующій актъ, не лишенный историческаго интереса.

Въ 1768 г. во время уманской рѣзни погибла почти вся семья уманскаго губернатора Младановича. Спасенная малолѣтняя дочь его Вероника вышла впослѣдствіи замужъ за шляхтича Яна Крепсъ; будучи уже въ замужествѣ, составила она записки о пережитыхъ ею ужасныхъ дняхъ, полныхъ кровавыхъ сценъ. Записки эти до сихъ поръ составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи этихъ событій. Судьба самой Крепсъ мало извѣстна. Изъ предлагаемаго документа видно, что мужъ ея находился на службѣ у владѣтеля Умани Потоцкаго, который счелъ нужнымъ даже наградить его за особыя заслуги, предоставивъ ему и его женѣ въ 1780 году въ полную собственность участокъ земли въ г. Тульчинѣ на предмѣстьи Володовка. Крепсы однако не долго удержали усадьбу въ своихъ рукахъ и въ 1791 году переуступили ее французскому генералу Іосифу-Антону де Ферраръ графу де-Понмартенъ, который черезъ

полтора года продалъ ее графу Адаму Мощинскому.—Приводимъ текстъ этого акта въ переводѣ съ польскаго оригинала на русскій языкъ.

Я Станиславъ на Кристинополѣ, Тартаковѣ, Тульчинѣ, Могилевѣ, Брациловѣ и Умани Потоцкій, белзскій, сокальскій, грубешовскій etc. староста и орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому-бы о томъ вѣдать надлежало, а именно ихъ милостямъ панамъ комиссарамъ, экономамъ, губернаторамъ и всякихъ названій управителямъ въ моихъ украинскихъ имѣніяхъ, нынѣшнимъ и будущимъ, извѣстнымъ дѣлаю, что, во вниманіе къ заслугамъ вельможнаго пана Крепса, дарю ему и женѣ его плацъ на дворъ въ родовомъ моемъ имѣніи, г. Тульчинѣ, находящійся на предмѣстьѣ Воловодовцѣ, близъ тамошняго пруда и мельницы расположенный, начиная въ ширь отъ рѣчки при греблѣ до усадьбы Федька Хворостяного, а въ длину отъ дороги, идущей отъ Войтовки чрезъ всю леваду и до саду Красницкаго и Максима Тесля,—даю на вѣчныя времена, освобождая ихъ и ихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ податей какъ городскихъ, такъ и экономическихъ, кромѣ общественныхъ, и предоставляя имъ право продать или подарить кому тотъ плацъ; а чтобы это право ни въ чемъ не было нарушено, о томъ объявляю моимъ управителямъ и, съ приложеніемъ моей печати, подписомъ моей руки утверждаю. Данъ въ тульчинскомъ замкѣ 28 февраля 1780 г.

Станиславъ Потоцкій.

На этомъ-же актѣ находится урядовая помѣта о вписаніи онаго въ книги воеводства брацлавскаго, а также передаточныя надписи о переуступкѣ плаца Крепсами графу де-Понмартену, а этимъ послѣднимъ графу Мощинскому.

Приведенный актъ, кромѣ интереса, возбуждаемаго участвовавшими въ немъ личностями, служитъ также иллюстраціей для вопроса объ образованіи частной мелкой собственности въ владѣльческихъ городахъ.

Подаренная Крепсамъ усадьба, переходившая между графами изъ рукъ въ руки и доставшаяся въ концѣ концовъ супругѣ г. Гаев-

скаго въ настоящее время обнимаетъ пространство около 8 десятинъ, лежитъ почти въ центрѣ мѣстечка и составляетъ единственный тамъ участокъ, принадлежащій владѣлицѣ на правѣ собственности, тогда какъ все мѣстечко поселено на чиншевомъ правѣ.

Ц. Г. Нейманъ.

ПОЛЬСКОЕ ПРИВѢТСТВІЕ НАПОЛЕОНУ I ОТЪ ЛИЦА БѢЛОРУССІИ.

Всѣмъ хорошо извѣстны тѣ вожделѣнія, какія возъимѣла, при приближеніи Наполеона 1-го, шляхта не только польскихъ областей, но и областей искони русскихъ, по волею судебъ входившихъ нѣкогда въ черту границъ Рѣчи Посполитой.

Отовсюду стекаются депутаціи людей забывшихъ свою народность, людей говорящихъ рѣчи не отъ имени нѣкогда славнаго и могучаго южно-русскимъ духомъ политическаго организма Великаго Княжества Литовскаго. Нѣтъ, они говорятъ отъ имени народности, погубившей ихъ самостоятельное существованіе, произносятъ рѣчи отъ имени Польши, и въ духѣ вражды и ненависти къ кореннымъ обывателямъ западно-русскаго края, которыхъ не могли не возмущать посягательства шляхты на этнографическое цѣлое ихъ родины.

Въ фамильныхъ нашихъ бумагахъ сохранилась одна изъ такихъ рѣчей, сказанныхъ Наполеону въ Смоленскѣ,—который на дняхъ отпраздновалъ мирное національно-русское торжество постановкой памятника творцу русской оперы. Рѣчь написана и произнесена на французскомъ языкѣ. Она носитъ слѣдующее заглавіе:

«Императору Наполеону депутатовъ могилевской губерніи; произнесено въ Смоленскѣ обознымъ Литовскимъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, Прозоромъ, обывателемъ могилевской губерніи».

Передаемъ текстъ этой рѣчи въ русскомъ переводѣ того времени.

«Государь! Неудобопонятныя происшествія, съ удивительной стремительностью послѣдовавшія, достигли сей искони свободной земли, коея обыватели, удручаемые сороколѣтнимъ тиранствомъ сосѣдей, нѣкогда своихъ данниковъ, не переставали устремлять очей, преисполненныхъ слезъ, на погибель ихъ отечества. Таково было положеніе Бѣлоруссіи, коея часть составляла могилевская губернія,

препоручившая намъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества дань своея вѣрности и преданности.

Благоволи, Государь, развернуть метрики нашего отечества, и на всякой страницѣ твое Величество узритъ кровавымъ почеркомъ напечатлѣнную ненависть противъ нашихъ хищниковъ. Долговременная цѣпь злополучія, обременявшая сію землю, преисполнила одними печальными воспоминаніями сердца жителей, восхищающихся днесь при возсіявшей для нихъ надеждѣ. Провидѣніе, внемля преданію нашему и раскаянію о миновавшихъ упущеніяхъ, удивило на насъ милость свою, ниспосылая героя всѣхъ временъ, держащаго твердою рукою вѣсы, на коихъ зыблется судьба народовъ. Государь! Сія книга судебъ предъ тобою отверзта: благоволи внѣдрить въ оную имя отечества нашего. Уже непобѣдимое твое воинство достигло къ крайнимъ предѣламъ постепенно раздираемой Польши, уже подъ преслѣдующею ихъ и мздовоздающею десницею преклоняются виновныя и высокомѣрныя ихъ выи, коихъ надмѣнность кичилась презрѣніемъ и дерзостію питалась; разсѣянныя ихъ силы распространяютъ даже въ собственныхъ ихъ столицахъ ужасъ и трепетъ. Желанія всѣхъ жителей древней Польши нераздѣльны, и вся ихъ надежда на тебя, Великій Монархъ!

Исполняемъ волю соотечественниковъ нашихъ, которые обязали насъ удостовѣрить въ семъ Ваше Императорское Величество, и клянемся именемъ ихъ, клянемся прахомъ предковъ нашихъ, кои обагряли многократно кровію то мѣсто, гдѣ Ваше Величество воздвигли высочайшій и удивительнѣйшій памятникъ побѣдъ, каковыхъ упомнить не могутъ бытописанія; клянемся, говорю, что вся кровь, имущество и собственность наша посвящены будутъ на то, дабы исполнять повелѣнія Ваши, оправдать высокую довѣренность и даже превзойти чаянія Вашего Императорскаго Величества. Почему благоволи, Государь, милостиво принять жертву нашей признательности. Сердца наши, преизбыточествуя чувствами живѣйшей признательности за величайшія благодѣянія, коими Ваше Величество насъ оживотворяете, руководствуясь стремительнымъ влеченіемъ, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было внушить, предадутъ оное своему потомству, а сіе изъ рода въ родъ не престанетъ благословлять и призывать на помощь Великаго Наполеона».

1812 г.
августа 8-го.

Сообщ. С. Н. И.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ПО ЛАТЫНИ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 г., кн. I, говорится, что «Бодянскій съ Гоголемъ распѣвали у Аксаковыхъ малороссійскія пѣсни и что Бодянскій перевелъ будто на латинскій языкъ извѣстную пѣсню: «И шумить, и гуде» и т. д., причемъ приложены и начальные стихи этого перевода, которые выкрикалъ Бодянскій съ приплясываньемъ. Мы вѣримъ автору разсказа и въ возможности самаго факта, и въ томъ, что выкрикиванье и выплясыванье солиднаго ученаго, при его фигурѣ, выходило особенно смѣшно. Вотъ эти начальные стихи:

Et tonat, et bromat,
Coelum pluvium dat.
Quis me, quis me juventulam
Usque domum reducat?
Respondebat ei miles,
Dulcem melem bibens (стр. 140—141).

Можемъ однако съ увѣренностію сказать, что этотъ переводъ не принадлежитъ Осипу Максимовичу лично, что онъ коллективнаго происхожденія, какъ и сама народная пѣсня, и вышелъ отъ кіевскихъ академистовъ стараго времени, Бодянскому-же сталъ извѣстенъ въ Полтавщинѣ, куда ему весьма легко было зайти черезъ посредство переяславской семинаріи или тѣхъ-же академистовъ, зачастую пускавшихся странствовать для исполненія обязанности причетниковъ, школьныхъ или домашнихъ учителей, регентовъ хора и т. под. (Ср. между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., февраль, стр. 318—332: Автобіографія южно-русскаго священника XVIII в.). Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ два обстоятельства: во-первыхъ, переводъ «И шумить», съ нѣкоторыми только отличіями отъ напечатаннаго въ «Архивѣ», извѣстенъ былъ въ Кіевѣ и распѣвался въ особенности кіевскими семинаристами 40-хъ и послѣдующихъ годовъ, а во-вторыхъ онъ не единственный въ своемъ родѣ. По-кіевски, и до конца пѣсни, я слышалъ его въ пятидесятыхъ годахъ буквально такъ:

«И шумить, и гуде,	«Et sonat, et tonat,
«Дрибный дощикъ иде:	«Pluviumque coelum dat:
«Ой хто-жъ мене молодую	«Quivis vellit, me puellam
«Та до дому проведе?»	«Domum meum reducat».

Обизвався козакъ	Revocatur miles,
На солодкимъ меду:	Vinum dulce bibens:
«Гуляй, гуляй, моя мыла,	«Lude, lude, mea cara,
«Я до дому проведу!»	«Ego domum reducam».
—Ой прошу-жъ я тебе,	—Rogo te, rogo te,
Не веды-жъ ты мене.	Ne reduce tute me:
Бо лыхого мужа маю,—	Malum virum habeo,
Буде быты, добре знаю.	Juveabit, bene scio.

А вотъ и другой подобный переводъ, очевидно общаго происхожденія съ первымъ:

Ой дивчына-горлыця,	Virgo, tanquam turtur,
До козака горнетьця:	Ad militem fertur;
А козакъ якъ орелъ,	Miles vero, ut aquila,
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.	Moriturus, videns illam.

Ив. Новицкій.

ДВѢ ГАЛИЦКІЯ ПѢСНИ.

Нѣкто Михаилъ Загайскій изъ Скалатскаго уѣзда въ восточной Галиціи прислалъ мнѣ для моего сборника народныхъ пѣсенъ двѣ пѣсни, которыя поетъ народъ надъ р. Збручемъ. Г. Загайскій утверждаетъ, что эти пѣсни имѣютъ историческое значеніе. Первая изъ нихъ (про ягничку) идетъ будто бы отъ тѣхъ временъ, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонары, которые, живя въ роскоши у польскихъ пановъ, допускали разныя безчинства. О нихъ пишетъ Георгій Кописскій: «духовенство римское, разъѣхавшееся съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными по двѣнадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ» [1]). Вѣроятно и ксендзъ, упоминаемый въ пѣсни, былъ одинъ изъ того же римскаго духовенства.

Вторая пѣсня *про сойку*, по народному преданію, распѣваема была на Украйнѣ во время возстанія Богдана Хмельницкаго и кровавой расправы съ ляхами. Князь Цертелевъ, а за нимъ М. Максимовичъ утверждаютъ, что пѣсня:

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1884 г., стр. 40.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ,
Що вывела дѣтки при битой дорозѣ,

представляетъ иносказательно, подъ видомъ *чайки*, Малороссію и что эта пѣсня сочинена Богданомъ Хмѣльницкимъ [1]). На подобіе того можно предполагать, что подъ видомъ *сойки* подразумѣвается *Польша* и что пѣсня *про сойку* также иносказательна, и то съ большимъ еще правомъ, такъ какъ въ послѣдующихъ строфахъ приводится и объясненіе аллегоріи. Самую же пѣсню скорѣе можно приписать времени Колiивщины, или возстанія, произведеннаго Желѣзнякомъ и Гонтою. Варіанты одной и другой пѣсни должны быть извѣстны и въ Украйнѣ, откуда безъ сомнѣнія происходятъ и самыя пѣсни.

Я. Г.

I. Пѣсня про ягничку.

Ой погнала дѣвчинонька
Ягнятонько въ поле,
Загубила ягнятонько,
Несчаслива доле!
Ой пиду я гукаючи,
Ягнатонька шукаючи,
Чей же го знайду,
До дому приведу.

* * *

Надыбала дѣвчинонька
Ксендзя молодого:
Чи-сь не видѣвъ, мосци-ксенже,
Ягнятонька мого?...
Ой не видѣвъ, дѣвчинонько,
Ой не видѣвъ, голубонько,
Ягнятонька твого,
Ани жадного.

* * *

[1]) См. Пѣсни малороссійскія, изд. М. Максимовичемъ. Москва, 1827 г. примѣч. IX.

А якъ зійшли на долину,
Сѣли спочивати:
Чи не можна, мосця-панно,
Трошки жартовати?
Жартуй, жартуй, господине,
Нехай твоя журба гине;
Весели будьмо,
Весели будьмо!

* * *

А якъ стали жартовати,
Стало вечерѣти;
Часъ бы менѣ, мосци-ксенже,
До домоньку пойти.
Пропавъ баранъ и ягниця,
А я стала молодиця,
Съ ксендзомъ молоденькимъ,
Съ ксендзомъ молодымъ.

* * *

Ой ты суко, моя доню,
Щожъ ты учинила;
Та чому ты псу-попови
Зубо́въ не выбила?!
Ніякъ було, матусенько,
Коли просивъ хорошенько,
Щобы ему дати
Лишь пожартовати.

* * *

Ой погоди, попе-хлопе,
То за тую біду,
Я на тебе попе-хлопе,
До бискупа пиду.
Не страшъ мене владыкою,
Я ся владыки не бою,
Нехай знае донька твоя,
Що то парафія моя,
Ксендза молодого
И пробоща твого!...

II. Пѣсня про сойку.

Пошовъ тато до гаю,
Найшовъ сойку на яю;
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Пошовъ тато по степу,
Настигъ ляховъ на краю;
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вражихъ ляховъ сдоганяти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ свѣта не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Ловивъ тато сойку,
Ловила мама сойку,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати;
Гей сойка, гей!

***

Ловивъ тато ляховъ,
Ловила мама ляховъ,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Вязавъ тато сойку,
Вязала мама сойку,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Вязавъ тато ляховъ,
Вязала мама ляховъ,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Рѣзавъ тато сойку,
Рѣзала мама сойку,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Рѣзавъ тато ляховъ,
Рѣзала мама ляховъ,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Паривъ тато сойку,
Парила мама сойку,
Парила мама, парили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Паривъ тато ляховъ,
Парила мама ляховъ,
Парила мама, парили дѣти
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Скубавъ тато сойку,
Скубала мама сойку,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Скубавъ тато ляховъ,
Скубала мама ляховъ,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Варивъ тато сойку,
Варила мама сойку,
Варила мама, варили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Варивъ тато ляховъ,
Варила мама ляховъ,
Варила мама, варили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вжемъ вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Жаривъ тато сойку,
Жарила мама сойку,
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Жаривъ тато ляховъ,
Жарила мама, ляховъ
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

КЪ ПОРТРЕТУ Д. С. БОРТНЯНСКАГО.

(1751 † 1825).

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Бортнянскаго представляетъ въ мастерскомъ исполненіи оттискъ съ гравюры *à l'eau forte*, сдѣланной на мѣди высокоталантливымъ академикомъ Викт. Алекс. Бобровымъ и воспроизводитъ предъ нами незабвенныя черты Дмитрія Степановича, оставленныя потомству чудною рукою знаменитаго русскаго портретиста Боровиковскаго. Къ сожалѣнію въ предлагаемой нами біографической замѣткѣ о жизни и дѣятельности Бортнянскаго, мы не можемъ дать такого художественнаго очерка его духовнаго облика, который сколько нибудь соотвѣтствовалъ-бы портрету, написанному истиннымъ артистомъ. Крайняя скудость готовыхъ печатныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности нашего великаго композитора и совершенное отсутствіе какихъ либо новыхъ данныхъ, заставляетъ насъ отказаться отъ самой попытки такого рода. Мы знаемъ Бортнянскаго какъ устроителя придворнаго хора, творца многочисленныхъ произведеній церковной музыки, не перестающихъ доселѣ умилять и восхищать насъ и ничего почти не знаемъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не имѣемъ свѣдѣній о его дѣтствѣ, о той средѣ, въ которой онъ родился и получилъ первыя впечатлѣнія и стремленія, о томъ, какъ шло его образованіе и развитіе въ придворномъ хорѣ, даже о самомъ этомъ хорѣ, объ условіяхъ жизни и воспитанія малолѣтнихъ пѣвчихъ въ этомъ учрежденіи; знаемъ готоваго, сложившагося композитора, вполнѣ раскрывшійся дивный талантъ и не можемъ съ подробностію и обстоятельностію прослѣдить путь и самый процессъ, которымъ онъ достигъ этого. Мы хорошо знаемъ, какъ велико было на него вліяніе музыки италіанской и можемъ отличить въ его произведеніяхъ этотъ весьма замѣтный элементъ, но мало или ничего не можемъ сказать о томъ, на сколько въ нихъ отразился его личный и національный духъ, духъ тѣхъ мелодій, которыя онъ въ дѣтствѣ зналъ и которыя впослѣдствіи вводилъ въ свои произведенія. Намъ наконецъ пріятно и даже необходимо было-бы знать его частную, личную жизнь, помимо его спеціальной дѣятельности, качества его души, особенности его характера, мелочи даже его будничной жизни, и все это мы мало или почти вовсе не знаемъ. Авторъ не

больпой брошюры: «Березовскій и Бортнянскій, какъ композиторы церковнаго пѣнія». Спб. 1882 г., г. Лебедевъ говоритъ: «пѣвчіе и любители поютъ ихъ сочиненія и произносятъ ихъ фамиліи, а не знаютъ, кто они были, какой они мѣстности принадлежатъ по рожденію, въ какое время родились и умерли, что они написали... Да даже въ мѣстахъ ихъ родины имъ не поставлено памятниковъ, а между тѣмъ Березовскій и Бортнянскій были русскіе маэстро церковнаго пѣнія». Мы не мечтаемъ о памятникѣ, но съ грустію замѣчаемъ, что даже сколько нибудь сносной біографіи отца нашей церковной музыки мы не имѣемъ и имѣть пока не можемъ. По необходимости и мы должны ограничиться здѣсь передачею тѣхъ немногихъ свѣдѣній о Д. Ст. Бортнянскомъ, какія имѣются въ печати.

Бортнянскій родился въ г. Глуховѣ въ 1751 г., какъ и его товарищъ по композиціи духовнаго пѣнія Михаилъ Созонтовичъ Березовскій (1745—1777 г.). Это обстоятельство имѣетъ не маловажное значеніе въ опредѣленіи таланта Бортнянскаго и характера его произведеній. Малороссія издавна славилась не только голосами, но и высокимъ развитіемъ въ ней церковнаго пѣнія и выработкою того особаго напѣва, въ которомъ отразилась вся ея судьба, вся душа и вся жизнь ея народа. Приведемъ любопытное свидѣтельство Гербинія—иностранца, бывшаго въ Кіевѣ, въ половинѣ XVII вѣка. «Греко-россіяне, говоритъ онъ, святѣе и изящнѣе славятъ Бога, чѣмъ римскіе католики. Псалмы и другіе священные гимны, гдѣ слышны: дискантъ, альтъ, теноръ и басъ въ пріятнѣйшей и явственной гармоніи, поются въ ихъ церквахъ на ихъ языкѣ и по правиламъ искуства, ежедневно. У нихъ простой народъ понимаетъ то, что священникъ поетъ или говоритъ на природномъ славянскомъ языкѣ. Всѣ міряне, соединяясь съ священникомъ, поютъ такъ гармонически и благоговѣйно, что слушая ихъ, я пришелъ въ упоеніе (экстазъ) и думалъ, что я, въ Іерусалимѣ, присутствую духу и образу первоначальныхъ христіанскихъ церквей, и прославляя Сына Божія, я прослезился подъ вліяніемъ простаго русскаго богослуженія и воскликнулъ съ св. Амвросіемъ и Августиномъ: полны небо и земля величіемъ славы твоея!» Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, вмѣстѣ съ малорусскими учеными потянулись на Москву и малорусскіе пѣвцы, которые еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ никоповскую реформу, успѣли

многое сдѣлать для введенія въ московскихъ церквахъ искуснаго гармоническаго пѣнія. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ питалъ особую склонность къ южно-русскому пѣнію и вводилъ оное по церквамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ вся русская жизнь желѣзною волею Петра Великаго перестроена была на иноземный ладъ, и церковная наша музыка подчинилась западному вліянію. Съ царствованія Елисаветы и до конца почти прошлаго столѣтія мы видимъ у себя полное господство западно-европейской, собственно италіанской музыки и переходившихъ къ намъ ея представителей, какъ Галуппи, Керцелли, Сарти и др.

Въ эту-то эпоху преобладанія у насъ вкуса къ италіанской музыкѣ и пѣнію и суждено было выступить на жизненное и въ частности пѣвческо-музыкальное поприще нашему блестящему потомъ композитору. Бортнянскій съ дѣтства былъ пѣвчимъ въ придворномъ хорѣ; а въ 1768 г., по изволенію императрицы Екатерины II, посланъ былъ, для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣвческомъ искусствѣ, въ Италію, и обучался въ Венеціи у славнаго въ то время капельмейстера при соборѣ св. Марка—Галуппи.

Въ доказательство успѣховъ своихъ, онъ сочинилъ тамъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, которыя были приняты знатоками съ похвалою. По окончаніи курса своего ученія, онъ путешествовалъ въ разные города Италіи, а въ отечество свое возвратился въ исходѣ 1779 г. Опыты его сочиненій съ самаго начала были приняты *съ отмѣннымъ уваженіемъ* и императрица опредѣлила его композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора, а государь Павелъ I регентомъ на мѣсто Полторацкаго, умершаго въ 1795 г.

О значеніи Бортнянскаго какъ музыканта въ лексиконѣ Плюшара Ѳедоръ Львовъ говоритъ слѣдующее:

Объѣхавъ Флоренцію, Болонью, Римъ и Неаполь, Бортнянскій изучалъ красоты знаменитыхъ музыкальныхъ произведеній, собиралъ опыты, которые указали ему путь къ сердцу людей, знающихъ цѣну гармоніи. Въ 1779 г. онъ возвратился въ Россію съ заслуженнымъ именемъ истиннаго артиста. Высокая благотворительница, удостоившая его всемилостивѣйшаго своего вниманія, взлелѣявшая и возрастившая его геній, повелѣла ему быть капельмейстеромъ придворнаго церковнаго хора, а въ 1796 г., ввѣрила ему и самое управленіе придворною пѣвческою капеллою, съ званіемъ директора.

Тутъ открылось ему обширное поприще, но также и нѣкоторыя неудобства, затруднявшія полетъ его генія, силы котораго, вѣроятно, онъ самъ не могъ еще оцѣнить. Во-первыхъ: исполнителемъ его геніальныхъ идей былъ хоръ шумный, украшенный отличными голосами; но въ этомъ хорѣ верхніе голоса, по правиламъ греко-россійской церкви, наполняли пѣвчіе малолѣтніе, не достигающіе сердечнаго выраженія; и все достоинство хора заключалось тогда въ громогласныхъ выраженіяхъ, безъ одушевляющихъ тѣней и свѣта. Во-вторыхъ, Бортнянскій не могъ употреблять никакого оркестра для сопровожденія и поддержанія этого хора: оставались одни обнаженные голоса, въ которыхъ малѣйшая невѣрность была весьма чувствительна. Въ третьихъ, церковное пѣніе, при высочайшемъ дворѣ, тогда украшалось разными болѣе концертными убранствами, нежели молитвеннымъ выраженіемъ. Это произвели иностранные капельмейстеры, которыхъ призывали ко двору для театра, именно: Керцелли, Галуппи, Сарти и проч. Хотя тогдашній придворный хоръ сильно выражалъ ихъ искуственныя красоты, и гласностью обращалъ на себя вниманіе, но между тѣмъ Бортнянскій чувствовалъ, что наше церковное пѣніе клонилось къ западу, и постепенно удалялось отъ высокой простоты сердечной. Остановить это стремленіе было тѣмъ труднѣе, что согласная многозвучность, поражая слухъ и разсыпаясь въ церквахъ, пристрастила къ себѣ общій вкусъ.

Такимъ образомъ Бортнянскій обязанъ былъ недостатки въ произношеніи пѣнія замѣнить простотою чистаго дѣтскаго голоса, а хорное пѣніе одушевить правильнымъ выраженіемъ; недостатокъ вспомогательнаго оркестра наполнить силою и вѣрностью хора; высокопарный концертный слогъ церковнаго пѣнія обратить въ слогъ простой, убѣдительный, для всѣхъ ясный, какой исключительно приличенъ православной греко-россійской церкви. Въ этихъ трудахъ геній Бортнянскаго является уже въ полномъ блескѣ.

Высокія достоинства его музыкальныхъ произведеній неоспоримо открываются въ томъ, что сочиненія его весьма близко изображаютъ слова и духъ молитвы; при изображеніи молитвенныхъ словъ на языкѣ гармоніи, Бортнянскій избѣгалъ такихъ сплетеній аккордовъ, которыя, кромѣ разнообразной звучности, ничего не изображаютъ и изобрѣтаются какъ будто для показанія тщетной учености сочинителя; ни одной строгой фуги не допустилъ

Бортнянскій въ своихъ священныхъ пѣсняхъ, и слѣдовательно нигдѣ не развлекалъ богомольца нѣмыми звуками, и не предпочиталъ бездушнаго наслажденія слуха наслажденію сердца, внимающаго пѣнію говорящему. Бортнянскій сливаетъ хоръ въ одно господствующее чувство, въ одну господствующую мысль, и хотя передаетъ ихъ то однимъ голосомъ, то другимъ, но заключаетъ обыкновенно пѣснь свою общимъ единодушіемъ въ молитвѣ. Вообще весь составъ пѣнія въ сочиненіяхъ Бортнянскаго принаровленъ къ силѣ и способностямъ огромнаго придворнаго хора, который, по его наставленіямъ, приведенъ въ невѣроятное согласіе, точность и въ равновѣсіе голосовъ, и изображаетъ какой-то одушевленный органъ, который качествомъ тоновъ превосходитъ всякій другой органъ. Безспорно, превосходное пѣніе въ сочиненіяхъ Бортнянскаго могло бы сдѣлаться еще проще для хоровъ не столь исправныхъ и богатыхъ, каковъ хоръ придворный, но вспомнимъ, что Бортнянскій долженъ былъ отклонить слушателей отъ витіеватыхъ украшеній, какими иностранные артисты одѣвали нашу церковную музыку, чудесныя очарованія слуха замѣнить однимъ наслажденіемъ сердечнымъ, и слѣдовательно, вмѣсто пышной роскоши концертной услаждать сердца и возбуждать чувство простымъ и чистымъ пѣніемъ; этой перемѣны нельзя было произвесть вдругъ и потому, что иноземную роскошь вообще тогда уже полюбили и съ нею сдружились, и потому что простота въ музыкальномъ исполненіи требуетъ совершенства. Въ его сочиненіяхъ отдѣльное пѣніе, solo, принадлежащее высокимъ голосамъ, соразмѣряется съ тою силою и умѣньемъ, какія доступны малолѣтнимъ пѣвчимъ, а то, какое принадлежитъ голосамъ взрослыхъ, соразмѣряетъ онъ опять съ тѣми ограниченными свѣдѣніями въ музыкѣ, какія часто приноситъ съ собой большой пѣвчій, вступающій въ придворный хоръ по одному только достоинству природнаго голоса. Потому-ли, что никакой геній не можетъ подражать другимъ и творенія свои знаменуетъ неизгладимою печатью, или по другимъ причинамъ, Бортнянскій не пошелъ по слѣдамъ ни Скарлати, ни Дуранте, ни Генделя, ни Іомелли, ни Гайдена, ни Моцарта. Сюжеты произведеній этихъ великихъ композиторовъ и цѣль ихъ, кажется, были совершенно отличны отъ тѣхъ, какіе одушевляли Бортнянскаго. Они не только удивляли слушателя и переселяли его въ другой міръ, но прибѣгали къ

власти и силѣ музыкальной науки и изъ ея источниковъ почерпали великолѣпіе и блескъ концертныхъ произведеній; оттого въ священной музыкѣ всегда употребляли богатыя и трудныя украшенія, понятныя только знатокамъ, и не щадили ничего, что только могло занимать и поражать слухъ; у Бортнянскаго, напротивъ того, въ предметѣ была одна смиренная и теплая молитва, изображеніемъ которой онъ разогрѣваетъ сердце и часто извлекаетъ сладостныя слезы! Словомъ: Бортнянскій у насъ и вездѣ одинъ, и навсегда останется единственнымъ образцомъ той рѣдкой и высокой изящности, которая одною гармоніею голосовъ возбуждаетъ въ слушателѣ глубокое набожное чувство и располагаетъ его къ искренней молитвѣ!

Приводя отзывъ о Бортнянскомъ высокоталантливаго продолжателя дѣла его, дѣла устроенія церковнаго нашего пѣнія, не можемъ не замѣтить, что этотъ отзывъ страдаетъ нѣкоторою отвлеченностію и односторонностію, отсутствіемъ реально-историческаго анализа и оцѣнки произведеній великаго композитора: указываются несомнѣнно присущія его произведеніямъ высокія техническія и такъ сказать идейныя качества—высокая, изящная простота, духъ смиренной, теплой молитвы и т. д., но не уясняются источникъ, происхожденіе и развитіе этихъ качествъ какъ въ общемъ процессѣ воспитанія, такъ и въ ходѣ музыкальнаго образованія Бортнянскаго. Безъ сомнѣнія, главнѣйшія достоинства его произведеній должно приписать его великому таланту и высокому музыкальному образованію, но многое въ нихъ связано съ его происхожденіемъ, впечатлѣніями дѣтства, семейною и вообще мѣстною средою и тѣмъ церковно и народно-пѣсеннымъ матеріаломъ, которымъ не могъ не располагать великій нашъ маэстро, какъ не могъ не пользоваться имъ, особливо въ такъ называемыхъ переложеніяхъ. Отдѣлить одно отъ другаго, опредѣлить и уяснить то и другое—задача спеціалистовъ, мы-же скажемъ, что величайшая заслуга Бортнянскаго состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ силою своего таланта задержалъ неестественный гнетъ чуждой намъ по всему италіанской музыки надъ нашимъ церковнымъ пѣніемъ и не допустилъ послѣдняго до совершеннаго претворенія по иноземному образцу и утраты молитвеннаго церковнаго характера, но возвысилъ оное до степени искусства, отвѣчающаго и духу нашей церкви и общимъ требова-

ніямъ эстетическаго слуха и вкуса. Съ него начинается поворотъ въ устроеніи церковнаго нашего пѣнія къ тѣмъ типамъ исторически-образовавшихся нашихъ напѣвовъ, которые сохранили для насъ въ неприкосновенной чистотѣ синодскія изданія пяти нотныхъ книгъ, подъ названіями: *Обиходъ церковный*, *Ирмологій*, *Октоихъ*, *Праздники* и *Обиходъ сокращенный для начальнаго обученія*, повторяющіяся печатаніемъ со 2-й половины XVIII ст. Поворотъ этотъ идетъ правда весьма медленными шагами и, не смотря на протекшее полустолѣтіе, далъ немного еще положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ исторической разработки и собиранія памятниковъ нашей національно-духовной музыки; но и то, что достигнуто въ этомъ отношеніи трудами Ундольскаго, Сахарова, Стасова, кн. Одоевскаго, прот. Д. Разумовскаго, Потулова и Ламакина составляетъ значительное пріобрѣтеніе, которое было-бы невозможно безъ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго Бортнянскимъ.

Бортнянскій написалъ 35 концертовъ и множество піэсъ, общее число которыхъ простирается до 118. Перечисленіе этихъ произведеній для знатоковъ церковной музыки было-бы излишне, а для незнакомыхъ и мало интересующихся ею и просто скучно. Чтобы однимъ указаніемъ какого-либо изъ произведеній нашего безсмертнаго композитора дать наглядное, такъ сказать, представленіе о его музыкѣ, напомнимъ изъ собственно церковныхъ пѣснопѣній его неподражаемую, такъ называемую царскую херувимскую, № 7-й, а изъ произведеній нецерковныхъ—умилительно-торжественный, всякому близко извѣстный и постоянно слышимый гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!»

И. Божеряновъ.

Юдиновъ зъ включенными въ немъ оперою и фееркеркомъ, при коронаціи въ Москвѣ отправованными, посланы чрезъ Антонія Ботарского, сего числа по обѣдѣ отехавшого. Дана дѣлатись шапка сребро главая для жены шапочнику Семену. Павлу Дембовскому чрезъ хлопця его посланы 30 к. Получилъ писмо отъ старости зъ дому и приономъ прислано гусей 10, курей 30, цибулѣ и меду.

14. За роботу кунтуша красного сукопного и канавацовой черкески, подшитой сѣбѣрками, кравцю Недѣлченку 90 к. даны. Писалъ къ женѣ и къ старостѣ о домовыхъ дѣлахъ и послано чрезъ Юденка шесть кожицъ бараныхъ и плахта, да писалъ же до писаря судового стародубовского Косача о требуемыхъ теперь повторе на летные мѣсяца 60 порціяхъ и о протчемъ.

15. Обѣдали у мене архимандритъ новгородскій Варнава, ігуменъ глуховскій Никифоръ Грибовскій, ігуменъ рябцевскій Товія Сморжевскій, соборный печерскій Варнава Старицкій и другіе отъ духовного чина и сидѣли до позна, а ввечеру у мене-жъ были бунчучный Оболонскій и совѣтникъ Безобразовъ.

16. Золотаръ Албрихъ принесъ 6 ложокъ здѣланпыхъ и 6 кубковъ Александра Корецкого вызолоченыхъ; отъ ложокъ-же дано ему за роботу 2 р. 84 к., а отъ кубковъ 1 р. 35 к., да еще ему-жъ дано срѣбра робить ложку болшую столовую и нашого срѣбра далось 33 золотника, а решту свою онъ приложить имѣетъ. Табакерку малую янтаровую до оправи въ срѣбро зъ шернеромъ и печать железную на вибиванье цѣны вирѣзать, что все здѣлать онъ отъ сего числа за двѣ недѣлѣ обѣщалъ.

17. Обѣдали у мене всѣ мірскіе персоны коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ и до вечера просидѣли, зъ между которыхъ, ради домашной необходимой нужды, отпущенъ въ домъ свой 15 ноеврія—бурмистръ чернѣговскій Стефанъ Россовскій.

18. За цегли паленой и непаленой 460 заплачено 1 р. 18 к. Взято у Пуховича матеріи срѣброглавой полъ-локтя до кунтуша красного за 2 р.; да у другой крамарки мамсу для Грицка Дмитренка за 90 к. Посланъ Грицко зъ подводами и теслями въ Кочерги.

19. Прибылъ зъ Москви судія енералный Якимъ Горленко.

20. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибыла въ Глуховъ госпожа Розумовская, Алексія Григоріевича матушка, для которой

пріѣзду былъ у генерала публичной обѣдъ, где и мы зъ протчими обѣдали. Сего-жъ числа прибыли десять подводъ зъ разными запасами.

21. Господинъ генералъ Бибиковъ зъ госпожею Розумовскою былъ воспріемникомъ сину бунчучного енералного г. Оболонского Демяну отъ крещенія, и для того у него-жъ бунчучного былъ крестинный столъ и гуляли даже до вечера, а ввечеру провожали госпожу Розумовскую на ея квартеру, где доволно отъ сотника глуховского трактованы, потомъ былъ и у писара енералного г. Безбородка и уже позно пріехалъ въ домъ шуменъ.

22. Ради вчорашного шумства не віездилъ зъ дому никуда, а госпожа Розумовская, отобѣдавъ у сотника глуховского, отехала зъ Глухова въ путь свой, а мимоездомъ была у асаула енералного господина Якубовича; съ нею въ асистенціи отехали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ, да полковника нѣжинского Божича синъ и Афендикъ, тако-жъ обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и протчіе.

23. Привезенъ зъ Городища нѣкоторій домовый запасъ и чрезъ того-жъ подводчика писалъ къ женѣ и до Федора Ширая, зъ прилогомъ писемъ зъ Москви полученныхъ отъ Павла Скорупны, тако-жъ и до старости въ Перегонъ. Писалъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, противъ его ко мнѣ писма.

24. Золотарю Матяшу за зроблене креста до церкви городиской данъ 1 р. Писалъ къ Якову Марковичу въ Москву, зъ посилкою пакета на имя г. брегадира Федора Стефановича Вишневского, зъ писмомъ къ нему-жъ, отъ 23 сего теченія надписанного, и зъ включенными въ ономъ отъ Івана Гамаліи 4 писмами.

25. Отправлены въ домъ мой два компанѣйци надворной корогвы и чрезъ оныхъ писма до жены и до старости перегонского. По писму старости товкачовского Іліи Паленского о насланной туда горѣлцѣ для шинку зъ дому судіи енералного Горленка, писалъ къ нему судіи Горленку, зъ сообщеніемъ копіи писма старостиного, а къ старостѣ о томъ-же и о футорѣ продажномъ Данила Савина. Писалъ и къ Максиму Турковскому сторони 300 балясъ, подряженныхъ въ Мглинщинѣ дѣлать до будинку нашего въ Городище. Грицку на крашенину, на сѣрякъ и полотно дано 96 к. Вечеромъ былъ у асаула енералного Якубовича.

26. Писалъ къ старостѣ товкачовскому противъ его писма, чрезъ подводчиковъ присланного, и квіты индуктарскіе отъ его-жъ присланные къ нему обратно включены. Получилъ писмо отъ полковника полтавского чрезъ писаря его полкового Руповского. Обѣдалъ у асаула енералного г. Якубовича зъ полковникомъ Челищевымъ и женою его, зъ Валкевичемъ и Федоромъ Чуйкевичемъ; а по обѣдѣ пріехали туда-жъ бунчучный Оболонскій зъ тещею своею Родзянкиною и зъ дочкою еи, що за Лазоровичемъ; ввечеру-же прибыли туда-же посланные для дѣланія межи между Великою и Малою Россіею, Василій Силичъ Поляковъ и секретарь той-же коммисіи князь зъ грузиновъ.

27. Былъ у мене сотникъ воленскій Василій Максимовичъ и войтъ новгородскій зъ мѣщанами тамошными, прибывшими сюда просить о виключеніи города ихъ отъ вѣдомства коммисіи економіи. Подводы товкачовскіе отпущены и чрезъ оные послано до старости писмо.

28. Писано писмо до полковника лубенского Апостола о Василю Григоровичу, бывшему писару лохвицкому, въ обидахъ ему отъ сотника тамошнего дѣючихся. Прибыли зъ Москвы въ Глуховъ обозный полковый черніговскій Мулявка и сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій.

29. Прибылъ въ Глуховъ подскарбій енералный г. Скоропадскій, поворотясь зъ Хомутця. Пришли подводы зъ нѣкоторыми харчевыми вещми зъ Городища, при которыхъ привезена и господиня Ганна зъ двома дочками, нанятая на годъ за 2 р. 50 к. зъ нашею одежою; и чрезъ тые-жъ подводы писано до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ.

30. Гончару, которій дѣлалъ печь въ лазнѣ и передѣловалъ въ свѣтлицѣ и въ людской, дано 80 к.

31. На викупъ кухаревого кожуха въ Есманѣ дано 62 к. Кравцю за позументъ 50 к. За греблю 15 к. Обѣдалъ у мене асаулъ полковый нѣжинскій Андрей Володковскій.

Ноеврій.

1. Писма мои до Якова Марковича въ Москву и до брегадира Федора Стефановича Вишневского вручены для пересылки Роману Явенку, індуктару глуховскому.

2. Онъ-же Яненко прислалъ писмо до індуктара написанное, чтобъ отъ горѣлки нашей по ярмаркамъ не брано индукты. Обѣдали у мене сотникъ лохвицкій Василій Стефановичъ и мглинскій Василь Лисаневичъ. Іосифъ, отца Івана синъ, за его проступство наказанъ. Пришла вѣдомость въ Глуховъ, что ясневелможная госпожа гетманша Іуліана Іскрицковна Апостолова прошлого октоврія 29 пополуночи въ 3 часу преставилась въ Хомутцѣ.

3. Маляру Петру Свидѣрскому въ отроботокъ позиченъ 1 р. Пришло въ Глуховъ извѣстіе, что полковникова полтавская Василіева Кочубеева Марфа Івановна преставилась октоврія 29 съ дѣторожденія.

4. Получилъ писма зъ Москви отъ Андрея Горленка. Началъ писецъ гадяцкого полку переписовать книгу Розговоровъ въ царствіи мертвыхъ Кароля 12, короля шведского, зъ герцогомъ голштейнъ готторпскимъ Фридрихомъ.

5. Писару енералному Безбородку и старшому канцеляристѣ Холодовичу отказано отъ правленія дѣлъ канцелярскихъ, а поручено править писару полковому полтавскому Руповскому [204]).

6. Жена пріехала въ Глуховъ.

7. Рано бувъ у писара енералного Безбородка и слушали обѣднѣ въ церквѣ святыхъ Анастасій. Обѣдалъ въ домѣ.

8. Отправлены конѣ одны зъ Грицкомъ въ Товкачовку и теслѣ туда-жъ отпущены, другіе зъ Лескомъ въ Перегонъ, при писмѣ до Каврайского. Былъ публичный столъ у подскарбія енералного г. Скоропадского [205]), при которомъ кушали генералъ и протчіе господа великороссійскіе и малороссійскіе, въ томъ числѣ и я, и були шумны. Жена заболѣла на голову.

9. Ради шумства вчорашного весь день пробылъ въ домѣ.

10. Первый разъ былъ въ коммисіи, переведенной въ домъ гетманскій, и обѣдалъ у мене п. Савицкій. Кровь пущала жена банками.

11. Послалъ при писмѣ до Александра Корецкого кубковъ его визолоченныхъ 6 и печатку чрезъ Петра, старосту п. Федора Корецкого, за которыхъ позолоту заплачено 1 р. 35 к. Подано

---

[204]) Вслѣдствіе доноса яготинскаго сотника Купчинскаго.

[205]) По случаю смерти гетманши Апостоловой, тещи Скоропадскаго.

доношеніе енералу о забранныхъ Зарѣцкимъ, слугою Зубковского, 13 лошадяхъ. Обѣдали у насъ писаръ суда енералного Пиковецъ зъ женою своею и Федоръ Чуйкевичъ; а потомъ была и судіина енералная Лисенкова.

12. Писалъ въ Москву къ Якову Марковичу, къ Андрею Горленку и до п. Скорупиы, и оные писма отпущены чрезъ маіора гварнѣзону глуховского Якова Любимовича Полянского, къ Москвѣ отправившогося.

13. Енералъ зъ протчими господами велико и малороссійскими, въ томъ числѣ и я, кушали у судіи енералного г. Лисенка и до вечера гуляли.

14. Обѣдалъ у мене Стефанъ Савіцкій, а вечерялъ Василь Стефановичъ, сотникъ лохвицкій.

15. Вечеромъ посѣщали жену мою болную енералного писаря Безбородка и асаула Якубовича жены, а при томъ-же посѣщалъ и подскарбій енералный г. Скоропадскій.

16. Послѣ полдня былъ я у г. Скоропадского и тамъ перве зъ нимъ одынмъ, а потомъ и зъ Валкевичемъ доволный розговоръ имѣлъ о дѣлѣ взглядомъ роздѣлу о Рубановскихъ добрахъ.

17. Сего числа рано прибылъ изъ Москвы гвардіи преображенского полку поруччикъ Іванъ Шубинъ зъ указомъ изъ сената и зъ печатными манѣфестами и присягами о учиненномъ ея імператорского величества опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его королевского высочества государя Петра, владѣлного герцога Шлезвизъ-Голштейнского, сына ея імператорского высочества, государиня цесаревны Анны Петровны, сестрицы ея імператорского величества; и потому, по отправленной въ соборѣ литургіи, была оныхъ указу и манѣфесту публикація, которые читалъ за писаря енералного управляющый писаръ полтавскій Андрей Руновскій. Послѣ отправованъ благодарственный молебень при трекратной изъ 51 пушки и гварнѣзонного глуховского полку бѣглымъ огнемъ палбѣ, а по молебствіи въ той-же церквѣ, по формѣ оной печатной присяги, учинили присягу на содержаніе оного ея імператорского величества опредѣленія въ наслѣдники высокоупомянутого ея величества племянника, его імператорского высочества государя Петра Федоровича. Потомъ были у генерала, токмо не обѣдали, а по обѣдѣ въ 5 часу пополудни, какъ сехались всѣ велико и малорос-

сійскіе господа къ генералу, то былъ банкетъ и много пили при многократной пушечной палбѣ даже до полуночи.

18. Ради вчорашного шумства не віездилъ я зъ дому весь день; присиланный-же ко мнѣ приговоръ, отъ енералной старшины зъ бунчуковими учиненный, о дачи прибывшому изъ Москви помянутому гвардіи поруччику Шубину тисячи рублей, и я закрѣпилъ. Сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій зъ женою своею были у насъ для посѣщенія болной жены моей и у насъ-же обѣдали.

20. Прибылъ въ Глуховъ генералъ-маіоръ Даревскій и обѣдалъ у генерала Бибикова. Отправлено въ домъ писмо козакомъ глуховскимъ въ Шатрици, а оттоль тамошнымъ о романисѣ водцѣ.

21. Обѣдали у мене Федоръ Чуйкевичъ и сотники полковъ стародубовского, мглинскій Лисаневичъ, чернѣговского Бѣлоускій Малинскій. Рано подана генералу челобитная сторони дѣла зъ Соколовскимъ. Надвечери прибыли зъ Товкачовки Качановскій и Грицко, приведшые 3 коней нашыхъ, и привезли разного збору денегъ 82 р.

22. Писаны разные писма: 1—въ домъ къ старостѣ и къ Кавpайскому, о всякихъ домовыхъ дѣлахъ; 2—въ Лотоки до Федора Пригари, зъ сообщеніемъ поданного намъ доношенія отъ тамошного слюсара нашого Савки о пропаломъ купленномъ его конѣ, чтобъ розискалъ; 3—до Афанаса Сковпня, сторони пограбленныхъ у него ляхами 13 коней; 4—до полковника стародубовского Максимовича о томъ-же дѣлѣ, чтобъ нарочного послалъ за границю къ шляхтичу Яну Зубковскому зъ енералскимъ писмомъ, о томъ къ нему писаннымъ, о чемъ ему полковнику и указомъ зъ енералной канцеляріи предложено; 5—до писаря судового Косача сторони расположенія чиненного на прошлые лѣтные мѣсяци порцій, а теперь на вінтерквартеру порцій и рацій чинитись имѣючого; 6—до намѣстника чолнскаго монастыря, Варлаама Уманця, о позволеніи дрова возить зъ пущи монастырской.

23. Зъ оными въ домъ и до намѣстника чолнского надлежащими писмами отправленъ Василь Мовчаненко, а въ Лотоки мужикъ слободы Імшицкой, пріездившый сюда нарочно. Вчорашного числа іродіаконъ монастыря новгородского Серапіонъ Годунъ, по писму ко мнѣ отъ намѣстника тамошнего Авксентія, отобралъ надлежащые Стефану Жолдаку муровщику, который дѣлалъ въ Горо-

лище комены, денги осталные 2 р., самъ-же онъ Жолдакъ передъ симъ забралъ 7 р. Писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому, что привезены денги 82 р. и чтобъ Качановскому нѣкотораго огороддя пустовского и кунтуша не боронилъ и ему-жъ бы далъ жита полусмакъ, ячменя и гречки по четверику, да отцу Івану, брату, отправилъ-бы всякой пашнѣ двѣ подводы, по первомъ зимномъ пути. Закрѣпили въ коммисіи доношеніе объ отпуску сотника полкового прилуцкого въ домъ до сроку прійдучого праздника Богоявленія Господня.

24. Вручены писма до полковника стародубовского Максимовича, зъ указомъ и писмомъ до Яна Зубковского о пограбленныхъ Зарѣцкимъ у Сковпня 13 коняхъ, до писаря судового Косача о расположеніи порцій и рацій, и до войта стародубовского Коменка о покупки вина лагонского бочки. За дзигармистра заплачено кравцю Якубовичевому 1 р. 50 к. Полковникъ нѣжинскій Божичъ пріехалъ зъ Москви и енералъ-маіоръ Стояновъ.

25. Ради праздненства возшествія ея імператорского величества на престолъ, по службѣ Божой было благодарственное молебствіе при трократной изъ 51 пушки и отъ гварнѣзонного солдацкого полку и козаковъ бѣглымъ огнемъ палбѣ; а потомъ у генерала былъ публичный столъ и банкетъ при пушечной палбѣ. Играли въ лоть, почему я и проигралъ одинъ рубъ.

26. Присланъ указъ изъ суда енералного по дѣлу Соколовского, почему первей былъ я въ судѣ енералномъ, потомъ у генерала и представлялъ, что оное дѣло должно быть разсмотрено въ войсковой енералной канцеляріи.

27. Привезены де-которые вещи зъ дому и писма зъ объявленіемъ о домашнемъ поведеніи и о протчемъ. Жена була рано въ монастырѣ, а потомъ у бригадирши Іллѣной.

28. Рано была жена у генералши, потомъ обое были у бунчучного, а обѣдали у писаря суда енералного Івана Піковця; а по обѣдѣ были у насъ молодые пп. Скоропадскій зъ учителемъ Юнггансомъ. Полковникъ Божичъ отехалъ. Писалъ въ домъ о разныхъ домовыхъ дѣлахъ и до Андрея Миклашевского о утекшомъ служителю передъ симъ, а ныне въ домѣ его обрѣтаючомся Іллѣ; якое писмо, такожъ и отъ Максима Чернявского писмо до попа Алексія Хелкидоцкого, включено отъ мене въ писмо до писаря судового Косача.

29. Оные писма въ домъ чрезъ Іосифа Булахова, а въ Стародубъ чрезъ сторожа полкового отправлены.

30. По службѣ Божой въ церквѣ соборной читано описаніе печатное той церемоніи, якая была сего ноября 7 дня въ Москвѣ въ придворной імператорской церквѣ при публѣкаціи манѣфеста о опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его імператорского высочества, великого князя государя Петра Ѳеодоровича и при восприятіи-жъ его высочествомъ благочестивія греко-россійскія вѣры, потомъ было молебствіе, ради дня кавалеровъ святого Андрея, апостола первозванного.

Декабрь.

1. Прибыли зъ дому зъ писмами и обратно отправленъ подводчикъ зъ писмами-же, чрезъ которого и лѣбра паперу послана. Жена ездила до асаулши енералной Якубовичевой и тамъ долго забавилась.

2. Рано повернулъся Іванъ Кравець зъ Новгородка и привезъ мало купленной рыбы. По обѣдѣ посѣщалъ я господина Безобразова, а потомъ былъ въ судѣ енералномъ и крайную сентенцію обявили въ дѣлѣ Бергеровомъ зъ Козляницею. Полковникъ полтавскій пріездилъ въ Глуховъ.

3. Пришолъ указъ зъ сената о бытіи бригадиру Іллѣну первымъ членомъ въ судѣ енералномъ, да по немъ Безобразову и Алексію Федоровичу Семенову, а Постелникову подскарбіемъ енералнымъ.

4. Получилъ писмо зъ Москвы отъ Скорупцы и къ отцу его другое, которое при своемъ писмѣ до его и отправилъ въ Стародубъ. Посѣщалъ я полковника полтавского на его квартерѣ.

5. Рано просилъ енерала и протчихъ господъ велико и малороссійскихъ на завтрешный день кушать у мене ради моего-жъ тезоименитства. Привезено рибы зъ Новгородка купленной, а зъ Клевенѣ отъ Федора Мануйловича въ даръ присланной, неболшое число.

6. Коло обѣдень привезено зъ Стародуба вина бочку лагонского, войтомъ Коменкомъ за 38 р. купленную. По набоженствѣ кушали у мене генералъ зъ генералшою, брегадиръ Іллѣнъ, полковникъ Челищевъ зъ женами да полковникъ Тютчевъ и протчіе великороссійскіе и наши, и до позна ночь забавлялись.

7. Отпущены подводы въ домъ, чрезъ которые и писма посланы до Григорія Скорупцы отъ сина его Павла и отъ мене, до

войта Коменка о винѣ и пенцѣ, да до старости и до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ. Банкетъ былъ у брегадира Іллина, но я на ономъ не былъ за вчорашнымъ шумствомъ.

8. Получилъ писмо зъ Москви отъ учителя его імператорского высочества, отца Симона Тодорскаго. Взяли у Мандзенка для панеи штофу 15 локотъ по 1 р. 20 к., да сукна 5 локотъ по 58 копѣекъ, итого на 20 р. 90 к.

9. Кушалъ у мене сотникъ минскій Лисаневичъ, а вечеромъ былъ у мене-жъ зъ Шептаковъ Фіалковскій. Прибылъ отъ Федора Ширая служитель зъ писмомъ ко мнѣ и зъ доношеніемъ въ енералную канцелярію, чтобъ ему не ехать въ Глуховъ.

10. Отданъ указъ зъ суда енералного, писанный подъ числомъ сего теченія 8-мъ, до Івановой Миклашевской и до сина еи Павла, о отдачѣ женѣ моей 200 рублей за материзну и 12 р. за убытки надлежащыхъ.

11. Писаны писма въ Москву до Якова Марковича, до Павла Скорупы зъ сообщеніемъ писма отъ Федора Корецкого, до архимандрита богоявленского монастыря Герасима о покупки разной посуды оловяной и мѣдной, да до отца Симона Тодорского, учителя великого князя Петра Феодоровича, и оные вручены Тодорскому сотнику для подачи въ Москву, кому надлежитъ, по подписямъ. Писалъ къ писарю судовому Косачу стороны колодника Сидора Мантулника, содержачогося въ секвестрѣ стародубовскомъ.

12. Оный сотникъ Тодорскій отехалъ къ Москвѣ. Данъ інстанціалный листъ до полковника нѣжинского Божича за канцеляристомъ войсковымъ Іваномъ Михайловскимъ о опредѣленіи его въ писари судовые. За попа Алексія Халкидоцкого, что онъ взялъ у Максима Чернявского хомутъ, заплачено ему 1 р. 10 к.

13. Призиванъ въ судъ енералный по дѣлу Соколовского и тамъ пересмотровалъ дѣла и много зъ судіями и зъ самимъ тимъ клеветникомъ имѣлъ розговоръ.

14. Прислана копія челобитной Соколовского и опредѣленіе въ судѣ енералномъ состоявшоеся, чтобъ мнѣ безъ сроку 7 дней по формѣ суда слушать улики его и говорить оправданіе, противъ чего для отвѣтствія сискалъ я повѣренного Ілію Квитницкого.

15. О окончаніи перевода и свода книгъ правныхъ, такожъ о отпускѣ на праздникъ коммисіалныхъ персонъ, подано генералу

доношеніе. Отписалъ къ Федору Шираю, что ему до праздника въ Глуховъ пріездить не надобно, а на якое-жъ число ему показано будетъ пріездить, о томъ къ нему пришлется указъ, и зъ тимъ писмомъ отпущеному слугѣ его даны 10 к., да сторожу Алексіевѣ на его нужды 20 к.

16. Чиненъ порахунокъ (разсчетъ) зъ сидѣлцами въ коморахъ нашихъ и по порахунку взяли у нихъ доплатки (кромѣ Павломъ Скорупною забранныхъ) 26 р. 72 к. Подана челобитная по дѣлу клеветномъ на мене отъ Соколовского.

17. Былъ въ судѣ енералномъ и подписали приговоръ въ дѣлѣ нѣмца Геера зъ Козляницею, а ввечерѣ слушали дѣла-жъ Демченковъ. Писано писмо до сотника золотоноплского зъ пріобщеніемъ писемъ, отъ Каврайского присланныхъ.

18. Каөанъ новый атласовый красный пошитъ, за которого пошите и за кунтуша женниного дано 1 р. 35 к. По службѣ Божой было благодарственное молебствіе ради рожденія ея імператорского величества при пушечной палбѣ зъ 51 пушки и бѣглымъ огнемъ отъ гварнізонного полку и отъ козаковъ сотнѣ глуховской при трократномъ залпѣ, потомъ былъ банкетъ у генерала и до позна доволно гуляли.

19. Заплачено за роботу ложки и табакерки нѣмцу Албриху 4 р. Посѣщали насъ въ вечеру писарь и бунчуковый енералные, да паніи судіини Лисенкова, асаулина Якубовичева и бунчучная Оболонская, а потомъ полковниця Тютчева и писарка судовая Пиковцева. Попу стародубовскому старо-николаевскому Стефану Злотникову позичены 10 р. Писано къ сотнику лохвицкому, чтобъ Тимофію Логвинову позволилъ на нашомъ плацу строитись.

20. Полковникъ полтавскій г. Кочубей и ігуменъ петропавловскій Никифоръ Грибовскій были у мене зрана и полковнику-жъ позычены 3 р., книги Уложенье Воинскихъ Уставовъ и книга печатныхъ указовъ, и отданы опять. Вечеромъ пришли зъ дому конѣ зъ поездомъ зимнымъ. Отданъ хлопецъ Василь Шаповалъ на пять лѣтъ слюсару глуховскому Степану Борисову Почепцю, который для роботи ему своей поступилъ въ одномъ году суботу; намъ-же давать-бы ему хлопцю чрезъ всѣ годы одежу. Просилъ позволенія у генерала отехать въ домъ на праздникъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, а зъ женою былъ у писаря енералного Безбородка.

21. Дѣло Демченковъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ рѣшили. Я отклонился генералу и зъ другими простилъся при отездѣ, а для отвѣту противъ Соколовского оставилъ повѣренного Ілію Квитницкого, которому и всѣ документы отдалъ, да ему-жъ даны ad interim 2 р. Въ 4-мъ часу пополудни віехалъ зъ Глухова и прибылъ до Шатрищъ въ 9-мъ и тутъ ночовалъ у Лукашевича.

22. Рано поехавши прибыли въ Мехедовку, где у Богуславского пообѣдавъ и попасъ коней, потомъ поехавъ прибыли въ Городище въ 10 часу по полдни.

23. Отослалъ указъ къ Федору Шираю зъ енералной канцеляріи, да писалъ до Курковичъ къ Роману, чтобъ горѣлку поспѣшно и добрую робыли.

24. Посвящали хоромы заднѣе, двѣ свѣтлици, салю, сѣнцѣ и кладовую, а по обѣднѣ, позно уже отправленной, святый сегоденный вечеръ целебровали токмо зъ своими домашними.

25. Въ сей Рождества Господня день по всенощномъ и утреннОмъ пѣніи, такожъ по службѣ Божой, были у насъ священники зъ церковниками съ поздравленіемъ праздникомъ, и отецъ Михайло зъ нами обѣдъ купалъ, а по обѣдѣ былъ-же у насъ сотникъ бакланскій Василь Косачъ и долго посидѣвъ, отехалъ уже позно.

26. Войты всѣхъ селъ зъ громадами приходили къ намъ зъ поздравленіемъ праздникомъ, такожъ суворовскій прикажчикъ Самойло Семеновъ Поповичъ, которій и писмо принесъ зъ Глухова отъ г. Скоропадского, въ дѣлѣ ихъ суворовцевъ о грунта заводномъ.

27. Учинена росплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ, которому дано было прежде 2 р. денегъ, чвертку жита и 2 четверички крупъ, а теперь еще доплачено 6 р., двѣ чвертки жита, четверичокъ крупъ, 40 квартъ горѣлки, осьмъ квартъ олію, три безмѣна сала, 16 фунтовъ солы; сдѣлалъ-же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся здѣлать столикъ дубовый-же.

28. Отехали до Козелца племѣнники Іосифъ и Михайло, чрезъ которыхъ писалъ до обозного полкового кіевского Федора Ханенка, дядка, и до отца Іоанна, брата, да и пашпортъ имъ-же на проездъ далъ, а взяли они зъ собою коня сивого, одѣгало старое и санѣ лубяные да 50 копѣекъ.

29. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до Іліи Квитницкого, повѣренного, чрезъ Грицка, которого зъ 6 подводами туда-жъ до Глухова для возки сѣна и дровъ отправлено, и даны ему на дорогу 20 к.

30. Зрана прибылъ до насъ Федоръ Ширай, а потомъ Федоръ Корецкій зъ своею женою и обѣдали у насъ; вечеромъ-же Ширай отехалъ обратно въ домъ свой, а Корецкій у насъ и ночовалъ.

31. Прибылъ къ намъ-же и попъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого дана карта до Гришки Литвяка о прибытіи его къ намъ въ Городище; по обѣдѣ-же Корецкій и оный попъ отъ насъ отехали, а Кочержинскій у насъ вечерялъ и ночовалъ.

1743 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Получилъ писма отъ Максима Турковского стороны балясъ и отъ сотника тамошнего Лисаневича, зъ обсилкою птицами и зайцами, да отъ себе писалъ въ Лотоки къ Федору Пригарѣ о слюсару Савцѣ, взглядомъ пропалого коня его и чтобъ купилъ для насъ меду пудъ зъ десять, и до Сковпня, чтобъ присилалъ всячину въ здешный дворъ. Писалъ къ обозному полковому стародубовскому Юркевичу, поздравляючи и его новымъ годомъ и требуючи объ отпускѣ якого слюсара къ намъ для приправы замковъ до дверей.

2. Писалъ къ Івану Борозднѣ въ Медведовъ о присилки Микиты скляра для доконченя роботы имъ зачатой, до свято-михайловского священника Димитрія Зубрицкого, чтобъ представлялъ Івановой Міклашевской и сину еи Павлу о заплатѣ должныхъ женѣ моей 212 рублей денегъ. Зъ Стефаномъ Кочержинскимъ роздѣлка учинена въ долгу, отъ него намъ надлежащомъ, въ 10 р. 30 к., за которій приняли у него жита 6½ осмачки, а ему облигъ отдали. Зборщикамъ прошлого 1742 году за сентябрскую треть показанщина отъ двохъ василювскихъ, да отъ двохъ городискихъ казановъ 4 р. заплачена и квитанція у нихъ взята.

3. Ездилъ въ Гриневъ до Федора Ширая, где купно зъ Григоріемъ Скоруппою и женою его, зъ Василемъ Завадовскимъ молодымъ, зъ молодымъ Скоруппою, Павломъ, и Іваномъ Малішевскимъ,

обѣдали и весь день пробавили; а въ вечеру туда-жъ прибыли маіоръ Іванъ Василіевъ Труновъ и капитанъ Шараповъ зъ женою своею, и я зъ Павломъ Скоруппою отехалъ въ Городище.

4. Онъ же обѣдалъ у мене, а по обѣдѣ отехалъ, а потомъ прибыли до насъ въ Городище Григорій Скоруппа зъ женою и обозный полковый Юркевичъ и у насъ ночовали.

5. Рано оные гостѣ отехали. Куплены двѣ шкури чиненные, яловичая и шкапиная (лошадиная), за которые даны 2 р. 55 к. Семенъ Тищенко, значный мѣщанинъ стародубовскій, преставился въ Стародубѣ.

6. Передъ службою Божіею прибылъ къ намъ въ Городище Григорій Гамалѣя холопецкій (изъ с. Холопца) зъ женою и зъ нами жъ обще были на набоженствѣ, а по обѣдѣ мало позабавившись, отехали. Сего жъ числа зъ Петромъ Романовымъ, который мешкаетъ въ дворѣ нашемъ стародубовскомъ, противъ важницѣ, рощотъ здѣланъ за два 1741 и 1742 годы, за наемъ двора, и дана ему квѣтанція. Ему жъ дано 2 р. 10 к. на покупку двохъ пудъ лою.

7. Былъ у насъ изъ Стародуба Антонъ Донъ и оттоль, тако жъ зъ Глухова получены писма отъ Андрея Лышня съ извѣстіемъ, что указомъ сенатскимъ повелѣно раздѣленные передъ симъ сотни совокупить [206]) и что зятя Лисенкового Кузмѣнского пожаловано сотникомъ менскимъ.

8. Пріездилъ къ намъ въ Городище войтъ стародубовскій Антонъ Коменокъ и отобѣдавъ зъ нами, учиненъ договоръ на пенку безъ браку по 7 р. берковецъ.

9. Рано синъ Василь ездилъ въ Борщевъ до Григоріевой Гамаліиной, а я по обѣдѣ до Чаусъ ездилъ же и, прибывъ въ домъ, засталъ тутъ старого отца Іоанна Святодуховского стародубовского и сина его-жъ Іоанна-жъ діакона Подолскихъ.

10 Писалъ писма къ преосвященному епископу чернѣговскому Амвросію Дубневичу: 1—зъ поздравленіемъ нового года и воспріятіемъ престола, 2—за оными отцемъ и синомъ Подолскими, зъ

---

[206]) Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе доноса Купчинскаго, который обвинялъ Безбородка, что послѣдній, желая увеличить число сотничьихъ урядовъ, за замѣщеніе которыхъ онъ будто-бы бралъ взятки,—убѣдилъ Румянцева (А. И.) подѣлить нѣкоторыя сотни пополамъ.

инстанцією о неоставленіи ихъ въ нуждахъ ихъ, которые писма имъ и вручены, и они-жъ отехали.

11. Послѣ полдня отехалъ я къ Курковичамъ и въ Андрейковичахъ у вдовы Івановой Хромченковой ночовалъ, где и зятя еи Потапа Богинского засталъ.

12. Прибылъ рано въ Курковичи и отобѣдавъ, ездилъ на футоръ свой, где заводъ винничный. Вечеромъ были у мене отецъ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ и нашъ городискій священникъ отецъ Михайло, едучій въ Чернѣговъ, потомъ—Мойсей и Іванъ Ломаки.

13. Дякъ бывшій курковскій Федоръ Карповъ затиралъ горѣлку въ нашемъ винничномъ заводѣ. Писаны писма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, г. ассесору Динисову, къ Андрею Лишню и Іліи Квитницкому, которые посланы въ Новгородокъ чрезъ козака курковского Артема Стукаленка при писмѣ къ сотнику, чтобъ оттоль нарочнымъ отправилъ до Глухова.

14. Припровадилъ къ заводу нашему курковскому Узасъ Усикъ, житель семіоновскій, винника Клима Гаврилова, сосѣда Швеева зъ Семіоновки, которого умовили на нашой харчи по 8 к. отъ стану.

15. Віехавъ рано зъ Курковичъ, попасовалъ коней въ Кистрѣ у Семенихи Аршуковой и тамъ-же кушалъ, а потомъ въ превеликую метелицю прибылъ до Городища.

16. Понеже службы въ Городищѣ у насъ не было, то ездилъ я зъ Василкомъ до Борщова и тамъ отобѣдалъ у Григоревой Гамаліиной, купно зъ Павломъ Миклашевскимъ, который и денегъ 100 р., женѣ моей надлежащихъ, отдалъ мнѣ тамъ-же; оттоль прибывши, засталъ въ Городищѣ въ домѣ нашемъ сотника погарского Соболевского зъ женою, войта и писаря Турка и Барлуя, пріездившихъ къ намъ зъ поздравленіемъ нового году.

17. На писмо панеи бунчучной Галецкой писалъ отвѣтъ сторони здохлой заграбленной клячи, да до обозного и асаула полковыхъ полку часникового о присилки 4 компанѣйцовъ въ мое владѣніе для полученія здесь порцій и рацій послалъ писмо чрезъ комисара полкового стародубовского Семена Круковского [207]).

---

[207]) Компанейскій полкъ Часныка стоялъ въ это время квартирами въ Стародубщинѣ.

18. Писалъ въ Лотоки къ Афанасу Сковиню о присилки пенки, дегтю и всего того, о чемъ прежде къ нему-жъ писано, да послана вѣдомость, сколко оттоль за порціи ежемѣсячно денгами платитись надлежитъ. Сего числа, будучому мнѣ рано у Перегонѣ, приключилась жестокая болѣзнь въ поперску и ледво оттоль пріехавъ, занемогъ жестоко, такъ что ни сидѣть, ни ходить, ниже самъ зъ боку на бокъ обернуться не могъ, чего для хотя и мазали спиритусомъ и парили въ коритѣ, однакожъ никакой ползы не учинилось, почему принуждены посилать по лѣкаря Копса въ Стародубъ.

19. Рано пріехалы въ Городище Федоръ Ширай и Павелъ Скорупа, которіи и обѣдали у насъ, да уже вечеромъ отехали, простуючи до Глухова. Сегожъ дня прибылъ и лекарь Копсъ и мазалъ мнѣ поперекъ нѣкоторымъ унgвентомъ и прошокъ красный въ чаю давалъ.

20. Оный-же лекарь весь день-же у насъ пробавилъ и такожде мене мазалъ онымъ унgвентомъ, по ползи мало здѣлалось.

21. Лекаря Копса отправили къ Стародубу, давъ ему за визиту 3 р., и хлѣба, а именно: осмачку жита, осмачку овса, чвертку пшеници, станъ горѣлки, 4 гусей и 6 курей ему послали.

22. Возвратилъся зъ Копсомъ посиланный Грицко и привезъ отъ него лѣкарства—мнѣ спиритусъ и лаксативумъ, а женѣ для ползы во время рожденія.

23 и 24. Тая-жъ болѣзнь въ поперску продолжалась.

25. Андрей Ноздра посланъ зъ Барановскимъ въ Лотоки. Сего-жъ числа былъ у насъ въ Городищѣ священникъ погарскій отецъ Павелъ, которому и полуемакъ жита данъ.

26. Отпущены товкачовскіе подводы, на которыхъ привезено сиръ, масло, соль и протчіе дробязки, а на тѣхъ-же подводахъ отпущено въ Товкачовку двѣ куфы горѣлки—одну зъ Василювки не повную, въ которую долили въ Городищѣ полстана, а въ оной мѣры полдесята стана, другую зъ Городища, въ которой мѣры становъ 8 и квартъ 10. Прибыли компанѣйци. Сего-жъ числа синъ нашъ Василь отправленъ до Глухова зъ Іваномъ Кравцемъ и чрезъ него посланы писма до г. Скоропадского, до Юнgганса, до Федора Чуйкевича, до доктора Бока, до Квитницкого, до Іосифа, до Якова Маркевича, а въ дѣлѣ Кравцевомъ писалъ до нѣкоторого Бринцева. Кухаръ бѣжалъ.

27 и 28. Пробавили еще въ Городищѣ, а 29 начали перевозитись оттоль въ Перегонъ.

30. И сами въ Перегонъ переехали.

31. Сей день въ Перегонѣ уже пробавили.

Февраль.

1. Послѣ обѣда отехали зъ Перегону до Левенки и туда прибывши въ вечеру, стали у Александра Корецкого и тамъ застали на весѣля; женилъ онъ своего служителя перекреста Юрія.

2. Жена зъ Федора Корецкого женою ездила до Стародуба къ образу баликинскому[206]); а за поворотомъ ихъ оттоль обѣдали мы тамъ-же въ Левенцѣ, где еще привезъ отъ Павла Миклашевского староста его Новѣцкій 14 р., кромѣ тѣхъ 77 р., которые зъ конми привезлъ прежде въ Перегонъ; а по обѣдѣ отехали мы къ дому и прибыли позно уже въ Перегонъ. Тамъ-же въ Левенцѣ розочлись зъ Александромъ Корецкимъ о 47 червонныхъ, которые отъ него принявши въ 100 р., доплатили ему 3 р. 40 копѣекъ. Сего-жъ 2 числа ездилъ староста зъ Грицкомъ и Дмитромъ компанѣйцами въ Бугаевку и взявъ тамъ бѣжавшую зъ Лукина зъ дѣтми жонку, вдову Бондариху Анну Іваниху, и зъ меншимъ синомъ еи, тако-жъ зъ трома лошадми, припровадили еи въ Перегонъ, изъ которыхъ лошадей отдани кобила чалая лѣтъ 14—Корнѣю Лопазненку, цѣною въ пяти копахъ, а кобилку вороную, лѣтами противъ третого, въ пяти-жъ копахъ; коня-жъ рижого, лѣтъ билшъ 20, для прокорму взялъ Василь Здроченокъ.

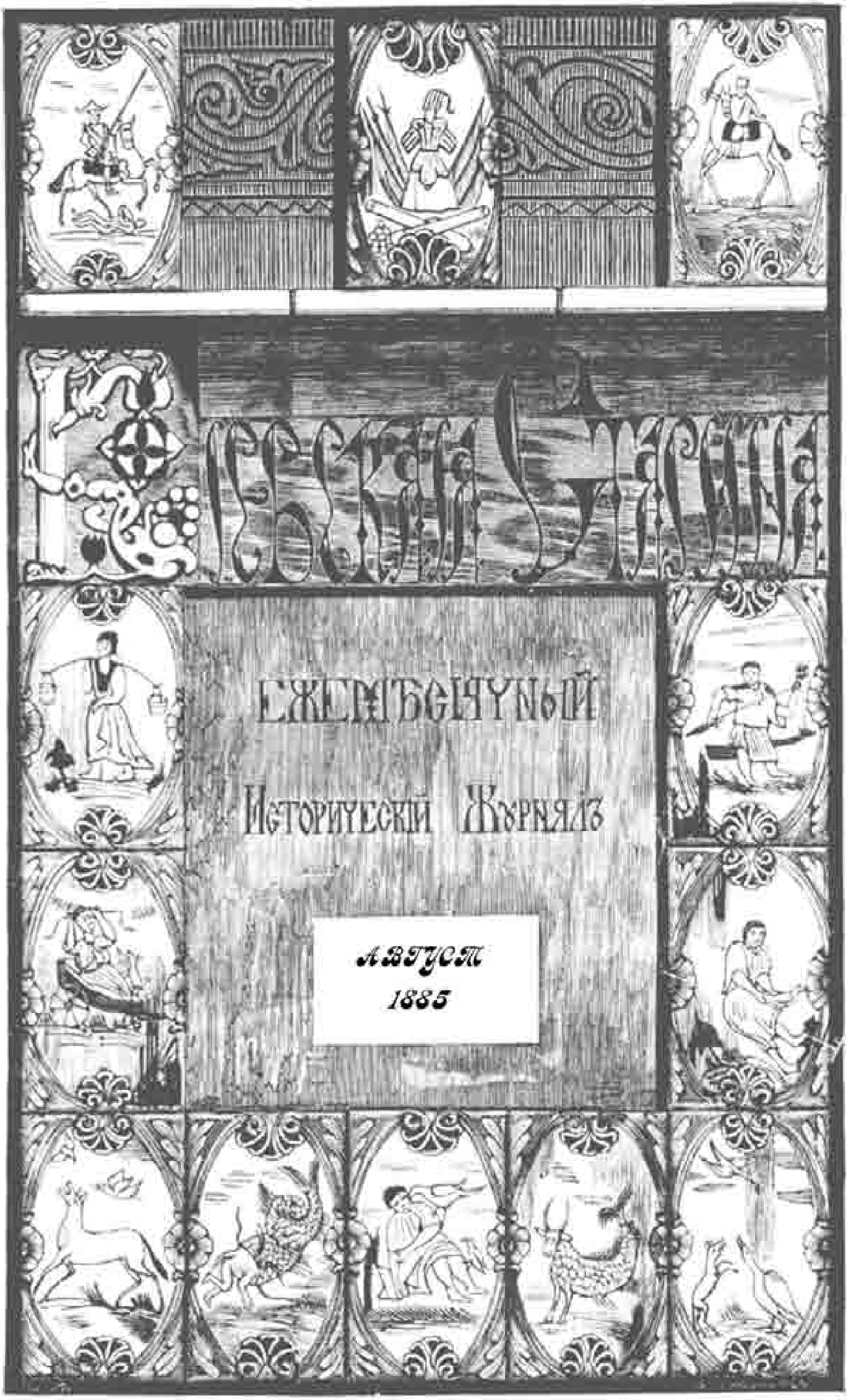
3. Оная жонка Бондариха бѣжала, а кухаръ зъ Глухова при писмѣ отъ Василя присланъ. Сего-жъ числа были у насъ въ Перегонѣ ревѣзоры: значковый товаришъ Василій Хомѣнскій и асаулъ сотенный погарскій Іванъ Перегонецъ. Писмо получилъ отъ сотника погарского о бѣглыхъ.

4. Онымъ ревѣзорамъ отданы именные списки людей посполитыхъ деревень: Перегону, Демковичъ, Чубарова и Курова, да на скупляхъ жіючихъ въ Лукинѣ и въ Чаусахъ.

5. Курилу виннику заплачено за 10 становъ 60 к.

---

[206]) Объ иконѣ Божіей Матери, называемой Балыкинскою (с. Балыкинъ стародубскаго уѣзда) см. Описаніе черниговской епархіи, т. VII, стр. 61.


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Август
1885

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

АВГУСТЪ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** 1

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ» — МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* — б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалья* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Ѳдна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Залѣсскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогрица-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ Ѳ. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*И. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога. — *И. Каманина.* — з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.— *И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*— г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*— в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.— *Д. Гродецкаго.* — г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*— з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545

II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597

III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631

V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*— б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовець. Оповидання. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*— г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А*—д) Портретъ Гонты.— *Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*— ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*— з) Къ портрету Адама Киселя. 707

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ КИСЕЛЬ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ЛИТОГРАФІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО.

Въ исторіи каждаго народа бываютъ такъ называемые переходные періоды, когда жизнь народная подвергается сильной внутренней ломкѣ, подготовленной ходомъ событій. Переживать такіе періоды тяжело даже въ томъ случаѣ, если они служатъ только ступенью къ лучшему будущему; тѣмъ тягостнѣе они тогда, когда ведутъ за собой не пышное возрожденіе народной жизни, а медленное, постепенное угасаніе ея. Такую трудную пору пришлось переживать Малороссіи въ концѣ XVII в. Вѣкъ этотъ былъ бурнымъ для всей Европы: на западѣ ея онъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ крупныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, обусловленныхъ разнообразными религіозными и политическими мотивами (Тридцатилѣтняя война, Англійская революція, возстаніе Мазаніелло въ Италіи); на востокѣ—это было время обширныхъ народныхъ движеній, главнымъ представителемъ которыхъ явилось козачество великорусское и малорусское.

Упорная борьба малорусскаго козачества съ польскимъ государствомъ привела къ тому, что Малороссія отдѣлилась отъ Польши и на переяславской радѣ 1654 г. присягнула на подданство московскому царю. Но рѣшеніе это оставалось долгое время только юридическимъ; Польша не могла помириться съ такой утратой и начала борьбу съ Москвой за обладаніе Малороссіей. Эта долгая борьба поддерживалась тѣми особыми условіями, какія представляла жизнь самой Малороссіи. Стремленіе освободиться отъ польскаго гнета, объединявшее и одушевлявшее всѣ слои населенія, было удовлетворено: переяславской радой Малороссія доказала свое право

распоряжаться своей судьбой; теперь предстояло ей болѣе трудное дѣло: устроить жизнь свою на новыхъ началахъ.

Вполнѣ самостоятельное существованіе среди сильныхъ сосѣдей представлялось невозможнымъ, союзъ съ однимъ изъ нихъ являлся неизбѣжнымъ. Возникшая борьба между Польшей и Москвой давала возможность Малороссіи сравнивать выгоды союза съ однимъ изъ этихъ двухъ государствъ, степень культуры и формы общественнаго быта которыхъ были очень различны. Такимъ образомъ, въ самой Малороссіи были сторонники съ одной стороны Москвы, съ другой—Польши. За союзъ съ Москвой стояла часть старшины козацкой и главнымъ образомъ народная масса, для которой слова «ляхъ» и «панъ» были синонимами; къ Польшѣ тянула другая часть старшины, болѣе развитая политически, и высшее духовенство. Малороссія является не только театромъ войны между двумя враждующими государствами, но въ ней самой начинается внутренній разладъ, который усиливается съ возникновеніемъ двое-гетманства при Юріѣ Хмельницкомъ и достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ промежутокъ времени отъ 1663 до 1687 г. Это мрачное время, когда Малороссія, подвергаясь разоренію извнѣ, терзаясь внутренней безурядицей, казалось, изживала сама себя въ непосильной борьбѣ, запечатлѣлось въ памяти народа подъ мѣткимъ и образнымъ названіемъ «руины». Прологомъ къ этой исторической драмѣ служитъ гетманство Брюховецкаго (1663—1668 г.), въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типическія черты того времени: безпомощность народной массы, безъидейность и эгоизмъ ея руководителей. Гетманство Брюховецкаго—глубоко-скорбная страница въ исторіи Малороссіи; изложить главнѣйшіе факты и по возможности уяснить значеніе этого гетманства—составляетъ задачу настоящаго очерка.

17-го іюня 1663 г. подъ г. Нѣжиномъ было особое оживленіе. Поле пестрѣло народомъ: городовые козаки, мѣщане, поспольство и запорожцы, прибывшіе сюда, смѣшивались въ шумную толпу, а среди поля, окруженный «ратными людьми», стоялъ богатый шатеръ московскаго боярина Великогагина. Здѣсь должна была совершиться «черная рада» для избранія козацкаго гетмана «вольными голосами». Настроеніе толпы было тревожное и наказной гетманъ

Якимъ Сомко предупреждалъ Великогагина принять мѣры къ сохраненію порядка. На этотъ разъ дѣло шло не о простомъ выборѣ гетмана, а о побѣдѣ одного изъ двухъ искателей гетманской булавы—наказнаго гетмана Якима Сомка и запорожскаго кошеваго Ивана Брюховецкаго. Они явились на раду соперниками: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, каждый по своему искалъ опоры въ народной массѣ и расположенія представителей московской власти, но личныя свойства и прошедшая дѣятельность каждаго изъ нихъ были очень различны.

Якимъ Сомко былъ шуриномъ Богдана Хмельницкаго, и это обстоятельство рано выдвинуло его въ ряды козацкой старшины. Во время гетманства Выговскаго онъ оставался въ тѣни; извѣстно только, что онъ не ладилъ съ этимъ гетманомъ. Отъ той поры дошло до насъ свидѣтельство о Сомкѣ современника его, поляка Криштофа Перетятковича, который въ качествѣ посла велъ переговоры съ Выговскимъ. Перетятковичъ разсказываетъ, что въ числѣ козацкихъ пословъ, прибывшихъ на вальный варшавскій сеймъ 4-го апрѣля 1659 г. для утвержденія гадячскихъ статей, былъ и «родной дядя Хмельницкаго (Юрія), Самченко». На сеймѣ этомъ обсуждались нѣкоторыя «невыгодныя статьи, на которыя Рѣчь Посполитая никакъ не могла согласиться». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было послать Перетятковича къ Выговскому, чтобы склонить его на уступки.

Перетятковичъ, снабженный 400 золотыхъ на дорогу и секретными королевскими грамотами, выѣхалъ вмѣстѣ съ «хорошо одареннымъ» Самченкомъ (Сомкомъ). «Ты самъ, Боже, видишь, какія испытанія терпѣлъ я отъ него (Сомка) до Бѣлой-Церкви!» восклицаетъ Перетятковичъ. «Прежде всего онъ хотѣлъ знать, съ какою цѣлью я ѣхалъ къ Выговскому, и домогался, чтобы я ему открылъ это; обѣщалъ мнѣ дать 12 тысячъ и прислать на Волынь множество серебра, лошадей и скота, съ тѣмъ, чтобы я прибылъ въ его домъ въ Переяславѣ, передалъ ему эти деньги на имѣніе на его имя и до тѣхъ поръ въ немъ оставался, пока онъ самъ пріѣдетъ съ женою и дѣтьми. Онъ повидимому весьма радовался тому, что ему дано дворянство и грамота на десятую часть Козельца и часто мнѣ говорилъ: «уже дѣти мои не будутъ ходить чинить плотины», а между тѣмъ злоумышлялъ иное и

задумывалъ погубить меня или отослать къ царю съ упомянутыми депешами. Пріѣхавши такимъ образомъ со мною въ Бѣлую-Церковь, онъ задержалъ меня полтора дня, не отпуская отъ себя, и тайно сносился съ бѣлоцерковскимъ полковникомъ и тамошнею старшиною; но Всевышній Господь избавилъ меня отъ сѣти ловящихъ: Самченко разгнѣвался за то, что я не ѣхалъ съ нимъ въ Переяславъ, и оставилъ меня, а я поспѣшилъ въ Чигиринъ» [1]). Вскорѣ послѣ того Якимъ Сомко выступаетъ открыто противъ Выговскаго, пользуясь тѣмъ недовольствомъ, которое возбудилъ гадячскій договоръ въ народной массѣ. По иниціативѣ Сомка была созвана «черная рада», на которой Выговскій былъ лишенъ гетманства; Сомко, основываясь на родствѣ своемъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, пытался выдвинуть свою кандидатуру, но неудачно: онъ долженъ былъ уступить мѣсто Юрію Хмельницкому, за котораго стояло Запорожье. Но въ 1660-мъ году, когда Юрій Хмельницкій передался полякамъ послѣ битвы у Слободищъ, а Шереметьевъ былъ разбитъ подъ Чудновымъ, Сомко вмѣстѣ съ полковниками нѣжинскимъ и черниговскимъ становится во главѣ оппозиціи въ пользу Москвы. Онъ былъ избранъ сначала переяславскимъ полковникомъ (вмѣсто ушедшаго къ полякамъ Цыцуры), а затѣмъ на радѣ старшинъ, оставшихся вѣрными Москвѣ, получилъ званіе наказнаго гетмана. Неустанно отбиваясь отъ соединенныхъ войскъ польскихъ и Хмельницкаго, выдержавъ двѣ осады въ Переяславѣ и всяческими усиліями отстаивая лѣвобережную Украйну, Сомко успѣлъ создать себѣ нѣкоторую военную репутацію и вѣроятно имѣлъ сторонниковъ среди той козацкой старшины, которая стояла за союзъ съ Москвою и цѣнила чистоту козацкаго рода. По крайней мѣрѣ лѣтописи даютъ единогласно симпатичные отзывы о Сомкѣ: называютъ его «статечнимъ и розумнимъ» [2]), говорятъ, что онъ «былъ воинъ храбрій, уроди, возраста и красоты зѣло дивной, всего-же паче царскаго величества слуга найвѣрнѣйшій» [3]), «войскамъ былъ добримъ приводцею» и боролся съ непріятелями, «не щадячи живота» [4]). Лѣтопись Гра-

[1]) «Объявленіе объ услугѣ Рѣчи Посполитой его милости гг. Крыштофа Перетятковича». Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1873 г.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, р. II, стр. 18.

[3]) Лѣтопись Грабянки, стр. 122.

[4]) Лѣтопись Самовидца, стр. 36.

бянки сообщаетъ даже цѣлый легендарный разсказъ о смерти Сомка [1]). Надо думать, что печальный конецъ этого неудавшагося гетмана и то обстоятельство, что онъ былъ жертвой ненавистнаго Брюховецкаго, не остались безъ вліянія на отзывы о Сомкѣ лѣтописцевъ-современниковъ. Иначе относились къ нему запорожцы. Въ замѣчательномъ посланіи своемъ къ Юрію Хмельницкому они прямо называютъ Сомка «властолюбцемъ», подымающимъ кровопролитіе и междоусобную брань съ племянникомъ «для власти гетманской» [2]), а письмо, которое въ мартѣ 1662 г. писалъ Сѣрко самому Сомку, наполнено самыми ѣдкими укорами наказному гетману. Сѣрко отъ имени всего войска запорожскаго укоряетъ Сомка за солидарность съ Выговскимъ и Хмельницкимъ, за присвоеніе себѣ гетманства безъ вѣдома «черной рады», напоминаетъ ему, какъ онъ «на сеймъ бѣгавъ для титлъ и маетностей» и какъ когда-то «на Дону виномъ шинковалъ» и грозитъ «думой черныхъ людей войсковыхъ» за пролитіе невинной крови, въ которой—прибавляетъ онъ—«вы по шею бродите» [3]). Но лучшимъ матеріаломъ для характеристики Сомка служитъ переписка его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и представителями московской власти. Она даетъ намъ право заключить, что Сомко былъ человѣкъ далеко не даровитый, не способный возвыситься надъ уровнемъ совершающихся вокругъ него событій, болѣе корыстолюбивый, нежели честолюбивый: самымъ гетманствомъ своимъ онъ дорожитъ какъ-бы съ точки зрѣнія матеріальной выгоды. Сознавая шаткость своего положенія и желая упрочить его, онъ старается всячески заслужить довѣріе Москвы: малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи тревожитъ его. Когда московскій посланецъ выговариваетъ ему за то, что онъ подписывается въ письмахъ своихъ съ «вичемъ» (по имени и отчеству), Сомко извиняется собственной безграмотностью и неумѣлостью своего писаря, наивно добавляя, что «такія великаго государя дѣла» ему и писарю «не за обычай» и обѣщаетъ впредь не писаться съ «вичемъ» [4]). Также оправдывается онъ и по поводу описки въ

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 182.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, р. II, стр. 31.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. VII, стр. 337.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 87.

царскомъ титулѣ, при чемъ спѣшитъ прибавить, что образецъ царскихъ титуловъ далъ писарю переяславскій протопопъ, по винѣ котораго и случилась описка [1]). Въ каждомъ письмѣ Сомка къ царю находимъ жалобы на козни противниковъ, отъ которыхъ онъ проситъ защиты, какъ человѣкъ «беззаступный и простой». Опаснымъ соперникомъ Сомка былъ раньше Брюховецкаго нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, тоже природный козакъ, участникъ войнъ Богдана Хмельницкаго, прославившійся военными заслугами и пользовавшійся нѣкоторой популярностью среди козачества. Подобно Сомку, онъ не чуждъ былъ въ свое время участія въ замыслахъ Выговскаго и даже долженъ былъ по гадячскому договору обратиться изъ Золотаренка въ Золотаревскаго, получивъ шляхетское званіе; но затѣмъ, какъ человѣкъ опытный, онъ увидѣлъ безплодность попытки Выговскаго и во время съумѣлъ стать сторонникомъ Москвы и претедентомъ на гетманство. Какъ человѣкъ богатый, онъ не жалѣлъ и денегъ на усиленіе своей партіи. Кромѣ того онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ московскимъ правительствомъ: ѣздилъ въ Москву и переписывался съ царемъ. Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать вниманіе обоимъ кандидатамъ, не зная, за кѣмъ останется побѣда. Подобное отношеніе раздражало Сомка и, вѣроятно, было причиной того, что въ бесѣдѣ съ московскимъ посломъ Федоромъ Протасьевымъ онъ позволилъ себѣ высказать мнѣніе о необходимости ограничить права полковниковъ и усилить власть гетмана присылкой изъ Москвы особаго лица, въ присутствіи котораго гетманъ имѣлъ-бы право судить виновныхъ старшинъ и постановлять даже смертные приговоры [2]). Соперничество съ Золотаренкомъ было причиной того, что двѣ попытки Сомка получить «совершенное гетманство» вмѣсто «наказнаго», путемъ не полной рады, потерпѣли неудачу. На радахъ возникали разногласія и наконецъ обѣ стороны просили царя о назначеніи новой окончательной рады, рѣшеніе которой долженъ былъ подтвердить присланный изъ Москвы уполномоченный. Московское правительство не спѣшило съ этимъ дѣломъ, ожидая, очевидно, какого-нибудь новаго кандидата, котораго можно было-бы

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V-й, стр. 94.

противопоставить двумъ враждующимъ соперникамъ. Попытка выдвинуть вновь на гетманство Юрія Хмельницкаго не удалась, такъ какъ онъ, сбросивъ гетманскій санъ, постригся въ монахи. Скоро третій кандидатъ нашелся; это былъ кошевой Брюховецкій. Василій Золотаренко, разсчитывавшій на поддержку Запорожья, увидѣлъ себя обманутымъ и потерявъ надежду на успѣхъ своей кандидатуры, соединился съ Сомкомъ. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1663 г. могъ быть выборъ между двумя соперниками, но мѣсто Золотаренка занялъ Брюховецкій.

Съ полнымъ единодушіемъ, но только съ отрицательной стороны, относятся малорусскія лѣтописи къ Брюховецкому, называя его «служкой Хмельниченковымъ, завистливымъ Брюховецкимъ» [1]), «недугомъ злобы и гнѣва обузданнимъ», «губителемъ» [2]), который подкупалъ другихъ въ свою пользу «подарунками и обетницями» [3]) и т. п. Молодость свою Брюховецкій провелъ при Богданѣ Хмельницкомъ, въ качествѣ «старшаго слуги». Онъ не былъ «природнымъ козакомъ»; о происхожденіи его мы находимъ нѣкоторыя данныя въ словахъ Сомка: «Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ ляхомъ да окрестился, а въ войскѣ не служилъ и козакомъ не бывалъ». Впослѣдствіи онъ былъ слугой и при Юріѣ Хмельницкомъ, который, какъ видно, относился къ нему съ довѣріемъ: такъ, когда Юрій Хмельницкій задумалъ выступить кандидатомъ на гетманство въ 1659 г. и хотѣлъ заручиться поддержкой запорожцевъ, онъ съ этой цѣлью послалъ на Запорожье Брюховецкаго. Брюховецкій удачно выполнилъ свою миссію, но не возвратился къ гетману, а остался на Запорожьи, гдѣ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть большую популярность. Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій уже въ качествѣ кошеваго являлся въ Москву и въ короткое время своего пребыванія тамъ успѣлъ набросить тѣнь подозрѣнія на Сомка, сообщивъ, что онъ приходится роднымъ дядей Юрію.

Въ 1662 г. Брюховецкій съ запорожцами явился на помощь Ромодановскому противъ Хмельницкаго и, проживши нѣсколько

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр.

[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, р. IV, стр. 38.

[3]) Лѣтопись Самовидца, стр. 39.

недѣль при немъ, успѣлъ заслужить расположеніе московскаго боярина и свести знакомство съ епископомъ Меѳодіемъ, старанія котораго впослѣдствіи разчистили Брюховецкому дорогу къ гетманству. Брюховецкій былъ хитрый и ловкій человѣкъ. Подъ скромной внѣшностью въ немъ таились честолюбивыя мечты, осуществить которыя было не легко. Онъ былъ по природѣ даровитъ, отличался наблюдательностью, которая много помогала ему въ сношеніяхъ съ людьми; кромѣ того онъ обладалъ если не образованіемъ, то по крайней мѣрѣ грамотностью и умѣлъ говорить: «былъ во всѣхъ рѣчехъ цикавій», по свидѣтельству Величка. Сходясь съ людьми, онъ скоро располагалъ ихъ къ себѣ тонкой лестью, притворной скромностью или-же широкими замыслами, наконецъ просто «обетницями и подарунками», смотря по тому, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Видя вокругъ себя разладъ и смуту, способный и ловкій честолюбецъ могъ имѣть надежду на успѣхъ при извѣстной осторожности и настойчивости. И мы видимъ, что Брюховецкій прежде всего вѣрно намѣтилъ себѣ точку опоры: сю въ то время могло быть только Запорожье.

Въ средѣ городовой козацкой старшины Брюховецкому трудно было найти себѣ сторонниковъ. Для нея онъ былъ человѣкомъ чужимъ, «служкой Богдана Хмельницкаго», «не природнымъ козакомъ». Стремленіе козацкой старшины выдѣлиться въ сословную корпорацію зародилось чуть-ли не съ первыхъ дней существованія самой старшины и хотя жизнь разрушала искусственно создаваемыя рамки, но уничтожить самаго стремленія она не могла. Въ эпохи великихъ народныхъ движеній, въ моменты найбольшаго напряженія народныхъ силъ каждая личность становится выше своего обычнаго уровня и общій интересъ заставляетъ молчать на время личныя страсти. Борьба съ Польшей, затрогивавшая всѣ живые интересы страны, на время объединила всѣхъ и наряду съ тѣми, кто боролся за волю и вѣру, стали и тѣ, кто непрочь былъ на освобожденной землѣ установить православное панство. Но время шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялась и рознь между интересами народной массы и козацкой старшины и чѣмъ шире разросталось козацкое движеніе, чѣмъ больше усиливалось въ немъ участіе поспольства, тѣмъ болѣе крѣпла среди козацкой старшины мысль о гарантіи своихъ имущественныхъ интересовъ и объ усвоеніи себѣ сословныхъ правъ.

Для извѣстной части городоваго козачества шляхетскій строй польскаго государства, украшенный всѣмъ блескомъ внѣшней культуры, былъ идеаломъ; для другихъ, не вѣрившихъ въ возможность союза съ поляками, «какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ», былъ больше по-сердцу союзъ съ Москвой, сулившій имъ кромѣ того немаловажныя личныя блага. Правда, боярство московское не было такъ привлекательно, какъ полноправное шляхетство польское, но и оно имѣло свои заманчивыя стороны въ родѣ жалованныхъ вотчинъ «со крестьяны» и т. п. Были, конечно, и среди старшины козацкой люди безкорыстно идейные, руководившіеся въ дѣятельности своей не личными или сословными интересами; но такихъ, какъ всегда и вездѣ, было немного. Ко времени Брюховецкаго обѣ партіи—московская и польская успѣли уже ясно обозначиться, но условія того времени не давали возможности ни одной изъ нихъ сложиться въ строго опредѣленныя формы. И та, и другая партія цѣнили однако чистоту рода: козацкая генеалогія успѣла уже сложиться. Брюховецкій зналъ это и не разсчитывалъ на поддержку козацкой старшины, но сдѣлалъ попытку заручиться приверженцами и здѣсь: онъ обратился къ честолюбію и користолюбію отдѣльныхъ лицъ, т. е. къ тѣмъ рычагамъ, которые сдвигали и не такія препятствія. Такимъ образомъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону Василія Дворецкаго, Матвѣя Гвинтовку и нѣкоторыхъ другихъ.

Всѣ надежды свои Брюховецкій возлагалъ на народную массу, представителемъ которой являлось Запорожье. Крестьянское населеніе самой Украйны было слишкомъ подавлено громадностью переживаемыхъ бѣдствій. Крѣпкой защиты оно не видало нигдѣ: козацкихъ силъ не хватало на оборону не только селъ, но и мѣстечекъ и даже городовъ; чужеземныя войска, приходившія на помощь, смотрѣли на страну, какъ на свою собственность, которую они отбивали изъ рукъ противника для того, чтобъ тотчасъ-же получить ее въ свою власть. Борьба затягивалась, Украйна оставалась постоянно полемъ битвы и только временно переходила изъ рукъ въ руки. Эти временные переходы были ужасны. Какой нибудь городъ или мѣстечко на правомъ берегу Днѣпра сдавались лѣвобережнымъ войскамъ, которые обыкновенно, по своей малочисленности, не могли удержать его за собой. Осажденные вновь польскими войсками, жители держались до послѣдней крайности,

въ надеждѣ на близкую помощь; но она не приходила, городъ брался приступомъ и подвергался жестокому погрому.

Иногда жертвой искупленія бывали предводители осажденныхъ, которыхъ населеніе города рѣшалось выдать; бывали случаи, когда это дѣлалось по ихъ даже собственному почину. Такъ паволоцкій полковникъ, Иванъ Поповичъ, перебившій всѣхъ поляковъ и евреевъ въ своемъ городѣ, былъ осажденъ правобережнымъ гетманомъ Тетерею и не дождавшись помощи отъ Брюховецкаго, сдался, выговоривъ прощеніе остальнымъ жителямъ. Онъ погибъ на глазахъ паволочанъ. Бывало и такъ, что отнятый поляками городъ подвергался вторично осадѣ отъ лѣвобережнаго войска; помня прошлыя невзгоды, жители рѣшались отстаиваться въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, за измѣну которой они такъ жестоко поплатились уже, должна-же теперь защитить ихъ; но надежда эта часто обманывала ихъ и тогда снова повторялись кровавыя сцены. Въ лучшемъ случаѣ, если жители умѣли вымолить себѣ жизнь, погромъ ограничивался раззореніемъ. То, что творилось въ обширныхъ размѣрахъ въ правобережной Украйнѣ, повторялось въ меньшемъ видѣ на лѣвомъ берегу. Страна опустѣла, обезлюдѣла.

Полной безпомощностью звучатъ слова жителей м. Зѣнкова въ письмѣ ихъ къ Сомку; объявляя о своемъ желаніи быть по прежнему въ подданствѣ московскаго царя, они пишутъ: «а что въ нынѣшнее время зимнее не могли-сьмы съ тѣмъ открыть, хотя сердце наше жадало къ тебѣ, возбраняли намъ наступаючіе поганскіе, также войскъ козацкихъ и ляцкихъ силы; ибо намъ бѣднымъ, своеваннымъ и въ конецъ разоренным, не можно малой горсти всякому противитьца, ни откуды не имѣючи никакіе помочи, а потомъ въ невинности своей погибать прежде времяни» [1]). Если это говоритъ городъ и при томъ лѣвобережный, то какъ-же безгранично безпомощны были жители деревень? Не мудрено, что лѣтописецъ подъ 1660-мъ годомъ отмѣчаетъ распространившійся слухъ о нарожденіи антихриста на востокѣ и близкой гибели міра [2]). Все, что могло, бѣжало отъ этой жизни, пытки злѣе, и бѣжало на Запорожье. Община запорожская быстро пополнялась

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 67.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, р. I, стр. 16—17.

этими бездомными сиромахами, приносившими съ собой и свое озлобленіе противъ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію долженъ былъ защитить ихъ: противъ смѣнявшихся одинъ за другимъ гетмановъ, противъ козацкой старшины, противъ наиболѣе зажиточнаго и обезпеченнаго городоваго козачества. Характерно для того времени письмо отъ всего «войска запорожскаго къ черни городовой» (1662 г.): въ немъ запорожцы совѣтуютъ «городовой черни и войску» не вѣрить измѣнникамъ, не слушать ихъ прелестныхъ словъ, не принимать ихъ вольностей и не губить своихъ душъ «для проклятого шляхетства лядского», прибавляя, что имъ «чернякамъ того шляхетства ненадобно»[1]). Живя на Запорожьи, Брюховецкій имѣлъ время присмотрѣться къ тому, что происходило на его глазахъ, и съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ народа. Не трудно представить себѣ, что и какъ говорилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ съ запорожцами, если въ самомъ непродолжительномъ времени мы видимъ его уже кошевымъ.

Конечно, онъ заявлялъ себя искреннимъ другомъ этой голоты, искреннимъ ненавистникомъ всякой неправды и насилія, искреннимъ ревнителемъ вѣры и свободы, огражденіемъ которыхъ долженъ служить союзъ съ Москвой. Такого именно гетмана хотѣло видѣть Запорожье и выставило Брюховецкаго своимъ кандидатомъ. Брюховецкій всячески старался поддержать свою популярность и въ перепискѣ своей съ высшими властями относительно запорожцевъ высказываетъ нѣжную заботливость; онъ постоянно употребляетъ такія выраженія, какъ «чернь съ милою охотою позволяетъ», «мои односумы» и т. п. Запорожье въ то время пользовалось огромнымъ авторитетомъ, такъ какъ за него стояла народная масса, и потому голосъ его на «черной радѣ» былъ обыкновенно рѣшающимъ. Оттого-то Брюховецкій и настаивалъ такъ усиленно на созваніи именно «черной рады».

Но, кромѣ того, онъ хотѣлъ заручиться еще поддержкой со стороны лицъ, пользовавшихся довѣріемъ московскаго правительства[2]). Съ этой цѣлью онъ завелъ сношенія съ Гр. Гр. Ромодановскимъ, который, въ качествѣ предводителя московскихъ войскъ, былъ въ

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.

[2]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.

то время однимъ изъ главныхъ представителей московской власти въ Украйнѣ, и внушить ему расположеніе. Наконецъ Брюховецкому удалось найти себѣ очень важнаго союзника, въ лицѣ епископа Меѳодія. Эти два человѣка поняли другъ друга. Оба они были одного типа: неглупые, способные, неискренніе, медленно, осторожно, но упорно шедшіе къ намѣченной цѣли, не стѣсняясь въ средствахъ и маскируя свои планы. Меѳодій давно уже пользовался благосклонностью Москвы: во время гетманства Выговскаго, будучи еще скромнымъ нѣжинскимъ протопопомъ, Максимомъ Филимоновичемъ, онъ писалъ московскому царю о необходимости ввести воеводъ московскихъ въ украинскіе города [1]), и потомъ во всѣхъ смутахъ заявлялъ себя сторонникомъ Москвы и давалъ ей совѣты. Въ 1661 г. Максимъ Филимоновичъ получилъ санъ епископа мстиславскаго и оршанскаго и былъ назначенъ блюстителемъ кіевской митрополіи, которая оставалась вакантной. Трудно сказать навѣрно, насколько опредѣлены были честолюбивые планы Меѳодія. Но сопоставляя его исканіе популярности и связей въ Москвѣ, поведеніе его въ болѣе позднее время, когда рѣчь шла о назначеніи митрополита изъ Москвы, и временный разрывъ его съ Брюховецкимъ по этому поводу, а затѣмъ примиреніе ихъ въ послѣдніе годы гетманства, можно предположить, что честолюбивыя мечты были не чужды епископу, когда онъ встрѣтился съ Брюховецкимъ. Союзъ ихъ и взаимная поддержка могли гарантировать обоимъ достиженіе цѣли; кромѣ того у Меѳодія было еще побужденіе стать на сторону Брюховецкаго,—это вражда къ Сомку. Неизвѣстны причины этой вражды; одна только лѣтопись упоминаетъ, что Сомко могъ подкупить Меѳодія, но не захотѣлъ. Меѳодій явился главнымъ противникомъ избранія Сомка въ «совершенные» гетманы и даже пытался выгнать его изъ церкви, не допустивъ къ присягѣ послѣ козелецкой рады [2]); встрѣтясь какъ-то у Ромодановскаго, Сомко и Меѳодій такъ поспорили, что дѣло едва не дошло до убійства [3]). Потому-то Меѳодій готовъ былъ поддерживать каждаго противника Сомка и раньше стоялъ на сторонѣ Золотаренка. Онъ

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XI.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 128.

[3]) Лѣтопись Величка, т. II, разд. III, стр. 27.

усердно старался выставить въ самомъ дурномъ видѣ Сомка предъ московскимъ правительствомъ, доносилъ, что Сомко не хочетъ ѣхать на раду и не пускаетъ туда полковниковъ, что онъ сносится тайно съ Юріемъ Хмельницкимъ и т. п. Въ жалобахъ Сомка на враговъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится Меѳодію.

Видя, вѣроятно, въ Брюховецкомъ болѣе надежную опору для своихъ цѣлей, Меѳодій скоро оставилъ Золотаренка и сталъ дѣйствовать въ пользу новаго союзника. Уже въ 1661 г., въ беседѣ съ московскимъ посланнымъ Ѳедоромъ Протасьевымъ, Меѳодій передавалъ великому государю совѣтъ не назначать гетманомъ ни Сомка, ни Васюты (Золотаренка) во избѣжаніе усобицы [1]). Устраненіемъ двухъ претендентовъ расчищалось мѣсто для третьяго, который и выдвигается тогда-же, пока въ скромной роли вѣрнаго царскаго слуги. Къ тому-же Протасьеву Брюховецкій, бывшій тогда въ Переяславѣ, привелъ козака Семенова, бѣжавшаго изъ чигиринской тюрьмы, который сообщилъ вѣсти о тяжелой болѣзни Хмельницкаго, о ненадежности его по отношенію къ московскому царю и о томъ, что «къ нему, Юрасу, отъ наказнаго гетмана Якима Сомка листы приходятъ частые о всемъ» [2]). Этимъ бросалась новая тѣнь на Сомка. Измѣну Сомка Брюховецкій подчеркиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ: пересылаетъ какія-то перехваченныя письма его Ромодановскому и даже въ самую Москву [3]). О собственныхъ видахъ на гетманство онъ не проговаривается ни однимъ намекомъ и по этому поводу высказывается болѣе, чѣмъ безкорыстно: «намъ не о гетманствѣ надобно стараться», пишетъ онъ Меѳодію, только о князя малороссійскаго отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Ѳедора Михайловича имѣти, чтобъ порядокъ лутчый былъ и обереженье всякое»..., «а я самъ, какъ Богъ подастъ, послѣ той рады ненадобной буду со всимъ войскомъ видѣти порядокъ тотъ» [4])... и т. д. Смиреніе и вѣрность Брюховецкаго цѣнились по заслугамъ и пріобрѣтали ему довѣріе Москвы,

---

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 89.

[2]) Ibid.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 97.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 101, подъ именемъ Ѳедора Михайловича здѣсь разумѣется думный дьякъ Ртищевъ.

если и не полное, то по крайней мѣрѣ такое, на которое могъ разсчитывать третій человѣкъ въ виду двухъ соперниковъ, успѣвшихъ взаимной враждой и клеветами заявить себя подозрительными и безпокойными людьми.

Не трудно было предугадать, чѣмъ кончится «черная рада» въ іюнѣ 1663 г.: на сторонѣ Сомка было нѣсколько колеблющихся полковъ, удерживаемыхъ старшиною, за Брюховецкаго стояли запорожцы, народъ и часть городовыхъ козаковъ. Не успѣлъ еще Великогагинъ дочитать царской грамоты, дозволявшей козакамъ избрать гетмана вольными голосами, какъ раздались съ одной стороны крики: «Сомка», съ другой «Брюховецкаго» и вслѣдъ затѣмъ произошла свалка, въ которой Сомко со своими полками былъ оттиснутъ, бунчукъ наказнаго гетмана сломанъ и запорожцы, поставивъ на столъ Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ. Сомко скрылся въ шатеръ Великогагина, протестуя противъ незаконнаго избранія; московскіе послы были также смущены и объявили о созваніи новой рады на слѣдующій день. Но дѣло на этотъ разъ кончилось тѣмъ, что козаки Сомка передались Брюховецкому, который торжественно былъ объявленъ гетманомъ. Московскіе послы вручили ему гетманскіе клейноты и приняли отъ него присягу на вѣрность московскому царю. Якимъ Сомко, Василій Золотаренко и другіе представители козацкой старшины были арестованы и потомъ выданы Брюховецкому. На ихъ мѣста были тутъ-же назначены лица, заранѣе намѣченныя Брюховецкимъ, въ томъ числѣ Матвѣй Гвинтовка, получившій званіе полковника нѣжинскаго и Василій Дворецкій—полковника кіевскаго. Желая какъ можно скорѣе и вѣрнѣе избавиться отъ Сомка и остальныхъ противниковъ своихъ, Брюховецкій писалъ въ Москву, будто у Сомка хранятся доставшіяся ему при пораженіи Выговскаго подъ Хмельникомъ гадячскія статьи, скрѣпленныя присягой и будто Сомко имѣлъ въ виду, ставши гетманомъ, предложить Москвѣ условія гадячскаго договора, или-же отказаться отъ подданства. Остальныхъ арестованныхъ онъ обвинялъ въ содѣйствіи этимъ замысламъ [1]). Обвиненіе было направлено мѣтко. 18-го сентября 1663 г. въ г. Борзнѣ были казнены осужденные войсковымъ судомъ: Якимъ Сомко, Василій Золотаренко, бывшіе

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IV, стр. 38.

полковники: лубенскій—Степанъ Шамрицкій, переяславскій Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ и съ ними Павелъ Киндѣй, Ананка Семеновъ и Кириллъ Ширяй. Обозный Цесарскій и полковникъ Дворецкій, присутствовавшіе при казни, отвезли въ Москву въ оковахъ еще десять человѣкъ, которые были сосланы въ Сибирь [1]). Покончивши съ противниками, Брюховецкій постарался отдѣлаться и отъ тѣхъ сторонниковъ, дальнѣйшее вмѣшательство которыхъ въ его дѣла было вовсе нежелательно гетману. Значительная часть запорожцевъ, прибывшихъ на «черную раду», не возвратилась въ Сѣчь,—они являлись обузой для Брюховецкаго, который однако скоро придумалъ, какъ распорядиться съ ними. Раздавши нѣкоторымъ изъ нихъ козацкіе уряды и благодаря этому заручившись ихъ расположеніемъ, онъ раздѣлилъ остальныхъ на мелкіе отряды и распредѣлилъ по разнымъ полкамъ, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ. Эти отряды, не имѣвшіе опредѣленнаго назначенія, располагались военнымъ постоемъ по городамъ и селамъ. Мѣра, придуманная гетманомъ, достигала двойной цѣли: 1) раздробляя силы запорожцевъ, она ослабляла ихъ и 2) она развивала озлобленіе противъ запорожцевъ въ населеніи, для котораго «военный постой», особенно въ то трудное время, былъ тяжелымъ игомъ. Крутыя мѣры Брюховецкаго вызвали противъ него раздраженіе съ первыхъ-же дней его гетманства; но дѣло было сдѣлано, а грозныя внѣшнія обстоятельства требовали сосредоточенія народныхъ силъ. Въ ноябрѣ 1663 г. въ Батуринъ пріѣхалъ дьякъ Башмаковъ для подтвержденія и укрѣпленія договорныхъ статей со стороны гетмана и старшины.

Батуринскія статьи были повтореніемъ переяславскихъ 1659 г., установленныхъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ, касавшихся сбора податей въ царскую казну и раздачи жалованья козацкому войску, рѣшено было послать челобитье царю, такъ какъ, по заявленію гетмана и старшины, статьи эти не могли быть приняты въ виду критическихъ военныхъ обстоятельствъ. Одной изъ первыхъ заботъ новаго гетмана было возвращеніе передавшихся полякамъ лѣвобережныхъ городовъ и отраженіе польскихъ и козацкихъ войскъ подъ предводительствомъ

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 141.

правобережнаго гетмана Тетери. Кажется, въ это время какъ московское правительство, такъ и люди близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи начинаютъ сознавать если не невозможность, то крайнюю трудность овладѣть правобережной Украйной. Царь Алексѣй Михайловичъ даетъ въ этомъ смыслѣ инструкціи своимъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ Польшей; еще раньше Сомко въ письмѣ къ царю высказываетъ мысль—уступить Польшѣ правобережные города, выведши изъ нихъ жителей на лѣвый берегъ. Стремленіе къ свободѣ личности и гарантіи сословныхъ правъ въ средѣ правобережной старшины, безпомощное положеніе народной массы, подчинявшейся силѣ и способной на активный протестъ тогда, когда чаша терпѣнія переполнялась, и настойчивая борьба со стороны поляковъ за утраченныя владѣнія—все это были серьезныя препятствія для объединенія Украйны подъ московской властью. Для этого нужны были большія матеріальныя и нравственныя силы, которыми не обладало тогда московское государство. Москва могла предложить для успокоенія Украйны одно исконное средство и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ задавала вопросъ: «ссоритесь, обираете другъ друга,—не хотите-ли воеводъ его царскаго величества?» [1]). Ни Москвѣ, ни Польшѣ, однако, не хотѣлось мириться на маломъ и пока шли переговоры, исподоволь подготовившіе андрусовскій договоръ, война въ Украйнѣ продолжалась. Первые годы гетманства Брюховецкаго заняты главнымъ образомъ военными дѣлами. Онъ настойчиво пишетъ въ Москву о присылкѣ возможно большаго числа ратныхъ людей и даетъ нѣкоторые совѣты на счетъ веденія войны. Такъ, отправляя нѣсколькихъ калмыковъ, вмѣстѣ съ другими посланцами, въ Москву, онъ говоритъ, что считалъ необходимымъ удовлетворить выраженное ими желаніе видѣть царя, потому что калмыки, непримиримые враги татаръ, могутъ быть очень полезными союзниками запорожцевъ: «а намъ таковыхъ и потребно—лихаго недобрымъ казнити, пусть нечистый съ поганымъ бьетца, дабы чистымъ и законнымъ пространство отъ безбожныхъ было» [2]). Сообщая постоянно о своихъ военныхъ затрудненіяхъ, Брюховецкій не уставалъ обвинять въ бездѣйствіи и медлительности

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи». т. XI, стр. 23.

[2]) «Акты южной и западной Россіи т. V, стр. 170.

Ромодановскаго, расположенія котораго онъ еще такъ недавно заискивалъ; онъ не удержался и отъ другаго, болѣе опаснаго обвиненія, когда писалъ, что Ромодановскій «будто сговорился съ непріятелемъ»[1]). Война велась довольно успѣшно, Брюховецкому удалось возвратить нѣкоторые лѣвобережные города: Потокъ, Переволочну, Кременчугъ, гдѣ засѣлъ было правобережный наказной гетманъ Петръ Дорошенко. Но важнѣе всего было то, что соединеннымъ московскимъ и козацкимъ войскамъ удалось отстоять г. Глуховъ, осажденный польскимъ королемъ, успѣвшимъ побѣдоносно переправиться на лѣвый берегъ.

Послѣ неудачной осады Глухова Янъ Казиміръ отступилъ въ Польшу и волненіе, вызванное въ народѣ появленіемъ его на лѣвомъ берегу, стало стихать. Въ то-же время посланный въ Запорожье отрядъ, подъ начальствомъ Григорія Косагова, вмѣстѣ съ запорожскимъ отрядомъ Сѣрка, выступивъ изъ Сѣчи, воевали съ союзниками поляковъ татарами и доходили до Перекопа, разоряя татарскія селища. Такое отвлеченіе татаръ ослабляло польскія силы, а то обстоятельство, что Сѣрко, запорожскій герой, былъ на сторонѣ московскихъ войскъ, поддерживало популярность московской власти въ народѣ. Правда, въ 1664 г. еще Косаговъ писалъ, что Запорожье шатается подъ вліяніемъ прелестныхъ писемъ Тетери, и ожидая всякихъ бѣдъ, посылалъ завѣщаніе свое отцу. Но не смотря на это, запорожскія войска въ томъ-же 1664 г. участвовали вмѣстѣ съ козаками Брюховецкаго въ битвахъ съ поляками. Въ правобережной Украйнѣ царилъ разладъ. Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, Иванъ Остаповичъ Выговскій съ Іосифомъ Тукальскимъ, преемникомъ митрополита Балабана на правомъ берегу, и монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ, не прочь были пойти на сдѣлку съ Москвой, которая, вѣроятно, не оставалась глуха къ такимъ намѣреніямъ. Но польскія власти разрушили эти замыслы: Выговскій былъ разстрѣлянъ, а Тукальскій и Хмельницкій заточены въ Маріенбургскую крѣпость. Лѣвобережныя войска переходили за Днѣпръ, успѣли взять нѣсколько городовъ, пытались овладѣть самимъ Чигириномъ, который, однако, отстоялся. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неудачъ, не имѣя опоры въ населеніи, которое не разъ волей

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, 192.

и неволей сдавало города лѣвобережнымъ войскамъ. Тетеря сталъ настойчиво писать королю о необходимости заключить миръ съ Москвой, прося въ противномъ случаѣ отставки отъ гетманства. Такимъ образомъ упорная борьба принуждала къ уступкамъ и Москву и Польшу: разоренной и обезсиленной Малороссіи предстояло присутствовать при раздѣлѣ собственной территоріи между двумя болѣе сильными соперниками.

Во главѣ Украйны стояли два человѣка, Тетеря и Брюховецкій—равно способные на личную интригу, но не на борьбу за общественные интересы. Ставши гетманомъ, Брюховецкій далъ просторъ той жаждѣ власти и корыстолюбія, которыя онъ находилъ нужнымъ сдерживать прежде, но при этомъ онъ долженъ былъ неминуемо натолкнуться на протестъ всѣхъ слоевъ населенія и особенно двухъ болѣе сплоченныхъ группъ—городового козачества и мѣщанства. Назначивши на мѣста старшинъ такихъ людей, которые лично ему обязаны были своимъ возвышеніемъ, Брюховецкій не могъ уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, не подвергаясь опасности утратить гетманство, а число этихъ враговъ возрасло послѣ кровавой расправы его съ Сомкомъ. Въ глазахъ ихъ новый гетманъ являлся незаконнымъ, а своимъ образомъ дѣйствій онъ нарушалъ стародавнія права козацкія. Самовольное назначеніе полковниковъ и смѣщеніе ихъ, пристрастные приговоры войсковаго суда, составленнаго изъ сторонниковъ гетмана, его стремленіе усилить гетманскую власть, съ помощью власти московской, возбуждали противъ него общее раздраженіе даже у людей, имъ-же выдвинутыхъ, которые никогда не могли быть вполнѣ увѣрены въ прочности своего положенія. Стремленіе къ ограниченію правъ козацкой старшины и усиленію своей власти особенно замѣтно проявляется у гетмановъ лѣвобережныхъ, для которыхъ общественный строй московскаго государства являлся образцомъ. «Многіе козаки пишутся въ мѣщане», говорилъ Брюховецкій Леонтьеву, «а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ козаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ» [1]. Гетманъ, избранный «черной радой» и опиравшійся на поддержку Москвы, имѣлъ возможность держать въ рукахъ до поры до времени своихъ противниковъ; но они платили ему

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россія», т. XI, стр. 194.

глухимъ недовольствомъ и чувствуя свое безсиліе дѣйствовать открыто, прибѣгали къ доносамъ, которые въ это время являются наиболѣе употребительнымъ средствомъ борьбы.

Другая черта характера Брюховецкаго—корыстолюбіе—была причиной той ненависти, какую возбудилъ онъ среди мѣщанъ. Брюховецкій враждебно относился къ привиллегіямъ, полученнымъ городами отъ польскихъ королей и подтвержденнымъ потомъ московскимъ правительствомъ. Онъ неоднократно писалъ въ Москву о несправедливости такого привиллегированнаго положенія мѣщанъ, сравнительно съ козаками, и стремился захватить въ свои руки право налагать поборы и повинности. Мѣщане вынуждены были иногда прибѣгать къ защитѣ представителей московской власти, какъ это было, напримѣръ, въ Кіевѣ при воеводѣ Чаадаевѣ. Когда этотъ воевода былъ смѣщенъ, по наговорамъ Брюховецкаго, озлобленіе мѣщанъ на гетмана еще усилилось. Народъ для Брюховецкаго былъ средствомъ совершить переворотъ въ свою пользу; для того-же, чтобъ упрочить свое положеніе, Брюховецкій нашелъ другую опору. Переписка его съ Москвой хорошо характеризуетъ тѣ пріемы, какіе употреблялъ гетманъ, чтобы пріобрѣсть довѣріе и благосклонность власть имущихъ. Прежде всего онъ заявляетъ себя безупречно вѣрнымъ сыномъ своего отечества, а подъ именемъ отечества готовъ разумѣть не только Малороссію и Великороссію нераздѣльно, но и всѣ тѣ восточныя, западныя и сѣверныя земли, отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ которыхъ писался московскій царь. Въ своей вѣрности онъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія и если встрѣчается съ подозрѣніемъ такого рода, то оправдывается съ какой-то рабской гордостью. Характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ окольничьему Богдану Матвѣевичу Хитрово, который въ бесѣдѣ съ полковникомъ Дворецкимъ презрительно отозвался о гетманѣ за его доносы на Ромодановскаго и за то, что онъ ратныхъ людей голодомъ моритъ. Брюховецкій краснорѣчиво оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, объясняя, что затрудненія въ продовольствіи ратныхъ людей неизбѣжны, такъ какъ «послѣ пороги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно, что послѣ войны людямъ свобода, а не подати, особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей», и что ратныхъ людей въ Малороссію Москва должна

посылать ради своей-же пользы, такъ какъ Малороссія служитъ предверіемъ Великой Россіи. Нѣсколько рѣзкихъ фразъ своихъ онъ смягчаетъ словами: «это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ». По поводу жалобъ своихъ царю на Ромодановскаго, Брюховецкій говоритъ: «не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ мнѣ утаить нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище по Богѣ, Богородицѣ и всѣхъ святыхъ онъ свѣтъ, помазанникъ Божій»[1]). Тамъ, гдѣ дѣло касается его интересовъ, онъ поступаетъ вопреки указаніямъ сверху, но умѣетъ доказать, что иначе поступить было невозможно. Такъ, будучи еще кошевымъ, онъ провелъ на Украйнѣ зиму 1662—1663 г., не смотря на приказаніе удалиться въ Сѣчь, полученное отъ царя. Какъ человѣкъ «цикавій въ рѣчехъ», онъ знаетъ, какъ много значитъ *форма* выраженія въ глазахъ власти. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей оплошности въ титулахъ и разъ избравши себѣ формулой для подписи: «вѣрный холопъ и нижайшій подножекъ престола его царскаго величества Ивашка Брюховецкій», считаетъ себя гарантированнымъ съ формальной стороны. Онъ не стѣсняется давать совѣты, а иногда и просто заявлять несогласіе съ тѣмъ или другимъ указомъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ человѣкъ мѣстный, лучше знаетъ условія, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать для блага родины, нераздѣльнаго съ интересами его царскаго величества. Такъ, на указъ царя о выдачѣ продовольствія и одежи царскимъ ратнымъ людямъ, стоящимъ въ Малороссіи, Брюховецкій отвѣчалъ, что довольствованіе ратныхъ людей сверхъ того, что имъ выдается, было бы непосильнымъ налогомъ для населенія и потому онъ рѣшилъ не объявлять царскаго указа во всеобщее свѣдѣніе, опасаясь недовольства и волненій[2]). Мы видимъ, что совѣты его выслушиваются благосклонно, непріятные ему люди, какъ кіевскій воевода Чаадаевъ, переяславскій воевода Волконскій, смѣняются, и довѣріе Москвы

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 118—170. «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 254.

[2]) Акты южной и западной Россія, т. V, стр. 224.

къ новому гетману растетъ. Чтобы упрочить за собой окончательно это довѣріе, Брюховецкому нужно было сдѣлать еще шагъ, на который указывали уже ему представители московской власти: нужно было, чтобъ гетманъ лично явился въ Москву. Ни одинъ изъ гетмановъ, со времени Богдана Хмельницкаго, не ѣздилъ представиться царю, и Хитрово между прочимъ упрекнулъ Брюховецкаго въ томъ, что и онъ, видно, пойдетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. Сильно обиженный Брюховецкій въ письмѣ своемъ, оправдываясь военными заботами, писалъ: «самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчизну, огнемъ пылающую, при такомъ неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ»[1]).

Одинъ изъ этихъ львовъ, гетманъ Тетеря, убѣдившись въ томъ, что не сможетъ отстоять ни правобережной Украйны, ни своего гетманства, которое не пользовалось симпатіями населенія, удалился въ Польшу, захвативъ съ собою свое имущество и знаки гетманскаго достоинства. На время война какъ бы стихла, свелась на отстаиваніе порознь мелкихъ городовъ. Воспользовавшись этимъ, Брюховецкій сдалъ дѣла наказному гетману, переяславскому полковнику Даніилу Ермоленку, а самъ извѣстилъ въ Москву о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Въ сентябрѣ 1665 г. Брюховецкій прибылъ въ Москву; здѣсь его встрѣтили, какъ давно желаннаго гостя. Вмѣстѣ съ нимъ были: нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка, кіевскій Василій Дворецкій, лубенскій Григорій Гамалея, генеральный обозный Иванъ Цесарскій, судья Петръ Забѣла, писари: Степанъ Гречаный и Захаръ Шийкевичъ, еще нѣсколько лицъ изъ казацкой старшины, протопопъ Григорій Бутовичъ съ чернымъ попомъ Гедеономъ и дьякономъ Авксентіемъ, козаки, мѣщане, атаманы, войты, бурмистры и райцы, наконецъ, челядники и хлопцы», всего 585 человѣкъ[2]).

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, послѣ свиданія съ царемъ и московскими боярами, Брюховецкій предложилъ нѣсколько добав-

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 171; Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 257.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 4.

леній къ старымъ договорнымъ статьямъ. Эти добавочныя статьи, числомъ 8, были составлены и подписаны гетманомъ и старшиной, а затѣмъ утверждены царемъ. Самою важною изъ нихъ была первая. Въ ней говорилось: «для усмиренія частой въ малороссійскихъ городахъ шатости, которая за прошлыхъ гетмановъ на Украинѣ бывала и нынѣ часто за непостоянствомъ малороссійскихъ городовъ жителей взрывается, чтобъ Украина съ малороссійскими городами и мѣстами, и мѣстечками, и съ слободами и съ селами и въ нихъ всякихъ чиновъ жители подъ его царскаго пресвѣтлаго величества и его государскихъ людей благородныхъ государей царевичей и ихъ государскихъ наслѣдниковъ высокодержавною и крѣпкою рукою въ прямомъ и истинномъ подданствѣ стройно пребываючи и обыкновенную должность съ городовъ и селъ въ государеву казну отдаючи, при крѣпкой и отъ непріятелей невредимой оборонѣ государской вѣчно пребывала; понеже надлежащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оные заступати монархомъ, а не гетманомъ. А чтобъ Богу и всему свѣту явно было, что онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣми малороссійскими городами и съ селами, въ совершенномъ и истинномъ подданствѣ государскомъ нынѣ и впредь вѣчно пребыти хощетъ, и что самою истиною монарха своего знати желаетъ, тогда всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и отъ поселянъ, во всякомъ малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, по милосердному государскому разсмотрѣнію, погодно въ казну государеву выбирати гетманъ съ войскомъ желаетъ и челомъ бьетъ, при которыхъ поборахъ денежныхъ, гетманъ же съ войскомъ челомъ бьетъ, чтобъ примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ и по меньшимъ всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки на одну только горѣлку были, которые приходы кабацкіе винные въ государеву казну обрѣтатися имѣютъ; также всякіе размѣры хлѣбные, со всѣхъ мельницъ малороссійскихъ городовъ приходящіе, вкупѣ съ данью медовою, въ волостяхъ малороссійскихъ выбиратись обыклою и съ доходами отъ купцовъ чужеземныхъ приходящею, не гдѣ индѣ, токмо въ государеву же казну во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ доходить имѣютъ» [1]).

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 376, 615.

Въ царской резолюціи на статью эту говорилось, что царь гетмана и старшину и все войско запорожское жалуетъ, за то милостиво нохвалястъ и «укажетъ въ малороссійскіе городы послать своихъ государевыхъ воеводъ» [1]). Такимъ образомъ города лѣвобережной Украйны отдавались во власть московскихъ воеводъ. Это было завѣтной мечтой московскаго правительства, осуществленію которой малороссійское казачество противилось долго и упорно. По переяславскому договору 1654 г. московскій воевода съ царскими ратными людьми долженъ былъ находиться только въ Кіевѣ; въ переяславскихъ статьяхъ, установленныхъ съ Юріемъ Хмельницкимъ въ 1659 г., Москвѣ удалось выговорить назначеніе воеводъ еще въ Черниговъ, Нѣжинъ и Переяславъ на лѣвомъ и въ Умань и Брацлавъ на правомъ берегу. Но воеводы эти имѣли въ Малороссіи значеніе только военныхъ властей, начальниковъ надъ царскими ратными людьми»; они не касались ни полковой казацкой, ни городовой мѣщанской администраціи. Московскія статьи 1665 года существенно измѣняли число и значеніе воеводъ въ Малороссіи. Въ четырехъ лѣвобережныхъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и Нѣжинѣ, гдѣ воеводы уже существовали, число ратныхъ людей при нихъ было увеличено. Здѣсь были назначены воеводы во всѣ болѣе важные города Малороссіи: Полтаву, Кременчугъ, Остеръ, Новгородъ-Сѣверскъ и съ значительнымъ числомъ ратныхъ людей [2]); меньше ихъ должно было находиться при воеводахъ лубенскомъ, прилуцкомъ, миргородскомъ и др. И даже на вольное Запорожье, не знавшее воеводскаго правленія никогда, назначенъ былъ теперь въ Кодацкую крѣпость воевода съ 300 ратныхъ людей. Объ этомъ гетманъ особенно позаботился, настаивая на необходимости быть ратнымъ людямъ въ Кременчугѣ—выше пороговъ и Кодакѣ—на самахъ порогахъ, такъ какъ тогда «Запорожье будетъ подъ государскою высокою рукою и крѣпко»; [3]) нужно, говорилъ онъ, въ «Запорогахъ быть особому воеводѣ и зимовать въ Запорогахъ; тѣмъ надъ непріятелемъ и промыслъ учинить» [4]). Всѣ эти воеводы обле-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[4]) Ibid., стр. 19.

чены были уже не прежней властью: теперь въ ихъ рукахъ былъ сборъ податей и налоговъ; подъ ихъ надзоромъ особые переписчики должны были составить перепись населенію, съ обозначеніемъ падающей на каждаго жителя доли повинностей. Воеводы являлись экономическими хозяевами цѣлой страны, такъ какъ, кромѣ городовъ, находившихся подъ непосредственнымъ ихъ вѣдѣніемъ, во всѣхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ они должны были назначить своихъ помощниковъ для сбора податей, они же должны были устроить «винныя ранды» и наложить торговыя пошлины. Брюховецкій не дорожилъ интересами народа, а къ интересамъ мѣщанъ относился враждебно: предвидя для себя постоянныя столкновенія съ городовой администраціей по поводу сбора податей, Брюховецкій рѣшился отказаться отъ этой статьи дохода въ пользу государевой казны, ожидая себѣ за то богатыхъ милостей.

Такъ-же легко было ему поступиться и правами малорусскаго духовенства. 4-й пунктъ московскихъ статей касался назначенія митрополита въ Кіевъ. Брюховецкій выражалъ желаніе, «чтобъ въ Кіевѣ на митрополію по указу государскому русскій святитель съ Москвы посланный былъ, для того, чтобъ духовный чинъ на митрополитовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываючись, въ шатости войску вредителной не былъ; понеже въ статьяхъ переяславскихъ и батуринскихъ такъ постановлено, что митрополиту кіевскому быти подъ послушаніемъ святѣйшаго патріарха московскаго. А такъ гетманъ съ войскомъ, для лучшія всего народа подъ рукою его царскаго пресвѣтлаго величества крѣпости и утвержденія, бьетъ челомъ о присланіи въ Кіевъ святителя русскаго» [1]). Но здѣсь ужъ само правительство московское умѣрило рвеніе гетмана, не разсчитывая на то, что духовенство малорусское, далеко не такое безпомощное, какъ мѣщане и поспольство, такъ легко позволитъ распорядиться своей судьбой. Царь отвѣчалъ на эту статью, что «учнетъ списываться съ царьградскимъ патріархомъ (отъ котораго непосредственно зависѣлъ всегда кіевскій митрополитъ) и «буде царьградскій патріархъ благословеніе о митрополитѣ въ Кіевъ подастъ, и о томъ его величества государевъ указъ будетъ въ то время» [2]).

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ. т. I, стр. 876 и 619.

[2]) Ibid.

Только козацкія права рѣшился выгородить Брюховецкій отъ вмѣшательства московскихъ властей подтвержденіемъ стародавнихъ вольностей: воеводы не имѣли права вмѣшиваться въ казацкое самоуправленіе. Остальныя статьи касались обязательнаго пріѣзда гетмана для утвержденія въ Москву и нѣкоторыхъ частностей, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія великорусскихъ и малорусскихъ властей въ Украинѣ.

За вѣрность, обнаруженную Брюховецкимъ и превысившую ожиданія московскаго правительства, гетманъ и старшина козацкая были награждены: гетману пожаловано званіе боярина, старшина возведена въ дворянство, всѣ же они, кромѣ того, пожалованы городами и селами. Въ этомъ случаѣ ярко выразилось отношеніе казацкой старшины къ собственному народу: всѣ пожалованные просили, чтобы дарованныя имъ маетности «со всѣми крестьяны» были предоставлены имъ въ вѣчное владѣніе. Петрушка Забѣла, судья, да Васка Дворецкой кіевскій, Матюшка Гвинтовка нѣжинскій, да Гришка Гамалѣя лубенскій полковники, да Захарка, писарь войсковый», бьючи челомъ за пожалованье дворянствомъ и селами», обращались къ царю съ такой просьбой: «а нынѣ мы, холопи твои, тебѣ великому государю челомъ бьемъ, чтобъ ты, великій государь, тыми жъ селами, сполна, со всѣми крестьяны въ нихъ мѣшкаючими, насъ же холопей своихъ съ женами и съ дѣтми нашими на вѣчность пожаловалъ и на тое-бъ новые свои государскіе грамоты намъ холопемъ своимъ велѣлъ дати... чтобъ при дворянской чести намъ вышреченнымъ холопемъ, женамъ и дѣтемъ нашимъ не бездоходными за вѣрную нашу службишку быть и чтобъ подъ часъ высланья на Украину списчиковъ твоихъ государскихъ и напотомъ всегда и во вѣки отъ тыхъ селъ, со всѣми въ нихъ теперь и напотомъ будучими крестьяны, мы жъ холопи твои, жены и дѣти наши отдалены не были» [1]). Полученныя грамоты, дѣйствительно, дали старшинѣ юридическое право вѣчнаго владѣнія крестьянами въ пожалованныхъ деревняхъ, но фактически эти попытки ввести крѣпостное право въ Малороссіи долго еще не могли осуществиться: народъ еще слишкомъ живо чувствовалъ свое право на свободу, крѣпостническія стремленія шли слишкомъ въ разрѣзъ съ общимъ строемъ жизни.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 22—23.

Но шагъ впередъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ. Когда Выговскій, бывшій еще писаремъ, хлопоталъ черезъ Тетерю о полученіи маетностей, то онъ просилъ имѣній въ Литвѣ. На предложеніе царя дать Выговскому указъ на маетности въ Малороссіи Тетеря отвѣчалъ, что дѣлать этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, такъ какъ Выговскій маетностями этими владѣть не сможетъ, опасаясь войска запорожскаго, которое будетъ противъ такого выдѣленія писаря изъ всѣхъ козаковъ. Козаки Выговскаго побьютъ за то, что выпросилъ себѣ мѣстности, и станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ кромѣ жалованья ничего не надобно»; потому-то Выговскій и проситъ литовскихъ земель: «а въ войскѣ запорожскомъ владѣть ему ничѣмъ нельзя» [1]). Въ 1665 году старшина подобными соображеніями уже не стѣснялась. Гетманъ и бояринъ получилъ, по своему желанію, въ вѣчное владѣніе Шестаковскую сотню въ Стародубскомъ полку и дворъ на Москвѣ, гдѣ бы онъ на всякій случай могъ имѣть пріютъ; кромѣ того гетманъ просилъ о прибавкѣ лично къ нему московскихъ людей, «кѣмъ бы ему ото всего оберечься». Послѣдняя просьба была вызвана боязнью гетмана, чтобъ съ нимъ не случилось что недоброе, такъ какъ, по его словамъ, козаки на него недовольны и даже умышляли на жизнь его [2]). Вообще гетманъ и козацкая старшина, бывши въ Москвѣ, не теряли времени и устраивали свои личныя дѣла, не обнаруживая большой солидарности. Такъ полковникъ Дворецкій говорилъ Желябужскому, что гетманъ держится только ими, полковниками, а козаки его не любятъ и выражалъ свое желаніе, чтобы государь не указалъ ничего зачинать въ ихъ мѣстахъ, не поговоривши съ ними, т. е. старшиною напередъ» [3]). Но тотъ же Дворецкій, подчеркивавшій значеніе старшины, старался въ то же время упрочить личное свое положеніе благосклонностью гетмана и власти московской. Здѣсь-же въ Москвѣ гетманъ достойно заключилъ свое посвященіе въ бояре женитьбой на московской боярынѣ, кажется, дочери князя Долгорукова, а Дворецкій просилъ разрѣшенія жениться на гетманской свояче-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 9.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т., VI, стр. 10.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 16.

ницѣ [1]). Одному только не повезло въ этой поѣздкѣ—писарю Захару Шійкевичу. Съ этимъ человѣкомъ случилась здѣсь какая-то темная исторія. Какъ видно, онъ стоялъ довольно близко къ гетману и, пользуясь этимъ, относился свысока къ остальнымъ представителямъ козацкой старшины. Послѣдняя искала случая избавиться отъ него. Передъ отъѣздомъ въ Москву Дворецкій писалъ Шереметьеву, чтобъ тотъ совѣтовалъ царю отдалить отъ гетмана «Захарку, бо въ немъ есть злоба великая», и оставить его на Москвѣ. Для большей убѣдительности, высказывая желаніе, чтобы царскіе воеводы вѣдали всѣми маетностями въ Украинѣ, Дворецкій сообщалъ, что никто этому не будетъ противиться, «только одинъ Захарко тому дѣлу забѣгатель давне» [2]). Въ Москвѣ, воспользовавшись ссорой Захара Шійкевича съ нѣжинскимъ протопопомъ Бутовичемъ на обѣдѣ у Долгорукаго, Дворецкій и нѣкоторые другіе съ протопопомъ явились въ малороссійскій приказъ съ жалобой на Шійкевича. Гетманъ, вѣроятно, поставленный въ неловкое положеніе, подтвердилъ эту жалобу. Главнымъ обвинителемъ явился эсаулъ Богданъ Щербакъ; отъ имени войска запорожскаго онъ просилъ объ удаленіи Шійкевича, который «всѣхъ безчеститъ пыхами своими». За писаремъ оказались и такія вины, что онъ одному изъ своихъ подписковъ голову проломилъ и т. п. Недавно пожалованный дворянствомъ и имѣніемъ, Захаръ Шійкевичъ былъ сосланъ въ Сибирь [3]).

«Пережененная Малороссія», какъ называетъ ее авторъ Исторіи Руссовъ, загостилась въ Москвѣ до декабря, когда наконецъ письма наказнаго гетмана Ермоленка и епископа Меѳодія съ настойчивыми просьбами о скорѣйшемъ пріѣздѣ заставили гетмана возвратиться въ Малороссію. Здѣсь начиналась смута.

На правомъ берегу Днѣпра мѣсто Тетери занялъ бывшій черкасскій полковникъ Петръ Дорошенко. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей того времени, жизнь и дѣятельность которыхъ освѣщена была идеей самобытности своей родины и проникнута чувствомъ искренней любви къ ней. Дорошенко оказался несостоятельнымъ, принесъ немало вреда Украинѣ, но не смотря на то онъ не можетъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 309.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 14.

быть названъ ни представителемъ сословнаго меньшинства, какъ Выговскій, ни личнымъ честолюбцемъ, какъ Брюховецкій. Дорошенко былъ старый козакъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, человѣкъ даровитый и искусный въ дипломатическихъ сношеніяхъ; онъ привозилъ на раду 1659 г. 14 договорныхъ статей Юрія Хмельницкаго, не утвержденныхъ, однако, московской властью [1]). Этотъ-то Дорошенко выступаетъ на сцену въ то время, когда правобережная Украина изнемогала отъ разоренія, а въ лѣвобережной росло недовольство, вызванное гетманствомъ Брюховецкаго. Теперь, когда выяснялась невозможность для Украины объединиться подъ польской или московской властью, Дорошенко задумалъ обратиться къ Турціи. Отрекаясь отъ Польши, Дорошенко пріобрѣталъ себѣ расположеніе народа, ненавидѣвшаго «ляховъ» не меньше, чѣмъ «бусурманъ»; отрекаясь отъ Москвы, онъ пріобрѣталъ симпатіи той части старшины, которая отстаивала политическія права. Союзъ съ Турціей могъ быть наконецъ средствомъ привести къ большей уступчивости одно изъ сосѣднихъ государствъ въ пользу федеративнаго соединенія и потому Дорошенко не прерывалъ сношеній дипломатическихъ ни съ однимъ изъ названныхъ государствъ.

Мы не станемъ слѣдить за всѣми перипетіями дипломатическихъ сношеній Дорошенка, такъ какъ разцвѣтъ его дѣятельности принадлежитъ нѣсколько болѣе позднему времени. Скажемъ только, что онъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ митрополита Іосифа Тукальскаго, который прибылъ въ Кіевъ въ 1666 г., освобожденный изъ заточенія, и служилъ живымъ свидѣтельствомъ противъ союза съ поляками. Эти два человѣка, связанные дружбой и пользовавшіеся большой популярностью, являются какъ бы противовѣсомъ другой парѣ—Брюховецкому и Меѳодію. Ермоленко и войсковой подскарбій Ракушка писали Брюховецкому въ Москву, что Дорошенко успѣлъ побѣдить соперника своего Опару, разбить двухъ вѣрныхъ Москвѣ правобережныхъ полковниковъ—овручскаго и брацловскаго и пересылалъ «прелестные листы» на лѣвый берегъ и въ Запорожье.

Возвратившійся изъ Москвы гетманъ былъ встрѣченъ общимъ глухимъ недовольствомъ, которое скоро стало проявляться явно.

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 65.

Починъ въ этомъ дѣлѣ обнаружился со стороны духовенства: наиболѣе рьянымъ поборникомъ правъ его явился епископъ Меѳодій, обманувшійся въ своихъ видахъ на гетмана и ставшій теперь заклятымъ врагомъ Брюховецкаго. Между гетманомъ и епископомъ давно уже пробѣжала черная кошка: въ предъидущіе годы оба они уже дѣлали легкіе доносы другъ на друга; поведеніе гетмана въ Москвѣ по вопросу о митрополитѣ привело къ полному разрыву ихъ отношеній. Меѳодій чувствовалъ себя сильнымъ въ этой распрѣ: за нимъ стояло все духовенство съ архимандритомъ кіево-печерской лавры Иннокентіемъ Гизелемъ во главѣ. Гизель, нѣмецъ по происхожденію, рано принявшій православіе и поселившійся навсегда въ Украинѣ, пользовался большой популярностью среди украинскаго духовенства. Умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный» человѣкъ, Гизель всегда стоялъ за интересы своей второй родины, не увлекаясь личными выгодами. Эту черту его знало и московское правительство, знавшее Гизеля съ 1654 г., когда онъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ малорусскаго духовенства, представлялъ царю статьи съ просьбой объ утвержденіи стародавнихъ вольностей малорусской церкви [1]). Гизель не отличался податливостью Меѳодія, но онъ пользовался значеніемъ и потому московскія власти относились къ нему очень внимательно. Вскорѣ по пріѣздѣ Брюховецкаго Меѳодій, Гизель и другія духовныя лица явились къ кіевскому воеводѣ Шереметеву и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ говорили о нарушеніи ихъ правъ и вольностей со стороны московскаго правительства; они ссылались на грамоту Брюховецкаго, гдѣ тотъ сообщалъ Меѳодію о намѣреніи московскаго правительства назначить на кіевскую митрополію святителя изъ Москвы. «Какъ только пріидетъ къ намъ въ Кіевъ митрополитъ изъ Москвы, говорили они, мы запремся въ монастыряхъ и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ»; «лучше смерть принять, нежели въ Кіевѣ московскому митрополиту быть» [2]). Осторожный Меѳодій колебался, однако, между рискомъ открыто стать на сторону протестующаго духовенства и попыткой пробраться на митрополичью каѳедру, хотя бы съ

---

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1884 г., статья «Иннокентій Гизель».

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 79.

благословенія московскаго патріарха. Высказываясь очень рѣзко въ присутствіи остальнаго духовенства, онъ наединѣ съ Шереметевымъ извинялся и говорилъ, что не можетъ вести себя иначе, такъ какъ самъ получилъ званіе епископа и блюстителя кіевской митрополіи изъ Москвы и потому его болѣе, чѣмъ кого другаго подозрѣваютъ въ пособничествѣ гетману [1]). Чувствуя себя между двухъ огней, Меѳодій тѣмъ съ большей ненавистью относился къ тому человѣку, который поставилъ его въ такое опасное положеніе. Бывшій другъ гетмана, онъ не упускалъ теперь случая очернить его въ глазахъ властей. Онъ говорилъ Шереметеву, что гетманъ самовольно чинитъ судъ и расправу, по наговорамъ, надъ старшиной, беретъ съ населенія тяжкіе поборы и не такъ вѣренъ, какъ кажется: епископъ совѣтывалъ Шереметеву послать въ Запорожье на развѣдки людей и письмо, въ которомъ спросить запорожцевъ, не отъ *бояръ*-ли у нихъ чинится шатость» [2]). Послѣ званнаго обѣда у архимадрита печерскаго многія духовныя лица, въ присутствіи московскаго посланца дьяка Фролова, отказались пить предложенный имъ тостъ за здоровье гетмана, говоря, что гетманъ имъ «злодѣй, а не доброхотъ» [3]). Шереметевъ убѣждалъ Гизеля не гнѣваться на гетмана, такъ какъ вопросъ о митрополитѣ будетъ отданъ царемъ на рѣшеніе цареградскаго патріарха: но Гизель замѣтилъ, что патріарха Парѳенія духовенство кіевское не признаетъ, такъ какъ онъ добылъ свой санъ подкупомъ турецкихъ властей, которыя въ угоду ему смѣнили «возведеннаго на святительскій престолъ слезнымъ прошеніемъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ людей Діонисія», и теперь кіевское духовенство молится за Діонисія [4]). Наконецъ малорусское духовенство послало въ Москву своего уполномоченнаго съ просьбой о дозволеніи имъ избрать изъ своей среды митрополита кіевскаго. Шереметевъ то же писалъ царю, что, московскому митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя: печерскій архимандритъ говоритъ: «если услышитъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 80.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 96.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 103.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 105.

и вы насъ доставайте». Шереметевъ въ виду сильныхъ неладовъ между епископомъ Меѳодіемъ и гетманомъ, которые, однако, оба пользовались довѣріемъ въ Москвѣ, совѣтывалъ царю назначить митрополитомъ черниговскаго епископа Лазаря Барановича, который тоже будетъ вѣренъ [1]).

Другой основной пунктъ московскихъ статей—назначеніе воеводъ въ украинскіе города вызвалъ неменьшее недовольство сначала среди козаковъ, а потомъ и среди мѣщанъ и посполитства. Козачество сразу отнеслось къ этому факту, какъ къ нарушенію своихъ исконныхъ правъ. Существованіе въ украинскихъ городахъ воеводъ съ отрядами ратныхъ людей, наряду съ полковой администраціей и городскими магистратами,—это ужъ было троевластіе, которое, особенно при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ въ Малороссіи, вело къ безконечнымъ пререканіямъ и грозило смутой. Къ тому-же воеводы съ войскомъ—это была военная и финансовая сила, которая могла подавлять всякое проявленіе мѣстной жизни, не подходившее къ общему государственному режиму.

И Москва, и козаки сознавали значеніе борьбы изъ-за воеводъ, которую они вели съ 1664 г. при утвержденіи каждаго новаго гетмана [2]). Заявляя настойчиво необходимость прислать воеводъ въ Украйну, московское правительство ссылалось на желанія самыхъ городовъ, мѣщанства, не разъ заявленныя. Нѣкоторыя основанія для такихъ заявленій были. По договору 1654 г. сборы податей съ городовъ должны были вѣдаться войтами и бурмистрами и поступать на жалованье козацкому войску. Это вносило разладъ между мѣщанами и козаками: козаки презрительно относились къ мѣщанамъ, избавленнымъ отъ воинской службы, мѣщане-же съ недовольствомъ смотрѣли на свою повинность содержать козаковъ жалованьемъ изъ своихъ доходовъ. Съ вступленіемъ на гетманство Брюховецкаго статьи о жалованьи козакамъ были оговорены въ Батуринѣ и остались невыясненными, давая большій просторъ гетману въ тре-

[1]) Акты южной и западной Россія, т. V., стр. 147—148.

[2]) Въ малорусскихъ лѣтописяхъ сказывается враждебное отношеніе къ этому факту въ тѣхъ выраженіяхъ, какія употребляетъ лѣтописецъ, сообщая его: см. Лѣтопись Величка, т. II, р. VII, стр. 96; Лѣтопись Самовидца, стр. 47; Лѣтопись Грабянки, стр. 190.

бованіи поборовъ съ мѣщанъ, въ виду военнаго времени. Чѣмъ корыстолюбивѣе были гетманъ и старшина, тѣмъ большій произволъ допускали они и тѣмъ большую ненависть къ себѣ возбуждали въ населеніи. Неиспытанное воеводское управленіе съ его видимой опредѣленностью податей и повинностей могло казаться болѣе привлекательнымъ, чѣмъ извѣстная тягота гетманскихъ поборовъ. Доведенное до того предѣла, когда хочется «хочъ гиршого, абы иншого», населеніе городское и сельское могло видѣть въ протестѣ козаковъ противъ воеводъ простое нежеланіе ихъ потерять доходы. Поэтому сначала оно отнеслось къ назначенію воеводъ или равнодушно или, по увѣренію Шереметева и епископа Меѳодія, даже доброжелательно. Но московскіе воеводы, привыкшіе получать города на «кормленіе», не измѣнили, конечно, своимъ привычкамъ и въ украинскихъ городахъ. Вскорѣ Брюховецкій долженъ былъ писать царю, что переяславскій воевода «которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашему царского величества воеводамъ, или который козакъ къ войску не выходилъ, къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, пославъ вашего царскаго величества ратныхъ людей на становище и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько». Такими мѣрами, конечно, можно было только сильнѣе возбудить озлобленіе противъ новыхъ представителей власти. Самъ гетманъ постарался вознаградить себя за самоотверженіе, выказанное въ Москвѣ и до прибытія переписчиковъ, собрать «стацѣи» съ городовъ и селъ. Шереметевъ, по поводу жалобъ, доходившихъ къ нему, говорилъ съ гетманомъ, который отвѣчалъ, что поборы взимались безъ его вѣдома и впредь этого не будетъ. Епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій совѣтовали Шереметеву торопить присылку переписчиковъ до Семенова дня, а то невозможно будетъ ничего получить въ царскую казну съ обобранныхъ гетманомъ жителей [1]). Прибытіе переписчиковъ весною 1666 года мало содѣйствовало упорядоченію въ опредѣленіи налоговъ и распредѣленіи повинностей. Не зная мѣстныхъ отношеній и обычаевъ, они впадали въ грубыя ошибки: записывали однихъ и тѣхъ-же людей подъ разными прозвищами, записывали многихъ козаковъ въ крестьяне со словъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V., стр. 99, 103.

этихъ послѣднихъ, которымъ было выгоднѣе, чтобъ подати распредѣлялись на большее число жителей; козаки бывшіе въ отсутствіи, возвращаясь домой, жаловались. Возникали пререканія и изъ-за винокурень, которыя прежде имѣли право держать только козаки, но которыя теперь отдавались воеводами на откупа и посполитству и т. д. Безурядица усиливалась, благодаря тѣмъ личнымъ отношеніямъ, какія устанавливались между пришлымъ элементомъ и мѣстными людьми; особенно негодовали козаки на обращеніе съ ними воеводъ и ратныхъ людей. Кіевскіе и нѣжинскіе жители давно уже жаловались на обиды, чинимыя ратными людьми [1]); о тѣхъ-же обидахъ писали Брюховецкому въ Москву наказной гетманъ Ермоленко, войсковой казначей Ракушка и епископъ Меѳодій; о нихъ-же доносилъ царю и самъ гетманъ. Изъ Полтавы, гдѣ воеводское правленіе вводилось съ 1666 г., въ іюлѣ этого года пришла жалоба отъ полтавскихъ козаковъ на воеводу Якова Хитрово, который, по ихъ словамъ, ставилъ на квартиры своихъ людей къ заслуженнымъ козакамъ, бралъ у нихъ лошадей и оскорблялъ ихъ всячески: «которой товарищъ (козакъ) прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ, или денщикамъ велитъ изъ дому изъ спрочьяго випхнути въ шею. А сѣножати наши и луги огороженные и огороды ни въ чемъ не волни, что хотятъ, такъ и дѣлаютъ за приказаніемъ его». Старшинѣ козацкой онъ отвѣчалъ: «я су тутъ отъ государя посланъ болѣй всѣхъ, а вы всѣ подчорты» [2]). Общая жалоба на ратныхъ людей была также за оскорбленіе женщинъ.

Личность гетмана и старшинъ козацкихъ были не изъ тѣхъ, которыя могли-бы успокоить возраставшее недовольство населенія, вызвать довѣріе къ себѣ. Брюховецкій, возвратясь изъ Москвы, сталъ дѣйствовать еще самоувѣреннѣе: онъ надменнѣе прежняго обращался со своими подчиненными, произвольно смѣнялъ и судилъ ихъ, не разбирая вины, часто по одному только подозрѣнію. При этомъ онъ нерѣдко обнаруживалъ свойственное ему коварство; такъ въ февралѣ 1666 г. лубенскій полковникъ Григорій Гамалія вмѣстѣ съ игуменомъ Каллистомъ прибылъ въ гости къ гетману:

---

[1]) Просьбы о льготахъ податныхъ и жалобы на обиды отъ воеводъ и ратныхъ людей находимъ въ Актахъ южной и западной Россіи, т. V и VI.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 132.

«Брюховецкій принялъ его вдячне и чрезъ день тотъ гулялъ зъ нимъ коварно, а у вечоръ, оковати его велѣвши и за варту отдавши, держалъ больше року въ Гадячомъ подъ крѣпкою сторожею, маючи подобно на него подзоръ о нѣякуюсь листовную зъ Дорошенкомъ корреспонденцію»[1]). Вѣроятно подозрѣнія гетмана не оправдались, такъ какъ впослѣдствіи Григорій Гамалія является въ числѣ довѣренныхъ лицъ у гетмана. Сильнѣе поплатились войсковой судья Юрій Незамай и лысянскій полковникъ Высочанъ: они были отправлены гетманомъ въ Москву, а оттуда сосланы, первый въ Казань, второй въ Сибирь. Ссылка въ Сибирь, которою обыкновенно заканчивалось отправленіе къ царю виновныхъ или заподозрѣнныхъ, наводила панику на украинскихъ людей. Епископъ Меѳодій говорилъ, что здѣшнимъ людямъ «легче смерть принять, нежели ихъ къ Москвѣ отослать»[2]). Гетманъ-же злоупотреблялъ этимъ средствомъ: бывши въ Москвѣ, онъ убѣдительно просилъ царя не отпускать на волю тѣхъ козаковъ, которые были взяты въ плѣнъ въ усобицѣ 1660 год., потому что «и то имъ великаго государя милость, что они отъ смерти свободны[3]). Въ этомъ сходился съ нимъ епископъ Меѳодій, писавшій гетману: «Дорошенковъ тѣхъ, которые на Москвѣ, хорошо, чтобъ покрѣпче держать»[4]). Самъ гетманъ жилъ пышно, «доступъ къ нему сталъ тяжелъ», карликъ Лучка докладывалъ ему о посѣтителяхъ, а для личной охраны при немъ былъ отрядъ запорожцевъ и сотня ратныхъ московскихъ людей. Козаки не любили гетмана и за то, что онъ былъ «бояринъ» и что при немъ впервые вошелъ въ моду обычай жаловать козацкихъ старшинъ дворянствомъ, нарушавшій начала равноправности среди козачества. Отдаленіе гетмана отъ военныхъ дѣлъ стало тоже вызывать упреки: «что это за гетманъ, который сидитъ въ городѣ, какъ въ лукошкѣ, а только за нимъ и дѣла, что вѣдьмъ жжетъ»[5]). Вѣроятно, къ числу этихъ вѣдьмъ нужно отнести полковничку гадяцкую Острую и съ ней много дру-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. VII, стр. 96—97.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 99.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 45.

[5]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 246.

гихъ «чесныхъ женъ», сожженныхъ Брюховецкимъ, «передъ всѣмъ народомъ, въ Гадячомъ, за малую вину». Женщины видно играли нѣкоторую роль въ то время, по крайней мѣрѣ Брюховецкій усиленно преслѣдовалъ ихъ не только въ видѣ вѣдьмъ. Такъ еще въ 1663 году, намекая на сношенія Меѳодія съ Тетерей, гетманъ пишетъ въ Москву, что всему виною старица Ангилина, живущая въ печерскомъ монастырѣ: она учитъ грамотѣ дочь епископа и все, что услышитъ отъ нея, передаетъ Тетерѣ [1]). Поводомъ къ ссылкѣ Незамая послужило то, что онъ выдалъ пропускъ на правый берегъ 5 женщинамъ, женамъ каневскихъ козаковъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Въ 1667 г., говоря о начинающихся на Украйнѣ шатостяхъ, Брюховецкій сообщаетъ царю, между прочимъ, о пріѣздѣ въ Кіевъ съ праваго берега жены Богдана Хмельницкаго и дочери Григорія Гуляницкаго. Брюховецкій зналъ о томъ, что козаки его не любятъ, и не разъ говорилъ о грозящихъ ему опасностяхъ, что еще лучше должно было оттѣнить его вѣрность Москвѣ. Примѣру гетмана слѣдовали и старшины: унижаясь передъ нимъ, они проявляли свои властные инстинкты надъ людьми зависѣвшими отъ нихъ. Захарій Шийкевичъ дрался и «безчестилъ всѣхъ пыхами своими», полтавскій полковникъ Витязенко подъ злую руку увѣчилъ приходившихъ къ нему, заставлялъ полтавцевъ исполнять его личныя работы, выстроилъ себѣ домъ лучше гетманскаго [2]). Ермоленко, полковникъ переяславскій, усиленно годилъ гетману и хотя считалъ нужнымъ говорить предъ козаками, что онъ козакъ и дворянство ему не надобно, но не пользовался симпатіями въ своемъ полку. Въ числѣ старшинъ были люди, извѣстные военными заслугами, иногда знавшіе цѣну и образованію, какъ, напримѣръ, Василій Дворецкій, бившій челомъ о заведеніи вновь латинскихъ школъ въ Кіевѣ [3]). Имъ тягостно было подчиняться произволу гетмана; иногда это вело къ враждѣ между ними: такъ, Дворецкій навлекъ на себя подозрѣніе гетмана въ томъ, что первый сообщилъ духовенству кіевскому о назначеніи митрополита изъ Москвы

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 187.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 195—196.

и гетманъ, по словамъ полковника, постоянно сталъ давать ему опасныя военныя порученія, чтобы сжить его со свѣту. Разошелся съ гетманомъ подъ конецъ и другой давній союзникъ его, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка. Брюховецкій обвинилъ его въ измѣнѣ, выразившейся въ томъ, что Гвинтовка еще въ Москвѣ долго не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ, а потомъ открыто высказывалъ нежеланіе воевать противъ правобережныхъ козаковъ, говоря: «нигдѣ того не ведется, чтобъ свой своего воевалъ»[1]). Гвинтовка былъ посаженъ гетманомъ подъ стражу и не попалъ въ Сибирь только благодаря паденію самаго Брюховецкаго. Въ общемъ однако и Гвинтовка, и особенно Дворецкій были слишкомъ связаны матеріальными эгоистическими интересами съ гетманомъ и потому предпочитали обличать его за его спиной и льстить ему въ глаза.

Была еще одна группа населенія украинскаго, которой Брюховецкій зналъ цѣну. Испытавши собственнымъ опытомъ, что значитъ авторитетъ Запорожья для Украйны, Брюховецкій въ теченіи всего своего гетманства старается поддерживать дружелюбныя отношенія съ запорожцами, придумывая въ то-же время всевозможныя средства, чтобы обезопасить себя отъ нихъ. Съ этой цѣлью онъ, подъ видомъ защиты Запорожья, настоялъ не только на введеніи туда ратныхъ людей, но и на посылкѣ постояннаго воеводы въ Кодакъ. Запорожцы однако крайне враждебно встрѣтили эти мѣры. Они никогда не смотрѣли на себя, какъ на постоянныхъ подданныхъ того или другаго государства: они могли быть союзниками и чувствуя свою силу, пользовались ею, чтобъ отстоять свое независимое положеніе. Безъ всякаго опредѣленнаго плана, иногда даже наперекоръ дипломатическимъ соображеніямъ, Запорожье преслѣдовало одну цѣль: бороться съ тѣми, кто въ данный моментъ нарушалъ права и вольности украинскаго народа. Типичнымъ представителемъ Запорожья былъ Сѣрко, извѣстный своими походами на Крымъ, готовый воевать съ ляхами противъ татаръ, съ московскими войсками противъ ляховъ и обратно. Въ описываемое время, въ борьбѣ Польши съ Москвою Запорожье стояло на сторонѣ Москвы; но, требуя отплаты за свою службу въ видѣ присылки запасовъ пороха, бо-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 162.

рошна, холстовъ, шапокъ, сапогъ для козаковъ, которые «сильно наги» и вина въ церкви Божіи, запорожцы не продавали своей воли и продолжали считать себя независимыми. На пребываніе царскихъ войскъ въ Запорожьи они смотрѣли съ недовольствомъ, узнавши-же о назначеніи воеводы въ Кодакъ, кошевой Ждапъ Рогъ написалъ Брюховецкому слѣдующій «листъ» отъ имени войска запорожскаго: «послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ, но ее тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честью пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска запорожскаго, войско-же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить, какъ тѣнь за солнцемъ: пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, а какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ, вельможность твоя, умѣй счастье почитать»[1]). Московское правительство уступило явно выраженному нежеланію запорожцевъ имѣть у себя воеводу и ратныхъ людей и Косаговъ вышелъ изъ Запорожья.

Брюховецкій видѣлъ признаки грозящей смуты. Онъ писалъ въ Москву о необходимости осторожно взимать поборы съ малороссійскихъ своевольныхъ и непостоянныхъ людей: «пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу, а вдругъ ожесточить опасно»; сообщалъ онъ также о шатости духовенства, запорожцевъ и наконецъ о томъ, что въ Переяславѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту». Смута эта вскорѣ и проявилась: въ іюлѣ 1666 г. переяславцы убили своего полковника Данила Ермоленка и хотѣли покончить съ воеводой, но онъ выжегъ большой городъ и, запершись въ маломъ, отстоялся. Виновники бунта, отправленные частью къ Шереметеву, частью

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россія», т. XI, стр. 194—195.

оставшіеся при Брюховецкомъ, были одновременно казнены въ Кіевѣ и въ Гадячѣ [1]). Повсюду начинался ропотъ на гетмана, старшинъ и воеводъ, составлялись «своевольныя сборища людей», а съ другаго берега Дорошенко слалъ свои «прелестные листы», обѣщавшіе что-то лучшее въ недалекомъ будущемъ. «Листы» эти не оставались безъ вліянія: число сторонниковъ Дорошенка увеличивалось. Онъ становился опасенъ: Шереметевъ издалъ универсалъ къ малорусскому народу о сохраненіи вѣрности царю. Съ другой стороны московское правительство, увлекаясь мыслью о возможности объединить съ помощью Дорошенка Украйну подъ своею рукою, вело сношенія съ правобережнымъ гетманомъ, что еще болѣе усложняло и безъ того запутанныя отношенія. Почва для возстанія въ лѣвобережной Украйнѣ была готова; недоставало только событія, которое объединило-бы разрозненные недовольные элементы однимъ общимъ чувствомъ и подняло-бы на ноги страну. Такимъ событіемъ явился андрусовскій договоръ.

Долго тянувшіеся переговоры между Польшей и Москвой привели къ тому, что въ январѣ 1667 г., въ селѣ Андрусовѣ, близъ Смоленска, было заключено перемиріе на 13 лѣтъ. Условія его относительно Малороссіи были таковы: лѣвобережная Украйна оставалась подъ властью Москвы, правобережная отходила къ Польшѣ, за исключеніемъ Кіева, который (съ окрестностями на милю въ окружности) Москва удерживала за собой на два года, а затѣмъ обязывалась уступить Польшѣ. Запорожье должно было находиться подъ рукою обоихъ монарховъ, помогать имъ во время войны и за то въ свою очередь пользоваться ихъ охраной [2]). Козацкихъ пословъ не было въ Андрусовѣ и только по заключеніи мира царь извѣстилъ Брюховецкаго о совершившемся фактѣ.

Вѣсть эта была тяжелымъ ударомъ для Украйны. Безъ согласія ея представителей она раздѣлена была на двѣ части, изъ которыхъ одна оставалась подъ ненавистнымъ господствомъ Польши, въ другой вводилось воеводское управленіе. Кіевъ, священный городъ

---

[1]) Лѣтопись говоритъ, что при этомъ козаки Дорошенка сожгли часть Переяслава, но въ отпискахъ, которыя находимъ въ актахъ, говорится, что это сдѣлано было самымъ воеводой.

[2]) Текстъ Андрусовскаго договора въ Лѣтописи Величка, т. II.

Украйны, отдавался полякамъ; Запорожье поставлено было въ какое-то неопредѣленное положеніе. Все населеніе—духовенство, козаки, мѣщане и посполитство—волновалось, какъ свидѣтельствуютъ отписки московскихъ властей и посланцевъ. Въ народѣ слухи принимали фантастическую окраску: говорилось, что Польша и Москва рѣшили истребить козаковъ и съ этой цѣлью идетъ въ Кіевъ Ордынъ-Нащокинъ съ войскомъ. Въ авторѣ андрусовскихъ статей видѣли истребителя козаковъ. На самомъ дѣлѣ Ордынъ-Нащокинъ долженъ былъ идти въ Малороссію, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ предполагавшемуся пріѣзду царя.

Движеніе началось съ Запорожья. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. По андрусовскому договору оба государства должны были извѣстить турецкаго султана и татарскаго хана о заключенномъ перемиріи и пригласить ихъ примкнуть къ мирному союзу. Съ этой цѣлью изъ Москвы, съ татарскими гонцами, былъ отправленъ къ хану стольникъ Ладыженскій, прибывшій въ маѣ 1667 г. въ Сѣчь. Взволнованные тревожными слухами запорожцы сначала было отпустили Ладыженскаго изъ Сѣчи, но потомъ настигли его и, отобравъ бывшія при немъ грамоты, убили его со всѣми спутниками. Вѣсть объ этомъ дошла быстро до царя и онъ писалъ Брюховецкому, чтобы былъ сдѣланъ строжайшій розыскъ. Но грамоты Брюховецкаго, посланныя на Запорожье по этому поводу, не привели ни къ какимъ результатамъ. Новый кошевой Остапъ Васютенко въ письмѣ своемъ указывалъ причины, вызвавшія раздраженіе запорожцевъ противъ царскаго посланца. Краснорѣчиво излагая всѣ обиды, которыя терпѣлъ народъ малороссійскій въ послѣднее время, запорожцы жаловались на пріязнь между королемъ, царемъ и ханомъ, которая должна повести за собой умаленіе вольностей украинскихъ, начало чему уже положено присылкой московскихъ ратныхъ людей и воеводъ въ Малороссію. «Не довелось было не токмо чинити, но и мыслити о томъ, чтобъ нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое уже-бы и самой злой звѣрь, есть-ли-бы имѣлъ таковъ разумъ, яко человѣкъ, смотря, моглъ возжалитися. Вѣмъ убо, не отъ чего иного, и столникъ безъ вѣдома нашего смерть принялъ, только оттого, что въ городѣхъ великіе обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако-жъ, все то оставя, жадаемъ: изволь, велможность твоя, по прежнему своему желателству,

въ любви съ нами жити и о всемъ томъ его царскому пресвѣтлому величеству извѣстно учинити, чтобъ изволилъ своимъ ратнымъ людемъ приказать, чтобъ въ городѣхъ перестали всякихъ вымысловъ чинить, толко-бъ по прежнему жили; а буде не перестанутъ, храни Боже, чтобъ болшой огонь не osсталъ. Доколѣ живыхъ насъ станетъ, того будемъ остерегати, чтобъ наши права и волности не умалялись. А о томъ они напрасно головы свои трудятъ; вѣмъ-бо, какъ слѣпому въ примѣту убити не мочно, такъ даромъ о томъ и промышляютъ. Тако и монархи пусть на то усматриваютъ, что наше есть начинати, а Божіе совершати»[1]). Розыскать виновныхъ было невозможно, такъ какъ они, по словамъ запорожцевъ, скрылись изъ Сѣчи. Посланцамъ Брюховецкаго запорожцы говорили, что если царь ихъ не проститъ, то они передадутся Дорошенку. Брюховецкій писалъ царю о необходимости «явить милость» запорожцамъ. Дѣло было оставлено безъ послѣдствій[2]).

Но начавшаяся смута разросталась. Шереметевъ получалъ постоянно заявленія о шатостяхъ разнаго рода. Съ началомъ 1668 г. онъ буквально осаждаемъ былъ тревожными отписками воеводъ: изъ разныхъ городовъ воеводы сообщали о постоянныхъ столкновеніяхъ своихъ съ полковниками и войсковой администраціей, о томъ, что мѣщане, гдѣ по доброй волѣ, а гдѣ по наущенію козаковъ, отказываются платить подати, исполнять повинности и «пишутся въ козаки». Прилуцкій воевода писалъ, что мѣщане и поселяне «чинятца непослушны и по переписнымъ и окладнымъ книгамъ въ твою великого государя казну денежныхъ и хлѣбныхъ и всякихъ доходовъ, по наученью асаула Ивана Маценка, не плотятъ и впредь платить не хотятъ»; когда-же воевода послалъ солдатъ въ уѣздъ для сбора доходовъ въ казну, то «уѣздные люди хотѣли тѣхъ посылныхъ его салдатъ убить». Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ—Красномъ и Серебряномъ городѣ—всѣ мѣщане и сельскіе люди уѣздные пошли въ козаки и поборовъ брать было не съ кого. Подобныя-же вѣсти сообщали воеводы изъ Батурина, Миргорода, Переяслава, Сосницы, Нѣжина, Глухова, Новгородка-Сѣверскаго и др.[3]). На заявленія

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 204.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 206.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

воеводъ, чтобъ полковники не принимали мѣщанъ и селянъ въ козаки, полковники отвѣчали, что время военное и имъ люди надобны. Миргородскій воевода сообщалъ, между прочимъ, о томъ, что прибылъ изъ Сѣчи отрядъ запорожцевъ съ полковникомъ Сохой и смущаетъ жителей.

Миргородскій-же воевода писалъ, что «запорожскіе козаки откупщиковъ били и ранды и погреба разорили и пограбили и теперь тѣ ранды, которыя были отданы на откупъ, стоятъ пусты... мѣщанину Осташкѣ, который держитъ ранду, отрѣзали бороду по самое мясо». Тотъ-же воевода узналъ отъ вдовы-мѣщанки, что миргородскіе козаки намѣрены побить московскихъ ратныхъ людей съ воеводою. Въ Глуховѣ войтъ Захарій Сидоровъ ходилъ съ толпой вооруженныхъ мѣщанъ и поселянъ ночью по большому городу; они-же высылали изъ уѣзда въ городъ козаковъ и крестьянъ. Великорусскіе крестьяне, ѣхавшіе съ товарами въ Кіевъ, возбуждали подозрѣніе: одинъ изъ такихъ крестьянъ Пронка Калина, четыре товарища котораго были убиты по дорогѣ, говорилъ глуховскому воеводѣ, что въ каждомъ селѣ встрѣчали его такъ: ставили нагаго, стояли надъ шеею съ топоромъ и обыскивали писемъ, говоря: будетъ у тебя писемъ нѣтъ, и ты живъ будешь, а будетъ есть, и мы тебѣ голову отсѣчемъ. За мѣстечкомъ-же Кролевцомъ, крестьянинъ, у котораго онъ остановился, говорилъ ему, что «запорожскіе козаки и всѣ малороссіяне одноконечно хотятъ въ малороссійскихъ городахъ воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей вырубить, для того во всѣ города запорожскіе козаки и пришли» [1]). Дѣйствительно, запорожскіе и другіе козацкіе отряды, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, стягивались къ городамъ. Полковникъ нѣжинскій Артемъ Мартыновъ на жалобы воеводы о томъ, что мѣщане и поселяне пишутся въ козаки, отвѣчалъ, что время военное и «люди въ полку надобны»; прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прямо заявлялъ, что гетманъ приказалъ писать въ козаки всѣхъ, кто захочетъ. Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ по указу гетмана отправилъ изъ Канева козаковъ стародубскаго полка съ пушками въ Стародубъ, а полковника ихъ послалъ къ гетману; переяславскій полковникъ Дмитрашко-Райча укрѣплялъ Золотоношу и другіе го-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, стр. 28.

родки. Вообще полковники видимо готовились къ военнымъ дѣйствіямъ: стягивали войска, свозили и устанавливали въ городахъ пушки, отнимая ихъ часто у ратныхъ людей [1]).

Предчувствуя недоброе, воеводы усиленно просили Шереметева о присылкѣ «ручнаго зелья, фитилю, ядеръ и пушкарей». Поведеніе гетмана становилось подозрительнымъ. На обращенныя къ нему жалобы и запросы Шереметева и воеводъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на опасность, грозившую со стороны Дорошенка и его союзниковъ татаръ. На самомъ дѣлѣ эта усиленная военная дѣятельность была вызвана тѣмъ, что бояринъ и гетманъ измѣнилъ Москвѣ. Брюховецкій не могъ не чувствовать, что постепенно терялъ подъ ногами почву, особенно послѣ андрусовскаго договора. Неpріязнь къ нему населенія, возраставшая популярность Дорошенка и наконецъ сношенія, которыя вела Москва съ правобережнымъ гетманомъ—все это заставляло Брюховецкаго серьезно опасаться за свою участь. Въ этотъ критическій моментъ ему оставалось прибѣгнуть къ единственному средству, правда рискованному: стать во главѣ того недовольства, которое обнаружилось въ Украйнѣ, обратиться за поддержкой къ Запорожью и Дорошенку, изгнать ненавистныхъ населенію московскихъ воеводъ и, возвративъ себѣ утраченное расположеніе народа, стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Надежда на такой исходъ поддерживалась въ Брюховецкомъ письмами Дорошенка и Тукальскаго: оба убѣждали его дѣйствовать за-одно съ ними для блага родины, а Дорошенко обѣщалъ, что охотно признаетъ Брюховецкаго гетманомъ объединенной Украйны, такъ какъ самъ не дорожитъ этимъ званіемъ [2]).

Для осуществленія своихъ новыхъ плановъ Брюховецкому нужно было заручиться союзниками: войдя въ сношенія съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ старому пріятелю своему епископу Мееодію и къ козацкой старшинѣ. Гетманъ поспѣшилъ примириться и съ Иннокентіемъ Гизелемъ, съ которымъ былъ не въ ладахъ за то, что козаки разоряли владѣнія кіево-печерской лавры, а Гизель обвинялъ въ этомъ гетмана и пересталъ за него молиться. Теперь Брюховецкій просилъ Гизеля быть посредникомъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.

въ примиренiи гетмана съ епископомъ Мееодiемъ [1]). Но Мееодiй шелъ самъ на встрѣчу этому примиренiю. Возвратясь изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ на судъ надъ Никономъ, Мееодiй былъ недоволенъ прiемомъ, оказаннымъ ему въ столицѣ. Надежда получить митрополичью каеедру изъ рукъ московскаго патрiарха исчезала, вдали виднѣлся силуэтъ Тукальскаго, настроенiе Мееодiя совпало съ планами гетмана и враги-друзья соединились еще разъ. Союзъ былъ скрѣпленъ родствомъ: епископъ выдалъ свою дочь за племянника гетмана. Мееодiй придалъ энергiи Брюховецкому; насколько значительна была роль епископа во всѣхъ послѣдующихъ событiяхъ, видно изъ тѣхъ показанiй, какiя давали впослѣдствiи въ Москвѣ оговоренный имъ Гизель и другiе. Всѣ показанiя сводились къ тому, что смута въ Украйнѣ началась съ тѣхъ поръ, какъ епископъ Мееодiй возвратился изъ Москвы и помирился съ гетманомъ [2]).

Для того чтобы посвятить полковниковъ въ свои планы, Брюховецкiй воспользовался съѣздомъ ихъ въ Гадячѣ въ день новаго (1668) года. Здѣсь у гетмана состоялась рада, на которой присутствовали: нѣжинскiй полковникъ Артемъ Мартыновъ, черниговскiй Иванъ Самойловичъ (будущiй гетманъ), полтавскiй Костя Кублицкiй, переяславскiй Дмитрашко-Райча, миргородскiй Грицко Пестоленко, прилуцкiй Лазарь Горленко, кiевскiй Василiй Дворецкiй, судьи Петръ Забѣла и Павелъ Животовскiй, писарь войсковой Фесько Михайловъ и другiе [3]). На радѣ этой Брюховецкiй говорилъ, что подписалъ московскiя статьи по принужденiю, что Москвѣ вѣрить не слѣдуетъ, такъ какъ между нею и Польшей заключенъ уговоръ истребить все козачество, опустошить Украйну, а старшину козацкую позабирать въ плѣнъ, что съ этой цѣлью у обоихъ государей завелись сношенiя съ Крымомъ. Единственное средство спасенiя, по мнѣнiю Брюховецкаго, было: соединиться съ Дорошенкомъ и совмѣстно отдать Украйну въ подданство Турцiи. Присутствовавшiе на радѣ не вѣрили словамъ боярина-гетмана, думая, что это новая ловушка для испытанiя ихъ вѣрности. Видя это, гетманъ поцѣловалъ крестъ и тогда полковники присягнули ему на вѣрность. Рѣшено было

---

[1]) Акты южной и западной Россiи, стр. 69—70.

[2]) Акты южной и западной Россiи, т. VII, стр. 70—75.

[3]) Акты южной и западной Россiи, т. VII, стр. 89.

отдаться въ подданство Турціи и съ этой цѣлью гетманъ отправилъ лубенскаго полковника Григорія Гамалію къ султану турецкому, а писаря Степана Гречанаго къ крымскому хану. Остальные-же участники рады должны были, возвратясь по домамъ, всѣми мѣрами поддерживать недовольство народа и подготовлять изгнаніе воеводъ [1]).

Мы видѣли, что населеніе охотно откликнулось на призывъ, какъ только среди него прошла вѣсть, что гетманъ и старшины идутъ противъ воеводъ и ратныхъ людей; если-же гдѣ-нибудь народъ, извѣрившись въ возможность лучшаго житья, оставался равнодушнымъ, тамъ пускались въ ходъ крутыя мѣры. Между тѣмъ Брюховецкій и Меѳодій отправили своего посла на раду къ Дорошенку въ Чигиринъ. На этой радѣ, въ январѣ 1668 г., Дорошенко сначала выразилъ упрекъ Брюховецкому за то, что онъ «козаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣку не бывало». «Брюховецкій человѣченко худой и непородный козакъ, говорилъ Дорошенко, для чего такое бремя великое на себя взялъ и честь, чего онъ недостоинъ, принялъ». Послы лѣвобережные оправдывали Брюховецкаго тѣмъ, что онъ былъ взятъ къ Москвѣ со всею старшиною и дѣйствовалъ тамъ не по своей волѣ. Послѣ того на радѣ рѣшено было жителямъ обѣихъ сторонъ Днѣпра быть въ соединеніи и жить самостоятельно (особно), платя только дань турецкому султану, какъ это дѣлаетъ волошскій господарь; рѣшено было также побить воеводъ и московскихъ ратныхъ людей въ украинскихъ городахъ. Запорожцы прислали своихъ пословъ, которые присягнули отъ имени войска запорожскаго быть подъ властью Дорошенка [2]). Дѣйствія Брюховецкаго и Меѳодія требовали до поры до времени крайней осторожности и епископъ Меѳодій писалъ гетману тайно: «для Бога не оплошайся, милость твоя. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешку, но о цѣлой кожѣ нашей. Чаять, тотъ чесной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ, купно-жъ и насъ съ вами, взявъ за шею, ляхамъ выдать, не на томъ-ли и присягали себѣ? яко-жъ и много знаковъ такихъ, что

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 89—90; Костомаровъ, «Руина».

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—31.

объ насъ торгуютца; лутче-бы насъ не манили, нежели такъ съ нами нынѣ лестно поступати». Затѣмъ слѣдуютъ совѣты гетману уловлять запорожцевъ, послать Василія Дворецкаго къ Нащокину для развѣдки настоящихъ намѣреній Москвы и ни въ какомъ случаѣ не ѣздить самому къ Нащокину, такъ какъ можетъ случиться тоже, что было съ Барабашемъ, котораго Москва выдала ляхамъ въ подарокъ [1]). Но долго скрываться было нельзя: нѣжинскій воевода, извѣщенный протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ о томъ, что произошло на радѣ у гетмана, писалъ Шереметеву о грозящей опасности; бѣжавшій съ праваго берега шляхтичъ Янъ Сѣножацкій разсказалъ Шереметеву-же о чигиринской радѣ. Шереметевъ писалъ въ Москву, но тамъ не повѣрили измѣнѣ Брюховецкаго и считали волненія въ Украйнѣ результатомъ дурно перетолкованныхъ условій андрусовскаго договора; узнавши-же, что была и другая причина волненій—недовольство на воеводъ, царь прислалъ Брюховецкому грамоту, въ которой, укоряя гетмана за допущенные безпорядки, предписывалъ ему разъяснять малороссійскимъ людямъ настоящее значеніе андрусовскихъ статей и соглашался на устраненіе воеводъ отъ сборовъ и предоставленіе права взимать налоги полковникамъ, войтамъ и бурмистрамъ [2]). Грамота царская была помѣчена 6-мъ февраля, а 8-го числа того-же мѣсяца началось изгнаніе воеводъ изъ украинскихъ городовъ. Въ этотъ день гадячскій воевода Евсевій Огаревъ, смущенный тревожными слухами, явился съ товарищами къ гетману и послѣ долгихъ стараній добился наконецъ свиданія съ нимъ. Брюховецкій прямо предложилъ ему удалиться изъ города, грозя въ противномъ случаѣ избіеніемъ всѣхъ ратныхъ людей. Огаревъ согласился, но козаки не дали ему вывести ратныхъ людей изъ города: у воротъ городскихъ произошла свалка, во время которой самъ Огаревъ былъ раненъ; его отнесли къ гадячскому протопопу. Жена воеводы была изувѣчена и потомъ помѣщена въ богадѣльню [3]). Около того-же времени начались бунты и въ другихъ городахъ: вездѣ изгоняли воеводъ и ратныхъ людей.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 63—64.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—33.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 46—47, т. VIII, стр. 55—56.

Воеводы прилуцкій, сосницкій, батуринскій и глуховскій сдались и были отвезены въ Гадячъ, а оттуда въ лубенскій мгарскій монастырь; послѣ нѣкотораго сопротивленія сдались и воеводы миргородскій и лубенскій; стародубскій былъ убитъ. Полтавскаго воеводу жители мирно вывели изъ города; въ Переяславѣ и Острѣ борьба тянулась, не склоняясь рѣшительно ни на одну сторону. Отбились только воеводы черниговскій и нѣжинскій, первый благодаря своей личной храбрости, второй благодаря тому, что былъ заранѣе предупрежденъ Адамовичемъ. Узнавши о происходившемъ, московское правительство пришло въ ужасъ: отъ царя немедленно были посланы грамоты Мееодію, Гизелю и Лазарю Барановичу, выражавшія одобреніе ихъ вѣрности и убѣждавшія ихъ успокаивать населеніе [1]). Брюховецкій разослалъ повсюду универсалы, призывавшіе народъ къ возстанію противъ Москвы и разъяснявшіе поступки гетмана. Во всѣхъ универсалахъ говорилось, что Москва и Польша заключили союзъ, чтобъ совмѣстными силами разорить Украйну, выгубить всѣхъ жителей ея, а потому жители обоихъ береговъ Днѣпра, соединившись съ войскомъ запорожскимъ, должны отстоять свою родину. Съ этой цѣлью нужно было прежде всего избавиться отъ воеводъ; это гетманъ и хотѣлъ сдѣлать безъ пролитія крови и «рицерскимъ обычаемъ» вывести ихъ изъ городовъ; но они не захотѣли уйти мирно и за то поплатились [2]). Тоже самое писалъ Брюховецкій черниговскому воеводѣ Андрею Толстому, убѣждая его выйти изъ города. Гетманъ укорялъ и протопопа Адамовича за то, что онъ, предупредивъ нѣжинскаго воеводу, далъ ему время укрѣпиться и тѣмъ вызвалъ кровопролитіе. Это упоминаніе о «рицерскомъ обычаѣ», въ виду расправы съ гадячскимъ воеводой, очень характерно для Брюховецкаго. Въ это трудное время Брюховецкій обнаружилъ еще разъ свое умѣнье пользоваться обстоятельствами: слыша о волне-

---

[1]) Въ это время въ Москвѣ не знали, что Мееодій одинъ изъ участниковъ начавшагося движенія, такъ какъ онъ велъ себя очень ловко: зная, что все готово къ бунту, онъ сказалъ нѣжинскому воеводѣ объ измѣнѣ Брюховецкаго, тѣмъ больше, что тотъ уже былъ предупрежденъ Адамовичемъ; самъ-же Мееодій уѣхалъ изъ Нѣжина и сидѣлъ запершись у себя до времени, пока не былъ отправленъ къ Дорошенку, а оттуда въ Москву. Уличенный показаніями другихъ и собственнымъ письмомъ къ Брюховецкому, епископъ былъ заключенъ въ новоспасскій монастырь.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 39—42.

ніяхъ на Дону, Брюховецкій послалъ краснорѣчивое посланіе къ донскимъ козакамъ. Посланіе это ярко характеризуетъ пріемы, которые употреблялъ Брюховецкій при вербовкѣ союзниковъ. Онъ писалъ донцамъ, что «Москва, побратавшись съ ляхами, постановили: чтобъ православныхъ христіанъ, на Украйнѣ живущихъ, всякого возраста и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить и искоренить, въ слободахъ обрѣтающихся людей, таковыхъ-же православныхъ, захвативъ, аки скотъ въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорити и въ конецъ потребить, чтобъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славные войска православные на Запорожьѣ и на Дону обрѣтаются, отъ кроваваго труда хлѣба употребляютъ, тамо въ дикія поля звѣриныя жилища обратити хотятъ». Всему виною московскіе бояре, которые хотятъ стать всѣ сенаторами, по образцу польскому. Съ этой цѣлью они и покатоличиться хотятъ, своего патріарха, Никона, свергли, а сами унію приняли и самая Москва уже не русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала. «Опасаю, сколь скоро братію мою смирятъ, то тотчасъ въ началѣ Украйну, потомъ о искорененіи Дону и Запорожья промышляти будутъ, чего имъ, Боже, не допомози»! Брюховецкій совѣтовалъ донцамъ не прельщаться обманчивымъ московскимъ жалованьемъ, а порадѣть «о златой вольности» и призывалъ ихъ «съ господиномъ Стенкою» къ союзу и братской любви съ украинскимъ козачествомъ [1]).

Брюховецкій не забылъ ничего, что могло задѣть заживо донскихъ козаковъ: грозящая Дону опасность, гибель златой вольности и православной вѣры и наконецъ козни ненавистныхъ сторонникамъ Разина бояръ—все было упомянуто въ этомъ замѣчательномъ посланіи. Однако, не смотря на всю находчивость гетмана, положеніе его съ каждымъ днемъ становилось хуже. Движеніе народное, начавшееся съ вѣдома Брюховецкаго, обратилось противъ него. Изгоняя воеводъ, нельзя было забыть того, кто былъ виновникомъ введенія ихъ въ Малороссію, а оправданіямъ Брюховецкаго вѣрили немногіе. Населеніе все больше склонялось къ Дорошенку. Московскій посланецъ Василій Тяпкинъ, сообщая Ордынъ-Нащокину о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, въ январѣ 1668 г. пишетъ, что многіе начальные люди смущаются андрусовскимъ миромъ и призываютъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 60—62.

Дорошенка и что *«мѣщане и козаки, паче-же черные народы по обѣ стороны*, зѣло любятъ и почитаютъ митрополита (Тукальскаго) и Дорошенка» [1]. На сторонѣ Брюховецкаго были пока полковники, по словамъ того-же Тяпкина, не склонявшіеся къ Дорошенку изъ боязни «лишиться чести своей», да отряды запорожцевъ, бывшихъ при гетманѣ. Вѣроятно именно эти отряды и дали поводъ лѣтописцамъ говорить о симпатіяхъ запорожцевъ къ гетману, высказавшихся въ послѣдніе дни его гетманства. Мы знаемъ, что писали Брюховецкому кошевые Жданъ Рогъ и Васютенко, что запорожцы на чигиринской радѣ присягали Дорошенку, къ которому они впрочемъ относились очень осторожно, особенно въ первое время [2]; все это даетъ право сказать, что по крайней мѣрѣ Запорожье сильно двоилось между Брюховецкимъ и Дорошенкомъ, не склоняясь рѣшительно ни на чью сторону. Если запорожцы откликнулись на призывъ Брюховецкаго изгонять воеводъ, то здѣсь они дѣйствовали во имя своего неизмѣннаго стремленія защищать вольности Украйны отъ всякихъ притѣснителей. Тѣ-же отряды запорожцевъ, которые съ 1663 г. оставались на Украйнѣ, какъ, напримѣръ, отрядъ Чугуя, бывшій при Брюховецкомъ съ начала и до конца гетманства, могли быть и его личными сторонниками. Въ 1668-мъ году сношенія лѣвобережной Украйны съ Дорошенкомъ усилились; Брюховецкаго-же собственные козаки держали въ Гадячѣ подъ надзоромъ. Московское правительство принимало рѣшительныя мѣры и Ромодановскій получилъ приказъ двинуться съ войсками въ Украйну. Весенняя непогода задержала Ромодановскаго и только въ маѣ онъ могъ начать военныя дѣйствія осадой пограничнаго городка Котелвы. Видя, что дѣло Брюховецкаго проиграно, многіе изъ старшинъ рѣшили заблаговременно отступиться отъ гетмана; во главѣ этого плана сталъ Демьянъ Многогрѣшный. Они послали къ Дорошенку приглашеніе принять званіе гетмана лѣвобережной Украйны. Дорошенко и Тукальскій отправили Брюховецкому письмо съ требованіемъ сдать гетманство; но Брюховецкій, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, заковалъ посланцевъ Дорошенка и двинулся на перерѣзъ правобережному гетману, который

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 245.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 98.

шелъ противъ Ромодановскаго. Съ Брюховецкимъ были татары, прибывшіе къ нему подъ начальствомъ мурзы Челибея для принятія отъ гетмана присяги на вѣрность Турціи. Присяга эта была дана, Челибей богато одаренъ и теперь Брюховецкій разсчитывалъ на поддержку новыхъ союзниковъ.

7-го іюня 1668 г. на сербинскомъ полѣ, близъ Диканьки, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то происходила битва Выговскаго съ Пушкаремъ, встрѣтились Дорошенко и Брюховецкій [1]). Козаки Брюховецкаго привѣтствовали Дорошенка и кричали: «мы за гетманство Брюховецкаго биться не станемъ». Дорошенко взошелъ на сербинскую могилу и послалъ за Брюховецкимъ. Сотникъ Дрозденко засталъ гетмана сидящимъ въ креслѣ въ своемъ шатрѣ. Брюховецкій не хотѣлъ идти, но толпа лѣвобережныхъ козаковъ ворвалась въ шатеръ и потащила гетмана съ криками и бранью. Дорошенко спросилъ Брюховецкаго, почему онъ не хотѣлъ отказаться отъ гетманства. Брюховецкій молчалъ. Дорошенко велѣлъ приковать его къ пушкѣ и при этомъ сдѣлалъ знакъ рукой. Толпа поняла этотъ знакъ, какъ смертный приговоръ и бросившись на Брюховецкаго, стала бить его, чѣмъ попало. Старанія запорожца Чугуя, давняго друга гетмана, отбить Брюховецкаго изъ рукъ толпы были напрасны. Брюховецкій былъ убитъ, тѣло его отвезли въ Гадячь; здѣсь самые близкіе люди съ трудомъ могли узнать бывшаго гетмана въ этомъ синемъ, страшно изуродованномъ трупѣ [2]). Дорошенко извинялся предъ Чугуемъ и запорожцами, говоря, что онъ не велѣлъ убивать Брюховецкаго, но дѣло это темное. Самому Дорошенку грозила опасность отъ расходившейся толпы и онъ даже выѣхалъ на ночь изъ лагеря. Тѣло Брюховецкаго было похоронено, по желанію Дорошенка, съ гетманскими почестями въ соборной церкви г. Гадяча и надъ гробомъ сдѣлана была такая эпитафія [3]):

Не маш въ свѣтѣ статку,
Знай зъ мого припадку:
Бывалемъ гетманомъ,

---

[1]) Лѣтопись Величка опредѣляетъ это мѣсто точно: «на сербинскомъ полю, противъ рога Остранинова, еже есть Изученковъ байракъ, подъ Диканькою», т. II, р. IX, стр. 162.

[2]) Костомаровъ, «Руина, стр. 214—215.

[3]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IX, стр. 164.

Звано мене паномъ—
Едина година,
А и въ той отмѣна,
Окрутнемъ забитый.
Обавляйся и ты,
Никто ся зъ насъ смерти
Не можетъ отперты;
Царская корона
Не есть оборона!
Гетманская булава
У смерти не слава!
Хорогви звиястъ,
Бунчуки складаетъ,
Якъ шаблѣ, такъ мечи
Равно мусятъ лечи;
Ломятся и луки,
Опадаютъ руки,
Никто не отстоитъ,
Смерть, що хочетъ, броитъ;
Убогій, богатый
Смерти даютъ шати.
Я, только убраній,
Былъ смертью скараній;
Чи за мои злости,
Обнажени кости?
За всѣхъ обнаженній
Христе! ахъ вспомненій
Нехай буду въ раю.
Отъ земного краю
Прошу всѣхъ посполу,
Въ земномъ лежа долу,
Не стався сурово,
Тое дай ми слово:
«Вѣчна ему буди
Память отъ всѣхъ людій!»
Иванъ въ семъ зложенъ Брюховецкій гробѣ—
Спомни то собѣ,

Що мой гробъ минаешь:
Я тя зде, не ти мене дочкаешъ;
Рѣчешъ-ли добре що тутъ надо мною,
Отдастъ Богъ—взаемъ рекутъ надъ тобою.
Сорокъ и пять лѣтъ вѣку мого было,—
До вѣчности ся прилучило!
«Вѣчна память!»—церковную ноту—
Рекни надъ гробомъ: Богъ заплатитъ цноту!
Тисяча шестьсотъ шестьдесятъ осмого
Седмого іюня зшолемъ зъ свѣта того.
У понедѣлокъ, день ангеламъ данній,
Немилостиве есмь замордованій!

Лѣтописи малорусскія, говоря о «тиранскомъ забитіи» Брюховецкаго, ни единымъ словомъ не выражаютъ сожалѣнія объ этомъ гетманѣ. Даже скромная «Хронологія высокославныхъ ясневелможныхъ гетмановъ» кратко говоритъ о Брюховецкомъ: «забитъ правильно» [1]). Московскій царь въ грамотѣ своей къ малорусскому народу «о прощеніи винъ за нарушеніе присяги и единомысліе съ измѣнникомъ Ивашкой Бруховецкимъ» такъ отзывается о вѣрномъ когда-то бояринѣ и гетманѣ: «гдѣ нынѣ мерзкій онъ врагъ Брюховецкій? неподобному и неистовому псу равенъ и со многими послѣдовавшими ему гнѣвомъ праведнаго суда Божія погиблъ есть и хотѣвый многими владѣти и славенъ быти, яко свинья, отъ свинскихъ Агарянскихъ рукъ закланъ бысть» [2]). Народныя думы не поминаютъ имени Брюховецкаго.

Таковъ былъ конецъ этого недостойнаго гетманства, ознаменовавшагося въ жизни Украйны двумя крупными событіями: Андрусовскимъ договоромъ, уничтожившимъ политическое единство Малороссіи, и Московскими статьями, которыя впервые существенно нарушали автономію страны. Отъ этихъ потрясеній Малороссія не могла уже оправиться. Къ тому-же избраніе гетманомъ Брюховецкаго навсегда подорвало въ глазахъ народа авторитетъ Запорожья, которое являлось представителемъ народныхъ интересовъ и голосъ ко-

[1]) «Южно-русская лѣтопись», изд. Бѣлозерскаго, стр. 118.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, стр. 750.

тораго до той поры имѣлъ рѣшающее значеніе въ судьбахъ Малороссіи.

Въ непривлекательномъ свѣтѣ выступаютъ Брюховецкій, епископъ Меѳодій и др., но взваливать всѣ бѣды на ихъ нравственную несостоятельность нельзя. Брюховецкіе и Меѳодіи бываютъ во всѣ времена и во всякомъ обществѣ, отъ условій времени зависитъ, всплывутъ-ли они на поверхность, выдвинутся-ли въ роли общественныхъ дѣятелей. Брюховецкій могъ стать во главѣ цѣлаго народа, только благодаря обстановкѣ, среди которой ему пришлось дѣйствовать. Малороссія слишкомъ недолго жила самостоятельной жизнью: въ ней не успѣли сложиться и оформиться такія общественныя группы, которыя могли бы дать ей устойчивость. Народъ, выдержавшій отчаянную борьбу за освобожденіе, оказался недостаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы создать прочныя формы общественно-политическаго быта, которыя могли-бы противостать сложившемуся и крѣпкому строю сосѣднихъ государствъ. Въ 1663 г. онъ выбралъ себѣ гетмана, въ которомъ видѣлъ представителя и защитника своихъ интересовъ, и этотъ гетманъ обманулъ его. Выдѣлившіеся изъ среды козачества сословные элементы не успѣли сплотиться въ группу вполнѣ опредѣленную, которая съумѣла-бы уравновѣсить личныя стремленія съ общественными интересами родины и сознательно идти къ достиженію цѣли; а потому въ ихъ средѣ не было солидарности и силы.

Недостатокъ внутренняго единства, отсутствіе ясно сознанныхъ принциповъ не могутъ быть замѣнены никакимъ самоотверженіемъ и героизмомъ въ той борьбѣ, какую ведетъ народъ за право жить.

С. Е.

МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ.

Въ послѣднія два десятилѣтія русская живопись подверглась коренной реформѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ заявленныхъ въ шестидесятыхъ годахъ въ литературѣ и публицистикѣ требованій жизненной правды, реализма. Отъ академической высокопарности, надутости и шаблонности, отъ ложно-классическихъ замашекъ въ выборѣ и исполненіи сюжета, отъ рабскаго подчиненія западно-европейскимъ авторитетамъ, она перешла къ свободѣ въ выборахъ сюжетовъ, къ безъискуственности въ ихъ обработкѣ, къ бытовой простотѣ. Мѣсто наядъ, нимфъ, одалисокъ, щекотавшихъ своей обольстительной наготой притупленное излишествами барское сластолюбіе, заняли бурлаки, крючники, раскольники-самосожигатели, сестры милосердія, мелкіе чиновники, крестьяне-хлѣборобы. По истинѣ отрадное впечатлѣніе производитъ новая русская живопись, по разнообразію предметовъ, ею затронутыхъ, по бытовой правдивости, по серіозности обнаруженныхъ ею художественно-общественныхъ стремленій, въ особенности потому, что въ основаніи многихъ произведеній новой живописи лежитъ широкое чувство человѣколюбія. Какъ и слѣдовало ожидать, интеллигентное общество полюбило новую живопись. Передвижныя выставки картинъ стали привлекать тысячи посѣтителей. Многія картины проданы за тысячи рублей. Съ каждымъ годомъ въ обществѣ усиливается интересъ къ передвижнымъ выставкамъ картинъ. Возникаетъ прямая потребность время отъ времени воз-

нестись отъ заѣдающихъ меркантильныхъ разсчетовъ и мелкой житейской суеты въ осмысленную, продуманную и прочувствованную художникомъ дѣйствительность идеальную. Ставъ на почву бытоваго реализма, текущей общественной и народной жизни, искусство сразу выросло и во многомъ выиграло. Для него открылись новые горизонты, открылось новое обширное поле для благотворной дѣятельности. Сфера вліянія художника значительно расширилась, и художникъ занялъ почетное мѣсто провозвѣстника гуманизма, глашатая правды и истины, не тенденціозной публицистической правды, а художественной правды эстетическаго реализма.

Новая русская живопись до нѣкоторой степени уже ознакомила интеллигентное общество съ русскимъ сѣверомъ, съ средней Россіей, съ Крымомъ, Кавказомъ и Туркестанскимъ краемъ. По картинамъ Шишкина, Мещерскаго, Клевера можно составить ясное представленіе о русскомъ, преимущенно сѣверно-русскомъ лѣсѣ. По картинамъ Ярошенка и Н. Маковскаго можно воспроизвести въ памяти угрюмую Каму, и внутренній видъ московскаго Благовѣщенскаго собора, и Кремль, и Дорогомиловскій мостъ, и Нижній Новгородъ. Можно отмѣтить рядъ картинъ, неизгладимыми чертами запечатлѣвшихъ въ памяти зрителя многія стороны великорусскаго быта. Таковы: «Колдунъ на свадьбѣ» Максимова, «Семейный раздѣлъ въ крестьянскомъ быту» его-же, «Встрѣча иконы» Савицкаго, «Крестный ходъ» Рѣпина, «Засуха» Мясоѣдова. Новая живопись идетъ въ глубь не только простонародной, но и общественной жизни. Достаточно при этомъ вспомнить картины В. Маковскаго «Оправданная», «У мироваго», «Крахъ банка», «Не ждали!» Рѣпина, «Студентъ» Ярошенка. Мало того, новая живопись идетъ и въ ширь, вноситъ въ сокровищницу искусства картины съ сюжетами изъ иноземнаго быта и иноземной природы. Таковы картины Боголюбова, Бегрова, Бронникова, Брюлова, Верещагина, представляющія намъ Францію (Бретань или Нормандію), Италію, Алжиръ и Индію.

Страннымъ представляется, однако, то обстоятельство, что въ этомъ свѣтломъ царствѣ искусства Малороссія занимаетъ слишкомъ скромное мѣсто,—тѣмъ болѣе страннымъ, что въ малорусской природѣ и народномъ бытѣ кроется множество художественныхъ элементовъ.

Малорусская природа оригинальна и разнообразна. Вся средняя и восточная Малороссія въ своихъ краевыхъ очертаніяхъ отличается симметричностью. Въ Кіевщинѣ, Полтавщинѣ и Харьковщинѣ есть все, чѣмъ только красенъ Божій міръ: тѣнистые лѣса и рощи, зеленые бархатные луга, тихоструйныя, капризно извивающіяся рѣченки, золотистые пески, каемкой обрамляющіе рѣки. Ничто здѣсь не подавляетъ мысли, ничто не поражаетъ воображенія. Пригорокъ, рѣка, лѣсъ, лугъ— все это въ отдѣльности незначительно, но въ совокупности они представляютъ превосходный пейзажъ. Разумѣется, нужно обладать недюжиннымъ талантомъ, чтобы совладать со всѣми мелкими чертами природной красоты. Съумѣлъ-же графъ А. К. Толстой изъ мелкихъ чертъ черниговской малорусской природы создать прекрасный поэтическій образъ Украйны въ стихотвореніи: «Кто знаетъ край». Южная часть Малороссіи, точнѣе сказать, Новороссія, или мѣста бывшаго запорожскаго козачества, могутъ плѣнить художника своей необъятной ширью, своимъ степнымъ просторомъ. Много художественнаго матеріала даютъ и западныя окраины Молороссіи,—сумрачная, лѣсистая Волынь, гористая Подолія. Одинъ Днѣпръ представляетъ цѣлый міръ для художественнаго вдохновенія и творчества, міръ въ высокой степени своеобразный, оригинальный. Величественное впечатлѣніе производитъ эта царственная рѣка Малороссіи своей шириной, многоводностью, гористыми берегами, каменистыми порогами, плавнями, связанными съ ней историческими воспоминаніями и преданіями. Днѣпръ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи. Въ «Кобзарѣ» Шевченка Днѣпру посвящено много превосходныхъ стиховъ. «Здается, кращого немае ничого въ Бога, якъ Днипро», писалъ Шевченко, и далѣе указывалъ, что Днѣпръ крутоберегій, широкій, какъ море, широкій и дужій, что онъ «гомонитъ» съ порогами, или «геть-геть соби роскинувсь, сіяе та горыть». Краткія поэтическія характеристики Днѣпра встрѣчаются также въ сочиненіяхъ Гоголя и въ стихотвореніяхъ Я. И. Щоголева.

Художественные элементы малорусскаго народнаго быта разнообразны и обильны. Для пейзажиста не малый интересъ представляетъ, напримѣръ, бѣлая малорусская хата, такъ ярко выдѣляющаяся на лугу, подъ лѣсомъ или надъ рѣкой, малорусское село съ дворами, представляющими нѣчто самостоятельное, со всѣхъ сторонъ огороженное, живописно-оттѣненное серебристымъ тополемъ, рябиной

или вербой. Какъ ни живописна, положимъ, крымская природа, къ ней ничего нельзя прибавить изъ быта крымскихъ татаръ, такъ какъ ихъ сакли безцвѣтны и безформенны, мало отдѣляются по цвѣту отъ пріютившихъ ихъ горныхъ скалъ и ущелій. Для жанриста много любопытнаго представляютъ малорусскія народныя ярмарки, храмовые праздники, семейныя торжества и гулянья, самый костюмъ малороссовъ, особенно малороссіянокъ, сохранившихъ въ глубинѣ Малороссіи, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, много цвѣтнаго и оригинальнаго въ одеждѣ и украшеніяхъ.

Живописцы, избирающіе сюжетомъ историческія лица и событія, останавливаются преимущественно на такихъ историческихъ событіяхъ, которыя, во первыхъ, полны драматизма, во вторыхъ, хорошо извѣстны, въ мелочахъ разработаны людьми науки. Такъ, въ русской исторіи вниманіе поэтовъ и художниковъ привлекала преимущественно эпоха Іоанна Грознаго, полная движенія, трагизма, эпоха, хорошо намъ извѣстная изъ древнихъ актовъ, сочиненій Курбскаго и Грознаго, Домостроя и Стоглава. Эту эпоху въ поэзіи воспроизводили Лермонтовъ, В. Юрьевъ, А. Толстой, Мей, Чаевъ, въ живописи Невревъ и Рѣпинъ, въ скульптурѣ Антокольскій. Нельзя не признать, что вся исторія Малороссіи полна драматическаго элемента; исторія Малороссіи XVII ст. при томъ извѣстна въ подробностяхъ и мелочахъ. Такія лица, какъ Богданъ Хмельницкій, такія событія, какъ брестскій церковный соборъ, засѣданія братчиковъ, сами собой напрашиваются на полотно. Художнику не трудно было бы найти вдохновеніе въ событіяхъ, созданныхъ страстной борьбой за вѣру и народность.

«Боже мой, писалъ Трутовскій Рамазанову, сколько неразобранныхъ матеріаловъ представляетъ Малороссія художнику, какъ изображающему сцены, такъ и видописцу!—Всѣхъ тянетъ въ Италію; хорошо, конечно, пожить и поучиться тамъ; но не подобаетъ же русскому художнику ограничиться италіанскими сценами, когда въ Россіи есть свои прекрасные виды и сцены» [1]. Трутовскій обратился къ художественному воспроизведенію малорусской жизни, и въ этомъ отношеніи онъ составилъ себѣ почетную извѣстность. Всѣмъ извѣстны его превосходные рисунки изъ малорусскаго быта:

---

[1]) *Рамазановъ*, Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи, т. I, стр. 246.

«Подрѣзываніе сотовъ на пасѣкѣ», «Сцепа у креста», «Возвращеніе съ праздника», иллюстраціи къ «Наймичкѣ» Шевченка и къ «Вечерамъ» Гоголя.

Число картинъ изъ малорусской жизни, представленныхъ на передвижныхъ художественныхъ выставокахъ, не велико. Всѣхъ выставокъ было двѣнадцать (тринадцатая на югъ еще не спускалась), и почти столько же было картинъ съ сюжетами изъ малорусской жизни. Главныя картины этого рода представлены были двумя художниками, немного пожившими въ Малороссіи въ молодости, А. И. Куинджи и И. Е. Рѣпинымъ. А. И. Куинджи родился въ Екатеринославской губерніи въ 1843 году, учился у Айвазовскаго [1]). Въ ученическихъ работахъ Куинджи замѣтна уже наклонность къ воспроизведенію явленій малорусской жизни. Такъ, въ рисункѣ «Рыбацкая хижина на берегу Азовскаго моря», 1869 года, рыбацкая хижина представляетъ типичную малорусскую степную хату, съ крутымъ верхомъ, выдавшейся наружу печной трубой и низенькими стѣнами подъ высокой соломенной шапкой. Рѣпинъ родился въ 35 верстахъ отъ Харькова, въ Чугуевѣ, въ 1844 году. Первые годы своей дѣятельности, всю эпоху пробужденія страсти къ искусству онъ провелъ въ мастерской малороссійскаго богомаза, гдѣ писалъ большіе образа для иконостасовъ по 5 рублей за каждый. Двадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ ненастный ноябрскій день, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ [2]). Громадное художественное дарованіе Рѣпина вскорѣ было замѣчено, и онъ быстро выдвинулся въ ряды первыхъ, самыхъ крупныхъ русскихъ художниковъ. Получивъ золотыя медали за свои академическія работы: «Іовъ и его друзья» и «Іаирова дочь», Рѣпинъ, по окончаніи курса академіи, путешествовалъ по Волгѣ, потомъ за границей. Памятникомъ рожденія Рѣпина въ Малороссіи служитъ одна только картина «Вечерницы»,—картина превосходная, какъ превосходны всѣ произведенія этого талантливаго, быстро работающаго художника; его же кисти «Бурлаки на Волгѣ», «Царевна Софья», «Крестный ходъ въ Курской губерніи», «Не ждали», «Смерть царевича Іоанна». Изъ другихъ художниковъ, участвующихъ въ товариществѣ передвижныхъ выс-

---

[1]) *Собко*, 25 лѣтъ русскаго искусства, стр. 19.

[2]) *Стасовъ*, И. Е. Рѣпинъ, въ «Пчелѣ» 1875 г., № 3.

тавокъ, изрѣдка Малороссіи касались Г. Г. Мясоѣдовъ, проживающій въ своемъ хуторѣ вблизи Харькова, Н. Д. Кузнецовъ, проживающій въ деревнѣ Степановкѣ, недалеко отъ Одессы, Н. Е. Маковскій, А. А. Киселевъ, М. П. Клодтъ и Дубовскій, повидимому, побывавшіе въ южной Россіи.

Лучшими картинами съ сюжетами изъ малорусскаго быта, сколько мы въ состояніи припомнить, были «Чумацкій трактъ» и «Ночь на Днѣпрѣ» Куинджи, «Вечерницы» Рѣпина, «На заработки» Кузнецова и «Зима» Дубовскаго.

Въ *«Чумацкомъ трактѣ»* (пятая передвижная выставка) широко раскинулась степь привольная; лентой вьется по ней чумацкій шляхъ. Много дней лилъ на него дождь и потому онъ размякъ и раскисъ. Широкія «мажи» чуть не до оси ушли въ грязь. Вдали на шляху виднѣется уютное и благодатное для степнаго странника-чумака убѣжище—шинокъ,—одинокая хата съ соблазнительной пляшкой на высоко поднятомъ дрючкѣ. Картина эта куплена П. М. Третьяковымъ, къ которому поступило почти все лучшее, что было на первыхъ передвижныхъ выставкахъ.

«Ночь на Днѣпрѣ» Куинджи по своей поэтичности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ картинъ новаго времени. Передъ зрителемъ льется тихоструйный Днѣпръ. На крутомъ берегу стоитъ нѣсколько малороссійскихъ хатъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ высятся пирамидальныя тополи. Въ картинѣ есть слабыя стороны: такъ лунному свѣту приданъ излишній зеленоватый оттѣнокъ, тополи нѣжны и однообразны; но всѣ эти недостатки скрыты чудной южной ночью. Это граціозное и величественное произведеніе Куинджи пріобрѣло на югѣ Россіи большую популярность. Въ картинѣ Куинджи есть нѣчто увлекательное и очаровательное. Это мелодія въ краскахъ. «Ночь на Днѣпрѣ», если не ошибаемся, была на пятой передвижной выставкѣ.

«Вечерницы» Рѣпина служили украшеніемъ девятой передвижной выставки. Это большая картина, полная живости и юмора. Въ малороссійской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ; на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней «навприсядки» выдѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа сидящихъ и стоящихъ внимательно смотритъ на танцующихъ. Всѣ смѣются, и

каждый смѣется по своему; у каждаго свое выраженіе, свое довольство, свой смѣхъ. Лица характерны, типичны. Въ художественной критикѣ недостаткомъ картины было поставлено грубое и некрасивое выраженіе лицъ, въ особенности стоящей на переднемъ планѣ танцующей дѣвицы. «Мы привыкли, сказано было по этому поводу въ «Художественномъ журналѣ» [1]), съ именемъ дѣвушки, особенно малороссійской, соединять въ нашемъ представленіи извѣстную красоту и грацію, конечно, не сценическую, не условную грацію, съ которой фигурировали въ большинствѣ случаевъ художники, писавшіе малороссіянокъ, но красоту и грацію натуральную, ту, какую въ единственномъ образѣ мы видимъ на этой же картинѣ у Рѣпина въ темномъ углу, въ одной прекрасной женской головкѣ... Жители юга, малороссы, красотой, какъ извѣстно, далеко не обижены. «Вечерницы» весьма крупное произведеніе новаго искусства, произведеніе замѣчательное по технической отдѣлкѣ, по обилію бытовыхъ подробностей, по вѣрности дѣйствительной жизни. Нужно впрочемъ замѣтить, что бытовыя подробности картины, такъ сказать, мѣстны; по крайней мѣрѣ мѣстнымъ характеромъ отличается убранство хаты, въ особенности оригинальное помѣщеніе свѣчей на веревочкѣ, подъ потолкомъ.

Украшеніемъ десятой передвижной выставки была, между прочимъ, большая картина Н. Д. Кузнецова *«На заработки»*. Передъ зрителемъ разстилается вольная и широкая степь съ небольшимъ курганомъ на горизонтѣ. По шляху движется група крестьянъ на заработки. Впереди идетъ рослый мужчина въ широкомъ соломенномъ брилѣ, сзади его кучка мужчинъ и женщинъ; расположеніе духа ихъ видимо веселое; имъ льститъ радостная надежда хорошаго заработка. Лица крестьянъ типичныя, характерныя. Вся обстановка картинъ напоминаетъ новороссійскія степи. Крестьяне изъ Новороссіи или юго-западнаго края. Въ восточныхъ частяхъ Малороссіи, въ частности въ Харьковщинѣ, соломенные брили не встрѣчаются; кромѣ того здѣсь для сохраненія воды на полевыхъ работахъ употребляютъ не горластые деревянные сосуды, какіе видимъ на картинѣ, а круглые цилиндрическіе деревянные баклажки.

---

[1]) Художественный журналъ, 1881 г., т. IX, стр. 229.

На двѣнадцатой передвижной выставкѣ вниманіе публики привлекала картина Н. Н. Дубовскаго *«Зима»*. Это былъ дебютъ, первое выступленіе передъ публикой неизвѣстнаго до тѣхъ поръ художника,—дебютъ весьма удачный. Содержаніе картины очень просто. Двѣ деревенскія хаты и часть улицы, къ нимъ прилегающая,—все это подъ толстымъ слоемъ снѣга, ярко освѣщеннаго лучами заходящаго солнца. Снѣгъ недавно только выпалъ, прямо на сырую

новка. Слѣпцы пробираются по тропинкамъ высокаго берега Днѣпра. Кіевскіе куполы и кресты еще виднѣются за ближней горой. Вдали—Заднѣпровье. Нужно замѣтить при этомъ, что лучшая часть картины это слѣпцы съ поводыремъ впереди. Въ картинѣ Куинджи «Послѣ дождя», какъ во всѣхъ картинахъ этого художника, главная сила въ переливахъ свѣта. Солнце то выглядываетъ

окраинамъ Россіи, особенно при благопріятныхъ условіяхъ развитія краевой жизни въ сферѣ искусства, напримѣръ, при возникновеніи мѣстныхъ рисовальныхъ училищъ, мѣстныхъ собраній произведеній изящныхъ искусствъ, при разностороннемъ и обстоятельномъ изученіи памятниковъ народнаго художественнаго и поэтическаго творчества.

Н. С.

РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ.[1])

Разсматривая судебные процессы сельскихъ громадъ, путемъ которыхъ они отыскивали свою свободу или земельную собственность, намъ за частую приходится удивляться въ одно и тоже время слабости ихъ юридическихъ свѣдѣній и настойчивости въ веденіи дѣла. Обыкновенно объясняютъ это склонностію малорусскихъ крестьянъ къ сутяжничеству; но этимъ не исчерпывается вопросъ о причинахъ упорства крестьянъ въ такихъ ихъ искахъ, которые не ведутъ ихъ ни къ чему, кромѣ разоренія и самаго строгаго взысканія. Люди интеллигентные освоились уже съ мыслью, что положительное законодательство, хотя и является результатомъ стремленія къ истинѣ и справедливости, но не можетъ съ ними отождествиться, представляя лишь компромисъ между чистымъ принципомъ справедливости, согласно понятіямъ данной исторической эпохи, и фактическимъ положеніемъ дѣлъ и обнаруживая большую или меньшую дисгармонію между понятіемъ о справедливости и существующимъ законодательствомъ. Крестьянскій умъ не знаетъ такихъ тонко-

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ польскомъ журналѣ «Atheneum» (1884 г., іюль). По предмету своему она относится къ мѣстности нынѣшней кіевской губерніи и входитъ непосредственно въ область исторіи Украйны. Съ согласія автора, мы печатаемъ ее въ вольномъ нѣсколько переводѣ, не измѣняющемъ однако мысли автора, и съ значительными сокращеніями, не касающимися впрочемъ фактическихъ данныхъ. Подобныя монографіи могли-бы уяснить намъ поучительную судьбу землевладѣнія въ кіевской губерніи. Такого описанія особенно заслуживаютъ бывшія староства корсунское и бѣлоцерковское.—Переводъ.

стей; ведя процессы съ богатыми и сильными людьми, крестьяне прежде всего склонны вѣрить, что неблагопріятный для нихъ исходъ дѣла зависитъ отъ вліянія сильной и заинтересованной стороны и бываетъ главной причиной несогласія судебныхъ приговоровъ съ понятіемъ о справедливости. Съ этой точки зрѣнія верховная власть въ глазахъ народа представляется какъ-бы обезсиленной этими вліяніями. Среди самаго разгара борьбы на Украйнѣ Хмельницкій говоритъ комиссарамъ Рѣчи Посполитой: «пусть король остается королемъ для того, чтобы казнить шляхту и пановъ, потому что эти королевята сильно бушуютъ»; въ одной украинской пѣснѣ императрица Екатерина II такъ отвѣчаетъ запорожцамъ на ихъ жалобы:

«Ой рада-бъ я, запорозци, вамъ добро вчинити,
«Та не можу за синодчиками въ синодъ приступити».

Внѣшнимъ признакомъ этого народнаго убѣжденія или ближайшимъ его послѣдствіемъ является общеизвѣстное превратное толкованіе законодательныхъ актовъ, имѣющихъ въ виду благо народа. Въ такихъ случаяхъ народъ обыкновенно думаетъ, что правду отъ него утаиваютъ, а открываютъ ему только часть оной, и то по вліянію людей знатныхъ и богатыхъ, по мѣстному термину, *пановъ*. Поэтому ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ народныя волненія, сопровождающія такіе именно законодательные акты, которые въ большей или меньшей степени имѣютъ въ виду облегченіе народной участи. Иногда имъ предшествуетъ слухъ, лишенный реальныхъ основаній, но построенный на общемъ фонѣ народнаго міровоззрѣнія, и вызываетъ цѣлый рядъ народныхъ волненій. Такого рода явленіе мы видимъ на Украйнѣ въ 1855 году, когда поиски мнимаго указа о записываніи поселянъ въ козацкіе реестры вызвали цѣлый рядъ безпорядковъ, за которые тяжело расплатилось мѣстное населеніе. И при всемъ томъ въ такихъ случаяхъ, въ теченіи извѣстнаго времени, въ народѣ остается увѣренность, что не слухъ былъ вымышленъ, а корысть и злоба пановъ заглушили голосъ правды, Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ корсунскихъ волненій 1855 года мнѣ приходилось слышать отъ простолюдья въ Корсунщинѣ, что окрестные священники будто-бы вымерли вслѣдствіе Божей кары за утайку упомянутаго указа о козачинѣ. Эта общая точка зрѣнія, эта увѣренность, что все, что справедливо по народнымъ понятіямъ, должно

быть и юридически обязательно, вызываетъ ту настойчивость въ процессахъ, которая на первый взглядъ кажется только страстью, въ дѣйствительности-же есть результатъ другихъ болѣе глубокихъ причинъ. Добиться правды не легко,—въ этомъ глубоко убѣжденъ народъ: по народной легендѣ, связанной съ памятникомъ дюку де Ришелье въ Одессѣ, этотъ умудренный жизнію мужъ, указывая рукою на море и держа бумажный свитокъ въ другой, тѣмъ самымъ говорилъ людямъ въ поученіе: «якъ маєшъ зъ дужимъ битись, а зъ багатымъ судитись, лучше перехрестися, та й иди въ море, утопися». Но именно потому, что только постороннія вліянія, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, затемняютъ правду и бываютъ причиной неблагопріятныхъ судебныхъ приговоровъ, не исчезаетъ въ нихъ надежда на успѣхъ, если не теперь, то впослѣдствіи.

Эти не многія общія разсужденія я счелъ не лишнимъ предпослать небольшему очерку одного изъ тѣхъ многочисленныхъ процессовъ по отыскиванію крестьянами давнихъ правъ и вольностей, какими такъ богата исторія Украйны. Дѣло происходило въ нынѣшней кіевской губерніи, въ сквирскомъ уѣздѣ, въ такъ называвшемся когда-то романовскомъ староствѣ; въ теченіи почти столѣтія эта мѣстность была театромъ попытокъ сельскаго населенія—искать юридическимъ путемъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и облегченія постигшей его впослѣдствіи тяжелой участи. Краткій очеркъ этихъ попытокъ и составляетъ предметъ настоящей статьи, которая можетъ быть не лишена интереса, какъ страничка матеріаловъ для исторіи крестьянства кіевской губерніи въ текущемъ столѣтіи.

Въ былые годы Рѣчи Посполитой, въ промежутокъ между династическимъ соединеніемъ южной Руси съ Польшею по городельской уніи и включеніемъ первой въ составъ послѣдней по уніи люблинской, южно-русскія населенныя мѣстности, подъ названіемъ староствъ, отдавались въ управленіе и охрану, съ находившимися въ нихъ укрѣпленными замками, знатнымъ русскимъ людямъ. Послѣ люблинской уніи, съ распространеніемъ на Русь обще-государственныхъ польскихъ порядковъ, подъ тѣмъ-же названіемъ отдавались здѣсь населенныя и даже не населенныя земли въ пожизненное владѣніе преимущественно польскимъ панамъ. Такимъ образомъ староства въ дальнѣйшемъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ означали

коронныя имѣнія, которыя король жаловалъ кому либо за заслуги въ пожизненное владѣніе. Вновь заселяемая мѣстность проходила иногда много стадій, пока становилась старостомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вообще-же перемѣна староства обозначалась переломомъ въ судьбѣ населенія, а съ паденіемъ Польши уничтоженіе самыхъ староствъ послужило источникомъ крупныхъ безпорядковъ и процессовъ, подобныхъ тому, о которомъ я хочу разсказать.

Историческія свѣдѣнія о романовскомъ староствѣ очень скудны; они разбросаны на протяженіи трехъ вѣковъ и крайне отрывочны. Начало заселенія мѣстности староства относится къ послѣднему десятилѣтію XVI ст. Въ 1591 г. король Сигизмундъ III отдаетъ князю Николаю Ружинскому «пустопорожнія земли въ бѣлоцерковскомъ староствѣ» надъ рѣками: Сквирой, Раставицей, Ольшанкой, Унавой и Каменицей, иначе Каменкой [1]). На этой территоріи и возникло романовское староство, достигшее, по крайней мѣрѣ въ центральномъ своемъ пунктѣ, разширенія своихъ общественныхъ правъ и автономнаго управленія по магдебургскому праву. Образованіе романовскаго староства шло постепенно и на немъ отразились всѣ тѣ политико-общественныя перемѣны, какія переживала цѣлая страна.

Въ концѣ XVI столѣтія Украйна была мало заселена. Все то пространство, которое пожаловано Сигизмундомъ князю Николаю Ружинскому, т. е. значительная часть нынѣшняго сквирскаго уѣзда, заключало въ себѣ одни только урочища; почти всѣ ихъ имена встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ названіяхъ селъ и мѣстечекъ, входившихъ въ составъ романовскаго староства. Уже въ 1603 году встрѣчаемъ на этой территоріи мѣстечка Романовку и Жидовцы и села: Чернявку, Кошлаки и Ерчики, затѣмъ Ставища [2]). Въ 1615 году заселилась Сквира, теперь уѣздный городъ. Люстрація 1616 года причисляетъ къ романовскому староству мѣстечко Романовку, Жидовцы, Матвѣевцы или Ставища, Ерчики, Кошлаки, Сквиру, Буки и Строковъ.

Заселеніе шло весьма быстро; на территоріи, занятой первыми пятью селами, существовало до того времени одно только неболь-

---

[1]) Рукопись—Перечень документовъ, относящихся къ границамъ романовскаго староства 1804 г.

[2]) Также.

шое поселеніе Малая Чернявка. Обиліе плодородныхъ земель и такъ называемыя тогда *слободы*, т. е. освобожденіе поселенцевъ отъ повинностей по отношенію къ владѣльцу на болѣе или менѣе продолжительное время (такъ Сквира, основанная въ 1615 году, пользовалась правомъ тридцатилѣтней «слободы»[1]), привлекали сюда поселенцевъ, не смотря на то, что мѣстность лежала на такъ наваемомъ «Черномъ шляху»[2]), т. е. на пути набѣговъ татарскихъ и представляла большія опасности и затрудненія для колонизаціи. Въ люстраціи 1616 г. читаемъ слѣдующее: «Буки, село, за годъ передъ этимъ разрушено татарами. Въ настоящее время въ немъ осталось еще десять человѣкъ, которые живутъ въ ямахъ». Тоже самое происходило и въ другихъ поселеніяхъ. Ставище опустошено татарами въ 1606 году, Буки, Романовка, Кошлаки въ 1615 году; въ Кошлакахъ послѣ погрома «остался только одинъ крестьянинъ»[3]). Татарскіе набѣги были такимъ обычнымъ явленіемъ въ этой мѣстности, что документъ 1592 года, опредѣляющій территоріальныя границы староства, просто замѣчаетъ: «до самыхъ верховьевъ рѣчки Сквиры вдоль татарскаго шляху черезъ Раставицу»[4]). Но не одни татары разоряли новыя поселенія; тоже дѣлали и христіанскіе громители ислама. Въ люстраціи 1622 года значится: «Романовъ, или Романовка, мѣстечко, поселенное надъ самымъ Чернымъ шляхомъ, въ немъ двадцать подданныхъ; не платятъ никакого чинша на основаніи *слободы*, потому что разорены отрядомъ покойнаго пана Жолкевскаго»[5]).

При такихъ условіяхъ заселялась эта мѣстность; ея хозяйство, домашній бытъ и всѣ общественныя отношенія носятъ на себѣ ихъ отпечатокъ. Домашнее хозяйство слобожанина начинается въ ямѣ, старостинскія постройки еще въ 1765 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: «домъ построенъ надъ самой рѣчкой, изба съ комнатой и кладовой, кухня съ коморкой, амбаромъ и конюшня»[6]). Населеніе то разбѣгается, то возвращается, партизанскимъ, такъ

[1]) Рукопись—Люстрація 1616 г.

[2]) Baliński i Lipiński—Starożytna Polska.

[3]) Люстрація 1616 г.

[4]) Рукопись—Перечень документовъ 1802 г.

[5]) Baliński i Lipiński.

[6]) Рукопись—Люстрація 1765 г.

сказать, способомъ добывая земли и свободу, когда обстоятельства тому благопріятствовали, и при перемѣнѣ ихъ теряя поочередно и то и другое. Такъ во время люстраціи романовскаго староства 1765 г. управляющій дворянинъ Антоній Кобылинскій и громады этого староства, какъ мѣстечка Романовки, такъ и мѣстечка Сквиры, показали, что староство терпитъ много обидъ въ земельномъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей. Громада романовская жаловалась, что терпитъ обиды отъ владѣльцевъ корнинскаго имѣнія, пановъ Проскуровъ, которые уже частью захватили и продолжаютъ все больше и больше отбирать къ своему Корнину земли, принадлежавшія съ давнихъ временъ къ Романовкѣ, косятъ сѣно на романовскихъ лугахъ, собираютъ хлѣбъ, выгоняютъ романовскихъ жителей изъ ихъ собственныхъ земель, бьютъ и не допускаютъ пользоваться ими, отъ чего часто происходятъ драки, а иногда и убійства крестьянъ. Такъ-же точно и мѣстечко Сквира, принадлежавшее къ тому-же староству, принуждено было терпѣть земельные захваты на трехъ своихъ границахъ: 1) со стороны мѣстечка Володарки отъ пани Мнишковой, подкомарины литовской, которая съ большимъ азартомъ насильно отобрала сквирскія земли къ володарскому имѣнію и намѣтила себѣ границу до самой Сквиры, при чемъ володарскіе жители вытѣсняли сквирскихъ изъ этихъ земель, били и не дозволяли ими пользоваться; 2) со стороны паволоцкихъ имѣній князя Любомирскаго, брацлавскаго воеводы, и наконецъ 3) отъ бѣлоцерковскаго староства, гдѣ также послѣдовалъ значительный захватъ земель. Отъ всѣхъ этихъ причинъ должно было разбѣжаться какъ романовское, такъ и сквирское населеніе»[1]).

Сохранилось и до настоящаго времени мѣстное преданіе о такихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Умершій два года назадъ старикъ Федько Грива разсказывалъ мнѣ, какъ его дѣдъ храбро сражался съ Проскурою за границы романовскихъ земель, которыя должны были простираться до «Острой могилы»: «мого дида, козака Гриву, прибавлялъ разсказчикъ, не брала куля, ажъ доииро срибнымъ гудзіомъ встреливъ ёго Проскура. Похилывся мій дидъ на кони и сказавъ: збавывъ ты, пане Проскуро, козакови Гриви викъ ёго молодецькій».

Уменьшеніе земельныхъ участковъ романовскихъ поселевцевъ, вслѣдствіе захватовъ сосѣдей, давало чувствовать себя еще сильнѣе

[1]) Люстрація 1615 г.

съ прекращеніемъ льготныхъ сроковъ, такъ называемыхъ *слободъ;* повинности мѣщанъ и крестьянъ усиливались по мѣрѣ того, какъ «степы широки, краи весели» осаживались селами, какъ новая колонизація все болѣе и болѣе увеличивалась и разросталось помѣщичье хозяйство. Романовка, не знавшая панщины и только платившая чиншъ въ началѣ XVII в.,—во второй половинѣ XVIII ст., кромѣ значительно увеличеннаго чинша (съ 3 и 6 грошей поднялся въ общемъ до 3⅔ злота съ хозяйства), отбываетъ панщину и прядетъ мотки. Льготный срокъ давно уже исполнился для Сквиры и ея жители во второй половинѣ XVIII в. платятъ чиншъ, подорожное, отбываютъ панщину, мотки и др. Въ Черпявкѣ панщина была уменьшена, но за то увеличенъ чиншъ, достигавшій въ общемъ 13 злотыхъ съ хаты (въ Романовкѣ въ тоже время 3⅔ злота). Впрочемъ и въ началѣ XVII в., не смотря на колонизаціонныя затрудненія, рядомъ съ временными льготами панщина вполнѣ уже господствовала въ пограничныхъ селахъ, щадя только новыя поселенія и центральное мѣстечко староства. Обычной нормой панщины здѣсь было въ то время лѣтомъ два, зимою одинъ рабочій день въ недѣлю въ пользу помѣщика [1]).

Эти немногія уцѣлѣвшія данныя едва-ли могутъ дать сколько нибудь полное и близкое понятіе о соціально-экономической жизни романовскаго староства. Кромѣ указанныхъ, оно переживало и другія перемѣны, особливо подъ часъ козакованья столь памятнаго въ западной Украйнѣ Семена Палія, котораго дѣятельность распространялась непосредственно и на романовское староство. Извѣстныя усилія польскаго короля Яна Собѣсскаго воскресить въ западной Украйнѣ угасавшее козачество, нужное ему для войны съ Турціею, выдвинули не кстати для поляковъ знаменитаго своею храбростію и предпріимчивостію фастовскаго полковника. Палій, получивъ полномочіе на вербованіе козацкаго полка, не ограничился вербовкой бродячихъ отрядовъ, но колонизуетъ Фастовщину, постепенно вытѣсняетъ шляхту изъ дворянскихъ имѣній и староствъ, то вступая отчасти въ ея права, то вводя въ занятыхъ мѣстностяхъ оригинальные козацкіе порядки. Козачее устройство сельскаго люда

---

[1]) Рукоп. люстраціи 1616 и 1765 г.

приходилось этому послѣднему какъ нельзя болѣе по сердцу и съ увѣренностію гадать можно, что въ эту пору измѣнилось къ лучшему и положеніе сосѣдившаго съ Фастовщиной романовскаго староства, которое также нѣкоторое время находилось во власти Палія. А что это такъ, видно изъ того, что король Августъ II, жалуя въ 1710 г. романовское староство Бомбеку, замѣчаетъ, что оно осталось безъ владѣльца по смерти храбраго Палія [1]).

Судьба романовскаго староства послѣ Палія еще менѣе намъ извѣстна и объ ней можно судить лишь по общему ходу жизни Украйны въ это время и нѣкоторымъ позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, касающимся непосредственно самаго староства. Люстраторы 1789 г. говорятъ, что не смотря на то, что Романовка называется мѣстечкомъ, «ея жители если и имѣли какія нибудь частныя права и привилегіи, то ничѣмъ этого не доказали». Между тѣмъ Романовка въ исходѣ XVIII в. имѣла свой магистратъ, хотя единственнымъ памятникомъ его существованія, какой мнѣ удалось найти, является копія привилегіи Станислава-Августа 1791 г., явленной въ книгахъ романовскаго магистрата, въ переводѣ на русскій языкъ, принадлежащая одному изъ мѣстныхъ крестьянъ. XVIII столѣтіе было для Польши временемъ, когда явленія анархіи достигли своего апогея и въ тоже время вѣкомъ, когда жизненныя проявленія различныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, особенно той ея области, какую мы имѣемъ въ виду, т. е. Украйны, значительно ослабѣли въ своемъ напряженіи. Паліево козачество съ его «товарищами» сохраняло еще нѣкоторыя черты стараго козачества, но ядро его составляли уже бродяги, проживающіе въ томъ или другомъ имѣніи. Вмѣсто поддержки со стороны свободныхъ земскихъ элементовъ, вмѣсто хуторовъ, козацкихъ «лугивъ та лукъ» встрѣчаемъ здѣсь зимнія квартиры; прежнее мѣщанство уже зачастую отбываетъ панщину, слобожане все рѣже встрѣчаются среди сельскаго населенія; панщины, мотковъ, осыповъ и т. п. уже не сдерживаетъ опасеніе, что «сейчасъ бунтъ и сейчасъ сорокъ тысячъ реестровыхъ на шеѣ» [2]). Замѣчается вырожденіе и среди того сословія, которое сломило въ свою пользу всѣ разнородные жизнен-

[1]) В. Б. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества.

[2]) Twardowski, Wojna domowa.

ные элементы Рѣчи Посполитой. Отзывчивость къ умственнымъ движеніямъ XVI ст. смѣнилась у шляхты добровольнымъ подчиненіемъ іезуитской опекѣ; свобода восточной церкви цѣликомъ была принесена въ жертву протежированной уніи; вмѣсто военнаго оживленія «распускали пояса»; тѣхъ, которые когда-то поддерживали своего короля, смѣнили будущіе тарговичане. Истратились и исчерпались всѣ силы, изъ которыхъ слагалась бойкая нѣкогда жизнь Рѣчи Посполитой; весь государственный организмъ разстроился и клонился къ полному упадку. Явились запоздалыя усилія небольшой партіи воскресить и обновить его, поднявъ самые угнетенные слои народонаселенія и прежде всего населеніе чрезвычайно многочисленныхъ городовъ и мѣстечекъ. Усилія этой партіи, среди которой Гугонъ Колонтай занималъ выдающееся положеніе, оживили на время надежды и центральнаго пункта нашего староства—Романовки, считавшей по люстраціи 1789 года «шестьдесятъ обывательскихъ домовъ и десять шляхетскихъ» [1]). Романовскіе шляхтичи и мѣщане увлеклись общими стремленіями къ златой вольности, возстановленію утраченныхъ правъ; ихъ дѣло принималъ близко къ сердцу и мѣстный ксендзъ, ревновавшій, по выраженію Колонтая, о народномъ благѣ. Съ старостой княземъ Любомірскимъ заключено временное условіе, а пока собирали документы и указанія, могущія поддержать права романовскихъ жителей. Хлопоты эти не остались безъ послѣдствій: Колонтай въ письмѣ своемъ къ романовцамъ 23 августа 1791 г., рекомендуя терпѣніе и благоразуміе, прибавляетъ: «въ скоромъ времени увидите себя вполнѣ счастливыми... Возобновительная привилегія скоро выйдетъ; панъ Бѣлобржескій дастъ вамъ знать, когда нужно явиться за ея полученіемъ» [2]).

И дѣйствительно, по «предложенію пановъ рады, состоящей при особѣ короля, и просьбамъ войта, райцевъ, бурмистра, судей и всего населенія города Романовки», король, во имя правъ, удѣленныхъ ему четырехлѣтнимъ сеймомъ, ссылаясь на давній титулъ города, выраженный въ различныхъ люстраціяхъ и пожалованіяхъ, и на то, что Романовка уплачиваетъ «подати, установленныя для

---

[1]) Baliński i Lipiński, Starożytna Polska.

[2]) Рукопись—письмо Колонтая къ членамъ романовскаго магистрата.

вольныхъ городовъ», признавая ее отягощенной позднѣйшими люстраціями 1765 и 1789 г., жалуетъ этому городу возобновительную привилегію.

Привилегія объявляетъ Романовъ вольнымъ городомъ и признаетъ «вольными людьми всѣхъ обывателей этого города, какъ теперь живущихъ и записанныхъ въ послѣдней люстраціи города Романовки и въ «тарифу домовъ», такъ и тѣхъ, которые могутъ здѣсь поселиться впослѣдствіи и войти въ городское сословіе; земли, заселенныя ими въ чертѣ этого города, ихъ дома, усадьбы, огороды, поля, нивы, лѣса, хутора и всю территорію этого города, принадлежащую ему по праву, признаетъ наслѣдственною собственностью этого города и осѣдлыхъ въ немъ мѣщанъ и выражаетъ желаніе, чтобы они были отмежованы отъ земель романовскаго староства и другихъ помѣстій».

Привилегія изъемлетъ кромѣ того изъ земянской и старостинской юрисдикціи всѣхъ городскихъ обывателей, «какъ шляхетскаго, такъ и мѣщанскаго происхожденія» и объявляетъ, что они будутъ судиться только передъ городскимъ урядомъ, съ правомъ аппелировать въ житомірскіе суды, или обращаться въ коронные ассесорскіе суды, смотря по сущности дѣла; далѣе обезпечиваетъ жителямъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій пользованіе правами, присвоенными вольнымъ городамъ по конституціи четырехлѣтняго сейма, и правомъ магдебургскимъ; всѣ повинности мѣщанъ ограничиваются поземельной податью въ казну Рѣчи Посполитой на основаніи сеймовыхъ постановленій. Тою-же привилегіею была пожалована печать городскому магистрату [1]), которая и понынѣ сохраняется у крестьянъ сосѣдняго села.

Но такое возстановленіе широкихъ общественныхъ и экономическихъ правъ романовцевъ оказалось для нихъ какъ-бы злой насмѣшкой судьбы; усилія горсти лучшихъ людей того времени, снабдившей тогда массу городовъ и мѣстечекъ подобными-же привилегіями, были лебединою пѣснію Польши. Новый и послѣдній ея раздѣлъ наступилъ скорѣе, чѣмъ запоздалыя попытки къ исцѣленію ея недуговъ могли быть примѣнены на дѣлѣ. Новый госу-

---

[1]) Рукопись—возобновительная привилегія короля Станислава-Августа 10-го ноября 1791 г.

дарственный режимъ ни мало не ослабилъ крѣпостническихъ стремленій польскихъ пановъ, а извѣстная энергія исполнительныхъ органовъ русской администраціи гораздо прочнѣе только гарантировала существованіе прежняго общественнаго порядка, чѣмъ ослабѣвшее правительство Рѣчи Посполитой.

Нѣкогда народъ пѣлъ:

«Эй вы ляхи, эй вы дуки!
Забрали вси наши луги и луки».

Теперь онъ отмѣтилъ свое крѣпостническое иго новою пѣснью:

«Була, була Польша, настала Вкраина,
Не заступить сынъ за батька, ни батько за сына».

При такомъ общемъ теченіи дѣлъ возобновительная привилегія Романовки не доставила никакого облегченія ея жителямъ. Тогдашній староста, князь Іосифъ Любомірскій, принуждалъ романовскихъ мѣщанъ къ отбыванію сельскихъ повинностей; отсюда возникаетъ процессъ по иску мѣщанъ еще во времена Рѣчи Посполитой. Въ отвѣтъ на жалобу, предъявленную мѣщанами, староста въ обширной информаціи указываетъ ошибочность пониманія ими ихъ древнихъ актовъ, ссылается на люстраціи 1765 и 1789 г., тѣ именно, которыми мѣщане наши были «обременены», по выраженію привилегіи 1791 г.; утверждаетъ, что если прежде въ Романовкѣ и не бывало панщины, то только временно, вслѣдствіе опустошенія, произведеннаго то татарами, то обозомъ Жолкевскаго; выражаетъ сомнѣніе въ подлинности привилегіи 1791 г. и во всякомъ случаѣ считаетъ ее нелегальною при отсутствіи первоначальной привилегіи и т. д., вслѣдствіе чего все дѣло передаетъ на судъ референдарскій, какъ единственный компетентный въ процессахъ между подданными и владѣльцами коронныхъ имѣній.

Своеобразное толкованіе княземъ старостою правъ и привилегій, относящихся къ романовскому дѣлу, ни мало не остановило романовскихъ мѣщанъ; начатый ими еще при существованіи Рѣчи Посполитой искъ все болѣе расширяется и охватываетъ цѣлое староство; сначала мѣщане доказываютъ, что одно изъ селъ староства, Чернявка основалась на романовской землѣ и потому на нее тоже должна распространяться привилегія 1791 г.; въ дальнѣйшемъ процессѣ, разбиравшемся уже въ сквирскомъ земскомъ и въ главномъ кіевскомъ судѣ, послѣ паденія Рѣчи Посполитой, видимъ

уже поселянъ цѣлаго староства, солидарно выступающихъ противъ старосты.

Суды признавали освободительное значеніе привилегіи 1791 г. лишь для города Романова; понимали и мѣстные жители, что статьи привилегіи выдѣляютъ Романовку изъ остальнаго староства; тѣмъ не менѣе всѣмъ хотѣлось свободы и искъ веденъ былъ отъ имени жителей всего бывшаго староства. «Не потрибенъ мени кожухъ безъ рукавивъ»,—отвѣчалъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ мѣстнаго населенія уже въ 1844 г., когда ему разъясняли компетентные люди, что хлопоты романовцевъ могутъ достигнуть желаемыхъ результатовъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они исключатъ изъ процесса всѣ приселки. Въ находящихся у меня бумагахъ сохранились лишь слѣды первоначальной тяжбы романовцевъ по отыскиванію своихъ правъ. Тяжба разбиралась въ 1792 году въ судѣ ассесорскомъ, въ 1797 году въ брацлавскомъ магистратѣ; въ томъ-же году романовцы жалуются въ главный кіевскій судъ на побои, причиняемые офиціалистами старосты; но судъ «послѣ допроса» призналъ жалобы неосновательными. Въ 1799 г. староста требуетъ передъ сквирскимъ повѣтовымъ судомъ наказанія старостинскихъ жителей «за возстаніе противъ своего пана»; въ 1801 г. дѣло вновь рѣшается въ томъ-же судѣ, а въ 1801 и 1802 г. по иниціативѣ жителей староства—въ коммисіи, установленной въ силу декретовъ двухъ надворныхъ волынскихъ судовъ [1]). Пока такимъ образомъ обѣ стороны упорно пререкаются о взаимныхъ правахъ и обидахъ, коммисія, учрежденная для продажи казенныхъ имѣній въ кіевской губерніи, постановила въ 1811 г. продать въ частную собственность поселенія, входившія въ составъ романовскаго староства [2]).

Такого рѣшенія дѣла никакъ не ожидали наши поселяне и не съ разу могли ему повѣрить. Не смотря на всѣ свои судебныя неудачи, они хранили твердую увѣренность въ ненарушимости ихъ правъ, послужившую основою для оригинальной, смѣшаннаго характера, легенды, сложившейся въ ихъ средѣ. «Наши, разсказывали

---

[1]) Перечень документовъ этой коммисіи за 1802 г.—рукопись.

[2]) Рукопись—Копія опредѣленія коммисіи, учрежденной въ кіевской губерніи для распродажи казенныхъ имѣній 8 марта 1811 г.

мнѣ романовскіе старожилы, тоже неблагоразумно вели себя. Однажды, уже при императрицѣ Екатеринѣ, знатнѣйшіе хозяева романовскіе пировали и, напившись, стрѣляли изъ пистолета съ криками: «vivat король!» Какой-то чиновникъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, что значитъ этотъ возгласъ.

— Таке маемо право.

— Яке-жъ то право?

Романовцы показали ему свои документы; чиновникъ схватилъ ихъ и бросился бѣжать; пьяные напрасно его преслѣдовали.

— Пислятого, продолжалъ разсказчикъ, цариця Катерина произжала тутъ и везла зъ собою наше право; почувала вона на Яхняньскихъ корчмахъ. Ото вона присылае до одного, нашого таки чоловика, щобъ ишовъ узяти наше право.

— Якъ-то, каже той чоловикъ, то я маю ходити за своимъ правомъ? Наше право до насъ повинно прійти!

— Ото цариця за те розгнивалась и оддала наше право Сквыри, то Сквыра выйшла на городъ, а наше мищанство такъ и осталось.

Наступилъ однако часъ продажи бывшаго староства въ частныя руки и рѣшеніе правительства приведено въ исполненіе, староство распродано отдѣльными селами въ разныя руки. Въ Романовку и прилегавшія къ ней села, исполненныя еще надежды на возвращеніе свободы, являются собственники земель и душъ, вооруженные покровительствовавшимъ имъ закономъ; подозрительно и съ недоумѣніемъ смотрятъ они на селянъ, которые добиваются какихъ-то правъ путемъ безпрестанныхъ процессовъ и жалобъ, щекотливо относятся къ малѣйшему ихъ непослушанію, считая оное не иначе, какъ дерзостью, расправляются за все побоями, ревностно оберегаютъ свою власть надъ подданными. Въ виду суровой дѣйствительности наши старостинцы должны были понизить свои претензіи.

Въ 1816 г. жители Романовки обращаются въ земскій сквирскій судъ черезъ своего уполномоченнаго, Захара Пилипенка, и доказываютъ, что они, въ качествѣ бывшихъ старостинскихъ подданныхъ, должны оставаться государственными крестьянами и что потому ихъ нельзя отдавать въ собственность частнымъ владѣльцамъ. Но судъ отклонилъ это заявленіе, на основаніи опредѣленія

коммисіи, учрежденной для распродажи государственныхъ имѣній въ кіевской губерніи. Засѣдатель земскаго суда собралъ крестьянъ изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ бывшаго романовскаго староства и объявилъ имъ отъ имени исправника, что они проданы на законномъ основаніи и потому должны навсегда остаться помѣщичьими крестьянами и повиноваться своимъ владѣльцамъ. «По силѣ нашихъ привилегій, насъ нельзя продавать и мы будемъ отыскивать свою свободу»,—отвѣтили крестьяне [1]). И они энергично продолжаютъ этотъ споръ жалобами передъ сквирскимъ уѣзднымъ судомъ на притѣсненія со стороны новыхъ владѣльцевъ: непомѣрныя работы, побои, иногда влекущія за собою смерть наказанныхъ, неуваженіе женской чести со стороны одного изъ помѣщиковъ и т. п.

Это было время сильнаго раздраженія умовъ; угроза безповоротнаго закрѣпощенія нашла себѣ представителей въ новыхъ владѣльцахъ,—давленіе съ одной стороны усиливало энергичный отпоръ съ другой. Движеніе въ этомъ направленіи вызывало отголосокъ и дальше среди населенія, находившагося въ подобныхъ-же условіяхъ. Жители мѣстечка Ставищъ бѣлоцерковскихъ, узнавъ о тяжбахъ и дѣлахъ романовскаго староства [2]), входятъ въ живыя сношенія съ людьми, заинтересованными въ одномъ дѣлѣ.

Мѣстечко Ставища, принадлежавшее къ бѣлоцерковскому староству, было подарено въ 1773 г. въ собственность королю Станиславу-Августу, который впрочемъ обязался уважать существующую свободу мѣщанъ и селянъ въ имѣніяхъ, сдѣлавшихся его частной собственностью. Подаренное ему бѣлоцерковское староство король въ свою очередь даритъ коронному гетману, Ксаверію Браницкому 13 ноября 1774 г. Оживленные надеждами, какія пробудили среди старостинскихъ мѣщанъ постановленія четырехлѣтняго сейма, жители Ставищъ, подобно романовскимъ мѣщанамъ, обращаются въ 1791 г. къ центральной власти черезъ трехъ своихъ уполномоченныхъ. Дѣйствительно ставищане получаютъ подъ своимъ адресомъ печатный циркуляръ центральной полицейской коммисіи, относившійся къ организаціи вольныхъ городовъ, а въ 1792 г. три коро-

---

[1]) Рукопись—Резолюція перваго департамента кіевскаго главнаго суда 16-го іюля 1817 года.

[2]) Рукопись—Резолюція сената въ гражданскомъ искѣ жителей м. Ставищъ.

левскіе универсалы относительно выборовъ въ вольныхъ городахъ, въ которыхъ и ставищане названы мѣщанами. Поэтому они ведутъ свою тяжбу съ владѣльцами въ 1791 и 1792 г. въ ассесорскомъ судѣ [1]).

Неизвѣстно, обращались-ли и куда именно обращались они позже въ начатомъ искѣ, но въ то время, о которомъ мы говоримъ, застаемъ въ Ставищахъ необычное оживленіе. Рождественскія святки, закончившія 1814 и открывшія 1815 годъ, благопріятствовали свободному совѣщанію громадъ, торжественные обряды и праздничныя бесѣды оживляли сильно возбужденное общее настроеніе умовъ. 14 января 1815 г. мѣщане, въ количествѣ девяноста трехъ человѣкъ, заключаютъ договоръ съ избранными изъ своей среды уполномоченными, а 25-го апрѣля того-же года вновь заключаютъ такой-же договоръ и на немъ видимъ уже 146 подписей. Подписавшіеся обязались слѣдующими условіями: 1) по требованію уполномоченныхъ громада немедленно должна собраться въ назначенномъ мѣстѣ; 2) если уполномоченные будутъ нуждаться въ деньгахъ, то собирать складчину и отдавать все до послѣдней рубахи; уклоняющіеся отъ этого самовольно подвергаются денежному штрафу; 3) уполномоченные обязаны хлопотать и трудиться до послѣдней капли крови, не щадя ни имущества, ни жизни; 4) подписавшіеся должны до конца стоять на своемъ, не складывая вины другъ на друга, и обязательство это скрѣпить присягой.

Этотъ договоръ былъ засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ въ таращанскомъ уѣздномъ судѣ. Вѣсть о томъ быстро достигла крестьянъ, проживавшихъ въ предмѣстьяхъ Таращи; они также собираются громадами, выбираютъ съ своей стороны двухъ уполномоченныхъ и подписываютъ подобное-же условіе.

Командированный губернскимъ начальствомъ совѣтникъ Саксъ напрасно объясняетъ ставищанамъ, что ихъ договоръ незаконный, и совѣтуетъ уничтожить его. На такое предложеніе его они отвѣчали, что не хотятъ брать назадъ своихъ подписей, опасаясь этимъ ослабить свое дѣло. Саксъ предложилъ крестьянамъ избрать трехъ довѣренныхъ лицъ, черезъ которыхъ обязался выслать изъ Таращи документы, относящіеся къ ихъ иску. Выборъ состоялся, но, явив-

---

[1]) Рукопись—сенатское рѣшеніе по дѣлу крестьянъ мѣстечка Ставищъ.

шись въ уѣздный судъ, выборные отказались отъ исполненія своего полномочія, по совѣту ихъ адвоката, шляхтича Сцеславскаго[1]). Отсюда возникаетъ дѣло, изложеніе котораго выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка, но которое свидѣтельствуетъ о степени напряженія возникшаго тогда въ крестьянской средѣ. — Возвратимся поэтому къ прерванному разсказу о романовскомъ искѣ.

Романовцы, какъ мы уже знаемъ, подали жалобы на притѣсненія и злоупотребленія со стороны владѣльцевъ. Естественно возникло дѣло, но не о возвратѣ имъ свободы, не о припискѣ ихъ къ казеннымъ крестьянамъ, а о справедливости предъявленныхъ ими жалобъ. Велось оно сперва въ сквирскомъ уѣздномъ, а затѣмъ въ главномъ кіевскомъ судѣ.

Сквирскій судъ, произведя разслѣдованіе, нашелъ жалобы крестьянъ неосновательными; «помѣщики, читаемъ въ его заключеніи, никому не причинили смерти, и хотя нѣкоторые изъ крестьянъ послѣ кратковременной болѣзни окончили жизнь, но помѣщики не причинили того ни побоями, ни какимъ другимъ способомъ; наказанія со стороны экономіи не назначались безъ вины, но соразмѣрялись съ важностью преступленія и крестьяне не подвергались притѣсненіямъ, такъ какъ употреблялись только для привычныхъ работъ, чему лучшее доказательство то, что они обрабатываютъ только земли, принадлежащія къ ихъ селу» и т. д. По жалобѣ жителей противъ одного изъ владѣльцевъ за обезчещеніе ихъ женъ и дочерей слѣдствіе выяснило, будто во время военнаго постоя тѣ-же самыя дѣвушки и женщины занимались пьянствомъ съ солдатами, безъ всякаго стѣсненія проводили время въ скрытыхъ мѣстахъ и даже бродили по кустамъ съ солдатами. Такъ какъ, по мнѣнію суда, все это вмѣстѣ взятое доказывало «лѣнь, нерадивость и дерзость» жалобщиковъ, то судъ постановилъ: 12 изъ жаловавшихся крестьянъ для усмиренія и примѣра наказать плетьми на мѣстѣ жительства и такому-же наказанію подвергнуть и тѣхъ 25 крестьянъ, которые признаны виновными въ дерзкихъ отзывахъ при объявленіи имъ закрѣпощенія. Писарь, составлявшій жалобы для крестьянъ, и другой, который писалъ полномочія, выданныя для веденія тяжбы, присуждены къ денежному штрафу.

---

[1]) Рукопись—Резолюція сената 3 января 1822 г.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе и утвержденіе въ первый департаментъ главнаго кіевскаго суда. Приговоръ уѣзднаго суда былъ утвержденъ, но съ прибавленіемъ, что виновныхъ, по указу 22-го августа 1767 года, слѣдовало-бы наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь и что только во уваженіе ихъ невѣдѣнія наказаніе ограничивается 50-ю ударами плетей. Главный судъ, основываясь конечно на объясненіяхъ помѣщиковъ, кромѣ означенныхъ главныхъ виновниковъ, поименовалъ еще 247, изъ которыхъ десятаго предоставилъ экономіи, по ея выбору, наказать тридцатью ударами плети «за единомысліе съ вышеозначенными крестьянами, выступившими съ бездоказательными претензіями на мнимую свободу, за неповиновеніе и дерзость противъ владѣльцевъ и за то, что подражали продерзости первыхъ». «Наказаніе, заключалъ кіевскій судъ, должно быть исполнено, въ присутствіи отряда войскъ, публично въ каждомъ селѣ, смотря по мѣсту жительства присужденныхъ, въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго, который долженъ при этой экзекуціи объяснить значеніе указа 22-го августа 1767 г. и предупредить, что всякій, кто вновь окажется виновнымъ въ подобномъ преступленіи, подвергнется приговору по всей тягости означеннаго указа». Что касается писарей, то судъ рѣшилъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть отдѣльно привлеченъ къ суду, другой отданъ въ солдаты или, въ случаѣ негодности, сосланъ въ Сибирь [1]).

Поразительная вѣсть о приговорѣ разнеслась быстро среди крестьянъ и повергла ихъ въ ужасъ и отчаяніе. Начавъ дѣло въ надеждѣ возвратить себѣ свободу, или по крайней мѣрѣ прекратить злоупотребленія помѣщиковъ, они видѣли теперь печальную необходимость расплатиться за свои мечты ударами плети. Помню, много лѣтъ назадъ, еще во времена крѣпостнаго права, въ одномъ мѣстѣ корчму, наполненную въ праздничный день множествомъ народа. Начинало уже смеркаться; мѣстный лирникъ, сидя на столѣ, пѣлъ довольно извѣстную пѣсню:

«Ой содома, пане-брате».

Пѣсня оканчивалась словами:

«Ой ходимо, пане-брате, по-за крути горы,
«Хай тутъ выводяться круки та вороны».

---

[1]) Рѣшеніе кіевскаго главнаго суда перваго департамента 16 іюля 1817 г.

Все собраніе столпилось вокругъ лирника. Лирникъ игралъ, припѣвая:

...«А щожъ маємо, пане-брате, тепера робити,
«Иде черга на панщину ввесь тиждень ходити»...

Послышался звукъ колокольчика; лирникъ отложилъ въ сторону свою лиру, публика стояла неподвижно. Кто-то выглянулъ за дверь. Послышалось: «Ни, то въ сторону поихало».

Лирникъ оставилъ прерванную пѣсню и началъ новую:

«Нема въ свити правды, правды не зъиськати,
Що теперъ неправда стала панувати».

Тихо было въ корчмѣ, слышенъ былъ только голосъ лирника, прерываемый монотоннымъ акомпаниментомъ лиры...

«На судъ изъ нимъ стати, правды не зъиськати,
Тильки сриблымъ-златомъ панивъ насыщати»...

Приговоръ главнаго кіевскаго суда былъ утвержденъ тогдашнимъ кіевскимъ губернаторомъ и затѣмъ въ 1819 года сенатомъ; воля императора Александра I оставила наказаніе лишь для главныхъ виновниковъ и освободила отъ него тѣхъ 247 человѣкъ, которыхъ въ излишней ревности привлекъ къ тяжкой отвѣтственности главный кіевскій судъ.

Для исполненія высочайше утвержденнаго приговора прибылъ отрядъ войска, прошелъ изъ села въ село и отсчиталъ главнымъ обвиненнымъ назначенные удары плети подъ звуки поученія, произнесеннаго чиновникомъ.

Таковъ былъ отвѣтъ современнаго порядка вещей на стремленія и попытки къ освобожденію крестьянъ нашего староства. И это было естественно. То было время, когда принципъ крѣпостничества всецѣло примѣняли даже во вредъ владѣльцу. Я имѣю подъ руками, въ числѣ прочихъ бумагъ, замѣтку, сдѣланную «для памяти» тогдашнимъ управляющимъ бѣлоцерковскихъ имѣній. Въ ней значится [1]: «подданнымъ слѣдуетъ немного помочь, потому что разомъ съ ними падаетъ доходъ». А между тѣмъ это совсѣмъ не былъ филантропъ-мечтатель, какъ то видно изъ параграфа четвертаго той-же замѣтки: «нужно препятствовать мѣщанамъ отдавать дѣтей въ школу, а тѣхъ, которые уже учатся, раскассировать».

---

[1]) Рукопись—Отношеніе владѣльца м. Ставищъ къ сквирскому уѣздному суду, 21 февраля 1832 г.

При такомъ общемъ порядкѣ вещей, при такой роковой развязкѣ спора нашихъ крестьянъ въ 1816 г., коллективная дѣятельность съ ихъ стороны прекращается на продолжительное время. Въ теченіи этого времени, рядомъ съ накопляющимся раздраженіемъ съ одной стороны и щекотливой подозрительностью съ другой, споръ ведется, такъ сказать, партизанскимъ образомъ. Ничтожная небрежность со стороны крестьянъ, напримѣръ привозъ льда для господскаго ледника изъ другаго мѣста, чѣмъ указанное надсмотрщикомъ, или медленная доставка помѣщику лѣснаго матеріала, все это разсматривается владѣльцемъ, какъ признаки угрожающаго бунта, выростаетъ въ донесеніяхъ полиціи уѣзднымъ предводителямъ дворянства, или губернатору, выставляется, какъ хроническое упорство, «вредный духъ вольности», гнѣздившійся среди старостинскихъ крестьянъ; припоминается дѣло 1816 г. и суровый приговоръ по этому дѣлу. Найболѣе неспокойныхъ крестьянъ ожидалъ исправительный домъ, куда помѣщики посылали того или другаго изъ своихъ крѣпостныхъ на нѣсколько мѣсяцевъ, до полу-года, «въ виду худой его нравственности и продерзкихъ поступковъ». Впрочемъ не одинъ только исправительный домъ стоялъ къ услугамъ помѣщиковъ; сенатскій указъ 10 марта 1822 г. объявляетъ, что губернское правленіе, не входя въ разсмотрѣніе причинъ недовольства со стороны помѣщика по отношенію къ его подданнымъ, обязано предоставленныхъ въ его распоряженіе крестьянъ отдавать въ рекруты безъ зачета, а въ случаѣ ихъ неспособности высылать въ Сибирь на поселеніе.

Случалось, что крестьянинъ, выведенный изъ терпѣнія надсмотрщиками, рѣзко отзывался къ нимъ или напоминалъ о своихъ правахъ вслѣдствіе принадлежности села къ прежнему старостви. Этого было достаточно для самой жестокой расправы, отъ которой не могли охранить никакія жалобы. Такой случай имѣлъ мѣсто въ 1823 г. въ одномъ изъ старостинскихъ селъ. Избитые экономомъ 4 крестьянина обратились съ жалобой въ уѣздный судъ. Началось разслѣдованіе, дѣло перешло въ кіевскую палату. Слѣдователи удостовѣрили, что экономъ отсчиталъ провинившимся всего десять или двѣнадцать плетей, не больше. Судъ нашелъ, что «такое наказаніе для введенія порядка и воздерживанія людей простаго класса, въ особенности въ то время, какъ панскій хлѣбъ, стоя на корнѣ, начи-

наетъ портиться, а сѣно уже сгнило, единственно по причинѣ неповиновенія крестьянъ»..., слѣдуетъ «за нужное и пристойное признать». Но этимъ онъ не ограничился и для внушенія повиновенія присудилъ каждаго изъ жаловавшихся крестьянъ къ наказанію десятью ударами плети.

Отданные всецѣло произволу помѣщиковъ и покровительствовавшихъ имъ властей, крестьяне хранили въ душѣ затаенное раздраженіе, иногда-же и надежды на улучшеніе ихъ быта, и проявляли то и другое въ тайныхъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ, въ небрежномъ отбываніи панщины, рѣзкихъ отзывахъ по адресу надсмотрщиковъ, въ безплодной похвальбѣ или общественномъ давленіи на тѣхъ, кто рѣшался принять должность асаула, обязаннаго по своей профессіи «выгонять» крестьянъ на панщину и наблюдать за работами. Кромѣ сыпавшихся экспромптомъ на асауловъ сарказмовъ и ругательствъ, въ народѣ жило язвительное для нихъ повѣрье, по которому, если кротъ роетъ нору, то чтобы удержать его, нужно сказать: «не крути, бо буде тоби, якъ осаули на тимъ свити».

Одною изъ формъ пассивнаго протеста крестьянъ были побѣги. Частные архивы переполнены подобными дѣлами. Отъ тягости крѣпостной жизни укрывались въ различныхъ мѣстахъ: то у крестьянъ или чиншевой шляхты сосѣдихъ селъ и на кіевскихъ кирпичныхъ заводахъ, то у владѣльцевъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, то, наконецъ, въ херсонскихъ степяхъ и въ «Бессарабіи». Кто попадалъ въ эти послѣдніи мѣста, тотъ уже могъ быть спокоенъ; случалось что такой бѣглецъ находится въ услуженіи у становаго пристава, который тѣмъ временемъ розыскивалъ бѣглыхъ по всѣмъ направленіямъ. Препятствіемъ къ побѣгамъ являлась не столько бдительность полиціи, сколько тоска по родинѣ.

Въ этихъ общихъ условіяхъ тогдашняго крестьянскаго быта жили и крестьяне бывшаго романовскаго староства; но ихъ чувства и стремленія не истощались въ одномъ пассивномъ сопротивленіи. Завѣтная ихъ мечта добиться такъ или иначе освобожденія отъ крѣпостной зависимости, на основаніи давней принадлежности къ староству и относившихся къ нему привиллегій, не покидала ихъ никогда и проявлялась при каждомъ благопріятномъ, по ихъ мнѣнію, случаѣ. Когда занявшій должность кіевскаго генералъ-губернатора, Желтухинъ, черезъ посредство уѣздныхъ судовъ, пригласилъ жителей об-

ращаться прямо къ нему съ жалобами на низшую одминистрацію, крестьяне бывшаго романовскаго староства засыпали его жалобами на помѣщиковъ, оставленными однако безъ всякихъ послѣдствій. Когда въ 1831 году былъ прочитанъ въ церквяхъ указъ, грозившій конфискаціею имущества тѣмъ помѣщикамъ, которые рѣшились-бы принять участіе въ возстаніи, и крестьяне во многихъ мѣстахъ поняли его такъ, что отобраніе имѣній частныхъ владѣльцевъ въ казну должно быть повсемѣстнымъ, романовцы не сомнѣвались, что такъ поступлено будетъ по крайней мѣрѣ съ бывшими старостинскими имѣніями. Начались совѣщанія, особливо въ сосѣднихъ Ставищахъ, раздавались угрозы противъ существующаго крѣпостнаго порядка, собирались складчины, выискивались надежные ходаки. До процесса однако на этотъ разъ не дошло. Серьезно принялись романовцы за отыскиваніе своихъ вольностей лишь въ 1844 г. Въ это время двое изъ романовскихъ жителей, Ѳома Дидусь и Максимъ Грива, обратились отъ имени своей громады къ губернскому прокурору съ просьбою оказать имъ покровительство, въ смыслѣ защиты отъ владѣльца, въ дѣлѣ отыскиванія свободы отъ его власти. Просьба основывалась на томъ, что царь, утверждая извѣстный уже намъ приговоръ кіевской судебной палаты по дѣлу, начатому крестьянами о причисленіи ихъ къ свободному сословію, въ тоже время предоставилъ имъ право вчать снова это дѣло въ сенатѣ, если они могутъ подтвердить его новыми доказательствами, которыхъ не имѣлось въ виду при его первоначальномъ разсмотрѣніи. Романовцы ссылаются, какъ на такіе документы, на королевскую привилегію 1557 г., на рѣшеніе ассеорскаго суда 1792 г. и брацлавскаго магистрата отъ 26 февраля 1797 года. Сверхъ того они просятъ прокурора оказать имъ законное содѣйствіе въ томъ, чтобы помѣщикъ не препятствовалъ имъ въ выборѣ уполномоченныхъ, которые продолжали-бы вести это дѣло, —заявляя, что впредь до рѣшенія дѣла будутъ выполнять всѣ обязанности, вытекающія изъ ихъ общественнаго положенія. Обставленное вполнѣ легально, прошеніе это было поддержано прокуроромъ, который черезъ губернское правленіе поручилъ сквирскому земскому суду и стряпчему, по справкамъ на мѣстѣ, оказывать крестьянамъ законное покровительсто въ этомъ дѣлѣ. Предписаніе это переходитъ поочередно къ исправнику и становому. Отсюда возникаетъ обширная

переписка между помѣщикомъ и названными чиновниками. Помѣщикъ отвѣчаетъ уклончиво по содержанію просьбы, ссылается на продажу ему имѣнія казною, на прежнія резолюціи по дѣлу о староствѣ и т. д. Власти требуютъ, чтобы онъ согласился на выборъ уполномоченныхъ, или-же мотивировалъ свой отказъ. Поддержка со стороны правительства, оказанная крестьянамъ при началѣ дѣла, вызвала у нихъ предположеніе, что и самая сущность дѣла можетъ разсчитывать на такую-же поддержку; собираются складчины и въ тоже время громада на тайныхъ совѣщаніяхъ выбираетъ уже трехъ уполномоченныхъ: Гаврила Олексіенка, Григорія Олексіенка и Федора Сучка. Полиція дѣлаетъ помѣщику новый запросъ о томъ, согласенъ-ли онъ на состоявшійся выборъ уполномоченныхъ, и если нѣтъ, то почему именно. Въ пространной отпискѣ къ губернатору и полиціи помѣщикъ указываетъ на опасность покоровительства, оказаннаго до того времени прокуроромъ и наконецъ объявляетъ, что отказываетъ въ согласіи на выборъ представителей въ видахъ сохраненія порядка и спокойствія, о которыхъ онъ обязанъ заботиться въ качествѣ помѣщика.

Дальнѣйшія подробности этого новаго процесса, такъ повидимому благопріятно начатаго, намъ неизвѣстны; но изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ бумагъ узнаемъ, что одинъ изъ выборныхъ представителей (Гаврило Олексіенко) впослѣдствіи былъ отправленъ въ арестантскія роты для исправленія «дурной его нравственности и дерзкихъ поступковъ»; подъ 1852 г. встрѣчаемъ дѣло о побѣгѣ другаго изъ нихъ, Федора Сучка. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это былъ эпилогъ веденнаго ими дѣла: «котори мали трохи клепки въ голови, погныли въ тюрмахъ» —говорилъ мнѣ Федько Грива, племянникъ одного изъ иниціаторовъ дѣла 1844 года.

Въ 1848 году произошли значительныя перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ: объявлены инвентарныя правила, признававшія неотъемлемое пользованіе крестьянъ ихъ землями, бывшими до того времени въ рукахъ помѣщика, урегулировавшія отбываніе панщины и ограничивавшія произволъ помѣщичьей власти. Но правила эти далеко не были въ состояніи удовлетворить желаніямъ романовскихъ крестьянъ, считавшихъ себя въ правѣ получить нѣчто гораздо большее.

Освобожденіе крестьянъ должно было повидимому совершенно успокоить романовцевъ и положить конецъ многолѣтнимъ ихъ усиліямъ и исканіямъ; но именно оно возбудило въ ихъ средѣ новое движеніе, имѣвшее конечно цѣлью вмѣстѣ съ даруемою свободою получить по праву, безъ выкупа, принадлежавшія имъ когда-то на правахъ собственности земли. Въ концѣ 1862 г. у нихъ опять собираются складчины для продолженія старостинскаго дѣла, подаются соотвѣтственныя заявленія властямъ, которыя разсылаютъ по экономіямъ запросы о старинныхъ правахъ и привиллегіяхъ мѣстныхъ жителей. Романовцы опять, хотя тщетно, безъ послѣдствій, выдвигаютъ и пускаютъ въ ходъ свои «права»,—извѣстные уже намъ документы и на первомъ планѣ столь памятную имъ привиллегію 1791 г., явленную въ романовскомъ магистратѣ.

Не далѣе наконецъ, какъ въ 1882 г., вновь оживился вѣковой процессъ нашего уголка. Что было причиною оживленія именно въ это время старой традиціи, сказать трудно. Мнѣ передавали, что было гдѣ-то какое-то распоряженіе о представленіи юридическихъ документовъ на право владѣнія крестьянскими садами, разбросанными въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Очень можетъ быть, что именно это распоряженіе, не имѣющее никакого практическаго отношенія къ данной мѣстности, напомнило романовцамъ ихъ «права» на земли вообще, имъ когда-то предоставленныя въ вѣчную собственность, а теперь ими на общемъ основаніи выкупаемыя. Какъ-бы ни было, пошли опять въ бывшемъ старостѣ толки, совѣщанія, бесѣды. Населеніе оживилось; крестьяне говорили: «коли батьки наши стояли за свое право, намъ за встыдъ було-бъ занехаяти таке дило». Собирая складчины на веденіе дѣла, крестьяне разсуждали, что если отцы ихъ могли рисковать для него спиною и самою жизнью, то сыновья не должны жалѣть нѣсколькихъ рублей, хотя-бы для того только, чтобы окончательно убѣдиться, имѣетъ-ли ихъ старинное право какое нибудь значеніе. Еще разъ вынуты были документы, на которыхъ долженъ былъ опираться искъ, еще разъ и не одинъ разъ сходились жители селъ прежняго староства и вели горячія, одушевленныя бесѣды, а среди этихъ заботъ и толковъ сильнѣе бились подъ грубыми свитками сердца потомковъ «вольнаго города Романова съ его прилеглостями». Но, не смотря на сильное возбужденіе и оживленіе, не смотря на радужныя мечты о широ-

кихъ послѣдствіяхъ вчинаемаго дѣла, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ романовцы старались сохранить всѣ законныя формы. Кто, когда и какъ убѣдилъ ихъ въ безплодности и несвоевременности возобновляемаго иска, остается неизвѣстнымъ; но въ концѣ концевъ начатое дѣло было оставлено и, какъ кажется, предано уже вѣчному забвенію.

Такъ непримѣтно самъ собою замиралъ процессъ, который тянулся въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія съ различными перерывами, въ различныхъ формахъ, и никогда не приносилъ желаемыхъ практическихъ результатовъ. Какой-же слѣдъ оставили эти вѣковыя усилія не вооруженнаго, не бунчучнаго, сермяжнаго люда?—Здѣсь, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, истцы проигрывали вчинаемые въ различныхъ инстанціяхъ процессы; но приговоры общаго историческаго процесса стали наконецъ склоняться въ ихъ пользу и одною изъ важнѣйшихъ «*piéces justificatives*» въ этомъ большомъ дѣлѣ есть, несомнѣнно, засвидѣтельствованное въ различныхъ формахъ и мѣстахъ, не утраченное среди весьма тяжелыхъ жизненныхъ условій, чувство человѣческаго достоинства и право на согласныя съ этимъ достоинствомъ учрежденія.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(продолженіе)[1].

VI.

Хозяйство у Балабухи шло плохо. Самъ онъ не любилъ ходить около него, любилъ больше книжку почитать, или просто полежать съ трубкою въ зубахъ. Прихожане не вызывались на добровольную помочь ему въ хозяйствѣ, какъ это водилось въ другихъ мѣстахъ, не рѣдко и на приглашенія его выорать поле или скосить хлѣбъ отвѣчали отказомъ и лишь въ силу давняго обычая убирали для него сѣно «толокою». Балабуха не любилъ бывать лично на полевыхъ работахъ и полагался во всемъ на слугъ и рабочихъ.

Настала въ хозяйствѣ горячая пора, началась уборка хлѣба. Тутъ-то именно и нуженъ былъ хозяйскій глазъ въ полѣ, а Балабуха и не думалъ о томъ. Олеся, не дождавшись, пока мужъ ея соберется выѣхать на ниву, стала часто напоминать ему объ этомъ.

— И чомъ бо ты, господарю, николи не выглянешъ, що тамъ робиться у тебе въ поли. Поїхавъ-бы, та подивився, та роспорядивъ бы самъ... говорила Олеся.

— То й пойдь: подивись, та й мени скажешъ.

— Отъ выдумавъ! Не такъ я зросла, щобъ на поле їздити.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., январск. кн., стр. 133—156.

— Ажежъ други матушки ȋздять? Отъ подивись, якъ працюе Онисія Степановна: сама на поле побижить, сама всего догляне, сама й вечерю косарямъ зварить...

— А ты хочешъ, щобъ и я варила косарямъ вечерю, пидтыкавши спидницю, якъ та Мосаковська? Ну, сёго одъ мене не диждешь. Це-бъ гарно було, щобъ я загорила, якъ цыганка. Це твое дило: ȋдь самъ, не линуйся. А то тильки знаешь, що зъ книжкою, та зъ люлькою вывернувшись лежать.

— Кому яка подоба: кому зъ люлькою, а кому зъ Баньковськимъ...

— А це що? Може зновъ не будешъ три дни говорити. Дався тоби той Баньковській... Вдягайся лишъ та ȋдь у поле. Добра возовиця! Де сонце, а наймиты ще тильки возы лаштують. Багато вони тоби навозять, якъ самъ не доглянешъ.

И дѣйствительно, солнце высоко уже стояло въ небѣ, а наймиты все еще сновали по двору, отыскивали ярма и другія снасти, а волы, нѣсколько проголодавшіеся послѣ ночной настьбы, стояли понапрасну.

Нехотя Балабуха поднялся съ канапки, вышелъ на дворъ и сталъ торопить наймитовъ ѣхать въ поле за перестоявшей давно въ копнахъ пшеницей. Пообѣдавъ наскоро, онъ велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ въ поле, чтобы разомъ посмотрѣть «озимину» и «ярину». Пріѣхалъ на озимыя поля, видитъ, тамъ работа идетъ, какъ мокрое горитъ: недожатая и переспѣлая пшеница осыпается, нѣсколько копенъ разбиты чужими или его же волами, собранныхъ старостою по селу жнецовъ было очень мало, высланные за снопами возы торчали у копенъ, волы бродили по сжатой нивѣ, одинъ забрался даже въ пшеницу, а наймиты спали подъ возами. Прикрикнувъ на наймитовъ, поощривъ насухо жнецовъ, Балабуха поспѣшилъ переѣхать въ ярину и тутъ увидѣлъ нѣчто еще болѣе печальное: просо заросло «щирицею», гречиха чуть-чуть поднялась и сохла отъ недостатка дождя, переспѣлый густой ячмень помяло и повалило вѣтромъ, овесъ уродился плохой, чуть не на половину съ сорной травой; его приходилось снимать на «голую» косу, но и на то косарей не нашлось. Вышелъ одинъ Прокопъ, прозванный «не вси дома», и усердно съ позаранку махалъ на право и на лѣво косой, не разбирая, что подъ косу попадало: овесъ, трава, лопухъ или просто бурьянъ. Косилъ онъ такъ, что даже коса трещала; но когда какъ нибудь

невзначай остановится, тутъ уже станетъ и стоитъ, устремивъ глаза въ одну точку, пока кто нибудь не окликнетъ его, или не дернетъ за рукавъ. Такъ было и теперь. Прокопъ съ косою въ рукахъ стоялъ неподвижно, когда къ нему подъѣхалъ Балабуха.

— Ще це ты, дурню, косишъ? окликнулъ его Балабуха.

— Овесъ, овесъ, батюшка, чуть не вскрикнулъ Прокопъ.

— Якій же то овесъ! Хиба не бачишъ, що то бурьянъ? А бачишъ, що то самый бурьянъ, то обминавъ-бы; бо на вищо намъ здався той бурьянъ.

— А справди бурьянъ. А я соби й байдуже, махаю, та махаю косою.

Пока Балабуха осмотрѣлъ «ярину» и переѣхалъ на «озимину», наймиты успѣли уже наложить возы снопами и тронулись съ поля. Балабуха, довольный хотя этимъ, прилегъ было подъ копной, спасаясь отъ сильной жары; но не успѣлъ онъ протянуться и отереть градомъ катившій съ него потъ, какъ увидѣлъ, что одинъ изъ возовъ, при выѣздѣ съ поля на дорогу, отъ крутаго поворота повалился на бокъ, при чемъ отъ сильнаго толчка лопнула подгнившая веревка и снопы разсыпались по полю. Балабуха поспѣшилъ туда и по осмотрѣ убѣдился, что не остается ничего другаго, какъ разбирать снопы и снова складывать на возъ. Выбранивъ порядкомъ наймитовъ и наказавъ имъ по перекладкѣ ѣхать съ большою осторожностію, Балабуха пошелъ посмотрѣть посѣянные тутъ-же ленъ и коноплю и снова залегъ подъ копной. Отъ усталости и жары онъ даже вздремнулъ, а когда очнулся, возы съ пшеницей были уже далеко, и онъ пустился за ними въ догонку. Но тутъ новая бѣда: на полдорогѣ одинъ изъ тяжело нагруженныхъ возовъ попалъ переднимъ колесомъ въ маленкую рытвину, старая ось треснула и возъ со всего размаху повалился на землю.

— Чортова справа коло дядьковаго воза! невольно воскликнулъ подъѣхавшій Балабуха.

— Стари возы, то й ламаются, замѣтилъ наймитъ и со злости сталъ бить ни въ чемъ неповинныхъ воловъ.

— За що ты, блазенъ, мучишъ худобу? вскричалъ на него Балабуха.—Стари возы, а ты молоденькій и раденькій, що дурненькій. Самъ, роззяво, не доглядивъ, а скотину бьешъ.—Що теперь въ свити Божому робити?

— А що-жъ робити? замѣтилъ старшій изъ наймитовъ. Треба комусь бигти до села, та воза позычати, а мы потягнемо по маленьку до дому.

Думать и возражать тутъ было нѣчего, и Балабуха, усѣвшись на свою разшатанную бричку, погналъ лошадей, чтобы скорѣе выслать старосту съ возомъ; но, проѣзжая по узкимъ улицамъ мѣстечка, зацѣпился за уголъ жидовской лавки, ось треснула, колесо отлетѣло въ сторону и Балабуха протянулся на развалинахъ своей брички, едва успѣвъ сдержать лошадей.

— Тфу на тебе, сатано, съ твоимъ господарствомъ! сказалъ онъ, поднимаясь въ виду сбѣжавшихся жидовъ.

Передавъ бричку и лошадей одному изъ подвернувшихся прихожанъ, раздосадованный Балабуха поплелся домой. Тутъ онъ послалъ горбатую свою Килину за старостою, а самъ съ досады принялся за трубку и сосалъ ее съ такимъ ожесточеніемъ, что изъ открытыхъ оконъ валилъ дымъ какъ-бы отъ начинавшагося пожара. Когда явился староста, Балабуха, разсказавъ ему о постигшихъ его приключеніяхъ, съ горечью прибавилъ:

— Бери соби, старосто, и поле, и хлибъ—чи съ половины, чи съ третины, якъ хочъ, щобъ я не мавъ того хлопоту. Цуръ ёму, пекъ ёму тому господарству! Бери воза та їдь мерщій въ поле, щобъ не валялись снопы по шляху.

Староста пошелъ собираться съ возомъ въ поле, а Балабуха, захвативъ подъ мышку книжку, побрелъ въ садъ, чтобы забыться на время отъ постигшихъ его хозяйственныхъ неудачъ. Онъ такъ былъ разстроенъ, что, придя домой, не спросилъ о женѣ и теперь, уходя изъ дому, не думалъ о томъ, гдѣ она находится: въ комнатахъ, или въ саду, или же гдѣ либо у знакомыхъ.

Между тѣмъ Олеся, оставшись одна, скоро соскучилась и стала думать о томъ, чѣмъ-бы развлечь себя. Придумала она пригласить становаго пристава, Трофима Максимовича Ломачевскаго, и послала къ нему записку. Баньковскій не много уже прискучилъ ей; притомъ за Баньковскаго ей доставалось не разъ отъ мужа, и она рѣшилась повести атаку на становаго. Ломачевскій былъ не первой уже молодости кавалеръ, но здоровый, плечистый, черноволосый, съ широкимъ лбомъ, длинными густыми усами и съ большими карыми блестящими глазами. Олесѣ не казался непріятнымъ даже короткій,

нѣсколько вздернутый носъ Ломачевскаго, а его развязность и всегдашняя веселость и прямо влекли ее къ нему.

Въ ожиданіи Ломачевскаго, Олеся вышла въ садъ, куда и звала его къ себѣ. Она взяла съ собой книжку и не большую работу, скорѣе для развлеченія, чѣмъ для занятія. Придя въ бесѣдку, Олеся принялась было читать; но глаза ея едва скользили по строкамъ, а голова занята была совсѣмъ другимъ. Взялась за вышиванье, но и эта работа скоро прискучила. Внизу шумѣла Рось; вплотную облегавшій бесѣдку дикій виноградъ не пропускалъ въ нее не одного солнечнаго луча и закрывалъ виды на горизонтъ и на скатистые берега Роси. Олесѣ наскучило сидѣть въ полумракѣ и духотѣ и она выдвинулась за порогъ бесѣдки, чтобы съ меньшимъ неудобствомъ дожидаться прихода гостя.

Вскорѣ показался Ломачевскій изъ-за скалъ и Олеся пошла къ нему навстрѣчу, издали кокетливо махая платкомъ. Замѣтивъ это, Ломачевскій любезно раскланялся и спѣшилъ поближе подойти. Олеся спустилась чуть не до половины горы и въ живописной позѣ остановилась на скалѣ, повисшей надъ водою. Ломачевскій нетерпѣливо пробирался къ ней по тропинкамъ и камнямъ.

— Чомъ вы такъ довго не приходили? заговорила къ нему Олеся, когда онъ былъ отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ. А я зосталась сама и трохи не вмерла зъ нудьги,—Марко Павловичъ поихавъ десь на поле, а я тутъ одна... Спасиби, що прійшли; отъ походимо трохи по садку.

Ломачевскій, добравшись наконецъ до Олеси, нѣжно приложился къ ея ручкѣ и сталъ рядомъ съ ней на обрывистой и острой скалѣ. Внизъ, съ боку скалы, спускалась узенькая, извивавшаяся между камней тропинка, по которой умѣлъ пробираться лишь Прокопъ, таская изъ Роси воду для поливки цвѣтовъ и деревьевъ. Олеся воспользовалась ею для перваго заигрыванья съ Ломачевскимъ.

— О, якъ бы мени хотилось спуститця по цій дорижци до самои Роси, та боюсь, що впаду! кокетливо заговорила она.

Моментально Ломачевскій повернулся въ бокъ, сдѣлалъ прыжокъ внизъ и молча протянулъ руку Олеси.

— Ой, боюся впасти! крикнула Олеся, занося ногу на лежавшій ниже большой камень.

Ломачевскій ловко схватилъ ее подъ руку и поставилъ на камень. Олесѣ понравилось играть въ испугъ и она съ камня спрыгнула на круто-спускавшуюся, усыпанную мелкими камушками тропинку. Ломачевскій взялъ ее подъ руку.

— Ой, упаду! Яка крута гора! крикнула Олеся, скользнувъ ногами по мелкимъ камушкамъ, и упала на руки Ломачевскому.

Ломачевскій схватилъ ее за талію обѣими руками и понесъ внизъ. Олеся закатила глаза вверхъ и, точно въ обморокѣ, повисла неподвижно на его рукахъ.

Тропинка, по которой съ большимъ трудомъ и невѣроятными усиліями спускался Ломачевскій, неся Олесю на рукахъ, выходила на узкую, поросшую густой травой ложбину и прорѣзывала ее вдоль до самаго берега Роси. Ложбина закрыта была съ трехъ сторонъ высокими скалами, по краямъ которыхъ лѣпились кусты дерезы, терна, шиповника и смородины. Все дно ложбины усѣяно было камнями, то совершенно скрывавшимися въ высокой травѣ, то выказывавшими кой-гдѣ свои острыя и плоскія верхушки. Прилегающій къ ней берегъ Роси представлялъ собою родъ залива, поверхность котораго почти сплошь покрыта была широкими листьями пышно раздвѣтшей водяной лиліи. Далѣе къ срединѣ вода тихо переливалась по камнямъ и чуть слышно шумѣла, точно ласкалась и играла съ ними. По самой срединѣ рѣки чуть-чуть возвышался надъ водой каменистый островъ, по краямъ и щелямъ котораго сердито и шумно била вода, а на другомъ берегу, подъ высокой гранитной стѣной, пріютилась мельница съ пятью быстро вращавшимися и шумѣвшими колесами.

Увидѣвъ, что насталъ конецъ придуманной опасности, Олеся быстро освободилась изъ объятій Ломачевскаго и пустилась къ берегу по зеленой ложбинѣ, перепрыгивая съ камня на камень. Ломачевскій бросился за ней, стараясь поймать ее.

— Отъ же не піймаете, сказала Олеся, устремляясь все ближе къ берегу и заманивая гостя въ такія мѣста, гдѣ между камнями стояла вода, закрытая широкой осокой, да высокимъ тростникомъ.

— Ба піймаю, съ увѣренностію сказалъ Ломачевскій и заскакалъ по камнямъ. Олеся съ легкостію серны перелетала съ камня на камень, подобравъ подолъ платья и шевеля листьями водяныхъ порослей. Ломачевскому никакъ не удавалось поймать ее, а это

вводило его еще въ большій азартъ. Ловкими прыжками Олеся забралась на камень, закрытый тростникомъ и, выглядывая оттуда, дразнила своего случайнаго обожателя. Тотъ прыгнулъ съ размаху чрезъ два камня, поскользнулся и чуть не бултыхнулъ въ воду, но успѣлъ удержаться, замочивъ лишь одну ногу.

Олеся хохотала, хлопала въ ладоши. Ломачевскій сдѣлалъ новое усиліе, прыгнулъ, какъ тигръ, и схватилъ Олесю за талію; но Олеся ловко извернулась и, сдѣлавъ еще два прыжка, выскочила на берегъ.

— А що, піймали! говорила она, стоя уже на берегу и, указывая на высунувшуюся изъ воды лягушку, добавила:

— Не піймали мене, то піймайте хоть цю жабу.

— Хиба вы зъ роду не бачили жабы? отзывался издали Ломачевскій, не рѣшавшійся пробираться на берегъ, чтобы опять не попасть въ воду.—И на що вамъ та жаба?

— Хочу подивиться, яки въ ней зубы, сказала Олеся.

— И де це вы бачили у жабы зубы?

— Не бачила, а хочу побачити. О то кавалеръ, що и жабы не піймае! Аще становый.

Пристыженный кавалеръ бросился ловить лягушку. Лягушка долго то ныряла въ воду, то выползала на камень, пока наконецъ не попала въ руки становаго. Замочивъ руки и ноги, онъ съ торжествомъ наконецъ вынесъ лягушку на берегъ и, поднявъ высоко вверхъ, направился къ Олесѣ. Олеся вскрикнула и пустилась удирать; Ломачевскій догналъ ее у скалы. Олеся прислонилась къ скалѣ, выкрикивала тоненькимъ голоскомъ, отмахивалась руками, а Ломачевскій все приставалъ къ ней, чтобы посмотрѣла, какія у лягушки зубы. Олеся вильнула въ бокъ и пустилась снова въ бѣгство, оборачиваясь назадъ и крича:

— Киньте жабу, а то втичу до дому!

Ломачевскій сжалился наконецъ и бросилъ лягушку въ воду. Не на шутку испуганная Олеся только теперь успокоилась, вытерла платкомъ навернувшіяся слёзы и присѣла на плоскомъ широкомъ камнѣ. Ломачевскій сѣлъ около нея и тяжело дышалъ. Олеся не дала ему отдохнуть, придумала новую затѣю съ цѣлью подзадорить его и вызвать на любезности.

— Ой, яки гарни квиточки ростуть онъ на скели! сказала она, кокетливо поглядывая то на скалу, то на кавалера.—Полизьте, та нарвить.

— Отъ захотилось въ Петривку мерзлого! отвѣчалъ усталый Ломачевскій.

— А у васъ мабуть и зимою лёду не выпросишъ.

— Ни, пани; я жартую. Але яки тамъ квитки? То такъ соби бурьянъ.

— То вамъ здается. Мабуть вы линуетесь полизти, або боитесь, що не долизете.

Самолюбіе Ломачевскаго было задѣто; отговариваться долѣе казалось ему невозможнымъ и онъ, окинувъ глазами скалу и вытерши лице платкомъ, съ жаромъ и бодро сталъ подниматься вверхъ по отвѣсной почти стѣнѣ, хватаясь за кустики, за всякую зазубрину и щель, чуть-чуть держась на острыхъ и скользкихъ выпуклостяхъ каменной стѣны. Вверху, на широкомъ откосѣ скалы, въ узкихъ и частыхъ разсѣлинахъ, группами и отдѣльно, пестрѣли одуванчики, полевые васильки, ромашка, материнка, чебрецъ. Ломачевскій пробрался сквозь кусты терна и дерезы къ откосу скалы и всей пятерней дернулъ нависшіе цвѣты. Мелкіе каменки, перемѣшанные съ пескомъ и глиной, посыпались ему на голову и плечи. Олеся хохотала внизу, подзадоривая кавалера и любуясь его высокою и сильною фигурою, которая какъ-бы повисла на каменной стѣнѣ, прикрытая на половину зеленью. Ломачевскій рванулъ еще раза два, что попало подъ руку, и съ цѣлымъ кустомъ цвѣтовъ еще съ большею осторожностію сталъ спускаться внизъ. Глядя на него, Олеся сравнивала его съ принцемъ Ибрагимомъ, какимъ нарисовало послѣдняго ея пылкое воображеніе, и нашла сходство, но не полное: только глаза его блестятъ, какъ у Ибрагима, подумала Олеся про себя и слегка вздохнула.

Опасная экспедиція сошла для Ломачевскаго благополучно, но стоила ему большихъ усилій и даже мученій. Лице его раскраснѣлось, какъ-бы онъ сидѣлъ у костра, руки были исцарапаны, платье измято и испачкано, потъ катилъ съ него градомъ, волосы совсѣмъ прилипли къ мокрымъ вискамъ, глаза горѣли отъ сильнаго внутренняго волненія, весь онъ былъ измученъ и едва переводилъ дыханіе. Собравъ послѣднія силы и приведя въ кое-какой порядокъ сорванные цвѣты, онъ приподнесъ ихъ Олесѣ, комично опустившись передъ нею на одно колѣно. Ему естественно было ждать отъ Олеси особой любезности; но она лишь понюхала поднесенные ей цвѣты и бросила въ воду, сказавъ съ недовольной миной:

— Пфе, буръяномъ пахнуть!

— А не казавъ я вамъ, що скортило въ Петривку мерзлого?— замѣтилъ ей Ломачевскій.

— Та вже-жъ бачу, що и у васъ середъ зимы можно лёду выпросить.

— Добре, лёду! Вже и буръяномъ пахнуть? Потривайте-жъ, я вамъ отдячу: піймаю зновъ жабу, та таки вкину вамъ за рукавъ.

И съ этими словами Ломачевскій бросился къ водѣ за лягушкой. Олеся вскрикнула и полетѣла со всѣхъ ногъ на гору; Ломачевскій погнался за нею. Олеся вбѣжала въ бесѣдку, усѣлась у стола, схватила свою работу и стала вышивать. Разгоряченный Ломачевскій влетѣлъ въ слѣдъ почти за Олесей и, усѣвшись ря-рядомъ съ нею, чувствовалъ, что не въ силахъ долѣе сдерживать себя. Олеся вся раскраснѣлась, грудь ея высоко поднималась.

— Киньте цю роботу; на що вона вамъ здалась? заговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ Ломачевскій, наклоняясь къ Олесѣ.

— Якъ на що? отвѣчала она, кокетливо играя разгорѣвшимися глазами. Пошню та приберусь, то й покращаю.

— Вы й такъ гарни, залепеталъ Ломачевскій и, увлекаемый страстью, еще ближе придвинулся къ Олесѣ и обнялъ ее за талію. Олеся отодвинулась отъ него, онъ схватилъ ея работу; Олеся не выпускала изъ рукъ, онъ усиливался отнять. Завязалась борьба, въ разгарѣ которой Ломачевскій безцеремонно заключилъ Олесю въ свои объятія и сталъ покрывать лице ея горячими и звонкими поцѣлуями.

Какъ разъ въ это время Балабуха, направившійся въ садъ послѣ разговора со старостою, подходилъ къ бесѣдкѣ. Онъ издали видѣлъ, какъ юркнула въ нее жена, какъ вслѣдъ за нею влетѣлъ туда-же Ломачевскій, слышалъ даже ихъ оживленный споръ, закончившійся поцѣлуями, и тѣмъ скорѣе спѣшилъ къ бесѣдкѣ. Олеся и Ломачевскій, заслышавъ, что кто-то приближается къ бесѣдкѣ, замолкли и приняли самый серьезный видъ. Олеся поспѣшно схватила свою работу и стала такъ усердно вышивать, какъ будто ей нужно было окончить ее къ сроку. Ломачевскій сѣлъ на почтительномъ разстояніи и заговорилъ о какомъ-то грабежѣ, или разбоѣ, случившемся въ его станѣ и требовавшемъ скорой его поѣздки.

Когда Балабуха вошелъ, онъ любезно поздоровался съ нимъ и продолжалъ разсказъ; Олеся слушала, не отрывая глазъ отъ работы.

Балабуха гнѣвно взглянулъ на гостя и жену и усѣвшись, молча курилъ трубку. Въ душѣ у него все перевернулось вверхъ дномъ; но онъ не высказалъ этого ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Ему хотѣлось-бы схватить Ломачевскаго въ охапку и пустить его со скалы въ воду; но, будучи отъ природы робкимъ и еще болѣе флегматичнымъ, онъ отдѣлывался и на этотъ разъ, какъ и прежде, однимъ упорнымъ молчаніемъ.

— Часъ, здаеться, уже и чай пити, нерѣшительно произнесла Олеся, когда Ломачевскій кончилъ свой разсказъ, и съ этими словами поднялась съ мѣста и направилась изъ бесѣдки, приглашая гостя и мужа.

Балабуха и Ломачевскій послѣдовали за нею, не глядя другъ на друга и какъ-бы обдумывая каждый свое положеніе. Становому приходилось бывать и не въ такихъ дѣлахъ, и онъ скоро овладѣлъ собою и пустился разсказывать опять о произшествіяхъ въ своемъ станѣ. Олеся разсѣянно слушала, идя впереди; ее занималъ вопросъ: замѣтилъ-ли мужъ ея заигрыванье съ становымъ, или его молчаніе вызвано какими либо другими неудачами. Пришли наконецъ въ комнаты и сѣли за чай. Въ сборахъ къ чаю и за чаемъ Олеся ломала голову надъ безпокоившимъ ее вопросомъ и, порѣшивъ въ концѣ концевъ, что мужъ ничего не могъ видѣть, принялась по прежнему весело болтать съ Ломачевскимъ. Балабуха курилъ и не отозвался къ нимъ ни однимъ словомъ. Ломачевскій, часто входившій въ сношенія съ Балабухою, и по дѣламъ, и какъ знакомый, и впервые наблюдавшій его въ такомъ разстроенномъ видѣ и неестественномъ молчаніи, скорѣе сообразилъ, что Балабуха могъ подсмотрѣть или подслушать ихъ, и поспѣшилъ ретироваться домой, какъ только кончили чай. Остались мужъ съ женой вдвоемъ.

Олеся убирала стаканы и искоса поглядывала на мужа, выжидая, не заговоритъ-ли онъ самъ; но Балабуха и не думалъ говорить.

— Чи ты обламався въ дорози, що середъ двора стоить поламана наточанка? спросила Олеся, послѣ нѣкотораго раздумья, какимъ-то ненатурально высокимъ тономъ, обличавшимъ ея безпокойство и вмѣстѣ неискреность.

— Вмѣсто отвѣта Балабуха потянулъ къ себѣ стаканъ съ недопитымъ чаемъ.

— А що це й доси нема возивъ зъ снопами? Може де обламалисі, або перекинулись?—спросила опять Олеся и тѣмъ еще болѣе взбѣсила мужа.

Балабуха сердито повернулся на стулѣ, но не взглянулъ на жену и молча допивалъ свой чай.

— И чомъ це ты не обзивасся? чи ты сердитый на кого, чи що? съ видомъ недовольства уже спросила Олеся.

Балабуха набилъ вновь трубку, закурилъ, легъ на канапкѣ и потянулъ къ себѣ книжку, лежавшую на столѣ.

— Чи вже дожали пшеницю, чи ще на завтра зостанеця? спросила вновь Олеся, понизивъ тонъ.

Балабуха по прежнему не отвѣчалъ и разсматривалъ книжку, какъ-бы она впервые была въ его рукахъ.

— Та говори бо, чого ты мовчишъ? почти крикнула Олеся.

— Иди, спитай у Ломачевського, глухо проговорилъ Балабуха.

— Я й угадувала, що такъ буде. Безталанна я людина зъ такимъ чоловикомъ! съ искусственнымъ пафосомъ воскликнула Олеся.

Она все еще была убѣждена, что Балабуха ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Добра безталанна, що цмокалась зъ становымъ на ввесь садокъ, отрѣзалъ Балабуха.

— Ка-зна-що выгадуешъ. Може то свиня за тобою чмокала; онъ по грядкахъ ходить та плямкае.

— Може за тобою свиня на гору въ альтанку гналась, злобно передразнилъ жену Балабуха.

Тутъ только Олеся догадалась, что мужъ все видѣлъ и что ему все извѣстно. Требовалось одно изъ двухъ: или повиниться и чѣмъ нибудь задобрить мужа, или продолжать разыгрывать роль угнетенной невинности и закончить чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ, что очистило-бы отъ всякаго подозрѣнія и заставило-бы мужа сдаться. Олеся избрала послѣднее и начала съ обыкновеннаго женскаго средства.

— Покаравъ мене Господь тобою! заголосила она вдругъ. Безталанна я! Не можна й зъ людьми поговорити, и съ этими словами

упала на стулъ и залилась слезами. Олеся плакала, а Балабуха неподвижно лежалъ и читалъ книжку.

— Кинь книжку, закричала она на весь домъ, а то я тебе покину!

— Що-жъ? Съ Богомъ Парасю, коли люди трапляюця! невозмутимо произнесъ Балабуха и, перевернувъ листокъ, потянулъ изъ трубки.

Олеся вскочила со стула, отворила дверь въ сѣни и крикнула было запрягать лошадей, но, вспомнивъ, что никого въ домѣ, кромѣ Килины, нѣтъ, да и бричка среди двора стоитъ разломанная, пришла еще въ большее раздраженіе и судорожно напяливъ шляпу на голову и захвативъ въ руки зонтикъ и перчатки, поспѣшно вышла изъ комнаты, не сказавъ мужу ни слова. Тотъ въ свою очередь даже не взглянулъ на нее.

Олеся прошла мимо оконъ, вышла за дворъ и оглянулась на крыльце. Ей казалось, что мужъ слѣдомъ побѣжитъ за нею, станетъ просить и молить, чтобы она вернулась въ комнаты; но мужъ даже не повернулся на канапкѣ. Олеся пошла внизъ по улицѣ, перебралась по плотинѣ чрезъ Рось и снова обернулась къ дому; но мужа не было видно. Она пошла по тропинкѣ по-надъ Росью, миновала монастырь, вышла на лугъ, зеленой лентой огибавшій поворачивавшія вправо горы, а съ ними и Рось. Тутъ тропинка повилась вкось по горѣ и Олеся, поднимаясь быстро, скоро очутилась на гребнѣ ея. Глазамъ ея представился восхитительный видъ: вправо въ ущельяхъ скалистыхъ горъ скрывалась родная Хохотва, а надъ нею красовалась расписанная сверху до низу бѣлою и зеленою краскою пятиглавая церковь и рядомъ домъ отца и садъ; влѣво по горѣ раскинулся Богуславъ и виднѣлся немилый домъ; внизу шумѣла и пѣнилась Рось, а за Росью тянулись ряды горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, который пронизывали лучи заходящаго солнца. Олеся заглядѣлась на эту картину и задумалась. Ей живо представилось все, что сейчасъ происходило между ею и Ломачевскимъ съ одной и мужемъ съ другой стороны. Къ первому она не питала любви, даже сильной симпатіи, ко второму не чувствовала особой ненависти и отвращенія. Это она ясно сознавала и понимала; но выступивъ за черту этихъ отношеній, она не могла уже себѣ дать отчета въ томъ, чего ей хочется и къ чему она стремится. Только инстинктивно она отгадывала и всѣми фибрами души ощущала, что въ глубинѣ

ся таится какое-то томительное чувство, которому не нашлось доселѣ удовлетворенія, какой-то внутренній огонь, который то и дѣло прорывается наружу и влечетъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Она искала счастья, наслажденія, сгарала потребностью любви горячей, пламенной, ибо не любила доселѣ всей душей беззавѣтно, безгранично. Олеся вздохнула, глянула вправо, а тамъ гнѣздо родное, всего лишь рукой подать, и она пошла къ нему на перерѣзъ отдѣлявшаго ее поля..

Балабуха все лежалъ на канапкѣ и думу думалъ. Зашло солнце, смерклось на дворѣ, въ комнатѣ совсѣмъ стало темно. Балабуха ждалъ, что вотъ-вотъ скрипнетъ дверь и войдетъ Олеся; но дверь не отворялась, Олеся не приходила. Балабуха всталъ, зажегъ свѣчку, отперъ комодъ и досталъ оттуда большую книгу въ листъ, въ солидной кожаной оправѣ, на манеръ «Четьихъ Миней». Это былъ его дневникъ. Дневникъ заведенъ имъ еще въ дни юности, по примѣру отца и общему обычаю грамотныхъ людей того и болѣе ранняго времени. Будучи студентомъ, Балабуха вносилъ въ свою записную книгу то канты, то вирши, то латинскіе и русскіе стихи. Въ особенности нравились ему стихи квадратомъ: «читай соби, говорилъ онъ въ похвалу имъ, на вси чотыри боки, а воно все одно выходить; така кумедія!»

Ставши священникомъ, Балабуха сперва началъ заносить въ дневникъ замѣтки о погодѣ, урожаѣ, чрезвычайныхъ происшествіяхъ, явленныхъ иконахъ и совершенныхъ ими чудесахъ, а потомъ сталъ довѣрять бумагѣ свои думы, впечатлѣнія дня и жизни, даже собственнаго сочиненія вирши, въ которыхъ изливалъ свои чувства по поводу семейныхъ и другихъ событій. Давно уже онъ не обращался къ дневнику и теперь чувствовалъ потребность излить въ немъ волновавшія его думы и чувства, вызванныя тягостными происшествіями дня. Проставивъ годъ, мѣсяцъ и число, Балабуха кратко изобразилъ свои хозяйственныя неудачи и въ жесткихъ выраженіяхъ осудилъ себя самаго, какъ безпечнаго и неумѣлаго хозяина. Дошла очередь до самаго главнаго и Балабуха задумался. Какъ ни тщательно пряталъ онъ свой дневникъ отъ посторонняго глаза, но назвать виновниковъ его горя ихъ собственными именами все таки не рѣшался. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ подъискалъ для жены названіе *Хлои*, а для ея соблазнителя имя *Дафниса* и изобразивъ всѣ ихъ похож-

денія, въ концѣ со вздохомъ прибавилъ: «Господи, прости навижену Хлою и сокруши ребра Дафнисови! Прискорбна есть душа моя навѣть до смерти».

Сдѣлавъ эту запись, Балабуха почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ своей душѣ, но долго еще не могъ заснуть и только подъ утро его одолѣлъ крѣпкій, хотя тяжелый сонъ.

Весь слѣдующій и послѣдующій день прошли для Балабухи въ напрасномъ ожиданіи возвращенія жены. Всего болѣе мучила его неизвѣстность, гдѣ находилась Олеся, хотя по видимому и для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она отправилась къ отцу. Балабуха старался даже не думать объ этомъ и усерднѣе прежняго занялся хозяйствомъ, дѣлами по благочинію и церкви. Олеся и не думала спѣшить къ мужу. Придя къ родителямъ, она расплакалась предъ ними, нажаловалась на неласковое обращеніе мужа и заявила, что до тѣхъ поръ не возвратится къ нему, пока онъ самъ не пріѣдетъ и не станетъ просить ее. Родители до крайности удивлены были поведеніемъ дочери и старались вразумить ее; но никакія убѣжденія ихъ не дѣйствовали на нее. Прошелъ день, минула ночь, Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій сообразилъ, что онъ и совсѣмъ не пріѣдетъ, и предложилъ дочери ѣхать съ нимъ въ Богуславъ.

— Не поиду я, тату, до ёго, проговорила сквозь слезы Олеся; не пойду, поки не мине три дни: винъ по три дни не говорить зо мною, хочъ до стины говори.

Но прошелъ еще день, а Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ съ дочерью къ зятю.

Чтобы успокоить и расположить его къ примиренію съ дочерью, Терлецкій захватилъ кое-что въ подарокъ изъ своего хозяйства и между прочимъ два совершенно новые воза.

Балабуха встрѣтилъ тестя и жену такъ покойно и привѣтливо, какъ будто между имъ и женою ничего не случилось. Довольная такой легкой развязкой ссоры, Олеся ни словомъ не вспомнила о прошедшемъ и желая задобрить мужа, стала чаще навѣдываться въ кухню и присматривать за приготовленіемъ кушанья. Проку отъ этого, правда, было не много,—Килина больше ея смыслила по кухонной части и вообще въ хозяйствѣ; но Балабуха и тѣмъ былъ доволенъ, соображая, что чѣмъ больше жена будетъ занята, тѣмъ

менѣе всякая дурь будетъ лѣзть ей въ голову. Но участіе Олеси въ хозяйствѣ шло не долго; скоро и сама она увидѣла, что служитъ только помѣхою Килинѣ и, предоставивъ ей по прежнему все, перестала заглядывать въ кухню.

Потекла прежняя жизнь. Олеся не знала, какъ убить время, куда дѣваться отъ скуки. На радостяхъ, по случаю примиренія съ мужемъ, она запросила къ себѣ своихъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ Ломачевскаго, давъ видъ, что справляетъ «обжинки». Ломачевскій сталъ опять бывать у нихъ въ домѣ, но держалъ себя какъ-то холодно и гуляя съ Олесею въ саду, все оглядывался по сторонамъ, не идетъ-ли гдѣ Балабуха.

Осенью прошелъ слухъ, что въ Богуславъ придутъ на зиму гусары. Всполошился весь городъ. Олеся то и дѣло глядѣла въ окна, каждый день наряжалась по праздничному. Какъ-то Килина, вернувшись съ базара, принесла извѣстіе, что гусары уже вступаютъ въ городъ. Олеся надѣла новое платье, причесалась, нацялила кольца, броши и не отходила отъ оконъ. За Росью послышались звуки военнаго марша; гусары вступали въ городъ, направляясь въ рынокъ. Длинные ряды отлично откормленныхъ сѣрыхъ лошадей и синихъ мундировъ показались на противуположной горѣ съ блестѣвшими на солнцѣ аммуниціею и оружіемъ. Впереди ѣхали пѣсенники, за ними музыканты съ огромными мѣдными трубами на бѣлыхъ дорогихъ лошадяхъ. Сіяніе трубъ, горѣвшихъ на солнцѣ яркимъ огнемъ, блескъ обнаженныхъ сабель, перемѣшанные съ яркими цвѣтами бѣлой аммуниціи, синихъ мундировъ, желтыхъ снурковъ, красныхъ рейтузовъ, черныхъ блестящихъ киверовъ—все это вмѣстѣ создавало для Олеси какую-то ослѣпительную фантастическую картину, никогда ею не виданную и тѣмъ болѣе ее поражавшую. Звуки сильнаго оркестра разносились по всему мѣстечку, плыли плавно по Роси и тысячами переливовъ отдавались въ ущельяхъ горъ и скалъ. Рьяные кони весело гарцовали подъ нарядными всадниками, какъ-бы отбивая ногами въ тактъ музыки.

Олеся не выдержала и выбѣжала на крыльцо, принявъ, въ ожиданіи гусаръ, сколь возможно болѣе граціозную позу. Гусары дѣйствительно должны были проходить мимо дома Балабухи. Оркестръ умолкъ; раздалась залихватская пѣсня; у Олеси всѣ мускулы задрожали. Въ средѣ пѣсенниковъ ее поразила фигура за-

пѣвалы, которaго она называла «страхопудомъ». Рослый, плечистый, съ длиннѣйшими усами, онъ цѣлой головой возвышался надъ другими. Въ рукахъ онъ держалъ предъ собой какой-то кругъ (бубенъ), весь увѣшанный побрякушками и разноцвѣтными лентами. Когда онъ самъ пѣлъ, кружекъ мѣрно раскачивался въ обѣ стороны и ленты свободно вились въ воздухѣ; но когда подхватывалъ хоръ, «страхопудъ» вертѣлся, какъ дѣтская мельница при внезапномъ порывѣ вѣтра: онъ прыгалъ вверхъ и внизъ, подавался вправо и влѣво, вертѣлъ головой и локтями и билъ съ жаромъ въ бубенъ, потрясая имъ въ воздухѣ и вызывая одушевленіе пѣсенниковъ. Хоръ еще не окончилъ, какъ грянулъ снова оркестръ. Олеся вся обратилась въ слухъ и зрѣніе, не помня, гдѣ она, не сознавая, что съ нею. Показались штабные; Олеся впилась глазами въ офицеровъ. Офицеры были какъ на подборъ: рослые, здоровые, статные, роскошно выхоленные. Скоро однако глазъ Олеси отличилъ между ними одного, и это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ. Высокій, стройный, съ необычайно нѣжнымъ лицемъ и яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ чудными черными бровями и такими-же чуть пробившимися усами, далеко не закрывавшими прелестныхъ розовыхъ губъ. Его тонкія гибкія ноги змѣей обвивали статнаго коня. Коротенькій синій мундиръ, блестѣвшій серебромъ, какъ-бы прилипъ къ молодому тѣлу и обрисовывалъ нѣжныя его формы. Темные глаза сверкнули на Олесю изъ-подъ козырька глянцовитаго кивера. Конь сталъ на дыбы, граціозно согнувъ шею. Олеся взглянула, задрожала и какъ-бы замерла. Такая прелесть могла пригрезиться ей лишь во снѣ, или почудиться въ пламенныхъ мечтахъ.

Гусары проѣзжали. Жиды сбѣжались со всего мѣстечка и обступили ихъ лавами. Олеся видѣла дальше лишь черные кивера да синія плечи сквозь густую стѣну черныхъ жидовскихъ кафтановъ, но не сводила глазъ съ стройныхъ плечей того, который сразу причаровалъ ее къ себѣ. Скоро гусары спустились по улицѣ внизъ и только кивера, да подковы блестѣли вдали, а дальше и совсѣмъ скрылись изъ глазъ. Олеся глубоко вздохнула и пошла къ себѣ въ комнату.

Нестройныя мысли кружились въ головѣ Олеси одна за другой и всѣ онѣ вертѣлись около молодаго гусара. Гдѣ и какъ съ нимъ встрѣтиться, каково будетъ и чѣмъ можетъ кончиться ихъ

знакомство,—вотъ надъ чѣмъ думала Олеся вплоть до самаго обѣда. Но лишь кончился обѣдъ, она подсѣла къ мужу, обвила его шею руками и заговорила сладенькимъ голоскомъ:

— Знаешъ що, мій голобчику милый? Наихали ци гусары... Чи сякъ, чи такъ, а прійдеця зъ ними знатись. Може вони до насъ зайдуть, або насъ зъ ними куды попросять, не можно передъ ними абы-якъ показаться, а въ мене нема ни одної новоі сукни. Пиду я въ крамныци, та наберу соби чогось на нову сукню.

Олеся метко отгадала слабую струнку своего мужа. Не смотря на наружную свою апатію, онъ былъ довольно самолюбивъ. Приходъ гусаръ въ свою очередь его занималъ, и онъ далеко не прочь былъ почваниться предъ гусарами своею женою. Но что дѣлать, когда сама-же Олеся всѣ деньги растранжирила?

— Нема грошей, голубко! со вздохомъ произнесъ Балабуха. Эхъ, колибъ ты знала...

— Або на квитокъ не можно взять? перебила его Олеся.—Хиба жиды не повирять?

— Про мене бери й на квитокъ. Будуть гроши, то отдамо, отвѣчалъ Балабуха, и протянулся по обычаю на канапкѣ.

Олеся, въ восторгѣ отъ такого скораго разрѣшенія затруднявшаго ее вопроса, разцѣловавъ мужа, бѣгомъ вышла изъ комнаты и полетѣла въ лавки набирать на платье. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы новое платье было сшито къ воскресенью, когда, какъ она надѣялась, гусары будутъ въ первый разъ въ церкви и, быть можетъ, зайдутъ и къ нимъ.

Къ воскресенью платье дѣйствительно было готово и Олеся, успокоившись на этотъ счетъ, въ ожиданіи невиданныхъ гостей, еще съ утра субботы занялась очисткой и убранствомъ дома. Въ сѣняхъ, передней и залѣ стѣны были выбѣлены, полы вымыты съ пескомъ, окна, двери вытерты, какъ нельзя лучше, цвѣты въ горшкахъ очищены, а расползшіяся вѣтки укрѣплены и подвязаны. Весь этотъ день Олеся была на ногахъ, все перебирала, вытрушивала, вычищала и разставляла по мѣстамъ. Въ воскресенье, нарядившись по лѣтнему, не смотря на наступавшую осень, Олеся пошла въ церковь, хотя съ разсчетомъ пришла едва-ли не позже всѣхъ. Офицеры-гусары гурьбой стояли у праваго клироса. Всѣ дамы и дѣвицы, сколько ихъ было въ Богуславѣ, явились, какъ

на смотръ. Каждую изъ нихъ брало любопытство посмотрѣть гусаръ и себя показать. Олеся прошла сквозь группу офицеровъ, шелестя своимъ новымъ шелковымъ платьемъ и стала впереди всѣхъ у царскихъ вратъ, но такъ, чтобы можно было искоса поглядывать на гусаръ. Оправляя свое платье, она какъ-бы нечаянно оглянулась на бокъ. Впереди офицеровъ стоялъ одинъ изъ нихъ, рѣзко отличавшійся отъ другихъ своею необычайною стройностію и красотою. Олеся сразу узнала того, кто такъ нежданно поразилъ ея взоръ и сердце. Теперь она лишь ближе и яснѣе могла разглядѣть дивныя черты его лица и всей фигуры. Взглянувъ на него, Олеся задрожала и едва устояла на ногахъ. Лице ея поблѣднѣло, дыханіе сперлось, сердце какъ-бы совсѣмъ замерло. Она ничего не слышала и не видѣла вокругъ себя, ничего не сознавала и не соображала. Прошло нѣсколько мгновеній, и сердце ея вновь забилось, почудились ей какія-то дивныя мелодіи, неземной ароматъ, необычайная сладость въ душѣ и будто рай небесный раскрылся предъ нею...

Служба окончилась, офицеры подходили ко кресту. Еще разъ мелькнулъ предъ глазами Олеси чистый, тонкій профиль, гибкій станъ, черная роскошная голова. Офицеры вышли изъ церкви, Олеся стояла какъ-бы въ чаду; ей хотѣлось не то плакать, не то прыгать и смѣяться.

Перебѣжавъ чрезъ улицу домой, Олеся бросилась къ зеркалу, поправила платье, волосы и сѣла у окна. Мимо ея оконъ по улицѣ валила густая масса мѣщанства въ перемежку съ гусарами. Олеся пристально глядѣла на пестрѣвшіе въ толпѣ синіе мундиры; но то все были рядовые гусары. Толпа все рѣдѣла; наконецъ позади всѣхъ показалась крупная фигура самаго Балабухи. Олеся поблѣднѣла. Она ждала, что въ слѣдъ за нимъ покажутся офицеры; но ихъ не было. За Балабухою шелъ лишь сторожъ съ ключами.

Балабуха вошелъ въ комнаты. Килина подала самоваръ; Олеся заварила чай, сѣла у стола и задумалась. Наливъ стаканъ и потомъ другой мужу, она все ждала гостей; но гости не приходили. Потухъ самоваръ, остылъ и перестоялся чай, Балабуха давно сосалъ трубку. Олеся встала, не пивши чаю, и велѣла убирать со стола.

Только спустя двѣ недѣли, въ воскресенье, послѣ обѣдни, офицеры зашли къ батюшкѣ на водку, какъ въ то время говорилось.

Олеся чуть не умерла отъ радости, увидѣвъ у своихъ оконъ предметъ своихъ мечтаній.

Небольшая, чистенько прибранная свѣтлица переполнилась гостями. Въ глазахъ Олеси заблестѣли мундиры, снурки, аксельбанты, эполеты, ордена. Гости входили и переходили отъ хозяина къ хозяйкѣ: гремѣли сабли, звенѣли шпоры, слышалось ловкое шарканье ногами и звонкій стукъ каблуковъ. Послѣ немолодого уже полковника съ курчавой головой, послѣ четырехъ солидныхъ офицеровъ съ окладистыми баками и геройскими усами, къ Олесѣ подлетѣлъ молодой красавчикъ, звякнулъ шпорами, щелкнулъ подковками, едва склонилъ свой гибкій станъ и проговорилъ:

Поручикъ Казанцевъ.

Олеся едва примѣтила, какъ раскрылись его чудныя, слегка прикрытыя чернымъ пушкомъ, красно-розовыя губы и блеснули бѣлые, нѣжные, какъ жемчугъ, зубы; его глубокіе темные глаза такъ и метнули на нее огнемъ, а его низкій, но звучный и мягкій голосъ откликнулся у нея въ самомъ сердцѣ.

— Ой зомлію, ой умру! промелькнуло у Олеси въ головѣ.

Полковникъ и старшіе офицеры повели съ Балабухою солидный разговоръ о городѣ, церкви, монастырѣ; Казанцевъ съ двумя другими, также молодыми офицерами усѣлись подлѣ хозяйки. Олеся никого не видѣла, никого не слушала, кромѣ одного Казанцева: забывъ всѣхъ и все, она впилась въ него своими глазами и ловила каждое его слово.

Подали чай, а разомъ съ чаемъ водку и закуску. Водка развеселила и безъ того веселыхъ гусаръ. Въ свѣтлицѣ раздавался говоръ, хохотъ, бряцанье сабель и шпоръ. Олеся въ упоеніи и восторгѣ то порхала по комнатамъ какъ птичка, то присаживалась и лепетала въ забытьи, что въ голову взбредетъ. Ея черные волосы и брови, ея карые глаза, горѣвшіе пламенемъ любви, рѣзче отсвѣчивались при нарядномъ бѣломъ платьѣ и производили немалый эффектъ; ея стройная, граціозная фигура и роскошный бюстъ дразнили молодое воображеніе. На щекахъ горѣлъ румянецъ, лице сіяло радостью, упругая грудь то подымалась, то опускалась какъ-бы отъ сильнаго испуга. Молодые офицеры прильнули къ хозяйкѣ, и сама она не могла не замѣтить, что нравится имъ.

— Мабуть вы, панове, говорила между прочимъ Олеся, не сводя глазъ съ Казанцева, добре нудитесь въ нашому Богуслави. У насъ все жиды та мищане; зъ благороднихъ одни хиба служащи. Молодихъ дамъ, баришень мало. Заскучаете вы зовсимъ.

— Ахъ, помилуйте, отвѣчалъ Казанцевъ! можемъ-ли мы скучать, когда вы въ Богуславѣ?

Пораженная столь смѣлымъ комплиментомъ, Олеся не нашлась, что отвѣтить, и только покраснѣла до ушей.

— Побачимъ, продолжала она; ось настане зима. Що тоди вы будете робить? Завянете зъ нудьги. Я за зиму трохи тутъ не вмерла.

— О, не безпокойтесь! заговорили другіе офицеры. Намъ не впервые жить въ такихъ маленькихъ городкахъ. Будемъ устраивать танцовальные вечера, катанья на тройкахъ, прогулки верхомъ.

— Коли я не вмію їздити верхи, замѣтила Олеся.

— А мы васъ выучимъ, подхватилъ Казанцевъ: это такъ легко, что и учиться собственно нечему.

— Та мене наши богуславськи дамы засміяли-бъ, якъ-бы я поихала верхи, сказала Олеся.

— А вы имъ подадите примѣръ; тогда и они послѣдуютъ за вами, замѣтилъ Казанцевъ и затѣмъ спросилъ:

— Вы однако согласны поучиться верховой ѣздѣ?

— А чомъ-же? Я знаю, що зъ мене будуть сміяться, але то мени байдуже.

И Олеся стала уже мечтать о томъ, какъ она очутится на борзомъ гусарскомъ конѣ и какъ Казанцевъ станетъ ее подсаживать, поддерживать и учить. Увлеченная такими мечтами, она схватилась со стула и съ нервною дрожью завертѣлась по комнатѣ. Казанцевъ и прочіе собесѣдники поспѣшили за ней.

— О, мы разшевелимъ вашъ Богуславъ! громко говорилъ Казанцевъ, вертясь подлѣ Олеси; всѣхъ поднимемъ на ноги, никому не дадимъ заснуть. Заведемъ клубъ, стянемъ всѣхъ и будемъ веселиться на пропалую.

Ни Олеся, ни ея мужъ, до котораго долетѣло слово клубъ, не разумѣли вовсе, объ чемъ толкуетъ развеселившійся Казанцевъ.

— Такъ, или не такъ, добавилъ его товарищъ Погожаевъ, а мы не допустимъ васъ скучать: будемъ собираться, веселиться, танцовать то у тѣхъ, то у другихъ. Надѣемся, и вы не откажете намъ въ своемъ участіи и пріемѣ.

— Зъ великою охотою, отвѣчала Олеся. Я сама люблю танци, та бида, що въ насъ нема доладнихъ музыкъ. Наши жидки якъ заграють, то вы не схочете й танцювати.

— Къ услугамъ вашимъ всегда готовъ нашъ полковой оркестръ, отозвался полковникъ, вслушавшись въ разговоръ.

— Дуже дякуемъ, отвѣчала Олеся, и обратясь къ своимъ собесѣдникамъ, прибавила: намъ сёго тильки и бракувало. Сподиваемось незабаромъ и до себе васъ просить.

— Мы всегда ваши гости, въ одно слово сказали оба офицера.

— Побачите нашихъ дамъ, добавила Олеся, вскинувъ глазами на Казанцева.

— Если они хоть немножко похожи на васъ, то мы вполнѣ счастливы, брякнулъ Казанцевъ, пристукнувъ каблуками.

Олеся опустила рѣсницы и вспыхнула яркимъ румянцемъ. Полковникъ всталъ; за нимъ поднялись офицеры; всѣ стали прощаться.

— Не забувайте-жъ насъ, просила Олеся всѣхъ и особо повторила это Казанцеву.

Гусары ушли, свѣтлица разомъ опустѣла и только густой дымъ дорогихъ сигаръ носился по краямъ ея. Олеся чувствовала себя какъ-бы въ сильнѣйшемъ угарѣ или опьяненіи: глазамъ ея мерещились блестящіе мундиры и чудная фигура Казанцева; его полные огня глаза какъ-бы свѣтились и теперь предъ ней, пышныя нѣжныя губы улыбались ей, а мягкій низкій голосъ ласкалъ ея душу и западалъ глубоко, глубоко въ ея сердце. Цѣлый день Олесѣ хотѣлось пѣть, играть или слушать музыку. Мечты роемъ вились въ ея головѣ. Какое-то непонятное, безпредѣльное счастье наполняло всю ея душу.

Не прошло нѣсколько дней, какъ Олеся начала приставать къ мужу, чтобы устроилъ вечеръ для гусаръ и пригласилъ всѣхъ знакомыхъ. Нечего было дѣлать, надо было раскошелиться, точнѣе прихватить гдѣ либо денегъ. Балабуха не скупился, когда добылъ денегъ: накупилъ вина, всякихъ «бакалій» и сластей, досталъ изъ погреба подаренный однимъ изъ подвѣдомыхъ священниковъ боченокъ наливки. Олеся пожертвовала послѣдними гусями и индюками, какіе оставались еще на хозяйствѣ, позвала даже повара отъ богуславскаго жондцы. Нѣсколько дней Балабуха то ѣздилъ и ходилъ

съ приглашеніями, то разсылалъ записки. И ему и женѣ хлопотъ было немало.

Долго подготовлявшійся вечеръ наконецъ насталъ. Олеся нарядилась въ бѣлое атласное платье и ждала гостей. Съѣхались и сошлись всѣ богуславскіе знакомые, пріѣхали Олесины сестры, послѣ всѣхъ явились гусары. Оркестръ расположился подъ окнами,—въ домѣ не хватало для него мѣста.

Вечеръ былъ тихій и теплый, совсѣмъ почти лѣтній. Темнота южной ночи придавала эффектный видъ оркестру, его пюпитрамъ и трубамъ, освѣщеннымъ массою фонарей, присланныхъ самими офицерами. Оркестръ загремѣлъ, такъ что окна зазвенѣли. Олеся глянула въ окно на невиданную картину и стала, какъ причарованная. Обернулась назадъ, вся свѣтлица сіяла гусарскими мундирами. Старики давно усѣлись за карты, молодежь толпилась въ свѣтлицѣ. Около Олеси увивался Казанцевъ. Она забыла уже Ломачевскаго, а на Баньковскаго и взглянуть не хотѣла.

Начались танцы. Казанцевъ дирижировалъ ими. Съ первой кадрили, которую танцовала съ нимъ Олеся, онъ рѣшительно приворожилъ къ себѣ всѣхъ богуславскихъ дамъ и дѣвицъ. Всѣ они завидовали Олесѣ, а она чувствовала себя на верху блаженства. Богуславскіе кавалеры совсѣмъ стушевались; дамы и дѣвицы только и ждали приглашенія гусаръ. Офицеры обходились со всѣми чрезвычайно любезно и просто, шутили, смѣялись, говорили дамамъ комплименты, иногда съ легкой ироніей, которую дамы принимали за чистую монету. Мамаши разрядили своихъ дочерей, какъ только могли; каждая разсчитывала залучить жениха, но молодые офицеры найбольше увивались около Олеси. Она была бойчѣе, живѣе и веселѣе другихъ и танцовала лучше всѣхъ.

— Вамъ весело у насъ? спросила Олеся въ одномъ изъ танцевъ Казанцева.

— Я давно такъ не веселился отъ души, отвѣчалъ онъ.

— Такъ говорите, а потимъ будете сміяться зъ насъ. Мы такъ соби по просту, и дамы наши, якъ бачите, продолжала Олеся, глядя прямо въ глаза Казанцеву.

— Сохрани Богъ! Вами можно только восхищаться, безъ застѣнчивости проговорилъ Казанцевъ, искоса поглядывая на ея бѣлоснѣжную шею.

— Мени здаеця, що вы й теперь уже смієтесь зъ мене. Хиба жъ нема кращихъ одъ мене? спросила съ наивностію Олеся, вызывая на новый комплиментъ.

— Да лучше васъ трудно гдѣ либо найти, прошепталъ Казанцевъ чуть не надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся потупила глазки, слегка улыбнувшись отъ удовольствія.

— У васъ чудное маленькое ушко, продолжалъ Казанцевъ еще тише.—Если-бы не при гостяхъ, я бы поцѣловалъ васъ въ ушко.

Олеся уже просто засмѣялась отъ радости.

— Я не знала, що вы такій... говорила она, чуть дыша.

— Какая прелестная у васъ талія! нашептывалъ Казанцевъ.

— Мабуть вы бачили кращи таліи тамъ въ Петербурзи, возразила Олеся, тая отъ счастья.

— Я вамъ скажу, и въ Петербургѣ такихъ мало,—добавилъ Казанцевъ.

Олеся подошла къ открытому окну и положила руку на подоконникъ. Маленькая пухлая ручка блестѣла, какъ мраморъ. Казанцевъ любовался ею, стоя рядомъ съ Олесею.

— Какая у васъ чудная ручка! Позвольте поцѣловать, сказалъ Казанцевъ, становясь всѣмъ корпусомъ предъ окномъ и накрывая своею ладонью руку Олеси.

Олеся едва замѣтно повела глазами назадъ. Изъ-за оконъ блестѣли трубы музыкантовъ. Оркестръ въ антрактахъ игралъ отрывокъ изъ оперы. Олеся едва слышала музыку; она только упивалась близостью Казанцева, чувствовала его горячую ладонь на своей рукѣ и искоса засматривалась на его ровный матовый лобъ, обрамленный взбитыми чорными кудрями, на его восхитительныя чорныя брови, подъ которыми, какъ двѣ искры, свѣтились чудные глаза. Все это сильно возбуждало ея нервы, волнами поднимало кровь. Олеся едва удержалась, чтобы не кинуться на шею Казанцеву, не впиться устами въ его чудныя брови. Чтобы какъ нибудь прійти въ себя и успокоиться, Олеся попросила Казанцева разсказать ей про Петербургъ, какъ тамъ веселятся люди, какіе бываютъ балы.

— О, у насъ въ Петербургѣ, началъ Казанцевъ такія дива, про какія только въ сказкахъ разсказываютъ: у насъ напримѣръ залы всѣ въ золотѣ, зеркала отъ пола до потолка и даже въ потолкѣ;

у насъ на балахъ танцуютъ разомъ сто паръ, а играетъ пять и больше оркестровъ на хорахъ.

— Хиба у вашихъ залахъ и хоры есть, неначе въ церквахъ?

— А какъ же! хоры кругомъ всей залы, а надъ хорами еще другіе хоры. Высота чуть не съ колокольню, что въ кіевской лаврѣ. Оттуда смотритъ публика, т. е. тѣ, что не танцуютъ, разные тамъ старики, старухи и всякая шваль. Да, у насъ не то, что здѣсь: напримѣръ, дамы при всѣхъ обнимаются и цѣлуются съ кавалерами.

— Не вже! крикнула Олеся, обративъ къ Казанцеву лице.

— Ей Богу, цѣлуются. Есть такой французскій танецъ: какъ скомандуетъ дирижеръ, такъ дамы всѣ и кидаются на шею своимъ кавалерамъ и цѣлуютъ ихъ въ губы, сказалъ Казанцевъ.

Олеся чуть не подпрыгнула: ей страхъ какъ захотѣлось погулять на такихъ вольныхъ балахъ. Однако она не совсѣмъ-то довѣряла Казанцеву.

— Вы жартуете. Мабуть глузуете надъ нами селянами.

— Ей, ей, не жартую. На то у насъ столица! Наши дамы не такія скромницы, какъ ваши: кутятъ съ кавалерами и любезничаютъ, не стѣсняясь.

Олеся только плечами пожимала. Казанцевъ умолкъ; ее потянули думы въ тѣ счастливые края.

— Чи не часъ уже столы накрывати? спросилъ Балабуха, подойдя къ Олесѣ.

— Може й часъ, сказала Олеся и вышла распорядиться.

Столы накрыли, гости усѣлись. Олеся сѣла между Казанцевымъ и Погожаевымъ. Пошли разговоры, шутки, прибаутки, а среди ихъ припрашиванья и услуживанья съ неизбѣжнымъ заигрываньемъ посредствомъ бросанія шариковъ и т. п. Офицеры ѣли шибко, пили на славу, но и дурачились не мало. Въ срединѣ ужина Олеся чувствуетъ, что ея ногу затрогиваютъ то съ одной, то съ другой стороны. Она оттолкнула ногу Погожаева и тихонько наступила башмачкомъ на ногу Казанцева. Казанцевъ бросилъ на нее продолжительный взглядъ, повелъ рукой подъ столомъ, нащупалъ ея руку и сжалъ такъ крѣпко, что Олеся чуть не вскрикнула. Ужинъ тянулся долго; много говорили и еще больше пили.

— Вашъ ужинъ вкуснѣе нашихъ, болталъ Казанцевъ. У насъ какъ подадутъ на столъ цѣлую серну, либо жареного медвѣдя,

такъ не знаешь, какъ и справиться съ ними. Да ужъ намъ надоѣли эти серны, да медвѣди; ваши гуси да индюки куда вкуснѣе.

— Не вже въ васъ ѣдять ведмедивъ?

Какъ-же, непремѣнно!

— И такъ таки подають на стилъ цилого ведмедя?

— Цѣлехонькаго, доложу вамъ. Лежитъ, какъ живой.

— Ну, вы, панове, мабуть зализли въ хмари. Я-бъ зроду не ѣла печеного ведмедя.

— Э, если-бъ вы попробовали только! Онъ такой вкусный, какъ конфекты съ вареньемъ, мололъ Казанцевъ.

— Хиба ведмедь солодкій? спросила Олеся.

— Ну, да, сладкій: съ одного боку сладкій, а съ другого кислый, добавилъ Погожаевъ.

— А съ третього? спросила Олеся и разхохоталась.

— А съ третьяго ветчина, медвѣжья ветчина, отвѣтилъ Казанцевъ.

Всѣ расхохотались.

Подъ конецъ ужина офицеры налегли на наливку и стали восхвалять молодую хозяйку, которая, какъ и самъ хозяинъ, были тутъ ни при чемъ. Пили за здоровье ихъ отдѣльно и вмѣстѣ. Казанцевъ присталъ, чтобы и Олеся выпила съ ними. Она на радостяхъ выпила рюмку, потомъ другую и тогда нащупала руку Казанцева подъ скатертью и нѣжно гладила ее своей пухленькой ручкой.

Ужинъ кончился, встали изъ-за стола и пустились снова танцовать. Потянулась безконечная мазурка. Ломачевскій и Баньковскій состязались съ Казанцевымъ и Погожаевымъ, и придумываемымъ тѣми и другими фигурамъ, казалось, не будетъ конца. Гости разъѣхались уже передъ разсвѣтомъ и долго вспоминали первый вечеръ съ гусарами.

Послѣ Балабухи въ честь гусаръ давалъ вечеръ исправникъ, послѣ исправника докторъ и т. д. Съ началомъ зимы пріѣхала жена полкового командира, и они также устроили у себя вечеръ. Олесѣ пришлись какъ нельзя болѣе по вкусу и нраву эти оживленные вечера; она утопала въ удовольствіи, и хотѣлось-бы ей такъ жить хоть-бы до самой смерти.

Чтобы доставить себѣ и дамамъ новое развлеченіе, офицеры задумали устроить катанье. Выпалъ снѣгъ, открылась первая санная дорога. Офицеры наладили сани, подобрали лихія тройки, съ росписными дугами, съ погремушками, съ побрякушками, съ колокольчи-

ками и бубенчиками, и однажды послѣ обѣда забрали приглашенныхъ заранѣе дамъ и покатили съ ними въ лѣсъ. Офицеры разсѣлись по парно, каждый съ своей дамой; Казанцевъ сѣлъ съ Олесею. Поѣздъ тронулся съ мѣста: зазвенѣли колокольчики, загремѣли бубенчики; жиды высыпали смотрѣть, мальчишки бѣжали за санями за самый городъ, «сидухи» посхватывались съ своихъ мѣстъ и вытаращили глаза. Рьяные гусарскіе кони, загнувъ головы на бокъ, понеслись стрѣлой по чудесной мягкой дорогѣ. Казанцевъ велѣлъ своему кучеру остаться позади всѣхъ. Дорога шла по-надъ Росью, по косогору, перерѣзываемому крутыми западинами, глубокими узкими оврагами. Долины и горы засыпаны были свѣжимъ пушистымъ снѣгомъ. День выдался тихій, въ воздухѣ стоялъ легкій прозрачный туманъ, сквозь который лился тихій свѣтъ вечерняго солнца. Вдали отъ города, на крутыхъ высотахъ виднѣлся густой старый лѣсъ, сплошь покрытый инеемъ. Сумрачныя лѣсныя высоты исполинами выступали на отдаленномъ горизонтѣ, длинный поѣздъ мчался на встрѣчу имъ, гулъ колокольчиковъ и бубенчиковъ разносился по долинамъ и горамъ и заглушалъ стукъ лошадиныхъ копытъ и слабое шуршанье саней по мягкому снѣгу. Поѣздъ спустился на лугъ. Разбросанные на лугу столѣтніе дубы, покрытые инеемъ, выглядывали какъ гигантскіе канделябры, невѣдомою рукою здѣсь водруженные. За лугомъ начался молодой грабовый лѣсъ; двѣ высокія сплошныя стѣны его совершенно скрывали направившуюся въ глубину его дорогу. Поѣздъ понесся въ глубь лѣса. Чѣмъ далѣе онъ мчался, тѣмъ гуще и выше становился лѣсъ: появились громадной высоты клены и ясени и гигантскихъ размѣровъ дубы и липы. Вѣтви деревьевъ, обсыпанныя тонкимъ пухомъ инея, блестѣли тысячами переливовъ нѣжнаго серебристаго свѣта и давали восхитительный видъ. Лѣсъ стоялъ, какъ волшебная царица въ дорогомъ уборѣ. Ни одинъ видъ природы въ лѣтнее время не могъ сравняться съ дивною картиной мертвой зимы: то былъ фантастическій, тихій сонъ заснувшей природы.

Проѣхали добрыхъ пять верстъ, лошади порядкомъ взмылились, а поѣздъ съ прежней быстротой летѣлъ съ горы на гору. Въ глубинѣ лѣса, на одномъ изъ пригорковъ, въ легкомъ туманѣ обозначилась корчма, прикрытая толстой лавой снѣгу. На площадкѣ передъ нею какъ-бы кто раскинулъ роскошный цвѣтникъ: то былъ большой кругъ

густого терну, покрытаго, будто паутиной, пушкомъ снѣга и инея. Раскиданные вкругъ него кустики собачьей бузины, папоротника и бурьяну казались теперь дорогими цвѣтами, выкованными изъ серебра. Высокая, одиимъ одна, береза опустила внизъ свои роскошныя тонкія вѣтви, точно распущенные волосы, посыпанные серебристой пудрой.

Олеся, сидя рядомъ съ Казанцевымъ, едва примѣчала дивную красу лѣса; она наслаждалась бесѣдою съ нимъ, любовалась его глазами и бровями. Вдругъ среди лѣса загремѣлъ оркестръ; Олеся вздрогнула.

— Де це грае музыка? спросила она.

— Это, вѣроятно, русалки поютъ: они знали, что мы пріѣдемъ въ лѣсъ, вотъ и встрѣчаютъ насъ, отвѣчалъ смѣясь Казанцевъ.

Повернувшись однако въ бокъ и вытянувъ голову впередъ, Олеся увидѣла у корчмы блестѣвшія трубы и синіе куртки гусаръ. Эффектъ былъ полный не для одной Олеси. Музыка разбудила сонный лѣсъ; эхо отъ оркестра раздавалось въ горахъ и долинахъ, какъ-бы разомъ играли нѣсколько оркестровъ.

Лошади остановились у корчмы, но устроиться въ ней для пированья оказалось невозможнымъ. Въ корчмѣ царили невообразимая грязь и смрадъ: у порога стояла бочка съ водкой; сивушный запахъ стоялъ въ воздухѣ, перемѣшанный съ запахомъ луку, протухлой рыбы и жидовскаго тряпья; полунагія жиденята валялись на земляномъ полу, оборванный жидъ въ засаленной ермолкѣ, патынкахъ и лапсердакѣ, сновалъ по комнатѣ. Заглянувшія въ корчму дамы повыскакивали обратно, закрывая носы, хватаясь за виски. Офицеры вынесли изъ корчмы длинный столъ, накрыли его привезенной скатертью и поставили подъ старыми липами, на задней сторонѣ корчмы, вытащили и лавки и прикрыли ихъ коврами. Всѣ усѣлись вокругъ стола подъ покровомъ нависшихъ вѣтвей. Хлопнули пробки, шампанское полилось въ рюмки и стаканы, оркестръ заигралъ тушъ. Офицеры крикнули: за здоровье дамъ! дамы должны были выпить до дна. Опять хлопнули пробки, опять полилось вино,—выпили за здоровье гусаръ. Пили еще за здоровье полковницы, потомъ особо за здоровье каждой изъ присутствовавшихъ дамъ. Пошли веселые разговоры; офицеры курили, дамы закусывали, музыка играла; не замѣтили, какъ сумерки зашли. Гулянье удалось, какъ и самое

катанье. Всѣмъ было весело, никому не хотѣлось ѣхать домой. Сѣли вновь въ сани и понеслись дальше въ лѣсъ.

Туманъ разсѣялся, изъ-за лѣсу проглянула луна и освѣтила верхушки деревьевъ. Поѣздъ мчался, картины мѣнялись. Начинался старый дубовый и березовый лѣсъ; дорога шла въ непроглядную чащу его; высокія деревья мѣстами совсѣмъ закрывали ее нависшими вѣтвями. Но поднялась луна и освѣтила лѣсъ по горамъ и долинамъ, обливая своимъ свѣтомъ дальнія и близкія мѣста, каждое дерево, каждую вѣтку. Когда поѣздъ взлеталъ на высокій пригорокъ, вправо отъ дороги виднѣлась Рось, мѣстами скованная льдомъ и прикрытая снѣгомъ, мѣстами вовсе не замерзшая. Широкій раздолъ по обѣимъ ея сторонамъ блестѣлъ ослѣпительной бѣлизной, донося тихій шумъ и плескъ катящейся по камнямъ воды. Вокругъ царила мертвая тишина, въ воздухѣ чувствовалась постоянно освѣжающая влага.

Казанцевъ съ Олесею и на этотъ разъ ѣхали позади. Вино разшевелило ихъ думы и мечты; Олеся впилась глазами въ прекрасное лице Казанцева, освѣщенное матовымъ блѣднымъ свѣтомъ. Лице казалось какъ-бы выточеннымъ изъ слоновой кости; черные кудри оттѣняли мраморную бѣлизну его. Казанцевъ взялъ за руку Олесю и поцѣловалъ.

— Любишь-ли ты меня, моя ненаглядная, какъ я тебя люблю? прошепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся задрожала, схватила его руками за щеки, притянула къ своему лицу, впилась въ его уста своими горячими устами и будто замерла. Колыхнулись серебристыя вѣтви высокаго береста, задрожало марево луннаго блеска въ долинѣ, зашумѣла сильнѣе вода въ Роси. Олеся какъ-бы очнулась, придвинулась ближе къ своему милому, цѣловала его въ щеки, въ брови, въ глаза, обняла его за шею, опустилась на плечо и зарыдала, какъ дитя.

— Отъ чего ты плачешь, моя милая? еще тише пролепеталъ Казанцевъ.

— Одъ того, що люблю тебе. Теперъ я зрозумила, що до сёго часу никого не любила. Мени здавалось, що я любила, а я тильки сама себе дурыла. Якъ ты мене перестанешъ любити, то я вмру.

Казанцевъ нѣсколько встревожился; столь пламенная любовь немного испугала его; она вовсе не входила въ его разсчеты, ему

просто хотѣлось позабавиться отъ скуки. Но Олеся вновь кинулась ему на шею, вновь впилась въ его губы такъ, что ему наконецъ трудно было дышать. Вдругъ надъ самыми ушами ихъ зазвенѣлъ колокольчикъ; то поѣздъ повернулъ назадъ, и мимо ихъ пронеслись первыя сани. Олеся разняла руки, Казанцевъ оправился на мѣстѣ. Сани одни за другими промелькнули мимо ихъ и они снова очутились позади всѣхъ. Олеся прильнула щекою къ лицу Казанцева. Она была счастлива: ей хотѣлось ѣхать, летѣть безъ мѣры и конца. Глубокія долины, освѣщенныя яснымъ свѣтомъ луны, передвигались какъ дивныя декораціи. Олеся чувствовала, что сердце ея переполнено неизъяснимымъ блаженствомъ, что любовь залила всю ея душу, какъ весенняя вода заливаетъ луга. Вотъ засвѣтились окна въ корчмѣ, изъ чернаго дымаря вился клубьями дымъ. Корчма мелькнула предъ ихъ глазами, какъ картина въ быстро вращаемой понорамѣ. Олеся не спохватилась, какъ проѣхали лѣсъ. Скоро заблестѣли огоньки въ окнахъ жидовскихъ хатъ; поѣздъ очутился въ городѣ. По улицамъ сновали жиды, проходилъ какой-то обозъ, поспѣшавшій на ночлегъ. Олесѣ показалось, что ей снился какой-то чудный, сладкій, какъ радость, сонъ и что она какъ будто-бы проснулась. Поѣздъ остановился у квартиры Казанцева. Масса жидовъ, мальчишекъ и всякаго празднаго люда окружала ее; изъ оконъ билъ яркій свѣтъ подъѣздъ былъ также освѣщенъ, въ сѣняхъ гремѣлъ оркестръ, много саней столпились передъ домомъ. Приглашенные изъ окрестностей Богуслава офицеры встрѣчали возвратившихся съ катанья. По всему сдавалось, будто въ домѣ идетъ свадьба. И Олесѣ чудилось, будто она возвращается изъ церкви отъ вѣнца, что она повѣнчана съ Казанцевымъ. Она хотѣла этому вѣрить и даже какъ будто вѣрила. Въ довершеніе всего Казанцевъ, какъ женихъ невѣсту, заботливо высадилъ ее изъ саней и ввелъ подъ руку въ свою квартиру.

Гусары въ складчину давали вечеръ для своихъ богуславскихъ знакомыхъ и завезли дамъ просто на вечеръ. Квартира Казанцева избрана, какъ наиболѣе просторная. Къ пріѣзду катавшихся собрались здѣсь и мужчины. Обширная жидовская комната была прибрана и украшена: на стѣнахъ висѣли дорогіе ковры. группами и звѣздами расположены были ружья, сабли, клинки. штыки, кинжалы, пистолеты. На столахъ разставлены были батареи бутылокъ, стаканы съ чаемъ, тарелки съ закусками, вазки съ

десертомъ. Дамы разсѣлись въ перемежку съ кавалерами; Казанцевъ усадилъ Олесю за столъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Олеся цвѣла, какъ пышный цвѣтокъ; налитые счастьемъ глаза блестѣли, какъ яркія звѣздочки, лице горѣло огнемъ. Она оперлась о спинку канапы, впилась глазами въ лице Казанцева и ничего не видѣла, ничего не слышала.

— Золото мое, счастя мое! тебе я ждала, за тобою вмирала, тебе я шукала, литала за тобою, якъ сиза зозуля, и таки тебе знайшла,— думала Олеся, глядя въ глаза Казанцеву.

Гости выпили чай, закусили и снова принялись за чай. Принесли шампанское; захлопали пробки, полилось рѣкой дорогое вино. Офицеры чокались съ дамами, кричали: ура! Оркестръ гремѣлъ, въ комнатѣ поднялся гвалтъ, какъ-бы на полѣ битвы. Гусары поддержали свою славу по части выпивки, но когда затѣмъ перешли къ танцамъ, то въ обращеніи съ дамами стали позволять себѣ нѣкоторыя вольности, Казанцевъ-же и просто таки обнималъ Олесю въ танцахъ и прижималъ ее къ себѣ. Замѣтивъ это, дамы начали одна за другой уходить домой. Одна Олеся оставалась еще и готова была сидѣть хоть до разсвѣта, но и ее наконецъ увелъ мужъ почти насильно. Гусары проводили ихъ съ шумомъ.

Пышную зиму переживала Олеся. Она не замѣчала, какъ летѣло время, не спохватилась, какъ минулъ Филипповъ постъ и настали рождественскіе праздники. Эта зима была для нея какъ-бы настоящимъ благодатнымъ лѣтомъ: для нея какъ будто по лѣтнему свѣтило солнце, цвѣли пахучіе цвѣты, распѣвали соловьи. Казанцевъ съ товарищами заходилъ къ Балабухамъ чуть не каждый день, приглашалъ и ихъ къ себѣ. Олеся перевезла къ себѣ своихъ сестеръ, разсчитывая выдать ихъ за офицеровъ замужъ. Каждое воскресенье Олеся устраивала у себя вечеринки для гусаръ, танцовала до разсвѣта и вытрусила до чиста карманы своего мужа.

Придумывая все новыя развлеченія для своихъ кавалеровъ, Олеся начала возить ихъ въ гости къ сосѣднимъ священникамъ. Объ Рождествѣ съѣздили къ о. Мелхиседеку, а на Новый годъ задумали погулять у о. Харитона.

— Поидьмо до ёго, говорила Олеся гусарамъ; я вамъ покажу давню коханку свого чоловика. Онисія Степановна нагодуе васъ такою гусятиною та поросятиною, якои вы не ïли и въ Петербурзи.

Та ще тамъ таки наливки та варенуха, що вже ни въ кого тутъ не знайдете, а гусей та поросятъ повенъ двиръ.

И гусары охотно покатили въ Ольшаницу съ Олесею и ея сестрами, захвативъ съ собою и самаго Балабуху, чтобы подчиненный ему о. Харитонъ былъ щедрѣе на угощеніе.

День былъ ясный, тихій и не очень холодный. Санная дорога стлалась скатертью по ровному полю. Гусары весело летѣли на тройкахъ въ дугу съ колокольчиками и бубенчиками. Въ Ольшаницѣ никто не ждалъ такихъ гостей. У о. Харитона собралась своя сельская компанія: зажиточнѣйшіе прихожане съ женами и дѣтьми, нѣсколько сельскихъ дьячковъ, прежнихъ сослуживцевъ Моссаковскаго, и его первый кумъ, нищій Шмидъ. Гости подвыпили уже порядкомъ; въ свѣтлицѣ шла шумная бесѣда. Столъ заваленъ былъ грудами паляницъ и книшей, среди которыхъ возвышались полумиски съ поросятиной и гусятиной, порѣзанной въ мелкіе куски. Тутъ-же, въ особыхъ полумискахъ, стояли пироги, сметана, яблоки и разные коржики и маковники. Гости закусывали, чѣмъ кто хотѣлъ, послѣ каждой рюмки, а рюмка то и дѣло ходила по рукамъ: Онисія Степановна потчивала женщинъ, о. Харитонъ угощалъ мужчинъ.

Вдругъ за дворомъ раздался звонъ колокольчиковъ, грохотъ бубенчиковъ; въ ворота влетѣли сани, запряженныя рослыми и рьяными конями, за ними другія, потомъ третьи. Колокольчики залились мелкою дробью у самыхъ оконъ. Вся компанія Моссаковскаго бросилась къ окнамъ и съ ужасомъ отскочила, завидѣвъ сани, переполненныя гусарами.

— Ой лишечко! Станови ѣдуть! крикнула одна молодица.

— Ой, москали! Та якъ ихъ багато! Це московська закуція! подхватилъ староста.

Всѣ гости о. Харитона кинулись въ разсыпную. Одни убѣгали чрезъ сѣни въ кухню и хижку, другіе прятались въ «кимнату», взбирались по лѣстницѣ на чердакъ, скрывались позади дома, а то и просто удирали домой. Нѣкоторые изъ молодицъ бросили въ свѣтлицѣ дѣтей и кинулись, какъ вспугнутыя птицы, куда глаза глядятъ. Нищій Шмидъ убѣжалъ въ клуню и зарылся въ солому. Запоздавшіе уходомъ попали на крыльцѣ въ группу гусаръ и дамъ и чуть не свалили ихъ съ ногъ. О. Харитонъ, перепуганный на

смерть, не зналъ, что дѣлать, и только бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Онися, увидѣвъ чрезъ окно Олесю въ компаніи гусаръ, только ударила объ полы руками. Въ свѣтлицѣ былъ такой безпорядокъ, что она не знала, за что приняться: совсѣмъ растерянная, схватила фляжку съ водкой, всадила въ миску съ сметаной, выскочила въ спальню, швырнула миску на постель и попала въ своихъ малыхъ дѣтей. Дѣти закричали; Онися, не обращая на нихъ вниманія, выпихнула изъ спальни двухъ перепуганныхъ молодицъ въ свѣтлицу и въ полголоса пропищала:

— Берить стола, та выносьте черезъ двери!

Молодицы схватили столъ со всѣмъ добромъ и потащили, но не въ спальню, а въ сѣни. Гусары и ихъ дамы какъ разъ въ эту минуту ввалились туда, столъ со всѣми закусками застрялъ предъ ними въ дверяхъ и загородилъ имъ дорогу.

— Хорошая примѣта! замѣтилъ Казанцевъ: видно, что хозяинъ любитъ принимать гостей.

— И стричае насъ хлибомъ-силлю, прибавила Олеся.

— Эге, ще й съ пляшками та чарками! промолвилъ Балабуха, переступая порогъ.

Молодицы кое-какъ вытащили столъ и дали дорогу гостямъ. Гости вошли въ свѣтлицу, которую обыкновенно такъ чисто содержала Онисія Степановна. Теперь свѣтлица походила скорѣе на шинокъ: въ воздухѣ стоялъ водочный запахъ; трое забытыхъ крестьянками дѣтей валялись у печки и съ перепугу орали не своимъ голосомъ, по срединѣ валялись корки хлѣба, брошенныя подъ столъ кости, забытыя гостями шапки и рукавицы. На глазахъ у гостей о. Харитонъ собиралъ шапки и рукавицы; Онися схватила разомъ за руки троихъ дѣтей, выволокла ихъ въ «кимнату» и притворила двери. Балабуха съ Олесей, три ея сестры и десять гусарскихъ офицеровъ стояли предъ изумленными хозяевами.

— Извините! Кажется, мы не въ пору пріѣхали, заговорилъ Казанцевъ, обращаясь къ хозяину.

Хозяинъ стоялъ молча, опустивши руки и только посматривалъ съ изумленіемъ на раздѣвавшихся гусаръ и ихъ блестящіе, на его взглядъ даже смѣшные мундиры.

— Не во время и одинъ гость хуже татарина, продолжалъ Казанцевъ, а насъ такъ много.

О. Харитонъ какъ-бы не слышалъ сказаннаго.

— Мы, кажется, помѣшали вамъ; у васъ были гости, заговорилъ опять Казанцевъ.

О. Харитонъ только повелъ глазами въ сторону наймички, которая влетѣла съ вѣникомъ, чтобы подмести полъ.

На выручку о. Харитона, къ нему подошелъ Балабуха и трижды съ нимъ облобызался, поздравляя съ новымъ годомъ.

— Оце прыихали до васъ посыпать, та бачите, скильки пасыпали вамъ гостей, заговорилъ онъ весело къ о. Харитону и сталъ знакомить съ нимъ нагрянувшихъ офицеровъ.

— Дуже ради; просимо покорно садиця, отвѣчалъ успокоенный о. Харитонъ.—Тильки выбачайте, по просту, по сильскому будемо васъ витати, добавилъ онъ, оглядывая офицеровъ.

Олеся между тѣмъ здоровалась съ Онисею и въ свою очередь представляла ей гусаръ. Первымъ подлетѣлъ Казанцевъ, брякнулъ шпорами, повернулся на каблукахъ и оставилъ замѣтный слѣдъ на глиняномъ полу. Тоже продѣлали всѣ другіе офицеры и всковали полъ, какъ грядку подъ цвѣты.

— И де вона въ биса ихъ набрала стильки! думала про себя Онися, неуклюже отвѣчая на поклоны офицеровъ. Та ще й поодягани такъ, що, прости Господи, весь задъ видно. Томъ-то мабуть вони и туляця коло грубы.

Олеся усѣлась на канапкѣ и закрыла носъ напрысканнымъ духами платкомъ; ея сестры переглядывались, перемигивались и пересмѣивались одна съ другой; гусары загоготали и завертѣлись по свѣтлицѣ, какъ у себя дома. Къ хозяину и хозяйкѣ они обращались съ разговоромъ и со всякими разспросами такъ, какъ-бы съ давнихъ поръ были съ ними знакомы.

— Здоровы-ли вы и какъ поживаете? присталъ къ Онисѣ Степановнѣ Казанцевъ.

— Спасиби вамъ. Слава Богу, здорова до котрого часу, съ неохотой отвѣчала Онися, а между тѣмъ обвела гостей и стала соображать, сколько-то надо зарѣзать гусей и заколоть поросятъ для Олесиной компаніи.

— А ваши дѣти здоровы? Конечно, у васъ есть дѣти, продолжалъ Казанцевъ.

— Е, хвалити Господа, нехай Богъ не вменшае, и вси слава Богу здорови, отозвалась Онися, а про себя считала: по пивъ-гуски на кожного москалюгу, на благочинного пивъ-поросяты, на благочинну хиба курку, а на паннивъ зъ решты буде.

— Что-же, весело провели праздники? Бывали гдѣ въ гостяхъ? не отставалъ съ разспросами Казанцевъ.

Онися почти не слушала и все высчитывала: по пивъ-гуски зжеруть,—москалиця здорови!—то пять гусокъ и порося, та треба мабуть зо три качки, або й билшъ, бо це зъ голодного краю гости.

— Ни, ще нигде не були въ гостяхъ. Мали ïхати до батька писля завтра, едва собралась съ отвѣтомъ Онися, думая про себя: Ой пропадуть мои годовани гуси! Навезла Олеська цихъ пройдисвитивъ. А бодай ты була дорогою голову скрутила и соби и своимъ москалицямъ!

Къ довершенію огорченія, кто-то изъ офицеровъ, выглянувъ въ окно и завидѣвъ на дворѣ огромное стадо гусей, почти вскрикнулъ:

— Ахъ, какое множество у васъ гусей! Ей, ей полъ-двора! Я еще нигдѣ не видалъ столько гусей.

— Такъ воно и е! подумала Онися: це вона навезла сееи голоднои галечи на мои гуси.

— Хвалити Бога, сёго року въ насъ гуси добре вывелись, поддержалъ офицера о. Харитонъ: та й поросятъ выплодилось чимало.

— Цей дурень самъ выкаже, чого имъ зувсимъ не треба знать, подумала Онися и добавила въ слухъ:

— Слава Богу, выплодилось багато, та половину вовки росхапали въ чагаряхъ.

— А все таки для госпожи благочинной на вечерю зоставили, поправилъ жену о. Харитонъ, осклабившись предъ Олесей.

— Какъ вижу, ваши вовки очень любезны, замѣтилъ Казанцевъ, если оставили еще на ужинъ. У насъ, какъ стануть хватать, такъ ничего ужъ не оставятъ.

— Ну, что? какъ ваши волы да коровы? обратился къ о. Харитону одинъ изъ офицеровъ, чтобы сказать что нибудь.

— Слава Богу, вси цили, тильки безрога корова забигла десь у богуславській лисъ.

— А знайшли-жъ, чи й доси тамъ гуляе? съ усмѣшкой спросила Олеся, искоса подмигнувъ Казанцеву.

Онися замѣтила это и не на шутку обидѣлась.

— Вона зъ мене сміеться зъ своимъ паскуднымъ москалемъ. Потривай-же! думала Онися. Посьміюсь и я съ тебе и съ твого милого. Казавъ мени жидъ кравець, що ты ввечери нишкомъ одъ свого чоловика бигаешъ до сёго гусара. Жжъ тоби отдячу.

— Что-то я никакъ не согрѣюсь, закинулъ одинъ гусаръ, вертясь по комнатѣ и потирая руки.

— И я, кажется, прозябъ, отозвался другой, подпрыгнувъ на каблукахъ.

Допоминаються по чарци, подумала Онися, а о. Харитонъ и прямо заявилъ:

— Треба по чарци та по другій, то й нагріетесь.

Онися вышла въ «комнату» и вынесла большущую фляжку водки и миску пироговъ съ начинкою. Гусары съ ожесточеніемъ набросились на водку и въ одинъ мигъ опорожнили миску съ пирогами. Онися подбавила водки и пироговъ. Гусары пошли угощаться, не ожидая приглашенія со стороны хозяина. Поднялся говоръ, шумъ, какъ прежде въ компаніи мужичьей.

— Скажите, батюшка, обратился къ о. Харитону Казанцевъ: нельзя-ли у васъ достать какихъ либо музыкантовъ? Мы, знаете-ли, немножко потанцовали-бы у васъ.

— Де вже въ насъ достати музыкантивъ! Хиба покликати старого Шмида, промолвилъ нерѣшительно отецъ Харитонъ.

— Отъ выгадавъ людямъ на смихъ, замѣтила мужу Онися.

Олеся, закрывшись платкомъ, безъ удержу смѣялась. Онися глянула на нее, какъ будто пятакъ ей подарила.

— А чомъ-же? вздумалъ поправиться о. Харитонъ: тамъ якъ утне козака на лири, то й музыкъ не треба.

— Вотъ, вотъ, именно казака! воскликнулъ съ жаромъ Казанцевъ. Позовите въ самомъ дѣлѣ: я отродясь не танцовалъ подъ лиру. Это должно быть очень интересно.

Отецъ Харитонъ послалъ за Шмидомъ; но тотъ узнавъ, что его зовутъ играть предъ офицерами, схватилъ шапку въ охапку и бѣжалъ въ Чайки. Гусары вертѣлись съ дамами безъ музыки. Онися, глядя на вертѣвшуюся благочинную, смѣялась ей въ глаза. Танцы однако не клеились. Чтобы вознаградить гостей за эту неудачу, о. Харитонъ предложилъ офицерамъ, не желаютъ-ли они отвѣдать варенухи.

— Ахъ, да! это у васъ напитокъ какой-то. Пожалуйста; очень будемъ рады, отвѣчалъ за всѣхъ Казанцевъ.

— А вы ще зъ роду не пили? спросилъ о. Харитонъ.

— Съ роду не пилъ.—Но это, говорятъ, что-то очень оригинальное и очень вкусное, сказалъ въ отвѣтъ Казанцевъ.

— Не знаю, яке вже воно тамъ *ывгинальне*, пояснялъ о. Харитонъ, а що смачне, то такъ. Та й мицне-жъ! Якъ ударить у голову, то й за пичъ не прочумаєшся.—Ожъ зварить лишъ вамъ, Онисіє Степановно, варенухи; нехай гости покуштують, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Онися вышла въ кухню, распорядилась ужиномъ и послала за старостихой, чтобы та сварила варенуху.

Ужинъ поспѣлъ не скоро и гусары къ тому времени проголодались. За ужиномъ они ѣли не меньше, какъ прежде пили. Предусмотрительность Ониси была совсѣмъ не лишняя, иначе ей пришлось-бы краснѣть за недостатокъ кушанья. Припрашивать гусаръ въ питьѣ также не приходилось: они сами распоряжались водкой и наливками, извинялись даже въ этомъ предъ хозяиномъ, заявляя, что дѣлаютъ такъ, не желая утруждать его лишними хлопотами. О. Харитонъ въ отвѣтъ имъ только кланялся, приговаривая: «кушайте на здоровячко»! Къ концу ужина съѣдено и выпито было почти все. Гусары наклюкались до того, что едва ворочали языками; а тутъ вдругъ варенуха. Опробовали, вошли во вкусъ и пошли пить цѣлыми стаканами.

— Ну, да и сильный-же этотъ медвѣдь! проговорилъ не твердымъ языкомъ Казанцевъ, ознакомившійся съ иносказательнымъ названіемъ напитка. Если допить до конца, то вѣрно и въ дверь не попадешь.

Медвидь дѣствительно крѣпко стукнулъ по офицерскимъ головамъ; спертый воздухъ, табачный дымъ довершили остальное. Офицеры не соображали уже, что они говорятъ и что дѣлаютъ: разстегнули мундиры, развалились на стульяхъ, затянули солдатскую пѣсню, лѣзли къ хозяину и другъ къ другу цѣловаться, заговорили всякій вздоръ, произнося подъ часъ не совсѣмъ пристойныя слова. Отуманенный совсѣмъ Казанцевъ подошелъ къ Олесѣ, взялъ ее за талію и положилъ свою голову на ея плече...

Онисія Степановна вскрикнула и выбѣжала въ свою комнату; о. Харитонъ опустилъ глаза; Балабуха вскочилъ со стула и выта-

рацилъ глаза. Олеся вырвалась изъ рукъ Казанцева и отскочила отъ него.

— Олесю, одягайся! йдьмо до дому! крикнулъ Балабуха и съ этими словами выскочилъ на дворъ и велѣлъ запрягать лошадей.

Гусары не слушали Балабухи, подхватили Олесю и ея сестеръ и пошли танцовать. Подкованные каблуки взрывали смазанный глиною полъ, глина летѣла на стулья, поднялась пыль столбомъ. Балабуха едва могъ вырвать изъ рукъ мертвецки пьяныхъ гусаръ жену и свояченицъ, помогъ имъ одѣться и вывелъ на крыльце. Гусары накинули свои шинели, распрощались, какъ попало, съ хозяевами и пустились за своими дамами. Казанцевъ схватилъ Олесю подъ руку и хотѣлъ усадить ее съ собою, но Балабуха не допустилъ и, усѣвшись съ женой, крикнулъ кучеру: «пошелъ»! Сестры Олеси, вскочивъ въ ближайшія сани, ускакали за ними. Гусары съ большимъ трудомъ размѣстились въ оставшихся саняхъ и пустились догонять дамъ. Всю дорогу Балабуха не сказалъ женѣ ни слова; Олеся въ свою очередь молчала, молча и пріѣхали домой.

О. Харитонъ и Онися по отъѣздѣ гостей только руками разводили, стоя въ своей свѣтлицѣ. Дымъ стоялъ столбомъ, на столѣ страшный хаосъ, полъ изрытъ и загаженъ, точно стадо на немъ ночевало, стулья торчали въ разбродъ, иные были опрокинуты.

— Ну, та й наробила-жъ благочина! Правдиву закуцію навела. А той москалище при всихъ іи обнимае. Чортъ-ма ёму стыда й сорома, говорила Онися, срывая свою досаду.

— Звистно, господа, только и могъ добавить смирный всегда о. Харитонъ.

Спустя два дня Онися поѣхала въ Чайки съ своимъ родителямъ и разсказала все матери, а оттуда проѣхала еще къ Мелхиседеку и тамъ не пожалѣла языка, чтобы выставить Олесю съ самой дурной стороны. О. Мелхиседекъ не замедлилъ побывать у Балабухъ и передать благочинной, что разсказываетъ про нее Онися. А Онися всѣмъ твердила одно и тоже, прибавляя: «не боюсь я іи!», и даже бывшимъ у нея жидамъ портнымъ сообщила, что только знала о благочинной. Жидки разнесли тѣ вѣсти по цѣлому уѣзду.

Между тѣмъ Балабуха, по возвращеніи домой, не счелъ возможнымъ ограничиться и на этотъ разъ однимъ молчаніемъ. Войдя

въ комнату Олеси и притворивъ дверь, онъ приступилъ къ ней съ укорами. Олеся разсердилась и надулась.

— Якъ ты сердишся на мене, то три дни мовчишъ. Лучче зробишъ, якъ и теперъ мовчатимешъ, сказала она съ гнѣвомъ: хиба я винна, що пьяный Казанцевъ причепився до мене?

— Якъ-бы не була винна, то винъ-бы не чиплявся до тебе. Не дурно-жъ ты все тягнешъ мене до ёго въ гости; не дурно за нимъ двери у васъ николи не зачиняються. Я ёго не пущу въ свою хату, выжену, якъ собаку.

— Казанцевъ хоть говорить до мене; а ты по тиждню мовчишъ и слова до мене не промовишъ.

— Я и всихъ гусаривъ съ хаты повыгоню!

— Якій смиливый! Здаеться, гусаринъ не жидъ, або якій ляшокъ. Гусаривъ не безпечно зачипаты,—воны тоби й бороду одрижуть, сказала Олеся.

— Ну, вже-жъ и ты не будешъ пройзджатись зъ Казанцевымъ: я тебе не пущу.

— Я й сама пойду. Гусары не вовки, мене не зъидять.

— Побачимо. А тымъ часомъ щобъ ты знала, що я того не стерплю, щобъ ты кохалась та залицялась зъ якимсь пройдисьвитомъ, та вводила мене й себе въ славу.

— Атъ, нема намъ чого говорити зъ тобою. Йди лучше спати! крикнула Олеся и повернулась къ мужу спиною.

Балабуха хлопнулъ дверью и отправился спать. Весь слѣдующій день батюшка и матушка не говорили другъ съ другомъ ни слова. Балабуха занялся скопившеюся къ новому году отчетностію, Олеся приводила въ порядокъ свои спутанныя впечатлѣнія и изорванное гусарами платье. Она однако ни мало себя не винила.

Чи-жъ я винна, думала про себя Олеся, що той гусаринъ лучче одъ мого Марка, що полюбила я ёго такъ, що теперь мабуть и смерть не розлучить мене зъ нимъ? Чоловикъ сердиться, то й нехай соби сердиться; не хоче до мене говорити, то й я не буду до ёго говорити.

Не говорили и второй день Балабуха съ Олесею. На третій день вечеромъ зашелъ Казанцевъ съ товарищами; Олеся какъ будто воскресла. Пошла веселая болтовня: припоминали Ольшаницу, варенуху, простодушнаго о. Харитона, смѣялись, хохотали, какъ ни въ

чемъ не бывало. Балабуха не выдержалъ, схватилъ шапку и пошелъ къ сосѣду священнику за Рось, откуда вернулся домой лишь въ полночь. Гости ушли; Олеся заперлась въ своей комнатѣ. Балабуха досталъ свой дневникъ и сталъ записывать впечатлѣнія минувшихъ дней. Много скорбныхъ чувствъ, безотрадныхъ, близкихъ къ отчаянію мыслей было вылито имъ на бумагу. Подъ напоромъ ихъ не выдержалъ Балабуха, всталъ съ мѣста, палъ на колѣни предъ образомъ и долго, горячо молился, обливаясь слезами,—молился о томъ, чтобы Богъ обратилъ обезумѣвшую жену на путь истины и послалъ въ его жилище миръ и покой.

Вмѣсто желаннаго мира и покоя въ слѣдующее воскресенье явился къ нему въ домъ Казанцевъ съ полковымъ оркестромъ. Это Олеся запросила нарочито офицеровъ на танцы, выписала снова своихъ сестеръ, пригласила нѣкоторыхъ городскихъ дамъ и задала жестокую выпляску. Балабуха руки опустилъ. Онъ сталъ впадать въ апатію, сидѣлъ въ своей комнатѣ съ чубукомъ въ рукахъ и безъ перерыву курилъ, совершенно безъучастно относясь къ затѣямъ жены и сводившей ее съ ума гусарской компаніи. Что ни воскресенье, появлялись всей гурьбой гусары съ оркестромъ, по всему дому раздавался гулъ, шумъ, гамъ, смѣхи и танцы. Балабуха сидѣлъ въ своей комнатѣ, ничего не слышалъ, ни чего не видѣлъ;его мысли летали гдѣ-то далеко, уходили въ глубь его души, замирали въ истерзанномъ сердцѣ. Въ свою очередь и на него собиравшаяся компанія привыкла не обращать уже никакого вниманія, какъ будто-бы онъ былъ содержатель заѣзднаго дома, или его совсѣмъ дома не было.

Олеся веселилась, когда неожидано на ея голову свалилось великое горе. Казанцевъ съ товарищами замѣтили въ винномъ погребкѣ жидовочку Хайку, дочь винарщика, молоденькую, шестьнадцати лѣтъ, дивной красоты. Гусары кинулись на новинку и скоро въ сердцѣ Казанцева мѣсто Олеси заступила Хайка. Казанцевъ съ товарищами сталъ рѣже бывать у Олеси и чаще появляться въ винарнѣ Шмуля, чтобы полюбоваться его восхитительной дочкой. Хайка до тѣхъ поръ подавала вино гусарамъ, пока не влюбилась на смерть въ Казанцева. Послѣдовало нѣмое объясненіе; Казанцевъ занялся Хайкой, чтобы довести новую интрижку до желаемаго конца. Цѣлую недѣлю Казанцевъ не показывалъ глазъ къ Олесѣ; по цѣлымъ часамъ она сидѣла у окна, тщетно высматривая его.

Казанцевъ не показывался. Однажды Олесю взяла страшная тоска, она накинула не себя шубу и пошла на рынокъ, въ надеждѣ гдѣ либо встрѣтить Казанцева и затянуть его къ себѣ. Былъ базарный день. Часть торгующаго люда уже разъѣхалась, очистивъ отъ запруды торговую площадь и проходящую чрезъ нее дорогу; остались продавцы, которые торгуютъ за полдень. По одной сторонѣ площади на утоптанномъ снѣгу разложено было необозримое множество всякой глиняной посуды, по другой сидѣли торговки съ бубликами, гречаниками, блинами, вареньмъ мясомъ, жареной рыбой и паляницами, стояли столы мѣнялъ, лотки съ пряниками, маковниками, коробки офеней съ разнымъ товаромъ, а далѣе рядъ чпатовъ съ смолою и дегтемъ. Рядовые гусары сновали по рынку, иные несли на плечахъ вязки сѣна.

Олеся завидѣла издали гусаръ и у нея отлегло немного на сердцѣ,—мелькнула надежда встрѣтиться съ Казанцевымъ. И точно, какъ только она вышла на средину рынка, на встрѣчу ей вылетѣла изъ-за пригорка кавалькада офицеровъ, а по срединѣ ихъ самъ Казанцевъ. Кавалькада неслась, какъ вихрь, и на глазахъ Олеси пронеслась по обоимъ рядамъ торговцевъ и торговокъ. Тѣ едва успѣли отскочить. Затрещали подъ копытами лошадей горшки, миски, полумиски, яндолы, золїйники, макитры, близнюки и глечики, полетѣли черепки на всѣ бока, зазвенѣли деньги мѣнялъ, покатились во всѣ стороны бублики и булки, разлетались по воздуху пряники, маковники, куски мяса и рыбы, брызги смолы и дегтя облѣпили покупателей и продавцевъ. Поднялся крикъ и гвалтъ невообразимый. Торговцы и торговки разсыпались, собирая и приводя въ порядокъ свой товаръ, разметанный во всѣ концы и на половину или совсѣмъ уничтоженный. Жиды кричали: *гвалтъ!* жидовки: *ай вей миръ!* бѣдныя «сидухи» плакали на весь базаръ, гончари и дегтяри отплевывались и отряхались, проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, гусаръ. «Бый ихъ сила Божа, тыхъ проклятыхъ москаливъ? И звидкиля вони взялись? Бодай вы роспропали, псяюги, бодай вы страшного суда не диждали!»...

Олеся тщетно махала платкомъ на Казанцева; Казанцевъ повернулъ прямо къ Шмулю, за нимъ поскакала вся кавалькада. Потерпѣвшіе кинулись къ полковнику, но тщетно: товаръ пропалъ «такъ и на сей день», какъ говорили они. Олеся прошла мимо

винарни, заглянула въ окна; Казанцевъ пилъ съ дружиною, отворачивая голову. Олеся все гуляла невдалекѣ и только подъ вечеръ подстерегла своего милаго на возвратѣ изъ винарни и затащила его къ себѣ. Весь вечеръ она хохотала надъ продѣлкой гусаръ. Но это была уже послѣдняя, одна изъ самыхъ дикихъ ихъ проказъ въ Богуславѣ. Настала весна; зазеленѣли вербы вдоль Роси, показалась трава надъ ея берегами. Казанцевъ принесъ Олесѣ странную вѣсть: гусарамъ назначено выступать изъ Богуслава.

Олеся поблѣднѣла, какъ мѣлъ, потомъ, придя въ себя, зарыдала и бросилась Казанцеву на грудь. Казанцевъ сидѣлъ, молча, какъ истуканъ; онъ думалъ про свою Хайку.

— Мій милый, мій дорогій! Якъ ты пойдешъ, то я вмру, не переживу и одноп годины безъ тебе. Цей домъ, и Богуславъ, будуть для мене гирше тюрьмы, гирше лютого пекла, говорила Олеся, рыдая.

— Не плачь, душа моя! Я тебя не забуду, никогда не забуду, утѣшалъ ее Казанцевъ.

— Та що мини зъ того, що ты мене не забудешъ, коли я тебе бильше вже не бачитиму?

— Я тебѣ оставлю мой портретъ. А тамъ, дастъ Богъ, я какъ нибудь пріѣду къ тебѣ и мы увидимся.

— Э-э-э!.. Пойдешъ та й забудешъ про мене. Я тебе ни за що въ сьвити не покину, пиду пишки сьлидкомъ за тобою!

— Вотъ несчастье! Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ потащится, думалъ Казанцевъ, не выпуская изъ мысли Хайки.

— Я готова йти за тобою хочъ на край сьвита! Пиду за тобою, де ступить твоя нога, буду ѣздити за тобою и дивитись на тебе. Серце мое! не кидай мене, бо я вмру. Я тебе одного полюбила щиро, гаряче, якъ никого николи не любила! Возьми мене зъ собою! крикнула Олеся и опять пала на грудь Казанцеву и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Казанцевъ только поглядывалъ на двери: онъ очень боялся, чтобы какъ нибудь не вошелъ сюда Балабуха и не засталъ его въ такомъ положеніи.

— Милый мій, моя рыбонько! пойду я съ тобою! Визьми мене, а то сьлидкомъ буду бигти за твоимъ конемъ черезъ мисто.

Вотъ напасть, ей Богу! думалъ Казанцевъ, которому Хайка дала уже клятву, что уйдетъ съ нимъ отъ отца. Какъ же я буду выкрадывать обѣихъ разомъ?

— Ну, хорошо, хорошо, моя милая! сказалъ онъ потомъ Олесѣ. Не оставлю я тебя, возьму съ собою. И вотъ какъ: ночью я подъѣду къ вашему саду, а ты выйдешь ко мнѣ чрезъ садъ и мы укатимъ далеко, далеко!

Олеся вскочила съ мѣста, страшно захохотала, стала бѣгать по комнатѣ, ломала руки, закидывала голову назадъ, кидалась Казанцеву на грудь, рыдала и вновь начинала бѣгать по комнатѣ и хохотать. Казанцеву показалось, что она совсѣмъ сошла съ ума. Онъ выглянулъ въ сѣни, притворилъ двери и боязливо оглядывался во всѣ стороны, пока Олеся не успокоилась. Придя въ себя, она сѣла подлѣ Казанцева, положила голову на его плече и какъ будто заснула.

Послышался скрипъ дверей въ сѣняхъ: то Балабуха прошелъ въ свою комнату чрезъ сѣни. Казанцевъ тихонько приподнялъ голову Олеси, взялъ киверъ и какъ котъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, накликалъ-же я себѣ бѣду! думалъ Казанцевъ, удирая въ винарню къ жидовочкѣ Хайкѣ. Это какая-то сумасшедшая попадья; она пожалуй и въ самомъ дѣлѣ побѣжитъ за мною среди бѣлаго дня чрезъ весь Богуславъ, полетится слѣдомъ за нами. Надѣлаетъ тогда хлопотъ, да и товарищи потѣшаться станутъ. Погоди же, матушка! я тебѣ отучу отъ непрошенныхъ нѣжностей.

Прошло недѣли двѣ послѣ того: зацвѣли сады, защелкали соловьи въ лугахъ и садахъ по-надъ Росью; распустилась весна, какъ пышная красавица-дѣвица. Олеся гуляла въ своемъ саду и только и думала о томъ, какъ она выѣдетъ изъ Богуслава съ своимъ милымъ. Только что она спустилась по дорожкѣ къ Роси, какъ ее догналъ Казанцевъ.

— Завтра на разсвѣтѣ выступаемъ, шепнулъ онъ на ухо Олесѣ: не спи, жди меня! Въ полночь я тихо подъѣду и постучусь въ окно. Будь готова и скорѣе открывай окно. Я тебя отвезу въ корчму, что въ лѣсу по дорогѣ въ Корсунь. Тамъ ты будешь ожидать меня, я же возвращусь на время къ полку, такъ какъ мнѣ надо выступать съ полкомъ. Ну, а потомъ пошлю впередъ фургонъ, ты садись въ него, закрой окна и жди. Какъ только полкъ дойдетъ до корчмы, я сяду съ тобою и покатимъ вдвоемъ, моя милая! Пріѣдемъ въ

Петербургъ, увидишь тамъ дворцы... Будемъ танцовать на балахъ, каждый день шампанское будемъ пить, чортъ побери!..

У Олеси отъ радости и страха ноги задрожали. Она увела за руку Казанцева въ самую чащу вербъ и вишень и усѣлась съ нимъ на камнѣ у самой воды. Надъ головами ихъ распѣвалъ соловей, съ противоположнаго берега Роси доносился стукъ мельничныхъ колесъ и шумъ падавшей по нимъ воды, по срединѣ клокоталъ водопадъ, а у ногъ ихъ выступалъ изъ воды молодой очеретъ и острыми зелеными стрѣлками окаймлялъ широко раскинутое платье Олеси. Въ упоеніи восторга Олеся кинулась Казанцеву на грудь.

— Полно, полно, душа моя! Некогда; мнѣ пора домой, надо въ дорогу собираться.

Казанцевъ поцѣловалъ Олесю, схватился и бѣгомъ пошелъ на гору. Олеся сидѣла на камнѣ, какъ мертвая, потомъ встала и тихо побрела вверхъ. Ставъ у бесѣдки, она окинула глазами все за-Росье и свой садъ. Вечеръ горѣлъ тихимъ пламенемъ вечерняго свѣта, разливавшагося по скалистому берегу Роси, по густо-заросшему саду и отбивавшаго красноватымъ оттѣнкомъ на высокомъ холмѣ вдоль по Роси, гдѣ стоялъ монастырь, и на бѣлыхъ его стѣнахъ. Олеся восхитилась невольно, глядя на всю эту красу; но вспомнила мужа и почувствовала, что ей не жаль покинуть все это, какъ и его самаго. Дѣтей у нея не было, а мужа она не любила.

— Тебе тильки, мій милый, я люблю, тебе одного на всимъ свити! Тебе одного я не покину! мечтала Олеся, переносясь мысленно въ квартиру Казанцева.

Олеся поужинала вмѣстѣ съ мужемъ, но не промолвила къ нему ни слова и ушла не попрощавшись. Балабуха привыкъ къ этому и не удивился и на сей разъ. Затворившись потомъ въ своей спальнѣ, Олеся повынимала изъ сундука лучшія свои платья, достала кое-что изъ бѣлья и верхней одежи, завязала все въ большой платокъ, потушила свѣчку и, не раздѣваясь, легла на кровать и прикрылась одѣяломъ. Она ждала и чутко прислушивалась ко всему. Отъ крайняго возбужденія нервовъ ее попеременно бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Часы пробили двѣнадцать, а Казанцева не было. Время тянулось, какъ тяжелая болѣзнь. Пробилъ и часъ, на дворѣ было тихо и мертво. Но вотъ послышался легкій стукъ колесъ на улицѣ; возъ подъѣхалъ и остановился, что-то зашуршало у плетня. Олеся вскочила

съ кровати, кровь ударила ей въ голову, ей казалось будто искры посыпались у нея изъ глазъ и вся комната какъ-бы молніей освѣтилась. Олеся кинулась къ окну и сразу разглядѣла въ темнотѣ стройную фигуру Казанцева; она раскрыла окно; Казанцевъ схватилъ ее подъ руки и вытащилъ изъ окна на огородъ.

— Тамъ за викномъ на стильци лежить моя одежа, прошептала Олеся; вытягни іи.

Казанцевъ насилу протащилъ чрезъ окно большущій узелъ, донесъ до плетня и бросилъ на возъ. Перепрыгнувъ потомъ самъ чрезъ плетень и пересадивъ Олесю прямо въ возъ, Казанцевъ въ одинъ прыжокъ усѣлся, схватилъ возжи и ударилъ по лошадямъ. Лошади понеслись стрѣлой и Казанцевъ съ Олесей мигомъ очутились уже въ лѣсу.

Двѣ темныя стѣны свѣже распустившихся деревьевъ стояли по обѣ стороны дороги; на востокѣ обозначалась уже красноватая полоса. Казанцевъ гналъ лошадей изо всей силы; Олеся ухватилась за шею его руками, чтобъ не выпасть изъ воза.

— Чи памятаешъ, мое сердце, якъ мы летили цимъ шляхомъ зимою; якъ ты вперве сказавъ тутъ, що любишъ мене? нѣжно заговорила Олеся къ Казанцеву.

Казанцевъ гналъ лошадей и молчалъ.

— Чи памятаешъ, якій иній тоди выпавъ, якъ дивно сьвитивъ мисяць? Я все памятаю!—Памятаю той вечиръ и те мисце въ лиси, де ты признавався, що любишъ мене. А ты памятаешъ? спрашивала Олеся.

Казанцевъ молчалъ и пуще прежняго гналъ лошадей. Онъ спѣшилъ, ему надо было еще выкрасть Хайку, а на горизонтѣ занималась уже заря.

У темной стѣны лѣса забѣлѣла корчма.

А ось и та корчма, де гравъ колись оркестръ! А ось за корчмою и ти липы, пидъ которими мы пили шампаньске, говоритъ Олеся.

Казанцевъ подкатилъ къ корчмѣ и осадилъ лошадей. Поспѣшно соскочилъ онъ съ воза, снялъ Олесю и сталъ стучаться въ дверь. Корчмарь спалъ, какъ убитый. Казанцевъ дернулъ дверями такъ, что чуть не высадилъ ихъ.

Въ корчмѣ послышался хриплый голосъ жида: хто тамъ?—Ось заразъ, заразъ! отозвался жидъ.

Въ окнѣ блеснулъ огонекъ, скрипнули двери, въ дверяхъ показался заспанный жидъ.

— Пусть у тебя въ хатѣ посидитъ эта пани. Черезъ часъ я заѣду, сказалъ Казанцевъ.

— Про мене, нехай сидять соби хочъ и цилый день. Може треба конямъ вивса, або сина? спросилъ корчмарь.

— Ничего не надо, сказалъ Казанцевъ, вводя Олесю за руку въ корчму.

Жидъ поставилъ на столѣ маленькій огарокъ сальной свѣчки въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, прошелъ въ чуланъ, затворилъ за собой дверь и легъ спать. Казанцевъ обнялъ Олесю, поцѣловалъ и, выступая за порогъ, торопливо проговорилъ: прощай и жди! Чрезъ часъ я буду здѣсь.

Двери затворились; опорожненный возъ сильно застучалъ и вихремъ понесся назадъ. Стукъ колесъ затихалъ и наконецъ совсѣмъ замеръ. Олеся положила свой узелъ на лавку и сама сѣла въ концѣ стола. Въ корчмѣ стало тихо, и только спавшіе жиды сопѣли въ чуланѣ. Огарокъ шабасковой свѣчки чуть-чуть мерцалъ на столѣ. Олеся сидѣла, оперпись локтемъ объ столъ и подперевъ голову ладонью. Чуть-чуть замѣтный свѣтъ отъ огарка падалъ на покрывшееся густой краской горячее ея лице. Черные глаза ея блестѣли какимъ-то необычайнымъ свѣтомъ подъ нависшими и слегка припухшими вѣками. Олеся сидѣла, будто мертвая, глядѣла на огарокъ и даже его не видѣла. Всѣ ея думы неслись въ слѣдъ за милымъ. Она не примѣчала огромной бочки съ водкой, стоявшей у порога, не чувствовала тяжелаго промзглаго воздуха въ корчмѣ.

Вдругъ огарокъ вспыхнулъ, затрещалъ, запалъ въ подсвѣчникъ и сразу погасъ.

Олеся рванулась къ нему, немного приподнялась и снова упала на лаву. Въ корчмѣ стало темно, Олеся очнулась.

— Боже мій! Де це я? Що це зо мною діеться? Я їхала, летила зъ нимъ, якъ птиця, на якихсь прудкихъ коняхъ, потимъ мы стали..., потимъ винъ ставъ зъ воза и ссадивъ мене... кругомъ чорный лисъ... корчма, якійсь жидъ. Боже мій, я втикала зъ нимъ. Я теперъ въ корчми...

Олесѣ стало страшно. Она оглянулась вокругъ: окна едва обозначались легкимъ сѣрымъ свѣтомъ въ густомъ мракѣ: столъ.

лавки, стѣны, бочка—все было покрыто непроглядной тьмой: одна лишь огромная печь выступала изъ угла въ какомъ-то неясномъ очертаніи, наводившемъ страхъ. Олеся вспомнила, что она ждетъ Казанцева. Она повернула глаза къ окну, напрягла все свое вниманіе и стала прислушиваться, не застучитъ-ли возъ въ лѣсу.

Несвязныя мысли носились и путались въ головѣ Олеси, какъ въ лихорадкѣ. И чудится ей: шумитъ лѣсъ, а средь шума гдѣ-то далеко застучалъ возъ и все больше приближается къ корчмѣ; вотъ уже у корчмы мигнули рослые кони, кто-то встаетъ съ воза и бѣжитъ къ дверямъ; двери тихо отворились и на порогѣ сталъ Казанцевъ, освѣщенный чуть замѣтнымъ свѣтомъ.

Олеся схватилась съ мѣста и кинулась къ дверямъ. Казанцевъ исчезъ и она ударилась только руками въ черпѣвшія двери. Олеся оглянулась на комнату, черная бочка какъ будто шевельнулась, закачалась печь и темныя дверцы сами собой отворились...

Олеся вскрикнула и выбѣжала на дворъ. На дворѣ уже разсвѣтало. На востокѣ поверхъ лѣса разгоралась чудными, розовыми и желтыми полосами зарница. Свѣжій утренній вѣтерокъ обвѣялъ и освѣжилъ горячее лице Олеси: она пришла въ себя и начала оглядываться вокругъ. Верхушки лѣса освѣтились подъ чистымъ прозрачнымъ небомъ; внизу можно было разглядѣть широкую гладкую дорогу.

— Серце мое, милый мій! Чого ты такъ забарився? На що ты такъ мучишъ мене? шептала Олеся, тихо двигаясь подъ высокими липами.

Олеся сѣла на завалинѣ, свѣсивъ нѣсколько голову внизъ. Прямо передъ нею, внизу двухъ сходившихся за корчмою стѣнъ густого лѣса виднѣлось темное отверстіе,—то узенькая дорожка уходила въ чащу лѣса, какъ въ темный погребъ. Олеся заглянула въ эту темную продушину и ее охватилъ невыразимый страхъ. Разбойники, волки, вѣдьмы, русалки и всякія дива носились въ ея разстроенномъ воображеніи. Она отвела глаза отъ страшной продушины и повернула голову въ другую сторону. Тамъ у самой корчмы росли высокія березы съ густо нависшими вѣтвями и давали такую-же страшную тѣнь. Олесѣ припомнились вдругъ всѣ пугавшіе ее въ дѣтствѣ разсказы про цвѣтъ папоротника, про то, какъ нечистая сила стережетъ этотъ цвѣтъ, какими ужасами она стращаетъ людей, и передъ ея глазами запрыгали черныя рогатыя фигуры съ

козлиными лицами и бородами, съ острыми бѣлыми зубами, съ огненными глазами; особо два глаза, какъ два горящіе угля, сверкнули предъ ней въ темной чащѣ березняка... Олеся вскочила съ завалины и выбѣжала на большую дорогу, проходившую впереди корчмы. По краямъ горизонта, выдвигавшимся изъ-за вершины лѣса, разлился яркій свѣтъ восходящаго солнца и прогналъ всѣ ея страхи.

Становилось все яснѣе и свѣтлѣе; гдѣ-то далеко внизу надъ Росью защелкали соловьи; верхушки лѣса заблестѣли яркимъ свѣтомъ. Лѣсъ стоялъ еще подъ тяжелою росою и какъ-бы въ сладкой дремотѣ слушалъ соловьиныя пѣсни. На вѣтвистомъ дубѣ чуть слышно пропищала птичка, встрепенула крыльцами на вѣткѣ и стряхнула крупныя капли росы; откуда-то пронесся воробей, чирикнулъ на лету и порхнулъ подъ крышу. Олеся совсѣмъ опомнилась и начала ходить впередъ и назадъ по широкой дорогѣ.

— Отъ-отъ загуркотить шарабанъ, и я буду на вики счастлива! думала Олеся, посматривая на дорогу. А шарабанъ не гуркотѣлъ. Только птички щебетали на всѣ лады въ лѣсу и по лугу и наполнили воздухъ своими пѣснями.

Солнце выдвигалось изъ-за лѣса: лѣсъ открылся во всей утренней своей красѣ. Съ вершины горы, сквозь узкую прогалину пробился солнечный свѣтъ и яркимъ пламенемъ брызнули изъ-за горы какъ-бы раскаленные въ огнѣ и острые, какъ иглы, лучи его. Издалека, отъ города понеслись звуки оркестра и тихими мелодіями понеслись по долинѣ Роси и слились съ пѣснями соловья. Олеся услышала эти мелодіи, какъ сквозь сонъ, и вся задрожала.

— Гусары выступають зъ города, подумала Олеся и засмѣялась. Она кинулась въ корчму, схватила свой узелъ и побѣжала по дорогѣ на встрѣчу гусарамъ.

— Отъ-отъ выскочить зза горы вороный кинь! Отъ-отъ загуркотить шарабанъ! думала Олеся, спускаясь въ долину.

Она вышла на гору, а коня и шарабана нигдѣ не было видно, спустилась въ другую долину и вновь взошла на горку,—никто не ѣхалъ и не шелъ. Олеся устала и задыхалась. Она бросила тяжелый узелъ и упала на землю.

Солнце высоко поднялось на небѣ; лѣсъ горѣлъ яркимъ свѣтомъ; звуки военной музыки давно затихли. Впереди за холмомъ послышался стукъ колесъ. Олеся вскочила на ноги и побѣжала

впередъ. Изъ-за холма показался простой драбинчатый возъ, а на возу сидѣлъ мужикъ.

— Тебе пославъ сюды Казанцевъ? спросила его Олеся.

Мужикъ вытаращилъ глаза, сдерживая разбѣжавшуюся лошаденку.

— Мене нихто не посылавъ; я самъ соби ѣду по своему дилу, отвѣчалъ онъ какъ-то нехотя.

— А далеко ѣдуть гусары? спросила вновь Олеся.

— А хиба я знаю. Вони выйшли кіивськимъ шляхомъ, а чи далеко одійшли, то про те хто ихъ тамъ знае, бо то зувсимъ въ другу сторону, отвѣчалъ мужикъ, искоса поглядывая на Олесю.

— Кіивськимъ! крикнула Олеся не своимъ голосомъ и не дослушавъ мужика, засыпала его новыми вопросами: а може ты стрився зъ якимъ гусарскимъ офицеромъ? Не ѣдуть сюды яки гусарськи офицеры? Чи не бачивъ ты чорного шарабана?

— Кажу вамъ, вси офицеры и шарабаны поихали кіивськимъ шляхомъ, пробурчалъ мужикъ и ударилъ по лошаденкѣ.

Олеся выпустила изъ рукъ узелъ и упала на него. Страшная мысль мелькнула въ ея головѣ: а може винъ пиддуривъ мене, насміявся зъ мене? Алежъ, чи винъ-же не кохавъ мене! Чи винъ-же не клявся, не присягався!

Олеся подняла тяжелый узелъ и уже не несла, а тянула его за собой. Взобралась она еще на одну горку; оттуда показался уже на горѣ Богуславъ и видна была вся дорога, до самаго Богуслава. Внизу по дорогѣ тамъ и сямъ сновали пѣшіе и проѣзжали на возахъ, но нигдѣ не видно было ни одного синяго мундира.

Олеся вновь упала на узелъ и зарыдала. Она рыдала громко, ломала руки, припадала головою къ землѣ, но только густой лѣсъ слышалъ ея рыданья, видѣлъ ея слезы. А солнце все выше и выше поднималось вверхъ.

— Що-жъ мени въ сьвіти Божому теперъ робити? громко говорила Олеся, какъ-бы прося у кого совѣта: де мени подити свій соромъ! Йти до батька въ Хохитву ще стыднише; треба вертатись до дому.

Изъ лѣсу боковой дорожкой выѣхалъ какой-то крестьянинъ на легонькомъ возку. Олеся подрядила его свезти ее въ Богуславъ, сѣла на возъ и поѣхала, обливаясь слезами. Въѣхала въ городъ.

По улицамъ, какъ угорѣлые, бѣгали и кричали жиды; у Шмулевой винарни копошилась огромная куча жидовъ и жидовокъ. Они сбѣжались сюда со всѣхъ концевъ разбросаннаго города: жиды яростно герготали, жидовки вейкали и плакали. Олеся проѣхала въ свой дворъ. На встрѣчу ей со двора шелъ глуповатый Прокопъ. Увидѣвъ матушку, онъ простодушно закричалъ:

— Слава-жъ Богу, що вы вернулись! А мы думали, що вы втикли зъ офицеромъ. Батюшка побигли киньми доганяти гусаривъ. А той чорнявый гусаринъ, що ходивъ до насъ, укравъ Шмулеву Хайку.

— Хайку! крикнула Олеся на весь дворъ и подумала про себя: мене проминявъ на Хайку! Будь-же ты проклятъ тричи до вику!

Войдя въ свою комнату, Олеся сѣла у окна и какъ-бы окаменѣла. Ея лице осунулось и покрылось мертвенною блѣдностію, зрачки расширились, вѣки раскрылись, глаза горѣли огнемъ; подъ глазами залегли синіе кружки; губы посинѣли и засохли. Олеся сидѣла въ тяжкомъ раздумьѣ, ничего не видѣла и не слышала. Килина накрыла столъ, подала обѣдъ и просила Олесю къ столу; Олеся не слышала ея словъ, не видѣла ея самой.

Около полудня растворились двери, вошелъ мужъ блѣдный, какъ смерть, съ всклокоченною головою, съ неумытымъ лицемъ. Онъ остановился среди комнаты и лице его какъ будто прояснилось.

— Ты дома! крикнулъ онъ громко и бросился къ Олесѣ; ты не втикла зъ тымъ москалюгою!

Олеся подняла на него помертвѣвшія свои глаза, чуть слышно проговорила: «хотила втикти, та винъ мене пиддуривъ и покинувъ», и съ этими словами упала со стула на полъ, какъ мертвая.

Балабуха бросился къ ней, поднялъ ее, положилъ на постель, схватилъ графинъ съ водою, брызнулъ ей въ лице широкою струею, приложилъ намоченый платокъ къ ея головѣ. Олеся лежала безъ всякихъ признаковъ жизни, блѣдная, какъ полотно.

Пришелъ докторъ, велѣлъ раздѣть ее и уложить въ постель, приставилъ горчичники. Олеся лежала, какъ трупъ и только предъ вечеромъ начала тяжело дышать, не открывая глазъ. Балабуха стоялъ у ея постели, горько плакалъ и все смотрѣлъ на ея красивое блѣдное лице, на полныя круглыя руки, какъ-бы высѣченныя изъ мрамора. На дворѣ вечерѣло; скоро и совсѣмъ смерклось. Балабуха не сходилъ съ мѣста, цѣлый день ничего не ѣвши, и

все держалъ Олесину руку въ своей рукѣ. Настала ночь: Олеся не открывала глазъ, ея дотолѣ блѣдное лице покрылось темной краской, жаръ разлился по всему тѣлу. Въ домѣ все затихло и только изъ гостинной доносился мѣрный стукъ маятника. Перевалило за полночь; Олеся начала произносить невнятно безсвязныя слова.

— Олесю! Олесю! опамятайся! говорилъ Балабуха, приподнимая горячую руку жены.

Неожиданно Олеся открыла глаза, судорожно приподнялась и сѣла на постели. Большіе, мутные глаза блуждали, какъ у мертвеца.

— Ты прыихавъ! Ты не покинувъ мене? Милый мій, серце мое! Я трохи не вмерла за тобою! Скорише, скорише ïдьмо, свитае. Онъ бачишь мисяць злетивъ и сивъ на дереви. Сидлай кони, полетимо, якъ пташки, щобъ нихто насъ не пiймавъ, та тилько мерщiй, мерщiй, мое миле серце!

Олеся обняла Балабуху и положила свою горячую голову на его плече. Балабуха зарыдалъ; слезы закапали и полились по щекѣ Олеси. Олеся упала на подушки и закричала въ безпамятствѣ:

— Ой не одъиздджай! ой не покидай мене въ сёму лиси! Онъ ворушиться въ темряви стилъ, ворушиться груба. Зъ грубы щось дивиться на мене страшными червоными очима! Рятуй мене, мій милый!

Олеся закричала. Балабуха взялъ крестъ и приложилъ къ ея горячему лбу. Олеся закрыла глаза и снова стала, какъ мертвая.

— Боже мій, Боже мій! на що ты пославъ мени такій важкій хрестъ! Чимъ я Тебе прогнививъ? молился Балабуха, держа холодный крестъ надъ Олесею и осѣняя имъ ея лице и руки.

Стало разсвѣтать; слабый свѣтъ освѣтилъ комнату и блѣдное лице Олеси; она заснула тяжелымъ сномъ. Балабуха завѣсилъ простыней окно, вышелъ не надолго изъ комнаты, умылся, причесался и, вновь вернувшись, упалъ на колѣни у постели Олеси. Взошло уже солнце и насталъ день, а Балабуха все еще стоялъ на колѣняхъ и молился за Олесю, чтобы Господь простилъ ея грѣхъ, возвратилъ ей здоровье и далъ силы перенести тяжелое искушеніе.

Цѣлую недѣлю пролежала Олеся въ постели и Балабуха все это время не отходилъ отъ ея постели, утѣшалъ жену, сто разъ прощалъ ея вину, убѣждалъ ее мужественно перенести постигшее горе. Спустя недѣлю Олеся поднялась съ постели: она завяла и засохла;

лице утратило свѣжесть и какъ-бы почернѣло, щеки запали, ясныя очи померкли. Природа разцвѣла и разукрасилась зеленью, цвѣтами, Олеся ничего того не замѣчала и какъ-бы жила въ иномъ какомъ-то мірѣ. Ея душу, ея сердце, всю ее пришибло тяжкое горе. Цѣлые дни просиживала она въ саду надъ Росью, глядѣла на далекій просторъ и все впадала въ мрачную задумчивость, пока осенью не породила на свѣтъ Божій крохотную дочку. Балабуха опять разложилъ предъ собой свой дневникъ; думалъ, думалъ и съ великою тугою на сердцѣ только начертилъ въ немъ, вмѣсто всякой записки, большой во всю страницу крестъ, обозначивъ подъ нимъ протекшіе ужасные мѣсяцы.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО [1].

(Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка).

Въ 1879 году въ Одессѣ издана была не оконченная поэма на малорусскомъ языкѣ извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ: *Марко проклятый*, на оригиналѣ которой другой малорусскій писатель, П. П. Гулакъ-Артемовскій надписалъ такой отзывъ: «зъ роду лучшого не читавъ, и до смерти вже не прочитаю». Въ этой поэмѣ художественно воспроизведена, хотя прозою, а не стихами, малорусская народная легенда о Маркѣ проклятомъ,—томъ отверженномъ за тяжкіе грѣхи скитальцѣ, котораго не принимаютъ ни земля, ни адъ и который, будучи осужденъ Богомъ на вѣчное странствованіе, живетъ одною жизнію съ народомъ и съ цѣлію загладить свои вины благотворитъ людямъ, впадающимъ въ бѣду, и всему народу, появляясь съ своею помощію въ критическіе для него моменты.

Какъ отдѣльный эпизодъ въ ряду безконечныхъ похожденій и приключеній Марка, въ поэмѣ (41—49) воспроизводится проникновеніе Марка въ адъ и переполохъ, который онъ произвелъ тамъ, разгоняя чертей и освобождая изъ адскихъ мукъ грѣшныя души.

Этотъ именно эпизодъ,—то, какъ по народной пословицѣ, «Марко товчеця по пеклу», и составляетъ сюжетъ помѣщаемаго нами стихотворенія: «Марко пекельный». Стихотвореніе принадлежитъ несомнѣнно концу XVIII вѣка; это очевидно по его языку и пріемамъ, сильно напоминающимъ извѣстныя пасхальныя и рожде-

[1]) Записано въ 1835 году, въ тенчинской станицѣ черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ Вакулы Губы.

ственскія вирши того-же времени, о которыхъ установилась традиція, что они были говорены черноморцами Потемкину. Основная мысль стихотворенія, сущность его содержанія состоитъ въ изображеніи похожденій Марка въ адѣ съ цѣлію разрушить его, истребить его обитателей и извести изъ него грѣшныхъ. И цѣль, по легендѣ, почти достигнута, разоренное Маркомъ «пекло» запустѣло на долго, но опять является по грѣхамъ запорожцевъ. Отсюда видна не только сокровенная цѣль автора стихотворенія, но и кругъ слушателей или читателей, для которыхъ оно предназначалось. Цѣль его дидактическая, а писалось оно для запорожцевъ и всего вѣроятнѣе въ самомъ-же Запорожьѣ.

Стихотвореніе: «Марко пекельный» воспроизводитъ лишь одну малѣйшую часть той обширной легенды о «Маркѣ проклятомъ», матеріалы которой, варьируемые до безконечности, покойный Алексѣй Петровичъ собиралъ болѣе 30 лѣтъ, и воспроизводитъ не только отлично отъ собранныхъ имъ повѣрій, но и внѣ всякой связи съ прочими частями легенды. Очевидно, стихотвореніе писано въ ту еще пору, когда легенда о Маркѣ имѣла живое обращеніе въ устахъ народа и въ объясненіи связи воспроизведенной ея части съ другими не настояло никакой надобности; притомъ-же эта часть имѣетъ здѣсь какъ-бы самостоятельный, цѣльный видъ и Марко не напрасно названъ здѣсь «пекельнымъ», а не «проклятымъ»,— онъ является въ адъ не въ силу одолѣвающихъ его мукъ, а по особому повелѣнію св. апостола Петра, чтобы узнать и повѣдать людямъ о мукахъ претерпѣваемыхъ въ адѣ, избіеніе-жъ чертей и разореніе ада является какъ-бы мимоходомъ.

Стихотвореніе принадлежитъ времени, которое мы привыкли называть временемъ упадка и истощенія малорусской литературы, но которое на самомъ дѣлѣ есть только малоизвѣстное и мало обслѣдованное время. Побольше откроется такихъ произведеній, какъ печатаемое теперь и напечатанныя прежде, и мы должны будемъ значительно измѣнить взглядъ на происхожденіе новой украинской литературы.

Стихотвореніе захватываетъ одну изъ богатѣйшихъ и выдающихся народныхъ легендъ и въ этомъ наибольшій его интересъ. «Каждый народъ, говоритъ А. П. Стороженко, имѣетъ своего скитальца: древніе греки Одиссея, французы Вѣчнаго Жида, Сантенера, испанцы Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь; у русскихъ Кащей безсмертный, а у малороссіянъ *Марко проклятый*; но, кажется, малороссійскій Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ». Но понятно, что сказано о цѣлой легендѣ, того нельзя примѣнять вполнѣ къ одной только ея части.

Передаемъ текстъ стихотворенія по списку не вполнѣ исправному, въ которомъ не одинаковый размѣръ стиха мѣстами спутывается и совсѣмъ теряется.

Сидайте-жъ, хлопци, вси гуртомъ,
А вы, дивчата, геть въ отдилы,
Щобъ не було межъ вами якои веремія!
А якъ-же буде хто жартувати,
Того въ потилицю будемъ гнати!
Мовчить та слухайте,
Яку я вамъ буду казку казати:
Про хлопця молодця, козака-ярыгу,
Що Маркомъ прозывався,
Та ще й пекельнымъ звеличався,
За те, що у Господа спасения зодбавъ,
Та чортивъ у пекли налякавъ;
Налякавъ такъ, що рогати й доси видъ козакивъ втикають,
Та знай одно, що тильки лають.
А запорозській якъ духъ почують,
То заразъ въ тарь-тары мандрують!

Бувъ соби козакъ Марко, ледарь завзятый,
Батька й матирь не поважавъ,
А все тильки пивъ та гулявъ:
На улицю до дивчатъ першимъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщій можна було втикати,
Якъ нигъ на выхидъ почне благословляти:
Зъ чужими жинками женихався,
Та старихъ людей цурався.
Зъ его буйною головою
Не було никому спокою.
Тильки разъ оцёму Марку
Святый Петро у сни зъявився,
Тоди, якъ винъ говивши запричастився
—«Ты теперь, каже, новихъ грихивъ не маешъ,
А якъ проспеся, то вньять нахапаешъ,—
А якъ за тебе Господа благавъ,
Щобъ винъ тоби на покуту часъ давъ.

Теперъ-же сей часъ наступае.
И тоби ничого наминаця.
Та треба у пекло збираця.
А якъ, рекъ, тамъ трохи побудешъ.
То души спасения здобудешъ.
Та гляди, зъ чортами не братайся.
А найпаче люципера цурайся:
Бо сей чортяка надъ чортами.
Якъ гетьманъ мижъ козаками».
—«А щожъ мени зъ чортами робити:
Чи ихъ христомъ хрестити,
Чи тилько по шіи бити?»...
—«У мене, каже, святый Петро.
Е на тебе велика надія,
Що ты мени чортивъ присупонишъ.
Та зъ пекла ихъ повыгонишъ.
Воии козачимъ багломъ завладили,
И бидни козаки давно не пили й не ѣли,
А въ запорожцивъ нема ни якои силы.
Ба позоставались одни тилько жилы.
Уси спасення у Господа благають,
А чорты ихъ въ рай не пускають:
Уси заставы скризь позапирали,
А стежки каминнямъ позакидали.
Якъ-же стали янголи литати,
Та козакивъ зъ багла вытягати,
То чорты почали ихъ тамъ зачипляти.
Щобъ до новихъ грихивъ намовляти.
У багло жинокъ напускали,
Щобъ козакивъ на нови грихи скушали.
Вже де яки почали женихаця,
Щобъ у пекли на викъ позостаця.
А иншихъ стали горилкою частувати.
Щобъ тильки спасення перестали прохати.
Я въ пекло тебе за-для того посылаю.

Що спасення души твоій бажаю.
Будешъ ты тамъ зъ чортами жити.
Та на послузи волю ихъ чинити.
А якъ ввирыця тоби пекельна сила.
Тоди дамъ тоби багато дила.
Будешъ мени зъ пекла козакивъ вызволяти.
Та у рай заставы видчиняти—
Тимъ, що у Господа милости просили
Та спасения души заслужили,
Що видъ чортячихъ ласокъ жахались
И зъ видьмами не женихались.
И котрихъ чорты хотили частувати.
А вони имъ у вичи почали плювати.—
Та тихъ, що видёмъ за лоцуцьки хапали.
Та въ пекельне огнище втягали.
Отъ сихъ козакивъ ты будешъ у рай пускати.
Де вони будуть Господа прославляти».
—Сказавши се, святый Петро десь дився.
А нашъ Марко ажъ у пекли опинився.
Его-жъ чорты якъ уздрили.
То мовъ галычъ кругомъ обсили.
Ничого не питають,
Тилки мовъ коты хвостами виляють.
Ажъ ось одинъ бисъ нагодився.
Та зъ крюкомъ до Марка схилився.
Та хотивъ вже ему витаня вчинити.
Щобъ крюкомъ за ребра зачепити.
Та тилко налагодивсь се зробити.
Якъ переставъ до разу жити.
А Марко узявши чортивъ крюкъ у руки.
Ставъ чортивъ оглядати,
Чи не кинеця хто вньять крюкомъ зачпати.
А чорти такъ полякались,
Що ажъ на вывчо гилля позбирались.
Та якъ коты замявкотали.

И хвостами ще бильшъ замахали.
—«Се у васъ, каже Марко, таки звычаи.
Щобъ козакивъ такъ зустричати.
—Та за ребра, мовъ собакъ, чиплятп?
Стривайте-жъ, я васъ помуштрую!»
Та сказавши, почавъ крюкомъ махати,
Та чортивъ зъ гилля, якъ груши збивати.
Чорты-жъ до Марка якъ не наближались
И якъ до ёго вже не присикались,
Та не мали силы его зачепити.
Або чимъ вразити,
Бо Марка свята сила обороняла
И чортивъ геть видпихала.
А Марко знай одно—махае,
Та чортивъ зъ деревъ збивае.
Уже ихъ на гиллякахъ зосталося трохи,
Ростыкались уси, неначе блохи.
А котори по закуткахъ поховались,
Зъ переляку уси . . . .
Та на все пекло такъ накурили,
Що зостатись тамъ не було вже силы.
Марко хотивъ бувъ вже втикати,
Коли ось самъ люциперъ нагодився,
Та, глядючи, ще трохи не сказився.
—«Се, кричить, упьять на той свитъ ганяли.
Та зъ видьмами бенкетували?
Оковитки налигались,
Що ажъ по поясъ обидрались!
Геть берить мени заразъ митлы.
Та вычищайте все видтиль.
Одинъ чортяка митлу взявши,
Та до люципера пришкандибавши.
Ставъ такъ ёму отповидати:
«Се була у насъ, пане люциперу, бійка.
Та така, що якъ и пекло стало.

То сего у насъ николи не бувало!
Забривъ до насъ якійсь волоцюга.
Та вже нихто якъ казарлюга.
А мы хотили ему честь чинити.
Та крючми за ребра зачепити.
Якъ тилки цуцикъ заходився,
А винъ заразъ якъ схопився.
Та такъ бидолагу гепнувъ,
Що той до разу й gegнувъ.
Тоди почавъ ёго крюкомъ махати.
Та насъ зъ деревъ скидати.
Нивечити, та клинцювати.
Багато нашихъ, якъ бачите, побито,
А де яки хочъ и ховались,
Та страму на весь викъ набрались».
—«А дежъ се той казарлюга,
Розтриклятий волоцюга?»
—Кричить люциперъ, росходившись.
—«Та вы бо, каже кущый, тише.
Та держить голову понижче!
А то винъ крюкомъ разъ якъ влучить.
Той макитру вамъ зъ шіи злущить!
Ось дивиця, пане, винъ за кущомъ прихилився.
Та вже й на васъ крюкомъ намирився».
—«Ой, стривай, стривай, козаче!
Треба тутъ якось иначе,
Ставъ люциперъ самъ прохати:
Ничого тоби крючкомъ махати.
Та ходимъ лишъ до моеи хаты,
Буду я тебе витати,
И якъ запорожця пріймати.
За понивеченнихъ чортивъ не буду корити.
Бо вони справди за дило побити:
Треба-бъ було унередъ роспитати.
А не крюкомъ за ребра чиплити.

Тыжъ, куцый, чортивъ поховаешь,
Та зъ цилыхъ шкуры поздираешь,
Та у пекло даси наминати,
Щобъ можна було на ремень продати».
—«Якъ бы мене, каже Марко, такъ зустричали,
То й не булобъ чортамъ и печали.
Якъ же ты мене, люцинере, витаешь,
То я твого хлиба-соли не цураюсь».
И повивъ люцинеръ Марка у свій будинокъ,
А дорогою почавъ его питати,
Яка занесла у пекло нечиста мати.
«Дежъ, каже, твоя душа дивалась,
Що видъ чортивъ видцуралась?
Тоби ще черга на свити жити,
Та горилку корякамы пити.
Чи може ты, козаче, сказився,
Що у мене въ пекли опинився?»
—«Казись ты зъ чортами
И жинка твоя зъ дитками!
А якъ я тутъ опинився,
То не самъ вже нагодився.
У насъ на тимъ свити усякъ знае,
Що душъ чимало въ пекло попадае.
А нихто не знае, якъ тутъ у васъ жити,
И яку роботу треба вамъ робити.
Отъ якъ я въ васъ наживуся,
Та до дому на той свитъ повернуся,
То вси люди будуть знати,
Якъ васъ зъ земли вытуряти,
Щобъ вы людей не губили,
Та и пеклабъ нами не гатили».
—«Та се ты, козаче, такъ кажешь,
Що нашои добрости не знаешь.
Якъ бы чорты людей не звеселяли,
То вони доси усибъ пропали.

Якъ бы не чорты, чи булабъ у васъ горилка,
И цимбалы, бубны, та сопилка?
Чи вы вмилибъ танцювати,
Весилля гараздъ справляти?
А скильки чорты людямъ грошей пожичали,
Отжежъ и доси ни шага вы не оддали.
А не бійсь, якъ у жидивъ що набиръ забираютъ,
Незабаромъ и вертаютъ:
Бо жиды не будуть довго ждати,
А йдуть заразъ позывати.
А ты думаешь, велику користь маемъ
Видъ тихъ, кимъ мы пекло набиваемъ?
На тимъ свити усе прогуляютъ,
А до насъ и безъ штанивъ втикаютъ.
А що запорожци,
Такъ ти прямо голи й боси,
Та ще й чортивъ на сьмихъ пиднимаютъ.
Давайте, кажуть, одежу, що поздіймали,
Якъ не хочете, щобъ мы позамерзали!
А якъ запитаешь, що колись брали гроши,
То вони й кажуть: ось нате вамъ в....
По праздникамъ то насъ ладаномъ ганяютъ,
А цилый тиждень тютюномъ закликаютъ.
А инчи такъ насъ поважаютъ,
Що на день сторицею поминаютъ.
Чогожъ тоби, козаче, насъ корити,
Якъ вамъ добре зъ нами жити!»
—«Та ты, люциперу, бачу, добре милишъ,
Тилки до чортивъ мене не похилишъ».
—Увивши люциперъ Марка у будинокъ,
Ставъ заразъ прохать сидати,
Та почавъ звычайно ласощами угощати.
«Ижъ, каже, ся страва то ласощи ваши,
А не чортячи наши.
Учора чорты мои на той свитъ литали,

Та у гетьманскихъ кухаривъ накрали».
Ажъ ось й пидручни чорты нагодилисъ.
Та съ переляку по стинкамъ потулились.
«Вы, каже люциперъ, сёго козака теперь не лякайтесь,
Бо винъ теперъ уже васъ не буде бити.
А почне горилку зъ нами пити.
Вы-жъ пана Марка звеселяйте,
Та у музыку ему заграйте».
Де взялась музыка, загудили бубны.
Чорты-жъ за роги брались,
Та въ дрибунець пускались.
А Марко сивъ на покути ще выпче,
Та знай горилку зъ люциперомъ хлыще!
Чорты-жъ до бочокъ вже добрались,
Та й ни одъ чого не цурались.
Ажъ побачивъ Марко, що люциперъ почавъ белькотати,
Та якъ товаряка мучати,
Та потихеньку додолу спустився,
А тамъ якъ у пекли зпинився,
То й почавъ скризь иськати,
Та пекельни багла озирати.
Розшукавши де багло козаче,
Винъ почавъ его обмиряти,
Та заслонивъ скризь шукати,
Що чорты кризь ихъ холодный огонь выпускають,
А гарячій напускають.
Уздривши-жъ той заслонъ, що чорты огонь впускають,
Та свое багло охолождають,
Винъ почавъ его видвертати,
Та зъ инчихъ багливъ огонь туды пускати.
А чорты знай бенкетують,
Та своеи биды не чують.
Якъ огонь у козачимъ багли перестав палати.
Тоди почали й козаки приставати
Та гуртомъ помагати;

Якъ же послидній заслинъ видкрутили,
То такъ до разу чортивъ и затопили.
Чорты й не оглядились,
Якъ уси попеклись, та поварились.
Тильки де яки зъ люциперомъ повтикали,
Що биля дверей стояли.
Тоди янголи стали налитати,
Та козакивъ зъ пекла вызволяти.
Котри спасення у Господа зодбали
Тымъ, що покаяніе вчиняли.

. . .

Сто литъ пекло пустовало,
И такъ булобъ и пропало,
Та козаки почали гришити,
Та Господа гнивити.
Зъ сёго опьять чорты наплодились,
Та пекло почали робити,
Щобъ де було козацькимъ грихамъ жити.
А Марка й доси не забувають,
Та знай одно, що тильки лають.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

Екатеринославъ,
іюнь 1885 г.

Библіографія.

Матеріалы для исторіи подольской губерніи.—Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.

Мы не разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на обиліе историческаго матеріала, иногда очень цѣннаго, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Въ ряду другихъ изданій этого рода немало такого рода матеріала дано и Подольскими Губерскими Вѣдомостями.

Въ настоящемъ году редакція этихъ Вѣдомостей стала печатать особыми прибавленіями историческіе акты и представила очень любопытные матеріалы для исторіи края, частью заимствованные изъ архива подольскаго губернскаго правленія, частью извлеченные г. Ролле изъ случайно доставшагося ему сборника, принадлежавшаго къ архиву бывшаго генералъ-губернатора Тутолмина. Вельможа этотъ имѣлъ помѣстья въ подольской губерніи, въ одномъ изъ которыхъ и былъ его архивъ, нынѣ исчезнувшій: остатки его циркулировали около мѣстечка Рашкова, гдѣ пріобрѣтенъ и сборникъ г. Ролле отъ старьевщика, какъ старая ненужная бумага.

Изданные теперь матеріалы относятся ко времени послѣ второго раздѣла Польши (1792—1795 года) и, хотя ихъ немного, представляютъ немалый интересъ. Всѣ они изъ времени г. губернаторства М. Н. Кречетникова (1792—1793 года) и касаются мѣръ приведенія въ русское подданство края, доставшагося Россіи по второму раздѣлу Польши.

Первый актъ—это секретнѣйшій рескриптъ императрицы Екатерины II, данный назначенному генералъ-губернаторомъ присоединеннаго края и начальникомъ въ немъ войскъ генералу Кречетникову при отправленіи его изъ Петербурга. Рескриптъ этотъ служилъ инструкціей для

Кречетникова и указывалъ, какія онъ долженъ былъ принять мѣры для того, чтобы переходъ края въ русское подданство совершился съ возможно большимъ спокойствіемъ. Здѣсь императрица прежде всего указываетъ предѣлы присоединеннаго края, знакомитъ Кречетникова съ современными политическими обстоятельствами, приведшими ко второму раздѣлу, и затѣмъ уже говоритъ о томъ, къ чему надо стремиться въ этомъ краѣ.

Такъ какъ время было еще военное и городъ Каменецъ еще не былъ взятъ, то въ рескриптѣ находится немало военныхъ распоряженій. Императрица высказываетъ надежду взять Каменецъ подкупомъ коменданта и лишь въ случаѣ крайности разрѣшаетъ употребить оружіе. Далѣе указывается, какъ поступать съ находящимися въ краѣ польскими войсками: императрица видимо желаетъ, чтобы они перешли на русскую службу, обѣщаетъ имъ сохраненіе жизни и всѣхъ преимуществъ; но не препятствуетъ имъ уйти и въ Польшу, оставивъ лишь оружіе.

Съ умиротвореніемъ края требовалось постепенно приводить его въ нормальный, такъ сказать, видъ и императрица рекомендуетъ сдѣлать это такъ мягко, чтобы новые подданные сочли за счастье свое присоединеніе къ Россіи. Особенно требуетъ она позаботиться о спокойствіи края, о порядкѣ въ дѣлахъ, правосудіи и т. п., чего никогда не было въ Рѣчи Посполитой.

Всѣ рекомендуемыя императрицею мѣры въ сущности логически вытекали изъ самаго факта присоединенія; но при этомъ она видимо желаетъ во всемъ, не исключая и религіи, сохранить *по возможности status quo*, на сколько это не противорѣчитъ самой идеѣ русскаго подданства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетникову приказано обстоятельно ознакомиться съ краемъ, составить вѣрную его карту, сдѣлать счисленіе крестьянъ всѣхъ разрядовъ, опись доходовъ, опись монастырей, школъ піаровъ и т. д. За послѣдними Кречетникову рекомендуется имѣть строгій надзоръ въ виду вредности ихъ ученія, основаннаго на французскомъ суемудріи.

Присоединенныя земли расписаны были по намѣстничествамъ съ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды. Новыхъ губерній образовано было три и въ нихъ назначенъ былъ извѣстный служебный персоналъ, согласно съ принятыми въ Россіи штатами.

Кречетниковъ долженъ былъ обнародовать манифестъ о присоединеніи края и привести жителей къ присягѣ. Не желающіе присягнуть могли выѣхать за границу, но теряли свои имущественныя права въ краѣ. Приводить крестьянъ къ присягѣ не указано, такъ какъ за вѣрность ихъ отвѣчали ихъ владѣльцы.

Въ рескриптѣ не находимъ никакого указанія на положеніе русскаго населенія въ присоединенномъ краѣ и отношенія къ нему господ-

ствовавшаго польскаго элемента, не смотря на то, что эти ненормальныя отношенія слишкомъ рѣзко заявили себя въ предшествовавшее двадцатипятилѣтіе и послужили поводомъ къ самому раздѣлу Польши.

За рескриптомъ слѣдуетъ указъ сенату о введеніи въ присоединенномъ краѣ русскаго управленія съ назначеніемъ чиновниковъ, которымъ даны значительныя преимущества по службѣ. Позднѣе Кречетниковъ переводилъ сюда чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній, напримѣръ изъ знакомой ему Тулы. То былъ первый опытъ обрусѣнія, продолжающагося и доселѣ.—Рядомъ съ этимъ актомъ помѣщенъ и указъ синоду объ образованіи въ краѣ православной іерархіи.

Четвертое мѣсто занимаетъ указъ Екатерины 1793 г., служащій отвѣтомъ на донесеніе Кречетникова о томъ, что присоединеніе края совершилось благополучно. Императрица объявляетъ для края, собственно для владѣльческаго польскаго класса, нѣкоторыя финансовыя льготы.

За этими первостепенной важности актами слѣдуетъ ордеръ Кречетникова подчиненнымъ ему лицамъ о дѣятельности ихъ въ новомъ краѣ, а также отвѣтъ его на запросы оставшихся здѣсь мѣстныхъ властей, которыя, по новости дѣла, не могли сразу приспособиться къ русскому управленію. И тѣ, и другіе составлены, разумѣется, въ духѣ высочайшей инструкціи.

Напечатаннымъ актамъ предпослано небольшое предисловіе, уясняющее ихъ историческое значеніе. Мы отмѣтимъ одно обстоятельство, рѣзко бросающееся въ глаза.

Толеранція Кречетникова относительно присоединенной польской шляхты простиралась до того, что помѣщикамъ, которые сохранили имѣнія и въ Польшѣ, онъ разрѣшалъ принимать участіе въ образовавшихся тамъ избирательныхъ сеймикахъ, предшествовавшихъ Гродненскому сейму 1793 г. Помѣщики могли участвовать и въ этомъ сеймѣ, конечно, если имѣли на это право.

Кречетниковъ скончался въ маѣ 1793 г. и должность его исправлялъ старшій по немъ генералъ Дерфельденъ, отъ котораго имѣемъ здѣсь два ордера съ извѣщеніемъ о вступленіи въ должность; въ одномъ сверхъ того говорится объ учрежденіи коммиссіи для разсчетовъ съ Польшей по продовольствію войскъ.

На мѣсто Кречетникова назначенъ былъ Т. И. Тутолминъ. Изъ актовъ, относящихся ко времени его управленія краемъ (1794—1795 г.) напечатано всего 8 и всѣ они сообщены г. Ролле. Это 6 указовъ Екатерины Тутолмину, одинъ указъ синоду и одна окружная архіепископская грамота. Всѣ эти документы касаются положенія уніатовъ и присоединенія ихъ къ православію.

Имъ предпослано весьма обстоятельное и дѣльное предисловіе, (стр. 90—127) авторъ котораго пользовался, кромѣ напечатанныхъ, еще документами изъ архива подольской духовной консисторіи и мало извѣстными, но по первоисточникамъ составленными статьями, напримѣръ протоіерея Троицкаго: *Мѣры, принятыя преосв. Іоанникіемъ для уничтоженія остатковъ уніи и присоединенія къ православію уніатовъ въ Брацлавской губерніи въ 1795—1796 г.* (Подольскія Епарх. Вѣдом. 1873—1874 г.) и другими.

А. М—чъ.

Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Составилъ И. И. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.

Богатѣйшее собраніе матеріаловъ для исторіи Россіи представляетъ собою Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Онъ давно уже приступилъ къ описанію хранящихся въ немъ документовъ и выпустилъ ихъ уже 4 тома. Названное выше обозрѣніе есть оттискъ изъ IV-го тома такого описанія.

Авторъ назвалъ впрочемъ свой трудъ обозрѣніемъ, а не описаніемъ, и совершенно правильно, такъ какъ онъ далъ ключъ къ ознакомленію съ тѣмъ историко-географическимъ матеріаломъ, который хранится въ Архивѣ, но не описалъ его въ подробности.

Обозрѣніе даетъ болѣе систематичности, чѣмъ простое, такъ сказать, предметное описаніе; послѣднее дѣло сложное, требуетъ болѣе времени, издержекъ и труда, хотя даетъ больше предметнаго содержанія. Названный трудъ служитъ такъ сказать руководящею нитью для желающихъ познакомиться съ громадною массою архивныхъ документовъ и значительно облегчаетъ трудъ ихъ въ отысканіи матеріала, потребнаго для занятій каждаго.

Обозрѣніе состоитъ изъ небольшаго предисловія, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о Разрядѣ и его дѣятельности, равно о распредѣленіи по его отдѣламъ завѣдыванія городами, и сдѣлана общая характеристика хранящихся въ немъ матеріаловъ.

Оставляя въ сторонѣ массу другихъ историческихъ данныхъ, представляемыхъ книгами Разряда, авторъ обозрѣнія обращается къ прямой своей задачѣ и перечисляетъ разнообразные источники для топографіи городовъ, заключающіеся въ Архивѣ: воеводскіе наказы, всяческія рос-

писи, переписныя книги городовъ, монастырей, церквей, улицъ, даже дворовъ, строельныя книги и т. д. Подробно останавливаться на нихъ невозможно, такъ какъ для этого необходимо было-бы изложить примѣрную дѣятельность всей городовой администраціи.

Особыя главы посвящены характеристикѣ описаній и списковъ уѣздныхъ населенныхъ мѣстъ, также порубежныхъ мѣстъ и учрежденій; наконецъ авторъ указываетъ, какія свѣдѣнія хранятся какъ въ этихъ, такъ и въ болѣе спеціальныхъ источникахъ относительно гидрографіи Россіи, ея естественныхъ произведеній и статистики населенія.

По обширности подлежавшаго обзору матеріала, полнаго описанія разнообразныхъ его источниковъ нѣтъ, а есть лишь примѣрное, съ нѣкоторыми частнѣйшими указаніями. Говоря напримѣръ о какомъ либо видѣ книгъ, авторъ обыкновенно даетъ характеристику ихъ, затѣмъ перечисляетъ всѣ книги этого вида въ Архивѣ и для образца въ приложеніяхъ печатаетъ одну изъ такихъ книгъ, или покрайней мѣрѣ отрывокъ изъ нея. Къ сочиненію приложенъ и очень хорошо составленный географическій указатель.—Легко понять, какъ все это облегчаетъ работу въ Архивѣ будущимъ изслѣдователямъ.

Большинство сообщенныхъ авторомъ свѣдѣній относится къ сѣверо-восточной Руси; но въ архивѣ есть матеріалы, важныя и для исторіи южной Руси въ прежнемъ ея очертаніи и въ книгѣ Оглоблина есть на нихъ указанія. Много матеріаловъ указано для географіи Слободской и въ частности Бѣлогородской Украйны, собственно Малороссіи или гетманщины, Бѣлоруссіи и даже Новороссіи, въ частности городовъ: Брянска, (напримѣръ описаніе его крѣпости—стр. 22), Полоцка, Смоленска, Нѣжина, Канева и множества другихъ. Особенный интересъ представляютъ матеріалы, касающіеся топографіи Кіева, какъ напечатанныя почти цѣликомъ; это Роспись предположенныхъ починокъ въ кіевской крѣпости» 1681 г. и «Роспись Кіевскаго ограниченія» (т. е. границъ съ Польшею) 1686 г., составленная посольскимъ приказомъ изъ описной книги капитана Ѳ. С. Соломѣина и Ѳ. Наковальнина (стр. 156 и д. и прилож. XXX). Кіева же касается и «Росписной списокъ» 1682 г., изъ котораго авторъ привелъ лишь предисловіе (стр. 23 и другія мѣста, легко находимыя по указателю), и смѣтныя книги, тоже авторомъ лишь указанныя (см. стр. 27 и примѣчаніе, 49, 78, 187).

Кромѣ цѣльныхъ и болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній, въ книгѣ г. Оглоблина разсыпаны чуть не на каждой страницѣ мелкія историческія указанія, какъ напримѣръ о разселеніи малороссіянъ или, по прежнему ихъ названію, «черкасъ» внѣ черты ихъ осѣдлости, напримѣръ въ Курскѣ, въ Усердѣ (тамъ былъ козачій полкъ Коргова), около Путивля,

въ Староайдарскомъ городкѣ, на сѣв. Донцѣ, въ Бѣжецкой Пятинѣ и пр. (стр. 113).

Есть много указаній о положеніи сельскаго хозяйства въ Малороссіи: Опошня и тогда уже славилась своими садами, въ Кіевѣ произросталъ виноградъ.

Всего однако не перечислить. Скажемъ коротко, что если Архивъ Министерства Юстиціи хранитъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства для исторіи Россіи вообще, въ частности для исторіи южной Руси, то книга г. Оглоблина систематически знакомитъ васъ съ той частью этихъ богатствъ, обозрѣвать которую выпало на его долю. Она обличаетъ въ немъ кропотливаго и усидчиваго труженика, умѣющаго разобраться въ громадной массѣ изучаемаго матеріала, умъ строго логическій, пріученный къ послѣдовательности и систематизаціи, результатомъ которыхъ является строго научный характеръ изданія, основательность выводовъ, точность и ясность изложенія. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому ученому въ его дальнѣйшихъ работахъ, съ удовольствіемъ отмѣчая, что онъ по рожденію и воспитанію принадлежитъ Кіеву.

А. М—чъ.

Д. Л. Мордовецъ. Оповидання. Спб. 1885 г.

Очерки, составляющіе эту книжку, рѣзко различаются между собою и по содержанію и по манерѣ. И немудрено: между двумя первыми и тремя остальными прошло двадцать пять лѣтъ. Первые разсказы—произведенія молодости автора. Они памятны читателямъ «Основы». Послѣдніе, кромѣ одного, появляются въ этой книжкѣ въ первый разъ.

Въ этотъ промежутокъ времени прошла почти вся литературная дѣятельность писателя. Этюды современной общественности, повѣсти, монографіи и историческіе романы, путевыя записки, статьи публицистическія и полемическія—сдѣлали имя г. Мордовцева популярнымъ. Въ ряду другихъ, его малорусскія произведенія стоятъ какъ то особнякомъ. Предназначенныя для другой публики, онѣ едва-ли даже извѣстны журнальнымъ читателямъ г. Мордовцева и никогда не пользовались тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, какой выпадалъ на долю нѣкоторыхъ изъ его работъ. Но, отличаясь оригинальными чертами таланта автора, въ литературѣ малорусской, обреченной на спорадическое оживаніе и замираніе, онѣ были всегда на примѣтѣ.

Первые литературные опыты г. Мордовцева были на малорусскомъ языкѣ. Въ 1859 году, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, изданъ былъ имъ «Саратовскій Литературный Сборникъ», на половину составленный изъ его трудовъ. Подобно многимъ начинающимъ писателямъ, онъ выступалъ здѣсь въ качествѣ поэта. Въ поэмѣ «Козаки и Море» онъ рисовалъ картины морскихъ козацкихъ походовъ, набѣги на турецкіе берега, битвы, плѣнъ и бѣгство. Это юное произведеніе отзывалось слишкомъ мотивами Шевченка и козацкой поэзіи и было, какъ море, пространно. Тамъ же напечатанъ прекрасный переводъ гоголевской «Ночи накунѣ Ивана Купала» и сборничекъ украинскихъ сказокъ, второй въ литературѣ послѣ собранія г. Жемчужникова.

Съ разсказа «Солдатка», повтореннаго въ «Оповиданнях», предъ нами писатель установившійся. Это повѣсть о горемычной долѣ солдатской жены дореформенной эпохи,—типѣ отошедшемъ теперь въ область исторіи. Изъ «Основы»-же взятъ симпатичный очеркъ «Дзвонарь» — повѣствованіе стараго причетника Тацитурнова, выгнаннаго изъ бурсы за чтеніе свѣтскихъ книгъ. Когда-то, въ шестидесятыхъ годахъ, оба эти разсказа изданы были въ формѣ народныхъ книжекъ. Тщательное письмо и чистота народной рѣчи отличаютъ ихъ. Эти свойства составляли какъ бы традицію той школы украинскихъ повѣствователей, которую мы назовемъ школою «Основы». Литературныя рамки расширились съ тѣхъ поръ, изображенія писателей обнимаютъ большій кругъ явленій, но, кромѣ двухъ-трехъ пошедшихъ впередъ выдающихся талантовъ, новѣйшіе писатели въ письмѣ и языкѣ уступаютъ старымъ: въ то время у пишущихъ господствовало непосредственное изученіе живой народной рѣчи, замѣнившееся теперь изученіемъ книжнымъ.

Названные выше ранніе разсказы автора, грустные по темамъ, совершенно объективны. Ихъ скорбный тонъ вызванъ изображаемыми печальными явленіями жизни. Совсѣмъ иное дѣло лирическіе эскизы послѣднихъ лѣтъ, вещи чисто субъективныя, личныя, «печальныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца». Написаны они въ особомъ родѣ, составляющемъ своеобразную манеру автора. Не слѣдуетъ искать въ нихъ надуманныхъ тенденціозныхъ иносказаній, какихъ нибудь «аллегорій», всегда убійственно скучныхъ. Это — смѣняющіеся въ душѣ образы и думы, раны сердца, которыя вскрываются и издаютъ свой голосъ одна за другою. Образы родного края, его исторіи, его поэзіи, личныя воспоминанія, картины далекихъ полуденныхъ странъ, вѣчно юные библейскіе мотивы, голоса великихъ поэтовъ, — все, что легло на душу и отразилось въ собственной природѣ писателя, возникаетъ и звучитъ въ этихъ причудливыхъ арабескахъ. Писанныя какъ-бы для себя самого, эти са-

монаблюденія предполагаютъ конечно полную свободу концепціи, и грезы смѣняются въ нихъ неожиданно и пестро. Какъ вещи чисто личныя, онѣ улетаютъ поминутно въ область личныхъ воспоминаній. Не разъ мысль писателя обращается къ усопшему нынѣ историку-поэту, съ которымъ его связывала многолѣтняя, искренняя пріязнь. Чтобъ отзываться на эти грезы натуры тонкой и нервной, надо быть немножко задѣтымъ этимъ лиризмомъ самому. Люди размѣренной мысли, практики жизни, прочитавъ эти эскизы, конечно пожмутъ только плечами. Мѣстами вредитъ имъ излишняя отрывочность и пестрота, но отдѣльные образы подкупаютъ поэзіей. Особенно искреннимъ лиризмомъ проникнутъ маленькій очеркъ «Скажи, мисяченьку!», изъ трехъ наиболѣе цѣльный и «вылившійся». Противникамъ литературнаго развитія малорусской рѣчи мы указали бы на ея гибкость, сказавшуюся здѣсь въ выраженіи сложныхъ чувствъ и оттѣнковъ душевныхъ движеній; но для такихъ доводовъ уши этихъ господъ устроены не совсѣмъ пригодно.

Когда отъ картинъ прошедшаго мысль писателя обращается къ современности, имъ овладѣваетъ не ребяческое сожалѣніе о перемѣнѣ старыхъ формъ жизни. Онъ сожалѣетъ не о томъ, что гибнетъ само собою, а о томъ, что гаснетъ подъ внѣшнимъ вліяніемъ, о тѣхъ дорогихъ и рѣзкихъ чертахъ духовнаго наслѣдія народа, дальнѣйшая жизнь и развитіе которыхъ были-бы общимъ пріобрѣтеніемъ. Въ злополучномъ вопросѣ о правѣ существованія языка болью отзывается уже необходимость доказывать правду его. Автору вспоминается божественное чудо, освятившее право слова и проповѣди, когда мидяне и пароляне услыхали благовѣствованіе на родномъ языкѣ...

Изъ всего сказаннаго ясно, что «содержаніе» эскизовъ г. Мордовцева не легко пріурочить къ обычному анализу. Въ этихъ грезахъ послѣ концерта Сарасате («Сонъ-не сонъ»), въ свѣтлую заутреню («Скажи, мисяченьку!») и предъ клѣткой съ старыми орлами («Изъ устъ младенцивъ») преобладаетъ лирическій порывъ, который мы и пытались характеризовать. Въ ряду многочисленныхъ произведеній даровитаго автора малороссійскіе разсказы отличаются своей задушевностью. Въ нихъ звучатъ тѣ струны, которыя ему какъ-бы родныя, ближе всего. Это служитъ порукою, что настоящее собраніе разсказовъ не будетъ его послѣднимъ словомъ «на миломъ языкѣ его родины».

Г.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885.

Изданія названнаго общества идутъ съ изумительной быстротой; находясь въ рукахъ опытныхъ людей, они ведутся вполнѣ научно и даютъ матеріалъ, имѣющій большой исторический интересъ. Настоящій 43-й томъ «Сборника» содержитъ въ себѣ «Наказы депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія». Свѣдѣнія о екатерининской коммисіи, собранныя и печатаемыя теперь «Обществомъ», обнимаютъ собою уже шесть частей, изъ которыхъ три первыя части (тт. IV, VIII и XIV) вышли подъ редакціей Д. В. Полѣнова, а остальныя (тт. XXXII, XXXVI и XLIII) подъ редакціей проф. В. И. Сергѣевича. Въ настоящемъ томѣ помѣщены наказы сената и синода, наказы многочисленныхъ коллегій, канцелярій, магистрата, полиціи, духовенства и академіи наукъ.

Не касаясь всѣхъ заключающихся въ немъ наказовъ, мы, согласно программѣ нашего изданія, отмѣтимъ только тѣ, которые касаются южной Россіи. Это пункты, данные малороссійскимъ духовенствомъ и малороссійской коллегіей своимъ депутатамъ. Особенно подробны и обстоятельны пункты духовенства, выражающаго въ нихъ свои завѣтныя желанія, которыя съ небольшой разницей были почти одинаковы въ епархіяхъ кіевской, черниговской и переяславской, у духовенства бѣлаго и монашествующаго. Всѣхъ пунктовъ около сотни, но они могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ главнымъ.

На первомъ мѣстѣ вездѣ ставятся ходатайства о матеріальномъ обезпеченіи монастырей и церквей, расширеніи ихъ правъ и вольностей или о подтвержденіи прежнихъ. Духовенство проситъ разрѣшить ему вольную покупку и продажу имѣній и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщаніямъ, опредѣлить его доходы отъ прихожанъ, подтвердить право свободнаго винокуренія и содержанія шинковъ, освободить имущество и принадлежащихъ ему крестьянъ отъ всякихъ денежныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, при чемъ указывается нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ нарушены интересы того или другого монастыря или церкви и испрашивается удовлетвореніе.

Духовенство заботилось не менѣе и о своихъ личныхъ правахъ и преимуществахъ, требуя, чтобы священно и церковно-служители, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ, пользовались правами дворянства и освобождались отъ всякихъ платежей. Всеобщую жалобу вызывали оскорбленія, причиняемыя духовенству міряками, а наиболѣе частые поводы къ нимъ подавали широкія права по имуществу монастырей и церквей.

приводившія ихъ въ столкновеніе съ частными владѣльцами и вообще народной массой. Типичнѣе всего такая жалоба выражена въ пунктахъ черниговской епархіи: «нѣкоторые», сказано тамъ, «не пріемля въ уваженіе, что они церкви святыя сынове, которая правленію духовныхъ лицъ ввѣрена, не только никакого къ духовенству почтенія не имѣютъ, но и всякими язвительными словами отъ единой злобы, которая, не вмѣщаяся въ сердцѣ, на языкъ изливается, духовныхъ въ лице ругаютъ, часто и бьютъ, а временемъ и до смерти безчеловѣчными мучительствы убиваютъ, чего для, для пресѣченія душевредныя и соблазнительныя сея продерзости, соблаговолено-бъ было предписать ругателямъ такимъ найстрожайшіе законы и по законамъ штрафы».

Видное мѣсто въ пунктахъ духовенства занимаетъ и вопросъ о расширеніи правъ кіевскихъ митрополитовъ. Такъ, духовенство проситъ подтвердить древнее право выбора митрополита вольными голосами, какъ клиромъ, такъ и мірянами, позволить имъ титуловаться по прежнему митрополитами кіевскими, галицкими и Малыя Россіи, освободить ихъ отъ всякой зависимости отъ синода въ судебныхъ дѣлахъ, поручить ихъ вѣдѣнію епархіи могилевскую, черниговскую и переяславскую, также какъ и ставропигіальные монастыри кіево-печерскій и межигорскій, то подчинявшіеся митрополиту, то выходившіе изъ послушанія ему и, наконецъ, возвратить ему право назначать и рукополагать архимандритовъ въ вакантные монастыри по своему усмотрѣнію.

Заслуживаютъ вниманія и заботы духовенства объ образованіи. Такъ, напримѣръ, кіевское духовенство ходатайствуетъ о разныхъ льготахъ для кіевской академіи: о подтвержденіи ей права именоваться академіей, о томъ, чтобы никто не позволялъ себѣ самовольно наказывать виновныхъ студентовъ, а обращался-бы къ суду академіи, чтобы воспитанники академіи пользовались предъ другими преимуществомъ на полученіе мѣстъ и производство въ чины, а при постриженіи въ монашество трехгодичный искусъ былъ-бы ограниченъ шестью мѣсяцами, чтобы на воспитанниковъ академіи не распространялось условіе выбора ихъ въ священники мірянами, и они назначались бы въ приходы прямо начальствомъ; для матеріальнаго обезпеченія академіи испрашивалась такая-же сумма, какая отпускалась для московской славяно-греко-латинской академіи, ректоръ-же и учителя просили, чтобы имъ выдали задержанное въ кіевской губернской канцеляріи жалованье за 1764—1768 гг., т. е. за 4 года. Духовенство черниговской епархіи въ свою очередь поручило своему депутату указать въ коммиссіи на необходимость увеличенія объема преподаванія въ черниговскомъ коллегіумѣ и расширенія для него помѣщенія.

Говоря о нуждахъ и значеніи для государства академіи, какъ высшаго образовательнаго учрежденія, духовенство указываетъ на ея древность, говоря, что «начало кіевскихъ училищъ или школъ, при кіево-братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ учрежденныхъ, простирается давностью своею *выше 1615 года*, какъ урядовая подлинная выпись изъ земскихъ кіевскихъ книгъ, въ ономъ монастырѣ имѣющаяся, доказываетъ». Указывая также на древность типографіи и услугу, оказываемую ею дѣлу православія, духовенство проситъ разрѣшить печатаніе, кромѣ русскихъ богослужебныхъ книгъ для снабженія ими церквей въ подвластной Польшѣ правобережной Украинѣ, еще учебниковъ для академіи и школъ и богослужебныхъ книгъ на греческомъ языкѣ, за которыми обращается въ типографію греческое духовенство. При этомъ упоминается между прочимъ, что въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита находятся и другія типографіи, именно: типографія, бывшая сначала въ спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, а потомъ переведенная въ черниговской свято-троицкій ильинскій монастырь, типографія въ могилевской каѳедрѣ, въ виленскомъ и другихъ западно-русскихъ монастыряхъ, перешедшихъ въ унію.

Кіево-печерская Лавра и межигорскій монастырь, какъ независимыя ставропигіи, выступаютъ со своими отдѣльными «пунктами». Лавра, повторяя общія жалобы и просьбы всего духовенства, ходатайствуетъ о вознагражденіи ея за оставшіяся на польской сторонѣ ея имѣнія, состоявшія изъ 5 мѣстечекъ съ замками, 47 селъ съ 17 церквями, 7 хуторовъ, изъ которыхъ выходило 20 плуговъ, 36 мельницъ съ ступниками и нѣсколькихъ суконныхъ, бумажныхъ и желѣзныхъ заводовъ, и заключавшія въ себѣ 5620 крестьянскихъ дворовъ. Въ пунктахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаются не лишенныя интереса подробности объ укрѣпленіи кіевскихъ пещеръ. Пещеры эти, «въ самой песковатой землѣ устроенныя», оставались невредимы и цѣлы въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; поверхность горъ, въ которыхъ онѣ находятся, испоконъ вѣка была покрыта лѣсомъ, корнями котораго и связывалась почва. Но въ 1740 г., для какого-то палисадника инженерной командой земля на прилегавшихъ къ пещерамъ косогорахъ была взрыта и деревья вырублены; вслѣдствіе этого уже въ 1741 году вода отъ снѣговъ и дождей, просачиваясь внутрь и встрѣчаясь съ внутренней ключевой водой, сдѣлала вдругъ «немалое поврежденіе» горамъ при Ѳеодосіевой пещерѣ, а потомъ горы «начали часъ отъ часу индѣ знатно оплывать, а индѣ по немногу только посовываться къ берегу днѣпровскому». Въ 1750 году на укрѣпленіе горъ было ассигновано 20,000 руб., деньги были въ исходѣ, «а подчинки того Ѳеодосіевскаго буерака половинная только развѣ часть въ отдѣлкѣ находилась»; между тѣмъ опасность дальнѣйшаго сползанія угро-

жала по прежнему; таже опасность грозила и Антоніевымъ пещерамъ, такъ какъ большія земляныя трещины доходили уже до пещерной церкви; въ виду всего этого Лавра проситъ ассигновать для окончательнаго укрѣпленія горъ необходимую сумму денегъ. О томъ-же (т. е. объ укрѣпленіи его горъ) проситъ и межигорскій монастырь, ссылающійся на свою крайнюю бѣдность вслѣдствіе потери имѣній, оставшихся въ польскихъ владѣніяхъ, и отсутствія всякихъ доходовъ отъ прихода. Межигорская обитель дѣлаетъ при этомъ оговорку, что «хотя монастырь межигорскій и имѣетъ себѣ парохію—*войско запорожское*, съ добровольнаго его согласія, и туда, въ Сѣчь Запорожскую, посылаются отъ монастыря для служенія и преподачи требъ христіанскихъ іеромонахи и іеродіаконы, но оттоль, кромѣ того, что испрошено нѣкоторое число отъ доброхотныхъ дателей, бываетъ въ монастырь про росходъ рыбы да соли, болѣе никакихъ деньгами доходовъ въ полученіи не бываетъ, съ коихъ за соль, въ провоженіи ея въ монастырь, на таможенныхъ заставахъ и указная пошлина взимается». Скудость приходовъ заставляетъ монастырь молить о возобновленіи его церквей, матеріальномъ обезпеченіи братіи и освобожденіи отъ налоговъ, а также о соглашеніи его права на рубку дерева въ близлежащемъ лѣсу съ правомъ мѣщанъ кіевскихъ на земли, лежащія на 25 верстъ въ окрестностяхъ города, тогда какъ самъ монастырь лежитъ всего лишь въ 15 верстахъ отъ него. Какъ Лавра, такъ и межигорскій монастырь, считая себя только въ подчиненіи синода и ссылаясь на патріаршія грамоты, просятъ уволить ихъ отъ власти кіевскихъ митрополитовъ, идя такимъ образомъ въ разрѣзъ требованіямъ послѣднихъ и прочаго духовенства.

Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе и враждебнаго отношенія малорусскаго духовенства къ Румянцевской описи; оно проситъ прекратить начатую ревизію, «съ подробнымъ всего описаніемъ сочиняемую, никогда въ Малороссіи небывалую и малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную», возбуждающую будто бы только народъ, который, боясь новаго отягощенія его налогами, уходитъ за границу, т. е. въ Польшу, «гдѣ прежняя вольность содержится».

Пункты малороссійской коллегіи не многосложны въ сравненіи съ пунктами духовенства. Сама коллегія была учрежденіемъ смѣшаннымъ на половину изъ великорусскихъ, на половину изъ малорусскихъ чиновъ, потому ея заявленія не имѣютъ цѣльнаго, чисто мѣстнаго характера.

Прежде всего коллегія проэктируетъ раздѣленіе ея на 4 департамента: 1) императорскаго правительства или малороссійскаго генералъ-губернамента, съ высшимъ общимъ управленіемъ и надзоромъ; 2) военнаго коммиссаріата, завѣдывающаго войскомъ; 3) камеръ-конторы, какъ финансово-административнаго учрежденія, и 4) и надворнаго суда, какъ высшей апеляціонной инстанціи для низшихъ земскихъ и гродскихъ судовъ. Въ административномъ отношеніи коллегія предлагаетъ дѣленіе страны на пять провинцій съ четырьмя уѣздами въ каждой. Сверхъ того она находитъ необходимымъ учредить должности нотаріусовъ для утвержденія гражданскихъ сдѣлокъ и адвокатовъ для веденія судебныхъ дѣлъ, обставить большей формальностью и строгостью совершеніе купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества, въ виду частыхъ подлоговъ въ документахъ, переложить государственные доходы съ душъ на земли, упорядочить городское самоуправленіе, учредивъ магистратъ въ каждомъ городѣ съ правомъ суда надъ гражданами и распоряженія хозяйствомъ, и раздѣлить горожанъ на хозяевъ и ихъ служащихъ, пригласить техниковъ для производства всякаго рода опытовъ въ добывающей промышленности и мануфактурѣ и лѣсничихъ для правильнаго лѣсоводства, ограничить право винокуренія необходимостью имѣть для этого 30 четвертей сѣву и лѣсу, устроить дороги и мосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ коллегія обращаетъ вниманіе и на нужды каждаго сословія; она ходатайствуетъ о томъ, чтобы дворянство давалось только за особыя услуги государству, чтобы монастыри, церкви и духовенство были обезпечены доходами отъ приходовъ или жалованьемъ, чтобы послѣднему разъ навсегда была запрещена покупка земель и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщанію (чего такъ настоятельно требовало духовенство и что, по настояніямъ шляхты, было запрещено ему еще въ эпоху польскаго владычества сеймовой институціей 1635 года, а потомъ по представленію гетмана Даніила-Апостола отмѣнено по постановленію верховнаго тайнаго совѣта 22 августа 1728 года); чтобы нѣсколько монастырей было назначено для призрѣнія увѣчныхъ и нищихъ, чтобы чиновникамъ для предупрежденія лихоимства опредѣлено было достаточное содержаніе, чтобы войско было урегулировано и сравнено въ правахъ съ великорусскимъ, чтобы число крестьянъ, записывающихся въ козачество было ограничено, чтобы свободный переходъ подсусѣдковъ (безземельныхъ свободныхъ людей) былъ подчиненъ контролю и сами они обложены особымъ налогомъ, сообразно съ занятіемъ каждаго, по

меньшимъ сравнительно съ пашенными поселянами, чтобы, наконецъ, данныя нѣжинскимъ грекамъ жалованныя грамоты на льготы были соглашены съ привилегіями горожанъ и безъ нарушенія вольностей послѣднихъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ нужды и желанія южно-русскаго общества, которыя оно получило возможность выразить предъ правительствомъ въ пунктахъ наказовъ, данныхъ имъ своимъ депутатамъ, избраннымъ въ коммисію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ.

1) Раскопка кургана «Мухина-гора».

Курганъ «Мухина-гора» находится екатеринославской губерніи, павлоградскаго уѣзда, въ артельской волости, въ двухъ верстахъ отъ с. Краснопавловки № 2 къ юго-востоку, на землѣ А. Е. Снѣгиревой, и въ двухъ верстахъ отъ станціи «Краснопавловки» курско-харьково-азовской желѣзной дороги. Прямо на западъ, на разстояніи полуторы версты отъ кургана, протекаетъ рѣчка Орелька, отдѣляющая здѣсь екатеринославскую губернію отъ губерніи харьковской; въ двадцати пяти саженяхъ къ сѣверу земля С. П. Суковкина, въ 200 с. полотно курско-харьково-азовской желѣзной дороги; на югъ ровная степная поверхность безъ особыхъ примѣтъ. Съ наружней стороны курганъ имѣетъ почти овальную форму съ небольшою площадкою на самой вершинѣ и со взвозомъ отъ запада къ востоку по сѣверной половинѣ его; весь курганъ поросъ травой и состоитъ исключительно изъ земляной насыпи, безъ примѣси камней. Свое названіе «Мухина-гора» онъ получилъ отъ бывшаго владѣльца Мухина, предшественника г-жи Снѣгиревой. По разсказамъ старожиловъ, въ давнее время на курганѣ стояла такъ называемая *каменная баба*. По точному измѣренію, въ окружности курганъ имѣетъ 115 саженъ, а черезъ вершину, отъ одного края основанія и до другаго, 25 саженъ. Не вдалекѣ отъ «Мухиной-горы» расположены еще четыре кургана, на землѣ С. П. Суковкина.

Раскопку кургана «Мухина-гора» я взялъ на себя по порученію императорскаго московскаго археологическаго общества въ виду грозившей кургану опасности быть потеряннымъ для науки. Дѣло въ томъ, что курганъ уже раскапывался съ практическою цѣлью отысканія зарытаго въ немъ, по народному преданію, клада, при чемъ научныя цѣли не могли имѣть мѣста. Раскопку велъ еврей Моисей Милославскій изъ Таганрога по особому условію и контракту съ владѣлицей А. Е. Снѣгиревой. Нечего и говорить о томъ, что раскопка велась на угадъ, способомъ самымъ простымъ, безъ всякихъ пріемовъ, выработанныхъ наукой: прокопана была сперва на сѣверо-восточной окраинѣ кургана яма почти такой формы, какую копаютъ теперь для покойниковъ, глубиною въ два съ половиной сажня: затѣмъ яма была оставлена, и еврей началъ копать траншею, шириною почти въ два аршина и длиною въ четыре сажня, по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ траншеѣ еврей углубился на четыре аршина и открылъ здѣсь «ходы»; хотя это были не больше, какъ звѣриныя норы, но онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ принялся за дѣло. Далѣе еврей наткнулся на скелетъ человѣка и, страшно испуганный этой находкой, оставилъ было на время свое предпріятіе; но страсть къ золоту превозмогла, и онъ вновь принялся за курганъ, какъ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ предпріятіи... Со слезами на глазахъ Милославскій оставилъ курганъ. Такъ разсказываютъ тѣ четыре человѣка, съ помощію которыхъ еврей велъ раскопку и съ которыми онъ обѣщалъ подѣлиться кладомъ, такъ какъ работали они безплатно.

Курганъ «Мухина-гора» раскопанъ мной глухой траншеей, при чемъ глухая сторона ея оставлена на югѣ, а выходъ (двое воротъ по угламъ траншеи) открытъ былъ на сѣверъ, длина-же траншеи, отъ юга къ сѣверу, 14 саженъ, а ширина ея, отъ запада къ востоку, почти 7 саженъ. Раскопка въ теченіе восьми дней потребовала 288 рабочихъ и тридцати паръ воловъ для вывозки земли; общая стоимость работъ обошлась въ сто девяносто два рубля. Раскопка шла послойно. Всѣхъ слоевъ до материка (желтой глины) снято 28, при чемъ каждый слой равнялся полуторы четверти («штыхъ лопаты»); итого глубина раскопки равняется почти одиннадцати аршинамъ. При раскопкѣ веденъ былъ мною подробный дневникъ съ рисунками всѣхъ пластовъ земли и съ точнымъ указаніемъ

мѣста нахожденія каждой вещи, открываемой въ пластахъ, при чемъ измѣреніе производилось отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и восточной и западной стѣнѣ траншеи, смотря по положенію вещи до мѣстонахожденія ея.

Чтобы ознакомить читателей съ подробностями произведенной мною раскопки, я долженъ изложить ходъ работъ по дневнику. Матерія нѣсколько скучная, но я имѣю въ виду тѣхъ, которые сами пожелали-бы заняться подобнымъ дѣломъ, а такихъ, какъ я убѣдился опытно, находится не мало. Итакъ послѣдуемъ за дневникомъ.

Первый слой. Глубина—полторы четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ [1]) отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдены черепки вмѣстѣ съ дномъ разбитаго *горшка*, изъ черной полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики; на двѣнадцать шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдена верхняя челюсть *лошадинаго черепа*, лежавшая внизъ лбомъ и имѣющая двѣ четверти съ однимъ вершкомъ длины, и въ двухъ аршинахъ отъ челюсти къ западу, у самой западной стѣны траншеи, нѣсколько древесныхъ *углей;* на разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полуаршина найдены обломки *человѣческаго черепа съ позвоночной костью;* на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найденъ *черепокъ горшка* изъ полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики.

Второй слой. Глубина—три четверти. На разстояніи двадцати пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ къ сѣверу и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ черепокъ *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены *ребра человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена *ручная кость человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направ-

[1]) Шагъ равняется двумъ аршинамъ.

ленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены три черепка разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментаціи; на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены обломки *реберъ человѣка;* на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена нижняя челюсть *конской головы*, зубами внизъ; на разстояніи одиннадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося дубоваго *дерева;* на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію прямо къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины съ орнаментикой, положеннаго на угляхъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена верхняя челюсть *конской головы;* на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы*, положенныя рядомъ одна возлѣ другой, въ обыкновенномъ видѣ, каждая по двѣ съ половиной четверти длины отъ зубовъ къ концу затылка; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы*, положенныя одна на другую, въ обыкновенномъ видѣ, каждая длины по двѣ съ половиной четверти; на разстояніи семи съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ съ половиной шаговъ найдена *конская голова*, положенная въ обыкновенномъ состояніи и имѣющая длины нѣсколько менѣе двухъ съ половиной четвертей.

Третій слой. Глубина четыре съ половиною четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ

шаговъ найденъ обожженный скелетъ *лошади* вмѣстѣ съ древесными углями. На разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдено *копыто лошади*; на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдено *ребро лошади;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ обломокъ *человѣческаго черепа*, положеннаго на угляхъ изъ древесныхъ вѣтвей и нѣсколько восточнѣе отъ черепа кость *курицы*; на разстояніи пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдены *черепъ и кости лисицы*; на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на растояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ сгнившаго *дерева*; на растояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося берестоваго *дерева*; на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ небольшой *известковый камень.*

Четвертый слой. Глубина шесть четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена позвоночная *кость быка;* на разстояніи девяти съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по прямому направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева:* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи. по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи

шести съ половиной шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южной траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найдена кость *курицы;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдено нѣсколько *углей;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ *черепъ и кости лисицы;* на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *березы.*

Пятый слой. Глубина семь съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ къ западу найдено *ребро лошади;* на древесныхъ угляхъ и нѣсколько восточнѣе отъ него кость *барана;* на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдена кость *быка;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдена *бронзовая пряжка;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полутора шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева;* въ вершокъ толщиною.

Шестой слой. Глубина девять съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ къ западу найденъ небольшой гладко отполированный *камень,* два вершка длины и въ половину этого ширины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ къ востоку найдены куски *человѣческаго черепа* (лѣвая сторона): на разстояніи шести шаговъ

отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдены *вьнцы*, горшки изъ чистой, прекрасно обожженной глины, безъ орнаментики; на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ *скелетъ человѣка*, съ ногами по колѣна. Положеніе скелета съ запада на востокъ (голова на западъ, ноги на востокъ), лицо вверхъ, руки на груди; длина всего скелета (до колѣнъ) шесть четвертей; ножныя кости имѣютъ по двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; ручныя отъ локтя по полуторы четверти, голова вся раздавлена землей, кромѣ нижней челюсти съ зубами, плохо сохранившимися и небольшихъ размѣровъ; признаковъ гроба и другихъ принадлежностей не обнаружено; на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, наискось къ западу и отъ западной стѣны траншеи найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, длиною въ аршинъ и толщиною въ два вершка, положеннаго наискось отъ угла къ стѣнѣ.

Седьмой слой. Глубина одинадцать четвертей. На разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, въ три вершка толщиною.

Осьмой слой. Глубина двѣнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена одна половинка прямыхъ желѣзныхъ *удилъ;* на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ кусокъ *дуба*, толщиною въ четверть, длиною въ полуторы четверти; въ юго-восточномъ углу, въ видѣ полукруга съ небольшимъ (менѣе, чѣмъ одинъ аршинъ) проходомъ съ сѣверной стороны, открыто два *бревна:* береза и берестъ, изъ коихъ береза начинается у самой средины южнаго конца и идетъ въ видѣ правильной полудуги отъ юга къ сѣверо-востоку, а берестъ начинается у восточной стѣны траншеи и идетъ въ видѣ полудуги отъ востока къ западу, поворачивая постепенно къ югу и почти сходится съ концомъ березы (не доходя менѣе, чѣмъ на аршинъ): толщина береста—полторы четверти, длина два

съ половиной аршина, толщина березы два съ половиной вершка, длина два съ половиной аршина.

Въ *девятомъ слоѣ* ничего не найдено.

Десятый слой. Глубина пятнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію чрезъ центру, и на разстояніи пяти шаговъ отъ правой стѣны траншеи найденъ неполный скелетъ *человѣка* (непорченный раскопкою кладоискателя еврея Милославскаго); отъ этого скелета сохранились только нижняя челюсть черепа съ прекрасно сохранившимися зубами и ноги отъ колѣнъ и ниже; длина костей, отъ колѣнъ съ кистями—двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; положеніе на востокъ, безъ признака гроба и платья; вещей также не найдено никакихъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи семи шаговъ отъ восточной стѣны траншеи найдены двойныя желѣзныя *удила;* въ юго-западномъ углу траншеи найденъ кусокъ березоваго *дерева,* толщиною въ вершокъ.

Одинадцатый слой. Глубина семнадцать четвертей. На разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи двухъ шаговъ, по направленію отъ западной стѣны траншеи къ восточной, найденъ скелетъ *человѣка* безъ головы; положеніе съ юго-востока на сѣверо-западъ; правая рука по-надъ правымъ бокомъ, лѣвая положена по животу, ниже груди, при чемъ пальцы ея протянуты нѣсколько дальше праваго бока; лицо вверхъ; длина всего скелета три аршина съ четвертью, длина правой руки пять четвертей; по бокамъ скелета признаки дерева; вещей не найдено никакихъ; въ юго-восточномъ углу траншеи найдены куски дубоваго *дерева.*

Двѣнадцатый слой. Глубина осьмнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена лопатка *барана.*

Въ *тринадцатомъ* и *четырнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Пятнадцатый слой. Глубина двадцать три четверти. Въ юго-западномъ углу траншеи найдено нѣсколько кусковъ *угля.*

Въ *шестнадцатомъ* и *семнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Осьмнадцатый слой. Глубина тридцать шесть четвертей. Въ юго-западномъ углу найдены куски *угля*, а въ юго-восточномъ *рѣчныя ракушки*, длиною въ два съ половиной вершка каждая.

Въ *девятнадцатомъ слоѣ* ничего не найдено.

Двадцатый слой. Глубина тридцать девять четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ отъ восточной стѣны траншеи, по направленію къ западной, найденъ *человѣческій черепъ*, окрашенный въ какое-то красное вещество, глазными отверстіями вверхъ, ртомъ къ востоку; ширина черепа черезъ затылокъ—одна четверть съ вершкомъ, длина двѣ четверти.

Двадцать первый слой. Глубина сорокъ съ половиной четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена кучка *углей*, числомъ семь.

Въ *семи* остальныхъ слояхъ (всѣхъ двадцать восемь), кромѣ рѣчныхъ *ракушекъ*, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, не найдено ничего.

Послѣ двадцати осьми слоевъ снятой земли обнаружился материкъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины, или такъ называемаго „глею". Въ самомъ материкѣ, послѣ того, какъ поверхность его была совершенно выглажена, обнаружено три черныхъ пятна: одно въ юго-восточномъ углу траншеи, у самой стѣны, другое у той-же стѣны, но ниже, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, по направленію отъ юга къ сѣверу, и третье, самое главное, на двѣнадцать шаговъ ниже южнаго конца траншеи, на четыре шага сѣвернѣе центра и на два съ половиной шага по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, иначе отъ втораго черного пятна. Первыя два пятна имѣютъ видъ продолговатыхъ квадратовъ, по четыре съ половиной аршина длины и по два ширины каждое, а третье почти овальной формы съ небольшимъ квадратомъ, въ видѣ хвоста, по направленію отъ юга къ сѣверу. Сверхъ того, послѣ очистки насыпи всей траншеи, на разстояніи двухъ шаговъ отъ самаго центра кургана къ западной стѣнѣ траншеи, въ материкѣ обнаружено было еще пять черныхъ пятенъ, въ видѣ небольшихъ квадратовъ, въ одинъ аршинъ длины каждый. Послѣ вскрытія этихъ

послѣднихъ пятенъ оказалось, что здѣсь, въ самомъ материкѣ, на глубинѣ полутора аршина, устроено было *пять очаговъ*, въ аршинъ высоты и три четверти ширины каждый: два изъ нихъ расположены по канавѣ, идущей отъ востока къ западу, а три расположены по канавѣ, идущей отъ сѣвера къ югу и соединяющейся подъ прямымъ угломъ съ первой канавой; при чемъ расположеніе очаговъ, первыхъ двухъ и послѣднихъ трехъ, обращено въ разныя стороны: два на югъ отверстіями, а три на западъ. Въ одномъ изъ очаговъ найдено небольшое количество угля.

Въ томъ изъ трехъ черныхъ пятенъ, которое обнаружено въ юго-восточномъ углу траншеи, найдено два *человѣческихъ скелета*, положенные лицами вверхъ съ юга на сѣверъ, параллельно восточной стѣны траншеи, но притомъ такъ, что первый скелетъ, именно тотъ, что ближе къ стѣнѣ, положенъ выше втораго на двѣ четверти; при чемъ ноги перваго скелета, отъ колѣнъ, подложены подъ ноги втораго, а лѣвая рука того-же перваго скелета вложена въ правую втораго; правая-же рука все того-же перваго скелета, какъ и лѣвая втораго, положены какъ-бы на отлетъ, нѣсколько поодаль отъ скелетовъ; длина перваго скелета два аршина съ половиной, длина втораго два аршина три четверти; длина черепа перваго скелета полторы четверти, ширина одна четверть; длина черепа втораго скелета двумя вершками больше; подъ обоими скелетами, кромѣ кусковъ дерева, не найдено ничего.

Во второмъ черномъ пятнѣ, обнаруженномъ также у восточной стѣны траншеи, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, найденъ одинъ *человѣческій скелетъ*, положенный также съ юга на сѣверъ, лѣвымъ бокомъ вверхъ, а правымъ внизъ; при чемъ колѣни скелета согнуты по направленію къ востоку, а ступни ногъ выворочены по направленію къ западу; руки положены одна на другую, лѣвая на правую, и откинуты отъ скелета по направленію къ востоку. Длина скелета три аршина и семь вершковъ, черепъ отъ затылка къ носу три четверти, черезъ макушку двѣ. Кромѣ признаковъ дерева возлѣ скелета не найдено ничего.

Третье черное пятно почти овальной формы; въ окружности имѣетъ пять саженъ, но глубины различной: съ восточной и западной сторонъ имѣетъ по одному аршину, съ сѣверной три четверти, а съ южной аршинъ съ четвертью, по направленію къ сѣ-

веру это черное пятно имѣетъ протяженіе въ видѣ продолговатаго квадрата, имѣющаго длины четыре аршина и ширины полтора. На глубинѣ одной четверти чернаго пятна, съ западной стороны, найдено два *угля* и нѣсколько сѣвернѣе отъ нихъ скелетъ *хомяка*, положенный съ юга на сѣверъ съ поворотомъ головы отъ запада къ востоку; длина всего скелета аршинъ; на глубинѣ двухъ четвертей чернаго пятна найденъ другой скелетъ *хомяка*, положенный по направленію отъ запада къ востоку, такой-же длины; во всемъ остальномъ пятнѣ до самаго материка не найдено ничего, кромѣ какого-то *бѣлаго вещества* (известь, мѣлъ или, быть можетъ, березовая кора—трудно опредѣлить), которое отдѣляло весь кругъ чернаго пятна отъ материка. Только въ продолговатомъ квадратѣ чернаго пятна (отъ центра на югъ на разстояніи семи шаговъ) найденъ полный скелетъ *человѣка*, на глубинѣ одного аршина отъ материка. Положеніе скелета почти такое-же, какъ и во второмъ черномъ пятнѣ: скелетъ положенъ правымъ бокомъ, внизъ по направленію отъ юга (голова) къ сѣверу (ноги), съ согбенными ногами въ колѣняхъ; разница лишь въ положеніи лица, которое обращено не къ востоку, какъ-бы слѣдовало по положенію скелета на правый бокъ, а на западъ, что даетъ поводъ думать, что голова умершаго какъ-бы насильственно выворочена; изъ рукъ правая протянута по-надъ правымъ бокомъ скелета, по направленію отъ юга къ сѣверу, но кисть ея загнута по направленію отъ запада къ востоку. Голова отъ подбородка къ концу затылка имѣетъ три четверти, черезъ макушку четверть; въ верхней челюсти черепа не достаетъ пяти зубовъ; носъ довольно поднятъ къ верху, но съ очень низко запавшею перепонкою. Подъ скелетомъ, кромѣ признаковъ дерева и въ небольшомъ количествѣ углей, положенныхъ у лѣваго бока, не найдено ничего.

Таковъ ходъ и результатъ произведенной мною раскопки кургана „Мухина-гора".—Теперь послѣ всего естественно спросить: къ какому времени относится сооруженіе названнаго кургана и какому народу нужно приписать его? Отвѣтъ можетъ быть только гадательный; вещами курганъ на столько бѣденъ, что разгадать по нимъ съ точностію, какой народъ насыпалъ его, едва-ли возможно. Мы не можемъ утверждать, чтобы курганъ былъ ограбленъ, хотя бы то и такимъ кладоискателемъ, какъ упомяну-

тый еврей Милославскій, такъ какъ всѣ черныя пятна, а это самое существенное въ курганахъ, были открыты въ цѣлости. Скорѣе можно думать, что бѣдность кургана указываетъ и на бѣдность самаго народа, соорудившаго его, что курганъ насыпанъ такимъ кочевымъ народомъ, сравнительно мало осѣдлымъ и мало культурнымъ, какъ извѣстные въ нашей исторіи половцы, иначе называемые куманями и кипчаками, народы тюрско-татарской породы, родственные съ печенѣгами, народы, имя которыхъ записано у нашихъ лѣтописцевъ уже подъ 898 годомъ [1]) Вырвавшись изъ степей азіатскихъ, близъ Каспійскаго моря, вытѣснивъ оттуда народъ узовъ или торковъ, разогнавъ печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, половцы заняли теперешнія придонскія и новороссійскія степи, по берегамъ Чернаго моря до самой Молдавіи [2])

Что вскрытый курганъ можно приписать половецкой народности, доказательства на это въ самомъ курганѣ. Прежде всего за половцевъ говоритъ самое мѣстонахожденіе кургана: курганъ находится въ предѣлахъ сѣверной части екатеринославской губерніи и у южной части харьковской, гдѣ между прочимъ и кочевали половцы. Далѣе на половецкую народность указываетъ курганъ и тѣмъ, что на немъ стояла каменная баба, что приписывалось и приписывается, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ половцамъ. Подтвержденіе этому находимъ въ свидѣтельствѣ французскаго монаха Рубруквиса, проѣзжавшаго землю половцевъ уже въ XIII вѣкѣ. „У нихъ (половцевъ), говоритъ Рубруквисъ, есть обычай дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою покойника и воздвигать ему *статую*, обращенную лицомъ на востокъ [3]) и держащую въ рукахъ чашу на своемъ животѣ“ [4]) Наши лѣтописи (напримѣръ новгородская подъ 1224 годомъ) склонны, повидимому, всѣ курганы приписывать однимъ половцамъ, насы-

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871 г., стр. 9.

[2]) Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, Спб., 1818 г., стр. 71.

[3]) Здѣсь допущена нѣкоторая неточность: изъ множества каменныхъ бабъ, видѣнныхъ мною на курганахъ, далеко не всѣ обращены на востокъ, но нѣкоторыя на сѣверъ, на сѣверо-западъ и юго-западъ.

[4]) См. у Бержерона. Voyages faits principalement en Asie. т. I, ч. X.

навшимъ оные главнымъ образомъ надъ прахомъ своихъ князей или хановъ. Въ „Мухиной могилѣ", какъ мы видѣли, скрыто было восемь лошадей (по преимуществу головы и ноги: кочевнику нужна сообразительность лошади—въ головѣ и быстрота въ ногахъ), двѣ курицы, два барана, быкъ, лисицы, рѣчныя ракушки и два хомяка. Все это опять указываетъ на то, что курганъ насыпанъ былъ половцами: названныя животныя составляли и предметъ богатства и служили въ пищу половчину: „Главное богатство половцевъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ Д. И. Иловайскій, состояло въ стадахъ рогатаго скота, верблюдовъ, овецъ и особенно въ конскихъ табунахъ. Почти сырое мясо было ихъ любимою пищею, а кобылье молоко любимымъ напиткомъ; пили также кровь убитаго животнаго. Вообще въ выборѣ пищи половцы, какъ истые дикари, не затруднялись; при случаѣ пожирали и мясо нечистыхъ животныхъ, каковы волки, лисицы, а также мясо хомяковъ, сусликовъ и другихъ землеройныхъ обитателей степи" [1]. „Якоже се и нынѣ при насъ половцы законъ держать отецъ своихъ, кровь проливати, а хвалящеся о семъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы.... И полонипа (русскіе у половцевъ) скоты, и кони, и вельблюды... и овци" [2]. Само собою разумѣется, что тѣже названныя животныя, которыя составляли предметъ богатства и служили пищею для половцевъ, могли быть приносимы ими и въ жертву, какъ поминки по умершемъ князѣ или ханѣ, что и обнаружилось при вскрытіи кургана: нѣкоторыя изъ найденныхъ костей животныхъ положены были на угляхъ и обожжены. Къ этому нужно прибавить лишь одну новую черту, неуказанную, кажется, ни нашими лѣтописцами, ни современными половцамъ путешественниками: принесеніе въ жертву человѣка. Въ третьемъ слоѣ кургана, на глубинѣ четырехъ съ половиной четвертей, между другими находками найденъ и обломокъ человѣческаго черепа, положенный на древесныхъ угляхъ. Не есть-ли это также жертва, гдѣ половцы вмѣсто животнаго употребили человѣка, быть можетъ какого-нибудь плѣнника?—Замѣчу еще, что раскопка кургана указываетъ

[1]) Иловайскій, Исторія Россіи. Москва, 1880 г., ч. 2, стр. 76.
[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 9.

на новый видъ пищи, не названной въ лѣтописи, рѣчныя ракушки и просо. Присутствіе ракушекъ въ курганѣ объясняется близостью р. Орельки, протекающей отъ кургана въ полуторѣ верстѣ на западъ: очевидно половцы ловили ихъ въ рѣчкѣ и употребляли въ пищу. Найденное же въ курганѣ просо свидѣтельствуетъ, что половцы не все-же были кочевниками: быть можетъ, подъ конецъ они стали и культировать землю. Открытые въ курганѣ пять очаговъ, видимо, указываютъ опять таки на тѣхъ-же половцевъ. „Языческая религія собственно половцевъ намъ весьма мало извѣстна По всей вѣроятности, подобно другимъ тюркскимъ народамъ, они были преимущественно *огнепоклонники:* приносили коней, быковъ и овецъ въ жертву своему верховному божеству, творцу вселенной„ [1]). Статься можетъ, поэтому, что открытые пять очаговъ замѣняли у половцевъ жертвенные алтари. Что касается человѣческихъ скелетовъ, найденныхъ въ курганѣ, то изъ девяти только шесть можно считать половецкими: одинъ въ третьемъ слоѣ, положенный на угляхъ, другой въ одиннадцатомъ слоѣ, въ юго-западномъ углу траншеи, и четыре въ материкѣ; остальныя три скелета: одинъ во второмъ слоѣ, разбросанный по частямъ, другой въ шестомъ слоѣ съ ногами по колѣни, и третій въ девятомъ слоѣ, испорченный евреемъ Милославскимъ, мы склонны относить къ болѣе позднему времени, времени близкому къ намъ. По положенію этихъ скелетовъ (лицомъ къ востоку) можно заключить, что то были христіане; но какой національности они принадлежали, объ этомъ можно только гадать. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что это скелеты запорожцевъ, павшихъ въ битвѣ съ татарами. На такое предположеніе наводитъ по крайней мѣрѣ скелетъ съ отрубленными по колѣни ногами.

> Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
> Ты раздолье мое, степь широкая,
> Ничего-жъ ты, поле, не спородило.—
> Завродило, поле, ты могилушку,
> Ты могилушку одинокую,
> Что на самомъ верху той могилушки
> Стоитъ кустикъ одинъ-одинешенекъ,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 78.

Что подъ тѣмъ подъ кустомъ молодой козакъ лежитъ,
И порубленный и пострѣлянный,
Въ головахъ у него воронъ-конь его стоитъ...

Быть можетъ, эта-же могила приняла въ себя и какого-нибудь изъ чумаковъ, много лѣтъ ходившаго за рыбой на Донъ или за солью въ Крымъ, но внезапно застигнутаго смертью и погребеннаго товарищами въ высокомъ курганѣ среди степи зеленой.

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та й не було пригодоньки николи ёму;
Ой ходивъ-же винъ и въ день и въ ночи,
Занедужавъ чумаченько, зъ Крыму идучи;
Ой упавъ-же винъ, упавъ та й лежить,
Нихто ёго не спитае, що въ ёго болить.
. . . .
Отамане мій, жалуй ты мене:
Возьми мои волы й возы, поховай мене;
Бери волы, бери возы,
Зроби-жъ мени домовину хоть изъ рогозы.
. . . .
Ой у Самари вси дзвоны гудуть:
Оце-жъ того чумаченька на *курганъ* несуть.
Ой у Самари ударили въ дзвинъ:
Це-жъ по тому чумаченьку, що ходивъ на Динъ.
Ой у Самари ударили въ два:
Це-жъ по тому чумаченьку, що бувъ та нема.

Изъ шести скелетовъ, которые мы считаемъ половецкими, одинъ, что въ главномъ черномъ пятнѣ, безъ сомнѣнія принадлежалъ князю или хану, а остальные пять могли принадлежать если не его приближеннымъ, то русскимъ плѣнникамъ, которыхъ очень много было у половцевъ. „Половци-же, приемше градъ (Торъческъ), запалиша огнемъ, и люди раздѣлиша и ведоша я у вежѣ къ сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ. Мучими зимою, и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и въ жажѣ; і въ бѣдѣ побледѣвше лици, и почерпивше телесы; незнаемою страною, языкомъ іспаленомъ, нази ходяще и боси, ногы имуще избодены терньемъ. Съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города, а другии: азъ сего села; і тако съвъспрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе,

очи возводяще на небеса къ Вышнему, вѣдущему тайная" [1]). Что касается другихъ найденныхъ предметовъ въ курганѣ, кусковъ дуба, березы, береста, желѣзныхъ удилъ и одной бронзовой пряжки, то они одинаково могутъ быть отнесены какъ къ половцамъ, такъ и къ татарамъ, скиѳамъ, печенѣгамъ и другимъ полу-кочевымъ, полу-осѣдлымъ народамъ, населявшимъ нѣкогда нашъ югъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубую признательность г. землевладѣльцу с. Краснопавловки Г. И. Бѣлявскому, оказавшему мнѣ любезный пріемъ и много содѣйствовавшему въ понесенномъ мною трудѣ.

---

2) Раскопка кургана въ д. Вороной.

Еще въ прошломъ 1884 году, въ началѣ іюня мѣсяца, мнѣ пришлось производить раскопку кургановъ въ д. Вороной, екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, любимовской волости, близъ днѣпровскихъ пороговъ Лаханскаго и Звонецкаго, въ имѣніи М. Н. Миклашевской. Изъ двадцати пяти кургановъ, вскрытыхъ здѣсь, я остановлюсь на томъ курганѣ, который помѣченъ въ моемъ дневникѣ № 11 (безъ названія). Это второй по величинѣ послѣ могилы Яцёвой и остальныхъ пятнадцати кургановъ, находящихся въ данной мѣстности. Онъ стоитъ на полусклонѣ открытой степи, въ осьми верстахъ отъ д. Вороной и въ четырехъ верстахъ отъ р. Днѣпра, съ лѣвой стороны его. По внѣшнему виду курганъ продолговатъ, въ окружности имѣетъ 47 саж., а черезъ вершину, отъ одного конца основанія до другаго, 15 саж.; вершина—съ двумя продолговатыми воронками, выложенными внутри дикимъ камнемъ и заросшими травой,—глубиною въ одинъ сажень. Кругомъ, у основанія, весь курганъ обложенъ былъ дикимъ камнемъ, видимымъ впрочемъ только по мѣстамъ.

Раскопка произведена посредствомъ колодца, глубиною въ восемь съ половиной аршинъ, кругомъ въ 25 саж. съ отверстіемъ на сѣверо-западъ, шириной въ два сажня. Насыпь снималась послойно (всѣхъ слоевъ 18), причемъ каждый слой брался въ $1^1/_2$ четверти, а измѣреніе шло отъ центра въ разныя стороны, смотря

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 151.

по мѣстонахожденію каждой вещи. При раскопкѣ обнаружено, что курганъ отъ перваго слоя и до пяти аршинъ глубины насыпанъ былъ изъ земли и гранитнаго камня, со строгою послѣдовательностію, т. е. за слоемъ земли слѣдовалъ слой камня, за слоемъ камня слой земли и т. д.; причемъ каждый слой камня такъ плотно укладывался, что и самыя мелкія щели были забиты щебнемъ; самые-же камни попадались иногда такихъ большихъ размѣровъ, что одинъ изъ нихъ едва въ состояніи были сдвинуть съ мѣста десять-двѣнадцать человѣкъ. По всему этому для разработки кургана потребовалось до 280 человѣкъ въ теченіи двѣнадцати дней, кромѣ 24 паръ воловъ.

Всѣхъ слоевъ снято съ кургана 18. Изложу ходъ работъ по порядку съемки.

Первый слой; глубина—полторы четверти. На глубинѣ полуторы четверти на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ *горшокъ* изъ полуобожженной глины, безъ признаковъ орнаментики.

Во *второмъ слоѣ* ничего не найдено.

Третій слой; глубина четыре съ половиной четверти; на глубинѣ четырехъ четвертей, на разстояніи трехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверо-востоку, найдены черепки разбитаго *горшка* изъ пообужженной глины безъ признаковъ орнаментики.

Четвертый слой; глубина шесть четвертей; на глубинѣ шести четвертей обнаружено большое *кострище*, во весь кругъ кургана, т. е. въ 22 сажня въ окружности, толщиною отъ одного аршина (къ сѣверо-востоку) и до одной четверти (къ юго-западу); кострище состояло изъ толстыхъ березовыхъ деревъ съ хорошо сохранившеюся на нихъ бѣлою корою, положенныхъ стволами внизъ, вѣтвями на верхъ. По плотности кострище представляло такой мягкій слой, въ которомъ легко можно было провалиться, при самомъ осторожномъ хожденіи по немъ.

Въ *пятомъ слоѣ*—все тоже кострище.

Шестой слой; глубина девять четвертей; на разстояніи двухъ сажень отъ центра по направленію къ сѣверу найдены четыре обожженныхъ кости *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи полуаршина отъ центра къ сѣверу, найдены четыре ребра съ

четырьмя позвонками *лошади*; скелеть ея имѣлъ длины безъ четверти два аршина, положенъ былъ вверхъ спиной.

Седьмой слой; глубина десять съ половиной четвертей; на глубинѣ десяти четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ къ востоку найденъ хребетъ *лошади*, съ востока на западъ; остальныя части той-же лошади открыты въ безпорядкѣ: и выше и ниже десяти четвертей, съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ; между послѣдними костями обнаружены *угли;* на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку найденъ наконечникъ трехъ-граннаго желѣзнаго *копья*, длиною въ два вершка; на той-же глубинѣ на разстояніи пяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу найдены кости *собакъ*, а на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра къ востоку— челюсти *лошади*, положенныя на камни; на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найдена кость *теленка;* на той-же глубинѣ на разстояніи четырехъ аршинъ и четырехъ вершковъ отъ центра по направленію къ юго-востоку найденъ желѣзный *топоръ* безъ обушка (уничтоженъ ржою), имѣющій около трехъ вершковъ отъ конца лезвія къ обушку и столько-же отъ одного конца лезвія къ другому; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена кость *лошади* и возлѣ нея желѣзный *гвоздь*; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ съ четвертью отъ центра по направленію къ востоку, найденъ обломокъ *желѣзнаго ножа*, съѣденнаго ржавчиной, съ небольшой костяной ручкой и серебряной риховкой между ручкой и желѣзомъ; на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ югу найдена продолговатая желѣзная *трубочка* (на подобіе цѣвки), около двухъ вершковъ длины, и на три четверти къ югу отъ трубочки—желѣзная *пряжка*.

Осьмой слой; глубина двѣнадцать четвертей. На глубинѣ двѣнадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ небольшой желѣзный *крючекъ;* на глубинѣ тринадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ и трехъ четвертей отъ центра по направленію къ сѣверу, найдена кость *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ сосноваго *дерева*, длиною больше аршина, и на одну четверть восточнѣе—

кусокъ такого-же дерева, длиною полтора аршина; видимо дерево положено было въ видѣ полукруга по направленію отъ юго-востока къ сѣверу-востоку.

Девятый слой; глубина тринадцать съ половиной четвертей; на глубинѣ четырнадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найдены двѣ кости *лошади.*

Десятый слой; глубина пятнадцать четвертей. На глубинѣ пятнадцати четвертей, на разстояніи двухъ саженъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена ножная часть *человѣка* и на одинъ аршинъ отъ кости къ востоку куски желѣзнаго *кинжала.*

Одинадцатый слой; глубина шестнадцать съ половиной четвертей. На глубинѣ шестнадцати четвертей, на разстояніи десяти аршинъ отъ центра по направленію къ западу, найдены зубы *лошади,* на глубинѣ семнадцати четвертей на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу, найдено ребро *лошади,* хорошо сохранившееся; на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти аршинъ съ тремя четвертями отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный *гвоздь* и желѣзная *пряжка;* на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найденъ кусокъ сосноваго *дерева,* окрашеннаго въ красную краску, длиною въ три аршина и пять вершковъ.

Двѣнадцатый слой; глубина восемнадцать четвертей. На глубинѣ восемнадцати четвертей, на разстояніи одиннадцати съ четвертью аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ желѣзный *кинжалъ,* въ изломанномъ видѣ, величиною съ полъ аршина; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ четвертей отъ центра къ востоку, найдены обломокъ желѣзнаго *копья, гвоздь* и кусокъ *дерева;* на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены кость *быка* и возлѣ нея желѣзный *ножъ;* на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзныя *удила* и возлѣ нихъ кость *лошади.*

Тринидцатый слой; глубина девятнадцать съ половиной четвертей; обнаруженъ слой желтой *глины* толщиною въ палецъ на пространствѣ всего кургана и поверхъ слоя глины березовыя вѣтви; на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу; найдены куски серебристаго *тополя* съ корою

хорошо сохранившеюся и съ большими камнями поверхъ тополя; на той-же глубинѣ, въ самомъ центрѣ, найдена желѣзная *пряжка* и на полъ-аршина восточнѣе отъ нея кость *лошади* (ребро); на глубинѣ двадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ серебристаго *тополя* съ корой, хорошо сохранившейся; на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ *желѣза;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный ободокъ изъ *сѣдла*, желѣзный гвоздь и одинъ позвонокъ человѣческаго *скелета;* на той-же глубинѣ, въ центрѣ подъ воронками, найденъ слой твердой *глины* вмѣстѣ съ кусками деревъ, костей и гвоздей; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ и двухъ четвертей отъ центра по направленію къ востоку, найденъ позвонокъ *человѣческаго скелета*; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найденъ кусокъ *кремня*, въ полторы четверти длиною и въ полъ-вершка шириной; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена небольшая *кость* неизвѣстнаго животнаго, разрубленная по поламъ. Ниже пяти аршинъ насыпи слой камней прекращается.

Четырнадцатый слой; глубина двадцать одна четверть. На глубинѣ двадцати одной четверти, отъ центра по направленію къ сѣверу, у самой стѣны, найденъ небольшой *кремневый камень*. Въ остальныхъ *четырехъ* слояхъ не найдено ничего.

Послѣ снятія насыпи въ восемь съ половиной аршинъ глубины обнаруженъ матéрикъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины; въ самомъ центрѣ колодца, противъ воронокъ, которыми оканчивался курганъ на верху, найдено *черное пятно*, находившееся на 24 аршина къ концу колодца на востокъ и на 24-же аршина къ концу колодца на западъ. По формѣ черное пятно напоминало собой продолговатый полукругъ, расположенный прямой линіей на юго-востокъ, а дугой на сѣверо-западъ; причемъ прямая линія равнялась четыремъ съ половиной аршинамъ, а самая дуга девяти аршинамъ; глубина всего чернаго пятна, до матерevents, опредѣлялась тремя аршинами. Послѣ тщательнаго вскрытія чернаго пятна въ

немъ не оказалось ничего, кромѣ двухъ поломанныхъ *реберъ человѣческаго скелета* да верхней кости *скелета курицы* („кобылки").

Таковъ результатъ раскопокъ. Оставляю открытымъ вопросъ о томъ, какой народности приписать вскрытый курганъ, не имѣя для рѣшенія его достаточно данныхъ. Замѣчу лишь, что весь строй этого кургана много напоминаетъ разсказъ, записанный у извѣстнаго арабскаго путешественника половины X ст. Ибнъ-Фоцлана,— разсказъ о пріемахъ погребенія *русскими*, приходившими на Волгу для торговли съ болгарами, одного изъ знатныхъ ихъ русичей, умершаго здѣсь [1]). Этотъ-же курганъ напоминаетъ собой одинъ изъ тѣхъ кургановъ, которые насыпались въ честь *русскихъ*-же князей, убитыхъ гдѣ-нибудь на войнѣ, уже спустя много дней послѣ смерти героевъ. То курганы такъ называемой тризны. „И повелѣ (Олга) людемъ съсути могилу велику, и яко съспоша, повелѣ трызну творити. По семъ сѣдоша Деревлянѣ пити, и повелѣ Олга отрокомъ своимъ служити передъ ними" [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ черномъ пятнѣ, кромѣ двухъ реберъ, не обнаружено ни головы, ни ногъ, ни рукъ человѣка.

Д. И. Эварницкій.

Д. Богодаръ,
25 іюня 1885 года.

---

3) Раскопка кургана близъ с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Попадающіеся въ «Кіевской Старинѣ» извѣстія о раскопкахъ и археологическихъ находкахъ подали мнѣ мысль сообщить и о произведенной много недавно раскопкѣ. Въ маѣ прошлаго года я раскопалъ одинъ изъ цѣлой группы кургановъ, лежащихъ на поляхъ мѣстечка Рыжановки у границы ихъ съ полями села Залѣсскаго звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи. Поля эти составляютъ равнину, теперь безводную и безлѣсную, пространствомъ версты 3 въ длину и ширину. На ней возвышаются два большіе курганы и до 20 меньшихъ, во взаимномъ разстояніи отъ 150 до 300 шаговъ. Я раскопалъ одинъ изъ большихъ, высотою до 3½

---

[1]) См. А. Гаркави, Сказаніе мусульманскаго писателя о Слав. и Рус., Спб., 1870 г., 97—101.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., стр. 36.

саженей. Раскопка началась съ вершины и производилась крестообразно. Сверху находился слой чернозема, повидимому наноснаго или насыпнаго, перемѣшаннаго съ селитрой. Слой этотъ во многихъ мѣстахъ пробуравленъ былъ корнями росшихъ тамъ прежде деревьевъ. Отъ корней остались теперь только мѣстами наружныя оболочки, внутренность-же совершенно сгнила и унесена или съѣдена вѣроятно насѣкомыми и, какъ слѣды ихъ, остались полости развѣтвленныя и пустыя внутри, въ видѣ артерій; о деревьяхъ свидѣтельствовали не только остатки корней, но и попадавшіеся слѣды желудей. Мягкій черноземъ служилъ жилищемъ множества земляныхъ жабъ. На большей глубинѣ попадались кости разныхъ маленькихъ животныхъ: птичекъ, сусликовъ и т. п. Аршина на 2 глубины найденъ желѣзный наконечникъ пики, длиною около 1/8 аршина, до того изъѣденный ржавщиной, что его можно было-бы сломать между пальцами. Я однако-жъ сохранилъ находку у себя. Далѣе древесныхъ корней уже не было, однообразный слой чернозема съ селитрой продолжается до 1½ сажени глубины, затѣмъ прекратились слѣды корней, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала попадаться селитра. На днѣ кургана я нашелъ кучу красноватой глины высотою до 2 аршинъ, до того твердой, что пришлось ее разбивать топорами. На отлогихъ бокахъ этой глиняной кучи найдено нѣсколько кусковъ угля и остатки бараньихъ роговъ, а равно и куски желѣза, сильно заржавленые, какъ-бы обломки ножа. Подъ глиняной кучей лежала уже цѣлина, глубже по этому копать не было надобности; но за то продолжая крестообразную раскопку съ востока на западъ, я нашелъ, на 1 сажень ниже края подошвы кургана, лошадиныя кости въ безпорядкѣ, разбросанныя на черепкахъ глиняной посуды; костей головы и нѣкоторыхъ костей ногъ не доставало. Тамъ-же найдена часть мѣднаго кольца, въ діаметрѣ болѣе дюйма. Что касается до черепковъ глиняной посуды, то это были части урнъ огромныхъ размѣровъ, однѣ красноватаго цвѣта, другія темнаго, землистаго.

Вотъ все, что дала произведенная мною раскопка. Я не записной археологъ, велъ раскопку не по научнымъ правиламъ, предпринялъ ее, побуждаемый болѣе любопытствомъ, нежели опредѣленными научными цѣлями; но, кажется мнѣ, и я напалъ на такой пунктъ, гдѣ по остаткамъ костей, угля и разбитыхъ урнъ можно предполагать жертвенный алтарь древняго языческаго культа. Но при этомъ за-

гадкой для меня осталось присутствіе въ разрытомъ мною курганѣ огромной массы красноватой глины, чуждой мѣстному слою. Откуда она взялась и для какой цѣли сохранялась здѣсь? При раскопкахъ въ нашей мѣстности остатковъ древней глиняной посуды вообще попадается много: откуда-же она бралась? Неужели всегда первобытные народы получали ее отъ болѣе цивилизованныхъ? Вѣдь и кочевникамъ въ переходной періодъ извѣстны были нѣкоторыя ремесла. Можно поэтому допустить, что въ мѣстности раскопаннаго мною кургана имѣлъ временно осѣдлость какой-то кочевой народъ съ нѣкоторыми уже признаками культуры и что найденная мною глина заложена здѣсь именно для выдѣлки урнъ, но оставле на при внезапной передвижкѣ. Покидавшіе запасъ, быть можетъ, предполагая возвратиться, на всякій случай прикрыли покидаемое землею, что и дало начало кургану, а далѣе природа совершила свое дѣло. Вѣка прошли, пока курганъ покрылся дубовымъ лѣсомъ, пока лѣсъ былъ вырубленъ и замѣненъ пшеницей.

Высказываю мои предположенія, такъ сказать, мимоходомъ, не придавая имъ особаго значенія; настоящая-же цѣль моей замѣтки обратить вниманіе археологовъ на мѣстность, которая по всей видимости принадлежитъ къ древнѣйшимъ населеннымъ пунктамъ края и можетъ быть объектомъ ихъ изслѣдованій.

З.

Г. Звенигородка.
Мая 28 дня 1885 года.

НА МОГИЛѢ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

(*Корреспонденція «Кіевской Старины».*)

Давно хотѣлось мнѣ побывать въ городѣ Брестѣ Литовскомъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни и сложилъ свои кости извѣстный малорусскій писатель Алексѣй Петровичъ Стороженко. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, возвращаясь изъ Варшавы въ Кіевъ, я рѣшился наконецъ исполнить свое желаніе.

Поѣздъ приходитъ въ Брестъ въ два часа по-полудни. Едва я успѣлъ выйти изъ вагона, какъ меня окружила толпа жидовъ-извощиковъ и гостинничныхъ коммиссіонеровъ съ обычнымъ азарт-

нымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Наконецъ два наиболѣе энергичныхъ жидка выхватили у меня изъ рукъ чемоданъ, такъ что я, опасаясь за судьбу своихъ вещей, по-неволѣ послѣдовалъ за ними, расталкивая назойливо тѣснившихся около меня сыновъ Израиля.

Тощій конь, запряженный въ тряскую нейтычанку, еле тащилъ по сыпучему раскалившемуся песку. Три версты отъ вокзала до города показались мнѣ безконечными. Наконецъ мой возница остановился у подъѣзда стараго, крытаго гонтомъ, одноэтажнаго домика съ колоннами, надъ которыми прибита была вывѣска съ громкою надписью «Берлинская гостинница».

Не имѣя въ Брестѣ знакомыхъ, я спросилъ прежде всего, гдѣ живетъ городской протоіерей, разсчитывая разузнать у него кое-что меня интересующее, и, нѣсколько отдохнувши послѣ дороги, отправился къ нему. Такъ какъ его можно было видѣть только около шести часовъ вечера, то я употребилъ остававшійся до этого времени часъ на осмотръ города. Это названіе почти что не подходитъ къ Бресту: на песчаной равнинѣ тянутся по сторонамъ широчайшихъ улицъ полуразвалившіяся лачуги и только какой нибудь десятокъ домовъ напоминаетъ вамъ, что это городъ. Городское населеніе состоитъ почти исключительно изъ жидовъ; какъ я потомъ узналъ, здѣсь на пятьдесятъ тысячъ жителей не болѣе пяти тысячъ представителей другихъ національностей. То и дѣло шмыгаютъ мимо васъ грязные ободранные жидки, жаждущіе гешефта.

Увы! это не тотъ Брестъ, съ которымъ мы знакомы по исторіи западной Руси. Современный Брестъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Брестомъ. Дѣло было такъ. Когда Наполеонъ I ознакомился съ топографіей западной окраины Россіи, то сказалъ о Брестѣ: «кто будетъ крѣпко стоять здѣсь, тотъ будетъ господиномъ всего этого края». Наше правительство воспользовалось указаніемъ великаго стратега: въ тридцатыхъ годахъ городъ со многими церквами и костелами на берегахъ р. западнаго Буга и р. Мухавца былъ срытъ и на мѣстѣ его воздвигнута была огромная неприступная крѣпость, а для города были отведены песчаные бугры, находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости. Пока во всемъ городѣ есть только одна православная церковь и одинъ костелъ.

Къ шести часамъ я возвратился къ о. протоіерею. Онъ любезно принялъ меня, назвалъ мнѣ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Петровича, отъ которыхъ я могъ бы почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни и судьбѣ оставшихся послѣ него бумагъ, и разсказалъ то, что самъ зналъ про нашего писателя, котораго онъ не разъ видѣлъ по дѣламъ. Между прочимъ о. протоіерей подтвердилъ прежде дошедшій до меня слухъ, что въ бумагахъ покойнаго остались два неизданныя его произведенія: «Былое, но не минувшее» и «Чортъ па весилли».

Желая видѣть мызу, на которой провелъ Алексѣй Петровичъ послѣдніе годы своей жизни и мѣсто послѣдняго успокоенія его, я попросилъ о. протоіерея сопутствовать мнѣ туда, на что онъ обязательно согласился. На другой день, передъ вечеромъ, мы поѣхали на кладбище. По хорошо содержанному шоссе двѣ версты дѣлаются незамѣтно. Кладбище для уѣзднаго города болѣе чѣмъ въ порядкѣ—чистенькія дорожки, много деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ; почти въ центрѣ его церковь и около самой церкви, подъ тѣнью чуднаго каштана, лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, огороженная желѣзной рѣшеткой, чугунная плита, подъ которой покоятся бренные останки незабвеннаго Алексѣя Петровича. На плитѣ простая выпуклая надпись: «брестскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Алексѣй Петровичъ Стороженко. 6-го ноября 1874 г.» Съ благоговѣніемъ преклонившись предъ могилой талантливаго человѣка, я попросилъ о. протоіерея отслужить панихиду. Заунывное пѣніе при заходящемъ солнцѣ, лучи котораго робко пробивались сквозь густую листву окружавшихъ насъ деревьевъ, производило на меня сильное впечатлѣніе и навѣвало грусть. Молча вышли мы за ворота кладбища и проѣхали къ мызѣ Горишинъ, принадлежавшей покойному. По дорогѣ пришлось переѣхать черезъ мостикъ, на который о. протоіерей обратилъ мое вниманіе. «Это былъ роковой мостикъ для Алексѣя Петровича. Въ октябрѣ 1874 г. одна половина его перекрывалась; Алексѣй Петровичъ, возвращаясь какъ-то поздно вечеромъ изъ города, въ темнотѣ попалъ именно на эту половину, провалился, сильно простудился, окупувшись въ холодной водѣ, слегъ и ужъ болѣе не вставалъ».

Мыза Горишинъ расположена въ очень миленькой мѣстности—кругомъ зеленѣющіе луга, а по нимъ раскиданы тамъ и сямъ

группы деревьевъ; на право отъ мызы видѣнъ форпостъ, одинъ изъ многихъ, окружающихъ крѣпость. Мыза представляетъ въ настоящее время самое печальное зрѣлище. Переходя изъ рукъ въ руки, она досталась наконецъ какому-то генералу; но наканунѣ перваго его сюда пріѣзда домъ, въ которомъ жилъ покойный Алексѣй Петровичъ, сгорѣлъ до основанія. Владѣлецъ былъ очень этимъ огорченъ и оставилъ мызу въ полномъ запустѣніи; до сихъ поръ, не смотря на то, что это случилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лежитъ груда почернѣвшаго мусору и стоятъ, печально склонивши свои вершины, обгорѣвшія деревья. Въ саду, представлявшемъ при покойномъ, по разсказамъ бывавшихъ у него, «райскій уголокъ», остались только немногія деревья, насаженныя его трудолюбивою рукой, да видны углубленія на мѣстахъ прежнихъ куртинъ и дорожекъ. Нынѣшній арендаторъ мызы пользуется садомъ, какъ пастбищемъ, что придаетъ усадьбѣ еще болѣе унылый видъ опустѣнія. Тяжело было смотрѣть на такое состояніе того мѣста, которое такъ любилъ и объ украшеніи котораго столь усердно заботился покойный. Мы обошли садъ и поторопились вернуться въ городъ.

С—ко.

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ КІЕВСКИХЪ БРАТСКИХЪ ШКОЛЪ.

Въ фундаціонномъ актѣ 1615 г. на дворовыя мѣста, составляющія въ совокупности усадьбу кіево-братскаго монастыря, имя жертвовательницы написано въ такой формѣ («Памятники кіевской коммисіи, т. II): «я Галшка Гулевичовна Лозчина, маршалковая мозырская». Мужемъ ея, какъ извѣстно, былъ мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка, фамилія-же Гулевичовна означаетъ ея прозвище въ дѣвичествѣ. Не смотря на это, очень часто изслѣдователи первоначальной исторіи нашей академіи называютъ фундаторку Гулевичевой, что, очевидно, совершенно неправильно. Но такъ какъ они при этомъ равномѣрно употребляютъ и правильное написаніе, Лозчина или, по современной фонетикѣ *литературнаго* языка, Лозкина, то намъ достаточно ограничиться указаніемъ на эту несообразность, не входя въ ея подробное обсужденіе.

Иначе дѣло съ именемъ. Начиная съ болѣе давнихъ изслѣдователей академіи, до такого знатока мѣстнаго стариннаго языка, какъ М. А. Максимовичъ («О первыхъ временахъ Богоявленскаго братства», и др.), и до новѣйшихъ спеціалистовъ, къ тому-же профессоровъ самой академіи, какъ П. А. Лашкаревъ и С. Т. Голубевъ («Кіевская Старина» 1884 г. октябрь, 1885 г. январь),—всѣ они имя Лозкиной пишутъ неправильно. Начать съ того, что даже передавая его въ актовой формѣ, совсѣмъ безъ надобности вносятъ въ средину слова смягченіе, вмѣсто Галшка—пишутъ Гальшка. Здѣсь первый корень ошибки, ибо «Гальшку», по созвучію съ уменьшительнымъ малорусскимъ именемъ Галя, не трудно было отождествить съ послѣднимъ, т. е. принять его за архаическую форму *Анны*. Вѣроятно, эта ошибка отразилась далѣе, такъ что Гулевичовна-Лозчина можетъ значиться подъ именемъ Анны и въ современныхъ братскихъ помянникахъ. На самомъ дѣлѣ Анною она никогда не была, а имя это въ «Галшку» никогда не сокращалось, какъ можно видѣть напримѣръ изъ современной почти фундаціи монастыря почаевскаго Козинскою-Гойскою, которая такъ и пишется цѣликомъ Анною (Ганна).

Какое-же имя скрывается подъ формою Галшки?

Въ актахъ здѣшняго центральнаго архива XVI—XVII в. форма эта попадалась намъ въ существенно важномъ варіантѣ: Галжка, который могъ образоваться единственно изъ сокращенія нерѣдкаго тамъ-же полнаго имени Галжбета (польское Elżbieta), т. е. *Елисавета*. Это и есть настоящее имя Гулевичовны-Лозчиной. Это подтверждается подобнымъ-же примѣромъ относительно похищенной кн. Дмитріемъ Сангушкомъ княжны Острожской, дочери кн. Александра и Беаты, которая въ однихъ актахъ именуется сполна Елисаветою, а въ другихъ (и чаще) Галшкою. Но мы имѣемъ наконецъ и самое прямое доказательство правильности нашего мнѣнія. Въ житомірской гродской книгѣ 1617 и 1618 г., хранящейся въ центральномъ архивѣ подъ № 13, находимъ два документа, отъ 11 декабря 1618 г., существенно важныхъ для занимающаго насъ предмета. Оба они содержатъ жалобы шляхтича Дениса Лукаревскаго на вдову мозырскаго маршалка Лозки, урожденную Гулевичовну; одинъ изъ нихъ, № 617, касается нанесеннаго ею Лукаревскому оскорбленія, и здѣсь она названа *Галшкою*,

равно какъ въ актахъ той-же книги подъ № 413, 435, 437, 571, 572 (см. печатную Опись); въ актѣ-же подъ № 615 тотъ-же Лукаревскій жалуется на ту-же маршалковую по другому дѣлу, именуя ее *Галжбитою* (Опись, стр. 85). Тождество лица и именъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Необходимо замѣтить, что современницею и едва-ли не сестрою Елисаветы была Анна Гулевичевна, находившаяся въ замужествѣ за другимъ Лозкою же: первая была женою *Стефана, маршалка мозырскаго*, а вторая *Николая, подчашаго кіевскаго*. Эта послѣдняя Гулевичова-Лозчина, овдовѣвши, была во второмъ бракѣ за Ярошомъ Кирдеемъ-Козинскимъ, жила еще въ 1651 году и занимала тогда у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича 2000 злотыхъ подъ залогъ имѣнія Красной-Луки, иначе Пикова, съ двумя руднями на р. Талѣ, т. е. въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ къ югу отъ м. Иванкова; здѣсь-же ей принадлежали еще: с. Феневичи, Обчитель (теперь д. Оцитель) и не существующее нынѣ поселеніе Лавриновъ или Лавриновка,—очевидно, названное по имени ея мужа. Ей же, какъ видно изъ акта № 336 (годъ 1618), принадлежало имѣніе Мойсейковщина, теперь д. Мойсейки, къ сѣверо-востоку отъ Иванкова [1]. Елизаветѣ-же принадлежало имѣніе Рожовъ, теперь мѣстечко въ томъ-же уѣздѣ, но въ другой мѣстности, около кіево-житомирскаго шоссе.

Мужъ Елисаветы, кромѣ извѣстнаго по другимъ документамъ имени Стафана, въ двухъ актахъ книги № 13 названъ еще Юзефомъ; не столько изъ двуименности, употреблявшейся въ ту эпоху, какъ и въ удѣльной Руси христіанскаго времени, у православныхъ нашего края, сколько изъ полонизованной формы «Юзефъ» можно заключать, что онъ былъ католикомъ. Смерть его послѣдовала между 27 мая 1617 г., когда былъ выданъ позовъ ему лично, и 9 августа 1618 г., когда жена его имуется уже вдовою (таже опись, 1617 г. № 234 и 1618 г. №№ 413, 435—437, 571, 572).

---

[1]) См. также «Межигорскую Старину», № XI, стр. 80—86. Совпаденіе имени съ общепринятымъ доселѣ толкованіемъ имени братской фундаторки, при тождественности мужнихъ фамилій, ввело въ заблужденіе, между прочимъ, и рецензента этого изданія въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины» (См. 1885 г., іюль, стр. 500).

Возстановимъ-же истинное имя, дорогое не для одного Кіева, но и для всего русскаго просвѣщенія, оставимъ въ сторонѣ ничѣмъ незамѣчательную Лозчину Анну, жену Лаврина, а будемъ благодарно вспоминать навсегда жену Стефана-Юзефа,—*Гулевичовну-Лозчину Елисавету!*

Ив. Новицкій.

ЗАПИСЬ О КЛАДѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеприведенный документъ доставленъ мнѣ обязательно г. Ц. А. Абрамовичемъ, который къ несчастью не могъ мнѣ сообщить данныхъ о мѣстности, въ которой онъ былъ составленъ. Документъ написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги весьма не четкимъ почеркомъ XVIII столѣтія. Нижній лѣвый уголъ полулиста оторванъ и потому въ текстѣ не достаетъ нѣсколькихъ словъ, которыя замѣнены точками. Составитель былъ очевидно малограмотенъ—правилъ правописанія онъ не соблюдалъ, вслѣдствіе чего въ текстѣ сохранились особенности того областнаго говора, который составитель употреблялъ въ разговорной рѣчи. Желая сохранить этнографическія особенности подлинника, мы сохраняемъ его правописаніе. Не придавая серьезнаго значенія «записи о кладѣ», мы предлагаемъ документъ вниманію читателей изъ-за сохранившихся въ немъ бытовыхъ подробностей, представляющихъ характеристическія черты, относящіяся къ быту станичниковъ и разбойниковъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ Слободской Украйнѣ, къ территоріи которой очевидно относятся упоминаемыя въ документѣ событія.

В. А.

Памятная грамота брату Петру Мухи.

Помнишъ братъ, куда ты к намъ ездилъ на любимой нашъ станъ? И ты помнишъ наша атаманская городище; помнишъ, тамъ надъ самою Нястунию былъ колодезь, а напроти яго стаяла бяроза, то такъ к Нястуни въ палавину гарадища на вастокъ нашижи бярозы паддоримъ (sic) ничи—нашъ атаманъ погрипъ клада. Найдешъ, то за еты денги можно купить усю курскую губерню. Смотри братъ, нади! Насъ выганяли, то мы тую бярозу западный бокъ стясали тапаромъ и пробили съ пушки ядромъ. А у верхнихъ въ 30-ти козацкихъ курганахъ, што къ дароги, нетъ сакровиша ничаго, толка въ болшомъ курганя

закопаны нами все лишни худобы: тамъ ружи, три пушки, содла, новоски палили (sic), медный кателъ, а денихъ нету. На триоча (sic) мы схаравили свояго ясавула Антошку Сиврюка,—ты яго зналъ; то у нагахъ закопали яму: на паминъ католъ сирибра, 12 тысичъ цалковыхъ, закопаны мелка на пол аршина, а въ головы поставили вядорный кушинъ медный ис золотомъ; католъ накрыли залезною досткою. Смотри, братъ; а можа я вярнусь. А мы таперъ наехали у Бахмутъ..... 30 у насъ убили салдаты, узяли ..... и 7 чилавекъ. Прощай братъ, Пятруша! 1779 года.

ПОРТРЕТЪ ГОНТЫ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ была помѣщена прекрасно написанная проф. В. Б. Антоновичемъ, по современнымъ мемуарамъ, біографія уманскаго сотника Ивана Гонты, и къ ней приложенъ портретъ этого знаменитаго въ народной памяти героя Коліивщины или Уманской рѣзни, сподвижника «козацького батька—отамана Зализняка», съ которымъ они въ 1768 году раскуривали «люльки» свои на пожарищахъ польскихъ городовъ и костеловъ и залили ляхской кровью всю правобережную Украйну. Приложенный портретъ, какъ сказано въ пояснительномъ къ нему текстѣ, представляетъ снимокъ, воспроизведенный въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ посредствомъ геліографіи, съ оригинала принадлежащаго тому-же профессору Антоновичу, самый же оригиналъ, какъ объясняетъ г. Антоновичъ, написанъ правдоподобно при жизни Гонты для церкви м. Володарки, кіевской губерніи, въ которой Гонта состоялъ старостою, хранился въ ней до 1847 г., пока не былъ пріобрѣтенъ въ собственность тамошнимъ помѣщикомъ, послѣ ссылки котораго достался съ аукціона г. Антоновичу. Въ автентичности означеннаго портрета не можетъ быть по этому сомнѣнія... Но слабость-ли кисти художника, писавшаго этотъ портретъ, или несовершенство сдѣланнаго Экспедиціею снимка, зависѣвшее отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, дали въ результатѣ то, что на названномъ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ», какъ кажется намъ, не бросаются въ глаза тѣ выдающіяся черты необычайной силы воли, мужества, ума и внѣшней велича-

вости и красоты, какія несомнѣнно присущи были знаменитому сотнику. Гораздо болѣе, какъ намъ кажется, отпечатлѣны эти черты на портретѣ Гонты, который намъ удалось видѣть недавно въ частныхъ рукахъ, но не въ оригиналѣ, а въ фотографическомъ снимкѣ. Здѣсь Гонта кажется совершеннымъ красавцемъ, лице у него открытое, въ высшей степени энергическое и умное, взглядъ быстрый, смѣлый; въ осанкѣ, чертахъ лица есть нѣчто, напоминающее польскій типъ; въ выраженіи лица столько живой, кипучей, непобѣдимой энергіи и такая могучая сила воли, что вы невольно изумляетесь, какимъ образомъ въ одномъ и томъ-же лицѣ соединилась красота Апполона и желѣзная энергія Петра... На этомъ портретѣ Гонта представленъ въ польскомъ кунтушѣ, но воротъ рубашки небрежно завязанъ простымъ снуркомъ; голова бритая, оселедецъ закинутъ за ухо...

Этотъ фотографическій снимокъ мы видѣли въ Харьковѣ, у отставнаго капитана тамбовскаго пѣхотнаго полка, В. А. Богдановича, который, на нашъ вопросъ, какъ досталась ему эта рѣдкая фотографія, разсказалъ слѣдующее:

Незадолго передъ объявленіемъ войны Турціи, въ 1876 г., тамбовскій полкъ былъ посланъ въ подольскую губернію для расквартированія. Баталіонъ, въ которомъ состоялъ г. Бовдановичъ, поставленъ былъ въ м. Немировѣ, брацлавскаго уѣзда. Солдаты и офиферы размѣстились здѣсь по домамъ обывателей, а командиръ баталіона, маіоръ М., занялъ квартиру въ старомъ заброшенномъ помѣщичьемъ домѣ. Здѣсь вниманіе командира и посѣщавшихъ его офицеровъ привлекли старинные портреты, висѣвшіе на почернѣвшихъ отъ времени стѣнахъ въ залѣ и столовой. На портретахъ были изображены родовитые предки владѣльца усадьбы; тутъ-же было нѣсколько поясныхъ портретовъ королей Рѣчи Посполитой, портреты какихъ-то римскихъ кардиналовъ, польскихъ примасовъ, и т. д. Но между всѣми этими портретами особенно выдавалось изображеніе какого-то козака, съ бритой головой, съ умной и интеллигентной физіономіей. Удивились офицеры, какъ могъ затесаться сюда, въ среду великомощныхъ и ясневельможныхъ магнатовъ и королей, этотъ простой козакъ, съ оселедцемъ на головѣ и простымъ снуркомъ на воротникѣ рубашки. Кто-бы это такой могъ быть? Сняли портретъ со стѣны, посмотрѣли, нѣтъ-ли подъ нимъ

какой подписи, заглянули на оборотную сторону и нашли тамъ польскую подпись: Znakomity Gonta (знаменитый Гонта). Но кто такой Гонта и какъ могъ онъ,—на видъ простой козакъ, попасть въ портретную галлерею богатаго польскаго пана,—никто изъ присутствующихъ про это не зналъ, потому что офицеры знаніемъ исторіи не отличались. Только уже послѣ, долгое время спустя, они узнали, что Гонта былъ уманскій сотникъ и рѣзался съ поляками... Тѣмъ не менѣе лице Гонты и его оригинальный нарядъ такъ понравились офицерамъ, что они рѣшили отослать портретъ его къ знакомому фотографу въ Харьковъ съ просьбою сдѣлать нѣсколько фотографическихъ съ него снимковъ, не ради чего-нибудь, а просто потому, что физіономія «козака» показалась имъ очень «интересною». Спустя три недѣли фотографъ прислалъ имъ обратно портретъ Гонты и снятыя съ него три фотографіи, изъ которыхъ одну взялъ себѣ г. Богдановичъ, другую маіоръ М., а третью поручикъ С.; подлинный-же портретъ повѣшенъ былъ на старое мѣсто, въ столовой помѣщичьяго дома въ Немировѣ. Скоро вслѣдъ за тѣмъ былъ объявленъ походъ противъ Турціи, и тамбовскій полкъ двинутъ былъ за Дунай однимъ изъ первыхъ. Во время похода карточки Гонты у маіора М. и поручика С., насколько намъ извѣстно, затерялись, и изъ трехъ фотографій, снятыхъ съ оригинала, сохранилась только одна—у г. Богдановича, который и показалъ ее намъ въ концѣ прошлаго года въ Харьковѣ.

Было-бы, конечно, въ высшей степени интересно узнать, сохранился-ли въ Немировѣ оригинальный портретъ Гонты, уцѣлѣлъ-ли онъ до настоящаго времени, и если уцѣлѣлъ, то желательно было-бы видѣть его въ печати и получить разъясненіе, почему владѣльцы Немирова рѣшились повѣсить въ своей столовой рядомъ съ портретами своихъ предковъ портретъ Гонты, который былъ заклятымъ врагомъ польскаго шляхетства...

Н. Добротворскій.

Примѣчаніе редакціи. Фотографическій снимокъ съ портрета, о которомъ говоритъ авторъ настоящей замѣтки, года два тому назадъ былъ присылаемъ намъ кѣмъ-то изъ Харькова съ поясненіями, совершенно сходными, и, если не ошибаемся, это именно былъ снимокъ, принадлежащій г. Богдановичу. Мы сличили его

тогда-же съ оригиналомъ, хранящимся у проф. В. Б. Антоновича, и преимущество во всѣхъ указываемыхъ авторомъ замѣтки отношеніяхъ оказалось на сторонѣ нашего оригинала. О поражающихъ чертахъ лица Гонты на этомъ портретѣ можно заключать изъ того, удостовѣреннаго всѣми видѣвшими его факта, что на него невозможно смотрѣть долѣе двухъ-трехъ минутъ, чтобы не почувствовать какого-то давящаго чувства страха предъ этой изумительной силой, отвагой, энергіей и нѣкоторой даже какъ-бы свирѣпостью лица, которыя такъ и бьютъ вамъ въ глаза. Но, всматриваясь въ портретъ, вы не замѣчаете, чтобы это была дикая, грубая сила; напротивъ, во всемъ лицѣ, особенно въ глазахъ и выдающемся челѣ свѣтится умъ и гордая, непреклонная самоувѣренность, а полуоткрытый ротъ съ покосившимися въ одну сторону губами и выдвигающимися зубами отражаютъ какую-то злую иронію и презрѣніе къ жизни. Только при взглядѣ на этотъ портретъ становится понятнымъ то феноменальное хладнокровіе, съ которымъ этотъ герой-мученикъ перенесъ лютѣйшую казнь, смѣясь и бросая шутками въ своихъ мучителей, когда съ него съ живого сдирали полосами кожу. И на этомъ портретѣ Гонта красавецъ, но это въ высшей степени своеобразная, мужественная, грозная красота. Одинъ изъ нашихъ зназнакомыхъ снялъ съ этого-же портрета копію и помѣстилъ ее у себя въ имѣніи (черниговской губерніи), въ комнатѣ, предназначенной для ночлега пріѣзжающихъ гостей. По словамъ его, каждый изъ нихъ, переночевавъ въ этой комнатѣ, жаловался на утро, что ему Гонта не давалъ спать, что и побудило радушнаго хозяина вынести портретъ въ другую комнату.

Въ общемъ очертаніе лица Гонты на кіевскомъ и немировскомъ оригиналахъ, какъ видно по фотографіи съ послѣдняго, весьма сходно; разница въ положеніи головы и рта, въ костюмѣ и отчасти въ характерѣ самой живописи: на портретѣ кіевскомъ штрихи нѣсколько проще и рѣзче. Но главная, какъ намъ кажется, причина разницы въ обоихъ портретахъ, которую усматриваетъ почтенный авторъ замѣтки, въ томъ, что онъ имѣлъ предъ собою не самые оригиналы, а съ одной стороны фотографію, весьма отчетливо сдѣланную, а съ другой геліографическій снимокъ, исполненный не совершенно удовлетворительно.

Тѣмъ не менѣе мы охотно присоединяемся къ желанію автора замѣтки, чтобы немировскій портретъ Гонты былъ сохраненъ и изданъ, съ поясненіемъ его происхожденія и дальнѣйшей судьбы, и въ этихъ видахъ даемъ мѣсто самой замѣткѣ.

КОБЗАРЬ КРЮКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Чувствуемъ себя обязанными занести въ историческую и этнографическую южно-русскую хронику еще одну утрату въ области отходящей въ вѣчность старины. Въ первыхъ числахъ іюля умеръ въ г. Лохвицѣ полтавской губерніи кобзарь Иванъ Кравченко (Крюковскій), отъ котораго мною записано было собраніе думъ, напечатанное въ 1884 году въ нашемъ журналѣ. Крюковскій былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей того типа историческихъ пѣвцовъ, о которомъ въ очень близкомъ времени останется только одна память. Отъ него добыто двѣнадцать варіантовъ думъ (девять мною и три другимъ лицемъ), пѣсни и псальмы. Если сравнивать его по количеству сохраненнаго имъ въ памяти историко-поэтическаго матеріала, то изъ извѣстныхъ кобзарей прійдется отвести ему чуть-ли не первое мѣсто. Но онъ уступалъ и Вересаю, съ его своеобразно-философскимъ умомъ и культомъ исторической пѣсни, и Андрею Шуту, благодаря которому дошли къ намъ думы о Хмельницкомъ. Варіанты Крюковскаго, впрочемъ, вполнѣ оригинальны и всѣ хорошаго качества. Такими признали ихъ столь глубокіе знатоки украинской народной поэзіи, какъ покойный Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ, нашедшіе въ нихъ новыя черты и счастливыя по силѣ выраженія. Въ своей средѣ Крюковскій пользовался репутаціей единственнаго старосвѣтскаго кобзаря на огромный районъ средней Полтавщины. Въ молодости онъ велъ подвижную жизнь и обошелъ съ бандурою почти всѣ украинскія мѣстности по лѣвобережью, пробираясь иногда на Донъ и на Черноморье. Бывалъ и на ярмаркахъ сельскихъ и даже городскихъ, какъ въ Харьковѣ и Ромнахъ, гдѣ иногда ему перепадало кое-что отъ дивившагося на него купечества. Лѣтъ двадцать назадъ, съ постепеннымъ вымираніемъ кобзарства, онъ пересталъ странствовать и

обратился къ жизни осѣдлаго ремесленника; по обычаю слѣпыхъ изъ народа онъ занимался выдѣлкой издѣлій изъ конопли. У него были ученики, но своихъ историческихъ думъ онъ имъ не передалъ, такъ какъ народъ не понимаетъ и не интересуется болѣе пѣснями этого рода.

Проѣзжая въ срединѣ минувшаго іюля черезъ Лохвицу и зайдя въ его хату, я не засталъ его болѣе въ живыхъ. У воротъ меня встрѣтилъ, стоящій постоемъ въ хатѣ, уральскій козакъ, одинъ изъ расквартированныхъ по городу. На вопросъ о хозяинѣ онъ сказалъ: «Старикъ, слѣпой? померъ. Четыре дня какъ зарыли». Изъ семьи кобзаря не было никого. Сыновья ушли въ Новороссію, на заработки, жена, запивавшая еще и при мужѣ, оказалась въ сосѣднемъ шинкѣ. Невольно вспомнились слова думы о козацкой хатѣ въ отсутствіи хозяина... Тутъ-же, на выѣздѣ изъ города, небольшой черный холмикъ на кладбищѣ обозначалъ могилу Крюковскаго.

Узявъ соби паняночку—
Въ чистимъ поли земляночку,
Та взявъ соби былиночку—
Въ чистимъ поли могилочку...

Кромѣ записанныхъ мною, Крюковскій зналъ еще три думы, которыхъ не вспомнилъ тогда. По счастію онѣ записаны отъ него, вмѣстѣ съ другими, художникомъ Порф. Денис. Мартыновичемъ, писавшимъ съ него этюдъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Мартыновичъ ознакомитъ съ ними интересующихся лицъ. Это думы «О козакѣ Голотѣ», «О Самарскихъ Братьяхъ» и шуточная «О козакѣ Мыхіѣ», еще неизвѣстная въ печати. Какъ дань памяти покойнаго народнаго пѣвца привожу здѣсь, записанную буквально со словъ Крюковскаго, часть его автобіографіи. Здѣсь встрѣтятся еще всѣмъ знакомые отголоски недавняго времени, черты крѣпостнаго произвола, которыя давно слѣдуетъ начать записывать, такъ какъ онѣ должны быть также отнесены къ чертамъ *историческимъ*.

«Я бувъ крипостный Крюковского пана;—отто я по пану Крюковскимъ и прозываюсь. Зъ трехъ литъ мене взято до двора и бувъ я при паничу. До десяти годъ я бувъ видющій. Пидрисъ мій паничъ, отдали ёго въ Гадячъ въ училище. И мене зъ нимъ отдали и одвезли мене зъ нимъ у Гадячъ. Обижа мене паничъ. Прийде оце зъ училища на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,

штиля мене то видсиль, то видтиль, скубе, щипа... Поставе було ракомъ: «стань на чотырехъ лапкахъ... А ну, чи повезешъ мене, Иванька?» Якъ попогрався оттакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболили у мене очи, якъ заболили, то якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ пидо мною такъ якъ ричка слёзъ набижить... Прыиде паничъ, «А, Ванька, се ты с... с... у...? Ванька у...! Та якъ почне мене скубти та бити, то въ мене слёзы такъ и бижать, такъ и бижать... Коли вже й ӥсти за слёзами не можна. Тоди винъ якъ побачивъ, що вже, значить, не переливки, посыла зъ Гадяча письмо до дому въ Лохвицю, шобъ мене взяли до дому въ Лохвицю, а ёму щобъ другого малчика дали. Привезли мене до дому, стали батько призывать знахуривъ, жидивъ и жидивокъ. Жидивка була така, що каже: «выличу хлопця твого», та три мисяци, чи що, коло мене сидила, та ничого й не зробила. Люде кажуть, що въ Полтави е докторъ, то може спользувать. Повезли батько, царство имъ небесне, мене въ Полтаву; такъ той докторъ подививсь на мене, та й каже имъ: «що-жъ, попользую якъ небудь. Покинь ёго тутъ, а въ мисяць навидайся до мене». Такъ у мисяць батько прыихали. — «Не пускайте ёго на дворъ съ пивъ мисяця—одійдуть очи. Привезли мене, та не то пивъ мисяця, а й мисяць не пускали—не помагаеться. Возили у Катарнославъ. Тамъ побувъ пивтора года у больныци. Не помоглось. Повезли ще въ Кіивъ до Короваева; такъ той подывивсь-подывивсь, та й каже: «не выпользую, каже. Вичній калика винъ буде. Повыидавъ, каже, сахаръ чоловички» [1]). Ослипъ я. Перестали очи бачить. А якъ прыиде паничъ до дому, то чого було не робе изо мною изъ слипымъ?! Батько та мати було почують, що паничъ прыихавъ, то й журятьця: «оце вже прыихавъ, буде хлопця мучити». Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку та въ жнива, такъ турлявъ мене, турлявъ... а тамъ русськи колодязь одкрыли, такъ винъ турлявъ мене, турлявъ та на колодязь и нагнавъ, такъ я туды й шелепнувъ. Такъ русськи тоди: «що вы, паничъ, дилаете? отъ малчикъ убився». Вытягли мене видтиля насилу живого. Довго пролежавъ я писля того... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та мати порадились та отдали мене въ Гапонивку до слипого до

---

[1]) Зрачки. Сахаромъ прежде задували въ глаза.

Ивана, таки Кравченка. И винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ще и Касьяномъ прозываетьця. Узявъ мене на три годы. За пивтора года вывчивъ грать»...

Къ сожалѣнію автобіографія кобзаря на этомъ обрывается. Онъ умеръ лѣтъ семидесяти. Но за то, что онъ сберегъ среди горькой своей жизни, за часть исчезающаго сокровища народной поэзіи, скажемъ о немъ обычнымъ утѣшительнымъ припѣвомъ стародавнихъ думъ: «слава ёго не вмре, не поляже!»...

В. Г.

УКРАИНСКІЙ ВАРІАНТЪ ПѢСНИ «ПРО ЯГНИЧКУ».

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» (стр. 517—523) г. Я. Г. напечаталъ двѣ народныя пѣсни, доставленныя ему г. Михаиломъ Загайскимъ изъ Галиціи, съ береговъ Збруча, изъ скалатскаго уѣзда. Вторая изъ нихъ, «Про сойку»,—въ значительно впрочемъ отмѣнномъ варіантѣ, безъ примѣненія къ Польшѣ и ляхамъ,—была напечатана въ одномъ изъ галицкихъ сборниковъ, у Вацлава зъ Олеска или Жеготы Паули,—навѣрно не упомню. Первая-же, «Про ягничку», ни въ одномъ сборникѣ не находится. Г. Я. Г. полагаетъ, что пѣсни эти происходятъ изъ Украйны и что здѣсь должны быть извѣстны ихъ варіанты. «Сойки» мнѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ не попадалось; другая-же пѣсня записана мною въ г. Таращѣ, и притомъ въ болѣе цѣльномъ видѣ.

Предположеніе г. Загайскаго, что пѣсня эта возникла въ эпоху, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонеры, «которые допускали разныя безчинства», можетъ найти нѣкоторое подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что пѣсня имѣетъ въ виду духовныхъ лицъ уніатскихъ,—по крайней мѣрѣ, варіанты ея неизвѣстны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ унія не была прочно укоренена и исчезла еще съ половины XVII вѣка. На то-же указываютъ приводимыя ниже шуточныя пѣсеньки о «добродзіяхъ».

Вотъ какъ поютъ «Про ягничку» въ Таращѣ, на такъ называемомъ «Зарѣчьи»:

Ой погнала дивчинонька ягняточка въ поле,
Загубила ягняточко,—«нещаслива доле!

Треба мени вертатися,
Ягняточки пытатися,
Ягняты малого,
Ягняты малого».

Ой не найшла дивчинонька ягняты малого,
Надыбала попа въ лиси, попа молодого:
«И а чи мени вертатися,
И а чи мени пытатися,—
Боюся я ёго,
Боюся я ёго!»

—«Ой не бійся, ты дивчино, не бійся ты мене:
Знайду я те ягняточко, що ты загубила;
Пожартуемъ наедыни,—
Нехай наша журба гине,
Нехай пропада,
Нехай пропада!»

Жартовала съ попомъ довго,—не скажу никому,—
Цилувала-обнимала, та й прыйшла до дому.
Ой прыйшла я до домоньку,—мене мати била:
«Ой а де ты, суча дочко, ягнятко згубила?»
—Ой на-що-жъ вамъ ягняточко,
Буде въ мене дитяточко:
Исъ попомъ гуляла,
Съ попомъ жартувала.

—«Ой пиду я до владыки, буду позывати,
Нехай прескурвый знае, якъ дочку займати!»
—«Ой я твого, а владыки, та и не боюся,—
Есть у мене капшукъ грошей, то я й одкуплюся.
То-жъ парахвія моя,—
Нехай знае дочка твоя
Пастыра свого,
Пастыра свого!»

Я упомянулъ выше о шуточныхъ пѣсенькахъ относительно «добродзіевъ»,—такъ именуетъ и понынѣ народъ священниковъ, по уніатской памяти, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе

упрочена была унія,—на Полѣсьи кіевской губерніи, гдѣ былъ центръ уніатской іерархіи, ибо кіевскіе уніатскіе митрополиты съ андрусовскаго мира пребывали въ Радомыслѣ. Здѣсь именно записаны и приводимыя пѣсеньки: первая въ с. Пилиповичахъ, мѣсто-же записи второй съ точностью не обозначено. Онѣ напоминаютъ намъ то отдаленное время господства уніи.

I.

Ой ты, попе-добродзію,
У мій бибъ [1]) не ходи:
Бо якъ зловлю,—переголю
Половину бороды!

II.

Варила добродзійка лемишку,
Та вдарила добродзія по писку [2]):
«Оце-жъ тоби, добродзію, лемишка,—
Не люби чужихъ жинокъ изтышка!»

Замѣчательно, что и эти пѣсеньки, подобно предъидущей, вовсе неизвѣстны на лѣвой сторонѣ Днѣпра, по крайней мѣрѣ здѣсь онѣ не попадались собирателямъ, хотя эти мѣстности изслѣдованы несравненно тщательнѣе, чѣмъ Правобережье.

Ив. Новицкій.

КЪ ПОРТРЕТУ АДАМА КИСЕЛЯ.

Адамъ Кисель, воевода кіевскій, представляетъ собою весьма крупную личность въ ряду южно-русскихъ дѣятелей XVII ст., той кровавой эпохи козацкихъ войнъ, которая рѣшила безповоротно судьбу Малороссіи и потрясла до основанія могущество Польши. Сынъ бѣднаго волынскаго шляхтича, владѣльца с. Нискеничъ (нынѣ волынской губерніи, владимірскаго уѣзда), онъ неустаннымъ трудомъ и стараніями, путемъ скупли, заимокъ, службы и соединен-

---

[1]) «Ходить въ бобъ» — то-же что «скакать въ гречку», въ одной лѣтописи XVII вѣка — «скочити черезъ плотъ»,—грѣшить противъ седьмой заповѣди.

[2]) По лицу.

ныхъ съ нею пожалованій составилъ себѣ огромное состояніе, владѣлъ обширными помѣстьями, массою селъ, хуторовъ, мельницъ и другихъ угодій на Волыни, въ черниговщинѣ и полтавщинѣ, отчасти въ кіевскомъ воеводствѣ, былъ подкоморимъ, старостою, каштеляномъ и воеводою, а въ концѣ концевъ достигъ званія сенатора и одинъ изъ русскихъ людей того времени носилъ это почетное званіе, къ которому не былъ допущенъ ни одинъ владыка русскій, ни даже самъ митрополитъ кіевскій, знаменитый своимъ происхожденіемъ, образованіемъ и способностями Петръ Могила. Но ни богатство, ни древность и знатность рода (Кисель производилъ свой родъ отъ Владимірова Святолда и это признавалось его современниками), ни высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ и обществѣ не дали ему почетнаго мѣста въ исторіи. Кисель доселѣ не нашелъ своего біографа, не дождался даже отдѣльной и обстоятельной характеристики. Причина этого прежде всего въ личныхъ качествахъ Киселя и характерѣ его жизни и дѣятельности. Кисель не ознаменовалъ себя подвигами военными, ни какими либо громкими гражданскими дѣлами; на его долю выпала мало примѣтная и вмѣстѣ неблагодарная роль посредника и примирителя въ польско-козацкой распрѣ, дошедшей до крайнихъ предѣловъ, до борьбы на жизнь или смерть. Онъ повидимому искренно и съ увлеченіемъ старался примирить враждующихъ, склоняя ихъ къ уступкамъ, взывая къ самымъ возвышеннымъ мотивамъ, но не могъ возвыситься надъ ихъ радикально противуположными стремленіями и понять, что силится согласить несогласимое. Самъ Кисель былъ горячимъ защитникомъ политическаго единства южной Руси и Польши, но вмѣстѣ сторонникомъ польско шляхетскаго общественнаго строя, противъ гнета котораго направлены были всѣ усилія южно-русскаго козачества. Въ періодъ крайняго возбужденія политическихъ страстей роль посредника, принадлежащаго по національности и вѣроисповѣданію къ одной изъ враждующихъ сторонъ, а по складу политическихъ убѣжденій и стремленій къ другой, въ высшей степени трудна и невольно возбуждаетъ подозрѣніе въ обѣихъ. Требовалось необычайное искусство, прямота, твердость, полное безпристрастіе, нѣкоторое даже самоотверженіе, качества, которыми не могъ похвалиться Кисель. Требовался кромѣ того личный высокій авторитетъ, доблести, заслуги; но и этого не имѣлъ

Кисель, хвалившійся при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ лишь древностію своего русскаго рода, усиленное-же увѣреніе имъ обѣихъ противныхъ сторонъ въ своей исключительной преданности подрывало всякое довѣріе къ нему.

Кисель былъ человѣкъ образованный и рѣчистый, писалъ искусно и красно; но однимъ сладкоглаголаніемъ нельзя было расположить къ себѣ людей и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Не вѣрили ему козаки, не довѣряла и польская сторона. Въ сенатѣ чуть не въ глаза называли его здрайцею, хлопомъ, русиномъ, а Хмельницкій на горячія увѣренія Киселя, что онъ кости и плоти русской, отвѣчалъ: «кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла!» Отъ своихъ такимъ образомъ онъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Всю жизнь путемъ стяжаній, заискиванья, уклончивой политики Кисель добивался того, чтобы выдвинуться изъ бѣдной и мелкой русской шляхты, презираемой и гонимой, стать на ряду съ первостепенными чинами государства; но когда это положеніе цѣлымъ рядомъ усилій и жертвъ было наконецъ достигнуто, для Киселя не оказалось мѣста между гордыми польскими панами и они едва выносили его присутствіе въ своей средѣ. Онъ снизошелъ къ своимъ, но и тѣ его отвергли. Всѣ усилія Киселя стать между двумя противными сторонами, склонивъ ихъ къ примиренію, кончились ни чѣмъ. Положеніе по истинѣ трагическое!

Отзывы современниковъ установили за Киселемъ репутацію человѣка двуличнаго, мелкаго честолюбца, своекорыстнаго эгоиста, мечтавшаго покойно и съ честью усѣсться на краяхъ двухъ стульевъ; мы думаемъ, что неудача Киселя условливалась болѣе трудностію его политической роли, нежели его личными свойствами. Тогдашнее польско-русское общество представляло изъ себя два непримиримые лагеря, исключавшіе возможность всякаго компромисса: съ одной стороны Хмельницкій, представитель демократическихъ стремленій козачества и поспольства, во всеоружіи народныхъ силъ, взялся, по его собственному выраженію, «перевернуть Польшу вверхъ ногами», съ другой талантливый его соперникъ Іеремія Вишневецкій клялся истребить поголовно всѣхъ козаковъ. Ошибка Киселя въ томъ, что онъ не понялъ совершавшагося на его глазахъ рѣшительнаго историческаго момента; но эту ошибку повторяли, и гораздо съ большею неудачею, всѣ послѣдующіе сторонники союза съ Польшею и со-

храненія грозившаго гибелью народу *status quo*. Что имя Киселя перешло въ исторію въ мало привлекательномъ и слабомъ свѣтѣ, причиною сему не одна неудача его посреднической роли, но и то, что онъ, человѣкъ обыкновенныхъ способностей, стоитъ между двухъ такихъ высоко-даровитыхъ противниковъ, какъ Хмельницкій и Вишневецкій. Достойно вниманія, что одна и та-же южная Русь одновременно дала отъ себя такихъ несходныхъ дѣятелей. Хмельницкій, Вишневецкій и Кисель служили выразителями трехъ обуревавшихъ въ то время ее теченій: новаго радикальнаго, стараго ретрограднаго и либерально-консервативнаго. Представителемъ послѣдняго и былъ Адамъ Кисель.

Говоря объ немъ, мы съ уваженіемъ однако должны вспомнить о томъ, что онъ не измѣнилъ своей вѣры и народности среди всеобщаго увлеченія польско-католическимъ идеаломъ, и съ тѣмъ-же чувствомъ отнестись къ его напряженнымъ, хотя и безплоднымъ усиліямъ остановить братоубійственную борьбу; голосъ Киселя былъ почти единственнымъ голосомъ мира и любви среди всеобщаго дикаго ожесточенія, грозившаго превратить цвѣтущій край въ пустыню.

Ограничиваемся на этотъ разъ самымъ общимъ очеркомъ личности Киселя, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ представить болѣе обстоятельное фактическое о немъ изслѣдованіе, и переходимъ къ ознакомленію читателей съ его портретомъ, снимокъ съ котораго здѣсь прилагается.

По духу своего времени, Кисель былъ набожнымъ человѣкомъ, строилъ церкви и монастыри. Въ 1642 г. имъ основанъ въ черниговскихъ его помѣстьяхъ максаковскій монастырь, а въ монастырской церкви, по обычаю того времени, поставленъ его портретъ во весь ростъ. При введеніи въ Малороссіи штатовъ для духовенства въ 1786 г. монастырь этотъ былъ закрытъ и долгое время оставался въ запустѣніи, пока наконецъ въ 1803 г. не былъ, по повелѣнію императора Александра I, переданъ стародубскимъ раскольникамъ. Къ тому времени портретъ фундатора обветшалъ и раскольники озаботились снять съ него точную копію, отмѣтивъ въ особой надписи судьбу монастыря и портрета. Разысканіемъ и сообщеніемъ намъ этого портрета мы обязаны А. М. Лазаревскому.

Копія портрета на холстѣ, размѣромъ 3 $^1/_2$ аршинъ высоты и 2 аршина ширины. Въ верхней части, въ уровень съ голо-

вою, справа—видъ трехъ-купольной церкви съ колокольнею (купола высокіе конусообразные), и другой меньшей церкви съ трехъяруснымъ куполомъ, а слѣва—гербъ Киселя, состоящій изъ шатра изъ зеленой матеріи, на желтомъ полѣ, съ крестомъ на верху; надъ нимъ темный шаръ съ золотыми обручами, изъ-за котораго выглядываютъ зубчатыя стѣны замка. Одѣтъ Кисель въ красный, опушенный дорогимъ мѣхомъ, съ откидными красными-же рукавами кунтушъ, изъ подъ котораго выдѣляется богатой въ цвѣтахъ матеріи кафтанъ, съ широкой краснаго бархата обшивкой. Въ правой рукѣ пернач, старой формы, съ острыми шипами, въ лѣвой огромная и широкая сабля въ ножнахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. Съ лѣвой стороны столикъ, на немъ книга въ пергаменной обложкѣ, а за нею большихъ размѣровъ шапка голубаго бархата, опушенная сивымъ барашкомъ и перевитая на крестъ золотымъ снуркомъ, съ золотою кистью на верху. По кафтану широкій, шерстяной либо шелковый поясъ съ золотыми кистями слѣва. На ногахъ сапоги желтаго сафьяна. Голова коротко острижена, волосы съ просѣдью, примѣтна начинающаяся лысина. Лице бритое, усы черные, не большіе, концы ихъ приподняты вверхъ.

По краямъ герба буквы: А, К, В, К, С, Н, что значитъ: Адамъ Кисель, воевода кіевскій, староста носовскій. Внизу портрета въ медальонахъ съ правой стороны помѣщена современная оригиналу надпись, гласящая о фундаторѣ и построенномъ имъ монастырѣ, а съ лѣвой позднѣйшая, отмѣчающая судьбу монастыря и портрета. Приводимъ обѣ надписи, съ соблюденіемъ ихъ правописанія.

1) «Ада́мъ зъ Брусы́лова Кисѣ́ль Свято́лдъ, на кисѣ́ль гра́дѣ гнойнѣ, гу̑щѣ и кобисцѣ́, воево́да кіе́вскій, ста́роста иносовскій, преставися ҂а҃хнг года̀; мужъ благочестывый и вѣ́ры грекору̑скія вели́кій бѣ побо́рникъ, во словесѣ́хъ бѣ́ сла́докъ, оукраинѣ пріятенъ, ѿ древняго и сла́внаго ро́да идїй, Свято́лда, бывшаго иногда̀ рускаго ге́тьмана; оуфондовалъ монастыръ максако́вскій, зъ наданьемъ маетностей рокꙋ ҂а҃хмк».

2) «Сей максаковскій манастыръ по волѣ Божіей упраздненъ былъ за императрицы Екатерины Алексѣевны. Впустѣ былъ 23 года. Съ сожалѣнія его опустѣнія, Никодимова монастыря игуменъ Евдокимъ збратіею випросили для возобновленія онаго монастыра на старихъ

обрядахъ оу императора Александра Павловича, которій благоволилъ имяннымъ повелѣніемъ перевесть съ Никодимова, за архіепископа Виктора, 1803 года августа 25 день. Совершено же водворенъ синодалнимъ членомъ и каммиссіи духовныхъ училищъ архіепископомъ Михаиломъ и разныхъ орденовъ и кавалеромъ, черниговскимъ и нежинскимъ, ево попеченіемъ и трудами».

Одного году не дожилъ Кисель до присоединенія Малороссіи. Тѣло его похоронено было въ родовомъ его имѣніи, въ с. Нискеничахъ въ церкви, имъ-же построенной; но во время наступившей войны за обладаніе Малороссіею было вырыто и выброшено изъ могилы. Богатый металлическій съ барельефами гробъ и мраморный бюстъ Киселя оставались въ церкви до послѣднихъ годовъ, настоящая-же ихъ судьба намъ неизвѣстна.

Поправка. На стран. 599 настоящей книжки напечатано: *Кто знаетъ* край; слѣдуетъ: *Ты знаешь* край.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

стр.

I. ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА: I) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Костомарова.—II) Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.—*Ѳ. Д. Николайчика.*—III) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ.—*В. Б. Антоновича.*—IV) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.—*В. Науменка* . . . . I—XLIII

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго.** 1

III. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Продолженіе)* . . . 21

IV. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ. (По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ). **В. Антоновича** 44

V. «ПРОРОКЪ» — МНОГОВѢРЪ И СУДЪ НАДЪ НИМЪ ВЪ КІЕВѢ. (1825—1833 гг.). **Ор. Левицкаго** 79

VI. НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ. Проф. **Ѳ. Успенскаго** 107

VII. ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛИТОВСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 127

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіевск. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* — б) Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Ѳеодосія 1884 г.—*И. Каманина.*—г) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ. Черниговъ. 1885 г.—*Дмитрія Багалья* 137

стр.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 года.—*Н. И.*—б) Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ.—*В. Антоновича.*—в) Запорожская пещера надъ Днѣпромъ.—*Д. И. Эварницкаго.*—г) «Памятковый прочуханъ», или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права.—*В. Василенка.*—д) Ѳдна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—*О.*—е) Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи.—*С—ка.*—ж) Южно-русскіе священники, отыскивающіе права дворянства.—*Аполлинарія Зальсскаго.*—з) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи.—Сообщ. *А. Лазаревскій* 153

Іюнь, 1885 годъ.

I. «ДАВЫДОВА БОЖЕНКА». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). **М. Андріевскаго** 183

II. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. *(Окончаніе)*. 205

III. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА. **В. Беренштама** 219

IV. ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФ. А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО. **Л. Бѣлогрица-Котляревскаго** 228

V. НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **А. Кулишъ.** 255

VI. ВОЗЗВАНІЕ КОНФЕДЕРАТОВЪ ВОЕВОДСТВА САНДОМИРСКАГО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ. (Около 1733 года) 263

VII. НОВЕЛЛА БОККАЧЬО ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ XVII—XVIII СТ. 273

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго альбома).—*И. Беркута.*—б) А. Дмитріевскій. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски.—*П. В.*—в) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1885 года.—*И. Каманина* 307

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разгадка «малорусской исторической шарады».—*Читателя.*—б) Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—*Ивана Матченка.*—в) Изъ народныхъ воспоминаній объ Ѳ. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—*В. Василенка.*—г) Черти въ продажѣ.—*Прибыльскаго.*—д) Случай изъ жизни Н. И. Костомарова.—*N.*—е) Какъ сажали въ старину людей

стр.

старыхъ на дубокъ.—*И. Литвиновой.*—ж) Памяти одного кіевскаго педагога. — *И. Каманина.* — з) Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сообщ. *П. И. Зуйченко* 329

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 161—761

Іюль, 1885 годъ.

I. ВОЕВОДСКІЯ «ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ» XVII В., КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ. **Н. Оглоблина.** 365

II. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ. **Н. Ѳ. Сумцова** 417

III. ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ. **Н. Стороженка.** 431

IV. КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). . . . 458

V. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ. Сообщ. **А. Лазаревскій** 477

VI. ПѢСНЬ НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТІЯ ВЪ КІЕВѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ІЮЛЯ 15 ДНЯ 1834 ГОДА. Сообщ. **В. Науменко** . . 483

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.—*И. Каманина.*—б) Священникъ Климентъ Ѳоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.—*И. Каманина.*—г) Межигорская старина. Кіевъ 1885 года.—*К. Цыбульскаго* . . . 491

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.—*В. А.*—б) Сербы въ Кіевѣ.—*А. А—скаго.*—в) Замѣтка о времени смерти князя Константина Острожскаго.—*Д. Гродецкаго.* — г) Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.—*Ц. Г. Неймана*—д) Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи.—Сообщ. *С. Н. И.*—е) Малорусскія пѣсни по латыни.—*Ив. Новицкаго*—ж) Двѣ Галицкія пѣсни.—*Я. Г.*—з) Къ портрету Д. С. Бортнянскаго.—*И. Божерянова* 501

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 177—192

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ Д. С. Бортнянскаго.

стр.

Августъ, 1885 г.

I. ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО. **С. Е.** 545

II. МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ. **Н. С.** 597

III. РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ 607

IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго** 631

V. ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО. (Малорусская народная легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII в.)—Сообщ. **П. Зуйченко** 682

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.—*А. М—ча.*—б) Собраніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разрядного приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.—*А. М—ча.*—в) Д. Л. Мордовець. Оповидання. Спб. 1885 г.—*Г.*—г) Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885 г.—*И. Каманина* . . 693

VII ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніи.—*Д. И. Эварницкаго* и *З.*—б) На могилѣ Алесѣя Петровича Стороженка.—*С—ка.*—в) Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ.—*Ив. Новицкаго.*—г) Запись о кладѣ XVIII столѣтія.—*В. А*—д) Портретъ Гонты.—*Н. Добротворскаго.*—е) Кобзарь Крюковскій (Некрологъ).—*В. Г.*—ж) Украинскій варіантъ пѣсни «Про ягничку».—*Ив. Новицкаго.*—з) Къ портрету Адама Киселя. 707

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Адама Киселя.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Сентябрь

1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. **Дмитрія Багалѣя** 1

II. ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). **Ор. Миллера** 31

III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-біографическій очеркъ) 51

IV. МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МИѲИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. **С. Брайловскаго** 73

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго**. 85

VI. ДВѢ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. Ѳ. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1850—1851 ГГ. 128

VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). 139

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.—*П. Камонина*.—б) А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.—*П. Камонина*.—в) П. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. *А. Степовича* 145

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—*К. Василенка*.—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-

стр.

лителя и обличителя Мазепы.—Сообщ. *В. Науменко*.—в) Шуточные стихи начала прошлаго вѣка.—Сообщ. *В. Науменко*.—г) По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи.—*Ал. Андріевскаго*.—д) Брошенный изъ-за угла камень.—*П. Кулиша*.—е) Пѣсня на князя Доминика Заславскаго.—Сообщ. *Н. С*.—ж) Изъ народныхъ разсказовъ о велитняхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. *Мих. Васильевъ*. 159

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)* . . . . 193—208

Октябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОПНЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 108

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго) 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина*.—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина*.—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго*.—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л*. 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки*.—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій*.—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова*.—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго*.—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко*.—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной

Стр

живописи въ лебединскомъ монастырѣ). — *Мих. Васильева*. — з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій — *Б. П.* 333

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)*. . . . . 209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)*. **И. Новицкаго** . . . 408

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе)*. **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г. — *И. Каманина*. — б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ аглицкаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г. — *Н. Дашкевича* — в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г. — *П. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ*. — б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. И. Ястребовъ*. — в) Старинныя орудія наказанія и исправленія. — *Ив Новицкаго*. — г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же*. — д) Запрещеніе купальскихъ огней. — *П. Е.* — е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. — Сообщ. *П. Шеболдаевъ*. — ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. — з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. — *К. Цыбульскаго*. 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе)*. . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

стр.

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. *(Окончаніе).* **Бориса Познанскаго** 571

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Окончаніе).* **Ив. Новицкаго** . . . 612

III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАПТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУНДЫ 638

IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Окончаніе).* **К. М.** 651

V. ПОВѢСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧНЫМЪ ВЪ 1618 Г. 684

VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНАЧАЛЬНИКѢ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. **Петръ Дорошенко** . . 689

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія литературныя новинки 1885 года.— *W.*—б) Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—*Н. С.*—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—*Ѳ. Н.*—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—*Н. Каманина.* 699

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы.—Князя *А. В. Дабижи.*—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—*С—ка.*—в) Въ запорожскомъ захолустьѣ.—*В. Ястребова.*—г) Знахарство, шептанье и заговоры.—*И. Иванова.*—д) Городничій и св. Пятница.—*Н. Бакая.*—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—*И. Новицкаго.*—ж) Французъ-путешественникъ на Украйнѣ.—*В. Г—ка.*—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. *(Некрологъ).*—и) Гайдамацкая пѣсня.—*В. Ястребова* 715

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.(1728–1753 г.) (*Продолженіе*). 241–256

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

СЕНТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Въ исторіи внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительственныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концевъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проэкта Новаго Уложенія, которое соотвѣтствовало-бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ извѣстно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначально назначена была Москва. Всѣ губерніи, уѣзды и города, всѣ правительственныя учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были прислать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, козацкихъ войскъ и всѣхъ некочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить *наказы*, т. е. записки объ общественыхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоялось высокое значеніе, имъ присвоены были нѣкоторыя особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особые значки; имъ давалось также опредѣленное

жалованье. Самое избраніе въ депутаты обставлено было нѣкоторою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой инструкціи, которая, вмѣстѣ съ высочайшимъ манифестомъ о созывѣ депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля слѣдующаго года засѣданія коммисіи, образованной изъ депутатовъ, открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собственный наказъ, обрядъ управленія дѣйствіями коммисіи и генералъ-прокурорскій наказъ; коммисія избрала для себя маршала и подраздѣлилась на нѣсколько частныхъ коммисій, дѣятельность которыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ наказовъ и проэкта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства. 18 февраля 1768 года коммисія была переведена въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ характеромъ до 18 декабря 1768 года, когда, по случаю турецкой войны, большое собраніе было распущено и остались только частныя коммисіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ коммисія вела протоколы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ [1]), а вмѣстѣ съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы [2]), которые вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя записки, такъ какъ въ нихъ и въ разъясненіяхъ къ нимъ разбросана такая масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ можетъ воспроизвести теперь картину тогдашней жизни со всѣми мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь незначительная часть этихъ наказовъ, и сохранились-ли они всѣ въ цѣлости и какъ скоро могутъ быть изданы, намъ неизвѣстно. Тѣмъ болѣе для меня побужденій къ изданнымъ уже матеріаламъ

---

[1]) Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника»; первые три тома изданы подъ редакціей Полѣнова, остальные—проф. Сергѣевича.

[2]) Систематическое изданіе ихъ начато съ XLIII тома, гдѣ помѣщены наказы, данные присутственными мѣстами: но и въ прежнихъ томахъ они помѣщались въ приложеніяхъ.

присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Матеріалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ коммисію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украйны, или слободскихъ полковъ, такъ и дальнѣйшую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ, видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой коммисіи. Все это имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не только мѣстный, но и общій историческій интересъ. Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Полѣновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію матеріаловъ екатерининской коммисіи, разсказавъ намъ исторію депутатскихъ выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти повсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ»[1]. Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы происходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкціи даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя присланы и отъ него разсылались экземпляры высочайшаго манифеста о коммисіи для составленія проэкта Новаго Уложенія. Отдѣльными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на извѣстное число комиссарствъ; въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда» выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ нарочными, посредствомъ эстафетъ. Начальники провинцій, по тогдашнему

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

названію «правящіе воеводскую должность», разсылали манифестъ комиссарамъ, комиссары по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дня манифестъ читанъ былъ въ церквахъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора наказу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣздные повѣренные явиться въ провинціальные города для выбора провинціальнаго депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, съѣзжаться въ провинціальные города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго Щербинина, въ провинціяхъ подъ наблюденіемъ «правящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюденіемъ комиссаровъ. Заготовлялись списки избирателей, баллотировочные ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ *непосредственно* выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ, которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограничены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ природныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшины. Но нашлось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великорусскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностію на территоріи слободско-украинской гу-

берніи, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшее недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныя группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписяхъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнѣйшими помѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской* провинціи—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвѣй-Куликовскій 878, маіорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская совѣтница Спичинская 2,131, отставной секундъ-маіоръ Щербининъ 1,858; *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секундъ-маіоръ Анненковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Яснопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботокъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянскій 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова маіорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгоричани 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьеръ-маіоръ Абаза 809; *въ изюмской*—маіоръ Заруднєвъ 854, поручикъ Данилевскій 622, Осипъ Сошальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова маіора, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ острогожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Θедоръ Татарчуковъ 961, капралъ Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ уклонилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество съѣхавшихся было все таки значительно. Въ Харьковъ пріѣхало 52 человѣка, не явилось 35 человѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищей.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генералъ-аншефъ Девіеръ, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и нѣкоторые другіе. Изъ числа при-

бывшихъ 52 человѣкъ трое въ самомъ началѣ неизвѣстно куда улизнули; изъ нихъ сотникъ Голуховичъ и подпрапорный Красно-кутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, но оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ учинилъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ исключены. Оставшіеся затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшаго харьковскаго полковника Матвѣя Куликовскаго. Вотъ что гласитъ объ этомъ дворянскій протоколъ. «По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ коммисію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія депутата и прислать его въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ *«обряду»*, въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ собратій, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшаго слободскимъ козацкимъ полковникомъ, Матвѣя Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо повелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу». Приступивъ въ слѣдъ за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ *Дунинъ*. Въ сумской провинціи предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ *Анненковъ*, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей *Кондратьевъ*, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ *Ершовъ*, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій *Боярскій;* въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Өедоръ *Кириловъ*, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ *Зарудневъ;* въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городскіе выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляютъ отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городскаго голову для наблюденія за порядкомъ въ собраніи и депутата. Головою былъ избранъ отставной сотникъ Павелъ *Гуковскій*, а депутатомъ отставной-же сотникъ Илья Ивановичъ *Черкесъ*. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другіе) подали губернатору Щербинину жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику Ильѣ Черкесу, они подписали подъ давленіемъ большинства «подлыхъ и безразсудныхъ» людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. Щербининъ возвратилъ наказъ съ приказаніемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ былъ избранъ депутатомъ войсковой обыватель Степанъ *Перекристовъ*, въ Ахтыркѣ отставной каптенармусъ Иванъ *Дзюба*, въ Изюмѣ казенный обыватель *Иванъ Веприцкой*, въ Острогожскѣ сотникъ Дмитрій *Синельниковъ*. Такимъ образомъ представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ каптенармусъ и двое войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ [1]), отчасти отсутствіемъ въ городахъ бывшей

[1]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Слободской Украйны старожилаго мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, теперь войсковые обыватели; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники-же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

Классъ войсковыхъ обывателей, т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подпомощники и подсусѣдки, представлялъ собою самую многочисленную группу населенія губерніи; но и онъ долженъ былъ дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были по большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, гдѣ происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинціальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключеніемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричъ, въ которомъ мѣстныя власти на первыхъ порахъ готовы были усмотрѣть чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, «обрядъ» и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ *Межиричъ*, были читаны здѣсь, какъ и вездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человѣкъ. Все шло чинно, въ порядкѣ, выбрали и повѣреннаго—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиданное: всѣ бывшіе въ сборѣ, исключая самаго незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмѣненъ, одинъ-же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: «кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки»! Таковъ былъ наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межирицкіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ котораго не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призывалъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?!

Такъ конечно разсуждали межирицкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ возстановить ихъ прежній козачій строй и всѣ общественныя ихъ непорядки, если они и были, устранятся сами собой. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собраніе закрылъ, Гринченка взялъ подъ караулъ и о случившемся донесъ правящему воеводскую должность Лосеву, а тотъ въ свою очередь поспѣшилъ донести губернатору Щербинину. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межирицкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ общественнымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, «для лучшей государственной пользы», что окладъ для нихъ положенъ и долженъ остаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфирмаціи и признанныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значитъ дѣйствовать вопреки указу ея императорскаго величества. Высочайшій манифестъ, писалъ въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы «порядочно, съ учтивостью, тихостью, молчаніемъ». и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межирицкихъ обывателей взять подъ караулъ и строго слѣдовать, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особенно тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должность прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ воинскою командою немедленно отправился на усмиреніе бунтовщиковъ. На дорогѣ онъ получилъ новое извѣстіе отъ того-же комиссара Селеховскаго, что межирицкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, явились въ комиссарское правленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и поспѣшить своимъ прибытіемъ въ Межиричъ. Изъ первыхъ распросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Онъ первый внушилъ межиричинамъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до

7 лѣтняго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба «Я, заявляетъ Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору, растолковалъ имъ, что подушный окладъ клонится къ ихней-же пользѣ и тѣмъ усмирилъ волненіе, комиссара-же удалилъ отъ должности». Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ спьяна; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ его положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившіе требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили *просить* объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично допросъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и рѣшенія въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передопрошенные здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельныя, но въ сущности тѣ-же показанія. Гринченко показалъ, что всѣ единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было-ли при этомъ подстрекательство съ чьей либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, онъ также неизвѣстенъ, а приписываемыя ему слова говорилъ не по чьему либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснялъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовалъ просить объ освобожденіи дѣтей до 7 лѣтняго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи попрежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали: «пусть-же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и сговорится съ другими повѣренными; на чемъ они порѣшать, на то и мы согласимся», и повѣренный дѣйствительно поѣхалъ было въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межирицкихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока

еще никого нѣтъ, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія козачины. Комиссаръ Селеховскій оправдывался, что не онъ внушилъ обывателямъ просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разно: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія козачьей службы, другіе запирались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетьми, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гринченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще «реприманть» въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ донесенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложенія, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора [1]).

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гринченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждаго по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гринченка наказать плетьми, Вечѣрку высѣчь ботожьемъ и съ нихъ-же взыскать и прогонныя деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергать наказанію и сверхъ того возвратить ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и

[1]) Такимъ образомъ, въ Слободской Украйнѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ было Соборное Уложеніе и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

получившее совершенно незаслуженно громкое имя «возмущенія обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата».

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ измѣненій жизни слобожанъ, которыя въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировалъ слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу дополнялъ лейбъ гвардіи секундъ-маіоръ Евдокимъ Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козачьей службы и козачьяго самоуправленія и замѣнѣ прежняго военнаго строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто ихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установленъ подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка новаго налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселѣ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое имѣло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою всѣ общественныя отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухаго раздраженія въ народной массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межирицкомъ дѣлѣ реакція исходитъ, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядоваго козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ харьковской провинціи депутатомъ былъ избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Прокопъ Гукъ*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондыревъ*, въ сумской казенный обыватель суджанскаго комиссарскаго села Уланкова *Ѳедоръ Никифоровъ*, въ

изюмской казенный обыватель слободы Купянки *Семенъ Попадичевъ*, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей *Иванъ Водарской*. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казусъ, что пришлось выбирать новаго депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную коммисію и выбираемыхъ въ нее депутатовъ: до пониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждаго войсковаго обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутатъ, котораго нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ нѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ послѣ выборовъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскаго сотника Ковалевскаго, что онъ производитъ смуту, мѣшая полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстраненъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ «какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ коммисіи наблевать какого-либо мужицкаго яду». Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что, какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Пріѣхалъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взялъ съ жителей онаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другіе 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удъ, а повѣреннымъ, выбраннымъ для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскому комиссару приказано было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь запамятованіемъ, чтоже касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думалъ запираться, объяснивъ лишь, что отнюдь не вымогалъ ихъ, а только говорилъ, что «ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣтъ». По словамъ Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удъ, онъ получилъ съ села Лопаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Лозовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тарановки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хоронева 2 рубля, съ села Безпо-

довки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчьей 4 рубля, съ мѣстечка Перекони 3 рубля, съ мѣстечка Валокъ 4 рубля, съ села Очульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочнаго 1 рубль, съ села Сипалицовки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересѣчнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ «добровольныя приношенія»; но приносители показали, что требуя денегъ, Гукъ говорилъ: *«а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спатыметъ»*. Недавній депутатъ былъ отрѣшенъ отъ депутатскаго званія и наказанъ плетьми при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали новаго депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человѣкъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ того-же прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждаго по 1 деньгѣ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

Послѣдуемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатовъ-дворянъ.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе и въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы, слишкомъ тѣсно связанные впрочемъ съ этими послѣдними. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ коммисіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогожской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался ахтырскій депутатъ Боярскій, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-маіоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проэкта о правахъ благородныхъ. Нако-

нецъ Кондратьевъ представилъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, коими они владѣли и отписать ихъ на ея императорское величество [1]). «На все это, говоритъ Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ; но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстныя обстоятельства, я представлю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ какія учинены теперь перемѣны и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства, такъ въ особенности относительно самаго малороссійскаго края».

«Не прошло еще и двухъ столѣтій, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикой пустыней; прилегая къ татарскимъ степямъ, причиняла она большее безпокойство великороссійскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти никѣмъ не охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъ польскимъ малороссійскихъ городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Остававшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствуя россійской имперіи, вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бродахъ и перелазахъ. Государь сей, по необъятной обшир-

---

[1]) Въ послѣдствіи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробно изложилъ свои во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли. — См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

ности тѣхъ пустыхъ степей, не положилъ никакого предѣла владѣніямъ этихъ новыхъ поселянъ. Поэтому всякій занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ названіе слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграничнаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ безпошлинно и безоброчно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили россійской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣйшаго поползновенія. Въ доказательство сего я могъ-бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елисаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ-же 1735 года старшинамъ у козаковъ и козакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятіемъ указныхъ пошлинъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша монархиня, простирая попеченіе свое на всѣ части врученной ей отъ Бога имперіи, всемилостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отнынѣ свой удѣлъ или заимку зналъ, козакамъ-же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что нѣкоторые дѣлали по нѣсколько разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшеюся свободною землею удовлетворять вновь прибывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учрежденъ особый вотчинный департаментъ».

«Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Алейникова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ заимочныя земли утверждены по размежеванію за ихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-же касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козачьихъ земляхъ слободы вольными малороссіянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать заимки во-первыхъ полковникамъ и старшинамъ, а потомъ уже ихъ потомкамъ; слѣ-

довательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имъ было потребно; впослѣдствіи-же нѣкоторыя земли пожалованы были имъ за вѣрныя и отличныя ихъ службы особыми, выданными имъ жалованными грамотами. Пріобрѣтенныя по этимъ грамотамъ и по заимкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка-же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всѣмъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена» [1]).

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украйнѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ извѣстными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украйнѣ *заимочнаго происхожденія* и что крупныя латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заимокъ, какъ и мелкіе участки; но правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовалъ здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружныя земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ краѣ; но болѣе всего виноватъ былъ принципъ, легшій въ основу первоначальныхъ земельныхъ распорядковъ—принципъ *свободной заимки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ шедшій даже рука объ руку съ увеличивавшеюся все болѣе и болѣе сословною рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена нѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же объ этомъ не говоритъ почти ничего, ограничившись заявленіемъ, что это есть ихъ право, какъ благороднаго шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 296—299.

окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова,—что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, *причиняютъ народу большое отягощеніе.*

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городскаго депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу ея императорскаго величества. «Уклоняясь отъ государственныхъ нарядовъ, козаки, продавши или опустошивши свои заимки, поуходили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговорили другихъ оставшихся и прельщали ихъ разсказами о шестилѣтнихъ и десятилѣтнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Много было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною».—«Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная коммисія; но и тогда предсѣдательствовавшій въ ней генералъ-маіоръ Багрѣевъ не нашелъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная коммисія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки».—«На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставивъ козаччину и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прежнему странствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержанія его нужно употреблять цѣлыя команды. Но кромѣ этихъ лицъ есть много совершенно иныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и стар-

шинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстьями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣнія великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! О голосъ пронзливый! Я на это долженъ былъ-бы отвѣчать господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ». И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крѣпостными документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть примѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по партикулярнымъ письмамъ, которыя лишь съ 1734 года стали записываться въ крѣпостныя книги, между тѣмъ какъ эти частныя записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавщиковъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многіе изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крѣпостей участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели [1]).

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территоріи слободскихъ полковъ, кромѣ частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ея, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ низведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для распредѣленія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общинной земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественныя, такъ и частныя земли рядовыхъ козаковъ, приневоливая ихъ къ уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украйнѣ, какъ и въ гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришлось свести окончательно земельные счеты,

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностію, подлежали безповоротной отмежевкѣ къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянскіе депутаты выбиваются теперь изъ силъ, чтобы оставить за бывшею старшиною и тѣ земли, на которыя она не имѣла никакихъ документовъ и которыя пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавней полковой старшины, въ точности только исполнялъ данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и посполитыхъ можно объяснять исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродяжничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотятъ отнять земли у заслуженныхъ *осѣдлыхъ* воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ «бѣглецамъ», т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и посполитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли такіе-же *осѣдлые* войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи церквей и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти послѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давней заимки и попавшія теперь такимъ или инымъ путемъ во власть отдѣльныхъ лицъ изъ старшинскаго сословія. Совсѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что коммисіи, назначенныя для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполнѣ оправдали ихъ [1]). Вообще-же заявленныя въ коммисіи просьбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возвышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, конечно, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ васъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшеніи продажи вина

---

[1]) См., напримѣръ, Полное Собраніе законовъ, томъ XVII, № 12,356.

въ Великороссіи, объ облегченіи постойной повинности, о запрещенія подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, объ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, объ ассигнованіи прибавочной казенной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ петицій выдаются въ особенности домогательства прикрѣпленія «подданныхъ» къ землѣ, о чемъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыя они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ коммисіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. По нимъ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Куликовскій и Заруднев. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинскаго дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проэкта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось отдѣльно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причемъ вторые не признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слободскихъ полковъ, говорилъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, бригадирами, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ тысячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кромѣ того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ поженились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданное деньги и другія владѣнія. Всѣ эти лица и съ самаго начала поселенія судились и судятся великороссійскими правами и земли свои, заимочныя и купленныя, продавали, закладывали, въ приданое или дѣтямъ въ наслѣдство отдавали, также точно, какъ и великорусскіе дворяне. Спрашивается, чѣмъ-же будутъ признаны всѣ эти лица—дворянами, чиновниками или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выслужившіеся въ оберъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіяся отъ нихъ,

дворяне». Въ наказѣ ея императорскаго величества говорится: «военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворяне [1]).

Такого-же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской провинціи Зарудневъ, съ тою только разницею, что въ своей аргументаціи онъ пользовался общими соображеніями и не прибѣгалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Напомнивъ объ указахъ Ѳеодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ четырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Петръ не имѣлъ *нужды* въ военныхъ людяхъ, а жаловалъ дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ принуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство пріобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалованье и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а на потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей» [2]). Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, былъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ коммисіи и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Неродовитое дворянство естественно стояло за такіе

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, III, № 31, стр. 328—329.

[2]) Ibid., стр. 183—186.

мнѣнія, какія выражалъ Боярскій, Зарудневъ и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербаковъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родоваго дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разночинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои мнѣнія по вопросамъ о словесномъ судѣ [1]) и векселяхъ [2]), а извѣстный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявленіемъ объ уничтоженіи пытки [3]), основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говоритъ, что пытка есть вѣрное средство осудить невиннаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ коммисіи для составленія проэкта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, каптенармусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣрнѣе сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всѣмъ признакамъ велъ обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій коммисіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегія Межениновъ предложилъ, чтобы заграничные товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтійское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошлинъ, которыя значительно возвышаютъ цѣну товаровъ [4]). Противъ этого-то мнѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Кіевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ кремен-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 2, стр. 363—354.

[2]) Ibid., т. VIII, стр. 234 и 235.

[3]) Ibid., т. XXXII, стр. 65.

[4]) Ibid., т. VIII, стр. 50.

чугскую и переволочную таможни, а прямо ногайскою степью на одну изъ крѣпостей украинской линіи. Согласно съ первою половиною мнѣнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Кіева Гудима и отъ екатеринославской провинціи Бѣльченко, а къ ихъ мнѣнію присоединились почти всѣ малороссійскіе депутаты. Костевичъ заявилъ, что запрещеніе вести торгъ чрезъ пограничныя малороссійскія таможни убьетъ мелкую торговлю малороссійскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссійскихъ таможняхъ весьма умѣренна и берется не съ цѣны товаровъ, а съ возовъ, привозъ-же на малороссійскія таможни товаровъ происходитъ изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проэктъ новаго направленія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далеко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ слободскіе полки [1]). Каждый своялъ за свое. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направленіе крымскаго пути чрезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу, что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переволочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ [2]). Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣтъ рѣчь бахмутскаго депутата Селиванова, возстававшаго противъ предложенія бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ бѣлгородской губерніи малороссіянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ беззмельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія [4]). Селивановъ выяснилъ, что въ такомъ дозволеніи вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ бѣлгородскіе малороссіяне имѣютъ собственные дома, нерѣдко мыловаренные и кожевенные заводы, и ведутъ обширную торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ [5]).

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 76.

[2]) Ibid., стр. 87—88.

[3]) Ibid., стр. 88—89.

[4]) Ibid., стр. 183—186.

[5]) Ibid., 210--211.

Что касается заявленій другаго городскаго депутата Дзюбы, то они касались исключительно положенія въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населенія не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюбы рѣзко высказался тотъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившеюся изъ его рядовъ старшиною; теперь онъ нашелъ исходъ для себя въ преніяхъ коммисіи. Какъ дворянскіе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною закрѣплены были земли, въ большей части захваченныя ею изъ общихъ и частныхъ козацкихъ земель, винили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и посполитымъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ присвоеніи земель козаковъ и обращеніи ихъ самихъ въ положеніе «подданныхъ». «Бѣгство козаковъ и посполитыхъ, говоритъ Дзюба, происходило и происходитъ отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненій старшины, которая захватывала жалованныя козачьи земли, мельницы, сѣнные покосы, рощи и другія угодья, притѣсняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачьихъ жалованныхъ земляхъ старшина и церковники устроили слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и посполитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованнымъ грамотамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣніямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ приращеніе, а между ними наступитъ тишина и спокойствіе» [1]). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробно о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ въ ахтырской провинціи, доказывалъ, что они пріобрѣтены и заселены такими-же путями, какъ и старшинскія земли, по допущенію старшинъ, [2]) и требовалъ, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣль-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, стр. 370—371.

[2]) Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

цамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ-же депутатъ, настаивая еще съ большею силою на отнятіи у старшины неправильно пріобрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелаютъ вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ [1]).

Проэкты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владѣльцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъ узелъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода коммисіи, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина поголовно. У всѣхъ въ памяти было грандіозное слѣдствіе о мастностяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова, ссылка его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его пріобрѣтеній.

Войсковыя и козачія земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украйну великороссійскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣсняя все болѣе и болѣе мелкую козачью. Но кромѣ экономическаго неравенства, бывшее рядовое козачество стѣснялось и неравенствомъ соціальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, но и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проэктъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствіе только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него разнившіяся. Такъ, депутатъ сѣвской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ

[1]) Ibid., приложеніе № 2, стр. 167—169.

тѣ земли, которыя были пріобрѣтены у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владѣльцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожнихъ государственныхъ земель [1]). Депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старшинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, за то другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполнѣ на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ обывательскимъ депутатамъ. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Капиносъ и сумской Никифоровъ. Они представили два проэкта—о положеніи и правахъ войсковыхъ обывателей и о словесномъ судѣ.

Капиносъ, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Боярскаго, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ военной службы, говоритъ, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтенныя ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія покупки и давали разрѣшеніе на это другимъ. «Въ виду сего, заключалъ Капиносъ, и я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбинымъ, признаю полезнымъ причислить эти земли къ обществамъ войсковыхъ обывателей [2]).

Въ такомъ-же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно высказался и Никифоровъ. Повторивъ извѣстную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козаковъ никѣмъ не занятыхъ земель для отбыванія военной службы, онъ переходитъ къ захватамъ и говоритъ, что «многіе помѣщики, живущіе въ сумскомъ полку, покупкою и разными происками пріобрѣли себѣ козачьи земли, а самихъ козаковъ обра-

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложеніе № 1, стр. 163—166.

[2]) Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

тили въ своихъ подданныхъ». Въ подтвержденіе послѣдняго Никифоръ указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пенѣ, обыватели котораго только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять приписаны къ козакамъ, по рѣшенію сената, прибавляя, что и въ настоящее время нѣкоторые владѣльцы покупаютъ козачьи грунты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указаннаго зла Никифоровъ предлагалъ:

1) «Дабы впредь ни подъ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщикамъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой платятъ другіе, годныхъ-же брать въ гусары; такой-же окладъ положить на дѣтей разночинцевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволять во всей слободской украинской губерніи продавать и закладывать другъ другу собственныя свои заимочныя и купленныя земли по старинному обыкновенію» [1]).

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокуреніи и продажѣ вина. «Въ двухъ, говоритъ онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и миропольскомъ, свободное винокуреніе, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того-же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащеніи; эти откупщики держатъ у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковкѣ, принадлежащей князю Голицыну, подданные его малороссіяне пользуются и свободнымъ винокуреніемъ и продажею вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики останавливаютъ жителей названныхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 70, стр. 527—531.

слободу для продажи хлѣба, задерживаютъ подъ предлогомъ розыска контрабанднаго вина и забираютъ все то, что при нихъ находятъ, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносные обиды». Въ виду сказаннаго Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплотившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, при чемъ онъ цифрами доказывалъ выгодность такого установленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Капиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиносъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 рублей словесно, съ записываніемъ рѣшеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны рѣшеніемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину [1]).

И такъ два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *disiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, онъ былъ практичнѣе его; всѣ его предложенія были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣрѣ значительно ограничивъ *на будущее* время то обезземеленіе слободскихъ козаковъ, которое стало замѣчаться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставленіе льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью; но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привилегіяхъ и изъятіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привилегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 140.

оставалась отъ потребленія, шла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбытъ на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои невыгодныя стороны, между прочимъ уменьшеніе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и открывала широкій путь злоупотребленіямъ.

Мысль Капиноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безконечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался «милостивымъ» или даже «правымъ», то былъ-бы по крайней мѣрѣ «скорымъ».

Вотъ все, что мы могли собрать о выборахъ слободско-украинскихъ депутатовъ въ Екатерининскую коммисію для составленія проэкта Новаго Уложенія и тѣхъ мнѣніяхъ и желаніяхъ, какія они высказали тамъ какъ по общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Со временемъ мы надѣемся въ такомъ-же порядкѣ и видѣ изложить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы о выборахъ и дѣятельности въ той-же коммисіи малороссійскихъ и запорожскихъ депутатовъ. Быть можетъ, наши свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской коммисіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда.

Дмитрій Багалѣй.

ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ и НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ.

(Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.).

Давно-ли отпраздновали мы тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія, и вотъ мы уже опять собрались, какъ и каждогодно, праздновать память великихъ братьевъ—на этотъ разъ нѣсколько позже обыкновеннаго, вслѣдствіе совпаденія дня 11-го мая съ предшествующею празднику Пятьдесятницы поминальною субботою. Когда мы торжествовали 6-е апрѣля, церковь оглашалась радостными звуками пасхальныхъ пѣсенъ. Нынѣшнее наше торжество многознаменательно совпадаетъ съ «великимъ, какъ выражается церковь, и спасительнымъ днемъ, Пятьдесятницы праздникомъ». Мнѣ невольно припоминается проповѣдь, уже не мало лѣтъ тому назадъ произнесенная въ томъ-же Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ молились мы, по обыкновенію, и сегодня, нашимъ покойнымъ почетнымъ членомъ преосвященнымъ Хрисанфомъ. День 11-го мая приходился тогда между Вознесеніемъ и Пятьдесятницей, и проповѣдникъ заранѣе указывалъ своимъ слушателямъ на ту церковную пѣснь, которую предстояло имъ вскорѣ услышать и которую мы уже слышали и вчера и сегодня: «*егда снисшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній, егда же огненніи языки раздаяше, въ соединеніе вся призва;— и согласно славимъ Всесвятаго Духа*». Проповѣдникъ налегалъ на то, что какъ раздѣленіе языковъ во времена языческаго нечестія привело человѣчество къ окончательному разъединенію, такъ тоже

самое множество языковъ, когда на всѣхъ этихъ языкахъ одинаково раздалось великое слово христіанскаго братства, послужило напротивъ того къ соединенію всѣхъ. Позже, изъ того, что запало мнѣ въ память сердца отъ слова покойнаго проповѣдника, стала слагаться въ моемъ воображеніи такая икона св. первоучителей: Кириллъ и Меѳодій съ очами, устремленными въ высь, а передъ ними—надъ ними, въ видѣніи, то, что совершилось тогда, въ десятый день по Вознесеніи Господа и о чемъ такъ обстоятельно говорится во вчерашнемъ и сегодняшнемъ Апостолѣ. Да будетъ позволено мнѣ напомнить и здѣсь его существенныя черты, приведя ихъ на томъ-же кирилло-меѳодіевскомъ языкѣ, который остается столь доступнымъ всѣмъ намъ, если мы не чужды церковнаго просвѣщенія:

«*И егда скончавашася дніе пятдесятницы, бѣша вси Апостоли единодушно вкупѣ...*

«*И явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни: сѣде же на единомъ коемъждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати...*

«*Бывшу же гласу сему, снидеся народъ и смятеся, яко же слышаху единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ. Дивляхуся же вси и чудяхуся, глаголюще другъ ко другу: не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеане; и како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немъ же родихомся... слышимо глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія...*

«*Иніи же ругающеся глаголаху, яко віномъ исполнени суть...*

Изъ того перечня сподобившихся св. дара народовъ, который приводится тутъ-же въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, совершенно ясно, что это не были только народы, пользующіеся или когда-то пользовавшіеся политическимъ могуществомъ, т. е. народы великіе, а собравшіеся со всѣхъ концовъ міра, всякаго рода народы. И хотя многіе изъ ихъ представителей поняли-бы, конечно, проповѣдь апостольскую и въ томъ случаѣ, если-бы она раздалась только на государственномъ языкѣ—римскомъ да на языкахъ двухъ разнородныхъ культурныхъ народовъ—грековъ и евреевъ, но Духъ святой проглаголалъ устами апостоловъ на *всѣхъ* языкахъ, такъ что не многіе только, но и *всѣ* безъ исключенія присутствующіе поняли *все*, и даже тотъ, кому былъ доступенъ тотъ или другой изъ первенствующихъ языковъ, могъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣтить:

«Какъ это каждый изъ насъ слышитъ свое родное—тотъ языкъ, въ которомъ родился?» Но боговдохновенный повѣствователь замѣчаетъ при этомъ, что нѣкоторые напротивъ того стали глумиться, объясняя совершившееся чудо не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ опьяненія. Тутъ сказалась, конечно, та превозносящаяся низменность житейскихъ воззрѣній, для которой и самое содержаніе проповѣди евангельской есть только *юродство* или *буйство*. Не мало и въ наше просвѣщенное время такихъ политическихъ умниковъ, которымъ, если они захотятъ быть послѣдовательными, придется признать какою-то (это они копцунствуютъ, а не мы) сентиментальностью заботливость Верховной Премудрости о томъ, чтобы никто не былъ лишенъ отрады услышать благую вѣсть именно на томъ языкѣ, въ которомъ онъ родился, чтобы вѣсть эта могла такимъ образомъ проникнуть въ самую глубь его сердца, войти, такъ сказать, въ его плоть и кровь. И вотъ потому-то, что новое, дотолѣ неслыханное стало сразу для всѣхъ роднымъ и давно знакомымъ, сразу-же, по свидѣтельству св. повѣствователя, и крестилось тогда три тысячи—крестилось конечно такъ, что всѣ они въ самомъ дѣлѣ могли сказать: «елицы во Христа крестихомся, во Христа и облекохомся». Потому-то и оказалось возможнымъ то, о чемъ говорится далѣе въ Дѣяніяхъ апостольскихъ:

«Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ и имяху вся обща. И стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше (Дѣянія ап., II, 44 и 45).

«Елицы бо господіе сéломъ или домовóмъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ и полагаху при ногахъ апостолъ, даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше (IV, 34 и 35).

Если же старая закваска житейская все-же сказывалась въ нѣкоторыхъ и вносила разладъ въ новый жизненный строй, то достаточно было одного обличительнаго слова, только одного слова—чтобы сразу опять пробудить въ возрожденномъ человѣкѣ его внутренняго судію и довести этого грознаго судію до убійственнаго самосуда.

«Мужъ же нѣкій, Ананіа именемъ, съ Сапфирою женою своею, продаде село и утаи отъ цѣны... Рече же Петръ: «сущее тебѣ не твое ли бѣ, и продáное не въ твоей ли власти бяше... Не чело-

вѣкомъ солгалъ еси, но Богу. Слышавъ же Ананіа словесе сія, падъ издше: и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія» (V, 1—5).

Дѣло именно въ томъ, что во власти каждаго было отдавать, или не отдавать, что тутъ и въ поминѣ не было никакого принудительнаго налога, такъ что всякая утайка была утайка у своей-же совѣсти, т. е. у того, кто въ ней пребываетъ и про кого не даромъ сказаны были и, позабытыя на минуту, опять возставали въ чуткомъ сознаніи первыхъ христіанъ предостерегающія слова: «страшно впасть въ руки Бога живаго!» Но сохраненіе въ христіанскомъ обществѣ такой чуткости сознанія съ ея карающимъ самосудомъ обуславливалось именно тѣмъ, чтобы какъ тѣ первые, такъ и новые христіане сами просили крещенія подъ продолжающимся наитіемъ все той-же, становящейся всѣмъ родною, западающей прямо въ душу, общедоступной проповѣди. Если-бы христіанство продолжало распространяться только этимъ апостольскимъ способомъ, то въ его спасительныя мрежи попадалъ-бы изъ окружающаго міра только отборный ловъ; изъ него образовались-бы дѣйствительно незыблемые устои новаго града Божія. На бѣду, послѣ разрушенія стараго Іерусалима, продолжалъ еще существовать старый Римъ, не даромъ-же и прозванный вѣчнымъ городомъ. Присвоивъ себѣ, вслѣдъ за другими правами, и верховное право указами назначать боговъ, императоры римскіе, хотя и превращавшіеся, подобно Новуходоносору, въ звѣря, не только сохранили, но и передали это право своимъ, уже переставшимъ преслѣдовать христіанъ преемникамъ. Изъ гонителей, въ силу разныхъ причинъ, имъ захотѣлось наконецъ обратиться, такъ сказать, въ августѣйшихъ меценатовъ христіанства, а затѣмъ уже вѣра Христова была объявлена ими государственнымъ исповѣданіемъ. Съ этихъ-то поръ явилась возможность креститься не ради Бога, а ради кесаря,—и вслѣдствіе этого крестящіеся во Христа стали наконецъ столь-же мало въ Него облекаться, какъ и приглашавшіе ихъ къ тому императоры. Для такихъ уже не оказывалось ни малѣйшей надобности въ проникающей прямо въ душу, общедоступной, да даже и ни въ какой проповѣди, такъ какъ дѣло было вовсе не въ усвоеніи себѣ христіанства, а только въ прочтеніи въ слухъ излюбленнаго государями символа вѣры. Вотъ тутъ-то безпрепятственно всплыло на верхъ и старое дѣленіе человѣчества на избранныхъ и на варваровъ, та-

кое-же наслѣдіе міра классическаго, какъ и то обоготвореніе кесаря, которымъ этотъ міръ завершился. Если-же среди *варваровъ* были только два *народа*—греки и римляне, то и среди всего множества языковъ были только два настоящихъ языка,—языкъ греческій и языкъ латинскій. Но государство, признавшее вѣру Христову своею указною вѣрою, не могло не признать языка и того народа, среди котораго родился Христосъ; и вотъ къ двумъ культурнымъ языкамъ языческой древности присоединился еще языкъ ветхо-завѣтнаго избраннаго народа—еврейскій. Мнимо-христіанскимъ оправданіемъ такого сближенія въ преимуществахъ послужила надпись на крестѣ Господнемъ, хотя она сдѣлана тѣмъ игемономъ римскимъ, которому евреи предали Христа. Отсюда та, упоминаемая въ житіяхъ нашихъ первоучителей, треязычная, какъ они ее называли, ересь, иначе ересь Пилатниковъ, или же распространившееся въ римско-христіанскомъ мірѣ ученіе о томъ, будто-бы слово Божіе можетъ быть проповѣдуемо только на трехъ языкахъ—римскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Изъ того, что святымъ братьямъ это ученіе справедливо представлялось ересью и что самыхъ ярыхъ ея представителей они встрѣтили на латинскомъ западѣ, многіе заключаютъ, что эта ересь только тамъ и была и что христіанскій востокъ оставался ей совершенно непричастнымъ. Другіе смотрятъ на это нѣсколько иначе и считаютъ треязычную ересь не только съ особенною силою распространившеюся на западѣ, но отчасти заходившею и на востокъ. Такъ и въ различныхъ статьяхъ, вызванныхъ Меѳодіевскимъ праздникомъ, сказались эти двѣ различныя точки зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ числу отъявленныхъ противниковъ треязычной ереси относится знаменитый патріархъ Фотій—на томъ основаніи, что онъ однажды писалъ: «Франки заслуживаютъ порицанія, когда говорятъ, что молиться можно лишь на трехъ языкахъ». Но тутъ-же какъ будто ради сильнѣйшаго еще доказательства, что Фотій смотрѣлъ на дѣло совершенно также, какъ наши первоучители, приводится и то, что онъ вѣроятно подсказалъ императору Михаилу III и замѣчательныя слова о славянахъ, сохраненныя въ его посланіи къ Ростиславу велико-моравскому: «*да и вы причтетеся въ великихъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ*». Если-же это дѣйствительно слова не Михаила III, даже не Варды, а Фотія, говорится тутъ далѣе, то мы должны признать его какъ-бы Симеономъ

Богопріимцемъ славянской или греко-славянской идеи (Варш. Меѳ. Сборн., статья А. С. Будиловича, стр. 37). Думается, что *Богопріимцемъ* идеи можно назвать только представителя идеи въ самомъ дѣлѣ *Божественной*. Едва-ли такова та идея, которая высказана въ посланіи Михаила III, а именно, что славяне, услышавъ слово Божіе на своемъ языкѣ, чрезъ это получатъ право на сопричисленіе ихъ къ великимъ народамъ. Вѣдь не даромъ-же паннонскія житія приписываютъ эти слова императору византійскому, а не нашимъ первоучителямъ. Для нихъ, опиравшихся, какъ видно изъ тѣхъ-же житій, на апостола Павла, въ императорскомъ взглядѣ могло заключаться не что иное, какъ таже ересь, только расширенная въ пользу еще одного народа,—ересь *четырехъ-язычная*. Взглядъ Михаила III, хотя-бы внушенный и самимъ Фотіемъ, заключаетъ въ себѣ чисто государственное начало, признаніе права державнаго Рима надѣлять, если пожелаетъ, своими преимуществами и нѣкоторые изъ подвластныхъ ему народовъ. Наши-же первоучители дѣйствовали въ чисто церковномъ духѣ—въ томъ духѣ, который сказался въ словахъ великаго Апостола языковъ:

«Не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекшеся въ новаго... идѣже нѣсть ни еллинъ, ни іудей... варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». (Колосс. III, 9—11).

Но хотя-бы слова Михаила III, сказанныя совершенно не въ этомъ духѣ, и не были ему внушены Фотіемъ, то этотъ послѣдній въ дѣлѣ обращенія болгаръ, въ которомъ ему несомнѣнно принадлежитъ первенствующее положеніе, не высказалъ-же особенной заботливости о проповѣди имъ на ихъ языкѣ и славянское богослуженіе установилось у нихъ уже усердіемъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. Не даромъ въ паннонскихъ житіяхъ о Фотіи и говорится только вскользь, и совершенно бездоказательнымъ греколюбіемъ отличается таже упомянутая выше статья, когда ставитъ нашихъ первоучителей въ полнѣйшую зависимость отъ мнимаго Фотіевскаго почина. Но тотъ-же избытокъ грекопоклонническаго учердія зашелъ тутъ и еще далѣе. Насъ увѣряютъ, будто первоучители наши и патріархъ Фотій «были люди не только одного круга и образованія, но и *сродныхъ настроеній, характеровъ*, міросозерцаній... люди крѣпкой и упругой воли, которая не останавливается ни передъ

какими трудностями и препятствіями, *кромѣ нравственнаго долга...»* (Варш. Меѳод. Сборн., ст. Будиловича, стр. 35) [1]).

Что наши первоучители, при всей своей настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, никогда однако-же не дѣйствовали противъ совѣсти, не вступали въ сдѣлки съ міромъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но что прямо противоположно поступалъ иногда Фотій, объ этомъ говорилъ не одинъ, на примѣръ, Герленрётеръ, про котораго можно сказать, что онъ иновѣрецъ и иностранецъ, но и такіе добросовѣстные русскіе ученые, какъ Ивановъ и Надеждинъ. Даже у П. А. Лавровскаго, при всемъ его пристрастіи къ Фотію, онъ является далеко не безупречнымъ по своему характеру. Всего-же откровеннѣе высказался о немъ никогда не кривившій душой и не утаивавшій никакой правды Хомяковъ.

«Тяжела, говоритъ онъ, была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями византійскаго двора...» «Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ церкви»,—вотъ безпристрастный выводъ Хомякова о Фотіи (Соч. Хомякова, IV, 634—35).

Въ желаніи окружить знаменитаго патріарха сіяніемъ, будто-бы подобающимъ ему на равнѣ съ нашими первоучителями, низводимыми въ положеніе какъ будто-бы только исполнителей его плановъ, обнаруживается такое подобострастіе относительно грековъ, которое право стоитъ подобострастія передъ западомъ. Но въ другой юбилейной статьѣ культъ эллинизма зашелъ и еще далѣе. «Кириллъ и Меѳодій греки навѣрно менѣе удобны и симпатичны католикамъ, чѣмъ Кириллъ и Меѳодій славяне», говорится тутъ. «Для насъ въ этомъ знаменательномъ фактѣ греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ заключается весь смыслъ ихъ великаго подвига на пользу славянства. Чтобъ... облаготворить одинаково всѣ племена славянскія, надо было прежде всего стать выше всякихъ узко-племенныхъ стремленій и задачъ, всякихъ... чувствъ мѣстнаго патріотизма... Люди вполнѣ удовлетворяющіе... этимъ уловіямъ могли оказаться только у ближайшихъ высоко-культурныхъ православныхъ

---

[1]) Въ подлинникѣ безъ курсива.

сосѣдей славянъ на югѣ, у образованныхъ грековъ и болѣе ни у кого!» (Варш. Меѳод. Сборн., статья К. Я. Грота, стр. 4, 7—8).

Такими людьми однако-же оказались въ свое время апостолы совершенно, разумѣется, независимо отъ своей еврейской народности, а единственно въ силу того, что были учениками Христа и приняли въ видѣніи огненныхъ языковъ св. Духа. Такими оставались и ближайшіе ихъ послѣдователи, отцы первыхъ вѣковъ церкви, по происхожденію принадлежавшіе прямо даже къ варварскимъ народамъ. Но вѣдь они-то, эти отцы, какъ справедливо напоминалъ покойный Терновскій, на самомъ дѣлѣ и становились вдохновеннѣйшими провозвѣстниками той правды Христовой, съ которой долго боролась именно въ лицѣ греко-римлянъ унаслѣдованная ими отъ классической старины житейская мудрость. Она такъ и не уступила вполнѣ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи, «буйству» слова Христова и «пьянству» благодати св. Духа,—что справедливо и поставлено было на видъ въ нѣкоторыхъ юбилейныхъ статьяхъ совершенно иного пошиба, появившихся въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

«Не одни только латиняне, сказано тутъ, а также и греки держались треязычной ереси; въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не отличались тою терпимостью, какую обнаруживала церковь въ древнѣйшія времена своего существованія. Уже въ VI столѣтіи существовали на этотъ счетъ нѣкоторыя ограниченія; греческій языкъ признавался господствующимъ языкомъ богослуженія, а другіе языки допускались лишь въ частныхъ службахъ. Въ палестинской лаврѣ св. Саввы, въ которой, при разнородности обитателей, должна была сильно ощущаться потребность богослуженія на разныхъ языкахъ, признавался языкомъ литургіи языкъ греческій, а другіе языки, какъ армянскій, допускались только въ частныхъ псалмопѣніяхъ и чтеніи евангелія. Ко времени дѣятельности Кирилла и Меѳодія монополія греческаго языка, какъ языка богослужебнаго, на востокѣ усилилась, что очевидно сильно затрудняло проведеніе дѣла первоучителей». («Странникъ», апрѣль, стр. 605).

Къ тому-же, какъ извѣстно, приходилъ въ своей исторіи православныхъ церквей и проф. Голубинскій, научнымъ образомъ обосновавшій то, что давно уже сказывалось въ дальнозоркомъ чутьѣ Погодина. Да вѣдь правду сказать, достаточно и одного черноризца

Храбра съ его неподдѣльными славянскаго лукаваго простодушія «отвѣтами о письменахъ», т. е. письменахъ славянскихъ, чтобы въ тѣхъ горделивыхъ умникахъ, отъ которыхъ отстаивалъ онъ эти письмена уже въ X-мъ вѣкѣ, разглядѣть прямыхъ предковъ того пресловутаго фанаріотства, которое ознаменовало и еще ознаменовываетъ себя ревнивымъ истребленіемъ всего славянскаго. Но къ этимъ предкамъ фанаріотовъ вовсе не принадлежали, по выраженію того-же духовнаго журнала, «два мужа... отстранившихся отъ исключительнаго служенія единой греческой церкви, сохранившихъ до конца извѣстную независимость: одинъ проникнутый духомъ любви Христовой ко всему міру, ко всѣмъ племенамъ и языкамъ, любившій и знавшій самые языки языковъ, миссіонеръ универсальнѣйшій въ самыхъ своихъ задаткахъ (Кириллъ), другой—сама мудрость жизни, мужъ, суровыми подвигами аскетизма выработавшій въ себѣ особую силу характера ...мужъ дѣла твердаго, выносливаго (Меѳодій)... Какая богатая школа практики и какая высокая школа къ выработкѣ терпимости!... Требовалось не обращеніе въ христіанство, не прививка его первыхъ началъ... требовалось нѣчто большее—утвержденіе вѣры, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни, какъ желало того славянство («Странникъ», стр. 665).

Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству паннонскихъ житій, послы отъ славянскихъ князей говорили въ Царьградѣ, что есть у нихъ проповѣдники латинскіе и проповѣдники греческіе, но ни тѣхъ, ни другихъ они не понимаютъ. Имъ нужно было того-же, что дано было въ день Пятидесятницы всѣмъ и что вызвало въ каждомъ радостное недоумѣніе: «како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немъ-же родихомся». Вотъ на это-то и были давно готовы откликнуться наши святые братья.

«Вы видите здѣсь, говорится въ томъ-же духовномъ журналѣ, тотъ-же вѣковѣчный вопросъ, что̀ въ христіанствѣ общаго и народнаго, и тотъ-же отвѣтъ, что во Христѣ Іисусѣ *нѣсть еллинъ, ни іудей... ни варваръ, ни скиѳъ, ни рабъ, ни свободь...* Великіе просвѣтители славянскихъ племенъ были величайшими проповѣдниками вселенскости, но это не была механическая вселенскость... а именно идея *братства* народовъ *въ свободѣ единаго христіанства*, въ свободномъ союзѣ *церкви*,—братства, которое и дается подвигомъ

и трудомъ *народовъ,* въ твердомъ началѣ духовной *самостоятельности* и въ свѣтѣ *единой* истины» («Странникъ», 673—674)[1]).

О той-же великой идеѣ единства въ разнообразіи должны были намъ напомнить и похороны, которые такъ скоро послѣдовали за свѣтлымъ праздникомъ 6-го апрѣля. Почти въ одинъ день со святымъ Меѳодіемъ—7-го числа—не стало Н. И. Костомарова. Утромъ 6-го ему еще напомнили о томъ, какой это праздникъ, и лучъ сознанья еще промелькнулъ у него на лицѣ. Дѣло въ томъ, что съ именами нашихъ первоучителей связывалось и самое начало поприща того человѣка, который умиралъ во время великаго всеславянскаго праздника. Мы можемъ теперь свободно вспоминать объ

[1]) Пріятно замѣтить, что въ томъ же Варшавскомъ Меѳодіевскомъ Сборникѣ, гдѣ помѣщены статьи А. С. Будиловича и К. Я. Грота, оказывается и статья О. Ѳ. Зигеля, также бывшаго слушателемъ В. И. Ламанскаго и моимъ, статья, гдѣ встрѣчаемся мы со взглядами, чуждыми всякаго подобострастія передъ Византіею. «Общеизвѣстно, говорится тутъ, стремленіе Карла Великаго и его преемниковъ подчинить себѣ сосѣднихъ славянъ; распространеніе христіанства давало только подходящій предлогъ къ завоевательнымъ войнамъ, а духовенство въ новообращенныхъ славянскихъ земляхъ дѣлалось надежною опорою иноземнаго владычества. Но и Византія въ этомъ отношеніи немногимъ уступала Франкамъ. Стоитъ только вспомнить нежеланіе константинопольскаго патріарха дать новокрещеннымъ болгарамъ епископа... политику греческаго духовенства послѣ завоеванія Болгаріи между 1018 и 1186 гг. (подробности, прибавлю отъ себя, можно найти у проф. Голубинскаго), чтобы придти къ убѣжденію, что и въ Византіи распространеніе христіанства считалось только средствомъ къ поглощенію славянъ. Если Византія дѣйствовала менѣе послѣдовательно и успѣшно, то причина заключается... въ сравнительной слабости, а не въ отсутствіи желанія. Такимъ образомъ на славянскій міръ, раздробленный и извѣрившійся въ самомъ себѣ, наступали съ запада и юга двѣ грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденныя въ своемъ умственномъ превосходствѣ и полныя презрѣнія и ненависти ко всей славянской расѣ... Въ этотъ критическій для славянства моментъ и начинается дѣятельность солунскихъ братьевъ. Прекрасно образованные и проникнутые любовью ко всему человѣчеству, они стояли неизмѣримо выше всего духовенства какъ западной, такъ и восточной имперій. Между тѣмъ, какъ главы будущихъ обѣихъ церквей уже начинали свои пререкательства изъ за догматическихъ тонкостей, между тѣмъ какъ властолюбіе и корыстолюбіе разжигали между ними ненависть, Кириллъ и Меѳодій, далекіе отъ всевозможныхъ постороннихъ цѣлей, несли христіанскую проповѣдь къ арабамъ, хазарамъ, славянамъ. Ими не замѣчалось подготовлявшееся распаденіе церквей; они доказали своею жизнію, что ихъ идеаломъ было единство христіанства». (Варшавскій Меѳодіевскій Сборникъ, статья г. Зигеля, стр. 3—6).

этомъ роковомъ началѣ его поприща, потому что нѣсколько лѣтъ спустя наступила совершенно иная пора, та великая историческая пора Александра II, послѣ которой, что-бы тамъ ни было, не можетъ уже повториться то, что было съ Костомаровымъ. Да, что-бы ни было, а уже не бывать такому сожженію по приговору ученаго трибунала, какому подверглась первая магистерская диссертація Костомарова—диссертація объ уніи, въ которой тогда предосудительнымъ, вѣроятно, показался даже прибранный къ ней эпиграфъ:

О Боже мій несконченый!
Дивитися горе,
Що тепера на симъ свѣти
Вира виру боре.
О Боже мій несконченый!
Що ся теперъ стало?
Усе вира, усе вира,
А милости мало [1]).

На томъ-же началѣ широкой терпимости основывалось и общество, нѣсколько позже задуманное Костомаровымъ и отчасти уже осуществлявшееся въ Кіевѣ, общество, ставшее для него окончательно роковымъ, потому что въ тѣ невозможныя болѣе времена предосудительною могла показаться и печать Костомарова, которую приняли за печать общества, такъ какъ на ней значилось: «и уразумѣете истину и истина свободитъ вы» (Іоанна VIII, 32). Вотъ съ этимъ-то обществомъ и связаны были имена нашихъ первоучителей, цѣлью-же общества было достиженіе славянской взаимности. Самъ покойный историкъ счелъ возможнымъ еще при жизни сообщить о немъ свѣдѣнія въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. и сообщить ихъ настолько подробно, что въ неизданныхъ запискахъ его, хранящихся у вдовы Николая Ивановича, сказано почти тоже самое. Въ обществѣ этомъ, по словамъ Костомарова, вообще отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями. Далѣе-же, какъ онъ выражается, desiderata общества заключались вотъ въ чемъ:

[1]) Подробности этого дѣла можно найти въ автобіографической запискѣ Н. И. Костомарова, напечатанной въ майской книжкѣ «Русской Мысли» на 1885 годъ (стр. 205 и слѣд.).

1) Освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ.

2) Организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою.

3) Уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось.

4) Упраздненіе сословныхъ привиллегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются.

5) Религіозная свобода и вѣротерпимость.

6) При полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей (нужно-ли пояснять по поводу этого пункта, что единый славянскій языкъ въ богослуженіи—этотъ камень преткновенія, столь наглядно высказавшійся на велеградскомъ праздникѣ—неизбѣжно ведетъ, какъ это и понимаютъ въ Римѣ, къ единству вѣроисповѣданія).

7) Полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова.

8) Преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

«Этимъ собственно, добавилъ покойный историкъ, и ограничились тогдашнія наши *desiderata*. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II» [1]).

Когда тамъ на югѣ, въ стольномъ Кіевѣ, о старой славѣ котораго, какъ блестящемъ прологѣ къ русской исторіи, такъ сочувственно говорилъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей Ю. Ѳ. Самаринъ, когда тамъ, въ позже такъ названной Малороссіи или Украйнѣ, начертаны были эти пункты всеславянскаго кирилло-меѳодіевскаго братства, тогда въ другомъ, гораздо позднѣйшемъ историческомъ средоточіи Руси, въ Москвѣ все болѣе и болѣе обрисовывалась школа такъ называемыхъ славянофиловъ и вела, такъ сказать, съ высоты Кремля, насколько это тогда оказывалось возможнымъ, войну съ такъ называемыми западниками. Если-бы тогдашняя Костомаровская программа не была изъята изъ употреб-

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., февраль, стр. 226—227.

ленія, а дошла до Москвы въ своемъ подлинномъ видѣ, не должны ли-бы были, чтобъ быть послѣдовательными, согласиться съ нею тогдашніе, т. е. первоначальные наши славянолюбцы,—я разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова и Юрія Самарина? Думаю, что смѣло можно отвѣтить: «да». Но согласятся-ли съ нею славянофилы теперешніе?—Будемъ надѣяться [1]).

---

[1]) Особыя подробности о тогдашнемъ славянскомъ обществѣ можно найти въ автобіографической запискѣ, продиктованной Н. И. Костомаровымъ Н. А. Бѣлозерской. «Пріѣхали мы въ Кіевъ на 1-й день Рождества (1845 г.); тутъ-то впервые явилась мысль о созданіи общества, которое-бы имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общества было вербовать въ члены людей подготовленныхъ, а идеи распространять, гдѣ можно.

Въ январѣ 1846 года я началъ читать лекціи по русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душой. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью.

Въ 1846 году пріѣхала матушка, и я поселился съ нею на Крещатикѣ. Къ этому-же времени относится мое знакомство съ Т. Шевченкомъ, которое совершилось необыкновенно быстро. На другой-же день мы говорили другъ другу «ты». Когда я сообщилъ Шевченку о существованіи общества, онъ тотчасъ изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченкомъ.

Въ концѣ года пріѣзжалъ въ Кіевъ Савичъ (братъ профессора с.-петербургскаго университета)... и я завербовалъ его въ общество... Онъ измѣнилъ планъ своего путешествія и вмѣсто Парижа рѣшилъ ѣхать въ славянскія земли для распространенія идей общества (члены его съѣхались въ Кіевъ на зиму и постоянно собирались то у того, то у другаго). 28 декабря 1846 года было роковымъ днемъ... Собрались мы на квартирѣ Гулака... Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разростается общество; Шевченко... выражался не совсѣмъ цензурно о существующемъ порядкѣ...» (тутъ-то и подслушали и донесли) (стр. 212).

О томъ, что ожидало Костомарова въ Петербургѣ, при допросахъ въ бывшемъ III отдѣленіи, мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее изъ той же его записки:

Костомаровская программа вполнѣ выражала идею единства въ разнообразіи. Только соблюдая ту свободу жизни, которая и сказывается въ разнообразіи, единство будетъ оставаться тою чисто духовною, ненасильственною связью, какую и можетъ лишь допускать краеугольная въ настоящемъ славянофильствѣ «правда внутренняя». Со смертью основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ, постигшею ихъ какъ разъ передъ наступленіемъ столь желаннаго ими для освобожденія крестьянъ, мало по малу въ ихъ ученіе о «правдѣ внутренней» стали проникать кое какія позаимствованія у «правды внѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей. Вотъ съ этою-то порою совпало окончательное развитіе возобновившейся съ новымъ царствованіемъ литературной дѣятельности Костомарова. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ себѣ, онъ, со своими южнорусскими единомышленниками, не то чтобы «давалъ, какъ оно кажется г. Кояловичу, большее значеніе славянскому единству, чѣмъ русскому» [1]), а понималъ это *русское* единство точно такъ-же, какъ и *славянское*, т. е. подъ условіемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей. При томъ подмѣнѣ внутренняго единства внѣшнимъ, который былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ посторонних подмѣсей къ ученію умершихъ славянофиловъ, недоразумѣнія между тѣми, кто считалъ себя ихъ преемниками, и бывшими основателями кіевскаго кирилло-меѳодіевскаго общества все болѣе и болѣе обнаруживались. Вотъ эти-то недоразумѣнія и приводили южныхъ славянолюбцевъ къ осо-

---

«Орловъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: очень радъ познакомиться съ вами, г. профессоръ! Мы имѣемъ объ васъ отличные отзывы, но къ сожалѣнію, у васъ нашли вещь очень преступную; намъ сообщено содержаніе: *вы толкуете о соединеніи славянскихъ народовъ противъ деспотизма!* Вѣдь, за это эшафотъ! Это не вы!... вы должны выдать намъ мерзавцевъ!...

— Не можете-ли вы изложить письменно, сказали далѣе Костомарову, что знаете о скрытыхъ цѣляхъ этого общества и вообще что знаете о славянствѣ?

Меня отвезли назадъ и я написалъ цѣлую диссертацію о славянахъ, цитировалъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Диссертацію эту отнесли къ Дубельту, и онъ вскорѣ позвалъ меня къ себѣ.

— Зачѣмъ вы написали это?—спросилъ Дубельтъ.—Это годится для ученыхъ, а не для насъ. Это, мой добрый другъ, все поэзія, а васъ надобно отправить въ крѣпость на всю жизнь». (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 212 и слѣд.).

[1]) Кояловичъ, Исторія Русскаго Самосознанія.

баго рода сдѣлкамъ съ такъ называемыми западниками, хотя последніе по прежнему видѣли для насъ мало проку отъ общенія съ этимъ, будто какимъ-то особымъ, а въ сущности только отсталымъ славянскимъ міромъ. Но то и были именно только *сдѣлки*, и одному изъ главныхъ участниковъ того журнальнаго стана, къ которому по волѣ судебъ примкнулъ покойный Николай Ивановичъ, еще недавно пришлось, трактуя со своихъ культурныхъ высотъ о такомъ чудакѣ, какъ К. Аксаковъ, почти совсѣмъ обойти знаменитую рѣчь о немъ Костомарова. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой рѣчи сказалось во многомъ такое согласіе съ только что схороненнымъ тогда знаменитымъ славянофиломъ, что г. Пыпину волей неволей приходилось скрывать эту невольную, но очевидную ересь своего сотрудника. Припомнимъ хоть слѣдующія слова этой рѣчи:

«Петровская реформа оторвала государственную сторону нашего національнаго быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа и одну большую половину съ старою жизнію его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую-же повела къ подражанію иноземщинѣ...»

«Русская мысль и съ нею русская наука... хотѣла было обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни, да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню» (Рѣчь о К. Аксаковѣ).

Но вѣдь и позже Костомаровъ высказывалъ многое, вовсе не подходившее къ направленію того органа, въ которомъ онъ всего больше участвовалъ. Вспомнимъ хоть слѣдующее:

«Какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства... московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли... Не смотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которою управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на

западный образецъ забылось значеніе земли, подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія» («Начало единодержавія»—статья помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., №№ XI и XII) [1]).

Если такой убѣжденный западникъ, какъ Бѣлинскій, почему-то хорошо отозвался о Костомаровскомъ «Саввѣ Чаломъ», то онъ уже совершенно иначе отнесся къ нему потомъ. Послѣ сожженія первой диссертаціи Костомарова ученымъ трибуналомъ за вольнодумство, вторая его диссертація подверглась со стороны знаменитаго критика глумленію—за выборъ такого нестоющаго просвѣщеннаго вниманія предмета, какъ народная словесность [2]).

Вполнѣ послѣдовательный въ своемъ увлеченіи западомъ Бѣлинскій, года два спустя, т. е. въ 1845 г. приводилъ слова Савельева Ростиславича: «когда настанетъ судъ исторіи, тевтонскій міръ отдастъ славянамъ все, что взято», и затѣмъ съ увѣренностью отвѣ-

---

[1]) Многимъ изъ мнимыхъ единомышленниковъ, конечно, не очень понравится и то, что только что напечатано въ автобіографической запискѣ Костомарова:

«Въ Ровно я сталъ непріязненно относиться къ полякамъ помѣщикамъ и къ жидамъ: бесѣдуя постоянно съ народомъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни. По выѣздѣ оттуда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, казались мнѣ почти гуманными людьми, и самый народъ, по мѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ» (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 209).

[2]) Въ своей автобіографической запискѣ самъ Николай Ивановичъ вспоминаетъ: «Бѣлинскій написалъ, что народныя пѣсни—такой предметъ, который можетъ занимать людей, которымъ нечѣмъ заняться или которые неспособны заняться чѣмъ либо другимъ, и съ презрѣніемъ отозвался о диссертаціи, называя ее потокомъ словъ» (Русская Мысль, май, стр. 206). Но замѣчательно также и отношеніе тогдашняго ученаго міра не только къ первой, но и къ этой второй диссертаціи Костомарова. Нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признавать ее, припоминаетъ онъ, такъ какъ самый предметъ диссертаціи казался страннымъ, неученымъ. Профессоръ филологіи Протопоповъ до конца остался при этомъ мнѣніи и даже Артемовскій-Гулакъ, хорошо знавшій по малорусски, долго спорилъ и насилу согласился. За меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лунинъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени. Онъ говорилъ, что въ моей диссертаціи проводится настоящій взглядъ на исторію, что для исторіи всего дороже народный голосъ, выраженіе народнаго чувства и мысли. Слова Лунина многимъ показались дикими! «Хороша исторія!—говорили они.—Кому нужно знать, какъ чувствуетъ паробокъ или дивка?».

чалъ на это: «что именно взято и кѣмъ, желательно-бы знать. Но кажется этого и самъ порицатель не вѣдаетъ» (Бѣл. IX, 437). Еще позже, въ 1847 г., въ отвѣтъ на замѣчаніе Ю. Ѳ. Самарина, что и на западѣ люди безпристрастные начинають обращать сочувственное вниманіе на славянскій міръ, Бѣлинскій замѣтилъ:

«Если Сандъ избрала предметомъ своего сочиненія гуситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а напротивъ именно оттого, что гуситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое, славянскаго тутъ—только національное происхожденіе дѣйствователей да безплодный для нихъ исходъ героической впрочемъ борьбы. Когда дѣло борьбы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ» (Бѣл. XI, 360).

При всей своей гуманности Бѣлинскій такимъ образомъ отказывался понять, не смотря на то, что знаменитая западная писательница клала это прямо въ ротъ, все великое общественное значеніе безплодной гуситской борьбы, а равно и совершенное перерожденіе ея съ тѣхъ поръ, какъ плодоносно взялось за борьбу германское племя; точно также, при той-же своей гуманности, онъ не хотѣлъ понять глубоко соціальнаго смысла упрековъ Луи-Блана Вольтеру за его презрѣніе къ народу и съ ужасомъ восклицалъ по поводу ихъ: «святители! да это Шевыревъ» [1]).

Между тѣмъ, тамъ на «хохлацкомъ» югѣ, такъ докторально осмѣянномъ со своимъ гопакомъ и жупаномъ, тѣмъ-же Бѣлинскимъ, Шевченко пишетъ въ 1845 г. свою, къ несчастью не дошедшую до насъ поэму «Янъ Гусъ» и снабжаетъ ее сохранившимся, къ счастью, посвященіемъ «славному Шафарику». Тутъ тотъ-же самый тевтонскій міръ, который является у Бѣлинскаго въ качествѣ какой-то оклеветанной невинности, рисуется уже въ иномъ совершенно видѣ, а этому безполезному славянскому міру съ его, какъ казалось Бѣлинскому, героическими неудачниками гуситами, творческимъ воображеніемъ украинскаго поэта предвозвѣщается то чудо воскресенія мертвыхъ, о которомъ такъ вызвышенно поэтически каждогодно гла-

---

[1]) Замѣчательно, что въ той-же своей автобіографической запискѣ Костомаровъ, слушавшій Шевырева въ Москвѣ, называетъ его лучшимъ тогда изъ профессоровъ московскаго университета.

сить намъ пророчество Іезекіиля, за чудной заутреней великой субботы. Позволю себѣ привести основныя черты изъ этого посланія Шафарику. Оно должно быть понятно намъ всѣмъ и въ подлинномъ языкѣ Шевченка малорусскомъ съ нѣкоторою примѣсью языка церковно-славянскаго, т. е. Кирилло-Меѳодіевскаго:

Запалылы у сусида
Нову добру хату
Сусидэ зли.—Нагрилыся
Та и полягли спати
И забули теплый попилъ
По полю розвіять...
А на давнимъ пожарыщи
Искра братства тлила—
Дотливала, дожидала
Рукъ твердыхъ та смилихъ...
И дождалась.—Прозривъ еси [1])
Въ попели глубоко
Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
Смилымъ орлимъ окомъ
И засвитывъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли
И славянъ симью велыку
Во тми и неволи
Переличивъ до одного—
Переличивъ трупы
А не славьянъ. И ставъ еси
На велыкихъ купахъ,
На розпутти всесвитнёму
Іезекіилемъ!—
И, о дыво! трупы встали,
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тыхои любови
На вики и вики,

---

[1]) Прозрѣлъ еси—обращеніе къ Шафарику.

И потекли въ одно море
Славянскіи рики.
Слава тоби, любомудре,
Чеху славьянине,
Що не давъ ты потонути
Въ нимецькій пучини
Нашій правди!...

. . . .

Привитай-же въ своій слави
И мою убогу лепту—думу немудрую
Про чеха святого...
Про славнаго Гуса;
Прійми, отче,—а я пишкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славьяне стали
Добрыми братами
И сынами сонця правды
И еретыками—
Оттакими, якъ Констаньскій
Еретыкъ велыкій!—
Миръ мірови подарують
И славу во вики.

Шевченко не даромъ назвалъ Гуса *еретикомъ*. Онъ дѣйствительно еретикъ передъ тѣмъ западнымъ міромъ, которому поклонялся Бѣлинскій. Но такимъ его признавалъ у насъ не только латинствующій Крижаничъ, такимъ считали его и думавшіе быть совершенно въ сторонѣ отъ Рима старинные русскіе люди, въ сознаніе которыхъ однако невозможнымъ образомъ проникалъ тотъ-же Римъ черезъ близкую къ намъ византійскую, т. е. восточную *Римскую* имперію. Гусъ, этотъ представитель вѣроисповѣднаго права *народа*, такой-же еретикъ передъ всѣмъ вообще греко-римскимъ міромъ, какъ и наши первоучители, представители вѣроисповѣднаго права *народовъ*. Въ сущности та борьба, которая ведется не со вчерашняго дня яко-бы на вѣроисповѣдно-христіанской почвѣ между западомъ и востокомъ, есть не что иное, какъ борьба междоусобная, а такая борьба всегда отличается особенною непримиримостью. Наши первоучители съ одной, Гусъ съ другой стороны стоятъ

между этими, ведущими междоусобную брань, западомъ и востокомъ, одинаково наслѣдовавшими, хотя и въ различныхъ видахъ слишкомъ многое отъ греко-римскаго дохристіанскаго государства. Наши первоучители и Гусъ находятся между ними, т. е. одинаково въ сторонѣ отъ обоихъ, потому что пребываютъ на чисто-христіанской безпримѣсной почвѣ, принадлежатъ *церкви*, какъ любилъ говорить Хомяковъ, просто *церкви*, подъ которою разумѣлось у него вселенское православіе. Конецъ междоусобной войнѣ положится только тогда, когда обѣ стороны перейдутъ наконецъ на эту, отъ нихъ независимую, въ самомъ дѣлѣ *церковную почву*. Тогда-то окажется наконецъ «едино стадо и единъ пастырь»,—пастырь не въ видѣ ни міродержавнаго папы, ни міродержавнаго кесаря, а въ прямомъ и подлинномъ смыслѣ зовущаго всѣхъ въ единеніе Духа Божія. Вотъ что представлялось въ духовномъ видѣніи и вдохновенному мыслителю славянофилу, когда, становясь и вдохновеннымъ пѣвцомъ, онъ взывалъ:

О братія! плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ,
И скажемъ свѣту слово славы
Еще не слыханное имъ! [1]).

Ор. Миллеръ.

---

[1]) Стихи К. С. Аксакова.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

I.

Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода сѣверо-западной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимірскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи съ селищами Коневичами и Подгайцами [1]). Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и вліятельнаго положенія въ Рѣчи Посполитой. Не имѣя выдающихся знатностью предковъ за время принадлежности края Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе кичился Адамъ Григорьевичъ предками болѣе древними, хотя и не засвидѣтельствованными документально,—русскими боярами кіевскаго великокняжескаго періода. При каждомъ удобномъ и даже почти неудобномъ случаѣ поминалъ онъ своего родоначальника, кіевскаго «воеводу» Святолда или Свентолдича, утверждая, что «потомки его покорились Болеславу лишь послѣ того, какъ родоначальникъ ихъ, которому поручена была защита Кіева, палъ въ самыхъ вратахъ города» [2]), и возводя такимъ

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

[2]) Nie pierwey posteritas Boleslao cessit, aż pierwey in porta ipsa, powierzony sobie maiąc Kiiów, przodek poległ.—Памятники, изданные кіевскою

образомъ начало своего рода ко времени нашествія на Кіевъ короля Болеслава Храбраго въ качествѣ союзника Святополкова противъ Ярослава, въ 1018 году. Современники этому вѣрили или по крайней мѣрѣ подавали видъ, что вѣрятъ, ибо въ ту эпоху всѣхъ одинаково обуревала страсть возводить начало своихъ родовъ ко временамъ самой отдаленной древности. Происхожденіе Киселей отъ Святолда признавалось даже оффиціально, и въ королевской грамотѣ 5 февраля 1646 г., которою возводится Адамъ Григорьевичъ въ званіе кіевскаго каштеляна, говорится объ «именитомъ и стародревнемъ родѣ Свентолдичей-Киселей, ведущемъ начало отъ русской княжеской фамиліи и подчинившемся польскому государству еще при королѣ Болеславѣ Храбромъ» [1]). Быть можетъ, существовало на самомъ дѣлѣ и передавалось въ родѣ Киселей какое-либо преданіе о переселеніи ихъ предковъ въ польскіе предѣлы въ это далекое время, когда Болеславъ, уходя предъ Ярославомъ изъ Кіева, «възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестры его... и людій множьство веде съ собою» [2]), такъ что еще четверть вѣка спустя, когда женился въ 1043 г. на сестрѣ Ярослава король Казиміръ, то «вдасть за вѣно людій 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава» [3]). Въ прибавочномъ прозвищѣ Святолдича не отказывали Адаму Григорьевичу даже столь скупые на всякіе титулы и величанія московскіе бояре въ своей съ нимъ перепискѣ [4]). Перешло это прозвище и связанное съ нимъ преданіе въ малороссійскія хроники XVIII вѣка, гдѣ встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія, какъ: «Адамъ Кисель, славнаго рода Святолда, бывшаго въ лѣто 1128 (sic) русскаго гетмана, фамиліантъ» [5]). Вошло оно и въ польскія геральдическія сочиненія тѣхъ-же временъ; такъ, Нѣсецкій

коммиссіею, т. I, отд. 3, № 7. Русскій переводъ этого мѣста въ Памятникахъ совершенно неправиленъ, также какъ и текстъ въ изданіи Гельцеля, Jakuba Michałowskiego Księga pamiętnicza, стр. 29: «posteritas Bolesława».

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[2]) Лаврентіевская лѣтопись подъ 1018 годомъ; Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 132.

[3]) Тамъ-же подъ 1043 г.; Полное собраніе, т. V, стр. 138.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 124, 128 (письма путивльскаго воеводы князя Долгорукаго); № 160 (отъ бояръ изъ Москвы).

[5]) Краткое описаніе Малороссіи (Лѣтоп. Самовидца по изданію 1878 г.), стр. 237.

говоритъ, что «кіевскій староста Кисель погибъ во время осады поляками этого города, когда онъ былъ подчиненъ еще русскимъ князьямъ. Позже, когда завоевали русскій край короли польскіе, Кисели всегда выступали въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ этого (т. е. польскаго) отечества». Любопытна у Нѣсецкаго легенда о происхожденіи самаго имени Киселей и началѣ ихъ герба, который пожалованъ имъ, по легендѣ, «самодержцемъ русскимъ Владиміромъ, около 1040 (sic) года, военачальнику Свентолдичу за удачную военную хитрость. Печенѣги, приступивъ къ Кіеву, не могли взять его тѣсной осадой и стремительнымъ нападеніемъ, ибо упорно и мужественно защищалъ его вѣрный военачальникъ Свентолдичъ. Видя, что города взять невозможно открытой силой, непріятель задумалъ принудить его къ сдачѣ голодомъ и для этого заступилъ всѣ пути, откуда только могли ожидать жители подвоза припасовъ. Свентолдичъ, понявъ намѣренія печенѣговъ, велѣлъ вырыть двѣ ямы, наполнить одну мукою, другую водой, и заквасить изъ этой муки тѣсто; когда напекли изъ него хлѣба, онъ велѣлъ метать его въ непріятельскій лагерь. Пораженные этимъ печенѣги, видя, что не могутъ побѣдить кіевлянъ ни силой, ни голодомъ, отчаялись въ успѣхѣ и отступили отъ города. За такую находчивость Владиміръ далъ Свентолдичу гербъ, а Киселемъ прозванъ онъ отъ квашенія (kiszenia) хлѣба» [1]). Не трудно узнать въ этой легендѣ искаженное преданіе начальной русской лѣтописи объ осадѣ печенѣгами Бѣлгорода въ 997 году; искаженіе крайне неудачно, ибо для печенія хлѣба, чтобы метать его къ врагамъ, не было никакой надобности заквашивать его въ нарочно для этого вырытыхъ ямахъ. По лѣтописной-же редакціи, эта подробность получаетъ опредѣленный смыслъ, и весь разсказъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ имени Киселей. Когда истощались уже у осажденныхъ съѣстные припасы, научилъ ихъ одинъ «старецъ» (т. е. почетный старикъ, одинъ изъ старѣйшинъ города) вырыть два колодца; въ одинъ поставили кадь съ «цѣжью» (жидкимъ сырымъ тѣстомъ), а въ другой съ медовой сытою, дали печенѣгамъ «талей» (заложниковъ), пригласили ихъ десять человѣкъ въ городъ и здѣсь говорили имъ: «Что можете створити намъ? Имѣемъ бо кормлю отъ землѣ: аще ли не вѣруете,

---

[1]) Korona Polska, т. II (по изданію 1738 г.), стр. 519.

да узрите своима очима». Затѣмъ при нихъ черпали изъ колодцевъ цѣжь и сыту, варили *кисель*, угостили имъ приглашенныхъ, отослали еще черезъ нихъ «корчагу цѣжи и сыты» печенѣжскимъ князьямъ, которые тоже варили и ѣли кисель. Это убѣдило ихъ въ безплодности осады Бѣлгорода, отъ котораго они и отступили [1]). Весьма вѣроятно, что именно этотъ лѣтописный разсказъ послужилъ первымъ поводомъ пріурочить происхожденіе фамиліи Киселей къ данному случаю и ко временамъ великаго князя Владиміра, впослѣдствіи-же непосредственный поводъ пріуроченія былъ забытъ и осталась только традиція о началѣ ихъ рода изъ кіевскаго княженія X—XI столѣтія.

Въ литовскомъ періодѣ наиболѣе раннее упоминаніе о Киселяхъ, отрывочное и недостаточно опредѣленное, относится къ первой трети XV вѣка: въ указанной грамотѣ 1646 г. упоминается Кисель Александръ, находившійся въ войскѣ короля Ягелла и павшій въ сраженіи его съ великимъ княземъ литовскимъ Свидригайломъ; Нѣсецкій къ этому добавляетъ, что мать Александра была урожденная княжна Четвертинская и что сыну его, имя котораго неизвѣстно, за отцовскія заслуги пожалованы королемъ имѣнія Низкиничи и Дорогиничи.

Свести представителей рода Киселей въ родословную таблицу представляется возможнымъ только съ конца XV—начала XVI ст., когда встрѣчаются о нихъ болѣе многочисленныя упоминанія, по большей части уже документальныя. Въ помѣщаемой таблицѣ мы ограничиваемся поколѣніемъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ одновременно съ Адамомъ Григорьевичемъ, т. е. не заходимъ далѣе его сверстниковъ; Костомаровъ говоритъ, правда, объ участіи въ событіяхъ того времени и племянника его (безъ имени), но это не подтверждается современными документами, а упоминаемые историкомъ «Богдана Хмельницкаго» факты относятся въ нихъ къ брату Адама Николаю. Почти всѣ приводимыя здѣсь лица упоминаются у Нѣсецкаго, съ поясненіемъ ихъ генеалогическихъ отношеній, поэтому на него въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не ссылаемся, указывая только упоминанія другихъ источниковъ. Итакъ

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей, т. I, стр. 55; т. V, стр. 123.

1. Никита (Кисель); извѣстенъ только по именованію сына его Никитичемъ. По принадлежавшимъ его сыну имѣніямъ, происходилъ въ прямой линіи отъ упомянутаго выше Александра и, судя по хронологическимъ даннымъ, приходился ему внукомъ, а можетъ быть и непосредственно сыномъ.
2. Тихно, земянинъ волынскій; дворянинъ королевскій при Жигимонтѣ I; упоминается въ волынской метрикѣ подъ 1528 г. (Нѣсецкій); женатъ на Гулевичевнѣ, вторая-же жена его Мышчанка, т. е. изъ фамиліи Мышка; въ 1545 году владѣлъ Низкиничами и Дорогиничами и домомъ во Владимірѣ [1]). 1
3. Димитрій, убитъ въ сраженіи съ татарами подъ Сокалемъ, т. е. въ 1519 году [2]). 2
4. Петръ, городничій витебскій 2
5. Гнѣвошъ, полковникъ въ государствованіе Жигимонта I; въ 1545 году былъ наиболѣе крупнымъ изъ совладѣльцевъ имѣній Хрѣнова и Чернева; убитъ въ сраженіи съ москвитянами подъ Оршей, т. е. въ 1568 году [3]); жена его Тризнянка (т. е. изъ фамиліи Тризна) 2
6. Янъ 4
7. Илья 4
8. Николай, Кисель-Дорогиницкій (? такъ у Нѣсецкаго), владѣлецъ имѣнія Гущи, земскій витебскій писарь, въ 1647 году депутататъ сеймовый и избранъ былъ въ назначен-

---

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 24, 41, 113, 147.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[3]) Тамъ-же и Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 17. Около того-же времени, въ 1552 году, упоминается еще Кисель Александръ, въ кіевскомъ воеводствѣ; ему принадлежала часть имѣнія Норинскаго, домъ въ городѣ Овручѣ, а другой въ замкѣ, также и двѣ замковыя городни. Нѣсколько позже, во время присяги на люблинскую унію 1569 года, во владимірскомъ повѣтѣ жилъ Кисель Андрей, а братаничи (т. е. сыновья брата) его, Григорій и Тимохъ, проживали при матери въ Литвѣ. По послѣднему указанію, ихъ можно принимать за сыновей Петра, въ такомъ случаѣ Андрей—четвертый сынъ Тихна. Родовое-же положеніе Александра совершенно неясно. Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. 1, стр. 36, 37, 41, 49; Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 21, 25.

ную сеймомъ коммисію для разграниченія округовъ велижскаго, усвятскаго и невельскаго[1]); впослѣдствіи подсудокъ земли витебской, наконецъ подкоморій дерптскій; былъ въ плѣну на Москвѣ, будучи взятъ при сдачѣ Витебска осенью 1654 года; женатъ былъ на Грудзинской. 4

9. Маріанна 4

10. Анна, въ первомъ бракѣ за Витебскимъ земскимъ писаремъ Гуркомъ, во второмъ за Громадскимъ 4

11. Григорій, подстолій владимірскій; отличался въ московскихъ войнахъ (Нѣсецкій). Самое раннее документальное упоминаніе о немъ, по тяжебному дѣлу съ владѣльцами сосѣдняго села Дегтева,—въ 1577 году. При Стефанѣ Баторіѣ былъ польнымъ писаремъ (т. е. секретаремъ штаба); тяжело раненъ въ сраженіи подъ Улой. Въ 1581 году жилъ уже на родинѣ: на завѣщаніи князя Курбскаго въ числѣ свидѣтелей подписался «Григорій Кисель Низкиницкій». Безъ всякаго еще титула подписался онъ на другомъ документѣ, въ 1588 году. Съ 1593 же и до 1613 года встрѣчаемъ его неизмѣнно въ выборной должности земскаго владимірскаго подсудка. Кромѣ Низкиничъ, другія его имѣнія не упоминаются, равно какъ не попадалось намъ упоминаній о немъ позже 1613 года[2]). Женатъ былъ, по Нѣсецкому, который ошибочно принимаетъ двухъ Киселей этого имени, на Өедорѣ Иваницкой. 5

12. Янъ, отъ котораго идутъ Кисели-Дорогиницкіе. Въ 1594 году подписалъ въ качествѣ свидѣтеля листъ Кирилла Терлецкаго на имѣніе луцкаго епископства Водирады во владимірскомъ повѣтѣ, объ отдачѣ его въ аренду Станиславу Кандыбѣ[3]) 5

---

[1]) Volumina legum, по изданію 1860 г., т. IV, стр. 60, § 64.

[2]) Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 200; Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 91, 373, 468; ч. I, т. 6, стр. 320, 325. 328, 391, 413; ч. III, т. 1, стр. 44, 47, 51, 402; ч. VI, т. 1, стр. 198.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 431.—Этотъ самый документъ подписалъ также Александръ Кисель-Дорогиницкій, но родового отношенія его къ предыдущему опредѣлить невозможно, если не признать его за одно лицо съ упоминаемымъ ниже (№ 23) сыномъ Яна, которому въ такомъ случаѣ въ

13. Адамъ-Францишекъ, первый изъ рода принялъ унію и построилъ базиліанскій монастырь въ Витебскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ вышедшими изъ терпѣнія православными извѣстный ихъ преслѣдователь Іосафатъ Кунцевичъ, недавно канонизованный, въ качествѣ мученика, папою Піемъ IX. Въ сеймовой конституціи 1690 года, подтверждающей эту «недавнюю» фундацію, названъ однимъ только именемъ Адама [1]). 8
14. Петръ 8
15. Михаилъ 8
16. Самуилъ, хорунжій витебскій 8
17. Адамъ, которому и посвящена настоящая статья . . . 11
18. Николай, хорунжій новгородсѣверскій. Въ 1626 г., въ хоругви брата своего Адама, участвовалъ въ сраженіи противъ шведовъ и былъ тяжело раненъ пулею въ голову. Вѣроятно, принималъ непосредственное участіе въ усмиреніи козацкаго возстанія Павлюка подъ Боровицею: по крайней мѣрѣ, данный козаками 24 декабря 1637 г. присяжный листъ о покорности, явленъ 20 февраля 1638 года для внесенія въ актовыя книги Николаемъ Григорьевичемъ, уже въ приведенномъ выше званіи. Былъ посломъ на сеймахъ въ 1638, 1641, 1645, 1648 годахъ, а въ 1650 году избранъ маршалкомъ на сеймикѣ черниговскаго воеводства. Въ 1638 и 1641 году его избирали въ сеймовую коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго съ черниговскимъ, въ 1646 г. по опредѣленію границъ съ московскимъ государствомъ и для ревизіи пріобрѣтенныхъ отъ Москвы по поляновскому договору имѣній. Въ 1649 г. былъ посланъ комиссаромъ къ козакамъ и былъ съ братомъ въ Переяславѣ у Хмельницкаго; во время збаражской осады

1647 году, во время московскаго посольства, слѣдуетъ дать не менѣе 74 лѣтъ, ибо для подписи документа онъ долженъ былъ быть уже совершеннолѣтнимъ.

[1]) Volumina legum, изданіе 1860 года, т. V, стр. 401, § 26. При этомъ освобождены отъ всѣхъ повинностей въ пользу войска находившіяся въ его владѣніи деревни: Жеребцяи, Пурызы и Яшкевичи, зъ озеромъ и рч. Селявицей, принадлежащія къ королевскимъ имѣніямъ и уступленныя Киселемъ новому кляштору.

начальствовалъ собственной хоругвью и участвовалъ въ неудачномъ парламентерствѣ Зацвилиховскаго къ Хмельницкому. Въ 1650 году получилъ, по уступкѣ отъ брата (т. е. съ вѣдома и согласія короля), староство черкасское. Тогда-же ѣздилъ единолично въ Чигиринъ для переговоровъ съ Хмельницкимъ. Въ 1651 году, при осадѣ козаковъ въ Винницѣ, былъ убитъ во время штурма, а по другимъ, болѣе точнымъ, извѣстіямъ, попалъ со своею хоругвью на устроенныя нарочно Богуномъ проруби на р. Богу, гдѣ и утонулъ. Костомаровъ ошибочно распредѣляетъ относящіеся къ этому лицу факты между двумя лицами, считая новгородсѣверскаго хорунжаго племянникомъ Адама, брата-же его почему-то именуетъ Юріемъ [1]) . . 11

19. Петръ 12
20. Матвѣй; слѣдуетъ еще добавить: 12
21. Павла и 12
22. Гавріила, убитыхъ въ 1636 году, въ сраженіи со шведами подъ Гнѣвомъ (Möwe), гдѣ они были въ хоругви Адама Григорьевича [2]). 12
23. Александръ, подстолій черниговскій; посолъ на сеймѣ въ 1637 году, избранъ депутатомъ въ радомскій трибуналъ; въ 1647 году снова членъ сейма, избранъ комиссаромъ по проведенію границъ съ московскимъ государствомъ; участвовалъ въ посольствѣ Адама на Москву [3]).

Этими сверстниками Адама воеводы закончимъ его родословіе, добавляя лишь еще одну геральдическую подробность. Гербъ Киселей, изображенный на изданномъ въ іюльской книжкѣ «Кіевской

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, см. въ указателѣ при III томѣ; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 234, 312, 314, 316, 320, 328; т. II, отд. 3, стр. 50, 56; Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, т. 1, стр. 284, 315; ч. III, т. 1, стр. 367; Jak. Michałowskiego Księga, стр. 259, 272, 451, 811, 815; Лѣтопись Грабянки, стр. 70. Vol. leg., т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; 45, § 5 и 6; Twardowski, Woyna domowa, стр. 68; «Кіевская Старина», 1882 годъ, февраль, стр. 377 (Дневникъ Освѣцима).

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 403.

[3]) Vol. leg., т. III, стр. 434, § 4; Акты южной и западной Россіи, т. III, № 120, стр. 116.

Старины» портретѣ, совершенно сходенъ съ описаніями его у древнихъ геральдиковъ по рисунку, но не по краскамъ. Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, говорятъ, что шатеръ въ гербѣ не «зеленый въ желтомъ полѣ», какъ изображено на портретѣ, а пестрый, бѣлый съ чернымъ, поле-же красное; на верху шатра не крестъ, а золотой шаръ; надъ щитомъ «темный шаръ съ золотыми обручами» —это обычный геральдическій шлемъ.

II.

Годъ рожденія Адама Григорьевича съ точностью намъ неизвѣстенъ; судя же по тому, что въ 1648 г. онъ жаловался на свою старость, а также по участію его въ первомъ походѣ королевича Владислава на московское государство и въ южной арміи Жолкевскаго подъ Бушей, т. е. въ 1617 г., рожденіе его слѣдовало-бы отнести къ послѣднему десятилѣтію XVI вѣка [1]). Но по упоминанію самого-же Киселя въ письмѣ отъ 31 (21) мая 1648 г. къ примасу Андрею Лубенскому о томъ, что свою примирительную политику относительно козаковъ онъ позаимствовалъ отъ Жолкевскаго, можно заключать, что онъ служилъ подъ начальствомъ послѣдняго въ Украйнѣ еще до шведской и потомъ московской войны, такъ какъ съ этой поры утихаютъ козацкіе безпорядки,—т. е. въ послѣдніе годы XVI ст. Въ такомъ случаѣ рожденіе его придется отодвинуть къ *семидесятымъ* годамъ того-же вѣка, не позже во всякомъ случаѣ 1580 г. Ссылка Киселя на авторитетъ Жолкевскаго [2]) очень важна, и мы должны будемъ ниже воспользоваться ею подробнѣе.

Послѣ неудачи подъ Бушей, Кисель сопутствовалъ Жолкевскому подъ Орыниньъ (1619 г.) и къ гибельной для Жолкевскаго Цецорѣ (1620 г.) Потомъ онъ участвовалъ въ хотинскомъ походѣ (1621 г.) и продолжалъ служить подъ начальствомъ гетмановъ великихъ Ходкевича и Конецпольскаго, сначала, какъ человѣкъ небогатый, «худопахолокъ», служилъ только «почтомъ», т. е. съ

---

[1]) Памятники кіевской коммисіи, т. I, отдѣлъ 3, № 7; Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 404; Буша нынѣ Яруга, мѣстечко могилевскаго уѣзда подольской губерніи, надъ Днѣстромъ.

[2]) Michał. Księga, стр. 30; Памятники, т. I, отд. 3, № 7.

нѣсколькими товарищами (poczet). Но шесть лѣтъ спустя, въ несчастной битвѣ противъ Густава-Адольфа, подъ Гнѣвомъ, онъ уже начальникъ хоругви, въ которой служатъ его родичи; изъ нихъ, какъ упомянуто, раненъ его родной братъ и убито два двоюродныхъ. Объ этомъ вспоминаетъ черезъ двадцать лѣтъ король Владиславъ, говоря, что самъ онъ былъ очевидцемъ мужественнаго поведенія Адама въ бою [1]).

Не знаемъ, когда именно умеръ Григорій Гнѣвошевичъ; но именно смерть его, по всей вѣроятности, вызвала Адама домой, въ Низкиничи, для полученія наслѣдственнаго имѣнія и приведенія въ порядокъ дѣлъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его въ 1631 г. и притомъ безъ всякаго титула, простымъ земяниномъ [2]). Да и некстати было ему отправляться хотя-бы ко двору фанатическаго католика Жигимонта III, отъ котораго ему, какъ православному, трудно было ожидать какихъ либо милостей. Но король умеръ 30 апрѣля 1632 г., едва успѣвши передать только-что вернувшемуся изъ-за границы старшему сыну Владиславу свою наслѣдственную, хотя и фиктивную, шведскую корону. Кисель поспѣшилъ къ знавшему его королевичу, извѣстному религіозной терпимостью. Съ 27 іюня начался «конвокаціонный» сеймъ, задача котораго состояла въ разсмотрѣніи недостатковъ минувшаго правленія, причемъ *неокончательныя* сеймовыя рѣшенія передавались на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ сеймиковъ, а утверждены могли быть только на «элекційномъ» сеймѣ, назначенномъ на 27 сентября. Самый выборъ короля долженъ былъ окончиться не позже, какъ черезъ шесть недѣль, т. е. до 9 декабря. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этихъ сеймовъ необходимо упомянуть здѣсь подробнѣе, такъ какъ ими опредѣлилась будущая карьера Адама Григорьевича.

На конвокаціи заявлены были самыя настоятельныя требованія равноправности со стороны утѣсненныхъ при покойномъ королѣ исповѣданій; диссиденты разныхъ сектъ заключили на этотъ разъ политическій союзъ между собою, а затѣмъ и съ православными. Требованія послѣднихъ совпали съ требованіями явившихся на тотъ-же сеймъ козацкихъ пословъ; послѣдніе, кромѣ

---

[1]) См. примѣчаніе 1 и 2 на стр. 58.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

заступничества за православіе, просили также о возстановленіи ихъ правъ, недавно (1625 г.) ограниченныхъ договоромъ куруковскимъ или на Медвѣжьихъ Лозахъ. Мало того: они даже домогались, какъ люди рыцарскаго званія, допущенія ихъ къ участію въ избраніи короля, что было, конечно, отвергнуто шляхтою съ негодованіемъ. Относительно расширенія правъ даны неопредѣленныя обѣщанія подъ условіемъ вѣрной службы, тоже сказано и о греческой религіи. Почти столь-же малаго успѣха добились и защитники интересовъ православія изъ числа членовъ самого сейма: имъ и разновѣрцамъ обѣщано было новое разсмотрѣніе вопроса на элекційномъ сеймѣ; временно-же, до избранія короля и до сейма коронаціоннаго, пріостановлено было дѣйствіе стѣснительныхъ распоряженій прошлаго царствованія какъ противъ «разновѣрцевъ», такъ и противъ православныхъ, особенно противъ ихъ высшей іерархіи, возстановленной безъ участія и вопреки волѣ правительства и католическаго большинства; *обѣщано* было даже возвращеніе имъ епископскихъ каѳедръ, занятыхъ уніатами, равно многихъ монастырей и церквей, даже учрежденіе новыхъ епархій въ Бѣлой Руси. И все же, хотя постановленія конвокаціоннаго сейма не имѣли, какъ сказано, никакой окончательной силы, католическіе прелаты, подписывая эдиктъ каптуровый, т. е. установленіе порядка управленія во время безкоролевья, добавляли къ подписи оговорку, что они соглашаются на все изложенное «безъ нарушенія цѣлости правъ римско-католической церкви» [1]). По другому извѣстію, духовные сановники, въ видѣ уступки, рѣшились измѣнить формулу: «безъ нарушенія правъ моей епархіи» [2]). Останавливаемся на этомъ эпизодѣ въ виду его высокой важности для дальнѣйшихъ событій. Здѣсь впервые козачество, корпорація сословная, выступаетъ на *легальную* защиту интересовъ не сословныхъ вовсе, а общенародныхъ, выступаетъ не одно, какъ это было въ 1625 г., а въ союзѣ съ православною частью дворянства. На этой почвѣ,—хотя только на этой,—

[1]) Z zastrzeżeniem całości praw Rzymsko-katolickiego kościoła.—Piasecki, по изданію Бартошевича въ польскомъ переводѣ, стр. 363. У Костомарова (по рукописи), Монографіи т. IX, стр. 97, въ латинской формулѣ нѣтъ слова Romanae, но именно оно возбудило позже протестъ.

[2]) Костомаровъ, также, стр. 99: salvis juribus dioecesiae meae.

оно необходимо сближалось съ православнымъ русскимъ дворянствомъ, по совпаденію требованій, что и не замедлило выразиться на ближайшемъ сеймѣ, а еще больше впослѣдствіи.

На элекційный сеймъ козаки выслали снова пословъ, съ заявленіемъ тѣхъ-же требованій о возстановленіи прежнихъ правъ (въ сущности никогда не упроченныхъ положительнымъ закономъ), съ письмомъ къ королевичу Владиславу, въ которомъ они предлагають поддерживать его кандидатуру всѣми силами, и съ повтореніемъ просьбъ о возстановленіи правъ церкви православной, нарушенныхъ уніею. Имъ отвѣтили снова совершенно неопредѣленно, съ выговоромъ за неумѣстныя для шляхты выраженія и за «необычность» данной имъ отъ козачества инструкціи вообще.

Но послѣдній пунктъ козацкихъ просьбъ энергично поднятъ былъ и въ самомъ сеймѣ. Особенно выдѣлились здѣсь, какъ искусные защитники интересовъ православія, Воропичъ, Древинскій (извѣстный съ этой стороны и раньше, волынскій чашникъ, Лаврентій) и *Адамъ Григорьевичъ Кисель*, избранный теперь въ число «каптуровыхъ» судей, т. е. на время безкоролевья. Онъ переносилъ вопросъ съ почвы церковной на чисто политическую, доказывалъ, что декретами Жигимонта III противъ православныхъ 1627—1630 гг. нарушаются свобода и равноправность православныхъ шляхтичей (chodzi tu nie o wiarę, ale o miarę), ясно этимъ опредѣляя характеръ своихъ воззрѣній. При несомнѣнной своей набожности и преданности исповѣданію предковъ, онъ поворачивалъ вопросъ такъ слишкомъ круто въ видахъ парламентской тактики, употребляя современное выраженіе. Но въ то же самое время ясно обрисовывается передъ нами гордый сознаніемъ своей принадлежности къ господствующему въ Рѣчи Посполитой сословію представитель олигархіи, своего рода civis Romanus новаго времени, которому сословныя и политическія его прерогативы дороги если не въ большей, то въ одинаковой мѣрѣ, какъ и унаслѣдованная отъ предковъ вѣра... Другой изъ защитниковъ православія на этомъ сеймѣ, Древинскій, съ которымъ конечно Кисель имѣлъ предварительныя совѣщанія о распредѣленіи ролей, какъ это бываетъ между членами одной партіи во всякомъ законодательномъ собраніи, ставилъ въ свою очередь вопросъ внѣ обсужденія по существу, а на почву политическую. Кисель говорилъ, что дѣло сейма не богословское, волынскій-же

чанникъ доказывалъ, что оно и не юридическое, ибо права греческаго исповѣданія въ Рѣчи Посполитой основаны не на какихъ либо королевскихъ грамотахъ, а просто на ея древности. Въ этомъ его поддержалъ глава диссидентовъ Криштофъ Радзивилъ, и рѣшено было предоставить дѣло третейскому суду «короля шведскаго» (in partibus), т. е. королевича Владислава, котораго и просили объ этомъ депутаты православныхъ и уніатовъ, безъ участія католиковъ, ибо *формально* споръ шелъ только между двумя первыми исповѣданіями. Владиславъ составилъ особую коммисію изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ, по его личному выбору, и призналъ необходимымъ, согласно заключенію коммисіи, утвердить окончательно данныя православнымъ фиктивно на конвокаціи временныя уступки. Такимъ оборотомъ сеймъ былъ поставленъ въ невозможность отказать въ утвержденіи, и по выборѣ Владислава въ короли онъ могъ дать въ пользу православныхъ дипломъ не отъ себя только лично, въ качествѣ короля, а на основаніи сеймового постановленія, т. е. имѣющій силу закона государственнаго. Дипломомъ этимъ узаконялась православная іерархія, въ 1620 г. возстановленная, но такъ, что ея представителей покойный король не только не признавалъ, а велѣлъ предавать суду; возвращались отъ уніатовъ захваченныя ими епархіи на Волыни и въ Червоной Руси, равно какъ многіе монастыри съ ихъ имѣніями и церкви; разрѣшалось учредить нѣсколько епархій вновь: все это подъ главенствомъ кіевскаго митрополита, посвящаемаго патріархомъ константинопольскимъ и отъ него зависимаго [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на связь нѣкоторыхъ историческихъ событій, оказавшихъ непосредственное вліяніе на судьбы лица, которому посвященъ настоящій очеркъ.

Король Владиславъ IV не былъ ни ослѣпленнымъ фанатикомъ, подобно своему отцу, ни столь недальновиднымъ политикомъ, чтобы не видѣть, что разнузданная олигархія шляхты раньше или позже способна привести къ гибели его государство. На первыхъ-же порахъ, когда канцлеръ литовскій Альбрехтъ Радзивиллъ, фанатиче-

---

[1]) Весь ходъ этого дѣла на сеймахъ 1632 г. изложенъ у современника Пясецкаго, стр. 355—383, подробнѣе-же у Костомарова, по рукописямъ Императорской публичной библіотеки, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 94—112 (изданіе 1884 года).

скій католикъ (тогда какъ его родственникъ, Криштофъ, польный литовскій гетманъ, былъ ревностнымъ кальвинистомъ), отказалъ приложить печать къ диплому православнымъ, король пригрозилъ при первой-же вакансіи назначить канцлеромъ «еретика», и напуганные прелаты сами поспѣшили склонить Радзивилла на уступку. Естественно, поэтому, было ему искать себѣ вѣрныхъ слугъ между некатоликами. Что касается взглядовъ его на шляхетское полновластіе, то онъ ихъ тщательно скрывалъ; извѣстно однако, что задуманная имъ подъ конецъ царствованія война противъ турокъ имѣла заднею мыслію увеличеніе постоянной арміи, съ цѣлью «приборкать» шляхту.

Такимъ образомъ, дѣйствуя въ пользу православныхъ, король не поступалъ противъ совѣсти. Но была тутъ и другая сторона, чисто политическая. Утверждалась іерархія, возстановленная Сагайдачнымъ, вождемъ козацкимъ, удовлетворялись тѣмъ самымъ и новыя ходатайства козаковъ по дѣламъ греческой церкви. Владиславу близко знакомо было козачество, приходившее къ нему на помощь подъ Москву въ 1618 г., въ числѣ 20 тысячъ, а три года спустя, однимъ козакамъ онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ во время хотинскаго похода 1621 года. Теперь онъ снова нуждался въ козакахъ, ихъ нужно было приласкать, и послы ихъ возвратились съ сейма съ самой милостивой грамотой короля, а что имъ было обѣщано на словахъ гораздо больше сдѣланнаго,—видно уже изъ опасенія повѣрить это бумагѣ, но въ грамотѣ упомянуто: «*Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ*» [1]).

Въ то-же время, рядомъ съ козаками, греческую церковь защищало на сеймѣ и многочисленное еще тогда православное дворянство. Особенно энергичнымъ и искуснымъ защитникомъ, рядомъ съ престарѣлымъ уже Древинскимъ, выступаетъ Адамъ Кисель. Естественно ожидать, что именно въ немъ будетъ искать законоправнаго союзника православное козачество, что онъ въ свою очередь будетъ пользоваться у козаковъ авторитетомъ и вліяніемъ. Вотъ это-то обстоятельство и указываетъ въ немъ королю человѣка, который можетъ оказаться очень полезнымъ. Притомъ-же, это homo novus, не своенравный магнатъ, а рядовой шляхтичъ изъ небога-

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 109—110.

тыхъ; что ни получитъ онъ въ будущемъ, куда ни выдвинется,— всѣмъ будетъ обязанъ лично королю, и нечего опасаться, что примкнетъ онъ, поднявшись выше, въ магнатской оппозиціи противъ короля: хоть-бы онъ даже и захотѣлъ, они его не примутъ, ибо онъ во-первыхъ выскочка, а во-вторыхъ схизматикъ.

Такая цѣпь неизбѣжныхъ послѣдствій извѣстнаго уже намъ ряда фактовъ должна была предначертать будущую дорогу Адама Григорьевича, опредѣлить въ общихъ чертахъ всю его судьбу.

Мы не рѣшились-бы, конечно, изложить всѣхъ этихъ соображеній, если-бы они основывались только на видимой ихъ логической послѣдовательности: это было-бы безплоднымъ гаданіемъ о томъ, что могло-бы случиться, *если-бы...* Но мы основали ихъ на разсмотрѣніи касающихся нашего предмета фактовъ за все послѣдующее двадцатилѣтіе, до самой смерти Киселя, и избрали такую предположительную форму изложенія лишь для того, чтобы яснѣе указать роковую связь этого послѣдующаго съ предъидущимъ, хранившимъ въ скрытомъ видѣ его ростки, которымъ оно, какъ все и всегда на свѣтѣ, заранѣе было въ общемъ уже опредѣлено...

III.

Послѣ коронаціи Владислава IV, въ началѣ 1633 г., Адамъ Григорьевичъ остался при его дворѣ, въ качествѣ «дворянина королевскаго»: такъ назывались тѣ изъ придворныхъ, которые не занимали особыхъ, опредѣленныхъ должностей,—ибо здѣсь были тѣ-же чины, что и коронные, государственные, напримѣръ маршалъ надворный, подскарбій надворный. «Дворянъ», по ихъ обязанностямъ, можно до извѣстной степени сопоставить со свитскими офицерами или даже флигель-адъютантами нашего времени; на нихъ возлагались самыя разнообразныя порученія, ихъ посылали всюду, гдѣ требовалось присутствіе довѣреннаго отъ короля и тѣмъ самымъ авторитетнаго лица. Адаму Григорьевичу на первый-же разъ пришлось выполнить порученіе сколько серьезное, столько-же и щекотливое: ему поручено было отобрать отъ уніатскаго епископа Почаповскаго и передать православному луцкому епископу Александру (Аѳанасію) Пузынѣ, согласно новому диплому, жидичинскую архимандрію съ ея богатымъ монастыремъ, имѣніями

Терниками и Теремнымъ, и церковью Богородицы на предмѣстьи въ Луцкѣ [1]).

Но вслѣдъ затѣмъ ему предстояло дѣло гораздо большей важности какъ въ чисто-политическомъ отношеніи, такъ равно и для него лично.

Московское государство до высшей степени тяготилось деулинскимъ перемирнымъ договоромъ 1618 г., заключить который оно вынуждено было крайнимъ упадкомъ силъ, оставивъ за Польшею захваченныя ею земли сѣверскую, черниговскую, а главное—первостепенную пограничную крѣпость Смоленскъ. Необходимость отдохновенія и устройства внутреннихъ дѣлъ заставляла Москву свято соблюдать невавистный договоръ: она, подобно Россіи нашихъ временъ, по извѣстному выраженію покойнаго канцлера кн. А. М. Горчакова, «не будировала, но собиралась съ силами». Срокъ деулинскаго перемирія, заключеннаго на четырнадцать съ половиною лѣтъ, истекалъ въ іюнѣ 1633 г. Но смерть Сигизмунда III представилась московскому правительству удобнымъ случаемъ нарушить его раньше, и оно поспѣшило воспользоваться эпохою безкоролевья, надѣясь встрѣтить слабый отпоръ. Была снаряжена большая рать подъ начальствомъ того-же самаго боярина Михайла Борисовича Шеина, который сдалъ Смоленскъ въ 1611 г. и которому представлялась такимъ образомъ возможность загладить давнишнюю неудачу. Шеинъ энергически повелъ осаду и Смоленскъ, не смотря на мужественную оборону коменданта Станислава Воеводзкаго, близокъ былъ къ паденію.

Королю Владиславу IV приходилось собирать войско и спѣшить на выручку осажденнымъ. Немедленно по окончаніи коронаціоннаго сейма, какъ только король возвратился изъ Кракова въ Варшаву, сдѣланы были распоряженія о сборѣ войска къ Оршѣ и заготовкѣ военныхъ припасовъ. Стягивая всѣ наличныя силы на помощь близкому къ паденію Смоленску, королю необходимо было изыскать особыя средства для защиты земли сѣверской. Охрана границъ отъ стороны Путивля возложена была на Киселя. Отпра-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. VI, т. 1. Жидичинъ, на р. Стырѣ, недалеко отъ Луцка къ сѣверу. У Костомарова (Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 99) архимандрія ошибочно названа Жидичевскою.

вившись въ Запорожье, онъ успѣлъ собрать двадцать тысячъ козаковъ, заставилъ москвитянъ снять осаду Чернигова и затѣмъ, соединившись съ ополченіями брацлавскаго воеводы Лукаша Жолкевскаго, старосты калушскаго и переяславскаго и владѣльца нѣскольких нынѣшнихъ уѣздовъ полтавской губерніи, князя Іереміи Вишневецкаго, вмѣстѣ съ ними вторгнулся въ предѣлы московскаго государства. Задача этихъ войскъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы препятствовать сбору въ порубежныхъ мѣстностяхъ новыхъ ополченій противъ главной арміи Владислава, которая наступала къ Смоленску, куда и успѣла прибыть во время, такъ что осаждающіе должны были отступить и перейти въ оборонительное положеніе. Отряды Вишневецкаго, Жолкевскаго и приведенные Киселемъ козаки также дѣйствовали вполнѣ успѣшно. Они опустошали огнемъ и мечемъ путивльскія, брянскія, сѣвскія, рыльскія, курскія, кромскія, карачевскія и болховскія волости московскаго государства [1]).

Война эта, какъ извѣстно, окончилась чрезвычайно успѣшно для Владислава и несчастливо для москвитянъ, въ особенности для Шеина лично. Отбитый отъ города, онъ окопался на приднѣпровскихъ возвышенностяхъ, сохранившихъ донынѣ имя Шеинова кургана, осажденъ былъ здѣсь поляками, и въ концѣ концевъ вся русская рать сдалась 4 февраля 1634 года на капитуляцію. Войскамъ данъ свободный пропускъ, но поляки забрали знамена, болѣе ста двадцати орудій и порохъ, запасы котораго были такъ велики, что еще во время осады города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году оставалось его 77 боченковъ, да взято гетманомъ Радзивиломъ 80 центнеровъ и разстрѣляно на «виваты» не мало [2]). Шеинъ былъ обвиненъ на Москвѣ въ измѣнѣ и осужденъ на смерть. Результатомъ его несчастнаго похода былъ договоръ «вѣчнаго докончанья», на рѣчкѣ Поляновкѣ, по которому Москва закрѣпляла за Польшей черниговскую, сѣверскую и смоленскую земли, даже со сдачею не взятыхъ еще городовъ, какъ Дорогобужа, Бѣлаго

[1]) Всѣ эти подробности изъ грамоты королевской, самаго-же Владислава, 1646 года. Архивъ юго-западной Руссіи, ч. III, т. 1, стр. 403—404.

[2]) Собраніе актовъ, изданіе виленской археографической коммисіи (1858 г.), стр. 51. 102.

и др., самые титулы «князя смоленскаго, черниговскаго» исключены у царя, а присвоены королю во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ съ московской стороны. Владиславъ-же съ своей стороны уступилъ Москвѣ одинъ звукъ пустой,—онъ отрекся отъ титула «нареченнаго царя московскаго» [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своими успѣхами Владиславъ въ весьма значительной степени обязанъ былъ диверсіи со стороны сѣверскаго пограничья, въ томъ числѣ Киселю съ его козаками.

И онъ это понялъ, и оцѣнилъ всю важность содѣйствія ему тѣхъ-же силъ въ будущемъ, если представится въ нихъ надобность. Адаму Григорьевичу пожалованъ былъ на ленномъ правѣ городъ Кобыщъ и Козарградъ въ новообразованномъ черниговскомъ воеводствѣ, здѣсь-же дано ему богатое староство Носовское, и скоро мы видимъ его въ должности черниговскаго подкоморія, а главное—ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ, въ непосредственной зависимости отъ великаго короннаго гетмана, которымъ былъ тогда краковскій каштелянъ Станиславъ Конецпольскій [2]). Дѣятельность Киселя въ качествѣ главнаго комиссара надъ козаками заслужила впослѣдствіи благодарность короля. Но напрасно Костомаровъ полагалъ [3]), будто здѣсь Кисель «выступилъ посредникомъ между козаками и правительствомъ», будто онъ, въ августѣ 1631 г., явился на «вальную» (всеобщую) козацкую раду на рѣкѣ Русавѣ потому только, что узналъ о ея характерѣ, т. е. о допущеніи не однихъ реестровыхъ, но и посполъства, явился по собственному почину, въ качествѣ посторонняго медіатора.

---

[1]) Gołębiowski, Panowanie Władisława Jagełły, стр 11—13, 58—63; Piasecki, Kronika, стр. 390—393, 396—401: Памятная книжка смоленской губерніи на 1864—1865 годъ; Moraczewski, Starożytności Polskie, т. II, стр. 471—473. Одна изъ послѣднихъ грамотъ Владислава съ титуломъ московскаго царя, данная подъ Смоленскомъ въ 1634 г., относится къ Кіеву: подтвержденіе правъ шевскаго цеха на купленный имъ дворъ. Сохранилась въ подлинникѣ; русскій переводъ напечатанъ нами въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 57.

[2]) Королевская грамота 1646 г., Архивъ юго-западной Россіи, отд. III, т. I. стр. 404. Кобыща теперь мѣстечко Козары козелецкаго, а Носовка мѣстечко нѣжинскаго уѣзда.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124—126.

Нисколько. Кисель присутствовалъ здѣсь въ самой недвусмысленной роли,—онъ былъ прямымъ представителемъ *правительства*. Кромѣ нѣсколько разъ уже цитированной грамоты 1646 года, имѣемъ о томъ свидѣтельство болѣе близкое. Годъ спустя, когда возставшіе подъ главенствомъ Павлюка козаки вынуждены были смириться, то въ присягѣ своей подъ Боровицею они должны были выразить раскаяніе въ убійствѣ своихъ старшинъ, «данныхъ имъ, властію его королевской милости, отъ комиссаровъ: подкоморія черниговскаго Адама изъ Брусилова Киселя, старосты носовскаго, и полковника королевскаго, сына брацлавскаго воеводы, Станислава изъ Потока Потоцкаго». Далѣе въ той-же присягѣ козаки говорятъ, что они уже обращались къ польному коронному гетману черезъ тѣхъ-же лицъ, «господъ комиссаровъ, которые предъ тѣмъ войско (т. е. козацкое) въ порядокъ устроили и старшинъ намъ назначили»[1]).

Мы настаиваемъ на этомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ потому, что онъ представляется важнымъ съ нашей, біографической, точки зрѣнія: такой или иной характеръ участія лица въ извѣстныхъ событіяхъ, т. е. частный или оффиціальный, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ этихъ дѣйствій съ ихъ нравственной стороны. Подробнѣе мы коснемся этого вопроса въ концѣ статьи, здѣсь-же отмѣтимъ только, что такое различіе, въ отношеніи къ Киселю, очень хорошо сознавали современные ему козаки. Они, въ виду соприкосновенія извѣстныхъ точекъ во взглядахъ обѣихъ сторонъ, относились къ нему съ извѣстнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, во всякомъ случаѣ совершенно иначе, чѣмъ къ тѣмъ, кто былъ имъ принципіально враждебенъ по всѣмъ пунктамъ. Король впослѣдствіи ставилъ Киселю въ заслугу, что во время козацкаго возстанія 1637 года онъ поспѣшилъ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ войска, присоединился во главѣ этого отряда къ польному гетману Николаю Потоцкому и содѣйствовалъ ему въ подавленіи мятежа. Козаки, конечно, заслугою этого считать не могли; но не считали они такого образа дѣйствій Киселя и виною, не ставили ему этого лыка въ строку: на ихъ взглядъ, въ данномъ случаѣ, по выраженію незнакомой имъ поговорки, каждая изъ сторонъ faisait son métier. Этимъ и объясняется, что

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 368—369.

послѣ пораженія подъ Кумейками и Боровицею, они продолжали защищаться до послѣдней крайности и рѣшились выдать Павлюка съ четырьмя другими предводителями лишь послѣ того, какъ Кисель поручился имъ, что король помилуетъ выданныхъ плѣнниковъ [1]). Очевидно, Кисель пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ, хотя и стоялъ въ рядахъ противниковъ.

Зналъ это хорошо онъ самъ, посылая козакамъ свое письмо при гетманскомъ универсалѣ, обѣщавшемъ прощеніе всей ихъ массѣ, если они покорятся и станутъ просить милости. Разсчитывалъ Адамъ и на то, что слово заступничества съ его стороны будетъ имѣть вѣсъ и передъ королемъ. Не принялъ онъ только въ разсчетъ одного: что самъ король въ Польшѣ того времени былъ не болѣе какъ маріонеткой, игрушкою въ рукахъ всесильной шляхты. На собравшемся въ февралѣ 1638 года сеймѣ послы проявили крайнее ожесточеніе противъ козаковъ, требовали совершенно уничтожить ихъ силою, а Павлюка, въ виду присвоенія имъ какъ-бы самостоятельной царственной власти надъ всей Украйной, порѣшили увѣнчать раскаленной желѣзной короной, давъ ему въ руки раскаленный-же скипетръ. Напрасно было горячее заступничество за нихъ со стороны Киселя. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ: я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они-бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ его не былъ уваженъ, и только король отмѣнилъ приготовленный Павлюку съ товарищами варварскій и въ то-же время буфонскій способъ казни, вмѣсто котораго имъ отрубили въ Варшавѣ головы и потомъ взоткнули ихъ на колья [2]).

Такъ подрывала сама шляхта предъ козаками авторитетъ единственнаго замѣтнаго лица изъ своей среды, которое могло имъ пользоваться! Послѣдствія нарушенія обѣщаній отъ имени правительства, данныхъ однимъ изъ признанныхъ его представителей,

---

[1]) Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 418. Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 146.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 155 (по рукописи Императорской публичной библіотеки).

не замедлили обнаружиться въ томъ иначе необъяснимомъ фактѣ, что вслѣдъ за только что полученнымъ тяжелымъ урокомъ, вслѣдъ за жестокими казнями въ лѣвобережной Украйнѣ, которыми Николай Потоцкій думалъ застращать населеніе и сдѣлать его безмолвно покорнымъ, немедленно-же вспыхнуто новое народное возстаніе въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такъ рѣзко бросалась въ глаза, что ее тогда-же отмѣтилъ Пясецкій въ нѣсколькихъ лаконическихъ фразахъ. Историкъ этотъ, полякъ и католическій бискупъ, съ полускрытой, но горькой ироніей говоритъ о дѣятельности сейма 1638 года. Разсказавъ о возбужденіи жителей Гданска противъ сеймоваго постановленія о взиманіи и здѣсь пошлинъ съ товаровъ, подобно иностраннымъ портамъ, и о возникшей по этому поводу ожесточенной полемикѣ на письма и въ печати, намекнувъ далѣе о подкупахъ по этому дѣлу, Пясецкій продолжаетъ: «этому дѣлу никогда не пришлось-бы испытать недостатка въ защитникахъ; но не нашлось никого, кто-бы вступился за козаковъ, вождь которыхъ Павлюкъ съ товарищами своего плѣна напрасно ссылался на поручительство за его жизнь, данное черниговскимъ подкоморіемъ Адамомъ Киселемъ, и сложилъ во время этого сейма голову на плахѣ. Отняты всѣ вольности, наданныя обществу польскихъ козаковъ, и мѣстечко Терехтемировъ, а гетманамъ предложено снова отправиться противъ нихъ, перевести со свѣта тѣхъ, которые-бы вздумали сопротивляться приговору сейма, и тогда устроить милицію на новый ладъ. По этому-то козаки въ этомъ старательнѣе позаботились о своей безопасности». Передавъ затѣмъ очень сжато ходъ возстанія Гуни, Остранина и Скидана, историкъ передаетъ, что козаки, осажденные надъ рѣкой Старцемъ, долго не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры, *вслѣдствіе несдержаннаго обѣщанія Павлюку* (даннаго Киселемъ) и не соглашались выдать никого изъ своихъ предводителей. Когда-же, наконецъ, имъ поручился самъ гетманъ, что на предстоящемъ сеймѣ имъ будутъ возвращены прежнія вольности, они также согласились до той поры соблюдать во всемъ предписанный имъ Рѣчью Посполитою порядокъ, т. е. куруковскій договоръ. «Но и этихъ обѣщаній имъ не сдержали: ибо когда они, обезпеченные завѣреніемъ въ свободномъ пропускѣ, оставили свой укрѣпленный лагерь и стали расходиться небольшими отрядами по домамъ, королевское войско избило

большую часть ихъ, а права ихъ и привиллегіи погрязли печально въ неопредѣленныхъ сеймовыхъ препирательствахъ» [1]).

По словамъ все той-же грамоты 1646 г., Кисель, послѣ козацкихъ возстаній, «посѣтивъ Запорожье и извѣдавъ всѣ козацкіе способы, предложилъ средства къ удержанію этого войска въ добромъ порядкѣ, которыя привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что поляки посылали на Запорожье, въ промежуткѣ двухъ возстаній, т. е. въ февралѣ 1638 г., полковника Мелецкаго, въ качествѣ комиссара, съ двумя полками реестровыхъ козаковъ, чтобы выгнать и вывесть оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться тамъ для сторожи. Походъ его кончился неудачею, а по его удаленіи здѣсь избранъ былъ въ старшіе Остранинъ. Сопутствовалъ-ли ему, теперь уже безъ званія комиссара, Адамъ Григорьевичъ, или же онъ посѣтилъ Запорожье осенью того-же года, вслѣдъ за усмиреніемъ Остранинова бунта,—во всякомъ случаѣ приведенное мѣсто грамоты указываетъ прямо на него, какъ на иниціатора тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи козачества, какія были введены у нихъ во время рады на Масловомъ-Ставѣ [2]). Въ этомъ убѣждаетъ и самый характеръ принятыхъ мѣръ: главною изъ нихъ, кромѣ перевода главнаго мѣста управленія козачествомъ, а слѣдовательно и артиллеріи, изъ лежащаго надъ Днѣпромъ Терехтемирова, откуда легко было увозить ее по водѣ въ далѣе лежащій Корсунь, было назначеніе козакамъ главнаго начальника и полковниковъ исключительно изъ шляхтичей, а именно такую мѣру предлагалъ Кисель и раньше того [3]).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Kronika Piaseckiego, стр. 422—423: «Przywileje ich na wątpliwych obradach sejmów nedznie uwisły».

[2]) Теперешнее село Масловка въ каневскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Козина и р. Руссавы.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 131, 177.

МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ
И МИѲИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Похоронныя причитанія вводятъ насъ въ область такъ называемыхъ *миѳовъ біологическихъ,* т. е. знакомятъ съ первобытными воззрѣніями на жизнь и смерть. Къ сожалѣнію, этотъ родъ народныхъ произведеній не обращалъ до сихъ поръ на себя должнаго вниманія: не только ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ слегка касались ихъ, даже собиратели не давали имъ много мѣста въ своихъ сборникахъ среди другихъ произведеній народнаго творчества [1]). Только въ 1872 г. великорусская похоронная причеть, благодаря трудамъ Е. В. Барсова и содѣйствію общества любителей россійской словесности, явилась на свѣтъ въ полномъ своемъ видѣ и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе. Г. Баталинъ на страницахъ Филологическихъ замѣтокъ прямо заявилъ, что «Причитанья» г. Барсова восполнили собою весьма значительный пробѣлъ, существовавшій до тѣхъ поръ въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества [2]). Не смотря на это заявленіе, причитанія не привлекли на

---

[1]) Изъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщено нѣсколько образцовъ похоронной причети, можно назвать сборники Рыбникова и Шейна; кромѣ того нѣсколько плачей можно найти въ «Описаніи олонецкой губерніи» г. Дашкова.—Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1841 г., № 12.—Что касается ученыхъ, то въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаютъ о похоронной причети гг. О. Миллеръ, Буслаевъ и др. Объ этомъ подробно сказано у г. Барсова.—«Причитанья сѣвернаго края» т. I, введеніе.

[2]) См. Филологическія Записки 1873 г. т. II, ст. «Народное творчество».

себя особеннаго вниманія и не вызвали попытокъ излѣдовать представляемый ими матеріалъ. Предположивъ произвести изслѣдованіе похоронной причети въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и посвятить особую статью великорусской похоронной причети [1]), я въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ намѣренъ остановиться исключительно на причети *малорусской*, какъ ближайшей сестрѣ причети великорусской.

Если великорусская похоронная причеть нашла, хотя и поздно, своего настоящаго собирателя, то этого отнюдь нельзя сказать о причети малорусской: до сихъ поръ мы не имѣемъ по этой части ничего, подобнаго сборнику г. Барсова; есть только нѣсколько образцовъ малорусской причети въ сборникѣ г. Метлинскаго [2]) и у г. Терещенка [3]). Нельзя не пожалѣть, что г. Чубинскій, имѣвшій возможность собирать малорусскую причеть въ полномъ видѣ, не обратилъ на нее должнаго вниманія. Довольно подробно записавъ различныя повѣрья и обряды, связанные съ смертью, онъ далъ мало образцовъ похоронной причети, руководствуясь, вѣроятно, высказаннымъ имъ соображеніемъ объ однообразіи ея [4]). Такое заключеніе объ однообразіи малорусскаго «голосиння» надъ умершими слишкомъ поспѣшно и составлено по первому впечатлѣнію. Правда, въ каждомъ «голосинни» дѣйствительно *выражается неутѣшная скорбь по умершемъ и нежеланіе жить безъ него на бѣломъ свѣтѣ*. Но, во-первыхъ, не изъ однихъ-же только подобныхъ изліяній состоитъ малорусская похоронная причеть; во-вторыхъ, не эти изліянія составляютъ главное значеніе произведеній этого рода. Вотъ это-то главное въ содержаніи малорусской причети и просмотрѣлъ г. Чубинскій, чего, конечно ему въ вину никакъ нельзя ставить, потому что для этого нужна слишкомъ спеціальная подготовка. Дѣло въ томъ, что среди указаннаго г. Чубинскимъ однообразія изліяній въ мало-

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XIII, стр. 227—231.

[2]) Народныя южно-русскія пѣсни, стр. 292—293.

[3]) Быть русскаго народа, ч. III, стр. 87 и др.

[4]) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалъ Чубинскаго, т. IV, стр. 697—713. Вотъ его подлинныя слова: обычай «голосинья» надъ умершими принятъ во всѣхъ мѣстностяхъ Малороссія *и вездѣ отличается своимъ однообразіемъ*. Ibid., стр. 705.

русской причети тамъ и сямъ попадаются *выраженія*, на основаніи которыхъ можно прослѣдить вѣрованія, ведущія свое начало изъ глубокой старины. Эти-то, такъ сказать, оазисы миѳологическихъ вѣрованій, встрѣчающіеся въ мароруссскомъ «голосинни», и составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ его; они-то и были неполны въ представленныхъ до сихъ поръ образцахъ малорусской похоронной причети. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, побудило меня, не смотря не замѣчаніе г. Чубинскаго объ однообразіи, заняться собираніемъ малорусской похоронной причети съ тѣмъ, чтобы со временемъ (если тому поблагопріятствуютъ обстоятельства) издать ее, какъ существенное дополненіе великорусскихъ причитаній [1]).

Пользуясь отчасти собраннымъ мною самимъ матеріаломъ, отчасти матеріаломъ, даваемымъ другими собирателями, я постараюсь въ настоящей статьѣ указать оставшіеся въ малорусскомъ «голосинни» слѣды вѣрованій, составляющихъ достояніе общеславянское и восходящихъ ко временамъ отдаленнѣйшимъ.

Ни одно изъ явленій міра физическаго, доступныхъ наблюденію первобытнаго человѣка, не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ смерть. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ той таинственности, которою окруженъ переходъ отъ жизни къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что доступно было въ этомъ великомъ послѣднемъ актѣ жизненной драмы младенческому уму первобытнаго человѣка?—Одинъ бездыханный трупъ доступенъ былъ внѣшнимъ чувствамъ его, обо всемъ-же остальномъ онъ могъ только гадать.

Всматриваясь въ явленіе смерти и ища разрѣшенія его, человѣкъ прежде всего долженъ былъ остановиться на самомъ актѣ смерти. Его прежде всего поражала рѣзкая перемѣна, происходившая въ организмѣ человѣка: вмѣсто полнаго тепла и жизненной силы организма передъ нимъ лежалъ холодный и неподвижный трупъ покойника. Нужно было подъискать какое либо объясненіе этой первой загадкѣ смерти.

Живя тѣсною жизнью съ природой, понимая ее по аналогіи съ своимъ собственнымъ существованіемъ, человѣкъ естественно,

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 179 и слѣд.

для разъясненія своихъ недоразумѣній, долженъ былъ обратиться къ этой внѣшней природѣ. Наблюдая въ ней перемѣны дня и ночи и временъ года, онъ не могъ не замѣтить аналогіи между смертью и зимою съ одной стороны, между жизнью и лѣтомъ съ другой. Какъ лѣтомъ, при свѣтѣ и теплотѣ солнца, вся природа полна жизни и дѣятельности, такъ и тѣло человѣка оживляется внутреннею силою, огнемъ, заключеннымъ внутри его; наоборотъ, какъ зимою вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнечной теплоты и свѣта умирала вся природа, такъ и тѣло человѣка съ исчезновеніемъ внутренняго огня лишалось дѣятельности, цѣпенѣло. Отсюда естественнымъ путемъ возникло воззрѣніе, по которому жизнь отождествлялась съ свѣтомъ и солнцемъ, а смерть съ мракомъ и холодомъ [1]). Слѣды этого воззрѣнія, общаго славянамъ и индоевропейцамъ, находимъ и въ малорусской похоронной причети. Мать, оплакивая преждевременную смерть дочери, причитаетъ:

Зашло мое сонечко красное, [2]) т. е. жизнь дочери закатилась, подобно тому, какъ закатывается ежедневно солнце и вся природа погружается въ мракъ.

Съ другой стороны актъ смерти напоминалъ человѣку актъ сна. Отсюда переходъ къ воззрѣнію, что смерть есть сонъ. Подобное воззрѣніе было естественнымъ слѣдствіемъ болѣе ранняго, вышеупомянутаго, воззрѣнія, по которому смерть отождествлялась съ мракомъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если смерть отождествлялась съ мракомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была отождествляться и съ сномъ, въ который погружаетъ всю природу зимній мракъ. Указанія на такое отождествленіе смерти со сномъ, встрѣчающееся въ миѳологіяхъ и другихъ народовъ [4]), видимъ мы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, съ которыми иногда обращаются къ умершимъ:

---

[1]) См. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I, стр. 182; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, стр. 32.

[2]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 70.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое воззрѣніе, т. III, стр. 36—37; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣк. обр., стр. 34, 294—295).

[4]) См. Аѳанасьевъ, ibid., т. III, стр. 36; Шеппингъ, Миѳы славянскаго язычества, стр. 31.

Встань, моя матинко! встань, моя ридвесенька [1]).

Такъ объяснялъ себѣ первобытный человѣкъ актъ смерти. Но человѣческій разумъ въ явленіи смерти долженъ былъ открыть и другую сторону, болѣе внутреннюю. Помимо акта смерти нужно было еще объяснить таинственную силу, производящую самый этотъ актъ; объяснить-же себѣ эту силу младенческое сознаніе народа могло не иначе, какъ представивъ ее себѣ въ какомъ либо видимомъ образѣ. Изъ такихъ видимыхъ образовъ смерти малорусская похоронная причеть сохранила лишь указаніе на образъ смерти птицы. Вотъ нѣсколько выраженій изъ малорусскихъ плачей, представляющихъ, по моему мнѣнію, слѣды первобытнаго воззрѣнія на смерть:

«Коли буде зозуля кувати, я буду еи питати: чи не бачила моеи неньки ридненькои? Скажи ій, зозуленько, якъ мни тошно, якъ мни гирко безъ неньки жити [2]).

На порози стояла,
Зозуленька кувала,
А я жъ про свого братика
Въ ней питала:
—Чи не бачила мого братика и проч. [3]).

Да соловеечки будуть щебетати, а я буду прислухатись, чи не до мене йде моя вирная дружина на пораду [4]).

Будуть пташками тамъ (т. е. на томъ свѣтѣ) литать, а мы будемо питать: чи не бачили нашои матуси дорогои? [5])

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ малорусскихъ причитаній птицамъ приписывается способность приносить вѣсти съ того свѣта. Такая способность тѣсно связана съ вѣрою въ вѣщихъ птицъ вообще, такъ распространенною у различныхъ народовъ и представляющею остатокъ глубокой старины [6]). Птицамъ приписывается спо-

[1]) Метлинскій, стр. 293; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV. стр. 701; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 93).

[2]) Метлинскій, стр. 293.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 703.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1.

[5]) Ibid., стр. 184, № 2.

[6]) См. Аѳанасьевъ, т. I, стр. 508; Шерцля, Начало религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ, Православное обозрѣніе. 1884 годъ, октябрь. стр. 294—295.

собность предсказывать смерть и приносить вѣсти съ того свѣта потому, что самая смерть представляется въ образѣ птицы. Вотъ почему я и считаю приведенныя выше выраженія малорусской причети за указанія на образъ смерти-птицы. Что касается другаго, болѣе поздняго образа смерти—антропоморфическаго, то въ извѣстныхъ мнѣ образцахъ малорусскихъ плачей нѣтъ указаній на него; но что у малороссокъ этотъ образъ существуетъ, доказываетъ I т. Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, гдѣ мы находимъ различные антропоморфическіе образы смерти: она представляется то тощею женщиной-старухой, то женой въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, то человѣческимъ скелетомъ, съ косою въ рукахъ [1]).

Умирая человѣкъ теряетъ внутреннюю силу, которая оживляла его. Эта сила называется *душою.* Народъ не могъ оставить безъ вниманія и эту вторую часть человѣческаго существа, имѣющую такое важное для него значеніе. Онъ долженъ былъ высказать свое воззрѣніе и на нее.

Извѣстно, что у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ представленіе души въ образѣ вѣтра, на что указываютъ самыя названія души, сохранившіяся въ языкахъ этихъ народовъ [2]). Помимо вѣтра душа представлялась еще въ образѣ дыма или пара, облака, огня звѣзды и пр. Изъ этихъ многочисленныхъ образовъ души малорусское «голосиння» не знаетъ ни одного; есть только весьма незначительные слѣды воззрѣнія, по которому она сближалась съ звѣздою, огнемъ и т. п. Объ этихъ слѣдахъ я скажу ниже, когда поведу рѣчь о воззрѣніи на мѣсто загробнаго міра; а теперь упомяну еще объ одномъ вѣрованіи, весьма распространенномъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и встрѣчающемся въ малорусской причети, вѣрованіи, по которому душа по смерти человѣка можетъ принимать на себя образы различныхъ животнымъ. Изъ всѣхъ имѣющихся у меня подъ руками образцовъ

---

[1]) Ibid., стр. 217—219.

[2]) Сравн. сл. душа, лит. dausa. лат. spiritus, spirare (дуть и дышать), anima, animus, гр. ἄνεμος (вѣтеръ и душа), πνεῦμα и πνέω, ψυχή (=душа) и ψύχειν (=дуть), санкр. âna (душа) и anila (=вѣтеръ) образованы √ an. Такая-же тѣсная связь между понятіями души и вѣтра существуетъ и у народовъ не-индоевропейскихъ. Такъ kum. kih означаетъ и дуновеніе и душу, еврейское nefeš и rûach—вѣтеръ и душу и пр. (См. Шерцля, ibid., стр. 275).

малорусскихъ причитаній я нашелъ указаніе на подобнаго рода вѣрованіе только въ одномъ плачѣ дочери по матери. Плачъ этотъ записанъ въ г. Нѣжинѣ черниговской губерніи.

Дочь спрашиваетъ мать-покойницу, когда она къ ней въ гости прійдетъ и какъ:

Да коли ты до мене въ гости прибудешъ, да чи ты иттимешъ, чи летитымешъ, чи плеститимешъ? *Утонькою плестимешъ, буду ряску розгоняти, зозулею будешъ летиты, сады буду росхиляти, дорогою итимешъ, буду дориженьку прометаты, буду и воритички одчиняты* [1]).

Позволю себѣ сопоставить съ этимъ слѣдующія мѣста изъ плачей великорусскихъ:

Покажись-приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горносталюшкомъ...
Хоть съ погоста прилети да черной галочкой,
Перелетной покажись да малой пташечкой...
Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой [2]).

Способность оборачиваться, т. е. принимать всевозможные образы, нѣкоторыми изслѣдователями народныхъ произведеній (Афанасьевъ) считалась исключительнымъ свойствомъ мертвецовъ, что едва-ли вѣрно [3]). Оборачиванье-же въ частности въ *утку и зозулю* [4]) разбираемой причети можно объяснить миѳическимъ выраженіемъ вообще въ образѣ птицы-вѣтра [5]). Тутъ такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа переходитъ въ вѣтеръ

[1]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей гимназисткой Кл. Пирожниковой.

[2]) Барсовъ, Причитанія, т. I, стр. 19, 19—21; 65, 29—21; 171, 71—74

[3]) См. О. Миллера, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, ч. I, стр. 94, примѣчаніе 2.

[4]) О символическомъ значеніи этихъ птицъ въ малорусской поэзіи см. Объ историческомъ значеніи русскаго народнаго права. Н. И. Костомарова, стр. 67 и 84 и друг.

[5]) Въ отдѣльные вѣка язычества молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ птицы». Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія. Сл. на пр., т. III, стр. 214 и др.

и носится вмѣстѣ съ нимъ, т. е. съ воззрѣніемъ, соотвѣтствующимъ вѣтрамъ Ведъ-*Марутамъ*, въ которыхъ толкователи Ведъ видятъ души усопшихъ [1]).

Одухотворяя всю природу, перенося на нее свои психическіе процессы (антропопатизмъ) и даже формы своей жизни (антропоморфизмъ), первобытный человѣкъ долженъ былъ надѣлить жизнью и бездыханный трупъ. Въ самомъ дѣлѣ, если все окружающее человѣка жило своею жизнью, то отчего-бы также не жить своею особою жизнью и трупу покойника? Сильно развитой у первобытнаго человѣка инстинктъ жизни не мирился съ мыслью о конечномъ уничтоженіи послѣ смерти, и вотъ явилось воззрѣніе, что со смертью жизнь земная не прекращается, но только принимаетъ новыя формы.

На существованіе подобнаго воззрѣнія указываютъ погребальные обряды какъ древнихъ народовъ, такъ и современныхъ дикарей.

Что касается малорусской причети въ частности, то и она сохранила слѣды подобнаго вѣрованія. Прежде всего самое названіе гроба, куда полагаютъ трупъ умершаго, въ малорусскомъ языкѣ весьма характерно. Такъ въ причитаньяхъ гробъ называется *хатой* [2]), иногда съ присоединеніемъ эпитетовъ *смутна* и *не весела*:

Охъ, моя дочечко! Та чого-жъ це ты таку хату забажала, смутну та не веселу [3]). Замѣчательна просьба, съ которой обращаются къ сосѣдямъ и дальнимъ родственникамъ, приглашая ихъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу для умершаго. Поздоровавшись, обыкновенно говорятъ: «Прійдить, будьте ласкави, до насъ, та поможете построить моему батькови (чи тамъ матери) *нову хату; не схотивъ у старій жить*. Другое не менѣе характерное названіе гроба—*домовина*.

Изъ указаннаго ясно, что смерть считалась только переходомъ къ новой жизни, или, говоря языкомъ причети, переходомъ въ *нову хату*. Подобнаго рода воззрѣніемъ, очевидно, руководствовались при постройкѣ гробовъ въ древнее время: эти гробы, какъ показали раскопки кургановъ, имѣли видъ домика или шатра, смотря по тому, принадлежитъ-ли курганъ осѣдлому племени, или кочевому [3]).

---

[1]) Ор. Миллеръ, Опытъ .., стр. 94.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 706.

[3]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 186, № 1.

[4]) Шейковскій, Бытъ подолянъ, вып. 2, стр. 5.

Если покойникъ переходилъ только въ новый домъ и начиналъ только новую жизнь, то надо было позаботиться, чтобы эта жизнь была спокойна, чтобы въ новомъ домѣ не было ни въ чемъ недостатка. Отсюда возникло обыкновеніе полагать въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ различные предметы. Изъ имѣющихся подъ руками данныхъ мы узнаемъ, что въ Малороссіи въ гробъ кладутъ *деньги*, чтобъ окупить мѣсто [1]), *ладонъ* [2]) и *макъ*, если умершая—старуха, имѣющая внуковъ, «щобъ було чимъ на тимъ свити онукивъ обсыпать, якъ прыйдуть ïсти просыть» [3]). Кромѣ того сюда нужно присоединить *поминки* [4]) и причитанья, съ которыми обращаются къ могилѣ: чи чуете вы, мій батеньку и моя матусенько? Чи вамъ тамъ лучче, чи намъ тутечки? [5])

Тоже вѣрованіе сказывается и въ слѣдующихъ вопросахъ, съ которыми обращаются къ умершимъ: доню моя, голубонько! да куды-жъ ты одъ мене одряжаешъся? [6]) или: куды-жъ це ты йдешъ, мене покидаешъ? [7]) Особенно это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ плача матери по дочери: иди, мое дитятко, *въ далеку дорогу* и пр. [8]). Ясно, что трупъ существа близкаго оплакивали; но плачъ этотъ былъ не надъ окончательно погибшимъ, а только надъ *отправившимся въ далекій путь.*

Если живые старались устроить какъ можно покойнѣе жизнь умершихъ въ новомъ жилищѣ, то и умершіе съ своей стороны должны были отвѣчать имъ выраженіемъ благодарности и расположенія. Разъ живые ходятъ къ покойнику на могилу съ различными приношеніями [9]), то и онъ долженъ явиться въ гости къ нимъ. Отсюда съ одной стороны вопросы, которые задаются покойнику почти въ каждомъ плачѣ: изъ якои стороны и коли намъ тебе въ

---

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 702 и 710.

[2]) Въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, сообщилъ ученикъ И. Локоть.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 708.

[4]) Труды, т. IV, стр. 710; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 119—126.

[5]) Терещенко, ibid., ч. V, стр. 30.

[6]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей Кл. Прожиковой.

[7]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, 183, № 3.

[8]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, ibid., стр. 186, № 3.

[9]) См. Радуницы у Терещенка, т. V, стр. 27 и др.

гости ждати?¹) или: скажы-жъ мени теперъ, коли-жъ ты до мене въ гости прыйдешъ? колы-жъ мыни столы застиляти да коли-жъ мыни тебе ждати?²), съ другой—вѣра въ возможность передавать поклонъ раньше умершимъ покойникамъ и надежда получать отъ нихъ вѣсточки. Такъ мать, обращаясь къ сыну-покойнику, говоритъ: понеси-жъ ты нашъ поклонъ дидови й баби³). Впрочемъ, должно замѣтить, что надежда на полученіе вѣсточки отъ умершихъ родственниковъ часто подрывается въ малорусской причети скептицизмомъ. Вы часто встрѣчаемся съ такими или подобными имъ выраженіями: видтиля не йдуть, письма не шлють й словесно не перказують³).

Достаточно, какъ кажется, подкрѣпивъ фактами, взятыми изъ малорусскихъ причитаній, высказанную выше мысль о существованіи въ нихъ вѣры въ продолженіе жизни и за гробомъ, перейду къ воззрѣнію на мѣсто, гдѣ будетъ происходить эта новая жизнь.

Задаться вопросомъ, гдѣ помѣщается новая обитель усопшихъ, и такъ или иначе рѣшить его необходимо нужно было народу, разъ онъ вѣрилъ, что жизнь происходитъ (хоть и въ иныхъ формахъ) и за гробомъ.

Малорусскія причитанья даютъ различные отвѣты на вопросъ о локализаціи новаго жилища отшедшихъ въ вѣчность предковъ. Такъ мать, оплакивая свою безвременно скончавшуюся дочь—невѣсту, причитаетъ: Богъ тебя взялъ, да будетъ Его святая воля! Молись у Него за меня грѣшную!.. Ты уже не здѣсь, а *тамъ, тамъ ликуешь* со святыми⁴).

Изъ этихъ словъ плача мы узнаемъ, что загробный міръ помѣщается у Бога. Подобное рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра надо считать явленіемъ позднѣйшаго, христіанскаго времени. Древнѣйшаго-же воззрѣнія, бывшаго нѣкогда на мѣстѣ только что указаннаго, мы, къ сожалѣнію, не находимъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ образцахъ южно-русскихъ причитаній. Это древнѣйшее

---

¹) Метлинскій, южно-русскія народн. пѣсни. стр. 293.

²) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1, 184. № 1, 185, № 3, 186, № 2 и 187.

³) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 185, № 2.

⁴) Ibid., стр. 183, № 3, 185, № 3.

⁵) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90.

воззрѣніе состояло въ томъ, что умершіе отправляются въ область великаго неба, въ сообщество солнца и звѣздъ. Предполагать такое именно древнѣйшее воззрѣніе малорусской причети на мѣстопребываніе умершихъ даетъ мнѣ право великорусская похоронная причеть, родная сестра причети малорусской, въ которой находимъ рядомъ стоящими оба воззрѣнія—и древнѣйшее, въ малорусской причети отсутствующее, и позднѣйшее [1]).

Предполагая нѣкогда существовавшимъ въ малорусской причети подобное воззрѣніе на страну умершихъ, я и сказалъ выше, что въ разбираемыхъ причитаньяхъ сохранились указанія на вѣрованіе, считающее душу звѣздою и огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если малорусская похоронная причеть подставила указанное воззрѣніе на страну мертвыхъ на мѣсто древнѣйшаго, сказывающагося хоть въ слѣдующихъ словахъ плача великорусскаго:

Пріубрался свѣтъ—надежная головушка
Къ красну солнышку на прибсрегушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на придрокушку [2]),

то отчего-же не предположить, что въ ней было и воззрѣніе на душу, соотвѣтствующее указанному только что воззрѣнію на міръ загробный. Вѣдь отправленіе души въ область краснаго солнца и свѣтлаго мѣсяца объясняется только воззрѣніемъ на ея существо. Признаніе въ душѣ силы свѣта и теплоты, представленіе ея огнемъ, звѣздою—все это неизбѣжно вело къ тому, чтобы мѣстомъ жилища душъ считать небо, воздушную сферу, гдѣ движутся небесныя стада—облака, гонимыя воющимъ вѣтромъ и освѣщаемыя блескомъ молній и небеснымъ огнемъ [3]). Таково объясненіе древнѣйшаго воззрѣнія на страну мертвыхъ.

Что касается воззрѣнія позднѣйшаго, смѣнившаго это древнѣйшее, то ясно, что оно возникло тогда, когда источникомъ свѣта сталъ считаться Богъ, а область небеснаго моря Его царствомъ [4]).

[1]) См. мою ст. въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, т. XIII, стр. 255, 256.

[2]) Барсовъ, Причитанья, т. I, стр. 33, 35, и др.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. I, стр. 62; т. III, стр. 192, 206, 208.

[4]) Такое рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра могло сложиться у народа и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненій, гдѣ есть указанія на пребываніе душъ у Господа. Такъ въ «Павловомъ видѣніи» душу правед-

Съ другой стороны загробный міръ помѣщается на землѣ, въ могилѣ, куда опускается гробъ. Жена, представляя себѣ бѣдствія, ждущія ее самую и ея дѣтей послѣ смерти мужа, высказываетъ желаніе удалиться изъ этого міра вмѣстѣ съ покойникомъ и проситъ его взять ее съ собою:

Ой пріими-жъ мене до себе
У сырую землю! [1])

Еще яснѣе высказывается то-же воззрѣніе въ словахъ дочери, оплакивающей мать. Спросивъ мать—покойницу: куды-жъ ты йдешъ,— дочь какъ-бы въ отвѣтъ продолжаетъ: яма глыбока... Туды витеръ не завіе, сонце не пригріе [2]). Тутъ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа пребываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ устроенной для нея *домовинѣ*. Подобное воззрѣніе не менѣе древне, чѣмъ и то, по которому душа отправляется въ надзвѣздный міръ [3]).

Въ заключеніе замѣчу, что малорусская причеть и вообще преданія малорусскаго народа не даютъ намъ никакихъ указаній на тотъ образъ загробнаго міра, который-бы напомнилъ намъ образъ, рисуемый первобытнымъ человѣкомъ [4]). Записанныя г. Чубинскимъ воззрѣнія малорусскаго народа на рай и адъ [5]) кратки и носятъ на себѣ слѣды вліянія воззрѣній христіанскихъ.

Этимъ я и заканчиваю настоящую статью, посвященную изслѣдованію малорусской похоронной причети. Сдѣланное обозрѣніе предлагаемаго сю матеріала должно привести насъ къ тому заключенію, что главныя, основныя воззрѣнія малорусскаго народа на смерть и жизнь вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ-же воззрѣніямъ не только всѣхъ славянскихъ народовъ, но и нѣкоторыхъ народовъ индоевропейскихъ.

Азовъ, **С. Брайловскій.**
1885 г., іюля 12.

ника ангелъ возноситъ на небо. Въ вопросахъ Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ находится такой вопросъ: «камо идетъ душа праведнича? Чадо, не слыша-ли Давида глаголяща: душа ихъ во благихъ водворится Господеви, и сѣмя ихъ наслѣдитъ землю? Чадо, не посидѣвши, душа праведнича идетъ къ Господу (Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 115, 130.

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 704.

[2]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. № 2.

[3]) См. Котляревскаго, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 178.

[4]) См. Тейлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества, 1868 г., стр. 401.

[5]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 195.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

VIII.

Вызванные траги-комическимъ приключеніемъ съ Олесею толки и пересуды мало по малу затихали, а далѣе и совсѣмъ были забыты, какъ забыты послѣдовавшій затѣмъ турецкій походъ, и голодный 30-й годъ, и комичное на взглядъ народный польское возстаніе. Строгія мѣры, принятыя потомъ противъ польскихъ пановъ, пробудили на время въ украинскомъ населеніи и духовенствѣ неясныя надежды на ослабленіе польскаго гнета, но этимъ надеждамъ суждено было осуществиться еще весьма нескоро. Протекло немало лѣтъ, пока духовенству блеснулъ первый лучъ надежды на улучшеніе его приниженнаго и бѣднаго положенія. Семья Моссаковскихъ увеличивалась съ году на годъ, исключительно почти дочерьми, и заставляла не разъ о. Харитона и Онисю задуматься надъ судьбою подростающихъ дѣтей, когда и собственное хозяйство и натуральная помочь прихожанъ, и ихъ грошовыя приношенія едва давали возможность сводить концы съ концами, при всей простотѣ ихъ жизни и незатѣйливой обстановкѣ. Какъ ни ничтожна была тогда потребность въ образованіи женской половины духовенства, но и о. Харитонъ понималъ, что нельзя ограничиться однимъ обученіемъ церковно-славянской грамотѣ и что надо-бы дать дочерямъ какую-то *эдукацію*, какъ говорило вокругъ самое мелкое шляхетство. Въ чемъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., августовск. кн., стр. 631—681.

могла состоять эта эдукація, этого онъ и самъ не постигалъ, но только смутно соображалъ и на примѣрахъ видѣлъ, что есть разница между тѣми дочерьми священниковъ, которыхъ отцы отдаютъ въ науку разнымъ шляхтянкамъ и тѣми, что ростутъ на волѣ, какъ его Онися, и что за эдукованныхъ поповенъ охотнѣе сватаются богословы—семинаристы. Въ этомъ заключалась смутная его надежда пристроить дочерей, когда придутъ въ возрастъ; но всѣ мечты его на этотъ счетъ разлетались въ прахъ, когда онъ оглядывался на свое бѣдное хозяйство. Вдругъ, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, прошелъ глухой слухъ, что священникамъ хотятъ назначить жалованье. Слухъ то возобновлялся, то затихалъ и даже совсѣмъ предавался забвенію. Старшей дочери Моссаковскаго минулъ тринадцатый годъ, а она еще и азбуки не знала. Будь, что будетъ, думалъ о. Харитонъ, а надо хоть самому учить, и онъ усадилъ свою Настуню за грамотку, т. е. церковно-славянскій букварь. Наука шла медленно, какъ всякое неосмысленное дѣло, и составляла истинную пытку для рѣзвой Настуни. Разъ какъ-то сидѣла она надъ грамоткою и твердила: *тма*, *мна*, *здо*, *тло*, *тыю*, *ныю*, *тлю*, *тля*, въ то время, когда мать, перегнувшись до половины въ глубокій сундукъ, съ ожесточеніемъ переворачивала тамъ сувои полотна.

— И що воно, тату, оце *тлю*, *тля*? спрашивала дочь сидѣвшаго подлѣ нея отца.—Таке смишне...

— Эге, це бачъ не при насъ писано, отвѣчалъ о. Харитонъ. А отъ якъ насъ вчили, то все було приказують: *тыю*, *ныю*, *тлю*, *тля*—иззивъ вовкъ жидивське теля. Такъ се бачъ отъ противъ чого воно написано!

Настуня ничего, конечно, не могла понять изъ предложеннаго объясненія, но самое сопоставленіе и напоминаніе о томъ, какъ волкъ съѣлъ теленка у жида, очень ее разсмѣшило, и она громко захохотала; засмѣялся и о. Харитонъ, довольный своимъ объясненіемъ того, «противъ чого воно тамъ написано».

— И чого то вы регочитесь, глухо отозвалась изъ сундука Онисія Степановна.

— А якъ же, мамо, не сміятись? коли воно таке смишне, отвѣчала дочь, продолжая хохотать.

— Що-жъ тамъ таке смишне? спросила мать, высунувшись изъ сундука, и повернулась къ дочери.

— А якъ же, мамо, отвѣчала Настуся. Оце я читаю *тлю*, *тля*, а тато примовляють: иззивъ вовкъ жидивське теля.

— Атъ! нема твоему татови чого робыти, то выдумуе, замѣтила на это Онисія Степановна, сама едва удерживаясь отъ смѣху, и обратясь къ мужу, прибавила:

— Нема въ тебе роботы, то пишовъ-бы на тикъ, та подивився-бъ, чи вже намолотили хочъ на насиння.

— Якъ нема роботы! съ живостію возразилъ о. Харитонъ. А це-жъ хиба не робота? Отъ сижу та проказую.

— Та ка-зна-що росказуешь, добавила полушутя Онисія Степановна.

— Якъ ка-зна-що? оправдывался о. Харитонъ. А же-жъ и насъ такъ учили. На те вопо наука.

— Така вже тамъ и наука. Мучилась и я колись надъ тою граматкою та часловцемъ, а выросла, то за роботою та письнями геть чисто забула. Отъ якъ-бы завдати нашу Настю до якои шляхтянки, хоть-бы до сеи Шемплиньскои, що въ Богуслави, то инша ричь. Навчила-бъ шити и вышивати, ще й танцювати, и якъ до людей обертатись и зъ ними обходитись. Добре, кажуть, учить. Прыйме якого стовбура, отъ хочъ-бы зъ Исаёкъ о. Прокопа, а побуде вона въ неи рикъ, чи два, зовсимъ инакше выглядае: вміе выйти до свитлыци, до гостей привитатись и до ихъ що промовити. А то що тамъ те *зде*, *тлю*?

— То правда, Онисія Степановна, але на це треба грошей, а де ихъ въ Бога взяти?

— Аже-жъ кажуть, буде якесь тамъ жалування.

— Вже третій рикъ говорять, а до сёго часу нема. Мабуть и не буде.

— А мени здаеця, що скоро вже буде, бо отъ жидъ въ Богуслави набивався мени зъ своимъ товаромъ. Визьмить, каже, наборъ, а якъ дадуть вамъ жалування, то тоди оддасте. Инши, каже, батюшки вже й квитки намъ подавали, то не треба буде имъ хлопотатись за тимъ жалуванниямъ, сами у благочинного поберемо.

— Э, що тамъ жиды росказують! Имъ абы гроши. Не буде жалування, то й такъ мусять оддати ти, що квитки подавали. Жиды це добре знають.

— Та вони все знають: де що зробиця, або хто вмре, чи хто яку парафію зайнявъ, чи кого въ манастырь засадили, то все попередъ усихъ знають и всимъ росказують.

— Та то правда, але тутъ не така справа. Де столиця, а де якій Гершко, або Янкиль зъ своею крамницею.

— Отъ-же побачишъ, коли не моя правда буде. Не дурно-жъ паны и люди вже говорять, що теперь попы забагатіють.

— Та то имъ жиды набрехали, а вони й вирять.

— Нехай жиды, а все таки моя правда буде. Ось побачишъ.

— Та вже-жъ побачимо, якъ хто живый того дижде.

— Це ты такъ, якъ той каже: не буду дивиця, нехай козыриця.

Такъ препирались между собою Онисія Степановна и о. Харитонъ, не разъ, порознь и вмѣстѣ, мечтавшіе о томъ, какой переворотъ въ ихъ жизни должно произвести давно ожидаемое назначеніе жалованья. На этотъ разъ ихъ мечты одинаково разогрѣвало желаніе отдать дочь въ науку въ Богуславъ, но теперь Онисія Степановна говорила прямо, какъ думала и соображала, а о. Харитонъ наоборотъ казался не вѣрующимъ своему близкому счастью и старался разувѣрить и свою жену. Вдругъ на дворѣ залаяли собаки, потомъ что-то затопало въ сѣняхъ, и въ свѣтлицу вошелъ длинноногій пономарь изъ с. Шандры, обносившій *курсорію* по благочинію. Поклонившись почтительно хозяевамъ, онъ молча вынулъ изъ бывшей у него въ рукахъ тряпицы, своего рода портфеля, какую-то, отчасти затасканную, въ четверо сложенную бумагу и съ радостною улыбкой направился подъ благословеніе къ о. Харитону.

— А що це буде? Що доброго вы намъ принесли? привѣтливо спросилъ пономаря о. Харитонъ, принимая изъ рукъ его бумагу.

— Та вже таке добре, що лучшого николи не було и не буде, сказалъ, весело осклабляясь, пономарь.

— Ой-же! Що-жъ воно таке? Чи не жалування, може? тревожно спросилъ о. Харитонъ, раскрывая дрожащими руками бумагу.

— Такъ воно и есть, отвѣчалъ пономарь, разносившій радостную вѣсть по благочинію и раздѣлившій уже свою и общую радость не съ однимъ изъ батюшекъ и своихъ собратій.

— Онисіе Степановно! чи чуете? воскликнулъ изумленный о. Харитонъ.

— А я тоби казала? А чія правда, а чія правда? А бачь, а бачъ! заговорила Онися, схватившись со стула и дрожа отъ радости.

— Хвалити Господа милосердного, дождались мы Его святои ласки! продолжалъ благовѣстникъ пономарь, чуть не въ десятый

разъ въ одной и той-же формѣ выражавшій обуявшую его и всѣхъ радость.

— А що? А бачъ? А я тоби казала..., перебивала его Онися, подбѣгая къ мужу и щупая бумагу, какъ бы желая самымъ прикосновеніемъ удостовѣриться въ томъ, что ея и общія мечты и ожиданія наконецъ сбылись.

— Та постій! прерывалъ ее о. Харитонъ; дай прочитаю. Може воно ще й не зовсимъ такъ.

— Де вже воно не такъ, тараторила Онися. Казала тоби, що коли вже жиды, та и люди...

— Та ще й якъ! перебилъ ее въ свою очередь пономарь. Бильшъ якъ за два роки разомъ...

— Якъ-то? вскрикнула Онися. Це-бъ то...

— Та постій, кажу тоби. Дай прочитаю! прервалъ опять о. Харитонъ.

— Та такъ, батюшечка, одъ того часу, якъ воно призначено те жалуванні, говорилъ досконально знавшій дѣло пономарь.

— Але-жъ бо почкайте, нехай я на свои очи увирюсь; тутъ мабуть все написано, возразилъ ему о. Харитонъ, уже давно развернувшій консисторскій указъ.

И онъ сталъ слово за словомъ, строку за строкой вычитывать длиннѣйшій указъ, заключенный въ одинъ многосложный періодъ, съ неизбѣжнымъ подъ конецъ: *Приказали.* По мѣрѣ чтенія румянецъ широко разливался по щекамъ о. Харитона, лице его принимало опредѣленный радостный видъ, онъ во-очію убѣждался, что предъ нимъ не сонъ, а чистая дѣйствительность. Въ указѣ ясно было сказано, что жалованье назначается со дня воспослѣдованія о семъ высочайшаго повелѣнія, между тѣмъ какъ именно около двухъ лѣтъ прошло въ собираніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній въ расписаніи приходовъ по классамъ, въ составленіи штатовъ, правилъ выдачи, вычетовъ въ пенсіонный капиталъ и проч. и проч. О. Харитонъ просмотрѣлъ приложенные къ указу печатные штаты епархіи и убѣдился, что его приходъ положенъ въ 5-мъ классѣ, что жалованья ему 120 руб. въ годъ. Онъ умственно прикинулъ, сколько причтется ему за прежнее время, и сообразивъ, что на ассигнаціи это дастъ около 1,000 р., въ неописанномъ восторгѣ и умиленіи воскликнулъ:

— Слава тоби, Господи! Слава тоби! Отъ це-жъ не будемо мы вже билше паньскои ласки благати, не будемо й людямъ пастыряться,

по церковци, протягши руку, ходити та промовляти: «помилуй мя Боже, по велыци, дай, Грицьку, мирку пшеныци!» Не будемо на лубяних возахъ, та въ мутузяних шлеяхъ ѣздити. Скидайте теперъ, Онисіе Степановно, намитку та плахту! Вберу я васъ, якъ паву, посажу на дзиглику, та й буду дивитись на васъ... И дочку оддамо до пенсіи въ Богуславъ.

— Та ты лишь придивись, коли воно тамъ те жалуванья буде! Може ще якій рикъ мине, поки дадуть, остановила Онися разфантазировавшагося мужа.

— Ба ни, теперъ, поспѣшилъ сказать все знавшій пономарь, а о. Харитонъ, заглянувъ въ *курсорію*, т. е. циркуляръ благочиннаго, вычиталъ тамъ и день, въ который назначалось прибыть всѣмъ за полученіемъ жалованья, и окончательно увѣрившись во всемъ, сказалъ женѣ:

— Давайте-жъ намъ теперь, Онисю, доброго могорыча! и ласково попросилъ добраго вѣстника присѣсть.

Онися не замедлила принести водки и закуски. Выпили по одной, по другой, благословляли царя, синодъ, митрополита, поминали всѣхъ, кого только знали. Онися, взявъ первую чарку, перекрестилась большимъ крестомъ и, обращаясь къ иконѣ Господа Вседержителя, произнесла съ умиленіемъ:

— Господи, Господи! припошли оце цареви нашому, его жиночци и диточкамъ, чого тильки воны въ Тебе просытимуть.

— Дай Господи, дай Господи! повторяли, умиленно воздыхая, о. Харитонъ и гость.

— Отъ це вже третій день хожу, та пригадую соби, якъ то воно въ псалтыри читаеця: *благовиститы день отъ дне спасеніе Бога нашого*, сказалъ пономарь, выпивая на прощанье.

— Истинно такъ. Се отъ самого Бога спасеніе наше! воскликнулъ въ заключеніе о. Харитонъ, благословляя и отпуская съ миромъ пономаря-благовѣстника.

Скоро наступилъ срокъ полученія перваго жалованья. Къ Балабухѣ съѣхались священники, дьячки и пономари со всѣхъ числившихся въ его благочиніи 18 церквей. Огромный дворъ Балабухи переполнился пріѣзжими и представлялъ собою родъ ярмарки, или точнѣе выставки самыхъ разнокалиберныхъ бричекъ, вплоть до богуславскаго возка, набитыхъ сѣномъ или соломою, съ продырявленнымъ

иногда кузовомъ, съ проломаннымъ передкомъ, въ дышло и въ оглобли, убогой, въ большей части веревчатой упряжи, разномастныхъ и самаго различнаго роста лошадей съ цѣлымъ табуномъ стригуновъ и сосуновъ. Въ общемъ это была выставка убожества, простоты и даже просто неряшества. Промежъ бричекъ и лошадей торчали неуклюжія фигуры дьячковъ, пономарей, церковныхъ сторожей и просто хлопцевъ, отъ рала взятыхъ въ погоничи. Слышался говоръ людской, стукъ лошадиныхъ копытъ, ржаніе кобылъ и ихъ лошатъ. Батюшки входили и выходили, изъ раскрытыхъ оконъ благочиннческаго дома слышался веселый разговоръ, иногда дружный хохотъ. Собравшіеся батюшки обмѣнивались чувствами всѣмъ общей радости, смѣялись надъ прежнею своею бѣдою, толковали о томъ, кто что справитъ на полученныя деньги, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали наступленія раздачи жалованья. А Балабуха въ особой комнатѣ возился съ записями и кучками серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, разложенныхъ на огромномъ столѣ. Наконецъ онъ показался въ свѣтлицѣ и громко произнесъ:

— А що-жъ, панотця! Гроши готови, але попереду годилось-бы намъ до церкви пійти та благодарственный молебинь соборомъ одправить.

— Добре, добре! До церкви ходимъ, загудѣло все собраніе.

И скоро всѣ съѣхавшіеся пестрой гурьбой направились въ церковь. Молились усердно, горячо и громко воспѣли, какъ пѣснь побѣдную, *Тебе Бога хвалимъ* и многолѣтіе государю императору Николаю Павловичу и всему царствующему дому, всероссійскому синоду, кіевскому митрополиту и всему православному духовенству.

Когда молившаяся компанія направилась изъ церкви въ домъ благочиннаго, жиды густой толпой провожали ее до двора. Имъ хорошо извѣстно было, что значитъ это необычное собраніе духовенства, иные и просто заинтересованы были въ немъ и приставали по пути къ своимъ должникамъ, но получали подчасъ не совсѣмъ лестный отказъ.

Наступила наконецъ раздача жалованья. Балабуха предварительно заявилъ, что принятіе всей суммы изъ казначейства не обошлось безъ подарка казначею и другимъ чинамъ за труды имъ, и тѣмъ тонко намекнулъ, что и ему отъ получателей слѣдуетъ

также что либо за трудъ, не говоря уже о покрытіи общаго расхода въ казначействѣ.

— А що-жъ? Треба було дати, отозвался о. Прокопъ. Се-бъ-то, якъ пишеця десь: не обротиши, каже, устенъ вола молотяща. То то вже зъ кожного зъ насъ по часточци.

— Та й ще прикинемо, отецъ благочинный; бо, якъ кажуть, вміешь брати, то вмій-же й давати, сказалъ о. Мелхиседекъ.

— Такъ, такъ! заговорили другіе батюшки, а за ними и честное дяковство и пономарство.

Балабуха, поблагодаривъ собраніе, удалился въ свою комнату, усѣлся за большимъ столомъ и сталъ звать причты по классамъ приходовъ. Входившіе расписывались въ книгѣ, получали каждый свою часть изъ готовыхъ кучекъ впередъ сосчитанныхъ денегъ и откладывали тутъ-же въ пользу благочиннаго—священники по два, по три рубля, а причетники по полтинѣ, иные и по рублю. Священникамъ отсчитывалось жалованье серебряными рублями, а причетникамъ исключительно почти мѣдными гривнами и пятаками, такъ какъ казначей всучилъ Балабухѣ чуть не цѣлый возъ мѣди. Получившіе выходили, на мѣсто ихъ входили другіе. Батюшки припасли длинные, грубаго холста, «капшуки», дьячки и пономари забирали гривны и пятаки въ полы кафтановъ и даже торбы отъ овса. Въ свѣтлицѣ пересчитывались деньги, звенѣли мѣдь и серебро. На лицахъ считавшихъ мѣнялись то глубокая сосредоточенность, то неописанная радость.

Раздача кончилась. Балабуха съ удовольствіемъ замѣтилъ порядочную кучку рублей и мѣдяковъ, оставленныхъ въ пользу его, и тѣмъ охотнѣе пригласилъ своихъ сослужителей раздѣлить хлѣбъ-соль, а дьячкамъ и пономарямъ выслалъ въ кухню двѣ бутылки водки.

— Що-жъ намъ зъ цёго? съ недовольствомъ замѣтилъ одинъ изъ послѣднихъ. Нема чимъ и горла гараздъ промочить. Ходимъ лишь въ Галилею, це-бъ то до жидивъ, та по своему запьемъ могорычъ.

И толпа убогихъ доселѣ, а теперь внезапно разбогатѣвшихъ по своему причетниковъ хлынула на дворъ, пряча деньги, куда кто могъ, и разбрелась группами по жидовскимъ заѣздамъ, а батюшки остались запивать свою радость у благочиннаго. Одно смущало ихъ радостныя чувства: вмѣстѣ съ назначеніемъ жалованья, изданъ синодальный указъ, которымъ требы раздѣлялись на обязательныя и

необязательныя, и за исполненіе первыхъ предписывалось не требовать платы отъ прихожанъ. Это въ сотый разъ выдвинуло вопросъ о неравномѣрномъ назначеніи жалованья, т. е. гдѣ больше приходъ, тамъ и жалованье было больше, и наоборотъ въ приходахъ меньшихъ и меньшее назначалось жалованье.

— Треба намъ, началъ Балабуха, сей указъ строго сполнять, щобъ не було одъ людей наруги та скаргъ.

— Добре сполнять тому, въ кого парафія сылна, замѣтилъ о. Петръ. Тому и за необязателни навидають стилькы, що й до дому не донесе.

— Не по правди таки зроблено зъ цымъ жалуваннямъ, поддержалъ его о. Прокопъ. Я це й давно казавъ: въ кого й такъ багато, то тому ще билше...

— А же бачите, черезъ що то билше, прервалъ о. Прокопа благочинный. Въ кого билша парафія, въ того билше тихъ, бачте, обязателнихъ требъ, то винъ повиненъ билше трудитись безъ платы, черезъ те ёму и жалования билше.

Вопросъ о неравномъ жалованьѣ разрѣшался теперь, «въ сходство указа», аподиктически. О. Тихонъ попробовалъ коснуться другой стороны дѣла. Онъ говорилъ:

— То-то-жъ заказано *требувать* за ти обязателни требы; ну, а якъ чоловикъ самъ дае, то хто-жъ не визьме? Даремне, здаетьця мени, то пишуть та приказують; бо хто-жъ схоче, щобъ я ёму даремне хрестивъ, винчавъ, або ховавъ? Якъ я за кого помолюсь, то то есть моя молитва, а хто мени па молитвы дасть, то то есть ёго жертва. Якъ-же могла бути тая жертва?..

— Розумне слово, замѣтилъ кто-то.

О. Мелхиседекъ пробовалъ возражать, указывая на то, что не вездѣ одинаково прихожане настроены въ этомъ дѣлѣ, предлагалъ даже въ замѣнъ безплатнаго исполненія обязательныхъ требъ возвысить плату за необязательныя; но о. Харитонъ, болѣе всѣхъ дорожившій добрыми отношеніями къ прихожанамъ, кротко замѣтилъ:

— Коли оце намъ полегшало, то треба, щобъ и людямъ легше стало.

Всѣ согласились съ о. Харитономъ; кто-то сказалъ какъ-бы про себя: «якось воно тамъ буде». Балабуха пригласилъ гостей къ столу. За обѣдомъ развеселившіеся батюшки много подшучивали другъ надъ другомъ по поводу расходовъ, какіе кому предстоятъ:

одинъ совѣтовалъ сосѣду купить самоваръ, вмѣсто мѣднаго чайника, другой—продать гончарамъ старую лѣнивую кобылу для безопасной перевозки горшковъ и въ замѣнъ купить лошадей у поссесора, тотъ—закрыть полученными въ додачу пятаками пробитый кузовъ брички, этотъ—пожертвовать постромки отъ шлей для колокольни и т. д. Всѣ веселились, ибо каждый видѣлъ теперь возможность, какъ говорится, «полатать старыя свои диры». Одинъ Балабуха смутно соображалъ, что ему едва хватитъ жалованья расплатиться съ жидами.

— А вамъ-бы, о. Харитонъ, варто булобъ проминять свою обичайку, та купить у якого пана каляску, сказалъ, обращаясь къ нему, о. Мелхиседекъ, намекая на крайне неприглядную и старую его бричку.

— А що вы думаете, не куплю? отвѣчалъ подкураженный о. Харитонъ. Отъ колибъ мени тильки оказію знайти, то й куплю, та ще до васъ тею каляскою и въ гости прыиду.

Всѣ разсмѣялись отъ такой рѣшимости черезъ чуръ скромнаго и крайне простоватаго о. Харитона.

Обѣдъ кончился. Батюшки разбрелись по лавкамъ покупать гостинцы женамъ и дѣтямъ, неся полные карманы денегъ. Жиды встрѣчали ихъ низкими поклонами и тащили за полы, каждый въ свою лавку. О. Харитонъ рѣшилъ набрать для своей Ониси на платье такой-же матеріи, какую замѣтилъ на платьѣ благочинной, но плохо разглядѣвъ ее и вообще не зная въ этомъ толку, купилъ, что подсунула плутоватая жидовка. Довольный однако своей покупкой, о. Харитонъ пустился изъ города домой, постоянно ощупывая свои карманы. На дорогѣ догоняетъ его Баньковскій, бывшій уже теперь управляющимъ имѣніемъ графа Зазіембы, лежавшимъ на пути въ Чайки. Баньковскій, какъ старый знакомый, съ обычною своею привѣтливостію, пригласилъ къ себѣ о. Харитона на медъ. Послѣдній не догадывался, что хитрый панъ такъ льстиво запрашиваетъ его къ себѣ не спроста, и охотно согласился; у Баньковскаго-же, при видѣ о. Харитона, возвращавшагося съ двухгодовымъ жалованьемъ, дѣйствительно блеснула мысль спустить ему свой старый, совсѣмъ негодный къ употребленію экипажъ. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ пригласилъ даже о. Харитона пересѣсть въ его нетычанку, а погоничу велѣть слѣдовать за ними. О. Ха-

ритонъ чувствовалъ себя удобно и легко и не скрылъ этого отъ Баньковскаго. Баньковскій обрадовался и повелъ искусно рѣчь:

— Або вамъ це соромъ ѝздити на тому вози, та ще й матушку свою возити? Вы теперь багати, маете, за що справити и не таку, якъ оце моя, наточанку.

— Якъ іи въ Бога справити? смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ. Де тихъ майстривъ шукати?

— То готову купить, подзадоривалъ Баньковскій. Я-бъ на вашимъ мисти не то наточанку, каляску купивъ-бы. Нехай-бы сусиды завидували.

— А де-жъ намъ теи каляски шукати? возразилъ о. Харитонъ. Якъ-бы яка оказія, та ще по близу, то може й купивъ-бы.

— Ничого й шукати; купить у мене. Въ мене есть добра каляска; звычайно не нова, але колись дужо коштовала. Зъ Кракова спроважена. Теперь дешево отдавъ-бы. Далебукъ, купить! Зайдете, побачите и якъ въ цини зійдемось, заразъ и отдамъ. Перепряжете свои кони, сядете, якъ грапъ, вкотите въ свій двиръ, то матушка и не впизнае васъ.

— Прыидемо, побачимо, отвѣчалъ нерѣшительно о. Харитонъ.

Скоро между тѣмъ они очутились во дворѣ Баньковскаго. Тутъ только, высаживаясь изъ нетычанки, о. Харитонъ почувствовалъ, что у него порядкомъ шумитъ въ головѣ послѣ благочинническаго обѣда. А Баньковскій, какъ только вошли въ комнаты, принялся усердно угощать о. Харитона. Выпили старки, угостились наливкой, закончили старымъ медомъ. О. Харитонъ совсѣмъ осовѣлъ. Баньковскій только этого и ждалъ, и тотъ часъ предложилъ смотрѣть экипажъ.

Экипажъ стоялъ въ сараѣ, и среди низенькихъ бричекъ и саней возвышался, какъ гора. На высокихъ загнутыхъ рессорахъ и огромныхъ колесахъ высоко поднимался запыленный кузовъ съ неимовѣрно высокимъ верхомъ. Широкія крылья круто загибались и спускались чуть не до самой земли. Приступки были откидныя, въ нѣсколько ступенекъ, и доходили также почти до земли. Чтобы взглянуть на козлы, надо было порядочно поднять голову вверхъ.

При первомъ взглядѣ на такую махину, о. Харитонъ нѣсколько смутился.

— Це можно справди, подумалъ онъ, сею каляскою налякати Онисю, въихавши въ двиръ. Подумала-бъ, що архіерей прыихавъ.

— А, то ладный повозъ! хвалилъ свое добро Баньковскій. Спробуй, ксенже, яки-то подушки, яки пружины!

Отецъ Харитонъ полѣзъ въ экипажъ и съ непривычки такъ нырнулъ въ подушки, что только пыль поднялась столбомъ.

— А мягко сидити, неначе на перини, та ще щось трошки нибы гойдае, промолвилъ съ высоты о. Харитонъ.

— Э, якъ поидете, тоди загойдае! подзадоривалъ Баньковскій. То такъ, якъ на крылахъ, якъ на гойдальци.

У о. Харитона разгорѣлись глаза; его въ особенности прельщала высота экипажа и мягкое сидѣнье. О прочности, легкости онъ не разсуждалъ; не то было въ его головѣ. О. Харитонъ вспомнилъ ѣдкую шутку Мелхиседека и свое, публично сдѣланное, заявленіе, и рѣшился купить коляску.

— А щобъ вы за нея взяли? спросилъ онъ Баньковскаго.

— Не дорого, не дорого, тотъ отвѣчалъ. Для пана ксіендза отдамъ за двѣстѣ злотыхъ, то значить тридцять рубливъ.

— Э, не варто! визмить двадцять пять, коли хочете.

— Буде мало, сказалъ было Баньковскій; но сообразивъ, что все равно придется отдать жидамъ въ ломъ за безцѣнокъ, замялся какъ-бы въ нерѣшительности.

— Та берить, повторилъ о. Харитонъ; добри гроши даю.

— Мало буде, повторилъ въ свою очередь Баньковскій, а глаза его говорили, что онъ только ломается.

— Та берить, громко сказалъ о. Харитонъ и съ высоты своего сидѣнья протянулъ руку къ Баньковскому.

— Ну, то такъ тилько для ксендза, бо я такъ пана ксендза шаную, закончилъ Баньковскій и, трепля по рукѣ о. Харитона, добавилъ:

— То еще для пана дамъ и хомонты зе вшисткимъ, тилько панъ додасть мнѣ за то три рубли.

О. Харитонъ безъ труда согласился на это. Ударили еще разъ по рукамъ и пошли запивать могорычъ.

Между тѣмъ Баньковскій велѣлъ очистить экипажъ и упряжь, перепречь лошадей о. Харитона и подъѣхать къ крыльцу. Когда о. Харитонъ, распрощавшись, вышелъ на крыльце, то снова какъ-бы задумался надъ своею покупкою: экипажъ казался ему цѣлымъ куре-

немъ, погоничъ торчалъ какъ-бы на вышкѣ, упряжь обвисла на маленькихъ лошадкахъ и сами онѣ напоминали не то овецъ, не то собакъ. Съ помощью Баньковскаго онъ взобрался на высокое, теперь открытое сидѣнье и утонулъ въ подушкахъ; подростокъ погоничъ съ высоты козелъ едва досталъ лошадей кончикомъ батога; лошадки понатужились, и громоздкій экипажъ, колыхаясь съ боку на бокъ, дребезжа и звеня, покатился по мягкой дорогѣ. Повѣвалъ легкій вѣтерокъ и освѣжалъ уставшаго и подпившаго о. Харитона. Онъ оглянулся вокругъ себя и невольно почувствовалъ въ себѣ какую-то важность, достоинство, превосходство—предъ кѣмъ и чѣмъ, въ томъ самъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

— Нехай завидують! думалъ про себя о. Харитонъ; а тымъ часомъ налякаю добре мою паниматку, и обратясь къ погоничу, громко сказалъ: а ты гляди мени, якъ въидемо въ двиръ, жени коней пидъ самисенькій ганокъ.

— Ой, батюшко, коли не всижу на цихъ коѕлахъ! Здаеться, отъ-отъ упаду, отвѣчалъ погоничъ съ своей *вышки*.

— Держись, якъ хочешъ, та мерщій поганяй, бо вечиръ близько.

Солнце закатывалось за гору. Онисія Степановна сидѣла съ дочерьми и все высматривала, не ѣдетъ-ли мужъ. Вдругъ съ горки на плотину быстро скатился экипажъ и повернулъ прямо ко двору.

— Що це воно таке завертае въ нашъ двиръ? промолвила Онисія Степановна: повозъ панській, а въ ёму сидить якійсь батюшка.

Погоничъ разогналъ лошадокъ и влетѣлъ въ ворота, но, не привыкши въѣзжать длиннымъ экипажемъ, зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, ось подломилась, экипажъ грохнулъ и застрялъ въ воротахъ, а погоничъ на переднихъ колесахъ подкатилъ къ крыльцу, повисши, какъ ракъ, на высокомъ козелкѣ. О. Харитонъ барахтался въ упавшемъ на бокъ кузовѣ, застегнутомъ фартухомъ.

— Бый ёго сила Божа! Що це за диво? вскрикнула Онися, но увидѣвъ у воротъ своего мужа, силившагося вылѣзть и стать на ноги, бросилась къ нему на помощь.

— Що це за визъ и де вынъ взявся? спрашивала Онися, держа мужа подъ руку и помогая ему высвободиться.

— Отъ це лихо несподиване! восклицалъ о. Харитонъ, разгибая спину и растопыривъ руки. Тай бисова ёго дитина оцей хлопець!

Тай хитрый-же той проклятый Баньковскій! Отъ тоби й каляска! Отъ тоби двадцять пять карбованцивъ!

— Схаменись! Що ты верзешъ? Якій Баньковській? Яки карбованци? Може ты гроши згубивъ, борони Боже? сыпала вопросами Онися.

— Якъ-бы згубивъ, то не такъ жалко було-бъ.

— Охъ, мени лихо! Щожъ я буду чинити, що буду казати? продолжалъ о. Харитонъ.

— Яке лихо? Та ты роскажи мени, що це за каляска и де ты іи взявъ. Роскажи, не мучъ мене, кричала Онися.

— Нехай уже вамъ хлопецъ роскаже, а мене вже хочъ быйте, хочъ лайте, ничого вамъ не скажу.

По требованію матушки, хлопецъ, какъ зналъ, разсказывалъ исторію пріобрѣтенія экипажа, а о. Харитонъ все голосилъ:

— И на чорта я до того брехуна заихавъ! И якій мене нечистый до его занисъ!

— Здуривъ на старисть, зовсимъ здуривъ, поучала его Онися, выслушавъ разсказъ хлопца. И де въ тебе той розумъ дився? Хто-жъ теперъ зведе й полагодить оцю машину? И на чорта вона намъ здалась! Двадцять пять карбованцивъ, та за упряжъ три, то то мало не сто рубливъ на погани, якъ-то кажуть, гроши!

Вошли въ комнату. Онися продолжала пушить мужа и сожалѣть о напрасно потерянныхъ деньгахъ.

О. Харитонъ сидѣлъ молча и уже не рѣшался поднести женѣ гостинецъ.

— А дежъ решта грошей? спросила наконецъ Онися. Дай сюды до рукъ, и высыпавъ на столъ изъ переданнаго ей мужемъ длиннаго «капшука» серебряные рубли, принялась считать и складывать ихъ въ кучки.

— Щось мало, замѣтила она, окончивъ счетъ. Не вси гроши. Мабуть пропивъ въ Богуслави.

— Боронь Боже! На могоричъ пишло всёго злотый, та благочинному давъ за труды два карбованци, та купивъ самоваръ, та трохи сахару й чаю, та ще купивъ вамъ, Онисіе Степановно, гостинця: набравъ вамъ на плаття такои самои матеріи, якъ у благочиннои.

При этихъ словахъ грозная доселѣ Онисія Степановна немного смягчилась и нѣсколько ласковымъ голосомъ спросила:

— А дежъ ти закупки? Може де погубивъ?

— Тамъ, душко, десь въ задку. Ось я пиду та принесу.

— Ой, дать-бы тоби по задку, шутливо проговорила Онися и пошла съ мужемъ разыскивать покупки въ торчавшемъ у воротъ кузовѣ коляски.

Вернулись въ домъ; зажгли свѣчку. Онися кинулась къ матеріи, развернула ее и распустила на рукѣ до самого полу. О. Харитонъ съ сладенькой улыбкой поднесъ свѣчку къ матеріи.

— Чи це воно на лице, чи мабуть на выворитъ? спрашивала Онися, присматриваясь къ матеріи.

Матерія была блѣдно-пепельнаго цвѣта съ мелкими блѣдно-желтыми цвѣточками, на легкомъ фонѣ которыхъ темными пятнами выдѣлялись причудливаго узора темно-зеленые листья, напоминавшіе пришибленные морозомъ листья тыквы. Онися перевернула матерію на другую сторону и удостовѣрившись, что тамъ было лице, а здѣсь изнанка, взглянула еще разъ и со смѣхомъ отбросила на столъ.

— Та й набравъ-же ты доброго дива! воскликнула она.—Щось старе, або полыняле. Мабуть жидивка вкрывалась цеею матеріею зъ пивъ-року. А узоръ зовсимъ неначе хто на чирини насыпавъ высивокъ, та притрусивъ гнилымъ листямъ.

— Ей-же Богу, Онисіе, таку саму сукню носить благочинна и наветь багати богуславськи жидивки, взболтнулъ о. Харитонъ.

— То це ты мене прыривнявъ до жидивокъ та до своеи поганои благочинпои? вскрикнула Онися.—Геть, бери іи, самъ носи, або благочинни подаруй. Стану я убиратись якоюсь рябою куркою.

— Коли-жъ така теперь мода, робко отозвался о. Харитонъ.

— Добра мода! Вже й ты щось знаешь въ тихъ модахъ. Покинь вже! Пойду, та сама одвезу та переминю на щось инче, сказала Онися и прибавила тутъ-же: отъ тоби жалуванпя! Пропало, що й радили.

Уже на утро работники сложили кой-какъ разломанную коляску и втащили въ сарай, гдѣ она служила пріютомъ для несущихся куръ, пока захожіе изъ Богуслава жидки, скупавшіе всякое старье по деревнямъ, не купили ее въ ломъ за треть цѣны. Баньковскому впрочемъ не прошла даромъ продѣлка его съ о. Харитономъ, и Онисія Степановна глубоко была убѣждена въ томъ, что его самъ Богъ покаралъ за причиненную имъ обиду. Дѣло было такъ.

Баньковскій, хотя носилъ громкое титло жондцы, на самомъ дѣлѣ былъ не выше эконома въ большихъ имѣніяхъ. У графа Засіембло имѣніе было небольшое; самъ онъ былъ скупъ и самъ смотрѣлъ за всѣмъ. Но онъ часто выѣзжалъ, и Баньковскій въ его отсутствіе спускалъ по немногу панское добро жидкамъ и деньги бралъ въ свою пользу. Какъ разъ въ эту пору, пользуясь отсутствіемъ помѣщика, Баньковскій тайкомъ запродалъ въ одно мѣстечко знакомому еврею нѣсколько четвертей помѣщичьей пшеницы и самъ отправлялъ ее на пяти возахъ чрезъ Ольшаницу за Рось. Но лишь только онъ проѣхалъ Ольшаницу, какъ на встрѣчу ему жидъ съ извѣстіемъ, что графъ невзначай возвращается домой по той-же дорогѣ и находится уже въ сосѣдней деревнѣ. Баньковскій повернулъ назадъ. Онъ могъ ускакать, но куда было дѣвать возы съ пшеницей? Графъ могъ ихъ настигнуть и тогда все открылось-бы. Что дѣлать? Куда дѣваться? Баньковскій бросился къ о. Харитону.

— Ой, ксенже, рятуйте! крикнулъ онъ, влетая въ комнату къ о. Харитону.

— Що тамъ таке? Може обламались въ дорози? спросилъ о. Харитонъ.

— Та де тамъ обламався! Тутъ таке дило, що може й самъ пропаду, якъ не порятуете мене.

И Баньковскій, горя отъ стыда, чистосердечно сознался въ своей продѣлкѣ о. Харитону и просилъ выручить его изъ бѣды.

— А чимъ-же я вамъ поможу? спросилъ о. Харитонъ.

— Тамъ, бачте, стоять возы за вашимъ дворомъ. Чи не можна у васъ переховати пшеницю на якій часъ?

— Душею радъ-бы зробить це для васъ; але якъ хто выявить, то й мени лихо буде.

— Атъ, хто тамъ выявить!

— А той самый жидъ, що вамъ сказавъ, то й грапови скаже. Вы не знаете тихъ жидивъ. А якъ самъ грапъ набиженть, та знайде у мене, що тоди буде?

— Змилуйтесь, голубчику, порятуйте мене! вопилъ Баньковскій, хватая за руки о. Харитона. Куды хочте, диньте ту пшеницю.

— Хиба въ дзвиныцю, сказалъ о. Харитонъ, сжалившись надъ Баньковскимъ и выгораживая, хотя и неумѣло, себя.

— Истинно въ дзвиныцю! вскрикнулъ отъ радости Баньковскій. Тамъ и самъ грапъ не посьміе шукати. Тильки якъ найскорише, бо отъ-отъ грапъ наскочить.

О. Харитонъ схватилъ ключи, чтобы вмѣстѣ съ Баньковскимъ идти къ колокольнѣ, гдѣ расположились возы, какъ вдругъ предъ ними появилась Онисія Степановна, взволнованная сколько нахальствомъ Баньковскаго, столько-же и податливостію своего мужа.

— Якъ-то! заговорила она гнѣвно, и возвысивъ голосъ.—Щобъ у насъ переховувалась крадена пшениця, та ще въ дзвиныци? Я того не позволю.

О. Харитонъ руки опустилъ, Баньковскій сталъ красный, какъ ракъ.

— Онисіе Степановно! началъ онъ, немного оправившись. Яка-жъ то крадена пшениця? То такъ, напродажъ, звычайно, панська. Але-жъ то тилько черезъ ничъ, завтра заберу.

— А вы думаете, я ничого не чула? Чула все.

— Але-жъ моя кохана, моя злота, моя дрога, змилуйтесь!

— Яка я вамъ кохана? Есть у васъ кохапка, отрѣзала грубо Онися, намекая Баньковскому на Олесю. А злота та дрога, то може ваша коляска, що пиддурили нею мого чоловика. Подивиця на неи, оттамъ въ возовни потрощена стоить, а коли не важко на возахъ, то й заберить зъ собою, та гроши вернить. Стыдно такъ панамъ робити, людей пиддурювати!

Баньковскій понялъ, что ему нечего ждать услуги отъ разгнѣванной матушки, онъ не могъ также снести и сыпавшихся на него обличеній и рѣшилъ поспѣшить къ возамъ, чтобы не потерять дорогаго времени.

— А, якъ сіе пани на мніе такъ гніева, то южъ трудна рада, сказалъ онъ, чтобы скрыть свой стыдъ, и прибавивъ: бувайте здорови! побѣжалъ къ возамъ.

— А тоби чортъ-ма стыда й сорома пускать до себе съ краденымъ, та ще въ дзвиныцю! накинулась Онися на о. Харитона по уходѣ Баньковскаго.

— Коли-жъ чоловикъ бидкаеця, просить; якъ-же ёму не помогти?

— Бидкаеця... Злодій, ляхъ нечестивый, та ще й тебе пиддуривъ, гроши занапаствъ, засыпала Онися словами, какъ горохомъ. Баба ты плаксива! Ты-бъ, здаеця, й за жида душу оддавъ-бы.

О. Харитонъ рѣшился молчать, боясь возражать женѣ, и въ тоже время не чувствуя за собою вины, такъ какъ онъ просто хотѣлъ помочь человѣку въ бѣдѣ, а о томъ, что довело его до этой бѣды, не разсуждалъ. Иначе настроена была Онися: помимо всякихъ опасеній за укрывательство, ей и просто хотѣлось косвенно выдать Баньковскаго и тѣмъ отомстить ему за потерянныя на покупку коляски деньги. И дѣйствительно, Баньковскій тутъ-же попался. Не успѣлъ онъ повернуть возы отъ колокольни, какъ налетѣлъ графъ. Баньковскій придумалъ было какое-то объясненіе, но подводчики своими отвѣтами на распросы графа, болѣе по своей простотѣ, чѣмъ по злобѣ на Баньковскаго, выдали его. Графъ понялъ, въ чемъ штука, безцеремонно выбранилъ Баньковскаго и прогналъ его отъ себя. Онися торжествовала.

— Ото ёго Богъ за насъ покаравъ, ото ёму по ти правди! говорила она: не пиддурюй, не обманюй не крадь!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, въ обстановкѣ окружнаго да и всего духовенства совершалась значительная перемѣна. Батюшки и матушки, заполучивъ деньги, какія и во снѣ имъ не снились, принялись «латать свои диры», производить тѣ или другія улучшенія въ своемъ домашнемъ быту: кто настилалъ полы, кто дѣлалъ пристройку къ дому, кто покупалъ нетычанку или иного названія бричку, на рессорахъ и безъ рессоръ, съ будкой и безъ будки; иные запасались къ зимѣ санями на подрѣзахъ, мѣняли упряжь, прикупали и вымѣнивали съ приплатой лошадей, шили шерстяныя, иные и шелковыя рясы, собачьи или волчьи шубы, бросали треухи изъ черныхъ или сивыхъ барашковъ и такія-же, высокія, съ плисовымъ дномъ и «пятакомъ» на немъ, шапки и шили новыя изъ темно-коричневаго плюша на подклейкѣ, па манеръ камилавокъ, оставляли въ небреженіи старыя, съ костяными, нерѣдко рѣзной работы, набалдашниками, предпочитая имъ новыя, укороченныя, московской продукціи, съ наперстниками аппликe и даже чисто серебряными. Самыя закоренѣлыя въ старинѣ матушки снимали и прятали въ сундуки свои намитки и плахты, капоты и шлафроки, намиста и дукачи, а дочери ихъ корсеты и стрички, и обзаводились ситцевыми и шерстяными сподницами и платьями, головными платками — «матерьяными» и шелковыми, а иные чепцами, преданными потомъ забвенію. Покупалась и обновлялась мебель и столовая по-

суда, выносились «ослоны» и «скрыни» и замѣнялись стульями и диванами, уменьшалось число иконъ и увеличивалось число картинъ. Много было шуму и толковъ, насмѣшекъ и пересудъ по поводу начавшейся теперь перемѣны: державшіеся старины осуждали тѣхъ, которые стремились къ новизнѣ, пока сами не сходили на тотъ-же путь, теперь облегченный назначеніемъ жалованья. Даже Онисія Степановна съѣздила въ Богуславъ, перемѣнила купленную о. Харитономъ матерію и сшила себѣ платье у жидка «по журналу» и «зъ мысомъ», а о. Харитонъ съѣздилъ въ Кіевъ на контракты и купилъ нетычанку на заднихъ рессорахъ, да лично для себя крытую сукномъ баранью шубу. Всѣ спѣшили удовлетворить свои ближайшія, неотложныя надобности, не думая о будущемъ, и лишь немногіе догадались и свезли оставшіяся крохи въ единственное тогда кредитное учрежденіе—кіевскую контору государственнаго банка.

Осчастливленные жалованьемъ батюшки и матушки понемногу улучшали свой бытъ и совершенствовались съ внѣшней стороны, не думая о томъ, что теряли они, отдаляясь отъ старины и прилѣпляясь къ новизнѣ. Что сдѣлано или пріобрѣтено, даже съѣдено, или выпито однажды, то незамѣтно входило въ привычку и вкусъ. Потребности умножались, возрастали, привычки крѣпли, а средства оставались тѣже и первоначальный запасъ ихъ давно истощился. Прихожане, зная и часто толкуя о жалованьѣ, умѣряли свое усердіе по части приношеній. Многіе изъ батюшекъ подъ разными предлогами давно прибѣгли къ возвышенію платы за требы, но это возбуждало противъ нихъ прихожанъ; послѣдніе громко говорили о томъ въ домахъ, корчмахъ и на ярмаркахъ. Одинъ о. Харитонъ держался давняго правила: что дадутъ, за все спасибо; но и онъ чувствовалъ, что и жалованья и доходовъ уже не хватаетъ. Онися что ни день приставала къ нему: накинь та накинь на требахъ, якъ по иншихъ селахъ. О. Харитонъ только рукой махалъ. Онися рѣшилась сама приняться за это дѣло.

Однажды пришли два прихожанина «єднатись за вѣнчання». Послѣ обычныхъ переговоровъ, кто и на комъ женится, нѣтъ-ли между женихомъ и невѣстой родства и въ какой день свадьба, когда рѣчь зашла о платѣ и о. Харитонъ безмолвно согласился на предложенный рубль за повѣнчанье, Онися прервала отца жениха на полусловѣ:

— И що бо то вы даете такъ мало? Накиньте ще другого карбованця. Хиба не варто? Такій гарный у васъ парубокъ.

Мужикъ вскинулъ на матушку удивленными глазами и спокойно проговорилъ:

— Даемо, якъ и колись давали.

— Э, колись и гроши були не ти. Теперь, Господи, якъ все дорого стало: теперь и наймитъ дорогшій, и кинь, и вилъ, и визъ дорогшій, и хлибъ, и одежа, и все, до чого не кинься.

— Коли-жъ, матушечко, и на весилля треба грошей, та ще не абы якихъ. Теперь и горилка дорогша, и музыки дорогши, и хустки, й поясы, и кисныки, все-все, говорилъ мужикъ, какъ-бы передразнивая матушку.

Онися не осталась въ долгу. Чѣмъ болѣе старѣлась она, тѣмъ больше говорила. Казалось, что съ лѣтами у нея языкъ выросталъ и становился все длиннѣе и подвижнѣе.

И Господи! затараторила она: що то значить накинути карбованця для такого господаря, якъ вы. Вы и въ дорогу ходите, и пидъ фуру стаете, и коло хозяйства добре дбаете. Вамъ то ничого, а намъ той карбованець въ великій пригоди стане. Гроши круглы, такъ и котяться. Ей Богу, не зоглядисся, якъ и роскотяться. Теперь не настачишься тихъ грошей, такъ и котяться, такъ и котяться, и хто ёго знае, куды вони диваються. Прикиньте таки карбованця!

Мужикъ помялся и попросилъ батюшку благословить могоричъ.

Что дальше, то меньше стѣснялась Онися въ переговорахъ съ прихожанами относительно требъ, а потомъ и самаго о. Харитона пріучила надбавлять гдѣ гривну, гдѣ пятакъ. Надбавленное однажды входило въ обычай, становилось правиломъ; громада потолковала и стала платить, но отношенія ея къ священнику стали колебаться.

Вырабатывался между тѣмъ проэктъ обезпеченія духовенства не однимъ жалованьемъ. На прихожанъ возложена обязанность строить новыя помѣщенія для причтовъ, гдѣ они были негодны, или оплачивать ихъ готовые дома, если они признавались годными, ремонтировать тѣ и другіе и сверхъ того обрабатывать часть ихъ полевой земли. Послѣднее совсѣмъ взбудоражило крестьянъ и если прежде они въ тихомолку говорили: «пипъ зъ живого и зъ мертвого дерь, та ще й жалування бере», то теперь громко воніяли: «робили

панщину панамъ, а теперь ще й попамъ». При первомъ нарядѣ къ о. Харитону на работу, его прихожане пришли въ полное недоумѣніе.

— Чи се насъ за спасеніе души панъ пригнавъ до васъ, чи таки справди на панщину? спрашивали они батюшку.

— По правди сказати, я и самъ не розберу, отвѣчалъ о. Харитонъ.

Спустя годъ или два послѣ того по селамъ прошелъ слухъ, что панщина въ пользу помѣщиковъ будетъ уменьшена. Народъ заволновался и ждалъ этого, какъ манны небесной, какъ великой милости отъ Бога. Скоро какъ-то и въ Ольшаницу прибыла коммисія изъ предводителя дворянства, исправника и благочиннаго. Согнали людей въ церковь и прочли высочайшій указъ о введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, которыми опредѣлялась и значительно уменьшалась «панщина», а одинъ печатный списокъ этихъ правилъ, съ подробнымъ обозначеніемъ, въ какомъ возрастѣ крестьяне обоего пола признавались годными къ работѣ, кто и сколько дней въ недѣлю долженъ отбывать панщины, какую и въ какой мѣрѣ долженъ исполнять работу, и чего не долженъ ни давать, ни работать, тутъ-же всенародно врученъ былъ о. Харитону, съ обязательствомъ ежевоскресно прочитывать и объяснять «правила» въ церкви, а равно читать и вообще по требованію прихожанъ. Вездѣ послѣдовало тоже.—Батюшки читали и объясняли; паны, видя уменьшеніе рабочихъ рукъ и дней, придумали жаловаться, что «попы бунтуютъ крестьянъ». Вышло запрещеніе объяснять «правила», а читать приказано лишь по требованію крестьянъ и только тѣ статьи, относительно которыхъ они будутъ недоумѣвать, не вдаваясь однако ни въ какія объясненія и толкованія. Пришло воскресенье. Прихожане о. Харитона ждали, что вотъ батюшка ихъ выйдетъ «на отпустъ» и еще разъ прочтетъ имъ «правила»; но чтенія не послѣдовало. Крестьяне пошушукались между собою и выйдя изъ церкви, остановились на паперти. Выходитъ о. Харитонъ; они почтительно поклонились ему, обступили его кругомъ и спрашиваютъ:

— А що-то, батюшечко, правилъ намъ сёгодни не вычитували?

— Бо заказано що недили читати, смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ.

— Якъ-то, пробачайте, заказано! Але при насъ вамъ ти указы отдано, при насъ казали, щобъ вы намъ що недили прочитували и тлумачили.

— Та же-жъ такъ було, а теперь иначе: написано—тоди тильки вамъ читати, якъ вы того схочете и тильки то, що вы будете потребувати.

— Гм... дивно! сказали нѣкоторые изъ крестьянъ и всѣ разошлись.

Насталъ великій постъ; асаулы объявили по селу, чтобы всѣ сносили обычную дань пану яйцами. Крестьяне къ о. Харитону за разъясненіемъ; тотъ велѣлъ собраться въ церковь и вскорѣ самъ явился.

— Чого потрибуете? Що вамъ читати?

— Прочитайте намъ, батюшко, за яйця!

О. Харитонъ взялъ «правила», долго въ нихъ рылся и наконецъ громко прочелъ: «всѣ косвенные поборы и налоги отмѣняются».

Мужики выпучили глаза и въ недоумѣніи переглянулись.

— Та вы бо намъ, батюшечко, прочитайте за яйця.

— Та же-жъ я вамъ оце заразъ прочитавъ.

— Коли-жъ мы ничого не зрозумили. Скажить намъ, будьте ласкави, чи повинни мы давати яйця панови, чи ни?

— Ничого вамъ не можу казати, бо запрещено намъ. Отъ що належиця, я вамъ прочитавъ, а билшъ ничого не скажу.

О. Харитонъ самъ не догадался-бы прочесть именно этотъ параграфъ, но его наставилъ случайно бывшій у него священникъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, болѣе его развитый и достаточно знавшій русскую грамоту.

Прихожане о. Харитона глубоко вѣрили его правдивости и честности, ничего не сказали, пожали только плечами и съ тѣмъ разошлись.

Настало лѣто. Панъ потребовалъ обычную дань ягодами, грибами, потомъ орѣхами. Мужики снова къ батюшкѣ, но онъ прочелъ имъ тотъ-же параграфъ. Мужики уже и не добивались объясненія, зная по разсказамъ на ярмаркахъ, что нѣкоторые изъ батюшекъ поплатились уже за объясненія. Въ Кіевѣ царилъ тогда грозный Бибиковъ; но и его обошли паны съ помощію уѣздной полиціи, замѣщаемой исключительно почти поляками. По доносу послѣдней одинъ священникъ, обвиненный въ произведеніи не существовавшаго бунта, въ одни сутки доставленъ былъ къ Бибикову на тройкѣ съ жандармами и по его настоянію лишенъ прихода. Это навело страхъ на всѣхъ батюшекъ и они рѣшились молчать. Доставалось, правда, и панамъ отъ того-же Бибикова за инвентари,—одного изъ нихъ

онъ вызвалъ въ Кіевъ, заставилъ выучить наизусть нѣсколько печатныхъ листовъ убійственнаго текста инвентарныхъ правилъ и только проэкзаменовавши лично, отпустилъ домой,—но злоупотребленія ихъ по выполненію инвентарныхъ правилъ открывались рѣдко, благодаря заступничеству и укрывательству закупленной полиціи. Дѣйствуя заодно съ нею, помѣщики-поляки въ большинствѣ старались парализовать дѣйствіе инвентарныхъ правилъ и оставить панщину на прежнемъ положеніи. Были между ними и такіе фанатики-патріоты, которые задались мыслію возбудить народъ противъ властей, вызвать его на волненія и тѣмъ доказать, что народъ грубъ, непокоренъ, бунтливъ, злоупотребляетъ дарованною ему милостію и что въ концѣ концевъ инвентари необходимо отмѣнить. Тѣ и другіе, съ помощію своихъ агентовъ, старались увеличить если не число рабочихъ дней, то самую работу, стали необыкновенно взыскательны и придирчивы, били и мучили нещадно за вину и безъ вины, стѣсняли крестьянъ въ выпасахъ скота, уменьшали количество пахатныхъ полей, или мѣняли лучшія на худшія, близкія на отдаленныя, сгоняли крестьянъ съ села съ хуторовъ, садовъ, пасѣкъ, отнимали левады, сѣнокосы, всякіе льготные клочки, запрещали ловлю рыбы, стѣсняли даже въ водопояхъ. При малѣйшемъ возраженіи или ослушаніи обзывали крестьянъ бунтовщиками, выставляли ихъ таковыми предъ властями, предавали болѣе предерзыхъ въ руки полиціи, въ колодкахъ и кандалахъ, или накликали полицію и цѣлыя коммисіи и войска на мѣста мнимаго возмущенія, навлекали страшныя наказанія и совершенное почти разореніе. Народъ почувствовалъ, что никогда ему не было такъ тяжело, какъ послѣ введенія инвентарей, а паны и всякая мелкая шляхта сознательно и безсознательно твердила мужикамъ, что все стало чрезъ инвентари, что пока не было инвентарей, и панамъ и людямъ было лучше. Отсюда слѣдовало, что виноватъ тотъ, кто ввелъ инвентари, т. е. правительство. Народъ извѣрился въ панахъ, теперь перестаетъ вѣрить и чиновникамъ, посылаемымъ для его вразумленія и успокоенія. Волненіе росло и мѣстами прорвалось, приведя народъ къ новой бѣдѣ.

Въ Ольшаницѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, во все время жатвы, выгоняли на панщину ежедневно всѣхъ—стараго и малаго, мужескій полъ и женскій. Помѣщикъ не въ мѣру увеличилъ на этотъ годъ запашку: панскій хлѣбъ сжинался и свозился, крестьян-

скій пропадалъ на корню. Крестьяне возроптали; они собрались къ пану гурьбою и просили, «щобъ було по левентарю», т. е. чтобы, отработавъ ему указанное въ инвентаряхъ число дней, они могли въ остальные работать для себя. Панъ усмотрѣлъ въ этомъ ослушаніе и пригрозилъ розгами и плетьми, а нѣкоторыхъ для примѣра тутъ-же высѣкъ. Крестьяне на другой день совсѣмъ не явились къ пану на работу, а пошли на свои нивы. Произошли легкія схватки, а больше перебранка между ѣдущими на поле людьми и экономомъ и «сипаками», гнавшими ихъ на панскій ланъ. Помѣщикъ послалъ гонца къ становому, что у него въ имѣніи открытый бунтъ. Становой донесъ исправнику, исправникъ губернатору, и чрезъ нѣсколько дней въ Ольшаницу вступила рота солдатъ въ сопровожденіи исправника и другихъ полицейскихъ чиновъ. Собрали крестьянъ и, объявивъ ихъ бунтовщиками, потребовали безпрекословнаго повиновенія помѣщику. Тѣ стали оправдываться, возражать, ихъ обвинили въ упорствѣ и требовали выдачи зачинщиковъ. Всѣ думали и дѣйствовали одинаково и никто никого выдавать не могъ. Розыски, увѣщанія затянулись, а между тѣмъ куры, гуси, поросята, бараны и даже телки массами забирались на прокормленіе солдатъ, а сѣно и овесъ для лошадей начальства. Уже самъ помѣщикъ указалъ на старосту и его двухъ братьевъ, какъ на главныхъ бунтовщиковъ. Ихъ хотѣли арестовать, но они скрылись. Пошли розыски, угрозы всѣхъ пересѣчь и десятаго въ солдаты сдать.

Розыски продолжались, какъ однажды вечеромъ о. Харитонъ, разговаривая съ Онисей, услыхалъ чуть замѣтный стукъ въ окно, а оглянувшись назадъ, увидалъ въ окнѣ мертвенно-блѣдное лице старосты.

— Выйдить, паноче, сюды, та такъ, щобъ нихто зъ наймитивъ не бачивъ, проговорилъ чуть слышно староста подъ окномъ.

О. Харитонъ вышелъ за уголъ своего дома и нашелъ тамъ старосту и его братьевъ, дрожащихъ отъ страха.

— Рятуйте, напоченьку! просили они, кланяясь до земли. Переховайте насъ де небудь, бо насъ шукають скризь, хотять бити та на Сибирь заслати.

— Боже мій! Дежъ я васъ сховаю? А якъ почнуть трусити и въ моій осели? прошепталъ о. Харитонъ.

Мнимые бунтовщики повѣсили головы. Но тутъ выбѣжала Онися и узнавъ, въ чемъ дѣло, торопливо заговорила:

— Ховайтесь въ дзвиныцю; въ дзвиныци не посьміють труснти. Йдить мерщій черезъ садокъ; ты, паноче неси ключи, а я достану хлиба та воды.

Черезъ нѣсколько минутъ староста съ братьями сидѣли въ коморкѣ колокольни; матушка принесла харчи, а о. Харитонъ заперъ коморку и колокольню на замокъ и тихонько съ Онисею вернулись черезъ садъ въ свой домъ.

Полицейскіе и солдаты обѣгали все село, искали по хатамъ, по коморамъ, хлѣвамъ и огородамъ, въ погребахъ и на вышкахъ; но староста Онопріенко и два его брата будто въ воду упали. Порѣшивъ, что они бѣжали изъ села, съѣхавшая коммисія учинила жестокую расправу съ ольшаницциною громадою за крайнее ея упорство и укрывательство главныхъ зачинщиковъ мнимаго бунта. Согнали народъ на выгонъ, окружили цѣпью солдатъ и началась безпощадная порка. Сначала сѣкли по указанію помѣщика выдающихся ослушниковъ, потомъ били десятаго и наконецъ объявили, что такъ поступлено будетъ со всякимъ, кто не выйдетъ на панщину и окажетъ ослушаніе помѣщику. Хаты и господарство старосты и его братьевъ подверглись разоренію, семейства ихъ перешли къ сосѣдямъ. Коммисія удалилась, а солдаты еще нѣсколько дней оставались въ Ольшаницѣ для успокоенія жителей, какъ объявила коммисія.

Всю ночь и весь день просидѣли братья Онопріенки въ колокольнѣ. Въ слѣдующую ночь о. Харитонъ принесъ имъ запасъ продовольствія и нѣсколько денегъ и посовѣтывалъ бѣжать изъ села куда либо далеко, въ виду грозившей имъ великой бѣды. Братья залились горькими слезами.

— Тикайте, наставлялъ ихъ батюшка: тикайте на сахарни, ставайте на роботу та приносьте инколи гроши жинкамъ. Приходьте просто до мене въ глупую ничъ; застукайте въ викно, я до васъ выйду и зроблю, що тильки скажете, а тимъ часомъ тикайте, бо завтра завдадуть васъ туды, де козамъ рога правлять.

Братья упали къ ногамъ его; онъ благословлялъ ихъ и утѣшалъ и вывелъ чрезъ свой и сосѣдніе сады въ поле.

Три зажиточные хозяева, добрые отцы семействъ, степенные, уважаемые люди пошли по свѣту бурлаками. И не одинъ разъ въ году, въ темную ночь, кто-то тихонько стучался къ батюшкѣ въ окно, и каждый разъ мягкосердый панъ-отець выходилъ на стукъ, долго шептался, что либо бралъ отъ пришедшаго или ему давалъ, иногда-жъ провожалъ въ коморку колокольни на два-три дня. То приходили безталанные бурлаки, братья Оноприенки, подъ покровомъ батюшки видѣвшіеся съ своими семьями и поддерживавшіе ихъ существованіе.

Время шло, Моссаковскіе старѣлись, дочери ихъ подростали и увеличивали расходы родителей. Взяли они отъ польки учительницы старшую дочь и отвезли въ Богуславъ двухъ другихъ, а за тѣми слѣдовалъ еще цѣлый рядъ Палажекъ и Горпинокъ. Пастуня прошла нехитрую науку, выучилась пополамъ съ грѣхомъ по польски и немного по русски, отчасти вышивать и вязать, порядочно танцовать, а главное—дѣлать книксены и даже строить глазки. Не смотря на то, она внесла незамѣтно рѣзкую перемѣну въ простой домашній складъ жизни, начавъ съ того, что вопреки старосвѣтскому обычаю выходила смѣло къ гостямъ и садилась рядомъ съ ними.

Съ выростаніемъ дочерей росли и заботы Онисіи Степановны. Пуще прежняго налегла она на хозяйство, чтобы восполнять чувствовавшійся съ каждымъ годомъ недостатокъ средствъ: сама ѣздила къ рабочимъ на поле, стояла надъ ихъ шеей и отпускала ихъ домой лишь по заходѣ солнца. Слугамъ у нея просто житья не стало: она будила ихъ чуть не съ первыми пѣтухами, грызлась съ ними цѣлый день, заваливала роботой, а женскую прислугу морила до полночи и за полночь. Наймиты и особливо наймички отказывались служить у матушки.

Разъ какъ-то нанялась къ Онисьѣ Степановнѣ сильная, работящая дѣвка изъ Богуслава, Маруся. Она успѣвала за двоихъ; но, какъ говорить пословица: «хто добре везе, того й поганяють», то и Марусю матушка вздумала погонять и погоняла до тѣхъ поръ, пока та не бросила ее въ самую горячую пору, не дослуживши году.

Спустя нѣсколько дней Онисѣ понадобилось поѣхать въ Богуславъ на базаръ. Тутъ случайно она узнала отъ людей, что ея Маруся находится на службѣ у Балабухи. Онися позеленѣла отъ злости; для нея не могло быть сомнѣнія въ томъ, что

Маруся ушла отъ нея не сама по себѣ, но по подговору благочинной; она чувствовала притомъ всю невозможность найти въ рабочую пору наймичку, равно и обойтись безъ нея въ сложномъ хозяйствѣ, которое, съ уходомъ Маруси, пошло, какъ мельничное колесо, лишившееся одного зуба. Ничего не думая и не соображая, движимая однимъ лишь гнѣвомъ и желаніемъ во что-бы не стало отобрать Марусю, Онися бѣгомъ почти пустилась къ Балабухамъ, влетѣла къ нимъ съ азартомъ и послѣ не совсѣмъ любезныхъ привѣтствій приступила къ объясненію.

— Не годиться, госпоже благочинно, одмовляти у людей наймичокъ! говорила, между прочимъ, Онися. Теперъ жнива, треба хапати хлибъ на поли, треба комусь зварити и спекти дома, и коровы подоити, и овець доглядить, и кабанивъ нагодувати, и до череды одигнати. Въ мене велике господарство и великій скрутъ. Я не вмію до пивдня спати, а зъ пивдня по свитлыци похожати...

Олеся отнеслась къ своей противницѣ совершенно спокойно, даже насмѣшливо; это еще болѣе раздражило ее и она продолжала вычитывать, какъ по книгѣ:

— Въ мене симья, въ мене дочки; мени не можна обійтись безъ наймичокъ. Отъ взяла Настуню зъ пенсіи, теперъ Горпинку и Палазю одвезла. Дочки ростуть; треба для ихъ дбати, треба напрясти и пошити, та ще-бъ було-бъ зъ чого. Отъ выбрали конопли, часъ уже и ленъ брати... Що я безъ наймички робытиму? Отъ й сегодня сама й коровы доила, сама й пекла й варила...

Олеся только засмѣялась, выслушавъ всю эту дребедень. Онися не выдержала и прямо брякнула:

— Въ кого въ двори нема й поросяты, а въ хати нема й кішки, тому тильки смишки.

Олеся стала среди комнаты и выпучила на Онисю глаза.

— Чи вы прыихали въ гости, чи лаятись зъ нами? спросила она ее.

— Не лаятись, а по свою наймичку прыихала, сказала Онися.

— А коли такъ, то берить іи соби, вона мени не дуже потрибна, отвѣчала Олеся.

— Якъ вона схоче, то нехай іде зъ вами, добавилъ Балабуха, поднимаясь со стула, и отворивъ дверь въ кухню, кликнулъ Марусю.

Вошла Маруся. Онися приступила къ ней съ докоромъ и рѣшительнымъ требованіемъ возвратиться къ ней на службу. Та от-

вѣчала ей рѣзкимъ и грубымъ отказомъ и стремительно вышла за дверь. Пристыженная и раздраженная Онися, бросивъ хозяевъ, побѣжала за Марусею въ кухню, накинулась на нее съ бранью, приступала съ кулаками, грозила становымъ.

— Хочъ мене въ тюрму ведить, а я не пиду до васъ служити, отвѣчала рѣшительно Маруся.

— А коли сама не пидешъ, то тебе приведуть до мене, крикнула Онися, и съ этими словами вихремъ устремилась изъ кухни на крыльце, чтобы бѣжать къ становому.

— Прощайте, отець благочинный! сказала она Балабухѣ, стоявшему въ растворенной изъ свѣтлицы двери. Спасиби вамъ за вашу послугу. Я одъ васъ сего не сподивалась. Це мабуть вы одбили въ мене наймичку за колишнись гарбузы...

Балабуха, а за нимъ Олеся съ изумленіемъ смотрѣли на взбѣсившуюся Онисю. Она, едва кивнувъ имъ головою, стремглавъ полетѣла со двора прямо въ становую квартиру. Становой только посмѣялся надъ простодушною матушкою, и Онися съ скрежещущими зубами поѣхала домой. Только подъѣзжая къ Ольшаницѣ, она, придя не много въ себя, подумала было, не хватила-ли она черезъ край; но врожденная ей дикая гордость и старые счеты съ Балабухами не позволили ей сознать свою ошибку.

Молча вошла Онися въ комнату, возвратившись домой, и какъ ни допытывался у нея о. Харитонъ о причинѣ ея огорченія и разстройства, не сказала ему ни слова: ей было одинаково и стыдно и досадно за свою горячность и за свою неудачу.

На другой день, не успѣли пообѣдать, какъ явился отъ благочиннаго посланецъ съ письмомъ. Для о. Харитона это было полною неожиданностію, такъ какъ съ благочиннымъ у него не было никогда частной переписки. Не безъ волненія онъ распечаталъ письмо и едва могъ дочитать оное до конца. Балабуха сдержанно, но тѣмъ не менѣе сильно выговаривалъ о. Харитону за вчерашнюю выходку его жены, коротко изобразилъ произведенную ею бурную сцену, привелъ наиболѣе оскорбительныя ея фразы и въ заключеніе просилъ передать Онисіѣ Степановнѣ, чтобы она впредь избавила его отъ своихъ посѣщеній и не являлась къ нему въ домъ.

Пока о. Харитонъ разбиралъ письмо, Онися, зацѣпивъ большой мотокъ пряжи за ручку двери и столбикъ кровати, быстро

наматывала нитки на клубокъ. По посланцу она знала, отъ кого письмо, догадывалась и о томъ, по какому поводу оно прислано. Густая краска выступила на ея лицѣ, когда о. Харитонъ распечатывалъ письмо, но скоро она овладѣла собой и спокойно продолжала свою роботу.

— Охъ, Боже мій! Ой, що-жъ це вы зробили! вскричалъ о. Харитонъ, дочитавъ письмо.

— А те зробила, що треба було, отвѣчала Онися спокойно и твердо. Прочитала добру молитву и благочинни и благочинному.

— Ой, що-жъ вы тамъ робили, що казали? спрашивалъ о. Харитонъ, желая удостовѣриться, такъ-ли оно было, какъ писалъ благочинный.

— Що казала? Вылаяла на вси боки, та й поихала, коротко отвѣчала Онися. Нехай не одмовляють въ мене наймички.

— А бодай-же васъ Богъ любивъ! Що-жъ мы теперь будемъ робити?

— Що робили, те й робитимемъ. Тильки-бъ и лиха, що зъ благочиннымъ полаялась.

— Ой, бодай-же васъ курка вбрыкнула. И треба було вамъ ïхати та лятись!

— Не за тимъ я ïздила, щобъ лаятись. Поïхала на торгъ; люди сказали, що Маруся въ Балабухи; я пишла та й вылаяла.

— Ой, бодай-же вамъ жаба на ногу настоптала, або мышь васъ перелякала! Наробили лиха; буде-жъ теперь намъ.

— Не мели ка-зна-чого языкомъ, бо я ще й тебе вылаю. Боюсь я дуже твого благочинного.

— Охъ, не кажить сёго, Онисіе Степановно! Вы не знаете, якъ винъ розгнивався. Пише, щобъ и нога ваша въ ёго доми не була.

— Отъ-то мени завгорить! Стану я ïздити до его поганои гусарськои коханки.

— Добре вамъ такъ казати, а мени хочъ зъ парафіи втикай. Донече винъ мене на тихъ книгахъ та отчетахъ.

— А коли ты такъ его боишься, то одишли ему визъ горшкивъ, якъ колись, то й пересердиця.

— Э, ни, вже горшками тутъ не одбудемо. Треба буде вамъ самимъ поихати та перепрохати.

— А бодай винъ не диждавъ, щобъ я его перепрошувала. Нехай Олеська прыйде та мене ще перепросить.

Переговорить свою супругу о. Харитону еще ни разу не удавалось, переубѣдить ее тѣмъ болѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Но его опасенія не были плодомъ минутно навѣяннаго страха, или послѣдствіемъ его трусливаго характера. Онъ инстинктивно чувствовалъ и только не могъ выяснить ни себѣ, ни другимъ всю непрочность своего положенія. Время шло, образованіе въ духовенствѣ росло и брало верхъ надъ простотою прежняго времени. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число молодыхъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Обычай выбора священниковъ громадами давно утратилъ свое значеніе; епархіальное начальство назначало ихъ по своему усмотрѣнію. Штаты 1842 г. захватили священниковъ на приходахъ, какъ ихъ прежде распредѣлила судьба по выборамъ и другимъ вліяніямъ, при чемъ нерѣдко простой, нигдѣ не учившійся, или изъ низшихъ классовъ вышедшій священникъ занималъ большой приходъ и получалъ высшій окладъ жалованья и наоборотъ на меньшихъ приходахъ и окладахъ мѣстились молодые священники изъ окончившихъ богословскій курсъ. Епархіальное начальство, прекративъ производство во священники изъ неокончившихъ, раздавало приходы по успѣхамъ и заслугамъ, а при случаѣ и прежнихъ неучившихся священниковъ переводило съ большихъ приходовъ на меньшіе. Подобный случай былъ недавно въ богуславскомъ благочиніи и навелъ страхъ на о. Харитона. Теперь, послѣ грубой выходки Ониси противъ Балабухъ, этотъ страхъ долженъ былъ еще болѣе усилиться. Стоило благочинному дать о. Харитону плохую отмѣтку въ клировыхъ вѣдомостяхъ, и тогда пиши пропало.

— Треба ïхати до благочинного на поклинъ, сказалъ послѣ недѣльнаго раздумья о. Харитонъ своей Онисѣ: бо якъ напише, якои вы поведенціи, то буде вамъ.

— А яке ему дило до моеи поведенціи? сердито вскрикнула Онисія: отъ нехай напише, якои поведенціи его Олеся! Оце буде добре.

И вже, про свою жинку не напише, а про васъ напише. Отъ прыидуть, визьмуть васъ та й посадять въ лебединськіи монастырь на мисяць, або на два. Будете черныцямъ грубы топити та воду носити.

— Атъ, дурный! Ка-зна-що меле. Того ще зъ роду не бувало, щобъ попадь сажали въ манастырь, а якъ тебе посадять, то по ти правди буде, щобъ ты не бувъ такій плохій; бо тоби, якъ тому собаци, хоть на хвистъ наступи, то ты все мовчатимешъ.

Прошла недѣля, пронесся слухъ о смерти богуславскаго протоіерея, а спустя двѣ недѣли Балабуха назначенъ на его мѣсто. Какъ заслышалъ объ этомъ о. Харитонъ, то чуть не обомлѣлъ.

— Отъ теперъ мы пропали! кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ. Ой моя лиха година та нещаслива! Треба ïхати та перепросити Балабуху, поки само лихо не прыихало въ двиръ.—И о. Харитонъ велѣлъ запречь лошадей и покатилъ въ Богуславъ.

Балабуха принялъ его холодно и нѣсколько гордо. Не помогло ни поздравленіе съ протопопствомъ, ни униженное извиненіе за проступокъ Онисіи Степановны. Балабуха далъ почувствовать о. Харитону, что онъ слишкомъ распустилъ свою жену, намекнулъ и о томъ, что самъ онъ держитъ себя слишкомъ просто съ своими прихожанами и бражничаетъ съ ними, что принимаетъ съ требами чужихъ прихожанъ и что въ метрическихъ книгахъ и другихъ записяхъ у него такой непорядокъ, что не мѣшало-бы къ нему прислать столоначальника для исправленій и разъясненій.

О. Харитонъ вышелъ отъ Балабухи, какъ пришибленный. Въ подтвержденіе какъ-бы сказаннаго Балабухою, встрѣтившій о. Харитона у воротъ протоіерея столоначальникъ духовнаго правленія шепнулъ ему, что собирается къ нему въ гости. О. Харитонъ поспѣшилъ домой и сообщилъ все женѣ. Онися только теперь почувствовала, что дала маху, особливо при извѣстіи, что столоначальникъ ѣдетъ къ нимъ въ гости.

— Знаю я, яки то гости, говорила она: теперъ одчиняй комору й скрыни, души курей та гусей. И понисъ мене чортъ до теби Олеси!

— Ой, не одбудемо ёго курми та гусьми: доведеця вамъ, Онисіе Степановно, карбованци доставати зъ скрыни, добавилъ о. Харитонъ.

Осенью, только что собрали хлѣбъ съ полей, пріѣхалъ въ Ольшаницу новоназначенный протоіерей ревизовать церковь. Онъ былъ очень строгъ, придирался ко всему, дѣлалъ замѣчанія и выговоры за все—за пыль, усмотрѣнную на жертвенникѣ и сосудахъ, за прорванныя ризы, за обтрепанное старое кропило, за оставленный сторожемъ въ алтарѣ вѣникъ. За все это досталось о. Харитону, и не мало своихъ карбованцевъ доложилъ онъ къ тѣмъ, что, по обычаю, давалъ староста за осмотръ церкви. Онися и не показывалась на глаза Балабухѣ; угощалъ его самъ о. Харитонъ. Только что протопопъ съѣхалъ со двора, какъ въ дворъ ввалился

столоначальникъ Крискентъ Харлампіевичъ Млинковскій съ четырмя дочерьми. За нетычанкою, на которой возсѣдалъ Млинковскій съ семействомъ, слѣдовалъ простой возъ, переполненный до верху мѣшками.

О. Харитонъ стоялъ на крыльцѣ и, замѣтивъ въѣзжавшаго гостя, подумалъ про себя:

— Ну, цей мене и объисть, и обпье, и обдере.—Онъ зналъ, что этотъ недавно переведенный откуда-то за взятки столоначальникъ имѣетъ обыкновеніе объѣзжать батюшекъ своего уѣзда и собирать съ нихъ дань всякою живностью и зерномъ.

— Добры-день, отче Харитоне! кричалъ ему издали веселый Млинковскій такимъ хриплымъ голосомъ, какъ будто онъ шелъ изъ пустой бочки.

— Доброго здоровья, Крискентъ Харлампіевичъ! Просимо до господы, отозвался къ нему придавленнымъ голосомъ о. Харитонъ.

Млинковскій проворно соскочилъ съ подкатившей къ крыльцу нетычанки, снялъ съ себя шинель синяго сукна, встряхнулъ ее на воздухѣ и снова надѣлъ, отряхнулъ рукой черные густые бакенбарды и сталъ въ засосъ цѣловаться съ хозяиномъ. За нимъ спрыгнули его дочери и начали также отряхать свои мантоны и платья.

— Выпряжи, хлопче, кони, та дай имъ сина, та засыпъ вивса, та напій, а потимъ рушай на ничъ до дому,—говорилъ столоначальникъ привезшему его наймиту сосѣдняго священника. А ты, старосто, знеси мишки въ оту комору, та йдь соби до дому. О. Харитонъ! одчинить старости комору, нехай позносить мишки, а вы вже, будьте ласкави, одвезете въ Богуславъ до моеи господы своими волами.

— Добре, добре! отозвался о. Харитонъ и побѣжалъ въ комнату за ключами отъ коморы.

Млинковскій распоряжался въ чужомъ дворѣ, какъ у себя дома. Пріучила его къ этому нужда и господствовавшій тогда всюду взглядъ на кормленіе отъ службы. Получалъ онъ жалованья сто рублей въ годъ, а въ семьѣ у него было семь дочерей и два сына. Чтобъ прокармливать такую огромную семью при столь ничтожномъ жалованьѣ, надо было имѣть особую изобрѣтательность и на недостатокъ оной не могъ пожаловаться Млинковскій. Сначала онъ самъ объѣзжалъ свою епархію, и самымъ дешевымъ способомъ: выѣзжалъ на нанятыхъ лошадяхъ въ ближайшее село, тутъ выпрашивалъ у

батюшки провизіи, потомъ батюшка отвозилъ его и провизію къ другому сосѣднему батюшкѣ, а тотъ, надѣливъ его, чѣмъ могъ, препровождалъ дальше. Когда возъ съ провизіею переполнялся, попавшій въ очередь батюшка долженъ былъ все собранное отослать прямо въ Богуславъ, а Млинковскій продолжалъ объѣздъ, пока наконецъ самъ не въѣзжалъ съ послѣдними мѣшками въ свой собственный дворъ. Теперь у него дочери повыростали; дома въ продовольствіи былъ большой расходъ и онъ придумалъ, подъ предлогомъ, чтобы дѣти дома не скучали, поразвезть ихъ на зиму къ батюшкамъ, особливо къ старымъ, у которыхъ метрики и отчеты были не совсѣмъ исправны. Приняты были при этомъ въ соображеніе и личныя отношенія священниковъ къ протоіерею. Млинковскій зналъ, что Онися вооружила противъ себя протопопшу, и задумалъ спихнуть ей на прокормленіе хотя-бы двухъ дочекъ, а если найдется мѣсто, то и всѣхъ четырехъ.

Пока панны отряхались и оправлялись, о. Харитонъ отперъ комору и выдалъ пріѣзжему хлопцу овса, а отъ сосѣдняго старосты принялъ провизію, при чемъ Млинковскій, какъ-бы желая помочь хозяину, самъ вышелъ въ комору и посчиталъ свои мѣшки съ мукой, крупой и зерновымъ хлѣбомъ, да мимоходомъ окинулъ глазомъ запасы о. Харитона.

— Теперь хочъ и до господы та й по чарци, сказалъ въ заключеніе Млинковскій.

О. Харитонъ попросилъ гостей въ комнаты.

Млинковскій, войдя въ свѣтлицу, вторично трижды облобызалъ о. Харитона. Въ его лицѣ отражалось природное добродушіе, въ характерѣ было не мало веселости, въ манерахъ своего рода мягкости, которая дѣлала не столь чувствительными производимые имъ поборы. Широкая лысина на его головѣ свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. По краямъ лысины спускались густыя космы темныхъ волосъ. Въ густыхъ черныхъ бакенбардахъ лишь кое-гдѣ серебреными нитьями блестѣла сѣдина. Смуглое, красноватое лице, гладко выбритый синеватый подбородокъ и значительно выдавшійся кадыкъ— все лоснилось, какъ-бы смазано было оливой. Толстый, нѣсколько вздернутый, носъ фіолетоваго цвѣта напоминалъ красно-синюю бульбу, облитую масломъ. Исхудалое лице, мускулистая шея, съ выдавшимися жилами, костлявыя руки, обросшія вокругъ волосами,

все показывало, что Млинковскій много претерпѣлъ въ своей жизни нужды, голода и холода и что вмѣстѣ съ тѣмъ въ недолгій свой вѣкъ онъ осушилъ не одну бочку сивухи.

Четыре дочери Млинковскаго, красивыя брюнетки, усѣлись рядкомъ на стульяхъ. Млинковскій, сказавъ слова два въ видѣ привѣтствія, еще разъ поздоровался и поцѣловался съ о. Харитономъ, какъ-бы былъ близкій его пріятель или родственникъ.

— А де-жъ ваши дочки? Нехай лишь выходять до моихъ панянъ, началъ гость. Та чи не можна-бъ, паноче, по чарци. Въ городи въ цей часъ уже пьють чай. Чи въ васъ якъ е самоварь, чи ще й доси не спромоглись?

— Е й самоваръ и по чарци заразъ буде, отвѣчалъ о. Харитонъ, удивляясь нѣсколько поспѣшности столоначальника.

— А поки по чарци, звелить, паноче, запрягти волы, та одвезти мои мишки завидна до Богуслава, сказалъ Млинковскій.

— Добре, добре! заразъ, говорилъ о. Харитонъ, недоумѣвая, за что прежде схватиться: идти-ли звать своихъ дочерей, или велѣть воловъ запрягать.

Между тѣмъ Настуня и Палазя успѣли уже принарядиться и вышли въ свѣтлицу. Онѣ поцѣловались съ паннами, усѣлись рядомъ съ ними, сложили руки и молчали, искоса оглядывая городскихъ барышень. Скоро вышла Онисія Степановна и поздоровалась съ гостями, а вслѣдъ за ней появилась наймичка съ водкой и закуской.

— Просю-жъ теперь по чарци, сказалъ о. Харитонъ, поднимаясь со стула и обращаясь къ Млинковскому. Но тотъ, замѣтивъ, что на столъ подана одна лишь водка, какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ заговорилъ:

— Ой, коли-бъ вы знали, отче Харитоне, пославъ оце мене докторъ на села, на свиже повитря, та заборонивъ горилку пити...

— То може наливочки, вишнивочки або терниночки, промолвила Онися сладкимъ голоскомъ, какъ-бы проникнись состраданіемъ къ болѣзнующему гостю.

— Не можна, пани матко, ни вишнивки, ни дерниивки, а тильки хиба сливъянки. Сливъянка, каже докторъ, на груди пользуе.

— То що-жъ? Можно й сливъянки, сказала Онися, не понимая еще, въ чемъ дѣло.

О, поздоровъ Боже васъ! у васъ въ садку сливъ, якъ хмелю. Кажить лишенъ пляшечку-другу сливъянки принести, говорилъ Млинковскій, болѣе твердымъ голосомъ, какъ-бы уже облегчивъ грудь сливянкою.

— Бижи Настуню, сказала Онися старшей своей дочери, та наточи сливъянки.

— Та берить здорову яндолу, або макитру, добавилъ Млинковскій. Коли вже личитись, то треба добре личитись.

— У насъ въ городи, продолжалъ онъ, въ цей часъ уже чай пьють. Мабуть и у васъ уже самоваръ буде швидко.

— А не забаромъ буде, отвѣчала Онися и только теперь шепнула на ухо младшей дочери, чтобы распорядилась поставить самоваръ.

— Якъ-то воно не однаково у людей ведеться, говорилъ тотъ-же Млинковскій по поводу самовара, стараясь обезпечить себя и на дальнѣйшее время. Отъ у васъ на селахъ самоваръ ставлять тильки для гостей, а въ насъ въ городи чай пьють рано й вечиръ: встанемо въ ранци, повмываемось, повдягаемось, Богу помолимось, та заразъ и за чай. Вже, будьте ласкави, пани-матко, кажить завтра раненько наставити самоваръ, бо такій, бачите, у насъ звычай.

— А чомъ-же? отвѣчала Онися: поставимо самоваръ и завтра.

— А вже мабуть волы запряжени? обратился Млинковскій къ о. Харитону, намекая на отправку провизіи въ Богуславъ.

— Вже й мишки посkладани, сказалъ о. Харитонъ, глянувъ въ окно.

Млинковскій вышелъ на крыльцо; о. Харитонъ послѣдовалъ за нимъ и оба дали наказъ погоничу, отправлявшемуся съ провизіею, куда доставить ее. Между тѣмъ и другой погоничъ, доставившій Млинковскаго съ дочерьми, накормивъ лошадей, выѣзжалъ со двора. Увидѣвъ его въ окно, Онися чуть въ обморокъ не впала: очевидно стало для нея, что Млинковскій располагаетъ пробыть у нея не малый часъ.

Гость и хозяинъ возвратились въ комнату. О. Харитонъ, которому самому хотѣлось уже выпить, взявшись за графинъ, обратился къ гостю съ вопросомъ:

— То, кажете, не можно вамъ цееи?

— Не можна, паноче, не можна. Хиба одну.

— Та що-жъ вамъ таке?

— Груди болять.

— А чимъ-же вы личитесь?

— Сливъянкою, паноче! кажу вамъ, сливъянкою. Сливъянка васъ выпользуе, казавъ докторъ. Отъ я й поихавъ по батюшкахъ та й личусь; де знайду сливъянку, то й личусь. Добре, що у васъ е сливъянка, та мабуть здорове барило.

— Е, хвалити Господа! говорилъ простодушный о. Харитонъ, а Онисю все передернуло отъ этого разговора.

Подали чай. Млинковскій выпилъ рюмку водки, заткнулъ графинъ пробкой и попросилъ вынести его совсѣмъ, чтобы не было соблазна болѣзнующему человѣку. Подали между тѣмъ сливянку. Млинковскій налилъ полный стаканъ и вытянулъ до дна, потомъ налилъ вновь и поставилъ стаканъ предъ собою.

— Чи це въ васъ, паноче, тильки дви хатины, якъ дви клитки? спросилъ онъ, послѣ минутнаго размышленія, и потянулся къ сосѣдней съ свѣтлицей комнатѣ.

— Е ще й третя, отвѣчалъ о. Харитонъ. Недавно перегородивъ сини пополамъ и зробивъ кимнатку для дочокъ. Млинковскій будто изъ любопытства прошелъ въ эту третью комнату, а осматривая ее и разставленныя въ ней кроватки, соображалъ, сколькихъ изъ своихъ дочерей онъ можетъ оставить батюшкѣ на прокормленіе. Вышло по его соображенію, что можно оставить только двухъ, потому что остальнымъ двумъ не было-бы гдѣ спать.

— Та й добра-жъ у васъ сливъянка! началъ вновь Млинковскій, возвратясь къ оставленному на столѣ стакану. Така добра, що я мабуть не швидко вырвусь зъ вашои хаты.

— Пыйте на здоровъячко та очуняйте, тихо промолвилъ о. Харитонъ.

— Колибъ була знала таке лихо, була-бъ накидала полыню въ барило, подумала Онися: выдудлить ѳецей цыганъ усе барило.

— А коли вы обидаете? спросилъ Млинковскій у Ониси какъ-бы не взначай.

— Та вже-жъ не противъ ночи, а въ ранци, звычайно по сильски, сказала Онися.

— По сильски, якъ на двори сьвитае. А въ насъ въ городи тоди ще сплять, а обидають ажъ о пивъ-дни, а въ ранци тильки чай пъють та снидають, пояснилъ Млинковскій, дѣлая соотвѣтственные

намеки относительно распорядка жизни оставляемыхъ дочерей; мы звыкли спати довго, а обидати въ вашъ полудень.

Паны перезнакомились и завели веселый разговоръ, бренчали на гитарѣ, а потомъ пустились танцоватъ. Млинковскій пропустилъ въ этотъ вечеръ въ свою утробу добрую «макитру» сливянки.

— Ну та й добра въ васъ сливъянка! говорилъ онъ, чмокая губами.

— Чи хочь трохи вамъ полегшало, Крискентъ Харламніевичъ? спросилъ о. Харитонъ.

— Ого, ще й якъ полегшало! Такъ неначе хто помазавъ медомъ по грудяхъ, та по животи.

— Чи не можна, пани-матко, обратился онъ къ хозяйкѣ, наточити ще макитру на ничъ? Въ мене, бачите, въ ночи якось въ грудяхъ закладае та й смага въ роти стае.

— То може водыци погожои на ничъ вамъ поставити? лукаво спросила Онися.

— Отъ-же й воду докторъ заборонивъ: вода, каже, животови не пользуе,— нашелся что сказать Млинковскій.

Послѣ ужина Онися должна была идти въ погребъ и наточить опять «макитру» сливянки. Млинковскій лѣчился такимъ способомъ до полночи, потомъ день и другой. Онися догадалась развести наливку водою. Млинковскій попробовалъ и вытаращилъ на матушку глаза. Та поняла, что значить этотъ взглядъ и, немного замявшись, сказала:

— Ця мабуть слабша. То, бачите, бувъ первакъ, трохи було зосталось, а це вже въ друге недавно наливали, такъ ще, знати, не настоялась.

— Нехай-же настоюеться, слегка улыбнувшись, сказалъ Млинковскій, а вы, наноче, одвезить мене до о. Прокопа.

О. Харитонъ вышелъ распорядиться отправкою гостя и заготовленіемъ для него провизіи, а возвратясь, счелъ нужнымъ на счетъ послѣдней вступить съ столоначальникомъ въ нѣкоторое объясненіе, такъ какъ слышалъ раньше о его разборчивомъ вкусѣ.

— Отъ то-жъ, Крискентъ Харламніевичъ, прошу прийняти одъ мене де-що зъ нашого хозяйства; дома тамъ воно може здасться вамъ.

— Спасыби вамъ, спасыби, съ живостію произнесъ Млинковскій и прибавилъ какъ-бы про себя:

— Що здається, а що може и не здається. Чимъ тамъ васъ Богъ нагрaдивъ?

— Мишокъ житнёго борошна, та мишокъ пшеничного звеливъ набрати вамъ, съ нѣкоторою робостію сказалъ о. Харитонъ; прыймить, будьте ласкави.

— За житню спасыби, а пшеничну визьму. Моя жинка не любить житнёго хлиба, такъ само слабіе, якъ и я. Одначе може свини звидять. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три, сказалъ Млинковскій.

— Добре, покладемо. Та будьте ласкави, не прогнивайтесь за мои книги, тихо проговорилъ о. Харитонъ.

— Тамъ щось вы наплутали, паноче, въ перній части о родившихся... Гмъ... Така плутанина... Розбиравъ я, розбиравъ, та насилу ладу давъ. Здається, у васъ уродилась картопля. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три. Моя жинка страхъ якъ любить печену картоплю зъ масломъ. Отъ-же у васъ и масло повинно бути, сказалъ Млинковскій.

— Про це вже треба матушки спитати, съ нѣкоторою стыдливостью замѣтилъ о. Харитонъ.—Не знаю, чи зибрали тамъ масла, а кабанчика не давно кололи.

— Та й сало згодиться, подхватилъ Млинковскій; сало часомъ ще лучше. Не любить, правда, моя жинка того сала; ну, та вже нехай для неи буде масло, а для мене таки сало.

О. Харитонъ вышелъ въ спальню и шептался съ Онисею. Онися сердито огрызалась, но должна была согласиться на счетъ масла и сала.

Млинковскій между тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ и когда воротился о. Харитонъ, заговорилъ вновь:

— Та й одчоты ваши поплутани. Господи, скильки я голову поноламавъ, поки до дила дійшовъ! Чи вродило пакъ у васъ просо, або гречка? Моя жинка розвела курей, качокъ та индыкивъ, и самъ я, знаете, одъ хоробы личусь курми та индыками. Киньте зъ мишокъ проса, або гречки!

— Просо не вродило, отвѣчалъ о. Харитонъ, а гречка вдалась добра.

— Отъ и добре! воскликнулъ Млинковскій и добавилъ словами пѣсни: «нема-жъ мени ни словечка, нехай буде гречка».—Звелить-же, паноче, продолжалъ онъ, запрягти волы та вышлить мое

добро до Шандры,—я й самъ заразъ туды иду, а ця дви дочки мои, добавилъ Млинковскій, указывая на старшихъ дочерей и обращаясь къ Онисіѣ Степановнѣ, нехай трохи у васъ посидять. И имъ буде веселише и вашимъ дочкамъ не такъ може скучно. Отъ воно й буде гараздъ; я, бачте, визъ ихъ у гости до отця Мелхиседека, та думаю, нехай трохи повеселяться у васъ.

Онисія Степановна не знала, что и говорить, и только глаза выпучила на Млинковскаго.

— Прощайте, бувайте здорови! Завезете моихъ дочокъ, коли ваша ласка, до отця Мелхиседека, та кланяйтесь ёму одъ мене низенько, низенько, сказалъ Млинковскій, трижды цѣлуясь съ о. Харитономъ.

Усѣвшись въ нетычанкѣ о. Харитона съ двумя младшими дочерьми, Млинковскій, усердно кивая головою и размахивая картузомъ, направился въ дальнѣйшій объѣздъ. За нимъ потянулся со двора воловій возъ, наполненный мѣшками подаренной Моссаковскимъ провизіи.

Оставшіяся у Моссаковскихъ дочери Млинковскаго нисколько не стѣснялись своимъ въ нѣкоторомъ родѣ постойнымъ положеніемъ въ чужомъ, незнакомомъ имъ домѣ. Они прониклись уже взглядами отца и смотрѣли на священниковъ, какъ на подначальныхъ ихъ батюшкѣ, и если отецъ на ихъ глазахъ вывозилъ цѣлые возы подобострастно предлагаемой провизіи, то они не считали не натуральнымъ гостить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ домахъ тѣхъ-же священниковъ и потреблять ихъ провизію, считая это уже мелочью по сравненію съ тѣмъ, что доставлялось цѣлыми возами ихъ родителю. Сообразно этому, они держали себя у Моссаковскихъ, требуя себѣ всякихъ удобствъ, какъ должнаго. Онисія Степановна, стиснувъ зубы, волей-неволей должна была уступить имъ кровать, а сама спала въ кухнѣ на печи. Пробовала она, какъ-бы случайно забывши, не ставить самовара то утромъ, то въ вечеру; но панны-гостьи безцеремонно напоминали объ этомъ и чуть-чуть не приказывали. Одна наймичка должна была совсѣмъ оставить хозяйственную работу и все время мыть и гладить да служить гостямъ. Дочери о. Харитона все гуляли съ гостями и совсѣмъ отбились отъ работы. Ежедневно на обѣды и ужины истреблялись куры, утки и гуси и число ихъ быстро уменьшалось. Запасъ сахару и чаю вышелъ весь,

сколько его было дома. Онисія Степановна свезла въ Богуславъ на ярмарокъ цѣлый возъ муки и привезла домой голову сахару и фунтъ чаю; но сахаръ какъ-бы таялъ, чай разсыпался.

— Візьми, паноче, та одвези цихъ цыганокъ до Мелхиседека, бо вони намъ уха объидять, говорила Онисія Степановна мужу.

— Не смію, Онисіе Степанивно. Млинковскій буде мститы и пидбивати противъ мене протопопа, отвѣтилъ о. Харитонъ.

— Коли ты не смієшъ, то я сама ихъ витурлю зъ хаты.

— Эге, вытурлить, та таки стережиця, щобъ насъ не вытурили зъ парахвіи, замѣтилъ на это о. Харитонъ.

Какъ разъ въ это время глуповатый Прокопъ, наймитъ Балабухи, совсѣмъ обезумѣлъ, сошелъ со двора и сталъ скитаться по селамъ, поселяясь у священниковъ. Придетъ къ одному батюшкѣ, поживетъ съ недѣлю и идетъ дальше, или бродитъ по полямъ и лѣсамъ безъ шапки, прикрывъ голову мѣшкомъ. Забрелъ Прокопъ въ Ольшаницу, къ о. Харитону, вошелъ въ кухню и полѣзъ прямо на печь, какъ у себя дома.

— А чого це ты, Прокопе, прыйшовъ до насъ? спрашиваетъ его Онисія Степановна.

— Чувъ, що въ васъ велика пичь та й прыйшовъ погритись, отозвался Прокопъ съ печи.

— А що-жъ ты дурно въ насъ хлибъ ѣстимешъ, чи що? спросила матушка.

— Я дурно хлиба нигде не ѣмъ: я стану у васъ за наймита, отвѣтилъ Прокопъ.

— Отъ и добре, подумала Онися; може одробить мени за мою Марусю. Вставай-же та йди на тикъ молотить, та зароби соби на обидъ, сказала Онися.

— Ось нагріюсь, то й пиду, откликнулся съ печи Прокопъ.

Наймичка подняла Прокопа на смѣхъ. Сбѣжались въ кухню панночки и смотрѣли на полуумнаго Прокопа, какъ на диво. Прокопъ нагрѣлся, слѣзъ съ печи, взялъ со стола кусокъ хлѣба и пошелъ на гумно. Тамъ молотили пшѐницу рабочіе о. Харитона; они дали ему въ руки цѣпъ, наложили цѣлую кучу сноповъ и предоставили молотить отдѣльно отъ нихъ. Прокопъ замахалъ цѣпомъ, какъ машина, быстро переворачивалъ снопы, отбрасывалъ солому, сгребалъ зерно, вообще работалъ такъ, что другіе

рабочіе глядѣли на него съ удивленіемъ. Но прошло съ часъ времени и онъ вдругъ опустилъ цѣпъ, оперся на него и сталъ неподвижно, выпучивъ глаза къ верху. Рабочіе окликали его, шутили надъ нимъ, толкали подъ бока,—Прокопъ все стоялъ и глядѣлъ вверхъ. Спустя полчаса онъ очнулся и снова замахалъ цѣпомъ и молотилъ, пока не кончилъ отложенныхъ для него сноповъ. Матушка полюбопытствовала посмотрѣть его работу и осталась вполнѣ довольна. Она разсчитала, что Прокопъ работникъ хорошій, платы не возьметъ и предоставила ему жить у нея въ домѣ, сколько захочетъ.

Живетъ Прокопъ у о. Харитона недѣлю, живетъ другую, и работаетъ какъ волъ. Случится, иной разъ онъ куда-то уйдетъ на день, на два, но возвращается опять и лѣзетъ прямо на печь. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе странностей сталъ обнаруживать Прокопъ. Разъ схватилъ онъ косу и давай косить сухой бурьянъ и крапиву въ огородѣ. Смотрятъ на него всѣ съ удивленіемъ и смѣются, а онъ все глушитъ кропиву и бурьянъ.

— На що ты, Прокопе, косишъ кропиву? спрашивали его барышни.

— Ото добри въ васъ наймиты! Лито минуло, а вони й доси травы не выкосили, сказалъ въ отвѣтъ Прокопъ, и барышни покатились со смѣху.

Въ другой разъ Прокопъ пошелъ къ пруду, согналъ въ кучу всѣхъ гусей, какія были на водѣ и пригналъ во дворъ, прихвативъ по дорогѣ съ десятокъ чужихъ также свиней.

— Ото добри тутъ наймички! И доси гусей не позаганяли въ хливъ, кричалъ Прокопъ.

Всѣ хохотали до упаду.

Увидалъ онъ какъ-то сквозь отворенную въ комнатку барышень дверь, что у нихъ на колочкахъ много юпокъ и платьевъ, и задумалъ ихъ вымыть: всталъ ночью, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ, собралъ все, что висѣло на колочкахъ, втопталъ въ дѣжку и налилъ водою, потомъ выбралъ изъ ночовъ сушившуюся въ нихъ крупичатую муку, насыпалъ въ дѣжку поверхъ платья, воображая, что это зола, и пригнетилъ сверху каменьями, а самъ полѣзъ на печь спать. На утро проснулись барышни, хватились юпокъ, платьевъ, а ихъ нѣтъ. Подняли искъ и крикъ, думали, что воръ забрался къ нимъ. Онися бросилась въ кухню и съ ужасомъ увидѣла, что и ея крупичатую муку кто-то забралъ. Принялись искать и не-

скоро нашли въ сѣняхъ въ дѣжкѣ и платье и муку... Нетрудно было догадаться, что то была робота Прокопа. Кинулись къ нему, а онъ только смотритъ.

— Та це-жъ я хотивъ вамъ попрати то позолити ваши спидничкы, говорилъ Прокопъ.

— А бодай тебе золила лиха година! крикнула Онися. Геть зъ мого двора, щобъ твого й духу тутъ не було. Йди соби къ нечистому, та ще й заразъ!

— Куды-жъ я пиду, коли въ мене своеи домы нема, завопилъ Прокопъ.

— Йди до своеи протопопши та й не приходь билше до насъ.

— Эге, йди до протопопши, коли протопопша такъ само проганяе, якъ и вы. Каже, що я дурный, що ничого не роблю и тильки хлибъ дурно їмъ. А поки бувъ розумный, то й не проганяла, одговаривался Прокопъ.

— На тобя твою свиту, та заразъ геть зъ моеи хаты, кричала Онися.

— Якъ-бы було куды йти, то й пишовъ-бы. А то куды я пиду? Батька нема, матери нема. Була въ мене колись мати та на степы втикла, а мене покинула...

Прокопъ сѣлъ на лавку и неожиданно заплакалъ, какъ дитя, утирая слезы кулакомъ. Прислуга и барышни смѣялись, рыданія Прокопа усиливались. Онъ поднялъ наконецъ голову вверхъ и страшно застоналъ, какъ-бы его кто душилъ, а глазами уперся въ потолокъ. Уже и слезы перестали литься, а Прокопъ стоналъ и вздрагивалъ, какъ-бы ему совсѣмъ конецъ пришелъ. Смѣхъ прекратился; всѣ бывшіе въ кухнѣ прониклись страхомъ и сожалѣніемъ, у иныхъ навернулись слезы, а Прокопъ все стоналъ и рыдалъ. Вдругъ онъ какъ-бы очнулся и заговорилъ дикимъ, страшнымъ голосомъ: мати втикла, мене покинула. Мати мене жалувала, гостинци мени носила, а теперъ нихто мене не жалуе, шматка хлиба не дае. Чужи люди скризь: я имъ роблю, а вони мене лають, ще й съ хаты проганяють. Куды я пиду, де подинусь? Ой, Боже мій! Ой, ой, ой! страшно вскрикнулъ Прокопъ и упалъ на землю, какъ мертвый. Служанки охали и крестились.

Черезъ минуту Прокопъ поднялся, взялъ свиту, накинулъ мѣшокъ на голову и побрелъ въ Богуславъ.

Позбавившись Прокопа, Онися рѣшилась выпроводить отъ себя и дочерей столоначальника. Она ограничила ихъ во всемъ, перевела на свой обыкновенный столъ, высказывала имъ прямо свое неудовольствіе на ихъ продолжительное пребываніе, въ разговорѣ съ мужемъ обзывала ихъ «злыднями» и такъ, чтобы имъ было слышно, а когда увидѣла, что ничто подобное не дѣйствуетъ на безцеремонныхъ барышень, то и прямо предложила имъ переѣхать къ о. Мелхиседеку, какъ говорилъ и самъ ихъ отецъ.

Какъ ни отговаривались и какъ ни вертѣлись барышни, однако въ концѣ концовъ пришлось, собирать свои платьица и перекочевывать въ другой заѣзжій для нихъ дворъ, къ о. Мелхиседеку.

— Ой, Онисіе Степановно! говорилъ о. Харитонъ, когда барышни выѣхали за ворота. Коли-бъ часомъ съ того не вийшло чого. Росплодимо мы соби ворогивъ.

— Э, ихъ и такъ до ста-биса! Разъ родила мати, разъ и пропадати, сказала Онисія Степановна.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Двѣ записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи херсонской губерніи въ 1850—1851 гг.

Въ 1850-1851 гг. былъ посланъ для обревизованія херсонской губерніи сенаторъ Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке, бывшій до этого попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, а впослѣдствіи занимавшій тотъ-же постъ въ Дерптѣ. Прибывши въ Херсонъ, сенаторъ, кромѣ устныхъ распросовъ, разослалъ своихъ чиновниковъ ревизовать дѣла въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: въ канцеляріи губернатора, въ губернскомъ правленіи, въ херсонской городской думѣ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ коммисіи народнаго продовольствія, въ губернскомъ оспенномъ комитетѣ, во врачебной управѣ, въ казенной палатѣ, въ палатѣ государственныхъ имуществъ, въ попечительномъ комитетѣ о капиталѣ сельской промышленности, въ комитетѣ о конно-заводствѣ, въ строительной и дорожной коммисіи, въ губернской почтовой конторѣ, въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ совѣстномъ судѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ уѣздовъ херсонскаго, одесскаго, тираспольскаго, ананьевскаго, александрійскаго, бобринецкаго и въ городскихъ управленіяхъ гг. Григоріополя, Дубосаръ и Очакова.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется хотя-бы черновыхъ отъ докладовъ чиновниковъ сенатору; попали только ко мнѣ въ руки двѣ черновыхъ отъ всеподданнѣйшихъ записокъ самого сенатора, которыя являются слѣдствіемъ ревизіи и, такъ сказать, краткимъ очеркомъ ея результатовъ, составленнымъ для общаго ознакомленія центральной власти съ мѣстными условіями осмотрѣнной сенаторомъ губерніи. Предоставляю читателю судить о цѣнности предла-

гаемыхъ его вниманію записокъ, скажу только, что помѣщаемыя записки Е. Θ. фонъ-Брадке не лишены значенія какъ для исторіи херсонской губерніи, такъ и для характеристики этого разумнаго сановника, который много потрудился на пользу просвѣщенія въ качествѣ перваго попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не все то, что было предложено сенаторомъ, какъ необходимыя для благосостоянія губерніи мѣры, было приведено въ исполненіе. Можно пожалѣть о краѣ, не воспользовавшемся проэктированными разумными мѣрами, но это не уменьшаетъ цѣнности ихъ и заслугъ лица ихъ предложившаго.

Кромѣ этого значенія, записки интересны въ другомъ отношеніи: многое, что въ нихъ проэктировано, ждетъ еще и теперь своей очереди и могло-бы быть примѣнено съ пользою для края.

I.

Соображенія по сельско-хозяйственной промышленности херсонской губерніи.

Херсонская губернія по черноземной почвѣ своей, имѣющей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ аршинъ глубины, должна-бы принадлежать къ плодороднѣйшимъ губерніямъ Россіи; но недостатокъ дождей, жгучее солнце и сухіе южные вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія въ безлѣсныхъ ея степныхъ пространствахъ, часто уничтожаютъ всѣ надежды селянина и производятъ совершенные неурожаи.

Впрочемъ, при огромномъ пространствѣ занимаемомъ губерніею, неудобства эти не относятся въ равной мѣрѣ ко всѣмъ ея уѣздамъ: уѣзды александрійскій и въ большей части бобринецкій и ананьевскій, находясь на сѣверѣ губерніи, менѣе онымъ подвержены, тираспольскій уже болѣе отъ нихъ страдаетъ, но одесскій и херсонскій уѣзды, особенно послѣдній, въ которыхъ грунтъ при меньшемъ слоѣ черной земли переходитъ болѣе къ хрящеватому и песчаному, наиболѣе чувствуютъ силу южныхъ вѣтровъ и палящихъ солночныхъ лучей и рѣдкій годъ пользуются хорошимъ урожаемъ хлѣбовъ и травы, такъ что въ южной части херсонскаго уѣзда даже скотоводство (кромѣ овцеводства) начало дѣлаться затруднительнымъ.

Замѣчательно, что сельское населеніе херсонской губерніи съ самаго начала водворенія въ семъ краѣ угадало выгоды мѣстности; оно густо поселилось въ уѣздахъ сѣверныхъ, рѣдѣетъ по мѣрѣ приближенія къ югу, а самый югъ губерніи своимъ населеніемъ единственно обязанъ мѣрамъ правительственнымъ и близости къ Черному морю, судоходнымъ рѣкамъ и къ одесскому порту, привлекающему легкостію и выгодностію заработковъ.

Когда въ царствованіе императрицы Екатерины правительство приняло первыя мѣры къ населенію вновь пріобрѣтеннаго края, дотолѣ почти исключительно находившагося подъ кочевьемъ разныхъ племенъ, то первые пришельцы пользовались полной свободой въ безконечныхъ степяхъ и не имѣли надобности заводить какое либо правильное хозяйство; дѣвственная почва, въ полной своей первобытной силѣ, давала имъ неслыханные урожаи; а когда разрабатываемые участки начинали уменьшать урожайность свою, то они бросали ихъ на десятки лѣтъ и безпрепятственно находили новыя цѣлины, приносившія имъ тѣ-же выгоды. Такимъ образомъ, произошло дикое хозяйство, которое сдѣлалось обычнымъ для новыхъ жителей и, по огромности степей, даже при увеличеніи заселенія, не требовало измѣненія. Сей дикій способъ хозяйства и по настоящее время продолжается во всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи и хотя въ уѣздахъ сѣверныхъ, особенно александрійскомъ и сѣверной части бобринецкаго, уже мѣстами начинаетъ встрѣчаться стѣсненіе въ землѣ и почва, слишкомъ часто обрабатываемая, начинаетъ отказывать въ произведеніи хорошихъ урожаевъ, но еще не дошло до той необходимости, которая могла-бы заставить жителей отстать отъ укоренившихся временемъ обычаевъ и даже дворянское сословіе начинаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ лишь помышлять о необходимыхъ измѣненіяхъ, но доселѣ еще не приступало ни къ какимъ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ. Колонисты, находясь подъ однимъ общимъ управленіемъ съ меннонитами, поселенными въ таврической и екатеринославской губерніяхъ и получая отъ начальства своего свѣдѣнія о предпринятыхъ послѣдними улучшеніяхъ, твердой ихъ хозяйственной системѣ и благопріятныхъ отъ того матеріальныхъ выгодахъ, убѣждаются въ необходимости учрежденія правильнаго хозяйства и сдѣлали къ тому нѣкоторые шаги.

Собственно-же положительная система полеводства учреждена единственно въ округахъ военнаго поселенія, для которыхъ еще въ 1829 г. утверждено вашимъ императорскимъ величествомъ положеніе о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ, коимъ опредѣляются какъ послѣдовательность посѣвовъ и отдыха земель, такъ и обязанность каждаго поселянина въ отношеніи къ обработкѣ общественныхъ полей, для продовольствія людей и лошадей кавалерійскихъ полковъ, въ сихъ округахъ расположенныхъ.

Сей краткій очеркъ настоящаго положенія херсонской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи я счелъ долгомъ представить на высочайшее благоусмотрѣніе, предварительно разсмотрѣнія тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы оказаться полезными для края, важнаго по своему положенію, своей плодородной почвѣ и значительности своего плоскостнаго содержанія, но въ которомъ въ послѣднее время часто повторялись общіе и мѣстные неурожаи, и такимъ образомъ, вмѣсто пользы, которую край сей долженъ былъ приносить государству своими запасами хлѣба и своимъ скотоводствомъ, начали оказываться затрудненія въ продовольствіи даже самыхъ жителей онаго, а скотоводство изъ года въ годъ приходитъ въ большій упадокъ. Обстоятельства сіи тѣмъ болѣе существенны, что они въ равной мѣрѣ относятся къ сосѣднимъ губерніямъ: екатеринославской и таврической, а отчасти и къ области бессарабской, къ константиноградскому уѣзду полтавской и балтскому уѣзду подольской губерніи.

Главнѣйшее условіе для благосостоянія сихъ губерній есть разведеніе лѣсовъ, коими доставится тѣнь отъ палящихъ солнечныхъ лучей и защита отъ гибельнаго дѣйствія южныхъ вѣтровъ,—дѣйствіе дождей будетъ продолжительнѣе и самые дожди будутъ повторяться чаще: ибо изысканіями и опытами доказано, что лѣса притягиваютъ дожди.

Увеличеніе количества воды для ближайшаго удовлетворенія людей и скота конечно важно для здѣшняго края, но въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она уже имѣется, дальнѣйшее о семъ попеченіе относится болѣе къ частнымъ выгодамъ владѣльцевъ: лѣсъ-же составляетъ общую потребность и при постоянно увеличивающемся съ нѣкотораго времени

бездождіи, безъ благовременныхъ мѣръ къ разведенію лѣсовъ, благосостояніе всего края подвергается основательнымъ опасеніямъ.

Около 20-ти лѣтъ тому назадъ разведеніе лѣсовъ на степи считалось здѣсь дѣломъ невозможнымъ, всѣ опыты не удавались, солнце все сожигало; но одесскій ботаническій садъ въ маломъ размѣрѣ, меннониты таврической губерніи въ большемъ довели до убѣжденія, что главное условіе успѣха есть глубокая посадка и преграждение окрестъ оной всякаго произрастенія. Разными путями оба достигли до одной цѣли, а меннониты, понимая важность лѣсовъ для своего благосостоянія, приступили къ сему мѣрами твердыми и рѣшительными. Успѣхъ увѣнчалъ дѣло: разведенныхъ ими рощей уже пѣшкомъ обойти нельзя и посадки у нихъ всегда удаются; можно утвердительно сказать, что произращенныя ими лѣсныя рощи, даже въ нынѣшнихъ незначительныхъ размѣрахъ, принадлежатъ къ причинамъ того, что у нихъ не бываетъ совершенныхъ неурожаевъ. Министерство государственныхъ имуществъ, признавъ за сдѣланными меннонитами насажденіями вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степяхъ новороссійскаго края окончательно рѣшеннымъ, сдѣлало въ 1848, 1849 и 1850 годахъ въ херсонской губерніи лѣсныхъ насажденій на пространствѣ 100 десятинъ; въ округахъ военнаго поселенія также производятся ежегодныя посадки; нѣмецкіе колонисты во всѣхъ селеніяхъ заводятъ лѣсныя плантаціи на возвышеніяхъ; нѣкоторые частные люди въ малыхъ размѣрахъ послѣдовали сему примѣру; но собственно дворянство, владѣющее несравненно большимъ пространствомъ земель, къ сему еще не приступало, за малыми развѣ, до меня не дошедшими, изъятіями; а потому дѣло это въ видахъ государственной пользы требуетъ повсюду усиленія, а въ дворянскихъ имѣніяхъ твердаго начала и постояннаго производства.

Другое обстоятельство, въ которомъ ежегодно оказывается болѣе необходимости, для упроченія благосостоянія края, есть переходъ отъ существующаго нынѣ дикаго хозяйства къ правильному учрежденію полеводства. Уѣзды херсонскій и одесскій, по изобилію земли, еще могутъ на довольно долгое время выдержать безъ значительнаго неудобства распашку на захватъ земель; но въ прочихъ уѣздахъ херсонской губерніи населеніе уже въ большей или меньшей мѣрѣ дошло

до той степени, что безотчетное обсѣмененіе полей должно привести ихъ къ конечному истощенію и сдѣлать впослѣдствіи неурожайность уже общимъ достояніемъ плодороднѣйшихъ частей губерніи. Привычка къ старому дѣдовскому обычаю и здѣсь беретъ верхъ надъ очевидностью и примѣръ огромныхъ матеріальныхъ выгодъ, извлекаемыхъ меннонитами отъ правильнаго полеводства, и сильное убѣжденіе, доставляемое близъ лежащими военными поселеніями, не производятъ никакого вліянія на безотчетныя предубѣжденія прочихъ обывателей. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, государственное благо только можетъ истекать изъ направленія, указываемаго сильною волею правительства.

Разсматривая сельско-хозяйственный бытъ края, невозможно упустить изъ виду сословіе поселянское. Государственные крестьяне получили твердое устройство, они развиваются на указанномъ имъ пути и надобно надѣяться, что, при представленномъ имъ участіи въ собственномъ управленіи, они постепенно пріучатся отчетливо стремиться къ дѣйствительному благосостоянію на незыблемыхъ основаніяхъ. Колонисты не нуждаются въ особыхъ правительственныхъ мѣрахъ, существующія для нихъ постановленія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ быту и даютъ способы къ полному развитію ихъ благосостоянія. Крѣпостное населеніе, состоя въ херсонской губерніи изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и въ значительномъ числѣ изъ людей, долго ведшихъ бродяжническую жизнь и указами 1827 и 1828 годовъ прикрѣпленныхъ къ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ они имѣли послѣднее свое пребываніе, въ настоящее время не требуетъ новыхъ мѣропріятій и нуждается только въ неукоснительномъ исполненіи существующихъ постановленій. Только одно изъ относящихся къ нимъ обстоятельствъ требуетъ разъясненія и дополнительнаго постановленія. 965-ю ст. IX т. Свода Законовъ опредѣляется крѣпостнымъ крестьянамъ работать на своихъ помѣщиковъ по три дня въ недѣлю, но о праздничныхъ и неспособныхъ къ работѣ ненастныхъ дняхъ въ законѣ не ясно упомянуто, что и даетъ основаніе нѣкоторымъ владѣльцамъ сіи дни не принимать въ расчетъ и требовать безусловно назначенныхъ закономъ дней въ дѣйствительную работу. Таковая возлагаемая на крѣпостныхъ крестьянъ тягость, по-

давшая въ херсонской губерніи поводъ къ жалобамъ и ропоту, по моему мнѣнію подлежала-бы отмѣнѣ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія предположенія:

Относительно разведенія лѣсовъ:

1) Дать возможное усиленіе разведенію лѣсовъ въ казенныхъ селеніяхъ, употребляя на сей предметъ сверхъ суммъ, вообще по смѣтѣ министерства на лѣсоразведеніе назначаемыхъ, проценты съ особо имѣющагося капитала сельской промышленности, составляющаго нынѣ по херсонской губерніи 150,000 р. серебр., и проценты съ отдѣльнаго крестьянскаго капитала въ числѣ 23 т. рублей, сколько оныхъ будетъ оставаться отъ прочихъ лежащихъ на нихъ расходовъ.

2) Изъ сихъ-же процентовъ назначать въ опредѣленномъ количествѣ премія для тѣхъ казенныхъ крестьянъ, которые собственнымъ распоряженіемъ сдѣлаютъ лѣсныя насажденія.

3) Побудить колонистовъ къ усиленію своихъ лѣсныхъ насажденій, въ опредѣленныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ размѣрахъ.

4) Вмѣнить въ обязанность помѣщикамъ и владѣльцамъ земель дѣлать въ своихъ имѣніяхъ посадки лѣсовъ, полагая по количеству владѣемыхъ ими десятинъ, ежегодно на каждыя 10,000 десятинъ по полудесятинѣ, что, по числу состоящихъ въ херсонской губерніи 3½ милліоновъ десятинъ помѣщичьихъ земель, составитъ ежегодно 175 десятинъ.

5) Капиталъ сельской промышленности назначать въ ссуду, единственно на предметъ лѣсоразведенія, съ опредѣленіемъ на оной банковаго 4-го или даже 3-го процента, но съ выдачею сей ссуды только тѣмъ землевладѣльцамъ, которые, сверхъ предполагаемой въ предъидущемъ пунктѣ обязательной посадки, пожелаютъ сдѣлать въ опредѣлительномъ размѣрѣ особыя лѣсонасажденія.

Относительно введенія правильнаго полеводства:

1) Учредить правильное полеводство во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи, при чемъ принимать въ соображеніе высочайше утвержденное въ 1829 году положеніе для округовъ военнаго

поселенія, которое, по опыту многихъ лѣтъ, доставляетъ нѣкоторое ручательство въ правильномъ примѣненіи его къ мѣстностямъ края.

2) Возложить на попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ, поощрять колонистовъ ко введенію правильнаго полеводства, съ принятіемъ въ соображеніе, какъ означеннаго положенія 1829 года, такъ и хозяйственнаго устройства меннонитовъ въ таврической губерніи, увеличавшаго до высшей степени ихъ благосостояніе, причемъ вмѣнить въ обязанность комитету производить въ малыхъ размѣрахъ опыты удобренія полей, оказавшаго у меннонитовъ совершенно удовлетворительныя послѣдствія.

3) Поставить въ извѣстность дворянство и поземельныхъ владѣльцевъ херсонской губерніи о видахъ правительства къ упроченію ихъ благосостоянія, посредствомъ охраненія земель ихъ отъ совершеннаго истощенія, а введшихъ въ имѣніяхъ своихъ правильное полеводство удостоивать поощрительныхъ наградъ; обществу сельскаго хозяйства южнаго края поручить принять сей предметъ въ число главнѣйшихъ, предлежащихъ ему обязанностей.

Относительно работъ крестьянъ въ пользу ихъ владѣльцевъ:

Въ дополненіе къ 965-й ст. IX т. свод. закон. о сост. постановить правиломъ, что 1) вмѣсто опредѣленныхъ закономъ праздничныхъ дней помѣщики не имѣютъ права требовать отъ своихъ крестьянъ замѣны работъ, и 2) ежели въ день барщины будетъ ненастье, то барщина должна засчитываться крестьянину выполненною, хотя-бы дѣйствительно, по невозможности производства работы, оказалось необходимымъ оную отмѣнить.

Къ сему имѣю счастіе присоединить, что я полагалъ-бы полезнымъ напечатать въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, для безденежной разсылки во всѣ селенія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ и ко всѣмъ предводителямъ дворянства новороссійскаго края и бессарабской области, для руководства ихъ:

Извлеченіе изъ положенія о раздѣленіи земель на участки и производствъ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ въ округахъ военнаго поселенія кавалеріи, въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, составленнаго въ 1829 году.

Изложеніе объ устройствѣ полеводства у меннонистовъ, поселенныхъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ таврической губерніи.

Инструкцію для посадки лѣсовъ, составленную меннонитами таврической губерніи мелитопольскаго уѣзда.

II.

Соображенія по торговлѣ г. Херсона.

Г. Херсонъ, по расположенію своему при рѣкѣ Днѣпрѣ, имѣетъ въ отношеніи къ торговлѣ выгоды, общія всѣмъ городамъ, лежащимъ при судоходныхъ рѣкахъ, но положеніе его получаетъ особую важность отъ того, что до Херсона р. Днѣпръ допускаетъ сплавъ на плотахъ и баркахъ, а начиная отъ него уже способна къ морскому судоходству: при томъ верховья Днѣпра и впадающихъ въ него сплавныхъ рѣкъ пролегаютъ чрезъ губерніи, какъ напримѣръ, минскую, изобилующія строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, который, кромѣ незначительнаго мѣстнаго употребленія, не имѣетъ сбыта. Таковое удобство мѣстности еще съ тридцатыхъ годовъ начало привлекать иногородное купечество, и какъ оно, такъ и херсонскіе купцы уже нынѣ понимаютъ предлежащія имъ выгоды, что между прочимъ доказывается и тѣмъ, что присягнувшій на вѣрноподданство изъ жителей Франціи купецъ Готронъ въ 1851 году употребилъ значительный капиталъ на устройство въ Херсонѣ лѣсопильнаго пароваго завода.

Взглядъ на сравнительное положеніе лѣсной торговли въ Херсонѣ показываетъ слѣдующее увеличеніе сплава къ херсонской пристани:

Въ 1842 году	байдаковъ и барокъ	86	на сумму	298,538
	плотовъ . . .	124	,, ,,	83,890
Въ 1850 году	байдаковъ и барокъ	264	,, ,,	794,846
	плотовъ . . .	354	,, ,,	187,371

Слѣдовательно, какъ сплавъ, такъ и цѣнность продуктовъ, увеличились почти въ три раза.

Съ 1838 года купцами Поповымъ и Горутой изъ Херсона были отправляемы разновременно корабли съ лѣсными издѣліями въ г. Тулонъ и г. Марсель и предпріятіе это доставляло имъ выгоды. Смерть Попова, при неимѣніи въ Херсонѣ другихъ предпріимчивыхъ купцовъ,

остановила развитіе этой новой отрасли торговли; но однакожъ доказано, что въ южной Франціи лѣсныя издѣлія наши принимаются охотно и что торговля эта можетъ доставить значительныя выгоды.

Причины, доселѣ препятствующія возвышенію лѣсной промышленности г. Херсона до той значительности, которая указана ей мѣсто-положеніемъ города, состоятъ:

1) Въ новости края, по которому еще ни одна отрасль промышленности не получила надлежащаго развитія, въ недостаткѣ капиталовъ, а еще болѣе въ совершенной необразованности купеческаго сословія.

2) Въ препятствіяхъ мѣстныхъ, какъ то: Днѣпровскихъ порогахъ гирлахъ, находящихся въ Днѣпровскомъ лиманѣ

и 3) Въ нѣкоторыхъ стѣсненіяхъ торговли, происшедшихъ частію отъ малаго вниманія мѣстнаго начальства къ выгодамъ края, частію отъ недоразумѣній самого купечества и избранныхъ имъ городскихъ управленій.

Первая изъ сихъ причинъ могла бы быть устранена привлеченіемъ капиталовъ и болѣе образованныхъ лицъ купеческаго сословія, къ чему содѣйствовало бы дарованіе г. Херсону нѣкоторыхъ льготъ, другимъ городамъ Россійской имперіи при подобныхъ обстоятельствахъ предоставленныхъ.

Къ устраненію препятствій, происходящихъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, уже съ давняго времени принимаются мѣры Главнымъ Управленіемъ Путей сообщенія, по распоряженію коего нынѣ составляется и проэктъ къ сдѣланію гирлъ судоходными. Успѣшныя дѣйствія по симъ двумъ предметамъ могли бы наиболѣе содѣйствовать къ возвышенію торговли г. Херсона и къ выгоднѣйшему сбыту лѣсныхъ произведеній, нынѣ не приносящихъ государству никакой пользы.

Въ отклоненіе стѣсненій мѣстныхъ, я, по истребованіи нужныхъ соображеній, сообщилъ мнѣніе мое Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Ежели, при успѣшности предполагаемыхъ мѣръ, лѣсная торговля г. Херсона займетъ принадлежащее ей мѣсто, то, по неудобству доставленія пшеницы въ Одессу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ херсонской и екатеринославской губерніи, большая часть земле-владѣльцевъ обратится къ херсонскому порту, чѣмъ цѣнность перевозки уменьшится и отклонится неудобство переправы чрезъ р. Бугъ, которая весьма затрудняетъ

транспорты съ хлѣбомъ, слѣдующіе въ Одессу изъ уѣздовъ александрійскаго, бобринецкаго и херсонскаго.

Прочіе за тѣмъ предметы торговли г. Херсона, какъ то: желѣзо, чугунъ, канаты, смола, деготь и другіе принадлежатъ къ внутреннему потребленію и едва-ли могутъ быть обращены въ торговлю заграничную.

Но къ важнимъ предметамъ заграничной торговли принадложитъ шерсть, которая съ учрежденіемъ въ Херсонѣ шерстомоекъ нынѣ продается одесскимъ купцамъ на сумму до 200 т. руб. сер. и при упроченіи судоходства и возвышеніи промышленнаго духа херсонскихъ капиталистовъ, минуя Одессу, можетъ сдѣлаться предметомъ прямыхъ сношеній херсонскаго купечества съ иностранными государствами. Шерстомойки эти весьма полезны городу, доставляя въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ выгодную работу бѣднѣйшему сословію здѣшнихъ жителей, а землевладѣльцамъ сбытъ такого произведенія, которое, особенно въ уѣздахъ херсонскомъ и южной части бобринецкаго, при частыхъ неурожаяхъ хлѣба обезпечиваетъ имъ вѣрный доходъ.

ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ.

(По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита).

Предлагаемый документъ имѣетъ весьма важную историческую цѣну въ отношеніяхъ, какія указаны будутъ ниже; но онъ написанъ такимъ тяжелымъ и темнымъ языкомъ, какой рѣдко встрѣчается и въ документахъ XVII в. Считаемъ поэтому необходимымъ, прежде приведенія текста документа, передать вкратцѣ его содержаніе, чтобы яснѣе было и самое его значеніе.

Кіевскій войтъ Іоаннъ Быковскій съ мѣщанами заносятъ на своего владыку жалобу въ Москву къ патріарху Анріану. Жалуются они, что владыка ихъ захватываетъ къ своей каѳедрѣ и монастырямъ земли и угодья, принадлежащія городу, что назначаетъ священниковъ къ церквамъ помимо воли и избранія прихожанъ, что приказалъ жить въ церковныхъ, прихожанами построенныхъ, школахъ студентамъ подвѣдомственной ему академіи, а они ведутъ себя такъ, что и житья кіевскимъ мѣщанамъ отъ нихъ нѣтъ, и суда на нихъ нигдѣ нельзя найти, что наконецъ отлучаетъ отъ церкви кіевскихъ мѣщанъ за малыя вины, по оговорамъ, и что отлученіе постигаетъ ихъ не рѣдко во время отсутствія ихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Патріархъ по всѣмъ этимъ пунктамъ дѣлаетъ кіевскому владыкѣ внушеніе, отвѣчающее вполнѣ желанію челобитчиковъ, и самую грамоту велитъ передать въ магистратъ для общаго вѣдѣнія и руководства грядущимъ поколѣніямъ, а себѣ оставить съ нея лишь копію.

Въ исторіи кіевской іерархіи митрополитъ Варлаамъ Ясинскій извѣстенъ энергическимъ отстаиваніемъ своихъ каѳедральныхъ, а равно и монастырскихъ имѣній, захваченныхъ магистратомъ въ прежнее время. Отъ этого и весь сыръ боръ загорѣлся, тѣмъ болѣе, что по нравамъ того времени поземельные споры рѣдко обходились безъ кровавыхъ схватокъ между агентами и прислужниками одной и другой стороны. Еще недавно кіевскіе митрополиты были самосто-

ятельными, состоя лишь въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и тогда магистрату судиться съ ними было трудно. Но уже предмѣстникъ Варлаама, Гедеонъ Четвертинскій призналъ надъ собою власть московскаго патріарха, и вотъ теперь кіевскій магистратъ спѣшитъ воспользоваться правомъ ближайшей апелляціи къ суду патріарха и успѣваетъ въ томъ, какъ видимъ, вполнѣ.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ не только признаніе патріархомъ права прихожанъ на выборъ священниковъ, но и косвенное упоминаніе о томъ, что такой порядокъ сохранялся еще въ концѣ XVII ст. въ самой Москвѣ. Важно и это офиціальное указаніе на тѣ непорядки въ кіевской академіи, о которыхъ мы знаемъ изъ частныхъ источниковъ. Относительно поземельныхъ споровъ между кіевскимъ владыкой и магистратомъ патріархъ лишь ссылается на данную по этому предмету особую царскую грамоту и рекомендуетъ митрополиту держаться въ предѣлахъ указаннаго. Что касается анаѳематствованія частныхъ лицъ «за малыя вины», то оно было тогда и послѣ въ большомъ ходу и вызывалось массою нравственныхъ проступковъ въ брачной жизни, бывшихъ послѣдствіемъ продолжительныхъ отлучекъ мужей — въ мѣщанствѣ по торговымъ, а въ козачествѣ по воинскимъ дѣламъ. Очень можетъ быть впрочемъ, что въ Кіевѣ въ то время анаѳематствованіе усилилось во время разгорѣвшейся борьбы между духовенствомъ и городскимъ обществомъ изъ-за земельныхъ владѣній. Патріархъ указываетъ митрополиту, что отлученію подлежатъ преступники противъ вѣры, а не противъ нравственности.

Помѣщаемая грамота любопытна наконецъ какъ образчикъ первыхъ, еще неопредѣлившихся отношеній всероссійскаго патріарха и недавно подчиненнаго ему, съ особыми преимуществами, кіевскаго митрополита.

Приводимъ текстъ грамоты по современному списку, хранящемуся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора.

Адріанъ, милостію Божіею, архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности, преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырское благословеніе.

Всеблагій Богъ Творецъ нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ, въ миръ или въ тишину покоя человѣки вся водя и наставляя, миръ свой людемъ подаваше. Его-же и намъ, служителемъ Его, повелѣ имѣти и подавати христіанскому народу. Да яко-же (рече) азъ сотворихъ, Господь и Учитель, и вы творите. И все доброе въ людехъ мирнымъ союзомъ содержатся въ любви Іисусовой. Къ сему-же должни

въ благоразуміи сильніи немощи немощныхъ апостоловымъ учительствомъ носити.

Сего ради и твое преосвященство вѣсть всяко богомудрыми твоими ученіи, словесы и дѣлы, въ примирившемъ насъ Христѣ Іисусѣ, по Богу Отцу небесному, Боговрученныя тебѣ въ спасеніе люди руководствити, миръ имъ Іисусъ Христовъ подавая. Вѣдаеши бо, по Апостолу, яко строитель благодати Божія и подражатель о Господѣ вѣренъ, смиряти и смирятися, учити Духомъ и кротостію, да, яко дѣти, подсудственныя въ Дусѣ святѣмъ вамъ повинуются. И отцы и пастыри чадъ да не раздражаютъ: но въ любви Господни купно въ горнюю жизнь заповѣданѣ тещи поспѣшатся. Еже творите и сотворите.

О чесомъ и наша мѣрность по премногу, повсюду таковая слышавше, радуемся. Обаче многащи аще виною, аще истиною случаются въ людехъ разглаголства и разгласіе во временѣ и чинѣ, яко есть грѣхъ и не къ смерти, но и о томъ скорбъ бываетъ и, должно пещися, да будетъ.

Въ таковое убо непщуемъ, а не къ велiему оскорбленію преосвященству твоему, разглаголство,—твоея паствы кіевскія граждане, войтъ Іоанъ Быковскій, со всѣмъ мѣщанскимъ урядомъ, якобы учинишася и донесоша нашей мѣрности, яко имъ, войту и всему уряду жительствующему отъ православныхъ монарховъ, благочестивѣйшихъ нашихъ великихъ государей, царей всероссійскаго самодержавства и нынѣ отъ богохранимаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержавца, и многихъ государствъ и земель повелителя и обладателя, даны жалованныя грамоты въ состояніе ихъ кіевскихъ граждан, како имъ жити, и на какой земли, и чѣмъ владѣти, и хранити по опредѣленію свой ихъ чинъ, имѣніе и порядокъ, яко и всюду повелѣніемъ самодержцевъ и великихъ начальниковъ, письменнымъ указомъ, коему чину что дѣлати, и содержати грады и веси и угодія во прежитіе, состоятся; аще-ли кому что въ врежденіе и обиду отнятіемъ каковыхъ вещей и стяжаній, движимыхъ и недвижимыхъ, содѣетъ кто, тогда гражданскими правительствы и богомудрыми царскаго пресвѣтлаго величества указами и грамматами, кому что належитъ, безъ гнѣва и безъ всякаго разгласія оправдаются, мирствуются, своими кождый доволствуя. И таковыя ихъ

грамматы отъ царскаго пресвѣтлаго величества, благочестивѣйшихъ нашихъ царей данныя, свидѣтельствомъ извѣстнымъ изъ малоросейскаго приказа нашей мѣрности объявлены. Тѣмъ же и наша мѣрность по грамматамъ жалованнымъ, и кому что дано, и укрѣплено, таяжде судимъ и содержати праведнѣ опредѣленная велимъ, да всякій чинъ духовный и мирскій нѣкимъ ни отъ кого не обидѣлся бы, и по указному писменному предѣлу своимъ да владѣетъ, назираетъ и управляетъ: яко царскія грамматы комуждо, ради распредѣленнаго стяжанія, дадошася.

Да ониже кіевскіе мѣщане извѣстиша намъ, что прежде де сего при митрополитахъ кіевскихъ и при твоему уже бытіи бысть таковый обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они прихожане и *вси ихъ урядники по* любви, чтобы онъ былъ отецъ имъ и жертвоприноситель, избираютъ обще и о посвященіи во іерейство вамъ архіереемъ біютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитіе творится, еже бы въ томъ у нихъ парохіамъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія инуду не было. А нынѣ отъ тебе къ нимъ бываютъ присланы къ приходскимъ ихъ церквамъ священники сильно, не по ихъ избранію, и зѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созыдаются въ Божіей любви.

Таже доносиша нашей мѣрности, яко при храмѣхъ Господнихъ, ихъ приходскихъ, живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины ихъ строятъ прихоженя, и съ тѣми де церковными дьяками въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити студентомъ, пришельцемъ изъ польскихъ городовъ вмѣстѣ, которыя хотятъ учитися въ школѣ мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ. И они де студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся славенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчаютъ, и безчестятъ женъ и дѣтей. И, ради ихъ студентовъ плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникамъ, иногда и въ церквахъ пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати нѣгдѣ. Да оня же де студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ

того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того нѣкому.

И ты, въ Дусѣ Святѣмъ Сыне и сослужителю нашея мѣрности, о благостоятельномъ и любительномъ между людей мирѣ потщися, и научи евангельскимъ долгомъ оныя во упокоеніи, безъ роптанія и безъ обиды жити благочестно и смиренномудро. И о присылкѣ къ церквамъ ихъ священниковъ смотри лучшаго людемъ, чтобы было всѣмъ безъ стоны и ненависти, и благовременнѣ, и къ прошенію людскому во имени Господни снизходи. По Апостолу, малодушныя должно утѣшати. И студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ не вели жити, зане могутъ де быти при школахъ во особныхъ домѣхъ, и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придастся, а которыя будутъ студенты своеволять, и обиды и воровство чинить, о томъ во управленіе указъ въ граммате царскаго пресвѣтлаго величества, имъ нынѣ данной, написано. Въ лучшество-же и твое преосвященство, еже-бы и ученіе было мудростное полезно, и дѣланіе всякому спасително, и не во укореніи, о семъ прирадѣй: да и число учениковъ множится, и слава Господня мудростными науками, и боговидными зрительствы, и проповѣдію вѣры православныя, въ церковномъ нашемъ благочестіи, на зрилищи земнокружія повсюду да сіяетъ. Отъ чесого здравіе многолѣтное и благоденственное, и спасеніе доброхвално, и царствія небеснаго наслѣдователно, писаніемъ святымъ и всѣхъ благомудрствующихъ, извѣстно бываетъ. Сего наша мѣрность твоему преосвященству и всѣмъ людемъ желающе, непрестанно Господа Бога молимъ и благословеніе наше глаголюще, миръ всѣмъ благодушне подаемъ, аминь.

Еще-же они мѣщане извѣстиша намъ, яко по нѣкоемъ оглаголаніи, и по малыхъ винахъ, отъ васъ клятва инымъ наносится. И они-де зѣло таковыхъ прещеній клятвенныхъ страшны, что ѣздятъ непрестанно по градамъ и по странамъ ради дѣлъ и промысловъ своихъ и чтобы въ такомъ прещеніи безвѣстно на нихъ или безвинно кому подъ клятвою не умереть и вѣчно не отщетится Творца Господа. И наша мѣрность вѣмы, яко твое архіерейство безъ причины сего не сотворши; ибо, жестокое сіе слово для чего и на кого возлагается, извѣстенъ еси, что токмо развратникомъ святыя вѣры и противникомъ церкве, во иныхъ же вещехъ и дѣлахъ иначе наказуется во исправленіе, да и въ семъ

комуждо, аще не по веліей нуждѣ, сноболиши благоразсуднѣ. Тѣмъ-же твое преосвященство наси Христово стадо любовію твоею, въ снабдѣніе всякаго благокрасованія и пользы христіанскія, и безпредѣлно никому-же вели творити что. По семъ умудривый тя Господь, и мудрствующаго о воли Его святой день и нощъ, и промышляющаго добрая и благоразумная предъ Богомъ и человѣки, умудритъ въ спасеніе и благохваленіе всегда. Сію-же нашея мѣрности граммату преписавъ, оставилъ-бы еси списокъ въ твоемъ приказѣ, а подлинную отдаждь войту Іоанну Быковскому и всѣмъ кіевскимъ урядникомъ и жителемъ въ судебную ихъ мѣщанскую избу, впредь ради будущихъ начальниковъ тамо совершеннаго отъ насъ оповеденія и извѣстія, и имъ благословенія нашего нынѣ, и въ предъ будущимъ жителемъ, въ крѣпость-же и утвержденіе благостояннаго и невреднаго всѣмъ житія.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, міроzданія 7207-го лѣта, Рождества-же во плоти Іисусъ Христова 1699-го, Індіктіона 7-го, мѣсяца апріллія 26-го днѐ.

Библіографія.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.

47-й томъ «Сборника», редакція котораго принадлежитъ г. Н. Дубровину, заключаетъ въ себѣ два отдѣла: въ первомъ помѣщена переписка Я. И. Булгакова (бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Константинополѣ, съ 1778 по 1790 г., а потомъ въ Варшавѣ до 1792 г.) съ графомъ А. А. Безбородко и того-же Булгакова донесенія императрицѣ Екатеринѣ II о положеніи дѣлъ въ Турціи и Польшѣ, а во второмъ—рескрипты государыни и донесенія ей генераловъ М. В. Каховскаго и М. Н. Кречетникова по дѣламъ Польши въ 1792 году. Наиболѣе важный въ научномъ отношеніи и любопытный для читателя отдѣлъ книги это—первый; главное содержаніе въ немъ составляютъ оффиціальныя донесенія и частныя письма Булгакова, въ которыхъ онъ сообщаетъ о тѣхъ серьезныхъ препятствіяхъ, какія ему приходилось преодолѣвать при разрѣшеніи вопроса о присоединеніи Крыма и Кубани къ Россіи. Читая дипломатическую переписку этого сравнительно недавняго времени, невольно приходится обратить вниманіе на то, какъ скоро измѣняются интересы и положенія государствъ, какъ скоро политическіе друзья становятся врагами. Изъ бумагъ Булгакова мы видимъ въ данномъ случаѣ то отношеніе, въ какое поставили себя европейскіе дворы, узнавъ о намѣреніи императрицы расширить предѣлы Россіи на юго-востокѣ и занять побережье Чернаго моря. Сама потерпѣвшая Турція относилась къ этому пассивно: султанъ боялся войны, чтобы съ ней не потерять и престола, а государственные сановники заботились болѣе о сохраненіи накопленныхъ богатствъ и увеличеніи ихъ, нежели о сохраненіи достоинства своего повелителя и народа; всѣ-же вмѣстѣ боялись бунтовъ

и измѣны. Что касается до европейскихъ пословъ, то Булгаковъ наибольшую поддержку находилъ въ англійскомъ и австрійскомъ. Австрія заключила тогда союзъ съ Россіей, а посолъ Англія добровольно и усердно хлопоталъ въ пользу мирнаго улаженія крымскаго дѣла: интересы ея не затрогивались тогда присоединеніемъ полуострова къ русскимъ владѣніямъ. Англійскій посолъ не только защищалъ интересы Россіи въ Крыму, но и горячо настаивалъ на совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Франція, напротивъ, готова была побуждать Турцію къ войнѣ и оказать ей матеріальную поддержку; съ этой цѣлью она чуть было не заключила союза съ Пруссіей, и только готовность Россіи къ войнѣ да внутреннія неурядицы въ самой Франціи наканунѣ революціи заставили ее противъ желанія удерживать и Турцію отъ войны, которая могла причинить ей еще большія потери. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Крыма возникли новыя замѣшательства въ Закавказьи, Франція обѣщала Турціи поддержку, требуя для себя только права сосредоточивать войска на островѣ Кандіи: но послы другихъ державъ остановили султана, убѣдивъ его, что если онъ разъ допустить высадку войскъ въ Кандіи, то долженъ будетъ навсегда оставить островъ въ рукахъ Франціи, который недавно и занятъ, но только уже англичанами, а не французами. Дѣятельно и долго интриговалъ противъ Россіи прусскій посланникъ, но, при полномъ нейтралитетѣ другихъ державъ, роль его выходила нѣсколько смѣшной, какъ это рѣзко бросается въ глаза въ письмахъ Булгакова. Впослѣдствіи, когда французско-прусскія интриги одержали верхъ и Турція объявила войну, русскій посолъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, въ которомъ и просидѣлъ болѣе 800 дней. Выпущенный оттуда, онъ чрезъ Тріестъ возвратился въ Москву, а потомъ получилъ назначеніе въ Варшаву. Булгаковъ былъ человѣкъ глубоко образованный, умный и наблюдательный, и всѣ его письма и донесенія изъ Константинополя въ высшей степени интересны то по художественному изложенію ихъ, то по остроумной и мѣткой характеристикѣ лицъ и событій. Особенно любопытна сдѣланная имъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородко отъ 1 ноября 1781 года характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: «французскій, говоритъ онъ, спѣсивится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ».

Въ письмахъ своихъ Я. И. Булгаковъ рѣзко нападаетъ также и на безобразія русскихъ «саврасовъ безъ узды» за границей. «Наши переселенцы», говоритъ онъ, «за правило себѣ взяли никому не повино-

ваться. Лучшее ихъ дѣло, пріѣхавъ сюда (письмо писано въ Константинополѣ), нахальствовать, бить всѣхъ, кто попадется, даже таможенныхъ надзирателей, и ничего нигдѣ не платить».

Вообще, чрезвычайно любопытная переписка Булгакова, хотя и не объясняетъ затрогиваемыхъ имъ фактовъ во всей полнотѣ, но все таки даетъ возможность уразумѣть интересы и цѣли политики нашей и сосѣднихъ государствъ, и именно съ этой стороны его переписка представляетъ важнѣйшій и существеннѣйшій матеріалъ для политической исторіи нашей въ то время.

Во 2-ю часть 47-го тома «Сборника» вошли рескрипты Екатерины II и донесенія ей генераловъ Кречетникова и Каховскаго о занятіи русскими войсками въ 1792 году нынѣшняго юго-западнаго края Россіи и собственно Польши для поддержанія партіи, недовольной и протестовавшей противъ конституціи 3 мая. Матеріалы этой части открываются указами государыни Кречетникову и Каховскому, въ которыхъ точно и подробно опредѣляется программа дѣятельности каждаго изъ нихъ. Занятіе польскихъ областей Екатерина въ своемъ указѣ называетъ «ударомъ, который поляки пріуготовили собственному своему отечеству и который, посредствомъ насилія и коварства, въ 3-й день мая минувшаго 1791 года, съ полнымъ успѣхомъ совершили, ниспровергнувъ весь прежній въ ономъ порядокъ, превративъ республиканское правленіе въ монархическое, престолъ избрательный въ наслѣдственный и власти законно-установленныя въ ничтожество и тѣмъ самымъ разрушивъ до основанія всѣ связи, на которыхъ покоилась тишина и безопасность сосѣдей польскаго государства». Исполненіе указа вызвало донесенія генераловъ о постепенномъ занятіи ими польской территоріи, согласно начертанному Екатериной плану, о кровавыхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ польскими отрядами, открытіи въ занимаемыхъ воеводствахъ конфедерацій и наконецъ о засѣданіяхъ сейма. Въ заключеніе приведенъ указъ Екатерины съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя долженъ былъ принять генералъ Кречетниковъ въ мѣстности, присоединенной къ Россіи по второму раздѣлу Польши и обнимавшей часть Литвы и юго-западнаго края. Послѣдній былъ раздѣленъ на губерніи: Изяславскую и Брацлавскую, а другія части бывшаго кіевскаго воеводства отдѣлены къ Черниговской и Екатеринославской губерніямъ.

Этотъ отдѣлъ «Сборника» не имѣетъ особаго значенія для политической исторіи, или исторіи гражданственности и внутренняго быта, и сохраняетъ цѣну, какъ матеріалъ для чисто-военной исторіи; но и для послѣдней значеніе его умаляется отсутствіемъ плановъ и картъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили столкновенія, между тѣмъ о планахъ

и картахъ часто упоминается въ донесеніяхъ. Указанные документы не имѣютъ также интереса новизны; они хотя и появляются въ первый разъ (въ перепечаткѣ помѣщенъ только одинъ документъ, это—плакаты генерала Кречетникова отъ 14 іюня 1792 года), но содержаніе ихъ было раньше пересказано уже Н. И. Костомаровымъ въ его сочиненіи «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» (стр. 478 и слѣд.); здѣсь-же они отмѣчены въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 18 и 19.

Къ польскимъ дѣламъ слѣдуетъ отнести и письма Я. И. Булгакова изъ Варшавы, начиная съ 1-го октября 1791 года. Эти письма помѣщены въ первомъ отдѣлѣ «Сборника», но по содержанію относятся ко второму; въ нихъ авторъ, со свойственной ему вѣрностью и живостью, рисуетъ темными красками положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Но Булгаковъ не долго пробылъ въ Варшавѣ и въ концѣ 1792 года былъ замѣненъ Я. Е. Сиверсомъ; въ то же время и на мѣсто Каховскаго былъ назначенъ баронъ Игельстромъ. Г. Иловайскій въ своемъ изслѣдованіи «Гродненскій сеймъ 1792 года» говоритъ, что находящіеся у него подъ рукою неизданные матеріалы показываютъ, что императрица была недовольна ихъ образомъ дѣйствій въ Польшѣ.

И. Каманинъ.

А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.). Спб. 1885 г.

Исторія Литвы, имѣющая тѣсную связь съ исторіей южной Руси, хотя и вызываетъ къ себѣ вслѣдствіе этого полное вниманіе со стороны русскихъ историковъ, но не въ такой степени, въ какой можно было-бы его ожидать, судя по важности предмета. Кромѣ отмѣченныхъ нами въ свое время работъ по этой исторіи проф. В. Б. Антоновича и вызванныхъ ими нѣсколькихъ статей проф. Н. П. Дашкевича по культурной и политической исторіи западной Россіи, можно найти не болѣе десятка разновременно появлявшихся въ этой области изслѣдованій. Къ числу ихъ принадлежитъ и названное нами выше сочиненіе г. Барбашева.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ именно временемъ, на какомъ остановился В. Б. Антоновичъ, т. е. 1377 г., когда умеръ великій князь Ольгердъ. Своему изслѣдованію г. Барбашевъ предпосылаетъ общія замѣчанія о важности избранной имъ эпохи и оцѣнку источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для его монографіи. Въ первой главѣ ея, авторъ, сказавъ сначала о господствѣ въ Литвѣ русской цивилизаціи, вѣры и языка, дѣлаетъ потомъ общій очеркъ могущества

Витовта, даетъ его характеристику и указываетъ на значеніе въ исторіи Литвы его и грюнвальденской битвы, не касаясь предшествовавшаго времени и тѣхъ полныхъ ума и энергіи литовскихъ князей, которые подготовили почву для развитія могущества и широкихъ замысловъ Витовта. Исторія этого послѣдняго начинается собственно со второй главы, обнимающей время съ 1377 по 1386 годъ, т. е. отъ смерти Ольгерда до брака Ягелла съ Ядвигой и перваго соединенія Литвы съ Польшей. Здѣсь излагается бѣгство лишеннаго наслѣдства Витовта къ рыцарямъ, послѣ убійства Ягелломъ его отца, принятіе имъ католичества, набѣги его въ союзѣ съ орденомъ на Литву и примиреніе съ Ягелломъ, передъ отправленіемъ того въ Польшу. Предметомъ третьей главы служитъ борьба Витовта съ Ягелломъ, при содѣйствіи крестоносцевъ, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Витовтъ не получилъ великокняжескаго титула и соединенныхъ съ нимъ правъ на занятіе отцовскаго удѣла и управленіе всей литовско-русской областью. Этой цѣли своей Витовтъ достигъ въ 1392 году, которымъ заканчивается настоящая глава и начинается четвертая. Обнимаемое послѣднею время съ 1392 по 1399 годъ Витовтъ провелъ частью въ борьбѣ за политическую независимость Литвы и Руси отъ Польши, частью въ попыткахъ распространить свою власть и вліяніе на княжества восточной Руси и самую Москву. Эти послѣднія попытки привели его къ необходимости искать себѣ покорнаго союзника въ средѣ татарскихъ хановъ, боровшихся за престолъ; одного изъ такихъ претендентовъ онъ взялъ подъ свое покровительство и выступилъ за него противъ дѣйствительнаго хана Золотой Орды. Побѣжденный татарами въ 1399 году на рѣкѣ Ворсклѣ, Витовтъ вынужденъ былъ умѣрить свои честолюбивыя стремленія и обратить все вниманіе на свои отношенія къ Польшѣ, гдѣ въ томъ-же году умерла королева Ядвига и положеніе Ягелла болѣе или менѣе колебалось; однако-же Витовтъ, послѣ нанесеннаго ему пораженія татарами, не могъ уже воспользоваться благопріятными обстоятельствами для утвержденія своей независимости и въ свою очередь вынужденъ былъ къ уступкамъ, при заключеніи новаго союза съ Польшей, подтвержденнаго имъ присягой въ 1401 году. Въ этотъ періодъ Витовтъ снова обращается къ расширенію предѣловъ своего государства и своего вліянія на востокѣ; въ то-же время у него возникаютъ пререканія съ Орденомъ, оканчивающіяся въ 1410 году битвой между Таненбергомъ и Грюнвальденомъ, которая окончательно сломила силу крестоносцевъ. Изложеніе этихъ событій составляетъ пятую и послѣднюю главу сочиненія г. Барбашева, планъ котораго мы передали вкратцѣ.

Почему авторъ остановилъ свое изслѣдованіе на 1410 годъ, рѣшить трудно. Начавъ разъ говорить о политикѣ Витовта, слѣдовало-бы вести дѣло до конца, такъ какъ политика этого князя въ послѣдніе годы его жизни обусловливается совершенно предшествовавшими событіями; но г. Барбашевъ не обнаруживаетъ въ настоящей своей книгѣ даже намѣренія когда нибудь возвратиться къ своему предмету впослѣдствіи. Что касается до выполненія авторомъ наложеннаго нами плана, то, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ важности затронутаго вопроса. Хотя авторъ и ознакомился почти со всѣми главными русскими и иностранными трудами по исторіи Литвы вообще и исторіи Витовта въ частности и извлекъ изъ изданныхъ до сихъ поръ памятниковъ всѣ болѣе или менѣе важные факты, но расположилъ ихъ не по внутреннему содержанію и не соотвѣтственно своей задачѣ, а просто хронологически; въ результатѣ получилась масса всякихъ событій, читая которыя, трудно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе какъ о характерѣ самаго Витовта, такъ и о его политикѣ. Читатель, не знакомый раньше съ дѣятельностью Витовта, едвали пойметъ отчетливо изъ сочиненія г. Барбашева, чего хотѣлъ и къ чему стремился герой разсказа. Личность этого величайшаго изъ государей своего времени совершенно заслоняется неискусно расположенной громадой всякихъ историческихъ данныхъ о немъ, постоянными отступленіями автора отъ главнаго предмета разсказа и введеніемъ подробностей о второстепенныхъ лицахъ Витовтова времени. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что главная цѣль его изслѣдованія «разъяснить, сколько возможно, хотя нѣкоторые изъ массы темныхъ и запутанныхъ, весьма важныхъ вопросовъ въ исторіи Литвы XIV и XV в. и возстановить факты какъ можно ближе къ дѣйствительности». Поэтому будто-бы его трудъ имѣетъ характеръ критическій. Но подобнаго характера мы не можемъ придать труду г. Барбашева, потому что двѣ, три выноски въ текстѣ, да столько-же приложеній въ концѣ книги, въ которыхъ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или другомъ, часто второстепенномъ фактѣ, не измѣняютъ сдѣланнаго нами раньше опредѣленія сочиненія г. Барбашева: оно заключаетъ въ себѣ простой пересказъ лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ, но они переданы непослѣдовательно и совершенно не выработаннымъ языкомъ. Въ книгѣ г. Барбашева часто встрѣчаются рѣзкіе переходы въ изложеніи отъ одного предмета къ другому, безъ всякаго объясненія и видимой необходимости, много неудачныхъ выраженій и даже нѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя понять точный смыслъ выраженія. Мы не дѣлаемъ для доказательства справедливости нашего отзыва выписокъ изъ книги

г. Барбашева: на это потребовалось-бы много времени и мѣста, а между тѣмъ указанія на нѣкоторые промахи не исправятъ работы, которую уже если исправлять, то отъ первой до послѣдней строки. Авторъ сдѣлалъ одно—свелъ всѣ факты, касающіеся Витовта, во едино, представивъ, такъ сказать, черновую работу; за ней должна была слѣдовать такая группировка и объясненіе собраннаго матеріала, которая сама собой характеризовала-бы точно и ясно и личность Витовта и его политику—группировка, подъ которой мы разумѣемъ не только дипломатическія отношенія правителя, но и его дѣятельность по внутреннему управленію страной, чего вовсе не касается въ своемъ сочиненіи г. Барбашевъ.

И. Каманинъ.

П. А. Кулишъ. «Байда, князь Вишневецкій», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

Содержаніе настоящей драмы взято изъ жизни и дѣятельности князя Димитрія Вишневецкаго (изъ Вишневца, на Волыни), извѣстнаго въ народной южно-русской поэзіи подъ именемъ Байды, а также Ганжи Андыбера, представителя сѣрой козацкой массы XVI столѣтія. Послѣдній извѣстенъ почти только изъ народныхъ пѣсень, между тѣмъ о князѣ Вишневецкомъ мы имѣемъ и нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, въ извѣстной мѣрѣ сходящихся и съ пѣсенными данными. Уже по одной этой причинѣ главнымъ лицомъ и по замыслу и по исполненію является въ пьесѣ г. Кулиша именно Байда, т. е. Димитрій князь Вишневецкій. О томъ, насколько Байда въ предлежащей драмѣ согласуется съ историческимъ княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, скажемъ послѣ, теперь-же приведемъ краткое содержаніе пьесы, чтобы читателю удобнѣе было слѣдить за дальнѣйшимъ разборомъ ея.

Драма открывается прологомъ, въ которомъ обнаруживается основной взглядъ автора на героя пьесы, какъ на рыцаря—носителя высшей правды, который потому-то и выведенъ на театральныя подмостки, что, говоря словами драмы,

«Боронючи народню Гиппокрену,
Духовну зброю безъ устанку носимъ,
И се на лицедійную арену
Свою борбу за правду переносимъ».

Въ первомъ дѣйствіи, происходящемъ въ Вишневцѣ, являются слѣдующія сцены: первая, въ которой происходитъ столкновеніе между

княгиней Вишневецкой и ея сыномъ Байдой, которому по сердцу не двоюродная сестра его Катруся, выбранная для него въ невѣсты матерью, а Гальшка Острожская. Въ концѣ концовъ Байда рѣшительно отказывается отъ Катруси и возвращаетъ ей обручальное кольцо. Затѣмъ Байда принимаетъ пословъ: русскаго отъ царя Іоанна Грознаго и турецкаго, изъ которыхъ каждый старается склонить его на свою сторону. Въ слѣдующей сценѣ Байда узнаетъ о поруганіи и обезчещеніи его милой, Острожской княжны, Сангушкомъ, съ соизволенія ея дяди, и рѣшается отомстить имъ за это съ помощію козацкой черни, пирующей въ кабакѣ у Насти Горовой.

Во второмъ дѣйствіи представленъ этотъ пиръ, на которомъ ярко обнаруживается вражда зажиточныхъ козаковъ, или «дукъ» и «нетягъ», т. е. бобылей. Ганжа Андыберъ является представителемъ и покровителемъ этихъ послѣднихъ и дозволяетъ имъ по своему расправиться съ «дуками». Входитъ Байда, и Андыберъ наружно смиряется передъ нимъ. Но изъ слѣдующей сцены обнаруживается, что онъ измѣнилъ Байдѣ въ самую горячую минуту подъ Острогомъ.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ въ садъ надъ Босфоромъ въ Турціи, куда Байда бѣжалъ, вслѣдствіе измѣны Ганжи. Съ Байдой находится и неразлучный, вѣрный слуга и другъ его Тульчинскій, тайно любящій Катрусю. Является княгиня Вишневецкая и сообщаетъ сыну обо всемъ, что случилось на Украйнѣ въ его отсутствіе: о ссорѣ князя Василія Острожскаго съ Андыберомъ, о бѣгствѣ послѣдняго на вишневецкія стени и разграбленіи имъ Настина кабака, о нападеніи на Украйну татаръ, страшно ее разорившихъ и угнавшихъ въ плѣнъ массу женщинъ, въ числѣ которыхъ была и Катруся. Къ счастью она попала въ руки султанши, которая и возвращаетъ ей свободу, написавши Байдѣ, чтобы онъ отдалъ ее Тульчинскому. Байду зовутъ на военный совѣтъ къ Падишаху, испуганному нападеніемъ на Царьградъ козаковъ. Байда измѣняетъ туркамъ и уплываетъ съ козаками, при чемъ спасаетъ жизнь своего врага Ганжи Андыбера, предводительствовавшаго козацкой силой и отрѣзаннаго турками отъ своихъ. Тѣмъ не менѣе ненависть Андыбера къ Байдѣ, какъ представителю, по его мнѣнію, козаковъ-дукъ и защитнику господскихъ порядковъ, производящихъ неравенство между козаками, до того велика, что онъ, забывши, чѣмъ обязанъ Байдѣ, вооружилъ противъ него козацкую чернь. Наряженъ судъ надъ Байдою, его винятъ въ томъ, что онъ допустилъ совершиться страшному преступленію въ глазахъ козаковъ,—помѣстилъ въ Сѣчи, на Хортицѣ, женщинъ: свою мать и Катрусю. По просьбѣ Байды, судъ разрѣшаетъ ему оправдываться «Божьимъ судомъ», т. е. поединкомъ съ козакомъ—не-

тягою. Выйти противъ него вызывается Андыберъ, но поединокъ не состоялся: ему помѣшало нападеніе на Украйну турецко-татарской силы.

Пятое дѣйствіе снова происходитъ въ Вишневцѣ. Ярмарка. Между козаками, толпящимися вокругъ кобзаря, показывается безрукій Ганжа Андыберъ, возвратившійся изъ татарскаго плѣна и съ начала не узнанный козаками. Разсказъ Андыбера о томъ, какъ онъ, сгарая жаждою козацкой воли, самъ себѣ отрубилъ руку, которою былъ прикованъ къ жернову, приводитъ козаковъ въ восторгъ, и они просятъ кобзаря сложить думу про Андыбера, про его ненависть къ дукамъ, про геройское освобожденіе изъ плѣна. Въ слѣдующей сценѣ Тульчинскій сообщаетъ княгинѣ Вишневецкой страшную вѣсть о возвращеніи Андыбера изъ плѣна, о томъ, какъ къ нему пристала вся казацкая чернь и какъ онъ грозитъ истребленіемъ всѣхъ «срибляниковъ», т. е. зажиточныхъ козаковъ и князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Радивиловъ. Вѣсть эта тѣмъ ужаснѣе, что на Украйнѣ отсутствуетъ Байда, служащій у царя Ивана Грознаго. Въ слѣдующей сценѣ является возвратившійся изъ Великой Руси Байда, весь сѣдой, якобы отъ тяжкихъ условій службы грозному царю и его землѣ, гдѣ, по словамъ Байды «погибаетъ все, що встае за правду». Изъ словъ Байды обнаруживается также, что онъ жалѣетъ богатую и обширную Московскую Русь, заѣденную неправдою, но помочь ей было не въ его силахъ. Изъ всѣхъ своихъ исканій правды онъ пришелъ къ тому выводу, что ее можно найти лишь въ своей собственной «взбросной хатѣ», и что такую хату онъ можетъ себѣ устроить лишь за Днѣпромъ, въ Молдовлахіи. Проще сказать, Байда задумалъ завоевать себѣ молдавскій престолъ съ помощію козаковъ и самого Андыбера, котораго онъ думаетъ одолѣть довѣріемъ и забвеніемъ прошлаго. Но Андыберъ не таковъ: онъ остался до конца вѣренъ себѣ, своей слѣпой и страстной ненависти къ «сребряникамъ» и предалъ Байду въ руки турокъ... Предъ походомъ Байды происходитъ обрученіе Самуся Тульчинскаго и Катруси. Послѣдняя сцена 5-го дѣйствія переноситъ насъ въ «судную свѣтлицу» надъ желѣзными крючьями, въ Царьградѣ. Между плѣнными оказывается и самъ Андыберъ, не смотря на его услугу туркамъ. Онъ сначала отказывается отъ принятія магометанства и готовъ безъ страха принять смерть; но, узнавши, что и Байда, также отказавшійся отъ принятія магометанства, будетъ зацѣпленъ за желѣзный крюкъ, готовъ даже измѣнить свое рѣшеніе и «потурчиться», лишь-бы насладиться зрѣлищемъ мученій ненавистнаго ему Байды. Сами турки дивятся такой лютой ненависти... Пьеса оканчивается пѣніемъ невольниковъ: «Годи тоби, князю Байдо, байдувати, сватай мою дочку та йди

царюнати» и проч.: это пѣніе «переходить варіяціями у високый національный гимнъ».

Теперь обратимся къ болѣе близкому и подробному разсмотрѣнію пьесы какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія, въ связи съ общими воззрѣніями автора на украинскую исторію.

Зная направленіе и образъ мыслей названнаго писателя въ послѣднее время, рѣзкій поворотъ въ его воззрѣніяхъ на козачество и весь ходъ и смыслъ украинской исторіи, я, признаться, принялся за чтеніе поименованной выше драмы не безъ нѣкотораго предубѣжденія и долженъ сознаться, что оно и послѣ прочтенія книжки нисколько не разсѣялось. Это главное; но я начну съ мелочей.—Прежде всего въ драмѣ васъ поражаетъ крайняя напыщенность и дѣланность рѣшительно невозможнаго ни въ чьихъ устахъ языка; она просто бьетъ въ глаза даже непредубѣжденнаго читателя. Сплошь и рядомъ вы натыкаетесь на такія слова, которыхъ ни въ какомъ словарѣ не отыщете и конечно не ожидали встрѣтить въ малорусской книжкѣ. Таковы, напримѣръ, *индигенатъ*, *можновладство*, *почезнути*, *гуррикинъ*, *вгрущати*, *ницакъ*, *шовъ*, *дивнезный*, *карбазъ*, *опїръ*, *вильонъ*, *вравш*, *врс*, *веренъ*, *хлоню*, *недолимокъ*, *знорядде*, *бахматъ* и т. д. Конечно, по теченію рѣчи можно, хотя и не всегда, добиться смысла этихъ и множества другихъ подобныхъ словъ, можно догадаться, напримѣръ, что *пасовище* происходитъ отъ того-же корня, что и *пасу*, что *цешка* можетъ означать судебную повѣстку, что *гайдабура*—слово почти равнозначущее съ *гайдамакой* и проч.; тѣмъ не менѣе необходимость употребленія такихъ странныхъ словъ отъ этого нисколько не становится убѣдительнѣе.

Напыщенность языка дѣйствующихъ лицъ, особенно самаго Байды, стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніями автора на его героевъ и вообще на историческія отношенія того времени. Такъ приторно-величественный тонъ рѣчей Байды является результатомъ взгляда автора на него, какъ на носителя высшей христіанской идеи, страдальца за правду, человѣка, далеко опередившаго свой вѣкъ въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ и стремленіяхъ. «Ты, говоритъ Байда Тульчинскому, въ серцю маешъ бельведерски струны, гучни й дзвинки, якъ Зевсови перуны» (стр. 75). Въ свою очередь и Тульчинскій (сначала «чура», т. е. слуга Байды, а послѣ его побратимъ) тоже изъясняется вподъ статъ Байдѣ и такъ-же переполняетъ свою рѣчь классическими и миѳологическими выраженіями. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ онъ говоритъ Байдѣ такъ:

Давно вже я вбачаю,
Що ты сумный, хмурный, мовъ Этна чорна,

Зитхаешъ стиха, мовъ той бурный кратеръ
Передъ розливомъ поломъя та лавы!..
Не смивъ тоби я зъ думкою видкрытись
И змалювавъ кгеоркгику (!) въ пустыни...

Или вотъ разговоръ Тульчинскаго съ Байдою:

Тульчинскій: Великий царь сей турчинъ любомудрый
И правды винъ жадае серцемъ щирымъ;
Та е на свити Геркулесъ великій,
Що правдою воюе вси языки.
Убивъ надъ Волгою страшного змія,
А другого надъ Каспіемъ глыбокимъ.
Его имямъ козакъ, мовъ талисманомъ,
За горами сягнувъ до Океана.

Байда: Ты про московського царя говоришъ...
Такъ, се потужный розумъ, серце праве!
Одно, одно...

Тульчинскій: Що винъ изъ Византіи
Пересадивъ слипыхъ вождивъ до себе?
Дарма. Бо темна чернь, се «родъ лукавый»,
А ницаки—се «родъ прелюбодійный»:
Одъ Бога правды ницымъ серцемъ блудить,
Перелюбки зъ «отцемъ олжи» вчиние.
Поки шчо, мусить дика дича слухать
Своихъ слипыхъ пророкивъ Валаамивъ.
Якъ просвитиция правдою науки,
Не дасця хижакамъ у хижи руки (стр. 75).

Но основательное знаніе классической миеологіи обнаруживаютъ не только Байда и Тульчинскій, а и турецкій сераскиръ и визирь. Вотъ, напр., слова сераскира (148 стр.):

Пышаюсь боемъ зъ украинськимъ левомъ:
Оборонявсь, якъ Бріарей сторукій,
И вергавъ смерть, немовѣ яка машина...

Напыщенная рѣчь визиря невольно смѣшитъ читателя. Вотъ что читаемъ на стр. 146:

Такъ, войны—игралище Фортуны,
А нацин—се фили во-пидъ витромъ...
Куды жене ихъ таемнича доля,
Предвичного недовидома воля?
Чого встають, киплять та й засинають,
И про свое враннé не намъятають?

Вре боемъ хуртовинне Руське Море
И напирае на Стамбулъ потужный,
Немовъ, ёму на соромъ и на горе,
Воскресъ Олегъ той вищій, харалужный...

Кажется, и приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть напыщенность языка драмы, фантастичность историческихъ представленій г. Кулиша. Историческія изображенія въ его драмѣ до того преувеличены и просто раздуты, что даже то зерно правды, которое тамъ имѣется, именно глухая и разрушительная борьба неимущихъ козаковъ съ вельможами, владѣтельными князьями и вышедшими изъ среды ихъ козаками, какъ Байда, даже, повторяемъ, этотъ фактъ дѣлается почти неузнаваемъ въ историческихъ изображеніяхъ г. Кулиша и затемняется массою разныхъ произвольныхъ и чисто фантастическихъ дѣйствій, стремленій и воззрѣній, обнаруживаемыхъ дѣйствующими лицами. Я уже не говорю о томъ, совершенно небываломъ величіи, въ какомъ представленъ авторомъ Байда въ своемъ мѣстопребываніи—Вишневцѣ на Волыни. Изображеніе Дмитрія князя Вишневецкаго въ видѣ какого-то могучаго владыки, въ которомъ заискиваютъ властитель московской Руси и султанъ турецкій, слабо вяжется съ исторической дѣйствительностью. Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ драмѣ г. Кулиша. Тамъ, на стр. 18—30, они найдутъ: и состязаніе московскаго посла съ турецкимъ и величавую полу-фантастическую обстановку, окружающую князя Дмитрія, и напыщенныя рѣчи, приправленныя всякими «Букефалами», «Ганнибалами» и пр. Изъ исторіи между тѣмъ извѣстно намъ совсѣмъ иное: князь Дмитрій, построивши укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ (1556 г.), обращается съ просьбой о защитѣ отъ татаръ и турокъ къ русскому царю Ивану IV Грозному, отъ котораго и получаетъ «опасную грамоту» и жалованье; въ 1558 г. онъ совсѣмъ оставляетъ Литву и служитъ Іоанну IV, владѣя полученнымъ отъ него городомъ Бѣлевымъ три года, послѣ чего опять возвращается въ Литву и въ 1563 г. погибаетъ въ Молдавіи, куда онъ отправляется добывать корону съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ; попавъ въ руки турокъ, онъ замученъ былъ ими въ Константинополѣ.

Изъ такихъ-то фактовъ жизни и дѣятельности Байды, князя Вишневецкаго, да изъ извѣстной народной пѣсни о смерти его въ Константинополѣ [1]) и умудрился г. Кулишъ составить свою фантастическую пьесу, полную самыхъ странныхъ и исторически невозможныхъ изобра-

[1]) См. напр., 3-й вып. «Сборника украинскихъ пѣсенъ» г. Лысенка, стр. 7.

женій, воззрѣній и рѣчей, въ родѣ рѣчи московскаго посла, который, говоря о величіи Іоанна IV, выражается такимъ образомъ (стр. 22):

«Великъ нашъ царь: одной полой покрылъ онъ
Ливонію со моремъ со Балтійскимъ,
Другою—*всю Сибирь* со Окіяномъ»...

Идеи и взгляды, высказываемые Байдою и Тульчинскимъ, не соотвѣтствуютъ ихъ времени. Укажемъ для примѣра на слѣдующія слова Байды по поводу появленія козаковъ у стѣнъ Царьграда:

Все, що робилы мы й робити будемъ—
Нищо передъ великимъ симъ моментомъ.
Теперъ-бы можна, братте, намъ пиднятп
Усихъ невольникивъ и всю голоту
Болгарську, Грецьку, Македонську, Сербську
Та й осяти столицю бесурменську».

На что одинъ изъ сподвижниковъ отвѣчаетъ ему:

«Тогди-бъ мы тинь Олега звеселили,
И щитъ его на брами поновили».

Еще покойный М. А. Максимовичъ называлъ представленія г. Кулиша объ Украйнѣ «болѣе идиллическими, чѣмъ историческими [1]), и это замѣчаніе оправдываетъ г. Кулишъ и новою своею драмою. На вымыслѣ построены все 3-е дѣйствіе и часть четвертаго. Совершенно произвольно также заставляетъ авторъ Байду пѣть извѣстную пѣсню: «Гомонъ, гомонъ по дуброви» (См. Сборникъ г. Лисенка, вып. II, стр. 16), пѣсню болѣе поздняго происхожденія. Пѣсню: «Ой гукъ мати», по содержанію касающуюся отношеній русскихъ къ полякамъ (см. Сборникъ пѣсенъ Гулака-Артемовскаго, № 39), авторъ преспокойно заставляетъ козаковъ пѣть послѣ побѣды надъ турками, при чемъ слова «вражихъ ляховъ» замѣнены словами «бесурменцивъ»...

Какъ драма, пьеса г. Кулиша мало удобна для сцены, въ ней дѣйствіе весьма часто мѣняетъ свое мѣсто (при 5 дѣйствіяхъ до 20 сценъ, при чемъ 11 разъ должна происходить перемѣна декорацій); иныя сцены черезчуръ коротки, напримѣръ, 6-я втораго дѣйствія, имѣющая особую декорацію: всего 2 листика печатныхъ! Масса разговоровъ, мало содѣйствующихъ движенію дѣйствія, дѣлаетъ пьесу нѣсколько вялой и, пожалуй, скучной, помимо всего прочаго, о чемъ говорилось выше.

Что касается дѣйствующихъ лицъ, то изъ нихъ болѣе другихъ отчетливо изображенъ Ганжа Андыберъ и пожалуй Байда и Тульчинскій; княгиня Вишневецкая и ея племянница Катерина—слишкомъ ужъ

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 275.

шаблонны и блѣдны: первая со своей несокрушимой материнской любовью, вторая со своей голубиною кротостью и безжизненностью... Нѣсколько рѣзче очерчена Настя Горовая, степная шинкарка, съумѣвшая прибрать посѣщавшихъ ее козаковъ въ руки, но въ концѣ концовъ до полусмерти избитая Андыберомъ... Весьма недурны и, на мой взглядъ, правдивы сцены, изображающія отношенія между козаками «дуками» и «нетягами»; тутъ довольно наглядно представлена та рознь и глухая вражда, которая, какъ извѣстно, готова была ежеминутно воспламениться и проявиться между этими двумя классами козаковъ, постоянно появлявшимися и существовавшими при благопріятныхъ условіяхъ, на зло народному малорусскому идеалу полнаго равенства въ населеніи. Изъ козаковъ «нетягъ» ярче другихъ обрисованъ «турецкій святый». Это типичнѣйшій представитель казака «нетяги», столь несклоннаго къ упорному стяжанію и хозяйничанью, человѣкъ, для котораго гульба и воля дороже всего на свѣтѣ. Остальныя лица ничѣмъ не замѣчательны, и мы не будемъ останавливаться ни на нихъ, ни на другихъ отдѣльныхъ сценахъ.

Совѣтуемъ однако читателямъ ознакомиться съ разобраннымъ нами произведеніемъ; оно интересно уже по столь извѣстному въ нашей литературѣ имени сочинителя и попыткѣ его воспроизвести въ исторической драмѣ тѣ взгляды, которые отчасти извѣстны по его «Исторіи возсоединенія Руси». Какъ мы слышали, это не единственная его попытка, и мы можемъ вскорѣ ждать цѣлый почти рядъ произведеній въ томъ-же родѣ. Поживемъ, увидимъ.

А. Степовичъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ОСТАТКИ БРАТСТВЪ И ЦЕХОВЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ.

Марκивъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Этою народною поговоркою, записанною мною въ м. Нехвороши, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи, считаю наиболѣе соотвѣтственнымъ предмету начать мои замѣтки объ остаткахъ братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. Историкъ старѣйшаго изъ всѣхъ братствъ, свято-успенскаго львовскаго, Діонисій Зубрицкій закончилъ поучительную лѣтопись онагѡ такими словами: «стоитъ и нынѣ этотъ вѣковой дубъ и кое-когда даетъ отъ себя зеленые побѣги». Къ тѣмъ меньшимъ и позднѣйшимъ братствамъ, которыя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ густою сѣтью покрывали всю правобережную и лѣвобережную Украйну, нельзя примѣнить и этого скромнаго отзыва. Говоря объ нихъ въ современномъ ихъ видѣ и положеніи, можно только повторить вышеприведенную народную поговорку:

Марκивъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Осталась форма, а богатое ея содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ.

Судьба этого выдающагося явленія въ исторіи южной Россіи интересовала меня давно и я съ любопытствомъ слѣдилъ за остат-

ками братствъ въ кіевскомъ Полѣсьѣ; но обстоятельства моей жизни и службы мѣшали правильному и послѣдовательному наблюденію, а тѣмъ болѣе записыванію наблюдаемаго. Съ нѣкотораго времени мнѣ пришлось перекочевать въ Полтавщину и не одинъ годъ колесить по ней во всевозможныхъ направленіяхъ. Я сталъ и здѣсь присматриваться къ интересовавшему меня всегда предмету, записывать видѣнное и слышанное, и плодомъ этого являются настоящія мои замѣтки объ остаткахъ братствъ въ Полтавщинѣ. Я не буду касаться въ нихъ ни исторіи, ни значенія братствъ въ минувшей жизни южно-русскаго народа, а передамъ только то, что приходилось мнѣ видѣть или слышать объ этомъ въ разныхъ пунктахъ Полтавщины, не обобщая фактовъ, не дѣлая изъ нихъ какихъ либо выводовъ.

Начну съ Золотоноши.

Здѣсь, повидимому, всего менѣе живыхъ слѣдовъ названнаго учрежденія; въ устахъ старожиловъ сохранились самыя смутныя о немъ преданія и разсказы. Но мнѣ случайно пришлось здѣсь наткнуться на письменный памятникъ одного изъ древнѣйшихъ братствъ Полтавщины и чуть не настоящую его лѣтопись. Въ золотоношской ремесленной управѣ сохранилась записная книга существовавшаго въ Золотоношѣ болѣе 200 лѣтъ братства и, благодаря любезности ремесленнаго головы, я имѣлъ возможность разсмотрѣть ее и сдѣлать изъ нея необходимыя выписки. Книга эта, въ кожаномъ переплетѣ, заключаетъ въ себѣ 115 полулистовъ сѣрой писчей бумаги и лишь незначительная часть ихъ остались чистыми, всѣ-же остальные покрыты записями различныхъ почерковъ и годовъ, начиная съ 1724 г. и кончая 1852 г. Книга заведена въ 1724 г., но записи въ ней начаты съ 1700 г. и за первыя 25 лѣтъ сдѣланы одною рукою,—по всей вѣроятности внесены сюда изъ прежнихъ отрывочныхъ замѣтокъ и даже по памяти. Поводомъ къ заведенію книги послужили начавшіеся въ братствѣ непорядки и упущенія. 1 генваря 1724 г. на общей сходкѣ, обсуждая положеніе своихъ дѣлъ, братчики усмотрѣли, что записи, а равно сборы и расходы велись непорядочно и на многихъ членахъ была недоимка, а потому рѣшили завести эту книгу на вѣчныя времена, а чтобы всѣмъ было извѣстно, съ какого времени, на какихъ основаніяхъ и съ какими цѣлями и правилами существуетъ братство, вписали въ книгу текстъ подлинной фундаціи, данной въ 1624 года золотоношскимъ цехамъ вла-

дѣльцемъ Золотоноши (котораго фамиліи въ книгѣ, къ сожалѣнію, невозможно разобрать) на учрежденіе ими братства и замѣнявшей, повидимому, уставъ его. Приводимъ этотъ любопытный документъ, какъ онъ записанъ въ книгѣ, т. е. безъ заглавія, въ которомъ обыкновенно выписывается весь титулъ того, отъ кого исходитъ документъ, на этотъ разъ отъ владѣльца и старосты Золотоноши.

«Чиню вѣдомо тимъ моимъ листомъ, кому-бъ о томъ вѣдать надлежало, теперъ и напотомъ будучимъ людямъ, ижъ въ року, теперъ идучому, тысяча шестьсотъ двадцать седмомъ, мѣсяца іюля девятнадцатого дня, подданные мои золотоноскіе, ремесла шевского, кравецкого и кушнѣрского, жадали мене о тое, жебымъ имъ, якъ по инныхъ мѣстахъ межи ремесниками, порядокъ учинилъ, то есть цехъ и братство мати. Що-жъ я видячи за речъ слушную и церкви божественной потребную, позволилъ и зъ ласки моей даю, же имъ волно будетъ въ кождый рокъ два канони меду, т. е. першій канонъ мають медъ ситити, кадей двѣ меду, ко дню свята урочистого Козмы и Демяна предъ запустами въ осенны, передъ Филиповыми, другій канонъ, также кадей двѣ меду, на веснѣ, на Воскресеніе Господне. Зъ которихъ то каноновъ вышъ помененные цехмистры съ братією своею свѣчи ставить въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотоноши, въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и въ церкви св. отца Ныколы, въ кождый рокъ повынни будуть, и въ томъ имъ такъ я самъ, яко и арендаръ мой и инший нѣхто зъ челяди моей замковой, жадной кривды и перешкоды чинить не маю и не мають. Такъ тежъ имъ позволяю и зъ ласки моей даю, еслибы въ ремеслахъ ихъ одъ кого-бы колвекъ зъ нихъ шкода яка стала тому, хто-бы имъ роботу далъ, а было-бы неслушне зробленно, албо вкрадено што колвекъ зъ роботы, любо тежъ який вандровный ремесникъ которого колвекъ ремесла еслибы хотѣлъ потай ремесло робить, безъ вѣдомости и позволенія братерского, таковыхъ всѣхъ выступныхъ цехмистеръ, любъ на сходке братерской, любъ тежъ взявши трохъ братовъ, товаришовъ своихъ, мѣетъ судить и ведлугъ проступку ихъ карать. Такъ тежъ который братъ, пришедши на сходку, мелъ-бы безчинновать и въ речъ непотребную удаватися и речъ брату своему перерывать, цехмистра съ братією зневажать, таковаго кождого въ цеберъ или въ колоду всадить, и шесть грошей маетъ до скрыньки

дать. Зась сходку мають себѣ въ двохъ неделяхъ меть и каждый до скрыньки по полтроша маетъ давать. И за вшелякіе речи поточные, що ено будуть судить, цехмистръ съ братіею, ведлугъ порядку ремесницкого, якъ и по иншихъ мѣстахъ и братствахъ заховуетъ, до скрыньки братерской мають давать. За речь злодѣйскую, любъ кривавую, цехмистры съ братіею своею на пана повинни будутъ отдавати. И еслибы цехмистры съ братіею своею въ речь злодѣйскую и кривавую ремесниковъ попалыхъ, на которыхъ-бы мнѣ папувна (?) принадала, мели-бы затаить и мне не ознаймить, то таковый цехмистръ и зъ братіею своею вины копъ три заплатыты мають. Хто-бы тежъ зъ стороны, любъ ремесникъ, любъ не ремесникъ, зъ якими колвекъ фантами, будь зъ обовью, до маетности моей на роботу або на продажу пріѣдетъ, цехмистрови маетъся обвѣстить и доходъ ему, якъ и по иншихъ мѣстахъ идетъ, отдати маетъ. А если-бы схотѣлъ фанты, албо обови продавать, маетъ цехмистра поеднать. Рѣзники, которые въ маетности моей рѣзью ся бавлють, если кто скуру яловичую, овечую, козовую, конскую, любъ и десятокъ скуръ зберетъ, на сторону не маетъ продавать, не ознаймивши цехмистрови и братіи, а кгды цехмистеръ любъ изъ братіи который до третого дня не купитъ, по трехъ днехъ обвѣстивши цехмистрови, же нѣхто не купилъ, волно и на сторону продать. А если-бы рѣзникъ по реченнымъ на сторону скуру продалъ безъ вѣдомости цехмистра и братіи, таковый вины заплатитъ копъ три. Зась хто изъ стороны пріѣдетъ до маетности моей скуръ скуповувать и мѣщанинъ мой ему-бы продалъ, теди цехмистру албо брату волно гроши, за що выторговалъ, одложить, а скуру до себе взять. Роботу замковую цехмистеръ межи братіею своею роздавать маетъ, що едно потреба будетъ, повиненъ будетъ зробить. А я ихъ одъ подводъ вшелякихъ и одъ повинностей мѣскихъ и одъ шарварковъ вшелякихъ вызволяю и до мѣскихъ подачокъ ихъ волними чиню на потомные часы и лѣта. Тилько ихъ одъ набору королевского, одъ кгвалтовное речи ку оборонѣ мѣской не вызволяю. Што я вышъ помененный мѣщанамъ и ремесникамъ ремеслъ шевского, кравецкого и кушнерского мѣста золотоноского даю имъ сей мой до цеху братерского листъ, для порядку братства ихъ, подъ печатью моею и подписомъ руки моей власной.—Писанъ въ Золотоношѣ, року Божого 1627, мѣсяца іюля 19 дня ruka własnaia».

Итакъ братство образовалось изъ цеховъ, хотя цехи, какъ и самое братство, могли существовать и существовали вѣроятно и раньше 1627 г. и только теперь получили разрѣшительный патентъ отъ владѣльца Золотоноши, чего требовало *jus dominium*. Слитіе цеховъ въ братство представляетъ обыкновенное явленіе въ то время въ городахъ и мѣстечкахъ всей южной Россіи. Оно облегчало учрежденіе братства изъ готовыхъ ассоціацій, члены которыхъ связаны были жизненными матеріальными интересами, усиливало его средства, возвышало и освящало его цѣль служеніемъ церкви и дѣлами христіанской благотворительности. Совѣтъ братства состоитъ здѣсь, какъ и вездѣ, изъ цехмистра, старшаго брата и ключника, источники доходовъ разнообразнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ братствахъ. Вступалъ ученикъ въ обученіе мастерству какого либо цеха,—онъ вносилъ при этомъ въ братскую скрыньку *вступное*, выходилъ изъ ученія и—платилъ *вызволокъ*, становился подмастерьемъ или младшимъ майстромъ,—платилъ часть братскаго взноса, а когда открывалъ самъ мастерскую, долженъ былъ уплотить весь *вписъ*, какъ самостоятельный членъ. Собранія братчиковъ происходили каждыя двѣ недѣли и при этомъ каждый вносилъ по полгроша. Бывали экстренныя и праздничныя собранія, и тогда братчики давали по желанію. Плата за свѣчи при погребеніи и сукно или покрывало надъ гробомъ, равно штрафы съ цеховыхъ за разныя вины шли также въ братскую кассу, и всѣ деньги шли на содержаніе и украшеніе церкви и на помощь бѣднымъ. Вступленіе въ ученики и въ мастера производилось посредствомъ изустнаго заявленія предъ братствомъ и сопровождалось *могоричемъ*. Условиться о вступленіи въ ученіе или въ мастера называлось *поеднать цехъ*, возобновить званіе цеховаго и вмѣстѣ братчика называлось *поновить цехъ*. Братскіе взносы дѣлались въ четвертой и половинной части, въ полномъ видѣ на всю жизнь и на вѣчныя времена. Всѣми такими записями переполнена братская книга 1700—1852 г. Записи идутъ не регулярно и иногда за предъидущіе годы позже послѣдующихъ, записывались преимущественно *поеднанія* братства и приходъ, а расходъ изрѣдка, исключительно почти на потребности церкви, изъ чего заключить должно, что мелкіе расходы велись безъ записи, или для нихъ существовала особая книга, которая не сохранилась. Къ концу прошлаго столѣтія въ братство вступаютъ захожіе ремесленники изъ великорос-

сіянъ. Впослѣдствіи понятія о братствѣ такъ затемнились, что въ 1847 г. въ цехъ, а слѣд. и въ братство записались 10 жидовъ и изъ нихъ 4 иногороднихъ. Послѣдняя запись 1852 г. принадлежитъ также еврею—Дувиду Лейбиву Волынскому, послѣ чего братство, какъ видно, прекратило свое существованіе.

Нѣсколько иначе устроился и существуетъ до настоящаго времени *гончарный цехъ въ м. Хомутцѣ*, миргородскаго уѣзда. О времени основанія цеха не нашлось письменныхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе гончарство существуетъ тамъ, какъ говорятъ, «зъ дидивъ, зъ прадидивъ». Установился традиціонный обычай, строго соблюдаемый, что поступившій въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ, иначе его «вытруть зъ бумаги», т. е. вычеркнутъ изъ списковъ [1]). Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона), и этотъ крестъ и цеховая скрынька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Скрынька запирается двумя замками, а ключи хранятся у цехмистра и ключника. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей, и содержатъ въ церкви *4 ставника* (большія свѣчи), которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Рождества, Воскресенія Христова, Тройцы и Покрова. На каждый ставникъ идетъ 9—10 фунтовъ воска, а «огарки» остаются для зажиганія при погребеніи и т. п.

Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Обыкновенно обсуждаются вопросы о пожертвованіяхъ въ церковь деньгами или вещами въ видѣ хоругвей, ризъ, кіотовъ и т. п., при чемъ приводится въ извѣстность наличность кассы и иногда дѣлается раскладка съ каждаго хозяина по мѣрѣ надобности. Для взысканія налога избираются особые сборщики, которые вносятъ собранную сумму цехмистру и ключнику.

Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ, или когда случится воровство глины у кого либо изъ гончарей и обнаружится виновный. Въ такихъ случаяхъ цехмистеръ собираетъ не менѣе 6—7 человѣкъ стариковъ и сообща производитъ

---

[1]) Такой-же обычай существуетъ еще и теперь во всѣхъ цехахъ въ заштатномъ городѣ Глинскѣ.

разборъ дѣла, а во время общихъ собраній рѣшаютъ всѣ съобща. Виновный подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Между тѣмъ разсказывали мнѣ: «було колысь робили такъ, що хто провиноватитця, то постановлять на *каминци*, т. е. мелкіе острые камешки, щобъ не вадився красти чужои глины». Это наказаніе уничтожено въ 60-хъ годахъ, когда сталъ извѣстенъ манифестъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду.

Цехъ издавна владѣетъ на правѣ собственности участкомъ около 8 десятинъ гористой возвышенности съ залежами гончарной глины. Участокъ этотъ при генеральномъ межеваніи показанъ за гончарнымъ цехомъ хомутецкаго и поповскаго обществъ, съ присоединеніемъ купленной цехомъ 1 десятины пахатной земли, прилегающей къ глинищамъ. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшою оградой. Прибывающіе для добыванія глины обыкновенно творятъ молитву, обращаясь къ кресту, и въ глинищахъ никогда не позволяется естественныхъ отправленій. Освященіе глинищъ происходитъ чрезъ каждые два года, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Въ тотъ день на глинищахъ устраивается закуска, при чемъ изъ цеховыхъ суммъ уплачиваютъ священнику 3—5 руб. и покупается ведра 3 водки, а съѣстные припасы собираются натурой и даются «по усердію». На глинищахъ закуска бываетъ на-скоро: «абы перекусили робочи, що несуть процессію (хоругви)», а пиршествуютъ у цехмистра и вообще по домамъ.

На праздникъ приходятъ гончары изъ м. Поповки, которые съобща съ хомутецкими гончарами пользуются глинищами безплатно, если приписались въ цехъ. Вновь поступающій за записку въ цехъ уплачиваетъ единовременно 1 руб. 50 коп. въ скрыньку и угощаетъ братчиковъ по состоянію. Оставшіеся сиротами и изучившіе гончарство подъ руководствомъ хозяевъ являются къ цехмистру, и если хозяинъ засвидѣтельствуетъ объ успѣшномъ окончаніи ученія, способностяхъ и хорошемъ поведеніи ученика, то его принимаютъ въ цехъ, а онъ за «визвѣлку» (освобожденіе отъ ученія и вступленіе въ число самостоятельныхъ мастеровъ) вноситъ въ цехъ 15 к. Прекратившіе занятіе сыновья и внуки гончарей, если обращаются къ ремеслу предковъ, «поновляютъ» цехъ, т. е. вновь записываются и при этомъ уплачиваютъ

по 1 р. Въ числѣ хомутецкихъ обывателей есть нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ, но приписавшихся къ цеху такъ сказать для счета; тѣмъ не менѣе традиціонный обычай обязателенъ одинаково для всѣхъ братчиковъ.

Братскихъ учрежденій въ родѣ «шпиталя» (богадѣльни) на памяти старожиловъ не существовало; но существуетъ старый обычай, по которому если умираетъ братчикъ или кто-либо въ семьѣ, и по бѣдности не въ состояніи нанять людей для копанія ямы и устройства гроба, то обращаются къ цехмистру и тогда по распоряженію послѣдняго назначается на работу до 10 человѣкъ. Каждый обязанъ являться безъоттоворочно по первому требованію, или вмѣсто себя поставить рабочаго. Къ состоятельнымъ людямъ собираются на погребеніе до 50 человѣкъ и забираютъ изъ церкви «всю процессію» (хоругви, ставники и значки), а для бѣдняковъ доставляются отъ цеха носилки, крестъ и «недогарокъ ставника». За работу и труды при погребеніи—плата не въ обычаѣ, но пользуются болѣе или менѣе обильнымъ угощеніемъ и «подарками» въ видѣ платковъ и «рушниковъ» или «хустокъ».

У нынѣшняго цехмистра хранятся приходо-расходныя книги и имянные списки гончарей съ 1836 г. Я имѣлъ возможность обозрѣть эти книги, но нашелъ лишь записи расходовъ на ставники къ праздникамъ, на сооруженіе кіотовъ и другія церковныя потребности, а также на водку при освященіи глиницъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ старожиловъ, при перестройкѣ церкви и возобновленіи иконостаса, пожертвовано цеховыхъ суммъ до 2,000 р., которые «ще предки заслужили». Эта сумма была роздана братчикамъ взаймы безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ и долгъ записывается лишь въ приходо-расходную книгу. Теперь осталось въ долгу всего съ небольшимъ 30 р. Взыманіе процентовъ въ прямомъ смыслѣ не въ обычаѣ, но каждый заемщикъ приноситъ въ видѣ добровольнаго «пожертвованія» 10—15 % въ годъ.

Упомяну еще о *церковномъ* братствѣ въ с. *Панскомъ* (золотоношскаго уѣзда). Послѣ пожара церкви, братство устроилось (независимо церковно-приходскаго попечительства) главнымъ образомъ съ благочестивыми цѣлями—для содѣйствія церкви. Назначены ежегодные обязательные взносы отъ каждаго братчика не менѣе 1 р. Для усиленія средствъ братство варитъ и продаетъ медъ въ храмовой праздникъ

(8 ноября). Дѣлами завѣдываетъ «старшій братъ», избираемый ежегодно. Въ августѣ мѣсяцѣ старшій братъ, при участіи еще двухъ или трехъ, закупаетъ пудовъ до 20 сѣраго меда и выжимаетъ воскъ. Предъ праздникомъ очищенный медъ переваривають съ водой, къ нему прибавляютъ мяты для запаха и разливаютъ въ бочку и боченки. Этотъ медъ распродаютъ въ день праздника по мелочамъ, а желающимъ отпускаютъ въ долгъ по нѣскольку квартъ. Выручка отъ меда поступаетъ въ братскую кассу. Составился капиталъ болѣе 200 р. и братчики разобрали оный безъ всякихъ документовъ; между тѣмъ уплата даже по частямъ происходитъ весьма неохотно, такъ что братство едва не распалось, тѣмъ болѣе, что за бывшимъ старшимъ братчикомъ осталось въ долгу до 50 р. Съ избраніемъ новаго старшаго братчика уже на второй годъ дѣло начинаетъ поправляться, и, наученные опытомъ, братчики порѣшили брать съ своихъ должниковъ векселя на данныя въ ссуду деньги [1]).

Есть еще зачатки *братства черноморскихъ матросовъ* въ заштатномъ городѣ Глинскѣ. Оттуда набирается матросовъ въ послѣднее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ разсказывали мнѣ, что, при благопріятной навигаціи, многіе возвращаются домой съ порядочными заработками, но за зиму успѣваютъ прожиться (а иные прокутить) настолько, что весной не имѣютъ средствъ двинуться въ путь и прибѣгаютъ къ займамъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это навело ихъ на мысль устроить братство для взаимопомощи, съ ежегоднымъ обязательнымъ взносомъ по 5 р. отъ каждаго братчика. Такимъ образомъ скопился капиталецъ въ нѣсколько сотъ рублей, который разобрали въ ссуду нуждающіеся, безъ письменныхъ обязательствъ, но отъ уплаты иные отказываются, нѣкоторые-же умерли и взять нечего. Дѣло также чуть не рухнуло, но все таки удержалось. Нѣкоторые матросы обстоятельно бесѣдовали со мной и очень интересовались изысканіемъ способовъ къ укрѣпленію и расширенію предпріятія, высказавъ намѣреніе, по окончаніи навигаціи настоящаго года, воздѣйствовать на усиленіе взносовъ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ по возвращеніи съ моря,

[1]) Въ такомъ-же родѣ существуетъ братство и въ с. Мельникахъ (золотоношскаго уѣзда).

для каждаго не будетъ стѣснительно отложить хоть десятокъ рублей. Многіе изъ матросовъ отличаются и развязностію и толковостію, такъ, что дѣло могло-бы значительно подвинуться, если-бы нашелся сочувствующій руководитель.

Молодецкіе или парубоцкіе братства существуютъ еще почти повсемѣстно, хотя дѣятельность ихъ ограничивается, главнымъ образомъ, содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Напримѣръ въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ 3 ставника. Отаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ «по состоянію» для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ, а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Павскомъ (золотоношскаго уѣзда) «молодецьке братство» варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви 6 ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи «Апостола», при чемъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ «И всѣхъ и вся». Ежегодно, по рѣшенію братчиковъ, собираютъ со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются на первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ шелковаго платка или хорошаго пояса. Съ того-же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается «колядка». Раздѣлившись на нѣсколько группъ, парубки ходятъ колядовать по домамъ своихъ товарищей, «хозяйскихъ» сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами. Передъ праздниками парубки нанимаютъ себѣ просторную хату, варятъ тамъ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ-же, имѣя общій столъ изъ собранныхъ припасовъ, но конечно добавляютъ еще разныхъ овощей, запивая горѣлкой и медомъ. Мнѣ говорили, что сыновьямъ даже не особенно зажиточныхъ хозяевъ праздники обходятся рублей въ пять. Бѣдняки составляютъ особую компанію и несутъ болѣе скромные

затраты. Отправляясь колядовать, испрашиваютъ отъ священника благословеніе и берутъ у него церковный «воздушекъ», который кладутъ на столъ при входѣ въ избу. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ Хоролѣ и Прилукахъ, парубки ходятъ колядовать со звѣздою болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, вращающеюся и освѣщенною извнутри. Такая звѣзда называется «вертепомъ», но мнѣ приходилось слышать лишь самые незначительные отрывки изъ извѣстнаго «вертепа», текстъ котораго напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. Въ молодецкомъ обществѣ с. Панскаго та особенность, что парубки рѣдко распѣваютъ колядки, но большею частію сидятъ въ шинкѣ и поютъ мірскія пѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними ссоры и непріятности. Но прежнія патріархальныя отношенія все болѣе и болѣе теряютъ силу, и тяжбы переходятъ въ волостной судъ или къ мировымъ судьямъ [1]).

На остатки бывшихъ нѣкогда многочисленныхъ церковныхъ братствъ указываетъ не прекратившійся еще обычай *медоваренія*. Этотъ обычай держится теперь, сколько мнѣ удалось узнать, почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьи золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ селахъ переяславскаго уѣзда. Въ городахъ Полтавщины медовареніе давно вывелось, такъ что напримѣръ въ Золотоношѣ уже и старожилы не помнятъ, да и по цеховой книгѣ съ 1730 г. не упоминается ни единымъ словомъ. Вообще по разсказамъ въ разныхъ мѣстахъ можно вывести заключеніе, что старинное медовареніе къ храмовымъ праздникамъ встрѣтило затрудненія и противодѣйствіе послѣ введенія откуповъ и потомъ акциза.

Въ упомянутыхъ мною мѣстахъ не вывелись также *общественные обѣды* въ храмовые праздники, какъ памятникъ существовавшихъ нѣкогда братствъ. Обыкновенно устройствомъ обѣдовъ завѣдываютъ такъ называемые «братчики», избираемые обществами. Они заботятся о прінс-

---

[1]) Въ церкви с. Панскаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ, сооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кромѣ того нерѣдко тамошніе «молодики» жертвуютъ хоругви въ церкви сосѣднихъ селеній. Въ Хомутцѣ, Рѣшетиловкѣ, Опошнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ такъ же въ каждой церкви есть нѣсколько парубоцкихъ хоругвей, которыя носятъ собирательное имя «цехъ», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «процессія».

каніи стряпухъ, собираютъ пожертвованія продовольственными припасами и покупаютъ нѣсколько ведеръ водки. Трапеза устраивается, смотря по времени года, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на «цвинтарѣ» (погостѣ) или въ колокольнѣ, въ другихъ—занимаютъ для столовыхъ избу церковнаго старосты и нѣсколько сосѣднихъ. Во многихъ мѣстахъ еще храмовые праздники продолжаютзя два-три дня и не дешево обходятся каждому хозяину. Въ прежнее время «храмы» праздновались особенно широко, напримѣръ въ сс. Зубанахъ и Радаловкѣ, хорольскаго уѣзда. Туда наѣзжали и находили цѣлыя толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній миргородскаго и кобелякскаго уѣзда, а къ «панкамъ» и «полупанкамъ» съѣзжались родственники и пріятели, и пировали чуть не цѣлую недѣлю въ домѣ то одного, то другаго общаго знакомаго. «Судови паничи» изъ Хорола, Миргорода и Кобелякъ также исправно «храмовали», и потомъ долго разсказывались анекдоты или этюды храмовыхъ пиршествъ, событій и приключеній.

Современные ремесленные цехи въ городахъ существуютъ по правиламъ установленнымъ въ Сводѣ законовъ. Обрывки стародавнихъ обычаевъ встрѣчаются въ томъ-же традиціонномъ религіозномъ оттѣнкѣ, въ видѣ «ставниковъ», пожертвованія хоругвей и значковъ. Впрочемъ каждый цехъ имѣетъ обыкновенно свою хоругвь, погребальныя носилки, а иногда и сукно для прикрытія гроба. До учрежденія общихъ ремесленныхъ управъ, при смерти кого либо изъ цеховыхъ даннаго цеха, управный старшина (по прежнему цехмистеръ) чрезъ «молодчихъ» (братчиковъ, исполнявшихъ обязанности разсыльныхъ) собиралъ потребное число ремесленниковъ своего цеха и наряжалъ для копанія ямы и т. п. Теперь ремесленный голова назначаетъ въ нарядъ отъ каждаго цеха потребное число людей. Непринадлежащіе къ числу ремесленниковъ, просто сказать, торгуются съ старшиной за нарядъ рабочихъ для носилокъ, хоругвей, и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, въ Прилукахъ) мнѣ недавно приходилось видѣть оригинальное погребальное шествіе: гробу покойнаго предшествуетъ нѣсколько такъ называемыхъ «поклитовъ» (имѣющихъ нѣкоторое подобіе полукруглой крышки гроба), возложенныхъ на носилки и покрытыхъ сукномъ того или другаго цвѣта съ украшеніями изъ крестовъ, бахромы, кистей и т. п. Такіе «поклиты» есть въ каждомъ цеху въ Прилукахъ, а въ Золотоношѣ

вывелись изъ употребленія около 15 лѣтъ, по настоянію одного изъ «батюшекъ». Мнѣ не пришлось узнать ничего относительно происхожденія этого обычая, но въ книгѣ золотоношскаго цеха записано въ 1826 г. сооруженіе «поклита». Въ средѣ прилуцкаго купечества и мѣщанства предвнесеніе нѣсколькихъ «поклитовъ» и массы цеховыхъ хоругвей считается торжественнымъ похороннымъ обрядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обходится въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ Полтавѣ въ присутствіи общей ремесленной управы хранятся хоругви каждаго цеха и парадные жезлы цеховыхъ старшинъ и головы, съ тѣмъ различіемъ, что жезлъ головы выше другихъ и имѣетъ сверху посеребренный губернскій гербъ; на немъ навѣшены серебренные снурки съ кистьми, а на серебренномъ щитѣ изображена съ одной стороны цеховая эмблема (на плотнично-столярномъ: топоръ, циркуль и пила, на бондарскомъ—боченокъ и т. д.), а на оборотѣ означено названіе цеха. Въ дни торжественные голова и старшины становятся въ церкви съ своими жезлами (въ обыкновенныхъ костюмахъ), а носители церковныхъ хоругвей облекаются въ чемарки, на манеръ козачьихъ, обшитыя вокругъ, какъ и черные суконные пояса, серебренымъ галуномъ, а также имѣютъ черныя смушевыя высокія шапки съ краснымъ остроконечнымъ верхомъ, загибающимся на бокъ. Въ Прилукахъ хоругви хранятся также въ ремесленной управѣ, но при шествіи въ церковь въ торжественныхъ случаяхъ несутъ только одинъ жезлъ съ металическимъ уѣзднымъ гербомъ, а цеховые съ хоругвями одѣваются въ обычный костюмъ. Въ настоящее время въ Полтавѣ не наряжаютъ ремесленниковъ для похоронъ, а желающіе торгуются съ ремесленною управой, и послѣдняя нанимаетъ соотвѣтственное количество рабочихъ. Вообще современные цехи имѣютъ, можно сказать, исключительно фискальный характеръ, и братское единеніе поддерживается въ нихъ лишь по традиціи и носитъ религіозный характеръ въ слабой степени, такъ какъ въ средѣ ремесленниковъ значительный, иногда преобладающій процентъ составляютъ евреи, въ особенности въ Кременчугѣ, Переяславѣ, Ромнахъ и Полтавѣ.

Н. Василенко.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ ВЪ ДВОЙНОЙ РОЛИ ХВАЛИТЕЛЯ И ОБЛИЧИТЕЛЯ МАЗЕПЫ.

Извѣстный южно-русскій ученый начала XVIII вѣка, митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣсто-блюститель патріашаго престола по смерти патріарха Адріана, занимая нѣкоторое время первостепенное мѣсто въ россійской іерархіи, съ высоты церковной каѳедры не разъ восхвалялъ добродѣтели Мазепы, восписывалъ ему похвалы и въ стихотвореніяхъ, которыя были тогда въ большой модѣ. То и другое можно найти въ собраніи его сочиненій. Но когда Мазепа измѣнилъ, Яворскому пришлось не только самолично предавать того-же Мазепу анаѳемѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ, но и прежнимъ стихотворнымъ способомъ выразить осужденіе ему. Яворскому принадлежатъ стихи: Jn vituperium Mazepae, помѣщенные въ неполной и не совсѣмъ исправной редакціи въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Современные стихи на измѣну Мазепы». Авторъ этой замѣтки приписываетъ ихъ неизвѣстному современнику, старающемуся выразить чувства Россіи по поводу измѣны Мазепы. Хотя текстъ стиховъ заимствованъ имъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ синодальной библіотекѣ подъ № 5; но помѣщеніе въ сборникѣ стихотворенія въ ряду панегириковъ Яворскому ввело автора названной замѣтки въ заблужденіе и заставило его приписать стихи неизвѣстному лицу, когда авторомъ ихъ былъ самъ Яворскій. Въ этомъ, кажется, доселѣ не было заявлено никакихъ сомнѣній, и покойный профессоръ Ѳ. А. Терновскій въ своемъ изслѣдованіи о Стефанѣ Яворскомъ приписываетъ ихъ прямо ему (Труды кіев. дух. акад. 1864 г., № 1, 3 и 6). Приводя начало этого стихотворенія, онъ говоритъ: «конечно, въ тоже время, т. е. послѣ проклинанія Мазепы въ успенскомъ соборѣ 12 ноября 1708 г., Стефанъ написалъ стихи на измѣну Мазепы отъ лица всей Россіи» [1]), и дѣлаетъ ссылку на стр. 299—302 III-го тома проповѣдей м. Стефана.

Подтвержденіе тому я нахожу въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки покойнаго М. А. Максимовича, принадлежавшемъ Варлааму Лящевскому, какъ видно изъ надписи на поляхъ

---

[1]) Труды кіевской духовной академіи 1874 г., мартъ, стр. 269.

рукописи: «ex libris Barlaami Laszczewski». Въ этомъ сборникѣ, содержащемъ главнымъ образомъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича, помѣщены и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія, среди которыхъ находятся: «Emblemata quaedam et symbola pro axornando monumento p. m. illustris: et. reverendis. Patris Barlaami Iasinski, D. G. Archiepiscopi Kiioviensis, Halicensis etc. etc. ab illustris. et reverendis. in X—to Patre D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi, Stephano Javorskj elaborata», и вслѣдъ за этими *emblemata et symbola* помѣщено: «*ejusdem authoris* carmina sclavonica in vituperium Mazepae». Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варлаамъ Лящевскій, которому принадлежала эта рукопись, зналъ, кто былъ авторъ означеннаго стихотворенія.

Самый текстъ стиховъ, находящійся въ рукописи синодальной библіотеки и напечатанный въ «Кіевской Старинѣ», далеко не полонъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженъ до отсутствія смысла. Судя по заявленію автора замѣтки Н. Л., что стихи написаны съ поправками на оборотѣ листа съ другими стихами, поднесенными Стефану Яворскому, можно предположить, что это черновой набросокъ Яворскаго, дополненный и обработанный имъ впослѣдствіи.

Будетъ не лишне, кажется мнѣ, воспроизвести извѣстное уже стихотвореніе въ полномъ его видѣ по списку, въ точности котораго нельзя сомнѣваться.

Изми мя, Боже,—вопіетъ Россія—
Отъ ядовита и лукава змѣя,
Его-же ждаша адскія заклепи,
Бывша вождя Івашки Мазепы.

—

Ахъ, тяжку горесть терплю, мати бѣдна,
Утробу мою снѣдаетъ ехидна!
Кто ми дастъ слези, яко-же Рахилѣ,
Да плачу горко въ своемъ смутномъ дѣлѣ?
Се вторій грѣхъ, исполнь смертна яда,
Мазепа лютій уби моя чада.
Уподобися Россія Давиду,
Иже отъ сына терпяше обиду.

Авессаломъ сынъ бысть неблагодарній,
Подобенъ ему Мазепа коварній.
Азъ возлюбихъ тя, яко мати сина,
Откуду убо такова измѣна?
Къ нему бысть моя матерняя любы,
Тойжде изостри на мя люты зубы.
Азъ сотворихъ и съ велможи сидѣти,
Тойжде смертная сплете на мя сѣти.
Азъ, яко чадо, носихъ во утробѣ,
Тойжде хощетъ мя видѣти во гробѣ.
Азъ напоихъ и отъ камене меда,
Тойжде пагубна исполни мя вреда,
Толику на мя изринулъ есть злобу,
Лютѣ снѣдающь матерню утробу.
Азъ, любяще мати вышше мѣри,
Чаяхъ отъ него спасенія вѣрѣ.
Тойже бысть на мя бритва изощренна,
Отъ него-же есмь лютѣ уязвленна.
Како прелстихъся и не познахъ лиса,
Ангела выдомъ, прелестію бѣса!
Мнѣхъ, яко агнецъ, но волкъ ядовитій,
Овчею лестно кожею покритій,
Сладкій языкомъ, но мерзкій дѣлы,
Утаи на мя пагубніе стрѣлы.
Сахаръ во устахъ и сладкіе слова,
Въ сердцу желчь, въ рукахъ погибель готова.
О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
Терніемъ острымъ красящійся крине!
Како простерти дерзнулъ еси длани,
Лютыми матерь уязвляя раны.
Аще-бы врагъ ми поносилъ сугубо,
Терпѣла-бы казни его любо;
Но отъ своего чада прелюбима—
О коль матери язва нестерпима!
За моя хлѣбы, за моя трапезы

Горкія, враже, даеши ми слезы.
Что моя вина, что сотворихъ худо,
Чесо ради гониши мя, Іюдо?
Горе прокляту тебѣ лицемѣру,
Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
Юже подъ крестомъ и Евангеліемъ
Утвердилъ еси твоимъ лобызаніемъ!
Горе ти, горе злобы исполненну,
Подобенъ еси гробу поваплённу,
Где очесомъ являешся красенъ,
Внутрь ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
Горе ти, горе второму Каину,
Горе ти, горе погибелну сину.
Проліялъ еси звѣрски кровъ премногу,
Яже немолчно гласитъ на тя къ Богу.
Божіе храмы быша днесь вертепы
Отъ Свѣйскаго лва и волка Мазепи.

Сообщ. **В. Науменко.**

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ НАЧАЛА ПРОШЛАГО ВѢКА.

Хотя русская литература 1-й половины прошлаго столѣтія можетъ быть охарактеризована по преимуществу названіемъ «дѣловой», имѣвшей ближайшее отношеніе къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, но въ тоже время она не могла вполнѣ отрѣшиться отъ тѣхъ проявленій человѣческаго духа, которыя, помимо всякихъ искусственныхъ пріемовъ, просятся наружу, какъ отголосокъ обыденной обстановки жизни съ ея печалями и радостями. Этого рода литературныя произведенія едва-ли имѣютъ меньшее значеніе для характеристики эпохи и литературнаго направленія въ тотъ или другой періодъ, чѣмъ тѣ громозвучныя оды, панегирики и пр., которые захватили почти все содержаніе литературы 1-я половины прошлаго столѣтія. Въ ряду этихъ произведеній не послѣднее мѣсто должно принадлежать тѣмъ шуточнымъ стихотвореніямъ, которыя являлись изъ подъ пера писателей, какъ пародія на хвалебную лирику, и представляли изъ себя начатки того сати-

рическаго направленія, которое широкой рѣкой потекло во второй половинѣ 18-го вѣка. Слишкомъ немного извѣстно такихъ стихотвореній, но это нисколько не значитъ, чтобы ихъ въ дѣйствительности было мало: они, какъ произведенія, не имѣвшія особенной цѣны въ глазахъ современниковъ, промелькнули, можетъ быть, только въ изустномъ пересказѣ, да иногда случайно попадали въ рукописный сборникъ, составленный какимъ-нибудь библіоманомъ своего времени.

Въ томъ-же рукописномъ сборникѣ Варлаама Лящевскаго, изъ котораго мною приведены выше напечатанные стихи на измѣну Мазепы, я встрѣтилъ одно шуточное стихотвореніе, которое, весьма вѣроятно, принадлежитъ перу Ѳеофана Прокоповича. Такое предположеніе является не невѣроятнымъ, такъ какъ изъ подъ пера Ѳеофана вышло не мало сатирическихъ стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. А между тѣмъ стихи эти въ указанномъ сборникѣ помѣщены среди сочиненій Ѳеофана; предъ ними «Emblemata et symbola» authore Theophane Prokop., а за ними панегирикъ Іоанну Криштофу его-же. Не имѣя возможности опредѣлить, по какому именно поводу, составлены были эти стихи, я ограничусь тѣмъ, что приведу ихъ цѣликомъ, а для интересующихся даже и мелкими литературными фактами прибавлю, между прочимъ, что на поляхъ этого стихотворенія рукою покойнаго М. А. Максимовича, которому принадлежала эта рукопись, написано, что стихи сочинены въ 1735 году.

ОТЪ ІЛІИ ІНТЕНДАНТА.

Честній отецъ Герасимъ,
Чимъ мы тебе украсимъ
За хлѣбецъ твой питейній,
Обиходецъ келейній?
Кто піетъ его, тотъ пляшетъ,
Да и рукою машетъ;
А я хоть отвѣдаю,
Что дѣлать не вѣдаю.
Хвалятъ тебе вси явно,
Хотя не весма славно;
Благодаренъ-же и я,
Вѣрній твой другъ Ілія.

ОТЪ НЕЙМАНА ЖИДА.

Беретъ мене на сіе питейцо оскома,
А то есть честній промыслъ отца эконома.
Люблю: сладко, пріятно,
Въ ротъ течетъ невозвратно.
Когдабъ прадѣди наши такого достали,
Въ пустыни на Мойсея вѣкъ бы не роптали,
Но взявшись за боки,
Всѣ-бъ поднялись вскоки.
Горко было бѣднимъ имъ, а намъ сладко нынѣ.
Хвалятъ тебе, батюшка, въ Карповской пустынѣ,
Хвалитъ самъ архіерей,
Кольми паче азъ еврей!

ОТЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Ноевъ,
И сей бо дастъ напой лучше всѣхъ напоевъ.
Но тамъ отецъ насмѣшенъ, а сынъ подпалъ гнѣву,
А твоему порокъ тотъ не прилежитъ пиву.
И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
Не какъ онъ обруганній отъ мерзкаго Хама.

ОТЪ КОЗАКА.

Бѣжитъ прочь жажда, бѣжитъ и печалній голодъ,
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ.
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ,
Пьянъ я, хоть и омочусь однимъ толко усомъ.

ОТЪ МАЛЫХЪ ДѢТЕЙ.

Гдѣ ты, о бородушка,
Заручилъ солодушка,
Какова здѣсь не было?
Такъ то пріятенъ зѣло.
Гдѣсь ты ездилъ далеко,
Гдѣ птичіе молоко:
Понеже слово слово (sic)
Такъ сладко и здорово.

ОТЪ НОВГОРОДСКИХЪ ДВОРЯНЪ.

За честь твоего солоду
Лобизнемъ твою бороду,
Батюшка нашъ кормитель.
Никто не можетъ сказати
Въ якой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
Прилѣжно разсуждаемъ,
Новгородскія шалиги,
Которую пьють яриги,
Весма ужъ забываемъ.
Да то чудо весма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивце то изъ бочки ліется
И течетъ по вся недѣли,
А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не припіется.

Сообщ. **В. Науменко.**

ПО ПОВОДУ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ КІЕВО-МЕЖИГОРСКАГО МОНАСТЫРЯ, НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ КЪ ЕГО ИСТОРІИ.

Люди, дорожащіе памятниками родной старины, не могутъ, конечно, не порадоваться возстановленію такой дорогой сердцу южно-русскаго народа святыни, какъ кіево-межигорскій монастырь, почти сто лѣтъ остававшійся въ запустѣніи и теперь возобновляемый благочестивою ревностью кіевскаго митрополита Платона.

Прекрасный уголокъ земли, богатый воспоминаніями своего славнаго прошлаго, претерпѣлъ было въ теченіи минувшаго столѣтія печальное водвореніе «мерзости на мѣстѣ святѣ»,—неудачную попытку превратить мѣсто «спасенія душъ» въ промышленное заведеніе—фаянсовую фабрику съ крѣпостными рабочими.

Тихая обитель, пріютившаяся въ этомъ живописномъ уголкѣ, на правомъ берегу Днѣпра, между горъ, священныхъ для южно-

русскаго народа, привлекала когда-то къ себѣ благочестивые помыслы людей, лучшіе годы своей безпокойной жизни проводившихъ на окраинахъ русской земли, въ далекихъ степяхъ Запорожья, въ неустанныхъ военныхъ подвигахъ, въ постоянной «боротьбѣ» за родную землю. Здѣсь, въ межигорскомъ монастырѣ, запорожцы искали «спасенія души», сюда стремились они «на прощу», на «послушаніе», здѣсь многіе изъ нихъ находили и вѣчное упокоеніе, отсюда они получали своихъ духовныхъ пастырей, проповѣдниковъ и учителей и сюда несли свои пожитки на поминъ души. Не могла на такомъ мѣстѣ утвердиться фабрика: видно, и надмогильные камни воніяли противъ нея. Прошло уже больше 20 лѣтъ, какъ прекратилась дѣятельность фабрики и безобразный «шумъ колесъ ея умолкнулъ...» Исторія беретъ свое, и вотъ на нашихъ глазахъ Межигорье вновь готовится стать «тихою обителью». Не сомнѣваемся, что благостивая и трудящаяся братія, подъ руководствомъ энергичнаго игумена, умѣлаго хозяина и просвѣщеннаго человѣка, съумѣетъ оцѣнить значеніе исторической народной святыни и не замедлитъ возстановить ее въ надлежащемъ видѣ.

Въ виду-то готовящагося возстановленія межигорскаго монастыря слѣдовало-бы подумать и о составленіи по возможности полнаго сказанія о его прошлыхъ судьбахъ. Существующія сказанія далеко не отличаются такою полнотою, да есть въ нихъ, конечно, и фактическія неточности: одну изъ нихъ я и имѣю въ виду указать въ настоящей замѣткѣ. Вообще и пробѣлы и неточности въ этомъ случаѣ весьма естественны, такъ какъ для возстановленія исторіи межигорскаго монастыря нѣтъ самаго существеннаго матеріала— монастырскаго архива: онъ сгорѣлъ до тла, «такъ что ни единой бумажки не осталось», во время пожара 1764 года, совершенно опустошившаго Межигорье.

Мнѣ удалось найти въ архивномъ хламѣ кіевскаго губернскаго правленія нѣсколько дѣлъ, относящихся къ межигорской старинѣ [1]), и вотъ главнымъ образомъ одно изъ нихъ дастъ возможность документально исправить ошибку, вошедшую въ печатныя сказанія относительно одного изъ архимандритовъ этой обители.

[1]) Дѣла эти, числомъ II, войдутъ въ приготовляемый мною 9-й выпускъ «Историческихъ матеріаловъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія».

Въ числѣ архимандритовъ межигорскаго монастыря, управлявшихъ имъ съ 1732 г., показанъ, между прочимъ, у М. А. Максимовича [1]) архимандритъ *Никандръ*, какъ игуменствовавшій съ 1753 г., а у Е. Крыжановскаго [2])—*Никаноръ*; Н. Закревскій [3]), признавая послѣднее показаніе ошибочнымъ, называетъ тоже *Никандра*, какъ предшественника Гедеона Слонимскаго, причемъ говоритъ: «когда и чѣмъ кончилось игуменство архимандрита Никандра—неизвѣстно». Всѣ три автора называютъ этого архимандрита предшественникомъ Гедеона Слонимскаго, игуменствовавшаго якобы съ 1762 года. Имѣющееся у меня въ рукахъ дѣло 1769 г. «Объ оставшемся послѣ межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* имѣніи» даетъ возможность точно возстановить какъ имя предшественника Гедеонова, такъ и время и обстоятельства его кончины.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 года намѣстникъ межигорскій іеромонахъ Іессей доносилъ въ коллегію экономіи о «нечаянной того монастыря архимандриту *Никанору* отъ разбитія лошадьми смерти» и препроводилъ при этомъ опись имѣнію, оставшемуся послѣ покойнаго, и списокъ родственниковъ, которымъ должно было поступить это имѣніе по наслѣдству. Когда именно, т. е. какого числа умеръ архимандритъ—изъ дѣла этого не видно, но такъ какъ опись имущества его составлена 7-го февраля, то можно думать, что и смерть его послѣдовала въ первыхъ числахъ февраля.

И М. А. Максимовичъ, и Н. Закревскій, основываясь на одномъ и томъ-же источникѣ, на «Историческомъ извѣстіи о межигорскомъ монастырѣ», изданномъ въ 1830-мъ году, упоминаютъ впрочемъ и Никанора, говоря, что онъ былъ назначенъ *въ 1776 году* на мѣсто Іларіона Кондратковскаго, но «на пути де въ Межигорье убитъ былъ испуганными лошадьми». Надо думать, что этого другаго Никанора вовсе не было, что этотъ фактъ смерти «на пути», извѣстный уже автору «Историческаго извѣстія», относится именно къ тому Никанору, который ошибочно названъ Никандромъ и который былъ, дѣйствительно, предшественникомъ Гедеона.

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. II, стр. 281—283.

[2]) «Кіево-межигорскій монастырь» въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1863 г., № 23 и 24.

[3]) Описаніе Кіева Н. Закревскаго, т. II, стр. 491—494.

Имѣется у меня и другое дѣло, которое подтверждаетъ, что въ межигорскомъ монастырѣ игуменствовалъ предъ Гедеономъ не Никандръ, а Никаноръ, къ которому и надо отнести все то, что разсказываютъ М. А. Максимовичъ и Н. Закревскій о Никандрѣ: это—дѣло кіевской губернской канцеляріи 1759 года «по челобитью кіево-межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* съ братіею о выдачѣ въ тотъ монастырь съ представленныхъ на с. Евменки и на принадлежащія къ нему угодья крѣпостей выписи».

Зная годъ смерти архимандрита Никанора, можемъ теперь съ увѣренностію сказать, что архимандритъ Гедеонъ не могъ игуменствовать съ 1762 года, слѣдовательно не при немъ былъ и пожаръ 1764 года, о которомъ Н. Закревскій сообщаетъ на основаніи документовъ архива св. синода, и не ему принадлежитъ возобновленіе монастырскихъ построекъ: Гедеонъ могъ быть назначенъ игуменомъ не раньше февраля мѣсяца 1768 года, когда скончался Никаноръ.

О личности архимандрита Никанора весьма немногія свѣдѣнія можно извлечь изъ выше названнаго мною матеріала.

Отстаивая хозяйственные интересы своего монастыря, этотъ архимандритъ заключилъ въ 1757 году двѣ сдѣлки съ монастыремъ кіево-михайловскимъ: по одной покончилъ давнее спорное дѣло и учинилъ раздѣлъ боровъ и лѣсовъ между селами Евменкою и Боденьками, на которые одинаково претендовали оба монастыря; по другой—условился съ тѣмъ-же монастыремъ съобща отстаивать эти боры и лѣса отъ притязаній монастыря братскаго. Въ 1759 г. эти сдѣлки, вмѣстѣ съ другими монастырскими крѣпостями, представлены были въ кіевскую губернскую канцелярію для снятія съ нихъ копій и выдачи выписей «для объявленія въ полковомъ черниговскомъ судѣ и впредь ежели гдѣ въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ случай когда востребуетъ»: подлинныхъ документовъ не хотѣлъ по всякимъ такимъ случаямъ выпускать изъ своего архива предусмотрительный архимандритъ, опасаясь, чтобъ «какимъ случаемъ попортиться и потеряться не могли».

Архимандритъ Никаноръ, по всей вѣроятности, былъ родомъ изъ гадяцкаго полка, гдѣ проживала и родная сестра его Ульяна, дѣти которой наслѣдовали и оставшееся послѣ него имѣніе. Всѣхъ этихъ дѣтей, племянниковъ и племянницъ архимандрита, было пять. Одинъ племянникъ и двѣ племянницы были «мужичого званія» и

жили въ гадяцкомъ полку, но трое дѣтей ихъ, т. е. внуковъ архимандрита, жили въ Кіевѣ и «содержаны были всѣмъ нужнымъ къ ученію отъ покойнаго архимандрита»: двое изъ нихъ учились въ кіевской духовной академіи, а одинъ находился «въ обученіи рукодѣльнаго слесарскаго мастерства». Племянница Пелагія была замужемъ за священникомъ фроловскаго монастыря Филиппомъ, а племянникъ Алексѣй Гладкій былъ «намѣстникомъ» (священникомъ) въ м. Гоголевѣ кіевскаго полка. Этотъ гоголевскій намѣстникъ и явился съ довѣренностями всѣхъ прочихъ родственниковъ за полученіемъ оставшихся послѣ архимандрита вещей, которыя и были выданы ему уже при архимандритѣ Гедеонѣ. Нѣкоторыя изъ вещей, значившихся въ описи, были удержаны въ монастырѣ, такъ какъ, по объясненію архимандрита Гедеона, представленному въ губернскую канцелярію, составляли не личную собственность покойнаго архимандрита, а монастырскую, занесены-же были въ опись братіею «по незнанію того, ошибочно, и за отлучкою знающихъ о томъ довольно іеромонаховъ въ Сѣчь запорожскую». Удержаны были въ монастырѣ: 1) ряса камлотная черная зъ лиштвами матеріальными вишневыми и ковдра вибойчатая подъ полотномъ на бавелнѣ, потому что справлены были на счетъ монастырской казны и въ книгѣ шафарской записаны; 2) одѣвало медвѣжое, покрытое зеленымъ сукномъ, взятое было архимандритомъ Никаноромъ въ свою келію изъ монастырской конюшни; 3) «чайникъ одинъ и горщикъ одинъ красной мѣди» дѣланы въ монастырѣ котляромъ Патермуфіемъ изъ монастырской мѣди; 4) Библія кіевской печати, подаренная печерскимъ типографомъ Самуиломъ Рубчановскимъ въ монастырь, а архимандритомъ взятая въ келію только «для прочету»; 5) часы столовые съ звонкомъ, подаренные «не собственно персонѣ оного архимандрита», а вообще для архимандритскихъ келій бывшимъ кошевымъ атаманомъ Алексѣемъ Бѣльскимъ; часы эти и исправлялись на счетъ казны монастырской; 6) полурясокъ лисій покрытъ китайкою: о немъ іеромонахъ Дорофей заявилъ, что де въ минувшемъ 1767 году архимандритъ Никаноръ, «будучи въ его келіи, при отходѣ, безъ всякого его дара, самъ по власти своей, на себе взялъ его шубу лисюю, покритую черною китайкою, зъ оною отишолъ въ свой покой, и хотя тогда было то ему, Дорофею, съ обидою, но яко тогда былъ онъ (архимандритъ Никаноръ)

первая власть въ монастырѣ, и такъ отдачи того требовать не смѣлъ, которую архимандритъ Никаноръ, за отлучкою его, Дорофея, въ Сѣчь запорожскую, и перешилъ себѣ на полурясокъ».

Судя по составленной описи, собственное имущество архимандрита Никанора не отличалось сколько нибудь значительнымъ богатствомъ. Три шубы—лисья, пещовая и тхорова, кожухъ крымскихъ рудыхъ смушковъ, два полуряска, двѣ рясы и четыре кафтана—вотъ и вся одежда, бѣлья весьма немного, посуды сколько нибудь цѣнной и совсѣмъ почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ серебряная вещь названа одна—«пакалъ въ пуделку маліованномъ».

Денегъ въ описи находимъ: «червонцовъ поединковыхъ 15 и имперіалъ въ 10 рублей единъ».

Книги—исключительно богослужебныя, числомъ 9.

Во время игуменства архимандрита Никанора, но въ его отсутствіе изъ монастыря, въ 1764 году въ іюнѣ мѣсяцѣ въ межигорскій монастырь присланъ былъ изъ Петербургъ по высочайшему повелѣнію «малороссіянецъ Антонъ Любимскій», съ тѣмъ, чтобы онъ, «по усмотренному въ немъ поврежденію ума», содержался въ монастырѣ подъ присмотромъ неотлучно, при чемъ на одежду ему велѣно выдавать изъ малороссійскаго скарбу по 50 рублей въ годъ. Этотъ загадочный «малороссіянецъ», не смотря на поврежденіе своего ума, 3 сентября того-же 1764 г. умудрился бѣжать изъ монастыря и послѣ тщательныхъ поисковъ нигдѣ не былъ розысканъ.

Время игуменства архимандрита Никанора представляетъ особенный интересъ, между прочимъ, потому, что именно въ это время тотъ безпокойный элементъ, изъ котораго формировались гайдамацкія шайки, нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ Межигорьи, что и заставляло заподозрѣвать самый монастырь въ укрывательствѣ гайдамакъ. На сколько архимандритъ Никаноръ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи «слабое смотрѣніе»—трудно сказать; но, по всей вѣроятности, именно нѣкоторая слабость этого смотрѣнія породила тѣ «непорядки», которые, уже при архимандритѣ Гедеонѣ, обличалъ іеромонахъ Савва въ 1769 году [1]).

Ал. Андріевскій.

[1]) См. въ 6-мъ выпускѣ «Историческихъ матеріаловъ», стр. 30—41. Сущность доноса Саввы и заключается именно въ укрывательствѣ лицъ, разыскиваемыхъ властями.

БРОШЕННЫЙ ИЗЪ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ.

Нѣкто, подписавшійся буквою N, напечаталъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» статейку, подъ заглавіемъ: «Случай изъ жизни Н. И. Костомарова».

Въ этой статейкѣ г-нъ N опровергаетъ мой разсказъ о встрѣчѣ съ Костомаровымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го тома «Исторіи Возсоединенія Руси», приводя изустный разсказъ самого Костомарова. По его словамъ, Костомаровъ назвалъ себя сыномъ человѣческимъ, а меня предающимъ его лобзателемъ, и этимъ будто-бы далъ мнѣ знать, что прочелъ уже 1-й томъ «Исторіи Возсоединенія Руси».

Не было надобности Костомарову давать мнѣ объ этомъ знать, такъ какъ онъ раньше, нежели кто либо въ столицѣ, имѣлъ въ рукахъ мою книгу, которую нынѣшній обладатель его библіотеки и найдетъ въ ней съ моею подписью.

Костомаровъ былъ выше такого пониманія литературныхъ отношеній, какое, вѣроятно, судя по себѣ, воображаетъ г-нъ N. Дружескій поцѣлуй его дѣйствительно былъ для меня неожиданностію. Это можетъ засвидѣтельствовать мое письмо къ нему о нашей встрѣчѣ. Если-же оно не сохранилось въ бумагахъ покойнаго историка, то сошлюсь на поименованныя въ моихъ воспоминаніяхъ семейства, въ которыхъ я бывалъ, въ Москвѣ, съ Костомаровымъ и къ которымъ Костомаровъ никогда безъ меня не ѣздилъ. Они знаютъ меня больше, чѣмъ г-нъ N. Пускай онъ спроситъ у нихъ: способенъ ли я пріѣзжать дружески, въ условленные дни, къ обѣду съ человѣкомъ, который бы назвалъ меня предателемъ?

Наконецъ, «случай изъ жизни Н. И. Костомарова», слѣпленный г-мъ N изъ двухъ описанныхъ мною сценъ свиданія, рѣзко противорѣчитъ изображенію Костомарова по отношенію къ его критикамъ, представленному весьма вѣрно г-мъ Беренштамомъ въ той же іюньской книжкѣ «Кіевской Старины».

П. Кулишъ.

ПѢСНЯ НА КНЯЗЯ ДОМИНИКА ЗАСЛАВСКАГО.

Въ свое время Владиславъ IV, король польскій, готовился къ войнѣ съ турками: онъ нанялъ значительное число охотниковъ за границею и расположилъ къ войнѣ умы любившихъ его малороссійскихъ козаковъ, которые были собраны и готовы по первому его распоряженію двинуться на турокъ. Но польскій сеймъ и противодѣйствовавшіе волѣ короля магнаты рѣшительно противились намѣреніямъ Владислава и между тѣмъ вели кровавую брань противъ козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, обзывая послѣдняго бунтовщикомъ, хотя онъ былъ истинно преданъ королю Владиславу.

Нѣкоторые подвиги козаковъ за время этой борьбы были увѣковѣчены, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ. Одной изъ побѣдныхъ козацкихъ пѣсень является ниже помѣщенная. Она составлена, вѣроятно, послѣ несчастной для поляковъ битвы подъ Пилявцами 23 сентября 1648 г., когда они бѣжали, можно сказать, безъ выстрѣла отъ Хмельницкаго. Пѣсня эта сохранилась въ рукописи, въ Сѣнявской библіотекѣ, въ Галиціи, за № 379. Извѣстный польскій ученый Вацлавъ Александръ Мацѣевскій, во время своихъ занятій въ Сѣнявѣ въ августѣ 1845 г., нашелъ ее среди другихъ бумагъ и списалъ. Эта копія попала въ мое распоряженіе въ числѣ другихъ рукописей Мацѣевскаго. Вотъ самый текстъ пѣсни:

Доминикъ съ коникомъ лежить,
Козакъ до нёго бижить,
Лежати тоби, князю, не воёвати,
Не будешь бити козаки, мои браты,
Гой, не будешь, паниче, безъ серця и головы!
Вернися до дому съ ляхи, коли здоровый.
Познайте суды Бога святого, ляхове;
Де слава ваша, достатки и гетьманове?
Козакъ убогій теперъ бижить воёвати:
Покиньте своволю, а мійте назъ за браты.
Теперъ буде гораздъ, пойдемо на поганы,
Выбьемо усихъ, що тилько есть бисурманы.

Сообщ. **Н. С.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВЕЛЕТНЯХЪ И ПЯТНИЦѢ[1]).

Велетни то були високи, високи люди, отъ якъ дерева. Якъ пиде, важуть, выбачайте, про себе, то... зверне верхъ дуба та й... Якъ теперъ люди хазяинують, такъ и тоди велетни хазяинували.

Разъ ӣде велетень, дивитьця, лизе що-сь по полю, а то були таки люди, якъ теперъ мы, орали соби—шисть воливъ, два погоничи и оратай, чи що тамъ. Велетень взявъ ихъ всихъ на долоню, та й приносе до батька.

— Що воно, каже, тату, таке?

— Де ты його взявъ? пита батько.

— Оттамъ на поли.

— Однеси, каже, сину, його туды, де ты взявъ, а тоди прыйди, то я тоби роскажу.

Той пишовъ, положивъ, де ихъ взявъ, и питаеця батька.

— Отто, каже батько, якъ мы помремо, то таки люди будуть писля насъ; нашихъ плугивъ не здоліють, та пороблять свои тай будуть орати.

Оттаки люди маленьки и поставали теперь, закончила разсказчица, и живуть соби слава Богу и доси; а посли насъ ще менчи будуть.

Одна дивка сидить пидъ пятныцю та пряде, та пряде. Коли чуе, щось подходе пидъ викно.

— А ты, дивко, прядешь?

— Пряду, каже.

А вона (пятница) якъ кине у викно цилый пучокъ веретенъ, та й каже:

— На-жъ, каже, ци веретена, щобъ ты уси до свиту запряла; а коли не запрядешъ, каже, то не будешъ у сьвити жить.

Та й пишла соби.—Дивка злякалась:

Що-жъ мени въ сьвити Божому робити теперъ? дума соби, бо хочъ якъ швидко пряди, а бильше двохъ, або трехъ починкивъ не напрядешъ.

---

[1]) Записано въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, отъ Хиври Юхименковой.

А та, може, штукъ зъ двадцать шпурнула веретенъ.—Що тутъ робить? Взяла вона та мерщій на одно веретено нитку, на друге нитку, на трете... абы швидче, абы швидче. Намотала вси до одного, взяла тай выкинула за викно, тай зачинилась.

Коли це, трехи перегодя, приходе пятниця пидъ викно знову. — А, каже, догадалась, каже, зрозумила, каже, що зробить: счастья маешь. Десь вывчилась добре, а то не жила-бъ у сьвити, знала-бъ ты якъ прясти пидъ пятницю.

А та дивка такъ ниць и впала.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ О ШЕВЧЕНКѢ [1].

Уродився тай Шевченко,
Уродився тай удався,
Тильки дурный его розумъ,
Що въ салдаты записався.
—«Не самъ же я записався,
Записала мене мати,
Записала мене мати
Щей маленькимъ у салдаты».
—Ой повезли Шевченка
Тисною улицею,
Назадъ руки завязали
Та билою сырыцею.
Ой привезли Шевченка
До нового трахтиру,
Тамъ Шевченка розибрали,
Якъ мати народила;
Посадили на креселку,
Чорни кудри обстригали,
Чорни кудри обстригали,
А Шевченко умливае.
«Розвивайся, суховерхій дубе,
Бо на тебе морозъ буде,
Роздивайся, та Шевченку,

[1]) Записана отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда.

Бо на тебе пріёмъ буде!
Ой не плачъ ты, Шевченко,
Тай не плачъ, не журися,
Бери деньги бумажніи
Медъ-вина напыйся».
—Ой, ударився Шевченко
Та объ полы руками:
«Деньги мои бумажныи
Пропавъ же и зъ вами»!

Сообщ. **Мих. Васильевъ.**

6. Отъ Василя Матвѣенка, Ломоносового зятя, шинкаря ....ровского, за 2 стана горѣлки принято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобралъ староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отйисканя теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадского и до Андрея Липпя; на дорогу дано ему 15 к., а на паперъ 50 к.

8. Рано стоящымъ въ деревняхъ нашыхъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано на 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездилъ я до Гузовки для осмотру тамъ новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Івановой Сулиминой [209]). Въ той поездцѣ Іванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у насъ въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писаръ сотенный погарскій Турокъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давного долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присиланный зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о пріемѣ указу, чрезъ которого послано писмо и до Савіцкого, писаря отставного лубенского, сторони дѣла правного сводного и о сочиненіи прожектовъ, да до повѣренного Іліи Квитницкого, тако-жъ и до старости товкачовского о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонъ.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому даны 10 к. на дорогу. Павелъ гузовскій, вчора пріехавшій, чтобъ его принятъ на староство, отехалъ и ему-жъ даны 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка чвертку жита. Черицѣ чолнскіе запретили дрова возить изъ пущи для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запрещенія посиланъ староста къ городничему въ Олешевку, но возвратился зъ нѣчимъ. За покраденное сѣно наше евдоколцями забрали евдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

---

[209]) Говорить о вдовѣ одного изъ сыновей генеральнаго хорунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовскій архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупцы къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за намѣстника въ монастырѣ чолнскомъ управляющему, чтобъ позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Івана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василія Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцювъ до окончанія зимной дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ ихъ пущи за 8 гривень.

15. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобъ оными подводами навозить тамъ дровъ, ліоду и забрать оттоль хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе нужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забраня оттоль шулъ, бруся и тину и для разобраня тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевского.

18. Переехали на ночъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Таинъ въ церквѣ городиской, а по обѣдѣ віехалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и ночовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкого.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ швагромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили доволно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею швагеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтянцѣ Рачинской Татіанѣ, Ілія Лизогубъ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовского Рубця на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Івана Івановича Владиславича и у Григорія

Скорупны; потомъ обѣдали у полковника и доволно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовского Коменка за пенку надлежащые всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, росплата 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись in summa 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночю.

24. Іванъ Гамалія, швагеръ изъ женою и дѣтми, прибылъ рано къ намъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни [210]).

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ пшеницею и просомъ. Писаны писма до полковника полтавского Кочубея, до Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до сина Василя зъ нѣкоторою посилкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родился мнѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Іванъ и окрещенъ марта 3; воспріемниками были [211])... Зъ писмами вчора писанными и зъ нѣкоторою посилкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанѣйцамъ на другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимные мѣсяци очищены.

27. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скорупнѣ и къ Федору Корецкому, а къ протчимъ безъ писемъ таковый-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайского, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компанѣецъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовского. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ домы свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной стаповъ 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли папи 8 тамошные,

---

[210]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвитскаго уѣзда.

[211]) См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о протчемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ зъ малярemъ стародубовскимъ Василіемъ Григоріевымъ, который имѣетъ дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и оному уговоренной цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а протчее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣетъ и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и росплатка учинена зъ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимные мѣсяцѣ, 1742 г. октоврія зъ 15, 1743 г. апріля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены денги Петру Троєносенку до весенного Николая, а Кондрату Алексіенку до осѣнного и въ томъ взяты у нихъ облѣкги. Зъ винникомъ Гришаномъ за роботу его въ винницѣ на Василювцѣ росплатка учинена по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвѣя Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ доношеніе въ войсковую енералную канцелярію противъ указу о поѣздѣ до Глухова, присланного чрезъ компанѣйця, чрезъ которого оное и тые писма отправлены. Уговорена жена дяка курковского Наталія дѣлать два килимы до новыхъ нашихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчвертки проса, полторы чвертки жита, да за цвѣты до прежде здѣланного килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-жъ жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-жъ приказано дать чвертку жита женѣ..., которій сталъ у насъ въ Городищѣ робыть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе зъ женою и зъ ними попъ Алексій Хелкидоцкій.

3. Рано понріезджали въ домъ нашъ перегонскій Григоріева Скорупина, Анастасія Ширасвна, потомъ и мужъ ея, да Григорій Гамалѣя холонецкій зъ женою, сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою и протчіе, а на остатокъ и вдовствуючая Григоріева Гамаліина зъ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скорупина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енералная Галецкая и другіе погарци, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна зъ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катарь и кашель.

5. Привезено зъ Стародуба отъ Карпа котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родилъся и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 дня сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя зъ немалымъ кашлемъ, чего для никуда зъ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ зъ указомъ изъ Глухова, чтобъ мнѣ туда ехать для дѣла зъ Соколовскимъ, но на оный указъ учинено отъ мене отвѣтное доношеніе.

12. Зъ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ зъ Лотоковъ и привезъ денегъ за медъ доправленныхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 дня для пріуготовленя тамъ меду и пива, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писалъ до Івана Гамаліи, до Федора Ширая, до Лишня, до Федора Чуйкевича, до Василя сина и до Іосифа племѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправленъ Стефанъ Кавра́йскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за протчими нуждами, чрезъ которого посланы 2 писма: 1, до Семена Іванова Пустоты, 2, до дозорци Ропского дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карповичахъ сто конъ драпѣ.

15. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ атамана компанѣйского полку чосникового Василя Соколовского, уволенного уже отъ службы компанѣйской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полкового Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправленъ староста перегонскій въ Стародубъ для вареня пива и за другими домашными потребами, которому между протчимъ велѣлъ въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубѣ на що надобно.

17. Винникамъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ виробленныхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Івану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣннику въ Глуховъ о розсиченю меду и о пивѣ въ ліодъ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна чвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ чверткою имѣлъ теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣетъ отдати сего году въ септевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского за Вовдею Василихою Сластіонвискою, а до Іосифа племѣнника объ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковского Манковского о козаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому позичены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипова, служителя Івана Гамаліи юдиновского; да у мене-жъ, зъ Глухова ѣдучи, былъ прикажчикъ села, почеповского уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городискую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы ишла. Кравець изъ Стародуба присланъ и покроилъ кунтушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными потребами.

20. Ничего не случилось.

21. Принималъ лѣкарство. Староста возвратился зъ Стародуба, нѣчого тамъ не справивши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобъ я ѣхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзнію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войтъ возвратился отъ возки бервеня, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевского Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Івана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василювского, подданному волости ропской, жителю будницкому Василю Кручлину заплатили мы долгу его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-жъ Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ зъ солоду семіоновского и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ лıодовнѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медъ разсиченный въ Погарѣ. Отправленъ кравецъ Никифоръ и мамка Ганка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и протчее и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-жъ писма до г. Скоропадского, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была мнѣ коліка и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всеношной быть не могъ. Проехалъ днемъ Федоръ Ширай зъ Глухова чрезъ Гринювку, а ночю прибылъ зъ Городища судія полковый Павелъ Скорупна.

27. Въ сей день Въѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городищѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скорупна, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина зъ Городища, Ничипора Семенцова жена, пришедъ въ дворъ мой перегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны балясъ, чтобъ припомянулъ Максиму Турковскому и о птушкахъ, такожъ объ отсилки писма моего до Василя Гудовича зъ писмомъ къ нему-жъ отъ Федора Чуйкевича, где и стороны желѣза къ нему Гудовичу писано. Дана квитація Никону Вербіцкому, которій былъ командиромъ надъ 24 компанѣйцями полку старого чесниковского, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды нашимъ людямъ не показано.

29. Взятъ облѣкгъ у Осипа Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного намъ отъ него, что имѣетъ оное отдать сего году въ сентевріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25$^3/_4$ осмачки.

30. Синъ Василь и племѣнникъ Іосифъ пріехали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоилъся исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Априль.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горѣлки виробленной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тіе, что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сину нашему Іеану приговорена Федоска Товкачиха и дано для еи дѣтей корову, такожъ шпона и чвертку жита, а еще давать ей въ годъ 3 р. и чвертку жита.

2. Чубенокъ кушнѣръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стародубъ, которымъ за роботу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к., и на томъ-же Гришку стелмаху денегъ нашихъ 70 к. имѣется. Зъ Лотоковъ войтъ Федоръ Фурсовъ принесъ оробковъ 16 и глушаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ сынъ мой Василь и другіе малые дѣти причащались въ церквѣ городецкой. Вечеромъ пріездила къ намъ Евдокія Бороздняика, Григоріева Гамаліина, поздравляючи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ къ завтрему. Въ вечеру-жъ привезъ ко мнѣ изъ енералной канцеляріи два указы полку стародубовского чесникового компанѣецъ Яковъ Юркевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытіи моемъ до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемѣ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учинено будетъ, дана тому-жъ компанѣйцу росписка и оный отправленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гамаліиной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ деревень нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писалъ писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской, 2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обозного полкового Алексія Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ, 6(до старосты товкачовского Паленского и зъ оными отправленъ племѣнникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пашпортъ данъ. Попы и причетники церковные, тако-жъ козаки городецкіе были у насъ зъ празничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь, на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми, ушолъ, раковню горѣлки выпивши и пчолы пододравши, да и винника зъ собою увелъ.

6. Племѣнникъ Іосифъ, зъ помянутыми писмами отправленный до Козелця, отехалъ зъ приданнымъ ему козакомъ зъ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха зъ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цвѣты заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны писма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобъ ему определилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта зъ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобизкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханенко отехалъ къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдня и опанча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегогоднюю, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Кавпайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же росплатокъ. Заплачено винику городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ зъ Кизенкомъ и Халимоненкомъ въ Кистеръ свѣдителствовать тамошнего козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визвичить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ зъ дому перегонского и попасовалъ противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибылъ въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ зъ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ зъ монастыря, отецъ Авксептій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ муровщикъ и Тарасъ цегелникъ, зъ которыми чиненъ о ихъ роботѣ рощотъ, а по рощотѣ постановили ехать имъ обоимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писалъ чрезъ отправленного туда-жъ шкляра, которому въ задатокъ и даны 40 к. Зъ Гойскою подрядилься на 15 четвертей вапны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ зъ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлься зъ архимандритомъ Варнавою; потомъ отехавъ перевозилься чрезъ Десну болѣе двохъ часовъ и зъ Пироговки отправилъ писмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ писмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобъ оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дожчѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехалъ въ нѣсколко часовъ ночи до Гамалѣевского монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ ночовалъ.

13. Рано видѣлъся зъ отцемъ архимандритомъ Софроніемъ Мігалевичемъ и у него чай пилъ; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и розговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовкою ихъ маетностей Дѣвицъ грунтахъ и розграниченіе тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровского, господаря гетмана Скоропадского, чиненное видѣлъ и читалъ, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттоль-же въ въ 8 часу по полуночи віехавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой бѣлополовскій.—Theodorovicz avestatur. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и Валкевича и уже ночю отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ розговоръ о дѣлѣ Соколовского, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ глуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, которій мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцеляріи, где видѣлъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судіею Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Туряпскимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехавъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Иліею Квѣтницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому противъ его писма о пріуготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовского и чрезъ Прокопа Дмитренка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшкинъ и куцій; писалъ-же и о висилкѣ сюда Качановского. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушалъ обѣдни въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юнgансъ, а надвечери былъ Квитнѣцкій.

17. Посилалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Івашки и отвѣтъ получилъ, такожъ прислалъ опъ табакерку мою, которую я посилалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а послѣ того былъ у мене-жъ судія енералный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинского Петра Стеріевича Тарвавіота прислалъ Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина бѣлого и судацкого. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради слабости моей, въ сюю ночь приключившейся чрезъ колотье въ правомъ боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной сліоти во всѣ дни, а найпаче сее ночи и сего дня безперервно продолжавшейся. Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алексіевъ Кишинскій, отправляючійся въ полкъ стародубовскій для завѣдованя описными и свободными маетностями, зъ тѣмъ обявленіемъ, что и въ деревняхъ въ Куровѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для описѣ мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣетъ. Я сегодня принималъ species, одъ доктора Бока присланное.

20. Оный-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и розговоровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писаны писма къ женѣ о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіалъ посланъ, тако-жъ до сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ сотнику для отсилки одтоль до Перегону.

21. Оные писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глуховскимъ. Сего числа рано прибылъ шваґеръ мой Іванъ Гамалія и сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ прошедшого 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора и былъ у генерала, а обѣдали въ домѣ; послѣ-же обѣда были у обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музикантъ прибылъ въ Глуховъ. Івану Андріевичу Гамаліи подарилъ я книгу печатныхъ указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшыхся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Каврайскій отъ жены зъ писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронаціи ея імператорскаго величества было, послѣ службы Божой и казаня (проповѣди), отцемъ Никифоромъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петропавловского глу-

ховского говоренного, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ былъ банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнію. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевского зъ пѣвчымъ государевымъ Гаврилом Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посѣщалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ маетностями—Великою и Малою Дѣвицями и селомъ Товкачовкою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октоврія 14 дня чиненного гетмана Скоропадского господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ писмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшого зеленого и щоты костяніе.

27. Послѣ полдня зъ дожчемъ былъ весма великій градъ, болше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣлъ у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болного посѣщалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства спеціесъ и пѣгулки.

28. Оные пігулки и спецiесъ принималъ я и весь день изъ избы никуда не виходилъ, а у Івана Гамаліи Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялъся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присиланъ канцеляристъ изъ суда енералного, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовского, Андрей Мефедовскій, и посѣщали мене-жъ інформаторъ Юнgансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Поданы челобитные 2 на Соколовского и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и оные вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посѣщалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховского Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Троцинскому позичена кулбака молодецкая.

Маій.

1. Сидѣлцу въ нашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою моею двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за оные мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермолая, зъ первыхъ числъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племѣнникъ Іосифъ прибылъ и зъ нимъ Качановскій, которіе и о томъ доносили, что конь буланый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалѣя, а Іванъ Андріевичъ Гамалѣя[212]) былъ зъ протчими на крестинахъ у полковника и коммеданта глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письмѣ въ домъ: 1) до жены, 2) до сина Василя о скоромъ прибытіи его одтоль сюда до Глухова.

3. Слушаны мои челобитные передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесь учинено о сочиненіи екстракта. Принималъ я знову проносные пѣгулки. Писалъ къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старосты товкачовского о разныхъ тамошнего господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Іваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовцѣ, а оттоль имѣетъ Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпортъ, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣетъ, меморіалъ ему-жъ отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и совѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рано былъ я у генерала и говорилъ стороны моихъ челобитенъ, потомъ былъ въ коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского. Былъ у мене обозный полковый черпѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ коммиссію своду и просидѣлъ тамъ до полдни и предъ обѣдомъ былъ у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожецъ зъ писмами и подали вѣдомость, сколко хлѣба приходного зъ млина лучанского на лице имѣется.

7. Писаны писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Копповою, до попа лучанского Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ полдня прибылъ зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рано были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асаулъ Шумъ полковый кіевскій.

8. Писалъ къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

---

[212]) См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцеляристъ Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-жъ пріездилъ полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Борозднa медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а оттоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковецъ. 9 числа пришла зъ Клепалъ [213]) вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамаліи дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемниками были я зъ воеводшою путивльскою, Анастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія зъ тещею Івана Гамаліи, Маріею Зиновіевною Неплюевою [214]).

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммисіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартерѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералный г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки [215]) для свиданяся зъ генераломъ-маіоромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшыхъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маіоромъ Ливеномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріездившій ко мнѣ, просячійся на староство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалѣя отехалъ до Клепалъ, отпущенный до 24 числа сего маія, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостолъ.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдалъ у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездилъ съ нимъ-же до подскарбія г. Постелникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локотъ штофу для жены и за 5 локотъ сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сину его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, по-

---

[213]) Путивльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалѣя получилъ въ приданое за первою женою Марьею Аненковою.

[214]) По первому мужу Аненковою.

[215]) Конотопскаго уѣзда.

слалъ сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гварнѣзону глуховского при писмѣ до сотника новгородского для отправы оттоль до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлѣть нѣсколько времени, а потомъ проехавъ село Віазіонку, за Клевеню попасали; оттоль-же проехавъ мимо Путивль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ часъ вечернѣ, где засталъ и тещу Івана Гамаліи Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путивльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, такожъ помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Воцининъ зъ женою своею Уліаною Василіевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамаліи Елену, котороя воспріемниками были: я зъ воеводшою, а Іосифъ Гамалѣя зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и доволно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я еи стіонжкою золотою, у г. Гамаліиной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дни и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу пополудни и проехавъ Віазіонку, ночовалъ въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммисіи; потомъ отехавъ зъ полковникомъ лубенскимъ, у него обѣдалъ, а поездъ п. Яна Гамалѣи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамалѣевскій отецъ Софроній Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемнонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Івану Гамаліи и къ воеводѣ путивльскому Леонтіеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадского и у полковника лубенского.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи еи до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для пришиваня полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцеляристъ Богинскій обявлялъ мнѣ, что велѣно челобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Івана Пиковця, ради именинъ жены его Елены, и доволно гуляли, где имѣлъ розговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакожъ въ домъ пріехалъ завременно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы израна были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого набоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой восприемниками были ассесоръ Яковъ Ивановичъ Денисовъ и подполковниця Семенова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховского Турянского зъ маіоромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и протчими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупну, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присилкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-жъ Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ писмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухаръ Яковъ Варшаковскій и снесъ сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинѣ Ганны своровалъ рубашку.

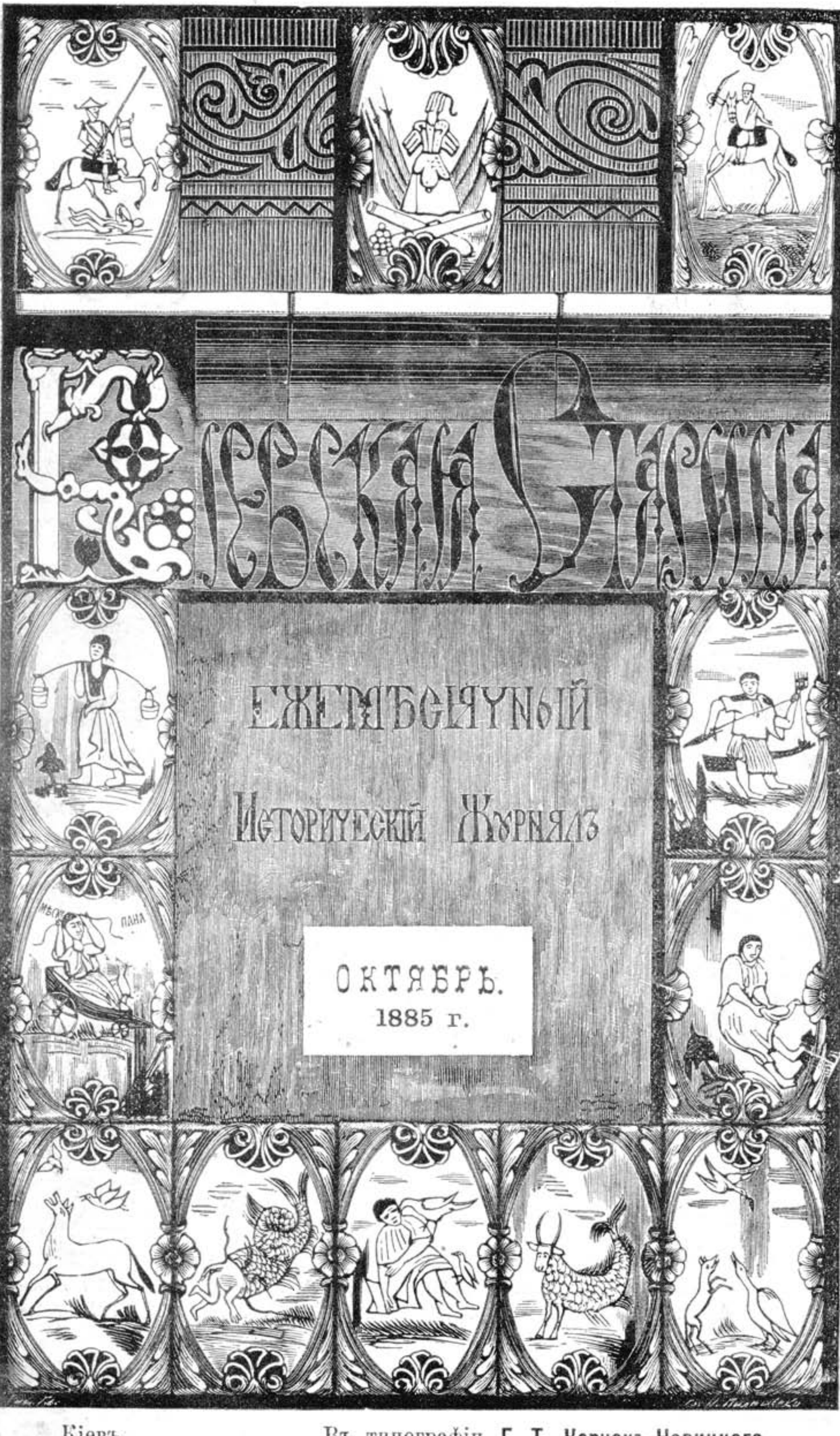
25. Наметнику для покупки тесемъ до полъ къ намету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро поповичъ юдиновскій зъ Москви, посиланный туда отъ Івана Гамаліи за справкою Клепалъ и другихъ деревень. Вечеромъ былъ у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ шваґра Івана Гамаліи.

26. Прибылъ Іванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своемъ купленномъ дворѣ. Надвечери были у мене г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случилось.

28. Передъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодій Скоропадскій, Далони Покорскій, Павелъ Скорупна, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла



Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1885 г.

стр.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОННЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 189

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго). 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралецъ».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ).—*Мих. Васильева.*—з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій—*Б. П.* 333

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 209—224

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ОКТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

НА

1886 г. (V годъ изданія) 1886 г.

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ. Принятое обычаемъ поименованіе главнѣйшихъ изъ нихъ будетъ сдѣлано въ слѣдующей книжкѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при высылкѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, недоплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ Лебединцевъ.*

КОПНЫЕ СУДЫ
ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ.

Немного повыше Новгорода-Сѣверскаго, въ Десну впадаетъ, съ лѣвой стороны, въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой, нѣсколько рѣчекъ: Зноборка, Свига съ притокомъ Бычихой, Ивотка. Теперь уже почти нѣтъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ пойдетъ рѣчь; но свойства почвы указываютъ, что тутъ были нѣкогда боры. Въ актахъ XVI вѣка упоминаются ивотскіе бортники; еще въ началѣ прошлаго столѣтія бортные урожаи играли видную роль въ хозяйствѣ теперешней очкинской волости.

Село Хильчичи очкинской волости (новгородской сотни, стародубскаго полка)—тотъ пунктъ, гдѣ совершился кровавый эпизодъ, описаніе котораго служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ замѣчаній и соображеній о копныхъ судахъ. Время, къ которому относится эпизодъ,—1722 годъ, а наказнымъ гетманомъ въ то время былъ полковникъ черниговскій Полуботокъ.

Въ одно зимнее утро, въ Филиповъ постъ, подъ Хильчичами происходила такая сцена. Толпа народа двигалась отъ Хильчичъ по направленію къ сосѣднему бору. Кромѣ разнаго случайнаго люда, толпа эта состояла изъ почтенныхъ вотчинниковъ Хильчичъ, Очкина, Кренидовки, Мефедовки, Олтаря, Зноби, Кривоносовки, Глазова—однимъ словомъ, большаго района, захватившаго не только теперешнюю очкинскую, но и часть протопоповской и жиховской волостей. Всѣ эти вотчинники съ атаманами, войтами, панскими старостами, собрались въ Хильчичи для самовольнаго отправленія правосудія, и теперь конвоировали осужденнаго ими преступника

къ мѣсту казни; священникъ далъ преступнику предсмертную исповѣдь, сама пани Кутневская не побрезгала пріѣхать на интересное зрѣлище. Преступникъ былъ «бортный злодій» Савка Розгоненко, сынъ одного хильчанскаго жителя, подданнаго пана Жоравки. Савку везли къ мѣсту казни на саняхъ, которыми управлялъ его сообщникъ Якимъ Подоляка, хильчинскій подсусѣдокъ. Самозванные судьи и въ то-же время палачи далеко не имѣли вида безстрастныхъ исполнителей правосудія. Озлобленіе къ преступнику простиралось до того, что, не смотря на всѣ его мольбы, никто не далъ осужденному глотка воды. Его привезли къ соснѣ, которая должна была служить орудіемъ казни. Соучастникъ Подоляка долженъ былъ надѣть на шею осужденному петлю и тянуть его на сосну; «якъ оторветься, то тебе повѣсимъ», говорили подневольному палачу. Иные совѣтывали повѣсить обоихъ на одной веревкѣ черезъ вѣтку, и который перетянетъ, того и казнить. Конечно, это была только педагогическая угроза для Подоляки, такъ какъ настоящимъ преступникомъ въ глазахъ всѣхъ былъ лишь Савка Розгоненко. Тащить осужденнаго на сосну принялись многіе, въ томъ числѣ и хильчанскій дьякъ. Трупъ былъ оставленъ на деревѣ. Когда съ Савкой уже было покончено, разложили подъ той-же сосной Подоляку и били его батогами.

Разумѣется, до уряда скоро дошла вѣсть объ этомъ актѣ крестьянскаго самосуда, и началось дѣло. Слѣдствіе выяснило такія обстоятельства:

Савка Розгоненко былъ однимъ изъ тѣхъ отщепенцевъ, которые, перескочивши разъ черезъ преграду, какую ставитъ каждое общество своимъ членамъ, въ видѣ принятыхъ нормъ нравственности и права, затѣмъ уже неудержимо, какъ по наклонной плоскости, двигаются въ этомъ направленіи. Началъ онъ съ выдиранія пчелъ; затѣмъ, когда пришлось потерпѣть нравоученіе въ видѣ побоевъ отъ людей, которые заподозрѣли его, онъ сталъ мстить за побои: поджигалъ хлѣбъ, строенія, рубилъ бортныя деревья. Но его противообщественная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на выдираніи пчелъ изъ бортей. Не задолго до описаннаго нами роковаго финала, онъ подобралъ себѣ товарища Якима Подоляку, чрезъ котораго и раскрылось все. Познакомились они на молотьбѣ у Савкинаго батька. Разъ Савка повелъ Подоляку показать якобы

какую-то находку и привелъ его въ лозу на болото. Тамъ онъ показалъ ему полведра сотоваго меда и началъ его угощать: «мой то медъ, я самъ его промыслилъ», говорилъ Савка, когда Подоляка выражалъ ему свои сомнѣнія. Когда тотъ наѣлся, Савка сказалъ: «ужъ ты отъ мене не откараскаешься». Черезъ нѣсколько дней Савка пришелъ за Подолякой, приглашая его идти вмѣстѣ на промыселъ. Упорство Подоляки Савка сейчасъ-же побѣдилъ такимъ аргументомъ: «якъ ты не пойдешь? ѣвъ еси со мною медъ». Когда смеркалось, они отправились: въ томъ-же мѣстѣ, на болотѣ въ лозѣ достали спрятанное ведро и лазиво, пришли съ ними къ соснѣ, выкресали огня и выдрали пчелъ; тамъ-же въ лозѣ и спрятали добычу. Съ этого дня они втеченіи нѣсколькихъ недѣль постоянно ходили на промыселъ: медъ ѣли сами, одно ведро продали. А между тѣмъ люди узнали, что у нихъ въ лѣсу не ладно; пошелъ слухъ на счетъ того, что Савка Розгоненко съ Подолякой часто не бываютъ въ полночь дома. Однимъ словомъ, «люди узяли обыскъ», т. е. принялись за предварительное слѣдствіе. Оба заподозрѣнные рѣшились по-добру по-здорову убраться отъ обыска изъ села и уѣхали въ Кульбаки къ дядькѣ Подолякиному, гдѣ Подоляка и думалъ остаться на житье. Черезъ недѣлю ночью они оба пріѣхали въ Хильчичи, что-бы еще выдрать пчелъ и захватить жену Подоляки и ея имѣніе съ собою въ Кульбаки. Но тутъ-то они и попались. Увидали и донесли атаману Полудѣ, что Подоляка пріѣхалъ и хочетъ ночью увезти свою жену. Это обстоятельство возбудило въ атаманѣ нѣкоторое сомнѣніе: тотъ велѣлъ привести Подоляку и сталъ его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ за женою ночью, когда онъ человѣкъ «незачепный» и могъ-бы сдѣлать это днемъ. Подоляка объяснилъ, что на нихъ съ Савкой Розгоненкомъ «пословица пала, бо пчолъ багато подрано». Сомнѣніе атамана обратилось въ опредѣленное подозрѣніе. Онъ сейчасъ-же ночью позвалъ войта, старосту и еще нѣсколькихъ человѣкъ изъ хильчанскихъ хозяевъ. Послали за Савкой, который, по словамъ Подоляки, остановился съ конемъ на одномъ гумнѣ; но ни коня, ни Савки уже тамъ не оказалось. Подоляку задержали, какъ «непевного» человѣка. На утро во дворъ атамана собрались всѣ козаки и мужики хильчанскіе допрашивать Подоляку. Пока шелъ допросъ, пришелъ одинъ изъ хильчанскихъ домохозяевъ и принесъ ужницю:

«отъ, панове, откинена сіеи ночи моя ужныця, що украдена була о Покровѣ». Когда осмотрѣли ужныцю, она оказалась замазанной медомъ; тогда всѣ собравшіеся вотчинники сказали: «пойдемъ, кто мае пчолы близько, оглядымъ, чи нема кому шкоды». Пошли. Въ самомъ дѣлѣ, двое хозяевъ нашли своихъ пчелъ выкраденными той-же ночи, такъ какъ пчелы были еще живыя. О результатѣ осмотра сейчасъ-же было сообщено на атаманскій дворъ. «Знать то Савка Розгоненко пакости чинитъ, какъ и прежде чинивалъ», сказали люди, и рѣшились по шляхамъ разыскивать Савку. Пока они совѣтывались, подошелъ человѣкъ изъ Глазова и говоритъ: «чи нема у васъ шкоды якои? Мы поймали въ селѣ своемъ Глазовѣ злодія зъ конемъ и санми и зъ медомъ...» Оказалось, что глазовскіе люди его задержали и связали, и передали войту. Услыхавъ все это, хильчане рѣшились послать нѣсколькихъ домохозяевъ въ Глазовъ удостовѣриться, не ихъ-ли это злодій. Въ самомъ дѣлѣ, это оказался Савка Розгоненко. Его привезли въ Хильчичи въ атаманскій домъ. Собравшіеся тамъ люди сейчасъ-же послали за старостой пана Журавки, въ подданствѣ у котораго былъ Савка. Вмѣстѣ съ старостой пришли къ такому рѣшенію, что атаманъ долженъ послать въ разныя окрестныя села, въ Очкинъ, Крепидовку, Мефедовку, Олтарь, Знобу, чтобы вотчинники этихъ селъ на завтрашній день собрались въ Хильчичи. Въ Кривоносовку не посылали, такъ какъ староста пана Кутневскаго, кривоносовскаго владѣльца, самъ пріѣхалъ, прослышавъ, что поймалъ злодій, отъ котораго пострадали и пчелы пана Кутневскаго. Вскорѣ послѣ старосты пришелъ и еще одинъ житель Кривоносовки, и тогда староста пана Кутневскаго принялся допрашивать Савку, нѣтъ-ли у него товарищей, и велѣлъ бить его батогами. Савка показалъ, что у него есть товарищъ Иванъ Малиненко, съ которымъ онъ и выкралъ пчелы у пана Кутневскаго. Привели Малиненка и забили его въ колодки. Затѣмъ снова стали допрашивать Савку батогами, правду-ли онъ показалъ на Малиненка. Подъ батогами Савка сказалъ, что онъ наговорилъ на Малиненка «по злости»: Малиненка пустили, а Савку опять стали бить кіями, допытываясь его полнаго сознанія. Привели Подоляку, который разсказалъ все, что зналъ; тогда, наконецъ, и Савка сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Въ то время, какъ избитый злодій уже сидѣлъ на землѣ, пріѣхалъ Михей

Антіохъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ ему: «се той злодій, що и твои, пане Михей, пчолы выкралъ и дерево зрубалъ». Тогда Михей, вставши съ санокъ, тоже ударилъ Савку нѣсколько разъ. «Що съ симъ злодіемъ будемъ чинити? много онъ людямъ подѣялъ шкоды»... спросили опять у Михея. Михей отвѣчалъ: «якъ зберешься купа, повишаты обохъ безъ суда, безъ права; я когдась уже такого судилъ на Ивоти Ганжуля и велѣлъ повѣсити, да и пропалъ за собаку, *бо бортницкого злодія не ведуть на право мисское, але сами вотчичи судять*» [1]). Послѣ того всѣ разошлись по домамъ. На другой день собрались приглашенные вотчинники изъ окрестныхъ селъ и составили купу на атаманскомъ дворѣ. Староста пана Журавки сказалъ купѣ: «що панове будемъ чинити? Повѣсити его, буде намъ всѣмъ недобре, выбьемъ его еще кіями да пустимъ, нехай онъ самъ сгинетъ безъ нашего грѣха». На это отозвался Иванъ Лизень, одинъ изъ пострадавшихъ: «подобно и ты, панъ староста, такъ хочешь, якъ Квѣтковскій староста, право намъ стерти, который, узявши его Савку у дворъ до себе за злодейство, право намъ стеръ и отпустилъ его. Конечно уже треба его повѣсити». Всѣ ухватились за это слово. Но староста продолжалъ: «Що се вы хочете діяти? вже радытеся его вѣшати? Чи не будете сему отрекатися напотимъ?» Всѣ отвѣчали: «не будемъ, воля Божія». «Ну, сказалъ староста, когда не будете отрекаться, запишитесь по имени». Всѣ согласились, и еще сильнѣе начали требовать казни преступника. Подрѣзъ изъ Звоби говорилъ: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину; и другіе по рублю *прикладными* обѣщались быть за смерть обвѣшаннаго». А Аврамъ, олтарскій войтъ, говорилъ: «повѣсьте его, уже що буде вамъ, тое и намъ». Хильчанскій-же атаманъ все уговаривалъ пустить преступника на покаяніе. Но на это сказалъ олтарьскій войтъ: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды, бо и въ насъ двое выкрадено пчолъ». И еще иные кричали на хильчанскаго атамана: «Когда ты за злодѣемъ тягнешь, такъ ты и самъ злодѣй, плати намъ заразъ 100 злотыхъ, бо и въ моего зятя комора теперь выкрадена». При этомъ былъ и братъ пана Кутневскаго, но не насту-

---

[1]) Припомнимъ кстати, что Литовскій Статутъ (вторая его редакція 1529 года) давалъ право «копѣ» казнить вора, пойманнаго на кражѣ съ поличнымъ.

палъ на злодѣя, а только говорилъ, что къ нему приходилъ Савка меду продавать, съ такимъ договоромъ, чтобъ о покупкѣ знали только они двое, и торговался на рубли да на талеры битіе, но тотъ отказался отъ покупки. Хотя большинство вотчинниковъ стояло на томъ, чтобы повѣсить преступника, но все-таки иные не рѣшались взять на себя это дѣло, и по окончаніи совѣщанія хотѣли разойтись по домамъ. Тогда староста пана Кутцевскаго крикнулъ: «стойте, не йдите со двора», затворилъ ворота и всѣхъ понуждалъ непремѣнно повѣсить Савку. Наконецъ позвали попа, и послѣ исповѣди повезли преступника на мѣсто казни.

По разсмотрѣніи этого дѣла судъ нашелъ виновными въ самовольной расправѣ тридцать девять человѣкъ, «приводцевъ», тѣхъ, которые обѣщались вложить по рублю за смерть Савки. Троихъ изъ нихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, присудили къ «гарматному вязенню», т. е. сидѣнью на пушкѣ на цѣпи, при чемъ они-же должны были снять повѣшеннаго съ сосны, похоронить своимъ коштомъ и справить по немъ надлежащіе сорокоусты. Остальнымъ дано было по нѣскольку десятковъ ударовъ кіями.

Изложенное нами дѣло «о завѣшенномъ человѣку Савцѣ Розгоненку на соснѣ, подъ селомъ Хильчичами, за покражу пчолъ зъ бортей» взято изъ архива бывшей малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Каждый читатель, знакомый съ южно-русской исторіей, видитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ интересномъ историко-бытовомъ явленіи, которое профессоръ Иванишевъ представилъ вниманію ученаго міра подъ именемъ копныхъ судовъ. Изслѣдованіе Иванишева констатировало существованіе этого учрежденія въ правобережной Украйнѣ. Но существовало-ли оно и на остальномъ протяженіи, занимаемомъ малорусскимъ племенемъ? Въ частности, имѣло-ли оно мѣсто въ Украйнѣ лѣвобережной? Это, сколько намъ извѣстно, пока не ставилось наукой даже и въ видѣ простаго вопроса. А между тѣмъ поставить такой вопросъ, въ особенности-же рѣшить его утвердительно, значило-бы отнять у разсматриваемаго явленія случайный характеръ, слѣдовательно придать ему тотъ болѣе широкій и глубокій смыслъ, какой находится въ связи того или другаго явленія со всей національной исторіей. Правда, въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ есть кой-какія указанія на то, что копные суды были и въ лѣвобереж-

ной Украйнѣ. Такъ въ Запискахъ черниговскаго статистическаго комитета, въ статьѣ г. Лазаревскаго (кн. 2-я, стр. 91): «Черты быта и нравовъ XVII--XVIII в.», есть одинъ актъ, въ которомъ упоминается «купа», собиравшаяся по поводу залома въ житѣ. Но здѣсь слово купа употреблено въ смыслѣ сельской громады, т. е. въ значеніи съуженномъ, производномъ, такъ что упомянутый актъ могъ-бы служить лишь косвеннымъ доказательствомъ того, что копный судъ не былъ чуждъ и лѣвобережной Украйнѣ. За болѣе прямое доказательство можетъ быть сочтенъ актъ, приводимый въ извлеченіи у архіеп. Филарета въ его историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7-я, стр. 77): здѣсь воевода стародубскій,—въ согласіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ актахъ правобережной Украйны—велитъ «собирать мужовъ и купу учинить». Но мы все-таки не видимъ ни состава купы, ни другихъ подробностей, которыя могли-бы дать намъ непреложную увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ явленіемъ. И только документъ, подробно изложенный нами выше, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что копные суды имѣли мѣсто и въ лѣвобережной Украйнѣ, имѣли мѣсто даже и въ относительно позднее время, какимъ является начало XVIII вѣка.

Разумѣется, читатель, знакомый съ трудомъ Иванишева, замѣтилъ, что приведенный нами актъ имѣетъ то важное отличіе отъ актовъ Иванишева, что послѣдніе констатируютъ существованіе копнаго суда, какъ учрежденія легальнаго, признаннаго закономъ, въ видѣ Литовскаго Статута, учрежденія, рѣшенія котораго вносятся въ урядовыя книги и т. п., между тѣмъ, какъ копный судъ нашего акта является преслѣдуемымъ и караемымъ, какъ беззаконіе. Различіе важное, но не для нашей цѣли. По этому поводу надо сказать, что, во-первыхъ, копные суды и въ лѣвобережной Украйнѣ находили себѣ признаніе со стороны оффиціальной московской власти, какъ это видно изъ акта приводимаго у арх. Филарета (воевода стародубовскій велитъ «собрать мужовъ и купу учинить»). Вѣроятно въ XVII в. купа, или копа, настолько коренилась въ нравахъ южно-русскаго народа и потому являлась въ извѣстныхъ случаяхъ настолько необходимою, что если она даже и не имѣла легальнаго положенія въ признанной московскою властью системѣ судебно-административныхъ учрежденій, то все-таки завоевывала себѣ извѣстныя права. Впрочемъ, можетъ быть, копные суды и признавались

въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отводились имъ Литовскимъ Статутомъ, а подвергались преслѣдованію лишь превышенія ими своихъ прерогативъ. Тотъ фактъ, что копные суды держались, не смотря на непризнаніе ихъ оффиціальной властью и даже преслѣдованіе, доказываетъ особенную живучесть этого учрежденія, зависѣвшую, конечно, отъ того, что оно не было учрежденіемъ привитымъ или заимствованнымъ путемъ польскихъ законодательныхъ вліяній, какъ склонны были думать нѣкоторые.

Но, можетъ быть, требуется доказать, что въ приведенномъ актѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ копнымъ судомъ, который признавался Литовскимъ Статутомъ и признавался въ западномъ и юго-западномъ русскомъ краѣ. Доказательства на лицо. Судное собраніе называется и въ нашемъ актѣ купой, или копой. Это не собраніе сельской громады, не великорусскій деревенскій судъ стариковъ: это судное собраніе относительно большаго района, обнимающаго части трехъ теперешнихъ волостей—нѣсколько большихъ поселеній. Вѣчевой принципъ личнаго участія, а не представительства, характеризующій собою копный судъ, соблюдается и здѣсь: на судъ сзываются вотчинники, козаки и мужики, т. е. главы самостоятельныхъ хозяйствъ.

Но копное право, сведенное Иванишевымъ по актамъ копныхъ судовъ, допускало и представительство: съ одной стороны, въ видѣ такъ называемыхъ «стороннихъ людей» по одному, по два человѣка изъ трехъ селеній сосѣдняго копнаго округа, съ другой стороны, въ болѣе позднее время представительство помѣщичьей власти за своихъ крестьянъ. То-же мы видимъ и здѣсь. Отъ села Кривоносовки является панскій староста, который однако не приступаетъ къ допросу преступника, пока не является на копу еще одинъ кривоносовскій житель. По акту, приведенному Филаретомъ, копные судьи и называются также, какъ и въ актахъ Иванишева (и въ актахъ виленской археографической коммисіи т. VI), сусѣдями.

Та круговая отвѣтственность, которая связывала жителей копнаго округа, выражается и въ нашемъ актѣ: припомнимъ слова олтарьскаго войта: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды» и т. д. Крайне интересны въ этомъ смыслѣ слова Подрѣза знобовскаго: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину», равно обѣщаніе другихъ сложиться по рублю за смерть зло-

дѣя. Самый судебный процессъ, сколько можно прослѣдить его по нашему акту, по существу тотъ-же самый, съ какимъ мы знакомы по изслѣдованію Иванишева, хотя здѣсь эта сторона затемняется нѣсколько предварительнымъ вмѣшательствомъ сельской власти, въ лицѣ атамана. Не смотря на это, ясно и изъ нашего акта, что судебный процессъ слѣдуетъ тому-же началу частнаго права. Еще до вмѣшательства атамана, пострадавшіе вотчинники сами «узяли обыскъ», т. е. сдѣлали предварительное разслѣдованіе; затѣмъ всѣми дѣйствіями копы по отношенію къ судебному процессу руководили они-же. Сами дѣлали словесный допросъ подсудимаго, подвергали его судебной пыткѣ (въ видѣ битья батогами), наконецъ сами собственноручно и казнили. Наконецъ необходимо указать и на то, что самый объектъ преступленія по нашему акту есть тотъ традиціонный объектъ, который и Литовскимъ Статутомъ поручается копнымъ судамъ, и на практикѣ, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, часто давалъ поводъ къ копнымъ судебнымъ собраніямъ.

Надѣемся, вышеуказаннаго болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того положенія, что мы въ нашемъ актѣ имѣемъ дѣло съ копнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, копные суды существовали и въ лѣвобережной Украйнѣ не только въ польскій, болѣе древній, періодъ ея исторіи, но и въ позднѣйшій московскій, даже не смотря на непризнаніе ихъ закономъ.

Иванишевъ въ своей извѣстной работѣ далъ самый основательный и добросовѣстный анализъ копнаго суда, какой только можно было дать по имѣвшимся у него матеріаламъ. Но онъ не свелъ типическихъ чертъ такъ хорошо разложеннаго имъ явленія; мало того, онъ самъ неумышленно затемнилъ результаты своего анализа, увлекшись неудачной мыслью отождествить копу съ сельской общиной. Извѣстно, что его работа даже и называется: «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи». Между тѣмъ, ни о какихъ сельскихъ общинахъ, ни о чемъ, кромѣ копныхъ судебныхъ собраній, у него нѣтъ и помину. Конечно, если употреблять слово «община» для обозначенія всякой территоріальной связи, какого-бы происхожденія и характера эта связь ни была, то копа, разумѣется, можетъ быть сочтена представительницей такой связи. Но во всякомъ случаѣ выраженіе «сельская община»

имѣетъ смыслъ настолько опредѣленный, что пользоваться имъ такъ, какъ пользуется Иванишевъ, болѣе, чѣмъ неудобно.

Въ чемъ-же заключается сущность разсматриваемаго нами явленія?—Попробуемъ свести, по возможности сжато, все, что намъ представляется въ немъ типическаго. Будемъ пользоваться для этого актами Иванишева, напечатанными въ архивѣ юго-западной Россіи, нашимъ актомъ и актами виленской археографической коммисіи.

На всемъ протяженіи, занятомъ малорусскимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ ближе русскихъ его предѣлахъ, въ XVI и XVII вв. мы видимъ какія-то территоріальныя организаціи, довольно большихъ размѣровъ, захватывавшія въ свой районъ по нѣсколько большихъ населенныхъ мѣстъ, т. е. размѣръ ихъ долженъ былъ приблизительно соотвѣтствовать размѣру теперешней волости. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ другихъ функціяхъ организаціи, кромѣ судебной, и потому можемъ назвать эти союзы судебными округами, хотя съ словомъ округъ мы привыкли соединять предоставленіе объ искусственномъ подраздѣленіи, а здѣсь имѣемъ дѣло съ огранизаціями выросшими естественно. Не даромъ-же онѣ и назывались сосѣдствами. Но, употребляя слово «судебный», необходимо оговориться: здѣсь слово «судебный» должно имѣть болѣе широкій и даже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ это принято. Дѣло въ томъ, что если связь членовъ этихъ союзовъ не была искусственна, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не была и только внѣшней. Она держалась на нравственныхъ основаніяхъ, на общемъ сознаніи этой связи; юридическимъ выраженіемъ этой нравственной связи была круговая порука и отвѣтственность. Связанные этой круговой порукой, всѣ члены союза обязывались блюсти за тишиной и безопасностью внутренней территоріи, предупреждая и затѣмъ судя и наказывая преступленія, нарушающія общественный миръ. Цѣлый округъ по отношенію къ другимъ округамъ и отдѣльныя части его по отношенію къ цѣлому союзу обязаны были выдавать преступниковъ, представлять ихъ на судъ, вознаграждать пострадавшаго и т. д. Все это отправленіе скорѣе полицейско-административнаго характера, если вообще къ понятіямъ и учрежденіямъ иного, такъ сказать, архаическаго строя, приложимы юридическія нормы, выработанныя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Собственно судебныя функціи этого союза, какъ отчасти видно и

изъ изложеннаго нами подробно акта, а также и изъ излѣдованія Иванишева, замѣчались въ слѣдующемъ. Если на территоріи копнаго округа совершалось преступленіе, *а преступникъ имъ былъ вовсе неизвѣстенъ*, или если фактъ связи его съ констатируемымъ преступленіемъ требовалъ доказательствъ, обиженный имѣетъ право созвать вѣче, копу, громаду. Всѣ полноправные члены копнаго округа, т. е. домохозяева, обязаны были отозваться на призывъ и явиться на коповище. Копное собраніе было чрезвычайно сильнымъ орудіемъ разслѣдованія. Не только въ тѣ времена, когда организація судебныхъ отправленій по необходимости была чрезвычайно элементарна, но даже теперь едва-ли правосудіе располагаетъ болѣе сильнымъ въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ орудіемъ къ раскрытію истины. Прежде всего отношеніе членовъ копы къ дѣлу не было лишь формальнымъ, а внутреннимъ отправленіемъ правосудія, не юридическимъ обязательствомъ, но и нравственною обязанностью. Понятно, какую силу давало копѣ, какъ орудію судебнаго разслѣдованія, это ея отношеніе къ дѣлу. Но этого мало. Каждый членъ копы былъ въ то-же время представителемъ совѣсти всего своего дома, членовъ семьи и прочихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ, всѣ жители копнаго округа поголовно участвовали въ раскрытіи преступленія, совершеннаго на ихъ территоріи. При тогдашнихъ-же условіяхъ жизни, и теперь еще отчасти сохраняющихся въ селахъ, когда каждый необходимо зналъ каждаго со всѣми его обстоятельствами, сохраненіе тайны дѣлалось вещью тоже невозможною, осуществимой лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Прибавьте къ этому всю силу внѣшней наблюдательности, которую обнаруживаютъ люди, стоящіе близко къ природѣ, что въ связи съ опытностью и совершеннымъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ условій, дѣлало копу незамѣнимою въ искусствѣ отыскивать преступленіе «по знакамъ», «гнать слѣдъ» и т. п. Не мудрено потому, что государство (польское), естественно тяготѣя къ отнятію у копы ея старыхъ правъ, все-таки дорожило ею со стороны этой ея, такъ сказать, слѣдовательской функціи, на столько дорожило, что даже искусственно устраивало копы, гдѣ онѣ были уничтожены жизненнымъ процессомъ.

Но въ описываемое нами время копа была еще цѣльнымъ судебнымъ органомъ, хотя и съ ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія.

Мало того: она носила на себѣ явные и несомнѣнные слѣды того болѣе ранняго своего состоянія, когда она была не судебнымъ органомъ только, а какимъ-то инымъ учрежденіемъ, болѣе широкимъ и полнымъ. Этой-то стороны дѣла мы и хотимъ коснуться ближе. Впрочемъ, здѣсь необходимо предупредить читателя, что наша замѣтка уже выходитъ изъ исторической области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ ту область, куда до сихъ поръ можно сказать еще не заглядывали настоящіе историки, но куда они обязательно должны были-бы обращаться за разъясненіемъ генезиса бытовыхъ формъ. Степень ихъ вниманія къ этой области, разумѣется, должна обязательно обусловливаться тѣмъ, насколько они вообще будутъ придавать значеніе изученію формъ общественной жизни по сравненію съ политическими событіями. Область, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сравнительная этнографія, или этнологія, въ связи съ юридической археологіей.

Новѣйшія этнологическія изысканія, по отношенію къ происхожденію правовыхъ формъ и учрежденій, привели къ такимъ выводамъ. Государство, съ его свободнымъ отъ кровныхъ узъ характеромъ, съ его публичнымъ уголовнымъ правомъ, индивидуальной собственностью, личной отвѣтственностью за долгъ и преступленіе—есть продуктъ относительно поздняго времени, историческаго періода въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этому времени предшествовали многіе вѣка такого общественнаго состоянія, когда люди сплачивались не въ государства, а въ относительно простые и небольшіе союзы для взаимной защиты и поддержанія общественнаго мира. Подобный союзъ въ его чистомъ видѣ удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ тогдашняго человѣка: общій языкъ и культъ—его нравственнымъ потребностямъ, общій трудъ и собственность—потребностямъ матеріальнымъ. Съ правовой точки зрѣнія союзы эти характеризовались такими чертами (кромѣ упомянутой выше общности): взаимной отвѣтственностью за жизнь и собственность, изъ которой вытекало обязательство правовой мести за каждаго члена.

Основы, сдерживавшія такой союзъ, были двоякаго рода: въ болѣе ранній періодъ—кровное родство, позже—территоріальная связь, общая осѣдлость. Мы взяли самыя рѣзкія черты организацій того и другого типа, т. е. типа государственнаго въ противупо-

ложность съ болѣе первобытными организаціями для мира и защиты. Но жизнь, разумѣется, какъ и всегда, слишкомъ уклонялась отъ той простоты, которую мы допускаемъ въ нашихъ опредѣленіяхъ. Сложность явленія часто затушевывала рѣзкость его основныхъ чертъ; организаціи одного типа незамѣтно переходили въ организаціи другого типа, или, что еще для насъ важнѣе, входили однѣ въ другія. Такимъ образомъ союзы для мира и взаимной защиты, какъ случалось часто, не распадались подъ давленіемъ слагающагося государства, а входили въ него или цѣликомъ, или видоизмѣненныя подъ его вліяніемъ.

Входя въ государство, союзы для общественнаго мира и взаимной защиты дѣлаются уже историческимъ явленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Юридическая археологія указываетъ во множествѣ ихъ слѣды, и остатки ихъ въ состояніи переживанія держатся въ жизни народныхъ массъ еще и до сихъ поръ. Разумѣется, они не могли удержаться въ цѣльномъ видѣ. Историческій процессъ развитія государственной жизни уничтожилъ большинство ихъ функцій, подхвативъ одну какую-нибудь изъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оставивъ нѣкоторые слѣды, по которымъ научное изслѣдованіе можетъ возстановить генезисъ формы. Къ остаткамъ такихъ союзовъ принадлежатъ, прежде всего, большія задружныя семьи, затѣмъ братства, цехи и гильдіи, далѣе разные виды поземельной общины. Славянская юридическая археологія указываетъ на вервь (древне-русскую и юго-славянскую по Полицкому Статуту), чешскія организаціи společnoj ruku... и т. д. Сюда-же несомнѣнно относится и копа.

Что копа была нѣкогда цѣльной организаціей, союзомъ для общественнаго мира и взаимной защиты, косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ этимологическій фактъ, что это самое слово *kuopa* у литовцевъ обозначало родовую общину [1]), и въ связи съ нимъ то соображеніе, что члены русской копы назывались сусѣдями (vicinae, тѣмъ терминомъ, которымъ и въ сѣверной Россіи и на западѣ назывались члены территоріальныхъ союзовъ). Но вѣрнѣе, конечно, тѣ прямыя доказательства, которыя можно

---

[1]) Мацѣевскій Hist. prawod. slow. IV, 138.

извлечь изъ анализа самой организаціи этого учрежденія. Собственно говоря, эти доказательства приведены уже выше, стоитъ только свести ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что копа обязана была заботиться о мирѣ и безопасности въ предѣлахъ своей территоріи; въ извѣстномъ, указанномъ выше, смыслѣ она еще сохранила отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ взаимной связи и отвѣственности, имѣющемъ близкое родственное отношеніе къ древне-русской и древне-германской *вирѣ*, *головщинѣ*, болгарской и хорватской *вражбѣ*, сербской *крвнинѣ* служатъ тѣ денежные взносы, которые дѣлали члены копъ и на которые есть указанія въ актахъ. Припомнимъ слова Подрѣза злобовскаго изъ нашего акта: «повѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину», и то, что другіе тоже обѣщались сложиться по рублю (на это-же есть указаніе и въ Актахъ виленской археографической коммисіи). Слова эти такъ и просятся на сопоставленіе съ извѣстнымъ темнымъ выраженіемъ «Русской Правды», вызывавшемъ такъ много толкованій: «аще кто вложится въ дикую виру»... Очевидно, члены копы несли другъ за друга и матеріальную отвѣтственность, хотя за недостаткомъ данныхъ и невозможно выяснить ея размѣръ и ближайшій характеръ.

Мы сказали, что могли, о предметѣ столь важномъ и совершенно почти ускользающемъ отъ вниманія нашихъ историковъ. Съ нашими средствами мы и не имѣли возможности выяснить явленіе въ настоящей его полнотѣ. Впрочемъ, смѣемъ думать, что и тѣмъ, что сказано нами относительно занимающаго насъ и несомнѣнно интереснаго вопроса, кое-что достигнуто. Прежде всего установленъ фактъ существованія копныхъ судовъ и въ лѣвобережной Украйнѣ, и не только въ польскій, но и въ московскій періодъ ея исторіи. Затѣмъ намѣченъ генезисъ этого явленія, указывающій, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь случайно возникшей формой, а съ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій общаго процесса разложенія, подъ давленіемъ государства, тѣхъ архаическихъ организацій, которыя обнимали собою всю догосударственную общественную жизнь. Правда, мы не имѣли возможности намѣтить даже главнѣйшія стадіи или моменты въ процессѣ этого разложенія; но по аналогіи съ дальнѣйшимъ, съ тѣмъ, какъ вліяло государство на превращеніе копнаго суда изъ уголовнаго судебнаго органа съ широ-

кими прерогативами въ спеціальный органъ полицейскаго разслѣдованія—процессъ указанный и Иванишевымъ—по аналогіи съ дальнѣйшимъ, говоримъ мы, можно представить себѣ и болѣе ранній ходъ этого процесса.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать еще разъ на то важное значеніе, какое имѣетъ для внутренней исторіи, для исторіи быта, самый тѣсный союзъ съ этнологіей, которая дѣлаетъ такіе большіе успѣхи на Западѣ и такъ слабо прививается къ нашей русской наукѣ.

Александра Е.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1].

IV.

Отъ времени сейма 1638 г., когда такъ позорно поступлено было съ Киселемъ и подорванъ былъ авторитетъ его передъ козаками, какъ лица правительственнаго, прекращаются и его оффиціальныя съ ними сношенія, вплоть до возстанія Хмельницкаго. Что касается отношеній частныхъ, они въ большей или меньшей степени зависѣли отъ общаго положенія и крестьянства и козачества въ краѣ. Повсюду въ это время крестьянское населеніе было подавлено и безгласно, осѣдлое козачество ограничено незначительнымъ числомъ, точно обозначенной территоріей, поселеніемъ исключительно на коронныхъ земляхъ; въ населеніи жило недовольство, глухая оппозиція, и одни только запорожцы, появляясь временами то тамъ, то здѣсь въ Украйнѣ, не прочь были слегка побезчинствовать въ имѣніи любого пана, лишь онъ былъ имъ въ данную минуту по силамъ. Такъ было, конечно, и въ имѣніяхъ Киселя; жалуется онъ напр. въ 1645 г. передъ судомъ,

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрск. кн., стр. 51—72.

что запорожцы въ имѣніяхъ его Носовкѣ, Кобыжчѣ, Козарахъ «...подданныхъ на кождый день бьютъ, десцектуютъ, меды, пива, горилки куповати собе, также рыбы, у своихъ шинкарокъ, которые зъ Запорожа припровадили, примушаютъ» [1])

Общественная дѣятельность Адама Григорьевича въ десятилѣтіе 1638—1648 г. получила новое направленіе, которое въ общемъ можно назвать дипломатическимъ, хотя собственно таковымъ оно становится лишь къ концу этого періода.

Еще въ 1638 г., состоя посломъ на сеймѣ, Кисель былъ выбранъ въ коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго и черниговскаго. Въ той-же коммисіи участвовалъ онъ и въ 1641 г., но уже въ качествѣ сенатора, въ званіи каштеляна черниговскаго, и какъ на сеймъ онъ былъ избранъ волынскимъ воеводствомъ въ послы, т. е. членомъ сената въ моментъ выбора еще не былъ, то слѣдуетъ думать, что каштелянію онъ получилъ въ половинѣ 1641 г. Въ промежуткѣ 1641—1645 гг., по словамъ грамоты слѣдующаго года, Кисель оказалъ услуги по успѣшному веденію дѣла въ коммисіи для установленія «вѣчныхъ» границъ съ государствомъ московскимъ [2]), съ которымъ въ ближайшемъ будущемъ предстояло ему свести знакомство непосредственное и побывать на Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что въ это время у короля Владислава IV возникаетъ мысль о союзѣ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ, объ изгнаніи турокъ изъ Европы, уничтоженіи татарской орды. Мысль эта возникала, быть можетъ, въ его умѣ еще до избранія его въ короли, подъ вліяніемъ пораженія поляковъ подъ Цецорой и собственнаго, годъ спустя, бѣгства отъ турокъ изъ подъ Хотина; но въ 1645 г., съ пріѣздомъ въ Польшу венеціанскаго посла Тьеполо, давно знакомаго Владиславу, обнаружилась на столько, что о замыслахъ короля противъ мусульманъ носились слухи даже въ Украйнѣ [3]).

Предпринимая что либо противъ турокъ, а тѣмъ болѣе противъ ближайшихъ сосѣдей татаръ, необходимо было позаботиться

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 393.

[2]) Niesiecki, т. II, стр. 520; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 404; Volum. leg. (1860), т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; стр. 99, 96.

[3]) Богданъ Хмельницкій (4-е изданіе), т. I, стр. 202.

предварительно о безопасности Польши съ прочихъ сторонъ. Особенно важно было обезпечить себя отъ долголѣтняго непріятеля, московскаго государства, недавно униженнаго дважды и потому естественно враждебнаго до высшей степени; поляновское «вѣчное докончанье» соблюдалось, положимъ, свято, но трудно было на него неположиться, какъ показалъ примѣръ послѣдняго безкоролевья. Необходимо было возобновить дружескія сношенія съ Москвою, по возможности закрѣпить ихъ, а если окажется возможнымъ, то заключить наступательный или хотя оборонительный союзъ противъ невѣрныхъ, набѣги которыхъ были опустошительны для обоихъ государствъ одинаково.

Нужно было подъискать способнаго человѣка для переговоровъ съ Москвою; и выборъ короля и его совѣтниковъ долженъ былъ сразу остановиться на Киселѣ. Кисель былъ человѣкъ русскій и православный, а это обезпечивало ему хорошій пріемъ; онъ долго прожилъ на пограничьи, въ коммисіяхъ о проведеніи границъ ознакомился съ ними подробно, зналъ причины, поводы и сущность порубежныхъ споровъ, наконецъ, по старой памяти, могъ сохранять извѣстное вліяніе на козачество вообще и въ частности на Запорожье, безъ дѣятельнаго участія котораго немыслимо было никакое предпріятіе противъ татаръ и которое правительству необходимо было теперь успокоить и задобрить, въ виду чувствовавшейся всѣмъ затаенной его враждебности.

Въ концѣ 1645 г. король вызвалъ Адама Григорьевича къ себѣ. Ближайшая цѣль вызова была, какъ оказывается, тогда уже извѣстна высшему кіевскому духовенству, а вскорѣ стала извѣстна и на Москвѣ по такому случаю. Посылалъ въ ту зиму митрополитъ кіевскій Петръ Могила посланцовъ на Москву, съ игуменомъ печерскимъ Ипархомъ во главѣ, просить царской милостыни на монастыри [1]).

[1]) Петръ Могила посылалъ Ипарха не съ пустыми руками; послѣдній представилъ въ даръ царю между прочимъ: «муро источающее отъ главъ преподобныхъ святыхъ отецъ нашихъ печерскихъ чудотворцовъ, Распятіе євтарное, коня арапского подъ сѣдло его царского величества, шесть возниковъ на упрягъ ц рской клесницы, два ковра: единъ шолкомъ и златомъ тканъ, другой на червленицы шитъ золотомъ, меленку серебренную позолочену, вѣсомъ 2 фунта 42 золотника, и сосуды хрусталные, стекляные, различного мастерства, дѣломъ сотворенные. Кромѣ того игуменомъ отъ лавры поднесены «Треодь цвѣтная въ лицахъ» и «Акаѳисты въ лицахъ», а бояринъ Предремирскій презентовалъ царю коня гнѣдого арапского».

На Москвѣ, какъ извѣстно, было въ обычаѣ распрашивать, ради вѣстей, каждаго пріѣзжаго изъ-за рубежа; спрашивали о новостяхъ и присланнаго Могилою печерскаго игумена Иринарха, а онъ показалъ, что слышалъ отъ митрополита: «рѣшено де отправить посломъ въ Москву Адама Киселя, для того, чтобъ великому государю московскому съ литовскимъ королемъ соединиться на Крымъ, и о томъ у литовскаго будетъ соймъ большой на шесть недѣль, нынѣ вскорѣ въ великомъ постѣ. Присылали къ польскому королю изъ окрестныхъ государствъ короли, чтобъ велѣлъ Нѣпръ отцереть; объ этомъ и о Запорожскихъ Черкасахъ договорено будетъ на соймѣ. Слышно, что нѣметцкіе короли согласились уже между собою противъ турокъ, а другъ съ другомъ не воевать имъ шесть лѣтъ, папа приглашаетъ къ тому-же союзу и литовскаго. На соймѣ-же будетъ доконча̀нье и о спорныхъ порубежныхъ дѣлахъ съ Москвою; король хочетъ, чтобъ литовскіе люди ни въ чемъ съ великимъ государемъ расколы не чинили; а чинитъ расколу въ межевомъ дѣлѣ одинъ Вишневецкій, изъ-за своихъ имѣній, которыя отъ него отходятъ къ московскому государству; потому и поѣхалъ къ королю, тому четвертая недѣля (допросъ происходилъ 2 марта), хлопотать, чтобы ему взамѣнъ пожаловали имѣнія въ другихъ мѣстахъ. А Адамъ Кисель поѣхалъ къ королю съ Вишневецкимъ».

Вѣсти Иринарха были вѣрны относительно какъ поводовъ, такъ и цѣли посольства Киселя; но самое посольство его осуществилось только черезъ годъ. Соймъ собрался лишь поздней осенью, и королевскіе планы потерпѣли на немъ полную неудачу: вся шляхта возстала противъ войны, противъ морскаго козацкаго похода, слѣдовательно и противъ какого-бы то ни было облегченія козачества; дѣло о посольствѣ Киселя, принятое сеймомъ только въ декабрѣ, было мотивировано не столько настоящими его цѣлями, сколько второстепенною,—необходимостью уладить спорныя дѣла о пограничныхъ земляхъ; однимъ и тѣмъ-же сеймовымъ постановленіемъ сейма онъ назначается и посломъ, и комиссаромъ по упомянутому предмету [1]).

Предназначая Киселя въ послы по весьма важнымъ дѣламъ и зная щепетильность московскаго правительства относительно сана прибывающихъ къ нему посланниковъ, король воспользовался первой

[1]) Volum. legum., т. IV, стр. 45, § 6.

представившейся вакансіей, чтобы повысить Адама Григорьевича, давъ ему званіе каштеляна кіевскаго [1]). Въ тѣхъ-же, очевидно, соображеніяхъ, грамота 5 февраля 1646 г., возводящая его въ это званіе, столь пространно излагаетъ заслуги предковъ Адама и его самого, такъ что, благодаря ей, сохранились для насъ нѣкоторые біографическіе факты, по другимъ источникамъ неизвѣстные.

О самомъ посольствѣ Киселя въ Москву, времени его пребыванія здѣсь, ходѣ переговоровъ и даже ихъ результатахъ свидѣтельствъ, современныхъ самимъ событіямъ, совсѣмъ нѣтъ; но свѣдѣнія этого рода получаются изъ переписки непосредственно слѣдующаго времени, конца 1647 и начала 1648 годовъ.

Съ Киселемъ, человѣкомъ русскимъ и православнымъ, хорошо владѣвшимъ, какъ видно изъ его писемъ, русскою письменною рѣчью того времени и книжно-церковною, московскимъ боярамъ не трудно было разговориться и сговориться, а потому и принято было посольство очень хорошо, какъ можно заключить изъ письма Киселя къ сѣвскимъ воеводамъ [2]). Съ своей стороны, Кисель старался быть любезнымъ и, въ чемъ можно, услужливымъ по отношенію къ Москвѣ. Такъ еще въ смутное время поляками увезены были изъ Москвы мощи кого-то изъ русскихъ князей и содержавшая ихъ мраморная гробница (или только надгробіе) съ надписью золотомъ; мощи были впослѣдствіи возвращены, но «камень мармуровый» оставался въ Варшавѣ. Кисель взялся выхлопотать возвращеніе и этого камня, и онъ былъ отосланъ черезъ его посредство изъ Варшавы въ Москву кружнымъ путемъ черезъ Кіевъ, черезъ имѣніе Киселя Кобыщу, а оттуда черезъ Путивль [3]).

---

[1]) Каштеляніи раздѣлялись на меньшія и большія; послѣднія пріурочены были къ главнымъ городамъ воеводствъ; независимо того, всѣ каштеляны, какъ и воеводы, имѣли опредѣленныя мѣста въ сенатѣ сообразно старшинству учрежденія ихъ должностей; чины воеводства черниговскаго, учрежденнаго только въ 1634 г., считались одними изъ младшихъ.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 107.

[3]) Что мощи принадлежали одному изъ князей (не Димитрію-ли Углицкому?), заключаемъ изъ словъ Киселя въ письмѣ къ боярамъ: «Мощи честные..., въ свою отчину перенесенные, *отеческимъ* гробомъ пресвѣтлыхъ великихъ царей и государовъ древныхъ совокупившася». Въ письмѣ его-же къ путивльскому воеводѣ Юрію Долгорукому читаемъ: «Камень зъ написомъ, прилежащимъ мощемъ, зъ *Варшавы*

Московское правительство обнаруживало относительно Киселя почти небывалую любезность и предупредительность. Писалась, напримѣръ, сѣвскимъ воеводамъ государева грамота по такому пустячному поводу: «Какъ шолъ съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него Адама съ стану утекъ соболь съ чепью съ серебреною, а у брата его Александра Киселя гончая собака»,—вѣроятно изъ числа царскихъ подарковъ. Воеводамъ предписывалось, сыскавъ пропажу, доставить ее Киселю и о томъ къ государю отписать. И воеводы «малого звѣрка соболя, погибшого подъ Болховымъ», поймали и доставили Киселю, а Кисель «государской милости добрѣ обрадовался», усматривая въ этомъ маломъ «зракъ и образъ» благодати-же и незреченной милости его царскаго пресвѣтлаго величества [1]).

Поощренный ласковымъ пріемомъ въ Москвѣ, Адамъ Григорьевичъ не забылъ и своихъ личныхъ интересовъ. Пользуясь пограничнымъ положеніемъ своихъ лѣсовъ, особливо козерградскихъ и болѣе сѣверныхъ, задесенскихъ, для отпускной торговли [2]), онъ задумалъ выпросить себѣ позволеніе на выдѣлку поташа въ нетронутыхъ еще промышленностью «дикихъ черныхъ лѣсахъ» за рубежемъ, въ трубчевскомъ уѣздѣ нынѣшней орловской губерніи, съ удобнымъ сплавомъ по Деснѣ, да въ лѣсахъ недрыгайловскихъ (лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи, на самой границѣ полтавской). И дѣйствительно ему было пожаловано право устроить въ первомъ мѣстѣ три буды, т. е. поташныхъ завода, и во второмъ мѣстѣ двѣ, съ той только убавкой противъ его просьбы, что право это дано ему не на семь лѣтъ, какъ онъ хотѣлъ, а всего на пять. Уже по возвращеніи его изъ Москвы въ Украйну, ему прислали сюда форму записи, какую онъ долженъ былъ дать отъ себя боярамъ въ соблюде-

до столици принесенымъ», а въ письмѣ къ сѣвскимъ воеводамъ: «камень мармуровый, золотомъ писанный, о немъ же было его царского пресвѣтлого величества желаніе, штобы былъ *отданный*, да и сія крайняя *перших раздоровъ* не зоставала-бы *паметка*, егда вѣчный соузъ братства-дружбы есть закрѣпленный». Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 99, 111, 114, 135, 136, 143, 145, 146.

[1]) Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 109, 120.

[2]) Здѣсь, по видимому, принадлежала Киселю *Мена*, нынѣ мѣстечко остерскаго уѣзда, такъ какъ сюда, между прочимъ, онъ просилъ московскихъ бояръ высылать ему письма.—Архивъ южной и западной Россіи, т. III, № 178, стр. 75.

ніи условій пользованія, а условія эти заключались въ обереженіи бортныхъ или годныхъ на борти деревьевъ, неиспользованіи никакими другими земельными угодьями и рыбными ловлями, въ сохраненіи неприкосновенными межъ, копцовъ и граничныхъ деревьевъ (граничныхъ, со знаками). Оговаривалось также, что Кисель устроенныхъ имъ за рубежемъ будъ не долженъ называть своими «и нѣчѣмъ въ королевского величества сторону не притягивать», и сверхъ того онъ давалъ отъ себя обязательство, которое въ устахъ «великаго и полномочнаго посла», пограничнаго чиновника и землевладѣльца, по отношенію къ сосѣднему иноземному монарху не можетъ не казаться нѣсколько страннымъ: «И я за его государскую милость до конца дней моихъ *работати всегда буду его царского величества достоянью*». Пожалованное право служило, по записи, только *лично* Адаму Григорьевичу, но отнюдь не его наслѣдникамъ. Впрочемъ, частью своего права Кисель поступился обратно еще раньше его окончательнаго оформленія. Дѣло въ томъ, что недрыгайловскіе лѣса принадлежали къ числу тѣхъ именно земель, которыя, по договору о разграниченіи, отходили къ Москвѣ изъ владѣнія Польши и изъ собственности князя Іереміи Вишневецкаго: устроить здѣсь гуты съ дозволенія московскаго государя значило возбудить противъ себя вражду могущественнаго, гордаго и неудержимаго въ самоволіи украинскаго магната, оспаривавшаго здѣсь каждую пядь земли отъ Москвы [1]). Кисель спохватился на счетъ этого, уже вернувшись въ Украйну, и писалъ отсюда въ Москву: «волю одступить двохъ недрыгайловскихъ будъ, а четвертую имѣти въ трубецкихъ лѣсахъ,—есть тому причина; аще ли же не будетъ на то царского произволенія, я на томъ престану, што мнѣ даде щедротная ласка его царского пресвѣтлого величества; недрыгайловскихъ же одступаю». Въ другой разъ онъ выражается опредѣленнѣе, почему онъ не хочетъ имѣть будъ въ недрыгайловскомъ лѣсу: «Зъ братомъ не всегда миръ брату, азъ же безъ порока да пребуду». Кромѣ опасенія задраться съ непосильнымъ Вишневецкимъ, у Киселя была еще и другая причина, чтобы просить разрѣшенія устроить 4-ю гуту не въ недрыгайловскихъ, а въ трубчевскихъ лѣсахъ: во время тайныхъ переговоровъ Киселя съ боярами на Москвѣ, они предлагали уступить

[1]) Тамъ-же, № 96, 105, 106, 108, 110, 115, 152, 158.

Польшѣ Трубецкъ и Городища, взамѣнъ за Дорогобужъ, который представлялъ для московскаго государства гораздо большую цѣну, какъ выдвинутый аванпостъ въ сторону Смоленска, отстоящій отъ него не далѣе 100—120 верстъ. Кисель обѣщалъ тайно-же доложить объ этомъ королю и хлопотать въ смыслѣ желаній московскаго правительства, разсчитывая, конечно, что если эта замѣна состоится, то ему, опираясь на пожалованіе царя Алексѣя Михайловича, легко будетъ закрѣпить за собою трубецкія буды съ ихъ обширными «дикими лѣсами» въ полную или хоть ленную собственность. Потому-то онъ, представляя вопросъ о четвертой будѣ на милостивое произволеніе царскаго величества, запись, какой отъ него требовали, написалъ все-таки не на три, а на четыре буды. Въ Москвѣ тоже были не безъ разсчета: отказъ отъ недрыгайловскихъ лѣсовъ приняли, а прибавить въ отмѣну не захотѣли, потребовали отъ Киселя другой записи, въ размѣрѣ первоначальнаго пожалованія въ трубецкомъ уѣздѣ [1]). Не пришлось, впрочемъ, Адаму воспользоваться и этимъ: отрѣзала отъ него московское пожалованье нахлынувшая вслѣдъ затѣмъ волна козацкаго возстанія, затопившая и черниговскія его маєтности, нанесшая много ущерба и волынскимъ...

Справедливость требуетъ сказать, что личные интересы Киселя въ его посольствѣ выступали такъ сказать мимоходомъ и отнюдь не мѣшали ему въ переговорахъ о дѣлахъ государственныхъ. Въ одномъ только пунктѣ, притомъ едва-ли не въ самомъ важномъ, ему не удалось выполнить желаній короля и его ближайшихъ довѣренныхъ лицъ: Москва и слушать не хотѣла о *наступательномъ* союзѣ противъ мусульманъ; всѣ-же прочіе пункты переговоровъ, какъ-то: хроническіе споры о царскомъ и королевскомъ титулахъ, опредѣленіе границы обоихъ государствъ и удовлетвореніе порубежныхъ претензій той и другой стороны, обмѣнъ пограничныхъ властей вѣстями, особенно о движеніяхъ татаръ, и наконецъ заключеніе противъ нихъ оборонительнаго союза приведены Киселемъ къ результату вполнѣ почти благопріятному, хотя и не всѣмъ имъ суждено было осуществиться на самомъ дѣлѣ.

Титулы изстари составляли предметъ нескончаемыхъ споровъ между Польшею и Москвою, особенно со стороны послѣдней, видѣв-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 143, 146, 159, 161, 167, 170, 173.

шей кровную обиду не только въ пропускѣ или искаженія хотя одного слова въ титулѣ царя, но также и въ добавкѣ всякаго слова въ титулъ королевскій, не имѣй оно даже никакого опредѣленнаго значенія въ смыслѣ претензіи на извѣстное право. Конечно, подобныхъ ошибокъ тщательно старались избѣгать въ перепискѣ собственно дипломатической, которую вѣдали люди спеціальные; но уберечься отъ нихъ въ взаимныхъ сношеніяхъ порубежныхъ властей обоихъ государствъ было почти невозможно, особенно при поселеніи на пограничьи поляковъ или хотя и русскихъ, но ополяченныхъ до забвенія своего языка. Кисель объяснялся однажды по этому поводу передъ московскими боярами вполнѣ основательно: «не всѣмъ далъ Господь розумѣти все, иные письма русского не знають, дячка веемши одъ церкви, повеливаеть писати; самъ писаное грамоты не прочтеть, какъ исправити маеть грамоту проступную? И сіе люди съименованные въ грамотехъ милостей вашихъ зъ проступками: ей Богу моему, што ни еденъ зъ нихъ русского писма не знаетъ». Въ виду постоянныхъ непріятностей изъ-за титуловъ, не разъ уже пытались установить для пограничныхъ сношеній возможно краткія ихъ формулы, которыми-бы никто не затруднялся. И въ этотъ разъ, согласно договору Киселя, раньше еще возвращенія его изъ Москвы, король издалъ универсалъ къ властямъ и жителямъ при московскомъ рубежѣ, которымъ настрого предписывалъ держаться условленной формулы, весьма нехитрой и нетрудной. Но въ Польшѣ отъ предписанія до точнаго исполненія было слишкомъ далеко; каждый староста, державца, частный владѣлецъ или его арендаторъ и даже управляющій считалъ какъ-бы своимъ правомъ и даже будто шляхетской обязанностью оставлять королевскіе приказы безъ вниманія и не исполнять ихъ, хотя-бы это могло нанести ущербъ интересамъ государства. Прописки въ титулахъ не прекратились и послѣ принятія упрощенной формулы, а Москва, возставая противъ нихъ для виду, на самомъ дѣлѣ врядъ-ли была-бы довольна совершеннымъ ихъ прекращеніемъ. Пользуясь прописками, можно было оставлять безъ удовлетворенія и даже безъ всякаго разсмотрѣнія по существу многія основательныя жалобы зарубежныхъ сосѣдей, и такихъ примѣровъ въ сношеніяхъ Москвы и Польши находимъ не мало. Пишетъ, напримѣръ, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій объ ограбленіи гадячскихъ купцовъ княземъ Никитою Ивановичемъ

Одоевскимъ возлѣ Бѣлгорода; но на письмѣ его, вмѣсто резолюціи, помѣчено только: «взять къ прописнымъ листамъ»; жалуется «вице-администраторъ» королевскихъ украинныхъ имѣній, черниговскій подстолій Гульчевскій, объ убійствѣ москвитянами двѣнадцати королевскихъ крестьянъ, прилагая ихъ именной списокъ, а вмѣсто отвѣта по существу читаемъ: «государь указалъ и бояре приговорили: велѣть писать къ Адаму Киселю про всѣ тѣ прописные листы, которые объявились послѣ договору и послѣ королевской грамоты, которые королевскіе грамоты противъ договору розосланы, а тѣ всѣ прописные листы описавъ, князя Еремѣя Вешневетцкаго и иныхъ». Но была и другая, болѣе важная цѣль, для которой московскіе политики ловили всякую прописку въ титулѣ и ставили ее въ счетъ. Съ помощью прописныхъ листовъ всегда можно было возбудить, выражаясь по нынѣшнему, конфликтъ съ Польшею и по произволу довести дѣло до разрыва; извѣстно, что Москва и прибѣгла къ этому средству въ недалекомъ будущемъ, въ 1654 году. Люди болѣе опытные въ дипломатіи и предусмотрительные по отношенію къ политикѣ Москвы, въ томъ числѣ и Кисель, ясно понимали весь вредъ для поляковъ отъ допускаемыхъ ими прописокъ въ царскихъ титулахъ, сознавали могущую возникнуть отсюда серьезную опасность, и поэтому-то Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на обсужденіе московскихъ бояръ очень дѣйствительную мѣру противъ описокъ, которыя ихъ, повидимому, такъ огорчали. Онъ находилъ нужнымъ назначить отъ обоихъ государствъ по одному или по два постоянныхъ пограничныхъ комиссара, рекомендуя предоставить имъ исключительное право взаимныхъ сношеній, всѣмъ-же прочимъ лицамъ запретить обращаться непосредственно къ зарубежнымъ властямъ, а дозволить имъ дѣйствовать только чрезъ комиссара своего государства. Наступившія событія помѣшали не только осуществленію, но даже и обсужденію предложенія Киселя; такъ оно и забылось безслѣдно [1]).

Не осуществилось и проведеніе въ натурѣ точной границы между обоими государствами, равно какъ и обмѣны земель нѣкоторыхъ владѣльцевъ, хотя по тому и другому дѣлу достигнуто

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 95, 96, 87, 101, 113, 160, 162 170.

было Киселемъ полное соглашеніе. Вопросъ объ уступкѣ Трубчевска въ обмѣнъ за Дорогобужъ былъ поставленъ совершено независимо отъ условленнаго разграниченія, и о немъ, какъ мы уже упоминали, долженъ былъ предложить Кисель королю въ секретномъ собраніи сенаторовъ. Кисель велъ оживленную переписку съ воеводами сѣвскими и путивльскими о высылкѣ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ на межи и для осмотра предстоящихъ къ обмѣну имѣній. Въ свою очередь, воеводы и московскіе бояре писали къ Адаму по межевымъ дѣламъ и разнаго рода пограничнымъ столкновеніямъ, видя въ немъ не только посла, но и пограничнаго комиссара. Впрочемъ къ Киселю и послѣ того, какъ окончилась его миссія заключеніемъ договора, изъ Москвы продолжали относиться и по дѣламъ, не входившимъ въ область дѣйствій пограничной комиссіи, напр. о «прописныхъ листахъ», и это явственно свидѣтельствуетъ о довѣріи и нѣкоторомъ вліяніи, какія успѣлъ пріобрѣсть Кисель у московскихъ государственныхъ мужей. Къ нему, второму только лицу въ кіевскомъ воеводствѣ, обращаются изъ московскаго государства помимо старшихъ его по званію сосѣднихъ воеводъ кіевскаго и черниговскаго, какъ будто миссія его не закончилась съ отъѣздомъ изъ Москвы, какъ будто онъ все еще сохраняетъ права «великаго и полномочнаго посла». Понятно, что такое отношеніе къ Киселю иноземнаго правительства не могло не отражаться и въ его политическомъ отечествѣ [1]).

Особенною живостью отличались пограничныя сношенія Киселя съ московскими воеводами по сообщенію взаимно разнаго рода вѣстей, преимущественно о движеніяхъ татаръ. Обязательство этого рода вошло въ условія заключеннаго Киселемъ договора, и въ выполненіи его равно были заинтересованы обѣ стороны, одинаково терпѣвшія отъ набѣговъ крымцевъ, ногайцевъ и другихъ ордъ. Ближе другихъ, какъ видно, сошелся Кисель съ путивльскимъ воеводою, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Въ генварѣ

---

[1]) Акты о порубежныхъ столкновеніяхъ очень многочисленны; они составляютъ болѣе половины документовъ III тома Архива южной и западной Россіи, между №№ 95 и 200. —Сношенія собственно съ Киселемъ и отсылка къ нему разнаго рода дѣлъ также, №№ 96, 107, 111, 113, 114, 119, 130, 143,—146, 149, 161, 162, 167, 183, 195, 196.

1648 г. онъ пишетъ ему, что по извѣстіямъ изъ Крыма, съ тамошними татарами воевали ногайцы и съ обѣихъ сторонъ «междуусобною бранею многіе пропали», что потомъ они помирились и тайно согласились между собою идти съобща на Польшу, что хотя султанъ, по силѣ существующихъ договоровъ, и не долженъ былъ позволить татарамъ нарушить миръ, но что въ виду извѣстнаго самовольства татаръ король приказалъ коронному войску выступить въ пограничныя мѣстности, пригласивъ присоединиться къ нимъ и мѣстныхъ разныхъ пановъ съ ихъ ополченіями, а потому и въ силу заключеннаго договора, въ случаѣ нападенія татаръ, московское войско должно съ своей стороны оказать помощь польскому. Кисель предупреждалъ также о хитромъ намѣреніи хана послать въ Москву съ изъявленіемъ будто-бы своей дружбы и совѣтовалъ не довѣрять ему, извѣщалъ, что султанъ запретилъ крымцамъ нападать на Польшу, косвенно намекалъ на нарушеніе Москвою договора чрезъ посылку царемъ хану «казны», замѣчая, что это возбудило неудовольствіе сенаторовъ и что ему Киселю приходится успокоивать ихъ тѣмъ, что нынѣшняя посылка была отпущена ранѣе заключенія договора и потому не служитъ нарушеніемъ онаго. Долгорукій именемъ царя обѣщалъ двинуть московскую рать до Днѣпра. Кисель благодаритъ за готовность къ помощи, увѣдомляетъ, что татары отступили домой, а потому и польскія войска пановъ тоже расходятся, кварцяное-же войско располагается въ черкасскихъ козацкихъ городахъ, гдѣ козаки «одного пулковника своего чигиринского здрадили». Это была первая вѣсть изъ Польши въ Москву о враждебныхъ замыслахъ Богдана Хмельницкаго, который здѣсь еще и не названъ по имени. Объ отходѣ орды на крымскую сторону Кисель почти одновременно извѣщаетъ и сѣвскаго воеводу, Замятню Ѳедоровича Леонтьева, благодаря притомъ его за сообщеніе вѣсти о движеніи въ Крымъ калмыковъ. Причину наружнаго миролюбія татаръ онъ указываетъ какъ въ готовности собравшагося противъ нихъ польскаго войска, такъ и главнымъ образомъ въ союзѣ Польши съ Москвою: «сходство братское и соединеніе великихъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ страшно есть не точію крымскому хану, но и турскому солтану». Въ мартѣ онъ снова пишетъ боярамъ, что имѣлъ порученіе дѣйствовать противъ татаръ совмѣстно съ великимъ гетманомъ и что хотя въ

этомъ помѣшала ему болѣзнь, но что теперь онъ долженъ съ тѣмъ же гетманомъ *разслѣдовать причины* бѣгства нѣкоторыхъ козаковъ на Запорожье и поступать сообразно поведенію крымцевъ. Важно здѣсь такое предупрежденіе: «ханъ прислалъ къ намъ договариваться о дружбѣ; если онъ дружится и съ вами, то дружба его прямая; если-же съ одними нами, лесть есть». Очевидно, Кисель ожидаетъ отъ Москвы полной взаимности, и на этотъ разъ не напрасно: еще до полученія его письма, бояре извѣщали, со словъ вышедшаго изъ орды полоняника, что ханъ уже обѣщалъ запорожцамъ помощь противъ Польши, «отдалъ приказъ коней кормить. А въ крыму голодъ большой, чернь татарская рада войнѣ, безъ нея нынѣшняго лѣта никакъ имъ не пробыть». Эти обоюдныя увѣдомленія о татарахъ продолжаются и во все то время, когда они присоединились уже къ Хмельницкому; съ польской стороны повторяются при этомъ просьбы о помощи, въ томъ числѣ и отъ кн. Іереміи, а воеводы, согласно царскому указу, такую помощь обѣщаютъ: еще 4 іюня, т. е. послѣ корсунской битвы, пишетъ Киселю въ этомъ смыслѣ Болховскій воевода*).

Въ этой перепискѣ обѣ стороны постоянно ссылаются на заключенный Киселемъ союзный договоръ, такъ какъ выполненіе его вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія на первыхъ-же порахъ. Выше мы упоминали, что вслѣдъ за договоромъ въ Крымъ послана была царская казна, или такъ называемый «упоминокъ», представлявшій въ сущности ежегодную дань, которую доселѣ одинаково платила хану Москва, какъ и Польша, и выплату которой обѣ стороны взаимно обязывались теперь прекратить. Поляки, узнавъ о посылкѣ хану царемъ «упоминка», сочли это нарушеніемъ договора; бояре возражали, что казна была уже отпущена прежде подписанія договора. Такъ успокоивалъ сенаторовъ и Кисель. Но на Москвѣ сообразили, что прекратить теперь платежи хану, въ силу обязательства передъ Польшей, значитъ стѣснить себя въ будущемъ, а потому стали пріискивать возможность болѣе выгоднаго толкованія самого договора. Возможность эта и нашлась *въ одной буквѣ*. Въ условіи значилось, что «*нынѣ* обои великіе государи наши, чтобъ

---

*) Переписка о договорѣ и ссылки на него. Также, №№ 99, 107, 133, 134, 136, 146, 166, 182, 194; Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 206.

крымской ордѣ отъ насъ никакая причина не была, (согласились) по давному обычаю съ ними поступить», т. е. однажды, прежде чѣмъ договоръ войдетъ въ силу, уплатить «упоминокъ». Кисель толковали, что здѣсь надо разумѣть только *нынѣ*, а не всегда, бояре-же вмѣсто поступить «читали» поступать... Собственно говоря, условіе о прекращеніи «упоминковъ» хану было для короля Владислава и другихъ сторонниковъ войны съ невѣрными самымъ важнымъ пунктомъ договора. Оно должно было вызвать столкновеніе Крыма съ Москвою и превратить такимъ образомъ оборонительный по формѣ союзъ въ наступательный. Съ польской стороны платежъ дани прекращенъ еще съ 1645 г., и впослѣдствіи ханъ выставлялъ это обстоятельство главною причиною своего союза съ козаками; но въ Москвѣ, какъ видно, во время поняли эту ловушку. Москва хотѣла сохранить за собою, не смотря на трактатъ, полную свободу дѣйствій, чтобы воспользоваться потомъ обстоятельствами въ *свою только* пользу, какъ оно въ концѣ концевъ и случилось[1]).

Вскорѣ успѣхи козаковъ и всеобщее возстаніе на Украйнѣ заставили Киселя бѣжать отсюда, и съ той поры прекращаются его сношенія съ Москвою. Сношенія эти въ дипломатическомъ смыслѣ носятъ чрезвычайно оригинальный и даже странный характеръ. Хотя и сенаторъ, но изъ второстепенныхъ, Кисель пишетъ прямо къ думнымъ боярамъ, какъ бы въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, а эти гордые и еще болѣе чванные бояре тоже обращаются не къ сенаторской радѣ непосредственно, а все черезъ того же *Одама*. Понятно, это должно было поднять его авторитетъ и у себя дома, король долженъ былъ признать и оцѣнить его услуги, хотя едва-ли довѣрялъ ему *вполнѣ* свои планы относительно турецкой войны и расширенія для этого правъ козачества, не говоря уже о возможномъ усиленіи собственной власти на счетъ шляхты: въ этомъ пунктѣ Адамъ Григорьевичъ могъ-бы оказаться самымъ рѣшительнымъ противникомъ короля.

Наградою посольскихъ трудовъ Киселя было возведеніе его въ достоинство воеводы брацлавскаго, въ концѣ февраля 1648 г.,—

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 107, 111, 112, 117, 122, 124, 128, 133, 135, 136, 143, 146, 149, 164, 166, 167, 172, 181, 184, 187, 194.

съ этимъ титуломъ онъ пишется 16 марта, а 23 февраля подписался еще кіевскимъ каштеляномъ. Повышеніе было сдѣлано довольно значительнымъ скачкомъ: сначала предполагалось дать ему низшее по рангу воеводство черниговское, а въ Брацлавъ назначить отсюда Калиновскаго, но король былъ недоволенъ тестемъ послѣдняго, канцлеромъ Оссолинскимъ. На такое назначеніе указываетъ самъ Кисель въ письмѣ къ сѣвскому воеводѣ: «азъ же одъ господаря моего первѣе черниговскимъ, потомъ-же болшимъ браславскимъ воеводствомъ пожалованъ». При извѣстномъ уже отчасти намъ личномъ характерѣ Адама Григорьевича, повышеніе въ званіи и почетъ прямыхъ сношеній съ московскимъ правительствомъ неизбѣжно отразились усиленіемъ его шляхетской гордости, гонора. Долго не получая отвѣтовъ на разныя свои письма, онъ писалъ, будучи еще каштеляномъ, тому-же Леонтьеву: «честь моя и достояніе сенаторское терпитъ умаленіе, егда на грамоту мою доселя отвѣту не маю». Ставъ же воеводою, онъ начинаетъ учить вѣжливости и этикету самихъ московскихъ бояръ. Раньше онъ обращался къ нимъ по ихъ обычаю, т. е. къ одному лицу: ты, а къ нѣсколькимъ: вы; «тыкали» и они его. Но теперь Кисель находитъ это обиднымъ; начиная величать бояръ, согласно давно уже установившемуся въ Польшѣ и западной Руси обыкновенію, «милостями», онъ требуетъ того-же и въ отношеніи къ себѣ [1]).

Такое же чванство и хвастливость проявляются и въ нѣкоторыхъ письмахъ Киселя по поводу начинавшагося въ то время возстанія Хмельницкаго. Выше указано нами сообщенное имъ на Москву первое извѣстіе (23 февраля) объ измѣнѣ чигиринскихъ козаковъ своему полковнику, безъ упоминанія имени Хмельницкаго. 17 марта Кисель пишетъ въ Сѣвскъ болѣе подробно, что часть «козаковъ, черкасцовъ (т. е. реестровыхъ), тысяча или немногимъ больше, сбѣжали на Запорожье, а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицается Хмельницкій; намѣрены они поднять и донскихъ козаковъ, выйти въ море». Это было нарушеніемъ мира съ турецкимъ султаномъ, и потому, писалъ Кисель, «коронный гетманъ, и я съ нимъ, будемъ промышлять о томъ ворѣ». Кисель проситъ: «если Хмельницкій сбѣжитъ съ Запорожья на Донъ, то тамъ бы его не принимать, ни щадить, ни на море пустить». Недѣлей позже онъ пишетъ, что ему

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 170.

поручено «досмотриться, чесо ради бысть се», т. е. уходъ козаковъ за Пороги. Въ апрѣлѣ сообщаетъ, что реестровые козаки берутся сами изловить на Запорожьи «своеволного черкасца», и на томъ крестъ цѣловали. Здѣсь снова повторена просьба, если бы этотъ черкасецъ, т. е. Хмельницкій, появился на Дону и сталъ подбивать тамошнихъ козаковъ къ морскому походу, то схватить его, такъ какъ это будто бы входитъ въ условія союзнаго договора. Ссылка Киселя на договоръ въ этомъ случаѣ неправильна, ибо въ немъ прямо сказано, что хотя-бы даже донскіе или черкасскіе козаки учинили своевольно задоръ туркамъ, то это условій союза не касается. Особенно же любопытно письмо Киселя къ боярамъ отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ благодаритъ за сообщеніе вѣстей о пребываніи въ Крыму козаковъ и обѣщанной имъ оттуда помощи. «Но, говоритъ онъ, довлѣетъ вамъ знать, что никогда холопская рука, особенно измѣнническая, не въ состояніи подвизаться противъ своихъ господъ; и этотъ холопъ, черкасскій измѣнникъ, (Хмельницкій) если не сбѣжитъ на дняхъ со своею дружиною въ Крымъ, то поплатится головой: полемъ и Днѣпромъ пошли на него войска. Если даже станутъ помогать козакамъ поганцы,— Богъ съ нами и никто-же на ны; всѣ мы готовы, сенаторы и войска наши, при королевскомъ войскѣ, дастъ Богъ, будемъ привѣтствовать поганскіе головы острыми польскими саблями!»

Увы, прошло едва двѣнадцать дней, какъ разгромленъ Хмельницкимъ передовой отрядъ польскихъ войскъ на Жолтыхъ Водахъ, а еще черезъ десять дней разбита подъ Корсунемъ и вся польская армія, съ плѣненіемъ гетмановъ. При нихъ однако сенатора-Киселя не было, какъ не встрѣчаемъ его и раньше ни разу въ войскѣ съ самаго 1637 года. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ хвастливаго письма о Хмельницкомъ, Кисель обращается къ нему-же съ дружелюбнымъ письмомъ, именуя его «издавна милымъ пріятелемъ». И далѣе онъ выступаетъ почти исключительно въ качествѣ дипломата; впрочемъ, лѣта его и подагра не дозволяли ему уже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ [1]).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Памятники кіевской комиссіи, т. I, стр. 141; Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 137, 146, 163, 167, 170, 172, 177, 195—198; Michałowskiego Księga, стр. 20—24, 46.

ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Изслѣдователями малорусской народности почему-то установлено мнѣніе, что въ правобережной Украйнѣ окончательно затерялась въ народѣ память объ историческихъ событіяхъ, нѣтъ у него ни думъ, ни пѣсень, ни даже сказаній о временахъ козачества. На самомъ дѣлѣ на правомъ берегу Днѣпра не встрѣчается кобзарей, распѣвающихъ старинныя думы, а только лирники, поющіе канты религіозно-нравственнаго содержанія. Но утверждать, что украинцы правобережные вполнѣ отрѣшились отъ прославленія героевъ своего края, отъ внесенія въ народно-устную исторію именъ и событій, почему-либо знаменательныхъ въ жизни народа, нельзя. Это было-бы равнозначуще отрицанію народнаго творчества. Нѣтъ, народъ украинскій никогда не переставалъ жить духовно, по своему созерцать совершающееся въ немъ самомъ и вокругъ него, относиться съ осужденіемъ или съ почитаніемъ къ тому или другому лицу, являющемуся въ его мнѣніи героемъ, мученикомъ, поборникомъ правды или угнетателемъ народа, попирающимъ лелѣемые имъ идеалы. Это нужно сказать вообще про малороссовъ—безразлично право или лѣвобережныхъ. Но дѣло вотъ въ чемъ.

Лѣвобережная Малороссія, какъ извѣстно, заселилась выходцами съ праваго берега Днѣпра. Это переселеніе совершилось почти поголовнымъ выселеніемъ во времена *руины*. Съ переселеніемъ перешла и вся устная исторія народа того періода исторической жизни его. Съ этимъ и остался почти до нашего времени лѣвобережный украинецъ. По присоединеніи Малороссіи къ московскому царству лѣвобережный украинскій народъ началъ все болѣе и болѣе отстраняться

отъ политико-исторической жизни края, все меньше и меньше сталъ участвовать въ ней, а между тѣмъ простой народъ и есть хранитель историческихъ устныхъ преданій. Исторія лѣвобережной Малороссіи послѣ Брюховецкаго представляетъ намъ цѣлый рядъ интригантскихъ продѣлокъ взаимопожирающейся старшины и почти никакихъ народныхъ движеній, запечатлѣнныхъ симпатіями массы или стремленіемъ къ олицетворенію ею своихъ идеаловъ. Простой народъ, въ чаяніи пришествія царства правды отъ своего идеала «билого царя», сторонился отъ всякаго доброхотнаго участія въ сварахъ грызущейся старшины, интригующей, вѣчно пронскивающей «на Москвѣ» и постепенно подводился подъ режимъ сначала московскаго, а послѣ и россійскаго строя, пока наконецъ по волѣ Екатерины II не былъ закрѣпощенъ этой-же старшинѣ, раньше еще захватившей въ свои лапы земли и угодья. (Сбылось, что писалъ Котошихинъ въ своихъ запискахъ (гл. VII, стр. 92) о пріѣзжавшихъ въ Москву изъ Малороссіи челобитчикахъ: «и имъ даютъ на то (вотчины, мельницы, луга) жалованные грамоты, а на церковное строеніе деньги и церковное одѣяніе, да имъ-же идетъ кормъ и питье и дается жалованье, смотря по человѣку; а даетца имъ жалованье и поденной кормъ для того, что еще они учинились въ подданствѣ вновѣ, и тѣмъ бы къ вѣчному подданству постояннѣе приманить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ, и имъ такой чести и жалованья убудетъ». Забитой душѣ б. козака осталось только воспоминаніе прошедшаго, минувшей славы. И вотъ у него—лѣвобережца и повторялись изъ рода въ родъ пѣсни, думы и сказанія объ этомъ горько-славномъ прошедшемъ, пока и оно не вытерлось изъ памяти народной.

Не то было на правомъ берегу Днѣпра. Уцѣлѣвшіе «недобитки» временъ руины, пополняясь возвращающимися на старыя пепелища поселенниками, еще долго должны были субъективно участвовать въ политико-соціальной исторіи своего края, переживать разгромы ордынскіе, смуты и борьбу съ претендующими на обладаніе краемъ поляками. Для правобережной Украйны еще не скоро насталъ историческій моментъ устраненія массы отъ политическихъ движеній, еще долго пульсировало въ ней стремленіе отстаивать свой идеалъ, выраженный въ словахъ: «Знай ляше! по Случъ наше», пока наконецъ и ее, эту бурную, непокорную Украйну, не прида-

вила мощная рука россійской власти. На Украйнѣ руина смѣнилась Паліивщиною, Паліивщина перешла въ Гайдамаччину, и только памятною всѣхъ болѣе Колiивщиною закончились проявленія политической жизни правобережной Украйны. Всѣ эти событія цѣлыми наслойками укладывались въ памяти народа, субъективно переживавшаго ихъ и, разумѣется, отдавшагося въ своемъ поэтическомъ творчествѣ воспѣванію дѣяній и героевъ этого времени. Т. Гр. Шевченко, истый сынъ правобережной Украйны, лучше всего имъ воспѣтаго воспѣлъ гайдамакъ, этихъ послѣднихъ рыцарей народной борьбы за свои идеалы. Украинецъ такъ и остался лицемъ къ лицу со своимъ историческимъ врагомъ паномъ-ляхомъ, которому окончательно отдала его въ кабалу крѣпостничества россійская сильная власть. По присоединеніи юго-западнаго края къ россійской имперіи, въ видахъ дипломатической надобности, все польское въ томъ краѣ было задобрено укрѣпленіемъ за панами вотчинной власти надъ подданными; эта панская власть окрѣпла подъ покровительствомъ имперской власти, край былъ раздаваемъ между вельможами польскими и даже «попадавшими въ случай» русскими. Народъ получилъ только нестѣсняемость вѣроисповѣданія. И такъ было до 1848 года, когда галиційскія событія подсказали нашимъ администраторамъ возможность и способъ противупоставленія полонизму въ краѣ силы народной массы, задабриваемой инвентарными правилами. А затѣмъ уже дожила Украйна до славнаго 1861 года, когда народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, и наконецъ до 1863 года, когда онъ, подавивъ польское возстаніе, заслужилъ полный протекторатъ правительства въ дѣлѣ земельнаго развода съ панами.

Переживъ столько историческихъ событій и стоя и теперь лицемъ къ лицу со своимъ прежнимъ врагомъ ляхомъ, правобережный украинецъ остался и по сю пору политико-націоналистомъ, между тѣмъ какъ его братъ лѣвобережный малороссъ, устраненный отъ всякой политики, забывшій чуть не миѳическій для него въ настоящее время образъ ляха, всецѣло поглотился устроеніемъ своего домашне-семейнаго быта, сдѣлался, если такъ можно выразиться, не рискуя дать поводъ къ какой либо двусмысленности, только соціалистомъ; у лѣвобережнаго малоросса только и могли сохраниться думы о временахъ козачества временъ Хмельницкаго и болѣе раннихъ, потому что эта традиція не заглушалась въ немъ

новыми волновавшими его en masse рѣзкими историческими фактами. Все-же пережитое правобережнымъ украинцемъ составляло именно тѣ наслоенія, которыя придавливали собою память о совершавшемся раньше того. Эти наслоенія сдѣлали цѣлый кавардакъ въ народной традиціи. Намъ не разъ приходилось выслушивать разсказы, въ коихъ единовременно фигурировали Гонта и Хмельницкій, Екатерина «царыця» и Палій, Богданъ Хмельницкій и таже Екатерина съ Потемкинымъ.

На правомъ берегу Днѣпра нельзя найти полныхъ варіантовъ старинныхъ думъ (да и на лѣвомъ берегу со смертію послѣднихъ кобзарей они, кажется, изчезли); но въ 60-хъ годахъ встрѣчались пѣсни и разсказы про Палія, про Швачку, про Мороза, Желѣзняка, про Савву Чалаго и еще про многихъ, потерявшихъ свое имя, *лыцарей* гайдамацкаго цикла. Кромѣ того попадаются пѣсни запорожскія, старыя и дунайской Сѣчи, пѣсни бурлацкія, чумацкія и рекрутскія, пѣсни о панахъ, о панщинѣ, о военномъ поселеніи—однимъ словомъ обо всемъ томъ, что переживалъ народъ на Украйнѣ. Мы уже не говоримъ о пѣсняхъ обрядовыхъ, колядкахъ, веснянкахъ, петривочныхъ, купальныхъ, въ которыхъ, кстати сказать, много еще сохранилось старо-языческаго и древне-русскаго.

Формы поэтическихъ сказаній и пѣсней правобережной Украйны отличны отъ склада старинныхъ думъ, но несомнѣнно въ тѣхъ и другихъ много общаго; иногда повторяются цѣлые отрывки прежнихъ думъ со вставкою только иныхъ именъ и при томъ въ новомъ музыкальномъ изложеніи. Это все продолженіе творчества одного и того-же народа, только при новосложившейся его исторіи.

Но есть и важные недостатки въ историческихъ пѣсняхъ правобережной Украйны — это извращеніе, иногда совершенное исчезновеніе собственныхъ именъ, смѣшеніе эпохъ и частыя географическія неточности. Въ старинныхъ думахъ тоже встрѣчается этотъ недостатокъ, хотя гораздо въ меньшей степени; при томъ-же въ думахъ, при цѣльности дошедшихъ до насъ варіантовъ, недостатки эти легко исправить. Не то совсѣмъ выходитъ съ тѣми обрывками историческихъ пѣсенъ и съ той амальгамой наслоеній, какія встрѣчаются въ пѣсняхъ Украйны.

«Царыця», понимай Екатерина II, призываетъ въ «столицю» запорожцевъ и изъ нихъ посылаетъ Хмельницкаго и Палія усмирять

Польшу. Въ Переяславѣ совершается воззваніе народа къ этой борьбѣ, молебствуютъ и затѣмъ идутъ съ Гонтою брать Умань, гдѣ основываютъ Сѣчь, которую разоряетъ «Потёмка» съ гетманомъ Браницкимъ, послѣ чего «проклятый» Мазепа уходитъ «житы пидъ турка» за Дунай...

Цѣлый кавардакъ.

Панъ староста Каневскій «у Кыева» на рыночку убиваетъ дѣвушку.

«Ой у мисти *Прылубаси*» вмѣсто «*при рубасіи*», т. е. во время сѣчи, сабельной схватки.

Или: «Ой кинь пидо мною, сидло пидъ *зорёю*» — вмѣсто пидъ *джурою*.

Или въ словахъ: «Ой отдали коня та Соколовському,
«А Ясинвському зброю»

выводитъ пѣсня какихъ-то Соколовскаго и Ясновскаго, когда между тѣмъ это ничто иное, какъ «коня сокола» и «ясненькую зброю».

Эта путаница понятій, кромѣ вышереченныхъ наслоеній массы впечатлѣній у народа, прожившаго первно столько потрясавшихъ его событій, произошла еще и отъ того, что историческія преданія въ какой-бы то ни было формѣ не одобрялись и даже подавлялись на Украйнѣ поляками, не утратившими своей панской силы надъ украинцемъ и послѣ окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ имперіи... Понятно, что крѣпостной украинецъ не могъ открыто во всеуслышаніе воспѣвать героевъ борьбы его съ ляхами, т. е. не далекими предками его пановъ-помѣщиковъ.

Припоминаемъ слышанный нами такой разсказъ:

Г. Умань въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ однимъ изъ болѣе видныхъ центровъ мѣстной шляхетско-польской жизни. Пышный дворъ богатаго магната Феликса (Szczęsny) Потоцкаго, нѣсколько урочныхъ ярмарокъ, имѣвшихъ большое значеніе для возникавшихъ тогда торговыхъ отношеній южнаго взморья, Одессы, съ плодородными Подоліею и Украйною, наконецъ знаменитая въ то время базиліанская коллегія, служившая мѣстомъ воспитанія шляхетской молодежи—все это въ совокупности придавало большое значеніе воздвигнувшейся послѣ гайдамацкаго погрома Умани. Всегда тамъ было много пановъ и всѣ они такъ или иначе жались ко двору Потоцкаго, какъ одного изъ виднѣйшихъ въ то время представителей недавно прекращенной самостоятельности

польской въ томъ краѣ. Послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго уже не было въ живыхъ. Магнаты были еще только болѣе или менѣе сильными, смотря по требованію дипломатіи, столпами польщизны въ краѣ. Устарѣвшій поэтъ Трембецкій, утратившій въ умершемъ королѣ сильнаго мецената, проживалъ въ то время при дворѣ Потоцкаго. День св. апостола Петра и Павла былъ особенно торжественнымъ днемъ въ г. Умани. Въ этотъ день обыкновенно совершался торжественный публичный актъ въ базиліанской коллегіи, чѣмъ, разумѣется, вызывался большой съѣздъ шляхты за учащеюся молодежью и также ради урочной въ тотъ день ярмарки. Послѣ акта все, что могло изъ съѣхавшейся шляхты, бывало въ гостяхъ во дворцѣ Потоцкаго и въ его заново отдѣланномъ, въ честь жены Софіи, роскошномъ саду Софіевкѣ, что нынѣ Царицынъ садъ.

Въ одинъ изъ такихъ съѣздовъ, въ большомъ собраніи высокородныхъ гостей пана Потоцкаго, Трембецкій вздумалъ прочесть новосочиненную имъ въ честь своего мецената хозяина поэму, въ коей описывались прелести Софіевки и доблести ея владѣльца и творца. Самое чтеніе происходило въ одной изъ роскошныхъ бесѣдокъ-колоннадъ сада. Разумѣется, всѣ присутствующіе подобострастно, съ одобряющими минами, слушали декламацію льстеца поэта. Самъ восхваляемый въ пышныхъ выраженіяхъ солензантъ пыжился, вслушиваясь въ цитаты его, можетъ быть, и неизвѣстныхъ и мало цѣнимыхъ имъ самимъ доблестей, таялъ отъ удовольствія. Кончилъ наконецъ поэтъ, тишина собранія, не успѣвшаго еще высказать своего одобренія, доказывала степень восхищенія слушателей. И вдругъ въ этой тишинѣ изъ ближайшей клумбы цвѣтовъ раздается заунывная пѣсня поливающаго цвѣты садовника-украинца:

«Ой ты Потоцькый, воеводзькый сыну!
Запронастывъ Польщу и всю Украину.
Думка въ тебе була, щобъ королемъ статы—
Пишовъ-же ты до царыци милости прохаты».

Представьте себе физіономіи гостей-шляхты, которой такъ рѣзко припоминаетъ простой *хлопъ* общеизвѣстную прикосновенность рода Потоцкихъ къ раздѣлу Польши! Представьте себѣ положеніе высоко парившаго поэта и наконецъ и самаго превознесеннаго чуть не до небесъ, за одну минуту передъ тѣмъ, пана Потоц-

каго! «*Хлопа*» сейчасъ-же схватили, но онъ отвѣчалъ, что пѣтая имъ пѣсня общеизвѣстна,—тѣмъ заканчивался слышанный нами разсказъ.

Изъ этого окончанія разсказа явствуетъ, что и тогда *схватывали* за пѣсню, за провозглашеніе ненравящагося, но что народное творчество жило въ политической жизни края и не оминало совершающихся событій. Но какъ не схватывали, какъ не давили живое слово народнаго творчества, а оно все таки сохранилось въ народѣ и по наше время, какъ тлѣющая искра въ золѣ, какъ сохранились въ стрѣхахъ украинскихъ хатъ, загатахъ и омшаникахъ козацкіе давніе *спысы*, добытые изъ-подъ спуда въ 1863 году. Когда по ходу событій въ 1861 году для украинца ляхъ-панъ пересталъ быть подавляющею его симпатіи и идеалы грозою, тогда стали изъ-подъ спуда народной памяти выдобываться на свѣтъ Божій старинныя пѣсни и сказанія. Но на нихъ, какъ на запрятанныхъ *спысахъ* ржавчина, видна была сила подавленія въ теченіи долгаго времени историческихъ преданій народа. Сплошь и рядомъ эти добытыя пѣсни, сохранивъ всю поэзію и красу народнаго творчества, оказывались потерявшими свою опредѣленность, точность передаваемаго факта. Такъ древнія монеты со стертыми надписями представляютъ собою цѣну металла, иногда приблизительно эпоху ихъ генезиса, національное происхожденіе, но не даютъ возможности болѣе точной детерминаціи ихъ.

Я жилъ въ это время добыванія изъ-подъ спуда старыхъ пѣсенъ и преданій въ средѣ народа и по мѣрѣ силъ записывалъ эти цѣнности народной поэзіи. Помню, съ какою осмотрительностію пѣли и возстановляли въ своей памяти украинцы историческія свои пѣсни въ первые послѣ 1861 года. Нужно было внушить къ себѣ довѣріе, нужно было стать вполнѣ безопаснымъ въ глазахъ украинца, чтобы удостоиться послушать эти пѣсни. Исковерканные, не полные, затертые въ памяти отрывки, но все таки это были историческія пѣсни.

Переносясь памятью въ то недалекое прошлое моей жизни, я живо припоминаю эти сеансы, гдѣ съ одной стороны меня возбуждало чувство любопытства, а съ другой пѣвцамъ не давали развернуться подозрительность и недовѣріе ко мнѣ. Обыкновенно, особенно по началу, это бывало въ концѣ какой либо «бесѣды», какого нибудь урочнаго гулянья, по случаю свадьбы, заговинъ и т. п., и разу-

мѣется подъ вліяніемъ охмѣленія..., когда уже изчерпывался репертуаръ обыкновенныхъ, извѣстныхъ въ то время всѣмъ любовныхъ, чумацкихъ или иныхъ бытовыхъ пѣсень.

— Отъ-бы ще якои проспивать... отзывается кто нибудь изъ собесѣдствующихъ.

— Якои? спрашиваютъ другіе.

— Та оціеи—якъ бо ін?!.. «Ой ще не свить, ой ще не свитъ»... такъ ыначе. Тильки ін не выведемъ...

— А ну, а ну! Почынайте! накидываемся на предложившаго. Ну те-жъ-бо, ну-жъ!..

— Гмъ! хто ёго знае... Це така, що... и упрашиваемый мотаетъ свѣсившеюся на грудь головою и какъ-то лукаво, особенно какъ-то улыбаясь чуть не однимъ усомъ, испытующе поглядываетъ вокругъ себя, какъ-бы спрашивая взоромъ другихъ.

— Ни! Нехай другимъ часомъ, часто обрывалъ упрашиваемый и на этомъ стоялъ упорно.

И дѣйствительно, другимъ часомъ и иногда въ той-же бесѣдѣ, при дальнѣйшей выпивкѣ, удавалось совершенно неожиданно услышать завѣтную пѣсню. Пѣвецъ какъ-то особенно дерзко взглядывалъ на собесѣдниковъ и съ какою-то рѣшимостію, бравурствомъ, пѣлъ затѣянную раньше пѣсню. Вставки и поправки и наконецъ постепенно захватывающее всѣхъ собесѣдниковъ участіе въ пѣніи доказывали, что пѣтое только мнѣ одному изъ присутвующихъ было по сю пору неизвѣстно.

Своевременно пѣсни эти записывались мною и отдавались извѣстнымъ мнѣ собирателямъ. Нѣкоторыя пѣсни вошли въ напечатанные сборники, но двухъ изъ записанныхъ мною тогда пѣсень я не встрѣчалъ въ печати и потому, пользуясь еще пока собственною памятью и памятью моихъ дочерей, я эти пѣсни здѣсь записываю. Самый напѣвъ ихъ, по моей просьбѣ, положенъ на ноты хорошимъ музыкантомъ и особенно способнымъ записывателемъ мотивовъ, чуть не подъ диктовку, Андреемъ Ивановичемъ Краснокутскимъ, коему здѣсь-же приношу мою признательную благодарность.

Вотъ первая изъ этихъ пѣсень:

Ой на биду, на горе козакъ уродився:
Въ чыстимъ поли, край дороги ляшкамъ знадобився.
У недиленьку, вранци, тай славонька стала—

Взяли ляшки сиромаху, тай забилы въ кайданы.
Та на руки кайданы, а на ноги дыбыци—
Хотять ляшки сиромаху зо сьвита згубити.
Та на руки кайданы, на ноги дыбыци,
Тай вкинули сиромаху въ темную темныцю.
Прыизжае жовниръ, ставъ ёго пытати:
—Чы е въ тебе, сиромаха, отець, ридна мати?
—Ой велыкый лугъ батько, а Сичь моя мати.
Доведетьця сиромаси въ неволи погибати.
—Та вы мини не папы, а я вамъ не хлопець!
—Догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець.
Та збиралися люде, молоди молодыци...
«Вызволь, Боже, сиромаху зъ темнои темныци!
Прилепула Галя зъ черными бровами,
Обняла козаченька, тай поцилувала.
Прилепула друга—ся вже не такая:
Ся обняла козаченька, тай плакати стала.
«Ой та йвъ же я сласно, ходивъ я прекрасно...
«Доведетьця козакови погибнуть напрасно.
«Ой та й йвъ же я сласно, та ще йсти буду...
«Таки ляшкамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Слышано въ Дударяхъ, Черньшахъ и въ Холоровѣ канев. уѣзда.

Записавъ эту пѣсню, я позволяю себѣ коментировать её, или, лучше сказать, записать то, какъ я ее понималъ, какое впечатлѣніе она произвела на меня при непосредственномъ принятіи ея отъ народа. Начертаніемъ программы коментированія записанныхъ

мною пѣсень я снимаю съ собя отвѣтственность въ недостаточности научной подготовки моей къ разработкѣ народной поэзіи. Я описываю здѣсь мои личныя впечатлѣнія, а потому и допускаю разныя licentiae poeticae, коимъ я самъ поддавался во время слушанія пѣсни.

Взмахиваю крыльями фантазіи и коментирую.

Гдѣ это *«въ чистомъ поли»*, *«край»* какой *«дороги»* и кто этотъ *сиромаха*, что *знадобився ляшкамъ?* Засѣли *ляшки* въ какой нибудь придорожной корчмѣ, нагрянули туда, узнавъ, что тамъ гуляетъ этотъ молодецъ-забулдыга, *сиромаха*, своего рода абрекъ того времени, и поймали его. Видно, не добромъ далъ онъ знать себя ляхамъ, а теперь и *знадобився* имъ, т. е. попалъ въ засаду, захваченъ внезапно.

Никто не могъ мнѣ назвать его, опредѣленно отвѣтить на мои распросы. «Такый-то уже бувъ соби», «такъ соби якійсь сердега», «мало ихъ отъ такихъ тоди тутъ вештало̀сь»—все это были отвѣты, ничего не говорящіе.

Но разъ мнѣ пришлось услышать что-то болѣе опредѣленное, хотя все-таки мало объяснившее.

Свадьба въ самомъ развалѣ. Всѣ гости на дворѣ, поразмѣстились на *присьбахъ*, около вынесеннаго нарочито изъ хаты стола съ *ослонами*, и такъ по просту на землѣ, *по-пидъ тыномъ*. Вотъ-вотъ возвратятся *молоди* отъ тещи и тогда будутъ опять звать въ хату, усаживать *за столъ* и *почнуть здоровувать*. Музыканты ушли съ *молодыми*. Я затесался въ кружокъ *молодыць*; подвыпивши и обнявшись съ ними, упиваюсь мелодіею *жиноцькои* пѣсни:

«Доки тебе не любила, гула, якъ голубка.
Гула, гула та голубонька—полепула въ поле!..
А летячи говорила—горе-жъ мени, горе!..
«Горе-жъ мени, горе! Несчастная доле!
«Утопила головонько въ безоднее море!..

Засумовали пѣсня, и мы слушающіе и поющіе поникли охмѣлѣвшими головами и замолкли, какъ-бы вслушиваясь въ заунывную, вытянутую *«кумою Палажкою»* ноту...

«Ой на биду на горе козакъ уродився...

отозвался теноръ Петровича въ близкомъ къ намъ кружкѣ сидящихъ около стола мужчинъ. Выпутавшись изъ объятій моло-

дыць, я устремился къ группѣ новыхъ пѣвцовъ, умостился съ ними и сталъ подтягивать.

Къ нашей группѣ подошла чуть не столѣтняя бабка жениха, *стара Козачка* (семью эту звали Козаченки) и втиснулась своимъ блѣднымъ, обрамленнымъ *намиткою зъ пидборидьямъ* лицемъ въ кучу головъ съ раскраснѣвшимися, напряженными отъ пѣнія физіогноміями. Старуха все прислушивалась, какъ-бы что-то вспоминала и наконецъ прошамкала:

— О! Це про Мамая,—про Мамая... и сейчасъ-же ушла, какъ-бы устраняя себя отъ участія въ пѣніи.

Сколько я не допытывался у *бабусеньки*, сколько не допрашивалъ ее и въ тотъ день и послѣ—ничего такъ таки и не допытался.

«Мамай?! Оце усе таки про Мамая... Колысь то було, давно. Теперъ мало хто знае... Було, уси знали цю писню... гмъ... Мамай, одно слово Мамай»... Вотъ тѣ отвѣты, какими подчивала меня бабуся, впрочемъ мало уже говорившая вообще. Разумѣла-ли она подъ этимъ словомъ «Мамай» имя собственное, или это было нарицательное для обозначенія ватажка гайдамака, какъ вотъ напримѣръ «Воронежскіе Мамаи», означающіе вообще татаръ, ногайцевъ, кочующій степной людъ—не знаю. А потому и фантазирую.

Мѣстечко старостинское среди заселяющейся на старыхъ *селищахъ* Украйны. Въ центрѣ крестьянскаго населенія, въ срединѣ густой зелени садовъ и левадъ, изъ-за которой проглядываютъ кое-гдѣ весело соломенныя крыши *чепурныхъ, билесенькихъ хатъ,* какъ струпъ на живомъ тѣлѣ, грязнымъ пятномъ размѣстился базаръ съ высокими, странной архитектуры, жидовскими домами—*заъздими*, съ большою корчмою-ратушей на площади, съ мелкими лавченками ятками. Замокъ старостинскій на крутомъ берегу какой нибудь Роси, Расавы, Гнилаго Тикича или Тясьмина. Возобновленные валы и полисады кругомъ замка, *муры* и костёлъ, башня надъ подъемнымъ мостомъ, а въ башнѣ окна, задѣланныя желѣзною рѣшеткою, хоромы пана старосты, старыя тополи, съ сухими, обожженными при послѣднемъ нападѣ гайдамацкомъ вѣтвями, тюрьма подземная (темная темныця), надворная хоругвь козаковъ, гайдуки и пахолки.

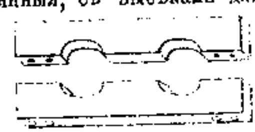
Недиленька свята. Разряженные поселяне стягиваются къ старенькой деревянной, кой-гдѣ полатанной новою шелёвкою, треглавой

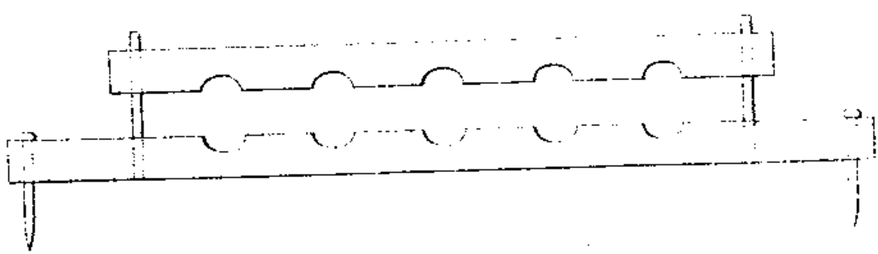
церковцѣ, куда ихъ сзываетъ лязгъ небольшаго колокола чуть-ли не на уніатское богослуженіе. Съ окрестностей тоже кой-кто пришелъ *побазарувать.* Суетная *«жидова»* забѣгала по-между возовъ, засуетилась, заторговала послѣ шабаша. Базаръ оживляется, кто *до церкви,* кто *въ ятки,* а есть и такіе, *що и до корчмы.*

И вотъ въ эту *недиленьку, въ ранци,* среди этой базарной толпы пролетѣла молва *(славонька стала),* что ляхи поймали *сиромаху,* какого-то неопредѣленнаго публикою, и *забили,* т. е. заковали въ *кайданы* на рукахъ и *дыбы* на ногахъ, и вкинули въ *темную темныцю,* т. е. въ подземную тюрьму [1]), результатомъ какого заключенія будетъ гибель этого сиромахи—*хотятъ ляшки сиромаху зо свиту згубити.* Но кто онъ, этотъ пойманный сиромаха, публика еще не знаетъ, ей только извѣстенъ фактъ поимки. Но вотъ пріѣзжаетъ къ узнику *жовниръ* (не гайдукъ, не козакъ надворной хоругви, а *жовниръ,* по польски żołnierz), какъ-то отличающійся отъ обыкновенныхъ вооруженныхъ людей замка, и сталъ его *питати,* т. е. спрашивать. Очевидно, это какой нибудь чиновникъ польскій, административный или судебный, дѣлаетъ опросъ или допросъ заключеннаго. Публика жадно ловитъ отвѣтъ узника. Пойманный сиромаха

---

[1]) Наши потомки вѣроятно не съумѣютъ себѣ представить этого орудія ареста—*дыбы, дыбыцы.* Это двѣ толстыя колоды, деревянныя, съ высѣками для ногъ, сбитыя на глухо деревянными гвоздями. Эти колодки-дыбы такъ еще недавно надѣвали, за недостаткомъ кандаловъ, на рекрутъ, при чемъ обыкновенно надѣвали одну колодку на двухъ человѣкъ, прихватывая каждаго за одну ногу. Я помню и другой видъ этого инструмента: также большія двѣ колоды со многими проймами, но одна колода неподвижно прикрѣплялась къ землѣ,





а другая надѣвалась на стержни и потомъ заклинивалась. Разбушевавшихся пьяницъ обыкновенно забивали одною ногою въ одну колоду, пока проспится. Инструментъ этотъ назывался *гусакъ* и употреблялся селянами и послѣ 1861 г.

бравируетъ передъ толпою и въ тоже время старается устранить себя отъ мѣстной, польской расправы; онъ, вѣроятно, знаетъ, что если назовется запорожцемъ, его не будутъ судить польскія власти, а отошлютъ въ Кіевъ, въ Кошъ или сдадутъ коменданту крѣпости св. Елисаветы. Поминъ безшабашнаго запорожца не оставляетъ его и онъ, бравируя, на вопросъ: *чи е въ тебе, козаченьку, отець, ридна мати?* заявляетъ, что *батько* его *великій лугъ*, а мати—*Сичъ*. Но, видно, во мнѣніи толпы эта бравада не спасетъ обреченнаго, и толпа выражаетъ это свое мнѣніе, что вѣдь все-таки доведется добру молодцу *въ неволи погибати*, т. е. не избѣгнуть ему тяжкаго заключенія. Намекнувъ иносказательно на свое происхожденіе, пойманный вслѣдъ затѣмъ категорически объясняетъ, кто онъ, и какъ-бы заявляетъ отводъ о неподсудности.—Что-жъ еще вы меня не поняли, что-ли? какъ-бы говоритъ онъ: «*та вы мени не паны, а я вамъ не хлопець*», т. е. я не подчиненный вамъ, знать васъ не хочу, *догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець*. Вотъ только изъ этого послѣдняго категорическаго объясненія публика узнаетъ, кто этотъ сиромаха, видитъ въ немъ симпатичный ей типъ *лыцаря, сироты бездомного*, отданнаго цѣликомъ борьбѣ съ нелюбимыми ляхами. Эта симпатія, сочувствіе къ сиромахѣ выражается словами пѣсни:

Збиралися люде, молоди молодыци...

«*Вызволь, Боже, сиромаху зъ темнои темныци!*

Особенно *молодымъ молодыцямъ* люба эта удалая фигура сиромахи запорожца: это не тотъ *похнюпа* свой мужъ, мужикъ гречкосѣй, апатично подставлявшій свою *потылыцю* подъ панскій кулакъ, смиренно запрягшійся опять послѣ Паліивщины въ ярмо панской власти; нѣтъ, не таковъ этотъ *лыцарь сиромаха*, дерзкій, здоровый, съ чубомъ-оселедцемъ съ конскій хвостъ, съ этими *довгими, начеь гадюки два, усами*. Да, не у одной изъ *молодыхъ молодыць*, затрепетало сердце при видѣ этого молодца. Но вотъ сквозь толпу протискивается *примлинувшая Галя зъ черными бровами* и смѣло при всѣхъ обнимаетъ его и цѣлуетъ. Вслѣдъ за ней летитъ запоздавшая другая, взволнованная, испуганная, сконфуженная... Эта не съумѣла выразить свою любовь поцѣлуемъ, а только успѣла кинуться на шею добру молодцу и, сокрушенная тревогой, женскою стыдли-

востію, нервная, страстная, плачетъ на груди у своего милаго, рыдаетъ истерически—*ся вже не такая* (смѣлая, бойкая).

Ся обняла козаченьки, тай плакати стала,

кратко говоритъ пѣсня.—Такъ моему воображенію представляется эта картина. Но очень можетъ быть, что здѣсь изображена сцена того, практиковавшагося на Украйнѣ въ послѣднія времена ея заселенія, обычая, по которому преступникъ, осужденный на смерть, получалъ свободу и жизнь, если въ минуту казни являлась свободная женщина, желавшая повѣнчаться съ нимъ, и въ знакъ того давала ему поцѣлуй. Если хотите, заключительныя слова пѣсни, въ коихъ высказывается надежда еще *йсти* такъ *сласно,* какъ и прежде, оправдываютъ послѣднее предположеніе. Пѣсня оканчивается все-таки выраженіемъ непримиримости героя пѣсни къ ненавистнымъ ляхамъ:

Таки ляхамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Обстоятельства занесли меня съ Украйны на по-Донщину. На этомъ новомъ мѣстѣ жизнь моя сложилась такъ, что я стоялъ внѣ непосредственнаго сближенія съ народомъ, и мои этнографическія занятія сами собою прекратились, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они велись на Украйнѣ. Это произошло отчасти и отъ того, что мнѣ пришлось жить въ велико-русскомъ селѣ, чуждомъ для меня по народности, мало понятномъ въ его бытовомъ строѣ и потому мало меня занимавшемъ. Въ 1869 году мнѣ пришлось перевезти къ себѣ моихъ дочерей, 3 и 5 лѣтъ, остававшихся до той поры въ одномъ селѣ на Украйнѣ, въ той народной средѣ, коей я обязанъ настоящими моими воспоминаніями. Дочери мои, между прочими пріобрѣтенными ими въ селѣ знаніями, за три года нашей разлуки и ихъ жизни въ селѣ, научились пѣть украинскія пѣсни чисто по народному и вывезли изъ Украйны порядочный репертуаръ пѣсень, между коими были и незнакомыя мнѣ до той поры. При этомъ нужно знать, что въ селахъ, какъ и вездѣ въ мірѣ, публика тоже подвержена измѣнчивости вкусовъ и симпатій, что и въ селѣ дѣйствуютъ законы моды: какая нибудь новая пѣсня вдругъ ни съ того, ни съ сего входитъ въ моду, *припадае до смаку* деревенской публикѣ и долгое время преимущественно, до прискучиванія, поется всѣми и вездѣ. Случайно занесенный въ село чужой человѣкъ, часто даже прохожій бурлака, кутившій въ придорожной корчмѣ, кто нибудь болѣе

воспріимчивый изъ своихъ, на сторонѣ научившійся пѣть въ самую точку вкуса публики, приноситъ новую пѣсню и пѣсня эта поется всѣми. Вставляютъ припомянутыя части, варьируютъ, *выводять* её на всѣ лады и она становится своею, замѣняетъ въ сельскомъ репертуарѣ прежнюю какую либо пѣсню, пока въ свою очередь не уступитъ опять какой нибудь новой. Вслѣдствіе этого, такъ сказать, модничанья села, выходитъ то, что записавшій извѣстныя пѣсни въ селѣ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени можетъ уже и не найти въ томъ-же селѣ этихъ пѣсень, а услышитъ новыя, до той поры имъ не слыханныя.

Проживая въ русскомъ селѣ, гдѣ нельзя было услышать и одного слова по малорусски, я съ великимъ наслажденіемъ прослушивалъ пѣсни моихъ дѣвочекъ, пѣтыя нѣжными дѣтскими голосами, но съ замѣчательною точностію народной украинской интонаціи. Занесенный впослѣдствіи на черноморское побережье Кавказа, я не разъ, выбившись на лодкѣ на широкую гладь моря, любуясь восхитительнымъ видомъ уступовъ горъ то зеленыхъ, то синѣющихъ, то бѣлѣющихъ снѣговыми вершинами, упивался звуками пѣтыхъ моими дочками заунывныхъ пѣсень далекой родины.

Между этими пѣснями была одна, которую я и прежде слыхалъ на Украйнѣ; она записана мною, кому-то отдана, но по сю пору не встрѣчалась мнѣ въ знакомыхъ сборникахъ, хотя ее можно-бы отнести къ пѣснямъ историческимъ. Это пѣсня про Бондаривну, жертву неукротимой страстности пана старосты каневскаго, Николая Потоцкаго, называемаго иногда просто *банитомъ* (banita по польски, съ латинскаго значитъ изгнанникъ). Этимъ послѣднимъ названіемъ обозначалось то, что человѣкъ этотъ былъ лишенъ покровительства законовъ. Всякій коронный чиновникъ обязанъ былъ такого человѣка при первой возможности арестовать и безо всякаго суда казнить, а убить безнаказанно могъ всякій, кому вздумается. На старостѣ каневскомъ тяготѣло около 150 уголовныхъ приговоровъ по различнымъ дѣламъ и по каждому изъ нихъ онъ, какъ не явявшійся въ судъ, уклоняющійся отъ закона, былъ приговариваемъ къ баниціи (banitia), т. е. лишенію покровительства закона. Но панъ сей, всегда окруженный вооруженною, преданною ему дружиною легко вербуемыхъ въ то смутное время головорѣзовъ, былъ недосягаемъ для безсильной польской

судебно-исполнительной и административной власти, особенно въ такомъ далекомъ уголкѣ королевства, какимъ была поднѣпровская Украйна.

На Украйнѣ можно было въ недавнее время услыхать много разсказовъ про самодурства этого шальнаго магната. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ записаны уже и напечатаны (Голка Сторожевскаго, Стихотворенія Осташевскаго). Народъ-же въ его творчествѣ поэтическомъ увѣковѣчилъ память этого самодура-изверга въ пѣснѣ о Бандаривнѣ. Въ пѣснѣ этой разсказывается общеизвѣстный на Украйнѣ фактъ убійства паномъ старостою крестьянской дѣвушки Бондаривны.

Николай Потоцкій жилъ на Украйнѣ, нужно полагать, въ срединѣ прошлаго столѣтія, къ концу первой и въ началѣ второй половины его. Послѣ неудавшейся попытки Палія и Самуся колонизировать и занять для присоединенія къ московскому царству опустошенную Украйну, что было въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на Украйнѣ опять водворилось безначаліе, опять начали ее терзать разные претенденты на обладаніе ею, пока наконецъ въ 1713 году по прутскому договору она не была отдана опять Польшѣ. Опять начинается новая колонизація или, лучше сказать, оккупація Украйны поляками, при чемъ, разумѣется, шляхта не съ разу вселяется въ край, а исподоволь подвигается съ Волыни и Полѣсья. Скорому поселенію шляхты на Украйнѣ мѣшала опасность столкновенія съ возникшимъ въ то время гайдамачествомъ. Запорожская Сѣчь разорена была передъ тѣмъ Петромъ Великимъ, главный, такъ сказать, легализированный пріютъ бѣглыхъ и недовольныхъ перенесенъ былъ на турецко-татарскую территорію въ Алешки, и вотъ все это недовольное, буйное, все непримиряющееся съ польскими порядками ютится по степнымъ балкамъ запорожской степи, по опустѣлымъ селищамъ южной Украйны, по камышамъ Выси и Синюхи и въ Черномъ лѣсу, на водораздѣльномъ между бассейнами днѣпровыхъ и бугскихъ рѣкъ кряжу. Отсюда дерзкими загонами эти малькоптенты, извѣстные подъ именемъ гайдамакъ, дѣлаютъ грозные набѣги на селившуюся на Украйнѣ шляхту и долго не даютъ ей устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Панъ Николай Потоцкій былъ однимъ изъ этихъ вселяющихся на Украйнѣ колонизаторовъ. Волынскій магнатъ знатнаго рода,

онъ получаетъ титулъ каневскаго старосты и отправляется лично устраивать этотъ далекій отъ Волыни край. То, что онъ явился уже въ Каневщину не первый, или то, что ближайшая къ Каневщинѣ Украйна была уже до извѣстной степени заселена и имѣла возможно-устроенный видъ, доказывается уже тѣмъ количествомъ уголовныхъ приговоровъ, какое тяготѣло надъ этимъ самодуромъ. Значитъ въ томъ краѣ уже было кого обижать изъ такихъ, за кого заступался законъ (хлопъ былъ внѣ закона), значитъ были уже въ краѣ хоть какія нибудь юрисдикціи, въ которыхъ постановлялись приговоры. А такъ какъ для всего этого нужно было время и такъ какъ въ 1760 году мы встрѣчаемъ Николая Потоцкаго кающимся грѣшникомъ, строющимъ церкви въ Почаевѣ [1]); то мы и опредѣляемъ время жизни его на Украйнѣ концемъ первой и началомъ второй половины прошлаго столѣтія.

Забившись въ этотъ далекій уголокъ края, Николай Потоцкій, по натурѣ, какъ видно изъ разсказовъ, страстный и чудаковатый самодуръ, предается полному произволу, разнузданному разгулу, недосягаемый закономъ, не стѣсняемый мнѣніемъ людей далекаго отъ него его круга. Тутъ онъ всевластенъ, тутъ онъ безъ толку благодѣтельствуетъ, по капризу обижаетъ, тутъ онъ въ минуты невоздержнаго гнѣва и убиваетъ людей. Здѣсь онъ одѣвается въ козацкое платье, широкіе шаровары и отращиваетъ запорожскій оселедець [2]) и вообще дѣлаетъ, что дѣлали до него и послѣ него многіе польскіе паны—козакофильствуетъ. Въ послѣднемъ, т. е. въ козакофильствѣ это тотъ-же Тимко Падура, Михаилъ Чайковскій, Богданъ Залескій, Гощинскій и иные мелкіе козаколюбцы нашей эпохи—это все тоже, только при иной обстановкѣ, въ иной исторической рамкѣ. Онъ заселяетъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, помощію при обзаведеніи хозяйства, тѣшится этими своими селами, пьетъ, гуляетъ въ нихъ, спаиваетъ громады и въ тоже время неравнодушенъ къ карымъ очамъ и чернымъ бровямъ своихъ поселянокъ. Имя одной изъ его амантокъ Приськи увѣковѣчивается въ названіи одного новозаселеннаго села—Прыцьки.

[1]) См. «Кіевская Старина», іюнь 1884 г., ст. «Почаевская успенская лавра, князь Н. С. Голицына.

[2]) Ibid.

Въ память пьяныхъ оргій съ этою Приською (чуть-ли это не та самая воспѣтая Бондаривна), цѣлою фразою наименовываются нѣсколько селъ: Николаевка, Потокъ, Піи, Прыцьки, Пивци [1]), что означаетъ: Николай Потоцкій пьетъ съ Приською пиво (Nikołaj Potocki pije z Pryśką piwko).

Въ разсказахъ, какіе мнѣ приходилось о немъ слышать, п. каневскій староста не вызываетъ абсолютной ненависти народа. Нѣтъ, что-то похожее на отношенія народа къ личности извѣстныхъ разбойниковъ сквозило въ слышанныхъ мною разсказахъ объ этомъ самодурѣ. За нимъ, какъ за популярнымъ эксцентрикомъ, признавалась какъ-бы извѣстная доля права кого-то высѣчь, самымъ оригинальнымъ образомъ кого-то разсудить въ спорѣ между собою, потѣшиться надъ «жидовою» и наконецъ даже причинить кому-то самую смерть при неумѣренной жалости или при вспышкѣ невоздержнаго гнѣва. Съ нимъ устраиваются состязанія въ находчивости, въ перехитриваніи его придирокъ, причемъ онъ сплошь и рядомъ бываетъ побиваемъ ловкостію какого нибудь незначительнаго, маленькаго человѣка, къ нему идутъ судиться въ трудно-разрѣшаемыхъ случаяхъ спора, къ его наконецъ личности пріурочиваются различнѣйшія курьезныя приключенія, на самомъ дѣлѣ случавшіяся вовсе не съ нимъ, а съ другими лицами. Вообще это популярная историческая личность этотъ п. староста каневскій среди заселявшейся вновь Украйны.

Мы позволяемъ себѣ очертить эту оригинальную личность, по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія остались у насъ отъ всего читаннаго и слышаннаго о немъ, слѣдующимъ образомъ.

Не дюжинный по природѣ, съ нравственнымъ складомъ, отличнымъ отъ склада людей его круга, не ужившись на Волыни въ магнатско-шляхетской средѣ, Николай Потоцкій уходитъ въ далекій, не заселенный вполнѣ еще край и здѣсь создаетъ себѣ особое положеніе полновластнаго владыки, устраиваетъ своего рода statum in statu, гдѣ его воля, его желаніе—законъ и правило жизни. Недостаточно подготовленный для поддержанія въ себѣ и въ окружающемъ его міркѣ безусловно нравственнаго режима, онъ тѣмъ не менѣе соотвѣтствуетъ потребности нужнаго въ этомъ краѣ по

[1]) Села каневскаго уѣзда.

тому времени сильнаго устроителя, преданнаго своему дѣлу. Здѣсь обуеваетъ его козакоманія, онъ сходится съ приходящими къ нему посельниками, помогаетъ этимъ посельникамъ, любитъ ихъ, заслуживаетъ популярность, гуляетъ, пьетъ съ ними, влюбляется въ Приську Бондаривну преимущественно предъ другими временными кохапками, воловодится съ нею до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ минуту вспышки не застрѣливаетъ ее, а затѣмъ плачетъ, убивается по ней, тоску и угрызенія совѣсти заливаетъ все больше и больше виномъ, сразу послѣ этого-же процесса видитъ отшатнувшимся отъ себя любимый имъ, хотя-бы изъ эротизма, народъ, увидавшій и въ этомъ популярномъ человѣкѣ жестокаго пана-ляха, становится мрачнымъ пьяницею, ипохондрикомъ, пустившимся во вся тяжкая. Мрачный, вѣчно пьяный, съ осунувшимися чертами лица, съ отвисшею нижнею губою, онъ въ послѣднее время жизни его на Украйнѣ только неистовствовалъ. Пріѣзжая въ какое нибудь село, онъ сейчасъ-же устраивалъ съ соблюденіемъ всей обрядности «весилля». Намѣченную дѣвушку вѣнчали съ нимъ (священники это дѣлали, будучи угрожаемы пистолетомъ), устраивалась всеобщая попойка, и молодыхъ по чину, какъ слѣдуетъ, укладывали спать, при чемъ *молодой* п. староста былъ обыкновенно пьянъ. По утру на другой день молодожонъ жаловался своимъ приближеннымъ на неудобство быть женатымъ, требовалъ развода и разводъ этотъ устраивался очень просто: клевреты схватывали *молоду* въ мѣшокъ и топили въ ближайшей рѣчкѣ. И этакія звѣрскія продѣлки практиковались не разъ, пока наконецъ этотъ сумасшедшій извергъ какими-то судьбами не пошелъ въ почаевскую лавру каяться.

Бѣдная Украйна! чего ты только не вытерпѣла отъ разнаго рода властныхъ самодуровъ?!

Народъ въ пѣснѣ воспѣлъ случай убійства Бондаривны, причемъ, разумѣется, память ея украсилъ цвѣтами поэзіи и окружилъ ее вѣнкомъ своихъ симпатій. По словамъ пѣсни, п. Канёвскій, откуда-то явившійся (де не взявся), встрѣчаетъ Бондаривну *водящею передъ* въ хороводѣ. Онъ привѣтствуетъ ее снятіемъ шапки, обнимаетъ, цалуетъ и, напоминая о прежнихъ любовныхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, любитъ-ли она его и теперь, какъ и прежде. На это гордая красавица, очевидно никогда не любившая старосту, отвѣчаетъ дерзкою насмѣшкою, называетъ его псомъ. «*Якъ кохала тебе*,

пане, такъ теперь кохаю,—де побачу межъ панами, за пса тебе маю». Нужно знать, что ругательство *песъ, собака, сука, сучка,* у народа имѣетъ особое значеніе; этими словами обозначается присущность ругаемому невоздержности въ половыхъ инстинктахъ, распущенность половая у женщинъ и ловеласничество, настойчивое достиженіе ласкъ любви у мужчинъ. «*Такый уже собака, такый песъ...* говорятъ про мужчинъ этого пошиба; *вона усе ривно, що отъ сучка*—про женщинъ. Такимъ образомъ обозваніе Бондаривною и старосты псомъ въ пѣснѣ имѣетъ особое значеніе, указываетъ намъ на ловеласничество въ характерѣ его, причемъ видно, что этой Бондаривнѣ субъективно приходилось испытывать нахальство п. Канёвскаго. Это было, такъ сказать, послѣднимъ отвѣтомъ на заискиванія ловеласа и притомъ отвѣтомъ вполнѣ оправдываемымъ какъ поведеніемъ его, такъ и сложившимся о немъ мнѣніемъ публики: *ціи вирни слова*. Брошенная публично въ глаза укоризна была такъ правдива, что п. старостѣ нечего было сказать, и онъ озлобленный, сконфуженный, съ угрозой какъ-бы прощается съ Бондаривною. Опытные, знавшіе неукротимость п. старосты люди предостерегаютъ Бондаривну, совѣтуютъ ей уходить. Она слѣдуетъ этому совѣту, кроется въ толпѣ уходящихъ людей, уже достигла какого-то моста, но высокая, стройная ея фигура выдаетъ ее преслѣдователямъ, которые схватываютъ ее, ведутъ къ ново-выстроенному дому п. старосты, гдѣ заставляютъ ее пѣть пѣсню. Можетъ быть, эта Бондаривна при своей красотѣ, обратившей вниманіе п. старосты, была одарена и хорошимъ голосомъ, плѣнявшимъ его въ числѣ прочихъ ея качествъ. Или можетъ быть эта *писенька* былъ плачъ, *тужиньня* осиленной дѣвушки, знавшей, что не добро ее ждетъ. Такъ или иначе, но бѣшеный панъ стрѣляетъ въ нее подъ правое ухо. Сразу прервалась пѣсня, *нима* стала Бондаривна, *оглохлая*, она уже ничего не услышитъ, ни вопля стараго Бондаря, прибѣжавшаго къ ней, лежащей на сырой землѣ, и ударившагося объ полы руками, ни погребальной музыки, ни причитыванія самаго старосты, проливающаго слезы и искренно жалѣющаго молодой роскошной (*пышной, пригожой*), какъ полная вишня и *червоная* роза, красы ея. Кровь, рѣкою текущая (*кривавая ричка*) и образовавшая кровавую дорожку (*кривавая стежка*) несчастной жертвѣ панской разнузданности, какъ-бы вопіетъ къ слушателю этой пѣсни, взывая о чувствѣ

жалости, о достойной мести и осужденіи этого сумазброднаго убійцы.

Вотъ она, эта самая пѣсня въ ея жалобномъ, какъ-бы погребальномъ народномъ напѣвѣ, такъ удачно, съ чисто народнею интонаціею переданная мнѣ моими дочерьми и обязательно положенные на ноты г. Краснокутскимъ.

А въ Кыеви на рыночку вся челядь гуляла,
Отъ тамъ наша Бондаривна передъ вывожала.
Де не взявся панъ Канивській и, шапочку знявши,
Обнявъ нашу Бондаривну, обнявъ, поцилувавъ.
«Чи кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Якъ перше до намету було прихожала?»
—«Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу межъ панами, за пса тебе маю».
—Якъ почувъ же панъ Канивській ціи вирни слова...
«Прощай, прощай, Бондаривно: оставайся здорова!»
Якъ почули ціи слова старенькіи люде—
«Тикай, тикай Бондаривно, лихо тоби буде!»
Якъ побигла Бондаривна, тай стала втикати;
А за нею два ляшеньки іи доганяти.
Якъ догнали Бондаривну на дубовимъ мосту...
«Шкода, шкода Бондаривно: высокого росту!»
Якъ привели Бондаривну до новои осельки,
Заставили Бондаривну спивати писеньки.
Молодая Бондаривна писеньки спивае,
А из-заду панъ Канивській ружье заряжае.

Якъ ударить Бондаривну пидъ правее ухо,
Стала наша Бондаривна нíма и оглухла.
Прибигае старый Бондарь—вдарився объ полы...
Лежить наша Бондаривна тай на земли доли.
Ой лежала Бондаривна и часъ и годину,
Поки звеливъ панъ Каниwськiй зробить домовину.
А въ нашои Бондаривны въ подыськахъ мережка...
Куды несли Бондаривну—кривавая стежка.
А въ нашои Бондаривны червоная стричка—
Куды несли Бондаривну—кривавая ричка.
Ой и звеливъ панъ Каниwськiй музыци заграти,
Та якъ стали Бондаривну въ церкву провожати,
Молодая музыченька у скрыпочку грае,
А из-заду панъ Каниwськiй очи вытирае.
«Молодая Бондаривна, якажъ бо ты пышна?!
«Якъ у лити у садочку червоная вышня!
«Молодая Бондаривна, якажъ ты пригожа?!
«Якъ у лити у садочку червоная рожа!..

(Слышана въ Дударяхъ каневскаго уѣзда)

Но въ слышанномъ мною народномъ разсказѣ объ этомъ событіи дѣло вышло иначе.

Само собою разумѣется, что это все не могло случиться въ Кіевѣ, гдѣ панъ староста Каневскій не могъ такъ своевольничать. По слышанному нами разсказу дѣло это было въ Потокѣ, мѣстечкѣ каневскаго нынѣ уѣзда. Панъ Потоцкій имѣлъ обычай разъѣзжать по своимъ маетностямъ и каждое посѣщеніе его знаменовалось повальнымъ пьянствомъ и всеобщимъ кутежемъ. Играла музыка, ставилось угощеніе всѣмъ, и молодежь пѣла и плясала, *звеселяла* пана. Панъ Потоцкій построилъ новый домъ въ Потокѣ и по этому случаю шло сугубое пьянство. «*Якъ уже, бувало, дуже опъяніе, то вже до нёго никого не допускають, такъ уже було й приказано: нихто не попадайся на очи. Заразъ бувало закрывають наметъ и становлять козака, щобъ никого не допускавъ до нёго, а то винъ пьяный буваwъ не самовитый*». Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Пьянаго пана старосту уложили въ новомъ домѣ и поставили на сторожѣ козака, чтобы никого не впускать въ домъ. «*Ну, а люде, звычайно, пьють, гуляють сами. Ну, и челядь гуляе.* Бондаривна

была въ числѣ гуляющихъ; была-ли она дѣвушка или покрытка, неизвѣстно; скорѣе послѣднее. Ей вздумалось пойти къ пану старостѣ. Козакъ *не посмивъ зупинить* (очевидно она была вхожа къ старостѣ), *та тильки що увiйшла въ двери, а винъ схопивъ рушныцю та торохъ въ неи. Народъ такъ и шарахнувсь, хто куды; де той и хмиль подився. Винъ* (т. е. староста) *самъ іи хоронивъ, поминавъ хороше, убивався за нею. Таке-то!*

Таке-то! скажемъ и мы, вторя разсказчику.

Борисъ Познанскій.

23 августа 1885 года,
г. Павловскъ.

ИВАНЪ ПОДКОВА [1].

Историческій разсказъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Въ началѣ царствованія Стефана Баторія Баръ поднялся до значенія первоклассной крѣпости, особенно съ того момента, когда южная граница выдвинулась въ глубь степей. Сарницкій, писавшій въ концѣ XVI-го вѣка, утверждаетъ, что барская крѣпостца построена при самомъ входѣ въ Татарію—*in ipso aditu Scyphiae excitata*. Въ то время считали ее уже опаснымъ форпостомъ, въ которомъ могутъ держаться только отважнѣйшіе воины.

Къ югу отъ сказаннаго форпоста простирались пустынныя и печальныя степи, «пристанище дикаго звѣря», переходившія къ востоку въ дикія поля, а къ западу достигавшія береговъ Днѣстра. Чуть-ли не у самаго города разстилалась пустыня, которая сообразно времени года принимала соотвѣтствующій характеръ. Зимою снѣжныя мятели бѣшено бушевали на ея равнинахъ, и неистовый

---

[1]) Польская историческая литература богата произведеніями, сюжеты которыхъ заимствуются непосредственно изъ исторіи южной Руси,—того ея періода, когда южная Русь находилась въ политическомъ единствѣ съ Польшею. Кромѣ несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ и иногда высоко-художественнаго изложенія, произведенія этого рода представляютъ для насъ и тотъ еще существенный интересъ, что даютъ намъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ намъ недоступныхъ. Въ ряду польскихъ писателей нашего времени, посвящающихъ труды свои собы-

вѣтеръ, разбиваясь о городскія стѣны, производилъ гулъ, похожій на удары тарана, весной разстилался цвѣтистый коверъ, а надъ нимъ носились и щебетали разныя птицы, и воздухъ былъ полонъ звуковъ, пѣсенъ и аромата. Но уже въ іюнѣ, когда травы выростали въ ростъ человѣка, надо было удвоить бдительность, потому что изъ подъ Бѣлгорода или Очакова поднимался лукавый татаринъ и, скрываясь въ высокихъ бурьянахъ, пробирался по куяльницкой балкѣ кучманскимъ шляхомъ, который приводилъ его къ самому Бару. Поэтому часто приходилось жечь траву, чтобы избѣжать засады.

Въ это время степь представляла грозный и величественный видъ: днемъ клубы дыма поднимались надъ ней, а въ темную ночь милліоны огненныхъ языковъ летали въ воздухѣ, и горячая волна, подгоняемая вѣтромъ, плывя по равнинѣ, обнимала цѣлый горизонтъ.

Испуганный народъ выбѣгалъ изъ лѣсныхъ дебрей, тянувшихся въ окрестностяхъ Бара, и сторожилъ днемъ и ночью на опушкахъ лѣса, пока пожаръ не отодвигался отъ него, устремляясь къ берегамъ Чернаго моря. Выжженная равнина представляла картину полнаго опустошенія, прикрывшись, какъ трауромъ, чернымъ покрываломъ.

тіямъ и лицамъ южно-русской исторіи, выдаются по своей талантливости, эрудиціи, тщательному подбору и художественной обработкѣ историческаго матеріала, докторъ А. Кубаля и докторъ І. Ролле, пишущій подъ псевдонимомъ доктора Антонія и извѣстный нашимъ читателямъ по библіографическимъ отзывамъ о его трудахъ. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ перу послѣдняго и изданъ имъ въ 1880 г. въ Львовѣ вмѣстѣ съ двумя другими разсказами. Мы предлагаемъ этотъ разсказъ вниманію нашихъ читателей какъ потому, что онъ касается наиболѣе темнаго въ исторіи нашего козачества времени, такъ и потому еще, что онъ не печатался въ Россіи даже въ польскомъ текстѣ, а тѣмъ болѣе не являлся въ переводѣ на русскій языкъ и едва-ли кому либо, кромѣ записныхъ историковъ, извѣстенъ. Въ разсказѣ почтеннаго автора Подкова является далеко не въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ народныхъ и козацкихъ лѣтописяхъ,—здѣсь роль его по видимому даже болѣе пассивная; но, помимо точки зрѣнія автора, виною тому конечно недостатокъ точныхъ историческихъ данныхъ. Къ сказанному авторомъ можно прибавить развѣ, что, по мнѣнію Пясецкаго, однимъ изъ мотивовъ казни Подковы было разореніе имъ Козлова (Евпаторіи), а Папроцкій, современникъ Подковы, разсказываетъ, что Подкова отбилъ у татаръ Өедора Букія.

Стараясь держаться въ переводѣ возможно ближе подлинника, въ тоже время я опустилъ ссылки автора на источники, сдѣлалъ кой-гдѣ отъ себя подстрочныя примѣчанія и тамъ-же привелъ письмо Филиппа Тальдуци, изданное въ 1852 г. Пшездецкимъ вмѣстѣ съ письмами Аннибала изъ Капуи.—Переводч.

Однакожъ, если въ окрестностяхъ перепадали дожди, снова покрывалась она буйной зеленью, среди которой разростались бурьяны—родъ будяковъ, названныхъ простымъ народомъ *перекати-поле* (Ergodium campestre) изъ семейства зонтичныхъ. Наежившись, скромные метельчатые кустики выглядятъ довольно мило, но осенью, когда сѣверные вѣтры разгуляются въ степи, растеніе, подрѣзанное ихъ силой, склоняется на бокъ и съ скоростью птицы улетаетъ на югъ. Въ XV-мъ вѣкѣ татары уже занимались собираніемъ этихъ будяковъ, которые въ безлѣсныхъ мѣстахъ замѣняли имъ дрова. Непривычный видъ представляетъ степь во время передвиженія увядшаго растенія: небо пасмурное, свинцовое, тяжелое; буря воетъ протяжно и уныло, и цѣлая равнина какъ-бы двигается съ непріятнымъ шелестомъ, который производятъ катящіеся сухіе будяки. Заблудившійся путешественникъ испытываетъ непріятное чувство среди вихря крутящагося перекати-поля: конь пятится, жмется, преодолѣвая препятствія, и усталый останавливается, какъ вкопанный; безпокойство овладѣваетъ имъ до такой степени, что надо усилія воли человѣка, чтобы преодолѣть испугъ животнаго...

Вотъ въ одинъ изъ такихъ осеннихъ вечеровъ 1576 г. стража барскаго замка, выправленная въ степь на развѣдки, замѣтила больше десятка всадниковъ, медленно приближавшихся къ стѣнамъ города.

Кто эти путники?—угадать было трудно. Сѣрыя свитки, козацкія бараньи кучмы, отличныя лошади, блестящее вооруженіе—тяжелыя ружья, и бердыши, и пики, и даже свѣсившіеся у плечъ щиты, словомъ гости невиданные и совсѣмъ неожиданные въ той сторонѣ. Правда, съ недѣлю тому назадъ панъ староста выслалъ на развѣдки съ десятокъ черемисовъ, но тѣ совсѣмъ иначе были одѣты, и по формѣ ихъ одежды мѣстные жители сейчасъ узнали-бы ихъ. А въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ такъ часто заглядывали сюда непрошенные гости изъ Перекопа и другихъ татарскихъ кочевьевъ, что невольно поднималась тревога при видѣ этой маленькой кучки людей... А ну, если это авангардъ «чамбула» (загона)?

Между тѣмъ всадники смѣло съ знаками мира приблизились къ городскимъ воротамъ, и начальникъ отряда потребовалъ немедленнаго свиданія съ мѣстнымъ старостой.

Въ то время должность эту занималъ Николай изъ Цилявитовъ Бучацкій, иначе называемый Творовскимъ, истый охранитель гра-

ницъ Рѣчи Посполитой, жившій здѣсь больше, нежели въ родовомъ своемъ Бучачѣ; даже жена его, изъ дому Радзивилловъ, съ дѣтьми пересиживала въ пограничномъ городѣ; должно быть здѣсь было безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Пришелецъ, введенный къ старостѣ, назвалъ себя Иваномъ Волошиномъ, роднымъ братомъ недавно замученнаго господаря Ивони, а потому имѣющимъ несомнѣнныя права на волошскій престолъ, и просилъ помощи. Въ доказательство своихъ правъ представилъ онъ письма молдавскихъ бояръ съ ихъ печатями. Въ письмѣ къ пограничному старостѣ Рѣчи Посполитой заключалась просьба, чтобы онъ не отказалъ претенденту въ военномъ отрядѣ только до Днѣстра, а на противуположномъ берегу они уже сами будутъ ожидать новаго властелина. Такого-же содержанія было и другое письмо къ кн. Константину Острожскому.

Бучацкій попалъ въ очень неловкое и хлопотливое положеніе. Сначала онъ отдѣлывался отъ гостя ни къ чему не обязывающими любезностями, а въ концѣ, однако, попросилъ оставить крѣпость сейчасъ-же, если хочетъ избѣжать непріятностей, потому что Порта легко можетъ узнать о его пребываніи на границѣ, и тогда онъ не ручается за послѣдствія, но все-таки обѣщалъ увѣдомить обо всемъ короля и склонить его на сторону претендента.

Иванъ послушалъ благаго совѣта и двинулся въ окрестности Брацлава.

Дѣйствительно, не очень счастливое время выбралъ онъ для осуществленія своихъ плановъ. Стефанъ Баторій старался елико возможно скорѣе и миролюбивѣе покончить счеты съ востокомъ. Варвары въѣлись ему въ бока, изъ года въ годъ опустошая пограничныя провинціи. Едва успокоилась Украйна послѣ набѣга 1573 г., какъ новый чамбулъ наводнилъ южную провинцію, да такъ былъ ужасенъ и столько крови стоилъ намъ, что русскіе, подольскіе и волынскіе послы явились на сеймъ въ траурѣ, такъ засѣдали и въ палатѣ. Народъ до сихъ поръ поетъ печальную думу объ этомъ погромѣ... Кулишъ приводитъ отрывокъ изъ пѣсни о гетманѣ Ружинскомъ, получившей содержаніе изъ этой эпохи. Отрывокъ этотъ слѣдующій:

«Ой Богдане, Богдане, запорожськый гетьмане!
Ой чого жъ ты ходишъ въ чорнимъ оксамыти?

Гей булы въ мене гости татарове;
Одну ничку ночували,
Стару неньку зарубали,
А миленьку соби взяли...

Но и послѣ этого нападенія набѣги татаръ не прекращались. Малые отряды хищниковъ вторгались очень часто въ Польшу, не обращая вниманія на бдительность пограничной стражи. Король, занятый подъ Данцигомъ, готовясь къ войнѣ съ Москвой, внимательно слѣдилъ за югомъ. Онъ отправлялъ посломъ въ Цареградъ Яна Семинскаго, галицкаго каштеляна, снабдивъ его значительною суммою и поручая ему выхлопотать у падишаха приказъ, который сдержалъ-бы крымскихъ и бѣлгородскихъ хищниковъ.

Посолъ оттягивалъ отъѣздъ; король настаивалъ на своемъ.

«Желаемъ, писалъ онъ ему, чтобы ты ѣхалъ, какъ можно скорѣе, не взирая ни на какія обстоятельства... Вторично напоминаемъ и весьма желаемъ, чтобы твоя вѣрность выѣхалъ поскорѣе въ дорогу. Мы и такъ уже замедлили... исполни, не мѣшкая, то, о чемъ многократно пишемъ».

Приведенныя слова Баторія говорятъ о его энергіи, настойчивости. Но каштелянъ, забравъ вѣрительныя грамоты и деньги на путешествіе, спокойно ожидалъ въ родномъ Рымановѣ на Руси, пока не пройдетъ буря послѣдняго чамбула.

И какъ въ самомъ дѣлѣ было ему ѣхать? Хищники бросились подъ Дубно, ища будто-бы кіевскаго воеводу (кн. Константина Острожскаго) и Шаха, наказнаго атамана, который недавно заступилъ дорогу и изрядно потрепалъ ихъ. Самъ Магометъ-Гирей, султанъ, сынъ крымскаго хана, участникъ похода, въ письмѣ, писанномъ изъ Ташлыка къ волошскому воеводѣ и перехваченномъ барскими козаками, яркими красками описываетъ свои подвиги. «Мы были подъ сорока зáмками, а не могли найти его; потомъ расположились подъ Дубномъ и приказали искать его по селамъ... Нѣтъ уже больше земли ихъ, какъ это мы видѣли теперь своими глазами». Говоря другими словами, нигдѣ не встрѣтили они сопротивленія. И Магометъ-Гирей, и младшій братъ его Доршъ-Гирей смѣло могли хвалиться небывалыми успѣхами. «Вторглись они, т. е. татары, писалъ въ то самое время князь Збаражскій коронному вице-канцлеру, между Кіевомъ и Бѣлою-Церковью и добрались до Дубна,

Ровно, Луцка и Перемышля, разорили кременецкое староство, имѣнія кіевскаго воеводы кн. Вишневецкаго и Збаражскихъ. При множествѣ людей или смѣлѣе: людей, стада, скотъ, имущество, которыхъ не могли взять съ собой, жгли съ домами и гумнами; почти разорили землю, ничего не оставивши».

Набѣгъ удался, и орда ожидала на степяхъ, не удастся ли ей повторить его. И время для этого было вполнѣ подходящее. Прекрасный май облекъ украинскую землю въ пышныя одежды невыразимой прелести. Въ этомъ году (1577) весна была удивительно теплая; погода стояла прекрасная. Уже въ половинѣ февраля плуги сновали по полямъ, а послѣ дождливаго апрѣля зазеленѣли нивы, покрытыя восхитительнымъ ковромъ озимыхъ посѣвовъ; зацвѣли луга, деревья пріодѣлись въ снѣжные букеты, предсказывая обильный урожай. Пограничнымъ жителямъ улыбалась осенняя прибыль, но людскія надежды не всегда осуществляются.

Такъ и теперь хищные сосѣди привели въ страшное безпокойство бѣдный народъ. Уже въ первыхъ числахъ мая слуги барскаго замка, высланные на развѣдки, несли вѣсть, что Альби-Гирей, султанъ царевичъ, залегъ между Очаковымъ и Бѣлгородомъ съ силами въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а Сигаза и Бокай остановились съ десятитысячнымъ таборомъ на бѣлгородскихъ поляхъ. Бусурмане собирались сдѣлать нападеніе на Баръ, Липковъ, Каменицу, а спустя неполныхъ три недѣли остановились кошомъ подъ Сатановымъ и Олескомъ, очертивши окружность въ 120 съ лишнимъ верстъ. Бучацкій внушалъ предусмотрительность и предупреждалъ обо всемъ своихъ товарищей—пограничныхъ старостъ; послалъ также реляцію къ подольскому воеводѣ Николаю Мелецкому, но предусмотрительность ни къ чему не привела, потому что не было войска, почти все оно двинулось за королемъ.

Передъ нами списокъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ съ украинскихъ земель. Было четырнадцать хоругвей въ 1,500 лошадей, а именно: хоругвь намѣстника Януша Збаражскаго, брацлавскаго воеводы; Николая Бучацкаго, барскаго старосты; Александра Вишневецкаго, черкаскаго старосты; Влодка, каменецкаго старосты, Крупскаго, воеводича бѣльскаго; Николая Язловецкаго, хмѣльницкаго старосты; Герберта, перемышльскаго старосты; Претвича, трембовецкаго старосты; Даниловича; Андрея и Якова Струсей;

Ланскоронскаго, скальскаго старосты и ротмистра Яворовскаго. Число небольшое, но достаточное для обузданія варваровъ.

Это рядъ именъ пограничныхъ рыцарей—мастеровъ военнаго ремесла, опытныхъ и знающихъ шляхи, какъ свой собственный домъ, потому что, вѣроятно, они больше проводили времени въ полѣ, нежели подъ своей кровлей. Хитрый татаринъ хорошо зналъ, что на пограничной межѣ не застанетъ главныхъ ея охранителей, а потому позволялъ себѣ безнаказано «плюндровать» земли Рѣчи Посполитой.

Какъ мы уже сказали, посолъ лѣниво собирался въ Турцію; онъ могъ легко оправдываться той безурядицей, которая господствовала кругомъ. И въ Рымановѣ не совсѣмъ безопасно оставаться, но все-же веселѣй, чѣмъ въ татарскихъ рукахъ. Все это, однакожъ, несказанно раздражало короля-рыцаря, и шляхта роптала, желая дать почувствовать ему, что онъ не защищаетъ землю, ввѣренную его опекѣ. А тутъ еще, къ довершенію бѣдъ, поднялъ голову и волошскій господарь. Изъ перехваченныхъ писемъ его стало извѣстно, что онъ у татаръ и уже не разъ просилъ султана, чтобы разрѣшилъ ему вторгнуться въ Польшу; одновременно онъ слалъ суплики къ подольскому воеводѣ, каменецкому старостѣ, объ обузданіи подданныхъ его королевской милости, т. е. козаковъ. Когда дѣло дошло до Стефана Баторія, послѣдній выслалъ сейчасъ-же напоминаніе каменецкому старостѣ Влодку, только что прибывшему изъ подъ Данцига.

Въ универсалѣ къ другимъ старостамъ король приводитъ списокъ обидъ, нанесенныхъ украинцами волошскому воеводѣ: «жгутъ ему села, забираютъ скотъ, людей и гонятъ въ нашу землю, грабятъ купцовъ; и наконецъ достойные люди, говоритъ далѣе, даютъ лошадей этимъ злоумышленникамъ и посылаютъ ихъ въ его земли; дальше уже онъ не знаетъ, что и дѣлать!... А въ владѣніяхъ господаря бьютъ турокъ, и этимъ подрываютъ его кредитъ у султана».

Король приглашалъ къ порядку, напоминалъ строгія предостереженія закона и одновременно, какъ знаемъ, отправилъ посольство въ Порту, чтобы она удержала своеволіе татаръ. Порта отвѣтила ему, что набѣги татаръ не больше, ни меньше, какъ отплата за

насилія и пожары, производимые козаками въ предѣлахъ его султанской милости.

И такъ вся вина упала на козаковъ; отсюда поднялась буря на нихъ во всей Рѣчи Посполитой. Читатель, согласится, что Иванъ Подкова не такъ скоро могъ осуществить свои планы относительно волошскаго престола, если общественное мнѣніе въ Польшѣ дышало негодованіемъ противъ козаковъ.

II.

Даже теперь исторія не съумѣетъ рѣшить, какъ и когда на Днѣпровскихъ островахъ основалась дружина козацкихъ молодцевъ. Изслѣдователи прошлаго до сихъ поръ не соглашаются не только о времени рожденія, но даже объ имени, которое братство получило при крещеніи. Эта община представляла удивительную смѣсь разбойничьихъ инстинктовъ съ благородными рыцарскими стремленіями, страсть къ грабежу и готовность служенія свободѣ. Не будемъ добиваться разъясненія этого темнаго вопроса, иначе намъ пришлось-бы тронуть цѣлый арсеналъ противорѣчивыхъ мнѣній, борющихся въ умѣ самаго безпристрастнаго изслѣдователя: разбойники и хищники, защитники вѣры и наемники варваровъ, словомъ: добродѣтель и преступленіе.

А однакожъ трудно разстаться съ традиціями первой молодости... Думы Залескаго, пѣсни Падуры, повѣсти Чайковскаго такъ идеализировали козачество, что, не смотря на увѣренность, что это не больше, какъ фикція, душа съ сожалѣніемъ возвращается къ ней и оторваться не можетъ,—столько поэзіи, столько прелести въ тѣхъ козачьихъ судьбахъ!

Рядомъ съ поэтами и историки польскіе симпатичнѣе относятся къ козакамъ, описывая эпоху, предшествующую Хмельницкому. Папроцкій восторгается рыцарствомъ степныхъ юнаковъ; какъ другъ Зборовскихъ, онъ смотрѣлъ, видно, глазами Самуила, который самъ гетманствовалъ надъ козаками-молодцами. Бѣльскій добросовѣстно передаетъ факты, черпая ихъ чуть-ли не изъ первыхъ рукъ, но часто вырывается у него слово, дышащее горячей симпатіей къ козачеству... Любинскій выразительно и сильно описываетъ стычки и грабежи; Гейденштейнъ складно и плавно, тацитовскимъ стилемъ,

разсказываетъ событія, какъ были, но почему шли они по тому, а не другому пути—объ этомъ ни слова. Окольскій слишкомъ много страдалъ, чтобы удержаться на высотѣ безпристрастія. Подъ топоромъ толпы, поднявшейся на Низу, онъ видѣлъ гибель товарищей ордена и самаго ордена на Руси, и то въ то время, когда стоялъ во главѣ его.

За то противоположный лагерь взвалилъ на плечи разнузданнаго Запорожья религіозную миссію. Это мнѣніе поддерживали немногочисленные русскіе лѣтописцы, какъ Грабянка, Самовидецъ, Величко и позднѣйшіе: Ригельманъ, Конисскій и Маркевичъ. И однакожъ находимъ неоднократныя доказательства, что козаки грабили какъ польскихъ своихъ земляковъ, такъ и людей одной съ ними религіи, даже охотнѣе бросались на послѣднихъ, можетъ быть, потому, что меньше встрѣчали сопротивленія.

Гдѣ лежитъ правда? Развѣ будущее найдетъ ее! Въ настоящемъ очеркѣ мы можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ чертахъ, которыя нужны намъ для характеристики почвы и обстановки, при какихъ выросъ герой нашей разсказа.

Еще острова за днѣпровскими порогами стояли пустыней, когда имя козаковъ пріобрѣло нелестную славу. Славянскій міръ заимствовалъ его у татаръ; козаками называли отважныхъ молодцевъ, хищниковъ, проводниковъ, если хотите, знающихъ хорошо степныя дороги въ пустыняхъ, которыя отдѣляли логовища варваровъ отъ поселеній славянъ. Въ половинѣ XV вѣка и даже раньше встрѣчаемъ съ одной стороны козаковъ рязанскихъ, путивльскихъ, смоленскихъ, а съ другой—азовскихъ, бѣлгородскихъ, крымскихъ, заволжскихъ, по образцу которыхъ образовались уже черкасскіе, браславскіе, барскіе, держащіе стражу въ форпостахъ на рубежѣ Рѣчи-Посполитой.

Впослѣдствіи, подражая татарамъ, козаки дѣлали набѣги на сосѣднія государства. Въ царствованіе Сигизмунда Стараго козаки смоленскіе вторглись въ Литву; черкасскіе и хмельницкіе гнались въ далекія степи или на бобровые гоны, или для ловли рыбы, а, можетъ быть, въ надеждѣ урвать что-нибудь изъ значительныхъ татарскихъ стадъ въ пустыни. Сознаніе собственности слабо было у нихъ развито, а счастливый грабежъ одобрялся рукоплесканіями. Разбойничій походъ называли въ Украйнѣ козакованіемъ, хожде-

ніемъ въ козаки, исканіемъ «козацкаго хлѣба», или, какъ Претвичъ называетъ, «залеганіемъ въ поле». Одинъ, другой походы, увѣнчанные успѣхомъ, находили усердныхъ подражателей. Читая исторію, мы видимъ, что первый Прецлавъ Ланскоронскій далъ толчекъ этимъ загонамъ (1516 г.). Во главѣ хорошо организованнаго отряда онъ пустился къ Черному морю, разорилъ Бѣлгородъ, лежащій надъ Днѣстромъ, и—съ тѣхъ поръ, заключаетъ Гваньинъ, начинаются у насъ козаки.

Еще раньше XV-го вѣка организуется колонизація молодцевъ на Низу. Извѣстно, что уже въ 1499 г. являются козаки, какъ торговцы, на кіевскомъ рынкѣ. Разгулу, разврату, пьянству ихъ нѣтъ предѣловъ. Обычай «баламутить женщинъ» сталъ общераспространенъ до такой степени, что взыскиваемыя за это пени составляли значительный доходъ митрополита и мѣстнаго воеводы [1]).

Въ началѣ XVI-го вѣка низовые козаки имѣютъ уже опредѣленную организацію: у нихъ есть и урядники, и атаманы, которыхъ не только русскіе, но и наши исторіографы возвышаютъ до званія гетмановъ и перечисляютъ ихъ въ династическомъ порядкѣ.

Со временемъ Низъ беретъ перевѣсъ надъ другими козацкими дружинами и освобождается отъ путъ, обязывающихъ къ уваженію закона въ то время, когда черкасскіе, брацлавскіе и барскіе товарищи переходятъ въ панскія или замковыя милиціи.

Надо признаться, что польское правительство того времени не думало серьезно о козакахъ. Для цивилизованнаго двора, представляющаго власть, дикія окраины казались таинственной, дикой и неизвѣстной землей. Иногда, но рѣдко проникали въ столицу глухія извѣстія о козакахъ, о ихъ удивительныхъ, преисполненныхъ чудеснаго приключеніяхъ, напоминающихъ фантастическія повѣсти. Бой не уставалъ на цѣлой юго-восточной пограничной линіи; люди гибли безъ ропота; а тамъ вверху не знали даже, какъ стоятъ

[1]) Только слишкомъ незначительную часть этого дохода давали козаки. Кулишъ, цитируя какого-то не указаннаго имъ автора, говоритъ: «привычка дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами вкоренились тогда (1499 г.) въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы». Но пеня за непочестныя рѣчи съ такъ называемыхъ гостей, которыми въ то время были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ двѣнадцать разъ —Вѣстникъ Европы, 1874 г., мартъ, стр. 23.

дѣла, увеличивается или уменьшается граница государства. Только жалобы дивана и татарскихъ хановъ, доходившія къ королю, хоть на минуту обращали вниманіе нашихъ дипломатовъ въ эту сторону. Масса жалобъ бусурманъ доказывала только, что тамъ на окраинахъ Рѣчи Посполитой какая-то толпа даетъ себя чувствовать татарамъ. Сигизмундъ Старый хотѣлъ упорядочить ее; Стефанъ Баторій не признавалъ ее подъ своей властью: «это, говорить онъ туркамъ, горсть разноплеменныхъ людей, ни отъ кого независимыхъ, безъ опредѣленныхъ законовъ и жительства».

И однакожъ эта горсточка безпрестанно повторяла: «мы тутъ!» и это свое существованіе обозначала кровавымъ слѣдомъ на шеяхъ татаръ: жгла ихъ улусы, разоряла вновопостроенные города, задавала страху столицѣ могущественныхъ падишаховъ, а на Волощинѣ хозяйничала, какъ у себя дома, даже лучше, потому что своего дома не имѣла... И всегда громко признавала свою зависимость отъ его милости короля и Рѣчи Посполитой, ставя свои ставки на польскихъ границахъ. Однако мы отреклись отъ незаконнаго и непослушнаго ребенка—и отреклись, право, несправедливо.

Въ отношеніи козаковъ грѣшили пренебреженіемъ, а заслуживали они большаго вниманія. Какой закалъ былъ въ этой вооруженной кучкѣ людей! Они относились равнодушно къ холоду и голоду, нечеловѣческій трудъ не надламывалъ ихъ силъ, лишь бы осталась свобода да жизнь не въ ярмѣ, а всѣ неудобства забывались, ничего не значили, были какъ-бы необходимымъ условіемъ жизни—хлѣбомъ насущнымъ. Русскіе современные лѣтописцы умалчиваютъ о нищетѣ низовыхъ козаковъ, пускавшихся въ далекіе походы по безлюднымъ степямъ. Удалось предпріятіе, попадало кое-что въ мошну—козакъ сейчасъ-же все спускалъ; онъ по природѣ былъ расточителенъ, такъ какъ жизнь безъ завтрашняго дня представляла особенную прелесть для тогдашняго времени. Пришелъ завтрашній день,—голодный, вѣрно, безъ жалобъ переносилъ его. Польскіе историки гораздо больше говорятъ о козацкой выносливости. Папроцкій, вспоминая о подвигахъ Самуила Зборовскаго на Низу, прибавляетъ съ сочувствіемъ, что онъ часто ѣлъ жолуди, чтобы не умереть съ голоду, а однажды, вмѣсто того, чтобы идти въ Сороки, повернулъ въ Саврань только потому, что думалъ получить достаточно живности изъ Брацлава; тамъ голодъ донялъ ихъ до того, что рога,

какіе нашли, оленьи копыта, что по нѣсколько лѣтъ лежали, а также кости, какія могли найти, все это ѣли; однакожъ Богъ привелъ его благополучно въ отечество.

Гербовый Папроцкій ставилъ эти хлопоты разбалованному польскому паничу въ большую заслугу, бросая ее въ глаза польскому обществу и какъ-бы желая сказать: «смотрите, какого человѣка погубилъ тиранъ Замойскій, посягающій на нашу свободу!» Папроцкій поднималъ козачество до значенія формальной военной школы. «Много, говоритъ онъ, честныхъ бѣдняковъ ѣздитъ туда для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ; и паничей русскихъ, подольскихъ не мало заѣзжаетъ, потому что хорошо могутъ изучить и боевой порядокъ, и рыцарское дѣло между козаками».

Если вверху отдѣлывались ничѣмъ «отъ козацкаго вопроса», то въ средѣ тѣхъ, что ближе стояли къ низовымъ козакамъ, постоянно думали о надлежащемъ устройствѣ ихъ. Евстафій Дашковичъ совѣтовалъ королю (1533 г.) устроить изъ нихъ охранную пограничную дружину; 20,000 коней, по его мнѣнію, достаточно было для обузданія набѣговъ орды, и за все это онъ просилъ только хлѣба и одежи. А между тѣмъ мы предпочитали платить татарамъ гарачъ, превышающій 15,000 червонныхъ злотыхъ, будто-бы за готовность ихъ идти на помощь по первому зову Рѣчи Посполитой, но помощи отъ нихъ почти никогда не имѣли! Хорошо понимали это современники, какъ доказываетъ восклицаніе Старовольскаго: «это жалованье (jurgelt), которое платили хану на сабли или кожухи, не что иное, какъ только прикрытое красивымъ титуломъ подданство, въ силу котораго требуютъ теперь отъ насъ опредѣленнаго чинша».

Государственные чины не послушали Дашковича, и, можетъ быть, имѣли основаніе, потому что онъ переходилъ на сторону Москвы и былъ человѣкъ ненадежный. Но спустя десять лѣтъ съ лишнимъ Яковъ Претвичъ,—слава и украшеніе границъ, выступилъ на краковскомъ сеймѣ въ защиту козаковъ. Дѣйствительно, рѣчь его служитъ поучительнымъ матеріаломъ для исторіи. Претвичъ изображаетъ печальное состояніе Украйны въ моментъ пріѣзда его на Подолье: «пустыни были тутъ вездѣ вокругъ укрѣпленій и тянулись даже ко Львову, Люблину и Перемышлю; коронная охрана находилась только въ Барѣ и Синявѣ, слѣдовательно громадное пространство границы было открыто. Татары въ продолженіи сутокъ

пробѣгали до 30 миль, далеко оставляя за собой пограничную стражу и, забравши въ ясыръ множество людей, съ такой-же быстротой убѣгали въ степь, пока въ Украйнѣ успѣвали оглянуться».

«Теперь-же, прибавляетъ пограничный рыцарь, совсѣмъ иначе: наши форпосты выдвинуты на 20 миль въ глубь степей и стоятъ близко одинъ отъ другаго, чтобы взаимно помогать другъ другу. Пограничные воеводы сформировали небольшіе отряды въ 200—300 человѣкъ, которые занимались козакованіемъ, т. е. шли въ засаду, подъ кровомъ ночи совершали свои переходы, а днемъ пересиживали въ балкахъ, густо заросшихъ травой. Какъ-то татарскіе набѣги стали рѣже, а колонизація быстро подвигалась, потому что народъ въ минуту приближающагося чамбула легко могъ укрыться въ крѣпостцахъ». Однако, не смотря на заслуги Претвича, Сигизмундъ-Августъ перевелъ его на трембовецкое староство (1552 г.) въ угожденіе крымскому хану, а барскіе козаки, такъ прекрасно организованные, вошли въ составъ мѣстной милиціи, причемъ число ихъ вмѣсто того, чтобы увеличить, уменьшили.

Кромѣ этихъ проэктовъ объ организаціи козачества было еще много другихъ, цѣлью которыхъ была защита восточныхъ границъ. Наскучили-бы мы читателю, выписывая всѣ существовавшіе проэкты. Каждый шляхтичъ считалъ своею обязанностію сказать что-нибудь относительно этого, а потому покончимъ на передачѣ содержанія одного проэкта, творцемъ котораго былъ мѣстный житель, о. Іосифъ Верещинскій, кіевскій епископъ. Проэктъ его носитъ неясное названіе *Publiki* и составленъ былъ велебнымъ пастыремъ для братьевъ—шляхты въ 1594 г., слѣдовательно въ такое время, когда на юго-восточной границѣ серьезно думали создать извѣстный *modus vivendi.* Авторъ начинаетъ свой проэктъ предостереженіями шляхтѣ объ опасности.

«Украйну, восклицаетъ онъ, которая длиннѣе и шире всей вмѣстѣ взятой Великой и Малой Польши, трусливо и подло потерять по одной только небрежности или отдать на растерзаніе варварамъ. Какъ-же помочь бѣдѣ? Основать въ этой Украйнѣ рыцарскія школы, а за Днѣстромъ крестоносцевъ по образцу мальтійскаго ордена для лучшей защиты государства отъ всевозможныхъ опасностей». А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проэкта нужны средства, то о. Верещинскій предлагаетъ разныя подати, прежде

всего десятину, а если не хватитъ ее, то мыто и чоповое. «А гдѣбы, прибавляетъ, даже и этого чопового не дали на школы изъ боязни, что некѣмъ будетъ наполнить адъ, такъ какъ, по св. писанію, питухи и пропойцы не попадутъ въ царствіе небесное, то наконецъ, совѣтуемъ взять «кварту» [1]) съ украинскихъ старостъ, только по совѣсти, а то нѣкоторые ихъ милости даютъ чуть-ли не десятую часть».

Школа эта должна состоять изъ 2,000 гусаровъ и 3,000 козаковъ и въ ней надо поддерживать строгій порядокъ, а во главѣ ея поставить гетмана.

Натурально, проэктъ не вошелъ въ жизнь и остался лишь доказательствомъ, что только единичныя лица чувствовали потребность привести въ порядокъ пограничныя отношенія, но государственныя сословія были заняты другимъ и принимали такія заявленія равнодушно. Зачѣмъ за Днѣпромъ крестоносцы по образцу мальтійскихъ рыцарей, когда на Низу создалось братство, правда, не религіозное, но солидарное и при умѣломъ обращеніи съ нимъ послушное и сговорчивое?

Никому мы не жалѣли свободы, слѣдовательно здѣсь дѣло шло не о стѣсненіи ея и не о порабощеніи, а о томъ, чтобы направить отважное своеволіе на путь обязанности...

Религіознымъ мнѣніямъ не было тутъ мѣста, потому что козаки смотрѣли индиферентно на эти вопросы. Въ Сѣчи и нигдѣ въ окружности ея на 100 миль и больше не было церкви. Наконецъ Польша Сигизмунда и Баторія отличались такой вѣротерпимостью, какую теперь можно встрѣтить развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ [2]).

Единственную вину противъ козаковъ въ исходѣ третьей четверти XVI-го вѣка видѣли въ ихъ набѣгахъ на перекопскую и бѣлгородскую орды. Наши политики утверждали, что эти набѣги вызывали желаніе отместки у нашихъ сосѣдей, отсюда столь частые

---

[1]) Кварта — четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній, пожертвованныхъ Станиславомъ Августомъ на военныя надобности Рѣчи Посполитой.

[2]) Положеніе автора о вѣротерпимости и свободѣ вѣрно, но лишь относительно шляхты. Дѣдичи и державцы отнюдь не были равнодушны къ побѣгамъ ихъ подданныхъ на Запорожье, а что касается индифферентности козаковъ въ дѣлѣ вѣры, то она противорѣчитъ всей ихъ исторіи. Если тогда въ Сѣчи не было церкви, то виною тому было неустройство самой Сѣчи и т. ск. кочевая ея жизнь.

чамбулы. Близорукіе политики! Извѣстно, однако, что главнымъ источникомъ доходовъ варваровъ былъ нашъ народъ. Красивыя женщины, взятыя на польскихъ равнинахъ, продавались въ стамбульскіе гаремы чуть-ли не на вѣсъ золота, а мужчины, какъ невольники, работали на галерахъ Средиземнаго моря, на берегахъ сѣверной Африки, въ Аравіи, даже въ Персіи. Послѣ каждаго набѣга корабли заходили въ Крымъ съ оружіемъ, платьемъ, лошадьми и отплывали наполненные до бортовъ ясыромъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значительная колонія турецкихъ купцовъ растянула свои шатры подъ Бѣлгородомъ. Они, по обыкновенію, снабжали татарскихъ грабителей провіантомъ и амуниціей, составляли планы походовъ, принимали на себя всѣ ихъ тяжести съ условіемъ, чтобы половина добычи была ихъ. Тутъ вы могли встрѣтить шпіоновъ и проводниковъ, знающихъ почти всѣ тропинки Легистана, тутъ попадались даже уполномоченные надзиратели цареградскихъ купцовъ, слѣдившіе за справедливымъ дѣлежомъ живой недоимки, а въ этой статьѣ самое главное мѣсто занималъ украинскій крестьянинъ, попавшій въ татарскія руки.

А потому, спрашиваемъ, бросили-ли-бы татары свое разбойничье ремесло, если-бъ козаки перестали нападать на ихъ улусы и разорять ихъ юрты? Никогда!.. Обезпечилъ-ли-бы насъ отъ набѣговъ орды платимый ей гарачъ? Никогда!.. А это по той простой причинѣ, что одинъ счастливый чамбулъ приносилъ имъ въ нѣсколько разъ больше выгоды. Взваливать-же всю вину на козаковъ было и несправедливо, и неполитично.

И однакожъ вся шляхта повторяла съ неудовольствіемъ вѣсти объ «украинскомъ своеволіи», требуя уничтоженія козачества. Баторій слалъ противъ него универсалъ за универсаломъ къ пограничнымъ старостамъ и кіевскому воеводѣ. «Приказали мы, пишетъ король въ одномъ изъ нихъ, ясневельможному Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ исполнялъ договоръ, заключенный имъ съ перекопскимъ царемъ, двинулся на Днѣстръ и прогналъ оттуда низовыхъ лотриковъ, а попавшихся въ руки казнилъ смертью». Но русскій князь остался дома... Правда, что «надо было, какъ пишетъ Бартошевичъ, выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія, обозначить права короны и указать

права и обязанности военнаго братства, возросшаго до политическаго значенія по безпечности Рѣчи Посполитой».

Поздно! Сеймъ въ 1589 г. учредилъ «порядокъ для низовыхъ козаковъ и Украйны», а спустя три года запорожскій атаманъ Косинскій заронилъ уже искру возстанія.

Невольно переходимъ мы за предѣлы эпохи, которая служитъ фономъ для теперешняго разсказа. Въ эту эпоху Низъ растетъ, мужаетъ и принимаетъ на себя миссію возводить претендентовъ на непривлекательный молдавскій престолъ. И въ этомъ запорожцы подражаютъ польскимъ королятамъ; здѣсь первый выступаетъ Дмитрій Вишневецкій, русинъ изъ рода ополяченныхъ князей, хотя самъ совсѣмъ равнодушный къ новой матери, и сюда этого русскаго приглашаетъ полякъ Ляскій, котораго молдавскія и реформатскія затѣи довели до банкротства. Испуганный разореніемъ, Ляскій пригласилъ козацкаго атамана; искатель приключеній и отважный князь сейчасъ-же является. Почему не попробовать счастья? Не удалось, и авантюристъ поплатился головой [1]), но это не отбило охоты къ подражанію. Наступаетъ цѣлый рядъ претендентовъ сейчасъ-же послѣ него, и то въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ. Запорожье сдѣлалось разсадникомъ самозванцевъ.

III.

Одною изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ между самозванцами былъ Иванъ Волошинъ, прозванный Серпягой или Подковой. Первое имя дали ему современныя правительственныя корреспонденціи, второе народъ, третье-же нашъ историкъ Бѣльскій, который найбольше писалъ о немъ, и еще не такъ давно былъ единственнымъ источникомъ для событій того времени. Пользовались имъ русскіе лѣтописцы и историографы, а Боболинскій, изданный Иванишевымъ,

[1]) Кстати, ни одинъ русскій историкъ не описалъ подробностей смерти народнаго героя Байды, а у Папроцкаго, современника его, даже ровесника, хорошо знакомаго съ событіями того времени, вотъ какъ разсказано о ней: «волохи взяли Пясецкаго измѣной вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцію; тамъ замучили ихъ ужасной смертью. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; на нижней были укрѣплены два растопыренные крюка (на подобіе вилъ), а на верхней только гайка,

цѣликомъ переписалъ нашего автора. Ригельманъ въ своей исторіи поднимаетъ Подкову до званія гетмана и назначаетъ ему восьмое мѣсто въ ряду гетмановъ. Что гетманомъ онъ не былъ—это несомнѣнно [1]); сомнѣваемся даже, былъ-ли атаманомъ въ Сѣчи, потому что въ это время дружинами козаковъ предводительствовали Шахъ (у народа Захъ) и Арковскій, оба такъ часто упоминаемые въ универсалахъ Баторія.

Но познакомимся ближе съ претендентомъ на молдавскую корону. Нѣкоторые писатели доказываютъ, что молдаване назвали Ивана Подковаромъ, потому что онъ занимался кузнечнымъ ремесломъ передъ выходомъ на историческое поприще. По рожденію онъ былъ русинъ, волошиномъ-же названъ оттого, что жилъ въ Молдавіи и оттуда переселился въ Подолію. Подкова могъ быть даже роднымъ братомъ господаря Ивони; съ нимъ онъ пошелъ за Днѣстръ и оставался при немъ впродолженіи его кратковременнаго правленія. Когда это царствованіе кончилось, ему нечего было оставаться, а потому онъ задумалъ начать новую жизнь въ свободной и больше обезпечивающей человѣческія отношенія Рѣчи-Посполитой. Во время выѣзда сторонники убитаго господаря снабдили его вѣрительными письмами къ пограничнымъ панамъ съ просьбой такого содержанія: «помогите добраться ему только въ Молдавію, а остальное мы беремъ на себя». И имѣли они основаніе такъ писать, зная образъ мыслей нашихъ «можновладцевъ». Развѣ не ихъ хоругви вели двухъ Лопушняновъ Александра и Богданка? Помогали тѣмъ, почему не могли помочь теперь Ивану Подковѣ? Въ началѣ мы упоминали о пріѣздѣ его въ Баръ; но здѣсь онъ попалъ на Бучацкаго, человѣка прежде

къ которой была привязана веревка. При помощи веревки подняли Пясецкаго и быстро спустили съ высшей высѣлицы на низшую; онъ, падая, зацѣпился ребромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что поворотился головой внизъ. Послѣ него тоже сдѣлали съ Вишневецкимъ, но тотъ зацѣпился ребромъ и повернулся глазами вверхъ, а потому жилъ еще три дня, пока невѣрный не застрѣлилъ его изъ лука, такъ какъ Вишневецкій проклиналъ Магомета и его вѣру».—Папроцкій, «Гербы», стр. 557—548.

[1]) Говоря это, авторъ, конечно, понимаетъ слово гетманъ въ его позднѣйшемъ, а не первоначальномъ смыслѣ, когда онъ былъ лишь начальникомъ отряда въ походѣ, какъ въ Запорожьѣ XVIII ст. всякій такой начальникъ носилъ названіе полковника.

всего рыцарскихъ правилъ, который не игралъ въ политику,—попалъ притомъ въ такое время, когда желѣзная рука Баторія давала себя чувствовать уже на далекихъ окраинахъ. Король слалъ строгія приказанія старостамъ, предписывалъ сохраненіе порядка, рекомендовалъ бдительность. Потому-то Бучацкій такъ легко отдѣлался отъ претендента пустыми обѣщаніями, не рѣшаясь что-либо начать безъ воли короля. Хорошо еще, что позволилъ ему оставить крѣпость!

Иванъ двинулся въ Брацлавщину. Тамъ легче могъ онъ снестись съ запорожцами, которые собирались здѣсь обыкновенно на зимнія квартиры; наконецъ тутъ ожидалъ его преданный ему душой и тѣломъ молдаванинъ—землякъ Чапа.

Много лѣтъ тому назадъ, Чапа, выгнанный переворотами, бывшими насущнымъ хлѣбомъ въ его родной землѣ, очутился на украинскихъ степяхъ и какъ былъ онъ человѣкъ мирный, то забросилъ военное ремесло, женился на русинкѣ и поселился въ брацлавской волости. Хозяйство его шло не дурно, состояніе имѣлъ порядочное: большія стада гуляли въ полѣ, денегъ было довольно въ сундукѣ; дѣти воспитывались уже по-русски; гостепріимству научился у сосѣдей. При всемъ томъ Чапа хотя пустилъ корни въ новой землѣ, обезпечивающей ему миръ и счастье, но не забылъ стараго отечества и не разорвалъ съ нимъ связей.

Какимъ путемъ Подкова попалъ къ Чапѣ, сказать не съумѣю, но разъ усѣвшись подъ его кровлей, могъ жить спокойно и безопасно. Стараго волошина ослѣпили доводы, представленные претендентомъ, и письма бояръ, занимающихъ самое высокое положеніе въ Молдавіи. Кажется, не обошлось тутъ и безъ романа. У Чапы была красивая дочка; дѣвушкѣ понравился пришелецъ. Хотя одѣтъ онъ былъ очень скромно и окруженъ бѣдной свитой, однакожъ что-нибудь да значило, если родитель окружалъ его такимъ почетомъ, а таинственный видъ и внѣшность авантюриста были въ его пользу. Иванъ былъ высокаго роста, широкоплечій, неимовѣрной силы, потому что ломалъ подковы, какъ лепешки, кромѣ того пріятный въ обращеніи, кроткій; рѣчь его съ женщинами скромная, изысканная, и вообще онъ былъ деликатенъ и вѣжливъ... Дѣвушка увлеклась, но увлеченіе перешло скоро въ страхъ, когда она узнала, что избранникъ ея сердца есть прямой владѣлецъ волошской короны, если не *de facto*, то *de jure*.

Это открытіе, не смотря на нѣкоторый страхъ, еще больше воспламенило ея чувство. Старикъ Чапа подстерегъ привязанность дочери и очень обрадовался, зная, что Подкова отвѣчаетъ ей тѣмъ-же... Почему не стать-бы ей «домницей?» Но какъ добыть корону? Немировъ во всѣ вѣка былъ настоящимъ козацкимъ городомъ и лежалъ на межѣ; въ Немировѣ есть пріятели, а потому слѣдуетъ посовѣтоваться съ ними.

Сказано—сдѣлано.

Въ Немировѣ Чапа встрѣтилъ шляхтича, который тоже искалъ Подкову, тоже жаждалъ помочь ему, чтобы при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ добиться положенія или по крайней мѣрѣ выгоднаго и покойнаго куска хлѣба.

Это былъ панъ Станиславъ Копыцкій, шляхтичъ собственнаго герба, во всякомъ случаѣ лицо историческое и притомъ интересное; происходилъ онъ изъ другаго конца Рѣчи Посполитой, изъ Помераніи; отсюда перекочевалъ на Подолію и поселился на волошской границѣ; служилъ во всевозможныхъ хоругвяхъ, но все какъ-то не удачно; съ Вишневецкимъ и Ивоней разорялъ Волощину; съ козаками былъ свой человѣкъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ забрался первый разъ на Низъ и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ на границѣ утихало и не было работы, возвращался на Запорожье. На Хортицѣ онъ обращался въ рѣчнаго или сухопутнаго запорожца, занимался рыболовствомъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ сниманіемъ татарскихъ головъ или грабежемъ откормленныхъ стадъ на бѣлгородскихъ пастбищахъ. И въ плѣнъ очень часто попадалъ, но всегда счастливо вывертывался изъ него; родной языкъ почти забылъ, за то по русски говорилъ, какъ будто родился надъ Днѣпромъ; и по молдавски зналъ, и по турецки могъ не дурно разговориться; крова собственнаго не имѣлъ, все его имущество—добрый конь, не много оружія и копѣйка всегда въ запасѣ, потому что деньги и тогда много могли сдѣлать. Только что вернулся Копыцкій въ Баръ на зимнія квартиры изъ какого-то таинственнаго похода и привезъ нѣсколько новинокъ старостѣ о татарахъ, какъ послѣдній въ благодарность намекнулъ ему о Подковѣ.

Копыцкому того только и надо.

— Гдѣ? какъ? спрашивалъ заинтересованный.

— Ни съ чѣмъ поѣхалъ въ Брацлавщину, отвѣтилъ Бучацкій.

Спустя нѣсколько дней панъ Станиславъ Копыцкій шнырялъ уже по Немирову и съ осторожностію развѣдывалъ о Подковѣ; встрѣтился съ Чапой и скоро съ нимъ поладилъ. Съ этимъ-же волохомъ отправился онъ въ деревню къ Подковѣ, радуясь, какъ разсказываетъ Бѣльскій, его счастью и обѣщая помогать ему по мѣрѣ возможности, за что Подкова очень благодарилъ его и просилъ доказать на дѣлѣ свои обѣщанія, въ свою очередь обѣщая хорошо вознаградить его, если Господь поможетъ возвратиться въ отечество, куда призываютъ его на престолъ подданные.

Недолго продолжались совѣщанія въ домѣ Чапы: подвижный шляхтичъ сейчасъ вошелъ въ условія съ Шахомъ. Атаманъ зимовалъ тогда въ Немировѣ и бѣдовалъ, не зная, что ему дальше дѣлать съ собой, потому что ничего не было слышно о походахъ въ татарскія земли, а между тѣмъ королевское око зорко слѣдило и рука ослабляла энергію. Планъ Копыцкаго очень заинтересовалъ и обрадовалъ Шаха.

Копыцкій разбрасывалъ тогда не мало денегъ между молодцами, козачество весело гуляло, а мѣщане перешептывались, что будетъ какая-то робота. Копыцкій потиралъ руки отъ удовольствія, разсчитывая, сколько онъ получитъ барышей на затраченный капиталъ. Предпріятіе, правда, было рискованное, при неудачѣ можно было и шею сломать... Но уже такая природа пограничныхъ людей, такой ужъ тамъ царилъ обычай! На степяхъ рядомъ съ пограничнымъ столбомъ бѣлѣли груды костей предшественниковъ, которые здѣсь поскользнулись; послѣдователи ступали равнодушно по костямъ, даже не думая о томъ, что ихъ можетъ постигнуть такая-же участь. «Смерти бояться не слѣдуетъ, говаривали козаки, ея не избѣжишь». А окозачившаяся шляхта повторяла обыкновенно это мнѣніе и шла на проломъ впередъ. Шахъ только что сталъ дѣлать карьеру, такъ какъ еще недавно выбрали его атаманомъ; онъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны и привелъ съ собою 330 козаковъ. Чапа тоже собралъ небольшую кучку людей въ Брацлавщинѣ, и походъ быстро готовился. Весь отрядъ состоялъ наибольше изъ 500 человѣкъ. Съ такой горстью людей завладѣть Волощиной—сущее безуміе. Передъ тѣмъ самъ Подкова такъ думалъ; онъ собирался только развѣдать, желая въ другое время попытать счастья. Походъ начался въ концѣ 1576 г. и въ

началѣ 1577 г. Глубокій снѣгъ лежалъ на степяхъ; въ жизненныхъ припасахъ былъ недостатокъ, но храбрость города беретъ. По льду Днѣстра и Прута добрались козаки въ Волощину. Какое пространство страны они заняли, объ этомъ молчатъ лѣтописцы; но скоро козацкіе разъѣзды наткнулись на сильные отряды, которые собиралъ волошскій господарь Петръ Хромой для пріема непрошенныхъ гостей. Подкова отступилъ, довольствуясь грабежемъ, а козаки по своему въ концѣ концевъ опустошили побережья Прута, и пока волохи оглянулись, напастники были уже дома.

Претендентъ зажилъ опять у Чапы, снова глядѣлъ въ ясныя очи его дочки, а Копыцкій во главѣ 60-ти вооруженныхъ человѣкъ занималъ почетный караулъ при будущемъ князѣ и собиралъ козаковъ на квартиры въ Немировъ, хотя городъ принадлежалъ брацловскому воеводѣ Янушу Збаражскому и управлялся особымъ намѣстникомъ, назначеннымъ владѣльцемъ. Уже изъ этого видно, что князь смотрѣлъ снисходительно на своеволія запорожцевъ. Недавно жаловалась на него Порта королю, что прячетъ у себя козаковъ, которые дѣлаютъ ей большой вредъ. Но не одинъ Збаражскій потакалъ ихъ шалостямъ, по его слѣдамъ шли и другіе пограничные старосты. Бучацкій свободно пустилъ Ивана, Влодекъ Каменецкій молчалъ, какъ будто ничего не зналъ о походѣ. Оборскій, коронный стражникъ, который имѣлъ резиденцію въ Зиньковѣ, даже апплодировалъ; ему-ли стать на дорогѣ смѣлому наѣзду на враговъ Рѣчи Посполитой? ему, который, какъ поэтически выражается Нѣсецкій, «имѣлъ частыя и удачныя битвы съ невѣрными и часто онъ отъ нихъ и они отъ него въ торкмышовыхъ бинтахъ за столъ садились».

И все прошло-бы даромъ, если-бъ испуганный и обезпокоенный волошскій господарь не поднялъ большаго шуму. Онъ послалъ чауша съ вѣстью къ галицкому каштеляну, который все-таки еще не двигался изъ Рыманова, что козаки наѣзжаютъ на его землю и, если король не удержитъ ихъ, то нечего ожидать мира съ турецкимъ султаномъ. Семинскій приготовилъ реляцію королю, донося о препятствіяхъ, мѣшающихъ его посольству, а такъ какъ опасность надо было поскорѣе устранить, то одновременно извѣстилъ обо всемъ подольскаго воеводу. Мелецкій, какъ оберегатель границъ и коронный гетманъ, уже не могъ принять дѣло равнодушно; онъ

выслалъ тогда Яна Боболецкаго, ротмистра, во главѣ хоругви съ приказаніемъ унять авантюриста.

Бѣльскій такъ разсказываетъ истрію этого похода: «Боболецкій, разсчитывая найти Подкову въ Немировѣ, двинулся прямо туда и засталъ его тамъ, но Подкова своевременно остерегся и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ пятьдесятъ пѣшихъ съ ружьями. Пріѣхавши на одинъ бродъ, въ который забрелъ по брюхо коню, онъ выстроилъ впереди себя стрѣлковъ. Когда Боболецкій подъѣхалъ къ этому броду и увидѣлъ построившихся людей въ хорошемъ, но неудобномъ для нападенія мѣстѣ, то повернулъ назадъ. Подкова тоже поѣхалъ за нимъ въ Немировъ. Боболецкій требовалъ у немировскаго намѣстника выдачи Подковы. Намѣстникъ отвѣчалъ ему: «я тебѣ выдать не могу, но и не запрещаю, возьми его, если можешь».

Отвѣтъ наивный, не правда-ли? Бѣльскій, кажется, вѣритъ всему, но вѣрить этому такъ трудно! Боболецкій, ротмистръ на Подольи, человѣкъ испытанный, во главѣ трехъ хоругвей, по крайней мѣрѣ 150 человѣкъ, хорошо конечно вооруженныхъ, привычныхъ къ способамъ войны на границѣ, отступаетъ передъ пятидесятью ружьями и ихъ предводителемъ, стоящими въ ручьѣ, образовавшемся вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Встрѣча кончилась ничѣмъ; обѣ воюющія стороны спокойно возвращаются въ городъ и бокъ о бокъ стоятъ на квартирѣ, вѣрно, въ найлучшемъ согласіи; королевское войско и козаки, можетъ быть, пьютъ подъ одной кровлей. Какъ-же этому повѣрить?

Настоящая комедія! Также понималъ ее и Стефанъ Баторій, такъ какъ, увѣдомленный обо всемъ, послалъ строгіе выговоры пограничнымъ старостамъ, при чемъ самый суровый достался князю Збаражскому. Король понялъ, что пограничные паны имѣютъ свою собственную политику, а онъ хотѣлъ безусловнаго послушанія, и въ упомянутомъ письмѣ приказывалъ, чтобы брацлавскій воевода немедленно поймалъ Ивана Волошина и отдалъ его въ руки шляхетнаго Валентія Маковецкаго, коморника.

Приказаніе свое король оканчиваетъ слѣдующей непривычной и многознаменательной угрозой: «если какъ нибудь иначе сдѣлаешь, чего мы о вашей вѣрности, какъ о нашемъ сенаторѣ, не хотѣли-бы думать, то какъ нибудь это не пройдетъ тебѣ, и ты

будешь имѣть достаточно хлопотъ отъ Рѣчи Посполитой... Мы принуждены будемъ приказать инстигатору (прокурору) поступить съ вашей вѣрностью, какъ съ нарушителемъ мира и спокойствія на границѣ». Приказъ, подписанный въ Мальбургѣ 5-го ноября, дошелъ, вѣроятно, на границу въ декабрѣ, именно въ то время, когда Подкова достигъ временнаго успѣха во вторичный свой походъ.

IV.

Претендентъ, окруженный небольшимъ отрядомъ, весной двинулся къ Днѣстру. Теперь онъ не держался уже польской границы и, боясь, чтобы не задержали его, утонулъ въ зеленыхъ степяхъ съ всегда вѣрнымъ ему Чапой и предпріимчивымъ Копыцкимъ. Шахъ во главѣ 600 молодцовъ ожидалъ Подкову на главномъ шляху, проторенномъ, какъ говоритъ Бѣльскій, и привѣтствовалъ его здѣсь пѣснями и музыкой. Радостно затрубили трубы, весело откликнулись имъ литавры. Козаки выглядѣли по праздничному, въ боевомъ строѣ, на превосходныхъ лошадяхъ, въ праздничныхъ жупанахъ, въ бараньихъ разноцвѣтныхъ кучмахъ, вооруженные самопалами, саблями, алебардами и копьями. Надо было произвести впечатлѣніе на волошскую чернь и напугать турокъ, которые не очень охотно сражались съ молодцами. Пословицы, сохранившіяся до настоящаго времени, отчетливо отпечатлѣваютъ ту боязнь османовъ, какую они чувствовали при встрѣчѣ съ запорожцами. Одна изъ нихъ, напримѣръ, выражается такъ: «у насъ (на Запорожьѣ) де кракъ (кустъ), тамъ козакъ, а де байракъ, тамъ и сто козакивъ». Другія, не менѣе характерныя слова, вложены въ уста падишаха [1]), который однажды выразился такъ: «когда кто-нибудь изъ сосѣднихъ государствъ объявитъ мнѣ войну, я сплю спокойно, но когда козаки ведутъ ее со мною, тогда долженъ безпрестанно прислушиваться однимъ ухомъ».

Атаманъ помнилъ это и не молчаливо, но съ пѣсней на устахъ входилъ въ Сороки. Чернь сейчасъ объявила его господаремъ; ей было все равно: всякій господарь съ Божьей-ли, ляшской или турецкой воли на то и княжилъ, чтобы обирать крестьянина. Вѣковой опытъ выработалъ это твердое убѣжденіе въ волошскомъ царанинѣ

[1]) Амуратъ III.

(въ родѣ нашихъ крестьянъ), а потому онъ уступалъ съ дороги, если могъ, прятался въ свой хуторъ, стоящій гдѣ-нибудь въ сторонѣ или нанимался въ пастухи, и велъ жизнь уединенную, на безлюдьи, захваченный-же нечаянно, дѣлалъ все, что ему приказывали, думая только объ одномъ, какъ-бы ускользнуть въ степь хоть съ одной душой, даже лишившись имущества. Возгласы и одобренія толпы немного значили, оставался на дорогѣ еще кто-то, кого надо было одолѣть, т. е. господарь съ горстью своихъ сторонниковъ и затяжнымъ турецкимъ войскомъ. Но первыя встрѣчи великолѣпно удались: на равнинѣ подъ Яссами заступилъ дорогу козакамъ Петръ Хромой, а впереди его шла турецкая артиллерія, хотя небольшая, но все-же грозная. Долго обѣ стороны смотрѣли другъ другу въ глаза, наконецъ у мусульманскихъ пушкарей не стало терпѣнія, и они открыли огонь. Нѣсколько моментовъ дымъ покрывалъ поле битвы, но вотъ онъ разсѣялся и... о чудо! непріятельскій лагерь какъ будто пропалъ, какъ будто весь полегъ. Волошская конница скачетъ, чтобы убѣдиться въ тріумфѣ, скачетъ отважно и слѣпо— и попадаетъ въ засаду. Козаки употребили хитрость: убѣдившись, что турецкія пули, кромѣ треску, не дѣлаютъ вреда, они припали къ землѣ, какъ мертвые, а когда непріятель приблизился, по командѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и ударили въ сабли и пики. Триста турокъ пало, а остальные въ бѣгствѣ искали спасенія. Теперь уже безъ сопротивленія побѣдители вошли въ Яссы, и городскія власти привѣтствовали ихъ. Подкова объявленъ господаремъ и принялъ названіе Ивана Воды. Шахъ назначенъ главнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ, Чапа маршаломъ, а скромный Копыцкій буркулабомъ Хотина, т. е. губернаторомъ и комендантомъ крѣпости. Во всякомъ случаѣ тутъ безопаснѣе, Днѣстръ близко, а за Днѣстромъ Рѣчь Посполитая. Наконецъ и традиція была симпатична, потому что немного лѣтъ тому назадъ здѣсь были буркулабами и Ляскій, и Порайчикъ Доброколовскій. Счастливый организаторъ похода отправился въ новую резиденцію; предшественникъ уступилъ ему дорогу безъ протеста, т. е. просто убѣжалъ въ польскіе предѣлы и нашелъ гостепріимное убѣжище въ Коломыѣ, у Якова Струся.

Подкова началъ княжить съ 23-го ноября 1577 г.; княжилъ едва-ли два мѣсяца и, какъ человѣкъ спокойный и добрый, не отрубилъ ни одной головы, какъ это обыкновенно дѣлали его пред-

шественники. Удивляться имъ не слѣдуетъ, господари учились у турокъ; вступленіе на престолъ не имѣло прелести, если ступени трона не были забрызганы кровью противника. Оттого короткое и спокойное господарство Ивана не оставило слѣдовъ въ исторіи; въ ряду правящихъ господарей выглядитъ онъ, какъ-бы человѣкъ не той эпохи, но заблудившійся и не съ Запорожья, а изъ цивилизованной страны. Скромный украинскій подковаръ началъ свое правленіе актомъ милосердія; онъ приказалъ освободить всѣхъ узниковъ, «которые колвекъ были тамъ на скупѣ», т. е. предназначены въ продажу. Впослѣдствіи онъ послалъ къ султану, увѣдомляя его о своемъ избраніи и прося о хоругви. Это былъ актъ подчиненности и ленной зависимости; хоругвь съ полумѣсяцемъ, развѣвающаяся надъ господарскимъ дворцомъ, означала верховную власть Порты. Посланный однако не достигъ Цареграда: въ дорогѣ былъ пойманъ и задержанъ.

И только знаемъ объ Иванѣ Водѣ, какъ волошскомъ господарѣ.

И о дочери Чапы нигдѣ никакого извѣстія. Можетъ быть она не имѣла времени собраться изъ глухой брацлавской деревушки въ резиденцію къ своему возлюбленному въ коронѣ.

Лишенный престола Петръ не призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ обратился прежде всего къ падишаху съ жалобой и просьбой о помощи, но получилъ не очень утѣшительный отвѣтъ.

— «Я тебя, отвѣчалъ султанъ, считаю своимъ подданнымъ и дамъ я тебѣ господарство, чтобъ ты служилъ мнѣ, гдѣ я тебѣ прикажу! И такъ приказываю тебѣ, чтобъ ты выгналъ тамъ этого лотрика, а если этого не сдѣлаешь, я возьму твою голову, и на твое мѣсто пошлю другаго».

Условіе довольно тяжелое, но въ молдавской исторіи обыкновенное. Несчастный Петръ употребилъ всѣ средства, на послѣднюю копѣйку собралъ войско и вступилъ въ новую борьбу съ Подковой. Употребилъ онъ забавную стратегическую хитрость, въ которой главную роль играло стадо скота; но именно оно, вмѣсто помощи, было причиной фатальной катастрофы. Детронизованный господарь приказалъ гнать передъ своимъ войскомъ стадо воловъ, желая смять имъ ряды Подковы. Но волы взбѣсились, испугавшись стрѣльбы, и вмѣсто того, чтобы броситься на ряды непріятеля, повернули назадъ и бросились на свою армію. Войско Петра, разби-

тое собственнымъ рогатымъ авангардомъ, разбѣжалось, оставивши довольно убитыхъ. Боболинскій утверждаетъ, что въ это время на полѣ битвы было 8,000 человѣкъ, но, вѣроятно, эта цифра увеличена по крайней мѣрѣ въ восемь разъ, чего не считаемъ даже нужнымъ доказывать читателю.

Петръ, однако, и теперь не потерялъ головы. Онъ отправился въ Семиградъ, откуда скоро обѣщали ему и помощь. Иванъ, увѣдомленный объ этомъ, рѣшилъ ретироваться съ честью. Но куда двинуться? На Запорожье трудно, потому что страшно было пускаться въ путь зимою по безлюднымъ, покрытымъ снѣгомъ степямъ, слѣдовательно надо было спасаться въ Брацлавщину; тутъ онъ пользовался всеобщею любовью, тутъ легко могли простить ему набѣгъ на Молдавію.

Подкова двинулся въ Немировъ. Козаки обѣщали не оставить его; отъ мѣщанъ онъ ждалъ снисходительной встрѣчи, потому что везъ съ собой большое богатство, и кромѣ того изъ Яссъ забралъ всѣ артиллерійскіе снаряды съ 14-ю пятью пушками. Въ концѣ января Подкова вышелъ изъ столицы.

А бѣдный Копыцкій, назначенный буркулабомъ? Слѣдовало и его извѣстить о намѣреніи удаляющагося господаря. Въ самомъ дѣлѣ, съ десятокъ козаковъ пробѣжали въ Хотинъ, и какъ разъ во время, потому что организаторъ похода чуть не поплатился жизнью за свою карьеру. Бывшій буркулабъ, узнавши объ ожидаемой помощи изъ Семиграда, воспомоществуемый Струсемъ, взялъ штурмомъ крѣпость, арестовалъ Копыцкаго и рѣшилъ отправить въ подарокъ Петру Хромому. Шляхтичъ, ни откуда не ожидавшій помощи, должно быть очень обрадовался, увидѣвши на дорогѣ молодцевъ, которые въ одну секунду разогнали волошскій конвой, ворвались въ городъ, изрубили буркулаба, ограбили лавки и съ освобожденнымъ Копыцкимъ потянули въ Подолію. Копыцкій сердечно поблагодарилъ козаковъ и отправился искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Въ Немировѣ онъ не остался, зная, что тамъ нечего ожидать ему добра.

Брацлавскій воевода очень встревожился, когда донесли ему, что Иванъ Волошинъ, разыскиваемый коморниками, перешелъ границу Рѣчи Посполитой, во главѣ значительнаго отряда, съ значительнымъ числомъ пушекъ. Онъ далъ знать Мелецкому, и долго

они совѣтовались, какъ лучше поступить имъ. Это касалось ихъ обоихъ, такъ какъ Баторій подозрѣвалъ ихъ въ сочувствіи этому походу, и потому оба они были въ нѣкоторомъ сомнѣніи, какъ поступить имъ. Козаки, хотя своевольные и непослушные, все-же были сыновья одной матери, подданные Рѣчи Посполитой; для тогоже, чтобы поймать «господарчика», надо было пролить братнюю кровь. Стали тогда пробовать, не удастся-ли какъ нибудь убѣжденіемъ успокоить бурю.

Съ этою цѣлью Збаражскій самъ пріѣхалъ въ Немировъ, расположился во дворцѣ, запросилъ къ себѣ Шаха съ старшиной и представилъ имъ все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, объясняя, въ какое самъ попалъ затруднительное положеніе. Атаманъ понялъ аргументацію и просилъ совѣта.

— Пусть Подкова ѣдетъ въ Варшаву, отвѣтилъ князь, король уважаетъ храбрыхъ людей, можетъ быть и ему проститъ.

Аргументъ этотъ убѣдилъ запорожца[1]). Не надо было, наконецъ, уговаривать Подкову; *ex*-господарь легко принялъ предложеніе. Прощаясь съ козаками, онъ благодарилъ ихъ за помощь, а пушки раздарилъ: двѣнадцать далъ воеводѣ, а двѣ гетману; гетманъ подарилъ ихъ комендату, и уже въ спискѣ XVII вѣка мы нашли среди «крѣпостныхъ гарматъ и амуницій» замѣтку о пушкахъ Серпяги.

Подкова въ свитѣ князя поѣхалъ сейчасъ на Русь къ Мелецкому. Можетъ быть, одна дочка Чапы, ломая свои бѣлыя руки, прощалась съ возлюбленнымъ, не покидая надежды на будущее величіе и счастье,—не предчувствовала она печальнаго конца, который сулила судьба молодому герою. Въ ея дѣвичьей головѣ гостила другая тревога: идетъ далеко въ столицу, а тамъ столько красавицъ-ляшекъ... Вѣренъ-ли будетъ козакъ?

Подкова пустился къ Вислѣ, свободный, даже съ нѣкоторыми почестями. Съ нимъ было нѣсколько вѣрныхъ козаковъ; онъ пользовался такими симпатіями пограничной шляхты, что она не дала его

---

[1]) По свидѣтельству Гейденштейна (ч. I, стр. 286), Подкову выправилъ въ Варшаву не Мелецкій, но каменецкій каштелянъ Николай Синявскій, и это намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Мелецкій, самъ когда-то вводившій въ Молдавію Богданка, не могъ не сочувствовать продолжателю его предпріятія Подковѣ.

въ обиду. Прибылъ онъ въ Варшаву къ концу сейма, который собрался въ февралѣ 1578 г. Баторій принялъ его по своему сурово, какъ хищника и мятежника, приказалъ сейчасъ арестовать его, наложить на ноги оковы и держать подъ строгимъ карауломъ. Былъ-ли это соотвѣтствующій шагъ, вызванный необходимостью или крайностью? Нѣтъ. Иванъ Волошинъ не былъ исключительнымъ примѣромъ своеволія: онъ былъ звеномъ длинной цѣпи, тянувшейся въ продолженіи десяти съ лишкомъ лѣтъ; онъ протянулъ руку за господарской короной, какъ протягивали передъ нимъ Гераклидъ, два Лопушняна, послѣ нихъ Могилы—отецъ и сынъ, и всегда дѣлали это при помощи подданныхъ Рѣчи Посполитой. Долженъ-ли Подкова одинъ отвѣчать за всѣхъ? Печальная судьба досталась ему въ удѣлъ. Великій король не зналъ мѣстныхъ отношеній, голова его была полна проэктами о сильной и сконцетрированной власти, а тутъ какой-нибудь шляхтичъ на границахъ игралъ въ удѣльнаго князя, и было еще большое одолженіе съ его стороны, если онъ доносилъ верховной власти о сдѣланномъ поступкѣ, не желая санкціи и полномочія. А сколько у насъ «панятъ» и это обходили!

Баторій допускалъ, что козацкіе набѣги на Молдавію могутъ имѣть дурное послѣдствіе, что Польша будетъ имѣть сосѣдомъ кого нибудь другаго, а не христіанина. Однако можно было уже и тогда убѣдиться, что религіозныя мнѣнія тутъ были ни при чемъ. Господари греческаго вѣроисповѣданія также хорошо угождали Турціи, также низко кланялись ей, также принимали участіе въ набѣгахъ на Рѣчь Посполитую, какъ какой нибудь Балаклей, или Чапчаклей, или другой невѣрный.

Боболинскій утверждаетъ, что предположено было казнить виновнаго господарчика въ Варшавѣ, но король не хотѣлъ дѣлать непріятнаго собравшейся на сеймъ шляхтѣ. Не сдѣлали-ль этого, прибавляетъ Саликовскій, по просьбамъ за него рыцарскаго сословія? Всячески Подкову привезли въ Львовъ.

V.

Обстоятельства сложились для него несчастливо. Баторій, можетъ быть, помиловалъ-бы Подкову, по крайней мѣрѣ онъ колебался съ своимъ суровымъ приговоромъ и видимо склонялся къ

смягченію онаго; но въ то время дали ему знать, что новый претендентъ Александръ, какъ братъ Ивана, вторгнулся въ Молдавію, а когда онъ погибъ, сейчасъ выступилъ названный сынъ его Петръ. Это разсердило короля, и уже въ іюлѣ онъ писалъ къ запорожскимъ молодцамъ и ихъ старшинѣ, внушая имъ опомниться: «мы очень удивляемся, взываетъ онъ, что уже третьимъ походомъ въ Молдавію рѣшаетесь нарушить миръ молдавской земли и его милости турецкаго султана съ короной, которая заключила перемиріе на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой... Напоминаемъ вамъ, чтобъ вы бросили эти походы въ Молдавію и вернулись назадъ; если сдѣлаете это, пріймемъ васъ съ лаской и благодарностью. Но если будете упорствовать въ своемъ намѣреніи и не захотите отказаться отъ него, будемъ принуждены признать васъ врагами короны»...

Одновременно чаушъ турецкаго султана Мурадъ-хана привезъ письмо, писанное въ половинѣ іюля 1578 г., интересное во многихъ отношеніяхъ: «пусть вамъ будетъ извѣстно, пишетъ въ немъ падишахъ послѣ титуловъ и поздравленій, когда получите это благогословенное царское письмо, что намъ донесли, какъ дѣло доподлинно извѣстное, что козаки пакостники и главнымъ образомъ «голота» изъ польскихъ крѣпостей по Дунаю (?), границы нашего благословеннаго царства, живущая въ городахъ Манкерманѣ (Акерманъ), Черкескерманѣ (Черкасы), Кан-евѣ (Каневѣ) и Брацлавѣ недавно сдѣлали набѣги на молдавскую провинцію и нанесли ей большой вредъ. Извѣстно намъ также, что вашъ гетманъ, по имени Никола (Николай Мелецкій), схватилъ зачинщика вышеупомянутой голоты въ тотъ моментъ, когда она уходила уже въ свои убѣжища. Пусть ведутъ его къ королю, сказалъ онъ, а однакожъ допустилъ его возвратиться домой. Тотъ-же гетманъ поймалъ и задержалъ также всѣхъ соучастниковъ вышеупомянутаго преступника, самъ-же сейчасъ возвратился къ вамъ. Мы уже написали было и хотѣли послать соотвѣтствующее наше царское письмо, требуя, чтобы вы отдали намъ или живаго злодѣя, или его голову. Въ это время силистрійскій Давуръ, образецъ и украшеніе нашихъ великихъ правителей, слава котораго пусть всегда гремитъ, присылаетъ намъ въ великую Порту вмѣстѣ съ письмомъ вѣсть великаго воеводы, что опять появился какой-то голышъ, называющій себя братомъ

перваго мятежника, вторгнулся въ молдавскую землю во главѣ двухтысячной польской пѣхоты и козаковъ, далъ битву, занялъ базаръ близъ Яссъ и цѣлый городъ держитъ въ осадѣ... Когда получите это, счастливящее васъ, наше царское письмо, старайтесь доставить намъ, безъ потери времени и какъ можно скорѣе, живаго бунтовщика, который убѣжалъ къ вамъ и теперь въ вашихъ рукахъ, или его голову, а, если можете, отправляйтесь съ войскомъ въ крѣпости, въ которыхъ теперь находятся задорные люди, и уймите ихъ, главное, бросьте всѣ свои дѣла и, если имѣете достаточно силы, поспѣшите въ поле и примѣрно накажите дерзкихъ за набѣги. Но если вамъ угрожаетъ нападеніе враговъ, или мѣшаютъ другія ваши дѣла, или наконецъ самолично не можете выступить и собственными силами наказать тѣхъ хищниковъ, то извѣстите насъ, а мы сейчасъ вышлемъ несмѣтныя тысячи нашего войска для усмиренія злыхъ».

Письмо оканчивается угрозой, что если король не исполнитъ хотя одного изъ этихъ желаній, «то тогда поколеблется существующій между ними миръ въ своихъ основаніяхъ и народъ, и города пострадаютъ».

Слишкомъ мы преувеличивали силы Порты, а король жаждалъ какой угодно цѣной удержать съ нею хорошія отношенія! И такъ голова Подковы упала на львовскомъ рынкѣ въ присутствіи турецкаго посланника въ 1577 г. [1]).

---

[1]) Вотъ письмо о казни личнаго свидѣтеля этого событія, италіанца Филиппа Тальдуця, не чуждое, кажется, прикрасъ и вымысла, особливо въ предсмертной рѣчи, но тѣмъ не менѣе весьма интересное.

«Его милость король, выѣзжая изъ Варшавы, приказалъ отвести бывшаго молдавскаго господаря Подкову въ Раву, въ землѣ мазовецкой, и держать его тамъ подъ строгимъ карауломъ. Потомъ распорядился перевести его въ Львовъ, куда прибылъ чаушъ съ цѣлью домогаться головы Подковы, какъ о томъ публично говорили. Съ той-же цѣлью явился также посолъ волошскаго господаря, предложившій въ подарокъ королю 50 воловъ, четыре бочки мускателя (вина), двѣ малыхъ бочки соленыхъ лимоновъ и превосходную лошадь.

Въ понедѣльникъ 16-го іюня его милость король выѣхалъ рано изъ города, будто-бы на охоту. Предъ отъѣздомъ онъ далъ приказъ вооружить всѣхъ горожанъ, а гайдукамъ своей стражи затворить городскія ворота; но предъ тѣмъ еще приказалъ чаушу для личной его безопасности, а отчасти для устраненія подозрѣній того, что должно было случиться, такъ какъ немного подозрительнымъ казался на-

Что миръ не купленъ этимъ—извѣстно, а что смерть Ивана Воды была первымъ шагомъ къ братней распрѣ—тоже извѣстно. Съ тѣхъ поръ оставшаяся, едва замѣтная борозда размывалась съ теченіемъ времени потокомъ крови, разлитой обѣими сторонами въ непроходимую пропасть...

Даже высохшій польскій лѣтописецъ выписалъ какъ-бы эпитафію *ex*-господарю этими лаконическими, но много говорящими словами: «этого Подкову всѣ люди жалѣли».

Вѣрные козаки взяли тѣло казненнаго и повезли его на далекую Украйну. Передъ смертью Подкова просилъ похоронить его на родной землѣ...

И въ самомъ дѣлѣ былъ необычайный поѣздъ!

плывъ вооруженныхъ людей, прибывшихъ частью для привѣтствія короля, частью, можетъ быть потому, что слышали о пребываніи Подковы въ Львовѣ.

По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности около 14-го часа (перваго по полудни, считая отъ захода солнца) былъ приведенъ на площадь несчастный князь (il misero Principe), но не съ связанными руками, по особой милости, дарованной ему. По прочтеніи смертнаго приговора, барабанный бой и неописанный шумъ раздавался на рынкѣ. Прошедшись раза два по мѣсту казни, поглаживая бороду и посматривая на народъ безъ боязни смерти, Подкова просилъ его утихнуть, и по водвореніи спокойствія, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью: «Господа поляки! я иду на казнь и не знаю за что, такъ какъ не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого конца. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро, по рыцарски, противъ враговъ христіанскаго имени и всегда думалъ о пользѣ и выгодахъ края; моей постоянной мыслью было стоять стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, удерживать ихъ въ границахъ и не дозволять имъ переправляться черезъ Дунай, но я не могъ привести въ исполненіе своего задушевнаго желанія, Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, которому довѣрился и пришелъ сюда. Надѣюсь однако на Бога, что онъ накажетъ измѣнника—пса за мою невинную кровь. Знаю только одно, что я долженъ умереть отъ руки этого (показывая на палача), потому что такъ приказалъ поганый песъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а вашъ король ему. Наконецъ, моя смерть не имѣетъ значенія; но помните, что пройдетъ не много времени и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ этого поганаго пса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Далѣе, помолчавши съ минуту и оборотившись къ бывшимъ съ нимъ своимъ восьми козакамъ, онъ сказалъ: «послѣ моей смерти прошу васъ, не дѣлайте ничего дурнаго моимъ слугамъ и товарищамъ, такимъ-же честнымъ, какъ и я, и хорошо послужившимъ Рѣчи Посполитой, а потому не только не слѣдуетъ обижать ихъ,

Изъ міра цивилизаціи въ глухую степь горсточка храбрецовъ конвоировала скромный деревянный гробъ...

Народъ выходилъ, смотрѣлъ и, печально вздыхая, приставалъ къ кортежу безъ священника, безъ свѣчей и хоругвей.

И невольно у толпы раждался вопросъ, зачѣмъ везутъ кости на дикія поля, когда ихъ столько уже бѣлѣетъ на непосвященной землѣ! Тогда товарищи-молодцы разсказывали толпѣ печальную исторію—судьбу господаря козака и трагическую беславную смерть его...

Разсказы разносились по степямъ, повторялись въ немногочисленныхъ селахъ, въ частныхъ хуторахъ, въ полѣ при кострѣ, въ густой травѣ при засадахъ и, передѣланные народной фантазіей, просуществовали до настоящаго времени, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ названія. Такъ черезъ три столѣтія крестьянинъ разсказываетъ ученому собирателю преданій, что въ каневскомъ лѣсу,

---

но надо даже наградить по степени заслуги». Затѣмъ прибавилъ: «еще васъ объ одномъ прошу; не дозволяйте прикасаться къ моему тѣлу этому лишенному чести человѣку (указывая на палача) не только при моей жизни, но и послѣ смерти, и разрѣшите сдѣлать мнѣ эту послѣднюю услугу моимъ людямъ, которые и остались здѣсь съ этою цѣлью».

Послѣ этого онъ замолчалъ, а въ народѣ былъ слышенъ плачь; плакали главнымъ образомъ воины, пришедшіе сюда ради него, но не имѣвшіе возможности подать ему помощь, въ виду сильныхъ приготовленій къ подавленію сопротивленія. Одинъ изъ козаковъ подошелъ къ Подковѣ съ большимъ кубкомъ вина (нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ попросилъ объ этомъ); довольно того, что, взявши кубокъ, выпилъ залпомъ и, повернувшись къ подавшему вино, сказалъ по мѣстному обычаю, что пьетъ за его и товарищей здоровье. Затѣмъ опять прошелся раза два и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивши приготовленный пучекъ соломы, на которой долженъ былъ преклонить колѣни, онъ воскликнулъ: «Боже, мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣни на что-либо лучшее!» И, повернувшись къ своимъ людямъ, прибавилъ: «пойдите, возьмите между моими вещами оставшійся коверъ!»

Когда подослали коверъ, онъ ловко преклонилъ колѣни и, помолившись, крестясь русскимъ крестомъ (такъ какъ былъ православнаго вѣроисповѣданія), закрылъ глаза, ожидая смертнаго удара: но палачъ медлилъ. Тогда Подкова оборотился къ нему, говоря: «что ты дѣлаешь?

Палачъ отвѣтилъ ему:

— «Господинъ, надо поправить платье, чтобы оно не мѣшало».

— «Очень хорошо», сказалъ Подкова.

Поправивши платье и поручая себя Богу, онъ съ большой твердостью принялъ смертный ударъ. Кто-то изъ присутствующихъ (вѣрно, нарочно назначен-

недалеко отъ города, убиты два атамана—Грицко Кобзаръ и Подкова, что обоихъ тамъ похоронили и отсюда названіе мѣста «Кобзарова могила». Народъ, какъ-бы желая увѣковѣчить имена своихъ героевъ, дороги, по которымъ они ходили, крестилъ ихъ именами: въ самомъ дѣлѣ близъ названной мѣстности пролегаетъ «Серпягинъ шляхъ». Простонародіе считаетъ его зловѣщимъ и употребляетъ проклятіе: «чтобъ ты пошелъ дорогой Серпяги!» Намекъ на печальный конецъ Ивана.

Тридцать лѣтъ назадъ сему Изопольскій выискалъ нѣсколько пѣсенъ, которыя распѣвались по Днѣпру; въ этихъ пѣсняхъ воспѣвались подвиги Подковы. Какъ образецъ, приводимъ здѣсь краткое вступленіе одной изъ нихъ, подправленной нѣсколько самимъ собирателемъ:

Подувъ витеръ изъ города, изъ Львова, зашумилы вербы,
Заплакали козаченьки: ой, Боже-жъ нашъ милосердый!
Ой, у Львови дзвоны дзвонять и попы спивають;
Лежить трупъ козацкій, ёму похоронъ справляють.
Ой тамъ у городи, та въ Каневи, зъ жалю дуже плачуть,
Высыпають надъ Серпягою могилу, земли не настачуть...[1]).

ный для этого) поднялъ голову и три раза показалъ ее народу въ доказательство, что справедливость удовлетворена.

Въ тотъ моментъ въ народѣ были слышны такой плачъ и ропотъ, что не будь приняты заранѣе мѣры, можно было опасаться безпорядковъ. Это событіе произвело самое непріятное впечатлѣніе на народъ и много повредило королю въ глазахъ его подданныхъ, хотя потомъ все забылось, и время все стерло.

Люди Подковы, взявши его тѣло и пришивши къ нему голову, вложили въ зеленый ящикъ (гробъ), который, говорятъ, самъ Подкова приказалъ приготовить; затѣмъ занесли его въ ближайшую русскую церковь, и больше ничего не слышно объ этомъ».

[1]) Въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго, изд. въ Харьковѣ 1833—1838 г., въ 1-йчасти, на стр. 33, приводится сходная отчасти съ этою пѣсня, начинающаяся такъ:

Ой у городи у Львови зашумилы вербы...

Тамъ-же, на стр. 34, приводится пѣсня о Подковѣ-же: «Охъ и сыла, сыла сылу подолила» и далѣе: «За рячкою, за быстрою, бъется турокъ зъ молдавою». Въ Сборникѣ Мордовцева на стр. 183—185 и въ 1-й части «Запорожской Старины» Срезневскаго на стр. 123 приведены думы о Серпягѣ. Но и пѣсни и думы при первомъ чтеніи ихъ разятъ ухо сильною подправкою, если не совершенною

О соучастникахъ Подковы ничего не встрѣчаемъ въ исторіи. Одинъ Шахъ, запорожскій атаманъ, еще игралъ роль въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и Ригельманъ назначаетъ ему десятое мѣсто въ ряду гетмановъ. Дружина Ивана разбѣжалась во всѣ стороны; нѣкоторые изъ козаковъ зашибли въ этой авантюрѣ копѣйку, а народъ помаленьку выманивалъ ее и припрятывалъ.

Что народъ забиралъ привезенныя изъ Молдавіи богатства, доказываютъ жалобы, записанныя въ луцкихъ книгахъ подъ 1579 г.

Только всего и сохранилось въ преданіяхъ и исторіи объ Иванѣ Волошинѣ.

подделкою. Ни тѣхъ, ни другихъ мы не находимъ въ позднѣйшемъ солидномъ Сборникѣ «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», изд. въ Кіевѣ въ 1874—1875 гг.

НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧЧИНЫ.

А мы того коника у твого пана купили,
Въ зелени диброви гроши поличили,
Въ холодни криныци могоричъ запили,
Пидъ гнилу колоду пана пидкотили.

Гайдамацкая пѣсня съ 1760-хъ годовъ.

О причинахъ появленія гайдамакъ на юго-западѣ Россіи, ихъ удалыхъ наѣздахъ, грабежахъ и разбояхъ, жестокомъ мщеніи всему, что носило имя пана-ляха, борьбѣ съ правительствомъ и конечномъ сходѣ со сцены, было писано очень много. Въ свое время и мы въ небольшой, давно забытой, а быть можетъ и мало кому знакомой книгѣ, подъ заглавіемъ «*Наѣзды гайдамакъ на западную Украйну* въ XVIII стол.» (Одесса, 8—1845, 230 стр.), предложили какъ свое объ нихъ мнѣніе, такъ и документы въ разъясненіе этого загадочнаго и во всякомъ случаѣ мрачнаго явленія въ жизни нашего народа, подкрѣпляя и пополняя нашъ разсказъ сочиненіями и преданіями потерпѣвшей стороны, т. е. поляковъ и евреевъ. Нынѣ мы хотимъ пополнить рядъ приведенныхъ въ названной книгѣ, въ извлеченіи и сокращеніи, подлинныхъ документовъ, касающихся гайдамакъ, новыми, почерпнутыми изъ доставшейся намъ части запорожскаго архива, въ которой цѣлыя тысячи бумагъ посвящены тому-же предмету. Удерживая прежнее наше мнѣніе относительно гайдамакъ, мы, за давностію времени, въ которое оно высказано (прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ), считаемъ необходимымъ припомнить оное вкратцѣ теперь, предварительно помѣщенія вновь подъисканныхъ документовъ.

Всѣ почти новѣйшіе наши историки, а тѣмъ болѣе авторы историко-беллетристическихъ произведеній придаютъ дѣствіямъ гайдамакъ политическую или хотя поэтическую окраску. Это, говорятъ они, были бойцы за русскую вѣру и народность противъ притѣснителей ихъ польскихъ пановъ. Нельзя, конечно, отрицать въ гайдамачествѣ присутствія политическаго элемента, той религіозно-національной вражды, какая зародилась въ украинскомъ населеніи по отношенію къ польскому панству гораздо раньше, выросла и окрѣпла въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ и имѣла и теперь немало поводовъ для своего проявленія; но съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку хотя опаснымъ, но вмѣстѣ и завлекательнымъ путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставились ни вочто. Если въ массѣ гайдамацкія движенія носятъ на себѣ высшій отпечатокъ, то на дѣйствія частныхъ мелкихъ отрядовъ, особливо отдѣльныхъ лицъ нельзя подъ часъ иначе смотрѣть, какъ на проявленіе дикой порочной воли. Неудовлетворительный политическій и общественный строй всегда и вездѣ вызывалъ ожесточенные протесты, но, не говоря уже объ общей имъ насильственной формѣ, къ нимъ примѣшиваются обыкновенно дурныя общественныя и личныя страсти и затемняютъ и искажаютъ не рѣдко смыслъ протеста, поднятаго во имя высшихъ интересовъ. Эту сторону гайдамачества, которую такъ ярко рисуютъ находящіеся въ нашемъ архивѣ документы, забываютъ, кажется, наши историки и беллетристы, видя въ гайдамакахъ только народныхъ героевъ и борцевъ. Съ этой стороны гайдамачество представляетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что въ тоже почти время, въ теченіи $^3/_4$ XVIII столѣтія, происходило на западѣ Европы. Во Франціи «нагрѣватели» (chauffeurs), въ Италіи «бандиты», въ Польшѣ «опришки», въ Сѣверной Америкѣ «живодеры» (ecorcheurs), въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ «харцизы», въ Буковинѣ «гайдуки и юнаки» дѣлали тоже, что и наши степные герои, и съ тою уже иногда подкладкою.

Появленіе всѣхъ этихъ протестантовъ и ихъ долговременное существованіе у насъ и въ другихъ государствахъ условливалось до нѣкоторой степени причинами одинаковыми, или сходными, ка-

ковы: безсиліе или халатность власти, какъ было у насъ, во Франціи и въ Англіи, политическія неурядицы, какъ въ Польшѣ и Австріи, особенно въ Буковинѣ, слабость или же отсутствіе соотвѣтственныхъ органовъ полицейско-административной власти, потворство низшихъ классовъ общества, иногда-же и прямая солидарность ихъ съ грабителями и наконецъ скудость народнаго продовольствія, особенно въ безмѣрныхъ степяхъ нашего края, въ гористыхъ частяхъ Карпатъ, въ горахъ Италіи и Шотландіи. «У насъ, писалъ кошевой Григорій Федоровъ оффиціально, войско низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ его бываетъ» [1]). Русское правительство давало войску запорожскому провіанта ежегодно по 1,300 четвертей; но это было лишь слабое подспорье къ пропитанію запорожцевъ, которое они, какъ и весь шатавшійся по степямъ, на устьяхъ Днѣпра и Дона, сбродъ и сидѣвшіе зимовниками получали отъ скотоводства, охоты на звѣрей и птицъ, рыболовства и самаго скуднаго огородничества.

Гайдамачество просуществовало болѣе полу-столѣтія: оно возникло на зыбкой почвѣ славившагося вольностями польскаго королевства и сошло со сцены съ водвореніемъ въ присоединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ твердой русской власти. Въ исторіи гайдамачества первостепенной важности вопросомъ является вопросъ о той роли, какая принадлежитъ въ немъ Запорожью. Что въ немъ зародышъ гайдамаччины и что оно было ея ядромъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Запорожье было всегда носителемъ идеаловъ южно-русскаго народа и сюда устремлялось все недовольное панскими порядками или просто обездоленное судьбою; это была вмѣстѣ и единственная прочно организованная сила, къ которой можно было примкнуть и на которую можно было опереться не только въ массовыхъ движеніяхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ противъ общенароднаго врага для наживы съ него. Запорожцы были вполнѣ свѣдущими въ военномъ ремеслѣ и потому они являются всегдашними почти организаторами гайдамацкихъ отрядовъ и наѣздовъ. Жалобъ на нихъ и разбирательствъ по нимъ мы имѣемъ цѣлые фоліанты въ нашемъ архивѣ. Но и само войско за-

---

[1]) См. мою «Исторію Новой Сѣчи», изданіе 2-е, 1846 г., ч. I, стр. 226.

порожское, прежде не ограниченное въ своихъ вольностяхъ, центральная власть теперь постепенно прибирала къ рукамъ и оно должно было, наконецъ, строго преслѣдовать гайдамакъ и казнить тѣхъ изъ своего «товариства», которые участвовали въ наѣздахъ гайдамацкихъ; въ уголовныхъ дѣлахъ нашего архива мы находимъ строгія наказанія «кіями» у столба, и штрафами, и даже *шубеницею* (висѣлицею), пойманныхъ на дѣлѣ, особенно съ поличнымъ, молодцевъ, по приговору Коша и даже куреней. Но тутъ Запорожье двоилось между исполненіемъ предписаній высшей власти и собственными традиціями и симпатіями къ страданіямъ народа, особливо въ роковой 1768 годъ. И собственныя его усилія, и мѣры номинальной гетманской власти, и кары войсковаго генеральнаго суда и кіевогубернской канцеляріи безсильны были побороть зло, пустившее глубокіе корни въ народѣ и имѣвшее основу въ общественномъ строѣ Польши; темныя подвижныя фигуры гайдамакъ тонули въ безбрежномъ морѣ запорожскихъ степей, въ недоступныхъ балкахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ недосягаемыхъ хуторахъ и зимовникахъ. Можно съ увѣренностію сказать, что лишь небольшая часть гайдамацкихъ продѣлокъ стала достояніемъ правосудія и сохранилась для насъ въ архивныхъ дѣлахъ, по которымъ можно съ любопытствомъ наблюдать и принимавшіяся противъ гайдамацкихъ набѣговъ мѣры, и размѣры причиняемаго ими въ короткое время зла, и самый, такъ сказать, процессъ гайдамацкихъ грабительствъ.

Для ознакомленія съ этими сторонами гайдамачества и пополненія предложенныхъ нами давно о семъ свѣдѣній, изъ огромной массы имѣющихся у насъ дѣлъ мы предлагаемъ на этотъ разъ вниманію читателей лишь девять документовъ. Это два ордера гетмана Разумовскаго, показаніе одного изъ гайдамакъ, пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому и одно кіевскаго генералъ-губернатора.

Первый изъ предлагаемыхъ нами документовъ, ордеръ гетмана Разумовскаго кошевому атаману Григорію Федорову (Лантуху) отъ 5 декабря 1755 г., заключаетъ въ себѣ рядъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію гайдамакъ и прекращенію ихъ набѣговъ и грабительствъ, главнымъ-же образомъ къ строгому контролю надъ реестровыми сѣчевиками и живущими въ ихъ хуторахъ и зимовникахъ людьми. Всеобщая перепись какъ тѣхъ, такъ и другихъ, воспрещеніе принимать и держать безъ записи и людей подозритель-

ныхъ, обязательство для всѣхъ отлучаться не иначе, какъ съ билетомъ, притомъ не по одиночкѣ, а компаніями и съ обязательнымъ и отвѣтственнымъ старшиною, и наконецъ строгая отвѣтственность всѣхъ начальствующихъ за дѣйствія ихъ подкомандныхъ—таковы мѣры, принятыя противъ самаго «товариства» запорожцевъ, дабы оно не могло ни выдѣлять отъ себя гайдамакъ, ни смѣшиваться съ ними. Строгій судъ и кара ждали ослушниковъ этого распоряженія, особливо-же изобличенныхъ въ соучастіи съ гайдамаками. Универсалъ изъемлетъ ихъ отъ суда Коша и велитъ отсылать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, дабы Кошъ не могъ дѣлать имъ послабленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возлагаетъ на обязанность и отвѣтственность Коша строгое преслѣдованіе гайдамакъ и поручаетъ даже понудить его къ этому двумъ особо командированнымъ въ Сѣчь лицамъ. Такая строгость вызвана съ одной стороны произведенными въ ту пору грабежами гайдамакъ въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ и настоятельными жалобами турецкихъ и татарскихъ властей, съ другой дошедшими до гетмана свѣдѣніями, что кошевая администрація потакаетъ грабежамъ гайдамакъ и дѣлится съ ними добычею. Собственно говоря, это не новый даже приказъ, а повтореніе прежнихъ, но неисполненныхъ распоряженій, самыя-же распоряженія и подтверждаются по поводу происходящихъ грабежей, подробности которыхъ читатели найдуть въ самомъ ордерѣ. Языкъ и складъ его необыкновенно тяжелъ, какъ и всѣхъ вообще извѣстныхъ намъ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи гетмана Разумовскаго; тѣмъ не менѣе мы приводимъ его цѣликомъ, какъ важный памятникъ мѣръ, какія принимались высшимъ правительствомъ къ обузданію гайдамакъ и самыхъ запорожцевъ.

Войска низоваго запорожскаго господину атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску.

Въ неоднократно посланныхъ къ вамъ нашихъ ордерахъ уже доволно вамъ, войску запорожскому, изъяснено, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ воровскія гайдамацкія партіи конечно іскоренены и воровские ихъ замыслы пресѣчены, а похищенное въ турецкой области все отыскано и на обидную

сторону возвращено, и впредь запорожскіе козаки въ лучшемъ страхѣ содержались, дабы происходящія до сего отъ сосѣдственной державы неумолкаемыя жалоби прекращенними видѣть. Въ слѣдствіе чего и посланнимъ отъ насъ прошедшаго ноября отъ 2-го сего 1755 года, на основаніи височайшей ея императорскаго величества грамоты, ордеромъ велѣно вамъ возможними образы старатся, чтобъ какъ похищенныя гайдамаками у татаръ и у другихъ турецкихъ подданнихъ лошади, скотъ и протчіе вещи, а паче тѣ лошади, къ воровству которыхъ винился воръ Панко Щербина, онъ-же и Табащукъ, съ протчими сороку пяти человѣкъ гайдамаками, коихъ онъ показалъ быть изъ запорожскихъ-же козаковъ, всѣ сполна, а за убильемъ съ того числа по виноватыхъ, то есть сообщникахъ, изъ тѣхъ, у кого оные гайдамаки пристанъ имѣли и воровскія лошади укрывали, и кому продавали, и такъ давали лошадьми или денгами,—отысканы и въ турецкую сторону всѣ отданы были-бы, и всѣмъ прежнимъ претензіямъ тамошнимъ надлежащая сатисфакція доставлена, такъ и оговоренные упомянутымъ воромъ Щербиною, бывшіе съ нимъ на воровствѣ изъ запорожскихъ-же козаковъ гайдамаки и ихъ сообщники сысканы и за крѣпкимъ карауломъ отосланы были въ Глуховъ, хотя-бы они въ Сѣчи и наказываны были. Якожъ таковыхъ воровъ, не наказывая тамо, велѣно посылать въ Глуховъ въ генеральную канцелярію, для того-жъ самихъ тѣхъ куренних атамановъ, коихъ куреней козаки съ упоминаемымъ воромъ Щербиною въ товарищахъ на воровствѣ были, и въ держаніи и во укрывательствѣ воровъ оговорены, отправить съ довольными командами, и имъ, такожъ запорожскимъ полковникомъ Буго-Гардовому, Самарскому и прочимъ накрѣпко подтвердить, чтобъ они съ ихъ командами, во всѣхъ запорожскихъ зимовникахъ, пасѣкахъ и другихъ къ скрытію ворамъ гайдамакамъ удобныхъ мѣстахъ, учинили вѣрный-же обыскъ, поступая притомъ неослабно и съ найвящимъ прилежаніемъ, ничего не упуская, чтобъ къ успѣху въ ономъ служить могло, и всемѣрно старались-бы оныхъ всѣхъ воровъ и ихъ сообщиковъ переловить и похищенные ими лошади и другіе пожитки отыскать сполна, а за убылые съ виновныхъ тому лошадьми-жъ, или деньгами, подъ опасеніемъ, ежелибъ кто изъ оныхъ куренныхъ атамановъ поступалъ оплошно, тѣ сами забраты будутъ въ Глуховъ и поступлено будетъ съ ними по

указамъ ея императорскаго величества и малороссійскимъ правамъ безъ послабленія, и что потому у васъ происходить будетъ, къ намъ и вице-губернатору кіевскому репортовать, а особливо—кѣмъ и для чего спеканныхъ (посыланными для сыску гайдамакъ и для разоренія въ турецкихъ границахъ запорожскихъ зимовниковъ [1]), командами) гайдамакъ по наказаніи токмо отпущено свободно, а въ Глуховъ не отправлено, прислать къ намъ вѣрные отвѣты, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ и ихъ сообщниковъ пойманы были, не чиня имъ никакого наказанія, отсылать въ Глуховъ непремѣнно. А чтобъ впредь такія воровскія партіи искоренить и непрестанные происходящіе отъ сосѣдственныхъ народовъ на запорожское войско жалобы прекращенными видѣть, а тѣмъ и пограничное спокойствіе доставить можно было, для того тѣмже ордеромъ велено вамъ, кошевому атаману, старшини войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску низовому запорожскому, учинить повелѣнное уже распоряженіе, яко-то:

1) Чтобъ всему войску запорожскому учинены были имянные списки, какъ о наличныхъ, такъ и объ отлучныхъ, о коихъ вѣдать можно, кто гдѣ нынѣ и какъ давно въ отлучкахъ находится, а для способнѣйшаго учиненія тѣхъ списковъ къ явкѣ всему войску, каждому въ своемъ куренѣ, назнача сроки, какъ въ Сѣчи публиковать, такъ и во всѣ запорожскія жилища дать знать, такожъ кои и вновь приходить будутъ, тѣхъ-же по тому-жъ записывать въ реестры, кто въ который курень пожелаетъ, и таковые списки, всегда содержать исправно; а чтобы о служащихъ и живущихъ особенными жильями запорожскихъ козаковъ наемныхъ людяхъ, кои въ числѣ войска запорожскаго не состоятъ, извѣстно было, для того и объ оныхъ отъ ихъ хозяевъ требовать имянныя показанія и по тому-жъ учинить списки, у кого сколько и кто именно и по прозваніямъ въ услуженіи находится.

---

[1]) Въ 1791 году, когда «очаковская область», т. е. уѣзды херсонской губерніи между Бугомъ и Днѣстромъ были присоединены къ Россія, наши землемѣры нашли многолюдныя селенія и даже городки: Ананьевъ, Бобринецъ, Голтву и др., заселенные русскими и молдаванскими выходцами, подъ властью сераскировъ едисанской орды.

2) Всѣмъ запорожскимъ козакамъ притвердить, чтобы впредь ни за какими нуждами изъ Коша, мимо вѣдома своихъ куренныхъ атамановъ и безъ пашпортовъ отъ войсковой запорожской канцеляріи, никуда не ѣздили, но брали-бы паспортъ и на заставахъ билетъ; а кто пожелаетъ отлучиться въ зимовникъ, тѣмъ тако-жъ давать билеты, что они въ числѣ войска запорожскаго изчисляются и гдѣ жить пожелали, а безъ таковыхъ билетовъ, а особливо изъ великороссійскихъ всякаго званія сумнительныхъ людей, въ зимовники и другія жилища не принимать и не держать, но гдѣ таковые люди явились, отсылать въ Глуховъ, и къ неотмѣнному по сему исполненію всѣхъ живущихъ особенными жилищами запорожскихъ козаковъ обязать подписками, подъ неотмѣннымъ наказаніемъ; а чтобъ подъ видомъ служащихъ бродящіе сумнительные люди скрываться не могли, для того запорожскими козаками, по числу имѣющихъ у нихъ служителей, на каждаго имя дать билеты, дабы они въ случаѣ посылки въ Сѣчь и въ другія мѣста внутрь запорожскихъ дачъ, за нуждами, оные для объявленія, гдѣ надлежитъ, давать могли и при обыскѣ гайдамакъ извѣстно быть могло, гдѣ, сколько, какихъ не подозрительныхъ людей.

3) Отправляющихся въ турецкую область за нуждами отпускать компаніями и подчинять изъ нихъ-же безсумнительнымъ людямъ въ смотрѣніе и приказывать, чтобъ въ чужихъ мѣстахъ въ рознь не разбивались и безъ вѣдома того старшины не отлучались и никакихъ обидъ, воровства и грабительства не причиняли, и другихъ отъ того отводили, и въ томъ обязывать подписками подъ наказаніемъ-же.

4) Всѣ имѣющіеся въ вольностяхъ запорожскихъ зимовники, пасѣки и другія запорожскія жилища чрезъ нарочныхъ описать, чія они имянно, и по перепискѣ, смотря по способности разстоянія, раздѣля на нѣсколько частей, опредѣлить надъ ними особыхъ старшинъ съ пристойными командами, которые ежечасто тѣ запорожскіе жилища объѣздили-бъ для обыску воровъ, гайдамакъ и всякихъ шатающихъ сумнительныхъ людей и по сиску отсылали-бъ въ Сѣчь, и протчее, какъ въ томъ нашемъ ордерѣ пространно выражено.

Чтобъ-же таковъ распорядокъ въ войскѣ запорожскомъ конечно учиненъ былъ непродолжительно, а между тѣмъ для сиску похищенныхъ у татаръ лошадей и самихъ воровъ и ихъ сообщниковъ посланы

были нарочные команды, при самихъ атаманахъ, и все выраженное въ ономъ ордерѣ исполнено, безъ всякія отмѣны, въ томъ велѣно васъ понудить сотнику миргородскому Зарудному, обще съ маіоромъ Федцовымъ, о чемъ всемъ тогда-же и ея императорскаго величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію отъ насъ представлено; а сего декабря 1-го присланною къ намъ высочайшею ея императорскаго величества грамотою, оную учиненную нами, по силѣ грамоты ея императорскаго величества, объ искорененіи въ войскѣ запорожскомъ гайдамацкаго воровства и о прочемъ для воздержанія запорожскихъ козаковъ диспозицію апробовано и ожидается отъ насъ надлежащаго извѣстія, что по такому достаточному распоряженію отъ васъ, кошового и старшинъ, на первый случай учинено, слѣдовательно и потомъ какое исполненіе и во всемъ прилежаніе показано будетъ.

Да при той-же грамотѣ приложенъ экстрактъ изъ вѣдомостей, полученныхъ изъ Кіева отъ вице-губернатора тамошняго г. М. Костюрина, отъ 10 октября, о бытности вашей запорожскаго кошеваго атамана въ разъѣздѣ, для сиску и поимки гайдамакъ, изъ котораго нами усмотрѣно, да и въ оной присланной къ намъ грамотѣ объявлено, что многое число гайдамакъ, именно до 300, и въ нынѣшнемъ лѣтѣ около запорожскаго Гарду находилось, изъ которыхъ де-хотя только 2 человѣка, бывшіе изъ запорожскихъ козаковъ, пойманы, но и тѣ, не отсылая въ Глуховъ, таможъ въ Гарду по приказу вашему повѣшены, и тѣмъ-де объ укрывательствѣ изъ имѣющихся между запорожскими козаками гайдамаковъ, тѣхъ и другихъ артелей товарищей (какъ въ оной грамотѣ выражено), вновь явное подозрѣніе подано, а чтобъ впредь смертныхъ казней отнюдь чинено не было, о томъ оною высочайшею ея императорскаго величества грамотою велѣно намъ строгое запрещеніе учинить.

Да найдено-жъ въ запорожскихъ табунахъ лошадей татарскихъ до 700, изъ коихъ къ возвращенію на татарскую сторону отобрано 300, а достальные-де оддаиы тѣмъ козакамъ, у которыхъ найдены, и самими вами, кошевымъ атаманомъ, съ командою раздѣлены. Въ запорожскомъ-же табунѣ имѣется до 150 воловъ татарскихъ, еще-жъ въ самой Запорожской Сѣчи, каневскаго куреня атаманъ, чрезъ своего кухаря и козаковъ, убилъ винкаря, послѣ котораго денегъ и по-

житковъ до 900 руб. съ вами кошевымъ атаманомъ раздѣлено и о томъ умолчано.

А яко сія вѣдомость получена опричь васъ, кошеваго атамана, и отправленнаго въ сѣчевой ретраншаментъ маіора Федцова, посторонне, отъ проѣжающихъ чрезъ запорожскія мѣста, для того оною ея императорскаго величества грамотою повелено намъ объ ономъ удостовѣриться, у кого надлежитъ, и взявъ у васъ, кошевого, и протчихъ, въ чемъ до кого по ономъ касается, отвѣты, накрѣпко приказать: лошадей и воловъ татарскихъ собрать всѣхъ и оныхъ къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности, а въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру вышеписанному г. М. Костюрина, которому, по посланному нынѣ къ нему указу, велѣно о томъ увѣдомить хана крымскаго и очаковскаго пашу и напротивъ того требовать отъ нихъ сиску и удовольствія по претензіямъ запорожскихъ козаковъ на татаръ, возвращеніемъ и платежемъ похищенныхъ татарами козацкаго скота и протчаго, чтобъ такимъ образомъ и обиженные изъ запорожскихъ козаковъ безъ награжденія не оставались. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря, то, по надлежащемъ объ ономъ изслѣдованіи, съ винными тому и въ сиску и возвращеніи, кому надлежитъ, оставшихся послѣ убитаго денегъ и пожитковъ, учинить по ея императорскому величеству о такихъ дѣлахъ указамъ.

А понеже намъ о всемъ выше выраженномъ произшествіи неизвѣстно, яко-жо мы, какъ о бытности вашей, кошеваго атамана, въ разъѣздѣ, для сиску и поимки гайдамакъ и сколько ихъ гдѣ сискано и поймано, и какое при поиску надъ оными гайдамаками нашедшими произшествіе имѣлось, такъ и сколько гдѣ татарскихъ лошадей и воловъ отискано и гдѣ подѣты, ни отъ васъ, ни отъ находящагося въ Сѣчи Запорожской для разныхъ дѣлъ сотника Зарудного, доселѣ никакого рапорта въ полученіи не имѣемъ, и ежели подлинно такъ есть, что при запорожскомъ Гарду столь многое число гайдамакъ имѣлось, но оные не переловлены, да и пойманы два, то и тѣ также въ Гарду повѣшены, а изъ 700 татарскихъ лошадей только 300 къ возвращенію отобрано, а прочіе тѣмъ-же козакамъ, у коихъ найдены, отданы или между васъ и старшинами раздѣлены, а воловъ татарскихъ до 150 и нынѣ въ табунѣ запорожскомъ и мѣются, и сіе весьма предосуди-

тельно, ибо вамъ, кошевому атаману, чувствуя изъ прежнихъ нашихъ ордеровъ, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ требуетъ того, чтобы гайдамацкія партіи, кои, по имѣющимся извѣстіямъ, изъ запорожскихъ козаковъ происходятъ, переловлены конечно и искоренены, и похищенное у татаръ и прочихъ турецкихъ подданныхъ все отыскано и на обидную сторону возвращено, а когда-бъ оныхъ гайдамакъ находящимся при васъ командамъ взять было невозможно, въ такомъ случаѣ слѣдовало требовать сикурсу отъ находящихся въ надлежащихъ мѣстахъ регулярныхъ и малороссійскихъ командъ, какъ о семъ въ прежнихъ нашихъ ордерахъ довольное наставленіе предписано, да и пойманныхъ воровъ гайдамакъ не только предавать смерти было не должно, но и не наказывая ихъ, надлежало отослать, въ силѣ прежнихъ нашихъ ордеровъ, въ Глуховъ, въ генеральную канцелярію: того ради, предлагаемъ вамъ, кошевому атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ, для чего о всемъ вышеписанномъ къ намъ ничего не рапортовано, прислать вѣрный отвѣтъ, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ пойманы были, оныхъ не токмо смерти не предавать, дабы тѣмъ не подавать причины къ подозрѣнію на войско запорожское въ укрывательствѣ воровъ гайдамакъ, но и не наказывая отсылать въ Глуховъ за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ всѣхъ оныхъ отысканныхъ въ числѣ 700 татарскихъ лошадей, овецъ и воловъ, не принося никакой оговорки, собравъ всѣ, къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности и въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру кіевскаго вице-губернатора г. М. Костюрина, также для сиску и посилки какъ тѣхъ воровскихъ партій гайдамацкихъ, надъ коими вами съ командой поискъ чиненъ, но оные ушли едни на островъ (Мигейскій), а другіе къ польской границѣ, такъ и тѣхъ, кои пошли въ Польщу и въ турецкую область, а оттуда еще не возратились, но шатаются по берегу р. Буга, яко имъ въ наступившую зиму укрываться болѣе негдѣ, кромѣ запорожскихъ жилищъ, паки немедленно отправить нарочные команды, при самихъ старшинахъ войсковыхъ и куренныхъ атаманахъ, и имъ, такожъ и полковникамъ буго-гардовому и прочимъ всѣмъ накрѣпко притвердить, чтобы они всѣми мѣрами старались оные воровскіе гайдамацкіе партіи перехватывать, чтобъ онѣ уже нигдѣ укрыться не могли и ихъ сно-

собнѣе сискать было можно. Для того всѣмъ, живущимъ особенными жилищами, запорожскимъ козакамъ накрѣпко притвердить, дабы они, гдѣ-бы тѣ гайдамаки ни явились, по согласіи съ другими, въ сосѣдствѣ живущими запорожскими козаками, старались ихъ переловить, а буде сами они гайдамакъ переловить не могли, тогда давать знать вамъ, кошевому атаману, съ старшиною и командированнымъ для сиску оныхъ гайдамакъ командамъ, безъ и малѣйшаго замедленія, а вамъ тотъ часъ посылать сильныя, при надежныхъ старшинахъ и атаманахъ, команды и имъ притвердить, да и самимъ вамъ всемѣрно стараться, дабы конечно всѣ тѣ воры-гайдамаки пойманы и въ Глуховъ отосланы быть могли. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря Литвиненка и до раздѣлу между атаманомъ кошевымъ и атаманомъ каневскимъ оставшихся по тому шинкари денегъ и пожитковъ, то понеже о семъ, яко о кримѣнальномъ дѣлѣ, да и о роздѣленныхъ старшиною войсковою запорожскою съ козаками, подъ татарскими клеймами, лошадяхъ и скотѣ безъ изслѣдованія оставить не подлежитъ; для того предложено отъ насъ генеральной войсковой канцеляріи, чтобъ отъ той канцеляріи опредѣлено было нарочнаго старшину полковаго, и ему велѣно, обще съ сотникомъ Зарудпымъ, по надлежащему, о всемъ изображенномъ въ экстрактѣ изъ вѣдомостей, изъ Запорожья полученныхъ, изслѣдовать, и кто въ томъ изобличится, тѣхъ для поступленія съ нимъ въ силѣ ея императорскаго величества указовъ и малороссійскихъ правъ, за крѣпкимъ карауломъ, отослать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, а пожитки и деньги убитаго отыскавъ, отдать свойственникамъ, а буде оныхъ не явится, то до резолюціи нашей содержать въ цѣлости тамъ-же въ войскѣ запорожскомъ, подъ надсмотрѣніемъ того-жъ сотника Заруднаго, онымъ-же пожиткамъ учинить вѣрную опись и прислать къ намъ при рапортѣ немедленно. А вамъ, кошевому атаману съ старшиною и съ куренными атаманами, приказываемъ: когда оный нарочный въ Сѣчь Запорожскую прибудетъ, того, кого онъ къ тому слѣдствію потребныхъ требоватиметъ, оныхъ безъ всякихъ сопротивленій выдать, и ежели-бъ до самаго васъ, кошеваго атамана и старшинъ, отвѣту касаться могло, то въ учиненіи отвѣту письменнаго не ослушаться и въ произведеніи того слѣдствія не токмо никакого препятствія и помѣшательства не

чинить, но и всякое вспомоществованіе показывать и посланныя досель въ войско запорожское о искорененіи гайдамакъ и ихъ партій и въ недопусканія къ собиранію оныхъ гайдамацтвъ, такожъ въ сочиненіи именныхъ списковъ всего войска и служителей, тамо находящихся, а особливо зимовниковъ, хуторовъ и пасѣкъ, прежними нашими ордерами, а паче по посланному ноября 2 сего 1755 году, исполнять безъ всякаго объясненія непремѣнно. Чтобъ-же васъ, кошеваго атамана съ старшиною и куренными атаманами, сотникъ Зарудный, какъ въ присылкп къ намъ порученнаго симъ ордеромъ отвѣта и въ отисканіи всѣхъ раздѣленныхъ между запорожскими козаками татарскихъ лошадей и воловъ, такъ и въ отправленіи, для сиску и посилки выше объявленныхъ воровскихъ партій, командъ, при надлежащихъ старшинахъ и куренныхъ атаманахъ, понуждалъ, и для чего онъ сотникъ Зарудный о томъ не рапортовалъ,—о томъ прислалъ-бы къ намъ вѣрный рапортъ, а впредь о всѣхъ въ войскѣ запорожскомъ произхожденіяхъ къ намъ репортовалъ-бы, безъ упущенія по чисту, о томъ и нынѣ отъ насъ оному сотнику миргородскому Зарудному ордеромъ на крѣпко предложено.

Гетманъ: *графъ К. Разумовскій.*

Декабря 5-го 1755 году,
С.-Петербурхъ.

Второй документъ касается наѣздовъ гайдамакъ на польскія области. Это также ордеръ гетмана Разумовскаго войску запорожскому, писанный спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ предъидущаго, по почину пограничной коммисіи, учрежденной для разбора жалобъ и претензій польскихъ и русскихъ подданныхъ на польско-русскомъ рубежѣ. Онъ даетъ приблизительное понятіе о размѣрахъ грабежей, чинимыхъ даже мелкими партіями гайдамакъ. Сущность его въ приложенномъ къ нему экстрактѣ совершенныхъ гайдамаками разграбленій, сумма которыхъ въ незначительномъ районѣ и за короткій промежутокъ времени доходитъ почти до 300,000 польскихъ злотыхъ. Мы потому и приводимъ его не въ полномъ видѣ, но только въ слѣдующей существенной части.

«Въ бытность польскихъ комиссаровъ въ пограничной комиссіи, какъ письменно, такъ и словесно неоднократно представлено было, что

необузданность гайдамакъ, собираясь въ мигайскомъ островѣ [1]) въ 1757 г., въ многихъ польскихъ мѣстахъ разоренія, смертные убійства, отгонъ изъ подъ Умани польскихъ и татарскихъ 550 лошадей учинила. Въ тоже самое время, когда пограничная коммиссія была подъ польскимъ мѣстечкомъ Звенигородкою, деревню Стецкую, да въ ключѣ смилянскомъ, село Валяву ограбили [2]): волы, лошади и разные пожитки, забрали, да изъ подъ польскаго мѣстечка Немирова ночью нѣсколько сотъ лошадей отогнали. А на какую сумму отъ гайдамакъ польскихъ подданныхъ 1755 ноября съ 15 по 1757 годъ ноября-же 18 число, сверхъ прежнихъ, вновь приключено обидъ, о томъ экстрактъ при семъ включенъ».

Приводится затѣмъ слѣдующее исчисленіе всѣхъ причиненныхъ обидъ и разореній:

1) «Ясне-велможному воеводѣ и генералу земель кіевскихъ, Францишку Салезінему Потоцкому, ограбленіемъ мѣстечка Торговицы и деревень Гордашепки, Молодецкаго, Маньковки, Паланки, Нерубайки, Дмитрушекъ, Борщово-Петровки, Разсошокъ, Карачевецъ, Буковы, Каменки, Папужинецъ, Кіянки, Каменечого, Теплина, Тарнаджи, Ісаекъ, Грищановки, Мищурова, Глушки, Ташлика, Кривого, Березовой, Росоловецъ, Копіевки и протчихъ, також отгономъ жолнерскихъ, козацкихъ подъ Уманю и Торговицею, на мающихся тамъ болотахъ и съ разнихъ мѣстъ лошадей, приключено убытка на	120,777 зл. 20 гр.
2) Ясне-велможному Станѣславу Потоцкому, воеводѣ познанскому, ограбленіемъ деревень Бубновки, Зерделевки, Соколовки, Броджа, Каташина,	

[1]) С. *Мигая* с. и *мигайскій островъ* на р. Бугѣ въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, близь бывшаго *Гарду* запорожскаго, принадлежатъ гг. Скаржинскимъ.

[2]) *Звенигородка*—теперь уѣздный городъ кіевской губерніи, *Стецка*, т. е. *Стецовка* село того-же уѣзда. *Ключами* назывались нѣсколько селъ одного владѣльца, или части большихъ имѣній съ особыми управителями.

Жолтоновки, Мариновки, Завадовки, Крушиновки и протчихъ, приключено убытка на	23,144 зл. —
3) Господину скарбнику добрянскому Гоголю, отъ ограбленія села Бабанки, приключено убытка на	8,312 зл. —
4) Господину Курдвановскому, бывшему въ Игорлыкѣ на форпостѣ, забором лошадей, ружья и протчихъ пожитковъ приключено убытка на .	720 зл. —
5) Господину Зелезнѣцкому отъ ограбленія села Закриничка заборомъ лошадей, платья и разнихъ шляхетскихъ уборовъ учинено убытка на .	9,117 зл. —
6) Господину Стефану Дорожинскому отъ ограбленія-жъ села Полущъ заборомъ платья, лошадинихъ уборовъ, седелъ и готовыхъ денегъ, приключено урону на	9,819 зл. 20 гр.
7) Господинъ Троцкевичъ, которой въ томъ же селѣ въ самое грабительство былъ, въ платьѣ, готовыхъ денгахъ и во всѣхъ пожиткахъ имѣетъ убытка на	1,088 зл. 15 гр.
8) Господинъ Рыбицкій въ ограбленіи слободы Веселаго Кута и въ заборѣ готовыхъ денегъ, платья и протчихъ движимостей имѣетъ убытка на .	10,557 зл 27 гр.
9) Войску коронному, партіи украинской, такожъ и разнымъ господамъ товарищамъ въ разнихъ мѣстахъ, отъ нападенія на зимніе квартеры въ Новоселицѣ бывшимъ, грабителства на доброволнихъ дорогахъ съ должности возвращающихся и забору лошадей, мундира, сѣделъ и готовихъ денегъ, всего на	58,596 зл. —
10) Господину Либишевскому отъ ограбленія села Лубовницы приключено убытка на . .	694 зл. —
11) Господину Букаемскому злодѣи заграничные расколники въ покражѣ двухъ котловъ приключили убытка на	200 зл. —
12) Подданному ясне-велможнаго Потоцкаго, кіевскаго воеводы, слободы Каменной-Криницы, къ	

уѣзду уманскому принадлежащей, жителю Костинѣ, російскіе гайдамаки съ слободы Терновки (между которими и житель терновскій, Бѣлой, данной ему отъ сотника Юрія пашпортъ потерялъ), напали ночью и забрали разныхъ движимостей на . . . 650 зл. —

13) Тѣ-же гайдамаки у Михаила Кривошейка и Федора близъ терновскаго млина взяли лошадей трое въ . . . . 130 зл. —

14) Господина чесника брапскаго Лупижскаго напали на квартеру въ местечкѣ Ладыжинѣ гайдамаки россійскіе, которые особливымъ реестромъ означены, взяли червонниxъ 480 на . . 8,640 зл. —

15) У того-жъ господина Лупижскаго въ тоже время забрато мужеска и женска платья, шабель, лошадиниxъ уборовъ, клейнотовъ и разныхъ пожитковъ на . . . . 6,000 зл. —

16) Господину Богуславскому долгу по векселямъ надлежитъ отъ россійскихъ людей . . . 1,396 зл. —

17) Господину скарбнику овруцкому Спендовскому, грабленіемъ местечка Райгорода и разореніемъ отъ ватажка Швыдкаго и другихъ заграничнихъ россійскихъ гайдамакъ, приключено убытка на . . . . 17,905 зл. —

18) Господину скарбнику новогородскому Антонію Хоецкому забором трехъ лошадей, подъ Немеровымъ, приключено урону заграничними россійскими гайдамаками на . . . . 900 зл. —

Всего на . . 269,143 зл. 86 гр.

Этотъ, какъ и предъидущій ордеръ гетмана заканчивается предписаніемъ Кошу объ отысканіи виновныхъ и ограбленнаго имущества и удовлетвореніи обиженныхъ возвратомъ похищеннаго въ натурѣ, или-же деньгами.

Приведенное сейчасъ исчисленіе гайдамацкихъ грабежей—одно изъ тысячи подобныхъ; оно наглядно показываетъ, до чего упалъ въ

половинѣ прошлаго столѣтія государственный и общественный порядокъ въ б. Рѣчи Посполитой, какъ мало обезпечены были въ ней имущество и личность каждаго. Но еще съ большею силою это исчисленіе рисуетъ намъ гайдамакъ и ихъ положеніе въ краѣ. Нѣсколько десятковъ отчаянныхъ головорѣзовъ проходятъ отъ нижняго теченія Днѣпра до Умани и Немирова, разоряютъ подъ рядъ десятки селъ такихъ магнатовъ, какъ воеводы кіевскій и познанскій, имѣвшихъ тысячи хорошо вооруженныхъ козаковъ, забираютъ и угоняютъ огромныя партіи лошадей и скота на глазахъ вооруженной татарской и городовой стражи, нападаютъ на офицеровъ коронпаго, тутъ-же стоящаго войска и отнимаютъ у нихъ оружіе, лошадей, збрую и деньги, наносятъ пораженія партіямъ надворной милиціи, забираютъ въ панскихъ домахъ серебро, одежу мужскую и дамскую и съѣстные припасы, захватываютъ по пути все, что попадетъ подъ руку и успѣшно отбиваясь отъ вооруженной погони, скрываются со всѣмъ награбленнымъ въ днѣпровскихъ островахъ и запорожскихъ балкахъ. Приведенный экстрактъ представляетъ намъ только результатъ гайдамацкихъ наѣздовъ за короткое время и въ немногихъ пунктахъ воеводства брацлавскаго. Подробности этихъ наѣздовъ разсыпаны въ массѣ бумагъ и писемъ, которыми по каждой частной жалобѣ пересылались русскія и пограничныя власти между собою и съ Кошемъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, именно нѣкоего Юста, командовавшаго русскимъ отрядомъ на ново-сербской границѣ, къ запорожскому кошевому, со словъ польскаго комиссара Артынскаго, сообщается, что во время нападенія гайдамакъ на Умань въ іюлѣ 1757 г. захвачено ими съ пастьбы и на трактахъ лошадей: козачьихъ 135, драгунъ надворныхъ воеводы Потоцкаго 37, шляхтича Неоковскаго 26, Гоголя товарища хоругви короннаго гетмана 9, Хмельницкаго шляхтича 4, комиссара Сутинскаго жеребцовъ 4, бывшихъ въ Умани татаръ 222, по деревнямъ и дорогамъ жидовскихъ 40, да людей при томъ поколото 40 человѣкъ, не считая всякаго награбленнаго имущества частныхъ лицъ. А между тѣмъ въ Умани была резиденція Потоцкаго и центръ его милиціи, состоявшей изъ козаковъ и драгунъ.

Въ непосредственной связи съ приведенными двумя гетманскими ордерами стоитъ рѣдкое по обстоятельности и полнотѣ показаніе одного изъ главнѣйшихъ участниковъ упоминаемаго въ ордерѣ отважнаго похода гайдамакъ подъ Умань и Немировъ. Это показаніе нѣ-

коего *Герасима Котляра*, снятое съ него въ канцеляріи новопоселеннаго за чертою Новой Сербіи, на границѣ Запорожья, слободскаго козачьего полка. Снимите съ него грубую канцелярскую окраску, возвратите ему подлинный языкъ разсказа и его самобытную форму, это была-бы настоящая хроника, или просто эпопея гайдамачества. Котляръ не записной запорожецъ и въ Запорожьѣ, кажется, совсѣмъ не живалъ. Офиціально онъ значится мѣщаниномъ пограничной съ Запорожьемъ крѣпости св. Елисаветы, нынѣшняго Елисаветграда, херсонской губерніи. По недавнему учрежденію самой крѣпости можно заключать, что по рожденію и прежней жизни онъ принадлежалъ другому мѣсту, а какому именно, неизвѣстно, какъ и все его прежнее *curriculum vitae*. Судя по дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, это былъ человѣкъ бывалый и, быть можетъ, не новичекъ даже въ дѣлахъ разбоя и грабежа, ибо не могъ-же онъ съ разу примкнуть къ шайкѣ гайдамакъ и пуститься на самое отчаянное предпріятіе, а въ одномъ случаѣ взять даже на себя роль предводителя. Подговорилъ Котляра къ поступленію въ шайку гайдамакъ сожитель его, также елисаветскій мѣщанинъ Безпоясный, а расположилъ къ тому долгъ въ сто рублей, котораго нечѣмъ было покрыть. Начавъ съ этого, Котляръ съ полною повидимому откровенностью разсказываетъ о своихъ и его товарищей похожденіяхъ, отъ выхода изъ Мигійскаго острова шайки, въ которую онъ вступилъ для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, и до возвращенія его изъ похода въ крѣпость св. Елисаветы. Походъ былъ въ высшей степени удаченъ, Котляръ возвратился съ богатою добычею. Все, что могло изобличить его, онъ вымѣнялъ или продалъ, пріѣхалъ съ товаромъ и деньгами, мечталъ поправиться и зажить, но... утонулъ, такъ сказать, у самаго берега. Его арестовали на мѣстѣ, не смотря на предложенные имъ богатые подарки, которые, кажется и выдали его. Въ высшей степени интересенъ разсказъ Котляра о дѣлежѣ добычи и поднесеніи изъ нея приличной части сѣчевой администраціи, вообще-же онъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непосредственномъ участіи запорожской братіи въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Разсказъ обширный, однообразный, утомительный по убійственному канцелярскому языку и формѣ, и тѣмъ не менѣе мы приглашаемъ читателя прочесть его отъ начала до конца: подъ грубою формою въ немъ хранится богатое содержаніе. Вотъ его текстъ.

1757 года, сентября 1 дня, присланный при ордерѣ отъ его высокородія, г. бригадира, крѣпости св. Елисаветы коменданта, А. И. Глѣбова, колодникъ, крѣпости св. Елисаветы мѣщанинъ, Герасимъ *Котляръ* допрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Сего году, о праздники Сошествія святаго Духа, живущій здеся, при крепости святыя Елисаветы, мѣщанинъ, прозваніемъ *Безпоясній*, пришедъ къ нему Котляру, между разговорами сказивалъ, что Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ какъ онъ былъ для ловлѣ рибы, то видѣлъ, что гайдамацкая партія знатно въ Полщу на грабительство въ немаломъ числѣ збирается. То онъ Котляръ, вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу остается и онихъ заплатить нечемъ, спустя после праздника Сошествія святаго Духа четири дни, подъ видомъ якобы для отисканія на козаку войска запорожскаго, куреня сущевскаго, Івану Шульзѣ, долговыхъ денегъ, а умисленно для того единнаго воровства, взявъ въ здѣшняго крепости святія Елисавети магистрата пашпортъ, съ тѣмъ Безпояснимъ, на одной своей лошадѣ, запрягши въ телегу, въ тотъ Мигійскій островъ поехали. И не доезжая оного острова, въ стоящего на броду речки Синюхи въ карантинномъ домѣ прапорщика (а какъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ) явился и данній ему Котляру изъ магистрата пашпортъ объявилъ. И оной прапорщикъ тотъ пашпортъ прочтя, у себя оставилъ, а ихъ въ Мигійскій островъ пропустилъ.* Одъколя они поехали и прибывъ туда, оную воровскую гайдамацкую партію, въ шестидесяти пятихъ человѣкахъ, при ататанѣ войска запорожскаго куреня дядковскаго Яковѣ Солоне нашли, въ которую и онъ Котляръ присталъ и съ ними въ томъ островѣ болѣе неделѣ жилъ. И чрезъ ту его, Котляра, битность еще къ нимъ гайдамаки прибавилися, и какъ всѣхъ семьдесять пять человѣкъ ихъ собралось (изъ коихъ онъ Котляръ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: мышастовскаго Григорія Калиту, Бурила, а имя не знаетъ, корсунскаго Федора Волка и Сукора, а имя не знаетъ, крыловскаго Івана Жаболду и малого Жаболденка, а имя не знаетъ, и Івана Малого, пашковскаго Андрѣя Караджу, роговскаго Ивана Бойка, поповичевскаго Федора Писменнаго, а другаго прозваніемъ Бороду, ивановскаго Григорія Писменнаго, батуринскаго прозваніемъ Малого, а имени не знаетъ, копеловскаго Сукура, бруховецкаго Савелія Кравця, калниболоцкаго Івана,

прозванія не знаетъ, васюринскаго, прозваніемъ Куземку, конеловскаго, прозваніемъ Павла, а протчихъ всѣхъ гайдамакъ, кромѣ вышеписанныхъ, какихъ оны куреней и какъ ихъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ), то всѣ, согласясь, въ Полщу, для разбитія состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Медвиномъ полского обозу, пеши пошли. И въ нути, близъ полского села Шестеринецъ, въ сумерки, какъ оны, гайдамаки, чрезъ плотину хотели переходить, то, знать по извѣстію, исъ того полского обозу до несколко человѣкъ поляковъ и ихъ козаковъ, не допуская чрезъ плотину переходить, толко что изъ ружей випалили, то прописаній выше сего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонь на гайдамакъ закричалъ, чтобъ уходили, одъколя тогда-жъ оный гайдамацкій атаманъ зъ двома человѣки (а какъ ихъ зовутъ и прозиваютъ, не знаетъ) ушелъ, а съ нимъ Котляремъ осталось тамо семьдесятъ одинъ человѣкъ. И онъ Котляръ на тѣхъ своихъ товарищей закричалъ, дабы не уходили, а какъ остановилися и къ той полской партіи, закрича, вдругъ бросилися на списахъ, то оніе поляки и при нихъ козаки въ имѣющій тамо лугъ и въ болото съ лошадми вбѣжали, за коими оны гайдамаки ночью и не гнались, а толко около того лугу свой гайдамацкій караулъ, дабы ночью уйти не могли, поставили. А на утренній день, какъ стало видно, кого исъ техъ полскихъ хорунгъ [1]) и козаковъ въ томъ болотѣ нашли, то съ ихъ поляковъ плате и шабли поснимали и лошадей семъдесятъ зъ сѣдлами, да пистолетовъ тридцять пять паръ взяли. И при томъ, какъ стали тѣ хорунги и козаки отъ нихъ гайдамакъ бѣжать, тогда Сѣчи Запорожской, мышастовскаго куреня, Григорій Калита трехъ поляковъ закололь, а болѣе тамо какъ онъ Котляръ, такъ и протчіе гайдамаки никого до смерти не убили. И отътудова оны, гайдамаки, сѣвши на лошадѣ, а которымъ не достало лошадей, нѣшіе тѣмъ-же, куда и въ Полщу ишли, трактомъ въ показанной Сѣчи Запорожской въ Мигійскій островъ, где всѣ-жъ злодѣи гайдамаки собраніе имѣли, пошли. И не доходя онаго, перешедъ чрезъ границу подлѣ Новой Сербіи, олшанскаго шанца верстахъ въ четырехъ остановилися и теми пограбленными лошадми, пистолетами и шаблями и протчимъ розделилися. И ему, Котляру, изъ оныхъ досталось лошадь

---

[1]) Хорунгъ—хоругвей, т. е. отрядовъ, въ родѣ эскадроновъ.

гнѣдая зъ сѣдломъ, да пара пистолетъ, епанча бѣлаго простаго сукна, да шапка полская съ сѣрою опушкою, шабля зъ желѣзною оправкою, протчимъ-же гайдамакамъ кому что досталося, онъ не знаетъ, да еще изъ тѣхъ грабленныхъ вещей,—какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ, по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардъ, тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ гайдамакамъ въ оному Гарду пянствувать не запрещали и ихъ не ловили, даруютъ для гостинця,—шаблю, да ладовницю оставили. И по раздѣлѣ того, съ той ихъ гайдамацкой партіи пять человѣкъ, куреня корсунскаго Іванъ Жаболда, Іванъ Бойко и Ѳедоръ Волкъ, а двохъ, какъ звать не знаетъ, поехали Новой Сербіи въ показанной ольшанской шанецъ, а онъ Котляръ зъ шестидесяти семи человѣками поехалъ въ означенній Мигійскій островъ. И какъ по тракту, здешняго новопоселяемаго слободского козацкого полку чрезъ слободу Красную ехали, то изъ оной ихъ гайдамацкой партіи осталось въ оной слободѣ для пянства и взятія харчей болѣе сорока человѣкъ, а онъ Котляръ зъ двадцатью гайдамаками (и съ коихъ онъ, Котляръ, помнитъ запорожскихъ козаковъ, куреня минастовскаго Грицка Калиту, Бурилу, а имя не знаетъ, васюринскаго Кузямку, Івановскаго Грицка Писменнаго, батуринскаго Остроуха, а имя не знаетъ, а другихъ, какихъ куреней и какъ имя и прозванія не знаетъ-же) поехали въ Мигійскій островъ и прибывъ туда, переночовали, а на другой день изъ вышшеписанныхъ, зоставшихъ въ слободѣ Красной, гайдамакъ десять человѣкъ къ нимъ въ Мигійскій островъ прибыли (а протчіе гайдамаки, оставшіе въ показанной слободѣ, где дѣвалися, оніе прибившіе десять человѣкъ ему, Котляру, не обявляли) и переночовавъ въономъ, на другой день съ тридцяти человѣки, для отданія оставленнаго отъ подѣлу въ гостинецъ, въ Гардъ поехали. И прибывъ туда, гардовому полковнику, куреня брюховецкаго (а имя и прозванія не знаетъ), полскую шаблю зъ серебраною оправкою и ладунку, да есаулу гардовому, куренному величковскому Игнату Мандру шаблю зъ желѣзною оправкою, заведомо, что пограбленную ими въ Полщѣ, отдали. И тамо побывъ дни зъ два, поехали по прежнему въ тотъ Мигійскій островъ, где имъ вседа злодѣйское пристанище по укривательству состоитъ. Куда по прибытіи отъ находящихся въ ономъ островѣ гайдамакъ (а какъ ихъ зовутъ и

которыхъ куреней, онъ не знаетъ) услыша, что Сѣчи Запорожской ивановскаго куреня козакъ Іванъ Неежжалій, собравши болѣе восмидесяти человѣкъ гайдамакъ, подлѣ рѣчки Добрянки въ балки состоитъ и намѣренъ де итить въ Полщу на грабительство, то и онъ Котляръ, взявъ свою лошадь, къ той рѣчки поехалъ. И какъ прибылъ въ балку, то злодѣйскую партію съ восмидесяти семи человѣка, при атаманѣ показанномъ Неежжалимъ, наехалъ и во оную присталъ. Въ которой партіи гайдамаки были: за асаула куреня платнеревскаго Кузма Таранъ, крыловскаго Іванъ Жаболда, да Купчикъ, медведовскаго Каневецъ, копеловскаго Грива и Чернецкій, мышастовскаго Грицко Калита, поповичевскаго Федоръ Писменній, леушковскаго Алексѣй Ковбаса, кущевскаго Яцко Зубъ, калниболоцкаго Кузма Козолупъ, пашковскаго Боровій, величковскаго Шарій, а протчіихъ гайдамакъ, какихъ куреней и какъ зовутъ и прозваніемъ, не знаетъ. Между которыми будучи, слышалъ онъ, Котляръ, что въ Полщѣ, подъ мѣстечкомъ Уманю не малое число татаръ съ лошадми находится и что ко онимъ они намѣренни итить и имѣющихъ лошадей ограбить, а подлѣнно-ли тамо татаре въ Уманѣ находятся, для провѣдованія гайдамака, житель слободы Добрянки, Волошиненко посыланъ былъ. Которой чрезъ три дни по развѣдованіи, что подленно немалое число татаръ съ лошадми подъ оноиъ Уманю стоятъ, какъ обявилъ, тогда они, гайдамаки, и показанной Волошиненко, согласившися и переехавъ выше новопоселяемаго слободского козацкого полку слободы Ново-Архангельской въ бродъ, верхами поехали и чрезъ двое сутокъ отъ оной Уманѣ какъ верстъ за три приехали, то изъ оних татаръ съ лошадиним табуномъ девятнадцать человѣкъ наехали, которіе, оставя тотъ свой лошадиной табунъ, въ городъ Умань ушли, а они гайдамаки тотъ ихъ татарской табунъ въвесь (въ коемъ онихъ лошадей зъ стриженами было до четырехъ сотъ, а сколко доподлѣнно всѣхъ имѣлось, не знаетъ) пограбя, погнали. И по извѣстію одъ тѣхъ татаръ изъ оного мѣстечка Умани козаковъ человѣкъ до сорока или болѣе, какъ нагнавъ ихъ на степу, одъ мѣстечка Умани верстахъ въ двадцати, стали съ ружя ни нихъ палить и изъ гайдамакъ одного до смерти убили, а четырехъ поранили, тогда и они, гайдамаки, на нихъ выпаля изъ ружжя залномъ и по своей злодѣйской ярости бросившись вдругъ всѣ

зъ списами, ихъ козаковъ кололи до смерти, и толко изъ нихъ ушло живыхъ пять человѣкъ, а сколко подлѣнно всѣхъ числомъ покололи, и изъ гайдамакъ хто сколко заколол, какъ они по своему злодѣйству всѣ кололи, не знаетъ, а только онъ Котляръ изъ онихъ въ смерть одного козака заколол. И потомъ тотъ табунъ занявъ погнали и перегнавъ чрезъ реку Синюху, не доехавъ Сѣчи Запорожской до Гарду верстъ за десятъ, оставя изъ тѣхъ Сѣчи Запорожской гардовому полковнику зъ старшиною пару лошадей, протчихъ-же всѣхъ лошадей они, гайдамаки, на восѣмъдесятъ девять человѣкъ разделили по жеребъямъ, и съ которыхъ ему Котляру досталось два мерина, одинъ серой, а другій половой, да кобыла сиво-желѣзая зъ жеребенкомъ. И по роздѣлѣ они, гайдамаки, кто куда захотѣлъ, съ тѣми лошадми въ розпь разъихались, а атаманъ Неежкалій зъ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣмъ Ковбасою, Кузмою Тараномъ впередъ для отдачи гардовому полковнику бруховецкаго куреня, прозваніемъ Шевцу, асаулу величковскаго куреня Игнату Мандру вышеписанныхъ, оставленныхъ имъ, двухъ лошадей поехалъ, а онъ-же Котляръ съ протчими гайдамаками (а въ коликомъ числѣ и кто именемъ были, не знаетъ) для отдачи доставшихъ имъ по роздѣлѣ лошадей въ гардовій табунъ поехали. И прибывъ тамо гардовымъ стадникамъ отдали, съ обявленіемъ, что оніе у нихъ лошади пограбленни въ Полщи, въ уманской губерніи, и за то, чтобъ табунщики ихъ лошадей смотрѣли, дали двѣ кобили гнѣдіе. И по отдачѣ тѣхъ лошадей нѣкоторіе гайдамаки по запорожскимъ зимовникамъ разъехалися, а онъ Котляръ съ пятнадцатью человѣки (а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ) въ Гардъ для пиянства ездилъ и тамо съ оними гайдамаками у полковника всѣ явясь и о бытіяхъ на гайдамачествѣ въ Полщѣ обявясь, четыри дни, пиянствуя, находилися. И отътоль онъ, Котляръ, поехалъ на бродъ реки Синюхи для взятія оставленнаго въ карантинномъ домѣ у стоящаго тамо афицера данного ему изъ магистрата пашпорта, съ намѣреніемъ, чтобъ, взявъ лошадей, коихъ ему изъ грабителнихъ достались, отвесть для продажи Новой Сербіи въ новомиргородской шанецъ, на бывшей тамо тогда ярманокъ. Однако, не доежжая онаго карантиннаго дому, встрѣтя его одинадцять человѣкъ гайдамакъ (а откол они и какъ по имени и прозванію, не знаетъ) ему Котляру обявили, что вышедшій де изъ Полщи Федоръ

Швидкій Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ не малую гайдамацкую партію итти въ Полскую область, въ городъ Немеровъ, збираетъ съ намѣреніемъ на грабительство, что потому и онъ Котляръ въ тотъ островъ на другой день поехалъ и прибывъ туда, показанного Швидкого съ тою злодѣйскою гайдамацкою партіею въ шести-десять пяти человѣклхъ сыскалъ. И къ оной онъ Котляръ какъ присталъ, то жили въ томъ островѣ съ неделю, а атаманъ Швидкій отъ нихъ для покупки пороху и селитри въ полское мѣстечко Торговицю ходилъ и по возвращеніи своемъ одътоль еще съ собою сѣмнадцять человѣкъ гайдамакъ привелъ. И такъ уже ихъ собралось восѣмъдесятъ два человѣка, и съ которыхъ онъ, Котляръ, знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: ивановскаго Павла Тарана, Грицка Письменнаго, переяславскаго прозваніемъ Полового, ирклѣевскаго Колзика, пашковскаго Андрѣя Гараджу, куреневскаго Мойсѣя Шевця, дву Ивановъ Бойковъ, незамаевскаго Карпа Кирпу, платнеревскаго Чабака, кислековскаго Григорія Злодѣя, батуринскаго малого Остроуха, поповичевскаго Безкровнаго, корсунскаго Бандурку, бруховецкаго Яцка Кравця, Савку Кравця, а протчихъ всѣхъ, какъ зовутъ и прозиваютъ и которыхъ куреней, не знаетъ. И тѣ всѣ, согласясь на то грабительство, въ показанной городъ Немеровъ пошли изъ Мигійскаго острова чрезъ рѣку Бугъ на бродъ и перешедъ ногайскій и полскій степы даже до лѣсу, состоящаго подъ полскимъ местечкомъ Хощеватымъ, ишли. И прибывъ въ тотъ лѣсъ, въ имеющой тамо посѣкн чрезъ ввесь день находились. И услиша въ ономъ Хощеватомъ стрелбу и колоколную тревогу, оной гайдамацкой атаманъ Швидкій имъ обявилъ: «знать то де та тревога чинится къ собранію народа для поимки ихъ гайдамакъ». И какъ ночь пришла, то атаманъ со всѣми гайдамаками и онъ Котляръ исъ того леса почью пошелъ, и следуя въ купи, не въ далнемъ одъ того местечка Хощеватого разстояніи, въ селѣ Могилномъ три пари воловъ съ возами, да у жида кобилу съ возомъ пограбили и харчевій запасъ, муку, пшено и масло корове, и у коихъ гайдамакъ рубашекъ не было, съ обывателей снимали, да у жида-жъ шесть копѣекъ денегъ, да мыла менокъ взяли. И по грабительствѣ того, какъ изъ села съ версту отошли, то показанній атаманъ Швидкій, оставя при харчевихъ возахъ сорокъ человѣкъ (а кто именно, за почною порою знать не можетъ), самъ съ нимъ, Котляремъ, въ

сороку человѣкахъ гайдамаками (исъ коихъ онъ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ бруховецкаго Савку Кравця, да Яцка Кравця-жъ, криловскаго Ивана Бойка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, платнеревскаго прозваніемъ Чабака, незамаевскаго Карпа Кирпу, поповичевскаго Безкровнаго, переяславскаго Полового, а протчихъ гайдамакъ какъ ихъ по имени и прозванію, не знаетъ) для взятія въ состоящемъ въпереди хуторѣ воловъ на харчь пошелъ, и разделясь на двѣ партіи, по двадцяти человѣкъ, однимъ велелъ онъ атаманъ до броду рѣчки Синюхи следувать, а самъ съ нимъ Котляремъ въ девятнадцяти человѣкахъ гайдамакъ въ показанной хуторъ пошелъ. И толко что въ тотъ хуторъ передъ свѣтомъ пришли и четири воли да кобылу съ возомъ взяли, то услишили стрелбу, и онъ атаманъ съ одинадцятью человѣки гайдамаки къ той стрелбѣ побежалъ, а девять человѣкъ при харчевихъ возахъ оставилъ. И какъ толко изъ оной рѣчки Синюхи къ броду приближились, тогда усмотрели, что на ихъ товарищей гайдамакъ, посланнихъ къ речки Синюхѣ, стоящія на дороги купци палять; то и онъ атаманъ съ нимъ Котляремъ и одинадцятью человѣки гайдамаки, къ своимъ товарищамъ гайдамакамъ поспеша, совокупилися и обще на тѣхъ купцовъ съ ружей стали палить, напротивъ чего и оние купци на нихъ палили. И притомъ какъ изъ нихъ гайдамакъ тѣ купци Яцка, а прозваніемъ не знаетъ, поранили, тогда они гайдамаки на нихъ залпомъ випалили и, разъярясь, всѣ вдругъ бросились на списахъ на нихъ и начали въ томъ обозе грековъ купцовъ и ихъ фурманщиковъ немилостивно колоть, и съ коихъ и онъ Котляръ двухъ человѣкъ закололь, а протчіихъ, какъ онъ видѣлъ, кололи атаманъ Швидкій, гайдамаки: незамаевскаго куреня Карпо Кирпа, пашковскаго Андрѣй Гараджа, криловскаго Іванъ Бойко, бруховецкаго Яцко Кравець, Савка Кравець, да поповичевого прозваніемъ Безкровній, а имя не знаетъ, батуринского Остроухъ, платнеревского Чабанъ, а хто именно и сколко кто, тожъ и другіе, кромѣ вишшеписаннихъ, хто оныхъ купцовъ кололи, какъ-то оны, по своей злодѣйской злой ярости, всѣ кололи, не знаетъ. И какъ всѣхъ кололи, тогда тотъ часъ гайдамаки куреня брюховецкого Яцко Кравець, вскоча на бричку, а на возъ, на коемъ была будка, атаманъ гайдамацкій Швидкій, и розрѣзавъ онія,—одну бричку и возъ, товари и пожитки на землю бросали и

изъ будки-жъ всѣ товари и пожитки, а изъ одной брички меншую половину товаровъ толко что на землю вибросили, тогда и оставленніи ихъ товарищи гайдамаки, сорокъ человѣкъ, при харчевихъ возахъ и къ нимъ при самомъ светѣ приехали. И въ то время оніе товари и пожитки всѣ гайдамаки на оніе вози какъ стали класть, то онъ Котляръ видѣлъ, что были лисіи три меха, горностаевіе, тхоревіе, бѣліе и чорніе сѣбѣрковіе мехи-жъ, и лисѣи горла, а сколко чего, онъ за темъ, что одинъ передъ другимъ всякъ, хватая, бросали на вози, тожъ и денегъ, серебранной и золотой монети, сколко взято, не знаетъ. И при той поклажѣ товаровъ какъ увидѣли, что полскіе, уманскіе и савранскіе козаки за ними гайдамаками погоню чинять и къ нимъ приближаются, тогда они гайдамаки, спѣша, чтобъ одъ той погонѣ уйти, одъ техъ возовъ съ пограбленними десятми лошадми съ возами во уходъ пошли. И одъ техъ возовъ съ версту отошли, или нетъ, то какъ та козацкая погоня къ нимъ приближася, даже до состоящей за рекою Бугомъ Описковой Стейки, стреляя на нихъ, гналися, а они гайдамаки противу пустя вози свои впередъ, въ отпоръ палбу чинили, точію какъ изъ ихъ гайдамакъ, такъ и изъ уманскихъ козаковъ ни одного человѣка не убили и не поранили, а толко при той Опісковой Стейки исъ пограбленнихъ ими гайдамаками десяти лошадей восѣмъ уманскіе и савранскіе козаки одъбили и одътоля съ оними возвратилися, а они гайдамаки пошли полскимъ савранскимъ трактомъ и пришедъ до вершини реки Кодими, тамо́ оные пограбленніе въ показанних купцовъ товари изъбросали съ возовъ въ одно место, такожъ и денги атаманъ, червонцовъ до пяти, россійской рублевой турецкой и полской монетъ, на килимъ висыпалъ, а всего было по рощоту атаманскому сто рублевъ, да после того гайдамаки куреня крыловского Іванъ Бойко, незамаевского Карпо Кирпа две бумажки, какъ-бы червонци, принесли, то онъ атаманъ взялъ оніе и облвилъ якобы «личмани» [1]) и оних въ поделъ не представилъ, а протчіе всѣ вещи сто рублевъ денегъ роздѣлилъ онъ, атаманъ, всѣмъ. По которому роздѣлу досталося ему Котляру рубль и пять копѣекъ, и мѣхъ сѣбѣрковій единъ, тхоровій одинъ, горностаявого половина, копючій чорной одинъ, куница

---

[1]) Мѣдные для игры въ карты жетоны, или «личманы».

видѣланная одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисѣхъ горлъ десять, бѣлокъ недѣланнихъ пять, горносталя одинъ, тхоровъ два, а кому съ товаровъ въ подѣлъ недостало, то вмѣсто того исъ пограбленного въ техъ купцовъ платья, тожъ три ружья, пару пистолетовъ и протчіе въ подѣлъ давали, а сколко кому чего досталось какихъ вещей, не знаетъ. А часи золотіе карманніе, лисѣй мѣхъ и саміе лутшіе и съ товаровъ вещи, и двѣ пари пистолетъ атаманъ Швидкій оставилъ безъ роздѣлу для подарунку обрѣтающемуся Сѣчи запорожской въ Гарду полковнику зъ старшиною, какъ-то у нихъ гайдамакъ всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабителства оную гардовую старшину дарують, и для того въ Гардъ какъ зъ гайдамачества прійдутъ, то дают они гайдамаки исъ пограбленнихъ пожитковъ старшинѣ, и потому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они гайдамаки, приходя въ Гардъ, въ базаре пянствуютъ и харчъ покупаютъ, подъ караулъ не берутъ, да еще естли когда изъ Сѣчи запорожской для поиску ихъ гайдамакъ обездка бываетъ, то ихъ старшина скриваетъ.

По роздѣлѣ-жъ онихъ пожитковъ они гайдамаки, переночовавъ, пошли въ Мигейскій островъ, где самое ихъ гайдамацкое укривателное мѣсто состоитъ. И по приходѣ въ оной островъ на другой день оной атаманъ изъ гайдамакъ двухъ человѣкъ, одного Карпа, а другого какъ звать и прозваніемъ, не знаетъ, послалъ въ Гардъ за полковникомъ и за асауломъ гардовими, съ обявленіемъ, что де они гайдамаки прибыли зъ гайдамачества съ пограбленными изъ Полщи вещми, и дабы для взяття оставленнихъ имъ подарковъ пріежжали къ нимъ, гайдамакамъ, въ оній островъ, а его Котляра оній-же гайдамацкій атаманъ для покупки и привозу имъ, гайдамакамъ, за шестьдесятъ копѣекъ хлѣбного вина, на бродъ рѣки Синюхи послалъ. И онъ Котляръ, выкопавъ въ томъ островѣ закопанніе имъ денги восѣмъ рублей, кои онъ, напередъ того продавъ двѣ лошадѣ, получилъ и взявъ въ томъ островѣ у рыбалокъ возъ, туда и поехалъ, а по пріездѣ въ карантинномъ домѣ, у маркитанта, а какъ зовуть, не знаетъ, оного вина за восемъ рублевъ и шестьдесятъ копѣекъ купя и тѣмъ гайдамакамъ чрезъ два дни въ оной островъ привезъ. И по приездѣ его Котляра въ оной островъ на другой день изъ Гарду асаулъ гардовій, куреня

величковскаго, Игнатъ Мандро, къ тѣмъ гайдамакамъ въ полдни приехалъ, гдѣ пероночевавъ они гайдамаки изъ оставленнихъ гайдамацкихъ вещей для подарку полковнику гардовому и оному асаулу зъ старшиною дали: часи золотіе карманніе, лисей мѣхъ, цепочку медную съ футляромъ, въ коемъ зеркало, табакирка и пороховая натруска, а еще что атаманъ гардовому асаулу давалъ, онъ не знаетъ, да гайдамаки каждій отъ себе ему-жъ асаулу давали смушки булгарскіе, куници и другіе вещи (а что именно кто давалъ, не знаетъ), а онъ Котляръ далъ ему асаулу смушекъ булгарскій. Какъ-же продалъ оной Котляръ тѣмъ гайдамакамъ купленное вино рублевъ за пятнадцять или болѣе (а подлѣнно за сколко, не знаетъ): ружье за чотири рубли, рогъ пороховой за восѣмъдесятъ копѣекъ, шапку за едного рубля, списъ за пятьдесятъ копѣекъ, шаравары за два рубли и сорокъ копѣекъ, то на тѣ всѣ денги у онихъ товарищей своихъ покупилъ мехи тхоровіе, сѣбѣрковіе, лисѣи горлы, горносталъ и тхори недѣланніе (а сколко чего и у кого именно купилъ, не знаетъ) да вѣвчуру [1]) волчую у запорожского козака, куреня переясловского, прозваніемъ Полового, за шесть рублевъ. Которое поклавъ въ боченокъ, у оного забивъ дна, а другія положивъ въ сакви волосеніе и одинъ мешокъ, и нанявъ будущого тамо для рибной ловлѣ рибалку (а отъкуда онъ тотъ рибалка, не знаетъ; заведомо, что онъ для одъвозу), до карантинного дому поехалъ. И прибывъ во оной, явился въ состоящего тамо у оберъ-афицера, у коего и данной ему, Котляру, изъ магистрата пашпортъ находился, и оному объявилъ, что уже онъ Котляръ съ рибной ловлѣ едетъ въ домъ свой, въ крѣпость святія Елисавети. Тогда ему Котляру оной оберъ-афицеръ сказалъ, что однако де карантиннаго дому лекарь едетъ въ крепость-же святія Елисавети, а съ нимъ козацкой порожной возъ будетъ, то де и его Котляра свезетъ, почему онъ тѣмъ козакамъ какъ боченокъ, такъ сакви и мешокъ съ тѣми вещми въ вечеру на возъ положилъ, которыхъ вещей какъ оберъ-афицеръ, такъ и нихто не видалъ, а козаки хотя съ нимъ Котляремъ на возъ тотъ боченокъ, сакви и мешокъ съ вещми и клали, но что въ онихъ есть, не спрашивали и онъ имъ не сказивалъ. Съ которымъ лекаромъ на томъ

---

[1]) Тулупъ, мѣхомъ вверхъ; вѣвчура волчая—шуба волчья.

козацкомъ возу онъ Котляръ даже до крепости святія Елисавети ехали, и какъ передъ заходомъ сонца къ крепости пріехали, то лекарь въ передѣ ихъ поехалъ на квартиру, а онъ Котляръ умышленно, чтобъ его нихто не видалъ и подъ караулъ не взялъ, а толко-бъ въ ночи сходя къ бургомистру Звенигородскому явиться, сказалъ тому козаку, чтобъ вдаль стать слободы и лошади попасть, гдѣ и пасли даже до ночи. А какъ смеркло, то они, запрягъ въ возъ лошади, поехали. И прибывъ въ домъ, боченокъ и сакви и мешокъ зложа, тому козаку за пять копѣекъ хлѣбного вина какъ далъ и оной выпилъ, тогда тотъ козакъ отъ него и поехалъ (а какъ его зовутъ и прозиваютъ и которого полку, не знаетъ), а онъ Котляръ, поужинавъ и выпивъ за пять-же копѣекъ вина, мало еще обождавъ, чтобъ позняе было, вынявъ изъ саковъ исъ техъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковій мѣхъ и куницу едну, къ магистратскому бургомистру Звенигородскому въ домъ его пойшолъ, и оное принесши, ему Звенигородскому въ руки отъдалъ. Которой бургомистръ его, где оное взялъ, спрашивалъ, и онъ ему бургомистру обявилъ, что де купилъ въ Мигейскомъ островѣ, почему оной бургомистръ, принявъ отъ него Котляра тѣ вещи и взявъ его, Котляра, и асаулця Якима Лозовенка съ собою, пошедъ въ домъ, и какъ толко съ нимъ онъ бургомистръ пришелъ въ домъ, то онъ Котляръ, какъ былъ пянъ, легъ въ сѣняхъ спать, а онъ бургомистръ зъ асаулцемъ пошолъ къ женѣ его Котляревой и тѣ въ боченкѣ и саквахъ всѣ вещи при женѣ его Котляра осмотря, взялъ вѣвчуру волчую (а еще что исъ товаровъ бралъ, не знаетъ), и оставля его Котляра въ домѣ исъ тѣми пожитками, пошелъ въ свой домъ, а поутру, еще до пробитія утренной зарѣ, онъ Котляръ, проспавшися, всталъ и пошелъ въ избу. Тогда жена его Котлярева сказала, что бургомистръ де Звенигородской приказалъ, когда онъ Котляръ проспится, тобъ де пришолъ къ нему Звенигородскому, почему онъ Котляръ тотъ часъ къ нему Звенигородскому въ домъ и пошелъ. И какъ толко въ изву вошелъ, то оной Звенигородской ему Котляру обявилъ, чтобъ ишелъ къ брегадирному канцеляристу Данилѣ Івановичу, и потому онъ Котляръ, пошедъ въ домъ и взявъ изъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ, чтобъ нихто не видалъ, подъ полу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оному канцеляристу Иванову подарить,

пошелъ, и толко что въ дворъ оного канцеляриста вошелъ, какъ за нимъ и оной бургомистръ въ слѣдъ на дворъ вошедши, ему Котляру сказалъ, чтобъ онъ въ его канцеляриста Иванова людскую избу ишелъ, а онъ де бургомистръ объ немъ Котлярѣ обявитъ, и бывъ у оного, объ немъ Котлярѣ Звенигородскій что говорилъ-ли, не знаетъ. А какъ одъ него канцеляриста онъ бургомистръ вишедъ, то сказалъ ему Котляру, чтобъ ишелъ съ нимъ въ домъ, почему онъ съ нимъ бургомистромъ и со взятіемъ для подарунку оному канцеляристу сѣбѣрковымъ мѣхомъ пошли. И по приходѣ въ здешнюю слободу бургомистръ Звенигородскій въ свой, а онъ Котляръ въ свой-же дворъ пошелъ, и какъ толко въ избу онъ Котляръ войшелъ; то вслѣдъ за нимъ магистратской асаулецъ Лозовенко пришедъ, взялъ его Котляра безъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей и привелъ къ крепости святія Елисавети въ магистратъ, гдѣ и оддан подъ караулъ, а после того погодя мало и оніе гайдамацкіе вещи какъ принесенни, то его Котляра, забивъ въ колодки, исъ того магистрата въ канцелярію его високородія господина брегадира и крѣпости святія Елисавети коменданта, Алексѣя Ивановича Глѣбова отосланъ, а одътоль сюда присланъ. Кромѣ-же вишеписаннаго на воровствахъ и грабительствахъ не бивалъ, пожегъ и смертноубійства не чинилъ и о всемъ показалъ праведно, въ чемъ и подписуюся своеручно».

«Подлинній черный допросъ по листамъ скрѣпилъ и съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ заднепрского слободского новопоселяемого за чертою Новой Сербіи козачего полку

Полковій писарь *Василій Семеновъ*.

Прочитавъ этотъ безхитростный, чуждый всякаго хвастовства и прикрасъ, а потому несомнѣнно правдивый разсказъ одного изъ участниковъ гайдамацкаго наѣзда и сопоставивъ его съ экстрактомъ гайдамацкихъ грабежей, приведеннымъ выше, невольно спросишь: какимъ образомъ такіе выдающіеся магнаты, какъ оба графа Потоцкіе или князь Четвертинскій, имѣвшіе у себя, по тогдашнему обычаю, не только огромную дворню, но сотни стрѣльцовъ для охоты и цѣлыя хоругви козаковъ и драгунъ, а въ должности управляющихъ имѣніями, или губернаторовъ, большею частію «товарищей» народовой гвардіи польской, могли допустить, чтобы шайка гайда-

макъ въ 80, а иногда въ 40 и менѣе человѣкъ, выйдя изъ запорожскихъ степей и овраговъ, могла перебраться за границу, пройти ихъ имѣнія и отъ Кодымы и Синюхи верстъ за 200 проникнуть въ глубь Подоліи, й съ массою добычи и цѣлымъ табуномъ лошадей благополучно, въ полномъ почти составѣ, возвратиться въ тѣже степи? Многое можно было-бы сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ; но мы, держась въ предѣлахъ сообщаемыхъ нами документовъ, ограничимся только указаніемъ на ту панику, какую производило всегда нечаянное нападеніе гайдамакъ, на ту силу, опытность и искусство, какія сообщало имъ участіе прославленныхъ «лыцарей»-запорожцевъ, на ту наконецъ «ярость злодѣйскую», съ которой гайдамаки нападали и отбивались и о которой не по приказу-же допрашивавшихъ не разъ упоминаетъ въ своемъ показаніи гайдамака Котляръ. Польскіе магнаты и паны, чувствовавшіе на себѣ всю тяжесть гайдамачества и трепетавшіе при одномъ имени гайдамакъ, отлично понимали, что вся сила гайдамачества въ Запорожьѣ и что имъ самимъ не справиться съ этимъ страшнымъ бичемъ, а потому они обращались съ жалобами къ русскимъ властямъ, не безъ основанія разсчитывая посредствомъ ихъ произвести давленіе на Кошъ, и вмѣстѣ униженно заискивали у кошеваго, вполнѣ увѣренные въ томъ, что, при благосклонности кошеваго, въ Запорожьѣ, а не гдѣ либо, можно найти и самихъ нападавшихъ гайдамакъ и пограбленное ими панское добро. Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ тѣ пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому атаману, о которыхъ упомянули выше,—три изъ нихъ въ современномъ переводѣ сѣчевой канцеляріи, а два въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ польскихъ оригиналовъ, находящихся у насъ. Добавимъ къ нимъ еще отвѣтное письмо кіевскаго генералъ-губернатора, вызванное письмами польскихъ пановъ.

Первое изъ помѣщаемыхъ писемъ относится къ 1764 году, къ той порѣ, когда мѣрами, принятыми относительно запорожцевъ, набѣги гайдамакъ были нѣсколько ослаблены, хотя далеко не прекращены, и когда обиженные получили уже возможность искать себѣ удовлетворенія. Письмо это принадлежитъ командиру «лебединской Луки» [1]), т. е. отряда народовой гвардіи, Казиміру Добр-

[1]) *Лебединъ* — мѣстечко и монастырь въ кіевской губерніи.

жанскому и писано имъ къ кошевому атаману запорожской Сѣчи, Филиппу Федорову. Оно живо характеризуетъ писавшаго и тотъ страхъ, какой наводило появленіе хотя-бы одного или двухъ гайдамакъ. Добржанскій пишетъ, когда страхъ давно уже прошелъ, пишетъ смѣло, нѣсколько даже грозно, но это потому, что онъ получилъ точныя свѣдѣнія какъ о лицахъ, его ограбившихъ, такъ и о томъ, куда попали его деньги и вещи. Вотъ что онъ писалъ.

Ясне-Вельможный Добродію!

Наѣздомъ прежнихъ лѣтъ охотниковъ запорожскихъ въ нашихъ польскихъ границахъ, преимущественно въ смилянской вотчинѣ его свѣтлости князя Станислава Любомірскаго, подстолія коронного, я ниже писанный, съ роднымъ братомъ моимъ Іосифомъ Добржанскимъ, подъ с. Вязовцемъ въ руднѣ [1]), Черницей называемой, отъ Мануйла ватажка, изъ куреня джерелѣевскаго потерпѣлъ значительную обиду и потери. На этой руднѣ упомянутый Мануйло, съ своимъ товарищемъ, ждалъ насъ уже два дни и, бросившись на насъ, отнялъ: готовыхъ денегъ 4,000 злотыхъ польскихъ, 5 лошадей, богатыхъ поясовъ 4, стоющихъ 4 червонцевъ, богатыхъ платьевъ 4 пары и ручнаго оружія 8 штукъ. Все это съ дорожними пожитками всего стоитъ слишкомъ 5,000 злотыхъ.

Потери моей до сихъ поръ получить не могу, хотя достовѣрно знаю чрезъ другихъ козаковъ, что не изъ другого, а именно съ джерелеевскаго куреня былъ Мануйло ватажокъ и его сообщникъ, кои меня и брата ограбили, и что по случаю его смерти мое имущество съ его собственнымъ добромъ перешли въ тотъ-же курень, или-же въ вѣденіе высокаго кошеваго начальства. Хотя-же упомянутые однокуренные козаки увѣряютъ, что Мануилъ за свои преступленія въ Сѣчи повѣшенъ, но я убѣжденъ, что мое добро съ нимъ-же не повѣшано, а потому, помня это, я прошу полнаго мнѣ удовлетворенія.

Я находясь на посту у своей команды, на «Лукѣ» лебединской, далъ козакамъ 2 лошади изъ отнятыхъ у гайдамакъ, меня ограбившихъ, и паспортъ на свободное слѣдованіе къ в. в. Надѣюсь, что и

---

[1]) Вязовецъ или Вязавокъ село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи. *Рудня*—мѣсто, гдѣ добываютъ желѣзную руду. *Ватажокъ*—атаманъ гайдамацкаго отряда.

вы не оставите моей просьбы безъ удовлетворенія, иначе я вынужденъ буду самъ другими средствами вознаградить себя.

Нынѣ остаюсь съ приличнымъ почтеніемъ ясне вельможнаго пана нижайшій слуга

Казиміръ Добрянскій.

Итакъ командиръ отряда «гвардіи народовой», вмѣстѣ съ братомъ и вѣроятно съ слугою или двумя,—ибо съ нимъ было 5 лошадей, притомъ вооруженный, далъ себя ограбить двумъ гайдамакамъ, даже до снятія съ него и бывшихъ съ нимъ одежды! Теперь онъ храбро требуетъ себѣ полнаго удовлетворенія, грозитъ даже изъ своей рудни кошевому. Любопытно было-бы знать, какими другими средствами онъ надѣялся удовлетворить себя и удовлетворилъ-ли вообще. Такихъ свѣдѣній въ нашихъ бумагахъ не нашлось, а между тѣмъ если кто, то запорожцы могли тогда говорить о себѣ, что съ нихъ взятки гладки.

Иначе заговорили и болѣе важные паны спустя 4 года, когда доведенный ими-же, въ союзѣ съ латино-уніатскимъ духовенствомъ, до отчаянія украинскій народъ поголовно почти ушелъ въ гайдамаччину и затопилъ кровью свою родную землю. Слѣдующее письмо относится именно къ началу возстанія 1768 г. и даетъ свѣдѣнія о первыхъ дѣйствіяхъ гайдамакъ и ихъ предводителя Максима Желѣзняка. Вотъ что объ этомъ писалъ губернаторъ черкасскій Александръ Почельскій отъ 17 іюня того года запорожскому кошевому П. И. Калнишевскому:

Ясневельможный господинъ кошевой, въ сосѣдствѣ вѣрный другъ и благодѣтель!

Хотя мое искреннее желаніе было услужить вашему высокоблагородію въ доставкѣ 10,000 дряницъ и строевыхъ плитокъ въ Старую Сѣчь, но уже или моимъ несчастіемъ, или-же настоящая печальная пора мнѣ это воспретила, ибо Максимъ Железнякъ съ Медвѣдемъ Высокимъ, «съ кровавыми глазами», и 4 другихъ, которыхъ имена мнѣ неизвѣстны, распространили между людьми извѣстіе, будто они посланы нарочно изъ Коша, дабы всѣхъ поляковъ и жидовъ до единаго истребить, а имущества ихъ и доходы помѣщиковъ въ свою пользу забрать. Хлопство, шалостей и грабительства охочее, пристало и совокупилось съ этими

ватажками, въ числѣ болѣе 800 человѣкъ, которые уже болѣе 1,000 душъ убили, имущества и скотъ грабятъ, дома разоряютъ и уничтожаютъ. Меня тоже одно милосердіе Божіе защитило, что я съ женою, дѣтьми и нѣсколькими, въ командѣ моей находящимися поляками, сюда уже на русской сторонѣ спасся [1]); у меня, убогаго человѣка, грабители въ деньгахъ и пожиткахъ до 3,000 руб. ограбили. А съ имѣнія е. с. князя Сангушки захватили 148 воловъ, 50 отличныхъ коровъ и всякаго добра болѣе чѣмъ на 110,000 злотыхъ, кромѣ купеческихъ товаровъ, въ замкѣ черкаскомъ на складѣ находившихся. У поселянъ е. с. князя старосты черкасскаго на 40,000 разоренія учинено. Однимъ словомъ: страшно и подумать, какія насилія и грабительства дѣлаются, увѣряя всѣхъ, что они дѣйствуютъ по приказанію вашего высокоблагородія, нашего благодѣтеля! Но вскорѣ обманъ ихъ былъ обнаруженъ пришедшими сюда изъ Сѣчи козаками. Они показали, что это просто негодяи, а не высланные по вашему приказу люди, что вскорѣ еще болѣе обнаружилось, когда гайдамаки теперь грабятъ и зажиточныхъ хозяевъ, когда уже не стало панскихъ усадьбъ.

Вотъ почему я не могъ исполнить порученія в. в. на счетъ драницъ и дерева строеваго, которыя я уже и купилъ и моими деньгами заплатилъ, въ чемъ и сама громада черкасская засвидѣтельствуетъ. Но теперь, при нынѣшнихъ безпорядкахъ, ни лѣсу, ни денегъ отыскать не могу. Развѣ какъ самъ Господь Богъ успокоитъ нынѣшніе невзгоды и сохранитъ и мою жизнь, то не медля исполню ваши желанія, дабы доказать, что желаю сохранить сосѣдственную мою дружбу и снискать ваше расположеніе.

Двумя днями позже, именно 19 іюня 1768 г. о тѣхъ-же печальныхъ событіяхъ, т. е. общенародномъ возстаніи и его жестокихъ проявленіяхъ губернаторъ торговицкій [2]) Яковъ Квяткевичъ, управлявшій одною изъ вотчинъ главнѣйшаго на Украйнѣ богача гр. Ф. С. Потоцкаго, писалъ слѣдующее тому-же кошевому, прося его помощи и защиты:

---

[1]) Письмо послано изъ Ирклѣева, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[2]) Тарговица м. подольской губерніи, извѣстное по конфедераціи, рѣшавшей паденіе Польши.

Во время настоящаго безпокойства польской конфедераціи [1]) началась мятежъ между народомъ въ чигринской, смѣлянской и лисянской «губерніяхъ» (вотчинахъ) и такъ распространилась, что уже и до уманской «губерніи» приближается. Уже не мало дворянства, почтенныхъ поссесоровъ, имѣнія Потоцкаго арендующихъ, жестоко убиваютъ, грабятъ все имущество и скотъ, увѣряя, что «войско запорожское», нарочно для этой цѣли изъ Коша отправленое, имъ помогаетъ, и къ мятежу народъ насильно принуждаютъ. А потому я чрезъ посредство вашихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Архангелогородъ [2]) на пограничную съ польскимъ брацлавскимъ воеводствомъ коммисію, убѣдительнѣйше *у ногъ вашихъ* прошу ваше высокоблагородіе, чтобы, изъ уваженія къ сосѣдственной дружбѣ вашей къ его сіятельству, кіевскому воеводѣ (гр. Потоцкому), предписать бугогардовой поланкѣ, объѣздами запорожскихъ козаковъ по польской границѣ, гайдамакъ прогонять и удерживать и о томъ меня письменно извѣстить. Объ этомъ и самъ его сіятельство воевода писать къ вашему высокоблагородію будетъ.

Что касается до меня лично, то, въ случаѣ крайней опасности, я-бы просилъ позволенія воламъ моимъ и лошадямъ на запорожскихъ степяхъ около Гарду укрыть до тѣхъ поръ, пока, при помощи Божіей, эти смятенія прекратятся, за что я по смерть благодаренъ вашему высокоблагородію буду.

Этотъ Квяткевичъ, одинъ изъ не многихъ уцѣлѣвшихъ въ то время польскихъ дворянъ, былъ послѣ уманскимъ «губернаторомъ» на мѣсто убитаго Рафаила Младоновича.

Извѣстно, что охватившія тогда всю Украйну «смятенія» (характерный терминъ, получившій въ ту пору едва-ли не всеобщее

---

[1]) Разумѣется конфедерація барская, т. е. вооруженное собраніе въ Барѣ всей недовольной королемъ и русскою политикою шляхты, мечтавшей поднять всю Польшу и Украйну противъ Россіи для сохраненія шляхетскихъ вольностей. Извѣстно ближайшее участіе въ ней самаго папы и польско-католическаго духовенства, поднимавшихъ шляхту противъ короля по поводу дарованныхъ, по настоянію Россіи, вѣроисповѣдныхъ льготъ православному населенію Украйны и Бѣлоруссіи, которое предъ тѣмъ поголовно приводимо было путемъ жесточайшихъ насилій въ унію.

[2]) Ново-Архангельскъ, городокъ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, тогда пограничный шанецъ ново-сербскаго военнаго поселенія.

употребленіе), поднятыя во имя Россіи, прекращены силою русскаго-же оружія. Недостойнымъ обманомъ гайдамаки захвачены были въ расплохъ; начался разборъ и жесточайшая расправа: гайдамакъ изъ запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, судили въ Кіевѣ и Глуховѣ, били кнутомъ и ссылали въ Сибирь, остальныхъ изъ украинскихъ крестьянъ предавали въ руки поляковъ. Два почти года продолжалось выискиваніе всѣхъ, кто какое либо принималъ участіе въ возстаніи и вмѣсто нелегальнаго истребленія поляковъ и жидовъ шло легальное истребленіе возставшихъ украинцевъ. Въ это время только и слышно было, что о казняхъ гайдамакъ, а не объ ихъ уже набѣгахъ. Но устали руки палачей, наступило затишье и запорожцы снова подняли голову, а съ ними ожило и гайдамачество,—неизбѣжное послѣдствіе продолжавшагося въ Украйнѣ, Волыни и Подоліи соціально-религіознаго гнета. Къ этому времени относятся приводимыя ниже въ современномъ переводѣ льстивыя письма двухъ польскихъ вельможъ, писанныя ими къ злополучному кошевому, П. И. Калнишевскому, который чрезъ два года былъ сосланъ въ Соловки, гдѣ долго томился и умеръ въ заключеніи.

Пишетъ графъ Федоръ Потоцкій [1]), генералъ-командиръ всей польской артилеріи, убогому Калнишу въ такихъ выраженіяхъ.

Ясневельможный, милостивый благодѣтель!

Возвѣщенная во всеобщую извѣстность многоразличными способами, а особливо чрезъ опубликованную декларацію протекція ея царской милости, найяснѣйшей императрицы обезпечиваетъ всему народу польскому сохраненіе его въ совершенномъ спокойствіи. Въ этой увѣренности утверждаетъ всѣхъ насъ и циркуляръ его сіятельства, князя [2]).

Но вотъ теперь собственные мои подданные, жители мѣстечка Чурилова, безъ всякой вины, лишились всего своего имущества, разграбленнаго кошевыми козаками; потери ихъ простираются до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ разслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ.

[1]) Если не ошибаемся, это былъ братъ знаменитаго археолога *Ивана* и *Северина*, перваго попечителя харьковскаго учебнаго округа. *Потоцкій* Северинъ основалъ м. *Севериновку* близъ Одессы.

[2]) Разумѣется русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Петръ Өедоровичъ Голицынъ.

Не можемъ поэтому не впасть въ тревогу, не можемъ не обратиться къ вамъ, ясневельможному пану благодѣтелю, представляющему собою наивысшую въ томъ пограничьѣ власть, съ нашею глубокою просьбою, дабы вы приказали какъ воздержать выходящихъ въ нашъ край, такъ и вознаградить столь тяжкую потерю моихъ подданныхъ возвратомъ имъ ихъ собственности.

Въ надеждѣ на это утверждаетъ насъ высоко цѣнимая нами сосѣдственная пріязнь ваша и то пріятнѣйшее расположеніе, ради котораго я готовъ навсегда быть, съ отличнымъ высокопочитаніемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, сосѣдственно любящимъ пріятелемъ и нижайшимъ слугою

Ѳедоръ Потоцкій, староста смотрицкій,
корпуса коронной артиллеріи генералъ.

15 апр. 1773 г.
Городенька.

Другое письмо принадлежитъ князю Четвертинскому и написано въ тонѣ еще болѣе льстивомъ. Начнемъ съ адреса, который надписанъ въ слѣдующей формѣ:

Ясневельможному пану Калнишевскому, генералъ-лейтенанту, коменданту запорожскихъ войскъ, ясневельможному пану, любезнѣйшему сосѣду и благодѣтелю, въ арміи [1]).

Послѣ обычнаго обращенія, этотъ богачъ-магнатъ пишетъ Петру Калнишу слѣдующее:

Громкой молвой носится въ краѣ нашемъ ваша, ясневельможный панъ благодѣтель, справедливость, по поводу арестованія вами козаковъ, разорявшихъ въ прошломъ году наши дома и имѣнія.

Она будетъ тѣмъ славнѣе, если въ добавокъ къ этому, какъ уже вы и обѣщали, прикажете имъ-же удовлетворить потерпѣвшихъ, возвративъ заграбленное у нихъ.

А какъ и мое мѣстечко Марковка не избѣжало того-же несчастья, ибо и оно на другой день послѣ разоренія м. Джурина было также разграблено тѣми козаками, то довожу объ этомъ до вашего, ясне-

[1]) Кошевой съ отрядомъ запорожцевъ находился тогда, во время турецкой войны, въ русской арміи и стоялъ подъ Очаковымъ.

вельможный панъ благодѣтель, свѣдѣнія, дабы вы властію своею приказали и то мѣстечко мое Марковку вознаградить за причиненныя ему разоренія и потери по поданному тамошними мѣщанами, моими подданными, реестру.

Этимъ вы окажете истинную ко всѣмъ справедливость, которая служитъ украшеніемъ для самыхъ высокихъ должностей и которую я высоко цѣня въ вашей, ясневельможный панъ благодѣтель, особѣ, обязываюсь быть, съ глубокимъ уваженіемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, нижайшимъ слугою.

Антоній Янъ-Непомукъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, стольникъ брацлавскій, шамбелянъ его королевской милости [1]).

16 іюня 1773 г.
Изъ Марковки.

Два магната, такъ лебезившіе теперь предъ кошевымъ, раньше забѣгали съ жалобою и просьбою по тому-же дѣлу къ грозѣ гайдамакъ, казнившему ихъ тысячами послѣ уманской рѣзни, кіевскому генералъ-губернатору Федору Матвѣевичу Воейкову. Предъ нами письмо послѣдняго къ эконому одного изъ названныхъ магнатовъ, нѣкоему Радковскому, чрезъ котораго Воейковъ препровождалъ отвѣты графу Потоцкому и князю Четвертинскому. Письмо писано на польскомъ языкѣ, вполнѣ чисто и правильно. Безъ сомнѣнія на томъ-же языкѣ написаны были отвѣты и самимъ магнатамъ. Не можемъ не отмѣтить этого обстоятельства для характеристики русско-польскихъ отношеній того времени. Въ періодъ украинскаго возстанія 1768 г., когда польскимъ панамъ грозило поголовное избіеніе отъ разъяренныхъ крестьянъ, добивавшихся не чего либо другаго, а освобожденія отъ польскаго ига и подданства русской царицѣ, русскіе сановники обнаружили крайнюю заботливость о судьбѣ пановъ: Румянцевъ нѣжно оберегалъ и продовольствовалъ ихъ на лѣвобережьѣ, князь Прозоровскій въ предѣлахъ Ново-Сербіи, Кречетниковъ на границѣ Украйны и Волыни; русскія войска наводнили Украйну, задавили гайдамакъ и привели народъ въ покор-

[1]) Князь Антонъ Четвертинскій перешелъ на службу ко двору императрицы, выдалъ свою дочь Марію, извѣстную красавицу, за одного изъ русскихъ вельможъ и выстроилъ въ Одессѣ домъ на бульварѣ, въ которомъ теперь живутъ генералъ-губернаторы.

ность панамъ. Тѣхъ и другихъ, помимо требованій непонятной политики, связывали узы крѣпостничества и взглядъ на народъ, который для однихъ былъ «быдломъ», для другихъ «скотомъ». Но оберегаемые и спасаемые русскимъ оружіемъ польскіе паны, даже простые шляхтичи писали русскимъ сановникамъ не иначе, какъ на польскомъ языкѣ, а русскіе сановники отвѣчали имъ, какъ и въ данномъ случаѣ, на ихъ-же языкѣ. Приводимъ упомянутое письмо Воейкова въ переводѣ съ польскаго оригинала; оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣлу гайдамакъ.

Вельможный, милостивый панъ экономъ
Янушградскій!

Изъ вашего, вельможный панъ, письма, присланнаго изъ Мытницы и приложенныхъ къ нему писемъ ясне-освѣцоного князя Четвертинскаго и ясневельможнаго Потоцкаго освѣдомился я о жалобѣ вашей на грабежи, причиненные шайкою запорожскихъ козаковъ.

Изъ этой-то шайки пойманъ и доставленъ сюда одинъ, называющійся Иванъ Трещотка.

Но какъ онъ на допросѣ здѣсь зачинщикомъ и предводителемъ во всѣхъ тѣхъ злодѣяніяхъ называетъ нѣкоего волошина Григорача, проживающаго въ новороссійской губерніи въ м. Орликѣ [1]), то, для вѣрнѣйшаго разслѣдованія и розыска другихъ виновныхъ, онъ тотчасъ по доставкѣ его сюда отосланъ въ новороссійскую губернскую канцелярію. Въ этомъ смыслѣ отвѣты мои я. о. князю Четвертинскому и я. в. Потоцкому посылаю на ваши, вельможный панъ, руки, а что по этому дѣлу послѣдуетъ, о томъ, по полученіи донесенія изъ новороссійской губернской канцеляріи, не премину увѣдомить васъ, оставаясь притомъ вашимъ, вельможный панъ, покорнымъ слугою

Ѳ. де-Воейковъ.

7-го марта 1773 г. Кіевъ.

Какъ ни предупредителенъ былъ относительно князя Четвертинскаго и графа Потоцкаго грозный для гайдамакъ Воейковъ; но, видно, путь чрезъ него и новороссійскую канцелярію показался имъ кружнымъ, или вовсе не привелъ къ желаемой цѣли, и они, какъ

[1]) Нынѣ Ольвіополь, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда.

мы уже видѣли, предпочли обратиться къ непосредственному начальнику запорожцевъ, кошевому атаману П. И. Кальнишевскому. Дѣло ихъ облегчилось еще тѣмъ, что какой-то жидъ корчмарь, чрезъ своего знакомаго въ кошѣ, провѣдалъ и извѣстилъ, что много награбленныхъ вещей отыскано у арестованныхъ козаковъ и ихъ пріятелей въ Орликѣ. Прибывшіе съ дозволенія кошеваго, находившагося тогда въ походѣ близъ Очакова, обиженные евреи и шляхтичи, согласились окончить миромъ столь пагубное для чести войска дѣло, и получить, вмѣсто потерянныхъ вещей въ натурѣ, денежное вознагражденіе, опредѣленное на сходкѣ куренныхъ атамановъ въ суммѣ 7,559 руб. 60 коп. 7-го іюля 1773 г. потерпѣвшіе, по собственному ихъ согласію, получили круглымъ счетомъ, серебренною монетою, 6,000 руб. и въ томъ выдали подъ присягою формальную квитанцію.

Такъ откупалась отъ польскихъ, жидовскихъ и другихъ претензій запорожская старшина, оберегая честь «славнаго низоваго товариства» и спасая самое его существованіе, на которое занесенъ уже былъ грозный мечъ. Она примѣчала собиравшуюся надъ сѣчевымъ братствомъ грозу и хотѣла предотвратить ее; но не въ силахъ ея было ни сдержать «сиромашную голоту», которая не знала ничего, кромѣ борьбы съ своими традиціонными врагами, ни остановить разношерстной голытьбы, наплывавшей въ Сѣчь изъ обѣихъ Украйнъ, Волыни, Подолья, Полѣсья, Бѣлоруссіи и даже съ береговъ Дуная отъ волоховъ, сербовъ, арнаутовъ и другихъ.

Бдительности сѣчевой администраціи относительно гайдамакъ или выходившихъ изъ Сѣчи, или скрывавшихся на ея территоріи неодолимую преграду поставляли безмѣрныя степныя пространства, непроходимыя плавни и камыши, масса гранитныхъ островковъ, пороговъ на Днѣпрѣ и Бугѣ и сотни балокъ и пещеръ, служившихъ надежнымъ пріютомъ какъ для самихъ гайдамакъ, такъ и для свозимой ими добычи. Что могли значить при этомъ требуемый свыше контроль благонамѣренной старшины, разъѣзды и объѣзды надежнаго «товариства» въ такихъ дебряхъ и пустыняхъ? Надо было пройти многія сотни верстъ прежде, чѣмъ отыскать какіе либо слѣды гайдамацкой шайки или случайно встрѣтить ватагу на пути. Но, при первомъ появленіи разъѣздовъ въ «вольностяхъ» запорожскихъ, опытные гайдамаки въ мигъ превращались въ рыболововъ,

охотниковъ на звѣря и куропатниковъ, сторожей и рабочихъ въ зимовникахъ, или даже самыхъ хозяевъ зимовниковъ и пасѣкъ. Отъ Сѣчи требовали невозможнаго. Гайдамачество видѣли только въ ней, а центръ его лежалъ далеко внѣ Сѣчи—въ политическомъ и соціальномъ положеніи русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польши. Надо было измѣнить это положеніе сообразно обозначившимся съ ясностію народнымъ стремленіямъ, и гайдамаки исчезли-бы сами собою; но это было выше пониманія людей того времени, знавшихъ только интересы шляхты или дворянства и не доросшихъ до понятія объ интересахъ народныхъ. Зло однако было слишкомъ очевидно и разрослось слишкомъ широко, чтобы не принять относительно его мѣръ рѣшительныхъ. Рѣшили уничтожить то, въ чемъ видѣли корень зла, т. е. сѣчевое братство, или гидру своеволія и разбоевъ, какъ тогда выражались. Уничтожили и разорили Сѣчь; гайдамачество ослабѣло, но не уничтожилось, пережило самую Сѣчь и жило еще долгіе годы, пока не ослабѣли, хотя отчасти, причины его вызвавшія и ему благопріятствовавшія, пока не заселились новыми поселенниками «вольности» запорожскія, пока не разбрелось и не вымерло все, что, не смотря на свою простоту, имѣло высшія представленія о свободѣ и личности человѣка, нежели заправители внѣшней и внутренней политики, пока наконецъ не выросли новыя поколѣнія, которыя воспитались въ понятіяхъ рабства и которымъ пришлось жить подъ новымъ, болѣе крѣпкимъ режимомъ.

Послѣ того, что сказано нами о широкихъ размѣрахъ и силѣ гайдамачества, о тѣхъ глубокихъ корняхъ, какіе оно пустило на Запорожьѣ и Украйнѣ, и безуспѣшности принимавшихся противъ него правительствомъ и сѣчевою администраціею мѣръ, жалкими покажутся тѣ слабыя попытки, какія дѣлало для обузданія его польское шляхетство, наиболѣе отъ гайдамакъ терпѣвшее. Нетрудная въ сущности борьба съ этими попытками составляетъ любопытный оттѣнокъ гайдамацкихъ подвиговъ. Два-три слова объ немъ и тѣмъ закончимъ наши случайныя, болѣе надлежащаго, можетъ быть, расширенныя замѣтки о гайдамакахъ, по поводу представленныхъ объ нихъ нѣсколькихъ документовъ. Польская молодежь, преимущественно полувоенная, такъ называвшіеся товарищи «гвардіи народовой», сыновья богатыхъ помѣщиковъ, конно съ копьями и саб-

лями дѣлали нерѣдко «подъѣзды» на Запорожье. Гайдамаки любили охотиться на нихъ и поджидали ихъ, какъ желанныхъ гостей: засѣвъ гдѣ нибудь въ балкѣ или въ лѣсу, они бросались на нихъ съ отвагой и увѣренностью, брали часто въ плѣнъ и выпускали на свободу за богатый выкупъ. Объ одномъ такомъ плѣнникѣ гайдамаки, по обычаю, сложили и пѣсеньку:

Панъ староцицъ Козерадзкій [1]),
Винъ ѝвъ хлибъ нашъ гайдамацькій.
Якъ пустили панича,
Безъ окупу и могорича,
То до дому такъ погнавъ,
Що й спасыби не сказавъ.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Старосицъ*, сынъ старосты; *Kozie-Rady*, помѣстье въ Велико-Польшѣ. Извѣстно, что старостами, т. е. владѣльцами коронныхъ имѣній бывали только магнаты и главные земскіе чины.

Библіографія.

Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.

Читатели наши не разъ, вѣроятно, уже встрѣчались съ названіемъ этого изданія въ газетныхъ объявленіяхъ и ссылкахъ въ другихъ работахъ. Оно громадно по объему, дорого по цѣнѣ, спеціально по назначенію и по всему этому мало кому доступно. Мы не имѣли доселѣ случая поговорить о немъ, а теперь приступаемъ къ нему тѣмъ охотнѣе, что въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года IV томѣ его помѣщено много матеріаловъ, касающихся исторіи южной Руси.

Настоящій представитель древняго рода бояръ Шереметевыхъ, просвѣщенный графъ С. Д. Шереметевъ, полковникъ и флигель-адъютантъ, задумалъ лѣтъ пять назадъ доброе и, къ сожалѣнію, очень рѣдкое у насъ дѣло—почтить свой славный родъ воспроизведеніемъ его жизни и дѣяній и тѣмъ послужить общему дѣлу разработки нашей исторической науки. Матеріала для этого въ его фамильномъ архивѣ, какъ показываетъ самое изданіе, находилось много, въ средствахъ для изданія онъ не поскупился, а для научной работы нашелся у него достойный дѣятель А. П. Барсуковъ, извѣстный, какъ и братъ его Н. П., многими цѣнными своими изслѣдованіями по русской исторіи. Плодомъ щедрости просвѣщеннаго графа и кропотливой, умѣлой работы г. А. Барсукова и является названное капитальное изданіе, доведенное впрочемъ едва-ли и до половины.

Прежде всего оно бросается въ глаза своей внѣшней роскошью: напечатано на прекрасной бѣлой плотной бумагѣ in quarto, крупнымъ и краснымъ шрифтомъ, снабжено отчетливыми и точными снимками съ картинъ и рукописей XVI и XVII вѣка во всю ихъ естественную

величину и закончено довольно обстоятельными, личнымъ, географическимъ и предметнымъ, указателями, которые, къ сожалѣнію, не принято у насъ прилагать къ такимъ изслѣдованіямъ и которые не всегда можно встрѣтить даже и въ изданіяхъ съ сырымъ матеріаломъ.

Внѣшности книгъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержаніе; это—исторія богатаго и знатнаго боярскаго рода, близкаго ко двору великихъ князей и государей, стоявшаго у кормила правленія и исполнявшаго всегда важныя государственныя обязанности. Исторія рода Шереметевыхъ есть нѣкоторымъ образомъ и исторія русскаго государства; съ этой точки зрѣнія смотритъ на свою задачу и г. Барсуковъ и, руководясь ею, излагаетъ съ большими или меньшими подробностями всѣ политическія событія въ тогдашней жизни Россіи, въ которыхъ принималъ участіе тотъ или другой членъ этого рода. Авторъ выпустилъ уже въ свѣтъ четыре объемистыя книги (около 450 страницъ каждая) своей исторіи, но довелъ ее лишь до первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

Первый томъ, вышедшій въ 1881 году, содержитъ въ себѣ разсказъ о службѣ Шереметевыхъ съ конца XIII вѣка при князѣ Даніилѣ Александровичѣ и до смерти Іоанна Грознаго, отъ гнѣва котораго нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось претерпѣть. Съ перваго появленія своего въ Россіи, Шереметевы то начальствуютъ надъ ратными людьми, то принимаютъ иноземныхъ пословъ, то сами отправляются къ сосѣднимъ государямъ въ качествѣ пословъ для заключенія мирныхъ договоровъ. Нѣкоторые изъ нихъ участвуютъ въ войнахъ съ Польшей и Литвой и потому имена ихъ очень часто встрѣчаются въ западно-русскихъ и польскихъ памятникахъ; они играютъ нерѣдко роль и въ судьбахъ южной Руси, и съ этой стороны сочиненіе г. Барсукова пріобрѣтаетъ значеніе и интересъ для мѣстнаго историка. Въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе важенъ второй томъ, обнимающій время отъ смерти Грознаго и до 1662 года; такъ, въ немъ разсказывается между прочимъ, объ управленіи Федора Ивановича Шереметева черниговскимъ воеводствомъ, куда онъ былъ назначенъ Годуновымъ, хотя скоро лишился довѣрія у подозрительнаго царя Бориса и былъ имъ сосланъ въ Сибирь. Другой изъ Шереметевыхъ, Петръ Никитичъ, отправленъ былъ, передъ приходомъ Лже-Димитрія I, противъ крымскихъ татаръ въ сѣверскую землю; онъ держался стороны Годунова до самой смерти послѣдняго и только въ Тулѣ призналъ самозванца царемъ. Въ третьемъ томѣ сообщаются подробности о службѣ Шереметевыхъ до 1650 года. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ изъ ихъ рода, именно Василіемъ Борисовичемъ, который, послѣ своего воеводства въ Сибири, былъ назначенъ царемъ въ

главные воеводы надъ отрядами, расположенными въ нынѣшней курской губерніи для защиты русской южной окраины отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Назначеніе это совпало съ тѣмъ временемъ, когда начались переговоры Хмельницкаго съ царемъ о присоединеніи Малороссіи. Дѣятельность Шереметевыхъ въ этихъ обстоятельствахъ составляетъ содержаніе четвертаго тома. Приступая къ изображенію оной, г. Барсуковъ останавливается на двухъ важнѣйшихъ фактахъ того времени: смерти Хмельницкаго и разрывѣ между патріархомъ Никономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ; на послѣднемъ фактѣ потому, что патріарху Никону въ дѣлѣ возсоединенія Малороссіи принадлежитъ немаловажное значеніе, ибо только подъ вліяніемъ его царь Алексѣй Михайловичъ окончательно рѣшился принять Хмельницкаго подъ свою высокую руку и вести войну съ Польшей и крымскимъ ханомъ, только послѣ долгаго совѣщанія царя съ патріархомъ отправлены были, наконецъ, въ 1653 году царская и патріаршая грамоты къ Хмельницкому о принятіи его въ подданство. Совѣты русскаго посла въ Варшавѣ, князя Бориса Репнина, сдѣлать уступки требованіямъ запорожцевъ не имѣли успѣха; между тѣмъ поляки вошли въ соглашеніе съ крымскимъ ханомъ и тотъ далъ имъ слово или въ конецъ разорить Украйну, или подчинить ее Польшѣ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что паны помогутъ ему завоевать Астрахань. Нужно было охранять южную границу, и это важное дѣло было поручено Василію Борисовичу Шереметеву, съ подчиненіемъ ему воеводъ другихъ окраинныхъ городовъ, а также «черкасъ», т. е. козаковъ. Назначалось приведеніе присоединяющихся къ присягѣ, а между тѣмъ на другихъ пунктахъ Украйны открывалась война. Для защиты Кіева отъ Польши посланы были Куракинъ и Волконскій; но когда наступила война, когда польскія войска облегли многіе южно-русскіе города, когда Умани, защищаемой полковникомъ Богуномъ, грозила опасность со стороны гетмана Чарнецкаго, а въ г. Константиновѣ, на Волыни, стоялъ другой гетманъ на готовѣ, государь направилъ въ Кіевъ В. Б. Шереметева въ помощь Богдану Хмельницкому. Но прежде, чѣмъ онъ достигъ Кіева, по измѣнившимся обстоятельствамъ войны, ему указано было отъ царя двинуться въ Бѣлую-Церковь, а оттуда въ Чигиринъ на соединеніе съ Хмельницкимъ. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обходя Богуна, направился чрезъ Брацлавъ къ Кальнику и осадилъ Умань, гдѣ сидѣлъ тогда Томиленко. Шереметевъ и Хмельницкій должны были идти къ нему на выручку; но у Охматова ихъ окружили со всѣхъ сторонъ поляки и они съ трудомъ, при подоспѣвшей помощи Богуна, могли пробиться обратно къ Бѣлой-Церкви. Недовольный исходомъ столкновенія, царь отозвалъ Шереметева изъ Украйны въ 1655 году

но долговременное пребываніе этого умнаго воеводы въ Украйнѣ дало ему возможность понять особенность положенія въ то время Малороссіи и личный характеръ и стремленія народнаго вождя, желавшаго знать одного царя и одну его волю; сдерживая въ себѣ деспотизмъ, которому давали большую свободу его предшественники, онъ снискалъ себѣ любовь въ средѣ народа и у Хмельницкаго. Въ доказательство этого г. Барсуковъ приводитъ неизданное до сихъ поръ письмо гетмана къ воеводѣ, дышащее теплымъ чувствомъ, какое связывало этихъ двухъ выдающихся людей своего времени. Содержаніе письма важно также и потому, что въ немъ сообщаются политическія извѣстія: о неудавшемся нападеніи поляковъ на Кіевъ, о грабежахъ татаръ въ Брацлавщинѣ и о необходимости послать на Крымъ донскихъ козаковъ и калмыковъ, чтобы предупредить соединеніе хана съ поляками (стр. 157—159). Добрая память о Шереметевѣ въ Украйнѣ выразилась по смерти Хмельницкаго; украинцы просили царя прислать Василія Борисовича для успокоенія смутъ въ Малороссіи.

Кромѣ указанныхъ свѣдѣній въ трудѣ г. Барсукова есть не мало цѣнныхъ данныхъ и для исторіи сѣверо-западной Руси; тутъ сообщаются подробности о завоеваніи русскими Смоленска, Витебска, Минска, Вильны, Полоцка, Динабурга, Дерпта и Копенгаузена, говорится о намѣреніи даже царя идти подъ Варшаву; въ завоеваніи вышеозначенныхъ городовъ принимаютъ участіе и малороссійское козачество подъ начальствомъ нѣжинскаго наказнаго полковника Василія Золотаренка, брата наказнаго гетмана Ивана Золотаренка. Но именно въ эту пору и здѣсь между ратными людьми и козаками обнаружились столкновенія и споры; русскіе воеводы обвиняли козаковъ въ грабежахъ мирнаго населенія; козацкіе старшины постоянно жаловались на насилія русскихъ начальниковъ, позволявшихъ себѣ гнать ихъ изъ домовъ, грабить имущество, «рѣзать хохлы и бить кнутами». Починъ всѣхъ споровъ авторъ приписываетъ козакамъ, размѣщеніе которыхъ по квартирамъ царь велѣлъ вслѣдствіе этого дѣлать на далекомъ разстояніи отъ мѣста расположенія московскаго войска. Любопытныя данныя сообщаетъ авторъ о состояніи православія въ Витебскѣ и даетъ при этомъ списокъ всѣхъ церквей, которыя «учинены уніямя», или прямо обращены въ костелы. Всѣ эти факты авторъ передаетъ потому только, что въ нихъ дѣйствующими лицами были то тотъ, то другой представитель рода Шереметевыхъ; чаще-же всего встрѣчается излюбленный малороссами Василій Борисовичъ Шереметевъ, то какъ полководецъ, то какъ дипломатъ.

Вообще содержаніе книги г. Барсукова очень богато данными для исторіи южной Россіи. Живой разсказъ автора, пересыпанный лѣто-

писными и актовыми меткими словами и выраженіями, читается легко и съ удовольствіемъ; но особенно книга цѣнна тѣмъ, что изобилуетъ цитатами изъ неизданныхъ доселѣ памятниковъ, представляющихъ высочайшій интересъ: изъ рукописей Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ ненапечатанныхъ хроникъ XVII вѣка, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и проч. Многія подробности, такимъ образомъ, становятся извѣстными лишь съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги.

Если затѣмъ, при всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствахъ, почтенный трудъ г. Барсукова имѣетъ свою слабую сторону, то это развѣ то, что въ немъ домашней жизни рода Шереметевыхъ удѣлено весьма мало мѣста; она совершенно ускользаетъ изъ глазъ читателя въ изображеніи служебной дѣятельности представителей этого рода. Упоминаются, правда, такіе частные факты, какъ рожденіе, женитьба или смерь того или иного члена этой семьи; но не собрано тѣхъ мелкихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается, такъ сказать, будничная жизнь человѣка и изъ которыхъ чертилъ свои богатыя картины домашняго быта такой изслѣдователь, какимъ явился у насъ впервые И. Е. Забѣлинъ. Въ книгѣ г. Барсукова мы не видимъ ничего, что свидѣтельствовало-бы о духовныхъ интересахъ и нуждахъ этихъ знатныхъ бояръ, не имѣемъ свѣдѣній объ ихъ воспитаніи, хозяйствѣ, будничной жизни, обстановкѣ дома, удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, не знаемъ, какъ распоряжались они въ своихъ имѣніяхъ, какъ относились къ своимъ крестьянамъ и сосѣдямъ по имѣнію и проч. Много этого рода данныхъ разбросано то тамъ, то сямъ въ сочиненіи; но будь они собраны вмѣстѣ, получилась-бы обстоятельная и яркая картина той именно жизни, которая вырабатываетъ характеры и привычки, которыя переносятся потомъ въ общественную среду и вліяютъ на складъ ея, испытывая, въ свою очередь, взаимодѣйствіе среды на себѣ. Однимъ словомъ, если служебная исторія рода Шереметевыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сказали, и исторія русскаго государства, то исторія домашняго быта была-бы вмѣстѣ и бытовой исторіей боярскаго сословія. У насъ до сихъ поръ никакъ не могутъ уловить и опредѣлить точно сословный или народный характеръ,—и неудивительно, мало занимаются бытовой исторіей. Впрочемъ высказанное нами замѣчаніе окажется, быть можетъ, преждевременнымъ, такъ какъ работа далеко еще не окончена и указанный пробѣлъ можетъ восполниться въ слѣдующихъ томахъ.

И. Каманинъ.

А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884 года.

Это изданіе распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Одессѣ въ минувшемъ году. Мы не говорили о немъ въ свое время, ожидая общаго изслѣдованія того-же автора по вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ новороссійскомъ краѣ, которое имъ обѣщано, но не явилось доселѣ. Скажемъ нѣсколько словъ теперь, чтобы въ ожиданіи большаго не оставить безъ вниманія меньшаго.

Руководствъ по археологіи вообще и по кургановѣдѣнію въ частности у насъ нѣтъ почти вовсе, а вниманіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, интересъ къ раскопкамъ, съ каждымъ годомъ растетъ и поддерживается въ значительной степени періодически повторяющимися археологическими съѣздами. Чтобы помочь людямъ, посвящающимъ свой досугъ и средства археологическимъ изысканіямъ, особливо новичкамъ и начинающимъ въ этомъ дѣлѣ, авторъ и предпринялъ настоящій небольшой свой трудъ, составляющій лишь незначительную часть приготовляемой, какъ мы сказали, къ печати общей работы.

Прежде всего это не самостоятельный трудъ спеціалиста, но сводъ и переработка данныхъ, добытыхъ другими археологами, составленные съ практическою цѣлью дать пригодное руководство желающимъ заняться производствомъ раскопокъ съ научною цѣлью. Сообразно этому, сводъ начинается указаніемъ на два типа земляныхъ насыпей, подвергающихся раскопкамъ: на могилы-курганы и городища

Первый типъ авторъ разсматриваетъ по вѣкамъ: каменному, бронзовому и желѣзному, опредѣляетъ территорію вида или рода могилъ, причемъ описываетъ внѣшній видъ ихъ, окружающую мѣстность, внутреннюю обстановку и содержаніе и наконецъ пріурочиваетъ могилы къ извѣстному времени и племени. Авторъ сообщаетъ при этомъ общую инструкцію для курганной экскурсіи, составленную имъ самимъ, и спеціальную инструкцію для изслѣдованія кургановъ, составленную коммисіей, назначенной 3-мъ археологическимъ съѣздомъ и разработанную позже профессоромъ Самоквасовымъ, затѣмъ антропологическую инструкцію профессора А. Н. Богданова и наконецъ инструкцію для излѣдованія каменныхъ гробовъ и древнихъ кладбищъ съ обособленными урнами.

Въ связи съ вопросомъ о курганахъ южной Россіи авторъ ставитъ вопросъ о тѣхъ «безсмѣнныхъ стражахъ степныхъ могилъ», каменныхъ бабахъ, о которыхъ до сихъ поръ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, были-ли они «надгробными изображеніями покойниковъ, сокрытыхъ въ тѣхъ-же курганахъ, или изображеніями божества незнаемаго пантеона

невѣдомыхъ кочевниковъ древности». Говоря о каменныхъ бабахъ, авторъ знакомитъ съ наружнымъ видомъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ и сообщаетъ данныя объ ихъ территоріальномъ распространеніи; здѣсь онъ также даетъ программу для собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, изданную графомъ А. С. Уваровымъ ради потребностей императорскаго московскаго археологическаго общества.

Второй типъ земляныхъ насыпей—городища, подраздѣляющіяся на собственно-городища, городки, сторожевыя городища и валы, разсматривается также подробно, какъ и предъидущіе археологическіе памятники, по родамъ и видамъ, и для изслѣдованія этого типа въ свою очередь предлагается авторомъ инструкція, выработанная упомянутой уже коммисіей на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Касаясь того или другаго типа насыпей, авторъ приводитъ въ выноскахъ всѣ болѣе или менѣе важныя, напечатанныя о нихъ, статьи и отдѣльныя сочиненія и заключаетъ это въ приложеніяхъ краткимъ спискомъ кургановъ въ Новороссіи и по Дону, давая такимъ образомъ матеріалъ для археологической карты южной Россіи, а также спискомъ вопросовъ по русской курганографіи, поставленныхъ въ программахъ на шести русскихъ археологическихъ съѣздахъ.

Изъ изложеннаго видно, что брошюра г. Матвѣева, представляя собою полный сводъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ раскопокъ, можетъ быть настольной книгой для людей знакомыхъ уже съ этимъ дѣломъ и тѣмъ болѣе руководствомъ для начинающихъ заниматься археологіей. Для этихъ двухъ цѣлей можемъ смѣло рекомендовать умѣло и добросовѣстно составленный г. Матвѣевымъ обзоръ. Намъ остается за симъ пожелать, чтобы и все его сочиненіе отличалось тѣми-же качествами ясности и систематизаціи и было-бы столь-же богато свѣдѣніями по части нашей юной археологіи, столь необходимыми у насъ, при отсутствіи въ нашихъ университетахъ каѳедръ по этой наукѣ, и чтобы свѣдѣнія этого рода обнимали не одну Новороссію, но касались-бы и другихъ частей нашего отечества, особенно-же Малороссіи, столь богатой курганами и могилами, важными для историко-археологическихъ изслѣдованій.

И. Каманинъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.

Тотъ-же г. Александръ Барсуковъ, который ведетъ многотомное, богатое научными достоинствами и роскошное во внѣшности изданіе «Родъ Шереметевыхъ», выступаетъ съ интересною книгою «Разсказовъ изъ русской исторіи». Всѣхъ разсказовъ въ книгѣ шесть: пять въ обыкновенной повѣствовательной формѣ, одинъ въ формѣ письма къ издателю «Русскаго Архива». Четыре изъ нихъ имѣютъ эпизодическій характеръ и сюжеты ихъ заимствованы изъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ Тайной Экспедиціи о разныхъ лицахъ, обвинявшихся по разнымъ поводамъ въ государственныхъ преступленіяхъ; таковы разсказы: «Іоасафъ Батуринъ», «Узникъ Спасо-Евфиміева монастыря», «Батюшковъ и Опочининъ» и «Шкловскіе авантюристы». Разсказъ «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ» въ сущности есть самостоятельный біографическій очеркъ этого могущественнаго въ свое время временщика; къ нему присоединенъ коротенькій разсказъ: «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», записанный со словъ стараго гатчинскаго солдата.

Всѣ вообще разсказы написаны живо и умно, читаются легко и съ большимъ интересомъ; въ особенности завлекаетъ мастерской очеркъ личности кн. Гр. Гр. Орлова, обнаруживающій въ авторѣ большое знаніе той эпохи, обширную начитанность, знакомство съ рѣдкими источниками, русскими и иностранными, печатными и рукописными.

Описываемыя въ разсказахъ происшествія и лица относятся къ царствованіямъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II, а главнѣйшій ихъ интересъ, которымъ они и подкупаютъ читателя, въ политическомъ ихъ оттѣнкѣ, въ рѣзкомъ переломѣ въ судьбѣ людей, по своему счастливыхъ и обезпеченныхъ, но заканчивающихъ жизнь въ печальномъ заключеніи и даже помѣшательствѣ. Есть-ли въ этомъ строго-историческій интересъ,—другой вопросъ; но разсказы о такихъ лицахъ и происшествіяхъ всегда будутъ привлекать къ себѣ предпочтительнѣе предъ скромными, скучными подъ часъ сюжетами изъ внутренней нашей исторіи, изъ жизни самаго народа. Въ этомъ, помимо болѣе или менѣе заманчивой формы, помимо искуснаго и дѣльнаго изложенія, заключается секретъ успѣха, какой имѣютъ этого рода разсказы и какой несомнѣнно должны имѣть появившіеся теперь разсказы г. Барсукова.

Тяжелое однако чувство остается въ душѣ по прочтеніи этихъ разсказовъ. Вотъ лица, выведенныя г. Барсуковымъ, ихъ проступки и судьба.

Подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батуринъ въ 1749 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, обнаруживаетъ неясный

замыслъ на совершеніе государственнаго переворота низверженіемъ съ престола императрицы Елисаветы и возведеніемъ на престолъ великаго князя Петра Θедоровича и за это послѣ 4-хъ лѣтъ ареста попадаетъ въ Шлиссельбургъ, оттуда, послѣ 16-лѣтняго безвѣстнаго заключенія, за полуумныя письма на имя Екатерины и давно умершаго Петра III, врученныя караульнымъ для доставки по адресу, ссылается вѣчно въ Большерѣцкій острогъ, тамъ принимаетъ участіе въ бунтѣ Беніовскаго и погибаетъ въ стычкѣ съ китайцами.

Отставной бригадиръ баронъ Ашъ въ октябрѣ 1777 г. представляетъ состоявшему уже не у дѣлъ временщику царствованія Елисаветы И. И. Шувалову письмо умершаго отца своего, бывшаго петербургскаго почтъ-директора, въ которомъ этотъ послѣдній увѣряетъ Шувалова, что онъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны отъ Бирона, а слѣд. законный наслѣдникъ русскаго престола, и предлагаетъ къ его услугамъ для возведенія его на престолъ сына своего, подателя письма. Письмо это, суть котораго бригадиръ Ашъ отстаиваетъ горячо на допросахъ, приводитъ его къ заключенію въ Дюнамюндскую крѣпость, а новые допросы по его содержанію при имп. Павлѣ I-мъ къ «неисходному со держанію» въ суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ 80-лѣтнимъ старцемъ, въ началѣ слѣдующаго царствованія, на порукахъ бывшаго тогда владимірскимъ губернаторомъ, извѣстнаго писателя, князя И. М. Долгорукова.

Отставной гвардіи корнетъ Илья Батюшковъ 25 ти лѣтъ, страдавшій помѣшательствомъ, и малосмысленный подпоручикъ Александръ Опочининъ 17-ти лѣтъ, по частному доносу, обвиняются въ томъ, что говорили между собою и съ другими всякій вздоръ, начиная съ того, что Опочининъ есть сынъ англійскаго короля и имп. Елисаветы Петровны, и кончая тѣмъ, что Гр. Гр. Орловъ хочетъ обвѣнчаться съ имп. Екатериною II и стать императоромъ, но что они, корнетъ и подпоручикъ, могли-бы его убить, императрицу низвергнуть и вмѣсто нея возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Послѣ тщательнаго *съ пристрастіемъ* допроса оба они ссылаются въ Сибирь—первый на казенныя работы, а второй на службу въ гарнизонѣ на иртышской линіи.

Не правда ли, удобные и благодарные для разсказа сюжеты? Прибавьте къ нимъ подробности тогдашняго ареста, заключенія и суда, распросныя и перекрестныя рѣчи, неизбѣжныя пытки, крайнюю подозрительность слѣдователей и судей, «продерзостныя и непристойныя слова» противъ высокихъ и высочайшихъ особъ, противорѣчіе и сумбуръ въ показаніяхъ, вырванныхъ изъ-подъ пытки, и затѣмъ лишеніе всего, ссылку въ Нерчинскъ или Мангазею, тяжкія оковы, вѣчныя работы,

или «неисходное содержаніе» въ Шлиссельбургѣ, Рогервикѣ и т. под. Во всемъ этомъ такъ много соли, остроты, тутъ каждый эпизодъ—цѣлая драма, высоко подпимающая нервы. Вспоминаются невольно пережитое къ счастію время грознаго «слова и дѣла», дворцовыхъ переворотовъ, неустановившагося государственнаго порядка, сильныхъ временщиковъ, безумной роскоши и веселія однихъ, страданій и голоданія другихъ. И ото всего этого, говоримъ мы, тяжелое чувство гнететъ душу. Достойно примѣчанія, что въ каждомъ изъ трехъ названныхъ разсказовъ исходнымъ пунктомъ и крайнею цѣлью «злодѣйственныхъ рѣчей» служать временщики: Разумовскій, Шуваловъ, Орловъ и что въ говорящихъ эти рѣчи усматривается тогда-же или впослѣдствіи «умовредительство». Такихъ «поврежденныхъ въ умѣ» людей много разсылалось тогда и въ наши южные монастыри на «неисходное содержаніе подъ крѣпкимъ карауломъ».

Въ числѣ разсказовъ, предложенныхъ г. Барсуковымъ, есть одинъ, который входитъ въ сферу нашихъ изслѣдованій и ради котораго мы заговорили о вышедшей книгѣ. Онъ озаглавленъ: «Шкловскіе авантюристы» и выдвигаетъ одного изъ сербскихъ авантюристовъ, невольно напоминающаго тѣхъ его соотчичей, которые призваны были колонизовать наши дикія мѣста, привить намъ высшую культуру и отъ которыхъ остались одни громкіе титулы, да щедро розданныя имъ земли. Главнымъ героемъ этого разсказа является темная личность генералъ-адъютанта Семена Гавриловича Зорича, а мѣстомъ дѣйствія мѣстечко Шкловъ, нынѣ могилевской губерніи. Читатель припомнитъ при этомъ ту вѣковую борьбу, которая происходила въ этихъ мѣстахъ на почвѣ превѣроисповѣдной и племенной между кореннымъ бѣлорусскимъ и преобладающимъ польскимъ населеніемъ и мелкіе случаи которой именно въ Шкловѣ и сосѣднихъ Оршѣ, Могилевѣ и Лоевѣ рѣзкими чертами отмѣтилъ въ своей безхитростной автобіографіи о. Илія Турчиновскій[1]). Въ то время, къ которому относится разсказъ о «Шкловскихъ авантюристахъ», Бѣлоруссія только была присоединена къ Россіи, по первому раздѣлу Польши, и православно-русское населеніе оной чаяло легче вздохнуть подъ русскимъ скипетромъ отъ тяжкихъ притѣсненій польскихъ пановъ и римскаго духовенства. Можно было ждать особыхъ для этого мѣръ со стороны новаго правительства, особыхъ владѣтелей и правителей, которыхъ дѣятельность была-бы посвящена облегченію участи забитаго и загнаннаго народа. Между тѣмъ вотъ что даетъ намъ указанный разсказъ о судьбѣ одного изъ названныхъ уголковъ

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., февральск. кн., стр. 318—333.

Бѣлоруссіи. Владѣльцемъ Шклова становится сербскій авантюристъ Зоричъ, 11 мѣсяцевъ бывшій въ «случаѣ» при Екатеринѣ, одаренный чинами и орденами, деньгами и землями и затѣмъ удаленный отъ двора. Сама императрица покупаетъ для него у князя Адама Чарторижскаго Шкловъ за 450 т. р., а онъ превращаетъ этотъ изстрадавшійся уголокъ въ мѣсто безумнаго разгула, пьянственныхъ оргій и наконецъ притонъ для выдѣлки и сбыта на громадныя суммы фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ и самъ, по собственнымъ словамъ благодѣтельствовавшей ему императрицы, оказался виновникомъ и участникомъ. Главные орудователи въ этомъ дѣлѣ, которыхъ пріютилъ у себя Зоричъ, италіанскіе выходцы, братья Аннибалъ и Маркъ графы Зановичи, были высланы за-границу, дѣло Зорича замято; тѣмъ все и кончилось. Зоричъ завелъ въ Шкловѣ училище, нѣчто въ родѣ кадетскаго корпуса для дѣтей польской шляхты, но директоръ этого училища, французъ Салморанъ «представлялъ ему комедіи и оперы и самъ сочинялъ тѣ комедіи», а жена его, бывшая актриса, также пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей и за все это поискивала въ концѣ концевъ съ Зорича 10 т. р. Училище имѣло 10 учителей и 60 кадетъ, а какова была въ немъ нужда, видно изъ того, что, по разсказу самаго директора, экономъ однажды, «отнявъ у женщины, среди улицы, корову, привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ». Въ разсказъ введена масса лицъ, связанныхъ съ судьбою Зорича: русскихъ, поляковъ, жидовъ, французовъ, и это даетъ ему большое разнообразіе, живость и пикантность. Какъ характеристику этихъ авантюристовъ и самаго мѣста, авторъ приводитъ, въ видѣ эпиграфа, слова изъ «Путешествія въ Кіевъ» московскаго митрополита Платона, которыми и мы закончимъ обзоръ весьма интересной книги г. Барсукова. «Проѣхали мы, пишетъ митрополитъ, славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились-бы и взоръ, и духъ нашъ». **К. Цыбульскій.**

Александръ Андріевскій. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.

Содержаніе настоящаго выпуска «Историческихъ Матеріаловъ» стольже разнообразно, какъ и всѣхъ предъидущихъ выпусковъ. Почтенный издатель, какъ было уже не разъ замѣчено, не держится въ подборѣ печатаемыхъ документовъ предметнаго или иного порядка, а помѣщаетъ все, что сколько нибудь цѣннаго и въ цѣльномъ видѣ находитъ въ раз-

розненныхъ и неполныхъ архивныхъ дѣлахъ, сортируя уже извлеченное по роду дѣлъ и по годамъ.

Цѣлая треть настоящаго выпуска отведена дѣламъ, касающимся кіево-межигорскаго монастыря, подъ общей рубрикой «Межигорская Старина». Дѣла эти печатались въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», были и отдѣльные съ нихъ оттиски и объ нихъ было сказано въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ нашего журнала. За ними слѣдуетъ дѣло «о воровствахъ въ кіево-фроловскомъ женскомъ монастырѣ», потомъ извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ, нѣсколько дѣлъ о приппскѣ кіевскихъ мѣщанъ въ козаки, два дѣла изъ разряда пограничныхъ, переписка о казенномъ виноградномъ садѣ, два дѣла о чародѣйствахъ и наконецъ такъ названная издателемъ «Архивная смѣсь», т. е. отдѣльныя архивныя бумаги, какъ напр. циркуляръ графа Румянцева, 1785 года, о встрѣчѣ графа Воронцова и Нарышкина, назначенныхъ ревизорами въ кіевское, черниговское и новгородъ-сѣверское намѣстничества, запись о расходѣ по дому главнаго народнаго училища въ Кіевѣ, публикаціи о розыскѣ бѣглыхъ монаховъ и проч.

Мы не будемъ передавать содержанія всѣхъ исчисленныхъ дѣлъ, изъ которыхъ большинство имѣютъ слишкомъ частное и условное значеніе для занимающихся мѣстною исторіею, а иныя, какъ напр. дѣло о воровствѣ въ флоровскомъ монастырѣ, помѣщены лишь потому, что подвернулись подъ руку издателя. Остановимъ вниманіе читателей на томъ, что въ настоящемъ выпускѣ имѣетъ несомнѣнный и болѣе общій историческій интересъ, а такой представляютъ собою извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ. Правда, это не цѣльныя дѣла о набѣгахъ гайдамакъ, или судѣ надъ ними, но лишь нѣсколько отрывочныхъ показаній, снятыхъ съ нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ, разновременно пойманныхъ послѣ усмиренія возстанія 1768 г. и подвергавшихся допросу въ кіево-губернской канцеляріи; тѣмъ не менѣе мы находимъ въ нихъ любопытныя свѣдѣнія какъ объ извѣстныхъ уже предводителяхъ гайдамацкихъ отрядовъ этого времени, воспѣтыхъ въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ: Максимѣ Желѣзнякѣ, Швачкѣ и Журбѣ, такъ и о неизвѣстныхъ доселѣ Саввѣ Сачкѣ, Саввѣ Цыганѣ и вообще о дѣйствіяхъ гайдамакъ, сновавшихъ подъ Кіевомъ и въ самомъ даже Кіевѣ. Есть показаніе самаго Журбы: онъ сынъ «подданнаго» кіево-михайловскаго монастыря, семь лѣтъ жилъ въ Запорожьѣ, потомъ былъ послушникомъ кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря и отсюда непосредственно попалъ въ гайдамаки и сталъ атаманомъ. По поводу именно этихъ любопытныхъ извлеченій мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Г. Андріевскій, помѣщая названныя показанія, замѣчаетъ, что онъ выбралъ ихъ изъ числа попадавшихся ему бумагъ о гайдамакахъ и даетъ имъ мѣсто потому, что онипо его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Позволимъ себѣ сказать, что это слишкомъ неопредѣленно, если несовершенно произвольно. Въ научномъ подборѣ матеріала такія общія, ничего не говорящія фразы не должны-бы имѣть мѣста; тутъ надо установить общую точку зрѣнія и по ней производить подборъ матеріала. Мы знаемъ, что выбралъ г. Андріевскій, но не знаемъ того, что онъ опустилъ и почему опустилъ. Между тѣмъ въ вопросѣ о гайдамачествѣ можетъ быть важно не только качество, но и количество дѣлъ. Если въ гайдамакахъ видѣть только разбойниковъ, грабителей, то появленіе ихъ должно быть послѣдствіемъ низкой степени благосостоянія массы народной въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ такомъ случаѣ количество и сила гайдамацкихъ набѣговъ должны быть обратно пропорціональны степени народнаго благосостоянія. Если напротивъ въ набѣгахъ гайдамакъ видѣть народное движеніе по мотивамъ религіозно-политическимъ, то возрастаніе и усиленіе набѣговъ должно свидѣтельствовать о степени религіозно-политическаго гнета, которому подвергался народъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, каждый листокъ бумаги, въ которомъ рѣчь идетъ о гайдамакахъ, всѣ эти доношенія, репорты, промеморіи и проч. разныхъ лицъ и учрежденій о появленіи въ томъ или другомъ мѣстѣ большихъ или малыхъ гайдамацкихъ партій, имѣютъ важное значеніе для исторіи и должны быть сохранены и подвергнуты изслѣдованію. Только имѣя возможно большее число фактическихъ, точно обслѣдованныхъ данныхъ о гайдамачествѣ за все время его существованія, можно было-бы установить безошибочный взглядъ на него и устранить ту двойственность въ немъ и рѣзкое отличіе, какое находимъ у нашихъ и польскихъ историковъ. Сопоставляя количество, силу, время и мѣсто гайдамацкихъ набѣговъ съ исторіей экономическаго положенія крестьянъ, расселеніемъ въ краѣ евреевъ, усиленіемъ уніи и религіознаго гнета, можно было-бы основательно разрѣшить вопросъ о томъ, были-ли гайдамацкіе набѣги протестомъ противъ религіозно-экономическаго гнета, противъ насилій католическаго и уніатскаго духовенства, противъ своеволія и обдирательства со стороны шляхты и евреевъ, или-же на гайдамакъ надо смотрѣть какъ на простыхъ разбойниковъ, стремившихся къ удовлетворенію личнаго произвола и корысти.

Основаніе къ разрѣшенію этого вопроса положилъ уже профессоръ В. Б. Антоновичъ, пришедшій въ своемъ изслѣдованіи о гайдамачествѣ,

на основаніи добытыхъ имъ изъ кіевскаго центральнаго архива актовъ, къ тому выводу, что «въ гайдамачествѣ видны постоянно въ различныхъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, доляхъ, двѣ разнородныя стороны, сплотившіяся въ одно явленіе: народный протестъ противъ польско-шляхетскаго порядка и стремленіе къ удовлетворенію личнаго произвола или корысти». Но онъ-же, въ томъ-же своемъ изслѣдованіи, представилъ замѣчательную программу для подбора свѣдѣнія о гайдамакахъ, и намъ кажется, что г. Андріевскому, печатая однородные акты и именно съ того времени, на которомъ остановился г. Антоновичъ, слѣдовало-бы поруководиться его программою, а не выбирать акты потому лишь, что они, по его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Тогда быть можетъ и то, что имъ отброшено, какъ негодное, нашло-бы мѣсто въ его всячески почтенномъ трудѣ.

К. Л.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ АРХИВА ПОЛТАВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ.

Въ 1878 году архивъ полтавской казенной палаты пострадалъ отъ пожара, при чемъ погибло весьма значительное количество дѣлъ, важныхъ для исторіи лѣвобережной Украйны XVIII ст. Вопросъ о томъ, что уцѣлѣло изъ прежняго архивнаго богатства названной палаты, не можетъ не представлять интереса для изслѣдователей мѣстной исторіи. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и предлагается помѣщаемый ниже перечень уцѣлѣвшихъ отъ пожара историческихъ матеріаловъ. Перечень обнимаетъ матеріалы не избранные только, но всѣ относящіеся къ прошлому столѣтію, не исключая и такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ лишь частныя данныя относительно минувшаго быта нашего края.

Всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ названномъ архивѣ, можно подраздѣлить на слѣдующія 6-ть группъ: I) двѣ связки румянцевской описи; II) 20 книгъ ревизіи 1763—64 гг., произведенной по универсалу гетмана Разумовскаго, по полкамъ; III) дѣла полковой гадячской канцеляріи; IV) дѣла прилукской счетной коммисіи; V) дѣла о завладѣніи и разныя другія и VI) ревизскія сказки 1782 г., первой ревизіи, произведенной по уѣздамъ.

I. Связки *румянцевской описи* заключаютъ въ себѣ вѣдомости:

1) *По сотенному мѣстечку Куреньки лубенскаго полка*: а) «о владѣніяхъ, съ показаніемъ, кто именно въ томъ мѣстечку владѣльцы

и какіе ихъ тамо дворы, жиліе или пріѣзжіе; такожъ какое ихъ владѣніе, подданные вѣчные ли, или ранговые, або подсусѣдки»; б) о состоящихъ въ мѣстечку козакахъ, ихъ состояніи и всемъ ихъ имуществѣ; в) «о изшедшихъ, удалившихся службы козачей или согнанныхъ зъ грунтовъ, или приверненныхъ во владѣнія партикулярныя», съ указаніемъ, «гдѣ оніе находятся, такожъ въ чіемъ владѣніи ихъ грунта, поля и лѣса состоятъ»; г) вѣдомости отъ сотенныхъ старшинъ «о состоящихъ въ ихъ владѣніи жилихъ дворахъ и къ онымъ дворамъ приналежитостяхъ и о подсусѣдкахъ и о протчемъ»; д) «вѣдомости о владѣніяхъ разнихъ чиновниковъ, которія оніе имеють по разнимъ крѣпостямъ».

2) *По сотенному мѣстечку Пирятину и первопирятинской сотнѣ лубенскаго полка:* а) «вѣдомости» о владѣніяхъ различныхъ частныхъ владѣльцевъ, большею частію составленныя по такой фомѣ: «вѣдомость (отъ такого-то) о жиломъ дворѣ или хуторѣ (если хуторѣ, то обозначено разстояніе между нимъ и полковымъ городомъ, также сотеннымъ мѣстечкомъ) и подсусѣдческихъ дворахъ, такожъ о жіючихъ въ техъ дворахъ подсусѣдкахъ и наемныхъ служителяхъ и о всѣхъ ко оному двору приналежитостяхъ и о подсусѣдскихъ имуществахъ». Въ числѣ владѣльцевъ встрѣчаются козацкіе старшины, значные козаки, чины духовные и военные (преимущественно грузинскіе князья); «вѣдомость о изшедшихъ и удалившихся службы козачей» и проч...

3) *По сотенному мѣстечку Устивицѣ миргородскаго полка:* а) вѣдомость о владѣніяхъ въ м. Устивицѣ по такой-же формѣ, какъ вѣдомость по м. Куренькѣ подъ литерою а; б) «сказки старожиловъ, м. Устивицы козаковъ, о томъ, кто именно изъ значащихся по ревизіи 1736 г. козаковъ умеръ, либо куда сойшолъ, и где оставшіеся по техъ грунта девалися»; в) вѣдомость о владѣніяхъ въ *с. Матяшахъ полка миргородскаго;* г) вѣдомость отъ войсковаго товарища Іосифа Заруднаго о маетности его въ *с. Злодіевкѣ, полка миргородскаго.*

4) *По второй полковой гадячской сотнѣ полка гадячскаго:* а) «о козакахъ и о ихъ состояніи и имуществѣ *с. Подставокъ* при р. Груни»; б) «о владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдкахъ разночинческихъ» того-же села; в) о состоящихъ по компуту 1736 г. козакахъ (того-же села) и о ихъ грунтахъ и имуществѣ, куда оніе

козаки и какими случаями убыли, а грунта ихніе въ чіемъ владѣніи состоять»; г) «о козакахъ и ихъ состояніи *с. Подолокъ* сотни второй гадячской» и д) вѣдомости отъ 15 владѣльцевъ о своихъ владѣніяхъ по сотнѣ второй гадячской. Къ большинству «вѣдомостей» румянцевской описи (къ черновымъ) приложены копіи съ крѣпостныхъ актовъ на владѣнія. Въ обѣихъ связкахъ румянцевской описи заключается около 3 тысячъ листовъ.

II. *Книги ревизіи 1763—64 г.г. по полкамъ.* Всѣхъ такихъ книгъ въ архивѣ 20, относятся онѣ къ полкамъ гадячскому, лубенскому, миргородскому, переяславскому и прилукскому; книги громадныя, каждая въ себѣ заключаетъ около 1,000 листовъ. Записи ревизіонныя идутъ въ книгахъ по сотнямъ и обыкновенно въ такомъ порядкѣ: 1) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ *дворовъ* и въ тѣхъ дворахъ хатъ, особожъ бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужска полу людей—*козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ*, полковыхъ, канцелярскихъ и сотенныхъ служителей, сверхъ генеральнаго опредѣленія состоящихъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; 2) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ разнаго духовнаго и воинскаго чина, такожъ и козачихъ *подсусѣдковъ и служителей* зъ ихъ дѣтьми и свойственниками, въ жилихъ дворахъ жіючихъ, особливо-же, сколко въ оной сотнѣ пріезжихъ разнихъ владѣльцовъ дворовъ и въ нихъ подсусѣдковъ, слугъ и работниковъ и ихъ дѣтей и свойственниковъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ». Эти два отдѣла записей (о козакахъ съ подпомощниками и подсусѣдкахъ съ слугами и работниками) заканчиваются обыкновенно «*табелью сперечневою*», т. е. статистическою таблицею, въ которой сведены всѣ цифровыя данныя по предыдущимъ рубрикамъ. Затѣмъ идутъ *записи* 3) такъ называемыхъ *вольныхъ дворовъ*, т. е. дворовъ свободныхъ отъ общенародныхъ повинностей. Записи этихъ дворовъ произведены по такой формѣ: «коликое число имѣется въ сотнѣ (такой-то) жилихъ дворовъ малороссійскихъ старшинъ владѣльческихъ, офицерскихъ, значковыхъ товарищей, старшинъ сотенныхъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярскихъ служителей и уволенныхъ отъ общенародныхъ повинностей; такожъ (дворовъ) разнаго духовнаго чина, т. е. поповскихъ и дьяконскихъ и другого разного-жъ войскового званія чиновъ, а особливо церковнихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, при церквахъ оставленнихъ и

жіючихъ въ шпиталяхъ, искалѣченныхъ и другихъ всѣхъ, кои только для единого извѣстія написаны». Отдѣлъ «вольныхъ дворовъ» также заканчивается общей статистической таблицей. Дальше въ книгахъ ревизіи 1763—64 г.г. слѣдуютъ записи *о посполитыхъ*. Записи эти обнимаютъ слѣдующія три экономическія группы посполъства: а) число въ каждой сотнѣ «дворовъ и бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужеска полу людей *посполитыхъ владѣльческихъ*, такожъ тѣхъ посполитыхъ, не имѣющихъ мужеска полу дѣтей, вдовъ, съ означеніемъ тѣмъ всѣмъ мужеска полу людямъ лѣтъ»; б) число въ каждой сотнѣ «*посполитскихъ*, т. е. владѣльческихъ *подсусѣдковъ, однодворныхъ и ихъ служителей и работниковъ*, не имѣющихъ нигдѣ никакихъ и малѣйшой части грунтовъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; наконецъ в) число *посполитыхъ, состоящихъ въ безповоротныхъ отлучкахъ*. Въ концѣ ревизіонныхъ записей почти каждой полковой сотни есть «вѣдомость, сколько зъ сотни посполитихъ въ отлучкахъ, яко-то въ Сѣчи и другихъ мѣстахъ, и безвѣстно зашедшихъ людей является, и повороту ихъ отлучкамъ не надежно, и съ какого году кто съ нихъ отлучился».

III. *Дѣла полковой гадячской канцеляріи* представляютъ собою вѣдомости о сборѣ денегъ по полковымъ сотнямъ съ козаковъ и посполитымъ на содержаніе полковой и сотенной старшины, войсковыхъ канцеляристовъ и на канцелярскіе расходы. Сохранились такія вѣдомости, начиная съ 1732 года и по 1749 годъ, но съ нѣкоторыми перерывами и далеко не по всѣмъ сотнямъ гадячскаго полка. Есть нѣсколько такихъ вѣдомостей, которыя не могутъ опредѣленно быть отнесены къ какому нибудь году, такъ какъ заглавныя надписи на нихъ совершенно истлѣли. За 1732 годъ сохранилось только «росписаніе, въ канцеляріи полковой гадячской учиненное», по которому предположено было взимать съ можнихъ по 20 коп., зъ усреднихъ по 11 коп., зъ убогихъ по 5 коп., съ крайне убогихъ по 3 и съ подсусѣдковъ по 2 коп.». За 1735 годъ уцѣлѣли вѣдомости о сборѣ денегъ по 8 сотнямъ гадячскаго полка, второй гадячской, лютенской, куземинской, ковалевской, комишанской, второй зеньковской, грунской и веприцкой. Эти вѣдомости составлялись уже въ сотенныхъ канцеляріяхъ и по большей части такъ озаглавлены: «вѣдомость (или свѣдѣніе) въ полковую гадячскую канцелярію сотни (такой-то), количество число собрано

денегъ съ козаковъ грунтовыхъ, малогрунтовыхъ, убогихъ и нищетныхъ и съ подсусѣдковъ на старшину полковую и сотенную и другихъ служителей». Такія-же вѣдомости, или свѣдѣнія, имѣются въ архивѣ за годы 1736, 1737, 1739, 1740, 1741, 1745, 1746, 1748 и 1749; по нѣсколькимъ сотнямъ есть вѣдомости только за 1746 годъ.

IV. *Дѣла прилукской счетной коммисіи*. Эти дѣла «о зависимой на обывателяхъ полку прилукскаго недоимкѣ» имѣются въ архивѣ на лице за одинадцать лѣтъ сряду, 1766—1776 гг. Въ общей сложности они даютъ 2954 листа.

V. *12 дѣлъ о завладѣніи* представляютъ сотою маленькія дѣла, отъ 10 до 40 листовъ каждое, и всѣ они за 1777 г. Заглавія ихъ слѣдующія: 1) о завладѣніи пахатнаго поля церковью цибелскою; 2) сѣнокоснаго кута возпымъ суда подкоморнаго золотоношскаго; 3) пахатнаго поля козакомъ цибелскимъ; 4) лѣса посполитыхъ бунчуковымъ товарищемъ Лѣсаневичемъ; 5) плеца жителемъ цибелскимъ; 6) лѣса козачкою цибелскою; 7) сѣнной луки дочерьми умершаго козака цибелскаго; 8) плеца съ хатою поповичемъ Иваномъ Осинскимъ; 9) сѣнокосной левады козакомъ цибелскимъ; 10) лѣса и поля козаками цибелскими; 11) и 12) имѣній посполитыхъ удовствующею обозною полковою Петровскою и наслѣдникомъ умершаго генеральнаго подскарбія Марковича. Остальныя дѣла очень разнообразны по своему содержанію. Такъ, имѣемъ вѣдомости: 1) «о приходахъ и расходахъ прилукской полковой канцеляріи» за 1766—1768 гг.; 2) «третныя вѣдомости казначействъ прилукскаго, гадячскаго, лохвицкаго, зеньковскаго, роменскаго и глинскаго за 1782 годъ»; 3) «о захваченіи лѣкаромъ Фридрихомъ казеннаго подданнаго въ Сорочинцахъ», 1782 года; 4) «о неправильномъ записываніи въ подданство» 1797 года; 5) «о перечисленіи жителей села Васютинецъ въ козаки» 1797 года; «объ обложеніи окладами возвратившихся съ бѣговъ и пропущенныхъ въ ревизскихъ сказкахъ» 1782 года; 7) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада нововыбранныхъ въ г. Лубнахъ въ почталіоны» 1797 года; 8) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада 8 душъ крестьянъ по волости требуховской, лишне написанныхъ по ревизіи 1795 года»; 9) «о взысканіи по г. Золотоношѣ съ двойнеобложенныхъ людей доимки» 1797 года; 10) «о перемѣщеніи

крестьянина Спиридона Горового коллежскимъ регистраторомъ Захаріемъ Гонкиномъ изъ переяславскаго уѣзда въ екатеринославскій уѣздъ кіевской губерніи», 1797 годъ; 11) «о перемѣщеніи крестьянина Павла Портнаго изъ за Домонтовичевой во владѣніе корнета Гоярина», 1797 года; 12) «о присылкѣ описей имѣніямъ и наличностямъ съ городскаго прилукскаго магистрата, состоявшихъ въ вѣдѣніи бывшей ратуши прилукской и о порученіи оныхъ имѣній въ смотрѣніе отставному значковому товарищу Ивану Пархомову», 1782 года; 13) «о заплатѣ денегъ подрядчикамъ за содержаніе на станахъ почтовыхъ лошадей за полкъ прилуцкій», 1742 года; 14) «о причисленіи лубенскаго жителя Максима Стронскаго въ купечество», 1796 года; 15) «объ отдачѣ въ наемъ глинскому городничему, маіору Шульгину казеннаго мѣста, бывшаго подъ сотенною канцеляріею въ м. Срибномъ», 1784 года.

VI. *Ревизскія сказки 1782 года* сохранились сполна по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи. Изъ книгъ этой ревизіи обращають на себя вниманіе двѣ: 1) «о великороссійскихъ владѣльческихъ крестьянахъ, отошедшихъ было въ кіевскую губернію съ гадячскимъ уѣздомъ», и 2) «священно и-церковнослужителяхъ уѣздовъ гадячскаго и зѣньковскаго». Не менѣе интересны и слѣдующія двѣ относящіяся къ послѣдующему времени книги: 1) «владѣнія и подданные густынскаго монастыря», 1785 года и 2) «ревизскія сказки и вѣдомости дополнительныя о приписныхъ по ревизіи 1782 года разнаго званія людяхъ, доставленные при рапортахъ одъ гадячскихъ и зѣньковскихъ городскихъ и земскихъ судовъ въ прошедшихъ 1783—1787 гг. заселенія», 1795 года.

Сообщ. **Л. Падалка.**

ЛЮБОПЫТНЫЯ РУКОПИСИ ОДНОЙ ЧАСТНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Въ м. Хабномъ, кіевской губерніи, радомысльскаго уѣзда, у г. Цейдлера находится библіотека, какую трудно было-бы предполагать въ такомъ глухомъ и заброшенномъ уголкѣ. Въ ней много рѣдкихъ польскихъ изданій, хранится немало и рукописей XVI, XVII и начала XVIII в. На эти-то послѣднія я и хочу обратить вниманіе лицъ, занимающихся мѣстною исторіею.

Много слышалъ я о библіотекѣ г. Цейдлера, но самому въ ней не пришлось побывать. Нѣкоторое знакомство мое съ нею относится лишь къ рукописному ея отдѣлу, но и объ немъ я могу судить лишь по тѣмъ немногимъ документамъ, какіе взяты изъ этой библіотеки и доставлены мнѣ для просмотра однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Все это документы XVI и XVII в. Въ числѣ ихъ есть между прочимъ выписка изъ грамоты Сигизмунда I-го, 1509 г.; писана она латинскимъ шрифтомъ, но языкъ грамоты русскій. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значеніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ г. Цейдлера, укажу лишь на нѣкоторыя изъ доставленныхъ мнѣ.

Вотъ рядъ позвовъ и протестовъ двухъ пановъ кіевскаго Полѣсья—*Трипольскаго* и *Барана* предъ кіевскимъ трибунальнымъ судомъ, 1595—1640 годъ. Тутъ цѣлая картина жизни того времени, когда нападеніе съ толпою собственныхъ подданныхъ на сосѣдей и уничтоженіе чужой собственности не только вынуждалось безсиліемъ власти и суда, но составляло въ нѣкоторомъ родѣ развлеченіе благородныхъ пановъ.

Вотъ «духовныця (духовное завѣщаніе) благородной госпожи Александры Вороновичовны Миколаевой Ободенской». Документъ 1649 г., писанъ по русски. Ободенская, распредѣляя свое громадное состояніе, озабочена въ особенности выкупомъ изъ «полона агарянскаго» сына своего Константия. На это святое дѣло она предназначаетъ деньги «зъ приходовъ отчинныхъ», а также нѣкоторые долги. Послѣдніе составляютъ такую значительную сумму, что на нее можно было выкупить не одного «полонянника». «Вначалѣ, говоритъ завѣщательница, его милость господинъ Іанушъ Тишкевичъ, воевода и енералъ землѣ кіевской, виненъ мнѣ чтиридесять тисящей золотыхъ полскихъ, за которые денги въ закладѣ Райгородокъ мѣстечко и село Жидовце имѣю отъ него. Повторне, велможная еи милость госпожа воеводина троцкая, Миколаевая Абрамовичова Елизавеѳа Горностаевна, виновата мнѣ полскои монети два десять тысящъ и двѣ тисящи и двѣстѣ золотихъ, а въ закладъ тѣхъ денегъ отдала мнѣ село Козаровичи, мѣстечко Хелминъ, Глѣбовку и Литвиновку. Его милость Станѣславъ Угорницкій, староста чернѣговскій, зъ жоною своею Катериною Угорницкою-жъ виновати мнѣ на записъ полскои-жъ монети девятьдесятъ тысящей золотихъ и чотири».

Вотъ еще инвентарь 1660 года, писанный Константиномъ Леономъ Ободынскимъ, тѣмъ самимъ, о которомъ мать хлопотала, чтобы освободить его изъ плѣна агарянскаго. Онъ забылъ языкъ матери и писалъ уже по польски. Приводимъ цѣликомъ этотъ инвентарь въ переводѣ.

I. Инвентарь села Козаровичъ, составленный по ихъ доходности въ 1660 году.

Въ Козаровичахъ находится 60 волоковъ, съ каждой волоки слѣдующія повинности: наличными деньгами чиншевыхъ 3 злота, мѣрка овса, 3 курицы, одинъ каплунъ.

Льну десятокъ, чиншевыхъ дровъ въ замокъ 16 возовъ; панщины каждую недѣлю, и зимою и лѣтомъ, два дня.

Итакъ чиншевыхъ наличныхъ денегъ съ Казаровичъ 180 золотыхъ.

Чиншевой овесъ, если считать мѣрку по злотому, получится 480 злотыхъ.

Куръ не считаю: я ихъ оставляю на размноженіе.

Десятокъ льну, считая по полузлотому, получится 30 злотыхъ.

Такую повинность обязанъ исполнить всякій, кто сидитъ на волокѣ.

Каждый, кто имѣетъ борти, долженъ, безъ всякой утайки, по стародавней осѣдлости и лежащихъ на ней повинностяхъ, дать меду, когда бываетъ его сборъ, столько, чтобы всего было 130 бѣльцевъ. Считая каждый бѣлецъ только по три злота, а иногда бываетъ и по пяти,—всего будетъ 390 злотыхъ.

Козаровскія мельницы всегда приносили каждый годъ доходу вмѣстѣ съ корчмой 1,200 злотыхъ.

Засѣвы на поляхъ, что обязаны собрать панщиной, соображаясь съ настоящимъ урожаемъ, который забрали ихъ милости межигорскіе отцы, т. е. 450 копъ, должны дать 900 злотыхъ, если считать каждую копу по два злота.

Луга, пруды, озера, третья рыба отъ каждаго (улова), *minimum* полагаю 300 злотыхъ.

Нѣкоторыми прудами пользовались отцы межигорскіе въ точеніе этихъ двухъ лѣтъ и весь пожитокъ обращали въ свою пользу.

Обязаны дать двѣ телки—одну на Свѣтлый Праздникъ, а другую въ Рождество; считая каждую толку по 10 злотыхъ, получится 20 злотыхъ.

Такимъ образомъ Козаровичи каждый годъ должны давать сумму въ 3,500 злотыхъ.

II. Инвентарь с. Глѣбовки, по ея доходности.

Въ Глѣбовкѣ *plus minus* 40 лановъ, съ каждаго лана слѣдующія повинности: наличными деньгами два злота и 15 грошей; мѣрка овса, три курицы, одинъ каплунъ, десятокъ льну, возовъ восемь дровъ безъ панщины, панщины два дни каждой недѣли.

Если всѣ чиншевыя обязанности перевести на наличныя, можно положить сто злотыхъ.

Мельничка даетъ арендной платы, какъ и теперь, 100 злотыхъ.

Прудъ, который теперь спущенъ, даетъ во время спуска воды шесть бочекъ рыбъ; но это я оставляю для себя.

Льну 40 десятковъ. Считая по ползлотому, полагаю 20 злотыхъ.

Двѣ телки—одну въ Рождество. а другую въ Свѣтлый Праздникъ; за это я полагаю 20 злотыхъ.

Куръ оставляю на размноженіе.

Отъ бобылей, которые обязаны отбывать панщину одинъ день каждой недѣли и давать въ годъ чиншевыхъ 25 грошей, полагаю въ годъ 6 злотыхъ и 20 грошей.

III. Инвентарь Самуель-поля или Холма.

Эти не отрабатываютъ панщины, но даютъ на годъ по 5 злотыхъ и по 63 курицы, какъ слободяне.

Здѣсь должно быть волочниковъ 30; отъ каждаго по 5 злотыхъ. въ годъ будетъ 150 злотыхъ.

Еще тѣ, что живутъ отдѣльно дворами. Объ ихъ обязанностяхъ и о томъ, сколько они должны давать скота, спросить у людей, и тогда пусть внесутъ за все вмѣстѣ 200 злотыхъ.

Такимъ образомъ три мои имѣнія каждый годъ должны давать 4,266 злотыхъ и 20 грошей.

Константинъ Леоновъ Ободынскій manu propria.

Если такой-же интересъ могутъ представить и другія рукописи въ библіотекѣ г. Цейдлера, то занимающимся исторіею нашего края весьма не мѣшало-бы ознакомиться съ ними, а это тѣмъ болѣе возможно, что какъ мнѣ передавали, г. Цейдлеръ охотно готовъ подѣлиться ими въ интересахъ науки.

Сообщ. **Д. А. Синицкій.**

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ХЕРСОНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 іюля настоящаго года исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня основанія Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. За истекшую четверть вѣка въ «прибавленіяхъ» къ нимъ помѣщено довольно большое число матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ по исторіи и географіи новороссійскаго края, могущихъ оказать важную услугу любителямъ мѣстной старины и ученымъ, при извѣстной скудости историческихъ данныхъ по херсонской губерніи. Особенно много матеріаловъ по мѣстной исторіи находимъ въ первые три года жизни юнаго изданія, потомъ замѣчается затишье, но съ 1875 года снова идетъ рядъ такихъ статей и матеріаловъ вплоть до 1885 г. Въ указанный промежутокъ времени, 1860—1885 гг., страницы «прибавленій» украшались именами покойныхъ В. И. Григоровича и Н. М. Мурзакевича, прот. С. Серафимова и здравствующихъ понынѣ священника Н. Неводчикова (теперь епископа Неофита), прот. Лебединцева и свящ. Никифорова. Предлагаемъ здѣсь списокъ статей и матеріаловъ по исторіи и географіи южной Руси, помѣщенныхъ въ «прибавленіяхъ» 1860—1885 гг.

а) Древняя исторія церкви на югѣ Россіи.

Иннокентій архіепископъ, «Насажденіе и успѣхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ» (1860 г., № 1).

Н., «Мнѣнія ученыхъ о русскихъ письменахъ, въ Херсонѣ найденыхъ св. Константиномъ» (1861 г., № 3). Мнѣнія А. В. Горскаго, В. И. Григоровича, М. И. Сухомлинова, П. А. Лавровскаго и С. М. Соловьева.

Н., «Обрѣтеніе мощей священномученика Климента» (1861 г., № 4). Переложеніе сказанія очевидца съ примѣчаніями.

Н., «Херсонскіе священномученики» (1861 г., № 5).

«Инкерманская киновія» (1861 г., № 6).

Н., «Херсонскіе заточеники» (1861 г., № 7).

Иннокентія архимандрита, «Св. Іоаннъ, епископъ готѳской» (1862 г., № 9). Приложенія: а) о епархіи готѳской, б) старыя дѣла о епархіяхъ готѳской, херсонской и сугдейской.

Прот. С. Серафимовъ, «Крымскіе христіане (греки) на сѣверныхъ берегахъ Азовскаго моря» (1862 г., № 4).

В. И. Григоровичъ, «Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X стол.» (1864 г., № 19). Въ приложеніи два письма (919—920 гг.) патріарха Николая Мистика съ важными указаніями на участіе Херсонеса въ просвѣщеніи хозаръ (правдоподобно—славянъ).

б) Исторія іерархіи XVIII и XIX стол.

Для исторіи новороссійской іерархіи прошлаго столѣтія важнѣе другихъ обстоятельное, строго-научное изслѣдованіе свящ. Н. Неводчикова (нынѣ Неофита, епископа туркестанскаго): «Евгеній Булгаринъ, архіепископъ славенскій и херсонскій» (1875 г., №№ 7, 11, 12 и 13). Въ статьѣ этой много интересныхъ свѣдѣній по исторіи края вообще и южно-русскаго духовенства и церквей въ частности. Она издана въ томъ-же году отдѣльными оттисками, но, кажется, въ продажу они не поступали. Затѣмъ для XVIII в. и начала XIX в. находимъ слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. М. (Мурзакевичъ), «Матеріалы для исторіи новороссійской іерархіи. Къ свѣдѣніямъ о Евгеніѣ Булгаринѣ» (1878 г., № 20). Письма Б—са къ Потемкину и къ правителю канцеляріи послѣдняго, службы библіотеки Б—са, свѣдѣнія о пріемникѣ его, Никифорѣ (духовное завѣщаніе Никифора).

— Тоже. «Архіепископъ Амвросій Серебрениковъ» (1878 г., № 24). Отношенія его къ Потемкину,

— Тоже. «Митрополитъ Гавріилъ Бадони» (1879 г., № 2).

— Тоже. «Архіепископъ Аѳанасій Ивановъ. Архіепископъ Платонъ Любарскій. Архіепископъ Іовъ Потемкинъ» (1879 г. № 12).

— Тоже. «Архіепископы Ѳеофанъ Татарскій и Онисифоръ Боровикъ» (1879 г., № 13).

— Тоже. «Арх. Гавріилъ Розановъ» (1879 г., № 17). Къ статьѣ приложенъ списокъ литературно-ученыхъ трудовъ преосв. Гавріила.

— Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бадони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (1881 г., №№ 13 и 14).

«Противъ обливательнаго крещенія». Окружное посланіе Никифора, архіепископа словенскаго и херсонскаго (1871 г., № 1).

Н. Мурзакевичъ, «Епархія словенская и херсонская (1875 г., № 21). Перепечатка изъ IX тома зап. одесск. общ. ист. и древн. Списокъ архіеревъ съ 1775 г. по 60-е годы настоящаго столѣтія съ краткими свѣдѣніями о дѣятельности ихъ.

Письмо архіепископа Евгенія Булгариса правителю канцеляріи князя Потемкина В. С. Попову; въ письмѣ денежные счеты за домъ, библіотеку и проч. Дата: 18 іюня 1791 года (1875 года, № 23).

Священникъ Неводчиковъ, «Нѣсколько словъ о преосвященномъ Амвросіѣ Серебрянниковѣ, епископѣ екатеринославскомъ и Херсонеса таврическаго» (1860 г., № 10). Приложенія: а) преосвященнаго Амвросія въ Бозѣ почившему свѣтл. князю Г. А. Потемкину, Таврическому, послѣднее цѣлованіе, б) покаянное моленіе къ Богу, его-же, в) письмо Амвросія къ Потемкину.

Протоіерей А. Г. Лебединцевъ, «О ѳеодосійской викарной епархіи» (1861 г., № 1). Приложенія: а) письмо преосвященнаго Іова, епископа ѳеодосійскаго, къ графу П. А. Зубову 29 іюля 1794 г., б) письмо его-же къ тому-же, безъ даты, в) копія съ высочайшаго указа графу Зубову объ отводѣ въ Ѳеодосіи дворца для жительства епископу, г) рѣчь преосвященнаго Моисея, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго, при отправленіи тѣла князя Потемкина изъ Николаева въ Херсонъ, д) рѣчь того-же преосвященнаго при преданіи землѣ тѣла Потемкина.

— «Протоіерей о. Карпъ Павловскій» (р. 1774 г. + 1832 г.). 1861 г., № 12. Въ приложеніи 8 рѣчей и словъ протоіерея П—го. П—ій служилъ въ Николаевѣ, Херсонѣ и Елисаветградѣ. Въ статьѣ находимъ свѣдѣнія о чумѣ 1813 г. въ Елисаветградѣ, объ основаніи здѣсь духовнаго училища въ 1820 г., о началѣ военныхъ поселеній, о высочайшихъ посѣщеніяхъ 1823 и 1830 г., о землетрясеніи въ Елисаветградѣ въ 1829 г., о холерѣ 1830—1831 гг., о затмѣніи солнца 1831 г.

Письмо дюка де-Ришелье къ елисаветградскому протоіерею Карпу Павловскому 13 августа 1813 г. (1862 г., № 12).

Рѣчь М. П. Павловскаго 17 августа 1837 г. и письмо къ нему преосвященнаго Гавріила 14 іюня 1837 г. (1877 г., №№ 16 и 17).

Протоіерей П. Куницкій, «Нѣкоторое свѣдѣніе о жизни митрополита Гавріила Бадони» (1861 г., № 18).

Протоіерей А. Лебединцевъ, «Протоіерей о. Петръ Куницкій» (р. 1774 † 1837 г.) 1861 г., № 20. Въ приложеніи 11 словъ и рѣчей о. К—го и 4 письма къ нему разныхъ лицъ. Мѣста служенія: Новомиргородъ, Екатеринодаръ, Одесса, Яссы и снова Одесса; былъ первоприсутствующимъ молдовлахійской экзаршей дикастеріи и ректоромъ ясскаго духовнаго училища.

Рѣчь протоіерея П. Куницкаго при гробѣ экзарха Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго 1 апрѣля 1821 года (1861 г., № 22).

Священникъ М. Крячковскій. Нѣсколько резолюцій преосвященныхъ Платона Любарскаго и Іова Потемкина (1869 г., № 2).

Письмо Никифора Ѳеотоки, архіепископа словенскаго и херсонскаго 1793 г. (1875 г., № 11).

Рѣчь, сказанная въ Херсонѣ протоіереемъ Г. Сарафиновичемъ графу Ланжерону 6 марта 1816 г.—Документъ, касающійся бѣглыхъ священниковъ въ срединѣ XVIII в. (1883 г., № 15).

Изъ статей объ архипастыряхъ настоящаго столѣтія, кромѣ указанныхъ выше статей Мурзакевича, слѣдующія посвящены памяти архіепископа Гавріила Розанова:

Письмо преосвященнаго Гавріила 12 ноября 1848 года (1860 годъ, № 11).

Протоіерея С. Серафимова. Воспоминанія о пастырскихъ путешествіяхъ преосвященнаго Гавріила (1861 г., № 22).

«Нѣкоторые отрывки моей біографіи»—статья самаго архіепископа Гавріила (1861 г., № 23). Въ приложеніи: «краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ и о кончинѣ преосвященнаго архіепископа Гавріила».

Трудъ преосвященнаго Гавріила, подъ заглавіемъ: «Хронологико-историческое описаніе церквей херсонской губерніи», помѣщенный сначала въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., перепечатанъ въ «Прибавленіяхъ» 1878 г. (№ 13 и 14) и въ 1879 г. (№№ 12 и 14).

Но первое мѣсто по количеству біографическаго матеріала изъ архіереевъ херсонскихъ остается за преосвященнымъ Иннокентіемъ. О немъ находимъ слѣдующія статьи и матеріалы:

Письмо его къ А. С. Стурдзѣ (1860 г., № 1).

Переписка его съ нимъ-же (тотъ-же годъ, №№ 8 и 9).

Письмо ректора кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, впослѣдствіи архіепископа, 18 января 1836 г. (тотъ-же годъ № 11).

Записка его о возтановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложеніе его херсонской епархіальной консисторіи 27 сентября 1848 г. Такое-же предложеніе 25 марта 1849 г. (1861 г., № 11).

Изъ «Замѣтокъ» преосвященнаго Иннокентія (1861 г., №№ 15—19, 22—23).

Протоіерея А. Лебединцева, «Воспоминанія о преосвященномъ Иннокентіѣ» (1862 г., № 1).

Протоіерея А. Логиновскаго, «О послѣдней поѣздкѣ въ Крымъ преосвященнаго Иннокентія» (тотъ-же годъ, № 2).

Письма преосвященнаго Иннокентія къ протоіерею Максиму Перепелицину (1848 г.), съ примѣчаніями протоіерея Серафимова (1878 г., №№ 6 и 21).

Протоіерей С. Серафимовъ. Нѣсколько свѣдѣній объ учрежденіи викаріатства въ херсонской епархіи въ 1852 г. (1878 г., № 19). Извлечено изъ писемъ преосвященнаго Иннокентія.

О преосвященномъ Дмитріѣ Муретовѣ находимъ статью въ 1883 г., № 23.

Наконецъ, въ № 22-мъ 1869 г. находимъ двѣ сводныя статьи протоіерея Серафимова:

1) Святители изъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи со времени преобразованія ея въ 1819 г.

2) Воспитанники кіевской духовной академіи, служившіе и служащіе въ херсонской епархіи въ должностяхъ училищныхъ и епархіальныхъ со времени преобразованія академіи.

в) Исторія храмовъ, иконъ и монастырей.

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Одесскій каѳедральный преображенскій соборъ» (1860 г., №№ 3—4).

Протоіерей I. Знаменскій. «О касперовской чудотворной иконѣ Божіей Матери (ibid. № 7).

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Церковь св. Екатерины въ Одессѣ» (ibid. № 8).

Архимандрита Діонисія. «Свѣдѣнія о Бизюковомъ монастырѣ» (1862 г., № 6).

Священника А. Манжелея. Лѣтопись Вознесенской церкви села Петрова, александрійскаго уѣзда (1869 г., № 22).

«Свѣдѣнія о построеніи и освѣщеніи единовѣрческой Успенской церкви въ Одессѣ» (1875 г., № 3).

Протоіерей А. Серафимовъ. «Историческое описаніе херсонскаго Успенскаго собора» (1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 12, 16—18).

П. Юрченко. «Храмы г. Херсона православные и инославные (1881 г., № 20).

Николаевская церковь села Черниковки, александрійскаго уѣзда (1883 г., № 9).

Протоіерей С. Серафимовъ. Одесская единовѣрческая Покровская церковь (1883 г., №№ 9—10, 12, 14, 18 и 24).

Протоіерей М. Вартминскій. «Краткая историческая записка о соборѣ г. Вознесенска (1884 г., № 12). Данныя о началѣ города.

Священникъ А. Черняговскій. «Историческая записка о херсонскомъ екатерининскомъ соборѣ» (1884 г., № 15). Опись церковныхъ древностей (между ними есть запорожскія); замѣчательныя надгробія.

В. Я—въ. Историко-статистическія матеріалы о церквахъ г. Елисаветграда: 1) Троицкой крѣпостной и 2) Греческой Владимірской (ibid.).

Протоіерей А. Корочанскій, «О Рождество-Богородичномъ соборѣ города Николаева» (1884 г., № 19).

«О церкви Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ г. Николаевѣ» (ibidem).

г) Статьи по исторіи и этнографіи края вообще въ связи съ церковной исторіей.

Пр. А. Лебединцевъ, «Ханская Украйна» (1860 г., № 6). Драгоцѣнныя данныя, почерпнутыя изъ архива херсонской консисторіи: періодъ подчиненія Ханской Украйны молдавской митропо-

ліи (съ 1760 г.), списокъ населенныхъ пунктовъ 1793 г.; нѣсколько грамотъ молдавскихъ архіереевъ.

«Изъ замѣтокъ священника, жившаго въ осажденномъ Севастополѣ» (1861 г. №№ 6—10).

Священника Н. Игнатьева, «Замѣтки о современномъ религіозно-нравственномъ состояніи молдавскаго населенія въ новороссійскомъ краѣ» (1861 г., № 9).

Протоіерей Н. Неводчиковъ, «Письма къ священнику херсонской епархіи о бамбардированіи Одессы» (1862 г., № 8).

М. Гребинскій, «Перечень событій, относящихся къ исторіи херсонской епархіи» (ibid., № 10).

Протоіерей Мих. Павловскій, «Профессоръ философіи въ новороссійской семинаріи поручикъ Яковъ Артемовъ» (1864 г., № 3). Приложенія: 1) посьмо А—ва къ петербургскому архіепископу Амвросію 1799 года 23 декабря, 2) привѣтствіе его императорскому величеству Павлу Петровичу па случай его прибытія въ екатеринославскую семинарію.

Священникъ Н. Неводчиковъ, «Воспоминанія о Е. А Хитрово» (1864 г., №№ 3, 5 и 7).

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Историко-статистическое описаніе прихода собора гор. Александріи» (1873 г.). Данныя объ основаніи города.

В. И. Григоровичъ, «Изъ записокъ антиквара о поѣздкѣ его на южныя побережья Днѣстра» (1874 г., № 18). Данныя о русскомъ населеніи приднѣстровья.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Очерки александрійскаго уѣзда» (ч. I, №№ 22—24, 1878 г.). Въ 1-й части этого почтеннаго труда находимъ весьма интересныя свѣдѣнія по географіи уѣзда: рѣки, рѣчки и ручьи, озера и острова, топографія: могилы и курганы, городища; затѣмъ слѣдуетъ обстоятельный историческій очеркъ края съ древнѣйшихъ временъ; особенно цѣнныя свѣдѣнія сообщаются о заселеніи новороссійскаго края въ XVIII в.; во 2-й части дѣло идетъ объ административномъ раздѣленіи Новороссіи въ разныя времена, со дня присоединенія ея къ Россіи; есть данныя о военныхъ поселеніяхъ. Были отдѣльные оттиски.

Матеріалы для исторіи христіанской благотворительности въ Одессѣ: 1) наставленія А. С. Стурдзы сестрамъ общины сердоболь-

ныхъ сестеръ, 2) двѣ келейныхъ молитвы сердобольной сестры, сочиненныя Стурдзою (1877 г., № 17).

Памяти свѣтлой княгини Е. К. Воронцовой, «Слово архіепископа Платона и рѣчь протоіерея М. Павловскаго при погребеніи ея» (1880 г., № 10).

Протоіерей С. Патенко, «Городъ Новомиргородъ, его храмы и духовное управленіе» (1880 г., №№ 10, 13, 15 и 21).

Священникъ Г. Гуравскій, «Памяти графа Д. Е. Остенъ-Сакена» (1881 г., № 15).

Протоіерей С. Серафимовъ, «Матеріалы для исторіи херсонской епархіи съ учрежденія ея въ 1837 году до нашего времени» (1883 г., №№ 3 и 4). Содержаніе: 1) раздѣленіе екатеринославской епархіи, 2) прибытіе въ Одессу архіепископа Гавріила, 3) открытіе херсоно-таврическаго епархіальнаго управленія въ Одессѣ, 4) въ какомъ состояніи первый архипастырь херсонскій нашелъ церкви одесскія и прочія духовныя учрежденія, 5) высочайшее посѣщеніе Одессы въ 1837 году, 6) появленіе чумы въ Одессѣ въ 1837 году, 7) іереи съ истинно-пастырскимъ самоотверженіемъ—Өеофанъ Головченко и Өедоръ Самборскій.

Нѣсколько статей было посвящено въ «Прибавленіяхъ» *штундизму*, а именно:

Горжалчинскій А., «Штунды и штундизмъ» (1876 г., № 14). Дѣло о штундистахъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ мировыхъ судей; село Злынка, какъ удобное мѣсто для развитія ереси; ученіе штунды и мѣры борьбы противъ него.

«Замѣтка о штундахъ» (1878 г., № 8). Судебное дѣло о Михаилѣ Ратушномъ и другихъ, разбиравшееся въ одесскомъ окружномъ судѣ 30 марта 1878 года.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Нѣчто о штундизмѣ» (1881 г., №№ 5 и 8). Бесѣда автора съ Рябошапкою; отчетъ о судебномъ слѣдствіи по дѣлу о штундистахъ с. Любомирки, разбиравшемуся въ александрійскомъ съѣздѣ мировыхъ судей 17 іюня 1880 г.

Н. М. Ч., Краткій обзоръ книгъ и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ штундистами (1883 г., № 16).

Д. Протасовъ, «Штундизмъ и разборъ его ученія (1883 г., №№ 21—24).

Священникъ И. Зубовъ, «Къ вопросу и свѣдѣніямъ о малорусскомъ штундизмѣ» (1884 г., № 11).

Толкованіе штундистами XXIII главы Евангелія отъ Матѳея (1882 г., № 21).

Итакъ, изъ перечня, сдѣланнаго нами, можно убѣдиться, что «Прибавленія» къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ заключаютъ въ себѣ довольно матеріала по мѣстной исторіи и географіи, особенно для такого молодого края, каковъ херсонскій. Пожелаемъ, чтобы пытливость мѣстнаго духовенства въ этомъ направленіи росла и ширилась и впредь больше добывала такого цѣннаго матеріала, какой находимъ въ «Прибавленіяхъ» за истекшее первое 25 лѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

В. Ястребовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Около 10 лѣтъ назадъ сему, въ с. Ольшанскомъ (екатеринославской губерніи) случилось мнѣ познакомиться съ двумя глубокими стариками, тамошними крестьянами, извѣстными въ народѣ по однимъ лишь именамъ. То были дѣдъ Андрей и дѣдъ Пилипъ. Оба они были люди бывалые, многое видѣвшіе, многое слышавшіе на своемъ долгомъ вѣку. Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрей всю молодость провелъ въ бурлачествѣ, жилъ «въ забродахъ», т. е. на рыбныхъ ловляхъ у Азовскаго моря. Разъ какъ-то сошлись мы вмѣстѣ всѣ трое и разговорились. Пилипъ завелъ рѣчь о томъ, что пчеламъ теперь скудно жить, что въ степи вывелись терны, исчезли цвѣты, перестала родить гречка; Андрей вздохнулъ, покачалъ головою и началъ разсказъ о давней давнинѣ. Вспомнилъ онъ и дѣда своего, и отца, и свое дѣтство, жизнь въ забродахъ, товарищей бурлакъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его словахъ воскреслu «Дикое поле», «Великій лугъ», Днѣпръ и Лиманъ, море, Дунай и Запорожье... По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери, поэтому дѣдъ его «съ пупку» выняньчилъ, выкормилъ и воспиталъ.

— Якъ бувъ я малымъ разсказываетъ Андрей, то за дидомъ бигавъ, якъ пидбилшавъ, дидъ за мною. Я горобцивъ деру, дидъ шапку

пидставля; я кони пасу, дидъ за пидпасыча. Дидъ любивъ розска-зувать, я любивъ слухать... Винъ мени и заспива и казку роскаже и загадку. Якъ-бы не дидъ, не бувъ-бы я въ забродахъ, не знавъ-бы ни Лиману, ни моря, ни бурлакъ, не чувъ-бы про запорожцивъ, що воно за люди и видкиля взялися. Винъ мени вси входы и выходы росказавъ.

— Откуда-же, запорожцы взялись? спрашиваю Андрея.

— Найшли видовсюды.

— Чого, якъ?

— А ось якъ,—росказувавъ покійный дидъ. Якийсь-то бувъ руській царь, що стоявъ пидъ страхомъ у чужоземця... Це давня давнина... Ну-жъ, такъ отъ нашъ царь тому нѐпріятелеви и плативъ подать людьми; було займе, якъ отару овець, тай жене... Хто було пиде до нѐпріятеля, то уже й не вернеться: поминай, якъ звали. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самихъ одбирнихъ. Выйшли вони въ степъ, порадились и кажуть: «чого мы пидемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На зарызъ? Есть мижъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы; есть знахури, характерники. Давайте тутъ жить!» Подались вони въ байраки, кущи, повыкопували землянки и живуть.

— Ну, а царь?

— А що-жъ царь! пославъ тай байдуже. Тобѣ треба гришми платить, а винъ людьми.

— Нуте, дальше, диду.

— Ну, и дали... На другій годъ опьять найшло людей, на третій опьять—стало циле військо. Отъ супостатьскій царь и пише нашому: чомъ ты, каже, людей до мене не гонишъ? А нашъ: «посылаю, каже, тоби що року...» Багато годивъ минуло, поперемынялись и цари въ земляхъ, а люди все намножаються, та намножаються въ дикому степу. Ну, ставъ ото нѐпріятель докучать имъ: все на ихъ набигае, що придбають, все зъ ихъ обдере. Отъ давай вони били ёго ворожить. Стилько не пошле війска, вони все и порубають. Характерники були... Тоди ото и стала ходить чутка, що живуть десь запорожци—таке страшне війско, що й не приступишь.

— А хто-жъ, диду, въ ихъ за старшого бувъ?

— Кошовый! Війско выбере характерника, тай орудуе винъ нимъ.

— А земля чія-жъ то була?

— Ничія, дика. Тутъ кишавъ звирь, гадъ, та птиця Божа. Була-то колись таки нашого царя земля, а потимъ турки чи татары завоювали.

— И довго, диду, жили тутъ запорожци?

— Поки одвоювали у турка землю. Одвоювали геть одъ Орели до моря шириною, и одъ Бога-рички до «Горилого пня» довжиною.

— А то що таке «Горилый пень»?

— А то туды нидъ Донщину, за Савуръ могилою. Була, бачте, могила, а биля неи дубъ, и такій товстенный, що насилу було пьять чоловика обіймуть; дубъ усохъ, такъ его и обпалили; стоявъ чорный середъ степу, высокій; видкиль не йдешь—маяче за сорокъ верстъ... Якъ сплюндровали Запорожжя, то биля того дуба живъ одинъ ватажокъ, а на Савуръ могили другій—Сава; ото винъ якъ схоче до себе покликати Саву въ гости, то почепе на дуба копыцю сина, дижде ночи тай пидпале. Побаче Сава огонь,— на коня тай тутъ...

— А якъ-же то сплюндровали, кажете, Запорожжя и коли то було?

— А це вже за Катерины,—царыця така була. Стали, бачте, вороги докучать царыци, што буцимъ-бы то запорожци шкоду роблять; вона зибрала військо и послала на ихъ.

— И що-жъ?

— А що-жъ!.. Зійшлись ото москали, зійшлись и запорожци. Москали стриляють, а запорожци полы пидставляють... Понабирали повни заполы куль, тай пишли до царыци.

— Великій сьвитъ, матусю! кажуть; на тобя оци горишки, вони може згодятьця.

Вона здивувалась тай каже:

— Являйтесь ка мнѣ, я васъ угощу.

Зибрались ото запорожци до неи, а вона й пыта:

— Какъ вы живете, яловое запорожское войско, безъ женъ?

— Живемо, кажуть, не згирше, хиба тильки що отъ сорочокъ никому прать...

Угостила ото вона запорожцивъ и пишла въ ихній станъ. Дывиця: хто зъ казакивъ чоботы квацюе дёгтемъ, хто матню лата, хто кашу варе, хто вужу бье, а инчій вуса круте...

— Что-же у васъ такое нестройное войско? пыта царыця копювого.

— Та такъ, каже, матусю, замиренье: ни противъ кого строиться...

Царыця-бъ и ничого, такъ совитныки въ неи... Бачять, що силою ничого не зроблять, то инчій способъ на ихъ придумали: ставъ Потёмка слободы населять, нимцивъ сажать... взяли вони и подались—де яки на Кубань, а де яки пидъ турка. Тутъ ще зъ туркомъ було! Прыйшли вони туда, а паша каже:

— Тоди я васъ прыйму, якъ заприсягнете служити вирно въ моій земли.

— Добре, кажуть, согласни.

Стали ото збирать ихъ пидъ присягу, а у ихъ у кождого въ торбыни була христіянска земля; вони понасыпали въ чоботи тееи земли, пидійшли пидъ присягу и кажуть:

— На чый земли стоимо, тому цареви и будемо служить!

Такъ вони и робили: було въ турещыни живуть, а помичъ дають своимъ хрещенимъ.

— А теперъ хиба ихъ тамъ уже нема?

— Есть, кажуть, та мало: выйшли колись звидтиль, и вже тутъ вони перевелись...

Александровскъ, екатер. губ. **Я. П. Новицкій.**
22 іюня 1885 г.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ВЪ НОВОРОССІИ.

Въ Одессѣ, за угломъ Преображенской улицы, обращенной къ кладбищу, осенью 1869 г., сиживала съ другими попрошайками и сгорбленная худенькая старушка. Днемъ она, въ ожиданіи похоронъ и милостыни, грѣла тамъ на солнышкѣ свои старыя кости, или пряталась отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, а вечеромъ приходила въ одинъ изъ домовъ той улицы и, пригрѣтая лаской христіанскаго семейства, словно оживала. Накормленная «борщикомъ» и чѣмъ Богъ послалъ и напоенная «чаечкомъ», она впалыми полупотухшими глазами, какъ могла, присматривалась къ теплому уголку, пріютившему ее на ночь, и ослабѣвшимъ слухомъ усердно прислушивалась къ разговору своихъ хозяекъ, почтившихъ ее именемъ бабушки. Словно бабушка настоящая, она любопытствовала знать, «що шые Оленка», или «що робить Лизаветка», приносила имъ гостинцы — «яблочко» или «бубличокъ», разсказывала имъ про

свою долгую жизнь, сперва довольную и счастливую, потомъ бѣдную и горькую, доканчиваемую съ весны до поздней осени на Преображенской улицѣ, а съ осени до весны на печи въ одномъ изъ подгороднихъ хуторовъ.

Одна изъ слушавшихъ разсказы бабушки, молодая, любознательная душа своими разспросами съумѣла вызвать ее на разговоры, чутко-внимательнымъ ухомъ уловить ихъ вполнѣ и по свѣжей памяти положить на бумагу. Съ согласія записавшей предлагаемъ здѣсь три разсказа, точнѣе народныя сказки, переданныя этою столѣтнею почти старухою, всю жизнь свою проведшую въ окрестностяхъ Одессы и, Богъ знаетъ, откуда туда забредшею. Въ нихъ ярко свѣтится общенародная малорусская мораль, а чистая, гладкая рѣчь показываетъ, что они долго находились уже въ народномъ обращеніи.

Злыдни[1]).

Роскажу вамъ, диточки, не баечку—ни, але правду. Въ еднимъ сели були два браты: еденъ багатый-багатый, такій що годи, а другій бидный. Бачите—меньшій бувъ багатый, а старшій бидный. Ото бачите—той сиромаха бидный робивъ тому багатому, такъ нибы якъ за наймита бувъ у нёго. Ото багатый лежить соби и спочивае, а бидному сказавъ молотити на насиння. Ото винъ сиромаха пишовъ на тикъ, тай ставъ молотити. Коли дывиця, ажъ ласочка все бига отъ стижка та до стижка, высмикве пшеныци изъ маленького стижка, тай несе въ великій до багатого. Ото винъ дывиця, дывиця, а дали каже: потривай-же, пидстережу-жъ я тебе, що ты таке за вира! Ото засивъ, тай піймавъ. Піймавъ, тай пытаеця его:

— А що ты, каже, таке? Кажи, бо якъ не скажешь, то задавлю.

— Ой, не дави мене, пусти!

— Ни, не пустю, доки не скажешь, що ты таке.

— Ой пусти! я скажу тоби, що я таке—я щастя твого брата.

— Ну, коли ты щастя мого брата, то скажи-жъ мини: де мое щастя?

— Твое щастя далеко, ёго нема тутечки: у брата скильки ты не будешь працювать, все будешь старчувать; а ты заразъ бери жинку,

[1]) Бѣдность, бѣдственная жизнь.

дитей, тай иди витциль; тай якъ будешь забиратися и злыдни захотять ити съ тобою, то ты возьми, та всади ихъ гарненько въ баклажокъ, та возьми на плечи, тай неси; а тамъ якъ будешь ити, то зобачишь, коло шляху фигура буде стояти, а коло фигуры кирныця, тоди ты возьми, тай пришпили ихъ у ти кирныци гарненько—нехай тамъ зостаюця, а самъ иди, навить не оглядуючись.

Ото-жъ бидный кинувъ ципъ, ввійшовъ до хаты тай каже жиньци:

— А що жинко, вдягай дитей, тай ходимъ; не хочу вже я бильше у брата робити, ходимъ щастя шукати.

— А це що тоби таке сталося? куды-жъ мы пидемъ? тай вви що-жъ я дитей повдягаю?—стала жинка гримати на нёго.

— Ну, якъ ты не хочешь, то зоставайся, роби братови, а я пиду; бо мого щастя нема тутычка.

— Нема що робить,—давай вони обое збирати тамъ де яке збижа, щобъ то дитей повдягати. Повдягали, помолились Богу, тай хотили, бачите, йти, а злыдни съ-пидъ припичка:

— И мы за вами!

— Що тутъ робити? дума чоловикъ; треба й злыдни забирати.

Тоди взявъ ихъ, гарненько повсажувавъ въ боклагъ, заткнувъ яки були дырочки, на плечи, тай понисъ.

Несе, несе, коли дывиця, ажъ кирныця и фигура коло неи. Отъ винъ тоди гарненько взявъ ихъ, спустивъ въ кирныцю, пришпылывъ тамъ ихъ, тай каже: сидить-же оттутъ, бисови злыдни! а самъ пійшовъ, не оглядаючись.

Отъ прыйшовъ винъ до единого села, ажъ тамъ, дывиця, сидять люди коло корчмы; отъ винъ прыйшовъ до нихъ ближче,—може спочити хотивъ, або що,—тай каже:

— Здорови, люди!

— Здоровъ будь, чоловиче!

— Зъ недилею будьте здорови!

— Спасыби,—видвичають.

— А куди тебе Богъ несе, чоловиче добрый?

— Иду, люди добри, чи не здыбаю де свого щастя, та добрихъ людей.

Ото, обизвався еденъ чоловикъ старенькій, сидивъ тамъ мыже людьми, бачите: коли хочешь, каже, чоловиче добрый, то йди до мене; я чоловикъ старый и баба моя стара, а хазяйство, хвалить Бога,

добре маю. Помремо, все тоби зостанеця, якъ тильки будешь насъ обхожувати до смерти. У насъ дитей нема, а мы уже стари, нема насъ кому доглядати и въ хазяйстви працювати.

Ото той бидный и ставъ у дида робити. А хазяйство въ ёго добре було,—були волы й коровы, и вивци, и свини—геть все було. Ото дидъ каже тому бидному:

— Возьми, сыну, та постанови соби землянку, бо баба удушлива, не може бути межи дитьми.

— Добре, каже, тату!—бачите, винъ ёго батькомъ кликавъ,—тай ставъ копати землянку.

Копае, ажъ дывиця, стоить казанокъ грошей; отъ винъ взявъ заховавъ ти гроши соби гарненько, тай мовчить. Ажъ не забаромъ умеръ дидъ, а тамъ перегодивши и баба вмерла, и ёму все лышилось. Тоди винъ ставъ такъ хазяювати, що годи; бавже ставъ багачемъ такимъ, що и сказати не можно. Ото выстроивъ соби двиръ такій, що годи; уже ставъ паномъ, купцемъ; уже до нёго и попы, и купци, и паны стали заиэжати та гостювати, та напиватися, бо то у нёго були и напитки, и наидки, все; кони на стани таки, якъ зміи стоять,—сказано купцемъ-паномъ уже ставъ.

Ото стали люди казати тому братови, що твій братъ—чи Тимко, чи Иванъ—купцемъ-паномъ уже ставъ, такій багачъ, що годи: въ двори живе, дитей письма понаучовавъ и до нёго геть и попы, и купци, и паны вси заиэжають, такій багачъ, що и сказати не можна.

— А ну, жинко, осидлаю я коня, каже той братъ, та поиду, побачу, що то люди плещуть, що винъ нибы такій багачъ ставъ.

Ото й поихавъ, прыизжае до села, тай пытаеця:

— Де тутъ такій и такій чоловикъ?

— Онде ёго двиръ, показали ёму.

Отъ винъ прыизжае до брамы, злизъ зъ коня, коли дывиця, ажъ ёго братъ похожае соби по подвирью съ купцями и панами, такій, що куды тоби! А дали якось и углядивъ, тай каже: «отъ и братъ мій прыихавъ!» Отъ той звійшовъ, привитався, пишли заразъ до господы, стали пити, гуляти, напиватися. Ото напивались тамъ день, другій, третій, а дали вже паны, попы, то що, порозъизжалися, тильки зосталися вони въ двохъ. Сидять соби за столомъ, та ще напиваюця. Ото пили, пили, а дали той братъ пытае:

— Скажи мини, брате, чого ты ставъ такій багатый? де ты свои злыдни дивъ? Бо, то бачите, ёго заздристь взяла.

— Ге, де! диво! каже той багатый—у кирныци пришпиливъ.

— У якои кирныци?—пытае зновъ той.

— А отъ у тои, що коло нея фигура стоить, коли бачивъ.

— Ну, помысливъ той, почикай-же, пійду-жъ я та одшпилю ихъ, прійдуть вони зновъ до тебе, не будешь ты такій панъ.

Ото вже ёму и не сидиця, заразъ ставъ турбуватись—тобъ то щобъ їхати до дому, щобъ скорише злыдни одшпилити. А той все втримуе:

— Не їдь, каже, братику, погостюй ще въ мене.

— Ни, брате, треба їхати до дому, бо въ мене хазяйство, треба доглянути; а тутъ въ ёго думка инша.

Ото попрощались гарненько, винъ сивъ на коня й поихавъ. Прыизжае до кирныци, дывиця, ажъ такъ—сидять тамъ злыдни пришпыляни. Отъ винъ взявъ, видшпиливъ ихъ, тай каже:

— Идить отъ цею дорижечкою, а тамъ буде село, а въ тимъ сели вашъ хазяинъ живе,—вамъ буде у нёго теперь добре.

— Цуръ ёму, пекъ ёму—щобъ мы до ёго вернулись; винъ насъ бувъ-бы занапастивъ на вики, якъ-бы ты не одшпиливъ; ты насъ вызволивъ, мы до тебе й пидемо, тай будемъ твои во вики виковъ!

Тай причепились до ёго. Та якъ причепились, то винъ ставъ ще гиршій старець, нижъ братъ ёго бувъ перше.

Доля.

Въ одномъ селѣ була дивка, вже дохожала. Не случались, бачите, люди, ще не пришла пора іи. Отъ вона каже соби:

— Господи милостивый! мои диты та вже повыходили за мижъ, а я и доси дівую. Пиду я до церкви, та буду всю ничь молитися Богу, чи не скажуть мини святіи, де моя доля.

Отъ и зробила такъ: пишла до церкви, та якъ стали вже люди выходити, а вона взяла тай стала за дверима, а дякъ не бачивъ іи, тай зачинивъ церкву, а вона й зосталась. Отъ вона стала молитися Богу. Коли такъ якъ у пивночи—дывиця, ажъ прылитають янголи до Бога тай кажуть:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь видвичае:

— Котри народились—долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

А дали зновъ прилитають:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь зновъ видвичае, якъ перше. А вона все молитьця. А дали якъ стало сьвитати, зновъ янголи прилитають до Бога и кажуть, якъ и перше. Господь имъ знов такъ видвичае:

— Котри народились—щастя-долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

Тоди та дивка каже:

— Господи милостивый! всимъ долю кажешь дати; скажи-жъ мини, де моя доля, чи е вона въ мене, чи не мае?

А Господь ій видвичае:

— Цю ничь твоя сусидка матиме сына—ото твоя доля; якъ сповныця ему 16 годъ, винъ тебе визьме и ты будешь щаслива, добре тоби буде за нимъ; матимешь ты двохъ сынивъ и тоди винъ умре, а ты зостанешься вдовою, и ще по твоій смерти зъидять тебе собаки.

Отъ давъ Богъ сьвитъ, вона приходить до дому, ажъ тамъ сусидка сына мае. Отъ вона никому ничого не каже, та такъ того хлопця любить, що годи. А той хлопчина такъ хутко росте, та такій гарный стае. Та вже вырись велыкій, тай каже батькови:

— Тату, я хочу женитися.

— Добре сынку, женися, шукай соби на сели дивчину.

— Не хочу я на сели шукати, я визьму оцю нашу сусидку.

— Що ты? схаменись, вона тоби за бабу годиця, а не то, що жинка.

— Ничого, що баба, коли я іи люблю и хочу іи взяти, тай годи.

Ото батько й мати спиняли ёго, спиняли, а дали бачать, що винъ въ одну душу—визьму сусидку тай годи, тай кажуть:

— Ну, бери! нема що робити, але щобъ писля не жалкувавъ.

Отъ винъ посватався, а далй отбули весилля, и стали вони соби жати. Живуть такъ гарно, що годи: все село дывуеця, що вона така стара, а винъ ще хлопець, и такъ живуть гарно, що годи. Отъ давъ имъ Богъ и дитей,—було въ неи два сыны, та таки гарни. А дали винъ заслабъ та и вмеръ, а вона зъ дитьми зосталась, и такъ тыхъ дитей доглядае, такъ вони ростуть гарно; ото по-

выростали, вже велыки нарубки. Коли це вона заслабла тай умерла, а якъ умирала, то призвала сынивъ, тай каже:

— Отъ, диточки, я вже умираю, але, глядить, по моій смерти ще мене собаки зъидять!

— Що це вы, мамо, кажете? Щобъ то мы дали васъ собакамъ зъисти? видвичаютъ тіи сыны; та мы закличемъ коваля, щобъ вамъ домовину окувавъ, тоди поховаемъ.

Отъ ничого: вмерла вона, убрали іи такъ гарно, поклали на лавци, а сыны заразъ зробили домовину таку гарну дубову, закликали коваля, окували іи такъ крипко, геть усю. Посходився народъ, щобъ то ховати покійныцю, коли тутъ вбигае въ хату сусидъ та якъ крикне: ой, стижокъ горить! то вси съ хаты, скильки було народу, повыбигали на той пожаръ, а мерця покинули. Де взялись собаки, вбигли въ хату, зволокли покійныцю зъ лавки, вытягли на двиръ, тай почали шматувати, а закимъ вони вернулися, вже тильки кисточки валяются по подвирью. Тоди взяли ти кисточки, позбирали, посклалали у ту домовину, тай поховали.—Отъ якъ то слово, що Господь сказавъ, сполняетця!

На все воля Божа.

Разъ мужикъ сказавъ жинци:

— Жинко! знаешь що, пиду я завтра въ лисъ, нарубаю дровъ, та повезу на базаръ; продамъ, та за тіи гроши куплю мяса, та въ недилю звaришъ борщъ добрый зъ мясомъ.

— Добре чоловиче, але кажи, якъ Богъ дасть, видвичала жинка.

— Та що тамъ ще «якъ Богъ дасть»! якъ захочу, такъ и зроблю.

— Знаю, чоловиче, якъ захочешь, такъ и зробишь, але-жъ, все таки такъ буде, якъ Богъ дасть.

— Ну, коли такъ, то я отъ заразъ запрягаю волы тай ѝду въ лисъ.

И мужикъ выбигъ съ хаты, запригъ волы, кинувъ сокиру на визъ и поихавъ въ лисъ.

— Отъ тоби буде, якъ Богъ дасть, коли я вже ѝду думае соби мужикъ.

Прыихавъ въ лисъ, нарубавъ дровъ, наложивъ на визъ, зашнуровавъ.

— Отъ тоби «якъ Богъ дасть», коли дрова вже на вози. Ну, тай допекла вража жинка; таки свое: «якъ Богъ дасть», тай годи. Ну, тай битаму-жъ колись.

Запригъ волы и поихавъ на базаръ. Тильки що выихавъ зъ лиса, де взявся отаманъ и кричить:

— Стій, куда ты? Скидай лышень дрова; тамъ греблю прорвало, треба гатити, туды ïдь скорише, а не въ базаръ.

Почесався мужикъ, поскидавъ дрова съ воза и поихавъ на греблю. Проробивъ тамъ два дня, а на третій тильки вже къ ночи, голодный, придыбавъ до дому. Жинка уже спала, а винъ пидъихавъ тихенько до хаты и постукавъ въ двери.

— А хто тамъ? спыталась вона.

— Видчини, жинко—якъ Богъ дасть, сказавъ чоловикъ.

— А що, чоловиче, не на мое вышло? спытала жинка.

— Правда, жинко, правда; видъ цёго часу и поки въ сьвити буду жити, все буду казати: якъ Богъ дасть.

ПИСЬМО АВГУСТА II, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО, КЪ СЕМЕНУ ПАЛІЮ.

Августъ Вторый, Божіею милостію король польскій и проч. и проч. и проч.

Благородный и истинно намъ любезный!

При первомъ извѣстіи о новой и неожиданной революціи на Украйнѣ и безпорядкахъ, поднятыхъ полковникомъ Самусемъ, мы отозвались къ вашей милости, обязывая васъ тотчасъ-же приложить всѣ силы и средства къ погашенію этого огня. Теперь, когда до насъ доходятъ достойныя вѣры предостереженія и сами собственными глазами видимъ, что этотъ пожаръ при помощи вашей все болѣе распространяется, мы должны тѣмъ болѣе удивляться, чѣмъ болѣе ожидали отъ васъ крѣпкой вѣрности и обычной покорности намъ и Рѣчи-Посполитой, что и признаемъ не безъ тяжкой печали. Теперь вашей милости напоминаемъ и этимъ листомъ нашимъ васъ предостерегаемъ, чтобы сами опомнились и другихъ, отклонивши отъ предпринятаго мятежа, къ должной покорности привели, отобранные города и крѣпости тотчасъ-же очистили и покорились законной власти, помня суровость права посполитаго, къ которому уже намъ пришлось-бы обратиться. Не сомнѣваемся, что доброта и милость наши королевскія смягчатъ васъ и устранятъ забывчи-

вость, на что, имѣя основанія надѣяться, желаемъ вашей милости отъ Господа Бога добраго здоровья. Данъ въ Торунѣ дня 10-го февраля мѣсяца 1703 года, царствованія нашего въ VI годъ.

Подлинникъ этого письма сохранялся среди рукописей въ ратушномъ архивѣ во Львовѣ; въ 1840 г. славный галицкій ученый Діонисій Зубрицкій отдалъ его знаменитому польскому ученому Вацлаву Александру Мацѣевскому, послѣдній снялъ съ него копію въ Варшавѣ 15-го сентября 1840 г., съ которой нынѣ это письмо и переведено для печати.

С—ко.

ВОСПРЕЩЕНІЕ ГЕТМАНОМЪ СКОРОПАДСКИМЪ СБОРОВЪ НА „РАЛЕЦЬ".

Въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали приношенія или сборы, носившія названіе *ралець* или на *ралець*. Обычай этотъ имѣлъ нѣкогда широкое разнообразное примѣненіе и удержался кое-гдѣ и теперь подъ тѣмъ-же, давно утратившимъ свой смыслъ названіемъ, какъ обломокъ глубокой старины.

Приношенія и сборы съ такимъ названіемъ дѣлались два раза въ годъ, въ праздникъ Рождества и въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, и практиковались всюду, гдѣ только люди стояли въ постоянныхъ какихъ либо зависимыхъ отношеніяхъ: давали «на ралець» прихожане своему приходскому священнику, крестьяне помѣщику, мѣщане магистратскимъ чинамъ, козаки и посполитство сотенной и полковой старшинѣ, даже цеховые своему цехмистру и братчики своему старшему. Въ приходахъ, цехахъ и братствахъ приношенія этого рода всегда имѣли видъ добровольной жертвы и въ послѣднихъ двухъ не личный, а въ пользу учрежденій, у помѣщиковъ-же, полковой старшины и магистратовъ пріобрѣли съ теченіемъ времени значеніе обязательнаго сбора. Первоначальная форма приношеній была конечно натуральная и лишь постепенно, и то только въ козачьемъ и магистратскомъ мірѣ, перешла въ денежную опредѣленнаго размѣра. Предметы натуральныхъ приношеній были самые разнообразные: хлѣбъ, плоды, огородная овощь, медъ, воскъ, птицы и животныя, пища вообще въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, иногда предметы искуственнаго производства, начиная съ прядива и кончая покупными издѣліями. Само собою разумѣется,

что приношенія разнообразились въ содержаніи и количествѣ, смотря по состоянію и роду занятій приносителей, равно потребностямъ и вкусамъ тѣхъ, кому приношенія назначались, пока они не пріобрѣли наконецъ тамъ и здѣсь опредѣленную, устойчивую форму, съ перемѣной и даже утратой самаго названія.

Указать начало и происхожденіе приношеній и сборовъ на «ралець» едва-ли возможно; объ этомъ обычаѣ находимъ лишь случайныя упоминанія въ актахъ XVIII и XVII ст. и такихъ письменныхъ памятникахъ, какъ напр. Дневникъ Ханенка. Начало онаго, безъ спеціальнаго названія и пріуроченія къ извѣстнымъ праздникамъ въ году, относится, конечно, ко временамъ самымъ древнимъ. У всѣхъ народовъ существовалъ обычай первый сборъ земныхъ произрастеній приносить въ жертву божеству, которому человѣкъ считалъ себя обязаннымъ ими. Такой обычай былъ въ церкви ветхозавѣтной, перешелъ и въ ново-завѣтную, существовалъ у нашихъ предковъ-язычниковъ и потомъ христіанъ. Удержалось въ Малороссіи и донелѣ освященіе цвѣтовъ и вѣнковъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ 1-го августа, древесныхъ плодовъ и меду 6-го августа; существуетъ также приносъ такъ называемыхъ «мисочекъ» (варениковъ, пироговъ и куръ) именно въ праздники Рождества и Пасхи, во второй день, и указанія на этотъ обычай восходятъ даже къ XVI столѣтію. Понятно, что приносимое какъ-бы въ жертву Богу, шло и идетъ на пользу его служителей. Тоже чувство благодарности, которое руководило человѣкомъ въ жертвоприношеніяхъ, вызывало и первыя приношенія сидѣвшихъ на чужой землѣ тѣмъ, кому она принадлежала на правѣ собственности. Приношенія эти увеличивались, разнообразились и превращались въ опредѣленные сборы и налоги, натуральные, а затѣмъ денежные. Но и послѣ установленія всѣхъ такихъ сборовъ и повинностей существовали у нашихъ помѣщиковъ до послѣдняго времени нѣкоторые сборы, пріуроченные, какъ и въ XVII ст., къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова. Таковъ въ особенности сборъ каплунами и индюками именно къ этимъ праздникамъ, хотя ему и не присвоивался, кажется, спеціальный терминъ «на ралець». Сборы или жертвы въ цехахъ и братствахъ съ названіемъ «ралець» встрѣчаются во многихъ ихъ уставахъ и записяхъ, существуютъ и теперь, какъ напр. въ селѣ Дыбинцахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи и нѣкоторыхъ

селахъ губерніи полтавской[1]). Тотъ-же сборъ, въ видѣ налога на мѣщанъ въ пользу магистратскихъ чиновъ, производился въ Кіевѣ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ практиковался въ отношеніяхъ козаковъ къ полковой и сотенной старшинѣ. Козачая старшина, народившаяся при Хмельницкомъ и окрѣпшая послѣ него, вмѣстѣ съ угодьями пріобрѣтала въ свое «послушаніе» и жившихъ на нихъ людей, становившихся, по тогдашнему названію, ихъ «подданными». Независимо отъ этихъ, всѣ жившіе въ сотнѣ или полку находились въ административномъ и судебномъ подчиненіи старшинѣ, а что касается козаковъ, то старшина пользовалась отъ нихъ не рѣдко такими-же почти повинностями, какъ и отъ «подданныхъ». Понятно отсюда появленіе и въ козачьемъ мірѣ подарковъ старшинѣ въ главные два праздника, превращенныхъ потомъ въ обязательный и притомъ денежный сборъ. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ сборъ въ началѣ XVIII ст. Сборъ былъ тягостнымъ уже потому, что былъ произволенъ, какъ и многіе другіе.

Несомнѣнное, офиціальное свѣдѣніе о существованіи этого сбора, съ спеціальнымъ названіемъ «ралець», даетъ сообщенное намъ обязательно А. М. Лазаревскимъ слѣдующее письмо гетмана Скоропадскаго къ черниговскому полковнику Полуботку, которымъ онъ поручаетъ ему воспретить этотъ незаконный сборъ.

«Припомнѣлисмо, за иными забавами, писати передъ симъ до вашей милости о томъ, ижъ бысь предложилъ во всѣ рейменту нашего полки указами, чтобъ теперъ, иле безъ бытности нашой при резиденціи, нѣгде ралцевой не вибѣрано належитости, такъ зъ козаковъ, которимъ въ два похода слѣдовати состоялъся указъ, яко зъ посполитихъ, которимъ самихъ стоялцовъ сустентовати будетъ не безтяжестно. Прето нарочно нынѣ сей нашъ до вашей милости листъ ординуючи, жадаемъ пилно, абысь ваша милость до н. п. полковниковъ цѣлихъ и наказнихъ написалъ именемъ нашимъ, дабы, если не велѣли въ полкахъ своихъ по давномъ обикновенію ралцевой стягати повинности, уже оной занехали весьма; если-жъ забрана, то жебы тихъ грошей нѣхто зъ старшины нѣкуда розтрачовать не важилисъ: ибо за поворотомъ, дастъ Богъ, нашимъ роскажемъ

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., сентябрь, стр. 159—171.

оніе любъ воєнять людямъ, зъ которихъ стягано, поотдавати, любъ на яковіе общенародніе нужди въ каждомъ полку употребить для тихъ-же людей полегкости въ другихъ необходимихъ повинностяхъ. Да и тое доложить, что когда-бы хто зъ старшини сотенной чили полковой стягненную ралцевую належитость мѣлъ на свои тахловати привати, а тое на немъ доведется потомъ, теди не тилко затахлованное возвратити мусить, але еще за тое и штрафованъ будетъ, деклярусмъ; кгди-жъ и давно мы уже мислили, для предлежащихъ людскихъ трудностей, тіе ралци отставити, да за забавами нашими пойшло тое въ запомнене по сей часъ. О томъ вашей милости предложивши, зичимъ ему-жъ доброго отъ Господа Бога здоровя. Зъ великого града Москви. Марта 30 дня. Вашей милости всего добра зичливый пріятель Іванъ Скоропадскій, гетманъ войска его императорского величества запорозского.

Письмо писано въ 1722 г., какъ это указывается Ханенкомъ въ его діаріушѣ (Чтен. въ моск. общ. истор. и древн., 1858 г., кн. 1, стр. 37). Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо вызвано было слухами объ учрежденіи малороссійскій коллегіи, которая должна была, между прочимъ, «всему малороссійскому народу всѣ неправые суды и напрасныя отягощенія пресѣчь». Однимъ изъ «напрасныхъ отягощеній» былъ и *ралецъ*, собиравшійся въ пользу старшины два раза въ годъ, къ Пасхѣ и Рождеству. Письмо списано съ копіи, помѣщенной въ журналѣ генеральной канцеляріи за 1722 г.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ).

Въ кіевской губерніи, чигиринскомъ уѣздѣ одно изъ самыхъ древнихъ поселеній есть с. Лебединъ, памятное въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. Близъ него существовалъ издревле мужской монастырь того-же названія, преобразованный въ концѣ прошлаго столѣтія въ монастырь женскій, а вокругъ него тянулся лѣсъ, извѣстный также подъ именемъ лебединскаго. Въ прошломъ столѣтіи, во время

насильственнаго распространенія здѣсь уніи, монастырь служилъ пріютомъ для оставшихся вѣрными православію, а лѣсъ служилъ убѣжищемъ для гайдамакъ. Отсюда извѣстность монастыря и лѣса. Не разъ мнѣ приходилось быть въ этой мѣстности, и я хочу сообщить свѣдѣнія какъ о тамошней пещерѣ, такъ и объ остаткахъ старинной живописи въ монастырѣ.

Пещера находится въ лѣсу между с. Лебединомъ и монастыремъ, вправо отъ дороги, ведущей изъ лебединскаго сахарнаго завода въ монастырь, во второмъ оврагѣ, при подъемѣ на «Сопи-гору», какъ разъ на границѣ между имѣніями графа Бобринскаго и помѣщика Роговскаго. Года четыре тому назадъ, при рытьѣ пограничной канавы, рабочіе засыпали входъ въ пещеру и съ тѣхъ поръ богомольцы не сворачиваютъ съ дороги и не осматриваютъ ее съ благоговѣніемъ, какъ это дѣлалось раньше. Пещера расположена на краю «садка», который по традиціи называется Андрійцевымъ. Входъ находится на юго-западной сторонѣ, передъ нимъ довольно обширная площадка, образовавшаяся, по видимому, изъ вынутой земли; передъ входомъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, росла роскошная калина. Внутреннее помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ, по кубической сажени въ объемѣ, приблизительно; вторая комнатка расположена влѣво отъ первой, вправо-же находилось отверстіе, въ которое могъ свободно проползти человѣкъ, и судя потому, что въ этомъ каналѣ была усиленная тяга воздуха, сопровождаемая какъ-бы шумомъ пчелинаго роя, нужно полагать, что былъ еще другой ходъ изъ пещеры наружу, но куда онъ велъ, не знаю. Почва пещеры глинистая, твердая; стѣны въ видѣ правильныхъ плоскостей; какихъ либо признаковъ внутренняго убранства, конечно, не сохранилось, исключая только находившагося противъ входа четырехугольнаго углубленія въ стѣнѣ, служившаго, вѣроятно, полкой. Высота и глубина полки незначительны, всего 2—3 вершка, а ширина вершковъ пятнадцать; стѣны этого углубленія нѣсколько, кажется, закопчены дымомъ.

Кому принадлежала эта пещера, кто первый ее вырылъ и какое было назначеніе,—свѣдѣній объ этомъ доискаться нельзя. Близость монастыря указываетъ на то, что это было убѣжище кого либо изъ иноковъ, желавшаго подвизаться въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Къ этому-же приводитъ и слышанный мною на мѣстѣ слѣдующій разсказъ одной женщины.

«То ще було за панщины, тоди вольно було скризь пасти скотъ. Отъ мій братъ, якъ бувъ ще маленькимъ, пасъ съ другимъ хлопцемъ вивци въ цему лиси. Разъ пишли вони въ лисъ и набрели на ту печерю. «Давай, полиземо та побачимо, що тамъ таке», каже мій братъ тому хлопцеви. «Давай», каже. Довго спиричались вони, кому первому лизти, бо боялись, а дали й полизли. Увійшли у якусь погребицю; коли дивлятця, ажъ тамъ и горщечокъ, и мисочка, и ложечка; въ куточку малесенька иконочка, а коло неи чотыри свичечки навхрестъ; далій сундучокъ, а коло сундучка килимокъ. Взяли вони, розбили горщечокъ и мисочку, ложечку поламали, а свички забрали, тай вылазять; коли дивлятця, ажъ йде чоловикъ, увесь въ чорному, съ патеричкою въ рукахъ. «А чого вамъ, каже, треба? За вами и тутъ ничого не вдержитця... Постойте-жъ, я вамъ!» Хлопци давай драла, покидали и вивци и усе. Якъ узнали люди про ту печерю, почали ходити, але вже не бачили бильше того схимника, змандрувавъ десь мабуть».

Настоящій женскій, или «паннянскій», какъ говорятъ крестьяне, монастырь существуетъ сто съ лишнимъ лѣтъ и теперь извѣстенъ по существующему тамъ училищу дѣвицъ духовнаго званія. Въ немъ сохранились, между прочимъ, нѣкоторыя изображенія старинной мѣстной живописи, въ ряду которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя картина страшнаго суда. Если послѣ богослуженія будете проходить черезъ колокольню, всегда застанете здѣсь кучки богомольцевъ, особливо женщинъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ изображенныя на картинѣ муки грѣшныхъ. Коментаторомъ является находящаяся здѣсь черничка, объясненія которой богомольцы слушаютъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ трепетомъ. Картина эта въ помѣщенныхъ на ней фигурахъ носитъ мѣстный колоритъ. Грѣшники богачи представлены въ видѣ польскихъ пановъ, въ кунтушахъ, съ широкими поясами; усердіе и холодность къ церкви изображены въ видѣ двухъ дѣвушекъ, собравшихся идти въ церковь. Обѣ въ малорусскихъ крестьянскихъ нарядахъ, но у одной получше, у другой хуже; это значитъ, что послѣдняя на скорую руку одѣлась и поспѣшила въ церковь, чтобы не опоздать, другая-же старалась получше одѣться, и поэтому опоздала. Тутъ-же показано и возмездіе,—ибо усердная къ церкви дѣвушка шествуетъ рядомъ

съ монахинями и участвуетъ въ ихъ славословіи, наоборотъ, хлопотавшая о нарядѣ, плачущая, отправляется въ адъ. Кромѣ этихъ, въ разныхъ мѣстахъ картины видно много другихъ человѣческихъ фигуръ, изображающихъ собою разные виды грѣха и добродѣтели, наказанія и награды, а въ числѣ ихъ выдаются изображеніе обѣда нечестивыхъ и благочестивыхъ людей, а также разнаго рода смертей—отъ огня, отъ воды и отъ водки; послѣдняя тяжелой булавой пригнетаетъ человѣка къ небольшой лужѣ и топитъ его. Но болѣе всѣхъ поразили меня, по загадочности своей тенденціи, двѣ фигуры, мужеская и женская, съ подписями: *кисель* и *кваша*. «Кисель» представленъ въ видѣ кавалера, одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненнаго, съ закрученными усами, «кваша» въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой и очень высоко «пидтиканой». Что означаетъ эта аллегорія, рѣшать не берусь, но заношу какъ фактъ изъ мѣстной живописи.

Въ числѣ иконъ, оставшихся отъ бывшаго мужскаго лебединскаго монастыря и хранящихся въ церкви, выстроенной на мѣстѣ прежней, георгіевской, есть нѣсколько ветхихъ и, можетъ быть, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. На одной изъ нихъ, изображающей Богоматерь, есть надпись, которой дословно сейчасъ передать не могу, но въ которой говорится, что икона написана для георгіевскаго монастыря; въ ней упоминается также игуменъ Мелхиседекъ, безъ сомнѣнія извѣстный въ исторіи Коліивщины Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игуменъ мотронинскаго монастыря. Икона совершенно мѣстнаго художества; писалъ ее крестьянинъ села Лебедина Нина, котораго потомки живутъ и доселѣ. Въ этомъ году окончательно «зруйнованъ» б. георгіевскій мужской монастырь, т. е. его ветхія постройки.

Пройдетъ десятокъ, другой лѣтъ и крыло времени замететъ слѣды прошлаго; прійдется, быть можетъ, пожалѣть о томъ, что своевременно не было сбережено, или записано.

Лебедин. сахар. заводъ
4-го августа 1885 г.

Мих. Васильевъ.

КАКЪ РАЗСУДИЛЪ ПАНЪ СТАРОСТА КАНЕВСКІЙ.

Подъ именемъ пана старосты каневскаго разумѣется Николай Потоцкій, владѣлецъ обширныхъ помѣстій на Волыни и Украйнѣ,

средины прошлаго столѣтія, извѣстный своею эксцентричностью, проще сказать панскимъ самодурствомъ, то въ высшей степени забавнымъ и остроумнымъ, то подъ часъ крайне жестокимъ и дикимъ. О его расправѣ и судѣ ходитъ и доселѣ масса забавныхъ разсказовъ, и какъ дѣйствующими лицами въ нихъ являются не одни шляхтичи, но нерѣдко съ ними евреи, цыгане и малорусскіе крестьяне, то разсказы эти носятъ на себѣ всегда почти мѣстный историко-этнографическій колоритъ. Передаю одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, слышанный мною въ давніе годы въ Каневщинѣ, на мѣстѣ дѣйствіи пана старосты каневскаго.

Како-то бѣдный шляхтичъ, возвращаясь изъ дальней поѣздки домой, остановился на ночлегъ въ жидовской корчмѣ. Въ дорогѣ онъ настолько издержался, что у него еле хватало расплатиться за этотъ послѣдній ночлегъ, а о сытомъ ужинѣ и думать было нечего. Былъ между тѣмъ «шабашъ», и хозяева-евреи, къ соблазну голоднаго шляхтича, усѣлись за праздничный ужинъ, за которымъ, въ числѣ другихъ кушаньевъ, была такъ любимая и польскими панами «*надзіевана*», т. е. фаршированная щука, приправленная лукомъ, перцемъ и другими пряностями. Гоноровому шляхтичу просить, конечно, никакъ не приходилось, но и заказать любимое кушанье было не на что, а между тѣмъ тутъ-же подъ бокомъ раздается стукъ посуды, чавканье ужинающихъ, и доносится возбуждающій аппетитъ пряный запахъ «надзіеваной». Не сидится голодному пану шляхтичу; начинаетъ онъ ходить по комнатѣ, а сквозь растворенную ея дверь видѣнъ въ другой комнатѣ и столъ съ ужинающими и аппетитная «надзіевана». Разобрало шляхтича! Сталъ онъ передъ дверью, потянулъ сильно носомъ и громко проговорилъ:

— А, то самый запахъ вартъ сто злотыхъ!

Евреи ничего не отвѣтили на это и какъ-бы вовсе не обратили вниманія на этотъ явственный намекъ шляхтича на то, что и онъ съ удовольствіемъ поѣлъ-бы, если-бы ему предложили.

Шляхтичъ прошелся по комнатѣ, остановился у самой двери, снова потянулъ носомъ и опять сказалъ то-же. Евреи молча продолжали ужинать.

— Или они глухи, или глупы, или совсѣмъ невѣжи, подумалъ про себя шляхтичъ.—Прошелся еще разъ взадъ и впередъ и вы-

тянувшись въ дверь, еще громче повторилъ прежнее восклицаніе. Евреи и впрямь какъ-бы оглохли.

— Гунство! Пся кревъ! пробормоталъ себѣ подъ носъ шляхтичъ и улегся спать.

— Добра оказія! то какъ разъ для пана старосты, подумалъ про себя хозяинъ еврей, мигомъ сообразившій, какой гешефтъ, съ помощію пана Каневскаго, можно сдѣлать изъ невиннаго восклицанія проѣзжаго шляхтича.

На утро собирается шляхтичъ ѣхать и зоветъ корчмаря-жида для расчета. Посчиталъ тотъ за сѣно, за овесъ, за комнату и постой—оказалось платы не много, какъ разъ по тощему карману шляхтича, и онъ сейчасъ-же платитъ.

— Ну, а еще триста злотыхъ!... говоритъ еврей.

— Какіе триста злотыхъ? удивленно спрашиваетъ шляхтичъ.

— А какъ-же! вельможный панъ вчора, какъ мы вечерю ѣли, такъ три раза нюхалъ и все говорилъ: вартъ сто злотыхъ! Ну, три раза по сто злотыхъ, то и будетъ триста злотыхъ. Развѣ панъ самъ такъ не говорилъ?

— Дай мнѣ покой съ тѣми жартами! сказалъ, смѣясь, шляхтичъ, вовсе не догадываясь о томъ, съ чего вздумалось простому жиду такъ непристойно шутить съ нимъ, шляхтичемъ.

— То не жарты, пане! отвѣчалъ еврей. Панъ самъ то говорилъ... А какъ панъ мнѣ не заплатитъ, то поѣдемъ до пана старосты...

Еврей вполнѣ былъ увѣренъ, что эта продѣлка понравится причудливому пану Потоцкому и что онъ самъ заплатитъ ему за его претензію къ шляхтичу, особливо, если этотъ шляхтичъ по чему либо ему извѣстенъ; а шляхтичъ въ свою очередь зналъ, что если онъ и не захочетъ ѣхать къ пану старостѣ, то по жалобѣ еврея тотъ отыщетъ его и въ десятомъ царствѣ и притащитъ къ себѣ на судъ. Какъ-же быть? Платить нечѣмъ, а жидъ не отстаетъ; волей-неволей пришлось ѣхать на судъ къ пану старостѣ.

Пріѣзжаютъ. Жидъ все разсказалъ, какъ было, и проситъ защиты у ясневельможнаго пана.

Пану старостѣ понравилась оригинальность этого позва и онъ велитъ шляхтичу платить еврею триста злотыхъ.

— Смилуйся, ясневельможный! благимъ матомъ кричитъ шляхтичъ. Да вѣдь это и на цыганскій судъ сдаться (отдать на рѣшеніе цыгана) и то можно...

— А! на цыганскій, такъ на цыганскій! Хлопци, чтобъ былъ сейчасъ здѣсь цыганъ! Гдѣ хотите, найдите! крикнулъ панъ староста, любившій все оригинальное, изъ ряду выходящее.

Разыскали цыгана. Панъ староста самъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и требовалъ немедленнаго рѣшенія. Цыганъ на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Ну, а есть-же у этого пана хоть сто злотыхъ, чтобъ уплатить жиду, если я присужу? Деньги на столъ! Иначе я не судья.

Шляхтичъ съежился. Судью онъ самъ предложилъ и покориться надо, а денегъ все-таки у него ни шеляга.

Видитъ панъ староста, что шляхтичъ чуть не плачетъ, догадался, что денегъ у него нѣтъ, вынимаетъ свои сто злотыхъ и кладетъ на столъ.

— Ну, жидъ, считай злотые и клади мнѣ сюда въ каптукъ, говоритъ цыганъ.

— Эйнъ, цвей, дрей... и такъ далѣе до ста считаетъ еврей и выкладываетъ злотые въ каптукъ цыгана. Задернулъ цыганъ завязочку у каптука, приподнялъ его, потрясъ деньгами и спрашиваетъ жида:

— Чуешъ, жиде, якъ брязчать гроши?

— Ну, цую, цую... отвѣчаетъ жидъ.

— Ну, а сколько ихъ тутъ?

— Ну, да сто-жъ злотыхъ.

Цыганъ повторилъ тѣже вопросы второй и третій разъ, побрякивая все деньгами, и получилъ тѣже отвѣты.

— Ну, слухай-же! сказалъ потомъ цыганъ жиду.—Ото-жъ панъ у тебе рыбы нанюхався, а ты грошей, якъ брязчать, наслухався, то й буде зъ васъ, а гроши я визьму соби за розсудокъ.

Всѣ присутствующіе и самъ панъ староста расхохотались отъ такого неожиданнаго рѣшенія. Жидъ поморщился; но не то его ждало впереди.

Гмъ! какъ-то глухо промычалъ панъ староста, что служило у него обыкновенно предвѣстникомъ какого либо оригинальнаго рѣшенія.—Сей нанюхався, той наслухався, вси посміялись, а мои злоти пропали!.. А щобъ жидъ ще й почухався, хлопци, дать ему сто нагаивъ!

Б. П.

Олена Андреевна Пиковцева, а послѣ и самъ Пиковець, и отуживавши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна былъ въ коммисіи, а послѣ обѣда никуда не внезджалъ, бо недомогалъ послѣ вчорашнего гуляня.

31. Обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко свѣжою рибою, а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и были мы зъ женою. Отпущены лишные люди въ Перегонъ и принятій на господарство Семенко Шулякъ, чрезъ которого писано до Козачинского и послано въ домъ палубъ и два конѣ, таможъ хомутъ и шлея.

Юнь.

1. Обѣдали и весь день пробавили у Івана Гамаліи въ новокупленномъ его дворѣ. Хлопця малого Андрѣя отдалъ въ наученіе мастерства шмухлерского, которому майстеру поступлено за наученіе оного хлопця 6 р. и уже ему даны 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Пиковця, потомъ и послѣ обѣда зежжались въ коммисію.

3. Писалъ къ новопринятому старостѣ Лаврѣну Козачинскому зъ увѣщаніемъ, чтобъ не пянствовалъ и съ людми не дралъся и де которые вещи присилалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Никиту Лагоденка.

4. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалѣя зъ Іосифомъ Гамаліею и Павломъ Скоруппою, а вечеромъ былъ у насъ-же полковникъ Тютчевъ и доволно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослалъ насъ рибою Романъ Яненко.

5. Рано былъ я у енерала и обѣдали у насъ тѣ, що и вчора: послѣ обѣда были у насъ первей обозный енералный г. Лизогубъ зъ Иваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ, писарь енералный Безбородко и Матвѣй Холодовичъ, а надвечери были и паніи бунчучная Оболонская, писарка судовая Пиковцева и Романа Яненка жена. Зрана обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко рибою. Купчинскій съ товарищи бѣжали вчора.

6. Столповскій первый разъ былъ въ коммисіи, потомъ у мене онъ-же обѣдалъ; судія енералный Якимъ Горленко прибылъ въ Глуховъ.

7. Писалъ къ старостѣ товкачовскому, чтобъ сюда пріездилъ и о протчемъ, якое писмо вручилъ сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересилки въ Товкачовку. Обослалъ насъ рибою Іванъ Гамалѣя.

8. Писаря судового Пиковця жена обѣдала у насъ, а зрана былъ у насъ-же бунчучный енералный г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Івана Гамаліи.

9. Обѣдалъ у насъ полку прилуцкого сотникъ монастирискій Іванъ Романовичъ, а послѣ обѣда на малое время былъ у г. Скоропадского, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупѣ отехали въ коммисію.

10. Писано писмо къ архіерею черпѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозволеніи заложить придѣлъ при церкви воздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового черпѣговского Миткевича, о чемъ и къ нему особливое писмо писано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Івана Филиповского и вечеромъ зъ женою были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдни слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиповского, былъ у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Іванъ Василенко (vulgo называемый Рудый), который держитъ въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевского; зъ онымъ постановили греблю гатить общимъ коштомъ, и на то въ первый росходъ дано отъ мене осмъ рублей до рукъ Филиповского, о чемъ оттуду-жъ писалъ я и до Стефана Миклашевского, чтобъ онъ и мѣрочника на свою панщину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковалю, що направку де которую коло нашего каменя чрезъ два годы дѣлалъ, данъ 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войтъ чаусовскіе, прибывшіе сюда за дѣломъ заводнымъ зъ евдоколцями о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалѣина и Пиковчиха у жены моей, а у Івана Гамаліи были брегадиръ Іліинъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Еропкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинского чрезъ козака даріевского, присланного зъ писмомъ отъ атамана погарского, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадского въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по поднѣ былъ я зъ женою у бунчучного Оболонского, где былъ-же полковникъ Тютчевъ, Никовцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Пріехалъ зъ дому Романъ Гапоновъ и де що попривозили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писалъ въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонского Емеляна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяци за порціи 23 р. битіе чрезъ — —. Зрапку былъ у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Пбурха отездѣ [216]). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Пбурха, и именно до отца Тодорского, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ включеніемъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Мойсеевича Божкова, новопожалованного въ дворяне придворного уставщика, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ былъ я у Івана Семеновича Хрущова, где засталъ и брегадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Івана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано былъ у енерала. Обѣдни слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирискій и мглинскій Лисаневичъ, а потомъ пришолъ Федоръ Ширай, а послѣ Іванъ Гамалѣя, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ пошолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ семъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енералшою Бибиковою.

20. Зрана не былъ я въ коммисіи ради вчорашного шумства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

---

[216]) О Василіѣ Дмитрашкѣ Райчѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла челобитствуюцого о козачествѣ Емеляна Галактіонова и о разореніи ему учиненномъ отъ Василя Кулябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералшу тезоименитствомъ ея, чего для нѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асаулъ полковый кіевскій Шумъ, хоружый полковый нѣжинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездилъ я къ Івану Гамаліи, а енералъ былъ у г. Скоропадского, где и Марко Марковичъ, прибывный изъ С.-Пбурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылъся у насъ въ банѣ Іванъ Гамалѣя. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42¾ к. Хлопцямъ на поясы насистой матеріи за 30 к. Івану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдни слушалисмо въ монастырѣ, потомъ перве я самъ былъ у судіи енералного Горленка, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдалъ въ домѣ и съ нами сотникъ монастириский Романовичъ. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ лубенскій г. Апостолъ, зъ которымъ ездили по коммисіи нашей для нѣкоторыхъ розговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ нами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Інформатору Юngrансу за прошлогодскую сина нашого науку по число 20 маія сего году дано въ доплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церквѣ св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софроный Мигалевичъ, другій нѣжинскій, Модестъ Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ жолтогорящои рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ пошитю Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кушане для тезоименитства его імператорского высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдню въ соборной церквѣ служилъ архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи випалено изъ 21 мартири. Кушали и доволно гуляли у генерала, а между обѣдомъ прибылъ изъ С.-Пбурха синъ енералскій Петръ Івановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Пересопу староста Омелянъ Шулікъ зъ тимъ извѣстіемъ, что поручикъ

Кишинскій отобралъ Куровъ и Чубаровъ, которого-жъ старосту сего числа отправилъ обратно изъ словесным и писменным приказомъ. Былъ вечеромъ у Івана Гамалія и у него-жъ виделъся зъ Піроцкимъ.

30. Рано былъ у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, послѣ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ. По обѣдѣ былъ я у подполковника Ладижинского стороны поручника Кишинского, а потомъ были у мене архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій и глуховскій петропавловскій ігуменъ Никифоръ Грибовскій.

Юлъ.

1. Писалъ къ Чижевскому, что отъ Піроцкого будетъ отправленъ нарочный зъ писмомъ въ полковую лубенскую канцелярію, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ былъ розборъ о спорѣ въ землях зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевского. Подана въ коммисію економіи челобитная на поручника Кишинского о отобранныхъ имъ деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Сего-жъ числа вечеромъ былъ у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москвѣ зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По раннимъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожалъ я зъ сыномъ за Березу, а оттоль возвратясь, получилъ писмо, что сынъ малый весма боленъ въ Перегонѣ; послѣ обѣда-жъ былъ у подполковника Ладиженского стороны поданной отъ мене въ коммисію економіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученное отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастирискій Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано присилалъ полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучого мене и самъ просилъ.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ протчими у полковника Тютчева ради сегоднешнего тезоименитства его, а одтоль пришедъ, засталъ въ дворѣ пріехавшого изъ дому нашего Петрока Троєпосєнка зъ тимъ извѣстіемъ, что куровци и чубаровци отъ всякого послушенства отказалися, на которое писмо писалъ къ женѣ, чтобъ войтовъ сискала къ себѣ и противныхъ смирила.

5. Весь день былъ въ домѣ и сочиняли проіектъ и дадикацію по коммисіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ полдня первей былъ у ассесора Денисова, потомъ заездилъ до Ласкевича и до дзигармистра, а надвечери былъ у генерала и подавалъ челобитную о Куровѣ и Чубаровѣ, которую велѣлъ подать утро при собраніи другихъ.

6. Оную челобитную рано подалъ енералу, которую онъ и читалъ; по прочтеніи-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать доношеніе въ сенатъ, отбирать-ли таковые деревни въ економію, а въ економію указъ, чтобъ во владѣніи намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого помѣшателства.

7. О таковой резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершеніи въ переводной и сводной коммисіи правного дѣла, а другое доношеніе отъ коммисіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Пбурхъ, и позволеніе получили той коммисіи персоны розездитись по домамъ. Писалъ къ архіерею чернѣговскому за отцемъ Іваномъ Подолскимъ и за сиНомъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рано подписанъ помянутый въ канцеляріи міпистерской о Куровѣ и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералшою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и кушали и весь день пробавили. Я надвечери, простившись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдалъ въ Кочергахъ у Стефана Миклашевского, по обѣдѣ былъ у Івана Филиповского, а надвечери оттоль отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Івана Пѣроцкого заночовалъ.

11. Отданъ изъ министерской канцеляріи стороны Курова и Чубарова въ коммисію економіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилъся, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтоль прибылъ-же.

12. Виданъ изъ коммисіи економіи о томъ-же указъ къ поруччику Кішинскому. Писалъ писма въ С.-Пбурхъ къ князю Никитѣ Юріевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣрующое писмо зъ приложенною челобитною въ сенатъ о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ коммисіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣйца при Каврайскомъ, чрезъ которого о томъ-же и до жены писано. Рано толко побувалъ у генерала, а по обѣдѣ немогъ на диссентерію и на глисты. Ввечеру пожегнался со мною Столповскій, да у мене-жъ були и сотники прилуцкій полковый Лукомскій и мглинскій Лисаневичъ.

14. Писма писанные въ С.-Пбурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ челобитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписанный на его-жъ имя, отосланъ до Івана Тодорского, чтобъ включилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда олѣйная чрезъ него-жъ послана при писмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писмомъ. Федоръ Ширай получилъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзенковому за 12 локотъ блакитного атласу и за аксамитъ чорный заплатилъ 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поруччика Кишинского и копія указу къ нему изъ коммисіи економіи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялъся, токмо велѣлъ удержатися до нѣсколко дней.

17. Хоружый полковый нѣжинскій Грива женилъся на дочерѣ сотника глуховского Даміана Турянского, рожденной зъ первой жены, и вѣнчалъся зъ ею въ церквѣ святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехалъ въ домъ свой.

18. Былъ у мене послѣ обѣда хоружый полковый нѣжинскій Грива съ прошеніемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не былъ, хотя другіе господа, да и самъ генералъ, на той свадбѣ были. Старостѣ локнянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерги—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда енералного о Соколовского улицѣ и о протчемъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Іванъ Гамалія зъ Короноцемъ. Ввечеру прибылъ зъ дому съ писмомъ Булаховъ.

20. Обѣдалъ я у Івана Гамаліи зъ обознымъ генералнымъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералного были. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учитъ шмуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ вакансовый, Іванъ Тодорскій преставилъся въ куренѣ канцелярскомъ на горячку и сего-жъ числа погребенъ въ церквѣ святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получилъ я отпускъ въ домъ отъ полгенерала и послѣ обѣда прощалъся зъ брегадиромъ Ильинымъ, полковникомъ Тютчевымъ и протчими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Деннсову къ пересылки въ С.-Пбурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммисію економіи о противности куровціовъ и чубаровціовъ и послѣ полдня въ 4 часу отехалъ зъ Глухова, простясь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибылъ на почлегъ въ Локотки, где и ночовалъ въ гаю.

23. Рано поехалъ и, переведшись чрезъ Десну, прибылъ подъ часъ обѣденъ до Новгородка, где былъ у мене сотникъ новгородскій и обѣдалъ, я-жъ посилалъ къ поруччику Кишинскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣлъ посилати салдата, но не послалъ. Потомъ самъ я отехалъ передомъ, оставя обозъ поволѣ ити назадѣ, и прибылъ позно уже въ Гримячее; тамъ-же оставя своихъ 2 конѣ и взявъ почтовые лошадѣ за прогоны, отехалъ и прибылъ коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Послѣ службы Божой и молебствія заездили въ городискій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ купно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посилалъ Іосифа зъ Семеномъ Шупкимъ въ Чубаровъ и Куровъ, чтобъ мужики до насъ явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ непослушенствѣ писалъ къ поруччику Кишинскому и послалъ писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенную погарскую предложеніе послалъ, зъ копіею ордера, отъ оного поруччика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погаръ отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовалъ Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенной погарской нарочного зъ инструкціею о сыску въ Погаръ именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Курова.

27. Получилъ отъ поруччика Кишинского отвѣтъ и повторенный въ Куровъ и Чубаровъ ордеръ, чтобъ по прежнему тамошные мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и зъ прежнимъ посланъ паки въ Погаръ Іосифъ, чтобъ зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревнѣ, но и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобъ послали нарочныхъ по инструкціи, которіи куровцямъ и чубаровцямъ витолковали-бъ силу указу, къ поручику Кишинскому изъ коммисіи економіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанныхъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куровъ, где засталъ мужиковъ въ собраніи, которіи какъ на самого мене порвались съ дубьемъ, такъ служителей моихъ, а особливо старосту Омеляна Шулика жестоко били, и на силу мы ушли отъ оного мужичого разбою. Прибывъ-же въ домъ, засталъ тутъ сотника мглинского Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енералную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланномъ вчора надъ нами отъ куровціовъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женою и молодіи Скорупны, Іванъ и Павелъ, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланные для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтоль прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доездного доношенія, отъ писаря ратушного Барлуя, зъ товарищемъ въ Куровъ посиланного, сотнику поданного. Протопопъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святого Іоанна Богослова при церквѣ городиской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грицка и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ такожде челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подскарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Івану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего теченія; вручены племѣннику Іосифу. Писалъ такожде въ Товкачовку чрезъ подводчика тамош-

няго, который пріездилъ зъ Даниломъ Качановскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвящали столовую избу и комнату и свѣтелку, что при комнатѣ.

Августъ.

1. Рано отехалъ Іосифъ къ Глухову зъ вишенамѣненными писмами, которому и денегъ дано 50 к., а съ нимъ-же и подводчикъ товкачовскій. Чрезъ Іосифа посланы до п. Скоропадского двѣ нарусные полотны. Вечеромъ переехалъ я зъ Василкомъ въ дворъ городиській, пріехавши зъ Василіовки.

2. Ездили на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибитого якъ нашого, такъ и людского жита градомъ.

3. Писалъ полковникъ стародубовскій, объявляючи, что пославъ указъ къ сотнику погарскому о забраніи предводителей къ бунтовству и розбойному нападку и присилки оныхъ въ полковую канцелярію, и прислалъ на чисто переписанную челобитную для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послалъ къ Турку при картѣ для отсилки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтми переехала въ городиській дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копіею повторного указу, зъ коммиссіи економіи къ поручнику Кишинскому 25 іюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Липию и Тимофію Закровіецкому, такожъ и до племѣнника Іосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородского для отсилки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Былъ у насъ въ Городищѣ писаръ сотенный погарскій, объявляючи, что отправленъ онъ съ командою для взятія мужиковъ въ Куровѣ и Чубаровѣ, токмо никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому копіи повторного указу, изъ коммиссіи економіи къ поручнику Кишинскому посланного.

6. По имѣвшейся передъ священникомъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ исповѣди удостоился по милости Божіей святого причащенія. Дано Гаврилку Чаплѣ василювскому на куплене куфи на горѣлку 34 к. Писалъ племѣнникъ Іосифъ зъ Глухова, что по поданной моей челобитной августа 3 для учинена резолюція: послать указы о послушенствѣ куровціовъ и чубаровціовъ Кишинскому,

а о продерзости и нападеніи, отъ нихъ учиненномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованіи.

7. Сотникъ погарскій при писмѣ своемъ прислалъ обратно копію повторного указу, изъ коммисіи економіи къ поручику Кишинскому писанного, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Былъ я зъ синомъ Василемъ на Василювцѣ и отобралъ тамъ денегъ валюшныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ виннику за 6 становъ 36 к.

9. Посиланъ Кавrайскій въ Погаръ для нѣкоторыхъ покупокъ, на якіе пошло 95 к.; онъ-же тамъ и челобитную подалъ на козаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Послѣ полдня былъ у насъ сотникъ погарскій Соболевскій и обявлялъ, что противники куровскіе и чубаровскіе побраны подъ караулъ и пошлются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писалъ писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Івану и до Іосифа зъ прилогомъ писма и до старости товкачовского о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены нарочными лукинцями. Отписалъ и до Андрея Миклашевского, звавшого насъ на весѣля пасинка своего Василя Жураковского, понимаючого дочь у войта нѣжинского Тарнавіота.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовского, другій, третій до поручика Кишинского стороны курувцювъ и чубаровцювъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племѣнника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Горленка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣйца старого чесникового полку, Лукіяна Петрова.

14. Оного компанѣйця зъ указомъ, до поручика Кишинского надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехалъ зъ женою и синомъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано былъ у полковника Максимовича и отдалъ ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцяхъ и чубаровцяхъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижніого на веселля къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковского выправлялъ для женитбы въ Нѣжинъ на дочери тамошнего войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скорупну съ сыномъ Павломъ, Федора и Алексаандра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовского, зъ женою, где послѣ обѣда виправленъ молодый зъ своею ассистенціею, а протчіе отехали по домамъ, я-жъ зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божой обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Былъ я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куровскихъ начали допрашивать. Вечеромъ былъ у мене Григорій Скорупна.

18. Приходили мужики куровскіе и чубаровскіе мене перепрошовать. А обѣдали у мене-жъ писари полковый и судовый, да Іванъ Скорупна, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову былъ я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где былъ и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексій Хелкидоцкій.

21. Слушалъ обѣдни въ церкви святой Варвари, что при вознесенской церквѣ, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвѣй Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ былъ я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гришки Гурииовского, послѣ-же и у Андрея Золотаря былъ за шаблею, которой на позолоту дано ему отъ насъ 4 червоніи золотіи, а въ оной шаблѣ срѣбра вѣсомъ 184 золотники осмои пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилъся.

22. Подали куровци и чубаровци челобитную повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: оную челобитную взнесть при доношеніи въ войсковую енералную канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащихъ имъ работъ. Вечеромъ былъ я у Андрея Миклашевского и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Шираю, где и купалъ, а оттоль поехавъ завременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куровъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высилать тамошныхъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на ночь къ намъ прибылъ въ Городище Іванъ Гамалѣя со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клепалъ до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Іванъ Гамалѣя отехалъ къ Юдинову. Я получилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію челобитной, отъ куровціовъ и чубаровціовъ поданной, съ повинною о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представленіе письменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же челобитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ вибито градомъ жита копъ на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа війшло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, ознаймуючи о проездѣ Івана Гамаліи къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукинци сторони заводу своего зъ даріевцями, недавно оными-жъ даріевцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣланя еще 3-хъ до нихъ и велено ему-жъ старатися бруса дубового ввезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехалъ къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевского, и прибыли туда уже позно при великой дождевой непогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ былъ у Петра Горленка въ Мироновцѣ [217]).

Септеврій.

1. Послѣ обѣдень зехались званные гостѣ въ домъ Андрея Миклашевского, а послѣ полдня прибыли и веселные персоны, а именно Василій Жураковскій, пасинокъ его Миклашевского, зъ своею новобрачною женою Анною, нѣжинского войта Петра Стеріевича Тарнавіота дочерью и съ протчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ

[217]) Петръ Акимовичъ Горленко женатъ былъ на внукѣ стародубскаго полковника Тимофея Алексѣева; Мироновка отдана была ему въ приданое.

ассистовавшими, и по обыкновенію, какъ вехала оная сватба, при играни полковой стародубовской музики, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселныхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матки новобрачныхъ кушали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гостѣ, а полковникъ Максимовичъ зъ своею женою отехалъ къ Фоевичамъ [218]) по указу.

3. Рано были у мене разные персоны мужеска и женска полу съ вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки кушали въ домѣ Миклашевского и раздѣленъ былъ веселный коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и ночовали, обще зъ Іваномъ Гамалѣею, въ домѣ Федора Корецкого.

4. У него-жъ Федора Корецкого и обѣдали, а послѣ обѣда Іванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-жъ и ночовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкого, где кушалъ съ нами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чиселъ пробавилъ въ домѣ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечну для посѣщенія Феодоры Галецкой, енералной бунчучной [219]) и тамъ, по выслушаніи набоженства, у ей кушали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоровала на голову, а вечеромъ

10 прибылъ отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ погарскій, съ отцемъ Костантіемъ Гилемъ, священникомъ афанасіевскимъ погарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при здешней церквѣ.

11. По отправленіи всенощного бдѣнія и утренѣ и литургіи, отправа была отъ того-жъ протопопа погарского, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемоніею заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между протчимъ въ заложеніи того придѣла

---

[218]) Фоевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

[219]) Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. См. примѣч. 25.

положенъ камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ висѣченномъ вложена оловяная таблица, а на оной напись таковая: «Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ честь и намять святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, тщаніемъ и иждивеніемъ хоружого енералного Николая Ханенка, 1743 году сентемврія 11 дня». А по окончаніи той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушаню, давъ протопопу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к., отпущены они во свояси.

12. Отпущенъ житель лотоковскій Макаръ Івановъ Коваль, которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и чрезъ него-жъ Коваля посланъ нашъ отвѣтъ къ тому-жъ Федору Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового стародубовского писанное. Да отъ него-жъ Пригари присланные денги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадского противъ его писма и о теслѣ Іванцѣ, 2-е до племѣнника Іосифа писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрошку, служителя Шираевого, а надвечери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ братомъ своимъ Михайломъ и Павломъ Скорупкою, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божой и процессіи кушали у насъ священникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и декоторіе мирскіе люде, а рано сего числа отправленъ компанѣецъ до Новгородка зъ указомъ до поручика Кишинского и зъ писмомъ отъ мене до новгородского сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ изъ войсковой енералной канцеляріи указъ стороны того-жъ поручика Кишинского и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Іванъ Лобъ, были у насъ въ Городищѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправленъ Стефанъ Каврайскій зъ Іваномъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писменное въ полковую стародубовскую канцелярію представленіе, да и до сотника новомѣского писалъ, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ заводныхъ, чтобъ оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій снѣгъ знатними пластами падалъ.

18. Давидъ Дударъ, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣеться, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работають придѣлъ при церквѣ, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за роботу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-жъ послана моя шабля добрая и писано о нѣсколкихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направленные Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлялъ въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлалъ. Ночовалъ я зъ силомъ на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое прироблено.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ роща, въ которой найпервей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Микруково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писалъ къ Івану Гамалін въ Юдиновъ о присилки мнѣ снѣцара, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючого, для здѣланіи оконницъ. Ввечеру и самъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и зъ дѣтми прибылъ къ намъ въ Городище и тутъ ночовалъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалѣя, отехавъ къ Глухову, а одтоль имѣлъ слѣдовать до Клепалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарскій Соболевскій, которому на покупку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулскихъ даны 4 р.

23. Прибыли лотоковскіе подводы, на которыхъ привезено данѣ меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенку, отъ Прокопа Коновала данѣ пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку діогтю, куль опенковъ, лубку сушеныхъ черницъ и бочку брусницъ, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Лотоковъ привезенного, Івана Николаева зъ женою, да тамъ-же показивано отъ мене и отъ старосты Омеляна Шулика Іакову Товарницкому, что надлежитъ справовать. Видрали еще съ одной

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

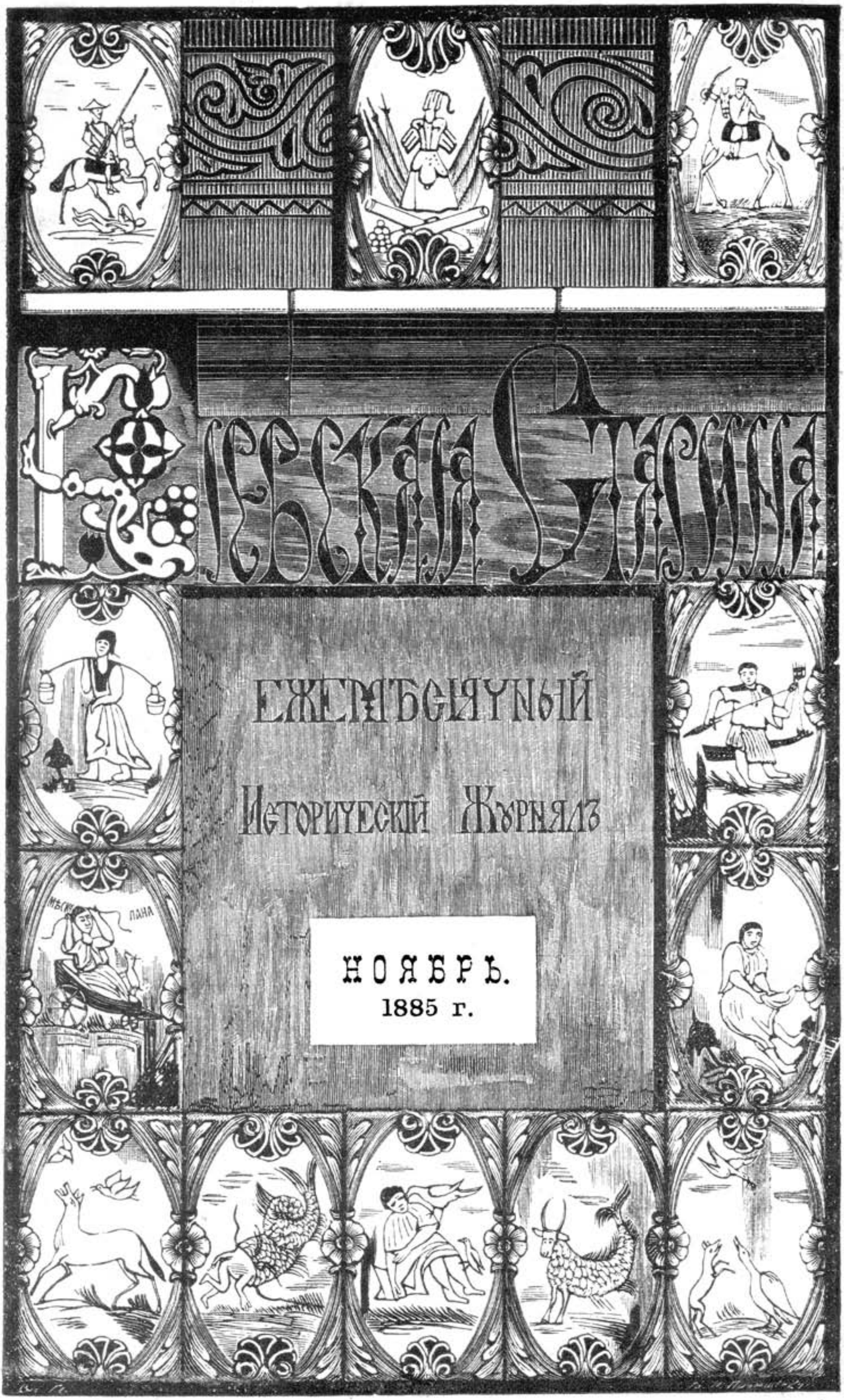
Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова, Диттера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.



Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1885 г.

стр.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 478

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—*Н. Каманина.*—б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ аглицкаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.— *Н. Дашкевича*—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.—*Н. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.*— б) Письмо къ другу отъ офицера находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. Н. Ястребовъ.*—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.— *Ив. Новицкаго.*—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.*— д) Запрещеніе купальскихъ огней.—*П. Е.*—е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.—Сообщ. *Н. Шеболдаевъ.*—ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—*К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

НОЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

НА

1886 г. (V ГОДЪ ИЗДАНІЯ) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

Юго-западная Русь—мѣсто организаціи русскаго театра.—Интермедіи Гаваттовича.—Вопросъ объ отношеніи ихъ къ устной народной словесности.

Первая интермедія и шутки *Ulenspiegel'а* въ нѣмецкой редакціи и въ польскихъ передѣлкахъ.

Вторая интермедія и странствующая повѣсть о лучшемъ снѣ: устный украинскій разсказъ о цыганѣ и хохлѣ. *Прикладъ* и *выкладъ* Римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*) и его первообразы: *Disciplina Clericalis*, арабскій и европейскій разсказы. Предполагаемая Бенфеемъ индійская параллель ихъ.—Дѣйствительные первообразы еврейскаго и арабскаго расказа индо-персидскій (*Sindibad Nameh*) и индо-китайскій (*Avadanas*). Обработка арабскаго разсказа у европейцевъ. Итальянскіе варіанты его. Варіантъ французскій, письмовника Курганова и устный великорусскій. Соображенія объ образованіи устнаго украинскаго варіанта; отношеніе его къ *Прикладу* второй интермедіи Гаваттовича.

Заключеніе: судьба мѣстно-народнаго элемента въ старинной письменности на Руси.

Исторія начальнаго періода театра въ русскихъ земляхъ представляетъ до сихъ поръ крупные пробѣлы. Но существенныя черты этой исторіи уже достаточно выяснены трудами Тихонравова, Пекарскаго и другихъ. Русскій театръ—происхожденія, такъ сказать, вторичнаго, еще въ большей степени, нежели театръ другихъ новоевропейскихъ народовъ. Мѣстные зародыши драматической словесности и искусства, заключавшіеся въ языческомъ богослуженіи, бытовыхъ обрядахъ и играхъ, прибитые быстро перенесенною изъ Византіи христіанскою культурою, не успѣли на Руси развиться до степени настоящей драмы, подобной той, какую явила міру въ свое время цивилизація классическая. А въ то-же время слабость проникновенія въ русскія земли этой послѣдней цивилизаціи, которая едва коснулась черноморскихъ и, можетъ быть, прикарпатскихъ

ихъ закраинъ, была причиною того, что эти земли не получили и отголосковъ драматической словесности и искусства эллино-римскаго даже въ той степени, въ какой это имѣло мѣсто у новыхъ народовъ западно-европейскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ большая крѣпость преданія въ церкви восточной, сравнительно съ западной, помѣшала у насъ постоянному возрастанію драматическаго элемента въ богослуженіи, въ противность тому, что случилось въ западной Европѣ. Только въ юго-западной Руси, и то очень поздно и подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, начало такой драматизаціи появилось въ видѣ такъ называемыхъ *пассій*, т. е. чтенія евангелій о распятіи Христа при нѣсколько драматической обстановкѣ,—да въ Новгородѣ появилось, тоже, вѣроятно, не безъ западнаго вліянія, начало религіозной драмы въ видѣ представленія исторіи «трехъ отроковъ и пещи огненной» въ Вавилонѣ. Представленіе это распространилось изъ Новгорода на сѣверъ Великой Руси и дошло до Москвы, но не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, быть можетъ, если не навѣрно, вслѣдствіе разрушенія самаго мѣста его рожденія—Великаго Новгорода съ его культурою.

Мѣстомъ рожденія настоящаго русскаго театра приходится признать области западно-русскія, гдѣ историческія условія хотя и не благопріятствовали сохраненію политической независимости русскихъ племенъ, но за то, по крайней мѣрѣ одно время, въ XVI и половинѣ XVII в., давали достаточно простора для общественной самодѣятельности, корпоративной и личной, не говоря уже о сравнительной легкости сношеній съ болѣе развитыми въ культурномъ отношеніи странами. Здѣсь, гдѣ существовали самоуправляющіяся муниципіи съ образованнымъ мѣщанствомъ, гдѣ церковныя братства развились въ могучія культурныя корпораціи,—возникли и первыя русскія типографіи, первыя правильныя русскія школы, возникъ и правильный русскій театръ.

Театръ этотъ былъ заимствованъ въ готовомъ видѣ изъ западной Европы въ двухъ формахъ, которыя постепенно развились въ послѣдней въ теченіи среднихъ вѣковъ: въ формѣ религіозной драмы, *мистеріи*, съ подвидомъ ея—*морализаціей*, и въ видѣ *комической интермедіи*, которая уже рано стала рамкой для развитія вполнѣ національнаго и реальнаго театра. Изъ западно-русскихъ областей, вмѣстѣ съ переходомъ ученыхъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ на службу

въ московское государство въ XVII ст., театръ перешелъ и въ области великорусскія, гдѣ постепенно и развился, правда, подъ новыми европейскими вліяніями, въ національное, если еще пока не вполнѣ народное учрежденіе,—между тѣмъ, какъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, національный театръ встрѣтилъ скоро помѣхи для своего развитія и въ Бѣлоруссіи не только остановился на формахъ XVII в., но почти вымеръ

Къ сожалѣнію, первоначальныя пробы драматической словесности въ западно-русскихъ областяхъ въ свое время почти не были ввѣрены типографскому станку и многіе погибли даже въ рукописяхъ. Такъ напримѣръ малорусскую *рождественскую драму* съ интермедіями мы имѣемъ лишь въ позднѣйшихъ спискахъ и въ редакціяхъ не раньше половины XVII в.[1]). О болѣе старой ея редакціи можно судить только приблизительно по списку этой драмы съ великорусскимъ отпечаткомъ въ языкѣ, напечатанному между прочимъ въ трудѣ профессора Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», въ каковомъ спискѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ пьесъ, принесенныхъ съ юга Димитріемъ Ростовскимъ и передѣланныхъ имъ для великорусскихъ зрителей. Еще болѣе пострадали первыя пробы вполнѣ свѣтской, комической драматической словесности на малорусскомъ языкѣ. О нихъ можно было до сихъ поръ получить краткія свѣдѣнія отъ польскихъ писателей, преимущественно отъ Крашевскаго, который читалъ рукописи или печатныя изданія старыхъ малорусскихъ интермедій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ [2]).

Тѣмъ болѣе интереса представляетъ напечатаніе въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г., № 12-мъ, «Двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.», которыя по справедливости могутъ быть названы, по крайней мѣрѣ впредь до открытія другихъ, старѣйшими русскими драматическими сценами. Сцены эти были играны уже въ 1619 году и вслѣдъ за тѣмъ напечатаны, но въ изданіи, которое

---

[1]) См. у Н. Маркевича, «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ». Кіевъ, 1860 г., стр. 31 и дальше; въ «Кіевской Старинѣ», 1882 годъ, октябрь, стр. 1 и слѣд., «Малорусскій Вертепъ», Гр. Галагана, и 1883 года, декабрь, стр. 547, «Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ».

[2]) Wędrówki literackie, fantastyczne, historyczne J. Kraszewskiego, т. II, стр. 83—85.

сдѣлалось столь рѣдко, что до сихъ поръ даже спеціалисты могли знать ихъ только по короткому указанію г. Крашевскаго. Теперь, къ удовольствію всѣхъ любителей старинной письменности, полная копія съ этихъ сценъ, сдѣланная г. Крашевскимъ, напечатана въ «Кіевской Старинѣ». Книга, изъ которой г. Крашевскій сдѣлалъ выписки упомянутыхъ сценъ, носитъ полный титулъ: «Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przeslańca Bożego. Na pięc aktów rozdzielona. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowiec/a Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegoz Iana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu Iaworowskiem u s. Mikołaia» (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, посланника Божія, въ 5 дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, Львовяниномъ, бакалавромъ свободныхъ наукъ и философіи. Представлена была на ярмаркѣ въ Каменкѣ, въ день того-же святаго Іоанна Крестителя, 1619 г., а напечатана у св. Николая на предмѣстьѣ яворовскомъ) [1]).

Отсылая наиболѣе любопытныхъ къ полному тексту, мы здѣсь скажемъ немного о формѣ этого старѣйшаго памятника русской драматической литературы, коротко напомнимъ его содержаніе, но остановимся подольше на вопросѣ объ его источникѣ и отношеніи къ словесности культурныхъ странъ, устной, обыкновенно называемой народною, и письменной.

Интермедіи Гаваттовича напечатаны были первоначально латинскими буквами; написаны онѣ стихами, со смѣсью стихосложенія силлабическаго съ тоническимъ. Стихи по большей части съ рифмами, часто рифмуютъ даже двѣ половины стиха. Видно, что авторъ былъ книжникъ, но знакомый и съ народною пѣснію. Языкъ интермедій очень близокъ къ галицкому діалекту малороссійскаго народнаго языка, хотя тронутъ церковно-славянскимъ и польскимъ влія-

---

[1]) Къ сожалѣнію г. Т—овъ, сообщившій въ редакцію «Кіевской Старины» сдѣланный г. Крашевскимъ списокъ интермедіи, упустилъ случай получить отъ извѣстнаго польскаго писателя, теперь на долго заключеннаго въ прусскую крѣпость, обстоятельныя библіографическія свѣдѣнія о книгѣ, къ которой она помѣщается. Книга эта должна быть теперь большая рѣдкость. Въ польскихъ библіотекахъ въ Львовѣ, ни даже въ Институтѣ Оссолинскихъ она не находится.

ніемъ. Содержаніе интермедій незамысловатое, какъ и содержаніе подобныхъ-же западно-европейскихъ интермедій и комедій нѣсколько болѣе ранней эпохи. Въ первой интермедіи являются два крестьянина, Стецько съ горшками и Климко съ котомъ въ мѣшкѣ. Первый,—богатый мужикъ,—нанимаетъ втораго къ себѣ на службу и обѣщаетъ его хорошо кормить, варя разную пищу въ купленныхъ имъ горшкахъ. Второй соглашается, хвастается своимъ умѣньемъ ловить звѣрей и предлагаетъ Стецьку купить у него лисицу, которую онъ будто-бы держитъ въ мѣшкѣ. Стецько желаетъ сначала осмотрѣть звѣрька, но убѣждается доводомъ, что звѣрекъ «ище быстрый, теперъ зъ ліса, утикъ-бы мини до біса», и послѣ торга покупаетъ звѣря. Климко уходитъ, обѣщая возвратиться, а между тѣмъ уноситъ горшки и одежу Стецька. Стецько не вытерпливаетъ, развязываетъ мѣшокъ,—и оттуда выбѣгаетъ котъ. Мужикъ плачется:

Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавывъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось, кота въ міху купывъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
Иже у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери [1]).

Тѣмъ часомъ возвращается Климко, переодѣтый въ другое платье и приноситъ горшки, которые накрываетъ своею прежнею одежею и присыпаетъ травою. Стецько встрѣчаетъ его упреками, но Климко увѣряетъ его, что мошенничество устроилъ не онъ, и показываетъ ему на кучу съ горшками, увѣряя, что это лежитъ обманщикъ, котораго и совѣтуетъ отколотить, «палицею гараздъ по хребті», Стецько исполняетъ совѣтъ и бьетъ собственные горшки. Замѣтивъ свою оплошность, Стецько изливается въ жалобахъ и идетъ жаловаться къ пану. Климко вновь появляется на сценѣ и цинически провозглашаетъ:

Га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловика-мъ опукавъ (обманулъ), призналъ-ся до того
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махлıовати (мошенничать)
Пойду ище та знайду, кого опукати (обмануть).

Во второй интермедіи представлены три крестьянина: Максимъ, Григорій и Денисъ. Первые два продали на ярмаркѣ воловъ

1) Въ этой и дальнѣйшихъ выдержкахъ правописаніе памятника.

и довольны, что не будутъ болѣе справлять «шерварку» (дорожней повинности) на тѣхъ волахъ, и собираются служить на *флисъ*, т. е. гнать плоты и суда на рѣкѣ. Ихъ догоняетъ Денисъ и предлагаетъ взять его въ компанію. Черезъ нѣсколько времени Денисъ проситъ ѣсть, говоря, что онъ забылъ хлѣба купить. Оказывается, что хлѣба нѣтъ и у товарищей. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мужики слышатъ запахъ пирога и поискавши, находятъ пирогъ на травѣ. Денисъ замѣчаетъ, что пирогъ слишкомъ малъ для троихъ и предлагаетъ лечь спать, а послѣ присудить пирогъ тому, кто увидитъ найлучшій сонъ. Всѣ ложатся, и, пока два спятъ, Денисъ съѣдаетъ пирогъ и потомъ будитъ товарищей. Тѣ расказываютъ свои сны:

Максимъ. Гей, братъ, я-мъ [1]) въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ,
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я моглъ огледати!
Та тожъ небо, якъ золотый замокъ, що такой роботы
Въ світі-мъ не видалъ красное [3]). Муры [4]) мѣетъ золотое [3])
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне [5]) та світное
Та и мустъ [6]) тамъ есть золотый. Та я соби передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикаютъ ангелы, ти же співаютъ [7])
Хороше. Та святыхъ много стоитъ вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седитъ за столомъ, а всі бьютъ передъ нимъ чоломъ.
Та ся и всі такъ жегнаютъ [8]), якъ мы въ церкви, та співаютъ.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живее, ся рушило [9]). Отъ, братя, тотъ [10]) ся ми снило!
Денисъ. То южъ [11]) ці все выповіділъ?
Максимъ. Ище: бо-мъ тамъ внетъ зеглидивъ,

---

[1]) *Мъ* — сокращеніе изъ *емъ* (есьмъ).

[2]) Мівъ=имѣлъ.

[3]) Хотя латинская транскрипція Гаваттовича вообще точно передаетъ малорусское произношеніе, но иногда авторъ видимо сбивается на манеръ обычной у его современниковъ кирилловской транскрипціи, въ которой боролось фонетическое правописаніе съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ, къ невыгодѣ обоихъ. Такъ «красн*ое*» и дальше золот*ое*» написано вм. красн*ои* и золот*ыи* и т. д.

[4]) Стѣны. [5]) Синіе. [6]) Мостъ. [7]) Поютъ. [8]) Кланяются. [9]) Задвигалось. [10]) Тотъ — сокращ. то-то=это. [11]) Уже.

Що потравы [1]) принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было-жъ, было-жъ тамъ много ісʼы! Не пребачу того.
Было мясо, поросята, были печены курчата,
Было тамъ и вареное, та было и смаженое [2]).
Все хорошо, и зъ юшкою [3]) білою та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамъ были, та и борщика зварили.
Та была и капустая, и горохъ, была кашая,
Та была тамъ и ботвына, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ неби мілемъ, на банкети, що тамъ былемъ.

Грицько. То я, братонку, въ пеклі [4]) бывъ. Ой тамъ-же біду терпивъ.
Чарневцы [5]) тамъ по голови были мя, та по хрептови
Літезнове [6]), та тамъ всіого виділемъ: поспольства [7]) много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратинове.
Суть тамъ и лихое жонки, суть невеликі дітонки.
Вси гореютъ ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моеи души
Была; та на вічни віки, кажуть, будешь терпить муки.
То-ть ся мині лише спило; бидай ся тотъ не трапило [8]).

Тутъ Денисъ разсказываетъ о себѣ: «я, братя, лежу, какъ вотъ идетъ ангелъ; вижу, а онъ пришедши ко мнѣ, вздернулъ меня за волосы и посадилъ на небѣ; то я тамъ видѣлъ тебя, какъ ты угощался. Просилъ я, чтобъ ты и мнѣ далъ чего нибудь хоть одинъ кусокъ, но ты не захотѣлъ, а все указывалъ мнѣ съ неба на тотъ пирогъ. Да и ангелъ говоритъ: «тутъ тебя не нужно, разъ ты увидѣлъ товарища, а другой сидитъ у самаго бѣса, въ томъ пеклѣ»,—да и поставилъ меня при огнѣ. А тутъ ты киваешь мнѣ и такія слова кричишь: «ты уже меня не увидишь; возьми пирогъ, что тамъ, да и ѣжь, ибо я буду терпѣть муки на вѣки вѣчные». Вдругъ ангелъ меня поставилъ здѣсь, такъ я пирогъ и съѣлъ.

Максимъ. Либой?! [9])

Денисъ. Ой такъ.

Максимъ. Ой Динису, иди-жъ ты собі къ бісу.
Коли не будеть пирога, будешь плакати на Бога.

---

[1]) Пищи. [2]) Вареное въ соусѣ. [3]) Соусъ. [4]) Адъ. [5]) Горные діаволы. [6]) Летучіе бѣсы. [7]) Народъ. [8]) Дай Богъ, чтобы не случилось. [9]) Неужели.

Денисъ. Вшакожъ [1]) ты ся наівъ на небі.

Грицько. Якъ я, баламуто [2]), тебе почну палицею взбирати, не будешь ты жартувати [3]).

Денисъ. Ось біда! зъисти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й прийшовъ, хоть бысь [4]) и до биса пошолъ!

Денисъ. Кози-мъ пирогъ зъімъ, не дбаю [5])... та южъ зо вами жегнаю [6]). (Убѣгаетъ, и тѣ за нимъ).

Мы должны начать наши разсужденія о вышеизложенныхъ интермедіяхъ съ нѣкоторой полемики съ почтенной редакціей «Кіевской Старины» [7]). Помѣщая у себя интермедіи Гаваттовича, редакція предпослала имъ нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ между прочимъ признаетъ, что содержаніе ихъ, какъ и многихъ послѣдующихъ подобныхъ произведеній, «заимствовано изъ области чисто-народныхъ побасенокъ». Передавъ содержаніе первой интермедіи, редакція говоритъ: «народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ». Вторая

---

[1]) Во всякомъ случаѣ. [2]) Плутъянъ, мошенникъ. [3]) Шутить. [4]) Сокр. изъ бы и еси. [5]) Не интересуюсь (вами болѣе). [6]) Кланяюсь, прощаюсь.

[7]) Въ сущности тутъ и никакой полемики нѣтъ. Помѣщая въ свое время интермедіи Гаваттовича, мы вскользь указали на ихъ народный, въ противуположность школьному, книжному, характеръ и отпечатлѣвшіяся въ нихъ національныя черты своего времени. Вопроса о заимствованности ихъ сюжетовъ мы не касались и не могли коснуться,—это требовало-бы многихъ и долгихъ справокъ, иначе нарочитаго изслѣдованія и такого внушительнаго научнаго аппарата, какой выдвинулъ авторъ настоящей статьи. Наши бѣглыя замѣчанія не теряютъ своего значенія, если разсматривать названныя интермедіи въ сферѣ чисто мѣстной, этнографической. Но почтенный авторъ пошелъ далѣе: онъ примѣнилъ къ нимъ методъ сравнительный, столь мало у насъ извѣстный и почти не практикующійся и отсюда получились столь любопытныя и важныя для нашей науки сопоставленія и выводы. Мы съ полною признательностію даемъ мѣсто его труду на страницахъ нашего изданія; но не можемъ вполнѣ согласиться относительно допускаемой имъ въ данномъ случаѣ мѣры и степени заимствованія. Что до сюжетовъ,—такъ; но обработка ихъ, особливо втораго, чисто мѣстная и никакой *Ulenspiegel* не могъ дать имъ той непосредственности и юмора, которыми проникнута 2 интермедія, или того напр. *тени* обѣда во царствіи небесномъ, которое является въ устахъ одного изъ трехъ путниковъ — Максима. — Ред.

интермедія кажется редакціи «еще народнѣе по содержанію»... «Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ». Въ обоихъ интермедіяхъ редакція видитъ «ярко выступающее народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени».

Заключенія, въ родѣ вышеприведеннаго, можно-бы было счесть вѣрными только тогда, когда-бы все, что находится въ оборотѣ среди такъ называемаго народа, было продуктомъ его непосредственнаго творчества и отраженіемъ его быта. Между тѣмъ ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что въ такъ называемомъ «народномъ» у новоевропейскихъ націй весьма много «книжнаго» и весьма мало «бытоваго» и мѣстно-національнаго по происхожденію, въ особенности въ области прозаической словесности: сказкахъ, новеллахъ, анекдотахъ. Едва-ли не большая часть произведеній послѣдняго рода, обращающихся у разныхъ новоевропейскихъ народовъ, даже въ устныхъ редакціяхъ, проникло въ народную среду изъ книгъ и при томъ принесено сравнительно недавно очень изъ далека, изъ Азіи, въ которой почти всегда изслѣдованіе открываетъ первоначальную индійскую родину сказаній.

Въ вопросѣ интермедій Гаваттовича мы имѣемъ дѣло съ случаемъ такого-же рода. Намъ лично неизвѣстны устные украинскіе разсказы на тему первой интермедіи, а извѣстна только пословица: «кота въ мѣшку не торгують» (Номисъ, Украински приказки, присловья и т. п. № 10, 498). Но мы охотно допускаемъ существованіе подобныхъ разсказовъ и въ устной словесности украинскаго народа, жалѣя только, что они не попали въ печатные сборники. Разсказъ-же на тему второй интермедіи попалъ и въ сборникъ Аѳанасьева, и мы приведемъ его ниже. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы непремѣнно послужили источниками для интермедій. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, скорѣе позволительно сдѣлать обратное предположеніе. Но еще вѣрнѣе будетъ сказать, что и старинныя письменныя редакціи интересующихъ насъ разсказовъ, и теперь обращающіяся на Украйнѣ устныя ихъ редакціи, имѣютъ *общихъ предковъ вовсе не мѣстнаго происхожденія* и даже въ послѣдней степени не европейскаго, при чемъ первые родоначальники ихъ могли и даже, пожалуй, должны были

быть устными расказами, но ближайшіе къ нашимъ, европейскіе, предки были уже письменные, книжные.

Для первой интермедіи Гаваттовича и родственныхъ ей анекдотовъ такимъ предкомъ послужила, по нашему мнѣнію, нѣмецкая книга о похожденіяхъ *Ulenspiegel'a*.

Ulenspiegel, или *Eulenspiegel* типическая личность, созданная воображеніемъ нѣмецкихъ остряковъ XIV—XV вѣка изъ разныхъ анекдотовъ какъ мѣстнаго устнаго происхожденія, такъ и книжнаго, иностраннаго. Это «шутникъ», устраивающій по большей части злыя, часто очень грязныя шутки разнымъ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе. Такія типическія личности, которыхъ имена служатъ точкою прилѣпленія анекдотовъ извѣстнаго сорта, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, на востокѣ, какъ и на западѣ. Въ послѣднемъ, въ Англіи и Германіи раньше еще Ulenspiegel'a былъ попъ Амисъ (Der Pfaffe Amis), похожденія котораго стали рано предметомъ «народной книги», не забытой и до сихъ поръ и изъ которой нѣсколько анекдотовъ попало и въ сводъ похожденій Ulenspiegel'a, составленный въ началѣ XVI ст. Томасомъ Мурнеромъ и напечатанный въ 1519 г. [1]). Сводъ этотъ потомъ перепечатывался много разъ и переводился на разные языки, причемъ новые издатели выбрасывали или прибавляли разные анекдоты, сообразно собственному и своей публики вкусамъ. Имя *Eulenspiegel* и фигура его, съ совой (Eule) въ одной рукѣ и зеркаломъ (Spiegel) въ другой, стало популярнымъ на всемъ западѣ и дало отъ себя въ французскомъ языкѣ слова espiègle, espièglerie.

Въ Мурнеровомъ сводѣ исторій Ulenspiegel'a находимъ двѣ исторіи, которыя сведены въ одну въ первой интермедіи Гаваттовича. Въ первой (LV histori sagt, wie Ulenspiegel zu Lypzigk den kürsneren ein lebendigen katz, negt in ein hasenfell in einem sack, für ein lebendigen hasen verkauft) разсказывается, какъ Ulenspiegel, разсердившись на то, что въ Берлинѣ мѣховщикъ не заплатилъ ему денегъ за работу, которую онъ, придравшись къ буквѣ приказанія хозяина, выполнилъ такъ, что надѣлалъ изъ мѣху волковъ большихъ и малыхъ и испортилъ мѣхъ, рѣшаетъ отомстить мѣховщикамъ въ

[1]) Нѣмецкое критическое изданіе. Dr. Thomas Murners Ulenspigel, heraus gegeben von J. M. Lappenberg. Leipzig, 1854 года.

Лейпцигѣ. Когда лейпцигскіе мѣховщики собрались на канунѣ Свѣтлаго Праздника (Fastnacht) и заявили, что охотно-бы поѣли дичи, Ulenspiegel беретъ у хозяина своего трактира кота, обшиваетъ его въ заячью кожу, показываетъ его мѣховщику изъ-подъ полы и продаетъ за 4 зильбергроша да за 6 пфениговъ мѣшокъ. Мѣховщикъ приноситъ покупку въ домъ своего цехмейстера, гдѣ собрались его товарищи. Эти захотѣли позабавиться охотой на зайца и выпустили кота въ огороженномъ саду, натравивъ на него собаку. Котъ вскочилъ на дерево, замяукалъ и убѣжалъ домой. Мѣховщики хотѣли побить проказника, но Ulenspiegel *перемѣнилъ свое платье и принялъ другой видъ*, такъ что *они его не узнали*[1]).

Другая исторія (Die LXXXVII histori sagt, wie Ulenspiegel macht, das ein fraw alle ire hefen enztwei schlug of dem markt zu Braman) соотвѣтствуетъ второй половинѣ первой интермедіи Гаваттовича. Здѣсь Ulenspiegel представленъ въ гостяхъ у епископа бременскаго, любителя шутокъ, который очень забавлялся своимъ гостемъ. Проказникъ, наконецъ, утомляется и напускаетъ на себя благочестіе, такъ что епископъ, наконецъ, досадуетъ. Тогда Ulenspiegel уславливается съ горшечницею, что онъ платитъ за всѣ ея горшки, если она будетъ исполнять все, что онъ ей прикажетъ знакомъ, епископу-же онъ говоритъ, что безъ словъ заставитъ продавщицу горшковъ побить свой товаръ. Епископъ держитъ пари противъ на 30 гульденовъ. Оба идутъ на рынокъ,—и Ulenspiegel начинаетъ движенія, которымъ баба горшечница подражаетъ, наконецъ дѣлаетъ ей знакъ бить горшки. Дома епископъ соглашается отдать 30 гульденовъ, если Ulenspiegel скажетъ ему, какъ онъ устроилъ свою штуку. Проказникъ объясняетъ свою немудрую хитрость. Епископъ приказываетъ ему молчать объ этомъ дѣлѣ и обѣщаетъ за то подарить быка. Подарокъ этотъ Ulenspiegel получаетъ изъ числа 16 быковъ, которые добываетъ епископъ отъ своихъ рыцарей и слугъ, обѣщавъ имъ открыть секретъ способа, какимъ Ulenspiegel получилъ силу надъ бабой горшечницей. Секретъ показался вассаламъ епископа не стоющимъ быковъ, но имъ пришлось утѣшиться тѣмъ, что шутку надъ ними сыгралъ ихъ господинъ (und trosten sich damit, es war ir gnediger her).

---

[1]) Lappenberg, op. cit., стр. 125—127.

Исторія Ulenspiegl'a переведена была и на польскій языкъ подъ именемъ Sowezrzał (Eule=Sowa и Spiegel=zrzadło, swierzadło, зеркало). Переводъ этотъ долженъ былъ появиться не позже начала XVII в. или даже конца XVI в., такъ какъ уже въ 1617 г. епископъ краковскій внесъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ «Fraszki nowe Sowizrzałowe» и «Sowizrzałnowy» [1]. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ, въ Львовѣ, находится очень старое изданіе подобнаго перевода, напечатанное въ началѣ готическими буквами, а въ концѣ обычными латинскими, но безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: «Sowizrzał Krotofilny y Smieszny. Urodzenie, żywot, postępki y dokonanie iego dziwna. W Brunszwiku na Bramie iaką osobą i postacią iest malowany. Z poprawą, słowy wyborniejszemi do Druku podany. in 8-o» (Библіотека Оссолинскихъ, № 16, 144). Здѣсь, на страницѣ 108—109, находимъ вполнѣ соотвѣтствующую LV исторіи Мурнерова Ulenspiegel'a исторію о томъ, iako Sowizrzał w Lipsku żywą kotkę w zającą skurę zaszył, włozywszy ią do woru, kusznierzom za zywego zająca przeda.

Это даже не передѣлка, а почти дословный переводъ нѣмецкаго образца. Тоже самое надо сказать и о помѣщенной на страницѣ 163—165 польскаго изданія исторіи о томъ, iako Sowizrzał dokasał, iże jedna niewiasta swoie garce potłukła.

Тутъ дѣйствіе происходитъ также при дворѣ епископа бременскаго.

Эта послѣдняя исторія была впрочемъ разсказана по польски и отдѣльно отъ книги объ Ulenspiegel'ѣ и притомъ даже раньше появленія этой книги въ польскомъ языкѣ, а именно въ сочиненіи Луки Горницкаго «Dworzanin Polski», которая составляетъ собственно передѣлку книги гр. Б. Кастильоне (1478—1529) Il Cortegiano (перв. изд. 1528). Первое изданіе книги Горницкаго вышло еще въ 1566 г.. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ находится переизданіе ея подъ заглавіемъ: Dworzanin Polski, Łukasza Gornickiego. Teraz nowo przedrukowany. w Krakowie. 1639. (Библіот. Оссол. № 5, 150). Здѣсь, на страницѣ 210—213, мы находимъ варіантъ шутки Ulenspiegel'a съ бабой, продающей горшки, съ тою только разницею, что здѣсь одинъ придворный (dworzanin) короля подшучиваетъ надъ дру-

[1]) Lappenberg, op. cit. 314—316.

гимъ, желающимъ научиться чернокнижію; шутникъ выдаетъ свой уговоръ съ горшечницей за пріемъ чернокнижія; довѣрчивый платитъ ему закладъ и потомъ посрамляется передъ королемъ.

Сходство между двумя изложенными выше шутками Ulenspiegel'а и содержаніемъ первой интермедіи Гаваттовича очевидно, не смотря на передѣлки, которыя потерпѣли обѣ темы, при сводѣ въ одну и въ приспособленіи къ условіямъ сцены. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ интермедій имѣлъ передъ собой исторію Ulenspiegel'а, какъ образецъ. Является только вопросъ: была-ли у Гаваттовича въ рукахъ польская редакція Ulenspiegel'а, или-же прямо нѣмецкій оригиналъ? Разрѣшеніе этого частнаго вопроса было-бы интересно, какъ облегченіе къ разрѣшенію общаго, очень интереснаго для исторіи культуры, а именно: *была-ли Польша и ея культура непремѣннымъ мостомъ для культурныхъ вліяній Запада на Малороссію и Бѣлоруссію, а черезъ нихъ и на Великороссію,* или-же *западно-русская культура черпала и непосредственно изъ западно-европейскихъ источниковъ, напримѣръ въ данномъ случаѣ изъ германскихъ?*

Въ разсматриваемомъ случаѣ не невозможно и послѣднее, т. е. прямое пользованіе Гаваттовича нѣмецкимъ оригиналомъ Ulenspiegel'а. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ ученый титулъ Гаваттовича, который онъ могъ получить въ какомъ нибудь германскомъ университетѣ и даже въ Краковѣ, такъ и раннее появленіе нашихъ интермедій, почти современное съ первымъ упоминаніемъ о появленіи польскихъ переводовъ Ulenspiegel'а. Но по неимѣнію другихъ, болѣе прочныхъ данныхъ, мы не рѣшаемся поддерживать это предположеніе и ограничиваемся выводомъ о томъ, что основа первой интермедіи Гаваттовича не мѣстная и устно-національная, «народная», а книжная западно-европейская [1]).

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что исторія Ulenspiegl'а была переведена (впрочемъ уже въ XVIII в., и именно въ 1791 и въ 1793 г.) на великорусскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Похожденія хитраго и забавнаго шута Совѣст-Драла большаго носа.* Переведена съ польскаго, дополнена съ другихъ языковъ (см. указанія у Д. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 169, 352, 573) и проникла въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и въ устные разсказы (см. напр. Садовникова, Сказки и преданія самарскаго края, № 32, Шутъ Максимка, а также новую брошюрку Edm. Veckenstedt, Sztukaris der Till Eulenspiegel der Litauer und Żamaiten und Schut Fomka, sein russiches Ebenbild. Leipzig. 1885).

Тоже сказывается, при ближайшемъ изслѣдованіи, и съ второй интермедіей.

Основы этой интермедіи дѣйствительно встрѣчаются въ устной словесности на Украйнѣ. Одинъ варіантъ на эту тему напечатанъ въ сборникѣ сказокъ Аѳанасьева. Варіантъ этотъ на столько въ своемъ родѣ характеренъ по редакціи, напоминающей манеру расказовъ пасичника Рудого Панька, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь въ полномъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что онъ нуженъ намъ будетъ далѣе для сравненія съ иностранными варіантами.

Шелъ хохолъ [1]) съ покосу—и сошелся съ цыганомъ.

— А куда ты, чоловѣче, идешь?

— А домой, цыганъ.

— Пойдемъ-же со мной за товарища!

— Давай!

Вотъ они идутъ да на дорогѣ нашли жаренаго поросенка.

— А какъ-же, говоритъ, чоловѣче, мы поросенка будемъ ѣсть?

— Да какъ-же? разрѣжемъ да и будемъ ѣсть.

— Нѣтъ, чоловѣче, говоритъ цыганъ; или я больше съѣмъ, или ты,—и не замѣтимъ, а вотъ ужо ляжемъ спать, да кому лучшій сонъ приснится, тому и поросенка ѣсть.

— Давай!

Только человѣкъ и сторожитъ цыгана, пока тотъ заснетъ. Цыганъ захранѣлъ. Человѣкъ потолкалъ, потолкалъ цыгана,—тотъ спитъ. Вотъ тогда онъ вынулъ у него краюху хлѣба и съѣлъ всего поросенка, а послѣ легъ, да и спитъ себѣ хорошенько. Цыганъ схватился, да толкъ, толкъ того человѣка, тотъ проснулся.

— А какой-же тебѣ, чоловѣче, сонъ снился?

— А, побей тебя, цыганъ, ты меня разбудилъ, а мнѣ такой хорошій сонъ снился!

— Ну, расказывай-же, цыганъ, твой сонъ, а я свой припомню; ты меня такъ толкалъ, что я свой сонъ совсѣмъ забылъ.

---

[1]) Разсказъ записанъ въ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, т. е. на восточной границѣ украинскаго племени, заселенной впрочемъ преимущественно выходцами съ западной Украйны. См. Аѳанасьева, Народныя Русскія Сказки, изд. 1873 года, кн. III, стр. 480—482.

— Ну, говоритъ, человѣче, мнѣ сонъ хорошій снился! Смотрю я: возлѣ насъ конь ходитъ, такой хорошій; новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая. Вотъ я сѣлъ на того коня, да побѣжалъ—только и видно! Бѣгу по полю, на полѣ стоитъ столбъ, около столба лѣстница. Я слѣзъ съ того коня, привязалъ его до столба, полѣзъ по лѣстницѣ; лѣзъ, лѣзъ въ гору, высоко, высоко! Смотрю, а тамъ небеса! Я влѣзъ на небеса, ходилъ, ходилъ по небесамъ, да и нашелъ домикъ. Отворилъ я немного двери того домика, а тамъ свѣтъ. Вижу, сидитъ самъ панъ-Богъ, ужинаетъ и говоритъ мнѣ: «иди, говоритъ, цыганъ, ко мнѣ ужинать!» Такъ я, человѣче, съ самимъ паномъ-Богомъ ужиналъ!.. Видишь, какой мнѣ сонъ снился!

— Да и мнѣ, говоритъ (хохолъ), въ такомъ-же родѣ, только немного не такой: всталъ я будто, и вижу: ходитъ бѣлая кобыла, да паршивая! Свитка на ней подвязана возжами изъ лозы, стремена нацѣплены, оброть на ней вся порванная. Такъ я сѣлъ себѣ на нее, да и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ,—ѣхалъ, ѣхалъ, даже скверно стало... Только смотрю: стоитъ столбъ, возлѣ столба лѣстница, а около той лѣстницы стоитъ привязанный конь, этакой хорошій! Новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая...

— Вотъ-же, человѣче, я на этомъ конѣ ѣхалъ!..

— Да. Такъ я, говоритъ, слѣзъ съ той кобылы, пустилъ ее по полю, да и полѣзъ по лѣстницѣ вверхъ. Взлѣзъ высоко, высоко; смотрю небеса; вижу—стоитъ домикъ. Я отворилъ немного двери, смотрю, вы сидите съ паномъ-Богомъ и ужинаете. Вотъ ты, цыганъ, махнулъ на меня да и говоришь: «воротись, человѣче, и съѣжь поросенка!» Я воротился, съѣлъ поросенка, да и легъ, и спалъ хорошенько...

— Такъ ты съѣлъ поросенка?

— Да всего, говоритъ, съѣлъ. Посмотри: вотъ только косточки остались!

— А, дурень! Да вѣдь это только сонъ мнѣ такой снился!

— А я, говоритъ, не зналъ; ты-жъ на меня махнулъ, чтобъ я воротился да съѣлъ поросенка.

— Пусть-же тебя поѣстъ лихая година! Чортъ съ тобою дурень! Чтобъ тебя сырая земля не приняла! Не пойду я съ тобой за товарища; отчураюсь!..—Да и пошелъ цыганъ изъ дому.

Но, не смотря на совпаденіе нашей интермедіи съ устнымъ разсказомъ въ народной украинской словесности, содержаніе первой все-таки взято не изъ области послѣдней, а изъ книжной и при томъ иностранной литературы, изъ которой пошла на Украйну и основа устнаго разсказа.

Въ нашей старинной письменности мы находимъ еще одинъ варіантъ исторіи о лучшемъ снѣ, варіантъ болѣе близкій къ содержанію интермедіи, чѣмъ въ тотчасъ приведенной устной сказкѣ. Мы разумѣемъ одинъ изъ *прикладовъ*, помѣщенныхъ въ сборникѣ *Римскія дѣянія*. Сводный списокъ русской редакціи этого сборника изданъ въ 1878 г. петербургскимъ обществомъ любителей древней письменности по рукописи XVII вѣка. Тутъ, въ II вып. на страницѣ 229, находимъ «*Прикладъ, чтобъ мы блюлись ѿ лести діаволети, дабы насъ не прелстилъ*»—слѣдующаго содержанія [1]).

Шли нѣкогда три товарища путемъ, и прилучися имъ въ нѣкоторое время, что не имѣли подьѣсть, развѣ ся единъ малъ хлѣбецъ обрѣли купить. А есть-ли имъ захотѣлось велми и реша межъ собою: какъ аще мы сей хлѣбецъ раздѣлимъ на три части, тожъ кождо насъ своею долею сытъ не будетъ, того дѣля подумаемъ, что намъ съ тѣмъ хлѣбомъ чинить. Реклъ имъ изъ нихъ одинъ: положимся здѣсь на дорогѣ и поспимъ, и кому изъ насъ налѣбшій и дивной сонъ видится, тотъ весь хлѣбъ да съестъ. И рекли ему друзіи товарищы: произволяемъ тому быти, а почали спать. Тогды онъ, которой ту раду видѣлъ, воставши, какъ они спали, весь хлѣбъ съѣлъ, что не маленькой дробинки не оставилъ товарищамъ, и потомъ пробудилъ онъ свои товарыщы, глаголя: востаните скоро, оуже часъ есть, чтобы каждо свой сонъ исповѣдалъ. Реклъ первый товорыщъ: милые, дивенъ ми сонъ видѣлъ: едину дробинку [2]) злату, спущену съ небесъ, по ней же и ангелы схождаху съ небеси и восхождаху. И сошедши взяли душу мою и тѣло, и какъ былъ тамъ, видѣлъ есмь святую Тройцу, Отца и Сына и святаго Духа; и такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже оухо слыша, какову азъ радость тамъ имѣлъ; то есть мой сонъ. Потомъ другій:

---

[1]) Для удобства не спеціалистамъ мы нѣсколько приспособляемъ нашу транскрипцію къ обыкновенной.

[2]) Драбинка—лѣстница по малорусски.

азъ видѣлъ, что діаволъ душу мою исторгнулъ осѣками изъ моего тѣла и взяли ю во адъ, и зло бысть мнѣ тамъ, и рекли мнѣ: доколѣ будетъ Богъ на небеси, толико долго будешь на томъ мѣстѣ. Потомъ третёй: слышите мой сонъ: видѣлъ есьми, что нѣкоторый ангелъ пришелъ ко мнѣ и рeклъ ми: пріятелю, хощети ли видѣти, идѣже твои товарыщи? И азъ отвѣчалъ ему: радъ есмь и хощу видѣти, ибо имамы между собою единъ хлѣбъ делить, а знать, что уже (съ) хлѣбомъ ушли. И онъ мнѣ рeклъ: есть тотъ хлѣбъ подлѣ васъ, а сего дѣля иди по мнѣ. И велъ мя до улицы небесной, и вложилъ только главу свою въ небо, яко-же ми повелѣлъ, и видѣлъ, что ты еси въ небѣ былъ, яко-же повѣдалъ ми еси, и сидѣлъ еси на златомъ столцѣ, а имѣлъ еси предъ собою брашна приправна и вина доволно. И рeклъ ми ангелъ: се товарыщъ твой имать здѣ будетъ пребывать и во вѣки, ибо кто единою внидетъ въ небо, оуже во вѣки изъ него не выйдетъ. Потомъ рече ми: иди еще со мною и покажу тебѣ, идѣже другой товарыщъ твой. Егда-же идохъ за нимъ, и велъ мя до вратъ ада, и тамо паки видѣхъ тебя въ мукахъ тяжкихъ, якоже и самъ повѣдалъ еси, и рекохъ къ тебѣ: товарышу милый, жаль мнѣ тебя, что еси въ таковыхъ мукахъ пребываеши, и ты мнѣ отповѣдалъ, что дондеже Господь Богъ въ небѣ будетъ царствовати, толико долго имашь здѣ пребывати, ибо сіе заслужилъ еси; по семъ паки скоро: и зъежь весь хлѣбъ, ибо отселѣ ни мене, ни товарыща моего не оузришь. Егда-же азъ оуслышахъ сіе, воставши, снѣдохъ хлѣбъ, якоже ми велѣлъ еси».

Списокъ, по которому издана первая половина памятника, изъ коего мы привели сейчасъ выписку, сдѣланъ въ Бѣлоруссіи, въ Могилевѣ. Но въ трудѣ г. Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (183—194) указываются другіе списки, уже безспорно украинскіе, какимъ кажется намъ и оригиналъ списка г. Тихонравова, по которому петербургскіе издатели «Римскихъ дѣяній» дополнили могилевскій списокъ. Да кромѣ того изъ упоминанія Галятовскаго видно, что «*Римскія дѣянія*» распространены были и на Украйнѣ. Извѣстно-же, что этотъ сборникъ есть ничто иное, какъ западно-европейская средневѣковая, первоначально латинская (*Gesta Romanorum*) компиляція различныхъ исторій, большею частью восточнаго происхожденія, которыя христіанскіе моралисты старались приспособить къ своимъ дидактическимъ

цѣлямъ, хотя очень часто довольно неудачно. Вотъ и выше приведенный расказъ о трехъ спутникахъ объясняется въ могилевскомъ спискѣ «Римскихъ дѣяній» слѣдующимъ образомъ:

Выкладъ, сіирѣчь толкованіе притчи сея. Наймилейшая братія! Сихъ трехъ товарыщей можемъ разумѣти три рода человѣческіи: первое сарацыны и жиды, другое богатыхъ и сильныхъ свѣта сего, третіе можемъ разумѣти совершеніе, которое въ боязни Божіи живутъ; круглымъ-же хлѣбомъ разумѣемъ царство небесное, которое имать бысть раздѣлено на три рода человѣческіе по дѣламъ ихъ, единымъ болши, и другимъ менши. Первый родъ человѣческій сарацыны, жиды спятъ въ гресѣхъ своихъ, а вѣруютъ, что имутъ быти въ себѣ, такожде и сарацыны обѣщаніемъ Магометовымъ, егоже законъ и вѣру держатъ, имже обѣщалъ въ небѣ царствоватъ. Жидове тако-жъ вѣруютъ черезъ законъ Моисеовъ спасеніе наслѣдить. Та ихъ вѣра и надежда есть, яко второй товарыщъ, ему-же видѣлось то, что въ адѣ были суть богатые и сильные свѣта сего, которые во адъ нисходятъ, идѣже во вѣки мучитися будутъ имутъ, обаче-же они не брегутъ... Третій товарыщъ—добрый христіанинъ, который не во гресѣхъ и не въ злой вѣрѣ спитъ, но въ добрыхъ оучинковъ чуетъ совѣтомъ ангела, то есть Духа святаго и тако животъ свой водитъ, что будетъ имѣть хлѣбъ, то есть царствіе небесное, въ немъ-же онъ и всякъ христіанинъ Бога и ближняго любя и будетъ пребывати во вѣки вѣковъ безконечно. Аминь [1]).

Нечего и распространяться о томъ, какъ бѣлыми нитками пришитъ къ *прикладу* такой *выкладъ* и на сколько искусственно это толкованіе передаваемаго намъ сводчиками «Римскихъ дѣяній» анекдота, подавшаго къ нему поводъ. Тѣмъ не менѣе это толкованіе сохранило на себѣ слѣды источника, изъ котораго перешелъ въ христіанскую среду занимающій насъ анекдотъ или «прикладъ». Ближайшимъ источникомъ этого приклада въ Gesta Romanorum обыкновенно считается XX глава или разсказъ, сочиненія Петра Альфонса *Disciplina Clericalis.* Петръ Альфонсъ былъ еврей, крещенный въ началѣ XII вѣка аррагонскимъ королемъ Аль-

[1]) См. латинскій сводъ Gesta Romanorum, изд. Osterley, Berlin, 1872, caput 106. Старѣйшія латинскія редакціи «Римскихъ Дѣяній» относятся къ XIII в. См. Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosadichtungen, 198.

фонсомъ I. Онъ составилъ подъ именемъ *Alfonsus de Clericali Disciplina*, въ видѣ разговоровъ отца съ сыномъ, собраніе анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Анекдоты эти почерпнуты изъ восточной письменности и разсказовъ и въ свою очередь послужили источникомъ для европейскихъ новеллистовъ, поэтовъ, а за тѣмъ и разсказчиковъ устныхъ народныхъ сказокъ [1]). У Альфонса соревнованіе въ лучшемъ снѣ происходитъ между двумя горожанами и однимъ селяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку (Dictum est de duobus burgensibus et rustico causa orationis Meccam adeuntibus...). Разсказъ приведенъ для подкрѣпленія правила: не обманывай товарища, чтобъ самому не быть обманутому; въ немъ селянинъ съѣдаетъ хлѣбъ, который у него хотѣли выманить горожане [2]).

Уже самое мѣсто дѣйствія въ разсказѣ Альфонса переноситъ насъ въ мусульманскую среду. Но мы имѣемъ еще болѣе основанія утверждать, что тема разсказа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ перешелъ въ среду христіанскую, сложилась окончательно у мусульманъ. Въ арабскомъ сборникѣ апологовъ и сказокъ: *Nozhetol—odeba ve selvet ol goreba* (Радость языко-вѣдовъ и пиръ иноземцевъ) находится разсказъ, который переведенъ по нѣмецки Гаммеромъ въ его выборѣ восточныхъ разсказовъ, изданномъ подъ именемъ «Розоваго масла» (*Rosenoel*). Въ арабскомъ разсказѣ, какъ и въ выкладѣ, или нравоученіи (moralisatio) къ повѣсти о лучшемъ снѣ въ Gesta Romanorum, представлены, но только безъ всякой аллегоріи, а прямо, магометанинъ, христіанинъ и еврей. Путешествовали они вмѣстѣ; на дорогѣ нашли дукатъ и не могли согласиться, какъ его подѣлить. Еврей сдѣлалъ предложеніе купить на него муки, масла и сахару и сдѣлать родъ *халвы*, которую товарищи вмѣстѣ-бы и съѣли. Предложеніе было принято. Но когда халва была готова, еврей сказалъ: опять мы заспоримъ изъ-за большихъ или меньшихъ кусковъ. Я думаю, друзья мои, лучше всего будетъ, если мы ляжемъ спать и увидѣвъ сны, халву дадимъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ.

---

[1]) Критическое изданіе Fr. Wilhelm Val. Schmidt: Petri Alfonsi Disciplina clericalis. Berlin, 1827. Изданіе старофранцузской передѣлки въ стихахъ. Le Castoiement ou instruction d'un père à son fils сдѣлано въ первый разъ въ собраніи Барбазана Fabliaux и повторено въ новомъ изданіи *Méon'a*, т. II.

[2]) Cap. XX; Schmidt, стр. 63, 142 и др.

Товарищи согласились и на это предложеніе, но пока они спали, еврей съѣлъ халву и легъ себѣ спокойно. Когда всѣ проснулись, мусульманинъ сталъ разсказывать, что ему явился во снѣ пророкъ, повелъ его въ рай и показалъ всѣ его великолѣпія. При этомъ случаѣ мусульманинъ сдѣлалъ длинное и широкое описаніе подстилокъ изъ розъ, благоуханій, потоковъ изъ меду и молока, прекрасныхъ мальчиковъ и черноокихъ гурій съ постоянно возобновляющимся дѣвствомъ.—«Это прелестно! воскликнулъ еврей: ты, право, достоинъ съѣсть халву!» Христіанинъ разсказалъ затѣмъ, какъ ему явился Господь Іисусъ, присудилъ его за грѣхи къ аду и показалъ ему адскія муки, которыя христіанинъ затѣмъ и описалъ.—«Это тоже интересный сонъ, вскричалъ еврей, сонъ не недостойный халвы. А мнѣ, друзья мои, явился Мойсей и сказалъ мнѣ: твои товарищи, мусульманинъ—въ раю, а другой, христіанинъ—въ аду, оба тамъ, откуда никто не возвращается на землю. Такъ съѣдай ты халву, чтобъ она не испортилась. Вотъ этому совѣту я и послѣдовалъ точно» [1]).

Такая редакція разсказа сложилась, очевидно, въ средѣ мусульманской, но ужъ тронутой скептицизмомъ. Религіозно-правовѣрное настроеніе, которое должно бы было, какъ это видимъ напримѣръ въ морализаціи Gesta Romanorum, отдавать призъ состязанія своему единовѣрцу, въ арабскомъ варіантѣ начинаетъ уступать мѣсто бытовой сатирѣ, съ нѣкоторой даже ироніей надъ самими религіозными вѣрованіями: представители религій, изъ которыхъ одна занята образами рая, а другая ада, попадаютъ въ просакъ передъ представителемъ религіи, которая въ сущности не знаетъ ни рая, ни ада, а потому даетъ просторъ вполнѣ земнымъ поползновеніямъ.

Въ духѣ еще болѣе безцеремонной практичности, но съ рѣзкимъ противухристіанскимъ направленіемъ, обработана занимающая насъ тема въ еврейскомъ изданіи «Исторія Іисуса» (*Sefer Toledoth Jeschuah hannozeri*); издана она по латыни Гульдрихомъ въ Лейденѣ, 1705 г., подъ заглавіемъ *Historia Jeschuae Nazareni a Judeis blaspheme*

[1]) Rosenoel, erstes Flaeschen, oder Sagen und Kunden des Morgenlandes, aus arabischen, persischen und türkischen Quellen gesammelt. Von Hammer, II, 303, CLXXX. По словамъ Гаммера сборникъ Nozhetol-odeba заключаетъ въ себѣ много расказовъ-прототиповъ новеллъ Бокаччіо и др. европейскихъ сводчиковъ странствующихъ сказаній.

corrupta etc). Здѣсь, на стр. 51, разсказано, какъ во время путешествія по землѣ, Іисусъ, Петръ и Іуда нашли въ гостинницѣ только одного гуся; Іисусъ предложилъ состязаніе о снѣ, и пока два первые спали, Іуда съѣлъ гуся [1]).

Такимъ образомъ, слѣдя нить преданія различныхъ редакцій сюжета нашей интермедіи, мы вышли изъ національной малороссійской области и пришли въ область арабско-еврейскую. Но и тутъ нашъ путь остановиться не можетъ. Сравнительнымъ изслѣдованіемъ такъ называемой народной словесности и старинныхъ повѣстей, сказокъ и т. п. установлено, что большая часть сказаній арабскаго міра, изъ которыхъ значительная часть перешла и къ европейцамъ, въ свою очередь пришла къ арабамъ съ болѣе далекаго востока, изъ Индіи.

Ревностный распространитель теоріи усвоенія европейскихъ народныхъ сказаній изъ Индіи, Бенфей сближалъ занимающую насъ исторію о трехъ снахъ съ разсказомъ о дѣлателяхъ львовъ въ V книгѣ Паньчатантры [2]). Разсказъ этотъ представляетъ сатиру,—по всей

---

[1]) Названное сочиненіе очень рѣдко, хотя и крайне интересно, между прочимъ и потому, что заключаетъ въ себѣ еврейскіе варіанты тѣхъ сказаній о путешествіи Христа и апостоловъ, какія находимъ въ устной словесности разныхъ народовъ и какихъ особенно много въ украинской народной словесности (см. Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 110—129). Въ виду рѣдкости этого сочиненія, мы считаемъ нелишнимъ выписать здѣсь всю исторію о лучшемъ снѣ, для большаго удобства сравненія этого еврейскаго варіанта съ другими: «Venerunt itaque inde in diversorium. Quaerit ibi Jesus ex hospite: Estne tibi unde hi edant? Respondit hospes: non mihi suppetit, nisi ancerculus unus affatus. Sumit ergo Jesus anserem illisque apponit, ajens: anser hic exiguus nimis est, quam ut a tribus comedi debeat; dormitum eamus et ille qui somniarit somnium optimum, comedet anserem solus. Decumbunt igitur, tempesta vero nocte surgit Jehuda et anserem devorat; mane itaque illis surgentibus Petrus ait: somnio mihi visus fui assidere solio filii, Dei Schaddai; Jesus ait: ego sum Filius ille Dei Schaddai, et somniavi te prope me sedere, ecce ergo me praestantius quid somniasse te, quare meum erit anserem comedere; jehuda tandem ajebat: ego quidem ipsemet in somnio comedi anserem. Quaerit ergo anserem Jesus, sed frustra, Jehuda enim devorabat illum.

[2]) Th. Benfey, Pantschatantra, т. II, стр. 332—334; объясненія въ I томѣ, стр. 488—493. Паньчатантра, т. е. пять книгъ,—часть сборника индій-

вѣроятности первоначально буддійскаго происхожденія,—на браминскую богословскую премудрость, съ претензіями на чудотворство, но лишенную обыкновеннаго здраваго разума. Дѣйствіе его происходитъ среди четырехъ браминскихъ сыновей, изъ которыхъ три изглубили мудрость своего сана, а четвертый ничему не учился, а имѣлъ только здравый смыслъ. Товарищи рѣшили идти въ міръ, чтобъ ученою мудростію добыть богатства, и двое изъ нихъ сначала предлагали не принимать въ компанію не ученаго, чтобъ не дѣлиться съ нимъ добычею, но, по совѣту третьяго, рѣшаютъ, что нельзя обидѣть сверстника. Между тѣмъ по дорогѣ они встрѣчаютъ останки льва и рѣшаютъ оживить ихъ, съ помощью своихъ чудотворныхъ познаній.

— Да вѣдь это левъ! замѣчаетъ здравомысленный неучъ; вѣдь если его оживить, такъ онъ насъ всѣхъ умертвитъ!

— Фи, невѣжда, отвѣчаетъ ученый,—въ моей рукѣ наука не должна оставаться безплодной!

— Подожди, по крайней мѣрѣ, немного—попросилъ неучъ, пока я взлѣзу на близъ стоящее дерево.

Конечно, левъ умертвилъ всѣхъ трехъ ученыхъ, а здравомысленный только послѣ его ухода слѣзъ съ дерева и сказалъ: «лучше здравый разумъ, нежели такое знаніе. Здравый разумъ лучше науки; кто не имѣетъ здраваго разума, съ тѣмъ случается, какъ съ этими дѣлателями львовъ».

Ради авторитета Бенфея, мы привели здѣсь, въ нѣкоторомъ сокращеніи, этотъ разсказъ, но не можемъ не замѣтить, что знаменитый ученый въ данномъ случаѣ тоже нѣсколько уподобился браминскимъ богословамъ, заводя слишкомъ далеко методъ сравненія, до предположенія связи между расказомъ Паньчатантры и повѣстью о лучшемъ снѣ, на томъ только основаніи, что въ обѣихъ исторіяхъ изъ нѣсколькихъ товарищей наиболѣе простой на видъ сказывается благоразумнѣйшимъ. Обѣ исторіи принадлежатъ къ одному роду, но непосредственной связи между ними не видно.

скихъ сказокъ и басень, составленнаго между 2 и 5 столѣтіемъ по Рождествѣ Христовомъ, котораго одинъ сводъ былъ переведенъ въ 6 столѣтія на персидскій языкъ, дальше на сирійскій, арабскій, еврейскій, греческій, латинскій и др. и потому имѣлъ огромное вліяніе на сказанную литературу и словесность азіатскихъ и европейскихъ народовъ, какъ показано въ классическомъ трудѣ Бенфея.

Гораздо яснѣе такая связь между разсказомъ о лучшемъ снѣ и одною изъ басенъ персидскаго сборника «Синдибад-Наме». Какъ извѣстно, этотъ сборникъ есть одна изъ редакцій исторіи о семи мудрецахъ, которая обошла всѣ переднеазіатскіе и европейскіе языки средневѣковой эпохи[1]). Сборникъ этотъ, о которомъ упоминаетъ арабскій писатель X столѣтія Масуди,—индійскаго происхожденія. Уже въ XI в. былъ сдѣланъ его переводъ греческій (Syntipas) съ сирійскаго перевода, сдѣланнаго по тексту,—предполагаютъ арабскому,—персіанина Музы. Двѣ теперь извѣстныя персидскія редакціи: а) въ восьмой ночи *Tûti-nâmeh* и b) *Sindibâd-nameh*, относятся къ XIV в.,—первая къ 1329, вторая къ 1375 г. Въ этой второй находится и разсказъ, который имѣетъ аналогію съ занимающей насъ повѣстью о лучшемъ снѣ. Онъ помѣщенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описано, какъ царь собираетъ мудрецовъ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о воспитаніи сына, которое шло до того очень неудачно. Мудрецы дѣлаютъ скептическія замѣчанія; но одинъ изъ нихъ, Синдибадъ, совѣтуетъ не отчаиваться. Мудрецы предлагаютъ ему задачу воспитанія царевича, и Синдибадъ расказываетъ сначала басню о томъ, какъ лисица подвела обезьяну, и сравниваетъ себя съ послѣднею: но потомъ, когда мудрецы продолжаютъ расхваливать его, говоритъ.

«Если я не мудрѣе васъ, то я по крайности не ниже васъ опытностью. Ваше положеніе и мое, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ мнѣ исторію верблюда, волка, лисицы и тыквы. Когда

---

[1]) Основаніемъ сборника служитъ исторія о томъ, какъ у царя (индійскаго) послѣ долгой бездѣтности родится сынъ, который поручается воспитанію мудрецовъ (или наконецъ одного мудреца, Синдабада) и какъ, по окончаніи воспитанія, царевичъ, для избѣжанія фатальной опасности, долженъ молчать въ теченіи извѣстнаго срока; между тѣмъ царская фаворитка покушается соблазнить царевича, а будучи отвергнута, какъ Пентефріева жена, обвиняетъ его въ покушеніи на нее; царь приговариваетъ сына къ смерти, но мудрецы, поочередными разсказами, заставляютъ царя откладывать казнь, между тѣмъ, какъ жена своими разсказами усиливается достигнуть исполненія приговора, пока наконецъ фатальный срокъ проходитъ, послѣ чего еще слѣдуютъ разсказы разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Совокупность разсказовъ, изъ которыхъ многіе перешли въ устную словесность разныхъ народовъ, образуетъ сборникъ. Лучшіе изъ новѣйшихъ трудовъ о немъ: D. Comparetti. Ricerche intorno àl libro di Sindibâd. Milano, 1869, id Intorno al libro dei sette savi di Roma. Pisa. 1865. A. D'Ancona. La storia dei sette savi di Roma. Pisa, 1864.

мудрецы пожелали слышать эту исторію, Синдибадъ расказалъ имъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Одинъ старый волкъ и лисица, близкіе друзья, путешествовали вмѣстѣ. Прошли они немного и встрѣтили верблюда, который присоединился къ нимъ, и всѣ три направились къ деревнѣ верблюдовъ. Весь ихъ запасъ пищи на дорогу состоялъ изъ одной тыквы. Долго шли они по горамъ и долинамъ, пока жажда не сдѣлала ихъ глаза черными. Наконецъ они пришли къ пруду и сѣли на берегу. Вытащили они тыкву и послѣ нѣкотораго обсужденія, согласились, что плодъ этотъ достанется тому, кто окажется старѣйшимъ изъ нихъ.

Волкъ заговорилъ первый:

— Индіецъ, таджикъ и турокъ знаютъ, что мать моя породила меня на свѣтъ за недѣлю раньше, чѣмъ Богъ создалъ небо и землю, время и пространство, слѣдовательно я имѣю наиболѣе права на эту тыкву.

— Да, сказалъ старый и хитрый лисъ: я ничего не имѣю противуставить этому резону, такъ какъ въ ту ночь, когда мать родила васъ, я былъ на лицо, чтобъ прислуживать ей, я засвѣтилъ факелъ, который горѣлъ до утра у вашей колыбели.

Верблюдъ приступилъ въ свою очередь и, нагнувъ голову, проглотилъ тыкву, говоря: нельзя отрицать столь очевидную вещь, какъ то, что кто имѣетъ шею, ляшки и спину, какъ у меня, того мать породила не вчера и не въ прошлую ночь.

Мудрецы выразили вновь удивленіе уму Синдибада, и всѣ согласились, что только онъ способенъ принять на себя трудную задачу, которая имъ предложена (воспитаніе царевича) [1]).

Такъ какъ вся основа *Sindibad-nameh* индійская, то и этотъ разсказъ долженъ быть индійскаго происхожденія. Впрочемъ мы

---

[1]) Asiatic journal. New series. 1841, vol. XXXV. p. 175. Sindibad Nameh. Это англійское резюме персидской поэмы передано и въ болѣе доступномъ публикѣ изданіи Revue Britannique. 1842. Mai - Juin. Приведенное мѣсто см. стр. 171—173. Недавно появился новый полный англійскій переводъ Клоустона, The book of Sindibad, но мы еще не имѣли его подъ рукою. Не смотря на всѣ наши усилія, не могли мы добыть еще одного персидскаго варіанта занимающей насъ исторіи въ *Mesnevi* поэта Джеллал-Ед-Динъ-Руми; ссылка на него у *Osterley*, Gesta Romanorum, кажется, невѣрна.

имѣемъ другой варіантъ его, хотя и отличный, но все-таки близкій по своей основѣ и еще болѣе привязывающійся къ Индіи. Мы разумѣемъ одну изъ повѣстей, которую въ ряду другихъ разсказовъ, заимствованныхъ китайскими буддистами изъ индійскихъ оригиналовъ, помѣстилъ Ст. Жульенъ въ своей «*Авадана*», сборникѣ индійскихъ сказокъ и апологовъ въ китайскихъ редакціяхъ. Это повѣсть о «куропаткѣ, слонѣ и обезьянѣ, или о скромности и почтительности».

«Нѣкогда обитатели Джамбудвипы (южной Индіи) не знали, что нужно оказывать предупредительность и почтеніе къ старикамъ. Добродѣтельные мужи пробовали обратить ихъ мудрыми рѣчами, но безуспѣшно. Тогда Бодисаттва (Будда) преобразился и принялъ видъ куропатки. Эта птица имѣла двухъ близкихъ друзей: одинъ былъ большой слонъ, а другой обезьяна. Друзья жили вмѣстѣ подъ деревомъ *пиппала* (священная смоковница). Разъ они разговорились и сказали: «мы не знаемъ, кто изъ насъ долженъ быть признанъ главою».—Нѣкогда, сказалъ слонъ, я видѣлъ, какъ это дерево не достигало до моего брюха, а теперь видите, какъ оно велико. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ быть признанъ старѣйшимъ изъ насъ.—А я, сказала обезьяна, я могу, сѣвши на землю, подняться съ помощью моихъ рукъ на верхушку того дерева, слѣдовательно на меня надо смотрѣть, какъ на начальника.—А я, сказала птица, я жила посреди пиппалъ, я ѣла плоды ихъ и выбросила съ моимъ пометомъ зерна, изъ которыхъ выросло это дерево; отсюда можно заключить, что меня слѣдуетъ признать за самаго старшаго.—Слонъ вновь заговорилъ и сказалъ: «почести должно отдавать самому старшему». Тотчасъ-же онъ сталъ позади обезьяны, а птица стала впереди. Такъ какъ они ходили въ такомъ порядкѣ, то другія животныя, видя ихъ, спросили ихъ объ основаніяхъ такого распорядка. «Таковы, отвѣчали трое, знаки почтительности и уваженія, должные тѣмъ, кто старше возрастомъ».

Животныя усвоили это правило, а люди послѣдовали ихъ примѣру [1]).

[1]) Les Avadânas, contes et apologues indiens etc., trad. par M. Stanislas Julien. 1859, t. II, 17—20, № LXXVII.

Еслибъ передъ нами находилась только эта послѣдняя исторія, то въ ней трудно было-бы и заподозрить первообразъ занимающаго насъ разсказа о лучшемъ снѣ,—такъ различно въ обѣихъ повѣстяхъ все, кромѣ выведенія на сцену трехъ спутниковъ. Но персидская редакція связываетъ обѣ повѣсти несомнѣнными узами родства, хотя моральный характеръ обѣихъ восточно-арійскихъ редакцій и очень различенъ. Въ индѣйской сказкѣ рѣзко выступаетъ дидактическая цѣль: роли распредѣлены совершенно произвольно для этой цѣли, безъ всякихъ реально-художественныхъ заботъ о соотвѣтствіи ихъ съ характерами выведенныхъ животныхъ, которыя выбраны только по росту, для проведенія мысли, что величина и сила должны уступать возрасту. Персидская редакція точно каррикатура на индійскую: честныя въ индійской редакціи животныя тутъ спѣшатъ перехитрить другъ друга и при томъ не изъ за абстрактнаго блага, почести, а изъ за лакомаго куска; торжествуетъ, правда, прямота, но въ формѣ нахальства.

Съ такимъ характеромъ повѣсть, съ подставкою людей вмѣсто животныхъ, усвоена была отъ персіянъ семитами—евреями и арабами. Мы не беремся окончательно рѣшать, кто изъ нихъ прежде усвоилъ и обработалъ эту повѣсть: евреи или арабы; ограничиваемся только замѣчаніемъ, что еврейская редакція въ *Historia Jeschuae Nazareni* кажется намъ ближе къ редакціи Синдибадъ-Наме: въ ней нѣтъ ни рая, ни ада, а разсказываемые сны имѣютъ цѣлью выставить относительное величіе спорящихъ, какъ въ персидской редакціи ихъ старшинство. Арабская редакція во всякомъ случаѣ дальше отступила отъ персидской какъ въ подробностяхъ, такъ и въ характерѣ, при чемъ поднялась отъ сомнительной морали персидскаго варіанта на извѣстную философскую высоту. Редакція эта носитъ на себѣ слѣды состоянія мусульманскаго міра позднѣйшей половины эпохи крестовыхъ походовъ, приблизительно времени отъ Саладина до императора Фридриха II Гогенштауфена, когда обнаружилась для многихъ безплодность первоначальнаго искренняго фанатическаго столкновенія магометанъ и христіанъ. Арабская редакція нашей повѣсти представляетъ своего рода сатирическую параллель къ знаменитой сказкѣ *О трехъ перстняхъ*, увѣковѣченной потомъ въ драмѣ Лессинга «Натанъ мудрый», и къ рѣзко скептическому трактату de tribus impostoribus (о трехъ обманщи-

кахъ, основателяхъ трехъ переднеазіатскихъ религій), а потому имѣетъ важное культурно-историческое значеніе.

Какъ видно на примѣрѣ Петра Альфонса и Gesta Romanorum, христіанская литература овладѣла арабской редакціей повѣсти съ цѣлью морализаціи и аллегорическаго прославленія своей религіи. Но аллегоріи въ родѣ тѣхъ, какія представлены нами выше въ выдержкѣ изъ «Римскихъ Дѣяній», слишкомъ искусственны, чтобъ стать популярными, а потому въ послѣдующихъ свѣтскихъ европейскихъ передѣлкахъ этой исторіи вѣроисповѣдныя соображенія были оставлены, мѣсто ихъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ заняли соображенія національныя, а такъ какъ мораль, которую прямѣе всего можно вывести изъ этой басни, довольно двусмысленная, то вся эта исторія обратилась въ послѣдующихъ обработкахъ въ потѣшную сказку (facetia, conte à rire, Schwank) въ лучшемъ случаѣ въ тему, удобную для междунаціональнаго сосѣдскаго пересмѣшничества.

Мы не станемъ обозрѣвать здѣсь многочисленныхъ варіантовъ этой исторіи въ письменной и устной словесности разныхъ европейскихъ народовъ [1]). Всѣ эти варіанты по большей части передаютъ довольно голо одинъ скелетъ разсказа, рѣдко одѣвая его какими нибудь живыми бытовыми и этнографическими подробностями. Исключеніе составляютъ отчасти только варіанты италіанскіе, между которыми выдается особенно старый варіантъ Джиральди Чинтіо, новеллиста XVI ст. († 1573 г.), редактора свода разсказовъ подъ заглавіемъ *Gli Hecatommithi*, и народный сицилійскій разсказъ, помѣченный ниже въ выноскѣ: «Монахъ и послушникъ».

---

[1]) Указаніе этихъ варіантовъ можно найти у Le Grand' Aussy, Fabliaux ou contes du XII et XIII s. I, 312—315 (Les deux bourgeois et le vilain) и особенно у Oesterley, Gesta Romanorum, № 106 (traumbrod). По русски нѣкоторыя указанія см. у Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», стр. 190, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № 14, 61—62. Послѣ упомянутыхъ трудовъ варіанты нашей исторіи появились у G. Pitrè, Biblioteka delle tradizioni populari siciliane, 1875, VI, 296—300 (Lu Monacu e lu fratellu, ср. A. Longo, anedotti siciliani, LVII: Il siciliano, il calabrese ed il napoletano) и VII, стр. 405—407 (I tre amici; ср. Casaliechioi chi cerca d'ingannare il più delle volte resta ingannato) и Vittorio Imbriani, La Novellaja Fiorentina, Livorno, 1877, стр. 616—617 (тоже I tre amici).

Новелла Чинтіо отклоняется наиболѣе отъ основной темы, представляя довольно длинную повѣсть о состязаніи въ голодное время изъ-за пирога между философомъ, астрологомъ и солдатомъ. Сначала каждый изъ трехъ говоритъ о своемъ благородствѣ (nobiltà). Философъ указываетъ на то, что онъ знаетъ всѣ вещи въ природѣ; астрологъ напоминаетъ философу, что тотъ занимается вещами измѣнчивыми, тогда какъ онъ самъ изучаетъ вещи вѣчныя и постоянныя; солдатъ скромно отказываетъ себѣ въ знаніяхъ, но обращаетъ вниманіе своихъ ученыхъ товарищей на то, что безъ защиты, которую даетъ имъ, а равно и законамъ и обществу, мечь, они не жили-бы безопасно, и наконецъ предлагаетъ состязаніе о лучшемъ снѣ, пока пирогъ будетъ въ печи. На утро философъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ господинъ природы (il maestro della Natura) извлекъ изъ хаоса рядъ твореній, отъ стихій до человѣка; астрологъ разсказалъ о видѣнныхъ имъ восьми небесахъ, а солдатъ о томъ, что ему грезилось совершеніе имъ двухъ военныхъ подвиговъ: похода на защиту отечества и поединкѣ за честь дѣвушки, послѣ чего онъ для подкрѣпленія силъ съѣлъ пирогъ. Въ концѣ своего повѣствованія солдатъ призналъ превосходство сновъ за двумя учеными и предоставилъ имъ столковаться о пирогѣ. Когда наконецъ ученые согласились подѣлить его по поламъ, оказалось, что пирога нѣтъ. Солдатъ признается, что съѣлъ его въ дѣйствительности, и читаетъ ученымъ длинное наставленіе о томъ, какъ они должны довольствоваться насыщеніемъ своего ума и видѣніемъ вещей абстрактныхъ [1]). Мораль, какъ видимъ, нѣсколько похожая на мораль басни о дѣлателяхъ львовъ.

Устный сицилійскій разсказъ (Lu Monacu e lu fratellu) подходитъ къ подобному-же украинскому не только потому, что въ немъ дѣйствуютъ два лица, что попадается и въ другихъ варіантахъ, напр. въ приводимомъ дальше французскомъ, но и по манерѣ разсказа, хотя дѣйствующія лица и вообще подробности редакціи сицилійской совсѣмъ другія. Здѣсь представлены монахъ и послушникъ въ странствіи для проповѣди. Разъ имъ попалось село мало

[1]) De gli Hecatommithi di M. Giovanbattista Gyraldi Cinthio nobile Ferrarese. Parte prima. 1565. Deca prima novella, III, p. 230. Съ новеллы Чинтіо былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ, изданный въ 1614 году.

благочестивое, въ которомъ они заработали только одну рыбку. Монахъ предложилъ состязаніе сномъ и на утро съ такимъ-же детальнымъ *смакомъ* разсказываетъ о небесной музыкѣ, какою угостили его ангелы, архангелы, серафимы и потомъ всѣ святые и объ удовольствіи полета на крыльяхъ ангеловъ, съ какимъ цыганъ украинской редакціи повѣствуетъ объ ужинѣ съ паномъ Богомъ [1]).

Объ украинскомъ устномъ разсказѣ слѣдуетъ, не боясь укора въ пристрастіи, сказать, что онъ, при сравненіи съ другими, даже съ италіанскими, отличается особенною живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, виднымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана. Сказанное сейчасъ можетъ быть подтверждено сравненіемъ вышеприведеннаго украинскаго разсказа съ упомянутымъ французскимъ, который можно принять за типъ свѣтской редакціи повѣстей о лучшемъ снѣ въ Западной Европѣ. Мы воспроизводимъ здѣсь эту редакцію цѣликомъ, какъ таковую, для сравненія со всѣми вышеприведенными, а также потому, что есть основаніе предполагать, что именно подобная редакція послужила исходною точкою и для сложенія нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ варіантовъ.

«Испанецъ и гасконецъ ночевали во Франціи въ одной гостинницѣ. Когда они оба потребовали ужинъ, хозяйка сказала имъ, что у нея есть одинъ хорошій кусокъ барана и одна куропатка. Каждый хотѣлъ получить куропатку, которая была вполнѣ изжарена и готова къ столу. Такъ какъ гости были близки къ ссорѣ, то хозяйка, чтобъ помирить ихъ, сказала, что у нея нѣтъ ничего, кромѣ этой куропатки, и что если они не хотятъ ѣсть ее вмѣстѣ, то нѣтъ способа удовольствовать ихъ обоихъ. Но, повѣрьте мнѣ, прибавила она, обойдитесь безъ нея на этотъ вечеръ, а завтра утромъ тотъ, кто увидитъ лучшій сонъ, съѣстъ ее. А въ ожиданіи я вамъ дамъ хорошій кусокъ баранины и много салату, что все будетъ достаточно для вашего ужина. Гости принимаютъ предложеніе, ужинаютъ и идутъ спать. Тѣмъ часомъ гасконецъ, распустивъ глаза на всѣ стороны, замѣтилъ, гдѣ поставили куропатку, всталъ ночью и съѣлъ ее. Испанецъ промечталъ всю ночь, выдумывая

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что это описаніе ѣды на небѣ составляетъ принадлежность *только* украинскихъ варіантовъ, устнаго и Гаваттовича.

хорошій сонъ на завтра. Когда они встали, испанецъ пришелъ къ хозяйкѣ и говоритъ, что онъ имѣлъ великолѣпный сонъ, что онъ видѣлъ открытыя небеса, что ангелы встрѣтили его очаровательною гармоніей и подняли его къ небу, гдѣ онъ весь былъ окруженъ славой. Вы не могли, сказалъ онъ гасконцу, видѣть во снѣ ничего лучшаго. Я видѣлъ хорошо, какъ вы отправились въ рай, отвѣтилъ гасконецъ, и такъ какъ я подумалъ, что вы не вернетесь оттуда, то и съѣлъ куропатку съ полнымъ правомъ» (a bon compte) [1].

Очень похожую, только сокращенную, редакцію даетъ нѣкогда столь любимый, а теперь крайне рѣдкій «Письмовникъ Н. Курганова» подъ № 225. «Двое, русакъ да полякъ, будучи въ трактирѣ, спросили ужинать. Хозяйка имъ сказала, что у ней только осталось небольшой кусокъ баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотѣлось поѣсть дичинки, и долго о томъ между собой ссорясь, напослѣдокъ согласились покушать баранины, а куропатку съѣсть завтра, кому изъ нихъ привидится лучшій сонъ, и пошли спать. Русакъ, примѣтя, гдѣ положена была та птица, и вставъ ночью, ее убралъ. Полякъ выдумалъ по утру сказать великолѣпный сонъ: я, братъ, былъ ангелами взятъ на небо въ вѣчное блаженство и тебѣ не удастся видѣть такъ хорошаго сна.

«А я видѣлъ, какъ ты полетѣлъ въ рай, отвѣчалъ русакъ, и послѣ того съѣлъ куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

У насъ нѣтъ теперь подъ рукою «Письмовника» Курганова, и мы не можемъ заняться вопросомъ объ его источникахъ, но очевидная близость кургановской редакціи къ вышеприведенной французской даетъ, кажется намъ, достаточно основаній предполагать,

---

[1]) Un Espagnol et un Gascon en dispute pour une perdrix въ Nouvaux Contes à rire. Amsterdam. 1699 года, стр. 265.—Кстати обратимъ вниманіе на ошибку въ указаніи на это рѣдчайшее изданіе, которая сдѣлана у Le Grand' Aussy въ примѣчаніи къ *фаблео*—les deux bourgeois et le vilain и которую повторяютъ всѣ новѣйшіе писатели объ этомъ предметѣ, въ томъ числѣ Oesterley и г. Пыпинъ, показывая названный выше conte à rire на стр. 273. Разсказъ этотъ нѣкоторыми подробностями (напримѣръ вмѣшательствомъ хозяйки трактира и раздѣленіемъ ѣды на ужинъ и завтракъ) подходитъ къ нѣкоторымъ италіанскимъ варіантамъ (напримѣръ I tre amici) и едвали-ли не пошелъ изъ Италіи. Наиболѣе старый французскій разсказъ, помѣщенный въ собра-

что Кургановъ взялъ свой разсказъ или прямо съ него, или съ какой нибудь его копіи или перевода.

Намъ кажется, что великорусскій устный варіантъ пошелъ отъ Кургановскаго. Въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у Аѳанасьева (Русскія народныя сказки, III, 491—493) варіантъ этотъ не составляетъ самостоятельной исторіи, а входитъ, какъ эпизодъ, въ разсказъ о томъ, какъ русскій трижды надулъ татарина: разъ на лошади, причемъ жестоко ободралъ лошади татарина кожу на погахъ, другой на поочередномъ ношеніи другъ друга на рукахъ, причемъ татаринъ представленъ слишкомъ уже глупымъ, а русскій наглымъ, въ третій на курицѣ. «Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго у нихъ была только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ говоритъ: «давай русскій спать, и кто увидитъ лучше сонъ, тому и курицу ѣсть». Вотъ и легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русскій съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ? Русскій заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «ахъ, русскій! хорошъ сонъ я видѣлъ; будто-бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!»—«Ну, говоритъ русскій, а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то!»—Бѣдный татаринъ остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушелъ отъ него (Записано въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи).

Украинскій устный разсказъ о *цыганѣ и хохлѣ*, очевидно, принадлежитъ къ одному болѣе тѣсному кругу съ тремя послѣдними разсказами: французскимъ, кургановскимъ и устнымъ велико-

ніи Le Grand' Aussy, есть очевидно непосредственная передѣлка изъ П. Альфонса; послѣдующій затѣмъ по времени, помѣщенный у Chappays, Les Facetieuses journées (Paris, 1584 г., стр. 151), есть прямое заимствованіе италіанской новеллы изъ Gonello Scelta di facezie, buffonerie, motti e burle (издано много разъ; мы сравнивали по веронскому изданію 1586 г., стр. 49). Характеристичная особенность варіанта I tre amici состоитъ въ томъ, что въ немъ подъ конецъ всѣ товарищи хохочутъ надъ находчивымъ путникомъ и всѣ угощаютъ его на слѣдующей станціи.

русскимъ, при всѣхъ своихъ литературно-художественныхъ отличіяхъ, которыя читатель самъ, вѣроятно, замѣтилъ и безъ нашихъ указаній. Но само собою разумѣется, что два послѣдніе разсказа не могутъ быть даже и заподозрѣны въ возможности быть родителями, ни прямыми, ни посредственными, украинскаго разсказа. Скорѣе возможна филіальная связь этого послѣдняго съ французскимъ, или подобнымъ ему, или сицилійскому съ италіанскимъ, особенно при посредствѣ какого нибудь польскаго или балканскаго варіанта. Къ сожалѣнію, намъ по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ ни одинъ польскій, ни вообще западно-славянскій варіантъ, хотя подобные разсказы навѣрное существуютъ и въ устныхъ, а можетъ быть и въ старинныхъ письменныхъ произведеніяхъ поляковъ и другихъ западныхъ славянъ. Замѣтимъ также, что въ извѣстныхъ намъ варіантахъ нѣмецкихъ, которые должны-бы были стать посредниками между французскими и вообще романскими, и польскими и др. западно славянскими варіантами (какъ это замѣчается во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ), въ данной исторіи выводятся три лица, а не два, какъ въ французскомъ, сицилійскомъ и украинскомъ разсказѣ [1]). Изъ варіантовъ балканскихъ у насъ нѣтъ ни одного подъ рукою, хотя на существованіе ихъ есть литературное указаніе. Такъ г. Пыпинъ въ указанной выше статьѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № IV, говоритъ о «болгарскомъ анекдотѣ», въ которомъ «болгаринъ такимъ-же образомъ обманываетъ турецкаго ходжу», но не называетъ источника этого своего показанія, что тѣмъ болѣе жаль, такъ какъ болгарская письменность разбросана въ разныхъ, совсѣмъ почти невозможныхъ къ собиранію изданіяхъ. Анекдота, подобнаго цитируемому г. Пыпинымъ, не находимъ мы и въ единственномъ до сихъ поръ извѣстномъ указателѣ болгарскихъ сказокъ и новеллъ г. Сырку въ Archiv. für die Slavische Philologie (B. IV, 130—133) Г. З. Стояновъ изъ Пловдива письменно сообщаетъ намъ, что въ Болгаріи существуетъ подобный устный разсказъ по турецки и по болгарски,

---

[1]) Goedeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter, 1871 года, стр. 166, (басня Ульриха Боннера) Camerarius († 1574 г.) у Lange, Democritus ridens, Ulmae, 1689 года, стр. 107 (съ подставкою Юпитера и Плутона вм. христіанскихъ лицъ). Всѣ эти нѣмецкіе варіанты книжные.

но въ немъ дѣйствуютъ три лица,—дервиши у турокъ, и просто путники у болгаръ, предметъ спора—пирогъ. Такимъ образомъ, покамѣстъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о возможности посредничества балканскихъ народовъ въ передачѣ въ украинскую область италіанскаго или-же прямо арабскаго разсказа о лучшемъ снѣ,—посредничества, которое въ другихъ случаяхъ, напр. въ дѣтѣ распространенія новеллы объ уступчивомъ мужѣ, котораго пѣтухъ научилъ не слушаться жены, можетъ быть доказано [1]. Впрочемъ италіанскій образецъ нашего разсказа могъ дойти въ Украйну и прямымъ путемъ, такъ какъ до конца XV в. отношенія италіанцевъ къ украинцамъ были, благодаря колоніямъ на Черномъ морѣ и поселеніямъ италіанцевъ въ торговыхъ пунктахъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, гораздо болѣе близки, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Надо впрочемъ отмѣтить одну черту въ украинскомъ разсказѣ о цыганѣ и хохлѣ, которая даетъ основаніе считать редакцію этого разсказа древнѣе, если не хронологически, то морфологически, чѣмъ редакція сицилійская и французская въ Nouvaux contes à rire. Мы разумѣемъ упоминаніе о лѣстницѣ, по которой цыганъ и потомъ хохолъ взлѣзли на небо. Эта лѣстница существуетъ въ Gesta Romanorum, куда она попала, какъ очевидно изъ описанія ея, изъ библейскаго разсказа о видѣніи Іакова; но она атрофировалась въ варіантѣ сицилійскомъ и Nouvaux contes à rire, очевидно образовавшемся постепенно изъ приклада Gesta Romanorum. Сказанное даетъ основаніе предполагать, что разсказъ о цыганѣ и хохлѣ образовался самостоятельно изъ этого приклада, параллельно тому, какъ образовались изъ него разсказы романскіе.

Такимъ образомъ теперешній устно-народный разсказъ во всякомъ случаѣ происхожденія не мѣстнаго и не устнаго, а иностраннаго и книжнаго, и появился на Украйнѣ не раньше появленія въ ней Gesta Romanorum, т. е. ни какъ не раньше XVI вѣка. Сравнивая этотъ разсказъ съ интермедіей Гаватговича, мы видимъ,

[1]) Новелла эта тоже индійская, попала въ 1001 ночь, потомъ къ итальянцамъ, балканнамъ и къ намъ. См. Benfey, Orient und Occident, II, 133—171; Вука Караджича, Српске нар. припов., № 3, Erben, Sto prostonar pohodek, № 75; Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія, стр. 75—76; Аѳанасьевъ, № 139; Kolberg, Lud., т. VIII, стр. 216; Ровинскій, Русскія народныя картинки, т. V, стр. 189.

что редакція его позднѣе редакціи интермедій, уже по одному тому, что въ немъ выведено два лица, а не три. Сама-же эта интермедія, не смотря на юмористическія украшенія ея, явно близка къ прикладу «Римскихъ дѣяній», такъ что можетъ быть вопросъ только о томъ, съ какой редакціи этихъ дѣяній передѣлывалъ ее Гаваттовичъ, прямо-ли съ латинской (что очень вѣроятно) или съ польской, или-же съ нѣмецкой [1]).

Впрочемъ, какъ относительно этой, такъ и относительно первой интермедіи, возможенъ еще одинъ вопросъ, а именно: не нашелъ-ли Гаваттовичъ обѣ эти интермедіи въ готовыхъ передѣлкахъ изъ разсказовъ объ Ulenspegel'ѣ и трехъ путникахъ въ драматическую форму на нѣмецкомъ языкѣ, или на польскомъ?

Мы не имѣетъ подъ рукою всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для рѣшенія послѣдняго вопроса, какъ потому, что въ томъ провинціальномъ мѣстѣ, въ которомъ мы пишемъ настоящую статью, нѣтъ всѣхъ изданій по исторіи нѣмецкаго и даже польскаго театра, такъ и потому, что исторія польскаго театра и даже новеллъ на польскомъ языкѣ слишкомъ мало разработана до сихъ поръ даже съ чисто матеріальной стороны. А потому мы оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ: faciant meliora potentes.

---

[1]) Польская редакція Gesta Romanorum теперь неизвѣстна ученому міру. Между тѣмъ трудно предположить, чтобъ этотъ памятникъ, переведенный на всѣ почти европейскіе языки (кромѣ итальянскаго и испанскаго, на которыхъ впрочемъ значительная часть его повѣстей существуютъ въ другихъ редакціяхъ) не былъ переведенъ въ свое время на польскій языкъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя русскія рукописи этого сборника носятъ заглавіе въ такомъ родѣ: «Исторія изъ римскихъ дѣяній новопереведена и списана съ друкованой (или печатанной) польской книжицѣ и языка на рускій (или словенскій)». А одно заглавіе говоритъ еще болѣе детально: «Исторіи розмаитыя... выписано изъ римскихъ и изъ иныхъ книгъ... Печатаны въ Краковѣ въ типографіи пана Войтека Секѣльновича, типографа его королевскаго величества польскаго, въ лѣто отъ Христова Рожденія 1663-е. Нынѣ-же милостью великаго Бога съ польскаго языка на словенскій переведены въ лѣто 7199 (1691) году» (Пыпинъ, Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей, стр. 183—185). Петербургскіе издатели рукописи Римскихъ Дѣяній, на которой *уже въ настоящемъ столѣтіи* кто-то сдѣлалъ надпись: «Древнія повѣсти съ прикладами или собраніе разныхъ полезнозабавныхъ исторій съ уравненіями, то есть прикладовъ, или примѣровъ съ выкладами, или нравоучительными выводами, писанныхъ словено-польскимъ нарѣчіемъ для забавы и пользы чтущихъ

Оговаривая сами пробѣлы въ нашемъ изслѣдованіи, мы считаемъ нашу цѣль достигнутою, если мы смогли намѣтить главнѣйшія точки соприкосновенія интермедій Гаваттовича какъ съ письменною, такъ и устною словесностью разныхъ народовъ, и основы генеалогіи темъ этихъ интермедій, и тѣмъ убѣдили читателя въ иностранномъ и книжномъ ихъ происхожденіи.

Мы потому между прочимъ считаемъ нужнымъ настаивать на этомъ послѣднемъ положеніи и даже нѣсколько горячо полемизировать съ противнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ редакціей «Кіевской Старины», что предноложивъ туземно-народное содержаніе старѣйшихъ русскихъ драматическихъ сценъ, мы получили-бы всю исторію русскаго театра и даже всей культуры на Руси совсѣмъ не такой, какова она была въ дѣйствительности.

О, если-бы наша литература, хотя-бы даже одна драматическая (что, конечно, невозможно) началась съ мѣстно-народнаго содержанія! Тогда совсѣмъ иное мѣсто, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, занималъ-бы нашъ народъ на культурно-исторической сценѣ.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что письменность на Руси, возникшая при церковно-византійскомъ вліяніи, началась съ вполнѣ отрицательнаго отношенія къ мѣстно-народному содержанію и даже удалялась отъ него и по формѣ, своимъ иностраннымъ, церковнославянскимъ языкомъ. Правда, довольно скоро послѣ своего начала, эта письменность, какъ и вообще культура на Руси, стала проникаться свѣтскими интересами и сближаться съ мѣстно-народною жизнью: въ лѣтописаніи, въ которомъ и трудно было совсѣмъ уже забыть эту послѣднюю, въ поэзіи (Слово о полку Игоревѣ) и даже

и слышащихъ. Въ Могилевѣ, 1688 года», предполагаютъ, что собственно польскаго перевода и не было, а польскій языкъ, упоминаемый въ указанныхъ заглавіяхъ былъ западно-русскій языкъ, казавшійся польскимъ или славяно-польскимъ московскимъ грамотѣямъ. Но изъ самыхъ упомянутыхъ заглавій видно, что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно сдѣланы не москвичами, а западными русскими, которые никакъ не могли смѣшать своего языка (русскаго или словенскаго, какъ въ старину иногда его звали) съ польскимъ и никогда не назвали-бы кирилловскаго шрифта книжицы польскимъ (латинскимъ-же шрифтомъ русскія книги тогда не печатались). Нѣтъ, друкованныя польскія книжицы Римскихъ Дѣяній должны были быть въ XVII вѣкѣ.

въ самой церковной живописи (старыя мозаики и особенно фрески кіевскія). Но эта эвомоція скоро какъ-то оборвалась на всѣхъ пунктахъ вмѣстѣ съ концемъ кіевскаго періода русской исторіи. Какъ произошелъ этотъ обрывъ, почему и даже въ какой степени онъ былъ великъ, это еще довольно темно и останется темнымъ, пока не будетъ разработана, какъ слѣдуетъ, исторія Руси въ XIII—XV вв., но только обрывъ въ культурномъ развитіи Руси послѣ XII в., и въ томъ числѣ ослабленіе вниманія къ свѣтскому и мѣстно-народному элементу, въ литературѣ даже въ Кіевской Руси того времени составляетъ фактъ очевидный. Замѣчательно, что даже византійская свѣтская культура и византійскіе опыты «возрожденія» очень мало коснулись тогдашней Руси, даже кіевской.

Только въ XVI в. уже западно-европейская свѣтская культура и западно-европейское «возрожденіе», принявшее въ себя струю византійскаго классицизма, начинаетъ проникать на Русь, конечно, вначалѣ на западъ ея, хотя въ своей болѣе отсталой, архаической формѣ, и порождаетъ здѣсь болѣе реалистическое направленіе въ литературѣ, которое постепенно приводило къ сближенію письменности съ мѣстно-народною жизнью въ содержаніи и формѣ. На первыхъ порахъ, напр. въ драматической литературѣ, впервые возникшей у насъ прямо подъ западнымъ вліяніемъ, первые опыты были чисто переводные, и мѣстный народный элементъ явился въ нихъ только, какъ нѣкоторая ретушировка. Это имѣло мѣсто не только въ драмахъ, сначала вполнѣ клерикальныхъ, но и въ комедіяхъ. При этомъ замѣчательно, что первый опытъ этихъ комедій, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *первый опытъ писанія на чисто-народномъ русскомъ языкѣ,* интермедіи Гаваттовича явились на почвѣ, вполнѣ отрѣшившейся отъ условій старѣйшей русской литературы: авторъ ихъ человѣкъ заграничнаго, западнаго воспитанія и врядъ-ли православный, а по всей вѣроятности католикъ, какъ докторъ Скорина, первый переводчикъ *Руской Библіи;* произведеніе его является при драмѣ католической, писанной на языкѣ польскомъ. Только спустя извѣстное время подобныя произведенія являются о бокъ съ православною церковною драмой, переведенной съ латин-

скаго или польскаго на языкъ церковно-славянскій съ народными примѣсями. Мы разумѣемъ *вертепныя* интермедіи, которыя къ половинѣ XVIII в. начинаютъ развиваться въ комедію бытовую (у Довгалевскаго даже съ соціально-политическимъ оттѣнкомъ), между тѣмъ какъ рядомъ съ религіозной драмой пробуетъ утвердиться на сценѣ драма національная (Милость Божія, Украйну свободившая).

Но тутъ наступаютъ новыя условія, задержавшія дальнѣйшее развитіе южно-русскаго театра противъ тѣхъ надеждъ, какія онъ сталъ было подавать въ XVII—XVIII вв.

П. Кузмичевскій.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1].

V.

Страшныя пораженія, нанесенныя Хмельницкимъ польскимъ войскамъ, заставили встрепенуться короля и всю Рѣчь Посполитую. Послѣ разгрома подъ Корсуномъ пришлось вступить съ нимъ въ переговоры, и веденіе ихъ было возложено на Киселя, въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой. Ходъ этихъ переговоровъ обстоятельно изложенъ у Костомарова, въ его монографіи: «Богданъ Хмельницкій»; мы не будемъ слѣдить за ними въ общемъ ходѣ событій того времени, лишь отмѣтимъ здѣсь въ порядкѣ времени и въ общихъ чертахъ факты, имѣющіе прямое біографическое значеніе.

Выѣхавъ изъ Заднѣпровья въ апрѣлѣ 1648 г., Кисель пробывалъ недолго въ своемъ волынскомъ имѣніи Гущѣ, откуда велъ первые переговоры съ Хмельницкимъ, посылая письма черезъ монаховъ Гущскаго монастыря, преимущественно черезъ Петронія Ласка. Отсюда онъ поѣхалъ въ Варшаву на конвокаційный, созванный по случаю смерти короля Владислава, сеймъ, начавшійся 16 іюля. Представивъ въ засѣданіи 17 числа отчетъ о своемъ посольствѣ въ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., октябрск. кн , стр. 204—219.

Москву, относительно упорядоченія границъ и союза противъ татаръ, Кисель изложилъ вкратцѣ (summarie) и свои переговоры съ Хмельницкимъ, при чемъ коснулся причинъ возгорѣвшейся козацкой войны и постигшихъ въ ней польскую армію неудачъ. Первыя онъ указывалъ въ исконной враждебности татаръ, и безъ того уже пустившихся въ набѣгъ на польскія владѣнія, а также въ притѣсненіи козаковъ и обремененіи ихъ повинностями, вторыя-же, по его мнѣнію, произошли отъ неосмотрительности командовавшихъ войсками гетмановъ и излишней поспѣшности, съ какою рѣшились они углубиться такъ далеко въ Русь, волнуемую подговорами, имѣя слишкомъ мало войска, да и то раздвоеннаго; много повредили и раздоры гетмановъ между собою. На запросъ относительно королевскихъ листовъ, предписывавшихъ козакамъ строить челны и идти на море, Кисель отозвался невѣдѣніемъ, прибавивъ только, что отъ гетмана Потоцкаго онъ слыхалъ, будто такіе листы были даны давно уже, когда замышлялась война противъ Турціи, и что Хмельницкій выдалъ ихъ предъ козаками за только-что полученные [1]). Трудно судить, въ какой мѣрѣ правдиво показаніе Киселя о «невѣдѣніи» его по послѣднему пункту...

Любопытно, что, несмотря на непріятныя сейму заявленія Киселя, никто не рѣшился предъявить ему самому возникшаго въ это время противъ него весьма важнаго обвиненія, въ оказаніи имъ помощи козакамъ. Обвиненія эти возникли изъ показанія плѣннаго козацкаго эмиссара Яремы Кончевича, который, говоря о присылкѣ козакамъ оружія, пороху и снарядовъ отъ разныхъ лицъ, и между прочимъ отъ владыкъ: львовскаго Арсенія Желиборскаго и луцкаго Аѳанасія, оговорилъ въ томъ-же и Киселя. Относительно его онъ высказался лишь въ послѣднемъ допросѣ [2]), и это даетъ поводъ думать, не навели-ли Ярему на обвиненіе Киселя вопросы самихъ слѣдователей и не былъ-ли Кисель и безъ того въ подозрѣніи у поляковъ, хотя весьма возможно, что слухъ о присылкѣ Киселемъ въ Бровары пороху, двухъ пушекъ и пятидесяти гаковницъ для козаковъ былъ распущенъ ихъ-же начальствомъ, для поднятія

---

[1]) Памятники, т. I, отдѣлъ 3, №№ 7, 15, 17, 38; Michałowski, №№ 14, 22, 32, 40, 54 (дневникъ сейма).

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, №№ 11 и 13; Michałowski, №№ 48 и 49.

духа возставшихъ. Какъ-бы ни было, но показаніе Яремы, не бывъ опровергнуто и будучи опубликованнымъ (оно было внесено въ книги города Галича), должно было только усиливать недовѣріе поляковъ къ Киселю. Нечего поэтому удивляться, что, когда въ сеймовомъ засѣданіи 23 іюля, зашла рѣчь о выраженіи благодарности Киселю за понесенные труды и успѣшные переговоры съ козаками, депутаты заспорили прежде о томъ, въ какой формѣ выразить ее: коллективно, отъ всего сейма, или-же частно, отъ каждаго члена порознь, а потомъ «такъ и оставили это дѣло, ни на чемъ не остановившись», какъ сказано въ дневникѣ сейма (стр. 122).

На сеймѣ рѣшено было учредить особую коммисію для переговоровъ съ козаками: но и тутъ безъ Киселя обойтись было не возможно; онъ былъ поставленъ во главѣ коммисіи [1]) и поспѣшилъ уѣхать, не дожидая конца конвокаціи; сеймъ закрытъ 1 августа, а слѣдующій день застаетъ Киселя на Полѣсьи, въ Ровнѣ. Изъ коммисіи ничего правда не вышло: вмѣсто переговоровъ, начались небольшія стычки, а окончилось все жестокимъ пораженіемъ поляковъ подъ Пилявцами. До извѣстной степени виною возобновившейся войны была излишняя медлительность самого Киселя, который подвигался на встрѣчу Хмельницкому словно въ потьмахъ, блуждая изъ стороны въ сторону, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переходъ отъ Ровна до Старо-Константинова. Онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, боясь нарушить чѣмъ нибудь перемиріе, сдерживалъ свой двухтысячный отрядъ отъ сшибокъ съ козаками, вступалъ съ ними въ переговоры, настойчиво требовалъ соблюденія перемирія отъ начальниковъ польскихъ войскъ; но все это не приводило ни къ чему. Вокругъ его кипѣло и переливалось недисциплированное народное возстаніе, возникали и разсыпались отряды, номинально признававшіе главенство Хмельницкаго, но дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что часто онъ не зналъ даже о ихъ существованіи; съ другой стороны въ рядахъ польской арміи дисциплина, слабая и прежде, упала теперь до крайности, въ замѣнъ

[1]) При немъ были познанскій подстолій Александръ Сельскій, перемышльскій подкоморій Францишекъ Дубравскій и мозырскій подкоморій Михаилъ Обуховичъ. Michałowski, стр. 163; Памятники, стр. 238; Дневникъ похода комиссаровъ у Михаловскаго, № 70.

плѣненныхъ Хмельницкимъ гетмановъ, правительство, помимо даровитаго и особенно ненавидѣвшаго козаковъ князя Іереміи Вишневецкаго, назначило еще трехъ военачальниковъ, равныхъ по власти; Вишневецкій-же былъ слишкомъ гордъ, чтобъ подчиниться Заславскому, Остророгу или молодому Конецпольскому, и слишкомъ упрямъ и непокоренъ, чтобы соблюдать не имъ заключенное перемиріе. Глядя на главныхъ начальниковъ, какъ они спорили между собою и не уступали другъ другу, каждый начальникъ подъѣзда (небольшого самостоятельнаго отряда) тоже никого не слушалъ, былъ самъ для себя главнокомандующимъ. На глазахъ Киселя берутъ козаки городъ Острогъ; онъ успѣваетъ договориться съ ними, что его не только пропустятъ черезъ городъ, но и будутъ служить авангардомъ, очищать путь къ Хмельницкому. Стороны обмѣнялись заложниками, какъ вдругъ нападаетъ на городъ отрядъ Сокола изъ войска Вишневецкаго; козакамъ кажется, что Кисель и переговоры ведетъ, и войну,—они убиваютъ нѣсколько заложниковъ, и только отъ плѣнника узнаютъ о своей ошибкѣ. Не успѣли отойти комиссары дальше, минуя Острогъ, сюда является новый подъѣздъ Голуба и Аксака и сжигаетъ предмѣстье. Между тѣмъ, далеко позади комиссарскаго лагеря являются пришлые или возникаютъ мѣстные козацкіе отряды, берутъ Луцкъ, Клевань, Олыку. Между поляками распространяются всяческія клеветы и обвиненія противъ Киселя, не только въ письмахъ намекаютъ на его измѣну, но во всемъ войскѣ возбуждена къ нему жесточайшая ненависть: когда онъ догналъ наконецъ войска, то прибывшій съ нимъ отрядъ наслушался здѣсь такихъ вещей, что почти всѣ его бросили. «Осталось только при немъ, презрительно пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, нѣсколько десятковъ его собственной сволочи» (chałastry). А съ другой стороны коритъ Хмельницкій, перехватившій письмо Киселя въ Москву, дружелюбное къ ней и предостерегающее отъ вѣроломства козаковъ; вдобавокъ кто-то ‹изъ первыхъ пановъ› чернитъ Киселя передъ Хмельницкимъ: «вамъ онъ говоритъ одно, а здѣсь въ Варшавѣ другое». Львовскій архіепископъ Красновскій договаривалъ и то, чего не рѣшались, быть можетъ, сказать другіе: «Кисель въ переговорахъ извиняетъ содѣянное козаками зло и на этомъ основываетъ трактаты; извиняетъ и самихъ враговъ,—на то онъ *Русинъ*›. На просьбы Киселя, чтобы враждебныя войска не сближа-

лись, отвѣчали ему съ насмѣшкой, что «при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры». Нападали открыто на обозъ Киселя, хватали находившихся тамъ въ плѣну или въ заложникахъ значныхъ козаковъ и рубили имъ головы. Самого его съ отрядомъ задержали насильно въ общемъ лагерѣ. Чѣмъ больше было у шляхты хвастливой самонадѣянности, тѣмъ презрительнѣе относилась она къ старшему своему комиссару, т. е. посланнику. Необходимы были жестокіе уроки Пилявецъ, а еще болѣе Збаража и Зборова, чтобы заставить ее образумиться, и тогда только стали соблюдать въ отношеніи Киселя хоть нѣкоторую внѣшнюю сдержанность [1]).

Вслѣдъ за пилявецкимъ пораженіемъ (23 сентября), откуда Кисель отступилъ послѣднимъ [2]), собрался сеймъ для избранія короля. На немъ пришлось выступать и Киселю, и рѣчи его здѣсь заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ засѣданіи 10 октября шла рѣчь о средствахъ для достиженія мира съ козаками. Кисель не отрицалъ мѣръ, предложенныхъ другими, но находилъ ихъ несвоевременными палліативами и настаивалъ на немедленномъ въ тѣхъ-же видахъ избраніи короля: «необходимость заставляетъ вступить снова въ переговоры съ козаками; но невозможно вести ихъ отъ имени «Рѣчи Посполитой», а надо прежде избрать короля, не говорю—того или другаго (т. е. королевичей), а кого Богъ на душу положитъ. Хмельницкаго въ надписяхъ ему титулуютъ «старшимъ войска Рѣчи Посполитой», а онъ подписывается «старшій войска короля его милости». Благоволите увѣдать, что у этихъ хлоповъ *majestas Reipublicae* ничего не стоитъ. «А що то есть Ржечъ Посполита? говорятъ они, и мы также Ржечъ Посполита! Але король, то у насъ панъ». Король, повторяю, это для нихъ нѣчто божественное. Да всякому притомъ, и мнѣ самому, больше будетъ охоты идти при государѣ: онъ будетъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ трудовъ каждаго. Скажу открыто, что думаю, какъ въ свободной республикѣ: какая намъ теперь отъ Рѣчи Посполитой благодарность? Всѣ вы только браните насъ,—слава Богу, что хоть не бьете!»

Такъ, подъ давленіемъ личныхъ непріятностей, здравый смыслъ взялъ въ Киселѣ верхъ надъ шляхетскими воззрѣніями. Ѣдко за-

---

[1]) Michałowskiego Księga, №№ 63—92. Памятники, т. I, отд. 3, №№ 40—46, 50, 52.

[2]) Michał., стр. 207 и 236.

кончилъ онъ свою вторую рѣчь въ этотъ день. «Вы боитесь злоупотребленій королевской власти, хлопочете о гарантіяхъ? Есть и на это средства. Но если, вмѣсто скорѣйшаго избранія короля, станемъ заниматься возможными злоупотребленіями, то и права наши пойдутъ къ дьяволу, и вольности къ двумъ чертямъ, а наши шеи—подъ острую саблю пана Богдана!» Много еще разъ приходилось говорить Киселю на этомъ сеймѣ, то отвѣчая иногда на личные нападки, то чаще по дѣламъ государственнымъ. Не одинъ только ораторскій талантъ обнаруживалъ онъ, но и серьезное политическое пониманіе, и гражданское мужество. Зная о всеобщей почти враждѣ къ нему, онъ упорно настаивалъ на мѣрахъ, какія основательно считалъ необходимѣйшими, и не стѣснялся громить сеймъ за то, что каждый здѣсь хочетъ избирать короля для себя лично, по своему вкусу, а не для государства. Подъ такое обвиненіе вполнѣ подходилъ, между прочимъ, и родной братъ Адама, Николай, который тоже настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, но по совершенно инымъ мотивамъ, чисто эгоистическимъ. «Поскорѣе, говорилъ онъ, надо намъ такого государя избрать, чтобы съумѣлъ укротить непріятеля: въ томъ для меня умиротвореніе, кто меня водворитъ въ моемъ дому». Засѣданія сейма были необычайно бурны, въ преніяхъ господствовалъ полный безпорядокъ, говорили, что кому вздумается, подъ часъ даже такое, о чемъ, по замѣчанію составителя дневника, «sromota i pisać», сидѣли послы, по его-же выраженію, «na tych bajkach», другъ друга укоряя: одинъ напр. намекалъ другому, что онъ подкупленъ, а тотъ отвѣчалъ, что «я-де не состою, подобно вамъ, при чужихъ сервизахъ», и т. д. Неудивительно, что при господствѣ такихъ взглядовъ и такого порядка зрѣло обдуманныя предложенія Адама Григорьевича, хотя и находили многихъ сторонниковъ, но не были принимаемы сеймомъ, и избраніе короля затянулось на семь недѣль.

Смѣлыя рѣчи Киселя на сеймѣ, его здравые политическіе взгляды оцѣнили избранный наконецъ въ короли Янъ Казиміръ и близкіе къ нему сановники. Еще до формальнаго его избранія, лишь только состоялось на сеймѣ предварительное соглашеніе, тотчасъ былъ посланъ отъ него къ Хмельницкому Смяровскій. Въ то-же самое время Хмельницкій, въ свою очередь желавшій избранія въ короли Казиміра и извѣщенный о благопріятномъ вліяніи

его желанія на ходъ сеймовыхъ дѣлъ, поспѣшилъ изъ-подъ осажденнаго имъ Замостья послать къ сейму письмо въ примирительномъ духѣ черезъ іезуита ксендза Гунцель-Мокрскаго. Послѣдній прибылъ въ Варшаву еще до закрытія сейма, но уже послѣ торжественнаго нареченія короля и присяги его на *пакта-конвента*. Черезъ Мокрскаго были предъявлены Хмельницкимъ и главныя условія мира: всеобщая амнистія, уничтоженіе уніи, подтвержденіе «старинныхъ» козацкихъ вольностей и подчиненіе козаковъ непосредственно королю, помимо гетмановъ. На другой-же день, 25 ноября, король, съ согласія сейма, послалъ Хмельницкому благопріятный отвѣтъ, а около мѣсяца спустя тотъ-же отвѣтъ повторенъ подробнѣе и опредѣленнѣе: теперь король благодарить Богдана за прекращеніе военныхъ дѣйствій и отступленіе отъ Замостья, обѣщаетъ изъять козачество изъ-подъ власти коронныхъ гетмановъ и уладить вѣроисповѣдный вопросъ согласно желанію козаковъ. Для установленія подробностей обѣщана была особая коммисія, которая должна была привезти Хмельницкому подтвержденіе его въ гетманскомъ достоинствѣ, булаву и знамя [1]).

Во главѣ этой-то коммисіи поставленъ былъ опять Адамъ Григорьевичъ Кисель; при немъ состояли: львовскій подкоморій Войцехъ Мясковскій, брацлавскій подкоморій князь Захарій Четвертинскій, мозырскій подкоморій Ѳедоръ-Михаилъ Обуховичъ, новгородсѣверскій хорунжій Кисель Николай, брацлавскій подчашій Зеленскій, недавній королевскій посланецъ Смяровскій и другія второстепенныя лица. Королевское письмо къ Хмельницкому привезъ кармелитъ ксендзъ Лентовскій, замѣнившій въ этой обязанности умершаго къ этой порѣ іезуита Мокрскаго. Посольство отправилось, по обычаю того времени, съ великою пышностью: свита Киселя превышала двѣсти человѣкъ, Кисель везъ съ собою богатые серебряные сервизы, ему сопутствовала даже его жена. Очевидно, будущій кіевскій воевода надѣялся на благопріятный исходъ своей миссіи, разсчитывалъ по ея окончаніи возвратиться на свои пепелища, остаться въ своихъ украинскихъ владѣніяхъ.

---

[1]) Дневникъ сейма, Michal., стр. 235, 237, 249, 311, 312, 354, 359, 360; тоже 213, 214, 217—219 и 369. Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, особенно стр. 284—285.

Надежды его не оправдались, посольство окончилось столь-же неудачно, какъ и въ предыдущемъ году.

Причина этой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ личныхъ взглядахъ Киселя на развернувшееся теперь возстаніе и на способы къ его усмиренію. Въ возстаніи Хмельницкаго онъ видѣлъ лишь стремленіе козаковъ добиться облегченія своего положенія и возстановленія своихъ старинныхъ правъ, но никакъ не хотѣлъ признать за нимъ значенія общенароднаго движенія; точнѣе говоря, онъ признавалъ законность требованій однихъ лишь козаковъ и знать не хотѣлъ того, чего именемъ козачества добивалось теперь все посполъство, или чернь. Коренная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ оцѣнить разницу между козацкими движеніями конца XVI и первой трети XVII вѣка, когда дѣло шло только о правахъ козаковъ, сначала однихъ реестровыхъ, потомъ по преимуществу «выписчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра, и нынѣшнимъ возстаніемъ общенароднымъ, когда козачество отождествило свои сословные интересы съ интересами всего крестьянства. Теперь центръ тяжести перемѣстился, дѣло было уже не въ козакахъ, а въ самихъ настоящихъ хлопахъ; но именно этого Кисель понять не могъ по своимъ шляхетскимъ убѣжденіямъ. «Неразумная чернь, писалъ онъ о народѣ къ примасу Лубенскому, увлечена Хмельницкимъ, будто онъ ей благопріятствуетъ»,—и не обращалъ никакого вниманія на интересы народной массы, а относительно козаковъ выражался такъ: «козаки угнетены болѣе простыхъ хлоповъ, съ ними обращаются какъ не можетъ быть хуже». Изыскивая затѣмъ способы къ умиротворенію козачества и усмиренію самаго возстанія, Кисель не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться: совѣтовалъ напримѣръ еще въ началѣ возстанія занять укрѣпленныя мѣста наемными войсками, какъ можно скорѣе войти въ сношенія съ Москвой, чтобы удержать ее въ дружбѣ, но и тутъ успокоиться не могъ: «одна кровь, одна вѣра,—трудно на нихъ полагаться»; предлагалъ обратиться къ Портѣ, чтобы она воздержала хана отъ помощи козакамъ, но и въ этомъ не считалъ себя увѣреннымъ и, возвращаясь снова къ тѣснѣйшему союзу съ Москвою, заключалъ: «а то, что намъ приключилось отъ нашихъ хлоповъ, приходится молча проглотить, козакамъ-же открыть Эвксинскій Понтъ и наконецъ заключить съ ними договоръ, какъ это ни

тягостно» [1]). Но именно договоръ съ козаками и трудно было заключить, потому что требованія Хмельницкаго были, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ иныя.

Другою причиною неудачи, какую потерпѣла коммисія, назначенная для переговоровъ съ Хмельницкимъ, была медленность, съ какою она двигалась въ ту пору, когда надо было выигрывать каждый день и часъ. Мы прослѣдимъ ея путь по дневнику одного изъ ея членовъ, Войцеха Мясковскаго [2]).

Кисель уѣхалъ изъ Варшавы раньше другихъ, Мясковскій догналъ его уже въ Кобринѣ; по пути черезъ Гущу и Корецъ, комиссія достигла границы кіевскаго воеводства, р. Случи, которая теперь, по предварительному уговору съ Хмельницкимъ, служила демаркаціонною линіею между польскими и козацкими войсками. На Случи, въ Звяглѣ, комиссаровъ встрѣтилъ полковникъ Донецъ съ сотникомъ Тышею и четырьмя стами козаковъ, назначенныхъ имъ въ конвой. Въ Новоселкахъ, имѣніи жены Киселя [3]), послы прожили цѣлую недѣлю въ ожиданіи отвѣта отъ гетмана, къ которому послали въ Чигиринъ Четвертинскаго, извѣщая о своемъ прибытіи. Уже здѣсь Киселю пришлось наткнуться на непріятности отъ крестьянъ, относившихся къ своимъ помѣщикамъ крайне враждебно. Чѣмъ далѣе подвигались комиссары, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе. Край оказался опустошеннымъ въ конецъ, трудно было достать что либо съѣстное или фуражъ для лошадей. Въ Бѣлогородкѣ комиссары узнали, что ихъ не хотятъ впустить кіевляне въ городъ; населеніе всюду относилось къ нимъ въ высшей степени непріязненно: чуть кто изъ свиты комиссіи отлучится въ сторону, такъ на него и нападутъ; нѣсколько человѣкъ было убито по дорогѣ еще въ Черняховѣ. Извѣстія о Хмельницкомъ получались самыя неблагопріятныя. Въ Бѣлгородку къ Киселю пріѣзжалъ на секретный разговоръ митрополитъ изъ Кіева, а съ нимъ чернецы; они-то и вѣсти передавали, разсказывали о

---

[1]) Памятники, т. I, отд. 3, № 75 Michał. Ks., № 14.

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, № 57; Niemcewicz, Zbiór pamiętników o dawniej Polsce, т. IV; Michałowskiego Księga, № 103.

[3]) Гуща имѣніе Киселя, теперь Гоща мѣстечко острожскаго уѣзда, на р. Горынѣ; Корецъ мѣстечко новоградволынскаго уѣзда; Звягель нынѣ Новоградъ-Волынскъ; Новоселки село кіевскаго уѣзда, на Ирпенѣ, къ востоку отъ м. Бышева. Черняховъ мѣстечко недалеко къ сѣверу отъ Житоміра.

сношеніяхъ Богдана съ молдавскимъ господаремъ, которыя черезъ нихъ-же ведутся, и проч. Черезъ нѣсколько дней ѣздилъ Кисель къ митрополиту ‹подъ Кіевъ›, для новыхъ переговоровъ.

Дождавшись возвращенія изъ Чигирина Четвертинскаго, комиссары, минуя Кіевъ, направились окольнымъ путемъ, по приглашенію гетмана, въ Переяславъ. Не обошлось и теперь безъ приключенія: по пути въ с. Лѣсники, въ имѣніи князя Корецкаго Ходосовкѣ [1]), тамошніе козаки съ мужиками заступили имъ дорогу, схватили подъ уздцы лошадь козака, несшаго воеводскій знакъ за санями Киселя. Послы едва откупились, давъ нѣсколько талеровъ за козака и за себя, и переправившись въ Трипольѣ черезъ Днѣпръ, чрезъ Вороньковъ прибыли наконецъ въ Переяславъ 19 (9) февраля.

Былъ сильный морозъ, не смотря на то Хмельницкій выѣхалъ на встрѣчу посламъ за версту отъ города, съ большою свитою полковниковъ, асауловъ, сотниковъ, и съ военной музыкой, при значкѣ, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. При въѣздѣ въ городъ поѣздъ былъ встрѣченъ салютаціей изъ пушекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, на обѣдѣ у гетмана, начались колкія замѣчанія со стороны его самого и полковниковъ по адресу Вишневецкаго, Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ вообще ляховъ.

На другой день происходило на площади торжество врученія гетману присланныхъ королемъ инсигній, въ присутствіи московскаго и венгерскаго пословъ, козацкой старшины и народа. Кисель началъ было говорить приличную случаю рѣчь, но его перебилъ кропивенскій полковникъ Джеджалій. При первомъ-же упоминаніи о королѣ онъ закричалъ: «Король якъ король, але вы, королевята, князёве, броите много, и наброилысьте. И ты, Киселю, кость зъ костей нашихъ, одщепывся, а прыстаешъ зъ ляхамы». Скандалъ былъ полный: кое-какъ удалось прекратить его самому гетману, и то благодаря лишь тому, что прочіе полковники не поддержали напившагося спозаранку товарища. Кончать рѣчи Киселю такъ и не пришлось. Онъ вручилъ Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство и кредитивную грамоту комиссаровъ; обѣ грамоты были тутъ-же про-

[1]) Ходосовка и Лѣсники — села, а Триполье мѣстечко кіевскаго уѣзда; Вороньковъ — село переяславскаго уѣзда.

чтены вслухъ. Послѣ того Адамъ Кисель вручилъ Богдану усыпанную бирюзою гетманскую булаву, а братъ его Николай красное знамя съ государственнымъ гербомъ, т. е. бѣлымъ орломъ. Хмельницкій благодарилъ «по-козацки» и пригласилъ участниковъ церемоніи на обѣдъ.

Адамъ Григорьевичъ и здѣсь началъ съ ораціи, поздравляя гетмана съ полученными сегодня отъ короля милостями, а эти милости были велики: полная амнистія всего содѣяннаго, возстановленіе свободы древняго греческаго исповѣданія, увеличеніе числа реестроваго войска, съ возвращеніемъ давнихъ его правъ и вольностей, наконецъ признаніе за Хмельницкимъ гетманскаго достоинства и власти. Перечисляя все это, Кисель убѣждалъ гетмана доказать свою признательность королю, а для этого усмирить волненія, предупреждать дальнѣйшее кровопролитіе, не принимать подъ свое покровительство простыхъ хлоповъ, а приказывать имъ быть въ послушаніи у своихъ пановъ. Въ заключеніе воевода требовалъ приступить безъ замедленія къ установленію подробностей договора. Хмельницкій выразилъ благодарность королю, но отъ немедленнаго начатія переговоровъ съ комиссарами отказался: «войско, говорилъ онъ, не въ одномъ мѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего сдѣлать, иначе рискую своей головой». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ упрековъ, все болѣе и болѣе рѣзкихъ, за прежнія и новыя несправедливости и жестокости поляковъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣхъ вообще. Гетманъ напоминалъ о выдачѣ Чаплинскаго, о наказаніи Вишневецкаго, грозилъ новою борьбой на жизнь и смерть: «Либо мнѣ съ запорожскимъ войскомъ придется пропасть, либо погибнуть лядской землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ!» Въ концѣ онъ сообщилъ о своемъ письмѣ къ литовскому гетману Янушу Радзивилу, въ которомъ грозилъ, въ случаѣ повторенія Радзивиломъ истязаній плѣнныхъ козаковъ, посадить на колъ четыреста находящихся у Хмельницкаго плѣнныхъ ляховъ. «Такую-то закуску, восклицаетъ комиссаръ Мясковскій, преподнесъ онъ вамъ передъ плюгавымъ своимъ обѣдомъ, поразивъ насъ въ самое сердце бѣшенымъ своимъ ядомъ и злостью!» Въ томъ-же тонѣ отзывались за обѣдомъ и полковники, «словно гадины изъ болота», а одинъ изъ нихъ чуть не хватилъ булавою ксендза Лентовскаго, обозвавъ при этомъ одинаковымъ браннымъ словомъ и ксендзовъ,

и поповъ. Отмѣчаемъ это обстоятельство собственно какъ указаніе на то, что миролюбивые взгляды духовенства, выразившіеся въ обмѣнѣ визитовъ съ Киселемъ и тайныхъ съ нимъ совѣщаніяхъ, не раздѣлялись въ средѣ козачества; оно видѣло, что высшіе представители духовенства готовы совсѣмъ упустить изъ виду соціальную сторону общаго съ козаками дѣла, а тѣмъ болѣе не замолвять и слова объ интересахъ народной массы, подданства; между тѣмъ, эти именно интересы воспреобладали и въ козацкой средѣ, видѣвшей въ нихъ залогъ самосохраненія. Когда, при слѣдующемъ свиданіи, Кисель обращался къ гетману очень мягко и со слезами, убѣждая его не подчинять невѣрнымъ «русской земли, и вѣры, и святой церкви», а также «отступиться отъ черни, *чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки*»,—Хмельницкій объяснился напрямикъ: «Я выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ: до сихъ поръ я воевалъ за свою обиду, теперь стану воевать за православную вѣру. Мнѣ въ этомъ поможетъ вся чернь по Люблинъ и Краковъ, и я ея не отступлю, ибо *это наша правая рука*. Иначе, *уничтоживъ хлоповъ, вы ударите и на козаковъ*».

Приведенныя слова Киселя и Хмельницкаго открываютъ намъ разницу въ ихъ взглядахъ на основные пункты переговоровъ; въ ней и заключалась главнѣйшая причина несговорчивости Хмельницкаго, которой не могли понять и оцѣнить ни Кисель, ни его товарищи комиссары. Помимо того Хмельницкій не могъ не видѣть, на какую неожиданную имъ самимъ высоту вознесли его одержанные имъ успѣхи. Всенародная встрѣча его въ Кіевѣ, съ крестами и хоругвями, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, высокій почетъ, оказанный ему бывшимъ въ то время въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, присылка отъ короля и сейма пышнаго посольства, униженно просившаго о мирѣ, одновременное прибытіе посла семиградскаго князя Ракочія, а также царскаго посольства изъ Москвы, какъ-бы признававшихъ побѣдоноснаго гетмана независимымъ владѣтелемъ—все это возвышало духъ Хмельницкаго, окрыляло его мечты о независимомъ существованіи его народа, давало ему поводъ и основаніе расширять свои требованія, быть въ нихъ твердымъ и непреклоннымъ. Честолюбіе гетмана разыгрывалось, самоувѣренность его усиливалась; одно воспоминаніе о томъ, что пришлось вынести отъ поляковъ ему самому, козачеству

и народу, приводило его въ гнѣвъ и ярость, хмѣль довершалъ остальное. Понятно, каковъ могъ быть тонъ его рѣчей въ отношеніи къ посламъ и каково обращеніе съ ними. Отвѣчая на рѣчи Николая Киселя, Хмельницкій говорилъ: «Правда, что я малый, незначущій человѣкъ; но даровалъ мнѣ Господь, что сталъ я самодержавнымъ повелителемъ Руси». И онъ велъ себя въ переговорахъ съ комиссарами не ниже сего достоинства. Съ каждымъ разомъ обнаруживается въ немъ все большее высокомѣріе; въ особенности онъ далъ это почувствовать, отпуская венгерскаго посла въ присутствіи Четвертинскаго и Николая Киселя. Положеніе комиссаровъ становилось невыносимымъ; они окончательно отчаялись въ успѣхѣ дѣла и стали подумывать, какъ-бы хотя самимъ цѣлыми выйти изъ бѣды. Ихъ держали какъ-бы въ плѣну. Киселя вовсе не допустили видѣться съ московскимъ посломъ Унковскимъ. Унковскій самъ просилъ разрѣшить ему повидаться съ Адамомъ, но также получилъ отказъ. И съ другими комиссарами онъ видѣлся только въ церкви, гдѣ разговоръ поневолѣ ограничивался простымъ обмѣномъ вѣжливостей. Даже венгерскій посолъ, отъѣзжая, сказалъ: «Каюсь, что приходилъ я къ этимъ свирѣпымъ скотамъ, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно». Чего могли добиться послы польскіе?...

Послѣ всего они рѣшили просить лишь о выдачѣ плѣнныхъ, особенно взятыхъ въ силу капитуляцій въ Кодакѣ и въ Барѣ; но Хмельницкій, дававшій по этому пункту при предварительныхъ сношеніяхъ благопріятныя надежды и даже распорядившійся собрать всѣхъ плѣнниковъ въ Переяславъ, теперь и въ этомъ оказывался такъ-же несговорчивымъ. Всѣ убѣжденія комиссаровъ по этому предмету были, по выраженію одного изъ нихъ, «сказкой, разсказываемой глухому тирану». Гетманъ обѣщалъ освободить плѣнныхъ только тогда, когда убѣдится, что ни отъ ляховъ, ни отъ Литвы не будетъ ему никакой зацѣпки. Поэтому не могло быть рѣчи и о выкупѣ, хотя Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на это свои серебряные сервизы, цѣною въ двадцать четыре тысячи флориновъ, и всѣ прочіе послы изъявляли готовность помочь ему по мѣрѣ силъ и возможности. Только предъ самымъ отъѣздомъ Хмельницкій дозволилъ комиссарамъ видѣться съ плѣнниками въ своемъ дворѣ, запертомъ на это время для черни. При этомъ свиданіи Кисель отдалъ плѣннымъ мѣшокъ съ пятью-шестью стами червонцевъ,

только что полученный имъ, какъ прощальный даръ, отъ Хмельницкаго.

Усиленныя старанія, просьбы и убѣжденія Адама Григорьевича по дѣлу о мирѣ не остались однако совершенно безъ всякихъ послѣдствій, и Хмельницкій, первоначально намѣревавшійся отпустить комиссію съ однимъ только письмомъ къ королю, согласился наконецъ изложить предварительныя условія мира, до новаго съѣзда на рѣкѣ Русавѣ ко дню св. Тройцы. Какъ ни казались тягостны и унизительны комиссарамъ предложенныя условія, но послѣ долгихъ безплодныхъ упрашиваній они вынуждены были ихъ принять, лишь-бы не подвергнуться и самимъ задержанію и получить возможность изложить лично королю все положеніе дѣлъ. Притомъ-же они надѣялись, что перемиріе, хотя и теперь уже они находили его «подозрительнымъ и невѣрнымъ», удержитъ до поры до времени Хмельницкаго въ Приднѣпровьи, а это позволитъ Польшѣ собраться съ силами [1]).

Неудачи и огорченія, испытанныя Киселемъ въ его посольствѣ къ козакамъ, совсѣмъ разстроили его здоровье. Уже при послѣднемъ свиданіи съ Хмельницкимъ онъ не могъ встать съ саней и не входилъ въ домъ, такъ что отпускъ комиссіи происходилъ во дворѣ. Дорожныя неудобства, при его преклонныхъ лѣтахъ, еще болѣе усилили припадки хирагры и подагры, такъ что на ночлегахъ его вносили и выносили въ жилье на носилкахъ. Плохимъ вознагражденіемъ за постигшую неудачу было для Адама Григорьевича повышеніе въ сенаторскомъ рангѣ назначеніемъ его на воеводство кіевское. Назначеніе это онъ получилъ вовсе не по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры [2]), какъ утверждаетъ Костомаровъ, а за пять мѣсяцевъ еще до этого договора. Оно вызвало въ Варшавѣ важныя подозрѣнія и сплетни противъ Киселя, извѣстіе о которыхъ сохранилъ бывшій здѣсь тогда царскій посланецъ, дьякъ Григорій Кунаковъ.

«Февраля въ 26 день, повѣствуетъ московскій дьякъ, вѣдомо королю и панамъ радѣ учинилось, что воевода кіевскій Янушъ

---

[1]) Условія эти въ дневникѣ Мясковскаго, въ иной нѣсколько редакціи у Михаловскаго подъ №№ 101 и 102; также Памятники, т. I, отд. 3, № 61.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 209; ср. противорѣчіе также, стр. 89.

Тишкевичъ умеръ; и король *того-жъ числа* послалъ къ Адаму Киселю привилье на воеводство кіевское, и печатныя пошлины отъ того привилья велѣлъ король дать изъ своей шкатулы. И паны рада о томъ удивляются, и чаютъ отъ короля съ Адамомъ Киселемъ какого умышленья, и совѣтуютъ, межъ себя раздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта многіе и мѣщане говорятъ, сѣтуя, что паны-рада въ своемъ нелюбьѣ всѣ Рѣчь Посполитую губятъ и такую великую черкасскую и татарскую войну ставятъ ни во что; видя непріятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ. А та бѣда и злое разоренье и кровопролитье учинилось отъ ихъ-же панской гордости и отъ налогъ: которою чашею они пышные паны зъ жидами поили бѣдныхъ черкасъ, нынѣ ту самую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ нихъ и невинные убогіе люди погибаютъ. И о томъ паны-рада скорбятъ, что Адама Киселя послали къ Богдану Хмельницкому въ коммисарахъ: чаютъ отъ него, ради православной вѣры, къ войску запорожскому доброхотѣнья; и *паны-рада и шляхта* Адама Киселя зовутъ здрайцою».

Говорили тому-же дьяку «многіе люди, будто Казиміръ король желаетъ, чтобы Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломалъ и королю послушныхъ учинилъ, чтобы паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ; и тайные приказы отъ короля къ Адаму Киселю были, а о чемъ, того паны-рада не вѣдаютъ. Сказывали также, будто о томъ, чтобы Адаму Киселю воеводство кіевское дать, писалъ къ королю Богданъ Хмельницкій [1]).

Что дьякъ писалъ не съ вѣтру, потвержденіе тому находимъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Такъ въ пасквилѣ противъ короля, изложенномъ въ формѣ письма къ нему отъ Хмельницкаго, послѣдній говоритъ между прочимъ, что онъ былъ только послушнымъ орудіемъ, точнымъ исполнителемъ воли короля Владислава, Яну-же Казиміру онъ напоминаетъ: «ты приказывалъ мнѣ, государь, призывалъ меня итти съ войскомъ къ Варшавѣ и ожидать у Замостья дальнѣйшихъ извѣстій и распоряженій; и какъ только дошла до меня вѣсть о счастливомъ избраніи твоемъ на королевство, я тотчасъ отступилъ съ войскомъ». Здѣсь-же указывается и на дѣятельность Киселя:

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, стр. 296.

«сносился со мной, но осторожно, г. кіевскій воевода Кисель; постоянно велись между нами тайныя сношенія, я получалъ отъ него наставленія по всѣмъ дѣламъ и предостереженія обо всемъ, что ни предпринимала противъ меня Рѣчь Посполитая[1]). Другой пасквиль, въ латинскихъ стихахъ, направленъ прямо противъ Киселя, и предостерегая отъ него, какъ отъ змѣи, кроющейся въ травѣ, обвиняетъ его въ возбужденіи козаковъ къ войнѣ даже и въ то время, когда они сами того не хотѣли.

> Ne sit anguis, Poloni cavete, in herba,
> Vel vos Kisiel seducat per mollia verba.
> .... nollint Cosaci amplius bellare,
> Tamen ipsis indicit arma ostentare[2]).

Обвиненія въ измѣнѣ не составляли тайны для самаго Адама Григорьевича; въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ подканцлеру Радзѣіовскому, защищая еще разъ свою политику относительно козаковъ и настаивая на правильности своихъ взглядовъ, Кисель говоритъ: «всегда я этого держался, всегда твердилъ это устно и письменно, и за то меня называли «здрайцею» невѣдающіе, что творятъ, сами приводящіе къ погибели отечество и насъ всѣхъ[3])».

Были-ли какія нибудь дѣйствительныя основанія къ обвиненіямъ Киселя въ измѣнѣ Рѣчи Посполитой, или-же послѣднія являются безпричинною клеветою, а въ такомъ случаѣ что именно подавало къ ней поводъ и поддерживало вѣру въ нее?

Приведенныя свидѣтельства показываютъ, что короля Яна Казиміра, какъ и его предмѣстника Владислава, подозрѣвали въ намѣреніи произвести рѣшительный государственный переворотъ, а

---

[1]) Michałowskiego Księga, № 237.

[2]) Берегитесь, поляки, змѣи въ травѣ, сведетъ васъ Кисель своими мягкими рѣчами... Не хотятъ козаки больше воевать, а онъ поджигаетъ ихъ подымать оружіе.—Тамъ-же, № 215.—Авторъ пасквиля не пощадилъ здѣсь и матери Адама:

> Adde, quod matrem, olim magnam meretricem,
> Nunc habeat monacham, sed incantatricem.

Прибавь, что онъ имѣетъ мать, нѣкогда великую блядь, теперь-же хотя и монахиню, но вѣдьму.

[3]) Michałowskiego Księga, № 211.

именно ограничить власть шляхты и подчинить ее волѣ короля, съ помощью козаковъ. Въ напуганномъ козацкими бунтами воображеніи шляхты рисовались два заговорщика на ея вольности, изъ которыхъ одинъ возсѣдалъ на престолѣ на берегахъ Вислы, не обладая властью монарха, а другой, не коронованный, повелѣвалъ на берегахъ Днѣпра, главнымъ-же ихъ агентомъ былъ Адамъ Кисель. Подозрѣнія эти возникли изъ тяжкаго для шляхты козацкаго бунта и основывались на секретной перепискѣ съ Хмельницкимъ Яна-Казиміра предъ избраніемъ послѣдняго въ короли, на сильной поддержкѣ, оказанной гетманомъ кандидатурѣ королевича и на непонятномъ для всѣхъ отступленіи Хмельницкаго отъ Замостья, «изъ послушанія, какъ онъ объявлялъ, королю». Эти обстоятельства, въ связи съ личными качествами избраннаго въ короли бывшаго іезуита и кардинала, отъ котораго Хмельницкій, какъ защитникъ православной вѣры, не могъ ждать ничего добраго, привели и біографа Богдана къ тому предположенію, что «*между нимъ и Яномъ-Казиміромъ*, до избранія послѣдняго въ короли, *существовало*, посредственно или непосредственно, *что-то тайное*, намъ теперь неизвѣстное»[1]). Что касается Киселя, то разъ подобное подозрѣніе зародилось, онъ пристегивался самъ собою, какъ главный посредникъ въ переговорахъ между королемъ и Хмельницкимъ, близкій послѣднему по вѣрѣ и національности.

Но если-бы и дѣйствительно Янъ-Казиміръ имѣлъ одинаковыя съ Владиславомъ IV намѣренія ограничить шляхетское самоволіе, то все, что мы знаемъ объ Адамѣ Киселѣ, показываетъ въ немъ болѣе сторонника шляхетскихъ вольностей, чѣмъ власти королевской, особенно опирающейся на козаковъ, людей, по взгляду Киселя, хотя и рыцарскаго ремесла, но все таки по происхожденію плебеевъ. Различая ихъ отъ крѣпостныхъ хлоповъ, сходясь съ ними въ пунктѣ защиты правъ и свободы греко-русскаго исповѣданія, Кисель въ своемъ заступничествѣ за козаковъ противъ ихъ принципіальныхъ враговъ, въ родѣ Вишневецкаго, всегда опирается только на соображенія общегосударственнаго характера. Не козаки сами по себѣ, по его мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, а только та польза, какую можетъ извлекать изъ нихъ Рѣчь Посполитая, и

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51—52.

тотъ вредъ, который, какъ онъ основательно видѣлъ, произошелъ-бы для государства отъ ихъ уничтоженія, а еще болѣе былъ причиняемъ Рѣчи Посполитой ихъ враждебностью. «Если мы и поразимъ козаковъ, говорилъ онъ, побѣда неизбѣжно будетъ самою жестокою. Но если одна сторона падетъ окончательно, должна утомиться при томъ и другая: а невѣрные будутъ со стороны подстерегать насъ недремлющимъ окомъ. Очистимъ только дороги поганцамъ, сами уничтоживши свою силу». А Хмельницкому писалъ онъ тогда-же, что «нечего ждать и русской вѣрѣ, коль скоро насъ Руси (т. е. православнаго русскаго *шляхетства*) не станетъ [1]». При такихъ взглядахъ на шляхту и козачество, на ихъ взаимныя отношенія и на объемъ вольностей той и другаго, немыслимо было Киселю принимать участіе въ предпріятіяхъ короля, которыя имѣли-бы автократическую подкладку. И дѣйствительно Владиславъ не посвящалъ его вполнѣ въ свои планы. Будучи посломъ на Москвѣ и заключая извѣстный намъ договоръ, Кисель самъ видѣлъ въ немъ только актъ внѣшней политики, безъ всякаго соотношенія его къ политикѣ внутренней. Переговорамъ королевскимъ съ козаками въ 1646 и 1647 годахъ онъ былъ положительно непричастенъ, вопреки общей молвѣ слѣдующаго затѣмъ времени, нашедшей себѣ отраженіе въ приведенныхъ пасквиляхъ; бѣгство и возстаніе Хмельницкаго, имѣвшее прямую причинную связь съ этими переговорами, были для Адама Григорьевича неожиданностью, и онъ, какъ мы видѣли изъ переписки его съ московскими воеводами и боярами, не придавалъ имъ въ началѣ никакого серьезнаго значенія. Этого никакъ не могло быть, если-бы онъ посвященъ былъ во всѣ подробности сношеній съ козаками Владислава IV. Что-же касается Яна-Казиміра, то онъ еще менѣе могъ довѣрять Киселю всѣ свои секреты. Въ этомъ отношеніи весьма важно для насъ одно указаніе, само по себѣ мелочное: во время споровъ о скорѣйшемъ избраніи короля, Кисель сначала настойчиво защищалъ кандидатуру *котораго-либо* изъ двухъ братьевъ Владислава, т. е. или Яна-Казиміра, или-же Кароля, доказывая, вопреки сильнѣйшей оппозиціи многихъ членовъ сейма, что одинъ изъ нихъ долженъ отказаться отъ кан-

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 608.

дидатуры, по *ихъ* взаимному соглашенію [1]). Видя однако, что добиться единогласія сеймующихъ по этому предмету очень трудно, онъ далъ понять, въ засѣданіи *7 ноября* 1648 г., что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ *отвергнуть обоихъ королевичей*, а избрать третьяго кандидата, но все таки торопиться съ этимъ [2]). Очевидно, Адамъ Григорьевичъ ставилъ здѣсь интересъ государства далеко выше личныхъ интересовъ Яна-Казиміра. Но послѣдній уже вошелъ тогда въ сношенія съ Хмельницкимъ: письмо гетмана, въ которомъ онъ высказывается за Казиміра, писанное къ жителямъ Замостья, послано оттуда Вишневецкимъ въ Варшаву *6 ноября*. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ тайныхъ переговорахъ королевича съ козацкимъ гетманомъ Кисель въ это время не принималъ никакого участія, и не встрѣчается ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы образъ его дѣйствій измѣнялся впослѣдствіи. Всѣ сношенія Киселя съ Хмельницкимъ или происходили открыто, при свидѣтеляхъ, или о нихъ былъ имъ представляемъ отчетъ королю и сенату, съ приложеніемъ переписки. Единственное исключеніе составляетъ интимная бесѣда между ними 25 (15) февраля 1649 г. въ Переяславѣ, когда они пробыли довольно долго наединѣ, запершись. Тогда шла рѣчь объ освобожденіи плѣнниковъ, но въ очевидцѣ всего поведенія Адама Григорьевича въ эту пору, коммисарѣ Мясковскомъ, тайная бесѣда не возбуждала ни малѣйшаго подозрѣнія. «Запирался съ Хмельницкимъ воевода на полтора часа, пытаясь смягчить закаменѣлое его сердце. Но ничто не помогло»! Самая неудача говоритъ здѣсь въ пользу Киселя, ибо для каждаго ясно, что гетманъ оказался-бы сговорчивѣе по второстепенному, относительно неважному пункту о плѣнныхъ, если-бы воевода имѣлъ возможность сдѣлать ему какія либо серьезныя тайныя уступки со стороны короля. Подъ какимъ-бы давленіемъ со стороны старшинъ ни находился тогда Хмельницкій, всѣ они предпочли-бы уступки въ пользу всего козачества ничтожной гарантіи, представляемой имъ удержаніемъ четырехъ-сотъ плѣнныхъ, большая часть которыхъ состояла изъ взятыхъ въ Кодакѣ простыхъ драгуновъ.

---

[1]) Также, стр. 245, 258, 260.

[2]) Также, стр. 302.

Въ глазахъ поляковъ обвиненія противъ Киселя находили опору въ трехъ обстоятельствахъ: его исповѣданіи, незнатности происхожденія и наконецъ лично-пріязненныхъ отношеніяхъ съ Хмельницкимъ. Это явно и открыто выразилось въ сеймовыхъ рѣчахъ послѣдующаго времени, въ концѣ 1650 г. Когда было прочтено письмо кіевскаго воеводы, въ которомъ онъ доказывалъ неизбѣжность уничтоженія церковной уніи, то раздались голоса: «какъ козелъ не будетъ бараномъ, такъ *схизматикъ* не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами...» — «Для схизматиковъ, возмущались паны, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый, а пусть вѣритъ, какъ предписываетъ пьяная сумасшедшая голова Хмельницкаго»?! — «Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, бранили Киселя, *холопъ, недавно отпущенный на волю*, хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій, вѣру святую»[1]).

Личныя отношенія Киселя и Хмельницкаго во все время ихъ переговоровъ, въ началѣ 1649 г. и впослѣдствіи, носили несомнѣнно дружественный характеръ, что видно даже изъ самого тона ихъ переписки, хотя она имѣла значеніе оффиціальное, т. е. велась между главнымъ комиссаромъ Рѣчи Посполитой и гетманомъ войска запорожскаго, точнѣе говоря, владыкою южной Руси, и предназначалась по этому для свѣдѣнія не только адрессатовъ, но и многихъ другихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. Кисель основательно придавалъ поддержанію пріязни и довѣрія значеніе политическое, въ своихъ письмахъ къ королю и разнымъ панамъ неоднократно доказывалъ ихъ необходимость для успѣшности переговоровъ съ козаками, или-же жаловался, что враждебныя столкновенія отдѣльныхъ самовольныхъ лицъ изъ поляковъ съ козаками, колеблютъ довѣріе къ нему въ козацкой средѣ и тѣмъ наносятъ вредъ дѣламъ государственнымъ. Съ своей стороны Хмельницкій хорошо понималъ, что во всемъ составѣ сената и вообще среди вліятельныхъ польскихъ пановъ одинъ только Кисель, хотя и по нуждѣ, но все-же искренно желалъ мирнаго окончанія распри съ козаче-

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 272 (по Коховскому, Climacter I, стр. 211). Современная передѣлка Коховскаго, изд. Рачинскимъ.

ствомъ. Правда, Хмельницкому не разъ приходилось упрекать Киселя и въ вѣроломствѣ, но это дѣлалось вообще по адресу противной стороны въ случаяхъ неожиданнаго нападенія на козаковъ во время веденныхъ Киселемъ мирныхъ переговоровъ. Такіе упреки имѣли одно дипломатическое значеніе: Хмельницкому нужно было выставлять свою правоту, а козаковъ жертвами вѣроломства, не только въ глазахъ короля и болѣе солидныхъ по уму и характеру пановъ, но также и въ глазахъ сосѣднихъ монарховъ, помощи которыхъ они заискивали. Пріемъ дипломатіи, не составляющій особенности той эпохи; онъ употреблялся и раньше, практикуется не въ меньшей мѣрѣ и на нашихъ глазахъ... Обѣ стороны одинаково хорошо знали ему цѣну въ отношеніи самихъ себя: Кисель не обижался взводимыми на него обвиненіями, признавая ихъ формальную основательность, а Хмельницкій, вслѣдъ за самыми горькими жалобами на мнимое вѣроломство Киселя, снова вступалъ съ нимъ въ хорошія отношенія. Даже и въ Переяславѣ, среди самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ комиссаровъ, какъ представителей Польши, гетманъ добродушно обращался къ женѣ Киселя, предлагая ей, полусерьезно, полушутя, чтобы она «отреклась отъ ляховъ и осталась съ козаками, потому, какъ говорилъ онъ, что ляшская земля погибнетъ, а Русь скоро станетъ господствовать, въ этомъ еще году» [1]).

Пріязненное отношеніе гетмана лично къ Адаму Григорьевичу, а вѣроятно и взаимно, находило себѣ прочное основаніе въ полной солидарности ихъ взглядовъ и желаній по одному изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ польско-козацкой распри, именно въ одинаковомъ признаніи необходимости обезпечить свободу и права православной церкви и совершенно уничтожить унію. Кисель, давно стремившійся къ этой цѣли, хотя въ менѣе широкихъ, быть можетъ, предѣлахъ, долженъ былъ *по убѣжденію* даже защищать козаковъ, какъ единственную силу, которая могла дать опору стремленіямъ православной шляхты въ церковномъ вопросѣ. Хмельницкій тоже понималъ, что въ этомъ вопросѣ Кисель для него не комиссаръ правительства, даже не медіаторъ, а прямой и вполнѣ надежный союзникъ. Онъ не могъ не цѣнить по достоинству и не воздавать

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 374

справедливой дани уваженія гражданскому мужеству, съ какимъ боролся Кисель за свои и его религіозныя убѣжденія, за свободу ихъ выраженія и права исповѣданія, навлекая на себя, какъ мы видѣли, даже обвиненія въ измѣнѣ. Эта сторона дѣятельности Адама Григорьевича была оцѣнена и государственными людьми Москвы, которые въ свою очередь указывали на нее гетману [1]).

Такимъ образомъ, если не дружественныя, то по крайней мѣрѣ не враждебныя лично отношенія между кіевскимъ воеводою и козацкимъ вождемъ объясняются вполнѣ естественно и достаточно тѣми обстоятельствами, которыхъ не скрывалъ ни отъ кого ни тотъ, ни другой, ибо ихъ и скрывать не было вовсе надобности. Нигдѣ ни малѣйшаго указанія, даже намека, не встрѣчаемъ мы на существованіе между ними какихъ-либо тайнъ, которыя могли-бы быть поставлены въ вину Киселю, какъ сенатору Рѣчи Посполитой и ея уполномоченному для переговоровъ съ козаками. Самый мелочной анализъ разнородныхъ современныхъ документовъ не даетъ матеріала даже для самой тѣни подозрѣнія Киселя въ измѣнѣ своему государству, своему правительству. Ожесточенныя нападки и обвиненія противъ него на эту тему окончательно должно признать клеветою, происхожденіе и распространенность которой объясняются очень легко, при томъ напряженномъ до высшей степени состояніи, въ какомъ находилась тогда вся Польша, при самой ожесточенной борьбѣ партій, происходившей одновременно на почвѣ церковной, національной и сословной. На Киселя должны были сыпаться обвиненія отовсюду, больше чѣмъ на кого-бы то ни было другаго, по тому только одному, что онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежалъ

[1]) Послѣ того какъ комиссары, вернувшись изъ Переяслава на Волынь, представили коралю отчетъ о своей миссіи, король посылалъ Хмельницкому письмо отъ себя въ примирительномъ духѣ, которое повезъ Смяровскій. Послѣдній былъ задержанъ козаками, ограбленъ и избитъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ убитъ, по подозрѣнію въ шпіонствѣ со стороны Киселя, но слуга его Ольшевскій, пробравшійся на Волынь къ Киселю, показывалъ впослѣдствіи, что хотя Хмельницкій сердитъ на Киселя за письмо, посланное имъ въ Москву во вредъ козакамъ, которое самими москвитянами передано гетману, но что онъ-же предостерегалъ его и совѣтовалъ ему оставаться въ Гущѣ, если не хочетъ погибнуть съ прочими панами,— ибо за него предстательствомъ царь московскій.—Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 90; Michałowskiego Księga, №№ 114 и 115; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 358, 389, 393, 403, 407, 413—429.

цѣликомъ ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ великихъ лагерей, на какіе главнымъ образомъ распадалось все населеніе Польши и южной Руси въ эту революціонную эпоху. Его народность этнографическая не совпадала съ національностью государственною, членъ сословія привиллегированнаго—религію имѣлъ онъ общую съ плебеями. Образъ дѣйствій и мыслей его не удовлетворялъ сполна требованіямъ ни одной изъ сторонъ, обѣ надѣялись перетянуть его къ себѣ совсѣмъ, но обѣ-же, обманутыя въ своемъ ожиданіи, взводили на него всяческія обвиненія, которыми до такой степени проникнуто большинство писаній того времени, что они находятъ себѣ невольное отраженіе даже въ трудахъ современныхъ намъ историковъ...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

АВТОБІОГРАФІЯ
Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ „НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ".

Въ свое время издатель «Народнаго Чтенія» обратился къ Т. Гр. Шевченку съ просьбою написать свою біографію для журнала, имъ издаваемаго. Не будучи въ состояніи написать ее такъ, какъ хотѣлось-бы, онъ обратился за помощью ко мнѣ и отдалъ мнѣ свою рукопись. Я написалъ отъ его имени то, что напечатано, по его ободреніи, въ «Народномъ Чтеніи», а недоконченная автобіографія поэта лежала въ моихъ бумагахъ, забытая мною, до 1885 года. Снявъ съ нея точную копію, я подаю ее къ печати въ томъ предположеніи, что найдется много цѣнителей таланта нашего поэта, которые поинтересуются знать, въ какомъ первоначально видѣ была его автобіографія, извѣстная всѣмъ по редакціи «Народнаго Чтенія» и многимъ ея перепечаткамъ.

Въ этой копіи соблюдено правописаніе подлинника. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что Шевченко прописныя буквы вообще писалъ почти въ ту-же мѣру, что и строчныя, а иногда увеличивалъ строчную букву. Отъ этого выходитъ, что онъ какъ будто не обращалъ вниманія, гдѣ слѣдуетъ употреблять тѣ и другія, хотя съ нимъ это случалось.

Подлинный автографъ Тараса Григорьевича подаренъ мною ревностному собирателю родныхъ памятниковъ П. И. Зуйченку.

П. Кулишъ.

Тарасъ Шевченко сынъ кренostного крестьянина Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25. Въ селѣ Кириловкѣ звенигородского уѣзда кіовской губерніи. Въ имѣніи помѣщика [1]) Василія Васильевича Энгельгардта. На осьмомъ году лишившись отца и матери, приютился онъ у дьячка въ школѣ въ видѣ школяра пони-

---

[1]) Было написано «Павла», но зачеркнуто.

хача. По многотяжкомъ двухлѣтнѣмъ испитаніи, прошелъ онъ Граматку, Часловецъ, и наконецъ Псалтирь. Дьячокъ убѣдившись въ досужествѣ своего Школяра *Попихача*, посилалъ [1]) его во мѣсто себя читать псалтирь По усопшихъ крепостныхъ душахъ, за что и платилъ ему десятую копѣйку [2]) яко поощреніе. Но не смотря на столь лестное къ себѣ вниманіе суроваго Спартанца учителя, въ одинъ изъ многихъ дней и ночей [3]) когда спартанецъ учитель съ своимъ другомъ Іоною *лимаремъ* были мертвецки Пьяни, Школяръ *попихачъ* беззазрѣнія совѣсти обнаживъ задняя своего наставника и благодѣтеля всипалъ ему великую дозу березовои каши. Пометившись до отвалу, и похитивши какую то Книжечку *съ кунштиками* въ туже ночъ бѣжалъ въ мѣстечко лысянку, гдѣ и нашелъ себѣ учителя живописи [4]) отца діякона тоже спартанца. Терпѣливо бродяга школяръ носилъ изъ Тикича три дня ведромъ воду и ростиралъ мидянку на желѣзномъ листѣ и на четвертый день бѣжалъ. бѣжалъ онъ въ село Тарасовку къ дьячку маляру славившемуся [5]) въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана воина, у послѣдняго для большаго эфекта рисовалъ онъ на лѣвомъ рукавѣ двѣ солдацкіе нашивки. Къ сему то апелесу обратился Школяръ бродяга съ твердымъ намѣреніемъ перенести всѣ испитанія только бы хоть малость научиться его великому искуству. Но увы! апелесъ посмотрѣлъ внимательно на лѣвую ладонь бродяги, отказалъ ему наотрѣзъ. не находя въ немъ таланта нетолько къ малярству или къ Шевству ниже къ бондарству.

Потерявъ всякую надежду сдѣлатся когда небудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ серцемъ бродяга возвратился въ с(в)ое родное село съ намѣреніемъ нанятся въ погонычи, или пасти громадскую *ватагу* и ходя за стадомъ овецъ и свиней читать краденую книжечку *съ кунштиками.*

---

[1]) Зачеркнуто «онъ».

[2]) Зачеркнуто «въ».

[3]) Зачеркнуто «какъ и».

[4]) Зачеркнуто «отц».

[5]) Зачеркнуто «озобра».

И это незбилось. Помѣщику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наслѣдовавшему достояніе побочнаго отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборваны(й) школяръ бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку въ такіе-же шаровары и наконецъ въ комнатные козачки. Въ должности козачка онъ втихомолку Срисовивалъ украденнымъ у ко(н)торщика карандашомъ, картины суздальской школы украшавшіе Панскіе покои. Странствуя съ обозомъ за своимъ [1]) *дидичемъ* въ Кіевъ, Вильно, и въ Петербургъ, На=постоялыхъ дворахъ кралъ онъ изображенія разныхъ историческихъ героевъ, какъ-то. Соловья разбойника. Кульнева, Кутузова, козака Платова, и протчихъ, съ намѣреніемъ скопировать ихъ на досугѣ точъ въ точъ.

Случай и досугъ представился въ Вильнѣ. Это было въ 1829. году Декабря 6. Панъ и пани уѣхали въ *рисурсы* на балъ [2]) дворянского собранія по случаю тезоименитства N. П. въ домѣ все успокоилось, уснуло. Тогда онъ развернулъ свои [3]) краденные сокровища, и выбравъ изъ нихъ козака Платова Принялся благоговѣйно-Тщательно копировать. уже дошелъ до маленькихъ козачковъ гарцующихъ около [4]) дюжихъ копитъ коня козака Платова, какъ растворилась дверь; Панъ и пани возвратились съ балу. Панъ съ остервіненіемъ выдралъ его зауши надавалъ пощочинъ, за то дискать что онъ могъ нетолько домъ, городъ сжечъ. На другой день панъ велѣлъ Кучеру Сидоркѣ випороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

Въ 1832. году въ С.-Петербургѣ, понеотступной его прозьбѣ помѣщикъ законтрактовалъ его на четырѣ года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому [5]) мастеру, нѣкоему Ширяеву. Ширяевъ былъ ретивіе всякого дьячка-Спартанца. Но несмотря ни накакіе стисненія онъ въ свѣтлые лѣтніе ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать съ безобразныхъ неуклюжихъ статуй. (Достойное украшеніе Петроваго сада.) [6]) Въ одинъ

[1]) Слово «свои» надписано карандашомъ.

[2]) Далѣе, до буквъ N. П. включительно приписка сбоку карандашомъ.

[3]) Зачоркнуто «пои».

[4]) Слово «цеховому» надписано сверху.

[5]) Слово «около» надписано сверху вмѣсто зачеркнутаго у.

[6]) Въ этомъ саду и въ то-же время началъ онъ дѣлать этюды въ стихотворномъ искусствѣ, изъ многочисленныхъ попытокъ, онъ впослѣдствіи напеча(талъ) только одну балладу *Причина.*—Прим. Шевченка.

изъ этихъ сеансовъ познакомился онъ съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ. Съ которымъ и до сихъ поръ въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка онъ началъ пробовать портреты съ натуры акварелью. Для многочисленныхъ пробъ терпѣливо служилъ ему моделью его землякъ и другъ иванъ Козакъ Нечепоренко Дворовый человѣкъ Тогоже Энгельгардта. Однажды Тотъ же Энгельгардтъ увидѣлъ у Нечепоренка работу своего Крепосного артиста которая ему вѣрно очень понравилась потому что онъ началъ употреблять его для снятія пор(тре)товъ съ своихъ любимыхъ любовницъ, за которые иногда и награждалъ рублемъ серебра неболіе.

Въ 1837 году И. М. Сошенко представилъ его конференцъ секретарю а. художествъ В. И. Григоровичу, съ целію освободить его отъ горестного состоянія. В. И. Григоровичъ просилъ о немъ В. А. Жуковского, а В. А. Ж. преварительно узнавши [1]) отъ [2]) помѣщика, просилъ К. П. Брюлова написать В. А. Жуковского портретъ для императорской фамиліи съ целью разиграніа его въ лотарею въ царскомъ семействѣ. Великій Брюловъ охотно согласился. Портретъ написанъ. В. А. Жуковскій съ помощію Графа М. Ю. Вельгорскаго устроили лотарею въ 2,500 рублей асигнаціями и этою ценою была куплена свобода Т. Ш. Въ 1838 году апреля 22.

Съ тогоже дня началъ онъ посѣщать класы а. художествъ и вскорѣ здѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ—Товарищей великого [3]) Карла Брюлова.

Въ 1844 году удостоился онъ званія свободнаго художника. А въ 1847 году былъ арестованъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, Кулишемъ и многими другими по доносу студента К. У—та нѣкоего Петрова [4]). безъ суда и слѣдствія разослали ихъ въ разные крѣпости [5]). и 30 маія того же года [6]) изъ Казената Третьяго отдѣленія Т. Г. Шевченко [7])

---

[1]) Зачеркнуто повторенное слово «узнавши».

[2]) Слово «самаго» приписано карандашомъ.

[3]) Зачеркнуто «Б» передѣланное на «Ка».

[4]) Зачеркнуты слова «Въ томъ-же году».

[5]) Отъ слова «безъ суда» до слова «крѣпости» приписано сбоку, подъ крестикомъ.—Тутъ поэтъ неправъ: и судъ и слѣдствіе были.

[6]) Слова «того-же года» надписаны сверху.

[7]) Слова «Т. Г Шевченко» надписаны сверху.

былъ сосланъ въ [1]) орскую крѣпость и потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе съ строжайшимъ запрещеніемъ писать и рисовать.

Въ 1858 году 22 августа Походатайству Графини Анастасіи Толстой Освободили его изъ Новопетровского укрѣпленія. И по ея же ходатайству всемилостивійше повелѣно быть ему подъ надзоромъ полиціи въ столицѣ и заниматся своимъ художествомъ.

Въ 1858 году лѣтомъ послѣ долгой и тяжкой разлуки увидѣлъ свою прекрасную родину Крепостныхъ братьевъ и сестру, и, благополучно осенью [2]) возвратился въ а. художествъ гдѣ благодаря правящихъ академіею, съ любовью истинного художника занимается гравюрою аква Тинта и аква Форта.

Послѣ долгихъ двухлѣтнихъ проволокъ главный цензурный комитетъ разрѣшилъ ему напечатать только тѣ [3]) изъ своихъ сочиненій которые были напечатаны до 1847 года вичеркнувши изъ нихъ десятки страницъ (прогресъ)

1860 года въ первой половинѣ генваря..

---

[1]) Зачеркнуты слова «киргизскіе степи».

[2]) Слово «осенью» написано сверху.

[3]) Слово «тѣ» надписано сверху.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 ГОДА.

Въ 1861 году по обстоятельствамъ я вышелъ изъ университета и поселился въ глухой деревушкѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи; но моя связь съ Кіевомъ, знакомство и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ дружба съ университетскою молодежью Кіева не прерывались. Изрѣдка я навѣдывался въ Кіевъ, видѣлся тамъ съ друзьями и знакомыми, по разсказамъ болѣе или менѣе точнымъ, а то и просто по разнымъ слухамъ зналъ кіевскія дѣла; зналъ, что и какъ волновало умы молодежи и смекалъ, куда и кто изъ моихъ знакомыхъ тянется своими симпатіями. Зналъ я, напримѣръ, что польская университетская молодежь почти вся потянулась къ польскому дѣлу, что подъ вліяніемъ студентовъ изъ Царства Польскаго (koroniarzy) прежняя гминная студенческая организація разстроилась и замѣнилась новою чисто уже польскаго политическаго характера. Вмѣсто прежней группировки студентовъ по гимназіямъ, что имѣло смыслъ товарищества по ученію помимо національности, явилась группировка по провинціямъ, при чемъ примѣнилось дѣленіе старой Польши. Образовались такимъ образомъ три группы студентовъ подъ названіями: *Корона, Литва и Русь*, и этимъ уже точно опредѣлялось политическое ихъ направленіе. Въ это именно время въ польской студенческой группѣ, носившей названіе *хлопомановъ*, произошелъ расколъ и тѣ изъ нихъ, коимъ движеніе въ пользу Польши казалось нелѣпымъ, отстранились отъ своихъ товарищей, высказавъ имъ откровенно свое политическое

credo и преданность дѣлу народа на Украйнѣ, а не польскимъ мечтаніямъ. Но такихъ вдумывавшихся въ происходившее броженіе и понявшихъ суть дѣла было не много, большинство-же не съумѣло оторваться отъ традиціонной идеи борьбы за *ойчизну*, не могло отрѣшиться отъ всего всосаннаго въ себя съ молокомъ матери, а это всосанное было: смутныя мечты о возстановленіи Польши, удалая борьба, жажда приключеній со всею ихъ заманчивостію для молодыхъ, полныхъ силъ и жизни, людей.

Варшавскія событія, имѣя кромѣ письменныхъ и печатныхъ коментаріевъ, живыхъ истолкователей въ лицѣ кіевскихъ студентовъ изъ Царства Польскаго, рефлексивно отозвались и на польскомъ обществѣ юго-западнаго края и скорѣе всего, разумѣется, на самой воспріимчивой, найболѣе впечатлительной части его — университетской молодежи. Въ концѣ 1862 г. уже все польское у насъ было охвачено патріотическимъ энтузіазмомъ и всецѣло отдалось дѣлу пропаганды и ажіотажа. Недоумѣвая о томъ, какимъ образомъ, какими именно путями возстаніе явится у насъ на Украйнѣ, мы всѣ вообще жители того края, начиная отъ властей и оканчивая простымъ народомъ, чуяли приближеніе чего-то необычайнаго, пожалуй не опаснаго, но тѣмъ не менѣе весьма тревожнаго.

Рѣшаясь изложить мои воспоминанія объ этомъ, пережитомъ и мною, тревожномъ времени, я не коснусь предшествовавшихъ возстанію проявленій постепенно возбуждавшагося польскаго задора, начиная отъ пѣнія гимновъ и траура и оканчивая разнаго рода продѣлками по освобожденію арестованныхъ гимназистовъ, по пріобрѣтенію оружія, по распространенію прокламацій и т. п.,—все это было уже описано и разсказано гораздо подробнѣе и лучше, чѣмъ могъ-бы я это сдѣлать,—а перейду прямо въ 1863 годъ; но и здѣсь не жди отъ меня, читатель, полнаго изложенія хода возстанія въ кіевской губерніи и его подробностей, я передамъ только то, что мнѣ извѣстно о немъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, либо по разсказамъ другихъ, передамъ въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ приходилось наблюдать или слышать.

Въ январѣ 1863 года мнѣ случилось пріѣхать въ Кіевъ. Польской университетской молодежи было еще много тамъ, но они уже менѣе всего походили на студентовъ. Длинные ботфорты, чамарки и кожаные пояса, кинжалы и револьверы подъ полами вер-

хняго платья придавали имъ воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный видъ. «Короняржей» въ Кіевѣ уже не было, они или уѣхали въ Царство Польское, или, какъ мнѣ разсказывали, разсѣялись по шляхетскимъ домамъ юго-западнаго края. Бывшаго до того времени антагонизма между университетскою молодежью и ихъ старшимъ поколѣніемъ—помѣщиками и вообще панами теперь уже не существовало. Молодежь то и дѣло каталась изъ Кіева въ уѣзды или водилась съ пріѣзжавшими въ Кіевъ помѣщиками; между пылкимъ молодымъ и старымъ консервативнымъ поколѣніями установились единство и полное согласіе въ одушевлявшихъ ихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Повсюду чувствовались симптомы скораго наступленія чего-то рѣшительнаго, всѣми ожидаемаго, но мало кѣмъ уясняемаго отчетливо. Общее увлеченіе польской молодежи мечтами о возстаніи, ея подготовка къ нему такъ были для всѣхъ видимы и такъ мало скрываемы, что становилось непонятнымъ отношеніе тогдашней администраціи края ко всему происходившему на ея глазахъ.

Впрочемъ военно-полицейскій надзоръ въ Кіевѣ былъ усиленъ тогда, какъ нельзя болѣе. Послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя было уже пройти и одного квартала, чтобы не натолкнуться на какой либо обходъ, или разъѣздъ, и все это опрашивало прохожаго, а то и провожало до воротъ или подъѣзда дома, куда направлялся онъ. Разъѣзды казаковъ и драгунъ сновали повсемѣстно, отряды полицейскихъ съ пѣхотными солдатами тоже. Полиція знала всю подноготную готовившагося возстанія, какъ знаетъ зоркій игрокъ карты своего партнера, имѣющаго простодушную манеру держать ихъ совершенно открытыми. Но что говорить о полиціи?.. всякій, не закрывавшій глазъ на происходившее въ городѣ, могъ указать если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ, которые задумали уже идти въ повстанье,—такъ это все было откровенно и демонстративно.

Между прочими знакомыми встрѣтился я въ Кіевѣ и съ тѣми изъ моихъ бывшихъ товарищей, съ которыми приходилось прежде квартировать вмѣстѣ. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторые, какъ я догадывался, были если не вожаками въ замышляемомъ возстаніи, то по крайней мѣрѣ стояли близко у корня дѣла. Въ бытность мою студентомъ, въ кругу моихъ товарищей поляковъ я считался не

только хлопоманомъ, но и хохломаномъ, и какъ я былъ исповѣданія православнаго, то потому мое отстраненіе отъ дѣла польскаго не было почитаемо отступничествомъ, въ какомъ укоряли поляки другихъ, отвернувшихся отъ польской справы. Съ послѣдними студенты поляки разошлись до враждебности, со мною напротивъ сохраняли товарищескія отношенія, нисколько не скрывая отъ меня того, о чемъ они постоянно толковали между собою.

Понятно, что при первыхъ-же нашихъ встрѣчахъ заходила рѣчь о предстоявшей рухавкѣ. Я не переставалъ доказывать безполезность и опасность предполагаемой затѣи. Со мной спорили, меня старались переубѣдить, говорили съ жаромъ, съ увлеченіемъ, и, признаюсь, не разъ въ юной душѣ моей чувствовался какой-то неясный откликъ молодой энергіи и энтузіазму, стоющимъ болѣе толковаго дѣла; но переубѣдить меня все-таки не могли. Тогда предложено было мнѣ свиданіе съ нѣсколькими лицами, въ домѣ, кажется Кардашова, гдѣ въ 1866 году помѣщалась лыбедская часть: «тамъ, говорили мнѣ, разъяснятъ тебѣ весь планъ нашихъ дѣйствій, и тогда ты уже навѣрно согласишься съ нами въ возможности удачи дѣла».

Въ назначенное время за мною зашелъ бывшій ко мнѣ ближе другихъ Вицекъ (Викентій Василевскій) и мы съ нимъ отправились въ эту конспиративную квартиру. Комнаты этого довольно большаго дома были пусты и безъ мебели, такъ что не на чемъ было и присѣсть. Мы уже застали тамъ Готфрида Пршедпелскаго и Антона Юрьевича и сейчасъ-же началась рѣчь о дѣлѣ возстанія. Говорилъ Антонъ Юрьевичъ, спокойный, серьёзный, умный; съ первыхъ словъ его для меня ясно было, что ему извѣстно все то, что мною говорилось при разныхъ встрѣчахъ въ Кіевѣ съ поляками товарищами противъ возстанія. Онъ соглашался съ большею частію моихъ доводовъ, а сущность ихъ была проста и ясна: Украйна край русскій, народъ не довѣряетъ полякамъ и при первой вспышкѣ пойдетъ противъ нихъ; при малочисленности собравшихся въ рухавку и думать нельзя было о какомъ либо столкновеніи съ войсками, даже и безъ участія народа. «Все это вѣрно, говорилъ мнѣ Юрьевичъ, все это мы сами сознаемъ; но у насъ дѣло зашло уже слишкомъ далеко, эрекція (sic) у насъ столь сильна, что теперь удержать насъ отъ движенія уже нельзя, а остается только по возможности лучше направлять дѣло». «Очень можетъ быть, продолжалъ онъ, что мы

пропадемъ, что все окончится полнѣйшимъ фіаско; но чтобы мы ни сдѣлали, все это останется яркою чертою въ нашей исторіи и традиціи и поддержитъ духъ борьбы для будущихъ поколѣній»...

Я слушалъ молча; ничего новаго во всемъ сказанномъ для меня не было; я видѣлъ одно,—что эрекція духа слишкомъ сильна въ этихъ юныхъ энтузіастахъ, чтобы чѣмъ нибудь можно было ихъ удержать отъ неминуемой гибели.

Меня обѣщали посвятить во всѣ тайны предположенныхъ дѣйствій, разсказать все до подробностей, на честное слово, что я не открою никому ничего изъ того, что услышу здѣсь. Я отвѣчалъ, что не принадлежу ни къ какой партіи людей и не имѣю ни надобности, ни охоты бѣжать съ доносомъ къ кому-бы то ни было; но не стану и таить узнанное, если по моему пониманію сочту это необходимымъ. «Вотъ чѣмъ могу отвѣтить на довѣріе, оказываемое мнѣ»! закончилъ я.

Нуженъ-ли ужъ очень былъ я имъ, или, можетъ быть, моя откровенность такъ ужъ плѣнила ихъ, но только послѣ моего отвѣта они долго упрашивали меня отказаться отъ только что высказаннаго, дать имъ слово не открывать ихъ тайны и выслушать ихъ планъ дѣйствій. Я остался при своемъ.

— Значитъ ему не слѣдуетъ ничего разсказывать, закончилъ сердито Юрьевичъ.

Я ничего не отвѣчалъ. Мнѣ было скорбно на душѣ, я искренно жалѣлъ этихъ хорошихъ самихъ по себѣ людей и добрыхъ товарищей, какое-то щемящее сердце предчувствіе давило меня, чуялось, что эти люди кидаются въ омутъ, сознавая, что мало имѣется шансовъ не утонуть въ немъ.

Мы молча попрощались и даже поцѣловались, у меня глаза были полны слезъ. Пшедпелскій немилосердно теръ носъ, что у него означало волненіе, добрый Вицекъ сталъ мрачнымъ и только Юрьевичъ сохранилъ обычное ему спокойствіе и холодность.

Больше я ихъ не видѣлъ. Тяжелое мое предчувствіе сбылось: всѣ трое были прибиты крестьянами въ д. Соловіевкѣ въ день выхода изъ Кіева въ числѣ другихъ повстанцевъ—Пшедпелскій на повалъ топоромъ, а Юрьевичъ и Василевскій оглушенные ударами и искалѣченные. Эти двое впослѣдствіи выздоровѣли: первый бѣжалъ изъ крѣпости за границу, а второй и до сихъ поръ въ Сибири,

гдѣ послѣ освобожденія отъ каторжныхъ работъ, какъ медикъ, остался фельдшеромъ въ какомъ-то военномъ отрядѣ въ Забайкальѣ.

Скоро послѣ разсказаннаго я выѣхалъ изъ Кіева и совершенно ничего не зналъ, когда и какъ думаютъ дѣйствовать поляки, хотя, учавствуя въ общемъ настроеніи общества края, вмѣстѣ съ другими предчувствовалъ что-то недоброе со стороны ихъ. Ходъ вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ возстанія извѣстенъ былъ по газетамъ и простой народъ какъ-то тревожно прислушивался къ доходившимъ до него слухамъ и все съ большимъ недовѣріемъ поглядывалъ на пановъ. Становые пристава приказывали приходившимъ для наряда сотскимъ, а при случаѣ и волостнымъ старшинамъ *пильноватъ* пановъ и обо всемъ подозрительномъ немедленно доносить имъ. Народъ былъ предупрежденъ даже о возможности въ его средѣ пропаганды со стороны поляковъ; между крестьянами пошелъ или пущенъ кѣмъ либо слухъ, что паны бунтуютъ потому, что царь далъ волю мужикамъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы крестьяне сами, помимо нарочитаго приказа, зорко слѣдили за панами.

О распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ уѣздной полиціи я зналъ непосредственно отъ сотскихъ и старшинъ; но какъ сами крестьяне стали подозрительны относительно пановъ, это я имѣлъ случай испытать на себѣ самомъ, хотя мои близкія отношенія къ крестьянамъ не оставляли мѣста никакому подозрѣнію.

Въ свѣтлый праздникъ возвращался я на неподкованной лошади домой съ другаго конца села. Лошадь то и дѣло скользила по глинистой грязи и въ одномъ мѣстѣ шлепнулась такъ, что я слетѣлъ съ сѣдла въ ровъ, при чемъ выпустилъ и поводья. Лошадь поднявшись побѣжала, побрякивая стременами, а я уже дошелъ ко двору пѣшкомъ. Дома лошади не оказалось, а искать ее ночью не было возможности, тѣмъ болѣе, что лошадь эта была куплена мною не задолго передъ тѣмъ, къ двору не привыкла и сама воротиться домой не могла. Весь слѣдующій день я разыскивалъ ее въ окрестностяхъ, причемъ успѣлъ побывать и въ томъ селѣ, гдѣ жилъ ея прежній хозяинъ. Къ вечеру я очутился въ с. Черныхахъ; при входѣ въ село попался мнѣ на встрѣчу мѣстный сотскій, несшій большую вязанку сѣна съ экономическаго тока для лошадей прибывшаго туда становаго пристава. Разсказавъ сотскому о моей бѣдѣ, я узналъ отъ него, что лошадь моя находится въ с. Пшеничникахъ

у тамошняго старосты и что онъ сотскій, бывъ тамъ, самъ видѣлъ, какъ староста гарцовалъ на ней, проѣзжая по селу изъ конца въ конецъ.

Пришлось отправляться въ Пшенишники за лошадью; но прежде, чѣмъ идти туда, я рѣшилъ повидаться съ знакомымъ мнѣ становымъ, и вмѣсто просьбы о розыскѣ, попросить удостовѣреніе о пропажѣ у меня лошади, что вмѣстѣ съ тѣмъ служило и удостовѣреніемъ моей личности. Становой приставъ сейчасъ-же написалъ мнѣ удостовѣреніе и я немедленно отправился, куда мнѣ слѣдовало. Кстати случился какой-то попутчикъ и подвезъ меня, истомленнаго цѣлодневнымъ хожденіемъ, къ самому волостному правленію въ Пшенишникахъ. Но тамъ никого изъ властей не оказалось, а бывшій на мѣстѣ сторожъ, объявилъ, что старшина и писарь у шинкарки на *беседи*; тотъ-же сторожъ удостовѣрилъ меня, что лошадь моя дѣйствительно у иваньковскаго старосты. Иваньковъ—это часть села Пшенишниковъ, вытянувшаяся по глубокому оврагу; итти туда было далеко, и я направился къ шинкаркѣ, у которой проводили время волостный старшина и писарь. Тутъ застаю цѣлую компанію и вдобавокъ распреьяную. Волостный, взявъ у меня удостовѣреніе становаго, долго мялъ его въ рукахъ и затѣмъ спряталъ за пазуху.—«Завтра, сказалъ онъ не твердымъ языкомъ, придетъ писарь и прочтетъ бумагу!» А писарь, успѣвшій уже нализаться до потери сознанія, въ безчувственномъ состояніи лежалъ тутъ-же въ смежной комнатѣ. Мое объясненіе и просьбы ни къ чему не привели. Но вдругъ кто-то изъ присутствовавшихъ узналъ и назвалъ меня; меня тотъ часъ пригласили за столъ; красивая шинкарка принялась угощать. Собесѣдники успокоивали меня, что лошадь моя сыта, ибо сами они видѣли, какъ староста набралъ для нея нѣсколько охапокъ сѣна изъ провозимыхъ экономическихъ фуръ. Но мнѣ не бесѣдовалось, тѣмъ болѣе, что подогнать себя до степени охмѣленія всей компаніи не было повода, а при существовавшей разницѣ настроенія не имѣлось никакой охоты. Кое какъ выпутавшись изъ-за стола и отпросившись отъ угощенія, я наконецъ направился къ выходу. Старшина коспѣющимъ языкомъ напутствовалъ меня послѣ уже понятою мною фразою:

— А що про коняку... то воно звісно, коли становый пише, то мы й отдамо; а то ще треба буде роспитатьця, яка це коняка, за чимъ це вона осидлана, якъ це воно выходить, коли тее...

Я не дослушалъ конца фразы и очутился за дверью шинка въ совершенной темнотѣ.

Иду на Иваньковъ и долго странствуя по дворамъ и отбиваясь отъ злыхъ собакъ, нахожу наконецъ старосту, и опять таки въ шинкѣ и въ большой компаніи. На мое привѣтствіе: «Христосъ воскресе!» нѣсколько голосовъ отвѣтили: «Воистину воскресъ!» Бойкій разговоръ при видѣ чужаго человѣка затихъ и меня пропустили къ спрашиваемому мною старостѣ. Это былъ еще молодой осанистый человѣкъ, хотя и сильно выпившій, но еще вполнѣ сознающій себя. Я сказалъ ему о томъ, что ищу убѣжавшей и задержанной имъ моей лошади. Выслушавъ это, староста вдругъ принялъ начальническій видъ и приказавъ двумъ изъ присутствовавшихъ заступить мнѣ выходъ, двухъ другихъ посылалъ покараулить лошадь.

— А то я знаю такихъ, прибавилъ онъ: одинъ оце намъ стане зубы заговорювать, а другій тамъ поворожить. Отъ мы тутъ ёго роспитаемо по своему!

Въ корчмѣ окончательно всѣ замолкли и понадвинулись къ намъ, ожидая чего-то любопытнаго. И тѣ даже, которыхъ староста посылалъ къ лошади, подошли послушать и посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Я просто недоумѣвалъ отъ этой неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ зло разобрало меня.

Въ краткихъ, но сильныхъ словахъ я объяснилъ старостѣ всю нелѣпость его приказа.

— Я одинъ, а васъ много; не за тѣмъ я пришелъ сюда, чтобы уходить отъ васъ; я по дѣлу, по нуждѣ пришелъ. Такая бѣда со всякимъ случиться можетъ, а ты, не распросивъ, накинулся на меня. Спроси вотъ старыхъ, почтенныхъ людей, хорошо-ли ты дѣлаешь?!

— А вжежъ треба попереду роспитати,—отозвалось разомъ нѣсколько голосовъ.

Староста опѣшилъ: онъ былъ новенькій и не въ мѣру горячій. Я разсказалъ обстоятельно все дѣло и сослался на удостовѣреніе становаго, оставшееся у старшины, при чемъ разумѣется, объяснилъ, кто я и откуда. Меня слушали внимательно, но не безъ нѣкотораго, какъ я могъ примѣтить, недовѣрія. Староста не нашелся, что отвѣчать; но одинъ изъ слушавшихъ, протиснувшись ко мнѣ, пустился въ распросы, приправленные простодушною хитростью:

— Ну, якъ що ты зъ Дударивъ, такъ кого ты тамъ знаешъ?

— Всѣхъ знаю, отвѣчалъ я. Кого тебѣ нужно?

— Ну, а знаешь ты дида Максима старого, винъ тамъ у васъ коваль, чи що?!

— Знаю, только онъ не коваль, а столяръ...

— Це такъ! Ну, а скилько у нёго сынивъ?

— Два сына—одинъ Филиппъ, другой Акимъ.

— Такъ, эгежъ! А що-жъ винъ и доси вдовіе?

— Былъ-ли онъ вдовъ, не знаю; но у него есть жена и это ея сыновья.

— Ну, це вже зовсимъ вирно! А скажи мени, якъ же ты ёго знаешъ?...

— Какъ-же мнѣ и не знать его, если моя жена приходится внукой дѣду Максиму. Это-жъ его Володьки дочь...

— А що, Юхиме, допитався ридня! Теперъ купуй горилки!— отозвался кто-то изъ компаніи.

Оказалось, что мы родичи съ этимъ самимъ допросчикомъ и еще съ однимъ изъ присутствующихъ. Личность моя была вполнѣ удостовѣрена. Родичи сочли нужнымъ похристосоваться со мною и, какъ это обыкновенно бываетъ, всѣ какъ-бы раздѣляли радость открытія этой близости во мнѣ, до той поры чужомъ и даже въ чемъ-то подозрѣваемомъ человѣкѣ. Сейчасъ-же я долженъ былъ принять въ угощеніе отъ родичей рюмку водки, при чемъ по обычаю подносили и другимъ. Староста былъ въ неловкомъ положеніи и желая какъ нибудь вывернуться, заявилъ было претензію относительно вознагражденія за прокормъ лошади; но я осадилъ его окончательно, намекнувъ ему о томъ, какъ онъ, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ въ волости, набралъ помѣщичьяго сѣна съ возовъ, ѣхавшихъ въ панскій дворъ, и имъ кормилъ мою лошадь.

— Вотъ завтра, сказалъ я, схожу въ экономію, спрошу, сколько положатъ за сѣно, которымъ ты кормилъ мою лошадь, столько и заплачу, а съ тебя будетъ и того, что ты цѣлый день гарцовалъ на ней...

Слова мои вызвали смѣхъ въ публикѣ и замѣчанія на счетъ «облызня».

Новообрѣтенные родичи пригласили меня къ себѣ ночевать; началось новое угощеніе. Староста привелъ туда лошадь и просидѣлъ съ нами далеко за полночь. Тутъ-то въ разговорахъ я и узналъ,

что лошадь моя, по ея выѣздкѣ и сѣдловкѣ, была признана всѣми за такую, на какой ожидаются, по разъясненіямъ становаго, задумавшіе бунтовать паны, которыхъ всѣхъ велѣно было сейчасъ-же ловить и доставлять въ становую квартиру.

— Намъ такъ приказано, щобъ за панами приглядати, а особлыве за такими, що будуть збиратьця по килька чоловикъ та щей верхами...,—разъясняли мнѣ мои собесѣдники.

Тутъ-то я понялъ и внезапный азартъ старосты, мирно теперь попивавшаго въ нашей компаніи, и загадочный смыслъ напутственныхъ словъ волостнаго, напившагося до невозможности ворочать языкомъ, но не забывшаго о томъ, какъ ему надо «приглядать за панами», которые ѣдятъ «верхи». Дѣйствительно, не случись этого, нечаяннаго обрѣтенія родичей, мое положеніе могло-бы стать на нѣкоторое время очень жуткимъ.

Въ другой разъ въ эту-же весну мнѣ пришлось натолкнуться на двухъ прохожихъ солдатъ пьянствовавшихъ въ придорожной корчмѣ, которые объясняли бывшимъ тамъ крестьянамъ, что теперь они имѣютъ право всякаго попавшагося имъ поляка, да еще и *католика*, сейчасъ-же арестовать и, *завернувъ ему оъязы назадъ*, доставить въ становую квартиру. Компанія слушала ихъ не безъ довѣрія: на лицахъ слушателей выражалось:

— А хто ёго знае, може й такъ!

Масса подобныхъ случаевъ, происходившихъ въ разныхъ пунктахъ кіевской губерніи, показываетъ, что готовившееся возстаніе не было секретомъ и для простаго народа. Догадки объ немъ и даже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія распространялись въ народѣ и другимъ, болѣе близкимъ ему путемъ, чрезъ панскую прислугу, чрезъ рабочихъ на фольваркахъ и т. п. Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи возстанія; но никто не зналъ, гдѣ и какъ оно начнется.

Возстаніе обнаружилось наконецъ выходомъ банды изъ Кіева и разгромомъ оной въ его окрестностяхъ. Вотъ какъ дошло до меня первое о томъ глухое извѣстіе.

Въ селѣ, въ которомъ я въ то время жилъ, возникло недоразумѣніе или, лучше сказать, споръ между однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, П. Х—скимъ и служившимъ у него работникомъ, молодымъ парнемъ, крестьяниномъ того-же села К—цею. Этотъ парень, будучи посланъ паномъ Х—скимъ куда-то съ письмомъ,

въ дорогѣ потерялъ письмо, а въ немъ, какъ заявилъ панъ, было 40 р. денегъ. X—скій хотѣлъ вычесть потерянныя деньги изъ жалованья К—цы, который былъ единственною поддержкою вдовы матери и ея малолѣтнихъ дѣтей. Панъ X—скій былъ неумолимъ и дѣло перешло къ мировому посреднику. Задача была не легкая: во 1-хъ не было никакого основанія не довѣрять парню въ его заявленіи о потерѣ письма, во 2-хъ не имѣлось ровно никакихъ доказательствъ на то, что въ письмѣ были 40 рублей, въ 3-хъ панъ X—скій самъ былъ виноватъ отчасти въ этой потерѣ, ибо посылая съ деньгами 16—17 лѣтняго парня, не вложилъ письма въ какую-либо сумку и не приказалъ ему по крайней мѣрѣ покрѣпче беречь его, какъ денежное. На самый безпристрастный взглядъ казалось, что X—скій долженъ раздѣлить потерю пополамъ и половину получить съ К—цы, но не единовременнымъ удержаніемъ жалованья, а въ теченіи извѣстнаго срока.

Возникшій казусъ, по желанію пана X—скаго, предстояло разрѣшить трейтейскимъ судомъ у предводителя дворянства. Наканунѣ назначеннаго дня я съ парнемъ К—цею поѣхалъ къ мировому посреднику въ с. Краснополку, верстахъ въ 10—12 отъ м. Кагарлыка. Переночевавъ тамъ, мы съ мировымъ посредникомъ собрались ѣхать къ предводителю дворянства въ с. Ніи. Лошади были уже поданы, какъ вдругъ нѣсколько крестьянъ вводятъ во дворъ неизвѣстнаго человѣка съ осѣдланною лошадью въ поводу и заявляютъ, что этого человѣка они поймали на полѣ, что «воно щось не певне», такъ какъ у него черезчуръ ужъ исправная сбруя на лошади и «лошадь на четыре ноги кованная», да и ѣхалъ онъ «манивцемъ», т. е. по полю, а не по дорогѣ.

Доказательства «непевности», т. е. подозрительности были на лицо, но приведенный спокойно сказалъ намъ свое званіе и фамилію, пояснилъ, что онъ самъ изъ с. Василевщины, васильковскаго уѣзда, ѣздилъ въ м. Потокъ къ извѣстному лекарю Потабеньку за совѣтомъ въ его болѣзни и въ доказательство показалъ намъ завернутый въ измятую бумажку какой-то бѣлый порошокъ, похожій на соду.

— А что мнѣ пришлось ѣхать чрезъ поле, прибавилъ онъ, такъ это потому, что я сбился съ дороги, блуждалъ цѣлую ночь и уже по дню встрѣтившіеся люди указали мнѣ этотъ путь, какъ кратчайшій. Но тутъ за мной стали гоняться верховые и привели меня сюда.

Говорившій это, одѣтъ былъ въ короткую, до колѣнъ, толстаго сукна чамарку и высокіе сапоги, подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Сильный загаръ лица его доказывалъ, что онъ не мало времени провелъ подъ степнымъ вѣтромъ, ничѣмъ не закрытый отъ весенняго солнца. Будь это въ разгаръ возстанія, мы-бы не усумнились, что имѣемъ дѣло съ повстанцемъ, но о началѣ возстанія мы ничего еще не знали и ничто-же сумняся, повѣрили незнакомцу на слово, а доставившимъ его крестьянамъ посовѣтовали отпустить его съ миромъ. Только позже уже мы могли догадаться, что совѣтъ нашъ былъ поспѣшенъ и не къ лицу пойманнаго.

Въ Піяхъ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отправились, намъ пришлось ожидать. Было воскресенье (28 апрѣля) и предводитель дворянства уѣхалъ съ утра въ ржищевскій костелъ къ обѣднѣ. Когда наконецъ онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ паномъ Х—скимъ, то, при взглядѣ на нихъ, я съ разу замѣтилъ, что оба они чѣмъ-то встревожены. Одинъ изъ нихъ что-то тревожное шепнулъ и мировому посреднику. Всѣ какъ-то замялись; по порывистымъ ихъ движеніямъ можно было догадаться, что имъ не до разбора дѣла, по которому мы съѣхались; вдобавокъ панъ Х—скій объявилъ, что онъ согласенъ на все, хотя-бы и раздѣлить грѣхъ по поламъ, какъ я предлагалъ, причемъ у него вырвалась непонятная для меня фраза:

— И такъ уже все потеряно!

Я не понялъ, въ чемъ собственно дѣло, удивился этой неожиданной для меня податливости пана Х—скаго, не понималъ, чего ради выражено имъ какое-то отчаяніе изъ-за двадцати рублей; но тѣмъ не менѣе поблагодарилъ его отъ имени К—цы въ возможно приличной формѣ и даже внушилъ послѣднему выразить свою благодарность.

— Богъ зъ тобою, Богъ зъ тобою! Мы не таки зли люде, якъ вы про насъ думаете,—сказалъ какъ-то чувствительно и сенсаціонно панъ Х—скій въ отвѣтъ на благодарность К—цы.

Меня оставляли обѣдать, но я торопился домой и, почему-то чувствуя себя лишнимъ въ этой компаніи, собрался ѣхать. Пока К—ца запрягалъ лошадей, панъ Х—скій и мировой посредникъ, отведя меня въ уголъ залы къ фортепьяно, разсказали неожиданныя новости: что въ Кіевѣ молодежь открыла возстаніе, что собравшіеся тамъ вышли будто за Куренёвку, по направленію къ

Мостищамъ и тамъ имѣли столкновеніе съ войсками, причемъ была жаркая схватка, стоившая много жизней съ обѣихъ сторонъ, что дѣло рѣшено картечью, что молодежь, не смотря на храбрость, перебита почти вся—и пѣхота, и ходившая въ аттаку на пушки кавалерія, и наконецъ что все это стало извѣстно черезъ прибывшихъ въ Ржищевъ на пароходѣ пассажировъ.

Какъ послѣ оказалось, дѣло было далеко не такъ; но это были вѣсти, передаваемыя по первымъ слухамъ, притомъ людьми лично заинтересованными въ дѣлѣ.

Это извѣстіе косвенно встревожило и меня. Дѣло въ томъ, что у помѣщицы, имѣніе коей находилось въ моемъ завѣдываніи, были взрослые сыновья, которые, чего добраго, могли быть увлечены общимъ движеніемъ и попасть въ рухавку, а это значительно измѣняло мои отношенія къ этой семьѣ. Все это я передумалъ, ѣдучи домой, и потому порѣшилъ на другой-же день, т. е. въ понедѣльникъ, 29 апрѣля, отправиться для разъясненія дѣлъ въ Кіевъ. Хотя въ то время пребываніе въ Кіевѣ безъ установленнаго вида было не безопасно со стороны полиціи, но ѣхать было нужно, и я на другой день въ м. Ходоровѣ сѣлъ на попутный пароходъ. Передъ моимъ отъѣздомъ вернувшаяся отъ *череды* работница передавала намъ слухъ, что вчера «*ляхи спалили багато силь по за Кагарлыкомъ и рижуть народъ*». Это тотъ самый Кагарлыкъ, въ десяти верстахъ отъ коего я ночевалъ прошлую ночь.

По пути къ Кіеву на пароходѣ ничего я не слыхалъ и, какъ обыкновенно, въ 6 часовъ передъ вечеромъ высадился на пристани на Подолѣ, оттуда пошелъ по Александровской горѣ и черезъ Крещатикъ на Новое Строеніе, по направленію къ Кузнечной улицѣ, въ домъ Куперника, что теперь Кистяковскихъ. По мѣрѣ приближенія къ концу Крещатика и къ началу Большой Васильковской я все болѣе и болѣе, среди треска экипажей и обычнаго уличнаго гула, сталъ отличать звуки какой-то музыки впереди себя, пока наконецъ, при поворотѣ отъ Бульонскаго переулка, не наткнулся на громадныя толпы народа, загромоздившаго во всю ширь улицу, причемъ явственно услышалъ мотивъ погребальнаго марша, который игралъ военный оркестръ, и увидалъ въ передней части толпы церковныя хоругви. Одинъ изъ тянувшихся въ хвостѣ толпы извощиковъ объяснилъ мнѣ, что это хоронятъ козака, убитаго поля-

ками и «произведеннаго за то въ офицерскій чинъ» (!). Дойдя въ толпѣ до угла, я повернулъ на Шулявскую улицу и скоро попалъ въ домъ Куперника.

Знакомыхъ мнѣ супруговъ я засталъ встревоженными: воспитанникъ ихъ ушелъ въ рухавку и вчера уже видѣли, какъ его связаннаго, съ скровавленнымъ лицемъ, вели по городу въ числѣ другихъ пойманныхъ инсургентовъ; одинъ изъ ихъ сыновей по сю пору не возвратился изъ поѣздки въ Одессу и неизвѣстность того, что сталось съ нимъ, сильно тревожила семью[1]). Всѣ были поражены ужасомъ и подъ вліяніемъ его относились съ укорами ко всему молодому поколѣнію. Свѣдѣнія имѣлись самаго неопредѣленнаго и противорѣчиваго свойства: одни съ полнымъ отчаяніемъ говорили о гибели всего дѣла и всѣхъ, въ разсказахъ другихъ о геройской якобы стычкѣ съ козаками въ Романовкѣ проглядывала какая-то тѣнь надежды на возможность успѣха. «Разумѣется, что при такой храбрости можно многое сдѣлать, но, представьте, такая неудача на первомъ-же шагу!» разсуждалъ одинъ панъ, встрѣченный мною въ томъ-же семействѣ.

Тяжело мнѣ было съ этими людьми и я пошелъ ночевать къ не полякамъ, къ людямъ стоящимъ внѣ польскихъ симпатій. Тамъ хотя тоже не пришлось мнѣ услышать ничего точнаго, опредѣленнаго, но за то я былъ свободенъ отъ тяжелаго удручающаго чувства при видѣ чужаго горя.

На другой день съ утра я опять зашелъ въ туже польскую семью на Кузнечной улицѣ, но тамъ еще спали. Вышедши изъ воротъ, я увидалъ, что по Жандармской и Жилянской улицамъ, пересѣкающимъ Кузнечную, бѣжалъ народъ по направленію къ Большой Васильковской улицѣ. Я пошелъ тудаже. Оказалось, что бѣгутъ смотрѣть на плѣнныхъ поляковъ.

---

[1]) Нѣкоторыя польскія семейства, имѣя молодыхъ взрослыхъ сыновей и опасаясь ихъ увлеченія въ рухавку, благоразумно удаляли ихъ на это время изъ Кіева въ Одессу. Всѣ посторонніе полагали, что они въ возстаніи, куда-бы можетъ быть они и попали-бы, если-бы не этотъ родительскій маневръ. Я помню одного пана, который на разспросы пановъ-же о сынѣ отвѣчалъ: «il est a present dans des districts mèridionaux». Онъ не вралъ, сынъ его былъ въ Одессѣ, но вопрошающіе, понимая подъ словомъ: districts уѣздъ и зная о возстаніи въ таращанскомъ уѣздѣ, успокаивались относительно патріотизма семьи.

Было на что посмотрѣть! Это было то историческое возмездіе, которое эти горькіе люди выслужили себѣ въ исторіи этого края. Шерръ въ этой картинѣ нашелъ-бы преблагодарнѣйшую тему для эпизода-акта въ его комедіи всемірной исторіи. Но не обладая живымъ юморомъ этого сатирика-историка, я съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на эту процессію. Во всю ширину Васильковской улицы, отъ тротуара до тротуара, медленнымъ шагомъ двигались двѣ шеренги инсургентовъ со связанными въ локтяхъ руками; шеренги состояли изъ многихъ паръ соструненныхъ, локоть къ локтю, по двое повстанцевъ въ различныхъ костюмахъ, между которыми преобладали чамарки темнокоричневаго толстаго сукна и большіе сапоги. За каждою такою парою шелъ, держа въ рукѣ связующую пару веревку, крестьянинъ-украинецъ съ огромной дубинкой, очевидно только что сдѣланной, не успѣвшей обвѣтриться. Вслѣдъ за этими двумя шеренгами тянулось десятка полтора подводъ, на которыхъ помѣщались по 3 и 4 человѣка инсургентовъ, тоже связанныхъ по рукамъ и также съ двумя при каждомъ возу сторожами-крестьянами, вооруженными дубинками. Вся эта процессія была оцѣплена пѣхотными солдатами съ верховыми двумя офицерами. Толпившаяся на обоихъ тротуарахъ городская чернь ругала конвоируемыхъ поляковъ, глумилась всячески надъ ними, бросала камнями въ нихъ и если-бы не цѣпь солдатъ, кажется, готова-бы была растерзать ихъ. Все это были высунувшіеся на улицу кучера, дворники и сторожа, разные подмастерьи, оторвавшіеся отъ работы мальчишки и вообще городская голытьба. Много, разумѣется, можно сказать въ оправданіе этого раздраженія городской черни, этихъ смутно понимаемыхъ инстинктовъ массы, своего рода патріотизма; но мнѣ сугубо претило это безцѣльное битье лежачаго, и я радъ былъ-бы закрыть глаза на происходившее предо мною.

Вся эта демонстраціонная процессія, сопровождаемая все болѣе и болѣе возраставшею въ размѣрѣ толпою зѣвакъ и ругателей, направилась тихимъ шагомъ въ Липки къ старшему полиціймейстеру. Я, разумѣется, не нашелъ удовольствія сопровождать ее и повернулъ назадъ.

Между связанными поляками я разглядѣлъ нѣсколько знакомыхъ, хотя и неизвѣстныхъ мнѣ по фамиліи лицъ, двухъ-же изъ нихъ

я хорошо зналъ: это были поссесоръ изъ с. Сухолѣсъ п. П—скаго и братъ жены моего дяди Антона С—цкаго, жившій въ с. Соколовкѣ около Саливонокъ. Оба значитъ изъ Бѣлоцерковщины, а потому полагаю, что это были тѣ, которыхъ крестьяне забрали въ полѣ и по домамъ въ бѣлоцерковскихъ имѣніяхъ гр. Браницкихъ.

Толкаясь по Кіеву, я успѣлъ между тѣмъ по разнымъ разсказамъ уяснить себѣ болѣе опредѣленно начало и ходъ событій этихъ дней. Вотъ въ какомъ видѣ представлялись они по устной молвѣ.

Въ ночь на 27 апрѣля изъ Кіева должно было выйти до 300 человѣкъ инсургентовъ—100 человѣкъ конныхъ и до 200 пѣшихъ. Конные должны были выйти изъ дома Ольшанскаго, на Владимірской улицѣ, такъ какъ онъ содержалъ манежъ для обученія верховой ѣздѣ и выѣзжалъ верховыхъ лошадей. У него было около 60 лошадей, остальные должны были присоединиться къ нему въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Кіева выходитъ старая житомірская дорога. Тамъ-же былъ назначенъ сборный пунктъ и для пѣшихъ, которые должны были выйти изъ города въ раздробь. Навербовавшій себѣ десяокъ охотниковъ *eo ipse* становился десяточнымъ и уже обязанъ былъ собрать и вывести свой десятокъ на сборный пунктъ. Особая партія на трехъ фургонахъ направлялась по васильковской дорогѣ. Каждый изъ десяточныхъ назначалъ особый сборный пунктъ для своего десятка. Все это дѣлалось ради того, чтобы обойти полицейскій надзоръ и безпрепятственно выйти изъ города.

А между тѣмъ кіевская полиція, желая избѣгнуть столкновенія съ повстанцами въ городѣ, нарочно будто устранила себя отъ препятствованія имъ выхода въ поле. Изъ всѣхъ повстанцевъ захватила одного только Грузинскаго, скоропостижно умершаго въ арестантской лыбедскаго участка, что особенно безпокоило повстанцевъ, такъ какъ онъ былъ казначеемъ партіи.

Такъ-ли оно, или иначе было, но только въ ночь съ 26 на 27 апрѣля инсургенты вышли изъ Кіева. Говорили, что администрація только обманута была маршрутомъ: выхода повстанцевъ ожидали черезъ Куреневку по дорогѣ въ Мостищи, а они пошли на Бѣличи.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Кіева почти непосредственно за городомъ начинаются лѣса. Въ эти-то лѣса и направлялись повстанцы, разсчитывая на удобство открыть партизанскую войну въ этой,

покрытой лѣсами и пересѣченной болотистыми рѣками, мѣстности. Вышедшая партія состояла въ большей части изъ юношей, привыкшихъ къ городской жизни, мало способныхъ къ пѣшеходству, обутыхъ въ ботинки варшавскаго издѣлія или въ франтовскіе ботфорты отъ Клюга или Блюнка. Ни мѣстности, ни расположенія къ нимъ населенія они вовсе не знали. Нѣкоторые изъ будущихъ партизановъ, при первомъ-же выходѣ изъ Кіева темною ночью, съумѣли заблудиться и, проплутавъ до утра по ярамъ, тихонько побросали оружіе и возвратились въ городъ на свои квартиры; другіе на первомъ-же десяткѣ верстъ подбили непривычныя къ долгой ходьбѣ ноги и падали отъ изнеможенія и полнѣйшей невозможности продолжать путь.

Собравшіеся за городомъ инсургенты торопились идти поскорѣе далѣе, такъ что многихъ не дождались. Имъ очевидно скорѣе хотѣлось добраться до лѣсу. Партія конная обогнала пѣхоту, еще не доходя Бѣличъ. Подъ самой Романовкой повстанцы уже почуяли погоню за собою и бѣгомъ бросились на плотину чрезъ Ирпень. Плотина эта, перепруживая собою здѣсь болотистую рѣчку Ирпень, образуетъ небольшой прудъ и имѣетъ два моста—одинъ около мельницы, а другой надъ шлюзомъ для спуска лишней воды. Мѣсто это было заранѣе извѣстно вожакамъ и представляло традиціонное въ стычкахъ поляковъ съ донскими козаками удобство столкновенія. Донцы слишкомъ самонадѣянно бросились по плотинѣ и въ концѣ оной наткнулись на разобранный мостъ и на выстрѣлы повстанцевъ. Здѣсь вотъ и былъ убитъ несчастный станичникъ—козакъ, котораго, какъ выше упомянуто, торжественно хоронили въ Кіевѣ. Козаки отступили и сейчасъ-же дали знать въ Кіевъ о «значительныхъ силахъ» (?) мятежниковъ, оказавшихъ будто-бы непреоборимое сопротивленіе и укрѣпившихся въ лѣсу за Романовкою. Пришлось послать изъ Кіева болѣе стойкую силу—два эскадрона глуховскихъ драгунъ, которыхъ козаки, успѣвшіе тѣмъ временемъ пошнырять около Романовки, повели на шоссейный мостъ въ обходъ разоренной плотины. Повстанцы-же за это время успѣли забраться поглубже въ лѣсъ по дорогѣ на Бородянку и добрались туда передъ вечеромъ. Передъ тѣмъ черезъ Бородянку успѣла пройти конная партія Ольшанскаго по направленію къ Хабному.

Если-бы не задержка въ Романовкѣ и потеря времени на требованіе донцами подкрѣпленія, то, разумѣется, войска настигли-бы

повстанцевъ, далеко не допустивши ихъ до Бородянки. Но времени много ушло на обходъ по шоссе Романовки и кромѣ того отрядъ войскъ въ преслѣдованіи постоянно останавливался, изъ опасенія наскочить на засаду. Козаки, шедшіе цѣпью впереди отряда, то и дѣло натыкались на приставшихъ и падавшихъ отъ изнуренія инсургентовъ и каждый разъ задерживали отрядъ увѣдомленіями о встрѣчахъ съ непріятелемъ.

Измученные непривычнымъ (верстъ 60) переходомъ повстанцы добились въ экономическій дворъ гр. Понятовскаго въ Бородянкѣ и тамъ задумали остановиться и защищаться, будь что будетъ. Дѣйствительно вслѣдъ за ними начали показываться изъ лѣса къ селу козаки, а затѣмъ явился и отрядъ драгунъ. Разсказывали, что командовавшій отрядомъ баронъ Тизенгаузенъ, убѣдившись за время цѣлодневнаго преслѣдованія въ безсиліи повстанцевъ и по человѣколюбію щадя жизнь ихъ и своихъ солдатъ, не началъ сразу атаки на экономическій дворъ, а хотѣлъ дать имъ время убраться опять въ лѣсъ, разсчитывая на то, что само собою шайка разсѣется отъ изнуренія и будетъ переловлена, безъ употребленія въ дѣло оружія, но будто-бы солдаты начали роптать и стали рваться на повстанцевъ. Ропотъ еще болѣе усилился, когда со стороны послѣднихъ раздались выстрѣлы изъ экономическаго двора; драгуны открыли тогда огонь, а козаки для освѣщенія боя зажгли двѣ хаты. Произошла ожесточенная схватка. Результатъ боя не подлежалъ сомнѣнію—около 70 инсургентовъ, оставшихся изъ цѣлой 150—200 человѣкъ партіи, были плѣнены. Остальная часть партіи была подобрана приставшею по пути и частію перебита ружейными выстрѣлами.

Крестьяне подгородныхъ селъ, встревоженные этимъ необычнымъ дѣломъ, пособляли войскамъ въ подбираніи приставшихъ поляковъ и препровождали плѣнныхъ.

Кіевляне съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей о ходѣ дѣла. Два козака, одинъ раненый, другой убитый, были отвѣтомъ для любопытныхъ и причиною преувеличенныхъ слуховъ о «большомъ сраженіи». Нашлись однако между кіевлянами такіе, которые рискнули поѣхать на мѣсто этого сраженія. Разсказывали про какихъ-то братьевъ Ж—выхъ, великосвѣтскихъ денди, которые наняли лихача и поѣхали посмотрѣть на «сраженіе». Крестьяне задержали ихъ

гдѣ-то на шоссе и связанныхъ привели въ Кіевъ, не довѣряя ихъ объясненіяхъ о томъ, что они не поляки, не мятежники и т. д.

Итакъ дѣйствія части кіевскихъ повстанцевъ, начавшіяся въ 12 часовъ ночи съ 26 на 27 апрѣля длились менѣе сутокъ, ибо уже до 12 часовъ ночи съ 27 на 28 апрѣля все было кончено въ дѣлѣ возстанія, а для многихъ и вообще въ семъ мірѣ.

Столько-же почти времени воевала и та партія, которая выѣхала на трехъ брикахъ по васильковской дорогѣ. Къ ночи съ 27 на 28 апрѣля вся она, въ числѣ 21 человѣка, неподвижно лежала въ безчувственномъ видѣ около волостнаго правленія въ с. Соловіевкѣ.

Если можно говорить о людяхъ и ихъ достоинствѣ безъ отношенія къ совершеннымъ ими ошибкамъ или проступкамъ, то я долженъ здѣсь сказать, что эти 21 человѣкъ были лучшіе люди изъ среды польскаго общества того времени и вообще были хорошими людьми. Это была передовая молодежь того края, порвавшая все со шляхетскими соціальными традиціями, ясно понимавшая несостоятельность этихъ традицій и мечтавшая, въ случаѣ успѣха возстанія и возстановленія политической независимости Польши, пересоздать ея государственный и общественный строй на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ равенства сословій и личной свободы. Но мечты ихъ такъ и остались мечтами, а сами они пали жертвами неумолимой исторической правды. На нихъ, какъ на дѣтяхъ несправедливыхъ отцевъ, лежалъ грѣхъ традиціонной панско-польской неправды по отношенію къ Украйнѣ и они отвѣтили за грѣхи отцевъ своихъ.

Я помню нѣсколько фамилій этихъ *жирондистовъ*, какъ ихъ называли до возстанія въ средѣ университетской молодежи. Вотъ они: два брата Василевскіе, Викентій и Алексѣй, Готфридъ Прже-дпельскій, два брата Пржездземірскихъ, Антонъ Юрьевичъ, Болеславъ Петынскій, Костюшко, Избинскій, Адольфъ Перетятьковичъ, Стржемечный, Бобовскій, Бесядовскій и какой-то одесскій мѣщанинъ Стрѣльченко. Остальныхъ не знаю. Изъ этихъ извѣстныхъ мнѣ остались живыми — Викентій Василевскій, Антонъ Юрьевичъ и Болеславъ Петынскій.

Вотъ эта-то партія жирондистовъ въ ночь съ 26 на 27 апрѣля выѣхала на трехъ брыкахъ, запряженныхъ каждая четверкою лошадей, изъ дома Зименка на Кузнечной улицѣ и направилась по

васильковскому почтовому тракту. Всѣ были достаточно вооружены и притомъ въ брыкахъ имѣлся еще запасъ ружей для вооруженія ожидаемыхъ новобранцевъ. Не доѣзжая Василькова, они повернули вправо съ почтовой дороги, чтобы объѣхать этотъ городъ, и черезъ с. Плисецкое выбрались къ Мотовиловкѣ, гдѣ на Перепетовомъ полѣ развернули красное знамя и стали кормить лошадей. Вѣроятно, это было условленное мѣсто встрѣчи съ партіей, появившейся было на поляхъ между Гребенками, Винницкими Ставами, Пологами и Ковалевкой. Но, вмѣсто ожидаемой партіи своихъ, они увидѣли скакавшихъ къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ, изъ коихъ Саливонскій волостной старшина, Иванъ Шадура, былъ при саблѣ, такъ что они приняли его за солдата. На всѣ ихъ попытки войти въ переговоры Шадура кричалъ только: «сдавайтесь, а то мы васъ перевяжемъ, какъ уже многихъ такихъ перевязали». Это дало понять повстанцамъ, что ожиданія ихъ тщетны, и они, усѣвшись въ брыки, повернули на западъ на Фастовецъ, причемъ, предполагая въ Шадурѣ солдата, нѣкоторые нѣсколько разъ брали его на прицѣлъ ружей, но были удержаны товарищами. Въ Фастовцѣ громада была повидимому сговорчивѣе: съ нею могли говорить, успѣли даже вручить ей одинъ экземпляръ золотой грамоты. Но тѣмъ не менѣе доносившіяся и изъ среды этой сговорчивой громады угрозы и выкрикавшій объ арестованіи ихъ Шадура вполнѣ выяснили партіи, что дѣло ея стоитъ плохо; тогда рѣшено было выбиться на почтовую житомирскую дорогу и ѣхать на Волынь для соединенія съ Ружицкимъ. Нетынскій, родомъ изъ Карабагина, взялъ на себя указаніе дороги къ нему, а послѣ и на почтовый трактъ.

Изъ Фастовца повстанцы поѣхали на Фастовъ, а оттуда на Дѣдовщину. Шадура отъ нихъ отсталъ, но за то увязался какой-то отставной солдатъ, не отстававшій отъ нихъ и заскакивавшій все впередъ для того, чтобы оповѣщать по селамъ о появленіи мятежниковъ и тѣмъ подымать цѣлыя громады крестьянъ. Какъ злой рокъ, преслѣдовалъ ихъ этотъ солдатъ и до того надоѣлъ имъ, что они не выдержали и выстрѣломъ изъ ружья убили подъ нимъ лошадь. Но онъ добылъ гдѣ-то другую и все-таки не отставалъ отъ нихъ и поднималъ по пути народъ.

Всюду по селамъ, чрезъ которыя направлялась партія, поднялась страшная суета, по церквямъ били въ набатъ, на видимомъ

пространствѣ поля то и дѣло скакали верховые, показывались кучками пѣшіе вооруженные крестьяне, держась однако на далекой дистанціи, такъ, что нельзя было переговариваться съ ними, что еще болѣе усиливало ужасъ положенія повстанской партіи. Гнавшіеся за нею крестьяне придумали наконецъ способъ пресѣченія ей пути: стали разламывать мостики на попутныхъ переѣздахъ черезъ ручьи и мочары. Добрыя четверки не разъ вырывали загрязавшія брыки, но въ одномъ мѣстѣ, между Дѣдовщиной и Турбовкой, передняя, найболѣе тяжелая брыка такъ увязла, что не было никакой возможности ее вытащить. Вечерѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся ужасъ положенія бѣжавшихъ. Повстанцы порѣшили пригрузить тонь еще одною брыкою и такимъ образомъ переправить третью; но пока это устраивали, наступила ночь. «То состояніе, въ какомъ мы были уже въ Соловіевкѣ, окруженные толпою крестьянъ, наконецъ самый моментъ нападенія ихъ на насъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ эту ночь», разсказывалъ Петынскій, возвратившійся впослѣдствіи изъ Сибири. «Во всѣхъ селахъ, окружающихъ небольшое пространство полей, слышно, идетъ страшная тревога, раздается колокольный звонъ, пылаютъ костры, то и дѣло перебѣгаютъ по отсвѣту костровъ тѣни, доносятся вопли перепуганныхъ женщинъ и грозные оклики мужчинъ—и посреди этой адской грозной сумятицы мы—такіе маленькіе, ничтожные, горсточка какая-то, поприжавшаяся съ лошадьми къ уцѣлѣвшей брыкѣ, въ ужасѣ, страхѣ, какомъ-то состояніи оцѣпененія, въ этой темной ночи, въ этой неизвѣстности».

Въ Соловіевкѣ, куда наконецъ добрались перепуганные повстанцы, ихъ встрѣтило все село и послѣ недолгихъ переговоровъ препроводило ихъ въ волостное правленіе. Окруженные толпою крестьянъ, повстанцы шли пѣшкомъ по улицѣ. На брыкѣ, наполненной оружіемъ, сидѣлъ Бобовскій, держа въ рукахъ ружье. Окружающіе шайку крестьяне тиснулись къ брыкѣ, заглядывали туда; то и дѣло изъ гудящей толпы вырывались угрозы и ругательства. Вдругъ, среди этого гама, раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой [1]).

---

[1]) Кто первый выстрѣлилъ, неизвѣстно. Говорили, что лакей мѣстнаго помѣщика Михаловскаго бѣжалъ къ тонѣ съ ружьемъ и, упавъ, нечаянно выстрѣлилъ; по другимъ разсказамъ выстрѣлъ послѣдовалъ также случайно, когда надвп-

Толпа шарахнулась отъ брыки, но кто-то крикнулъ въ этотъ моментъ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ», и крестьяне кинулись на повстанцевъ съ топорами, дубьемъ и косами. «Едва я заслышалъ этотъ крикъ, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Петынскій, какъ раздался смертельный хрипъ шедшаго со мною рядомъ Пржедпельскаго, кѣмъ-то и чѣмъ-то убитаго на поваль. Но не успѣлъ я оглянуться на него, какъ вслѣдъ затѣмъ самъ потерялъ сознаніе отъ нанесеннаго мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ удара». Въ нѣсколько мгновеній вся шайка была перебита и избита, изувѣчена и ограблена. Крестьяне не знали жалости и пощады; въ свою очередь они дѣйствовали подъ вліяніемъ страха, самозащиты, традиціоннаго озлобленія и ненависти, по импульсу охватившей всѣхъ ярости, при звукѣ выстрѣловъ и крикѣ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ!» Словомъ: это были потомки тѣхъ, которые; умирая, говорили: «закрый мени, мамо, очи, щобъ я того поганого ляха не бачивъ»!

Когда прибылъ на мѣсто происшествія отрядъ козаковъ, то изъ цѣлой шайки двѣнадцать человѣкъ нашелъ совершенно мертвыми, девять человѣкъ сохраняли лишь слабые признаки жизни, а двое изъ нихъ скоро умерли. На всѣхъ видны были слѣды нанесенныхъ побоевъ, тяжелыхъ ранъ, сильнаго увѣчья; у многихъ головы были разсѣчены не однимъ, а двумя тремя ударами топора, всѣ вообще инсургенты были ограблены и раздѣты до нага. Петынскій, по его словамъ, оглушенный ударомъ, пришелъ въ сознаніе отъ боли, которую кто-то изъ крестьянъ причинилъ ему, стараясь сорвать съ шеи крестикъ на золотой цѣпочкѣ, неподдававшейся усиліямъ грабителя и врѣзавшейся въ тѣло жертвы.

Прибывшія власти распорядились похоронить мертвыхъ, а живыхъ перевезли въ м. Брусиловъ. Послѣднее сдѣлано было отчасти въ виду не остывшаго волненія соловіевцевъ и увеличивавшагося стеченія народа изъ окрестныхъ селъ.

нувшіеся къ брыкѣ крестьяне стали таскать изъ нея оружіе и кто-то нечаянно задѣлъ за взводъ одного ружья. Второй выстрѣлъ сдѣланъ былъ Бобовскимъ, державшимъ между колѣнъ заряженную двухстволку, но нарочно или нечаянно, также неизвѣстно.

Таковъ былъ трагическій исходъ этой такъ называвшейся *соловіевской партіи* возстанія, по слышаннымъ мною разсказамъ, состоявшей, какъ я выше говорилъ, изъ лучшихъ молодыхъ силъ, увлекшихся нелѣпымъ мятежемъ.

Возвращаюсь къ моимъ въ тѣ дни странствованіямъ по Кіеву, давшимъ мнѣ возможность кое-что видѣть и слышать изъ происходившаго въ то время.

Выше я упомянулъ, что въ числѣ проведенныхъ по Кіеву связанныхъ повстанцевъ я увидѣлъ нѣкоего С—цкаго, приходившагося мнѣ съ родни. Это былъ братъ жены моего дяди, жившей около Бѣлой-Церкви въ селѣ Соколовкѣ недавнею вдовою послѣ смерти мужа. Дядя этотъ воспитывалъ меня и былъ для меня, рано осиротѣвшаго, отцомъ. Тетка арендовала имѣніе у гр. Браницкаго Соколовку, а хозяйничалъ за нее ея братъ, вотъ этотъ самый С—цкій. Я съ ужасомъ представлялъ себѣ положеніе несчастной женщины, брошенной среди взбудораженнаго населенія безъ всякой помощи и притомъ скомпретированной выходомъ изъ ея дома ея роднаго брата въ повстанье. Я сейчасъ-же порѣшилъ отправиться туда для оказанія посильной помощи, тѣмъ болѣе, что относительно своей семьи я былъ спокоенъ, ибо уже стало извѣстно, что повстанье въ кіевской губерніи подавлено, а въ мѣстности, гдѣ я жилъ, и ничего не было.

Но для того, чтобы ѣхать въ Бѣлоцерковщину, нужно было имѣть какой-либо письменный видъ, и я порѣшилъ взять подорожную и сейчасъ-же ѣхать. Для этого я отправился къ старшему полиціймейстеру г. Кіева, знавшему меня лично, полковнику Ивенсену.

Въ канцеляріи полиціймейстера шла страшная суета. Я попалъ туда сейчасъ-же послѣ отправленія приведенныхъ мятежниковъ. Полиціймейстеръ уѣхалъ куда-то, чуть-ли не къ коменданту крѣпости, куда отправили плѣнныхъ; чины канцеляріи завалены были спѣшною перепискою, вызванною повстаньемъ; то и дѣло принимали и посылали бумаги, двое какихъ-то чиновниковъ съ полицейскимъ служителемъ перебирали и переписывали сваленныя въ углу канцеляріи оружіе и вещи, отобранныя отъ повстанцевъ; стояли какіе-то крестьяне, входили и выходили козаки, нѣсколько лошадей коихъ я замѣтилъ во дворѣ еще. Мнѣ оставалось только стоять и ожидать прибытія полиціймейстера, тѣмъ болѣе, что только послѣ личныхъ

объясненій съ нимъ я могъ разсчитывать получить свидѣтельство на проѣздъ или подорожную. На меня никто не обращалъ вниманія, и я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать повстанское оружіе и аммуницію. Какого только оружія и чего только тамъ не было! Двуствольныя охотничьи ружья отъ высшаго разбора до самыхъ мизерныхъ, старыхъ, поразстрѣлянныхъ въ стволахъ, одностволки всевозможнѣйшихъ калибровъ отъ огромнаго шведскаго до малопульныхъ, новенькіе, красивой отдѣлки и со сковками и даже завязками патронташи, охотничьи торбы, самодѣлковые ранцы, широкіе пояса кожанные, какіе-то ножи, тесаки, сабли, подобіе не то сабель, не то шпагъ, многіе старинной роскошной отдѣлки, но многіе съ самодѣльными ручками, умотанными бичевкою... цѣлая коллекція!

Пріѣхалъ наконецъ полиціймейстеръ; я объяснилъ ему откровенно всю сущность моего къ нему дѣла. Онъ все выслушалъ и затѣмъ не посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Бѣлоцерковщину, не далъ свидѣтельства на полученіе подорожной.

— Поѣзжайте-ка вы сейчасъ-же домой, а то и у васъ тамъ можетъ быть неблагополучно. Теперь всего можно ожидать,— напутствовалъ меня хорошій человѣкъ, Ивенсенъ.

На другой день 30 мая я уже ѣхалъ на пароходѣ изъ Кіева внизъ по Днѣпру. Между пассажирами слышны были разговоры о совершившихся событіяхъ, всѣхъ интересовало дѣло возстанія. Пониже Стаекъ, около Гребенивъ, мы увидѣли около лѣса людей, вооруженныхъ блестѣвшими на солнцѣ косами. Пароходная публика догадалась, что это была облава на укрывавшихся въ лѣсу мятежниковъ. Такія облавы устраивались тогда во многихъ мѣстахъ кіевской губерніи, хотя часто и никакихъ мятежниковъ въ лѣсу не находили.

Выѣзжая изъ дому въ понедѣльникъ, я распорядился, чтобы во вторникъ и среду въ м. Ходоровѣ на берегу меня ожидали лошади и чтобы лодочникъ Матвѣй былъ съ лодкою къ приходу парохода. Такъ дѣлалось всегда, ибо въ Ходоровѣ пароходъ тогда не приставалъ къ берегу, а бралъ и ссаживалъ пассажировъ на ходу. Обыкновенно издали можно было видѣть выѣхавшую на встрѣчу лодку; но на этотъ разъ лодки не видно было, а виднѣлся въ дали нагруженный людьми паромъ и суетящаяся на берегу, у

мѣста переправы, толпа людей. Я обратился съ просьбою къ капитану высадить меня непосредственно на берегъ. Пароходъ причалилъ къ глубокому берегу, не доѣзжая мѣстечка Ходорова, и меня ссадили на берегъ.

По клейкому грунту берега я направился къ пристани мѣстечка. Издали уже я могъ разсмотрѣть, что масса людей усаживалась на паромъ и что толпа увеличивалась подбѣгающими изъ улицъ. Что-то непонятное для меня совершалось тамъ. Чѣмъ-то испуганы эти люди, отъ кого-то бѣгутъ они. Нѣсколько человѣкъ обратили на меня вниманіе и пошли ко мнѣ на встрѣчу. Отъ нихъ я узналъ, что это народъ «утикае» на лугъ за Днѣпръ отъ приближающихся «ляховъ», которые за Кагарлыкомъ «попалили села и рижуть людей».

Не помню, какъ уже я съумѣлъ убѣдить ихъ, что никакихъ ляховъ не можетъ быть здѣсь, что тѣ, которые дѣйствительно бунтовали, уже усмирены и я самъ лично видѣлъ ихъ связанными въ Кіевѣ, что нѣтъ никакого основанія бѣжать куда-бы то ни было, а слѣдуетъ быть совершенно спокойными. Все это я разсказывалъ, спрашивая о причинахъ тревоги и отвѣчая на множество вопросовъ, мнѣ предложенныхъ, и въ то-же время, вспоминая слова полиціймейстера, искалъ глазами кого нибудь изъ своихъ выѣхавшаго или наконецъ вышедшаго за мною изъ дому. Но никого не было сегодня здѣсь, а вчера выѣзжали, какъ объяснилъ мнѣ подвернувшійся рыбалка—лодочникъ Матвѣй. Пришлось идти пѣшкомъ домой. Я могъ-бы зайти къ ходоровскимъ панамъ и тамъ добыть лошадей, но такъ какъ меня провожали допытывавшіеся про ляховъ крестьяне, то я и не захотѣлъ заходить въ Ходоровъ. Насколько я успѣлъ успокоить ходоровцевъ, не знаю; но уже то, что кучка любопытныхъ проводила меня въ сторону отъ берега рѣки, значитъ, въ противоположную направленію бѣгства, доказывало отчасти довѣріе ихъ къ моему разсказу.

У себя дома я засталъ тоже тревогу. Помѣщичій дворъ, черезъ который мнѣ пришлось проходить, былъ пустъ и оставленъ всѣми служащими. Первымъ живымъ существомъ, попавшимся мнѣ въ глаза, былъ нашъ коваль Довбаненко, чего-то ради тягавшій по своему двору большущую «скрыню»,—родъ сундука, въ которомъ прячется весь женскій скарбъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это

онъ «рятувавъ свою худобу», предполагая нести и прятать куда-то скрыню, но въ испугѣ никакъ не попадая съ нею въ ворота. Осмотрѣвшись, я увидалъ не одного Довбаненка, занятаго подобнымъ дѣломъ: у подошвы бугра, на которомъ я стоялъ, копошились во дворѣ Кухаренковъ, что-то вынося на улицу, какъ на пожарѣ. Во дворѣ дѣда Максима видно было также не мало народу и доносился оттуда громкій говоръ. Я окликнулъ одного изъ Кухаренковъ, а онъ, вмѣсто отвѣта, поднялъ высоко шапку и звалъ меня къ себѣ. Не успѣлъ я сойти съ бугра, какъ по селу послышалось еще нѣсколько окликовъ, въ которыхъ я могъ разслышать мое имя; на встрѣчу мнѣ выбѣгали со дворовъ и садовъ люди обоего пола, и пока я дошелъ до двора Максима, меня окружила цѣлая толпа сбѣжавшихся отовсюду селянъ: сбѣгались и тѣ, что выползали на бугры высматривать идущихъ ляховъ, сбѣгались и женщины, а съ ними и дѣти подростки. У многихъ мужчинъ были косы набиты *на правецъ*, т. е. не подъ угломъ, а прямо на косьяхъ, у нѣкоторыхъ были на длинныхъ палкахъ набиты долота, а у двухъ или трехъ *ратыща* съ копьевыми наконечниками—*спысамы*.

Зная по Ходорову сущность дѣла, я прямо, безъ разспросовъ, началъ успокаивать своихъ селянъ, повторяя все то, что предъ тѣмъ разсказывалъ ходоровцамъ. Испуганныя и грозныя физіономіи прояснялись по мѣрѣ моего разсказа о Кіевѣ и извѣстныхъ мнѣ событіяхъ.

— О це, спасыби вамъ, що насъ успокоилы, а то де яки и зовсимъ поперелякувались. Якъ прыбигъ Пылынъ одъ корчмы, якъ заверещыть на все село: ляхи идуть! такъ народъ—хто куды попавъ, той за дитей, той за худобу... такъ и полохнулись вси въ ростычъ... разсказывали мнѣ на всѣ лады провожавшіе меня ко двору успокоенные селяне.

Послышались взаимныя подшучиванія, насмѣшки надъ растерявшимися до безпамятства, до смѣшнаго. Около своей хаты я увидѣлъ брата моего, набивавшаго косу *на правецъ* и никакъ не умѣвшаго устроить это. Онъ, оказалось, до того растерялся, что забылъ даже про имѣющееся въ домѣ ружье. Залаявшая собака обратила вниманіе брата на насъ, подходящихъ цѣлою гурьбою, и онъ, какъ видно, только тогда и пришелъ въ себя, когда увидалъ меня. Селяне не отставали отъ меня, довели меня до самыхъ воротъ

и тутъ уже распрощались со мною. Подходя отъ воротъ къ хатѣ, я увидалъ жену, идущую изъ сада съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, заплаканную, встревоженную. Она, оказалось, сидѣла, запрятавшись, въ терновникѣ. Прибѣжали хлопецъ — работникъ и дѣвка—работница изъ-за огорода, гдѣ они сидѣли, спрятавшись въ провальѣ.

Не смотря на всю безъосновательность этой паники, я былъ не мало взволнованъ, хотя и крѣпился, чтобы имѣть возможность успокоить другихъ. Смѣшно и нелѣпо было это мое волненіе, но въ такія минуты невольно поддаешься общему настроенію. Скажу однако, я былъ сильно польщенъ ролью успокоителя этой сотни—другой моихъ односельцевъ, этимъ довѣрчивымъ обращеніемъ ихъ ко мнѣ въ минуту всеобщей паники, этимъ возгласомъ о моемъ прибытіи, какъ-бы долженствовавшемъ разрѣшить гнетущее ихъ сомнѣніе. Я былъ преисполненъ тогда любви къ этому довѣряющему мнѣ люду, и явись въ тотъ моментъ надобность положить голову свою за него, я-бы не задумался...

Подавленный всѣми этими впечатлѣніями, сидѣлъ я за столомъ въ ожиданіи обѣда, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ хату Аріонъ (Илларіонъ, работникъ) и говоритъ:

— Идить, дядьку, тамъ якась жинка выглядае зъ жита по-за токомъ и кличе васъ.

— Яка жинка?

— А хто ін знае: гукнула васъ, та зновъ сховалась въ жито, отвѣчалъ Аріонъ.

— Ужъ не повстанецъ-ли какой переодѣтый?! подумалъ я. Вотъ еще нелегкая принесла его!—Я пошелъ на токъ. Дѣйствительно изо ржи показалась голова въ «очипкѣ», а затѣмъ и физіономія. Это была работница одного изъ помѣщиковъ нашего селя, пана Х—скаго; она махала рукой и звала меня къ себѣ. Подойдя къ плетню, я былъ отъ засѣянной рожью нивы, въ которой пряталась эта баба, шагахъ въ трехъ: пѣшеходная только тропа отдѣляла ростущую рожь отъ моего плетня. Я окликнулъ бабу. Она юркнула въ рожь и высунулась, придвинувшись незамѣтно поближе ко мнѣ. Прерывающимся отъ страха голосомъ объяснила мнѣ работница, что ея панъ и пани слезно просятъ меня сейчасъ прійти къ нимъ.

— Тамъ таки переляканi, що страхъ! Плачуть обое. Ажъ умирають, таки полякани. Та просили, щобъ вы житами по-за селомъ пройшли, щобъ нихто васъ не побачивъ.

— Добре! скажи, що заразъ прыйду, отвѣчалъ я коротко.

Пришлось идти, но разумѣется не «житами» и не по-за селомъ, а прямо чрезъ село, улицею.

На улицѣ опять окружили меня селяне, большею частью тѣ, которые еще не видались со мною. Хотя паники уже не было, но порядокъ обыденной жизни былъ сильно нарушенъ и хозяева, предоставивъ своимъ женамъ приводить разбросанный скарбъ въ порядокъ, собирались кучками, обсуждая событія какъ настоящаго дня въ своемъ селѣ, такъ и тѣ, про которыя я успѣлъ имъ разказать. По мѣрѣ приближенія къ дому пана Х—скаго сопровождавшая меня компанія увеличивалась, разспрашивая меня, слушая мои разсказы и въ свою очередь разсказывая о томъ, что здѣсь у насъ происходило и что было слышно со стороны.

Воображаю себѣ, что перечувствовалъ этотъ жалкій панъ Х—скій, называвшій меня всегда гайдамакою и не разъ разносившій про меня нелѣпѣйшія сплетни, увидѣвъ меня приближавшагося къ его дому съ вооруженною толпою «хлоповъ». Изъ сострадапія къ нему я предложилъ сопровождавшимъ меня не йти со мною, но остаться на улицѣ, чтобы не перепугать пана на смерть.

— И то правда! Хай винъ пропаде и безъ насъ! отвѣчали мнѣ изъ толпы, и я одинъ вошелъ во дворъ пана Х—скаго.

Таже баба выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Оказалось, что вся прислуга бросила панскій дворъ, остались только эта баба, да еще горничная изъ шляхтянокъ.

Злосчастный панъ былъ встревоженъ до крайности. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ломалъ руки; родимое синебраговое пятно на его лицѣ даже побѣлѣло. Несчастная его жена, больная и добрая женщина, была въ обморокѣ и при ней суетилась также испуганная, красивая Люця, горничная. Увидавъ меня панъ Х—скій бросился ко мнѣ, неистово какъ-то схватилъ за обѣ руки и, рыдая, завопилъ:

— Спаси насъ, паніе! Погибли мы! Что будетъ съ нами?!

Хотя я и не видѣлъ никакой опасности для пана Х—скаго, хотя я и не думалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь

дурное, но этотъ его испугъ, это отчаяніе, этотъ обморокъ его жены, эти испуганныя, рыдающія дѣти—все это поразило меня и я какъ-то помимо воли началъ соображать, ужъ не дѣлается ли тутъ чего дѣйствительно угрожающаго имъ, но мнѣ по сю пору неизвѣстнаго. У ногъ моихъ валялась баба Кулина и, рыдая, причитала:

— Зглянътесь на Бога! Пожалійте диточекъ малихъ, паню: бачте, якъ вони вбиваютьця. Рятуйте ихъ, вызволяйте, Христа ради!...

Я рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло, и вмѣсто успокоенія, началъ распрашивать, что такое, гдѣ, когда? Панъ Х—скій опять зарыдалъ, но за то жена его очнулась и я подошелъ къ ней. Ея видъ подсказалъ мнѣ, что дѣлать. Я и началъ съ успокоенія: увѣрялъ, что никакой опасности не предвидится для нихъ, что никто и не помышляетъ о причиненіи имъ какого-то ни было зла, что на селѣ все спокойно и т. д. Бѣдная женщина только всхлипывала и глотками пила поданную ей воду изъ стакана.

Еле-еле кое какъ удалось мнѣ успокоить этихъ горькихъ людей, объяснить имъ, что никто и не думаетъ причинять имъ какого-бы то ни было насилія. По ихъ разсказу выходило такъ, будто въ тотъ день съ утра вдругъ вся прислуга бросила ихъ, рабочіе, пригнавъ лошадей и воловъ съ поля, съ угрозами ушли со двора, а за тѣмъ на селѣ началась какая-то тревога и громкіе крики, что къ селу подступаетъ вооруженная банда, при чемъ мужики угрожали будто-бы сжечь живьемъ пана и его семью, если только поляки тронутъ хоть одного мужика. На мои однако распросы Х—скіе не могли назвать ни одного изъ угрожавшихъ, ни даже принесшихъ извѣстіе о приближеніи банды, а указывали на всѣхъ вообще:

— Вѣдь это не секретъ, ибо всѣ мужики такъ говорятъ, такъ уже ихъ настроили! Виновны-ли мы будемъ, если вдругъ сюда явится какой нибудь отрядъ повстанцевъ? Можно-ли все это валить на насъ?! Это ужасно!..

Успокоивъ, какъ могъ, пана Х—скаго, его жену и семью, я возвращался домой. Меня опять провожали крестьяне, не безъ ироніи отзывавшіеся о панѣ Х—скомъ. Я сказалъ моимъ провожатымъ только о томъ, что панъ Х—скій жалуется на рабочихъ, бросившихъ дѣло; но на это совершенно справедливо мнѣ отвѣтили, что не только панское, но и свое дѣло побросали въ напавшей на всѣхъ тревогѣ и что конечно теперь опять пойдутъ въ работу.

Наконецъ я опять дома; снимаю сапоги съ истомленныхъ отъ долгой ходьбы ногъ, выпиваю рюмку водки и сажусь обѣдать. Было далеко за полдень, часовъ около пяти. Но видно не судилось мнѣ успокоиться въ тотъ день: не успѣлъ я поѣсть борщу, какъ послышался лай собаки и какой-то топотъ, а затѣмъ въ воротахъ показалось трое верховыхъ. То были наши-же селяне; они вызывали меня на дворъ. Но за ними показалось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ съ косами, дубьемъ, списами и т. д.

— Такъ такъ-то ты насъ пиддурюешъ! кричали они на весь дворъ. Казавъ, що ляхивъ уже нема, що вони вже повъязани, а вони вже Медведовку спалили и оце вже пидступають до Грушева. Це ты умисне такъ? Теперъ-же йди зъ нами, а то хоть и верхомъ ïдь. Нема..., а вони отъ и тутъ! А винъ намъ баки забивъ! Хиба дурно проглаголали...

— Что-же это такое? недоумѣвалъ я и порѣшилъ ѣхать.

Пока я одѣвался, одинъ изъ вошедшихъ ко мнѣ крестьянъ, не говоря ни слова, схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и принялся испытывать шомполомъ, есть-ли зарядъ; но я вырвалъ у него ружье и прогналъ его самаго изъ комнаты. Меня все это до того взорвало, что я, кажется, готовъ былъ драться не только съ волновавшими край ляхами, но и съ этими пристающими ко мнѣ съ угрозами и съ докорами моими односельцами. Вскочивъ на коня, я поскакалъ изъ воротъ прямо на гору, опережая моихъ соратниковъ и догоняя тѣхъ, которые побѣжали впередъ . . . . . . Все оказалось вздоромъ: никакихъ *ляхивъ* не было, а была какая-то команда солдатъ, своимъ появленіемъ всполошившая нѣсколько селъ. Изъ Грушева бѣжали люди къ Днѣпру и не скоро успокоились.

Ѣхалъ я домой одинъ уже, безъ компаніи, весь измученный физически и нравственно; совершенно ослабленный, сидѣлъ я въ сѣдлѣ, опустивъ поводья. Послѣ цѣлодневнаго волненія не стало силъ, какая-то апатія овладѣла мною и я, заснувъ мертвымъ сномъ, не слышалъ гуканья вооруженной сельской молодежи, цѣлую ночь перекликавшейся по буграмъ вокругъ села.

Б. Познанскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

IX.

Бѣда нежданно свалилась на голову о. Харитона. О. Харитонъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сталъ недомогать. Онъ исхудалъ и высохъ отъ тяжелыхъ трудовъ и хлопотъ, отчасти и отъ аскетическаго выдерживанія всѣхъ постовъ, которые строго блюли батюшки стараго времени. Многолѣтнія службы и требы въ приходѣ при всякаго рода погодѣ надломили преждевременно его и безъ того не особенно крѣпкую натуру. Когда-то и гдѣ-то закралась къ нему простуда, и какъ другихъ медикаментовъ, кромѣ воды іорданской, да ладону херувимскаго, о. Харитонъ не признавалъ, то болѣзнь стала хроническою, и онъ все покашливалъ да жаловался на колики въ бокахъ и въ груди.

Разъ какъ-то въ началѣ лѣта прошелъ слухъ, что епархію будетъ объѣзжать архіерей, викарій митрополита. Не замедлило и офиціальное о томъ оповѣщеніе вмѣстѣ съ маршрутомъ. О. Харитонъ, получивъ указъ, заглянулъ въ маршрутъ; въ маршрутѣ стояла Ольшаница. У него и руки опустились.

— Ой Боже мій! Ой Господи! Отъ теперъ протопопъ пидставить мини стильчика, говорилъ онъ, разводя руками: кажуть ще, що архіерей сердитый и не любить старихъ батюшокъ.

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрск. кн., стр. 84—127.

— Чого ты бидкаешся! Чи то мы зроду не бачили архіерея? говорила Онисія Степановна: нехай соби ûде.

— Нехай... а якъ винъ мене пережене на малу парафію, або зовсимъ съ парафіи зсадить? возразилъ о. Харитонъ.

— Нехай попереду мене зсадить; то батькивська парафія. Що то? хиба ты що вкравъ, а бо вбивъ кого, борони Боже! успокаивала мужа Онися.

Но гроза надвигалась; день за днемъ сокращался срокъ пріѣзда владыки.

— Архіерей ûде! Архіерей въ Карапишахъ, архіерей въ Богуслави! Тамъ служить и ночуе, а по снидании въ Вильшаницю! Готуйте, отче Харитоне, великій обидъ, та вина доброго припасайте!

Такія наконецъ вѣсти приходили къ о. Харитону отъ скакавшихъ чрезъ Ольшаницу въ Богуславъ благочинныхъ, священниковъ, становыхъ приставовъ, діаконовъ и дьячковъ.

У о. Харитона голова кругомъ шла. Около двухъ недѣль уже онъ не зналъ покоя, бѣгалъ, суетился, хлопоталъ. Прежде всего онъ не зналъ порядка встрѣчи владыки: съ протоіереемъ Балабухою былъ въ ссорѣ, благочинный былъ изъ молодыхъ, изъ ближайшихъ сосѣдей священниковъ никому при встрѣчахъ бывать не случалось,— приходилось ѣхать «на десятое село» распрашивать, совѣтоваться, просить наставленія во всякой мелочи. Очистка церкви внутри и снаружи, поправка огорожи, приведеніе въ лучшій порядокъ собственнаго дома и двора заняло не мало времени; записываніе метрическихъ и приходно-расходныхъ книгъ по день пріѣзда владыки стоило еще большихъ усилій и хлопотъ. Приходилось собирать отдѣльныя на клочкахъ замѣтки за цѣлые мѣсяцы, многое припоминать самому, или распрашивать у церковниковъ, у Ониси, прислуги и даже на селѣ,—когда напримѣръ приносили крестить такое-то дитя, кто были при этомъ воспріемниками «въ первой парѣ» и какъ звать кума или куму, или-же когда погребали такую-то бабу, либо вѣнчали такихъ-то и кто были при томъ поручителями. Суммы свѣчныя, кошельковыя, вѣнчиковыя и разныхъ другихъ наименованій, особый сборъ за церковное покрывало для умершихъ, за свѣчи, отъ пасѣки церковной, отъ колядниковъ, отъ сестричекъ и т. д., и т. д.—все это нужно было приводить въ извѣстность, провѣрять, сводить, подводить итоги и пр. и пр. Староста

перезабылъ многіе мелкіе расходы, инымъ купленнымъ или пожертвованнымъ вещамъ не могли цѣны опредѣлить. Въ добавокъ писавшій подъ диктовку о. Харитона полуграмотный пономарь сбивался въ цифрахъ, ошибался въ словахъ, ставилъ кляксы, дѣлалъ поправки и подчистки. Глядя на все это, о. Харитонъ только охалъ и вздыхалъ, безнадежно покачивая головой. Приготовленіе обѣда не менѣе смущало его. Какъ знать вкусъ владыки, что и какъ приготовить для него, чтобы онъ былъ доволенъ? Выборъ вина въ особенности затруднялъ о. Харитона; въ винѣ онъ толку совсѣмъ не зналъ, а на выборъ жида положиться никакъ нельзя. Какъ разчесть наконецъ, на какое число душъ готовить обыкновенный мясной обѣдъ,—сколько прибудетъ съ архіереемъ пѣвчихъ, иподіаконовъ, діаконовъ и сопровождающихъ его духовныхъ и свѣтскихъ лицъ? Долго думалъ обо всемъ этомъ о. Харитонъ и наконецъ, поручивъ старостѣ достать во что-бы то ни стало ко дню пріѣзда владыки найлучшей рыбы и предоставивъ Онисѣ всѣ соображенія и заботы по изготовленію обѣда, самъ съѣздилъ въ Богуславъ, купилъ бутылку мадеры собственно для владыки и нѣсколько бутылокъ сантуринскаго и тенерифу для остальныхъ гостей и, считая свои приготовленія оконченными, ждалъ дальнѣйшаго, по собственному признанію, какъ волъ обуха.

День пріѣзда архіерея въ Ольшаницу начался превеликою суетою, какой никогда въ ней не бывало. По наказу Онисіи Степановны чрезъ старостиху съ самаго ранняго утра со всѣхъ концевъ села потянулись ко двору батюшки «жиночки» со всякою живностью, какъ-бы устраивался общественный обѣдъ; несли куръ, поросятъ, масло, сало, сыръ, яйца и сметану, нарочито испеченные паляницы и книши. Лучшіе хозяйки взялись готовить обѣдъ примѣрно на полсотни душъ. На огородѣ развели костры, приставили большущіе горшки. Въ кухнѣ шла особая стряпня; тутъ пекли, тамъ варили. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ, дымъ разстилался по всему огороду.

На колокольнѣ съ позаранку расположились охотники звонить; они-же должны были наблюдать за появленіемъ архіерейскаго поѣзда на богуславской дорогѣ. Независимо отъ того двое верховыхъ были поставлены на той-же дорогѣ и для той-же цѣли. Не

умѣлые наблюдатели только портили дѣло и вызывали преждевременную тревогу.

Около полудня стоявшіе на колокольнѣ, замѣтивъ на дорогѣ отъ Богуслава большой столбъ пыли и скакавшихъ верховыхъ, безъ дальняго разсужденія ударили въ колокола. О. Харитонъ поспѣшилъ въ церковь, надѣлъ ризы, взялъ кадило и вышелъ къ воротамъ погоста. Колокола гудѣли. Народъ со всего села устремился къ церкви. Напряженіе его было необычайное, ибо, отколѣ стоитъ Ольшаница, въ ней не видали архіерея. Прошло не мало времени въ томительномъ ожиданіи; прискакалъ верховой съ крикомъ: «ѝде, ѝде», спустя немного другой съ тѣмъ-же окрикомъ; но затѣмъ никого и ничего. Тутъ минуты кажутся часами: народъ истомился, звонившіе ослабѣли, о. Харитонъ едва держался на ногахъ. Вдругъ пономарь взбѣгаетъ на колокольню и видитъ, что въ самомъ концѣ села съ холма на плотину спускаются три огромныя жидовскія балагулы, тяжело нагруженныя, запряженныя каждая шестерней и поднимавшія вокругъ себя облака пыли.

— То жиды ѝдуть, крикнулъ онъ съ колокольни на весь погостъ.

Звонъ замолкъ, въ толпѣ послышался смѣхъ, о. Харитонъ блѣдный, какъ смерть, поплелся въ церковь, едва передвигая ноги. Такая-же напрасная тревога повторилась еще разъ: на этотъ разъ проѣзжалъ большимъ цугомъ, со множествомъ прислуги и припасовъ, какой-то богатый панъ, направлявшійся на ярмарокъ въ Потокъ.

О. Харитонъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Ему очень хотѣлось встрѣтить владыку натощакъ, но теперь онъ убѣдился, что безъ подкрѣпленія ему не обойтись. Побрелъ онъ домой и лишь только выпилъ «единую точію стомаха ради», какъ вдругъ сильнѣйшій звонъ и крики: «ѝде, ѝде». О. Харитонъ не успѣлъ чѣмъ нибудь закусить и побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ церковь. Едва успѣлъ онъ накинуть на себя ризы и выйти за погостъ, какъ подкатилъ прежде всѣхъ благочинный, за нимъ становой, потомъ протоіерей, далѣе исправникъ, три фургона съ пѣвчими, одинъ съ иподіаконами, особо протодіаконъ и конторщикъ. Показалась наконецъ блестѣвшая на солнцѣ архіерейская карета, а за нею тянулся длинный рядъ нетычанокъ и бричекъ; то ѣхали собранные въ Богуславъ окрестные священники, провожавшіе теперь владыку далѣе по тракту.

Огромный поѣздъ запрудилъ улицу около церкви, занялъ и весь выгонъ вокругъ погоста. Карета остановилась у воротъ; протоіерей съ благочиннымъ подбѣжали къ каретѣ и приняли подъ руки владыку. Владыка, совсѣмъ еще не старый, хотя сѣдой, видной наружности, довольно полный, но съ здоровымъ и румянымъ лицемъ, бодро выступалъ впередъ. На немъ блестѣла шелковая фіолетовая ряса, на груди сіяла дорогая въ каменьяхъ панагія и звѣзда. Протоіерей, почтительно наклонившись, что-то тихо сказалъ владыкѣ, вскинувъ глазами на отца Харитона, а перепуганный о. Харитонъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Что-же ты не подойдешъ ко мнѣ съ крестомъ? спросилъ владыка, взглянувъ въ сторону о. Харитона.

О. Харитонъ судорожно какъ-то двинулся съ мѣста, но отъ страха ноги у него подкосились, онъ зашатался и едва не упалъ.

— Ты боленъ, или пьянъ? съ недовольствомъ уже спросилъ владыка.

— Ни, тильки трохи злякався, невнятно произнесъ о. Харитонъ и затрясся всѣмъ тѣломъ, дико поводя глазами.

Владыка ничего не разслышалъ и не понялъ. Положеніе его въ виду собравшейся массы народа становилось крайне неудобнымъ. Присущая ему вспыльчивость, подогрѣтая дурнымъ отзывомъ протоіерея объ о. Харитонѣ, готова уже была проявиться со всею силою, но владыкѣ удалось пересилить себя, и онъ спокойно сказалъ:

— Благочинный! возьми у него крестъ и открой за него входъ во храмъ.

Благочиный, взявъ изъ рукъ о. Харитона крестъ, поднесъ архіерею. Архіерей приложился ко кресту и, окропивъ себя освященною водою, направился въ церковь. Дьячки затянули: *Достойно есть*, ихъ поддержали священники, а скоро подхватили архіерейскіе пѣвчіе, подбѣгавшіе одинъ за другимъ. Маленькая церковь огласилась неслыханнымъ гуломъ и ревомъ сильныхъ басовъ. О. Харитонъ плелся за благочиннымъ и, когда вошли въ церковь, не зналъ, гдѣ ему стать. Пѣніе окончилось, нескладный звонъ продолжался, хрипъ разбитаго большаго колокола непріятно разилъ слухъ. По знаку, данному благочиннымъ, о. Харитонъ зачиталъ эктенію дрожащимъ голосомъ и съ испугу перепуталъ лицъ

царской фамиліи. Неудовольствіе владыки росло и, когда послѣ многолѣтія онъ вошелъ въ олтарь, въ сопровожденіи всего духовенства, первымъ его словомъ былъ рѣзкій выговоръ о. Харитону за искаженіе эктеніи:

— Ты царской фамиліи не знаешь, говорилъ владыка; въ соблазнъ народъ вводишь. А колоколъ у тебя, точно разбитый котелъ.

— То, в...в...ваше преосвященство, хлопци на Великдень якъ зачали гателить, та й розбили,—робко, путаясь въ словахъ, отозвался о. Харитонъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ, недоумѣвая, владыка.

Благочинный поспѣшилъ передать по русски слова о. Харитона. Это однако не успокоило владыку, нашлись напротивъ новые поводы къ замѣчаніямъ и неудовольствію его на о. Харитона. Владыка взглянулъ на раскрытый антиминсъ,—антиминсъ былъ старый, самимъ временемъ измятый и почти истлѣвшій. Запасные дары оказались засохшими и нѣсколько какъ-бы заплеснѣвшими; жертвенникъ покрытъ былъ пылью, нанесенною сильнымъ вѣтромъ чрезъ открытое вверху окно, которое въ торопяхъ забыли закрыть.

— Это что? спросилъ владыка, указывая рукой на жертвенникъ.

Вмѣсто отвѣта о. Харитонъ посмотрѣлъ вверхъ и только головой покачалъ.

— Ты небрежешь о домѣ Божіемъ, говорилъ раздраженный владыка, у тебя колокола разбиты, церковь ветхая, антиминсъ совсѣмъ непригодный, святыя Тайны въ небреженіи, вездѣ пыль, грязь. Ты недостойный стражъ дома Божія!.

У о. Харитона душа замерла.

— Покажи книги, отчетность! гнѣвно крикнулъ владыка.

О. Харитонъ раскрылъ сперва метрики, потомъ приходо-расходныя книги. Привычный глазъ архипастыря сразу усмотрѣлъ неудовлетворительное положеніе записей. Лице его принимало все болѣе строгій видъ. Въ добавокъ, когда о. Харитонъ, подноси книги, приблизился къ владыкѣ, его выдала злосчастная, выпитая имъ рюмка водки.

— Отъ тебя водкой несетъ! вскрикнулъ владыка, отодвигаясь въ сторону. Ты пьешь?

— Ни, ей-же Богу. То такъ одну тилко для смилости, дрожа отъ страха, произнесъ о. Харитонъ въ свое оправданіе.

— У тебя и книги неисправны; ты не умѣешь вести записи церковныя, говорилъ владыка, продолжая перелистывать книги.—Гдѣ ты учился?

— Дома, у батька, едва проговорилъ о. Харитонъ; а на священика мене экзаменувавъ духовникъ въ лаври.

— Знаю я ваши экзамены; по нуждѣ терпѣли васъ старыхъ невѣждъ. Теперь не та пора: многіе окончившіе безъ мѣстъ; погонимъ васъ дураковъ на меньшіе приходы или совсѣмъ удалимъ, грозно сказалъ владыка.

— Мене вильшаницька громада обрала на парахвію, съ дуру болтнулъ о. Харитонъ, вспомнивъ слова Ониси.

— Что онъ говоритъ? спросилъ архіерей у благочиннаго, не понимая простой рѣчи силившагося чѣмъ либо поддержать себя о. Харитона.

Благочинный неумѣло пояснилъ; архіерей вспыхнулъ, весь побагровѣлъ и указавъ на почистки, помарки и кляксы въ книгахъ, загремѣлъ на весь олтарь:

— Ты еще смѣешь указывать мнѣ громаду? А какое имѣетъ право громада выбирать васъ? Теперь не тѣ времена; забудьте ваши старые порядки. Мы перечистимъ васъ, старые пьяницы, лѣнтяи, неучи.

— Простить владыко ствяый, заговорилъ было о. Харитонъ, кланяясь архіерею въ поясь; но раздраженный до нельзя владыка, обозвавъ скороговоркой и его лично дуракомъ, пьяницею и неучемъ, неожиданно закончилъ:

— Сними ризу съ себя; ты недостоинъ встрѣчать и провожать меня, не хочу больше видѣть тебя.

При этихъ словахъ о. Харитонъ совсѣмъ покачнулся на ногахъ, съ перепугу ему показалось, что владыка совсѣмъ лишаетъ его сана. Владыка въ свою очередь смутился и, недоумѣвая, какъ раздѣлаться съ этимъ простакомъ іереемъ, котораго онъ не могъ понять иначе, какъ сильно выпившимъ, и предупредить могущій случиться всенародный соблазнъ, сказалъ благочинному снять съ о. Харитона ризу, а самъ направился въ царскія врата.

— О, несчастный-же я! Пропавъ-же я теперь зовсимъ. За яку оце провину зъ мене санъ знимають?! бормоталъ про себя о. Харитонъ, разоблачаясь подъ наблюденіемъ благочиннаго, и какъ ни увѣрялъ его послѣдній, что тутъ никакого снятія сана нѣтъ, ни-

что уже не могло успокоить о. Харитона: разоблачившись, онъ стоялъ, какъ громомъ прибитый, ничего не видя и не соображая, но только судорожно одергивая рукава и полы рясы.

Владыка между тѣмъ, выйдя изъ царскихъ вратъ и осѣнивъ всѣхъ своимъ благословеніемъ, обратился къ прихожанамъ съ напоминаніемъ о необходимости привести въ большее благолѣпіе и исправность обветшавшую церковь, усердно посѣщать ее и молиться. Набожные прихожане хотя мало понимали недостаточно простую рѣчь владыки, но съ благоговѣніемъ слушали ее и усердно крестились. Осѣнивъ ихъ еще разъ по тремъ сторонамъ крестнымъ знаменіемъ, владыка направился къ выходу. Всѣ бросились лобызать благословящую его десницу, что надолго задержало его въ церкви и даже по выходѣ изъ нея. Пришедшій нѣсколько въ себя о. Харитонъ, руководимый благочиннымъ, направился было къ владыкѣ, что-бы просить его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ и принять отъ него хлѣбъ-соль; но прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлать эту попытку, слабо увѣренный въ ея успѣхѣ,—къ владыкѣ успѣлъ протиснуться сквозь толпу помѣщикъ ольшаницкій, представлявшійся гдѣ-то раньше архіерею, и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Приглашеніе дѣлалось и согласіе давалось на столько громко, что благочинный, разслышавъ то и другое, посовѣтовалъ о. Харитону покориться судьбѣ, отложивъ всякое попеченіе о приглашеніи владыки къ себѣ въ домъ.

Владыка дошелъ наконецъ до воротъ ограды церковной; тутъ ждала его щегольская карета помѣщика, запряженная цугомъ. Панъ съ изысканною почтительностію и любезностію приглашалъ владыку проѣхать въ его экипажѣ, владыка въ свою очередь, отплачивая за любезность, пригласилъ пана садиться съ собою. Карета тронулась, собравшееся духовенство отвѣсило низкій поклонъ, о. Харитонъ стоялъ убитый горемъ, теряя послѣднюю надежду на поправленіе приключившагося ему несчастія.

Никто не послѣдовалъ за отъѣзжавшею каретою въ панскій дворъ. Приглашать священниковъ къ обѣду съ архіереемъ не въ обычаѣ было тогда и у русскихъ помѣщиковъ, а что до крестьянъ ольшаницкихъ, впервые видѣвшихъ у себя архіерея, то они только многозначительно переглянулись между собою и покачали голо-

вами, увидавъ рядомъ съ архіереемъ «нечестиваго», по ихъ выраженію, папа-ляха.

Все, что было у церкви, направилось отсюда во дворъ о. Харитона. То былъ съѣздъ, какого нельзя было увидѣть и во время свадьбы. Всевозможные экипажи, отъ коляски и фургона до простаго воза, переполнили дворъ ольшаницкаго батюшки. Протоіереи и іереи, протодіаконъ, діаконы и иподіаконы, полицейскіе чины и цѣлая орава пѣвчихъ—все это ринулось въ домъ настоятеля прихода, отвѣтственнаго теперь предъ всѣми и во всемъ отъ угощенія до смазки, притомъ не однихъ колесъ. Столы накрыты были не только во всѣхъ комнатахъ, но даже въ сѣняхъ, а погоничей усадили обѣдать на дворѣ подъ окнами дома. Начался обѣдъ. Все, что было приготовлено десятками рукъ, все поглотили болѣе нежели полсотня голодныхъ ртовъ, считавшихъ себя въ правѣ насыщаться чѣмъ и сколько угодно на счетъ одного, виновнаго отнюдь не тѣмъ, что на его улицѣ праздникъ. Чѣмъ ниже ступенью были гости, тѣмъ они были прихотливѣе и нахальнѣе. Протодіаконъ требовалъ все наливки, маленькіе пѣвчіе пуншу съ аракомъ, даже погоничи домогались палянинцъ и ни за что не хотѣли ѣсть ржаного хлѣба. Въ короткое время все, кажется, было выпито и съѣдено; не обошлось и безъ *поручнаго* протодьякону, дьяконамъ, костыльникамъ, конторщику, регенту и даже пѣвчимъ. Только уже подъ вечеръ тронулась архіерейская карета съ панскаго двора, а за нею и весь поѣздъ.

О. Харитонъ, выпроводивъ гостей, какъ слегъ въ постель, такъ и не вставалъ уже съ нея, съ мѣсяцъ провалялся и Богу душу отдалъ.

Осталась Онисія Степановна вдовою съ двумя дочерьми и однимъ сыномъ. Не задолго передъ архіерейскимъ пріѣздомъ она похоронила отца и мать, скончавшихся въ глубокой старости, а теперь пришлось хоронить и мужа. Въ домѣ поднялся великій плачъ: плакала Онисія Степановна, рыдали дѣти. Сошлись со всего села бабы и молодицы, столпились у гроба батюшки и заголосили на весь дворъ.

— Де-жъ я теперь динусь, куды я голову зъ сиротами прихилю? Выженуть мене зъ хаты, выженуть зъ осели. Несчастна я на вики! причитала Онисія, оплакивая своего мужа и чувствуя всю безпомощность своего положенія.

Собралась между тѣмъ во дворъ батюшки ольшаницкая громада. Запылали костры въ огородѣ: громада ставила общественный обѣдъ. Съѣхались сосѣди-священники: лаконически, иносказательно говорили они по поводу смерти своего собрата:

— Не додержавъ справы, сердега! сказалъ одинъ.

— Не вмеръ, то болячка вдавила, замѣтилъ другой.

— Ни сей согрѣши, ни родители его, добавилъ третій.

— Та що вже казати? возразила Онисія Степановна. Якъ-бы таки не той проклятый машлутъ (маршрутъ), ще довго живъ-бы мій старенькій. А то якъ заглянувъ въ той, Господи прости, машлукъ, чи що, такъ заразъ и охоловъ.

Онисія Степановна такъ и осталась при этомъ мнѣніи о причинѣ смерти ея мужа, и никто переубѣдить ее въ этомъ не могъ.

Кончились похороны. Съѣхавшіеся батюшки совѣтовали Онисіѣ Степановнѣ, не теряя времени, ѣхать въ Кіевъ и просить митрополита, по старому обычаю, оставить приходъ за сиротами, пока явится женихъ для старшей дочери о. Харитона. Скорая и подвижная во всемъ Онисія Степавнона на четвертый день послѣ похоронъ отправилась уже въ путь съ прошеніемъ, заготовленнымъ однимъ изъ родственниковъ, бывшихъ на погребеніи. Всю дорогу думала она о томъ, скоро-ли допустятъ ее къ митрополиту, уважитъ-ли онъ ея просьбу, кому поручитъ въ наблюденіе приходъ, какъ устроиться ей съ чужимъ, скоро-ли и кого-то Богъ пошлетъ въ зятья и каково будетъ ей жить и ладить съ нимъ. Между тѣмъ неотступное горе давило ее, и она не знала покоя ни на одну минуту.

Въ Кіевѣ Онисія Степановна нашла пріютъ на Старомъ Городѣ у одного родственника пономаря. На другой день по прибытіи, вставъ рано, съ восходомъ солнца, она прежде, чѣмъ идти въ лавру къ митрополиту, зашла помолиться сперва въ Софійскій соборъ, а оттуда черезъ площадь въ Михайловскій монастырь. Въ послѣднемъ мѣстопребываніе владыки-викарія, имя котораго стало неразлучно для Онисіи Степановны съ воспоминаніемъ о смерти ея мужа. Запавшая ей въ голову злосчастная ревизія, при взглядѣ на окна владычнихъ покоевъ, возстала предъ нею во всѣхъ мелочахъ. Онисія Степановна пришла въ неописанное волненіе: слезы душили ее, руки и ноги дрожали, лице и губы судорожно сжимались, въ ней со всей силой поднялась природная «завзятость».

— Укоротили вика моему напотцю; пиду та хочъ вылаюсь, якъ колись у Балабухи.

И она порывисто устремилась къ владычнымъ покоямъ, поднялась по лѣстницѣ, вошла въ переднюю; но тутъ келейникъ объявилъ ей, что владыка на молитвѣ, что затѣмъ онъ будетъ читать акаѳистъ великомученицѣ Варварѣ, а «подача» будетъ уже послѣ акаѳиста. Услыхавъ слова: молитва, акаѳистъ, подача, Онисія Степановна какъ-бы отъ сна очнулась, повела глазами вокругъ, какъ-то злобно махнула рукою и повернула къ дверямъ. «Нехай ихъ судить Богъ!» проговорила она, сходя съ лѣстницы и соображая, что-то про себя. Келейникъ удивленно смотрѣлъ на столь раннюю просительницу, не понимая, къ кому или къ чему относятся сказанныя ею слова.

Длинный путь въ лавру раннимъ и свѣжимъ утромъ вывелъ Онисію Степановну изъ того крайняго возбужденія, въ которомъ она рѣшалась на дикую, отчаянную выходку, могущую лишь повредить ей. Успокоивала ее и надежда на извѣстную всѣмъ доброту и сострадательность митрополита, котораго такъ и звали милостивымъ, отцемъ вдовъ и сиротъ. Пока она доплелась до лавры и достигла владычнихъ покоевъ, тамъ «подача» приходила уже къ концу. Обширная передняя, стѣны которой всѣ увѣшаны были образами и священными картинами, напомнила Онисіѣ Степановнѣ ея скромную свѣтлицу и подѣйствовала на нее ободряющимъ образомъ. Послѣдніе просители выходили отсюда. Дверь въ залу была раскрыта; тамъ у стола сидѣлъ въ креслѣ митрополитъ. Это былъ глубокій старецъ, воплощенная кротость и благость, святой жизни человѣкъ. Маленькую фигуру его въ большомъ креслѣ, обращенномъ спинкою къ окну, едва можно было разглядѣть издали. Простая черная ряска прикрывала изможденное строгимъ постомъ тѣло его; костлявыя старческія руки непрерывно передвигали зерна скромныхъ четокъ; черная скуфейка на головѣ съ вышитымъ напереди крестикомъ была единственнымъ внѣшнимъ отличіемъ, напоминавшимъ скорѣе о его схимничествѣ, нежели о его высокомъ санѣ. Стоявшій въ передней келейникъ поспѣшно направилъ Онисію Степановну въ залу. При входѣ ея, послѣдній проситель, какой-то убогій пономарь, повернулъ отъ владыки къ порогу. Благословляющая рука владыки только что опустилась и тихо шевелила четками, усталыя вѣки закрылись, полураскрытыя губы что-то шептали;

то была обычная молитва праведнаго старца, которую онъ творилъ непрерывно между словомъ и дѣломъ. Благоговѣйный страхъ проникъ въ душу Онисіи Степановны и подавилъ въ ней чувство скорби и какого-то озлобленія.

Онисія Степановна приблизилась къ столу, владыка поднялъ на нее свои кроткіе глаза. Она отвѣсила низкій поклонъ и, принявъ благословеніе, быстро выпула изъ-подъ платка привезенную съ собою паляницу и положила ее на столъ.

— Это что? ласково спросилъ владыка, удивленный такимъ приношеніемъ.

— Хлибъ святый, зъ дому привезла. Прыймить, владыко святый! отвѣчала Онисія, не считая нужнымъ говорить что-либо другое въ объясненіе предковскаго обычая, котораго она свято держалась.

— Спасибо тебѣ! Да, именно хлѣбъ святой, даръ отъ Господа, о Немъ-же живемъ, движемся и есьмы, сказалъ владыка, взялъ хлѣбъ, поцѣловалъ и снова положилъ на столъ.

Это глубоко тронуло Онисію Степановну.

— Вдова? спросилъ владыка, принимая прошеніе.—Какъ фамилія, гдѣ служилъ мужъ, давно-ли померъ? Сколько осталось сиротъ?

Онисія Степановна громко зарыдала и упала къ ногамъ владыки.

— Встань, не плачь! говорилъ ей участливо владыка. На все воля Божія, все отъ Господа. Всѣ туда пойдемъ. Матерь Божія, царица небесная, утѣшитъ тебя, приметъ сиротъ твоихъ въ свой святый покровъ.

Онисія Степановна, кое-какъ давъ отвѣты на предложенные владыкою вопросы, жалкими словами рисовала свою безпомощность, пока владыка, щуря свои старческіе глаза, пробѣжалъ ея прошеніе.

— Ну, что-жъ? Хорошо: я оставлю приходъ за сиротами. Ищи жениха для старшей дочери, а пока наблюдающаго назначимъ. Третью часть жалованья и доходовъ тебѣ опредѣлимъ,—ну и будетъ съ тебя, ласково говорилъ владыка, просмотрѣвъ прошеніе.

— Чи не можна, владыко святый, оддилити половину? робко спросила Онисія Степановна.—Въ мене двѣ дочки, ще й сынокъ въ школи вчиться.

— Довольно, довольно съ тебя! А впрочемъ какъ съ наблюдающимъ уладишь. Иное дѣло зять, у него также могутъ быть дѣти и ему половины было-бы мало. Вѣдь твои-же дѣти, твои внуки бу-

дутъ. Только живите мирно, не спорьте, любите другъ друга, и Господь не оставитъ насъ,—кротко поучалъ владыка.

Онисія Степановна въ умиленіи преклонила голову. Владыка, благословляя ее большимъ крестомъ, положилъ руку на голову и тихо, глубоко сердечнымъ тономъ говорилъ:

— Ну, вотъ видишь: Господь милосердый печется о сирыхъ чрезъ насъ грѣшныхъ! Хранитъ Господь сира и вдову. Молись Господу, пречистой Матери Его, святымъ угодникамъ печерскимъ, и Господь пребудетъ съ вами. Иди съ миромъ!

Никогда въ жизнь свою Онисія Степановна не испытывала такой сладости и мира въ душѣ, съ какими вышла отъ праведнаго старца. Успокоенная и ободренная, она поспѣшила въ обратный путь, неся съ собой радостную вѣсть.

Скоро всюду стало извѣстно, что ольшаницкій приходъ оставленъ за сиротами, и къ осени стали навѣдываться къ Моссаковскимъ окончившіе курсъ семинаристы. На Покровъ явился настоящій женихъ Петръ Завиновскій и сдѣлалъ предложеніе старшей Моссаковской, Настунѣ. Онъ окончилъ курсъ по второму разряду и, только сватаясь на сиротѣ, могъ разсчитывать на полученіе ольшаницкаго прихода, считавшагося въ числѣ лучшихъ. Женихъ не былъ привлекателенъ и по наружности: бѣлокурый, полный, немного сутуловатый, онъ имѣлъ блѣдно-зеленоватое лице, отвислыя губы и приплюснутый носъ; но Настунѣ, какъ сиротѣ, не приходилось перебирать. Она дала слово, и еще до заговѣнъ на Филипповъ постъ Онисія Степановна справила свадьбу. Свадьба была сиротская, безъ музыки, безъ танцевъ. Гости поужинали и скоро разъѣхались по домамъ.

Онисія Степановна надѣлила дочь и затя всѣмъ, что было нужно для хозяйства: дала три пары воловъ, двѣ коровы и телку, пару лошадей, двѣсти рублей денегъ и много мелочей, отъ брички и плуга до топора, отъ овцы и свиньи до курицы. Сама она съ меньшею дочерью и сыномъ перебралась въ недавно передѣланную изъ сѣней комнату съ особымъ ходомъ, а молодымъ предоставила остальное помѣщеніе.

Привыкши всю жизнь распоряжаться всѣмъ у себя въ домѣ, Онисія Степановна не думала выпускать изъ своихъ рукъ хозяйство: всѣ ключи отъ коморы, кладовой, погреба и пр. она держала

у себя, зятю передала, и то лишь изъ прилики, ключи отъ конюшни, а молодая хозяйка, Настуня, осталась безо всего. Но послѣдняя характеромъ вышла въ мать, и прежнее зависимое положеніе не могло не огорчать ее на первыхъ уже порахъ. Еще менѣе могъ сносить такое положеніе зять, и скоро въ только что устроившейся семьѣ начались мелкія несогласія, споры и укоры, предвѣщавшія полный разладъ.

Началось съ кухни, или стола. Онисія Степановна кормила зятя, по старому порядку, борщемъ и кашей, зятю-же хотѣлось чего нибудь и лучшаго. Вкусы ихъ не сходились; каждый разъ за столомъ теща и зять перекидывались словами, выражавшими взаимное недовольство. Зять распорядился ставить утромъ и вечеромъ самоваръ, теща считала это не идущимъ къ лицу его барствомъ. Зять, видя, что теща скупится зажарить курицу или утку и держитъ его на черномъ хлѣбѣ, когда и пшеничной муки у нея вдоволь, сталъ добывать изъ Богуслава говядину на жаркое и крупичатую муку на булки, принося это какъ-бы въ подарокъ и подмогу; теща усматривала въ этомъ личное оскорбленіе, да и вообще считала это баловствомъ и совсѣмъ излишнею тратою.

Тѣже препирательства и съ дочерью. Разъ Настуня взяла ключи отъ коморы и кладовой и не отдала ихъ матери. Онисіѣ Степановнѣ скоро понадобились ключи: она повела рукой у пояса, гдѣ у нея всегда висѣли ключи, ключей не оказалось. Она побѣжала къ дочери.

— Настуню! Чи це ты мени не оддала ключивъ, чи я ихъ де загубила? спрашивала Онисія Степановна.

— Ни, не оддала, сказала спокойно Настуня.

— То дай-же сюды, торопливо сказала мать.

— На що вамъ, мамо, ключи! отвѣчала дочь. Я буду выдавати харчъ до пекарни.

— А то навищо! крикнула Онисія Степановна.

— Та тымъ, що вы годуете насъ борщемъ та кашею, отозвался зять, покраснѣвши до ушей.

— Ото велыки паны понаиздили въ Вильшаныцю! отрѣзала съ разу теща. Якъ забагатіете, то тоди и будете ѝсти пундыки. Попереду придбайте, та тоди й коверзуйте. Въ мене збыткивъ не було й не буде.

— Зять вспыхнулъ; лице его покраснѣло отъ гнѣва, онъ поднялъ голову вверхъ и твердо произнесъ:

— Коли сказати правду, то господыня въ доми моя Настуня, а не вы.

— Хто? Настуня, а не я! Я тридцять литъ тутъ господынею. Мои коморы, мое добро въ коморахъ. Наорить, насійте, та тоди будете господарями, затрещала взбѣшенная теща, и обращаясь къ дочери, крикнула: оддай сюды ключи!

— Настусю, не давай! крикнулъ зять.—Въ комори сыръ, масло, всяке добро, а вы насъ годуете кашею съ саломъ, добавилъ онъ, обращаясь къ тещѣ.

— Не ваше масло, не вашъ сыръ. Я сыръ продамъ, та грошей зароблю. Въ мене е дочка, въ мене е сынъ, есть у мене для кого дбати, та й соби на старисть де чого треба, огрызалась Онисія Степановна.

— Та що вы, мамо, такъ бидкаетесь? Хиба мы имъ, або вамъ боронимо жити при насъ? Хиба мы коли васъ съ хаты выгнали-бъ, чи що? отозвалась Настуня.

— А ты думала ще мене зъ хаты выганять! Зась тоби! не диждешъ цёго. Я тутъ господыня, а не ты! закричала еще сильнѣе мать.

Пошли споры о домѣ, о землѣ, огородѣ. Первая схватка вышла ожесточенною, ей казалось и конца не будетъ. Вдругъ Онисія Степановна вспомнила, что ее давно ждутъ въ кухнѣ, и въ пылу распри крикнула дочери:

— Дай сюды ключи! мени не до тебе.

Дочь замялась, мать бросилась къ ея карману, выхватила ключи прежде, чѣмъ та спохватилась удержать ее и, хлопнувъ дверью, быстро ушла въ кухню.

Семейное согласіе было нарушено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Дочь и зять, придя въ себя, не знали, какъ и чѣмъ поправить дѣло. Едва удалось Настунѣ кое-какъ успокоить мать и испросить у нея прощеніе. Но это было не надолго. Пройдетъ два-три дня и снова какая нибудь зацѣпка съ той или другой стороны и опять новыя, еще болѣе сильныя сцены. Онисія Стеновна ни на волосъ не уступала изъ своихъ правъ и власти и всю вину валила на непокорность дочери и зятя; въ простотѣ души своей она была убѣждена, что такъ на роду ей написано, что таково всегда и вездѣ положеніе тещи, и не разъ въ часы раздумья

за шитьемъ или пряденьемъ, припоминая давно забытыя пѣсни, она мурлыкала про себя:

Ой, пиду я до дочки, наберуся бидочки;
А пиду я до сына, лихая-жъ моя година!

Въ свою очередь Настуня и ея мужъ, по самой молодости своей, не могли додуматься до истинной причины мучившаго ихъ семейнаго раздора и всю вину онаго приписывали непомѣрной скупости матери и ея безпокойному характеру. Два поколѣнія съ несходными понятіями, съ различными привычками и вкусами сошлись на почвѣ нрава, плохо разграниченнаго, до крайности спутаннаго. Столкновенія возникали чуть не каждый день и при невоздержности обѣихъ сторонъ, при грубости нравовъ и пріемовъ доходили чуть не до драки, принимали дикій, омерзительный видъ. Старая матушка поражала зятя своею придирчивостью и неугомонностью въ спорахъ. Стоило чѣмъ нибудь задѣть ее, какъ поднимался неустанный крикъ на нѣсколько часовъ. То и дѣло выбѣгала она изъ своей комнаты въ комнату дочери, оттуда въ свѣтлицу и осыпала новою бранью и укорами зятя и дочь, когда тѣ думали, что спору настaлъ конецъ. Зять потерялъ всякое терпѣніе и, когда теща однажды, сдѣлавъ подобную вылазку и накричавшись до сыта, юркнула въ свою комнату и захлопнула за собою дверь, досталъ молотокъ и гвозди и сталъ заколачивать дверь. Теща кричала изъ-за стѣны:

— Забиваете одъ матери двери; я васъ достану и черезъ двери!

Съ тѣхъ поръ семья и видимо для всѣхъ раздѣлилась на двѣ половины: въ кухнѣ стряпали двѣ служанки, столъ готовили отдѣльно,Описія Степановна обѣдала съ младшею дочерью, Палажкою, рано, зять съ Настунею въ полдень. А ключи все таки остались въ рукахъ старой хозяйки: она держала ихъ въ сундукѣ подъ замкомъ и сама ходила въ кладовую, въ погребъ и комору. Къ рождественскимъ святкамъ какъ-то помирились; ѣли кутью вмѣстѣ и обѣдали первые два дня вмѣстѣ-же, а потомъ опять пошло все на розпь. Говѣючи, дѣти просили у матери прощенія, а потомъ бранились за «кухлики», за право продавать просфоры для «спасенниковъ». Въ Пасху христосовались, разгавливались, обѣдали, даже въ гости ѣздили вмѣстѣ, а потомъ вышла цѣлая катавасія. Приш-

лось огородъ орать, а огородъ былъ большой, въ нѣсколько десятинъ, на левадѣ. Зять предлагалъ матери не раздѣлять огорода,—пусть де все будетъ общее,—на самомъ дѣлѣ онъ не признавалъ даже за нею права на третью часть огорода. Теща ни за что не соглашалась. Зять поупрямился и, выславъ свой плугъ, велѣлъ орать весь огородъ. Онисія Степановна слѣдила за работой и, когда наймиты дошли до указанной межи, грозно потребовала не касаться ея части. Наймиты не слушались; она схватила палку и стала бить воловъ, не пуская ихъ впередъ по бороздѣ. Поднялся крикъ, прибѣжалъ батюшка и велѣлъ погонять. Старая матушка разставила руки впереди воловъ и не трогалась съ мѣста. Батюшка прикрикнулъ на наймитовъ, погоничъ махнулъ батогомъ, волы тронулись, матушка растянулась поперекъ на землѣ. Погоничъ плюнулъ, бросилъ кнутъ и пошелъ ко двору, за нимъ послѣдовалъ плугатарь. Матушка вскочила на ноги, повынимала «занозы» и нагнала воловъ на вспаханную часть, а сама пошла домой.

— Це кара Господня, а не теща! кричалъ зять проходившей мимо тещѣ.

— Геть зъ моеи господы, щобъ твого духу тутъ не було! отвѣчала ему теща.

На другой день она уже орала свою часть огорода своими-же волами.

Отразивъ столь мужественно покушеніе зятя относительно огорода, Онисія Степановна нашла необходимымъ оградить себя относительно полевой земли и для этого изыскала способъ болѣе дѣйствительный, чѣмъ выдѣленіе ей третьей, сиротской части. Не медля ни мало, она отправилась въ Кіевъ и выпросила себѣ мѣсто просфирни при ольшаницкой церкви, а съ нимъ, сверхъ 15 руб. годоваго жалованья, четвертую часть указнаго поля и тотчасъ-же принялась пахать и сѣять, какъ простой сельскій хозяинъ.

Стычки съ зятемъ не прекращались, напротивъ еще болѣе участились. Не привыкши уступать кому-либо и легко прощать мнимыя свои обиды, старая матушка повела скрытную атаку на зятя съ цѣлью выжить его совсѣмъ изъ Ольшаницы, а для этого она участила свои сношенія съ громадою, ослабѣвшія со смертью мужа. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, а иногда и въ будни, являлись къ ней изъ села «жиночки» то съ подарками, то съ работой,

то просто въ гости, а она ихъ угощала водкой и наливкой и за чаркой жаловалась на зятя и разсказывала, какъ онъ ее обижаетъ и какой онъ не добрый для нея; «жиночки» слушали ее съ участіемъ, передавали слышанное своимъ мужьямъ и возбуждали ихъ противъ молодого батюшки. Спустя немного о. Петръ Завиновскій и въ самомъ дѣлѣ сталъ замѣчать въ своихъ прихожанахъ какое-то глухое недовѣріе къ себѣ и недоброхотство, отнюдь не догадываясь, что все это идетъ отъ той-же тещи. А теща готовила ему новое огорченіе, новый ущербъ.

Зацвѣли деревья въ саду; можно было ждать богатаго урожая ягодъ и фруктовъ. О. Петръ съ женою, гуляя въ саду, любовались цвѣтомъ, мечтали о томъ, какъ приготовятъ разныхъ наливокъ, а излишекъ продадутъ. Вдругъ Онисія Степановна заявляетъ имъ, что ей слѣдуетъ также третья часть сада, какъ и огорода, и выдѣлила для себя лучшую часть, гдѣ росли большія и болѣе плодовитыя деревья, а зятю и дочери предоставила молодой «вишникъ» и густо поросшія, также молодыя сливы. О. Петръ и Настуня не придали этому значенія и, когда поспѣли ягоды, безъ церемоніи рвали и ѣли ихъ на пространствѣ всего сада. Онисія Степановна сначала только ворчала, потомъ стала дѣлать по временамъ замѣчанія, а наконецъ и просто поселилась въ саду и стала стеречь свою часть. Молодые супруги перестали ходить въ садъ; но вмѣсто ихъ появились пріѣхавшіе на каникулы къ о. Петру два меньшіе его братья, ученики уѣзднаго училища. Отъ нихъ никакъ нельзя было уберечь поспѣвшія уже совсѣмъ черешни. Только что выйдетъ изъ саду Онисія Степановна за какимъ нибудь дѣломъ, они уже на деревьяхъ и безпощадно обрываютъ ягоды. Бранилась она, кричала, гонялась за ними,—ничто не помогаетъ: нарвавъ ягодъ, юркіе школяры, какъ бѣлки, спускались съ дерева внизъ и, какъ легкія серны, убѣгали на край сада, къ рѣкѣ, въ чащу вербъ.

Онисія Степановна пустилась на хитрость: разъ усѣлась она подъ вишнями, положивъ около себя длинную хворостину, потомъ прилегла, вытянулась и прикинулась спящею. Школяры тотчасъ одинъ на вишню, другой на черешню и давай ягоды рвать. Мгновенно схватывается Онисія Степановна и летитъ къ нимъ съ хворостиной. Сидѣвшій на вишнѣ предпочелъ, при первомъ подступѣ Онисіи Степановны, спрыгнуть на землю и, получивъ два-три под-

затыльника, удралъ изъ сада, а забравшійся на черешню успѣлъ подняться такъ высоко, что Онисія Степановна при всѣхъ усиліяхъ никакъ не могла достать его своей длинной тычиной, а онъ, дразня ее, приговаривалъ изъ сказки объ Ивасикѣ-Телесикѣ:

Гуси, гуси-лебедята,
Визьмить мене на крылята!

Раздраженная Онисія Степановна въ безсильной злобѣ побѣжала къ зятю и выбранила его на всѣ лады.

Настало время уборки хлѣба: зять не могъ не замѣтить, что къ нему съ меньшимъ усердіемъ, нежели къ тещѣ, идутъ прихожане на работу, что ей помогаютъ за одно угощеніе, а къ нему иные не идутъ и за деньги. Пришло время ссыпать въ засѣки намолоченное зерно, прятать огородину въ погребъ; поднялись новыя ссоры изъ-за ключей, мать и дочь чуть не подрались изъ-за нихъ среди двора. Завиновскій увидѣлъ, что ему житья не стало и поѣхалъ къ Балабухѣ жаловаться на тещу. Протопопъ, выслушавъ жалобу молодаго батюшки и зная нравъ его тещи, посовѣтовалъ ему искать другаго прихода. Завиновскій такъ и сдѣлалъ: съѣздилъ въ Кіевъ и послѣ долгихъ усилій получилъ другой приходъ.

— Це кара Господня, а не теща! повторялъ зять, раздраженный на выѣздѣ изъ Ольшаницы спорами о томъ, что можетъ онъ взять съ собой, какъ свою собственность, и чего не долженъ брать.— Правдива теща, а не мати! восклицалъ онъ.

— А ты правдива завина, а не зять! отвѣчала ему Онисія Степановна, видимо торжествовавшая свою побѣду надъ непокорными дѣтьми.

По выѣздѣ ихъ, она тотчасъ отбила дверь изъ своей комнаты, заколоченную зятемъ, и почувствовала себя опять полною хозяйкою во всемъ домѣ, и дворѣ, и даже въ приходѣ. Приходъ, по силѣ первой резолюціи митрополита, переходилъ къ младшей ея дочери, Палажкѣ, и Онисіѣ Степановнѣ небольшаго уже труда стоило испросить новое о семъ распоряженіе.

Палажка была красивѣе Настуни и характера гораздо болѣе мягкаго. Скоро явился и къ ней женихъ, молодой «богословъ», Василій Лопатинскій. Онисія Степановна справила свадьбу также экономно, какъ и свадьбу старшей дочери, и поспѣшно выправила молодаго зятя «на постригъ», а когда онъ вернулся по посвященіи

домой, не замедлила взять его сразу въ руки, что впрочемъ не представило для нея и особаго труда.

Лопатинскій былъ человѣкъ тихій, спокойный и замѣчательно доброй души. Онъ почиталъ Онисію Степановну, какъ опытную хозяйку и мать горячо любимой имъ жены, уступалъ и угождалъ ей во всемъ. Это былъ совсѣмъ другаго покроя человѣкъ, нежели старшій зять: любилъ онъ почитать, подумать и даже помечтать, изрѣдка выѣзжалъ въ гости и не имѣлъ особаго расположенія къ занятіямъ хозяйственнымъ. Онисія Степановна взяла въ свои руки все хозяйство, командовала слугами и распоряжалась всѣмъ, какъ было при жизни о. Харитона. Все собранное съ своей части огорода, поля и сада она переводила на деньги и копила ихъ даже и тогда, когда не для кого стало копить, когда сынъ ея уже выросъ, окончилъ курсъ и самъ сталъ священникомъ.

Зять радъ былъ, что есть кому въ домѣ распорядиться и за всѣмъ присмотрѣть; онъ понималъ даже, что отдѣленіе въ пользу тещи третьей части сада, поля и огорода въ значительной степени окупается ея неусыпною дѣятельностью и опытностью въ хозяйствѣ. Жена въ свою очередь настроена была одинаково съ нимъ и ни въ чемъ не противорѣчила матери. Онисія Степановна, по собственнымъ ея словамъ, жила, какъ рыба въ морѣ. Всѣ ключи висѣли у нея около пояса, все исполнялось по ея желанію и приказу, ничто не дѣлалось безъ ея распоряженія или согласія; вставала она, какъ и прежде, съ пѣтухами, будила прислугу и, пока зять и дочь еще спали, успѣвала все сдѣлать, всѣмъ распорядиться по дому и хозяйству. Лѣтомъ она ѣздила сама на лугъ и поле къ косарямъ, гребцамъ, жнецамъ, присутствовала при свозкѣ хлѣба, запашкѣ и сѣвбѣ и наблюдала за всѣми и всѣмъ. Любила она наѣхать невзначай и всполохнуть рабочихъ, когда они, усталые отъ работы и зноя, растянутся гдѣ-либо въ тѣни и заснутъ крѣпкимъ сномъ; тутъ старая матушка грянетъ надъ ними, какъ громъ, нашумитъ, накричитъ, а иного и кнутикомъ хлестнетъ. За то и ненавидѣли ее рабочіе, а въ особенности домашняя прислуга, понимая, что не она хозяйка въ домѣ. Наймиты и наймички всѣми способами увиливали отъ непосильной работы, отгрызались отъ старой матушки непочтительными и бранными словами, или мстили ей какой-нибудь злой шуткой.

Разъ Онисія Степановна выѣхала въ поле безъ погонича и далеко уже за полдень, пробыла тамъ до вечера и, уже въ сумерки возвращаясь домой, велѣла одному изъ наймитовъ сѣсть на козелокъ и править лошадью.

Наймитъ предложилъ матушкѣ ѣхать «навпростець», чтобы скорѣе доѣхать домой.

— Про мене, поганяй и навпростець, сказала матушка, ничего не подозрѣвая.

Пока ѣхали дорогой, наймитъ даже придерживалъ лошадь; но какъ только свернули на невспаханное поле, чтобы выѣхать на другую дорогу, онъ погналъ лошадь изо всѣхъ силъ. Бричка запрыгала по кочкамъ и впадинамъ, матушка подпрыгивала съ нею, какъ мячикъ, и качалась съ боку на бокъ, такъ что даже духъ ей захватывало. Она стонала, охала и наконецъ крикнула наймиту:

— Та не жени такъ коняку, бо ты зъ мене духъ выпрешь.

— Та то вона сама такъ до дому рветця; мабуть пить хоче, чи що, пробормоталъ наймитъ и въ потьмахъ стегалъ лошадь по ногамъ.

Лошадь мчалась, въ поперегъ поля то и дѣло попадались то глубокія, отъ дождя запавшія борозды, то высокія обрывистыя межи. Бричка то западала въ глубь, такъ что матушка ударялась лицемъ о спину наймита, то переваливалась черезъ межу и съ такою силою ударялась сперва передними, потомъ задними колесами, что оси едва не отбивались. Матушка чуть зубовъ не поломала, языка не перекусила, а при одномъ переналѣ черезъ межу такъ сильно грохнулась вмѣстѣ съ бричкой, что изо всѣхъ силъ закричала:

— А бодай тоби въ печинкахъ такъ гупало! И нарайла-жъ накостна людина ïхати на впростець. Придержуй коняку, кажу тоби, та вважай на межахъ.

Наймитъ увѣрялъ матушку, что онъ сдерживаетъ лошадь всѣми силами, но что въ потьмахъ трудно разглядѣть, гдѣ межа, а потому совѣтовалъ ей приподыматься и держаться руками за края брички. Но едва матушка поднялась, какъ бричку толкнуло, матушка шарахнулась назадъ и едва не вывалилась изъ брички.

— Бый тебе сила Божа! вскрикнула она, велѣла остановить лошадь, слѣзла съ брички и пошла пѣшкомъ, а наймитъ задыхался отъ смѣху, пока не выбрались на дорогу.

Онисія Степановна такъ и не догадалась, что это отплата ей за ея придирки и притѣсненія въ работахъ, а наймитъ, возвратясь домой, долго хохоталъ надъ тѣмъ, какъ онъ старую матушку возилъ по межамъ и чуть не отбилъ ей «печинокъ».

Скопидомство, бережливость и прямая скупость Онисіи Степановны служили для нея самой источникомъ безпокойства и мученій, огорчали ея дѣтей и становились предметомъ насмѣшекъ, злословія и брани у чужихъ. Разъ какъ-то она поѣхала въ Богуславъ за горшками и прочей глиняной посудой и не взяла съ собой погонича, не желая понести ущербъ въ хозяйствѣ; но на обратномъ пути лошадь понесла съ горы, бричка опрокинулась и горшки всѣ переколотились.

— Отъ теперъ сміїтесь зъ мене, говорила Онисія Степановна зятю и дочкѣ, возвратясь домой: привезла я зъ ярмарку одного цилого глечика.

— А треба було доконче самимъ ïхати, сказала дочь.

— Э, дочко; добре, що вы соби сидите, та книжечки читаете.

Однажды осенью Онисія Степановна повезла въ тотъ-же Богуславъ самолично продавать капусту, картофель и морковь. Протопопша, проѣзжая черезъ базаръ и завидѣвъ свою давнишнюю соперницу на простомъ возу, подошла къ ней, какъ-бы къ совсѣмъ незнакомой, торговалась долго, давая полцѣны, ничего не купила и, насмѣявшись вдоволь, отошла. Возвратясь домой, Онисія Степановна разсказала о томъ дѣтямъ, изругавшись надъ протопопшею. Зять огорчился и не совѣтовалъ матери, чести ради, самой ѣздить по базарамъ.

— На що вамъ той клопитъ здався? говорилъ онъ.—Чи мы вамъ хлиба жалуемо, чи що?

— Про це не скажу, не пожалуюсь, але мени часъ и на смерть дбати, щобъ було за що мене поховати; нехай помянуть мою душу по смерти на мои труда, отвѣчала Онисія Степановна.

Чувствовала она, что надо милостыню подавать; но ей жаль было и хлѣба и денегъ, и она раздавала нищимъ то черствый хлѣбъ и засохшіе пироги, то такія старыя и затертыя деньги, которыхъ даже жиды не брали и которыя она для этой цѣли нарочно откладывала. Нищіе знали ея милостыню и неохотно протягивали къ ней руки.

Уходили годы; у молодыхъ появились дѣти. Понадобилось расширить помѣщеніе. О. Василій пристроилъ къ дому еще двѣ комнаты, а Палазя воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ убранствѣ дома и не отстать отъ другихъ. Размѣстивъ висѣвшіе въ свѣтлицѣ сплошными рядами образа и перенеся значительную долю ихъ въ комнату матери, подъ предлогомъ, что у нея мало иконъ, и даже въ кухню, она увѣшала стѣны свѣтлицы разными бумажными картинками въ рамкахъ, пріобрѣтенными мужемъ въ Кіевѣ. Отлучаясь то въ поле, то въ городъ, мать и не спохватилась, какъ дочь перестроила по своему весь домъ и особенно свѣтлицу. Тамъ образа остались лишь по угламъ, а на стѣнахъ красовались изображенія красивыхъ женщинъ съ котенками, кроликами да птичками.

— А ты нечестива! Заразъ мени повишай образы, накинулась было Онисія Степановна на свою Палазю, замѣтивъ перемѣну, и долго спорила съ нею, упрекая ее въ подражаніи протопопшѣ, въ небреженіи о спасеніи души, неуваженіи къ святынѣ и т. под., но потомъ освоившись съ новинкой, когда никого не бывало въ свѣтлицѣ, по долгу оставалась и сама предъ нечестивыми картинками и, любуясь ими, восклицала:

— Тай гарни-жъ, хиря ихъ матери, оти панны, котики та кролики! Зовсимъ неначе живи. Воно було-бъ зовсимъ до ладу, коли-бъ не ти голи груди и плечи. Чортъ-ма имъ стыда й сорома! Зовсимъ, якъ було колись Олеська выходить до гусаривъ.

Любила Онисія Степановна своихъ внучатъ, когда они поднялись на ноги, ласкала и нѣжила ихъ и берегла пуще своего глаза: сама ихъ кормила и поила, умывала и причесывала, одѣвала и раздѣвала и укладывала спать. Лѣтомъ цѣлый день они игрались при ней въ саду, а она стерегла вишни и груши отъ хлопцевъ. Берегла она внучатъ, какъ сказочный змій «цилющу воду»: никто не смѣй тронуть ихъ, ни прислуга, ни даже мать; такъ и набросится на каждаго, а наймичку подъ часъ и палкой потянетъ.

Крестьянскихъ дѣтей Онисія Степановна ненавидѣла и единственно за то, что многія изъ нихъ крали у нея въ саду груши и яблоки. И сѣкла-же она ихъ больно, поймавши въ саду,—крапивой, бурьяномъ, вѣтками вишень или сливъ, драла за вихры, подзатыльники давала. Иногда она «острахъ» дѣлала: возьметъ въ одну руку

грушу, въ другую розгу, выйдетъ за садъ, розгу спрячетъ за спиной, а грушей манитъ проходящихъ хлопчиковъ, и только который руку протянетъ,—она его розгой. Такъ хлопцы десятой улицей обходили садъ.

Старѣлась Онисія Степановна и становилась годъ отъ году все сердитѣе и злѣе. Съ утра до ночи только и слышенъ былъ въ домѣ ея голосъ: бранила она прислугу, грозилась на внучатъ, приставала къ зятю, грызла голову дочери. Наймички перестали бояться ея и смѣялись надъ ней въ глаза. Скаредность ея дошла до крайнихъ предѣловъ,—она жалѣла чего нибудь съѣстнаго даже для внучатъ, которыхъ такъ любила. Остались напримѣръ отъ обѣда пироги, «бабуня» снесетъ ихъ въ кладовую и запретъ на замокъ. Придетъ вечеръ, внучата просятъ ключей, «бабуня» не дастъ и даже сердится. Старшая внучка побѣжитъ бывало вечеромъ къ бабушкѣ, сядетъ около нея на постели, ласкается, болтаетъ, а какъ бабушка вздремнетъ, вытянетъ потихоньку у нея ключи, и тотчасъ за пироги. О. Василій, тайно отъ тещи, заказалъ сдѣлать другіе ключи къ замкамъ отъ кладовой и всякихъ въ ней сундучковъ. Долго такимъ образомъ избѣгали лишнихъ столкновеній съ подслѣповатой уже старухой и ея неустаннаго ворчанья. И тѣмъ не менѣе много еще всякой другой возни съ нею было: не смѣй безъ нея ничего сварить, или испечь, ни горсти муки взять. Запарила наймичка квашу и поставила на печи. Вошла Онисія Степановна въ кухню, когда въ ней никого не было, увидѣла горшокъ, пожелала заглянуть и нечаянно опрокинула горшокъ. Тутъ вошла наймичка, матушка на нее мокрымъ ряднομъ: и какъ смѣла запаривать квашу, не спросясь, и зачѣмъ на краю печи ставитъ, и откуда муку взяла, и пр. и пр.

Пошла Онисія Степановна жаловаться дочери на наймичку; вдругъ видитъ, кладовая отперта, и внучка оттуда что-то забираетъ. Она съ разу догадалась, въ чемъ дѣло, и какъ ни увѣряла внучка, что бабуня сама отперла кладовую и только забыла запереть, ничто не помогло. Онисія Степановна страшно разсердилась, избранила зятя и дочь, грозила бросить ихъ совсѣмъ и перейти къ сыну.

— Вси мене тутъ обижають, вси на мене кричать, та ще обманюють мене, поробили инши ключи, все забирають, выкрадають!.. Нема мени тутъ догоды и спокою; покину васъ та пиду до сына.

«Догодить» Онисіѣ Степановнѣ было очень трудно, особливо въ пищѣ. Стара она стала: повыпадали у нея зубы, желудокъ не варилъ, и она все попрекала дѣтей, что и «паляныци у нихъ тверди, и пироги не пухки, и вареники не знать яки, и каша хрущить, неначе зъ пискомъ зварена». И приправляла она эти попреки особою желчью. Подали однажды жареную курицу за обѣдомъ; Онисія Степановна уязвляла дочь такими словами:

— Це ты, доню, такъ спекла курку, щобъ я моими опеньками ничого не вгрызла. Хочете, щобъ я зъ голоду вмерла, та щобъ добро мое вамъ швидче досталось.

На слѣдующій день дочь приготовила вареники; но мать и съ ними справиться не могла и со злости говорила:

— Це ты, дочко, такихъ вареныкивъ наварила, що ними тильки вдавитьця. Це вы мабуть хочете, щобъ я наилась тихъ вареныкивъ та швидче вмерла, а вы-бъ забрали мои гроши.

Зять и дочь успокоивали старуху, что никто изъ нихъ не желаетъ ей смерти и не думаетъ о наслѣдствѣ; но на этотъ разъ старуха вышла почему-то изъ себя и, перечисливъ всѣ испытанныя отъ нихъ огорченія, сказала наконецъ:

— Цуръ вамъ, пекъ вамъ зъ вашимъ добромъ! Пиду до сына.

Послѣ полудня Онисія Степановна надумалась идти къ сыну, взяла палку и побрела со двора. Пока вышла за село, уже устала. За селомъ, при самой дорогѣ, стояла могила, гдѣ похоронены были побитые повстанцы. Онисія Степановна взобралась на могилу и долго на ней сидѣла, поджидая, не будетъ-ли кто проѣзжать и не подвезетъ-ли ее къ сыну. Но никто не проѣзжалъ, а солнце уже садилось. Возвращаться къ дочери не хотѣлось, а идти къ сыну уже поздо, хотя и не такъ далеко. Онисія Степановна сидѣла въ раздумьѣ. Солнце зашло, наступалъ мракъ, ей мерещились уже мертвецы, зарытые въ могилѣ. Оглянулась она назадъ: изъ дому никто не шелъ догонять ее и просить.

— Та й запекли ихъ души! нихто не доганяе мене, говорила Онисія Степановна про себя, и все таки сидѣла и ждала.

Вдругъ у въѣзда изъ села показалась наймичка. Онисія Степановна даже привстала на могилѣ. Наймичка замѣтила ее и подошла къ могилѣ.

— Чи це ты за мною, чи ягнятъ може шукаешь? спросила матушка.

— Та за вами-жъ, не за кимъ-же, сказала наймичка.

— А чи дуже плачуть тамъ за мною?

— А вже-жъ плачуть. Якъ-бы не плакали, то не послали-бъ мене за вами.

Свела наймичка «стару матушку» съ могилы и повела ее домой. Матушкѣ было неловко, она тихонько прошла въ свою комнату и не выходила ужинать съ дѣтьми.

На другой день Онисія Степановна попросила у зятя лошадей и дѣйствительно переѣхала къ сыну, но скоро опять возвратилась назадъ.

Одряхлѣла Онисія Степановна, сгорбилась, стала какъ будто ниже и едва ходила. Она еще не разъ оставляла дочь и переѣзжала къ сыну, но черезъ недѣлю опять возвращалась въ Ольшаницу. Ее тянуло въ домъ и село, гдѣ она вѣкъ свой прожила. Уже старшія внучки повыростали и повыходили за мужъ, а Онисія Степановна все живетъ и живетъ, какъ будто смерть о ней забыла, и старческими причудами морочитъ и своихъ и чужихъ.

Олеся, жена Балабухи, не смотря на титулъ протопопши, такъ и осталась Олесею. Въ ней сохранилось прежнее желаніе рядиться и молодиться, неудовлетворенное чувство любви, непонятное стремленіе къ чему-то лучшему, изящному и прекрасному. Для всего этого мало было пищи въ уѣздной глуши, а то, на что наталкивалась она здѣсь, при отсутствіи образованія и развитія, только извращало чистыя въ своей основѣ природныя наклонности и дѣлало ее предметомъ злыхъ пересудъ и язвительныхъ насмѣшекъ. Своего рода прогрессъ и вѣянія уѣздной жизни коснулись и ея, но лишь внѣшней стороной. Прежде всего самъ Балабуха, а за нимъ и Олеся постепенно усвоили себѣ русскій языкъ, и иначе и не могло быть въ ихъ положеніи; появились нѣкоторыя улучшенія и перемѣны въ обстановкѣ домашней, въ распорядкѣ будничной жизни, но за тѣмъ все осталось по прежнему,—тѣ-же стремленія, таже злоба дня.

Послѣ страшной катастрофы съ Казанцевымъ Олеся исхудала и потемнѣла, краса ея отцвѣла и, какъ цвѣтъ, опала: Олеся стала накрашиваться и набѣливаться. Балабуха постарѣлъ и посѣдѣлъ и на причудливую жену только рукою махнулъ. Онъ располнѣлъ, какъ-то осунулся, сталъ еще апатичнѣе и безотвѣтно покорялся

прихотямъ и затѣямъ жены; въ обществѣ другихъ сидѣлъ молча, курилъ трубку и по цѣлымъ вечерамъ тянулъ крѣпкій пуншъ съ ромомъ.

Дочь Олеси, также Настя, какъ и старшая дочь Онисн, подросла и стала очень красивою дѣвушкой. Она начала учиться играть на фортепьянѣ у одной дамы въ богуславскомъ пансіонѣ; Олесѣ приходилось купить фортепьянъ. Фортепьяномъ надѣлилъ старый другъ ея Баньковскій, давно женившійся на какой-то шляхтянкѣ. Фортепьянъ былъ старый и плохой; Баньковскій починилъ его коекакъ съ помощью костельнаго органиста и спустилъ, по старой дружбѣ, за сто рублей.

Фортепьянъ даже для первоначальной игры оказался неудовлетворительнымъ, вмѣсто опредѣленныхъ звуковъ, пріятной гармоніи, онъ издавалъ какой-то разящій ухо шумъ и стукъ. Приходилось, что ни мѣсяцъ, звать органиста настраивать фортепьянъ, но настройка столько-же помогала разбитой и поломанной машинѣ, сколько старой лошади канчуки цыгана. Между тѣмъ Олеся сама очень любила музыку и не смотря на дурныя качества фортепьяна, охотно слушала, когда дочь разыгрывала немудрые вальсы, мазурки, или пѣла русскіе романсы да украинскія пѣсни.

Разъ лѣтомъ Олеся пошла съ Настею въ лавки покупать ленты. Въ мелкихъ городкахъ бываетъ одна такая лавка, гдѣ всего можно достать. Въ Богуславѣ такую лавку содержалъ юркій, изворотливый, всеобъемлющій, все и всѣхъ знавшій жидъ Волько съ не менѣе проворной и говорливой своей Сурой. Двери и единственное въ ихъ лавкѣ окно всегда завѣшены были сверху до половины красною матеріею, которая уменьшала на половину естественный свѣтъ и давала товарамъ особую окраску. Олеся и Настя вошли въ лавку. Проворная, чернявая Сура придвинула къ прилавку два стула, и дамы усѣлись. Послѣ яркаго наружнаго свѣта они очутились, какъ въ погребѣ, и долго не могли ничего разглядѣть въ темной «крамницѣ»; но среди мрака жидовскаго закутка вдругъ зазвенѣлъ чудный баритонъ. Олеся глянула по сторонамъ и примѣтила въ противуположномъ концѣ магазина, около прилавка, молодаго блондина. Неизвѣстный кавалеръ, высокій, ровный, какъ струна, торговался съ Волькомъ. Короткій пиджакъ охватывалъ его ровный, тонкій, будто выточенный станъ. Удлиненное лице кавалера

напоминало отчасти нѣмца, отчасти поляка и было очень оригинально. Съ полныхъ щекъ падали на грудь русые, мягкіе, какъ шелкъ, бакенбарды. Изъ-подъ мягкихъ, лоснившихся усовъ выдавались румяныя полныя губы. Высокій лобъ немного подался назадъ, а отъ него, подымаясь вверхъ, разсыпалась по головѣ и падала на плечи роскошная золотистая грива съ мягкими кудрями по концамъ. Проворный блондинъ громко и оживленно разговаривалъ съ Волькомъ. По его малорусской рѣчи, перемѣшанной съ русскою, по его нѣмецкому акценту видно было, что это чужеземецъ. Олеся поспѣшно опустила вуаль на лице. Сура загромоздила весь прилавокъ картонками. По всему прилавку заблестѣли разноцвѣтныя ленты—пунцовыя, палевыя, голубыя. Сура распускала и вытягивала ленты, работала языкомъ, выхваляя свой товаръ. Олеся не слышала ни одного ея слова и напрягла слухъ въ сторону заинтересовавшаго ее блондина. Волько мололъ языкомъ не хуже своей Суры, выхваляя показываемыя имъ матеріи для лѣтняго костюма; онъ быстро разворачивалъ ихъ, спускалъ концы ихъ съ прилавка, увѣрялъ, что это крѣпкія и не линючія матеріи, дергалъ ихъ руками, грызъ зубами, слюнилъ даже языкомъ, а въ промежуткахъ ловко заводилъ совсѣмъ побочные разговоры и распрашивалъ покупателя обо всемъ, какъ будто сидѣлъ съ нимъ гдѣ либо въ гостиной.

— Пане Ганушъ, наберить оціеи парусины. Не будете жалкувати. Ей Богу, це загранична! Отъ подивиться, яка вона мицна та густа: ажъ лущить, ажъ гуде въ рукахъ.—Ну, а якъ-же вамъ живеться въ нашій сторони? Чи привыкли вы до нашои Миронивки? говорилъ и спрашивалъ Волько, дергая въ рукахъ конецъ парусины, какъ будто онъ хотѣлъ ее перервать.

— Привыкаю потроху. Я бувавъ въ сьвитахъ и куды попаду, заразъ привыкаю. Але, Вольку, покажи лишъ мени кращои матеріи, сказалъ Ганушъ: я ваши жидивськи норовы добре знаю,—вы показуете попереду що найпоганше.

Волько опрометью бросился къ стулу, вскочилъ на него, досталъ съ полки еще двѣ штуки матеріи и быстро развернулъ ихъ на прилавкѣ, одну за другой.

— Це вже така матерія, що й за границею ридко де можно знайти. Ай, ай! що то за матерія, що за матерія! Це аглицька мате-

рія.—А чи тильки дочокъ директоровихъ учите на фортепьяни, чи й сына? прикинулъ Волько, разворачивая и вторую штуку матеріи.

— Вчу дочокъ и сына; а коли хочешъ, то й тебе вывчу, отвѣтилъ Ганушъ и прибавилъ: але ты зновъ доставъ такого, що годиться носити погоничамъ та лакеямъ. Знайди лишень ще кращого.

— Ей Богу, кращого вже нема на сьвити. А якого вамъ кращого треба? Це вже французська матерія, по половини зъ шовкомъ,—болталъ Волько и мимоходомъ закинулъ: а чи дорого вамъ платить директоръ за дитей? и разомъ съ этимъ проворно высунулъ языкъ, полизалъ кончикъ матеріи и показалъ Ганушу: отъ подивиться: ей Богу, не злиняе до самои вашои смерти.

— О, швидко-жъ мени прыйдеться вмерти, сказалъ Ганушъ.

Олеся и Настя усмѣхнулись и ненамѣренно переглянулись съ Ганушемъ. Ганушъ пристально взглянулъ на дамъ.

Между тѣмъ Сура сыпала словами, какъ горохомъ:

— Пани, що я вамъ скажу! берить оци червони стрички. Це таки добряци, таки гарни! Дай мени, Боже, такъ добре на сьвити жити! Бодай мени смерть така гарна була, якъ оци стрички. Це зъ Бердичева, контрабанда,—сказала Сура Олесѣ на самое ухо.

Олеся перебирала въ рукахъ ленты и вовсе не слушала, что говорила Сура: она любовалась статною фигурою Гануша, прислушивалась къ его музыкальной рѣчи, ловила глазами его граціозныя движенія, присматривалась къ его тонкимъ бѣлымъ пальцамъ и блестѣвшимъ на нихъ золотымъ кольцамъ. Изъ распросовъ Волька она догадалась, что это былъ учитель музыки у директора мироновскаго сахарнаго завода.

Волько еще разъ поднялся къ полкѣ и досталъ еще двѣ штуки матеріи. Ганушъ выбралъ наконецъ одну изъ нихъ; Волько поспѣшно схватилъ аршинъ и такъ проворно махалъ имъ да натягивалъ матерію, что успѣлъ обмѣрить покупщика на полъ-аршина. Ганушъ расплатился, взялъ матерію подъ мышку, накинулъ на свои взъерошенные кудри нѣмецкій картузикъ и выскочилъ изъ магазина, напѣвая какую-то арію.

Олеся теперь только перевела духъ и могла разсматривать ленты и соображать, что тараторила ей Сура.

— Кто это? спросила у нея протопопша.

— Це, вельможна пани, чехъ; учить грати на фортепьяни дитей у директора въ миронивськи сахарни, отвѣчала Сура. Прозывають ёго Ганушъ. То добрый паничъ, дае намъ торгувати. Вже не разъ бувъ въ нашому магазыни зъ самымъ директоромъ и зъ ёго двома сынами. А яки гарни панычи! Тамъ таки гарни, що я ще зъ роду такихъ не бачила. Оце недавно въ мене директорша набрала стричокъ та блондъ на пятнадцять карбованцивъ. Визьмить, пани, оци стрички та блонды. Сама директорша взяла ихъ цилу штуку.

Протопопша накупила тѣхъ-же лентъ и блондъ, которыя брала директорша, и вышла съ дочерью изъ «крамницы». Только что пришли они домой, Настя тотчасъ побѣжала въ залу и стала вертѣться предъ зеркаломъ. Она осмотрѣла свое красивое личико, свои черныя брови, повернулась бокомъ, взглянула на талію и все думала объ интересномъ Ганушѣ, напѣвая какую-то мазурку.

Настя повернулась на одной ногѣ и выбѣжала изъ залы. Вошла мать, стала передъ зеркаломъ и подняла вуаль. Потъ облилъ ея лице, обильно присыпанное пудрою. Она вытерла лице платкомъ, пудра сошла, и въ зеркалѣ показалось поблекшее и потемнѣвшее лице, и синіе кружки подъ глазами. Олеся придвинула голову ближе къ зеркалу и стала присматриваться къ своимъ густо напомаженнымъ волосамъ; въ черныхъ, блестящихъ нѣкогда волосахъ обозначались тонкія серебристыя линіи. Взглянула она на талію; сѣренькое платье обвисло на бокахъ. Олеся припомнила сухое темное лице Ониси и содрогнулась. Увы, и она уже походила отчасти на Онисю, а Ганушъ стоялъ передъ ея глазами, какъ живой, съ роскошнымъ откинутымъ бѣлымъ лобомъ, съ гривою льва на головѣ.

— Боже мой! неужели я его люблю? думала Олеся, стоя предъ зеркаломъ. И отъ чего онъ стоитъ предо мной и не выходитъ у меня изъ думы?

Олеся достала пудру и напудрила лице; лице побѣлѣло и посвѣжѣло.

— Но талія моя не имѣетъ круглоты... Платье обвисло и болтается, подумала Олеся. И выйдя поспѣшно изъ залы въ спальню, распорола подкладку въ платьѣ, подложила ваты въ соотвѣтственныхъ частяхъ, наскоро зашила и надѣвъ платье, вышла къ зеркалу опять. Но тамъ мѣсто было уже занято: предъ зеркаломъ вертѣлась Настя, примѣряла купленныя ленты, надѣвала ихъ на голову, за-

вязывала ими шею. Заслышавъ шаги матери, Настя убѣжала къ себѣ въ комнату; на ея мѣсто предъ зеркаломъ стала мать и поворачивалась съ боку на бокъ. Талія была теперь полнѣе и получила нѣкоторую округлость. Олеся почувствовала себя какъ-бы помолодѣвшею и усмѣхнулась про себя.

Между тѣмъ въ залу опять влетѣла Настя, напѣвая и приплясывая вмѣстѣ.

— А посмотри Настя, хорошо-ли на мнѣ сидитъ платье въ таліи. Мнѣ кажется оно сзади немного оттопырилось, говорила мать, выпяливъ бокъ передъ зеркаломъ.

— Нѣтъ, мама; мнѣ кажется, что оно выдалось какъ-то спереди, отвѣчала Настя, глядясь въ зеркало черезъ плечо матери.

Олесѣ стало какъ-то веселѣе и она затянула мотивъ изъ мазурки. Настя пустилась въ припляcъ черезъ залу. Олеся попробовала сдѣлать тоже, но почувствовала сразу, что ноги уже не тѣ стали.

— Сядь, милая Настя, за фортепьянъ и сыграй что нибудь, а я послушаю, сказала мать, схватывая на лету дочь за руку.

Настя сѣла и начала наигрывать польки да вальсы, а мать тихонько ходила по залѣ и мечтала о Ганушѣ: ей казалось, что у ней сердце еще не умерло, что оно хочетъ любить и можетъ любить.

Долго мечтали и дочь и мать, и предметъ мечты у обѣихъ былъ одинъ и тотъ-же. Между тѣмъ пришелъ Балабуха, бывшій гдѣ-то на требѣ, и всѣ усѣлись пить чай. За чаемъ Олеся сообщила мужу, что встрѣтила случайно въ лавкѣ у Волька учителя музыки изъ чеховъ.

— Такъ что-же? спросилъ Балабуха.

— А видишь-ли, изподтишка начала Олеся, прекрасный случай для нашей Насти...

— Ужъ не замужъ-ли выйти? спросилъ Балабуха, слегка улыбнувшись.

— Замужъ ей слишкомъ еще рано, отвѣчала Олеся, но такъ подъучиться музыкѣ. У нашей Насти талантъ.

— Да есть-ли талантъ у этого учителя, хорошо-ли онъ знаетъ музыку?

— О, про это, я думаю, и спрашивать нечего. Довольно того, что онъ чехъ, да и директоръ не сталъ-бы держать кого нибудь.

— Такъ что-же?

— А то, что поѣзжай ты завтра въ Мироновку и предложи этому учителю,—фамилія его Ганушъ,—не согласится-ли онъ два-три раза въ недѣлю пріѣзжать къ намъ, на нашихъ конечно лошадяхъ, давать уроки Настѣ. Кстати и съ директоромъ можешь познакомиться, сдѣлавъ ему визитъ. Намъ нужно съ такими людьми знакомиться. Наша Настя почти уже невѣста, а у директора, говорила Сура, два взрослыхъ сына и оба такіе прекрасные, я-же ни за что не отдамъ своей Насти за духовнаго.

Настя покраснѣла при этомъ до ушей.

— Да; но можетъ быть это дорогой учитель и много потребуетъ за уроки? какъ-то нерѣшительно возразилъ Балабуха.

— А хотя-бы и много. У насъ одна дочь, притомъ у нея и способность и любовь къ музыкѣ. Надо пользоваться случаемъ; другой подобный случай, пожалуй, и не представится, а потому завтра-же поѣзжай. И не думай и не говори ничего! закончила Олеся по своему, по прежнему.

Балабуха замолкъ. Онъ давно уже привыкъ молча дѣлать то, чего потребуетъ жена.

На утро Балабуха отправился въ Мироновку и, прежде чѣмъ говорить съ учителемъ, зашелъ къ директору. Директоръ, нѣмецъ, радушно и почтительно принялъ Балабуху и не препятствовалъ ему войти въ переговоры съ учителемъ. Ганушъ въ свою очередь согласился ѣздить на уроки за плату не особенно высокую. Прощаясь съ директоромъ, Балабуха просилъ его быть знакомымъ и къ удовольствію своему замѣтилъ, что предложеніе его было принято охотно. Что до Гануша, то онъ далъ слово пріѣхать на слѣдующій-же день въ послѣобѣденную пору.

Между тѣмъ Олеся по отъѣздѣ мужа принялась за свое обычное занятіе, чтеніе зажигательныхъ романовъ. Къ этому времени число читающихъ даже въ Богуславѣ значительно увеличилось, да и самыя книги были уже не тѣ. Олеся добыла гдѣ-то на этотъ разъ: «Похожденіе трехъ мушкатеровъ» и «Семь смертныхъ грѣховъ» и читала попеременно эти завлекательные романы, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество. Въ промежуткахъ она приводила себѣ на память милый образъ Гануша и варила для него варенье, нетерпѣливо ожидая возвращенія мужа.

Къ обѣду воротился и мужъ. Привезенное имъ извѣстіе обрадовало, но вмѣстѣ и раздосадовало отчасти Олесю. За чѣмъ отложилъ до завтра свой пріѣздъ этотъ противный Ганушъ? подумала она и дала полную волю своимъ о немъ мечтамъ, о томъ, какова будетъ ихъ встрѣча и что можетъ быть потомъ.

На слѣдующій день, лишь только окончили обѣдъ, Олеся открыла шкафъ, выбрала посвѣжѣе платье и принялась рядиться въ ожиданіи интереснаго гостя. Украдкой отъ мужа и дочери, заперпись въ своей спальнѣ, она подрисовала себѣ брови и губы, сильно напудрила и тщательно вытерла лицо, подложила ваты въ приготовленномъ платьѣ, причесалась и одѣлась совсѣмъ. Но едва только она вышла изъ спальни, какъ видитъ, что дочь въ свою очередь вынимаетъ изъ шкафа новое найлучшее свое платье.

— А это зачѣмъ? спросила Олеся, какъ-бы въ недоумѣніи, свою дочь.

— Да вѣдь скоро пріѣдетъ гость; надо-же одѣться, отвѣчала Настя, слегка покраснѣвъ.

— Ну, вотъ выдумала. Этотъ гость будетъ пріѣзжать къ тебѣ два раза въ недѣлю. Спрячь это платье, оно слишкомъ нарядно. Надѣнь попроще, а можешь быть и такъ, какъ теперь одѣта.

— Но вѣдь вы, мама, надѣли новое платье: отчего-же мнѣ нельзя? сказала Настя уже сквозь слезы.

— Я хозяйка въ домѣ, это другое дѣло, а ты еще ученица: тебѣ надо учиться, а не рядиться. Ты еще дитя.

— Какое я дитя? Мнѣ шестьнадцать лѣтъ.

Настя надулась: она вышла въ залу и совсѣмъ расплакалась, но подумавъ, что у нея будутъ красные глаза, между тѣмъ какъ Ганушъ можетъ вскорѣ пріѣхать, перестала плакать, утерла слезы и пошла въ садъ.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала гостя и, хотя держала въ рукахъ книгу, но все поглядывала въ окно.

Спустя около часу во дворѣ послышался стукъ, и у крыльца остановилась легенькая, свѣже лакированная венгерка. Съ нея ловко соскочилъ Ганушъ, весь закутанный въ бѣлый, длинный до земли плащъ съ капюшономъ на головѣ для предохраненія отъ пыли. Олеся окрикнула мужа, сидѣвшаго въ кабинетѣ, и по давней привычкѣ схватилась за сердце; но сердце не билось уже по прежнему...

Вошелъ Ганушъ; Олеся слегка приподнялась въ креслѣ и приняла его очень тонно. Балабуха здоровался съ нимъ, какъ уже знакомый. Ганушъ былъ въ чорномъ свѣжемъ костюмѣ, а на груди у него блестѣла бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка. Онъ казался теперь Олесѣ еще красивѣе и она, уставя на Гануша свои глаза, любовалась его изящнымъ оживленнымъ лицемъ, пока мужъ обмѣнивался съ нимъ первыми фразами. Ганушъ сносно говорилъ по русски. Оказалось, что онъ не первый годъ въ Россіи, былъ во многихъ русскихъ городахъ, а съ малорусскою рѣчью ознакомился, живя въ Мироновкѣ.

— Позвольте-же просить васъ познакомить меня съ моей будущей ученицей,—сказалъ Ганушъ послѣ нѣкотораго времени, оглядываясь вокругъ.

— Она, кажется, въ саду, сказала Олеся, и подойдя къ выходившему въ садъ раскрытому окну, окликнула Настю. Настя живо отозвалась, проворно вошла въ залу, сдѣлала реверансъ и зардѣлась, какъ маковка. Ей было стыдно и досадно, что она не въ новомъ платьѣ, какъ ей хотѣлось.

— Позвольте опробовать вашъ инструментъ. Онъ старинной конструкціи, но иногда въ старыхъ фортепьянахъ бываетъ хорошій тонъ, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ, и проворно откинувъ крышку фортепьяна, сѣлъ и сильно ударилъ по клавишамъ. Фортепьянъ зашипѣлъ и забренчалъ и вмѣсто чистыхъ и ясныхъ звуковъ послышались глухіе и сиплые и даже просто стукъ клавишей. Ганушъ сдѣлалъ кислую гримасу и примолвилъ:

— Фортепьянъ хорошо настроенъ, но очень уже старъ и разбитъ. Желая затѣмъ показать свое искусство предъ дамами, Ганушъ заигралъ какую-то шумную пьесу; взялъ *forte*, потомъ *fortissime*, фортепьянъ застоналъ подъ сильными его пальцами; но на половинѣ пьесы почувствовалась вся непригодность инструмента и полное несоотвѣтствіе его таланту артиста; клавиши мѣстами только стучали, струны давали гармонію, напоминавшую жужжаніе шмелей; въ довершеніе всего въ басахъ лопнула струна и жалобно зашипѣла. Ганушъ не выдержалъ, захохоталъ и пересталъ играть. У Олеси покраснѣли уши.

— Видишь? обратилась она къ мужу: для такого учителя намъ надо купить новый фортепьянъ.

Балабуха съ испугу машинально провелъ рукою по карману.

— Надо, надо купить новый фортепьянъ для такой прелестной ученицы, сказалъ Ганушъ, сдѣлавъ граціозный поклонъ въ сторону Насти.

Настя покраснѣла. Балабуха нерѣшительно какъ-то спросилъ, сколько можетъ стоить хорошій новый фортепьянъ.

— А рублей пятьсотъ, шестьсотъ, отвѣчалъ Ганушъ.

У Балабухи и руки опустились, трубка повалилась на полъ и самъ онъ тяжело вздохнулъ. Ганушъ замѣтилъ это и поспѣшилъ оговориться:

— Впрочемъ можно найти порядочный фортепьянъ и за триста рублей.

У Балабухи отлегло немного на душѣ: онъ соображалъ про себя, откуда и эти триста рублей взять. Ганушъ между тѣмъ спрашивалъ хозяйку, можно-ли найти въ Богуславѣ какого либо фортепьяннаго мастера, который починилъ-бы старый фортепьянъ, пока купленъ будетъ новый.

— Здѣсь при костелѣ есть хорошій органистъ; онъ можетъ починить этотъ фортепьянъ, пока купимъ новый; но только гдѣ купить? въ свою очередь спросила Олеся.

— А вотъ я въ скоромъ времени поѣду въ Кіевъ, и если вамъ угодно, радъ служить, сказалъ Ганушъ.

— Ахъ, премного вамъ благодарна, сказала Олеся: я такъ люблю музыку, что не могу жить безъ нея. Я сама хотѣла-бы выучиться играть на фортепьянѣ.

Балабуха и Ганушъ съ изумленіемъ взглянули на нее.

— Теперь я попрошу мою ученицу сѣсть за рояль, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ Настѣ: извините, я хочу сдѣлать вамъ маленькій экзаменъ, ознакомиться съ вашими познаніями, пріемами въ игрѣ.

— Мнѣ неловко послѣ васъ садиться за фортепьянъ. Вы такъ чудно играете, а я лишь кое-какъ бреньчу, сказала кокетливо Настя.

Она перешла залу, совсѣмъ не по ученически выпялила грудь впередъ, граціозно покачала головкой и сѣла за фортепьянъ. Ганушъ раскрылъ «Школу музыки» и попросилъ проиграть сперва гаммы, а потомъ нѣкоторыя маленькія пьесы. Настя кокетливо закачала плечами и быстро заметала пальцами по клавишахъ, разыгрывая указанныя Ганушемъ пьесы. Клавиши несносно стучали, струны жалобно визжали. Настя играла и смѣялась.

— О, съ васъ выйдетъ артистка! У васъ несомнѣнный талантъ; къ тому-же у васъ такіе прекрасные длинные пальчики, именно для фортепьяна созданные, сказалъ Ганушъ, искоса поглядывая то на пальцы, то на румяное красивое личико Насти.

Олеся нахмурила брови: ей очень хотѣлось самой сидѣть на мѣстѣ Насти и разговаривать съ Ганушемъ. Ганушъ между тѣмъ собирался домой и потянулся за фуражкой.

— Ахъ, что вы! какъ можно? Оставайтесь у насъ чай пить, непремѣнно, поспѣшила остановить его Олеся и велѣла подать самоваръ въ садъ. Ей хотѣлось обставить себя, какъ можно поэтичнѣе, чтобы расшевелить и привлечь къ себѣ сразу сердце Гануша.

Скоро поданъ самоваръ; Олеся пригласила Гануша въ садъ. Вышли изъ залы на высокое крыльцо, обсаженное вьющимися растеніями; широкія ступени вели отсюда въ цвѣтникъ, хорошо устроенный и чисто содержанный. По другую сторону цвѣтника стояла недавно устроенная бесѣдка съ широкимъ проходомъ насквозь. Цвѣтникъ изрѣзанъ былъ извилистыми дорожками, между которыми красовались роскошныя клумбы цвѣтовъ. Надъ всѣмъ работала искусная рука садовника, приходившаго съ панскаго двора и работавшаго болѣе въ чаяніи молитвъ, чѣмъ за деньги.

Солнце было предъ закатомъ и косыми лучами освѣщало садъ и цвѣтникъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Политые цвѣты блестѣли на влажныхъ клумбахъ, распространяя вокругъ пріятнѣйшій ароматъ. Отъ бесѣдки длинными гирляндами вились ряды цвѣтовъ по обѣ стороны широкой дорожки внизъ до самаго берега Роси.

— Ахъ, какая у васъ здѣсь благодать! восхищался Ганушъ, стоя на крыльцѣ. Сколько цвѣтовъ! Какіе виды на рѣку и дальше! Вы тутъ живете, какъ въ раю.

— О, да, я люблю цвѣты! хвастливо замѣтила Олеся. Мы съ Настей съ утра до вечера возимся здѣсь, сами даже поливаемъ.

Олеся пригласила гостя дальше. Обошли цвѣтникъ и вошли въ бесѣдку. По срединѣ, на столѣ, шипѣлъ самоваръ; вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ красовались двѣ небольшія вазки съ свѣжимъ вареньемъ. Олеся занялась чаемъ, Ганушъ оглядывался во всѣ стороны и любовался видами. Чрезъ широкія двери бесѣдки видно было все Заросье со скалами, вербами и мельницами у берега Роси.

— Ахъ, какіе чудные виды! восклицалъ Ганушъ, глядя на Заросье. Ну, это просто картина, написанная дивнымъ художникомъ и вставленная въ зеленую раму. Это вы, конечно, выбрали здѣсь мѣсто для бесѣдки, прибавилъ, въ видѣ комплимента уже, Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Выбирали мы съ-обща, но это мѣсто дѣйствительно я указала, самодовольно произнесла Олеся, щурясь глазами на Гануша.

— О, у васъ дивный вкусъ! Вы настоящая артистка, сказалъ съ паѳосомъ Ганушъ.

— Не хотите-ли къ чаю моего варенья? какъ-бы въ благодарность спросила его Олеся и прибавила: сама готовила.

— Если вы сами варили, то нельзя отказаться, съ сладкой миной сказалъ Ганушъ, и потянулъ къ себѣ вазку съ малиновымъ вареньемъ.

Однако онъ такъ много оказалъ вниманія труду любезной хозяйки, что скоро въ вазкѣ осталось только двѣ ягодки на днѣ. Балабуха велѣлъ подать рому и когда ромъ былъ принесенъ, налилъ Ганушу чуть не полстакана. Пражскій мѣщанинъ оказался и на этотъ счетъ способнымъ и сталъ тянуть пуншъ за пуншемъ, оказавъ не меньшее вниманіе предложенію хозяина, какъ и хозяйки. Балабуха закурилъ трубку, Ганушъ сигару. Ароматъ малины смѣшался съ запахомъ сигары и рому и защекоталъ старые нервы Олеси. Не стѣсняясь подпившимъ уже гостемъ, она подлила и себѣ немного рому. Пуншъ скоро охмѣлилъ и раздразнилъ ее, и она желала удалить изъ бесѣдки и мужа и дочь, чтобы остаться одной съ Ганушемъ. На дворѣ смерклось; густой мракъ опустился на Рось и скалы. Было тепло, даже душно. Мѣстечко затихло; только вдали вода шумѣла, перебѣгая по камнямъ и поэтично гармонируя съ тихимъ вечеромъ и яркими звѣздами, блестѣвшими на небѣ и отражавшими свой блескъ въ водѣ.

Принесли лампу, зажгли свѣчи. Балабуха и Ганушъ все бесѣдовали и попивали пуншъ. Толковали о сахарномъ заводѣ, о доходахъ отъ него, о поднявшихся на все цѣнахъ, о директорѣ и его семьѣ. Ганушъ пустился въ разсказы о Прагѣ и заграничной жизни вообще. Балабуха порядочно захмѣлѣлъ, откинулся на стулѣ и все сосалъ свой длинный чубукъ.

Наста! тебѣ, кажется, пора уже спать. Иди, милая, въ комнату! изысканно нѣжно сказала Олеся, обращаясь къ Настѣ какъ-бы къ маленькой.

А Настѣ не хотѣлось уходить отъ Гануша: она рада была-бы до свѣта слушать его и глядѣть на него.

— Иди-же, душечка, къ себѣ въ комнату, да распорядись, чтобы намъ принесли сюда закусить, сказала опять Олеся Настѣ.

Настя сдѣлала кислую мину и раскланявшись съ Ганушемъ, ушла изъ бесѣдки.

Олеся пересѣла со стула на скамейку, чтобы быть ближе къ Ганушу. Дымъ отъ его сигары несся прямо ей въ лице. Она втягивала его въ себя, пила глотками чай съ ромомъ, но чувствовала, что ни близость завлекательнаго кавалера, ни дымъ сигары, ни даже пуншъ не зажигаютъ уже прежнимъ огнемъ разбитаго и очерствѣвшаго сердца: въ немъ не пылало, какъ прежде, яркое пламя, но лишь тихо искрился потухавшій огонекъ...

Олеся чуть замѣтно вздохнула. Ганушъ занялся пуншемъ и лишь изъ приличія удѣлялъ ей нѣсколько словъ. Олеся такъ и не рѣшилась на этотъ разъ повести на него атаку.

Послѣ закуски хозяинъ и гость выпили еще по пуншу и только уже около полуночи Ганушъ вспомнилъ, что ему пора домой. Изъ бесѣдки Ганушъ шелъ уже не твердыми шагами, а Балабуха только сопѣлъ и отдувался.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ этотъ Ганушъ! Ужъ ты сердись, не сердись, а онъ очень, очень понравился мнѣ, говорила Олеся своему мужу по отъѣздѣ гостя.

— Гмъ... да... очень пріятный человѣкъ, бормоталъ нагрузившійся Балабуха, поглаживая свою сѣдую бороду.

Спустя два дня Ганушъ пріѣхалъ на урокъ. Волосы его были сильно напомажены, отъ него на всю залу несло духами. Олеся такъ напудрила лице и нарумянила щеки, что даже прислуга шепталась въ кухнѣ, отъ чего это матушка стала «така гарна, якъ писанка».

Настя на этотъ разъ украдкой отъ матери надѣла таки новенькое платье и сѣла съ Ганушемъ за урокъ. Органистъ успѣлъ уже кое-какъ поправить и вновь настроить фортепьянъ; урокъ шелъ безъ особыхъ препятствій, довольно даже живо, чему много способствовала взаимная заинтересованность учителя и ученицы. Настя кокетничала, Ганушъ заигрывалъ, поправляя ее и перекладывая ея пальчики съ клавиша на клавишъ. Олеся замѣтила это и съ завистью

посматривала на дочь; въ взбалмошной головѣ ея внезапно блеснула мысль учиться самой на фортепьянѣ.

— Два раза въ недѣлю я буду сидѣть рядомъ съ нимъ плечо о плечо, дышать съ нимъ одной струей воздуха, глядѣть ему прямо въ глаза, прикасаться его рукамъ! мечтала своенравная, легкая, какъ вѣтеръ, Олеся, и страстно взглянула на Гануша.

Кончился урокъ. Олеся и въ самомъ дѣлѣ подошла къ Ганушу и, глядя ему въ глаза, промолвила:

— Мосье Ганушъ! Вы такъ прекрасно учите, а я такъ люблю музыку, что мнѣ очень хотѣлось-бы и самой выучиться играть на фортепьянѣ. Учите и меня разомъ съ Настей. Выучусь,—будемъ играть въ четыре руки.

Ганушъ вытаращилъ на нее глаза и подумалъ, не спятила-ли она совсѣмъ съ ума на старость. У Балабухи отъ изумленія широко раскрылись глаза.

Правда, Маркъ Павловичъ, это было-бы хорошо? сказала Олеся, обращаясь къ мужу. Ахъ, какъ я люблю музыку! Какъ я люблю музыку, это даже выразить трудно. Выучусь,—Настя будетъ играть, я буду аккомпанировать, а ты будешь слушать.

Бѣдный мужъ не зналъ, куда глаза дѣвать отъ стыда; но ему хорошо было извѣстно, что противурѣчить женѣ въ какой угодно ея блажи по меньшей мѣрѣ безполезно. Все равно она поставитъ на своемъ и еще больше наглупитъ. А чего добраго, вспомнитъ Казанцева и полетитъ къ нему за три девять земель. Балабуха тяжело вздохнулъ, махнувъ рукой, что означало у него: дѣлай, какъ хочешь, мнѣ все равно.

Послѣ нѣкотораго раздумья Ганушъ пригласилъ Олесю садиться съ нимъ за фортепьянъ и сталъ раскладывать по клавишамъ сухіе малоподвижные ея пальцы, объяснять и проходить съ нею простѣйшую гамму. Настя смѣялась у нихъ за спиною. Олеся стучала своими окостенѣвшими пальцами по клавишамъ, искоса поглядывая на сочныя малиновыя губы Ганушa, и сбивалась на каждой нотѣ. Ганушъ давился отъ смѣху, Балабуха сосалъ чубукъ и апатично глядѣлъ на безумствовавшую жену.

Добрый часъ мучился Ганушъ съ своею старой ученицей и едва могъ одолѣть одну гамму. Вставъ изъ-за фортепьяна, онъ вытеръ потъ на лбу и лицѣ, а его ученица, веселая и довольная,

принялась готовить чай. Пошло опять нескончаемое подливаніе рому, что очень на руку было потерявшему всякій куражъ Балабухѣ.

Комичные уроки старой ученицы шли безъ пропусковъ; Ганушъ бралъ за нихъ лишніе рубли, заѣдалъ ихъ вареньемъ, запивалъ чаемъ съ ромомъ и засиживался подолгу, утѣшая безталаннаго Балабуху нескончаемыми разсказами, а старая ученица, счастливая въ своихъ нелѣпыхъ мечтахъ, хлопотала лишь о томъ, чтобы приготовить своему учителю какъ можно лучшаго варенья, и перетрясала все мѣстечко, разыскивая вновь поспѣвавшія ягоды и фрукты.

Разъ какъ-то у Насти разболѣлись зубы и она не могла брать урока, Балабуха ушелъ кого-то исповѣдывать, Ганушъ и Олеся были вдвоемъ, чего послѣдняя давно съ нетерпѣніемъ дожидала. По окончаніи урока, она пригласила своего учителя пройтись съ ней по саду, пока поспѣетъ самоваръ. Съ заранѣе обдуманною мыслью она увела Гануша далеко отъ дома, на край сада, къ самому берегу Роси. Перебалтывая всякую всячину, она вдругъ, настроивъ себя на высшій тонъ, обратилась къ своему кавалеру съ такими словами:

— Мосье Ганушъ! вы счастливый человѣкъ. Я вамъ завидую.

— Первый разъ слышу, что я счастливъ. Можетъ быть стану счастливъ съ вашего легкаго слова, какъ съ легкой руки.

Олеся обрадовалась; въ словахъ Гануша ей послышался намекъ на то, чего она добивалась и къ чему вела теперь рѣчь.

— Вы много видѣли, вездѣ перебывали, всю Европу изъѣздили. А мы бѣдные сидьмя сидимъ въ этихъ трущобахъ, какъ затворницы въ монастыряхъ. Что это за жизнь! Вы сами видите, съ кѣмъ мы соприкасаемся, съ кѣмъ намъ вести знакомство. Кругомъ по селамъ простое бѣдное священство, въ Богуславѣ одни лишь только жиды. Охъ, тяжела наша жизнь! Какъ увидишь просвѣщеннаго человѣка, то не наглядишься на него, не наговоришься съ нимъ.

Олеся посмотрѣла на Гануша сладенькими глазами. Ганушъ вспомнилъ тѣ темные и голодные углы, въ которыхъ онъ проживалъ въ Европѣ, и промолвилъ:

— Правда, что наша жизнь, жизнь артистовъ разнообразна и полна веселья; театры, концерты намъ даже прискучаютъ. Мы, какъ птицы вольныя, всюду порхаемъ, все щебечемъ и поемъ.

— Какъ жаль, что я не родилась артисткой, а можетъ быть и родилась, да не удалась... Вы вольный человѣкъ, а у меня на шеѣ домъ, хозяйство, какіе-то волы да коровы. Ахъ, неприглядна наша жизнь!

— А я радъ былъ-бы гдѣ нибудь осѣсться. Сказать вамъ правду, надоѣла уже мнѣ эта скитальческая жизнь.

— Если не мнѣ, то можетъ быть дочери достанется, подумала Олеся.

Разговоръ въ такомъ тонѣ продолжался; Олеся и Ганушъ, обогнувъ садъ, незамѣтно очутились у бесѣдки, гдѣ ихъ ожидалъ самоваръ. Олеся приготовила чай, сѣла противъ Гануша, оперлась рукою объ столъ и пристально глядѣла ему въ глаза.

— Знаете-ли вы, какъ насъ замужъ выдаютъ? Пріѣдетъ какой нибудь семинаристъ, скажетъ два-три слова и выходи за него, потому что другой можетъ и не случиться. И идешь замужъ безъ искренней горячей любви; идешь, лишь-бы выйти.

Глядя на серебрившіеся кой-гдѣ волосы гостепріимной хозяйки, Ганушъ думалъ, что она ведетъ рѣчь на счетъ своей дочери. Но хозяйка продолжала:

— Вотъ я вышла за своего протопопа: думала, что люблю его, а потомъ вышло...

Олеся махнула рукою.

— Мосье Ганушъ! скажите, вы любили хоть разъ въ жизни искренно, горячо? спросила она гостя и еще ближе наклонила къ нему голову черезъ столъ.

Ганута поразили эти неожиданныя слова; онъ даже поднялъ голову.

— Я... я... Было всего въ моей жизни, говорилъ Ганушъ, которому такія слова въ устахъ старой бабы казались просто противными.

Олеся стала пробовать силу своихъ глазъ, сладко глядя Ганушу въ упоръ.

— Говорите, пожалуста, смѣло. Мы тутъ одни: насъ никто не увидитъ, не подслушаетъ. Что до меня, то я безъ любви не могу жить. О, какъ тяжело жить безъ милаго! сказала Олеся и вздохнула, опустивъ глаза на столъ.

Ганушъ большими глотками допилъ чай, забылъ даже о любимомъ имъ вареньѣ и поспѣшно вышелъ изъ бесѣдки.

Олеся выскочила вслѣдъ за нимъ.

— Какой чудный вечеръ! Надо пройтись, погулять, говорилъ какъ-бы про себя Ганушъ. Но Олеся пристала къ нему съ новыми вопросами.

— Скажите, мосье Ганушъ, какихъ вы любили: блондинокъ, или брюнетокъ?

— Да такъ: одинъ годъ блондинку, а другой брюнетку, чтобъ не наскучило, отвѣчалъ Ганушъ.

— Широкое-жъ у васъ сердце. А какія женщины вамъ больше нравятся: блондинки или брюнетки?

— Одинаково и блондинки и брюнетки, были-бы молоды и красивы.

Олеся повернула по дорожкѣ внизъ къ берегу, увлекая съ собою и своего спутника.

— А скажите, опять спросила она его, не любили-ли вы троихъ разомъ?

Случалось и по четыре. Утромъ увидишь одну красивую дѣвушку и полюбишь, вечеромъ другую еще краше, и опять влюбишься...

— Такъ вы такой! Съ вами значитъ и гулять страшно.

— Совсѣмъ не страшно: я кроткій, какъ агнецъ, и не кусаюсь. Я уже съѣлъ свои зубы.

— Какъ рано! А можетъ быть вы не присмотрѣлись къ своимъ зубамъ.

— Не знаю: вотъ придемъ въ комнаты, погляжу въ зеркалѣ.

Ганушу просто опротивѣлъ такой разговоръ. Олеся подошла къ нему, взяла его подъ руку и молча шла съ нимъ по дорожкѣ.

Дошли до берега. Отсюда вверхъ шла узкая тропинка на крутой отвѣсъ скалы.

— Какія чудныя здѣсь картины! Вотъ-бы взобраться на этотъ утесъ и взглянуть на Заросье! сказалъ Ганушъ, и съ этими словами, высвободивъ свою руку, пустился вверхъ по тропинкѣ. Олеся бросилась бѣгомъ въ обходъ и пока Ганушъ, взобравшись на скалу, любовался видомъ на Заросье, неожиданно очутилась подлѣ него.

— О, и вы тутъ! удивленно сказалъ Ганушъ.

— Да, я такъ люблю природу, что невольно послѣдовала за вами.

Олеся тяжело дышала. Ганушъ не зналъ уже, какъ ему отдѣлаться отъ навязчивой бабы. Между тѣмъ на Роси показался утлый челнокъ; красивая «дивчина» гонялась на немъ за утками, направляя ихъ къ берегу. Утки не слушались, кружились по водѣ

между камнями. Челнокъ попадалъ на быстрое теченіе, въ самый водоворотъ, гдѣ вода клокотала и шумно пѣнилась. Волны качали челнокъ, какъ щепку. Дивчина распѣвала на всю рѣку чуднымъ звонкимъ голосомъ и ловко кружилась челномъ между камнями. Ганушъ заглядѣлся на эту картину и внимательно слушалъ веселую мелодію. Непослушныя утки переплыли Рось и подплыли къ протопопскому саду. Дивчина повернула челнокъ къ берегу. Ганушъ спрыгнулъ съ камня и побѣжалъ съ горы. Олеся поспѣшила за нимъ. Они были уже на берегу, когда дивчина, чернявая и румяная, какъ калина, встала на челнѣ, чтобы выскочить на берегъ. Ганушъ залюбовался ею и во весь голосъ крикнулъ:

— Замочишся, чорнобрива! Тривай, я тебе пересажу на берегъ.

И онъ схватилъ дивчину обѣими руками за станъ и перенесъ на сухой берегъ, ущипнувъ ее за щеку. Дивчина засмѣялась и запищала.

— Мосье Ганушъ! Что вы дѣлаете? Теперь-же я знаю, что вы любите «чорни брови та кари очи», крикнула Олеся.

— Вы угадали. Ой очи кари, чорни брови! Хто-жъ васъ не любить? сказалъ Ганушъ, комично вздыхая и глядя прямо въ глаза Олесѣ.

У Олеси были «чорни брови, кари очи», и она кокетливо опустила глаза внизъ и наклонила голову къ землѣ.

Пора было возвращаться домой. Олеся и Ганушъ шли молча. Послѣ всего происходившаго Олеся невольно задумалась: она вспомнила, какъ когда-то въ этомъ самомъ мѣстѣ становой, по одному слову ея, гонялся за лягушкой и рискуя головой, взбирался на крутой обрывъ за цвѣтами, которыя она бросила въ воду; вспомнила это Олеся и пожалѣла, что ея карія очи и чорныя брови на вѣки утратили свою чарующую силу.

Когда вошли въ домъ, Балабуха сидѣлъ уже въ залѣ. Ганушъ сообщилъ ему, что онъ завтра ѣдетъ въ Кіевъ и можетъ купить для Насти новый фортепьянъ. Балабуха съ нелегкимъ вздохомъ вручилъ ему деньги.

Уже поздненько распрощался Ганушъ.

— Смотрите-же, мосье Ганушъ, выберите для насъ хорошій фортепьянъ, напоминала Олеся, стоя на крыльцѣ.

— Для васъ выберу самый лучшій, крикнулъ Ганушъ уже за воротами.

Балабуха пошелъ въ комнаты, а Олеся долго еще сидѣла на крыльцѣ, перебирая въ мысляхъ своихъ все случившееся въ этотъ вечеръ.

— Ужъ если я не причарую его глазами да бровями, то причарую нѣжными словами да лаской. Онъ любитъ чорныя брови: не даромъ-же онъ такъ засматривался на эту чернявую «дивчину». Можетъ... можетъ быть, и мои брови еще не «злиняли». Надо однако сдѣлать ему какой нибудь презентъ. Что-бы такое? Да, онъ любитъ цвѣты; вышью ему подушку съ цвѣтами.

Такъ закончила свои думы Олеся и съ тѣмъ пошла ко сну.

Больше недѣли, съ ранняго утра до поздней ночи, Олеся и Настя работали надъ подушкою и окончили ее къ самому пріѣзду Гануша. Въ торжественной позѣ Олеся поднесла ему этотъ дорого стоившій ей презентъ. Ганушъ очень былъ доволенъ подаркомъ, но принялъ его, какъ должную дань за свои хлопоты по покупкѣ фортепьяна.

Новый фортепьянъ оказался дѣйствительно хорошимъ. Ганушъ накупилъ притомъ новыхъ нотъ и привезъ ихъ съ собой для своей молоденькой ученицы. Въ первый-же пріѣздъ ему захотѣлось поиграть самому на хорошемъ и хорошо настроенномъ инструментѣ. Ганушъ сѣлъ за рояль и началъ играть аріи изъ оперъ, а потомъ сонаты Бетховена. Олеся сидѣла въ креслѣ и заслушалась; она чутьемъ сразу поняла глубокую музыку, чарующія мелодіи. Богатые аккорды, симпатичныя аріи разогрѣли и расшевелили ея чувствительную отъ природы душу. Безмолвно скрестила она руки на груди и замерла. Ганушъ игралъ съ увлеченіемъ, съ душею: его артистическая душа выливалась въ звукахъ рояля. Вдругъ онъ перемѣнилъ мелодіи, заигралъ и запѣлъ свои родныя пѣсни. Не сильный, но мягкій симпатичный баритонъ наполнялъ небольшую залу то веселыми, то грустными мотивами. Отъ чешскихъ пѣсенъ Ганушъ перешелъ къ украинскимъ. Выливавшіеся изъ груди его, родные для Олеси звуки охватили ея душу и сердце. Ганушъ не уставалъ, онъ игралъ и пѣлъ, мѣняя пьесу за пьесой, и въ концѣ всего запѣлъ балладу Шуберта «Лѣсной царь». Его мягкій голосъ сталъ, какъ бархатъ. Съ неподражаемымъ чувствомъ и умѣньемъ онъ передавалъ звуками, какъ манитъ къ себѣ чарами таинственный голосъ «лѣснаго царя». Олеся впервые въ своей жизни слышала истинно высокую

музыку, артистическое пѣніе: ея душа проснулась и задрожала, и ей чудились свѣтлый мѣсяцъ и дивный лѣсъ, весь покрытый инеемъ, залитый голубоватымъ фантастическимъ свѣтомъ, а изъ глубины этого лѣса, со дна долины, заброcанной деревомъ, доносился чарующій, какъ самая любовь, таинственный голосъ, и рисовался чей-то дивный образъ. Съ ея очей скатились двѣ слезы. Ганушъ кончилъ; Олеся вскочила съ креела и протянула къ нему руки, какъ протягиваютъ ихъ въ молитвѣ. Ея глаза блистали не земнымъ огнемъ; она быстро перебѣжала залу и вскрикнула:

— Боже мой! почему меня не учили играть и пѣть? Я была-бы счастлива всю жизнь.

Олеся чуть не крикнула Ганушу: учите меня играть, учите меня пѣть! Но опомнилась и какъ будто чего-то устыдилась. И дѣйствительно она чувствовала теперь стыдъ за все то, что недавно говорила въ саду Ганушу, чуть не признавшись ему въ любви, и она готова была просить у него прощенія за все сказанное ею въ тотъ вечеръ. Ей стало стыдно, что она задумала брать уроки музыки на старость и совсѣмъ не ради музыки. Кровь кинулась ей въ лице; она ходила по залѣ и все прислушивалась къ дивной игрѣ Гануша, пока наконецъ не выбилась совсѣмъ изъ силъ, упала въ кресло и закрыла глаза рукой.

Въ Олесѣ сказалась не просто романтическая, но быть можетъ и дѣйствительно артистическая душа, заброшенная въ сельскую глушь и утратившая высшій даръ Божій въ мертвой бездушной жизни.

Съ тѣхъ поръ Олеся часто просила Гануша играть и пѣть помимо урока, прекратила свои уроки музыки и упивалась его чудной игрой и пѣніемъ.

Недѣлю спустя собрался наконецъ отдать визитъ Балабухѣ директоръ сахарнаго завода Шмидтъ. Это былъ крѣпкій плечистый нѣмецъ, съ русою бородою, на половину уже сѣдою. Визитъ его былъ очень короткій, но, прощаясь съ Балабухою, онъ просилъ его быть семейно знакомымъ.

Олеся была очень рада этому, она надѣялась найти тамъ хорошаго жениха для Насти.

Скоро Балабухи отправились въ Мироновку. Собираясь туда, Олеся позаботилась принарядить Настю, а сама одѣлась скромно, какъ приличествовало ея лѣтамъ. Осматривая себя предъ зеркаломъ

она примѣтила въ своихъ волосахъ новыя сѣдины и со вздохомъ произнесла:

— Пора уже мнѣ дать дорогу Настѣ!

И дѣйствительно, лишь слегка напудрившись сама, она заботливо причесала своими руками дочь, вдѣла ей новыя серьги въ уши, помогла надѣть платье, пришпилила разные бантики, нацѣпила на шею золотой медальонъ, поправила на головѣ локоны, оглядѣла кругомъ, еще разъ что-то поправила и съ чувствомъ расцѣловала красивую Настю.

Мироновка была недалеко и Балабухи скоро очутились тамъ. Они прошли по свѣтлому и широкому корридору огромнаго каменнаго зданія до квартиры директора и вошли въ переднюю. На право была кухня и дверь въ ней на этотъ разъ была совсѣмъ раскрыта. Въ кухнѣ на полу стояла цѣлая батарея кувшиновъ съ молокомъ, а около нихъ возились двѣ женщины, съ перваго уже взгляда не мѣстнаго происхожденія. Старшая изъ нихъ, сухая и тонкая, съ длинной шеей, сбирала съ кувшиновъ сметану, младшая, блондинка, съ нѣжнымъ лицомъ, наливала въ молочникъ изъ кувшина молоко. На обѣихъ были дешевенькія, пестрыя и короткія ситцевыя платья и бѣлые фартушки подъ самую шею. Олеся была увѣрена, что это ключница и горничная, и громко спросила:

— А дома-ли директоръ или деректорша?

— Дерехтора нéма, откликнулась старшая женщина. Пошоль на фабрикъ, а дерехторша дома, и съ этими словами она отворила дверь на лѣво и рукой приглашала гостей войти туда.

Гости вошли на лѣво и очутились въ большой залѣ. Высокія двери и окна напоминали нѣсколько казармы. Стѣны были чисто выбѣлены, но зала казалась какъ-бы пустою, такъ мало было въ ней мебели, да и та собрана была какъ-бы изъ разныхъ рукъ. Въ сосѣдней комнатѣ чрезъ дверь видны были некрашеные табуреты и такіе-же столы. Только чисто вымытые полы, большія зеркала, богатыя занавѣси на окнахъ и раскошные ковры показывали зажиточность хозяевъ крартиры.

Скоро къ гостямъ вышли видѣнныя ими двѣ женщины, но уже безъ фартушковъ. Олесѣ и Настѣ все казалось, что это слуги; но старшая изъ нихъ, пригласивъ гостей садиться, и сама сѣла на

канапѣ рядомъ съ протопопшею, а около нея на стулѣ присѣла младшая. Только тогда гости догадались, что это хозяйка и ея дочь.

Сидѣли сначала молча. Дѣло въ томъ, что директорша нѣмка, недавно еще поселившаяся здѣсь, едва умѣла склеить нѣсколько малорусскихъ фразъ, примѣшивая къ нимъ и русскія слова. При видѣ гостей она растерялась и долго подбирала слова, пока наконецъ, обращаясь къ Олесѣ, проговорила:

— Фи туже любитъ музикъ? Ви учитъ гратъ въ фортепьянъ.

— Я очень люблю музыку, отвѣчала Олеся, я артистка въ душѣ, но врядъ-ли когда выучусь играть. Вотъ моя дочь играетъ, хотя и еще учится.—А вы играете? спросила она въ свою очередь директоршу.

— О, я вже старій. Я граль та вже забуль, сказала директорша.

Настя чуть не разсмѣялась и насилу удержалась.

— А вы любите музыку? спросила Настя барышню нѣмку,

Та только плечами пожала; она слова по русски не разумѣла.

— Вона добре грать. Мосье Ганушъ дуже вчиль. Вона любитъ музикъ, отвѣтила за нее мать.

— Скажите, не скучно вамъ здѣсь въ селѣ послѣ за-границы? спросила директоршу Олеся.

— Я николи скучно. Я маю багато робить, о, багато робить! Рано робить, день робить и поночи робить. О, я не скучно! А ви не скучно къ Богуславъ?

— Намъ въ Богуславѣ навѣрно скучнѣе, чѣмъ вамъ здѣсь въ селѣ. У васъ здѣсь много служащихъ, пожалуй еще и семейныхъ, есть съ кѣмъ время проводить, сказала Олеся.

— Ни, ни. Въ насъ вси паничъ, нема жинка, нема дочка. Вси паничъ. А часъ не треба водить? Часъ робота нужно, пояснила въ отвѣтъ директорша.

— Ну, да и попались-же мы! Придется вѣрно долго слушать такую пріятную бесѣду, подумала Олеся и едва не зѣвнула. И что этотъ противный Ганушъ нейдетъ? Хотя-бы онъ выручилъ и поигралъ на фортепьянѣ.

Ганушъ не приходилъ. Бесѣда становилась не подъ силу и хозяйкѣ и гостямъ; обѣ стороны мучились и не знали, какъ дальше быть. Олеся глянула въ окно; у самаго зданія разбитъ былъ большой и прекрасный цвѣтникъ.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ! Какія роскошныя клумбы! Позволите выйти полюбоваться? спросила она хозяйку, готовая бѣжать не только въ садъ, но и куда угодно.

— Просимо: я буду показать вамъ квитка, сказала хозяйка, и сама обрадовавшись неожиданному облегченію своего положенія, повела гостей въ садъ, точнѣе огородъ, недавно разбитый и тщательно воздѣланный.

Кромѣ прилегавшихъ къ дому клумбъ, переполненныхъ разнообразнѣйшими цвѣтами и красиво огражденныхъ черепицей и низенькимъ переплетомъ изъ прутьевъ орѣшника, весь огородъ представлялъ необозримое море роскошнѣйшей зелени, разсѣянной по грядкамъ, раздѣленнымъ тщательно подметенными и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками. Грядки на всемъ пространствѣ огорода окаймлены были широкими рядами всякаго рода цвѣтовъ, отъ резеды, левкоевъ и астровъ до георгиній и рѣдчайшихъ розъ.

На грядкахъ, за щитами цвѣтовъ, на тучномъ, едва тронутомъ грунтѣ разрослись на полномъ привольѣ заботливо выхоленныя и умѣло культированныя огородныя и садовыя растенія: морковь, салатъ, петрушка, салдерей, сахарный горошекъ, щавель, спаржа, помидоры, цвѣтная капуста и пр. Въ промежуткахъ выроставшей и созрѣвавшей зелени виднѣлись желтыя полосы давно засохшей клубники и земляники. Здѣсь и тамъ разбросаны были молодыя, недавно привитыя деревья-груши, яблони, шпанской вишни, морелей и абрикосовъ, а по краямъ дорожекъ кусты крижовника, черной и красной смородины. Словомъ: это было хозяйство и культура, какія нашимъ богуславскимъ гостямъ на умъ не приходили. Но во всемъ этомъ имъ близки и понятны были лишь цвѣты, да порядокъ и чистота, и не понятнымъ оставался трудъ и знаніе, которыя полагались въ основу всей жизни нѣмецкими выходцами.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ и какіе роскошные, какіе рѣдкіе цвѣты! воскликнула Олеся, обходя клумбы цвѣтника.—Это вы съ дочерью насадили столько цвѣтовъ и ходили около нихъ?

— Ни, ни, я маю багато робота. То мой два сынъ копавъ грядки, сами садивъ. О, вони любитъ квитку! пояснила директорша.

Осмотръ и распросы пошли дальше; но скоро и этотъ новый матеріалъ для разговоровъ истощился, и хозяйка, какъ и гости очутились снова въ крайне стѣсненномъ, почти безвыходномъ положе-

ніи по непониманію другъ друга. На выручку имъ съ фабричнаго двора показался Шмидтъ вмѣстѣ съ Ганушомъ; за ними шли два молодые сыновья директора. Хозяйка повела гостей на встрѣчу имъ, Послѣдовало рукопожатіе и представленіе незнакомыхъ другъ гругу.

Сыновья Шмидта, высокіе и стройные, привлекли сразу вниманіе Олеси и Насти необычайно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Одѣты они были въ простую парусину, но любопытное око Олеси примѣтило на нихъ такія тонкія, изящно сшитыя и отлично вымытыя и выглаженныя сорочки, какихъ ей еще не приходилось видѣть. Старшаго изъ сыновей звали Густавомъ, меньшаго Генрихомъ.

— Вотъ-бы залучить одного изъ этихъ красавцевъ для моей Насти! подумала Олеся.

Хозяинъ пригласилъ гостей въ комнаты. Общество сразу оживилось; и Шмидтъ и его сыновья, постоянно обращаясь среди рабочихъ, хорошо усвоили малорусскую рѣчь, понимали и даже отчасти говорили по русски, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ сношеній съ разными властями. По просьбѣ Олеси Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и принялся играть съ обычнымъ искусствомъ. Инструментъ былъ хорошій, а высокая зала давала прекрасный резонансъ. Олеся и Настя повеселѣли.

День былъ праздничный, пора вечерняя. Къ директору стали приходить одинъ за другимъ служащіе на заводѣ, разныхъ національностей и профессій. Вошли два француза сахаровары, за ними два поляка съ конторы, пожилой толстый нѣмецъ Монтагъ и механикъ англичанинъ. Зала наполнилась гостями, но имъ трудно было разговориться, по неимѣнію общаго, для всѣхъ одинаково доступнаго языка. Кромѣ мужчинъ съ однимъ изъ французовъ пришла его сестра, немолодая дѣвица, но не умѣла говорить ни по нѣмецки, ни по малорусски. Французъ и англичанинъ говорили также по нѣмецки, какъ самъ Шмидтъ по русски. Объяснялись, какъ кто могъ, дополняя недостающее кивками, пантомимами. Въ залѣ слышалась самая пестрая рѣчь, перемѣшанная, ломанная, исковерканная, до крайности подъ часъ странная и даже смѣшная.

Подано было пиво въ хрустальныхъ кружкахъ съ металлическими ободками. Всѣ заводскіе накинулись на пиво и скоро развеселились. Балабухѣ чувствовалось не по себѣ въ этой чуждой для

него, пестрой и темной компаніи, Олеся и Настя напротивъ были очень довольны ею и даже нѣсколько польщены этимъ новымъ знакомствомъ.

Новые люди, невиданные типы, свобода и непринужденность въ обращеніи и даже эта смѣшная рѣчь—все это имѣло для нихъ большой интересъ и своего рода пріятность. Имъ казалось, что они заѣхали за три девять земель отъ своего Богуслава, находятся за границей.

Натянувшись пива, заводскіе труженики задумали танцовать. Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и ударилъ по клавишамъ. Олеся съ любопытствомъ посматривала, кто пригласитъ Настю. Танцы начались нѣмецкимъ вальсомъ въ два *па;* за тѣмъ танцовали кадриль. Къ Настѣ подошелъ старшій сынъ Шмидта Уставъ; Олеся обрадовалась.

— Завидный женихъ для Насти! Какого прелестнаго зятя буду имѣть, подумала она, становясь въ кадрили противъ дочери съ старымъ Монтагомъ. Настя стала рядомъ съ Густавомъ; парочка вышла на заглядѣнье. Олеся любовалась ею.

— Поздравляю тебя, сказала она тихонько дочери, проходя мимо ея въ кадрили.

Настя самодовольно улыбнулась и покраснѣла до ушей.

Отъ кавалера Олеси несло пивомъ и крѣпкимъ запахомъ грошевыхъ сигаръ; но Олеся терпѣливо выносила непріятный запахъ и привѣтливо разговаривала съ своимъ солиднымъ кавалеромъ, не подозрѣвая, что танцуетъ съ фабричнымъ столяромъ. Монтагъ своею мускулистою рукою такъ крѣпко обнялъ Олесю за талію и прижалъ ее къ себѣ, что она чуть не вскрикнула. Когда въ кадрили Монтагъ подавалъ руку своей дамѣ, Олесѣ казалось, что ее схватываютъ желѣзные щипцы. Старый столяръ сбивался въ фигурахъ, иногда медвѣжьею ногою наступалъ на платье своей дамы и платье трещало; но Олеся какъ-бы вовсе не замѣчала этого и танцовала съ увлеченіемъ молодости.

Кадриль окончилась, подали чай съ закусками и ромомъ, а послѣ чаю принялись снова за танцы. Танцовали вальсъ, потомъ польку и лянсье, въ промежуткахъ опять кадриль, а въ заключеніе излюбленный нѣмцами гроссъ-фатеръ, въ которомъ приняли участіе и супруги Шмидты. Подали вновь пиво и портеръ; подгулявшіе ме-

ханики чокались кружками, тянули пиво, болтали, выкрикивали, шумѣли, какъ-бы въ какой нибудь «Баваріи». Въ залѣ стоялъ гулъ, изъ котораго слышались лишь отрывочныя, большею частью исковерканныя слова на различныхъ языкахъ. Разговоръ перешелъ на почву національную; представители каждой народности превозносили свои добрыя стороны и порядки, выставляли своихъ героевъ и подшучивали надъ другими. Слышались громкія историческія имена, разсказывались забавные анекдоты, не обошлось и безъ ходячаго *Friedrich heraus.* Веселая компанія то жарко спорила, то громко хохотала. Заводскіе кавалеры не забывали и дамъ, но когда хмѣль сильно уже зашибъ ихъ головы, стали позволять себѣ и разныя вольности, обличавшія простую и грубую среду, изъ которой они вышли, но получавшія особую комичность отъ ломаннаго языка, на которомъ они объяснялись. Разгулявшійся англичанинъ, становясь въ смѣшную позу передъ Настей, съ паѳосомъ выкрикивалъ гдѣ-то слышаное имъ: «Гопъ, чорнобрива, та хороша, та похожа на мене!». Монтагъ, дѣлая масляные глазки Олесѣ и трепля ее по плечу, каждый разъ начиналъ: «Мой старый попадь» и спорилъ съ Олесей, что иначе онъ и не можетъ называть ее, такъ какъ у нея есть еще «молодой попадь», т. е. Настя. Захмѣлѣвшій французъ, перекидываясь съ Настею разными комплиментами, покушался обнять ее за талію и свалившись на стулъ, чуть не усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Въ заключеніе старый Монтагъ сталъ потѣшать публику фокусами, которые дѣлалъ съ помощью платка, рукавовъ и собственныхъ пальцевъ. Хитро перепутавъ свои всѣ десять пальцевъ, онъ приблизилъ ихъ къ стѣнѣ; тѣнь отобразила смѣшную человѣческую фигуру, съ впалыми губами, съ острымъ птичьимъ носомъ. Монтагъ пояснилъ, что это старый сельскій нѣмецкій учитель, и такъ забавно раскрывалъ за него ротъ, качалъ головою и пѣлъ нѣмецкія пѣсни, что всѣ гости отъ смѣху брались за бока.

Уже о полночи Балабухи распрощались съ радушными нѣмцами и уѣзжая просили къ себѣ какъ всю семью Шмидта, такъ и ихъ гостей.

— Ахъ, какъ весело было сегодня у директора! говорила Олеся, пріѣхавши домой. Какъ у нихъ все просто, натурально, безъ церемоніи. Всѣ веселятся, забавляются, какъ кому нравится, ничѣмъ не стѣсняясь.

— Но очень уже безцеремонно, по мѣщански, замѣтилъ Балабуха.—Это компанія совсѣмъ не по насъ.

— А развѣ веселѣе бываетъ въ вашей духовной компаніи?

Балабуха хотѣлъ было многое сказать женѣ о новыхъ знакомыхъ, которыхъ она ему навязала, но предпочелъ промолчать и отправился спать. Олеся и Настя, оставшись вдвоемъ, долго еще разговаривали между собой по поводу проведеннаго ими вечера.

— Ахъ, какіе это прелестные кавалеры, сыновья директора! говорила мать. Это не то, что наши семинаристы. Противные, только полы начкаютъ. Ни сѣсть, ни стать, ни комплимента сказать не умѣютъ, а танцуютъ, будто кадиломъ кадятъ.

— Что, и говорить, мама? Шмидты за границею воспитывались, тамъ даже родились, поддержала ее дочь.

— А что, Настя, котораго изъ нихъ ты выбрала-бы себѣ въ женихи: Густава или Генриха? спрашивала мать.

— Затрудняюсь, мамо, отвѣчала дочь. Оба они хороши, но старшій, Густавъ, какъ будто красивѣе: у него волосы темнѣе и вьются кудрями. Генрихъ очень уже бѣлый и руманый, совсѣмъ какъ барышня. Это не въ моемъ вкусѣ.

— Да, и я на твоемъ мѣстѣ выбрала-бы Густава. У него чудные каштановые усики, носъ продолговатый и лице мужское. Изъ него выйдетъ видный, статный мужчина. И характеръ у него тихій, спокойный: съ отцемъ онъ говоритъ такъ почтительно, а съ матерью очень нѣжно и часто руки ей цѣлуетъ.

— А я, мамо, замѣтила, что Генрихъ строптивъ и даже сердитъ. Мать велѣла ему танцовать съ француженкою, но онъ не захотѣлъ, а въ кадрили даже крикнулъ на свою сестру.

— Это совсѣмъ не хорошо, если мужъ непослушный и сердитый, да еще съ характеромъ. Мужа лучше имѣть такого, который во всемъ слушался-бы тебя.

— Но если я, мамо, буду любить своего мужа и онъ меня также...

— Э, не знаешь ты мужчинъ. На любовь ихъ трудно полагаться: женится, охладѣетъ и станетъ тебя въ хозяйство запрягать.

— Ахъ, сохрани Богъ! Я не терплю этого хозяйства также, какъ и вы.

— Скареды они, эти мужчины! Все въ свои руки загребаютъ, ничего у нихъ не выпросишь. А какая жизнь безъ денегъ! Да и

на то-ли намъ жизнь дана, чтобы возиться въ кухнѣ? Хочется пожить, повеселиться, а они, эти противные мужья, все только охаютъ, что расходъ большой, да деньги прячутъ. Нѣтъ, когда ты выйдешь за Густава замужъ, возьми его сразу въ руки.

— Э, да когда еще это, мамо, будетъ!

— Нѣтъ, я уже теперь вижу, что Густавъ будетъ твой, что онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

Между матерью и дочерью разговоръ въ такомъ родѣ тянулся безъ конца; только на разсвѣтѣ они заснули и проспали до полдня.

Въ слѣдующее воскресенье семья Шмидтъ отдавала визитъ Балабухамъ. Въ ожиданіи этого визита Олеся и Настя по цѣлымъ днямъ толковали о томъ, какія надѣть имъ платья, какія приколоть бантики, какія выбрать серьги, брошки и т. д. Мать кромѣ того особо наставляла дочь, какъ ей выйти къ гостямъ, кому и какъ кланяться, какъ и сколько разъ цѣловаться съ директоршей и ея дочерью, какъ выгибать талію предъ Густавомъ, вскидывать на него глазки и опускать ихъ внизъ. Она даже практиковала дочь во всѣхъ этихъ фокусахъ и дочь продѣлывала ихъ какъ-бы уроки.

Семья Шмидтовъ пріѣхала въ щегольской коляскѣ, запряженной парой вороныхъ. Впереди сидѣли мать съ дочерью, противъ нихъ Густавъ и Генрихъ съ огромными букетами въ рукахъ. Балабухи засуетились; дорогіе ихъ гости скоро появились въ залѣ. Олеся выступала важно на встрѣчу имъ, волоча за собою длинный шлейфъ чернаго шелковаго платья. За ней вышла Настя, повторивъ въ точности уроки матери. Густавъ съ изящнымъ поклономъ подошелъ къ Настѣ и подалъ ей букетъ; Генрихъ приподнесъ букетъ Олесѣ. Дочь и мать были въ восторгѣ и благодарили, каждая по своему, любезныхъ кавалеровъ. Настя, любуясь букетомъ, разглядѣла на краяхъ его начальныя буквы своего имени и фамиліи, составленныя изъ мелкихъ цвѣтовъ, вскинула своими черными глазами на Густава и вся раскраснѣлась.

— Обобрали-же вы свой цвѣтникъ для насъ, говорила Олеся, приглашая гостей садиться и искоса оглядывая чистенькіе, но простые костюмы директорши и ея дочери.

— О, нишого! въ насъ дуже квитокъ. Ми вси любимо квитокъ, сказала директорша.

Пошелъ разговоръ о цвѣтахъ, но скоро былъ исчерпанъ. Олеся перемѣнила тему.

— А вашъ мужъ здоровъ? спросила она директоршу.

— Мусъ? Здоровый, здоровый: вже погнали пастись на трава, отвѣчала директорша, смѣшавъ мужа съ верховымъ его конемъ, котораго звали Мусомъ и который предъ тѣмъ едва не издохъ.

Генрихъ и Густавъ разсмѣялись; они передали матери по нѣмецки вопросъ Олеси; мать и сама расхохоталась.

— У васъ хорошій фортепьянъ? спросилъ Густавъ Настю.

— Фортепьянъ порядочный, но я плохо играю, хотя очень люблю музыку, отвѣчала Настя.

Густавъ открылъ крышку фортепьяна и, взявъ нѣсколько аккордовъ, похвалилъ инструментъ.

— Сыграйте намъ что нибудь, пожалуста, безъ церемоніи, приглашала Густава Олеся.

Густавъ сѣлъ и заигралъ простенькій вальсъ. Директорша и дочь ея Амалія похвалили фортепьянъ. Настя предложила Амаліи попробовать самой. Амалія слегка покраснѣла и робко съиграла польку, едва дотрогиваясь пальцами до клавишей. Кавалеры просили Настю сыграть. Настя долгонько церемонилась, но потомъ съиграла, и весьма не дурно, варіацію. Ганушъ предложилъ ей съиграть съ нимъ польку въ четыре руки; Настя охотно согласилась. Когда они усѣлись за фортепьянъ и заиграли, Олеся и мадамъ Шмидтъ обѣ съ одинаковымъ повидимому вниманіемъ слѣдили за игрой, но каждая думала свое.

— Мой Густавъ лучше играетъ, думала директорша.

— Славнаго зятя буду имѣть, говорила про себя Олеся.—Когда нибудь поцѣлуюсь съ нимъ хоть по праву матери.

Подали кофе; но директорша и Амалія, отвѣдавъ его, замѣтно поморщились. Олеся жаловалась, что негдѣ хорошей коровы купить; мадамъ Шмидтъ вызвалась уступить ей одну изъ своихъ.

Послѣ кофе гости скоро попрощались и уѣхали, приглашая Балабухъ навѣщать ихъ почаще.

По отъѣздѣ гостей Настя бросилась къ букету и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ показала матери свой вензель на букетѣ. Мать разсмотрѣла поднесенный ей Генрихомъ букетъ и нашла на

немъ свой вензель. Обѣ были польщены вниманіемъ и обѣ радовались, хотя далеко не одинаково.

— Ой, мамочко! да какъ-же хорошъ Густавъ въ чорномъ. Мнѣ показался онъ теперь гораздо красивѣе Гануша.

— О, какъ можно! Ганушъ красивѣе. У Гануша темные глаза и фигура полнѣе.

— А у Густава глаза голубые, какъ небо. Я такъ люблю голубые глаза.

— Будетъ, будетъ твоимъ Густавъ. Только надо намъ хорошенько принять ихъ, устроить для нихъ балъ.

— Надо, мамочко, надо, да еще, какъ можно, скорѣе. Ахъ, какъ мнѣ хочется потанцовать, да еще съ Густавомъ!

Олеся схватила Настю обѣими руками за щеки и начала цѣловать ее изо всѣхъ силъ, приговаривая.

— Золото мое, дорогая моя! Какъ я буду жить безъ тебя? Густавъ завезетъ тебя куда нибудь далеко и я останусь одна. Милая моя, другъ мой! Какъ мнѣ горько будетъ разставаться съ тобой?

У Насти на глазахъ выступили слезы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она уже собиралась выѣзжать съ Густавомъ въ далекіе края, за границу.

На другой день Олеся и Настя разсуждали уже о томъ, какія платья приготовить имъ для бала.

— Для меня, я думаю, довольно будетъ сшить легенькое барежевое, пожалуй розовое, сказала Настя.

— О, какъ можно! тебя нужно получше нарядить. Я думаю сшить для тебя бѣлое атласное платье. Бѣлый цвѣтъ тебѣ къ лицу, ты брюнетка.

— А вамъ, мамо, найлучше, кажется, идетъ черный, либо сѣрый цвѣтъ.

— Вотъ еще выдумала! Развѣ я старуха? Мой цвѣтъ зеленый, и я сошью для себя шелковое зеленое платье.

— Хорошо бѣлое атласное, хорошо зеленое шелковое. Вы прекрасно придумали, мама; но на такія платья нужно много денегъ. Дастъ-ли, папа, денегъ?

— Мы не привыкли и спрашивать папу. Нужно, такъ и давай. А вѣдь намъ нужно показать тебя предъ Густавомъ: можетъ быть онъ повезетъ тебя и за границу.

— Ой, мамочко моя! крикнула Настя и кинулась цѣловать свою мать.

Къ задуманному балу Настя принялась вышивать покрышку на табуретъ къ фортепьяну, а Олеся третью подушку на диванъ. За вышиваньемъ они обдумывали, какую отдѣлку дать платьямъ, высчитывали, сколько надо матеріи, какіе и на что кружева, ленты и цвѣты, не забыли духовъ, перчатокъ и бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ и наконецъ прикинули, во что все это обойдется. Сумма, вмѣстѣ съ стоимостью пріема гостей, выходила большая; но это никогда не стѣсняло Олесю, и она повела атаку на мужа.

— Знаешь-ли, Маркъ Павловичъ, начала Олеся.—Замѣтила я, что старшій сынъ директора Густавъ очень засматривается на нашу Настю. Партія была-бы прекрасная. Но надо дать имъ возможность сблизиться, а для этого хорошо было-бы намъ устроить вечеръ и пригласить нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Кого? этихъ мѣщанъ?! чуть не вскрикнулъ Балабуха.

— Какихъ мѣщанъ? Не думаю, чтобы такъ можно было назвать директора и его семью: мѣщане въ такихъ экипажахъ и на такихъ лошадяхъ не ѣздятъ.

— Еще мы не знаемъ, чьи это лошади, чей экипажъ... Денегъ мы ихъ не считали, да и что намъ до того, что они богатые. Намъ надо своего берега держаться. И такъ уже мои прихожане говорятъ, что у насъ бываютъ только ляхи да полиція. А если-бы ты знала, какъ смотрятъ на этихъ фабричныхъ наши духовные, которые ближе ихъ знаютъ. Бурлаки, говорятъ, мастеровые. И такъ оно и есть: твой кавалеръ Монтагъ—простой столяръ, англичанинъ—слесарь. Хорошее знакомство! Еще кто знаетъ, что такое самъ Шмидтъ и его жена. Такимъ знакомствомъ, чего добраго, можно уронить домъ, оттолкнуть отъ себя своихъ и повредить своему дитяти. Семинаристы уже обѣгаютъ насъ, никто и не заглянетъ.

— Очень нужно! Я уже сказала, что за духовнаго ни за что не отдамъ своей дочери.

— Думаешь, за нѣмца лучше? Что-жъ? отдавай и за нѣмца. Да возьметъ-ли еще этотъ Густавъ Настю? У тебя вѣдь такъ: «ори, мели, ѣжъ!»

— Выдумай еще что. Ужъ я тебѣ говорю: Густавъ ухаживаетъ за Настей; но надо ихъ сблизить, а для этого надо вечеръ устроить.

— Про меня, устраивай, приглашай, кого хочешь.

— Да, но мнѣ нужны деньги: надо самой одѣться, Настю принарядить. Для нея я хочу сшить бѣлое атласное платье, а для себя зеленое шелковое.

— Атласное бѣлое, зеленое шелковое, да еще вечеръ! Вѣдь это сотни двѣ рублей.

— Не меньше.

— Двѣсти рублей, когда у меня и двадцати нѣтъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? И безъ того куча долговъ.

— А ты думаешь безъ денегъ дочь пристроить!

— Да за кого пристраивать? Это такъ: ни «сѣло, ни пало, дай бабо, сало». Посмотрѣлъ кто-то на Настю, давай вечеръ, давай новыя платья. Ужъ какъ ты себѣ хочешь, а денегъ я не дамъ, потому что ихъ у меня нѣтъ.

Олеся приставала, не слушая никакихъ резоновъ; Балабуха возвысилъ голосъ такъ, что жена и дочь только глаза вытаращали на него.

Разговоры и споры о вечерѣ и деньгахъ возобновлялись не разъ. Балабуха стоялъ на своемъ, Настя утратила всякую надежду на вечеръ и бѣлое атласное платье, о которыхъ столько мечтала; но Олеся рѣшила поставить на своемъ. Она перестала говорить съ мужемъ и настроила къ тому-же и дочь. Балабуха не поддавался,— его приводила въ отчаяніе куча долговъ. Олеся стала запирать буфетъ и лишила мужа сперва рому къ чаю, къ чему онъ многими годами привыкъ, а затѣмъ и водки, безъ которой онъ и за обѣдъ не могъ приняться. Балабуха пробовалъ украдкой отъ жены посылать за ромомъ и водкой, но Олеся зорко слѣдила за этимъ и перехватывала то деньги, то водку и ромъ. Когда наконецъ и это не дѣйствовало, Олеся стала накидываться на мужа съ укорами, крикомъ и плачемъ и подбивала къ тому-же и дочь. Обѣ заголосятъ такъ, будто покойникъ на столѣ. Балабуха не выдержалъ, полѣзъ въ комодъ, досталъ послѣдніе пятьдесятъ рублей, бросилъ ихъ на столъ и сказалъ:

— Вотъ вамъ послѣднее, а тамъ дѣлайте, какъ хотите.

— Мы и въ долгъ наберемъ, когда не станетъ денегъ, сказала съ улыбкою Олеся.

Когда затѣмъ сѣли обѣдать, на столѣ, по прежнему, стоялъ графинчикъ съ водкой, и Олеся любовно заговаривала съ мужемъ. Повеселѣла и Настя и мечтала уже о балѣ и платьѣ и бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ. Сидѣлъ, надувшись и молча, только самъ Балабуха и три дня не говорилъ съ женою.

Тотчасъ послѣ обѣда мать и дочь побѣжали къ Сурѣ и надѣлали ей заказовъ. Оказалось, что многаго и у Суры не было; но ее уговорили съѣздить нарочно въ Кіевъ и добыть во что бы то ни стало. Содрала-же потомъ Сура съ протопопши...

Позвали Мошка снимать мѣрки и шить платья. Мошко принесъ засаленныя картинки модъ.

— Тебѣ, Настя, нужно декольте, вотъ какъ на этой картинкѣ, сказала мать.

Настя глянула на картинку: тамъ оголеныя плечи, грудь до половины открыта и руки чуть не до мышекъ.

— Ой, мамочко! мнѣ будетъ казаться, что я голая, вскрикнула Настя.

— Это-то и хорошо! У тебя бюстъ прекрасный, руки и плечи полныя и бѣлыя: ихъ стоитъ показать, поучала мать.

— Ни за что въ свѣтѣ! Мнѣ стыдно будетъ выйти къ гостямъ, возражала невинная Настя.

— Глупенькая ты: не знаешь ты мужчинъ. Густавъ скорѣе сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, сказала Олеся Настѣ на ушко.

Настя вспыхнула, какъ пламя, а все-таки согласилась открыть свои прелести.

Насталъ день бала. Олеся и Настя засвѣтло еще одѣлись и расхаживали по залѣ, оглядывая свои наряды въ зеркалѣ. Настя распустила по плечамъ роскошные черные локоны. Въ локонахъ красовался букетъ изъ свѣжихъ розъ, который прекрасно шелъ къ ея чернымъ бровямъ и матовому нѣжному лицу. Розовые букетики на груди и плечахъ кокетливо скрадывали однообразіе бѣлаго наряда. Настя вся блестѣла въ нѣжныхъ тонахъ и тѣняхъ, кружилась, вертѣлась предъ зеркаломъ и сердилась на солнце, что оно не идетъ на покой.

Солнце закатилось; въ домѣ зажгли огни. Пришли жидки и заиграли въ сѣняхъ на «добры-вечиръ». На дворѣ послышался

стукъ экипажей, а за тѣмъ въ сѣняхъ, въ прихожей, топотъ входившихъ гостей.

— Бѣги, Настя, въ свою комнату; выйдешь потомъ, когда гости будутъ въ залѣ; я скажу, что ты еще одѣваешься, говорила тихо Олеся Настѣ.

Настя мелкими шажками выбѣжала изъ залы и притворила дверь.

Долго топтались наѣхавшіе гости въ прихожей, раздѣваясь и оправляясь, наконецъ стали входить въ залу одинъ за другимъ. Прежде всѣхъ влетѣлъ Ганушъ, совсѣмъ какъ актеръ на сцену. Онъ былъ во фракѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, лакированныхъ ботинкахъ, напомаженный, завитый, стройный, какъ тополь. Олесѣ казалось, что въ залѣ солнце взошло: она чуть не кинулась ему на шею.

За Ганушемъ вошли Густавъ и Генрихъ, также разодѣтые; но появившіяся за ними мать и сестра одѣты были такъ просто, что при видѣ ихъ Олеся даже нахмурилась.

За семьей директора потянулся длинный рядъ служащихъ на заводѣ: французъ съ сестрою, пожилой дѣвицей, его компатріотъ, фокусникъ Монтагъ, еще какой-то нѣмецъ помоложе, три сахаровара изъ Хохотвы—родственники Шмидтовъ, три конторскихъ поляка и англичанинъ—слесарь. Вошли и еще два старые нѣмца въ засаленныхъ сюртукахъ, узкихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками, точь въ точь музыканты.

Пошло представленіе всей этой сахарной компаніи. Олеся встрѣчала всѣхъ привѣтливо, подавала руку даже старымъ столярамъ. Спустя нѣсколько минутъ появились кое-кто изъ богуславскихъ знакомыхъ: докторъ съ тремя незамужними и не молодыми сестрами, становой съ женой, учитель съ дочерью и два-три офиціалиста изъ панскаго двора. Балабуха зналъ, какая будетъ компанія и пригласилъ сосѣда священника, чтобы было съ кѣмъ перекинуться словомъ, душу отвести отъ непроходимой нѣмчуры. Но Олесѣ и этотъ единственный батюшка-гость сталъ поперекъ горла и, при появленіи его, она, взглянувъ сердито на мужа, шмыгнула въ комнату Насти.

— Настя, выходи! Уже всѣ гости съѣхались, говорила мать нетерпѣливо ожидавшей ее дочери.—Да и гостей-же набралось! А какъ хорошъ Ганушъ, во фракѣ! какая у него фигура!

— А Густавъ во фракѣ? спросила Настя.

— А какъ-же! Тамъ въ залѣ чистая заграница. Только, знаешь, на мое горе затесался къ намъ этотъ заросянскій попище, да еще съ сыномъ семинаристомъ, откровенничала мать.

— Ну, плохой-же знакъ—при выходѣ съ попомъ встрѣтиться, въ тонъ ей сказала дочь; но тутъ уже сама мать закрыла ей пальцемъ ротъ.

Музыка заиграла маршъ; Настя вышла, а за нею мать.

При появленіи Насти въ залѣ все затихло. Всѣ устремили на нее глаза, а старые нѣмцы въ короткихъ рейтузахъ, схватившись со стульевъ, вытянулись, какъ предъ директоромъ. Настя поздоровалась съ дамами и стала около стола. Къ ней потянулась длинная процессія сахарныхъ кавалеровъ, молодыхъ и старыхъ.

Настю интересовала только семья Шмидтовъ и любезность свою съ ними она начала съ того, что присѣла къ Амаліи; но и Амалія была для нея нѣмой, и она для нея такой-же. Подали чай, гости разбрелись по залѣ. Настя, намолчавшись съ Амаліею, встала. Къ ней подошелъ Густавъ. Настя окинула его взглядомъ и пришла въ неописанный восторгъ. Послѣ непродолжительнаго ихъ разговора жидки-музыканты, по условному знаку Густава, заиграли вальсъ. Густавъ гибкой рукой обвилъ по таліи Настю, и легкимъ вѣтромъ понеслась по залѣ красивая парочка. Обутыя въ изящные бѣлые башмачки крохотныя ножки Насти мелькали, какъ молнія весной, въ легкой тѣни атласнаго шлейфа. Каштановые кудри Густава гармонировали съ черными, мелко вьющимися локонами античной головки Насти. Матово-бѣлая ея шея переливалась чудными тѣнями, какъ блескъ атласнаго ея платья. Двое карыхъ глазъ брызгали искрами, двое голубыхъ глазъ тихо сіяли, какъ утренняя зоря, и будто знойный день обнялся съ тихою звѣздною ночью, или вечерняя заря темнаго неба слилась съ утренней зарей на бѣлесоватомъ фонѣ зачинающагося дня. Отъ восхищенія Олеся закрыла глаза и наклонясь къ директоршѣ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ сказала:

— Не правда-ли, какая чудная пара!

Директорша только покачала головой, а сказать что либо не смогла,—это было слишкомъ для ея ломанной малорусской рѣчи.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Густавъ ловко шаркнулъ предъ Настей и усадилъ ее на стулъ. Густава смѣнилъ Ганушъ и Настя

снова закружилась въ вихрѣ опьяняющаго танца. Въ движеніяхъ Ганушa было больше продуманнаго изящества и граціи; львиная грива бѣлыхъ кудрей качалась ровною волной на могучихъ плечахъ, его статная фигура рисовалась въ просторной залѣ, какъ на освѣщенной сценѣ. Олеся любовалась имъ и завидовала красѣ и молодости дочери. Глубокій вздохъ внезапно вырвался изъ ея груди.

— Отъ чего я не такъ молода? За чѣмъ не вѣчно молодъ, не вѣчно цвѣтетъ человѣкъ? За чѣмъ отцвѣтаютъ пышные цвѣты? думала она, склонивъ голову на грудь.

Завертѣлись по залѣ другія пары. Фабричные кавалеры сильно отбивали тактъ, какъ-бы танцовали гдѣ либо въ загородной «австеріи». Насидѣвшись вдоволь, они спѣшили размять свои привыкшіе къ мускульной работѣ члены. Вся зала закружилась, завертѣлась. Семинаристъ подошелъ къ Настѣ; съ кислою миной она сказалась уставшей, но охотно за тѣмъ стала въ парѣ съ однимъ изъ старыхъ худыхъ нѣмцевъ въ узенькихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками и потертомъ сюртукѣ съ таліею на спинѣ. Маленькій ростомъ онъ вытянулъ къ ней свои костлявыя руки, какъ исхудалый жидовскій козелъ, силящійся достать верхушку пышнаго розоваго куста. Настя порхала съ воздушною легкостью; старый нѣмецъ болталъ около нея своими тонкими ногами, стучалъ здоровенными сапожищами. Настя смѣялась и все таки думала про себя, что танцуетъ съ заграничнымъ кавалеромъ.

Въ концѣ вечера тотъ-же старенькій нѣмецъ пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся важно выступала съ нимъ въ кадрили, хотя частенько закрывала носъ платкомъ,—такъ сильно разило отъ него нюхательнымъ табакомъ. Когда за тѣмъ въ слѣдующей кадрили сталъ съ Олесею Ганушъ, она ожила, просіяла и подумала про себя: а можетъ быть, а можетъ быть! всего бываетъ на свѣтѣ.

Счастливая, сіяющая Настя весь вечеръ почти танцовала съ Густавомъ; сдавалось, что онъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Слава Богу, слава Богу! не пропали даромъ мои хлопоты и издержки, думала Олеся, глядя на Настю съ Густавомъ.

Въ полночь подали ужинъ. Гостей было много, всѣ не помѣстились за столомъ, и кавалеры разбились на пары и каждый угощалъ свою даму. Густавъ сѣлъ съ Настей у маленькаго сто-

лика подъ зеркаломъ. Олеся глянула на нихъ и мигнула Настѣ глазами; Настя прищурила къ ней масляные глазки.

Слава Богу, слава Богу! славнаго буду имѣть зятя, думала уставшая Олеся.

Масса голодныхъ желудковъ, въ большей части нѣмецкихъ, поглотила ужинъ безъ остатка. Насытившіеся гости продолжали и послѣ ужина танцовать, а въ заключеніе столяръ Монтагъ показывалъ на стѣнѣ зайчиковъ и стараго учителя нѣмца. Гости разъѣхались уже на разсвѣтѣ, а усталыя хозяйки спали весь слѣдующій день до самаго вечера.

Всю зиму ѣздили Густавъ и Генрихъ къ Балабухамъ въ гости, какъ близкіе, почти свои люди. Объ Рождествѣ и на масляной Олеся давала ради Густава вечера. Дѣло шло уже совсѣмъ къ вѣнцу, какъ сдавалось Олесѣ.

Разъ какъ-то послѣ Пасхи Олеся и Настя поѣхали къ Шмидтамъ въ гости. Весна стояла во всей красѣ. Настя сгарала отъ любви къ Густаву, Олесѣ хотѣлось поглядѣть на Гануша. Они въѣхали въ фабричный дворъ и остановились около дома, въ которомъ была квартира Шмидтовъ.

— Тутъ вѣрно уже распустились весенніе цвѣты, сказала Олеся, выходя изъ экипажа: прелестные должны быть тюльпаны, нарцисы и піоніи. Заглянемъ, Настя, прежде въ цвѣтникъ.

И обѣ они направились къ высокому частоколу, которымъ огороженъ былъ садъ. Но интересовавшій ихъ цвѣтникъ оказался даже невскопаннымъ. Земля на грядкахъ чернѣла, а на дорожкахъ проросталъ бурьянъ. Клумбы были пусты: въ нихъ безнаказанно рылись свиньи.

— Что за диво! Отъ чего это Густавъ и Генрихъ не опорядили и доселѣ цвѣтника? въ недоумѣніи спрашивала Олеся.

Вошли въ прихожую, раздѣлись, повѣшали верхнее платье и бѣгомъ въ залу. Настя надѣялась встрѣтить Густава, Олеся Ганута. Но зала была пуста. Изъ сосѣдней комнаты вышелъ сторожъ, какой-то старичекъ.

— Что-же это такое! крикнула Настя и почувствовала, что у нея сердце заколотилось въ груди.

— Куда-же дѣвались Шмидты? спросила Олеся сторожа.

— Вчора выихали геть зовсимъ.

— Какъ? куда? спросила Олеся.

— Богъ ёго знае, що воно сталось. Тутъ заиздивъ до дирехтора нашъ панъ, та якъ почали шварготити, та якъ почали кричати, та трохи не побились. А другого дня дирехторъ знявся зъ мисця та й выихавъ зъ симъею десь далеко, за гряницю, чи що, сказалъ сторожъ.

Настя, какъ стояла, такъ и упала на полъ. Олеся, шатаясь, присѣла на низкій подоконникъ и прислонила голову къ стѣнѣ.

— Воды! принеси, диду, воды! крикнула она сторожу.

Сторожъ принесъ въ кувшинѣ воду. Олеся набрала въ ротъ воды и брызнула въ лице Настѣ; Настя раскрыла глаза. Олеся вывела ее подъ руку и усадила въ экипажъ. Вернулись онѣ изъ-за границы въ Богуславъ, убитыя горемъ.

— Уѣхали, не попрощавшись даже! заговорила Олеся, когда стали подъѣзжать уже къ лѣсу.

Настя слова не сказала и только плакала.

Бывшій на нѣмецкомъ балу у Балабухъ семинаристъ, большой юмористъ, возвратясь съ каникулъ въ Кіевъ, съ классной каѳедры разсказалъ товарищамъ о всѣхъ его дивахъ. «Богословы», кончавшіе курсъ, долго потѣшались его разсказами и разнесли недобрыя вѣсти о Балабухахъ по всѣмъ угламъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ ищущихъ невѣстъ «богослововъ» не заглядывалъ къ Балабухамъ въ домъ, а послѣ комично окончившейся исторіи ихъ съ Шмидтами отъ нихъ отшатнулись и богуславскіе знакомые. И стоялъ ихъ домъ, какъ опустѣлый, зачумленный.

Послѣ улетѣвшаго такъ внезапно Густава Настѣ пришлось долго выжидать жениховъ. Восемь еще лѣтъ Олеся варила съ Настею варенье, вышивала всякіе цвѣты да почитывала «Собраніе иностранныхъ романовъ». Съ горя и великой тоски за милымъ Густавомъ Настя выучилась курить, а сосѣди тихонько говорили, что она даже попивала съ мамою пунши съ ромомъ, легенькіе впрочемъ. Въ длинные зимніе вечера она разыгрывала на фортепьянѣ шумныя фантазіи, а мать ходила по залѣ, слушала музыку и передумывала всю свою жизнь, свои радости, свои удачи.

Спустя восемь лѣтъ въ Богуславъ пріѣхалъ на службу немолодой уже становой, вдовецъ съ тремя дѣтьми. Настя понравилась ему и онъ скоро посватался за нее. Отказа не послѣдовало, и скромная свадьба,

безъ музыки, безъ танцевъ, отбылась въ шумномъ нѣкогда домѣ Балабухъ. Пріѣхали изъ церкви молодые, подано шампанское и чай, маленькая компанія родныхъ потолкалась изъ угла въ уголъ и скромный ужинъ закончилъ брачное торжество. Собралась Настя ѣхать въ чужую хату, въ готовую семью стараго вдовца; Олеся провожала ее горькими слезами.

— Прощай, моя дорогая доню, другъ мой, пріятельница моя! Теперь я одна останусь, какъ былинка въ полѣ. Съ твоею молодостью я какъ будто второй разъ переживала свою молодость. Спасибо тебѣ! приговаривала Олеся, обнимая и цѣлуя Настю.

Разоренный Балабуха не могъ дать за Настею никакого приданаго и напутствовалъ ее лишь родительскимъ благословеніемъ.

Балабуха посѣдѣлъ и даже побѣлѣлъ. Олеся высохла, сморщилась, какъ грибъ, но и въ старости осталась такой-же проворной и говорливой. На седмомъ десяткѣ лѣтъ она почувствовала, что силы ея слабѣютъ, фантазія замираетъ и сонъ бѣжитъ отъ нея. Ночью просыпалась она въ четвертомъ, даже въ третьемъ часу и чтобы освѣжить свои нервы и прогнать тоску, принималась за чай и пила его по четыре раза въ день. Служанка ставила иногда для нея самоваръ и въ самую полночь. Кажется, что и живетъ она только чаемъ, да еще куреньемъ, къ которому пристрастилась давно. И теперь она любитъ веселую молодую компанію, по цѣлымъ вечерамъ глядитъ, какъ танцуетъ молодежь, слушаетъ музыку и все читаетъ романы. Беззаботная жизнь надолго сберегла ея силы. Балабуха уже оглохъ, но видитъ хорошо. У Олеси цѣлы еще всѣ зубы, а о смерти она не любитъ ни слушать, ни говорить.

И. Левицкій.

Библіографія.

Л. В. Иллашевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.

Исполнившееся въ апрѣлѣ настоящаго года столѣтіе со дня пожалованія императрицей Екатериной II грамоты русскому дворянству ознаменовалось во всѣхъ почти губерніяхъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ молитвъ, постановленіями дворянскихъ депутатскихъ собраній объ увѣковѣченіи дня праздиества какими-либо полезными дѣлами. Къ числу разнообразныхъ проявленій этого празднества относится изданная г. Иллашевичемъ книга.

Она открывается небольшой главой, въ которой авторъ разсматриваетъ «русское дворянство до 1785 года». Здѣсь въ исторической послѣдовательности изложена его судьба, отъ времени призванія князей, и намѣчены главныя фазы его развитія. Будучи весьма кратокъ въ началѣ, конечно, по недостатку источниковъ, авторъ подробнѣе говоритъ о законодательствѣ относительно дворянъ въ правленіе Петра I и его преемниковъ, цитируя высочайшіе указы, или приводя цѣликомъ царскія и императорскія грамоты. Екатерининская «грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» воспроизведена въ книгѣ г. Иллашевича цѣликомъ и составляетъ собою какъ-бы отдѣльный параграфъ въ первой главѣ. Время возникновенія собственно харьковскаго дворянства и его первоначальный характеръ опредѣляются г. Иллашевичемъ во второй главѣ, озаглавленной имъ: «Слободская Украина». Здѣсь онъ говоритъ о колонизаціи лѣваго берега Днѣпра въ началѣ XVII вѣка и о военномъ характерѣ первыхъ поселеній, управлявшихся полковниками, сотниками, эсаулами и проч. и носившихъ потому наименованія полковъ и сотенъ. Переходя за тѣмъ

къ указанію на заслуги козацкой старшины, авторъ отмѣчаетъ преданность и вѣрность ея престолу и подтверждаетъ это печатаніемъ въ текстѣ тѣхъ царскихъ, жалованныхъ за эту вѣрность, грамотъ, которыя хранятся въ харьковскомъ депутатскомъ собраніи. Такихъ грамотъ семь: 1) грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 19 февраля 1668 года; 2) грамота того же царя отъ 5 мая 1669 года; 3) грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 25 февраля 1695 года; 4) грамота Петра I отъ 7 марта 1700 года; 5) другая такая-же грамота; 6) грамота того-же царя отъ 28 февраля 1700 года и 7) грамота Елисаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 года. По содержанію грамоты эти болѣе или менѣе однообразны и различаются тѣмъ, что даются разнымъ полкамъ слободско-украинской губерніи: харьковскому, сумскому, ахтырскому и изюмскому; предметомъ пожалованія служатъ льготы дворянству по винокуренію и питейной торговлѣ, также какъ и разнаго рода преимущества вообще въ промышленности и торговлѣ. Г. Иллящевичъ сообщаетъ при этомъ краткій и сухой перечень войнъ, участіе въ которыхъ дало возможность харьковскому дворянству доказать свой патріотизмъ и пріобрѣсти означенныя въ грамотахъ права, съ какими они дожили до преобразованія слободской губерніи въ харьковское намѣстничество. Указъ объ этомъ преобразованіи также приведенъ въ текстѣ во всей полнотѣ. Собственно исторію «харьковскаго дворянства» г. Иллящевичъ начинаетъ съ 1780 года, когда произведены были первые выборы въ мѣстныя судебно-административныя учрежденія по правиламъ «учрежденія о губерніяхъ», изданнаго въ 1775 году. Эта исторія занимаетъ вторую часть книги и содержитъ въ себѣ исключительно разсказъ о пожертвованіяхъ дворянъ въ военное время, о снаряженіи ими ополченій, о поднесеніи государямъ всеподданѣйшихъ адресовъ по поводу разнаго рода торжественныхъ или печальныхъ событій въ государствѣ и о пожертвованіяхъ на устройство среднихъ, мужескихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, а также и университета. Подробнѣе авторъ останавливается на крестьянской реформѣ и отношеніи къ ней дворянства и мрачными красками рисуетъ критическое положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ послѣ реформы, нуждавшихся въ легкомъ и дешевомъ кредитѣ. На необходимости такого кредита авторъ особенно настаиваетъ и высказываетъ упрекъ правительству за открытіе крестьянскаго банка прежде дворянскаго. Особенное вниманіе читателя этой книги останавливаетъ на себѣ произнесенная въ 1785 г., по поводу пожалованія имп. Екатериной грамоты и производства первыхъ дворянскихъ выборовъ, предводителемъ дворянства Хорватомъ рѣчь, въ которой онъ приглашалъ харьковскихъ дворянъ ходатайствовать предъ высшею властью о разрѣшеніи дворянству подвергать суду и представлять

къ наградамъ своихъ выборныхъ представителей, принимающихъ участіе въ судѣ и управленіи губерніею. По поводу этой рѣчи авторъ говоритъ, что хотя предложеніе Хорвата, скрѣпленное подписями дворянства, не было санкціонировано правительствомъ, но нерѣдко примѣнялось на практикѣ. Авторъ впрочемъ не приводитъ примѣровъ такого примѣненія и приходится вѣрить ему на слово. Съ большею подробностью г. Иллашевичъ говоритъ о судьбѣ представителей харьковскаго дворянства въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, предъ ихъ освобожденіемъ. Увлеченные величіемъ реформы харьковскіе представители, вмѣстѣ съ тверскими и ярославскими, опередили намѣренія правительства и въ поданномъ ими адресѣ требовали освобожденія крестьянъ съ землей, введенія земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и большей или меньшей свободы печати. Всѣ эти реформы были впослѣдствіи правительствомъ совершены, но въ моментъ освобожденія крестьянъ признаны преждевременными, и авторы адреса высланы на родину съ отдачею ихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Къ книгѣ г. Иллашевича приложены гербы уѣздовъ харьковской губерніи, со списками бывшихъ въ нихъ предводителей дворянства, и списокъ лицъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу слободско-украинской губерніи въ 1786 году. Въ приложеніяхъ мы находимъ указанія на существовавшіе порядки выборовъ въ 1775, 1783 и 1801 годахъ, а равно положеніе о земледѣльческихъ совѣтахъ, въ которомъ дворянство видѣло лишь мертвящій бюрократизмъ вмѣсто дѣла и настаивало на необходимости сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, которые и заняты въ настоящее время разработкой подлежащихъ ихъ компетенціи вопрососъ. Въ спискахъ предводителей дворянства обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что должности предводителей дѣлаются какъ-бы достояніемъ двухъ, трехъ семей; мы то и дѣло встрѣчаемъ имена предводителей изъ одной и той-же семьи, слѣдующія одно за другимъ въ теченіи извѣстнаго періода времени и смѣняющіяся именемъ другой семьи, также занимающей мѣсто болѣе или менѣе продолжительное время. Случается и такъ, что предводители одной семьи, уступивъ сначала свое мѣсто другимъ, потомъ опять возвращаются къ власти. Здѣсь невольно уже видится намъ или борьба партій, или борьба семей.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Иллашевича, озаглавленной: «исторія харьковскаго дворянства».

Исторія-ли это? Въ такомъ-ли подборѣ фактовъ ея сущность?

Возьмемъ для примѣра періодъ наибольшаго развитія правъ дворянства. Какъ извѣстно, по «учрежденію о губерніяхъ» 1775 и по грамотѣ 1785 годовъ, дворянство призвано было къ участію въ судѣ и управленіи

губерніей; оно обязано было выбирать изъ своей среды предсѣдателей и засѣдателей въ обѣ судебныя палаты, засѣдателей въ совѣстный и верхній земскій суды, судью и засѣдателей въ уѣздный судъ и наконецъ капитанъ-исправника съ засѣдателями въ нижній земскій судъ. Отсюда ясно, какое громадное вліяніе предоставлено было дворянству, какая преобладающая роль въ судѣ и управленіи губерній была дана ему. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что милліонная масса крестьянскаго населенія губерніи также находилась въ полномъ распоряженіи дворянства и послѣднее такъ или иначе должно было давать направленіе нравственной и экономической жизни этой массы. Такимъ образомъ вліяніе дворянства должно было распространяться на всѣ сферы мѣстной жизни и потому опредѣленіе характера этого вліянія, его формъ и размѣровъ и должно составить истинную исторію дворянства; только судя по дѣятельности дворянства въ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, по его распоряженію и пользованію производительными силами края на пользу государственную и мѣстнаго населенія, мы можемъ опредѣлить заслуги дворянства для отечественной цивилизаціи и культуры и рѣшить вопросъ, на сколько оправдало оно довѣріе правительства, возлагавшаго на него важныя и серьезныя обязанности и только потому дававшаго ему широкія привилегіи, большею частью которыхъ дворянство продолжаетъ пользоваться и теперь. Работа громадная и не подъ силу одному человѣку; не мыслима она безъ подготовительныхъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, не мыслима безъ тщательнаго разбора и изученія архивовъ губернскихъ правительственныхъ учрежденій, а также архивовъ фамильныхъ. Понятно, что указанныя нами выше требованія не могутъ быть примѣнены къ настоящему труду г. Иллашевича, который касается, и то лишь отчасти, отношенія харьковскаго дворянства къ крупнымъ государственнымъ событіямъ. Соотвѣтственно этому, книгу г. Иллашевича съ большею точностью можно было-бы назвать не исторіею харьковскаго дворянства, а только очеркомъ его отношеній къ извѣстнаго рода событіямъ и фактамъ въ жизни государственной. Но если строго судить, то и такимъ очеркомъ ее назвать нельзя; скорѣе это сводъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворянствѣ вообще, а также грамотъ, указовъ, всеподданѣйшихъ адресовъ и другихъ оффиціальныхъ актовъ, касающихся харьковскаго дворянства.

Въ частности въ первой главѣ своего труда, въ общемъ очеркѣ исторіи дворянства до грамоты 1785 года, авторъ хотя и отмѣчаетъ три періода въ развитіи дворянства, но не слѣдитъ за тѣми внутренними причинами, которыя вызывали и дѣлали необходимымъ переходъ, напр., княжеской дружины въ служилый классъ и этого послѣдняго въ со-

словіе; въ особенности этотъ пробѣлъ даетъ себя чувствовать въ изложеніи исторіи третьяго періода, начавшагося съ реформами Петра Великаго. Точно также и во второй главѣ, имѣющей цѣлью изслѣдовать происхожденіе харьковскаго дворянства, авторъ собралъ весьма недостаточно матеріала и не обозрѣлъ даже того, что напечатано до сихъ поръ по исторіи южно-русскаго дворянства вообще въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ нашихъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ; въ результатѣ и получилось то, что процессъ образованія и выдѣленія казацкой старшины изъ посполиства, его внутренняя борьба при этомъ и переходъ въ дворянство остался совершенно не разъясненнымъ. Въ третьей главѣ та-же невыясненность и неопредѣленность задачи у автора.

Книга г. Иллишевича должна тѣмъ болѣе напомнить намъ о необходимости серьезныхъ подготовительныхъ работъ по исторіи сословія, которое долго шло во главѣ своего народа, составляя, такъ сказать, его умъ и душу.

И. Каманинъ.

Gross und klein-russisch. Aus Jlchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie gehalten an der Universität Oxford von Dr. Carl Abel. Im Auftrage des Versassers aus dem englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885. (*Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. По порученію автора перевелъ съ аглицкаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885*).

Авторъ названной книги составилъ уже себѣ репутацію своими оригинальными работами по языковѣдѣнію, которыя теперь собраны въ недавно явившейся большой его книгѣ: *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen.* Онъ заявляетъ притязаніе на установленіе особаго направленія въ лингвистикѣ. Новѣйшее языкознаніе обязано своими успѣхами признанію законосообразности въ измѣненіи звуковъ, изученію физіологической стороны человѣческой рѣчи. Абель—представитель психологической филологіи, если можно такъ выразиться. Онъ изучаетъ языкъ не только при помощи внѣшняго метода; онъ думаетъ, что въ наукѣ о языкѣ надо выдѣлить, какъ особую отрасль знанія, изслѣдованіе значенія словъ и содержанія языка, которое является выраженіемъ мыслительной дѣятельности народовъ; по его мнѣнію, рядомъ съ грамматикою, какъ ученіемъ о соединеніи мыслей, должно поставить изученіе словаря по понятіямъ, какъ сокровищницы мыслей, въ которой можно видѣть тонкое отображеніе

ступеней чувствованія и разнообразныхъ развѣтвленій мысли. Абель желаетъ поставить параллельно грамматическимъ лексикографическія занятія: по его мнѣнію, должно производить совмѣстно систематическій и общій анализъ словъ, формъ и синтаксическихъ соединеній и присоединить къ этому изученіе мыслей языка, т. е. значенія словъ, привести въ связь лексикографическія категоріи съ грамматическими выраженіями. Все это, по его взгляду, характеризуетъ духъ языка и при такой постановкѣ изученіе языка обращается въ орудіе выясненія народнаго духа. Языкъ каждаго народа представляетъ выраженіе этого духа, отличающагося индивидульными особенностями. Систематетическое изложеніе мысленнаго содержанія языковъ можетъ дать какъ-бы фотографію національныхъ характеровъ. Абель обращаетъ вниманіе на сравнительное изслѣдованіе словъ, выраженій однородныхъ понятій въ различныхъ языкахъ и старается выяснить своеобразные оттѣнки въ значеніи словъ, выражающихъ одни и тѣже понятія, приводя въ связь такое своеобразіе съ національною сокровищницей мысли. Въ видѣ опыта Абель довольно давно уже подвергъ анализу нѣкоторыя синонимическія выраженія въ древнихъ и новыхъ языкахъ (напримѣръ, терминологію любви) и высказалъ себя мастеромъ въ выясненіи значенія словъ.

Слѣдя за измѣненіемъ этого значенія, онъ обратился къ исторіи первобытной человѣческой рѣчи и разума. Онъ остановилъ вниманіе на консерватизмѣ египетско-коптскагоя зыка и считаетъ этотъ языкъ древнѣйшею изъ уцѣлѣвшихъ формъ человѣческой рѣчи, сохранившею въ свѣжести, полнотѣ и живости первобытныя черты. Знакомство съ этимъ языкомъ навело Абеля на открытія по вопросу о происхожденіи языка. Абеля поразилъ двойной противорѣчивый смыслъ (Gegensinn) первоначальныхъ словъ, и онъ указалъ на то, что языкъ не всегда отличается одинаковою доступностью пониманію. Повсюду человѣкъ достигаетъ постепенно все большаго и большаго совершенства въ выработкѣ языка, приходитъ къ лучшему согласованію звуковъ съ понятіями. По мнѣнію Абеля, разысканія въ этомъ направленіи доставляютъ занимающимся вопросомъ о происхожденіи языка, этой одной изъ облеченныхъ тайной загадокъ человѣческаго существованія, новый матеріалъ. Абель старается объяснить чудо образованія языка простымъ процессомъ: первоначально одинъ и тотъ-же звукъ могъ имѣть различныя значенія, которыя опредѣлялись интонаціей, ситуаціей и жестами говорившаго; только постепенно данный звукъ пріобрѣталъ опредѣленность, отчетливый смыслъ.

Привлеченіе славянскихъ нарѣчій въ кругъ сравнительнаго изученія такимъ широко повидимому образованнымъ филологомъ не лишено интереса, какъ заслуживаютъ вниманія и общія его соображенія въ одной

изъ статей его «Sprachwissenschaftliche Studien». Въ этой статьѣ Абель разсуждаетъ о возможности установленія общаго литературнаго языка для славянъ: разсмотрѣвъ съ сравнительной точки зрѣнія алфавитъ, орѳографію, грамматическій строй, лексическій составъ и литературы различныхъ славянскихъ нарѣчій, Абель пришелъ къ выводу, что только русскому языку суждено стать общимъ литературнымъ языкомъ славянъ.

Въ разсматриваемой книжкѣ Абель подымаетъ не менѣе интересный вопросъ о великорусской и малорусской вѣтвяхъ русской народности, и читатель вправѣ ожидать интересныхъ разысканій отъ филолога, заявляющаго большія претензіи и читавшаго спеціальный курсъ по сравнительной лексикографіи въ оксфордскомъ университетѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ этимъ ожиданіямъ книга Абеля, обратившая на себя вниманіе за границей и вызвавшая не мало рецензій.

Въ 1-й главѣ своей книги авторъ желалъ выяснить исторически разницу между двумя главными вѣтвями русской народности, великорусскою и малорусскою. Онъ говоритъ, что какъ повсюду на европейскомъ материкѣ, за внѣшнимъ единствомъ языка, почти всѣ европейскія расы представляютъ пеструю смѣсь разнородныхъ элементовъ, такъ и на Руси смѣшеніе племенъ значительно и большинство русскаго народа не того происхожденія, какое обозначаетъ его имя. Славянскія и финно-татарскія племена слились подъ общимъ наименованіемъ, полученнымъ отъ господствовавшихъ надъ ними шведовъ, которые назывались людьми веселъ или людьми моря—«Rodsharlar», «Rods-Folk», «Ross-Folk». Это названіе было передѣлано финнами въ «Ruotsi», а славянами въ «Rus». Точно также и въ Нормандіи пришельцы съ сѣвера долго назывались «Ruothrer», т. е. «Ruderer» или «Russen». Финская часть территоріи, покоренной норманнами, не носила названія Руси; она называлась «Суздалемъ» и «Московіей» и получила наименованіе Руси 250 лѣтъ назадъ, когда полуфинская Москва присоединила къ себѣ часть славянской Руси. Когда тамъ зародились планы сближенія съ Западомъ и поглощенія южно-славянской части, князья финской земли придали названію Русь классическое окончаніе *ія*, чтобы приблизиться къ западной культурѣ. Такое претвореніе обусловливалось и политическими соображеніями. До присоединенія Украйны Новгородъ и смежная сѣверо-восточная часть славянской территоріи были единственными славянскими землями, принадлежавшими Московіи. Въ восточныхъ частяхъ Московіи и Суздаля еще при Олеаріи, въ концѣ XVII вѣка, держалась финская рѣчь: значитъ, Москва не могла ославяниться въ теченіи 500 лѣтъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ на коренное различіе между славянами и московитами ука-

залъ *Abbé Chappe d'Auteroche*. Эта медленность процесса ославяненія обусловливалась многими причинами—обширностью территоріи, приливомъ финновъ съ востока, татарскимъ нашествіемъ, подъ вліяніемъ котораго Москва обратилась, по выраженію Буслаева, въ полутатарскій лагерь. Изъ этого лагеря были предпринимаемы завоеванія сѣверо-восточной славянщины въ интересахъ монголовъ и съ монгольскою помощью. Подкрѣпивши себя славянскими элементами при помощи татаръ, Москва ударила потомъ на общаго сюзерена. Но, не смотря на способность азіатскихъ племенъ быстро усвоять чуждые языки, ославяненіе было неполное. И теперь еще въ сѣверной и восточной частяхъ этихъ нѣкогда финскихъ и татарскихъ земель милліоны сельскаго населенія говорятъ плохо по русски. Теперь, говоритъ Абель, въ европейской Россіи считаютъ 40 милліоновъ финно-татарскаго населенія и 15 милліоновъ чисто славянскаго.

Славяно-руссы глубоко отличаются отъ своихъ финно-татарскихъ соотечественниковъ происхожденіемъ, исторіей и культурой; финно-руссы начали скрывать свое турецкое происхожденіе со времени европеизированія Москвы при Петрѣ, когда формально было воспрещено говорить, что въ Сибири и другихъ азіатскихъ земляхъ живутъ соплеменники финно-руссовъ. На не-славянское происхожденіе московитовъ указывалъ нѣмецкій ученый Миллеръ; къ нему присоединился Тредьяковскій, но оба пострадали, въ особенности послѣдній, получившій сотню ударовъ. Екатерина II отнеслась неблагосклонно къ Штриттеру за ту-же мысль.

Абель утѣшаетъ московитовъ въ этомъ несовсѣмъ почетномъ происхожденіи: онъ указываетъ на множество достойныхъ уваженія качествъ московитскаго характера, благодаря которымъ нечего стыдиться элементовъ, которымъ московиты обязаны своимъ происхожденіемъ. Хотя московиты не чистые славяне и не лишены недостатковъ, но все-же это даровитая, предпріимчивая и мужественная раса, которая можетъ указать на свои чрезвычайные успѣхи во многихъ отношеніяхъ. Было-бы совершенно ошибочно считать московитскую или финно-татарскую расу низшею по сравненію съ западными славянами болѣе чистой крови. Какъ ни разнятся оба элемента, но каждый изъ нихъ имѣетъ прекрасныя стороны въ своемъ національномъ характерѣ. Слѣдуетъ затѣмъ у Абеля характеристика обѣихъ русскихъ народностей. Какъ извѣстно, 25 лѣтъ назадъ была представлена такая сравнительная характеристика покойнымъ Костомаровымъ, очеркъ котораго извѣстенъ Абелю. Послѣ Костомарова данныя для характеристики южно-руссовъ были собраны Чубинскимъ, и изложеніе этихъ данныхъ на нѣмецкомъ языкѣ было помѣщено въ «Russische Revue». Абель рѣзко оттѣняетъ отсутствіе особой взаимной симпатіи между обѣими русскими расами, обусловленное глубокимъ раз-

личіемъ между ними. Оффиціальнымъ и литературнымъ языкомъ, говоритъ онъ, сталъ языкъ финно-руссовъ, и славянинъ ропщетъ между прочимъ и на это угнетеніе его роднаго языка. По словамъ Абеля, печатаніе книгъ на славяно-русскомъ языкѣ воспрещено, его нельзя услышать ни въ театрѣ, ни въ концертахъ; но, преслѣдуя славяно-русскій языкъ у себя, великоруссы поддерживаютъ его денежными пособіями въ земляхъ Габсбурговъ (!). Абель касается затѣмъ русскаго вопроса въ Галичинѣ, упоминаетъ о недавнемъ тамошнемъ политическомъ процессѣ и по обычаю впадаетъ въ неточности. Подъ вліяніемъ польскихъ утѣсненій, говоритъ онъ, галицкіе русскіе тяготѣютъ къ тому самому Петербургу, котораго нерѣдко такъ трепещутъ въ Кіевѣ.

Въ слѣдующихъ главахъ Абель пытается научно доказать противоположность обѣихъ русскихъ народностей, связывая такимъ образомъ филологическій экскурсъ съ историческимъ очеркомъ.

Абель говоритъ о томъ, какъ человѣкъ, усвояя высшій и болѣе развитой языкъ, преобразуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою духовную сущность. Усвоеніе чуждыхъ языковъ бываетъ двоякое: полное, безъ измѣненій, или-же съ видоизмѣненіемъ грамматики, причемъ теритъ духовное значеніе словъ. Финно-руссы, принимая славянскій языкъ, не приняли однако вмѣстѣ съ тѣмъ славянскаго *способа мышленія*; они придали другой оттѣнокъ славяно-русскимъ словамъ, которыя въ звуковомъ отношеніи остались безъ измѣненій. Абель отмѣчаетъ, какъ одно и тоже понятіе развилось въ обоихъ языкахъ съ совершенно различныхъ сторонъ, какъ самостоятельно воспользовались финно-руссы полученными корнями. Авторъ производитъ анализъ понятія о добрѣ и злѣ въ обоихъ языкахъ, но при этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, впадаетъ въ ошибки, не имѣя очевидно надлежащихъ свѣдѣній обо всѣхъ оттѣнкахъ значеній. Произнося слово «лихой», въ Кіевѣ, говоритъ Абель, смотрятъ на злой умыселъ, а въ Москвѣ «ударяютъ» съ сочувствіемъ на смѣлость дѣянія. Такимъ-же способомъ Абель анализируетъ значеніе словъ «братъ» и «другъ», названіе жены, слово «случай». Онъ придаетъ, повидимому, большое значеніе своей попыткѣ противоположенія одного языка другому въ отношеніи идей, какъ начинанію; основательное-же сравнительное изслѣдованіе словарей обоихъ языковъ дѣло будущаго; оно покажетъ, въ какой степени ославянились финны.

Кромѣ двухъ русскихъ языковъ и многихъ другихъ національностей, въ Россіи, говоритъ Абель, есть еще одна національность, составляющая высшіе классы. Она состоитъ изъ смѣси всѣхъ расъ, соединенныхъ подъ скипетромъ царей, и этотъ высшій слой является однимъ изъ интеллигентнѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и самыхъ предпріимчивыхъ

типовъ человѣческихъ породъ. Ему Россія обязана своими необыкновенными успѣхами въ политикѣ и на войнѣ. Каково-бы ни было происхожденіе этихъ фамилій, онѣ отличаются чрезвычайнымъ обиліемъ талантовъ. Въ то время, какъ низшіе слои народа въ Россіи болѣе удалены отъ культуры, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, высшіе классы общества поравнялись въ интеллигенціи со своими собратами въ другихъ земляхъ, если не превосходятъ послѣднихъ. Императоръ Николай сдѣлалъ славянскій языкъ обычнымъ языкомъ этихъ высшихъ классовъ взамѣнъ западныхъ языковъ, но не могъ вытѣснить изъ русскаго языка заимствованій: по иностраннымъ образцамъ составлено безчисленное количество словъ и грамматическихъ комбинацій. Оттого ни въ какой другой странѣ высшій культурный языкъ не отличается такъ существенно отъ народнаго. Не можетъ быть словаря богаче русскаго словами сложными и производными; въ другихъ языкахъ не можетъ быть болѣе аналитическаго, правильнаго и строго послѣдовательнаго построенія предложенія, но языкъ крестьянъ рѣзко отличается отъ русскаго литературнаго языка.

Затѣмъ слѣдуетъ глава, уже не имѣющая отношенія къ заглавію книги Абеля. Руководясь мнѣніемъ, что для выясненія того, какъ данный языкъ понимаетъ извѣстное излюбленное представленіе, надо привлекать въ кругъ наблюденія всю группу относящихся къ этому представленію понятій, Абель анализируетъ въ русскомъ языкѣ выраженія понятій «Gentleman» и «gentlemanly», «Nobleman» и «noble». Онъ затрогиваетъ тонкіе вопросы касательно соціальныхъ и моральныхъ понятій, дѣлаетъ интересныя сопоставленія, старается обнаружить достойныя изученія характерныя воззрѣнія и свойства русскаго народнаго духа. Абель производитъ сравнительный анализъ выраженія понятія свободы въ русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Этотъ анализъ показываетъ, какъ при родственности языковъ между ними могутъ быть чрезвычайныя различія въ мысленномъ содержаніи. На основаніи такого сравненія Абель открываетъ въ русскомъ языкѣ выраженіе нѣкотораго превознесенія идеала личной необузданности и въ этомъ видитъ одну изъ причинъ замедленія развитія политической свободы въ Россіи. Латинскій языкъ представляетъ противоположность въ этомъ отношеніи. Русское слово *воля* соотвѣтствуетъ латинскому «*licentia*». Римскій типъ самый свободный изъ этихъ трехъ и въ тоже время обнаруживаетъ самообладаніе и вниманіе къ правамъ другаго.

Изъ представленнаго очерка содержанія книги Абеля можно видѣть, что авторъ поставилъ для рѣшенія весьма интересную задачу. Но сравнительныя изслѣдованія по систематической лексикографія могутъ

имѣть цѣну лишь при основательномъ знакомствѣ съ этимологіею. Къ сожалѣнію, Абель этого не обнаруживаетъ и книга его повергаетъ читателя въ разочарованіе. Постоянно встрѣчаются неточности и грубыя ошибки, а иногда и инсинуаціи, которыя характезируютъ представленія о Россіи, слагающіяся за границей. Абель создаетъ небывалыя слова, напримѣръ «padrüsche» въ Малороссіи, «doblestwennik», «dobrischtsche», считаетъ «drug» и «drusya» различными словами, «drúgi» по его мнѣнію — «Bekanntschaft»; онъ выдумываетъ небывалые титулы, напримѣръ, «patschotni tschelowék», «patschótni sekretar», пишетъ «patschótini». Далѣе, Абель обнаруживаетъ непониманіе этимологіи: онъ считаетъ слова «хорошій» и «гиршій» происшедшими отъ одного корня, отмѣчаетъ двоякій смыслъ слова «благой», не зная, что въ обоихъ случаяхъ слова разныхъ корней. При этомъ онъ пускается въ разсужденіе объ общемъ законѣ, извлеченномъ имъ изъ изученія египетскаго языка, именно о законѣ, по которому одно и тоже слово можетъ имѣть первоначально совершенно противоположныя значенія. Слово «баръ» Абель считаетъ древнѣйшею формою слова «бояринъ» и думаетъ, что того-же корня и «рабъ», и по этому поводу вновь обращается къ излюбленному имъ египетскому языку, въ которомъ находитъ въ изобиліи перестановку звуковъ; при этой перестановкѣ производныя часто имѣютъ тоже значеніе, что и корень, а часто противоположное. Въ подтвержденіе Абель приводитъ аналогіи изъ языковъ англійскаго и латинскаго (напримѣръ *carpere—precari*, латинское *clamare* и русское *molč-ati* и т. п.). Иной разъ Абель не знаетъ того, что въ малорусскомъ языкѣ есть слова, соотвѣтствующія указаннымъ у него великорусскимъ. Далѣе, самъ Абель признаетъ, что великорусскій, или финно-русскій языкъ не только дочь малорусскаго, но и булгаро-славянскаго, на которомъ проповѣдывалось евангеліе; оттого нѣкоторыя слова сохранили въ Московіи первоначальное значеніе, утраченное въ Кіевѣ; вообще церковный языкъ повліялъ на языкъ финновъ болѣе, чѣмъ на родственное нарѣчіе славянъ. Наконецъ, самъ-же Абель указываетъ на то, что хотя въ финно-русскомъ языкѣ нѣтъ слѣда многихъ корней, но немало отсутствуетъ и финно-русскихъ словъ въ языкѣ славянъ.

Мы видимъ, что книга Абеля представляетъ неудачную попытку примѣненія къ лексическому изученію русскаго языка той не новой теоріи о неславянскомъ происхожденіи великорусской народности, которая 20 съ лишнимъ лѣтъ назадъ была развиваема въ Парижѣ прославленнымъ польскимъ патріотомъ Духинскимъ (недавно напечатана его біографія и отпразднованъ юбилей его дѣятельности). Теорія Духинскаго была неоднократно повторяема польскими, французскими, нѣмецкими и нѣко-

торыми другими публицистами и публицистами-историками, когда была на руку имъ. Абель кромѣ того ссылается на Костомарова, раздѣляя неосновательное мнѣніе послѣдняго о близости новгородскаго нарѣчія къ малорусскому; но такъ какъ Абель плохо знакомъ съ исторіею, то заходитъ слишкомъ далеко. Ссылка на д'Отроша, который былъ опровергнутъ уже при Екатеринѣ, и на другіе вымыслы освобождаютъ рецензента отъ обязанности останавливаться подробно на этомъ смѣшеніи вымысловъ съ достовѣрными фактами. Замѣтимъ только, что вопросъ объ этнографической организаціи русскаго племени, поставленный отчетливо впервые, если не ошибаемся, Щаповымъ въ его статьѣ: «Этнографическая организація русскаго народонаселенія» (Библіотека для чтенія 1864 г.), еще не порѣшенъ, но тѣмъ не менѣе и теперь можно составить научное мнѣніе о томъ, и во всякомъ случаѣ безпристрастный научный изслѣдователь скорѣе согласится съ словами Реслера, почтеннаго знатока исторіи придунайскихъ земель. Въ заключеніи своей статьи «Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau», помѣщенной въ LXXIII томѣ «Извѣстій историко-филологическаго отдѣленія вѣнской академіи наукъ», Реслеръ говоритъ:

«Подчиненіе, обращеніе, ославяненіе слѣдовали быстро одно за другимъ. Постепенно Русь ославянила большую часть народовъ отъ истоковъ Волги и Дона до Ледовитаго моря и образовала изъ нихъ однообразную массу. Такъ возникъ путемъ колонизаціи, переселенія и всевозможнаго ославяненія такъ называемый великорусскій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ, вѣроятно, весьма значительную процентную долю. Объ этомъ финскомъ происхожденіи русскихъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ политической національной ненависти польскихъ писателей, пущены въ обращеніе преувеличенія, которыя нашли откликъ также и въ нѣмецкихъ научныхъ произведеніяхъ. По словамъ этихъ произведеній, только весьма немногіе великоруссы подлинные славяне, въ большинствѣ же ихъ течетъ финская или татарская кровь; однако, если оставить въ сторонѣ всю безпокойную политику и страсти тѣхъ, для которыхъ финнъ или татаринъ или монголъ—существо, достойное отвращенія [1]), то можно будетъ только сказать, что славянство русскаго народа увеличивается по направленію отъ сѣвера къ югу и напротивъ убавляется въ обратномъ направленіи, а также по направленію къ востоку, и въ той же степени становится интенсивнѣе смѣшеніе съ

---

[1]) Изобрѣтеніе Катрфажемъ race prussienne, какъ финскаго народа, составляетъ найлучшую параллель къ выходкамъ противъ туранскаго русскаго народа, распространенію которыхъ въ Германіи содѣйствовалъ между прочимъ Кинкель.

чуждыми, по большей части туранскими составными частями. Несмотря на нѣкоторыя натянутыя попытки людей, поддающихся въ этнологіи своей ненависти, попытки слишкомъ ярко выставить различія между малоруссами — «подлинными славянами», и великоруссами — «туранцами и азіатами», различіе между обоими племенами теперь не болѣе различія между швабами и пруссаками. Въ народѣ восточной Германіи течетъ нѣсколько капель славянской крови, но побѣдила германская сущность; точно также и въ Россіи славянство вполнѣ превозмогло все чуждое финновъ». Прибавимъ къ этому, что въ древнее время могло и не быть смѣшенія русскихъ съ финнами, а могло происходить отодвиженіе послѣднихъ.

Н. Дашкевичъ.

Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.

Нечего говорить о важности археологическихъ открытій и изслѣдованій для рѣшенія весьма многихъ историческихъ вопросовъ; но масса дѣлаемыхъ и сдѣланныхъ открытій безвозвратно погибаетъ и погибала для науки. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно ко всякой попыткѣ собрать свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ той или иной мѣстности. Разсматриваемая брашюра принадлежитъ перу г. Орлова и есть результатъ его кропотливыхъ изысканій въ архивѣ волынскаго губернскаго правленія. Брошюра состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой говорится о всѣхъ тѣхъ находкахъ въ области археологіи по волынской губерніи, свѣдѣнія о которыхъ могъ авторъ извлечь изъ архива, причемъ въ началѣ приводятся свѣдѣнія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ. Во второй части приводятся данныя о старинныхъ пушкахъ, которыя были находимы въ той-же области и отчасти сохраняются и въ настоящее время. Въ третьей части авторъ приводитъ заклинанія, употребляемыя населеніемъ при открытіи кладовъ.

Содержимое находимыхъ кладовъ большею частію относится къ періоду позднѣйшему, къ XV—XVIII вѣкамъ и преимущественно состоитъ изъ монетъ польскихъ, брандебургскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, австрійскихъ, испанскихъ и ливонскихъ. Эти монеты опредѣляютъ районъ торговыхъ сношеній польско-литовскаго государства. Судьба всѣхъ этихъ кладовъ была самая различная. Для опредѣленія степени ихъ археологическаго значенія всѣ эти находки отсылались по большей части въ археологическую коммисію, которая или не признавала за ними никакой важности, и въ такомъ случаѣ или отсылала обратно владѣльцу или отправляла на монетный дворъ, или оста-

вляла у себя, уплачивая ихъ стоимость. Иногда случалось, что ученыя учрежденія не согласовались во взглядахъ на значеніе той или иной находки. Такъ въ 1878 г. въ дубенскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Варковичъ, крестьяне села Конюшекъ нашли кладъ изъ 38 серебряныхъ монетъ. Археологическая коммисія признала ихъ не имѣющими никакого археологическаго значенія, а между тѣмъ кіевскій университетъ, куда исправникъ по ошибкѣ отправилъ часть клада, пріобрѣлъ ихъ для своего минцъ-кабинета. Бывали случаи нахожденія очень древнихъ монетъ. Такъ въ 1836 г. были найдены 92 штуки древней серебряной монеты, которыя отъ времени даже слиплись одна съ другой. Тоже самое случилось и въ 1839 г.. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣстное губернское начальство признало за собою право опредѣлить научное значеніе этихъ находокъ и на основаніи своихъ научныхъ знаній опредѣлило возвратить ихъ владѣльцамъ. Многіе клады представлялись по начальству, и затѣмъ дальнѣйшая судьба ихъ остается неизвѣстной. Ученыя учрежденія въ своихъ приговорахъ не выставляли мотивовъ ни признанія, ни отрицанія археологическаго значенія за находимыми кладами, а между тѣмъ интеллигентному, но не ученому, находчику интересно было-бы знать, что онъ нашелъ, каково значеніе найденнаго, для чего нужно это найденное. Одно денежное вознагражденіе не можетъ прельщать всѣхъ, а потому многое находимое или переплавливается или идетъ дѣтямъ на игрушки. Указанія и разъясненія о значеніи каждой находки, хотя бы краткія, мало по малу уничтожили-бы въ массѣ общества мнѣніе о находимыхъ древностяхъ (особенно если онѣ не изъ благородныхъ металловъ), какъ о хламѣ, никуда негодномъ, неизвѣстно для чего пріобрѣтаемомъ учеными; увеличилось-бы несомнѣнно желаніе находить и сохранять находимое. Словомъ, явилось-бы болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу, какъ у мѣстнаго начальства, такъ и у болѣе или менѣе интеллигентныхъ находчиковъ. Все это несомнѣнно послужило-бы ко благу арсеологіи и исторіи.

Значеніе археологическихъ данныхъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества историческаго матеріала, которымъ располагаетъ изслѣдователь прошедшихъ судебъ жизни народной. Поэтому для историка особенный интересъ пріобрѣтаютъ находки, проливающія свѣтъ на древнѣйшій періодъ русской исторіи, для котораго источники не особенно многочисленны. Въ разбираемой брошюрѣ есть нѣсколько интересныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ. Такъ напр. въ одномъ курганѣ были найдены однажды серебряныя гривны; были находимы также испанскія монеты X в. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе послѣднія. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Ка-

валевскій, какъ извѣстно, привелъ данныя о существованіи въ Испаніи въ татарскій періодъ русскихъ рабовъ. Указанныя монеты говорятъ о лучшемъ времени, когда, можетъ быть, русскіе бывали тамъ, какъ предпріимчивые купцы.

Желательно было-бы, чтобы и въ другихъ мѣстахъ были предприняты такія-же изслѣдованія о кладахъ. Г. Орлову нужно воздать благодарность за его полезный и интересный трудъ.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ГЕТМАНЩИНѢ, ЗАПОРОЖЬѢ И ЧЕРНОМОРЬѢ.

Вымираютъ старые люди, унося съ собой память о быломъ. Но народная память живуча и цѣнка: какой нибудь столѣтній или девяностолѣтній старикъ (а такіе въ простолюдьѣ не рѣдкость и теперь), въ дѣтствѣ своемъ слышавшій разсказы о старинѣ отъ своего отца и даже дѣда, также столѣтняго, своими воспоминаніями вдругъ перенесетъ васъ лѣтъ за полтораста или сто назадъ, въ иной соціальный и даже политическій строй жизни, и вы чувствуете себя на время въ средѣ людей иного склада, иныхъ воззрѣній, соразмѣряете минувшее съ настоящимъ, наблюдаете ростъ и измѣненія народной жизни, подъ часъ наталкиваетесь на обрывки фактовъ историческихъ, на мелкія черты, дорисовывающія извѣстныя вамъ изъ исторіи событія, или слышите вѣчно юную народную мораль въ примитивныхъ формахъ слова. Любопытно и важно знать, какъ смотритъ нашъ народъ самъ на себя, какъ видитъ онъ себя въ прошедшемъ, что хранитъ изъ своего духовнаго наслѣдства въ старой памяти людей живущихъ и что изъ него кладетъ въ основу нарождающихся поколѣній; но еще важнѣе сохранить эту чистую, безпримѣсную рѣчь людей старыхъ, вымирающихъ. Сохранить ихъ разсказы въ неподдѣльной чистотѣ въ такую пору, когда родная рѣчь въ устахъ пишущихъ искажается и въ самомъ народѣ измѣняется отъ всякаго рода примѣсей, есть своего рода пріобрѣтеніе.

Съ этою мыслью я приведу здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, записаный мною на полтавскомъ побережьѣ, въ с. Веремієвкѣ, золотоношскаго уѣзда, отъ козака Грицька Ганчаря. Разсказъ этого 90-лѣтняго старика даетъ намъ затемненныя преданія о запорожцахъ, гетманщинѣ и черноморцахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ образчикъ простой, нѣсколько тяжеловатой, но замѣчательно чистой народной рѣчи.

Мы назвали преданія, сохранившіяся въ приводимомъ разсказѣ затемненными, не только по неясности очертанія событій, которыхъ они касаются, но и потому, что въ нихъ смѣшиваются событія болѣе отдаленной эпохи съ событіями эпохи позднѣйшей; но это нисколько не умаляетъ достоинства разсказа въ смыслѣ историческаго преданія и мы даемъ ему значительную цѣну. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ разсказовъ, который устами разсказчика четвертаго поколѣнія въ опредѣленной нисходящей линіи переноситъ насъ въ XVII вѣкъ. Въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ говорится объ ожидавшемся нашествіи турокъ и дѣлаемыхъ противъ нихъ заградахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, равно о великомъ бѣгствѣ народа съ правой стороны Днѣпра въ полтавщину и черниговщину, отъ чигиринской Ведмедовки «и туды вверхъ Днипра ажъ до Нижена», мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ движеніемъ большой турецкой арміи, вызваннымъ затѣями Дорошенка и кончившимся осадою Чигирина. Разсказъ живо рисуетъ намъ вызванный этимъ движеніемъ переполохъ въ населеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра и даетъ указаніе на неизвѣстныя намъ доселѣ мѣры загражденія турецкой арміи перехода за Днѣпръ.

Въ дальнѣйшей части разсказа преданіе спутываетъ два однородныя событія, отстоящія однако другъ отъ друга на разстояніи 66 лѣтъ, т. е. разореніе Сѣчи, произведенное по приказу Петра В. прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ, въ слѣдъ за измѣною Мазепы, и другое, совершенное Текеліемъ, по повелѣнію Екатерины II. Но всматриваясь ближе въ частности этого преданія, нельзя не видѣть, что, перенося черты одного событія на другое, въ большей части своей оно относится къ первому разоренію Сѣчи. Во 1-хъ до этого разоренія доживаетъ очевидецъ его, первоначальный разсказчикъ, вышедшій въ Запорожье мальчикомъ, спустя 7 лѣтъ послѣ отступленія турокъ отъ Чигирина; во 2-хъ онъ помнитъ тѣ

самовольства, которыя производили московскія рати, что никакъ не идетъ ко временамъ Екатерины II. Кромѣ того слово *москаль* употребляется здѣсь еще въ первоначальномъ смыслѣ власти, правительства, націи, а не въ позднѣйшемъ смыслѣ солдата или войска; въ самомъ разсказѣ слышится жившая тогда рознь и даже озлобленіе и передается о такихъ жестокостяхъ надъ попавшимися въ руки «москаля» запорожцами, которыя возможны были только въ то далекое и свирѣпое время.

Высокій интересъ имѣетъ исторически вѣрная часть разсказа о дѣйствіяхъ запорожцевъ при осадѣ Очакова, о выселеніи одной части ихъ въ Черноморье, о привольѣ и довольствѣ ихъ здѣсь и наконецъ о томъ, какъ передававшій всѣ эти преданія, разбогатѣвъ въ Черноморьѣ, въ глубокой старости вспомнилъ свою родину— полтавское побережье и явился туда съ семью возами рыбы, чтобы раздать ее въ милостыню своимъ землякамъ.—Вотъ самый разсказъ, записанный мною съ буквальною точностію.

То бувъ случай ще зъ-замолоду, уже литъ 70 тому буде. Чумаковали мы. Ишлы у Хведосій стрилкою черезъ Стомку. Тамъ припало намъ почувать. Наварили мы соби вечерять и вечеряемъ. Ажъ прыиздить до нашои валки чумачокъ, изъ хлопцемъ, и симъ визъ при ёму. Пытаетьця: «Господа чумаки, позвольте й мени почувать коло васъ, бо въ мене симья мала, боюся самъ».— «Добре», кажемо. Повыпрягавъ винъ волы, стали мы зъ нимъ балакать. Пытаетьця винъ насъ, зъ якихъ мы мистъ? Мы кажемъ, шо полтавськои губерніи, зъ такихъ-то мистъ—зъ Веремієвки. А винъ намъ говорить: «И я зъ Веремієвки, зъ Погорилого, Иваненко». Пытаетьця насъ, чи багато вже теперъ хатъ па Погорилому? Мы ёму сказали, що бильшъ якъ 50 хатъ буде. А винъ намъ говорить: «Э—э, тоди якъ я бувъ у Веремієвци, то на Погорилому тилько 2 хаты було: наша, Иваненкова, та ще Иступъ живъ, а на Тимченкахъ симъ хатъ було». Мы его пытаемось: «скилки-жъ вамъ, дидусю, годъ теперъ»? Каже: девьятдесятъ чотыри. Якъ я утикъ зъ Веремієвки, то тоди мини 7 годъ тилько було. А якимъ побытомъ утикъ зъ Веремієвки, то ось якъ: не було въ мене ни батька ни матери, а тилько живъ я при братови, та при сестри. Дви сестры було въ мене, одна замижемъ. Се було письля Всеиднои: у Тимченки пиповъ братъ и

сестры пишли на весильля, а мене дома покинули. А въ насъ на току пшеныци багато намолоченои, и недомолоченои стигъ. У Пистуна сусида нашого 40 свиней. Тоди вольни луги були и все ходило по общому. Мене покинули пшеныци глядить, шобъ не вбиглы Пистунови свыни,—одного покинули. Коли приходить до мене товаришъ, такый же, якъ и я, хлопець, гратьця. Зачали мы гратьця, забулись теси й пшеныци. Зима була велика, а передъ Всеидною ростало. У насъ изъ Тимченокъ ричка текла зъ горовои воды, Ровецьке звалась. Такъ воно е й теперъ. Граемось мы съ тимъ хлопцемъ—якъ оглядивсь я, шо мене покинули пшеныци стерегти, пишовъ на тикъ, ажъ пшеныця розбита, и молочена, и не молочена, по всимъ току. Якъ занявъ я ти свыни изъ собаками, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крыга тилько осталась такъ, якъ исъ чоловика заввышки одъ дна, а вода збигла у ричыще. Якъ нагнали мы свыни на той лидъ, якъ завалили лидъ, то такъ ти свыни до однои и пропали. Теперъ радимось мы изъ тымъ хлопцемъ, шо ёго робить? А мини ще тилько 7 литъ. Каже: нумъ тѝкать за Днипръ у Польщу [1]).—Ну-мъ, кажу: рамно и такъ бье братъ мене дурнисинько, а теперъ уже вбъють мене на вики, то буду вже тѝкать.

Теперъ ото радуты були коло Днипра у насъ, за-кгля осторожности одъ турка. Якъ турокъ ишовъ на нашъ край війною, то наши побережане за-кгля осторожности Днипръ полонили. Понасыпали радуты, поставили сторожу коло Днипра, рубали крыгу, шобъ присна вода йшла—не давали ій замерзать, шобъ туркови не дать на цей бикъ перейти. Та не тилько тутъ у насъ полонили Днипръ, и въ Кременчуци, та ажъ до самыхъ порогивъ скризь отака сторожа стояла радутами. То тоди турокъ тилько дійшовъ до Ведмедивки, тай завернувсь назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тымъ краемъ, Польщею [2]), то ти люде, съ тихъ слобидъ зъ Мыхайливки, то зъ Княжого, то-що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикали сюды. Весь мыръ витьтиль тикавъ сюды. И туды вверхъ Днипромъ, ажь до Нижена тикавъ народъ съ того боку.

---

[1]) На правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшнюю кіевскую губернію. Тогда это были польскія владѣнія. Мѣстечко Веремѣевка стоитъ надъ Днѣпромъ, въ южной части золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Кіевскою губерніею.

За моеи молодости то стари люди якъ згадували за те времья, то, було, росказують такый случай, що якъ одна жинка та чотырехъ туркивъ убила. Отъ якимъ родомъ воно й було. На тимъ боци, недалеко й видсиль, верстъ за 40 стояла у лиси хатка. У тій хатци живъ чоловикъ изъ жинкою. Находять на той край турки. Чоловикъ злякавсь туркивъ, забравъ тилько двое дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, що отъ-отъ розсыплеться, покинувъ у хати на Божу волю, бо іи не можно було ни на коня посадить, ни на визъ покласти. Якъ осталась та жинка сама, дитину изродила, зачала себе очищать, окропы гріе, а бачить у викно, що прибигло два турки киньми. Кого боялась, тихъ два й прыбигло. Ажъ одинъ съ коня та въ хату. Вона той окрипъ, що грила, стривши турка на порози, якъ лыне ему межи очи, такъ винъ и не кавкнувъ. Та трупъ его сховала. А другій жде-жде,—не выходыть товаришъ, тай соби въ хату. Такъ вона и тому такъ. А посли впьять два прыбигло, вона й тихъ такъ. Однимъ мечемъ повоювала,—усе окропомъ таки. Було и нашъ покійный дидъ невистокъ своихъ якъ зачне лаять, то все було каже: «Шо вы скверни б..... Отъ, говорыть, жинка була що вона чотырёхъ чоловика турка вбила... Такъ ото жинка!»

Такъ оттожъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюды у Гетьманщину. Оце Гетьманщина була—нашъ край, та іи й поныни Гетьманщиною дражнять. Якъ оце й сеси войны зъ Туркомъ [1]), якъ пидводу треба, або що доставить куды,—а наши побережане тамъ були, то заразъ: «А подай гетьманьцивъ»!

Такъ ото воно ся дидова Иваненкова беседка діялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люди, письля турецькои колотнечи, вертались исъ цёго боку, зъ Гетьманщины, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлопцемъ до Днипра, ажъ коло Днипра багато людей тогобицькихъ изъ возами й зъ усимъ ганьнямъ [2]), зъ чимъ тикали, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нышкомъ, що мене нихто й не бачивъ, зализъ у те ганьня у ихне, а той хлопець вернувсь назадъ,—тому мабуть не страшно було. Отъ мене, каже, и перевезли на той бикъ, ажъ у Боровыцю [3]). И пробувъ я въ тій

[1]) Во время послѣдней русско-турецкой войны.

[2]) Домашній скарбъ: горшки и т. п.

[3]) Село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Боровыци симъ годъ, а тамъ товарищъ лучивсь, та повивъ мене ажъ у Запорожжа.

Отъ и жили вони у тимъ Запорожжу, вже не знаю стильки литъ жили, ажъ поки зруйнували Сичу Запорозьку. Каже, що посьлидьне времия москаль налйгавъ запорозьця сылно. Ненавыдивъ винъ запорозьцивъ и гетьманьцивъ. То збытки и попереду сылни робивъ и беззаконія всяки: худобу грабувавъ, жинокъ одъ чоловикивъ однимавъ... Збытки, сказано, беззаконіи робивъ усяки. А запорожецъ щежъ воленъ тоди бувъ. Такъ вони запорозьця и оббрехали цареви. Якже й оббрехали?—Узяли, нарызали зъ лошятъ волосся зъ хвостивъ та зъ гривъ, а гусары запорозцемъ не тронени и не зачиплени ничого, та взяли те волосся, та у четверти позакладали и позашивали тай послали цареви, що отъ стико и отъ стико запорожецъ гусаривъ перебивъ. Оце ихни й волосы. А тоди гусары въ косахъ ходили, напутрювали, оттака голова була... Царь, прочитавши ихъ бумаги, каже: «попудь ёго, того запорозьця»!

Уже москаль налâга на Сичу. А дидъ таки тамъ бувъ. Налйга москаль, кошовый каже своимъ запорозьцямъ: «а що», каже, «паны-молодьци, здаймось!» А було тамъ между ихъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. Выйшли вони на валъ, тай кажуть: «батьку! поки сьвитъ соньця насъ не возьмуть!» Одинъ каже: «я воды не дамъ», а другій: «я огню не дамъ» [1]). А винъ имъ отвича: «жалко»!.. Тамъ у Гетьманщини наши родители: батьки й матери, сестры й браты. То знущаеться сылно, а то ще й дужче знущатиметься зъ нихъ москаль». Такъ уже имъ прыйшлось, що треба й покорытьця.

Положили черезъ Днипръ пантонный мистъ до ихнего начальства, до московського. Главна старшина запорозька, побравши корогвы, знамена, вангелию, й хрестъ, и все, пишли поклонитьця московському начальству. Коли си два хлопци дивлятьця зъ валу, а вже Москва запорозьцямъ червони шапки надâва, и червони палчатки [2]), и червоны чоботы,—значитъ луплять ихъ сердешнихъ. А ихъ ще багато осталось у городи, 40 тысячъ,—такъ вони взяли, та башту забили, мистъ порвали, и москаля въ Сичу не пустили, та дожидають ночи. Дождались. Якъ узяли ночнои добы у судна

---

[1]) Значитъ, нельзя будетъ выстрѣлить изъ ружья.

[2]) Перчатки.

убиратьця, а москаль тамъ десь черезъ Днипръ перекинувъ цепъ (дидь казавъ и де, та не згадаю), а ничъ темна, и вони думали, що запорожець дурень: не вмитиме, якъ пройти. И вырештовали черезъ цепъ бильшъ якъ сто пушокъ. Думка така, що якъ торгне запорожець судномъ у цепъ, то вдарять зъ пушокъ, щобъ ёго тамъ затопить. Такъ не таки ти й запорозьци були: возьмуть судно порожне, та нагрузять ёго землею, та каминиямъ, та ще чимъ, та й пустять за водою, щобъ черезъ цепъ торгнуло. То судно торгне цепъ, а вони зъ пушокъ и завалять, думають, що то судно зъ запорозьцями, а запорозьци тимъ часомъ и проскакують за цепъ. Тамъ уже за цепомъ не страшно запорозцеви. То такимъ побытомъ живыми й проскочили уси 40 тысячъ, та до турка и втекли, у Турещину. А Турещина—якъ за Бериславъ, такъ и Турещина вже була: Чорна Долина, Гайманъ, Сирогозы, то то все була Турещина. И вони ти запорозьци упросились до турка. Теперъ-же имъ треба присягти туркови. Ото вже имъ дано кутъ сюды, Олешки то-що. Теперъ тамъ понаселювано Бо-зна стилько слобидъ. Ото кошовый пославъ у свою прежню землю запорозьцивъ чоловика два, або й три набрать земли теси, де вони жили, зъ Запорожжя, запорозьскои земли. Теперъ уси, стильки ихъ тамъ було, 40 тысячъ, коженъ соби у свои чоботы земли теси взявъ, запорозькои. Повзувалися и пишли на присягу до салтана. И присягають такъ: на чій земли стоимо, тому й вируватимемъ и служитememъ. А вони на своій на запорозькій земли стоять, туркови клятьбы не дають ни якои. Присягли тай живуть.

А Крымъ турецькій тоди бувъ. Хотя й издили туды наши малороссіяне по силь, такъ у турка ту силь брали. 10 рублывъ заплатить, та й набира на возъ, хочъ и 200 пудивъ, та вывезе за башту, тай насыпа на два й на три возы, щобъ легче везти, тай иде до дому, а турокъ зъ своими провожателями ажъ до Береславу провожа, щобъ що не пообижало.

Теперъ уже Москва налёга, щобъ Крымъ одибрать отъ туркивъ. Запорозьци порадились мижъ собою: «мы своему цареви присягали, на ёго земли»,—а вже москали попудили турка видсиль зъ Чорнои Долины, зъ Гайманивъ, уже турокъ заперся у Перекопи, а палата царська була на Гаймани,—Долина Гайманъ е. Теперъ москаликъ найшовсь такій,—думали дурачокъ дуже, а винъ мабуть

розумнишій всихъ бувъ: постригли ему волосы, такъ повыстригали, абы-якъ,—те покине, а те остриже,—та вбрали ёго у лахмитьтя у скверне въ таке, торбы понавишували старчецьки, такъ якъ старци ходять. Пишовъ винъ у Перекипъ до туркивъ. Вони зъ ёго кглузують, изъ малоросіяньского старця... а винъ упавъ у ривъ отой и ставъ кричать. Турки ёго й вытягли того дурника зъ рову, та ажъ три дни, кажуть, вони зъ ёго кглузували, зъ того старця. Якъ вытягли ёго зъ рову, винъ и скрывся, та до арміи... Якъ давъ знать начальствови, стильки чого треба на той ривъ, стильки драбинокъ, стильки тарасу,—такъ винъ роздививсь, той дурникъ. А запорозьци все це й знають, що робитьця. Поихало два запорозьци у палату до царя на Гайманъ. Кажуть: «дайте намъ ту землю, що мы жили въ ній, такъ мы безъ ничого той Крымъ визьмемъ». «Не можна, каже царь, бо заселено вже слободами те ваше мисце, а есть, каже, у мене земли коло Чорного Моря, то ти я вамъ дамъ».—Такъ вони й согласились; тилько часть согласились, а часть у Турецьыни остались, ажъ поки Гладкій ихъ виттиль не вывивъ. Такъ ище ти одъ царя не прыихали, а ци вже знають, що коло Чорного Моря подаровано имъ земли.—Ну, такъ кавалерію, каже, обвивъ запорожець Сывашемъ, а пихоту той дурникъ провивъ черезъ валъ. Той ривъ закидали, а на валъ драбинки поставляли, та й вылизла армія. Ничъ темна, а були таки, що пообертали пушки на ихню-жъ сторону, тилько однои угловои не обернули, и позаклепували у пушокъ пановки. Якъ вылизла музыка зъ барабанами, а запорозьци виттиль выихали Сывашемъ, а си зъ моря пиши..., такъ вони якъ зъ сіи угловои пушки выстрелили, то чимало вылущили, а тамъ посередъ крипости могила стояла, то якъ стрельнула бонба, якъ попала на ту могилу, то такъ якъ ривъ перекопало щось. Такъ воно й поныни есть. Оце стильки чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ ото той дидъ тамъ и бувъ усе въ тихъ компаніяхъ. А якъ уже кончилась война, то имъ дано й землю тамъ, коло Чорного Моря; оттожъ вона Черноморіею й зветьця. И винъ, той дидъ бувъ уже у Катырнодари жителемъ. То тутъ винъ бувъ Иваненко, а тамъ у запорозьцивъ Бурдунисъ. Такъ винъ и насъ пидмовлявъ до себе въ Катырнодаръ,—Бондаря Якова и мене. Той уже жонатый бувъ, а я ще. Каже було дидъ: «въ мене хазяйство велике,—

три заводы рыбнихъ, по 16 чоловика у кожному заводи,—дочка одна, бильшъ никого..., такъ ябъ, каже, отдавъ за васъ хлопци й дочку». Я не схотивъ черезъ те, що боявся батька, що буде проклёнъ якій великій, що безъ ёго видома пишовъ, а той Бондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунисъ симъ возивъ рыбы не на продажъ визъ, а роздававъ по слободамъ милостину. Зъ однимъ тильки хлопцемъ ѣздивъ. Та днивъ два зъ нами пробувъ винъ; такъ уже зрадѣвъ, що своихъ вереміевцивъ побачивъ...

Сообщ. **Порфирій Мартыновичъ.**

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ ОТЪ ОФИЦЕРА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ КІЕВѢ.

Предлагаемая вниманію читателей эпиграмма на кіевское общество есть произведеніе нѣкоего офицера Уманскаго, квартировавшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія (умеръ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго). Оригиналъ печатаемаго стихотворенія сообщенъ мнѣ М. К. Буховецкимъ, землевладѣльцемъ елисаветградскаго уѣзда, къ которому перешла и библіотека Уманскаго, находившагося въ родствѣ съ нимъ. Библіотека эта состоитъ изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, сочиненій Вольтера въ русскомъ переводѣ и проч., что обнаруживаетъ въ нашемъ авторѣ вкусъ къ отрицанію и сатирѣ; особенности-же правописанія его указываютъ на малороссійское его происхожденіе. Предлагаемое «Письмо къ другу» не отличается ни большими достоинстами стиха, ни особенной остротой насмѣшки, которая носитъ характеръ преимущественно личный и только изрѣдка колетъ пороки общественные. Эти послѣднія черты и данныя о составѣ тогдашняго кіевскаго общества даютъ «Письму» нѣкоторое право на вниманіе любителей кіевской старины. **В. Я.**

Я тебѣ далъ обѣщанье
Написатъ, какъ здѣсь живемъ.
И вотъ длинное посланье:
Всіо найдешъ подробно въ немъ.
Не сатиры острымъ жаломъ,
Правды я пишу перомъ.

Тутъ пристрастья нѣтъ нимало;
Я ни съ кѣмъ здѣсь незнакомъ.
Не касаясь ничьей чести,—
Это стыдно и грѣшно,—
Хвалю доброе безъ лести,
А надъ тѣмъ, что всѣмъ смѣшно,
Я смѣюсь, но не по модѣ.—
Мнѣ гнусна злословія тѣнь.
До обѣда на разводѣ
Маршируемъ каждый день.
Вечера-же провождаемъ
Завсегда между собой.
Не за тѣмъ, что мы не знаемъ,
Какъ прійти на дворъ чужой,
Но во всѣхъ домахъ здѣсь съ тономъ,—
Испыталъ я самъ не разъ,—
Угощаютъ лишъ бостономъ
И злословятъ на заказъ.
И невѣжества оттѣнки
И разврата вѣчной храмъ,
Напримѣръ у Иваненки,
Твоимъ встрѣтятся глазамъ.
Не ищи тутъ благородства,
И ума, и красоты:
Лишь полдюжины дородствомъ
Славныхъ дамъ нашелъ-бы ты.
Видя ихъ, они какъ вольны,
Какъ раскрашены притомъ,
Ты подумалъ-бы невольно,
Что пришелъ въ недоброй домъ.
И со всѣмъ тѣмъ эти балы
Совершенно безъ стыда
Посѣщаютъ генералы
И дѣтей возятъ сюда.
Вотъ П... для модели

И курьезный князь другой,
Вотъ Ивановъ посѣдѣлой
Съ своей горлицей женой.
Естьли-бъ самъ ты повстрѣчался
Жены модной съ муженькомъ,—
Хоть грѣшно, но разсмѣялся-бъ
Надъ столѣтнимъ голубкомъ.
А она вся завитая,
Вся разряжена, въ духахъ,
Безпрестанно присѣдая,
Ходитъ будто на гвинтахъ,
Поминутно лобизаетъ
Лобъ супруга съ сѣдиной
И удачно представляетъ
Роль циганки молодой.
А Н... супруга,
Въ пятьдесятъ почти ужъ лѣтъ,
Позабывъ свои недуги,
Плѣнить хочетъ также свѣтъ.
И сестры ея дородны,
Пара красныхъ дочерей,
Коя очень часто плодны,
Подражаютъ во всемъ ей:
Открываютъ все для взора,
Забывая смертный часъ.
Боже! насъ спаси отъ мора
И отъ вѣчныхъ сихъ заразъ!
Вотъ какія тамъ красотки!
То не сказки, суща быль.
Лучше взять-бы имъ всѣмъ чотки
И приняться за псалтиръ,
Чтобъ простилъ Богъ согрѣшенья,
Не лишилъ послѣднихъ зубъ.
Но еще имъ въ угожденье
Здѣсь составился и клубъ.

И мнѣ много-бъ было дѣла
Членовъ всѣхъ его назвать,
Но двухъ-трехъ лишь для примѣра
Опишу, чтобъ могъ понять,
Какъ на свѣтѣ часто ложно
Имена вещамъ даютъ,
И безстыдно и безбожно
Благородствомъ низость чтутъ.
Здѣсь все то, что не въ кафтанѣ,
А во фракѣ, въ башмакахъ,
Что не ходятъ въ сарафанѣ,
Все въ почтенныхъ ужъ людяхъ!
Вотъ вамъ Мусманъ для примѣра:
Какъ уваженъ и почтенъ!
Шинковать была вся сфера,
Для которой онъ рожденъ;
Но, узнавъ, при помощи науки,
Тайны древнія жидовъ,
Коей главныя всѣ штуки,
Какъ отъ водочныхъ паровъ
Отдѣлять червоныхъ, злотовъ,
Сталъ довольно онъ богатъ,
Потомъ взялъ для оборотовъ
Христіанство на прокатъ.
И теперь съ полмилліономъ,
Позабывъ корчму, гдѣ взросъ,
Роль играетъ онъ барона,
Ходитъ, гордо вздернувъ носъ;
Но, при всѣхъ его стараньяхъ,
Видѣнъ все въ немъ еще жидъ:
Чтобъ вписался кто въ собранье,
Какъ онъ кланяется, льститъ!
Проситъ: дайте, не скупитесь
Шесть червончиковъ на балъ,
Въ волю вы навеселитесь,

А намъ, бѣднымъ, капиталъ.
Подъ личиной благородства
Обираетъ всѣхъ онъ такъ
Для жены своей дородства
И смѣется самъ въ кулакъ.
Съ нимъ директоръ Бурлянскій,
Славный брюхомъ господинъ,
Для всѣхъ армій провіантскій
Можетъ быть въ немъ магазинъ.
Онъ по дыму угадаетъ,
Ужинъ гдѣ, или обѣдъ,
И туда въ мигъ поспѣшаетъ,
Гостя лакомство гдѣ ждетъ.
Реймерсъ въ клубѣ тожъ вельможа,
Эйзеншмитъ съ нимъ нѣмчура —
Отвратительная рожа,
Записные шулера;
И ужъ многимъ отъ искусства
Ихъ осталася сума;
На лицѣ у нихъ распутства,
Это общества чума!
Вотъ Шіяновъ, мужъ всѣмъ нужный,
Славится здѣсь ремесломъ,
Люди въ немъ всѣ очень трудны,
Въ нуждахъ ихъ спасенье въ ніомъ.
Пятдесятъ только процентовъ
Съ нихъ по дружбѣ онъ беріотъ
И бесъ всякихъ документовъ
Подъ закладъ даіотъ.
Вотъ директоры какіе!
Ихъ портретъ съ натуры снятъ.
Спекулянты удалые—
Знаютъ, деньги какъ достать.
Жаль, что наши генералы,
Благосклонны бывъ для нихъ,

Записаться въ клубы, балы
Удостоили всѣхъ ихъ.
Правда, въ обществѣ разбора,
Такъ, какъ въ службѣ, нѣтъ въ чинахъ,
Но герою подлѣ вора
Всіо некстати ужъ стоять
И не должно генералу
Плутамъ дружбой дѣлать честь.
Но заглянемъ въ клубну залу
И посмотримъ, кто здѣсь есть?..
Кто тамъ, въ уголъ уклонившись
Съ крѣпкой думою одинъ,
На бостонъ взоръ устремивши?
Экс-картежникъ Сухотинъ;
Вспоминаетъ прежне время,
Щастья, ласки для него;
Теперь старыхъ картъ ужъ бремя
Все имѣнье у него.
Вотъ всѣхъ глупостей образчикъ
Князь Кудашевъ, блудный сынъ.
Городскихъ вещей разсказчикъ,
Въ котильонѣ командиръ.
Какъ среди болотъ лягушка,
На вола чтобъ походить,
Такъ Пановъ—хвастунъ, болтушка,
Дуется и всѣхъ смѣшитъ.
За нимъ рядомъ Сербутовскій
И его товарищъ, другъ
Тихоновъ, какъ котъ заморскій,
Промышляютъ у старухъ.
Также рѣзко суетится
И Черкуцкій инвалидъ
И ужъ слишкомъ онъ гордится,
Что на немъ Анна виситъ.
Посмотрите, какъ мараетъ,

Своей пудрой всѣхъ Шиповъ!
Много денегъ проживаетъ,
Слыветъ графомъ у жидовъ,
Представляетъ селадона,
Прельщать милыхъ хочетъ то-жъ
И въ павлиныхъ на ворону
Перьяхъ очень онъ похожъ.
Поглядимъ на чудесныхъ
Въ клубъ собравшихся красотъ:
Рѣдко встрѣтишь здѣсь примѣтныхъ —
То старуха, то уродъ.
Полыневы двѣ сестрицы,
Тучной Гравиныхъ терцетъ,
Сносны всѣ имѣютъ лицы,
Но ужъ слишкомъ много лѣтъ;
Всѣ ужимки ихъ неловки
И весьма нескроменъ видъ,
Притомъ въ звукахъ очень громкихъ
На полынь мольва трубитъ.
Вотъ Воейкова и съ Перской
Обѣгаютъ залу въ кругъ—
Не красивы, и не мерзки,
Но отъ нихъ несносный духъ;
Словно въ бусахъ щеголяютъ,
Глазки ищутъ жениховъ,
Видъ невинности являютъ,
Но ужъ міръ сталъ не таковъ!
И титулъ невѣстъ небесныхъ
Имъ согласно далъ ввесь свѣтъ.
Вотъ и Марченкова прелестна.
Всѣхъ глаза за нею въ слѣдъ.
Съ нею Ширкова изрядна
Украшаетъ здѣшный пиръ,
Лошакова то-жъ пріятна
И танцуетъ, какъ зефиръ.

Еще истинно прелестныхъ
Дамъ три иль четыре есть,
Кои рѣдкимъ посѣщеньемъ
Клубу дѣлаютъ ту честь.
Но какой контрастъ поносной
Зрѣть П. . . . . тоже тутъ,
Гуріяловыхъ курьіозныхъ,
Всіо ихъ царство и компутъ,
Михайловской шлюхѣ кстати
Не въ клубъ ѣздить, а въ балетъ,
Или прыгать на канатѣ,—
Много денегъ соберетъ.
Соболевская амурку
Налыгать хочетъ тоже власть;
Точно вывѣска въ цилюрнѣ
Реймерсова ей подъ стать.
Вотъ толкаетъ Захаржевска
Всѣхъ—ей тѣсенъ цѣлой міръ,
Ей-бы въ полкъ преображенской—
Былъ-бы первый гренадиръ,
И тамбуръ-мажоръ нарядный
Изъ ней можетъ тоже быть,
Лишь одѣть въ мундиръ парадный,
Поучить прямо ходить.
Ростомъ съ башню вавилонску,
Одна въ полѣ побѣдитъ.
Вотъ кокетка Калиновска
Взглядовъ нѣжныхъ не щадитъ.
Остальныхъ отъ лихорадки
Приписать можно-бъ подъ рядъ,
Иль въ пугалину на святки;
Здѣсь и клубъ, и маскарадъ.
Теперь только танцовальный
Залъ представь ты: тѣсенъ міръ,

У дверей пару квартальныхъ
Но ужъ свѣтъ... Письмо кончаю.
Въ караулъ мой день вступать.
Послѣ-же я обѣщаю
Продолженье написать.

Сообщ. **В. Н. Ястребовъ.**

СТАРИННЫЯ ОРУДІЯ НАКАЗАНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» г. Борисъ Познанскій привелъ краткое описаніе и рисунки двухъ видовъ деревянныхъ оковъ, употреблявшихся въ нашемъ краѣ еще въ недавнее время. Считаемъ не лишнимъ дополнить эти небезъинтересныя для мѣстной археологіи свѣдѣнія.

Дыбы, описанныя г. Познанскимъ, отличались отъ прочихъ подобныхъ орудій тѣмъ, что составляли способъ *ареста* и не лишали заключеннаго возможности двигаться, другія-же были неподвижны и употреблялись, какъ мѣра наказанія. Дыбы надѣвались на одну ногу даже и тогда, когда въ нихъ заключали не по двое, а даже и одного человѣка. Онѣ назначались для замедленія движеній, въ предупрежденіе побѣга, т. е. играли ту-же роль, какъ напримѣръ пушечное ядро у тулонскихъ каторжниковъ. Судя по выраженію приводимой ниже пѣсни, можно думать, что иногда надѣвались дыбы и на обѣ ноги, т. е. на каждую порознь. Подобный инструментъ употреблялся также для заключенія рукъ арестованнаго и назывался по аналогіи уменьшительными формами: дыбки, дыбыци, дыбъята. Но первоначальное назначеніе ихъ собственно для ногъ видно изъ латинскаго названія *compes*, какое даютъ имъ древніе польскіе хронисты. Для рукъ употреблялось также сходное орудіе «*скрыпыци*»; онѣ дѣлались изъ изогнутой въ двѣ параллельныя полосы дубовой пластины, которыя въ этомъ положеніи высушивалась; руки привязывались въ углы изгибовъ. Въ народной пѣснѣ о «джыгунѣ», котораго подвергаютъ наказанію за непомѣрное ловеласничество, упоминаются, по разнымъ ея варіантамъ, различныя виды этихъ инструментовъ.

Ой джыгуне, джыгуне, який ты ледащо:
Ведуть тебе до пана, самъ не знаешъ за що.

Тоди будешъ знати, якъ будуть карати,
Якъ будуть *на ноги дыбы набивати.*
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбыци,*
Ото-жъ тоби, джыгуне, за ти молодыци;
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбъята,*
Ото-жъ тоби, джыгуне, молоди дивчата.

Гусакъ, по польски *Gąsior*, бывалъ и иной совершенно формы, чѣмъ описанный г. Познанскимъ. По упоминанію польскаго агронома конца XVII вѣка, Якуба-Казимира Гаура (Skład, albo skarbiec znakomitych secretów Oeconomii ziemiańskiey), виновный заключался въ гусакъ не за ногу, а за шею и за руки. Такой гусакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ досокъ, вставленныхъ ребромъ одна на другую между вбитыхъ въ землю по обѣимъ концамъ паръ кольевъ. Отверстія для шеи и рукъ находились въ выемкахъ двухъ смежныхъ досокъ, ниже аршина высоты, такъ что заключенный долженъ былъ стоять на колѣняхъ или какъ-бы на четверенькахъ. Иногда, въ усугубленіе кары, ему отпускалось въ этой позѣ еще и тѣлесное наказаніе розгами или кіями.

Колода отличалась отъ гусака тѣмъ, что дѣлалась не изъ досокъ, а изъ брусьевъ, отверстія находились въ ней ниже, было ихъ не по три, а по четыре: въ среднія вдѣвались ноги виновнаго, а въ боковыя его руки. Колода дѣлалась гораздо длиннѣе гусака, всѣхъ отверстій бывало въ ней много, какъ что въ одну колоду сажали одновременно по нѣскольку человѣкъ. Положеніе человѣка въ колодѣ было, вѣроятно, еще тягостнѣе, чѣмъ въ гусакѣ, гдѣ онъ могъ свободно передвигать ноги, въ колодѣ-же онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ, оставаясь неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли, корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами.

На Полѣсьи оригинально пользовались иногда, не въ видѣ кары уже, а въ видѣ насилія и самоуправства, для заключенія побѣжденнаго непріятеля оградами, какъ онѣ здѣсь и до сихъ поръ дѣлаются. Этотъ первобытный способъ огорожи, такъ называемое *ворье*, состоитъ изъ ряда кольевъ, вбитыхъ попарно на 8, 10 и больше аршинъ одни отъ другихъ. Каждая пара переплетается крѣпко накресть, въ двухъ или трехъ мѣстахъ своей высоты, въ

каждой парѣ одинаково, *каблучками*, т. е. свитою вдвое свѣжей лозой, иначе называемой *гужовками*. На каблучки каждыхъ двухъ смежныхъ паръ кольевъ, находящіяся на равныхъ высотахъ, кладется концами по жерди, и ограда готова. Вотъ на эти-то жерди, на нижнюю или среднюю, клали чьи нибудь ноги, перекладывали на нихъ верхнюю жердь и связывали концы жердей, такъ что заключенный оказывался въ такомъ положеніи, какъ въ формѣ гусака, описанной г. Позвнанскимъ. Въ актовыхъ овручскихъ книгахъ встрѣчаются иногда «протестаціи» въ такомъ родѣ: жалуется, напримѣръ, околичный шляхтичъ на своего сосѣда, шляхтича-же, что послѣдній, въ отсутствіе жалобщика, поссорился съ его женою, избилъ ее, сорвалъ головную повязку,—что считалось у шляхты, какъ и теперь въ народѣ, великимъ безчестьемъ,—и наконецъ ввязалъ ея ноги межу ворыны, жерди. Послѣдній способъ наказанія употреблялся нерѣдко, до недавняго даже времени, въ сельскихъ братствахъ и цехахъ для провинившихся противъ правилъ нравственности.

Куна считалась наказаніемъ найболѣе легкимъ изъ всѣхъ перечисленныхъ, имѣющимъ болѣе характеръ позорящій, чѣмъ истязательный. Она бывала въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ представляла собою позорный столбъ, къ которому виноватый, въ стоячемъ положеніи, со связанными руками, прикрѣплялся желѣзнымъ обручикомъ за шею. Такой позорный столбъ выставлялся обыкновенно на видномъ мѣстѣ, въ видѣ поученія и примѣра всему мѣстному населенію и ради вящшаго стыда виновному. Иногда къ заключенію въ такую куну присоединялось публичное-же тѣлесное наказаніе. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, куною пользовались не только помѣщики и ихъ урядники, но въ нее заключали также по приговорамъ громады, или по требованію священника. Впрочемъ до весьма недавняго еще времени послѣдними употреблялась особая церковная куна, иной формы, какъ одинъ изъ видовъ эпитиміи. Она вывелась почти на нашихъ глазахъ; намъ еще не разъ приходилось въ дѣтствѣ слышать угрозы за шалости или непослушаніе, что «якъ пидешъ до сповиди, то пипъ у куну замкне». Церковня куна это была небольшая желѣзная скоба на стѣнѣ колокольни, прикрѣпленная вертикально, совершенно такой-же формы и устройства, какъ употребляемыя и нынѣ скобы для запиранія воротъ съ

«дышлемъ». Этой скобою прихватывали виновнаго въ явномъ или только исповѣданномъ грѣхѣ за руку и запирали на замокъ, оставляя его въ этомъ положеніи всенародно, во время обѣдни, на одинъ или нѣсколько воскресныхъ дней, сообразно тяжести содѣяннаго и по усмотрѣнію священника.

По всей вѣроятности, въ обѣихъ формахъ куны первоначально употреблялись не желѣзные запоры, а деревянные, какъ во всѣхъ прочихъ описанныхъ здѣсь старинныхъ видахъ заключенія. Не мѣшало-бы нашимъ изслѣдователямъ обычнаго права обратить вниманіе на разсказы и преданія о различныхъ формахъ и видахъ уголовныхъ каръ вообще и о спеціальномъ примѣненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ извѣстнымъ родамъ преступленій. Объ этомъ предметѣ надѣемся поговорить еще въ другой разъ.

Ив. Новицкій.

ДВА СЛОВА О ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ.

(По поводу статьи: «Двѣ старыя украинскія пѣсни». «Кіевская Старина», октябрь).

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ белзскаго воеводы, родился въ 1712 г., умеръ 15 іюня 1782 г.; о немъ имѣется достаточно свѣдѣній въ современныхъ документахъ, мемуарахъ и въ позднѣйшей польской литературѣ. Ограничимся здѣсь указаніемъ, что эта эксцентричная личность обращала на себя и въ свое время всеобщее вниманіе. Во время бытности въ Каневѣ короля Станислава-Августа въ 1787 г., зашла однажды рѣчь за обѣдомъ о Потоцкомъ; многое разсказывалъ о немъ мѣстный базиліянскій «опатъ» (настоятель монастыря) Бонифатій Физикевичъ. Въ описаніи королевскаго путешествія, изданномъ Крашевскимъ (Podróż Króla Stanisława Augusta w 1787 r. do Kaniowa. Z listów Hr. Platera wydał J. I. Kraszewski), сообщается объ этомъ такъ: «По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи белзкаго воеводича Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими выходками и приключеніями, разбирали различные анекдоты о немъ и бывавшіе съ нимъ въ жизни случаи. Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громад-

нѣйшихъ имѣній съ милліоннымъ доходомъ (т. е. въ 1 милліонѣ злотыхъ), содержавшаго до 3,000 надворнаго войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ; а потомъ, выйдя изъ базиліанскаго ордена, сдѣлался мальтійскимъ кавалеромъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которою онъ однако не жилъ, но законнаго развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ».

Каневскимъ старостомъ владѣлъ Потоцкій уже съ 1738 г. Въ это время въ составъ староства, кромѣ Канева, входили села: Степанцы, Куриловка, Масловка, *Николаевка*, Македоны, Тулинцы, Грищинцы, Костянецъ, Бобрица, Селище, Пшеничники, Букринъ, Пищальники, Ромашки, Грушевъ, *Пін.* Это перечисленіе, значащееся въ визитѣ уніатскаго деканата за 1746 годъ, неполно. Изъ пяти селеній (Николаевка, Потокъ, Прицки, Піи, Пивцы), будто-бы основанныхъ и наименованныхъ Потоцкимъ въ честь одной изъ своихъ метрессъ—Приськи, здѣсь упомянуты только два. Но изъ этихъ-же селъ Пруцки или Прицки, равно какъ и Піи (откуда и уменьшительное Пивцы, лежитъ по сосѣдству), существовали несравненно раньше, еще въ первой четверти XVII вѣка, какъ это видно изъ люстраціи 1622 г. Такимъ образомъ, легенда объ этихъ селахъ представляется апокрифомъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть съужена: Потоцкій могъ основать только Николаевку и Потокъ, по своему имени и фамиліи, первую раньше, вторую-же послѣ 1749 года; ради Приськи переименованы развѣ Прицки изъ Пруцекъ, хотя такой переходъ звуковъ (у въ і) и безъ того въ духѣ мѣстнаго говора. Вѣрнѣе, что самыя названія дали поводъ сложить изъ нихъ фразу «Николай Потоцкій съ Приськой пьетъ пивцо», подобно тому, какъ имена мѣстностей близъ Чернигова послужили матеріаломъ для анекдота о ходебщикѣ-офенѣ, который будто-бы излагалъ свой маршрутъ (Жуковка, Куликовка, Выбли, Черниговъ, Коты, Полуботки, Сядричи, Холявинъ, Сибережъ) въ такой уже черезчуръ оригинальной формѣ, что не представляется даже возможнымъ передать ее въ печати.

Пѣсня о «Бондаривнѣ», убитой каневскимъ старостою, извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ, напечатанныхъ въ различныхъ малорусскихъ сборникахъ пѣсенъ. Но варіантъ г. Познанскаго пред-

ставляетъ значительныя различія въ подробностяхъ, а главное отличается совершенной цѣльностью, законченностью и нѣкоторыми особенностями склада, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма неодинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, напѣвы ея до сихъ поръ не были издаваемы ни разу, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку. Въ виду многочисленности изданныхъ уже текстовъ (хотя и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать гораздо больше того, что уже сдѣлано), и въ виду наводненія нашихъ селъ чуждыми имъ мотивами, собирателямъ слѣдовало-бы обратить особенное вниманіе на записи напѣвовъ. Особенно цѣнны такія записи, какъ сдѣланныя г. Краснокутскимъ, т. е. стремящіяся къ возможно точнѣйшей передачѣ особенностей народной интонаціи, отрѣшаясь отъ всевозможныхъ требованій музыкальной теоріи, примѣненіе которой къ изслѣдованію народной пѣсенности возможно будетъ и всегда въ будущемъ, лишь-бы только собраны были своевременно и въ достаточной полнотѣ *вполнѣ вѣрные* матеріалы. Большая часть нашихъ собирателей народной музыки тѣмъ именно и грѣшитъ, что не ограничивается записью, а *въ тоже время* разбираетъ напѣвъ, мысленно его аранжируетъ и т. д., а все это отражается невольными искаженіями народнаго мотива въ угоду требованіямъ теоріи, искаженіями мелкими, но нерѣдко лишающими его своеобразности, оригинальности, т. е. тѣхъ именно качествъ, которыя особенно дороги въ этнографическомъ отношеніи.

Ив. Новицкій.

ЗАПРЕЩЕНІЕ КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЕЙ.

Не смотря на многовѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ и празднованіе купала. Разведеніе купальскихъ огней, прыганіе черезъ зажженные костры и др. купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже вблизи большихъ интеллигентныхъ центровъ; наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова до настоящаго времени можно наблюдать упомянутое обыкновеніе. По всей вѣроятности обряды подобные купальскому удерживаются народомъ до нашихъ дней

собственно потому, что народъ не находитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противурѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однобразной трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи дѣломъ искорененія остатковъ языческихъ обрядовъ занимались архіереи, которые нерѣдко обращались къ паствѣ съ посланіями и увѣщаніями отстать отъ исполненія этихъ обрядовъ; но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда послѣдствіемъ исполненія какого либо обряда было какое либо несчастье, наприм. чья либо смерть, искалѣченіе и т. п., въ такихъ случаяхъ и гражданская власть принимала мѣры къ отмѣнѣ обряда.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное малороссійскимъ войсковымъ генеральнымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія купала. Поводомъ къ его опубликованію, какъ увидимъ, былъ именно одинъ несчастный случай, который произошелъ въ мѣстечкѣ Ичнѣ, нынѣшняго борзенскаго уѣзда.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской изъ генеральнаго суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжества и вездѣ безъ всякого помѣшательства и воспященій распространяючоесь застарѣлое игрище, называемое купаленъ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребыть велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе должно залежить, откривается нынѣ неизбѣжные уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку прилуцкомъ, въ мѣстечкѣ Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на таково игрище невѣжами огнѣ, когда оной при ночномъ времени съ обоихъ сторонъ одними противъ другихъ перескакиванъ, то одны противъ другихъ съ немалимъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна съ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца, въ разсужденіи неумислу, отъ смертной казни увольняется, однакъ какъ за жестокимъ въ страхъ другимъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщизны, такъ и немаловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (наказанъ). А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допущать,

но и вовся искоренить, дабы оныхъ нигдѣ не было: того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генеральнаго суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую черніговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ, во всякомъ мѣстѣ деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено впредь таковыхъ и законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ неупустительнаго всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокаго безъ пощади наказанія, и полковой черніговской канцеляріи непремѣнно исполнить по сему, а въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковые канцеляріи указы всѣмъ посланы. 1769 году, марта 12 дня [1]).

П. Е.

ВОЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ СУДАХЪ XVII СТ.

Съ концемъ XVI и началомъ XVII ст. наука и образованіе въ южной Руси сильно двинулись впередъ. Явились школы, типографіи, цѣлый рядъ ученыхъ, изощренныхъ въ діалектикѣ, цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ къ обличенію и пораженію католичества, въ лицѣ котораго православная демократическая Русь боролась съ католическо-шляхетскою Польшею. Духъ обличенія, злой сатиры, язвительной насмѣшки, легкой шутки возобладалъ въ тогдашней литературѣ и самомъ обществѣ. Но печать, при тогдашнемъ несовершенствѣ и дороговизнѣ типографскаго дѣла, не могла удовлетворять зародившемуся направленію, и рядомъ съ печатною литературою и помимо ея существовала гораздо болѣе обширная письменная литература, которая не стѣснялась уже никакими формами и рамками, вовсе не ограничивалась излюбленнымъ предметомъ обличенія, но проникала во всѣ сферы жизни своего даже общества, всюду находила предметъ для насмѣшки или шутки и воспроизводила забавное и смѣшное въ самыхъ разнообразныхъ формахъ человѣческаго слова.

---

[1]) Изъ Архива малороссійской коллегіи, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

Къ числу разнообразнѣйшихъ произведеній старинной южнорусской литературы этого рода, какъ низшую ея ступень, можно отнести тѣ, которыя мы отмѣтили въ заглавіи настоящей замѣтки. Происхожденіе ихъ слѣдующее. Все судебное производство и рѣшенія судовъ того времени заносилась въ такъ называемыя актовыя книги,—огромные фоліанты въ нѣсколько сотъ листовъ, переплетенные и скрѣпленные по листамъ. Каждое заносившееся въ эти книги дѣло начиналось съ верхней части листа; ему предшествовалъ какой либо замысловатый рисунокъ, нерѣдко фамильный гербъ истца, а затѣмъ начальная буква разрисовывалась перомъ въ огромныхъ размѣрахъ на разные лады. Но по окончаніи записи оставалось часто свободное мѣсто до конца страницы и листа, и это мѣсто судовые писцы, во избѣжаніе добавокъ и приписокъ, обязаны были перечеркивать и надписывать *vacua*, т. е. пустая страница, пустое мѣсто. На этихъ-то пустыхъ мѣстахъ канцелярскіе чиновники тогдашнихъ судовъ, помазавшіеся просвѣщеніемъ и чувствовавшіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ, и дѣлали пробу своего пера. Это были шуточныя жалобы въ формѣ судебныхъ протоколовъ и рѣшеній, съ соблюденіемъ всей обстоятельности судоговоренія, важности декрета и строго дѣловаго языка. Тутъ обличался сбслуживецъ по столу въ небывалыхъ, большею частію въ мелочныхъ, не заключавшихъ въ себѣ состава преступленія дѣяніяхъ и присуждался къ суровому наказанію: «туремному увязенью, караню на горлѣ, или баниціи», или какіе либо знакомые, пріятели между собою, представлялись тяжущимися изъ-за какого нибудь вздора и получали не менѣе суровый «вырокъ». Но, помимо личныхъ, хотя-бы и шуточныхъ счетовъ, въ жалобахъ этого рода проглядываетъ часто стремленіе язвить общественные пороки, подъ часъ самый судъ съ его криводушными и пристрастными рѣшеніями, съ его формалистикой, отцѣждающей велблуды и поглощающей комары. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко олицетворяются неодушевленные предметы и ставятся на мѣсто дѣйствующихъ лицъ. Во всѣхъ упражненіяхъ названнаго рода много комизма по самой сущности дѣла, много разсыпано бытовыхъ чертъ и однообразно лишь одно: судебныя формы и дѣловой, убійственный языкъ. Этихъ упражненій въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго (а вѣроятно и вилен-

скаго) архива такъ много, что изъ нихъ могъ-бы составится обширнѣйшій сборникъ памятниковъ литературы совѣмъ неизвѣстной.

Изъ огромнаго числа такихъ памятниковъ мы приводимъ здѣсь одинъ, представляющій, какъ кажется, шутку бѣдняка надъ самимъ собою, а быть можетъ и вообще шутку надъ бѣднякомъ, неумѣющимъ держать грошъ въ карманѣ. Грошъ олицетворенъ здѣсь въ видѣ пана, ведущаго тяжбу съ калитою (кошелькомъ), за небрежное его содержаніе присуждаемою къ уплатѣ пану грошу штрафа «два кротъ сто тисечи пенизей литовскихъ». Заглавіе и содержаніе этого памятника слѣдующее:

Зыскъ отъ пана гроша на калите отриманый.

Року тысеча шесть сотъ пятдесятъ пятого мѣсяца генваря тринадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ луцкихъ на завтрее, по трохъ кроляхъ, святе рымъскомъ, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одправовать зачатихъ, предъ нами Андреемъ Липевскимъ, судею, а Вацлавомъ на Конюхахъ Гулевичемъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земъскими луцкими, кгды се приточала справа зъ реестру судового, за приволанемъ возного шляхетцкого, Валентого Павловского, межи цнотливымъ и у людей великихъ, стану шляхетского и посполитого, месце маючимъ грошемъ, а калитою безъ грошей, мачохою, позваною, за позвомъ земскимъ луцкимъ, отъ поводовое стороны на роки теперешние въ справе нижей мепованой выданымъ. Тоды становившися очевисто у суду умоцованый стороны поводовое, шляхетне урбленый черцовый пасъ, позвaную, ижъ се, за потрилнымъ презъ три дни возного вышъ менованого приволыванемъ, до права не становила и о нестаню своемъ судови нинешнему и стороне поводовой жадное ведомосты не дала, за чимъ оную, яко не сталую, а частокротъ одъ пояса урьваную, албо урезаную, зъ допусченя сурового на упадъ взыску речи въ позве нижей инсерованомъ меноване, зъ волнымъ однакъ тое справы арештомъ до звыклое годины вздалъ на позовъ, такъ се въ собе маючій: Тобе у людей зацныхъ, такъ стану шляхецкого, яко и посполитого, грошей сила маючихъ месца не маючой калите, зъ особы моее у людей великихъ месце маючое приказуемо, абы не

толко на термине вышъ означеномъ, але где тилько потреба укажетъ, на жалобу и правное попарте цнотливого и у зюдей вшелякихъ, стану свецкого и духовного, богатыхъ и убогихъ, а наветъ у нецнотливыхъ жидовъ и караимовъ месце маючого пана грона, который тебе позываетъ о то, ижъ ты, зъ стародавныхъ вековъ взявши одъ килька тисечей летъ у людей розныхъ мужское и белоголовекое плоти, у пояса пленипотента стороны поводовое будучи завишена, албо привязана, часто кротъ презъ мешкорезовъ урезана бываешъ, а часомъ тежъ уръвавшися въ болото впадаешъ, за чимъ мешкоризы и пяницы бынайменѣй и мене не шануютъ, а въ болоте люде и быдлята розными конци на мене плюютъ, абысь теды на вшелякомъ термине стала, а болшей се при пленипотенте моемъ не привязовала, маетъ поводъ месце слушное у розное кондиции людей въ шкатулахъ, а тебе зналезши и марне пяницы и костыри стративши, ходятъ часомъ въ одныхъ кошуляхъ. А жебы поводъ мелъ тебе въ чомъ вздати, шацуетъ собе шкодъ на дви кротъ сто тисечей пинезей литовъскихъ (писанъ року тисеча шестъ сотъ пятъдесятъ пятого), которого вздания, ижъ позваная будучи о годины звыклое арештовой до арешту тое справы презъ того-же возного вышъ менованого прыволывана не арештовала и арештовать не хотѣла, а преречоный умоцованный стороны поводовое на неи, яко несталой и права посполитого непослушной, просилъ и домавялъ се, прето судъ нинешній земъский луцкий, за нестанемъ позваное, а за домовенемъ се и правными поступъками умоцованого стороны поводовое прихиляючися, въ томъ до права посполитого въ далшомъ тое справы поступку въ способъ зыску суми два кротъ сто тисечей пинезей литовскихъ поводовое стороны на позваной вшелякихъ добрахъ, се где кольвекъ маючихъ, вказуетъ и присужаетъ, а на одправу и моцную и скутечную екзекуцию до Крыму до пана Яна одсылаетъ, што все для памети до книгъ земъскихъ луцкихъ естъ записано. М. Р.

Кн. Луцкая зап. декрет. и поточ. справъ, № 2843, л. 69 на обор.

Сообщ. **П. Шеболдаевъ.**

ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ ОБЩЕСТВА ПР. НЕСТОРА И ОТЧЕТЪ О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1884—85 Г.

27 октября сего года въ актовомъ залѣ университета св. Владиміра происходило скромное научное торжество. Существующее въ Кіевѣ историческое общество преп. Нестора лѣтописца имѣло свое годичное засѣданіе. Такія собранія принято называть торжественными; никакой однако торжественности на этомъ скромномъ праздникѣ научнаго общества не было теперь, какъ не было и прежде. Никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кромѣ супруги члена государственнаго совѣта, т. е. Г. П. Галагана, Е. А. Галаганъ, никакой особой обстановки, ни одного экипажа у подъѣзда. Собрались труженики и любители науки и масса учащейся обоего пола молодежи. Предсѣдатель общества профессоръ В. Б. Антоновичъ только что возвратился изъ заграничной поѣздки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ реферата члена общества П. И. Житецкаго, подъ заглавіемъ: «Церковно-славянскій языкъ въ малорусской книжной рѣчи XVI—XVII ст.». Это отрывокъ изъ обширнаго, глубоко научнаго труда пользующагося заслуженною извѣстностію ученаго. Форма живой рѣчи, прекрасная, выразительная дикція въ соединеніи съ богатымъ содержаніемъ дали этому реферату особый интересъ, и онъ выслушанъ собравшеюся публикою съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ любопытствомъ. За тѣмъ секретарь общества, профессоръ Н. П. Дашкевичъ прочелъ краткій отчетъ, который мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Общество наше постановило посвящать день преподобнаго Нестора лѣтописца годовымъ собраніямъ. Согласно этому, оно имѣетъ честь представить нынѣ вашему, м. м. г. г., просвѣщенному вниманію, отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 1884 и 1885 годы.

Наше воспоминаніе объ этихъ годахъ омрачено горестными потерями: историческое общество лишилось числившихся въ его составѣ четырехъ почтеннѣйшихъ дѣятелей русской науки, утратило двухъ почетныхъ членовъ: гр. А. С. Уварова и Н. И. Костомарова, и двухъ дѣйствительныхъ: Ф. А. Терновскаго и А. Ѳ. Кистяковскаго. Высокія научныя заслуги этихъ дѣятелей извѣстны присут-

ствующимъ, оцѣнены по достоинству русскою наукою и обществомъ, и воспоминающему о нихъ остается повторить общее признаніе этихъ заслугъ. Графу А. С. Уварову русская археологія чрезвычайно обязана какъ цѣнными въ высшей степени разысканіями въ ея области, такъ равно оживленіемъ и распространіемъ интересовъ археологіи въ нашемъ отечествѣ. Н. И. Костомаровъ, скончавшійся въ одинъ изъ дней празднованія памяти славянскихъ первоучителей, высказалъ нѣкогда здѣсь, въ Кіевѣ, горячее проникновеніе идеею первоучителей, занимаясь древнею исторіею славянства, но сосредоточилъ свои труды въ области отношеній русскаго и польскаго племени и вообще въ области русской исторіи. Безъ сомнѣнія вы, м. г., сами изведали весь высокій интересъ трудовъ Костомарова, оцѣнили мастерство возсозданія замѣчательнѣйшихъ событій отечественной исторіи, въ связи съ глубокимъ психологическимъ анализомъ и выясненіемъ общественныхъ теченій, обусловливавшихъ событія. Въ изученіи народной поэзіи Н. И. Костомаровъ не проявилъ такой-же исчерпывающей эрудиціи, но онъ былъ однимъ изъ начинателей этого изученія у насъ, указалъ на высокое историческое значеніе народной поэзіи и былъ превосходно знакомъ съ нею. Имя Ф. А. Терновскаго останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки, которая будетъ помнить его, какъ одного изъ русскихъ византинистовъ и оригинальнаго историка религіозной жизни; оно будетъ жить въ частности въ памяти нашего историческаго общества: покойный былъ однимъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ его; наконецъ, свѣтлый образъ покойнаго останется въ сердцахъ его знавшихъ и уважавшихъ высокія личныя достоинства его. А. Ѳ. Кистяковскій соединялъ съ многостороннимъ юридическимъ образованіемъ обширныя историческія познанія и основательное знакомство съ обычнымъ правомъ. Онъ удѣлялъ время и постоянному посѣщенію нашихъ собраній, принималъ участіе въ обсужденіи научныхъ докладовъ и самъ представилъ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ сообщеній.

Воспоминаніе объ этихъ не устававшихъ въ своей трудовой жизни дѣятеляхъ науки, числившихся и состоявшихъ въ нашей средѣ, да послужитъ намъ однимъ изъ завѣтовъ, которые оставляютъ славные дѣятели прошлаго смѣняющимъ ихъ поколѣніямъ!

Въ отчетное время историческое общество увеличило свой составъ, избравъ въ свои дѣйствительные члены: доцентовъ кіевской духовной академіи В. З. Завитневича и А. А. Дмитріевскаго, привать-доцента университета св. Владиміра С. И. Беха, профессора русской исторіи въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ М. Н. Бережкова и занимающихся южно-русскою исторіею и словесностью В. П. Горленка, К. П. Михальчука, К. И. Турчаковскаго и Ѳ. И. Николайчика.

Въ настоящее время состоитъ почетныхъ членовъ общества 13, дѣйствительныхъ 84.

Въ составѣ совѣта историческаго общества не произошло никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ принятія должности библіотекаря Ѳ. Я. Фортинскимъ. Вновь были избраны на три года: въ должность предсѣдателя общества В. Б. Антоновичъ, въ званіе товарища предсѣдателя И. И. Малышевскій, въ должность секретаря Н. П. Дашкевичъ и казначея С. Т. Голубевъ.

Дѣятельность историческаго общества за отчетное время проявилась въ сообщеніяхъ, читанныхъ его дѣйствительными членами въ засѣданіяхъ общества.

Въ 11 собраніяхъ были выслушаны сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: Ѳ. Г. Мищенка (О царскихъ скиѳахъ), В. Б. Антоновича (О раскопкахъ у трехсвятительской церкви въ Кіевѣ), Н. П. Дашкевича (Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ; Данныя для древнерусской исторіи въ IV-мъ т. Monumenta Poloniae), А. И. Соболевскаго (Замѣтка къ тексту «Слово о полку Игоревѣ»), О. И. Левицкаго (Черты соборнаго устройства западно-русской церкви въ XVI и XVII в.), В. Б. Антоновича (О записной книгѣ Михаила Мовчана), И. В. Лучицкаго (О новыхъ данныхъ касательно возмущенія бывшаго въ 1687 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра; нѣсколько данныхъ о частныхъ архивахъ и въ особенности о документахъ архивовъ Стаховича и Селецкаго, касающихся вопроса поземельнаго и финансовой организаціи въ XVIII в.), В. П. Науменка (О хронографахъ южно-русскаго извода; О ново-открытой южно-русской повѣсти XVII в.), А. А. Андріевскаго (Объ отношеніяхъ между мѣщанами и козаками въ Кіевѣ въ XVIII в.), М. П. Истомина (О пограничныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши въ половинѣ XVIII в.), И. М. Каманина (О кіевскихъ войнахъ XIX в.), О. И. Левицкаго (О

«пророкѣ» Марцинкевичѣ въ Кіевѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ), М. И. Кулишера (Объ адатахъ кавказскихъ горцевъ), И. Н. Крыжановскаго (Постановка вопроса о происхожденіи церковно-славянскаго языка и объ изобрѣтеніи славянской азбуки).

Библіографическія сообщенія были представлены Ѳ. С. Мищенкомъ (о XIII-мъ т. Записокъ одесск. общества ист. и древн. и о книгѣ Шрадера: «Сравненіе языковъ и древнѣйшая исторія») и Н. П. Дашкевичемъ (О книгѣ Abel'я: Gross und klein-russisch).

Въ память скончавшихся членовъ историческаго общества были представлены характеристики ихъ трудовъ. В. Б. Антоновичъ охарактеризовалъ научную дѣятельность графа А. С. Уварова и Н. И. Костомарова; заслуги Костомарова, какъ этнографа, помянулъ В. П. Науменко; воспоминаніе о Ф. А. Терновскомъ сообщилъ Ѳ. Я. Фортинскій, объ А. О. Кистяковскомъ И. В. Лучицкій и Ѳ. Г. Мищенко. Сверхъ того М. И. Кулишеръ прочелъ о дѣятельности К. Д. Кавелина, какъ этнографа.

Къ изданію II-го и III-го выпусковъ своихъ чтеній историческое общество не приступало. Скорѣйшее осуществленіе плана этого изданія, выработаннаго нарочно избранною для того коммиссіею, будетъ зависѣть отъ ускоренія пересмотра референтами сообщеній, какъ явившихся уже въ печати, такъ и остающихся еще въ рукописи.

Оживленію дѣятельности историческаго общества въ будущемъ могли-бы оказать содѣйствіе просвѣщенные чтители старины, сообщая свѣдѣнія о находкахъ, раскопкахъ и т. п. До настоящаго времени участіе постороннихъ лицъ ограничивалось принесеніемъ въ даръ библіотекѣ общества различныхъ изданій. За таковыя пожертвованія историческое общество считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г.г. Буличу, Н. К. Ренненкампфу, Дембовецкому и Дашкову, а также Церковно-Археологическому Обществу при кіевской духовной академіи.

Пожелаемъ, чтобы труды историческаго общества, а равно и вниманіе къ нимъ со стороны просвѣщенныхъ любителей историческаго знанія, возрастали вмѣстѣ съ укорененіемъ въ сознаніи той давно уже признанной истины, что «исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая... завѣтъ предковъ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго».

Это великое значеніе отечественной исторіи было сознано въ нашемъ славномъ городѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ средоточіяхъ просвѣщенія на Руси: здѣсь подвизались начинатели русскаго лѣтописанія, труды которыхъ воспоминаются съ именемъ преподобнаго Нестора.

ВСЕНАРОДНОЕ КУПАНЬЕ ВѢДЬМЪ ВЪ ОЗЕРѢ И СУДЕБНАЯ ОТЪ ТОГО ВОЛОКИТА.

Лѣтнею порою 1833 г., въ знойный палящій день, на чигиринскихъ поляхъ, гдѣ въ былыя времена гарцовали отважные рыцари козаки и проходили несмѣтныя полчища турокъ и татаръ, въ трехъ верстахъ отъ с. Подорожняго, на берегу озера петроновскаго, стояла небольшая кучка обоего пола крестьянъ. Къ нимъ то и дѣло прибывали группы мужчинъ и средняго возраста женщинъ изъ того-же села. Въ самомъ озерѣ, невдалекѣ отъ берега, на возу, запряженномъ парою воловъ, стоялъ въ одномъ бѣльѣ, съ непокрытой головой, рослый, широкоплечій мужчина, лѣтъ 45-ти, и посматривалъ въ ожиданіи чего-то на берегъ. Собравшіеся о чемъ-то жарко толковали. Народъ сбился за симъ въ кучку; въ ней что-то продѣлывалъ другой рослый, нѣсколько моложе, мужчина; изъ кучки слышался женскій пискъ и визгъ, вокругъ раздавался смѣхъ и мужицкое галдѣнье. Вдругъ надъ головами столпившихся показалось что-то бѣлое на дюжихъ рукахъ стоявшаго въ срединѣ человѣка. Присмотрѣвшись ближе, можно было разглядѣть въ этомъ бѣломъ человѣческую фигуру, согнутую дугой. Ни рукъ, ни ногъ не было видно и только толстыя пряди волосъ съ непокрытой наклоненной головы падали внизъ, разсыпаясь въ безпорядкѣ. То была женщина-крестьянка, по прозванію Марія Дяченкова; была она въ одной рубахѣ и въ сидячемъ какъ-бы положеніи, ибо руки у нея были привязаны къ ногамъ. Крѣпкій мужчина несъ эту ношу къ возу; стоявшая на берегу толпа гоготала. Стоявшій на возу принялъ ношу; онъ продѣлъ между рукъ и ногъ женщины, по ея животу, толстую веревку и опустилъ женщину съ воза въ воду. Женщина взвизгнула, всей тяжестью своего тѣла нырнула въ воду, но снова быстро поднята вверхъ. Погруженіе повторено еще два раза и затѣмъ женщина

была вытянута на возъ. Погружавшій развязалъ ей руки и ноги и пустилъ ее къ берегу. Женщина шлепалась по водѣ съ крикомъ и бранью, выбираясь на сушу; стоявшіе на берегу хохотали, отпуская шутки и остроты.

Пока переодѣвалась и повязывала голову Марія Дяченкова, связали Прасковью Харенкову, потомъ Пелагею Костенкову, а за ними Марью Сѣрошганову и Пелагею Вакуленкову и каждую изъ нихъ тѣмъ-же порядкомъ выносили на возъ, троекратно опускали въ воду и, развязавъ, отпускали на берегъ, при неустававшемъ смѣхѣ и шуткахъ стоявшей на берегу толпы. Агафія Гекалова и другія купались добровольно и не были подвергнуты связыванію по рукамъ и ногамъ и насильственному опусканію въ воду.

Что за необыкновенное явленіе? Чего ради собрался этотъ народъ подъ палящимъ зноемъ солнца вдали отъ села, на берегу озера? Что продѣлывалъ онъ съ этими связанными женщинами, чего добивался отъ нихъ, окуная ихъ въ воду, что хотѣлъ онъ этимъ путемъ узнать или получить отъ нихъ?

Стояли тогда страшные жары, была сильная, продолжительная засуха: огороды повыгорали, поля повысыхали. Народъ изстрадался, скотина измучилась, не находя нигдѣ корму. Ходили люди съ крестными ходами по полямъ, святили воду въ «криницахъ». Батюшка говорилъ: «молитесь! Богъ дождь пошлетъ». Молились, а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ. Старики стали говорить: «Что толковать? Вѣдьмы дождь задерживаютъ. На нашей памяти бывало: опустятъ вѣдьму въ воду и дождь послѣ того идетъ». Толковали между собою по поводу сего выборный атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко (онъ-же Сосновскій) и сотскій Никифоръ Гекало и нашли, что надо у писаря спросить, а громадскій писарь Высоцкій сказалъ: «есть-де у него въ разсужденіи сего и приказъ отъ земскаго суда». Пошли къ священнику, о. Грушевскому, спрашиваютъ: какъ быть? старики говорятъ... и писарь сказывалъ, что и приказъ такой есть...—А коли такъ, говоритъ батюшка-наставникъ, то я благословляю и Богъ благословитъ.

И вотъ утромъ въ слѣдующій день сотскій Гекало даетъ десятнику Григорію Бережниченку приказъ: «иди, выгоняй бабъ! пусть сходятся къ сборнѣ, пойдемъ на озеро купать». Бабы сходились, пошла даже жена сотскаго Гекала, а за тѣмъ произведено извѣстное

уже купанье. Нѣкоторыя изъ окупаемыхъ въ озеро женщинъ тогда-же признаны были вѣдьмами, потому что не топули въ водѣ. Имъ было стыдно, народъ смѣялся, а дождь все таки не пошелъ.

Бабъ отпустили. На томъ-бы и дѣлу конецъ, но пошла по селамъ молва, что вотъ де въ Подорожномъ купали бабъ: передавалось и переиначивалось происшедшее на всѣ лады, говорили, что не желавшихъ купаться бабъ били, вязали, топили, что многія притомъ изувѣчены, что производились непристойныя отыскиванія наружныхъ признаковъ вѣдёмства, крики, шутки и пр. Говорили, что самъ батюшка благословилъ купать и даже лично при купаньѣ находился. Стало все это извѣстнымъ въ сосѣднемъ селѣ Чаплинцахъ, гдѣ жилъ благочинный Березницкій. Тутъ раньше былъ писарь Высоцкій и «совѣтовалъ» тамошнему сотскому Евстратію Литвиненку также выкупать женщинъ, говоря, что такой у него писаря и приказъ отъ земскаго суда есть; но Литвиненко не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ при Высоцкомъ не оказалось самаго «повелѣнія судового». Былъ-ли благочинный дѣйствительно возмущенъ происшедшимъ въ подвѣдомомъ ему приходѣ безчиніемъ, имѣвшимъ противуцерковный и противурелигіозный характеръ, или онъ боялся отвѣтственности за умолчаніе о происшествіи, получившемъ общую извѣстность, но только вскорѣ отъ него поступилъ въ чигиринское духовное правленіе рапортъ о случаѣ въ с. Подорожномъ, а духовное правленіе отнеслось въ чигиринскій земскій судъ о производствѣ слѣдствія по сему дѣлу и преданія виновныхъ суду. Началось дѣло, длившееся цѣлыхъ пять лѣтъ.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ самаго дѣла, представляющимъ обычную въ тѣ времена медленность дѣлопроизводства и пререканія властей; отмѣтимъ лишь сущность добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и судебное по нимъ рѣшеніе.

Обвинялись въ произведеніи всенароднаго насильственнаго и безчиннаго купанья женщинъ въ озерѣ извѣстные уже намъ атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко и сотскій Никифоръ Гекало. На слѣдствіи они показали все такъ, какъ было и какъ изложено выше. Разошлись лишь въ показаніяхъ относительно священника Грушевскаго: атаманъ утверждалъ, что батюшка благословилъ купать женщинъ, а сотскій этого не признавалъ и подтверждалъ лишь то, что ходили они къ батюшкѣ на совѣтъ и съ извѣщеніемъ,

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо ... показаніе, и онъ въ общихъ увѣчья онѣ не понесли ... согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо, никакихъ побоевъ и увѣчья онѣ не понесли и даже никакихъ будто-бы криковъ при томъ ихъ купаньѣ не было. Отъ священника Грушевскаго, требовалось особо письменное свидѣтельское показаніе, и онъ въ общихъ чертахъ показалъ согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

не исполнилъ. На такое рѣшеніе судъ испрашивалъ согласіе кіевскаго губернатора и, по полученіи онаго, сообщилъ кіевскому губернскому правленію для предложенія чигиринскому уѣздному суду относительно исполненія надъ подсудимыми Терещенкомъ и Гекаломъ присужденнаго имъ наказанія плетьми, а о священникѣ Грушевскомъ сообщилъ, съ препрожденіемъ всего слѣдственнаго дѣла, кіевской духовной консисторіи для сужденія о его поступкѣ. Окончательное рѣшеніе консисторіи о священникѣ Грушевскомъ намъ неизвѣстно, но изъ дѣла видно, что еще задолго до рѣшенія суда онъ былъ перемѣщенъ на другой приходъ.

Такъ кончилось это суевѣрное, слишкомъ обыкновенное въ нашемъ простомъ народѣ дѣло.

Много было писано у насъ о суевѣрномъ обычаѣ, послужившемъ и въ данномъ случаѣ основою для начатія дѣла; и въ печати и еще болѣе въ устныхъ разсказахъ много можно найти указаній на случаи подобные настоящему; но въ первый разъ мы натолкнулись въ одномъ изъ дѣлъ архива кіевскаго окружнаго суда на такой фактъ, формально обслѣдованный во всѣхъ его подробностяхъ. Пять лѣтъ держало это дѣло въ страхѣ жителей с. Подорожняго и ихъ пастыря духовнаго. Много исписано по нему бумаги и изведено чернилъ; много перепортили крови всѣ эти стряпчіе, судьи, слѣдователи, депутаты и болѣе всѣхъ суетившійся въ этомъ дѣлѣ благочинный Березницкій. А народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія властей; рѣшеніе суда и принятыя Терещенкомъ и Гекаломъ плети не поколебали вѣковыхъ его вѣрованій. И теперь народъ вѣритъ, что именно вѣдьмы задерживаютъ дождь, что стоитъ выкупать вѣдьму въ водѣ, какъ дождь пойдетъ, и что которая женщина не тонетъ въ водѣ, та и есть вѣдьма. Не плетьми вышибаются подобныя вѣрованія...

К. Цыбульскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ.“

(VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, **всѣ выдающіяся событія міровой жизни**.

Подписная цѣна на годъ 4 р. безъ доставки и 5 р. съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 №№ въ годъ; всего около 1000 гравюръ и до 1200 страницъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событій истекшей недѣли.

Это необходимое изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ПРИЛОЖЕНІЯ въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаніями.

Годовые подписчики «Иллюстрированнаго Міра» получаютъ, кромѣ всего, еще главную большую премію: РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, италіанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаніемъ картины.

Годовые подписчики, заявившіе свои требованія до 15 декабря, получаютъ съ 1 № журнала: ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устраняющій необходимость пріобрѣтенія **даже** толстаго календаря.

„СТРАННИКЪ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой програмѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ *богословскаго, философскаго, церковно историческаго, литературнаго и публицистическаго* содержанія были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Сущность Христіанства**, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа *Никанора*.—**Христіанство и наука**. *Его-же*.—**Судъ Церкви и въ Церкви**. *Его-же*.—**Разности въ ученіи о Церкви** у православныхъ и папистовъ. Прот. *А. А. Лебедева*.—**Невидимый міръ**. Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. *А. П. Лопухина*.—**О народномъ образованіи** въ древней Руси. Свящ. *Маркова*.—**Русскій Патріархъ** въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управленіи. *П. Ф—ва*.—**Преосвященный Иринархъ**. *М. А. Куплетскаго*.—**Арсеній Мацѣевичъ** и его дѣло. *И. Я. Морошкина*.—**Іезуиты въ Константинополѣ** въ XVI—XVII вв. *С. Четыркина*.—**Православіе въ остзейскомъ краѣ** въ текущемъ столѣтіи. *М. А. Куплетскаго*.—**Ревизія въ остзейскомъ краѣ** въ заграничной нѣмецкой характеристикѣ. *Его-же*.—**Изъ Путешествія въ св. землю**. Проф. *Кавальницкаго*.—**Правда противъ хулы** (въ защиту митроп. Серафима). Епископа *Никанора*.—Цѣлый рядъ статей (между прочимъ вся апрѣльская книга) былъ посвященъ **памяти св. Кирилла и Меѳодія** и между ними были поученія еп. *Никанора*, покойн. архіеп. *Тихона*, статьи св. *Маркова*, проф. *Будиловича*, *А. И. Пономарева*, *Лебедева*, *Качановскаго* и др. Повѣсти и разсказы: **Псалтырникъ**. *И. Гр. Наумовича*.—**Наканунѣ Рождества**. *Историческій разсказъ. Х*.—**Гдѣ уродился, тамъ и пригодился**. Памяти мужицкаго-пѣвца дьячка. *Н. Попова*.—**По окончаніи курса**. Изъ разсказовъ стараго священника. *П. Соловьева*.—Кромѣ этихъ статей, въ журналѣ ежемѣсячно велись отдѣлы: *Внутреннее обозрѣніе*, *Епархіальная Хроника*, *Церковная жизнь на западѣ* (у католиковъ и протестантовъ *и у славянъ* Австро-Венгріи) и въ земляхъ славянскихъ, *Обзоръ журналовъ*, Критическіе и библіографическіе отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ церковной и церковно богословской литературы, *Книжная Лѣтопись*, *Церковно-оффиціальная Хроника*, *Извѣстія и замѣтки*.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою заграницу восемь рублей. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ*.—*А. Пономаревъ*.

турныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публикѣ стольже разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе труднымъ условіемъ—*не бывалою доселѣ дешевизною* для большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ нашъ былъ доступенъ не только большимъ публичнымъ библіотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любаго сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—всюду, гдѣ люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ нашъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удавшимся. За все это время мы получали массу сочуственныхъ отзывовъ о журналѣ и кругъ его читателей возросталъ и продолжаетъ возрастать. Мы не прибѣгали ни къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ успѣхъ многихъ литературныхъ предпріятій спекулятивнаго характера, но за насъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому попадалась хотя одна книжка журнала „**КОЛОСЬЯ**“, невольно имъ заинтересовывался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣлали: романъ «*Порванныя цѣпи*»—книгами **Вѣры Тр—цкой**, «*Безъ руля*»—романъ **Н. Синельникова**, «*Кирджали*»—романъ **М. Чайковскаго**, «*Первыя волны*»—повѣсть **А. Курскаго**, поэмы и стихи **О. Н. Чюминой, Н. К. Никифорова**, «*Севастопольскія воспоминанія*—1853—1854 г.» проф. военной академіи Н. М. **Мазюкевича** и многія другія произведенія, какъ-то: лучшія драмы и комедіи. помѣщаемыя въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческія и научныя статьи, путешествія, критическіе очерки и т. д.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется объемистый, вполнѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащій перу одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, извѣстнаго своими военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграничная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политическій чадъ, кружившій голову молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ внѣшней стороны журналъ «**КОЛОСЬЯ**» настолько изященъ, что никакихъ улучшеній по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.**, на полгода **5 р.**

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ писмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому, Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтю доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холошалъ 10 бичковъ и справлялъ коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣлъ церковный работаючимъ, далъ 1 р. 25 коп. Писано писмо къ сотнику почеповскому о рибалцѣ чаусовскомъ Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божой, соборомъ отправованной, была процессія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войтъ погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа определенъ сынъ отца Михаила Іванъ дякомъ, а Іаковъ поповичъ паламаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для робленя окончинъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сина Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, которій присталъ былъ служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобъ купивши двѣ штуки крашенины прислалъ.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ

30 въ ночѣ вигорѣли всѣ комори въ Стародубѣ на ринку и церковъ соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Былъ на винничномъ заводѣ и осматривалъ тамошнего футора, а въ вечеру былъ у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ былъ інженіръ прапорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаршего, имѣючого быть на предбудущей веснѣ.

Октоврій.

1. По службѣ Божой былъ у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-жъ и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубця.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрѣйковичи, а самъ, вислушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-жъ отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевой Гамаліиной и позно уже прибылъ въ Городище.

3. Посилалъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енералной, сторони выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашого владѣній вкупѣ виправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентабря чрезъ компанѣйця присланный, а первый указъ, отъ 7 сентабря писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Былъ у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунского полку Александръ Петровъ синъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, овсомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижского драгунского полку Хомутовъ, чтобъ приказать въ домѣ моемъ перегонскомъ занять квартеру для ночлегу того-жъ полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Виправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовляли старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и одныхъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и переехавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасалъ коней въ Кренидовцѣ, а оттоль прибылъ на ночь въ Хилчицы, где и ночовалъ у товарища войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дожджевой непогодѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попасъ

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дождджа принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрищъ, слушалъ обѣднѣ въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибылъ, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширая и Павла Скоруппу, которіи объявили, что назначено мене къ смотренію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Кіева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ витался зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генералнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тожъ мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлены конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локотъ 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое, чулочки Івасевѣ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора алоесъ, олѣекъ пивамоновыхъ, дріакву венецкую, каплѣ и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писалъ къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добръ на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену. Ширай за себе, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженкову, нѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ еи Пиковецъ, и такіе писма всѣмъ троімъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тые всѣ добра первей списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отобралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Кіеву ея і. величества. Іову трубачу, хлопця Андрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жичви (пражи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, серги и лѣйци до шестернѣ, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Кіева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при віездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отроботокъ, которого велѣлъ отправить въ домъ нашъ до Городища для роботы коло будинку, и объ немъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганны. Віехавши зъ Глухова, ночовалъ я въ Семеновцѣ у Піроцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлъся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Павелъ Скоруппа поехалъ въ Рубановку для описѣ оной и прочего, а я отехалъ на Полошки и прибывъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ роспорядивъ, поехалъ въ Туліголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевця.

16. Зъ Кролевця отправлены предложенія въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотнѣ ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевця, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевця прописанною, отправленъ въ войсковую енералную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевця.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрали той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали влѣво отъ болшого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтилъся зъ синомъ покойного полковника полтавского Василія Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращаючимся зъ Кіева, а послѣ прибывъ въ Батуринъ, тутъ сталъ квартерою у вдовы Стожковой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложенія въ полкъ чернѣговскій и въ сотнѣ новомлинскую, конотопскую и бахмацкую о висилки роботныхъ людей на дістанцію отъ Кролевця до Батурина и въ Батуринъ. О той-же дістанціи и въ войсковую енералную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 саженъ до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста саженъ, переехавъ-же мостъ ветхый на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибывъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за розгряженною отъ дожча дорогою не рано пріехалъ въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночлѣгъ имѣлъ. Сего-жъ числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верхового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанѣйця.

19. Зъ Борзны отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смѣлянскую полку лубенского о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшый и паки на болшый зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталъ квартерою у писаря майстратового Григорія Коніского.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войтъ Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же былъ и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него былъ.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавилъ, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано былъ у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣлъ, гдѣ при мнѣ получилъ онъ войтъ писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пбурха зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежитъ мосты дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого желѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавици 40 к., за губку 7 к., за двѣ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Івана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговского.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мощенія улицъ греческихъ, о чемъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобъ онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своемъ роботъ надсматривалъ. Рано отправилъ писма въ Глуховъ чрезъ коммісара полкового нѣжинского, Якова Малуху, до Скоропадского, до Руновского зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинского, да до сина Василя, и послалъ къ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелского.

Отобѣдавъ на квартерѣ, віехалъ и мимоездомъ былъ у войта Стеріевича, потомъ прибылъ уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣлалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляючуюсь племѣнницѣ еи Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибылъ въ Козари, въ дворъ полковника кіевского и тутъ засталъ сватбу вдовы Борсучки, у которой понялъ дочерь писаръ полковый переяславскій Каніевскій [230]).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибылъ въ Козелецъ и тамъ сталъ квартерою въ дворѣ небожчика Николая Олховского, а обѣдалъ у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карашню. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ и былъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Івана и по обѣдѣ былъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано былъ у полковника и обѣдалъ у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложенія о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадяцкій, переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарѣ полковые Якимъ Каніевскій, новооженившійся на дочерѣ Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кіевскій, зъ хлѣбомъ веселнымъ и зъ хусткою, и просили у себе отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кіевскомъ дістанцій росписаніи, до переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанціи.

---

[230]) Вдова Якова Петровича Борсука, кіевскаго полковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кіевскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каневскій—родоначальникъ дворянъ переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при віездѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о уволненіи сотника носовского Карпа Шаулы отъ назначеннаго ему дѣла и на оные отвѣтовалъ.

Ноеврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенномъ отъ Комаровки степомъ до Борзны и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому нѣжинскому Гроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую канцелярію росписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дістанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигиринъ-дубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночъ прибылъ. Писалъ до старосты товкачовского о посылцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сина Василя въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринѣ у швагра Григорія Дмитріева Нароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночовали. Зъ Семиполокъ отправленъ репортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелцѣ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маіоромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дістанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано віехали и осматривали роботъ, въ гатяхъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Барановскій и остерскій Солонина на свою дістанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника переяславскаго, чтобъ сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однымъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварямъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевского Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплявскому Лазаревичу, чтобъ откомендеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николского, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись кѣ Кіеву и, прибывъ на Подолъ передъ вечеромъ, стали квартерою въ домѣ полковника кіевского Танского, куда отъ перевозу провожалъ насъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ.

5. Скоро свѣтъ отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислуханіи обѣдни въ великой печерской церквѣ, были на водки у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастырѣ печерскомъ у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подолъ до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнего Сулвестра Думніцкого и у економа Іосифа Миткевича, а одтоль прибывъ въ катедру свято-софѣйскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позваннін до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнего Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архидіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночъ пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ печерского тѣмъ-же, а сверхъ того прислана отъ отца архимандрита печерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклонитись, который и обѣдать мене удержалъ у себе, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходителству, заездилъ въ печерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігуменомъ больницкого свято-троицкого монастыря, отехалъ на Подолъ и тамъ былъ у генерала-маіора Петра Івановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевского Павла Гудима, отехалъ зъ Кіева и, перевезшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартерою у сотника тамошнего Александра Солонины.

9. Оттоль рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтилного къ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и ночовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, віехалъ оттоль и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленного зайця староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Руднѣ. Въ Семиполкахъ ночовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшымъ винайденъ полковникомъ нѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуринскую, 2-й что капитанъ Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а оные репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника нѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у швагра Григорія Пароженка и ночовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвисоцкого и до вечера у него забавлялъся, а оттоль проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендикъ, сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ нами и вечеряли у отца Івана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Івана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ мылъся и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщалъ уже Івану, сину своему не видящому, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У іменинника сегоднешнего, асаула полкового кіевского, Матвѣя Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Подписоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ былъ у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложенною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзнѣ до судіи

полкового нѣжинского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника нѣжинского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сина, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанского Думитрашка и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же челобитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ, и тотъ пакетъ зъ оными писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Роботные люде зъ полку миргородского 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелцѣ, которыхъ велѣлъ распредѣлить на роботы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавріила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Івана Покровского.

22. Обослалъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обослалъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куровѣ и Чубаровѣ, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжіе и сухіе яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и лящъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емченку, о чемъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой писмо отправлено стороны куплѣ ею Рубановскихъ добръ нашей части.

24. Рано отехалъ Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилъся зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфиміею. Писано писмо до полковника Тютчева о посилки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Язловскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асаулъ Матвѣй Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Ханенкомъ и другими свойственными, отехалъ изъ Козелця и прибылъ до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсилки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевского Павла Гудима. Отцу Івану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко мнѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Журавовскому, чтобъ противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улици. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталіи Демяновнѣ Розумовской и тамъ уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешную греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчукового товарища Михайла Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошную канцелярію предложеніе о висилки бѣжавшихъ и недосланныхъ работниковъ зъ полку переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннего обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотровалъ роботы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерского св. апостола Андрея Первозванного праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулѣ, бывшему сего числа именинпику и у него обѣдавъ, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ переяславскій бунчуковый товаришъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компанѣецъ Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присилки отъ него вѣдомости, сколко чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколко того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковского, чтобъ зъ предложеніемъ въ полковую прилуцкую канцелярію ехалъ за висилкою подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Володкову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣлъ весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибылъ въ Нѣжинъ передъ вечернями и сталъ квартерою у Івана Комбурлѣя, откупщика сборовъ, кушалъ-же у войта Петра Стеріевича. Другій компанѣецъ зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овцами и баранами шліонскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, мылъся у его-жъ банѣ; потомъ имѣли съ нимъ розговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣдни въ церкви св. Николая и былъ на водки у протопопы нѣжинского, отца Степана Волховского; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибылъ ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которымъ просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компанѣецъ Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадского, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племѣнника Іосифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дому госпожи Розумовской присланные, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо къ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинского г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинского Івана Пантелемоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкого, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войтъ зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, протопопъ отецъ Стефанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великошапка, бунчуковые товарищи Василь Жураковскій, Заруцкій, сотникъ Павелъ Жуковскій, греки Іванъ Комбурлий и Велисаръ и пробавили при играню музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музикантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнего шумства, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто [221]), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войтъ былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старосты и до Качановского о посилки жита въ Козелецъ, о чемъ писалъ и до асаула полкового кіевского Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей, сколко на которой дістанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколко и где чего не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

[221]) Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божіей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ войту нѣжинскому Петру Стеріевичу Тарнавіоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василіемъ Великошапкою и разными мірскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись. Сего-жъ числа ввечеру через нарочного зъ Глухова компанѣйця получилъ указъ, чтобъ роспустить въ домы роботныхъ людей.

12. Въ силѣ оного указу посланы писма, съ сообщеніемъ того-жъ указу копій, до полковниковъ нѣжинского и кіевского и съ требованіемъ вѣдомостей обстоятелныхъ о роботѣ здѣланной и недодѣланной и сколко зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколко не дослано было и о протчемъ, а въ полковые канцеляріи лубенскую, прилуцкую, переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и черниговскую предложенія, чтобъ не висилано уже какъ бѣжавшихъ, такъ и недосланныхъ***).

1745 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Іскріцкій, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадского, о которыхъ пріемѣ я ему и отписалъ и облѣгъ ему послалъ чрезъ ширяевского інспектора Жуковского. Обослалъ насъ сотникъ полку черниговского Романъ Журба зайцями 5-тю и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодареніемъ за оную обсылку и овые присиланные отпущены. Подряжены подмосковные крестяне умершого Волинского дочери Маріи Артеміевны, села Воронова жители, Іванъ Михайловъ и Афанасій Василевъ подъ обозъ

***) Затѣмъ въ дневникѣ нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ[223]).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синъ нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юнгансъ отехали къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павелъ Гузовскій наказанъ за пянство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего пяного не заживать, поки у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровци и чубаровци въ слушаніи указу сенатского, которіи уже ассекуровались впредь не быть противными; зъ тихъ-же деревень вистачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Івану Ялоцкому, и Івану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и денги, какъ на заплатку извощикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣйця, чтобъ въ судъ генералный представить повѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовского. Лотоковци[224]) привезли доски и деякую посуду польскую, такожъ и денги провіантовые на генварь мѣсяцъ 3 р. 23½ к., которые, такожъ и прежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городискому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водосвятіи, кушали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Івану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовского о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дощокъ липовихъ, до сотника мглинского Лиса-

---

[223]) Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ долженъ былъ ѣхать и самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскихъ», I, 67.

[224]) Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а оттоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочнику, припечатанные, и ему-жъ за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку липцу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писалъ къ гуменщику Пилипу, да и до Івана Дащенка писалъ-же, чтобъ по жалобѣ тамошнихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а оттоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

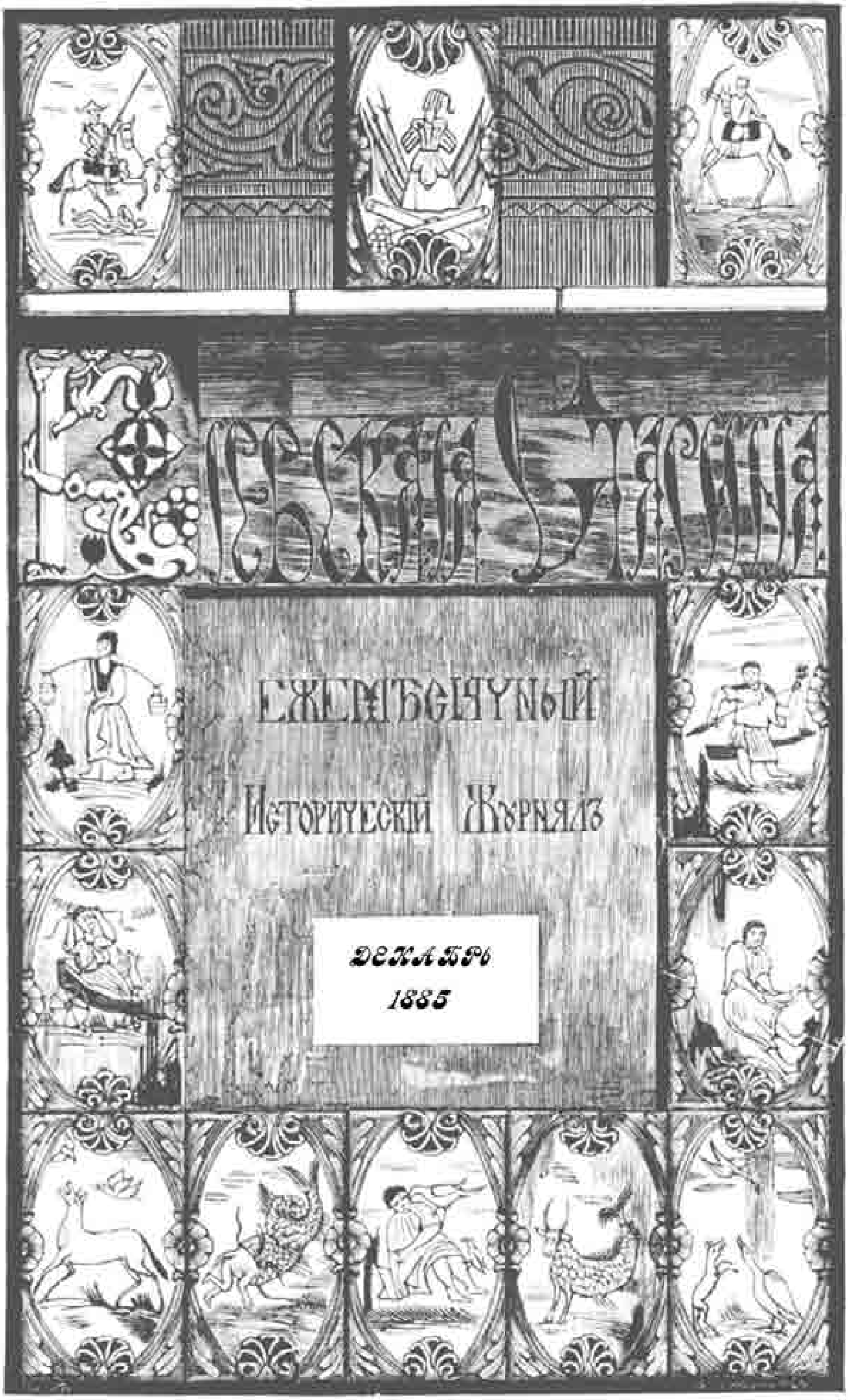
9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся съ енералнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Іваномъ Кулябкою. и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано былъ у генерала и просилъ о дачи пашпорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщалъ дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссійскихъ, въ томъ числѣ былъ и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсилали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобралъ писма и отклонилъся, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобралъ въ енералной канцеляріи пашпортъ и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащые, и со всѣми простилъся.

13. Рано былъ у п. Скоропадского и занялъ у него 16 червонныхъ. Обѣдни слушалъ въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехалъ по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Декабрь
1885

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

1885 г.

КІЕВЪ.
Типографія Т. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ДЕКАБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го ноября 1885 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА."

1886 г. (V ГОДЪ ИЗДАНІЯ) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, съ приложеніемъ по временамъ портретовъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить между прочимъ слѣдующіе матеріалы и статьи: *Учебныя заведенія юго-западнаго края послѣ перваго польскаго возстанія* (современныя записки И. М. Сбитнева); *Годепорикъ,* или автобіографическія записки *И. Острожскаго-Лохвицкаго* (1761 — 1846 г.), обывателя г. Корочи; *Дневникъ С. И. Лашкевича,* черниговскаго обывателя (70-хъ годовъ XVIII вѣка); *Письма изъ осажденнаго Севастополя* (1853 — 1855 г.) къ архіеп. Иннокентію; *Очеркъ исторіи днѣпровскаго козачества* до половины XVII ст.,—рядъ статей проф. В. Б. Антоновича и имъ-же редактированныя *Записки Ѳ. Евлашевскаго* (1564 — 1604 года) и *Дневникъ похода Конецпольскаго противъ козаковъ 1626 г.; О вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу,* проф. Н. Ѳ. Сумцова; *О научномъ изученіи колядокъ,* его-же и *Антоній Радивиловскій* (очеркъ изъ исторіи южно-русской литературы XVII в.), его-же; *Выборъ малорусскихъ депутатовъ въ Екатерининскую коммисію*

Д. И. Багалѣя; *Люди Старой Малороссіи — Кулябки и Ломиковскіе*, А. М. Лазаревскаго; *Угорскіе русины, ихъ судьба, нравы и обычаи*, П. И. Феерчака; *Сатирическая литература актовыхъ книгъ XVII в.*, О. И. Левицкаго; *Неизданные матеріалы для исторіи Запорожья*, Д. И. Эварницкаго; *Запорожье въ памятникахъ устнаго народнаго творчества*, Я. П. Новицкаго; *Секретная переписка запорожскаго Коша*, А. А. Скальковскаго; *Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ*, В. П. Горленка; *Нарѣжный* (историко-литературный этюдъ), его-же; *Неизданныя сочиненія Сковороды* (описаніе) *и Переписка Боровиковскаго съ родными*, его-же; *Историко-литературная дѣятельность А. Я. Стороженка*, Н. С—а; *Воспоминанія о Шевченкѣ*, Ѳ. Лободы и пр. Сверхъ того редакція надѣется усилить число переводныхъ и оригинальныхъ статей общедоступнаго чтенія.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 коп.**, за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Выписывающимъ непосредственно изъ редакціи журналъ прежнихъ годовъ одновременно за 4 года дѣлается уступка 20%, за три 15% и за два 10%.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Кіева. Иногородные адресуютъ: *Въ редакцію* «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. **Дмитрія Багалѣя** 1

II. ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). **Ор. Миллера** 31

III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-біографическій очеркъ) 51

IV. МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МИѲИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. **С. Брайловскаго** 73

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 85

VI. ДВѢ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. Ѳ. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1850—1851 ГГ. 128

VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). 139

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.—*П. Камянина.*—б) А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.—*П. Камянина.*—в) П. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. *А. Степовича* 145

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—*К. Василенка.*—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-

стр.

лителя и обличителя Мазепы.—Сообщ. *В. Науменко.*—в) Шуточные стихи начала прошлаго вѣка.—Сообщ. *В. Науменко.*—г) По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи.—*Ал. Андріевскаго.*—д) Брошенный изъ-за угла камень.—*П. Кулиша.*—е) Пѣсня на князя Доминика Заславскаго.—Сообщ. *И. С.*—ж) Изъ народныхъ разсказовъ о велитняхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. *Мих. Васильевъ.* 159

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)* . . . . 193—208

Октябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОПНЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 108

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго) 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Ястребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*Я. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной

Стр

живописи въ лебединскомъ монастырѣ). — *Мих. Васильева.* — з) Какъ разсуділъ панъ староста Каневскій — *Б. П.* 333

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . 209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?) — 1653 г. — (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 408

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г. — *Н. Каманина.* — б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ англицкаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г. — *Н. Дашкевича* — в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г. — *П. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ. — Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.* — б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. — Сообщ. *В. И. Ястребовъ.* — в) Старинныя орудія наказанія и исправленія. — *Ив. Новицкаго.* — г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.* — д) Запрещеніе купальскихъ огней. — *П. Е.* — е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. — Сообщ. *П. Шеболдаевъ.* — ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. — з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. — *К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

стр.

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. *(Окончаніе).* **Бориса Познанскаго** 571

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Окончаніе).* **Ив. Новицкаго** . . . 612

III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАПТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУНДЫ 638

IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Окончаніе).* **Н. М.** 651

V. ПОВѢСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧНЫМЪ ВЪ 1618 Г. 684

VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНАЧАЛЬНИКѢ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. **Петръ Дорошенко.** . . 689

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія литературныя новинки 1885 года.— *W.*—б) Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—*Н. С.*—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—*Ѳ. Н.*—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—*Н. Каманина.* 699

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы.—Князя *А. В. Дабижи.*—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—*С—ка.*—в) Въ запорожскомъ захолустьѣ.—*В. Ястребова.*—г) Знахарство, шептанье и заговоры.—*И. Иванова.*—д) Городничій и св. Пятница.—*Н. Бакая.*—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—*И. Новицкаго.*—ж) Французъ-путешественникъ на Украйнѣ.—*В. Г—ка.*—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. *(Некрологъ).*—и) Гайдамацкая пѣсня.—*В. Ястребова* 715

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.(1728–1753 г.) *(Продолженіе).* 241–256

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 ГОДА.

(*Окончаніе*) [1].

На другой день весеннее солнце освѣщало уже совершенно успокоившееся наше село. Ни о какихъ ляхахъ и мятежникахъ не было ни слуху, ни вѣсти, и жизнь вошла въ свою колею.

Между тѣмъ мысль о положеніи моей тетки не оставляла меня, и я все таки порѣшилъ съѣздить къ ней. Для обезпеченія себя я взялъ у каневскаго уѣзднаго исправника свидѣтельство на проѣздъ въ Бѣлую-Церковь и обратно и вмѣсто хлопца, служившаго у меня, договорилъ для поѣздки со мною солиднаго домохозяина, Грицька Слипенка, причемъ позаботился и о томъ, чтобъ въ выданномъ ему изъ волости билетѣ было опредѣленно обозначено, куда и съ кѣмъ онъ ѣдетъ. Исправникъ посовѣтовалъ мнѣ во всѣхъ попутныхъ волостныхъ правленіяхъ являть наши билеты.

Шестого мая мы тронулись въ путь. Подробностей хода повстанскихъ похожденій въ Бѣлоцерковщинѣ я по ту пору не зналъ, кромѣ того, что одна шайка повстанцевъ перевязана около Мировки и Розаліевки. Путь намъ лежалъ на Кагарлыкъ, Гороховатку, Мировку, Розаліевку, а за Розаліевкою по упраздненной богуславской почтовой дорогѣ черезъ Красное на Саливонки; тутъ мы выѣзжали на кіевскій почтовый трактъ, а въ верстѣ отъ него находилась Соколовка, мѣсто жительство моей тетки.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 436—465.

Первый опросъ былъ сдѣланъ намъ при проѣздѣ чрезъ Мировку. Это большое село и очень раскинутое. По срединѣ его огромный выгонъ; на немъ близъ дороги большой крестъ (фигура), а подлѣ него волостное правленіе. Глядимъ, у фигуры стоитъ курень, а изъ него выглядываютъ и къ намъ присматриваются люди. Лишь только мы приблизились къ куреню, какъ насъ остановили и потребовали билеты. Сторожей оказалось пять, и пока одинъ изъ нихъ носилъ въ волостное правленіе наши билеты, мы разговорились съ остальными четырьмя.

— Такъ у васъ, спрашиваю, были мятежники?

— Ге, тутъ на Вербивци (часть села) така баталія була! Сказано мятежныки! Такъ и свистять кули по-межъ народомъ... отвѣчалъ одинъ изъ стражи.

— Ну, и благополучно кончилось, никого не убили?

— Та людей Богъ милувавъ, якось никого не влучили, а ляхивъ багато побили, а той такъ побрали въ полонъ. Тамъ ихъ написали чоловика зъ пятьсотъ...

— Ого! Таки чимало! подъохочивалъ я разсказчика.

— А якъ-же! Тамъ ихъ сила була,—усе воины. Тай народу-жъ було сила: зъ усихъ силъ позбигалысь, такъ и вкрыли ихъ. Якъ гукнувъ нашъ таки конониръ: «быйте ихъ вражихъ ляхивъ!»—такъ ихъ и вкрыто. Народу сила, звисно! Той того бье, той вьяже, а той убитого вже роздягае, та роззувае! Народъ зьюрмовався, озорився, такъ и рвуть, такъ и рвуть...

Я полюбопытствовалъ спросить, что-же дѣлали повстанцы.

— Що?! Вони було бумагу якусь давали людямъ, такъ наши не беруть. Положить *орудію* (sic), стали имъ казать, а вони и поклали. Ну, тутъ-то й вкрыто ихъ... А вони—хто проситьця, на вколинки падае, а хто утикае... Такъ куды тоби! Сказано, народу сила!.. Зыкъ, гукъ—ажъ земля стугонить.

Меня не удовлетворяли эти общія фразы, мнѣ хотѣлось знать самый процессъ этой баталіи, и я спросилъ, какъ именно стрѣляли повстанцы въ народъ.

— Гмъ... Може который и хотивъ-бы стрелить, такъ не вспивъ, бо ихъ зразу стоптали, николи було имъ и разъ стрелить, отвѣчалъ разсказчикъ, очевидно забывъ, что раньше говорилъ о томъ, какъ свистѣли пули между народомъ.—А то може хто й стреливъ. Я

таки добре не знаю; казали, буцимъ-то пидъ соцькимъ коня вбито. Звисно, тамъ усёго не догледишъ... Тамъ таке страховисько! Одно слово баталія! А мыру того, ажъ чорно!...

Разговоръ былъ исчерпанъ, намъ принесли посвидѣтельствованные билеты и мы поѣхали дальше.

Въ Розаліевкѣ «коловоротъ» былъ заново отдѣланъ: крѣпкія ворота, высокій плетень по бокамъ и, наконецъ, большой плетневый съ новенькою крышею шалашъ. Прислоненными къ плетню стояли нѣсколько косъ, набитыхъ «направець», пика и новое, невиданное мною до той поры оружіе—«пітыхъ», совершенное подобіе солдатскаго штыка, воспроизведенное мѣстнымъ кузнецомъ и набитое на длинную палку [1]). Подъѣхавъ къ закрытымъ воротамъ, мы остановились; изъ шалаша, съ картами въ рукахъ, выскочилъ къ намъ молодой парень и громко крикнулъ:

— Стой! Видкиля козаки?...

Мы назвали себя.

— А билеты есть?...

— Есть, отвѣчаемъ мы, и подали свои билеты.

Глядимъ, а въ шалашѣ еще нѣсколько молодыхъ парней, также съ картами въ рукахъ: отъ скуки стражи, очевидно, развлекались игрой. Къ намъ подошли еще три парня и стали разсматривать наши билеты съ печатями сургучными, съ мѣста выдачи, и черными копчеными попутныхъ волостей. Но грамотныхъ между всѣми 7-ю стражами не оказалось.

— Ну, мабуть отъ-що: сидайте зъ ними ты, Микито и ты, Василю, тай поганяйте у расправу, порѣшилъ одинъ изъ стражей, очевидно, старшій между ними.

Микита и Василь взяли стоявшія у плетня косы и готовы были исполнить приказъ, одинъ изъ парней отпиралъ уже ворота... Но я не пожелалъ кататься въ расправу и возить съ собою лишнихъ десять пудовъ: парни здоровые, крупные, одни сапоги фунтовъ 30 пара.

— Возить я васъ не стану, сказалъ я стражамъ,—не моя вина, что между вами нѣтъ грамотнаго,—если-жъ вамъ такъ нужно, идите пѣшкомъ, а я поѣду за вами.

[1]) Въ одной коллекціи впослѣдствіи я видѣлъ такое-же оружіе, но съ добавленіемъ зазубрины, какъ въ крючкахъ, для ловли рыбы употребляемыхъ.

Стража озадачилась. Проѣхаться еще куда не шло, а ужъ промаршировать версты двѣ по жарѣ до расправы, да еще назадъ, охоты мало.

— Та якъ-же це?! заговорили мои конвойные, оглядываясь на своихъ товарищей.—Оце пишки такій сьвитъ итти?!

Тѣ также недоумѣвали.

Чтобы вывести себя и стражей изъ затрудненія, я заявилъ, что заѣду къ ихъ-же односельцу, старику Р—ню, котораго хата оттуда была видна, и что пока я буду кормить лошадей, они будутъ имѣть достаточно времени снести наши билеты въ расправу.

— А вы знаете Р—ня? съ плохо скрываемою радостію спросили меня стражи и всѣ уставились на меня вопрошающими физіономіями.

— Года четыре уже знаю! Вотъ его и хата! отвѣчалъ я, указывая рукою на стоявшую невдалекѣ хату и предлагая, кто имѣетъ охоту, проводить меня туда.

— Ну, такъ мабуть ничого й проводить васъ: вы люде звисни. То такъ, якъ то, бувае, хто иншій... Щобъ бувае якого матежника не пропустить. А такихъ людей ничого зупинять. Пропускайте ихъ, хлопци! вдругъ заговорили чуть не всѣ вмѣстѣ, обрадовавшись возможности не провожать насъ пѣшкомъ въ расправу.

Я соскочилъ съ брички, чтобы пѣшкомъ пройти до хаты Р—ня, и тутъ уже заговорилъ со стражниками, ихъ-же языкомъ:

— Це у васъ строго дуже! Такъ и вартуете тутъ? Усе одни, чи й перемина буває?

— Що-жъ робить? Такій приказъ! Ни, якъ-же безъ переміны, тутъ запуднишся: сутки одбудемо, а тоди инши.

— Сутки програете у хвиля, а тоди инши!...

Стражи дружелюбно разсмѣялись, но никто изъ нихъ не послѣдовалъ за мной ко двору стараго Р—ня.

Нѣмой сынъ Р—ня, красивый, высокій брюнетъ, всегда привѣтливо меня встрѣчавшій, и теперь, улыбаясь, отворилъ ворота, кивая головою и приглашая знаками моего спутника въѣзжать во дворъ. Увидѣвъ, что я смотрю на приставленную къ крышѣ хаты набитую *направець* косу, нѣмой замоталъ головой и поднявъ руки вверхъ, замахалъ ими, съ суровымъ видомъ, какъ-бы желая показать, что что-то страшное, грозное происходило съ этою косою.

Старикъ Р—нь — давній мой знакомый. Это былъ богатый крестьянинъ, патріархъ большой семьи. Въ трехъ избахъ, построенныхъ рядомъ съ старою хатою, жили особняками его три сына, имѣвшіе уже женатыхъ и замужнихъ дѣтей: одинъ сынъ жилъ въ томъ-же селѣ въ сторонѣ, а со стариками «на корню» жилъ самый меньшій ихъ сынъ, встрѣчавшій меня теперь нѣмой, тоже женатый. «Тринадцятеро правнучатъ приносили до насъ вечерю», хвалились однажды предо мной старики Р—ни, когда я заѣхалъ какъ-то къ нимъ объ Рождествѣ.

Семья эта издавна занималась чумачествомъ. Разсказывали, что въ 1853 году въ Молдавіи турки отбили у Р—ня 40 чумацкихъ возовъ и что старику предлагали выхлопотать изъ казны деньги за эту потерю; но онъ отказался, говоря: «у другихъ сынивъ на войни побили, и то платы не требують, а я за воливъ ставъ-бы домагатьця платы». Его хотѣли, говорятъ, представить къ наградѣ медалью; но онъ и отъ этого отказался, говоря: «хиба я салдатъ, щобъ мени мендалю носить!»

Во время моихъ поѣздокъ по дѣламъ я каждый разъ заѣзжалъ къ Р—ямъ и они всегда принимали меня дружески. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, мѣсяцевъ за пять до начала возстанія, вновь назначенный къ намъ становой приставъ, подозрѣвавшій меня, по моей національности, въ прикосновенности къ затѣваемому мятежу, поручилъ сотскому прослѣдить за мною. Сотскій явился къ Р—ню въ то время, когда мы сидѣли за ужиномъ. Поздоровавшись, онъ молча сѣлъ на лавкѣ и какъ-то конфузливо посматривалъ на насъ.

— Кажи, за чимъ прыйшовъ? спросилъ его хозяинъ.

Сотскій объяснилъ, что становой, ночующій у *двори*, т. е. у пана, послалъ его сюда посмотрѣть, что за люди ночують здѣсь. Старикъ, сердито взглянувъ на посланца, съ важностію проговорилъ:

— Скажи ты тому, хто тебе пославъ, що нема никому дила до того, яки люди у старого Р—ня ночують. То роспитують въ корчми, а не въ господи, за моимъ хлибомъ-силью. Я такихъ, якъ винъ, багато вже пережнвъ, дей подивались, хто знае... А ёму до моихъ гостей засъ!»

Сконфуженный такимъ *dicto acerbo*, сотскій поспѣшилъ удалиться; но расходившійся старикъ и послѣ ухода его долго не

могъ успокоиться и все ворчалъ: «Яке ёму дило?! Яки люди?! Люди, тай годи! У мене въ господи, не въ корчми!» и т. п.

Вотъ какой этотъ былъ старый Р—нь, къ которому я заѣхалъ покормить лошадей отъ сторожеваго пикета.

Нѣмой взялся устроить лошадей, а меня позвали въ хату; послѣ обычныхъ привѣтствій и прелюдій сошедшіеся члены семьи пустились въ разсказы о только что окончившемся разгромѣ повстанцевъ.

— Мы були на базари въ Германовци въ недилю, разсказывалъ одинъ изъ сыновей дида Р—ня. Ще якъ на базаръ ѝхали, то вже де хто базикавъ, що въ огруди, у нашого таки пана, збирались ляхи килька чиловика и що панъ самъ оддавъ имъ своихъ коней. Стали на ярмарку, коли прыбигае зъ Лопатыньщины верхомъ на кони чоловикъ, пиднявъ на ратище брыль тай гукае, що такъ и такъ, каже: уже, каже, ляхи Лопатыньщину спалыли и йдуть сюды и народъ рижуть. Такъ въ одну мить базаръ не знать де й дився; такъ пародъ и посунувъ, хто куды! Прыбигаемо до господы, ажъ Омелько бижыть зъ косою, я соби зхопивъ війце (добавочный рычагъ при плуговой запряжкѣ быковъ), та за людьми. Отъ тилько що черезъ наше поле пройшли на Вербивецъ, ажъ тамъ мыра сила: такъ увесь степъ и захрясъ народомъ. Бижать звидусиль; тысячъ изъ симъ, або й бильше мыра, зъ усихъ силъ, хто на кони, а то бильше пишки, та все зъ косами, та зо списами. Якъ стали ляхи сближатьця до Вербивця, то мыровци взяли тай разибрали мистокъ на гребли. Никуды имъ сунутьця; вони й стали сумирятьця: «Мы вамъ, кажуть, землю подаруемо!» Отъ трое ихъ одлилылись, стали навколишки тай читають грамоту. А народъ усе тысне ихъ. «Покладить, гукають, оружжя, тоди будемо слухать!» Вони поодпимали одъ себе рушныци. Тутъ то ихъ и вкрыли. Зробився тамъ такый, шарварокъ, курява така. Де котри зъ нихъ выскочили зъ-за клуни, та якъ побачили, тай соби тикать. Такъ куды тамъ! Сила ихъ побито, багато...

— Бить-же за чимъ?—Такъ-бы повязать тай годи,—спрашивалъ я. А то такъ вперше чоловика бачишъ, та й убивать ёго...

— Колибъ-же то чоловикъ, а то ляхъ. Чорне таке, запыляне и обличчя не знать на нёму. Я погнався за однимъ, а винъ, гладкый ляшуга, давай утикать отъ мене; люди почали переймать, винъ бачить, що не втиче, выхопивъ зъ кишени гроши, тай тыче мени.

Я вже не хотивъ ёго й бить, ажъ тутъ де не взявся на кони Хроль (Щербакъ, янковецкій старшина), та якъ стусоне ёго ратищемъ межи плечи, винъ такъ и покотивсь. «Бий ёго вражу личину, не жалій!» гукнувъ до мене. Я ёго тарахъ по голови війцемъ, такъ и простягся мій ляхъ. Страхъ мене взявъ, самъ не спамятаюсь, стою, якъ вкопаный. Тутъ ёго вхопили; поки я очумався, ажъ винъ уже голый лежить, въ одну мить обидралы. Сказано, народъ розлютовався! Такъ и рвуть на шматки...

— Ну вже-бъ я такъ не потрапивъ бить чоловика, замѣтилъ я, пораженный разсказомъ.

— Такъ здаетьця, що не потрапивъ-бы! отвѣчалъ мнѣ разсказчикъ. Коли-жъ и самъ себе не помятаешъ, такъ злякаешься, такъ тебе трясця и бье.

— Ну, багато-жъ ихъ тутъ побито?

— Хто ёго знае: хто каже 20, а хто бильше. Та ихъ-то усихъ, кажуть, бильше не було, якъ пивторы сотни. Де яки верхами, а то на возахъ. Мужики усе позабирали, и коней и возы. Де хто пидживывся.

Разсказъ повидимому оканчивался, какъ вдругъ отозвался другой братъ.

— А то у насъ въ сели одному голову знесено.

— Якъ це голову знесено? спросилъ я.

— Та бачите, одставъ одинъ ляхъ одъ своихъ, а за нимъ и вчепився соцькій житногорській. Винъ ёму уже й грошей дававъ, такъ ни: ухопивъ ёго коня за поводы тай верне. Ляхъ стрелывъ тай убивъ пидъ соцькимъ коня. Кинь упавъ, а соцькій висить на поводахъ; отъ ляхъ ударивъ вдруге зъ пистоля, такъ кулею й перебивъ ёму руку. Соцькій упавъ, а ляхъ дали, ажъ тутъ въ улыци наши таки мужики якъ наставили навхресть дви косы, такъ и знялы ему голову.

Все это разсказывалось съ подсказываніями и поправками другихъ членовъ семьи. Самъ хозяинъ молчалъ и вздыхалъ иногда; немного тугая на ухо жена его какъ-то вопрошающе поглядывала то на семью, то на меня, какъ будто по выраженію физіономій хотѣла вникнуть въ смыслъ разсказываемаго, а нѣмой ихъ сынъ, понимая, о чемъ идетъ рѣчь, иногда хлопалъ меня по плечу и какъ-бы поддакивая разсказчику, кивалъ головою, заглядывая мнѣ въ глаза.

— А я такъ ажъ въ очеретъ зъ дитиною забигла, вмѣшалась невѣстка Р—ней, жена нѣмаго, пользуясь паузою... Страхъ мене такый огорнувъ! злякалась, сижу въ очерети. Коли мати приходять тай кажуть: «иди уже, ничого нема, не бійся; уже ихъ побидылы, онде, кажуть, ведуть одного. Дохожу до хаты, коли глянула скризь ворота, ажъ и справди бижать люди до рову, жинки, дѣти. Я поклала дитину у люльку тай соби туды до людей. Дивлюся, ажъ ведуть ёго два мужики по-пидъ руки. Тамъ такій страшный, моя матинько, и Господи! Весь окривавленный, у одній сорочци; видъ ёму залипляный кровью та пыломъ, та ще кажуть косою на скризь пробитый. Довели ёго до рову, а винъ и впавъ: такъ стогне, та въетьця на земли... Подумала я, що може ёму що сталося, що може въ ёго черна болисть, та й кажу до людей, що може ёго чимъ покрыть. А вони сміютьця: добра, кажуть, чорна болисть, коли косою въ друди наскризь пробитый. Почали ёго волокти, а деяки зачали було лаять та бить, та вже батько надійшли, та давай ихъ усовищувать, та таки й палаяли. «Що се вы, кажуть, прокляти, робите, Бога побійтесь! Винъ умирае, а вы знущаетесь надъ нимъ!» Такъ винъ лежавъ, ажъ поки староста не звеливъ одвезти до стану. Кажуть, всю дорогу живый бувъ.

— А то ще тутъ одного привезли було: той вже ледви дыхавъ, весь пораняный косами. Цёго вже й не везли у станъ; отъ тамъ за греблею й поховали.

Старикъ Р—нь прервалъ разсказы, велѣвъ собирать обѣдать. Ради меня остался обѣдать одинъ изъ отдѣльно живущихъ сыновей.

За обѣдомъ разговоръ продолжался на ту-же тему. Каждый членъ семьи вставлялъ свое слово, или-же передавалъ отдѣльный, видѣнный или слышанный имъ эпизодъ. Разсказывали напримѣръ о томъ, какъ гоняли повстанцевъ въ Васильковъ и въ Кіевъ и получали за каждаго по три рубля, при чемъ старый Р—нь замѣтилъ: «Я не звеливъ своимъ хлопцямъ водить ихъ—нехай вони на чужи руки перейдуть!» Не безъ удовольствія передавали о томъ, какъ Флоръ Щербакъ, заправлявшій всѣмъ дѣломъ, ни во что ставилъ становаго пристава и даже бранилъ его, когда тотъ удерживалъ разъяренный народъ.

— Ты, каже, самъ ляхъ, такъ тоби ихъ и жалко! А я тебе звяжу, та въ Кыивъ и приставлю!

Одинъ говорилъ, что Флору награда будетъ, а другой добавлялъ: «Та винъ и самъ себе уже наградивъ добре»; захватилъ будто-бы повстанскую кассу—мѣшка два серебрянныхъ денегъ. Но особеннымъ разнообразіемъ отличались разсказы о томъ, какъ содержали и караулили плѣнныхъ на мѣстѣ. Наиболѣе прочнымъ мѣстомъ ихъ заключенія признаны были такъ называемые «сторчовые» погреба. Опустятъ ихъ со связанными руками въ такой погребъ, прихватятъ сверху «лядою» (досчатою крышкою) и сидятъ около нея въ полной увѣренности, что никто не уйдетъ.

— Та щей докоряли имъ, прибавлялъ разсказчикъ. — Кричать вони, просятьця: змилуйтесь, розвяжить! А хто пидниме ляду, тай каже: а якъ мы просились у васъ колись: паночку, голубчику, змилуйтесь, не бийте! то насъ не милували? Отожъ вамъ по ти правди, бисови ляхи! Боялись мы васъ колись, а теперъ и вамъ уже одъ насъ страшно.

Покормивъ лошадей, мы распрощались съ радушными хозяевами и тронулись дальше.

Въ Розаліевкѣ я заѣхалъ въ расправу для явки билетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія моего расходившагося любопытства. Но, кромѣ двухъ косъ и одного ратища, я никого не увидѣлъ около расправы; видно, стража уходила обѣдать и даже писаря и старосты не было тамъ, а сидѣлъ какой-то глуповатый и заика сторожъ. Проѣзжаемъ мимо панскаго дома; тамъ слѣды недавняго погрома: окна повыбиты, рѣшетка кругомъ обширнаго двора поломана, двери на крыльцѣ висѣли на одной петлѣ наискось. Въ дворѣ не видно было никого, только какая-то баба стояла около плетня сада. На выгонѣ, за греблею, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлась среди зеленѣющаго дерну круговина вскопанной земли безъ всякаго возвышенія и около нея разсыпанная солома, запятнанная кровью. Около дороги играли дѣти; они и объясняли мнѣ, что «то ляхъ похованный въ земли лежить»...

Отъ Розаліевки до Краснаго 8—10 верстъ по старой богуславской дорогѣ. Красное принадлежало братьямъ Ревякинымъ, изъ которыхъ Петръ Ивановичъ достаточно извѣстенъ въ литературѣ, чтобы объ немъ нужно было распространяться. Жилъ онъ на окраинѣ села, въ особомъ хуторѣ, носившемъ названіе Волчьей

Долины. Я пожелалъ навѣстить его въ это тревожное время и мы направились къ краснянской корчмѣ, отъ которой приходилось поварачивать по межѣ къ Волчьей Долинѣ. Тутъ мы остановились, чтобы расспросить о судьбѣ моего добраго знакомаго. У корчмы сидѣлъ какой-то болѣзненный, блѣдный однодворецъ—изъ чиншевой шляхты, больше никого не было; бочка съ водкой, обыкновенная принадлежность корчмы, стояла у дверей сторчмя. Я сталъ его расспрашивать про Ревякиныхъ. Онъ какъ-то вяло, какъ-бы нехотя разсказалъ, что ихъ обоихъ братьевъ крестьяне забрали и отвели въ Васильковъ, что семья меньшаго брата уѣхала туда-же и то еле выбралась, такъ какъ «громада» не давала лошадей запрягать и вся прислуга поразбѣжалась. На вопросъ мой, почему эта бочка стоитъ на дворѣ вверхъ краномъ, корчмарь объяснилъ, что во время тревоги мужики водку всю выпили, а новой привозить боятся. По межнику поѣхали мы все таки въ Волчью Долину. Грустно мнѣ стало. Я зналъ П. И. Ревякина, какъ человѣка вовсе не причастнаго къ какому-бы то нибыло польскому движенію, зналъ о его любви къ народу, и вдругъ этотъ самый народъ, не простившій ему того, что онъ панъ, вяжетъ его и на веревкѣ ведетъ въ одной компаніи съ людьми, заявившими выходомъ въ поле свои полититическія вѣрованія, совсѣмъ не схожія съ его вѣрованіями.

Печальной и опустѣлой явилась мнѣ прежде привѣтливая, уютная пасѣка Петра Ивановича. Здѣсь онъ разводилъ садъ, ухаживалъ за пчелою, выслушивалъ нескончаемые разсказы *дѣда Омелька*, оживотворялъ и осмысливалъ ихъ въ даровитыхъ статьяхъ своихъ; здѣсь, въ этомъ уютномъ уголкѣ, въ тихій лѣтній вечеръ, слышны были рокотливые звуки гитары подъ искусными пальцами стараго гусара; сюда доносились изъ-за бугра, «зъ улыци», заунывныя мелодіи веснянокъ, такъ любимыхъ имъ; наконецъ въ общемъ здѣсь успокоился было, послѣ бурной гусарской юности, полный задушевнѣйшихъ пожеланій, ученый, хорошій человѣкъ, думавшій найти упокоеніе на лонѣ природы, въ общеніи съ любимымъ имъ народомъ... И вдругъ эта буря, ураганъ, вихрь, вызванный двумя противуположными вѣяніями національныхъ традицій, разрушаютъ его гнѣздо, сносятъ его самаго, уничтожаютъ созидаемый имъ себѣ міръ покоя и любви, и все это безо всякой вины его, безъ малѣйшей причины съ его стороны.

Грустно, не весело!

Разсказавъ Грицьку, какъ съѣхать съ бугра къ воротамъ сада, я, взявши кнутъ для обороны отъ могущихъ встрѣтиться собакъ, перелѣзъ черезъ ровъ и пошелъ садомъ прямо къ дому или, лучше сказать, хатѣ, гдѣ я бывалъ у Петра Ивановича.

Садъ былъ въ полной весенней красѣ: осыпавшійся уже цвѣтъ вишенъ смѣнился розоватымъ цвѣтомъ яблонь и бѣлымъ грушевымъ на стройныхъ деревьяхъ бергамотъ; трава между деревьями пестрѣла цвѣтами, внизу калина распустила до земли вѣтви, украшенныя букетами цвѣта, въ «тернику» заканчивалъ ночной концертъ соловей, въ вербахъ со въѣзда иволга отрывисто выводила свои фіоритуры и надъ всѣмъ этимъ хорошее майское небо. Но всѣ эти прелести уютнаго хуторка какъ-то еще больше грусти придавали моему настроенію, при мысли о томъ, какъ фатально нарушенъ этотъ любый покой хорошаго человѣка. Вотъ и красная тесовая крыша знакомой хаты... Двери заперты, никого не видно. Но вотъ послышался лай собачій, удаляющійся по направленію ко входу въ садъ. Это, очевидно, они заслышали стукъ колесъ моей повозки, спустившейся съ горы.

Я пошелъ за хату по направленію къ знакомой мнѣ пасѣкѣ и вскорѣ увидалъ изъ-за кустовъ согнувшуюся надъ чѣмъ-то фигуру Омелька дѣда. Онъ набивалъ ведро и тутъ-же сидѣла небольшая дѣвочка въ черной запасочкѣ и въ затасканной, но въ вышитой заполочью рубашкѣ; выцвѣвшіе волосенки ея, не державшіеся въ маленькихъ двухъ коскахъ, спадали пасмами изъ подъ слабо завязанныхъ ярко красныхъ «кисныкивъ» на загорѣлое личико. Она, повернувъ лицо въ сторону собачьяго лая, какъ-бы ожидала кого съ той стороны. Дѣдъ-же Омелько весь погрузился въ надѣваніе обруча на перетыканныя чаканомъ клепки ведра.

— Добры денъ вамъ! сказалъ я, подошедши къ самому дѣду.

Омелько выпрямился и не вставая съ земли, посмотрѣлъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ изъ подъ нависшей рыжей густой брови.

— Добре здоровья!—отвѣтилъ онъ, сразу узнавъ меня.

— А Петро Ивановичъ де? спрашиваю Омелька.

— Де?! Лызенъ злызавъ Петра Ивановича,—отвѣтилъ какъ-то злобно дѣдъ Омелько, чѣмъ крайне удивилъ меня, такъ какъ я

зналъ его всегдашнее расположеніе къ Петру Ивановичу, который былъ всегда къ нему добръ, ласковъ и, можно сказать, взаимно расположенъ. Удивленный, я не нашелся ничего больше сказать, какъ только спросить о томъ, какъ это случилось.

— Та такъ, якъ звычайне злызуе... твердилъ хмурый дѣдъ и какъ-бы желая отвѣтить на выразившееся въ лицѣ моемъ изумленіе, продолжалъ:

— Такъ ёму й слидуе: винъ усе зъ ними (т. е. крестьянами) за пани-брата, усе: «голубе, голубе, та вы» — отъ тоби й голубе!— «Шапки не скидай», «сидайте, будьте ласкови!» А воно, сказано, мужикъ! Вони того не розуміють... Було все убиваетьця за ними... Якъ що тамъ якій у спашу попадетьця, заразъ записку пише до Владимира Ивановича, щобъ простили... Почавъ зъ ними ще толкуватись, усовищувать... «Я, каже, не полякъ, я, каже, служивъ, у мене, каже, хресты, мадали одъ царя». Росказуй мужикови! Дуже винъ тамъ розуміе! Я ставъ було казать: «бийте кажу, прямо, чортовихъ сынивъ по потылыци». Такъ куды тоби! ще й на мене одгукнувся. «Якъ це, каже, можно?! Вони, каже, якись-то граждане, таки, каже, якъ и я, люде», каже... Чорты, а не люде!.. Уже й батюшка имъ розказувавъ, усовищувавъ... такъ куды! сказано свиня! Пьяне—одно товче: «звеляно усихъ панивъ вязать и забирать». Все это ворчалъ Омелько какъ-бы самъ съ собою и, передохнувъ, опять продолжалъ:

— Такъ имъ дурнимъ панамъ и слидуе! Коли ты панъ, такъ паномъ и будь! Якъ-бы зачепивъ одного, другого по морди... О, го-го! Де-бъ та й хвабрость подилася! А то: косю, косю, а вони й геть-то. Вже й я имъ доказувавъ, а вони: «одійди, диду, одъ граха! за пана вступаешься, то й тоби буде». Такъ було прыскались, що тильки ну! Охъ, хо-хо! тильки що старисть моя, а то я-бъ показавъ имъ с....... сынамъ!

Слушая этотъ длинный монологъ Омелька, я начиналъ понимать, что этотъ суровый дѣдъ ругалъ Петра Ивановича за его миндальничанье съ мужиками, за то, что онъ не съумѣлъ, по его мнѣнію, держать себя, какъ слѣдовало-бы «пану», заслуженному офицеру, и тѣмъ допустилъ себя связать.

— То розбійники бувають... то вже инше дило... не унимался Омелько... воно тамъ, звисно, поживитьця чимъ хоче,—такъ уже

и загубить душу... А то ни! Намъ, кажуть, твого добра не треба, а тильки заберемо тебе, та оружія; намъ такъ одъ царя звелено! Отъ якои ще—одъ царя звелено! А де вони того царя бачили?! Стане винъ имъ велить?!. Нема у царя начальства, аднораливъ?! Я па Мертво-води у Вознесенському бачивъ покійного царя... Тамъ така парсуна, тамъ того аднорала зъ нимъ—Господи!..

При видѣ Грицька, въ сопровожденіи собакъ подъѣзжавшаго къ хатѣ, Омелько на минуту прервалъ свое изліяніе и предложилъ было мнѣ отдохнуть и покормить лошадей, но когда я отказался, заявивъ, что мы ночевали такъ не далеко, въ Розаліевкѣ, онъ опять за свое:

— А, въ Розаліевци... Тамъ, розказують, саме страженіе було. Ну, то вже такъ! О то саме бунтуе, коли воно у поле выйде, та ще ляхъ. А то Петро Ивановичъ ляхъ?! Военный, у кавалеріи весь, заслужчина на ёму, чинъ... а вони свое: «панъ, то й ляхъ». Сказано мужикъ—чортова голова...

Изъ всѣхъ этихъ бурчаній Омелька и болѣе опредѣленныхъ его отвѣтовъ на мои вопросы я понялъ, что дѣло тутъ было такъ:

Во время всеобщаго по селамъ переполоха крестьяне нѣсколькихъ селъ кинулись сначала къ центру движенія, сосредоточившагося около подходящей отъ Сухолѣсъ партіи повстанцевъ, причемъ хватали господскихъ лошадей съ поля и даже съ конюшни для болѣе скорой поѣздки. Когда съ выступившей открыто партіей около Мировки покончили, тогда вспомнили и о тѣхъ панахъ, которые остались по домамъ и которые также могли не сегодня-завтра пристать къ мятежу. Въ народномъ представленіи не различались уже паны подозрительные отъ неподозрительныхъ, польскіе отъ всякихъ другихъ, помѣщики отъ ихъ поссесоровъ, управляющихъ, экономовъ и пр., ихъ всѣхъ принялись вязать и доставлять въ становую квартиру. Достаточно было существовавшаго уже у крестьянъ убѣжденія, что бунтуютъ паны за отобраніе отъ нихъ крестьянъ, чтобы теперь, при общемъ возбужденіи, мысль о поголовномъ арестованіи пановъ не только явилась въ цѣлой массѣ народа, нахлынувшаго къ настигнутой шайкѣ повстанцевъ, но тотъ часъ-же была приведена въ исполненіе. Забирать своихъ пановъ казалось неудобнымъ и неловкимъ: какъ поднимать руки на человѣка знакомаго, съ которымъ вчера, а можетъ быть и сегодня еще съ утра со-

состояли въ обыкновенныхъ отношеніяхъ знакомства, а иногда дружбы и кумовства? Поэтому крестьяне смежныхъ селъ мѣнялись ролями: краснянцы отъ Мировки побѣжали въ недалекій отъ Краснаго поселокъ Волю и захватили проживавшаго тамъ какого-то пана, «Варшавяку якогось», который будто-бы ужъ былъ совершенно готовъ къ выступленію въ шайку, а жители этого поселка съ другими порѣшили взять краснянскихъ пановъ и прибыли съ этою цѣлью къ ближайшему къ нимъ П. И. Ревякину въ Волчью Долину. У Петра Ивановича они застали мѣстнаго священника. Ничего не подозрѣвая, Петръ Ивановичъ вышелъ и поздоровался съ прибывшими; но они тутъ-же заявили ему, что пришли связать его и доставить въ станъ. Изумленный Ревякинъ началъ объяснять имъ, что онъ не полякъ, что онъ русскій офицеръ и т. д., тоже толковалъ имъ и батюшка; но расходившіеся крестьяне, подогрѣтые водкою, можетъ быть именно тою, которая была выпита въ краснянской корчмѣ, ничего и слушать не хотѣли. Стали искать оружія, а у кого изъ помѣщиковъ, жившихъ въ деревнѣ, не было оружія? Нашли ружье, саблю, какой-то старинный пистолетъ,—этого достаточно,—хозяина связали и повели изъ села. По дорогѣ встрѣтили и другого Ревякина, Владиміра Ивановича,—онъ шелъ къ брату, схватили и его, пошли къ нему въ домъ, обыскали и также связали.

Воображаю себѣ положеніе семьи послѣдняго. Обоихъ братьевъ повели связанными въ Янковку, въ становую квартиру. Ихъ гнали все время пѣшкомъ, не смотря ни на какія увѣщанія. Владиміръ Ивановичъ былъ больной и падалъ по пути; его били и заставляли идти. Изъ стану Ревякиныхъ погнали въ Васильковъ и только тамъ ихъ освободили. Становой приставъ ничего не могъ сдѣлать для нихъ; въ виду разъяренной толпы онъ боялся что либо сказать въ защиту людей, въ невинности которыхъ былъ убѣжденъ. Таково было безсиліе власти административной въ этотъ моментъ всеобщаго возбужденія народа. Съ Петромъ Ивановичемъ становой былъ близкій пріятель и, по разсказу того-же дѣда Омелька, пилъ съ нимъ истинно по гусарски. Это можетъ быть усугубляло невозможность для него заступиться за пріятеля.

Не веселый я поѣхалъ отсюда къ цѣли моей поѣздки. Если такъ поступлено съ двумя русскими помѣщиками, то что могло быть съ польской семьей моей тетки? думалъ я, ѣдучи дальше.

Тетка была рада мнѣ и относительно покойна. Въ эту всеобщую сумятицу, благодаря храбрости своего лакея, она отдѣлалась короткимъ испугомъ да захватомъ 11-ти лошадей, которыхъ потомъ всѣхъ возвратили. Не обошлось впрочемъ безъ сцены нѣсколько комической. Вотъ какъ было дѣло.

Въ злополучный день 27 апрѣля послѣ обѣда поѣхалъ отъ нея изъ Соколовки мой родной дѣдъ, а ея свекорь въ Фастовъ, гдѣ онъ жилъ въ то время въ своемъ домѣ. Почти въ слѣдъ за нимъ, четверть часа спустя, тою-же дорогою поѣхалъ братъ ея Антонъ Сопотницкій въ мѣстечко Гребенки для разсчета съ какимъ-то евреемъ за проданную ему гречку. Сопотницкаго въ Гребенкахъ задержали, а на его лошадяхъ, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ верховыхъ, прискакала цѣлая компанія гребенскихъ крестьянъ въ Соколовку къ моей теткѣ и стала искать въ ея домѣ оружія. Оружія никакого не нашли, но въ шкафу, въ вещахъ покойнаго дяди—доктора, нашли акушерскіе большіе щипцы и обандероленную банку какихъ-то пилюль. Щипцы показались крестьянамъ оружіемъ, а завернутыя пилюли, по ихъ металическому блеску, *кулями*. Напрасно тетка увѣряла, что это заграничное какое-то лекарство, сыщики потребовали, чтобы она проглотила одну или двѣ пилюли. Тетка, не зная, какое это лекарство, долго отказывалась; но по настоятельному требованію сыщиковъ должна была одну пилюлю проглотить и готовилась повторить испытаніе, какъ вдругъ въ сѣняхъ произошла какая-то суматоха, какая-то ругань, и сыщики одинъ за однимъ стали улепетывать. Оказалось, что ѣздившій въ Бѣлую Церковь лакей моей тетки, Павелъ, долго служившій предъ тѣмъ въ Васильковѣ у исправника, самъ крестьянинъ изъ Гребенокъ, вдругъ покончилъ всю эту сцену. которая могла закончиться гораздо печальнѣе. Присмотрѣвшійся къ исправницкому обращенію лакей, обладавшій силою Самсона, узнавъ отъ перепуганныхъ горничныхъ, въ чемъ дѣло, грозно влетѣлъ въ домъ и съ словами «геть къ бисови матери!» началъ бить по шеямъ своихъ односельцевъ и швырять ихъ съ крыльца. Пораженные этою неожиданностію сыщики, можетъ быть знавшіе про силу Павла, сейчасъ-же предались бѣгству, кто верхомъ, кто въ экипажѣ Сопотницкаго, остальные пѣшкомъ.

Такъ благополучно прошла эта тревога для семьи моего дяди, самъ-же онъ пропутешествовалъ на веревкѣ въ Кіевъ, избитый

притомъ въ Гребенкахъ какимъ-то пьянымъ стражемъ. Въ Кіевѣ его продержали 1½ мѣсяца въ крѣпости, пока шла разборка арестованныхъ и была удостовѣрена полнѣйшая его безучастность въ дѣлѣ мятежа. Страшный испугъ, невзгоды въ пути и сильное душевное огорченіе не прошли для него даромъ: вернулся онъ изъ Кіева больной и вскорѣпотомъ умеръ.

Дѣдъ мой тоже не избѣжалъ столкновенія со встревоженными крестьянами села Гребенокъ. Старый, лѣтъ около 90, онъ уже плохо видѣлъ и слышалъ и ровно ничего не зналъ ни о затѣяхъ поляковъ на Украйнѣ, ни о совершающихся въ этой мѣстности событіяхъ. Ѣхалъ онъ отъ своей невѣстки, а моей тетки, въ нетычанкѣ, туго набитой мякиною, взятою имъ для своихъ коровъ. На козлахъ сидѣлъ кучеръ старикъ, чуть-ли не ровесникъ дѣда. Въ Гребенкахъ вдругъ останавливаетъ его цѣлая толпа крестьянъ, удерживаютъ его лошадей, что-то галдятъ. Дѣдъ, тугой на ухо, почти совсѣмъ уже оглохшій, допытывается у кучера: «чого имъ треба?» Кучеръ, стараясь перекричать толпу, объясняетъ дѣду, что ихъ «рештують».

— Га? Що таке? спрашиваетъ дѣдъ и наставляетъ ладонь руки къ уху, чтобы разслышать отвѣтъ, но, и разслышавъ, никакъ не можетъ понять, какъ и за что могутъ его арестовать.

Онъ видитъ предъ собою пьяную толпу мужиковъ въ заломленныхъ шапкахъ, видитъ, что они лѣзутъ къ нему безъ толку, что-то кричатъ, держатъ какія-то палки въ рукахъ (дѣдъ не досмотрѣлъ пикъ и косъ) и принимая все это за простое нахальство безчинной толпы, взволнованный, встаетъ съ экипажа и своею длинною палкою ударяетъ перваго попавшагося подъ руку нахала, приговаривая: «печь, гунство, лайдакъ!».

Эта выходка дѣда, сама собой вполнѣ удостовѣрявшая то, что онъ стоитъ внѣ всего совершающагося, а равно и почтенная его наружность произвели неожиданное впечатлѣніе на толпу: получившій ударъ палкою былъ своими-же поднятъ на смѣхъ, остальные почтительно поклонились дѣду и безпрепятственно пропустили его. До самаго Фастова дѣдъ все допрашивалъ своего кучера о томъ, что такое было съ ними и разобравъ уже совсѣмъ слово «рештують», все еще спрашивалъ: «кого рештують?».

Повидавшись съ теткой, я порѣшилъ побывать и въ Бѣлой Церкви, желая узнать, что произошло въ это тревожное время тамъ, гдѣ я провелъ мое отрочество, гдѣ учился въ гимназіи и куда ѣздилъ на всякія святки и каникулы изъ университета.

Бѣлая Церковь съ ея графскимъ дворомъ, со всею массою служащихъ, все это общество, начиная отъ чуть не владѣтельныхъ особъ, самыхъ графовъ Браницкихъ, и оканчивая служащими самаго низшаго ранга, были мнѣ извѣстны и знакомы въ такъ недавнее время со всѣми ихъ взаимными соотношеніями, съ ихъ интересами, родствомъ, съ ихъ воззрѣніями и идеалами. Поддерживая отъ времени до времени мое знакомство съ бѣлоцерковцами, я отчасти зналъ о появленіи тамъ новыхъ вѣяній, о томъ, что и бѣлоцерковское панско-шляхетское общество отзывалось на всѣ проявленія варшавско-польскихъ движеній, что прежняя сутолока чисто матеріальныхъ взаимо-отношеній и интригъ служебнаго свойства хотя и въ большомъ, но все-таки исключительномъ кругѣ графскихъ официіалистовъ замѣнилась напряженностію польскаго патріотизма, что прибывшіе туда, въ лицѣ ученыхъ агрономовъ изъ маримонтскаго училища, короняржи успѣли внѣдрить и въ этомъ особомъ мірке служащихъ польскій патріотизмъ и всѣ его порывы послѣдняго времени. Зналъ я, что въ послѣднее передъ тѣмъ время толки, напримѣръ, о томъ, кого изъ приближенныхъ графъ Владиславъ или графиня Александрова отличили въ послѣдній свой пріѣздъ изъ-за границы своимъ вниманіемъ, или о томъ, продлится-ли аренда съ десятой копѣйки такому-то и останется-ли такой-то управляющимъ такого-то ключа, послѣ того, какъ онъ по строгому учету контроля далъ чистаго дохода съ нѣсколькихъ селъ пять злотыхъ и т. п., смѣнялись разговорами о томъ, что говорилось на такомъ-то банкетѣ эмигрантовъ польскихъ въ Парижѣ, или Ниццѣ, или какъ принятъ проэктъ Веленольскаго въ Петербургѣ, или-же что задумываетъ кіевская молодежь... Зналъ я, что молодыя пани и паненки изъ романовъ старыхъ и новыхъ беллетристовъ прочитываютъ съ жадностію тѣ исключительно, гдѣ описываются герои движеній 1831 г., что имена Бема, Домбровскаго, Конарскаго, Лелевеля не сходятъ у нихъ съ языка, да и вообще вся польская исторія послѣдняго времени стала имъ болѣе знакомою, чѣмъ прежде, что

на фортепьянахъ, вмѣсто несмѣняемыхъ: Fille du regiment Chant sans parolles и La prière d'une vierge, разыгриваются задорныя мазурки и патріотическіе марши и пѣсни, что наконецъ быстрые глазки юныхъ красавицъ, подергиваясь пеленой задумчивости и мечтательности, останавливаются съ особымъ удовольствіемъ на стройныхъ фигурахъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ чамарки и высокіе сапоги. Однимъ словомъ я зналъ, что и панская бѣлоцерковщина не отстаетъ отъ общаго польско-патріотическаго увлеченія и что увлеченіе это въ послѣднее время демонстрировалось здѣсь также, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, гимнами, трауромъ и поминаніемъ убитыхъ во время уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ. Но какъ организовалось дѣло самаго возстанія, какъ осуществился самый выходъ въ поле, о томъ ничего я не зналъ. Думаю, что это все наскоро устроилось въ теченіи второй половины 1862 и первыхъ мѣсяцевъ слѣдующаго года и что именно это не было открыто мнѣ Юрьевичемъ и К° при нашемъ свиданіи въ Кіевѣ въ январѣ.

Въ это мое посѣщеніе Бѣлая Церковь была какая-то убитая, скорбная. О многихъ извѣстныхъ мнѣ и даже знакомыхъ я могъ сказать словами: «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко!» Много молодыхъ людей вышли отсюда въ повстанье, многіе изъ нихъ были уже убиты подъ Мировкой, въ Соловіевкѣ и въ Бородянкѣ подъ Таращею, всѣ-же остальные, бывъ проведены съ посрамленіемъ по Украйнѣ, игнорированной ими, томились уже въ кіевской крѣпости. Много знакомыхъ мнѣ семействъ оплакивали своихъ сыновей и родственниковъ, много молодыхъ очей было подернуто слезами по тѣхъ, кто былъ имъ дороже ойчизны; много и много разсказовъ пришлось мнѣ выслушать здѣсь, и я, не принимая на себя отвѣтственности за ихъ правдивость, повторю ихъ ниже.

Бѣлоцерковское панство, ютившееся подъ крыломъ графовъ Браницкихъ, было увѣрено, что въ самомъ мѣстечкѣ не будетъ никакой народной расправы съ нимъ, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Расправы и не было, но тѣмъ не менѣе это панство я засталъ въ ужаснѣйшемъ горѣ и просто отчаяніи. «Это ужасно! Все пропало! Погибли мы! Это кара Господня! Это новый шипъ въ терновомъ вѣнкѣ! Для нея съ нимъ все погибло! Мать по сю пору не пришла въ сознаніе! Намъ ужъ теперь ничего не осталось!» таковы были отвѣты на мои привѣтствія и распросы о семьѣ, о сестрѣ,

о дочери или матери встрѣчаемыхъ мною людей. А сколько драматическихъ сценъ прощаній поразсказано мнѣ?! Помимо несходства моихъ политическихъ убѣжденій съ убѣжденіями тѣхъ, которые стояли теперь предо мною, пораженные горемъ, я не могъ не проникаться живѣйшимъ сочувствіемъ къ постигшимъ ихъ бѣдствіямъ, видя въ нихъ не заблуждающихся только людей, но вообще людей, которымъ присуще все человѣческое, отъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ любви и скорби до ошибокъ включительно.

Много мнѣ было тогда поразсказано. Вотъ судьба таращанской партіи повстанцевъ. Собрались они гдѣ-то около Бараньяго поля и черезъ Луку и Кошевату намѣревались идти къ Таращѣ; но остановившись гдѣ-то въ яру между Лукою и Кошеватою, были разогнаны набѣжавшими на нихъ крестьянами. Сосредоточившись затѣмъ въ лѣсу, они выдержали будто-бы атаку эскадрона уланъ, засѣвъ за окопомъ лѣса, но были разбиты вновь напавшими на нихъ крестьянами, между коими особенно были храбры и настойчивы въ преслѣдованіи крестьяне села Кирдановъ. Очень многіе изъ повстанцевъ при этомъ убиты. Нѣкоего Ясинскаго (коронаржа) крестьяне загнали на лошади въ р. Рось. Угрожаемый съ обоихъ береговъ, онъ нѣсколько разъ переплывалъ Рось и наконецъ, раненый нѣсколькими пулями, палъ на берегу. Окруженный, онъ просилъ не срывать съ него какого-то медальона; преслѣдовавшіе его согласились и отошли отъ него, но потомъ двое изъ нихъ вернулись и, видя его уже мертвымъ, сняли съ него медальонъ. Всѣхъ убитыхъ между Лукою и Бараньимъ полемъ насчитывали 138 человѣкъ, хотя число это мнѣ кажется преувеличеннымъ.

Раздраженіе народное противъ повстанцевъ было такъ велико, что съ ними расправлялись по своему иногда на глазахъ властей. Въ Таращу привели связаннымъ какого-то надсмотрщика винокуреннаго завода. Мѣстный исправникъ, знавшій его лично, приказалъ освободить его; но лишь только исправникъ удалился, какъ раздраженный его распоряженіемъ мѣщанинъ такъ удачно хватилъ повстанца подъ ухо, что онъ тутъ-же упалъ замертво.

Связываніе и доставка въ становую квартиру сидѣвшихъ въ своихъ усадьбахъ пановъ или своимъ чередомъ, при чемъ не обходилось безъ сценъ комическихъ, при всемъ трагизмѣ положенія арестованныхъ. Арестовали пана, если не ошибаюсь, въ с. Зелень-

кахъ, каневскаго уѣзда. До становой квартиры было далеко, и крестьяне, не желая идти пѣшкомъ, взяли у пана бричку и его же лошадей; но какъ арестанту, притомъ политическому, по ихъ мнѣнію, ѣхать не полагается, то они привязали его на дрезинахъ сзади, а сами усѣлись въ бричку и, наблюдая за нимъ, какъ барышники за привязанными къ возу лошадьми, отъ времени до времени оглядывались на своего плѣнника, отпуская на его счетъ злыя шутки и остроты.

Въ другомъ гдѣ-то мѣстѣ препровождался въ числѣ плѣнныхъ нѣкій *К—скій* (я его мальчикомъ зналъ), очень красивый и крупный человѣкъ. Въ одномъ изъ попутныхъ селъ бабы и дѣвки, обступивъ плѣнныхъ, настойчиво требовали отпуска сего молодца.

— Оддайте намъ ёго! кричали онѣ, за нёго заберить усихъ ляхивъ зъ нашого села. Мы ёго гуртомъ будемо содержувать.. дывитьця, якый хорошій! верещали бабы и не отставали отъ него во все время слѣдованія партіи по селу и еще за селомъ.

Случай этотъ передавали мнѣ, кромѣ посторонныхъ, и такіе люди, которые сами были препровождаемы въ этой-же партіи.

Во время погрома подъ Мировкою черезъ Бѣлую-Церковь проѣзжалъ командированный изъ Петербурга офицеръ генеральнаго штаба Вл. К—вскій. Въ 15 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, въ с. Острійкахъ жилъ въ то время его отецъ, арендовавшій землю у гр. Браницкаго. Старикъ Гедеонъ К — вскій, боясь, чтобы сыновья его, одинъ студентъ кіевскій, а другой отставной артиллерійскій офицеръ, не попали въ общій водоворотъ затѣяннаго возстанія, съумѣлъ призвать ихъ къ себѣ въ Острійки и выдержалъ ихъ дома до злосчастнаго 27 апрѣля. При общемъ хватаніи пановъ захвачены были и они, вмѣстѣ съ отцемъ, препровождены въ Янковку, и тамъ, совмѣстно съ другими, посажены въ погребъ. Именно въ это время явился въ родительскій домъ проѣзжавшій черезъ Бѣлую-Церковь Вл. К—скій. Узнавъ отъ встревоженныхъ матери и сестры о плѣненіи отца и братьевъ, Вл. К—скій наряжается въ полную форму офицера генеральнаго штаба и на одной изъ привезшихъ его почтовыхъ лошадей, такъ какъ у нихъ въ экономіи всѣ лошади были разобраны крестьянами, отправляется въ Янковку въ квартиру становаго пристава; но тамъ, вмѣсто освобожденія отца и братьевъ, самъ попадаетъ въ погребъ

предварительно разоблаченный изъ формы. Крестьяне были убѣждены, что это продѣлка кого-либо изъ повстанцевъ. Хроль Щербакъ нарядился въ офицерскую форму, прицѣпилъ саблю и, рисуясь предъ своими, говорилъ: «отъ-бы бувъ однораль, такъ однораль!!». Не помню уже, какъ и кѣмъ выручен былъ попавшій не въ пору офицеръ.

Или вотъ случай въ особомъ родѣ. Препровождалась какая-то партія повстанцевъ подъ конвоемъ донскихъ козаковъ. Эскортъ этотъ около плотины догоняетъ ѣдущій на телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, какой-то оставной солдатъ въ порядочной степени подпитія. Подъѣхавъ къ партіи плѣнныхъ, солдатъ, замѣтивъ между ними мизернаго старичка, по болѣзни ѣдущаго въ хвостѣ всей партіи на подводѣ, накинулся на него:

— И этотъ мозглявый еще бунтуетъ!... Еще и везутъ его... дайте мнѣ его, я сейчасъ съ нимъ такимъ-сякимъ расправлюсь... Я его въ разъ пристрѣлю... Право, слово, пристрѣлю!

И солдатъ, схвативъ имѣвшееся у него ружье и варьируя на всѣ лады свою похвальбу, не то серьезно, не то шутя, то и дѣло прицѣливался въ старичка плѣнника. Конвоирующіе плѣнныхъ донцы, попривыкшіе уже къ такимъ демонстраціямъ, съ улыбкой посматривали на расходившагося солдатика. «Отстань, довольно», скажетъ ему кто нибудь, и идутъ дальше. А солдатикъ все пристаетъ. Между тѣмъ эскортъ вступилъ на узкую плотину; ѣхавшіе столпились. Солдатъ до тѣхъ поръ толкался съ своимъ ружьемъ, пока не задѣлъ нечаянно курокъ. Ружье выстрѣлило, лошади шарахнулись.

— Ребята! пятьдесятъ! крикнулъ хорунжій, и расходившемуся не кстати воину тутъ-же отпустили нагаекъ. Принявъ ихъ, какъ должное, солдатикъ бѣжитъ къ своей телѣгѣ, достаетъ изъ мѣшка хлѣбъ, бросаетъ его плѣннымъ и нажаривая лошадь кнутомъ, уѣзжаетъ по дорогѣ. Ружье такъ и осталось у козаковъ.

Таковы мелкіе, отдѣльные эпизоды разгрома и плѣненія партіи таращанской, оставшіеся у меня въ памяти. Общаго плана дѣйствій повстанцевъ какъ этой, такъ и другихъ партій никто не объяснилъ мнѣ тогда, не могъ я добиться его ни у кого и послѣ.

Ко времени пріѣзда моего въ Бѣлую-Церковь тамъ были уже свѣдѣнія объ участи партіи, истребленной въ с. Соловьевкѣ, равно о партіяхъ бердичевской, липовецкой и сквирской.

О липовецкой шайкѣ, бывшей подъ предводительствомъ Падлевскаго, разсказывали нѣчто болѣе интересное. Конная эта шайка была раздѣлена на шесть взводовъ (plutonow), по 50 человѣкъ въ каждомъ. Въ стычкѣ съ какимъ-то отрядомъ войскъ Падлевскій построилъ свой отрядъ повзводно, причемъ въ переднихъ двухъ взводахъ были простые шляхтичи, прислуга, объѣзчики, прикащики и т. п. люди низшаго ранга. Имъ не особенно довѣряли, потому ихъ и поставили въ первыхъ рядахъ. Падлевскій скомандовалъ «do ataku», самъ промчался наискось съ одного фланга передней шеренги на другой и врѣзался въ отрядъ войскъ; но за нимъ изо всего его отряда только и пошли эти два взвода людей черной кости, остальные-же 4 взвода родовитыхъ пановъ повернули тылъ и бѣжали. Разсказывавшіе мнѣ это официіалисты гр. Браницкихъ съ озлобленіемъ указывали на такое недостойное поведеніе аристократовъ.

Повстанцами этой партіи повѣшенъ былъ смотритель ротмистровской станціи Такса; онъ, говорили, прочитывалъ письма къ мѣстнымъ панамъ, получавшіяся у него на станціи и тѣмъ озлобилъ ихъ противъ себя. Когда потомъ взятые въ плѣнъ повстанцы этой шайки были подвергнуты въ полевой коммисіи допросу относительно повѣшенія Таксы, они сваливали вину на тѣхъ изъ бывшихъ съ ними товарищей, о которыхъ знали, что они бѣжали за границу. Въ числѣ такихъ бѣжавшихъ и оговоренныхъ былъ и одинъ знакомый мнѣ юноша, извѣстный въ Кіевѣ подъ именемъ *Kazia.* Мать его вышла замужъ во второй разъ за доктора Ж—ля, а отцовское имѣніе, по случаю несовершеннолѣтія Казя и его сестры, находилось въ пожизненномъ владѣніи ихъ матери. Не пристроившись нигдѣ за границею и зная, что имѣніе его, какъ эмигранта, можетъ быть конфисковано, Казьо изыскалъ случай лично явиться въ Ниццѣ покойному государю и просилъ помилованія. Покойный государь сказалъ ему будто-бы такъ: «Я здѣсь только путешественникъ, въ государствѣ моемъ есть законы, по которымъ и опредѣлятъ степень твоей вины; но, какъ человѣкъ старшій лѣтами, совѣтую тебѣ возвратиться въ отечество и надѣяться на милость суда и снисхожденіе къ твоей молодости». Казьо такъ и сдѣлалъ: явился въ Россію и отдался въ руки властей. Его судили и, какъ на немъ тяготѣло обвиненіе въ

повѣшеніи Таксы, то полевой судъ приговорилъ его къ 4-хъ лѣтнему заключенію въ крѣпости. Онъ просидѣлъ лишь около 3 лѣтъ, бывъ освобожденъ прежде срока за послѣдовавшею амнистіею для лицъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ польскаго возстанія.

Партія сквирская подъ предводительствомъ Геннеля, отбиваясь отъ насѣдавшихъ на нее крестьянъ, успѣла пробиться въ волынскую губернію и тамъ разсѣялась.

Вотъ то немногое, что мнѣ извѣстно стало тогда изъ разсказовъ въ Бѣлой Церкви о дѣйствіяхъ партій инсургентовъ.

Въ печати у насъ доселѣ нѣтъ обстоятельнаго описанія возстанія поляковъ на Украйнѣ въ 1863 году. Существуютъ, и то какъ рѣдкость, двѣ небольшія брошюрки сравнительно давняго уже времени: «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г.» и «Записки украинца изъ времени польскаго возстанія 1861—1864 г.» Обѣ изданы въ Кіевѣ, первая въ іюлѣ 1863 г. группою профессоровъ кіевскаго университета, вторая принадлежитъ г. Чалому и представляетъ сокращенную перепечатку помѣщавшихся въ 1867 г. въ газетѣ «Кіевлянинъ» замѣтокъ этого автора. Обѣ эти брошюрки носятъ на себѣ сильный отпечатокъ настроенія того времени и отнюдь не даютъ сколько нибудь полнаго и точнаго описанія событій, которыхъ они касаются. Довольно сказать, что въ первой изъ этихъ брошюръ изъ 61 неполныхъ страницъ фактической сторонѣ дѣла не посвящено и 20 полныхъ страницъ, остальное занято опроверженіемъ газетныхъ сообщеній иностранныхъ газетъ и споромъ съ поляками, а 4 страницы изложенію золотой грамоты. «Записки украинца», изданныя позже, передаютъ отдѣльные эпизоды изъ времени возстанія исключительно почти въ васильковскомъ уѣздѣ, окрашены возбужденностью того времени и не даютъ намъ сколько нибудь обстоятельнаго описанія хода всего возстанія въ предѣлахъ даже кіевской губерніи.

Офиціальныя данныя, могущія объяснить планъ и представить весь ходъ повстанья во всемъ юго-западномъ краѣ, мирно почіютъ въ дѣлахъ б. военно-судныхъ коммисій, въ канцеляріяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства и губернаторовъ трехъ губерній, и никто изъ кіевскихъ ученыхъ не задался досѣлѣ высоко интересною задачею представить публикѣ общую картину этого, волновавшаго край, со-

бытія. Приходится по неволѣ довольствоваться разсказами и воспоминаніями отдѣльныхъ лицъ. Рѣшился поэтому и я изложить мои отрывочныя, небогатыя фактическими подробностями воспоминанія, все, что извѣстно было мнѣ даже по слухамъ, надѣясь вызвать рядъ новыхъ свѣдѣній отъ лицъ болѣе меня знающихъ это дѣло. Пока-же, право, трудно сказать что либо опредѣленное о планѣ дѣйствій и намѣренія повстанцевъ. Ни одна изъ сформировавшихся на Украйнѣ партій не демонстрировала даже своихъ намѣреній, ни чѣмъ не показала, къ чему именно стремились возставшіе.

— Что это за возстаніе? говорилъ мнѣ одинъ старый польскій вояка, участвовавшій въ возстаніи 1831 г.—Въ нетычанкахъ, какая-то толпа; понабирали мальчиковъ!.. Какія-то грамоты читаютъ! Вздумали брататься съ мужиками! Вооруженная сила должна быть ею вполнѣ, должна импонировать толпѣ, а не нѣжничать съ нею. Дайте мнѣ сотню вооруженныхъ всадниковъ... Ого, го! Ручаюсь словомъ стараго воина, что вдоль и въ поперекъ пройду Украйну, и никто изъ этой толпы не удержитъ меня! А то пошлялись сюда-туда со своими грамотами, и мужики забрали ихъ, какъ куропатокъ въ сѣтку. Вотъ Ружицкаго не задержали-же! Это совсѣмъ иное дѣло! А то шутовство, а не возстаніе!..

Дѣйствительно, это шутовство, подумалъ я, но въ тоже время и хорошо, что такъ случилось; ибо вздумай только повстанцы показать себя, какъ вооруженной силѣ подобаетъ, то навѣрное украинское хлопство въ пень вырѣзало-бы все польское на Украйнѣ. Но старый вояка по своему тоже былъ правъ: онъ не понималъ этого движенія, также какъ и мы его не понимаемъ. Ужъ если хотѣли читать золотую грамоту, могли читать ее безъ этого шутовскаго выступленія въ поле, безъ этихъ трудно объяснимыхъ шатаній безъ толку сюда и туда по украинскимъ селамъ и полямъ. Чтобы видѣть это шатанье, соберемъ въ памяти все извѣстное намъ, возьмемъ карту кіевской губерніи и просмотримъ ходы затѣянной игры.

Собирается одна партія къ востоку отъ Бѣлой-Церкви, толчется по полямъ между кіевскою почтовою дорогою и селами Винницкіе ставы, Гребенки, Пологи и тутъ перехватывается крестьянами подъ предводительствомъ Ивана Шадуры, саливонскаго волостнаго старшины.

На встрѣчу этой партіи, надо полагать, ѣдетъ изъ Кіева на трехъ нетычанкахъ партія, выставившая красное знамя на Перенетовскомъ полѣ; на нее натыкается тотъ-же Шадура съ нѣсколькими человѣками, и партія эта поворачиваетъ на сѣверо западъ и гибнетъ вся въ Соловіевкѣ.

Въ Шамраевкѣ собирается партія; направляется лѣвымъ берегомъ р. Роси на югъ, переходитъ въ Яблоновкѣ на правый берегъ рѣки, идетъ на Хвастовку въ Езерную, изъ Чупиры поворачиваетъ на востокъ на Насташку; вертится тамъ и въ Островѣ опять переходитъ на лѣвый берегъ Роси, идетъ на Сухолѣсы и оттуда степью, преслѣдуемая толпами крестьянъ, на сѣверо-востокъ, между селами: Блощинцами, Острійками, Узинымъ и Янковкою съ одной стороны, и Житногорами, Венцатовкою и Шпендовкою съ другой—выходитъ на Вербивець около Мировки и тутъ избивается и плѣняется.

Выходитъ партія изъ Богуслава, идетъ къ Бараньему полю, поварачиваетъ отъ Луки на сѣверъ, отбивается отъ уланъ въ лѣсу и поварачиваетъ на востокъ, гдѣ истребляется крестьянами подъ руководствомъ мироваго посредника Маслова и частью войскъ.

Тоже самое круженіе продѣлываетъ партія Падлевскаго, тоже и другая партія бердичевская. Только кіевскіе повстанцы да сквирская партія Геншеля держатся одного направленія на сѣверо-западъ въ лѣса и то вѣроятно потому, что ихъ въ такомъ направленіи гонятъ войска.

Если у нихъ былъ какой нибудь общій, выработанный заранѣе опредѣленный планъ, то какъ объяснить то, что шамраевская партія не идетъ на соединеніе съ Геншелемъ, а направляется въ сторону противоположную. Если предположить, что она намѣревалась сойтись съ богуславскою партіею, то опять таки чего ради въ верстахъ въ сорока отъ послѣдней изъ Насташки она повернула на востокъ, а не пошла на югъ.

Намъ неизвѣстны предводители шаекъ шамраевской и салиховской, но, право, кажется, будто участвовавшіе въ шайкахъ водятъ своихъ сотоварищей каждый въ мѣста своего жительства. Партія соловьевская поѣхала-же по указанію Цешынскаго изъ Фастова на Соловіевку, а это доказываетъ, что у ихъ предводители, Юрьевича, не было опредѣленнаго намѣченнаго маршрута.

Шутовство!

Изъ Бѣлой-Церкви поѣхалъ я тѣмъ-же путемъ домой. У насъ уже было все спокойно. Мы съ Грицькомъ Слипенкомъ разсказывали своимъ селянамъ слышанное и видѣнное нами и тѣмъ удостовѣрили, что никакихъ уже ляховъ, рѣжущихъ народъ и сожигающихъ села, нѣтъ и бояться нечего.

Но начавшееся въ краѣ волненіе не могло утихнуть въ нѣсколько дней. Учреждена была сельская стража, сама собою устроившаяся. На каждый десятокъ стражниковъ назначался одинъ десятникъ, надѣленный какимъ-то завалящимъ солдатскимъ ружьемъ со штыкомъ и нѣсколькими зарядами пороху и пуль. Такой десятникъ долженъ былъ являться въ случаѣ надобности верхомъ на лошади. Хорошъ онъ былъ въ крестьянской своей одежѣ и съ этимъ штыковымъ ружьемъ на конѣ! Всѣ стражники были переписаны и должны были быть на готовѣ по первому требованію къ выступленію. Они все побаивались, что ихъ *кудысь далеко пожenуть.* Въ уѣздномъ городѣ появился и начальникъ сельской стражи. Разъ какъ-то онъ пріѣзжалъ и въ нашу волость, собиралъ стражу и съ нею одинъ день, въ самую рабочую страдную пору, прошелся по лѣсамъ, за что ему было послано немало зложелательныхъ словъ. У насъ стражники по двое отбывали сторожу около трактовой корчмы, но были не особенно ретивы въ исполненіи своихъ обязанностей.

Много разсказовъ ходило въ публикѣ, особенно въ Кіевѣ, объ этой сельской стражѣ, о ея придиркахъ къ проѣзжающимъ, о затруднительномъ положеніи послѣднихъ. Корчмы всегда стоятъ при проѣзжей дорогѣ, около нихъ поэтому и «вартовали» стражи. Вдругъ ѣдетъ кто либо одинъ, самъ-другъ, или-же цѣлой семьей; остановятъ проѣзжихъ, возьмутъ у нихъ билеты и понесутъ въ расправу, а путники ждутъ часъ-два среди пьяной компаніи, толпящейся всегда у корчмы, особенно-же въ праздничные дни. Вооруженная стража оглядываетъ, расспрашиваетъ ихъ, пьяная толпа галдитъ, произноситъ непристойныя шутки, смѣется, иногда бранитъ и угрожаетъ, а путники, подъ часъ семейные, съ молодыми дѣвицами, съ малыми дѣтьми, выслушиваютъ все это, пока соберется стража отпустить ихъ, или пока самъ путникъ не догадается щедрой подачкой на водку откупиться отъ задержки и иногда глумленія. Въ такихъ разсказахъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, ничего преувеличеннаго или

утрированнаго. Вѣдь эти сельскіе стражники были изъ той-же среды крестьянъ, которые 8 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1855 году, водили по колючкамъ, погружали въ воду и били священниковъ, добиваясь прочтенія небывалаго манифеста о волѣ [1]).

Были впрочемъ и случаи забавные, гдѣ сами стражи попадали въ просакъ, или посрамлялись за свою придирчивость: у насъ въ селѣ было именно два такихъ случая.

Подъѣзжаетъ какъ-то разъ къ корчмѣ верхомъ на взнузданной веревочнымъ путомъ за нижнюю челюсть лошади какой-то солдатъ и заходитъ въ корчму выпить водки. Два стража, въ числѣ коихъ былъ и мой недавній спутникъ, Грицько Слипенко, стоя подъ навѣсомъ и посматривая на неосѣдланную, съ путомъ на нижней челюсти, лошадь, совершенно вѣрно пришли къ заключенію, что это «щось не певне», подозрительное. Пока они толковали на эту тему между собою, солдатъ, выпившій уже «чвертку», покрякивая и вытирая усы, вышелъ къ лошади. Стражи стали распрашивать его. Подбодренный «чверткою», солдатъ началъ бойко отбиваться отъ распросовъ, выругалъ стражей и тѣмъ вызвалъ въ нихъ извѣстную долю озлобленія.

— Ну, вже ты якъ хочъ лайся, а мы тебе рештуемъ и поведемо въ село до старосты; тамъ и роспитаемося.

Вышедшій изъ корчмы еврей-шинкарь поощрительно подмигиваетъ сторожамъ. Солдатъ задорно соглашается.

— Ну, что-жъ? Пойдемъ, пойдемъ на вашъ отвѣтъ, такіе сякіе сыны!.. Тамъ посмотримъ, какъ это ты меня, который Богу, государю служилъ, можешь «рештувать».

Подходятъ къ лѣсу; спускаются по тропинкѣ внизъ. Солдатъ твердитъ свое и грозитъ штрафомъ въ десять тысячъ.

— Посмотримъ, какъ это тебя похвалятъ; посмотримъ, какъ ты меня-то задержишь?! Вѣдь я отъ самаго командира, а ты меня, «рештувать!» Посмотримъ! Это тебѣ, братецъ, даромъ не пройдетъ. Тутъ самое нужное—мятежъ смирить, непріятель подступаетъ, а ты меня задерживать?! Десять тысячъ...

---

[1]) См. разсказы о семъ двухъ священниковъ въ «Кіевской Старинѣ», январь и апрѣль 1882 г.

Стражи задумались.—А что если въ самомъ дѣлѣ этотъ солдатъ спѣшитъ усмирять мятежниковъ?! Да еще эти десять тысячъ... «Тутъ халепы не обберешься»...

— Та мы, господа служба, не то що, а, звисно, дило таке, та знову-же и начални пригрущають... А то про насъ..., стали сдаваться стражи. Солдатъ еще покобенился немного и наконецъ согласился простить имъ задержку; сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Часъ спустя прибѣжали изъ Трахтемирова люди, догонявшіе «москаля», который, по разсказамъ пастушковъ, распуталъ лошадь на лужку при дорогѣ и поѣхалъ на ней. Лошадь была трахтемировскаго волостнаго старшины Вороны. Посланные кинулись вслѣдъ отпущеннаго нашими сторожами солдата и подъ Тулинцами на опушкѣ лѣса нашли спутанную лошадь, которую искали, а солдата спящимъ подъ кустомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ лошади, и ее провели мимо нашихъ одураченныхъ стражниковъ домой, а солдатика и не трогали: «бо ще зъ нимъ халепа яка буде», разсуждали и гонцы.

Въ другой разъ, уже въ сентябрѣ, на зоркѣ, въ туманное сырое утро я былъ разбуженъ лаемъ цѣпной собаки и, вышедши на крыльцо, увидалъ около воротъ зовущихъ меня нашихъ стражниковъ. Вышедши на зовъ, я увидѣлъ какую-то рослую, крупныхъ размѣровъ, бабу, которая, предполагая во мнѣ какого либо начальника, грубымъ, совершенно мужскимъ голосомъ стала жаловаться на стражу, задержавшую ее. Стражники-же объяснили, что они въ этой бабѣ подозрѣваютъ мужчину, какъ по ея размѣрамъ, такъ и по голосу, а равно и по тѣмъ волосинкамъ, которые дѣйствительно рѣдѣли у нея на верхней губѣ и на подбородкѣ. Баба кричала, претендовала, что она черезъ задержку утеряла попутчика, что она сама не далекая, изъ Селища и т. д.

Я недоумѣвалъ, зачѣмъ привели ко мнѣ эту бабу, и прямо спросилъ объ этомъ стражниковъ.

— Та все таки вы люде письменни, то уже лучше насъ розберете.

— Що розберу? Чи мужикъ, чи баба?.. Розбирайте вже сами, а я вамъ...

Но баба не дала мнѣ окончить и, потерявъ терпѣніе, поспѣшила тутъ-же удостовѣрить стражей въ своей принадлежности къ прекрасному полу.

— Тьфу! проклята! Якажъ-то вже безецна!.. отплевывались мои стражники, отворачиваясь отъ рѣшительной, энергической бабы.

Послѣ долго подсмѣивались надъ ними въ селѣ и мужчины и бабы.

Стража наша, за все время своего существованія, кромѣ караула у корчмы, не совершила ни одной прогулки по байракамъ за ловлею исчезнувшихъ мятежниковъ и только два раза была призываема на службу, въ цѣломъ ея комплектѣ, въ числѣ 11 человѣкъ, съ коннымъ десятникомъ во главѣ.

Разъ какъ-то на первыхъ еще порахъ учрежденія стражи получается изъ волостнаго правленія бумага о томъ, чтобы къ вечеру вся наша сельская стража прибыла въ с. Потапцы къ волостному правленію, откуда всѣ стражники потапецкой волости будутъ сопровождать, въ качествѣ охранительнаго конвоя, военный транспортъ, слѣдующій изъ Переяслава.

Боже мой, какая суета поднялась въ селѣ! На сборный пунктъ собралось чуть не все село съ воплями и рыданіями. Народные толки о томъ, что стражниковъ «десь далеко поженуть», теперь по видимому сбывались. Стражники съ пиками и косами, у иныхъ ненабитыми еще, сбѣгались къ моимъ воротамъ и тутъ уже «споружались въ далеку путь». Кто набивалъ косу, кто подвязывалъ на плечи торбину съ харчами, кто надѣвалъ лучшіе сапоги, взятые у брата вмѣсто своихъ старыхъ, искривленныхъ. Всѣ мужчины были блѣдны, встревожены, бабы голосили и причитывали... Десятникъ, Иванъ Кухаренко, осѣдлалъ моимъ сѣдломъ лошадь и по моимъ указаніямъ прилаживалъ неуклюжее, тяжелое ружье за спиною на ремнѣ, причемъ снялъ штыкъ и заткнулъ за поясъ, какъ кинжалъ. Я было попробовалъ уговаривать бабъ, но уговоры не помогали, бабы не унимались.

— О цежъ таки дождалися лихои годины! якъ казали, такъ воно й сталося! Поженуть-же тебе, мій соколе, мій сыночку, дитино моя! Кохалажъ я, годувала, доглядала тебе, моя ты дитино, моя ты родино! Теперь же заженуть тебе, мій голубчику, моя ты дитина ридная! А хто-жъ тебе тамъ пожаліе, хто заступиться за тебе? Хтожъ мене тутъ на старисть заспокоить?! Выкохала тебе, выростила, всю надію на тебе покладала! А теперь... Яжъ тебе породила, слёзами своими змывала, трудами моими кормила! Охъ, мое-жъ лышенько! Пропащая головонька!—причитывала баба Сергѣ-

иха, а ей вторили прочія бабы, раздирая душу слышащихъ это нытье.

Я потребовалъ бумагу, прочелъ ее внятно и особо пояснилъ, что конвоировать будутъ только до корчмы у с. Николаевки, всего за тридцать верстъ. Бабы поунялись, не голосятъ, только всхлипываютъ. Настало время выступать. Вся толпа двинулась за стражей; староста Маіоренко упросилъ и меня ѣхать съ ними.

Всѣмъ селомъ мы проводили наше войско до корчмы на «шляху». Послѣдовалъ привалъ, пошла выпивка на прощанье, слышались пожеланія счастливаго пути, скораго возвращенія; провожаемые желали счастливо оставаться, кланялись, цѣловались, словомъ честь честью, какъ водится. Десятникъ Кухаренко взмостился на лошадь со своимъ ружьемъ, остальные побрали на плечи свои косы и пики, еще разъ приподнялись шапки и брыли, еще слова прощанья, и эта маленькая кучка людей отдѣлилась отъ толпы и стала удаляться въ поле по дорогѣ. Тихо стало у насъ, никто ни слова, стоятъ наши «бабы» и «жинки», поддерживая ладонями склоненныя на бокъ головы, провожаютъ грустными глазами эту горсточку своихъ мужей, сыновей.

Солнце уже сѣло за горизонтъ, только загорѣлася заря на западѣ. Вдругъ среди этой тишины чистымъ теноромъ залилась пѣсня стражниковъ:

Та пили-жъ пили козаченьки, та вже й напилися.
Осидлали коныченькивъ, тай въ степъ подалися...

Что-то дрогнуло во всѣхъ насъ, стоящихъ около корчмы и провожающихъ глазами нашихъ воиновъ, какъ-бы по мановенію камертона вдругъ бабы залились воплемъ и плачемъ.

Глупо, безъосновательно, смѣшно! скажешь ты, читатель, и будешь правъ; но мнѣ въ ту пору въ этой скорбной, но полной искренности сценѣ послышалось что-то глубоко грустное изъ далекаго прошлаго страны, изъ далекой ея исторіи, полной скорбей и страданій.

Наши мѣстныя соотношенія къ дѣлу польскаго мятежа потревожили насъ не болѣе, какъ дней на пять счетомъ. Проживали мы затѣмъ тихо и мирно, мало зналъ и слышалъ я о дѣлахъ повстанскихъ вообще, въ частности на Украйнѣ; только надо мною лично подозрѣнія полиціи не переставали тяготѣть, Господь самъ вѣдаетъ

изъ-за чего. Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Бѣлой Церкви пріѣхалъ ко мнѣ старый Булахъ, помощникъ исправника, и сдѣлалъ у меня внезапный обыскъ. Это было что-то очень странное. Старикъ попросилъ меня проводить его по саду, показать ему имѣвшееся у меня по особому отъ полиціи билету ружье и затѣмъ пригласилъ меня и понятыхъ подписать актъ обыска, совсѣмъ уже готовый и привезенный имъ съ собою. Въ протоколѣ значилось, что при «внезапномъ и самомъ тщательномъ» обыскѣ у меня нигдѣ, ни въ погребахъ (у меня былъ всего одинъ погребъ), ни въ омшаникахъ (таковаго у меня вовсе не было) ничего не оказалось, что въ саду земля была только взрытая свѣжо на капустныхъ грядахъ и что на содержимое мною ружье имѣется у меня законное свидѣтельство. Старикъ Булахъ особенно какъ-то успокоивалъ меня.

— Это такъ, самые пустяки, право! Это такъ, Богъ знаетъ, что такое! говорилъ онъ.

Я самъ сознавалъ, что это Богъ знаетъ, что такое и считалъ нескромнымъ допытываться причины этого эксцесса полиціи, но тѣмъ не менѣе понималъ, на сколько все это компрометировало меня въ глазахъ моихъ односельцевъ, видѣвшихъ, что и со мною продѣлываютъ то-же, что и съ бунтующими ляхами.

Въ другой разъ случилось мнѣ узнать нѣчто болѣе непріятное для меня. Нужно было мнѣ повидаться съ нашимъ становымъ приставомъ, почтеннѣйшимъ толстякомъ Павломъ Ильичемъ Амморейскимъ. Я зналъ, что онъ будетъ въ Ходоровѣ, и поѣхалъ туда. Амморейскій останавливался всегда у ходоровскаго эконома и на этотъ разъ также. Когда я пришелъ туда, то на крыльцѣ засталъ нѣсколько сотскихъ и старостъ; нашъ сотскій Ѳедоръ Ковбаса былъ тутъ-же. Въ растворенной настежь передней я наткнулся на разсерженнаго Павла Ильича, только что преподнесшаго зуботычину мѣстному сотскому и въ разволочь его ругавшаго. Прогнавъ сотскаго съ глазъ и ворчаньемъ заканчивая свой репримандъ, старикъ пригласилъ меня въ другую комнату, любезно пожавъ руку. Мы наскоро переговорили съ Павломъ Ильичемъ о дѣлѣ, меня интересовавшемъ, и распрощавшись съ хозяиномъ, одновременно поѣхали со двора каждый своей дорогой. Отъѣхавъ немного отъ Ходорова, я нагналъ нашего сотскаго Ковбасу, успѣвшаго гдѣ-то на пути

немного клюкнуть. Онъ остановилъ меня, знаками давъ замѣтить, что хочетъ мнѣ что-то передать.

Я поѣхалъ шагомъ рядомъ съ нимъ, опустивъ поводья и закуривая трубку.

— Роспытувавъ про панивъ: якъ? що? чи не чуть чого? началъ Ковбаса.

— Хто роспитувавъ? спросилъ я.

— Та цей-же кабанъ годованый.

Я понялъ, что рѣчь идетъ о становомъ.

— А дали й каже: «чомъ це вы доси Б—са, цебъ то васъ, не звяжете, та не приведете до мене у станъ». Ій Богу! Та вже якъ ото вы пишлы въ горницю, та стали зъ нимъ за ручку чоломкатьця, а мы тильки зыркъ, зыркъ одинъ на одного. Тильки плечима здвигуемо! Отъ чудне! Я таки й кажу: треба ему, такъ нехай самъ и въяже. Чудне! Мене ажъ кортило натякнуть вамъ, якъ ото вскочили у двиръ, такъ вы й не оглянулись. Ну, думаю соби, отъ попався! Коли дивимося, ажъ за ручку! Чудне! Тильки вы такъ, щобъ нихто... ни Боже мій!

Я глубоко былъ взволнованъ тогда этимъ безпричиннымъ натравливаніемъ на меня мирныхъ моихъ односельцевъ, взбудораженныхъ теперь проявившеюся въ краѣ смутою; но, вдумавшись въ переданное мнѣ сотскимъ, ясно понялъ, какъ это крестьяне могли связать П. И. Ревякина, не поляка, и какъ это янковецкій становой приставъ не могъ освободить Ревякиныхъ по приводѣ ихъ въ станъ. Что-жъ? Вся Европа наблюдала свою политику относительно польскаго повстанья; неудивительно, что имѣлъ свою политику и стоявшій близко къ дѣлу, почтеннѣйшій Павелъ Ильичъ Амморейскій. Такіе народолюбцы, какими были тогда Петръ Ивановичъ и я, понятно, мозолили глаза полиціи, болѣе чѣмъ когда либо наэлектризованной въ сторону подозрительности, а эта подозрительность усиливалась безсовѣстнымъ наушничаньемъ пановъ, видѣвшихъ, кажется, въ насъ людей, въ свою очередь способныхъ натравить на нихъ народъ. Да, то было время смуты, крайняго возбужденія умовъ, а вмѣстѣ съ этимъ недовѣрія и подозрительности.

Но разъ я, спасая моего знакомаго отъ несправедливаго ареста, чуть было не предсталъ предъ становаго своею особою со связанными назадъ руками. Разсказъ объ этомъ случаѣ дастъ читателю

наглядное понятіе о томъ, какъ легко было у насъ въ то смутное время быть связаннымъ и попасть въ положеніе крайне непріятное и даже небезопасное. Вотъ какъ это было.

Проживавшій въ Кіевѣ сынъ помѣщицы нашего села (вдовы жандармскаго полковника), молодой и болѣзненный Яковъ Г—ль, имѣя надобность повидаться съ матерью, но напуганный ходившими и въ Кіевѣ преувеличенными слухами о самоуправствѣ крестьянъ, безъ толку задерживавшихъ на пути проѣзжихъ, письмомъ извѣстилъ меня о днѣ выѣзда своего изъ Кіева на пароходѣ и, во избѣжаніе задержекъ его по селамъ крестьянами, просилъ меня выѣхать къ нему на встрѣчу въ мѣстечко Ходоровъ и тамъ принять его съ парохода на лодку. По этой-то просьбѣ я не разъ отправлялся въ Ходоровъ и выѣзжалъ на лодкѣ къ пароходамъ, идущимъ изъ Кіева; но Г—ля все не было. Настало воскресенье: мнѣ надо было съѣздить въ с. Ромашки къ тамошнему священнику и я послалъ въ Ходоровъ только кучера съ лошадьми, поручивъ ему передать ожидаемому гостю, что самъ пріѣду туда уже изъ Ромашекъ и буду ждать его у одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, пана Я—скаго, домъ котораго стоялъ при самой дорогѣ. Пріѣзжаю изъ Ромашекъ къ пану Я—скому и жду съ нетерпѣніемъ Г—ля. Вдругъ вижу въ окно, что мой кучеръ Мусій мчится по дорогѣ куда-то за Ходоровъ, везя на моей бричкѣ человѣкъ шесть ходоровскихъ крестьянъ. Я подумалъ, что Г—ль опять не пріѣхалъ, и въ ожиданіи Мусія собирался уже выбранить его за то, что онъ развозитъ на моихъ лошадяхъ какую-то пьяную, какъ мнѣ показалось, компанію. Вышло не то: немного спустя является Мусій и съ испугомъ докладываетъ мнѣ, что «нашего панычa», т. е. Г—ля, «рештували, тамъ на мисточку, на базари, коло Ицька» и что арестовавшіе его ходоровскій староста Иванъ Черноморецъ и сотскій Василій Щука, приставивъ къ нему стражу, приказали ему Мусію свезти ихъ за Ходоровъ къ нѣкоему Малаховскому на свадьбу...

Не прощаясь съ хозяиномъ, я моментально вскочилъ на верховую лошадь, на которой ѣздилъ въ Ромашки, и помчался на базаръ. Мусій, догоняя меня, далеко остался сзади на парѣ лошадей.

Подъѣзжая къ базарной площади, я увидѣлъ издали, что домъ Ицька окруженъ вооруженною косами и пиками сельскою стражею, а передъ крыльцемъ стоитъ огромная толпа крестьянъ. Черный

цвѣтъ свитокъ и шапокъ мужчинъ пестрѣлъ цвѣтными повязками, лентами и шитыми рукавами сорочекъ прекраснаго пола. Толпа оживленно гудѣла, причемъ слышался болѣе громкій разговоръ около самаго крыльца какихъ-то подвыпившихъ мужиковъ. Два молодые парубка, съ блестящими косами направець, стояли симметрично, какъ настоящіе часовые, на ступенькахъ, а изъ дверей выглядывало двѣ-три головки жиденятъ въ ярмолкахъ и съ маленькими пейсиками.

Я медленно проѣхалъ въ толпу къ самому дому, у самаго крыльца слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ столбу. Принявъ по возможности спокойный видъ, я по обычаю чинно поздоровался съ народомъ шапкою.

— Де вы тутъ нашого панича заарештували? нарочно улыбаясь, спросилъ я.—Де винъ тутъ?

— Та онъ тамъ у Ицыхи въ бебехи сховався! сказалъ кто-то.

— Тамъ у хати! проговорило много голосовъ.

Вдругъ сквозь толпу протискивается ко мнѣ прибѣжавшій отъ лавки Ицько и, не стѣсняясь присутствующими, кричитъ:

— Бациге оцихъ свиней! Вони усихъ рестують! Мятезники! казуть. А воно, свиня, багато тямить! Дивитьця на нихъ! Якъ вони узе понапивались.

— Якъ-же не рештувать?! заговорилъ кто-то въ толпѣ. — Винъ може куды втикае, а мы ёго впустимо... Намъ звелено! Пропустыть такого не можно! И не сказавъ ничого, заразъ утикать до жыдивъ!

— Куды утикать? Хто утикавъ? Зъ тобою, свинею, буде ще тутъ говорить... ругался уже Ицько.

Не желая поддерживать своимъ присутствіемъ какъ объясненій крестьянъ, такъ и ругани Ицька, я пошелъ въ домъ.

Тамъ чуть не въ обморокѣ сидѣлъ бѣдный Яковъ Г—ль. Лица на немъ, что называется, не было. Блѣдный, съ разширенными зрачками своихъ карыхъ очей, онъ какъ-то неистово только сжалъ мнѣ обѣ руки и уставился на меня, какъ-бы вопрошая, что-же будетъ. Послѣ кіевскихъ разсказовъ о неистовствахъ крестьянъ онъ съ ужасомъ взиралъ на эту толпу и на эти косы и пики.

— Пожалуйста, скорѣе вызови становаго, или меня вези къ нему, только и могъ онъ проговорить.

Красивая Ицыха участливо смотрѣла на него; Ицько, раскраснѣвшійся послѣ только что оконченной имъ на крыльцѣ перебранки,

пыхтѣлъ и цмокалъ, продолжая бранить заочно всѣхъ мужиковъ, въ особенности-же старосту и сотскаго, и грозя все разсказать становому. Я соображалъ между тѣмъ, что предпринять и съ чего начать, чтобы высвободить положившагося на мою защиту не просто изъ рукъ стражи, но и отъ окружившей его толпы, наэлектризованной событіями недавнихъ дней и готовой на всякое буйство при первомъ необдуманномъ шагѣ, неосторожномъ словѣ съ чьей нибудь стороны. Я не сомнѣвался, что Г—ль, при высадкѣ съ парохода, не могъ подать никакого повода къ аресту, я понималъ, что подозрѣніе къ нему могло быть вызвано замѣченною кѣмъ либо четырехдневною подъ рядъ высылкою за нимъ и ожиданіемъ у берега лошадей, я допускалъ, что арестъ могъ быть совершенъ подъ возбужденіемъ выпитой старостою и сотскимъ чарки водки и что сами арестовавшіе, будь они здѣсь, не отказались-бы, можетъ быть, передать мнѣ моего знакомаго на руки; но меня смущала эта гулящая толпа, возбужденная и уже подпившая.

Сообразивъ, какъ мнѣ дѣйствовать, я вышелъ на крыльцо. Толпа потиснулась ко мнѣ, какъ-бы ожидая разрѣшенія интересовавшаго ее дѣла. Впереди всѣхъ стояли какія-то пьяныя рожи, болѣе солидные, степенные хозяева, даже знакомые мнѣ, отодвинулись подальше отъ меня, какъ-бы устраняясь отъ моего къ нимъ въ данномъ разѣ обращенія. Въ моменты бурныхъ движеній толпы, при всѣхъ уличныхъ безпорядкахъ и погромахъ все степенное, солидное отступаетъ на задній планъ, а вырываются впередъ худшіе элементы; тоже было и здѣсь: у крыльца были только такіе, у которыхъ путался уже языкъ и выражалась только навязчивость и желаніе пошумѣть или еще выпить, если возможно, на чей либо счетъ. Отстраняя ихъ калякавье и безсвязныя рѣчи, я обратился ко всему собранію съ такими словами:

— Рештували, такъ рештували—це ваше дило! Але отъ що скажить вы мени: що вы думаете дали зъ симъ панычемъ робить?

Толпа притихла и еще больше надвинулась къ крыльцу. Я продолжалъ:

— Заарештували, такъ треба мабуть кудысь ёго вести, чи везти.

Толпа стояла молча; только съ боковыхъ фасовъ дома подвинулись къ крыльцу еще нѣсколько стражниковъ съ косами.

— Тамъ уже становый, чи справникъ розбере; але треба того панича на дорогу нагодувать, треба коней переминить, бо мои вже потомлени, треба й тимъ зибратьця, що попровадять ёго до стану, чи до повиту. Такъ кажить вы мени толкомъ, якъ вы думаете, коли й куды ёго одправлять, чи якъ тамъ?..

Толпа призадумалась надъ поставленными ей вопросами. Быть можетъ, кто нибудь подумалъ и о самомъ арестованномъ; но вопросъ о подводѣ для него и препровожденіи его верстъ за 25—30 въ станъ или въ уѣздный городъ, при неувѣренности, правильно-ли онъ арестованъ, не могъ быть чуждымъ для многихъ. Толпа однако молчала; никто изъ стражей и лѣзшихъ ко мнѣ пьяныхъ не могъ мнѣ дать отвѣта на мои вопросы.

— Та воно звисно! Правда! проговорилъ кто-то.

— Не то що погодувати, а може й чарку горилки схоче выпити... отозвался одинъ пьяный.

— Тоби абы горилка!—отстранилъ я пьянчужку и обратился къ стражникамъ:

— Що-жъ вы ничого не кажете? Чи вы, чи хто иншій провожатиме ёго въ станъ?

— Та мы що-жъ знаемъ! отвѣчали стражи. Намъ звелено стоять оттутъ тай годи! Що мы знаемъ?!

— Та хто-жъ звеливъ?

— А хто? Староста та соцькій. Намъ звелили стоять на сторожи, а сами на вашихъ-же коняхъ поихали на весилья.

— Якъ-то на весилья? Оце такъ! Це порядки! Люде тутъ вартуй, а вони по весильямъ будуть на чужихъ коняхъ розъизжать.

Въ толпѣ послышалось поддакиванье мнѣ, неодобреніе старосты и сотскаго за ихъ нераспорядительность.

Я окрикнулъ Мусія и послалъ его за старостою и сотскимъ, а самъ продолжалъ переговариваться съ толпою на тему нераспорядительности мѣстнаго начальства. Нѣсколько разъ я входилъ въ домъ, чтобы удержать Ицька, рвавшагося къ толпѣ для перебранки, и добился таки того, что онъ ушелъ въ лавку.

Прошелъ добрый часъ, пока наконецъ явилось начальство въ лицѣ одного сотскаго Василія Щуки, мрачно притомъ пьянаго. Я накинулся на него изо всѣхъ силъ и требовалъ, чтобы онъ немедленно наряжалъ конвой и собирался самъ сопровождать аресто-

ваннаго, прибавляя, что и я ѣду съ нимъ и объясню становому все его поведеніе...

Щука струхнулъ не на шутку и пошелъ валить все на старосту. Но я не отставалъ отъ него и требовалъ немедленнаго рѣшенія дѣла.

— Та нуте бо постойте! Дайте роспытатьця!—отбивался Щука.— Та же се Г—ленко? спрашиваетъ онъ меня.

— А хто-жъ иншій? Хиба ты не знаешъ, що пытаешься! отвѣчаю я.

— Зъ Дударивъ?

— Зъ Дударивъ.

— Та ёго-жъ уси тутъ знають? оглянулся онъ на толпу.

— А то-жъ и не знаемъ?! Знаемъ! Винъ самый, отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ нехай винъ соби ïде зъ Богомъ!—порѣшилъ Щука.

— Звисно, нехай ïде соби! отозвались нѣкоторые изъ толпы.

— Идить, хлопци, по своему дилу, куды кому треба, обратился Щука къ стражникамъ.

— Такъ-бы и давно, сказалъ я, идучи въ двери дома.

— А то може-бъ хоть гарнецъ горилки на громаду поставивъ-бы..., послышалось въ толпѣ; но я прикинулся не слышавшимъ сего.

— Садись и поѣзжай! обрадовалъ я измученнаго тревожнымъ ожиданіемъ Г—ля. Онъ чуть не опрометью выскочилъ изъ дому, сѣлъ въ нетычанку и громко крикнулъ Мусію: «пошелъ!» Намучившійся чуть не цѣлодневнымъ ожиданіемъ, а можетъ быть и подвыпившій на свадьбѣ, Мусій сразу погналъ лошадей вскачь, что обратило вниманіе толпы, не успѣвшей еще разойтись.

— Отъ такъ одуривъ очевидячки! Такъ и выпустили матежника! Оце такъ такъ!.. послышались голоса въ толпѣ.

— Отъ такои ще выдумай! отвѣчалъ я, садясь въ сѣдло и прощаясь съ подошедшими ко мнѣ степенными домохозяевами; но тутъ-же почувствовалъ, что кто-то удерживаетъ меня за стремя. Я оглянулся на бокъ и вижу, что пьяный мужикъ трется около моего стремени, держась за него рукою.

— Отъ такъ-бы и вдержавъ за стремено! говорилъ онъ, давая видъ шутки и едва ворочая языкомъ.—Я также шутя отвѣчалъ ему:

— А я якъ-бы махнувъ конемъ, то ты-бъ воликся-бъ ажъ до Шлёмы (до угловаго дома).

Лошадь тронулась съ мѣста, пьяный болтался около нея; выходило, будто меня и въ самомъ дѣлѣ хотятъ задержать. Завидѣвъ это отъ своей лавки, Ицько опрометью бросился ко мнѣ и закричалъ болтавшемуся около меня пьяному:

— Сцо ты, свиня, до цоловика лизесъ! Якъ ты сміесъ зъ коня волокти! Свиню!

Толпа зашевелилась; стоявшіе поодаль, понявъ изъ крика Ицька, что меня тянутъ съ лошади, кинулись ко мнѣ. Я моментально спрыгнулъ съ сѣдла, сообразивъ всю неловкость и даже опасность моего положенія, и громко объяснивъ подошедшему Ицьку, что это только шутка, а въ тоже время чувствуя надобность чѣмъ нибудь замять неблагопріятное для меня впечатлѣніе въ толпѣ, сказалъ ему при всѣхъ, что хочу еще купить у него табаку и спичекъ, и отправился съ нимъ въ лавку, давъ подержать лошадь одному изъ стражниковъ.

Толпа тѣмъ временемъ топталась на мѣстѣ и какъ-то странно гудѣла. Едва я показался отъ Ицька, какъ увидѣлъ, что она подвигалась ко мнѣ, очевидно, успѣвъ на скоро и на всѣ лады продебатировать совершившееся. Я вошелъ въ толпу, какъ сейчасъ-же послышалась непритихшая укоризна мнѣ и сожалѣніе о томъ, что ни за что, ни про что выпущенъ на свободу мятежникъ.

— Ни, це таки винъ одуривъ насъ! Такъ выпустили дурнисенько! Було-бъ зразу звязать, такъ це-бъ було вирнійше! А вже-жъ звязать!.. слышались возбужденные голоса въ толпѣ около меня.

Я, стараясь быть совершенно спокойнымъ, на ходу отвѣтилъ:

— Це й налыгачивъ не стане, якъ вязать усихъ, що до васъ на мистечко пріиздять!..

Вдругъ въ толпѣ раздается рѣзкій женскій голосъ какой-то подвыпившей солдатки:

— Ось чуете, що винъ каже... що ихъ (разумѣй мятежниковъ) стильки, що й не перевяжешъ, що й налыгачивъ не стане на ихъ. Вяжить ёго, вражого сына, заразъ! Чого на ёго дивитьця!..

Какъ-бы по сигналу толпа стиснулась ко мнѣ. Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Все это,—и этотъ голосъ въ ушахъ, и эта толпа, и эти косы надъ нею—все это, какъ молнія, мелькнуло въ моихъ мозгахъ и во всемъ моемъ естествѣ. Моментъ и я пропалъ-бы!.. Но я усиленно, въ одинъ мигъ, растолкнулъ нѣсколькихъ

человѣкъ и съ руганью, въ свою очередь освирѣпѣвшій, схватилъ эту пьяную вѣщунью за руку повыше локтя такъ сильно, что, казалось, пальцы мои сквозь шитый рукавъ сорочки впились до кости въ ея тѣло.

— Такъ це ты мене вязатимешь?!... Вяжить мене заразъ зъ цiею..., що вами командуе! Вяжить, що-жъ вы дивитесь! А я iи не выпущу! Такъ ще сёго не було тильки, що-бъ пьяна баба мене вязала и вамъ приказувала! Що-жъ вы iи не слухаете? кричалъ я, не помня себя отъ волненiя и все больше и сильнѣй сжимая въ рукѣ своей плечевую кость бабы. Я мало тогда помнилъ себя, вся сдержанность пропала, какое-то звѣрское чувство злобы кипѣло во мнѣ: я могъ въ тотъ моментъ убить кого нибудь или быть убитымъ, безъ всякаго сознанiя. Толпа засуетилась и явились сейчасъ-же митигаторы—тѣ-же сторонившiеся до сихъ поръ степенные домохозяева.

— Та Господь зъ вами! Хто тамъ думае васъ вязать! Киньте вы iи! бачъ, бисове стерво, натягнетьця безъ пути, то й соби лизе до чоловика! Пишла геть! заговорили со всѣхъ сторонъ.—Ичъ яка навратилась! Геть зъ громады, свине!..

Я выпустилъ изъ рукъ бабу и, чуть не плача, началъ укорять близко знавшую меня толпу:

— Такъ отъ якои чести я заслуживъ у васъ! Я у васъ тутъ на всякъ день, вы до мене за всякимъ диломъ ходите! А теперъ така на мене наруга?! Не сподивався я сёго!

— Простить, будьте ласкови! бачите, яка погань выскочила! Ка-зна що таке, та й лизе! говорили мои заступники, успокоивая меня и извиняясь передо мною. Кончилось все тѣмъ, что надо было угостить и угоститься тутъ-же въ ближайшемъ шинкѣ, чтобы сгладить всякое впечатлѣнiе отъ нежданной тревоги и дать время разбрестись толпѣ. Поздо уже, никѣмъ и ничѣмъ не тревожимый, возвратился я домой.

Этимъ эпизодомъ я оканчиваю мое повѣствованiе о польскомъ возстанiи на Украйнѣ и о моей къ нему прикосновенности. Я не привнесъ сюда ни одного изъ тѣхъ отрывочныхъ, мелкихъ фактовъ, которые составляютъ содержанiе вышеназванныхъ двухъ брошюръ о возстанiи въ Украйнѣ 1863 г., но разсказалъ, какъ могъ, только то, что извѣстно было мнѣ по непосредственному наблюденiю или по слухамъ. Все это мелко, блѣдно, не полно, отрывочно, статься можетъ, даже не точно. Не такое повѣствованiе намъ

нужно для оцѣнки этого событія, его причинъ и послѣдствій. Намъ нужна съ одной стороны подробная, фактическая, документальная исторія революціоннаго движенія 1863 г. и не въ одной кіевской, но и въ смежныхъ съ нею волынской и подольской губерніяхъ, во всемъ юго-западномъ краѣ; съ другой стороны намъ нужна бытовая, такъ сказать, сторона дѣла, полное во всѣхъ мелочахъ отраженіе рѣзко обозначившихся въ мѣстной жизни двухъ противуположныхъ теченій—панскаго, польскаго и народнаго, русскаго. Дать перваго рода повѣствованіе—дѣло нашихъ кіевскихъ ученыхъ и, конечно, заботы и содѣйствія высшей администраціи края; повѣствованіе втораго рода можетъ быть подготовлено лишь коллективно, по частямъ и мелочамъ, а такая работа доступна для всякаго, кто жилъ въ то время, видѣлъ и наблюдалъ. На эту-то послѣднюю работу я и желалъ-бы вызвать моими воспоминаніями людей того времени, и былъ-бы искренно радъ, если-бы и разсказанное мною было дополнено и даже исправлено.

Указанными двумя путями можно было-бы между прочимъ уяснить относительную напряженность революціоннаго духа въ Царствѣ Польскомъ и у насъ, степень внѣшняго вліянія и собственнаго возбужденія польскаго элемента въ нашемъ краѣ, изыскать причины сего послѣдняго, опредѣлить взаимоотношеніе пришлаго польскаго и кореннаго мѣстнаго элементовъ, обнаружившихъ такую рознь и вражду, и намѣтить точки и средства сближенія ихъ въ будущемъ. А пока, вдумываясь въ прошедшее, на основаніи доступныхъ мнѣ данныхъ, прихожу къ мысли, что есть разница въ импульсахъ, поднявшихъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашемъ краѣ, что помимо внѣшнихъ вліяній, общихъ причинъ, революціонное движеніе шляхты въ юго-западномъ краѣ въ извѣстной степени носило на себѣ отраженіе начавшагося тогда пробужденія. Пробуждалась отъ моральнаго усыпленія и наша шляхта, но не имѣя иной, кромѣ польской почвы развитія, воспитавшись только на польской традиціи, ничѣмъ особеннымъ не приросши къ дѣлу общероссійскому, она и не могла иначе, какъ только въ направленіи чисто польскомъ и притомъ польско-патріотическомъ, воспрянуть отъ этого усыпленія. Нельзя не согласиться, что нашъ до-реформенный государственный строй поддержкою панской, а слѣдовательно польско-шляхетской власти

надъ бывшимъ когда-то крѣпостнымъ, вполнѣ обезличеннымъ въ гражданскомъ смыслѣ, русскимъ населеніемъ, поддерживалъ незыблемость польско-панскихъ традицій, по которымъ весь западный край считался *забранымъ*. Русскій чиновникъ, и то въ весьма малой пропорціи, въ краѣ и солдатъ были плохими элементами обрусѣнія. Кіевскій университетъ мало поддерживалъ идею ассимиляціи края, да собственно говоря и ассимилироваться здѣсь не было съ кѣмъ. При общемъ, повторяю, возрожденіи духа въ Россіи польская шляхта направилась по пути, пріуготовленномъ ей своею ничѣмъ не нарушенной традиціею и, вызываемая увлеченіемъ въ Царствѣ Польскомъ, бросилась въ омутъ возстанія и безсознательно удовлетворяя этимъ потребность воспрянувшаго духа, продѣлала эту траги-комическую исторію *польскаго* возстанія на русской Украйнѣ.

Борисъ Познанскій.

27 сентября 1885 г.
Г. Павловскъ.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Окончаніе*) [1].

VI.

Возвращаемся къ хронологической послѣдовательности событій. Польскіе комиссары, едва выпросивъ у Хмельницкаго въ Переяславѣ перемиріе до Духова дня, считали его недостаточно вѣрнымъ и обезпеченнымъ съ козацкой стороны. Оказалось однако, что поляки первые его нарушили, упомянутымъ уже нападеніемъ на подольскіе городки: Баръ и Межибожъ. Хмельницкому это было даже на-руку, такъ какъ давало возможность возобновить военныя дѣйствія, взваливъ отвѣтственность за нарушеіе мира на противниковъ. Съ приближеніемъ срока, назначеннаго для съѣзда комиссаровъ, получилось письмо къ нимъ отъ гетмана въ миролюбивомъ тонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ появились на Волыни вооруженные отряды козаковъ съ открыто враждебными намѣреніями. Комиссары вынуждены были покинуть Гущу; разболѣвшійся Кисель направился въ свои имѣнія на западной окраинѣ Волыни, его сопровождалъ Обуховичъ; посланецъ гетмана и слуга Смяровскаго нагнали ихъ въ Тайкурахъ, затѣмъ они остановились недалеко Владиміра, въ принадлежавшемъ Киселю имѣніи Гнойнѣ.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., ноябрьск. кн., стр. 408—430.

Открывшіяся лѣтомъ военныя дѣйствія имѣли результатомъ, какъ извѣстно, обложеніе первой польской арміи подъ Збаражемъ, побѣду надъ второю арміею, состоявшею преимущественно изъ посполитаго рушенья и предводительствуемою самимъ королемъ, подъ Зборовомъ, и заключеніе здѣсь мирнаго договора, удовлетворявшаго всѣмъ главнымъ требованіямъ козаковъ. Число реестровыхъ увеличено до сорока тысячъ, занятыя козаками три воеводства, кіевское, черниговское и брацлавское, освобождены отъ стоянки коронныхъ войскъ, а всѣ должности и чины здѣсь постановлено предоставлять исключительно мѣстнымъ православнымъ шляхтичамъ, жительство евреямъ въ козацкомъ краѣ воспрещено, митрополиту кіевскому предоставлено мѣсто въ сенатѣ, унію обѣщано уничтожить постановленіемъ сейма.

Комиссары во время этихъ событій находились въ разныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ Николай Григорьевичъ Кисель со своею хоругвью былъ въ томъ войскѣ, которое осаждено подъ Збаражемъ. Здѣсь, между прочимъ, 24 іюля произошла пріостановка военныхъ дѣйствій, во время которой сходились знакомые изъ обоихъ лагерей, разговаривали по пріятельски, причемъ поляки потчивали козаковъ изъ своихъ табакерокъ. Хмельницкій въ это время вызывалъ къ себѣ на свиданіе знакомца Николая Зацвилиховскаго, который въ 1646—1647 гг. былъ комиссаромъ по управленію козаками; ѣздилъ съ нимъ и Николай Кисель, но переговоры кончились ничѣмъ. Адамъ Григорьевичъ въ это время находился въ войскѣ королевскомъ: когда были постановлены условія договора подъ Зборовомъ и Хмельницкій выполнялъ присягу на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой, формулу присяги читалъ ему воевода кіевскій [1]).

Послѣ отступленія Хмельницкаго въ Украйну и распущенія польскихъ войскъ, король, не дожидая даже сейма, отправилъ вновь комиссію къ козацкому гетману, и во главѣ ея снова поставленъ былъ Адамъ Григорьевичъ. Онъ поселился въ Кіевѣ, въ замкѣ, сюда же прибылъ въ ноябрѣ и Хмельницкій съ полковниками; обращеніе послѣдняго съ комиссарами было теперь самое дружеское и предупредительное, но къ самому существенному и щекотливому пункту

---

[1]) Michałowskiego księga, стр. 438. Ambr. Grabowski, Starożytności, т. I, стр. 265.

переговоровъ, къ способамъ водворить пановъ въ ихъ имѣніяхъ, гетманъ не приступалъ до полученія королевскаго универсала (16 января 1650) объ утвержденіи зборовскаго договора сеймомъ. Потомъ онъ издалъ и отъ себя универсалы о возвращеніи всѣхъ не вошедшихъ въ реестръ подъ власть ихъ прежнихъ пановъ, что вызвало, конечно, сильнѣйшее недовольство черни, укрощать которую приходилось Хмельницкому строгостями и казнями. Съ другой стороны, нарушали условія мира поляки. Недопущеніе сенаторами въ свою среду митрополита Сильвестра было оскорбительно для Руси, но само по себѣ едва-ли-бы вызвало вооруженное сопротивленіе. Гораздо сильнѣе дѣйствовало преслѣдованіе панами, вопреки объявленной амнистіи, крестьянъ, принимавшихъ участіе въ козацкой войнѣ. Многочисленныя казни такихъ крестьянъ, произведенныя княземъ Самуиломъ Корецкимъ въ своихъ волынскихъ имѣніяхъ, вызвали здѣсь возстаніе значительныхъ размѣровъ, сочувственно отозвавшееся въ козацкой средѣ и даже между окружавшими гетмана старшинами, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно выдавался знаменитый въ народной памяти брацлавскій полковникъ Данило Нечай, человѣкъ очень вліятельный и притомъ породнившійся съ Хмельницкимъ черезъ брата своего Ивана, за котораго гетманъ выдалъ свою дочь Елену.

Трудно было положеніе и гетмана козацкаго, и воеводы кіевскаго, особенно послѣдняго. Онъ оставался однако въ Кіевѣ круглый годъ, продолжая постоянно сноситься съ Хмельницкимъ объ успокоеніи Украйны, о возстановленіи въ ней правильной администраціи согласно зборовскимъ условіямъ и о водвореніи возвращавшихся изъ бѣгства пановъ въ ихъ имѣніяхъ. То ѣздилъ отъ него къ Хмельницкому въ Чигиринъ митрополитъ для переговоровъ, то Хмельницкій пріѣзжалъ къ нему въ Кіевъ; отсюда вмѣстѣ ѣздили они на козацкую раду въ Переяславъ, и оба-же вернулись снова оттуда въ столицу воеводства, 23 (13) марта. Здѣсь собралось тогда много крестьянства и козаковъ, не попавшихъ въ реестръ, и потому принуждаемыхъ тоже возвратиться въ панское подданство. Среди этой толпы вспыхнулъ даже открытый бунтъ, толпа осадила замокъ, когда въ гостяхъ у воеводы находился гетманъ со старшинами. Едва удалось усмирить народное волненіе, а на другой день Хмельницкій созвалъ находившихся въ городѣ козаковъ на раду и въ

рѣчи своей къ нимъ, между прочимъ, клялся, что безъ общаго вѣдома не станетъ заключать съ Киселемъ никакого договора, что за Киселемъ нѣтъ никакой измѣны, а если-бы оказалась его неискренность, то гетманъ самъ прикажетъ его задержать; Хмельницкому удалось убѣдить козаковъ разойтись по домамъ, безъ нихъ должно было притихнуть и мѣстное поспольство. Населеніе однако было такъ враждебно настроено къ Киселю, что мѣщанство отказывалось выдавать провіантъ на содержаніе его самого со свитой и воеводинской стражи, и воевода долженъ былъ расходовать на это до ста талеровъ въ день изъ собственныхъ средствъ.

Въ маѣ гетманъ былъ снова въ гостяхъ у воеводы, причемъ между ними возникали пререканія за первенство въ столицѣ воеводства, но разстались друзьями, а нѣсколько зачинщиковъ волненій противъ воеводы было даже казнено. Кисель, не вполнѣ полагаясь даже на самаго Хмельницкаго, тѣмъ болѣе могъ оцѣнить на мѣстѣ окружавшія его трудности. Въ письмѣ къ вышедшему изъ плѣна коронному гетману Потоцкому, 4 апрѣля, онъ прямо указываетъ, что власть самаго Хмельницкаго не всегда соотвѣтствуетъ его желаніямъ; можно опасаться, чтобы чернь не взяла верхъ надъ нею и не возстала снова съ инымъ вождемъ. Поэтому Кисель уговаривалъ пановъ, чтобы они не торопились возвращаться въ тѣ по крайней мѣрѣ имѣнія, которыя лежатъ за Днѣпромъ, куда онъ не рѣшался ѣхать еще и самъ. «Мои слуги, говоритъ онъ, по особому якобы благоволенію, введены тамъ во владѣнія еще передъ сеймомъ, но и доселѣ они тамъ гости, а не хозяева, и я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не получаю оттуда доходовъ ни обола, даже ни зерна на прокормленіе».

Въ іюнѣ Кисель былъ у гетмана въ Черкасахъ, и между ними по нѣкоторымъ пунктамъ состоялось соглашеніе, а именно относительно совмѣстнаго дѣйствія козаковъ и поляковъ противъ Москвы, въ союзѣ также съ татарами; кромѣ договоренныхъ здѣсь условій, Кисель указывалъ еще необходимость отпустить изъ Варшавы пребывающихъ тамъ козацкихъ пословъ съ наибольшею благосклонностью, послать Хмельницкому при королевскомъ письмѣ крупный денежный подарокъ, а главное—сохранять полное спокойствіе и неприкосновенность русскаго народа и его вѣры. Вскорѣ, въ концѣ іюля, прибыли къ Хмельницкому послы отъ короннаго гетмана,

тоже для переговоровъ о московской войнѣ; приняты они были привѣтливо, но за обѣдомъ козацкій предводитель не выдержалъ, закончилъ знакомыми самохвальными угрозами, а на другой день, въ нетрезвомъ видѣ, велѣлъ было даже перетопить всѣхъ бывшихъ въ Чигиринѣ поляковъ; едва его упросила жена, а проспавшись онъ и самъ жалѣлъ о своей безразсудной выходкѣ. Послы Потоцкаго отпущены съ честью. 5 августа прибылъ къ гетману съ королевскимъ письмомъ Николай Кисель [1]), приглашая Хмельницкаго въ Арклѣевъ [2]), гдѣ ожидали его Адамъ Кисель и митрополитъ Сильвестръ. Подробности свиданія ихъ и переговоровъ неизвѣстны.

Вообще 1650 годъ представляется сравнительно отраднымъ моментомъ въ жизни южной Руси этого времени. Дѣла шли мирно до открытія въ декабрѣ сейма, которому представлены были требованія козаковъ и извѣстное уже намъ письмо Киселя о необходимости уничтожить унію, вызвавшее бурю ругательствъ. Задорная враждебность сеймующихъ пановъ отнимала всякую надежду на сохраненіе мира: шляхта стала уходить изъ Украйны, бѣжалъ изъ своего воеводства и Кисель, котораго въ началѣ 1651 г. застаемъ снова въ Гущѣ [3])

И въ 1651 году первыми фактическими нарушителями мира были опять таки поляки. Какъ только выяснилось для всѣхъ открыто-враждебное настроеніе сейма къ козачеству, къ православному исповѣданію, даже къ самой мысли объ уступкахъ и лично къ тѣмъ, кто осмѣливался ихъ предлагать,—польный гетманъ Калиновскій пересталъ считать себя связаннымъ какими либо предыдущими переговорами. Начались съ обѣихъ сторонъ дѣятельныя приго-

---

[1]) Костомаровъ неточно передаетъ, будто Николай былъ посланъ не королемъ, а только своимъ братомъ, и будто приказаніе подпившаго гетмана «утопить!» относилось къ нему. Этотъ случай имѣлъ мѣсто за два дня до прибытія въ Чигиринъ Николая Григорьевича.

[2]) Теперь Иркліевъ, мѣстечко золотоношскаго уѣзда, верстахъ въ тридцати за Днѣпромъ противъ Черкасъ.

[3]) Подробности о Киселѣ въ этомъ году см. преимущественно въ Памятникахъ, т. II, отд. 3, стр. 1—13; Michałowskiego księga, №№ 179, 181, 182, 184, 194, 197, 199—202; Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 372, 374, 398, 400, 401, 404, 408, 421, 422; Pamiętnik Jemiołowskiego, стр. 12—18.

товленія къ борьбѣ, которыя тѣмъ скорѣе должны были привести къ столкновенію, именно въ Брацлавщинѣ, гдѣ встрѣтились одинаково пылкіе представители той и другой стороны: ближайшій помощникъ Калиновскаго по начальствованію войскомъ, Станиславъ Лянцкоронскій, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ воеводою брацлавскимъ, тогда какъ мѣстнымъ козацкимъ полковникомъ былъ фанатическій ненавистникъ всего польскаго, до сихъ поръ наиболѣе живой въ народной памяти и поэзіи изъ всѣхъ козацкихъ предводителей, вліятельный Данило Нечай. Желая предупредить нападеніе поляковъ на территорію своего полка, Нечай поспѣшилъ двинуть козацкіе отряды къ ея предѣламъ, на границы воеводства подольскаго. Поляки тоже рѣшились на зимній походъ, что не было вообще у нихъ въ ходу, особенно въ козацкихъ войнахъ; уроки послѣднихъ лѣтъ не прошли для регулярнаго войска даромъ, начальники его поняли всѣ выгоды для нихъ подобнаго движенія, когда приходилось имѣть дѣло съ одними козаками и ихъ крѣпостцами, не опаясь ни татаръ, ни повсемѣстнаго народнаго возстанія. Самонадѣянный козацкій предводитель не ожидалъ отъ нихъ этого, и поплатился жизнью, захваченный врасплохъ, ночью, въ послѣдній день масляницы, въ городкѣ Красномъ, а находившійся при немъ отрядъ былъ по большей части истребленъ, хотя остатки его, послѣ перваго пораженія, еще три дня храбро защищали укрѣпленіе. Такая-же участь постигла Ямполь, тоже взятый ночью, гдѣ погибло до шести тысячъ козаковъ и приставшихъ къ нимъ волоховъ; другіе городки сдавались то по первому-же требованію, устрашенные неожиданнымъ успѣхомъ поляковъ, какъ Мурахва и Черніевцы, то послѣ непродолжительной обороны, какъ Стѣна [1]).

Первая вѣсть о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій поразила Адама Григорьевича, ожидавшаго въ своей Гущѣ, какой оборотъ примутъ дѣла къ веснѣ, хотя онъ видѣлъ и раньше, что все клонится «скорѣе къ дракѣ, чѣмъ къ трактатамъ». Намъ слѣдуетъ отмѣтить одно его замѣчаніе въ письмѣ къ подканцлеру 23 (13) февраля: не имѣя еще никакихъ вѣрныхъ извѣстій о событіяхъ въ Брацлавѣ, а только смутные слухи (Красное взято 19 февраля), онъ умоляетъ, какъ и всегда, не начинать военныхъ дѣйствій, если

---

[1]) Дневникъ похода у Михаловскаго, № 223.

слухи эти невѣрны; въ противномъ-же случаѣ онъ первый совѣтуетъ забыть о самомъ существованіи комиссіи для переговоровъ, во главѣ которой стоитъ самъ, и требуетъ скорѣйшей присылки подкрѣпленій, предвидя, что эта стычка послужитъ только началомъ новой большой и кровопролитной войны [1]). Изъ приведенныхъ нами въ своемъ мѣстѣ подлинныхъ словъ письма, ясно видно, что Адамъ Григоровичъ вовсе не былъ сторонникомъ мира съ козаками во что-бы ни стало и какою-бы ни было цѣною. Онъ *предпочиталъ* мирный исходъ и настаивалъ на необходимости уступокъ въ тѣхъ размѣрахъ, безъ которыхъ миръ представлялся недостижимымъ. Но если обстоятельства дѣлали невозможнымъ продолженіе самихъ переговоровъ о мирѣ, то Кисель требовалъ соотвѣтственнаго напряженія силъ государства, чего именно такъ трудно было добиться отъ шляхты: она всегда относилась слишкомъ презрительно ко всѣмъ «хлопамъ», т. е. нешляхтичамъ, въ томъ числѣ и козакамъ, чтобы принимать противъ нихъ серьезныя мѣры. Посполитое рушенье и походъ подъ предводительствомъ самого короля въ 1649 г. вызывали всеобщую оппозицію, ибо шляхта считала позоромъ для своего государя становиться такимъ образомъ какъ-бы на одну доску съ предводителемъ мятежной черни. Зборовское пораженіе, гдѣ король былъ избавленъ отъ унизительнаго плѣна только личнымъ вмѣшательствомъ Хмельницкаго, давшаго сигналъ къ «згодѣ» въ самый разгаръ битвы, до начала какихъ либо переговоровъ, было наказаніемъ панскаго высокомѣрія. Кисель, зная козаковъ издавна и вблизи, заранѣе, хотя тщетно, предостерегалъ пановъ отъ ихъ пагубнаго заблужденія. «Это не та старинная Русь, убѣждалъ онъ, что выходила на войну съ лукомъ и рогатиной, а опытные воины, по искуссву въ стрѣльбѣ изъ огнестрѣльнаго оружія превосходящіе квартяное войско».—«Сто нашихъ нѣмцевъ выстрѣлятъ, одного убьютъ, говорилъ онъ еще на сеймѣ 1648 г., а когда сто козаковъ выстрѣлятъ, навѣрно половина выстрѣловъ будетъ удачныхъ; шутить съ ними нельзя». Особенно-же безпокоила Киселя, съ самаго начала войны, возможность вмѣшательства въ нее государства московскаго, силы котораго были ему также знакомы, но на счетъ котораго большинство поляковъ имѣло самыя ошибочныя представленія.

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 607.

На этотъ разъ впрочемъ Киселю приходилось говорить не втунѣ, какъ до сихъ поръ: сами шляхтичи, даже и далекихъ сѣверозападныхъ воеводствъ, имѣли случай ближе познакомиться съ дѣйствительными силами козачества, увидѣли необходимость двинуться противъ него всѣми силами; и вооруженія, и сборъ войскъ, и посполитое рушенье, — все приводилось весною въ исполненіе быстро и энергично.

Между тѣмъ событія въ Брацлавщинѣ привесли Адаму Григорьевичу новое глубокое огорченіе, вполнѣ личнаго характера. Въ рядахъ войска гетмана Калиновскаго находился братъ его Николай, начальствуя хоругвью. Послѣ побѣдъ въ Красномъ и Ямполѣ, польское войско приступило къ Винницѣ, гдѣ заперся съ небольшимъ отрядомъ полковникъ Богунъ, прославившійся въ обѣихъ арміяхъ, какъ неистощимый изобрѣтатель воинскихъ хитростей, настоящій маэстро партизанской войны. Не надѣясь удержаться противъ превосходныхъ силъ, онъ вывелъ однако свой отрядъ въ боевомъ строѣ на встрѣчу полякамъ и сталъ впереди крѣпости на бебегу рѣки Буга. Лянцкоронскій со своимъ полкомъ, въ составъ котораго входила и хоругвь Киселя, кинулся въ атаку, но они попали на приготовленную Богуномъ полынью, едва успѣвшую покрыться ледяной корою и прикиданную соломою. Лянцкоронскій едва успѣлъ спастись, получивъ однако нѣсколько жестокихъ ударовъ дубиною, а многіе изъ «товарищей» погибли, въ томъ числѣ два ротмистра, Мелешко и Николай Кисель. Въ письмѣ къ канцлеру, изъ Гущи, Адамъ Григорьевичъ такъ изливаетъ скорбь свою о погибшемъ братѣ: «единый дражайшій братъ мой, единая надежда постигнутаго горестями (utrapionego) дома моего, опора моей несчастной старости». Онъ ходатайствуетъ при этомъ, чтобы уступленное имъ брату черкасское староство было предоставлено за отцовскія заслуги сыну его, Владиміру Николаевичу, тогда уже кіевскому подстолію, равно какъ и пожалованное Николаю королемъ имѣніе Черніева (?). Но не надѣясь вѣроятно на успѣхъ своей просьбы въ это время, когда не нуждались въ его дипломатическихъ услугахъ, онъ переуступилъ староство отъ себя великому гетману Николаю Потоцкому. А въ то-же время смерть брата Николая послужила поводомъ для упрековъ Адаму и съ другой стороны: Хмельницкій, оставивъ письмо его безъ отвѣта, приказалъ

только передать изустно слѣдующее: «воевода обезпечилъ меня комиссіей и перемиріемъ, а брата своего послалъ воевать при Калиновскомъ и Лянцкоронскомъ; за эту-то неправду и погибъ его братъ, о которомъ я сожалѣю, какъ о достойномъ рыцарѣ и своемъ пріятелѣ: но самъ вѣдь онъ этого захотѣлъ» [1]).

Лѣтомъ наступила гибельная для козаковъ война берестечская, и хотя есть данныя, что Адамъ Григорьевичъ находился въ это время при королѣ, но о дѣятельности его до бѣгства козацкаго войска не имѣемъ никакихъ указаній, а потому не станемъ пересказывать и общаго хода событій, достаточно извѣстныхъ. Освѣцимъ говоритъ, между прочимъ, будто въ берестечскомъ лагерѣ Киселю пришлось испытать жестокое униженіе: его устранили отъ участія въ совѣщаніи о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ осажденными козаками, когда тѣ прислали бѣлоцерковскаго полковника Крысу съ просьбою о милости. Не смотря на это, когда польское войско вступило въ Украйну, а гетманъ Радзивилъ съ литовскимъ войскомъ занялъ Кіевъ, мы встрѣчаемъ Киселя, какъ мѣстнаго воеводу и старшаго комиссара неудачной, но не уничтоженной формально комиссіи, въ лагерѣ Потоцкаго. Къ нему первому и обратился Хмельницкій съ письмомъ, прося его посредничества въ переговорахъ; на первый разъ посланцамъ козацкаго гетмана Кисель, конечно, могъ дать только тотъ отвѣтъ, какой ему былъ продиктованъ гетманомъ коронннымъ: отъ козаковъ требовали истребленія союзниковъ—татаръ, выдачи Хмельницкаго и безусловной покорности. Козаки знали, что говорится это больше ради внушенія страха, чѣмъ серьезно, а имъ самимъ нужно было только затянуть переговоры, пока соберется побольше народу, да подойдетъ орда. Хотя вслѣдъ за этимъ соединилось съ польскимъ войскомъ и литовское, но оба гетмана склонялись къ миру, въ виду крайне неблагопріятныхъ условій борьбы: вокругъ и на пути отступленія населеніе по прежнему кипѣло враждою, войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, начинались эпидеміи, а сборища Хмельницкаго все росли, расположившись на степномъ привольи по рѣкѣ Узину и до Рокитны, опираясь на близь лежащую сильную по тому времени крѣпость, Бѣлую Церковь. Потоцкій видѣлъ невыгоды своего положенія, ко-

[1]) Michał. Ks., стр. 632.

торое, затянувшись до глубокой осени, грозило сдѣлаться безвыходнымъ, и потому не поддавался совѣтамъ крайнихъ ненавистниковъ козачества, которые притомъ-же потеряли своего могущественнаго вождя, Іеремію Вишневецкаго, незадолго умершаго во время этого похода. Рѣшено было вступить въ переговоры, къ Хмельницкому поѣхалъ сначала Маковскій. Прочтя польскія предложенія, гетманъ хотѣлъ отправить ни съ чѣмъ посла, вообще онъ отнесся вовсе не съ той покорностью, какой отъ него ожидали. Въ концѣ концовъ, польскіе вожди, по возвращеніи Маковскаго, согласились послать въ Бѣлую Церковь комиссаровъ, съ кіевскимъ воеводою [1]) во главѣ, такъ какъ Хмельницкій на отрѣзъ отказался ѣхать въ ихъ лагерь. Другіе комиссары были: смоленскій воевода Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Гонсѣвскій и браславскій подсудокъ Косаковскій. При проѣздѣ черезъ толпившійся около крѣпости козацкій обозъ, чернь, не смотря на присутствіе сильнаго конвоя изъ козаковъ, осыпала комиссаровъ ругательствами и угрозами. Попробовалъ было Кисель уговаривать кричавшихъ, надѣясь, что они окажутъ уваженіе къ его сѣдинамъ, и ссылаясь на свое русское происхожденіе: «мы не ляхи, говорилъ онъ имъ, мои кости такія-же русскія, какъ и ваши», но здѣсь-то и пришлось ему выслушать горькій упрекъ: «кости твои точно русскія, да только слишкомъ обросли онѣ польскимъ мясомъ!»

Хмельницкій и старшины приняли комиссаровъ радушно и соглашались на большую часть предложенныхъ условій мира, такъ что переговоры заняли времени очень немного. Совсѣмъ иное дѣло было съ чернью, которая и слышать не хотѣла о возстановленіи помѣщичьей власти и барщинѣ. Когда стали читать договоръ и замѣчены были относящіяся къ этому предмету статьи, поднялся настоящій бунтъ не только противъ комиссаровъ, но и противъ самого гетмана и всей старшины. Всѣ должны были укрыться въ замокъ, къ которому стала приступать чернь, кидая каменьями и стрѣляя въ окна. Одна стрѣла едва не попала въ голову Киселю. Оставивъ пановъ внутри замка, Хмельницкій со старшинами кинулся усмирять мятежниковъ въ рукопашную, а Выговскій старался вра-

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 423.—Снова, какъ о радѣ 1637 года, напрасно сказано, будто Кисель «вызвался» въ коммисары: источники объ этомъ умалчиваютъ, и это было-бы совсѣмъ не въ порядкѣ вещей.

зумить ихъ, указывая на неприкосновенность пословъ у всѣхъ народовъ и на то, что между комиссарами ляховъ нѣтъ, — двое изъ нихъ русины, а двое изъ литовскаго войска. «Правда, говорили иные, Кисель русскій, а то литовцы, обидъ они намъ никогда не дѣлали. Знали ляхи, кого послать. Вотъ если-бъ настоящіе ляхи пришли, тѣ-бы уже не вышли отсюда!» Пробывъ еще сутки въ замкѣ, комиссары едва могли выбраться изъ толпы, подъ прикрытіемъ козацкой старшины; ей проходилось прибѣгать къ оружію, и даже самъ гетманъ убилъ булавою нѣсколькихъ изъ нападавшихъ. Но лишь только прикрытіе оставило ихъ среди открытой степи, полагая достаточнымъ раздѣлявшее ихъ отъ скопища черни разстояніе, какъ вновь настигла ихъ толпа хлоповъ и татаръ, высадила ихъ изъ экипажей, обобрала всѣ бывшія при нихъ вещи, драгоцѣнности, обрывала даже дорогую обивку панскихъ рыдвановъ. Кисель съ Коссаковскимъ оцѣнивали свои потери въ тридцать, а Глѣбовичъ съ Гонсѣвскимъ въ сто тысячъ злотыхъ. Напрасны оказались и здѣсь увѣщанія Киселя, продолжавшаго доказывать грабителямъ, что они ему братья, находившіеся между ними татары возражали ломаннымъ нарѣчіемъ, что не уменьшало ироніи: «лашка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка». Этимъ еще не окончились труды и непріятности комиссаровъ вообще и въ томъ числѣ Киселя.

Ограбленные, они встрѣтили все войско, подвигавшееся отъ Германовки къ Бѣлой Церкви. Вслѣдъ за ними прибыли послы отъ козаковъ, заявляя о согласіи ихъ на договоренныя статьи и приглашая комиссаровъ къ своему лагерю для взаимной присяги. Въ пріемѣ этихъ пословъ польскими гетманами сказалось, между прочимъ, и то различіе воззрѣній, какое обнаруживалось въ другихъ случаяхъ между Киселемъ и его товарищами по сенату. Потоцкій относился къ козакамъ сдержанно и вѣжливо; онъ болѣе руководствовался требованіями политическихъ обстоятельствъ, чѣмъ порывами личнаго чувства. Такъ и въ началѣ этихъ переговоровъ онъ долженъ былъ убѣждать непримиримыхъ враговъ козачества, требовавшихъ битвы и окончательнаго его пораженія. «Русь, говорилъ онъ имъ, тогда только можетъ быть побѣждена совершенно, когда погибнетъ, когда весь край обезлюдѣетъ и граница королевства станетъ открытою для невѣрныхъ». Иначе относился къ нимъ Калиновскій, отражавшій

взгляды Вишневецкаго, Конецпольскаго и проч. Когда Потоцкій предложилъ казацкимъ посламъ садиться, чтобы слушать ихъ посольство въ собраніи начальствующихъ лицъ, Калиновскій рѣзко замѣтилъ, что не здѣсь сидѣть они достойны, а на тѣхъ кольяхъ, какіе онъ для нихъ приготовилъ [1]).

Враждебные лагери сблизились, а на другой день комиссары расположились на урочищѣ Острой Могилѣ, въ богатомъ шатрѣ, ожидая Выговскаго и полковниковъ для присяги. Но вмѣсто того явился черкасскій полковой судья Одынецъ съ одинадцатью товарищами, въ качествѣ представителей большинства войска; требуя отмѣны договоренныхъ пунктовъ о правѣ коронныхъ войскъ располагаться на стоянку въ козацкой торриторіи, о сокращеніи числа реестровыхъ на половину, до двадцати тысячъ, они начали наконецъ прямо требовать постановленія договора согласно зборовскимъ статьямъ. На возраженіе Киселя, что все уже договорено съ гетманомъ и окончено въ Бѣлой Церкви, они отозвались незнаніемъ, такъ какъ съ гетманомъ разминулись, ѣдучи отъ войсва, а оно ихъ послало съ такими именно требованіями. Кисель сталъ упрекать ихъ желаніемъ подчиниться турецкому султану, который ихъ обманываетъ, обѣщаетъ многое, а потомъ станетъ силою обращать въ мусульманство. Но напрасно онъ пытался подѣйствовать на ихъ религіозное чувство, они все ссылались на порученіе войска. «Мы уѣзжаемъ, сказалъ тогда Кисель, и призываемъ Бога во свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ».

Переговоры были прерваны, заложники обоюдно возвращены. Пылкія головы съ обѣихъ сторонъ требовали сраженія. Но Потоцкій и Хмельницкій, оба люди опытные, одинаково видѣли сомнительность исхода, не рѣшались поэтому ставить всего на одну карту и оба одиново притворились невѣдающими, что дѣлается; они выжидали, одинаково разсчитывая воспользоваться успѣхомъ, если-бы онъ оказался на ихъ сторонѣ, или-же вмѣшаться во время, чтобы своимъ вліяніемъ и властью отвратить возможное пораженіе. 23 (13) сентября, подзадоренный вызовами татаръ, Радзивилъ напалъ на козацкое войско; но хотя онъ одержалъ верхъ, ему не

[1]) «Кіевская Старина» 1882 г., декабрь, Дневникъ Освюцима, стр. 548.

оказали поддержки. На утро Хмельницкій прислалъ остававшагося въ Бѣлой Церкви поляка Райтаровскиго, письменно извиняясь въ недоразумѣніи, происшедшемъ безъ его вѣдома и противъ его воли; онъ просилъ скорѣе выслать пословъ для окончанія договора. Отвѣтилъ ему, по приказанію великаго гетмана, Кисель. «Очевидно, писалъ онъ, что вы думаете искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго положенія. Что это за презрѣнные хлопы являлись къ намъ вмѣсто заслуженныхъ козаковъ и требовали зборовскаго договора, о которомъ въ Бѣлой Церкви и помину не было? Впрочемъ, если искренно желаете мира, высылайте пословъ, для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени». Къ полудню, вмѣсто пословъ, польскій лагерь окружило все козацкое войско съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ татаръ, возобновилась битва жесточе вчерашней, а вечеромъ козацкій гетманъ прислалъ новыя извиненія. Такая-же кровавая комедія продолжалась и на слѣдующій день, опять безъ рѣшительнаго исхода.

Это обстоятельство должно было подѣйствовать примирительно на самихъ задорныхъ, особенно въ связи съ трехдневнымъ осеннихъ дождемъ, съ усиленіемъ въ обоихъ лагеряхъ эпидемической смертности и съ неблагопріятными для обѣихъ сторонъ извѣстіями: къ козакамъ замедлила орда, а литовцы узнали, что оставшаяся въ Любечѣ часть ихъ войска осаждена козаками. Между панами иные продолжали требовать рѣшительнаго сраженія. Убѣждать ихъ пришлось Киселю. «Если подъ Берестечкомъ, въ чужой землѣ,—толковалъ онъ имъ,—въ дурномъ мѣстоположеніи, оставленные гетманомъ и татарами, окруженные въ трое многочисленнѣйшимъ войскомъ, козаки все-таки не только не сдались, а ушли на нашихъ глазахъ и разрушили наши планы, то возможно-ли безъ труда покорить этотъ народъ въ его собственной землѣ? Удовольствуемся и тѣмъ, что можемъ хоть на время залечить раны отечества и пріискать средства, чтобы укротить посполъство и пріучить его къ повиновенію». Теперь подобныя рѣчи находили доступъ и къ тѣмъ, кто такъ недавно еще отказывался ихъ слушать. Притомъ-же самъ Кисель указывалъ на непрочность заключаемаго теперь мира, на его временный характеръ и неизбѣжность будущаго его нарушенія. Но едва-ли мы ошибаемся, полагая, что Кисель видѣлъ опасность нарушенія вовсе не въ томъ, что бѣлоцерковскими статьями оста-

нутся недовольны поляки, для которыхъ они представляли большой выигрышъ противъ зборовскихъ. За то ясно было ему, что такимъ миромъ не удовлетворится Украйна, у которой онъ отнималъ большую часть завоеваннаго съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ, а по нѣкоторымъ пунктамъ, именно по вопросу объ уничтоженіи уніи, новый договоръ давалъ Руси даже менѣе того, чего требовать считалъ себя вправѣ и самъ Кисель. Непрочность мира обнаружилась вскорѣ: не могъ утвердить его сеймъ, «сорванный» единымъ голосомъ подкрѣпленнаго унитскаго депутата Сицинскаго, а ровно черезъ полгода по его заключеніи (27 сентября новаго стиля) разразилась батогская катастрофа, и голова Калиновскаго, грозившаго сажать на колъ козацкихъ пословъ, была взоткнута на козацкую пику...

Участіе въ заключеніи бѣлоцерковскаго договора было послѣднимъ актомъ служебной дѣятельности Адама Григорьевича, о которомъ мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія. Затѣмъ, нѣтъ даже прямыхъ указаній, гдѣ провелъ онъ остальное время своей жизни. Судя по тому, что на основаніи договора коронныя войска остались зимовать въ Украйнѣ, можно полагать, что и онъ провелъ зиму 1651—1652 г. въ своемъ воеводскомъ городѣ, Кіевѣ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и упоминаніе кіевскаго воеводы въ составѣ и даже во главѣ особой коммисіи для раскрытія виновныхъ въ возникавшихъ тогда по разнымъ мѣстамъ волненіяхъ и смутахъ противъ польскаго войска и для суда надъ ними [1]. Отсюда-же, т. е. изъ Кіева, написано повидимому и послѣднее изъ извѣстныхъ намъ писемъ воеводы къ королю, 23 января 1652 г., безъ означенія мѣста. Письмо это, сколько намъ извѣстно, не обращало на себя вниманія изслѣдователей; и точно, оно заключаетъ мало новыхъ фактическихъ указаній. Но для цѣли настоящей статьи оно представляетъ высокій интересъ, свидѣтельствуя, что теперь Кисель, оправившійся въ своей тяжелой борьбѣ съ преобладающими шовинистами на короля и его немногочисленныхъ сторонниковъ, разочаровался окончательно и въ самомъ королѣ. Янъ-Казиміръ къ этому времени изъ безпристрастнаго представителя верховной власти, какимъ онъ если и не былъ, то притворялся

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 13, 14.

доселѣ, сталъ открытымъ сторонникомъ фанатическаго большинства, ультра-шляхетскаго и ультра-католическаго. И вотъ мы видимъ, что человѣкъ, котораго современники обоихъ борющихся лагерей постоянно обвиняли въ интриганствѣ, въ двоедушіи, не колеблясь высказываетъ монарху свой искренній взглядъ на печальное будущее отечества. Лично у него нѣтъ никакихъ побужденій къ подобной откровенности, онъ говоритъ только по обязанности; мало того: онъ не имѣетъ никакой надежды, что голосъ его будетъ услышанъ и принятъ во вниманіе. Это отражается въ самомъ тонѣ письма: вмѣсто горячихъ представленій, какими наполнены всѣ его прежнія письма, вмѣсто серьезной аргументаціи, здѣсь все проникнуто одной горечью, а изъ-за почтительной внѣшней формы сквозитъ не очень даже тщательно скрываемый сарказмъ... Вотъ возможно точный переводъ этого письма цѣликомъ:

«Всепресвѣтлѣйшій милостивый король! Хотя и всегда подозрительною была моя вѣрность Рѣчи Посполитой и не гражданиномъ, а предателемъ отечества меня зовутъ, но что-же съ этимъ подѣлать, если уже такъ повелѣваетъ человѣческій разумъ? Иному и быть не слѣдуетъ! Претерпѣть тягчайшее, то и есть признакъ спасеннаго: считай себя грѣшнымъ, когда тебя канонизуютъ. Но все-же, будучи какимъ-то плохимъ сенаторомъ и подданнымъ вашей королевской милости, я не въ состояніи умолчать о томъ, о чемъ говорить требуетъ и совѣсть, и голосъ оскорбленной природы. Ваша королевская милость соизволила дать Хмельницкому письменный выговоръ; но это въ немъ ничего хорошаго, а только еще болѣе злого возбудило. Сейчасъ-же прислалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Не мало провелъ я времени въ размышленіяхъ, пока собрался отвѣтить; но могъ посовѣтовать ему только то, чтобы онъ судилъ хладнокровно, не возставалъ болѣе противъ Бога и государя, не приводилъ къ окончательному опустошенію Украйну и не преступалъ-бы своей присяги. Не знаю, останется-ли онъ доволенъ такимъ совѣтомъ. Вижу только, что это невкусное для него посланіе вашей королевской милости возбудило въ немъ новые порывы, пылкіе замыслы и вызвало быструю перемѣну стремленій. Вѣроятно, обидится онъ и на меня за такое доброжелательство, станетъ издѣваться надъ моими совѣтами передъ всѣмъ козачествомъ, склоняя

его къ своимъ новымъ намѣреніямъ. И какъ понялъ я изъ письма его, копію котораго, не утаивая предъ вашей королевской милостью, при семъ прилагаю, позаботится онъ о татарахъ: не по желанію вашей королевской милости, а по собственному замышленію, привлечетъ и приведетъ ихъ на дальнѣйшую пагубу отечества. Свидѣтельствуютъ о томъ многочисленныя писанія самаго хана и султана нурадина, который имѣетъ на готовѣ шестьдесятъ тысячъ войска. Лишь-бы только далъ знать Хмельницкій, они навѣрное поспѣшатъ къ нему; я не увѣренъ даже, не кочуютъ-ли уже они гдѣ нибудь вблизи. Поэтому-то распространяются между посполъствомъ толки, будто нынѣшній сеймъ не принесетъ никакой пользы, а только замѣшательство въ государствѣ и злонамѣренное потрясеніе Рѣчи Посполитой со стороны ропщущихъ и возбужденныхъ противъ вашей королевской милости людей. Вѣрно-ли это, или нѣтъ, о семъ неизвѣстно мнѣ; но выдаютъ за вѣрное, да и самъ Хмельницкій преисполненъ увѣренности.

«Тому однако я удивляюсь, что войска вашей королевской милости гдѣ-то опочили и не подаютъ о себѣ слуха. Поступаютъ-ли они такъ ради козацкихъ бунтовъ, или-же не намѣрены помогать ни той, ни другой сторонѣ,—пусть разрѣшаетъ загадку Эдипъ. Вѣрнѣе ожидать, что все это столкновеніе взвалится на козаковъ, сеймъ-же пребудетъ сеймомъ, государь государемъ, и Рѣчь Посполитая останется Рѣчью Посполитой.

«Козаки-же новыя находятъ для себя примѣты и предзнаменованія въ благополучномъ перворожденіи потомка вашей королевской милости, предсказывая, что будетъ онъ въ мірѣ вторымъ Александромъ; толкуютъ, что понесетъ иго рабства его не только козачество, но и многіе народы. И дай Богъ такимъ предсказаніямъ счастливой удачи, чтобы сбылись они даже до самой Африки! Хмельницкій и пословъ своихъ намѣревался послать къ вашей королевской милости по этому случаю, но кажется передумалъ, въ силу того писанія (т. е. королевскаго выговора).

«И я, калѣка, радъ-бы хоть на костыляхъ отправиться и увидѣть вашу королевскую милость въ добромъ здравіи. Но не знаю, удастся-ли мнѣ это. Должно быть, мнѣ уже остается только взывать по святымъ церквямъ имя Господне, молясь о нуждахъ государства. Не имѣя на сей разъ донести ничего болѣе и не же-

лая отягчать себя грѣхомъ упоминанія о частныхъ дѣлахъ, настоящій листокъ мой (kartelusz) и себя самаго повергаю къ стопамъ вашей королевской милости, государя моего всемилостивѣйшаго» [1]).

Послѣдній годъ своей жизни провелъ Адамъ Григорьевичъ вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, какъ вслѣдствіе совершеннаго отчужденія отъ него покровительствовавшаго ему ранѣе короля, такъ и вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которою страдалъ онъ уже давно. Мы упоминали объ этомъ, разсказывая о его посольской поѣздкѣ въ Переяславъ въ началѣ 1649 г.; два года спустя, въ одномъ изъ писемъ къ Радзѣіовскому, онъ извиняется, что не пишетъ собственноручно, по причинѣ хирагрической опухоли руки. Умеръ онъ въ 1653 году, по словамъ Нѣсецкаго, малороссійскихъ хронистовъ XVIII вѣка и надписи на портретѣ, изданномъ при «Кіевской Старинѣ» [2]). Но ни одинъ изъ этихъ источниковъ не указываетъ ни мѣста его кончины, ни точной даты; только изъ упоминаній преемника его, Станислава Потоцкаго, съ титуломъ кіевскаго воеводы уже въ концѣ февраля 1653 г., видно, что смерть Киселя должна была послѣдовать въ самомъ началѣ этого года. Такъ велико, какъ видимъ, было забвеніе современниковъ, постигшее его еще при жизни, что даже въ недалекое время спустя панегиристъ Потоцкій приписывалъ ему участіе въ событіяхъ 1654 и 1656 годовъ. Составленное имъ фразистое Elogium цитируется Нѣсецкимъ; но оно не представляетъ никакого серьезнаго интереса по содержанію, а потому мы и не приводимъ его здѣсь.

Изъ посмертныхъ распоряженій Адама Григорьевича намъ извѣстно пока только одно, которымъ онъ предоставилъ кіевскому братскому монастырю съ его коллегіей нѣкоторыя свои имѣнія, лежащія по сосѣдству, именно Позняки за Днѣпромъ (на лугу близъ полотна желѣзной дороги), а по сю сторону упоминавшіяся уже выше Новоселки, тогда мѣстечко, съ принадлежавшими къ нему деревнями: Богушовка, Звонки и Вобковщина. Даръ этотъ, по стеченію судебъ, подтвердилъ монастырю въ 1670 году сынъ самаго непримиримаго политическаго противника Киселя,—польскій

[1]) Michalowskiego Księga pamiętnicza, № 245.

[2]) Kor. Polska, т. II, стр. 520; Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 года, стр. 237; «Кіевская Старина» 1875 г., августъ, стр. 749.

король Михаилъ Іеремiевичъ Вишневецкій [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что Кисель состоялъ въ числѣ попечителей коллегіи, которымъ отдалъ ее «in patrocinium» митрополитъ Петръ Могила завѣщаніемъ своимъ 22 декабря 1646 г.; тѣмъ-же завѣщаніемъ онъ назначилъ Киселя однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ, а должныя ему Киселемъ 55,000 злотыхъ отказалъ той-же коллегіи [2]).

Память о Киселѣ сохранилась до сихъ поръ въ Кіевѣ, въ наименованіи «Киселевкою» бывшей замковой горы, между Подоломъ, Андреевскимъ спускомъ, Воздвиженской улицей и урочищемъ Гончарами; почти вся она вошла въ ограду флоровскаго дѣвичьяго монастыря, и на ней теперь расположено монастырское кладбище, съ хорошо знакомою всѣмъ кіевлянамъ живописною церковью, на мѣстѣ прежняго замка. Имя Киселя связалось съ этой горою потому, вѣроятно, что онъ едва-ли не единственный воевода польской эпохи, проживавшій здѣсь дважды довольно подолгу, именно зимы 1649, весь 1650, и снова зиму 1651—1652 годовъ. Послѣ него ни одинъ воевода здѣсь уже не жилъ, а очень скоро погибъ и самый замокъ.

Намъ оставалось-бы теперь свести воедино отдѣльныя черты, характеризующія личность Адама Григорьевича Киселя, намѣченныя порознь въ предыдущемъ изложеніи, и, на основаніи послѣдняго, попытаться возстановить цѣльный его обликъ, съ какимъ онъ представляется намъ, въ смыслѣ дѣятеля общественнаго. Но мы не можемъ этого сдѣлать безъ нѣкотораго отклоненія въ сторону, безъ нѣкотораго оттѣнка полемики, имѣя въ этомъ отношеніи такое установившееся о Киселѣ мнѣніе, которое несогласно съ сдѣланными нами о немъ изслѣдованіями. Правда, въ исторіографіи южнорусской Киселю не было посвящено нарочитаго изслѣдованія, а потому и взгляды на него не высказывались съ достаточной законченностью и опредѣленностью; но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ дѣятельность Киселя можетъ быть истолкована и оцѣнена

---

[1]) Памятники, т. II, отд. 1, стр. 242; Богушовка теперь предмѣстье мѣстечка Ясногородки, Новоселки село, а Звонкова деревня въ томъ-же кіевскомъ уѣздѣ, южнѣе; Зобковщины теперь нѣтъ.

[2]) Также, стр. 154—180.

двояко, прорывается у историковъ недостатокъ полнаго безпристрастія, и притомъ не въ пользу Киселя. Подобный взглядъ на Киселя въ нашей читающей публикѣ сложился особенно подъ вліяніемъ изслѣдованій Костомарова, въ трудѣ котораго о Богданѣ Хмельницкомъ на личность и характеръ дѣятельности Киселя набрасывается тѣнь нерѣдко одной какой нибудь фразой, иногда однимъ только словомъ. Говоря о козацкой радѣ 1637 года въ Корсунѣ, историкъ пишетъ: «послѣ этой рады Кисель писалъ коронному гетману, что для того, чтобы держать козаковъ въ послушаніи, лучшее средство—имѣть въ козацкомъ войскѣ *шпіоновъ*, и зная все, что у нихъ дѣлается, *подкупать* при надобности *старшинъ*, но постоянно *ссорить ихъ между собою*, чтобы не допустить между козаками единства и согласія». А нѣсколько ниже, въ описаніи кумейской битвы, читаемъ: «Кисель, русскій по происхожденію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воздыханій, увидя своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. Славные люди, говорилъ онъ, какъ смѣло, какъ бодро идутъ они на смерть! Зачѣмъ идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ Христова креста?» Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что тотъ-же Кисель этихъ-же козаковъ, «*выступивъ* посредникомъ между ними и правительствомъ», «*водилъ обѣщаніями*, назначалъ имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили, назначалъ другіе» и т. д. Или еще: «старшимъ у козаковъ былъ Томиленко, *патріотъ, прямодушный простакъ*, управляемый *лукавымъ* писаремъ своимъ Онушкевичемъ, *угодникомъ Киселя*» [1]). Отзывы о Киселѣ не только неблагопріятные, но даже противурѣчивые. А такихъ мѣстъ въ названномъ трудѣ нашего историка, въ первомъ и второмъ томѣ, найдется нѣсколько десятковъ. Объясняется это, положимъ, нѣкоторымъ субъективизмомъ автора и разнохарактерностію самихъ матеріаловъ для изученія той эпохи: гдѣ историкъ пользовался источникомъ польскимъ, пристрастно нападающимъ на Киселя, онъ склоненъ взять послѣдняго подъ свою защиту, и потому изображаетъ его въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ; гдѣ-же за основаніе принятъ источникъ русскій, содержащій жалобы на Киселя, напримѣръ, за нарушеніе данныхъ имъ обѣщаній или

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124, 125. 131, 144.

заключеннаго имъ договора, хотя это нарушеніе дѣлалось вовсе не имъ самимъ и вопреки его волѣ, людьми противной ему партіи, но такими-же представителями Рѣчи Посполитой,—историкъ слѣдуетъ такому источнику слишкомъ усердно, самъ проникаясь его предубѣжденіями. Но есть другая причина противорѣчивыхъ взглядовъ на Киселя и неправильной оцѣнки его дѣятельности; она лежитъ глубже, и читателю гораздо труднѣе ее замѣтить, чѣмъ субъективизмъ просто личный. Это, если можно такъ выразиться, субъективизмъ эпохи. Судя о прошломъ, намъ до высшей степени трудно проникнуться духомъ разсматриваемой эпохи, чтобы оцѣнить людей и факты съ такой точки зрѣнія, съ какой *должны были-бы* разсматривать ихъ *безпристрастные*, но *современные* имъ люди. Мы всегда готовы переносить туда взгляды и требованія *нашего* времени: пріемъ безспорно необходимый для правильнаго освѣщенія *событій*, въ отношеніи ихъ *причиннаго* вліянія на послѣдующій ходъ исторіи, но онъ оказывается неправильнымъ и негоднымъ въ примѣненіи къ *нравственной* оцѣнкѣ историческихъ *личностей*.

Примѣнимъ къ конкретному примѣру Адама Григорьевича Киселя только что высказанныя общія положенія.

Въ эпоху великой борьбы, въ которую пришлось Киселю жить и дѣйствовать, между борющимся сторонами было нѣсколько пунктовъ разногласій; но ни та, ни другая сторона не имѣли такихъ представителей, которые совмѣщали-бы въ себѣ всѣ принципы своего лагеря, ясно ихъ сознавая. Программы ихъ, какъ онѣ намъ представляются ретроспективно, на самомъ дѣлѣ никѣмъ тогда не были изложены и проводимы во всей полнотѣ и послѣдовательности; намѣчены они были всѣмъ историческимъ прошлымъ Польши и западной Руси, и осуществлялись *массами польско-католической шляхты* съ одной и *русско-православнаго хлопства* съ другой стороны.

Взаимная ихъ борьба обнаружила три пункта разногласія, и они были для всѣхъ ясны. Яркими представителями первой стороны являются люди, въ родѣ Іереміи Вашневецкаго, признававшаго въ тогдашней Рѣчи Посполитой только одну народность—польскую, одно исповѣданіе—католическое, одно правоспособное сословіе шляхетское; столь-же рѣзко выражаются тенденціи прямо противоположныя въ Данилѣ Нечаѣ, а еще болѣе, немного спустя, въ Пуш-

карѣ Мартынѣ. Мы говорили уже о томъ, что Кисель по отношенію къ этимъ пунктамъ двоился, что народность и вѣра влекли его въ одинъ лагерь, а воззрѣнія соціальныя въ другой. Онъ не былъ такимъ закоснѣлымъ приверженцемъ шляхетской замкнутости, какъ Вишневецкій, онъ готовъ былъ допустить предоставленіе полноправности козакамъ, хотя-бы даже въ очень большомъ числѣ, но все-же только въ смыслѣ сословія. Онъ и ранѣе отличалъ ихъ отъ посполъства, признавалъ необходимость иного къ нимъ отношенія, чѣмъ къ крестьянской массѣ. Но для Киселя немыслима была пушкаревская безсословность, въ этомъ отношеніи онъ не былъ впереди своихъ согражданъ шляхетскаго происхожденія.

За то была у Киселя, и притомъ съ характеромъ преобладанія, чрезвычайно важная политически и вполнѣ ясно имъ сознаваемая идея, та самая, которую Костомаровъ видитъ у Хмельницкаго, идея *государственности*. Для Киселя, сколько мы успѣли уяснить себѣ мотивы и побужденія его дѣйствій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, она всегда стояла на первомъ планѣ; девизомъ всей его общественной дѣятельности слѣдуетъ признать «salus Reipublicae—suprema lex», и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлою головою выше не только Пушкаря, но и Вишневецкаго со всею рукоплескавшею ему шляхтою.

И если только мы взглянемъ на Киселя съ этой именно точки зрѣнія, намъ сразу станутъ понятны и разрѣшатся всѣ кажущіяся противорѣчія въ его поступкахъ; напротивъ, въ нихъ обнаруживается замѣчательная выдержка и послѣдовательность, не допускающія даже и мысли о двуличіи и притворствѣ.

Начнемъ съ вопроса соціальнаго, раздѣлявшаго Киселя отъ его земляковъ и единовѣрцевъ, т. е. отъ тѣхъ изъ нихъ, кто не принадлежалъ къ шляхтѣ. Мы знаемъ, что онъ никогда не кривилъ душою въ этомъ отношеніи, никогда не давалъ козакамъ, въ переговорахъ съ ними, неисполнимыхъ обѣщаній. Напротивъ, онъ высказывался предъ ними откровенно и прямодушно. «Пусть воюютъ козаки, убѣждалъ онъ Хмельницкаго, а хлопы пусть пашутъ». Онъ соглашался на увеличеніе числа козаковъ, не стоялъ за ту или иную цифру, но требовалъ, чтобы цифра эта была опредѣленная, чтобы козачество не обращалось въ нѣчто растяжимое и не поглощало въ себя крестьянской массы. Во всѣхъ своихъ перего-

ворахъ и договорахъ онъ твердо и послѣдовательно настаивалъ, чтобы все поспольство, которое не войдетъ въ реестръ, было обращено къ послушанію своимъ господамъ. Но если такая послѣдовательность со стороны Киселя не представляетъ ничего неожиданнаго для тѣхъ, кто составилъ себѣ о немъ невыгодное понятіе, то этого нельзя уже сказать о его отношеніяхъ собственно къ козачеству. Судя по постояннымъ обвиненіямъ его современниками, можно-бы думать, что политика его по этому вопросу представляла рядъ неустанныхъ колебаній; язвительныя замѣчанія и намеки современныхъ намъ историковъ наводятъ на мысль, что онъ двоедушничалъ, старался услужить нашимъ и вашимъ въ одно и то-же время. А на повѣрку выходитъ иное. Если взять хронологическій рядъ фактовъ, независимо отъ придаваемаго имъ тѣмъ или инымъ источникомъ освѣщенія, то увидимъ, что и здѣсь взгляды Киселя оставались все время одни и тѣ-же; вся разница только въ объемѣ ихъ примѣненія въ разныя времена, согласно требованіямъ измѣняющихся обстоятельствъ; другое различіе сводится къ формѣ выраженія, но невозможно-же убѣждать одну изъ враждующихъ сторонъ тѣми-же самыми словами, какія приходится обращать къ другой. А сущность оказывается одинаковой.

Козачество не могло служить Киселю идеаломъ; чуть только оно принимало антишляхетскій наступательный характеръ, оно становилось ему несочувственнымъ, даже враждебнымъ. Но онъ не допускалъ при этомъ мысли о попыткахъ уничтожить козачество совершенно, видя ихъ безплодность и пагубныя послѣдствія, а главнымъ образомъ потому, что признавалъ существованіе козачества необходимымъ въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой. Ratio status и здѣсь брала у него верхъ надъ другими соображеніями. По настоящему, можно даже удивляться, зная духъ и обстоятельства времени, той прямотѣ и откровенности, съ какими онъ излагалъ свои соображенія обѣимъ сторонамъ, не въ одинаковой только формѣ. Находясь въ *польскомъ* лагерѣ подъ Кумейками, онъ не старается скрыть предъ окружающими охватившей его искренней скорби при видѣ идущихъ на гибель козаковъ; воздавая должную дань ихъ воинской доблести, онъ сожалѣетъ только о ея ненадлежащемъ направленіи. Что-бы обратить ее на услуги государству, Кисель беретъ на себя исходатайствовать помилованіе вождю бун-

товщиковъ, Павлюку, и всю жизнь впослѣдствіи упрекаетъ тѣхъ, кто нарушилъ данное имъ слово. Десять лѣтъ спустя онъ предостерегаетъ короля Владислава противъ опасностей, какими грозятъ утѣсненія и несправедливости въ отношеніи козаковъ. Когда опасность разразилась, онъ спѣшитъ убѣждать своихъ сотоварищей по сенату, въ лицѣ примаса, что козачество это *malum necessarium*, а въ то-же время, для облегченія возможности достигнуть мирнаго исхода распри, рѣшается вступить въ непосредственныя сношенія съ козаками, единственный разъ по собственному почину, но это случилось во время безкоролевья. И теперь, и позже, обѣимъ сторонамъ онъ приводитъ одни и тѣ-же доказательства въ пользу мира, основанныя на соображеніяхъ государственныхъ. Канцлеру писалъ онъ (февраль 1651), что побѣда надъ козаками возможна только при чрезвычайномъ напряженіи противной стороны, что она до крайности ослабитъ силы государства вообще и даже въ случаѣ полнѣйшаго успѣха очиститъ только дорогу невѣрнымъ; это почти буквально то-же самое, что говорилъ Кисель раньше (февраль 1649) Хмельницкому, поставляя ему на видъ, что какъ Польша и Литва не въ силахъ противостать невѣрнымъ безъ помощи Запорожья, такъ не удержится противъ нихъ и козачество безъ опоры въ польскомъ войскѣ. Трудно, кажется, быть послѣдовательнѣе и выражаться болѣе опредѣленно.

Переходимъ къ вопросу вѣроисповѣдному. Никто и никогда не заподазривалъ искренности убѣжденій Киселя въ этомъ пунктѣ. Съ самой смерти Сигизмунда III онъ неизмѣнно выступаетъ защитникомъ православія на сеймахъ, а получивъ доступъ въ сенатъ, начинаетъ считать себя естественнымъ представителемъ и защитникомъ его интересовъ въ сенатѣ. Побужденій личныхъ здѣсь, конечно, быть не могло, напротивъ, отстаиваніе интересовъ слабѣйшей и даже преслѣдуемой стороны влекло за собою однѣ только невыгоды. Позже Кисель, котораго подчасъ выставляютъ человѣкомъ черезчуръ алчнымъ къ благамъ міра сего, основываетъ на свой счетъ монастыри въ Гущѣ, въ Максаковѣ, даритъ имѣнія кіевскому братству. Къ нему относился съ полнымъ довѣріемъ такой опытный человѣкъ, какъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Словомъ, приверженность его православію внѣ всякаго сомнѣнія. Но когда пришлось настаивать на необходимости уничтоженія уніи, Кисель прямо вы-

сказываетъ въ письмѣ къ королю (октябрь 1650 г.), что онъ вовсе не фанатикъ, что оба обряда въ его глазахъ равны, ибо сущность у нихъ одна и та-же [1]), но уничтожить унію необходимо, опять таки по соображеніямъ государственнымъ. И знаменательно, что Кисель, не стѣсняясь, высказывалъ подобный взглядъ Хмельницкому, убѣждая его, что исповѣдный вопросъ имѣетъ въ сущности только подчиненное значеніе: «не будетъ ничего, писалъ онъ ему въ февралѣ 1651 г., и изъ русской вѣры, коль скоро не станетъ насъ самихъ, представителей Руси» [2]). Кисель, какъ видимъ, ставилъ человѣка выше субботы...

Въ приведенныхъ словахъ Киселя къ Хмельницкому, онъ сопоставляетъ его съ собою, какъ одинаково *русскимъ* и, не стѣсняясь, цитируетъ это свое выраженіе въ письмѣ къ коронному вицеканлеру. Вотъ въ этомъ именно пунктѣ, въ отношеніи вопроса національнаго, и является наибольше путаницы во взглядахъ на Киселя его современниковъ, а равно и нашихъ. Первые находили, что симпатіи Киселя, защитника православія и открыто причисляющаго себя къ Руси, должны всецѣло лежать по сторонѣ схизматическаго плебса, въ пользу котораго онъ измѣняетъ польскому государству; мы-же, перенося современныя намъ понятія въ XVII вѣкъ, затрудняемся понять, какимъ образомъ православный русскій могъ очутиться въ минуту борьбы въ польскомъ лагерѣ, и готовы признать его измѣнникомъ своему народному дѣлу. Но взглянувъ нѣсколько шире и всестороннѣе, приходится только признать, что у Киселя *народность*, въ смыслѣ этнографическомъ, не совпадала съ *національностью*, въ значеніи государственномъ. Патріотически защищая первую, сознательно обособлявшуюся въ то время только въ сферѣ церковной, Кисель тѣмъ менѣе склоненъ былъ поступиться второю. Съ этой послѣдней точки зрѣнія онъ былъ не только русскимъ патріотомъ, но еще болѣе патріотомъ Рѣчи Посполитой, внѣ которой онъ не могъ даже помыслить ни самого себя, ни своего русскаго патріотизма. Разрывъ съ нею, съ желаніемъ основать особое самостоятельное государство, а тѣмъ болѣе съ цѣлью подчиниться другому, въ глазахъ Киселя былъ ничѣмъ инымъ, какъ позорнымъ актомъ

[1]) Michałovskiego Księga, стр. 547.

[2]) Тамъ-же, стр. 608.

государственной измѣны. Чернь и представитель ея Пушкарь не мудрствовали, а прямо переходили подъ московскую державу, Хмельницкій рѣшился на этотъ шагъ только послѣ долгихъ колебаній, Кисель не сдѣлалъ-бы его никогда.

Чтобы лучше пояснить указанное нами различіе въ Киселѣ патріотизма народнаго отъ національнаго (столь часто и столь-же неосновательно смѣшиваемыхъ, замѣтимъ, и въ современной мѣстной жизни), попробуемъ показать соотвѣтственную параллель, взявъ за основаніе окружающія насъ обстоятельства. Допустимъ такое предположеніе. Намѣстникомъ Галиціи состоитъ мѣстный русинъ уніатъ, а въ подольской или волынской губерніи губернаторъ католикъ польской народности, хотя изъ русскихъ подданныхъ. Допускаемъ далѣе, что въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, среди народа восточной Голиціи возникаетъ движеніе въ пользу перваго государства, а среди помѣщиковъ Подолья или Волыни въ пользу второго. Всякому станетъ ясно, что предположенные нами намѣстникъ и губернаторъ могли-бы отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, оставаясь при этомъ вѣрными подданными *своего* правительства и работая на его пользу тѣмъ, что каждый изъ нихъ старался-бы мирными средствами успокоить и удержать ту часть мѣстнаго населенія, которая готова принять сторону непріятеля. Поступая иначе, потворствуя такому движенію и даже присоединяясь къ нему, каждый изъ нихъ становился-бы государственнымъ измѣнникомъ.

Положеніе Адама Григорьевича во время возстанія Хмельницкаго было совершенно аналогично съ только-что изображеннымъ нами. И за то именно, что онъ не захотѣлъ стать измѣнникомъ ни своей народности, ни своему государству, заклеймили его таковымъ обѣ стороны, да продолжаютъ клеймить историки и доселѣ. Пора-же послѣднимъ понять, что для Киселя Русь вовсе не отождествлялась и не должна была отождествляться ни съ проблематическимъ козацко-русскимъ княженіемъ, ни съ Москвою. Въ послѣдней онъ могъ только видѣть государство единовѣрное и единоплеменное, но во всякомъ случаѣ иностранное; *политически* она представлялась столь-же чуждою его русско-патріотическимъ стремленіямъ, какъ чужда Вѣна для живущаго въ Украйнѣ поляка,

какъ чуждъ Петербургъ для русина, положимъ изъ Тарнополя или Коломыи.

Только съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать общественную дѣятельность Киселя, только она можетъ представить надлежащее основаніе для нравственной оцѣнки этой дѣятельности. Изслѣдованіе фактовъ показало намъ всю шаткость взводившихся на Киселя со всѣхъ сторонъ обвиненій, такъ какъ онъ высказывалъ и проводилъ свои идеи прямо, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, что не исключаетъ, однако, въ его дѣятельности тѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которыя вытекали не изъ его личнаго характера, а изъ фальшивости самого положенія, изъ роковой коллизіи между его стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными.

Такова *нравственная* сторона дѣла. Что-же касается *политической*, то въ этомъ отношеніи за Киселемъ слѣдуетъ признать глубокое пониманіе потребностей и интересовъ своего государства въ данную эпоху, какимъ обладали развѣ очень немногіе изъ его современниковъ. Видя вещи несравненно яснѣе своихъ сотоварищей по сенату, Кисель имѣлъ полное право плакаться на свою проницательность, которая позволяла ему предвидѣть и заставляла заранѣе предвкушать грядущія бѣдствія отчизны [1]). Но его замѣчательный умъ не принесъ должной пользы, всѣ усилія его и труды не оставили практическихъ послѣдствій. Не станемъ вдаваться въ подробныя объясненія этого факта, а только приведемъ нѣсколько строкъ польскаго писателя, въ которыхъ сжато и мѣтко выраженъ общій взглядъ на этотъ предметъ, раздѣляемый и нами въ значительной степени. «Люди, говоритъ онъ, которые не могли сдѣлаться великими въ Польшѣ, были-бы таковыми во всякомъ иномъ государствѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, Яна Собѣскаго въ роли турецкаго султана, германскаго императора, или на мѣстѣ Людовика XIV: какимъ онъ показался-бы намъ великаномъ! Каждый изъ нашихъ государственныхъ людей вездѣ былъ-бы на своемъ мѣстѣ, но только не въ Польшѣ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Польшѣ неправильна была обработка самой почвы, на которой выростали ея политическіе дѣятели» [2]).

[1]) Памятники, т. 1, отд. 3, № 7.

[2]) T. T. Z Jeż, Z ciężkich dni, глава VIII, Biesiada Literacka, 1877 г., № 65, стр. 200).

Вотъ эта-то неподготовленность почвы и была причиною, что Адамъ Григорьевичъ Кисель, безспорно представлявшій всѣ задатки стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вмѣсто того осужденъ былъ обстоятельствами на горькую участь забытаго еще при жизни политическаго неудачника, а на могилѣ его не растетъ до сихъ поръ никакихъ цвѣтовъ, кромѣ плевелъ злословія...

Ив. Новицкій.

Европейскій баптизмъ—родоначальникъ малорусской штунды.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Кіевской Старины» за минувшій и въ мартовской книжкѣ за нынѣшній годъ мы предложили по офиціальнымъ документамъ неизвѣстныя дотолѣ свѣдѣнія о появленіи и распространеніи штунды на югѣ Россіи и въ кіевской губерніи и цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ данныхъ удостовѣрили непосредственную связь нашей штунды съ нѣмецкимъ, частнѣе прусскимъ баптизмомъ. Наше замѣчаніе о заносномъ характерѣ малорусской штунды вызвало возраженія со стороны тѣхъ изъ нашихъ публицистовъ, которымъ никакъ не хочется признать, что даже штундѣ мы выучились отъ нѣмцевъ; они продолжаютъ философствовать, что народъ-де, поступая въ своемъ развитіи, додумался самъ до штунды, когда на самомъ дѣлѣ, по евангельской притчѣ, *человѣкомъ спящимъ, пріиде врагъ и всѣя плевелы*. Возраженія эти настолько поверхностны и голословны, что мы не считали тогда, не считаемъ и теперь нужнымъ заниматься ихъ опроверженіемъ, ибо что можно возразить противъ фактовъ, противъ писемъ самихъ насадителей у насъ штунды? Но мы обѣщали тогда-же, для правильнаго пониманія явившейся у насъ штунды и ея тождества съ баптизмомъ, ознакомить читателей съ возникновеніемъ, современнымъ положеніемъ и видоизмѣненіями этой послѣдней секты на западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и уяснить ея историческое начало и мѣсто въ ряду другихъ сектъ и ученій, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Исполняемъ наше обѣщаніе теперь, и думаемъ, что даже одного этого бѣглаго очерка достаточно будетъ для того, чтобы оріентироваться въ историческомъ и современномъ

представленіи о баптизмѣ и видѣть полную его отчужденность отъ насъ по времени и мѣсту.

Баптистами (отъ βαπτίζειν—крестить) называются тѣ сектанты, которые не признаютъ дѣйствительнымъ крещенія, совершаемаго въ прочихъ христіанскихъ обществахъ, утверждая, что дѣйствительное и истинное крещеніе существуетъ только въ ихъ сектѣ. Съ нѣмецкими *анабаптистами* [1]) временъ реформаціи и съ *меннонитами* [2]) баптисты не хотятъ имѣть ничего общаго и въ близкой связи съ ними не состоять, хотя нельзя не признать внутренняго ихъ сродства съ анабаптистами, особенно въ новѣйшемъ развитіи баптизма. При постоянномъ измѣненіи баптизма почти трудно представить общую его характеристику. Недопущеніе дѣтей къ крещенію, для котораго они не находятъ основанія въ св. писаніи, не заключаетъ еще въ себѣ ничего, особенно свойственнаго баптистамъ. Требованіе, чтобы крещеніе было совершаемо не чрезъ окропленіе, а чрезъ погруженіе, и притомъ въ проточной водѣ, не было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ общимъ во всѣхъ отрасляхъ баптистской секты, и теперь его нѣтъ у нѣкоторыхъ американскихъ баптистовъ. Напротивъ, обычай перекрещивать всѣхъ поступающихъ въ баптистскую секту изъ другихъ христіанскихъ обществъ, существуетъ у всѣхъ баптистовъ, чѣмъ они отличаются отъ меннонитовъ; слѣдовательно по церковному воззрѣнію ихъ можно считать дѣйствительными анабаптистами, хотя подобно анабаптистамъ временъ реформаціи они не хотятъ усвоить себѣ это названіе, считая некрещенными всѣхъ крещенныхъ не по ихъ обряду. Впрочемъ въ баптизмѣ можно различать два главныхъ его вида: *старый баптизмъ* и *новый баптизмъ*. Первый получилъ свое начало въ Англіи и думаетъ, что въ немъ заключаются начала апостольской церкви, сохранявшіяся въ непрерывномъ преданіи отъ древней британской церкви до временъ Виклефа. Но исторически извѣстно, что начало баптизма не восходитъ дальше 1618 года. Происходя отъ англійскихъ *пури-*

[1]) *Анабаптисты* или перекрещенцы—секта, основанная Шторхомъ, современникомъ Лютера; во главѣ ея сталъ около 1520 года Мюнцеръ; потомъ она усилилась, имѣя во главѣ Іоанна Лейденскаго; послѣдователи ея истреблены въ 1535 году.

[2]) Секту *меннонитовъ* основалъ *Менно*, священникъ († 1561 г.) перешедшій въ 1534 году изъ католицизма къ анабаптистамъ.

танъ [1]) или *индепендентовъ* [2]), баптисты составляютъ секту, бывшую продуктомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ реформаціи. Подобно другимъ отраслямъ англійскаго протестантизма, они носятъ на себѣ сильный отпечатокъ реформаціи и упорно, въ духѣ англійской ортодоксіи, придерживаются буквальнаго смысла Библіи. Отдѣльно, внѣ связи съ текстомъ взятыя, большею частію малопонятныя мѣста св. писанія подвергаются у нихъ одностороннимъ толкованіямъ и даютъ поводъ къ новымъ формамъ секты.

Къ богословской наукѣ баптисты не питаютъ особеннаго уваженія, а съ нѣкотораго времени у нихъ проявляется піэтическое отвращеніе ко всякой однажды навсегда опредѣленной нормѣ вѣроученія, которую они считаютъ несообразною съ своимъ ученіемъ о всеобщемъ священствѣ и съ свободою такъ и иначе толковать св. писаніе. Вслѣдствіе этого религіознаго субъективизма, общаго всѣмъ формамъ баптизма, вѣроученіе и нравоученіе баптистовъ подлежатъ постоянному измѣненію,—отчего въ Америкѣ почти съ каждымъ днемъ возникаютъ новыя формы баптизма. Въ Англіи при Кромвелѣ, послѣ недолговременной терпимости, баптистовъ преслѣдовали, какъ революціонеровъ, но при Вильгельмѣ III ихъ включили въ толерантъ-акты 1689 г., постановленные касательно диссидентовъ вообще. Съ этого времени они стали пользоваться правами, одинаковыми съ *пресвитеріанами* [3]) и конгрегаціоналистами. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ 1872 г. у англійскихъ баптистовъ было 2,612 церквей и 243,395 членовъ. Въ Америкѣ баптисты долгое время находились только въ Rhode-Island, числя у себя 17 общинъ

[1]) *Пуритане*—протестантская секта въ Англіи, мнившая возстановить евангельскую церковь въ ея первоначальной *чистотѣ* (puritas) въ противоположность господствовавшей епископской церкви Англіи.

[2]) *Индепенденты* или независимая секта, основанная 1610 г. Дэнономъ Робинсономъ въ Голландіи и распространившаяся въ Англіи и Америкѣ. Они признаютъ каждую отдѣльную общину самостоятельною и независимою въ церковномъ отношеніи отъ другихъ церквей и отъ высшей церковной власти.

[3]) *Пресвитеріанство*, возникшее въ Англіи изъ протестанства, даетъ каждому гражданину столько-же участія въ дѣлахъ церковныхъ, сколько въ дѣлахъ общественныхъ. Отвергая епископскій санъ и всякую церковную обрядность, оно во главѣ церковной общины ставитъ пресвитера, а пресвитеровъ подчиняетъ синоду. Подъ общимъ именемъ пуританъ въ 1649 г. они произвели въ Англіи междоусобную войну.

и 1,707 лицъ, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Со времени войны за независимость, въ которой баптисты приняли живое участіе, къ нимъ стали переходить массами такъ, что теперь баптисты съ методистами составляютъ самую многочисленную секту въ Сѣверной Америкѣ.

Во внутреннемъ состояніи баптизма отражаются различныя направленія епископальныхъ и пресвитеріанскихъ церквей Англіи и производятъ столько-же самостоятельныхъ баптистскихъ сектъ. *Партикуляристы-баптисты* и *генералъ-баптисты* (универсаль-баптисты и баптисты свободномыслящіе, называемые также арминіанскими баптистами) составляютъ двѣ главныя партіи, восходящія почти къ самому началу англійскаго баптизма. Изъ нихъ первые придерживаются кальвинскаго ученія о предопредѣленіи, а послѣдніе, также какъ и *арминіане* [1]), отвергаютъ его. Первые гораздо многочисленнѣе; въ Англіи они имѣютъ отъ 12 до 13 тысячъ общинъ, въ Америкѣ до 8,000, между тѣмъ какъ у свободномыслящихъ баптистовъ въ Англіи только 120 общинъ, а въ Америкѣ около 1,000. Къ свободномыслящимъ баптистамъ, также какъ и къ арминіанамъ, проникли либеральныя богословскія мнѣнія, почему *унитаріи* [2]) обыкновенно причисляютъ ихъ къ своимъ сторонникамъ. Отвращеніе къ богословской наукѣ давно уже прошло у универсаль-баптистовъ, но изъ-за этого въ 1770 году отдѣлилась отъ нихъ ортодоксальная партія и образовала особое самостоятельное церковное общество съ собственною богословскою семинаріей, основанною въ 1798 году подъ названіемъ General-Baptist—New Connexion. Впрочемъ и партикуляръ-баптисты оставили уже прежнюю свою дикость и теперь имѣютъ хорошія богословскія училища и извѣстныхъ ученыхъ. Прежде они отказывались отъ гражданской и военной службы, но теперь перемѣнили свои мысли относительно этого предмета, а съ введеніемъ церковнаго пѣнія ничѣмъ не отличаются отъ пресвитеріанъ. Но за то они выдѣлили изъ своей

[1]) *Арминіане* – сектанты, получившіе свое названіе отъ голландца Арминія († 1609 г.), открыто возставшаго противъ Кальвинова ученія о предопредѣленіи и свободѣ.

[2]) *Унитаріи* — секта, отвергающая троичность лицъ въ Богѣ и признающая въ лицѣ Іисуса Христа одну человѣческую природу; основана въ XVI вѣкѣ Францискомъ Станкаромъ и Леліемъ Социномъ. Церковное ея устройство и богослуженіе сходны съ протестантскимъ.

среды множество малыхъ партій, которыя отличаются старобаптистскимъ буквоѣдствомъ. Къ таковымъ принадлежатъ субботники или севентъ-дай-баптисты, сформированные въ 1773 г. Францомъ Бамфельдомъ, которые вмѣсто воскресенья празднуютъ субботній вечеръ, и тункеры (Tunker—утопленники), которые считаютъ правильнымъ только то крещеніе, которое совершено въ рѣкѣ или въ прудѣ и потому крещеніе, совершенное чрезъ окропленіе, повторяютъ даже надъ взрослыми. Послѣдняя партія, которая числитъ въ себѣ до 50 общинъ въ Сѣверной Америкѣ и очень ревностно заботится о распространеніи своихъ правилъ, страдаетъ сильно библіолатріею, которая у нихъ доходитъ до подавленія мыслительности духа и соединяется съ піэтическимъ удаленіемъ отъ всего мірскаго. Слѣдуя буквѣ Библіи, они одѣваются въ апостольскую одежду, безъ пуговицъ, изъ простой, грубой матеріи и требуютъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они чуждались мірскихъ общественныхъ занятій и удовольствій. Сверхъ крещенія и причащенія, совершаемыхъ ночью въ заключеніе вечери любви, они признаютъ таинствами умовеніе ногъ, послѣднее помазаніе елеемъ и братское цѣлованіе. Послѣдователи тункеровъ набираются преимущественно изъ необразованныхъ классовъ народа. Съ тункерами близко сродны вейнбреннеріане (такъ называемые по основателю своему Вейнбреннеру) и пейсселіане (учрежденные въ 1774 г. нѣмцемъ Пейсселемъ), которые празднуютъ субботу, требуютъ безбрачія отъ «совершенныхъ» и въ Новомъ Ефратѣ, на р. Коллодіо, устроили большой анабаптистскій монастырь. Можно еще назвать Gard-scheld-баптистовъ или Anti-Tibions-баптистовъ, одну изъ фракцій партикулярбаптизма, которые отвергающихъ предопредѣленіе признаютъ потомками діавола и Евы, и *юмперовъ* (Springer), секты основанной въ 1803 г. Миллеркнехтомъ Альбрехтомъ; это смѣсь баптистовъ съ методистами, получившая свое названіе отъ методистскаго возрожденія и хвалящаяся своею совершенною безгрѣшностію. Прочія партіи пользуются буквою Библіи для того, чтобы возможнымъ образомъ облегчить себѣ иго реформатскаго православія. Таковы *реформедъ-баптисты* или «*ученики Христовы*», по своему основателю называемые также *камбеллитами*, которые не признаютъ предписаніемъ вѣры ничего такого, о чемъ нельзя сказать прямо: «такъ говоритъ Господь», и вмѣсто всякаго исповѣданія вѣры требуютъ исповѣданія только

крещенія во отпущеніе грѣховъ и возрожденіе. Затѣмъ слѣдуютъ безчисленные, происшедшіе отъ баптистовъ и пресвитеріанъ «христы» (Christian-Connexion), которые отвергаютъ ученіе о Троицѣ, адѣ и діаволѣ, отвергаютъ празднованіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ нѣчто противное св. Писанію, не видятъ божественнаго учрежденія ни въ крещеніи, ни въ бракѣ и всѣмъ своимъ единовѣрцамъ дозволяютъ проповѣдывать. Наконецъ *Six-principles-баптисты*, которые находятъ, что все ихъ исповѣданіе вѣры достаточно выражено въ шести пунктахъ, которые заключаются въ ст. 1 и 2 гл. VI посланія къ евреямъ. Американскихъ баптистовъ въ 1872 года числилось около 4 милліоновъ, со включеніемъ сюда и тѣхъ, которые только посѣщаютъ богослуженіе баптистовъ, не состоя формальными членами баптистскихъ общинъ. По свѣдѣніямъ газеты «National-Baptist» дѣйствительныхъ баптистовъ въ 1872 г. было почти $1\frac{1}{2}$ милліона, ассоціацій числилось 820, церквей 18,397, духовныхъ лицъ 12,013. Устройство церквей у нихъ конгрегаціоналистическое или индепендентное, по которому всякая община сама себѣ глава и только по временамъ назначаются общія собранія для свободнаго совѣщанія съ другими общинами, принадлежащими къ союзу. Для противодѣйствія распаденію на мелкія отрасли, которое свойственно всякому индепентизму, въ Англіи въ 1813 г. основана такъ названная «Baptist-union», поставившая своей задачей всѣхъ партикуляръ и универсаль-баптистовъ, признающихъ такъ называемые евангелическіе члены вѣры, соединить во едино для взаимнаго братскаго общенія и для общей работы въ умноженіи царства Божія. Подобную цѣль преслѣдуетъ и происшедшая подъ вліяніемъ баптистскаго возбужденія евангелическая *Alliance*, которая «дѣтей Божіихъ» всѣхъ наименованій хочетъ сплотить во едино на почвѣ 9 членовъ и которая въ недавнее время распространялась въ Германіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи и Нидерландахъ.

За исключеніемъ малыхъ вышеупомянутыхъ фракцій, англійскіе и американскіе баптисты издавна оказывали много ревности въ дѣлѣ прекращенія торговли неграми, въ дѣятельности внѣшнихъ и внутреннихъ миссій, въ распространеніи Библіи и т. д., каковыя дѣла служатъ лучшимъ средствомъ, связующимъ между собою исповѣдниковъ одного и того-же наименованія. Церковная

узкость стараго баптизма смягчается въ массѣ и именно подъ вліяніемъ одного изъ знаменитѣйшихъ партикуляръ-баптистовъ Роберта Галла; въ новѣйшее время у большей части баптистовъ введено общеніе въ таинствѣ причащенія (open communion) съ вѣрующими членами другихъ церковныхъ общинъ. Извѣстно, что это открытое общеніе составляетъ одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между старымъ англо-американскимъ баптизмомъ и вышедшими изъ Германіи новокрещенцами, которые не допускаютъ у себя другихъ баптистовъ до причащенія, опасаясь, какъ-бы мірскіе христіане, отлученные по ихъ приговорамъ, не вошли опять въ ихъ общество святыхъ чрезъ таинство причащенія.

Это новокрещенское направленіе нужно тщательно отличать отъ стараго баптизма. Оно дитя недавняго прошедшаго и возникло изъ церковнаго реакціоннаго настроенія 50 годовъ. Его родина Германія и притомъ Германія больше лютеранская, чѣмъ реформатская, и именно давно уже настроенныя піэтически области Вестфаліи, Вуппerталь и нѣкоторыя полосы Ганновера, Гессена, Нассау, Шлезвига и восточной Пруссіи. Первая баптиская община въ Германіи была основана въ 1834 г. въ Гамбургѣ купцемъ *Онкеномъ*, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими читателями Библіи убѣдился въ мнимой непригодности крещенія дѣтей и принялъ крещеніе отъ одного случайно бывшаго въ Гамбургѣ американскаго баптиста. Но распространяться здѣсь баптизмъ началъ только съ 1851 года. Старо-лютеранскія сепаритистическія общины и піэтическія Conventikel, какъ напр. основанный въ 1850 г. въ Эльберфельдѣ «братскій союзъ», постоянно выдѣляли изъ себя новые баптистскіе приходцы, которые посредствомъ своихъ неутомимодѣятельныхъ миссіонеровъ собирали около себя новыхъ приверженцевъ. Къ нимъ перешли и нѣкоторыя духовныя лица государственной церкви, преимущественно они встрѣтили сочувствіе въ низшихъ классахъ народа. Большая часть нѣмецкихъ баптистскихъ миссіонеровъ ремесленники, которые по праву общаго священства принимаютъ на себя проповѣдываніе, крестятъ и преподаютъ причастіе и пріобрѣтаютъ безчисленныхъ приверженцевъ посредствомъ раздачи Библій и религіозныхъ трактатовъ, посредствомъ союзовъ юношества, воскресныхъ школъ и назидательнаго чтенія Библіи. Основная черта этого баптизма обособленіе отъ національной церкви, называемой у

баптистовъ мірскою церковью, въ которой возрожденные и невозрожденные безразлично смѣшаны одни съ другими, и противодѣйствіе этой церкви государственной, огражденной полиціей и называемой у нихъ «Вавелом». Они хотятъ сформировать у себя видимую общину святыхъ, въ которую принимаются только истинно вѣрующіе или «чада Божіи». На этомъ основаніи они отвергаютъ крещеніе дѣтей и не крестятъ никого, доколѣ не убѣдятся въ личной его вѣрѣ по тщательномъ изслѣдованіи. Хотя они не отвергаютъ существованія вѣрующихъ и внѣ ихъ союза, но тѣмъ не менѣе признаютъ только себя народомъ Божіимъ избраннымъ, составляющимъ видимое общество вѣрующихъ. Главною задачей своей они поставляютъ мало по малу отнять у государственной церкви [1]) всѣхъ ея вѣрующихъ членовъ, чтобы она стала тогда дѣйствительно дѣломъ сатаны.

Въ годы реакціи государственная власть, чтобы оградить протестанское православіе, употребляла противъ баптистовъ мѣры преслѣдованія. Въ Мекленбургѣ ихъ облагали денежными штрафами, сажали въ тюрьму и высылали съ жандармами за границу, въ Шамбургъ-Липпе за участіе въ баптистскихъ собраніяхъ наказывали заключеніемъ въ тюрьму на два мѣсяца, за принятіе на себя духовныхъ обязанностей на 6 мѣсяцевъ. Тоже было въ Пруссіи, Кургессенѣ и Нассау. Коль скоро получались извѣстія о крещеніи ночью при свѣтѣ луны, о проповѣди къ народу и вечернихъ собраніяхъ, во время которыхъ участвующіе взаимно другъ другу преподавали причастіе, власти окружали мѣста баптистскихъ собраній и разгоняли, насильно брали у родителей-баптистовъ ихъ дѣтей и относили для крещенія. Съ 1854 г., когда составился такъ называемый союзъ угнѣтенныхъ, баптисты получили отъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV обѣщаніе, что съ ними будутъ поступать болѣе кроткимъ образомъ. Но дѣйствительная терпимость наступила для нихъ въ Пруссіи только со времени регенства (1858 г.); съ этого времени и въ другихъ мѣстахъ начали поступать

[1]) Чтобы показать свое отличіе отъ государственной или господствующей въ государствѣ церкви, баптисты называютъ себя «общиной крещенныхъ» или просто общиной «христіанской», а членовъ господствующей церкви называютъ «міромъ», «нечестивыми».

съ ними лучше. Между тѣмъ, не смотря на всѣ преслѣдованія государственной власти, наклонность къ новому крещенію, или перекрещиванію возрастала больше и больше. Число баптистовъ въ Пруссіи въ 1854 году простиралось до 2,000, шесть лѣтъ позже ихъ было около 8,000. Въ 1862 г. въ Германіи ихъ числилось 47 общинъ, и вообще на европейскомъ материкѣ было около 760 пунктовъ, гдѣ въ большемъ или меньшемъ числѣ находились баптисты. Важнѣйшіе станціонные пункты въ Германіи, кромѣ Вестфаліи и Вупперталя, находятся въ Гамбургѣ, Шлезвигѣ, Берлинѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ, Гильдейгемѣ, Эймбекѣ и Варбургѣ. Но главнымъ центральнымъ пунктомъ все-же остается гамбургская община. Каждые три года въ Гамбургѣ собирается общая конференція нѣмецкихъ фракцій. Она подраздѣляется на четыре меньшія фракціи: прусскую, сѣверо-западную, средне-нѣмецкую и южно-нѣмецкую. Основанная проповѣдникомъ Леманомъ (1882 г.) въ Берлинѣ община имѣетъ болѣе древній англо-американскій характеръ. Въ Вестфаліи и Вуппертаѣ баптизмъ, напротивъ того, получилъ довольно мечтательный характеръ, въ особенности въ Эрбельфельдѣ, Раушенбушѣ и Рингсдорфѣ при участіи Кебнера. Съ южно-нѣмецкой фракціей состоятъ въ связи швейцарскіе баптисты, которыхъ средоточіемъ, также какъ и во времена Цвинглія, служитъ Цюрихъ. Въ Швецію и Данію миссія вышла изъ Гамбурга. Въ Швеція послѣдователи баптизма набираются преимущественно изъ лезарей (Laezaren), массами отдѣлившихся отъ государственной церкви. Что баптистская пропаганда можетъ болѣе и болѣе находить себѣ благопріятную почву въ Германіи и Скандинавіи, достаточно показываютъ успѣхи ея въ Пруссіи; здѣсь въ 1861 г. числилось 5,452 приверженца этой секты; въ 1875 г. число ихъ достигло 12,000. Изъ нихъ почти 6,000 приходилось собственно на Пруссію, 2,000 на Бранденбургъ, прочія на Померанію, Силезію и Прирейнскую область. Не смотря на различіе въ первоначальныхъ основахъ, нѣмецкій баптизмъ находится въ тѣсномъ общеніи съ баптизмомъ англиканскимъ и американскимъ.

Англо-американскій баптизмъ въ Европѣ и за Океаномъ производитъ умѣряющее воздѣйствіе на нѣмецкихъ баптистовъ. Меннониты, которые крещаются чрезъ окропленіе, по мнѣнію баптистовъ не принадлежатъ къ числу крещенныхъ; поэтому они причисля-

ютъ ихъ также, какъ лютеранъ и реформатовъ, къ бабельской или мірской церкви.

Сличая ученіе баптистовъ, въ особенности нѣмецкихъ, съ ученіемъ еретиковъ, появлявшихся въ древней христіанской церкви, нельзя не усматривать сходства въ ученіи баптистовъ съ лжеученіемъ *павликіанъ*, извѣстныхъ въ VII вѣкѣ христіанства, которые, считая только себя «христіанами», всѣхъ прочихъ вѣрующихъ во Христа, но не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, называли «римлянами», язычниками; устраняя іерархію, во главѣ своихъ общинъ въ Арменіи поставляли «пастырей» и «учителей», хотя ни тѣ, ни другіе не имѣли св. сана; кромѣ того они имѣли миссіонеровъ и нотаріевъ, изъ которыхъ первые заботились о распространеніи евангелія, а послѣдніе объ умноженіи книгъ Новаго Завѣта. Они также, какъ и баптисты, отвергали всякую обрядность, почитаніе мощей, иконъ и креста, видя въ немъ только орудіе казни, не хотѣли имѣть у себя храмовъ, а однѣ молельни и допускали только внутреннее богослуженіе, состоящее въ ученіи и молитвѣ. Основываясь на томъ, что Іисусъ Христосъ называетъ себя живою водою (Іоан., гл. 6) и небеснымъ хлѣбомъ, питающимъ душу, они допускали одно духовное крещеніе и духовное причащеніе, состоящее въ принятіи Его слова съ вѣрою. Аскетизму, постамъ и безбрачію не придавали никакой цѣны, хотя сами вели жизнь простую и умѣренную, не предаваясь невоздержанію и страстямъ. Есть у баптистовъ сродство и съ еретиками XI вѣка, которые во Ѳракіи назывались *евхитами*, а въ Болгаріи *богомилами*. Не признавая храмовъ, иконъ, крестнаго знаменія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, богомилы Евхаристіей признавали участіе въ общей молитвѣ, свое крещеніе называли крещеніемъ въ духѣ, а православное крещеніе крещеніемъ только водою; отъ существовавшихъ въ греческой имперіи до XI вѣка павликіанъ отличались строгимъ аскетизмомъ; воздержаніемъ отъ мяса, брачнаго сожительства и пощеніемъ. Извѣстно, что павликіане подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ въ византійской имперіи, въ особенности при императрицѣ Ѳеодорѣ и при императорѣ Василіѣ Македонянинѣ въ IX вѣкѣ и, тѣснимые ихъ преемниками, въ послѣдствіи разселились въ Италіи, Франціи и въ другихъ странахъ Европы, чему въ особенности могли способствовать передвиженія европейскихъ народовъ во время крестовыхъ

походовъ. Отъ нихъ возникли въ XI и XII вѣкѣ сродныя ереси на западѣ Европы, извѣстныя во Франціи подъ именемъ *каѳаръ* (чистыхъ), *булгаръ, публиканъ* (павликданъ) и *ткачей*; въ XIII вѣкѣ изъ нихъ выродились *братья и сестры свободнаго духа* во Франціи, Германіи и Италіи, среди которыхъ ученіе павликіанъ и богомиловъ получило большее развитіе. Начала ихъ-же ученія лежали и въ основѣ проповѣди *Арнольда Брестійскаго, Петра Брюи* и вальденсовъ, послѣдователей Петра Вальда, дѣйствовавшихъ въ XII вѣкѣ преимущественно во Франціи. Западные каѳары, также какъ и павликіане, замѣняли у себя крещеніе возложеніемъ рукъ и чтеніемъ Евангелія, а причащеніе вкушеніемъ простаго хлѣба съ молитвою «Отче нашъ», чуждались брака и употребленія мясной пищи, проповѣдуя общую дѣвственность, подобно «шалопутамъ», появившимся недавно на югѣ Россіи, и постоянное покаяніе. Нельзя сказать, чтобы принятое у баптистовъ перекрещиваніе было позаимствовано лишь у анабаптистовъ временъ реформаціи. Еще въ III вѣкѣ *новаціане*, которые были чистые пуритане своего времени, также принимали въ свою общину переходившихъ къ нимъ изъ православной церкви чрезъ крещеніе, вновь повторяя его и надъ крещенными. Ихъ то можно назвать также первыми анабаптистами. Послѣдователи Новаціана[1]) назывались каѳарами или чистыми, каковое названіе перешло уже отъ нихъ къ французскимъ каѳарамъ XI вѣка и каѳарамъ италіанскимъ, которые начало свое производили съ востока, именно изъ Булгаріи.

Такимъ образомъ занесенный къ намъ изъ Пруссіи въ недавніе годы баптизмъ, получившій у насъ названіе штунды, имѣетъ, какъ тамошнее явленіе, свой антецедентъ въ отдаленныхъ вѣкахъ христіанской церкви на западѣ и даже на востокѣ ея. Но если-бы мы захотѣли искать чего либо общаго съ этимъ ученіемъ въ нашей южно-русской церкви, то на всемъ протяженіи вѣковъ не найдемъ ничего подобнаго, кромѣ занесенной въ XI вѣкѣ изъ Болгаріи въ

---

[1]) Новаціанъ или Новатъ, бывшій пресвитеръ карѳагенской церкви и кандидатъ въ епископы Рима, воспрещалъ вступать во 2-й бракъ, крестить младенцевъ и падшихъ принимать въ церковь, которая, по его ученію, есть общество однихъ святыхъ. Послѣдователи его существовали до VI вѣка въ Италіи и Африкѣ.

Кіевъ на самое короткое время ереси *богомиловъ* и зашедшей впослѣдствіи съ запада ереси социніанской или такъ называемой аріанской, коснувшейся, и также не надолго, лишь верхнихъ слоевъ южно-русскаго общества XVII вѣка. На западѣ Европы баптизмъ возникъ и держался на почвѣ отрицанія авторитета церкви и личнаго толкованія Слова Божія; но ничего подобнаго не представляетъ намъ наша исторія. Благоговѣйный въ дѣлѣ вѣры нашъ народъ, берегшій ее въ теченіи вѣковъ и пролившій за нее потоки крови, жилъ всегда въ ближайшемъ общеніи съ церковію и, принимая ближайшее участіе въ ея судьбѣ и дѣлахъ, никогда не обнаруживалъ никакого посягательства на авторитетъ и руководительство своихъ пастырей и учителей, никакого стремленія къ вольному личному толкованію Слова Божія, ни малѣйшаго пристрастія къ его буквѣ. Но вотъ въ началѣ 70-хъ годовъ высылаются изъ Гамбурга нарочитые миссіонеры баптизма въ херсонскія нѣмецкія колоніи; они застаютъ тамъ случайныхъ малорусскихъ рабочихъ,—людей долгое уже время оторванныхъ отъ семьи и общенія съ церковію, овладѣваютъ ими безъ труда и превращаютъ ихъ въ орудіе распространенія своей ереси между народомъ, никогда не знавшимъ ересей. Ересь прилипаетъ и разносится, какъ зараза, расширяется и растетъ, мало чѣмъ сдерживаемая, отчасти какъ-бы покровительствуемая. Теперь она такъ уже распространилась, что при условіяхъ нашей соціальной и экономической жизни нечего и мечтать о томъ, чтобы искоренить и уничтожить ее, притомъ въ короткое время. Можно бороться съ этимъ зломъ, ограничивать его, ослаблять, но до полнаго подавленія его слишкомъ далеко. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, конечно, нашимъ пастырямъ, ихъ проповѣди, увѣщаніямъ, разъясненіямъ, убѣжденіямъ; но имъ должны прійти на помощь всѣ прочія общественныя и правительственныя силы, иначе это запосное вѣроученіе, вкоренившись въ народѣ, можетъ сдѣлаться такою общественною язвою, размѣры и послѣдствія которой и предъугадать трудно.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(*Окончаніе*) [1].

X.

Переѣздъ изъ Лядавы въ Могилевъ.—Общій видъ города.—Прежняя и современная торговля.—Главнѣйшія историческія свѣдѣнія.—Немногіе остатки старины.—Село Бронница.—Берега Мурахвы.—Село Буша.—Древняя пещера.—Остатки валовъ и запорожское кладбище.

При выѣздѣ изъ с. Лядавы большая дорога, идущая къ Могилеву, постепенно подымается въ гору; широкій Днѣстръ съ его живописными берегами и какъ-бы нарисованною на скалѣ яркими красками пестрою лядавскою церковью остаются назади; обширные сады тянутся вдоль въѣзжей улицы и хотя они окопаны рвомъ, но это нисколько не мѣшаетъ прохожему, перебравшись чрезъ окопъ, полакомиться фруктами безъ позволенія хозяина и даже вынести небольшой запасъ на дальнѣйшій путь. Миновавъ сады, выѣзжаемъ на возвышенную равнину около 60—70 сажень надъ уровнемъ Днѣстра. Кругомъ, на сколько глазомъ можно окинуть, сплошнымъ ковромъ желтѣютъ поля и спѣлый, золотистый колосъ тихо и плавно колышется легкимъ вѣтеркомъ, словно волны на морѣ въ ясную погоду. Вездѣ покой, просторъ и тишина; на поляхъ ни души; но мы уже наканунѣ жатвы, и, быть можетъ, завтра уже эта чарующая тишина и спокойствіе будутъ нарушены, заволнуется тоже море, но иныя волны заходятъ по немъ, закипитъ

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., мартовск. кн., стр. 465—499.

на поляхъ дѣятельная работа, сразу прорвется золотой коверъ и другая картина смѣнитъ ту, которая очаровала насъ въ прекрасное іюльское утро на выѣздѣ изъ Лядавы. Поэтъ-художникъ, рисуя эту дивную картину, прибавилъ-бы къ ней серебристую пѣсню жаворонка, и огромнаго подольскаго орла, поднявшагося къ самому солнцу, и многое другое, оживилъ-бы ее снующими по полю людьми, пасущимися вдали стадами, рѣющими въ воздухѣ птицами, жужжащими насѣкомыми и ихъ музыкальными тонами; но мнѣ, простому смертному, лучше не вдаваться въ область искуства, не поддающуюся неискусному перу. Извинившись предъ читателемъ за это невольное отступленіе, возвращаюсь на могилевскую дорогу, тѣмъ больше, что разъѣзженная бричка трясетъ невыносимо, лошади идутъ тѣмъ невозможнымъ, самымъ утомительнымъ аллюромъ, какимъ ѣздятъ только евреи, а балагула на козлахъ поминутно оглашаетъ воздухъ рѣзкимъ «вью! вью!» и доводитъ своего сѣдока до крайняго раздраженія. Куда ужъ тутъ слушать жаворонка и любоваться природой!

Тамъ и сямъ надъ дорогой, на золотистомъ фонѣ полей, обрисовываются строгіе контуры каменнаго креста съ распятіемъ, такъ называемой здѣсь «фигуры», обнесенной низенькой оградой; мѣстами «фигуры» указываютъ колодезь, но по большей части онѣ ставятся набожными жителями на межахъ ихъ полей. Вдали отъ дороги виднѣются другъ подлѣ друга рядъ хлѣбныхъ скирдъ оригинальной, спеціально подольской формы, какая не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ южной Руси; издали кажется, будто это стадо какихъ-то огромныхъ, фантастическихъ животныхъ, послѣ отдыха, начинаетъ вставать на ноги. Кругомъ огромное поле засѣяно однимъ сортомъ пшеницы; видно, это владѣнія какого-то крупнаго помѣщика, у котораго не въ примѣръ прочимъ сохранились еще запасы отъ прежнихъ лѣтъ.

Но вотъ по лѣвой сторонѣ дороги сперва замѣчается глубокій, вырытый водою оврагъ, затѣмъ дорога проходитъ почти на краю обрыва, съ вершины котораго неожиданно открывается другой видъ: въ глубинѣ долины серебристою лентой вьется небольшая рѣчка въ зеленыхъ берегахъ; подъ горою надъ рѣчкой живописно раскинулось село, если не ошибаюсь, Ляшовцы, буквально утонувшее въ садахъ; небольшая церковь и чистыя бѣлыя хаты привѣтливо выгля-

дываютъ изъ массы зелени. Отъ села вдоль рѣчки потянулся за гору лѣсокъ. Въ общемъ получается картина, подобныя которой весьма часто встрѣчаются на Украйнѣ и которыя такъ милы сердцу южно-русса; что-то необъяснимо прелестное и безмятежное разлито здѣсь въ воздухѣ и на землѣ и при тепломъ іюльскомъ колоритѣ такъ и просится на полотно. Подобныя картины, при всей своей простотѣ и незатѣйливости, а можетъ быть именно благодаря этой простотѣ, оставляютъ въ душѣ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ например великолѣпные виды днѣстровскихъ береговъ, и могутъ считаться одною изъ причинъ глубокой привязанности южно-русса къ родному краю.—Впрочемъ я опять отвлекаюсь въ сторону.

Мало по малу прежняя дорога уходитъ вправо отъ обрыва, Ляшовцы остаются позади и мы выѣзжаемъ на большую почтовую дорогу, обсаженную по краямъ деревьями. Тутъ движеніе замѣтно усиливается и по всему замѣчается приближеніе къ городу. День былъ праздничный, послѣ полудня; приходилось поминутно то сворачивать въ сторону передъ тяжело нагруженнымъ возомъ, то объѣзжать группу поселянъ въ живописныхъ праздничныхъ костюмахъ, при чемъ слышались обычныя привѣтствія на малорусскомъ и отчасти на польскомъ языкѣ. Это жители окрестныхъ селъ, окончивъ свои дѣла на могилевскомъ базарѣ и подкрѣпившись тамъ-же, толпами возвращались по домамъ; нѣкоторые изъ нихъ очевидно сомнѣвались въ національности проѣзжихъ сюртучныхъ людей и на всякій случай встрѣчали насъ обычнымъ польскимъ привѣтствіемъ. Дорога начинаетъ понемногу спускаться подъ гору, впереди показалось ближайшее къ Могилеву село Серебрія. При въѣздѣ въ это село, вниманіе наше привлекла близъ дороги масса камня, мусору, обгорѣлаго дерева—несомнѣнные слѣды сильнаго пожара. На вопросъ нашъ балагула сообщилъ, что жители Серебріи вообще пользуются очень дурною славой по всей окрестности, такъ что никто не рѣшится ночью проѣхать вблизи села. По словамъ его, еще не такъ давно на мѣстѣ указаннаго пожарища стояла корчма и содержавшій ее еврей вѣроятно извлекалъ хорошіе доходы изъ ея бойкаго мѣстоположенія на большой дорогѣ между Могилевымъ и такимъ селомъ, какъ Серебрія. Но въ одинъ прекрасный день, или вѣрнѣе сказать въ одну темную ночь неизвѣстные люди явились въ корчму, ограбили и вырѣзали всю семью хозяина, а корчму

сожгли, что-бы скрыть слѣды преступленія. Съ той поры всѣ со страхомъ обходятъ это мѣсто и никто не рѣшается возобновить такое выгодное заведеніе, можетъ быть и потому еще, что внутри села находится другое пободное.

Въ Серебріи, проѣзжая по мосту, перекинутому черезъ небольшую рѣчку Дерлу, которая дѣлитъ село на двѣ половины, мы съ удивленіемъ замѣтили необыкновенную пестроту костюмовъ въ толпѣ прогуливающагося народа: всюду видны были красныя рубахи на мущинахъ и яркіе, красные и желтые, сарафаны на женщинахъ. Возница объяснилъ намъ, что здѣсь заводъ, пивной или винокуренный, а на немъ цѣлая колонія рабочихъ великороссовъ. Вѣроятно такому обилію пришлыхъ людей, не связанныхъ съ мѣстностью и ея населеніемъ никакими интересами, и обязана Серебрія своею дурною славою. Подобное приходится наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ Подоліи.

Невдалекѣ отъ Серебріи встрѣчаемъ другое село, Немію, составляющее какъ-бы предмѣстье Могилева. Само по себѣ село это не представляетъ ничего замѣчательнаго, если не считать довольно красиваго и удобнаго мѣстоположенія по склону къ рѣчкѣ, да множества источниковъ чистой, холодной воды, которые на каждомъ шагу пробиваются изъ горы. Почти у каждой усадьбы замѣчается небольшая «керничка», по большой части неогороженная и отдѣланная ровно на столько, что-бы можно было зачерпнуть воды; всѣ онѣ сбѣгаютъ въ одно общее русло вдоль улицы и затѣмъ въ ту-же рѣчку, притокъ Днѣстра.

Въ концѣ села вниманіе проѣзжаго привлекаетъ великолѣпный фруктовый садъ, который постепенно переходитъ въ огромный паркъ, разбитый по всѣмъ правиламъ садоводнаго искусства на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Тщательно расчищенныя и высыпанныя бѣлымъ пескомъ дорожки вьются и перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ между группами разныхъ деревьевъ, тщательно подчищенныхъ въ видѣ рощъ, естественныхъ бесѣдокъ и т. д.; весь терренъ засѣянъ газонными травами. На всемъ видна искусная рука садовника; но напрасно она силилась сообщить всему натуральный видъ и создать природу въ миніатюрѣ—настоящая природа несравненно выше и прекраснѣе и съ трудомъ поддается подражанію. Тутъ, правда, всѣ атрибуты хорошихъ парковъ: и традиціон-

ныя дерновыя и каменныя скамейки, и таинственные гроты, и бесѣдки, которыя, кажется, такъ и манятъ гуляющихъ зайти отдохнуть подъ ихъ непроницаемою тѣнью, есть даже фонтаны и статуи. Въ глубинѣ парка цвѣтникъ и домъ владѣльца, украшенный рѣзьбою и другими украшеніями,—изящный и красивый на первый взглядъ, но не имѣющій какого нибудь опредѣленнаго стиля. По словамъ возницы, это владѣнія мѣстнаго пана маршалка (предводителя дворянства), который въ торжественныхъ случаяхъ открываетъ свой паркъ для публики, безъ различія національностей и сословій. Особенно дорожатъ этими днями могилевскіе евреи, которые, подобно всѣмъ своимъ единоплеменникамъ въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, не имѣютъ не только деревца или кустика въ саду, но даже двора при домѣ, а только небольшой домикъ на улицѣ, и въ праздникъ принуждены гулять по тѣмъ-же грязнымъ или пыльнымъ улицамъ.

Миновавъ огромный хлѣбный магазинъ, трехъэтажное каменное зданіе съ разбитыми окнами, суровой казенной архитектуры, неподалеку отъ усадьбы пана маршалка, начинаемъ спускаться съ горы. Прямо передъ нами блеснулъ Днѣстръ, сперва показалось на бесарабскомъ берегу главное предмѣстье Могилева Атаки, а затѣмъ какъ въ понорамѣ разомъ открылся весь Могилевъ, длинной и узкой лентою протянувшійся вдоль берега на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Съ одной стороны городъ окаймляется широкою полосою Днѣстра, покрытаго галярами, паромами, плотами и мелкими лодками, съ другой улица утопаетъ въ сплошной массѣ садовъ и виноградниковъ, а за ними тянутся ряды скалъ до вершины горы и дальше вдоль берега, на сколько глазомъ окинуть.

За послѣднія двадцать лѣтъ, со времени описанія Аѳанасьева-Чужбинскаго, внѣшній видъ города очень мало перемѣнился. Въ характерѣ его и понынѣ преобладаютъ основныя черты старыхъ городовъ юго-западнаго края: въ центрѣ «рынокъ»—обширная, продолговатая площадь, окруженная рядомъ лавокъ, въ срединѣ площади сплошной корпусъ каменныхъ лавокъ, замѣняющій традиціонную ратушу, а въ ряду ихъ два-три хорошихъ магазина, какіе встрѣчаются только въ лучшихъ городахъ, всѣ-же остальные—маленькія, темныя коморки, въ которыхъ очень трудно разсмотрѣть цвѣтъ и качество покупаемыхъ товаровъ. Вся остальная площадь

занята базаромъ, причемъ торговля, по обычаю провинціальныхъ городовъ, производится до самаго вечера.—Въ общемъ Могилевъ чрезвычайно напоминаетъ Каменецъ, и сходство это еще болѣе увеличиваетъ оріентальный оттѣнокъ въ архитектурѣ—послѣдній видимый слѣдъ долговременнаго пребыванія здѣсь армянскихъ колонистовъ: тѣ-же старые каменные дома съ необыкновенно толстыми стѣнами, съ длинными балконами и мезонинами, съ низкой оригинальной крышей. Очень высокій, нерѣдко каменный заборъ, украшенный сверху острою крышею, которая почти на аршинъ выступаетъ по обѣ стороны, такъ что безъ особыхъ приспособленій нѣтъ возможности взобраться на него,—ограждаетъ почти всѣ, даже загородные, дома и сады. Такимъ образомъ каждое жилище совершенно изолировано и отъ улицы, и отъ сосѣдей, представляя подобіе маленькой крѣпости, какъ это можно видѣть въ Крыму и на Кавказѣ. Разумѣется, это не относится къ еврейскимъ жилищамъ, въ большинствѣ совсѣмъ не имѣющимъ ни двора, ни какой-бы то ни было усадьбы; тутъ и огораживать уже нечего. Новые дома строются по другому архитектоническому типу, по шаблонному типу нашихъ уѣздныхъ городовъ, можетъ быть болѣе удобному для жизни, но совершенно безцвѣтному и лишенному всякой оригинальности,—одного изъ условій правильнаго и самостоятельнаго развитія въ любомъ направленіи. Городъ постепенно растетъ и застраивается все дальше по берегу Днѣстра, разумѣется по новому типу; но старыя постройки прошлаго и XVII ст. несравненно прочнѣе современныхъ и, можно надѣяться, не скоро еще уступятъ разрушительному вліянію времени, если только на помощь послѣднему не придетъ еще болѣе разрушительный человѣческій инстинктъ нововведенія и уничтоженія старины.

Если въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ мало измѣнился внѣшній видъ Могилева, то едва-ли много больше перемѣнъ можно замѣтить и во внутренней жизни города, разумѣется въ смыслѣ естественнаго прогресса, а не обязательныхъ реформъ, и на сколько можетъ замѣтить посторонній наблюдатель, не посвященный въ тайны мѣстной жизни. Такъ напримѣръ переправа на паромахъ черезъ Днѣстръ и понынѣ остается почти въ такомъ-же примитивномъ состояніи, въ какомъ засталъ ее авторъ «Очерковъ Днѣстра». Пріѣзжаго точно также останавливаетъ цѣлая толпа мишуресовъ изъ

различныхъ заѣздовъ, стоящихъ рядомъ на рынкѣ и по въѣзжей улицѣ; но извощикъ или ямщикъ не обращаетъ вниманія ни на приглашенія мишуресовъ, ни на выборъ своего сѣдока и прямо везетъ къ тому хозяину, которому постоянно доставляетъ практику, за что получаетъ опредѣленный, заранѣе условленный процентъ. Даже цѣны на продукты и «станцію» остались тѣ-же, и мы встрѣчаемъ здѣсь ту-же баснословную поднѣстрянскую дешевизну. Есть правда одна или двѣ настоящія гостинницы, но добраться туда могутъ только окрестные помѣщики, часто бывающіе въ Могилевѣ и хорошо знакомые съ городомъ.

Впрочемъ Могилевъ, какъ уѣздный городъ и еще до недавняго времени главный торговый центръ губерніи, не могъ не подчиниться нѣкоторымъ культурнымъ потребностямъ времени: въ городѣ существуютъ нѣсколько училищъ русскихъ и еврейскихъ; на окраинахъ города, гдѣ повидимому ничего нѣтъ, кромѣ садовъ и виноградниковъ, на одномъ изъ домовъ мы замѣтили вывѣску: «библіотека и читальня». Очевидно въ публикѣ чувствуется потребность въ чтеніи, если находятъ возможнымъ содержать библіотеку. Легко можетъ быть, что здѣсь, какъ и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, библіотека состоитъ главнымъ образомъ изъ собранія романовъ и повѣстей для легкаго чтенія и что читаютъ ихъ только дамы да учащаяся молодежь; но все-же это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ умственнаго развитія общества. Сверхъ того мы застали въ городѣ передвижной циркъ, «комедію» и постоянную драматическую труппу изъ мѣстныхъ любителей евреевъ, представленія которой посѣщаются весьма усердно не только еврейскимъ, но и христіанскимъ населеніемъ Могилева и Атакъ. Намъ ни разу не удалось побывать на спектаклѣ этой труппы, но мѣстные жители говорятъ, что играетъ она весьма не дурно, значитъ во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ до извѣстной степени потребности мѣстнаго общества въ болѣе культурныхъ развлеченіяхъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, въ Атакахъ давала представленія русская заѣзжая труппа; могилевскія власти почему-то запретили ей играть въ городѣ, къ большому неудовольствію городскихъ жителей, которые были принуждены ѣздить на другой берегъ и ночью переправляться черезъ Днѣстръ. Наконецъ въ числѣ прочихъ рѣдкостей случайно попалась намъ на глаза на воротахъ армянскаго костела вывѣска постояннаго дантиста, весьма заманчиво

перечисляющаго всѣ привлекательныя стороны своего заведенія и оперирующаго съ помощью веселящаго газа—все по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Согласитесь, что это уже большой прогрессъ для уѣзднаго города; такой рекламы мы не встрѣчали даже въ Каменцѣ.

Что касается состава народонаселенія, то въ этомъ отношеніи Могилевъ и въ настоящее время представляетъ почти такую-же разнообразную смѣсь племенъ, какъ и во время его основанія. Если теперь исчезли греки, волохи и татары, то мѣсто ихъ заняли евреи и отчасти русскіе. Изъ прежнихъ жителей остались только малороссы, поляки и армяне; послѣдніе впрочемъ настолько ассимилировались съ мѣстнымъ малорусскимъ населеніемъ, что почти совершенно забыли свой языкъ. Въ настоящее время главный процентъ городскаго населенія составляютъ евреи, которые сперва овладѣли армянскою торговлею, а теперь захватили въ свои руки вообще всю торговую и промышленную дѣятельность въ городѣ и въ цѣломъ краѣ.

Торговля Могилева въ настоящее время сильно упала, благодаря отчасти проведенію одесско-балтской желѣзной дороги, а главнымъ образомъ застою или упадку промышленности въ краѣ. Правда, Могилевъ остается и теперь еще лучшею пристанью на Днѣстрѣ въ среднемъ его теченіи; и теперь еще сюда сплавляются различные сырые продукты изъ уѣздовъ: хотинскаго, каменецкаго, ушицкаго и отчасти могилевскаго, но теперь и торговые обороты дошли до минимума, и движеніе совершается только сверху внизъ, между тѣмъ какъ еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія сюда точно также шли товары и снизу, изъ Никополя, Румыніи и другихъ придунайскихъ мѣстъ. Въ настоящее время главными предметами сплавной торговли служатъ: пшеница и лѣсъ, затѣмъ уже въ меньшемъ количествѣ известь, гипсъ, спиртъ и другіе сырые продукты, да пожалуй сплавляются фосфориты до ближайшей австрійской желѣзной дороги. Впрочемъ этотъ послѣдній продуктъ идетъ за границу и другимъ путемъ, по волочиской линіи желѣзной дороги.

Между тѣмъ и самыя условія доставки товаровъ не мало способствуютъ упадку торговой дѣятельности Могилева. Русло Днѣстра все еще не расчищено и не приспособлено для правильнаго судоходства, не смотря на многочисленные проэкты въ этомъ смыслѣ и на неоднократныя присылки чиновниковъ водянаго и другихъ

вѣдомствъ для собиранія на мѣстѣ свѣдѣній по этому вопросу. Единственнымъ средствомъ передвиженія служатъ все тѣ-же первобытные плоты и галяры, которые подымаютъ довольно значительные грузы, но при сравнительно медленномъ ходѣ подвержены различнымъ случайностямъ, отчего товаръ нерѣдко портится или совсѣмъ погибаетъ при перевозкѣ въ приморскіе порты. Разумѣется, такія суда не удовлетворяютъ требованіямъ современной торговли и не могутъ выдержать конкурренціи съ желѣзными дорогами.

Было однако время, когда торговля Могилева находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Первыя прямыя указанія на присутствіе въ Могилевѣ торговыхъ поселеній: армянскихъ, греческихъ, волошскихъ и татарскихъ относятся къ XVII ст. Но вѣроятно выгодное положеніе города на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, на главномъ пути турецко-польской торговли, должно было раньше привлечь главныхъ дѣятелей этой торговли, тѣмъ болѣе, что подобныя колоніи существовали въ Каменцѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ еще со времени галицкихъ князей Даниловичей. Поэтому можно допустить, что иноземныя поселенія въ Могилевѣ начались гораздо раньше, можетъ быть со времени возникновенія города въ концѣ XVI вѣка, тѣмъ болѣе, что первыя документальныя извѣстія рисуютъ намъ эти колоніи въ видѣ правильно организованныхъ общинъ и братствъ со своими церквями, правами и привилегіями. На все это, конечно, требовался извѣстный промежутокъ времени. Дѣйствительно городъ съ самымъ разноплеменнымъ составомъ народонаселенія, среди котораго главный перевѣсъ брали греки и румыны, занимался исключительно торговыми оборотами въ большихъ размѣрахъ. Въ первое время, т. е. въ XVII ст. Могилевъ въ этомъ отношеніи взялъ верхъ надъ Каменцемъ, такъ какъ прежній путь къ Каменцу черезъ Румынію былъ и дальше и сопряженъ съ многими опасностями вслѣдствіе постоянныхъ неурядицъ въ Молдавіи, а потому караваны предпочитали ближайшій путь черезъ Могилевъ. Сверхъ того въ Каменцѣ существовала таможня, на которой заграничные товары подлежали хотя не большой пошлинѣ, между тѣмъ какъ Могилевъ былъ въ этомъ отношеніи *porto-franco;* вотъ почему на здѣшнемъ рынкѣ можно было найти самыя лучшія вина, колоніальные товары и всевозможныя восточныя издѣлія, а мѣстные торговцы ворочали огромными капиталами. Впрочемъ этотъ цвѣту-

щій періодъ продолжался не долго: начавшіеся вскорѣ польско-козацкія войны, набѣги татаръ и наконецъ самое положеніе города на границѣ съ татарскими степями—все это помѣшало дальнѣйшему развитію города [1]).

Одновременно съ греками и румынами поселились здѣсь для тѣхъ-же промышленныхъ цѣлей сербы, босняки и крымцы. Всѣ они составляли, вмѣстѣ съ кореннымъ малорусскимъ населеніемъ, одну общину, во главѣ которой обыкновенно стоялъ грекъ; поляки составляли отдѣльную корпорацію, что-же касается армянъ, то сперва они поселились здѣсь какъ гости, но скоро обжились и уже въ 1743 г. организовали свой собственный судъ съ войтомъ и райцами и получили особое помѣщеніе въ мѣстной ратушѣ. Наконецъ получаютъ отъ владѣльца Могилева, Франциска Салезія Потоцкаго, привиллегію, которая гарантируетъ имъ личныя и торговыя права, самоуправленіе общины, освобождаетъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей подъ условіемъ опредѣленнаго чинша въ пользу владѣльца. Съ того времени значеніе Могилева, какъ промышленнаго центра, быстро возрастаетъ, а пропорціонально съ тѣмъ увеличивается и народонаселеніе города, который въ этомъ отношеніи вскорѣ занимаетъ первое мѣсто въ цѣломъ воеводствѣ. Въ 1780 г. городъ получаетъ привилегію на двухнедѣльную ярмарку, на которой главнымъ предметомъ торговли изъ мѣстныхъ произведеній является готовая обувь и всевозможныя кожевенные товары: замша, сафьяны и др.

Кожевенное производство достигаетъ здѣсь такого развитія, что еще въ 1745 году мѣстные кожевники организуютъ особое братство сафьянниковъ по типу такого-же львовскаго братства, существовавшаго съ 1669 г. Братство много способствовало развитію этого промысла, который еще долгое время послѣ исчезновенія армянской общины въ Могилевѣ пользовался большею извѣстностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются и другія отрасли промышленности, значеніе Могилева все возрастаетъ, но вдругъ два случайныя обстоятельства въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія вызвали упадокъ его торговой и промышленной дѣятельности. Страшная чума, опустошавшая цѣлое Подолье въ 1770 г., посѣтила и

[1]) Dr. Antoni.—Zameczki Podolskie na kresach multańskich., str. 205.

Могилевъ и продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ: тоже самое повторилось въ 1786 г. и наконецъ въ послѣдній разъ въ 1812 г. Эта послѣдняя чума, хотя менѣе сильная, началась именно въ Могилевѣ, куда она была завезена вмѣстѣ съ мѣхами съ востока. Но еще сильнѣе отразились на благосостояніи и занятіяхъ жителей необыкновенные разливы Днѣстра, затоплявшіе почти цѣлый городъ съ предмѣстьями, садами и виноградниками, на довольно продолжительное время, при чемъ и торговое сословіе терпѣло большіе убытки, такъ какъ всѣ товары гибли или портились отъ воды. Крупныхъ наводненій было четыре въ промежутокъ между 1780—1860 г.; но больше другихъ причинило вреда второе по времени наводненіе 1785 года. Въ теченіи цѣлой недѣли городъ стоялъ подъ водою и понесенные убытки были такъ велики, что разорившіеся заграничные купцы оставляютъ свои жилища, продавая свое имущество евреямъ, которые начинаютъ прибывать сюда все въ большемъ количествѣ.

Впрочемъ богатый промышленный городъ довольно быстро оправлялся послѣ каждаго понесеннаго несчастья, такъ что даже пожаръ 1808 года, истребившій большую половину города,—новое наводненіе и чума злополучнаго 1812 года только ослабили на короткое время, но не могли окончательно подорвать значеніе Могилева до тѣхъ поръ, пока оставались въ городѣ иностранные колонисты и пока сохранялись во всей силѣ прежніе торговые пути и пріемы. Въ первой четверти текущаго столѣтія Могилевъ принадлежалъ къ числу найболѣе оживленныхъ центровъ Подолья, благодаря отчасти присутствію въ немъ самостоятельной епископской каѳедры, а главнымъ образомъ быстрому росту торговаго движенія. До 1830 года въ Могилевѣ находилась одна изъ главнѣйшихъ таможень, открытая вѣроятно послѣ присоединенія края къ Россіи, и карантинъ; наконецъ, въ виду постоянныхъ недоразумѣній съ Турціею, въ Могилевѣ долгое время кварртировалъ весьма значительный отрядъ русскаго войска. Главныя отрасли промышленности и торговли по прежнему находились въ рукахъ иностранныхъ торговцевъ-капиталистовъ. По словамъ ксендза Марчинскаго, румыны занимались разведеніемъ виноградниковъ, различныхъ плодовъ и лучшихъ овощей. Проживавшіе въ Могилевѣ греки занимались винодѣліемъ и торговлею: привозили мѣха изъ Москвы, Кіева и

Нѣжина, желѣзо изъ Тулы и Кіева, каменную соль и вина изъ Румынія и придунайскихъ странъ, сухую рыбу и т. д. Могилевскія гречанки вышивали золотомъ и серебромъ по кисеямъ и бумажнымъ матеріямъ, работы ихъ скупались бердичевскими евреями и расходились подъ названіемъ турецкихъ вышивокъ. Армане выпасали на степяхъ бессарабскихъ огромныя стада овецъ и рогатаго скота; добытое изъ нихъ сало служило предметомъ значительной торговли, а шерсть отправлялась въ Германію. Изъ овечьихъ и козлиныхъ кожъ выдѣлывались разноцвѣтныя сафьяны и вывозились подъ видомъ турецкихъ товаровъ въ Броды и Литву, а масло до самаго Константинополя [1]). Въ добавокъ ко всему тутъ процвѣтало шелководство, и Могилевъ былъ центромъ этого производства во всемъ юго-западномъ краѣ.

Такъ было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Теперь отъ прежней торговой славы Могилева осталось одно воспоминаніе. Послѣ наводненія 1860 г. греческіе и румынскіе купцы навсегда оставили Могилевъ и переселились въ приморскіе порты; мѣсто ихъ заняли евреи, которые мало по малу захватили въ свои руки всю промышленную и торговую дѣятельность города и, путемъ контрабанды и разнаго рода фиктивныхъ сдѣлокъ, совершенно измѣнили прежніе торговые пріемы. Оставались еще армяне, сохранявшіе свои старыя традиціи и пытавшіеся нѣкоторое время бороться съ новымъ элементомъ, но вскорѣ конкурренція оказалась имъ не подъ силу; болѣе состоятельные оставили торговлю или переселились въ другія мѣста, прочіе обѣднѣли, смѣшались съ мелкими мѣщанами и наконецъ совершенно расплавились въ массѣ мѣстнаго малорусскаго населенія, утратившп свой языкъ и сохранивши только оригинальный этнографическій типъ да отличительныя черты своего племеннаго характера.

Причинами такого упадка были, какъ мы уже сказали, различныя естественныя катастрофы и наплывъ евревъ, главнымъ-же образомъ замѣна прежней торговой системы новою, перемѣна въ направленіи главныхъ торговыхъ путей, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и наконецъ общій упадокъ промышленности въ цѣломъ краѣ, вызванный финансовымъ кризисомъ — результатомъ освобожденія

---

[1]) Zameczki Podolskie, str. 240.

крестьянъ. Многіе изъ промысловъ, которыми славился нѣкогда Могилевъ, исчезли совершенно, другіе держатся больше по традиціи, какъ напримѣръ шелководство, которое существуетъ еще въ незначительныхъ размѣрахъ, но стоитъ несравненно ниже, чѣмъ въ Бессарабіи. Нѣсколько евревъ закупаютъ ежегодно весь шелкъ, какой производится въ окрестностяхъ Могилева, варятъ его, прядутъ и красятъ и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу также подъ видомъ заграничнаго; о выдѣлкѣ тканей или даже лентъ никто и не думаетъ. Винодѣліе еще осталось какъ второстепенный промыселъ, но уже уступило первенство окрестнымъ виноградникамъ. Кромѣ торговли мелкой и крупной, которая вся почти сосредоточена въ рукахъ евреевъ, однимъ изъ промысловъ коренныхъ жителей является садоводство; почти каждый домовладѣлецъ имѣетъ довольно значительный участокъ земли подъ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ, которые нерѣдко сдаетъ въ аренду промышленникамъ-евреямъ. Разнообразіе и дешевизна фруктовъ баснословная, базаръ буквально заваленъ ими, и если вамъ не нравится предлагаемый продуктъ, торговка ведетъ васъ въ садъ, тутъ-же на краю рынка, гдѣ можно выбрать что угодно прямо съ дерева. Послѣ винограда разводятся главнымъ образомъ лучшіе сорта яблокъ и венгерскихъ сливъ, которыя въ сухомъ видѣ и отчасти въ видѣ разнаго рода консервовъ составляютъ предметъ довольно значительной торговли.

Другую спеціальность Могилева, уцѣлѣвшую еще отъ прежнихъ временъ, составляетъ производство желтыхъ бумажныхъ фитилей, пропитанныхъ селитрою; дорожные фитили все еще приготовляются въ огромномъ количествѣ и подъ видомъ заграничныхъ расходятся отсюда, вмѣстѣ съ сухими фруктами, по всѣмъ ярмаркамъ южной Россіи.

Покончивъ съ промышленностью и торговлею Могилева, попробуемъ возстановить его историчоскую судьбу, пользуясь для этой цѣли какъ спеціальною, хотя по различнымъ причинамъ далеко неполною, монографіею этого города [1]), изъ которой мы заимствовали уже нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ и разными мелкими данными, разсѣянными въ архивныхъ изданіяхъ, козацкихъ лѣтописяхъ и мемуарахъ.

---

[1]) D-r Antoni J. «Zameczki Podolskie na kresach multańskich».

Извѣстные понынѣ источники не даютъ намъ возможности точно опредѣлить время возникновенія Могилева. Первое документальное извѣстіе объ этомъ городѣ относится къ 1600 году; но есть основаніе думать, что городъ былъ основанъ раньше — въ концѣ XVI ст. Началомъ своимъ онъ обязанъ Іереміи Могилѣ изъ рода молдавскихъ господарей. По обычаю всѣхъ кандидатовъ на румынскій престолъ, Іеремія сперва поступилъ на службу въ Польшу, гдѣ занялъ приличную своему званію должность и былъ зачисленъ въ число польской шляхты. Въ качествѣ богатого пана, обладавшаго большими связями въ королевствѣ, Іеремія скупилъ обширное пространство земли надъ Днѣстромъ, путемъ зазыванія *на слободы* колонизовалъ свои владѣнія и столицу ихъ назвалъ Могилевымъ. Отсюда ему весьма удобно было слѣдить за ходомъ событій въ Молдавіи; но разъ сдѣлавшись господаремъ, онъ на всегда оставилъ свои подольскія владѣнія, и вскорѣ Могилевъ путемъ продажи достался польному гетману Мартыну Калиновскому, а черезъ два поколѣнія путемъ наслѣдства перешелъ въ родъ Потоцкихъ. Турецко-польскія и польско-козацкія войны, возникшія вскорѣ послѣ основанія Могилева, повліяли до извѣстной степени и на его судьбу.

Послѣ извѣстнаго пораженія, понесеннаго польскимъ войскомъ подъ Цецорою въ 1620 году, начальникъ польской артилеріи Шемберкъ, успѣвшій съ небольшимъ отрядомъ проскочить сквозь турецкія войска, ближайшимъ путемъ добрался въ Могилевъ, наскоро укрѣпилъ городъ и заперся въ немъ, опасаясь преслѣдованія; но турки довольствовались большой побѣдой и не считали нужнымъ преслѣдовать бѣглецовъ.

Очистивши Украйну отъ поляковъ, Хмельницкій, имѣвшій до того времени одного только, и то весьма непостояннаго и невыгоднаго союзника въ лицѣ крымскаго хана, считалъ необходимымъ заручиться болѣе прочнымъ союзникомъ изъ близкихъ сосѣдей. Выборъ его остановился на молдавскомъ господарѣ Василіѣ Лупулѣ. И дѣйствительно такой союзникъ долженъ былъ съ одной стороны гарантировать Украйнѣ безопасность, а при случаѣ и помощь со стороны Румыніи и Турціи, съ другой стороны парализовать вліяніе Польши на румынскія дѣла. Съ этою цѣлью Хмельницкій просилъ у Лупулы руку его дочери для своего сына Тимоша, подкрѣпивши свою просьбу согласіемъ, иначе говоря приказаніемъ султана. Но Лупула

оказался человѣкомъ безхарактернымъ, опасался Хмельницкаго, или-же просто не понялъ своей выгоды. Онъ и не смѣлъ ослушаться султана, и не хотѣлъ отдавать дочери, а изъявляя согласіе на предложеніе козацкаго гетмана, самъ въ тоже время просилъ помощи и защиты у польскихъ гетмановъ.

Сватовство тянулось около трехъ лѣтъ; Хмельницкій упорно стоялъ на своемъ, но наконецъ убѣдился, что только силою можетъ достигнуть цѣли и въ 1650 году самъ съ довольно значительнымъ войскомъ повелъ сына въ Молдавію знакомиться съ невѣстой. Состоялся договоръ между родителями, послѣ чего Хмельницкій возвратился на Украйну и на этотъ разъ переправлялся черезъ Днѣстръ у Могилева. Но этимъ дѣло не кончилось; господарь постоянно оттягивалъ свадьбу, пока наконецъ въ 1652 году Хмельницкій, потерявъ терпѣніе, категорически потребовалъ у него дочь, грозя въ противномъ случаѣ опустошить Молдавію, а между тѣмъ народъ румынскій, помнившій еще первый приходъ козаковъ, грозилъ выдать господаря Хмельницкому. Между тѣмъ Лупула обратился за помощью къ Польшѣ; по просьбѣ его, гетманъ Калиновскій съ десятитысячнымъ войскомъ расположился на Бугѣ, преграждая путь Хмельницкому. Произошла извѣстная батогская битва, въ которой поляки понесли страшное пораженіе, — по словамъ лѣтописца, ни одному не удалось спастись бѣгствомъ, всѣ легли на мѣстѣ. Послѣ того козаки съ татарами направились въ Молдавію и перешли Днѣстръ двумя отрядами, подъ Могилевымъ и Ямполемъ. Въ тоже время часть козацкаго войска, оставшаяся на подольскомъ берегу, заняла Могилевъ, причемъ коренные жители радостно шли на встрѣчу козацкому движенію, изгоняли своихъ пановъ и приставали къ козачеству.

На этотъ разъ свадьба наконецъ состоялась, а Могилевъ, наравнѣ съ другими подольскими городами, надолго оставался козацкимъ городомъ, избавленнымъ отъ всякой зависимости по отношенію къ прежнему владѣльцу и Рѣчи Посполитой. Могилевъ въ это время сталъ полковымъ городомъ, центромъ такъ называемаго подольскаго полка. Во время извѣстнаго жванецкаго похода, расположившійся въ Жванцѣ король, отрѣзанный уже со всѣхъ сторонъ союзнымъ войскомъ, но еще не подвергавшійся болѣе тѣсной осадѣ, часто посылалъ въ окрестности Могилева разъѣзды для поимки языка;

такъ какъ все Поднѣстровье находилось тогда въ рукахъ татаръ, а Хмельницкій съ козаками стоялъ въ окрестности Шаргорода.

По удаленіи татаръ и польскаго войска, Поднѣстровье начинало уже отдыхать и понемногу отправляться послѣ всѣхъ погромовъ, а между тѣмъ событія на Украйнѣ шли съ необыкновенною быстротою.

Въ 1657 году гетманомъ сдѣлался уже Иванъ Выговскій, не раздѣлявшій политическихъ взглядовъ стараго Хмельницкаго. Въ противуположность послѣднему, новый гетманъ разсчитывалъ именно путемъ союза съ Польшей, на правахъ свободной федераціи, обезпечить автономію Украйны. Все было подстроено, какъ нельзя лучше; но лишь только были обнародованы договорныя статьи, масса народонаселенія, и безъ того недовольная гетманомъ, совершенно отшатнулась отъ него, ища поддержки кто въ запорожской общинѣ, кто въ московскихъ воеводахъ. Послѣ гадячской рады 1659 года подольскіе полки, населеніе которыхъ больше другихъ испытало на себѣ тяжелый гнетъ польскихъ пановъ, первые поднялись противъ гетмана. По словамъ лѣтописца «поднѣстряне, забужане и другіе украинскіе козаки собралися въ Браславлѣ и новаго гетмана Юрія Хмельницкаго паки себѣ поставили [1])». Вѣроятно въ числѣ поднѣстрянъ и жители Могилева принимали участіе въ избраніи новаго гетмана, враждебнаго Польшѣ, такъ какъ выгнанный имъ изъ Украйны польскій гетманъ Станиславъ Потоцкій въ концѣ осени того-же 1659 года пытался взять городъ приступомъ, но былъ отраженъ, хотя не съ особенно большою потерею [2]). Въ началѣ слѣдующаго года Потоцкій попытался вознаградить эту неудачу; онъ вмѣстѣ съ Выговскимъ, сохранившимъ санъ кіевскаго воеводы, и татарскою ордою осадилъ Могилевъ, въ которомъ находился гарнизонъ 8,000 козаковъ; но подольскій полковникъ Остапъ Гогель и миргородскій Кирило Андреевъ отразили приступы и прогнали поляковъ съ великимъ стыдомъ и поруганіемъ [3]). Во время битвы осажденными взятъ былъ въ плѣнъ бывшій кіевскій полковникъ

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи, стр. 255.

[2]) Памятники, часть IV, т. III, стр. 3.

[3]) Jerlicz—Latopisec.

Антонъ Ждановичъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, подобно Выговскому перешедшій на сторону поляковъ [1]).

Съ распаденіемъ Украйны на двѣ половины, когда гетманомъ правобережной Украйны избранъ былъ Павелъ Тетеря, сторонникъ Польши, все Поднѣстровье, въ томъ числѣ и Могилевъ, оказались не на сторонѣ союза съ Польшею, и лишь только въ Подолію, призыву Брюховецкаго, явился Сирко съ запорожцами, какъ всѣ поднѣстровскіе города, и между ними Могилевъ, подымаются противъ Тетери, истребляютъ оставленные здѣсь Яномъ Казиміромъ польскіе гарнизоны и приносятъ присягу на вѣрность царю [2]). На этотъ разъ освобожденіе Могилева отъ польской власти было весьма не долговременно, ибо тотчасъ по удаленіи Сирка въ степи поляки снова занимаютъ городъ; но при вторичномъ появленіи его въ Подоліи, вмѣстѣ съ русскимъ воеводою Касоговымъ, жители Могилева немедленно перебили поляковъ и евреевъ и вторично подчинились царю [3]).

Когда затѣмъ Дорошенко началъ, по выраженію лѣтописца, «подъ державу королевскую преклонять» приднѣстровскіе полки, жители Могилева также недовѣрчиво отнеслись къ новому гетману; его сторону приняли только мѣщане, болѣе другихъ дорожившіе спокойствіемъ и безопасностью города, между тѣмъ какъ козаки на этотъ разъ оказались за одно съ народною массою. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документальные матеріалы мало сохранили подробностей объ этомъ фактѣ; извѣстно только, что могилевскіе мѣщане выдали Дорошенку своего полковника Константина (грека, родомъ изъ Хіоса), очевидно агитировавшаго противъ Дорошенка; арестованный былъ отосланъ въ Чигиринъ, но вскорѣ бѣжалъ оттуда, навербовалъ въ Могилевѣ полкъ и отправился на службу къ Брюховецкому [4]).

Тоже настроеніе господствовало и три года спустя, когда Дорошенко, послѣ многихъ неудачъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польскимъ, турецкимъ и московскимъ правитель-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 318—319.

[2]) Тамъ-же, т. V, 151.

[3]) Тамъ-же, стр. 201.

[4]) Тамъ-же, т. VI, стр. 167.

ствомъ, призналъ наконецъ протекторатъ Турціи надъ Украйною. Лишь только запорожцы, враждовавшіе съ Дорошенкомъ, выступили противъ него и подошли къ Чигирину, какъ шесть полковъ кіевскихъ и подольскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суховія, въ числѣ ихъ и могилевскій полкъ, тотчасъ-же оставили гетмана и перешли на сторону запорожцевъ. Дорошенко былъ даже осажденъ союзными войсками и долгое время выдерживалъ осаду; но освободившись, благодаря турецкой помощи, онъ снова сталъ приводить въ повиновеніе подольскіе полки, и на этотъ разъ мы не видимъ уже сопротивленія съ ихъ стороны [1]).

Въ первыхъ числахъ января 1671 г., прибылъ въ Могилевъ львовскій и подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, отправлявшійся въ качествѣ посла на извѣстную острожскую коммисію; онъ остановился въ Могилевѣ съ цѣлью зависѣвшими отъ него мѣрами склонить русское духовенство на сторону поляковъ. Узнавъ о такой агитаціи, Дорошенко приказалъ силою доставить владыку въ Чигиринъ; это вызвало сильную сенсацію въ населеніи, среди котораго особенно отличались набожностью и благочестіемъ иностранные купцы; по словамъ лѣтописца, Шумлянскаго «взято въ Могилевѣ зъ великою жалостію усего народу, зостаючого на тотъ часъ у Могилевѣ, а звлаща подъ часъ ярмарку богоявленского». По ходатайству митрополита гетманъ вскорѣ отпустилъ Шумлянскаго, но послалъ вслѣдъ за нимъ орду, отъ которой тотъ съ трудомъ успѣлъ спастись въ свою епархію [2]).

Вскорѣ послѣ того, собравшись наконецъ съ силами, поляки попытались было избавиться отъ Дорошенка и привести Украйну къ прежней отъ себя зависимости. Сперва отрядъ польскаго войска ворвался въ Брацлавщину, взялъ и «вырубилъ» посадъ въ Могилевѣ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ оба польскіе гетмана, Янъ Собѣскій и Дмитрій Вишневецкій, снова вошли въ Брацлавщину и подъ ихъ давленіемъ, въ видѣ противовѣса Дорошенку, избранъ гетманомъ Ханенко, человѣкъ вполнѣ преданный полякамъ. Послѣ того разставлены польскіе гарнизоны въ важнѣйшихъ подольскихъ замкахъ; въ октябрѣ

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 105—106.

[2]) Тамъ-же, стр. 110.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 419.

1671 г. поляки заняли Могилевъ и поставили гарнизонъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты съ комендантомъ [1]). Всѣ эти гарнизоны предоставлялись правительствомъ въ распоряженіе Ханенка. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ нѣчто невиданное и необычное, что жолнеры «на тотъ часъ скромне заховалися съ людми, зъ гроша ся контентовали, тилко ежели сѣна узяли, где найшли» [2]).

Наконецъ переговоры Дорошенка съ Турціею пришли къ концу. Въ 1672 г. самъ султанъ съ огромными турецкими и татарскими силами вошелъ въ подольскую землю, соединившись съ Дорошенкомъ, безъ труда взялъ Каменецъ, послѣ чего коменданты прочихъ подольскихъ замковъ, въ томъ числѣ и могилевскаго, немедленно сдали ихъ гетману, выговоривши себѣ только право свободнаго отступленія со своими отрядами и пушками. Послѣ заключенія извѣстнаго бучацкаго договора, султанъ возвратился въ Турцію съ главными силами, оставивши довольно значительные гарнизоны въ Каменцѣ и во всѣхъ прочихъ замкахъ, причемъ главное вниманіе обращалось на охраненіе днѣстровскихъ бродовъ и пограничныхъ приднѣстровскихъ замковъ. Могилевъ скоро привлекъ особое вниманіе турецкаго паши, какъ городъ пограничный, расположенный вблизи извѣстныхъ днѣстровскихъ бродовъ и при томъ одинъ изъ богатѣйшихъ подольскихъ городовъ. Поэтому въ городѣ поставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ десятковъ турокъ; проэктировалось даже устроить постоянный мостъ на Днѣстрѣ, для облегченія торговыхъ сношеній, однако планъ этотъ не былъ исполненъ. Уже въ слѣдующемъ 1673 г. паша выводитъ гарнизоны изъ Могилева и прочихъ замковъ, за исключеніемъ Каменца и Бара, потому-ли, что не имѣлъ возможности удержать цѣлую провинцію, какъ это съ гордостью утверждаютъ польскіе историки [3]), или-же просто потому, что приднѣстровскіе города не подвергались теперь никакой серьезной опасности и потому самому не нуждались въ особой защитѣ, а въ крайнемъ случаѣ могли и сами дать отпоръ какому нибудь набѣгу. Теперь татары не смѣли больше вторгаться и разорять подвластный султану край, часть армянъ и другихъ

---

[1]) Акты южной и западной Россія, т. IX, стр. 578, 384.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 112.

[3]) Zameczki Pod., стр. 207.

иностранныхъ купцевъ переселились во Львовъ, а дальше некого уже было защищать туркамъ.

Господство турокъ надъ подольскою землею отразилось главнымъ образомъ удаленіемъ отсюда поляковъ; и народная масса, и козацкіе полки оставались на прежнихъ мѣстахъ; Могилевъ по прежнему остается полковымъ городомъ, полковникомъ въ немъ былъ тотъ-же Остапъ Гоголь. Между тѣмъ польское правительство не хотѣло помириться съ потерею богатаго подольскаго края и, не смотря на бучацкій договоръ, дѣлаетъ рядъ попытокъ къ захвату того или другого пограничнаго замка. Въ первой такой попыткѣ, весною 1673 года, соединенныя турецко-румынскія войска вмѣстѣ съ Дорошенкомъ были разбиты гетманомъ Яномъ Собѣскимъ подъ Цецорою, послѣ чего остатки ихъ переправились черезъ Днѣстръ противъ Могилева и оттуда бѣжали въ Каменецъ [1]). Въ это время могилевскій полкъ держалъ еще сторону Дорошенка, но уже въ слѣдующемъ году снова начинаются неурядицы въ подольской землѣ.

Согласно плану Дорошенка, московское правительство рѣшилось наконецъ объединить въ однихъ рукахъ обѣ половины Украйны и поручило это дѣло бездарному лѣвобережному гетману Самойловичу. Извѣстно, какъ понялъ это порученіе Самойловичъ, перегонявшій силою цѣлые города и полки на лѣвый берегъ Днѣпра, предоставляя желающимъ занять опустошенную территорію; но масса народная, доведенная до отчаянія и не ожидавшая такого исхода, радостно встрѣчала новаго гетмана. Въ короткое время почти всѣ кіевскіе и ближайшіе подольскіе полки перешли къ Самойловичу и тутъ только узнали, какая участь ожидаетъ ихъ. Одно только Подвѣстровье стойко держалось на сторонѣ Дорошенка. Остапъ Гоголь «держался при руцѣ Дорошенковой, и до Турчина чрезъ него поселство отправовалося» [2]), затѣмъ онъ вмѣстѣ съ другими подольскими полками, по распоряженію своего гетмана, идетъ на защиту Корсуня. Но послѣ того, какъ и турецкія войска отправились усмирять Кіевщину, Гоголь, видя себя предоставленнымъ собственнымъ силамъ, рѣшился въ крайности подчиниться полякамъ; казнилъ въ Могилевѣ присланнаго Самойловичемъ агента Завицкаго и призвалъ польскую

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 118.

[2]) Тамъ-же, стр. 122.

помощь [1]). Результатомъ этого призыва и полной руины края было появленіе въ Подоліи новоизбраннаго короля Собѣскаго, которому удалось на этотъ разъ разбить турокъ и отнять отъ нихъ Баръ, Могилевъ и Рашковъ, послѣ чего король отправился на коронацію въ Польшу, а въ завоеванныхъ городахъ оставилъ комендантовъ съ гарнизонами. Послѣ того большая часть Поднѣстровья фактически находится во власти турокъ, меньшая въ рукахъ поляковъ, Дорошенко совершенно устраненъ отсюда и держится только въ южныхъ кіевскихъ полкахъ.

Съ паденіемъ Дорошенка въ 1676 г. турки снова берутъ верхъ въ подольской землѣ, а такъ какъ сторонникамъ Польши не оставалось уже мѣста въ краѣ, то болѣе заслуженнымъ изъ нихъ даются новыя должности въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; такъ Остапъ Гоголь сдѣланъ былъ козацкимъ гетманомъ въ Полѣсьи въ награду за то, что самъ подчинился королю. Впрочемъ гетманство его было весьма кратковременно. Послѣ извѣстной побѣды надъ турками подъ Вѣной, король назначилъ для остававшихся въ Подоліи козаковъ новаго гетмана Куницкаго. Тотчасъ были возстановлены всѣ прежніе полки и сотни, и новый гетманъ отправился въ походъ противъ турокъ въ Молдавію. Почти при началѣ похода козаки были настигнуты сильною бѣлгородскою ордою и Куницкій среди сраженія, оставивъ пѣхоту подъ начальствомъ полковника Могилы, самъ съ кавалеріею бѣжалъ въ Могилевъ. Между тѣмъ Могила энергично защищался, по окончаніи битвы счастливо переправился черезъ Прутъ со своими козаками и также явился въ Могилевъ. На собранной здѣсь козацкой радѣ Куницкій былъ приговоренъ къ смерти за бѣгство изъ табора, оставленнаго въ опасномъ положеніи, и тутъ-же казненъ, а на мѣсто его избранъ Могила въ 1684 г. [2]).

Нескончаемая борьба между правительствами, претендовавшими на обладаніе западною половины Украйны во второй половинѣ XVII в., привела только къ полному почти запустѣнію края, извѣстному въ народной памяти подъ характернымъ именемъ *руины*. Разумѣется, общей участи подвергся и Могилевъ.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IX, стр. 469.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 549.

Городъ этотъ, въ которомъ еще въ 1678 году числилось 606 домовъ, т. е. не менѣе трехъ тысячъ жителей, подъ конецъ руины, по точнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, заключалъ лишь 102 души христіанъ и 40 душъ евреевъ [1]). Не смотря однако на постепенную убыль народонаселенія, Могилевъ до самаго конца смутнаго періода принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ народонаселенія удержать въ странѣ козацкое устройство. Такъ въ 1702 году, когда вспыхнуло возстаніе крестьянъ въ правобережной Украйнѣ, по инициативѣ козачества, вновь организованнаго Паліемъ, жители Могилева не только приняли въ немъ дѣятельное участіе, но и скомпрометировали себя гораздо больше, чѣмъ другія мѣстности, въ глазахъ польскаго правительства: они захватили въ плѣнъ единственнаго въ Подоліи офиціальнаго представителя Рѣчи Посполитой, подольскаго стражника Станислава Шидловскаго и судили его на своей громадской радѣ, отъ приговора которой бѣдный стражникъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Затѣмъ они записались въ составъ козацкаго поднѣстрянскаго полка, находившагося подъ начальствомъ Скорича. Неудивительно, что послѣ усмиренія возстанія поляками, могилевцы почти поголовно бѣжали за Днѣстръ, откуда потомъ выдачи ихъ безъуспѣшно требовали подольскіе дворяне отъ молдавскаго господаря [2]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вновь оживились надежды народонаселенія, вслѣдствіе появленія Мазепы съ козацкими полками на правой сторонѣ Днѣпра, нѣкто Савва, начальникъ козацкой надворной милиціи тогдашняго владѣльца Могилева Морштына, объявилъ себя могилевскимъ полковникомъ, пополнилъ контингентъ своего полка приставшими къ нему крестьянами сосѣднихъ селъ и принялся весьма энергично изгонять и разорять шляхтичей. Съ большимъ трудомъ удалось русскимъ властямъ, по жалобѣ польскихъ гетмановъ, унять этого «самозваннаго» полковника [3]).

Въ послѣдній разъ наклонность могилевцевъ къ протесту проявилась во время движенія крестьянъ въ Подоліи, вспыхнувшаго по поводу неурядицы, происходившей въ Польшѣ во время безкоролевья

---

[1]) Книга гродская каменецкая, № 3,637, л. 6 на оборотѣ; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 770.

[2]) Тамъ-же, стр. 430, 561.

[3]) Тамъ-же, стр. 708; Судіенко, Матеріалы для отеч. ист., т. II, стр. 122.

по смерти Августа II. Укрываясь передъ грозою подымавшагося возстанія, окрестные шляхтичи искали убѣжища въ Могилевѣ, но въ виду настроенія мѣстныхъ жителей они не чувствовали себя въ безопасности въ самомъ городѣ, переправились черезъ Днѣстръ и поселились въ Атакахъ. Впрочемъ эта мѣра предосторожности не спасла ихъ. Вскорѣ толпа возставшихъ крестьянъ появилась въ городѣ; по указанію мѣстныхъ жителей они направились въ Атаки и, не стѣсняясь нейтральною молдавскою территоріею, перебили четырнадцать шляхетскихъ семействъ и сожгли домъ, въ которомъ тѣ заперлись [1]).

Изъ числа извѣстныхъ намъ фактовъ это послѣднее событіе, въ которомъ историческія воспоминанія Могилева стоятъ въ органической связи съ исторіею цѣлаго края; за послѣдующій промежутокъ времени до конца XVIII ст. мы имѣемъ всего нѣсколько разрозненныхъ свѣдѣній о событіяхъ, такъ или иначе касавшихся Могилева, но событія эти носятъ уже характеръ случайный и жители самаго города играютъ въ нихъ исключительно пассивную роль.

Такъ въ 1739 г. во время русско-турецкой войны Могилевъ лежалъ на пути русской арміи, отправлявшейся за Днѣстръ для занятія Бессарабіи; отрядъ малороссійскихъ козаковъ, входившій въ составъ этой арміи и состоявшій подъ начальствомъ миргородскаго полковника Капниста и бориспольскаго сотника Афендыка, сжегъ городъ и разграбилъ имущество жителей [2]).

Въ роковой 1768 годъ жители Поднѣстровья не принимали участія въ смутахъ отдаленной отъ нихъ южной Кіевщины, тѣмъ не менѣе финалъ послѣдняго акта трагедіи разыгрался въ окрестности Могилева. Въ этомъ городѣ находилась главная квартира польскаго региментаря Ксаверія Браницкаго, уклонившагося отъ столкновенія съ гайдамаками подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія границъ Польши отъ вторженія барскихъ конфедератовъ, укрывшихся въ Бессарабіи. Послѣ разгрома гайдамакъ русскими войсками подъ Уманью, предводители возстанія, оказавшіеся польскими подданными, были доставлены въ лагерь Браницкаго; назначенный послѣднимъ военный судъ приговорилъ къ смерти и предалъ казни

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. III, стр. 184.

[2]) Днев. Зап. Якова Марковича, т. II, стр. 69.

плѣнниковъ въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева. По приговору суда трупы казненныхъ были разсѣчены на части, которыя развѣшены на висѣлицахъ, построенныхъ для этой цѣли у въѣзда въ различные города и мѣстечка юго-западнаго края. По свидѣтельству современниковъ, у воротъ Могилева еще десять лѣтъ спустя виднѣлся черепъ Ивана Гонты, прибитый къ висѣлицѣ [1]).

Наконецъ послѣднее политическое событіе, связанное съ именемъ Могилева, относится къ 1792 году. Южное Подоліе въ это время было присоединено къ Россіи и та дивизія русскаго войска, которой предписано было занять Брацлавщину, вступала въ эту область черезъ Могилевъ [2]).

Въ настоящее время желающіе познакомиться съ историческою судьбою этого города принуждены черпать свои свѣдѣнія въ разныхъ сочиненіяхъ и источникахъ, относящихся вообще къ исторіи подольской земли; на мѣстѣ ничего нельзя узнать. Жители Могилева, занятые исключительно торговыми интересами, утратили всѣ старыя традиціи и воспоминанія о прежней жизни своего города, а наводненія, пожары и время истребили почти всѣ видимые памятники этой жизни. Теперь изъ памятниковъ старины можно указать только огромный домъ Потоцкихъ въ концѣ рынка, двухъэтажное каменное зданіе, выстроенное въ стилѣ старинныхъ коллегій при польскихъ монастыряхъ, съ гербомъ бывшихъ владѣльцевъ Могилева. Во время нашего пребыванія здѣсь домъ этотъ перестраивался, если не ошибаюсь, для костела. Рядомъ съ нимъ другой каменный корпусъ, относящійся къ тому-же времени и теперь обращенный подъ склады и магазины; два эти корпуса вѣроятно и составляли въ свое время могилевскій замокъ. Затѣмъ нѣсколько старинныхъ надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями въ бывшемъ армянскомъ костелѣ, обращенномъ теперь въ польскій, двѣ-три церкви, теперь реставрированныя и только указывающія мѣсто прежнихъ церквей, да нѣсколько старыхъ памятниковъ на кладбищѣ, тоже по большей части армянскихъ—вотъ все, что удалось намъ найти.

Осмотрѣвши все, что можно было видѣть въ Могилевѣ, мы съ товарищемъ серьёзно задумались надъ вопросомъ: куда теперь

---

[1]) Записки Павла Младановича, издан. Рачинск., стр. 165.

[2]) Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku, t. XVI, str. 93.

направиться? До окончанія моего отпуска оставалось всего нѣсколько дней, хотѣлось увидѣть еще что нибудь интересное на прощанье съ краемъ, поѣздка въ Ямполь къ порогамъ заняла-бы слишкомъ много времени, поэтому-мы рѣшились завершить свое путешествіе коротенькою экскурсіею въ Бушу, село верстахъ въ двадцати къ юго-востоку отъ Могилева, замѣчательное своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и связанными съ нимъ историческими воспоминаніями. Буша расположена по берегамъ горной рѣчки Мурахвы среди горъ и въ разстояніи всего двухъ-трехъ верстъ отъ Днѣстра по прямой линіи отъ того мѣста, гдѣ онъ дѣлаетъ колѣно у мѣстечка Яруги. Раннимъ утромъ всѣ дорожные сборы и приготовленія окончены, разумѣется пришлось прождать около часу, пока явился нанятый еще наканунѣ извощикъ; наконецъ вещи сложены на бричку и мы трогаемся въ путь по ужасной мостовой, напутствуемые поклонами и пожеланіями хозяина и мишуреса. Въ концѣ города проѣзжаемъ обширную площадь—цѣлое поле, на которомъ по разсказамъ старожиловъ еще не такъ давно могилевскія жительницы занимались спеціально разматываніемъ шелку сырцу; теперь при дорогѣ стоятъ казармы да два-три шинка и мелочныя лавочки, а на площади бродитъ скотъ; прежняго оживленія нѣтъ и слѣда.

По мѣрѣ удаленія отъ Могилева мѣстность принимаетъ все болѣе живописный и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы уединенный характеръ; кругомъ ни души, не видно ни села, ни хутора, ни одной хаты, а между тѣмъ горы окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, подходятъ все ближе и ближе и тѣснѣе сдавливаютъ узкую и глубокую долину; дорога больше чѣмъ гдѣ нибудь напоминаетъ кавказскія дороги; крутые спуски и подъемы чередуются безпрестанно и не разъ сердце сильнѣе забьется при видѣ крутаго обрыва, съ котораго нужно спускаться. Вотъ, кажется, долина совершенно замкнута горами, дорогу закрываетъ огромная отвѣсная скала и дальше повидимому нѣтъ проѣзда, но кое какъ обогнувши утесъ, въѣзжаемъ въ другое ущелье, еще болѣе пустынное. Вокругъ только лѣсъ да скалы, не слышно ни пѣсни, ни голоса человѣческаго, только внизу въ глубинѣ ущелья шумитъ и пѣнится по камнямъ горная рѣчка, притокъ Днѣстра. Но вотъ наконецъ на склонѣ горы надъ лѣсомъ прямо передъ нами виднѣются развалины замка; тем-

ный силуэтъ ихъ съ ажурными башнями и стѣнами, напоминающими средневѣковыя развалины въ западной Европѣ, рѣзко выдѣляется на синемъ фонѣ іюльскаго неба и еще издали привлекаетъ вниманіе пустынника. Нѣсколько ниже прекрасный помѣщичій домъ, или вѣрнѣе дворецъ изящной современной архитектуры, окруженный садами, паркомъ и лѣсомъ. Дорога подходитъ къ самой господской усадьбѣ, а естественная скальная почва, сглаженная и расчищенная надлежащимъ образомъ, какъ нельзя лучше замѣняетъ мостовую; противъ двора по другую сторону дороги господская экономія—все каменныя массивныя постройки; дальше потянулись крестьянскія хаты. Это село Бронницы, владѣніе графовъ Витгенштейновъ. Имѣніе это вмѣстѣ съ значительнымъ участкомъ земли было подарено фельдмаршалу Витгенштейну, который поселился здѣсь подъ старость и занялся устройствомъ хозяйства. Какъ извѣстно, въ Германіи родовой замокъ считается необходимою принадлежностью каждаго аристократическаго рода. Вѣроятно къ такому роду причисляли себя и графы Витгенштейны: замокъ необходимъ, а между тѣмъ Бронницы имѣніе новое и господскій домъ не носитъ на себѣ слѣдовъ глубокой старины. Нужно какъ нибудь помочь дѣлу, удовлетворить фамильной дворянской привычкѣ и вотъ, уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія, одинъ изъ наслѣдниковъ стараго фельдмаршала строитъ эти новыя развалины. Нужно отдать ему справедливость, мѣсто выбрано весьма удачно и самое выполненіе, по крайней мѣрѣ издали, ничего не оставляетъ желать. Планъ руины заимствованъ по всей вѣроятности изъ какого нибудь нѣмецкаго замка: высокая башня съ бойницами и отчасти поврежденнымъ зубчатымъ верхомъ, нѣсколько отдѣльно стоящихъ стѣнъ съ прорѣзанными въ нихъ окнами и бойницами, сквозь которыя видно небо—точь въ точь какія нибудь развалины на Рейнѣ. Все это поддѣлано весьма искусно, но все-же этой древности не достаетъ времени, да правдоподобно она и не просуществуетъ до той поры, когда безъ большой натяжки могла-бы быть причислена къ древностямъ края. Впрочемъ нужно замѣтить, что мы уже не въ первый разъ встрѣчаемся въ Подоліи съ подобнымъ фактомъ подражанія памятникамъ старины; припомнимъ замокъ у села Приворотья, неподалеку отъ Каменца.

Минуемъ Бронницы, дорога еще нѣкоторое время вьется среди горъ, затѣмъ мало по малу удаляется отъ приднѣстровской гряды и выходитъ на возвышенное плоскогорье.

Но вотъ равнина оканчивается и мы снова на краю обрыва. Въ глубинѣ передъ нами рѣчка Мурахва, по ширинѣ напоминающая Смотричъ; это одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Подоліи. Берега Мурахвы нѣсколько ниже днѣстровскихъ, но характеры ихъ совершенно аналогичны: тѣже причудливыя скалы, тѣже ущелья по берегамъ какого нибудь ручья, съ тою только разницею, что здѣсь картину оживляютъ еще невырубленные лѣса. Горная порода здѣсь тоже известнякъ, но подъ нимъ уже обнажаются пласты крупнозернистаго песчаника и еще ниже залежи разноцвѣтныхъ гранитовъ, чего мы не замѣчали до сихъ поръ на Днѣстрѣ; это обстоятельство уже указываетъ на близость днѣстровскихъ пороговъ. Отсюда уже дорога все время пролегаетъ по нагорному правому берегу Мурахвы до самой Буши. Извѣстно, что съ 1450 года, т. е. со времени раздѣла подольской земли между Польшею и Литвою, рѣка Мурахва составляла границу между обоими государствами и вѣроятно нынѣшняя большая дорога, пролегающая въ очень удобномъ мѣстѣ, по водораздѣлу между Мурахвою и Днѣстромъ, служила и въ то время главнымъ путемъ сообщенія между литовскою Брацлавщиною и польскимъ Подоліемъ. Наконецъ минуемъ послѣднее боковое ущеліе, въ глубинѣ котораго притекаетъ рѣчка Бушка, впадающая въ Мурахву, спускаемся съ горы и въѣзжаемъ въ село—цѣль нашей экскурсіи.

Село Буша раскинулось на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по берегамъ обѣихъ рѣчекъ, съ каждой стороны по одной только улицѣ, при чемъ съ одной стороны хаты спускаются къ водѣ, съ другой подымаются на гору, а выше по горѣ потянулись сады. При въѣздѣ въ Бушу замѣчается на Мурахвѣ рядъ каменныхъ мельницъ, вокругъ которыхъ копошатся евреи. На противуположномъ берегу, на *майданѣ*, среди села возвышается довольно большая и повидимому богатая церковь, а противъ церкви корчма, къ которой мы тотчасъ-же и направились. Нужно замѣтить, что, не смотря на весьма значительное протяженіе села, въ немъ существуетъ всего одинъ мостъ или плотина черезъ Мурахву, что конечно мало спо-

собствуетъ сокращенію разстояній для мѣстныхъ жителей, и это мы немедленно испытали на себѣ.

Оставивъ свои вещи на попеченіе извощика, мы съ товарищемъ тотчасъ-же отправились осматривать мѣстныя достопримѣчательности. Буша дѣйствительно имѣетъ свои достопримѣчательности; но добраться до нихъ не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нужно прежде узнать, что именно можно видѣть въ селѣ, узнать-же это можно только послѣ долгихъ разговоровъ и распросовъ, да и то не каждый изъ мѣстныхъ жителей укажетъ вамъ, что нужно. Ближе всего, разумѣется, обратиться за свѣдѣніями къ священнику; такъ мы и сдѣлали, но священника не было дома; пошли къ старостѣ,—уѣхалъ въ городъ, отправились еще къ старшинѣ и тотъ въ саду за горою собираетъ спѣлые фрукты на продажу. *Жнива* въ полномъ разгарѣ, всѣ люди въ полѣ, въ селѣ ни души, у кого можно было-бы что нибудь распросить; не одинъ часъ прошелъ въ безплодныхъ странствіяхъ изъ конца въ конецъ села, пока не увидалъ насъ причетникъ мѣстной церкви и не взялся указать намъ, что нужно.

Въ углу при сліяніи рѣчки Бушки съ Мурахвою на горѣ виднѣются валы, остатки укрѣпленія; часть валовъ занята уже крестьянскими усадьбами, но контуръ городища еще ясенъ и планъ его легко можетъ быть востановленъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городища на той-же горѣ сохранилось старое козацкое кладбище, называемое здѣсь запорожскимъ; размѣры и форма каменныхъ крестовъ и плитъ, на половину вросшихъ въ землю, доказываютъ значительную ихъ древность. На нѣкоторыхъ памятникахъ сохранились еще надписи на церковно-славянскомъ языкѣ, но поверхность ихъ такъ сильно вывѣтрилась отъ времени, что нѣтъ уже никакой возможности разобрать эти надписи. Но помимо этихъ памятниковъ козаччины, главнѣйшую достопримѣчательность Буши составляетъ памятникъ болѣе отдаленной древности, единственный извѣстный донынѣ экземпляръ на южно-русской территоріи. Въ самомъ селѣ, на берегу Бушки, нѣсколько ниже впаденія въ нее горнаго ручья, находится пещера, правильно выкованная въ слоѣ песчаника; начинается она открытымъ корридоромъ, состоящимъ изъ трехъ небольшихъ камеръ, постепенно съуживающихся къ концу; стѣны корридора выкованы совершенно отвѣсно и сходятся подъ прямыми

углами; далѣе идетъ настоящая пещера довольно значительныхъ размѣровъ, постепенно углубляющаяся въ подпочву и также выкованная въ той-же горной породѣ. Входъ въ эту вторую половину заваленъ мусоромъ и доступъ въ нее весьма затруднителенъ. На стѣнкахъ переднихъ корридоровъ замѣчаются надписи 1824 и 1524 гг., первая на польскомъ, вторая на латинскомъ языкахъ; третья надпись, повидимому болѣе древняя, окружена вырѣзанною въ томъ-же камнѣ рамкою, но такъ сильно вывѣтрилась, что едва-ли можетъ быть прочитана. Но главный интересъ пещеры не въ этихъ надписяхъ и не въ связанныхъ съ нею преданіяхъ.

Вся стѣна первой камеры вправо отъ входа носитъ выкованный въ камнѣ весьма оригинальный и сложный рисунокъ, сдѣланный высокимъ рельефомъ 10—17 сентиметровъ. Рисунокъ изображаетъ дерево съ вѣтками, но безъ листьевъ; на вѣткѣ сидитъ пѣтухъ, представленный очень натурально, съ головой обращенной къ востоку. Прямо подъ нимъ стоитъ на колѣняхъ, на одномъ уровнѣ съ деревомъ, человѣческая, кажется, женская фигура, также обращенная лицемъ къ востоку и держитъ въ рукахъ чашу. По характеру выполненія фигура эта совершенно аналогична съ извѣстными у насъ каменными бабами: таже грубость отдѣлки, тотъ-же безобразный типъ лица и непропорціональность частей тѣла, тѣ-же подробности одежды, украшенія и атрибуты, съ тою только разницею, что каменныя бабы держатъ чашу у пояса, а эта въ уровень съ лицемъ, какъ-бы во время молитвы или жертвоприношенія. Позади этой фигуры въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ фигура оленя, обращенная въ ту-же сторону; поза оленя совершенно натуральна: онъ представленъ стоящимъ на краю скалы и очевидно сдѣланъ съ натуры, но сдѣланъ также грубо и неумѣло, какъ и предшествующая фигура. Что касается техники, то, обративши вниманіе на характеръ вывѣтриванія, видимъ, что картина сдѣлана посредствомъ откалыванія отъ цѣлой стѣны довольно толстаго слоя камня, при чемъ оставлены рельефомъ только указанныя фигуры. Если припомнимъ символическое значеніе пѣтуха и оленя въ славянской миѳологіи, какъ олицетвореніе восходящаго солнца (пѣтухъ считался провозвѣстникомъ этого свѣтила, олень носилъ солнце на рогахъ,—такъ въ старыхъ колядкахъ и сказкахъ), если обратимъ вниманіе на положеніе всѣхъ трехъ фигуръ, обращенныхъ къ востоку,

то нельзя не видѣть въ этой картинѣ изображенія какого-то славянскаго языческаго обряда; можетъ быть это молитва или жертвоприношеніе за души умершихъ, покровителемъ которыхъ, какъ извѣстно, считалось восходящее солнце. По опредѣленію одного изъ спеціалистовъ по исторіи искусства, г. Кондакова, характеры выполненія фигуръ высокимъ рельефомъ и варварскій стиль картины опредѣляютъ хронологически происхожденіе этого рисунка въ періодъ, прямо предшествующій введенію христіанства въ краѣ, т. е. конецъ IX и начало X вѣка.

Разумѣется, никакихъ воспоминаній о древнѣйшемъ назначеніи пещеры не могло сохраниться, за то съ нею связаны два преданія, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ; одно изъ нихъ, относящееся уже къ текущему столѣтію, намъ удалось слышать на мѣстѣ, другое восходитъ ко времени козацкихъ войнъ и извѣстно въ исторіи. По словамъ нашего проводника, въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка владѣльцемъ Буши былъ польскій панъ Ромуальдъ Овсяный, человѣкъ необузданнаго нрава, чрезвычайно жестоко обходившійся съ крестьянами. Нѣсколько разъ поджигали его усадьбу въ селѣ, но панъ всегда успѣвалъ спастись; сознавая наконецъ опасность своего положенія и желая гарантировать себя отъ поджоговъ, панъ переселился въ пещеру, устроилъ въ ней двери, потолокъ покрылъ землею для предохраненія отъ огня и жилъ совершенно одинъ, но не измѣнилъ прежняго отношенія къ подчиненнымъ; на одной изъ стѣнъ пещеры можно еще прочесть польскую надпись, вырѣзанную въ камнѣ рукою Овсяного. Впрочемъ панъ не долго прожилъ въ такомъ уединеніи, вскорѣ его нашли повѣшеннымъ, послѣ чего пещера снова была заброшена, какъ оскверненное мѣсто, а деревянный потолокъ разобранъ; на стѣнахъ сохранились еще слѣды балокъ.

Въ настоящее время Буша многолюдное, но весьма обыкновенное село, но въ старину она была довольно значительнымъ городомъ. По свѣдѣніямъ Каховскаго, городъ состоялъ изъ двухъ частей по берегамъ Мурахвы и Бушки, съ замкомъ на высокой горѣ, отъ котораго валы сохранились и понынѣ; въ городѣ было семь церквей, теперь только одна. Благодаря своему положенію вблизи Днѣстра и на половинѣ пути между двумя такими центрами, какъ Могилевъ и Ямполь, Бушѣ приходилось испытывать почти всѣ постигавшія ихъ бѣдствія; все, что такъ или иначе касалось этихъ

городовъ, отражалось и на судьбѣ промежуточнаго пункта, состояніе котораго можно характеризовать словами малорусской пословицы: «живе, якъ горохъ при дорози, хто йде, той и скубне». Дѣйствительно Буша испытала на себѣ и татарскіе набѣги, и постои, и переходы польскихъ войскъ, наконецъ осады и полное разореніе; жителямъ ея случалось принимать участіе и въ общихъ народныхъ движеніяхъ.

Во время польско-турецкой войны въ 1617 году гетманъ Жолкевскій расположилъ здѣсь свою главную квартиру; 26 сентября того-же года въ Бушѣ заключенъ мирный договоръ съ турками, собиравшимися вторгнуться въ Подолію. По смыслу договора польское правительство отказывалось отъ протектората надъ Молдавідю и обѣщало усмирить козаковъ и даже совершенно истребить ихъ, если они не перестанутъ безпокоить турецкія земли [1]). Разумѣется, обѣщаніе это такъ и осталось обѣщаніемъ.

За годъ до хотинской войны, въ іюлѣ 1620 года, Бушѣ пришлось испытать набѣгъ татарской орды [2]), при чемъ татары по своему обыкновенію увели въ плѣнъ значительную часть жителей. Впрочемъ городъ понемногу оправился отъ этого погрома и въ 1648 году населеніе его пристало къ общему движенію Хмельницкаго; Буша сдѣлана была сотеннымъ городомъ брацлавскаго полка и, кажется, удержала это значеніе и впослѣдствіи.

Во время военныхъ дѣйствій 1653 г. въ Бушѣ заперлись поднѣстровскія сотни подъ предводительствомъ Гречки «опрышка» изъ Калуша; кромѣ козацкаго войка къ нему пристало много крестьянъ, собравшихся сюда изъ цѣлаго Поднѣстровья. Весною этого года выступилъ противъ нихъ изъ Шаргорода начальникъ польскаго войска Окунь съ 27 хоругвями (въ томъ числѣ 12 хоругвей молдавскаго господаря). Но при выступленіи изъ Шаргорода и приблизившись на разстояніе мили къ Бушѣ, Окунь приказалъ бить въ котлы и бубны и тѣмъ самымъ предупредилъ козаковъ о своемъ приближеніи; населеніе успѣло приготовиться къ защитѣ, такъ что поляки при первомъ штурмѣ встрѣтили сильный отпоръ и съ трудомъ ретировались [3]). Въ слѣдующемъ году тотъ-же Окунь возоб-

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Введ. стр. 61.

[2]) Listy Żołkiewskiego, str. 147.

[3]) Памятники, ч. III, т. III, стр. 40.

новилъ свой походъ на Бушу и на этотъ разъ болѣе удачно, ограбилъ окрестности, при чемъ убито до 200 людей, и возвратился въ Шаргородъ, но самаго города не взялъ [1]),

Этимъ еще не окончились всѣ несчастья Буши; въ томъ-же году здѣсь разыгралась страшная кровавая драма, настолько выходившая изъ ряда обычныхъ военныхъ столкновеній, что слухъ о ней быстро облетѣлъ цѣлую Украйну и заставилъ содрогнуться людей самыхъ закаленныхъ и самыхъ привычныхъ ко всѣмъ ужасамъ войны. Въ 1654 году извѣстный начальникъ польскаго войска Чарнецкій, задавшійся цѣлью окончательно подавить козачество, предпринялъ новый походъ въ подольскую землю и на этотъ разъ ареной для своихъ дѣйствій избралъ Поднѣстровье. Народонаселеніе знало уже изъ предшествующаго похода, какъ безпощадно относился Чарнецкій къ побѣжденнымъ; поэтому жители селъ искали убѣжища въ городахъ и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ Чарнецкій осадилъ Бушу, гдѣ также укрылись жители окрестныхъ селъ — всего, вмѣстѣ съ козацкимъ гарнизономъ и мѣстнымъ населеніемъ, болѣе 16,000 человѣкъ. Съ такими силами можно было держаться нѣкоторое время, и осажденные рѣшились сопротивляться до послѣдней возможности. Первый приступъ былъ отраженъ; въ другой разъ полякамъ удалось взять нижнія ворота, но тутъ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, и осаждающіе снова были отбиты съ урономъ, а самъ Чарнецкій раненъ. Третій штурмъ также отраженъ съ большою потерею для поляковъ. Наконецъ видя, что обыкновенными средствами ничего нельзя достигнуть, Чарнецкій приказалъ раскопать греблю, спустилъ ставъ и по дну его прошелъ къ валамъ и занялъ господствовавшее надъ городомъ укрѣпленіе. Тогда жители, убѣдившись въ невозможности дольше защищаться и не желая отдаться живыми въ руки безчеловѣчнаго побѣдителя, раздраженнаго геройскимъ сопротивленіемъ, въ отчаяніи зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; матери убивали дѣтей, а сами бросались въ огонь. Жена сотника Завистного зарѣзала своего мужа, который медлилъ покончить съ собою, послѣ чего сѣла на бочку пороху и зажгла его подъ собою. Между тѣмъ поляки ворвались въ городъ и немногіе, оставшіеся еще въ жи-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. X, стр. 326.

выхъ, были поголовно истреблены; въ этотъ злополучный день разомъ погибло болѣе 16,000 человѣкъ. Въ извѣстной намъ пещерѣ, входъ которой былъ закрытъ кустарниками, укрылись 70 человѣкъ со своими пожитками; убѣжище ихъ открыли, примѣтивъ по дорогѣ утерянныя бѣглецами вещи. Сами побѣдители были приведены въ ужасъ только что разыгравшимся актомъ народнаго отчаянія и не хотѣли дальнѣйшаго пролитія крови; полковникъ Целярій вошелъ въ переговоры съ укрывшимися въ пещерѣ, обѣщая пощадить ихъ если сдадутся добровольно; тѣ отказались, зная уже, какъ польскіе военачальники выполняютъ подобныя обѣщанія. Тогда Целярій направилъ въ пещеру протекающій вблизи ея ручей, и всѣ укрывшіеся тамъ погибли въ водѣ.

На этотъ разъ городъ не скоро оправился послѣ такого страшнаго погрома и долгое время лежалъ въ развалинахъ. Къ концу XVII и началу XVIII ст. онъ едва начинаетъ заселяться на-ново путемъ зазыванія на слободы къ мѣстному владѣльцу. 1702 годъ застаетъ Бушу именно въ моментъ этой новой колонизаціи; не смотря на то, новые поселенцы немедленно отозвались на призывъ Палія и приняли участіе въ общемъ народномъ возстаніи, а когда возстаніе было подавлено, они, подобно многимъ жителямъ Поднѣстровья, бѣжали въ Молдавію вмѣстѣ со своимъ осадцею, румыномъ Георгицею.

Бушею оканчивается наша поѣздка, въ качествѣ туристовъ, съ цѣлью ознакомленія съ краемъ; на ней я окончу свой разсказъ. Въ будущемъ году, если случится въ нашемъ банкѣ новый скандалъ, или послѣдуетъ для меня новое повышеніе по службѣ, постараюсь побывать на днѣстровскихъ порогахъ, а буде возможно пробраться Днѣстромъ къ морю, и тогда опять позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими дорожными воспоминаніями.

К. М.

Повѣсть объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 г.[1]

Полезна воспоминанію о преславномъ чудеси, како гетманъ Сагайдачный и Запороги градъ Михайловъ облегоша бранію и мнози отъ Запорогъ погибоша, Божіимъ судомъ искушени бывше, градъ-же невредимъ бысть молитвами Пресвятыя Владычици нашея Богородицы и заступленіемъ небесныхъ силъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы.

Въ лѣто 7126 (1618) при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи, король польскій и литовскій Жигимонтъ, хотя московское государство поглотити и конечному потребленію предати, а вѣру православную искоренити и превратити въ свою латынскую вѣру, посла сына своего Владислава со многими людьми и вои подъ царствующій градъ Москву, а на Украйну посла гетмана, именемъ Петра Конашевича Сагайдачнаго и съ нимъ Запороги до двадесяти тысящъ, который, яко начальной сему всепагубному воровству и разоритель московскаго государства, внезапу пріиде съ вои своими на Христово стадо, и, яко зміи и лютіи волцы хищницы, нападоша на градъ Ливны и Елецъ и разоренію предаша, люди-же Божіи, вкупѣ съ женами и дѣтьми, усты меча поядоша и сихъ кровію землю обагриша, а монастыри и церкви Божіи расхитиша и огнемъ сожгоша. Но еще злочестивіи крови христіанскія не насытишася, паки на достояніе Божіе вооружишася. Собравея въ сонмище сатанино, умыслиша напасти на область рязанскую и на прочіе грады, хотяще ра-

---

[1]) Заимствуемъ этотъ рѣдкій историческій памятникъ изъ рѣдкаго въ своемъ родѣ изданія Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1853 г., № 33-й, въ свое время заимствовавшихъ оный изъ Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

зорити ихъ, якоже Ливны и Елецъ. Михайла Дорошенко Цапырковъ (?) и товарищи его со многими вои пріидоша, грады поплѣниша— Лебедянь, Донковъ, Скопинъ, Ряской, а мужи, жены, дѣти до ссущихъ младенецъ, многими муками мучаще, посѣкоша, и нападоша на область рязанскую, посады пожгоша, люди и священники побиша, и ко граду Переяславлю рязанскому приступиша; но Божіею милостію и заступленіемъ Владичицы нашея Богородицы чудотворныя иконы Ѳедотіевскія и помощію страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба и молитвами святаго Василія, епископа рязанскаго, на приступѣ мнози побіени быша, а прочія отшедше отъ града, воеваша рязанской уѣздъ, и паки къ Елцу поидоша и плѣниша воронежскій уѣздъ. Самъ-же окаянный всепагубный врагъ Петръ Сагайдачной внезапу пріиде съ Елца въ Шацкой градъ и въ Донковъ и отпусти предъ собою подъ градъ Михайловъ полковника Милостиваго, а съ нимъ тысящу человѣкъ, и повелѣлъ ему нощію пріити безвѣстно и взяти градъ Михайловъ украдомъ. Михайловскія-же ратныя люди въ то время немнози быша на городовой стѣнѣ, а инніи по городамъ на государевѣ службѣ въ Калугѣ и Серпуховѣ противу поганыхъ ляховъ. И долготерпѣливый Господь и Богъ нашъ, въ Тройцѣ славимый, и Пресвятая Владычица Богородица, христіанская державная помощница, и небесныхъ силъ воевода архистратигъ Михаилъ, и великій чудотворецъ Никола не даша конечному православнымъ христіаномъ потребленію быти, ожидая грѣшныхъ покаянія. Въ ту нощь, въ кую приходу Милостиваго ко граду быти, за десять поприщъ тучи и громи страшни быша съ дождемъ необычнымъ, и Милостивый съ Запороги тою нощію не дойде до града, а пріиде скорымъ приходомъ августа въ 12 день, и въ той-же день внезапу пріидоша во градъ Сапожковскаго города ратныя люди до 40 человѣкъ, кои шли со службы, и вышедъ съ вои сущими во градѣ, побѣдиша воюющихъ Запорогъ и побиша множество; полковникъ-же Милостивой отъиде отъ града съ великимъ страхомъ. Услышавше о семъ, начальникъ ихъ Петръ Сагайдачной наполнися многія ярости и пріиде ко граду Михайлову со всѣми собранными его вои, августа въ 16-й день; и того-же дня нощію пріидоша Михайлова города ратныя люди изъ Калуги и изъ Серпухова—черкесъ, стрѣльцевъ и козаковъ до 80 человѣкъ. Сагайдачный изготовися съ Запороги и приступи на

взятіе града августа въ 17-й день со многими злокозненными умыслы со всѣхъ странъ, а нарядъ постави съ двухъ странъ и повелѣ изъ наряду стѣну града горящими ядры зажигати, а во градъ изъ луковъ стрѣлы со огнемъ пущати безчисленно; приступаша-же ко граду два дни да нощь, приметая приметъ къ стѣнѣ града. Людіе градскія, видяще бѣду свою, ужасошася и изнемогающе отъ многихъ приступовъ, абіе воспомянуша, по писанію и Божію глаголу, како Господь Богъ за умноженіе грѣховъ восхотѣ погубити градъ Ниневію; егда-же людіе града того, услышавше отъ пророка Іоны о праведномъ гнѣвѣ Божіемъ, не точію сами воспріяша постъ и покаяніе, но и младенцемъ и скотомъ ясти не даша и вси отъ сердца покаяшася: тогда долготерпѣливый Владыка, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не презри моленія ихъ и не погуби ихъ. Тако и града Михайлова начальникъ и вси людіе, видяще нападенія врага и изнемогающе вельми, покаяшася вси мужи и жены о грѣсѣхъ своихъ и воздѣвше руцѣ на небо, начаша молитися съ плачемъ и воплемъ глаголюще: Владыко человѣколюбче Царю! яко-же древле изліялъ еси милость твою на градъ Ниневію и избавилъ живущихъ въ немъ отъ погибели, тако и нынѣ, Владыко Царю, призри на ны грѣшныя отъ святаго жилища Твоего, удиви милость твою на насъ: не ищи въ насъ дѣлъ праведныхъ, не обрящеши бо въ насъ ничто-же доброе; но яко-же горькій плачь апостола Петра пріялъ еси, тако пріими и нашъ плачь малый, отъими рукописаніе грѣховъ нашихъ и губою милосердія отри прегрѣшенія наши по велицѣй Твоей милости, не презри горькихъ слезъ вопіющихъ къ тебѣ, сотвори второе избавленіе граду и людямъ нарѣченнымъ во имя Твое святое.

Тако плачущимъ и молящимся всѣмъ живущимъ во градѣ, явися въ то время чудо Пресвятыя Богородицы: пріиде въ соборную церковь архистратига Михаила нѣкто именемъ Митрофанъ и всѣмъ предстоящимъ въ церкви повѣда сице: случися мнѣ, изнемогшу на защитѣ града, воздремати и слышахъ гласъ, свыше глаголющь ко всѣмъ сущимъ во градѣ: не бойтеся отъ находящихъ на вы враговъ, пріидохъ азъ, небѣсная Царица, на помощь къ вамъ; станите добрѣ и мужайтеся, а страхъ и ужасъ отриньте отъ сердецъ вашихъ. Слышавше сіе, жителіе града—священницы, клирицы, иночествующіе и вси люди возопиша отъ среды сердца, воздѣюще руцѣ на небо и молящеся Господу Богу и Пречистѣй Бого-

матери о ниспосланіи помощи ко избавленію отъ предстоящей погибели; а сущіи внутрь града ратныя люди, силою Божественною и заступленіемъ Богоматери, возмогоша и охрабѣшася, врата града отверзоша и устремишася съ воплемъ на враги, множество Запорогъ побиша, щиты, штурмы и приметы вcѣ пожгоша, и бѣ явно видѣти преславную помощь Владычицы нашея Богородицы. Сагайдачный-же съ Запороги отступи отъ града со страхомъ, кричаще абіе гражданомъ: не блазнитеся о вашей силѣ и моемъ отходѣ, всячески утрѣ градъ вашъ, яко птицу, рукою моею возму, и пуста его положу и огню предамъ, а живущимъ въ немъ, малу и велику, повелю руку и ногу отсѣщи и повергнути псамъ.—И повелѣ всѣмъ своимъ Запорогомъ присягати на томъ, дабы, не взявъ града, прочь отъ него не отходити, и изготовивъ щиты, штурмы и приметы, пріиде на взятіе града августа въ 23-й день и обложи его со всѣхъ сторонъ снарядомъ. Жители-же града, видяще грозящую имъ погибель, взяша нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да образъ Владычицы Богородицы Одигитріи, да образъ мѣстный небесныхъ силъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы, преходя по стѣнамъ града, моляхуся тако: защитниче нашъ Господи, Господи, призри отъ святаго жилища Твоего на скорбь и озлобленіе людей Твоихъ, отжени и низложи враги наши, да не рекутъ намъ, гдѣ Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ, иже гордымъ сопротивляешися, а на смиренныя окомъ милосердымъ призираеши; на Тя уповаемъ и отъ Твоея десницы избавленія чаемъ, Твоя бо держава неприкладна и владычество нерушимо. Избави градъ и люди Твоя отъ предстоящія бѣды и напасти.

Тако молящимся и плачущимся со священнымъ клиромъ всѣмъ людемъ явися чудо святаго Николы чудотворца. Пріиде въ соборную церковь архистратига Михаила нѣкто, именемъ Димитрій, портной мастеръ и повѣда священникомъ и всѣмъ предстоящимъ въ церкви: случися мнѣ во время утренняго пѣнія въ хижицы моей тонцѣ уснути, и пріиде ко мнѣ нѣкій человѣкъ старъ, власы на главѣ имѣя сѣдинами украшены и начатъ мя будити. Егда-же азъ яко бодрственъ быхъ, повѣда ми тако: почто у васъ во градѣ страхъ и ужасъ на всѣхъ и плачь неутѣшимъ? Вы-же не бойтеся, но молитеся и уповайте; услышана бо бысть молитва ваша и посылаетъ Богъ къ вамъ на помощь великаго чудотворца

Николу. И повелѣ мнѣ возрѣти на полуденную страну и, возрѣвшу ми, видѣхъ грядуща съ небеси великаго чудотворца Николу на воздусѣ: ризы на немъ быша бѣлы, яко снѣгъ, и на главѣ его вѣнецъ свѣтелъ, подобенъ злату. Отъ видѣнія сего ужасохся азъ страхомъ веліимъ и трепетенъ быхъ. Будящій-же повелѣлъ сказати священникомъ и всему міру, чтобы ходили со святыми иконы и кресты и молилися Богу и Преблагословеннѣй Владычицѣ Богородицѣ, и Богъ не предастъ васъ въ руки враговъ. Слышавше сіе, священницы и вси людіе взяша изъ соборныя церкви хоругвь, на ней-же написанъ нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а на другой странѣ образъ небесныхъ силъ архистратига Михаила, да образъ защитницы нашея Богородицы запрестольный и другихъ церквей святыя иконы и поидоша на большой приступъ къ сторожевой башни, гдѣ Запороги приметъ приставиша къ стѣнѣ града, наполниша рвы ко граду землею и имѣяху лѣстницы готовы ради на градъ восхожденія; во градѣ-же и у ратныхъ людей зеліе въ то время истощась. И бишася вои и жителіе со враги ручнымъ оружіемъ и со стѣны града древомъ и каменіемъ метаху, а инніи, вышедъ изъ подградныя стѣны въ подкопы съ оружіемъ мечнымъ, многихъ Запорогъ побиша, и сами мнози за вѣру животъ свой положиша, а прочіи начаша зѣло изнемогати и скорбѣти. Пріидоша-же мнози Запороги и ко архангельскимъ вратамъ съ многими умыслы на взятіе града и начаша зажигати стѣну града. Въ то время принесоша во врата запрестольный образъ Владычицы нашея Богородицы, да хоругвь архистратига Михаила и образъ великаго чудотворца Николы, градскія-же воины и людіе начаша вопити съ плачемъ веліимъ о избавленіи града отъ погибели. И заступленіемъ архистратига Божія Михаила и великаго чудотворца Николы градскія вои со граждани охрабрѣшась, врата града отверзоша и начаша поражати враги со многою силою и одолѣніемъ. И бѣ видѣти преславное избранное воеводство Владыцицы нашея Богородицы, яко отроцы и жены устремишася на Запороги и множество ихъ побиша. Во истину совершися реченное: яко единъ гоняше тысящи. Такову крѣпость некрѣпкимъ и силу немощнымъ дарова Небесная Царица и заступница рода христіанскаго, яко минувшей нощи, а дню наставшу, щиты, штурмы и приметы, яже бяху привезли Запороги на взятіе града, и труніева (?)

огню предаша, а священницы, клирицы, иночествующіе, начальникъ града и сущій съ нимъ людскій народъ, пришедъ въ соборную церковь, руки на небо воздѣюще, пѣша молебны, благодаряще со слезами Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пренепорочной Матери Его, Владычицѣ нашей Богородицѣ, и небесныхъ силъ воеводѣ, архистратигу Михаилу, и великому чудотворцу Николѣ о преславномъ чудеси, о избавленіи града отъ предстоящія погибели. А всенагубный врагъ Сагайдачный съ остальными Запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію августа въ 27-й день.

Чудо первое архистратига Михаила: егда стояше Сагайдачный подъ градомъ, въ то время нѣкто отъ Запорогъ умысли разрушити себѣ на потребу храмъ на посадѣ во имя архистратига Михаила, возлѣзе на храмъ и нача раскрывати и абіе взыде на него страхъ и ужасъ и погибе.

Чудо второе архистратига Михаила: егда поиде отъ града Сагайдачный съ Запороги, повелѣ на посадѣ храмы и домы вси сожещи, и жегоша всѣ храмы и посады, а на посадѣ стояша два храма во имя архистратига Михаила и Николы чудотворца въ великой тѣснотѣ среди дворовъ; и около ихъ вси домы погорѣша, а храмы милостію Божіею и заступленіемъ архистратига Михаила и великаго чудотворца Николы отъ огня невреждени быша.

И оттолѣ мы жители богохранимаго града Михайлова совершаемъ по вся лѣта торжественныя празднества въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17-й день, чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града Запорогъ августа въ 27-й день празднуемъ великому чудотворцу Николѣ.

Примѣчаніе. Подлинникъ приведеннаго документа, какъ отмѣчено въ свое время въ «Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хранился въ градскомъ соборѣ г. Михайлова и записанъ очевидцемъ монахомъ.

ДВА ПИСЬМА

историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Авраамовичѣ.

Въ «Кіевской Старинѣ» за 1884 годъ (январьская книжка, стр. 51) помѣщена статья А. М. Лазаревскаго о родѣ Марковичей. Въ началѣ этой статьи почтенный авторъ говоритъ, что родоначальникъ Марковичей — Маркъ Авраамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ однако указываетъ всего лишь на одинъ фактъ, который повидимому можетъ косвенно служить подтвержденіемъ вышеозначеннаго преданія; именно на стр. 74—75 дѣлается ссылка на журналъ генеральной канцеляріи 1723 года, гдѣ говорится, что на обѣдѣ у миргородскаго полковника шла рѣчь «о какихъ-то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію». Едва-ли однако эти слова могли относиться къ Марковичамъ, ибо Маркъ Авраамовичъ, о которомъ существуетъ предположеніе, основанное должно быть только на его имени и отчествѣ, что онъ крестился, въ это время былъ уже давно въ могилѣ († въ 1712 году, въ августѣ); дѣти-же его и внуки въ это время, породнившись съ лучшими фамиліями тогдашней козацкой старшины и сами занимая довольно видные войсковые уряды, вполнѣ были представителями нарождавшейся тогда малороссійской аристократіи.

Другое мнѣніе о происхожденіи рода Марковичей считаетъ ихъ сербскими выходцами. Именно такъ думаетъ авторъ «Русской родословной книги» (изданіе журнала «Русской Старины», С.-Пб. 1873 и 1875 гг.). Но въ подтвержденіе своего мнѣнія, кромѣ того

указанія, что и доселѣ эта фамилія существуетъ въ Сербіи, авторъ никакихъ доказательствъ не приводитъ.

Извѣстный историкъ Малороссіи, Николай Андреевичъ Маркевичъ естественно былъ заинтересованъ происхожденіемъ и національностью своего родоначальника и собиралъ все, что только относилось къ этому предмету. Просматривая бумаги бывшаго черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, покойнаго Александра Михайловича Марковича (родившагося въ 1790, † 1865 г.), о которомъ съ такимъ глубокимъ уваженіемъ отозвался въ концѣ вышеупомянутой статьи знавшій его лично А. М. Лазаревскій, я встрѣтилъ письма къ нему историка Маркевича. Два изъ этихъ писемъ относятся къ занимающему насъ предмету. Одно изъ нихъ собственно касается портрета Марка Аврамовича и лишь отчасти даетъ матеріалы для его біографіи, а другое почти цѣликомъ наполнено свѣдѣніями о немъ. Документальныя данныя, приводимыя въ этихъ письмахъ, опять таки прямо ничего не говорятъ о происхожденіи Марка Аврамовича, но они на мой взглядъ положительно говорятъ за то, что это не былъ выкрещенный еврей. А именно документы, бывшіе въ рукахъ Н. А. Маркевича, говорятъ, что уже отецъ Марка Аврамовича и его сестры, по мужу Бендычки, былъ владѣльцемъ земель и оселившихся на нихъ посполитыхъ крестьянъ, т. е. былъ державцею, помѣщикомъ того времени. О самомъ-же Маркѣ Аврамовичѣ въ этихъ документахъ говорится, что онъ былъ «славетный», т. е. знатный обыватель прилуцкій. Если-же къ этому прибавимъ, что дочь его была замужемъ сперва за генеральнымъ бунчучнымъ, а потомъ за гетманомъ, а два сына были женаты на полковничьихъ дочеряхъ, и это уже въ то время, когда малороссіяне придавали довольно большое значеніе родственнымъ связямъ, то мнѣ кажется, можно съ положительностію признать, что Маркъ Аврамовичъ, родоначальникъ нынѣшнихъ Марковичей и Маркевичей, не былъ выкрещенный еврей [1]).

---

[1]) Марковичи и Маркевичи происходятъ отъ одного и того-же родоначальника, Марка Аврамовича. Первые представители этого рода всѣ писали свои фамиліи черезъ *о*: «Марковичъ». Полонизировавшій свою фамилію, перемѣнивъ въ *о* на *е*, былъ, кажется, Иванъ Андреевичъ Маркевичъ (род. 1747, † 1814 г.), дѣдъ историка. Его потомки удержали это измѣненіе и до сихъ поръ. Старшая же отрасль этой фамиліи, и болѣе многочисленная, и нынѣ именуетъ себя правильно.

Считая упомянутыя письма Н. А. Маркевича интересными, какъ по занимающему насъ вопросу, такъ и по другимъ сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ, а также и потому, что они отчасти характизуютъ и симпатичную личность нашего историка, съ разрѣшенія нынѣшняго владѣльца Марковичевскаго архива (въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи), И. А. Марковича, привожу ихъ здѣсь цѣликомъ.

I.

1847 г. Генваря 27 дня. Радьковка.

Третьяго дня только я возвратился въ здѣшній уѣздъ и въ домѣ тестя моего засталъ ваше письмо, почтенный и милый сердцу моему Александръ Михайловичъ. Желанье ваше постараюсь выполнить; какъ нарочно я нашелъ на дняхъ живописца, крестьянина Софьи Гавриловны Писаревой, который весьма удачно снялъ портретъ красавицы со своей барыни; а кто можетъ передать такую красоту на холстъ сходно съ подлинникомъ, тотъ, по моему предположенію, можетъ сдѣлать снимокъ съ портрета предка нашего, весьма мною чтимаго, но не красавца. Между прочимъ, когда моя жена носила одного изъ моихъ сыновей, у меня въ то время былъ портретъ предка, и вотъ дѣло, относящееся къ физіологіи беременности: мой сынъ—вылитый предокъ. Дай Богъ, чтобъ былъ и такъ богатъ! Живописецъ Писаревой будетъ снимать портретъ жены моей, и если сниметъ его удачно, я договорю на копію со старика; а что возьметъ, о томъ предувѣдомлю васъ, и только дайте въ то время мнѣ знать, согласны-ли вы на цѣну [1]).

---

[1]) Копія съ портрета была снята для Ал. М. Марковича и сохранялась въ его сварковской усадьбѣ до пожара, бывшаго здѣсь въ 1872 году, отъ котораго всѣ портреты и библіотека (собранные Марковичемъ, авторомъ «Дневныхъ Записокъ») сильно пострадали; но все таки и донынѣ можно хорошо разсмотрѣть черты лица и одѣяніе Марка Аврамовича. Онъ изображенъ во весь ростъ и въ натуральную величину стоящимъ передъ аналоемъ съ молитвенными руками. На аналоѣ Распятіе и развернутая книга. Лицо съ высокимъ открытымъ лбомъ, обрамлено небольшою сѣдою бородою и длинными усами. Платье состоитъ изъ синяго кунтуша, подпоясаннаго узорчатымъ поясомъ, и наброшенной на плечи длинной кирен, опушенной горностаями. Кстати о другихъ старинныхъ портретахъ Маркови-

Вы желаете знать подробности о томъ, гдѣ и какъ я пріобрѣлъ этотъ портретъ. Вотъ вся повѣсть.

Предокъ нашъ строилъ дальнюю пятикупольную церковь и всѣ стѣны, съ лавками и безъ лавокъ, въ Густынѣ. Онъ умеръ въ глубокой старости, и положенъ былъ въ погребу монастырскомъ подъ главною пяти-купольною церковью, построенною гетманомъ Самуйловичемъ. Портретъ его, писанный съ мертваго, былъ поставленъ въ церкви съ лѣвой стороны, лицомъ къ образамъ иконостаса, къ сѣвернымъ вратамъ, у самаго амвона проповѣдника. Отвѣсно подъ портретомъ въ погребу поставленъ былъ гробъ старика.

Когда я учился у Павла Павловича Носенка, на Лапинцахъ, что подъ Прилукою, я часто бывалъ въ Густынѣ, и даже видалъ еще монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые доживали вѣка въ своемъ упраздненномъ монастырѣ; зданія еще не были тогда въ такомъ разрушеніи. Монастырскій фруктовый садъ еще былъ не вырубленъ, хотя деревья были стары; Марковичевская церковь имѣла еще священника, купола были подъ крестами, глава не была наклонена; въ вышку было опасно ходить, но туда всходили, кто былъ похрабрѣе. Тамъ еще оставались книги и рукописи; ихъ послѣ перевезли въ черниговскій троицкій монастырь. Одна изъ нихъ: *лѣтопись густынская*, досталась мнѣ случайно. Я ввѣрилъ ее на время митрополиту Евгенію Болховитинову, но смерть его, которая отняла у насъ ученаго изыскателя древностей, отняла у меня рукопись драгоцѣнную; гдѣ она теперь, не знаю. Въ то время еще я видѣлъ полуразрушенную трапезу, зданіе предка-же моего, Ивана Степановича Мазепы. Тридцать два года спустя я сходилъ въ подвалы, нашелъ гробы Марковичей, Горленковъ и одного Гудовича безъ кровель, скелеты безъ покрововъ, но галуны и даже шелковыя матеріи иныя уцѣлѣли, только цвѣтъ нѣсколько полинялъ. Меня водилъ туда самъ Варсонофій. Гдѣ стоялъ гробъ предка, тамъ

чей. Портретъ подскарбія генеральнаго Якова Марковича, сохранявшійся тоже въ с. Сварковѣ, сгорѣлъ во время сказаннаго пожара; гравюра съ него приложена къ «Дневнымъ Запискамъ». Портретъ-же гетманши Скоропадской, рожденной Маркович, съ котораго гравюра также приложена къ тѣмъ-же «Дневнымъ Запискамъ», сохраняется, рядомъ съ портретомъ ея мужа гетмана Скоропадскаго, въ гамалѣевскомъ монастырѣ (глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи), котораго они были фундаторами.

куча костей, сброшенных въ одинъ холмъ, какъ попало, и дѣтскія и крупныя вмѣстѣ. Одна изъ бумагъ, подлинная, мнѣ указываетъ, кто изъ Маркевичей, сколько далъ на монастырь и кто изъ нихъ въ немъ погребенъ [1]). Эта бумага—духовная запись, документъ на имѣнія, хранится у меня.

Возвратясь изъ Петербурга въ 1820-мъ году, я не нашелъ въ монастырѣ портрета предка моего. Но мнѣ тогда не время было отыскивать древности: мнѣ было 16 лѣтъ. Лучше всѣхъ древностей для меня въ то время были живые звуки, живые взгляды, живыя формы. Подъ старость только мы обращаемся къ тому, что было, и къ тому, что будетъ.

Въ 1829 году, возвратясь изъ Москвы, узналъ я, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ, предобрый человѣкъ, уже покойникъ (и хотя de mortuis aut bene, aut nihil—прости Господи мое прегрѣшеніе—дуракъ), наложилъ вполнѣ святотатственную руку, съ пригоршнемъ 25 цѣлковыхъ, на предка. Онъ купилъ его у попа, снялъ съ мѣста, освященнаго временемъ и переселилъ въ свою поганую лачугу. Спустя нѣсколько лѣтъ увидѣлъ я портретъ этотъ у моего сосѣда, тоже Маркевича; онъ купилъ его у того, я далъ ему билліардъ за предка; но какъ мой сосѣдъ до того времени имѣлъ всегда въ шкатулкѣ деньги, а принявъ билліардъ за предка, издержалъ эти деньги, да и вексель его на Голенковской пошолъ въ конкурсъ, то для обзаведенія денегъ снова онъ выпросилъ у меня, чтобъ я принялъ назадъ билліардъ, а портретъ возвратилъ-бы ему. Къ тому-же предокъ стоялъ въ столовой, мой старшій сынъ такъ испугался, такого крику надѣлалъ, увидѣвши пращура, что жена моя съ той поры стала враждовать къ предку. Не скоро послѣ того Варсонофій пріѣхалъ обновлять густынскій монастырь, и, какъ одного изъ главныхъ его строителей, я купилъ предка и возвратилъ ему древнее жилище его.

Что касается до надписи, я и самъ не могъ ее прочитать; но которыя буквы явственны, тѣ такъ и снимутъ на копію. Я помнилъ одно химическое средство давать цвѣтъ буквамъ, написаннымъ масляными

---

[1]) Въ густынскомъ монастырѣ похоронены еще сынъ Марка Аврамовича Иванъ, судья полковой прилуцкій, и его жена, рожденная Думитрашко-Раичъ.

красками, когда ихъ стерло время. Подъ буквами, какъ подъ всякими красками, есть грунтъ; этотъ грунтъ получаетъ красный цвѣтъ, въ то-же время цвѣта другіе появляются по сторонамъ буквъ. Если я отъищу или припомню это химическое средство, то употреблю непремѣнно.

Мнѣ грустно, вспоминая о томъ, какъ долго не видѣлъ я васъ. Въ апрѣлѣ мнѣ хочется быть въ Глуховщинѣ, и тогда надѣюсь навѣстить сварковскаго хозяина. Въ это время Клевень долженъ быть восхитителенъ съ безконечными лѣсами, безбрежнымъ разливомъ, съ горами праваго берега и селами по окраинѣ. Все это хорошо, даже восхитительно, украшенное мастерскою рукою садовника, оживленное прелестнымъ присутствіемъ хозяина. Но вотъ что отнюдь не хорошо, вовсе не восхитительно: отъ Прилуки до Туровки близко, изъ Перервинецъ въ Прилуку должно ѣхать въ шести верстахъ отъ Туровки; лошадей у меня много, почта все стояла-бы тамъ, гдѣ вы-бы указали, и не смотря на все это, вы никогда не видѣли ни дому, ни саду моего; я ни разу еще не пожалъ руку вашу, какъ хозяинъ, много разъ пожималъ ее, какъ гость.

Обнимая васъ отъ всего преданнаго вамъ сердца, остаюсь навсегда и неизмѣнно вашъ

И. Маркевичъ.

Julie просила напомнить вамъ объ ней и благодарить за приписку.

II.

1848 г. Марта 25 дня.

Поздравляя васъ съ праздникомъ Благовѣщенія, спѣшу увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ, что на дняхъ получилъ я 39 номеровъ подлинныхъ рукописей въ подарокъ изъ разныхъ мѣстъ. Въ числѣ этихъ рукописей есть совершенно новая для меня «лѣтопись Малороссіи», писанная въ гетманство Богдана Хмельницкаго, которую я на время отправилъ въ императорское московское общество исторіи и древностей россійскихъ. Переписка зятя Мазепы Дм. Горленка съ Головкинымъ, Шафировымъ, Голицынымъ и Шереметевымъ и много другихъ историческихъ и статистическихъ бумагъ. А между прочимъ подлинные документы, разъясняющіе то, что намъ было не-

понятно на щотъ нашего родоначальника Марка Авраамовича, котораго портретъ я возвратилъ монастырю густынскому. Зная, какъ для васъ интересно это, увѣдомляю васъ о столь важной для всѣхъ насъ находкѣ.

№ 1-й. Запись пана Ивана Маркевича (сына Марка) 1712 годъ, сентября 15. Въ ней сказано между прочимъ: «ижъ лѣсъ свой властный, никому ни ъъ чемъ не пенный и не заведенный, *по отцеви имъ зосталый за Сельцемъ* Будами... *небожчика* (покойника) *блаженной памяти пана Марка Авраамовича... поможъ лъса Андрея Горленка*» (полковника прилуцкаго) и пр. По этому видно уваженіе къ старику.

№ 2. Запись Дмитрія Горленка на лѣсъ купленный у «*Марка Авраамовича, славетнаго* (славнаго) *обывателя нашего прилуцкаго*». Годъ 1701, октября 5 дня. Это доказываетъ, что онъ былъ землевладѣлецъ и еще знатный баринъ, но не служилъ, а просто жилъ въ Прилукѣ свободнымъ паномъ.

№ 3. Тяжба Анастасьи Марковны Скоропадской съ Горленкомъ. Вотъ любопытная изъ этого документа выписка. «Жона его, покойнаго пана гетмана Скоропадскаго, Анастасія Марковна здавна въ своемъ намѣреніи положила обѣщаніе монастырь дѣвичій, въ способномъ на тое мѣсцу, именуемомъ Харлампіева пустынька, якій теперь называется Гамалѣевскій, своимъ иждивеніемъ ново создати, и до онаго мельницъ зъ прочіими кгрунтами власною своею суммою покупила, также собственный свой *отеческій хуторъ, именуемый дубогаевскій* (с. Дубовый гай), *въ прилуцкомъ полку обрътаючійся, съ людьми тамъже на купленныхъ кгрунтахъ поселенными и съ приселками: Яблуновцемъ* (Яблоновка), *Бълошапкою, Деймановкою, Сергіевкою и двъ Дъвички къ нему* (т. е. дубогаевскому хутору) *належачими отдала*». И такъ этотъ Маркъ Авраамовичъ, главный строитель густынскаго монастыря, славный обыватель прилуцкій, былъ владѣлецъ посполитыхъ крестьянъ и выше названныхъ селъ, въ которыхъ нынѣ казенныхъ крестьянъ, отнятыхъ отъ монастыря Екатериною, числится 8,000 душъ въ однихъ уѣздахъ прилуцкомъ и пирятинскомъ. Бумага писана въ 1728 году, февраля 6 дня.

Годъ тому назадъ, между другими манускриптами, получилъ я одинъ документъ фамильный, по которому видно, что Маркъ Авраамовичъ

имѣлъ дѣтей: Андрея [1]), Федора [2]), Ивана [3]) и четырехъ дочерей, коихъ имена названы, но ихъ не помню, бумаги-же въ Туровкѣ; только помню, что отецъ выдалъ ихъ за двухъ генеральныхъ старшинъ: Гонзаревскаго и Миклашевскаго, за наказнаго гетмана Павла Полуботка (въ первомъ бракѣ) и за гетмана Скоропадскаго [4]).

Въ выше приведенномъ документѣ, № 3-й, оказывается, что у Марка Авраамовича была сестра, женщина богатая имѣніями *движимыми и недвижимыми*, на которыя совершила духовную запись въ Прилукахъ; ея фамилія была: *Бендычка*. Слѣдовательно, какъ сонаслѣдница Марка Авраамовича, она была дочерью владѣльца земель и крестьянъ, и отецъ ихъ Авраамъ былъ паномъ надъ посполитыми.

Всѣ эти документы подлинные и за печатями.

Между прочимъ мой одинъ сосѣдъ, почтенный старикъ Пав. Павл. Бѣлецкій-Носенко подарилъ мнѣ два труда своихъ весьма замѣчательныхъ, огромныхъ и важныхъ для филологовъ—грамматику и словарь языка малороссійскаго. Полнота ихъ такъ велика, что изъ всѣхъ моихъ древнихъ манускриптовъ я могъ выбрать только 40 терминовъ, пропущенныхъ въ его словарѣ. Съ этими пособіями намъ теперь легко понимать и разбирать древнія акты и лѣтописи, ибо туда вмѣщена и палеографія. Авторъ передалъ мнѣ законнымъ порядкомъ право собственности на эти труды свои, и я уже отнесся въ отдѣленіе россійской академіи наукъ; съ нетерпѣніемъ жду объ нихъ отвѣта.

---

[1]) Родился 1674 г. Сотникъ глуховскій 1709—1714 г., полковникъ лубенскій 1714—1729 г., подскарбій генеральный 1729—1740 г., обозный генеральный въ отставкѣ съ 1740 года, † 1747 г. Жена Анна Ивановна Маковская, дочь сотника кролевецкаго.

[2]) Бунчуковый товарищъ, наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій. Жена Екатерина Степановна Томара, дочь полковника переяславскаго.

[3]) Судія полковой прилуцкій, † 1724 г. Жена Екатерина Федоровна Думитрашко-Раичъ.

[4]) У Марка Аврамовича было пять дочерей: 1) извѣстная Анастасія, гетманша; 2) Ирина, бывшая замужемъ за Степаномъ Михайловичемъ Миклашевскимъ, бунчуковымъ товарищемъ, сыномъ извѣстнаго полковника стародубскаго; 3) Пелагея; мужъ ея Андрей Кондзеровскій никогда не былъ генеральнымъ старшиною; онъ былъ господарь, т. е. домоправитель шурина своего гетмана Скоропадскаго; 4) Марина; мужъ ея Павелъ Импенецкій; 5) Параскевія; мужъ ея Демьянъ Якубовичъ, бунчуковый товарищъ.

Что скажете вы о дѣлахъ европейскихъ? Европа превратилась въ Этну. Не найдете-ли Геркулеса, который зальетъ этотъ волканъ волнами океана, называемаго Россіею?

Я жду отъ васъ отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Васъ вполнѣ уважающій и столько-же преданный

Н. Маркевичъ.

Моя Julie вамъ кланяется.

Сообщ. **Петръ Дорошенко.**

С. Баничи

Черниговской губ., глуховскаго у.

Библіографія.

Малорусскія литературныя новинки 1885 года.

Десять книжекъ и книжечекъ—таково скромное число этихъ новинокъ. Въ свое время мы бесѣдовали о важнѣйшихъ изъ нихъ, сборникѣ «Рада» и новостяхъ Мордовцева. Предъ нами теперь пачка брошюръ и Альманахъ «Нива», вышедшій въ Одессѣ.

Преобладаютъ поэты. Пять книгъ на языкѣ боговъ, изъ десяти напечатанныхъ, не слишкомъ-ли много? Въ словесности, стоящей болѣе нормально, не стоило бы, конечно, печалиться о появленія плохихъ виршей. Всегда и вездѣ плохихъ книгъ больше, чѣмъ хорошихъ. Пускай-бы тѣшились авторы и плакали издатели. Но тамъ, гдѣ все на счету, гдѣ все ставится въ строку, нестройные вопли самозванныхъ сыновъ музъ нельзя не признать рѣжущей ухо и ненужной музыкой. Кому и для чего нужна хоть эта безконечная и вялая болтовня, названная «Украинскими сказками», сочиненная въ Кіевѣ какой-то Наталкой Хуторнычкой? Кто станетъ тратить время на чтеніе «Першихъ (!) ліричныхъ творивъ» г. Жарка, которыми подарила насъ Полтава? Хромые стихи, отсутствіе представленія о размѣрѣ, избитыя передразниванья Шевченка и народныхъ мотивовъ. За отсутствіе таланта винить нельзя; но можно требовать, чтобъ, выступая съ ворохомъ стиховъ, «поэтъ» сказалъ-бы хоть что нибудь не съ чужаго голоса, хоть одно *свое* искреннее слово. Большинство пѣвцовъ не дѣлаетъ двухъ шаговъ, и еще какихъ шаговъ, внѣ заколдованнаго круга шевченковскихъ мотивовъ. Разумѣется, тутъ все дѣло въ слабости юныхъ силъ.

Поэма г. Кострицкаго «Нова Громада» выдѣляется по размѣрамъ и по пріему. Она посвящена еврейскому вопросу въ нашихъ селахъ и дышетъ ненавистью къ іудеямъ. Извѣстно, какими болѣзненными вспыш-

ками напоминаетъ о себѣ этотъ вопросъ, какимъ сложнымъ и труднымъ представляется его рѣшеніе. Кому-бы, кажется, пришло въ голову усугублять эту трудность стихотворной формой? Г. Кострицкій этой трудности не побоялся и рѣшаетъ еврейскій вопросъ въ стихахъ. Его стихи дѣловые. У него нѣтъ типовъ, но есть практическіе совѣты. Еще шагъ, и мы вернемся къ поэмамъ «О пользѣ стекла».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ своей массѣ еврейское племя не знаетъ другого культа, кромѣ культа наживы. Какъ въ оны дни въ пустынѣ, оно поклоняется и теперь золотому тельцу. Безчисленными свидѣтельствами доказана также эксплуатація имъ сельскаго народа въ прошломъ и настоящемъ. Но г. Кострицкій въ своей ненависти къ жидамъ заходитъ слишкомъ далеко, когда приписываетъ всю удивительную метаморфозу изображаемаго имъ села одному только факту изгнанія Янкеля и Гершка: послѣ этого изгнанія село стало неузнаваемымъ: завелась прекрасная школа, съ учителями изъ мѣстныхъ людей, возникла общественная лавка, удѣляющая половину дохода на школу, мастерская необходимыхъ въ сельскомъ быту орудій и предметовъ, появилась, вмѣсто шинка, *господа*, родъ деревенскаго клуба, мѣсто встрѣчъ и отдыха. Для описываемаго эллизіума одного выселенія евреевъ слишкомъ мало... Справедливость требуетъ сказать, что въ этой дикой и неуклюжей поэмѣ есть мысли, свидѣтельствующія объ истинной любви къ сельскому люду и что языкъ разсказа непринужденъ и чистъ.

Къ области юдофобіи относится и фарсъ г. Бораковскаго «Влюбленный жидъ», о которомъ не стоило-бы упоминать, если-бы въ немъ, сквозь площадную грубость, не виднѣлась несомнѣнная комическая жилка. По части театра вышла еще драма «Неспарована Пара», скучный перифразъ хорошей старой пьесы «Доля» Стеценка. Въ Харьковѣ вышло новое изданіе сочиненій г. Кропивницкаго. Въ книгу не вошли почему-то пьесы «Глитай» и «По ревизіи», двѣ лучшія вещи автора, и комедія «Доки сонце зійде...», совсѣмъ не бывшая въ печати.

Въ одесскомъ альманахѣ «Нива» остановимся прежде всего на отрывкѣ изъ «Одиссеи» VI пѣсни въ переводѣ г. Нищинскаго. Уже переводомъ софокловой «Антигоны» г. Нищинскій обратилъ на себя вниманіе. Полный переводъ «Одиссеи», равный по достоинству напечатанному отрывку, поставилъ-бы его въ украинской словесности на очень почетное мѣсто. Въ переводѣ «Антигоны», точномъ, но нѣсколько суховатомъ, попадались изрѣдка маленькія увлеченія и неловкости. Неожиданно было появленіе въ эллинскихъ устахъ начала пѣсни «Ой не шуми луже...», или передача слова ἄναξ (вождь) словомъ полковникъ. Въ прекрасныхъ гекзаметрахъ «Одиссеи» не замѣтно усилія; стихъ сво-

боденъ и легокъ, въ языкѣ нѣтъ ни одного натянутаго оборота, и, что важнѣе всего, переданъ превосходно общій духъ великаго произведенія древности, та спокойная ясность, та возвышенная красота, которыми, какъ лучами солнца, насквозь пронизано созданіе «всевидящаго слѣпца». Юношеская простота древней культурной жизни въ сравненіи съ новѣйшею европейскою, повидимому, представляетъ покуда болѣе подходящія условія для передачи на малорусскій языкъ созданій античнаго міра, чѣмъ западно-европейскихъ поэтическихъ произведеній.

Въ «Перепискѣ» Гоголя, по поводу перевода «Одиссеи» Жуковскаго, есть нѣсколько дивныхъ страницъ. Нельзя не вспомнить словъ великаго писателя, желая появленія полнаго труда г. Нищинскаго и его распространенія: «Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключались всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать его всеобщимъ и народнымъ. Оно соединяетъ всю увлекательность сказки и простую правду человѣческаго похожденія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго, кто-бы онъ ни былъ».

Значительною оригинальною вещью одесскаго сборника является разсказъ г. И. Левицкаго «Чортяча Спокуса»,—повѣствованіе кишиневской вдовы мѣщанки о томъ, какъ ее сначала искушалъ демонъ пьянства, въ лицѣ коварныхъ сосѣдокъ, а потомъ чуть-ли не самъ нечистый, въ образѣ молодого цыгана Грегора, оказавшагося разбойникомъ, котораго она безумно полюбила. Начало разсказа растянуто и представляетъ не совсѣмъ стройное соединеніе юмора съ попыткой пьяницкой психологіи. Но съ появленія на сценѣ полудикаго Грегора весь складъ повѣствованія измѣняется совсѣмъ. Развитіе этой непобѣдимой, пламенной страсти изображено съ удивительной силой. Здѣсь прекрасный талантъ автора предстаетъ предъ нами во весь ростъ. Могучій, дикій образъ разбойника, съ его темной душой и вспышками страсти, нельзя забыть, и онъ останется однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ въ ряду лицъ, созданныхъ авторомъ «Двухъ московокъ».

Пьеса г. Старицкаго «Утоплена», какъ вещь назначенная для сцены, какъ канва для музыки, могла-бы стоять внѣ литературнаго разбора; но, появляясь въ литературномъ сборникѣ, она очевидно имѣетъ въ виду другой масштабъ. Какъ во всѣхъ передѣлкахъ этого автора, отличительная черта пьесы—сценичность, стремительность дѣйствія. Но что такое эта пресловутая сценичность?

Какъ въ романѣ, такъ и въ драмѣ обозначаются рѣзко два типа: психологическій и внѣшній (романъ или драма внѣшнихъ событій, приключеній). Только исключительнымъ талантамъ, какъ Гоголь, какъ Островскій, удается рука объ руку съ развитіемъ дѣйствія рисовать и харак-

теръ, и душевный складъ лицъ, и мотивы ихъ поступковъ. Комедія событій заботится только о непрерывающемся дѣйствіи, о неослабномъ сценическомъ движеніи. Ей не по силамъ да и некогда заниматься обрисовкой лицъ. Пусть зритель объясняетъ причины ихъ поступковъ, какъ хочетъ и умѣетъ. Онъ станетъ искать объясненія, во всякомъ случаѣ, потомъ, такъ какъ въ театрѣ онъ едва поспѣваетъ слѣдить за ходомъ дѣйствія. Прототипа пьесъ такого рода надо искать въ театрѣ маріонетокъ, а самаго блистательнаго развитія въ французской драматургіи, въ пьесахъ Скриба, съ ихъ условными, окаменѣлыми типами, необычайной быстротою дѣйствія и ловкостью завязки и развязки.

Все сказанное только отчасти относится къ пьесѣ г. Старицкаго, представляющей просто приспособленіе къ сценѣ извѣстнаго гоголевскаго разсказа. Погоня за сценичностью не могла окончательно убить поэтической стороны этой хуторской легенды; но доведевная до крайности въ другихъ отношеніяхъ, она есть ничто иное, какъ благополучное возвращеніе къ театру маріонетокъ.

Въ «Нивѣ» есть маленькій сборничекъ народныхъ пѣсень одесскаго уѣзда, представляющій интересную попытку собранія пѣсенныхъ мотивовъ, имѣющихъ обращеніе въ опредѣленномъ районѣ. Къ сожалѣнію, сборникъ очень не великъ. Сосѣдство народныхъ пѣсень очень не выгодно для цѣлой арміи «поэтовъ», испещрившихъ альманахъ своими пѣснопѣньями. Стихи этихъ господъ не удовлетворяютъ даже простѣйшему требованію соблюденія размѣра. У Мольера выведенъ гдѣ-то наивный буржуа, который изумляется не мало, узнавъ въ старости, что всю жизнь онъ говорилъ прозой. Бѣднякъ никогда не задумывался объ этомъ. Удивленіе гг. Незвистного, Ухача и друг., если-бъ имъ суждено было прозрѣть, было-бы гораздо основательнѣе. Вѣдь теперь они убѣждены серьезно, что пишутъ стихами. **W.**

Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина. (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь, стр. 210—252).

Въ борьбѣ съ католической Польшей за свободу вѣроисповѣданія малоруссы въ XVII ст. невольно усвоили себѣ нѣкоторыя ученія западной церкви, напримѣръ, ученіе о томъ, что пресуществленіе св. Даровъ на литургіи происходитъ во время произнесенія словъ Христа Спасителя: «пріймите, ядите» и проч. Статья г. Шляпкина о полемикѣ между московскими и малорусскими учеными представляетъ подробное изслѣдованіе о тѣхъ спорахъ среди духовенства и міранъ, которые были вызваны появ-

леніемъ хлѣбопоклонной ереси въ Малороссіи и въ Москвѣ. Вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ вызвалъ въ XVII в. полемику и рѣзко выдвинулъ двѣ, тогда еще нѣсколько скрытыя, партіи православнаго духовенства—великорусскую и малорусскую. Г. Шляпкинъ указываетъ на то, что не только малорусскіе архіереи, но и въ самой Великороссіи, въ началѣ спора, многія высшія духовныя лица держались мнѣнія, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Спасителя: «пріймите, ядите» и проч. Митрополитъ казанскій, впослѣдствіи московскій патріархъ Адріанъ, раздѣлялъ это мнѣніе. Другой архіерей, митрополитъ Павелъ рязанскій, еще въ 1683 г. въ наставительной грамотѣ духовенству своей епархіи писалъ, что пресуществленіе св. Даровъ совершается при словахъ: «пріймите, ядите» и проч. Самъ Евфимій, столь усердно спорившій съ латинствующими малоруссами, въ своемъ «Воумленіи іереямъ» приписывалъ пресуществленіе словамъ Христа Спасителя и лишь впослѣдствіи исправилъ свое мнѣніе. Если принять, что «Слово о благоговѣйномъ слушаніи литургіи» (Синод. библ., № 147, л. 303) принадлежитъ патріарху Іоакиму, какъ писалъ въ оглавленіи этой рукописи владѣлецъ ея, св. Димитрій Ростовскій, то окажется, что и самъ патріархъ Іоакимъ требовалъ когда-то поклона при словахъ Христовыхъ. Тѣмъ болѣе выдается та настойчивость, съ которой патріархъ Іоакимъ сталъ въ концѣ 80-хъ годовъ преслѣдовать это мнѣніе о времени пресуществленія св. Даровъ, преслѣдовать въ Москвѣ Сильвестра Медвѣдева и его единомышленниковъ, а въ Малороссіи все высшее духовенство. По видимому, въ данномъ случаѣ на патріарха большее вліяніе оказали братья Лихуды и въ особенности инокъ Евфимій. Въ статьѣ г. Шляпкина довольно много мѣста отведено препирательствамъ патріарха Іоакима съ высшимъ малорусскимъ духовенствомъ о времени пресуществленія св. Даровъ. Возникшая по этому поводу въ Москвѣ полемическая литература проникла въ Малороссію и здѣсь сочувствіе было на сторонѣ Сильвестра Медвѣдева. Мазепа писалъ Шакловитому: «Книги ваша вельможность далъ мнѣ за великую тайну (т. е. «Манну» С. Медвѣдева и «Акосъ» Лихудовъ), но вижу, что уже давно по всему Кіеву ихъ знаютъ, такожде и въ Черниговѣ... Тіи же книги присланы митрополиту, ко архіепископу и архимандриту (п. Іоакимомъ)... желаютъ дабы одно разумѣли съ греками тѣми двѣма (т. е. Лихудами) и дабы оно свое разумѣніе на письмѣ прислали; но всѣ духовные (не только) подписатися на оно, что Медвѣдевъ правду пишетъ, а они (греки) ложь, но и умирати готовы. На ону греческую книжку, по указу митрополита и всего чина духовнаго, отписываетъ Монастырскій». Въ статьѣ г. Шляпкина личность и дѣятельность Монастырскаго впервые опредѣлены съ

точностію и полнотою, и въ этомъ отношеніи статья г. Шляпкина представляетъ серьезный научный интересъ, тѣмъ болѣе, что сообщенія его о полемической дѣятельности товарищей Монастырскаго, митрополита Гедеона, арх. Лазаря и архим. Варлаама, представляютъ повтореніе лишь извѣстнаго въ печати. Монастырскій—игуменъ кирилловскаго монастыря Иннокентій. Составленный имъ въ 1689 отъ имени кіевскаго митрополита отвѣтъ патріарху Іоакиму о времени пресуществленія св. Даровъ считался потеряннымъ. Онъ однако существуетъ въ рукописи, находящейся въ императорской публичной библіотекѣ, и г. Шляпкинъ приводитъ его полное заглавіе и дѣлаетъ изъ него любопытное извлеченіе. Отвѣтъ составленъ съ значительной фактической аргументаціей и съ ироніей. Такъ, Иннокентій въ концѣ своего отвѣта говоритъ о Лихудахъ малорусскимъ присловьемъ: «Лихій (Лихуды) доброму найдетъ чимъ досадити» и затѣмъ заключаетъ сочиненіе словами: «Безстыдно убо Лихудіевы клевещутъ на святую соборную малороссійскую церковь, нарицающе ей сынов быти македоніани». Въ 1690 г. Иннокентій пріѣхалъ въ Москву, въ свитѣ гетмана Мазепы, со многими другими духовными лицами, представлялся патріарху Іоакиму, и въ то время, когда другіе малорусскія духовныя лица «благочестно разглаголствоваху и... святѣйшему патріарху соединишася», Иннокентій Монастырскій, «родомъ жидовинъ, къ раздору церковному приложилъ, еще святѣйшаго Іоакима патріарха безчестити и безстыдно укоряти, таковыя ради вины, яко гнилъ удъ, проклятъ былъ и отосланъ». Высланный изъ Москвы, Иннокентій возвратился въ Малороссію и здѣсь оставался игуменомъ кирилловскимъ до смерти, послѣдовавшей въ 1697 г. Въ концѣ концовъ, малоруссы, какъ извѣстно, покорились, вполнѣ принявъ предложенное патріархомъ Іоакимомъ толкованіе о времени пресуществленія св. Даровъ.

«Исторія полемики о пресуществленіи, говоритъ г. Шляпкинъ въ концѣ своей статьи, показываетъ, что какъ въ расколъ, такъ и въ латинство, впадали лучшіе даровитѣйшіе люди своего времени. Въ сравненіи съ сторонниками православной партіи, исключая Лихудовъ, получившихъ образованіе за границей, латинствующіе стоятъ гораздо выше и по эрудиціи, и по гуманности своихъ взглядовъ; они требуютъ болѣе терпимости къ латинству, къ иновѣрнымъ, даже приносятъ за нихъ жертвы на проскомидіи (см. Остенъ). Въ самой полемикѣ они отличаются большей мягкостью и требуютъ убѣжденія словомъ, а не заточеніемъ или сожженіемъ. Не даромъ латинскій фанатикъ Петръ Артемьевъ, укоряя великоруссовъ въ жестокости, говоритъ: «нѣмые учители у дыбѣ стоятъ въ Константиновской башнѣ; вмѣсто евангелія огнемъ просвѣщаютъ; вмѣсто апостола кнутомъучатъ» (Рукоп. акад. наукъ, № 191). **Н. С.**

Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens in Galizien und seine gegenwärtigen Verhältnisse. Von I. Iwanowicz. Leipzig, 1885. (Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія).

Три съ половиною года назадъ все русско-уніатское населеніе Галиціи совершенно неожиданно было поражено папскою буллою («Singulare praesidium», отъ 12 мая 1882 г.), по которой одинъ изъ богатѣйшихъ историческихъ монастырей края, базиліанскій добромильскій монастырь, основанный въ началѣ XVII в. Иваномъ Щаснымъ Гербуртомъ и женою его Елизаветою, княгинею Острожскою, передавался въ руки іезуитовъ. Оказалось впослѣдствіи, что передача подготовлена была интригами нынѣшняго провинціала галицкихъ базиліанъ, человѣка весьма небезъукоризненной жизни, старавшагося преступнымъ относительно русскаго народа усердіемъ къ латинству поддержать свое пошатнувшееся положеніе. Передача была названа въ буллѣ временною, для реформы яко-бы въ болѣе строгомъ христіанскомъ духѣ монашеской жизни. Но русскій народъ въ Галиціи по тяжелому историческому опыту зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Одно имя іезуитовъ не предвѣщало ничего хорошаго. Понятно поэтому, что всѣ галицко-русскіе патріоты, выражая въ данномъ случаѣ настроеніе всего русинскаго населенія, подняли страшную тревогу. Русинская періодическая пресса была впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переполнена всесторонними обсужденіями совершившагося факта; собирались митинги, составлялись протесты, но ничто не помогло. Напротивъ, черезъ нѣсколько времени появились слухи, все настойчивѣе повторявшіеся и совершенно основательные, какъ оказалось впослѣдствіи, что участь добромильскаго монастыря готовится и другому богатому монастырю—лавровскому. Все населеніе Галиціи пришло въ крайне возбужденное состояніе. Во Львовѣ собралось «вѣче», на которое явились русскіе представители всѣхъ сословій и краевъ Галиціи; вѣче составило формальный протестъ противъ незаконныхъ дѣйствій папы и избрало изъ почетнѣйшихъ лицъ депутацію къ императору и папскому нунцію въ Вѣнѣ, для ходатайства объ отмѣнѣ насильственныхъ реформъ.

Въ чемъ-же однако дѣло? Отчего такой шумъ изъ-за двухъ какихъ нибудь монастырей? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ лежащая предъ нами брошюра, написанная въ самый разгаръ патріотической борьбы, лицомъ (фамилія Ивановичъ—псевдонимъ), очевидно близко стоящимъ къ дѣлу и глубоко изучившимъ родную исторію.

Содержаніе брошюры дѣлится на три части: въ первой кратко излагается исторія появленія монастырей въ юго-западной Руси и Литвѣ вообще и въ Галиціи въ частности и культурно-историческое ихъ значеніе; вторая часть посвящена исторіи монастырей подъ польскимъ владычествомъ, до и послѣ брестской уніи; въ третьей разсматривается состояніе галицкихъ монастырей подъ австрійскимъ владычествомъ и обсуждается значеніе упомянутой выше папской реформы. Опуская первую часть и тѣ страницы второй, въ которыхъ говорится о разрядахъ русскихъ монастырей и ихъ устройствѣ до принятія уніи, остановимся нѣсколько на судьбѣ русско-литовскихъ и галицкихъ *уніатскихъ* монастырей.

Надо помнить, что галицкія православныя епархіи (львовская и перемышльская) позже всѣхъ другихъ приступили къ уніи. Хотя еще Сигизмундъ III, въ 1612 г., назначилъ въ Перемышль уніатскимъ епископомъ Крупецкаго, учителя Владислава IV, но рядомъ съ нимъ въ Перемышлѣ, какъ и въ Украйнѣ послѣ посѣщенія патріарха Ѳеофана при гетманѣ Сагайдачномъ, существовала православная іерархія, во Львовѣ-же до конца XVII в. и вовсе не было уніатскаго епископа. Окончательно введена унія въ Галиціи въ 1692—1700 гг., но двойственность іерархіи прекратилась только въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в., при чемъ нѣкоторые монастыри еще долго держались православія. Только въ 1739 г. можно было сконцентировать всѣ галицко-волынскіе монастыри въ особую *русскую* базиліанскую провинцію, заключавшую въ себѣ епархіи: владимірскую, луцкую, холмскую, перемышльскую и львовскую, т. е. области древнихъ галицкаго и владимірскаго княжествъ. На генеральномъ базиліанскомъ соборѣ въ Дубнѣ въ 1743 г. *русская* базиліанская провинція была присоединена къ *литовской* и отдѣлилась отъ нея опять въ 1783 г., послѣ того какъ по первому раздѣлу Польши въ 1772 г. Галиція отошла къ Австріи. Стало быть реформы монастырей, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано, до 1739 года касаются только Литвы и Украйны.

По утвержденіи уніи, въ присоединенной церкви все остается нѣсколько времени по старому. Монастыри сначала не составляли никакой особой церковной организаціи, какъ и во время православія. Но уже во 2-е десятилѣтіе XVII в. папа обратилъ на нихъ вниманіе и рѣшилъ сблизить ихъ въ административномъ отношеніи съ католическими монашескими орденами. Орудіемъ реформы былъ избранъ бывшій кальвинистъ, затѣмъ ревностный католикъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій, принявшій для сего случая греческій обрядъ и сдѣланный уніатскимъ митрополитомъ. Въ 1617 году имъ былъ созванъ соборъ въ Новгородкѣ, на которомъ рѣшено изъять монастыри изъ подъ юрисдикціи епископовъ и учредить должность протоархимандрита, которому подчинить управле

ніе всѣми уніатскими монастырями. Чтобы клиръ и народъ привыкъ къ новой организаціи, должность протоархимандрита долго переносилась на особу митрополита, такъ что существовалъ только принципъ отдѣльности базиліанскаго монашескаго ордена отъ епархіальныхъ властей, на дѣлѣ-же все шло по старому. Въ 1674 г. наконецъ было отнято званіе протоархимандрита у митрополита Кипріана Жоховскаго и избрано на эту должность особое лицо, непосредственно подчиненное римской куріи. Папа рѣшилъ установить полную автономію базиліанъ, конечно, для большаго приравненія ихъ къ латино-католикамъ. Была, впрочемъ, соблюдаема нѣкоторая постепенность въ дѣйствіяхъ по намѣченной реформѣ. Такъ митрополитъ продолжалъ предсѣдательствовать въ общихъ базиліанскихъ конгрегаціяхъ, принимать присягу отъ протоархимандрита при вступленіи послѣдняго въ должность и проч. Отдѣленіе базиліанъ отъ епархіальнаго духовенства повлекло за собою безпрерывныя взаимныя столкновенія духовныхъ властей, пагубное для внутренняго церковнаго мира соревнованіе ихъ въ присвоеніи себѣ авторитета и проч. Споръ до того тяготилъ уніатскую церковь, что даже короли не разъ обращались къ папамъ съ жалобами на высокомѣріе монашескаго начальства. Что касается внутренняго устройства ордена, то начало синодальнаго и избирательнаго правленія, составлявшія отличительную черту восточной церкви, такъ были сильны въ сознаніи самихъ базиліанъ, что папы не рѣшались посягнуть на нихъ даже въ періодъ польскихъ королей изъ дома Вазовъ, найболѣе благопріятствовавшихъ римскому абсолютизму. Протоархимандритъ избирался настоятелями монастырей, а настоятели братіею. Перваго окружалъ совѣтъ такъ называемыхъ консульторовъ, вторыхъ—совѣтъ выборныхъ изъ братіи. Такъ какъ въ монахи поступали люди, получившіе образованіе въ школахъ, гдѣ господствовали польскій и латинскій языки, то естественно, что богослужебный языкъ славянскій былъ у базиліанъ въ большомъ пренебреженіи; службы Божіи отправлялись механически, безъ пониманія смысла читаемаго. Любопытно, что даже папы обратили на это обстоятельство вниманіе. Бенедиктъ XIV въ посланіи къ базиліанскому ордену отъ 20 апрѣля 1751 г. писалъ: «opus est, ut graecae (hoc est slavicae) linguae peritiam non istam quidam levem et extimam, sed illam vere perfectam et omnibus numeris absolutam, ad sanas candidasque auctorum sententias colendas necessariam, ediscatis et comparatis». Какъ ни тяжелъ былъ періодъ Вазовъ и послѣднихъ польскихъ королей для русско-уніатскаго населенія, въ смыслѣ полонизаціи и латинизаціи, однако авторъ брошюры имѣетъ достаточно данныхъ констатировать, что a) никогда папы не дерзали для реформъ передавать базиліанъ въ руки другаго, латинскаго ордена и b) никогда

не рѣшались устранять мірянъ (братствъ, особенно многозаслуженнаго для русско-украинскаго народа львовскаго ставропигіальнаго братства) отъ дѣлъ церковнаго управленія.

Періодъ австрійскаго господства былъ и есть гораздо благопріятнѣе для національности русской въ Галиціи, чѣмъ времена Польши. Для базиліанскаго ордена, скоро по присоединеніи Галиціи къ Австріи, настало время новыхъ реформъ, на этотъ разъ—въ духѣ древняго церковнаго устройства. Въ 1783 г., какъ было сказано, галицкіе базиліане изъяты были изъ подъ юрисдикціи литовско-русскаго протоархимандрита (въ 1795 г., послѣ 3-го раздѣла Польши должность эта вовсе уничтожена), а въ 1802 г. вышелъ императорскій декретъ «Ratio regiminis ab ordine sancti Basilii Magni servanda», заключавшій въ себѣ новую организацію базиліанскихъ монастырей. Они возвращены подъ юрисдикцію митрополита; самовластнаго протоархимандрита замѣнилъ провинціалъ, обязанный подчиняться соборнымъ орденскимъ постановленіямъ и обращаться во всѣхъ дѣлахъ къ совѣту и согласію консульторовъ. Внутренняя сторона монастырской жизни осталась прежнею, какъ послѣ реформы митрополита Рутскаго. Въ монастыри желающіе принимались чрезъ провинціала; для приготовленія къ монашескому званію они проходили общеобразовательныя среднія учебныя заведенія и слушали богословскія лекціи въ университетахъ львовскомъ и вѣнскомъ. Все шло благополучно до настоящаго времени. Реформированные базиліане выпустили изъ своей среды много заслуженныхъ мужей на поприщахъ науки, педагогіи, проповѣдничества и проч. Какъ вдругъ папская булла однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ все то, съ чѣмъ народъ сжился, что пріобрѣло для него ореолъ наслѣдія отъ минувшихъ лучшихъ временъ...

Чтобы дѣло было яснѣе, необходимо не упускать изъ виду общаго положенія русиновъ въ послѣднее время. Пригрѣтый теплыми лучами австрійской конституціи, обездоленный исторически русинскій народъ проснулся въ послѣднія десятилѣтія. Изученіе роднаго прошлаго пробудило и укрѣпило въ немъ сознаніе народности, вѣру въ лучшее будущее. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, русины наконецъ стали твердо на вѣрномъ пути мирнаго культурнаго труда, на почвѣ національнаго просвѣщенія и, не смотря на нѣкоторыя внутреннія несогласія, скорѣе недоразумѣнія, быстро идутъ впередъ въ умственномъ и экономическомъ отношеніи. Въ трудную и великую эпоху національнаго возрожденія русское населеніе въ Галиціи встрѣтило отъявленнаго врага во образѣ злаго генія украинскаго народа, все той-же польской шляхты. Масса народныхъ силъ принуждена была уклониться съ прямаго трудоваго пути въ сторону мелкой національной борьбы, до болѣзненности

развившей чувство этнической обособленности. Послѣднее обстоятельство имѣло, впрочемъ, ту хорошую сторону, что открыло для русиновъ въ полномъ свѣтѣ все громадное значеніе, въ смыслѣ національной самостоятельности, уцѣлѣвшаго отъ предковъ греческаго обряда, его богослужебнаго языка, его общесословнаго характера. Авторъ брошюры называетъ его «драгоцѣннымъ наслѣдіемъ отцовъ», и это, конечно, голосъ не его лично, но всего галицко русскаго народа. Вопросъ о базиліанскихъ галицкихъ монастыряхъ, съ ихъ отличнымъ отъ латинскихъ монашескихъ орденовъ устройствомъ, со связанными съ ними историческими преданіями (напр. въ другомъ угрожаемомъ со стороны латинства монастырѣ—Лавровскомъ, по преданію, покоятся кости русскаго князя Льва) по необходимости долженъ занимать у русиновъ видное мѣсто среди священныхъ національныхъ вопросовъ. Вотъ почему нежданная папская реформа произвела среди галичанъ столь тягостное, удручающее впечатлѣніе.

Г. Ивановичъ въ послѣдней части своей брошюры перечисляетъ всѣ вредныя послѣдствія этой насильственной реформы. 1) Такъ какъ въ завѣдываніе іезуитамъ съ монастыремъ добромильскимъ переданы всѣ его недвижимыя и движимыя имущества, запасы, денежныя суммы, облигаціи, грамоты, церковно-богословская библіотека и проч., то этимъ нарушено право собственности базиліанскаго ордена, монахамъ котораго именно и были жертвованы упомянутыя вещи, нарушена также воля жертвователей. 2) Такъ какъ въ буллѣ сказано, что монастырь былъ предложенъ папѣ провинціаломъ ордена, то папа принятіемъ этого предложенія призналъ за провинціаломъ власть самолично распоряжаться базиліанскими монастырями, т. е. нарушилъ Rationem regiminis; но рядомъ съ этимъ, передавъ добромильскій монастырь іезуитамъ, онъ умалилъ власть самаго-же провинціала; словомъ, внесъ путаницу во взаимныя отношенія духовенства. 3) Передавъ реформу монастыря въ руки латинскаго ордена, папа поступилъ вопреки историческимъ преданіямъ; что-же касается собственно іезуитовъ, то изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ они менѣе всего годны для проведенія реформы, какъ вслѣдствіе традиціонной ненависти, питаемой къ нимъ русскимъ населеніемъ, такъ и вслѣдствіе совершенной противоположности устава Лойолы духу правилъ св. Василія Великаго. 4) Въ руки іезуитамъ переданъ новиціатъ. Въ то время какъ все галицко-русское духовенство—какъ бѣлое, такъ и черное—обязано пройти полный гимнастическій курсъ и богословскій факультетъ университета, для «новиковъ» добромильскаго монастыря почему-то время ученія и искуса ограничено 5—6 годами, 6 мѣсяцами и 6 недѣлями (для прохожденія

различныхъ подготовительныхъ ступеней). Послѣ такой подготовки не могутъ выйти «ученые и образованные помощники епископамъ», какъ того хочетъ папская булла. Но въ новиціатъ открытъ доступъ и лицамъ латинскаго обряда, подъ условіемъ перемѣны его на греческій; естественно, что эти люди всю жизнь будутъ тяготѣть къ латинству. Въ виду того, что іезуитскіе воспитанники уже отчасти введены и въ монастырь лавровскій, можно ожидать, что со временемъ и всѣ монастыри будутъ наполнены ими, и русскія обители, созданныя и обезпеченныя русскимъ трудомъ и усердіемъ къ отеческой вѣрѣ, обратятся въ разсадникъ латинства.

Есть надъ чѣмъ призадуматься галицкимъ патріотамъ! Пожелаемъ имъ успѣха въ святой борьбѣ за народное дѣло.

Ѳ. Н.

Холмскій народный календарь на 1886-й годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 года.

Названный календарь—изданіе братства, главная цѣль котораго поддержаніе и укрѣпленіе православія въ средѣ возсоединеннаго населенія Холмщины и Подлясья; этимъ опредѣляется характеръ самаго календаря. Онъ состоитъ изъ трехъ не равныхъ частей: собственно календарь—это 1-я часть (57 стран.), заключающая въ себѣ между прочимъ списокъ всѣхъ холмскихъ епископовъ и церковно-политико-историческій календарь, или перечень главнѣйшихъ событій въ древней христіанской и западно-русской церкви, частнѣе въ холмской епархіи; вторая часть состоитъ изъ 10-ти оригинальныхъ статей, извлеченій и перепечатокъ, уясняющихъ судьбы православія въ западно-русскихъ областяхъ вообще, въ частности въ Холмщинѣ и Подлясьѣ; въ третьей части помѣщены воскресные 8-ми гласовъ и праздничные тропари, кондаки, величанія, причастны и прокимны въ славянскомъ текстѣ и затѣмъ, въ видѣ приложенія, наставленія о поданіи помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ и 8-мь пѣснопѣній церковныхъ съ нотами. Къ календарю приложенъ литографированный снимокъ древнѣйшей иконы Божіей Матери, находящейся въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, а на обложкѣ на 1-й страницѣ изображенъ пріемъ папскаго посла княземъ галицкимъ Романомъ, на послѣдней-же видъ недавно сооруженной въ Холмѣ церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія.

Такимъ образомъ преобладающее содержаніе холмскаго календаря церковно-историческое. Давъ самыя необходимыя календарныя свѣдѣнія

для практическаго употребленія въ церковно-религіозной жизни, братство пользуется календарною формою, какъ самою популярною, для распространенія въ средѣ мѣстнаго населенія, недавно возсоединеннаго отъ уніи къ православію, свѣдѣній, приспособленныхъ къ пробужденію въ немъ народнаго историческаго самосознанія, сознанія его древняго «благочестія», связи со всею южною и остальною Россіею, и въ этомъ отношеніи оно не пренебрегаетъ самыми мелкими историческими данными.

Начнемъ съ такъ названнаго братствомъ «церковно-политико-историческаго календаря». Тутъ собраны всѣ мельчайшія историческія данныя о минувшихъ временахъ Холмщины и Подлясья: когда и гдѣ основанъ какой либо городъ, когда и кѣмъ дана ему какая либо привилегія, построена церковь, учрежденъ монастырь или епископская каѳедра и проч., даже--когда и гдѣ упоминается въ лѣтописяхъ или отдѣльныхъ документахъ та или другая мѣстность. Въ общемъ всѣ эти свѣдѣнія, въ связи съ другими главнѣйшими и общеизвѣстными, оставляютъ въ читателѣ представленіе о Холмщинѣ и Подлясьѣ, какъ о древнѣйшихъ составныхъ частяхъ православной Руси. Представленіе это не измѣняется, а напротивъ усиливается отъ цѣлаго ряда другихъ данныхъ о завоеваніи поляками той или другой части этихъ земель, того или иного города или замка, о построеніи въ томъ или иномъ пунктѣ этихъ древне-русскихъ областей костела, основаніи кляштора, учрежденіи католической епископской каѳедры, коллегіи или училища. Тутъ мы видимъ рядъ мѣръ, систематически, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, предпринимавшихся польско-католическою пропагандою для совершеннаго ополяченія и окатоличенія кореннаго русскаго населенія, раньше всѣхъ подпавшаго подъ владычество Польши. Данныя того и другаго рода,—иныя доселѣ вовсе неизвѣстныя,—въ указанныхъ направленіяхъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе, а свѣдѣнія о разныхъ польско-католическихъ съ цѣлью пропаганды учрежденіяхъ, о монастыряхъ и коллегіяхъ іезуитовъ, августинцевъ, доминиканъ, бернардиновъ и многихъ другихъ, въ первый разъ, хотя далеко не полно собранныя, можно назвать просто драгоцѣнными. Отъ свѣдѣній мѣстныхъ составитель перечня событій переходитъ къ даннымъ общей исторіи южной Руси и заканчиваетъ событіями мѣстными послѣднихъ годовъ, даже истекающаго 1885 года. Здѣсь сгруппировано великое и малое, все—отъ универсала Хмельницкаго о войнѣ противъ поляковъ и присоединенія Малороссіи до назначенія холмскимъ викаріемъ епископа Модеста и въѣзда его въ Холмъ 12 февраля 1882 г. Къ сожалѣнію не все здѣсь точно, напримѣръ, благословеніе будто-бы Петромъ Могилою Богдана Хмельницкаго на войну съ поляками 1633 г.; есть даже опечатки, неудобныя особенно въ изда-

нія для народнаго чтенія, какъ напримѣръ универсалъ Хмельницкаго о возстаніи противъ поляковъ съ датою 1468 г.

Собственно историческій отдѣлъ календаря состоитъ, какъ мы сказали, изъ 10 статей и начинается статьей г. Хрусцевича: «Романъ волыно-галицкій князь». Авторъ довольно подробно излагаетъ исторію борьбы этого князя за объединеніе русскихъ земель на юго западѣ Руси, но въ своемъ изложеніи не указываетъ на это значеніе дѣятельности князя Романа, а замѣчаетъ лишь мимоходомъ, что дѣятельность его была направлена къ этой именно цѣли. Намъ кажется, что такое замѣчаніе должно быть положено въ основаніе разсказа и служитъ точкой отправленія его; тогда самъ собой былъ-бы понятенъ каждый шагъ этого героя. Въ особенности это условіе необходимо должно быть выполнено въ статьѣ, предназначенной для народнаго чтенія. Страннымъ намъ кажется также объясненіе авторомъ причины жестокаго правленія князя Романа въ Галичѣ тѣмъ, что «въ общей сложности (?) бояре галицкіе были заражены дрхомъ своеволія, благодаря близкому сосѣдству съ польской шляхтой и венгерской магнатами». Авторъ упускаетъ, мы думаемъ, изъ виду, что въ эпоху Романа шляхетство, какъ сословіе съ тѣмъ характеромъ, который его отличаетъ впослѣдствіи, едва только начинаетъ складываться, и что сами бояре галицкіе были еще проникнуты вѣчевымъ духомъ, составлявшимъ общую черту всѣхъ русскихъ городовъ; борьбу съ этимъ вѣчевымъ духомъ и приходилось вести князьямъ, стремившимся къ централизаціи и усиленію своей власти.

Въ связи со статьей г. Хрусцевича стоитъ другая коротенькая статья; это «Послѣднія времена холмскаго княжества и покореніе его Польшей», Е. М. Здѣсь также, какъ и въ очеркѣ г. Хрусцевича, представлены одни голые факты безъ мотивировки послѣднихъ. Большое число ихъ дѣлаетъ разсказъ неудобопонимаемымъ; въ массѣ собственныхъ именъ неподготовленнному читателю трудно разобраться.

Въ историческихъ сборникахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, должно, по нашему мнѣнію, отдавать преимущество біографическимъ очеркамъ, а не историческимъ, обнимающимъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Въ этомъ отношеніи лучше всего удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ «Повѣсть о нашествіи папистовъ на св. Аѳонскую гору». Повѣсть эта, не имѣющая мѣстнаго интереса, по объясненію редакціи, помѣщена въ календарѣ лишь для того, чтобы указать на размѣры борьбы и взаимныя отношенія католицизма и православія еще въ XIII вѣкѣ, дать истинно-вѣрующимъ читателямъ назиданіе, указавъ, какому наказанію подпадаютъ отступники отъ православія, и отрезвить тѣхъ людей, которые, благодаря историческимъ

обстоятельствамъ, сдѣлались врагами вѣры своихъ прародителей и упорно остаются въ своемъ заблужденіи.

Толковыя объясненія г. Л. къ рѣчи смоленскаго каштеляна Ивана Мелешка, произнесенной имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года, въ присутствіи короля Сигизмунда III, много помогаютъ пониманію этого въ высокой степени интереснаго и важнаго документа, заимствованнаго г. Л. изъ «Актовъ западной Россіи». Въ живыхъ, полныхъ юмора, образахъ, сказанная своеобразнымъ, начинавшимся уже полонизоваться, русскимъ языкомъ XVI вѣка, эта рѣчь прекрасно воспроизводитъ литовскіе нравы и обычаи до люблинской уніи, отмѣчаетъ происшедшія послѣ нея перемѣны и указываетъ какъ на отношеніе мѣстнаго русскаго населенія къ своимъ цивилизаторамъ, такъ и на самый характеръ повшествъ, внесенныхъ поляками въ русскую жизнь.

«Насильственное введеніе уніи въ холмской Руси и преслѣдованіе народа за непринятіе уніи» весьма интересная статья, составленная на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ холмской духовной консисторіи. Она обнимаетъ время распространенія уніи въ холмской епархіи послѣ 1626 года, когда епископскую каѳедру тамъ занялъ Меѳодій Терлецкій, такой-же ревностный распространитель уніи, какъ и полоцкій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Авторъ этой статьи, свящ. С. С., подробно излагаетъ дѣятельность Терлецкаго въ борьбѣ его съ православіемъ, захватѣ церквей въ Холмѣ, Красноставѣ, Тышовцахъ, Парчовѣ Островѣ, Соколовѣ и т. д., въ дѣлѣ угнетенія народа и духовенства и насильственнаго навязыванія имъ спасительной уніи; но изложеніе его не вполнѣ научно и литературно, а главное недостаточно популярно. Во всякомъ случаѣ, статья важна по сообщаемымъ ею новымъ подробностямъ изъ исторіи уніи въ холмской Руси и вызываетъ желаніе, чтобы и самый первоисточникъ ея, хранящійся въ холмской консисторіи, былъ напечатанъ въ какомъ либо сборникѣ сырыхъ матеріаловъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что о. С. С. не извлекъ изъ первой части VI тома «Архива юго-западной Россіи» факта о захватѣ епископомъ Терлецкимъ Преображенской братской церкви въ Люблинѣ и не поставилъ этого факта въ связи съ другими ему подобными.

Какъ-бы дополненіемъ названной статьи служитъ небольшой очеркъ свящ. В. Якубовскаго: «Наша родная исторія». Авторъ приводитъ въ немъ изъ печатныхъ источниковъ жалобы разнымъ властямъ православнаго населенія русско-польскаго края на притѣсненія отъ католиковъ и уніатовъ; картина получается болѣе яркая изъ совокупности фактовъ обоихъ статей. Самый важный недостатокъ этой компиляціи — отсутствіе правильной группировки фактовъ по мѣстностямъ и времени.

«Набожность народа по южнорусскимъ и галицкимъ пѣснямъ» доказана г. Л. Янковскимъ вполнѣ убѣдительно, а литературныя достоинства статьи и многочисленные цитаты изъ пѣсенъ дѣлаютъ ее пріятной и легкой для чтенія.

Очеркъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, составленный Иваномъ Холмскимъ, производитъ отрадное впечатлѣніе на читателя. Это едва-ли не лучшій изъ очерковъ, предназначенныхъ для народа, какіе намъ удалось прочесть по поводу праздника 6-го апрѣля; и въ календарѣ онъ также пріятно выдѣляется изъ остальныхъ статей своимъ вполнѣ логическимъ изложеніемъ и выработаннымъ языкомъ. Описаніе протоіереемъ Страшкевичемъ самаго празднованія въ г. Холмѣ показываетъ, что, проникнутое теплымъ чувствомъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, оно вполнѣ удалось и должно было представлять умилительную картину, которая должна была произвести на зрителей впечатлѣніе и возбудить въ нихъ вопросы о причинѣ празднества и важности заслугъ св. братьевъ; на эти-то вопросы и стараются отвѣтить обѣ названныя статьи, хотя нѣсколько поздно.

Религіозныя потребности своихъ читателей редакція удовлетворяетъ предложеніемъ имъ въ третьей части календаря воскресныхъ и праздничныхъ тропарей и нотъ для такихъ, полныхъ самаго глубокаго религіознаго чувства, пѣснопѣній, какъ «Свѣте тихій», «Слава въ вышнихъ Богу», «Блаженъ мужъ», «Хвалите имя Господне», «Господи помилуй» и друг. Особенно важны здѣсь ноты, передающія древніе напѣвы этихъ молитвъ; они получаютъ такимъ образомъ историческое значеніе, какъ матеріалъ для исторіи русской музыки.

Холмскій календарь, скажемъ въ заключеніе, удовлетворяя почтеннымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ братство, съ интересомъ и пользою можетъ быть прочтенъ не одними мѣстными читателями, но и всѣми тѣми, которымъ дороги минувшія судьбы земли родной на отдаленныхъ ея окраинахъ. Не для однихъ тѣхъ, кто мало или вовсе незнакомъ съ этими судьбами, но и для тѣхъ, кто занимался ими нарочито, въ настоящемъ календарѣ найдется не мало новаго и интереснаго. Пожелаемъ братству наибольшаго распространенія его изданія и вмѣстѣ большаго еще вниманія къ научно-литературной обработкѣ статей и общедоступности ихъ изложенія.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

МАЗЕПА-КНЯЗЬ И ЕГО ШЛЯХЕТСКІЙ И КНЯЖЕСКІЙ ГЕРБЫ.

Сколько извѣстно, изслѣдователи малороссійской исторіи, писавшіе о Мазепѣ, оставили не выясненнымъ вопросъ о пожалованіи его княжескимъ титуломъ. Объ обстоятельствѣ этомъ историки наши упоминаютъ какъ-то вскользь, относя это къ области предположеній. По крайней мѣрѣ, прямаго указанія на намѣреніе Петра Великаго даровать гетману это достоинство нѣтъ ни у Соловьева, ни у Костомарова, если не считать ссылки на слова Мазепы, намекавшаго Орлику, что его «хотятъ уконтентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять».

Между тѣмъ сказанное подтверждается издающимся въ Нюренбергѣ «*Всеобщимъ большимъ Гербовникомъ*», весьма цѣннымъ подспорьемъ для изученія генеалогіи и геральдики. При ознакомленіи съ этимъ прекраснымъ трудомъ, вниманіе читателя останавливается на небольшой замѣткѣ, въ отдѣлѣ: «Hoher Adel Deutchland's», свидѣтельствующей, что пожалованіе княжескаго титула Мазепѣ дѣйствительно имѣло мѣсто [1]).

Въ тотъ критическій моментъ, когда волнуемый честолюбивыми мечтами гетманъ Иванъ Степановичъ колебался и лавировалъ между двумя противуположными теченіями, давленіемъ русскаго прави-

---

[1]) Siebmacher's Allgemeines grosses Wappenbuch, I, 3, III.

тельства и заманчивыми предложеніями польской партіи, сулившей ему мантію и права владѣтельнаго князя въ витебскомъ и полоцкомъ воеводствахъ,—германскій императоръ Іосифъ I, въ угоду царю Петру, возвелъ Мазепу, тогда уже россійскаго генерала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Бѣлаго Орла, въ княжеское Священной Римской Имперіи достоинство. Это произошло во второй половинѣ 1707 года. Существующая по этому предмету императорская резолюція отмѣчена *въ Вѣнѣ 1 сентябремъ того-же года*, хотя сдѣланная на ней помѣтка: «nulla expeditio» и заставляетъ полагать, что жалованная грамота, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, не была отправлена по назначенію.

Тѣмъ не менѣе «Большой всеобщій Гербовникъ» считаетъ пожалованіе совершившимся фактомъ и на этомъ основаніи помѣщаетъ на ряду съ гербами имперскихъ князей и гербовой щитъ Мазепы, съ подписью: «Reichsfürst Mazepa» [1]).

Родовой гербъ Мазепы, по расположенію своихъ составныхъ частей, напоминаетъ древній гербъ «Курчъ», знамя князей Коріятовичей-Курцевичей. Онъ сообщенъ въ двухъ изображеніяхъ, рисунки коихъ при семъ прилагаются.

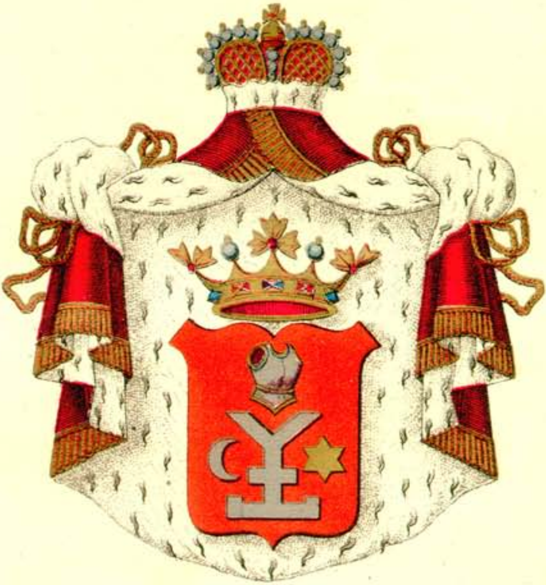
Въ первомъ изъ нихъ, почерпнутомъ изъ вполнѣ достовѣрнаго (authentischer) частнаго источника, въ червленомъ полѣ изображено подобіе опрокинутой серебряной буквы Т, по обѣимъ сторонамъ которой находятся два серебряные-же, другъ ко другу обращенные, полумѣсяца. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою-же на немъ короною и тремя серебряными страусовыми перьями. Наметъ червленый, подложенный серебромъ (фиг. А.).

Второй, княжескій гербъ, находящійся и въ «Slownik heraldiczny Krzyżanowskiego 1870 г.», являетъ нѣкоторое измѣненіе предыдущаго. Въ верхней его части помѣщенъ серебряный панцырь, а слѣва, вмѣсто полумѣсяца, золотая шестиугольная звѣзда. Это—путеводная звѣзда гетмана, съ такимъ блескомъ взошедшая и столь трагически закатившаяся. Щитъ обернутъ княжеской порфирой, подбитой горностаемъ и увѣнчанной княжеской шапкой (фиг. В.).

---

[1]) Ibid. tab., 186.

КНЯЗЬ МАЗЕПА.



B

A

ЛИТОГР. Г.Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, КІЕВЪ.

Заимствуемъ изъ краткаго біографическаго очерка, сопровождающаго вышеописанные гербы, нѣсколько генеалогическихъ данныхъ, вполнѣ оставляя ихъ достовѣрность на отвѣтственности «Всеобщаго Гербовника».

Предки Мазепы принадлежали къ старинному шляхетству. Одному изъ нихъ король Сигизмундъ I пожаловалъ 1544 г. въ бѣлоцерковскомъ староствѣ хуторъ Каменецъ, утраченный сыномъ его, Ѳеодоромъ, за участіе въ возстаніяхъ Косинскаго и Наливайка. Степанъ, сынъ предыдущаго, бывшій въ 1629 году стольникомъ, (Truchsess von Czerniechow) отъ брака съ Магдалиной Мойковской имѣлъ сыновей Адама и Ивана. Старшій, козацкій полковникъ временъ Хмельничины, лишенный дворянства, былъ вновь возстановленъ польскимъ сеймомъ въ своихъ шляхетныхъ правахъ въ 1659 г. Онъ оставилъ потомство, существующее, какъ полагаютъ, и до сихъ поръ на Украйнѣ, но подъ иною фамиліей. Младшему-же суждено было играть видную роль въ историческихъ судьбахъ Малороссіи: это былъ, родившійся въ 1644 г. въ селѣ Мазепинцахъ, будущій гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о случайности, помѣстившей на страницахъ того-же изданія, рядомъ съ гербомъ Мазепы, гербъ другаго имперскаго князя, извѣстнаго герцога Марльборо. Странное, на первый взглядъ, сопоставленіе этихъ именъ, невольно однако наводитъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ въ судьбѣ названныхъ лицъ. Параллель между обоими дѣятелями напрашивается сама собою.

Въ самомъ дѣлѣ, и тотъ и другой, благодаря своей неуклонной энергіи и дарованіямъ, изъ безвѣстныхъ пажей съумѣли достичь высшихъ государственныхъ должностей, на двухъ крайнихъ концахъ Европы. Мало того: и англійскій полководецъ, и украинскій гетманъ едва не стали одновременно русскими князьями.

Въ томъ-же 1707 году, когда Петръ I испрашивалъ этотъ титулъ для Мазепы, съ Англіей велись дѣятельные переговоры, съ цѣлью склонить королеву Анну, а слѣдовательно и герцога Марльборо, къ посредничеству между Россіей, Швеціей и Польшей. Государь повелѣлъ не жалѣть обѣщаній и денегъ, лишь-бы заручиться поддержкой вліятельнаго министра. Послѣдній охотно согласился содѣйствовать видамъ Россіи, но при этомъ заранѣе поспѣшилъ

выговорить себѣ крупное вознагражденіе. Благородный герцогъ испрашивалъ себѣ княжество въ Россіи.

Царь изъявилъ согласіе, приказавъ отвѣтить, что «если дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ русскихъ, то обѣщать ему изъ трехъ, которое похочетъ, *кіевское*, владимірское или сибирское». За благопріятный исходъ переговоровъ о мирѣ съ Швеціей, Марльборо получалъ пожизненный годовой доходъ въ 50,000 ефимковъ съ любаго изъ этихъ княжествъ и сверхъ того «камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ», да орденъ св. Андрея Первозваннаго [1]).

Эти любопытные переговоры далѣе платонической переписки не пошли, такъ какъ всемогущій герцогъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Удивительна иронія исторіи! Домогавшійся *русскаго* княжества, цѣною поддержки *русскихъ* интересовъ, честолюбивый лордъ оказывается прадѣдомъ яраго *руссофоба*, нынѣшняго консервативнаго министра по дѣламъ Индіи! Не уступая въ честолюбіи своему предку, лордъ Рандольфъ Чёрчилль, впрочемъ, расходился съ нимъ въ выборѣ средствъ: онъ ищетъ славы, эксплуатируя шовинизмъ своихъ согражданъ. Sic itur ad astra!...

Но чрезмѣрное честолюбіе, погубившее Ивана Мазепу, было также причиной паденія Джона Чёрчилля, перваго герцога Марльборо...

Князь **А. В. Дабижа.**

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Съ половины 1843 года и до своего ареста въ 1847 году Шевченко большею частію проживалъ въ Малороссіи, собирая матеріалы для изданія задуманнаго имъ альбома, подъ названіемъ «Живописная Украйна. Въ Малороссіи онъ принятъ былъ съ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Къ этому времени относятся воспоминанія Аѳанасьева-Чужбинскаго о Шевченкѣ, съ которымъ онъ познакомился 29 іюня 1843 года, въ Мосевкѣ, въ домѣ Татьяны Густавовны Волховской» [2]). Конецъ 1843 года Тарасъ Григорьевичъ провелъ въ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, гл. III.

[2]) Петровъ, Исторія украинской литературы, стр. 310.

м. Яготинѣ у князя Репнина, а въ началѣ 1844 года онъ попалъ снова въ компанію «мочемордъ», не смотря на предостереженія княжны В. Н. Репниной. «Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Яготина,—читаемъ у г. Петрова (стр. 312),—Шевченко опять является въ Мосевкѣ, какъ показываетъ дата подъ его стихотвореніемъ «Чигиринъ», написаннымъ въ Мосевкѣ 19 февраля 1844 г.». Слѣдующій эпизодъ, который я передаю со словъ моей бабушки, Марьи Давидовны Корсунъ, позволяетъ сдѣлать предположеніе, что Шевченко уже съ первыхъ чиселъ января гостилъ то въ Мосевкѣ, то у Закревскихъ, въ Березовой Рудкѣ.

12-го января 1844 года, въ день имянинъ Т. Г. Волховской, въ Мосевкѣ было большое празднество, съѣхалось болѣе полутораста душъ гостей, въ числѣ ихъ былъ и Тарасъ Григорьевичъ. Между прочими увеселеніями была устроена лоттерея въ пользу одной изъ присутствовавшихъ, нѣкоей Александры Ивановны Шостки, или, какъ ее обыкновенно называли, Шосточки. Разыгрывался портретъ этой госпожи, писанный Шевченкомъ.

Исторія этого, неизвѣстнаго доселѣ, художественнаго произведенія кисти Шевченка слѣдующая:

А. И. Шостка представляла собою особенный типъ того времени, нѣчто въ родѣ Марьи Дмитріевны Ахросимой въ романѣ «Война и Миръ». Это была небогатая дворянка, вдова бригадира, безъ особеннаго образованія, но съ острымъ умомъ и съ врожденнымъ тактомъ. Всѣ очень любили ее за ея веселый нравъ, и потому не было имянинъ, свадьбы, крестинъ и вообще какихъ либо празднествъ, на которыя не звали-бы Шосточку. Пріѣхавши куда-нибудь, она часто оставалась на нѣсколько дней и въ награду за сообщенныя новостишки и хозяйственные совѣты получала всегда разные подарки, въ видѣ съѣстныхъ припасовъ и всякихъ вещей. Едва успѣвала Шосточка привезть все это добро въ свой «куринь», какъ уже пріѣзжалъ чей-нибудь экипажъ за нею, и она снова летѣла собирать медъ и увеселять своихъ покровителей. Часто приходилось ей, конечно, исполнять роль свахи. Словомъ, она была вездѣ желанной гостьей, являлась для всякаго нужнымъ человѣкомъ.

Въ 1843 году съ нею приключилась бѣда: архіерей далъ ей книгу для сбора пожертвованій на одну церковь; она собрала рублей пятьдесятъ, но тутъ-то и попуталъ ее грѣхъ—взяла, да и растра-

тила чужія деньги. Положеніе было, конечно, пренепріятное, и вотъ она, чтобы выкрутиться изъ него, призналась какъ-то у Закревскихъ во всемъ чистосердечно и просила помочь ей. Глава «общества мочемордія», В. А. Закревскій увидѣлъ въ этомъ отличный случай позабавиться и потому на ея слезное признаніе отвѣчалъ: «Я вамъ помогу, душенька Александра Ивановна; но для этого нужно, чтобы вы согласились на мое предложеніе—пускай Тарасъ сниметъ портретъ съ васъ во весь ростъ, какъ есть, съ животикомъ и прелестными ножками; объ остальномъ не спрашивайте: это ужъ мое дѣло».— Нужно сказать, что Шосточка была огромнаго роста, очень толстая и неуклюжая.—Шосточка согласилась, и Шевченко сдѣлалъ ея портретъ: былъ представленъ садъ, клумба розъ и Шосточка, идущая по усыпанной пескомъ дорожкѣ подъ зонтикомъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, нѣсколько подхваченномъ къ верху, чтобы видны были ноги, и въ бѣломъ чепчикѣ. Сходство портрета съ оригиналомъ было поразительное; въ художественномъ отношеніи эта работа Тараса Григорьевича отличалась замѣчательною тщательностью отдѣлки. Величиною портретъ былъ съ аршинъ въ вышину и четверти три въ ширину.

12-го января дешевые лоттерейные билеты быстро разошлись по рукамъ, собранная сумма съ излишкомъ покрыла растраченную Шосточкой и была тотчасъ-же передана въ ея распоряженіе; портретъ-же выиграла моя бабушка. Но, увы! одна ея знакомая, нѣкая Анна Корнѣевна Огроновичъ, двоюродная сестра Шосточки, послѣ безконечныхъ просьбъ просто вынудила подарить ей портретъ. А. К. Огроновичъ уже нѣсколько лѣтъ какъ умерла и работа кисти нашего великаго поэта пропала безслѣдно. Предполагаютъ, что Огроновичъ подарила портретъ своимъ родственникамъ, у которыхъ потомъ сгорѣлъ домъ и въ немъ, быть можетъ, и художественное произведеніе Тараса Григорьевича.

С—ко.

ВЪ ЗАПОРОЖСКОМЪ ЗАХОЛУСТЬѢ.

Извѣстно, что Новороссія не можетъ похвалиться ни оригинальностью народнаго быта, ни давностью и крѣпостью историческихъ воспоминаній, и покойный В. И. Григоровичъ не безъ основанія называлъ населеніе ея *невылаcи*. И дѣйствительно, здѣсь часто затрудняешься сказать, на какомъ нарѣчіи говоритъ народъ, откуда взялись обыватели того или другого угла и къ какой національной группѣ принадлежатъ. Между тѣмъ именно это обстоятельство, т. е. отсутствіе этнографической цѣлостности и безпримѣрная пестрота населенія служитъ благодарнѣйшей почвой для распространенія трактирно-солдатской культуры, которая здѣсь глубже пускаетъ корни и даетъ пышнѣе цвѣтъ, чѣмъ гдѣ либо на югѣ Россіи, глуша послѣдніе, жалкіе остатки народной старины. Поэтому новороссійскому историку и этнографу приходится дорожить и крупинками народности и старины и торопиться собираніемъ ихъ, въ надеждѣ, что и лепта вдовицы, спасенная отъ погибели, зачтется наукою.

Въ семи верстахъ отъ города Бобринца елисаветградскаго уѣзда, есть большое село Алексѣевка; оно расположено по обѣимъ сторонамъ р. Сугаклеи, праваго притока Ингула. Рѣчка эта въ настоящее время лѣтомъ пересыхаетъ, но, по словамъ старожиловъ, еще лѣтъ 25 назадъ была довольно многоводна и снабжала весь Бобринецъ рыбою, которой тогда ловилось втрое больше. По берегамъ Сугаклеи росли огромные камыши, о которыхъ теперь и помину нѣтъ, а по балкамъ, особенно по шляховой, чагари, состоявшіе преимущественно изъ черноклена, также груши, терна, ракиты, жостера и ордына, иначе проскурины (послѣдніе два и теперь есть кое-гдѣ). Водились въ Алексѣевкѣ и пасѣки и здѣсь считалось до 400 пней, но вслѣдствіе мора, постигшаго пчелъ въ 1863 году, пчеловодство прекратилось совершенно. Говорятъ, водились здѣсь дикія козы и лошади, а изъ гадовъ т. н. жовтобрюхи, большія змѣи, ютившіяся въ скалахъ на Вертіевой балкѣ.

Мѣстная почва—черноземъ, подпочва—красная глина, а ниже ея залегаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлая глина, на Вертіевой балкѣ съ желтоватымъ оттѣнкомъ, а на «левадѣ», т. е. въ фруктовомъ саду, принадлежащемъ экономіи, синеватая и розоватая. Въ сосѣднемъ имѣніи купца Кузнецова добывается фарфоровая глина

хорошаго качества, идущая на фабрики собственника земли, въ Москву и въ Ригу. Берега Сугаклеи представляютъ обнаженія гранита, господствующей мѣстной породы; попадается въ окрестностяхъ и песчаникъ, рыхлый, пригодный только для постройки оградъ.

По исповѣднымъ росписямъ считается въ Алексѣевкѣ 689 душъ мужескаго и 612 душъ женскаго пола. Въ селѣ церковь во имя Алексѣя человѣка Божія, сооруженная въ 1811 года въ честь патрона тогдашняго владѣльца имѣнія, Алексѣя Кирьякова, а въ 1824 году поновленная.

По обстоятельствамъ частнаго характера мнѣ довелось побывать въ Алексѣевкѣ нѣсколько разъ и убѣдиться, что село это имѣетъ не малый интересъ въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Населеніе Алексѣевки бросается въ глаза красотой типа: высокимъ ростомъ, овальными лицами съ большими карими глазами и прямымъ, рельефнымъ носомъ, отличается высокимъ пониманіемъ собственнаго достоинства, что выражается, между прочимъ, обычнымъ разговорнымъ обращеніемъ «козаче»; въ здѣшнемъ костюмѣ, особенно женскомъ, довольно упорно держится народная старина, точно также и въ нравахъ, и въ обычаяхъ замѣтно сохраненіе многихъ древнихъ обрядовъ: на свадьбахъ пекутся коровай, лежень и дивень и приготовляется гильце, при въѣздѣ молодыхъ во дворъ зажигается костеръ, отцу молодой дарятъ борону съ бугаемъ изъ хлѣба, справляютъ веснянки, помнятъ Купайла Ивана и дивку Маринку и пр.

Прислушиваясь къ разговорамъ алексѣевскихъ жителей, я узналъ, что село раздѣляется на три части: 1) поселеніе на лѣвомъ берегу р. Сугаклеи или «Снѣжково», заселенное крѣпостными, выведенными (въ 1838 — 1840 гг., какъ видно изъ документовъ) изъ села того-же имени, находящагося въ валковскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, 2) сѣверная часть поселенія на правомъ берегу или «хуторъ», заселенный бродягами въ разное время, не опредѣляемое въ точности и 3) южная часть право-бережнаго поселенія, называемая «запорожскимъ кутомъ»: это и есть коренная, давняя часть Алексѣевки, обратившая на себя мое преимущественное вниманіе.

Изъ разспросовъ старожиловъ я узналъ, что по народному преданію на мѣстѣ нынѣшней Алексѣевки и въ окрестностяхъ ея жило прежде семь запорожскихъ семействъ. Въ Вертіевой балкѣ и

теперь цѣлъ колодезь, называемый запорожскимъ; въ прежнее время, до «воли», мѣстные парубки, съ атаманомъ во главѣ, на Духовъ день приглашали духовенство служить здѣсь молебенъ и потомъ угощали духовныхъ лицъ; теперь, когда участокъ съ этимъ колодцемъ отошелъ къ госпожѣ Задонской, обычай этотъ прекратился, но алексѣевскіе хлопцы и нынѣ выбираютъ атамана на рождественскія святки и подъ его предводительствомъ ходятъ по домамъ со звѣздою, звоня въ колокольчикъ, собранныя-же деньги обращаются ими на сооруженіе новыхъ хоругвей и ризъ и на покупку четырехъ большихъ свѣчей, которыя зажигаются по большимъ праздникамъ при чтеніи евангелія.

Нѣкоторыя крестьянскія семьи Алексѣевки ведутъ свое происхожденіе отъ запорожцевъ; потомками послѣднихъ считаются: Гураля, Великій, Гавришъ, Бондаренко, Торопъ, Будякъ, Сова, Швидкій, Колонтаевскій, Лабза (онъ-же Вербовый [1]), Шадура и Брунька.

Отъ одного изъ нихъ, именно отъ Торопа, мнѣ удалось услышать небольшой разсказъ, который можетъ представить небольшую иллюстрацію эпохи гайдамачины. Торопъ этотъ знавалъ нѣкоего Козьму Яременка, который передавалъ о себѣ слѣдующее. Яременко въ молодости пришелъ изъ кіевщины на Сугаклею, гдѣ теперь Алексѣевка, и поступилъ къ запорожцамъ, жившимъ здѣсь, «за хлопця». Хозяева его (видимо, безсемейные) часто отлучались изъ дому неизвѣстно куда, а Козьма оставался въ зимовникѣ: запрутъ, уѣдутъ и ѣсть ничего не оставятъ, только паляницы на полкѣ, да высоко, достать не можетъ; смотритъ, смотритъ на нихъ Кузьма, поищетъ палочку, собьетъ одну палочкой и съѣстъ; возвратятся хозяева, спросятъ, что онъ ѣлъ, и когда тотъ простодушно сознается, чѣмъ и какъ питался, похвалятъ за догадливость. Попривыкнувъ къ хлопцу, стали хозяева и его брать съ собою. Пріѣдутъ на Кодыму (притокъ Висуни), сложатъ съѣстные запасы, покроютъ ихъ кожухомъ, оставятъ его стеречь, а сами поѣдутъ дальше. Скучно Кузьмѣ, ляжетъ онъ и лежитъ, ждетъ возвращенія хозяевъ. Про-

---

[1]) Есть и балка *Вербова*, гдѣ, по преданію, находился зимовникъ Вербового. Указываютъ еще старики на балки *Березнякову* и *Москаленкову*, какъ на мѣста жительства запорожцевъ *Березняка* и *Москаленка*. Имя послѣдняго и упоминаніе о зимовникѣ его встрѣчается и въ документахъ по имѣнію.

ходитъ сколько тамъ времени, подъѣзжаетъ къ нему отрядъ чужихъ запорожцевъ.

— Хто ты такій?

— Такій-то и такій.

— Звидкиля?

— Звидтиля.

— Хто твои хазяи?

— Таки запорожци, якъ и вы.

— Куды поихали?

— Не знаю.

И лягутъ спать. Выспавшись, встаютъ, крестя и почесываясь и неохотно сѣдлаютъ коней. Одинъ киваетъ на Кузьму и замѣчаетъ: «треба-бъ ёму дать щось на памъятовання!» а другой возражаетъ: «э, винъ ще молодый!» Садятся на коней и уѣзжаютъ. Возвращаются хозяева хлопца.

— Що ты тутъ робивъ?—спрашиваютъ.

— Ничого—отвѣчаетъ тотъ—лигъ та й лежавъ.

— Не було никого?

— Не було никого. Були якись запорожци, отъ такъ, якъ и вы.

— Що-жъ вони робили?

— Ничого. Розсидлали коней, лягли спать, потимъ встали, посидлали коней и поихали дали.

— Не казали ничого?

— Ничого не казали. Тильки одинъ казавъ: «треба-бъ ёму дати на памъятування!» а другій одвитивъ: «та винъ ще молодый».

Смѣются запорожцы, спрашиваютъ:

— А ты-жъ знаешь, що воно значить: дати на памъятування?

— Ни, не знаю, отвѣчаетъ простодушный хлопецъ.

— Дурный ты, говорятъ они: ты-бъ имъ наваривъ каши, то вони-бъ посnидали та подякували-бъ тебе!

Другіе разы Яременко былъ уже умнѣе и поступалъ такъ, какъ учили его хозяева-запорожцы.

Изложеннымъ ограничивается разсказъ дѣда Торопа. Но кромѣ указанныхъ мною названій урочищъ и фамилій алексѣевскихъ крестьянъ, связываемыхъ съ запорожцами, мнѣ приходилось слышать въ Алексѣевкѣ еще имя Желѣзняка, только память о немъ въ Алексѣевкѣ какъ-то изгладилась почти безслѣдно. За то мнѣ уда-

лось найти нѣкоторыя данныя о Желѣзнякахъ въ документахъ по имѣнію, просмотрѣнныхъ мною, благодаря любезности управляющаго имѣніемъ, Э. К. Бострема. Древнѣйшій документъ по имѣнію снабженъ датою «19 мая 1777 г.». Это купчая, по которой «козакъ херсонской провинціи ингульскаго уѣзда», *Степанъ Евгеніевъ Желѣзнякъ* продавалъ надворному совѣтнику, Ларіону Спиридонову *Алексѣеву* свой зимовникъ при р. Камышеватой Сугаклеи, въ смежности зимовника козака Трофима Толстика, «со всѣмъ въ немъ строеніемъ и землею, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми принадлежащими къ тому угодьи, такъ, какъ я *владѣлъ въ бывшее запорожское правленіе,* нынѣ владѣю и обводомъ самолично показать имѣю; а взялъ я Степанъ съ него Ларіона за тотъ проданный мною зимовникъ съ строеніемъ и проч. денегъ 50 рублей».

Кромѣ купчей, тѣмъ-же 1777 годомъ помѣчены еще два документа: 1) «межа учиненная въ херсонской провинціи въ ингульскомъ уѣздѣ отмежеванной дачи надворнаго совѣтника и губернаторскаго товарища Ларіона Спиридонова Алексѣева» и 2) Планъ дачи Алексѣева. «Межа» и «Планъ» точнѣе купчей опредѣляютъ границы дачи, отведенной Алексѣеву «на 150 дворовъ, полагая на дворъ всѣхъ угодій удобной пахатной и сѣнокосной земли по 60 дес., всего 9,000 дес., да сверхъ того въ означенной дачѣ нашлось негодныхъ къ хлѣбопашеству и сѣнокосамъ каменистыхъ по рѣкамъ и балкамъ мѣстъ, береговыхъ крутыхъ горъ и большихъ дорогъ 1,200 дес.». Всего-же дача Алексѣева заключала 10,260 дес. На планѣ въ границахъ дачи показано нѣсколько зимовниковъ, а именно: 1) на правомъ берегу Ингула, безъ означенія—чей, 2) на правомъ берегу Сугаклеи, противъ Алексѣевки — зимовникъ *Толстиковъ,* упомянутый и въ купчей, 3) ниже по теченію рѣки—*бывшій* зимовникъ *Желѣзняковъ* и 4) еще ниже—зимовникъ *Москаленковъ.* Сверхъ того, внѣ границъ дачи—зимовникъ Павла *Рагозы,* на лѣвомъ берегу Ингула, и «дорога изъ зимовника *Друченкова*». Итакъ, надворному совѣтнику и губернаторскому товарищу отведены были земли, на которыхъ раньше хозяйничали запорожцы. Изъ нихъ Толстикъ, Москаленко и неизвѣстный по имени хозяинъ зимовника на Ингулѣ повидимому не заявили претензій на захватъ ихъ собственности и—на долго или нѣтъ—остались жить на нихъ, можетъ

быть, сдѣлавшись крѣпостными Алексѣева. Степанъ-же Желѣзнякъ, вѣрно, заупрямился и получилъ 50 р. отступного [1]).

Мои разспросы у мѣстныхъ старожиловъ о Степанѣ Желѣзнякѣ не привели ни къ какому положительному результату, но одинъ дѣдъ, по имени Петръ, по прозванію Воловикъ, упомянулъ разъ о *Яремѣ Желѣзнякѣ*, съ паденіемъ Запорожья ушедшемъ на Кубань; однажды онъ приходилъ оттуда въ свой зимовникъ, привезъ рыбы въ подарокъ бабкѣ Петра, которую зналъ еще дѣвушкой, потому что она жила въ сосѣдней хатѣ, и пробывъ всего нѣсколько дней, вынулъ изъ подъ пола бывшаго своего бурдія боченокъ золота и вернулся на Кубань.

Вотъ все, что удалось мнѣ узнать о Желѣзнякахъ въ самой Алексѣевкѣ. Но сохранилось воспоминаніе и о вождѣ Коліивщины, *Максимѣ* Желѣзнякѣ, ткъ что, по всей вѣроятности, на Сугаклеѣ былъ семейный зимовникъ Желѣзняковъ. Память о Максимѣ Желѣзнякѣ уцѣлѣла въ с. Коротякѣ, сосѣдящемъ съ Алексѣевкой и составляющемъ родовую собственность Перепелициныхъ, которые ведутъ происхожденіе отъ запорожца-же Климента Перепелицы. Нынѣшній владѣлецъ Коротяка помѣстилъ интересную статью о своемъ наслѣдственномъ бурдіѣ въ одной мѣстной газетѣ, и я позволю себѣ здѣсь воспользоваться его данными, почерпнутыми изъ разсказовъ дѣда, котораго авторъ помнитъ. «По словамъ дѣда, говоритъ г. П—нъ, его сосѣдями были: съ одной стороны козакъ Бузько, съ другой Островерхій (что видно и изъ документовъ), съ третьей Морква, а съ послѣдней богатый есаулъ Желѣзнякъ, Грицько. Имена Бузька и Морквы сохранились въ названіи урочищъ Бузовая и Морквина. Зимовникъ Григорія Желѣзняка былъ на Сугаклеѣ, гдѣ нынѣ село Алексѣевское... Этотъ Грицько былъ отцомъ извѣстнаго Максима Григорьевича Желѣзняка, руководившаго погромомъ въ кіевской Украйнѣ и разорившаго совмѣстно съ Гонтой

---

[1]) Упоминаемый здѣсь надв. сов. Л. С. Алексѣевъ далъ имя *Алексѣевки* селенію, прежде называвшемуся *Сугаклеей*. Онъ продалъ имѣніе въ 1782 г. Петру и Николаю Родзянкамъ за 100 р., а тѣ въ 1792 г. перепродали Никифору Ив. Кодинцу, Алексѣю и Василію. Степ. Кирьяковымъ уже за 12. 000 р. Въ купчей 1792 года село называется уже *Алексѣевкой* и съ этимъ именемъ перешло къ Алексѣю Кирьякову, наслѣдникамъ котораго оно принадлежитъ и теперь.

Умань въ 1768 г. Дѣду моему, продолжаетъ авторъ, было тогда 18 лѣтъ, два года онъ былъ уже реестровымъ козакомъ. Участвовалъ-ли онъ въ уманьской рѣзнѣ, не знаю,—объ этомъ дѣдъ не говорилъ, но еще мальчикомъ видѣлъ Желѣзняка въ лебединскомъ [1]) монастырѣ, у игумена Мельхиседека Яворскаго, подъ надзоромъ котораго дѣдъ мой началъ свое воспитаніе въ качествѣ круглаго сироты, восьми лѣтъ, потому что игуменъ былъ намъ съ родни. Впрочемъ, есть основанія предполагать, что дѣдъ мой не былъ исключеніемъ... Игуменъ навѣщалъ ингульскіе зимовники, да нѣтъ сомнѣнія,—и другіе. Владѣльцы зимовниковъ ѣздили въ Лебединъ, преимущественно на храмовой праздникъ, 23 апрѣля. Яворскій агитировалъ противу Польши и уніи, упорно вводимой базиліанами въ его время. Между жителями зимовниковъ онъ замѣтилъ особенныя способности, пылкое воображеніе, наклонность къ мечтательности въ Максимѣ Желѣзнякѣ, давалъ совѣты отцу и вѣроятно указывалъ сыну гетманскую булаву по обоимъ берегамъ Днѣпра и какъ чародѣй вызывалъ изъ могилы великую тѣнь Богдана. Возбужденное воображеніе Максима, хорошо грамотнаго пушкаря, поддавалось обаянію; и другіе сѣдоусые и черноусые козаки, обитатели зимовниковъ, слушали соблазнительныя рѣчи краснорѣчиваго энтузіаста, безкорыстнаго монаха, говорившаго близкимъ ихъ сердцу языкомъ. Возможно-ли сомнѣніе, чтобы они не трактовали о современной политикѣ, точнѣе—о стремленіи стѣсненнаго уже запорожскаго козачества, и создавали разгромъ Украйны съ помощью гайдамаки, направляя хищническіе его инстинкты... Помѣщикъ зимовника необходимо жертвовалъ деньги на оружіе, на самодѣлковыя

---

[1]) Не въ лебединскомъ, но въ смежномъ мотренинскомъ монастырѣ, котораго игуменомъ и былъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Доказано, что Мелхиседекъ никакого участія въ возстаніи 1768 г. не принималъ, а напротивъ удерживалъ отъ него народъ особыми посланіями изъ Переяслава, куда онъ укрылся отъ гоненій за полтора года до начала возстанія. Съ 1761 по 1769 г. онъ управлялъ украинскими церквями и монастырями, защищалъ ихъ отъ насилій католиковъ и уніатовъ, ѣздилъ ко двору въ Петербургъ и Варшаву, по возвращеніи оттуда былъ схваченъ и замурованъ на Волыни въ Грудкѣ, потомъ бѣжалъ и скрывался въ Переяславѣ, а въ началѣ 1769 г. былъ переведенъ въ Нѣжинскій монастырь.—Ред.

«ратовища», на обмундированіе голоты, войска Мелхиседека, летѣвшаго на убійство, на грабежъ католика» [1]).

Заимствуемъ нѣкоторыя данныя и о с. Коротякѣ изъ той-же статьи г. П—на. Вѣроятнымъ основателемъ зимовника Коротякъ (названнаго по балкѣ того-же имени) авторъ считаетъ прадѣда своего, отца Климентова, Степана, въ 1767 г. пропавшаго безъ вѣсти; здѣсь и родился въ 1750 г. Климентъ, ставшій потомъ хозяиномъ зимовника. По уничтоженіи Запорожья, обитатели зимовниковъ стали расходиться, но Климентъ Перепелица крѣпко сидѣлъ въ родовомъ бурдіѣ. Прошло два года, и вотъ на Сугаклеѣ явился, какъ мы видѣли, надворный совѣтникъ и губернаторскій товарищъ Алексѣевъ, а на Ингулѣ, на землѣ Перепелицы, нѣкій Бланкенагель, съ «билетомъ» на 3,000 дес. земли, выданнымъ кременчугской экспедиціей. «Бланкенагель, разсказываетъ г. П—нъ, возымѣлъ желаніе воспользоваться богатымъ, устроеннымъ зимовникомъ отцовъ моихъ, Коротякомъ... Что зимовникъ былъ большой и богатый, видно изъ того, замѣчаетъ онъ, что дѣдъ мой въ 1780 г., т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья, построилъ на свое иждивеніе молитвенный домъ, гдѣ крещенъ мой отецъ въ 1786 г. попомъ Кирилломъ Брилевымъ, вывезеннымъ дѣдомъ изъ Молдавіи». Началось дѣло, подробности котораго автору остались неизвѣстными, но по документамъ видно, что черезъ два года Бланкенагелю выдали другой билетъ, въ которомъ граница его участка указана *по смежности* земель Климента Перепелицы и Островерхаго. Такъ Перепелица и оставался владѣльцемъ Коротяка. Вскорѣ потомъ онъ купилъ земли Бланкенагеля и Островерхаго, не изъ первыхъ уже рукъ, и заселилъ ихъ крестьянами, названными въ указѣ объ отставкѣ его «подданными его, малороссійской націи» [2]).

---

[1]) Имѣя въ виду столь вѣское свидѣтельство о мѣстѣ нахожденія зимовника Желѣзняка, какъ приведенное выше, нахожу возможнымъ отвергнуть указаніе г. Скальковскаго, что Желѣзняки жили «на рѣчкѣ *Громоклеѣ*, гдѣ теперь село Алексѣевское» («Наѣзды гайдамакъ», стр. 70), тѣмъ болѣе, что на Громоклеѣ нѣтъ ни одного населеннаго пункта съ этимъ названіемъ. Не на *Громоклеѣ*, а на *Сугаклеѣ* былъ зимовникъ Желѣзняка.

[2]) Статья г. П-на, подъ заглавіемъ «Прошлое», помѣщена въ Елисаветградскомъ Вѣстникѣ 1881 г., № 137 и 1882 г., №№ 61, 62 и 63.

Имя Климента Перепелицы сохранилось и въ народной памяти. По сосѣдству съ Коротякомъ лежитъ с. Лозоватка, на балкѣ того-же имени, впадающей въ Ингулъ. Здѣсь тоже, по народному преданію, жили запорожцы, и по имени одного изъ нихъ, Лозяного, имѣвшаго пасѣку близъ устья балки, будто-бы и урочище получило названіе. Какъ-бы то ни было, въ Лозоваткѣ хранятся еще кое-какіе разсказы о запорожской старинѣ, а между прочимъ о Перепелицѣ и сосѣдѣ его, Морквѣ, упоминаемомъ также въ документахъ. По одному сказанію, Климентъ Степановичъ получилъ прозваніе Перепелицы за свою страсть къ ловлѣ перепеловъ, на которую частенько отправлялся съ торбинкой черезъ плечо; по другимъ, кличка эта дана кому-то изъ его дѣдовъ запорожцами, въ насмѣшку за малый ростъ. Что-же касается до Климента Степановича, то онъ, точно также и супруга его, отличались, напротивъ, такой необычайной тучностью и тяжеловѣсностью, что въ праздникъ, для отправленія ихъ въ церковь, находившуюся тутъ-же, насупротивъ ихъ дома, надобилась пара воловъ. По преданію, онъ вырылъ кладъ и тѣмъ разбогатѣлъ.

О Морквѣ ходитъ разсказъ нѣсколько легендарный. Вблизи его зимовника былъ гай; однажды—говоритъ преданіе—отправился туда Морква со своими наймитами нарубить дровъ; только что принялся онъ за дѣло, вдругъ напалъ на него огромный полозъ; Морква сдавилъ его, но не могъ согнуть, потому что змѣй опирался на хвостъ. Кричитъ Морква наймитамъ, чтобы рубили хвостъ, но тѣ, недовольные хозяиномъ за крутое обращеніе съ ними, оставили его въ критическую минуту; долго боролся козакъ съ страшнымъ змѣемъ и наконецъ задушилъ его, но и самъ упалъ мертвый отъ напряженія силъ. Зимовникомъ его завладѣлъ тотъ-же Климентъ Перепелица.

Таковы народные разсказы о Перепелицѣ и о Морквѣ.

В. Ястребовъ.

ЗНАХАРСТВО, ШЕПТАНЬЕ И ЗАГОВОРЫ.

(Въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи).

Знахари и шептухи не составляютъ достоянія исключительно минувшихъ вѣковъ: ихъ можно встрѣтить и въ наше время и не только въ глухихъ слободахъ, но въ городахъ уѣздныхъ и губернскихъ, даже въ столицахъ. Есть, значитъ, и въ настоящее время классъ людей, прибѣгающій къ ихъ помощи, вѣрующій въ ихъ силу и знанія, существуютъ условія, вызывающія къ жизни этотъ родъ профессіи.

Не касаясь здѣсь вопроса о суевѣріяхъ и предразсудкахъ, почти вполнѣ поглощающихъ тѣ немногія реальныя знанія, какія дѣйствительно находятся въ распоряженіи знахарей, мы однакожъ должны согласиться съ тѣмъ, что, не смотря на всѣ усилія представителей современной медицины, до сихъ поръ среди сельскаго населенія значеніе знахарей и шептухъ еще далеко не подорвано. Воззрѣніе современной медицины на причины и происхожденіе болѣзней и способы лѣченія рѣзко отличаются отъ воззрѣній крестьянъ (и однихъ-ли крестьянъ?) на тѣ-же предметы. Госпитальное лѣченіе въ особенности не симпатично народу: оно слишкомъ, такъ сказать, оффиціально, холодно и отрываетъ притомъ больнаго отъ дома. Все это нерѣдко отклоняетъ крестьянина отъ патентованной медицины и направляетъ его къ своимъ излюбленнымъ врачамъ, знахарямъ и шептухамъ. Здѣсь онъ не видитъ ничего страннаго, новаго; здѣсь все знакомо ему сызмала: молитва, шептаніе, святая вода, ножъ, веретено, рогачъ,—среди всего этого онъ возросъ и состарѣлся. Вѣдь въ деревнѣ каждая старуха, даже каждая молодая женщина-мать, знаетъ, какъ должно умыть ребенка отъ «сглазу» или какъ обвязать поясомъ отъ головной боли. Лѣкарь и лѣкарства свои, домашніе. Случилось серьезно заболѣть,—въ слободѣ не безъ знающихъ людей. Къ нимъ всегда смѣло можно обратиться за помощію и они не откажутъ въ ней; они помогутъ «не своими словами, а Господними духами». Такъ въ большинствѣ думаетъ и поступаетъ деревенскій житель, захваченный болѣзнію. Не откажется онъ и отъ земской медицины, если она у него подъ рукою, но во всякомъ случаѣ не забудетъ побывать и у знахаря, особливо если медицина окажется безсильною скоро побороть болѣзнь.

Хотя уже съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи церковные проповѣдники начали говорить противъ вѣры въ заговоры, хотя соборными постановленіями осуждены сношенія съ чародѣями, волшебниками и знахарями, хотя противъ нихъ со временъ Петра В. издавались нерѣдко строгіе гражданскіе законы, тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не могли уничтожить того, что глубоко коренится въ міровоззрѣніи народа. Внутри и внѣ себя народъ замѣчаетъ много непонятныхъ, необъяснимыхъ для него, чудесныхъ явленій; до сихъ поръ онъ живетъ среди чудесъ; онъ окруженъ ими; онъ часто слышитъ о нихъ, онъ вѣритъ имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣритъ, что и нынѣ, какъ и въ давнія времена, встрѣчаются избранники, которымъ доступно таинственное, высшее знаніе, которые владѣютъ вѣщимъ словомъ. Обратите вниманіе на лицъ, признаваемыхъ знахарями и знахарками, и вы найдете, что въ большинствѣ это люди пожилые, старики и старухи, глубоко-религіозные, трезвой, безупречной жизни и сверхъ всего сами искренно-вѣрующіе въ дѣйствительность своего лѣченія. Встрѣчаются между ними лица корыстолюбивыя и даже плуты и обманщицы; но такіе никогда не пользуются большимъ авторитетомъ среди своихъ односельчанъ, а практикуютъ чаще на сторонѣ.

Будемъ ли мы разсматривать знахарство, какъ неизбѣжную стадію въ ходѣ культурнаго развитія народа, взглянемъ ли на него, какъ на печальное слѣдствіе невѣжества народныхъ массъ, или же наконецъ признаемъ въ немъ внѣшнее выраженіе присущей человѣку потребности вѣрить въ возможность для него сношеній съ высшимъ міромъ,—во всякомъ случаѣ оно представляетъ и для археолога, и для историка, и для филолога, и психолога много интересныхъ сторонъ, а потому заслуживаетъ серьезнаго изученія; послѣднее же будетъ возможно и плодотворно лишь тогда, когда соберется достаточно полный для сравнительнаго изслѣдованія матеріалъ, пріуроченный къ опредѣленнымъ мѣстностямъ.

Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 заговоровъ и шептаній, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или

менѣе цѣнными варіантами. Понимаю, что періодическое изданіе не можетъ обременить себя подобнымъ сырымъ матеріаломъ во всей его обширности; собираніе и приведеніе его въ извѣстность можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ сборниковъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь предложить читателямъ хотя незначительную часть записанныхъ мною заговоровъ и шептаній, желая показать съ одной стороны, какая масса подобнаго матеріала находится доселѣ въ живомъ народномъ обращеніи, а съ другой—въ какой непроглядной тьмѣ блуждаетъ еще нашъ народъ и какъ много усилій требуется для того, чтобы вывести его изъ такого мрака. Предлагая записанное мною, я воздерживаюсь отъ всякихъ обобщеній и выводовъ, толкованій и объясненій, считая все это преждевременнымъ; я даже не систематизирую моихъ наблюденій, а устанавливаю лишь нѣкоторые рубрики для порядка изложенія.

1) Шептанья и заговоры надъ водою.

Вода—главный и наиболѣе употребительный матеріалъ въ рукахъ знахарей и шептухъ. Она употребляется въ простомъ и освященномъ видѣ: въ первомъ случаѣ употребляются особыя нашептыванія надъ нею для приданія ей цѣлебной силы, во второмъ она должна дѣйствовать въ силу освященія. Мнѣ встрѣтился единственный случай нашептыванія надъ водою, предназначенною не для лѣченія, а для обыкновеннаго умыванія. Тутъ шепчутъ слѣдующія слова: «Святый Иване Купало! прыйди, скупайся въ сій води и освяти мени ей» [1]).

Вода, предназначаемая для лѣченія должна быть набрана до «схидъ сонця», непочатая, т. е. пока еще никто ее не почерпалъ. При этомъ говорится: «Здрастуй, вода Ульяно, земле Тытяно, колодизь Якивъ! Благослови воды набрати для молитвеного, хрищеного, причащеного (имя-рекъ)». Если вода для лѣченья берется въ рѣкѣ, то надо зачерпать противъ теченія, а въ колодцѣ—съ запада на востокъ, противъ солнца. Возвращаясь съ водою, не слѣдуетъ осматриваться назадъ.

Если нельзя ждать съ лѣченьемъ до утра, чтобы взять непочатой воды, то употребляется вода обыкновенная, но при слѣдую-

---

[1]) Слобода Штормовая, старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

щемъ заговорѣ: «Господь иде впередъ, Матерь Божа посередъ, ангелы по бокамъ, а я хрещеный позаду святои брати воды. Добрывичеръ тоби, вода Ульяно, а земля Тытяно, а пичъ Марьяно! дайте мини святои воды отъ лихои биды».

Когда вода принесена къ хату, то, приступая къ лѣченію, говорятъ: «Первый денъ понедилокъ, другій день вивторокъ, третій середа—це на помичъ вода. Ты, земля Тытяно, и ты вода, Ульяно! очищала ты коринья и креминья, очищай ёго сердце и отъ крови, отъ костей, отъ нутра—живота» [1]).

2) Шептанья при неизвѣстности болѣзни.

Когда знахарь или знахарка не могутъ опредѣлить болѣзни, то говорятъ: «Стань ты, Пречистая, зъ помощами, а я со словами: видъ твоихъ очей, видъ твоихъ плечей, видъ билого тила, видъ жовтихъ костей, видъ червонои крови, видъ щирого сердця. Тутъ тоби не стояти, билого тила не псувати, червонои крови не пити, жовтои кости не ломити. Иди соби на очерета, на болота, де сонце не сяе, де мисяць не свите, де люди не ходять».

Или:

«Сынъ Божій, Сусъ Христосъ, отци святи кіевськи, печерськи, затворники святогорськи, пособите й поможите, вызволяйте и пристривайте цюю болисть прескверную, препоганую. А я іи стала узнавати, стала іи пристривати пріятными словами, Господьними молитвами; а ще пристриваю одъ скверныхъ ричей, отъ поганихъ очей. Тутъ тоби не бувати, червонои крови не пивати, жовтои кости не ламати, щирого сердця не тошнити, карихъ очей не мутити. Теперъ я стала васъ вызывати на очерета, на болота, де люди не ходятъ, де звоны не звонять, де християнській гласъ не заходе, де й собаки не брешуть, де й дивка косою не мае,—тамъ тоби и викъ викувати».

Или:

«Господи Боже поможи! Мисяць на небесахъ, а ведьмидь у поли, а камень у мори; якъ тіи три браты збижаця, то тоди на тебе болисть буде нападаця!» [2]).

---

[1]) Слобода Ново-Осинова, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 3.

3) Шептанья и заговоры отъ «призору», «пристриту» или «сглазу».

Если у ребенка лице разгорѣлось и онъ плачетъ, то мать, подозрѣвая, что это дѣлается съ «глазъ», умываетъ его изъ лохани и утираетъ своею сорочкою, или-же лижетъ языкомъ лице ребенка накрестъ, при чемъ три раза повторяетъ: «Якая мати породила, такая и отходила» [1]).

Отъ той-же болѣзни лечать такъ: берутъ святой воды и вливаютъ въ стаканъ или въ миску; если-же нѣтъ въ домѣ такой воды, то приносятъ непочатой и обливаютъ ею икону. Берутъ потомъ изъ печки ножемъ по одному девять горящихъ угольковъ и, бросая ихъ въ воду, читаютъ трижды «Отче нашъ». Затѣмъ, держа воду передъ больнымъ, говорятъ: «летилы сороки, ухватили уроки зъ раба Божого (имя), понесли на лиса, на болота; поти литали, поки уроки пропали». Погружаютъ руку въ воду и мокрою рукою дѣлаютъ знакъ креста на рукахъ, на ногахъ, плечахъ, лицѣ и на груди, произнося: «зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ ногъ, зъ твоихъ плечей, зъ карыхъ очей, зъ веселои головы, зъ щирого сердця, зу всихъ суставъ»; въ заключеніе брызгаютъ водою на лице, на грудь и крестообразно на всего больнаго. Оставшуюся воду выливаютъ въ сватой уголъ, подъ иконы [2]).

Дѣлаютъ еще такъ:

Берутъ въ кружку непочатой воды, кидаютъ туда такъ-же ножомъ по угольку до девяти разъ, приговаривая: «не разъ, и не два, и не три», и т. д. Становятся потомъ предъ иконой, изображаютъ ножемъ крестъ надъ водою и говорятъ: «Вси святи до помочи,—пьятинка-матинка, станьте мени на помочи хрещеному и молитвеному (имя) шептати. На мори, на саи лежить дубъ, а въ тимъ дуби змія жирія; вона зажиреть и пролынеть хрещеного, молитвеного» (имя). Это шептаніе произносится три раза, а потомъ этой воды даютъ больному напиться, затѣмъ умываютъ его накрестъ и взбрызгиваютъ. Остальную воду выливаютъ подъ глухой край двери, приговаривая: «пишлы вроки на сороки» [3]).

---

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[2]) Городъ Купянскъ. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 133.

[3]) Слобода Ново-Николаевк:, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 134.

Если кто заболѣетъ, то чтобы узнать, не съ глазу-ли эта болѣзнь, беретъ бабка въ чашку воды и, перекрестивъ себя и чашку, со словами: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ!» опускаетъ въ воду три уголька и затѣмъ говоритъ слѣдующія слова: «Брала Матиръ Божа водыцю, брала и хрестами охрещала и отъ урокивъ помагала. И вроки, и пророки, и мужеськи и женськи, и хлопьячи и дивчачи, и подумани и погадани, и изъидыни и позавыстувани,— и тутъ вамъ не стояти на рабу Божому (имя), и червонои крови не мутити, и щирого серця не сушити». Если уголь потонетъ, а больной во время шептанія не почувствуетъ ничего особеннаго, значитъ болѣзнь не съ глазъ; но если уголь поплыветъ и закружится, а больной начнетъ зѣвать и потягиваться, то съ глазъ. Тогда, смотря по тому, какъ уголь кружится и при какомъ словѣ шептанья остановится, бабка разрѣшаетъ, кто сглазилъ, мужчина или женщина,— по зависти или по злобѣ. Этою водою умываютъ больного [1]).

То-же леченіе производится еще и въ такомъ видѣ. Знахарка говоритъ: «Богъ надъ землею, Богъ пидъ землею. Помилуй Господи, рабу (имя) одъ усихъ бидъ и напастей! Одъ скотины и одъ животины, одъ чорного и одъ билого глазу, одъ червоного и отъ синёго, на всихъ межахъ и на всихъ рубижахъ, на всихъ хрестахъ и на всихъ перехрестках. Сохрани, Господи, и помилуй рабу (имя) одъ ковдуна и одъ ковдуныци!» Потомъ она дуетъ и плюетъ, полагаетъ три поклона, наливаетъ въ чашку непочатой воды черезъ уголь и опять шепчетъ: «одъ мужицького и одъ жиноцького глазу, одъ парубоцького и одъ дивчачого». Послѣ этого вода считается наговоренною и слѣдовательно цѣлебною; ее даютъ пить, а также обрызгиваютъ ею въ увѣренности скораго исцѣленія [2]).

Есть заговоръ въ такомъ тонѣ: «Лежала собака середъ дороги, роскидала чотыри ноги, пятый хвистъ, шоста голова,— нехай тоби Богъ помога!»

Говорятъ еще: «Урокъ, урочище! мужиче, жиноцьке, парубоцьке, дивоцьке, подумане, погадане и стрительне! Я васъ вызываю, выклыкаю изъ жилъ, изъ прижилъ» и т. д. (имя) [3]).

---

[1]) Хуторъ Нижній-Соленый, песчанской волости.

[2]) Слобода Нещеретова, старобѣльскаго уѣзда.

[3]) Слобода Ново-Осинова, купянскаго уѣзда.

Шептанье видоизмѣняется, сообразно лѣтамъ и настроенію шептухи и пріобрѣтаетъ характеръ молитвенный, напр.: «Господи мини поможи поворожити крещени, нарождени, молитвени (имя)! Спаситель, спаси ей душечку! Не сама я помогала: Матерь Божую прохала. Матерь Божая, поможи мини отъ урокивъ поворожити! Уроки, Божіи пророки, и найдени и напытани, и подумани и погадани, и часови и минутни, и мужицьки и жиноцьки, и дивоцьки и парубоцьки!» [1]).

Или еще:

«Мати Марія, бабушка Саломонія, на пути-дорози стояла, Христа пиджидала, Христа небесного, Сына любезного. Стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ нёго кровъ текла, якъ быстра рика. Приходили жоны мироносыци и плакали и рыдали, ёго слезами обливали, и говорили: на кого ты насъ теперь покидаешъ и оставляешъ?—Я васъ покидаю и оставляю на друга Христова, Ивана Богослова! Спаси и помилуй ёго (имя больного) отъ всякого дурного глазу, отъ воды потопа, и отъ звиря ядущого!» Больному даютъ воды до трехъ разъ, а остальную затѣмъ воду выливаютъ подъ пятку дверей и говорятъ: «щобы лыхо такъ крутилось, якъ крутяться двери» [2]).

Слѣдующее шептанье отличается отъ другихъ большимъ дробленіемъ общаго понятія объ *урокахъ*: «Уроки, уроки! вы витряни, вы водяни, вы глазни; вы мужицьки, вы жиноцьки, вы батькови, вы матерни, вы простудни, вы прозирни, вы подумани, вы й погадани, вы парубоцьки, вы й дивоцьки. Я васъ вышиптую, я васъ выклыкаю й вызываю зъ ёго (имя), я васъ высылаю на быстрый огонь, де мали диты, де викна не закрыти: тамъ же вамъ бувати, тамъ же вамъ и гниздо звивати, а въ новорожденного (имя) въ устахъ не стояти, жовтои кости не ламати, чирвонои крови не пивати, щирого серця не вьялити, билого тила не сушити» [3]).

4) Отъ испуга (переполоха).

Для лѣченія отъ испуга употребляются также различныя средства нашептыванія,—иныя для взрослыхъ, а иныя для дѣтей. Болѣе

[1]) Слобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Двурѣчная, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

простой способъ слѣдующій: когда звонятъ по мертвомъ и несутъ его къ могилѣ, надо ѣсть артосъ съ святою водою и приговаривать: «Тоди мій переполохъ зостане, якъ оцей мертвый (имя) встане». Повторить три раза [1]).

Переполохъ выливаютъ. Знахарка наливаетъ въ миску немного воды; особо растапливаетъ воскъ и льетъ его въ воду, держа миску надъ головой больнаго; при этомъ шепчетъ:

«Господи поможи мини поворожити, переполохъ выливати (имя) хрещеному, нарожденому, и найденый и напытанный, подуманный, погаданный, одъ всякои звирины» [1]).

Для излеченія ребенка отъ испуга, просверливаютъ въ дверномъ притолкѣ на высотѣ роста дитяти дырочку, срѣзываютъ у больнаго съ головы накрестъ нѣсколько волосковъ, а также ногти на рукахъ и на ногахъ, кладутъ срѣзанные волоса и ногти въ дырочку и забиваютъ ее осиновымъ колышкомъ. Когда дитя переростетъ дырочку,—испугъ пройдетъ [2]).

Рекомендуется также: достать у трехъ первобрачныхъ по кусочку пасхи и ѣсть ее передъ принятіемъ пищи [3]), или перевернуть на больномъ ребенкѣ сорочку, надѣть ее передомъ назадъ [4]). Въ обоихъ случаяхъ испугъ пройдетъ.

5) **Отъ безсонницы** (крыклывцивъ, плаксывцивъ, мыныцъ).

Безсонницею взрослые люди въ простомъ народѣ не страдаютъ; у людей старыхъ это состояніе считается нормальнымъ и леченію не подлежитъ, но безсонница у малыхъ дѣтей, соединенная съ крикомъ, плачемъ, судорогами—истинный бичъ для матерей, подавленныхъ работою. И вотъ какое средство рекомендуется противъ этого: дитя, страдающее бессонницею, надо понести вечеромъ, какъ солнце зайдетъ, потомъ рано утромъ до восхода солнца, къ курамъ на насѣстъ, подержать его надъ спящими курами и три раза проговорить: «Якъ пиду я въ ли́съ, а въ лиси зміивна, а въ неи сынъ Максымъ, а въ мене сынъ, (имя); мы-жъ покумаемось, мы-жъ по-

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[2]) Свобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

[3]) Городъ Купянскъ.

[4]) Слобода Пески, купянскаго уѣзда.

братаемось, мы-жъ посестримось. Зміивно, зміивно! возьми у мого сына (имя) мышныци, и ранни и пизни, и нични и полунични, и зоряни и вечирни!» Такъ надо дѣлать три дня подъ рядъ, «три зори утреннихъ и три вечирнихъ» и безсонница пройдетъ [1]).

Иная лекарка прежде, чѣмъ идти въ курятникъ, беретъ дитя на руки и, подойдя къ окну, качая ребенка, говоритъ: «Криклывци-плаксывци! пидить на вечерныци, де огни горять, де бесиды творять, тамъ и гуляйте! а одъ нарожденного, молитвенного, хрещеного младенця (имя) геть одійдить». А принесши ребенка въ курятникъ, говоритъ: «Курочки, курочки! симинастеньки, попилястеньки, рябесеньки и билесеньки, и жовтесеньки, возьмите мышныци и крыклывци, и плаксывци одъ нарожденного, хрещеного младеньця» (имя). Это повторяется три раза, съ слѣдующимъ добавленіемъ: «Яка ёго породила, то та ёго й отходила одъ криклывцивъ, и одъ плаксывцивъ, и одъ мышныць» [2]).

Приговариваютъ еще и такъ: «Куры, курыци! пришли мы до васъ на вечерныци; нате вамъ почныци, и криклывци, и плаксывци, и почни и денни, и подумани и погадани, и наслани и наспани, и зъидени,—зузульнасти, пепельнасти, и чорни и били, и ряби: на ваши, куры, очыци нате вамъ ночныци» [3]).

6) Отъ младенческой немочи (супротивника).

Младенческую немочь или «супротивника» выгоняютъ въ иныхъ мѣстахъ однимъ нашептываніемъ. Оно начинается молитвою: «поможи мени, Боже! Мати Христова, встань съ престола, пособи и поможи мини!» а затѣмъ знахарка выкликаетъ и вызываетъ болѣзнь: «я тебе вызываю и воскресною молитвою заклинаю, поименно называю: Грицько Кандыба! тутъ тоби не стояти, жовтои кости не ламати, червонои крови не спывати, бувати тоби на мори окіяни, тамъ живе гадина царица; пора тоби туды давно явитьця!» Послѣ этого заклятія читается молитва: *Да воскреснетъ Богъ* [4]).

Въ иныхъ мѣстахъ къ заклинанію присоединяются обычныя и въ другихъ случаяхъ символическія дѣйствія. Знахарка нали-

---

[1]) Хуторъ Нижній-Соленый, песчанской волости.

[2]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Кузеновка, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I, стр. 141.

[4]) Слобода Двурѣчная, купянскаго уѣзда.

ваетъ въ миску воды, бросаетъ три горящихъ угля и потомъ шепчетъ надъ этой водой: «Господи мини поможи нарожденному, хрещенному и молитвенному (имя) отъ младенческього поворожити! Младенчеське найдене, напытане, подумане, младенчеське погадане, витрове, водяне, я тебе выговоряю изъ очей, изъ плечей, изъ грудей-пагрудей, изъ сердця-пасердця, изъ живота-паживота, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ кости-пакости, изъ крови-пакрови, изъ семидесяти суставивъ. Я тебе выговоряю, молитвами выкливаю, ножемъ присикаю, тутъ тоби не бувати, крови не спывати, наглою смертью помирати: я тебе высылаю на очерета, на болота, тамъ тоби накупаться, тамъ тоби нагуляться, съ братичками повидаться» [1]).

Иногда при заговариваніи призывается святый Трифвонъ и льется вода изъ кружки за спину больному дитяти, или-же съ призываніемъ того-же святаго для изгнанія супротивника знахарка дѣлаетъ кусочкомъ ладана знаки креста на рукахъ и на лбу дитяти. Призывается также Матерь Божія, Іисусъ Христосъ, всѣ силы небесныя, печерскіе кіевскіе угодники [2]).

7) Отъ лихорадки (пропасныци).

Найбольшимъ разнообразіемъ отличаются заговоры и шептанья отъ этой, такъ обыкновенной въ крестьянскомъ быту болѣзни. Они имѣютъ въ большей части молитвенный характеръ; кромѣ ихъ особыя писанныя молитвы носятся больными на шеѣ; есть еще особыя какъ-бы симпатическія средства отъ этой болѣзни. Спеціальными цѣлителями ея считаются архангелъ Рафаилъ и преподобный Зосима соловецкій. Лихорадокъ считается 12-ть; онѣ дочери Ирода царя. Вотъ ихъ имена: Зябуха, Гнитыця, Плитія, Месора, Шашая, Чорна, Тынна, Дида, Ладо, Омуга, Утѝха, Персанда. Въ другомъ заговорѣ онѣ носятъ слѣдующія названія: Трясовиця, Огнєвиця, Знобѣя, Паралѣя, Гарькуша, Крикуша, Черькетъ, Пухлѣя, Желтѣя, Дряхлѣя, Дремлѣя. Лихорадокъ впрочемъ насчитывается не одинаковое число: иногда ихъ считается 7, иногда 70, а иногда 77-мь. Вотъ заговоръ, отличающійся отъ другихъ наиболѣе народнымъ складомъ рѣчи:

---

[1]) Слобода Гусинка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Нижняя Дуванка, купянскаго уѣзда.

«Ишовъ святый Оврамъ дорогою, зустривъ 70 змиивныхъ дочокъ. Святый Оврамъ пытае: «куда вы идете? христіаньску виру чого жовтите? Святый Оврамъ каже: «сыну мій, Осакій, бери сокиру, теши тросіть на щепки!» А змиивни дочки просять: «святый Овраме, не теши трости на щепки! Хто буде сее читати, того не будемъ и нападати» [1]).

Другой варіантъ этого заговора записанъ мною въ такомъ видѣ:

«Ишли Макарій, Авраамій и сынъ Исаакій, та зострили 77 пропасныць. Говорять Макарій, Авраамій и сынъ Исаакій: куда вы идете? А оны навстричу та съ дому не пускають, та выйшли изъ берега на круту гору, те тамъ на крутій гори и розбиглыся [2]).

Наиболѣе полный изъ записанныхъ мною заговоровъ слѣдующій:

«На осіянскій гори, на святій земли ïхавъ Михайло; у ёго сынъ Авраамій, на ёму великій чинъ. Ишовъ Авраамій—великій чинъ въ путь дорогу; зостривъ винъ 77 женъ.—Куди вы йдете, прокляти жены? — Мы йдемо, Авраамій великій чинъ, въ Россѣю ласо наидаця, сладко напиваця.--Верниця-жъ вы, прокляти жены, одъ нарожденного, молитвенного (имя). И якъ ты не зойдешь, буде тоби те, шо тій жени, що въ святу недилю хлибъ пече, и те, шо тому мужу, що въ пятницю сіе та оре. Пропасниця, пропасниця! ты витряна, ты водяна, ты простудна, ты понатужна, ты напитана, ты й найдена, ты наспана, ты наслана, ты ночна, ты полуночна, ты зорена, ты полузорена, изойди-жъ ты зъ нарожденного (имя). И якъ ты не зійдешъ, и мене не послухаешь, ты корни роспускаешь, гильля розвиваешь, и я съ тебе гильля обламаю, корни съ тебе повыкидаю, зъ нарожденного, молитвенного (имя). Тоби въ утроньку не стояти, красной крови не пивати, жовтой кости не ламати, билого тила не сушити. Я-жъ тебе высылаю, на очерета и на болота, де людскій гласъ не заходе, тамъ тоби пропадати». Это говорится надъ водою три раза. Больной долженъ пить эту воду и умываться ею [3]).

Не привожу молитвъ отъ лихорадки: народнаго въ нихъ мало, отдаютъ онѣ книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ старыхъ грамотѣевъ; но не лишне будетъ отмѣтить практикуемыя народомъ

---

[1]) Слобода Ново-Осиново, купянскаго уѣзда. Ср. Чубинскій, т. I., стр. 120.

[2]) Слобода Нижняя—Дуванка, купянскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

средства отъ лихорадки, проникнутыя тѣмъ-же духомъ суевѣрія и какого-то вѣдовства. Совѣтуютъ, напримѣръ, сдѣлать карбежъ, т. е. выстрогать четыреугольную палочку, длиною въ вершокъ, нарѣзавъ на ней столько насѣчекъ, сколько разъ трясла лихорадка, расколоть ее вдоль пополамъ, и одну половину вынесть на дворъ ночью и бросить ее съ слѣдующими словами: «Оставляю карбежъ, кидаю карбежъ, щобъ такъ мене зоставила, покинула пронасныця». При этомъ надо три раза плюнуть и дунуть отъ себя, другую-же половину во что нибудь завязать и носить за пазухой. Если и послѣ этого будетъ трясти лихорадка, то на оставшейся половинѣ карбежа, послѣ перваго пароксизма, сдѣлать еще одну насѣчку, и лихорадка не повторится.

Рекомендуется еще повѣсить себѣ на шею мертвое путо, т. е. ту тесьму, которою связываютъ ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу [1]). Нѣкоторые при погребеніи бросаютъ въ могилу, вмѣстѣ съ землею, ту ленточку (стёжку), которою завязываютъ воротъ рубахи, или-же берутъ съ могилы горсть земли и дома подкуриваются ею [2]). Иные выдергиваютъ изъ крыши той хаты, въ которой живутъ первобрачсоломы и накуриваются ею, или-же завязавъ въ новый платокъ деньги, бросаютъ его на перекресткѣ дороги [3]). Даютъ еще и такой совѣтъ: «На молодику прочитай за однимъ духомъ «Отчу», або зашый въ торбочку жабу и прычепи хворому на шыю, тилко такъ, шобъ винъ не знавъ [4]).

8) Отъ колики (колючки).

Для излеченія отъ колики, какъ символы, берутся остроконечные предметы: зубъ отъ бороны и рогачъ и ими колется больное мѣсто, причемъ знахарка шепчетъ: «колючка витряна, колючка водяна, прозирна, подумана, погадана, молвина, мужицька, жиноцька, парубоцька, дивоцька, хлопьяча, тутъ тоби не стояти, жовтои кости

---

[1]) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

[2]) Городъ Купянскъ.

[3]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[4]) Слобода Покровскъ, купянскаго уѣзда.

не ломити, сердця не вялити, (имя) не сушити: ты пиды соби на очерета, на болота, де нихто не ходе, нихто не говоре и людскій гласъ не заходе». Приведенныя слова повторяются три раза [1]).

Варіантовъ этого заговора много; но все это перифразы, переиначиванья одного и того-же. Нѣкоторую особенность представляетъ слѣдующій заговоръ отъ той-же колючки:

«На мори на окіяни, на острови на Буяни стоявъ золотый мистъ, а на мосту золотый дубъ, а на дуби золоте кресло. Тамъ сыдивъ святый мужъ Іосифъ. Къ ёму приходила Мати Марія: «годи тоби тутъ сидиты, иди съ золотымъ своимъ посохомъ колючку приколювати». Колючка, колючище! ты зъочна, ты врочна, пидвіяна, подумана, погадана! пиды на дыки степы, на болота на очерета, де люди не ходять, собаки не брешуть, пивни не спивають! [2]).

Вмѣсто зуба отъ бороны и рогача берутъ ножъ и имъ слегка придавливаютъ больное мѣсто, произнося непремѣнно три раза тѣ или иныя слова заговора, и послѣ каждаго раза трижды сплевываютъ [3]).

9) Отъ ломоты въ костяхъ (грызь).

Нашептыванье при леченіи этой болѣзни состоитъ иногда въ обращеніи къ мертвымъ, напримѣръ: «мертви, спите, не встаете; у васъ руки и ноги не болять, и голову не круте; дайте-жъ мини святои травы отъ лыхои биды, щобъ у крещеного, молитвеного раба Божого (имя) ничого не болило и голову не крутило» [4]). У другихъ оно начинается молитвою къ Матери Божіей въ слѣдующихъ словахъ: «пресвятая Диво Богородице, поможи мини и благослови грызь погрызти!» При чемъ знахарка слегка кусаетъ больной членъ, а затѣмъ шепчетъ: «Я не биле тило грызу, а грызь загрызаю. Грызь подумана, погадана, испита, изъидена, подорожня, полунична, витряна, прозирна! Я тебе выкликаю, я тебе загрызаю съ червонои крови, съ жовтои кости у молитвеного, крещеного раба Божія» (имя). Или же: Зубы, зубы! не хочете жабы ѣсты,—грызить грызь, а не кистку, грызь зъ колючкою гризовою, и встричною, и подума-

---

[1]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Штормовая, старобѣльскаго уѣзда.

[3]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[4]) Слобода Штормовая, старобѣльскаго уѣзда.

ною! Якъ писокъ на вилахъ не вдержитьця, такъ и колючка въ нарожденого и хрещеного (имя) не вдержитьця»[1]).

10) От ъ завины (боли въ животѣ).

«Завина»—это спазмы въ желудкѣ, или вздутіе живота. Если не помогаетъ ни рюмка водки съ перцемъ, ни лежанье на печи «животомъ до чириня», то прибѣгаютъ къ знахаркѣ. Знахарка беретъ ведро, переворачиваетъ его вверхъ дномъ, на дно наливаетъ воды, сыплетъ накрестъ соли, ставитъ на порогѣ подъ глухой край двери, мѣшаетъ накрестъ ножемъ и шепчетъ: «Вси святи на помочи! идить помогати хрещеному, молитвенному видъ завины шептати. Завина водяная, завина витровая, и стритеная, и подуманная, и погаданная, и въ смакъ соби зъидена, и въ смакъ соби спитая: пиды соби на очерета, на дыки степа, на темни лиса» и пр. По окончаніи шептанья знахарка даетъ пить больному слитую съ ведра воду, разведенную солью.

Та-же операція производится и инымъ способомъ. Больной ложится на спину; знахарка ставитъ ему на животъ миску съ водою, на миску кладетъ крестообразно двѣ ложки, веретено и ножъ; затѣмъ беретъ паклю, зажигаетъ и кладетъ въ кувшинъ, а кувшинъ опрокидываетъ отверстіемъ въ миску. Повторяется это до пяти разъ. Потомъ знахарка бросаетъ въ воду нѣсколько зеренъ пшена и кусковъ соли, разбалтываетъ одною ложкою, набираетъ ею-же изъ миски воды и обливаетъ ножъ, веретено и вторую ложку; а затѣмъ эту-же воду даетъ пить больному. При опрокидываніи кувшина съ горящей паклей произносятся каждый разъ слѣдующія слова: «Соняшныци, и витрови и водяни, и подумани и погадани! идить соби на хла (?) и на болота, де люде не ходять и пивни не спивають: тутъ вамъ не стояти, червоной крови не пити, жовтои кости не ломити, серця не сушити». Или-же: «Шепоту, шепоту по твоему (имя) животу, а съ твоего живота на попови ворота, а съ поповихъ воритъ та впъять тоби въ живитъ»[2]).

Было-бы въ высшей степени интересно и важно приведенные мною и существующіе въ печатныхъ сборникахъ заговоры и на-

[1]) Слобода Преображенная, купянскаго уѣзда.

[2]) Слобода Ново-Николаевка, купянскаго уѣзда; слобода Ново-Осинова, того-же уѣзда.

шептыванья въ болѣзняхъ сличить, и со стороны содержанія, и со стороны языка, съ тѣми, которыя въ огромной массѣ находятся въ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Выводъ отъ такого сличенія былъ-бы, кажется, крайне неутѣшительный. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что собственно народъ нашъ въ этомъ отношеніи не подвинулся ни на шагъ впередъ. Тотъ-же глубокій мракъ облегаетъ его теперь, какъ и сто, двѣсти и болѣе лѣтъ назадъ.

И. Ивановъ.

ГОРОДНИЧІЙ И СВ. ПЯТНИЦА.

(Къ исторіи народныхъ суевѣрій).

Между остатками языческой древности, уцѣлѣвшими до нашихъ дней, не послѣднее мѣсто занимаетъ то почитаніе, съ какимъ относится народная масса къ пятницѣ, дню, посвященному въ языческій періодъ богинѣ плодородія Фреѣ или Сивѣ. Съ принятіемъ христіанства, память объ этой языческой богинѣ не могла, конечно, сразу исчезнуть, но въ тоже время не могла и остаться не тронутою новой религіей. Богиня Фрея смѣнилась св. Параскевою и Богородицею; но на ряду съ этимъ сохранилось и глубокое уваженіе къ дню пятницѣ.

На сколько почитаніе пятницы—явленіе распространенное среди русскаго народа, видно изъ слѣдующихъ словъ изслѣдователя «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу», Аѳанасьева: «во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ онъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ».

Въ Малороссіи почитаніе пятницы въ XVIII в. сопровождалось даже нѣкоторыми религіозными обрядами. Такъ «въ полку стародубовскомъ, по словамъ Духовнаго Регламента, въ день урекенный праздничный, водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія ползы». Обычай этотъ не сохранился до настоящаго времени, но среди южно-рус-

скаго народа сохранилась глубокая вѣра въ карающую силу пятницы, которая распространяется на лицъ работающихъ въ этотъ день. Въ каневскомъ уѣздѣ кіевской губерніи существуетъ повѣрье, что пятница «здрала жинци шкуру и повисила іи на верстати за те, що вона ткала въ пятницю». Въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи пятница представляется молодицей, которая ходитъ по хатахъ и наблюдаетъ, кто изъ женщинъ прядетъ. «Якъ побачить, що жинка пряде, то вона зробить такъ, що тій пряси на обохъ рукахъ покорчить пальци!» [1]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ указывается прямое отношеніе пятницы къ домашнимъ работамъ. Наконецъ, пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на падежи скота, моръ и смерть. Въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила возможность жить одному крестьянину въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ.

Въ дополненіе къ тому, что извѣстно въ литературѣ о почитаніи пятницы въ Малороссіи, я сообщу еще одинъ фактъ, случившійся въ г. Золотоношѣ, полтавской губерніи, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Сообщеніе это основано на оффиціальномъ дѣлѣ, находящемся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія [2]). Вотъ суть этого дѣла:

Въ среднихъ числахъ іюля 1831 года, среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на чьей-то нивѣ во ржи, въ образѣ женщины, явилась св. Пятница, въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами. Повалилъ народъ смотрѣть св. Пятницу, пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница отличила его отъ другихъ, подозвала къ себѣ и велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Поѣхалъ городничій, а Пятница говоритъ ему: «смотри, городничій! вотъ жито прекрасное, да некому его будетъ жать! Не чтутъ меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать по пятницамъ, а то и тебѣ не избѣжать смерти».

То было страшное время *первой* холеры въ краѣ. Люди гибли сотнями, тысячами. Народъ всюду волновался и хватался за всякій

---

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 217.

[2]) Общая Опись, № 1,026. Дѣло о появившейся въ Золотоношѣ пятницѣ.

нелѣпый слухъ. Встревоженные слухомъ о явленіи пятницы городничему, обыватели Золотоноши не только простые, но и *благородные* на другой день устремились къ городничему съ распросами: «точно-ли онъ видѣлъ св. Пятницу и справедливо-ли, что она запретила по пятницамъ работать?» Городничій Худзинскій былъ крайне удивленъ. Тщетно онъ увѣщевалъ жителей не вѣрить такому нелѣпому слуху, убѣждалъ, стыдилъ ихъ; ничто не помогало... Молва о появленіи св. Пятницы распространяется все больше и больше. Настаетъ канунъ пятницы, и въ городѣ къ прежнему слуху добавляютъ, что «завтрешній день, въ пятницу, по приказанію городничаго, полицейскіе будутъ плетьми гнать рабочихъ съ полей».

Городничій смѣялся надъ глупыми выдумками; но на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, возвратились съ полей женцы дворянина Любарця и Мойсѣенка, объявляя всѣмъ, что «работать въ полѣ нельзя, что тамъ десятскіе, по приказу городничаго, бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу». За женцами Любарця и Мойсѣенка «и протчіе всѣ, оставивши работы и пришедши въ городъ, произносили ужаснѣйшій ропотъ и негодованіе!»

Городничій заволновался. Видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, онъ произвелъ разслѣдованіе. Оказалось, какъ доносилъ онъ потомъ, «по добровольному показанію тѣхъ женцовъ», что они выдумали все это съ своей головы, для того, что имъ не хотѣлось на полѣ работать». Случился базарный день, городничій вывѣсилъ на базарѣ публикацію «о несправедливомъ слухѣ»; но читать мало кто могъ, и всѣ «остались въ прежнемъ заблужденіи». Городничій струсилъ, боясь народнаго возмущенія.

Обо всемъ случившемся онъ шлетъ эстафетой донесеніе полтавскому губернатору, прося дальнѣйшихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ два не одинаковаго характера средства: во 1-хъ раздать при полиціи по 20 розокъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые распустили слухъ о появленіи св. Пятницы, предоставляя впрочемъ исполненіе этого распоряженія на волю помѣщиковъ, а во 2-хъ просить распоряженія золотоношскаго протоіерея, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя».

Распоряженіе губернатора не вывело городничаго изъ затрудненія. Обратился онъ къ помѣщикамъ; но тѣ отказались сѣчь

крестьянъ,—была горячая рабочая пора, и они могли лишиться чрезъ это многихъ рабочихъ. Пошелъ онъ къ протоіерею, тотъ немедленно, что слѣдуетъ, предписалъ; но и проповѣди священниниковъ мало имѣли успѣха. Прошло еще довольно времени, пока холера ослабѣла, и вызванный страшною болѣзнію слухъ самъ собою затихъ.—Такъ проглянуло и въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія: она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, «что хлѣба некому будетъ жать», такъ какъ за непочитаніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ; но вмѣстѣ съ симъ она-же обѣщаетъ прекратить моръ, если будутъ почитать ее, святую Пятницу.

Н. Бакай.

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ ПЕРЕДѢЛКАХЪ И ПЕРЕВОДАХЪ.

Г. Иванъ Франко, помѣщающій съ нѣкотораго времени постоянныя корреспонденціи въ газетѣ «Kraj», въ № 46, посвященномъ памяти Мицкевича, касается вліянія этого поэта на малорусское образованное общество. Если судить объ этомъ вліяніи, говоритъ авторъ, по числу и качеству малорусскихъ переводовъ его произведеній, то оно представляется очень слабымъ. Но такое значеніе ложно въ самомъ основаніи. Вліяніе Мицкевича на «русинскую» интеллигенцію, съ первыхъ дней его литературной извѣстности и до нашего времени, гораздо глубже, прочнѣе и непосредственнѣе, потому уже, что языкъ его поэзіи понятенъ образованнымъ русинамъ не только Галиціи, но и Украйны, по крайней мѣрѣ вправо отъ Днѣпра. Малочисленные и очень далекіе по достоинству отъ подлинника переводы и передѣлки изъ Мицкевича на малорусскую рѣчь въ большей степени являются слѣдами, отголосками его вліянія, чѣмъ служили и служатъ его проводниками. По нимъ можно судить развѣ о томъ, какъ рано обнаружилось это вліяніе и какъ далеко оно простиралось; но въ нихъ слѣдуетъ видѣть только случайныя поэтическія попытки, нельзя придавать имъ значенія серьезнаго замысла переводчиковъ и перелагателей—ознакомить своихъ читателей съ общественными и политическими взглядами и идеалами Мицкевича. Вотъ почему, полагаетъ г. Франко, не

находили малорусскихъ переводчиковъ самыя капитальныя произведенія польскаго поэта, какъ Конрадъ Валленродъ, Гражына, Дзяды.

Вѣрное фактически, это замѣчаніе г. Франка грѣшитъ невѣрностью исходной точки. Какъ ни малочисленны и какъ ни мелки переводы и заимствованія изъ Мицкевича у южно-русскихъ писателей, но ихъ никакъ нельзя сопоставлять *количественно* съ его произведеніями въ подлинникѣ: мѣриломъ здѣсь можетъ быть только общій объемъ новѣйшей малорусской письменности, самъ по себѣ до сихъ поръ еще крайне необширный, безъ труда укладывающійся въ нѣсколько томовъ компактнаго изданія, формата гелертерскихъ Taschenbuch'овъ... При такомъ размѣрѣ и на долю Мицкевича приходится все-же замѣтный процентъ. Другое дѣло качество: *что* выбиралось изъ подлинника, и *какъ* переводилось. И если согласиться съ г. Франкомъ, что этотъ выборъ и переработка составляютъ отзвукъ непосредственнаго вліянія Мицкевича на южную Русь, то самое вліяніе это слѣдуетъ признать не только слабымъ, но и весьма поверхностнымъ...

Первый малорусскій переводъ изъ Мицкевича появился въ Харьковѣ, именно балада о панѣ Твардовскомъ, Гулака-Артемовскаго; это очень свободная передѣлка, въ которой сохраненъ только сюжетъ, но подробности обработаны совершенно своеобразно. Л. Боровиковскій былъ уже переводчикомъ въ настоящемъ значеніи (Сонеты и Фарисъ); Іеремія Галка, т. е. Костомаровъ, также перелагалъ кое-что изъ Мицкевича (До Маріи Потоцкои, Панычъ и дивчина). Что касается Шевченка, то г. Франко едва-ли не напрасно ищетъ слѣдовъ мицкевичевскаго вліянія въ его балладахъ, какъ Причина, Тополя, Русалка и другихъ: здѣсь скорѣе сказалось болѣе близкое вліяніе Жуковскаго съ его подражателями, въ свою очередь отражавшими романтиковъ нѣмецкихъ. Трудно также признать и вліяніе Дзядовъ или Валленрода въ поэмахъ Шевченка съ политической подкладкой, а совпаденія отдѣльныхъ подробностей «Сна» и стихотворенія Мицкевича «Petersburg» были неизбѣжны и легко объясняются тождественностью явленій, остановившихъ на себѣ вниманіе обоихъ поэтовъ.

Изъ позднѣйшаго времени г. Франко отмѣчаетъ переводы Кулиша (подъ псевдонимомъ Ломуса), Навроцкаго, Кузьмы Волынца въ львовской «Правдѣ» и наконецъ г. Старицкаго. За послѣднимъ

авторъ признаетъ «несомнѣнный поэтическій талантъ»; но вслѣдъ затѣмъ цитируетъ первое четверостишіе Воеводы (Czaty), превратившееся у переводчика въ двойное число стиховъ, и говоритъ о переводѣ: «сколько здѣсь лишнихъ прибавокъ, вставокъ, эпитетовъ, разящихъ фальшью подробностей! И при всемъ томъ стихотворная форма выдержана въ совершенствѣ. Такъ и видно, что здѣсь работалъ ремесленникъ формы, а не вдохновенный мастеръ».

Изъ галицкихъ переводчиковъ Мицкевича г. Франко отмѣчаетъ только Озаркевича и Павлина Свенцицкаго (Стахурскаго; псевдонимъ Павло Свій). Эта крайняя бѣдность переводовъ въ той именно части южно-русской земли, гдѣ непосредственное вліяніе Мицкевича наиболѣе сильно, говоритъ не въ пользу обобщеній автора, приведенныхъ въ началѣ настоящей замѣтки.

Ив. Новицкій.

ФРАНЦУЗЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ НА УКРАЙНѢ.

Существеннымъ подспорьемъ для бытовой исторіи, этнографіи и исторіи нравовъ признана давно такъ называемая литература путешествій. Рѣдкіе изъ современниковъ записываютъ и замѣчаютъ тѣ незначительныя обстоятельства, тѣ мелкія жизненныя явленія изъ которыхъ складывается обыденная, ежедневная жизнь. Глазъ присматривается къ нимъ, они кажутся столь обыкновенными и нормальными, что странно даже и думать отмѣчать и записывать ихъ. Оригинальныя особенности жизни всегда виднѣе человѣку постороннему, свѣжему. Вотъ почему впечатлѣнія путешественниковъ бываютъ особенно цѣнны, относясь ко времени исчезнувшему, знакомому намъ только по сухимъ документамъ и внѣшнимъ фактамъ. Замѣтки очевидцевъ какъ бы вводятъ насъ на время въ исчезнувшій міръ, окружая насъ его атмосферой.

Южно-русская исторіографія владѣетъ нѣсколькими такими источниками, относящимися къ XVI и XVII вѣкамъ. Не говоря уже о Бопланѣ и Эрихѣ Лясотѣ, поставившихъ себѣ прямою задачею систематическое описаніе, даже замѣтки такихъ случайныхъ очевидцевъ жизни нашего края, какъ Павелъ Алепскій или священникъ Лукьяновъ (въ началѣ XVIII вѣка) представляютъ драгоцѣнныя данныя и ничѣмъ не замѣнимыя живыя черты. XVIII вѣкъ,

столь любопытное переходное время, въ этомъ отношеніи, къ несчастью, очень бѣденъ. Правда, къ концу его и въ началѣ нашего столѣтія, появляется цѣлый рядъ путешественниковъ по Малороссіи; таковы: князь Шаликовъ, Гунъ, Измайловъ, Зуевъ, Левшинъ. Но ихъ записки носятъ самый поверхностный характеръ; авторами ихъ являются люди не только неспособные задумываться надъ окружающей жизнью, но просто предпочитающіе погоню за фразой хотя-бы безхитростному описанію видѣннаго и слышаннаго. Къ такимъ-же людямъ принадлежитъ и путешественникъ, впечатлѣніямъ котораго посвящается эта замѣтка. Мы не настолько однако богаты мемуарами и другими источниками, чтобы пренебрегать хотя-бы и мелочными набросками очевидцевъ прошлаго. Отъ нихъ все-же вѣетъ духомъ времени, а иногда, хоть безъ намѣренія авторовъ, выступаютъ его типическія черты. По этимъ соображеніямъ позволяемъ себѣ удѣлить нѣсколько строкъ рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ графа де-Лагарда.

«Путешествіе изъ Москвы въ Вѣну», чрезъ Кіевъ, Одессу и Германштадтъ (Voyage de Moscou à Vienne, par le comte De Legarde. Paris. 1824) предпринято было де-Лагардомъ въ 1811 году. Данныхъ объ авторѣ во французской литературѣ мы не нашли, но изъ текста книги ясно выступаетъ его политическій и нравственный образъ. Онъ—роялистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій Франціи чужіе края, въ то время, когда въ ней господствуетъ «узурпаторъ». По средѣ, въ которой онъ вращается, это человѣкъ высшаго круга, вкусившій однако европейскаго просвѣщенія, отъ чего въ немъ сгладились тѣ черты тупого высокомѣрія, какими блещетъ наше доморощенное «хорошее общество». Подобно большей части людей своей среды, онъ скользитъ взглядомъ по явленіямъ жизни и со всего въ мірѣ любитъ срывать только «цвѣты удовольствій». Это что-то напоминающее, созданнаго Некрасовымъ фантастическаго графа Гаранскаго и не совсѣмъ чуждое пушкинскому графу Нулину, исправленному пощечиной добродѣтельной россіянки. Немногое сообщаемое имъ относится къ свѣтскому кругу и преимущественно къ жизни польскихъ магнатовъ, предъ которой онъ падаетъ ницъ. Познакомимся съ нимъ самимъ въ его отрывочныхъ замѣткахъ.

О Малороссіи въ нихъ рѣчь заходитъ съ Глухова, «прелестнаго города, нѣкогда резеденціи правительства, уничтоженнаго пожаромъ почти на двѣ трети». Тутъ онъ замѣтилъ только съѣденнаго имъ за обѣдомъ превосходнаго карпа и новыя румянцевскія постройки. Мало найдя что сказать о городѣ, онъ разсказываетъ о разныхъ подмѣченныхъ имъ на пути предразсудкахъ, между прочимъ о значеніи понедѣльника, какъ «тяжелаго дня». «Право досадно, замѣчаетъ недовольный монархистъ, что, по свидѣтельству Библіи, Богъ избралъ этотъ день для начала творенія. Конечно этому обстоятельству надо приписать всѣ случившіяся впослѣдствіи несчастія, начиная съ всемірнаго потопа и кончая французской революціей».

Въ Батуринѣ онъ посѣщаетъ могилу Кирилла Разумовскаго, умершаго за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. «Хотя скульптура и посредственна, но изобиліе мрамора разныхъ цвѣтовъ, бронзы и позолоты показываетъ, какъ тщеславіе силится бороться съ властью забвенія и смерти». Онъ посѣщаетъ дворецъ Разумовскаго и передаетъ разсказы о жизни, которая тутъ текла. «Все, что могутъ произвести и выдумать азіатская роскошь и европейское великолѣпіе, соперничали въ этомъ мѣстѣ. Балы, спектакли, карусели, охоты при факелахъ, столы въ сто приборовъ, иллюминаціи, фейерверки, слѣдовали здѣсь одинъ за другимъ. Прибавьте къ этому безпрестанные салюты пушекъ и вы будете имѣть понятіе о мирной жизни этого тихаго уголка. А теперь, что осталось отъ всего этого?...» Гуляя по опустѣвшимъ заламъ гетманскаго дворца, онъ предается философствованію о тщетѣ всего земнаго. Эффектъ этихъ мечтаній къ сожалѣнію сильно ослабляется одной справкой: въ этомъ дворцѣ гетманъ никогда не жилъ и при жизни его онъ остался недостроеннымъ. Исторіографъ рода Разумовскихъ, г. Васильчиковъ повѣствуетъ объ этомъ подробно въ своемъ замѣчательномъ трудѣ.

Въ Кіевѣ графъ де-Лагардъ представляется генералъ-губернатору Милорадовичу, бывшему адъютанту Суворова, убитому впослѣдствіи въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г. Тутъ-же знакомится онъ съ княземъ Ипсиланти, бывшимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, два года передъ тѣмъ поселившимся въ Кіевѣ. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ де-Лагардъ о князѣ

скорѣе наивно, чѣмъ зло, онъ не оставлялъ въ забвеніи заботъ о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича, дня черезъ два, путешественникъ былъ на великолѣпномъ балѣ. «Сады были иллюминованы до самаго низу горъ и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали этой прекрасной ночи какой-то волшебный колоритъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ разосланы были гонцы къ дамамъ изъ общества, которыя почти всѣ теперь въ деревняхъ. Генералъ открылъ балъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ особъ, какихъ я видѣлъ въ жизни, госпожей Давыдовой, рожденной Аглаей де-Грамонъ. Ужинъ былъ великолѣпенъ. Въ два часа ночи былъ концертъ, въ которомъ соперничали между собой на віолончели и скрипкѣ Ромбергъ и Лафонъ. Потомъ танцовали до свѣта. Въ девять часовъ утра поданъ былъ въ саду завтракъ».

Черезъ два дня онъ пишетъ: «Генералъ Милорадовичъ возилъ меня вчера къ гражданскому губернатору Панкратьеву. Народу было мало и общество удалилось въ гостиную, уставленную цвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобъ исторіи были страшныя». Тутъ французъ-путешественникъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и развелъ разводы, которые хвастливо и приводитъ. Вспоминается невольно грибоѣдовскій «французикъ изъ Бордо, собравшій вкругъ себя родъ вѣча»,— картинка, списанная очевидно знаменитымъ комикомъ съ натуры.

Какими-то судьбами здѣсь-же, въ Кіевѣ, встрѣтилъ онъ генерала Шаплица, друга принца де-Линя, передавшаго ему любопытный эпизодъ изъ знаменитаго путешествія въ Крымъ Екатерины II. Императорская яхта стояла возлѣ Партенона, гдѣ, по предположенію, нѣкогда находился храмъ Ифигеніи. Шелъ споръ о большей или меньшей вѣроятности такого предположенія. «Принцъ, сказала императрица, обращаясь къ де-Линю, я дарю вамъ подверженную сомнѣнію землю!» Вмѣсто отвѣта принцъ бросился въ море и, достигнувъ берега вплавь, закричалъ: «Я вступаю во владѣніе, ваше величество!..» Земли, которыя императрица издали очертила рукою, остались собственностью рода принцевъ де-Линь.—Если ты удивляешься тому, что я разсказываю тебѣ, то что было-бы съ тобою, если-бы ты все это видѣлъ самъ?—Эти слова древняго автора це-

вольно навертываются на умъ, при встрѣчѣ съ такимъ изумительнымъ эпизодомъ этой изумительной эпохи.

Выѣхавъ изъ Кіева, въ Васильковѣ де-Лагардъ смотрѣлъ на ярмаркѣ цыганскіе танцы. Къ молодымъ цыганкамъ онъ обращается со словами упрека за ихъ «слишкомъ вольныя движенія, оскорбляющія стыдливость»,—упрекомъ едва-ли искреннимъ въ устахъ уроженца классической родины канкана.

Немного далѣе онъ встрѣчается въ дорогѣ съ графомъ де-Витомъ, управлявшимъ впослѣдствіи южно-русскими военными поселеньями. Въ примѣчаніи, прибавленномъ при изданіи книги въ 24 году, онъ пишетъ о немъ: «теперь генералъ-лейтенантъ, состоитъ начальникомъ одной изъ военныхъ колоній на югѣ Имперіи и цивилизуетъ, подчиняя европейской тактикѣ, дикіе народцы тѣхъ странъ». Читатели «Кіевской Старины» припомнятъ, быть можетъ, изъ любопытныхъ записокъ сенатора Стороженка, какого рода была эта цивилизація и во что обходилось «народцамъ» подчиненіе европейской тактикѣ.

Путь графъ де-Лагарда изъ Кіева лежалъ въ Тульчинъ, къ Потоцкимъ. По дорогѣ онъ мимоѣздомъ только взглянулъ на Бѣлую Церковь Браницкаго, владѣльца 80,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на Махновку, которою владѣлъ одинъ изъ Потоцкихъ. Этотъ Потоцкій, оказывается, положилъ основаніе нѣмецкой колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Онъ поселилъ у себя 300 семействъ нѣмцевъ, выписавъ ихъ, какъ рабочихъ для своихъ фабрикъ. Фабрики закрылись впослѣдсвіи и состояніе владѣльца разстроилось, а нѣмцы остались жить въ краѣ.

Достигнувши Тульчина, графъ буквально плаваетъ въ эмпиреяхъ. Восторгу его и предъ красавицей Софіей Потоцкой, и предъ ея семьей, и предъ роскошью жизни буквально нѣтъ границъ. Для примѣра блаженной жизни, онъ приводитъ описаніе одного дня въ Тульчинѣ. «Встаютъ рано. Вставши, вы выбираете или купанье въ одной изъ красивыхъ рѣчекъ, бѣгущихъ въ паркѣ, или турецкую ванну. Въ десять часовъ возвращаетесь къ себѣ, завтракаете, занимаетесь чѣмъ нибудь и такъ проводите время до трехъ часовъ, когда всѣ сходятся къ обѣду. Столъ въ пятьдесятъ приборовъ накрытъ въ вымощенной мраморомъ оранжереѣ, посреди которой фонтанъ, падающій нѣсколькими струями, освѣжаетъ воздухъ и веселитъ глазъ. Стѣны

залы уставлены статуями тончайшей работы въ перемежку съ растеніями и цвѣтами всѣхъ странъ, которые, благодаря дорого стоющему уходу, на сѣверѣ Европы переносятъ васъ мыслію въ благоухающіе сады Италіи и Прованса. Пока подадутъ на столъ, общество гуляетъ въ прекрасной боковой галлереѣ; но вотъ входитъ графиня Софія съ дѣтьми и всѣ садятся. Для описанія обѣда надо особый талантъ, которымъ я не владѣю. Я перейду прямо на партеръ, близь оранжереи, гдѣ послѣ обѣда подается кофе и мороженое. Разговоръ дѣлается общимъ, группы смѣшиваются и раздѣляются, дебатируются проэкты вечернихъ прогулокъ и каждый отправляется къ себѣ приготовиться къ вечеру нѣсколькими минутами отдыха. Бьетъ шесть часовъ, всѣ сходятся въ залъ. У дамъ простые туалеты, такъ всегда къ нимъ идущіе. Подаютъ экипажи. Графиня ѣдетъ кататься верхомъ, въ сопровожденіи сыновей, m-me де-Витъ избираетъ линейку, въ которой, вмѣстѣ съ ней, удобно усаживается двѣнадцать человѣкъ. Аббатъ Шалантонъ, воспитатель дѣтей, ѣдетъ въ корзинкѣ вмѣстѣ съ графомъ Болеславомъ, дочери графини съ гувернанткой — въ большой англійской коляскѣ и всѣ отправляются пить чай въ какой нибудь изъ дальнихъ садовъ, при звукахъ музыки, спрятанной вдали, въ лѣсу, и сообщающей столько прелести и безъ того прекрасному вечеру. Общество разсыпается въ разныя стороны, кто гуляетъ, кто карабкается на гору, кто собираетъ растенія, и время, бѣгущее всегда быстро для счастливыхъ, близится къ ночи, дающей сигналъ къ отъѣзду. Возвращаются въ замокъ, чтобъ закончить вмѣстѣ вечеръ. Собравшись въ залъ, общество располагается такъ: на диванѣ графиня, окруженная дамами и пріѣзжими. Аббатъ играетъ съ кѣмъ нибудь въ шахматы въ углу, дѣти читаютъ или играются въ другомъ. Нѣсколько человѣкъ играетъ на бильярдѣ. Алланъ, живописецъ-шотландецъ, нашъ Рафаэль, набрасываетъ хорошенькіе эскизы въ альбомы дамъ. Между тѣмъ подаютъ ужинъ. Въ городѣ и въ деревнѣ это самый интересный моментъ дня. Обсуждается то, что сдѣлано, строятся планы на завтра: тутъ и воспоминанье и надежда, все вмѣстѣ. Поэтому въ бесѣдѣ болѣе непринужденности, кажется, какъ будто передъ двѣнадцатичасовой разлукой есть столько вещей, которыя надо сообщить другъ другу: разговоры дѣлаются оживленнѣе, умъ острѣе и

полночь бьетъ въ то время, когда хотѣлось-бы, чтобъ было не больше восьми часовъ».

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ проэктировалось основаніе въ Крыму новаго города Софіополя, гдѣ де-Лагарду заранѣе обѣщано было порядочное мѣстечко. Впрочемъ осуществленія этой, поддержанной прихлебателями, графской затѣи не случилось.

Посѣтитель Тульчина не задумывается ни на минуту о томъ, на чемъ стоитъ эта роскошь, кто играетъ въ этихъ, спрятанныхъ въ чащахъ, хорахъ музыки, кто своей работой и оброкомъ содержитъ дворцы и оранжереи. Мимо него скользятъ и такіе факты, объ одномъ изъ которыхъ онъ разсказываетъ нѣсколькими страницами ниже: «въ двадцати верстахъ отсюда (письмо изъ Бердичева) въ селѣ Иванковѣ совершено ужасное преступленіе. Графъ Каменскій, отецъ главнокомандующаго, находящагося теперь въ Валахіи, послалъ въ Лейпцигъ двухъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей учиться музыкѣ. Эти молодые люди, кромѣ развитія своихъ дарованій, почерпнули тамъ идеи свободы и независимости, столь противорѣчащія тому состоянію, въ которое поставило ихъ происхожденіе. Когда они вернулись къ владѣльцу, онъ обходился съ ними сначала съ нѣкоторымъ уваженіемъ, на которое давалъ право ихъ талантъ. Но нѣсколько дней назадъ, за какой-то пустой проступокъ, графъ велѣлъ наказать ихъ батогами, что и было исполнено въ присутствіи всѣхъ ихъ товарищей. Несчастные юноши, послушные жаждѣ мести, ждали только, чтобъ настала ночь для исполненія своего замысла. Вооружась топорами, они проникли въ спальню графа, упрекали его за то, что онъ вывелъ ихъ изъ среды, въ которой судила имъ родиться несправедливая судьба, за то, что онъ, давъ имъ понять путемъ образованія истинное человѣческое достоинство, опять подчинилъ ихъ на вѣки самому унизительному рабству. Послѣ этихъ словъ они убили его и тотчасъ отправились въ Житомиръ, чтобъ сообщить о своемъ преступленіи властямъ и ждать заслуженной кары. Ихъ ждетъ наказаніе тремястами ударовъ кнута, а потомъ, если они перенесутъ его, ссылка въ Сибирь, въ каторжныя работы».

Владѣльцы Тульчина, у которыхъ жилъ путешественникъ, были конечно, одними изъ крупнѣйшихъ рабовладѣльцевъ въ свѣтѣ. По словамъ де-Лагарда, у нихъ въ то время было 165,000 крѣпостныхъ крестьянъ одного мужскаго пола. Прибавивъ къ этому

дѣтей и женщинъ, получится почти тройная цифра. Легко разыгрывать роль владѣтельной особы, опираясь на такія основы. Какъ примѣръ роскоши польскихъ магнатовъ, онъ приводитъ еще графа Плинскаго, у котораго въ имѣніи Иваново, на Волыни, между всякаго рода затѣями, было три труппы актеровъ — итальянская, французская и польская. Каждый спектакль кончался балетомъ, а содержаніе этого скромнаго развлеченія стоило владѣльцу не менѣе 100,000 рублей.

Изъ Тульчина, вмѣстѣ съ Потоцкими, де-Лагардъ переѣхалъ въ другое ихъ владѣніе, Умань. Подробно описываетъ онъ, конечно, насаженный Метцелемъ, по распоряженію Потоцкаго, знаменитый уманскій садъ. «Графъ предоставилъ ему неограниченныя суммы денегъ. Тысячи рукъ отданы были въ его распоряженіе, чтобъ исполнять его волю. Съ такими средствами можно исполнить всякій волшебный планъ. Этотъ садъ, насажденный въ честь Софіи Потоцкой среди пустынь Украйны, говоритъ о силѣ чувства, давшаго ему жизнь». Но о чемъ говорятъ эти тысячи рукъ, оторванныхъ отъ работъ для своихъ семей, отвѣта на это не даетъ путешественникъ; онъ весь предается восхищенію и собирается переводить на французскій языкъ поэму придворнаго поэта Потоцкихъ, «геніальнаго» Трембецкаго, воспѣвшаго Софіевку.

Въ Умани, какъ ни далека была жизнь обитателей замка отъ всякихъ тяжелыхъ воспоминаній и заботъ, нельзя было не услышать чего нибудь о еще недавней Колівщинѣ и рѣзнѣ. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ почерпнуты имъ отъ обитателей замка, а потому отличаются конечно извѣстной точкой зрѣнія. Но курьезнѣе всего сообщенія о запорожцахъ, ихъ нравахъ и жизни, на которыя вслѣдъ за тѣмъ отваживается авторъ. Онъ сообщаетъ напримѣръ, что званіе кошеваго атамана доставалось только тому изъ козаковъ, кто, при особенной храбрости, продѣлалъ въ походѣ всѣ виды жестокостей. Гетману всѣ «племена» платили дань, не считая извѣстной доли добычи. Обиталища запорожцевъ, *курини*, были подземныя жилища (demeures souterraines); запорожцы разбоями наводили ужасъ на весь край и часто заставляли трепетать самый Кіевъ. Вообще въ старой Украйнѣ страдали бѣдные паны и блаженствовали сильные и кровожадные козаки.

Еще въ письмахъ изъ Тульчина попадаются постоянные намеки на какую то любовь, возгорѣвшуюся въ сердцѣ путешест-

венника къ одной изъ обитательницъ замка. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Умани, Потоцкіе уѣхали въ Петербургъ и бросили французскаго графа одного, можетъ быть вслѣдствіе его назойливости, посовѣтовавши ему заняться поэмой Трембецкаго. Но прошло нѣсколько недѣль, и одиночество показалось путешественнику ужаснымъ, о «геніальномъ» Трембецкомъ онъ началъ говорить съ раздраженіемъ и наконецъ рѣшился двинуться дальше въ «степи» и покинуть Украйну.

Де Лагардъ—одинъ изъ немногихъ иностранцевъ писавшихъ о нашемъ краѣ. Какъ и что онъ писалъ—мы видѣли. Нельзя не пожалѣть искренно, что между тѣмъ какъ о сѣверной и средней Россіи встрѣчаются теперь въ европейской печати очень и очень замѣтныя книги, южная Русь не привлекла до сихъ поръ вниманія ни одного наблюдательнаго иностранца. Мекензи Уолесъ и Леруа-Болье познакомили европейскую публику съ великорусскими городами и деревнями, съ исторіей государственныхъ учрежденій, съ народнымъ характеромъ. Южная Русь съ ея исторіей, народной словесностью, ея духовными силами остается для Запада совсѣмъ невѣдомой страной. Между Александромъ Дюма, открывшимъ въ Россіи породу людей, именуемыхъ *maltchiks*, и Уолесомъ, съ его добросовѣстными, продуманными этюдами — громадная разница. Между Де-Лагардомъ, посѣтившимъ Украйну въ началѣ нашего вѣка и Викторомъ Тиссо, писавшимъ о ней съ безцеремонной болтливостью семьдесятъ лѣтъ спустя, особенной разницы не замѣтно.

В. Г—ко.

ІОСИФЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МИХНЕВИЧЪ.

(Некрологъ).

9-го октября сего года скончался въ Одессѣ, на 77-мъ году отъ рожденія, долгое время жившій тамъ въ отставкѣ, бывшій помощникъ попечителя сперва кіевскаго, а потомъ варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ, Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Симпатичная личность его такъ близка Кіеву, такъ памятна многимъ изъ нашихъ читателей и, по особымъ причинамъ, такъ малоизвѣстна вообще въ смыслѣ ученаго и общественнаго дѣятеля, что, рѣшаясь говорить объ немъ спустя два почти мѣсяца послѣ его смерти, я не

боюсь упрека въ запоздалости; доброе слово о такомъ человѣкѣ никогда не можетъ быть ни позднимъ, ни лишнимъ.

Покойный Іосифъ Григорьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ дѣятелей скромнаго по самой своей роли учебнаго вѣдомства, которыхъ служебная дѣтельность не блещетъ ни выдающимися научными трудами, ни иными громкими дѣлами, заставляющими говорить о себѣ во всеуслышаніе, но благотворныя дѣйствія которой чувствуются всѣми, подпадающими ея вліянію и такъ или иначе соприкасающимися съ нею. Въ теченіи сорокалѣтней почти его службы на его долю выпадала роль второстепенная, мало благодарная въ смыслѣ извѣстности роль *помощника;* но не въ этомъ причина его малоизвѣстности. Его отличали особыя качества души: ясный, спокойный, строго систематическій умъ, тихій, ровный, нѣсколько какъ-бы флегматическій характеръ, невозмутимое спокойствіе и самообладаніе, кроткое любящее сердце и доброта безграничная, и при этомъ особая скромность, какой не встрѣтишь на самомъ маленькомъ посту. Съ такими качествами люди не выдаются даже въ своемъ кругу, не производятъ шума и блеска, но создаютъ то, что требуется въ данную пору жизнью, наполняютъ своимъ трудомъ извѣстную сферу дѣятельности, производятъ много полезнаго и важнаго и привлекая къ себѣ симпатіи всѣхъ, соприкасающихся съ ними, оставляютъ въ нихъ, а не внѣ ихъ, долгую и самую свѣтлую память о себѣ. Такова именно была служебная дѣятельность Іосифа Григорьевича. Но кромѣ того съ нею и его именемъ связаны воспоминанія о важнѣйшихъ періодахъ въ жизни многихъ учебныхъ заведеній трехъ учебныхъ округовъ и вообще въ судьбѣ отечественнаго просвѣщенія. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ и основаніе посвятить Іосифу Григорьевичу особое посмертное слово, привести въ извѣстность его немаловажныя заслуги въ дѣлѣ нашего образованія и сказать нѣсколько словъ о немъ вообще, какъ о самой симпатичнѣйшей личности, подобную которой рѣдко можно было встрѣтить въ прежнее время и въ особенности теперь.

Сынъ священника с. Локачей, владимірскаго уѣзда волынской губерніи, Іосифъ Григорьевичъ родился въ апрѣлѣ 1809 года и прошелъ ту старую, давно отошедшую въ область преданій, духовную школу, въ которой, безъ особаго искусственнаго развиванія дѣтей, стройно организованнымъ кругомъ занятій, напряженнымъ

трудомъ получались твердыя положительныя знанія, а путемъ строгой дисциплины, путемъ нуждъ и лишеній вырабатывались твердый характеръ, сознаніе долга и привычка къ постоянному, усидчивому труду. Въ 1829 году онъ окончилъ курсъ волынской духовной семинаріи, со степенью студента, въ 1839 году—курсъ кіевской академіи, со степенью магистра, и тогда-же съ званіемъ баккалавра, по нынѣшнему доцента, оставленъ былъ при академіи на каѳедрѣ философіи. Это совпало съ открытіемъ въ Кіевѣ университета святаго Владиміра, куда перешелъ извѣстный впослѣдствіи, блестящій профессоръ философіи О. М. Новицкій; его-то мѣсто въ академіи и заступилъ Михневичъ, а спеціальностію его, если не ошибаемся, была исторія философіи. То было время цвѣтущаго состоянія кіевской академіи подъ руководствомъ знаменитаго ея ректора Иннокентія Борисова. Выборъ Михневича вмѣсто Новицкаго говоритъ уже о его способностяхъ, а работать надъ наукою, помимо собственнаго влеченія, было такъ отрадно и легко при ободряющемъ и возбуждающемъ вліяніи многоученаго, блестящаго ректора въ организованномъ имъ тѣсномъ кружкѣ талантливыхъ людей. Мы въ дѣтствѣ своемъ слышали о завлекательныхъ чтеніяхъ Іосифа Григорьевича, когда самаго его уже не было въ Кіевѣ. Печатаніе, по многимъ причинамъ, не было тогда въ ходу; тѣмъ не менѣе именно ко времени преподавательской службы Іосифа Григорьевича въ академіи относится небольшое его сочиненіе «О системахъ философіи Фихте и Гегеля». Менѣе чѣмъ чрезъ три года службы Іосифъ Григорьевичъ былъ уже экстро-ординарнымъ профессоромъ академіи, но спустя еще три года, именно въ началѣ 1839 года, онъ перешелъ на должность профессора философіи въ ришельевскій лицей въ Одессѣ. Служба въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ ту пору, да и гораздо позже представляла больше обезпеченія и другихъ не маловажныхъ выгодъ, преподавателей-же философіи и нарочито приглашали изъ духовныхъ академій; тѣ-же обстоятельства и для Михневича послужили поводомъ къ переходу на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Лицею онъ посвятилъ 20 лѣтъ службы,—лучшіе годы своей жизни. Здѣсь ему пришлось принять на себя безраздѣльно весь курсъ философскихъ наукъ, какъ онъ установленъ былъ для лицея, именно: исторію философіи, логику, психологію и эстетику; но самое преподаваніе его продолжалось

лишь до того роковаго 1850 года, въ который философія, признанная, съ политической точки зрѣнія, вредною въ системѣ высшаго образованія, была исключена изъ нея. Въ этомъ году и именно по этому поводу Михневичъ былъ назначенъ инспекторомъ ришельевскаго лицея, въ каковой должности оставался до назначенія своего въ 1859 году на должность попечителя кіевскаго учебнаго округа. Свидѣтельствомъ преподавательскихъ трудовъ его въ лицеѣ осталась груда записокъ его по исторіи философіи, психологіи и эстетикѣ, не изданныхъ въ свое время и утратившихъ потомъ свое научное значеніе, въ печати-же появилась въ 1839 году рѣчь его въ лицеѣ «Объ успѣхахъ греческой философіи», а въ 1846 году—«Опытъ постепеннаго развитія главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство къ первоначальному преподаванію логики». Послѣднее сочиненіе, отличавшееся особенною стройностію, ясностію и простотою изложенія, имѣло въ свое время ходъ и внѣ лицея. Въ 1874 году оно было исправлено и переиздано Іосифомъ Григорьевичемъ въ Одессѣ; но за кореннымъ измѣненіемъ построенія этой науки не могло уже имѣть хода. Несомнѣнно долженъ сохранить свое значеніе составленный имъ въ 1857 году «Историческій обзоръ сорокалѣтія лицея съ 1817 по 1857 гг., но намъ неизвѣстно, былъ-ли онъ въ свое время напечатанъ и остался-ли даже въ рукописи. О дѣятельности Іосифа Григорьевича въ должности инспектора лицея и отношеніи его къ учащейся молодежи самыя теплыя и свѣтлыя воспоминанія передалъ въ «Новостяхъ» извѣстный поэтъ и переводчикъ Петръ Вейнбергъ, самъ учившійся тогда въ лицеѣ. Сущность ихъ сводится къ любви, довѣрію и уваженію, какими окружали Іосифа Григорьевича всѣ учащіеся, о преподаваніи-же его тотъ-же Вейнбергъ отзывается, что «тѣ часы, въ которые воспитанники лицея сходились въ аудиторіи слушать живое слово любимаго профессора, его ясное, серьезное и увлекательное изложеніе, были лучшими часами въ ихъ студенческой жизни». Но какъ въ академіи, кромѣ профессорской должности, Іосифъ Григорьевичъ былъ сперва помощникомъ инспектора, потомъ помощникомъ секретаря, такъ и состоя на службѣ въ лицеѣ, онъ разновременно, а иногда и одновременно исполнялъ массу другихъ обязанностей какъ по лицею, такъ и внѣ его. Двадцать лѣтъ онъ велъ изданіе Новороссійскаго Календаря, издававшагося при учебномъ округѣ, былъ совѣтникомъ

правленія лицея и членомъ онаго по строительной части, состоялъ членомъ одесскаго общества исторіи, исполнялъ не разъ обязанности его секретаря, должность цензора, даже члена совѣта института благородныхъ дѣвицъ.

Съ переходомъ Іосифа Григорьевича на должность помощника попечителя кіевскаго и въ особенности варшавскаго учебнаго округа открылось широкое поприще для примѣненія на дѣлѣ его обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣній и многолѣтней педагогической опытности. Лѣтъ десять или болѣе назадъ, когда впервые была учреждена безслѣдно канувшая въ вѣчность комиссія сокращенія государственныхъ расходовъ, какой-то газетный шутникъ, перебирая всѣ излишнія, по его мнѣнію, въ правительственномъ механизмѣ должности, должность помощника попечителя призналъ наиболѣе праздною и нужною лишь для составленія попечителю партіи въ ералашъ. Онъ былъ-бы очень разочарованъ въ своей фантазіи, если-бы ему пришлось стать въ положеніе Іосифа Григорьевича въ этой должности—сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Варшавѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь время службы Іосифа Григорьевича было временемъ ломки старыхъ порядковъ и замѣны ихъ новыми. Въ Кіевѣ ему пришлось служить съ Н. И. Пироговымъ и подъ конецъ съ Ѳ. Ѳ. Витте, въ Варшавѣ съ однимъ только Витте. Первый, не смотря на прославленную свою геніальность и большую жизненную опытность, былъ все-таки идеалистомъ и склоненъ былъ въ самомъ основномъ своемъ направленіи къ нѣкоторой односторонности и увлеченіямъ, втораго, при всемъ уваженіи къ его основательному образованію, гуманности и даже сердечности, нельзя иначе характеризовать, какъ словомъ: «горячка». Для перваго и еще болѣе для втораго Іосифъ Григорьевичъ былъ умѣряющимъ началомъ, тихимъ, добрымъ геніемъ, глубокимъ, незамѣнимымъ практикомъ.

Безконечное подниманье и такое или иное рѣшеніе всякаго рода педагогическихъ вопросовъ, вызванное Пироговымъ, отъ кореннаго измѣненія методовъ и пріемовъ преподаванія до знаменитаго въ свое время вопроса о томъ, сѣчь или не сѣчь, первыя попытки организовать дѣло народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и возникшая въ слѣдъ за ними борьба между учебнымъ и епархіальнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія сельскими школами—нелегко доставались Іосифу Григорьевичу, на которомъ ле-

жала вся тяжесть невидимой подготовительной и такъ сказать процессуальной работы; но это было, можно сказать, ничто въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ, безконечнымъ трудомъ, какой достался на его долю въ Варшавѣ. Представьте себѣ радикальную ломку всего учебнаго дѣла въ краѣ, несовершенно еще умиротворенномъ, гдѣ учебныя заведенія всѣхъ видовъ и степеней пропитаны были насквозь духомъ ультра-католическимъ и даже революціоннымъ, вообразите быстрое, одновременное на всѣхъ концахъ Царства созиданіе на старыхъ обломкахъ новаго дѣла, которое должно было лечь въ основу всей жизни края, согласовано со всѣми другими въ немъ коренными реформами, отвѣчать новымъ относительно его видамъ правительства и въ тоже время удовлетворять истиннымъ потребностямъ разнообразнаго населенія Царства. Правда, основныя положенія учебной реформы были даны въ общемъ о ней указѣ и рядѣ другихъ указовъ 30 августа 1864 г., касавшихся учрежденія учебныхъ дирекцій, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; но въ основу всѣхъ этихъ указовъ положена было равноправность въ дѣлѣ образованія національностей: польской, русской, литовской, нѣмецкой и еврейской, что, при ихъ черезполосности и смѣшанности, особливо въ городахъ и мѣстечкахъ, вызывало крайнюю запутанность и необычайныя трудности въ согласованіи ихъ отдѣльныхъ интересовъ съ общими видами правительства на постепенное введеніе въ нихъ русскаго языка. Закрывались и преобразовались или переносились изъ одного пункта въ другой существовавшія учебныя заведенія, возникалъ длинный рядъ другихъ,—не существовавшія въ Польшѣ женскія гимназіи и прогимназіи и учительскія семинаріи, гимназіи собственно русскія (въ Варшавѣ), русскія для населенія греко-уніатскаго, равно особыя учебныя заведенія нѣмецкія, литовскія и даже еврейскія. Для всѣхъ ихъ составлялись и пересоставлялись отдѣльные уставы и штаты, изготовлялись программы и учебники, писались инструкціи, правила, поясненія и дополненія, и въ тоже время разомъ понадобилась масса новыхъ помѣщеній, въ большей части устраивавшихся въ зданіяхъ закрытыхъ католическихъ монастырей; шла нескончаемая переписка, иногда и борьба объ отчужденіи этихъ зданій, составлялись планы и смѣты, испрашивались кредиты, шли безконечныя хлопоты объ обзаведеніи, объ

устройствѣ библіотекъ и пр. и пр. А тутъ школы сельскія и городскія, какъ грибы, десятками и сотнями возникали ежегодно во всѣхъ концахъ Царства съ широкимъ для всѣхъ и неограниченнымъ для школъ уніатскихъ пособіемъ отъ казны. Назначеніе и распредѣленіе этихъ пособій, выдѣленіе хозяйственной части школъ изъ прежняго завѣдыванія губернскихъ и уѣздныхъ управленій, снабженіе ихъ книгами и выборъ учебниковъ, иногда-же и устройство и пріобрѣтеніе для нихъ помѣщеній — все это переполняло черезъ край громадную и безъ того массу работы. И надо сказать, что вся эта работа всею своею тяжестью лежала главнымъ образомъ на Іосифѣ Григорьевичѣ. Покойный Ѳ. Ѳ. Витте, при его кипучей натурѣ, не зналъ отдыха, не допускалъ затяжки, промедленія; но онъ часто по дѣламъ крупнымъ выѣзжалъ въ Петербургъ, или въ разные концы и углы Царства, отвлекался засѣданіями въ Совѣтѣ управленія и Учредительномъ Комитетѣ, участіемъ въ разныхъ комиссіяхъ, личными сношеніями съ Намѣстникомъ и другими властями; весь гнетъ неустанной домашней работы лежалъ на Михневичѣ. Прибавьте ко всему, что всѣ прежнія бумаги и дѣла были на польскомъ языкѣ, что дѣлопроизводство и послѣ 1864 года, по крайней мѣрѣ по хозяйственной и счетной части, велось нѣкоторое время на томъ-же языкѣ, что канцелярія правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія, съ которою Іосифу Григорьевичу приходилось ежедневно имѣть дѣло, была въ началѣ наполнена людьми, слабо владѣвшими русскимъ языкомъ, не понимавшими духа совершавшейся реформы и даже не сочувствовавшими ей, что подобныя лица находились и въ другихъ учрежденіяхъ, съ которыми надо было имѣть дѣло, и готовы были при всякомъ случаѣ поставить заковычку или выкинуть колѣнцо, что надо было перечищать ненадежный или непригодный въ большинствѣ служебный въ учебныхъ заведеніяхъ персоналъ и замѣнять его новымъ, что съ являющимися вновь кандидатами была также большая возня и что наконецъ наѣхавшіе со всѣхъ концевъ Россіи служащіе различныхъ вѣдомствъ своимъ непрошеннымъ участіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія, иногда прямымъ вмѣшательствомъ и даже противодѣйствіемъ создавали массу новыхъ затрудненій. Ѳ. Ѳ. Витте отъ всего приходилъ въ тревогу, кипятился, шумѣлъ; Іосифъ Григорьевичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ, но вмѣстѣ

съ одинаковымъ вниманіемъ относился ко всему великому и малому, отрадному и прискорбному. Его свѣтлому уму, такту, спокойствію, разсудительности, твердости и глубокой педагогической опытности учебная реформа въ Царствѣ Польскомъ обязана своимъ удачнымъ проведеніемъ, стройнымъ развитіемъ, быстрыми и прочными успѣхами,—обязана не менѣе, какъ и главному въ ней дѣятелю Ѳ. Ѳ. Витте, начинателямъ и заправителямъ оной Н. А. Милютину и князю В. А. Черкасскому. Но онъ остался въ тѣни, вся честь приписана имъ; справедливость требуетъ воздать каждому свое, и мы можемъ и считаемъ себя обязанными сказать это теперь, и говоримъ по ближайшему многолѣтнему нашему наблюденію.

Іосифъ Григорьевичъ прибылъ на службу въ Варшаву съ званіемъ директора отдѣленія коммисіи народнаго просвѣщенія, а въ 1868 г., съ учрежденіемъ учебнаго округа, переименованъ въ помощника попечителя и хотя послѣдняя должность была классомъ ниже, но по особому Высочайшему повелѣнію за нимъ по прежнему считалась служба въ IV классѣ.

Когда положены были первыя основы для дѣла, когда явились вновь устроенныя учебныя заведенія, Іосифъ Григорьевичъ по временамъ выѣзжалъ для осмотра ихъ; но ничего похожаго не было въ этихъ выѣздахъ на обыкновенныя ревизіи высшаго начальства. Не слѣдовало никакихъ предъувѣдомленій, не было никакихъ встрѣчъ и явокъ въ мундирахъ, шумныхъ оваций и торжественныхъ обѣдовъ, распеканцій, нотацій и слѣдующихъ иногда за ними трогательныхъ прощаній и проводъ. Пріѣзжалъ и отъѣзжалъ онъ, какъ обыкновенный гость, входилъ въ классы и школы, какъ любопытный посѣтитель, ко всему присматривался, все выслушивалъ, все наблюдалъ, обо всемъ распрашивалъ, и ничего не слышалось отъ него, кромѣ ласковаго указанія, кроткаго замѣчанія, мудраго совѣта и наставленія, иногда добродушной улыбки при видѣ того, надъ чѣмъ разразился-бы гнѣвомъ и выговорами иной начальникъ; даже похвалу и одобреніе онъ выражалъ въ самыхъ скромныхъ словахъ. Такимъ онъ былъ и всегда въ обращеніи со всѣми подчиненными, прибывавшими въ Варшаву по дѣламъ и являвшимися къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Ко всѣмъ онъ относился съ одинаковымъ вниманіемъ и участіемъ, съ неподдѣльною ласковостію и простотою пріема и за это всѣ платили ему глубокимъ уваженіемъ и самою

искреннею привязанностію. Самъ Витте относился къ нему всегда съ безграничнымъ довѣріемъ, глубокимъ уваженіемъ и самыми искренними симпатіями.—Какъ знакомый, какъ членъ общества, это былъ рѣдкій по добродушію, прямотѣ и честности, радушію и гостепріимству человѣкъ. Господь благословилъ его такою-же семьею, состоявшею изъ жены, двухъ дочерей и одного сына, состоявшаго до конца 1868 г. въ должности правителя канцеляріи учебнаго округа и облегчавшаго отца въ его тяжелой работѣ. По истинѣ въ этой семьѣ царила Божья благодать и вѣяло отъ нея покоемъ и отрадой. Покойный Іосифъ Григорьевичъ былъ глубоко вѣрующій христіанинъ и искренно набожный человѣкъ; это былъ патріархъ немногочисленной, но рѣдкой семьи и могъ хвалиться истиннымъ семейнымъ счастьемъ.

Имѣя уже 63 года отъ рожденія и 38 лѣтъ службы, въ октябрѣ 1871 г. Іосифъ Григорьевичъ рѣшился выйти въ отставку. Главное и существенное по тому дѣлу, которому онъ посвящалъ послѣдніе годы своей службы, было сдѣлано, и онъ могъ съ чистою совѣстью удалиться отъ него; въ свою очередь семья могла считаться пристроенною [1]); исполненъ былъ всякій долгъ, оставались покои отдыхъ отъ долгихъ и тяжкихъ трудовъ. Обезпеченный пенсіею въ 5,250 р., Іосифъ Григорьевичъ переселился на жительство въ Одессу, къ старшей дочери; но проводилъ здѣсь только зиму, а на лѣто переѣзжалъ къ младшей дочери въ деревню. Это былъ въ собственномъ смыслѣ покой и отдыхъ, котораго достигаютъ весьма немногіе. Въ нихъ и провелъ Іосифъ Григорьевичъ цѣлыхъ 14 лѣтъ. Жизнь беззаботная, безмятежная, безпечальная—кому дается она? Это удѣлъ честныхъ, исполнившихъ свой долгъ, добродѣтельныхъ людей. Но насталъ и для Іосифа Григорьевича предѣлъ, котораго никто не переходитъ. Весною нынѣшняго года съ нимъ случился первый ударъ паралича. Лѣтомъ въ деревнѣ онъ оправился, окрѣпъ, слѣдовъ не осталось; но съ переѣздомъ въ Одессу ударъ повторился, и его не стало. Миръ праху его! Пером земля честному труженику, рѣдкому, въ собственномъ смыслѣ прекрасному человѣку!

---

[1]) Старшая дочь Марія жила давно въ Одессѣ въ замужествѣ за г. Отто, младшая Вѣра, не задолго предъ тѣмъ вышедшая замужъ за директора варшавской русской гимназіи А. Т. Теодоровича, съ выходомъ его въ отставку, поселилась въ имѣніи близъ Елисаветграда, а сынъ Николай хорошо устроился на службѣ въ Петербургѣ (нынѣ вице-директоръ канцеляріи министра путей сообщенія).

ГАЙДАМАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Не славная Чута
Густыми дубами,
А славнійшая Чута
Знизу куринями.
Ай въ Чути, въ лиси
Козаки гуляли,
Зъ лядской области
Добычъ вони мали,
Що ляшкивъ, панивъ драли,
Де мужикъ багатый,
То й того не минали.
Памъятайте, ляшки,
Де козацкіи пляшки,
Та й не забувайте
И насъ споминайте,
Бо якъ мы живы будемъ,
То мы васъ не забудемъ,
Хочь у десять годивъ,
То до васъ прибудемъ.

Пѣсня эта записана въ мѣстечкѣ Сѣдневкѣ елисаветградскаго уѣзда со словъ столѣтняго старика, Ефима Корніенка (онъ-же Середа). *Чута*—лѣсъ въ александрійскомъ уѣздѣ, служившій притономъ гайдамакамъ, наравнѣ съ Чернымъ лѣсомъ.

В. Ястребовъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ т. XI, XII, и XIII „Кіевской Старины“ [1]).

А.

Абель, проф. оксфордскаго у-та; разборъ его книги «Великорус. и малорусскій языки», XIII, 524—532.
Августъ II, король польскій, письмо его къ Сем. Палію, XIII, 360—361; упом., XII, 34, 360 и сл., 614, XIII, 42.
Августъ III, кор. польскій, XII, 36, 262 и сл., 330 и сл.
Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ, XII, 589—590.
Александровичи, дворяне, XI, 782—783.
Александръ I Павловичъ, имп.; посѣщеніе имъ Кіева въ 1816 г., XI, 399—403.
Алексѣй Михайловичъ, царь и вел. кн., XI, 196—197, 708, 710, XII, 432, 436, 560, 564, 589, 595, XIII, 15—16, 216—217, 321—322.
Алексѣй Поповичъ, варіантъ думы о немъ, XI, 182—191.
Алексѣевка, с. елисаветград. у., XIII, 721—729.
Амфитеатровъ, Я. К., проф. кіев. дух. акад., XI, 773—776.
Анна, княгиня, супруга в. кн. Владиміра св., XI, 570.
Анна Іоанновна, имп-ца, XI, 579.
Анна Ярославна, супруга Генриха француз. короля, XI, 381.
Андреевъ, Кирилло, полков. миргородскій, XIII, 666.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Владиміра; разборъ его монографій по южно-рус. исторіи, XII, 318—328; упом., XII, 573, 577, XII, 736, XIII, 148, 331, 562.
Апостолъ, Даніилъ, гетманъ, XI, 67, 579.
Аргуновъ, Иванъ, портретистъ прошлаго ст., XI, 309.
Аскоченскій, В. И., публицистъ 50-хъ годовъ, XI, 93—95, 270.
Афендыкъ, сотникъ бориспол., XIII, 673.

Б.

Бабичъ, Ѳома, депутатъ львов. 1569 г., XI, 282.
Бантышъ-Каменскій, историкъ, XII, 501—502.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., XI, 4, 13—16, XII, 575, 590.
Барабашъ, наказ. гетманъ, XI, 702, XII, 58—59, 589.
Бартоломей, полковникъ, XI, 404—405.
Батюшковъ, П. Н., изд. памятниковъ холмской старины, XII, 307—314.
Безбородко, генер. писарь, XII, 10 и сл.
Безсоновъ, П. А., акад., XI, 5, XII, 429.

[1]) Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницы тома.

Беклемишевъ, соврем. худож., XII, 236.
Берлинскій, Максимъ, изыскатель кіев. древностей, XI, 588, 590.
Берхинъ, Іова, изслѣд. еврейской старины, XI, 569—573.
Берында, Памво, южно-русскій ученый XVII ст., XI, 9—10.
Бестужевъ, рус. посолъ при польскомъ дворѣ, XII, 36.
Бецкій, Ив. Ив., през. акад. художествъ, XI, 311.
Бобровъ, В. А., академикъ-граверъ, XII, 524.
Богдановичъ, В. А., его замѣтка о портретѣ И. Гонты, XII, 736—740.
Богданъ, господарь молдав., XI, 296.
Богдашевскіе, семейство штундистовъ, XI, 492—496, 501.
Богунъ, полков. козац. XVII ст., XI, 706, XIII, 619.
Богушкова слоб., имѣніе Томаръ, XII, 16—17.
Боккачіо, его новелла въ южно-рус. пересказѣ, XII, 273—306.
Боксъ, іезуитъ, XI, 442.
Болдаковскій, Василій, сотникъ бѣлоусскій, XII, 17.
Болеславъ III, король польскій, XI, 27.
— Храбрый, кор. польскій, XI, 25, XIII, 52.
— Тройденовичъ, кн. волынскій и галицкій, XI, 26.
Болобанъ, Гедеонъ, епископъ львовскій, XI, 273—274, 454.
— Герасимъ, штундистъ, XI, 495—509.
Болховитиновъ, Евгеній, митроп. кіевскій, XI, 92—93, 108, 177, 268, 276.
Бомбекъ, староста романовскій, XII, 614.
Борецкій, Іовъ, митроп. кіевскій, XI, 106, 272, 462, 680, 683.
Борисковичъ, Исаакій, епиcк. луцкій и острожскій, XI, 462, 483.
Борисъ (Годуновъ), царь и вел. кн., XIII, 320.
— и Глѣбъ, князья, св., XII, 183—201.
Борки, с. кіев. губ., XII, 200.
Бородавка, гетманъ, XI, 679.
Вортнянскій, Д. С., духов. композиторъ; его портретъ при XII томѣ; зам. къ портрету, XII, 524—530.
Боуръ, генералъ-квартирмейстеръ, XI, 121—122.
Брагинцы, имѣніе Томаръ, XII, 18.
Брадке-фонъ, Е. О., сенаторъ; записка его по обревизованію херсон. губ. (1851 г.), XIII, 128—138.
Браницкіе, графы, XIII, 587—588.
— Ксаверій, региментарь польскихъ войскъ, XII, 620, XIII, 673—674.
Бродовичъ, Θеодосій, архипресв. луцкой уніат. капитулы, XII, 33—34.
Бронницы, с. под. губ., XIII, 676.
Бронскій, Христофоръ, южнорус. ученый XVI ст., XI, 7, 10—11.
Брюховецкій, гетманъ; исторія его гетманства, XII, 545—596; упом., XI, 62—63, 579, 713—714, XII, 16, 22—23, XIII, 667.
Бучневичъ, Лазарь, игуменъ полтавск. монаст., XII, 454.
Булгаковъ, Макарій, митроп. москов., XI, 93—95, 177 и слѣд.
Бутовичъ, Григорій, протопопъ нѣжинскій, XII, 565, 571.
Бучацкій Николай, староста барскій, XIII, 245, 248.
Буша, с. под. губ.; описаніе его, XIII, 675—683.
Быковскій, Іоаннъ, войтъ кіевскій, XIII, 139.
Бѣлинскій, В. Г., изв. критикъ, XI, 649—650, XIII, 46—47.

В.

Васильченко, Андрей Ник. (въ монашествѣ Антоній), старецъ воронеж., XI, 624—625, 631.
Вассіанъ, схимникъ кіево-печ. лавры, XI, 401—402.
Васютенко, Остапъ, запорожскій кошевой, XII, 583—584, 592.
Вейсманъ-фонъ, ген.-маіоръ, XI, 120 и слѣд.
Великіе Бубны, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 11, 17.
Великогагинъ, бояринъ москов., XII, 546—547, 558.
Венцловичъ, см. Стефановичъ.

Вересай, Остапъ, кобзарь, XI, 183.
Висконти, папскій нунцій въ Польшѣ, XI, 52.
Витовтъ, в. кн. литовскій, XI, 38.
Витгенштейны, графы, XIII, 676.
Витязенко, полков. полтав., XII, 579.
Вишневецкій, кн. Дмитрій (Байда), гетманъ, XI, 289, XIII, 151—158, 668.
— кн. Іеремія, XI, 705, XII, 50, 747—748. XIII, 67, 417—418, 424.
Вишневскій, Гедеонъ, епиcк. полтавскій, XII, 338—343.
Владимірко Володаревичъ, кн. галицкій, XI, 474—476
Владиміръ Александровичъ, в. князь, XI, 609.
— святой, в. кн. кіевскій, XI, 177, 180; 569—573, XII, 117.
Владиславъ Ягайловичъ, король польскій, XI, 41.
Владиславъ IV, король польскій, XI, 101, 464, 682—704; XIII, 59—72, 204—219, 408.
Воейковъ, Ѳ. М., кіевскій ген.-губернаторъ, XIII, 314—316.
Войничъ, Павелъ, войтъ кіевскій, XII, 137—138.
Войтовцы, имѣніе Тонаръ, XII, 17.
Волконскій, воевода переясл., XII, 564.
Воровичи, с. кіев. губ., XII, 185.
Вороная, с. новомосков. у.; раскопки близъ нея, XII, 722—727.
Воронцовъ, М. М., XII, 12.
Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кіевскій, XI, 475.
Выводцевъ, гофъ-медикъ, XII, 236—237
Выговскій, гетманъ, XI, 579, 711—713, XII, 5, 47—50, 561, 570, 572, XIII, 621—623, 666—667.
Высокинь, им. Тонаръ, XII, 21.
Высочанъ, полков. лысянскій, XII, 578.
Вышгородъ, с. кіевской губ., XII, 183—204.
Вышенскій, Іоаннъ, полемистъ XVII ст., монографія о немъ; XI, 649—677; упом., XI, 3, 7, 11, 12.
Вяземскій, кн. А. А., генералъ-прокуроръ, XI, 118—119.

Г.

Гаваттовичъ, авторъ интермедій 1619 г., XIII, 374 и слѣд.
Гадячъ, г., XII, 578—580.
Галинъ, М., студ. военно-мед. акад., XI, 237.
Галицкая, слоб., XII, 446.
Галятовскій, Іоанникій, уч. XVII ст., XI, 13—15.
Гамалѣя, Григорій, полков. лубен., XII, 565, 569, 577—578, 588.
Гаркави, А. Я., оріенталистъ, XI, 569—573.
Гвинтовка, Матвѣй, полков. нѣжинскій, XII, 553, 558, 565, 569, 580.
Генрихъ Валуа, кор. польскій и фран., XI, 283—284.
Геншель, полякъ-повстанецъ 1863 г., XIII, 595.
Гервасій, епиcк. переяславскій XIII ст., XI., 609—610.
Герцыкъ, Григорій, малор. полковникъ, XII, 502.
Гизель, Иннокентій, ученый XVII ст., XI, 13—15, XII, 573—574, 586—587, 590.
Гладкій, О. М., козацкій атаманъ; воспоминанія о немъ, XII, 344—350.
Глоба, И. Я., послѣдній запорожскій писарь, XI, 123.
Гловачевскій, К. И., художникъ; біографія его, XI, 308—317.
Глѣбовичъ, воевода смоленскій, XIII, 621—622.
Глѣбовка, с. при Днѣпрѣ, съ древнею при немъ часовнею, XII, 183—204.
Глѣбъ, см. Борисъ.
Гнойна, имѣніе Киселей, XIII, 612.
Гоголь, Остапъ, козач. полковникъ, XII, 27, 436, XIII, 666, 670, 671.
Гозіусъ, кардиналъ, XI, 283.
Голицынъ, кн., любимецъ царевны Софія, участникъ крымскаго похода, XII, 440.
Головатый, Антонъ, депутатъ войска запорож., XI, 132.
Голубевъ, С. Т., проф. кіев. дух. акад., его статья о началѣ кіевск. акад., XI, 85—116; отвѣтъ на нее, XI, 268—281; упом., XI, 651—652.
Голубинскій, Е. Е., проф. москов. акад., XI, 177 и сл., XIII, 38.

Голубы, дворяне, XII, 1—6.
Гонзаревскій, малор. генеральный старшина, XIII, 697.
Гонсѣвскій, стольникъ литов., XIII, 621—622.
Гонта, Ив., уманскій сотникъ; о портретахъ его, XII, 736—740; упом., XII, 40 XIII, 674.
Горленко, Андрей, прилуцкій полковникъ, XIII, 696.
— Лазарь, прилуц. полковникъ, XI, 62—63, XII, 585—587.
Городецкій, Платонъ, митроп. кіевскій, XI, 607—608, XIII, 178.
Гречаный, Степанъ, войсковой писарь, XII, 565, 588.
Гржимултовскій, познанскій воевода, XII, 31.
Григоріевичъ, Лука, рыхловскій игуменъ, XII, 453—454.
Григоровичъ, В. И., проф. варш. у-та, XI, 178, XIII, 721—729.
Гробище, с., имѣніе Новицкихъ, XII, 446.
Гудовичъ, графъ, XI, 386, 388.
Гукъ, Кондратъ, запорож. атаманъ, XI, 127, 130—132.
Гулакъ-Артемовскій, П. И., украин. пис., XII, 682, XIII, 748.
Гулевичъ, Галшка, фундаторка братск. школы въ Кіевѣ; разсужденія о ея личности и имени, XI, 86—94, 107—112, 269—281, XII, 500, 732—735.
Гумилевскій, Филаретъ, архіеп.черниигов., XI, 10, 177.
Гунцель - Мокрскій, ксендзъ - іезуитъ, XIII, 414.
Гупя, гетманъ, I, 693—696.
Гурка, Лука, бресто куявскій воевода, XI, 55.
Гуща, с., имѣніе Киселей, XIII, 408, 612, 616, 619.

Д.

Дадешкиліани, владѣт. князья Сванетіи, XI, 404—406.
Даніилъ-Романовичъ, князь галицкій, XII, 308.
Дашковичъ, Евстафій, каневскій и черкасскій староста, XI, 288—290.
Дворецкій, Василій, кіевскій полков. XVII ст., XII, 553—580.
Дейкунъ-Мовчаненко, помѣщикъ лубенскаго у., XI, 521—523.
Джеджелей, кропивенскій полковникъ, XIII, 417.
Дзѣдушицкій, графъ, польскій археологъ-меценатъ, XI, 169—170.
Диръ, см. Оскольдъ.
Дитмаръ Мерзебургскій, хроникеръ XII ст., XI, 181, 570.
Дмитрій Ивановичъ (Лжедмитрій I.), царь и в. князь, XI, 462, 679.
Довгалевка, с., им. Голубовъ, XII, 3.
Долгорукій, кн. В. М., генералъ-аншефъ, XI, 119, 123.
— кн. И. М., писатель, XIII, 327.
— кн. Ю. А., путивльскій воевода, XIII, 214—215.
Дорошенко, Петръ, гетманъ, XI, 61—63, XII, 16, 21—27, 132—133, 561, 571—572, 578, 582, 586—594, XIII, 667—671.
Достоевскій, Ѳ. М., XI, 665—666.
Дрозденко, сотникъ, XII, 593.
Дубельтъ, шефъ жандармовъ, XII, 257, XIII, 44.
Дубовскій, И. И., художникъ, XII, 604.
Дука, Александръ, гетм., XII, 27—28.
Думитрашко-Раичъ, переяславскій полковникъ, XII, 585—587.
Думницкій, Сильвестръ, ректоръ кіев. акад., XI, 588.
Дунинъ-Борковскій, графъ, владѣлецъ с. Лядавы, под. губ., XI, 484—485.
Дупличъ, полковникъ, XI, 127.
Дымеръ, м. кіев. губ., XII, 198.
Дѣвочка, Онисифоръ, кіев. митрополитъ конца XVI ст., XI, 443.

Е.

Екатерина I Алексѣевна, имп-ца, XI, 578.
— II Алексѣевна, имп-ца, XI, 118—119, 123, 124, 309, 580, 793—794, XII, 40, 43, 619, XIII, 1—30, 223, 527, 752.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, XI, 309, 588, XII, 36.

Ермоленко, Даніилъ, переяславскій полковникъ, XII, 565, 572, 577, 581.
Ефименко, П. С., писатель, XI, 394.
Ефремъ, переяслав. митрополитъ XI ст., XI, 178.

Ж.

Ждановичъ, Антонъ, кіевскій полковникъ, XIII, 666—667.
Жданъ-Рогъ, запорож. кошевой, XII, 581, 592.
Желеховскій, Евгеній, состав. перваго малорус.-нѣмец. словаря; некрологъ о немъ, XI, 594—596.
Желѣзнякъ, Максимъ, предв. гайдамакъ, XII, 40, XIII, 309—310, 726—727.
Желиборскій, Арсеній, львовскій епископъ, XI, 442, XIII, 409.
Желтухинъ, кіевскій генер.-губерн., XII, 626—627.
Животовскій, Василій, войсковой судья, XII, 587.
Жолкевскій, гетманъ коронный, XI, 463, XII, 611, 617, XIII, 59, 67.
Журавль, Илья, кобзарь, XI, 183.
Жученко, полковникъ, XII, 448.

З.

Забѣла, Петръ, первый генеральный судья, XII, 565, 569, 587.
Завитневичъ, изслѣд. южно-рус. литературы, XI, 8—9.
Залусскій, куявскій епископъ, XII, 38.
Залѣсскіе, дворяне, XII, 177—179.
Запорожье; разсказы о немъ и пр., XI, 785—790, XII, 54 и сл., 167, 170, 363—364, XIII, 294—318, 350—353, 721—729.
Зацвилиховскій, Николай, региментарь польскихъ войскъ, XIII, 613.
Зборовскій, Мартынъ, калишскій воевода, XI, 54.
Зеленскій, брацлавскій подчашій, XIII, 414.
Злоба, Тимоѳей, архим. супрасльскаго монастыря, XI, 405.
Злый, Иванъ, козацкій атаманъ, XI, 693—694.
Значко-Яворскій, Мелхиседекъ, игуменъ матрен. монаст., защитникъ православія на Украйнѣ, XIII, 367, 727.
Золотоноша, г.; братства и цехи въ ней, XIII, 160—162.
Золотаренко, нѣжинскій полков., XII, 550—551, 556, 558.
Зубрицкій, Діонисій, галицко-рус. ученый 40-хъ годовъ, XIII, 158.

И.

Ибнъ-Эль-Атиръ, арабскій писатель, XI, 570.
Иваненко, Петръ, войсковой канцеляристъ, XII, 448—450.
Иванишевъ, Н. Д., профессоръ у-та св. Владиміра, XII, 263—265, XIII, 195—203.
Иванъ Ростиславичъ (Берладникъ), князь-изгой, XI, 474—477.
Иващенко, соврем. этнографъ, XI, 183.
Ивенсенъ, кіев. полицiймейстеръ 60-хъ годовъ, XIII, 458—459.
Измайловъ В., авторъ «Путешествія въ полуд. Россію», XI, 581—592.
Изяславъ Давыдовичъ, в. кн. кіевскій, XI, 475.
Иларіонъ, мит. кiев., XI, 572, XII, 117.
Ильяшенко, лубен. полков., XII, 440.
Ильяшъ, козацкій полковникъ, XII, 58.
Ипсиланти, кн., господарь румынскій, XIII, 751.
Иринархъ, печерскій игуменъ XVII ст., XIII, 207.
Ичня, м. борзен. у., XIII, 557—558.

І.

Іегуда, евр. раввинъ, XI, 569—573.
Іеремія II, патр. констант.; о времени пріѣзда его въ Украйну, XI, 86—116, 268—281, 443.
Іоакимъ, первый еписк. новгородскій, XI, 181.
Іоакимъ, патріархъ антіох., XI, 271. XII, 429.
Іовъ Желѣзо, почаевскій игуменъ, XI, 157—167.
Іоаннъ V, кор. португ., XII, 33 и сл.
Іосифъ I, имп. германскій, XIII, 716.

К.

Кавелинъ, К. Д., пав. ученый, XI, 421.
Кавецкій, Стан., владѣтель с. Лоевцы, под. губ., XI, 477—478.
Кагальничано, молдавскій ученый, XII, 502—505.
Казиміръ Ягайловичъ, король польскій, XI, 42—44.
— III., король польскій, XI, 26.
— IV., король польскій, XI, 44, 47, 50.
— Великій, король польскій, XI, 28, 31.
Калиновскій, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 708, XII, 616, 419, 622—625, 664—665.
Калнишевскій, П. И., послѣдн. запорожскій кошевой, XI, 118—132. XIII, 309.
Каменецкій, завѣдывавшій типографіей П. А. Кулиша, XI, 521—522.
Каменскій, М., генералъ-поручикъ, XI, 130.
Капланъ-паша, турецкій военачальникъ XVII ст., XII, 437.
Капвистъ, миргородскій полковникъ, XIII, 673.
Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, XI,
Карлъ XII, король шведскій, XI, 579, XII, 335, 503.
Кафа, см. Ѳеодосія.
Каховскій, М. В., таврич. генер.-губерн. XVIII ст., XI, 534, 538.
Кашовка, с., имѣніе Тамаръ, XII, 21.
Кейтъ, правитель Малороссіи, XII, 8—9.
Кизимъ, козацкій полковникъ, XI, 457.
Кириллъ, см. Меѳодій.
Киркоръ, соврем. польскій археологъ, XII, 311.
Кисели, дворяне, XIII, 54—59.
Кисель, Адамъ, воевода кіевскій; его портретъ при XII томѣ; замѣтка къ портрету, XII, 745—750; біографія А. Киселя, XIII, 51—72, 204—219, 408—430, 612—638; упом., XI, 685, 692.
Кисель, Николай, новгородъ-сѣверскій хорунжій, XIII, 414, 613, 616, 619—620.
Кистяковскій, А. Ѳ., профессоръ у-та св. Влад.; некрологъ о немъ, XI, 406—415; очеркъ его научн. дѣятельности, XII, 228—254; упом., XII, 354, XIII, 563.
Кіево-Трехсвятит. церковь; раскопки около нея, XII, 163—167.
Кіевское общество прбд. Нестора лѣтописца; отчетъ его за 1884 г., XIII, 562—567.
Климентъ VIII, папа римскій, XI, 458.
Климентъ XIII, папа римскій, XII, 208.
Клищинцы, имѣніе Новицкихъ, XII, 445.
Кобылинскій, Антоній, управитель староства романовскаго, XII, 612.
Козарино, озеро гомельскаго у.; раскопки близъ него, XI, 573—577.
Козинская-Гойская, фундаторка почаевской обители, XII, 733.
Козловскій, И. Т., ученый XVII ст., XI, 13.
Коленко Герасимъ, полковникъ, XI, 127 и сл.
Комаровскій, Василій, бунчуковый товарищъ, XII, 19.
— Ираклій, троицкій архимандритъ, XII, 19, 20.
Конашевичъ-Сагайдачный, гетманъ; повѣсть объ осадѣ имъ г. Михайлова, XIII, 684—689; упом., XI, 91, 106—107, 277 и сл., 464, 679—682, 768.
Конецпольскій, Ал—дръ, коронный хорунжій, XIII, 212—213.
— Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 683—684, 691—693, XIII, 68, 417.
Кониcскій, Георгій, бѣлорус. епископъ, XII, 37, 208.
Кононовичъ, Савва, гетманъ, XI, 692.
Константинъ, могилевскій полковникъ, XIII, 667.
Кончевичъ, Ярема, козацкій эмисаръ, XIII, 409—410.
Копинскій, Исаія, кіев. митр., XI, 106, 108, 110, 272, 461—462, 685.
Копыстенскій, Захарія, учен. XVII ст., XI, 8—9, 94, 112.
Копыцкій, Станиславъ, польскій шляхтичъ XVII ст., XIII, 261 и сл.

Корецкій, кн. Самуилъ, XIII, 614.
Корсунь (таврическая), XII, 121—123.
Косаговъ, Георгій, козацкій атаманъ, XII, 561—581.
Косаговскій, брацлавскій подсудокъ, XIII, 621—622.
Косинскій, гетманъ, XI, 450—451.
Коссовъ, Сильвестръ, кіевскій митроп., XI, 13, 103, 272, XIII, 614, 616.
Костомаровъ, Н. И.; некрологъ о немъ, XII, I—XLIV; воспоминанія и разсказы о немъ, XII, 219—227, 255—262, 352—353; посвящена памяти Н. И. статья О. Миллера «Даръ Пятьдесятницы и наши первоучителя», XIII, 32—50; упом., XI, 183, XII, 263, 501, 502, 740, XIII, 68, 184, 421, 527, 563, 616, 630, 632, 748.
Костюшко, польскій патріотъ, XI, 387—389.
Кострицкій, авторъ «Новой громады», XIII, 699—700.
Котляревскій, И. П., писатель, XI, 596—606.
Котляръ, Герасимъ, гайдамака; его показаніе, XIII, 293—306.
Кошевой, Иванъ, прилуцкій полковникъ, XI, 63.
Коширскій, кн., кіевскій воевода, XI, 299.
Кочубеи, дворяне, XII, 3.
Красинскій, Адамъ, каменецкій епископъ, XII, 39—40.
Красковскій, львовскій епископъ, XIII, 411.
Красный-Колядинъ, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 11.
Красовскій, Василій, игуменъ кіевокириллов. монаст. XI, 279.
Кременчугъ, г., XII, 338—343.
Крепсъ, Вероника, ея мемуары о Коліевщинѣ, XII, 572—574.
Крупецкій, перемышльскій епископъ, XIII, 706.
Кречетниковъ, М. М., кіевск. генер.-губ., XII, 40, 693—696.
Крыжановскіе, дворяне, XII, 7—13.
— Смарагдъ, епископъ, XII, 13.
Крюковскій, Ив., кобзарь, некрологъ о немъ, XII, 740—745.
Ксида, одес. купецъ, пропов. штунды, XI, 492.
Кублицкій, Константинъ, полтавскій полковникъ, XII, 587.
Кузнецовъ, Н. Д., соврем. художникъ, XII, 603.
Куинджи, А. И., соврем. художникъ, XII, 601—692.
Куликовскій, Мих., первый харьковскій предв. дворянства, XIII, 4.
Кулишъ, П. А.; 183, 521—522, XII, 262, 352—353, 740, XIII 184, 748.
Кунаковъ, Григорій, московскій дьякъ, XIII, 421—422.
Куницкій, гетманъ, XII, 27—29, 441, XIII, 671.
Кунцевичъ, Іосафатъ, полоцкій епископъ, XI, 459—460, XIII, 713.
Куракинъ, кн. А. Б., XII, 156—163.
— кн. Б. П. XI, 379—380.
Караково озеро, XI, 767—773.
Кутузовъ-Голенищевъ-Смоленскій, кн., побѣдит. франц., XI, 782—763.

Л.

Лаверецкій, профес. акад. худож., XII, 236.
Лагардъ-де, графъ, путешественникъ по Россіи 1811 г., XIII, 749—757.
Ладыженскій, царскій стольникъ, XII, 583.
Лазаревскій, А. М., изслѣд. южнорус. старины, XII, 748.
— М. М., этнографъ, XI, 528.
Ласкъ, Петроній, монахъ Гущскаго монастыря, XIII, 408.
Ласси, фельдмаршалъ, XII, 332.
Лебединцевъ, П. Г., кіев. каѳедр. протоіерей, XII 164.
Лебединъ, м. кіев. губ., XIII, 364—367.
Леванда, І., кіев. каѳедр. протоіерей, XI, 589—590.
Левицкій (Нечуй), И. С., малорус. писатель; отзывъ о немъ Н. И. Костомарова, XII, 226—227; XIII, 701.
— Н. Ѳ. учитель кіев. 4-й гимназіи; некрологъ о немъ, XI, 357—363.

Лежайскій, Михаилъ, архимандритъ новгородъ-сѣвер. монаст., XII, 455.
Лентовскій, ксендзъ-кармелитъ, XIII, 414, 418.
Леонтій, митроп. кіевскій, XI, 178 и слѣд.
Леонтьевъ, З. Ф., сѣвскій воевода, XIII, 215, 218.
— кіевскій генер.-губернат., XII, 506, 562.
Лисаневичъ, мглинскій сотникъ, XI, 69.
Лещинскій, Филоѳей, архіеп., XII, 456.
Лизогубъ, Яковъ, черниговск. полковникъ; универсалъ его 1690 г., XI, 539—542; упом., XII, 16—18, 451—585.
Линь-де, принцъ, XIII, 752.
Литвяки, с., имѣніе Новицкихъ.
Лихопой, посолъ Сѣчи въ Москву, XII, 445.
Лобода, гетманъ, XI, 452.
Лоевцы, с. под. губ., XI, 477.
Лосенко, А. П., художникъ XVIII ст., XI, 309—310.
Лубенскій, Андрей, примасъ, XIII, 415.
Лупула, Василій, молдавскій господарь, XIII. 664—665.
Лысенко, Ѳедоръ, генеральный судья, XII, 18.
Львовъ, духов. композиторъ, XII, 526—529.
Любомірскій, кн. Іосифъ., брацлавскій воев., XII, 612, 615, 617.
— кн. Станиславъ, коронный подстолій, XIII, 308.
— кн. Юрій-Доминикъ, ушицкій староста, XI, 478.
Людовикъ (Венгерскій), польскій король, XI, 28—29.
— XV, французск. король; XII, 334 и сл.
Лютежъ, с. близъ Вышгорода, XII, 197—198.
Лядава, с. под. губ.; описаніе его, XI, 480—486.
Лянцкоронскій, Предславъ, гетманъ, XI, 288.
— Станиславъ, брацлавскій воевода, XIII, 617.
— Лисоцкіе, братья, штундисты, XI, 497 и сл.

М.

Магметъ-Чагинъ, крымскій посолъ, XII, 442.
Мазараки, дворяне, XI, 68—70, 80—82.
Мазепа, Иванъ, гетманъ; его отношенія къ полковнику И. Ѳ. Новицкому и переписка съ нимъ, XII, 442—457; о могилѣ Мазепы, XII, 501—505; отзывъ о немъ Стеф. Яворскаго, XIII, 172—175; упом., XII, 4, 6, 8, 16; о его гербѣ, XIII, 715, 718.
Макарій, патріархъ антіохійскій, XI, 102—104, 270.
Маковскій, Иванъ, кролевецкій сотникъ, XII, 4—6.
— К. Е., соврем. художникъ, XIII,
Максаковскій (черниговс. губерніи) монастырь, XII, 748—749.
Максимовичъ, компанейскій асаулъ, XII, 440, 448.
— Іоаннъ, черниговс. архіеписк., XI, 14, 16.
— М. А.; письма къ нему Т. Г. Шевченка, XI, 333—338; упом., XI, 85—86, 94—96, 106, 268, XII, 511, 517.
Малышевскій, И. И., профес. кіев. дух. акад., XI, 86, 108, 177, 268, 273, 281, 453.
Мандро, полковникъ, XI, 124—128, 130—132.
Маркевичъ, Н. А., историкъ; его письма, XIII, 690—698.
Марковичи, дворяне, XIII, 690—698.
Мартыновичъ, Артемъ, нѣжинскій полковникъ, XII, 3.
— П. Д., соврем. художникъ, XII, 741—743.
Мартыновскій, Антоній, могилевскій архіеп., XII, 350—352.
Мартыновъ, Артемъ, нѣжинскій полковникъ, XII, 585—587.
Марцинкевичъ, Аѳанасій, шляхтичъ; судъ надъ нимъ, XII, 79—106.
Маценко, Иванъ, прилуцкій полковникъ, XI, 62—63, XII, 584.
Мацкевичъ, каменецкій епископъ, XII, 460—476.

Мацѣевскій, соврем. польскій ученый, XIII, 185.
Медвѣдь Высокій, гайдамацкій предводитель, XIII, 309—310.
Межигорскій монастырь, XI, 607—608, XII, 497—499, 703, XIII, 178—183.
Мелетій, александрійскій патр., XI, 271.
Мелецкій, полковникъ, XIII, 72.
Меньшиковъ, А. Д., фаворитъ Петра I, XI, 578.
Метлинскій, этнографъ, XI, 183—184.
Мечиславъ I, кор. польск., XI, 20—21.
Меѳодій и Кириллъ, св. славян. первоуч.; по поводу 1000-лѣтн. юбилея, XI, I—VI, XII, 107—126, XIII, 31, 37, 40.
Миклашевскій, генеральный старшина, XIII, 697—714.
Миклошичъ, Францъ, славистъ, XI, 755—760.
Миллеръ, историографъ XVIII ст., XI, 108, 268, 271, 276, 281, XIII, 527.
Милорадовичъ, спб. генер.-губерн., XIII, 751—752.
Мировичъ, Иванъ, переяслав. полковникъ, XII, 16.
Мироновъ, Матвѣй, секундъ-маіоръ; его путевой журналъ 1755 г., XI, 339—356.
Михаилъ III, имп. визант., XIII, 35—36.
— господарь молдав., XII, 217.
— Вишневецкій, кор. польскій, XII, 21, 25, XIII, 620.
Михайловъ, г. рязан. губ.; осада его Сагайдачнымъ въ 1618 г., XIII, 684—689.
Михайловъ, Ѳедоръ, войсковый писарь, XII, 587.
Михневичъ, I. Г., пом. попеч. варшав. учеб. округа; некрологъ о немъ, XIII, 757—765.
Мицкевичъ, поэтъ, XIII, 747—749.
Младановичъ, уманскій губерн., отецъ Вероники Крепсъ, XII, 512.
Мнишки, дворяне, XII, 612.
Многогрѣшный, Демьянъ, гетманъ, XI, 63, XII, 23—24, 431, 592.
Мобильонъ, изв. патеръ-издатель, XI,
Мовчаны, дворяне, XI, 61—71, 79—80.
Мовчанъ, Мих., прилуцкій асаулъ; его записная книга, XI, 57—84.
— Петръ, козацкій атаманъ, XI, 123.
— Ѳедоръ, прилуцкій полковникъ, XII, 433, 435.
Могила, гетманъ, XIII, 671.
— Іеремія, молдав. господарь, основат. Могилева-Под., XIII, 674.
— Петръ, кіевскій митроп., XI, 13, 112, 279, 281, 685, XIII, 206, 416—417, 629—634, 711—712.
Могилевъ-Под., г.; его описаніе и исторія, XIII, 657—675.
Могиленко, гетманъ, XII, 441.
Мойсеевка, с., имѣніе Крыжановскихъ, XII, 12.
Мокрицкій, И. Н., правитель канц. спб. об.-полиціим., XI, 527—530.
Мордовцевъ, Д. Л., соврем. пис., XII, 237.
Морачевскій, польскій историкъ, XI, 47.
Мороховскій, Илія, владимірскій еписк., XI, 442.
Москвинъ, Арсеній, кіев. митр., XI, 507.
Мотовило, іезуитъ XVII ст., XI, 446.
Муравьевъ (Амурскій), графъ, XI, 204.
Мурадъ, крымскій ханъ, XII, 439.
Мурахва. р., XIII, 677.
Мухина гора, курганъ въ павлоград. у.; раскопки въ ней, XII, 707—722.
Мыкъ-Городъ, городище близъ Радомысля, XII, 184.
Мѣлецкій, полковникъ польской службы, XI, 694—695.
Мясковскій, Войцехъ, львовскій подкоморій, XIII, 414—419, 426.

Н.

Нагаткинъ, И. И., капитанъ I-го ранга, XI, 121.
Нагорное, с. под. губ.; описаніе его, XI, 486—489.
Наливайко, гетманъ, XI, 452.
Наполеонъ I, XI, 386—387, XII, 207, 514—515, 730.
Незамай, Юрій, войсковый судья, XII, 578—579.
Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, кіев. митрополитъ, XII, 21, 561, 572, 586—587, 592.
Немія, с. под. губ.; опис. его, XIII, 654.
Нехаевка, с., имѣніе Новицкихъ, XII, 434.

Нехайки, с., имѣніе Томаръ, XII, 16, 17.
Нечай, Даніилъ, козацкій полковникъ, XIII, 617.
Низкиничи, с., имѣніе Киселей, XIII, 51, 60.
Никита, бѣлгород. еписк. XI в., XI, 179.
Николай I Павловичъ, имп., XI, 191—196, 200—205, XII, 211.
Нищинскій, авт. малоруск. перевода VI пѣсни Одиссеи, XIII, 700—701.
Новая Ушица, г. под. губ. XI, 465.
Новицкіе, дворяне, XII, 455—457.
— И. Ѳ., охочекомонный полковникъ; его біографія, XII, 431—457.
Новоселки, имѣніе Киселей, XIII, 51.
Новые Дятловичи, озеро гомельскаго у., XI, 573.
Нѣговскій, М. В., этнографъ, XI, 183—184.
Нѣжинъ, г.; его храмы, XII, 314—318.
Нѣсецкій, пис., авт. «Corony», XI, 69, XIII, 52—53, 59, 628.

О.

Обуховичъ, Ѳедоръ-Михаилъ, мозырскій подкоморій, XIII, 414.
Обухъ, Андрей, кіевскій земянинъ, XI, 96—99, 102, 260 и сл.
Овсяный, Ромуальдъ, владѣтель с. Буши, под. губ., XIII, 680.
Огаревъ, Евсевій, гадячскій полковникъ, XII. 589.
Одоевскій, кн. Никита Ивановичъ, XIII, 212—213.
Одынецъ, черкасскій полковой судья, XIII, 623.
Озаркевичъ, перев. Мицкевича на малорусск. языкѣ, XIII, 749.
Окунь, полковникъ, XIII, 681—682.
Ольдриджъ, негръ-трагикъ, XI, 237—238.
Опара, XII, 572.
Опошня, м. зеньков. у., XI, 579.
Ордынъ-Нащокинъ, русскій военачальникъ XVII ст., XII, 583, 589, 591.
Орловъ, кн., фаворитъ имп. Николая, XI, 205.
Оробьевка, с., имѣніе Томаръ.
Орышовскій, Янъ, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 290.
Оскольдъ и Диръ, кн. кіевскіе, XII, 114—115.
Остерманъ, канцлеръ имп. Елисаветы, XII, 332.
Острожская, княжна Гальшка, XI, 54—56.
— кн. Конст. Ив., XI, 45—46, 52, 279.
— кн. Констант. Конст., XI, 2, 7, 54—56, 95, 271, 281, 445—451, 454—455, XII, 206, 209, 511—512.
— кн. Янушъ Конст., XI, 446, 451.
Острый, гадячскій полковникъ, XII, 578—579.
Остряниинъ, гетманъ, XI, 695—696.
Оссолинскій, корон. канцл., XIII, 218.

П.

Павелъ Алеппскій, діаконъ, авт. описанія путешествія патріарха Макарія, XI, 102—105, 115, 269.
— I, имп., XI, 309, 310.
Павловскій, охочекомонный полковникъ, XII, 435.
Павлюкъ, гетманъ, XI, 692—694, XIII, 70—72.
Падлевскій, полякъ-повстанецъ.
Паисій, патріархъ іерусалимскій, XI, 277.
Палій, Семенъ, бѣлоцерков. полковникъ; письмо къ нему короля Августа II, XIII, 360—361; упом., XI, 64—65, XII, 33, 613.
Панкратьевъ, кіев. губ., XIII, 752.
Панское, с. полтав. губ., XIII, 169.
Перетятковичъ, Криштофъ, польскій посолъ къ Выговскому, XII, 547—548.
Переяславская успенская церковь, XI, 608—610.
Петровскій, виленскій депутатъ на сеймѣ 1718 г., XII, 34.
Петровъ, Н. И., проф. кіев. дух. акад., XI, 274.
Петрушевичъ, галицкій ученый, XI, 171—173.
Петръ, господарь молдав., XI, 286, XIII, 263, 267—269.
— I, имп., XI, 379—380, XII, 33—35, XIII, 22.

— III, имп., XI, 588, XII, 12.
Писарева, С. В., жена правит. канцелярiи Д. Г. Бибикова, извѣстная въ Кiевѣ красавица, XIII, 672.
Пишчевичъ, А. П.; разсказъ его о чумѣ 1813 г., XII, 153—163.
Плетенецкiй, Елисей, ученый XVII ст., XI, 94—95, 110, 112, 272, 281.
Подлипное, с., имѣнiе Голубовъ, XII, 3.
Подкова, Иванъ, , XI, 483—287, XIII, 243—276.
Подставки, имѣнiе Тамаръ, XII, 16.
Позняки, с. близъ Кiева, имѣнiе Киселей, XIII, 628.
Полуботко, Павелъ, гетманъ, XIII, 697.
Полугеръ, Тимоѳей, атаманъ запорож., XII, 453.
Поповичъ, Иванъ, паволоцкiй полковникъ, XII, 554.
Поссевинъ, iезуитъ XVII ст., XI, 438.
Потемкинъ, кн. Г. А., XI, 126—129, 532—534.
Потоцкiе, графы, XIII, 753—756.
Потоцкiй, графъ Николай, гетманъ польскихъ войскъ, XI, 693, 706, XIII, 57, 69—71.
— Николай, канев. стар.; разсказы о немъ, XIII, 234—242, 367—370, 554—555; дарствен. запись его Вероникѣ Крепсъ, XII, 512—514.
— Станиславъ, гетманъ польскихъ войскъ, XIII, 615, 619—623, 665.
— Францискъ-Салерiй, владѣтель Могилева-Под., XIII, 660.
— Ѳедоръ, командиръ всей польской артиллерiи, XIII, 310—316.
Потѣй, Ипатiй, кiев. унiат. митроп., XI, 280, 441—442, 449, 453—455.
Праховъ, А. В., проф. петерб. у-та, XII, 164.
Прерадовичъ, сербъ-эмигрантъ, XI, 381—385, 508—511.
Прилуки, г.; цехи и братства въ немъ, XIII, 169—171.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архiеп. новгородскiй, XI, 271, XIII, 276.
Проскуры, дворяне, XII, 612.
Протасевичъ, Валерiй, виленскiй епископъ, XI, 283.
Протасьевъ, Ѳедоръ, московскiй посолъ, XII, 549—550, 557.
Пузына, Ал-дръ, луцкiй епископъ, XIII, 65—66, 409.
Пулавскiй, Iосифъ, староста, XII, 39.
Пыпинъ, А. Н., соврем. ученый и публицистъ, XIII, 95.
Пясецкiй, польскiй историкъ, XIII, 71.

Р.

Радзивиллъ, кн., предвод. диссидентовъ, (1766 г.), XII, 38.
— Альбрехтъ, литов. канцлеръ, XIII, 63—64.
— Криштофъ, XIII, 63.
— Янушъ, литовскiй гетманъ, XIII, 418, 620, 623—624.
Радзѣевскiй, коронный подканцлеръ, XIII, 423, 619, 628.
Радивиловскiй, Антонiй, ученый XVII ст., XI, 13.
Разумовскiй, К. Г., графъ, гетманъ; универсалы и ордеры его, XII, 477—482, XIII, 277—292; упом., XI, 579, XII, 12, XIII, 751.
Ракочи, седмиград. князь, XII, 217, XIII, 419.
Ратушный, Михаилъ, штундистъ, XI, 496.
Рейсъ-Ефенди, великiй визирь турец., XII, 217.
Репнинъ, Борисъ, рус. посолъ въ Варшавѣ, XIII, 521.
Ретикъ, имѣнiе Голубовъ, XII, 3.
Ржевусскiй, Вацлавъ, краковскiй воевода, XII, 38.
Ришелье, одесскiй генер.-губерн., XII, 156, 161, 609.
Рогоза, Михаилъ, митроп. кiевскiй, XI, 274, 443, 455.
Рогоща, с., имѣнiе Томаръ, XII, 18, 21.
Романовское староство; судьба его жителей, XI, 607—630.
Ромодановскiй, Гр. Гр., москов. воевода, XII, 555—557, 563—564, [illegible]
— Ѳедоръ, московскiй воевода, [illegible] 26, 435.
Рубанъ, войсковый асаулъ, XII, [illegible] 445.
— Василiй, историкъ, XI, 271, 278.
Рудольфъ II, имп. германскiй, XI, 294—296.

ученый XVII ст., XI, 94.
Ставровскій, проф. у-та св. Владиміра, XI, 746.
Станиславъ Лещинскій, польскій король, XII, 262 и сл., 330 и сл., 616, 621.
— Понятовскій, польскій король, XII, 37, 41.
Старая Ушица, с. под. губ.; его описаніе и исторія, XI, 465—479.
Старицкій, М. П., соврем. писатель, XII, 226, XIII, 701—702, 748.
Старовъ, Н. Д., близкій пріятель Шевченка, XI, 237—238.
Стефановичъ, Гавріилъ, сербскій ученый XVIII ст., XI, 4.
Стефанъ Баторій, король польскій, XI, 283—287, 291—297, 457, XIII, 246 и сл.
— св., сурожскій епископъ, XII, 115—117.
Стороженко, А. Я., писатель; о могилѣ его, XII, 729—732; упом., XII, 682—683.
— Иванъ, прилуцкій полковникъ, XII, 445.
Строгановъ, графъ А. С., президентъ акад. худож., XI, 312—313.
Стягайло, Филиппъ, войсковой козац. старшина, XI, 117.
Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. италійскій, фельдмаршалъ; анекдотъ о немъ, XI, 783.
Сулима, козацкій атаманъ XVII ст., XI, 691.
— переяслав. полковникъ XVIII ст., XII, 477.
Суша, Яковъ, уніат. епископъ холмскій, XII, 207, 308.
Сѣчь, см. Запорожье.
Сядричи, с., имѣніе Томаръ, XII, 18, 21.

Т.

Тальдуци, Филиппъ, итальянецъ, письмо его о казни Ив. Подковы, XIII, 272—276.
Тарновскій, графъ, профессоръ краков. у-та, XII, 35.
Теремцы, с. кіев. губ., XII, 185.
Терлецкій, Кириллъ, луцкій епископъ, XI, 442, 449, 452, 670.
— Меѳодій, епископъ, XIII, 713.
Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Владиміра и кіев. дух. акад., XIII, 563.
Тетеря, гетманъ, XI, 71, 94, XII, 561—562, 565, 570—571, 579, XIII, 667.
Тимоѳей, константинопол. патріархъ, XI, 276.
Томаровка, имѣніе Томаръ, XII, 21.
Томары, дворяне, XII, 14—20.
Томиленко, гетманъ, XI, 691, XIII, 321.
Тредьяковскій, В. К., писатель, XIII, 527.
Тризна, Н. И., бунчуковый товарищъ, XII, 180—181.
Трощинскій, гадяцкій полковникъ, XII, 456.
Трубецкой, князь, кіевскій воевода, XII, 433.
Трутовскій, соврем. художникъ, XII, 600—601.
Трясило, гетманъ, XI, 683—684.
Турчиновскій, Илія, свящ. XVIII ст.; автобіографія его, XI, 318—332.
Тышкевичъ, ист., XI, 442—496.
— Янъ, кіевскій воевода, XIII, 339.
Тяпкинъ, Василій, стольникъ, XII, 431, 591—592.

У.

Уваровъ, графъ А. С., археологъ, XIII, 563.
Урбанъ IV, римскій папа, XI, 380.
Урбанъ VIII, римскій папа, XI, 461, 689.

Ф.

Филимоновичъ, Меѳодій, мстислав. епископъ, XII, 552, 556—557, 572—579, 586—588, 590.
Филоненко, козацкій атаманъ, XI, 695.
Фотій, визант. патр. IX в., XIII, 35—37.
— констант. патріархъ XVII в., XII, 114—115, 119.
Фроловъ, москов. дьякъ, XII, 574.

Ружинскій, кн. Богданъ, гетманъ, XI, 289—290.
— Николай, XII, 610.
Румянцевъ-Задунайскій, графъ П. А., XI, 122, 126, 127, 130—131, XII, 139, 149—152.
Рутскій, Веніаминъ, кіев. уніат. митроп., XII, 217, XIII, 706.
— Янъ, епископъ, 442.
Рыжановка, с. звенигород. у.; раскопки близъ нея, XII, 727—729.
Рѣпинъ, И. Е., соврем. художникъ, XII, 236, 601—603.
Рябошапка, штундистъ, XI, 507.

С.

Саблуковъ, И. С., портретистъ прошлаго ст., XI, 309—310.
Садковскій, Викторъ, слуцкій епископъ, XII, 212.
Садовскій, Станиславъ, ушицкій староста, XI, 478.
Сакенъ, графъ Д. Е., XI, 204—205.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ; опись его имущества, XI, 776—779; упом. XI, 60, 62—64, XII, 3, 8, 16—18, 26 и сл., 442, 587, XIII, 670.
— Семенъ, гетманичъ, XII, 439—441.
Самоквасовъ, археологъ, XIII, 324.
Самусь, козацкій полковникъ XVII ст., XII, 33.
Сангушко, кн., генералъ-лейт., владѣтель Кременца, XI, 386.
— кн., Дмитрій, XI, 54—56.
Сапѣга, Левъ, литов. канцл., XI, 449.
Сванетія; запорожцы въ ней, XI, 403—406.
Свенцицкій, малорусскій переводчикъ Мицкевича, XIII, 749.
Свидригайло, в. кн. литовскій, XI, 39.
Свѣчка, Василій, лубенскій полковникъ, XII, 445, 447.
Святославъ Всеволодовичъ, вел. кн. кіевскій, XII, 164.
Сербина, Война, переяслав. полковникъ, XII, 434.
Серебрія, м. под. губ.; описаніе его, XIII, 653—654.
Сигизмундъ Кейстутовичъ, вел. князь литовскій, XI, 39.
— I, король польскій, XI, 45, 294, 296—297, 299, XIII, 339, 717,
— II, Августъ, король польскій, XI, 46, 49—55, 282—283, 299.
— III, король польскій, XI, 276, 437—438, 443, 457—459, 463, 610—612, 682—685, XII, 610, XIII, 59—60, 684, 706.
Сидловскій, полковн., XI, 121—122.
Сидоровъ, Захарія, глуховскій войтъ, XII, 585.
Силичъ, Аникій, черниговскій полковникъ, XII, 559.
Сильвестръ, монахъ, авт. первоначальной лѣтописи, XI, 571—572.
Сирко, кошевой запорожской Сѣчи, XII, 24, 27, 599, 561, 580, XIII, 667.
Сицинскій, униатскій депутатъ, сорвавшій сеймъ 1651 г., XIII, 626.
Скальковскій, А. А., авторъ «Новой Сѣчи», XI, 532, 793, XII, 163.
Скарга, іезуитъ XVII ст., XI, 285, 438.
Скиданъ, козацкій полковникъ, XI, 693—695.
Скорина, переводчикъ Библіи на русскій языкъ, XI, 445.
Скоропадская, гетманша, XIII, [illegible], 696.
— гетманъ; письмо его о сборахъ на «ралець», XIII, 360—364; упом. XI, 65, 67, 70, 75—76, XII, 457.
Сластіонъ, соврем. художн., XII, 236.
Слуцкіе, князья, XI, 668.
— кн. Семенъ, XI, 55.
Смотрицкій, Мелетій, ученый XVII ст., XI, 2, 9—10.
Смядынь, р., XII, 188, 195, 195.
Саковичъ, Кассіанъ, уніатъ ученый XVII ст., XI, 94, 277.
Солтыкъ, Каетанъ, краковскій епископъ, XII, 38.
Солунь, родина св. Кирилла и Меѳодія, XII, 121—123.
Сойко, Якимъ, наказ. гетманъ, XI, 9[illegible], XII, 15, 546—555, 554—555.
Ставище, имѣніе Браницкихъ, XI, 620—621.
Ставровецкій, Кириллъ-Транквилліонъ

Х.

Ханенко, гетманъ, XII, 23, 26, 27, XIII, 668—669.
Хильчичи, с. стародубскаго полка, XIII, 189 и слѣд.
Хитрово, Богданъ Матвѣевичъ, царскій окольничій, XII, 563, 565.
— Яковъ, полтавскій воевода, XII, 577.
Хмельная, имѣніе Томаръ, XII, 16.
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ; письма его къ гетману Сапѣгѣ, XI, 196—198; отзывъ его объ А. Киселѣ, XII, 747; упом., XI, 94, 301—302, 579—580, 608—610, 701—716, XII, 7, 52—76, 216, 310—311, 608, 747—748, XIII, 215—219, 321—322, 408—429, 612—636, 664—665, 711.
— Михаилъ, отецъ Богдана, XI, 452.
— Тимоѳей, сынъ Богдана, XIII, 664.
— Юрій, сынъ Богдана, гетманъ, XI, 579, 713, XII, 27—28, 438—439, 548—551, 557, 561.
Ходкевичъ, Григорій, литовскій гетманъ, XI, 445, 680.
Ходыка, Ѳедоръ, кіевскій войтъ, XI, XI, 768, XII, 683.
Хозары, XI, 570—572.
Холмщина, XII, 307—314.
Хомутецъ, с. миргород. у., XI, 164—168.
Хомяковъ, А. С., писатель-славянофилъ, XIII, 37.
Хорватъ, генералъ изъ сербскихъ выходцевъ, колонизаторъ Новороссіи, XI, 381—385, XII, 138, 505—506.
Хороборъ, с. под. губ.; описаніе его, XI, 471—472.
Хорошкино, имѣніе Новицкихъ, XII, 446.
Христіанъ VI, король датскій, XII, 336 и слѣд.

Ц.

Цвѣтковскій, учит. спб. ал-дровскаго кадет. корпуса, XII, 237.
Цесарскій, Иванъ, генеральный обозный, XII, 548.
Цыцура, переяславскій полковникъ, XII, 548.

Ч.

Чаадаевъ, кіевскій воевода, XI, 71, XII, 563—564.
Чаплинскій, брацлавскій подстароста, XI, 702, XII, 68, XIII, 417—418.
Чарнецкій, польскій воевода, XIII, 682.
Чарторыйскій, Августъ, русскій воевода, XI, 37.
— кн. Ал-дръ, волынскій воевода, XI, 52.
— Михаилъ, литовскій канцлеръ, XII, 37.
Челибей, татарскій мурза, XII, 593.
Черкасскій, кн. Каспулатъ, XII, 437.
Черніева, с., имѣніе Киселей, XIII, 619.
Черный, Герасимъ, войсковой писарь, XI, 129—130.
Чернявка, с., XII, 617.
Чернявскій, прилуцкій полковникъ, XI, 64.
Четвертинскій, кн. Захарія, брацлавскій стольникъ; письмо его къ П. И. Калнишевскому, XIII, 313—314; упом., XIII, 315, 316, 414.
— кн. Сильвестръ, могилевскій епископъ, XII, 35.
Чечуга, козацкій полковникъ, XI, 693—694.
Чубинскій, П. П., этнографъ, XI, 606, XIII, 75, 527.
Чугуй, козацкій предводитель, XII, 592—593.

Ш.

Шадура, И., волостн. старшина, нар. дѣятель въ возстаніе 1863 г., XIII,
Шамроцкій, Степанъ, лубенскій полковникъ, XII, 559.
Шевичъ, генер., сербск. выходецъ, XI, 381—385.
Шевченко, Т. Г.; пѣсня о немъ, XIII, 187—188: воспоминанія, XI,

224—239, XIII, 718—720; матеріалы для біографіи, XI, 519—530; письма, XI, 333—338; автобіографія, XIII, 431—435; упом., XII, 257, XIII, 43, 48, 49.
Шеинъ, Михаилъ Борисовичъ, русскій воевода, XIII, 66—67.
Шептицкій, Левъ, львовскій епископъ, XII, 208.
Шереметевъ, Борисъ, рус. посолъ во Львовѣ, XII, 32.
— кіевскій воевода, XII, 15—16, 571, 573, 576, 581—582, 586.
— волынскій губернаторъ (1794 г.), XI, 387—388.
Шереметевы, XIII, 323 и слѣд.
Шерстюкова, Марія Конст., козачка, XI, 621—623.
Шимановскій, Станиславъ, подольскій стражникъ, XIII, 672.
Шийкевичъ, Захарія, войсковой писарь, XII, 565, 569, 571, 579.
Шумлянскій, Іосифъ, львовскій и подольскій епископъ, XI, 442. XIII, 668.
Шухъ, Карлъ, штундистъ, XI, 492.
Шутъ, Андрій, кобзарь, XI, 183.

Щ.

Щаповъ, изслѣдователь раскола, XIII, 531.
Щербакъ, Богданъ, войсковый асаулъ, XII, 571.
Щербининъ, харьк. губернаторъ, XIII, 34 и слѣд.
Щепановскій, Иванъ, правитель дѣлъ при литовскомъ генер.-губернаторѣ; его проэкты о католической церкви и каз. хозяйствѣ, XI, 746—754, XII, 127—136.
Щуровскій, Аоанасій, переяславскій полковникъ, XII, 559.

Э.

Эммануель, инфантъ португальскій, кандидатъ на польскій престолъ, XII, 331 и сл.

Я.

Яворскій, Стефанъ, митроп. рязанскій; стихотвореніе его о Мазепѣ, XIII, 172—175.
Ягайло, король польскій и вел. кн. литовскій, XI, 29, 37—40, 46, 457—458.
Язловецкій, Юрій, коронный гетманъ, XI, 299.
Якубовичъ, полковникъ, XI, 126.
Янище, с., имѣніе Товаръ, XII, 21.
Яновскій, В. В., помѣщикъ дубен. у., XI, 530.
Янъ-Казиміръ, король польскій, XI, 71—72, 704—705, 711, XII, 561, XIII, 413, 417, 421—429, 613, 625—628, 667.
— Собѣсскій, король польскій, XI, 64, 69, 72—73, XII, 25—32, XIII, 668—671.
Ярославъ (Осмомыслъ), кн. галицкій, XI, 476.
Ясинскій, Варлаамъ, кіевскій митроп., XII—455, XIII, 139.
Ясногородка, с. кіев. губ., XII, 185, 203.

Ѳ.

Ѳеодосія (Кафа), г., XII, 145—149.
Ѳеодулъ, южно-русскій писат. XVI ст., XI, 7.
Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, XI, 87, 104—110, 270—276, 680, XIII, 706.

варя, 1-му марта, 1-му іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

Иллюстрированный художественно-литературный журналъ

IV годъ „РАДУГА“ изданія.

Громадный успѣхъ нашего журнала въ 1885 году доказалъ на дѣлѣ, что «Радуга» сдѣлалась любимымъ журналомъ русской семьи: число подписчиковъ на «Радугу» въ 1885 году учетверилось противъ прежняго. Это самый полный еженедѣльный иллюстрированный журналъ Россіи, дающій около 4-хъ листовъ въ недѣлю самаго разнообразнаго текста, съ множествомъ изящныхъ гравюръ и великолѣпныхъ иллюстрацій, не смотря на чрезвычайно низкую подписную цѣну (5 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой по почтѣ).

СОДЕРЖАНІЕ «Радуги»: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, путешествія, политическій отдѣлъ, новыя открытія, изобрѣтенія, музыкальныя новости, театральная критика, корреспонденціи, театральныя пьесы, какъ-то: комедіи, водевили, драмы, монологи, сцены, ноты, новѣйшія пьесы, танцы, марши, салонныя пьесы, романсы, дуэты и т. п. (болѣе 40 пьесъ въ годъ); семейныя и общественныя игры, интересныя занятія, фокусы, карточныя игры, пасьянсы, билліардная игра, новые танцы съ рисунками, спортъ, юмористическіе разсказы, анекдоты, юмористическіе рисунки съ текстомъ и безъ онаго, загадки, шутки, задачи, шарады, ребусы, шахматный и шашечный отдѣлъ, модные рисунки съ текстомъ, хозяйственные совѣты, гигіеническіе очерки для семействъ, новости, интересующія дамъ, почтовый ящикъ для открытой корреспонденціи гг. подписчиковъ между собою и много друг.

Въ 1886 году «Радуга» останется вѣрна своему направленію, то-есть останется чисто русскимъ журналомъ, безъ переводныхъ романовъ, а дастъ, какъ и до сихъ поръ, исключительно русскія оригинальныя литературныя произведенія, расширяя все болѣе и болѣе отдѣлы своей программы. Иллюстраціи будутъ исключительно лучшихъ художниковъ и извѣстнѣйшихъ граверовъ и будутъ печататься съ особою тщательностью и стараніемъ. Въ литературномъ отдѣлѣ примутъ участіе извѣстнѣйшіе литераторы, поэты и драматическіе писатели.

Годовые подписчики «Радуги» получаютъ безплатно заказанный за границею, въ одномъ изъ лучшихъ артистическихъ заведеній, художественный

города: на 12 мѣсяц. 10 р., 11 мѣсяц. 9 р. 40 к., 10 мѣсяц. 8 р. 70 к., 9 мѣсяц. 8 р., 8 мѣсяц. 7 р. 30 к., 7 мѣсяц. 6 р. 50 к., 6 мѣсяц. 5 р. 70 к., 5 мѣсяц. 4 р. 80 к., 4 мѣсяц., 3 р. 90 к., 3 мѣсяц. 3 р., 2 мѣсяц. 2 р., 1 мѣсяц. 1 р.,

Примѣчаніе: Для выписывающихъ газету въ одномъ экземплярѣ, разсрочки и уступки противъ обозначенныхъ выше цѣнъ не допускаются.

Пріемъ подписки въ Москвѣ: въ Конторѣ Современныхъ Извѣстій, Знаменка, домъ Навродскаго, противъ Румянцевскаго музея; въ Конторѣ Товарищества М. Г. Кувшинова, на Варваркѣ; въ чайномъ магазинѣ торговаго дома К. Е. Киселева, Срѣтенка, домъ № 10.

Вмѣстѣ съ подпиской на *Современныя Извѣстія*, принимается тамъ же подписка на автобіографическія воспоминанія Н. Гилярова-Платонова (редакторъ *Современныхъ Извѣстій*), имѣющія выйти къ концу года въ двухъ томахъ (свыше 20 листовъ въ каждой) подъ заглавіемъ *Изъ Пережитаго*. Цѣна книги 3 рубля (съ пересылкой 3 руб. 50 к.). Выписывающіе *Современныя Извѣстія* на цѣлый годъ получаютъ *Изъ Пережитаго* за 2 руб. (съ пересылкой 2 руб. 50 коп.).

БОЛЬШАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

ТРИДЦАТЫЙ „НЕВА" ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

52 нумера самаго большаго формата, въ два листа каждый нумеръ, съ изящными иллюстраціями и множествомъ разнообразныхъ и тщательно разработанныхъ статей по политикѣ, наукѣ, искусству, литературѣ и проч. и проч.

КЪ НИМЪ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ:

12 книгъ избранныхъ романовъ и повѣстей, подъ общимъ названіемъ «Читальня», при чемъ каждая книга будетъ заключать законченный романъ, чего не дѣлаетъ ни одно періодическое изданіе въ Россіи, у которыхъ обыкновенно печатаніе романовъ затягиватеся на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ отдѣльной продажѣ эти книги будутъ стоить не менѣе двѣнадцати рублей, и сверхъ того, газетою, кромѣ большаго количества художественныхъ картинъ, гравюръ, плановъ и т. п., будетъ дано еще 3 большихъ роскошныхъ картины изъ русской жизни: два пейзажа и одна бытовая, художественно выполненныхъ масляными красками и стоющихъ пятнадцать рублей. Картины эти, вставленныя въ рамы, могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ комнатъ. Желающіе получить картины не измятыми и не затерянными на почтѣ доплачиваютъ 1 р. 25 коп. деньгами.

Редакція и Главная Контора газеты «Нева»: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 64, противъ Аничкина Дворца.

«Нева» будетъ выходить еженедѣльно, №№ большаго формата, превышающаго, всѣ еженедѣльныя изданія, съ изящными иллюстраціями и заключать всѣ отдѣлы нашихъ газетъ и журналовъ, а именно: 1) оффиціальный отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и узаконеній; 2) Внутреннія и иностранныя извѣстія: политическія обозрѣнія внутренней и иностранной жизни, законодательной дѣятельности и проч.; 3) Популярныя статьи по всѣмъ областямъ знанія: философіи, богословіи, государственному праву со всѣми его подраздѣленіями, политической экономіи, законодательству, естествознанію, финансамъ, промышленности, земледѣлію, торговлѣ и проч.; 4) Изящная словесность: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и проч.; 5) Статьи изъ области искусства--живописи, скульптуры, музыки и театра; критическія статьи и рецензіи по всѣмъ выдающимся явленіямъ; 6) Фельетоны изъ жизни; 7) Хроника столичная, провинціальная, судебная, финансовая, биржевая и торговая; 8) Критика и библіографія; обзоръ текущей печати: газетъ, журналовъ и проч.; 9) Смѣсь: анекдоты, шарады, общеполезныя свѣдѣнія, совѣты и рецепты изъ области искусства, ремеслъ, хозяйства сельскаго и домашняго, медицины и гигіены: пища, жилище, одежда, кухня, косметика и проч. проч.; 10) Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы; 11) Почтовый ящикъ: отвѣты редакціи, переписка частныхъ лицъ между собою и проч., и 12) Объявленія и рекламы.

«Нева», независимо отъ изложеннаго, совершенно измѣнится и со стороны художественной. Новообразованная редакція не столько будетъ заботиться о количествѣ рисунковъ, сколько о ихъ качествѣ, главнѣе же всего о томъ, чтобы рисунки эти носили русскій характеръ, служили иллюстраціей русской жизни и пробуждали честныя мысли и хорошія возвышенныя чувства.

Подписная цѣна на газету «Нева» со всѣми безплатными преміями: Безъ доставки и пересылки на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 70 к. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 85 к. Заграницу на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Преміи получаютъ только годовые подписчики. Подписка съ разсрочкою допускается на слѣдующихъ условіяхъ: тотчасъ при подпискѣ уплачивается три рубля, въ концѣ марта—два рубля и въ концѣ іюня—остальные два рубля. Служащіе чрезъ своихъ казначеевъ или уполномоченныхъ вносятъ помѣсячно впередъ за каждый мѣсяцъ. Подписчики съ разсрочкою, уплатившіе въ срокъ подписныя деньги за годъ, пользуются всѣми преміями наравнѣ съ остальными годовыми подписчиками, Подписавшіеся на 10 экземпляровъ «Невы» получаютъ одиннадцатый со всѣми преміями безплатно.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПРЕЖНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ГАЗЕТЫ «НЕВА».

Новый издатель, пріобрѣтя изданіе отъ кредиторовъ прежняго издателя, никакихъ обязательствъ послѣдняго въ отношеніи удовлетворенія прежнихъ

подписчиковъ на себя не принималъ. Не смотря на это, новая редакція готова оказать особыя льготы всѣмъ прежнимъ годовымъ подписчикамъ и согласна удовлетворить годовымъ экземпляромъ «Невы» со всѣми преміями всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые вышлютъ до 1 января 1886 года въ главную контору газеты «Нева», вмѣсто полной подписной цѣны семь рублей, только четыре рубля, т. е. оплатятъ стоимость бумаги и почты.

„ВОЛЫНЬ",

Газета политическая, литературная и общественной жизни.

Вступая въ восьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1886 года, газета «Волынь» будетъ выходить три раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1. Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ югозападнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2. Телеграммы. 3. Городская хроника. 4. Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5. Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6. Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7. Новыя открытія и изобрѣтенія. 8. Библіографическій отдѣлъ. 9. Разныя извѣстія. 10. Биржевыя свѣдѣнія. 11. Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12. Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13. Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ Редакціи, Бердичевская ул., д. Рубинштейна.

Подписная цѣна: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи. На годъ 5 р., на полгода 2 р. 80 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики за перемѣну адреса прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Иллюстрированный журналъ

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ"

новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности со специальными отдѣлами электротехники, винокуреннаго, пивоваренннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала; 1) Узаконенія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное производство.

5) Сахарное производство. 6) Мукомольное производство. 7) Писчебумажное производство. 8) Кожевенное производство. 9) Технологія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслобойное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія, 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 3) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привиллегіи. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библіографія. 19) Смѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 числа каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб. «Техническій Обзоръ» за 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора Редакціи «Техническій Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Вышло изъ печати сочиненіе инженера *Тильмана* «ПОДРОБНОЕ РУКОВОДСТВО къ УСТАНОВКѢ и ПОСТРОЙКѢ ПАРОВЫХЪ КОТЛОВЪ» всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ разсчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на раціональное утилизированіе топлива и на новѣйшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 406 политипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владѣльца паровыхъ котловъ, механика, техника, техническаго училища и проч.

Цѣна 6 рублей, въ Редакціи «Техническаго Обзора» въ Спб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА КНИГУ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“ 1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобрѣтеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клееваренваго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмальнаго, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, писчебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, спичечнаго, стекляннаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Редакціи журнала «Техническій Обзоръ», въ Спб.

личныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ на счетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ на счетъ разведенія цвѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) Культура пшеницы, монографія профессора Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста «Практическій насѣчникъ» съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 40.

ГАЗЕТА „ЗАРЯ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Заря» въ 1886 году будетъ выходить подъ той же редакціей, по прежней программѣ, ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ, листками большаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою: на годъ 10 руб., на шесть мѣсяцевъ 6 р., на три мѣсяца 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб. 50 коп.

Безъ доставки: на годъ 8 руб., на шесть мѣс. 5 руб., на три мѣс. 3 руб., на одинъ—1 р.

Заграничные подписчики прибавляютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ.

Подписка считается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

За перемѣну иногородняго адреса 20 коп.

За разсылку при газетѣ приложеній взимается по 5 р. за 1000 экземпляровъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 5 руб. и черезъ пять мѣсяцевъ вторые 5 руб.

Подписка принимается, въ Кіевѣ: 1) въ главной конторѣ «Зари»: Крещатикъ, зданіе Городской Думы. 2) въ Подольскомъ отдѣленіи конторы, Александровская, д. Серебренникова, 3) въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ Болеслава Корейво въ Кіевѣ и въ Одессѣ, 4) въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина на Крещатикѣ.

Требованія по почтѣ адресуются непосредственно *въ Кіевъ, въ Главную Контору «Зари»*.

падался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ, другой же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Въ отдѣлѣ для семейнаго чтенія въ 1886 году будетъ напечатана историческая повѣсть **В. С. Соловьева.**

При отдѣлѣ для **Семейнаго чтенія** будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ* и *различныя игры и занятія*, **а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.**

Награды будутъ состоять изъ сочиненій лучшихъ авторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Кромѣ того *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ концѣ года ПРЕМІЯ.

Подписная цѣна: Полный журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р., съ доставкою 11 р., Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к., Отдѣлъ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.) безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 р.

Разсрочка допускается, для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера", С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 1.

Редакторъ-Издательница *С. Кашпирева.*

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА",

Ежемѣсячный журналъ, выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта.

Въ составъ его входятъ: I. Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигіены. II. Избранныя и въ какомъ либо отношеніи примѣчательныя произведенія

иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, компендіумовъ и лекцій, редактир. преимущественно профессорами-спеціалистами, рефераты и хроника. III. Объявленія.

Годовая цѣна: съ доставкой и пересылкой 17 руб., безъ доставки и пересылки 15 руб., съ пересылкой за границу 19 руб.

Для гг. студентовъ университетовъ, фельдшеровъ и лекарскихъ помощниковъ съ пересылкой за годъ 14 р.

Въ конторѣ редакціи допускается разсрочка съ доставкой: при подпискѣ 7 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 сентября 5 р., безъ доставки: въ тѣ же сроки по 5 р. Студенты вносятъ при подпискѣ 4 р., 15 марта 4 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 3 р. Допускается и другая разсрочка по соглашенію съ конторой.

Подписчики на 1884 г. получатъ безплатно «Медицинскій Календарь».

За 12 книгъ 1882 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1883 г. съ пересылкой 18 руб.

За 12 книгъ 1884 г. съ пересылкой 18 руб.

«Медицинская Библіотека» отдѣльн. кн. цѣна 3 р.

За перемѣну адреса прилагается 50 коп., при чемъ просятъ обозначать прежній.

Всѣ печатающіяся въ Медицинской Библіотекѣ сочиненія могутъ быть переплетены отдѣльно.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ* у издателя Николая Львовича Вилькина, Знаменская, Озерной переулокъ, собственный домъ, № 12; въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы журнала «Медицинская Библіотека», на Рождественкѣ, противъ клиники, въ домѣ Фирсанова и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Ординарный Профессоръ *И. М. Сорокинъ.*

Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„РУССКІЙ АРХИВЪ".

Приближаясь къ четверти вѣка своего существованія и оставаясь непрерывно въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ, «Русскій Архивъ» не имѣетъ надобности ни разъяснять своего направленія, ни прибѣгать къ посуламъ и зазывамъ. Ему остается извѣстить читателей лишь о внѣшней сторонѣ дѣла.

«Русскій Архивъ» будетъ выходить въ 1886 году двѣнадцать разъ въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ. Двѣнадцать выпусковъ «Русскаго Архива» 1886 года составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ—девять р.

Для Германіи одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ главной конторѣ «Русскаго Архива», близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

Въ Петербургѣ подписка на «Русскій Архивъ» открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Новаго Времени».

Лица, желающія пополнить свое собраніе Русскаго Архива за всѣ двадцать три года изданія, могутъ знакомиться съ содержаніемъ особо изданной Росписи за первые двадцать лѣтъ, которая была разослана подписчикамъ 1884 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на обертках нынѣшняго года печаталось подробное содержаніе Русскаго Архива за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881 и 1884 г. г. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ 1885 года также еще находятся въ продажѣ. Остальныя годовыя изданія давно уже вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходиться платить двойныя цѣны.

Контора Русскаго Архива принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать три года, по цѣнѣ

ДВѢСТИ РУБЛЕЙ

съ пересылкою, но не иначе, какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ ста рублей.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ."

(VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Большой иллюстрированный журналъ, представляющій, въ картинахъ и текстѣ, **всѣ выдающіяся событія міровой жизни.**

Подписная цѣна на годъ 4 р., безъ доставки и 5 р., съ доставкою и пересылкою. Журналъ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 №№ въ годъ; всего ококо 1000 гравюръ и до 1200 страницъ.

Каждый № заключаетъ подробное и обстоятельное изложеніе событій истекшей недѣли.

Это необходимое изданіе: для семьи, публичныхъ и частныхъ библіотекъ, клубовъ, отелей.

Журналъ даетъ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, въ которыхъ, въ теченіи года, помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ выкройками въ натуральную величину. Въ годъ около 500 рисунковъ модъ съ описаніями.

Годовые подписчики «Иллюстрированнаго Міра» получають, кромѣ всего, еще главную бульшую премію: РОСКОШНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, состоящій изъ двадцати фотографическихъ снимковъ съ классическихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ: русскихъ, италіанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Каждая фотографія сопровождается портретомъ художника, его біографіею и описаніемъ картины.

Годовые подписчики, заявившіе свои требованія до 15 декабря, получають съ 1 № журнала: ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 г. Компактный, тщательно составленный, устраняющій необходимость пріобрѣтенія даже толстаго календаря.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный № за двѣ 7-ми копѣечные марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 76.

Редакторъ-Издатель *В. П. Турби.*

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПУТЕШЕСТВІЙ и ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ и НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

(II ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходъ въ свѣтъ журнала «Вокругъ Свѣта» въ 1885 году ознаменовался еще небывалымъ успѣхомъ. Спросъ на журналъ былъ такъ великъ, что редакція принуждена была послѣдовательно выпустить до восьми изданій первыхъ №№.

Выполнивъ свою обширную программу и давъ своимъ читателямъ за ничтожную цѣну массу въ высшей степени интереснаго и полезнаго чтенія и рисунковъ, въ 1886 году редакція будетъ стараться сдѣлать свой журналъ еще болѣе полнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ.

Въ 1886 году журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 2 хъ печатныхъ листовъ, вмѣщая въ себѣ много интересныхъ и прекрасно выполненныхъ рисунковъ и иллюстрацій. Текстъ журнала будетъ состоять изъ романовъ (съ рисунками), полныхъ захватывающаго интереса, изображающихъ путешествія и приключенія во всѣхъ частяхъ свѣта: повѣстей, разсказовъ, этнографическихъ очерковъ, рисующихъ бытъ различныхъ народовъ; исторіи путешествій, а также новѣйшихъ открытій и изслѣдованій въ малоизвѣстныхъ странахъ; популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, разсказанныхъ живымъ и понятнымъ языкомъ; исторіи мореходства, кораблекрушеній, пиратовъ, знаменитыхъ экспедицій, морскихъ сраженій и проч.; кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описаніе городовъ, корреспонденціи изъ далекихъ окра-

инъ, извѣстія о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, всѣ виды спорта и смѣсь. Особое вниманіе будетъ обращено на жизнь Россіи и народовъ, ее населяющихъ.

Годовое изданіе журнала «Вокругъ Свѣта» состоитъ изъ 50 №№, составляющихъ 2 объемистыхъ тома, вмѣщающихъ въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, 2 руб. ½ года съ пересылкой и доставкой и 1 руб. въ 3 мѣсяца съ пер. и дост.

Иногородные подписчики адресуютъ: Москва, Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

„СТРАННИКЪ"

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей и по новой программѣ.—Въ минувшемъ 1885 году въ отдѣлахъ *богословскаго, философскаго, церковно историческаго, литературнаго и публицистическаго* содержанія были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Сущность Христіанства**, какъ союза Бога съ человѣкомъ. Епископа *Никанора*.—**Христіанство и наука**. *Его-же*.—**Судъ Церкви и въ Церкви**. *Его-же*.—**Разности въ ученіи о Церкви у православныхъ и папистовъ**. Прот. *А. А. Лебедева*.—**Невидимый міръ**. Новая постановка вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ. *А. И. Лопухина*.—**О народномъ образованіи** въ древней Руси. Свящ. *Маркова*.—**Русскій Патріархъ** въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управленіи. *И. Ф—ва*.—**Преосвященный Иринархъ**. *М. А. Куплетскаго*.—**Арсеній Мацѣевичъ** и его дѣло. *И. Я. Морошкина*.—**Іезуиты въ Константинополѣ** въ XVI—XVII вв. *С. Четыркина*.—**Православіе въ остзейскомъ краѣ** въ текущемъ столѣтіи. *М. А. Куплетскаго*.—**Ревизія въ остзейскомъ краѣ** въ заграничной нѣмецкой характеристикѣ. *Его-же*.—**Изъ Путешествія въ св. землю**. Проф. *Кавальницкаго*.—**Правда противъ хулы** (въ защиту митроп. Серафима). Епископа *Никанора*.—Цѣлый рядъ статей (между прочимъ вся апрѣльская книга) былъ посвященъ **памяти св. Кирилла и Меѳодія** и между ними были поученія еп. *Никанора*, покойн. архіеп. *Тихона*, статьи св. *Маркова*, проф. *Будиловича*, *А. И. Пономарева*, *Лебедева*, *Качановскаго* и др. Повѣсти и разсказы: **Псалтырникъ**. *И. Гр. Наумовича*.—**Наканунѣ Рождества**. *Историческій разсказъ*. *Х*.—**Гдѣ уродился, тамъ и пригодился** Памяти мужицкаго-пѣвца дьячка. *И. Попова*.—**По окончаніи курса**. Изъ разсказовъ стараго священника. *П. Соловьева*.—Кромѣ этихъ статей, въ журналѣ ежемѣсячно велись отдѣлы: *Внутреннее обозрѣніе*, *Епархіальная Хроника*, *Церковная жизнь на западѣ* (у католиковъ и протестантовъ *и у славянъ* Австро-Венгріи) и въ земляхъ славянскихъ, *Обзоръ журналовъ*,

Критическіе и библіографическіе отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ церковной и церковно богословской литературы, *Книжная Лѣтопись*, *Церковно-оффиціальная Хроника*, *Извѣстія и замѣтки*.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою заграницу восемь рублей. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.*

Иллюстрированный журналъ для дѣтей

„РОДНИКЪ"

(V ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1886 году «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ *оригинальныхъ* очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни и природы.

Въ видѣ *преміи* годовые подписчики на «Родникъ» 1886 г. получатъ тетрадь-альбомъ, подъ названіемъ:

«ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ», состоящій изъ 10 картинъ художника *Н. Н. Каразина* по этнографіи Россіи, съ соотвѣтствующимъ текстомъ.

Приложеніе къ «Роднику»: педагогическій сборникъ *«Воспитаніе и Обученіе»* будетъ выходить въ 1886 году по прежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ «Родникъ» Учеными Комитетами: Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархіальныхъ городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія:

На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «Родника», съ отдѣльной преміей, 5 р., тоже съ приложеніемъ 3-хъ книгъ сборника „Воспитаніе и Обученіе" 6 р., на полгода безъ преміи и безъ сборника 3 р.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ*—въ Главной Конторѣ «Родника», Никольская площ., д. 4 и въ книжн. маг. Фену и Ко на Невскомъ; *въ Москвѣ*—въ книжн. магаз. „Сотрудникъ Школъ" Воздвиженка, д. Армандъ и «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту. *Иногородные* адресуютъ прямо: *Петербургъ, въ редакцію журнала* «Родникъ».

Редакторъ-Издательница *Е. Сысоева*.

молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ внѣшней стороны журналъ «**КОЛОСЬЯ**» настолько изященъ, что никакихъ улучшеній по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.**, на полгода **5 р.**

Оставшіеся экземпляры полнаго изданія «**КОЛОСЬЕВЪ**» за текущій годъ (около 300 экз.) высылаются по 5 **р.** за годъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ деньги будутъ получены не позже 20 декабря.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала «**КОЛОСЬЯ**» Большая Итальянская, д. 29. Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ*.

ГОДЪ XII. XII ГОДЪ.

„ГАЗЕТА ГАТЦУКА"

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ.

Выходитъ въ 1886 году безъ предварительной цензуры.

«Газета А. Гатцука» — преимущественно политическая. Цѣль ея — предлагать въ сжатомъ видѣ возможно полный отчетъ за недѣлю по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни — политики, литерарупы, науки, искуствъ и торговли. Эта въ своемъ родѣ лѣтопись даетъ возможность читателю имѣть все передъ глазами, не путаться среди нерѣдко противорѣчивыхъ и безсвязныхъ вѣстей и фактовъ, какъ-то бываетъ при чтеніи ежедневныхъ газетъ, и относиться къ событіямъ текущей жизни болѣе сознательно.

Насколько умѣло мы, въ теченіе 11 лѣтъ, относились къ нашей задачѣ, объ этомъ пусть судятъ сами читатели. Для лучшаго осуществленія ея въ 12-й годъ изданія «Газеты» приглашены къ участію въ ней лучшія спеціальныя силы Россіи.

Рисунки будутъ помѣщаться въ «Газетѣ» только относящіеся къ интересующимъ въ данный моментъ событіямъ, лицамъ и предметамъ. Быть альбомомъ случайно набранныхъ за границей рисунковъ предоставляемъ нашимъ, такъ-называемымъ, иллюстрированнымъ журналамъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ съ рисунками и выкройками въ натуральную величину будутъ прилагаться *6 разъ въ годъ*.

Для легкаго чтенія, кромѣ повѣстей и разсказовъ въ самой «Газетѣ», въ теченіи года прилагается *6 книгъ переводныхъ романовъ и повѣстей*.

Въ видѣ *подарка* разсылается подписчикамъ въ концѣ 1886 года «*Крестный Календарь*» на 1887 годъ и, необязательно, одинъ выпускъ иллюстрированныхъ «*Драмъ Шекспира*» въ лучшемъ переводѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на *1886* годъ: безъ доставки на годъ *4 руб.*; *съ доставкою-же и пересылкою* на годъ *5 руб.*, на полгода (съ января и іюля) 3 *руб.*, на полгода *1 руб. 60 коп.*, на 1 мѣсяцъ *60 коп.* За границу на годъ съ пересылкой — *7 руб.*

Адресъ Конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. В. Гатцукъ.

Редакторъ *А. А. Гатцукъ*.

IV. Въ Екатеринославѣ, въ Приднѣпровскомъ Отдѣленіи редакціи и конторы „Одесскаго Вѣстника" (Харьковская ул., д. Чепурева).

V. Въ Елисаветградѣ на Большой ул., противъ бульвара, въ д. Шкловскаго.

Иногородніе могутъ адрессовать денежные пакеты непосредственно по почтѣ: «Въ Главную Контору „Одесскаго Вѣстника", въ Одессѣ».

Условія подписки: Съ доставкой въ Одессѣ или пересылкой во всѣ города Россіи: на годъ 12 р., полгода 7 р., 3 мѣсяца 4., 1 мѣсяцъ 1 р. 30 к., Безъ доставки въ Одессѣ: На годъ 10 р., полгода 6 р., 3 мѣсяца 3 р., 1 мѣсяцъ 1 р.,

Заграничные подписчики доплачиваютъ за пересылку по 50 к. въ мѣсяцъ къ цѣнѣ безъ доставки.

Разсрочка подписной платы допускается для подписывающихся на годъ съ 1-го января по третямъ годамъ со взносомъ: 1-го января—4 р., 1-го апрѣля 4 р., и 1-го августа—4 р.

Въ кредитъ „Одесскій Вѣстникъ" высылается казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и служащимъ въъ нихъ по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

«Сынъ Отечества»—газета политическая и литературная, *издается безъ предварительной цензуры*, выходитъ ежедневно, въ форматѣ большаго листа; воскресный № состоитъ изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно беллетристикѣ, съ каррикатурами.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Внутренній отдѣлъ: статьи по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки газетъ.—Правительственныя распоряженія.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзнодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (общественныя) извѣстія.—Корреспонденціи.

2) Иностранный отдѣлъ: Политическое обозрѣніе.—Иностранныя извѣстія.—Иностранная (неполитическая) хроника.—Телеграммы какъ внутреннія, такъ и заграничныя.

3) Статьи по отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремеслъ.

4) Критика, журналистика, библіографія.

5) Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы и пр.

6) Замѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.

7) Провинціальная лѣтопись.

8) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

9) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

10) Зрѣлища, желѣзныя дороги.

11) Карриватуры.

12) Смѣсь.

13) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Подписная цѣна на газету. Для городскихъ: съ доставкою въ Петербургѣ по город. почтѣ на годъ 7 руб., полгода 3 р. 60 к., 3 мѣсяца 2 р., 1 мѣсяцъ 75 к. Для иногородныхъ: съ пересылкою на годъ 8 руб., полгода 4 р., 3 мѣсяца 2 р. 25 к., 1 мѣсяцъ 75 к.

Подписная цѣна за границею съ пересылкою 16 руб.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается *исключительно* въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, домъ № 4.

лошадѣ и отехалъ въ Сѣвскъ, куда прибывъ коло полуночи, немного опочилъ и передъ свѣтомъ оттуду поехавъ,

14. Прибылъ рано въ Любошу, оттоль въ Чаепку, а оттуду въ Сомово, где немного и опочивалъ.

15. Около обѣдовъ прибылъ въ Карачевъ, а падвечери въ Глотовъ, ночю-же въ Болховъ, и тутъ опочивали до всходу мѣсяця.

16. Зъ Болхова отехавъ рано, до Беліова прибыли во время обѣдное, и тутъ припуждены нѣсколко времени пробавить за неимѣніемъ на почтѣ лошадей, потомъ прибыли ночю въ Лихвинъ.

17. Зъ Лихвина поехавъ рано, обѣдалъ въ Калуги, а оттоль поехавъ, проехали ночю почты: въ Добрахахъ, въ Лановѣ, въ Черничномъ и прибыли передъ свѣтомъ въ Пахру.

18. Зъ Пахри поехавъ, прибыли въ Москву въ 12-мъ полуденномъ часу и зъ позволенія гг. Александра и Івана Петровичовъ Толстыхъ [226]) сталъ квартерою въ ихъ домѣ и обѣдалъ у нихъ, купно зъ случившимися гостьми гг. Дмитріемъ Михайловичемъ (Голицынымъ?), покойного генерала фельдмаршала сыномъ, капитаномъ гвардіи ізмайловского полку, княземъ Николаемъ Александровичемъ Шаховскимъ, поручикомъ конной гвардіи и другими.

19. Былъ въ Кремлѣ и на троицкомъ подворьѣ, а обѣдалъ въ квартирѣ, трактованъ будучи столомъ гг. Толстыхъ. Подъ симъ числомъ писалъ къ генералу Івану Івановичу Бибикову и къ г. Скоропадскому о прибытіи своемъ въ Москву. Былъ рано и въ вечеру у г. статскаго совѣтника Демидова.

20. Слушалъ обѣднѣ первѣе въ великомъ успенскомъ соборѣ, где служилъ митрополитъ сербскій Романъ, потомъ на конецъ обѣдни пришолъ въ чудовскій монастырь, где служилъ и тамъ-же живетъ архіепископъ московскій и владімерскій, преосвященный Іосифъ Волчанскій, который звалъ мене къ себѣ до келіи, и у него-жъ тутъ обѣдалъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, да тамъ-же обѣдали и новоозначенные намѣстникъ троецкого сергіевского монастыря архимандритъ мгарскій, отецъ (Іоасафъ) Горленко и казначей того-же монастыря.

21. Подряжены извощики до С.-Пбурха подъ припасы, три пары лошадей; отъ всякой пары давать имъ по 7 р. 50 к., да

---

[226]) Сыновья Петра Толстаго, зятя гетмана Скоропадскаго.

сверхъ того-жъ, что туда свезуть и бочку горѣлки, дать имъ 4 р. 50 к.; а оные извощики помѣщика Тимофія Ігнатова Челищева крестьяне, жители деревнѣ Черничного, Афанасій Сидоровъ Шершинъ да Петръ Тимофієвъ, которымъ дано въ задатокъ 2 р.

22 и 23. Пробавлялись въ Москвѣ-жъ. Была сватба у г. Демидова; дочерь выдалъ за шляхтича смоленского Радванского.

24. Писалъ писма къ г. Скоропадскому, включа такъ-же и до жены и до Іосифа, и оные въ пакетъ подъ именемъ генералскимъ вручены сотнику глуховскому Туряискому для отсилки.

25. Отпущенъ обозъ до С.-Пбурха съ припасами при Івану Ялоцкому, которому для извощиковъ и для ихъ нуждъ 15 р. вручено, да при Антопу Закревскому и кухтику Івану Рудому, куда оные рано и віехали. Вечеромъ былъ въ слободѣ нѣмецкой съ сотникомъ кролевецкимъ Огієвскимъ и синомъ у аптекаря Меера, которій радилъ (совѣтовалъ) для дѣтей нашихъ учителя. Обѣдалъ у швагра Івана Гамаліи.

26. Отпущены подводы наши домовые къ двору съ покупками исправленными, при Грицку Климову съ товарищи, и чрезъ нихъ-же отправлены писма до жены, включа тамъ до г. Скоропадского, до Іосифа и отъ Василя сина до Петра Скоропадского, и оному Грицку Климову на дорогу даны 4 р. Аптекарь Мееръ былъ у мене на квартерѣ и привезъ роспись, данную ему отъ пастора Іогана Филиппа Литке, чего имѣетъ дѣтей нашихъ обучати, а въ вечеру и я, у него будучи, видѣлъся и самъ розговаривалъ съ тѣмъ пасторомъ.

27. Послѣ обѣдни былъ у архимандрита богоявленского отца Герасима; потомъ въ монастырѣ заиконоспаскомъ предики слушалъ, а обѣдалъ у аптекаря Меера съ сотникомъ глуховскимъ; оттуду-же поехавъ, были въ дворцяхъ новомъ и въ Аннингофѣ, потомъ на бархатномъ дворѣ, послѣ Головкина графу Алексію Григоріевичу Розумовскому пожалованномъ. Были въ ренжереяхъ; тоже отехали въ велико-петровскій монастырь и тамъ мылъся въ банѣ; потомъ отецъ Пахомый, архимандритъ тамошный, своимъ поездомъ отпровадить мене въ квартеру приказалъ, а сотникъ глуховскій въ свою квартеру отехалъ. Писалъ до г. Скоропадского о учителю и ученіяхъ, т. е. о пастору слободскомъ.

28. Подрядилъ подводчиковъ до С.-Пбурха: пару лошадей по 7 р. 50 к., а именно для себе три лошади, а для сотника кроле-

вецкого Огіевского пару, дмитровского уезду, каменского стану, вотчины капитана Алексія Федорова сина Чурикова, села Сенежи, крестянъ Федора Парфенова и Гаврилу Николаева. Прибылъ на ночъ и сотникъ кролевецкій Огіевскій на мою квартеру; потомъ былъ у мене намѣстникъ симоновского монастыря Порфирій.

29. Рано былъ у статского совѣтника Василія Івановича Демидова, который велѣлъ мнѣ поудержаться въ Москвѣ до 1 февраля. Потомъ былъ у маіора конной гвардіи Григорія Івановича Корфа и вручилъ ему 4 пакеты, на імя брата его Николая Андріевича Корфа, дѣйствительнаго камергера и кавалера подписанные, а извощиковъ нанятыхъ отпустилъ. Василь Марковичъ пріехалъ въ Москву.

30. Прибылъ въ Москву сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ и былъ у мене рано. Обѣдни слушали въ монастырѣ Знаменскомъ и были тамъ у Опошнянъ, стоящыхъ тамъ квартерою, селитрянныхъ промышлецниковъ. Архимандритъ високопетровскій отецъ Пахомій обослалъ насъ пивомъ.

31. Рано былъ я у г. Демидова, которій еще до суботы удержатся казалъ. Полковникъ Дѣтковичъ и сотникъ ірклѣевскій Алексѣй Требинскій віехали изъ Москви до С.-Пбурха.

Февраль.

1. Поутру ездилъ къ г. статскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову, который велѣлъ еще нѣсколко день поудержаться въ Москвѣ.

2. Послѣ обѣда надвечери переехалъ изъ двора гг. Толстыхъ въ Знаменскій монастырь и тутъ ночовалъ въ квартерѣ сотника мглинского Лисаневича.

3. Оттоль по службѣ переехалъ на бархатный дворъ въ квартеру сотника глуховского Даміана Турянского, которій купно зъ г. Демидовымъ сего-жъ числа отехалъ изъ Москви до С.-Пбурха. Я зъ синомъ ввечеру былъ у племѣнниковъ графа Розумовского, прибывшихъ въ Москву изъ Козелця.

4. Въ ямской конторѣ по утру былъ и подписанъ мнѣ пашпортъ на почтовые подводы, которыхъ 3 я взявъ, сего-жъ числа 4-го часу на первой четвертѣ и віехалъ зъ Москви, оставя сотника кролевецкого тамъ, давши ему-жъ на наемъ подводъ подъ сани сотника глуховского, или на заплату прогоновъ, десять р. денегъ;

самъ-же я поехавши изъ Москвы, продолжалъ свою езду денно и нощно чрезъ 5, 6 и 7 числа по почтѣ и

8 числа въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, ставъ квартерою въ домѣ ассесора ревизіонъ-конторы Івана Федоровича Маминца, нигде не бывалъ. Сего-жъ числа и обозъ мой прибылъ.

9. Отехалъ изъ квартиры до дворца, где первей былъ у пѣвчого Кирила Стефановича Рубановского, потомъ у отца духовника Федора Дубянского и у него обѣдалъ съ архіереями: Платономъ Малѣновскимъ—крутицкимъ, Никодимомъ Сребніцкимъ, бывшимъ с.-петербургскимъ, а нынѣшнимъ переяславскимъ, Арсеніемъ Могилянскимъ, да съ архимандритами володимерскимъ Платономъ Петрункевичемъ, іпацкимъ Симономъ Тодорскимъ, наименнованнымъ епископомъ с.-петербускимъ и архимандритомъ Александро-невскимъ Феодосіемъ Яновскимъ, такожъ зъ намѣстникомъ монастыря невского Досифеемъ, гдѣ присутственны были и камеръ-фуріеръ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и дворянинъ Григорій Михайловичъ, а со мною были сотникъ глуховскій Турянскій и сынъ мой Василь.

10. Былъ рано у графа Румянцова, потомъ въ дворцѣ и придворной церквѣ, а зъ церкви взявъ мене оберъ маршалъ Дмитрій Андріевичъ Шепелевъ, запровадилъ въ болшую салю, гдѣ стоялъ болѣе двухъ часовъ во время обѣда, а государыня изъ великою княжною изволила кушать подъ балдахиномъ, прочія-же женска и мужеска полу, такожъ и духовные персоны обѣдали у другихъ столовъ, при игралной італіанской музыки. Писалъ до Скоропадского и до жены. Послѣ обѣда балъ начался въ галдарей салѣ, а потомъ въ 10 часу по полдни зажженъ былъ на Невѣ изготовленный фейерверкъ и иллюминація, на которую смотрѣлъ я въ квартерѣ Федора Івановича Коченевскаго, пѣвчого дворянина, где видалея, такожъ и вчора у отца духовника, зъ г. секретаремъ Іваномъ Михайловичемъ Новоторжцовымъ.

11. Рано былъ у графинѣ Чернышевой Евдокіи Івановны и писмо отъ жены отдалъ, потомъ графу Розумовскому писма вручилъ. Обѣдалъ съ сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ у Ігната Кириловича Полтавцова, и въ вечеру съ нимъ-же былъ у князя Никиты Юріевича Трубецкого.

12. Въ сенатѣ подалъ дѣло, присланное изъ войсковой енеральной канцеляріи черицовъ монастыря пустынно-николаевского кіевского, такожъ удостоеніе Федора Чуйкевича на деревнѣ. Сего-жъ числа писалъ на почтѣ въ Глуховъ, до г. Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до Іосифа племѣнника и до жены.

13. Былъ у оберъ маршала Шепелева самъ, а у графинѣ Черниновой зъ синомъ, по обѣдѣ у секретаря Новоторжцова, въ вечеру у архіерея крутицкого Малиновскаго. Подьячіи сенатскіи обѣдали у мене.

14. Рано былъ у графа Румянцова и писма вручилъ, такожъ у архіерея переяславского Арсенія Могилянского и въ сенатѣ былъ же. Сотникъ мглинскій Василій Лисаневичъ прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ квартерою на Петровскомъ острову, въ домѣ архіерея велико-новогородского, на Карповцѣ. Василь сынъ былъ въ дворцѣ на куртагу, а я занемогъ изъ полдня.

15. Никуда изъ квартери не ходилъ, а обѣдали у мене сотникъ мглинскій Лисаневичъ и камординъ генерала и сенатора Бутурлина Николай Измайловъ.

16. Рано былъ у Александра Борисовича Бутурлина и писма вручилъ, такожъ у генерала фелдмаршала Василія Володимеровича Долгорукого, у графа Лестока, которому и писма отъ доктора Бока подалъ, такожъ у архимандрита отца Тодорского и у оберъ маршала. Обѣдали у мене полковникъ компанѣйскій Чеснокъ, сотникъ глуховскій Турянскій и два подьячіе сенатскіе, коимъ на извощика дано 20 к. Перебрались въ другіе хоромы.

17. Пріехалъ сотникъ кролевецкій въ Питеръ-Бурхъ и сталъ зо мною на квартерѣ. Я былъ въ церквѣ Петра и Павла, въ крѣпости. По обѣдѣ сидѣлъ у хозяина [225]).

Юнь.

16. Послѣ обѣда ездилъ на Василевскій островъ и будучи на бѣржи, купилъ стѣнные часы за 13 р.

17. Былъ у Нізевича, потомъ въ квартерѣ Петра Горленка. Куплены чашки чайные фарфуровые, 6 паръ, дано за оные 1 р. 40 к., за чайникъ 1 р., за чашечку до закусокъ 15 к.

---

[225]) Далѣе нѣсколько тетрадей опять не достаетъ.

18. Челобитная о Чаусахъ въ сенатѣ замѣчена. Обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у Новоторжцова, гдѣ засталъ и Демидова съ женою и съ ними оттоль пріехалъ. На гербовую бумагу далъ 4 р. За сотню фліондерокъ дано 4 к.

19. За квартеру у Маминца росплатилъся и давъ имъ 1 р. 46 к., перешолъ оттоль на другую квартеру, въ слободку дворцовую, уговоренную на мѣсяцъ за 1 р. 50 к. Обѣдалъ у полковника Чоснока. Былъ у мене на сей квартерѣ канцеляристъ корчемной конторы Степанъ Будаевъ.

20. Купилъ на корабляхъ ½ фунта чаю за 55 к., цукровые фѣгуры въ слонку за 90 к., за книгу імператора Марка Аврелія 1 р. 20 к.

21. Изъ денегъ 350 р., оставленныхъ у мене, взялъ на росходъ Юнgансъ 50 р. Купилъ фарфурной посуды 10 штукъ, далъ 3 р., за анкеръ вина 4 р. 50 к.

22. Послѣ обѣда отехалъ зъ синомъ Василемъ до Пітергофа и на 16-ой верстѣ отъ Питеръ Бурха встрѣтилъ государыню, едучую верхомъ, и ея величество изъ графомъ Розумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнѣть изволила и поехала до С. П. Бурха, а я прибылъ въ Пітергофъ въ 11 часу. На сѣно для лошадей дано 12 к., за рибу 35 к.

23. Рано ходилъ по огородамъ и дано огороднымъ и фонтанымъ сторожамъ 14 к. Обѣдни слушалъ въ церкви придворной наметной [227]). Обѣдалъ у племѣнниковъ графа Розумовского, званный отъ учителя Носко. По обѣдѣ былъ у преосвященного Тодорского, а потомъ отехалъ изъ Пітергофа и прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 1-мъ часу по полуночи. Мостового дано 3 к.

24. Рано былъ у графа Розумовского и учинилъ онъ мнѣ декларацію дѣлъ, сказавъ дожидатися праздника. Писалъ писма до Скоропадского, до Іосифа, до Сумніцкого и до жены.

25. Нізевичъ у мене былъ, а вечеромъ приходили поддячіе Петръ Івановъ Деружкинъ зъ товарищи. Імператорское высочество прибылъ изъ Пітергофа.

26. Приходилъ ко мнѣ Петръ Горленко зъ сотникомъ Лисаневичемъ; потомъ у мене-жъ былъ учитель Носко зъ жалобою на

---

[227]) Наметъ—палатка.

Семена служителя, которого потомъ къ себе призивалъ и ему виговаривалъ.

27. Зъ полковникомъ Чеснокомъ обѣдалъ у Нізевича; потомъ заходили до Кучубеевъ, до Витвіцкого и подмунщенка Стрижова. На огурци 4 к.

28. Генералъ полицъмейстеръ графъ Антонъ Мануйловичъ Девіеръ преставилъся. Писалъ до Іосифа и до Сумніцкого съ включеніемъ писемъ, писанныхъ подъ числомъ 21 іюня до брегадира Илина и подполковника Семенова.

29. Въ сей день тезоименитства великого князя государя Петра Федоровича были допущены съ протчими до ручки его імператорского высочества, и его-жъ высочество изволилъ слушать обѣдни и молебствіе въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, а по молебствіи палено зъ многихъ пушокъ. Послѣ полдня былъ въ дворцѣ куртагъ, а въ вечеру публѣчная ужина при вокалной и інструменталной музикѣ. Я обѣдалъ въ своей квартерѣ съ полковникомъ Чеснокомъ и съ Петромъ Стефановымъ Протченкомъ и съ дѣтми.

30. Была французская комедія и мы были зъ полковникомъ Чеснокомъ и зъ сотникомъ Лисаневичемъ, который у мене и почовалъ.

Юлъ.

1. Генералъ поліцмейстеръ графъ Девіеръ съ приличною его чину церемоніею погребенъ въ александро-невскомъ монастырѣ. Я обѣдалъ у бунчучного Оболонского, ради его тезоименитства.

2. Рано были у мене бунчучный и сотникъ Тризна, писма намъ вручилъ. Обѣдалъ у мене Марко Андреевичъ Марковичъ [228]).

3. Государыня и великій князь изволили отехать въ Питергофъ. На харчъ данъ 1 р. На поправу мундира синового портному 16 к. Вечеромъ былъ у бунчучного.

4. Былъ у мене бунчучный. За поправу двохъ паръ чолокъ 12 к.

5. Писалъ писма къ женѣ, къ Іосифу и до Скоропадского, а вобще зъ бунчучнымъ писали до старшины генералной и до протчихъ о депутаціи.

6. Съ оными писмами отправленъ въ Глуховъ по почтѣ значковый полку черніговского товарищъ Прокопъ Затиркевичъ. Г-жа

---

[228]) Сынъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича.

Розумовская прибыла въ С. П. Бурхъ и стала квартерою на смолном дворцѣ, до которой и я зъ бунчучнымъ для визиты ездилъ.

7. На харчъ дано 40 к., на сѣно для коней 45 к. Рано знову были зъ бунчучнымъ у г. Розумовской; потомъ слушали обѣдни въ Невскомъ и тамъ-же купно зъ нею у преосвященного С. П. Бурского обѣдали и вечеряли; потомъ ея провожали опять на ея-жъ квартеру и позно прибылъ на свою квартеру.

8. Коллегіи іностранной золотописецъ Андрей Івановъ сынъ Лоповъ взялъ паргаментъ для дѣланія диплома, которому дано въ задатокъ 2 р.

9. Рано былъ въ сенатѣ и у дѣтей. За шесть ложечокъ принцметалнихъ 18 к. Поддячимъ 30 к. Федоръ Мойсеевичъ, головщикъ дворцовый, Божокъ преставилъся.

10. Канцеляристъ Яскевичъ и войтъ нѣжинскій Тарнаіотъ пріехали въ Питеръ. Былъ у бунчучного и зъ секретаремъ габинетскимъ видалъся въ церквѣ св. Сумеона.

11. Визитовалъ тело умершого Федора Божка въ квартерѣ его въ зимнемъ государевомъ дворцѣ. Отдана челобитная сотнику Тризнѣ для подачи въ сенатъ о падежѣ скота.

12. Помянутый Федоръ Божокъ погребенъ въ монастырѣ Невскомъ. За 24 тарѣлки цѣнинные 1 р. 60 к. Кравцю за перешитье черкески 65 к.

13. Обѣдалъ у г. Розумовской съ войтомъ нѣжинскимъ, который и у мене, оттоль заехавши, былъ на квартерѣ. За сосудъ мѣдный 26 к. За митье и починку платья 45 к., за лоскутки зеленого гатласу и за шовкъ 29 к.

14. Госпожа Розумовская со всѣми своими и бунчучный зъ своею женою отехали въ Питергофъ. Сыну Василю на бачмаки дано 53 к.

15. Полковникъ Чоснокъ съ сотникомъ Лисаневичемъ отехали до Питергофа.

16. Туда-жъ и я отехалъ зъ сотникомъ вибелскимъ Тризною. Прибыли въ Питергофъ надвечери и ужинали въ квартерѣ г-жи Розумовской у Пустоты; потомъ были у насъ на квартерѣ Журманъ, Борсукъ и Івавъ Николаевъ Ѳроно.

17. Вчора и сего числа рано ходили по садамъ и огородамъ и везде. Обѣдали въ квартерѣ. Розышлось тамъ въ Питергофѣ на

сѣно 18 к., за вино и харчъ 51 к.; фонталщикамъ 27 к. Послѣ полдня первіе великій князь, потомъ и государыня изволили отехать до С. II. Бурха, а оттуду и мы поехавъ, нерано прибыли въ Питеръ ночю, а зъ нами и дѣти, которые у насъ и ночовали.

18. За вилуженіе четирехъ штукъ мѣдной посуды 30 к., да за два сосудци мѣдные-жъ купленные 26' к. За сѣно для коня 60 к.; табаки за 4 к.

19. Писаны писма до Скоропадского, до Івана Гамаліи, до сотника глуховского, до Іосифа, до Чуйкевича, до жены и въ Козелецъ до отца брата, да до обозного Алексія Подвисоцкого и до асаула Матвѣя Шуми полковыхъ кіевскихъ.

20. Дано Грицку Дмитрову и Івану Романову на чоботы 1 р., на харчъ 8 к. Рано былъ я у г. Розумовской: потомъ въ Невскомъ монастырѣ, а оттуду заехавъ ко мнѣ секретарь Новоторжцовъ, былъ въ моей квартерѣ и у полковника Василія Чеснока.

21. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и у графа Розумовского купно съ архіереями. На харчъ данъ 1 р.

22. Былъ въ сенатѣ, а оттоль заходилъ посѣтить болного пѣвчого Федора Івановича Коченевского, гдѣ видѣлься зъ нами и префектъ кіевскій Михаилъ Козачинскій; оттуду былъ и у бунчучного. На перевозъ 4 к.

23. Прибылъ въ Питербурхъ архимандритъ братскій кіевскій Сильвестръ Кулябка. Я обѣдалъ на петровскомъ острову у подьячого корчемной конторы Стефана Будаева изъ Кіріякомъ Андріевичемъ Кондратовичомъ и въ банѣ у его-жъ мился, а ночовалъ на Карповкѣ у сотника мглинского. Писалъ еще писма до Скоропадского о томъ, что пашпорты на проездъ дѣтямъ въ чужіе краи дадутся изъ іностранной коллегіи, а до жены, обявляя ей поклонъ отъ графинѣ Чернишевой. Отехала г. Розумовская, а при ней и бунчучный зъ женою въ мызу, называемую Гостилецъ.

24. Рано былъ тамъ-же на Карповцѣ въ домѣ архіерея новгородского у братского архимандрита Кулябки, потомъ въ сенатѣ и въ іностранной коллегіи подалъ доношеніе о людяхъ, зъ дѣтми въ чужіе краи имѣючихъ отправитись. Послѣ полдня были у мене судіи полковые гадяцкій Родзянка и Лазаревичъ, зъ которыми и до стекляныхъ заводовъ ходили. Івану Сангурскому, бунчуковому

товарищу, отправляючомусь въ Украину, всѣ оные писма, что вчора и 19 числа писалъ, вручены для подачи въ Глуховѣ.

25. Куплены двѣ книги за 66 к., матеріи на картузъ за 15 к., огурцовъ за 10 к., за оправу другихъ двохъ книжокъ 20 к., сину Василю 10 к.

26. Былъ въ сенатѣ, обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у секретаря Новоторжцова. Розышлось 12 к.

28. Ходили къ церквѣ св. Пантелимона, где и государиня изволила слушать обѣдни. За оправу двохъ книжокъ 20 к. За возокъ сѣна 60 к.

28. Сину Василю на бачмаки 30 к., кравцю за направу кафтана и картуза 20 к. Былъ рано у графа Розумовского, где государинѣ, при поднесеню нѣсколькихъ сосудовъ рожовой водки, кланялъся войтъ нѣжинскій Стеріевичъ. На харчъ дано 50 к. Были у мене сотникъ новгородскій Судіенко и Добронѣзкій.

29. Былъ рано у графинѣ Чернишовой, а по обѣдѣ былъ у мене бунчучный зъ судіею гадяцкимъ Родзянкою.

30. Генералъ, сенаторъ и кавалеръ, графъ Григорій Петровичъ Чернишевъ преставилъся. За книги указовъ імператрицы Екатерины и Петра II імператора «Зерцало юности» и Граціана 4 р. 50 к., за книгу Іакову Тимофіеву 45 к. Інихову 10 к., сину Василю 5 к.

31. Я обѣдалъ у бунчучного. Прокопъ Затиркевичъ прибылъ изъ Глухова. Pustota arestatus.

Августъ.

1. Былъ рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова, потомъ заходилъ въ домъ графа Чернишева и тѣло его видѣлъ умершого; потомъ ездилъ въ крѣпость и тамъ слушалъ водосвятія. Надвечери былъ у мене подканцеляристъ іностранной коллегіи Динисъ Никитинъ Латининъ съ товарищемъ.

2. Ходилъ въ сенатъ и въ коллегію иностранную, где и за печати, къ тромъ пашпортамъ приложенные, заплатилъ пошлины 75 к. На перевозъ 2 к.

3. Былъ у бунчучного и Пустоту посѣщалъ въ дворѣ графа Розумовского.

4. Писалъ писма до Скоропадского, до жены, до Чуйкевича, до Павла Скорупы, до Івана Гамаліи зъ посилкою къ нему по-

лученныхъ писемъ, и до Іосифа. Былъ рано у г. Розумовского. Кравцю на потребности до камзола 20 к. Бунчучный вечеромъ былъ у г. Розумовского зъ представленіями нѣкоторыми и розговоръ имѣлъ. На харчъ 35 к.

5. Генералу графу Чернишову отправовалось съ надлежащою, по его достоинству, церемоніею погребеніе и провождено тѣло пятма баталіонами отъ пѣхоты и кирасировъ до Невского монастыря, где при погребеніи и три залпы оные-жъ баталіоны бѣглымъ огнемъ стрѣляли. Надвечери отехалъ я въ Невскій монастырь, где и ночовалъ.

6. Тамъ-же въ Невскомъ монастырѣ исповѣдувалъся и на ранной службѣ Божой причащалъся, а по службѣ позной, которую служилъ преосвященный Феодосій, архіепископъ с. п. бурскій, обѣдали въ келіи отца намѣстника Софронія зъ дѣтми Скоропадского и моимъ синомъ; потомъ ходили до библіотеки и въ семѣнаріумъ, где провожалъ насъ одинъ ученикъ ѳеологіи Сумеонъ Ігнатіевъ. Розышлось 12 ½ к.

7. Былъ въ сенатѣ и въ иностранной коллегіи. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ бунчучный и съ нимъ были оба у преосвященного крутицкого.

8. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены зъ посилкою двохъ головъ цукру, полфунта чаю въ жестяницѣ, двохъ гребенцовъ слонового и рогового, 9 книжокъ русскихъ печатныхъ и манускрипта объ Украинѣ. Дано за полфунта чаю 1 р., за гребенецъ слоновый 18 ¾ к., на харчъ 28 к. Изъ Невскаго подворя перенеслись дѣти на другую квартеру на Василіевскій островъ въ 8-ю лѣнію, въ домъ нѣкоторого совѣтника Неплова.

9. Въ іностранной коллегіи отобралъ пашпортъ, сину моему для поезду въ чужіе краи данный, такожъ пашпорти для синовъ трехъ Скоропадского, двохъ Борковского, запечатанные купно зъ указомъ, въ генералную канцелярію подписаннымъ. Далъ за труди подканцеляристу Латинину 1 р. 50 к., писцу 50 к., сторожу 6 к., на сѣно 50 к.

10. Далъ дѣлать для жены колпакъ или чѣпокъ изъ парчи, отъ камзола синового оставшей. Писма и посилка въ домъ вручены Добропѣзкому, значковому полку стародубовского товаришу. Ялоцкому даны 10 к.

11. Былъ въ дворцѣ, где по службѣ Божой преосвященный архіерей тферскій, Митрофанъ Слотвинскій, звалъ мене къ себѣ, зъ которымъ на одной шлюбки отехали и у него купно зъ Лукою, намѣстникомъ Свѣнскимъ, оберъ-іеромонахомъ Іоасафомъ корпуса кадецкого и архимандритомъ новгородскимъ Афанасіемъ обѣдали; потомъ и у мене отецъ Лука былъ вечеромъ. Гребцамъ архіерейскамъ даны 10 к. Pustota ab aresto factus liber.

12. Былъ въ сенатѣ, потомъ зъ отцемъ Лукою заходили въ кадецкій корпусъ до отца Іоасафа. По обѣдѣ былъ у мене отецъ Пафнутій, уставщикъ монастыря Невского. Розышлось 6 ½ к. Пѣвчій дворцовый Якимъ Мироновичъ, зъ которымъ вчора надвечери въ дворцѣ отца духовника видѣлись, умеръ нечаянно.

13. Былъ рано у сенатора г. Шувалова, потомъ въ сенатѣ и насилу выписка совершена о Чаусахъ. На сѣно 8 к.

14. Израна ездилъ на смолной дворецъ и былъ тамъ у г. Розумовского, и у Журмана, и Борсука, по обѣдѣ у пр. Тодорского и у бунчучного.

15. Рано былъ у преосвященного Могилянского, архіепископа переславского, да у генерала г. Румянцова; потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, где государиня изволила присилать пѣвчого Кирила Рубана спрошовать о дѣтяхъ Івану и Петру Скоропадского, и пришедъ въ салю, были допущены до ручки государини. Обѣдали у мене подполковникъ Куликовскій, полковникъ Чеснокъ, дѣти Скоропадского зъ Кондзеровскимъ и Юнгансомъ. На росходъ харчевый дано 30 к., на сѣно 17 к., на овесъ 15 к.

16. Камзолъ изъ кунтуша Івану Рудому велѣлъ дѣлать и штаны, и къ онымъ на потребности даны 20 к., да на сѣно и проч. 20 к. За митье платя и направу чолковъ 23 к.

17. Рано былъ я у Горленка, по обѣдѣ у мене бунчучный. Свѣтлѣйшій князь, ландъ-графъ гессенгомбурскій отехалъ изъ С. П. Бурха въ чужіе краи. На хлѣбъ, яблоки и груши дано 8 к.

18. Рано былъ у оберъ-маршала Шепелева, который велѣлъ дать реестръ о малороссіянахъ, кои могутъ быть при брачной церемоніи.

19. Отосланъ таковый реестръ къ оберъ-маршалу. Государиня и великій князь изволили въ зимный изъ лѣтного дворца переехать. Ночовалъ у мене писарь умершого генерала Бибикова, Михайло Петровъ.

20. Былъ въ сенатѣ и у бунчучного. Отданъ приказъ объ насъ оберъ-церемонiймейстеру графу Санти.

21. Началась изрядна церемонiя шествiя опредѣленныхъ знатныхъ, мужеска и женска полу, персонъ, такожъ ея iмператорского величества съ новобрачными ихъ iмператорскими высочествами до церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, называемой казанской, отъ зимного болшого дворца, и слѣдовала оная церемонiя мимо дворецъ по-надъ Невою и поворотила въ Милiонную, а оттоль мимо лугъ, противъ дворца имѣючiйся, где и три театри были здѣланы для жареныхъ быковъ и для фонтанъ, и даже до самой церкви, коимъ трактомъ и всѣ полки какъ гвардiи пѣхотной и конной, такъ и кирасирскихъ и напольныхъ солдаты и райтары построены были. Слѣдовало-же одныхъ церемонiалныхъ каретъ, господскихъ и дворцовыхъ, 135, всѣ по 6 лошадей, а въ которой государыня и новобрачные ехали, тамъ было 8 лошадей. Послѣ венчанiя, которое отправовалъ архiепископъ новгородскiй и велико-луцкiй, преосвященный Стефанъ Калиновскiй, говорилъ проповѣдь преосвященный епископъ псковскiй и нарвскiй Сумонъ Тодорскiй, которые оба тѣми санами почтены 18 числа сего теченiя. Потомъ оная-жъ церемонiя послѣ троекратного изъ пушекъ, при церквѣ поставленныхъ и отъ полковъ въ строю стоявшихъ, залпу, слѣдовала и отъ церкви до дворца зимного такимъ-же, какъ и до церкви порядкомъ, и палено зъ корабля и изъ разныхъ другихъ судовъ, яко-то: яхтъ, галеръ и протчихъ зъ многихъ пушокъ, а въ вечеру были вездѣ по городѣ, и на судахъ, и въ крѣпости, и въ адмиралитействѣ, въ академiи, въ корпусѣ кадецкомъ и въ протчихъ мѣстахъ презрядніе иллюмѣнацiи.

22. Обозный генералный г. Лизогубъ прибылъ въ С.-П-Бурхъ. Данъ Грицку на росходы 1 руб.

23. Рано были зъ обознымъ генералнымъ первей у графа Розумовского въ дворцѣ, потомъ и самой государинѣ кланялись и у ручки были, и обѣдали у приватного стола, при присутствiи ея величества, въ лѣтномъ дворцѣ, а по обѣдѣ были у князя Н. Юр. Трубецкого, у преосвященного переславского Арсенiя Могилеанского и у матушки графа Розумовского.

24. У вице-канцлера графа Михаила Iларiоновича Воронцова были рано, а потомъ въ зимномъ дворцѣ и у духовника, а въ

томъ-же зимномъ дворцѣ и государиня съ новобрачными кушать и свадебную церемонію продолжать изволила.

25. Рано ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, который по службѣ Божой представлялъ насъ предъ государиню на аудіенцію, потомъ заразъ и у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, великого князя и великой княгини аудіенцію имѣли, а послѣ обѣда были въ комедіалномъ домѣ на оперѣ италіанской, на которой и дѣвки италіанки и кастратъ при музикѣ италіанской-же пѣли преизрядно. Кравцю за пошите двохъ камзоловъ и одныхъ штановъ Рудому данъ 1 руб.

26. Рано были у Александра Львовича Наришкина, сенатора, а обѣдали и весь день пробавили у матушки графа Розумовского, ради именинъ ея.

27. Были у генераловъ фелдмаршаловъ графа Леси, князей Василія Володимировича Долгорукова и Ивана Юревича Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова; потомъ званы во дворецъ и были въ собственномъ машкарадѣ, потомъ и ужинали при столѣ императорскомъ въ салѣ галдареи.

28. Въ вечеру были на комедіи французкой и въ опредѣленной ложѣ подъ № 6 смотрѣли на отправленіе оной комедіи.

29. По службѣ Божой были у Василія Ивановича Демидова, а по обѣдѣ у графа Андрея Ивановича Ушакова, у Евфимія Ивановича Владиславича и у графини Евдокіи Ивановны Чернишовой. За петлицы золотые, до кунтуша аксамитного взятые, заплатилъ 5 руб. 10 коп., за сѣтку 2 руб. 60 коп.

30. Государиня изволила быть на пабоженствѣ въ монастырѣ Невскомъ и тамъ кушать, а по обѣдѣ оттуду возвратясь, кончено въ дворцѣ зимномъ высокобрачную церемонію и первей зажженъ былъ на рѣкѣ Невѣ превеликій фейерверкъ, потомъ была ужина въ салѣ галдареи пребогатая, а насъ по всѣмъ покоямъ государини и высоконовобрачныхъ вожено и показивано всякіе раритети (рѣдкости), украшенія и уборства и трактовано доволно.

31. Государиня изволила изъ С.-П-Бурха поехать въ Царское Село и въ Питергофъ. Мы были израпку прежде у генералши Солтиковой, потомъ у князя Александра Борисовича Куракина и у его-жъ обѣдали, а по обѣдѣ были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина.

Септеврій.

1. Вечеромъ были у генералъ интендаnта адмиралитейского Александра Ивановича Головина.

2. Писаны письма до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до жены. За старую квартеру заплатилъ 3 руб., да зъ Юндансомъ и Савою Зинченкомъ росплатка учинена; Юндансу дано 14 руб. 25 коп., Савѣ 74 коп. У секретаря Новоторжцова были на родинахъ и данъ родѣлѣ червонецъ.

3. Віехали до Питергофа по полдни и прибыли туда ночю.

4. Отведена тамъ квартера тая, въ которой прежде стоялъ бунчучный, а вечеромъ ходили по огородамъ и смотрѣли фонтанъ.

5. Израпку водилъ насъ везде по огородамъ и фонтаны велѣлъ пускать подмайстерій Григорій Федоровъ Рилевъ, а по обѣдѣ оттоль поехали и прибылы въ С.-П.-Бурхъ по полдни въ 8-мъ часу.

6. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и въ габинетѣ и по обѣдѣ зъ Гудовичемъ у архимандрита Петрункевича.

7. Рано припималъ лекарство и весь день содержалъ діету.

8. Въ дворцѣ лѣтномъ у великого князя и у великой княгинѣ были у ручки.

9. Посѣщали насъ въ квартерѣ прежде Іля Журманъ съ товарищи, потомъ графъ Мойсей Владиславичъ. Сину Василю купленъ платокъ италіанскій за 1 р. 50 к., да еще два платки дано 37 к.

10. Рано были у генерала Бахметова на Василіевскомъ острову и въ сенатѣ и въ кунсть-каморѣ. Портному иноземцю, что дѣланъ сыну Василю богатый камзолъ, заплатилъ 5 р. 20 к.

11. Пущалъ мнѣ кровъ изъ жилы сафены хирургъ Гартманъ, которому данъ таляръ битый. Сину полковника Делятура Карпу Ивановичу позичены 50 р. Обозный генералный ездилъ за рѣку къ архіереямъ.

12. За направу сину Василю шубы дано портному 20 к.

13. Получены писма зъ Глухова чрезъ Сангурского и 50 р. денегъ, которые позичены были полковника Далятура сину Карпу Ивановичу.

14. Рано были у кн. Н. Трубецкого и у канцлера гр. Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у ручки государини и у гр. Розумовского.

15. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ Ивантенки. Емѣху учителю 50 к.

16. Оберъ-прокуроръ сенатскій Иванъ Онуфріевичъ Брилкинъ пожалованъ губернаторомъ въ Астрахань. Писалъ писма въ Глуховъ чрезъ Делятурова сина и чрезъ саржанта гварнизону глуховского, Анисима Осмолова, до Скоропадского, до Чуйкевича, до Іосифа и до жены. Книжнику дано 50 к., розышлось 9 к., въ доплатку за диплюмъ 50 к. Обѣдали у Новоторжцова ради крестинъ сина, ему родившогося, Ивана, которій потомъ и умре. Бабѣ дано 12 к.

17. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ. За двѣ книжки дано 80 к. Былъ придворный машкарадъ.

18. Рано подалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ. Писано писмо къ женѣ зъ посилкою въ барилцѣ включенныхъ 24 талѣрокъ ценинныхъ. По обѣдѣ были у барона Черкасова, потомъ на комедіи.

19. За указъ о Чаусахъ дано копіисту Деружкину 1 р. Знову были на комедіи.

20. За запечатованіе оного о Чаусахъ указу дано пошлины 28 к.

21. Рано всп, а въ вечеру я самъ былъ въ дворцѣ у графа Розумовского для розговору о поданномъ ему меморіалѣ. За сиръ и протч. даны 52 к.

22. Послѣ обѣда были у сенатора Шувалова, и данъ ему меморіалъ о дѣлахъ малороссійскихъ, въ сенатѣ имѣючихся. За чоботы Ялоцкому даны 50 к.

23. Взята матерія срѣброглавная полъ 5-та аршина, по 5 р. аршинъ. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены чрезъ Якова Лизогуба, отехавшого съ меншимъ Кочубеемъ Василіемъ. Государиня изволила быть на сватбѣ у князя Хованского въ домѣ князя Василія Никитича Репнина.

24. Рано подана термѣна челобитной для усмотренія графу Р. и копіи грамоты и писма, а князю Никитѣ Трубецкому меморіалъ о 5 дѣлахъ. Бунчучный съ нашими исправлялъ пункты о нуждахъ.

25. Писалъ къ женѣ, чтобъ Савѣ Зѣнченку заплатила 42 р. 50 к. за матерія у него взятые, да до Іосифа зъ писмомъ отъ отца Петрункевича архимандрита до Василя Думитрашка. Сину Василю на чоботы данъ 1 р., да за атлясъ съ картинами и за географію

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

(1882—1906 г.).

СОСТАВЛЕНЪ

Членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Кіевскаго Университета Б. Д. Чигринцевымъ.

Полтава.

1911 г.

Оглавленіе.

Отъ составителей.

I. Археологія.

а) церковная 1

б) общая . . . . 2.

II. Исторія и историческіе матеріалы.

а) церковная исторія . . . . . 10.

б) общая исторія . . . . . . 22.

III. Художественная литература . . . . . 56.

IV. Исторія литературы.

а) матеріалы . . . . 63.

б) статьи . . . . 68.

в) статьи и замѣтки о И. П. Котляревскомъ . 74.

г) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ . . 75.

V. Географія и этнографія . . . . . . 82.

VI Біографическій матеріалъ.

а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ . . . . 100.

б) письма и переписка . . . . . 109.

в) воспоминанія . . . . 115.

г) записки, замѣтки и дневники . . . 118.

д) рѣчи . . . . 120.

е) некрологи . . . . 120.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ . 124.

VIII. Библіографія . . . . 128.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки . . . . 190.

Алфавитный указатель авторовъ статей . . . . 203.

Приступая къ изданію настоящаго указателя, Полтавская Ученая Архивная Комиссія шла навстрѣчу давно назрѣвшей потребности, имѣя въ виду выдающуюся цѣнность и многосторонній интересъ историческихъ, этнографическихъ и иныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина». Для статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ за первыя 10 лѣтъ его существованія, составители пользовались указателемъ, печатавшимся въ приложеніи къ журналу за 1893 годъ и изданнымъ въ томъ-же году отдѣльной книгой.

Въ настоящемъ указателѣ, какъ и въ предыдущемъ, обозначены всѣ статьи, матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ журналѣ, исключая лишь такихъ мелкихъ сообщеній, которыя носьтъ чисто злободневный характеръ, въ родѣ небольшихъ отчетовъ о собраніяхъ научныхъ обществъ, о спектакляхъ, концертахъ и т. п.

Весь указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ, а именно: 1) Археологія, съ подраздѣленіемъ на церковную и общую, 2) Исторія и историческіе матеріалы, съ такимъ же подраздѣленіемъ, 3) Художественная литература, 4) Исторія литературы съ подраздѣленіемъ на а) матеріалы, б) статьи, в) статьи и замѣтки объ И. П. Котляревскомъ и 2) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ (послѣдніе два подотдѣла выдѣлены въ виду многочисленности біографическихъ, критическихъ и прочихъ статей и замѣтокъ объ этихъ писателяхъ), 5) Географія и этнографія, 6) Біографическій матеріалъ съ подотдѣлами: а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ, б) письма и переписка, в) воспоминанія, г) записки, замѣтки и дневники, д) рѣчи, е) некрологи, 7) Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ, 8) Библіографія и 9) Смѣсь, дополненія и поправки. Послѣ заглавія каждой статьи, замѣтки и т. п. указаны годъ, мѣсяцъ и страницы журнала, на которыхъ эта статья помѣщена.

Буква Д, помѣщенная послѣ обозначенія страницъ, указываетъ, что статья или замѣтка помѣщена въ отдѣлѣ «Документы. извѣстія и замѣтки», который въ журналѣ имѣлъ особую нумерацію страницъ.

Фамилія, набранная **жирнымъ шрифтомъ**, означаетъ фамилію или псевдонимъ автора, кромѣ отдѣла некрологовъ и библіографіи, гдѣ этимъ шрифтомъ набраны въ первомъ случаѣ фамиліи умершихъ, а во второмъ—авторовъ рецензируемыхъ книгъ. Такъ какъ непосредственнымъ продолженіемъ журнала «Кіевская Старина» явился журналъ «Украïна», издававшійся въ 1907 году, то составители внесли въ указатель и статьи этого журнала. Къ концу книги приложенъ алфавитный указатель авторовъ статей и замѣтокъ.

Составители.

I. Археологія.

А) ЦЕРКОВНАЯ.

1. **А. В.** Бакотскій скальный монастырь (объясненіе къ рисункамъ) 1891, 10, 108—116.

2. **А. Л.** Къ исторіи культуры (латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.) 1893, 11—324. (Д).

3. **Антоновичъ В.** Раскопки у Трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ 1885, 5, 163—167.

4. **А. С.** О Лаврской находкѣ 1899, 4, 58—60. (Д).

5. **Б.** Цѣнная находка въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1899, 1, 47—50. (Д.).

6. **Бучневичъ В. Е.** Поправка надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ 1884, 9, 175—177.

7. **Бѣляшевскій Н.** Два замѣчательные предмета кіевскаго церковнаго-археологическаго музея 1888, 7, 133—135.

8. **В. Н.** Къ Исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ 1891, 7, 148—151.

9. **Вновь** открытая стѣнная живопись въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ 1897, 6, 102—103. (Д.).

10. **Васильевъ Мих.** Изъ письма въ редакцію. (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ. 1885, 10, 364—367.

11. **Возстановленіе** древней паперти Кіево-Софійскаго Собора 1862, 8. 387—390.

12. **Г. В.** Новое пріобрѣтеніе церковно-археологическаго музея 1888, 8, 32—33.

13. **Доманицкій В.** Слѣды погибшаго архива (Звенигородскаго Духовнаго Правленія) 1902, 12, 158—159. (Д.).

14. **Древній храмъ** въ г. Каневѣ 1904, 6, 125—126. (Д.).

15. **Залѣсскій Ап.** Церковная старина Пирятинскаго уѣзда 1889 7, 268—274.

16. **Здравомысловъ К.** Данныя архива святѣйшаго Синода о Кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго 1897,—4, 1—12. (Д.).

17. **Каманинъ И.** Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Подольской губ.) 1906,—3—4, 73—77. (Д.).

18. **Какъ** обращаются у насъ съ церковной стариной 1894, 2, 336—338. (Д.).

19. **Л. П.** Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владимиръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? 1888, 5, 259—264.

20. **Л. П.** Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуна или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе (съ 2 картами) 1889, 4, 56—73.

21. **Л-въ П.** Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора 1884, 9, 162—165.

22. **Л-въ П.** Гдѣ подлинникъ Любе-

чской чудотворной иконы Божiей Матери 1883, 6, 385—387.

23. **Л-въ П.** Софiя-Премудрость Божiя въ иконографiи Сѣвера и Юга Россiи 1884, 12, 555—567.

24. **Лаврской** находки по поводу 1899, 5, 114. (Д).

25. **Лашкаревъ П.** Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ 1889, 1 204—210.

26. **Левицкiй Ор.** Исторiя одного древняго Волынскаго храма 1903, 1, 70—90.

27. **Мердеръ А.** Мелочи архивовъ юго-западнаго края: часовня-памятникъ въ Каневѣ 1900, 12; 149. (Д.).

28. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконы княжеской эпохи 1899,—8 91—97. (Д.).

29. **Петровъ Н.** Библiотека барона, Шодуара и вновь открытое древнее изображенiе св. Бориса и Глѣба и, можетъ быть св. Владимира 1888, 8, 33—39.

30. **Праховъ Адрiанъ.** Фрески Кiево-Кирилловской церкви XII в. (Рѣчь). 1883, 5, 97—110.

31. **Р-въ А.** Небесные архистратиги въ образѣ запорожцевъ. 1887, 11, 587—587.

32. **Рклицкiй С.** Мазепина церковь въ с. Дегтяревѣ 1900. 6. 134—139. (Д).

33. **Расхищенiе** церковныхъ древностей на Волыни 1891, 1, 183.

34. **Старинная** церковь въ г. Лохвицѣ. 1904, 7—8, 25. (Д.).

35. **Церкви** старинной постройки въ Полтавской епархiи 1888, 11, 97—99.

36. **Щербина В.** Памятникъ Кiевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря 1895. 12. 90—92. (Д.).

Б) ОБЩАЯ.

37. **А—въ.** Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ 1884, 9, 165—168.

38. **А. В.** Запись о кладѣ XVIII столѣтiя 1885, 8, 735—736.

39. **А. В.** Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра 1886, 7, 560—562.

40. **А. В.** Археологическiя изслѣдованiя въ бассейнѣ Сулы 1886, 8, 763—766.

41. **А. А.** Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины 1894, 7, 101—102. (Д.).

42. **А. Л.** Городецкiй музей Волынской губернiи 1898, 4, 13—17. (Д.).

43. **А. Л.** Гетьманскiе дома въ Глуховѣ (съ планомъ) 1898, 1, 160—166.

44. **Александровичъ М. Н.** Кафельные памятники XVIII вѣка (посмертная замѣтка) 1883, 1, 211—213.

45. **Антоновичъ Б.** Змiевы валы въ предѣлахъ Кiевской земли (съ картой) 1884, 3, 355—370.

46. **Антоновичъ В.** Изъ археологической экскурсiи, село Кальникъ и его памятники старины 1887, 8, 761—765.

47. **Антоновичъ В.** Забытый городъ (изъ археологической экскурсiи) 1888, 4, 24—27.

48. **Антоновичъ В.** Обозрѣнiе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кiевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и мюнцъ—кабинетѣ университета св. Владимира 1888, 7, 117—132.

49. **Антоновичъ В.** Вопросы по археологiи и исторiи южной Руси, обсуждавшiеся на 3 археологич. съѣздѣ въ Кiевѣ 1899, 8, III—VII.

50. **Антоновичъ В.** Замѣчательный

кладъ. 1899, 10, 1—2. (Д).

51. **Антропологическій** типъ малороссовъ (предварит. сообщ.) 1895, 6, 323—331.

52. **А. С.** Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ 1894,—4, 174—175. (Д.).

53. **Археологическая** лѣтопись (къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и случайныя находки) 1901, 11, 137—152.

54. **Археологическія** экскурсіи 1896, 1, 20—21. (Д.).

55. **Археологическія** изслѣдованія и раскопки 1901, 9, 139—149. (Д.).

56. **Археологическія** изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 10, 56—64. (Д.).

57. **Б. Н.** Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей 1891, 11, 292—295.

58. **Багалѣй Д. И.** проф. Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губ. 1901, 10, 53—56.

59. **Багалѣй Д. И.** VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ 1890, 3, 464—484.

60. **Багалѣй Д.** О децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ 1893, 2, 346—355.

61. **Бакай Николай.** Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго 1886, 12, 743—746.

62. **Бны—нъ В.** Надгробный запорожскій крестъ 1886, 3, 603.

63. **Бо—скій Н.** Бурты (чигир. у), какъ мѣсто археологическихъ находокъ 1896, 7—8, 9—12. (Д.).

64. **Боронковскій В.** Слѣды древнихъ поселеній 1892, 4, 122—123. (Д).

65. **Бѣлецкій-Носенко А.** „Зміевый валъ" въ Черниговской губ. 1898, 3, 95—98. (Д.).

66. **Бумаги** государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи 1896, 5, 53—54. (Д.).

67. **Бѣляшевскій.** 1900 г. въ археологическомъ отношеніи 1901, 1, 53—64, 2, 121—130, 3, 197—205, 5, 130—137. (Д.).

68. **Бѣляшевскій Н.** Замѣчательный кладъ великокняжеской эпохи 1901, 10, 120—132.

69. **Бѣляшевскій Н.** Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины, 1902, 5, 148—156. (Д.).

70. **Бѣляшевскій Н.** 1901 годъ въ археологическомъ отношеніи 1902, 1, 59—62. (Д.).

71. **Бѣляшевскій Ник.** Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ 1891, 3 433—444.

72. **Бѣляшевскій Н.** Княжа гора 1890, 12, 494—503.

73. **Бѣляшевскій Н.** Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева 1890, 4 1—21.

74. **Бѣляшевскій Н.** Церковище возлѣ дер. Монастырскъ, Канев. у., Кіевской губ. 1889, 1, 210—213.

75. **Бѣляшевскій Н.** Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля Волынск. губ. 1888, 10, 31—35.

76. **Бѣляшевскій Н.** Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ 1888, 9. 77 78.

77. **Бѣляшевскій Н.** Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. 1888, 8, 53—55.

78. **Бѣляшевскій Н.** Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ 1888, 7, 136—143.

79. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій

съѣздъ въ Кіевѣ 1899, 10, 107—120; 11, 270—276; 12, 399—412.

80. **Бѣляшевскій Н.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г. (съ 2 таблицами снимковъ) 1893, 1. 61—104.

81. **Бѣляшевскій Ник.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1892 году 1893, 4, 134—142.

82. **Бѣляшевскій Н.** Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ 1895. 5, 58—61. (Д.).

83. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій съѣзъ въ Ригѣ 1896, 10, 20—64.

84. **Бѣляшевскій Н.** Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. 1894, 5, 308—317.

85. **Бѣньковскій И.** Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ 1904, 6, 116—117. (Д.).

86. **В. П.** Въ с. Субботовѣ памятники старины 1892, -3, 484—486. (Д.).

87. **В. Я.** Разоренная могила 1898, 9. 80—82. (Д.).

88. **В.—ій Д. К.** Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Васильевки, Полтавской губ. Хорольскаго уѣзда, 1895. 1, 5—6. (Д.).

89. **Волковъ Ѳ.** На Черноморьѣ палеолитическая стоянка 1899, 6. 167—168. (Д.).

90. **Волковъ Ѳ.** По поводу нашихъ Неолитическихъ находокъ съ церамикой домикенскаго типа 1900. 7—8, 235—245.

91. **Г.** Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской 1890, 10, 123—134.

92. **Г.** Старинная Южно-Русская ґравюра 1890, 1, 47—59.

93. **Г. Ѳ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ 1890, 9, 504—505.

94. **Гавриловъ М.** Уцѣлѣвшая старина 1883, 8, 757—760.

95. **Галагановскій.** Фамильный архивъ 1883, 11, 452—469.

96. **Городище** у с. Сахновки Черкас. у. 1899, 7, 39. (Д.).

97. **Данилевичъ В. Е.** Стоянка и мастерская каменнаго вѣка Могилевской губерніи, изслѣдованіе лѣтомъ 1893 г. 1895,—4, 12—18. (Д.).

98. **Дверницкій Е.** Археологическія изслѣдованія въ г. Владимирѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ 1887, 1, 36—50).

99. **Доманицкій В. Н.** Раскопки въ Кіевской губ. 1899, 9, 134—136. (Д.).

100. **Древности** Екатеринославской губ. 1902,—3, 236—237. (Д.).

101. **Дѣвичья** гора у с. Сахновки, Черкас. у. 1899, 9, 136—137. (Д.).

102. **Еврейская** торговля антикварными рѣдкостями 1891, 6, 488—489.

103. **Егоровъ И.** Село Курень и его старина 1904, 1, 135—140.

104. **Ефименко П.** Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ Университетѣ 1882, 1, 193—198.

105 **Еще** одинъ изъ кіевскихъ валовъ 1896, 1, 22—23. (Д.).

106 **З.** Раскопка кургана близь с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. 1885, 8. 727—729.

107. **Завитневичъ В. З.** Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ 1890, 5, 255—267.

108. **Зарѣцкій И. А.** Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья) 1888, 12. 148—149.

109. **Изслѣдованія** и раскопки (Роменскій у Полтав. губ.) 1902, 1, 67—68.

110. **Макаренко Н.** Письмо въ редакцію объ этой замѣткѣ 1902, 3, 242, (Д.).

111. **Изслѣдованіе** стоянки Каменнаго вѣка въ с. Городкѣ Ровенскаго у. Волынской губ. 1899, 2, 101—102. (Д.).

112. **Къ** Исторіи Кіевской археологической коммиссіи 1893, 12, 495—497. (Д.).

113. **Къ** археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 12, 193—214. (Д.).

114. **Къ** вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала 1896, 1, 21—22. (Д.).

115. **Къ** вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ 1891, 10, 136—137.

116. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ 1891, 4, 167—168.

117. **Кіева** старый планъ 1899, 7, 32—33. (Д.).

118. **Кіевской** археографической коммиссіи 250-ти лѣтн. юбилей 1893; 11. III—VI.

119. **Клады** въ Кіевѣ и его окрестностяхъ 1883 6 387—392, 7, 592—594; 8, 770—773.

120, „**Княжа** гора“ городище у с. Пекарей Черкас. у. 1899, 2, 103—104. (Д.).

121. **Ковалевскій А.** Къ исторіи малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ 1894, 3, 557—558. (Д.)

122. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ 1896, 11, 129—136.

123. **Корсунъ Г.** Находка плитъ въ м. Вороньковѣ Переяслав. у. Полт. губ. 1902, 3, 243—244. (Д.).

124. **Кудлаевичъ** Петръ. Земляные валы близь села Кудинки (Летичевскаго уѣзда, Подольской губ.) 1882 г. 6 535—543.

125. **Курганъ** въ Ананьевскомъ у. 1902, 3, 244. (Д.).

126. L. Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева 1890, 3, 533—537.

127. L. Заславская легенда (о мѣстныхъ развалинахъ) 1898, 6, 83—85. (Д.).

128 **Л. П.** Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго 1889, 1, 213—217.

129. **Лазаревскій** А. Сулиминскій фамильный архивъ 1882, 11, 292—327.

130. **Лебединцевъ Г.** Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (изъ письма въ редакцію) 1885, 2, 403—406.

131. **Левицкій**. Ор. замка древняго въ Подоліи истребленіе 1899, 10, 15—16. (Д.).

132 **Линниченко** И. Л. Архивы въ Малороссіи (съ прилож. акта о смерти Шуйскихъ) 1888, 8, 349—380, 10, 193—214.

133. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи 1888, 8, 349—390.

134. **Лобода Ѳ.** Изъ археологической экскурсіи въ г. Владимиръ Волынскій 1886, 8, 766—769.

135. **Лоначескій А.** Археологическая находка въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи 1885, 3, 573—577.

136. **Любецкій** Архивъ графа Г. А. Милорадовича въ приложеніи за 1895 г. 2, 3, 4; 1896. 1, 4, 5, 7—8, 10; 1898, 2, 3, 6.

137. **Ляскоронскій** Вас. Остатки древняго лукомльскаго городища въ м. Лукомьлѣ, Лубенскаго уѣзда Полт. губ. 1893, 9, 426—437.

138. **Ляскоронскій** В. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ Полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора (съ 3 таблиц. и планомъ) 1892; 11, 263—278.

139. **Ляскоронскій** В. Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго у., Полтавской губ. 1896, 12, 327—336.

140 **М.** раскопки на Кириловской ул. въ Кіевѣ 1899, 1, 42—43. (Д.).

141 **М. К.** раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринскаго у., Кіевской губ. 1899, 1, 44—45. (Д.).

142 **М—чъ** В. Изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива 1883, 2, 453—460.

143 **Малинка**. Изслѣдованія, раскопки и случайныя находки 1901, 6, 203—209. (Д).

144. **Мердеръ** А. Мелочи архивовъ юго-западнаго края: Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ 1900, 1, 1. (Д).

145. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Намогильный крестъ въ Арбахъ, какъ документъ 1900, 2, 68—70. (Д).

156. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Бердичевскія подземелья (извлечено изъ архивнаго дѣла) 1900, 6, 144—146. (Д).

147. **Мердеръ** А. Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ 1900, 10, 21—22. (Д),

148. **Мищенко** Ѳ. къ вопросу о царскихъ скиѳахъ 1884, 5, 55—76.

149. **Могила** подъ Любаремъ 1901, 2, 83—84. (Д).

150. **Молотовскій** кладъ (въ восточн. Галиціи) 1899, 5, 110—112. (Д).

151. **Молчановскій**. Н. Письмо къ редактору изъ Стокгольма (о бумагахъ шведскаго государствен. архива по исторіи Малороссіи) 1899, 4, 75—89.

152 **Мякотинъ** В. архивъ генерального войскового суда 1898, 11, 137—149.

153. **Н. Б.** Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. 1902, 11, 326—334; 12 480—491.

154. **Н. Б.** у м. Триполья, Кіевскаго у. раскопки 1899, 1, 43—44. (Д).

155. **Н. Б.** археологическій съѣздъ въ Вильнѣ 1893, 10. 55—79.

156. **Н. Б.** Циркуляръ Херсонскаго губернатора (о сохраненіи древностей 1895,—6, 112—113. (Д).

157. **Н. В.** къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцевской Описи Малороссіи 1892. 12, 453—461. (Д).

158. **Науменко** В. Вопросы по южно-русской Этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3 археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. 1899, 8. VIII—XIV.

159. **Находка** въ городищѣ „Княжа гора". 1899, 5, 112—114. (Д).

160. **Находка** у с. Конончи Черкас. у на городищѣ 1899, 10, 50—51. (Д).

161. **Находка** римскихъ монетъ 1898, 4. 12—13. (Д).

162. **Нейманъ** Ц. Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ села Нижнихъ Сѣрогозъ Мелитопольск. у. 1902, 4, 159—172.

163. **Новицкій** Ив. Старинныя орудія, наказанія и исправленія 1885,—11, 551—554.

164 **О. Л.** Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій центральный архивъ 1894, 11, 304—305. (Д).

165. **О. Л.** Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. 1899, 1, 5—8. (Д).

166. **Онацкій** Д. Вниманію археологовъ 1887,—2, 366—368.

167. **Падалка** Л. Каменный затонъ и бѣлозерское городище на Днѣпрѣ съ картой 1891, 12, 384—390.

168. **Падалка** Л. Надъ великимъ лугомъ Днѣпровскимъ (изъ путевыхъ замѣтокъ) 1897, 5, 300—315.

169. **Падалка** Л. Историческіе матеріалы архива Полтавской Казенной Палаты 1885, 10, 333—338.

170. **Падалка** Л. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ Полтавской губерніи, и надъ рѣкою Высью на границѣ Кіевской и Херсонской губ. 1895, 4, 102—113.

171. **П-ко** Вл. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ 1905, 2, 136—138. (Д).

172. **Подземные** ходы въ Умани 1896, 1, 23—24. (Д).

173. **Памятники** древности въ окрестности Корсуня 1887, 10, 371—376.

174. **Петровъ** Н. О подземельи въ Кіевѣ возлѣ Б.-Житомирской и Б.-Владимирской улицъ 1902, 6, 157—161. (Д).

175. **Петровъ Н.** О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому 1890, 12, 507—510.

176. **Площадки** съ росписными сосудами въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ. 1899,—11, 104—106. (Д).

177. **Прилучанинъ**. Какъ у насъ уважаютъ памятники прошедшаго 1893, 1, 167—169. (Д).

178. **Программа** для собиранія свѣдѣній объ архивахъ 1898, 7—8, 25—28. (Д).

179. **Раскопки** на городищѣ „Княжа гора“ 1899, 5, 109—110. (Д).

180. **Раскопки** кургановъ у с. Волковцы Роменскаго у. Полтавской губ. 1899, 9, 133—134. (Д).

181. **Раскопки** кургановъ въ Роменскомъ у. Полтавской губ. у сс. Волковцы и Великія Будки 1899, 4, 55—56. (Д).

182. **Раскопки** кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Черниговъ. губ. 1902,—4, 79. (Д).

183. **Раскопки** на верхней Юрковицѣ въ Кіевѣ. 1899, 6, 168—172.

184. **Раскопки** въ с. Ромашкахъ, Васильковскаго у. Кіевской губ. 1899, 6, 173. (Д).

185. **Раскопки** кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у. Кіевской губ. 1899, 4, 54—55. (Д).

186. **Раскопки** кургановъ при сс. Райгородъ и Пруссы Черкаскаго у. Кіевской губ. 1899, 7, 35—36. (Д).

187. **Раскопки** близъ Екатеринослава 1902, 7—8, 25—26. (Д).

188. **Раскопки** близъ м. Каменки Ольгоп. у. Подольск. губ. 1899, 9, 132—133. (Д).

189. **Раскопки** у д. Приворотья-Маковскаго Кам.-Подольскаго у. 1899. 2. 99—101. (Д).

190. **Раскопки Д.** Эварницкаго въ Мелитоп. у. Таврической губ. 1902, 10, 28—29. (Д).

191. **Раскопки** Ковалева Кургана въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго у. 1902, 11 111—112. (Д).

192. **Раскопки** въ с. Веселомъ Мелитопольскаго уѣзда проф. Д. Эварницкаго 1902, 11, 112—113. (Д).

193. **Раскопки** кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя Херсонской губ. 1899, 5, 107—108. (Д).

194. **Раскопки** въ с. Казацкомъ Херсонск. у 1899, 11, 103—104. (Д).

195. **Раскопки** у Андреевки, Елисаветградск. у. Херсонской губ. 1899, 4, 56—57. (Д).

196. **Раскопки** Кургановъ у. д. Самбросовки. Алекс. у. Херсонской губ. 1899, 7, 37—38. (Д).

197. **Раскопки** въ Херсонесѣ 1899, 4, 57—58. (Д).

198. **Раскопки** близъ с. Кулишовки Золотон. у. Полт. губ. 1899, 9, 131—132. (Д).

199. **Романовичъ**-Славатинскій А. Воспоминаніе объ архивѣ государственнаго совѣта 1888, 6, 409—458.

200. **Рѣдкая** древняя надпись 1882, 7, 190—192.

201. **С. А.** Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ 1883, 3, 687—688.

202. **Сапожниковъ** къ исторіи Кіевскихъ золотыхъ воротъ 1886, 5, 163—168.

203. **Святославскій** И. Я. Два памятника Полтавской побѣды въ Бѣлогородщинѣ 1886, 6, 378—381.

204. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки 1885, 10, 338—342.

205. **Свѣдѣнія** объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ 1901, 4, 12—13. (Д).

206. **Смѣна** доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ 1900, 5, 73—76. (Д).

207. **Содержаніе** одного изъ чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи 1891, 1, 174—176.

208. **Соколовъ** В. Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ 1892, 8, 225—245.

209. **Степовичъ** А. Лебединскій Будынокъ 1895,—11, 45—47. (Д).

210. **Стоянка** палеолитической эпохи у с. Селища, Каневск. у. Кіевской губ. 1902, 4, 78—79. (Д).

211. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи 1882, 6. 543—546.

212. **Танковъ** А. А. Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ 1897, 6, 100—102.(Д).

213. **Твердохлѣбовъ** А. Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ 1905, 7—8, 59—74.

214. **Уваровой** П. С. граф. заключительный докладъ на XI археологич. съѣздѣ 1899, 9, 401—418.

215. **Х**. Замѣтка объ археологической выставкѣ VII съѣзда въ Москвѣ 1890, 2, 347—349.

216. **Ханенко** А. Археологическая находка въ Черниговѣ 1883, 5, 174—178.

217. **Хатемкинъ**. Къ памятникамъ недавней стороны въ г. Козельцѣ 1898, 12, 413—424.

218. **Ч. В**. Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ 1888, 9, 73—75.

219. **Ч. Н**. Археологическая находка 1887, 10.—381—383.

220. **Черниговскіе** архивы 1902, 2, 90—92. (Д).

221. **Шестой** археологическій съѣздъ въ Одесѣ 1884, 10, 337—346.

222. **Шляпкинъ** И. Интересная надпись 1890, 11, 333.

223. **Щербина** В. Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ переулкѣ 1895, 11, 56—58. (Д).

224. **Зварницкій** Д. Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ) 1886, 1, 41—90.

225. **Эварницкій** Д. Раскопка кургана въ д. Вороной 1885, 8, 722—727.

226. **Эварницкій** Д. И. Раскопка кургана „Мухина гора“ 1885, 8, 707—722.

227. **Эварницкій** Д. И. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ. 1885, 5, 167—170.

228. **Яроцкій Я**. Цыганская гора вблизи с. Толкачей, Овручск. у., Волынской губ. 1902, 3, 240—242. (Д).

II. Исторія и историческія матеріалы.

А) ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

229. **А.** Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.) 1893, 4, 156—161. (Д).

230. **А. А.** Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в. 1891, 9, 492—493.

231. **А. А.** Митрофанъ Коринфскій митроп., въ Кіевѣ (1728—33) 1892, 5, 291—293. (Д).

232. **А. А.** Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церки въ с. Бортничъ (1796 г.) 1892, 5, 293—294. (Д).

233. **А. А.** Арестованіе водки, везенной изъ Полтавскаго монастыря въ Кіевск. Канцелярію „на поклонъ" (1775 г.) 1893, 2, 378. (Д).

234. **А. А.** Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. 1894, 5, 356—357. (Д).

235. **А. А.** Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для предворной капеллы (въ 1758 г.) 1891, 3, 512—513.

236. **А. В.** Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (Къ исторіи Сатановскаго монастыря Подольской епархіи). 1882, 2, 418—425.

237. **Актъ** объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. 1898, 1, 11—12. (Д).

238. **А. Л.** Изъ отношеній Печерской Лавры къ Кіевской митрополіи въ XVIII в. 1894, 7, 100—101. (Д).

239. **А. Л.** Изъ жизни Печерской Лавры 1894, 10, 154—155. (Д)

240. **А. Л.** Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1838 г. 1896, 4, 2—8. (Д).

241. **А. Л.** Къ исторіи Малорусскаго духовенства 1896, 6, 88—90. (Д.).

242. **А. Л.** Келія св. Димитрія Ростовскаго 1898, 6, 85—86. (Д).

243. **А—скій Ал.** Васильковская таможня и городничіе монахи. 1883. 1, 193—202.

244. **Андреевскій А. М.** Предложеніе гетмана Мазепы Кіевскому войту и магистрату 1702 года (о не утѣсненіи причта и прихожанъ Успенской церкви г. Кіева) 1884, 9, 132—136.

245. **Андріевскій Ал.** по поводу возстановленія Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. 1885, 9, 178—183.

246. **Арсеній** архимандритъ. Попытка основанія православной архіерейской кафедры въ Немировѣ въ XVIII ст. 1883, 4, 883—893.

247. **Архангельскій.** Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI ст. (Историческій очеркъ) 1886, 5—6, 44—78, 237—266.

248. **Береза К.** Выборные священники 1882, 4, 166—168.

249. **Береза К**. Архіерейскія печати 1882, 5, 225—240.

250. **Береза К**. Изъ посмертныхъ бумагъ Могилевскаго архіепископа Анатолія Мартиновскаго. 1884, 6, 210—238.

251. **Береза К**. Записки Преосвященнаго Анастасія, Архіепископа Могилевскаго (о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края). 1887, 2, 313—338.

252. **Берхинъ** Іона. Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ. 1884, 12, 568—585.

253. **Борзаковскій П**. Майскія рекреаціи въ бурсѣ. 1896, 4, 176—205.

254. **Бѣлящевскій Н**. къ истореи Кіевской Академіи Кононъ Зотовъ въ Кіевской Академіи. 1893, 9, 438—439. (Д).

255. **Бѣляшевскій Н**. Вызовъ Кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ соборъ. 1893, 9, 439;—10, 167. (Д).

256. **Булаковъ Д**. Изъ галлереи отжившихъ типовъ. Дмитріево свапскій протопопъ Гомоновъ. 1903, 6, 423—455.

257. **Бучневичъ В. Е.** колоколъ „Кизикерманъ" 1896, 12, 747—749.

258. **В. А**. Изъ записной книжки Южно-русскаго священника 1725 г. 1886, 9, 191—194

259. **Василенко В**. Остат. братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. 1885, 9, 159—171.

260. **Васильевъ** Михаилъ. Преданія о Лебединскомъ монастырѣ въ селѣ Лебединѣ 1887. 4, 784—788.

261. **В. Г**. Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. 1893, 11, 325. (Д.).

262. **В. Д**. Къ малорусскому переводу Евангелія 1903, 1, 10—11. (Д).

263. **Вишневскій** Д. Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи. 1896, 1. 32—57; 2, 177—208; 3, 309—333.

264. **Вишкевскій** Д. Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. 1896, 6, 79—86. (Д).

265. **Вишневскій** Д. Искра Гавріилъ монахъ риторич. учитель Черниг. коллегіума и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской Академіи Георгіемъ Донисскимъ 1897, 9, 60—67. (Д).

266. **Вишневскій** Д. Екатерины царицы письмо къ Кіевскому Митрополиту Іоасафу Кроковскому 1902, 5, 86. (Д).

267. **Вишневскій** К. Общее направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣ. 1904, 2, 179—200.

268. **В—ій** Д. К. Случай изъ губернерской жизни (страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка 1895, 1, 6—9 (Д).

269. **Воспрещеніе** воспит. Кіевской Духовной Академіи и Семинаріи посѣщать Царскій садъ. 1902, 4, 17—18. (Д).

270. **Востоковъ** А. Жалоба Роменскаго духовенства на протопопа Мартына Самойлова. 1887, 5, 189—195.

271. **Востоковъ** А. Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ Кіево-Печерскаго Монастыря 1887, 7, 573—576.

272. **В. П**. О расширеніи предѣловъ Переяславской Епархіи въ 1756—1757 годахъ 1904, 12; 146—168. (Д).

273 **В. С.** Гавріила Кіевскаго Митрополита Пастырская увѣщательная грамота. 1902, 5, 95—98. (Д).

274. **V**. На пути въ Іерусалимъ (листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года). 1887, 5, 204—206.

275. **Галонтъ** Л. В. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могипа и его отношенія къ евреямъ. 1905, 5, 149—152. (Д).

276. **Г. Б**. Рогачевскій Иванъ, Лохвицкій протопопъ, и сынъ сотника Данило Забѣла въ Архангельской ссылкѣ въ 1713—1721 г. г. 1902, 6, 333—346.

277. **Гетманскіе** Проповѣдники (письмо Кіевскаго митрополита Тимофея Щербацкаго къ гетману Разумовскому съ посылкой проповѣдника) 1890. 1, 118—119.

278. **Г. К**. Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго 1904, 4, 1—3. (Д).

279. **Гл.** Л. Къ Исторіи Кіевскихъ женскихъ монастырей 1896, 4, 9—13. (Д).

280. **Голицынъ** Н. С. Кн. Почаевская Успенская Лавра въ концѣ іюля 1855 года. 1882, 6, 365—380.

281. **Голомбіовскій** А. Изъ Кіевскаго прошлаго (слухъ о намѣреніи правительства „разорить" Межигорскій монастырь). 1892, 7, 451—453. (Д.).

282. **Голомбіовскій** А. Греческіе епископы самозванцы въ Россіи въ XVIII в. 1894, 5, 332—341.

282. **Голоса** духовенства объ украинскомъ переводѣ Евангелія 1902, 4, 22—23, (Д).

284. **Голубевъ** С. Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи (къ вопросу о томъ, можетъ ли Кіевская Академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). 1885, 1, 85—116.

285. **Голубевъ** С. Очерки изъ исторіи Кіевской духовной Академіи за XVIII столѣтіе. 1889, 4, 1—26.

286. **Голубевъ** С. Западно-русская церковь при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. 1898, 1, 1—34; 2, 240—264; 4, 397—420; 4, 26—50; 5, 202—221. 6, 309—346.

287. **Г. П**. 800 лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіевской лаврѣ. 1889, 9, 777—779.

288. **Грамота** патріарха Адріана Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому (по жалобѣ Кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита) 1885, 9, 139—144.

289. **Гр. Моз**. Гайдамацкія движенія XVIII ст. и монахи кіевскихъ монастырей 1893, 5, 228—242.

290. **Г—скій** А. Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры 1892, 4, 126. (Д).

291. **Дабижа** Александръ князь. Малороссійская обитель на Аѳонѣ (есть рисунокъ) 1893, 1, 34—40.

292. **Д. В**. Кіевскій Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства 1899, 3, 397—423.

293. **Д. Е**. Владимиро-Волынскій Мстиславскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе (корреспонденція „Кіевск. Стар.") 1886, 4, 837—839.

294. **Давно** забытая древнѣйшая Кіевская святыня 1884, 11, 534—541.

295. **Два** документа по дѣлу передачи Почаевской лавры изъ вѣдѣнія

уніатовъ въ вѣдомство православное 1882, 9, 486—502.

296 **Два** документа о хозяйствѣ Кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст. 1883, 8, 719—734.

297. **Два** документа къ исторіи 19 февраля 1861 года:

1) Циркулярное письмо канцеляріи оберъ-прокурора Свят. Синода епархіальнымъ архіереямъ.

2) Циркуляръ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству Кіевской епархіи 1901, 3, 132—140. (Д.).

298. **Двѣ** записки Дмитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ Елецкаго Черниговскаго монастыря 1882,10, 170—173.

299. **Для** исторіи Переяславской бурсы при Епископѣ Іовѣ Базилевичѣ (1771) 1091, 11, 76—78. (Д.).

300. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 11, 80—83. (Д.).

301. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 9, 78—82. (Д.).

302. **Добавка** къ замѣткѣ о спискѣ студентовъ Кіевской Академіи 1779 г. 1902, 3, 163. (Д.).

303. **Довнаръ**-Запольскій М. Къ исторіи Люблинской уніи 1896, 2, 56—59. (Д.).

304. **Документы** братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ 1882, 7, 149—159.

305. **Доманицкій** В. Неудачное вѣнчаніе монаха 1901, 5, 74—75. (Д).

306. **Доманицкій** В. Похищеніе священническаго чина внѣ отечества 1903, 7—8, 15—17.

307. **Доманицкій** В. Два указа Митрополита Рафаила Заборовскаго (1733 и 1735 г. г.) 1904, 7—8, 7—10. (Д.).

308. **Дриженко** А. Старинная церковная утварь въ с. Позникахъ Лохвицкаго уѣзда 1903, 9, 102—104. (Д.).

309. **Дурново** Н. Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія 1905, 7—8, 66—69. (Д.).

310. **Дьячки** старой Малороссіи 1897, 11, 38. (Д.).

311. **Е. А.** Архіерейскій подарокъ 1888, 12, 129—135.

312. **Европейскій** баптизмъ-родоначальникъ малорусской штунды 1885, 12, 639—650.

313. **Егоровъ** Іоаннъ. Синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. 1903, 113—114. (Д.).

314. **Егоровъ** Иванъ. Оригинальная доставка церковнаго колокола 1905, 3, 226—230. (Д.).

315. **Егоровъ** Н. Страничка изъ жизни духовенства въ старой малороссіи (село Курень, Конот. у.) 1904, 10, 16—20 (Д.).

316. **Ефименко** П. Братство и союзы нищихъ 1883, 9—10, 312—317.

317. **Ефименко** П. Присяга духовенства 1884, 5, 151—153.

318. **Заботы** о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія 1899, 12, 130. (Д.).

319. **Заказъ** Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 г. 1896, 6, 73—79. (Д.).

320. **Залѣсскій** Аполинарій. Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства 1885, 5, 175—179.

321. **Запрещеніе** протопопамъ и намѣстникамъ брать съ приходскихъ священниковъ „ралціевыя деньги" 1903, 12, 139 (Д.).

322. **Ивановъ** П. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новорос-

сію при Екатеринѣ II 1891, 5, 288—297.

323. **Изъ** исторіи Кіевской Академіи (В. Серебренниковъ Кіевск. ак-я съ половины XVIII в. до преобразов. въ 1819 г.) 1897, 12, 351—369.

324. **Историческая** святыня (крестъ Розумовскаго) 1902, 2, 107—108 (Д.).

325. **Каманинъ** И. Къ исторіи Кіево-Печерской Лаврской типографіи 1894, 8, 276—278. (Д.).

326. **Каманинъ** И. Борисоглѣбская школа 1895, 10, 10. (Д.).

327. **Каманинъ** И. Изъ Помянника Кіево-Софійскаго собора 1897, 10, 7—9 (Д.).

328. **Каманинъ**. Склепы въ Великой Лаврской церкви 1895, 10, 9—10. (Д.).

329. **Каманинъ** И. Черты изъ быта духовенства XVIII в. 1896, 1, 16—18. (Д.).

330. **Каневская** соборная церковь 1899, 5, 79—81. (Д.).

331. **Китицынъ** П. Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго 1902, 7—8, 4—6. (Д.).

332. **Кіево** Братскаго монастыря дача Церковщина 1899, 6, 174—175. (Д.).

333. **Кіево**-Печерская Лавра въ ея прошедщемъ и нынѣшнемъ состояніи 1886, 5, 7, 8, 10, 11, 26—43, 293—306, 386—409, 613—618, 252—264, 500—519.

334. **К—ій** Ѳ. Индульгенція 1892, 11, 293—294. (Д.).

365. **Клебановскій** П. Богуславскій монастырь и его тяжелые дни (1808—1860 г.) 1892, 8, 217—224.

336. **К. О.** „Писанный крестъ" 1887 11, 585—586.

337 **Коваленко** Гр. Грамота св. Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго. 1905, 5, 158—159 (Д.).

338. **Кому** въ дѣйствительности принадлежитъ проэктъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ ю. з. краѣ 1900, 11, 69—71. (Д.).

339. **Контратъ** на постройку церкви конца XVIII вѣка 1884, 3, 422—424.

340. **Короленко** В. Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720) 1906, 7—8, 71—74. (Д.).

341. **Кравченко** К. О ново открытомъ славянскомъ богѣ Раѣ 1886. 9, 163—171.

342. **Крыжановскій** Е. Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ 1882, 11, 373—382.

343. **Кудринскій** Ѳ. Возсоединеніе уніатовъ въ м. Ратномъ Волынской губ. въ 1838 г. 1892, 3, 409—438.

344. **Кудринскій** Ѳ. Судьба Экзарха Никифора въ зап. Россіи 1895, 6, 399—419; 7, 1—19.

345. **Кудринскій** Ѳ. Дѣло о притѣсненіи православныхъ священниковъ со стороны польскаго пана (при Георгіи Конисскомъ) 1898, 7—8, 14—18. (Д).

346. **К—тъ** В. Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березенъ. 1887, 3, 581—583.

347. **Къ** бытовой исторіи малорусскихъ монастырей 1901, 2, 74—75. (Д.).

348. **Къ** изданію Евангелія на украинскомъ языкѣ. 1906. 3—4. 90—91. (Д.).

349. **Къ** исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи 1897, 9, 67—70. (Д.).

350. **Къ** исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни (Ре-

золюціи Модеста, архіеп. Волынскаго 1890—1891). 1901, 10, 15—18. (Д).

351. **Къ** исторіи Южно-Русскихъ братствъ (Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ Полт. губ. Прилукскаго уѣзда). 1886, 9, 183—191.

352. L. Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. 1887, 5, 185—189.

353. L. По Пирятинскому уѣзду (кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства). 1887, 4, 790—794.

354. **Л. А.** Еще свѣдѣніяо „дикомъ попѣ". 1887, 11, 577—580.

355. **Л. А.** Къ исторіи Кіевскаго Паломничества. 1890, 9, 476—497.

356. **Л. А.** Къ исторіи церквей города Остра. 1891, 11, 299—300.

357 **Лашкевичъ Ал.** Кіевскій пещерникъ XVIII ст. (подвижникъ Косифей). 1884, 7, 541—543.

358 **Л—въ П.** Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. 1884, 7, 545—546.

359 **Л—въ П.** Баптизмъ, или штунда, въ Кіевской губерніи. 1885, 3. 491—518.

360 **Л—въ П.** Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей, въ Кіевѣ. 1887, 12, 779—782.

361 **Л—въ П.** Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. 1884, 10, 304—320.

362 **Лебедевъ Амф.** О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи Бѣлгородской съ суевѣріями .1890, 1, 21.

363 **Левицкій О.** Южнорусскіе архіереи въ XVI—XVII в. 1882. 1, 49—100.

364 **Левицкій Ор.** Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси. 1882, 4, 5, 6, 25—57; 193—224; 401—432.

365 **Левицкій О.** Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. 1884, 8, 627—654.

366 **Левицкій Ор.** Кандидатъ на священство изъ „Шкурниковъ". 1904, 4, 104—113.

367 **Левицкій** О. Украинское Евангеліе. 1905, 10, 30. (Д).

368 **Левицкій** Памфилъ Прошлое Переяславскаго духовнаго училища (бывшей Переяславской семинаріи) 1889, 2, 424—444.

369 **Леонидъ Архим.** Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго 1890, 11, 326.

370 **Лилеевъ** М. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. 1889, 8, 9, 376—401; 597—614.

371 **Липковскій** В. прот. Дѣло о суевѣріи священника (1805). 1901, 12, 329—345.

372 **Личковъ** Л. О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь въ 1770 г. 1901, 1, 6. (Д).

373 **Личковъ** Л. О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей" въ студенты Кіевской академіи въ 1757 г. 1901, 1, 6—7. (Д).

374 **Л—ій.** Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславѣ. 1888. 1—3, 35—36—39.

375 **Л. М.** Къ Характеристикѣ русской церковно-бытовой жизни въ первой трети XIX вѣка. 1904, 12, 408—443.

376 **Л. О.** Кіево-Выдубецкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль. 1882; 11, 285—291.

377 **Л. О.** Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала. 1891, 9, 489—491.

378 **Л. П.** Почему Десятинная церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая 1883, 8, 755—757.

379 **Л. П.** Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. 1885, 1 177—182.

380 **Л. П.** Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи (отвѣтъ С. Т. Голубеву). 1885, 2, 268—281.

381 **Л. П.** Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при св. Владимирѣ 1887, 9, 175—185.

382 **Л. П.** О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ 1888, 6, 265—283.

383 **Л. П.** Спасъ на Берестовѣ. 1888, 7, 8—11.

384 **Л. П.** Церковь св. Василія 1888, 7, 1—2.

385 **Ляментація** Кіево-Братскихъ монаховъ конца XVII в. 1884, 10, 353—357.

386 **Максимовъ** Евгеній. Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ Слободской Украинѣ. 1887, 9, 93—108.

387 **Маркевичъ** А. О Варвинской Иконѣ 1888, 11, 96—97.

388 **Матченко** Иванъ. Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ. 1885, 6, 338—343.

389 **Мацѣевичъ** Л. Процессъ старин-наго Церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ. 1882, 1, 222—223.

390 **Мацѣевичъ** А. „Нѣчто о дикомъ попѣ" 1886, 4, 821—826.

391 **Мердеръ** А. Видимая простота (обновившаяся икона). 1900, 7—8, 19. (Д).

392 **Мердеръ** А. Самосудъ старообрядцевъ 1839 года 1902, 1, 18—19. (Д).

393 **Мердеръ** А. Заботы генералъ-Губернатора Анненкова о строеніи въ юго-зап. краѣ православныхъ храмовъ 1903, 4. 8—9. (Д).

394. **Миллеръ** Ор. Церковь и Византійство (памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева) 1884, 11, 419—446.

395. **Миронъ**. Лѣтопись Подгорѣцкаго монастыря 1890, 7, 121—122—128.

396. **Модзалевскій** В. Договоръ прихожанъ с. Бѣлоусовки (Пирятин. у.) съ священникомъ 1742 г. 1905, 1, 10—11. (Д.).

397. **Модзалевскій** В. Лукьянъ Свѣчка въ роли похитителя церковныхъ денегъ въ Пирятинской церкви (нач. XVIII в.) 1905, 3, 469—479.

398. **Модзалевскій** В. Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря съ Лубенскими козаками въ 1649—1661 г. г. 1906, 3—4, 6—68. (Д.).

399. **М—чъ** В. Т. Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлью склонить къ уніи (изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива) 1883, 5, 111—126.

400. **Науменко** В. Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы 1885, 9, 172—175.

401. **Необычная** проповѣдь сельскаго пастыря въ Малороссіи 1903, 12, 128—131 (Д.).

402. **Новицкій** Я. Какъ готовилось Екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ Імп. Екатерины II 1887, 4, 795—798.

403. **Новицкій** Я. П. Личный составъ и аттестація духовенства Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ. по архивнымъ даннымъ 1814—22 г. г. 1889, 3, 725—730.

404. **Новый** завѣтъ на украинскомъ языкѣ 1902, 2, 106 (Д.).

405. **Н. П.** Холмскій музей церковныхъ древностей 1893, 10, 155—157.

406 **Н. П.** О Свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря 1906, 3—4, 68—71. (Д.).

407. **Оглоблинъ** Н. Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи. „(Выпись изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго" 1593 г.) 1886, 3, 482—494

408. **Оглоблинъ** Н. Эпизодъ изъ исторіи обращенія Кіевскихъ уніатовъ 1889, 3, 716—725.

409. **Оглоблинъ** Н. Изъ бумагъ Д. А. Лохвицкаго (объ Ильинской и Христо-Воздвиженской церквахъ и объ открытіи Кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ г. г.) 1889, 7, 239—245 —256.

410. **О. Л.** Къ исторіи Владимиро-Волынскаго базиліанскаго училища 1892, 10, 121—122. (Д.).

411. **О. Л.** Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка 1892, 11, 300—301. (Д.).

412. **О. Л.** Путешествіе малорос. іеромонаха Тарасія Калонпскаго въ Италію въ 1697 г. 1896, 5, 49—53. (Д.).

413. **О. Л.** Резолюція Имп. Екатерины II по жалобѣ малорос. священника 1902, 3, 101—103. (Д.).

414. **О. Л.** Портретная икона Чацкихъ въ м. **Боромлѣ** 1900, 4, 6—7. (Д.).

415. **О. Л.** О сектантахъ въ Кіевщинѣ. 1902, 10, 1—16.

416. **О. Л.** Къ исторіи Каневской соборной церкви 1903, 10, 9—14. (Д.)

417. **О. Л.** Изъ быта малорусскихъ сельскихъ пастырей XVII в. 1903, 12, 125—128. (Д.).

418. **О. Л.** Изъ сельской церковной лѣтописи 1905, 3, 222—223. (Д.).

419. **О. Л.** Старинныя публикаціи о бѣдныхъ монахахъ 1905, 4, 38—41. (Д.).

420. **Оленинъ** С. Объ изданіи книгъ Св. писанія на украинскомъ языкѣ 1905, 7—8, 65—66. (Д.).

421. **Ордеръ** правителя малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ. 1886, 11, 579—580.

422. **Орельскій** А. Къ Исторіи торговли кольцами св. Варвары въ Кіевѣ 1899, 12, 381—389.

423. **Орловскій** П., прот. Миссіонеры, распространяющіе унію въ Украинѣ въ 1776 г. 1892, 5, 285—288. (Д).

424. **Орловскій** П. прот. Благодарственное письмо Имп. Елизаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской Каѳедрѣ митрополитанскаго титула 1892, 8, 263—264. (Д).

425. **Орловскій** П. прот. Садковскаго Виктора по дѣлу оффиціальные документы (1792 г.) 1892, 9, 414—420. (Д).

426. **Орловскій** Петр. прот. Приказъ уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ Бѣлоцерк. округа 18 дек. 1784 г. касательно платы за требоисправленіе. 1892, 12, 474—478. (Д).

427. **Орловскій** П. прот. Указъ Кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіи гетмала Кирилла Разумовскаго 1893, 7, 142—143. (Д).

428. **Орловскій** Петръ прот. Харитатыва. 1894, 3, 382—402.

429. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи южно-русскаго духовенства 1895, 11, 50—51. (Д).

430. **Орловскій** П. прот. Странствующій архіерей (1777—1778) 1896, 1, 78—100.

431. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи малорусскаго духовенства 1896, 9, 49—64. (Д).

432. **Орловскій** П. прот. Евгенію митрополиту актъ признательности отъ дворянъ Кіевск. губ. 1899, 8, 46—49. (Д).

433. **Орловскій** П. прот. Погребеніе Кіевск. митроп. Рафаила Забаровскаго и Арсенія Могилянскаго. 1904. 7—8, 1—10.

434. **Орловскій** П. прот. Матеріалы для исторіи Кіевской дух. Академіи (1800—1802) 1904, 5, 61—68. (Д).

435. **Орловскій** П. прот. Чинъ изверженія изъ священства совершившійся въ Кіевской митрополіи въ XVII в. 1904, 12, 444—453.

436. **Орловскій** П. Матерьялы для исторіи Кіевской духовной Академіи. 904, 4, 6—13. (Д).

437. **Орловскій** П. прот. Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. 1905, 4, 36—38. (Д).

438. **Орловскій** П. прот. Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи православной южно-русской церковной епархіи въ 1620 году. 1905, 10, 133—141.

439. **Орловскій** П. прот. Кіевскій соборъ въ 1629 г. 1905, 7—8, 166—173.

440. **Осиротѣлые** колокола· 1882, 1, 218—220.

441. **Отношеніе** Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. 1900, 1, 21, (Д).

442. **П.** Къ исторіи обители Паисія Величковскаго. 1894, 5, 345—350 (Д).

443. **П. Л.** Святый Владиміръ Благовѣрный и равноапостольный князь Кіевскій (лѣтописное сказаніе) 1888, 7, 1—15.

414. **Павловскій** И. Ф. Изъ прошлаго Полтавшины. Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи. 1901, 10, 1—2. (Д).

445. **Павловскій** И. Ф. Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія. 1904, 1, 1—40.

446. **Павловскій** И. Ф. Старообрядческій священникъ, бѣжавшій къ старообрядцамъ. 1904, 2, 53—55. (Д).

447. **Павловскій** И. Ф. Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Углицкаго. 1904, 5, 60—61. (Д).

448. **Перетцъ** В. Грамота Кіевскаго митрополита Іосафа Драковскаго на утвержденіе скита близь м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лубенскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. 1905, 7—9, 42—43. (Д.).

449. **Петровъ** Н. Забытыя иноческія обители (монастыри Холмскій и Замостьевскій въ общей судьбѣ русско-украинскаго монашества). 1882, 6, 8, 1—41, 199—242.

450. **Петровъ** Н. Что сдѣлалъ Кіевскій митр. Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской Лавры. 1900, 3, 145—147. (Д.).

451. **Петровъ** Н. проф. Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому отъ 16 декабря 1742 г. въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи 1905, 9, 112—115. (Д.).

452. **Письмо** арх. Новгор. Өеофана Прокоповича къ арх. Кіевск. Рафаилу Забаровскому 8 марта 1734 г. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія Кіевск. академіи). 1884, 3, 465—470.

453. **П—ко** В. Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 годахъ. 1905, 10, 7—8. (Д.).

454. **П—ко** В. Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха іереміи Гусаревскаго. 1905, 10, 5—7. (Д.).

455. **П—ко** В. Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. (доходы и расходы кафедры Переяславской въ 1771—1776 г.г.) 1905, 10, 1—5. (Д.).

456. **П—ко** В. Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому о бракахъ малороссовъ. 1905, 10, 1. (Д.).

457. **П—ко** В. Письмо въ редакцію (поправки къ статьѣ „Гервасій Линцевскій". Д. ст. 1904, 12.) 1905, 1, 17—18. (Д.).

458. **П—ко** В. Къ вопросу о судѣ надъ Мелхисидекомъ Значко-Яворскимъ 1905, 4, 46—47. (Д.).

459. **П—ко** В. Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора 1906, 5—6, 8—9. (Д.).

460. **П—ко** В. Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. 1906, 5—6, 6—8. (Д.).

461. **П—ко** В. Изъ исторіи борьбы малороссійскаго духовенства за свои права въ 18 вѣкѣ. 1906, 9, 13—15. (Д.).

462. **П. М.** Традиціонная характеристика Кіевскихъ монастырей. 1883, 9. 10, 325—326.

463. **Подольское** епархіальное церковно-древлехранилище. 1890, 6, 551—552.

464. **Позволительный** листъ Өеодосія Углицкаго на установленіе братствъ и цеха въ м. Лѣткахъ 1897, 10, 7—9. (Д.).

465. **Полницкій** А. Избраніе прихожанами священника. 1895, 11, 53—54. (Д.).

466. **Полницкій** А. Распопъ Никола 1895, 11, 145—157.

467. **По** поводу 900 лѣтія Черниговской каѳедры. 1892, 9, 350—356, 10, 1—14.

468. **Поправки** къ надписямъ въ Черниговскомъ соборѣ. 1893, 10, 166, (Д.).

469. **Протопопъ** Комаръ и его вторичный бракъ 1882, 12, 607—613:

470. **Приказъ** 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно—и церковнослужительскими. 1893, 7, 143—144. (Д.).

471. **Проектъ** упорядоченія дѣлъ римско-Католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ 1885, 5, 127—136,

472. **П—скій** Борисъ. Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ. 1884, 11, 543—544.

473. **П—скій** П. О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. 1896, 5, 40—46. (Д.).

474. **Раскольничьи** слободы въ Черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в. 1886, 10, 398—400.

475. **Рклицкій** С. Какъ поминали въ церквахъ гетмана Разумовскаго 1900, 2, 63—65. (Д.).

476. **Рклицкій** С. Договоры прихожанъ съ священниками въ старой Малороссіи (по поводу договорнаго акта 1789 г.). 1901, 1, 115—124.

477. **Рклицкій** С. Указъ объ обязат. обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку 1723 г. 1903. 9, 111—112. (Д.).

478. **Рклицкій** Сергѣй. Три указа конца XVIII вѣка.

1) епископское взысканіе за неявку студентовъ семинаріи въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ.

2) Бракъ по обману и наказаніе за него священника.

3) Дѣло о обвѣнчаніи въ пянѣ въ жилой избѣ въ ночное врмя. 1903, 10, 2—6. (Д.).

479. **Русская** святыня на западѣ Европы. 1885, 2, 377—381.

480. **Саббатовскій** П. Записавшійся во власть помѣщика священникъ. 1883, 5, 184—185.

481. **Св.** мvро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали. 1882, 10, 180—183.

482. **Свѣдѣніе** о ново-басонскихъ церквахъ въ 1768 г. 1898, 7—8. 22—23. (Д.).

483. **С—ко.** Н. О дозволеніи сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе со званіемъ значковаго товарища. 1888, 1—3, 28—30.

484. **Синицкій** К. Завѣщаніе Тимофея Щербацкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и малыя Россіи. 1894, 9, 456—457. (Д.).

485. **Сластіоновъ** А. Церковное пѣніе и культура XVII и XVIII ст. въ Украинѣ и московіи 1905, 4, 48—54. (Д.).

486. **С. Н.** Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія. 1884, 2, 332—333.

487. **С. Н.** Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. 1891, 3, 503—506.

488. **С. П.** Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. 1902, 2, 81—83. (Д.).

489. **Списокъ** студентовъ и учениковъ Кіевской академіи 1779 года. 1902, 1, 8—13. (Д.).

Добавка къ этой замѣткѣ 1902, 3, 163. (Д.).

490. **Старинные** проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей. 1887, 5, 206—213.

491. **Стоимость** похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726 г. 1901, 4, 18—19. (Д.).

492. **Стоимость** похоронъ Барышевской обывательки въ 1756 г. 1901, 5, 85—86. (Д.).

493. **Стороженко** Н. В. Двѣ грамоты митрополитовъ Кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 г.) и Іерофея Малицкаго (1796—1799 г.). 1890, 12, 511—514.

494. **Стороженко** Н. Записка Іоасафа Крюковскаго митрополита Кіевсккго (1712). 1892, 2, 347—348. (Д.).

495. **Стороженко** Н. Чудотворная икона Божьей Матери въ с. Ржавцѣ. 1900, 7—8, 11—12. (Д.).

496. **Страшкевичъ** В. О базиліанахъ въ с. Маліовцахъ, Подольской губерніи. 1905, 2, 135—136. (Д.).

497. **Страшкевичъ** В. Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ нач. XIX в. 1905, 3, 223—226. (Д.).

498. **Страшкевичъ** В. Къ исторіи пребыванія монаховъ—тратистовъ въ Россіи. 1905, 9, 108—109. (Д.).

499. **Сумцовъ** Н. Шпиталь въ м. Боромлѣ 1883, 9—10, 309—312.

500. **Т. А.** Покровская церковь въ Переяславѣ 1883, 7, 588—592.

501. **Танковъ** А. Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. 1899, 11, 59—64. (Д.).

502. **Тарнавскій** А. По поводу 50-лѣтн. юбилея Почаевской лавры. 1883, 12, 681—663.

503. **Твердохлѣбовъ** А. Къ исторіи Скельскаго Монастыря 1886, 10, 392—398.

504. **Терновскій** Ф. Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст., какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ. 1882, 5, 329—337.

505. **Титовъ** О. Инструкція для Кіевской духовной академіи 1763 г. (Біевск. Епарх. Вѣд. 1893 г. №№ 19, 20). 1894, 8, 282—286. (Д.).

506. **Тиховскій** Ю. Мнимая типографія Почаевскаго монастыря. 1895, 7—8, 1—25,; 9, 248—281.

507. **Т. П.** Березенская Вознесенская церковь (съ рисункомъ) 1889, 1, 215—229—231.

508. **Трублаевичъ** М. Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ. 1899, 11, 167—184.

509. **Т—ъ** К. И. Къ исторіи Кіево-Никольскаго монастыря 1895, 6, 113—114. (Д.).

510. **Универсалъ** Кіевскаго Полковника Василія Дворецкаго 1660 г. (объ отдачѣ церкви Николая Доброго въ Кіевѣ бернандинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ). 1885, 4, 743—745.

511. **Французское** письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцеву. 1756 г. 1901, 6, 147—149. (Д.).

512. **Французъ** о Кіево-печерской Лаврѣ. 1900, 2, 80—81. (Д.).

513. **Харламповичъ** К. Острожская православная школа (ист. крит. очеркъ) 1897, 5, 177—207.; 6, 363—388.

514. **Храневичъ** В. Споръ о чудотворной Католической иконѣ. 1893, 9, 323—343.

515. **Храневичъ** В. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ (эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). 1891, 12, 391—412.

516. **Храневичъ** В. Помѣщики и духовенство въ юго-западн. краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. 1892, 9, 357—388.

517. **Храневичъ** В. Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства Юго-западн. Края. 1893, 3, 399—411. 4, 78—97.

518. **Храневичъ** В. Волынское церковно-археологическое древлехранилище 1893, 7, 66—73.

519. **Храневичъ** В. Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и XIX вѣка. 1900, 5, 270—273.

520. **Храневичъ** В. Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни 1904, 6, 105—109. (Д.).

521. **Храневичъ** В. Скитальческая судьба Волынской семинаріи. 1896, 5, 225—248.

522. **Храневичъ** К. При старыхъ порядкахъ (изъ недавняго прошлаго Волынской духовн. семинаріи). 1896, 12, 287—326.

523. **Ц. С.** Второбрачіе Южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты (по поводу протопопа Комара). 1883, 2, 429—444.

524. **Цыбульскій** К. Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта и нравовъ старыхъ Кіевскихъ „спудеевъ"). 1884, 2, 336—342.

525. **Челобитная** митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. 1894, 7, 122—123. (Д).

526. **Шр—ко** А. Договоры прихожанъ съ избраннымъ имъ священникомъ 1904, 2, 52—53. (Д).

527. **Штунда** въ Волынской губерніи. 1903, 6, 149—154. (Д).

528. **Щербина** В. „Правная грамота" Православнаго священника 1777 г. 1892, 11, 291—293.

529. **Эйнгорнъ** Виталій. Ив. Андр. Шмарковскій, протопопъ Глуховскій, и его сношенія съ Московскимъ Прательствомъ (1658—1673). 1892, 10, 51—62.

530. **Эпизодъ** изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, Васильковскаго уѣзда. 1897, 6, 95—98. (Д).

531. **Ян—скій** Ив. Изъ прошлаго Полтавской епархіи (бытовыя картинки) 1898, 4, 1—3; 5, 39—45. (Д.).

532. **Яремичъ** Ст. Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской Лавры. 1900, 10, 179—188.

Б) ОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

533. **А.** Изъ уголовной хроники XVIII в. (мотивы двухъ убійствъ). 1893, 4, 155—156 (Д).

534. **А. А.** Страничка изъ прошлаго города Переяслава 1889, 8, 468—489—490.

535. **А. А.** Случай столкновенія Кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ (1773). 1891, 10, 127—129.

536. **А. А.** Табачная контрабанда среди Кіевскихъ мѣщанъ 1891, 11, 259—266.

537. **А. А.** Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ" (1849). 1891, 12, 473—474.

538. **А. А.** Вздорожаніе хлѣба въ 1765 г. 1891, 12, 474—476.

539. **А. А.** Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) 1892, 1, 146—148 (Д).

540. **А. А.** Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). 1892, 4, 126—128 (Д).

541. **А. А.** Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачаго двора въ мѣщанскія руки (1748). 1892, 6, 453—454 (Д).

542. **А. А.** Жалоба Переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760). 1892, 8, 265—266. (Д).

543. **А. А.** Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ бѣжавшаго студента Кіевлянина. 1892, 8, 266—267. (Д).

544. **А. А.** Контроль Губ. Канц. надъ расходами Кіевскаго магистрата по исправленіи нѣкоторыхъ городскихъ надобностей. 1892, 9, 420—422. (Д).

545. **А. А.** Первые Кіевскіе Нотаріусы (1765—68). 1892, 11, 301—304. (Д).

546. **А. А.** Кіевской городской думы пререканіе съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. 1892, 9, 423—425. (Д).

547. **А. А.** Глуховскіе серебрянныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ Кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). 1892, 12, 478—481. (Д).

548. **А. А.** Кабаки казенные въ Кіевѣ (1721—1734 г.г.). 1893, 2, 376—378. (Д).

549. **А. А.** Преслѣдованіе Кіевскимъ магистратомъ „неапробованныхъ въ медиціи людей". 1893, 2, 379—380. (Д).

550. **А. А.** Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776). 1893, 7, 126—131. (Д).

551. **А. А.** Открытіе въ Кіевѣ Управы благочинія и первыя проявленія ея дѣятельности (1786). 1893, 9, 415—428.

552. **А. А.** Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. 1893, 9, 450. (Д).

553. **А. А.** Мѣры противъ уменьшенія сборовъ въ Кіевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775). 1894, 5, 353—356. (Д).

554. **А. А.** Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. 1897, 7—8, 26—33. (Д).

555. **А. А.** Конфискація заповѣдныхъ товаровъ въ Кіевѣ. 1898, 7—8, 18—22. (Д).

556. **А. А.** О назначеніи въ Кіевскую губернію провинціалъ—фискала. 1898, 9, 83. (Д).

557. **А. А.** Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (архивная справка). 1901, 3, 151—153. (Д).

558. **А. А.** Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава. 1901, 9, 277—303.

559. **А. В.** Поселенія запорожцевъ къ Банатѣ. 1882, 6, 349—552.

560. **Авантюра** XVI вѣка (изъ исторіи молдавскаго княжества). 1893, 6, 357—383; 7, 1—29.

561. **Акимовъ Е.** Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. 1896, 10, 7—12. (Д).

562. **А. Л.** Лѣтописныя замѣтки (1651—1749 г.г.). 1883, 3, 680—682.

563. **А. Л.** Желѣзнякъ (Псевдо). 1889, 1, 221—222.

564. **А. Л.** Сенютовичъ Т. М. учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1889, 1, 223—224.

565. **А. Л.** Запоздалая ревность запорожья къ своему имени, 1889, 3, 740—741.

566. **А. Л.** Къ исторіи земледѣлія въ Малороссіи (свидѣтельство гетмана Разумовскаго). 1889, 4, 201—203.

567. **А. Л.** Опись имѣнія Бороздны (1638 г.). 1889, 12, 622—628.

568. **А. Л.** Записки 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. 1890, 8, 310, 311—316.

569. **А. Л.** Хмельницкій Б. Позднѣйшаго память о немъ въ с. Суботовѣ. 1891, 4, 164—165.

570. **А. Л.** Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (документъ 1743 г.). 1891, 8, 284—298.

571. **А. Л.** Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 г. 1891, 11. 295—299.

572. **А. Л.** Сахно-Устимовичи и Апостолы (къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи). 1892, 9, 410—414. (Д).

573. **А. Л.** Свѣдѣнія объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. 1892, 10, 120—121. (Д).

574. **А. Л.** Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. 1893, 1, 169—171. (Д).

575. **А. Л.** Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ началѣ этого вѣка. 1893, 4, 153—155. (Д).

576. **А. Л.** Когда и какъ Кіевскій магистраторъ установилъ номера для извозчиковъ и денежный сборъ съ нихъ. 1894, 6, 519—520. (Д).

577. **А. Л.** Троцины (къ исторіи малорусскаго шляхетства). 1893, 11, 321—324. (Д).

578. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 5, 357—360. (Д).

579. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 6, 535—539. (Д).

580. **А. Л.** Прерканіе Кіевскаго магистратора съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. 1894. 9, 444—446. (Д).

581. **А. Л.** Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. 1894, 11, 297—300. (Д).

582. **А. Л.** Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меньшиковъ въ Малороссію въ 1720 г. 1895, 2, 49—53. (Д).

583. **А. Л.** Черниговскій Коллегіумъ въ началѣ XVIII в. 1895, 10, 2—3. (Д).

584. **А. Л.** Къ свѣдѣніямъ о малорусской школѣ. 1896, 4, 8—9. (Д).

585. **А. Л.** Коронная служба въ гетманство Разумовскаго. 1896, 6, 86—88. (Д).

586. **А. Л.** Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій. 1896, 7—8, 1—2. (Д).

587. **А. Л.** Хозяйство гр. П. А. Румянцева. 1896, 12, 81—85. (Д).

588. **А. Л.** Какъ основалась „Кіевская Старина". 1897, 3, 63—64. (Д).

589. **А. Л.** Харьковъ и Стародубъ въ 1808 г. 1797, 4, 13. (Д).

590. **А. Л.** Поѣздка въ Полтаву (П. Г. В-ову). 1897, 4, 67—77.

591. **А. Л.** Два поддѣльныхъ историческихъ документа. 1897, 5, 55—61. (Д).

592. **А. Л.** Универсалъ гетмана Гавріила Крутневича 1603 года. 1698, 1, 1—4. (Д).

593. **А. Л.** Къ исторіи Мазепинскаго замысла (Документъ). 1899, 2, 80—82. (Д).

594. **А. Л.** Малорусская кабальная запись 1725 г. 1899, 3, 138—139. (Д).

595. **А. Л.** Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII в. 1899, 4, 4—5. (Д).

596. **А. Л.** Показаніе о службахъ Лубенскаго полкового есаула Андрея Петровскаго (1678—1712 г.г.). 1899, 4, 7—12. (Д).

597. **А. Л.** Сотничій произволъ (документъ 1751 г.) 1899, 5, 75. (Д).

598. **А. Л.** Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. 1901, 1, 3—4. (Д).

599. **А. Л-скій.** Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго. 1886, 1, 200—201.

600. **Андр. А.** Кіевскіе Толмачи 1889, 5—6, 586—594.

601. **Андр. А.** Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. 1890, 2, 341—344.

602. **Андр. Ал.** Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести. 1884, 12, 730—735.

603. **Андр-скій Ал.** Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в. (по современнымъ описаніямъ). 1883, 5, 127—139.

604. **Андріевскій** А. Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія. 1886, 12, 664—708.

605. **Андріевскій** А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766 г.) 1891, 4. 1—31; 5, 210—243; 6, 384—409—410- 422.

606. **Андріевскій** А. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. Кіевскаго войта Быковскимъ. 1891, 5, 309—311.

607. **Андріевскій** А. Жалоба Кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ. 1891, 5, 311—313.

608. **Андріевскій** А. Объ учрежденіи въ Кіевѣ запаснаго хлѣбн. магазина (1754—56 г.г.). 1891, 6, 475—479.

609. **Андріевскій** А. Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году. 1891, 6, 479—481.

610. **Андріевскій** А. Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790 г. 1891, 7, 129—131.

611. **Андріевскій** А. Судьба Кіевскихъ водяныхъ мельницъ. 1891, 7. 131—133.

612. **Андріевскій** А. Дѣятельность Кіевскаго Совѣстнаго Суда въ первый годъ его существованія (1782.) 1891, 7, 119—129.

613. **Андріевскій** А. Архивная справка о моровой язвѣ въ Кіевѣ въ 1770—71 г.г. 1891, 8, 305—314.

614. **Андріевскій** А. Архивная справка о составѣ Кіевскаго „Общества" въ 1782—1797 г. 1894, 2, 192—203.

615. **Андріевскій М.** „Давыдова Божелка" (изъ лѣтописной топографіи Кіевскаго Полѣсья) (съ планомъ) 1885, 6, 184—204.

616. **Антоній** I д-ръ. Савва Чаленко (изъ исторіи Гайдамачины прошлаго вѣка) (переводъ съ польскаго). 1887, 11, 471—490.

617. **Антоновичъ Вл.** Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). 1882, 1, 1—48.

618. **Антоновичъ Вл.** Паны Ходаки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. 1882, 2, 233—261.

619. **Антоновичъ В.** Уманскій сотникъ Иванъ Гонта (1768 г.). 1882, 11, 250—276.

620. **Антоновичъ В.** Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ. 1883, 5, 140—145.

621. **Антоновичъ В.** Прилукскій полковой ассаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга. 1885, 1, 57—71—84.

622. **Антоновичъ В.** Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича „Огнемъ и Мечемъ). 1885, 5, 44, 78.

623. **Антоновичъ В.** Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси. 1887, 11, 529—536.

624. **Антоновичъ В.** Грановщина (Эпизодъ изъ исторіи брацлавской украйны). 1888, 1, 2 и 3, 75—93.

625. **Антоновичъ В.** Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной украйнѣ въ XV ст. 1896, 10, 1—19.

626. **Апостола** гетмана ходатайство о назначеніи въ Глуховѣ второго док-1902, 2. 88—89. (Д).

627. **А. С.** Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ Полтавской губерніи. 1894, 4, 61—73.

628 **А-скій** А. Сербы въ Кіевѣ, 1885, 7, 505—511.

629. **Б.** О мѣст. Ратно нѣсколько данныхъ. 1892, 5, 288—231. (Д).

630. **Багалѣй Дм**. Состоянiе полицiи въ малороссiйскихъ городахъ XVIII в, 1882, 8, 379—382.

631. **Багалѣй Дмитрiй**. Генеральная опись Малороссiи. Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя малороссiи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1883, 11, 402—432.

632. **Багалѣй Дмитрiй**. Займанщина въ лѣвобережной украйнѣ XVII и XVIII ст, 1883, 12, 560—592.

633. **Багалѣй Д. И**. Дополнительное свѣдѣнiе о бывшихъ на Ладожскомъ каналѣ козакахъ. 1884, 10, 357—361.

634. **Багалѣй Д.** Наслѣдники запорожскихъ земель. 1885, 4, 783—790.

635 **Багалѣй Дмитрiй.** Къ исторiи Екатерининской комиссiи для составленiя проэкта новаго уложенiя. 1885, 9, 1—30.

636. **Багалѣй Д. И**. Три черкасскiя слободы XVIII в. по современному ихъ описанiю 1887. 6—7, 559—566.

637. **Багалѣй Д. И.** Колонизацiя новороссiйскаго края и первые шаги его по пути культуры. 1889, 4, 27—55; 5, 438—484; 6—7, 110—148.

638. **Багалѣй Дм**. Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октября. 1892, 11, 296. (Д).

639. **Багалѣй Д. И**. Къ исторiи ученiя о бытѣ славянъ (крит. оцѣнка книги проф. Собѣстiанскаго „Ученiе о нацiон. особ-хъ характера и юридич. быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892.) 1899, 10, 70—103; 11. 247—262: 12, 426—437.

640. **Бакай Николай**. Любопытный сборникъ документовъ въ Гадячѣ. 1884, 12, 735—739.

641. **Бакай Николай**. Южно-русскiй дворянинъ XVIII вѣка. 1885, 4, 717—742.

642. **Бакай Николай**. Значенiе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII вѣка. 1886, 11, 567—569.

643. **Бакай Николай**. Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ. 1888, 6. 74—75.

644. **Барвинскiй В**. Очерки изъ исторiи общественнаго быта старой Малороссiи. 1907, 11—12, 347—368.

645. **Барсуковъ А.** Правительственныя печати въ Малороссiи отъ временъ Стефана Баторiя до Екатерины II (Историческая справка по документамъ архива департамента герольдiи). Съ одной таблицей рисунковъ. 1887, 9, 90—92.

646. **Барымовъ А**. Харьковскiй Вертеръ (психологическо-юридическiй очеркъ изъ Харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). 1883, 5, 49—65.

647. **Безбородка** Андрея, старшаго канцеляриста, письмо къ бунчук. товарищу Григорiю Скорутѣ 1736 г. 1902, 1, 15—16. (Д).

648. **Бершадскiй С.** А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбiй земскiй, членъ рады великаго княжества Литовскаго. Отрывокъ изъ исторiи внутреннихъ отношенiй Литвы въ началѣ XVI ст. 1888, 467—499; 10, 69—120; 11, 235—265; 12, 417—458.

649. **Б. И.** Царь Максимилiанъ въ Ковлѣ. 1887, 12, 798—799.

650. **Бибикова** Д. Г. Г. губ. внушительная рѣчь къ Кiевскимъ студентамъ въ 1834 году. 1897, 10, 11—12.

651. **Болгары** колонисты въ с. Борщаговкѣ. 1894, 104—105. (Д).

652. **Борзаковскiй П.** Передъ реформой бурсы (изъ воспоминанiй). 1898, 4, 1—25.

653. **Борисовъ В. В.** Предостереженiе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ Кiевской губернiи. 1882, 9, 575—578.

654. **Бориспольскаго** мѣйскаго уряда акты 1612—1699, 1892 (приложенія) 4, 5, 6, 7, 10, 12.

655. **Боцяновскій Вл.** Публичная библіотека въ Житомирѣ (по поводу ея 25-ти лѣтія). 1891, 8, 254—283.

656. **Бѣляшевскій Н.** Взятіе и разореніе запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 года. 1896, 5, 36—39. (Д.).

657. **Бѣляшевскій Н.** Артиллерійскій музей въ Петербургѣ 1896, 12, 75—78. (Д.).

658. **Бѣляшевскій Н.** Общество изслѣдователей Волыни. 1897, 1, 17—20. (Д.).

659. **Бѣляшевскій Н.** Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ Пословъ. 1897, 6, 85—95. (Д.).

660. **Бѣньковскій И.** Утѣсненіе Кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоемъ 1763—64. 1895, 5, 65—70. (Д.).

661. **Бѣньковскій И.** Кіевскій обыватель грекъ Іотій. (1741—61). 1895, 7—8, 4—7. (Д.).

662. **Бѣньковскій И.** Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній (1751—53). 1895, 7—8, 7—9 (Д).

663. **Бучневичъ В. Е.** Гетьманскій городъ. 1885, 3, 578—580.

664. **Бучневичъ.** Пребываніе Карла УII въ Ромнахъ. 1904, 3, 111—113. (Д.).

665. **В. А.** Желѣзнякъ. Нѣсколько данныхъ о судьбѣ его послѣ ареста въ Умани. 1882, 12, 564—568.

666. **В. А.** Памятники прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю. (Жалоба, поданная Кіевскому митрополиту крестьянами села Свиноѣдъ на злоупотребленіе державца Ивана Быковскаго). 1884, 12, 745—747.

667. **В. А.** Къ исторіи возстанія Наливайка. 1896, 10, 2—5. (Д.).

668. **Василенко В.** Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ. 1885, 6, 344—350.

669. **Василенко В.** По Полтавщинѣ новые историко-статистич. матеріалы. 1893, 5, 311—318. (Д.).

670. **Василенко В.** Спорные вопросы въ исторіи Золотоноши 1893, 7, 133—136. (Д.).

671. **Василенко В.** Къ вопросу о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ. 1904, 7—8, 131—151.

672. **Василенко Н.** Къ исторіи малорусской исторіо-графіи и малорусскаго общественнаго строя. (Замѣтка по поводу статей Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. въ Р. Богат. 1894, № 2, 3 и 4). 1894, 11, 242—270, 12, 402—424.

673. **Василенко Н.** Первые шаги по введенію положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губ. 1901, 3, 396—423; 4, 97—125; 11, 303—327.

674. **В.—Б. М.** Населеніе города Кіева въ 1742. 1888, 4, 1—10.

675. **В. Г.** Раздѣлъ посполитыхъ въ 1774. 1893, 12, 501—502. (Д.).

676. **В. Д.** Походъ козаковъ въ Сѣв. Россію въ началѣ XVII в. 1900, 5, 259—269.

677. **В. Д.** Печатное дѣло въ малороссіи въ началѣ XIX вѣка. 1900, 9, 83—88. (Д.).

678. **В. Д.** Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища. 1900, 10, 1—10. (Д.).

679. **В. Д.** Къ исторіи торговли въ малороссіи XVIII в. 1904, 11, 48—49. (Д.).

680. **В. Д.** Подати въ королевствѣ польскомъ въ 1717 г. 1904. 11, 52—53. (Д.).

681. **В. Д.** Цѣна продуктовъ въ Кіевщинѣ въ 1789 г. 1904, 11, 53—44. (Д.).

682. **Венгрженовскій С.** Свадьба Тимоша Хмельницкаго (эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній). 1897, 3, 469—493; 5, 26—51.

683. **Венгрженовскій Сергѣй.** Основаніе и названіе Ольгополя. 1892, 12, 471—472. (Д.).

684. **Верещинскій Іосифъ.** (Кіевскій бискупъ) Кіевъ триста лѣтъ назадъ. Способъ заселенія новаго Кіева и обороны бывшей столицы Кіевскаго княжества отъ всякой опасности безъ обремененія Его Величества короля и безъ затратъ для короны польской, объясненный господамъ посламъ будущаго Краковскаго сейма. 1894, 3, 403—425.

685. **Вишневецкаго** Александра князя листъ подданнымъ лоевскаго староства на бортную землю 1587 года. 1902, 1, 14—15. (Д.).

686. **Вишневскій Д.** Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. 1896, 7—8, 17—19 (Д.).

687. **Вишневскій Д.** Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII в. 1897, 9, 72—73, (Д.).

688. **В—ко Н.** Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. 1903, 4, 2—3. (Д.).

689. **Владимирскій-Будановъ М. Ф.** Проэкты Кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи. 1888, 5, 37—43.

690. **Владимирскій-Будановъ М.** Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 79—116.

691. **В. М.** Полтавскіе цехи въ концѣ 17 и началѣ 18 в. 1893, 12, 497—501. (Д.).

692. **В. Н.** Глуховская старина. 1900, 9, 95—97. (Д.).

693. **Воззваніе** конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу (около 1733 г.). 1885, 6, 263—272.

694. **Волынецъ.** Новыя открытія въ области древневолынскаго бытописанія 1896, 10, 93—109.

695. **Волынецъ.** Почадѣвская лѣтопись. 1898, 4, 87—106.

696. **Волынская** революція 1-ой четверти XIX столѣтія (письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Сторожиловой). 1883, 1, 121—144; 2, 319—365; 4, 774—828.

697. **Воспрещеніе** гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на „ралецъ". 1885, 10, 361—364.

698. **Востоковъ А.** Къ исторіи перваго крымскаго похода. 1886, 2, 267—278.

699. **Востоковъ А.** Козелецкая рада 1662 года. 1887, 2, 269—284.

700. **Востоковъ А.** Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой. 1887, 8, 714—744.

701. **Востоковъ А.** Нѣжинская рада 1663 года. 1888, 5, 125—139.

702. **Востоковъ А.** Судъ и казнь Григорія Самойловича. 1889, 1, 41—63.

703. **Востоковъ А.** Изъ прошлаго города Кіева. 1889, 10, 185—190.

704. **Востоковъ А.** Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая 1890, 1, 35—44 отъ редакціи 44—46.

705. **Востоковъ А.** Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 году. 1890, 5, 199—226.

706. **В-цкій Н.** Очерки дереформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи. 1896, 7—8, 113—132.

707. **В. Я.** Милыя шалости добраго стараго времени. 1895, 7—8, 22. (Д.).

708. **В. Я.** Кое-что о м. Вчорайше Кіевской губерніи Сквирскаго уѣзда. 1895, 7—8, 22—23. (Д.).

709. **Гавришъ В.** Десятилѣтіе Каневской публичной библіотеки (1878—1887). 1889, 8, 544—549.

710. **Галанта И. В.** Къ исторіи уманской рѣзни 1768 г. 1895, 11, 209—229.

711. **Г. В.** Кіевская публичная библіотека. 1888, 8, 27—31.

712. **Г. В.** Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. 1888, 10, 21—23.

713. **Г. В.** Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 году. 1888, 10, 23—26.

714. **Г. В.** Племянница Потемкина. 1888, 11, 72—77.

715. **Генеральной** канцеляріи распоряженіе о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома гр. Алексѣя Разумовскаго 1749 г. 1902, 1, 16—18. (Д.).

716. **Гетманское** представительство при русскомъ дворѣ. 1883, 9—10, 317—320.

717. **Г—ко В.** Французъ-путешественникъ на Украинѣ. 1885, 12, 749—757.

718. **Гл. Л.** Спискъ докторовъ медицины изъ Малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII ст. 1896. 3, 98—103. (Д.).

719. **Годовой** доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII вѣка. 1901, 5, 87—88. (Д.).

720. **Голодъ** въ Полтавщинѣ въ 1833 и 34 году и мѣры, принятыя противъ него. 1886, 11, 580—585.

721. **Голосъ** запорожскаго депутата въ Всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г. 1883, 3, 683—687.

722. **Голубевъ С.** О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. 1882, 6, 381—400.

723. **Голубовскій П.** Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимирѣ св. (Историко-Этнографическій очеркъ). 1888, 7, 26—68.

724. **Голубовскій П.** Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. 1896, 7—8, 12—16. (Д.).

725. **Голубовскій П.** Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. 1896, 12, 72—75. (Д.).

726. **Голубовскій П.** Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-подольскомъ дѣвичьемъ училищѣ. 1897, 4, 14—15. (Д.).

727. **Горленко В.** Кіевъ въ 1799 г. 1885, 3, 581—592.

728. **Горновскій І.** Къ исторіи заселенія и устройства Екатеринославской губерніи. 1903, 3, 131—135. (Д.).

729. **Городня** мѣсто жидотрепанія XVIII в. 1883, 1, 208—210.

730. **Грамота** Максима желѣзняка. 1905, 3, 243. (Д.).

731. **Грушевскій М.** Волынскій вопросъ 1097—1102 г. 1891, 1, 32—55; 5, 259—272.

732. **Грушевскій М.** Барская Околичная шляхта до конца XVIII вѣка 1892, 2, 260—277.

733. **Грушевскій М.** Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи. 1905, 7—8, 174—232.

734. **Г-скій** А. Изъ прошлаго Кіева. 1892, 4, 125. (Д.).

735. **Два** документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст. 1882, 10, 126—133.

736. **Двѣ** записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи Херсонской губерніи въ 1850—1851 г.г. 1885, 9, 128—138.

737. **Денежное** жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ' 1901, 9, 77. (Д).

738. **Денежныя** и натуральныя повинности въ пользу гетмана въ к. XVII вѣка 1899, 5, 76—77: (Д).

739. **Дешко** А. **П.** О Карпатской Руси (краткій этюдъ). 1887, 11, 537—548.

740. **Для** исторіи кампанейскихъ полковъ. 1901, 10, 10—12. (Д).

741. **Для** исторіи торговли въ старой Малороссіи. 1901, 5, 86—87. (Д).

742. **Добротворскій Н.** Изъ исторіи одного при—Сеймскаго села. 1887, 3, 565—571.

743. **Добротворскій Н.** Крестьянскія движенія въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губ. въ 1861—62 г.г. 1887, 4, 657—680.

744. **Добротворскій Н.** Кудеяровъ Курганъ. 1889, 5—6, 607—609.

745. **Добротворскій Н.** Историческая справка о Глушковской суконной фабрики 1886, 12, 741—743.

746. **Добротворскій Н.** Къ Исторіи Глушковской фабрики 1889, 8, 532.

747. **Довнаръ-Запольскій М.** Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. 1896, 2, 53—56. (Д).

748. **До** історіи указа 1876 року про заборону українського письменства. 1907. 5, 135—151.

749. **Доманицкій В.** Новый документъ 1604 г. о самозванцѣ. 1899, 1, 8—13. (Д).

750. **Доманицкій В.** Матеріалы къ исторіи Польскаго возстанія 1831 г. (указы, распоряженія) 1901, 6, 149—157; 9, 89—94. (Д).

751. **Доманицкій В.** Приготовленіе къ встрѣчѣ Им. Александра 1-го въ Умани 1901, 6, 141—143. (Д).

752. **Доманицкій В.** Къ исторіи частныхъ пансіоновъ Кіевской губ. въ нач. XIX ст. 1901, 6, 450—459.

753. **Доманицкій В.** Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. 1902. 7—8, 1—4. (Д).

754. **Доманицкій В.** Къ исторіи м. Варвы, Лохвицкаго уѣзда. 1903, 7—8, 4—5. (Д).

755. **Доманицкій В.** Мѣры противъ холеры 1830 года. 1903, 7—8, 17—18. (Д).

756. **Доманицкій В.** Кораблекрушенія въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ. 1903, 9, 112. (Д).

757. **Доманицкій В.** Жалоба Краснянской громады (1751 г.) на утѣсненія отъ Поляковъ. 1903, 11, 66—68. (Д).

758. **Допросъ** Григорія Герцека объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы. 1883, 3, 595—610.

759. **Драгомановъ М. П.** А. И. Герценъ и его отношеніе къ Польско-украинскому вопросу. 1906, 1, 1—35.

760. **Драгомановъ М.** Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ. 1906, 3—4, 321—367.

761. **Драгомановъ М. П.** Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному на-

правленію. 1906, 5—6, 1—42; 7—8, 275—337.

762. **Драгомановъ.** Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи (извлеченіе изъ „Историческая Польша и великорусская демократія"). 1905, 11—12, 143—172.

763. **Д-скій А.** Система карательныхъ мѣръ въ запорожьи 1893, 1, 1—19; 2, 209—239; 3, 442—459.

764. **Д-скій В.** Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. 1904, 3, 106—107. (Д).

765. **Д-скій В.** Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ XVIII ст. 1904, 5, 57—58. (Д).

766. **Е. А.** Къ „Турбаевской катастрофѣ" 1891, 4, 155—160.

767. **Е. Александра.** Конные суды въ лѣвобережной украинѣ. 1885, 10, 189—203.

768. **Евреи** козаки въ началѣ XVII вѣка. 1890, 5, 377—379.

769. **Е. К.** Посылка малороссіянъ въ ледяной домъ. 1894, 10, 136—141. (Д).

770. **Е. К.** Свидѣтельство современника о Наливайкѣ 1895, 2, 54. (Д).

771. **Е. К.** Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія 1899, 5, 155—180; 7, 1—23; 10, 93—106.

772. **Е. П.** Изъ эпохи крестьянской реформы на югѣ Россіи (народные слухи и толки о волѣ и землѣ). 1886, 1, 91—110.

773. **Е. С.** Гетманство Брюховецкаго. 1885, 8, 545—596.

774. **Есиповъ Г.** В. Путешествіе Имп. Екатерины II-й по Южной Россіи въ 1787 году. 1890, 11, 175—194; 12, 391—411; 1891, 1, 98—118; 2, 215—231; 3, 402—421: 4, 68—81: 5, 244—258: 7, 22—52: 8, 237—253: 9, 407—426, 11, 232—245: 12, 360—383; 1892, 2, 295—306: 3, 458—471: 5, 225—230.

775. **Ефименко А.** Двѣнадцать пунктовъ Вельямина. 1888, 10, 162—175, —182.

776. **Ефименко А.** Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка (по поводу книги Гретца „Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія Франкистовъ".) 1890, 6, 397—408.

777. **Ефименко А.** Турбаевская катастрофа. 1891, 3, 373—401.

778. **Ефименко А.** Очерки исторіи правобережной украины 1894, 6, 387—413; 8, 187—206; 9, 293—325; 10, 62—89; 11, 167—189; 1895, 4, 76—101; 5, 165—185.

779. **Ефименко П.** Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. 1708—1802 г.г. 1882, 9, 392—412.

780. **Ефименко П.** Шпитали въ Малороссіи 1883, 4, 709—727.

781. **Ефименко П.** Школа для обученія лѣвчихъ, назначавшихся ко двору 1883, 5, 169—174.

782. **Ефименко П.** Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ 1884, 4, 693—695.

783. **Ефименко П.** Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы 1888, 4, 52—63.

784. **Жалоба.** Конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго 1754 г. 1901, 4, 16—18. (Д).

785. **Женитьба** разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. 1895, 4, 18—19. (Д).

786. **Житецкій Ив.** Евреи въ Южной

Россіи (Историческая справка). 1901, 1, 57—80: 7—8, 1—45.

787. Z. Полтавскій Земскій Музей. 1894, 11, 307—308. (Д).

788. Z. Фабрика фарфора Миклашевскаго 1894, 11, 309—310. (Д).

789. **Забавная** родословная. 1882, 1, 223—225.

790. **Залюбовскій Г.** Новомосковскія учебныя заведенія. 1889, 5—6, 595—604.

691. **Замѣтка** къ работамъ П. А. Кулиша по переводу „положенія о крестьянахъ“ 1905, 5, 160. (Д.).

792. **Записка** Андрея Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ въ Глуховѣ и Сенатѣ 1748—1767 г.г. 1901, 6, 143—145. (Д.).

793. **Записка** о состояніи Подоліи въ 1843 году. 1896, 3, 87—94. (Д.).

794. **Записки** Кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о Московской осадѣ 1612 г. (изъ лѣтопискаго сборника Ильи Кощаковскаго): 1882, 7, 97—105.

795. **Записки** барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 года на Ново-Сербію. 1883, 9—10, 135—198.

796. **Запорожская** реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ Днѣпровскихъ гирлахъ 1884, 9, 129—131.

797. **Затуловскій М.** Равинскія книги временъ Хмельницкаго. 1896, 6, 98—100. (Д.).

798. **Затуловскій В.** Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. 1904, 7—8, 17—18. (Д.).

799. **Затуловскій В.** Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631—1632 г.г. 1905, 10, 8—9. (Д.).

800. **Защита** диссертаціи г. Иванова „Историческія судьбы Волынской земли“. 1896, 1. 27—28. (Д.).

801. **Зозуля И.** Короповъ Хуторъ. 1889, 5—6, 604—607.

802. **Иваненка** Переяславскаго полковника пріятельское письмо къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу 1797 г. 1902, 1, 18. (Д.).

803. **Ивановъ П.** Переселеніе запорожцевъ на Тамань. 1891, 7, 133—141.

704. **Извѣстіе** о Мглинѣ 1455 года. 1902, 1, 13—14. (Д.).

805. **Изъ** временъ упадка запорожья. 1887, 8, 783—787.

806. **Изъ** недавняго прошлаго Слободской украины. 1896, 4, 71—84; 5, 206—224.

807. **Изъ** недавняго прошлаго (о постройкахъ въ м. Мотыжинѣ) 1896, 4, 16—17. (Д.).

808. **Изъ** писемъ помѣщиковъ Кіевской губерніи Кіевскому гражданскому Губернатору Панкратову. 1884, 1, 177—181.

809. **Изъ** практики старыхъ судовъ. „Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію“. 1883. 8, 288—296.

810. **Изъ** Харьковскаго прошлаго. 1902, 7—8, 24—25. (Д.).

811. **Иконниковъ В.** Прошеніе гражданъ г. Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. 1898, 6, 86—89. (Д.).

812. **Иконниковъ В.** Кіевъ въ 1654—1855 г.г. 1904, 9, 213—274; 10, 1—64; 11, 155—216; 12, 516—685.

813. **Илличъ-Свитычъ В.** Дальневосточная украина 1905, 5, 161—197.

814. **Императоръ** Александръ I-ый и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. 1888, 9, 71—73.

815. **И. Н.** Чума въ Сѣверной части Херсонской губ. 1813 г. 1885, 5, 153—163.

816. **Искоросте**-древній Коростень или Скоростень. 1882, 6, 546—548.

817. **Историческія** названія улицъ въ Полтавѣ. 1901, 7—8, 24—25. (Д.).

818. **Какъ** былъ основанъ г. Сумы. 1901, 7—8, 24. (Д.).

819. **Какъ** получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье. 1883, 8, 751—755.

820. **Каманинъ И.** Послѣдняя самозащита г. Кіева. 1882, 7, 186—188.

821. **Каманинъ И.** Къ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. 1882, 7, 42—60.

822. **Каманинъ И.** Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. 1888, 5, 140—168; 8, 157—195; 9, 597—622.

823. **Каманинъ И.** Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ 1888, 7, 69—78.

824. **Каманинъ И.** Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в. 1891, 1, 165—173.

825. **Карпинскій И.** Къ юбилею Новгородъ-Сѣверской гимназіи. 1889, 5—6, 632.

826. **Катрухинъ А.** Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію 1884, 7, 543—545.

827. **Кислицкій Е.** Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г. 1902, 11, 283—300; 12, 420—434.

828. **Китицынъ П.** Острожское имѣніе. 1888, 4, 22—23.

829. **Китицынъ П.** Турецкое посольство въ 1793 г. 1888, 10, 26—29.

830. **Китицынъ П.** Малороссійская губернія. 1889, 8, 534—543.

831. **Китицынъ П.** Къ исторіи Кубанскаго войска. 1892, 9, 425—429. (Д.).

832. **Китицынъ П.** Полтавское дворянское ополченіе 1812—14 г.г. 1904, 7—8, 10—14. (Д.).

833. **Китицынъ П.** Къ вопросу о школахъ въ Малороссіи въ началѣ XIX в. 1904, 7—8, 14—17. (Д.).

834. **Кистяковскій А. Ѳ.** Докладъ графа П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II 1781 г. (о согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго управленія). 1884, 12, 693—702.

835. **Кіевское** представительство прежняго времени. 1882, 5, 178—192.

836. **Кіевская** пертурбація 1786 г. 1883, 4, 895—899.

837. **Кіевскія** лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. (изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Вас. Григ. Барскаго). 1884, 4, 688—693.

838. **Кіевская** почта въ 1731 г. 1898. 1, 11. (Д.).

839. **Кіевъ** въ 40-хъ годахъ. 1899, 5, 66—68. (Д.).

840. **К—ъ К.** Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ (1826 г.). 1882, 12, 519—526.

841. **Клебановскій П.** Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко. 1896, 1, 101—114; 2, 251—262; 3, 358—377.

842. **Клебановскій П.** Къ исторіи польскаго возстанія въ Юго-западномъ краѣ въ 1831 г. 1905. 6, 424—467.

843. **Ковалевскій А.** О большомъ пожарѣ въ г. Нѣжинѣ въ 1797 г. 1894, 3, 558—559. (Д.).

844. **Ковалевскій А.** Къ исторіи пьянства въ Малороссіи. 1894, 8, 286—288. (Д).

845. **Ковалевскій А.** Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. 1894, 11, 303—304. (Д.).

846. **Козаки** въ партикулярной надобности. 1882, 4, 171—182.

847. **Комаровъ Н.** Гдѣ приготовлялись для малороссійскихъ казаковъ ружья въ пол. XVIII в. 1895, 3, 99—100. (Д.).

848. **Комаровъ** М. Запорожецъ Константинъ Вира. 1895, 5, 62—65 (Д.).

849. **Компанскій** М. М. Острополь Новгородъ—Волынскаго у. Волынской губ. 1893, 11, 335—341 (Д.).

850. **Кондратовичъ Ѳ.** Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ) 1893, 1, 27—66; 2, 269—300; 4, 728—773.

851. **Короленко В.** Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ. 1906, 7—8, 476—482.

852. **Короленко П.** Азовцы. 1891, 7, 53—74; 8, 171—194.

853. **Костомаровъ Н.** Поѣздка въ Бѣлую Церковь. 1882, 5. 241—256.

854. **Костомаровъ Н.** Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 г. 1882, 8, 297—321.

855. **Костомаровъ Н.** Жидотрепаніе въ нач. XVIII в. 1883, 1, 1—26; 3, 477—492.

856. **Костомаровъ Н.** Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. 1883, 4, 899—901.

857. **Кочергинъ** В. А. Залогъ крѣпостныхъ душъ. 1900, 12, 151—152. (Д.).

858. **Кр. Сф.** Особенности статистическаго изслѣдованія Курской губерніи (Курская губернія. Итоги статистич. изслѣдованія). 1889, 3, 582—612.

859. **Краузгару А.** Посольство Якова Смяровскаго къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 г. (по рукописнымъ источникамъ). 1894, 12, 445—460.

860. **Крыжановскій Е.** Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. 1882, 2, 262—300; 3, 442—478.

861, **Ксендзенко Александръ.** Гетманская усыпальница, 1887, 2, 353—359.

862. **Кудринскій Ѳ.** Цеховыя братства въ мѣст. Степани (Волынской губ. Ровенскаго у.). 1890, 7, 88—104.

863. **Кудринскій Ѳ.** О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. 1892, 10, 124—127. (Д.).

864. **Кудринскій Ѳ.** Къ исторіи бывшей Волынской гимназіи въ г. Кременцѣ. 1893, 7, 131—133 (Д.).

865. **Кудринскій Ѳ.** Риторика 20-хъ годовъ въ Волынской семинаріи. 1894, 12, 480—488 (Д,).

866. **Кулюмбашъ И.** Междуплеменныя соприкосновенія, 1887, 12, 795—798.

867. **Купчая** на домъ въ Кременчугѣ 1654 г. 1902, 4, 14 (Д.).

868. **Куриловъ Ив.** Воспоминаніе Роменскаго старожила объ Ильинской ярмаркѣ. 1893, 7, 47—65.

869. **Къ** исторіи Гадячскаго полка. 1901, 4, 15—16 (Д.).

870. **Къ** исторіи колонизаціи Новороссіи (Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей Елисаветградской провинціи). 1885, 3, 531—538.

871. **Къ** исторіи Котельвы. 1901, 11 74—76. (Д.).

872. **Къ** исторіи крестьянъ (частное письмо 1780 г.) 1899, 5, 78—79 (Д.).

873. **Къ** исторіи народнаго волненія, бывшаго въ Гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. 1901, 2, 77—78 (Д.).

874. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. 1898, 6, 77 -81. (Д.).

875. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ (брошюра М. Юзефовича—Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи). 1901, 3, 131—132 (Д).

876. **Къ** исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ. Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова въ командировку его къ крымскому хану 1755 г. 1885, 2, 339—343—356.

877. **Къ** исторіи Польскаго возстанія 1831 г. 1) Отношеніе ген.-маіора Гельда Звенигородскому городничему, 2) Донесеніе ген.-лейт. Кайсарова. 1903, 11, 63—64. (Д.).

878. **Къ** исторіи славянофильства на Руси (изъ труда проф. Владимірскаго-Буданова „Исторія университета св. Владиміра"), 1892, 1, 131—136. (Д.).

879. **Къ** исторіи театра въ Юго-западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-Подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣдней спектаклей во время Великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). 1885, 7, 458—476.

880. **Къ** описанію Харьковской губерніи (программы). 1892, 7, 120—129 (Д.).

881. **Къ** реформѣ Сперанскаго. 1889, 4, 194—196.

882. **Къ** характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества. 1882, 11, 382—389.

883. **Л**. Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства (записано со словъ разсказчика). 1888, 10, 149—161,

884. **Л. А**. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ (замѣтки старожила) 1888, 8, 55—62.

885. **Л. А**. Къ исторіи Мазепинской измѣны. 1889, 12, 645.

886. **Л. А**. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣхалъ Малороссію въ 1752 г. 1890, 1, 117—118.

887. **Л. А**. Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи казачьихъ полковъ. 1890, 1, 119—120.

888. **Л. А**. Полковничьи чиншевики 1891, 4, 161, 162—163.

889. **Лазаревскій Ал**. Отрывки изъ фамильнаго архива Полетикъ (съ портретомъ Григ. Андр. Полетики) 1881, 4, 97—116.

890. **Лазаревскій А.** Властная гетманша 1882, 1, 213—214.

891. **Лазаревскій А.** Полковникъ Искра, казненный Мазепой. Судьба его наслѣдства 1883, 11, 519—520.

892. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи перехода крестьянъ. 1885, 7, 476—482.

893. **Лазаревскій А.** Къ исторіи Черниговской типографіи, Письмо Черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго къ гетману Скоропадскому 1720 г. 1886, 8, 574—575,

894. **Лазаревскій А.** Два документа къ исторіи Черниговской типографіи. 1886, 11, 571—579,

895. **Лазаревскій А.** Два акта для исторіи „руины" правобережной украины. 1672—1682 г.г. 1887, 2, 368—370.

896. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ

„книгъ правнихъ“ на малорусскій языкъ. 1887, 4, 788—789.

897. **Лазаревскій** А. Запорожье въ концѣ XVIII в. (Современная записка) 1889, 12, 628—629—637.

898. **Лазаревскій** А. Къ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 1, 1—18.

899. **Лазаревскій** А. Полтавщина въ XVIi вѣкѣ 1891, 9, 357—374.

900. **Лазаревскій** А. Изъ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 11, 216—231.

901. **Лазаревскій** А. Суды старой Малороссіи (съ приложеніемъ трехъ документовъ). 1898, 7—8, 75—115.

902. **Лазаревскій** А. Описаніе старой Малороссіи. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. 1900, приложеніе, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1901, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1902, 2, 3.

903. **Лазаревскій** А. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшеи Полтавскій полкъ (неоконченная рукопись) 1903, 4, 97—107.

904. **Ланкастерское** училище въ Кіевѣ 1897, приложеніе 6, 7—8,

905. **Лапинъ** В. Харьковское Общество благотворенія въ 1812—1817 г.г. 1896, 4, 38—70; 5, 129—145; 6, 328—343; 7—8, 95—112.

906. **Лашкевичъ** А. Слѣды частной переписки Петра I-го съ Саввою Рагузинскимъ 1887, 6—7, 487—494.

907. **Л-вой** П. Очеркъ изъ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. 1904, 7—8, 176—212.

908. **Л—въ** П. Посмертный разсказъ отца Антонія Ковальскаго (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ Кіевской губ. 1855) 1882, 1, 174—192; 2, 386—396.

909. **Л—въ П.** Историческія замѣтки о Кіевѣ. 1884, 10, 227—253.

910. **Л—въ П.** Двѣ поправки къ статьѣ: „Свадьба Тимоша Хмельницкаго“. 1887, 6—7, 583—584.

911. **Лебединцевъ** П. **Г.** Записки о Козащинѣ. 1855, 1900, 7—8, 1—50.

912. **Левицкій О.** Анна-Алоиза, княжна Острожская, 1883. 11, 329—373.

913. **Левицкій О.** „Пророкъ Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). 1885, 5, 79—106.

914. **Левицкій О.** Ганна Монтовтъ (историко-бытовой очеркъ изъ жизни Волынскаго дворянства XVI в.). 1888, 1—2—3, 94—161.

915. **Левицкій О.** Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. 1890, 10, 143—147.

916. **Левицкій О.** Царскій посланникъ и панскій управитель. 1896, 4, 13—16 (Д).

917. **Левицкій О.** Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и Юго-Западн. края въ 1811—12 г.г. 1891, 10, 1—21; 11, 169—194; 1895, 11, 188—212; 12, 347—360.

918. **Левицкій О.** Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1831 г. въ Кіевщинѣ. 1899, 4, 90—116.

919. **Левицкій О.** Очерки народной жизни Малороссіи во второй половинѣ XVII в. 1901, 1. 1—36; 2, 180—216; 3, 368—395; 5, 149—182, 7—8, 159—209, 9, 401—430, 10, 45—76, 11, 233—255, 12, 424—471.

920. **Левицкій О.** „Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-Западн. края въ 1840-хъ г.г. 1906, 3—4, 421—432, 5—6, 72—87.

921. **Левицкій О.** О положеніи крестьянъ Юго-Западн. края во второй четверти XIX ст. 1906, 7—8, 231, 274.

922. **Левченко М.** Потомки запорожцевъ на островѣ Лети. 1882, 5, 344—345.

923. **Левченко М.** Гайдамацкій кутъ. 1882, 5, 345—348.

924. **Левченко М.** Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего Крымскому хану (1709—34 г.г.). 1882, 6, 548.

925. **Лелетъ** В. Семейная драма въ Уманскомъ военномъ поселеніи. 1886, 5, 181—186.

926. **Леонидъ** арх мандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній кь нашей статьѣ „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга" („Русская Старина" 1888, Іюль). По поводу статьи И. И. Малышевскаго „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св." („Кіевская Старина", 1889, іюль и августъ). 1889, 10. I—VIII.

927. **Леонидъ** архимандритъ. Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в. о Кіевѣ. 1890, 2, 344—346.

928. **Линниченко И.** Научное значеніе Западно-русской исторіи. 1889, 1, 187—203,

929. **Линниченко И.** Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки. 1890, 1, 132—134.

930. **Листовскій И.** Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ Малороссійской губерніи. 1889, 1, 217—221.

931. **Личковъ Л.** Нужды статистики въ юго-западн. краѣ. 1898, 11, 192—206.

932. **Личковъ Л.** Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. 1902, 1, 1—34; 2, 215—227: 3, 494—517.

933. **Личковъ Л.** Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западн. края. 1903, 1, 102—114.

934. **Личковъ Л.** Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. 1903, 9, 364—403.

935. **Личковъ Л**. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа 1903. 6, 456—486; 7—8, 132—172; 10, 92—127: 11, 338—388: 12, 540—624.

936. **Личковъ Л.** Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 г. 1905, 9, 315—366.

937. **Личный** составъ Малорусской старшины 1725 г. 1904, 7—8, приложеніе.

938. **Л—ій О.** Потемкинъ и Черноморцы 1887, 9, 185—190.

939. **Л—ко И.** Жалоба Новомлинскаго сотника на Новомлинскаго намѣстника 1889, 7, 274—275.

940. **Л. М.** Замѣтки къ исторіи Кіевской казаччины. 1855 г. 1905, 1, 48—65.

941. **Л—нчо** Арк. Разсказъ о „турбаевской катастрофѣ" 1891, 9, 493—494.

942. **Л. О.** Путевыя замѣтки Н. Д. Иваницева, (бывшаго вице-предсѣдателя Кіевской археографической коммиссіи, ректора и професссра Кіевскаго университета) 1882, 10, 78—88.

943. **Л. О.** Кіево-Выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль 1882, 11, 368—372.

944. **Л. О.** Заботы Петра I-го объ овцеводствѣ въ Малороссіи. 1889, 10, 179—182.

945. **Л. О.** Союзники Наполеона на Волыни 1812 г. 1894, 1, 134—135 (Д).

946. **Лобачевскій** В. Бугское казачество и военныя поселенія (лѣтописные наброски) 1887, 12, 591—626.

947. **Лобко А.** Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. 1889, 7, 232—239.

948. **Лопулеску.** Русскія колоніи въ Добруджѣ (Историко-этнографическій очеркъ) 1889, 1, 117—154: 2, 314—336: 3, 685—704.

949. **Лотоцкій А.** Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ о первомъ Черниговскомъ земскомъ собраніи 1865 г. 1895, 1, 1—5. (Д).

950. **Л. С.** Оспопрививаніе до Дженнера и леченіе ртутью въ старой Малороссіи 1895, 10, 3—5. (Д).

951. **Л-скій А.** Судебная инквизиція въ бывшей гетманщинѣ 1886, 1, 195—198.

952. **Луговой И.** Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія 1888, 11, 395—400.

953. **Лучицкій И.** Кіевъ 1766 г. 1883, 1—3. 1—74.

954. **Лучицкій И.** Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. 1891, 3, 506—508.

955. **Лучицкій И.** Гетманъ Мазепа и Остерскія общія земли 1892, 1, 110—118.

956. **Лучицкій И.** Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII в. 1894, 4, 155—158. (Д).

957. **Лучицкій И.** Изъ недавняго прошлаго. 1901, 4, 1—25.

958. **Лучицкій И.** По поводу одного научнаго открытія (о рукописи арх. М-ва Юстиціи—описаніе „Берестейскаго Староства") 1900, 4, 127—138.

959. **Лучицкій И.** Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи 1901, 3, 313—351, 5, 214—226.

960. **Лѣтописныя** замѣтки 1783—1811 г.г. 1897, 12, 65—66. (Д).

961. **Лѣтописныя** замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (1740—1806) 1890, 3, 60—64, 4, 65—69.

962. **Любецкіе** гончары въ 1615 г. 1902, 2, 89. (Д).

963. **Любовичъ Н.** Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. 1893, 10, 157—158. (Д).

964. **Ляшенко А.** О Житомирской публичной библіотекѣ. 1892, 3, 499—503. (Д).

965. **Манойсскіе** козаки и ихъ земля. 1899, 9, 104—107 (Д).

966. **Максимовъ Е.** Страничка изъ исторіи Слободской Украйны (историч. прошлое Суджанскаго у.). 1886, 3, 467—481.

967. **Малороссійскіе** чины и должности и окладъ ихъ содержанія. 1883. 6, 381—385.

968. **Малышевскій И.** Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. 1889, 7, 1—27; 8, 325—353.

969. **Манифестъ** имп. Екатерины къ православному населенію Польши 9 іюля 1769 г. 1882, 5, 308—311.

970. **Маркевичъ А.** Къ древней топографіи Кіева. 1887, 12, 782—787.

971. **Маркевичъ А.** Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. 1889, 12. 612.

972. **Маркевичъ А.** Дѣло о Марковичахъ въ тайной канцеляріи. 1891, 5, 298—303.

973. **Матеріалы** для исторіи гайдамачины. 1888, 11, 307—325.

974. **Матеріалы** для исторіи бывшаго запорожья. 1882, 8, 322—339.

975. **Матеріалы** для исторіи народнаго образованія (приложеніе къ статьѣ „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ". „Кіевская старина" 1882, 2, 3). 1882, 5, 276—307, 6, 451—497.

976. **Маціевичъ Левъ.** Пребываніе имп. Александра I въ Кіевѣ въ 1816 г. 1885, 2, 399—403.

977. **Маціевичъ Л.** По вопросу о происхожденіи названія „Полтава". 1896, 7—8, 25—26. (Д.).

978. **Маціевичъ Л.** Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія. 1896, 9. 95—67. (Д.).

979. **Мельникъ К.** На Днѣстровскомъ побережьи. 1887. 8, 638—675.

980. **Мельникъ К.** Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михайла Дорошенка. 1896, 11, 274—286.

981. **Мердеръ А.** Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г. 1900, 1, 2. (Д.).

982. **Мердеръ А.** Ходатайство обывателей г. Владиміра—Волынскаго (1869). 1900. 3, 143. (Д.).

983. **Мердеръ А.** Отношеніе судебныхъ учрежденій прежняго времени къ конокрадству.. 1900, 3, 143. (Д.).

984. **Мердеръ А.** Къ. борьбѣ съ пьянствомъ въ Кіевской губ. въ 60-хъ г.г. 1900, 5, 80—81. (Д.).

985. **Мердеръ А.** Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ. 1900, 10, 22—23. (Д.).

986. **Мердеръ А.** Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай. 1900, 10, 24. (Д.).

987. **Мердеръ А.** Проэктъ учрежденія подъ г. Кіевомъ „пригородка" для богомольцевъ и евреевъ (1873). 1900, 10, 23—24. (Д.).

988. **Мердеръ А.** Бердичевскій полиціймейстеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку. 1901, 3, 153. (Д.).

989. **Мердеръ А.** Изъ эпохи гоненій на усы и бороды. 1901, 5, 82. (Д.).

990. **Мердеръ** А. Заботы Кіевскаго генер.-губерн. гр. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ. 1901, 5, 82—83. (Д.).

991. **Мердеръ** А. „Города Кіева Общей Думы" орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ арсеналѣ. 1901, 5, 84—85. (Д.).

992. **Мердеръ** А. Отмѣна магистратскаго мундира въ Кіевѣ. 1901, 7—8, 15—16. (Д.).

993. **Мердеръ А.** Вывозъ пьявокъ за границу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губ. 1901, 7—8, 16—17. (Д.).

994. **Мердеръ** А. Къ заботамъ ген.-губ. Бибикова объ устройствѣ въ Кіевѣ постояннаго театра. 1901, 9, 85—88. (Д.).

995. **Мердеръ А.** Мѣры къ поддержанію порядка службы и духа подчиненности среди канцелярскихъ служителей (25 авг. 1838 г.). 1901, 9, 89. (Д.).

996. **Мердеръ А.** Ходатайство Кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830). 1901, 10, 12—13. (Д.).

997. **Мердеръ А.** Мѣры къ упорядоченію торговли и расчетовъ евреевъ съ христіанами. 1901, 10, 14. (Д.).

998. **Мердеръ А.** Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь 1901, 10, 14. (Д.).

999. **Мердеръ А.** Проектъ учрежденія транспортныхъ воловыхъ почтъ. (1841) 1901, 11, 65—69. (Д.).

1000. **Мердеръ А.** Попытка учредить въ Балтѣ комерческое собраніе и городскую общественную библіотеку. 1901, 12, 159—160. (Д.).

1001. **Мердеръ А.** Затрудненія въ Подольской губ. при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской монеты на русскую (1844) 1901, 12, 161—162. (Д.).

1002. **Мердеръ А.** Проектъ выселенія евреевъ изъ селъ Кіевской губ. 1902, 2, 92. (Д.).

1003 **Мердеръ А.** Къ борьбѣ съ холерою въ 30 годахъ 1902, 2, 93. (Д.).

1004. **Мердеръ А.** Посѣщеніе Кіева Имп. Александрою Өеодоровною въ сентябрѣ 1828 г. 1902, 7—8, 15—23. (Д.).

1005. **Мердеръ А.** Къ правамъ евреевъ на владѣніе крѣпостными и на государственную службу (1828). 1902, 10, 7. (Д.).

1006. **Мердеръ А.** Скорбутъ и кровавый поносъ въ Кіевской губ. (1828) 1902, 10, 7—8. (Д.).

1007. **Мердеръ А.** Санитарныя мѣры въ Черкассахъ (1828). 1902, 10, 8. (Д.).

1008. **Мердеръ А.** Заботы администраціи о предотвращеніи перекупокъ сельскихъ продуктовъ (1823) 1902 10, 9. (Д.).

1009. **Мердеръ А.** Сомнѣнія встрѣчаемыя мѣщанскою управою, при требованіи отдѣльныхъ видовъ на жительство 1902, 11, 92—93. (Д.).

1010. **Мердеръ А.** Къ исторіи Немировской гимназіи 1903, 6, 154—156. (Д.).

1011. **Мердеръ А.** Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни 1903, 4, 9—10. (Д.).

1012. **Мердеръ А.** Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ (1831). 1903, 6, 157—158. (Д.).

1013. **Мердеръ А.** Мѣры къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ. 1903, 6, 159. (Д).

1014. **Мердеръ А.** Закрытіе Уманскаго Повѣтоваго Базиліанскаго училища въ ожиданіи холеры 1830 г. 1903, 7—8, 18—19. (Д.).

1015. **Мердеръ А.** Памятная записска Кіевскаго Губернатора о частыхъ воровствахъ и куреніи на улицахъ (1855) 1903, 11, 60—61. (Д.).

1016. **Мердеръ А.** Учрежденіе Комитета для вспомоществованія раненнымъ офицерамъ (1855) 1903, 11, 62—63, (Д.).

1017. **Миллеръ Д.** Голштинскіе наборы въ Малороссіи 1892, 9, 293—312.

1018. **Миллеръ Д.** Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство 1897, 1, 1—31, 2, 188—220, 3, 351—374, 4, 1—47.

1019. **Миллеръ Д.** Пикинерія 1899, 12, 300—322.

1020. **Милорадовичъ гр.** Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира и правила поступленія въ оный 1884, 7, 529—537.

1021. **Милорадовичъ Г. А.** Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи 1896, 1, 11—16. (Д.).

1022, **Милорадовичъ В.** Дорогой хлѣбъ. 1895, 4, 174. (Д.).

1023. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в.в. 1899, 7, 79—89.

1024. **Миронъ.** Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи 1893, 10, 159—165 (Д.).

1025. **Мищенко Ө.** Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи. 1886, 6, 349—355.

1026. **М. К.** Путевые очерки Подоліи. 1884, 5, 1—32; 7, 359—391; 9, 53—81; 10, 254—275; 1885, 2, 465—489; 12, 651—683.

1027. **М. Н.** Споры Луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй половинѣ XVII в. 1888, 1—2—3, 30—35.

1028. **М. Н.** Побожье въ XVII и XVIII в. в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ 1890, 9, 456—476; 11, 303—316; 12, 412—433.

1029. **Модзалевскій В.** Слухи о назначеніи Кантакузина гетманомъ Малороссіи (1818). 1904, 6, 451—464.

1030. **Модзалевскій В.** Иванъ Чернышъ и Михаилъ Милорадовичъ. 1905 2, 134—135. (Д).

1031. **Модзалевскій В.** Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. 1905, 4, 41—43. (Д).

1032. **Модзалевскій В.** Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. 1905, 7—8, 38—42. (Д).

1033. **Модзалевскій В.** Свѣдѣнія о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губ. на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717). 1905, 9, 115—119. (Д).

1034. **Модзалевскій В.** Полтавская интрига 1714 г. 1905, 11—12, 173—185.

1035. **Молчановскій Н.** Бюджеты г. Кіева въ срединѣ XVIII в. 1898, 1, 64—83.

1036. **Молчановскій Н.** Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ. 1899, 1, 1—5. (Д).

1037. **Молчановскій Н.** Донесеніе венеціанца Альберта Вимина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ. 1900, 1, 62—75.

1038. **Молчановскій Н.** Кіевское городское управленіе въ 1786 г. (по протоколамъ засѣданій городской думы). 1889, 5—6, 380—399; 7, 47—63.

1039. **Молчановскій Н.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. 1889, 11, 444—445—447.

1040. **Моравскій С.** Ѳедоръ Лисовскій 1709—1722 (очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ перв. половинѣ XVIII в.). 1891, 9, 427— 454; 10, 22—57.

1041. **М—чъ В. Т.** Изъ старыхъ бумахъ Холмскаго архива. Записка поданная ген-губ. Тутолину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. 1883, 8, 735—737.

1042. **Мѣры** гетманскаго правительства Малороссіи въ 1727—1757 г. г. въ предупрежденіе голода. 1894, 3. 553—557. (Д).

1043. **Мѣры** противъ холеры 1831 г. (объявленіе Кіевскаго губернатора). 1903, 11, 72—73. (Д).

1044. **Мякотинъ В.** Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. 1891, 2, 300—314.

1045. № Старинный проектъ заселенія Украйны (1590 г.). 1895, 3, 295—341.

1046. № Семейная драма въ 1812 г. 1895,3, 342—370.

1047. **Наказы** малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія. 1888, приложеніе, 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12; 1889, 1, 2, 3.

1048, **Науменко В.** Къ исторіи открытія Немировской гимназіи. 1888, 12, 116—117.

1049. **Науменко В.** Къ исторіи Кіевскаго дворянскаго собранія. 1889, 2, 495—499.

1050. **Науменко В.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. 1889, 12, 642—644,

1051. **Науменко В.** Нѣсколько дан-

ныхъ о состояніи Кіевскаго учебнаго Округа въ 1835 г. 1890, 1, 127—130.

1052. **Науменко В.** Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи Университета Св. Владимира въ 1835 г. 1890, 2, 349— 355.

1053. **Науменко В.** Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій Университета Св. Владимира въ октябрѣ 1835 г. 1890, 8, 323—324.

1054. **Науменко В.** Справка о практическихъ занятіяхъ студентовъ по предмету россійской словесности въ первые годы жизни университета Св. Владимира. 1894, 4, 169—174. (Д).

1055. **Науменко В.** Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamietniki o dzelach, pismennictwie i prawobawstwie slowian". 1896, 2, 63—65. (Д).

1056. **Науменко В.** Коллегія Павла Галагана въ Кіевѣ 1896, 12, 418—433.

1057. **Н. Б.** Покупка греками на Украйнѣ—„дювокъ-чухонокъ„. 1893, 9, 440—441. (Д).

1058. **Н. Б.** Къ характеристикѣ московскихъ „ратныхъ людей", служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. 1894, 7, 105—111. (Д).

1059. **Н. Б.** Выходецъ изъ полону Василій Віоленскій. 1894, 9, 448—451. (Д),

1060. **Н. Б.** Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII вѣка 1896, 2, 59—61. (Д).

1061. **К. В.** Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ полтавской побѣды? 1901, 12, 171—172. (Д).

1062. **Нейманъ Ц. Г.** Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ. 1885, 7, 512—514.

1063. **Нейманъ Ц.** Старая брацлавщина и ея люди 1889, 5 и 6, 532—547; 8, 264—281; 10 103—120.

1064. **Неосуществившійся** университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ (Два письма о немъ 1802—1803 г. г.). 1882, 3,592—597.

1065. **Н. Ив.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ 1889, 11, 429—439.

1066. **Николайчикъ Ѳ.** Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (1591—1596). 1884: 3, 423—442; 4, 525—564.

1067. **Николайчикъ Ѳ.** Новый источнкъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора (съ картою). 1889, 10, 52—69.

1068. **Николайчикъ Ѳ.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, сборищахъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 г. 1894, 6, 541—543. (Д).

1069. **Николайчикъ Ѳ.** Цѣны на сукна, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и пр. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII в. 1894, 9, 451—456. (Д).

1070. **Никифоровъ В.** свящ. Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года. 1885, 4, 767—773.

1071. **Ни—къ Ѳ.** Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II. 1883, 2, 460—464.

1072. **Ни—къ Ѳ.** Старинныя поздравленія и выборы. 1883, 2, 464—466.

1073. **Н—й С.** Изъ сферы Кіевскаго городского хозяйства 2-й половины XVIII ст. 1887, 6, 7, 578—583.

1074. **Н. Л.** Дѣятельность шаритокъ въ Житомирѣ 1894, 7, 102—103. (Д).

1075. **Н. М.** Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII в. Д—ра Антонія I. 1894, 1, 107—126; 2, 282—304; 2, 512—529.

1076. **Н. М.** Лѣвобережная Украина въ XV—XVII ст. 1896, 4, 85—101: 5 249—267: 6, 369—379.

1077. **Н. М.** Выборы въ Кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье Кіевскихъ войтовъ. 1897, 2, 35—38. (Д).

1078. **Н. М.** Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. 1897, 2, 38—39. (Д).

1079. **Н. М.** Польскій король Янъ-Казимиръ, Хмельницкій и греки. 1897, 4, 17—18. (Д).

1080. **Н. М.** Правныя книги и руководства Кіевскаго Магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г. г. 1897, 3, 64—74. (Д).

1081, **Н. М.** Странствованія чумака, бурсака и раба. 1897, 10, 16—20. (Д).

1082. **Н. М.** Пререканія вѣдомствъ по поводу запорожья 1751 г. 1898, 1, 4—7. (Д).

1083. **Н. М.** Продажа Кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. 1897, 5, 63—65. (Д).

1084. **Н. М.** Матеріалы для новѣйшей исторіи юго-западнаго края. 1) проэктъ поручика Нечая 1832 г. объ улучшеніи быта крестьянъ. 1899, 6, 408—432.

1085. **Новицкій И.** Настояшее имя первой фундаторки братскихъ школъ 1885, 8, 732—735.

1086. **Носъ-фонъ Ст.** Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ. 1882, 6, 552—554.

1087. **Носъ-фонъ Ст.** Письмо кн. Н. В. Репнина къ имп. Николаю Павловичу (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской и Черниговской губерніи). 1882, 12, 557—563.

1088. **Носъ-фонъ Ст.** Изгонъ Іудеевъ начала XVII в. 1883, 1, 214—215.

1089. **Носъ С. Д.** Благодарственное письмо Григ, Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ комисію для сочиненія новаго Уложенія. 1890, 11, 334—335.

1090 **Н. П.** Антифѣевка. 1893, 11, 326—327.

1091. **Н. И.** Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку къ 1762 г. 1906, 1, 1—5 (Д).

1092. **Н. С.** Мало извѣстныя и не извѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавшины. 1884, 4, 684—688,

1093. **Н. С.** Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 г. 1895, 3, 98—99. (Д).

1094. **Н. С.** Угроза генералъ Губернатора кн. Я. И. Лобанова—Ростовскаго жителямъ Смѣлаго (Ромен. уѣзда) за ослушаніе 1811 г. 1895, 3, 97—99. (Д).

1095. **Н. С.** Матеріалы для исторіи. дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи (изъ Яготинскаго архива кн. В. Н. Репнина) о задолженности С. М. Кочубея, бывшаго губ. пред. дворянства 1895, 3, 405—418.

1096. **Н. С.** Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. 1897, 4, 124—156: 6, 460—483: 10, 115—131: 11, 143—156: 12, 332—350.

1097. **Н. С.** Къ исторіи военныхъ поселеній въ новороссіи. 1897, 12. 69—70. (Д).

1098. **Н. С.** Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в. 1900, 6, 391—397.

1099. **Нѣжинскихъ** купцовъ и мѣщанъ прошеніе о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи 1797 года. 1902, 7—8, 12—15. (Д).

1100. **Н. Ѳ.** Журнально газетные статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. 1885, 1, 206—214; 3, 597—612.

1101. **Образованіе** Ландъ-милиціи въ Полтавской губ. въ декабрѣ 1806-го и о избраніи командующаго оною милиціею. 1888, 10, 30—31.

1102. **Объясненіе** Полковника И. Черняка о работахъ козаковъ на Ладожскомъ каналѣ. 1884, 5, 117—122.

1103. **Объ одномъ** изъ памятниковъ украинской старины („проэктъ свода законовъ для малорусскаго народа" въ 1-ой половинѣ 18 в.). 1905, 10 12—16. (Д).

1104. **О времени** поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ. Записка составл. по архивн. источникамъ, въ 1865 г., есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ. 1897, 5, 6. Приложеніе.

1105. **Оглоблинъ Н.** Воеводскія „вѣстовыя отписки" XVII в., какъ матеріалъдля исторіи Малороссіи. 1885 ,7, 365— 416.

1106. **Оглоблинъ Н.** „Кіевскій столъ" разрядного приказа. 1886, 11, 536—552.

1107. **Оглоблинъ Н.** Очерки изъ быта Украйны конца XVII столѣтія. I Сожженіе вѣдьмы 1887, 5, 92—124.

1108. **Оглоблинъ Н.** Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. 1889, 5—6, 578—585.

1109. **Оглоблинъ Н.** Розыскъ 1869 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи. 1895, 12 271—306.

1110. **Одинецъ И.** Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ (опытъ програмныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). 1906 7—8, 338—376.

1111. **О. Л.** Бердичевская ярмарка (изъ воспоминаній шляхтича 1842 г.). 1893, 6, 428—458.

1112. **О. Л.** Два памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

1). Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій чернь къ войнѣ.

2). Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками. 1888, 7, 14—18.

1113. **О. Л.** Изъ путевыхъ замѣтокъ Вел. кн. Николая Павловича (1816 года). 1896, 12, 78—80. (Д).

1114. **О. Л.** Документы изъ эпохи „Панованья Войска запорожскаго" въ Малороссіи 1897, 2, 42—43. (Д).

1115. **О. Л.** Сборъ съ православн. помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. 1897, 5, 68—69. (Д).

1116. **О. Л.** Заботы о „наружномъ образованіи Кіевскихъ студентовъ въ 1840 г. 1898, 12, 77—80. (Д).

1117. **О. Л.** Ланкастерская школа въ м. Городищѣ, Черкасскаго у. въ 1840 г. 1898, 12, 80—82. (Д).

1118. **О. Л.** Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и Ю. З. краѣ 60 лѣтъ назадъ 1900, 3, 141—142. (Д).

1119. **О. Л.** Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное пре-

слѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. 1900,7—8, 1—3. (Д).

1120 **О. Л.** Кіевскаго и другихъ центральныхъ архивовъ къ исторіи учрежденія. 1902, 5, 81—86. (Д).

1121. **О. Л.** Неосуществившійся проэктъ общества распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Малороссіи. 1903, 2, 69—70. (Д).

1122. **О. Л.** Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 г. 1903, 4, 1—2. (Д),

1123. **О. Л.** Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. 1903, 11, 57—60. (Д).

1124. **О. Л.** Домашніе учителя изъ лицъ польскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. 1904, 11, 49—51. (Д).

1125. **О. Л.** Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. 1905, 2, 128—131. (Д).

1126. **О. Л.** О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. 1905, 7—8, 47—52. (Д).

1127. **О. Н.** „Бунтъ“ свирскаго магистрата. 1888, 8, 196—245.

1128. **Описаніе** бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. 1888, 3, 520—529.

1129. **О положеніи** украинской печати. 1904, 11, 54—60. (Д).

1130. **Ордеръ** гр. Румянцева Кіевскому Намѣстническому Правленію отъ 9 янв. 1783. 1895, 9, 67—68. (Д).

1131. **Орловскій П. Протоіерей.** Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ. 1770—1771 г. г. 1897, 6, 445—459.

1132. **Отвѣтственность** оцѣнщиковъ въ Кіевскомъ магистратѣ (1762 г). 1904, 2, 54—58. (Д).

1133. **Отвѣтъ** малороссійскимъ слобожанамъ (найденный въ глуховскомъ архивѣ) 1884, 11, 550—552.

1134. **Отдача** гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ. 1901, 4, 13—15. (Д.).

1135. **Отрывокъ** изъ записокъ Анонима 1768. (Казнь Гонты и усмиреніе „Колiивщины) 1882, 11, 349—353.

✓ 1136. **Отрывокъ** изъ исторіи Малороссіи, составленный А. Мартосомъ т. III глава V 1652—1653. 1895, 2, 186—194.

1137. **Отъ Редакціи** (нѣсколько словъ г. Корзону о коліивщинѣ) 1893, 1, 161—166.

✓ 1138. **Очеркъ исторіи** Юго-западной Руси 1885, 1, 19—56; 2, 282—307; 3, 437—464; 4, 678—716; 5, 21—43; 6; 205—218.

✓ 1139, **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Первое дворянское собраніе. 1901, 11, 69—71. (Д.).

1140. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800—1805 г.г. 1901, 11, 71—73. (Д.).

1141. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Актъ въ Полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803. 1901, 11, 73—74. (Д.).

1142. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. (о поселеніи малороссіянъ въ Крыму близъ Ѳеодосіи). 1902, 1, 7—8. (Д.).

1143. **Павловскій И. Ф.** Кременчугъ сто лѣтъ назадъ 1902, 6, 165—167. (Д.).

1144. **Павловскій И. Ф.** Статистика врачей въ Полтавской губ. 1804 г. 1902, 6, 168. (Д.).

1145. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ

началѣ XIX вѣка (съ рисунками). 1902, 7—8, 111—164 9, 293—318.

1146. **Павловскій И. Ф.** Ромны, Гадячъ, Миргородъ и ихъ уѣзды сто лѣтъ назадъ. 1902, 7—8, 6—12. (Д.).

1147. **Павловскій И. Ф.** Прилука, Лубны и Кобеляки и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ 1902, 9, 99—103. (Д.).

1148. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ въ Малороссіи на жизненные припасы въ концѣ 18 и въ началѣ 19 ст. 1902, 9, 103—104, (Д.).

1149. **Павловскій И. Ф.** О привитіи оспы въ Полтавской губ. въ нач. 19 ст. 1902, 9, 104—105. (Д.).

1150. **Павловскій И. Ф.** Заботы князя Куракина объ устройствѣ въ Полтавской губ. хлѣбныхъ магазиновъ. 1902, 9, 105—107. (Д.)

1151. **Павловскій И. Ф.** Переяславъ, Константиноградъ, Пирятинъ, Золотоноша и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ. 1902, 10, 9, 12. (Д.).

1152. **Павловскій И. Ф.** Хоролъ, Лохвица, Зѣньковъ и ихъ повѣты 100 лѣтъ назадъ. 1902, 11, 83—86. (Д.).

1153. **Павловскій И. Ф.** Объ учрежденіи фельдшерской школы въ Полтавѣ 1902, 12, 144—145. (Д.).

1154. **Павловскій И. Ф.** Дѣтскій пріютъ въ Полтавѣ на подобіе нынѣшнихъ „яслей“ 1902, 12, 145—147. (Д.).

1155. **Павловскій И. Ф.** Объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ 1903, 1, 7—9. (Д.).

1156. **Павловскій И. Ф.** Проектъ основанія въ Лубнахъ скотоврачебной лѣчебницы 1903, 1, 9—10. (Д.).

1157. **Павловскій И. Ф.** Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. 1903, 5, 93—94. (Д.).

1158. **Павловскій И. Ф.** Дѣло о государствен. измѣнѣ и нарушеніи общаго спокойствія въ Малороссіи въ 1807 г. 1903, 12, 136—138. (Д.).

1159. **Павловскій И. Ф.** Донесеніе Пирятинскаго нижняго з. суда князю Куракину (донесеніе, что все обстоитъ благополучно). 1904, 1, 3, (Д.).

1160. **Павловскій И. Ф.** Частныя пожертвованія Черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 г. 1904, 2, 65, (Д.).

1161. **Павловскій И. Ф.** Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. 1904, 2, 157—168.

1162. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи Полтавскаго ополченія 1812 г. 1904, 3, 110—111. (Д.).

1163, **Павловскій И. Ф.** Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. 1904, 4, 3—6. (Д.).

1164. **Павловскій И. Ф.** О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи, 1904, 5, 58—60. (Д.).

1165. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ Полтавской губ. 100 лѣтъ тому назадъ. 1904, 6, 119—120. (Д.).

1166. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи почтъ въ Малоросіи, 1904, 7—8. 19—20. (Д.).

1167. **Павловскій И. Ф.** Заботы кн. Репнина о Полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина. 1904, 10, 217—226.

1168. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій уѣздъ сто лѣтъ назадъ. 1904, 12, 142—143. (Д.).

1169. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ XIX столѣтіи. 1905, 11—12, 228—342.

1170. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ (1836 г.). 1906, 5—6, 20. (Д.).

1171. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату (1839 г.). 1906, 5—6, 21. (Д.).

1172. **Павловскій И. Ф.** Вызовъ Полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ Волынской губ. 1906, 1—8, 79—80. (Д.).

1173. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. 1906, 7—8, 80—81. (Д.).

1174. **Павловскій И. Фр.** Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ. 1906, 9, 1—20; 10, 137—154.

1175. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ половинѣ XIX ст. 1906, 11—12, 589—597,

1176. **Павловскій И. Фр.** Взносы приказовъ общественнаго призрѣнія на Полтавскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ. 1907, 11—12, 278.

1177. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій Комитетъ о земскихъ повинностяхъ. 1907, 11—12, 275—278.

1178. **Падалка Л.** Была ли на о. Томаковкѣ запорожская сѣчь (съ картой). 1893, 5, 243—262.

1179. **Падалка.** Къ вопросу о существованіи запорожской сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества, 1894, 5, 258—276; 6, 439—461.

1180. **Падалка Л.** Десятинщики Херсонской губ. (Ист. статистическій очеркъ) 1895, 9, 324—345.

1181. **Падалка Л.** Происхожденіе запорожскаго козачества. 1884, 8, 580—608, 9, 27—52.

✓ 1182. **П. Вл.** Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Кониссвій. 1905, 3, 242—243. (Д.).

1183. **П. Е.** Указъ Петра І-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго 1887, 8, 777—779.

1184. **Первая** страничка изъ исторіи Полтавскаго Института благородныхъ дѣвицъ, 1900, 11, 283—290.

1185. **Переселеніе** Малороссіянъ въ Тамбовскій край въ половинѣ XVIII в. 1901, 2, 76—77. (Д.).

1186. **Перетцъ В.** Дѣло о жалованьѣ. плѣннымъ козакамъ 1708 г. и просьба козаковъ о томъ же. 1905, 6, 234—237. (Д.).

1187. **Петлюра С.** Секретні циркуляри правительства на Кубані. 1834, 1843, 1848. 1907, 6, 347—350.

✓ 1188. **Петровъ Н.** Къ исторіи колонизаціи слободской Украйны. 1883, 4, 23—51, 6, 314—340.

1189. **Петровъ Н.** Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. 1889, 2, 464—476, 3, 705—716, 4, 174—184, 6, 314—340.

1190, **Петровъ Н.** Прошеніе отставного прапорщика Землянскаго 1816 г. 1893, 1, 174. (Д.).

1191. **Петровъ Н.** Къ исторической топографіи Печерска и Клова 1896, 4, 17—22. (Д.).

1192. **Петръ I** въ русской Равѣ въ 1698 г. 1882, 1, 214—218.

1193. **Пирятинская** городская „армага" въ 1691 г. 1899, 6, 127. (Д.).

1194. **Пискорскій В.** Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіевскаго Университета (замѣтки о студенческихъ сочиненіяхъ въ 30-е годы) 1894. 4, 49—60.

1195. **Письмо** изъ Варшавы отъ 6 апрѣля 1790 г. 1883, 5, 178—181.

1196. **Письмо** князя Константина Острожскаго воеводы Кіевскаго къ сыну его Янушу, Каштеляну Краковскому 7 мая 1607 г. 1883, 11, 477—480.

1197. **Пишчевичъ Алекс.** Примѣчанія на Новороссійскій край. 1884, 1, 111—134.

1198. **Пишчевичъ А. С.** Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія. (Изъ дневныхъ записокъ). 1886, 1, 173—183.

1199. **Пишчевичъ А. С.** Бугскіе козаки и украинскіе уланы. 1886, 2, 387—394.

1200. **П—ко Вл.** Былъ ли игуменъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г. 1905, 1, 4—7. (Д.).

1201. **П—ко Вл.** Къ исторіи Коліивщины (матеріалы) 1905, 3, 236—242. (Д.).

1202. **П—ко Вл.** Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII в. 1905, 7—8, 108—116.

1203. **П—ко Вл.** Изъ исторіи образованія на Украинѣ 1905, 9, 235—247, 10, 126—132.

1204. **П—ко Вл.** Конецъ старой Малороссіи (1733—1788 годы въ исторіи лѣвоб. Украйны). 1905, 11—12, 343—349.

1205. **П—ко Вл.** Къ исторіи взаимныхъ отношеній Малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII в. 1906, 1, 11—12. (Д.).

1206. **П. Л.** Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи. 1884, 2. 352—354.

1207. **П. Л.** Гдѣ находился Кіевскій домъ Саввы Туптала Сотника? 1887, 2, 383—384.

1208. **П. Л.** Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, ея составъ и содержаніе. 1887, 8, 780—783.

1209. **П. Л.** Обеззѐмеленные „вольные матросы“ въ г. Никополѣ херс. губ. 1888, 12, 124—129.

1210. **Плотниковъ И.** Любечъ 27 іюля 1887 г. 1887, 9, 197—198.

1211. **П. Н.** Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. 1882, 3, 616—618.

1212. **Повѣсть** объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 году. 1885, 12, 684—689.

1213. **Подвысоцкій Н. свящ.** Село Сахновка Каневскаго уѣзда и кн. П. П. Лопухинъ. 1897, 7—8, 20—26. (Д.),

1214. **Познанскій Борисъ.** Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой. 1889, 4, 187—190.

1215. **Познанскій Борисъ.** Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевшинѣ въ 1861 г. 1889, 9, 752—758.

1216. **Познанскій Б.** Кое-что о козачинѣ на Украинѣ въ 1855 г. 1905, 4, 139—159.

1217. **Поимка** Гаркуши въ Ромнѣ. 1885, 10, 404—407.

1218. **Полницкій А.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 году. 1889, 5—6, 332—379.

1219. **Полницкій А.** Новороссійскій Сардананалъ (Гервасій Котъ). 1898, 5, 191—201.

1220. **Полницкій А.** Марья, въ жидовствѣ Маріяна. 1895, 12, 361—366.

1221. **Понятовскому** Станиславу

жалованная грамота на староство Богуславское (1777.) 1893, 5, 322—325. (Д.).

1222. **Попруженко Е**. Кіевская актовая рѣчь 1841 г. 1885. 4, 773—776.

1223. **Порш. М.** Із статистики України 1907, 7—8, 20—46.

1224. **Порш. М.** Статистика землеволодіння въ 1905 р. і мобілізація земельної власности на Україні. 1877—1905 р. р. 1907, 11—12, 145—180.

1225. **Послѣднія** домогательства Малороссійскаго шляхетства. 1884, 1, 174—177.

1226. **Посѣщеніе** Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріей Ѳедоровной (современное описаніе) 1883, 7, 539—562.

1227. **Походное** вооруженіе гетманскаго козака: 1901, 2, 78. (Д).

1228. **Правила** для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. 1900, 12, 147—148. (Д).

1229. **Представленіе** ген. губ. Воейкова о назначеніи докторовъ въ Кіевскую губернію (1766 г.). 1903, 12, 139—141. (Д).

1230. **Преслѣдованіе** лаптей колонизаторами Новороссіи 1886, 8, 754—756.

1231. **Придворные** гайдуки откуда набирались. 1902, 3, 162—163. (Д),

1232. **Прошеніе** малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-ой въ 1764 году. 1883, 6, 317—345.

1233. **Прошеніе** сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г. 1894, 4, приложеніе.

1234. **Протестація** вельможнаго его милости пана Стемпъковскаго, кашътеляна Браславскаго, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Браславскаго 1894, 11, 306—307. (Д).

1235. **Проэктъ** казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. 1885, 4,746—754.

1236. **Пузыревскій А**. Нѣсколько словъ о Каменецъ Подольской гимназіи 50-хъ годовъ. 1895, 12, 97—100. (Д).

1237. **Раданова Елена**. Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. 1891, 6, 458—468.

1238. **Разсказъ** современника о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины". 1887, 1, 51—64.

1239. **Рева И.** Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1885, 4, 790—791.

1240. **Рескриптъ** императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаго дворянства въ военную службу. 1887, 11, 579.

1241. **Рклицкій С**. Запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. 1902, 11, 75—77. (Д.).

1242. **Романовское** староство и судьба его жителей. 1885, 8, 607—630.

1243. **Рудановскій Л**. Черниговская гимназія начала 40-хъ годовъ. 1894, 10, 90—110.

1244. **Рудковскій А.** Свѣдѣнія о Бугскихъ козакахъ. 1882, 11, 389—391.

1245. **Русовъ А**. Осада и взятіе Очакова (1788). 1888, 12, 543—598.

1246. **Русовъ А**. Злоключеніе трехъ

Кіевскихъ студентовъ въ прошломъ столѣтіи. 1904, 11, 336—361.

√ 1247. **Руссетъ Елизавета.** Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ. 1884, 1, 173—174.

1248. **Рыжковъ Н.** Открытіе главнаго народнаго училища въ Кіевѣ въ 1789 г. 1893, 7, 136—138. (Д.).

1249. **Рѣчь** запорожскаго войскового писаря имп. Екатеринѣ II. 1897, 12, 63—64. (Д.).

1250. **Рядная запись** 1-ой половины XVIII в. 1884, 3, 471—476.

√ 1251. **Садовскій.** Столѣтіе Кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія 1789—1889 г. г. 1888, 11, 423—429.

√ 1252. **Свѣдѣнія** о массонскихъ ложахъ, бывшихъ въ Волынской губ. 1895, 11, 62—63.

√ 1253. **С. Е.** Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка 1891, 4, 56—67.

1254. **Секретное** предписаніе Кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. 1903, 11, 73. (Д).

1255. **Сербинъ-Вукъ** Полковникъ Переяславскій (1675—1682). 1894, 1, 129—134. (Д.).

1256. **Сербы** въ Кіевѣ (1753—1754). 1885, 2, 381—385; 7, 505—511.

√ 1257. **Синицкій Л.** Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. 1892, 2, 226—259.

1258. **Синицкій Л.** Путешествіе въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. Долгорукаго. 1893, 2, 274—292; 3, 412—441; 4, 29—40.

1259. **Скальковскій А.** Филиппъ Орликъ и запорожцы. 1882, 4, 106—132.

1260. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья. 1882, 7, 178—180.

1261. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья 1 „Порубежныя любезности" 1882, 10, 159—166.

1262. **Скальковскій.** Еще о бугскихъ козакахъ. 1882. 12, 598—602.

1263. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья Внутренніе распорядки. 1882, 12, 527—537.

1264. **Скальковскій А.** Къ исторіи бугскихъ козаковъ. 1883, 5, 186—187.

1265. **Скальковскій А.** Еврейскій плѣнъ въ запорожьи 1770—1772 г. 1884, 1, 159—165.

1266. **Скальковскій А.** Дунайцы. 1885, 1, 117—132.

1267. **Скальковскій А.** Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамаччины 1885, 10, 277—318.

1268. **Скальковскій А.** Секретная переписка Коша запорожскаго 1734—1763. 1886. 2, 327—349.

1269. **Скальковскій А.** Какъ судили и рядили въ Сѣчи ззпорожской. 1886, 3, 604—621.

1270. **Скальковскій А.** Русскіе диссиденты въ Новороссіи. 1887. 4, 771—782.

1271. **Скальковскій А.** Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи запорожской въ 1770 г. (отрывокъ изъ напечатанной статьи моей надъ заглавіемъ „Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.г.) 1891, 10, 117—119.

√ 1272. **С—ко.** Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи. 1885, 5, 173—175.

1273. **Скриленко А.** Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. 1905, 7—8, 52—57. (Д.).

1274. **Словарь** малорусской старины, составленный въ 1808 г. Ломиковскимъ В. 1894, 7, 8, 9. приложеніе; къ словарю—1894, 11, 310.

1275. **Смоктій А**. Городъ Умань и Софіевка (исторія г. Умани—Уманская рѣзня—Софіевка). 1882, 12, 420—437.

1276. **С. Н. И**. Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи. 1885, 7, 514—515.

1277. **С—овъ Н. Ѳ**. Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи. 1883, 12, 696—697.

1278. **Сокальскій Л**. Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. 1905, 2, 189—200.

1279. **С. П**. Рукописи Румянцевскаго музея по исторіи Кіева. 1882, 4, 158—160.

1280. **С—р—ъ И**. Изъ жизни малороссійскихъ колонистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. 1884. 7, 467—484.

1281. **Старый Прилучанинъ**. Къ Турбаевской катастрофѣ. 1891, 5, 312—313.

1282. **Степовичъ А**. Кіевъ по словарю Гарбеля. 1895, 11, 49—50. (Д.).

1283. **Сторожевъ В. Н**. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. 1890; 5, 379—380.

1284. **Сторожевъ В. Н**. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. 1889, 11, 327—349.

1285. **Сторожевъ В. Н**. Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 6, 544—549.

1286. **Сторожевъ В. Н**. Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 9, 497—503.

1287. **Сторожевъ**. Десятня Коротояцкихъ и урывскихъ новаго выѣзда черкасъ 1653 г. (смотръ и раздача денежнаго жалованья коротояцкаго воеводы О. Ив. Сукина) 1892, 12, 463—468. (Д.).

1288. **Сторожевъ В**. Дѣло (2—22 октября 1694 г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ 1896, 7—8, 3—8. (Д.).

1289. **Стороженко Н. В**. Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. 1890, 12, 514—515.

1290. **Стороженко А**. Очерки Переяславщины. 1891, 11, 195—215.

1291. **Стороженко А**. Къ исторіи Кіева и его окрестностей въ XV и XVI в.в. 1892, 2, 339—347. (Д.).

1292. **Стороженко А**. Кіевъ триста лѣтъ назадъ 1894, 2, 204—230.

1293. **Стороженко А**. Фастовская типографія. 1895,112, 83—88. (Д.).

1294. **Стороженко А**. Къ исторіи мѣстечка Борисполя Полтавской губ. 1897, 3, 507—518.

1295. **Стороженко А**. Гдѣ жили Переяславскіе Торки? 1899. 2, 283—290.

1296. **Стороженко. Н**. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи 1890, 3, 540—542.

1297. **Стороженко Н**. Рынокъ въ г. Острѣ (1690 г.). 1892, 2, 348. (Д.).

1298. **Стороженко Н**. Въ г. Нѣжинѣ первая аптека. 1892, 3, 497. (Д,).

1299. **Стороженко Н**. Замѣтка къ знанію надлежащая о малороссійскомъ полковомъ и сотенномъ судѣ. 1893, 3, 538—539. (Д.).

1300. **Стороженко Н. В**. Эпизодъ

изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ 1888, 6, 76—78.

1301. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 11—13.

1302. **Стороженко Н. В.** Изъ исторіи Нѣжинскихъ грековъ. 1890, 6, 540—544.

1303. **Стороженко Н. В.** Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія 2-й половины XVII в.) 1890, 12, 434—447.

1304. **Стороженко Н. В.** Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. 1891, 3, 478—493; 9, 455—465.

1305. **Стороженко Н. В.** Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ 1891, 2, 320—334; 5, 303—309; 7, 141—147.

1306. **Стороженко Н. В.** Мельницы въ г. Козельцѣ (универсалы XVII в.) 1892, 3, 496—497. (Д.).

1307. **Стороженко Н. И.** Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики. 1906, 2, 135—152.

1308. **Страничка** изъ жизни коллегіи Павла Галагана 1901, 12, 177—178. (Д.).

1309. **Струнина Л.** Первыя воскресныя школы въ Кіевѣ. 1898, 5, 287—307.

1310. **Судьба** просвѣтительныхъ учрежденій Кіева. 1890, 11, 317—322.

1311. **Сулима Семенъ.** Замѣтки стараго Кіевлянина (Кіевъ въ 1812 и 1824 г.). 1882, 12, 614—624.

1312. **Сумцовъ Н.** Къ исторіи Слободско-украинскаго чумачества. 1884, 3, 493—498.

1313. **Сумцовъ Н.** Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева" 1887, 3, 571—574

1314. **Сумцовъ Н.** Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь. 1888, 5, 235—258.

1315. **Счетъ** судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубку лѣса 1723 г. 1901, 7—8, 9. (Д.).

1316. **С—ъ** 2 случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель. 1884, 10, 346—351.

1317. **Сѣверянинъ.** Къ столѣтію Новгородъ Сѣверской гимназіи. 1888, 9, 63—70.

1318. **Сѣцинскій Е.** Картина изъ временъ крѣпостного права. 1899, 4, 152—154.

1319. **Т. А.** Еще о Гаркушѣ. 1886, 11, 569—571.

1320. **Танковъ А.** Изъ недавней исторіи малорусскаго казачества. 1898, 5, 46—51. (Д.).

1321. **Твердохлѣбовъ А.** Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ І-мъ въ Ахтыркѣ. 1886, 9, 178—182.

1322. **Твердохлѣбовъ А.** Эпизодъ изъ предсмертной борьбы запорожья за цѣлость своихъ владѣній. 1886, 12, 749—756.

1323. **Твердохлѣбовъ А.** Наслѣдственное полковничество (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ.) 1887, 5, 152—170.

1324. **Твердохлѣбовъ А.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санкт Петербургъ за дѣлами малороссійскими. 1888, 11, 82—84.

1325. **Теличенко И.** Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. 1888, 1—3, 244—270.

1326. **Теличенко И.** Изъ исторiи финансовъ въ малороссiи и слободской Украйнѣ. 1888, 3, 10—15.

1327. **Теличенко И.** Очеркъ кодификацiи малороссiйскаго права до введенiя свода законовъ. 1888, 9, 415—466; 10, 22—63—68.

1328. **Теличенко И.** Скорбный листъ малороссiйской коллегiи. 1889, 2, 445—458.

1329. **Теличенко Ив. В.** Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранiя сотниковъ. 1890, 4, 163—166.

1330. **Теличенко И.** Сословныя нужды и желанiя малороссiянъ въ эпоху Екатерининской коммиссiи. 1890, 8, 161—191; 9, 390—419; 10, 94—122; 11, 251—272; 12, 471—493; 1891, 1, 73—97; 2, 232—254.

1331. **Т—iй Н. И.** Краткiй очеркъ исторiи города Умани, 1888, 8, 381—394.

1332. **Т. П.** Пятидесятилѣтiе Немировской гимназiи. 1888, 12, 101—115.

1333. **Т. П.** Къ исторiи польскаго театра въ Кiевѣ. 1890, 6, 533—540. см. также поправку „К. Ст." 1890, 10, 152.

1334. **Три документа** къ исторiи экономическихъ отношенiй въ Малороссiи XVIII столѣтiя. 1884, 1, 143—148.

1335. **Три документа** къ исторiи бунта въ Малороссiи въ 1687 г. 1884, 306—314.

1336. **Тумасовъ Н.** Исторiя Кiевской второй гимназiи. 1902, 1, 35—62; 2, 188—214; 3, 391—416; 4, 136 158; 5, 244—267; 6, 449—469; 7—8, 165—192.

1337. **Туренко М. А.** Историческiя записки о войскѣ Черноморскомъ (со времени поселенiя онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ до 1831 г.) 1887, 3, 494—536, 4, 721—746; 5, 125—151: 6—7, 335—378.

1338. **Тутковскiй П.** Берестовецкiй вулканъ (изъ полѣсскихъ экскурсiй). 1895, 7—8, 67—84.

1339. **Т—ъ Н. И.** Матерiалы, относящiеся къ исторiи Звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кiева. 1895, 7—8, 14—20. (Д.).

1340. **Тындытниковъ** Семенъ. Безсоновское туранство малороссiянъ. 1886, 2, 395—398.

1341. **Тысячелѣтiе** Кiева. 1882, 3, I—VI.

1342. **Удѣльный** перiодъ и его изученiе. 1883, 2, 301—318.

1343. **Указатель** книгъ и статей по исторiи Южной Россiи за 1881 г. 1882, 1, 199—203, 2, 396—401.

1344. **Указатель** личныхъ именъ къ „Наказамъ малороссiйскихъ депутатовъ". 1889, 9, 1—XX.

1345. **Указъ** имп. Екатерины II объ учрежденiи малороссiйской коллегiи. 1883, 8, 738—740.

1346. **Указа** 1876 р. про заборону украïнського письменства найближчi вiдгуки. 1907, 6, 249—268.

1347. **Украинскiе** козаки при осадѣ Дюнкирхена 1646 г. 1889, 5, 74—75. (Д.)

1348. **Украинскiе** переводы манифестовъ 17 октября (съ прибавленiемъ къ нему доклада гр. С. Ю. Витте) и 3 ноября. 1905, 11—12, 68—78.

1349. **Универсалъ** Черниговскаго Полковника Лизогуба 1690 г. (въ разрѣшенiе земельныхъ претензiй польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 1885, 3, 538—542.

1350. **Успенскій Ѳ.** Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Черного моря IX и X в.в. 1889, 5—6, 253—294.

1351. **Уставъ** Кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 г. 1883, 11, 470—476.

1352. **Ф.** г. Балта (Подольской губ.) Историческія замѣтки. 1904, 6, 605—609.

1353. **Фисенко А.** Кобелякское повѣтовое училище. (1808—1835) 1887, 10, 387—398.

1354. **Фотинскій О. А.** Экскурсія по Волынской губ. для описанія Памятниковъ старины. 1900, 12, 196—206. (Д.).

1355. **Харламповичъ К.** Борьба школьныхъ вліяній до Петровской Руси. 1902, 7—8, 1—76; 9, 358—394: 10, 34—61.

1356. **Хвойко В.** Къ вопросу о славянахъ. 1902, 6, 495—505.

1357. **Херсонская** старина 1902, 9, 139—140. (Д.).

1358. **Хижняковъ В.** Черниговская старина (по архивнымъ бумагамъ городской думы) 1899 г. 6, 367—407.

1359. **Хмельницкій** въ представленіи Кромвеля. 1882. 1, 212.

1360. **Ходатайство** Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь. 1887, 9, 191—193.

1361. **Храневичъ В.** Присяга на вѣрность Имп. Павлу въ Западномъ Краѣ. 1892, 7, 109—113.

1362. **Хроника** Кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона (1804—1824 г.г.) 1884, 7, 423—466.

1363. **Цеховъ** къ исторіи 1899, 6, 132—133. (Д.).

1364. **Ц. К.** Движеніе народнаго образованія въ Юго-западномъ Краѣ. 1884, 8, 725—731.

1365. **Цѣлебныя** воды въ Константиноградѣ. 1886, 10. 402—403.

1366. **Чайковскій** Михаилъ и козакофильство. 1886, 4, 763—777.

1367. **Чалый.** Бѣлоцерковская гимзія (1862—1969) 1900, 11, 218—224; 12, 401—410.

1368. **Чалый М. К.** Двѣ ревизіи (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ.) 1883, 2, 444—453.

1369. **Чалый М.** Вторая Кіевская гимназія. 1900, 4, 16—50; 6, 288—309; 7—8, 66—88.

1370. **Чеважевскій В.** Право „презенты" и его значеніе въ исторіи Юго-западнаго края. 1888, 5, 50—53.

1371. **Чепа Адріанъ.** Записка о малороссійскихъ чинахъ. 1897, 4, 5 (приложеніе).

1372. **Черепинъ В.** Родная исторія (по поводу книги Грушевскаго „Очеркъ истор. укр. народа") 1905, 5, 228—233.

1373. **Черниговская** лѣтопись по новому списку (1587—1725) 1890, 4, 70—80; 5, 81—96: 6, 97—110.

1374. **Черниговскій** воспитательный домъ 70 лѣтъ назадъ. 1896, 11, 46—47. (Д.).

1375. **Ш. А.** Дѣятели слободской украйны прошлаго вѣка. 1891, 6, 423—445.

1376. **Шафрановъ П. А.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго 1654 г. 1889, 11, 369—391.

1377. **Шафрановъ П.** Замѣтка о Павлѣ Тетерѣ. 1890, 7, 128—129.

1378. **Шафрановъ П.** Къ исторіи народнаго образованія въ Южно-русскихъ губерніяхъ, 1902, 11, 77—83. (Д.).

1379. **Шаховскаго А. И.** Князя распоряженіе о раздѣленіи малорос. козаковъ на выборныхъ и подпомощниковъ 1735 г. 1902, 2, 83—88. (Д.).

1380. **Шимановъ А.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи землевладѣнія Харьковской губ. (матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи), 1882, 11, 191—228: 12, 401—419: 1883, 1, 67—88: 3, 555—594; 6, 249—267.

1381. **Шимановъ.** Предсмертная поземельная борьба запорожья. (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ слободской украиной). 1883, 12, 609—636.

1382. **Шр-ко А.** Реестръ вѣновной 1774 года. 1903, 6, 159—163. (Д.).

1383. **Шугуровъ Н.** Отзывъ гр. Разумовскаго по поводу неурожая. 1891, 12, 470—472.

1384. **Шугуровъ Н.** Предписанія кн. Репнина по поводу холеры въ 1830 г. 1893, 10, 153—155. (Д.).

1385. **Шугуровъ Н.** Апріолли и Матейко (какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ Малорус. быта.) 1894, 1, 93—106.

1386. **Шульгинъ Я.** Очеркъ „Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. 1890, 2, 185—220; 3, 381—481, 4, 22—52; 5, 268—306; 6, 409—426. 7, 1—21; 8, 192—223.

✓ 1387. **Шульгинъ Я.** Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. 1891, 7, 97—118.

1388. **Шульгинъ Я.** „Правда" о Коліивщинѣ польскаго историка г. Корзона. 1893, 1, 126—160.

1389. **Щербина.** Жалованная грамота гр. Ф. Х. Браницкому на Бѣлоцерковское староство. (1774, дек. 13). 1893, 4, 161—165. (Д.).

1390. **Щербина В.** Сѣчевая школа. 1891, 9, 491—492.

1391. **Щербина В.** Савва Чаленко и Игнатъ Голый. 1891, 10, 119—122.

1392. **Щербина В.** Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ 20-хъ годахъ XVIII ст. 1891, 11, 302—304.

1393. **Щербина В.** О происхожденіи слова „Коліивщина". 1893, 2, 356—358. (Д.).

1394. **Щербина В.** Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. 1893, 6, 513—517. (Д.).

1395. **Щербина В.** Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. 1893, 8, 303—306. (Д.).

1396. **Щербина В.** Три Шелеста (изъ исторіи Коліивщины.) 1893, 11, 235—240.

1397. **Щербина В.** Эпизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. 1896, 7—8, 20—24. (Д.).

1398. **Щербина В.** Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. 1894, 10, 149—151. (Д.).

1399. **Щербина В.** Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. 1894, 10, 148—149. (Д.).

1400. **Щербина Ф.** Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. 1883, 6, 233—248.

1401. **Щербина Ф.** Колонизація Кубанской области. 1883, 12, 529—545.

1402. **Щербина Ф.** Исторія самоуправленія у Кубанскихъ козаковъ. 1884, 2, 223—246.

1403. **Зварницкій Д.** Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника—очевидца. 1883, 11, 497—510.

1404. **Эварницкій Д**. Число и порядокъ запорожскихъ Сѣчей. 1884, 4, 589—608.

1405 **Эварницкій Д**. Топографическій очеркъ Запорожья. 1884, 5, 33—52; 6, 177—200; 7, 392—422.

1406. **Эварницкій Д.** Архивные матеріалы для исторіи Запорожья. 1886, 7, 520—536.

1407. **Эйнгорнъ В.** Кіевскій воевода П. И. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 г.г.). 1891, 11, 246—258.

1408. **Экстренные** расходы изъ суммъ малороссійской колегіи. 1882, 5, 312—315.

1409. **Эпизодъ** изъ польско-украинскихъ отношеній среди петербургскаго студенчества въ началѣ 60-хъ г.г. 1903, 7—8, 21—25. (Д.).

1410. **Юбилейныя** празднества на Волыни (впечатлѣнія очевидца). 1892, 6, 1—IV.

1411. **Яковлевъ А**. Бунтъ черкасцевъ и каневцевъ въ 1536 г. 1907, 1, 81—96.

1412. **Яковлевъ А**. З історії реґістраціи українських козаків въ 1-й пол. XVI в. 1907, 3, 265—279.

1413. **Яковлевъ А.** Намістники, державці і старости господарського замку. Черкасьского въ кінці XV і в XVI в.в. 1907, 9, 340—354.

1414. **Яремичъ Ст.** Памятники искусства въ XVI и XVII в.в. въ Кіево-Печерской лаврѣ. 1900, 6, 378—390.

1415. **Яроцкій П**. По Волынскому Полѣсью (изъ записной книжки).1898, 7—8, 1—35.

1416. **Ярошевичъ А**. Малороссы по переписи 1897 г. 1905, 6, 411—423.

1417. **Ястребовъ В.** Херсонесъ Таврическій. 1883, 5, 30—48.

1418. **Ястребовъ В.** Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія. 1884, 2, 333—336.

1419. **Ястребовъ В.** Греки въ Елисаветградѣ (отрывокъ изъ исторіи колонизации 1754—1777). 1884, 4, 673—684.

1420. **Ястребовъ В.** Очаковская зима по современному описанію. 1884, 8, 731—732.

1421. **Ястребовъ В**. Въ запорожскомъ захопустьѣ. 1885, 12, 721—729.

1422. **Я. Ш.** Пробуждающійся край (Л. Василевскій. Современная Галиція). 1900, 12, 466—487.

1423. **Ящуржинскій Ц**. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. 1888, 7, 16—25.

1424. **Ѳ. В.** Кіевъ въ 1787 г. и дѣдъ покойнаго Н. Д. Бунге. 1895, 9, 64—66 (Д.).

1425. **Ѳедотовъ-Чеховскій А**. Инструкція гетмана Даніила Апостола малороссійскимъ судамъ. 1887, 1, 139—154.

1426. **Ѳедотовъ-Чеховскій А**. Каштелянъ Брацлавскій Василій Запровскій въ полонѣ у татаръ. 1887, 2, 360—365.

1427. **Ѳедотовъ-Чеховскій А.** Волынская полоненница XVI в. и ея „орменскій" обожатель. 1887, 5, 200—204.

1428. **Ѳ. Н.** Къ характеристикѣ шляхетскаго-козачаго быта XVIII в. (два партикулярныхъ письма). 1885, 4, 776—782.

1429. **Ѳ. Н.** Отношеніе Роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 1898, 4, 5—6 (Д).

1430. **Ѳ. Ѳ.** Практика смертной казни въ старой Малороссіи. 1901, 7—8, 1—3. (Д.).

1431. **Ѳ. Ѳ.** Къ исторіи „войсковаго скарба". 1901, 7—8, 3—4. (Д.).

III. Художественная литература.

1432. **Антоній І.** д—ръ. Украинскія женщины (переводъ съ Польскаго). 1883, 6, 268—309.

1433. **Антоній І.** д—ръ. Страшный Іосифъ (переводъ съ польскаго). 1883, 9—10, 39—87.

1434. **Антоній І.** д—ръ. Иванъ Подкова. Историческій разсказъ (переводъ съ польскаго). 1885, 10, 243—276.

1435. **Антоній І.** д—ръ. Судьба красавицы (Софія Глявоне-Витте Потоцкая). 1887, 1, 99—138.

1436. **Антоній І.** д—ръ. На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка (переводъ съ польскаго) 1887, 4, 693—720.

1437. **Артемовскій Гулакъ** П. **П.** Сочиненіе (съ предислов. А. Потебни). 1888, 5, 184—208.

1438. **Барвинокъ Ганна** Половинщикъ. (Этнографическій разсказъ). 1888, 12, 478—492.

1439. **Барвинокъ Ганна**. Молотники (Бытовой разсказъ). 1888, 6, 314—364.

1440. **Барвинокъ Ганна.** Русалка (Этнографическій разсказъ). 1889, 7, 64—109.

1441. **Браиловскій С**. Кудоярова пещера (разсказъ преданіе). 1894, 11, 207—241.

1442. **Будянська Ол**. Завороженный Хутиръ. 1905, 11—12, 210—227.

1443. **В. Н.** Максимовича М. Л. неизданныя малорусскія стихотворенія 1898, 11, 33—44. (Д.).

1444. **Ваченко Писонецкій К**. Чернокнижникъ (изъ разсказовъ бабушки) 1893, 11, 280—297.

1445. **Винниченко**. Антрепенеръ Гаркунъ-Задунайскій (оповидання). 1903, 3, 395—438.

1446. **Винниченко В.** Сила и краса (оповидання). 1902, 7—8, 227—281.

1447. **Винниченко В.** Биля машыны (оповідання). 1902, 12, 435—458.

1448. **Винниченко В.** Контрасты. 1904, 10, 81—111.

1449. **Винниченко В.** Голота (повисть). 1905, 1, 117—188; 2, 209—262.

1450. **Винниченко В.** „Мнимый господинъ" (малюнокъ зъ натуры) 1905, 4, 117—138.

1451. **Віроучителя** сектанта сповідь. 1907, 6, 286—313; 7—8, 47—91; 9, 355—378.

1452. **Григоренко Гр**. Воно саменьке (Психологичный нарысъ). 1906, 3—4, 368—384.

1453. **Грыгоренко Грыцько**. Переселъци (зъ дому и до дому). 1900, 11, 291—325.

1454. **Гринченко Б.** Пидъ тыхымы вербамы (повисть). 1902, 2, 228—297; 3, 417—493; 4, 25—109.

1455. **Гринченко Б.** Хвесь преславный гайдамака. 1900, 6, 398—402.

1456. **Гринченко Б.** Покупка. 1900, 9, 358—362.

1457. **Гринченко Б.** Паліи. 1900. 7—8, 225—234.

1458. **Гринченко Б.** Середъ темной ночи (повисть) 1901 5, 227—281; 6 383—448; 7—8, 103—168.

1459. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Стихотвореніе. 1896, 1, 18—20. (Д.).

1460. **Гулакъ—Артемовскій.** Неизданныя сочиненія (изъ рукописи въ Петербургѣ въ имп. публичн. библ.) 1897, 3, 476—501.

1461. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Нѣсколько стихотвореній, 1903, 9, 99—102. (Д.).

1462. **Добровольскій А.** Ярема (разсказъ изъ запорожской жизни). 1894, 7, 10—31; 8, 152—175.

1463. **Днипрова Чайка.** Чудный. (оповидання). 1904, 5, 231—263.

1464. **Доманицкій В.** Неизвѣстное стихотвореніе К. Думитрашка. 1905, 5, 152—155.

1465. **Е. Ш.** Спомынки (разсказъ). 1902, 5, 230—243.

1466. **Забила В.** Неизданное стихотвореніе (съ предисл. М. Комарова). 1888, 4, 15—18.

1467 **Іоссе Генрихъ.** Младшій братъ Очеркъ изъ Галицкой жизни (перев. съ польскаго). 1889, 10, 143—160.

1468. **К—чъ Владимиръ.** Судьба (разсказъ). 1898, 7, 33—69.

1469. **Какъ** поймали Наполеона Бонапарта въ Лебединскомъ уѣздѣ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 10, 40—44. (Д.).

1470. **Каро Я.** Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. (переводъ съ нѣмецкаго Н. М.). 1890, 1, 95—116; 2, 305—319; 3, 485—525.

1471. **Карпенко Карый И.** По надъ Днипромъ (драматич. картыны), 1899, 2, 209—282.

1472. **Карпенко-Карый.** Пидпанкы (драма). 1899, 6, 317—366.

1473. **Карпенко-Карый И.** Сава Чалый (трагедія). 1899, 8, 210—264; 9, 312—340.

1474. **Квитка.** Бой-жинка, драмат. сочиненіе. 1893, 10, 124—152.

1475. **Квитка Г. Ѳ.** Неизданный разсказъ. 1887, 1, 91—98.

1476. **Кобылянська Ольга.** „За готаръ" (нарысъ зъ сільского жыття). 1903, 1, 137—151.

1477. **Кобылянська О.** Ніоба (новеля). 1905, 6, 361—410; 7—8 75—107; 9, 248—316.

1478 **Комарова Галына** Роксолана 1904 6, 597—604.

1479. **Комаровъ М.** Неизданное стихотвореніе Гребенки. 1886, 9, 176—177.

1480. **Комаровъ М.** Неизданныя стихотворенія К. Думитрашка. 1894, 9, 459—463. (Д.).

1481. **Коцюбинській.** Пидъ минаретами. Оповидання. 1905, 3, 373—422.

1482. **Коцюбинській М.** Дорогою ціною (оповідання). 1902, 1, 103—167

1483. **Коцюбинській М.** Fata morgana (зъ сильскихъ настроивъ). 1904, 3, 383—412.

1484. **Костомаровъ Н. И.** Сорокъ лѣтъ (народная малорос. легенда). Послѣдняя глава прибавлена гр. Л. Н. Толстымъ. 1902, 5, 173—207: 6, 347—391.

1485. **Креминскій А.** Обманутый солдатъ. Стихотвореніе Руданскаго. 1882, 6, 556—558.

1486. **Кропивницкій М.** Передъ волею. Драма въ 5 діяхъ. 1900, 4, 51—126.

1487. **Кропивницкій М.** Розгардіяш (твора на 4, дії). 190 7—8, 436—75.

1488. **Кудринскій Ѳ.** Замчисько (разсказъ). 1893, 5, 384—397.

1489. **Кудринскій Ѳ.** Дядько-землякъ (разсказъ). 1895, 11, 181—258.

1490. **Кудринскій Ѳ.** Шаронъ (разсказъ). 1896, 11, 137—165.

1491. **Кудринскій Ѳ. А.** О. Алипій (разсказъ). 1897, 7—8, 185—226; 9, 239—271.

1492. **Кудринскій Ѳ.** Хапунъ (разсказъ). 1898, 12, 309—344,

1493. **Кудринскій Ѳ.** Божій часъ (изъ недавняго прошлаго). 1892, 12, 361—378.

1494. **Кудринскій Ѳ.** Старцы. Полѣсская легенда. 1893, 12, 417—426.

1495. **Кудринскій Ѳ.** Утопленница (этнографическій разсказъ). 1894, 4, 91—127; 5, 236—257.

1496. **Кудринскій Ѳ.** Пошисть (разсказъ изъ быта крест. Черниговъ. губ.) 1895, 7—8, 156—184.

1497. **Лазаревскій Б.** Святий городъ Повисть. 1903, 4, 108—131.

1498. **Левенко В.** Старе и нове (оповідання). 1900, 6, 333—377: 7—8, 89—141.

1499. **Левицкій И.** Старосвѣтскіе батюшки и матушки (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). 1884, 1, 83—110; 5, 88—116; 6, 267—288; 8, 655—680; 12, 586—620; 1885, 1, 133—156; 8, 630—681; 9, 85—127; 11, 466—519.

1500. **Левицьный М.** За коліивщины. 1901, 6, 460—497.

1501. **Левицьный М.** Сачитаръ (оповидання). 1903, 5, 302—314.

1502. **Левицкая-Пащенко** Юлія. Порченная (бытовая повѣсть). 1888, 8, 289—314: 9, 500—522.

1503. **Лисакъ-Таморенко** Невесели сильски малюнкы (оповидання батюшкы) 1902, 1, 63—72: 1904, 6, 506—530.

1504. **Лотоцкій А.** Руданскаго С. В. Крохи литературнаго наслѣдія (стихотворенія). 1902. 12, 147—155. (Д.).

1505. **Лѣсковъ Н.** Печерскіе антики (отрывокъ изъ юношескихъ воспоминаній). 1883, 2, 235—268: 3, 493—527; 4, 691—708.

1506. **Любка** или Сватанье въ с. Рихмахъ. Оперета въ 4 дѣйств. 1900, 1, 76—124.

1507. **М. Л.** Останній Гирей. 1904, 4, 74—103.

1508. **Майорскій П.** Дрибни нарысы зъ життя простого люду. 1904, 2, 201—210.

1509. **Майорскій П.** До науки (нарысъ зъ жыття простого люду).1904, 9, 292—303.

1510. **Майорскый П.** На бурякахъ (нарысъ). 1905, 3, 461—468.

1511. **Марковичъ** Александръ Михайловичъ. Малороссійкая свадьба. Неоконч. повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII. вѣка. 1897, приложеніе 3, 4.

1512. **Маркевичъ Д.** Онъ присягалъ 1891, 3, 422—432.

1513. **Маркевичъ Д.** „На Вовчомъ хуторѣ". 1889, 8, 428—435.

1514. **Марко-Вовчекъ.** Чертова пригода. 1902. 10, 141—156.

1515. **Мачтетъ Г. А.** Бѣлая ланна. (изъ дѣтскихъ воспоминаній неудав-

шагося поэта 1889, 1, 90—116; 2, 337—387.

1516. **Мерцъ С**. Святъ-вечиръ. Оповідання. 1904, 7—8, 111—130.

1517. **Миронъ** „Слава Богу, для начала и это хорошо" (эпизодъ изъ жизни Прикарпатскаго народа) 1888, 10, 121—148).

1518. **Миронъ.** Чума. 1889, 5—6, 400—437.

1519. **Миронъ.** Милліонеръ. Картинка изъ Галицкой жизни. 1890, 5, 307—326; 6, 427—451.

1520. **Миронъ**. Полуйка (оповидання) 1899, 5, 260—282.

1521. **Мырный П.** Морозенко (повисть). 1898, 3, 366—396.

1522. **Мирный Панасъ та Билыкъ Иванъ**. Пропаща сыла, повисть. 1903, 3, 492—531; 4, 24—54; 5, 231—285; 6, 395—422; 7—8, 65—131; 9, 297—397; 10, 37—91; 11, 241—283.

1523. **Науменко В**. Два рукописныя стихотворенія М. А. Максимовича. 1891, 12, 480—482.

1524. **На** рубежѣ. Повѣсть (переводъ съ польскаго) 1888, 1—3, 180—243; 4, 64—99: 5, 209—234: 6, 365—388: 8, 315—348; 9, 523—566.

1525. **Нейманъ Ц**. Тры сестры, царевичъ, степъ и море. 1902, 5, 282—300.

1526. **Непыйвода М**. Биля огныща. Оповидання. 1903, 10, 128—139.

1527. **Непыйвода М.** Хто жъ выненъ? 1904, 4, 114—130.

1528. **Непыйвода М.** На вокзали (нарысъ). 1905, 5, 198—204.

1529. **О. Л.** Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. 1897, 1, 10—11. (Д.).

1530. **Отецъ** Петръ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 11, 44—46. (Д.).

1531. **Оржешко Элиза.** Вѣдьма (Полѣсскій разсказъ) (переводъ съ польскаго). 1886, 2, 278—326; 4, 684—707; 5, 79—107; 6, 490—519; 8, 693—726; 9, 81—102.

1532. **Остоя**. Нечистая сила. Повѣсть. (Перев. съ польскаго К. М.)- 1889, 4, 152—173; 5—6, 507—531; 7, 188—220; 8, 491—514.

1533. П. **А. І.** Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1901, 5, 75—80. (Д.).

1534. **П. С.** Рождественскій вечеръ въ деревнѣ (Бытовой очеркъ) 1895, 1, 103—119.

1535. **Пахаревськый Л**. Довгый рядъ днивъ. (Оповидання). 1905, 11—12, 186—197.

1536. **Пахаревськый Л**. Тыхенько жыття. (Оповидання). 1906, 3—4, 433—444.

1537. **Петкевичъ З. А.** Сельскія недоразумѣнія (переводъ съ польскаго К. М.). 1889, 1, 155—186; 3, 645—664.

1538. **Перекыдько Петръ** Переляк. (Малюнокъ зъ натуры). 1904, 7—8, 152—160.

1539. **Пильченко** Княжа крыныця (сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-ми одминахъ) 1901, 10, 133—168; 11, 200—232.

1540. **Познанскій Борисъ.** Что слышалось и что видѣлось. 1886, 5, 108—129.

1541. **Познанскій Борисъ**. „Полячка" (Видѣнное и слышанное) 1890, 2, 361—390.

1542. **Познанскій Борисъ** .Попокъ— (повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ) 1894, 1, 52—74: 2, 245—266: 3, 480—511. 5, 318—331: 8, 230—254: 9, 380—395. 1898, 10, 33—61: 11, 150—191: 12, 367—412. 1899, 1, 30—80: 3, 424—443; 4, 117—151: 5, 199—248: 7, 90—130.

1543. **Познанскій Б.** Картынкы сучасного селянскаго побыту. 1900, 2, 207—247.

1544. **Познанскій Б.** Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ. Разсказъ 1900, 10, 163—178.

1545. **Полницкій А.** Насильно обвѣнчанный дьякъ (разсказъ изъ давняго прошлаго) 1895, 10, 72—87.

1546. **Полницкій А.** Сербы въ гетманщинѣ (повѣсть) 1896, 6, 307—327, 7—8, 64—94: 9, 197—228.

1547. **Ракитинъ Н.** Академическій комисаръ, 1894, 7, 79—99: 8, 207—229: 9, 354—379.

1548. **Репьяхъ Омелько.** Не судивъ Богъ-Разсказъ, 1890, 8, 282—309.

1549. **Рогова О.** Сынъ Гетмана. Историческій Романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. 1890, 2, 221—254: 3, 419—443: 4, 53—83; 5, 227—254: 6, 452—477: 7, 22—58: 8, 224—263: 9, 420—455: 10, 27—48: 11, 273—303.

1550. **Ротарь** П. Темнота. 1906, 5—6, 178—190.

1551. **Руданскій С.** Изъ неизданныхъ стихотвореній. 1883, 2, 471—473.

1552. **Руданскій** С. „Край пещеры два дубочкы", баллада. 1902, 9, 343—357.

1553. **Савченко Иванъ.** (Крестьянинъ) Дѣдушкинъ вексель (изъ дѣтскихъ воспоминаній) 1884, 5, 158—168.

1554. **Сарнецкій Николай.** Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники (переводъ съ п льскаго Н. М.). 1889, 12, 547—581.

1555. **Скольскій И. П.** Два стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1887, 12, 799—802.

1556. **Смоктій А.** Картинки народной жизни (изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству). 1883, 9—10, 199—236.

1557. **Сосновскій Мих.** Панська круча. Разсказъ. 1905, 5, 292—308.

1558. **Станиславскаго А. Г.** Стихотвореніе. 1903, 2, 76—77.

1559. **Старицкая Л.** Живая могила (Малорусская легенда) 1889, 10, 70—102.

1560. **Старицкій М. П.** Богданъ Хмельницький (историчня драма). 1897, 4, 78—123: 5, 208—289.

1561. **Старицкій М.** Передъ бурей. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. 1897, 1, 32—91: 2, 221—274; 3, 396—451: 4, 48—66: 6, 389—444: 7—8, 96—184: 9, 336—393: 10, 46—114: 11, 157—241: 12, 370—448.

1562. **Старицкій М.** Оборона Буши (драма) 1899, 3, 325—396: 4, 32—74.

1563. **Старицкій М.** Остання ничъ (драма) 1899, 10, 50—92.

1564. **Старицкій М.** Маруся Богуславка (драма) 1899, 11, 185—227: 12, 323—380.

1565. **Старыцькый М.** Лыхо (картынка зъ життя голодныхъ) 1901, 5, 301—316.

1566. **Степанецъ Богданъ.** Омелько Пацюкъ на курорти (оповідання). 1904, 1, 65—122.

1567. **Степовичъ А.** Неизданное стихотвореніе Ал. Толстого. 1899, 8, 45—45. (Ц.).

1568. **Труба Иванъ.** Буде паномъ. 1904, 12, 506—515.

1569. **Турчинскій.** Тарасъ изъ Ворохты. Изъ быта гуцуловъ (Переводъ съ польскаго К. М.) 1888, 11, 326—363, 12, 493—542.

1570. **Украинка Леся.** Прыязнь (оповидання) 1905, 10, 11—72.

1571. **Федьковичъ Осипъ**. Довбушевъ кладъ (Гуцульская легенда). 1886, 8, 739—746.

1572. **Федьковичъ Осипъ**. Надъ Днѣстромъ (разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ) 1890, 7, 105—116.

1573. **Франко Иванъ**. Батькивщина. 1904, 11, 296—335.

1574. **Хатемкинъ А**. Земській гласный, разсказъ· 1900, 12, 431—465.

1575. **Чернявскій.** Въ незнану далечинь (оповидання). 1903, 11, 431—440.

1576. **Чернявськый М**. Пидъ похылою вербою (оповидання) 1902, 9, 395—400.

1577. **Чернявськый М.** Въ затышку (разсказъ). 1902, 10, 92—99.

1578. **Чернявськый М.** Степовый сокілъ (разсказъ) 1902, 11, 223—234.

1579. **Чернявськый М**. Собака (оповидання) 1902, 12, 382—393.

1580. **Чернявськый М.** Тополи (оповидання) 1903, 7—8, 221—227.

1581. **Чернявськый М**. Uae victis (оповидання) 1905, 4, 36—89.

1582. **Чернявськый М**. Весняна повидь (повисть). 1906, 1, 73—128; 2, 153—212.

1583. **Чыгрынець В.** Злодій (повість) 1900, 5, 274—278.

1584. **Щербина В.** Два неизданныя малорусскія стихотворенія Е. П. Рудыковскаго. 1894, 7, 115—122. (Д.).

1585. **Щоголевъ**. Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. 1901, 1, 19—21. (Д.).

1586. **Ю. Т**. **„Шпыгачкы,** або по московському эпиграммы". Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 296—300. (Д.).

1587. **Яворницкій Д**. Наша доля Божья воля (повисть). 1901, 1, 81—114; 2, 234—282; 3, 426—460; 4, 50—96.

1588. **Яновская**. Доля (риздвяне оповидання). 1901, 1, 37—56.

1589. **Яновская Л**. Городянка. 1901, 7—8, 249—276; 9, 331—362; 10, 77—119; 11, 256—302: 12, 375—423.

1590. **Яновская Л**. Идеальный батько. 1900, 9, 375—403.

1591. **Яновская Л**. На зеленый Клынъ. Комедія у 5 діяхъ. 1900, 5, 191—258.

1592. **Яновська Л**. За высокымъ тыномъ (разсказъ). 1902, 11, 301—325.

1593. **Яновська Л.** Дарочка (оповідання). 1903, 2, 245—266.

1594. **Яновська Л**. На святъ вечиръ (Раздвяне оповидання) 1906, 1, 129—133.

IV. Исторія литературы.

А) МАТЕРІАЛЫ.

1595. **А. Л.** Гр. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ „Современника". 1896, 3, 94—98. (Д.).

1596. **А. Л.** Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. 1897, 2, 41—42. (Д.).

1597. **А. Л.** Богданъ Хмельницкій. Анонимная поэма 30-хъ годовъ. 1898, 11, 50—56. (Д.).

1598 **А. С.** Украинская дума въ польской литературѣ. 1899, 6, 123—125. (Д.).

1599. **Барацъ Г.** Повѣсти и сказанія древнерусской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству (два рэзсказа Кіево-Печерскаго патерика) 1906, 3—4, 399—411.

1600. **Библія** въ переводѣ П. А. Кулиша. 1901, 7—8, 23. (Д.).

1601. **Болсуновскій К.** Малороссійскія Рождественскія вирши (извѣстныя въ окрестностяхъ села Ксендзовки, Кролевец. у. Черниговь. губ., списаны со словъ А. П. Порохонской). 1889, 1, 234—236.

1602. **Б—мъ В.** Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. Костомарова и гр. Л. Толстого. 1902, 4, 1—4. (Д.).

1603. **Боржсковскій В.** Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной малороссіи. 1892, 6, 456—458. (Д.).

1604. **В. Г.** Три лекціи А. Перовскаго. 1888, 9, 76—77.

1605. **В. Н.** Сонъ, стихотвореніе Кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ. 1892, 4, 128—130. (Д.).

1606. **В. Н.** Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. 1899, 3, 6. (Д.).

1607. **Василенко** В. Изъ Полтавской рукописной библіотеки (три стихотворенія) 1900, 1, 3—9. (Д.).

1608. **Вашкевичъ Г.** Переводъ Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 г. и положенія о крестьянахъ. 1905, 2, 324—341; 3, 423—460.

1609. **Вашкевичъ Г.** Неосуществившійся журналъ Кулиша „Хата". 1898, 7—8, 5—6. (Д.).

1610. **Вирши** на Рождество Христово, 1882, 11, 398—400.

1611. **Вишенскій Іоаннъ**. Неизданныя сочиненія (приложеніе къ статьѣ Житецкаго „литерат. дѣятельность Іоанна Вишенскаго"). 1890, 6, 111—120.

1612. **Вишенскій Іоаннъ.** Сочиненіе (приложеніе къ статьѣ Мирона „Іоаннъ Вишенскій") 1889, 4, 21—63.

1613. **Владимира св.** Южно-русское житіе XVII в. (съ пред. П. В. Владимирова). 1889, 2, 11—20.

1614. „**Власть** тьмы" на малорусскомъ языкѣ. 1896, 1, 28—29. (Д.).

1615. „**Вояжъ** по Малой Россіи г генерала отъ инфантеріи Беклешова" (стихотвореніе). 1890, 3, 458—463.

1616, **Выдержки** изъ сборника Украинскаго Дѣвичьяго монастыря. 1883, 8, 760—764.

1617. **В. Я.** Вирша объ освобожденіи крестьянъ. 1893, 6, 525—528. (Д).

1618. „Gaudeamus igitur". Кіевской Академіи. 1882, 2, 431—434.

1619. **Г. Б.** Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII в. 1906, 5—6, 12—15. (Д.).

1620. **Гоголя Н. В.** предки. 1902, 1, 22—23. (Д.).

1621. **Гоголя** о предкахъ. 1902, 3, 174—176. (Д.).

1622. **Гоголя** украинофильство. 1902, 9, 115—119. (Д).

1622. **Голосъ** Малороссіи конца XVIII в. (стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ). Съ пред. А. Л. 1890, 3, 454—457.

1624. **Гринченко Б.** Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ (XIX в.) 1902, 3, 171—173. (Д.).

1625. **Гринченко Б.** Необходимое поясненіе (къ отчету о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь) 1906, 7—8, 74—78. (Д.).

1626. **Для исторіи** „Основы" (отрывокъ изъ письма М. М. Лазаревскаго, 9 янв. 1863 г.). 1901, 7—8, 12—13. (Д.).

1627. **Довгалевскаго Митрофана** интерлюдіи XVIII в. 1897, 9, 10—11. Прилож.

1628. **Дорошенко П.** Гоголя Н. В. неизданное письмо къ А. С. Данилевскому. 1902, 3, 532—536.

1629. **Дополненіе** къ Пасхальной виршѣ. 1882, 9, 567—571.

1630. **Двѣ малорусскія оды** изъ эпохи наполеоновскихъ временъ (1807—1812) (съ предисл. О. Лев—аго). 1886, 1, 187—195.

1631. **Драматическое** произведеніе XVIII в., найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. 1897, приложеніе 7—8, 9.

1632. **Егоровъ І.** Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. 1903, 6, 168—169. (Д.).

1633. **Еще** одинъ старый списокъ пасхальной вирши. 1900, 11, 76. (Д.).

1634. **Житецкій П.** Малорусскія вирши историч. содержанія. 1892, 9, 313 332.

1635. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1892. 12, 391—408.

1636. **Зуйченко П. И.** Пекельный Марко. (Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка). 1885. 8, 682—692.

1637. **Интересная** находка (открытая въ сѣв. Италіи рукопись на пергаментѣ заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX в. и церков. календарь). 1901, 1, 16, (Д.).

1638. **К—ъ И.** Политическая сатире конца XVIII в. 1890. 5, 369—373.

1639. **Каллашъ В.** Южно-русскій списокъ „Александріи" конца XVIII ст. 1887, 10, 377—379.

1640. **Клебановскій П.** Маляръ—стихотворецъ (Заборовскій) 1902, 5, 94—95. (Д.).

1641. **Костомарова** Магистерской диссертаціи объ уничтоженіи, 1903, 7—8, 25—26, (Д.).

1642. **Крымскій А.** Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. 1896, 10, 12—15. (Д.).

1643. **Кулишъ П.** Брошенный изъ-за угла камень. 1885, 9, 184·

1644. **Кудринскій Ѳ.** Сказаніе о царѣ Соломонѣ. 1897, 5, 316—338.

1645. **Л. А.** Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачного. 1891, 4, 165—157.

1646. **Л—й О.** Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни (стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.). 1887, 3, 575—579.

1647. **Л. М.** Струтинскій Фока Назарьевичъ священникъ и его полемическая замѣтка противъ „Кіевск. губернск. Вѣдомостей". 1903, 1, 5, (Д.).

1648. **Л. М.** Пѣсня дяка про свою долю. 1903, 1, 5—6. (Д.).

1649. **Лавровскій Л. Я.** Стихотворное житіе преподобн. муч. Макарія, архимандрита Овручскаго и Каневскаго игумена. 1904, 3, 413—444.

1650. **Лазаревскій А.** Образчикъ старинной малорусской эпитафіи. Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища (р. 1694 г. † 1776 г.). 1885, 5, 180—181.

1651. **Левицкій О.** Находка въ области старинной южно-русской письменности. 1886, 3, 398—601.

1652. **Левицкій О.** Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ 1710 г. 1897, 11, 33—37. (Д.).

1653. **Левитскому Н. В.** посвященное стихотвореніе. 1902, 12 214—215. (Д.).

1654. **Лобода Ѳ.** Вирша о сожженіи Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. 1886, 5, 202—205.

1655. **Лотоцкій А.** Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. 1894, 10, 145—148. (Д,).

1656. **Маленькая** замѣтка о мертвыхъ душахъ. 1903, 3, 155. (Д.).

1657. **Малорусская ода** 1807 г. 1900, 1, 10—11. (Д.).

1658. **Малорусская** историческая шарада. 1885, 3, 592—593.

1659. **Малорусская** политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла 1885, 4, 791—795.

1660. **Малорусскія** изданія 1882 г. 1883, 6, 353—366: 11, 484—493.

1661. **Марковскій М.** Южно-русскія интермедіи изъ польской драмы „Comunia duchowna. S.s. Borysa y Hleba. 1894, 7, 32—45.

1662. **Максимовича М. А.** списокъ стихотвореній. 1904, 10, 9—11. (Д.).

1663. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу объ источникахъ „Вія". 1896, 9, 45—48. (Д.).

1664. **Маркевичъ А.** Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. 1883, 6, 393—396.

1665. **Маркевичъ А.** По поводу стихотворенія, приписываемаго Руданскому. 1903, 2, 74—75. (Д.).

1666. **Максимовичъ** подъ фирмою Кулиша. 1901, 5, 73. (Д.).

1667. **Миронъ.** Червонорусскія вирши XVIII в. 1891, 9, 478—484.

1668. **Миронъ.** Громникъ южно-русскій. 1892, 3, 482—484. (Д.).

1669. **Миронъ.** Банкетъ духовный. 1392, 4, 59—70.

1670. **Миронъ.** Вирши на воскресеніе Христово. 1892, 4, 119—122. (Д.).

1671. **Миронъ.** Южно-русская пасхальная драма. 1896, 6, 380—412; 7—8, 1—29.

1672. **Мова** старшины до громады (стихи 1854 г.). 1902, 10, 15—17. (Д).

1673. **Н-п-в-да М.** крестьянинъ. На 19-е февраля 1861 г. 19 ф ма. ор. 1901 года (стихотвореніе) 1З, 9. 10, 19—20. (Д.).

1674. **Н. В.** Памятникъ украи 1884, литературы конца XVIII вѣка. 1891, 1, 154—161.

1675. **Науменко В.** Къ исторіи га-

зетно-журнальн. дѣла въ Кіевѣ. 1884, 11. 529—534.

1676. **Науменко В.** Пасхальная вирша. 1892, 4, 116—119. (Д.).

1677. **Науменко В.** Новелла Бокачіо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII стол. 1885. 6. 273—306.

1678. **Науменко В.** Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ Университета святого Владимира іюля 15 дня 1834 г. 1885, 7, 482—490.

1679. **Науменко В.** Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, 1885, 9, 175—178.

1680. **Науменко В.** Рукописный альбомъ Андрея Ищенка. 1780—82 г. г. 1889, 2, 488—495.

1681. **Науменко В.** Сатира на пановъ въ началѣ 60 годовъ. 1890, 3, 542—546.

1682. **Науменко В.** Рождественская вирша. 1896, 1, 9—11. (Д).

1683. **Науменко В.** Нѣсколько словъ объ альманахѣ. „Gwiazda" (1846—49 г. г.). 1896, 2, 61—63. (Д).

1684. **Науменко В.** Замыслъ на попа по рукописи 1798 года (стихотвореніе). 1899, 10, 3—8; 12, 128—130. (Д).

1685. **Науменко В.** Пасхальная вирша по старой записи. 1900, 10, 14—20. (Д).

1686. **Науменко В.** Тетрадки альбомы начала XIX в. 1900, 10, 10—14. (Д).

1687. **Н—ко В.** Стихи на Рождество Христово. 1891, 12, 477.

1688. **Новыя** оперы на сюжеты изъ повѣстей **Н. В.** Гоголя. 1896, 1, 28. (Д).

1689. **Н. П.** Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ" Инокентія Гизеля Кіевской печати 1669 года. 1892, 1, 148—154. (Д).

1690. **О четвероевангеліи** въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. Морачевскаго свѣдѣнія. 1902, 9, 93—99. (Д).

1691. **Образцы** старо-семинарской поэзіи (съ пред. П. Левицкаго). 1889, 11, 450—454.

1692. **О. Л.** Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. 1889, 1, 242—244.

1693. **О. Л.** Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. 1890, 3, 537—539.

1694. **О. Л.** Пасхальная вирша въ спискѣ XVIII ст. 1890, 5, 375—377.

1695. **О. Л.** Рождественская вирша въ рукописи XVII в. 1895, 1, 9—10. (Д).

1996. **О. Л.** Рекреаціонный діалогъ 1896, 5, 46—49. (Д).

1697. **О. Л.** Басня о стрекозѣ и муравьѣ въ южно-рус. редакціи 1743 г. 1902. 10, 1—4. (Д).

1698. **О. Л.** Де-що про украиньску прокламацію 1847. року. 1907, 4, 81—85.

1699. **Отрывки** изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775). съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго 1889, приложеніе, 4, 5, 6.

1700. **„Основы"** къ исторіи. 1899, 4, 1—3: 5, 73—74. (Д).

1701. **Отношенія** Тургенева къ украинской литературѣ. 1902, 4, 21—22. (Д).

1702. **П. В.** Рѣдкая книжка (слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ—**Филарета**, еп. Черниговскаго). 1902, 5, 86—88. (Д).

1703. **П. Е.** Псальма XVIII столѣтія. 1887, 8, 777.

1704. **Панегирикъ** Кочубеямъ. (I-ой половины XVIII в.). 1887, 6--7, 495—509.

1705. **Пасхальная** вирша „говоренная черноморцами его свѣтлости великому гетману князю Потемкину на Свѣтлый день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.). 1882, 4, 168—171.

1706. **Перетцъ В.** „Filar Wiary", вновь найденное сочиненіе Лазаря Барановича. 1898, 7—8, 50—74.

1707. **Перетцъ В.** Ksiega smierci, архіеп. Лазаря Барановича. 1898, 9, 225—233.

1708. **Перетцъ В.** Вирши историческія по ркп. начала XVIII в. 1899, 8, 49—56. (Д).

1709. **Петлюра С.** Вірша 1786 року на київських ченців. 1907. 9, 379—388.

1710. **Петровъ Н.** Правило увѣщательное пияницамъ къ покаянію и трезвости ихъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ, 1779 года. 1907, 3, 383—389.

1711. **Печать** на югѣ Россіи. 1889, 4, 214—215.

1712. **Плачъ** дворянина (Сатира конца XVIII в.). 1889, 10, 194—196.

1713. **Пономаревъ С. И.** Вирша на Рождество Христово. 1882, 12, 624—626.

1714. **Пономаревъ С.** Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя. 1884, 5. 143 146.

1715. **Правила** Погарскаго благороднаго собранія (рукописный памфлетъ 1817 г.). 1888, 11, 68—72.

1716. **Прокоповичъ Ѳеофанъ.** Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владимира. 1888, 7, приложеніе.

1717. **Протестъ** украинскихъ писателей 1858 г. противъ „Иллюстраціи". 1902, 2, 148—149. (Д).

1718. **Пушкина** стихотвореній малорусскіе переводы. 1899, 5, 307. (Д.).

1719. **Разговоръ** Великороссіи съ Малороссіей (литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка) (съ предисловіемъ Н. И. Петрова). 1882, 2, 313—365; 7, 137—148.

1720. **Рудневъ А.** Рождественская вирша. 1905, 1, 12—14. (Д.).

1721. **Ростовецкій Василій.** Сочиненіе „Критика Польскаго Царства". (Малорусская политическая сатира XIX вѣка). 1887, 6—7, 510—522.

1722. **Рукопись** XI вѣка. 1904, 12, 163—164. (Д.).

1723. **Сатира** на дворянскихъ депутатовъ. 1888, 1, 2, 3, 25—28.

1724. **Стороженко Н.** „Свячена вода" стих. А. И. Псіолъ. 1894, 2, 323—324. (Д.).

1725. **Селивановъ А.** Вертепъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. 1884, 3, 512—515.

1726. **Скорбь** Кіевлянъ о потерѣ магдебургскаго права (1835 г.) (современное стихотвореніе). 1882, 5, 352—357.

1727. **Сластіонъ О.** Вирши сатирическія 1786 г. 1899, 11, 69—74. (Д.).

1728. **Словарь** книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка (приложен. къ ст. П. Житецкаго „Очеркъ литературн. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в.)". 1888, 8, 9. 10, 12, приложеніе.

1729. **С. Н. И.** Вопль Мазепы. 1884, 12, 658—672.

1730. **С. Н. И.** Старинный кантъ. 1886, 8, 770.

1731. **Современные стихи** на измѣну Мазепы. 1883, 7, 596—598.

1732. **Сонъ** Пресвятой Богородицы, по списку генеральнаго войскового судьи Савы. 1887, 10, 357—360.

1733. **Справка** о сочиненіяхъ Квитки. 1893, 8, 307—308. (Д.).

1734. **Старинный сборникъ** XVII в. 1902, 2, 106—107. (Д.).

1735. **Старинное** малорусское стихотвореніе. 1889, 10, 161—172.

1736. **Ставровскій К. А.** Стихотворный памятникъ нашествія Шведовъ на Украйну. 1883, 3, 688—690.

1737. **Стороженко А.** Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. 1892, 1, 141—144. (Д.).

1738. **Судъ Божій** надъ душою грѣшника (южно-русская религіозная драма конца XVII столѣтія. Съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана). 1884, 6, 289—315.

1739. **Сумцовъ Н. Ф.** Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя „Вій". 1892 3, 472—477.

1740. **Сумцовъ Н.** Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ. 1894, 5, 195—213.

1741. **Суплика,** або замыслъ на попа. 1885, 3, 543—550.

1742. **Тарновскій Александръ.** Вертепъ въ Духовщинѣ (уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи). 1883, 3, 659—667.

1743. **Тиховскій Ю.** Слово о полку Игоревѣ. 1893. (Приложеніе) 10.

1744. **Т—овъ М.** Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в. 1883, 12, 652—664.

1745. **Тяпинскій Василій.** Предисловіе къ печатному евангелію, изданному въ западной Россіи около 1570 года (съ предисловіемъ П. Владимирова). 1889, 1, I—II. 1—9.

1746. **Целляріусъ Б.** Два типа и 2 сцены изъ минувшей жизни Южно-Русскихъ монастырей. 1883, 3, 672—680.

1747, **Цыссъ А.** Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ. 1900, 6, 143—144. (Д.).

1748. **Шрамченко А.** Сонъ Пресвятой Богородицы (по списку 18 вѣка). 1906, 9, 10—12. (Д.).

1749. **Шугуровъ Н.** Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. 1893, 2, 367—375. (Д.).

1750. **Ящуржинскій Хр.** „Письмо" Апокрифъ. 1891, 11, 300—302.

Б) СТАТЬИ.

1751. **Антоновичъ В. Б.** Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. 1900, 3, 396—423.

1752. **Багалѣй Д.** Каразинъ Назарій Алекс. и его Колоколъ, 1892, 11, 163—175.

1753. **Багалѣй.** Историческія повѣсти и статьи Квитки. 1893, 8, 215—244.

1754. **Багалѣй Д.** Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. 1894, 8, 268—276. (Д.).

1755. **Багалѣй Д. И.** Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. 1895, 2, 145—169; 6, 272—300.

1756. **Барацъ Г.** О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи, 1907, 3, 362—382: 4, 41—60: 6. 314—346.

1757. **Василенко Н.** Бодянскій І. М. и его заслуги для изученія Малороссіи. 1903, 1, 1—50: 3. 295—322: 5,

315 346; 10, 140—152: 11, 389—430; 12, 701—735.

1758. **В. Г.** (Изъ письма въ редакцію). Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева. 1888, 5, 65—66.

1759. **В. Д.** Науковий аналіз проф. Т. Флоринського. 1907, 5, 172—179.

1760. **Гавриловъ.** Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVII в. въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней франц. литературы. 1900, 4, 1—15: 5, 174—190.

1761. **Галаганъ Гр. П.** Малорусскій вертепъ (съ предисловіемъ П. И. Житецкаго) при статьѣ приложены нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика) 1882, 10, 1—38.

1762. **Галицко-русскій** „savoir vivre". 1891, 2, 281—299.

1763. **Г. В.** Юношеское письмо и портретъ Гоголя. 1890, 11, 321—332.

1764. **Г—ко В.** Одинъ изъ стихотворцевъ-обывателей начала вѣка (Горленко Иванъ Андреевичъ) 1897 3, 502—508.

1765. **Глаголь.** Памяти Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 290—293. (Д.).

1766. **Глаголь.** Макаровскій М. М. (Къ пятидесятилѣтію его сочиненій). 1893, 12, 488—495. (Д.).

1767. **Гоголь,** какъ художникъ. 1902, 6, 435—448.

1768. **Голубовскій П.** Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. 1891, 10, 58—81.

1769. **Гринченко Б.** А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель. 1903, 1, 115—136.

1770. **Гринченко Б.** Неосторожность въ важномъ дѣлѣ (объ украинской стилистикѣ). 1903, 9, 404—446.

1771. **Г. Я.** Къ исторіи галицко-русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). 1883, 8, 645—663.

1772. **Д. А.** По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго. 1896, 12, 434—440.

1773. **Даниловъ В.** Землякъ и предтеча Гоголя (Нарѣжный) 1906, 3—4, 385—398.

1774. **Даниловъ В.** Кулишъ П. А. и „Кіевская Старина" подъ ред. Ѳ. Г. Лебединцева. 1907, 7—8, 202—211.

1775. **Даниловъ В.** Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. 1907, 10, 20—43.

1776. **Дашкевичъ Н.** Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды. 1898, 9, 145—188.

1777. **Дикаревъ М.** Малорусское слово „паляниця" и греческое „pelanos". 1899, 10, 31—49.

1778. **Доманицький В.** Українська преса в 1906 р. 1907, 1, 48—65.

1779. **Доманицький В.** Українське література в 1906 році. 1907, 2, 102—127.

1780. **Дорошенко Д.** Іван Тобилевич (Карпенко-Карий). 1907, 10, 116—128.

1781. **Е. К.** Тимоѳей Бордулякъ (критич. ст.). 1903, 4, 79—96.

1782. **Ефименко П.** Образцы обличительной литературы въ Малороссіи. 1882, 3, 538—559.

1783. **Ефремовъ С.** Въ поискахъ новой красоты (замѣтки читателя). 1902, 10, 100—140; 11, 235—282; 12, 394—419.

1784. **Ефремовъ С.** Въ борьбѣ за просвѣщеніе. 1902, 2, 313—346.

1785. **Ефремовъ С.** Поэтъ гражданинъ. (Грабовскій). 1903, 2, 323—348.

1786. **Ефремовъ С.** Пѣвецъ борьбы и контрастовъ (И. Франко) 1903, 11, 284—332; 12, 625—701.

1787. **Ефремовъ С.** Торжество украинской пѣсни. 1904, 1, 141—155.

1788. **Ефремовъ С.** На мертвой точкѣ. 1904, 5, 305—338; 6, 567—596.

1789. **Ефремовъ Сергій**. Бытописатель пореформенной Украины. 1905, 1, 98—116.

1790. **Ефремовъ Сергій**. Литературный Бонавентура. 1905, 2, 302—323: 4, 90—116.

1791. **Житецкій П. И.** Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ (Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.). 1882, 11, 277—291.

1792. **Житецкій П. И.** Очеркъ литературной исторіи Малорусскаго нарѣчія въ XVII в. 1888, 1—3, 162—179; 4, 1—21; 5, 169—183; 6, 389—408. 8, 246—288; 9, 567—596; 12, 401—416.

1793. **Житецкій П. И.** Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго, 1890, 6, 494—532.

1794. **Житецкій П.** О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. 1893. 1, 23—60.

1795. **Житецкій П**. Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. 1892, 2, 189—205.

1796. **Житецкій П. И.** Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія. 1892, 4, 37—58; 5, 157—175.

1797. **Житецкій П**. Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. 1892, 10, 15—34.

1798. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1893, 1, 95—125; 2, 293—318.

1799. **Житецкій И.** Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина иа югѣ Россіи. 1899, 5, 283—306.

1800: **Житецкій И.** Украинськи оповидання А. П. Стороженка. 1905, 9, 367—382.

1801. **Ирпенскій Г.** Малороссы въ Петербургѣ. 1903, 6. 507—516.

1802. **Каллашъ Вл**. Къ исторіи малорусской литературы 20—30 годовъ XIX в. 1900, 5, 149—159; 9, 363—374; 11, 245—282.

1803. **Кириллъ и Меѳодій**—просвѣтители славянскіе. 1885, 4, I—VI.

1804. **Кевскіе** славянисты сороковыхъ годовъ. 1897, 2, 176—187.

1805. **Ковалько П.** Очерки національныхъ типовъ въ Украинской народной словесности. (Черты типа еврейскаго) 1883, 3, 667—672.

1806. **Колтоновская Е.** Современный малорусскій театръ. 1904, 10, 112—124.

1807. **Костомаровъ Н**. Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка? 1882, 8, 362—368.

1808. **Костомаровъ Н. И**. Кулишъ П А. и его послѣдняя литературная дѣятельность. 1883, 2, 221—234.

1809. **Крымскій А.** Филологія и Погодинская гипотеза. 1898, 6, 347—365; 9, 234—266; 1899, 1, 9—29; 6, 307—316; 9, 277—311.

1810. **Крымскій А.** Іоаннъ Вишенскій, его жизнь и сочиненія. 1895, 9, 211—247; 10, 1—47.

1811. **Крымскій А**. Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. 1896, 10, 65—76.

1812. **Кудринскій Ѳ.** „Stabat mater dolorosa“ въ народной поэзіи Волынской губерніи. 1893, 11, 327—332. (Д.).

1813. **Кудринскій Ѳ.** Философъ безъ

системы (опытъ характеристики Г. С. Сковороды). 1898, 1, 35—63; 2, 265—282; 3, 436—456.

1814, **Кузьмичевскій П**. Старѣйшія русскія драматическія сцены. 1885, 11, 371—407.

1815. **Кулишъ П. А**. и его сотрудничество въ „Искрѣ". 1904, 2, 239—256.

1816. **Лазаревскій А.** Прежніе изыскатели малорусской старины. 1894, 12, 349—387. (Я. М. Маркевичъ), 1895, 2, 170—186. (А. И. Мартосъ).

1817, **Лазаревскій Ал.** Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ изд. въ 1864 г. 1897, 1, 14—15. (Д.).

1818. **Лебединцева Ѳ. Г.** къ литературной дѣятельности. 1888, 4, 28—31.

1819. **Левицкій Ор.** Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст. 1896, 3, 378—398.

1820. **Леонтовичъ В.** Грыцько Грыгоренко (критич; статья). 1903, 6, 487—506.

1821. **Л. М**. Замѣчательный экземпляръ книги Митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ". 1904, 9, 275—291.

1822. **Л. О.** Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ. 1887, 12, 775—779.

1823. **Лонгиновъ.** Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія Слова о полку Игоревѣ. 1893, 11, 223—234.

1824. **Максимовичъ М.** Споръ о вѣщемъ Боянѣ. 1898, 11, 222—253.

1825. **Максимовича М. А.** отзывъ о поэмѣ Пушкина „Полтава". 1899, 5, 249—259.

1826. **Марковъ Н.** Г. Ѳ. Квитка Основьяненко. Историко-литературный очеркъ. 1883, 6, 193—211.

1827. **Матушевскій Ф.** Жертвы переходной эпохи (А. Свыдныцькый „Люборацьки"), 1902, 7—8, 193—226.

1828. **Милорадовичъ В.** Этногр. элементъ въ повѣсти Гоголя „Заколдованное мѣсто" 1897, 9, 55—60. (Д).

1829. **Мировець В.** Життя і твори Віктора Забіли (співець власного горя). 1906, 5—6, 88—177.

1830. **Миронъ.** Іоаннъ Вишенскій. (Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности). 1889, 4, 141—151.

1831. **Миронъ**. Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. 1891, 11, 267—275.

1832. **Миронъ**. Къ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній. 1894, 12, 425—444.

1833. **Михайлогорскій**. Не лишнее слово о виршахъ. 1888, 4, 100—108.

1834. **Михальчукъ К**. Филологическое недоразумѣніе (о формѣ им. п. мн. ч. прилагат. въ малорус. яз. на ое и т. п.). 1896, 4, 102—125.

1835. **Михальчукъ К**. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? 1899, 8, 135—195; 9, 111—112.

1836. **Науменко В.** Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ. 1883, 6, 212—232.

1837. **Науменко В**. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. 1888, 1—3, 271—282.

1838. **Науменко.** Квитка-Основьяненко. 1893, 8, 155—189.

1839. **Науменко**. Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики, 1893, 8, 245—268.

1840. **Науменко В.** Ученическое со

чиненіе Н. В. Гоголя. 1894, 1, 127—128. (Д.).

1841. **Науменко В.** Еще объ ученическомъ сочиненіи Н. В. Гоголя. 1894, 2, 341—342. (Д.).

1842. **Науменко В.** Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ дружинной поэзіи древней Руси. 1895, 12, 259—270.

1843. **Науменко В.** Подведемъ итоги! (къ вопросу о литерат. языкѣ въ Галиціи). 1899, 8, 265—276.

1844. **Науменко В.** Рѣшенъ ли проф. Т. Ц. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской вѣчи? 1900, 1, 125—155.

1845. **Науменко В.** Морачевскій Ф. С. и его литературная дѣятельность, 1902, 11, 171—186; 12, 459—479.

1846. **Нечуй-Левицький** І. Сьогочасна часописна мова на Украіні. 1907, 1, 1—49; 2, 183—237; 3, 280—331.

1847. **Н. Ѳ.** С. Поэзія Н. Ѳ. Чернявскаго. 1904, 1, 123—134.

1848. **Н. Ш.** Туманскій и Мицкевичъ. 1899, 3, 297—302.

1849. **Овсянико-Куликовскій.** Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель. 1893, 7, 30—46; 8, 269—289; 9, 342—363.

1850. **Отчетъ** о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшіи малорусскій словарь. 1906, 5—6, 191—230.

1851. **Пачовський М.** Літературна мова на Украіні. 1907, 4, 61—73.

1852. **Петровъ Н.** Старинный южно русскій театръ и въ частности вертепъ. 1882. 12, 438—480.

1853. **П. С.** Кіевская поэзія 50 лѣтъ назадъ. 1891, 12, 478—479.

1854. **П. С.** Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ. 1886, 4, 809—814.

1855. **П—ський Л.** Украінський театр в 1906 р. 1907, 1, 66—71.

1856. **Пчилка О.** Стороженко Николай Ильичъ на родинѣ. 1902, 1, 168—179.

1857. **Пчилка О.** Украинскія колядки. 1903, 1, 152—175; 4, 132—160; 5, 192—230; 6, 347—394.

1858. **Равита Ф.** Ѳома Падура (критическій очеркъ). 1889, 9, 727—751.

1859. **Ротаръ Ив.** Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в. 1900, 10, 1—38; 11, 189—217; 12, 347—400.

1860. **С—ко.** Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. 1886, 5, 1—25; 8, 639—692; 10, 299—329; 11, 445—471.

1861. **С—ко. А. В.** Леонардъ Совинскій (опытъ посмертной характеристики). 1888, 6, 284—312.

1862. **С. Р.** Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія. 1892. 8, 168—198.

1863. **Срезневскій Вс.** Украинскій альманахъ. 1893, 1, 20—33.

1864. **Старицкая-Черняховская.** М. М. Коцюбинскій (опытъ критическаго очерка) 1906, 9, 83—123; 10, 269—330.

1865. **Старицька-Черняхівська Л.** Двадцять пьять років украінського театру. 1907, 10, 44—95; 11—12, 280—346.

1866. **Степовичъ А.** Къ вопросу о происхожденіи думъ. 1893, 1, 105—109.

1867. **Стешенко І.** Історія украінськоі драми. 1907, 1, 56—80; 2, 147—182; 3, 332—361; 4, 14—40; 5, 152—171; 6, 269—285; 7—8, 101—143; 9, 311—339; 10, 1—9; 11—12, 369—435.

1868. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоанникій Голятовскій (къ исторіи южно-русской

литературы XVII в.). 1884, 1, 1—20; 2, 183—204, 3, 371—390; 4, 565—688,

1869. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. 1884, 6, 201—209.

18⁷⁰. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Иннокентій Гизель. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). 1884, 10, 183—226.

1871. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. 1885, 1, 1—18.

1872. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоаннъ Вишенскій (южно русскій полемистъ начала XVII ст.) 1885, 4, 649—677.

1873. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Очеркъ исторіи апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. 1887, 6—7, 215—268; 9, 1—54; 11, 401—455,

1874. **Сумцовъ.** Квитка, какъ этнографъ. 1893, 8, 190—214.

1875. **Сумцовъ Н. Ф.** Нѣкоторыя черты сходства „Слова о Полку Игоревомъ" съ южно-славянскими старинными пѣснями. 1893, 7, 74—89.

1876. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ (посвящается памяти Ѳеофана Гавриловича Лебединцева). 1894, 1, 1—20.

1877. **Сумцовъ Н.** Дополненіе къ статьѣ о думѣ про Алексѣя Поповича. 1894, 2, 324—326. (Д).

1878. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и объ отраженіи въ раскольнической литературѣ масонства. 1895, 12, 367—379.

1879. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Напрасная тревога. 1904, 10, 148—154.

1880. **Сумцовъ М.** Історічні зразки украïньского літературного еднання.

1881. **Твердохлѣбовъ А.** Къ литературной исторіи разсказа „Вусы". 1890, 10, 148—151.

1882. **Тиховскій Ю.** Такъ называемая „краткая Кіевская лѣтопись". 1893, 9, 364—474.

1883. **Тиховскій Ю.** Прозой или стихами написано „Слово о Полку Игоревомъ"? 1893, 10, 29—54.

1884. **Тиховскій Ю.** Имя автора „Героическихъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ". 1893, 6, 517—518. (Д).

1885. **Ткаченко-Петренко Е.** Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. 1907, 7—8, 144—185.

1886. **Успенскій Ѳ. М.** На память тысячелѣтія годовщины славянскихъ просвѣтителей (рѣчь) 1885, 5, 107—126.

1887. **Франко Ів.** Откровеніе св. Степана (студія над одним мало відомим апокрифом). 1906, 7—8, 377—405.

1888. **Ф. Іван.** Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотській. 1907, 1, 50—55.

1889. **Харламповичъ К.** Новая библіографическая находка. Статья кн. А. М. Курбскаго „о силогизме" 1900, 7—8, 211—214.

1890. **Черепинъ В.** Д. В. Марковичъ (критич. статья). 1903, 3, 439—461.

1891. **Шенрокъ В.** Къ исторіи текста „Мертвыхъ душъ". 1902, 7—8, 95—110.

1892. **Штепенко В.** Нѣсколько словъ о колядкахъ. 1894, 9, 446—448. (Д).

1893. **Шугуровъ Н.** Квитка Илья Ивановичъ, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія, 1890, 3, 444—453.

1894. **Юбилейное** чествованіе памяти Гр. Сав. Сковороды въ Харьковѣ. 1894. 12, 461—474.

1895. **Ю. Т.** Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы, до появленія „малороссійскихъ повѣстей" Гр. Квитки въ Россіи и „Русалки Днѣстровой" изд. М. Шашкевичъ въ Австріи. 1893, 8, 293—296. (Д).

1896. **Янчукъ Н.** Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. 1888, 10, 1—20.

1897. **Я. В.** Къ 300—лѣтнему юбилею Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа. 1883, 12, 693—696.

1898. **Ящуржинскій Хр.** Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма. 1896, 11, 234—273.

В) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О И. П. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

1899. **Боцяновскій Вл.** Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривныкъ". 1894, 10, 151—154. (Д.).

1900. **Бучневичъ В. Е.** Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ. 1884, 10, 352—353.

1901. **Бучневичъ В. Е.** Памятникъ Котляревскаго. въ Полтавѣ. 1889, 8, 550.

1902. **Василенко Н.** Къ біографіи Котляревскаго 1902, 4, 1—5.

1903. **Вергиліева** Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ. 1898 (приложеніе) 9. 10. 11. 12.

1904. **Гаврышъ В.** Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. 1897, 3, 76—77. (Д.).

1905. **Горленко В.** Изъ бумагъ Котляревскаго (письма къ нему) 1883, 5, 146—154.

1906. **Гринченко Б.** Измѣненія текста „Энеиды" И. П. Котляревскаго. 1897, 3, 74—76. (Д).

1907. **Дашкевичъ Н.** Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ" 1893, 12, 451—481.

1908. **Два** письма о Котляревскомъ. 1898, 7—8, 1—3. (Д.).

1909. **Два** неизвѣстныхъ письма И. П. Котляревскаго. 1900, 9, 93—95. (Д.).

1910. **Дмитріевъ Н.** Къ исторіи открытія памятника Котляревскому въ городѣ Полтавѣ. 1903, 10, 153—167.

1911. **Доманицкій В.** Ода Сафо в перекладі Котляревського І. 1907, 7—8, 234—236.

1912. **Домикъ** Котляревскаго въ Полтавѣ (рисунокъ) 1898, 7—8. Статьи къ рисунку тамъ же (VII—XI и 152—154).

1913. **Ефремовъ С.** Праздникъ украинской интеллигенціи. 1903, 10, 168—202.

1914. **Житецкій П.** Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея. 1899, 10, 1—30; 11, 127—166; 12, 277—300; 1900, 1, 16—45; 2, 163—191; 3, 312—336.

1915. **Котляревскій.** Энеида его соч. на малор. языкѣ, по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ Парпуры 1797 г. и Котляревскаго 1809 г. 1900, приложеніе 1. 2, 3, 4.

1916. **Котляревскій И. П.** Записка его о первыхъ дѣйствіяхъ въ Турецкую войну 1806 г. съ предисл. Вс. Срезневскаго. 1900, 12, 333—346.

1917. **Къ** біографіи Котляревскаго. 1903, 10, 1—2. (Д.).

1918. **Л. П.** Нѣсколько словъ о п...

мятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ. 1903, 3, 139—141. (Д.).

1919. **Малинка А.** Къ вопросу объ источникѣ „Москаля-Чаривныка" Котляревскаго. 1903, 7—8, 1—4. (Д.).

1920. **Музей** имени Котляревскаго вь Полтавѣ. 1905, 2, 147—148. (Д.).

1921. **Науменко В П.** Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Котляревскаго. 1888, 11, 374—394.

1922. **Павловскій И. Ф.** Котляревскій въ роли церемоніймейстера. 1903, 3, 139. (Д.).

1923. **Павловскій И. Ф.** Участіе Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 г. 1905, 6, 309—320.

1924, **Павловскій И. Ф.** Къ біографіи Котляревскаго. 1905, 10, 1—10.

1925. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1905, 11—12, 65—66. (Д.).

1926. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1906, 7—8, 78—79. (Д.).

1927. **Перетцъ В.** Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ". 1894, 3, 549—551. (Д).

1928. **П—ко В.** И. П. Котляревскій ученикъ Екатеринославской семинаріи. 1905, 7—8, 46—47. (Д.).

1929. **По** поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго. 1896, 3, 103—106. (Д.).

1930. **Р.** Остатки домика Котляревскаго въ Полтавѣ. 1891, 6, 485—486.

1931. **Русовъ Александръ.** Какая роль „вознаго„ въ „Наталкѣ-Полтавкѣ". 1904, 1, 41—64.

1932. **Сластіоновъ А.** Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. 1905, 10, 43—47. (Д.).

1933. **Состояніе** могилы И. П. Котляревскаго. 1900, 10, 25. (Д.).

1934. **Срезневскій Вс.** Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ. 1899, 1, 1—8.

1935. **Срезневскій В.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго (съ письмомъ его). 1905, 6, 239—242. (Д.).

1936. **Стешенко И.** Котляревскій И. П. и Осиповъ въ ихъ взаимоотношеніи. 1898, 7—8, 1—82.

1937. **Стешенко И.** Котляревскій И. П въ свѣтѣ критики. 1898, 7—8, 83—151; 9, 267—316; 10, 1—32.

1938. **Стешенко И.** Древнѣйшій списокъ (1820) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго 1901, 4, 1—9. (Д.).

1939. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ предстоящему юбилею „Энеиды" И. П. Котляревскаго. 1897, 1, 7—10. (Д.).

Г) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

1940. **Автобіографія** Т. Г. Шевченка, писанная для „Народнаго Чтенія" (съ краткимъ предислов. П. Кулиша). 1885, 11, 431—435.

1941. **Автографы** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 157. (Д).

1942. **А. Г.** Маленькое поясненіе къ „Кобзарю" Т. Г. Шевченка. 1887, 3, 583—585.

1943. **А. Л.** Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. 1891, 2, 334—335.

1944. **А. Л.** Новопетровское укрѣпленіе (къ рисунку Т. Г, Шевченка). 1899, 2, 291—295.

1945. **Андруши** село. Рисунокъ Т. Г. Шевченка. 1890, 6, (тамъ же статья, 554—557).

1946. **А. Р.** Къ поправкамъ текста „Кобзаря" Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д).

1947. **Бабичъ А**. Загадочный портретъ Шевченка 1887, 6—7, 577.

1948. **Беренштамъ В**. Т. Г. Шевченко и простолюдины его знакомцы 1900, 2, 248—260.

1949. **Б. Н.** Субботовская церковь. (Къ рисунку Т. Г. Шевченка) 1890, 9, 506—508.

1950. **Борьба** изъ-за Шевченка. 1900 1, 24. (Д).

1951. **Билыкъ И.** Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка. 1886, 4, 708—728.

1952. **Бѣлозерскаго В. М.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1905, 2, 139—140. (Д).

1953. **Бѣлозерскій Н.** Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г. г.). 1882, 10, 66—77;

1954. **Бѣляшевскій Н.** Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ. 1894, 2, 165—181.

1955. **Бюстъ** Т. Г. Шевченка. 1900, 12, 156. (Д).

1956. **Васильевъ М.** Народная пѣсня о Шевченкѣ. 1885, 9, 187—188.

1957. **Васильевъ М. К.** Т. Шевченко въ легендѣ. 1900, 6, 141—143. (Д).

1958. **Васильевъ Н.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1896, 2, 129—151.

1959. **В. Г.** Картины, рисунки и офорты Шевченка 1888, 6, 80—85.

1960. **В. Д.** Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. 1901, 2, 65—68. (Д).

1961. **Вещи,** принадлежащія Шевченку. 1900, 1, 23—24. (Д).

1962. **Видъ** Почаевской Лавры. Рисунокъ и автографъ Шевченка. 1897, 2. (о рисункѣ статья тамъ-же, 347—350).

1963. **В. Н.** Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку (1858—1859) 1901, 2, 283—300. (Поправка къ этой статьѣ 1901. 3, 157, (Д).

1964. **В. Н.** Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. 1902, 2, 73—77. (Д).

1965. **В. Н.** Три письма Шевченка къ А. И. Лизогубу. 1903, 2, 63—68. (Д).

1966. **Воспоминанія** современника Т. Г. Шевченка 1900, 12, 154 (Д).

1967. **Время** написанія Шевченкомъ картины „Катерына". 1896, 4, 1—2. (Д).

1968. **Герна К. И.** Письма къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ. 1899, 2, 67—73. (Д).

1969. **Г-ко В.** Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ Полтавскомъ земскомъ собраніи. 1883, 1, 218—220.

1970. **Г-ко В.** Иллюстраціи Шевченка. 1888, 1—3, 8—11.

1971. **Горленко В.** Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго 1886, 2, 402—409.

1972. **Гробъ** Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ у Христо-Рождественской церкви 7 мая 1861 года (Рисунокъ) 1894, 2, 165. (тамъ-же статья, 314—317).

1973. **Густынскій** монастырь. (Три рисунка Шевченка), Чигиринъ съ суботовскаго шляху (рисунки и статья) 1890, 2, 356—358.

1974. **Даниловъ В.** „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. 1907, 5. 180—188.

1975. **Даценко Г.** Нѣсколько словъ о Т. Г. Шевченкѣ. 1893. 2, 257—261

1976. **Два** письма Шевченка (1840—1847) 1891, 2, 209—214.

1977. **Доманицкій.** Письмо В. В.

Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. 1901, 2, 72. (Д).

1978. **Доманицкій** В. Какъ читается Шевченко. 1904, 7—8, 18—19. (Д).

1979. **Доманицкій** В. До бібліографіи литератури про Т. Шевченка 1906, 9, 5—10. (Д/.

1980. **Доманицкій В.** Критичний розслід над текстом „Кобзаря" Шевченка 1906, 9, 21—82; 10, 198—268, 11—12, 331—564.

1981. **Допросъ** Т. Г. Шевченка въ 1847 г. (изъ рукоп. замѣтокъ Н. А. Ригельмана). 1902, 2, 181—187.

1982 **Д—ръ Г.** Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. 1898, 4, 7—9. (Д).

1983. **Дѣло** 1857 г. о Шевченкѣ. 1902, 2, 146—147. (Д).

1984. **Еще** строки Шевченка. 1902, 2, 73. (Д).

1985. **Забіла Я**. Шевченка автографи и нові твори, знайдені в' архиві Департамента Поліціі 1907, 7—8. 1—19.

1986. **Зарянко Н.** Воспоминанія Н. И. Усковой о Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. 1889, 2, 297—313.

1987. **Изъ** воспоминаній Т. Г. Шевченка (запись Г. Н. Честаховскаго). 1895. 2, 139—141.

1988. **И-й**. Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1890, 2, 334—337.

1989. **И. Н.** Исключеніе Т. Г. Шевченка за его самовольную отлучку. 1882, 3, 608—609.

1990. **Каминскій Ѳ**. Еще щепотка на могилу Шевченка. 1885, 3, 519—530.

1991. **Карташевскій В. Я**. Изъ воспоминаній о Т. Шевченкѣ. 1900, 2, 61—63. (Д).

1992. **Катерина.** Рисунокъ Т. Шевченка. 1896, 2. (къ рисунку—тамъ же статья, 79. (Д).

1993. **Кибальчичъ Н. М.** Коротенькое воспоминаніе о Шевченкѣ. 1887, 3, 585—586.

1994. **Кибальчичъ Над. М**. Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ (изъ разсказовъ моей матери). 1890, 2, 175—184.

1995. **Комаровъ М**. Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка. 1886, 3, 570—571, 4, 778—786.

1996. **Комаровъ М.** По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Г. Шевченка. 1889, 5—6, 618—621.

1997. „**Комора** въ Потокахъ" (рисунокъ Шевченка и статья). 1891, 12, 507—508.

1998. **Косаревъ Е**. Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти. 1893, 2, 243—257.

1999. **Кр—ський М.** „Марія" Т. Шевченка (Аналітична проба). 1907, 4, 1,—13.

2000. **Крымскій А.** Шевченко въ народныхъ разсказахъ. 1896, 2, 51—52. (Д).

2001. **Къ біографіи** Т. Г. Шевченка. 1885, 2, 333—338.

2002. **Къ исторіи** послѣдней любви Т. Г. Шевченка. 1899, 10, 25—26. (Д).

2003. **Къ помѣщаемымъ** двумъ рисункамъ Т. Шевченка. 1892, 2, 323—324. (Д).

2004. **Лазаревскаго Ѳ. М**. Изъ воспоминаній о Шевченкѣ. 1899, 2, 151—167; 4, 1—7.

2005. **Л—ъ**. П. Нѣкоторыя допол-

ненія и поправки къ біографіи Т. Шевченка. 1882, 9. 560—567.

2006. **Лебединцева Ѳ. Г.** Два письма къ Т. Шевченку, 1898, 11, 45— . (Д).

2007. **Левицкій О.** Археологическія экурсіи Т. Г. Шевченка (въ 1845—46 г.). 1894, 2, 231—244.

2008. **Лобода Ѳ.** Знакомство мое съ Т. Г. Шевченкомъ и мои о немъ воспоминанія. 1887, 11 563—577.

2009. **Любов Ів.** Автографи Шевченка в Московському Румянцевскому Музеі. 1907, 2, 137—146.

2010. **Марневичъ Ал.** Письмо въ редакцію. Стихотвореніе „Хома та Ерема" (продиктованное автору Шевченкомъ). 1895, 2, 48—49 (по поводу о стихотворенія. 1895, 3, 100—101).

2011. **Матушевскій Ф.** Посѣтители могилы Т. Г. Шевченко. 1903, 2, 267—294.

2012. **Мацѣевичъ Левъ.** Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. 1891, 2, 315—316.

2013. **Мацѣевичъ Л.** Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка. 1895, 2, 43—48. (Д).

2014. **Мелочи** изъ жизни Шевченка. 1897, 2, 31—35. (Д).

2015. **Мердеръ А.** Шевченко и Буяльскій домагаются вакансіи учителя рисованія въ Кіевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго. 1901, 6, 139—140. (Д).

2016. **Михайловская** и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтав. губ. (2 рисунка Т. Г. Шевченка и статья А. Стороженка). 1891, 2, 337—351.

2017. **Могила** Т. Г. Шевченка (рисунокъ) 1898, 2.

2018. **Народная** пѣснь о Шевченкѣ. 1901, 5, 81—82. (Д).

2019. **Науменко В.** Къ вопросу о научномъ изданіи. „Кобзаря" Шевченка. 1899, 2, 314—319. (Д).

2020. **Науменко В.** О приписанномъ Шевченку стихотв. „Славянамъ". 1899, 7, 1—3. (Д).

2021. **Науменко В.** Приведеніе въ порядокъ могилы Т. Г. Шевченка. 1906, 9, 17—20. (Д).

2022. **Н. Н. Д.** На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. Изъ путевой книжки. (Бесѣда автора о Шевченкѣ). 1889. 3, 561—581.

2023. **Н. Н. Д.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1889. 3, 730—733. см. также замѣтку А. С. Л. 1889, 4, 190—193.

2024. **Невѣста** Т. Г. Шевченка. 1904, 6, 121—122. (Д.).

2025. **Невѣста** Т. Г. Шевченка (письмо А. Кулишъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей"). 1904, 7—8, 24. (Д.).

2026. **Неизвѣстный** портретъ Т. Г. Шевченка. 1901, 4, 27. (Д.).

2027. **Н—ко В.** Письмо И. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. 1892, 2, 319—320. (Д.).

2028. **Н—ко В.** Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. 1892, 2, 320—321. (Д.).

2029. **Н. М.** Арестъ Т. Г. Шевченка въ 1859 г. 1899, 2, 143—150.

2030. **Новопетровское** укрѣпленіе съ хивинской дороги (рисунокъ Т. Шевченка). 1899, 2 (тамъ же статья къ рисунку, 291—295).

2031. **Новый** фотографическій пор-

третъ Т. Г. Шевченка. 1900, 9, 98. (Д.).

2032. **Н. Ш.** По поводу одного стихотворенія Т. Шевченка. 1893, 8, 300—303. (Д.).

2033. **Н. Ш.** Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Шевченка и о первомъ посмертномъ изданіи его сочинеиій. 1899, 2, 168—184.

2034. **Н. Ш.** Изъ воспоминаній. М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. 1899, 6, 433—439.

2035. **Нѣсколько** новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. 1893. 2, 240—273.

2036. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1900, 2, 157—162.

2037. **О** памятникѣ Шевченку. 1898, 2, 41—42. (Д.).

2038. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на сербскій языкъ. 1899, 7, 30—31. (Д.).

2039. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ. 1899, 2, 90—91. (Д.).

2040. **Письмо** Шевченка къ Дубельту. 1902, 4, 61. (Д.).

2041. **Піуновой** (Шмидгофъ) Е. Б. воспоминанія о Шевченкѣ. 1892, 2, 321—323. (Д.).

2042. **Племянникъ** Т. Шевченка. 1901, 1, 16—17. (Д.).

2043, **Полное** изданіе „Кобзаря" Т. Г. Шевченка. 1906, 2, 21. (Д.).

2044. **Поминки** по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 г. 1896, 2, 52, (Д).

2045. **Поминки** по Шевченкѣ, Костомаровѣ и Кулишѣ въ Петербургѣ. 1897, 4, 15—17. (Д.).

2046. **Пономаревъ С.** Восемь писемъ Шевченка. 1883, 2, 401—408.

2047. **Пономаревъ С.** Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку. 1884, 4, 644—648.

2048. **По** поводу одной записки Шевченка. 1903, 2, 68. (Д.).

2049. **Портретъ** Шевченка, писан. Рѣпинымъ. 1893, 2.

2050. **Разсказъ** Орскихъ старожиловъ о Шевченкѣ. 1895, 11, 60—61. (Д.).

2051. **Рисунки**. Шевченка (статья). 1889, 10, 184—185.

2052. **Рклицкій С.** Три дѣла о рядовомъ линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасѣ Шевченкѣ. 1905, 2, 201—208.

2053. **Родственникъ** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 164. (Д.).

2054. **Родственники** Т. Г. Шевченка, 1901, 3, 160. (Д); 4, 27—28 (Д); 1904, 10. 24—27. (Д).

2055. **Русовъ А.** Коллекція рисунковъ Т. Г. Шевченка (статья). 1894, 2, 183—191.

2056. **Русов О.** Спомини про пражське видання „Кобзаря". 1907, 2, 125—136.

2057. **Свѣдѣнія** о неизвѣстныхъ будто бы произведеніяхъ Шевченка. 1899, 3, 133—135. (Д.).

2058. **С. Е.** Новый автографъ Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д.).

2059. **С—ко.** Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка. 1885, 12, 718—720.

2060. **Сластіонъ О.** Къ Шевченковской коллекціи. 1899, 9. 99—102 (Д).

2061. **Смоктій А.** Взгляды народа на Т. Шевченка. 1882, 8, 371—373.

2062. **Смоктій А.** Воспоминаніе о Шевченкѣ. 1883, 9—10, 320—322.

2063. **Союзъ** имени Шевченка. 1905, 11—12, 91—93. (Д.).

2064. **Стороженко А.** Михайловская

и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтавской губ. (къ рис. Шевченка). 1891, 2, 337—351.

2065. **Стороженко Н. И.** Первые четыре года ссылки Т. Шевченка. 1888, 10, 1—21.

2066. **Стороженко Н.** Новые матеріалы для біографіи Шевченка. 1893, 3, 460—469; 1896, 3, 421—435; 1900, 9, 297—326.

2067. **Стороженко Н.** О стих; „Славянамъ", приписываемомъ Шевченку. 1899. 12, 123—125. (Д.).

2068. **Суботовская** церковь (рисунокъ Шевченка и статья). 1890, 9, 506—508.

2069. **Судьба** родственниковъ Т. Г. Шевченка. 1901, 5, 94—95. (Д.).

2070. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка. 1898, 2, 210—228.

2071. **Сухановъ-Подколзинъ Б.** Воспоминанія о Шевченкѣ его случайнаго ученика. 1885, 2, 229—240.

2072. **Тально-Грынцевичъ** Ю. Д. Поѣздка въ Кириловку. Замѣтка къ біографіи Шевченка. 1889, 9, 758—763.

2073. **Т—овъ М.** Письма Шевченка къ Бр. Залесскому (1853—1857). 1883, 1, 161—176; 3, 611—622; 4, 853—866.

2074. **Три** картины Т. Г. Шевченка (Черниговскій музей). 1901, 9, 99—100. (Д.).

2075. **Три** письма Т. Г. Шевченка, 1894, 2, 320—323. (Д.).

2076. **Т—скій М.** Т. Шевченко и замѣщеніе кафедры живописи въ Кіевскомъ университетѣ. 1907, 2, 250—253.

2077. **Хата** Т. Г. Шевченка въ с. Кириловкѣ (рисунокъ) 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, Д).

2078. **Чалый М.** Посѣщеніе Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. 1889. 2, 459—464.

2079. **Чалый М.** Изъ переписки Т. Г. Шевченко съ разными лицами (съ примѣчаніями М. К. Чалаго). 1897, 5, 151—175: 3, 452—475.

2080. **Часы** Т. Г. Шевченка. 1899. 7, 11—12. (Д).

2081, **Честаховскаго** письма, писанныя въ 1861 году о похоронахъ поэта Шевченка 1898, 2, 167—193.

2082. **Честаховскаго Н. Г.** изъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ. 1895, 2, 142—144.

2083. **Шевченка В. Г.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1904, 2, 61—63, (Д).

2084. **Шевченка Т. Г.** письмо къ В. И. Григоровичу. 1899, 10, 9—11. (Д).

2085. **Шевченко Т. Г.** по воспоминаніямъ полковника Косырева. 1898, 2, 36—41. (Д).

2086. **Шевченка** неизданное стихотвореніе „Славянамъ", съ предислов, Стороженка. 1897, 10, 1—5.

2087. **Шевченка Т.** письмо къ брату Никитѣ. 1905, 6, 237—239. (Д).

2088. **Шевченка** письма къ кн. В. Н. Репниной. 1893, 2. 261—273.

2089. **Шевченка Т. Г.** портретъ 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, (Д).

2090. **Шевченко** въ Академіи Художествъ. 1892, 7, 119—120 (Д).

2091. **Шевченко** на эстрадѣ 1901, 9. 96, (Д).

2092. **Шевченко** на языкѣ будущаго (эсперанто). 1900, 10, 28. (Д).

2093. **Шевченко Т. Г.** Художникъ (автобіографическ, повѣсть) 1887, 1, 1—35: 2, 193—236; 3. 385—411.

2094. **Шевченко Т. Г.** Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали (подпись „Дармограй") 1887. 6—7, 269—334 8, 589—626; 9, 55—89.

2095. **Шевченко Т. Г.** Никита Гайдай (отрывокъ изъ драмы). 1887, 10, 277—288.

2096. **Шевченко Т. Г.** Музыкантъ (повѣсть) **1887,** 12, 627—695.

2097. **Шевченко Т. Г.** Капитанша 1887, 4, 589—620: 5, 1—25.

2098. **Шевченко Т. Г.** Безталанный (поэма) 1887, 11, 456—470.

2099. **Шевченко Т. Г.** Слѣпая, 1886, 6, 307—338.

2100, **Шевченко Т. Г.** Наймычка 1886, 8, 577—612; 9, 1—36.

2101. **Шевченко Т. Г.** Варнакъ. 1886, 4, 410—442.

2102. **Шевченко Т. Г.** Близнецы. 1886, 10, 199—251. 11, 409—444 12, 589—626.

2103. **Шевченко Т. Г.** Княгиня (разсказъ 1853 г.) 1884, 3, 391—422.

2104. **Шугуровъ Н.** О рисункахъ Т. Г. Шевченка, исполненныхъ по порученію Кіевской Археографической Комиссіи, въ волынской губ. 1894, 2, 318—319 (Д).

2105. **Эпизодъ** изъ авторско-издательской дѣятельности Шевченка 1884, 12, 743—744.

2106. **Эпизодъ** на могилѣ Т. Шевченка 1896, 2, 230—241,

2107. **Ярцевъ А.** Шевченко и Щепкинъ. 1898. 2, 194—209.

V. Географія и этнографія.

2108. **А. А.** Оригинальное вѣнчаніе 1766 г. 1893, 12, 502—504. (Д).

2109. **Абрамовъ И.** О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. 1906, 1, 5—11. (Д).

2110. **Авенаріусъ Н.** Замѣтка къ статьѣ „О шелудивомъ Бунякѣ", 1887, 11, 584.

2111, **А. К.** Свадебныя пѣсни, записанныя въ подольской губерніи. 1897, 3, 375—395.

2112. **А. Л.** Конотопская старина по устному преданію. 1901, 1, 1—3. (Д).

2113. **А. Л.** Пригласительныя старинныя на свадьбу письма (1729—1735 г. г.). 1899, 6, 133—135. (Д).

2114. **А. Л.** Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. 1891, 12, 482—484.

2115. **А. М.** Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. 1905, 10, 9—12. (Д).

2116. **А. М.** Пѣсня на освобожденіе отъ панщины въ 1861 году. 1905, 9, 110—112. (Д).

2117. **Андріевскій А.** Письмо къ тремъ діаволамъ. 1884, 6, 340—342.

2118. **Андріевскій М.** Перепетовское поле (разысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты.) 1882, 9, 436—356.

2119. **Андріевскій М.** Лѣтописный Юрьевъ на Руси (топографическое разысканіе, съ приложеніемъ карты). 1883, 9—10, 1—38.

2120. **А. Т.** Забытый уголокъ Приворсклія. 1892, 3, 494—496. (Д).

2121. **Аѳанасьевъ. Г.** Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы. 1898, 4, 10—12. (Д).

2122. **Бакай Н.** Городничій и св. пятница (къ исторіи народныхъ суевѣрій). 1885, 12, 744—747.

2123. **Барсовъ Н. И.** Три малорусскія пѣсни изъ періода Крымской кампаніи. 1885, 4, 795—798.

2224. **Ба—скій.** Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи. 1882, 6, 554—555.

2125. **Ба—скій Г.** Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила. 1882, 6, 555—556.

2126. **Б. Н.** Медико-топографическая и этнографическая работы д—ра Дела—Флиза. 1889, 7, 256—268.

2127. **Боржковскій Валеріанъ.** „Парубоцтво", какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ. 1887, 8, 765—776.

2128. **Боржковскій Валеріанъ** Лирники. 1889, 9, 653—708.

2129. **Боржковскій В.** Цѣлебный источникъ 1792. 4, 123—125. (Д).

2130. **Брайловскій С.** Малорусская

похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. 1885, 9, 73—84.

2131. **Б—скій И. Ф.** Преданія о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго уѣзда). 1891, 8, 316—317.

2132. **Бурачковъ Пл.** Замѣтка по исторической географіи южно-русскихъ степей. 1886, 4, 659—683.

2133. **Быстровъ Б.** Къ южно-русскимъ пѣснямъ (матерьялы по этнографіи южнорусовъ). 1895, 2, 234—256.

2134. **Бытовая** малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст. 1887, 10, 336—356.

2135. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры. 1892, 5, 105—111.

2136. **Бѣляшевскій Н.** Этнографическій музей въ Варшавѣ. 1897, 7—8, 1—7. (Д.).

2137. **Бѣньковскій И.** Рождественскія святки на Волыни. 1889, 1, 236—242.

2138. **Бѣньковскій И.** Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. 1890, 8, 324—326.

2139. **Бѣньковскій Ив.** Разсказъ о вовкулакахъ, 1894. 12, 495—497. (Д).

2140. **Бѣньковскій Ив.** Разбойникъ Добрушъ (изъ народныхъ устъ). 1895, 5, 8—12. (Д).

2141. **Бѣньковскій И.** Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ „Великодню" 1895, 5, 70—76.

2142. **Бѣньковскій И.** Народные обычаи пріуроченные къ Спасу. 1895, 7—8, 9—14. (Д).

2143. **Бѣньковскій И.** Дѣвичій праздникъ св. Андрея. 1895, 12, 100—103. (Д).

2144. **Бѣньковскій Ив.** Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрія и примѣты пріуроченные къ „Риздвянымъ Сватканъ". 1896, 1, 1—9. (Д)

2145. **Бѣньковскій Ив.** Интересный обычай во время жатвы. 1896, 7—8, 20. (Д).

2146. **Бѣньковскій Ив.** Смерть. погребеніе и загробная жизнь, по понятіямъ и вѣрованію народа. 1896, 9, 229—261.

2147. **Бѣньковскій И.** Осина въ вѣрованіяхъ и въ понятіи народа на Волыни. 1898, 7—8, 6—9. (Д).

2148. **Бѣньковскій И.** Повѣрья и суевѣрія. относящіяся къ охотѣ. 1898, 7—8, 9—14. (Д).

2149. **Бѣньковскій И.** Народный взглядъ на „нечистую" женщину 1899, 6, 128—131. (Д).

2150. **Бѣньковскій И.** Стрѣлянье въ кресты (изъ народныхъ суевѣрій) 1902, 6, 161—162. (Д).

2151. **Бѣньковскій И.** Судъ св. Юрія (изъ народныхъ устъ). 1902, 6, 163—165. (Д).

2152. **Бѣньковскій И.** Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. 1902, 9, 108—110. (Д).

2153. **Бѣньковскій И.** Кармалюкова долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 156—157. (Д).

2154. **Бѣньковскій И.** Татарская долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 157—158. (Д).

2155. **Бѣньковскій Ив.** Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ „Благовѣщенію 1903, 5, 98—100. (Д)

2156. **Бѣньковскій Ив.** Легенды о горохѣ. 1903, 5, 100. (Д).

2157. **Бѣньковскій И**. Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1904, 10, 1—3. (Д).

2158. **Бѣньковскій Ив**. Макъ въ народной демонологіи на Волыни. 1905, 4, 34—36. (Д).

2159. **Бѣньковскій Ив**. Якъ сатана збірав закони по землі (изъ народныхъ устъ). 1906, 9, 15—17. (Д).

2160. **В. А**. Подольская легенда о Бунякѣ. 1892, 6, 444—445. (Д).

2161. **Варіантъ** пѣсни о Кармелюкѣ. 1889, 8, 533.

2162. **Варіантъ** пѣсни про дурня. 1900, 9, 89—92. (Д).

2163. **Варіанты** къ пѣснѣ о Бондаривнѣ. 1902, 5, 99—101. (Д).

2164. **Василенко В**. Празднованіе, понедѣльника въ Малороссіи. 1887 1, 180—182.

2165. **Василенко В**. Для характеристики "Богатырей". 1892, 12, 461—463. (Д).

2166. **Василенко В**. По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. 1902, 11, 67—73. (Д).

2167. **Василенко В**. Деревня и ея развлеченія (очерки и наблюденія). 1904, 4, 131 –148.

2168. **Васильевъ М**. Великій грѣшникъ (сказка). 1884, 9, 172—175.

2169. **Васильевъ М**. Двѣ сахарозаводскія пѣсни. 1886, 10, 407—408.

2170. **Васильевъ М**. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (этнографическій очеркъ). 1889, 8, 354—376; 9, 615—630.

2171. **Васильевъ М**. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. 1889, 5—6, 635—637.

2172. **Васильевъ М**. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣя. 1889, 5—6. 634.

2173. **Васильевъ М**. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 317—322.

2174. **Васильевъ М**. Украинскій варіантъ о происхожденіи табака. 1893, 3, 547—548. (Д.).

2175. **Васильевъ М**. Легенды о Боткинѣ проф. 1899, 9, 102—104. (Д).

2176. **Венгрженовскій С**. Еще коечто о Кармелюкѣ. 1886, 7, 553—559.

2177. **Венгрженовскій Сергѣй** Легенда. 1892, 12, 470—471. (Д).

2178. **Венгрженовскій Сергѣй** Политическая сатира. 1892, 12, 469—470. (Д).

2179. **Венгрженовскій Сергѣй** Молитва. 1892, 12, 468—469. (Д).

2180. **Венгрженовскій С**. Языческій бытъ въ Брацлавщинѣ „гоныты шуляка". 1895, 9, 282—323.

2181. **Венгрженовскій С**. Рабочіе волы въ Брацлавщинѣ и ихъ номенклатура. 1898, 7—8, 36—49.

2182. **Вечеръ** въ день Ивана Купала. 1897. 6, 98—100. (Д).

2183. **В. Д**. По поводу одной мнимо народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1905, 5, 156—157. (Д).

2184. **Взаимовліяніе** украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. 1905, 3, 230—236. (Д).

2185. **В. К**. Собачья доля (легенда). 1904, 10, 3—7. (Д).

2186. **В. К**. „Лики" моего села. 1902. 9, 319—342.

2187. **Владимирскій-Будановъ М**. Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. (Изъ старой судебно-уголовной практики). 1888, 1—2—3, 20—21.

2188. **В. М.** Деревенская оргія (картина сельской свадьбы). 1894, 12, 488—491. (Д).

2189. **В. М.** Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1886, 7, 570—573.

2190. **В. Н.** Пѣсня о Турбаевской катастрофѣ. 1903, 10, 14—16. (Д),

2191. **В. П.** Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. 1902, 2, 93—94; 4, 23—25. (Д).

2192. **Вс. С.** Пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы". 1894, 2, 326—327. (Д).

2193. **В—ый Н.** Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. 1905, 7—8, 43—44. (Д).

2194. **Г.** Двѣ галицкія пѣсни. 1885, 7, 517—523.

2195. **Галантъ И.** Молитва въ память уманьской рѣзни. 1895, 3, 92—97. (Д).

2196. **Г. А. М.** Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. 1898, 6, 92. (Д).

2197. **Гетманское** приглашеніе на свадьбу. 1882, 12, 613—614.

2198. **Гильченко Василій.** Преданія связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями. 1897, 7—8, 7—16. (Д).

2199. **Г--ко В.** Визитъ Кармелюка. (Изъ письма въ редакцію). 1883, 2, 466—471.

2200. **Г—ко В.** Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи. 1884, 3, 505—507.

2201. **Г—овъ М.** Полъ неодушевленныхъ предметовъ. 1884, 4, 698.

2202. **Голубовскій Петръ.** По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей. (Отвѣтъ г. Бурачкову). 1886, 5, 168—173.

2203. **Горленко В.** Бандуристъ Иванъ Крюковскій (Текстъ 9 думъ съ біографической замѣткой). 1882, 12, 481—518.

2204. **Горленко В.** Варіантъ пѣсни о правдѣ 1883, 8, 769—770.

2205. **Горленко В.** Кобзари и лирники. 1884, 1, 21—50; 12, 639—656.

2206. **Грабина А.** Изъ народныхъ устъ. 1883, 12, 701—703.

2207. **Грабина А.** Саврадимка (пѣсня). 1884, 11, 552—554.

2208, **Грепачевскій А.** Великодни писни. 1904, 4, 15—17. (Д).

2209. **Грепачевскій А.** О крашанкахъ и писанкахъ. 1904, 4, 17—18 (Д).

2210. **Даниловъ Вл.** Древнѣйшее малорусское причитаніе. 1904. 12, 148—153. (Д).

2211 **Даниловъ Владиміръ.** Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ 1905, 1, 7—10. (Д).

2212. **Даниловъ Владиміръ.** Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. 1905, 4, 30—33. (Д).

2213. **Даниловъ В.** Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. 1905, 9 104—108. (Д).

2214. **Даниловъ Вл.** Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. 1905, 11—12, 193—209.

2215. **Даниловъ В.** Народныя картинки на темы изъ украинской жизни 1906, 2. 23—28. (Д).

2216. **Даниловъ Вл.** Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. 1906, 11—12, 611—628.

2217. **Данилів В.** Додатки до огляду українських лубяних співанників та малюнків. 1907, 3, 390—393.

2218. **Данилів В.** Порівняння смер-

ті і весілля в українських погрібових голосіннях. 1907, 6, 351—355.

2219. **Даниловъ** В. О собираніи украинскихъ похоронныхъ причитаній 1907, 7—8, 224—231.

2220. **Двадцатипятилѣтіе** Московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. 1893. 5, 308—311 (Д).

2221. **Двѣ** лирницкія пѣсни, 1889. 12, 637—642.

2222. **Десятынъ Г**. Украинскій Геліосъ (Народныя преданія о Солнцѣ) 1882, 10, 177—180.

2223. **Добротворскій Н**. Малорусская пѣсня у великорусскихъ крестьянъ· 1886, 11, 585—588.

2224. **Довнаръ-Запольскій** М. Современное дѣло о знахарствѣ. 1892. 3, 498—499. (Д).

2225. **Докладъ** объ измѣненіи пра вилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. 1904, 12, 157—162. (Д).

2226. **Доманицкій.** Вѣнчаніе вокругъ „дижи" (случай двукратнаго вѣнчанія одной и той же четы) 1901, 2, 72—74. (Д).

2227. **Доманицкій В**. Историко-этнографическія мелочи изъ матеріаловъ З. Доленги-Ходаковскаго, 1904, 9, 86—89. (Д).

2228, **Доманицкій В**. Сельская сатира (пѣсни)· 1902, 5, 88—93. (Д).

2229. **Доманицкій В.** Пѣсни о Нечаѣ. 1905, 1, 66—88.

2230. **Доманицкій В**. Баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1905, 3, 480—494.

2231. **Дума** о Хмельницкомъ и Барабашѣ съ мотивомъ. 1888, 7, 15—23.

2232. **Еговоръ Ив**. Изъ народной памяти 1904, 3, 103—106. (Д).

2233. **Е—ко П**. Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. 1884, 6, 353—354.

2234. **Е. П**. Къ статьѣ „Судъ надъ вѣдьмами" 1883, 12, 697—700.

2235. **Е. П.** Запрещеніе купальскихъ огней. 1885, 11, 556—558.

2236. **Е. П**. Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, 1886, 3, 593—598.

2237. **Е. П**. Околдованіе начальства. 1886, 5, 175—178.

2238. **Ефименко П**. Откуда взялись запорожцы. (Народное преданіе). 1882, 12, 582—593,

2239. **Ефименко П**. Упыри (изъ исторіи народныхъ вѣрованій. 1883, 6, 371—379.

2240. **Ефименко П**. Судъ надъ вѣдьмами 1883. 11 ,374—401.

2241 **Еф. П**. Попытка околдовать волостной судъ. 1884, 3, 508—509.

2242, **Еф. П**. Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 года. 1886, 5, 173—175.

2243, **Житецкій П**. Смѣна народностей въ Южной Россіи. 1883, 5 1—29; 6, 399—452: 8, 561—579; 9, 1—26: 11, 371—418.

2244. **Житецкій П.** Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ. 1892, 11, 213—231.

2245. **Ж—ій Іосифъ.** Народное преданіе о болотѣ „Замглай". (Черниговск. губерніи). 1893, 6, 521—524. (Д).

2246. **Журинъ Г**. Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ. 1886, 8. 758—560.

2247. **Заговоръ** отъ бешихы (записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бах-

мутскаго уѣзда, Екатеринославской губ.). 1906, 1, 12—13. (Д).

2248. **Заговоръ** отъ скарлатины. 1900, 1, 16—17. (Д).

2249. **Залѣсскій А.** Варіантъ пѣсни о Нечаѣ. 1887, 8, 787—788.

2250. **Залѣсскій А.** Изъ быта крѣпостного времени. 1888, 6, 78—79.

2251. **Запорожская** пѣсня 1883, 11, 523.

2252. **Зуйченко П. И.** Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай. 1885, 6, 363—364.

2253. **Ивановъ.** Знахарство шептанье и заговоры (въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ. Харьковской губ.). 1885, 12, 730—744.

2254. **И—въ П.** Кое-что о „вовкулакахъ" и по поводу ихъ. 1886, 6, 356—364.

2255. **Изъ** народныхъ разсказовъ о велетняхъ и пятницѣ. 1885, 9, 186—187.

2256. **Изъ** народныхъ разсказовъ о Новороссіи. 1885, 10, 353—360.

2257. **Изъ** области народныхъ суевѣрій. Илія Човпыла, бѣсамъ въ службу записавшійся. 1882, 2, 429—431.

2258. **Изъ** области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. 1888, 12, 142—143.

2259. **Ильяшевичъ В.** Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. 1892, 8, 264—265. (Д).

2260. **Императоръ** Александръ III о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 24—25. (Д).

2261. **И. Н.** Заговоры на просо и пшеницу. 1884, 12, 747—748.

2262. **И. О.** Волынская бывальщина. 1887, 10, 384—387.

2263. **Ир. Ж.** Лубочныя картинки на малорусскія темы. 1890, 12, 503—507.

2264. **Исаевичъ С. Н.** Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. 1883, 12, 700.

2265. **Исаевичъ С. Н.** Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (съ предисловіемъ В. Горленко). 1887, 6—7, 450—486.

2266. **Каковскій Юр.** Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ Кіевскаго уѣзда. 1892, 6, 445—451. (Д).

2267. **Каминскій В.** Этнографическіе матеріалы, записанные въ с. Будкахъ, винницкаго уѣзда. 1904, 9, 77—85. (Д).

2268. **Каминскій В.** Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губ. 1906. 3—4, 299—320.

2269. **Каминскій Вяч.** Къ народной демонологіи (изъ с. Косарева, Дубенскаго уѣзда Волынской губ.). 1906, 5—6, 9—12. (Д).

2270. **Каминскій Ѳ.** Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семилѣтнихъ богатыряхъ". 1889, 5—6. 632—633.

2271. **Канадскіе** русины. 1899, 9, 107—110. (Д).

2272. **Кармелюкъ.** Переводъ съ польскаго. 1886, 3, 495—560.

2273. **Катрухинъ А.** Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ. 1885, 8, 326—329.

2274. **Катрухинъ А.** Разсказъ о происхожденіи табаку, 1890, 8, 326—329.

2275. **К. В.** Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 322—323.

2276. **К—ій Ѳ**. Вирши про панщину. 1892, 11, 294—295.

2277. **К—й О. Р**. Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. 1884, 11, 545—550.

2278. **Кисилевъ Лука** (протоіерей) Вымирающіе типы украинской деревни. 1884, 3, 515—522.

2279. **Кистяковскій А. Ѳ**. Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души черту. 1882, 7, 180—186.

2280. **Китицынъ** П. Святочные подарки отцу протоіерею. 1892, 8, 268. (Д).

2281. **Ков.-Кол.** По поводу „Новаго народнаго обычая". 1902, 7—8, 23—24. (Д).

2282. **Коліивщина** въ пѣсняхъ. 1882, 9, 582—589.

2283. **Колядка** и вирши. 1883, 12, 713.

2284. **Колядки** на Подоліи. 1899. 2, 73—78, (Д).

2285. **Колядки** (собр, въ Подольщинѣ). 1904, 1, 9—11. (Д).

2286. **Коляды** и щедривки. 1887, 1, 182—188.

2287. **Корниловичъ** В. Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи 1900, 1, 11—16. (Д).

2288. **Корниловичъ М. И.** О пѣсняхъ про волю. 1900, 4, 11. (Д).

2289. **Корниловичъ** П. Изъ области мѣстнаго народнаго творчества. 1898, 10, 8—13. (Д).

2290. **Кошовикъ К**. Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. 1884, 1, 169—171.

2291. **К. П.** Фатальная вдова (уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ.) 1888, 12, 459—477.

2292. **Кравченко**, Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. 1889, 9, 772—774.

2293. **Крашановскій М**. Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи. 1884, 1, 181—182.

2294. **К—скій А**. О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая. 1882, 8, 283—287.

2295. **Кудринскій Ѳ**. Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. 1893, 11, 332—334. (Д).

2296. **Кудринскій Ѳ**. О Кирикѣ и жадномъ попѣ. 1894, 3, 543—548. (Д).

2297. **Кудринскій Ѳ**. Сказка о Котофеѣ, 1895, 2, 59—64. (Д).

2298. **Кузьмичевскій П**. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности. 1886, 2, 210—236; 3, 444—466.

2299. **Кузьмичевскій П**. Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ. 1887, 3, 412—438; 4, 626—648.

2300. **Кузьмичевскій П**. Щолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ. 1887, 8, 676—713; 10 233—271.

2301. **К—шъ В**. Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ. 1887, 6—7, 585—586.

2302. **Къ** вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ. 1898, 3, 98—99. (Д).

2303. **Къ** вопросу о малорусскомъ языкѣ. 1904, 11, 60—64. (Д).

2304. **Лазаревскій Ал.** Лубенщина и князья Вишневецкіе. 1896, 1, 115—127; 2, 209—229; 3, 334—357.

2305. **Лазаревскій А**. Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. 1883, 9- 10, 322—324.

2306. **Л—въ П.** Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ. 1884, 8, 715—725.

2307. **Лебединецъ Г.** С. Еще пѣсни о попадьѣ, не взлюбившей бороды. 1884, 6, 356—358.

2308. **Левитскій** Н. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. 1890, 1, 126—127.

2309. **Левицкій И.** Украинскіе юмористы и шутники (этнографическій очеркъ). 1890, 9, 373—389; 10, 74—93; 11, 233—250; 12, 448- 470.

2310. **Левицкій О.** Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. 1891, 12, 345—360.

2311. **Левицкій О.** Очеркъ старинного быта Волыни и Украины. 1889, 4, 92—123; 11, 350—368; 1891, 1, 19—39; 2, 269—280.

2312. **Левицкій Ор.** Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи. 1899, 12, 390—398.

2313. **Левицкій О.** Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI и XVII в.в. 1900, 1, 1—15.

2314. **Левицкій Ор.** Обычай помилованія преступника, избраннаго дѣвушкой въ мужья. 1905, 1, 89—97.

2315. **Левицкій Ор.** Сговоръ малолѣтнихъ (страница изъ исторіи брачнаго права на Украинѣ XVI в.). 1906, 1, 64—72.

2316. **Легенда** о Паліѣ. 1888, 5, 47—49.

2317. **Ленчевскій Л.** Похоронные обряды и повѣрья въ Староконстантиновскомъ у. Волынской губ. 1899, 7, 70—78.

2318. **Линденбергъ С.** Нѣсколько заговоровъ. 1894, 12, 493—495 (Д).

2319. **Линниченко И. А.** Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ". 1888, 12, 149—150.

2320. **Линниченко И. А.** Два дѣла о волшебствѣ. 1889, 10, 172—179.

2321. **Литвинова** П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ. 1885, 6, 354—356.

2322. **Литвинова** П. Какъ землянцы потеряли свою „вольницу". 1886, 6, 381—384.

2323. **Литвинова** П. Криница—богиня плодородья у сѣверянъ. 1884 4, 695—697.

2324. **Литвинова** П. Закрутки и заломы. 1899, 3, 139—141. (Д).

2325. **Литература** народнаго самоврачеванія въ Малороссіи. 1901, 2, 78. (Д).

2326. **Личковъ Л.** Происхожденіе слова „мацапура". 1901, 1, 5. (Д).

2327. **Личковъ Л.** Письмо въ редакцію (по поводу открытія въ Кіевѣ Южнаго отдѣла Географическаго Общества). 1901, 7—14. (Д).

2328. **Л. К.** Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. 1903, 6, 163—166. (Д).

2329. **Л. М.** Малорусское нищенское причитанье. 1903, 1, 6—7. (Д).

2330. **Л. М.** Преданія жителей мѣст. Мѣляновичи, Волынской губерніи. 1903, 2, 70—72. (Д).

2331. **Л. М.** Бида (лирныцька писня). 1903, 9, 106—110. (Д).

2332. **Л. М.** Якъ царь Олександер ослобонив кріпаків. 1907, 11—12, 279.

2333. **L. О.** По поводу „турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности". 1886, 10, 388—391.

2334. **Лысенко Н. В.** О торбанѣ и музыкѣ пѣсенъ Видорта. 1892, 3, 381—387.

2335. **Л—ье Ольга**. Закляті гроші (сказка Екатер. губ.). 1897, 7—8, 16 20. (Д).

2336. **М. А.** Какъ началось знакомство Великоруссовъ съ пѣснями малороссійскими. 1886, 8, 761—763.

2337. **Маковскій Е**. Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ. 1884, 4, 698—701.

2338. **Маковскій Е**. Загадочное преданіе. 1884, 5, 170—172.

2339. **Малинка**. Кобзарь Петро Гарасько и лирникъ Максымъ Прыщенко. 1893, 9, 441—450. (Д).

2340. **Малинка А**. Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христово. 1894, 2, 332—335, (Д).

2341. **Малинка А**. Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ. 1894, 2, 335—336. (Д).

2342. **Малинка**. Разсказы о вѣдьмахъ. 1894, 3, 551—553, (Д).

2343. **Малинка А**. Лирникъ Евдокимъ Мыкитовичъ Мокровизъ. 1894, 9, 434—444.

2344. **Малинка А**. Польскій бунтъ на Волыни 1864. (Пѣсни о бунтѣ). 1895, 7—8, 24—31. (Д).

2345. **Малинка А**. Лирникъ Андрій Карпіенко. Его пѣсни (5). 1895, 9, 59—66. (Д).

2346. **Малинка А**. Родыны и хрестыны (м. Мринъ Нѣженск. у.). 1898, 5, 254—286.

2347. **Малинка А**. Лирникъ Ананій Гомынюкъ. 1898, 10, 1—8. (Д).

2348. **Малорусскіе** домашніе лечебники XVIII ст. 1890, 1, 2, 3 (приложеніе).

2349, **Манжура И.** Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ. кому достались запорожскія земли). 1882, 2, 435—436.

2350. **Манжура И.** Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ. 1882, 3, 611—615.

2351. **Манжура И.** Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ. 1882, 5, 357—363.

2352. **Манжура И**. Украинская гетера. 1883, 1, 217—218.

2353. **Манжура И**. Талавиря (Пастушеская пѣсня). 1883, 4, 907—908.

2354. **Манжура И** „Приказка о нюхаряхъ". 1888, 5, 53—55.

2355. **Манжура И.** О богатыряхъ. 1888, 8, 50—53.

2356. **Манжура И**. Рождественская „вечеря". 1889, 1, 236.

2357. **Манжура И**. Легенда „о Петровомъ батогѣ". 1889, 9, 763—765.

2358. **Манжура И.** Полозъ (къ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова „культурныя переживанія" К. С. 1890, 5). 1890, 10, 151—152.

2359. **Манжура И.** Крещенскія скачки въ Екатеринославской губ. 1891, 9, 486—489.

2360. **Маркевичъ А.** Историческое средство противъ конокрадства. 1884, 7, 546—547.

2361. **Маркевичъ А**. Загадочная пѣсня 1884, 7, 554.

2362. **Маркевичъ А.** Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи. 1884, 9, 177—180.

2363. **Маркевичъ В.** Знахарки новаго типа. 1891, 12, 413—429.

2364. **Марковскій М.** Бродячій анекдотъ въ малорусской народной словесности. 1895, 12, 94—96. (Д).

2365. **Мартыновичъ Порфирій.** Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ,

запорожьѣ и черноморьѣ. 1885, 11, 535—543.

2366. **Мартыновичъ Порфирій**. Украиньски запыси. 1904, 2, 257—313; 3, 452—477; 4, 149—191; 5, 339—399; 6, 531—566; 7—8, 11—50; 9, 304—321; 10, 65—80; 11, 227—259.

2367. **Матушевскій Ф**. Изъ погибшаго архива (объ играхъ на Тройцу и Купала). 1902, 6, 168—170. (Д).

2368. **Мацѣевичъ Л**. Поляки и Русины (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). 1882, 2, 301—312.

2369. **М. В**. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1890, 7, 8, 9. (Приложеніе).

2370. **М. Г**. Дѣтячи забавкы та гры усякі. 1904, 7—8, 51—105.

2371. **Мердеръ А**. Колдовство въ 1863 г. 1900, 1, 1—2. (Д).

2372. **Мердеръ А**. Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій. 1900, 1, 2—3. (Д).

2373. **Мердеръ А**. Приворотныя средства. 1901, 7—8, 18—19. (Д).

2374. **Милорадовичъ В**. Рабочія пѣсни Лубенскаго уѣзда, собранныя въ 1890—93 г. 1895, 10, 10—22. (Д).

2375. **Милорадовичъ В**. Историческая пѣсня (о борьбѣ козачества съ Поляками). 1895, 11, 43—45. (Д).

2376. **Милорадовичъ В**. Сказки о жабахъ. 1896, 11, 37—40. (Д).

2377. **Милорадовичъ В**. Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. 1897, 7—8, 80—95.

2378. **Милорадовичъ В**. Снѣтинская старина. 1897, 9, 319—335; 10, 6—26.

2379. **Милорадовичъ В**. Замѣтка по поводу Валлонскаго и Сицилійскаго сборниковъ по фольклору. 1898, 7—8, 3—5. (Д).

2380. **Милорадовичъ В**. Замѣтки о малорусской демонологіи. 1899, 8, 196—209; 9, 379—400.

2381. **Милорадовичъ В**. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1900, 1, 46—61; 2, 192—206; 3, 337—372; 5, 160—173; 6, 310—332; 7—8, 51—65.

2382. **Милорадовичъ В**. Лѣсная Лубенщина. 1900, 9, 247—296: 10, 39—82.

2383. **Милорадовичъ В**. Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. 1900, 5, 82—86. (Д).

2384. **Милорадовичъ В**. Варіантъ пѣсни про голоту. 1900, 9, 88—89. (Д).

2385. **Милорадовичъ**. Украинская вѣдьма (очеркъ). 1901, 2, 217—233.

2386. **Милорадовичъ В**. Житье бытье Лубенскаго крестьянина. 1902, 4, 110—135; 6, 392—434; 10, 62—91: 1903, 2, 182—217; 3, 349—377; 7—8, 1—64; 1904, 5, 264—304: 6, 465—505.

2387. **Милорадовичъ В**. Малорусскіе народные повѣрья и разсказы о пятницѣ. 1902, 5, 269—281.

2388. **Милорадовичъ В**. Средняя Лубенщина. 1903, 9, 245—296, 10, 1—36: 11, 209—240: 12, 518—539.

2389. **Милорадовичъ В**. Степная Лубенщина. 1903, 2, 179—200: 3, 348—382: 4, 36—73.

2390. **Михалевичъ В**. „Проводы“ (народная сатира). 1905, 6, 242—247. (Д).

2391. **Миронъ**. „Воянцка писня“. 1888, 12, 143—148,

2392. **Миронъ**. Замѣчательныя колядки. 1889, 1, 231—233.

2393. **Миронъ**. Пѣснь о свѣтѣ. 1889, 3, 741—744.

2394. **Миронъ**. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. 1890, 4, 101—120.

2395. **Миронъ.** Мистерія страстей Христовыхъ. 1891, 4, 131—154.

2396. **Миронъ.** Къ объясненію одной колядки. 1891, 12, 476.

2397. **Морозъ Д.** Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни (современная рукопись). 1883, 1, 203—207.

2398. **М—ра И.** Къ статьямъ проф. Н. Ѳ, Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о кумовствѣ. 1890, 1, 124—126.

2399. **М—ра.** Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ". 1891, 8, 325—326.

2400. **М—ра И.** Къ повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ. 1890, 4, 161—162.

2401. **М—ра Ив.** Преданіе о „борцахъ". 1893, 6, 518. (Д).

2402. **М. С.** Образчикъ современнаго пѣсеннаго творчества малорусскаго народа. 1903, 3, 135—138. (Д).

2403. **М. Щ.** Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла (изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). 1894, 10, 48—61; 11, 279—295; 12, 388—401; 1895, 1, 120—138; 3, 371—384; 5, 199—213; 6, 332—349.

2404. **Мякотинъ В. А.** Дѣло о волшебствѣ. 1890, 12, 515—517.

2405. **N.** Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. 1882, 9, 457—485; 10, 39—65.

2406. **N.** Подляская злополучница. 1883, 4, 905—907.

2407. **N.** Судъ Божій надъ Епископомъ, истор. легенда съ предисловіемъ. 1893, 3, 485—492.

2408. **N.** Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII вѣка. 1895, 1, 10—16. (Д.)

2409. **Народная** пѣсня и ея гонители. 1902, 11, 105—107. (Д).

2410. **Народное** преданіе о взятіи Бендеръ. 1887, 11, 584—585.

2411. **Народное** творчество въ Малороссіи и попытки сохраненія его памятниковъ. 1902, 9, 133—136. (Д).

2412. **Народный** разсказъ „про шастье". 1889, 4, 196—199.

2413. **Науменко В. П.** Костомаровъ Н. И., какъ этнографъ. 1885, 5, XXXV—XLIV.

2414. **Н. Б.** Малоизвѣстные художественные уголки Малороссіи. 1894, 2, 338—340, (Д).

2415. **Н. В.** Указъ Кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. 1891, 2, 317—320.

2416. **Нейманъ Ц.** Еще объ украинской злополучницѣ. 1883, 5, 187—189.

2417. **Нейманъ Ц.** Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни. 1883, 8, 599—644.

2418. **Нейманъ Ц.** Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка (изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича). 1884, 5, 153—158.

2419. **Нейманъ Ц.** Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1902, 3, 347—390,

2420. **Несвицкій А. А.** Еще о Турбаевской катастрофѣ, пѣсни про убійство въ Турбаяхъ „Базилевцивъ" помѣщиковъ. 1895, 11, 54—56. (Д).

2421. **Несторовскій Петръ.** Матеріалы по этнографіи Бессарабскихъ русиновъ. 1905, 10, 73—125.

2422. **Николайчикъ Ѳ.** Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. 1883, 2, 366—400.

2423. **Николайчикъ Ѳ.** Отголосокъ

лирницкаго языка (къ статьѣ Валеріана Боржковскаго „Лирники" Кіев. Ст. 1889 года сентябрь). 1890, 4, 121—130.

2424. **Н. М.** о происхожденіи слова „кацапъ". 1901, 12, 472—477.

2425. **Новицкій И.** Еще по поводу народной пѣсни о взятіи Торческа или же Азова. 1882, 9, 412—435.

2426. **Новицкій И.** Малорусская пѣсня по латыни. 1885, 7, 516—517.

2427. **Новицкій И.** Украинскій варіантъ пѣсни „про ягничку". 1885, 8, 743—745.

2428. **Новицкій Я.** Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ. 1885, 10, 350—353.

2429. **Новицкій И.** Два слова о панѣ Каневскомъ (По поводу статьи „Двѣ старыя украинскія пѣсни" „Кіев. Старина" 1885 г. октябрь). 1885, 11, 554—556.

2430. **Новый** народный обычай (плата за невѣсту). 1902, 6, 172, (Д).

2431. **Номисъ** М. Крашанки въ старину. 1898, 4, 9—10. (Д).

2432. **Носъ (фонъ) С.** „Покрытка". 1882, 2, 427—429.

2433. Notus. Курьезный бракъ. 1882, 5, 349—352.

2434. Notus. Пѣсня о панщинѣ. 1883. 11, 520—522.

2435. **Н. Р. Л.** Къ разсказамъ о шелудивомъ Бунякѣ. 1891, 8, 299—304.

2436. **Н. Ш.** Картины изъ малорусскаго быта на Кіевскихъ выставкахъ. 1894, 3, 537—543. (Д).

2437. **Нѣсколько** словъ о томъ, какъ приготовляютъ писанки и крашанки. 1903, 9, 105—106. (Д).

2438. **О.** Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. 1885, 5, 172—173.

2439. **Обрядъ** „вывода" новобрачной въ Подоліи. 1898, 6, 81—82. (Д).

2440. **О.** В. Изъ области народныхъ повѣрій. 1883, 8, 774.

2441. **Одинъ** изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. 1891, 9, 484—486.

2442. **О. Л.** Праздникъ Цереры (изъ воспомин. польск. шляхтича). 1897, 12, 311—331.

2443. **О. Л.** Заговоръ отъ лихорадки. 1898, 1, 10—11. (Д).

2444. **О. Л.** Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. 1900, 2, 65—67. (Д).

2445, **О. Л.** Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ"· 1903, 5, 90—92. (Д).

2446. **Олтаржевскій Юрій.** Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ. 1886, 6, 371—378.

2447. **Олтаржевскій Юрій.** Изъ народныхъ вѣрованій. (Разсказъ, записанный въ Кіевѣ). 1887, 5, 195—197.

2448. **О** малорусскомъ національномъ типѣ. 1902, 3, 177—181. (Д).

2449. **Ом—скій Александръ.** „Гнѣдко" варіантъ Кармелюка. 1883, 6, 393.

2450. **Ом—скій Александръ.** Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ. 1883, 11, 513—515.

2451. **Орловъ И.** Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій. 1884, 6, 355—356.

2452. **О. С.** Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою—Межыривською, Литинск. уѣзда. 1903, 11, 68—72. (Д).

2453. **О** собраніи народныхъ легендъ. 1900, 3, 152—154. (Д).

2454. **Парубоцкія** громады въ Полт. губ. 1902, 4, 14—17. (Д).

2455. **П. Е.** Жертва купальскаго огня. 1887, 9, 190—191.

2456. **Петровскій Д.** Къ малорусскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. 1888, 4, 18—19.

2457. **П. Л.** Актъ „побратимства" въ церковной метрикѣ. 1887, 10, 383—384.

2458. **П. Л.** Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. 1889. 8, 515—523.

2459. **„Плачъ** на бѣдствія украинскія". Старинное еврейское стихотвореніе. 1895, 10, 5—7. (Д).

2460. **П. О.** Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ. 1886, 11, 561—567.

2461. **Побережье** Подоліи. 1898, 9, 65—74. (Д).

2462. **Подольская** пѣсня о панщинѣ. 1901, 3, 140—144. (Д).

2463. **Подольской** епархіи карта. 1898, 4, 17. (Д).

2464. **Познанскій Борисъ**. Двѣ старыя украинскія пѣсни и по поводу ихъ. 1885, 10, 220—242.

2465. **Познанскій Б.** По поводу статьи Неймана о Бондаривнѣ. 1902, 5, 96—98. (Д).

2466. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 6—7, 587—588.

2467. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 12, 803—804.

2468. **По** поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка. „Литература украинскаго фольклора. 1901, 10, 18—20. (Д).

2469. **Потебня А.** Малорусскіе домашніе лечебники XVIII в. 1890, 1, 91—94.

2470. **Похороны** запорожца въ 1772 г. 1898, 2, 43—47. (Д).

2471. **П. П.** „Парубоцки громады". въ г. Маякахъ, Херсонской губ. 1901, 7—8, 19—20; 12, 157—158. (Д).

2472. **П. П.** Нѣкоторыя дѣтскія игры въ Маякахъ Херсонской губ. 1902, 9, 401—407.

2473. **Прибыльскій**. Черти въ продажѣ. 1885, 6, 350—352.

2474. **Программа** для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ (Полт. губ. Вѣд. №. 124). 1901, 7—8, 13—15. (Д).

2475. **П—скій Борисъ**. Воронежскіе хохлы (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). 1885, 4, 613—648.

2476. **П. Т.** Озеро Свитязь и народное преданіе о немъ. 1901, 3, 144—150 (Д).

2477. **Пч. О.** Отживающая или начальная форма „Вертепной драмы"? 1883. 4, 903—905.

2478. **Пѣсня** изъ крѣпостного быта „про галанцивъ". 1899, 4, 5—7. (Д),

2479. **Пѣсня** о Кармелюкѣ. 1887, 11, 588—589.

2480. **Пѣсня** „про дурня", варіантъ 1899, 12, 126—128 (Д).

2481 **Пѣсня** про Кытай. 1900, 10, 28—29. (Д).

2482. **Пѣсня** про Филиппа Орлика 1882, 11, 395—398.

2483. **Пѣсня** сахарно-заводская 1889, 8, 533—534,

2484. **Радловъ В,** В. академикъ о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 25. (Д).

2485. **Р—въ А.** Изъ народной характеристики цыганъ. 1886, 1, 198—200.

2486. **Рклицкій С.** Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ 1905, 2, 22—23 (Д).

2487. **Р. Л. Н.** Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. 1893, 6, 459—473.

2488. **Рождественскіе** обычаи въ Угорской землѣ. 1900, 3, 148—149. (Д).

2489. **Розмова** Хведора та Данила про Каина та про Авеля (записана въ Лубенскомъ уѣздѣ). 1892. 12, 472—474. (Д).

2490. **Р. С.** Село Ивановка (Опытъ этнографической характеристики малорусскагс поселенјя въ Новороссіи). 1888, 11, 51—68.

2491. **Русины** въ Америкѣ. 1900, 2, 74—75. (Д).

2492. **Русовъ А. А.** Торбанисты Грегоръ. Каэтанъ, Францъ Видорты. 1892. 3, 336—380.

2493. **Русовъ А.** Нѣсколько словъ о значеніи трудовъ и творчества Лисенка для малорусскаго народа. 1903, 12, 483—517.

2494 **Русов О.** Це-що про „панів" у колядках. 1907, 7—8, 231—234.

2495. **Рыльскій Ѳадей.** Къ изученію украинскаго народнаго міровозрѣнія 1888, 11, 266—306; 1890, 9, 341—372; 10, 1—26; 11, 125—232; 1903, 4, 1—23: 5, 161—191.

2496. **Савичъ** А. Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ", 1889, 3, 733—739.

2497. **Сахонова** А. Про вовкулакивъ (записала въ м. Веркіевкѣ, Нѣжин. уѣзда). 1894, 6, 543—545 (Д).

2498. **Свадебные** и другіе народные обычаи въ Червоной Руси столѣтъ назадъ. 1898, 5, 245—253.

2499. **Свѣдѣніе** о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета 1890, 8, 316—317.

2500. **Синицкій Д.** Погребеніе на саняхъ. 1894, 9, 457. (Д).

2501 **Сказаніе** о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. 1882, 3, 530—537.

2502. **Сластіоновъ А. Г.** Кравченко Михайло, кобзарь, и его думы. 1902, 5, 303—331.

2503. **Смоктій А.** Кармелюкъ. 1882, 10· 183—189.

2504. **Смоктій А.** Украинская злополучница. 1883, 1, 215—217.

2505. **С. Н.** Пѣсня на князя Доминика Заславскаго· 1885, 9, 185.

2506. **С. Н.** Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. 1891, 3, 511—513.

2507. **С. Н.** Къ исторіи пословицъ 1887, 8, 779—780.

2508. **Сорокинъ Гавріилъ.** Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, Александр. у. Херсонской губ. 1890, 9, 193—200.

2509. **Степовичъ А.** Замѣтка къ статьѣ „Малорус. лечебники XVIII в." (1890, 1). 1890, 4, 155—159.

2510. **Степовый Н.** Малорусская народная одежда. Козелецкій уѣздъ. 1893, 12, 444—450.

2511. **Степовый Н.** Малорусская народная одежда. Нѣжинскій уѣздъ съ рисункомъ. 1893, 5, 272—284.

2512. **Стороженко Н. В.** „Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ", собранныя въ 1776 г. (рукопись А. И. Чепы). 1892, 1, 119—130.

2513. **Стояновъ А.** Южно-Русская пѣсня о событіи XI вѣка. 1882, 7, 81—96.

2514. **Стрижевскій И.** Свадьба въ деревнѣ. 1896, 3, 289—308.

2515. **Стрижевскій Гавріилъ**. Сборникъ малорусскихъ сказокъ. 1905, 7—8, 117—165.

2516. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ исторіи Южно-Русскихъ свадебныхъ обычаевъ. 1883, 510—514.

2517. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Новый варіантъ думы „Алексѣй Поповичъ". 1885, 1, 182—191.

3518. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусскія фамильныя прозванія. 1885, 2, 215—228.

2519. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Религіозно-мифическое значеніе малорусской свадьбы. 1885, 3, 417—436.

2520. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ. 1885, 7, 417—430.

2521. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. 1886, 1, 17—40.

2522. **Сумцовъ Н**. Ѳ. Научное изученіе колядокъ и щедривокъ. 1886, 2, 237—266.

2523. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Досвѣтки и посидѣлки. 1886, 3, 421—444.

2524. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Коломыйкы. 1886, 4, 635—658.

2525. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Малорусскія пьяницкія пѣсни. 1886, 6, 267—292.

2526. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Мѣстныя названія въ Украинской народной словесности. 1886, 10, 265—298.

2527. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій. 1886, 12, 746—747.

2528. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусская географическая номенклатура. 1886, 7, 456—489.

2529. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Туръ въ народной словесности. 1887, 1, 65—90.

2530. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Культурныя переживанія. 1889, 1, 64—89; 2, 403—423; 3, 665—684; 4, 124—140; 5—6, 485—506; 7, 28—46; 8, 402—427; 9, 631—652; 10, 18—51; 11, 281—327; 12, 582—603; 1890, 1, 60—90; 2, 320—333; 4, 84—100; 5, 327—341; 6, 478—493; 7, 59—87; 10, 49—73.

2531. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Писанки. 1891, 5, 181—209; 6, 363—483.

2532. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Мертвая рука. 1891, 482—483.

2533. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ объясненію Малорусскихъ гаданій. 1891, 8, 314—316.

2534. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Современная малорусская этнографія. 1892, 1, 1—10; 2, 206—225; къ 1 кн. поправки см. 2 кн. 349. (Д). 3, 409—423; 4, 22—36; 5, 176—192; 7, 85—94; 8, 141—159; 9, 333—349; 10, 35—50; 11, 176—187; 1895, 2, 195—206; 5, 186—198; 7—8, 36—49; 9, 88—96; 1896, 7—8, 133—150; 9, 262—274; 11, 166—177.

2535. **Сумцовъ Н.** Вмѣсто введенія къ I выпуску современной малорусской этнографіи. 1893, 3, 528—531.

2536. **Сумцовъ Н.** О Добрынѣ и Маринѣ. 1893, 3, 546—547. (Д.).

2537. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Легенда о грѣшной матери. 1893, 5, 195—208.

2538. **Сумцовъ**.. Народныя пѣсни объ отравленіи змѣинымъядомъ. 1893, 11, 241—261.

2539. **Сумцовъ Н.** Легенда о благочестивомъ живописцѣ. 1894, 10, 20—24.

2540. **Сумцовъ Н.** Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ. 1894, 3, 440—458.

2541. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Обычай ломать скорлупу яйца. 1897, 12, 70—71. (Д).

2542. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Новая наука г. Безсонова. 1897. 1, 112—124.

2543. **Сумцовъ Н.** Изученіе кобзарства. 1904, 10 11—16. (Д).

2544. **Сумцовъ Н.** Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. 1904, 2, 58—60. (Д).

2545. **Сумцовъ Н.** Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ. 1906, 5—6, 37—43. (Д).

2546. **Существуетъ** ли Южно-русскій стиль? 1903, 7—8, 5—15 (Д).

2547. **Сѣлецкій** Арсеній. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. 1886, 6, 193—236.

2548. **Тарновскій Александръ**. Ребъ Лейбъ—Суресъ (изъ еврейскихъ легендъ). 1883, 7, 473—491.

2549. **Т. Д.** Изъ народныхъ устъ, (одна пѣсня и два разсказа). 1884 5, 172—176.

2550. **Тиховскій** Ювеналій. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и и повстаньѣ. 1889, 5—6, 626—631.

2551. **Тиховскій Ю.** Пѣсня про рекрутчину. 1893, 7, 139. (Д).

2552. **Трутовскій К. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. 1889, 9, 585—596.

2553. **Т—овъ М.** Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности 1, Пѣсня о взятіи Азова. 2, Степанъ Разинъ—козакъ Герасимъ. 1882, 11, 229—249. 3. Вертепная комедія, 4. Песиголовци. 1883, 12, 546—559.

2554. **Туркевичъ.** Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). 1905, 11—12, 66—67. (Д).

2555. **У** Гуцуловъ. 1889, 9, 765—770.

2556. **Украинская** пѣсня на китайской границѣ. 1901, 1, 18 (Д).

2557. **У. О. К. Ф.** Кобзарь Остапъ Вересай и его думы и пѣсни. 1882, 8, 259.

2558. **Употребленіе** табаку по народнымъ повѣрьямъ. 1888, 4, 20—22.

2559. **Хатемкинъ. А. Г.** Пѣсни молодежи въ современной деревнѣ. 1897, 9, 272—318.

2560. **Хатемкинъ А.** Преданія о зміевомъ валѣ 1898, 10, 13—18. (Д).

2561. **Хатемкинъ А. Гр.** Приворотныя средства. 1900, 4, 8—9. (Д).

2562. **Хатемкинъ А. Гр.** Своеобразныя молитвы. 1900, 4, 10—11. (Д).

2563. **Храневичъ В.** Шуточная народная пѣсня. 1894, 7, 111—115. (Д).

2564. **Храневичъ В.** Старинная коляда. 1899, 6, 125—127. (Д).

2565. **Х. Я.** Легенда о сотвореніи земли и злыхъ духовъ. 1897, 7—8, 72—79.

2566. **Ц. К.** Панская блажь, холопская напасть, а чиновничья пожива. 1884, 8, 742—747.

2567. **Цыбульскій К.** Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. 1885, 11 566—570.

2568. **Ц. Х.** Задунайскія народныя преданія: I. Про Палія та Мазепу; II. Про Антона Головатаго, Онупрія Шпака и царицю Катерину. 1882, 9, 579—582.

2569. **Чалый М.** Очерки народной жизни (1862 г.). 1897, 6, 484—512; 7—8, 1—52.

2570. **Чернышевъ Н.** Къ вопросу о „парубоцтвѣ", какъ особой общественной группѣ. 1887, 11, 491—505.

2571. **Чернышевъ Н.** Опытъ истолкованія обычая „Понедилкуванья“ 1887, 4. 763—771.

2572. **Чикаленко Е.** Лирныкъ Василій Морозъ. 1896, 3, 79—87. (Д).

2573. **Что** значитъ слово „гомель„ 1901, 10, 10. (Д).

2574. **Шафарукъ И. А.** Волынская бывальщына. 1885, 2, 385—391.

2575. **Ш—въ Н.** Батуринъ (изъ путевыхъ впечатлѣній). 1894, 10, 40—47.

2576. **Шейнъ П. В.** Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества. 1888, 4, 32—36.

2577. **Шиманскій Ц.** Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ. 1882, 11, 393—395.

2578. **Ш. Я.** Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. 1890, 2, 338—340.

2579. **Щепотьевъ Влад.** Про песыголовця та коваля. 1903, 10, 16—18. (Д).

2580. **Щербина В.** Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. 1894, 8, 278—282. (Д).

2581. **Щербина Ф.** Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. 1883, 7, 586—588.

2582. **Яблоновскій Вл.** Какъ молятся наши старики-крестьяне. 1904, 10, 20—22 (Д).

2583. **Яблоновськый Вол.** Весилля въ с. Отакахъ (этнограф. нарысъ). 1905, 5, 205—257.

2584. **Яблоновськый В.** Маленькі додатки до матеріалів, записаных въ с. Отаках. 1906, 5—6, 15—20. (Д).

2585. **Я. В.** Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ. 1887, 9, 194.

2586. **Яворскій Юльянъ.** Громовыя стрѣлки. Очеркъ по исторіи южнорусскаго фольклора. 1897, 7—8. 227—238.

2587. **Ястребовъ В.** Пѣсня о сербѣ. 1884, 12, 757—758.

2588. **Ястребовъ В.** Гайдамацкая пѣсня. 1885, 12, 766.

2589. **Ястребовъ В.** Гайдамацкій бандуристъ. 1886, 10. 379—388.

2590. **Ястребовъ. В.** Святочныя пѣсни Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, Херсонской губ. 1894, 2, 327—332. (Д).

2591. **Ястребовъ. В.** Народныя пѣсни Херсонскаго края. 1894, 3, 559—569. (Д).

2592. **Ястребовъ.** Варіанты сказки о невѣрной женѣ. 1894, 4, 159—165. (Д).

2593. **Ястребовъ В.** Какъ баба замирала. 1894, 12, 492—493. (Д).

2594. **Ястребовъ В.** Святочная народная драма „Тронъ“ (въ Херсон. губ.). 1895, 2, 55—59. (Д).

2595. **Ястребовъ В.** Нѣсколько словъ о писанкахъ. 1895, 4, 5—8. (Д).

2596. **Ястребовъ В.** Къ библіографіи малорусскихъ сказокъ. 1895, 5, 51—58. (Д).

2597. **Ястребовъ Василій.** Сказка о человѣкѣ. понимавшемъ разговоръ животныхъ. 1895, 6, 109—111. (Д).

2598. **Ястребовъ В.** Обрядовое постриженіе дѣтей. 1895, 10, 1—2. (Д).

2599. **Ястребовъ В.** Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи. 1896, 10, 110—128.

2600. **Ястребовъ В.** Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. 1896, 10, 5—7. (Д).

2601. **Ястребовъ В**. Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. 1897, 5, 65—66. (Д).

2602. **Ястребовъ В**. Свадебные обрядные хлѣбы въ Малороссіи 1897, 11, 281—288.

2603. **Ященжинскій**. Малорусскія причитанія надъ умершимъ. 1888, 1—3, 11—16.

2604. **Ященжинскій Х.** Гаданія на канунѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября). 1888, 11, 77—81.

2605. **Ященжинскій Х.** Бѣлорусскія колядки. 1889, 2, 477—485.

2606. **Ященжинскій Х**. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. 1889, 4, 184—186.

2607. **Ященжинскій Х.** Весенніе хороводы, игры и пѣсни. 1889, 5—6, 621—626.

2608. **Ященжинскій Х.** Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ 1889, 8, 524—527.

2609. **Ященжинскій Х.** Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. 1890, 1, 130—132.

2610. **Ященжинскій Х.** Замѣтка о купальскомъ празднествѣ въ Уманскомъ уѣздѣ, 1890, 11, 326—331.

2611. **Ященжинскій Х.** Колядки. 1890, 12, 517—521.

2612. **Ященжинскій Х**. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ 1891, 3, 445—462, 4, 28—96.

2613. **Ященжинскій Хр.** Уніатская колядка. 1892, 1, 144—145. (Д).

2614. **Ященжинскій Х.** Народныя пѣсни про мужей—пьяницъ. 1892, 3, 492—494. (Д).

2615. **Ященжинскій Хр.** Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1893, 7, 74—83.

2616. **Ященжинскій Хр.** Культъ хлѣба въ малорусскихъ колядкахъ 1893, 12, 408—416.

2617 **Ященжинскій Хр.** Колядки религіозно-апокрифическаго содержанія. 1895, 2, 207—217.

2618. **Ященжинскій Х**. Рождественская интермедія (коза). 1898, 10, 73—82.

2619. **Ѳедотовъ-Чеховскій А. А.** Бракоразводный казусъ конца XVI ст. 1887, 1, 177—180.

2620. **Ѳ. П.** Остатки преданія о Гонтѣ. 1901, 7—8, 4—9. (Д)

VI. Біографическій матеріалъ.

А) БІОГРАФІИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И МАТЕРІАЛЫ КЪ НИМЪ.

2621. **Абрамовъ Иванъ**. Дѣдъ П. А. Кулиша. 1905, 5, 157. (Д).

2622. **Автобіографія** южно русскаго священника 1-ой половины XVIII ст. 1885, 2, 318—332.

2623. **А. Л.** На комъ былъ женатъ Мазепа. 1888, 5, 43—45.

2624. **А. Л.** Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. 1891, 8, 317—325.

2625, **А. Л.** Перечень имѣній гр. П. В, Завадовскаго (1739—1812), 1895, 7—8, 20—22. (Д).

2626. **А. Л.** Черты характера гр. П. А, Румянцова. 1896, 12, 80—81. (Д).

2627. **А. Л.** Рубанъ Василій Григорьевичъ. 1897, 1, 12—14 (Д).

2628. **А. Л.** Чаша Богдана Хмельницкаго. 1897, 1, 16. (Д).

2629. **А. Л.** Кресты гетьмана Сагайдачнаго. 1899, 4, 7. (Д).

2630. **А. Л.** Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? 1898. 7—8 23—24. (Д)

2631. **Л. Л.** Предки П. А. Кулиша. 1898, 9, 62—65. (Д).

2632. **Антоновичъ** В. **Б.** Костомаровъ Н. И. какъ историкъ. 1885, 5, XXVII—XXXIV.

2633. **Антоновичъ В.** Протоіерей Алексѣй Андріевскій. 1892, 1, 11—22.

2634. **Антоновича В. Б.** о 30-іи ученой дѣятельности 1895, 6, I—IV.

2635. **Антоновича В. Б.** 35-ти лѣтній юбилей профессорской дѣятельности 1905. 10, 17—19. (Д).

2636. **Архимандритъ Арсеній**. Добрашевичъ Софроній, архимандритъ новой Сербіи. 1884, 10, 276—304.

2637. **А. С.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 4, 4—5. (Д).

2638. **А. Т.** Гетьманъ Разумовскій въ нуждѣ. 1886, 9, 182—183.

2639. **Багалѣй Д. И.** Коллекція рукописей покойнаго профессора А. Д. Кистяковскаго. 1891, 3, 494—503.

2640. **Багалѣй Д.** Замѣтка о рукописяхъ Г. С. Сковороды. 1894, 9, 463. (Д).

2641. **Балабушевичъ В**, О днѣ смерти князя Василія Константина Константиновича Острожскаго. 1882, 10, 175—177.

2642. **Барсуковъ Александръ**. Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1887, 1, 169—172.

2643. **Безбородка А. А.** князя по поводу столѣтія со времени смерти. 1899, 5, 77—78. (Д).

2644. **Бибикова Д. Г.** къ характеристикѣ (б. генералъ Губернаторъ юго-западнаго края 1838—1852). 1882, 7. 61—80.

2645. **Богдановича И. Ѳ.** памятникъ въ Курскѣ. 1890, 7, 129—132.

2646. **Божеряновъ И. Н.** Къ біографіи В. Л. Боровиковскаго, 1884, 6, 372—382.

2647. **Божеряновъ И.** Гловачевскій Кириллъ Ивановичъ, художникъ (біографическій очеркъ). 1885, 2, 308—317.

2648. **Боровиковскій В. Л.** Художникъ (1758 (?)—1825 г.). 1884, 4, 701—708

2649. **Боровиковскій Ив.** Краткія свѣдѣнія къ біографіи В. Л. Боровиковскаго. 1884, 9, 155—162.

2650. **Бородавку** гетмана какъ звали 1900, 6, 139—141 (Д).

2651. **Бранденбургъ Н.** Памяти Н. Я. Тарновскаго (къ исполнившемуся году со дня смерти). 1899, 11, 110—116. (Д).

2652. **Булашевъ Г.** ФальковскійИриней коадьюторъ Кіевскій 1883. 1, 89—120: 5, 66—96; 8, 664—718.

2653. **Бѣлогрицъ-Котляревскій Л.** Очеркъ научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго. 1885. 6, 238—254.

2654. **V.** Крашевскій Іосифъ Игнатій. 1887, 4, 799—802.

2655. **V.** Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ. 1889, 1 245—246.

2656. **В. Г.** Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы 1885, 7, 501—505.

2657. **В. К.** О происхожденіи гетмана Павла Тетери (письмо Э. Руликовскаго къ М. Александровичу) 1888, 6, 69—74.

2658. **В. А.** Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1892, 117—118. (Д).

2659. **В. А.** Къ біографіи Саввы Чалаго 1892, 8, 259—262 (Д).

2660. **Вашкевичъ Г.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1898, 11, 207—217.

2661. **В. Г.** Справка о Г. Н. Тепловѣ 1887, 2, 372—377

2662. **В. Г.** Гриценко, французскій поэтъ. 1891, 6 486—488.

2663. **Вербицкій-Антіоховъ Н. Л.** (къ 35-лѣтію писательской дѣятельности). 1905, 2, 140—145. (Д).

2664. **В. И.** Къ біографіи Ивана Мазепы. 1896, 7—8, 19. (Д),

2665. **В. Н.** Памяти Алексѣя Петровича Стороженка (къ 25-лѣтію со дня смерти). 1899, 12, 121—123 (Д).

2666. **Ворниковъ.** Къ характеристикѣ Карпенка-Караго. 1902, 12, 213—214. (Д).

2667. **Востоковъ А.** Чернякъ Иванъ, Полтавскій полковникъ. 1889, 10, 1—17,

2668. **Галагана Г. П.** для біографіи матеріалы. 1898, 9, 188—224.

2669. **Г. Б. П. П.** Чубинскій въ Архангельской губ. 1903, 7—8, 228—239.

2670. **Г. В.** Ко дню столѣтія кончины послѣдняго кошевого войска запорожскаго Петра Кальнишевскаго. 1903, 10, 203—207.

2671. **Геевскаго.** Степана Лукича автобіографія (1813—1862), съ предисловіемъ Багалѣя. 1893, 9, 375—400; 10, 91—111; 12, 427—443; 1894, 4, 26—48; 6, 514—534.

2672. **Гоголя Н. В.** для біографіи новые матеріалы. 1895, 11, 61—62 (Д.).

2673. **Гоголь** и В. Я. Ломиковскій. 1897, 11, 41—42. (Д).

2674. **Гоголь** и Богданъ Залѣскій. 1899, 10, 17 (Д).

2675. **Гордіевскій І.** священ. Святитель Өеодосій Углицкій. 1903, 9, 348—362.

2676. **Горленко В.** Еще о Боровиковскомъ. 1884, 7, 538—541.

2677. **Горленко.** Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. 1894, 10, 141—145. (Д).

2678. **Городецкій Д.** Замѣтка о времени смерти кн. Константина Острожскаго. 1885, 7, 511—512.

2679. **Гулакъ-Артемовскій.** Замѣтка о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ. 1893, 6, 520—521. (Д).

2680. **Гулака-Артемовскаго** памяти. 1895, 10, 113—118.

2681. **Гулака-Артемовскаго.** П. П. стихотвореній къ тексту. 1905, 1, 14—15 (Д).

2682. **Дабижа А. В.** Роспись рода Горленковъ, составленная по фамильнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива. 1886, 6, I—XII.

2683. **Дабижа А.** Горленки. (Очерки Прилуцкой старины). 1887, 2, 237—268; 10, 199—232.

2684. **Дабижа А.** Шпага Карла XII. 1896, 12, 65—70 (Д).

2685. **Даниловъ В.** Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова. 1907, 11—12, 225—274.

2686. **Два** документа для исторіи семейства Разумовскихъ. 1890, 4, 156—161.

2687. **Два** универсала Спиридону Шираю 1688 г. (къ характеристикѣ Мазепы). 1901, 2, 79—81. (Д).

2688. **Дворжецкій-Богдановичъ П. В.** Денъ, бывшій курскій губернаторъ. 1889, 7, 275—280.

2689. **Д. Д.** Голубовський П. проф. (посмертна згадка). 1907, 4, 74—80.

2690. **Доманицкій В.** Библіографическій указатель соч. А. Я. Конисскаго, написанныхъ по-малорусски. 1901, 1, 131—151.

2691. **Дорошенко Д.** До 25-літн. ювилею артистичноі діяльности М. Садовського. 1907, 5, 65—76.

2692. **Д—ръ Б.** Маркевичъ Болеславъ Михайловичъ въ роли сельскаго педагога. 1884, 12, 751—757.

2693. **Ефименко П.** Глоба, послѣдній писарь войска запорожскаго. 1882, 8, 368—371.

2694. **Ефименко П.** Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго. 1884, 5, 138—142.

2695. **Ефименко П. С.** Автобіографическая замѣтка Я. Шеголева. 1904, 10, 7—9. (Д).

2696. **Житецкій П.** Памяти Георгія Конисскаго. 1895, 2, 257—264.

2697. **Загоровскій А.** Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 4, 42—49.

2698. **Залюбовскаго Гр. Ан.** изъ жизни страничка. 1900, 1, 17—19. (Д).

2699. **Иконниковъ В. С.** Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808), малороссійскій военный генералъ—губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. 1890, 2, 255—304.

2700. **Іевлевъ П.** Къ біографіи П. П. Чубинскаго (пребываніе его въ Архангельскѣ). 1902, 10, 13—15. (Д).

2701. **Калнышевскаго П.**, кошевого къ исторіи заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ. 1902, 12, 141—142. (Д).

2702. **Каманинъ И.** Мазепа и его „прекрасная Елена." 1886, 11, 522—535.

2703. **Каманинъ И.** Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1888, 11, 84—96.

2704. **Каразина** къ біографіи. 1900, 3, 156. (Д).

2705 **Каразина В. Н.** чествованіе памяти въ Харьковскомъ университетѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины. 1892, 12, 438—452.

2706. **Каргопольцевъ И.** Памяти Филарета (Архіепископа Черниговскаго). 1886, 4, 831—836.

2707. **Кивлицкій Е.** По случаю 10 лѣтія со дня смерти Александра Степановича Лашкевича. 1899, 11, 243—248.

2708. **Кисель Адамъ**, воевода Кіевскій. 1580 (?)—1653 г. (историко-біографическій очеркъ) 1885, 9, 51—72; 10, 204—219; 11, 408—430; 12, 612—638.

2709 **Киселя Адама** къ біографіи дополненіе. 1886, 4, 826—831.

2710. **Кистяковскій А. Ф.** Чубинскій Павелъ Платоновичъ (род. 15 янв. 1839 г. ум. 14 янв. 1884. 1884, 2, 343—349.

2711. **Китицынъ. П.** Малоизвѣстный историческій родъ. 1884, 6, 342—344.

2712. **Коваленко Гр.** Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа. (1829—1900). 1901, 9, 363—400.

2713. **Комаровъ М.** Ухачъ-Охоровичъ Константинъ Францовичъ (изъ письма въ редакцію) 1886, 5, 186—187.

2714. **Комаровъ М.** Къ біографіи В. Н. Забѣлы. 1886, 9, 171—176.

2715. **Комаровъ М.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 3, 173—311.

2716. **Комаровъ М.** Библіографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В, Лисенка. 1904, 1, (приложеніе).

2717. **Конюскевичъ** Павелъ, тобольскій Митрополитъ. 1895, 6, 273—271.

2718. **Костомарова А.** Послѣдніе дни жизни Н. И. Костомарова. 1895, 4, 1—19.

2719. **Костомарова Н. И.** краткій біографическій очеркъ. 1885, 5, I—IX.

2720. **Костомарова Н. И.** о затерянной рукописи (см. отвѣтъ на эту замѣтку Кіев. Стар. 1891, 3, 543—544) 1891, 2, 316—317.

2721. **Костомарова Н. И.** къ біографіи. 1896, 1, 25—27. (Д).

2722. **Кочубея и Искры** могила гдѣ теперь находится? 1899, 2, 82—83. (Д).

2723. **Кошовикъ К.** Семенъ Гаркуша (1772—1784). 1883, 3, 528—554.

2724. **Кременецкаго** Гавріила м. въ біографіи, 1899, 3, 142. (Д).

2725. **Кудринскій Ѳ.** Ѳаддей Чацкій 1893, 2, 319—345.

2726, **Кудринскій Ѳ.** А. Неудачныя предпріятія народолюбки. (къ біографіи Н. С. Сохановской—Кохановской). 1900, 10, 83—122.

2727. **Кулишъ А.** Нѣсколько встрѣчъ съ Н. Костомаровымъ. 1885, 6, 255—262.

2728. **Кулиша П. А.** для біографіи матеріалы. 1897, 5, 339—362.

2729. **L.** Пропавшія рукописи Н. И.

Костомарова 1889, 10, 183—184.

2730. **Л. А.** Сабля Мазепы. 1883, 1, 213.

2731. **Л. А.** Записки о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ (1818—1822) 1894, 3. 426—439.

2732. **Лазаревскаго** Александра Матвѣевича отрывки изъ автобіографіи. 1902, 6, 470—494.

2733. **Лазаревскій А.** Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его роднѣ. 1882, 8, 382—384.

2734. **Лазаревскій А.** Забѣла Иванъ Петровичъ, знатный войск. товарищъ (1665—1703) (отрывки изъ семейнаго архива. 1883, 7, 506—538.

2735. **Лазаревскій А.** Люди старой Малороссіи 1. Лизогубы. 1882, 1, 101—125. 2, Милорадовичи. 1882, 3, 479—498. 3. Миклашевскіе, 4. Свѣчки 1882, 8, 243—258. 5. Марковичи 1884, 1, 51—82. 6. Голубы 1885, 5, 1—20. 7. Крыжановскіе 1885. 5, 7—14. 8, Кулябки. 9: Ломиковскіе. 1886, 1, 1—16. 12. Афендики, 13. Левенцы 14. Лѣсницкіе 1886, 7, 443—455. 15 Борозды, 1887, 6—7, 378—395. 16. Раковичи, 17. Оболонскіе, 18. Мануйловичи. 1887, 8, 627—637. 19. Жуковскіе, 20. Носенки—Бѣлецкіе, 21—Трощинскіе 1888, 11, 364—373.

2736. **Лазаревскій Ал.** Иванъ Романовичъ Мартосъ (1760—1831). 1895 10, 48—81.

2737. **Лазаревскій Ал.** Прежніе изыскатели малорусской старины Александръ Михайловичъ Марковичъ (р. 1790—1865). 1897, 1, 92—111: 2, 275—310.

2738. **Лазаревскій Ал.** Замѣтки о. Мазепѣ (по поводу книги Ѳ. Уманца „Гетманъ Мазепа") 1898, 3, 457—485: 4, 131—167: 6, 395—411.

2739. **Лашкевичъ А.** Родъ Вишневскихъ. 1887, 5, 73—91.

2740. **Лашкевичъ А. С.** Свѣдѣніе о Головатомъ Иванѣ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ. 1887, 6—7, 586—587.

2741. **Лашковъ Ѳ.** Шагинъ—Гирей, послѣдній Крымскій ханъ (историч. очеркъ) 1886, 37—80.

2742. **Л—въ Ѳ.** Дмитрій Высокопреосвященнѣйшій (Муретовъ, архіепископъ Херсоскій). 1883, 12. 704—713.

2743. **Лебединцева Ѳ. Г.** памяти (по поводу 10 лѣтія со дня смерти). 1898, 3, 315—317.

2744. **Левитскій О.** Пасѣка Хмельницкаго, 1882, 7, 174—177.

2745. **Левицкій О. И.** Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. 1890, 9, 478—485.

2746. **Литература** о В. Н. Каразинѣ. 1905, 9, (приложеніе).

2747. **Личковъ.** Пасѣка Богдана Хмѣльницкаго. 1901, 1, 4—5. (Д).

2748. **Л. М.** Замѣтка о Леонтовичѣ Мелетіи, Харьковскомъ архіепископѣ. и о мѣстахъ его первонач. образованія. 1903, 2. 72—74. (Д).

2749. **Л. М.** Къ біографіи Серапіона Александровскаго, Кіевскаго митрополита. 1903, 4, 4—8. (Д).

2750. **Л. М.** Савичъ Н. И. (прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Меѳод. Общества). 1904, 2, 229—238.

2751, **Л. М.** Замѣтка объ Антоніи Рафальскомъ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ. 1904 11. 46—48. (Д)

2752. **Луговой А.** Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ. 1886, 1, 206—208.

2753. **Лучицкій И.** Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права. 1895, 1, 64—87.

2754. **Ляскоронскій В.** Поповичъ Иванъ, Паволоцкій полковникъ. 1889, 5—6, 570—577.

2755. **Мазепы** къ родословной. 1886, 12, 757—759.

2756. **Мазепы** Ивана домъ. 1899, 9, 115. (Д).

2757. **Максимовича М. А.** памяти, отъ редакціи. 1898, 11, 218—221.

2758. **Максимовича М. А.** къ первому Кіевскому юбилею 1871 г. 1900, 12, 143—146. (Д).

2759. **Максимовичъ М.** Воспоминаніе о Тимковскихъ. 1898, 11, 254—272.

2760. **Максимовичъ М. А.** Автобіографія. 1904, 9, 322—356.

2761. **Манжуры И. И.** памяти (по поводу 10-лѣтія со дня смерти). 1902, 5, 102—104. (Д).

2762. **Маркевичъ А.** Марковичи. 1890, 10, 11, приложеніе.

2763. **Маркевичъ А.** Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго, 1896. 4, 22. (Д).

2764. **Мацѣевичъ Левъ.** Автобіографія свяш. Аполлонія Сендульскаго. 1896. 1, 58—77.

2765. **Мердеръ А.** Къ характеристикѣ Кіевскаго военнаго губернатора Княжнина, 1902, 9, 112. (Д).

2766. **Метлинскаго А. Л.** объявленіе. 1899, 4, 14. (Д).

2767. **Милорадовичъ Графъ.** Грамота Петра I Черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу, (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана). 1884, 8, 747—748.

2768. **Милорадовичъ Г. А.** графъ. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. 1888, 8, 46—50.

2769. **Миронъ.** Шумлянскій Іосифъ, послѣдній православный епископъ Львовскій, и его „метрика". 1891, 6, 337—362, 7, 1—21.

2770. **Модзалевскій В.** Генеральный судья Иванъ Чернышъ и его родъ. 1904, 3, 315—347; 4, 1—35: 5, 193—230.

2771. **Модзалевскій В.** Къ родословной гетмана Даніила Апостола. 1904, 12 140—142. (Д).

2772. **Молчановскій Н.** Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы. 1903, 1, 91—101.

2773 **N.** Случай изъ жизни Н. Костомарова. 1885, 6, 353—353.

2774. **Науменко В. П.** Памяти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовича и П. А. Антоновича 1891, 10. 133—136.

2775. **Науменко** Кистяковскій А. Ѳ. (и списокъ его трудовъ) 1895, 1. 1—43.

2776. **Науменко В.** Маленькое недоразуменіе (о біографіи Квитки) 1896, 4, 23. (Д).

2777. **Науменко В.** Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича 1896, 10, 15—17. (Д). 11, 48—50. (Д).

2778. **Науменко В.** Скорбная страничка изъ жизни М. А. Максимовича. 1898, 11. 273—307.

2779. **Науменко В.** Кореницкій Порфирій-забытый малорусскій писатель. 1899, 10. 11—14. (Д).

2780. **Науменко В.** Памяти В. С. Гнилосырова. 1901, 2, 301—307.

2781. **Н. Б.** Новые альбомы Де-ля-Флиза. 1891, 3, 508—511.

2782. **Н. В.** Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка 1886, 5, 178—181.

2783. **Некрасова Е.** Марченко Анастасія Яковлевна (Т. Ч. или А. Тембризовъ. 1830—1880). 1889, 11, 392—422.

2784. **Николайчикъ Ѳ.** Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. 1885, 5, IX—XXV.

2785. **Николайчикъ Ѳ.** Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ 1887, 12, 697—716.

2786. **Н. О.** Къ біографіи Тимофея Цыцуры. 1889, 9, 770—772.

2787. **Новицкій И.** Князья Ружинскіе (памяти М. А. Максимовича). 1882, 4, 58—84.

2788. **Новые** историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. Съ предисловіемъ И. Каманина. 1882· 7, 18—24.

2789. **Нось-фонъ Ст.** Мѣсторожденіе Семена Палія. 1882, 3, 609—611.

2790. **Н. С.** По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни. 1887, 6—7, 567—572.

2791. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Некрасова. 1903. 1, 176—180.

2792. **Одинъ** изъ Мазепинцевъ (Прилуцкій Полковникъ Дмитрій Горленко). 1889, 10, 190—194.

2793. **О. Л.** Къ біографіи гетмана Павла Тетери, 1894, 11, 305—306. (Д).

2794. **О** могилѣ Григорія Ѳед. Квитки—Основьяненка (Харьк. Вѣд. 1893, № 178). 1893, 8, 297—298.

2795. **Онацкій Д.** Къ родословной Полуботковъ. 1887, 2, 365—366.

2797. **Орловскій П.** прот. Грановскій протопопъ Іоаннъ Страцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII в. 1895, 11, 119—144; 12, 328—360.

2797. **Орловскій П.** Прот. Преосвященный Викторъ Садковскій, Архіеп. Минскій, Коадъюторъ Кіевской Митрополіи съ 1785 по 1796. г., Управляющій правосл. церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго царства Польскаго. 1897, 7, 20—54.

2798, **О** Сагайдачномъ новый документъ 1902, 11, 73—75. (Д).

2799. **Павловскій И. Фр.** Потомокъ Семена Палія на службѣ въ Полтавскомъ депутатскомъ собраніи. 1903, 6, 166—168. (Д).

2800. **Павловскій И. Фр.** Математикъ М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. 1904, 11, 45—46. (Д).

2801. **Павловскій И. Фр.** Декабристъ Яковъ Драгомановъ. 1907, 5, 218—220.

2802. **Памятка** о сидѣніи Полуботка съ товарищами подъ карауломъ въ Петербургѣ 1901, 9, 100—102.

2803. **П. Вл.** Гервасій Линцевскій. 1904, 12, 408—443.

2804. **Петровъ Н.** Къ біографіи св. Ѳеодосія Углицкаго, архіеписк. Черниговскаго. 1902, 11, 86—92. (Д).

2805. **Петровъ Н.** Къ біографіи философа Сковороды. 1903, 4, 10—18. (Д).

2806. **Петлюра С.** До юбилея М. К. Заньковецькоі 1907, 11—12. 34—63

2807. **П. Л.** Михаилъ, Митрополитъ Кіевскій XII в. 1892, 12, 323—336.

2808. **П. М.** Гавриловъ Александръ Ипполитовичъ. 1889, 1, 246—247.

2809. **Подолянинъ.** Старинный южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Купа 1886, 7, 563—570.

2810. **Полницкій А.** Селимовецъ (Шаховъ, помѣщикъ Харьков. губ.). 1898, 6, 411—452.

2811. **Полонскаго** поэта о происхожденіи. 1899, 2, 85. (Д).

2812. **Полуботокъ** въ оковахъ. 1902, 4, 11—13. (Д).

2813. **Поминка** о Н. А. Маркевичѣ (къ столѣтію годовщины рожденія его). 1904, 9, 89—90. (Д).

2814. **Пономаревъ С.** Альбомъ М. А. Максимовича. 1882, 1, 152—173.

2815. **Пѣтуховъ Е.** Къ біографіи А. А. Котляревскаго. 1894, 4, 165—169. (Д).

2816. **Пять** документовъ рода Савичей. 1887, 9, 153—158.

2817. **Рудченка** Ивана Яковлевича о жизни и дѣятельности краткія біографич. свѣдѣнія. 1907, 7—8, 92—100.

2818. **Румянцева-Задунайскаго П. А.** Графа. для біографіи матеріалы. 1895, 3, 385—404.

2819. **Савичъ А.** Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ 1889, 2, 485—487.

2820. **Самуила** митрополита Кіевскаго къ біографіи. 1897, 9, 70—72. (Д).

2821. **Свириденко С.** Памяти И. Я. Рудченка. (очеркъ). 1906, 3—4, 412—420.

2822. **Секретное** предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. 1904, 2, 63—65. (Д).

2823. **Сердюковъ И. И.** Автобіографическая записка. 1896. 11, 178—224; 12. 337—373.

2824. **Снальковскій** Аполлонъ Александровичъ (по поводу девяносто лѣтія его жизни). 1898, 1, 150—159.

2825. **Сковороды** житіе, описанное его другомъ М. И. Ковалѣнскимъ (съ предисловіемъ Н. Сумцова). 1886, 9. 103—150.

2826. **С—ко. А.** Къ свѣдѣніямъ о Иванѣ Куцкевичѣ (козацкомъ гетманѣ) 1883, 6, 379—381.

2827. **С—ко. Н. В.** Стороженки (фамильная лѣтопись). 1884, 2, 205—222.

2828, **С—ко.** На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка (корреспонденція „Кіевской Старины"). 1885, 8, 729—732.

2829. **С. Н.** Полтавскій Губернскій Маршалъ С. М. Кочубей. 1894, 1, 135—141. (Д).

2830. **Современный** отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. 1883, 6, 396—398.

2831. **С. П.** На могилѣ Лазаревскаго А. М. (въ 20-й день по его кончинѣ). 1902, 5, XXIX—XУX.

2832. **С. П.** Труды Лазаревскаго А. М. 1902, 5, XXXI—LII.

2833· **Степовичъ А.** Къ біографич. матеріалу о А. А. Котляревскомъ. 1892, 3, 478—482. (Д).

2834. **Стешенко И.** Къ столѣтію годовщины рожденія М. А. Максимовича. 1904, 9, 347—377.

2835. **Сторожевскій Ник.** Дѣло о Богдановичѣ П. И. (типографщикъ и переводчикъ). 1891, 11, 308—312.

2836. **Стороженко А.** Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. 1892, 1, 138—141. (Д).

2837. **Стороженко А.** Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко полковникъ Переяславскій. 1893, 4, 1—28.

2838. **Стороженко А.** Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія. 1897, 1, 125—145.

2839. **Стороженко Н.** Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности Алексѣя Петровича Стороженко. 1884, 12, 723—730.

2840. **Стороженко Н.** Новицкій Илья Өедоровичъ, охочекомонный полков· 1885, 7, 431—457.

2841. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи рода Свѣчекъ. 1887, 11, 580—584.

2842. **Стороженко Н. В.** Вакуленко. Семенъ, сотникъ Пирятинскій (1696—1720). 1891, 1, 119—153.

2843. **Стороженко Н.** Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. 1893, 2, 358—360. (Д).

2844. **Стороженко Н.** Разумовскій Кириллъ Григорьевичъ графъ въ роли челобитчика въ сенатъ. 1893, 2, 361—367. (Д).

2845. **Сумцовъ Н. Ө.** Орѣховскій Станиславъ 1888, 11, 215—234.

2846. **Сумцовъ Н. Ө.** Памяти Ө, Г. Лебединцева. 1889, 3, I—VI.

2847. **Сумцовъ Н.** Памяти Калнышевскаго. 1899, 5, 72. (Д).

2848. **Тарновскій Ф.** Могила Петръ, Кіевскій митрополитъ (біографическій очеркъ). 1882, 4, 1—24.

2849. **Тарновскій Ф. А.** Серапіонъ митрополитъ кіевскій, 1883, 9—10, 88—134.

2850. **Тарновскаго В. В.** Лазаревскаго А. М. и Шугурова Н. В. памяти. 1902, 7—8, 282—292.

2851. **Тетери** гетмана булава. 1901. 4, 9. (Д).

2852. **Тихій Н.** В. И. Каразинъ, 1905, 1, 1—47; 2, 263—301; 3, 349—372; 4, 1—35; 5, 234—291; 6, 321—360; 7—8, 1—58; 9, 383—389.

2853. **Титовъ А.** Во что обошлась опись библіотеки Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. 1883, 8, 767—769.

2854. **Титовъ** А. Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ Иринея Фальковскаго. 1884, 12, 740—743.

2855. **Фойницкій И.** Кистяковскій А. Ф., какъ криминалистъ. 1895, 1, 88—102.

2856. **Чалый М.** Къ біографіи А. Марковича. 1894, 5, 342—345. (Д).

2857. **Чалый М.** Къ характеристикѣ гр. В. А, Перовскаго. 1900, 2, 70—73. (Д).

2858. **Чеважевскій В.** Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго. 1884, 11, 544—545.

2859. **Чествованіе** памяти Богдана Хмельницкаго во Львовѣ. 1905, 11—12, 110—111. (Д).

2860. **Шенрокъ.** П. А. Кулишъ. (біографическій очеркъ). 1901, 2, 153—179; 3. 461—492; 4, 126—152; 5, 183—213; 6, 344—382; 7—8, 46—102; 9, 304—330; 10, 18—44.

2861. **Шр—ко А.** Навроцкій А. А. (статья по поводу смерти). 1902, 12 351—381.

2862. **Ш—ровъ Н.** У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго. 1899, 9, 356—378; 10, 19. (Д).

2863. **Шугуровъ Н.** Трутовскій К. А. и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. 1889, 5—6, 609—613.

2864. **Шугуровъ Н. В.** Тимковскій Илья Өеодоровичъ, педагогъ прошлаго времени. 1891, 8; 212—236; 9, 375—406, 10, 82—97.

2865. **Шугуровъ Н.** Печальная ошибка (письмо въ редакцію) по поводу портрета И. Ө. Тимковскаго, помѣщеннаго въ № 9. „К. Ст." 1891 г.) 1891, 12, 472—473.

2866. **Щепкина М. С.** выкупъ изъ крѣпостного состоянія. 1897, 10, 9—11. (Д).

2867. **Щербина В.** Богославскій полковникъ Кондратъ Шелестъ. 1895, 12, 89—90. (Д).

2868, **Щербина В.** Первый Кіевскій археологъ М. Ѳ. Берлинскій. 1896, 12, 395—417.

2869. **Щербина Ф.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1895, 4, 63—75.

2870. **Эварницкій Д.** По поводу картины С. И. Васильковскаго. 1886, 1, 184—187.

2871. **Эварницкій Д.** Письмо въ редакцію (о неточностяхъ письма Г. И. Дмитренко о Кальнишевскомъ). 1904, 1 6—9. (Д).

2872. **Я. Г.** Вагилевичъ Иванъ Николаевичъ (судьба одного Галицко-Русскаго ученаго). 1883, 7, 453—472.

2873. **Ѳ. Н.** Родина Кальнишевскаго. 1892, 5, 249—277.

Б). ПИСЬМА и ПЕРЕПИСКА.

2874. **А. А.** Письмо Черниговскаго Губернатора Андрея Милорадовича въ защиту Кіевскаго протоіерея Леванды 1894, 1, 141—143. (Д).

2875. **А. Л.** Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в. письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. 1890, 5. 264—269.

3876. **А. Л.** Два письма Наталіи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу. 1743—1748 г. 1890, 11, 332—334.

2877. **А. Л.** Письма Д. М. Велланскаго. 1897• 11. 289—310.

2878. **А. Л.** Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану. 1900, 12, 137—143. (Д).

2879. **А. Л.** Письмо Петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, Лубенскому Полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ. 1893, 1. 171—172 (Д).

2880. **А. Л.** Современное письмо о смерти. Ал. Мих. Будлянскаго (1819), 1893. 3, 535—538. (Д).

2881. **А. Л.** Письмо Феодосія, святителя углицкаго. 1896, 10, 1—2. (Д),

2882. **А. Л.** Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. 1898, 5. 52, (Д).

2883. **А. Л.** Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику Черниговской „катедры". Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. 1889, 5, 46—47.

2884. **А. Л·** Письмо Н. В. Шугурова 1901, 12, 153—155 (Д).

2885. **А. Л.** Четыре письма О. М. Бодянскаго• 1889, 11, 446—450.

2886. **Андр.** А. Переписка Леонтьева М. И. Кіевскаго генералъ—губернатора, по поводу назначеніи ему жалованья (1743 г.) 1892, 3, 486—492. (Д).

2887. **Анненкова А. В.** письмо Кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1894, 4, 153—155. (Д).

2888. **Аракчеева** графа письмо къ Г. И. Лисаневичу (1817—1820) съ предисловіемъ В. Я. 1884. 12, 673—692.

2889. **Арсенія** Митрополита Кіевскаго письма къ прот. Лебединцеву съ примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго. 1900, 10, 123—162.

2890. **Багалѣй Д. И.** Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву 1891, 6, 469—475.

2891. **Багалѣй Д. И.** Письма къ Гр. П. Данилевскому. 1903, 1, 51—69: 2, 218—244: 3, 378—394· 4, 55—78: 5, 286—301.

2892. **Бадровъ А**. Письмо гр. Кирилла Разумовскаго къ матери 1893, 11, 334—335. (Д).

2893. **Б—ій Д**. Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. (1837 г), 1902, 12, 142—144. (Д).

2894. **Бодянскаго и Кулиша** къ Г. П. Галагану два письма 1903, 2, 77—78. (Д).

2895. **Блудовой** Антонины Дмитріевны, графини, письма къ прот. Петру Гавриловичу Лебединцеву. 1902, 1, 73—102.

2896. **Булгарина Ѳ.** письмо о Гоголѣ. 1893, 5, 321—322. (Д).

2897. **Бѣдновъ В**. Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому. 1906, 3—4, 72. (Д).

2898. **Бѣдновъ В.** Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту Кіевскому. 1906, 3—4, 72—73. (Д).

2899. **В. Г.** Письмо Ив. Носа къ Прилуцкому Полковнику Д. Горленку о свадьбѣ его сына. 1892, 1, 136—138. (Д).

2900. **В. Н.** Письмо Ив. Танскаго къ В. А. Гоголю. 1897, 10. 13—16. (Д).

2901. **В. Н**. Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку. 1898, 1, 7—8. (Д).

2901. **В. Н.** Письмо В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. 1902, 9, 114, —115. (Д).

1903. **Воронинъ А**. Письмо А. Ф. Воронина къ Г. П. Галагану. 1904, 3, 108—109. (Д).

2904. **Галаганъ Г. П.** Два письма 1859 г. (къ исторіи освобожденія крестьянъ) 1895, 9, 68—70. (Д).

2905. **Галагана Г. П**. письма къ Н. Д. Бѣлозерскому 1898, 9, 61—62. (Д).

2906. **Галагана Г. П.** частная переписка. Письма Ригельмана, Метлинскаго, Бодянскаго, Кулища 1899, 5, 181—198; 6, 440—454: 7, 24—32 9. 341—355.

2907. **Галагана Г. П**. письмо о малороссійскомъ будынкѣ въ с. Лебединцѣ, Прилукскаго уѣзда. 1904, 7—8, 1—7. (Д).

2908. **Ганки В**. письмо къ министру нар. просв. гр. Уварову. 1892. 2, 333—339. (Д).

2909. **Гладкаго Осипа**. Кошевого письмо къ А. А. Скальковскому. 1883, 4, 902—903.

2910. **Гоголь М. И**. Письма къ Кулишу и Д. С. Каменецкому 1897, 12, 67—69. (Д).

2911. **Голомбіевскій А.** Письмо Мазепы къ окольничему Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). 1892, 5, 297—298. (Д).

2912. **Горленко В.** Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). 1893, 1, 41—76.

2913. **Грабянки** Евдокіи Ивановны, жены Гадяцкаго полковника Григорія, письмо къ брату своему Ивану Забѣлѣ. 1894, 4, 158—159. (Д).

2914. **Гребенки Е. П.** письма къ роднымъ. 1898, 12, 425—446.

2915. **Григоровича** Вас. Ив. письмо, 1824 г. 1899, 6, 133—137. (Д).

2916. **Деллена А. К.** письмо къ П. В. Павлову. 1897. 12, 71—74. (Д).

2917. **Доманицкій.** Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проэктѣ общества для изданія мало-

русскихъ народныхъ книгъ. 1901, 2. 68—72. (Д).

2918. **Дорошенко П.** Два письма историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Авраамовичѣ. 1885, 12, 690—698.

2919. **Завадовскаго П. В.** графа три письма, 1775 и 1776 г. г. 1890, 9, 491—494.

2920. **Завадовскаго П. В.** графа письмо къ Л. Алексѣеву, кавказскому губернатору. 1892, 6, 455—456. (Д).

2921. **Иванишева Н. Д.** проф. письмо барону Шодуару. 1898, 11. 56—57. (Д).

2922. **Иконниковъ В.** Письмо С. А. Неплюева къ новобрачной дочери. 1888, 1—3, 21—25.

2923. **Имшанецкаго М.** письмо къ гр. Галагану, 1864 г. (одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства). 1901, 11, 78—80 (Д).

2924. **Иннокентія** письма 1820—1825 г. г, (матеріалы для исторіи Кіевской Духсвной Академіи). Съ предисл. Л. В. 1882, 3, 499—519.

2925. **І. Г.** Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 10, 1—17.

2926. **І. Г.** Письма Н. В. Закревскаго къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1902, 7—8, 77—94.

2927. **Квитки Г. Ф.** три письма къ М. А. Максимовичу. 1883, 6, 346—352.

2928. **Квитки** письма къ А. А. Краевскому. 1893, 11, 214—222; 12, 376—384.

2929. **Костомарова Н. И.** записка къ Д. Г. Лебединцеву, 1904, 9, 90—91. (Д).

2980. **Костомарова** письма къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ. 1897, 10, 132—142.

2931. **Кулиша П. А.** письма къ В. Тарновскому (1855—1858). 1898, 4, 107—131; 12, 353—366.

2932. **Кулиша** письма къ Д. С. Каменецкому (1857—65). 1898, 5, 222—244, 6, 366—394; 7—8, 132—144; 12, 345—362.

2933. **Кулиша** письма къ И. Ф. Хильчевскому (1858—1876). 1898, 1 84—149.

2934. **Кулиша** переписка съ Владиміромъ Барвинскимъ (1871 г.) 1898, 10, 83—117.

2935. **Кулиша П. А.** письма къ Шевченку. 1898, 2, 228—239.

2936. **Кулиша П. А.** письма къ О. М. Бодянскому. 1846—1877). 1898, 2, 283—313.

2837. **Кулиша П. А.** письма къ В. В. Тарновскому—сыну. 1899, 1, 81—100.

2938. **Кулиша П. А.** письмо къ М. А- Максимовичу. 1899, 7, 6—8. (Д).

2939. **Кулиша П. А.** изъ писемъ къ С. Д. Носу. 1899, 4. 8—31.

2940. **Кулиша П. А.** письмо въ Буковину. 1861 г. 1899, 4, 3—4. (Д).

2941. **Кулиша П. А.** письма къ М. В. Юзефовичу. 1899, 2, 185—208; 3, 303—324.

2942. **Кулиша П. А.** письмо къ М. Грибовскому. 1900, 11 71—74. (Д).

2943. **Кулиша П. А.** письма къ А. Ѳ. Кистяковскому. 1902, 2, 298—312; 3, 518—531; 4, 6—24.

2944. **Кулиша П. А. и Л. М.** Жемчужникова письма къ Остапу Вересаю, съ пред. О. Пчилки. 1904, 2, 211—228.

2945. **К—шъ В.** Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому—Илличу. 1887, 4, 782—784.

2946. **Лазаревскій А.** Письмо Н. И. Костомарова. 1891, 9, 478—479.

2947. **Лазаревскаго А.** и прот. П. Г. Лебединцева два письма къ Костомарову. 1903, 5, 85—88. (Д).

2948. **Лебединцева** Арсенія, протоіерея, бывшаго благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, письма къ Иннокентію, архіеп. Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій во время осады Севастополя. 1896, 1, 1—9; 2, 152—176; 3, 263—288; 4, 1—37; 5, 146—175; 6, 279—306; 7—8, 30—63.

2949. **Лебединцева Ѳ. Г.** Письма къ брату въ Кіевъ (1865—1867). 1898, 3, 318—365; 4, 51—86; 5, 169—190.

2950. **Лебединцева** Петра Гавріиловича изъ переписки съ митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ. 1902, 10, 17—33.

2951. **Левандовскій І.** Четыре письма Евгенія, митрополита Кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору Кіевской Академіи. 1883, 6, 310—316.

2952. **Левандовскій І.** Четыре письма митрополита Кіевскаго Евгенія къ ректору Кіевской Академіи, архимандриту Мелетію. 1884, 2, 297—304.

2953. **Левицкій Ор.** Письмо Петра I о Полтавской побѣдѣ. 1891, 1, 162—164.

2954. **Лизогуба А. И.** письма къ Г. П. Галагану. (1853). 1899, 3, 131—133. (Д);

2955. **Лукашевичъ П.** Письмо Лукашевича къ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1893, 3, 539—546. (Д).

2956. **Митрополита** Кіевскаго Варлаама Ясинскаго письмо къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. 1904, 5, 53—55. (Д).

2957. **Мазепы** гетмана два письма къ Гадячскому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно въ декабрѣ 1705 г. 1901, 4, 10—11. (Д).

2958. **Максимовича М. А.** письма къ С. П. Шевыреву. 1896, 9, 275—294.

2959. **Максимовича М. А.** Письмо къ NN. 1898, 11, 44—45. (Д).

2960. **Максимовича М. А.** письмо 1854 г. 1899, 2, 84—85. (Д).

2961. **Маркевича Н. А.** письмо къ Г. П. Галагану 1857 г. 1899, 2, 78—80. (Д).

2962. **Марковича Ал.** письма по поводу. 1899, 4, 28—30. (Д).

2963. **Марковича А. В.** письмо къ Д. С. Каменецкому. (1858). 1899, 4, 14—16. (Д).

2964. **Марковича А. В.** два письма къ Т. Шевченку и П. Кулишу. 1899, 5, 68—71. (Д).

2965. **Мартоса** Ивана Романовича частная переписка (1817—1830). 1896, 6, 344—368; 10, 77—92; 11, 225—233; 1897, 7—8, 53—71; 1898. 6, 453—472; 7—8, 116—131.

2966. **Мацкевичъ** Александръ, протоіерей. Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ смерти митрополита Іосифа Симашко. 1884, 6, 332—340.

2967. **Мацѣевичъ.** Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ А. Левшину. 1892, 10, 123—124 (Д).

2968. **Милорадовича А. М.** письмо къ Н. М. Стороженку. 1888, 1—3, 16—19.

2969. **Михайлова** Якова Евдокимо-

вича (впослѣдствіи Іустина, епископа Владимірскаго письма къ Александру Иван. Бѣлюгову, 1823—27. (матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи). 1882, 7, 106—136.

2970. **Науменко В.** Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ (1864—1873). 1904, 9, 378—413; 10, 125—147; 11, 260—295; 12, 454—505.

2971. **Н. М.** Изъ семейныхъ архивовъ (изъ писемъ кн. Лобанова Ростовскаго и кн. Репнина, 1811—1819). 1893, 7, 90—99.

2972. **Н. М.** Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита Литовскаго, къ своему брату, 24 февраля 1821 г. 1897, 1, 11—12 (Д).

2973. **Н. М.** Благодарственное письмо кн. А. Меньшикова Кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ Полтавской побѣдой. 1897, 5, 61—63. (Д).

2974. **О. Л.** Письмо гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іосифу Кроковскому въ 1712 г. 1904, 11, 51—52. (Д).

2975. **О. Л.** Письма Өеофана Прокоповича къ Кіево—Печ. архимандриту Іоанникію Сенютовичу. 1899, 11, 65—66. (Д).

2976. **Орловскій П.** протоіерей. Переписка атамана П. Калнышевскаго съ кіевскимъ митроп. Арсеніемъ Могилянскимъ. 1893, 7, 139—142. (Д).

2977. **Перетцъ В.** Письмо гетмана Ив. Выговскаго къ Кая—бею 1659 г. 1905, 6: 232—234. (Д).

2978. **Перетцъ В.** Спискъ с перенятаго писма вора Мазепы. 1905, 6, 234. (Д).

2979. **Петлюра С.** З переписки Хведора Квітки з Антоном Головатим. 1907, 7—8, 186—201.

2980. **Петровъ Н.** Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 17 февраля 1794 г. 1893, 1, 172—173; 2, 380. (Д).

2981 **Петровъ Н.** Интимная переписка Өеофана Прокоповича съ Яковомъ Маркевичемъ. 1882, 6, 498—508.

2982. **Письмо** 1781 г. Глуховскаго адвоката изъ Петербурга о тамошней жизни. 1890, 2, 337—338.

2983. **Письмо** 1801 г. изъ Чернигова о тамошнихъ новостяхъ. 1890, 3, 539—540.

2984. **Погодина М. П.** письмо къ М. А. Максимовичу. 1904, 9, 71—77 (Д).

2985. **Полетики Г. А.** Частная переписка (1750—1784). Съ предисл. Ал. Лазаревскаго. 1893, 3, 493—527; 4, 98—119; 5, 209—227; 6. 491—506; 10, 112—113; 11, 248—316; 1894, 4, 128—145; 6, 498—513; 10 111—135; 1895, 5, 239—262; 6, 350—366: 7—8, 85—99.

2986. **Пономаревъ С.** Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому (1833—1834). 1883, 3, 623—629.

2987. **Пономаревъ С.** Письма С. Т. Аксакова къ Максимовичу. 1883, 4, 829—852.

2988. **Прозоровскаго,** князя, письмо къ Л. Алексѣеву (къ исторіи заселенія Новороссіи). 1892, 6, 455. (Д).

2989. **Рамазанова Н.,** художника, письмо къ Кукольнику. 1903, 9, 104—105. (Д).

2990. **Ригельмана Н. А.** два письма къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. 1897, 1, 1—4. (Д).

2991. **Румянцева П. А.** графа переписка о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г. 1882, 9, 523—552; 10 89—119; 1883, 9—10.. 254—286.

2992. **Румянцева П. А.** письмо къ Г. Я. Макарову. 1901, 10, 9—10 (Д).

2993. **Румянцева-Задунайскаго** графа, два письма къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову. 1904, 1, 4. (Д).

2994. **Сахновской** Евдокіи, жены полкового обознаго, четыре письма къ мужу (1743—1744). Съ предисл. А. Б. 1891, 1, 177—183.

2995. **С—кій В.** Письма А. А. Краевскаго къ Г. Д. Квиткѣ. 1894, 5, 350—353. (Д).

2996. **С—ко Н. В.** Два письма Богдана Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, гетману Литовскому, 1885, 1, 196—198.

2997. **С—ко.** Письмо Августа II, короля Польскаго, къ Семену Палію 1885, 10, 360—361

2998. **Срезневскаго И. И.** изъ переписки (1829—1839), 1901, 6, 317—343; 7—8, 210—248,

2999. **Степовичъ А.** Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану 1904, 6, 109—114. (Д).

3000. **Степовичъ А.** Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану. 1902, 1, 4—6· (Д).

3001. **Сторожевъ В.** Двѣ отписки миргородскаго полковника Гавріила Бѣлаша. 1982, 5, 294—296. (Д).

3002. **Стороженка** Алексѣя Петровича, письмо къ А. А. Краевскому. 1893, 6, 319. (Д).

3003. **Стороженко Н. В.** Письмо графа Румянцева—Задунайскаго къ генералъ—прокурору князю А. А. Вяземскому о награжденіи малороссіянъ чинами. 1891, 1. 176—177.

3004. **Стороженко Н.** Письмо П. Лукашевича къ князю Н. Репнину 1893, 5, 320—321. (Д).

3005. **Стороженка Н. И.** одно изъ послѣднихъ писемъ, 1908, 2, 21—22. (Д).

3006. **Страшкевичъ В.** Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліянахъ. 1905, 1, 11—12. (Д.)

3007. **Титовъ А.** Письма Кулиша къ О. М. Бодянскому (1846—1847). 1897, 9, 394—408; 10, 27—45; 11, 242—280; 12, 449—462.

3008. **Трощинскаго Д.** четыре письма къ князю Я. И. Лобанову-Ростовскому, 1886, 12, 709—716.

3009. **Хмельницкаго Богдана** сосѣдственно пріятельское письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. 1884, 11, 541—542.

3010. **Холодовича** воронежскаго сотника, письмо къ намѣстнику черниговской „катедры", Саввѣ Шпаковскому, 1721.

3011. **Чепы А. И.** письмо къ В. Полетикѣ. 1901, 10, 8—9. (Д).

3012. **Щербацкаго** Тимофея, арх. Кіево-Печ. лавры письмо къ митроп, Кіевскому Рафаилу Заборовскому. 1896, 7—8, 24—25. (Д).

3013, **Юркевича П. Д.** письмо къ прот. П, И. Катранову. 1891, 11, 304—307.

3014. **Ястребовъ В. Н.** Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. 1885, 11, 543—551.

3015. **Ѳаворова Наз. Ант.,** протоіерея, проф. Университета Св. Владиміра, письма къ прот. П. Г. Лебединцеву, 1901, 11, 169—190; 12. 346—374.

В) ВОСПОМИНАНІЯ.

3016. **А. Л.** Памяти А. В. Марковича. 1892, 9, 405—409.

3017. **А. Л.** Къ поминкамъ по Сковородѣ. 1894. 11. 296—297. (Д).

3018. **А. Л.** Памяти Н. М. Бѣлозерскаго. 1897, 1, 146—150.

3019. **А. Л.** Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній (1861—1863) 1901, 3, 352—367; 5, 282—300.

3020. **Барв—вскій Н. Я.** Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ, 1884, 3, 498—505.

3021. **Беренштамъ. В.** Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ жизни Н. И. Костомарова 1885, 6. 219—237.

3022. **Бодянскаго О. М.** двадцатицятилѣтіе со дня смерти 1902, 9, 408—410.

3023. **Борзаковскій П.** Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній 1903, 9. 327—357.

3024. **Борзаковскій.** Въ бурсѣ-семинаріи (изъ воспоминаній). 1903, 7—8, 173—220.

3025, **Бѣловольскій свящ.** Дѣятель старой бурсы. 1904, 7—8. 161—175.

3026. **Вашкевичъ Г.** Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ 1895, 4, 34—62.

3027. **Веселовскій Алексѣй** Воспоминанія о А. А. Котляревскомъ, 1888, 9, 395—414,

3028. **Волкъ-Карачевскій.** Сорокъ лѣтъ назадъ (изъ воспоминаній мироваго посредника перваго призыва 1901, 4, 26—41.

3029. **Воспоминанія** о покойномъ А. А. Потебнѣ. 1892, 2, 324—331. (Д).

3030. **Горленко В.** Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ. 1886, 1. 111—123.

3031. **Григоровичъ-Барскій** В. Г. (150 лѣтіе смерти) 1897, 10, 4—6. (Д).

√3032. **Д. К. М.** Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ (письмо въ редакцію 1891. 7, 75—84.

3033, **Дорошенко Д. П.** Куліш (10 років зо дня смерти). 1907. 2. 238—249.

3034. **Ефремовъ С.** Памяти Лесевича. 1905. 11—12, 350—358.

3935. **Ильяшевичъ Вик.** свящ. Изъ воспоминаній священника о. Никофора Хмѣлевскаго объ упраздненномъ Базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани 1892. 8, 160—167.

3036. **Каманинъ И.** Памяти Ивана Петровича Новицкаго 1890. 9, 486—491.

3037. **Каманинъ И.** Открытое письмо К. В. Богуславскому 1901, 9. 94—95. (Д).

3038. **Каманинъ И.** Поминки по А. А. Востоковѣ. 1892, 2, 307—311.

3039. **Кирицъ Н.** Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Сдободзеѣ Тираспольскаго уѣзда. 1890, 2, 346—347.

√ 3040. **Кистяковскій О. Ѳедоръ.** Воспоминанія (1808—185 г.) 1895, 1, 44—63; 2, 218—233; 4, 114—130; 7—8, 185—210; 9, 346—366; 10, 113—118; 11, 244—258; 12, 380—396.

3041. **Клебановскій П.** Богуславско-Духовное училище (по школьнымъ воспоминаніямъ). 1894, 9, 415—433; 10, 25—37; 11, 271—278.

3042. **Конискій.** Изъ воспоминаній стараго Полтавца. 1900. 3, 149—152 (Д).

3043. **Костомаровъ Н**. Изъ прожитыхъ на Волыни дней. 1884, 2. 325—332.

3044. **Красновъ В**. Могила гетмана Дорошенко (изъ дѣтскихъ воспоминаній). 1900, 7—8, 5—10. (Д).

3045. **Кулиша.** Памяти. 1900, 3, 155. (Д).

3046. **Куракина** Бориса Ивановича князя, семейная хроника и воспоминанія (род. 1676—ум. 1727). 1884, 6, 104—129: 11, 478—498: 12, 621—638.

3047. **Л**. Изъ воспоминаній о быломъ (со словъ разсказчика). 1889, 8, 527 –531.

3048. **Л. Б**. Похороны А. М. Лазаревскаго. (впечатлѣнія очевидца) 1902, 5, XX XXVIII.

3049. **Лазаревскій А.** По поводу воста лѣтъ отъ смерти гр. Румянцова 1896. 12, 374—394.

3050. **Лазаревскій А**. Изъ семейной хроники Берловъ. 1899, 1. 101—133.

3051. **Леси и Гали,** воспоминанія дѣтства о дядѣ П. А. Кулишѣ. 1905, 2, 342—348,

3052. **Лобода Ѳ**. Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ. 1887. 12, 788—794.

3053. **Лободовскій М**. Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Г. Барвинокъ) Кулишъ. 1897, 4, 162—176.

3054. **Лотоцкій А.** Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича (по поводу 30-я со дня смерти) 1900, 6. 279—287.

3055. **Марковичъ Дм**. Замѣтки и воспоминанія объ Аѳанасіи Васильевичѣ Марковичѣ. 1893, 4, 50—77.

3056. **Маркевичъ**. Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. 1889, 7, 280—285.

3057. **Мои** воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября 1892 г. Исидорѣ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ 1892, 10, 127—130. (Д).

3058. **Морозъ Д**. Изъ моего давнопрошедшаго. 1895, 5, 131—154; 6, 301—322.

3059. **Науменко В**. Навроцкій Александръ Александровичъ (по поводу 10-лѣтія со дня смерти, съ 5 стихотвореніями). 1902, 10, 157—169.

3060. **Науменко В.** Памяти В. Л. Беренштамъ. 1906, 2, 257—267.

3061. **Недоборовскій Зосимъ**. Мои воспоминанія. 1893, 2, 179—200.

3062. **Недоборовскій Зосимъ.** Нѣсколько страничекъ изъ моихъ воспоминаній. 1894, 7, 46—60.

3063. **Нищенскаго П. И**. Памяти. 1901, 4, 28—29. (Д.).

3064. **Номисъ М**. Нѣсколько замѣтомъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1896 г. 1897, 4, 157—162.

3065. **Носъ-фонъ Ст**. Украинскій Соломонъ (Его кейфъ и судъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ). 1883, 7, 492—505.

3066. **Носъ Степанъ**. Страничка изъ моихъ воспоминаній о (Салтановскомъ). 1893, 6, 509—513. (Д.).

3067. **Н. М**. Памяти Н. И. Гулака. 1900, 2, 261—272.

3068. **Н. С**. Памяти Кн. В. Н. Репниной. 1892, 2, 311—313.

3069. **Н. Ш**. Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики. 1895, 5, 214—238.

3070. **О. Л.** Панъ Презесъ (изъ воспоминаній подольскаго шляхтича). 1898, 10, 118—135.

3071. **Павловъ Пр.** свящ. Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи. 1884, 9, 168—172.

3072. **Пирожковъ Н.** д-ръ мед. Воспоминанія объ Анатоліи архіепископѣ Могилевскомъ и Мстиславскомъ. 1883, 7, 573—578.

3073. **П—нъ Ф.** Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. 1885, 1, 200—205.

3074. **Подорожный Н.** Изъ памятной книжки (воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ). 1895, 4, 20—33.

3075. **Познанскій Б.** Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г. 1885, 11, 436—465; 12, 571—611.

3076. **Познанскій Борисъ.** Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. 1889, 11, 225—256.

3077. **Познанскій Б.** Картины моего прошлаго. 1892, 2, 278—294; 4, 89—104.

3078. **Пономаревъ С.** Памяти Мих. Мих. Левченка. 1902, 2, 77—81. (Д.).

3079. **П—скій Борисъ.** Воспоминаніе изъ недалекаго прошлаго (о школѣ и грамотности въ Кіевской губерніи) 1885, 2, 241—267.

3080. **Пулевичъ Н. А.** Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, урож. Херсон. губ. 1895, 7- 8, 50—66.

3081. **Радецкій В.** свящ. Кіевская духовная семинарія въ первой половинѣ XIX ст. (воспоминанія) 1097, 10, 96—115; 11—12, 181—221.

3082. **Самчевскаго Іосифа** воспоминанія 1800—1886 г. 1893, 10, 1—28; 11, 185—213; 12, 353—375; 1894, 1, 21—51; 2, 267—281; 4, 74—90; 5, 214—235; 6, 414—438; 7, 61—78; 8, 133—151; 9, 326—353.

3083. **Сембратовича Романа** (украинскаго дѣятеля) памяти 1906, 1, 13—15. (Д.).

3084. **Семенцовъ Р.** Воспоминанія—картинки изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1894, 8, 255—267.

3085. **Сикорскій Василій Пр.** Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьянскихъ волненій 1855. 1882, 4, 85—105.

3086. **Симоновъ М.** (номисъ). Нѣсколько словъ къ воспоминяніямъ объ А. В. Марковичѣ. 1893, 9, 450—451. (Д.).

3087. **С—ко.** Изъ фамильныхъ преданій. 1885, 4, 782—783.

3088. **Случай** съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи, въ Лебединѣ. 1897, 1, 4—7. (Д.).

3089. **Сокальскій Н. П.** Въ неволѣ у англичанъ. (1859). 1904, 3, 415—451.

3090. **Сокольскій П.** Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-хъ годовъ. 1906, 2—6, 63—71.

3091. **Соколовъ Н. И.** Одесскій протоіерей. Воспоминанія и автобіографія его. 1906, 1, 36—63; 2, 213—230; 3—4, 275—298; 5—6, 43—62; 7—8, 406—435; 9, 124—136; 10, 155—197; 11—12, 565—588.

3092. **Сорокинъ Г. И.,** священникъ Учитель дружище (школьныя воспоминанія) 1902, 5, 208—229.

3093. **Старицкаго М. П.** воспоминанія (къ біографіи Лысенка) 1903, 12, 441—482.

3094. **Стороженко.** На могилѣ Е. П. Гребенки. 1900, 7—8, 10—11. (Д.).

3095. **Стороженко Н. И.** (по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности) 1901, 12, 478—484.

1096. **Судьенка М. О.** памяти 1901, 9, 83—85. (Д.).

3097. **Сумцовъ Н. Ф.** Памяти Манжуры. 1893, 10, 80—90.

3098. **Уманецъ Ѳ.** Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. 1894, 12, 491—492. (Д.).

3099. **Г.** Воспоминанія Подольскаго Старожила о временахъ крѣпостного права. 1898, 2, 47—51. (Д.),

3100. **Чалаго М. К.** Воспоминанія, 1889, 1, 1—40; 2, 388—402; 3, 613—644; 4, 74—91· 5—6, 295—331, 7: 149—187; 8, 436—467; 9, 709—726, 10, 121—142; 11, 257—280; 12, 495—545. 1894, 5, 277—307; 6, 462—495. 7, 1—9; 8, 176—186; 9, 396—414; 10; 1—19; 11, 190—206; 12, 333—348.

3101. **Чалый М.** Юные годы П. А. Кулиша. 1897, 5, 291—299.

3102. **Ш—въ Н.** Къ воспоминаніямъ объ Аф. Вас. Марковичѣ. 1893, 5, 263—271.

3103. **Шугуровъ Н.** Воспоминанія Егора Ѳедоровича Тимковскаго. 1894, 3, 359—381; 4, 1—25.

3104. **Ю. Г.** Изъ воспоминаній о духовной школѣ 70-хъ годовъ. 1902, 11, 187—222.

3105. **Юнге Екатерина.** Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ. 1890, 1, 22—34.

3106. **Ѳ—лъ Іер.** Изъ воспоминаній священника К—ской пустыни. 1887, 12, 717—760.

Г) ЗАПИСКИ, ЗАМѢТКИ И ДНЕВНИКИ.

3107. **А. Л.** Дневникъ гетманича Апостола. 1894, 11, 300—303, (Д).

3108. **А. Л.** Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго 1895, 11, 210—243.

3109. **А. Л.** Дневникъ Я. И. Костенецкаго. 1899, 6, 137—140. (Д).

3110. **Апостола** Петра Даниловича (сына гетмана) дневникъ (май 1725—май 1727) (съ предисл. А. Л. 1895. 6—8- 100—155,

3111. **А. Ш.** Изъ воспоминаній о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. 1889, 2, 499—503.

3112. **Боренштамъ В.** Изъ школьныхъ лѣтъ А. С. Лашкевича. 1899, 11, 249—289.

3113. **В. А.** Записки Карла Хоецкаго (1768—1776). 1883, 1, 145—160 3, 630—646; 11, 433—451; 12, 593—608.

3114. **Василенко.** Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго 1891, 1, 120—129; 3, 526—532; 4, 148—153; 1891, 10, 129—139.

3115. **Галагана Г. П.** отрывокъ изъ дневника 1845 г. 1899, 11, 228—242.

3116. **Галагана Г. П.** отрывки изъ дневника. 1902, 3, 156—158. (Д.),

3117. **Г-ко В.** Воспоминанія г-жи Смирновой о. Н. В. Гоголѣ. 1886, 2, 381—387.

3118. **Евлашевскаго Ѳедора,** Новгородскаго подсудка, дневникъ (1564—1604). Съ предисловіемъ В. Антоновича. 1886, 1, 124—160.

3119. **Кибальчикъ Над.** Въ двухъ пансіонахъ. 1892, 6, 323—350.

3120. **К—чъ С.** Дмитрія Ростовскаго Свят. Мнимо-найденный дневникъ (по поводу газетныхъ извѣстій). 1882, 9, 571—575.

3121. **Максимовича М. А.** мысли о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г. 1898, 5, 45—46. (Д).

3122, **Марковича Якова,** генеральнаго подскарбія дневникъ, (1717—1767). Въ приложеніи за 1891, 1892, 1893. 1894, 1895 и 1896 г. г.

3123. **Мемуары,** касающіеся исторіи юга Россіи съ предисл. В. Б. Антоновича 1889, 5, 6. 8, 9. II. (приложеніе),

3124. **М. Н.** Отъ Случи до Буга Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго (съ Польскаго) 1990, 5, 342—363.

3125. **Н. Г.** Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго 1869, 11, 158—180.

3126. **Освѣцима Станислава** дневникъ (въ извлеченіи и переводѣ) съ предисловіемъ Б. А., (1643—1651). 1882, 1, 125—151; 2, 366—385; 5, 257—275, 6, 433—450; 9, 503—522; 11. 328—348; 12, 538—556.

3127. **Острожскаго-Лохвицкаго И. Ѳ.** ново-оскольскаго дворянина, записки (съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича) (1771—1846). 1886, 2, 350—370; 3, 361—369; 4, 729—762, 5, 130—145, 10, 330—368; 11, 472—499, 12. 627—663.

3128. **Отрывокъ** изъ дневника Полтавскаго помѣщика. (1834—1835). 1893 6, 398—427.

3129. **Писаревъ С.** Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева. 1887, 3, 537—244.

3130. **Рощаховскаго К. А.** Мемуары времени освобожденія крестьянъ. 1887, 6—7, 396—450.

3131. **Рѣгорь Фр.** Изъ Львова въ Коломыю (изъ путевыхъ записокъ) 1887, 1, 10—31,

3132. **Рѣгорь Фр.** Изъ Коломыи въ Косовъ (изъ путевыхъ записокъ) 1896, 9, 295—310.

3133. **Савченко И.** Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного 1899, 9, 57—59. (Д).

3134. **Сбитнева Ивана Матвѣевича** записки (изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г. русскихъ школъ въ замѣнъ польскихъ) 1884, 2, 285—312; 3, 439—468; 4. 649—666; 5, 52—72.

3135. **Селецкаго** Петра Дмитріевича записки. 1884, 2, 247—296; 3, 443—464: 4, 609—643; 5, 77—86; 6, 239—266: 7, 485—504; 8, 609—626: 9, 82—103.

3136. **Солтановскаго** Автонома Акимовича, отрывки изъ записокъ 1892, 4, 71—[illegible] . 5, 231—248: 6, 420—437; 7, 95—108: 8, 199—216: 8, 389—404 11, 232—246; 12, 409—425; 1893, 3, 470—484; 4, 120—133, 5, 292—307: 7, 100—125: 9, 401—417; 11, 262—279; 12, 385—407; 1894, 1, 34—92 3. 459—479.

3137. **Стороженка А. Я.,** сенатора, изъ записокъ. Военное поселеніе кавалеріи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. 1884, 11, 447—477.

3138. **Сулимы Акима** Семеновича, генеральнаго судьи, записки. 1885, 1, 135—142.

3139. **Тиверцевъ** По Днѣстру (путевые замѣтки) 1899. 1, 13—20.

3140. **Ханенка** Николая, генеральнаго хорунжаго, дневникъ 1727—1753 г. Съ предисл. А, Лазаревскаго. Въ приложеніи 1884. 3—6, 8—11; 1885, 3—4, 6—7, 9—12; 1886, 1, 4—5, 7—12,

3141. **Ханенка** Николая дневникъ (съ предисл. А. Титова) 1896, 7—8. 151—196.

3142. **Чайковскаго** Михаила (Садыкъ Паши) записки 1891, 1, 40—72 2, 255—268: 7, 463—477: 4, 117—130: 6. 273—287: 6, 446—457: 7, 85—96: 8, 195—211: 9, 466—477: 10, 98—107: 11, 276—291: 12. 430—449: 1892, 8, 246—258: 10, 104—117.

3143. **Щербина В.** Записки Андрея Петровича Рудыковскаго. 1892, 4, 1—21.

3144. **Щербина В.** Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго. 1892, 5, 193—224; 6 363—398; 7, 55—84.

3145. **Ярославскаго В. И.** Записки. 1887, 9, 109—152; 10, 289—330; 11, 506—528.

Д) РѢЧИ.

3146. **Бибикова Д. Г.** рѣчь къ дворянству Юго-западнаго края. 1882, 6, 530—545.

3147. **В. Ю.** Рѣчь князя Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. 1890, 7, 117—123.

3148. **Капниста В. В.,** автора „Ябеды". рѣчь въ Полтавскомъ дворянскомъ собраніи. 1886, 12, 717—722.

3149. **Лашкевичъ А. С.** Рѣчь малороссійскаго генералъ-Губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству Черниговской и Полтавской губерніи. 1887, 1. 172—177.

3150. **Максимовича М. А.** рѣчь надъ гробомъ генералъ фельдмершала князя Сакена. 1887, 10, 331—335.

3151. **Репнина Н. Г.,** малороссійскаго военнаго губернатора, рѣчь, произнесенная при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября 1823 г. 1890, 5, 373—375.

3152. **Рѣчь** „о поправленіи состоянія" Малороссіи. 1882, 10, 119—125.

Е) НЕКРОЛОГИ.

3153. **Александровъ** Владиміръ Степановичъ. В. Н—ко. 1894, 2, 311—313.

3154. **Андріевскій** Алексѣй Александровичъ. Каманинъ И. 1902, 9, 413—433.

3155. **Артемовскій - Гулакъ К. П.** Ше—хинъ С. 1903, 7—8, 28—29. (Д.).

3156. **Беренштамъ В. Л.** 1904, 12, 686—695.

3157. **Бершадскій С. А.** 1896, 5, 268—278.

3158. **Борисовъ Е. И.** 1900, 6, 148—149. (Д.).

3159. **Боярская** (Богемская) Е. П. 1900, 6, 154. (Д.).

3160. **Бѣлозерскій Вас. Мих.** 1899, 3, 143. (Д.).

3161. **Васильчиковъ** Александръ Алексѣевичъ. Г. 1890, 7. 134—135.

3162. **Вересай Остапъ.** 1890, 7, 132—134.

3163. **Воробкевичъ Исидоръ.** Мировецъ В. 1903, 11, 88—91. (Д.).

3164. **Врецьона** Григорій. 1901, 12, 176. (Д.).

3165. **Галаганъ Г. П.** 15 авг. 1819 года, 25 сент. 1888 года. Ѳ. Мищенка 1888, 12, 1—22.

3166. **Гатцукъ** Алексѣй Алексѣевичъ. Н—ка В. 1891, 12, 468—469.

3167. **Глѣбовъ** Леонидъ Ивановичъ. Науменка. 1893, 12, 483—487.

3168. **Головацкій** Иванъ Федоровичъ. 1899, 5, 88. (Д.).

3169. **Гордѣенко** Егоръ Степановичъ. 1897, 4, 20—21. (Д.).

3170. **Горленко** Василій Петровичъ. Дорошенка Д. 1907, 5, 214- 217.

3171. **Гулакъ** Николай Ивановичъ. 1899, 10, 17—18. (Д.).

3172. **Гульбенко В. Г.** 1905, 4, 74. (Д,).

3173. **Дабижа** Александръ Васильевичъ, князь. В. Г. 1899, 8, 61—63. (Д.).

3174. **Данилевскій Г. П.** 1891, 1, 184.

3175. **Деркачъ Г. І.** 1900, 9, 100. (Д.).

3176. **Дикаревъ М. А.** 1899, 12, 131. (Д.).

3177. **Долгоруковъ Н. Д.** князь. 1899, 6, 149—151. (Д.).

3178. **Думитрашко** Константинъ Даниловичъ. Ѳ. Лободы. 1886, 5, 188—191.

3179. **Есиповъ** Григорій Васильевичъ. 1899, 5, 89. (Д.).

3180. **Жегота** Паули (этнографъ). А. Л. 1895, 11, 58—60. (Д.).

3181. **Железовскій** Евгеній. 1885, 3, 594—596.

3182. **Житинскій** Людвигъ. В. Антоновичъ. 1900, 6, 147—148. (Д.).

3183. **Загорскій И. А.** 1904, 10, 34—35, (Д.).

3184. **Каминскій Ѳ. И.** 1891, 5, 313—314.

3185. **Карповъ Г. Ѳ.** 1890, 6, 552—553.

3186. **Качала** Стефанъ. К. Х. 1889, 2, 503—506.

3187. **Кистяковскій А. Ѳ.** И. Лучицкаго. 1885, 2, 406—415.

3188. **Киркоръ А. Г.** К. ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. Н. Янчука. 1887, 6—7, 539 - 555.

3189. **Конисскій** Александръ Яковлевичъ. Матушевскій-Ефремовъ. 1901, 1, 125—130.

3190. **Коперницкій** Исидоръ Станиславовичъ. В. А. 1891, 12, 462—465.

3191. **Корніенко** Василій Онисимовичъ Сьогобочній Гр. 1905, 1, 15—17. (Д.).

3192. **Корсунъ** Александ. Алексѣев. В. П. Науменка. 1891, 12, 450—461.

3193. **Косачъ М. П.** 1903, 11, 84—85. (Д.).

3194. **Коссакъ** Юлій. 1899, 3, 143—145. (Д.).

3195. **Крюковскій** Кобзарь. В. Г. 1885, 8, 740—743.

3196. **Кулишъ П. А.** Номисъ. 1897, 3, 1—2.

3197. **Лагода И. Н.** 1905, 4, 72—74. (Д.).

3198. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ. 1902, 5, III—XIX.

3199. **Лашкаревъ** Петръ Александровичъ. 1899, 9, 118. (Д.).

3200. **Лашкевичъ** Александръ Степановичъ. 1889, 12, 485—494.

3201. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей. 1896, 11, 48. (Д.).

3202. **Лебединцевъ** Даніилъ Гавриловичъ. 1897, 4, 19—20. (Д.).

3203. **Лебединцевъ** Петръ Гавриловичъ. Науменко В. 1897, 2, 329—344.

3204. **Левицкій** Николай Ѳеодосіевичъ (памяти одного педагога) И. Каманина. 1885, 6. 357—363.

3205. **Ленартовичъ** Ѳеофилъ. Стороженка А. 1893, 4, 165—168. (Д.).

3206. **Леонидъ** Архимандритъ. Н. Сумцова. 1891, 12, 466—467.

3207. **Малышевскій И. И.** 1897, 2, 345—346.

3208. **Маркевичъ А. И.** Ше-хинъ С. 1903, 7—8, 240—244.

3209. **Марковичъ** Марія Александровна (Марко Вовчок) Д. Д. 1907, 7—8, 218—223.

3210. **Мачтетъ** Гр. Алек. 1901, 9, 102—103. (Д.).

3211. **Мизко Н. Д.** П. Ефименка. 1882, 12, 594—598.

3212. **Михневичъ** Іосифъ Григорьевичъ. 1885, 12, 747—765.

3213. **Молчановскій** Никандръ Васильевичъ. 1907, 1, 97—105.

3214. **Нищинскій П. И.** 1896, 4, 126—128.

3215. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. 1890, 8, 329.

3216. **Новицкій** Орестъ Марковичъ. 1884, 7, 547—554.

3217. **Огоновскій** Омельянъ, Н—ко. В. 1894, 12, 475—479.

3218. **Опатовичъ С. И.** протоіерей. В. Б. 1892, 6, 438—443.

3219. **Роле** Іосифъ Іосифовичъ В. А. 1894, 2, 305—310.

3220. **Ротарь** Иванъ. 1905, 4, 74. (Д.).

3221. **Рыльскій** Өаддей Ростиславовичъ. 1902, 10, 40. (Д.).

3222. **Рыльскій** Өадей Розеславовичъ. О. Л. 1902, 11, 335—349.

3223. **Савичъ А. А.** 1902, 9, 119 (Д.).

3224. **Сембратовичъ** Сильвестръ, кардиналъ. 1899, 10, 20, (Д.).

3225. **Семевскій** Михаилъ Ивановичъ. Н. В. 1892, 4, 112—125.

3226, **Сендульскій** отецъ Аполлоній, священникъ села Силокъ, Острожскаго уѣзда, А. Тарновскій. 1882, 10, 166—170.

3227. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) В. Н. 1901, 2, 308—311.

3228. **Скальковскій** Аполлонъ Александровичъ. 1899, 2, 85—87. (Д.).

3229. **Ставровскій** Алексѣй Ивановичъ, 1882, 12, 626.

3230. **Старицкій М. П.** (памяти товарища), Пчилка О. 1904, 5, 400—449.

3231. **Стороженко** Ник. Ильичъ. Пчилка Олена. 2906, 2, 241—256.

3232. **Тарновскій** Николай Яковлевичъ. Н. Б. 1898, 12, 82—84. (Д,).

3233. **Тарновскаго** Вас. Вас. памяти. Н. Ш. 1899, 7, 131—133.

3234. **Терновскій** Филиппъ Алексѣевичъ. 1884, 6, 48.

3235. **Тобилевичъ К. А.** 1904, 10, 34. (Д.).

3236. **Тобілевича Івана** памяти (Карпенка-Караго). Петлюра С. 1907, 9, 19—30.

3237. **Трутовскій** Константинъ Александровичъ. Шугуровъ Н. 1893, 4, I—VI.

3238. **Устыяновычъ** Корныло. Мировецъ В. 1903, 11, 85—88. (Д.).

3239. **Ханенко** Александръ Ивановичъ. А. Л. 1895, 9, 367—368.

3240. **Хильчевскій** Иванъ Филипповичъ. 1899, 2, 87. (Д.).

3241. **Чалый М. К.** (посмертна згадка). Д—ко Д. 1907, 3, 394—399.

3242. **Черневъ** Николай Павловичъ. 1899, 11, 116—120. (Д.).

3243. **Чернышевъ Н. Н.** Ѳ. М. 1888, 5, 60—65.

3244. **Шараневичъ** Исидоръ, проф. 1902, 1, 27—28. (Д.).

3245. **Шимановъ** Андрей Львовичъ. 1901, 9, 103—104. (Д.).

3246. **Шугуровъ Н. В.** 1901, 12, 485—490.

3247. **Щоголевъ Я. И.** 1898, 7—8, 29. (Д.).

3248. **Юзефовичъ М. В.** 1889, 7, 29.

3249. **Юзефовичъ М. В.** 1893, 6, 507—508.

3250. **Ястребовъ В. Н.** 1899, 3, 146. (Д.).

3251. **Ястребовъ** Владимиръ Николаевичъ. 1899, 10, 121—126.

3252. **Ѳедотовъ - Чеховскій** Александръ Алексѣевичъ (1806—1892). Каманинъ И. 1892, 11, 279—290.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ.

3253. **А. Л.** Безбородкс Андрей Генеральный писарь. р. 1711—1780. (потр. и статья). 1890. 1, 135—140.

3254. **А. Л.** Бороховичъ Михайло, Гадяцкій Полковникъ. 1687—1704. (портр. и статья). 1890, 3, 547—551.

3255. **А. Л.** „Тепловка". Страница изъ исторіи Стараго Батурина (рисунокъ и статья) 1890, 11, 335—343.

3256. **А. Л.** Илляшенко Максимъ Полковникъ Лубенскій (XVII в.) (портретъ и статья). 1891, 1, 186—189.

3257. **А. Л.** Маркевичъ А. В. (портретъ и статья) 1892, 9, 405—409.

3258. **А. Л.** Замѣтки о портретахъ Мазепы (къ рисунку) 1899, 433—462.

3259. **Андреевской** церкви видъ въ 1809 г. 1897, 4.

3260. **Андрiевскій** Алексѣй Александровичъ (къ некрологу) 1902, 9.

3261. **Анна** Ярославна (портретъ и статья) 1884, 7. 555—560.

3162. **А. С.** Мамай (изображеніе запорожца, 2 рисунка и статья). 1898, 3, 486—492.

3263. **Беренштамъ В. Л.** (портретъ). 1906, 3,

3264. **Б. Н.** Десятинная церковь. (съ рисунками). 1888, 7. 3—8.

3265. **Вожеряновъ И.** Бортнянскій Д. С. (портретъ и статья). 1885, 7, 524—530.

3266. **Борковскій Василій** Генельный обозный (портретъ и статья) 1894, 3, 358, 530—536.

3267. **Бѣляшевскій Н.** Сани въ похоронномъ обрядѣ. (рисунокъ и статья). 1893, 4, 143—148.

3268. **Вишневецкая** княгиня, Раина Могилянка (портретъ и статья), 1887, 11, I—X.

3269. **Г.** Рисунки изъ путешествія Импер. Екатерины II въ южную Россію (статья). 1891, 10, 126—127.

3270. **Гонты** жены (портретъ и статья). 1883, 9—10 т. 327—127.

3271. **Горленко В.** Старинные малороссійскIе портреты. (статья). 1882, 12, 602—606.

3272. **Горленко В.** Перовскій Алексѣй Алексѣевичъ (съ портретомъ) 1888, 4, 109—124. (см. также замѣтку 1890, 11, 336.).

2373. **Греческія** музы въ малорусскомъ изображеніи (рисунокъ и статья). 1884, 4, 709—714.

3274. **Группа** членовъ 3-го археологич. съѣзда въ Кіевѣ 1874 г. 1899, 8.

3275. **Дабижа А. В.** князь. Мазепа —князь и его шляхетскій и княжескій гербы (рисунокъ и статья) 1885, 12, 715—718.

3276. **Дабижа** Александръ кн. Даръ Мазепы Гробу Господнему (рисунокъ и статья) 1893, 11, 317—321.

3277. **Двѣ** таблицы къ статьѣ Бѣляшевскаго о раскопкахъ на княжей горѣ. 1892, 1.

3278. **Добротворскій Н.** Гонта (портретъ и статья) 1895. 4, 1—5.

3279. **Е. К.** Портретъ Костомарова (портретъ и статья) 1895, 4, 1—5.

3280. **Ермиловъ Владиміръ.** Шепкинъ Михаилъ Селяновичъ. какъ артистъ и человѣкъ (портретъ и статья) 1889, 6—6, 548—569.

3281. **Замѣтка** о казацкихъ знаменахъ (къ рисунку). 1890, 10, 163—157.

3282. **Карта** острова Томаковки 1893, 5. (къ статьѣ Падалки, тамъже).

3283. **Картинка** изъ временъ крѣпостного права (рисунокъ и статья) 1899, 4, 152—154.

3284. **Квитки** портретъ. 1863, 8.

3285. **Кисель** Адамъ (портретъ и статья). 1885, 8, 437—750.

3286, **Кистяковскій** (портретъ) 1895, 1.

3287. **Кіевская** Академія и ея студенты (1698—1702) рисунокъ со статьей. 1882, 2, 437—448.

3288 **Козаки** с, Лемешей, Козелецкаго уѣзда. (рисунокъ). 1893, 12. (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3289. **Козачки** с. Талаевки Нѣжинскаго уѣзда (рисунокъ) 1893, 5, (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3290. **Конисскаго** Георгія портретъ. 1895, 2. 259.

3291. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ (рисунокь, планъ и статья). 1896, 11, 129--136.

3292. **Кравченко** Михайло, кобзарь (портретъ къ статьѣ о немъ) 1902, 5.

3293. **Кулиша П. А.** домъ въ х. Мотроновкѣ (рис. къ статьѣ). 1899, 8, 356.

3294. **Кулиша П. А.** могила (рис. къ статьѣ). 1899, 9, 361.

3295. **Лазаревскій А.** Старинные малороссійскіе портреты. 1882, 5, 337—342; 11, 173—175.

3296. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ (портретъ къ некрологу) 1902, 5.

3297, **Левицкій Ор.** Новый храмъ въ старомъ украинскомъ стилѣ (рисунокъ и статья 1906, 11—12, 598—610.

3298. **Лысой** горы три таб. и планъ (къ статьѣ Ляскоронскаго „археолог. раскопки"). 1892. 11, 263—278.

3299. **Мазепы,** о портретахъ (статья) 1883, 7, 594—596.

3300. **Мазепа** (портретъ и статья) 1887, 1, 188—191,

3301. **Мазепа** Иванъ, гетманъ (портретъ къ статьѣ А. Л.) 2899, 3.

3302. **Максимовичъ М. А.** (портретъ) 1904, 9.

3303. **Малоросійскій** скитъ св. пророка Иліи (рисунокъ къ статьѣ А. Дабижа тамъ же) 1893, 1.

3304. **Могила Петръ** (портретъ и статья) 1882, 4, 175—176.

3305. **Мстиславова** храма фасодъ на волыни (рисунокъ) 1792, 6.

3306. **Новицкій** Илья Федоровичъ (портретъ и статья) 1886, 9, 194—198.

3307. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи (рисунокъ и статья) 1899, 8. 91—97. (Д),

3308. **Н. Ш.** Тимковскій И. Ѳ. (портретъ и статья) 1899, 12. 413—415.

3309. **Острожскій** Константинъ (портретъ и статья) 1883, 12, 714—716.

3310. **Острожская** Софія, княгиня (портретъ и статья) 1883, 11, 523—528.

3311. **Острожскаго** Константина кн. надгробіе въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры. (къ статьѣ С. Яремича „Памятники искуства въ К-печ. Лаврѣ"). 1900, 6.

3312. **Палѣя** жена (портретъ къ статьѣ А. Л. „Антонъ Танскій, Полковникъ Кіевскій 1712—1734). 1894, 4.

3313. **П. Г.** Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ (рисунокъ и статья) 1881, 1—3, 41—48.

3314. **Полетика В. Г.** (портретъ къ статьѣ Горленка „изъ исторіи южно-рус. общества нач. XIX в.") 1893. 1.

3315. **Потебня** Александръ Афанасьевичъ. 1892, 1.

3316, **Потѣй** Ипатій, Кіевскій уніатскій Митрополитъ (портретъ и статья) 1884. 9, 180—182.

3317. **Пчилка О.** Николай Ильичъ Стороженко (портретъ и статья) 1906, 2, 231—256.

3318. **Репнинъ Н. Г.** кн. (портретъ и статья) 1897, 12. 473—480.

3319. **Сапожниковъ Д.** Загадочные портреты (статья). 1884, 8, 732—742.

3320. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) портретъ 1901, 3.

3321. **С—ко** А. Старинные малороссійскіе портреты (статья) 1882, 9, 577—579.

3322. **Сковорода Григорій** (къ статьѣ Д. Багалѣя) 1895, 2.

3323. **Снимки** съ образовъ Спасителя (Дубенской Крестовоздвиженской пустыни церкви г. Ковеля; рисунокъ и статья) 1900, 5, 130—132. (Д).

3324. **Снимки** съ подписи, съ печати на перстнѣ Родіона Дмитрашка (къ статьѣ А. Стороженка). 1893 4.

3325. **Спицынъ А.** Мѣдный поясъ Кавказскаго типа, найденный въ Кіевск, губ. (рисунокъ и статья). 1899 10, 56—58. (Д).

3326. **Старицкій М. П.** (портретъ), 1904, 5.

3327. **Стороженко А.** Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Дайда, (портретъ и статья). 1897, 2, 519—524.

3328. **Стороженко Н.** Стороженко Полковникъ Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій (портреты и статья) 1890, 4, 167–178.

3329. **Таблица** съ рисунками предметовъ, поступившихъ въ собраніе В. В. Тарновскаго. (рисунокъ и статья) 1899. 5, 121. (Д).

3330. **Тарновскій В. В.** Лазаревскій А. М. и Шугуровъ Н. В. (портретъ и статья) 1902, 7—8. 282—292.

3331. **Терлецкій** Кириллъ (портретъ и статья) 1884, 10, 366—369.

3332. **Торбанъ,** Кобза (къ статьѣ Н. Лисенка) 1892, 3.

3333. **Туптало** Савва Григорьевичъ (портретъ и статья) 1882, 7, 194—198.

3334. **Хмельницкій** Богданъ (портретъ и статья). 1882, 1, 226—231.

3335. **Хмельницкаго** Богдана памятникъ (рисунокъ со статьей „историческій очеркъ его сооруженія") 1888, 7, 145—156.

3336. **Церковь** въ воскресный день (къ некрологу Ю. Коссака) 1899, 3, 145. (Д.).

3337. **Цимбалистовъ** Андрей. Еще о портретѣ Мазепы (статья) 1887, 2, 370—372.

3338. **Ширай С. Я.** (портретъ и статья) 1887, 10, 398—400.

3339. **Я. Ш.** Полуботокъ Павелъ, полковникъ Черниговскій (1705—1724) портретъ и статья. 1890, 12, 522—538.

VIII. Библіографія.

3340. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Вып. 1-й Изд. редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Кіевъ 1882 г. 1882, 1, 203--204.

3341. **А. А.** Историчеекіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып 2-й Изд. редакторъ неоф. чаети „Кіевекихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Кіевъ 1882 г. А. 1882, 7, 171—173.

3342. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 3-й. Издалъ редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Кіевъ 1882 г. И. Новицкій 1882, 11, 354—360.

3343. **Abel** Karl gross unh klein—russisch. Leipzig und Berlin, 1885. Н. Дашкевичъ. 1885, 11, 524—532.

3344. **Абрамовъ И.** Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни населенія Глуховскаго уѣзда. С. П. Б. 1905 г. В. Даниловъ. 1906, 9, 1—4.

3345. **Абрамовъ Я. В.** Жизнь замѣчательныхъ людей Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность Біографическій очеркъ. С. П. Б. 1891 г. Д. И. Багалѣй 1891, 6, 799—503.

3346. **Автономія** Украіни в социальдемократичній прессі (изъ журналовъ 907 г.) Садовський В. 1907, 2, 256—261.

3347. **Авчинниковъ А.** Первые народные представители Екатеринославской губерніи В. Д овъ. 1906, 9, 4.

3348. **Адресъ-календарь** г, Елисаветграда и Елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. Елисаветградъ 1893 г. 1894, 2, 357.

3349. **Адресъ-календарь** Кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адресами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. Кіев. губ. статист. комитета. Кіевъ 1888 г. 1888, 1—3, 48.

3350. **Адресъ-календарь** и справочная книжка Полтавской губерніи на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3351. **Айналовъ Д. и Рѣдинъ Е.** Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Михайловскій и Кирилловскій монастыри. Харьковъ 1899 г. В. Щербина 1899, 11, 95—97.

3352. **Акинфіевъ И. Як.** Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г. Г. З. 1889, 4, 220—225.

3353. **Акинфіевъ И.** Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу.

Екатеринославъ 1893 г. ц. 50 к. 1894, 2, 356.

3354. **Аксаковъ С. Т.** Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 1, 190—193.

3355. **Аксаковъ И. С.** въ его письмахъ томъ 4-й СПБ. 1896 г. А. А. 1897, 11, 49—57.

3356. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей т. XII. Акты главнаго Литовскаго трибунала В. 1883 г. XX+651+67 ц. 2 р. В. И. 1883, 7, 563—566.

3357. **Акты,** издаваемые Виленской археографической комиссіей т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала Вильна 1886 г. И. Каманинъ 1886, 11, 558—560.

3358. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно. 1888 г. И. Каманинъ, 1889. 5—6, 645—648.

3359. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Т. XVI-й Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна 1889 г. т. XVII. Акты Гродненскаго земскаго суда. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 9, 495—500.

3360. **Акты,** издав. Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. 24. Акты о боярахъ. Вильна 1897 г. И. Каманинъ 1898, 6. 97—99.

3361. **Акты,** издаваемые Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIX Акты о евреяхъ. Вильна 1902 г. О. Л. 1903, 4, 57—62.

3362, **Акты,** издаваемые Виленской комиссіеи для разбора древнихъ актовъ т. 23. Акты Холмскаго городскаго суда Вильна 1896 г. И. Каманинъ. 1896, 22, 94—95.

3363. **Акты,** Московскаго государства, изданные Императорской академіей наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказъ. Московскій столъ 1571—1634. 1890 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 171—173.

3364. **Акты,** относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей. Т. XII СПБ. 1882 г. В А. 1882, 9, 555—556.

3365. **Акты,** относяшіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей Т. 14 (Дополненіе къ III тому) СПБ. 1889 г. Ив. Н. 1889, 9, 781, 788.

3366. **Album.** du Monde illustrè la Russie et les russes Н. Ш—ъ. 1895, 9, 74—76.

3367. **Александровичъ М. Н.** Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й. Историческое описаніе. Ч. 1-я. До окончанія смутъ въ восточной украинѣ 1669 г. Кіевъ 1881 г. 1882, 1, 204—206.

3368. **Алексанровъ В.** Складка, Альманахъ Року Божого 1887 № 1 Харьковъ. З. 1887, 5, 172—176.

3369. **Александровъ А.** Памяти В. И. Григоровича. Варшава 1902. Н. В. 1902, 12, 200—201.

3370. **А. М.** Кіевскій храмъ св. ап. Андрея Первозваннаго. Н. М. 1898, 10, 31—32.

3371. **Андерсен.** Казки. Перекладала М. Загірня Б. 1906. ц. 65 к. Е. Віченко. 1907, 7—8, 257—259,

3372. **Андреевъ П.** Иллюстриро-

ванный путеводитель по юго западнымъ желѣзнымъ дорогамъ К. 1898 г. Н. Ш. 1898, 12, 98—100.

3373. **Андріевскій А**. Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. Одесса В. Мировецъ. 1903, 4, 65—67.

3374. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Сост. редакт. неоф. части „Кіев. Губ. Вѣд," Кіевъ 1882 г. В. А. 1883, 3, 651—653.

3375. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернекаго правленія. Вып. I Кіевъ 1883. В. А. 1883, 11, 493—495.

3376. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 6-ой. Кіевъ 1884 г. Ц. Н. 1884, 7, 523—524.

3377. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива губернскаго правленія. Вып. 7-ой. Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскій. 1884, 12, 719—722.

3378. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 8-й. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 137—140.

3379. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 9-й. Кіевъ 1885 г. К. Л. 1885, 10, 329—332.

3380. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы. Изъ Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 10. Кіевъ 1886. К. Цыбульскій. 1886, 4, 789—794.

3381. **Андріевскій А**. Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ Кіевскаго губернскаго архива и изданные Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 155—157.

3382. **Андріевскій А.** Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50 лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. Кіевъ 1887 г. В. П. 1887, 11, 557—559.

3383. **Андріевскій М. А.** Козацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объявленіями, разборомъ и картою. Одесса, 1884 г. Ц. Нейманъ. 1884 5, 130—138.

3384. **Андріяшевъ**. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 12—17.

3385. **Андріяшевъ А.** Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ 25-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3386. **Анненская А.** Н. В. Гоголь (біографическій очеркъ). СПБ. 1891 ц. 25 к. изд. Павленкова Х. Я. 1894, 7, 127—128.

3387. **Антикварный** каталогъ № LI. Колекція сочиненій, б. частью на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля въ Ригѣ. 1892 г. Т. 1892, 12, 498—500.

3388. **Антонинъ** іеродіаконъ. Кіево-Подольская Успенская соборная церковь. К. 1891 г. А. Л. 1893, 12, 507 509.

3389. **Антоновичъ В. В.** Археологическая карта Волынской губерніи Москва 1900 г. Е. С. 1903, 1, 45—48.

3390. **Антоновичъ В.** Археологическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Б. 1896, 3, 129—132.

3391. **Антоновичъ В. Б.** Археоло-

гическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Г. 1896, 3, 129—132.

3392. **Антоновичъ В. Б. и В. А. Бецъ.** Историческіе дѣятели юго-западной Руси въ біографіяхъ и портретахъ. В. И. Составили по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 6 р. 1883, 4, 878—882.

3393. **Антоновичъ В. Б.** Монографіи по исторіи западной и юго-западнай Россіи. Т. I. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 6. 318—328.

3394. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Одесса 1886 г. П. Голубовскій- 1887, 10, 369—370.

3395. **Армашевскій П. Я. Антоновичъ Вл. Б.** Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Кіевъ 1897 г. съ 2 рис. Н. М. 1897, 4, 40—41.

3396. **Арсеній** еп. Псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. СПБ. 1904 г. Н. П-въ. 1904, 9, 114—117.

3397. **Арсень Б.** Украинській спиваныкъ. 100 писень зъ нотами. Одесса 1904. В. Мировець. 1904, 6, 132—136.

3398. **Артемовскаго-Гулака.** недруковани твори. Сообщ. Романчукъ Ю. (Записки Наукового Товариства ім. Шевченка LX miscellanea) В. Д. 1905, 3, 203—204.

3399. **Археографическій** сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. XI. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 10. 495—500.

3400. **Археологическія** извѣстія и замѣтки. №№ 1—6. М. 1893 г. Б. 1893, 10, 177—180.

3401. **Археологическія** извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомь 1893 г. №№ 7—12. Б. 1894, 5, 380—383.

3402. **Археологическая** лѣтопись Южной Россіи 1903 г. №№ 1—6. 1904 г. №№ 1—5. В. Д. 1905, 4, 12—14.

3403. **Архивъ** князя Воронцова книга двадцать пятая М. 1882 г. Д. Багалѣй. 1882, 7, 160—164.

3404. **Архивъ** Мотыжинскій. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. в. Изд. Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г. А. М. 1890, 9, 519—521.

3405. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ. ч. 1 Томъ XV. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ 1883 г. И. Каманинъ. 1884, 12, 708—716.

3406. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. ч. VII т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 752—757.

3407. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. первая т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic) съ латино-уніатами. Кіевъ 1887 г. И. Новицкій, 1888, 4, 1—9.

3408. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ и проч. Кіевъ

1888 г. И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

3409. **Архивъ** юго-западной Россіи. ч. VII т. 2. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. К. 1890 г. ц. 2 р. В. М. 1892, 10, 131—156.

3410. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. 8 т. I и II Н. М. 1895, 3, 103—112.

3411. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, СПБ. 1896 г. Н. С. 1897, 4, 34—37.

3412. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. СПБ. 1898. Н. С. 1898. 4, 24—25

3413. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Н. С. 1900, 4, 25—27.

3414. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. VII т. III. Акты о заселеніи южной Россіи. XVI—XVIII в. К. 1905, I, Ч. 1907, 4, 86—99.

3415. **Аѳонскій П.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) Минскъ 1889 г. Его-же: Православныя святыни города Минска. И. Каманинъ. 1889, 9, 792—793.

3416. **Багалѣй Д.** Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 г. П. Голубовскій. 1882, 6, 519—523.

3417. **Багалѣй Д.** Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII ст. Изд. историко-филологическаго общества при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ 1886 г. В. А. 1886, 3, 582—588.

3418. **Багалѣй Д.** Очерки изъ исторіи колонизацій и быта степной украины московскаго государства т. I. Исторія колонизаціи. Москва 1887 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 250—259.

3419. **Багалѣй Д.** Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 1889 г. И. Каманинъ. 1889 7, 309—310.

3420. **Багалѣй Д. И.** Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны Хар. 1893 г. ц. 1 руб. Ѳ. Титовъ. 1894, 3, 581—583.

3421. **Багалѣй Д.** Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. I. (1802—1815) С. Р. 1894, 11, 312—316.

3422. **Багалѣй Д. И.** проф. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры) I. Харьковъ 1896 г. И. Каманинъ. 1897, 1, 28—29.

3423. **Багенскій Ч.** Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго географическаго общества въ западно-русскій край (прилож. къ учен. зап. Казан. унив. за 1900 г. декабрь) Кіянинъ. 1901, 2, 98—101.

3424. **Baron de Bay**. Rapport sur le conqres international d'Anthropoloqie de Moscou. P. 1893. Souvenir du conqres international d'Anthropoloqie de Moscou, P. 1893. La bijouterie des qots en Russie. P. 1892, Rapport sur les decouvertes toites par M. savencow dans la Siberie orientale. P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 503—504.

3425. **Baron de Bay**. Kiev. La

mère des villes russes. vinqt-quatre qravures hors texte Paris. 1896. H. M. 1897, 2, 49—51.

3426. **Барабашъ А.** Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.) СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 148—151.

3427. **Baranovicz** Lazarz. Ksieqa smjerci albo krzyz Ghrystusow. Новгородъ-Сѣверскій 1676 г. М. М. 1891, 1, 202—206.

3428. **Барацъ Г.** Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти. СПБ. 1893 г. Н. В. 1883, 7, 149—150.

3429. **Барацъ Г.** Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. Слово Кирила Философа. Одесса 1894 г. А. Л. 1894, 6, 561—562.

3430. **Барвинокъ Ганна.** (О. М. Кулишева) Оповидання зъ народныхъ устъ). Кіевъ 1902 г. В. Мировець. 1903, 5, 127—130.

3431. **Барвинскій О.** Исторія Руси. Часть IV Львовъ 1882 г. Коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта" цѣна 16 крейц. (12 к.) В. А. 1883, 2, 649—651.

3432. **Барвинскій** Александръ. Исторія Руси часть V Львовъ 1884 г. В. А. 1884, 8, 708—710.

3433. **Барвінський** Олександер. Історія України-Русі. У Львові 1904 р. В. Д. 1905, 5, 113—118.

3434. **Барвінський** Олександер. Історія України Руси (з образками). У Львові 1904 р. В. Д, 1905, 5, 113—118.

3435. **Barwinskij** profes. Das Yolksleben der Ruthenen Wien. 1898 H. M. 1898, 4, 28—29.

3436. **Барвінський Б.** Зъїзд галицького кн. Данила з угорьским королем Белею IV 1250 р. Львов. 1901 р. Н. М. 4902, 1, 38—39.

3437. **Барсовъ Е. В.** Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Москва 1887 г. т. I—II. В. Науменко. 1888, 7, 1—12.

3438. **Барсуковъ** А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ СПБ. 1885 г. К. Цыбульскій. 1885, 10, 326 -329.

3439. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ кн. I—IV СПБ. 1881—1884 года. И. Каманинъ. 1885, 10, 319—323.

3440. **Барсуковъ А.** Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. СПБ. 1888 г. И. Каманинъ. 1888, 6, 59—62.

3441. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. СПБ. 1893 г. К-цъ. 1893, 11, 342—345.

3442. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII. А. Л. 1895, 3, 129—131.

3443. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. IX. А. Л. 1895, 5, 105—106.

3444. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. X. 1896, 6, 101—105.

3445. **Барсуковъ Н.** Воспоминанія о Н. Костомаровѣ и А. Майковѣ. СПБ. 1898 г. Х. 1898, 3, 120—123.

3446. **Батюшковъ Н. Н.** Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1890 г. И. Новицкій. 1890, 6, 558—565.

3447. **Батюшковъ П. Н.** Волынь.

Историческія судьбы юго-западного края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1898 г. И. Каманинъ. 1888, 11, 49—53.

3448. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. 7-й Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ.). СПБ. 1885 г. (съ приложеніемъ художественнаго отдѣла). Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. И. Беркутъ. 1885, 6, 307—314.

3449. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. VIII. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи варшавскаго генераль-губернаторства) СПБ. 1885 г. ц. 15 р. Ѳ. Лобода. 1886, 4, 796—804.

3450. **Батюшковъ П. Н.** Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. СПБ. 1887 г. Т. Цыбульскій. 1887, 11, 549—557.

3451. **Бахталовскій Георгій.** Посадъ Вилковъ, Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ 1881 г. Гр. Д—нъ. 1882, 8, 358—361.

3452. **Береженого** Богъ береже, Оповідання селянське про скотську чуму. 1900, 4, 30—31.

3453. **Бережковъ М.** Марковъ М. Е. и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ. Нѣжинъ 1902 года. Н. В. 1902, 12, 198—200.

3454. **Бережковъ М.** Блаженный Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ. Черниговъ 1893 г. И. Каманинъ. 1894, 3, 587.

3455. **Беретти А.** О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884 г. А. К. 1884, 6, 323—326.

3456. **Бертье-Делагаръ.** Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологической Комиссіей № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. СПБ. 1893 г. № 14. Древности сѣверо-западнсго края. В. Ястребовъ. 1894, 6, 546—554.

3457. **Берхинъ.** О статьѣ его: „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ". П. Голубовскій. 1885, 3, 569—573.

3458. **Бершадскій С. А.** Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569). СПБ. 1883 г. В. А. 1883, 12. 665—671.

3459. **Бершадскій С. А.** Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста—Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. легенда. СПБ. 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 6, 565—569.

3460. **Бестуокевъ-Рюминъ К.** Русская исторія т. II вып. 1. СПБ. 1886 года. И. Каманинъ. 1886, 1, 167—168.

3461. **Биберштейнъ Гр.** Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Каменецъ-Подольскъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 321—323.

3462. **Библіографическая** замѣтка Божерянова. 1886, 2, 419—420.

3463. **Библіографическая** замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малороссіи. П. Ивановъ. 1892, 12, 483—494.

3464. **Библіографическія** замѣтки. I (Жур. М. Н. Пр. 1893 г. 1—9). И. 1893, 10, 180—184.

3465. **Biblioteka** Warszawska за 1898 годъ А. С. 1899, 5, 90—94.

3466. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ на спомынъ В. С. Александрова. Харьковъ. М. Кононенко. 1896, 110—112.

3467. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ. СПБ. 1897 г. М. Кононенко. 1898, 2, 68—71.

3468. **Бирчак** Володимир. Урвана пісня (новела). Львів 1904 р. П. Е. 1905, 4, 6—8.

3469. **Бігдай А.** Матеріалы къ изученію Кубанскаго казачьяго войска. Пѣсня кубанскихъ козаковъ вып. 1—3. Пісні чорноморські вып. 4. Пѣсни линейскія. Москва. Н. Ш. 1897, 7—8, 42—43.

3470. **Блекловъ С.** За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика М. 1894 г. ц. 1 руб. Л. С. Л. 1894, 5, 384—385.

3471. **Блонскій С. А.** Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. Житоміръ 1905 г. С. Е. 1905, 7—8, 5.

3472. **Bobrzynski S. i Smolka.** Jan Dluqosz, jeqo zycie i sanowisko w pilmiennictwie (Бобжинскій и Ст. Смолка. Янъ Длугошъ, его жизнь и положеніе въ письменности) Krakow 1893 года. Н. М. 1894, 7, 124—126.

3473. **Бобиновичъ** Олекса. „Настоящі" Комедия. В. Д. 1904, 1, 33—37.

3474. **Бобринскій** Григ. Александ. Курганы и случайныя крхеологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. СПБ. 1887 г, В. Ястребовъ. 1887, 10, 361—365.

3475. **Бобринскій** Александръ Гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи 2 ч. СПБ. 1890, 4, 189—190.

3476. **Бобринскій** Ал. Гр. Дневникъ раскопокъ 1887—1889 о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. 2 ц. 8 руб. 1894, 11, 316—320.

3477. **Бобринскій** Алексѣй Гр. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. III. (Дневникъ раскопокъ 1889—1897). СПБ. 1901 г. Н. Б. 1901, 10, 36—42.

3478. **Бобровскій П. О.** Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. Историч. изслѣдованія по архивнымъ документамъ. СПБ. 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 4, 180—182.

3479. **Богдановичъ А. Е.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. В. Перетцъ 1895, 10. 30—32.

3480. **Богородицкій В.** Діалектическія замѣтки. III говоръ села „Сушки" Золотоношскаго у. Полтавской губерніи. Казань 1901 г. К. Михальчукъ. 1901, 7—8, 48—54.

3481. **Bolsunowski K.** Najdawniejsze pomniki chrzescijanstwa na Rusi. М. К. 1901, 3, 178—179.

3482. **Болсуновскій К.** Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владимира во время XI археологическаго съѣзда. К. 1899 года. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3483. **Bolsunowski.** Solidy Boleslawa z napisem slawianskim. Кіевъ 1887 г. И. Каманинъ. 1888, 7, 26—29.

3484. **Болсуновскій К.** Свинцовыя пластинки съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. М. 1899 г. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3485. **Болсуновскій К.** Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края. Б. 1899 г. И. Каманинъ 1899, 10, 31—32.

3486. **Bonnel** Ernst Beiträge zuz Alterthumskunde Russlands. (Эрнестъ Конель. Дополненія къ археологіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х. составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Т. 1. СПБ. 1882 г.) В. А. 1882, 7, 167—171.

3487. **Bon ecki Adami.** Poczet rodow w wilkiem ksiestwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa 1887 г. О. Л. 1887, 6—7, 523—526.

3488. **Boratynski** Ludwik. Ste-Batory i plan ligi przeciw Purkom (1576—1584) W. Krakowie 1903 Н. М. 1903, 12, 171—175.

3489. **Боровиковскій М.** Новый отечественный курортъ (по р. Днѣстру —историческое "Побережье" Подоліи —мѣстечко Каменка) Од. 1894 г. Щербина 1894, 12, 508.

3490. **Бразоль Григорій.** Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харковъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 6, 342—345.

3491. **Брикнеръ А.** Потемкинъ. СПБ. 1891 г. ц. 2 р. 50 к. Z. 1892, 3, 512—514.

3492. **Брошюры** за послѣдніе годы. 1897, 42, 88—92.

3493. **Бубликъ В. Д.** Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. И. Ж. 1888, 8, 49—50.

3494. **Будиловичъ А.** Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ Варщавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 г. Варшава 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 7, 491—493.

3495. **Будиловичъ А.** Русская православная старина въ Замостьѣ. Изд. Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Варшава 1886 г. П. Голубовскій. 1886, 9, 151—155.

3496. **Будиловичъ А.** свящ. Историческій очеркъ Михеевской св. Парасковіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія заверянской Руси. Варшава 1893. А. Л. 1893, 12, 509.

3497. **Буковинскій** Альманахъ. Черновцы 1885 г. Л—тъ. 1886, № 8, 735—738.

3498. **Булгаковскій Д. Г.** Пинчуки. Этнографическій сборникъ. СПБ. 1890. 1891, 2, 361—363.

3499. **Булгаковъ Ѳ. И.** Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. СПБ. Н. Шугуровъ 1889, 5—6, 658—660.

3500. **Булгаковъ Ѳ. И.** Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографическаго искусства т. I съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1890 г. И. Ж. 1890, 7, 155—158.

3501. **Булгаковъ Д.** Слѣдуетъ-ли въ числѣ просвѣтителей древней курской области считать св. Петра, митрополита московскаго (Критико-библіографическая замѣтка по поводу изданія г. Девріена „Россія" т. II. 1904, 7—8, 32—43.

3502. **Bouillet.** Dictionaire universel d' Histoire et de Geoqrahie. Paris 1893. В. А. 1893, 1, 178—180.

3503. **Burnier** Gharles. En Russie. Paris et Lausanne. 1893. В. Г. 1893, 12, 510—511.

3504. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1882 г. Ив. Матченко 1883, 5, 161—164.

3505. **Бучневичъ В.** Кременчугъ и посадъ Крюковъ Полтава 1891 г. Ѳ. Николайчикъ. 1892, 5, 306—309.

3506. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1902 г. О. Л. 1902, 11, 114—123.

3507. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г. 1883, 1, 183—184.

3508. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ 1882 г. В. Антоновичъ 1883, 2, 417—428.

3509. **Бѣловетцъ П. И.** Очаковъ. Краткій историческій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ очаковской твердыни. Севастополь 1902 г. И. Б. 1903, 2, 117.

3510. **Бѣлокуровъ С. А.** Юрій Крижаничъ въ Россіи М. 1903 г. Ал. Маркевичъ 1903, 6, 207—209.

3511. **Бѣлозерскій Н.** Добавки и поправки постояннаго читателя „Кіевской Стариныˮ 1884, 5, 146—151.

3512. **Бѣляшевскій Николай.** Монетные клады Кіевской губерніи Кіевъ 1889. П. Голубовскій. 1889, 10, 205—207.

3513. **Бѣляшевскій Н.** Археологическая лѣтопись 1900, 1, 47—60.

3514. **Василенко.** Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи Харьковъ 1902 г. Б. Гринченко 1903, 1, 25—28.

3515. **Василенко В.** Этнографическіе матеріалы, собранные въ Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи Харьковъ 1902 г. Б. Гриченко. 1903, 1, 25—28.

3516. **Василенко В. И.** Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 12, 197—198.

3517. **Василенко Н.** (редакція) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта старой Малороссіи В. 1-й (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730) Черниговъ 1901 г. 1901, 12, 185.

3518. **Василенко В. И.** Мѣстечко Опошня, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губ. Статистико-экономическій очеркъ. Изд. Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889 г. Н. В. 1891, 6, 503—504.

3519. **Васильчиковъ А. А.** Семейство Разумовскихъ т. IV СПБ. 1887 г. V. 1887, 4, 760—762.

3520. **Васильчиковъ А.** Семеиство Разумовскихъ т. 5. 1895, 2, 76.

3521. **Waclaw X.** O cudownym obrazie Najsw. Maryi P. Bertczowskiej. Krakov 1897, Н. М. 1898, 4, 30—31.

3522. **Веберъ М.** Историческій очеркъ освободительнаго движенія въ Россіи и положеніе буржуазной демократіи Б. 1906. М. Порш. 1907, 5, 235—240.

3523. **Weber-Lutkow.** Schlummernde Seelen. 1900, 4, 18—24.

3524. **Вейнбергъ Л.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. А. Л—нко 1892, 1, 166—170.

3525. **Венгеровъ С. А.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ СПБ. 1886—8. Вып. 1—13. Г. 1888, 12, 72—74.

3526. **Венгеровъ С. А.** Критико-біогра-

фическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. V СПБ. 1897. 1897, 11, 62.

3527. **Werenka D**. Bukowinas Entstehen und Aufbluhen. Maria Fheresias Zeit. Ith. Wien 1892. И. Лучицкаго 1893, 3, 549—560.

3528. **Верещагинъ В.** Русскія иллюстрированныя изданія 18 и 19 столѣтій СПБ. 1898. Н. Ш. 1898, 7—8, 30—36.

3529. **Вержбицкій.** Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. ц. 1 р. 30 к. Ѳ. Титовъ. 1894, 6, 557—560.

3530. **Вержбицкій Т. І.** Краткое описаніе г. Житоміра Изд. 2. Житоміръ 1889. 1889, 10, 218—219.

3531. **Верзиловъ А.** Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. Черниговъ 1898. Н. В. 1899, 9, 119—121.

3532. **Веселовскій Ал.** Этюды и характеристики, М. 1894 г. А. Степовичъ. 1894, 11, 325—327.

3533. **Виданэ** „Просвіти"—Руська письменність: твори Івана Котляревського, Петра Артемовського-Гулака, Евгенія Гребінки. Львівъ 1908 ц. 40 к. Доманицкій. 1904, 12, 168—179.

3534. **Wierzbowski** Fheodorus. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Varsoviae 1889—94. А. Стороженко. 1894, 4, 187—190.

3535. **„Wiz ı perewiz"**, czyli Ukraina galycyjiska w prawdziwem oswietlemu przez Ukrainca. Lwow. 1904. Н. 1905, 1, 44—47.

3536. **Викулъ П.** Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. 1895, 5, 102—103.

3537. **Викулъ и Якубовичъ.** Подольскіе архипастыри (изъ VIII в. трудовъ Подольскаго епарх. историко статист. комитета) Н. М. 1895, 12, 121—122.

3538. **Викъ.** (1798—1898) Кыивъ 1900 ц. 2 р. В. Н. 1901, 1, 37—40.

3539. **Виленскій** календарь на 1885 г. Вильна 1884. И. Каманинъ 1885, 4, 760—765.

3540. **Виленскій** календарь на 1886 г. Вильна 1885 г. И. Малышевскій. 1886, 2, 375—377.

3541. **Виленскій** календарь на 1887 г. Вильна 1886 г. И. Малышевскій. 1887, 2, 340—352.

3542. **Виленскій** календарь на 1889 г. (6-й годъ изданія) Вильна 1888 г. цѣна 30 к. Н. Т. 1889, 3, 533—534.

3543. **Виленскій** временникъ. Изд. Виленскаго генералъ-губернат. управленія. Проф. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. 1904, 4, 45—47.

3544. **Виноградовъ В. К.** Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Ѳеодосія 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 145—149.

3545. **Visla** 1887—1888 г. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1889, 10, 214—217.

3546. **Вишневскій Д.** Кіевская Академія въ половинѣ XVIII ст. 1904, 2, 80—84.

3547. **Владимировъ П. В.** Докторъ Франциськъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. СПБ. 1888 г. А. Степовичъ. 1889, 2, 513—521.

3548. **Владимировъ М. М.** Первое столѣтіе города Екатеринослава 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Екатеринославъ 1887 г. В-о. 1887, 12, 761—766.

3549. **Владимирскій Будановъ М. Ф.** Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2 съ дополненіями. Кіевъ 1888 г. И. М. 1888, 4, 9—12.

3550. **Владимирскій Будаковъ М. Ф.** Исторія университета св. Владимира. Т. I Университетъ св. Владимира въ царствованіе Императора Николая I Кіевъ 1884 г. Б. Цыбульскій. 1884, 11, 512—517.

3551. **Владимирскій** сборникъ въ память 900 лѣтія крещенія Россіи. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

3552. **Wlast Jozef.** Opowiadania historyczne z dziejów okolicu Sluczy jej doplywow. Краковъ 1897 г. 1897, 9, 77—78.

3553. **Вниманію** г.г. любителей рыбной ловли. К. 1892 г. 16 ст. К—цъ. 1893, 11, 345—346.

3554. **В—новъ А. и свящ.** В. **Антоновъ** Памятная книжка Кіевской епархіи (Кіевскій епархіальный календарь Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 340—349.

3555. **Вовчекъ М.** Сестра. Б. Я. 1904, 2. 181—183.

3556. **Вовчокъ М.** Кармелюкъ. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3557. **Волжскій** странникъ (псевдонимъ) Вып. I Н.-Новгородъ (1899) ц. 40 к. В. Д. 1901, 9, 125—128.

3558. **Волконскаго** С. Г. (декабриста) записки. Андр. А. 1902, 3, 197—206.

3559. **Волланомъ** собранныя угрорусскія народныя пѣсни. (Записки Императорскаго Геоерафич. общества по отдѣленію этнографіи т. XIII вып. 1) СПБ. 1875 г. В. Горленко. 1886, 1, 168—172.

3560. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. II Житоміръ 1900 г. Ор. Левицкій. 1901, 11, 95—109.

3561. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. I Почаевъ-Житоміръ 1896 г. Н Бѣляшевскій. 1896, 11, 52—61.

3562. **Волынскій** народный календарь на 1890 г. Годъ 2-й изд. Ѳ. И. Досинчука. Житоміръ 1889 г. Арк. Л—нкс 1890, 2, 368—370.

3563. **Volff Jósef.** Rod Gedimina. Краковъ 1888 И. Каманинъ. 1886. 11, 553—555.

3564. **Воронежскій** юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ 1886 г. т. I—II. Н. С. 1887, 3, 550—555.

3565. **Воронежскій** губерніи, памятная книжка на 1893 г. Воронежъ 1893 п. 1 р. 25 к. А. Степовичъ. 1893, 5, 353—356.

3566. **Воскресенскій Н.** В. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888) Историческій очеркъ т. I Воронежъ 1888—1890 Н. В. 1891, 7, 132—154.

3567. **Воспоминанія** и дневники А. М. Грабовскаго. А. Л. 1899, 2, 124—126.

3368. **Вотковъ А.** Іовъ Базилевичъ епископъ переяславскій, и участіе его въ церковно-политической жизни польской Украины. К. 1903 г. С. И. 1904, 7—8, 43—60.

3569. **Врабель М.** Русскій соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ. 1890. А. К. 1892, 6, 459—475.

3570. **Въ** защиту слова. Сборникъ 2 изд. СПБ. 1905 г. С. Е. 1905, 7—8.

3571. **Въ** историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 16 вып. IV. Кіевъ 1902 г. Н. В. 1903, 2, 112—116.

3572. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському. У Кыиви. 1905, 4, 14—27.

3573. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському Литературный збирныкъ Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3574. **Выставка** древностей представляемыхъ Императорской Археологической комиссіей на воззрѣніе Государя Имлератора. 1896, 10, 31—33.

3575. **Высокопреосвященнѣйшій** Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. М. 1882 г. Л. Т. 1882, 12, 576—582.

3576. **В. Я.** Одесскія юбилейныя изданія. 1894, 10, 156—158.

3577. **Г.** Библіографическое извѣщеніе. 1885, 2, 415—416.

3578. **Галагана** Павла коллегіи ежегодникъ съ 1 откября 1901 г. по 1 октября 1902 г. Н. М. Ш. 1902, 11, 126—127.

3579. **Галайда** Гнатъ. Про сыритъ. 1904, 2, 92—93,

3580. **Галантъ И.** Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. Е. Кашировскій, 1898, 3, 115—117.

3581. **Halban** Alfred Dr. Zur geschichte des deutschen Rechtes in Podolia, Wolhynien und der Ukraine. Berlin 1896. H. M. 1897, 2, 55—58.

3582. **Galicya** przedstawiona slowem i olówkiem w opracowamu Boleslawa Limanovskieqo z rysunkami Wlodzimiera Fetmaj era. Lwow 1892 H. Ш. 1894, 3, 585—587.

3583. **Galicia** w obrazach. Zebral Wozniak. H. Ш. 1900, 6, 168—169.

3584. **Hammard.** Reise durch Oberschlesien zur russich-kaiserlichen Amee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy. Gotha 1787. C. E. 1891, 7, 160—168

3585. **Гамченко** Сергѣй. Житомірскій могильникъ. Археографическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ, Житоміръ 1888. Н. Б. 1889, 5—6, 655—658.

3586. **Гамченко С.** Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга" близъ с. Студенца. Житоміръ 1900, 6, 165—166.

3587. **Hauser** Leopold. Monoqrafia miasta Przemysla. Przemysl 1883. B. A. 1883, 2, 647—649.

3588. **Ге Г. Н.** Историческій очеркъ существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Сост. по порученію Николаевской городской думы къ празднованію юбилея, николаевскимъ секретаремъ. Николаевъ 1890 г. С. Е. 1891, 7, 155—157.

3589. **Heleniusz.** Wspomnieme polskich czasow. H. M. 1895, 7—8, 43—46.

3590. **Гейсманъ П. А.** Варшавскій военный журналъ 1904 г, Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г. Вл. П—ко. 1905, 1, 42—44.

3591. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка 1729—1730 г. г. Изданіе Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета Полтава 1893 г. 45 стр. В. М. 1894, 4, 176-186.

3592. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—1730 г. г. Сообщилъ Н. Василенко (оттискъ изъ VII кн. „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца)" К. 1892 г. В. М. 1894, 4, 176—186.

3593. **Георгіевскій** Александръ Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. К. 1891. А. Л. 1893, 12, 507—509.

3594. **Гильтебрантъ** Петръ. Гедеонъ Балабанъ и его три книги И. Каманинъ. 1900, 11, 87—89.

3595. **Гиляревскій А**. свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григорьевичъ Барскій М. 1889 г. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Общ. любителей Духовнаго Просвѣщенія") 1884 г. ц. 50 к. Ив. Новицкій. 1890, 2, 359-363.

3596. **Гинцбургъ А. Б.** Русская правда, текстъ изданный по запискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 3, 760—762.

3597. **Глибивъ.** Твары. Выдавныцтво Викъ. У Кыиви 1904 № 14. М. П—скій 1905, 5, 118—121.

3598. **Gloqer.** Z. Piesni ludu Krakov 1892. В. Перетца. 1893, 2, 381—385.

3599. **Hovelacque** et. F. Herve Repherehes ethnoloqiques sur le Morvan. P. 1794.. Ѳ. В. 1894, 11, 323—325.

3600. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова V т. Москва 1889—90. Г. 1891, 3, 528—534.

3601. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова и Шенрока, т. VI VII. Е. Пѣтуховъ. 1896, 7—8, 27—30.

3602. **Головацкій** Яковъ. Географическій споварь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ прилож. географической карты. Вильна 1884 г. Ѳ. Ни—ка. 1884, 4, 649—652.

3603. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Потръ Могила и его сподвижники. (Опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883 г. 1225 стр. П, Л. 1883, 8, 741—742.

3604. **Голубевъ С.** Исторія Духовной академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 5, 176—179.

3605. **Голубевъ С.** Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. К. 1894 г. Ѳ. Титовъ 1894, 6, 560—561.

3606. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. т. II. К. 1898 г. О. Л. 1898, 12, 85—92.

3607. **Голубевъ С.** Къ исторіи Кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII стр. К. 1899 г. О. Л. 1899, 5, 94—97.

3608. **Голубевъ С.** Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. В. Д. 1902, 2, 135—137.

3609. **Голубовскій П.** Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX-XIII в. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 7. 505—508.

3610. **Голубовскій П.** Исторія сѣверной земли до половины XIV в. Кіевъ 1881 г. Д. Багалѣй. 1882, 2, 405—407.

3611. **Голубовскій П.** Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ 1890 г. Н. М. 1890, 3, 571—572.

3612. **Голубовскій.** Исторія Смоленземли до началѣ XI ст. В. А. 1896, 1. 66—69.

3613. **Горленко** Іосафа, епископа бѣлгородскаго, записки Ѳ. Титовъ. 1893, 10, 168—172.

3614. **Горленко В.** Шевченко-живописца и граверъ (приложеніе ко Все-

мірной Иллюстраціи). 1893 г. № 4. 1893, 6, 531—536.

3615. **Gorski** Wladyslaw Pobóq· Powiat moqylowski w qubernii Podolskiej. w Krakowie 1902. H. M. 1903, 10, 46—50.

3616. **Gorski**. konstanty. Wojna Pziezy Pospclitey Polskiey z Furcya w latacp. 1672—1673. Warszawa 1890. H. M. 1890, 166—168.

3617. **Горчаковъ Е**. кн. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва 1885 г. V. 1886, 5, 150—153.

3618. **Господа** Нашого Iисуса Христа Святе Евангеліе від Матөея. В. Н, 1907, 1, 106--113.

3619. **Гошкевичъ В**. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890 г. Н. Б. 1890, 4, 182—184.

3620. **Гошкевичъ Вл**. Клады и древности Херсонской губерніи кн. I. Херсонъ 1903 г. Ф. М-сяій. 1903, 9, 147—148.

3621. **Грабина А. Т.** Тывуртіевы выгадкы. В. Д. 1900, 12, 171—172.

3622. **Грабина А. Т**. Мужычкы жартъ въ 1-й от. К. 1904 г. ц. 20 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

3623. **Грановскій А.** Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ О. Л. 1902. 5. 121—129.

3624. **Граховъ Я**. Краткій историко-статистичесній обзоръ Екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеийй. Одесса 1856 года. Г. З. 1888, 1—3, 39 45.

3625. **Гринченко Б.** Этнографическіе матеріалы собранные въ Черниговской губернїй в. І. Л. 1895, 12, 111—113.

3626. **Гринченко Б**. Этнографичеэlіе матеріалы, собранныя въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Черниговъ 1896 г. А. Л. 1896. 11, 61—62.

3627. **Гротъ К. Я.** Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. А. Л. 1896 12, 86—90.

3628. **Гринченко Б. Д.** Каталогъ музея укранснихъ древностей В. В. Тарновскаго. Н. Б. 1900, 12, 161—164.

3629. **Гринченко Б.** Литература украинскаго фольклора (1777—1900). Олытъ библіографическаго указателя. Черниговъ 1901. Н. Шугуровъ 1901, 9, 105—115.

3630. **Гринченко** Б. Старинный малорусскій письмовникъ. О. Л. 1902, 3, 191—196.

3631. **Гринченко** Б. Драмы и комедіи. Д. Д.1903, 2, 108—111.

3632. **Гринченко**. Хто робить, той и має (оповідання про Джемса Гарфильда. (СПБ. В. Мировець. 1903, 5, 134—136.

3633. **Гринченко Н**. Буря на мори. Кыивъ 1903, М. Павловскій. 1903, 1—8, 76—78.

3634. **Гринченко Б.** Пысання т. I. Кыивъ 1903 р. П. I. Г. 1904, 12, 175—198.

3635. **Гринченко** Б. Пысання т. I. 1903 р. ц. 1 р. 50 к. Л. Старицкая Черняховская. 1904, 01, 73—115.

3636. **Гринченко** Б. Тяжким шляхом. Про українську прессу К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3637. **Грінченко** Б. Народні вчителі і вкраїнська школа. К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3638. **Грінченко** Б. Українські народні казки для дітей К. 1907 ц. 65 к. Е. Віченко 1907, 7—8, 257—259.

3639, **Грінченко** Б. Перед широ-

ким. сьвітом. Б. 1907 ц. 1 р. С. Петлюра. 1907, 7—8, 237—246.

3640. **Гротъ К. Я.** Моравія и мадьяры съ половинѣ IX до начала X вѣка. СПБ. 1881. В. И. 1882. 2, 408—412.

3641. **Гротъ К. Я.** Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. (1141—1173). Варшава 1889. П. Г. 1890, 10, 158—165.

3642. **Грушевскій М.** Южно-русскіе господарскіе замки. П. Г. 1890, 8, 333—334.

3643. **Грушевскій М.** Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. ю. 1891 г. П. Р. 1892, 9, 430—438.

3644. **Грушевскій**. Барское староство Н. М. 1895, 3, 103—112.

3645. **Грушевскій**. Виїмка з жерел. до історії України-Русі Н. М. 1895, 12, 122—123

3646. **Грушевський М**. проф. Історня України-Русі. Т. I—III. Львів 1898—1800. В. Доманицкій, 1902, 12, 186—193.

3647. **Грушевскій М.** Історія України-Русі томъ IV. У Львові 1903. Доманицкій. 1982, 12, 163—171.

3648. **Грушевскій М.** Оповидання. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3649. **Грушевський** Мыхайло. Оповидання. Выдавньщтво „Викъ". У Кыиви 1904. Л. Ш. 1905, 121—127.

3650. **Грушевський М.** Спірні питання староруської етнографії. СПБ. Тип. Императврской Академіи наукъ 1904. В. Д. 1905, 3, 198—200.

3651. **Грушевський М.** Про старі часи на Україні В. Д—ий. 1907, 4, 99—102.

3652. **Грушевскій М.** Единство или распаденіе Россіи. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3653. **Грушевскій М.** Національный вопросъ и автономія СПБ. 1907. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3654. **Грушевскій М.** Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. СПБ. 1907. ц. 1 р. М. Ж. 1907, 7—8, 253—257.

3655. **Губановъ Т.** (изданіе) Хома Боець. Въ кого сердце щыре, той въ несчастяхъ гыне. Опера у четырехъ діяхъ и пьяты картынахъ. К. 1904. ц. 15 к. 1604, 10, 39—42.

3656. **Губернскія** Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи Н. Сумцова. 1885, 2, 391—399.

3657. **Gubernatis** A. Dictionaire international des écrivains au jour livraisons XI et XII. (Florence, Paris, Leipziq 1889 20). Н. М. 1890, 4, 185—189.

3658. **Gubernatis.** Dictionnaire internationale. іхr. XI—X. Н. Молчанивскаго. 1889, 12, 655—661.

3659. **Hunvalfy**. Paul. Die Inqern cder Madyaren. Yien und Teschen. 1881. П. Голубовскій. 1882, 8, 355—358.

3660. **Гульдманъ В. К**. Справочная книжка Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій 1888 г. Н. Молчановскій. 1888, 1—3, 1—5.

3661. **Гульдманъ В. К**. Подольская губернія. Опытъ географическаго статистическаго описанія. Изд. Подольскаго губернскаго статистическаго комитета. Каменецъ Подольскъ. 1889 г. Ц. Нейманъ. 1890, 1, 156—163.

3662. **Гульдманъ.** Населенныя мѣ-

ста Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскъ 1893 г. 636 стр.

3663. **Гульдманъ.** Памятники старины въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ 1901 г. Н. Бѣляшевскій. 1902, 1, 33—37.

3664. **Гульдманъ В. К.** Настольно справочная книжка для г. г. землевладѣльцевъ и арендаторовъ (помѣстное землевладѣніе въ Подольской губерніи) Изд. 2. Каменецъ 1903 г. Л. С. Л. 1903. 187—189.

3665. **Гуровъ и Бродскій.** Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи Харьковской губерніи (отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа) Харьковъ 1883 г. Дм. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

3666. **Гуровъ В. В.** Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старо-заимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г. Багалѣй. 1884, 8, 702—708.

3667. **Давидовичъ** Б. **С.** Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ Волынской духовной семинаріи 1896 г. 20 сентября, посвящается Волынскому духовенству. Почаевъ 1896 г. К. Х—чъ. 1897, 2· 51—53.

3668. **Данилевскій Г. П.** по литературной перепискѣ. Харьковъ 139 г. А. Л. 1894, 1, 154—155.

3669. **Дашкевичъ Н.** Замѣтки по исторіи литовско русскаго государства. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 164—167.

3670. **Двадцатипятилѣтіе** Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. В. Ястребовъ. 1885, 10, 342--350.

3671. **Двадцатипятилѣтіе** изданія подольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1866 г.) Каменецъ-Подольскъ 1887 г. 20+15 (Отд. оттискъ изъ Под. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1). А. Л. 1889. 1, 264--266.

3672. **Двадцать** пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи съ 1866—1892 г. Изд. Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава 1893 г. Л. С. Л. 1894, 9, 464—467.

3673. **Дворницкій Е. Н.** Памятники древняго православія въ г, Владимирѣ-Волынскомъ. Въ пользу Владимирскаго братства. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 465—467.

3674. **Дворянскій** адресъ календарь на 1897 годь изд. Н. В. Шапошниковъ СПБ. 1896 г. 1897, 3, 88—90.

3675. **De-Wamme E.** Равноапостольный князь Владиміръ святой. Ровно 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3676. **Дебольскій Г. С.** протоіерей. Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3677. **Дебагорія** Мокріевича воспоминанія СПБ. 1906 г. С. П—ра 1907. 9, 389—392.

3678. **Девятисотлѣтіе** русской іерархіи, епархіи и архіереи 888—1888 г,

Сост. по официальнымъ и историческимъ дачнымъ. Н. Д. Москва 1888 г. П. Л. 1889, 1, 272—275.

3679. **Демидовъ** санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи СПБ. 1883 г. 1884, 1, 155—158.

3680. **Демуцький Н.** Лира и іи мотивы Кыйив 1903. В. Д. 1903, 11, 109—111.

3681. **Демченко Ив.** Украинське весилля Одесса 1905. В. Даниловъ 1906, 5—6, 3—5.

3682. **Denkschriften** des kaiserlichen Akademie Wissenschaften in Wien. 1884. Н. Сумцовъ. 1885, 4, 755—760.

3683. **Десятилѣтіе** Харьковской общественной библіотеки (1886—1896) Н. М. 1898, 5, 71—73.

3684, **Дикаревъ М. А.** Воронежскій этнографическій сборникъ Воронежъ 1891 А. Степовичъ. 1892, 12, 494—495.

3685. **Дикаревъ А.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г. К. Михальчукъ 1893, 5, 334—353.

3686. **Дикаревъ** Митрофан. Збірник фильологичноі секціі наукового товариства імени Шевченка. В. Н—ко. 1904, 4, 39—43.

3687. **Диковъ П.** Спиcокъ землевладѣнія въ Гродненской губерніи. Изд. Гродненскаго Губернскаго Статистическаго комитета Гродна 1890. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

3688. **Dubold Yladimir.** Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen. Dorpat 1886 г. В. А. 1888, 6, 52—55.

3689. **Дмитріевскій А.** Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическіи музей при Кіевской Духовной Академіи „Правосл. Обозр." 1885, 6. 314—318.

3690. **Дмитренко И. И.** Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска 3 тома. СПБ. 1896 г. А. Л. (съ 7 документами). 1898, 1, 13—22.

3691. **Дмитренко И.** Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска СПБ. 1898 г. А. Л. 1899, 2, 109—119.

3692. **Дмитріевъ Ѳ.** Исторія города Брянска Орелъ 1894 г. П. Голубовскій. 1895, 7—8, 52—55.

3693. **Дмитровъ Н.** Першій Русско-американскій календарь. 1897, А. Л. 1897, 11, 61—62.

3694. **Добротворскій Н. А.** Кустарные промыслы Курской губерніи. Курскъ 1886, г. Н. С 1887, 1, 157—161.

3695. **Добрывъ А.** Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ СПБ. 1900 г. ц. 2 р. В. Д. 1901, 1, 35—37.

3696. **Добрянскій Ф.** Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно славянскихъ и русскихъ Вильна. 1886 г. Н. П. 1882, 3, 564—572.

3697. **Довнаръ-Запольскій М.** Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ Кіевъ 1895 г. А. Крымскій. 1896, 1, 30—37.

3698. **Докучаевъ В. В.** Методы изслѣдованія вопроса, были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 октября 1888 г.) СПБ. 1889 г. 1890. 1, 163—164.

3699. **Документы** Московскаго архива Министерства Юстиціи т. 1. М. 1897 г. Т. Н. 1899, 5, 99.

3700. **Долопчевъ В.** Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи) Одесса 1886 г. А. С—чъ. 1888, 9, 63—64.

3701. **Дорошенко Д.** Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южною Русью СПБ. 1904 г. Доманицкій. 1904, 9, 104—113.

3702. **Дорошенко Д.** Народная украинская литература. Сборникъ отзывовъ на народныя украинскія изданія. СПБ. 1904. В. Д. 1904, 12, 184—186.

3703. **Досинчукъ Ѳ. И.** Волынскій календарь на 1889 г. Годъ 1-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3704. **Драгомановъ Михайло.** Розвідки про українську народню словесність. В. Д. 1900, 3, 169—172.

3705. **Драгомановъ М.** Листи до Ів. Франка і инших Львів 1906. Д. Дорошенко. 1907, 5, 228—232.

3706. **Драгомирецкій В. С.** Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Петроградъ 1897. Н. М. 1897, 3, 87—88.

3707. **Древности** сѣверо-западнаго края. Вып. 1. Изд. Императорскаго археологическаго комитета СПБ. 1890. В. Я. 1890, 11, 355—356.

3708. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Общества томъ XI выпускъ III. Москва 1887 г. В. Я. 1888, 5, 42—44.

3709. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго общества т. XV. 1895, 11, 82.

3710. **Дремцовъ.** Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы „Кобзаря". Вып. 1 Вятка 1902. Ф. М. 1903, 2, 102—107.

3711. **Дренякинъ.** Бѣлгородъ съ уѣздами. Историко-статистическій очеркъ Харьковъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 179—180.

3712. **Дружининъ В.** Г. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка СПБ. 1889 г. А. М. 1889, 4, 225—230.

3713. **Dubiecki** Maryan. Пограничная крѣпость Кудакъ. Н. М. 1900, 10, 30—34.

3714. **Дубове** листя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. В. Мировецъ. 1903, 5, 121—127.

3715. **Dunin-Karvicki** Iozef. Szkice obyczajove i historyczne. Warszava. 1882. (Іосифъ Дунинъ-Карвицкій. Очерки нравовъ и исторіи) 1882, 4, 148—149.

3716. **Егоровъ** Александръ. Екатеринославское блуканье. (1777—1791) Екатеринославъ 1887 г. Г. З. 1887, 4, 753—756.

3717. **Едлинскій М.** Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій. и его литературные труды. Кіевъ 1889 г. Н. М. 1890, 1, 164—166.

3718. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Н. Ш. 1900, 11, 89—92.

3719. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ 9 К. 1903, В. Д. 1904, 10, 36—39.

3720. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ Х. (1 окт. 1904—1 окт. 1905) Н. Ш. 1905, 10, 56—58.

3721. **Елпатьевскій К.** Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изд. исправл. и дополненное СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 332—338.

3722. **Енохинъ С. А.** На вику, як на довгій ниви. Елисаветградъ 1903 г. В. Мировецъ. 1903, 4, 63—64.

3723. **„Епархіальныя** Вѣдомости“ южно-русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишеневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія) Иродіонъ Житецкій. 1891, 9, 508—516.

3724. **Етнографічний** збірник. Видає комисія наукового товариства імени Шевченка. В. Д. 1900, 5, 100—102.

3725. **Ефименко. А.** Истсрія Украйны и ея народа. СПБ. 1907 г. ц. 50 к. М. Ж. 1907, 7—8, 246—249.

3726. **Ефименко. А. Я.** „На Украинѣ“. Очерки и разсказы в. 1 и 2 ц. 55 к. В. Д. 1901, 2, 96—98.

3727. **Еще** нѣсколько словъ о сборникѣ „Дубове лыстя“. С. Ше—хинъ. 1903, 7—8, 67—76.

3728. **Еще** объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 12, 74—77.

3729. **Жарко Я.** Байки. СПБ. 1899 г. И, 1899, 7, 23—24.

3730. **Жарко. Я.** Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. Катеринодаръ 1905 г. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

3731. **Жерела** до історіи Украіни—Русі. Видае комісія археографічна наукового товариства ім. Шевченка. Т. І. Львів 1895. В. Щербина. 1896, 7—8, 37—41.

3732. **Жерела** до істориї Украіни-Руси. Вид. Наук. Тов. ім. Шевченка. т. II. Львів 1897. В. Щербина. 1898, 1, 25—27.

3733. **Жигаревъ С.** Русская политика въ восточномъ вопросѣ. 1898, 5, 66—68.

3734. **Живая** Старина. Изд. Императорскаго русскаго географическаго общества. СПБ. 1892 вып. 1—4. А. Степовичъ. 1893, 7, 145—147.

3735. **Живая** Старина, изд. Императорскаго Этнографическаго общества, вып. 2—4. СПБ. 1890—1891. В. Я. 1892, 5, 299—303.

3736. **Живая** Старина. Изд. при Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ подъ редакціей. В. И. Ламанскаго СПБ. 1890 г. Вып. 1, В. Я. 1891, 5, 322—327.

3737. **Жуковскій В. П.** Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 154—155.

3738. **Журналы** агрономическаго совѣщанія при Кіевской губернской управѣ. К. 1907. В. Садовський. 1907, 9, 396—398.

3739. **Забѣло Я.** Описаніе Лубенской покровской ярмарки 1891 г. Полтава 1892 г. Р. 1892, 3, 514—516.

3740. **Завадскій**. Владимірскій Кіевскій кадетскій корпусъ. 1851—1901 г. 1902, 1, 39—40.

3741. **Завитневичъ.** Великій князь Кіевскій Святославъ Игорьевичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 17—20.

3742. **Завитневичъ.** О мѣстѣ и времени крещенія св. Владимира и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3743. **Загирня М.** Мудрый учитель. Оповидання про Сократа. СПБ. 1903. В. Мировецъ. 1903, 10, 47—48.

3744. **Загоскинъ Н.** Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань 1892 г. ц. 50 к. Н. В. 1892, 4, 144—147.

3745. **Загоскинъ Н. П.** Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія и литература. Казань 1891 г. Y. 1891, 12, 485—492.

3746. **Заклинскій** Корнило. Сноше-

нія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1596 г. Львовъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 181—183.

3747. **Zakrzewski V.** Pawinski Adolf 1840—1896. Zarys dizejow zywota i pracy. Petersburg. 1897. A. C. 1898, 1, 31—32.

3748. **Залѣсскій.** Археологическая этнографическая и художественная выставка въ г. Полоцкѣ. В. Перетцъ. 1893, 1, 187—188.

3749. **Замѣтка** о старопечатныхъ книгахъ харьковской духовной семинаріи. Н. Сумцовъ. 1888, 89—90.

3750. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIII, Одесса 1883 г. И. Л. 1884, 6, 320—322.

3751. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XIV, Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 11, 555—558.

3752. **Записки** „товариства імени Шевченка ч. I. Н. М. 1895, 11, 6.

3753. **Записки** науковаго товариства т. VII Н. М. 1895, 12, 119—121.

3754. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. XI и XII. Н. М. 1896, 10, 33—36.

3755. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. IX и X. Л. 1896. Н. М. 1896, 5, 63—66.

3756. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. VIII (1895, кн. 4) Львовъ 1895. Н. М. 1896, 2, 73—75.

3757. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XVI-й Одесса 1893 г. 1894, 2, 347—349.

3758. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Томъ XIII (1896. кн. V) Н. М. 1897, 1, 27—28.

3759. **Записки** наукового товариства імени Шевченка (у Львові) т. XIV (1897, кн. VI) т. XV (1897 кн. I) Н. М. 1897, 5, 74—77.

3760. **Записки** наукового товариства імени Шевченка у Львові т.т. XVI и XVII (1897, кн. II и III) Н. М. 1897, 7—8, 37—40.

3761. **Записки** Императорскаго русскаго археологическаго общества т. VIII вып. 1 и 2 (нов. серія) Труды отдѣленія русской и славянской археологіи книга I. СПБ. 1896. 1897, 9, 78—79.

3762. **Записки** накувого товариства імени Шевченка т. 22, 23, 24. Н. М. 1898, 11, 64—67.

3763. **Записки** Императорскаго Одесскаго общ. исторіи и древностей т. 20 Одесса 1897 г. В- Щербина. 1898, 6, 105—108.

3764. **Записки** наукового товариства імени Шевченка, т. XVIII, XIX, XX, XXI Н. М. 1898, 4, 19—23.

3765. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. XXV—XXX А. М. 1899, 12, 138—148.

3766. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. 21. Од. 1898 г. L. 1899, 3, 171—173.

3767. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 12, 165—171.

3768. **Записки** наукового товариства імени Шевченка В. Д. 1900, 10, 34—43.

3769. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 11, 85—87.

3770. **Записки** наукового товариства имени Шевченка т. XXXVII—XXXVIII. У Львові 1900, V. В. Д. 1901, 2, 92—96.

3771. **Записки** наукового товарист-

ва імени Шевченка (I—III томи за 1901 рік) Львів 1901. В. Д. 1901, 7—8, 54—57.

3772. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. т. 42—45 Львів 1901—1902. В. Д. 1902, 6, 179—185.

3773. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. 46 и 47 Львів 1902. В. Д. 1902, 9, 156—159.

3774. **Записки** наукового товариств ім. Шевченка томи LI, LII, LIII. У Львові 1903 р. В. Д. 1903, 9, 134—139.

3775. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка у Львові т. т. XLVIII. XLIX и L 1902 (кн. 4, 5 и 6 за р. 1892) В. Ц. 1903, 3, 179—185.

3776. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Доманицкій 1904, 3, 135.

3777. **Запольскій М.** Сѣверо-западный календарь на 1888 г. Изд. газеты „Минскій Листокъ" Минскъ 1888 г. 1888, 10, 17—22.

3778. **Запольскій М.** Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. Москва 1889 г. Н. Т. 1889, 1, 275—276.

3779. **Запорожская** рукопись о кладахъ. Кіевъ 1903 г. В. Доманицкій. 1903, 11, 103—106.

3780. **Зарѣцкій И.** Гончарный промыселъ въ Полтавской губ. П. 1894 г. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Щербина. 1894, 12, 507—508.

3781. **Захарченко М. М.** 1) Кіевъ теперь и прежде. Сост. инспекторъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ 1888 г. цѣна 10 р. стр. 276. 2) Кіевъ теперь и прежде Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XI) ц, 12 р. въ переплетѣ 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XVI) ц. 6 р. въ переплетѣ. Н. М. 1890, 1, 141—156.

3782. **Захарченко М. М.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Кіевъ 1888 г. Н. М. 1889, 11, 467—475.

3783. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajovej. Изд. краковской академіи наукъ т. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890 г. В. А. 1891, 11, 313—319.

3784. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajowej tom XII Krakow 1888 г. В. А. 1889, 4, 217—220.

3785. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji. Tom XI Krakow 1887 г. В. А. 1888, 1, 23—27.

3786. **Zvygrodzki** (von) Michael. Die Mutter bei den Yölkern des arischen Stammes München 1886 г. Н. Н. Чернышевъ. 1887, 9, 159—174.

3787. **Зенкевичъ Хр.** Тридцатилѣтіе керченской Александровской гимназіи Керчь 1894 г. А. С. 1894, 10, 163—164.

3788. **Sichler** Léon. Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusqu'a nos jours. Paris 1886 г. Г. К—шъ 1887, 6—7, 530—532.

3789. **Зографъ** проф. Русскіе народы, рис. Бѣлянкина ч. 1 в. 1—3 Москва В. Я. 1895, 5, 99—100.

3790. **Иваницкій С.** Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769) Каменецъ-Подольскъ 1904. Вл. П—ко. 1905, 4, 1—6.

3791. **Ивановъ В.** „Харьковскій сборникъ". Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1894 г. Вып. 8. Н. Б. 1894, 9, 470—471.

3792. **Ивановъ Д. Л.** Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края. Н. С. 1886, 12, 735—736.

3793. **Ивановъ П.** Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ (съ предислов. проф. Н. Ѳ. Сумцова) Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 6. 569—570.

3794. **Ивановъ.** Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в. Одесса 1895 г. В. А. 1896, 2, 69—71.

3795. **Иващенко В.** Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада. А. Л. 1895, 5, 100—101.

3796. **Игнатовъ И.** Галлерея русскихъ писателей (Изд. Скирмута) М. 1901 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д. 1901, 5, 107—108.

3797. **Извѣковъ Н.** свящ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ литовскій и виленскій. Вильна 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 4, 232—233.

3798. **Извѣстія** Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы съ приложеніемъ. 1886, 5, 156—162.

3799. **Извѣстія** Императорской Археологической комиссіи Вып. 1 СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 2. 120—123.

3800. **Извѣстія** Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ т. LXXXIII (Красновъ—травяныя степи сѣвернаго полушарія) М. 1894. В. Я. 1894, 12, 501—503.

3801. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1901 г. Кременчугъ 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

3802. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. (іюнь—августъ) Л. С. Л. 1902, 12, 196—197.

3803. **Извѣстія** отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ 1902 г. кн. 3 и 4. СПБ. 1902 г. В. Д. 1903, 4, 67—68.

3804. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи, вып. 5—6. Симферополь 1888 г.; вып. 7—8 1889 г. вып. 9—10 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 12, 538—544.

3805. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 11 годъ 5. Симферополь 1891. И. Каманинъ. 1891, 5, 332—335.

3806. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 20—21. 1895, 2, 74—76.

3807. **Извѣстія** таврической архивной коммиссіи № 22. А. Л. 1895, 10, 33—36.

3808. **Извѣстія** Таврической ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й.) Симферополь 1897 г. И Каманинъ. 1897, 6, 118—120.

3809. **Изданія** статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 году, Кіевскаго, Волынскаго, Черниговскаго, Полтавскаго, Воронежскаго. Кубанскаго, „Кубанскій сборникъ“ и „календарь Черниговской губ.“ Р. 1891, 11, 319—324.

3810. **Изданія** общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ: 1) экономическое изслѣдованіе района новоселицкихъ вѣтвей и 196 таблицъ. Кіевъ 1890. 2) О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей Кіевъ 1891 г. Н. М. 1892, 11, 311—314.

3811. **Измаильскій** А. А. Какъ высохла наша степь. А. Л. 1895, 3, 131—133.

3012. **Изслѣдованія** о кладахъ Во-

лынской губерніи Житомиръ 1885 г. П. Голубовскій 1885, 11. 532—534.

3813. **Изъ** исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. „Книга царствъ" въ собраніи рукописей библіотеки Новороссійскаго университета. М. Г. Попруженко. Одесса 1894 г. 1894, 3, 579—581.

3814. **Изъ** украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Ш. Л. 1900, 6, 155—160.

3815. **Иконниковъ В.** Опытъ русской исторіографіи К. 1891—1892 т. I. ч. 1—2. Н. В. 1893, 4, 169—184.

3816. **Илляшевичъ Л.** Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства И. Каманинъ. 1885, 11, 520—524.

3817. **Илляшевичъ Л.** Шебелинскій бунтъ С. 1887, 6—7, 522—528.

3818. **Иллюстровъ I.** Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. О. Л. 1904, 2, 90—92.

3819. **Иловайскій Д.** Розысканіе о началѣ Руси, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва 1882 г. Н. П. 1882, 9, 556—558.

3820. **Иловайскій Д.** Дополнительная полемика по вопросамъ варягорусскому и гунско-болгарскому. П. Голубовскій. 1886, 6, 345—347.

3821. **Иловайскій Д. И.** Историческія сочиненія, часть вторая 1859—1897. Москва 1897 г. Н. М. 1897, 6, 108—111.

3822. **Иловайскій Д.** Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902 г. Н. М. 1902, 11, 123—124.

3823. **Ильницкій Л. В.** Опись книги кіевскаго центральнаго архива № 13 (офиціальное изданіе архива). Кіевъ 1882 г. В. А. 1882, 12, 572—574.

3824. **Императорскаго** русскаго историческаго общества сборникъ т. 95. СПБ. 1895. И. Каманинъ. 1897, 1, 29—30.

3825. **Историческої** польской литературы новости. А. С. 1897, 3, 78—82.

3826. **Истринъ В.** Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII в. 1898, 7—8, 50—51.

3827. **J.** Antoni D-r. Z przeszloscè Polesia kiewskiego Warszawa 1882 г. В. А. 1882, 10, 149—154.

3828. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyszne, serya trzecia. T. 1—2. Warszawa 1882. В. А. 1882, 12, 569—572.

3829. **J.** Antoni D-r. Niewiasty kresowe. warszawa 1883 г. В. А. 1883, 4, 873—876.

3830. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne, serya siodma Lwòw 1891. М. Г. 1891, 7, 157—158.

3831. **Ivanovicz J.** Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens. Leipzig. 1885. Ѳ. Н. 1885, 12, 705—710.

3832. **Jelinek E.** Ukrajinskè dumy. Y Praze. 1888. А. Степовичъ. 1888, 9, 61—63.

3833. **Jegovski.** Ostatnia staroscina Zvinogrodzka. kraków 1888. В. А. 1889, 2, 527—530.

3834. **Іогансонъ.** Кіевскій календарь на 1889 г. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3835. **Іосифъ,** митрополитъ литовскій. Записки, изданныя Император-

ской академіей наукъ, по завѣщанію автора. Т. I—III СПБ. 1883 г. А. К. 1884, 7, 511—523.

3836. **Календарь** Черниговской губ. на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3837. **Календарь** на 1903 г. Православный русско-американскій. Р. 1903, 9, 149.

3838. **Календарь** „Просвіти" на рік 1908. С. Петлюра. 1907, 11—12, 439—441.

3839. **Каманинъ И.** Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. г. Н. М. 1891, 3, 514—524.

3840. **Капельгородський Н,** Украінці на Кубані. К. 1907. С. Петлюра. 1907, 10, 129—132.

3841. **Капнистъ П. И.** графъ Сочиненія. М. 1901. т. I и II. А. С. 1901, 4, 46—48.

3842. **Karwicki S.** Ze starego autoramentu Warszawa 1899. Н. М. 1898, 9, 89—90.

3843. **Karwicki S.** Z moich. wspomnien I—II Warszawa 1901. Н. М. 1902, 1. 37—38.

3844. **Каргопольцевъ И.** Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888 г. И. Ж. 1888, 11, 15—16.

3845. **Карнаушенко П. В.** Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти любому царю Олександру II на 1 марта 1897 г. Одесса 1897 г. В. Н—ко. 1897, 7—8, 50—51.

3846. **Карпенко-Карый.** „Збирныкъ творивъ" и „Наймычка". Иг. Ж 1888, 9, 65—68.

3847. **Карцовъ В.** и Мазаевъ М. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПБ. 1891. А. Л—ило. 1892, 2, 363—364.

3848. **Карый И.** Три пьесы. Херсонъ 1886 г. 1887, 2, 342—345.

3849. **Карышевъ.** Русская фабрично-заводская промышленность. (Русское Богатство 1894. 11. 12). С. Ч—ій. 1895, 3, 112—125.

3850. **Касиненко Ю. И.** Сочиненія т. I. Лубны 1898. О. Л. 1899, 3, 173—174.

3851 **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскіе войска, и матеріалы по исторіи Россіи. Вып. III СПБ. 1890 г. А. Л. 1891, 8, 342—343.

3852. **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба вып. V. СПБ. 1893. Д. Багалѣй. 1893, 11, 346—349.

3853. **Квитка** (Основьяненко). Малороссійскія повѣсти. С. 1887, 10, 366—367.

3854. **Квитка Г. Ѳ.** Сочиненія т. 3. Повѣсти и разсказы Харьковъ 1888 г. В. Г. 1889, 10, 207—210.

3855. **Киркоръ.** Живописная Россія. Т. III. СПБ. 1883 г. Литва. Бѣлоруссія. 1884, 8, 681—701.

2856. **Кіевской** Духовной академіи труды. 1896 г. №№ 1—12. 1897, 2. 53—55.

3857. **Кіевскаго** городского комитета попечительства о народной трезвости отчетъ за 1900—1901 г. г. Л. С. Л. 1902, 12, 193—196.

3858. **Кіевской** губерніи памятная книжка на 1902 г. Л. С. Л. 1902 3, 206—208.

3859. **Кіевскія** Епархіальныя Вѣдомости 1893 и 1894 г. г. А. Л. 1895, 9, 80—96.

3860. **Кіевскій** календарь юго-западнаго края за 1899 г., иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ. Н. III. 1899, 4, 40—42.

3861. **Кіевскій** сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. К. 1892. ц. 2 р. 50 к. В. Н—ко. 1892, 7, 136 —139.

3862. **Кіевъ** и университетъ св-Владимира при императорѣ Николаѣ I. (1825—1855) Н. М. 1896, 12, 90—94.

3863. **Книги** относящіяся къ южнои Россіи. 1892, 1, 172—188; 6, 477—478; 9, 465—471; 12, 502—506.

3864. **Кобрыньска Н.** Выборецъ. Выдавныцтво „Викъ" № 43 Кыивъ 1904. В. К. 1905, 6, 229.

3865. **Kowalewsky M.** Mariage omong the early slavs Lond. 1890. В. 1892, 5, 278—284.

3866. **Коваленко.** О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. (въ „этнографическомъ обозрѣніи" 1891, IX) Н. С. 1892, 1, 163—164.

3867. **Коваленко** Олекса Украинськый декламаторъ „Розвага" Кыивъ 1905. В. Д—ий. 1906, 3—4, 57—60.

3868. **Козловскій** Мартинъ Литургическій календарь луцко-житомирской епархіи и костеловъ подольской губерніи на 1888 г. Житомиръ 1887, Михаленко-Юрковскій. 1888, 5, 62—64.

3869. **Козминскій Д.** Описаніе ризницы и библіотеки черниговскаго архіерейскаго дома. Н. Б. 1894, 9, 463 —464.

3870. **Kolberg** Oskar. Pokuciè Obraz etnograficzny. Ц. Нейманъ. 1884, 3, 482—487.

3871. **Коллегіи** Павла Галагана ежегодникъ годъ 8-й Кіевъ 1903 г. 1903, 11, 98—103.

3872. **Коломый** Підета. Восток і Запад Повість. В. Д. 1904, 1, 31—32.

3873. **Кольцовъ А. В.** Пѣснь на малорусскомъ языкѣ. Степовичъ. 1893, 1, 184—186.

3874. **Комаровъ М.** Українська драматургія Одесса 1906. В. Д—ий. 1907, 1, 114—117.

3875. **Комаровъ М.** Покажчикъ новоі украінськоі літератури (1798—1883 р.) В. Науменко. 1883, 4, 867 —873.

3876. **Комаровъ М.** Дополненіе къ „Покажчику новоі украінськоі літератури" М. Гавриловъ. 1883, 8, 748 —750.

3877. **Комаровъ М.** Нова збирка народныхъ малоруськыхъ прыказокъ, помовокъ и проч. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1890, 11, 347—349.

3878. **Комаровъ М.** Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ (библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка) Одесса 1903 г. В. Д. 1904, 5, 79—90.

3879. **Комаровъ М.** Лысенко Н. В. Указатель музыкальной и литературной дѣятельности. 1904, 1, 1—25.

3880. **Комаровъ М.** Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. 1904, 2, 78 —80.

3881. **Кониський О.** Тарас Шевченко-Грушівський Львовъ 1898. Н. М. 1898, 4, 25—28.

3882. **Конисскій А.** Жизнь украиьскаго поэта Т. Г. Шевченка Н. М. 1898, 9, 90—91.

3883. **Конисскаго** Перебенди О. Я. Твори т. IV Одесса 1903 г. 1903, 4, 64—65.

3884. **Константиновичъ Н.** Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи

вып. IV (дополненіе) Черниговъ 1885 г. Дмитрій Багалѣй. 1885, 5, 149—152.

3885. **Коперницкій.** Русскіе горцы въ Галиціи. Краковъ 1889 г. Ц. Нейманъ. 1889, 5—6. 661—663.

3886. **Копылъ** (козакъ) На чуже посягны, то й свое выставъ. М. 1904. В. Д. 1904, 10, 42—43.

3887. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1887 годъ. Ѳ. Н. 1887, 4, 756—759.

3888. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 6—10.

3889, **Корифеи** украинской сцены К. 1901 ц. 65 к. Ш. 1901, 11, 111 —112.

3890. **Корольковъ Конст.** Столѣтній юбилей Екатеринослава 9 мая 1787—1887. Екатеринославъ 1887 г. В. О. 1887, 12, 761—766.

3891. **Костомаровъ Н. И.** Богданъ Хмѣльницкій. Историческая монографія. изд. 4-е исправлен. и дополненное СПБ. 1884 т. 1—3. В. А. 1884, 6, 315—320.

3892. **Костомаровъ Н. И.** Эллины Тавриды историч. драма въ 5-ти дѣйст. СПБ. 1884 г. В. Г—го. 1884, 9, 137 —141.

3893. **Костомаровъ Н. И.** Литературное наслѣдіе. СПБ. 1890 г. Я. Ш. 1891, 5, 315—321.

3894. **Котляревскаго А. А.** Сочиненія т. 2 и 3-й. СПБ. 1890. А. Степовичъ. 1892, 7, 131—132.

3895. **Котляревскаго И. П.** Малороссійская опера Наталка Полтавка, Провѣренный текстъ ред. Стешенка. Кіевъ 1903. Б. Гринченко 1903, 7—8, 56—60.

3896. **Коцюбинскій М.** Оповидання т. перший. Кыив 1903. В. Поточный 1903, 10, 38—47.

3897. **Кранихфельдъ В.** Шевченко Т. Г. пѣвецъ Украины и Запорожья (1814—1861) (очеркъ) В. Д. 1901, 5. 101—103.

3898. **Красильниковъ Ф. С.** Малороссія и малороссы (географ.-этногр. очеркъ) Москва 1904. В. Доманицкій. 1905, 1, 49—51.

3899. **Kraszewski J.** Cet czy licho Warszawa 1884 т. 1, 2. S. 1884, 3, 487—489.

3900. **Краткій** историческій очеркъ кіевской губернской типо-литографіи 1799—1899. Н. М. 1900, 11, 92—103.

3901. **Краткая** опись предметовъ, находящихся въ древнехранилищѣ православнаго свято-Владимирскаго братства въ Владимирѣ-Волынскомъ (Изд. Свято-Владимирскаго братства) К. 1892 г. Каманинъ. 1892, 8, 269 —273.

3902. **Кревецький І.** Корiфеї російкої критики і українське письменство. В. Г. Белінський Львів 1905. С. Петлюра. 1907, 9, 394—396.

3903. **Кропивницкаго М.** драмы „Олеся" по поводу. Глаголь. 1893, 3 560—566.

3904. **Крымськый А.** Изъ повистокъ. и эскизивъ. М. 1902. А. Нестеровскій. 1902, 11, 124—126.

3905. **Крымськый А.** Пальмове илля. И. Стешенко. 1902, 2. 131—135.

3906. **Крымськый А.** Изъ повистокъ и эскизивъ. К. Я. 1904, 12, 181—183.

3907. **Крымськый А.** Древне-Кіевскій говоръ. В. Д. 1907, 4, 102—105.

3908. **Кубанскій** сборникъ. Труды областн. статист. комит. т. 4. Екатеринодаръ 1897. Е. К. 1898, 6, 103 —104.

3909. **Кубанская** область въ произведеніяхъ Пушкина. 1899, 7, 26—28.

3910. **Куджевскій М.** полковникъ. Опытъ военно-историч. изслѣдованія о казачествѣ. вып. I. Кіевъ 1896 г. Z. 1897, 9, 79—81.

3911. **Кузьминъ А.** Запорожская сѣчь. М. 1902. ц. 40 коп. П. 1902, 6, 189—191.

3912. **Кулаковскій Ю. А.** Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Е. К. 1900, 1, 38—39.

3913. **Кулида Д.** Збирныкъ творнвъ 1 кныга 1903 г. ц. 40 коп. С. Е—мовъ. 1904, 5, 90—94.

3914. **Кулишъ П. А.** „Хуторна поэзія" и „Крашанка" Львовъ 1882 г. Н. П. 1882, 6, 509—519.

3915. **Кулишъ П. А.** „Байда, князь Вишневецкій", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. СПБ. 1885 г. А. Степовичъ. 1885, 9, 151—158.

3916. **Кулѣшъ П.** Украинскія народныя преданія. А. Л. 1895, 12, 111—113.

3917. **Кулішъ П.** Дзвін, староруські думи і сьпіви. Женева, 1893. В. Науменко. 1896, 4, 28—32.

3918. **Кулишъ П. А.** Воспоминанія дѣтства (повѣсти). Бахмутъ 1899 г. 1899, 9, 121—122.

3919. **Кулишъ П.** Хуторни недогарки. Х. 1902. С. Е—мовъ. 1902, 3, 210—216.

3920. **Кульженко С.** Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. П. Голубовскій. 1899, 12, 92—96.

3921. **Кулябко С. Н.** Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (по книгѣ Чалаго и по „Кобзарю") 1884 г. В. Г—ко. 1883, 12, 675—676.

3922. **Куриловъ И. А.** Историко-статистическое описаніе Роменскаго Свято-Духовскаго собора. Ромны 1887 г. Ѳ. Н. 1888. 4, 12—15.

3923. **Куриловъ И.** Роменская старина. Ѳ. Николайчикъ. 1898, 11, 58—64.

3924. **Курисово**-Покровское мѣстечко Балайтолкъ) Статистическое описаніе поселенія, составленное статист. отдѣленіемъ при Херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г. В. А. 1883, 11, 495—496.

3925 **Курской** губерніи памятная книжка на 1892 г. ц. 1 р. 20 к. А. Степовичъ. 1892, 7, 132—133.

3926. **Кустари** и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ 1898 и 1900 г. г. Л. С. Л. 1902. 1, 29—33.

3927. **Къ новоселью** городской публичной библіотеки въ Одессѣ. (1829 1883). Одесса 1883 г. 1884, 3, 491—492.

3928. **Лазаревскій А.** Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда. Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ 1886 г. Э—ь 1887, 10. 368—369

3929. **Лазаревскій А.** Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. (1729—1730 г.) Черниговъ 1892 г. В. М. 1893. 8, 309—318.

3930. **L'** Anthropologie. Tome sixième, annèe 1895. В. А. 1896, 4, 24—26.

3931. **Лаппо-Данилевскій** Скиѳскія древности. В. Ястребовъ. 1888, 7, 22—26.

3932. **Лаппо-Данилевскій** и Мальмбергъ. Матеріалы по археологии Россіи, изд. Император. Архивн. комиссіей 1893 г. В. Ястребовъ. 1895, 1. 20—34.

3933. **Лаппо И. П.** Земскій судъ во великомъ княжествѣ литовскомъ въ концѣ XVI в. В. Д. 1898, 2, 73—77.

3934. **Латышевъ В. В.** Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ѳ. Г. Мищенко. 1880, 7. 136—141.

3935. **Латышевъ В. В.** Греческія надписи найденныя въ 1881—88 г. г. на берегахъ Кимерійскаго Босфора и Херсонеса Таврическаго СПБ. 1890. Ѳ. Г. Мищенко. 1890, 7, 136—141.

3936. **Лашковъ Ѳ.** Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ. Симферополь 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 11—16.

3937. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей, Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Херсонскій. Харьковъ 1895. А. Л. 1896. 1, 41—45.

3938. **Лебедевъ А.** О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. Д. И. Багалѣй. 1888, 4, 19—21.

3939. **Лебедевъ А.** Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1891, 10, 165—166.

3940. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Москва 1885 г. И. Каманинъ 1886, 12, 732—735.

3941. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. В. 1-й. Москва 1886 г. Н. С. 1887, 6—7, 528—530.

3942. **Лебедевъ А. Н.** Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Е. К. 1896, 1, 46—50.

3943. **Lebinski** D—r. Materyaly do slovnika historycznego jezyka i starozytnosce Polskieh Poznan 1889 г. А. Стороженко. 1890, 11, 344—347.

3944. **Левицкій.** Галицко-русская библіографія за 1887 г. Львовъ 1888 г. Миронъ 1888, 5, 32—33.

3945. **Левицькый И.** Повисти й оповиданя т. I. СПБ. 1899. J. S. 1899, 11, 80—93.

3946. **Левицькый Иванъ.** Повисти й оповидання. т. II. Старосвитськи батюшкы и матушкы. 1900. 7—8, 40—41.

3947. **Левицкій И.** Повісті і оповідання. т. III К. 1901. В. Черепинъ. 1902, 2, 124—131.

3948. **Левицкій И. Ем.** А. Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія рус. народа на Прикарпатю. Львовъ 1901. С. Е. 1902, 2, 137—138.

3949. **Левицькый И.** Рыбалка Панасъ Круть. Кыивъ 1903 р. М. Павловській. 1903, 7—8, 76—78.

3950. **Левицкій Ив. Ем.** Галицко-русская библіографія XIX ст. съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. 2 тома Львовъ 1888—1895 1 т. 7 р, 50 к. 2 т. 31 р.—А. Л. 1896, 4 27—28.

3951. **Левицкій И. Г.** Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. (1801—1886 г.). Львовъ вып. I—II. 1887 г. III 1888 г. 1888, 5, 25—32.

3952. **Левицкій И. С.** (Нечуй) Кайдашева семья Кіевъ 1887 г. И. Ж. 1888, 1—3, 45—48.

3953. **Левицькый М.** За коліивщины. Оповидання. Кыивъ 1903 г. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

3954. **Левицкій О.** Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ

Изяславичемъ. К. 1892 г. И. Каманинъ. 1892, 8, 269—273.

3955. **Ленорманъ Ф.** По поводу библіографической замѣтки. С. Л—ва о соч. его „Руководство къ древней исторіи Востока" И. Каманинъ. 1890, 5, 380—381.

3956. **Леонидъ** архимандритъ. Библіографическія замѣтки. 1898, 11, 440—444.

3957. **Леонтовичъ Ѳ. И.** Очеркъ исторіи литовско-русскаго права. Образованіе литовскаго государства 1894. Н. В. 1895, 1, 39—41.

3958. **Леонтьевъ А. П.** Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Херсонъ 1890 г. В. Я. (См. „отвѣтъ моему рецензенту". А. Леонтьева К. С. 1881 августъ, стр. 352—356). 1891, 1, 194—196.

3959. **Леонтьевъ И.** Памятная книжка Волынской губ. на 1902 годъ. Житомиръ 1901 г. Л. С. Л. 1902, 4, 41—45.

3960. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ и предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ 1890 г. Н. Б. 1890, 12, 544—546.

3961. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. Кіевъ 1891 г. Н. А. 1891, 3, 538—540.

3962. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ) Кіевъ 1891 г. Н. Б. 1891, 12, 496—502.

3963. **Леопардовъ Н.** и Черневъ Н. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія вторая, вып. I. К. 1891 г. вып. II. К. 1893 г. Н. С. 1894, 3, 583—585.

3964. **Леопардовъ Н. А**. Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертован. церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной академіи. 1895, 6, 123—126.

3965. **Лещенко И. В.** Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева въ Подольской губерніи. Немировъ 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

3966. **Л. Ж.** Запорожская сичъ съ новымъ содержаніемъ. В. Д. 1905, 1, 47—48.

3967. **Лилеевъ М. И.** Изслѣдованіе изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и Стародубьѣ XVII—XVIII в. в. вып. 1, Кіевъ 1895 г. В. Иконниковъ 1897, 4, 22—32.

3968. **Лилеевъ.** Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. 1898, 5, 68—71.

3969. **Линевичъ Д. М.** О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. Винница 1901 г. Л. С. Л. 1903, 5, 136—137.

3970. **Линниченко.** Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3971. **Липранди.** Въ дебряхъ Полѣсья. 1899, 5, 101—102.

3972. **Лисенко С.** Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской г. вып. III. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1904. Л. С. Л. 1904, 12, 180—181.

3973. **Лисовскій А.** Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 505—506.

3974. **Лисовскій А. Н.** Главные

мотивы въ поэзіи Шевченка. И. Стешенко 1896, 10, 23—31.

3975. **Литературный** сборникъ, издаваемый Галицко-русскою матицею, подъ редакц. Б. Дѣдицкаго. В. І. Львовъ 1886 г. Y. 1886, 12 728—732.

3976. **Литинскій М. Н.** „Койросъ Подолія“ (Судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ въ Россіи ч. 1. Одесса 1895. Н. М. 1897, 12, 84—86.

3977. **Лихачевъ Н.** О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ М. 1893. В. Б. 1894, 10, 162—163.

3978. **Lozinski.** Ylad. Przekupien Lvovski v XVII vieku. И. Л. 1888, 10, 25—28.

3979. **Лонгиновъ А.** Памятникъ древняго православія въ г. Люблинѣ, —православный храмъ и существовавшее въ немъ братство. Варшава 1883 г. 1883, 9—10, 290—294.

3980. **Лонгиновъ А.** Червенскіе города. Истор. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 5, 146—149.

3981. **Лопаревъ Хр.** Слово о погибели русской земли (вновь найденный памятникъ литературы XIII в.) СПБ. 1892 г. А. Л—нко. 1892, 6, 476—477.

3982. **Лопатинъ** и Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ 2 части, часть 1 и 1-й вып. 2-й части Москва 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 11, 461—465.

3983. **Лотоцкій А.** Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія духовной соминаріи. Кам.-Подольскъ 1898 г. В. Д 1899, 2, 127—128.

3984. **Лотоцкій Н.** Народное образованіе въ Подоліи. В. Д. 1900, 9, 121—123.

3985. **Лотоцкій** свящ. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. В. Д. 1901, 2, 101—103.

3986. **Л. П. Г.** Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 319—321.

3987. **Л. П.** Кіево-Михайловскій Златоверховный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 4, 765—766.

3988. **Л. С. Л.** Крестьянское хозяйство въ Кіевской губ. (По поводу брошюры И. М. Ревы „Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство“ К. 1893 г.) 1894, 5, 361—375.

3989. **Лубочная** украинская литература Гр. Сьогобочный. 1905, 4, 8—12.

3990. **Лучицкій И.** Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ XVIII в. Д. Багалѣй. 1883, 2, 409—415.

3991. **Лучицкій И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтав. губ.) К. 1884 г. Д. Багалѣй. 1884, 9, 141—148.

3992. **Лучицкій И.** Сябры и сябринное землевладѣніе въ малороссіи СПБ. 1889 г. И. Новицкій. 1889, 7, 293—306.

3993. **Лыпа И.** Багаття (Украинскій альманахъ) 1905 року. Одесса, Л. Жигмайло. 1906, 2, 34—43.

3994. **Лыхо** зъ горилкою М. 1909 г. ц. 3 к. (изд. Сытина) В. Д. 1901, 5. 105—107.

3995. **Львовъ Л.** Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. 1896, 6, 105—107.

3996. **Лѣтопись** историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. I. Посвящается 25 лѣтію Импер. Новороссійскаго у-та. Одесса 1890 г. А. М. 1891, 1, 200—201.

3997. **Любавскій М. М.** Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ. Н. В. 1895, 1, 41—42.

3998. **Любичъ Е.** Изъ жизни. Одесса 1902 г, Б. Л. 1902, 10, 51—52.

3999. **Любовичъ Н.** Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. 1884, 3; 477—482.

4000. **Любовичъ Н. Н.** Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 7, 310—311.

4001. **Любопытная** книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Нейманъ. 1884, 7, 525—529.

4002. **Ludvik** Finkel wspolnie z Henrykiem Sawcsynskim Lwow. Bibliografia historyi polskej. 1896, 6, 107—109.

4003. **Ляскоронскій В.** Иностранные карты и атласы 16 и 17 в.в., относящіеся къ Южной Россіи. К. 1898. Н. М. 1898, 9, 88—89.

4004. **Ляскоронскій В.** Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи К. 1901 г. ц. 3 р. 60 к. В. К. В. 1902, 7—8, 76—79.

4005. **Ляцкій Е.** Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ Запольскаго. А. Крымскій. 1896, 1, 38—42.

4006. **Мазановъ Петръ.** Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 25 лѣтъ изданія ихъ съ 1863—1888. Полтава 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4007. **Maiewskego** Erazma drobne prace i notatki Warszawa 1897 г. А. С. 1898, 1, 32—33.

4008. **Макаровського** Михайла Поэмы Львів. Стешенко. 1902, 6, 187—189.

4009. **Максимовичъ. И.** Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей. Рига 1897 г. А. Л. 1898, 2, 64—66.

4010. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. X. СПБ. 1881 г. М. 1881, 3, 576—580.

4011; **Макарій,** митрополитъ Московскій. Исторія русской церкви. т. XI. СПБ. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. П. М. 1882, 4, 149—152.

4012. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. XII. СПБ. 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора) Т—ій. 1883, 5, 155—160.

4013. **Малорусскія** литературныя новинки 1885 г. V. 1885, 12, 699—702.

4014. **Малышевскій И.** Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира въ Кіевѣ. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

4015. **Малышевскій И.** Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ 1887 г. Кіевъ. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4016. **Малышевъ В.** Жизнеописаніе русскихъ военныхъ дѣятелей т. I вып. 4-й. СПБ. 1887 г. Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ. М, 1888, 9, 68—69.

4017. **Манджура Иванъ**. Степови думы та спивы СПБ. 1889 г. В. Г. 1889, 9, 788—790.

4018. **Маниковскій Өедоръ.** Историко-статистическое описаніе Кіево-Флоровскаго Вознесенскаго монастыря Кіевъ 1894 г. Гл. 1895, 12, 113—115.

4019. **Маркевичъ А.** О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. В. 1-й Одесса 1883 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 744—748.

4020. **Маркевичъ А.** Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки Одесса 1890 г. А. С—чъ. 1891, 9, 506—507.

4021. **Маркевичъ А.** проф. Южная Русь при Екатеринѣ II. Одесса 1893 г. В. Я. 1894, 4, 192.

4022. **Маркевичъ.** Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы. Одесса 1894 г. В. Я. 1894, 4, 190—192.

4023. **Марко Вовчекъ**. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сынъ, Два сыны, Не до пары. К. 1904. Выдавныцтво „Викъ". №№ 37 и 38, В. К. 1905, 6, 230—231.

4024. **Марковъ.** О достопамятностяхъ Чернигова. Черниговъ 1882 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 742—744.

4025. **Марковъ Е.** Отъ Кіева до Бриндизи Путевые очерки. Гл. 1—11. В. Я. 1897, 7—8, 45—50.

4026. **Марковичъ А.** Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губ. Черн. 1894 г. А. Л. 1894, 12, 506—507.

4027. **Марковичъ Д.** У наймы. На вовчому хутори. Выдавныцтво „Викъ" № 42. 1904 г. Кыивъ В. К. 1905, 6, 229—230.

4028. **Марковичъ Д.** По степамъ и хуторамь. М. 1898. С. Н. 1899, 7, 20—23.

4029. **Мартыновича П. Д.** художника малюнкы до Энеиды Котляревскаго. Выдання Полтавськои городськои думы року 1903. А. Сластіоновъ. 1903, 11, 107—109.

4030. **Матвѣевъ А.** Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884, И, Каманинъ. 1885, 10, 324—325.

4031. **Матеріалы** для исторіи Подольской губерніи. Изд. редакц. Подольскихъ губерн. Вѣдомостей 1885 г. А. М—чъ. 1885, 8, 693—696.

4032. **Матеріалы** для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1880 г. 573 стр. 1882, 3, 560—564.

4033. **Матеріалы** для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты, изд. воронежскаго статистическаго комитета т. I. Воронежъ 1887 г. Т. Шнейдеръ. 1887, 11, 559—562.

4034. **Матеріалы** для оцѣнки земель херсонской губерніи т. II. Елисаветградскій уѣздъ. В. Я. 1887, 2, 339—342.

4035. **Матеріалы** для оцѣнки земельныхъ угодій. собранные Черниг. статистич. отдѣленіемъ при губернск. земск. управѣ т. XV. (Кролевецкій уѣздъ). А. Русовъ. 1888, 1—3, 28—39.

4036. **Матеріалы** по археологіи Россіи изд. Императорскою Археологическою комиссіею Древности Южной Россіи № 9 СПБ. 1891—92 г.г. В. Я. 1892, 10, 159—161.

4037. **Матеріалы** по археологіи Россіи, издав. Импер. Археолог. Комиссіею № 11—Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. В. Антоновича СПБ. 1893 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 318—321.

4038. **Матеріалы** къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи в. XVI. Изд. Полтавскаго губ. земства. Н. А. 1895, 5, 79—95.

4039. **Materyaly** antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne wyd. komis. antropolog. Akademii umiejetnosci w Krakowie. T. 1. Krakow 1896. А. Л. 1898, 2, 66—67.

4040. **Матеріалы** по археологіи Кіева. Древнія гирьки. К. 1898 г. Ѳ. М. 1898, 7—8, 40—44.

4041. **Матеріяли** до украинсько-руської етнольогії т. І Львів. А, Малинка. 1899, 7, 17—20.

4042 **Матеріалы** по исторіи русской картографіи в. І. Е. К. 1900, 1, 38—39.

4043. **Materyaly** antropologiczne i etnograficzne. wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejetnosci w Krakowie т. IV Krakow 1900. Н. Б. 1901, 1, 22—27.

4044. **Материяли** до українсько-руської етнольогії Виданне етнографичної комисії за редакциею Хв. Вовка т. II (1899) т. III (1900). А. Малинка. 1901, 9, 116—124.

4045. **Матченко И. П.** Св. равноапостольный князь Владимиръ просвѣтитель Руси. СПБ. 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

4046. **Маценко В. А.** Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда Полтавской губ. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и планомъ города. Ромны 1888 г. Ѳ. Н. 1888, 12, 67—71.

4047. **Межигорская** старина. Кіевъ 1885 г. К. Цыбульскаго. 1885, 7, 497—500.

4048. **Межовъ В. И.** Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно, т. 1—2 СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 9, 559.

4049. **Мельникъ К.** Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ вып. 1 К. 1893 г. 11, 349—351.

4050. **Мемуары**, относящіеся къ исторіи Южной Руси вып. II (1-я полов. XVII ст.) пер. К. Мельникъ. Кіевъ 1896 г. Н. М. 1898, 3, 82—84.

4051. **Милорадовичи** 1) объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1871 г. 2) Сказаніе объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1884 г. А. Лазаревскій. 1884, 10, 331—332.

4052. **Милорадовичъ** Андрей Степановичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ Черниговскаго намѣстничества (1791 г.) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2. Черниговъ 1887 г. А. Л. 1887, 5, 171—172.

4053. **Михайловскій** (Кіевскій златоверхов.) монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Кіевъ 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 8, 556—559.

4054. **Михайловъ В.** Въ память празднованія 900 лѣтія крещенія русскаго народа. Москва 1888 г. Г. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4055. **Михалевичъ И.** Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 10, 171—172.

4056. **Михалевичъ И.** Каменецъ-По-

дольская гимназія. Историч. записка о 50 лѣтнемъ существованіи ея (1833—83). К.-Подольскъ 1883 г. В. И. 1884, 6, 323.

4057. **„Михайловецъ“.** Ежемѣсячный журналъ, издаваемый Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ № 2, 3, 4, 5, 6 за 1905 г. Мик. Стасюкъ. 1905, 10, 58—59.

4058. **Минхъ А.** Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи СПБ. 1890. А. Л—нко. 1892, 2, 361—363.

4059. **Мицкевичъ** въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ. И. Новицкій. 1885, 12, 747—749.

4060. **Michov H.** Die altesten Karten von Russland. Hamburg 1884—91. N. S. 1885, 2, 367—369.

4061. **М. Л.** Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ Рижскомъ, въ Кишиневской духовной семинаріи, съ портретомъ его. Кишиневъ 1882 г. Л. С. 1882, 12, 576—582.

4062. **Можетъ-ли** не подлежать сомнѣнію, что октрытое во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владимира П. Л. 1889, 4, 233—236.

4063. **Мончаловскій О. А.** Литературное и политическое украинофильство. Львовъ 1898 г. Н. М. 1899, 4, 44—48.

4064. **Мордовцевъ Д. Л.** Оповиданья. СПБ. 1885 г. Г. 1885, 8, 698—700.

4065. **Мордовцевъ Д.** Сагайдачный историческая повѣсть. СПБ. 1882 г. В. А. 1382, 10, 134—142.

4066. **Мордовець Д.** Козаки и море, Поэма СПБ. 1898. W. 1897, 12, 92—94.

4067. **Мордовець Данилъ.** Палій, воскреситель правобережной Украины СПБ. 1902 г. В. Черепинъ. 1903, 1, 29—38.

4068. **Морозенко.** Оповидання Панаса Мырного К. 1904 г. ц. 8 к. В. К. 1904, 11, 115—116.

4069. **Moszynska** Iózeia. Kupajlo. W Krakowie 1881 Ив. Новицкій. 1882, 6, 527—529.

4070. **Мочульскій В.** Малороссійскія и Петербургскія повѣсти Гоголя. Одесса 1902. В. Н. 1902, 9, 153—154.

4071. **Музыкантовъ П.** Богданъ Умельницкій въ войнахъ съ поляками. Состав. по „Исторіи козаковъ“ Чарновскаго. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 8, 564—566.

4072. **Мукаловъ Н.** Географія Кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Кіевъ 1883 г. 1883, 5, 164—166.

4073. **Мухинъ Н.** Кіево-братскій училищный монастырь. 1893 г. 2—50. Ѳ. Титовъ. 1895, 2. 77—79.

4074. **Мыкола Дидъ.** Неначе свитъ перевернувся. (вирши). С. Е. 1902, 3, 216—218.

4075. **Мирный П.** Повія, романъ ч. 1—а. В. Горленко. 1883, 6, 366—370.

4076. **Мирный П.** Збираныця зъ ридного поля. Прыповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г. Борисъ Познанскій. 1886, 7, 542—547.

4077. **Мырный Панасъ.** Кныжка перша творивъ. У Кыиви 1903. В. С. 1903, 6, 202—205.

4078. **Мырный П.** Лыхый попутавъ (оповидання). Кыивъ 1903 р. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

4079. **Мырный Панасъ.** „Морозенко“. Б. Я. 1904, 12, 131—183.

4080. **Мыронъ И.** Абу-Каземови капци. С. Р. 1900, 6, 167—168.

4081. **Мышлаевскій А.** Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 г. СПБ. 1897 г. А. Л. 1898, 6, 94—96.

4082. **М—чъ. В. Т.** Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варшава 1883 г. Фратеркулюсъ 1883, 9—10, 294—297.

4083. **Мякотинъ В.** Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ СПБ. 1889 г. Н. Любовичъ. 1891, 3, 524—528.

4084. **Мякотинъ В. А.** Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ у. въ 1767 г. СПБ. 1895 г. Н. Василенко. 1896, 3, 107—121.

4085. **Надлеръ В.** проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893 г, В. Я. 1894, 1, 159.

4086. **Народныя** иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Шугуровъ. 1894, 1, 211—212.

4087. **Науменко В.** Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 10, 210—214.

4088. **Научная** критика, памфлетъ или пасквиль (по поводу брошюры, г. И—ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета") Д. И. Багалѣй. 1905, 9, 83—100.

4089. **Неграмотный М.** и Самойленко Өеодоръ. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3 діяхъ. К. 1904 г. ц. 40 к. В. Мировець. 1904, 6, 130—132.

4090. **Недѣльскій Стеф.** Уніатскій митрополитъ Л. Кишка и его значеніе въ исторіи. К. 1895, 6, 190—192.

4091. **Необходимое** объясненіе по поводу. рецензіи г. Гринченка. В. Василенка 1903, 2, 118—120.

4092. **Neyman C.** Dumy ukrainskie. А. А. С—ко. 1886, 5, 153—156.

4093. **Нидерле,** д-ръ. Человѣчество въ доисторич. времена. СПБ. 1889 г. В. А. 1898, 3, 105—108.

4094. **Niederle** K. d-r. Vestnik slovanskych starozitnosci. Н. Б. 1898, 12, 100—101.

4095. **Николайчикъ Ө. Д.** Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ. СПБ. 1891 г. Н. В. 1891, 11, 333—334.

4096. **Новицкій Григорій.** Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное въ 1715 г. СПБ. 1884 г. Н. Ө. Сумцовъ. 1895, 3, 551—552.

4897. **Новицкій И. П.** Указатель къ изданіямъ кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II. Имена географическія К. 1883 г. О. Л. 1884, 6, 509—511.

4098. **Новицкій Орестъ.** Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е передѣланное и дополненное. Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 4, 140—147.

4099. **Новороссійскій** календарь на 1891 годъ. Одесса 1890 г. 1891, 2, 365—367.

4100. **Новыя** народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Ш. 1895, 6, 128—129.

4101. **Новыя** статистико-географическія данныя объ Одесскомъ уѣздѣ. И. Каманинъ. 1888, 10, 1—13.

4102. **Новѣйшія** статистическія изданія Полтавскаго губернскаго земства. Л. С. Л. 1894, 3, 570—579.

4103. **Нѣкоторыя** данныя по вопросу о заработкахъ населенія Подольской губ. на земляхъ частновладѣльческихъ и въ сельско-хоз. промышленныхъ предпріятіяхъ. К. 1907 г. М. Порш. 1907, 11—12, 441—446.

4104. **Нѣсколько** словъ польскому. рецензенту малорусскихъ книжекъ. Б Познанскій. 1886, 12, 737—741.

4105. **Обзоръ** дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за 3-й годъ существованія. СПБ. 1897 г. Н. М. 1897, 10, 21—24.

4106. **Обзоръ** изданій разныхъ обществъ естество-испытателей Х. 1897 г. А. Черняховскій. 1898, 9, 91—94.

4107. **Обзоръ** сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 г. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

4108. **Обзоръ** украинскихъ изданій за 1902 годъ. С. Е—мовъ. 1903, 1, 48—53.

4109. **Обзоръ** украинскихъ изданій 1904 г. В. Поточный. 1905, 5, 124—127.

4110. **Обозрѣніе** Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. 1890, 6, 579—583.

4111. **Общества** любителей изученія Кубанской области извѣстія. Вып. 1. Екатеринодаръ 1899. Е. К. 1899, 11, 93—94.

4112. **Оглоблинъ Н. Н.** Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Москва 1884 г. А. М—чъ. 1885, 8, 696—698.

4113, **Оглоблинъ Н. Н**. Провинціальные архивы въ XVII в. (очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи) СПБ. 1886 г. И. Каманинъ. 1888, 5, 33—37.

4114. **Огоновскій Омельянъ**. Коротка історія литературы русскои Н. С. 1887, 2, 345—349.

4115. **Одесса** 1794—1894 г. изд. городского обществ. управл. 1895 г. ц. 6 р. А. С—чъ. 1896, 2, 71—73.

4116. **Одинцевъ И. Ѳ**. Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ Виленской публиччой библіотеки. Вильна 1886 г. А. Цыбульскій. 1886, 12, 723—728.

4117. **Окрестности** Кіева—„Пустыни“. 1900, 5. 102—103.

4118. **Олесь О.** З журбою радість обнялась СПБ. 1907 г. Л. П—ський. 1907, 2, 261—264.

4119. **Описаніе** документовъ и бумагъ хранящихся въ Московскомъ архивѣ мин. юстиціи кн. Х. М. 1896 г. Н. В. 1898, 2, 71—72.

4120. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. II. Вильна 1897 г. И. Каманинъ. 1897, 6, 114—118.

4121. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. III. Вильна 1898 г. И. Каманинъ. 1898, 6, 99.

4122. **Описаніе** рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ в, II. Н. И. Петрова. Москва 1897 г. С. Ѳ. Титовъ. 1898, 10, 30—32.

4123. **Орѣшниковъ.** Археологич. извѣстія и замѣтки, изд. Имп. Московскимъ Археологич. обществомъ 1—12-й. В. Ястребовъ. 1895, 2, 80—82.

4124. **Осадчій Т**. Щербановская волость Елисаветград у. Херс. губ. Историко-этнографич. и хозяйственно-статистич. описаніе. Херсонъ 1891 г. В. Ястребовъ. 1892, 2, 359—361.

4125. **Осадчій.** Виноградники Херсонской губерніи. В. Василенко. 1893, 1, 180—184.

4126. **Осадчій.** Кіевское общество

сельскаго хозяйства (1876—1901) К. 1901 г. Л. С. Л. 1902, 5, 133—139.

4127. **О сервитутахъ** и разверстаніи въ юго-зап. краѣ нѣсколько словъ. Л. С. Л. 1902, 3, 209—210.

4128. **Основьяненко Грицько**. Повѣсти и разсказы т. IV Харьковъ 1890 г. 1891, 3, 534—538.

4129. **Островерховъ Н. Л.** Каменецъ Подольскъ. Ив. Н. 1882, 11, 363—365.

4130. **Островскій М.** Вирне средство отъ пьянства и запоя (Разсказъ малоросса) Житом. 1901 г. ц. 20 к. В. Д. 1901, 5, 105—108.

4131. **Острогорскій.** Учебникъ русской исторіи, элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 338—342.

4132. **Откликъ** въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. ц. 2 р. А. Маркевичъ. 1892, 2, 357—359.

4133. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 г. СПБ. 1902 г, В. Д. 1902, 9, 154—156.

4134. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. В. Поточный. 1904, 1, 27—31.

4135 **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 г. СПБ. 1904 г. 1904, 9, 117—123.

4136. **Отчетъ** Замостьскаго святоникольскаго церковнаго братства за время съ 6 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье. Посторонній. 1883, 7, 566—572.

4137. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1882—1888 г. СПБ. 1891 г. ц. 5 р. В. Я. 1892, 10, 156—158.

4138. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1889 г. СПБ. 1892 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 392.

4139. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1892 г. съ 75 политипажами 1894 г. ц. 2 р. В. Ястребовъ. 1895, 1, 24—28.

4140. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1898 г. СПБ. 1901 г. Б. 1902, 5, 129—132.

4141. **Отчетъ** Императорской Археологическои комиссіи за 1891 г. В. Я. 1894, 6, 654—557.

4142. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 г. по 14 ноября 1885 г. Одесса 1886 г. И. Каманинъ, 1886, 5, 347—483.

4143. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса 1888 г. 1888, 5, 39—42.

4144. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей В. Я. 1895, 7—8, 55—58.

4145. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1888 г. СПБ. 1891 г. В. Науменко. 1892, 5, 303—306.

4146. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1889 г. СПБ. 1893 г. В. Науменко. 1893, 7, 151—154.

4147. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1892 г. СПБ. 1895 г. В. Науменко 1896, 7—8, 41—44.

4148. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1893 г. СПБ. 1896 г. В. Науменко. 1897, 1, 23—24.

4149. **Отчетъ** о состояніи коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г.

по 1 октября 1894 г. К. 1894 г. Щербина. 1894, 11, 327—329.

4150. **Отчетъ** холмскаго православнаго свято-богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) г. К. Цыбульскій. 1889, 7, 547—552.

4151. **О фрескахъ** лѣстницы Кіево-Софійскаго собора СПБ. 1888 г. Н. С. 1888, 7, 20—22.

4152. **Очеркъ** о результатахъ дѣятельности Кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ 1888 г. Ѳ. Н. 1889, 7, 312—315.

4153. **Павелъ** Алеппскій, архидіаконъ. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. М. 1896—98. Савва. 1899, 8, 70—83.

4154. **Pawinskiego G.** T. I. Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506. Warszawa 1897. A. C. 1898, 1, 32.

4155. **Павленко-Павлусь** Гр, Свитла Зоря. В. Мировецъ. 1904, 4, 43—45.

4156. **Павлик М.** Михайло Драгоманів. М. Ж. 1907, 5, 224—228.

4157. **Павловскій И. Ф.** Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890) По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава 1890 г. Н. В. 1891, 2, 367—370.

4158. **Павловскій** Очеркъ дѣятельности св. Михайловскаго братства въ с. Деньгахъ, Золотоношскаго у. съ 1890 по 1900 г. 1902, 3, 218—220.

4159. **Павловъ** проф. Номоканонъ при большомъ требникѣ. А. Л. 1898, 5, 65—66.

4160. **Paygert** (von) Cornelius. Die sociale und virtschaftliche sage der Galizischen schuhmacher. Leipzig 1891. Н. М. 1892, 12, 495—498.

4161. **Палеографическій** изборникъ (матеріалы по исторіи южно-рус. письма въ XV—XVIII в.) К. 1899 г. В. Щербина. 1899, 10, 29—31.

4162. **Палимпсестовъ И.** Степи юга Россіи были ли искони степями и возможно ли облѣсить ихъ. 1890, 5, 395.

4163. **Памятки** українсько-руської мови і літератури видає комісия археогр. Науков. Тов—ва ім. Шевченка т. І. Апокріфи старозавітні Львів 1896. В. Шербина. 1897, 9, 74—77.

4164. **Памятни** українсько-руської мови і літератури, Видає комісия археографична наукового товариства ім. Шевченка т. І—II. Качановскій. 1900, 1, 36—38.

4165. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1888 годъ. Изд. Волынскаго Губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г. А. С—чъ. 1888, 11, 57—60.

4166. **Памятная** книжка Волынской губ. на 1889 г. Изд. Волынскаго губернскаго-статистическаго комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1888 г. Арк. Лященко. 1889, 10, 219—220.

4167. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1890 г. Изд. Волынскаго статист. комитета. Сост. подъ ред. члена—секретаря И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1889 г. Арк. Л—нко. 1890, 2, 370—371.

4168. **Памятная** книжка Волынской губерніи. Изд. Волын. губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1890 г. Арк. Л—ка. 1891, 4, 173—174.

4169. **Памятная** книжка Гродненской губерніи на 1890 г. Изд. Гродн.

статист. ком. Гродно 1889 года. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

4170. **Памятная** книжка Кіевской губерніи на 1897 г. Изданіе Кіев. г. статист. комитета. Годъ изданія пятнадцатыи. Кіевъ 1897 г. Н. М. 1897, 2, 61—62.

4171. **Памятная** книжка Кіевской губерніи за 1904 г. 1904, 2, 84—86.

4172. **Памятная** книжка конотопскаго земства 1865—1890 г.г. Кіевъ 1890 г. Н. В. 1891, 2, 363—365.

4173. **Памятники,** изданные Кіевскою комис. для разбора древнихъ актовъ т. I—III. К. 1898 г. О. М. 1899, 2, 119—121.

4174. **Папковъ А. А.** Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX). Дурдуковскій. 1900, 3, 160—162.

4175. **Папковъ А. А.** Очеркъ исторіи з-русскихъ православныхъ братствъ. В. Дурдуковскій. 1900, 5, 95—100.

4176 **Партыцкій О.** Темни мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѣ", У Львовѣ 1883 г. П. Голубовскій. 1884, 8, 710—714.

4177. **Парфененко X. Я.** Современные фотографо-этнографическіе альбомы. О. Сластіонъ. 1900, 1, 29—36.

4178. **Pastrnek** Bibliographische veborsicht über die Slavische Philologie 1876—1891. Берлинъ 1892. А. Степовичъ. 1894, 5, 383—384.

4179. **Пелипець.** Вивчарь. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4180. **Perwolf Iozef.** Poláci a Rusini (Поляки и русины. Очеркъ проф. Первольфа) Е. Н. К—ой. 1882, 10, 142—149.

4181. **Петровъ Н. И.** Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ 1884 г. Г. 1884, 4, 664—672.

4182. **Петровъ Н.** Пчела Почаевская, изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581—1651) Почаевъ 1884 г. С. Голубевъ. 1885, 1, 157—167.

4183. **Петровъ Н.** Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I, М. 1891 г. А. Л. 1893, 4, 191—193.

4184. **Петровъ Н. И.** Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной академіи за 1895 г. 1895, 6, 123—126.

4185. **Петровъ Н.** Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. К. 1895 г. Ѳ. Титовъ. 1896, 2, 76—78.

4186. **Петровъ Н. И.** Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ 1897 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4187. **Петровъ** проф. Кіевъ, его святыни и памятники СПБ. 1896 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4188. **Петровъ Н. И.** Значеніе Кіевской Духовной Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 г. и до половины XVIII в. К. 1904 г. В. Д—скій. 1904, 6, 128—130.

4189 **Петровъ Н. И.** Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Духовной Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795), т. I. (1721—1750 г.) ч. I—II К. 1904 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д—скій. 1904, 7—8, 60—65.

4190. **Петроновъ** Бердичевъ. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4191. **Петрусь З.** Русалочка. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4192. **Петрушевичъ А. С.** Иванъ Ѳеодоровъ, русскій первопечатникъ.

Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ 1883 г. 1883, 12, 671—675.

4193, **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. К. Шнейдеръ. 1887, 12, 773 774.

4194. **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. В. А. 1888, 6, 45—52.

4195. **Pierling.** La Russie et le Saint—Sieqe. Paris 1897. Е. К. 1898, 6, 100—102.

4196. **Письма** и бумаги Петра Великаго. т. I и II. И. 1894, 3, 590.

4197. **Письма** В. И. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. Черниговъ 1891 г. Z. 1892, 1, 164—166.

4198. **Pic** I. L. Dejine naroda ruskégo Y Praze. 1889 г. Н. М. 1890, 8, 334—336.

4199. **П. Л.** Городъ Чернобыль (Кіев. губ.) описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 149—151.

4200. **Планъ** Кіева, составленный въ 1695. Изданіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893 г. В. Щербина. 1894, 1, 155—159.

4201. **Платоновъ** Іоаннъ прот. Каменскій свято-успенскій женскій монастырь и его святыня. Черниговъ 1893 г. Н. Б. 1894, 9, 469—470.

4202. **Powszeshna** wystawa we Lwowie w r. 1894. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—43.

4203. **Powszeshna** wystawa krajowa 1894 r. Lwow 1897. Н. М. 1897, 12, 81—83.

4204. **Подолякъ Ѳедь.** Осинни квитки. Одесса 1903 г. ц. 20 к. С. Е-мовъ. 1904, 5, 90—94.

4205. **Полевой П.** Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ систематическій. СПБ. 1890 г. П. Г. 1890, 9, 515—519.

4206. **Полевой П:** Русская исторія. Курсъ элементарный. СПБ. 1892 г. П. Г. 1892 11, 305—309.

4207. **Polek Johann.** Joseph's Reisennach Galizien. Czernowitz. 1895. Н. М. 1897, 1, 24—26.

4208. **Поликарповъ.** Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до Лимана, произведеннаго днѣпровскою описной партіею въ 1875—1883 г, СПБ. А. Л. 1889, 2. 532—533.

4209. **Pölmann. N.** Beltrag zur altesten Geschichte des Kosaken tums. München. 1888. И. Л—ко. 1889, 5—6, 663—666.

4210. **Полницкій А.** Историческая записка объ открытіи Елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 2, 360—361.

4211. **Полное** собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. СПБ. 1889 г. П. Г. 1890, 5, 391—394.

4212. **Полтавскій** адресъ-календарь на 1887 г., составленный подъ редакціей секретаря полт. губер. статист. комит. Д. А. Трощинскаго. Н. Н. Бакай. 1887, 3, 545—550.

4213. **Полтавской** губерніи къ оцѣнкѣ земель матеріалы. Вып. 1—15. СПБ. 1889—1882 г. А. 1893, 2, 397—398.

4214. **Полтавской** ученой архивной комиссіи труды. Вып. IV. Полтава

1907 ц. 75 к. Д. Д. 1907, 10, 132—134.

4215. **Полюй І.** Нові і перемінні зьвізди. У Відні 1905. В. Н—ко. 1905, 9, 100—102.

4216. **Пономаревъ С.** Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). Черниг. 1898 Шугуровъ. 1901, 10 27—36.

4217. **Попко Иванъ.** Терскіе казаки съ старо-древнихъ временъ. Историческій очеркъ. вып. I. Гребенское войско. СПБ. 1880. В. А. 1882, 2, 401—404.

4218. **Поплавскій В.** и А. Лященко. Повторительный курсъ русской исторіи (отъ Владимира св. до Іоанна IV) Житомиръ. П. Голубовскій. 1888, 12, 65—67.

4219. **По поводу** 25 лѣтія „Филологическихъ записокъ". Н. С. 1882, 3, 586—588.

4220. **Поповъ А. Н.** Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчи-сарай и его окрестности. Симферополь 1888 г. Н. Б. 1889, 3, 762—764.

4221. **Поповъ Н.** Жизнь А. С. Пищевича, имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ. Москва 1885 г. В. Ястребовъ. 1886, 8, 727—731.

4222. **Поповъ Н.** Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изд. Имп. общества исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва 1884 г. В. Я. 1884, 10, 321—328.

4223. **Постниковъ В.** Южно-русское крестьянское хозяйство М. 1891 г. А. Русовъ. 1892, 3, 504—508.

4224. **Потебня А. А.** Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883г. Ц. Нейманъ. 1884, 5, 657—663.

4225. **Потебня А.** Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аеан. Потебни. В. П. 1893, 1, 186—187.

4226. **Поточный В.** Обзоръ украинскихъ изданій 1903 г. 1904, 3, 122—131.

4227. **Потто В. А.** Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. СПБ. 1887 г. т. I. вып. 1—4. О. 1887, 6—7, 526—528.

4228. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. И. К. 1888, 10, 16—17.

4229. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. Н. В. 1891, 6, 504—507.

4230. **Провідник** по виставі краевій у Львові з особливим оглядом на відділ етнографичний. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—42.

4231. **Пречистенская** ярмарка въ с. Васильевѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя) Полтав. уѣзда 6—8 сент. 1901 г. Опытъ статист. изслѣд. Полтава 1904 г. Л. С. Л. 1904, 12, 179—180.

4232. **Przeglad** archeologiczny orqan c. k. konserwatoryum pomnikow, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie Zesz. 1—3. Lwów, 1882—1883. Н. Д. 1885. 1, 167—173.

4233. **Przewodnik** naukowy i literacki. Lwow. 1896—1898. 3 тома. 1899, 4, 36—40.

4234. **Приходскія** фундушевыя училища въ юго-западномъ краѣ: ихъ возникновеніе, и средства содержанія. К. 1900. В. Д. 1901, 1, 30—35.

4235. **Программа** для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва 1887 г, О. 1887, 12, 766—767.

4236. **Протопоповъ.** Св. Владиміръ равноапостольный кн. Кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 8, 53—54.

4237. **Прохоровъ В.** Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію. СПБ. 1881 г. ц. 15 р. В. И. 1882, 2, 412.

4238 **Пругавинъ А.** Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. М. 1907. С. П—ра. 1907, 6, 356—358

4239. **Ptaszynski A,** (major). Ksiega pamietnicza. 1769—1763 przepisal d—r. Antoni J, 1881. Ив. Н. 1882, 5, 325—326.

4240. **Пташицкій С.** Князья Пузыны. СПБ. 1899. И. Каманинъ. 1899, 10, 33.

4241. **Пташицкій С.** Щорговская библіотека графа Литавара-Хребтовичъ. М. 1899. И. Каманинъ. 1899, 11, 94—95.

4242. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Krakow 1889. В. А. 1889, 1, 267—272.

4243. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Petersburg. 1898. А. С. 1898, 1, 30—31.

4244. **Путятинъ** Графъ. Перекличка альманаховъ и дополненіе къ нимъ (съ 1794—1850 г.) ц. 2 р. 25 к. И. 1894, 3, 590.

4245. **Пухальскій И.** Катерына. Драма переероблено съ „Катерыны" Шевченка. Полтава 1903. В. Д. 1903, 11, 111—113.

4246. **Пыпинъ.** Матеріалы для біографіи А. А. Котляревскаго. 1895, 7—8, 46—47.

4247. **Пѣтуховъ.** Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій" Серапіона по древнѣйшимъ спискамъ СПБ. 1888 г. Голубовскій. 1888, 11, 29—36.

4248. **Рада,** украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ 1884 г. Г. 1885, 1, 174—176.

4249. **Radde** g. und E. König. Das Ostufer des Pontus. В. Ц. 1905, 2, 84—85.

4250. **Радичъ В.** Запорожская старина (историч. разсказы изъ журн. „Всходы"). СПБ. 1900. В. Д. 1901, 9, 115—116.

4251. **Радкевичъ Г.** Библіографич. указатель литературы по геологіи губерній Кіевскаго учебнаго округа: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской. Кіевъ 1896. П. А. 1896, 6, 109—110.

4252. **Разсказъ** о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, и о крещеніи русскаго народа М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 33—34.

4253. **Рафальскій Т.** Сборникъ узаконеній и распоряженій по зем-

левладѣнію въ зап. губерніяхъ. 1895, 12, 123—124.

4254. **Regel Y.** Analecta byzantino-russica. 1891. П. Г. 1892, 8, 281 284.

4255, **Regester** zloczyncow grodu Sanockiego 1554—1638. Lwow 1891, Н. М. 1891, 12, 492—496.

4256. **Регесты** и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. О. Л. 1900, 3, 162—166.

4257. **Rehor** Lidova lecba u halicskych. Malorusuv. Н. С. 1892, 1, 163—164.

4258. **Рогова И. О.** Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена СПБ. 1888 г. О. Л. 1889, 2, 521—526.

4259. **Родникъ,** журналъ для дѣтей. Іюль 1888 года. Въ память 900 лѣтія крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4260. **Родословная** князей Святополкъ на Четвертнѣ Четвертинскихъ. Жит. 1892. Щербина. 1894, 12, 509.

4261. **Рождественскій А.** свящ. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе СПБ. 1889 г. Съ указаніемъ именъ Н. М. 1890, 3, 559—567.

4262. **Романовъ Е. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Витебскъ 1887 г. Хр. Ящуржинскій. 1888, 12, 77—82.

4263. **Романовъ В.** свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полт. 1900 г. Н. Б. 1901, 5, 103—105.

4264. **Rocznik** Kolka Naukowego Tarnopolskiego za rok. 1892—1893. Е. К. 1896, 5, 69—72.

4265. **Rosznik** Kolka naukoweqo Tarnopolskieqo za rok 1895. Tarnopol 1896. А. Л. 1896, 11, 62—64.

4266. **Р. С.** Кіевъ и его прошлое. Херсонъ. 1888 г. И. Ж. 1888, 8, 50—51.

4267. **Рубинштейнъ С.** Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г. 1894, 9, 467—468.

4268. **Rubruquis** guillaume. Deux voyage en Asie an XIII-e siecle envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien Paris Delagrave 1888. П. Голубовскій. 1889, 2, 530—531.

4269. **Руданьского** Степана твори т. I. Кіевъ 1902. А. Н. 1903, 1, 38—44.

4270. **Румянцевъ Е.** графъ. (Письма графин. Е. М. Румянцевой къ ея мужу граф, П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г.) Изд. графъ Д. А. Толстой. И. Житецкій. 1888, 10, 183—192.

4271. **Рункевичъ С.** Матеріалы для исторіи Минской епархіи. Минскъ 1892 г. Н. В. 1893, 7, 148—149.

4272. **Русиновъ В.** Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. Полтава 1901 г. ц. 15 коп. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4273. **Русиновъ В.** Прыхожа. Сцена въ I діи. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская" Полтава 1901 г. ц. 5 к. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4274. **Русовъ С.** Малорусскія женшины XV.—XVII вѣка. В. Н. 1904, 10, 43—44.

4275. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографич. комиссіей, томъ 8-й СПБ. 1884 г. О. Л. 1884, 10, 328—330.

4276. **Русская** военная сила. Очеркъ

развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Сост. обществомъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Москвѣ I—II 141. Вып. I. До-Монгольскій періодъ М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 10, 22—25.

4277. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографической комиссіей т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси кн. 2. СПБ. 1882 г. И. Новицкій. 1883, 11, 481—484.

4278. **Русскій** Антропологическій Журналъ СПБ. 1901.1902, 2, 141—142.

4279. **Русскимъ** матерямъ, сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губ. М. 1892 г. ц. 1 р. А. С. 1894, 2, 352—353.

4280. **Русскія** древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. V. Курганы, древности и клады домонгольск. періода. Щербина В. 1897, 5, 77—83.

4281. **Русскія** лѣтописи: 1) Лѣтописецъ патр. Никифора, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 3) Хроника Русская. Н. Т. 1899. 5, 100.

4282. **Rutovski** Tadeusz. Kleski elementarne galicyi (Lwow 1890) Н. М. 1890, 10, 168—170.

4283. **Ruch** Kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Варшава 1889 г. И. Новицкій. 1889, 8, 566—574.

4284. **Рыльскій Т.** Про Херсонськи заробитки. Выдавныцтво „Викъ“ П-скій М. 1905, 5, 121—122.

4285. **Рѣдинъ**. Харьковъ, какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи. Хар. 1894 г. Н. Ш—въ. 1894, 5, 375—380.

4286. **Рѣпинъ И. Е.** Русскіе художники Н. Ш. 1895, 4, 31—35.

4287. **Рѣпинъ И.** Альбомъ картинъ и рисунковъ. Н. Ш. 1898, 10, 23—24,

4288. **Sawszynsky H.** Bibliografia Historyi Polskiej. Czesc 1. Lwow 1891. Любовичъ Н. 1893, 10, 173—176.

4289. **Sadok** Baracz. Wiadomosc o malarzach bazylijanskich И. Н. 1882, 5, 323—324.

4290. **Салтыкъ-Романскій Юл.** Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра т. I. Слово о полку Игоря древнеславянская (?) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій, польскій. Львовъ (30—140 стр.) А. Степовичъ. 1889, 2, 527—528.

4291. **Самоквасовъ Д. Я.** Исторія русскаго права. Вып. 2-й. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. М. 1884, 11, 507—512.

4292. **Сапуновъ А.** Витебская Старина. Витебскъ 1883 г. В. И. 1883, 9—10, 287—290.

4293. **Сапуновъ А.** Витебская Старина, т. IV. Витебскъ 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 4, 786—789.

4294. **Сапуновъ А.** Витебская старина, т. V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи ч. I. Витебскъ 1888 г. Н. Петровъ. 1889, 5—6, 654—656.

4295. **Сатаныньська** помста, драма въ 4 діяхъ (з нотами для спививъ) соч. Михновскаго. В. Д. 1901, 11, 112—115.

4296. **Сборникъ** Имп. Русскаго Географическаго общества т. 40 СПБ. 1884. П. Голубовскій. 1884, 9, 148—151.

4297. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества, т.

43, СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 8, 701—706.

4298. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 47. СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 9, 145—148.

4299. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества т. 54-й СПБ. 1886 г. В. Н. 1887, 8, 745—750.

4300. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 68. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 6, 490—499.

4301. **Сборникъ** Импер. Рус. историческаго общества т. 93. СПБ. 1894. Ястребовъ 1894, 11, 320—323.

4302. **Сборникъ** Имп. Рус. историческаго общества т. 55—101. Протоколы Верховнаго тайнаго совѣта Н. Василенко. 1900, 9, 101—121.

4303. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи Вып. II. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 169—171.

4304. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива при у—тѣ св. Владиміра И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890 г. Я. III. 1890, 11, 349—354.

4305. **Сборникъ** лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ, Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888 г. И. Новицкій. 1890, 3, 568—571.

4306. **Сборникъ** малорусской орнаментики. 1882, 11, 365—367.

4307. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889 г. Тифлисъ А. Степовичъ. 1889, 7, 307—309.

4308. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (изд. управ. Кавказ. учебн, округа) вып. 15 и 16. Тифлисъ 1893 г. Степовичъ А. 1894, 7, 128—132.

4309. **Сборникъ** отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ томъ 47. Сочин. А. А. Котляревскаго т. I. СПБ. 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 8, 553—556,

4310. **Сборникъ** отзывовъ библіотечной комиссіи Кіевскаго общ. грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. II к. 1804 г. В. Д. 1904, 12, 184—186.

4311. **Сборникъ** палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной археографич. комиссіи В. I. (1332—1548) Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 357—361.

4312. **Сборникъ** по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. IX. Прилукскій уѣздъ. Полтава 1891. Р. 1892, 3, 510—512.

4313. **Сборникъ** свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. I. Зѣньковскій уѣздъ. ч. 1—2. Полтава 1882—83 г. В. Г—ко. 1883, 12, 677—680.

4314. **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославль 1886 г. Н. С. 1887, 1, 155—157.

4315. **Сборникъ** топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ, въ Россіи; Волынская губернія СПБ. 1888 г. Изд. Имп. археологической комиссіи. В. Я. 1891, 9, 504—505.

4316. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 2. Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 9, 512—515.

4317. **Сборникъ** Харьковскаго историко филологическаго общества т. 3. Харьковъ 1891 г. И. Каманинъ. 1891, 8, 327—332.

4318. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 4. Харьковъ 1892. Каманинъ. 1893, 4, 185—190.

4319. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 5. Харьковъ 1893 г. Каманинъ И. 1894. 2, 355—356.

4320. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общ. т. 8. Харьковъ 1896. Каманинъ И. 1896, 7—8, 30—37.

4321. **Сборникъ** Харьк. ист.-филологич. общ. т. 9 и 10 1899. Н. Т. 1899, 8, 84—85.

4322. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 12. Харьковъ 1900. Каманинъ. 1901, 1, 27—30.

4323. **Swit** tygognik 1907, №№ 1—2. Садовскій. В. 1907, 1, 120—123.

4324. **Свѣдѣнія** о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ 1903 г. т XX. 1904, 12, 186—188.

4325. **Swiatowit** Rocznik archeologii т. III. Warszawa 1901. В. 1901, 6, 179—180.

4326. **Swiatowit** Rocznik archeologii т. IV, Warszawa 1902. Бѣляшевскій Н. 1902, 6, 175—179.

4327. **Sebillot** Paul. Les travaux publies et les mines dans les traditions et les superstistion de tous les pays P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 505—506.

4328. **Селецкій А. К.** Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 161—164.

4329. **Сельскій** кредитъ въ Полтавской губерніи, в. I. Статист. Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства 1894 г. 1895, 4, 35—36.

4330. **Сельскаго** хозяйства въ Полтавской губерніи обзоръ за 1900 г. Полтава 1901, ц. 1 р. 20 коп. Л. С. Л. 1902, 7—8, 74—76.

4331. **Семейная** хроника. Записки Аркадія В. Кочубея 1790—1873 С.-Петербургъ 1890 г. Ал. Лазаревскій. 1894, 1, 145—153.

4332. **Семеновъ П.** Живописная Россія т. 5. Малороссія и Новороссія Н. Ш. 1898, 5, 53—60.

4333. **Семеновъ** П. Извѣстія Рус. географич. общ. т. 33, вып. 3. Черняховскій А. 1898, 12, 96—98.

4334. **Сементовскій А. М.** Бѣлорусскія древности. Вып. I СПБ. 1890 г. Арк. Лященко. 1890, 3, 573—576.

4335. **Сениговъ I.** О первоначальиой лѣтописи Великаго Новгорода. СПБ. 1884 г. П. Голубовскій. 1885, 3, 559—563.

4336. **Сергѣевичъ В.** Русскія юридическія древности т. I и II. Н. В. 1895, 2, 67—74.

4337. **Сергѣевичъ И.** Аксаковъ въ его письмахъ и поѣздка въ Малороссію А. Л. 1895, 10, 36—42.

4338. **Сеферовскій Н.** Двадцатипялѣтіе Лубенской гимназіи Н. Т. 1898, 7—8, 54—59.

4339. **Сибиряковъ** (изданіе) Путь—дорога, научно-литературный сборникъ

въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ СПБ. 1893 г. ц. 3 р. 50 к. Степовичъ А. 1894, 2, 351—352.

4340. **Сикорскій И.** проф. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи Н. В. 1893, 6, 536—538.

4341. **Сикорскій И. А.** Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ терновскихъ хуторахъ. Кіевъ 1897. Н. М. 1897, 10, 24—26.

4342. **Симоновъ М.** Замѣтки къ юбилейной по случаю 25 лѣтія Лубенской гимназіи запискѣ К. 1898. Н. Т. 1899, 1, 83—64.

4343. **Сиповскій В. Д.** Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4344. **Скабичевскій А. М.** Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890) Изд. Ф. Павленкова СПБ. 1891 г. В. Щербина. 1891, 9, 500—504.

4345. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, ч. I. Одесса 1885 г И. Каманинъ. 1886, 4, 794—796.

4346. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть II. Одесса 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 8, 732—735.

4347. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть III. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 372—374.

4348. **Скиданъ В. В.** Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Одесса 1889 г. Н. Т. 1889, 2, 533.

4349. **Славянскій** ежегодникъ. Изданіе Кіевскаго славянскаго общества. Вып. 6-й К. 1884 г. Т. Ф. 1884, 5, 123—136.

4350. **Славянскія** извѣстія 1890 г. о. „Заграничной Руси" Ир. Ж—ій. 1891, 8, 343—351.

4351. **Slovansky** prehled. I v. Praze. В. Д. 1898, 11, 67—69.

4352. **Slovansky** prehled. II. В. Д. 1898, 12, 101—104.

4353. **Slovansky** prehled. r. I c. 3- В. Д. 1899, 1, 64—65.

4354. **С—ловъ Н.** Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881 г. Н. П. 1882, 3, 572—576.

4355. **Слѣды** мегалитическихъ построекъ въ украйнѣ Львовъ 1886 г. П. Голубовскій. 1887, 10, 369—370.

4356. **Слѣпушкинъ И.** О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи 1894. Каманинъ. 1895, 2, 82—84.

4357. **Smolka** Stanislav. Kiejstu i jagello. 1888. П. Г. 1890, 7, 141—147.

4358. **Соболевскій А.** проф. Очеркъ русской діалектологіи. III. мало-русское нарѣчіе. Михальчукъ К. 1893, 9, 453—487.

4359. **Сокальскій П.** Къ исторіи русской музыки. Харьковск. Губернск. Вѣдомости 1887 г. №№ 62—63. 1887, 6—7, 532—538.

4360. **Сокальскій П.** Русская народная музыка, великорусская и малорусская въ ея строеніи, мелодическомъ и ритмическомъ, и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ 1888 г. А. Степовичъ. 1889 3, 752—756.

4361. **Соколовъ Е. И.** Библіотека

Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. 2.—Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. М. 1905 г. ц. 5 р. С. М. 1906, 3—4, 45—52.

4362. **Соколовъ Н.** Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историч. изслѣдованіе съ 8 рисунк. Вильна 1883 г. К. Ц. 1884, 2, 321—324.

4363. **Сорокинъ Г. И.** свящ. Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Изд. Херсонской Губ. земской управы. Н. В. 1891, 2. 356—360.

4364. **Списки** Черниговскихъ дворянъ 1783 г. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890 г. Н. В. 1891, 1, 197—200.

4365. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Кіевской губ. Кіевъ 1896. Ал. А—чъ. 1896, 10, 18—23.

4366. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи, изд. Полтавскимъ Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ въ 1887 г. 1889, 12, 654—655.

4367. **Списокъ** церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава 1886 г. К. Цыбульскій. 1886, 10, 374—378.

4368. **Споминки** про житье и дѣятельность Володиміра Барвѣньскаго Львовъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 3, 489—491.

4369. **Спрогисъ И. Я.** Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія. Вильна 1888 г. И. Каманинъ 1888, 11, 56—57.

4370. **Срезневскій Вс.** Изъ первыхъ лѣтъ научно-литерат. дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839) 1898, 3, 117—120.

4371. **Срезневскій И. И.** Историческое обозрѣніе гражданскаго устроснія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую гуернію. Харьковъ 1883 г. В. А. 1883, 8, 165—167.

4372. **Stankievicz M.** Bibliografia litevska od 1547 do 1701 r. Krakov 1889. А. Л—нко. 1892, 1, 170.

4373. **Старина** и новизна кн. 1. СПБ. 1887. Н. С. 1897, 5, 83—84.

4374. **Старинна** історія Галичины. Написавъ Омельянъ Партицкой. т. першій. Фра-Моріель. 1895, 1, 28—33.

4375. **Старицкій М.** Не судилось. Драма. Н. Костомаровъ. 1883, 9—10, 297—300.

4376. **Starkl I.** Lowictwo. H. M. 1896, 5, 66—69.

4377. **Статистически.** бюро Полтавскаго Губ. Земства. Обзоръ сельского хозяйства въ Полтавской губ. за 1899 г. Полтава 1901. ц. 1 р.—20 коп. Л. С, Л. 1902, 6, 185—186.

4378. **Статистич.** ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1901. Л. С. Л. 1902, 7—8, 69—74.

4379. **Стелецкій Н.** свящ. Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г. Харьковъ 1895 ц. 1 р. Ѳ. Титовъ. 1896, 3, 121—129.

4380. **Sternal** Tadeusz. Oblezenie Kamienca v powiesci i historyi 1890, H. M. 1890, 5, 394—395.

4381. **Stecki** Tadeusz. Z boru i stepu. Obrasy i pamiatki. H. M. 1890, 9, 509—512.

4382. **Стоповичъ А.** Ежегодникъ

коллегіи Павла Галагана 1898. Н. В. 1900, 3, 166—168.

4383. **Степовичъ А.** Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана 1900—1901. Ш. 1901, 11, 109—111.

4384. **Степовыкъ О.** Корыстни звирятка, СПБ. 1899. С. Н. 1899, 11, 97—98.

4385. **Степъ**. Херсонскій беллетрыстичный сбирникъ 1886 г. В. Я. 1887, 1, 162—164.

4386. **Столпянскій П. К.** Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ, выпускъ I, опытъ библіогр. указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Оренбургъ 1903. Доманицкій В. 1905, 3, 191—198.

4387. **Стороженко Н. В.** Западнорусскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка (изслѣдованіе по архивному матеріалу) И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

4388. **Стороженко Н.** Геніальный горемыка (Шевченко). Т. 1898, 7—8, 51—52.

4389. **Стороженко Н.** Мелочи для біографіи Т. Шевченка. 1898, 10, 31.

4390. **Строевъ И. М.** Библіографическій словарь и черновые къ нему матеріалы. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова. СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 7, 164—167.

4391. **Studzinski C.** Geneza poetycznych utworow M. Szaszkewicza. В. Д. 1899, 4, 42—44.

4392. **Суворинъ А. С.** Хохлы и хохлушки СПБ. 1907. Петлюра С. 1907, 5, 233—235.

4393. **Сулимовскій** Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій. В. А. 1884, 10, 332—336.

4394. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ исторіи Южно-Русской литературы XVII столѣтія, в. I. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1884 г. Ѳ. Н. 1884, 11, 526—528.

4395. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 140—144.

4396. **Сумцовъ Н.** Разборъ этнографическаго труда Е. Р. Романова. В. Я. 1894, 12, 498—501.

4397. **Сумцов М.** Леонардо з Винчи. Харьк. 1907 г. ц. 25 к. Д—ко Д. 1907, 9, 392—394.

4398. **Сурмаченко.** Нисенитници К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142.

4399. **Суходольскій А. Л.** Помста, або Загублена Доля, драма. В. Д. 1904, 1, 37—40.

4400. **Сѣдлецкой** губ. памятная книжка на 1892 г. А. С. 1893, 3. 570.

4401. **Сѣцинскій Е.** Бакота, древняя столица Понизья (Каменецъ - Подольскъ 1889 г.) Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ Летичевскаго уѣзда. (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.) Н. М. 1890, 6, 573—575.

4402. **Сѣцинскій Е. I.** Городъ Каменецъ Подольскъ. Историч. описаніе 1895 2 р. Н. М. 1895, 9, 132—134.

4403. **Сѣцинскій Е.** Историч. свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ Подольской епархіи. I. Каменецкій уѣздъ. Кам. Подольскъ 1895. Антоновичъ В. 1896, 5. 55—58.

4404. **Таврической** ученой комиссіи извѣстія № 14. Симферополь 1891. Каманинъ И. 1892, 5, 311—313.

4405. **Таврической** ученой **Архив-**

ной комиссіи извѣстія №. 15. Симферополь 1902. Каманинъ И. 1892, 9, 460—464.

4406. **Tadeusz.** Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajovych. Lwow 1881, И. Житецкій. 1882, 12, 574—576.

4407. **Таировъ И.** Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева. К. 1894 Щербина. 1894, 12. 509—512.

4408. **Танкеръ Б.** Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. М. 1891. Каманинъ И. 1892, 3, 508—510.

4409. **Тарановскій Ѳ. В.** Обзоръ памятниковъ магдебурскаго права зап.-рус. городовъ литовской эпохи. Варшава 1897. Н. В. 1898. 2, 72—73.

4410. **Тарновскій.** Топографическіе и статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 картъ юго-западнаго края. К. 1882.. И. Н. 1882, 10, 154—158.

4411. **Тарновскаго В. В.** коллекціи украинскихъ древностей каталогъ К. 1898. 1899, 4, 31—35.

4412. **Татарскій І.** По поводу сочиненія его о Симеонѣ Полоцкомъ. Кіевъ 1887, П. 1888, 4, 21—22.

4413. **Теодоровичъ Н.** Мѣстечко Грицевъ Заславскаго уѣзда Волынской губерніи. Историческіи очеркъ. Почаевъ 1892 г. 1894, 2, 353—355.

4414. **Теодоровичъ Н.** Городъ Заславль Волынской губерніи. Историческій очеркъ. Почаевъ 1891. Каманинъ И. 1894, 2, 353—355.

4415. **Теодоровичъ Н.** Городъ Кременецъ Волынской губерніи. Церковно-историческій очеркъ. Почаевъ 1890 г. Каманинъ. 1894, 2, 353—355.

4416. **Теодоровичъ Н.** Городъ Владиміръ Волынской губерніи. въ связи съ исторіей Волынской іерархіи (историч. очеркъ). Каманинъ И. 1894, 2, 353—354.

4417. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ т. IV. Староконст. уѣздъ Почаевъ 1899. Каманинъ И. 1899, 6, 156—158.

4418. **Теодоровичъ Н.** Волынская Духовная семинарія. Поч. 1901 г. В. Храневичъ. 1901, 6, 166—175.

4419. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ т. V. О. Л. 1904, 2, 86—89.

4420. **Терещенко М. С.** Орыся, Черкассы 1903. ц. 25 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4421. **Тилло А. А.** Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи. П. А. 1895, 6. 127—128.

4422. **Тимченко Е.** Русско-малороссійскій словарь т. І. А.—О. К. 1897, Стешенко. И. 1898, 9, 84—88.

4423. **Тиховскій** Ювеналій. Указатель неоффиціальной части Волынск. Епарх. Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Почаевъ 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4424. **Тихомировъ Н. Д.** Галицкая митрополія. Церк.-историч. изслѣдованіе. СПБ. 1895. 1896. 1, 45—46.

4425. **Тихомировъ И.** Рецензія книги Ляскоронскаго „Исторія Переяславской земли". 1898. 7—8. 52—54.

4426. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи томъ І—2. Одесса 1897, Ѳ. М. 1898, 7—8, 44—50.

4427. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый. Драмы и комедіи т. III. Одес-

са 1903. П. Г. 1903, 6, 197—202.

4428. **Тобилевичъ Иванъ.** (Карпенко Карый). Драмы и комедіи томъ IV Гор--скій. Н. 1903, 9, 139—146.

4429, **Тогобочній И.** Борци за мріи. Драма на 5 дій. Харьк. 1903. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4430. **Токмаковъ И.** Историко-статистическое описаніе города Мглина Черн. губ. Съ гербомъ и 2 чертежами г. Мглина XVII—XVIII ст. Кіевъ 1888 г. А. Л. 1888, 10, 13—14.

4431. **Толмачевъ И. Н.** Юго-запад. край Статист. обозрѣніе, томъ I, восточное полѣсье. Кіевъ 1897. 1897, 10, 26—30.

4432. **Толстой И. И.** Древнѣйшія русскія монеты Великаго княжества Кіевскаго. СПБ, 1882 г. Н. П. 1882, 4, 132—140.

4433. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ исскуства. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1889, 5—6, 640—644.

4434. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2. Древности Скиѳосарматскія. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1890, 3, 552—559.

4435. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ Русскія древности въ памятникахъ искусства—Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. СПБ. 1891, Щербина В, 1892, 1, 155—159.

4436. **Topolnicki** Mapa do dziejów Polski. Львовъ 1888 г, Ц. Нейманъ. 1889, 9, 790—792.

4437. **Торнау Н.** баронъ. Учебный атласъ цо русской исторіи. СПБ. 1894 г. W. 1894, 10, 163.

4438. **Tretlak** jòzef. Historya wojny Chocimskiej 1621 г. Lwów. 1889. Н. М. 1890, 5, 388—391.

4439. **Трыста** найкращыхъ украинскихъ писень. Кыивъ 1904 р. Выдавныцтво Викъ. В. К. 1905, 6, 228—229.

4440. **Трыста** украиньскыхъ писень. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

4441. **Труды 4-го** археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 2. Казань 1891, 11, 334—338.

4442. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. I. Одесса 1886 г. В. Ястребовъ, 1887, 4, 747—753.

4443. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. II. Одесса 1888 г. В. Ястребовъ 1888, 8, 35—39.

4444. **Труды** археографической комиссіи Московск. археологическаго общества подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Н. Василенко. 1900, 2, 82.

4445. **Труды** девятаго арх. съѣзда т. I. Б. 1895. 11, 80—82.

4446. **Труды** общества изслѣдователей Волыни. т. I. Житомиръ 1902. О. Л. 1902, 10, 41—48.

4447. **Труды** перваго съѣзда врачей Кіевской губерніи 1893 г. Н. М. 1895. 1, 36—38.

4448. **Труды** комитета для историко статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. III. 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 757—760.

4449. **Труды** комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Выпускъ 4. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 8, 337—338.

4450. **„Труды** этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными. В. Г. 1884, 2, 349—351.

4451. **Труды** перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ Подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. Кіевъ, 1897. Н. М. 1897, 6. 111—114.

4452. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 8. Каменецъ-Подольскій 1897. 1897, 11, 57—61.

4453. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 6. Степовичъ А. 1894, 2, 350—351.

4454. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета (приходы и церкви Подольской епархіи) Вып. IX. В. Д. 1901, 4, 48—49.

4455. **Труды** по изученію Этнографіи Екатеринославской губ. 1) Сборникъ статей Екатеринославскаго научнаго общества по изученію края. 2) Бабенко В. А. Этнографическій счеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. 3) Бабенко В. Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи. 4) Каталогъ Екатеринославскаго областнаго Музея А. Н. Поля. Даниловъ Владиміръ. 1905, 10, 51—56.

4456. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. I. Полтава 1905. В. Н. 1905, 9, 103.

4457. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи Вып. 2. Полтава 1906. Сотниченко. 1906, 3—4, 52—56.

4458. **Труды** съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М. 1895, 1, 33—36.

4459. **Трутовскій** Древности. Труды Импер. Моск. Археол. общ. т. XVII М. 1900. Б. 1901, 3. 177—178.

4460. **Трутовскій В. К.** (редакція) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археолог. общ. т. XIX вып, 1 и 2. М. 1901 г. Н. В. 1901, 12, 179—183.

4461. **Тутковскій Т.** Юго-Западный край. Вып. 1-й. Кіевъ 1893 г. 1894, 5, 386.

4462. **Тутковскій** Юго-Западный край. Вып. 2. К. 1895. 1896, 4, 26.

4463. **Турцевичъ.** Хрестоматія по исторіи западной Россіи. Вильно. 1892. П. Г. 1892, 11, 305—309.

4464. **Турцевичъ.** Ар. Русская исторія въ связи съ исторіей Вел. Княж. Литовскаго П. Голубовскій. 1895, 9, 77—80.

4465. **Т—ъ И.** Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638) и печерской его части (1695) Кіевъ 1897. Каманинъ И. 1897, 7—8. 41—42.

4466. **Уварова** граф. Матеріалы по археологіи Кавказа. Могильники Сѣвернаго Кавказа в. VIII. В. 1901, 3, 179—181.

4467. **Указатель** къ изданіямъ Имп. русскаго географич. общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. СПБ. 1886 г. V. 1886, 7, 537—542.

4468. **Украінка Леся.** Думи и мрії. Львів 1899. Д. Д. 1902, 12, 201—203.

4469. **Украинскія** легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленко. 1888, 5, 37—39.

4470. **Украинскіе** народные разсказы на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 8, 39—49.

4471. **Украинско**-русской литературы за 1898 г. обзоръ В. Д. 1899, 12: 153—157,

4472. **Украинскія** изданія 1900 г. Доманицкій. 1901, 3, 166—177; 4, 33—39.

4473. **Украинскіе** лубочные пѣсенники. Даниловъ Вл. 1905, 6, 213—228.

4474. **Україньско**-руський Архив. Матеріали і замітки до историї національного відродження галицької Руси в 1830 та 1840 р. р. Львів 1907. Д—ко Д. 1907, 11—12, 436—439.

4475. **Уманецъ Ѳ.** Гетманъ Мазепа СПБ. 1897. Каманинъ И. 1898, 3, 108—115.

4476. **Успенскій Ѳ. И.** Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ Одесса 1890 г. В. Я. 1890, 7, 158—159.

4477. **Успенскій Ѳ.** Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4478. **Устименко Т.** Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ. П. 1894. Щербина. 1894, 12, 508.

4479. **Устиновъ И. А.** Литература о Харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изд. Харьков. Статистич. кимитета. Харьковъ 1887 г. 1888, 4, 15—19.

4480. **Фабриціусъ В.** Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ 6-й Амартола. 1889, 1, 276—281.

4481. **Фиминцынъ А. С.** Гусли, русскій народный инструментъ. Историч. очеркъ. СПБ. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 516—518.

4482. **Фаминцынъ А.** Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара СПБ. 1892, 1, 159—163.

4483. **Федоровъ М.** П. Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и Кенигсбергѣ. Москва 1888 г. А. Р. 1880, 4, 230—231.

4484. **Федорченко.** Въ чаду мрій К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142—151.

4485. **Фелицынъ Е. Д.** Памятная книжка кубанской области, Екатеринедаръ 1881 г. Изданіе статистическаго комитета. 1882, 1, 206—209.

4486. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанскій сборникъ. Труды кубанского областного статистическаго комитета т. I съ картой кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г. 1884, 4, 652—657.

4487. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанское козачье войско 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Воронежъ 1888 г. Н. М. 1890, 2, 363—365.

4488. **Фелицынъ Е. Д.** Библіогр. указатель литературы о Кубанской области. Петлюра 1904, 3, 131.

4489. **Фефербоймъ А.** (изд.) Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ 1893. В. Я. 1894, 4, 192—193.

4490. **Филаретъ** Еп. Черниговскій. Историко - статистическое описаніе Черниговской епархіи. Черниговъ 1873 г. 1883, 3, 657—658.

4491. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава 1896. Данилевичъ В. 1896, 9, 69—79.

4492. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава Н. М. 1896, 9, 79—93.

4493. **Филевичъ И. П.** проф. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ 1902. Н. М. 1902, 4, 35—40.

4494. **Филипповъ**. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 108. Юрьевъ 1900 г. Ф. Матушевскій. 1901, 7—8, 29—47.

4495. **Finkel L.** Okopy. Swietej Trojcy. M. Г. 1891, 7, 156—160.

4496. **Фортунатовъ К.** Національныя области Россіи СПБ. 1906. Гехтер М. 1907, 2, 254—246.

4497. **Филипченко.** 1) Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда. Кіевъ, 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

4498. **Франко И.** Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя карпатской Руси въ XII вѣкѣ Львовъ 1884 г. Г. 1885, 2. 369—370.

4499. **Франко.** Безъ праци. Казка. Выдавныцтво „Викъ" М. П. 1905, 5, 123—124.

4500. **Франко Иванъ.** Збирныкъ творивъ т. Ш. Кыивъ 1905. Жигмайло Л. 1905, 7—8, 8—14.

4501. **Французскій** этюдъ о Мазепѣ В. Горленко. 1884, 12, 703—707.

4502. **Фридмъ Б. А.** Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно Ковенской губ. Вильна 1890 г. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 11, 338—340.

4503. **Халанскій.** Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 6, 339—342.

4504. **Chamiec K.** Ysrod stepow i jarow, Kultura przeddziejova. Б. 1901, 3, 181—183.

4505. **Ханенко.** Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 г. Кіевъ 1896. В. Щербина. 1896, 12, 95—98.

4506. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности русскія. Б. 1900. 6, 166—167.

4507. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Б. 1900, 12, 164.

4508. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Вып. IV (эпоха великаго переселенія народовъ). К. 1901 г. 1901, 6, 176—177,

4509. **Харламповичъ К.** Западнорус. школы XVI и нач. XVII ст. Казань 1898. 1899, 2, 127.

4510. **Харузинъ А.** Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Москов. универ. 1890. вып. 3, 4, и 6. В. А. 1892, 4, 139—144.

4511. **Харьковскій** календарь на 1884 г. Изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименка. Харьковъ 1883 г. В. Г. 1884, 2, 317—321.

4512. **Харьковскій** календарь и памятная книжка на 1885 г. изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименко. Харьковъ. Д. Багалѣй. 1885, 3, 552—558.

4513. **Харьковскій** клпендарь на 1886 г. Годъ XIV съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. ц. 1 р. Изд. губ. стат. комитета подъ редак. П. С. Ефименка. Ѳ. Н. 1886, 2, 377—380.

4514. **Харьковскій** календарь на 1887 г. и Харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю) Изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ редакц. П. С. Ефименка. Ц. 1. р. 20 коп. Д. Чеп—ый. 1887, 3, 558 561.

4515. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1888 г. Вып. 2. Изд. харьк. статист. комитета подъ редак. В. И. Касперова. Харьковъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 259—263.

4516. **Харьковскій** сборникъ. Литературное приложеніе къ Харьковскому календарю" иа 1889 г. вып. 3. Изд. Харьк. губ. статистич. комитета, подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ. 1889 г. П. Г. 1890, 2, 371—373.

4517. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніекъ „Харьков. Календарю" на 1890 г. Вып, 4. Изд. „харьк. статист. комит. подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1890, 12, 546—549.

4518. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1891 г. вып. V подъ редакц. В. И. Касперова. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1891, 10, 161—164.

4519. **Харьковскій** сборникъ. прилож. къ Уарьк. календарю на 1892 г. вып. 6-й. ц. 1 р. 20 коп. Н. В. 1892, 9, 439—449.

4520. **Харьковскаго** историко-филологическаго общества сборникъ т. 9. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1897, 2. 44=49.

4521. **Харьковскаго** истор.-филологич. общества сборникъ т. 10. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1898, 1, 27—30.

4522. **Хвальчевскій** Станиславъ. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжества, составленная въ 1552—1555 1. изд. Виленской археолог. комиссіи. Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 3, 564—568.

4523. **Хвойко В.** Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 4, 54—58.

4524. **Херсонскія** губ. вѣдомости 1839—1888 г. Ястребовъ В. 1892, 3, 516—534.

4525. **Херсонскія** епархіальн. вѣдомости (прибавленія) 1885—1894. 1895, 4, 20—27.

4526. **Хлопецъ** та море. Лыстоноша. Розумный коваль. Опсвидання Одесса 1903. В. Д. 11, 111—113.

4527. **Хойнацкій А. Ѳ.** Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, въ двухъ частяхъ. Москва 1888 г. И. Л. 1888. 8, 51—53.

4528. **Хойновскій І.** Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева въ 1892 г. К. 1893, ц. 4. Е. 1893, 5, 326=333.

4529. **Холмскій Братчикъ.** Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изд. Холмско-Богородицкаго православнаго братства. Варшава 1882 г. 1883, 3, 653—657.

4530. **Холмскій** народный календарь на 1885 г. Кіевъ 1884 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 4, 760—765.

4531. **Холмскій** народный календарь на 1886 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 12, 710—714.

4532. **Холмскій** народный календарь на 1888 г. Годъ IV изд. Холмскаго правосл. Св. Богородицкаго братства—Кіевъ 1887 г. Холмскій Старожилъ 1887, 12, 768—773.

4533. **Хроника** українсько-руського наукового товариства ім. Шевченка у Львові 1903. вып. 1 р. 1903. В. Д. 1903. 5, 131—134.

4534. **Ц. Г.** Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3. стр. 51—72. Басня Богдана Хмельницкаго А. С—ко 1886, 9, 158—162.

4535. **Цеглинскій** Григорій. Кара совісти, нар. драма. 5 д. В. Д. 1904, 1, 33—37.

4536. **Церковно**-приходская лѣтопись с. Глубочка, Житомирск, у., Волынской г. Почаевъ 1898. О. Л. 1899, 4, 48—50.

4537. **Ц—овскій В.** Кіевскій политехнич. институтъ имп. Александра II-го К. 1898. Н. М. 1898, 10, 30.

4538. **Чайченко** Васыль „Зъ народнёго поля“ И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4539. **Чайченко** Васыль. Зъ загадокъ про дитячи лита. Кіевъ 1888 г. И. Ж. 1888, 9, 69—70.

4540. **Чайковскаго** „Мазепа“ В Г. 1886, 12, 759—762.

4541. **Чалый М. К.** Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ портретомъ). Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 349—355.

4542. **Чарнецкій Н.** Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ духовной семинаріи и дух. училищѣ. 1895, 5, 103—104.

4543. **Casopis** Musea Kralovstvi ceského 1888 г. Выпускъ III—IV. Прага А. Степовичъ. 1889, 9, 794—796.

4544. **Часопись** Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ: д—ръ К. Левицкій, д—ръ А. Горбачевскій, д—ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. Львовъ 1889 г. Н. Шугуровъ. 1889, 11, 475—479.

4545. **Çàsopis** Musea kralovstvi çeskeho 1897—1898. А. С. 1899, 1, 58—60.

4546. **Часопись** Правнича В. Д. 1900, 5, 103—104.

4547. **Czechowski A.** Samuels von Skrzypna Twardowski. Н. М. 1895, 5, 95—99.

4548. **Черневъ Н.** Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ СПБ. 1888 г. Н. Б. 1888, 11, 53—55.

4549. **Черкасенко С.** „В старім гнізді“ П—ський Л. 1907, 7—8. 259—265.

4550. **Çerny Adolf.** Mythiske bytosce luziskich serbow Budysin 1893. В. П. 1894, 3, 587—588.

4551. **Черниговскія** Губернскія Вѣдомости на нынѣшній годъ и новые въ нихъ историко-этнографическіе матеріалы. L. 1886, 8, 746—754.

4552. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 1894/5 г. ц. 75 к. А. Р. 1894, 8, 291—292.

4553. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 1896/7 г. Черниговъ 1896. А. С. 1897, 4. 37—40.

4554. **Черниговская** памятка (справочная книжка на 1898/9 годъ) Н. Ш. 1899, 6, 152—156.

4555. **Черниговской** губ. архивной комиссіи труды 1897—98, вып. 1. 1899, 2, 122—124.

4556. **Черниговскаго** дворянства родословная книга изд. графа Г. Милорадовича. СПБ. 1901. А. Л. 1902, 4. 46—54.

4557. **Чернышевъ В.** Законы и правила русскаго произношенія. Варшава 1906. Кр—ський М. 1907, 6, 358—360.

4558. **Чернявськый М.** Донецьки сонеты. Бахмутъ 1898. И. Стешенко. 1898, 5, 60—65.

4559. **Чернявськый М.** „Зори“, збирнықъ поэзій. У Кыиви 1903. В. Степовый. 1903, 7—8, 60—66.

4560. **Чернятинское** имѣніе въ литинскомъ у., Подольской губ., Кіевъ 1902. Я—чъ 1903, 3, 190—192.

4561. **„Çesky Lid.“** (чешскій народъ. Прага 1891 г.) годъ 1, книга 1. А. Степовичъ 1891, 12, 502—504.

4562. **Чижевскій Николай.** Старозаимочныя земли. Рѣшенія Харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ въ Харьковской Казенной Палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изд. 1883 г. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

4563. **Ciszewski** Stanislaw. Krakowiacy т. I. В. П. 1895, 10, 29—30.

4564. **Czynski** Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczenbnosci i rozciedlcnia ludnosci polskiej. Ц. Нейманъ. 1888, 6, 55—59.

4565. **Чистовичъ И.** Очеркъ исторіи западно-русской церкви, Ч. I СПБ. 1882 г. И. М. 1882, 9, 552—555.

4566. **Чистовичъ И.** Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. 2. СПБ. 1884 г. И. Малышевскій. 1884, 11, 518—526.

4567. **Czolowski A.** Z przeszlosci Jezupola i okolicy. Н. М. 1892, 11, 309—310.

4568. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1884 г. книга 2-я Ѳ. Н. 1885, 2, 360—361.

4569. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1888 г. кн. I изд. подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 3, 756—760.

4570. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.) книга 2. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 5—6, 648—654.

4571. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 456—461.

4572. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 7, 147—155.

4573. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. пятая. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ. 1891, Н. В. 1891, 10, 138—161.

4574. **Чтенія** въ историч. Общ. Нестора лѣтописца кн. 6. К. 1892. Я. Ш. 1892, 9, 449—460.

4575, **Чтенія** въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга VII. Е. К. 1895, 3, 133—136.

4576. **Чтенія** въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца. кн. 10. Кіевъ 1896. Н. В. 1896, 5, 58—63.

4577. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора—лѣтоп. кн. 10 и 11. К. 1896. И. Ж. 1898, 10, 25—30.

4578. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, книга XII. К. 1898. Н. В. 1899, 3, 163—171.

4579. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. кн. 17 вып. I. Кіевъ 1903, В—ко Н. 1903, 3, 185—187.

4580. **Чудиновъ А. Н.** Русская классная библіотека. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ ц. 30 к. Вып. 2. Домострой Сильвестровскаго извода ц. 43. изд. Глазунова. СПБ. 1891 г. А. Степовичъ. 1891, 12, 504—505.

4581. **Шантръ Э.** Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно же на Кавказѣ въ Крыму. В. А. 1882, 11, 360—362.

4582. **Шараневичъ И.** Гальшка, княгиня Острожска, оповѣдане историчне. У Львовѣ 1880 г. Л. 1882, 1, 209—211.

4583. **Szaraniewicz J.** i Zacharjewicz J. Wyciecka do Zalukwi, Halicza i na Krylos. B. A. 1883, 4, 876—878.

4584. **Szaraniewicz J.** O latopisiach i kronikach ruskich XV и XVI w. B. A. 1883, 1, 176—179.

4585. **Szarlomski A.** Stanislawow i powiat Stanislawowski. H. M. 1890, 4, 174—179.

4586. **Шахматовъ А. А.** О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Н. В. 1898. 1, 22—24.

4587. **Schweiger** Lerchenfeld A. v. Zwischen Donau und Kaukasis. 1886. В. Я. 1887, 3, 555—558.

4588. **Швенцовъ А.** Описаніе Литинскаго у. Подольск. губ. Л. С. Л. 1902, 2, 139—141.

4589. **Шевченко Т.** Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. СПБ. 1886 г. В Г—ко. 1886, 2, 370—375.

4590. **Шевченко Т. Г.** 1886, 3, 572—582.

4591. **Шевченко.** Альбомъ офортовъ. В. Г. 1891, 5, 483—484.

4592. **Шевченко.** Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей, коллекцін В. Тарновскаго. К. 1893. Н. Ш—въ 1893, 6, 531—536.

4593. **Шейнъ П. В.** Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. I. ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1887. В. К—шъ. 1887, 8, 750—752.

4594. **Шейнъ П.** Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1890. М. В. 1892, 5, 309—311.

4595. **Шелковъ К. П.** Харьковъ, историко статистическій опытъ Харьковъ 1881 г. 1882, 5, 317—319.

4596, **Шелковъ К. П.** Историческая хронологія Харьковской губ. Харьковъ 1882 г. 1883, 2, 416—417.

4597. **Шемякинъ В. И.** (редакторъ). Приходская Библіотека. Русская земля томъ V. Очерки Малороссіи. СПБ. 1896 г. Н. Ш. 1897, 7—8, 43—45.

4598. **Шемякинъ В. И.** Очерки Малороссіи. Приходская библіотека. 1900, 4, 28—29,

4599. **Шенрокъ В.** Ученическіе годы Гоголя. Москза 1887 г. В. Г. 1887, 3, 561—564.

4600. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Н. В, Гоголя. т. I. М. 1892, Пѣтуховъ Е. 1892, 4, 131—139.

4601. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Гоголя М. 1893. Пѣтуховъ Е. 1893, 3, 566—570.

4602. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. III. Е. Пѣтуховъ. 1895, 4, 27—31.

4603. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. 4. М. 1898. Е. П. 1897, 12, 86—88.

4604. **Шильдеръ-Шульднеръ Н. Ю.** Изъ юго-западнаго края. Современное положеніе и назрѣвшіе вопросы 1896 г 1895, 12, 115—119.

4605. **Шимановскій В.** Очерки по исторіи нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII в.в. Варшава 1893. К. М. 1894, 2, 352.

4606. **Шимановскій В.** Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ съ

приложеніемъ образцовъ народн. говоровъ. Варшава 1897 г. К. М. 1897, 5, 71—74.

4607. **Шляпкинъ И. А.** Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). СПБ. 1891 г. А. Маркевичъ. 1891, 11, 324—333.

4608. **Шляпкинъ И.** Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст. Н. С. 1885, 12, 702—704.

4609. **Schlumberger** Gustave. Un Empereur bisantin au dixieme siècle Nicéphore Phocas Paris. 1890. В. 1891, 5, 328—332.

4610. **Шмидтъ,** Рыльскаго полка штабсъ-капитанъ. Шпола. 1882. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4611. **Шрамченко Н. А.** Воспоминанія и стихотворенія. Ш—розъ Н. 1901, 4, 39—46.

4612. **Шугуровъ Н.** О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. 1895, 7—8, 1—4.

4613. **Szujski.** Die Polen und Ruthenen in Galizien. 1882 г. В. А. 1882, 6, 523—526.

4614. **Schulze-Gaevernitz.** Die Kosaken von Kobeljaki. В. П. 1898, 7—8, 37—40.

4615. **Шухарутъ.** Крачунъ-Корочунъ. Н. С. 1887, 1, 161.

4616. **Шухевичъ** Володимиръ проф. Гуцульщина. у Львові. Вып. I—IV. 1899—1904. М. Р. 1905, 2, 73—122.

4617. **„Щаслывою** стежкою" Оповидання. Выдавныцтво Викъ. П—скій М. 1905, 5, 122—123.

4618. **Щегловъ В.** Историческая справка о полѣ Полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. Н. В. 1891, 3, 540—542.

4619, **Щеголевъ Я.** Ворскло, лірна поэзія 1883. В. Г—ко. 1884, 1, 151—154.

4620. **Щербачевъ В. С.** Обзоръ табаководства въ Россіи. Малороссія и Туркестанскій Край. 1894. В. Василенко. 1895, 7—8, 47—52.

4621. **Щербина Ф.** Земельная община, Кубанскихъ козаковъ. Воронежъ 1889 г. Н. М. 1890, 8, 330—333.

4622. **Щербицкій О. В.** Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 3, 588—592.

4623. **Эварницкій Д. И.** Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, съ 55 рис. и 7 планами 2 части И. Житецкій. 1888, 11, 36—48.

4624. **Эварницкій Д. И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ СПБ. 1888. И. Ж. 1888, 12, 71—72.

4625. **Эварницкій Д. И.** Очерки изъ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края СПБ. 1889 г. И. Ж. 1890, 2, 366—368.

4626. **Эварницкій Д. И.** Публичныя лекціи по археологіи Россіи Ар-Л—нко. 1890, 4, 184—185.

4627. **Эварницкій Д. И.** Вольности запорожскихъ козаковъ, историко-топографическій очеркъ СПБ. 1890 г. В. Ястребовъ. 1891, 2, 352—356.

4628. **Эварницкій Д. И.** По поводу рецензіи „Вольности запорожскихъ козаковъ". 1891, 4, 174—177.

4629. **Эварницкій Д.** Исторія запорожскихъ козаковъ т. I. СПБ. 1892 г. И. 1894, 3, 589—590.

4630. **Эварницкій Д.** Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низо-

выхъ козаковъ СПБ. 1894. А. С—о. 1894, 10, 158—160.

4631. **Эварницкій Д. И.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества А. Л. 1897, 3, 84—86.

4632. **Эварницкій.** Исторія запорожскихъ козаковъ 1686—1734 т. 3. СПБ. 1897. А. Л 1897, 12, 76—81.

4633. **Эварницкій Д. И.** Халера. Екатеринославъ 1905. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

4634. **Эварницкій Д. И.** Малороссійскія народныя пѣсни. Даниловъ В. 1906, 7—8, 51—70.

4635. **Эйгорнъ** Виталій. Книги львовской печати въ Львовѣ въ третью четверть XVIII в. 1895, 5, 101—102.

4636. **Эйнгорнъ** Вит. О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. М. 1895. А. Л. 1897, 4, 32—54.

4637. **Этнографическое** обозрѣніе кн. I подъ ред. Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. Ц. Г. Нейманъ. 1889, 10, 198—204.

4638. **Этнографическое** обозрѣніе Москва 1889—1890 г. кн. I—VII. В. Я. 1891. 5, 322—327.

4639. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1891 кн. 8—10. Я. Ш. 1892, 2, 350—357.

4640. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. 11 и 12. Я. Ш. 1892, 8, 273—281.

4641. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1892. Кн. 13 и 14. Я. Ш. 1893, 2, 386—397.

4642. **Этнографическое** обозрѣніе кн. XV, XVI, XVII. В. Я, 1893, 12, 511—515.

4643. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. XVIII и XIX М. 1893 и 1894. В. Я. 1894, 4, 193—194.

4644. **Этнографическое** обозрѣніе. В. Ястребовъ. 1895, 3, 126—128.

4645. **Этнографическое** обозрѣніе. 1895 г. 1899, 7, 24—26.

4646. **Этнографическое** обозрѣніе. 1896—1897. 1899, 9, 122—127.

4647. **Этнографічний** збірник Львів т. I—V. Доманицкій В. 1899, 12, 148—153.

4648. **Юбилейное** изданіе на память 300 лѣтія основанія Львовскаго Ставропигіальнаго братства Я. Г. 1887, 5, 198—200.

4649. **Юдинъ П.** Къ біографіи Шевченка Н. М. 1898, 4, 31—33.

4650. **Южный** сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Одесса 1892. Ц. 2 р. 50 коп. Ястребовъ В. 1892, 7, 133—135.

4651. **Юницкій Н.** Фундуши и стипенд. Виленскаго округа, справочное пособіе. Ч. I. Выпускъ первый. Вильна 1884 г. 1884, 9, 152—154.

4652. **Юргевичъ В.** Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей 1830—1889 г. Къ юбилею общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889 г. П. Г. 1889, 6, 571—572.

4653. **Яблоновскій А.** Очеркъ исторіи Кіево-Могилянской Академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. Краковъ 1899—1900. Харламповичъ К. 1902. 7—8, 14—69.

4654. **Яворницкій Д.** Наша доля—Божа воля Д—въ. 1906, 5—6, 1—3.

4655. **Яворская П.** Марына (поэма) Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4656. **Яворская П.** Вирши украинськи. Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4657. **Яворскій Ю.** Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. Львовъ 1902. В. Д. 1902, 9, 152.

4658. **Ягичъ В.** Archiw für slawische Philologie. А. С—чъ. 1899, 5, 97—99.

4659. **Яковенко.** Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность (Біограф. очеркъ) изд. Павленкова СПБ. 1894 г. А. Л—кій. 1894, 8, 289—291.

4660. **Яновська Л.** Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ній не буває П, Г. 1903, 6, 206—207.

4661. **Янчукъ Н.** Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ. Москва 1886 г. В. Г. 1886, 10, 369—372.

4662. **Янчукъ Н. А.** Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Өед. Миллера. В. Д. 1900, 7—8, 29.

4663. **Jarganq** Ruthenische Revue. В. Д. 1904, 3, 142—146.

4664. **Яроцкій Я.** Изъ прошлаго Волыни. Вып. I. Н. Б. 1901, 6, 177—179.

4665. **Ясинскій** Михаилъ. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ 1889. И. Каманинъ. 1889, 8, 559—564.

4666. **Ястребовъ В. Н.** Отвѣтъ Д. И. Эварницкому 1891, 4, 177—180.

4667. **Ястребовъ В.** Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, Херсонской губ. Од. 1894 г. ц. 1 р, 50 к. Х. Я. 1894, 7, 127.

4668. **Яценко-**Хмѣлевскій В. И. Родословная записка фамилій Яценко-Хмѣлевскихъ. Хатемкинъ А. 1900, 2, 95—96.

4669. **Өедотовъ-**Чеховскій А. А. Акты Греческаго Нѣжинскаго братства. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 12, 716—718.

4670. **Өоменко** Климентъ свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями Кіевъ 1885 г. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 493—497.

4671. **Өоменко К.** протоіерей. Кіевъ временъ Петра I. В. Д. 1903, 9, 146—147.

4672. **Өоменко К. И.** протоіерей. Изъ прошлаго Кіевской епархіи. Мѣстечко Өастовъ по описанію московскаго священника Іоанна Лукьянова. („Кіевск. епарх. Вѣдомости 1903 № 18). В. Д. 1903, 9, 146—147.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки.

4673. **А А.** „Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ Кіевскаго магистрата (1723). 1892, 8, 267—268 (Д.).

4674. **А. В.** Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. 1888, 1—3, 1—8.

4675. **А. В.** Дейнеки. (Объясненіе слова) 1889, 1, 222—223.

4676. **Азбучный** указатель личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г. 1882, 3, 6, 9. 12; 1883 г. 4, 8, 12; 1884 г. 4, 8, 12, 1885 г. 12, 1886, 12, приложеніе.

4677. **А. Л.** Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера (1785) 1893, 1, 175—176. (Д.).

4678. **А. Л.** Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ. 1895, 2, 65—66. (Д.).

4679. **А. Л.** Листъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. 1895, 2, 53—54. (Д.).

4680. **А. Л.** Поминка предковъ (Полетики) 1902, 3, 158—162. (Д.).

4681. **Ал. Андр.** За что оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ“. 1900, 4, 1—4. (Д.).

4682. **Анекдотъ** о Мечиславѣ Потоцкомъ. 1892, 9, 429—430. (Д.).

4683. **Антоновича В. Б.** о рефератѣ, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. 3 апрѣля 1888 г, отчетъ. 1888, 5, 56—60.

4684. **Б. В.** Странное слово. 1889, 8, 543—544.

4685. **Бенефисъ** для малороссійскаго дворянства. 1882, 4, 173—175.

4686. **Библіографическій** указатель статей, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ за первое десятилѣтіе 1883. (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 11.

4687. **Борковскій Іоаннъ**. Исповѣдь Маргаса. 1886, 3, 625—634.

4688. **Быковъ Н.** О федерализмѣ. 1905. 11—12, 95—102. (Д.).

4689. **Бѣлинскій С.** Нѣмецкій трингельдъ на южно-русской почвѣ. 1885, 1, 191—196.

4690. **Бѣляшевскій Н.** Вниманію фотографовъ—любителей. 1896, 6, 91—98. (Д.).

4691. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ къ фотографамъ—любителямъ. 1901, 5, 88—91. (Д,).

4692. **Бѣньковскій И.** О посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. 1904, 6, 114—116. (Д.).

4693. **V.** Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ. 1889, 4, 203—205.

4694. **В. А.** Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 1892, 7, 114—117. (Д.).

4695. **Василенко В.** „Памьятковый прочуханъ“ или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права. 1885, 5, 170—172.

4696. **Василенко В.** „Паньский бу-

дынокъ“ въ д. Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда. 1895, 6, 115—116. (Д.).

4697. **Василенко В.** Вѣсти о судьбѣ историко-статистич. матеріаловъ по Полтавщинѣ, 1896, 12, 70—71. (Д.).

4698. **Василенко В.** Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ въ 1888 г. 1899, 3, 135—138. (Д.).

4699. **Василенко В.** Въ Лебединскомъ „будынкѣ“ Г. П. Галагана. 1900, 7—8, 19—24. (Д.).

4700. **Васильевъ М.** Изъ письма въ редакцію. 1885, 1, 205.

4701. **В. Г.** Польскіе рисунки на украинскія темы. 1890, 11, 323—325.

4702. **В. Д.** По журналахъ. Огляд матеріялів по історії Украіни 1907, 3, 140—155.

4703. **Велецкій Н. К.** Псарь Севастьянъ (картинка) 1893, 1, 77—94.

4704. **Великоросса** письмо объ украинскомъ движеніи. 1905, 6, 248—252. (Д.).

4705. **Вергуна** лекція въ Москвѣ. 1902. 2, 110—114. (Д.).

4706. **Вишневскій Д.** „Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго“. 1896, 5, 39—40. (Д.).

4707. **Водяныя** мельницы виновницы быстраго теченія Днѣпра 1745 г. 1899, 10, 23—24. (Д.).

4708. **Волненія** крестьянъ въ Галиціи. 1902, 9, 142—144. (Д.).

4709. **Волынскіе** крестьяне въ Америкѣ. 1902, 11, 107—109. (Д.).

4710. **Вопросъ** о языкѣ на кустарномъ съѣздѣ. 1902, 5, 109—110. (Д.).

4711. **Вопросъ** о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. 1901, 3, 162—163. (Д.).

4712. **Вопросъ** о національной автономіи на московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. 1905, 10, 30—41. (Д.).

4713. **В. Н.** Изъ записной книжки. 1886, 2, 398—402; 3, 621—625; 4, 814—818.

4714. **В. Н.** Православные sui generis. 1904, 12, 153—156. (Д.).

4715. **Востоковъ А.** Приданое П. И. Шереметевой. 1888, 8, 39—46.

4716. **Высочайшій** подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому, 80 бутылокъ пива, и переписка по этому поводу. 1904, 6, 117—119. (Д.).

4717. **В. Я.** На родинѣ Кармелюка. 1892, 10, 117—120. (Д.).

4718. **Г.** Бѣгуны отъ науки 1890, 4, 153—155.

4719. **Г.** Съ дороги. 1889, 4, 206—213.

4720. **Галицкихъ** русиновъ дѣла въ австрійскомъ парламентѣ. 1902, 12, 168—173. (Д.).

4721. **Гатцукъ А.** Письмо въ редакцію. 1883, 11, 516—518.

4722. **Г. В.** Картинки старины. Кіевскій спектакль начала XVIII вѣка. 1887, 4, 681—692.

4723. **Г. В.** Добрый починъ. 1887, 10, 379—381.

4724. **Гетманскій** слесарь. 1898, 6, 92—93. (Д.).

4725. **Гетманскій** рецептъ отъ кашля 1726 г. 1899, 12, 125—126. (Д.).

4726. **Гетманская** надворная корогва. 1901, 9, 78. (Д.).

4727. **Годичное** собраніе общества Пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.г. 1885, 11, 562 566.

4728. **Горленко В.** Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ. 1884, 10, 361—366.

4729. **Дашкевичъ Н.** Историческое общество Нестора лѣтописца въ 1881 г. 1882, 3, 581—592.

4730. **Два слова** о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей гетманщины. 1886, 10, 401—402.

4731. **Д—ій В.** Къ вопросу объ улучшенiи путей сообщенiя въ Кiевѣ. 1904, 4, 13—15. (Д.).

4732. **Добротворскій Н.** Курскiе и Орловскiе кудеяры. 1888, 12, 117—123.

4733. **Доманицкій В.** Шекспировський фондъ и русько-украинська выдавнича спилка. 1903, 3, 141—148. (Д.).

4734. **Доманицкій В.** Колысь і тепер (Депутати з україни в комiсiи року 1767 і теперішні посли до державноі думи). 1906, 5—6, 31—37. (Д.).

4735, **Доманицький В**. До історіі „Тарасовоі книгарні". 1907, 11—12, 222—224.

4736. **Дорошенко П.** Служебная отписка по поводу рожденiя урода. 1886, 7, 562—563.

4737. **Дорошенко Д.** Культурно-просвітна діяльність українського громадянства за останні два роки. 1907, 11—12, 17—34.

3738. **Дорошенко Д.** Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. 1907, 3, 156—168.

4739. **Дорошенко Д**. Украіна въ 1906 році. 1907, 1, 1—29.

4740. **Дорошенко Д.** Австрійська украина в 1906 році. 1907, 2, 73—96.

4701. **Дорошенко Д.** З українського життя. 1907, 2, 97—101.

4742. **Древность** малороссійскаго табаководства. 1890, 6, 549—551.

4743. **Думитрашко** гвардіи капралъ въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ. 1900, 5, 71—73. (Д.).

4744. **Д. Щ**. Вишнивецкая библіотека. 1902, 3, 163—171. (Д.).

4745. **Дѣятельность** „Украінсько руськоі Видавничоі Спілки". 1901, 1, 14—15. (Д.).

4746. **Дѣятельность** „Наукового товариства ім Шевченка" въ 1900 г. 1901, 5, 98—99. (Д.).

4747. **Дѣло.** объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу (1818 г., 25 апрѣля) 1893, 1, 172. (Д.).

4748. **Е. А.** Два намѣстника. 1889, 7, 221—231.

4749. **Е. П.** Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ. 1886, 4, 805—809.

4750. **Ефименко А.** Письмо по поводу крит. замѣтки о брошюрѣ „нелюдымъ". 1905, 7- 8, 74—76. (Д.).

4751. **Е—ко П.** Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. 1886, 7, 575—576.

4752. **Ефименко П.** Одинъ изъ протествовавшихъ. 1882, 3, 602—608.

4753. **Ефименко П.** Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ, въ отравленіи воды во время холеры. 1848, 1883, 7, 573—582.

4754. **Ефименко П.** Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. 1883, 7, 583—585.

4755. **Еф. П.** Послѣдствіе клятвопреступленія. 1884, 3, 510—511.

4756. **Ефремовъ С.** Замѣтки на текущія темы. 1905, 2, 158—190; 3, 276—299; 4, 81—100; 5, 183—212; 6, 274—304. (Д.).

4757. **Ефремовъ** Къ современному положенію украинскаго дѣла въ Россіи. 1905, 11—12, 78—82. (Д.).

4758. **Ж. И.** Двѣ афиши Черниговскаго театра 20-хъ годовъ. 1889, 5--6, 631—632.

4759. **Замѣтки** по искусству. 1897, 6, 103—106. (Д.).

4760. **Заявленіе** народныхъ учителей (о желательности преподаванія въ украинскихъ школахъ на родномъ языкѣ). 1905, 11—12, 102—106. (Д.).

4761. **З. И.** По поводу слова "перемотъ". 1889, 10, 197.

4762. **Зиньковскій Т.** Зазывающее сообщеніе. 1883, 8, 773.

4763. **Злоупотребленія** при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. 1904, 4, 6. (Д.).

4764. **Изъ** литературныхъ нравовъ. 1889, 9, 780.

4765. **Изъ** Львовскаго университета. 1902, 5, 111--115. (Д.).

4766. **И. С. Н.** Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст. 1885, 3, 580—581.

4767. **К. А.** Судьба одного Кіевскаго сооруженія. 1884, 6, 344—353.

4768. **Карпова Г. Ѳ.** имени премія. 1891, 1, 184—185.

4769. **К. О.** Малороссійскія пьесы въ казармѣ. 1898, 3, 83—88. (Д.).

4770. **К—ко.** Панъ Янъ Монастырскій (раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). 1883, 1, 185—193.

4771. **Комаровъ А.** Дополненіе къ библіографич. указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Щевченка. 1887, 5, 180—184.

4772. **Комаровъ Г.** Изъ записной книжки. 1887, 3, 579—581.

4773. **Компанейскія** иголки. 1882, 2, 425—426.

4774. **Конкурсъ** на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. 1889, 4, 215—216.

4775. **Конкурсъ** на соисканіе преміи имени А. Гильфердинга. 1889, 4, 216.

4776. **Конотопецъ.** Генеалогическій самообманъ (о Гатцукахъ). 1893, 3, 532—534. (Д.).

4777. **Крестоносъ.** (Бытовая картинка). 1898, 2. 52—54. (Д.).

4778. **Кудринскій Ѳ.** Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской. 1898. 2, 54—57. (Д.).

4779. **Кузьминъ Е.** Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и задачахъ его изслѣдованія. 1900, 11, 326—332.

4780. **К—шъ В.** Малорусская „Паляниця" 1897, 9, 196—197.

4781 **Къ исторіи** старинной малорусской школы, 1892, 7, 118. (Д.).

4782. **Къ вопросу** о малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ. 1898, 9, 74—80. (Д.).

4783. **Къ положенію** дѣлъ въ Галиціи 1902, 10, 33—36; 11, 96—102. (Д.).

4784. **Къ исторіи** вопроса о русинскомъ университетѣ. 1902, 3, 184—186. (Д.).

4785. **Къ вопросу** о студентахъ-русинахъ Львовскаго университета. 1902, 2, 115—116. (Д.).

4786. **Къ украинскому** вопросу (о положеніи украинскаго слова). 1905, 7—8, 57—63. (Д.).

4787. **Къ украинской** печати и слову. 1905, 10, 23—28. (Д.).

4788. **Л.** Изъ прошлой жизни. 1888, 12, 135—142.

4789. **Л. А.** Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ? 1883, 4, 893—895.

4790. **Л. А.** Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. 1889, 1, 224—225.

4791. **Л. А.** Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. 1889, 4, 199—200.

4792. **Л. А.** Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. 1890. 9, 494—495.

4793. **Л. А.** Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. 1890, 3, 532—533.

4794. **Л. А.** Мамаевъ дубъ. 1891, 4, 163—164.

4795. **Л. Ж.** Хочетъ-ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ? 1905, 7—8, 63—65. (Д.).

4796. **Левицкій О.** Необыкновенная ярмарка. 1883, 9—10, 301—309.

4797. **Левицкій Ор.** Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. 1897, 2, 39—41. (Д.).

4798. **Левицкій Ор.** Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. 1905, 1, 1—4. (Д.).

4799. **Левицкій О.** Документальная небылица. 1896, 2, 242—250.

4800. **Левченко М.** Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя. 1882, 8, 373—379.

4801. **Леонардовская** коллекція въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. 1894, 6, 539—541. (Д.).

4802. **Л—ій.** Гетманскіе клейноды. (1758 г.) 1882, 5, 343—344.

4803. **Л. И.** Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. 1883, 5, 181—184.

4804. **Литвинова П.** Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. 1883, 3, 682—683.

4805. **Литвинова П. Я.** Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. 1904, 5, 55—56. (Д.).

4806. **Личный** составъ малороссійской козацкой старшины въ 1725 году. 1904, 7—8, приложеніе.

4807. **Л. О.** Необычайная застава. 1882, 7, 192—194.

4808. **Л. О.** Панская „пыха" 1887, 9, 195—196.

4809. **Л. С. Л.** Къ вопросу о поднятіи нашей сельско-хоз. промышленности. 1902, 10, 17—21. (Д.).

4810. **Львовскаго** ученаго общества им. Шевченка петиція австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ. 1902, 1. 1—4. (Д.).

4811. **Любичъ А.** Отпустъ. 1890, 10, 134—143.

4812. **Любопытный** документъ (письмо Н. Левитскому крестьянъ, переселившихся на Кавказъ.) 1901, 7—8, 25—26. (Д.).

4813. **Малорусскіе** переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. 1901. 3, 163—164. (Д.).

4814. **Маркевичъ А.** Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). 1889, 2, 506—512; 3, 746—751.

4815. **Мердеръ А.** Обида въ холерное время. 1900, 2, 70. (Д.).

4816. **Мердеръ А.** Кринолины и холера 1866 г. 1900, 2, 70. (Д.).

4817. **Мердеръ А.** Картежникъ, строгій къ самому себѣ. 1900, 3, 144. (Д.).

4818. **Мердеръ А.** „Картіожная игра и политическая злость". 1900, 3, 144 (Д.).

4819. **Мердеръ А.** Наказанный „пе-

реводчикъ" фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. 1900, 3, 144. (Д.).

4820. **Мердеръ А.** Ходарковскій скелетъ. 1900, 4, 8. (Д.).

4821. **Мердеръ А.** Нужды, не присвоенныя еврейскимъ жителямъ (холодъ, голодъ и пр.) 1900, 4, 8. (Д.).

4822. **Мердеръ А.** Случай въ Каменной Греблѣ (1846 г.) 1900, 5, 81—82. (Д.).

4823. **Мердеръ А.** Отношеніе станового пристава и земскаго судьи къ чудесному явленію (1846) 1900, 7—8, 17. (Д,).

4824. **Мердеръ А.** Недовѣріе, внушаемое молодымъ людямъ „изъ разиыхъ мѣстъ" каневскимъ обывателямъ. 1900, 7—8, 16—17. (Д.).

4825. **Мердеръ А.** Средство къ отклоненію тучъ (1847). 1900, 7—8, 18. (Д.).

4826. **Мердеръ А.** Татаринъ-психіатръ на Волыни. 1900, 7—8, 18—19.

4827. **Мердеръ А.** 8-ми лѣтній герой (1837). 1900, 11, 74—75. (Д.).

4828. **Мердеръ А.** Янтарь, подобный „бриллианту" 1900, 11, 75. (Д.).

4829. **Мердеръ А.** Сѣверное—сіяніе въ Каменцѣ-Подольскомъ (1848). 1900, 11, 75—76. (Д.).

4830. **Мердеръ А.** 50 изображеній великаго кн. Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ и стражникамъ. 1900, 12, 149—150. (Д.).

4831. **Мердеръ А.** Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ ю.-з. краѣ. 1900, 12, 150. (Д.).

4832. **Мердеръ А.** Дарохранительницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юго-з. края, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. 1900, 12, 150—151. (Д.).

4833. **Мердеръ А.** Вертоградъ въ костелѣ. 1901, 3, 153. (Д.).

4834. **Мердеръ А.** Бѣлая горячка (поводъ къ отставкѣ). 1901, 3, 154. (Д.).

4835. **Мердеръ А.** Кирпичныя шоссе. 1901, 3, 155. (Д.).

4836. **Мердеръ А.** Кіевскія магистратскія пушки. 1901, 3, 155—157. (Д.).

4837. **Мердеръ А.** О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ. 1901, 5, 83—84. (Д.).

4838. **Мердеръ А.** Утопающій на Крещатикѣ (въ іюлѣ 1848 г.). 1901, 6, 140—141. (Д.).

4839. **Мердеръ А.** Противохолерныя медали 1830 года. 1901, 7—8, 16. (Д.).

4840. **Мердеръ А.** Сыноубійство изъ мести (18 янв. 1845 г.). 1901, 7—8, 17. (Д.).

4841. **Мердеръ А.** Женщина съ твердымъ характеромъ (покушеніе на самоубійство). 1901, 7—8, 18. (Д.).

4842. **Мердеръ А.** Овруцкій археологъ 1840 г. 1901, 10, 14—15. (Д.).

4843. **Мердеръ А.** Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ (1844 г.). 1901, 12, 160—161. (Д.).

4844. **Мердеръ А.** Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ. 1901, 12, 162. (Д.).

4845. **Мердеръ А.** Происшествіе на Шпасанской фабрикѣ 1845 г. 1902, 1, 19. (Д.).

4846. **Мердеръ** А. Легкомысленный всадникъ съ сигарою (изъ архивовъ) 1902, 1, 19—20, (Д).

4847. **Мердеръ А**. Свадьба заплечнаго мастера. 1902, 5, 101. (Д.).

4848. **Мердеръ А**. Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ (1838 г.) 1902, 5, 101—102. (Д.).

4849. **Мердеръ** А. Открытiе Волынскимъ аптекаремъ болотной бумаги. 1902, 6, 170—171. (Д.).

4850. **Мердеръ** А. Къ исторiи Кiевскихъ дворцоваго, кловскаго, винограднаго и шелковичнаго садовъ. 1902, 9, 112—113. (Д.).

4851. **Мердеръ** А. Губительное на организмъ дѣйствiе рожковъ (1841 г.) 1902, 9, 113. (Д.).

4852. **Мердеръ** А. Къ исторiи учрежденiя графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ прiютовъ, 1903, 4, 10. (Д.).

4853. **Мердеръ** А. Благородное похищенiе денегъ. 1903, 6, 156. (Д.).

4854. **Мердеръ** А. Христiанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ святкахъ „Пуримъ". 1903, 6, 156. (Д.).

4855. **Мердеръ** А. Уважительная причина къ опредѣленiю въ одну изъ придворныхъ конторъ. 1903, 6, 157. (Д.).

4856. **Мердеръ** А. Дворяне татарскаго происхожденiя въ юго-зап. краѣ въ 1840 г. 1903, 6, 158. (Д.).

4857. **Мердеръ** А. Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ казнокрадствѣ. 1903, 6, 158—159. (Д.).

4858. **Мердеръ** А. Порфиръ, мѣдь и золото близъ д. Янковцы Махновскаго повѣта 1841 г. 1903, 7—8, 20. (Д.).

4859. **Мердеръ** А. Процессъ, веденный корпорацiей кiевскихъ бѣдныхъ. 1903, 7—8, 20—21. (Д.).

4860. **Мердеръ А**. Въ поискахъ за приносящимъ счастье восковымъ крестикомъ 1854 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4861. **Мердеръ** А. Незаурядные конокрады (1844 г.). 1903, 10, 6—8. (Д).

4862. **Мердеръ А**. Участiе помѣщика въ распитiи собственной шапки 1857 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4863. **Мердеръ А**. Ожженiе лба, шутки ради (1855). 1903, 11, 61—62. (Д.).

4864. **Мердеръ А**. Сельчане, погребающiе мертвыхъ безъ священника 1845 г. 1903, 10, 9. (Д.).

4865. **Мердеръ А**. Свѣдѣнiе о лабрадорѣ въ бассейнѣ р. Быстрѣевки при Каменномъ Бродѣ, въ радомысльскомъ и при Слипницахъ въ житомiрскомъ уѣздахъ. 1903, 12, 131—133.

4866. **Мердеръ А**. Предположенiе о сломкѣ колодезной башни въ Подзамчѣ и крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста въ Каменцѣ. 1903, 12, 133.

4867. **Мердеръ А**. Кiевская контора первоначальнаго заведенiя дилижансовъ и транспортовъ. 1903, 12, 134.

4868. **Мердеръ А**. Лѣченiе укушенныхъ бѣшеными животными (способъ Кабанца). 1904, 4, 4—6. (Д.).

4869. **Миллеръ О**. Даръ пятьдесятницы и наши первоучители (посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собранiи славянскаго общества 13 мая 1885 г.) 1885, 9, 31—50.

4870. **Милорадовичъ** графъ. Неузнанная рукопись (По поводу статьи „Василiй Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" 1883 г.). 1884, 2, 351—352.

4871. **М. К**. Меню Д. Мордовцева. 1906, 2, 28—29. (Д.).

4872. **Модзалевскiй В**. Приданое знатной малорусской панiи XVIII в.

и расходъ на ея похороны и поминки. 1904, 12, 143—146. (Д.).

4873. **Модзалевскій В.** Что стоила козакамъ въ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ. 1905, 4, 43—46. (Д.).

4874. **Модзалевскій В.** Что стоитъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. 1905, 7—8, 33—38. (Д.).

4875. **Мостипановъ,** архитекторъ. 1902, 4, 8—11. (Д.).

4876. **Мужской** пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. 1905, 2, 145—147. (Д.).

4877. **М—скій Ф.** Вопросы о народномъ просвѣщеніи въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. 1902, 12, 159—168. (Д.).

4878. **N.** Волынская бывальщина (2 случая изъ недавняго прошлаго). 1886, 6, 368—331.

4879. **Надпись** на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому. 1899, 3, 141—142. (Д.).

4880. **Назидательный** образчикъ сѣдой старины. 1901, 4, 32. (Д.).

4881. **Науменко В.** Маленькое разъясненіе. 1889, 5—6, 666—669.

4882. **Науменко В.** Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ. 1899, 1, 134—142.

4883. **Науменко В.** Ревнители русскаго языка въ Галиціи. 1899, 3, 444—452.

4884. **Науменко В.** Къ украинскому вопросу. 1905, 5, 148—149. (Д.).

4885. **Національно** - политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 1901, 5, 97—98. (Д.).

4886. **Нелиповичъ Н.** Тарабарскій языкъ. 1903, 9, 110—112. (Д.).

4887. **Нефтяная** промышленность въ Галичинѣ. 1903, 12, 134—136. (Д.).

4888. **Ни—къ Ѳ.** Непривившійся на Полтавской почвѣ ревень. 1883, 8, 764—767.

4889. **Новицкій И.** Древній способъ публикаціи. 1882, 3, 597—601.

4890. **Новое** археологич, изданіе (Музей Имп. Одесскаго общ. ист. и др.). 1896, 1, 29. (Д.).

4891. **Нось-фонъ Ст.** Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство. 1882, 7, 189—190.

4892. **Нось-фонъ Степанъ.** Курта 1882, 8, 385—387.

4893. **Notus.** Скоромная водка. 1882, 1, 220—222.

4894. **Н. С.** Малороссія на передвижныхъ художественныхъ выставкахъ картинъ. 1885, 8, 597—606.

4895. **Н. С.** Картина В. Маковскаго „Мать и дочь“, 1887, 1, 165—169.

4896. **Н. С.** Два слова о рисункахъ К. Трутовскаго. 1888, 6, 85—89.—

4897. **Нѣсколько** словъ, посвященныхъ І. Ралле. 1894, 2, 342—343. (Д.).

4898. **Нѣчто о** „всеславянахъ“. 1902, 1, 25—27; 4, 31—32. (Д.).

4899. **Образчикъ** Малорусской „Покормежной“. 1884, 1, 171—173.

4900. **Объ** открытіи подписки на памятникъ В. Н. Каразину. 1889, 7, 291—292.

4901. **Объясненіе** виньетки. 1883, 1, I-VI.

4902. **О. В.** Ребяческая забава въ серьезную минуту. 1884, 5, 168—169.

4903. **О—въ. И.** Волынская бывальщина. 1886, 4, 818—821.

4904. **Ограбленіе** гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ. 1903, 11, 64—66. (Д.).

4905. **Одинъ** изъ колоколовъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря (къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи). 1901, 10, 7—8. (Д.).

4906. **О. И.** Волынская бывальщина. 1884, 1, 165—168.

4907. **О. Л.** Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ у. въ концѣ прошлаго столѣтія. 1898, 4, 3—4. (Д.).

4908. **О. Л.** Покинутая жена (эпизодъ изъ эпохи Хмельницкаго). 1898, 5, 37—39. (Д.).

4909. **О. Л.** Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. 1900, 1, 9—10. (Д.).

4910. **О. Л.** Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. 1903, 5, 88—90. (Д.).

4911. **О. Л.** Непонятная тревога. (1840 г.). 1906, 5—6, 11—12 (Д.).

4912. **О. П.** Украинское слово и искусство. 1905, 7—8, 76—77. (Д.).

4913. „**Опасная** болѣзнь" въ Переяславскомъ полку въ 1750 г. 1900, 5, 69—71. (Д.).

4914. **Описаніе** атласа XVIII ст., подареннаго Черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. 1890, 4, 131—147.

4915. **Описаніе** Днѣпра. 1898, 3, 99 100. (Д.).

4916. **Опись** домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича. 1901, 2, 82—83. (Д.).

4917. **О—скій. І.** Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 1883, 2, 473—476.

4918. **Отказъ** въ выдачѣ о—ву „Просвіта" субсидіи. 1902, 7—8, 33—34. (Д.).

4919. **Отчетъ** гласнаго 1865 г. 1886, 2, 414—419.

4920. **Отъ** гражданъ г. Харькова докладная записка С. Ю. Витте по вопросу объ ограниченіи украинскаго слова. 1905, 6, 253—254. (Д.).

4921. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Объ открытіи ртутной руды. 1901, 10, 2—3. (Д.).

4922. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ. 1901, 10, 4—7. (Д.).

4923. **Павловскій И. Фр.** Объ иллюстраціяхъ Полтавской битвы. 1901, 12, 162—166. (Д.).

4924. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, мергеля и алебастра. 1901, 12, 166 171. (Д.).

4925. **Павловскій И. Ф.** Просьба подп. Пугачевскаго о перемѣнѣ его фамиліи. 1904, 1, 1—2. (Д.).

4926. **Павловскій И. Ф.** Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи. 1904, 1, 2—3. (Д.).

4927. **Павловскій И. Ф.** О колоколѣ во время громоваго удара съ высоты упавшемъ. 1904, 2, 64. (Д.).

4928. **Павловскій И, Ф.** Предсказаніе Кобелякскаго дворянина о дороговизнѣ хлѣба. (1804 г.). 1904. 2, 64—65. (Д.).

4929. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи коннозаводства въ Полтавской губ. въ прошломъ столѣтіи. 1904, 7—8, 20—22. (Д.).

4930. **Павловскій И. Ф.** О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. 1905, 7—8, 44—46. (Д.).

4931. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба титулярн. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. 1906, 7—8, 91. (Д.).

4932. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ Харьковскаго дворянства (1837 г.) 1906, 7—8, 82. (Д.).

4933. **Павловскій И. Фр.** Стихотворецъ—попрошайка Арапосъ. 1907, 5, 221—223.

4934. **Панская** находчивость. 1889, 5—6, 637—638.

4935. **П. Б.** Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. 1885, 10, 367—370.

4936. **Петлюра С.** Полтавскій семинаристъ въ плѣну у горцевъ. 1904, 7—8, 106—110.

4937. **Петлюра С.** З українського життя. 1907, 3, 129—139; 4, 20—36; 5, 59 –64; 6, 77—94; 7—8, 1—17; 9, 31—41; 11—12, 64—84.

4938. **Петлюра С.** „Ucrainica" в журналі „Былое" за минулий (1906) рік. 1907, 5, 189—213.

4939. **Петлюра С.** З життя Австрійської Украіни. 1907, 10, 1—16.

4940. **Петлюра С** Політичні украінські партіі в Галичині. 1907, 4, 1—19; 5, 37—48.

4941. **Петровъ Н.** Самсоніевскій фонтанъ. 1896. 5, 33—36. (Д.).

4942. **Перетца В. Н.** письмо въ редакцію. 1897, 7—8, 34—36. (Д.).

4943. **Перетцъ В.** Проф. Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ. 1906, 5—6, 43—49. (Д.).

4944. **П—ко В.** „Стужа" въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. 1905, 9, 115. (Д.).

4945. **П—ко Вл.** Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. 1905, 11—12, 67. (Д.).

4946. **П—ко В.** Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. 1906, 5—6, 8. (Д.).

4947. **Поднесеніе** Черниговскимъ дворянствомъ малор. генералъ-губернатору золотой вазы. 1895, 6, 107—108. (Д.).

4948. **Познанскій** Борисъ. Разбойникъ Тараненко. 1890, 7, 123—128.

4949. **Позницкая** народная труппа на сценѣ народнаго дома въ Лохвицѣ. 1902, 2, 102—105. (Д.).

4950. **Полетика В.** Записка о малороссійскомъ дворянствѣ (1809). 1893, 2 приложеніе.

4951. **Положеніе** русиновъ въ Галиціи и Венгріи. 1904, 11, 67—70. (Д.).

4952. **Польскій** театръ въ Каменцѣ 1860—61 г.г. 1888 г. 9, 774—776.

4953. **Пономаревъ С.** Изъ письма въ редакцію и по поводу его. 1886, 2, 409—414.

4954. **Портреты** и картины изъ замка Вишневецкихъ. 1892, 2, 105. (Д.).

4955. **Посылка** гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. 1889, 3, 739.

4956. **Потебня** А. А. Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ. 1899, 8, 1—12 (приложеніе).

4957. **Погибшая** библіотека. 1902, 4, 4—8. (Д.).

4958. **Премированный** словарь украинскаго языка. 1906, 1, 15—16. (Д.).

4959. **Проектъ** выкупа о—ва Хортицы, 1901, 5, 99—100. (Д.).

4960. **Пропускъ** греческихъ купцовъ черезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г. 1904, 2, 55--56. (Д.).

4961. **Просвітянин.** Товариство „Просвіта" в Одессі. 1907, 1, 30—47.

4962. **Прототипъ** П. И, Бобчинскаго. 1902, 9, 141—142. (Д.).

4963. **Разновидности** марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. 1883, 9—10. 237—253; 12, 637—651.

4964. **Ред.** По поводу письма Хоткевича въ „Літ.-наук. Вістникъ" (кн. 6). 1903, 7 8, 26—28. (Д.).

4965. **Родной** языкъ—родная и школа (совѣщаніе по народному образованію при Херсонской губерн. земской управѣ). 1905, 10, 21—23. (Д.).

4966. **Розогъ** казенная поставка 1849 г. 1899, 10, 23. (Д.).

4967. **Рудковскій А.** О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. 1882, 11, 391—393.

4968. **Русовъ А.** Къ вопросу объ украинской прессѣ. 1905, 11—12. 108—109. (Д.).

4969. **Русовъ А.** Къ изданію народной украинской газеты. 1906, 1, 16—17. (Д.).

4970. **Русовъ А.** Украинскія партіи. 1906, 3—4, 79—81. (Д.).

4971. **Русовъ** А. Къ вопросу объ организаціи въ Госуд. Думѣ національной украинской группы. 1906, 5—6, 24—26. (Д.).

4972. **С.** Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ Академіи Художествъ. 1887, 6—7, 555—559.

4973. **Савченко Ив. П.** Ура безъ двухъ буквъ (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго) 1884, 12, 749—750.

4974. **Самітний Гр.** У просвітян въ Одессі. 1906, 3—4, 85—87. (Д.).

4975. **Самый** несчастный народъ (письмо въ „Галичанинъ" Угроросса) 1901, 11, 85—88. (Д.).

4976. **Свидѣтельство** Полтавскаго полкового суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе „чести и доброй славы". 1890, 4, 163.

4977. **Симоновъ М.** (Номисъ) Разсказы. 1899, (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

4978. **Симоновъ М.** (Номисъ). Какъ обѣднѣли Оболонскіе. 1901, 7—8, 10—12. (Д.).

4979. **Сл. Ук.** Московскій историческій музей. Географич. выставка 1892 года. 1892, 11, 296—299. (Д.).

4980. **Случай** на монастырской ярмаркѣ, 1757 г. 1899, 4, 12—13. (Д.).

4981. **Соборъ** вмѣсто собора (къ исторіи Кіевскихъ соборовъ). 1882, 2, 413—427.

4982. **Собраніе** рѣдкихъ церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ. 1895, 12, 92—94. (Д.).

4983. **Списокъ** приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка. 1901, 6, 145—147. (Д.).

4984. **Стебніцький П.** З архива Д. Л. Мордовцева. 1907, 9, 285—310.

4985. **Сторожевъ В.** Цыцюры Тимоѳея листъ (1659). 1892, 2, 349. (Д.).

4986. **Сторожевъ В.** Ивана Самойловича гетмана листъ. 1892, 5, 297. (Д.).

4987. **Страшкевичъ В.** О принадле-

жавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. 1905, 9, 109—110. (Д.).

4988. **Строгая** генеральша 1893, 10, 165—166. (Д.).

4989. **Сумцовъ Н.** проф. Старая пѣсня отклоненія. 1906, 3—4, 81—85. (Д.).

4990. **С—чъ А.** Изъ школьнаго міра (нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). 1889, 3, 744—746.

4991. **Съ** кого писалъ Рѣпинъ картину. 1902, 2, 108—109. (Д.).

4992. **Съѣздъ** представителей не государственныхъ народностей. 1905, 11—12, 93—95. (Д.).

4993. **Сьогобочный.** Украинскій языкъ, какъ подсобное средство. 1905, 11—12, 85—87. (Д.).

4994. **Т. А.** Традиціонный промыслъ Харьковскихъ коцарей. 1886, 6, 364—368.

4995. **Украинскій** языкъ на губернскомъ съѣздѣ Полтавской группы всероссійскаго союза учителей. 1905, 11—12, 88—91. (Д.).

4996. **Украинцы** въ Америкѣ. 1902, 3, 181—184. (Д.).

4997. **У. О. К. Ф.** Коденская книга и три бандуриста. 1882, 4, 161—166.

4998. **Успенскій Ѳ.** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. 1889, 12, 604—621.

4999. **Федоровъ Гр.** Народный языкъ въ народной школѣ. 1905, 10, 19—21. (Д.).

5000. **Харламповичъ К.** Къ исторіи „поповой плѣши“ или „гуменца“. 1904, 12, 139—140. (Д.).

5001. **Харьковскіе** художники первой половины нынѣшняго столѣтія. 1899, 8, 59—61. (Д.).

5002. **Ходатайство** по вопросу о положеніи малорусской печати. 1901, 6. 160—162. (Д.).

5003. **Цыбульскій К.** Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ (по поводу газетнаго извѣстія о рѣдкомъ дѣлѣ). 1887, 2, 377—383.

5004. **Частная** инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Галичинѣ. 1905, 7—8, 80—81. (Д.).

5005. **Черняевъ Н.** Справка объ авторѣ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“. 1886, 3, 601—602.

5006. **Чествованіе** 100-лѣтія малорусской литературы въ Екатеринодарѣ. 1898, 10, 18—20. (Д.).

5007. **Читатели** изъ народа и поэзія Кулиша. 1898, 3, 88—95. (Д.).

5008. **Читатель.** Разгадка „малорусской исторической шарады“. 1885, 6, 329—337.

5009. **Шеболдаевъ П.** Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. 1885, 11, 558 561.

5010. **Широганскій В.** Къ вопросу объ изданіи украинской научно-популярной литературы. 1905, 11—12, 83—85. (Д.).

5011. **Щербина В.** Судьба одной знатной козацкой фамиліи. 1891, 10, 122—126.

5012. **Щербина В.** „Вымороченный человѣкъ“. 1892, 11, 291. (Д.).

5013. **Ястребовъ В. Н.** Еще отписка о рожденіи урода. 1886, 8, 756—758.

5014. **Ястребовъ В.** О стельной коровѣ. 1897, 5, 66—67. (Д.).

5015, **Эпитафіонъ** вознаго Андрея Чечеля 1765 г. 1899, 11, 67—69. (Д.).

5016. **Эпитафія** д-ра Владиміра Александрова. 1901, 2, 88. (Д.).

5017. **Этимологическій** гимнъ (по поводу 25 юбилея общества Качковскаго во Львовѣ). 1900, 2, 80. (Д.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ статей и замѣтокъ.

А.

А. 229, 533, 3341, 4213.

А. Я. 41, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 2108, 2874, 4673.

Абрамовъ И. 2109, 2621.

А. В. 1, 38, 39, 40, 236, 559, 4674, 4675.

Авенаріусъ Н. 2110.

А—въ. 37.

А. Г. 1942.

А. И. 2111, 3835.

Акимовъ Е. 561.

А. Л. 2, 42, 43, 238, 239, 240, 241, 242, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 1595, 1596, 1597, 1943, 1944, 2112, 2113, 2114, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2875, 2876, 2878, 2879, 2880, 2981, 2882, 2883, 2884, 2885, 3016, 3017, 3018, 3019, 3107, 3108, 3109, 3180, 3239, 3253, 3254, 3255, 3256, 3257, 3258, 3388, 3429, 3442, 3443, 3496, 3567, 3593, 3626, 3627, 3668, 3671, 3690, 3691, 3693, 3795, 3807, 3811, 3851, 3859, 3916, 3937, 3950, 4006, 4009, 4026, 4039, 4052, 4081, 4159, 4183, 4208, 4265, 4337, 4420, 4430, 4556, 4631, 4632, 4636, 4677, 4678 4679, 4680.

Александровичъ М. Н. 44.

А. М. 2115, 2116, 3765, 3996.

Амартолъ. 3385, 3703, 3834, 4480

А. Н. 4269.

Андр. А. 600, 601, 2886.

Андр. Ал. 602, 4681.

Андріевскій А. 245, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 2117.

Андріевскій А. М. 244.

Андріевскій М. 615, 2118. 2119.

Андр—скій Ал. 603.

Антоній I. 616, 1432, 1433, 1434, 1435, 1436.

Антоновичъ Вл. Б. 3, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 1751, 2632, 2633, 3182, 3508, 4403.

Апостолъ П. Д. 3110.

А. Р. 1946, 3350, 3836.

Арсеній архимандр. 246, 2636.

Артемовскій Гул. 1437.

Архангельскій 247.

А. С. 4, 52, 627, 1598, 2637, 3162, 3465, 3747, 3787, 3825, 3841, 4007, 4243, 4279, 4400, 4545, 4553.

А—скій Ал. 243, 628.

А. Т. 2120, 2638.

Ач—ъ Ал. 4365.

А. Ш. 3111.

Аѳанасьевъ. Г. 2121.

Б.

Б. 5, 629, 3400, 3401, 3485, 4140, 4445, 4459, 4504, 4506, 4507.
Бабичъ А. 1947.
Багалѣй Д. И. 58, 59, 60, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 1752, 1753, 1754, 1755, 2639, 2640, 2890, 3345, 3363, 3403, 3610, 3665, 3666, 3852, 3884, 3938, 3990, 3991, 4088, 4300, 4303, 4512, 4562.
Бадровъ А. 2892.
Бакай Н. 61, 640, 641, 642, 643, 2122, 4212.
Балабушевичъ В. 2641.
Балына 794.
Барацъ Г. 1599, 1756.
Барв—скій Н. Я. 3020.
Барвинокъ Ганна 1438, 1439, 1440.
Барвинскій В. 644.
Барсовъ Н. И. 2123.
Барсуковъ А. 645, 2642.
Барымовъ А. 646.
Ба—скій Г. 2124, 2125.
Б. В. 4684.
Береза Н. 248, 249, 250, 251.
Беренштамъ В. Л. 1948, 3021, 3156, 3112.
Беркутъ. 3348.
Берхинъ Іона. 252.
Бершадскій С. А. 648.
Б. И. 649.
Билыкъ И. 1951.
Б ій Д. 2893.
Б. К. 3264.
Б. Л. 3998.
Б—мъ В. 1602.
Б. Н. 57, 1949, 2126.
Бны—нъ 62.
Божеряновъ И. Н. 2646, 2647, 3462, 3265.
Болсуновскій К. 1601.
Боржковскій Вал. 1603, 2127, 2128, 2129.
Борзаковскій П. 253, 652, 3023, 3024.
Борисовъ В. В. 653.
Борковскій І. 4687.
Боровиковскій Ив. 2649.
Боронковскій В. 64.
Бо—скій Н. 63.
Боцяновскій Вл. 655. 1899.
Браиловскій С. 1441, 2130.
Бранденбургъ Н. 2651.
Б—скій И. Ф. 2131.
Будянська Ольга 1442.
Булаковъ Д. 256.
Булашевъ Г. 2652.
Булгаковъ Д. 3 501.
Бурачковъ Пл. 2132.
Бучневичъ В. Е. 6, 257, 663, 664, 1900, 1901.
Быковъ Н. 4688.
Быстровъ Б. 2133.
Бѣдковъ В. 2897, 2898.
Бѣлецкій-Носенко А. 65.
Бѣлинскій С. 4689.
Бѣловольскій 3025.
Бѣлогрицъ—Котляревскій Л. 2653.
Бѣлозерскій Н. 1953.
Бѣляшевскій Н. 7, 67, 68, 69. 70, 71. 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 254. 255, 656, 657, 658, 659, 1954, 2135, 2136, 3267, 3366, 3561, 3663, 4326. 4690, 4691.
Бѣньковскій И. 85. 660, 661, 662, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145. 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156. 2157, 2158, 2159, 4692.
Б. Я. 3555, 3556, 3573, 3648, 4079, 4440.

В.

В. 3865, 4325, 4466, 4609.
В. А. 258, 665, 666, 667, 2160, 2658, 2659, 3113, 3190, 3219, 3364, 3374, 3375, 3417, 3431, 3432, 3458, 3486, 3502, 3587, 3609, 3612, 3688,

3711, 3785, 3794, 3796, 3823, 3827, 3828, 3829, 3833, 3891, 3924, 3930, 4065, 4093, 4194, 4217, 4242, 4371, 4393, 4510, 4581, 4583, 4584, 4613 4669, 4694.

Василенко В. 259, 668, 669, 670, 671, 1607, 2164, 2165, 2166, 2167, 4084, 4091, 4125, 4620, 4695, 4696 4697, 4698, 4699.

Василенко Н. 672, 673, 1757, 1902, 4444.

Василенко 3114.

Васильевъ М. Н. 10, 260, 1956, 1957, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 4700.

Васильевъ Н. 1958.

Ваченко-Лисонецкій К. 1444.

Вашкевичъ Г. 1608, 1609, 2660, 3026.

В. Е. 3218, 3977.

В—Б. **М.** 674.

В. **Г.** 261, 675, 1604, 1758, 1959, 2656, 2661, 2662, 2899, 3173, 3195, 3503, 3854, 4017, 4450, 4511, 4540, 4591, 4599, 4661, 4701,

В. **Д.** 262, 676 677, 678, 679, 680, 681, 1759, 1961, 2183, 3398, 3402, 3433, 3434, 3473, 3557, 3608, 3621, 3622, 3636, 3650, 3680, 3695, 3702, 3704, 3719, 3724, 3726, 3767, 3768, 3769, 3770, 3771, 3772, 3773, 3774, 3775, 3803, 3872, 3878, 3886, 3897, 3907, 3933, 3966, 3983, 3984, 3985, 3994, 4130, 4133, 4234, 4245, 4250, 4272, 4273, 4295, 4310, 4351, 4352, 4353, 4391, 4420, 4429, 4454, 4471, 4526, 4533, 4535, 4546, 4655, 4657, 4662, 4663, 4671, 4672, 4702,

Велецкій К. К. 4703:

Венгржековскій С. 682, 683, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181.

Верещинскій Іосифъ 684.

Веселовскій Алексѣй 3027.

В. **И.** 2664, 3356, 3640, 4056, 4237, 4292, 3392.

Винниченко В. 1445, 1446, 1447 1448, 1449, 1450,

Вишенскій І. 1611, 1612.

Вишневскій Д. 263, 264, 265, 266, 686, 687, 4706.

Вишневскій К. 267.

В—ій Д. К. 88, 268.

Віченко Е. 3371, 3638.

В. К. 2185, 2186, 2657, 3864, 4023, 4068, 4439.

В. **К.** В. 4004.

В—**ко Н.** 688.

Владимирскій—Будановъ **М. Ф.** 689, 690, 2187.

В. М. 691, 2188, 2189, 3409, 3591, 3592, 3929.

В. Н. 8, 692, 1443, 1605, 1606, 1963, 1964, 1965, 2190, 2665, 2900, 2901, 2902, 3227, 3538, 3618, 4070, 4274.

В. **О.** 3890.

В—**о** 3548.

Волковъ Ѳ. 89, 90.

Волкъ—Карачевскій 3028.

Волынецъ 694, 695.

Вориковъ 2666.

Ворониκъ 2903.

Востоковъ А. 270, 271, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 2667, 4715.

В. П. 86, 272, 2191, 3382, 4225, 4550, 4563, 4614.

Врачъ 3730, 4633.

В. С. 273, 4077,

Вс. С. 2192.

В. **Ц.** 4249

В— цкій Н. 706,

В—ый Н. 2193.
В. Ю. 3147.
В. Я. 87, 707, 708, 1617, 3707, 3708, 3735, 3736, 3789, 3800, 3958, 4021, 4022, 4025, 4034, 4036, 4085, 4137, 4141, 4144, 4222, 4315, 4385, 4396, 4476, 4489, 4587, 4638, 4642, 4643, 4717.
V. 274, 2654, 2655, 3519, 3617, 4013, 4467, 4693.
W. 4066, 4437.

Г.

Г. 91, 92, 2194, 3099, 3161, 3269, 3525, 3600, 4064, 4181, 4248, 4498, 4718, 4719,
Гавриловъ 1760.
Гавриловъ М. 94, 3876.
Гавришъ В. 709, 1904.
Галаганъ Гр. **П.** 1761, 2904, 3115 3116.
Галанта И. В. 710, 2195.
Галонтъ Л. В. 275.
Г. А. М. 2196.
Гатцукъ А. 4721.
Г. Б. 276, 1619, 2669.
Г. В. 12, 711, 712, 713, 714, 1763, 2670, 4722, 4723.
Г—го В. 3892.
Г. З. 3352, 3624, 3716.
Геевскій С. Л. 2671.
Геринъ Н. И. 1968.
Гехтеръ М. 4496.
Гильченко Василій 2198.
Г. К. 278.
Г—ко В. 717, 1764, 1969, 1970, 2199, 2200, 3117, 3737, 3921, 4199, 4313, 4368, 4589, 4619.
Гл. 4018.
Глаголь 1765, 1766, 3903.
Гл. Л. 279, 718.
Голицынъ Н. С. 280.
Голомбіевскій А. 2911.
Голомбіовскій А. 281, 282.
Голубевъ С. 284, 285, 286, 722, 4182.
Г—овъ М. 2201.
Голубовскій П. 723, 724, 725, 726, 1768, 2202, 3384, 3394, 3416, 3457, 3495, 3512, 3551, 3596, 3675, 3676, 3692, 3741, 3742, 3812, 3820, 3888, 3970, 3980. 3024, 4014, 4015, 4019, 4045, 4053, 4054, 4176, 4218, 4236, 4247, 4252, 4259, 4268, 4276, 4296, 4335, 4343, 4355, 4464, 4477, 4503.
Гордієвскій І. 2675.
Горленко В. 727. 1905, 1971, 2203, 2204, 2205, 2676, 2677, 2912, 3030, 3271, 3272, 3559, 4075, 4469, 4501, 4728.
Горновскій І. 728.
Гор—скій Н. 4428.
Г. П. 287.
Грабина А. 2206, 2207.
Грепачевскій А. 2208, 2209.
Григоренко Грыцько 1452, 1453.
Гринченко Б. 1454, 1455, 1456, 1457, 1458, 1624, 1625, 1769, 1770, 1906, 3514, 3515, 3895.
Гр. Моз. 289.
Гродецкій Д. 2678.
Г—скій А. 290, 734.
Грушевскій М. 731, 732, 733.
Гулакъ-Артемовскій 2679.
Гулакъ-Артемовскій П. П. 1459, 1460, 1461.
Г. Я. 1771.
Г. Ѳ. 93.

Д.

Д. А. 1772.
Дабижа А. В. 291, 2682, 2683, 2684, 3275, 3276.
Данилевичъ В. Е. 97, 4491.
Даниловъ Влад. 1773, 1774, 1775, 1974, 2210, 2211. 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2685. 3344, 4455, 4473, 4634.
Даценко Е. 1975.

Дашкевичъ Н. 1776, 1907, 3343, 4729.
Д. В. 292.
Дверницкій Е. 98.
Дворжецкій-Богдановичъ П. В. 2688.
Д-въ 4654.
Д. Д. 2689, 3209, 3631, 4214. 4468.
Д. Е. 293.
Демуцькій Н. 3680.
Демченко Ив. 3681.
Десятынъ Г. 2222.
Дешко А. П. 739.
Дикаревъ А. 3685.
Дикаревъ М. А. 1777, 3684, 3686.
Д—кй 3651, 3867, 3874.
Д—ій В. 4731.
Д—й В. 3867, 3874.
Д. К. М. 3032.
Д—ко Д. 3241, 4397, 4474.
Дмитріевъ Н. 1910.
Днипрова Чайка 1463.
Д—нъ Гр. 3451.
Добровольскій А. 1462.
Добротворскій Н. 742, 743, 744, 745, 746, 2223, 3278, 4732.
Довгалевскій М. 1627.
Довнаръ-Запольскій М. 303, 747, 2224, 3687, 4169, 4502.
Д—овъ. В. 3347.
Доманицкій В. 13, 99, 305, 306, 307, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 1464, 1778, 1779, 1911, 1977, 1978, 1979, 1980, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2690, 2917, 3533, 3646, 3647, 3701, 3776, 3779, 3898, 4386, 4472, 4647, 4733, 4734, 4735.
Дорошенко Д. П. 1780, 2691, 3033, 3170, 3705, 4737, 4738, 4739, 4740, 3741.
Дорошенко П. 1628, 2918, 4736.
Драгомановъ М. П. 759, 760, 761, 762.
Дриженко А. 308.
Д—ръ Б. 2692.
Д—ръ Г. 1982.
Д—скій А. 763.
Д—скій В. 764, 765. 4188, 4189.
Дурдуковскій В. 4174, 4175.
Дурново Н. 309.
Д. Ш. 4744.

Е.

Е. 4528.
Е. А. 311, 766, 4748.
Е. Александра 767.
Евлашевскій Ѳ. 3118.
Егоровъ Ив. 103, 313, 314, 1632. 2232.
Егоровъ Н. 315.
Е. Н. 769, 770, 771, 1781, 3908. 3912, 3279, 3942, 4042, 4111, 4195. 4264, 4575.
Е—ко П. 2233, 4751,
Е—мовъ С. 3913, 3919, 4108, 4204, 4398, 4749.
Е. П. 772, 2234, 2235, 2236, 2237, 4603.
Ермиловъ В. 3280.
Е. С. 773, 3389.
Есиповъ Г. В. 774.
Ефименко А. 775, 776, 777, 778, 4750.
Ефименко П. С. 104, 316, 317, 779, 780, 781, 782, 783, 2238, 2239, 2240, 1782, 2693, 2964, 2695, 3211, 4752, 4753, 4754.
Еф. П. 2241, 2242, 4755.
Ефремовъ С. 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1913, 3034, 4756, 4757.
Е. Ш. 1465.

Ж.

Жигмайло Л. 3993, 4500.
Ж. И. 4758.
Житецкій И. 1799, 1800, 4270, 4406, 4623.
Житецкій Ив. 786.
Ж—ій Ир. 4350.
Ж—ій Іосифъ 2245.

Житецкій Ир. 3723.
Житецкій П. И. 1634, 1635, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1796, 1797, 1798, 1799, 1800, 1914, 2243, 2244, 2696.
Журинъ Г. 2246.

З.

З. 106, 3368.
Забила В. 1466.
Забила Я. 1985.
Забѣло Я 3739.
Завитневичъ В. **З.** 107.
Загоровскій А. 2697.
Залѣсскій Ап. 15, 320, 2249, 2250.
Залюбовскій Г. 790, 2698.
Зарѣцкій И. А. 108.
Зарянко Н. 1986.
Затуловскій В. 798, 799.
Затуловскій М. 797.
Здравомысловъ Н. 16.
З. И. 4761.
Зиньновскій Т. 4762.
Зозуля И. 801.
Зуйченко П. И. 1636, 2252.
Z. 787, 788, 3491, 3910, 4197.

И.

И. 3464, 3729, 4196, 4244, 4629.
И. Б. 3059.
И—въ П. 2254.
Ивановъ 2253.
Ивановъ П. 322, 803, 3463.
Иг. Ж. 3846.
И. Ж. 3493, 3500, 3844, 3952, 4179, 4191, 4266, 4538, 4539, 4577, 4624, 4625.
И—й 1988.
И. К. 4228.
Иконниковъ В. **С.** 811, 812, 2699, 2922, 3967.
И. Л. 3750, 3978, 4527.
Илличъ-Свитычъ 813.
Ильяшевичъ В. 2259, 3935.
И. М. 3549, 4565.
И. Н. 815, 1989, 2261, 4190, 4289, 4410, 4610.
И. О. 2262.
Ир. Ж. 2263.
Ирпенскій Г. 1801.
Исаевичъ С. Н. 2264, 2265.
И. С. Н. 4766.

І.

І. Г. 4925, 4926.
Іевлевъ П. 2700
Іоссе Генрихъ 1467.

К.

К. А. 4767.
Каковскій Юр. 2266-
Каллашъ В. 1639, 1802.
Каманинъ И. 17, 325, 326, 327, 328, 329, 820, 821, 822, 823, 824, 2702, 2703, 3036, 3037, 3038, 3154, 3204, 3252, 3357, 3358, 3359, 3360 3362, 3378, 3381, 3393, 3399, 3405, 3406, 3415, 3418, 3419, 3422, 3426, 3439, 3440, 3447, 3454, 3459, 3460, 3483, 3482, 3484, 3485, 3490, 3494, 3563, 3594, 3539, 3544, 3604, 3669, 3673, 3751. 3793, 3797, 3805, 3808, 3816, 3824, 3901, 3940, 3954, 3955, 3987, 4000, 4030, 4055, 4071, 4101, 4113, 4120, 4121, 4142, 4240, 4241, 4293, 4297, 4298, 4311, 4316, 4317, 4318, 4319, 4320, 4322, 4328, 4345, 4346, 4347, 4356, 4369, 4395, 4404, 4405, 4408, 4414, 4415, 4416, 4417, 4448, 4449, 4465, 4475, 4515, 4520, 4521, 4522, 4530, 4531, 4569, 4570, 4571, 4572, 4622, 4665, 4670.
Каминскій. В. 2267, 2268, 2269.
Каминскій Ѳ. 1990, 2270.
Каргопольцевъ И. 2706.
Каро Я. 1470.
Карпенко—Карый И. 1471, 1472, 1473.
Карпинскій И. 825.
Карташевскій В. **Я.** 1991.

Катрухинъ А. 826, 2273, 2274.
Качановскій 4164.
Кашировскій Е. 3580.
К. В. 2275.
Квитка Г, Ѳ. 1474, 1475, 3853, 3854.
Кибальчичъ Н. М. 1993, 1994, 3119.
Кивлицкій. Е. 2707.
Кирицъ Н. 3039.
Кисилевъ Л. 2278.
Кислицкій Е. 827.
Кистяновскій 3040.
Кистяковскій А. Ф. 834. 2279, 2710.
Китицынъ П. 331, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 3719, 2280, 2711.
К—ій П. 3728, 4370.
К—ій Ѳ. 334, 2276, 2277.
Кінинъ 3423.
К—ій О. Р. 2277.
К ко 4770.
К. Л, 3379.
Клебановскій И. 335, 841, 842, 1640, 3041.
К. М.4605, 4606.
К. О. 336, 4769,
Кобилянньска Ольга. 1476, 1477
Ковалевскій Л. 121, 843, 844, 845.
Коваленко Гр. 337, 2712.
Ковалько П. 1805,
Ков –Кол. 2281.
К—ой Е. К. 4180
Колтоновская Е. 1806.
Комарова Г. 1478.
Комаровъ А. 4770.
Комаровъ Г. 4772.
Комаровъ М. 848, 1479, 1480, 1995, 1996, 2713, 2714, 2715, 2716.
Комаровъ Н. 847.
Компанскій М. М. 849.
Кондратовичъ Ѳ, 850.
Кониcскій 3042,
Кононенко М. 3466, 3467.
Конотопецъ 4776.
Константиновичъ М. 122, 3291.
Корниловичъ В. 2287.
Корниловичъ И. 2289.
Корниловичъ М. И. 2288.
Короленко В. 340, 851.
Короленко П. 852.
Корсунъ Г. 123.
Косаревъ Е. 1988.
Костомарова А. 2718.
Костомаровъ Н. 853, 854, 855, 856, 1484, 1807, 1808, 3043, 4375.
Котляревскій И. П. 1915, 1916.
Коцюбинскій М. 1481, 1482, 1483.
Кочергинъ В. А. 857.
Кошовикъ К. 2290, 2723.
К. П. 2291.
Кравченко К. 341, 2292.
Красновъ В. 3044.
Краузгару А. 859,
Крашановскій М. 2293.
Креминскій А. 1485.
Кропивницкій М. 1486, 1487.
Кр. Сор. 858.
Кр—ськiй М. 1999, 4557.
Крыжановскій Е. 342, 860.
Крымскій А. 1642, 1809, 1810, 1811, 2000, 3697, 4005.
Ксендзенко Алексан. 861.
К—скій А. 2294.
К—тъ В. 346.
Кудлаевичъ П, 124.
Кудринскій Ѳ. А. 343, 344, 345, 862, 863, 864, 865, 1488, 1489, 1490, 1491, 1492, 1493, 1494, 1495, 1496, 1644, 1812, 1813, 2295, 2296, 2297, 2725, 2726.
Кузьминъ Е. 4779.
Кузьмичевскій П. 1814, 2298, 2299, 2300.
Кулишъ А. 2727.
Кулишъ П. А. 1643.
Кулюмбашъ И. 866.
Куриловъ Ив. 868,
К. Х. 3186.
К. Ц. 4362.
К—цъ 3441, 3553.
К—чъ Влад. 1468.

К—чъ **Е.** 3120.
К—шъ **В.** 2301, 2945, 4593, 4780.
К—шъ Г. 3788.
К—ъ И. 1638.
К—ъ К. 840.
К. Я. 3906.

Л.

Л. 883, 3047, 4625, 4582, 4788,
L. 126, 127, 352, 353, 2333, 2729, 3766, 4551.
Л. А. 354, 355, 356, 884, 885, 886, 887, 888, 1645, 2730, 2731, 4789, 4790, 4791, 4792, 4793, 4794.
Лавровскій Л. Я. 1649.
Лазаревскій А. 129, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 1816, 1817, 1650, 2004, 2304, 2305, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2946, 3049, 3050, 3205, 3295, 4051, 4331,
Лазаревскій Б. 1497.
Лазаревскій Ѳ. М. 2004.
Лапинъ В. 905,
Лашкаревъ П. 25.
Лашкевичъ А. **С.** 357, 906, 2739 2740.
Лашковъ Ѳ. 1741.
Л. Б. 3048.
Л—вой П. 907.
Л—въ П. 21, 22, 23, 358, 359, 360, 361, 908, 909, 910, 2306.
Л—въ Ѳ. 2742.
Лебедевъ Амф. 362.
Лебединецъ П. С. 2307.
Лебединцевъ Ѳ. 2006.
Лебединцевъ Г. 130, 430.
Лебединцевъ П. Г. 911.
Левандовскій І. 2951, 2952.
Левенко В. 1498.
Левицкій Н. В. 2308.
Левицкій О. 2744.
Левицкая—Пащенко Юлія 1502.
Левицкій И. 1499, 2309,
Левицкій М. 1500, 1501,
Левицкій Ор. И. 26, 131, 363, 364, 365, 366, 367, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 1651, 1652' 1819, 2007' 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2745, 2953, 3297, 3560, 4796, 4797, 4798, 4799.
Левицкій Пам. 368.
Левченко М. 922, 923, 924, 4800.
Л. Ж. 4795.
Лелетъ В. 925.
Ленчевскій Л. 2317.
Леонидъ арх. 369, 926, 927.
Леонтовичъ В. 1820.
Леся и Галя 3051.
Л. И. 4803.
Лилеевъ М. 370.
Л—ило А. 3748.
Линденбергъ Е. 2318.
Линниченко И. А. 2318, 2120,
Линниченко И. Л. 132, 133, 928, 929.
Липковскій В. 371.
Лисакъ—Таморенко 1503.
Листорскій И. 930.
Литвинова П. 2321, 2321, 2323, 2324, 4804, 4805.
Личковъ Л. 372, 373, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 2326, 2327, 2747.
Л—ій О. 374, 938, 4802.
Л—й О. 1646.
Л. К. 2328.
Л—ко А. 4168.
Л—ко **И.** 939, 4209.
Л—кій А. 4659.
Л. М. 375, 940, 1647, 1648. 1821, 2329, 2330, 2331, 2332, 2748, 2749, 2750, 2751.
Л—**ико** Арк. 941, 3478, 3524, 3562, 3804, 3981, 4058, 4167, 4372, 4626.
Л. **О.** 376, 377, 942, 943, 944, 945, 1822, 4807, 4808.
Лобачевскій В. 946.
Лобко А. 947,
Лобода Ѳ. 134, 1654, 2008, 3052, 3178, 3449.
Лободовскій М. 3053.

Лоначескій А. 135.
Лонгиновъ 1823.
Лопулеску 948.
Лотоцкій А. 949, 1505, 1655, 3054.
Л. П, 19, 20, 128. 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 1918.
Л. С. 950, 4061.
Л. **С. Л**. 3470, 3516, 3664, 3672, 3801, 3802, 3857, 3858, 3926, 3959, 3969, 3972, 4102, 4107, 4126, 4127, 4231, 4330, 4377, 4378, 4588, 4809,
Л—**скій** А. 599, 951.
Л. Т. 3575.
Л—**тъ**. 3497.
Луговой А. 2752.
Луговой И. 952.
Лукашевичъ П. 2955.
Лучицкій И. 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 2753, 3187, 3527.
Л. **Ш** 3649.
Л—**ъ** П. 2005.
Л—**ье Ольга** 2335.
Лысенко Н. В. 2234.
Лѣсковъ Н. 1505.
Любичъ А, 4811.
Любовичъ Н. 963, 4083, 4288.
Любовъ Ив. 2009.
Ляскоронскій В, 137, 138, 139, 2754.
Ляшенко А. 964.
Лященко А. 4166, 4334.

M.

М. 140, 4010, 4291, 4016.
М. А. 2336.
Майорскій П. 1508, 1509, 1510.
Макаренко Н. 110.
Маковскій Е. 2337, 2338.
Максимовичъ М. А. 1759, 1760, 1824, 2759, 2760,
Максимовъ Е. 386, 966.
Малинка А. 143, 1919, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 4041, 4044.
Малышевскій И. 968, 3540, 3541, 4566.
Манжура И. 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359.
Маркевичъ А. 387, 970, 971, 972, 1664, 1665, 2010, 2360, 2361, 2362, 2762, 2763, 3510, 4132, 4607, 4814.
Маркевичъ В. 2363.
Маркевичъ Д. 1512, 1513.
Маркевичъ 3056.
Марковичъ А. **М**. 1511.
Марковичъ Дм. 3055.
Марковичъ Я. 3122,
Марко-Вовчекъ 1514.
Марковъ Н. 1826.
Марновскій М. 1661, 2364,
Мартыновичъ Порфирій 2365, 2366.
Матушевскій Ф. 1827, 2011, 2367, 4494.
Матушевскій-Ефремовъ 3189.
Матченко И. 388, 3504.
Маціевичъ Левъ 976, 977, 978.
Мацѣевичъ 2967.
Мацѣевичъ А. 390.
Мацѣевичъ Л. 389, 2012, 2013, 2368, 2764.
Мачтетъ Г. Л. 1515.
М. В. 2369, 4594.
М. Г. 2370, 3830, 4495,
Мельникъ К. 979, 980,
Мордоръ А.27, 144, 145, 146, 147, 391, 392, 393, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1003, 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009, 1010, 1011, 1012, 1013, 1014, 1015, 1016, 2015, 2371, 2372, 2373, 2765, 4815, 4816, 4817, 4818, 4819, 4820, 4821, 4822, 4823, 4824, 4825, 4826, 4827, 4828, 4829, 4830, 4831, 4832, 4833, 4834, 4835, 4836, 4837, 4838, 4839, 4840, 4841, 4842, 4843, 4844, 4845, 4846, 4847, 4848, 4849, 4850, 4851, 4852,

4853, 4854, 4855, 4856, 4857, 4858, 4859, 4860, 4861, 4862, 4863, 4864, 4865, 4866, 4867, 4868.

Мерцъ С. 1516.

М. Ж. 4156, 3654, 3725.

Миллеръ Д. 1017, 1018, 1019.

Миллеръ Ор. 394, 4869.

Милорадовичъ 1020, 2385, 2767, 4870.

Милорадовичъ В. 1022, 1023, 1663, 1828, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389.

Милорадовичъ Г. А. 1021, 2768.

Мировець В. 1829, 3163, 3238, 3373, 3430, 3632, 3714, 3722, 3743, 4089, 4155.

Миронъ 395, 1024, 1517, 1518, 1519, 1520, 1667, 1668, 1669, 1670, 1671, 1830, 1831, 1832, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2769, 3944.

Михайлогорскій 1833.

Михалевичъ В. 2390.

Михаленко Юрковскій 3868.

Михальчукъ К. 1834, 1835, 3685, 4358, 3480.

Мищенко Ѳ. 148, 1025, 3165, 3934, 3935, 4433, 4434.

М. **К** 141, 1026, 4871, 3481.

М. **Л.** 1507.

М. М. 3427.

М. **Н.** 1027, 1028, 3124.

Модзалевскій В. 316, 317, 396, 397, 398, 1029, 1030, 1031, 1032, 1033, 1034, 2770, 2771, 4872, 4873, 4874.

Молчаловскій Н. 151, 1035, 1036, 1037, 1038, 1039, 2772, 3658, 3660.

Моравскій С. 1040.

Морозъ Д. 2397, 3058.

М. **П.** 4499.

М. **Р.** 4616.

М—**ра И.** 2398, 2399, 2400, 2401.

М. С. 2402.

М—**скій Ф.** 3620, 4877.

М—**чъ** А. 4031, 4112.

М—**чъ В. Т.** 142, 399, 1041.

М. **Щ.** 2403.

Мырный П. та Билыкъ И. 1522.

Мырный П. 1521.

Мякотинъ В. Л. 152, 1044, 2404.

Н.

№. 1045, 1046, 2405, 2406, 2407, 2408, 2773, 4878.

Н. 3535.

Н. А. 3964, 4038, 3961.

Науменко В. П. 158, 400, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1054, 1055, 1056, 1523, 1675, 1676, 1677, 1678, 1679, 1680, 1681, 1682, 1683, 1684, 1685, 1686, 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1921, 2019, 2020, 2021, 2413, 2780, 2970, 3059, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 3060, 3092, 3192, 3203, 3437, 3875, 3917, 3167, 4145, 4146, 4147, 4148, 4881, 4882, 4883, 4884.

Н. Б. 153, 154, 155, 156, 1057, 1058, 1059, 1060, 2414, 2781, 3232, 3390, 3477, 3585, 3619, 3628, 3791, 3799, 3869, 3960, 3962, 4043, 4094, 4201, 4220, 4263, 4523, 4548, 4664.

Н. В. 157, 1061, 1674, 2415, 2782, 3225, 3369, 3428, 3453, 3518, 3531, 3566, 3571, 3744, 3815, 3939, 3957, 3997, 4095, 4119, 4157, 4172, 4229, 4271, 4336, 4340, 4363, 4364, 4382, 4409, 4460, 4517, 4519, 4573, 4576, 4578, 4586, 4618.

Н. Г. 3125, 3391.

Н. Д. 3678, 4232,

Недоборскій З. 3061, 3062.

Нейманъ Ц. Г. 162, 1062, 1063, 1525, 2416, 2417, 2418, 2419, 3383, 3661, 3870, 3885, 4001, 4224, 4436, 4564, 4637.

Некрасова Е. 2783.

Нелиповичъ Н. 4886.

Непыйвода М. 1526, 1527, 1528, 1673, 3308.

Несвицкій А. А. 2420.

Нестеровскій А. 3904.
Несторовскій Петръ 2421.
Нечуй-Левицкій І. 1846.
Н. И. 1091.
Н. Ив. 1065, 3365, 4129, 4239.
Н—й С. 1073.
Никифоровъ В. 1070.
Николайчикъ Ѳ. 1066, 1067, 1068, 1069, 2422, 2423, 2784, 2785, 3505, 3923.
Ни--къ Ѳ. 1071, 1072, 4888, 3602.
Н—ко В. 1687, 2027, 2028, 2153, 3166, 3217, 3686, 3845, 3861, 4215.
Н. Л. 1074.
Н. М. Ш. 3578.
Н. М. 1075, 1076, 1077, 1078, 1079, 1080, 1081, 1082, 1083, 1084. 2029, 2424, 2971, 2972, 2973, 3067, 3683, 3713, 3717, 3752, 3753, 3754, 3755, 3756, 3758, 3759, 3760, 3762, 3764, 3781, 3782, 3810, 3821, 3822, 3839, 3843, 3842, 3862, 3881, 3882, 3900, 3965, 3976, 4003, 4050, 4105, 4160, 4170, 4198, 4203, 4207, 4255, 4401, 4402, 4438, 4447, 4451, 4458, 4487.
4492, 4493, 4497, 4537, 4547, 4567, 4585, 4621, 4649, 3521, 3537, 3453, 3436, 3472, 3488, 3370, 3395, 3410, 3425, 3589, 3581, 3611, 3615, 3616, 3644, 3645, 3657, 4063, 4261, 4282, 4341, 4376, 4380, 4381.
Н. Н. Д. 2022, 2023.
Н. О. 2786.
Новицкій Ив. 163, 1085, 2425, 2426, 2427, 2429, 2787, 3342, 3407, 3408, 3446, 3595, 3992, 4277, 4283, 4059, 4069, 4305, 4387, 4889.
Новицкій Я. П. 402, 403, 2428.
Номисъ М. 2431, 3061, 3196.
Носъ-фонъ С. Д. 1086, 1087. 1088, 1089, 2432, 2789, 3065, 3066, 4891, 4892.
Notus 2433, 2434, 4893.
Н. П. 405, 406, 1090, 1689, 3461, 3554, 3696, 3819, 3914, 3986 4048, 4098, 4354, 4390, 4432, 4541.
Н-п-в-да М. 1673.
Н. Р. Л. 2435.
Н. С. 1092, 1093, 1094, 1095, 1096, 1097, 1098, 2790, 3068, 3411, 3412, 3413, 3564, 3792, 3866, 3941, 3963, 3694, 4114, 4151, 4219, 4257, 4314, 4373, 4608, 4615, 4894, 4895, 4896,
N. S. 4060.
Н. Т. 3778, 4281, 4321, 4338, 4342, 4348, 3542.
Н. Ч. 28, 3307,
Н. Ш. 1848, 2032, 2033, 2034, 2436, 3069, 3233, 3718, 3720, 3860, 4100, 4286, 4287, 4332, 4554, 4597. 3308, 3528, 3469, 3372, 3582, 3583.
Н. Ш.—въ 4202, 4285.
Н. Ѳ. 1100, 1847.

О.

О. 2438, 4227, 4235
Оберучевъ Н. 2036, 2791.
О. В. 2440, 4902.
О—въ Н. 4903.
Овсянико-Куликовскій 1849.
Оглоблинъ Н. 407, 408, 409, 1105. 1106, 1107, 1108, 1109.
Одинецъ 1110.
О. Н. 4906.
О. Л. 164, 165, 411, 412, 413, 414, 415. 416, 417, 418, 419, 1111, 1112, 1113, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118. 1119, 1120, 1121, 1122, 1123, 1124, 1125, 1126, 1529. 1692, 1693, 1694, 1695, 1696, 1697, 1698, 2442, 2443, 2444, 2445, 2793, 2975, 2994, 3070. 410, 2974, 3222, 3361, 3487, 3506, 3630, 3606, 3607, 3818, 3850, 4097, 4256, 4258. 4275, 4419, 4446, 4536, 4907, 4908, 4909, 4910, 4911.
Олениkъ С. 420.
Олтаржевскій Ю. 2446, 2447.
О. М. 4173.

Ом скій Ал. 2449, 2450.
О. К. 1127.
Онацкий Д. 166, 2795.
О. П. 4912.
Орельскій А. 422.
Оржешко Элиза 1531.
Орловъ И. 2451.
Орловскій П. 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 1131, 2796, 2797, 2976.
О. С. 2452.
Освѣцимъ Ст. 3126.
О скій І. 4917.
Остоя 1532.
Острожскій-Лохвицкій 3127.

П.

П. 442, 8911, 4412.
П. А. 4251, 4421.
Павловскій И. Ф. 444, 445, 446, 447, 1139, 1140, 1141, 1142, 1143, 1144, 1145, 1146, 1147, 1148, 1149, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1155, 1156, 1157, 1158, 1159, 1160, 1161, 1162, 1163, 1164, 1165, 1166, 1167, 1168, 1169, 1170, 1171, 1172, 1173, 1174, 1175, 1176, 1177, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 2799, 2800, 2801, 4921, 4922, 4923, 4924, 4925, 4926, 4927, 4928, 4929, 4930, 4931, 4932, 4933.
Павловскій М. 3633, 3949 3953, 4078.
Павловъ Юр. 3071.
П. А. І. 1533.
Падалка Л. 167, 168, 169, 170, 1178, 1179, 1180, 1181.
Пахаревскый Л. 1535, 1536.
Пачовській М. 1851.
П. Б. 4935.
П. В. 1702.
П. Вл. 1182, 2803.
П- въ Н. 3396.
П. Г. 3313, 3641, 3642, 3721, 4131, 4205, 4206, 4211, 4254, 4357, 4427, 4463, 4516, 4652 4660.
П. Е. 1183, 1703, 2455, 3468.
Перекидько П. 1438.
Перетцъ В. 448, 1186, 1706, 1707, 1708, 1927, 2977, 2978, 3479, 3598, 3748, 4943, 4942,
Петкевичъ З. А. 1537.
Петлюра С. 1187, 1709, 2806, 2979, 3236, 3639, 3840, 3902, 4392, 4488, 4936, 4937, 4938, 4939, 4940.
Петровскій Д. 2456.
Петровъ Н. 29, 174, 175, 449, 450, 451, 1188, 1189, 1190, 1191, 1710, 1852, 2804, 2805, 2980, 2981, 4941, 4294.
Пильченко 1539.
Пирожковъ Н. 3072.
Писаревъ С. 3129.
Пискорскій В. 1194.
Пишчевичъ А. С. 1197, 1198, 1199.
П. І. Г. 3634.
Піуновъ С. Б. 2041.
П—ко Вл. 171, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 1200, 1201, 1202, 1203, 1204, 1205, 1928, 4944, 4945, 4946, 3590, 3790.
П. Л. 443, 1206, 1207, 1208, 1209, 2457, 2458, 2807, 3603, 3678, 4062.
Плотниковъ И. 1210.
П. М. 462, 2808, 4011.
П. Н. 2211.
П—нъ Ф. 3073.
П. О. 2460.
Подвысоцкій Н. 1213.
Подолянинъ 2809.
Подорожный Н. 3074.
Познанскій Бор. 1214, 1215, 1216, 1540, 1541, 1542, 1543, 1544, 2464, 2465, 3075, 3076, 3077, 4076, 4104, 4948.
Полетика В. 4950.
Полницкій А. 465, 466, 1218, 1219, 1220, 1545, 1546, 2810.
Пономаревъ Ив. 2466, 2467.

Пономаревъ Е. И. 1713, 1714, 2046, 2047, 2814, 2986, 2987, 3078, 4953.
П. П. 2471, 2472.
Попруженно Е. 1222.
Попруженко м. Г. 3813,
Посторонній 4136.
Потебня А. 2469, 4956.
Поточный В. 3896, 4109, 4134.
Порш. М. 1223, 1224, 3522, 4103.
П. Р. 3643.
П—**ра** С. 3677, 4238.
Прибыльскій 2473.
Прилучанинъ 177.
Прокоповичъ Ѳ. 1716.
Просвітянинъ 4961.
П. С. 1534, 1853, 1854,
П—**скій Борисъ** 472. 2475, 3079.
П—**скій М.** 2597, 4284, 4617.
П—**скій** П. 473.
П—**скый Л.** 1855, 4118, 4549.
П. Т. 2476,
Пузыревскій А. 1236.
Пулевичъ Н. А· 3080.
Пч. О. 2477,
Пчилка О. 1856, 1857, 3230, 3231, 3317.
Пѣтуховъ Е. 2815, 3601, 4600, 4601, 4602.

Р.

Р. 1930, 3739, 3809, 3837, 4312.
Равита Ф. 1858.
Раданова Е. 1237.
Радецкій В. 3081.
Радловъ В. В. 2484.
Ракитинъ Н. 1547.
Р—въ А. 31, 2485.
Рева И. 1239.
Репьяхъ Омелько 1548.
Рилицкій С. 32, 475, 476 477, 478, 1241, 2052, 2486.
Р. Л. Н. 2487.
Рогова О. 1549.
Романовичъ-Славатинскій **А.** 199.
Ростовецкій В. 1721,
Ротарь Ив. 1859,
Ротарь П. 1550.
Рощаховскій К. А. 3130.
Р. С· 2490.
Рудановскій Л. 1243.
Руданскій С. 1551, 1552.
Рудковскій А. 1244, 4967.
Рудневъ А. 1720.
Русовъ А. А. 1245, 1246, 1931, 2055, 2492, 2498, 4035, 4223, 4968, 4969, 4970, 4971.
Русовъ О. 2056, 2494.
Руссетъ Елиз. 1247.
Рыжковъ Н. 1248.
Рыльскій Ѳ. 2495.
Рѣгоръ Фр. 3131, 3132.

С.

С. 3817, 3853, 4972.
С. А. 201.
Саббатовскій П. 480.
Савва 4153.
Савченко Ив. 1553, 3133, 4973.
Савичъ А. 2496, 2819.
Садовскій 1251, 3346, 3738, 4323.
Самитный Гр. 4974.
Самчевскій Іос. 3082.
Сапожниновъ 202, 3319.
Сарнецкій. 1554.
Сахонова А. 2497.
Сбитневъ И. М. 3134.
Свириденко С. 2821.
Святославскій И. Я. 203.
С. Е. 1253, 2058, 3471, 3570, 3584, 3588, 4074, 4948.
Сели ановъ А. 1725.
Селецкій П. **Д.** 3135.
Семенцовъ Р. 3084.
Сердюковъ И. И. 2823.
С. И. 3568.
Сикорскій В. 3085.
Симоновъ М. 3085, 4977, 4978.
Синицкій Д. А. 204, 2500.
Синицкій К. 484.
Синицкій Л. 1257, 1258.

Скальковскій А. 1259, 1260, 1261, 1262, 1263, 1264, 1265, 1266, 1267, 1268, 1269, 1270, 1271, 2824

С ній В. 2995.

С—ко 1272, 1860, 2059, 2828, 2997, 3087.

С—ко А. А. 4092, 2826, 3321, 4534.

С—ко А. П 1861.

С ко Н. В. 483, 2827, 2828, 2996.

Скольскій Н. П. 1555.

Скрипенко А. 1273.

Сластіоновъ А. Г. 485, 1932, 2502, 4029.

Сластіонъ О. 1727, 2060, 4177.

Сл. Ук. 4979.

С. М. 4361.

Смонтій А. 1275, 1556, 2061, 2062, 2503, 2504.

С. **Н.** 486, 487, 2505, 2506, 2507, 2829, 4028, 4384.

С. Н. **И.** 1276, 1729, 1730.

С—о А. 4630.

С овъ Н. Ѳ. 1277.

Сокальскій Л. 1278.

Сокальскій Н. П. 3089.

Сокольскій П. 3090.

Соколовъ В. 208.

Соколовъ Н. **И.** 3091.

Солтановскій А. А. 3136.

Сорокинъ Г. 2508, 3092.

Сосновскій Мих. 1557.

Сотниченко 4457.

С. П. 488, 1279, 2831, 2832.

Спицынъ А. 3325.

С. **Р.** 1862, 3421, 4080.

Срезневскій Вс. 1863, 1934, 1935.

С-р-ъ И. 1280.

Станиславскій А. Г. 1558.

Ставровскій Н. А. 1736.

Стасюкъ 4057.

Старицкая Л. 1559.

Старицкая-Черняховская Л. 1864, 1865, 3635.

Старицкій М. П. 1560, 1561, 1562, 1563, 1564, 1565, 3093.

Старый Прилучанинъ. 1281.

Стебницький П. 4984.

Степанецъ Богданъ. 1566.

Степовичъ А. 209, 1282, 1567, 1866, 2509, 2833, 2999, 3000, 3354, 3532, 3547, 3565, 3684, 3734, 3832, 3873, 3877, 3894, 3915, 3925, 3973, 3982, 4087, 4178, 4210, 4290, 4307, 4308, 4309, 4339, 4360, 4453 4481, 4543, 4561, 4580.

Степовый В. 4559.

Степовый Н. 2510, 2511.

Стешенко. 4008.

Стешенко И. 2834, 3905, 3874, 4422, 4558.

Стешенко Г. 1867, 1936, 1937, 1938.

Сторожевъ В. Н. 1283, 1284, 1285, 1286, 1287, 1288, 3001, 4985, 4986.

Стороженко. 3094.

Стороженко А. 1290, 1291, 1292, 1293, 1294, 1295, 1737, 2064, 2836, 2837, 2838, 3205, 3327, 3534, 3943.

Стороженко А. Я. 3137.

Стороженко Н. 1296, 1297, 1298, 1299, 1724, 2066, 2067, 2839, 2840, 2843, 2844, 3004, 3328.

Стороженко Н. В. 1289, 1300, 1301, 1302, 1303, 1304, 1305, 1306, 2512, 2841, 2842, 493, 494, 495, 3003.

Стороженко Н. И 1307, 2065.

Сторожевскій Н. 2835.

Стояновъ А. 2513.

Страшкевичъ В. 496, 497, 498, 3006, 4987.

Стрижевскій Г. 2515.

Стрижевскій И. 2514.

Струнина Л. 1309.

Сулима А. С. 3138.

Сулима С. 1311.

Сумцовъ Н. О. 499, 1312, 1313, 1314, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531,

2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 1739, 1740, 1939, 2070, 3682, 3097, 3545, 3656, 4989, 2845, 3206, 3749, 4096, 4518.
Сухановъ-Подколзинъ. 2071.
С—чъ. А. 3700, 4020, 4115, 4165, 4658, 4990.
С—ъ. 1316.
Сѣверянинъ. 1317.
Сѣлецкій Ар. 2547.
Сѣцинскій Е. 1318.
Сьогобочный. 3191, 3989, 4993.
S. 3899.
Sj. 3945.

Т.

Т. 3391, 4388.
Т. А. 500, 1319, 4994.
Талько-Грынцевичъ Ю. Д. 2072.
Танковъ А. А. 212, 501, 1320.
Тарнавскій А. 502.
Тарновскій А. 1742, 2548, 3226.
Тарновскій Ф. А. 2848, 2849.
Твердохлѣбовъ А. 213, 503, 1321, 1322, 1323, 1324, 1881.
Т. Д. 2549.
Теличенко И. В. 1325, 1326, 1327, 1328, 1329, 1330.
Терновскій Ф. 504.
Тиверцевъ. 3139.
Титовъ А. 2853. 2854, 3007.
Титовъ О. 505.
Титовъ. С. Ѳ. 4122.
Титовъ Ѳ. 3420, 3529, 3605, 3613, 073, 4185, 4379.
Тихій Н. 2852.
Тиховскій Ю. 506, 1743, 1882, 1883, 1884, 2550, 2551.
Т-ій Н. Н. 1331, 4012.
Ткаченко Петренко. **Е.** 1885.
Т. Н. 3699.
Т—овъ М. 1744, 2073, 2553.
Т---*Н.* 507, 1332, 1333.
Траховъ Ад. 30.
Труба Ив. 1568,
Трублаевичъ М. 508.
Трутовскій К. А. 2552.
Т--скій М. Т. 2076.
Тумасовъ Н. 1336.
Туренко М. А. 1337.
Турчевичъ 2554.
Турчинскій 1569.
Тутновскій П. 1338.
Т. Ф. 4349.
Тындытниковъ С. 1340.
Тяпинскій В. 1745.
Т—ъ К. И. 509, 1339.

У.

Украинка Леся 1570.
Уманецъ Ѳ. 3098,
У. О. К. Ф. 2557, 4997.
Успенскій Ѳ, **М.** 1350, 1886, 4998.

Ф.

ф. 1352.
Федоровъ Г. 4999.
Федьковичъ Ос. 1571, 1572.
Фисенко А. 1353.
ф. Иванъ 1898. √
Ф. М. 3710.
Фойницкій И. 2855.
Фотинскій О. А. 1354.
фра Моріель 4374,
Франко Иванъ 1573, 1886.
Фратеркулюсъ 4082.

Х.

Х. 215.
Ханенко А. 216.
Ханенко Н. 3140, 3141.
Харламповичъ К. 513. 1355, 1889, 4653, 5000.
Хатемкинъ А. Гр. 217. 1574. 2559. 2560, 2561, 2562, 4668.
Хвойно В. 1356.
Химияковъ В. 1358.
Холмскій Старожилъ 4532,
Храневичъ В. 514, 515, 516, 517.

518, 519, 520, 521, 1361, 2563, 2564, 4418.
Храневичъ К. 522.
Х—чъ Н. 3667.
Х. Я. 2565, 3386, 4667.

Ц.

Целларіусъ Б. 1746.
Ц. К. 1364, 2566.
Ц. Н. 3376.
Ц. С. 523.
Ц. Х. 2568.
Цыбульскій А. 4116.
Цыбульскій Б. 3550.
Цыбульскій Н. 524, 2567, 3377, 3380, 3438, 4047, 4150, 4367, 5003.
Цыбульскій Т. 3450.
Цыссъ А. 1747.

Ч.

Ч. 3099, 3414.
Чалый М. **Н.** 1367, 1368, 1369, 2078, 2079, 2569, 2856, 2857, 3100, 3101.
Чайковскій Мих. 1366, 3142.
Ч. В. 218.
Чеважовскій В. 1370, 2858.
Чепа Адріанъ 1371.
Чеп ый Д. 4514.
Черепнинъ В. 1372, 1890, 3947, 4067.
Чернышевъ Н. 2570, 2571, 3786.
Черняескій М. 1575, 1576, 1577, 1578, 1579, 1580, 1581, 1582.
Черняевъ Н. 5005.
Черняховскій А. 4106, 4333.
Честоховскій Н. Г. 2082.
Читатель 5008.
Ч—ій С. 3849.
Чикаленко Е. 2572.
Ч. Н. 219.
Чигрынецъ В. 1583.

Ш.

Ш. 3889, 4383.
Ш. А. 1375.
Шафарухъ И. А. 2574.
Шафрановъ П. **А.** 1376, 1377, 1378.
Шаховскій А. И. 1379.
Ш—въ Н. 2575, 3102, 4202, 4230, 4285, 4592.
Шеболдаевъ П. 5009.
Шевченко В. Г. 2083.
Шевченко Т. **Г.** 2086, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103.
Шейнъ П. В. 2576.
Шенрокъ В. 1891, 1860, 2860.
Ше—кинъ С. 3155, 3208, 3727.
Шимановъ А. 1380, 1381.
Шиманскій Ц. 2577.
Широганскій В. 5010.
Ш. Л. 3814.
Шляпкинъ И. 222.
Ш. М. 4040.
Шнейдеръ Н. 4193.
Шнейдеръ Т. 4033.
Шрамченко А. 1748.
Шр- -ко А. 526, 1382, 2861.
Ш—ровъ Н. 2862. 4611.
Штепенко В. 1892.
Шугуровъ Н. В. 1383, 1384, 1385, 1749, 1893, 2104, 2863, 2864, 2865, 3103, 3237, 3499, 3629, 4066, 4216, 4544.
Шульгинъ Я. 1386, 1387, 1388.
Ш. Я. 2578.
Ш—ъ Н. 3366.

Щ.

Щепотьевъ Вл. 2579.
Щербина 1389, 3780, 4149, 4260, 4407, 4478, 3489.
Щербина В. 36, 223, 528, 1389, 1390, 1391, 1392, 1393, 1394, 1395, 1396, 1397, 1398, 1399, 1584, 2580, 2867, 2868, 3143, 3144, 3351, 3731, 3732, 3763, 4161, 4163, 4186, 4187, 4200, 4280, 4344, 4435, 5011, 5012, 4505.
Щербина Ф. 1400, 1401, 1402, 2581, 2869.

Щоголевъ 1585.

Э.

Эварницкій Д. 224, 225, 226, 227, 1403, 1404, 1405, 1406, 2870, 2871.
Эйнгорнъ Виталій 529, 1407.
Э—ъ 3928.

Ю.

Ю. Г. 3104.
Юнге Екатер. 3105.
Ю. Т. 1586, 1895.

Я.

Яблоновскій Вл. 2582, 2583, 2584.
Я. В. 1897, 2585.
Яворницкій Д. 1587.
Яворскій Ю. 2586.
Я. Г. 2872, 4648.
Яковлевъ А. 1411, 1412, 1413.
Яновская Л. 1588, 1589, 1590, 1591, 1592, 1593, 1594.
Ян—скій Ив. 531.
Янчукъ Н. 1896, 3188.
Яремичъ Ст. 532, 1414.
Ярославскій В. 3145.
Яроцкій П. 1415.
Яроцкій Я. 228.
Ярошевичъ А. 1416.
Ярцевъ А. 2107.
Ястребовъ В. 1417, 1418, 141 1420, 1421, 2587, 2588, 2589, 259 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 259 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 260 3014, 3251, 3931, 3932, 4037, 412 4138, 4139, 4221, 4301 4442, 444 4524, 5013, 5014, 3456, 3474, 367 4123, 4627, 4644, 4650.
Я—чъ 4560.
Я. Ш. 1422, 3339, 3893, 4304, 457 4639, 4640, 4641.
Ящуржинскій Хр. 1750, 1898, 260 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 260 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 261 2616, 2617, 2618, 4262.
Ящуржинскій Ц. 1423.

Ѳ.

Ѳ. **В.** 1424, 4327, 3424, 3599.
Ѳедотовъ Чеховскій А. А. 142 1426, 1427, 2619.
Ѳ—**лъ Іер.** 3106.
Ѳ. М. 3243, 4040, 4426.
Ѳ. Н. 1428, 1429, 2873, 3831, 388 3922, 4046, 4152, 4394, 4513, 4568.
Ѳ. П. 2620.
Ѳ. Ѳ. 1430, 1431.
Ѵ. 3745, 3975.

Поправка: на стр. 114, № 3010 (письмо сотника Холодовича)— 1889, 5, 46—47.

Українці у приймах в чужій часописі.

(Згадка з минулого).

Це було на початку 1870-х років, коли в київській щоденній пресі самовладно панував відомий Віталій Шульгин з своїм „Кіевляниномъ“ і, як хотів, так і керував громадською думкою, бо не мав собі конкурента на цім полі. Правда, істнувала тоді в Київі ще з 1859 року й друга часопис,—„Кіевскій Телеграфъ“, що виходив тільки двічі на тиждень; але це була така убога газетина, що з її гадками ніхто не рахувався, та й виходила вона якось випадково: часом вийде, а більш спочиває. Коли хто нею й цікавився, то частіш усього з боку її коректурних промахів, бо вони були занадто курйозні. Ходили анекдоти про такі спростування редакції: надруковано—„всѣ кіевляне неисправимые онанисты“, а треба читати—„неисправимые оптимисты“, і т. и. А проте, в ті часи серед київського інтелігентного громадянства були вже чималі гурти, які одверто гидували „Кіевляниномъ“ і охочі були-б боротись в пресі з його лихими впливами, та не було відповідного органу, а закласти новий нічого було тоді й думати, бо за „единовластіе“ Шульгина в київській пресі горою стояв увесь тодішній керуючий Олимп. Більш за все ця монополія допікуляла українцям, бо „Кіявлянинъ“ вів проти них запеклу боротьбу, окидаючи їх, трохи не щоденно, огидними наклепами та брехнею, а вони тільки коли-не-коли могли відповідати йому в столичній пресі, як от в „СПБ. Вѣдомостяхъ“, поки вони були під зарядом Корша, та в „Вѣстн. Европы“; отже почувалась пекуча потреба мати місцевий орган, коли не свій власний, то хоч-би й чужий, але не ворожий, в якому українці могли-б захищати свої інтереси, і який взагалі міг-би стати виразником ідей поступового напрямку і давати опір людожерній пропаганді „Кіевлянина“. А інтелігентних сил за-для праці й керування в такім органі було задосить. Український рух серед місцевої інтелігенції досяг тоді значних розмірів; він уже цілком вийшов по-за межі попередньої конспірації і одверто ступив на шлях утворення сталої національно-політичної партії з грунтовно обробленою програмою бездоганно поступового напрямку. На чолі старого вогнища українства, „Громади“, стояли такі видатні наукові сили, як професори Антонович, Драгоманів, М. Зібер,

Мищенко, Кістяковський, П. Житецький, Русов, Хв. Вовк; в „Громаді“ велись, при участя гуртків молодих співробітників, інтенсивні праці по складанню українського словника, збірці історичних пісень, які й були видані в 1874 р. під редакцією Антоновича й Драгоманова, по складанню популярних книжок для народньої просвіти і т. н. Як раз тоді повернувся до Київа з заслання відомий діяч П. Чубинський, щасливо завершивши свою славнозвістну етнографичну експедицію по цілій Україні, і зараз-же заходився за утворення тут Географичного Товариства, яке в 1873 р. й було утворене і зразу-ж привабило до себе сотні щирих співробітників. В серпні того-ж 1874 року, коли в Київі відбувся вперше Археологичний З'їзд, українці дружно виступили на ньому з цілою низкою поважних наукових докладів про справи українознавства і звернули велику увагу ученого світу.

Може, завдяки таким енергійним заходам, в ті часи українство помітно почало вабити до себе поступових освітних людей і не з українських кругів, які охоче допомагали йому і в Географичному Товаристві, і в инших справах та підприємствах культурно-громадського характеру. Власне за домогою таких дружніх елементів українцям (під фірмою Географ. Т-ва) пощастило блискуче виконати таку складну й велику справу, як одноденний перепис (1874 р.) населення Київа по широкій програмі. До цього ще треба згадати блискучу постанову в оперному театрі першої української опери „Різдвяна Ніч“ М. В. Лисенка, яка власними українськими силами відбулася на початку того-ж 1874 року і наробила великого шуму серед ворогів і прихильників українства. Це все робило чималу рекламу українству і викликало до його велику зацікавленість і співчуття серед місцевого громадянства, не кажучи вже про університетську молодь, серед якої іствувало тоді вже немало гуртків, що працювали над ріжними науковими та просвітними завданнями на користь українській справі.

Того-ж таки року несподівано з'явилась можливість виступити українцям і на публіцистичнім полі. Жінка професора Авд. Ів. Гогоцька придбала власну друкарню і купила ту саму часопис „Кіевск. Телеграфъ“, власник якої не знав, як її позбутись. Це була одна з тодішніх дам-патронес, що піклувалась благодійними завданнями, утворювала школи, приюти і вважалась за особу ліберального напряму. Не знати, якими власне побудженнями керувалась вона, беручись до видання часописи, чи цілком ідейними, чи, може, переважно меркантильними, а тільки до участи в редакції вона запросила й українців обіч з деякими росіянами, як от проф. Ол. Класовський, К. Овсяний, Ол. Ушинський і инші, але це були не чужі люде для українців, а навпаки добрі приятелі; а що до перших, то вони трохи не цілою громадою увійшли в редакцію: Антонович, Драгоманів, Зібер, Цвітковський, П. Житецький, П. Чубинський, Русов, В. Беренштам, Хв. Вовк, Я. Шульгин і чимало молодих співробітників. Друкарня й редакція містились в однім домі на Фундуклієвській вулиці, і цей будинок став ніби українським клубом: коли, бувало, туди

не зайдеш, то знайдеш там гурт земляків. Праця поновленого видавництва почалась влітку 1874 року і зразу-ж повелась так жваво та енергійно, що годі було й пізнати старого „К. Телеграфа". Варто було-б тепер переглянути старі числа цієї часописи за той недовгий час, коли нею керували українці. Там знайдеться чимало цінних та палких статей, писаних Драгомановим, Зібером, Цвітковським і иншими. За попередні часи „Кіевлянинъ" у Київі, а „Голосъ" в Петербурзі, в спільці з польськими газетами, накупчили стільки брехливих плїток про український рух, що треба було негайно братись за тяжку працю, щоб хоч трохи почистити цю Авгієву стайню. Як відомо, деякі польські публіцисти вже здавна нацьковували владу на українців-хлопоманів, які ніби-то готують на Україні нову колїївщину. Російські обскуранти твердили, що українці загрожують цілості Російської держави. „Кіевлянинъ" теж тремтів за цю саму цілість, бо недурно-ж він одержував казенну субсидію, і аж розпинався доказуючи, що Київ є гніздо „крайняго провинціальнаго патріотизма", і не стій він тут на сторожі, від „единої неділимої" не було-б уже й памяти. Кожне найневинніше культурне вчинання з боку українців він злістно перетолковував як замах на цілість держави, і гвалтував: caveant consules! Коли Київське Географичне Т-во ще тільки готувалось до проведення одноденного перепису населення м. Київа, „Кіевлянинъ" уже заздалегідь лякав киян, що ось, мовляв, „одно полуученое Общество рѣшило разослать по городу ночью юношей для открытія всѣхъ тайнъ": а коли цей перепис блискуче був завершений, і Т-во навіть одержало за це подяку з боку адміністрації, та-ж часопис товкла таки своє, ніби-то члени Т-ва під час перепису „навязывали жителямъ малорусскій языкъ (не нарѣчіе)". З приводу Київського Археол. З'їзду і наукових докладів і дискусій на ньому, „Кіевлянинъ" брехав на місці, а „Голосъ" підбріхував йому в столиці, либонь „мѣстные изслѣдователи и любители малорусской поэзіи на смерть отбивались отъ насильственно объединительныхъ объятій великорусской туранской литературы". З приводу видання деяких популярно-наукових книжечок для народу на українській мові, „Кіевлянинъ" репетував, що ось, мовляв, українці хочуть цілком витіснити з шкіл російську літературну мову і тим відрізнити іранців і українців від туранців-великоросів. І таке оббріхування українців зустрівало їх майже на кожному кроці. Треба було негайно ці всі брехні розплутувати, відкидати, спростовувати, користуючись хоч не своєю, а позиченою часописю, і українці похапцем, але щиро, з захопленням повели цю прикру роботу [1]), сподіваючись значно поширити її з нового року, коли часопис мала виходити не двічі, а тричі на тиждень.

В відозві до громадянства в цей час видавниця хвалилась, що з нового 1875 року „газета будетъ совершенно преобразована и удовле-

---

[1]) Найголовніші статті такого полемичного змісту, які друкувались в „К. Телеграфі" 1874 р., наприкінці того-ж року вийшли й окремою книжечкою під назвою: „Выдумки „Кіевлянина" и польскихъ газетъ о малорусскомъ патріотизмѣ". Київ, 1874 р., 90 стор.

творить давно сознаваемой потребности существованія въ Кіевѣ частнаго литературно-политическаго органа, который, вполнѣ отражая текущую жизнь, относился бы къ ней съ возможной свободой критики". Відозва мала підписи Гогоцької і „постояннаго сотрудника" К. И. Кибальчича (мабуть, замісць редактора). Крім відомих уже нам співробітників, тут ще були зазначені професори С. С. Гогоцький, В. Г. Демченко, І. В. Лучицький і А. В. Романович-Славатинський.

З поновленими силами пустилась наша часопис в дальший плав, та й почала несподівано напорюватись на такі „камни преткновенія", яких до того часу не траплялось чомусь на її тихому чистоводі. Зараз-же, в половині січня, місцевий цензор Пузиревський одержав від начальника Головного управління по справах друку Григорьева конфиденціяльний наказ: „Вслѣдствіе дошедшихъ до Гл. Упр. нѣкоторыхъ свѣдѣній о газетѣ „К. Телеграфъ", предлагается вамъ при цензированіи означенной газеты относиться къ ней съ особой осмотрительностью и, между прочимъ, не допускать въ ней никакихъ статей, проводящихъ украинофильскія тенденціи". Значить, місцеві сикофанти уже встигли підбурити цензуру, і вона почала гадюкою сичати на часопис. Через місяць новий наказ цензора: „Прошу редакцію „К. Телеграфа" не помѣщать никакихъ разсужденій и изслѣдованій по рабочему вопросу". Ткнулась якось редакція міських справ, аж тут скарга з боку київського міського голови, що „К. Телеграфъ", без дозволу губернатора, подає відомости про засідання думи і, приводячи дискусії гласних, „тенденціозно подчеркиваетъ ихъ выраженія". Наслідок—наказ цензору: „требовать впредь предварительное разрѣшеніе губернатора на печатаніе статей о городскихъ и земскихъ собраніяхъ". З досади редакція хотіла трохи покепкувати над безмірною образливістю думських гласних і помістила жартовливий фельєтон „Незабудки", а цензору досталось на оріхи за його допущення. І так, куди не повернеться редакція, то все тільки й чує бувало: „а засы!"

Це, звичайно, вязало їй руки і лякало видавництво. Помітно було, що над часописю нависають чорні хмари, і їй недовго животіти. „Кіевлянинъ" дихав важким духом на конкурента і обкидав його усякими наклепами, а то таки й доносами. Цензура все гірш чіплялась. А головна небезпека лежала в тому, що часопис мала лихого ворога в самій родині її видавниці. Старий Гогоцький, хоч сам був українського походження, з роду попович-подолянин, але не терпів українського „сепаратизма" і ще раніш, у „Вѣстникѣ" Говорського та в ріжних „Епарх. Вѣдомостяхъ" нераз виступав, як запеклий ворог українства. Як він міг допустити, що власна його жінка увійшла в спілку з українцями, невідомо; певно, вона не потрібувала його згоди на те, або-ж поманила його великими прибутками з часописі, бо старець-філософ був великий „сребролюбець", то й мовчав до якогось часу; а як помітив, що Шульгин поїдом їсть „К. Телеграфъ", та й начальство косо на нього поглядає, а Юзефович і К° готує вже бичі й скорпіони на українців, то й перелякався. Ходила чутка, либонь він сам вчащав до Юзефовича і без сорому скар-

жився на жінку, що вона, мовляв, звязалась з неблагонадійними людьми і, чого доброго, доведе своє комерційне підприємство до краху, а себе до великих збитків. Звичайно, наслідком усього того була якась опресія на видавницю, і налякана пані Гогоцька почала одверто порушувати попередні умови з редакцією, самовільно втручалась в редакційні справи, затримувала платню співробітникам, нарешті прислала до Цвітковського, як фактичного редактора, листа з рішучою пропозіцією: „или отрѣшиться отъ крайняго направленія, или съ 1-го августа редакція фактически перейдетъ въ другія руки“. Звичайно, редакція не чекала, поки її виженуть, і в повному складі мусіла покинути часопис. Разом з українцями вийшли й деякі росіяне. Це сталося на прикінці липня 1875 року. Розігнавши таким чином людей, які за недовгий час підняли часопис на недосяжну височінь, пані Гогоцька гадала, що скликавши до редакції нових співробітників, між якими був і відомий Рева, що потім працював у „Кіевлянинѣ“, вона може з ними й далі провадити видання, але така надія її омилила: часопис швидко дійшла до останнього занепаду, і її прийшлось зачинити.

Звичайно, таке нечемне поводження Гогоцької дуже обурило декого з українців, але більшість їх поставилась до цього пасажу цілком байдуже або навіть жартовливо: нічого иншого, мовляв, і не можна було сподіватись від жінки Гогоцького. Такий настрій яскраво відбився в цікавому літературному творі, який склав з цього приводу один з бувших співробітників в стародавній формі „протестації“ (скарги) актовою мовою і стилем XVII ст. Гадаю, що цей орігінальний твір вартий того, щоб зберегти його від забуття, і тому списую його тут достотно з авторського рукопису.

„Протестація розныхъ особъ противко пани Гогоцкои“.

„Року 1875, м-ца июля 30. На вряде кгродскомъ, въ месте Е. Ц. М. Киевскомъ, пришодчи перед мене урожоные: Володимеръ Антоновичъ, Михайло Драгомановъ, Миколай Зиберъ, Олександеръ Класовский, Костентинъ Овсяный, Олександеръ Ушинскій, Юрій Цвѣтковскій, Павелъ Чубинский, Яковъ Шульгинъ, славетные: Федоръ Волкъ, Павло Житецкий, неробочий Иванъ Новицкий и неверный Волько Беренштамъ, обтежливе и праве зъ плачемъ оповедали, жаловали и протестовали напротивко вельможнои пани Овдоти Гогоцкои о то: ижъ оная пани Гогоцкая, маючи въ месте Новомъ Киевскомъ закладъ власний друкарский и провадячи книжками, а рачей паперами непотребными, гандель зъ розными купцами, яко хрестиянами, такъ тежъ и зъ жидами места Киевского, а умысливши для болшого зыску и лупезтва людей, того фалшу и шалберства несведомыхъ, уфундовати новый гандель безперестанный так, абы тые ее выробы друкарские що-тыйдень по три разы зъявлялися, абы тымъ лацней, а наветъ наперед гропи на увесь рокъ платячи, куповано,—подступнымъ а вельможности ее вцале непризвоитымъ способомъ насъ усехъ до тое непочтивое роботы намовила и привела; а кгды мы, презъ ее милость

будучи уведеные, до тое прикрое, мозольное а намъ незвычайное роботы удалися, а яко люди ку шалберству не звыклые, ведлугъ права бозского и людского и сумленя власного хотѣли ся есмо справовати, мнемаючи той гандель ее милости речю непочтивою быти, теды ее милость почала на насъ саркати, вобецъ многихъ розного стану особъ обелживыми словы чти нашей уймуючи, зневажати, а найбарзей неоддаванемъ плату умовленого намъ належного утемежати. Мы зась, яко люди съ працы рукъ своихъ жиючие, такъ того незного темеженя, яко и на честь нашу наступованя не зносячи, а що найболшую доткливость чинило, незбожное лупезство многихъ людей невинныхъ и несведомыхъ обачивши, почали есмо ее милость просити, абы насъ одъ умовы и роботы своее уволнила, либо тежъ пременити ее на почтивую рачила; и ее милость, якобы намъ фольгуючи и на нашу прозьбу склоняючись, то намъ обецовала, ижъ фалшовъ а ни подступовъ нияких чинити не будетъ. Мы зась, маючи взглядъ на мнеманые трудности, которые ее милость у своемъ гандлю менила быти, и на ее особу и станъ поважный, на то есмо згодили. Ведже дня близко прошлого, мѣсяца июля 26-го, ее милость листъ ущипливый и почтивости нашой уближаючий до насъ написавши, усехъ насъ, ничого того на себе не сподиваючихъ, якобы лотровъ якихъ и злочинцовъ, ничимъ впродъ не поведомивши, выгнати одъ себе грозила, яко жъ и въ самой речи кгвалтовне вытиснула и выгнала, чимъ насъ немилостиве и незбожне укривдила, а зваща до шкодъ великихъ привела, которые мы собѣ у тысячу копъ грошей шацуемо. О што все тые вышменованые особы просили до книгъ записати. И есть записано".

Може, не всі наші читачі, але принаймні ті, що працювали над стародавніми актами, повинні признати надзвичайну артистичність цього жартовливого твору. Тут усе—форма, мова, стиль, кожний вираз—цілком утворено так, як зміг би скласти вправний канцелярист якого-небудь городского чи земського уряду XVII ст. Памятаю, що небіжчик В. Б. Антонович не міг доволі намилуватись, читаючи зо мною цей талановитий жарт.

До речі буде згадати тут і про його автора. Це був Ів. Петрович Новицький, більш відомий між українцями під жартливим прізвищем Жовтого Іра, безмірно талановита, але й безмірно безталанна людина. З його міг-би вийти видатний історик, яким він почасти й виявив себе в деяких працях, що друкувались в виданнях Київськ. Археографичної Комісії та в „К. Старині", видатний етнограф, статистик, публіціст, але це не збулось тільки, мабуть, через те, що він, на лихо собі і людям, слабував на звичайну російську хоробу, яка згубила так багато талановитих людей,—гірко запивав. Через те й займав він незначну посаду в Центральному Архиві, де в той час служило ще кілька таких-же, як і він, пияк, які поміж актовими книгами переховували пляшки з горілкою, і завідуючий Архивом Царевський, коли приходив його замикати, ніяк

не міг собі зрозуміти, через віщо це траплялось так, що його співробітники, начитавшись стародавніх актів, покотом лежали на столах і хропли на всі заставки. Стривожений, він їх будив, а вони лаялись і нахвалялись викинути його через вікно. Багато й инших забавних анекдотів ходило тоді про їх витівки. В той час, коли Новицький склав „Протестацію", він уже в Архиві втеряв посаду і цілком справедливо найменував там себе „неробочим", бо живився тільки випадковим заробітком. То правда, що він був дуже дотепний робітник, тільки не надежний, і щоб скористувати як слід його дотепність, треба було вживати хіба таких засобів, яких приходилось, либонь, вживати П. Чубинському: замовивши Новицького на працю по обробленню етнографичних чи статистичних матеріялів, він завозив його до свого хутора, спочатку добре напував, потім замикав у робочій кімнаті, навіть чоботи з його скидав, щоб не втік, і не давав горілки, поки не скінчить завданої роботи. Завжди терплячи гірку нужденність (бо що заробить, те зараз і проп'є), наш бідолаха не перебірав заробітком і, наприклад, спокійно працював для „Кіевлянина", хоч і лаяв його за україножерство.

Взагалі, згадуючи про Новицького, приходиться жалкувати, що так без пуття загинула талановита українська людина.

Ор. Левицький.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложенiе къ журналу «Кiевская Старина.»

1884.

КIЕВЪ.

Типографiя Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ нашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодянскій. Однакожъ и Бодянскому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое [1]). Затѣмъ думалъ, говорятъ, о напечатаніи дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива", но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться на страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника"—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянскимъ и помѣщены въ его

---

[1]) «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, начавшійся 1722 году и оконченный въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ іюлѣ».— Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріуму“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергѣй и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женатъ, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковскаго, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковскій; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человѣкомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника [3]). По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизикерменя (1697 г.), а мать его умерла по тому же

---

[2]) Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ библіотекѣ церковно археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кирилловскаго монастыря, имѣется дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кирилловскому монастырю «кгрунтъ свой въ Киевѣ при монастиру брацкомъ лежачій, купленный у п. Криштофа Искрицкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совмѣстно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею я и сынъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрова, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятели юго-западной Россіи.

[3]) На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, имѣется такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго [4]). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ [5]). Но кіевская академія должно быть не вполнѣ удовлетворила пытливый умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи [6]). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кіевскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошолъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ [7]). Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

---

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

[4]) Такъ говоритъ Бодянскій на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говоритъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабкѣ, вдовѣ Лаврентія Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Лящанка, Ханенчиха зъ сыномъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о стверженье въ владѣніе ей селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Ляшцѣ, дядку ей рожономъ, ей належного». Упоминаемый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ“ (Діаріушъ, VI).

[5]) Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондисципуломъ» (II 364).

[6]) Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кіевской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

[7]) См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодикѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянскій ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію [8]). Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ", выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента" пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодянскимъ „Діаріуша", который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни" Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко съумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, пытаясь отстоять „давнины". Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ" о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

---

[8]) Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человѣка такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маетностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Послѣднему маетности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „мнѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за наслѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маетности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“ [9]). Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маетностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маетностей не имѣлъ. Расторонностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышомъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предварить пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настойчивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человѣкъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая [10]). Въ числѣ депутатовъ находился

---

[9]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

[10]) Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными [11]), задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію"— что дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій". Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. [12]) арестованные малороссіяне были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ". [13]) Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодянскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки". Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

---

[11]) Т. Ж., 198—199.

[12]) Полное Собр. Зак., VII, № 4651.

[13]) Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ“, Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ“ изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ“, при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго денно и нощно зъ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей [14]).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

[14]) Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ" его [15]), такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами". Были „дворяне" гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣею, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ [16]). Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Ширай, Скорупы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними пріобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

---

[15]) «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

[16]) См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кіевская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи“, которое написалъ онъ сыну Василію предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ“, писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ моглъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, найпаче-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логистики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и протчаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, напримѣръ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искуству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ.

обучатися будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всуе въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время" [17]).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе" написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессіональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры [18]). Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся". Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣня въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной" канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

---

[17]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1852 г., № 34.

[18]) Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 18[illegible]2 г.

столомъ и Василіемъ Гудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Команъ, Лѣсконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣевскъ, Сопычи, Муравьи и Подище [19]).

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маетностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго [20]). Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи [21]). Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегонѣ, Дешковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василія Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣевскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

---

[19]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупли» пріобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

[20]) Діаріушъ, XIII.

[21]) Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерьми послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подищахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ [22]). Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника" писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка [23]), которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

---

[22]) Портреты обоихъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писаные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

[23]) Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ постороннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ [24]). Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы), причемъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напримѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква ъ, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.
Кіевъ.

---

[24]) Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Віехалъ зъ Глухова до Санктпітербурха.

5. Прибылъ въ Стародубъ.

14. Віехалъ зъ Почепа.

22. Прибылъ въ Москву.

26. Віехалъ зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибылъ въ Санктпітербурхъ.

8. Стали на квартерѣ въ домѣ стольника Глѣбова, на Васильевскомъ острову, въ пятой лѣніи. Сего-жъ числа подалъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.

15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.

20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.

29. Далъ за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.

24. Генералъ-адютантъ, генералъ полиціймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.

26. Указъ присланъ зъ верховного тайного совѣта въ сенатъ о висилки за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государиня імператрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпитербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, публиковано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II, и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополуночи дано на salve новому імператору зъ 105 пушекъ; потомъ стрѣляно помѣнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссімусомъ.

14. Публикація по всѣмъ Пітербурхѣ чрезъ лѣтаврщиковъ и трубачей о имѣючомъ быть погребеніи ея імператорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его імператорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшого князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андріанъ Мироновичъ Ігнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ быть гетманѣ и о протчемъ.

Іюнь.

29. Імператорское величество изволилъ быть въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісакія Долмацкого, а по обѣдѣ спущенъ корабль и дано ему імя Петръ I и II, то есть первый и вторый.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ поехали и канцеляристъ Іванъ Романовичъ и сотникъ Іваницкій Павелъ Міницкій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли інбари и нѣкоторые судна купеческіе на Виборской сторонѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей купеческимъ товарамъ.

Августъ.

1. Михайло Івановичъ Новоторжцовъ віехалъ за міністромъ Наумовымъ къ Глухову. Мнѣ зубъ болячій виривалъ штапъ-лікаръ Петръ Івановичъ.

5. Государственного канцлера графа Гаврила Івановича Головкина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Пітеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ суднѣ.

20. Оттоль прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамиліею и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новогородскій, при пушечной стрѣльбѣ гуляли.

23. Ездилъ іа зъ Араннбома въ Кронштатъ и паки туда возвратился.

24. Зъ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербурхъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ зъ Аранибома совсѣмъ въ Пітербурхъ.

6. Верховнаго тайного совѣту дѣла и все, что было государево въ дворцѣ свѣтлѣйшого князя, вивезено въ лѣтній государевъ дворецъ.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Іосунова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и імператоръ прибылъ въ лѣтній дворецъ.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указовъ и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домѣ его сказанъ арестъ.

8. Сняты кавалеріи россійскіи зъ Меншикова и емужъ велено віездить прочъ изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и ихъ варвари, да й віехалъ со всею фамиліею.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семенъ Галецкій [25]).

14. Оные посланци имѣли авдіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчъ, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланци отправлены и дано имъ жалованне и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до міністра Наумова изъ іностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартерою на пітербурскомъ острову въ домѣ священника петропавловскаго Мины Григоріевича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемоніею гетманомъ полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ.

---

[25]) *Семенъ Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазепою и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазепа» Костомарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Записки Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака м. Переволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софіи Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофиму (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охоньки. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывшій пѣвчій, усвоившій себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ срѣбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его поставленъ былъ прилуцкимъ полковымъ судьею, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1734 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцинъ часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семенъ Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазепинскаго «дворянина» Галецы (Величко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получилъ отъ Мазепы нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Михайловкѣ (при р. Бойнѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашнего стародубскаго полковника Александра Дурова и поѣхавъ по этому поводу въ 1734 г. въ Петербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланцы малороссійскіе изъ Санктъ-пітербурха.

12. Ради рожденія государевого было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣглымъ огнемъ, и на двохъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру былъ фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ новоизбраннаго гетмана Апостола.

21. Оныжъ были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Віехалъ іа зъ Санктъ-питербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночю поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился ясневелможный и того-жъ числа ради отклону кушалъ въ дворцѣ. Сего-жъ числа ея і. величество изволили публичяо віехать изъ Москвы до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ кавалергардами, енералъ Іванъ Іліичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлось 14 к.

Числа 25. За 21½ золотника сѣтки сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки пестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья [26]) 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таөи Лву Петровичу дано 60 коп. (Того-жъ) числа за Тріодь цвѣтную и два букваря 1 р. 20 к. Енералъ-лейтенантъ Урбановичъ былъ у мене въ квартерѣ.

чилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабянкою, бывшимъ тогда гадяцкимъ полковникомъ. По предстательству Ласси, урядъ Грабянки отданъ былъ сыну Семена Галецкаго—Петру.

[26]) Бритья.

27. За работу мундіру для дитины 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Каченовскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За ленти кумѣ Наталіи Лаврентіевнѣ, да сестрѣ ее Аннѣ 37 к. За ленти жолтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жъ числа віехали зъ Москви и ночовали о 25 верстъ.

28. На обѣдній попасъ прибыли въ деревню Черничку о 44 версты. На сѣно и оброкъ пошло 25 коп. На ночъ прибыли въ деревню Пратву о 39 верстъ.

29. Прибыли на обѣдъ до деревни Гусева о 37 верстъ; одтоль въ Калугу и перевезшись ночовали. За починку коляски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшись чрезъ Оку, обѣдали. Дано за рибу 21 к. Ночовали за Кипетю, перевезшись.

31. Прибыли на обѣдъ до Беліова. Тутъ-же куплены ножи столовіи и два кухенныхъ, за которые дано 1 р. 40 к. За оковку коляски 15 к. За рибу 27½ к. На ночъ прибыли до Болхова, и одтоль отехалъ панъ Петръ, полковникъ лубенскій, на почтѣ зъ поддячимъ Уріиломъ, которій данъ былъ зъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдъ до села Глотова. Одтоль віехавши, ночовали въ степу, одехавши 17 верстъ.

2. Обѣдали надъ нѣкоторою переправою, а ночовали подъ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдъ до Почти Любошской и одтоль отехалъ панъ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскъ на ночъ о 3 версты.

4. По полдни прибыли въ Глуховъ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Віехавъ зъ Глухова, прибылъ на ночъ въ Новгородокъ.

9. Одтоль віехавши, пріехалъ на ночъ въ Левенку [27]).

12. Взято у Іанченка поставъ сукна блакитного, за которое дано ему 5 червоныхъ да 25 к.

---

[27]) Село стародубскаго уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивострокатого, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ перегонскій [28]) утопулъ, рибу ловлячи.

19. Копцѣ, одправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утопувшаго чоловика дано 20 к. Студентамъ інтермедіантамъ 1 р.

21. Розышлось 24 к.

23. За цѣвку золота 1 р. 10 к. За раліонокъ мишурный 18 к., за полтора фунта баволны 24 к. За два баранки 90 к. За 150 аршинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мініи 36 к. За два аршина крашенины 8 к. Отданы пану Іану Миклашевскому [29]) р.

24. Розышлось на розницу 33 к.

Журналъ или щоденная записка іакого месяца і числа до іакой персони и чрезъ кого іменно писано и о протчемъ, начатый року 1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго, привитствуючи о прибытіи его въ домъ зъ Москвы [30]). Того-жъ числа писано и до писаря полкового лубенского, пана Стефана Савицкого, зъ инстанціею за свойственнымъ панскимъ о невзятіи его, яко жилца и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тимченка и Гаврила Ясиченка. До пана Іана Гамалѣи въ Юдиновъ [31]),

---

[28]) Село Перегонъ стародубскаго уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

[29]) Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полковника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1740 г.

[30]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію послѣ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Меншикова (Опис. обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Апостолъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него остались, какъ слышно, записки писанныя на французскомъ языкѣ, хранящіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

[31]) Иванъ Андреевичъ Гамалѣя—единокровный братъ жены Н. Ханенка. Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерицѣ путивльскаго помѣщика Семена Неплюева, Марфѣ Анненковой, за которою получилъ богатое приданое въ томъ-же уѣздѣ, а вторымъ бракомъ—на вдовѣ графа Гаврила Рагузинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи его для посѣщенія въ Перегонъ, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника красноколядинскаго Марка Ангеліовскаго [32]), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ [33]), если сыщется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Зъ Глухова писанъ листъ чрезъ Данила Кроцкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевского [34]), въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской зъ Якубовичемъ [35]). Листъ до пана Івана Гамалѣи [36]), 17 числа писаный, посланъ въ Семіоновку для отсылки оттоль въ Пѣски, который такъ ся имѣетъ: „мосцѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродзію. Писалъ іа въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижбысь в. м., м. панъ должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволилъ отдати; но по тихъ писмахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно пишучи до вм., м. пана, прошу, изволте, безъ болшой своей и моей турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітись неотложно. Гдижъ в. м., м. панъ можешъ помнѣти, что и заставу мнѣ изволилесь давать—кубокъ срѣбный и рондзикъ, а іа не взялъ, дуфаючи слову вашему, что імѣлисте вскорѣ тотъ мой долгъ отдати. зъ потверженемъ теди прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денегъ вручити для привозки онихъ ко мнѣ. а іа-жъ

назначенъ членомъ генер. суда. а при отставкѣ получилъ чинъ генер. судьи. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борщовъ и Чеховка и с. Семяновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

[32]) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашинскаго, по «инстанціи разныхъ высокихъ особъ», какъ сказано въ универсалѣ Скоропадскаго, а ходатайства (инстанціи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государинѣ царевнѣ Натаіи Алексѣевнѣ знайдовался», вѣроятно пѣвчимъ.

[33]) Село роменскаго уѣзда.

[34]) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго полковника; умеръ около 1750 г.

[35]) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ—генер. есаулъ.

[36]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Пески, лохвицк. уѣзда. которое затѣмъ было продано имъ Ефиму Дарагану.

тогожъ посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семъ зостаю на завше вм., м. пану всего добра зичливий сватъ и новолнѣйшій слуга Николай Ханенко, судіа полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году". А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже посилано, да марта 6 тогожъ году.

17. Посланы листы, еденъ до пана Петра Валкевича [37]), въ Конотопъ, привитствуючи его тамошнимъ пребыванiемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о видачи Васнлію Мглиевскому лошаковъ панскихъ.

19. Послани листи зъ Глухова два чрезъ Евтуха Данченка, писанніе еденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ теселъ баню и комору строити. Тогожъ числа писанъ листъ до пана Стефана Миклашевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константия Леонтовича о одобрани въ пана Іул(і)ана Дриганта, при которомъ шабля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового козака полку переяcловского Безбородка для отданія вручено ему.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича [38]) и до кватермейстера Гофмана о антечцѣ и протчемъ.

22. Писано въ Москву-жъ до господина Николая Павловича Кристича и до пана Васнлія Максимовича, да до канцеляриста

---

[37]) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—при Апостолѣ «реентъ» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есаулъ; умеръ въ 1758 г. Былъ извѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валкевичъ хотя былъ и дикаго нрава, такъ что ни съ кѣмъ не водилъ знакомства и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многаго времени могли доказать ему свою искренность и привычку къ его свойствамъ, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обит. въ россійск. госуд. народ., IV, 324.

[38]) Кажется, рѣчь идетъ объ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есаула Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепою сосланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій поселены въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1742 г. былъ сотникомъ волынскимъ, черниг. полка.

Кгалюховскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за колпакъ 25 копѣекъ, за хустку, що въ Ропску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волики въ Перегонъ чрезъ козаковъ сотни новгородской Евтуха Михеенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцеева, жителя пироговского, чрезъ которихъ и листъ до атамана тамошнего новгородского посланъ, чтобы онъ тихъ козаковъ переменивъ, а другимъ тіи корови для отводу въ Перегонъ вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Липского писмомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господинъ Новоторжцовъ почтою побѣгъ въ Москву и оніе писма чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Микляшевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одинъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченнихъ паномъ Петромъ Корецкимъ денгахъ. Другій до полковника гадяцкого, пана Григорія Грабянки, привитствуючи его рангомъ [39]). Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Ивана Холодовіча, требуючи у него отвѣтствія противъ данного ему меморіалу, которій для отсилки врученъ атаману Локотковскому.

24. Далъ за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану. заплатилъ-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонился пану и отежаючи подарилъ коня гнѣденкого пану Іакимовичу.

27. Прибылъ въ Перегонъ.

28. За 4 габелки постолки 1 р., за подошви 16 копѣекъ, на развіе покупки въ Погаръ копѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 копѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубовского, пана Іакимовіча, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганона. Тогожъ числа столяру даны 25 копѣекъ на дерево; золотару на мосендзъ 15 копѣекъ.

31. Послани листи, единъ до хоружого полкового стародубовского пана Іакимовича, другій до пана Скоропадского [40]) въ Глу-

[39]) Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ извѣстной хроники о междоусобной брани, назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ на мѣсто Гаврила Милорадовича, смѣщеннаго за насилія и взятки.

[40]) Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Ігната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожъ числа писанъ листъ до Александра Левицкого, сторони въ іармарку кролевецкомъ покупокъ, которій для отдачи порученъ Григорію Данченку. Тогожъ числа за два соми дано 60 копѣекъ.

Сeптеврій.

1. Продалъ пенку, берковецъ по 3 р., взялъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ ганипу дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Кровь пущалъ.

4. Цилюрнику за кровопущеніе 20 копѣекъ. Тогожъ числа зъ маляремъ Іодиновскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дано въ задатокъ 1 р. и 10 квартъ цеховыхъ горилки. Велѣлъ дѣлать линнику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, обротей 36 и попругъ 12 до попонъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожъ числа 4 дано за крашенину 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе надлежитъ 5 рублей и 2 гривны.

5. Купилъ панъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и деньги ей за оную отдалъ. Тогожъ числа писани два листи, единъ до сотника погарского Семена Соболевского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей вислали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Липского.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стеченского чрезъ пана Леонтія Галецкого [41]), зъ посилкою 10 червоныхъ, одисканныхъ отъ пана Славуцкого. Мойсею шевцю погарскому зъ челядникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городового новгородского, чтобы онъ ванни на панскіе денги купилъ осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которій посланъ чрезъ стойчика зъ Стародуба.

---

[41]) Сотникъ бакланскій, братъ Семена Г. (см. примѣч. 25), получилъ этотъ урядъ «за вѣрность» при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотнянамъ Скоропадскій выслалъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галецкій отказался отъ уряда и принятъ былъ «подъ бунчукъ».

8. Писанъ листъ до старосты перегонского Липского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводніка Грицка Шногурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночъ до Нижніого [42]).

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на стенжки и проч. розышлось 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, ночовали въ Куршановичахъ. у Василя Борозни [43]).

11. Обѣдали у пана Николая Борозни [44]) въ Клюсахъ, ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ витали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и ночовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и ночовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочіихъ чернѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Чернѣгова и прибыли на ночъ въ Красное [45]).

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища. на ночъ въ Іржавцъ [46]); стелмаху и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелецъ. На лямъцѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и ночовали.

18. Были у полковника [47]) и обѣдали. На розную подробицю розышлось 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Виехали зъ Козелця, обѣдали въ Омеляновѣ, ночовали въ Димерцѣ [48]).

20. Прибыли въ Бровари; тутъ за рибу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за попорченіемъ мосту.

---

[42]) С. Нижнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Миклашевскому.

[43]) Сынъ генер. судьи Ивана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

[44]) Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

[45]) Черниговскаго уѣзда.

[46]) Села Церковище и Ржавецъ—козелецкаго уѣзда.

[47]) Антонъ Танскій, зять Семена Палія.

[48]) Села остерскаго уѣзда.

21. На рибу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дніовали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартеру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита печерского. Розошлось 1 р. 35 к.

24. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Негребецкого.

Былъ на праздникѣ въ Китаи. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Былъ въ видубицкомъ монастырѣ и отправовалась панахида по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ [49]. Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдалъ у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войнича бурмистра и ночовали у пана Θедора Тихоновича Козелского, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софіи; тамъ розошлось 50 копѣекъ. Прислана зъ магистрату обсылка хлѣбомъ и протчимъ. Розишлось 16 копѣекъ. Дано на покупку разную рубль и 98 копѣекъ. Зъ монастыря Братского обсилка хлѣбомъ и протчимъ учинена. Зъ монастыря видубицкого прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненія мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерія обѣдали. Розишлось на нѣкоторіе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Родуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Білѣцкому 60 копѣекъ, за направу фузіи 20 копѣекъ.

---

[49]) Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій († 1706 г.) въ выдубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменую трапезу съ церковью св. Преображенія Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома выдубицкаго монастыря хранится больной старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іакимовиччиной 10 копѣекъ. Зъ Майстрату обослано рибою и хлѣбомъ.

Октоврій.

1. Пренесеніе мощей святого Михайла, первого митрополита кіевского, зъ пещери преподобнаго Антонія въ великую церковь.— Обослано мясомъ зъ Майстрату; обѣдали у отца Негребецкого. Подалъ мнѣ указ гетманскій панъ Козма Іакимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстнікъ и економъ никольскіе и отехалъ я на Подолъ для исполненія указа гетманского.

3. Обявлялъ на Майстратѣ универсалъ іасне велможного, данный Кузмѣ Іакимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Родуцкого. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іакимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Панъ Василь Іакимовичъ принеслъ цукру голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іакимовича. За сосудци для Василка 7 коп.

6. По бытіи на ратушу, обѣдалъ у пана Родуцкаго, который мнѣ подарилъ дриакви, табаку и рукавици, а панъ Іакимовичъ пару лихтаровъ зъ подщипникомъ и щипцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки крышталіовыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколко былъ на Подолѣ, щоденно обсилано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ пару ножиковъ и стонжки [80]) жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандрить далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкій по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Васияна, намѣстніка печерского, который такожъ далъ по книжцѣ обомъ намъ. Сего же числа были у енерала и пожегнавшись съ всѣми, отехали зъ Киева. Провожалъ насъ аптекарь Гелтеръ и Козма Іакимовичъ ажъ за мостъ и прибылисмо на ночъ позно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Поехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одтоль прибыли на ночъ въ Омеляново.

---

[80]) Ленты.

9. На обѣдъ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойници овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка [51]). Розишлось на розницу копѣекъ 20. Розишлось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослано одъ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розишлось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., на діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери виехали зъ Козельца и прибыли на ночь до Дешкова [52]).

12. На обѣдъ прибыли до Ржавця [53]), где отъ пана сотника козелецкого братъ его Петро принесъ барана. На ночь прибыли до Церковищъ [54]); тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Середницѣ [55]); тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч., оттоль писанъ листъ до сотника козелецкого пана Алексѣя—сторони верблюда и посланъ чрезъ козака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на ночь до Краснаго [56]); тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевознікамъ 6 копѣекъ [57]). Прибыли на ночь въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря [58]), гдѣ обослано насъ отъ пана судіи чернѣговскаго полкового [59]) овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ее милости панской, панеи Борковской [60]) дано

---

[51]) Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковой есаулъ; съ 1722 по 1737 г. полковой обозный. О немъ см. Описаніе черниговской епархіи, V, 193.

[52]) Село козелецкаго уѣзда.

[53]) Тоже.

[54]) Тоже.

[55]) Тоже.

[56]) Село черниговскаго уѣзда.

[57]) При селѣ Кольчевкѣ, подъ Черниговомъ, находился тогда переводъ чрезъ р. Десну.

[58]) Ивана Янушкевича.

[59]) Василія Каневскаго.

[60]) Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у пана судіи черниговского, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постронками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкого и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забутого въ Киевѣ, и посланы тие писма зъ Чернѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварти 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Бобровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розишлось на розницу 12 копѣекъ. Дана псалтирка маленькая пана Борковского синамъ Михайлу и Василію [61]). Обѣдали у панеи Борковской, куда для опровоженя насъ приездили панъ судія зъ панею своею и панъ Іванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ [62]) 4 часа по полудни, а въ Листвень [63]) въ 7-мъ часу, где вежаючимъ въ село, палъ конь молодій гнѣдій, издохъ.

Засталемъ тутъ и. п. Красовского и Лисаневіча.

18. Пробавили весь день гулянемъ.

19. Даровалъ мнѣ панъ Борковскій [64]) пару кобилъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а женѣ штофикъ жолтій и зеркало. Розишлось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночъ въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабчичи [65]) и тутъ обѣдали; одтоль прибыли на ночъ въ Клюсы.

21. Зъ Клюсовъ приехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтоль на ночъ до Соловіовки; едучи чрезъ Хоромное, покиненъ хорий конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве манисто.

22. Прибыли въ Ропскъ на обѣдъ; тутъ у Ропску умовилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для пана судіи чернѣговского крижъ желѣзний подчернь, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ взадатокъ; зоставлена фляжка

---

[61]) Михаилъ и Василій Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

[62]) Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

[63]) Село городницкаго уѣзда.

[64]) Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обознаго.

[65]) Село городницкаго уѣзда.

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Куршановичи, при писмѣ чрезъ войта хороминского, которому и о оставленномъ конѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Ханенка [66]).

23. Данъ молитвенникъ пану Мануилу Зѣневичу, дозорци роиского. Розышлось копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Роиска виехали и едучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень нашъ оставленный. Ночовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городового погарского о висилцѣ въ Стародубъ Мойсея шевця зъ 10 белками или зъ двома черными козьлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафяновыя, которіе шилъ Мойсей швецъ, юфовую одну шкуру, которая меншая, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, каплуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое вкисло, а именно сѣченой капусти и бураковъ по дежцѣ.—Прибылъ въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ капитаномъ Яковомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о одставцѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемоніално публикована и благодарственный былъ молебенъ съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у пана наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, поданъ указъ отъ ясневелможного, чтобъ присилать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Івановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая [67]) ради приезду панѣи Турковской [68]). Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

---

[66]) Андрей Федоровичъ Ханенко.

[67]) Федоръ Степановичъ Ширай, внукъ извѣстнаго войта стародубскаго Спиридона Ширая, основавшаго своею пеньковою торговлею богатство Шираевъ.

[68]) Жена Михаила Турковскаго, впослѣдствіи генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 копѣекъ, ковалю 15 копѣекъ. Примовала панию Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина [69]).

30. Писанъ листъ зъ инстанціею за парохіанами николскими о сострооніи имъ каплицы, до отца писаря катедры черпѣговской. Публикованы указы о невзиманю впредь полушокъ и малыхъ копіекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее—1 рубль полушками пропалъ. Алексію на рукавици 15 коп.

31. Вручены 67 копѣекъ полушками Павлику для росходу. Виехали зъ Стародуба къ Глухову и на дорозѣ встрѣтились зъ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія енералнаго сыномъ, которій того дня виездилъ до Стародуба для отправленія веселья зъ дочерью панеи Березовской Мароою. Мы прибыли на почъ до Кистра; тутъ за направу колеса ковалеви даны 4 копѣйки и ночовали у отца Климентія Боярского, бывшого погарского протопопа, священника свято-троецкого кистерского.

Декабрь.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жъ на рукавици 15 коп. и за его-жъ заплачено 20 коп.; за его жъ перепявъся заплатилъ Ѳедору, Козми Іакимовича слузѣ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня, въ Глуховѣ, 6 рублей 35 коп. У Александра Левицкого 4 червоніи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубли. Мнѣ онъ же для жены дѣлалъ шапку зъ пудломъ.

Журналъ 1731 году.

Генварь.

1. Виехалъ рано зъ Перегону, обѣдалъ въ Чаусахъ, ночовалъ въ Мехедовцѣ; одееля въ вечеру писаны писма..... о посилцѣ тушъ свиныхъ къ Николаю Павловичу и до Липского о разныхъ господарскихъ дѣлахъ; розишлось 2 коп.

---

[69]) Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скоруны—Настасья Степановна, рожденная Ширай.

2. Прибылъ на обѣдъ въ Шатрищи; одтоль приехалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартерою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевского.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному клапялся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Бока и у Александра Левицкого. Цилюрниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана суппликa ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Пѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, нѣжинского полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Панъ Константинъ Романовскій, въ Яремичѣ мешкаючій, обѣщалъ пять осмачокъ жита стародубской мѣры визичити, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іакимовичу въ Глуховъ, чрезъ сотника новгородского пана Христичевского.

Взялъ коня бѣлого, торгомъ, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородского Доморки.

25. Мойсею Шевцю, коміссару погарскому, данъ конь гнѣдій въ семи копахъ.

28. Взялъ у пана господара двору рейментарского присланного Дениса Морозенка пару кониковъ гнѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дано 1 р., да за шапку его-жъ доплачено 15 коп. Цѣвцѣ.

Іюля.

9. Взято въ позику жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослано въ Перегонъ 4½ и въ Стародубѣ на росходъ змолото ½ осмачки.

15. Д. Pilatovich [70]) promiscit брусовъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 локоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, пасичку жителя стародубского, дано ad interim 10 к.

---

[70]) Леонъ Пилатовичъ, выходецъ «изъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получилъ отъ Мазепы въ 1708 г. универсалъ на увольненіе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ». Обозрѣніе Румянцевской Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Оникія змаліовать коляску для дитины, да въ болшой избѣ подмаліовать подъ шпалерами, также коло окопъ и дверей и въ противной маліованой издебцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да чвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для росходу панеи.

При писмѣ до сотника шептаковского послано 14 фляшокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибылъ въ Глуховъ и кланялся ясневелможному, где засталъ въ домѣ рейментарскомъ чрезвичайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, Семѣнѣстерскихъ дѣлъ канцеляріи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Пополдни привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василія Танского, полковника переясловского, капитанъ лейбъ гвардіи преображенского полку, Петръ Петровичъ Воейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переясловского, общe зъ господиномъ полковникомъ Тургеневымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Іваномъ Івановичемъ Топѣлскимъ [71]).

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеневымъ былъ у ясневелможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожъ послана стадника и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитные по почтѣ чрезъ козака глуховского Ющенка.

Пану господару двору рейментарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гнѣденкихъ.

4. Алексію данъ рубль, Федору слузѣ Козми Іакимовича за егожъ Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

---

[71]) Василій Михайловичъ Танскій, слѣдствіе надъ которымъ кончилось тѣмъ, что въ 1735 г. онъ былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество обратно. Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишнѣцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому. [72])

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намѣстникъ отецъ Іоакимъ Литвишко приймовалъ мене зъ економомъ. Datum est aureum meum in monasterio.

Того-жъ 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій [73]) и обослалъ мене на квартерѣ хлѣбомъ и проч.

15. Купалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и барано́мъ. Вечералъ у пана Кулябки [74]).

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей копіи.

18 Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одтоль и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ пана Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по полднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сегожъ числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсилки къ господину Славую Требинскому, а 20 р. денегже томужъ пану Савіцкому доправить на пану Івапу

---

[72]) Племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ и зять Григорія Демьяновича Скорупы.

[73]) Петръ Апостолъ.

[74]) Зять гетмана Апостола, женатый на его дочери Аннѣ.

Гамалiи, до которого и листъ рейментарский о томъ одосланъ, поручилемъ, а доправя тiе 26 руб., к томужъ господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подъ симъ числомъ писмо зъ цедулою до пана Славуя написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскiй прислалъ коня откарого подарунку чрезъ свого конюшого, которому данъ 1 р. отъузного, а манталѣру золотий 1.

28. Вiехалъ зъ Лубенъ.

29. Прибылъ въ Луку.

31. Купилъ у пана Александра Саковича 4 коней гнѣдыхъ за 60 р. и далъ ему рублей 20, а рублей сорокъ надлежитъ одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислалъ и гатласъ алый.

Мѣсяцъ Септеврiй.

1. Сторговалъ футоръ на Артополотѣ у Iвана, Iгната и Василя и Зѣнця Сподинейковъ козаковъ, жителей брисявскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червоныхъ золотихъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при дiаку Данилу, при Александру Крячковому внуку и при другихъ.

2. Прибылъ въ Ромепъ и обѣдалъ у панеи Марковичевой, а ночовалъ въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибылъ въ Семiоновку [75]), где доставлены два коне, гнѣдий и вороний, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облигѣ Алексiя Михайловского на останнiе 20 р. отъ него должнiе и оному Роману приказалъ зъ тимъ писмомъ ехать въ Новые Млины и требовать у сотника резолюцiи.

4. Прибылъ въ 2 часѣ по полуднѣ въ Мутинъ, на ночь въ Кролевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликiй въ Кролевцѣ учинился пожаръ, отъ которого многiе доми въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купеческiе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человѣкъ и одна жонка згорѣли. Ночовалъ у пана Стефана Бутовича.

---

[75]) С. конотопскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано віехавши зъ Кролевца, прибылъ въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясневелможному о вступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Idem pastus.

11. Рано передъ службами имѣлъ входъ свой церемоніалный его преосвященство, отецъ Рафаилъ архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень віехалъ зъ Глухова.

12. Прибылъ хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ почью.

14. Получилъ листъ одъ полковника зъ полѣценемъ команди полковой, на который учинилемъ отвѣтъ. Сего числа взяти у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, да 19 одтоль віехавши, прибылъ на ночь въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибылъ въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночъ перешолъ въ дворъ, купленний у Самусенка на чернѣговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленую въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позичена будка блакитная пану Григорію Скорупѣ, для отвезенія дѣтей его Ивана и Павла за границю, въ Полщу, для наукъ [76]).

23. Отправлены въ Глуховъ три писмѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посилкою рубля для отдачи оного лѣкарю Вѣттиху, презъ козака Мих. Гриневича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Ивановича Дуреза въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черные отпуски, презъ козака Александра Лущика, жителя лишицкого.

24. Оние писма отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора панеи тещи почю былъ случай жестокій, что носили конѣ и на силу отъ бѣды презъ мілосердіе Божіе спаслися.

25. За два кожухи 2 р., за сафянъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

---

[76]) См. примѣч. 69.

26. Алексію за черевики 15 к. Данъ Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емужъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и протч. 54 к. далъ Янченокъ.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Бока, чрезъ капрала Дмитрія Минина, сина Чиркова, осмой роти капитана Неплюева полку гварнѣзонного глуховского. Сегожъ числа прислано отъ городничого лищицкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. и двѣ гуски. Рано посѣщалъ мене графъ Гаврило Владиславичъ. [77]). За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать дранѣ копъ 50, копу полуторной по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся человѣкъ зъ Лищичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рощина, другій Федоръ Нишедченокъ, которимъ дано житной муки полусмакъ, безмѣнъ сала, безмѣнъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотири ляци, и что они видеруть, должны о томъ давать знать, жебы тое сыскивать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣеть быть 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отецъ городничій лищицкій прислалъ шибъ прозрачистыхъ шестдесятъ. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почують коло Мишковки [78]).

4. Прибылъ господинъ полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглымъ огнемъ палили.

---

[77]) Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ человѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія внѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатыя имѣнія, которыя умирая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. бунчучн. Ивана Бороздны Аннѣ, и умирая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

[78]) Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Цузиръ оженилъся на Сависѣ, да у Тищенка на веселѣ, которій женилъ сина на дочерѣ Соболевского, сотника погарского былисмо. За бервеня до двора 36 к.

7. Прибылъ панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скорупи Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослалъ на новоселя.

8. За дрань, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислалъ мнѣ господинъ полковникъ зъ коней злодѣйскихъ клячонку ріжую и коніонка вороного. Сего числа взяти у Радіона Янченка 40 р. денегъ въ отдачу пану Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзигарокъ и атласъ, сегожъ числа отправлены чрезъ людей пана Саковича, нарочно за тимъ присланнихъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Перегонъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драни, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣютъ драть, копу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба чвертку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Ноздри, шинкаря чаусовского.

14. Расплатился за всѣ прежднію покупки зъ Федоромъ Янченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопроненку, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще ему доводится отъ издебки 1 р., кромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шклярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направовалъ де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отработокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ярцевскому при росплатцѣ за 12 гузіковъ срѣбныхъ додано решти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Паланку зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожъ числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночовалъ въ Мишковцѣ, откуду послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ [79]), а на ночь прибылъ въ Новгородокъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночъ въ Собичъ и ночовалъ у Вѣлчика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясневелможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спалный 55 к. Посланы писма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канчукъ 8 к., за двое носковъ 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицѣ 20 к., венграмъ 50 к. Dux aegrotare caepit de noctu.

23. На харчъ людямъ 4 к. Купали у пана обозного енералного [80]), ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одправлены писма вчора писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку серединобудлянскомъ Федору Соколику.

24. Посланы писма въ Москву sub data 22 praesentis, писанные до Петра Васілиевича Курбатова, до Василія Маркелловича Леонтева, до Урила, до п. п. Холодовича и Данченка, такожъ до полковници нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ куріера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Воейкова одправленного. Сегожъ числа пришла вѣдомость въ Глуховъ о преставленіи государини царевни Параскевіи Івановни, сего октоврія 9 дня. Розышлось на харчъ 20 к. Подъ симъ числомъ писано писмо до полковника о той печалной вѣсти.

25. Подала панѣ Ломиковская [81]) челобитную на пана тестя въ судъ енеральный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стюжечокъ шесть локоть 22.

Маленкая дочь Анастасія панѣ Скоропадской [82]) умерла на осцу и похована въ церквѣ святого Николая.

---

[79]) Село новгородсѣверского уѣзда.

[80]) Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ, генер. бунчучный 1717—29, генер. обозный 1729—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. См. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

[81]) Должно быть дочь Апостола Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Ломиковскаго, Иваномъ.

[82]) Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. См. примѣч. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны писма въ Москву до госпожи Толстой [83]), до пана Холодовича, до пана Борковского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію іностранную, подъ датою нинешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчора закрѣплено [84]). Розишлось на розницю 18. Взяты у доктора лекарства для себе и для хлопця,- а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ [85]).

28. Рано віехалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотки, одтоль писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На мясо и на перевозъ дано 8 к. На ночъ прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 ляцы даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шептаковского, прибылъ на ночъ въ Андрійковичи [86]).

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годинѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было веселя, одправованное дочерѣ его паннѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского видаванной [87]).

Ноеврій.

1. Тоежъ веселе продолжалося.

2. Гуляли всѣ на веселіи званіи персоны, зъ перезвою ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя пріежжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшимъ на квартерѣ моей музікамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Корсака червоній золотій [88]).

---

[83]) Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

[84]) Разумѣется „удостоеніе" маетностями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

[85]) Рябчиковъ.

[86]) Село стародубскаго уѣзда.

[87]) Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ поставленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

[88]) Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Корсакѣ, одномъ изъ первыхъ стародубскихъ богачей. Отецъ его, смоленскій шляхтичъ Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, женившись на дочери гетманича Семіона Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розишлось на розницю 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерцс [89]) бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлий для немого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницю пошло 7 к.

7. Писаны писма: одно до сотника новгородского о присылцѣ швачки Макрины, другое до Івана Степанова, старости Серединой Буды [90]), о покупкѣ сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. На розницю розышлось 11 к. Бондару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего ноевріа, ея м. панеи Михайловой Скоропадской Параскевіи Апостоловни гетмановны [91]). Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панеи туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господинъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ [92]) его полковничества. Панъ Іскрицкій [93]) прибылъ въ Стародубъ. Розышлось 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поясъ

чить царскую грамоту на всѣ тестевскія имѣнія, въ ущербъ другому сонаслѣднику Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Имѣнія Макс. Корсака перешли сначала къ двумъ его сыновьямъ Василію и Михаилу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ,—къ ихъ сестрамъ Дарьѣ и Евдокіи, которыя имѣнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Ник. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія имѣнія перешли къ Ладомірскимъ.

[89]) Бѣличій мѣхъ.

[90]) Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

[91]) Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ бракомъ за Мих. Вас. Душнымъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у И. И. Скоропадскаго.

[92]) Годовщины. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. примѣч. 25.

[93]) Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостолъ. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы—Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и имѣніями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостолъ отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Далисичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселилъ нѣсколько новыхъ слободъ: Нов. Дроковъ, Слище, Рослъ, Искрицу и друг. Умирая въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ около 2,500 крест. об. пола.

Івану 60 к. Розышлось на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макрины и отсылцѣ листа до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolaterias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиневъ порахунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крамныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Заплочено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались винновати 2 р. За Савку Кожомяку перенялъся заплатить рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а брать у него имѣемъ лоемъ и мясомъ отъ сего числа; бондару за набите кухви на медъ 8 к. Розышлось на розницю 8 к. Посланы писма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилкою листа Лисаневичового до сотника лохвицкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лицицкимъ людямъ, которіи дранъ драли, а доводится имъ решти 2 р. Снѣцару [94]) за рямки 10 к., за зроблене свѣчъ восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертици 7 к. Розышлось на розницю 11 к. За сѣчку 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайци своего полову, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайця жъ. Малярамъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що нѣмецкіе чоботи шивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., маляру 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., снѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направы стѣнный дзегарь [95]), которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлось 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и оному на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботы 20 к. Кравцю,

---

[94]) Столяръ.

[95]) Часы.

що ковдры [96]) перешивалъ, 12 к., на нитки 4 к., за вибойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны [97]) 3 к. Полковникъ позавчора обославъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ онъ же на слѣдующій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ началъся отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисицъ. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ мнѣ Богъ сина, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ [98]) 90 к. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба [99]).

25. Получилъ листъ отъ енерала де-Вейзбаха.

26. Vacant.

27. За сѣмъ щукъ рибы 55 к.

28. Одправлено крещеніе сину нашему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Івановичъ Ду́ровъ и ея м. панѣя Андріева Миклашевская [100]).

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцевъ за 6 р. 60 к.

30. Карпу кухару [101]) за трудъ его данъ сафянъ.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина генерала кавалера, графа фонъ Вейзбаха о паруспой пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотнѣ полковой.

---

[96]) Одѣяла.

[97]) Шерсть.

[98]) Одинъ изъ видовъ сладкихъ закусокъ.

[99]) При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «роднинымъ».

[100]) Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ бракомъ былъ женатъ на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ—на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

[101]) Повару.

3. Свѣцару дано задатку на шафу 20 к., черпецу перехожому 20 к., на розницю пошло 8 к. Писано писмо до полковника черпѣговского за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинского стороны коней, къ нему посилатись имѣючихъ.

4 Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошми пять копъ, запаску штаметовую, тры чвертки житной муки, а чвертка крупъ. Сего жъ числа пріездили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій [102]) и Романовичъ, принеся вину свою въ томъ всемъ, чимъ мене попосилъ предлюдне.

5. Пришолъ указъ отъ ясневелможного о приготовленюся въ походъ. За інбиру фунтъ дано 12 к., на розницю розышлось 8 к.

6. Розышлось на розницю 16 к. Зъ Стародуба віехалъ и почовалъ въ Борщевѣ.

7. Прибылъ въ Погаръ и сталъ квартерою у Круковского.

8. На покупку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвцѣ 90 к., за стіонжки два локтѣ зъ чверткою 1 р. 10 к., за сковороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарнѣтури попелястой, по 6-ти гривенъ 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за фляшу вина 50 к. Заплаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Былъ въ Перегонѣ у мене панъ тесть и отехалъ тогожъ дня ввечерѣ.

10. Днібвалъ тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибылъ въ Стародубъ.

12. Былъ у мене въ домѣ на кушаню панъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зыбкой [103]) 8 числа сего мѣсяца.

13 Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновый.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлось на розницю 72 к. Взято сукна на колиску для Петруся 3¼ локти за 1 р. 17 к., крашенины 3 аршины зъ четвертю за 16 к.

---

[102]) Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новомѣстскій.

[103]) Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зыбкая, изъ которой возникъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Миклашевскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тростани.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделянную суку молодую панъ Ігнатъ Данченко, приведенную зъ Москви. Помирилась наша панѣ матка и другіе претенсори зъ п. п. Миклашевскими въ претенсіи о рубановскомъ добрѣ [104]) и въ проч. Писанъ листъ до отца намѣстника Чолнского въ отвѣтъ противъ его писма, такожъ до пана Леонтія Галецкого, что перенялъ ся я за него платить Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского [105]) писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе на Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ шевець 50 к., а емужъ даны за роботу 15 к., еще томужъ шевцю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясневелможного правили за его здорове молебствіе. Розошлось на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку сими часы заплатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Янченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тимъ лищицкимъ мужикамъ, которіе подрядились драни випускати, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ дранѣ. Привезено зъ степу возовъ 14 сѣна. Гармашу дано 6 к. Взято у Пузиря 10 пополокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Янченко 74½ фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку [106]).

22. За пошите рисіого кунтуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведя и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За направу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ писма зъ Кіева отъ Козмы Іакимовича, отъ Рогуцкого зъ солянками, зъ Козелца

---

[104]) Рѣчь идетъ о глуховскихъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настасьи Корецкой женатъ былъ первымъ бракомъ.

[105]) Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

[106]) Разсчетъ.

отъ пана дядка и отца брата [107]). Священику за молитву зъ паламаремъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Теслѣ Паташу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. ншиковыхъ денегъ; сего числа рощотъ и расплатка здѣлана зъ Федоромъ Янченкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочные дни розишлось на всякіе домовые и другіе росходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Топалѣ у графа [108]) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніюмъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикѣ:

Кляча рижая приводу съ Погару воровъ—именемъ одинъ Яковъ Гриценко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Левко Карповъ сынъ Харзоненко, житель сотнѣ топальской, села Могилевца, да въ перегонского жителя Зенка Гриноселна тогожъ приводу имѣется кляча рижая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороновкомъ конику, якого онъ приводу, исправится не почему.

1731 году Сентев. 9. Зде выраженныя клячи рижіи и коникъ вороный приняты въ дворѣ нашомъ въ Стародубѣ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генварь.

1. По обѣдне поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Обявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избирали кандидатовъ на асаулство полковое и на хоружество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Полтаву зъ писмами до его сіятелства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и зъ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожная енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорского величества о наслѣдствіи и зъ формами

---

[107]) Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Чернит. Епархіи, V, 192.

[108]) Рагузинскаго.

присягъ, такожъ и зъ универсаломъ рейментарскимъ о виконанію той присяги [108]).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинили полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовные и мирскіе.

5. Розмилось на розницю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по одправленномъ водосвятіи, палено зъ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топалская бѣглымъ огнемъ, которіи сегожъ числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница зъ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ срѣбра и полтину денегъ на зроблене табакерки. Сговорилъ сребцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Томужъ срѣбцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи [109]) и Іванъ Івановичъ купали у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницямъ заграничнымъ дано 20 к.

10. Віехалъ зъ Стародуба въ Глуховъ, забѣраючи дорогу, и прибылъ на ночь въ Борщевъ [110]). Бабѣ, которая приходила одъ пана Максимовича зъ родиннымъ хлѣбомъ о родившойся дочерѣ его Татіанѣ (якая родилась зъ 7 противъ 8 числа), даны 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. н. Галецкій сотникъ полковый и менной Леонтій. У шинкаря чаусовского Ноздри взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Витемле, где подданые пана сотника полкового даровали насъ рыбою и вюнами. Писаны зъ Перегону писма до пана тестя и до жены, да до пана сотника варвинского зъ отправленемъ кобылицъ и лошатъ, всехъ 20 штукъ, а зъ тимъ велено одправить Грицка зъ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса чвертку для лошатъ.

---

[108]) О принесеніи присяги.

[109]) Рагузинскіе.

[110]) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежалъ Гамалѣямъ, роднымъ братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Івану Кошцѣ. Ночью въ Витемлѣ получено писмо одъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данченка зъ Мехедовки подъ датою зъ Шатрищъ. Зъ Мехедовки по обѣдѣ прибылъ въ Шатрища на ночъ.

14. Зъ Шатрищъ пріехалъ въ Глуховъ по полдни въ 3-мъ часу, и сегодня нигде не были. Розышлось на розницю 17 к.

15. Рано кланялись ясневелможному и обѣдали у столу гетманского. Положены въ карбоцу 60 к. Дано срѣбра 16 золотн. Петру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового [112]), которому родилась дочь Татіана, якой воспріемниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясневелможная панѣ гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асаулові енер. пану Мануйловичу, въ вечерѣ—панамъ хоружому и бунчужному енералнымъ. Я зъ рана кланялся полковнику и глуховскому комменданту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Івановичу Лвову, зъ хлѣбомъ и зъ звериною.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. [113]). Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и комендаnта господина Кишкина.

18. Одклanявшись ясневелможному, паничи отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника, до пана тестя и до жены. Розышлось на розницю 26 к.

19. Писано писмо до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и облѣгъ своеручный вручилемъ пану Федору Чуйкевичу [114]) и писмо до тогожъ

---

[112]) О. Мойсей Богаевскій былъ войсковымъ капеланомъ около 20-ти лѣтъ (1720—749); отъ него пошли теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черн. Стат. Ком., кн. 2-я, 70—72.

[113]) Жолдацкая называлась особая гетманская сторожа. Для поселенія сей й этой сторожи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, на которомъ и возникло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

[114]) Федоръ Чуйкевичъ, бунчук. тов., сынъ Александра Чуйкевича, бывшаго полтавск. полкового писаря при Самойловичѣ. Женившись на дочери кролевецкаго протопопа Демьяна Маковскаго, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое слободу Грузскую подъ Кролевцомъ, которую впослѣдствіи передалъ также въ видѣ приданаго, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Аннѣ.

сотника пана хоружого енералного Горленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховского крепи чорной $3^{3}/_{4}$ локтя, да нузименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давныхъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если доправить денги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ з оныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себе-жъ ренту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ приселалъ; на школы кіевскіе далъ двойный черьоній. Прибылъ Игнатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо въ Москву до пана Андрея Горленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе стороны данного ему моего меморіалу. Писано писмо до пана Өедора Шарая [115]) о одобраню клевѣкорда у пана Івана Кулябки, и до пана Кулябки о видачи оного клевѣкорда. Да писалъ панъ Іскрицкій и карту мнѣ объ ономъ вручилъ. За $^{3}/_{4}$ бѣлокосу дано $41^{1}/_{2}$ к.

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Розышлось на розницю копѣекъ 9.

23. Онъ-же полковникъ былъ у ясневелможного и обѣдалъ зъ полчанами. Далъ на росходъ 30 к., цилюрнику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розышлось на сѣно, овесъ и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ея імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ панъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій и Янушкевичъ, писарь чернѣговскій и Давидовичъ, товарищъ значковый, одпущенные зъ Москви. Чрезъ пана Холодовича прислана грамота о пожалованю пана Івана Борозны судею енералнымъ, а пана Турковского—писаремъ енер. полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ [116]).

---

[115]) Федоръ Шарай былъ женатъ на дочери Петра Кулябки, а слѣдоват. на внучкѣ гетм. Апостола (Петръ Кулябка женатъ былъ на Аннѣ Данил. Апостолъ). Иванъ Кулябка, у котораго нужно было взять «клевѣкорды», былъ братъ жены Федора Шарая. Впослѣдствіи онъ былъ полковникомъ лубенскимъ. См. примѣч. 67.

[116]) С. Пироговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ м. Воронежа, гдѣ Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу вѣкарію николскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розишлось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходителство, господинъ генералъ и ордина Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григоріевичъ Нарышкинъ прибилъ въ Глуховъ по полдиѣ, которого визитовалъ и ясневелможный на его квартерѣ. Розишлось на сѣно 21 к.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генералъ Нарышкинъ былъ у ясневелможного въ домѣ и вручилъ его ясневелможности грамоту о опредѣленіи мастности старшинѣ енералной и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розишлось 40 к. Одклонился ясневелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розишлось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., віехалъ я зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Шатрищи.

2. Прибилъ на службу [117]) въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибылъ въ Чауси и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибылъ ночью въ Стародубъ. За рибу въ Каменѣ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебствоствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковници гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечерв были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляня.

5. Былъ у полковница и прощался за позавчорашную при гулнѣ досаду. Одправлена баба въ Погаръ, которой дано сукна на кунтушъ темнозеленого за 2 р. 63 к.

6. Розишлось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарци 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочее 8 к. Прибилъ въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Васылю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за мелъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ посилкою кадриліи, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловского, виданномъ зъ новомлинского уряду.

---

[117]) На обѣдню.

10. Дано лищицкимъ людямъ, которiи на драпь подрядилисъ, вмѣсто полчвертки муки 20 к., а полчвертки еще имъ надлежитъ.

11. Слѣсарю, который дѣлаетъ шафу, дано 30 к.; на розницю розышлось 14 к. Гришки Соколова умершого тѣло повѣшено за ребро на ~.

12. За мясо заплачено и на проч. розышлось 22 к., дано Василю 20 к.

13. Графиня [116]) зъ полковниковою де-Фронбiсовою обѣдали у полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночовали. Розышлось на медъ, мясо и проч. 36 к.

14 к. Послалъ чрезъ Бардовского до графа 30 р., да 5 кусковъ полотна парусного. Писала панѣ матка и я до пана Iвана Гамалiи въ Москву чрезъ денщика графского, который посланъ доганять графа Мойсея Iвановича. Пошло на розницю 7 к. Пытаны Соколовъ зъ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для свезеня оного въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медъ заплачено 19 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писалъ писмо къ дiакону Протерiю въ Лищичи, чтобъ позволено выпустить брусовъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпуску и людей велено одправить зъ Пятовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницю 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медъ заплачено 15 к.

18. Слѣсару отданы остальныя денги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Топалѣ, одколь коло вечеренъ уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рибу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многiе гостѣ, которiе послѣ поехали до пана Iвана Миклашевского.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р. дано.

22. За лѣйци (вожжи) ременные пароконные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ термѣнами указовъ о калкуляцiи денегъ.

23. Василю слузѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., на розницю 10 к., за осмачку овса Гриневичу 30 к.

---

[116]) Анна Рагузинская, дочь бунч. товар. Ивана Бороздны. Второй мужъ ея—Ив. Андр. Гамалѣя.

24. Покроено Алексѣю и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на нитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницю 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Івану, що з Воря (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Звѣнцю хлопцю покроено вчера камзолъ и епанчу; пошло на тое парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлось на розницю 72 к.

27. Заплатилъ Мандзенку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медь и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Липицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Маляру умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня вороностриженатого.

29. За козла жовтого 40 к., на рибу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковница де-Фронбісова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляши легонского, 2 простого полинкового. Далъ кунтушъ свой откроенный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полпята локтя камлюту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покреяны дитинѣ суконки, до которихъ на шовкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до енерала де-Безбаха, до ксенза капеляна его, езуитa, и до пана Тимоновича. За розные багателѣ (мелочь) кухенные 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ легонского и за чотири червоного полинкового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ [119]), которой дано лудань фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицъ сосновыхъ 4 к., за хрѣнъ 5 к., за два каменѣ [120]) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 локоть 36 к.

---

[119]) Красальщицѣ.

[120]) Камень - 50 фунтовъ.

4. Подрядился гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчъ дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а въ спняхъ коменъ, пѣчъ-же покоццованную, а коменъ зъ сеней мурованый и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплатки 80 к., Кагушку кравцю на шовкъ 4 к., за щуки и окунѣ рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розышлось на розницю 37 к.

6. Розышлось на розницю 65 к.

7. Одправлено писмо до его м. пана Скоропадского о небезпечной ради распутицы дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; розышлось на розницю 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музыки зъ хоромнымъ строеніемъ, въ тылу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ далъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтроліогатору (переплетчику) 10 к., на нитки кравцямъ 6 к., на розницю 14 к.

9. Расплатка учинена зъ Яценкомъ и другими за сукно, рисѣ, шнурокъ, таоу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медъ 8 к., на нитки 5 к., за сопиру 8 к., фарбилницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на крупъ 10 к., за шнурокъ и нитки Іванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатилъ за Пузира пану Скорупѣ 20 р.

10. Шевцю за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцямъ за роботу 70 к., на нитки, гаплики и шнурокъ 7 к., Макринѣ на серванокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправилъ Івана Концку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матцѣ.

11. Віехалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на росходъ 5 р. денегъ. Занялъ у Конончука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и облѣgъ ему далъ.

12. Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, копеліокъ, aurеum и дѣтямъ стюжечки. Васлю дана полтина на росплатку его за гоние (лѣченіе). Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Віехалъ съ Перегону, обѣдалъ въ Гремячомъ, ночовалъ въ Пушкарахъ [121]. Розышлось 8 к.

14. Прибылъ на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шептаковского обѣдалъ. Одтоль ехалъ на Шептаки и прибылъ на ночь самъ въ Новгородокъ, а возки ночовали у млина пролевецкого.

15. Отдалъ войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавилъ.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Віехалъ зъ Новгородка, на ночь позно прибыли въ Локотки.

17. Попасовали въ Собичевѣ, на ночь прибыли въ Глуховъ. Сего числа ясневелможная віехала зъ Глухова до Сорочинецъ [122].

18. Весь день пробивалъ въ дворѣ гетманскомъ. Получилъ писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости севдоколеского.

19. Былъ у его м. пана писаря и обозного енералныхъ. Цирулику за голеня 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розышлось на розницю 75 к.

22. Віехалъ зъ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, ночовалъ въ Слоутѣ [123].

23. Прибылъ въ Новгородокъ ночю. Розышлось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушалъ службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно віехавъ, прибылъ на ночь въ Смячь. Вчора послано удостоеніе для подпису до асаула енер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василіева.

26. Прибылъ въ Перегонъ и ночовалъ.

27. Прибылъ ночю въ Стародубъ.

28. За пообмаліоване колѣсъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розышлось на розницю 8 коп.

---

[121]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[122]) Село миргородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

[123]) Село въ 12-тя верстахъ отъ Глухова.

30. Прислалъ Колчевскій 4 щуки рыбы. Писалъ писмо до пана Андрея Миклашевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о млинѣ и проч., что въ продажу. Послано писмо и до пана Борковского.

31. Данъ конь гнѣдій кулябковскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника ³/₄ колодной мѣры на пиво солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до бровара 2 возы дровъ., на крашенину докупить нѣмому на юпку 8 к., на шнурокъ до дѣвчинского жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розышлось на росницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Априль.

1. На крашенину и нитки до панеи кунтуша штофового 12 к. Розышлось на розницю 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Івану ворскому каеанъ крашеновый зелений и свиту бѣлую; нѣмому каеанъ крашеновий-же. Дѣвчинѣ Улянѣ кунтушикъ суконный. Шевцю даны дѣлатись чоботи жовтіе и ему жъ на потребы дано 14 к.

2. Присланъ унѣверсалъ и листъ зъ Глухова о Белявицѣ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посылкою списка и росписки, ревнянцямъ отъ карповцовъ[¹²⁵]) данной, и термѣнъ двохъ, да листи графа Сави Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересылцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотнѣ погребского Іосифа Колмиченка. Получены указы о высылкѣ 30 тысячъ роботниковъ на лѣнѣйную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ лошкомъ, мужиковъ 2038, также о постереганю, чтобъ люде не розыходилысь.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлось 4 к.

5. Заплатилъ Лаврѣну за 10 фунтовъ ганшпу 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на ярь 25 к. Домонтовичу за зробленє штофного кунтуша панеи 25 к.

6. За цуговцѣ Алексѣю и Василю 20 к. За офарбованє крашенины 20 к., за полотно подъ хлопячіе жупанки 20½ к., огороднику 15 к. Розышлось 19 к.

[¹²⁵]) Д. Ревна и с. Карповичи—новозыбковскаго уѣзда.

7. За три прищепки 30 к., слѣсару 20 к. Максиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдалься и причащалься: розишлось на розницю 95 к.

9. Въ Новгородку панъ Данило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по всеношной умре[125]). Сего числа и вчора панѣ теща жестоко была болна.

10, 11, 12. Розишлось на разные експенси 3½ р.

14. Маслосвятіе отправилось надъ панею тещею, и сего числа віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ. Далъ панъ Федоръ Ширай 15 р. на покупку шпалеръ[126]) въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11½ аршина, а высотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень ганишу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Ноздри 6 р., зъ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одъ самого 3 р. и изъ тихъ велѣлемъ панѣи отдать 2 р. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночь въ Каменскую Слободку[127]).

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ. сотникови новгородскому отдалемъ должные 5 р. На ночь прибылъ въ Богдановку. Розишлось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамаліевцѣ[128]), обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у ясневелможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ талярь битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ минѣстерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покупку двохъ куницъ панѣ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донского при письмѣ хустку.

---

[125]) Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородсѣверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

[126]) Обои.

[127]) Теперь с. Каменка, новгородсѣверскаго уѣзда.

[128]) Гамалѣевскій женскій монастырь около с. Локотковъ, глуховскаго уѣзда, построенъ гетманшею Скоропадскою.

21. Пообдіралъ писма у господъ разныхъ, да и експедицію совсѣмъ отобравши, одклонялся ясневелможному и прочіимъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибылъ на почту (станцію) товстодубовскую въ 10-мъ часу, одтоль въ Сѣвскъ по полднѣ въ 4-мъ часу; за двѣ осѣ 6 к., на розницю 4 к., тому що поддѣловалъ оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо подъ возкомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибылъ на почту Любоцевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Одтоль на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, въ Чаенцѣ попу дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомовъ въ 3-мъ часу по полуднѣ, тамъ на перевозѣ дано 4 к., Прибылъ въ Карачевъ въ полдевятого часа, тутъ на діоготь и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, одтоль віехалъ вполтретя часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесята часа пополудни; тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтретя часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що поддѣловали двѣ осѣ 5 к., на розницю розышлось 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1½ часа по полдни и претерпѣвши несносніе досады отъ дожча, бездорожя, темноти ночной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіевича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 версту одъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рибу на Окѣ подлѣ деревнѣ Машковихъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ ночю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розышлось 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлось на розницю 14 к.; одтоль поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадѣ, прибылъ на почту до Черничного и тутъ ночовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тоей почты и на дорозѣ встрѣтившись зъ курієромъ кіевскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Цареградъ сего

апріля 22 д.; перемѣнилъ лошадѣ и прибылъ на почту въ Пахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розышлось на розницю 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополуднѣ и сталъ квартерою на Мясницкой, въ домѣ переводчика Іностранной Коллегіи Лва Петровича Грузинца.

29. Целюрику за голене 10 к., на прочее розошлось харчевое 40 к. Ужиналъ и ночовалъ у пана швагра Івана Гамаліи.

30. Обѣдалъ въ домѣ и зъ гостми. Розышлось на розницю коп. 10. Дана хустка едвабная [128]) У(ріилу) подячему.

М а й.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексію данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужди данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панее Ломиковской за $5\frac{1}{2}$ руб., которые вручены для отвозки пану Ігнату Данченку.

2. Даны пану Ігнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ таци [130]) маліе зломаніе, полумисокъ одинъ старій, цѣновапые [131]), для обмѣна въ рядахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣновацую жъ, и въ доплатку, що надлежатимсть, даны 2 р. За сапоги заплочено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николая Мануйловича Мотонія [132]) женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Валимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запинанки [133]) по парѣ имъ здѣлать, да дочере-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницю дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Ігнату Данченку, писанные до ясневелможного, до пана Скоропадского зъ отвѣтами одъ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, зъ подписомъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що виходилъ зъ ямской пашпортъ, дано 20 к. Віехалъ зъ Москви

---

[129]) Шелковая.

[130]) Блюдо.

[131]) Оловяные.

[132]) Грекъ Мотонії былъ родоначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей-его, по женитьбѣ на Жураковской, получилъ богатыя имѣнія около Нѣжина (с. Ляповъ Рогъ и друг.).

[133]) Кошулка—рубашка, запинавка—родъ фартучка.

въ 6-мъ часу по полдни и прибылъ на почтовой станъ въ село Чорное за полночь, одтоль віехалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ до Пешокъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешекъ прибылъ въ Клинъ въ 2-мъ часу по полдни, и тутъ призивалъ мене къ себѣ и потчовалъ воевода здешный Глѣбъ Прокофіевичъ Радищевъ, до которого я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофіевича Радищева. Зъ Клину віехалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ верстъ одъ Клину, въ ямщицкой слободѣ, зломалисъ подъ коляскою дронги и подушка, и покамисть подделали починку, пробавилъ до 7 часу. Заплатилъ плотникамъ и кузнецовѣ 10 к., а въ 7-мъ часу віехавши, прибылъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Одтоль в 3-мъ часу пополуночи віехавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а одтоль въ Тферъ въ пolодинадцата часа. Одтоль віехалъ въ 2-мъ часу и переехалъ чрезъ Мѣдное, зъ перемѣною коней, прибылъ позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видропуску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а одтоль до Хотѣлова. Въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розшилось 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мазницю з діогтемъ дано 15 к., одтоль до Зимніого и до Зажолобичъ, а одтуду цѣлую ночъ ехавши, прибылъ—

7. Рано до Крестца; тутъ встрѣтилисъ два геодезисти, изъ адмиралтейства на Воронежъ посланние: Федоръ Алексіевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Поповъ, которіе обявили, что панъ Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартерою въ Пушкарской Морской, на адмиралтейской сторонѣ, подлѣ Шаевского рынку. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Крестца прибылъ до Заяцова и переправилисъ за деревнею Бронимъ Станкомъ, до 5 верстъ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ свѣтомъ въ Бронницы.

8. Рано зъ Бронницы судномъ пустившисъ, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розышлось на хлѣбъ, медъ и укусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, віехалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ нуж-

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то поспѣшне ехали.

9. Рано прибылъ до Сосницкой Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: оттоль взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты въ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тіосни, одкуду ночю поехавши,

10. Пріехалъ рано до Іжоры, и тутъ за рибу дано 5 к., на прочее дорогою розышлось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полудни и заехалъ на квартеру пана Андрея Полуботка [134]) въ Морской Пушкарской и тутъ ночовалъ. Сегожъ числа ея и. величество изволила въ адмиралтействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и палено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова [135]) и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представилъ онъ же писма надлежащіе въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербурскомъ Островѣ, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Івановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ пробавилъ.

12. Представлялъ мене Петръ Василіевичъ графу Остерману, которому и писмо вручилъ: потомъ былъ въ коллегіи іностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего статод. Іваномъ Александровичомъ Дуровымъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба присланые, вручилъ.

13. Рано перевезлься на Петербурскій Островъ въ квартеру Павла Апостола [136]). За перевезеніе бутарю, извощикамъ и перевощикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-лакей Іванъ

---

[134]) Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

[135]) Секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Архивъ Сената, Баранова, II, № 2351.

[136]) Павелъ Апостолъ—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына послѣдняго—Ивана, отъ брака его съ Еленою Михайловною Корсакъ (см. примѣч. 88). Онъ воспитывался въ Спб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартерѣ. Тамъ-жеи въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣжъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцямъ Петра Василіевича Курбатова, которіе мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розишлось отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по ее число на разный расходъ 1½ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ въ моемъ дѣлѣ партикулярное къ нему отъ гетмана писмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащій въ коллегію іностранную, о удостоеніи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлось на перевозъ 13 к.

17. Рано былисмо въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправленіи обѣднѣ, вручилъ ея-жъ высочеству писмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Далъ 1 р. на покупку дротовъ и прочого, до направы коляски надоблого, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ[131]), у его сіятельства графа Гаврила Івановича Головкина. Обѣдали у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдаючи визиту его сіателству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодшого графа Бѣрона, которій княжну Меншикову поялъ, и домъ его подлѣ зимнего государевого дворца, что былъ прежде корабелного майстера Шклиева. Былъ у отца Платона Маліновского архимандрита іпацкого и въ егожъ домѣ кушалъ. Розышлось 4 к. Отдалъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитріа Михайловича Голицина и у преосвященного новгородского зъ паничемъ и писма поотдавали и меморіалъ своихъ нуждъ преосвященному подалемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Кондратіемъ Витаговскимъ, а вторымъ— за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Крапивинымъ. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процессъ съ Римскими-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшее ея бабкѣ, Еленѣ Корсакъ.

[131]) Подъ именемъ »панича« вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостолъ.

насъ своею баркою даже до квартери отослалъ. Сего числа писано отъ мене писмо до ясневелможного подъ вчорашнею датою съ объявленіемъ о пріездѣ моемъ въ С. П. Бурхъ, чрез рейтара кіевского. За мите платя и на мило дано 13 к.

21. Рано былъ у князя Алексія Михайловича Черкаского и подалъ писмо гетманское. Службы слушалъ въ церквѣ Ісаакія. Розышлось на розныю 12 к. Въ 1-мъ часу по полдни изволила ея і. величество восприять маршъ водою до Ладожского каналу, и въ 3-мъ часу изволила прибыть въ Невскій монастырь, гдѣ палено на салве зъ пушекъ, и когда изволила ея і. величество всесть въ судно Тормшкоєъ, на которомъ и імператорскій штандартъ былъ, при дворцѣ въ С.-П Бурхѣ, то дважди зъ суденъ, такожъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости випалено по одинокожди зъ пушокъ, въ адмиралтействѣ зъ 77, а въ крѣпости зъ 77, а зъ суденъ дважди по 17 пушокъ, и того за двома разами виплалено въ обохъ крѣпостяхъ и зъ суденъ зъ 188 пушокъ. По полдни былъ въ нашой квартерѣ панъ Андрей Полуботокъ, которому и карти новіе подарилесмь. Розышлось сегодня 11 бутилокъ вина и полаикера, за котирий дано 2 р. 25 к.

22. Ездили на Василіевскій островъ къ Петру Василіевичу, також онего не застали въ домѣ. Сегожъ числа по полдни былъ у насъ на квартерѣ камерь лiокай ея і. высочества Іванъ Федоровичъ Котляревскій и позабавилься годинъ зъ 4.

23. Никуда зъ квартери не бывали ради великой чрезъ весь день непогоды. За направу туфлювъ дано 6 к.

24. Ея і. величество изволила возвратится зъ походу, не доехавъ Ладожского каналу за великою противною погодою верховою, которая перейти пороговъ не допустила на Невѣ, а во время пришествія въ С. П. Бурхъ такожде палено зъ пушекъ 188. Были у Петра Василіевича на Василевскомъ острову. Fungi ibidem relicti [135]). На перевозъ 5 к. себѣ, за двѣ бутелки 4 к., на перевозъ Алексію 2 к. Алексію на его нужди 10 к. Вечеромъ були у отцевъ архимандритовъ іпатского и донского.

25. Писма писанные въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до господина Пасека и до пана Юркевича подъ

---

[135]) Тамъ оставлены грибы.

вчерашнею датою, и до пана тестя, до жены, до полковника нашого, до пана Андрея Миклашевского и до пана Скорупы и до Стефана въ Перегонъ подъ нинешнимъ числомъ, вручены въ коллегіи іностранной для отправы до Глухова на почтѣ. Сегожъ числа и виписку въ коллегіи читалъ, учиненую по челобитю Корсаковому [139]) и по нашихъ спорнихъ челобитныхъ. Яхта імператорская пришла зъ походу и палено на приходъ зъ пушекъ. Сегожъ числа князю Шаховскому подалъ писма въ моемъ дѣлѣ, писанные отъ гетмана, генерала де-Вейзбаха и пана Скоропадского, такожъ и мое прошеніе зъ копією челобитной спорной противъ Корсака. На перевозъ пошло 10 к.

26. Былъ въ коллегіи и подалъ писмо, за мною отъ гетмана къ Василію Василіевичу Степанову [140]) тайному совѣтнику писанное. На перевозъ пошло 4 к. Купилъ двѣ бутилки фронтиніаку, дано 60 к., сира аглинского 18 фунтовъ, фунтъ по 8 копѣекъ, дано 1 р. 44 к. Ея величество изволила быть въ адмиралтействѣ, и палено зъ пушекъ.

27. Былъ въ квартерѣ нашой Васил Федоровичъ Яворскій, камеръ юнкеръ ея высочества государыни царевни, с. і. зъ єздовымъ сержантомъ, и обѣдали тутъ, а послѣ были мы у графа Сави Владиславича, который насъ своею верейкою отослалъ ажъ до квартери, дано гребцямъ 25 к. Сего числа начали ходить по мосту, на Невѣ сдѣланномъ.

28. Обѣдню слушали у церквѣ Троицкой, а по полдни ездили графскою шлюпкою на Василевскій островъ и были у Петра Василіевича Курбатова, у Василія Василіевича Степанова и у переводчика Бялошицкого. Розийшлось 10 к.

29. Были въ дворцѣ и тутъ въ придворной церквѣ было молебствіе о состоявшемся трактатѣ зъ Персією, да для тоей же оказіи поставлены были полки 3 гвардіи и нѣсколко пѣхотныхъ кругомъ дворца и другихъ палатъ, и перве палено зъ пушекъ на трехъ суднахъ, на Невѣ стоячихъ, потомъ зъ крѣпости и зъ адмиралтейства,

---

[139]) Максима Михайловича Корсака.

[140]) Василій Степановъ — членъ иностранной коллегіи и дѣлецъ своего времени. См. Архивъ Сената, Баранова, №№ 1630, 2728 и друг.

да звову зъ пушокъ передъ дворцомъ поставленныхъ, и всѣ полки палили бѣглымъ огнемъ трижды. Tandem былъ банкетъ въ дворцѣ. Панъ Горленко [145]) былъ у ручки государыни и у принцессы. Розышлось 5 к. Тамъ же въ дворцѣ подалъ я листъ отъ ясневельможного графу Левенволду, оберъ гофъ-маршалу, и поручику Ерголскому отъ Богдана Івановича Пасска. Подъ симъ числомъ помѣченъ листъ гетманскій рукою Петра Василіевича Курбатова, въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ поданный передъ симъ, зъ удостоеніемъ мнѣ на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ подписанный.

30. Были въ домѣ государыни царевны Екатерины Іоанновны, только не получили времени поклону отдать. Послѣ былъ въ коллегіи, и зъ регистратури війнолъ листъ гетманскій по записцѣ. На перевозъ и проч. пошло 13 к. По обѣдѣ были у капитана поручика семеновского полку Івана Івановича Косогова на Василевскомъ острову, а одтоль былъ я у князя Алексія Івановича въ домѣ и о своемъ дѣлѣ просилъ. Потомъ были зъ паномъ Андреемъ Горленкомъ въ домѣ ея і. высочества государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, у духовника отца Костантія, и тутъ довго позабавилисъ зъ компаніею, въ которой была и фрелина ея высочества Марія Михайловна Нарышкина, господина генерала Семена Григоріевича Нарышкина родная племянница, да гофъ-юнкеръ Алексій Григоріевичъ Жеребцовъ, такожъ сынъ оного отца духовника Алексій, которій на Украину отправляеться; и тамъ позабавилисъ ажъ до полуночи.

31. Дано Алексію на желѣзо и проч. потребное до споряженя коляски 50 к.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Ея імператорское величество изволила переехать въ лѣтній новопостроенный дворецъ, и когда ея величество водою воспріяла путь въ баржѣ, то зъ суденъ и въ крѣпости въ адмиралтействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано были у графа Андрея Івановича

[145]) Андрей Андреевичъ Горленко, внукъ гетмана Апостола и братъ Іосафа, епископа Бѣлгородскаго, впослѣдствіи полковникъ полтавскій съ 1744 года до 1774. См. о немъ Русск. Арх. 1875, II, 257.

Остермана, потому и писма въ моемъ дѣлѣ отъ ясневелможного и отъ господина генерала графа фонъ-Вейзбаха вручилъ. Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою. Послѣ полдня былъ въ квартерѣ нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ, зъ которымъ и зъ другими доволно попили, и былъ я гораздо пянъ.

2. Весь день пробывши въ домѣ, а въ вечеру былъ Новоторжцовъ и привезъ панничу кормовые денги 45 р. на іюнь мѣсяцъ.

3. Розышлось на розницю 15 к., въ томъ числѣ на лекарство поваку 10 к., канорику 2 к.

4. Были въ дворцѣ лѣтнемъ, гдѣ церкви во имя святыя Тройцы было посвященіе; послѣ въ огородѣ гуляли и по службѣ были въ салѣ приходной съ новопостроенныхъ будинкахъ, въ которой превызрядные видѣли шпалери и прочее дѣло велелѣпное убороство. Обѣдали въ домѣ и рано передъ службою были и у графа Головкина, которому я и писма, за мною отъ гетмана и отъ генерала де-Вейзбаха писанные въ моемъ дѣлѣ, вручилъ. Розышлось на разный росходъ 48 к.

5. За ключикъ до зигарка 18 к., за книжечку латинского и нѣмецкого букваря 35 к., на гвоздики до чоботъ нѣмецкихъ 2 к. Одправлены писма на почтѣ до Глухова, и именно къ ясневелможному, зъ включеніемъ и писма отъ государини цесаревны и отъ енерала Ушакова, подъ датою 31 мая; до пана Скоропадскаго, подъ датою іюня 1; до жены подъ датою іюня 3, зъ включеніемъ и одъ полковничого сына писма; до пана тестя подъ нинешнимъ числомъ, да объ отправленіи оныхъ писемъ писалъ въ Москву къ подканцеляристу иностранныхъ дѣлъ коллегіи Урілу Ларіоновичу Іванову. Былъ сегожъ числа у Новоторжцова и Леонтіева, послѣ и у господина Базоницкого—переводчика, а оттоль идучи на перевозъ, повредилъ себѣ ногу, отчего занемогъ на ногу не помалу. На перевозъ издано 11 к.

6. За болѣваніе помятою ногу я съ избы не виходилъ. Подьячему Федору Афанасіевичу Іинхову далъ 1 р. и барилко водки. Розышлось на розницю 23 к. Hac die abductus in fortalitium Petrus Mirovitz sub aresto in secretam cancellariam [illegible]). Писано писмо до его

[illegible]) «Сегодня отведенъ въ крѣпость Петръ Мировичъ подъ арестомъ въ тайную канцелярію». Ср. Зап. Марковича I, 391. Мы не знаемъ, въ какомъ родствѣ

м. пана Скоропадского о Алексіѣ Константиновѣ Яблонскомъ, мунштуку.

7. Послалъ канцеляристу Леонтеву циду (кубарь, волчокъ) и бутель вина красного, и сей день пробавилъ въ домѣ. На перевозъ челяди дано 4 к.

8. Былъ въ коллегіи и писалъ писмо къ Уріилу въ Москву, чтобъ отправленный передъ симъ пакетъ въ Глуховъ вручилъ салдатамъ, отселя одправленнымъ, которіе зъ Петромъ Мировичемъ пріездили, одинъ преображенского полку Никита Шиповъ, другій гварнѣзону глуховского. Обѣдалъ и въ лазнѣ (банѣ) мылъся у отца Малиновского, которій и отправилъ мене на квартеру каретою. Пѣвчому малому государини цесаревны Іванкѣ Павлову данъ 1 р. и хустка едвабная (шелковая). Былъ у насъ же и бандористъ слѣпій Григорій Михайловъ [112]. За 3 бутылки меду 12 к., на перевозъ 9 к., на хлѣбъ 4 к.

9. За перевезеніе коляски 30 к., за переправку червоныхъ чоботъ и за направу Николаевыхъ 20 к. Николаю козаку на цитваровое насѣне 5. к. Вчера написанное писмо до Уріила вручилъ солдатамъ помянутымъ. Сегожъ числа писалъ писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского и до секретаря сенатского Івана Івановича Топилского, такожъ до Стародуба къ пану тестю, къ пану Федору Шираю и до жены—тамъ же поклонъ выразилъ п. п. Миклашевскимъ, Гамаліямъ и Корецкимъ шваграмъ и пану Скорупѣ, и отослалъ оные къ тимъ же салдатамъ чрезъ Кирила Семенова, служителя пана Павла Апостола. На перевозъ 5 к.

10. Посолъ китайскій, которій зъ свитою своею ездилъ до Пітергофа и до Кроншттату, возвратилъся оттуду на яхтѣ дворцовой, на которой трубачи зъ лѣтаврами играли, и для проходу оной яхты

былъ Петръ Мировичъ съ переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мировичемъ (1696—1706), но вѣроятно это одинъ изъ его потомковъ. Вина Петра Мировича, за которую онъ сосланъ былъ въ Сибирь (см. ниже 16 іюля), остается неизвѣстною. Преосвященный Филаретъ Гумилевскій догадывается, что онъ былъ одною изъ «жертвъ» Бирона.

[112]) Григорій Михайловичъ Любистокъ бандуристъ-слѣпецъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1742 г. онъ женился, въ слѣдующемъ году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники (Марк. II. 182, 191). Въ 1749 г.

мость на Невѣ розвоженъ. За лимонъ дано 3 к., гребцамъ 3 к. Николаю козаку даны 5 к. По полдня ездили шлюбкою графскою на островъ его жъ графскій и тамъ также въ дворцѣ загородномъ графа Савы Владиславича гуляли годинъ зъ 5. Цилюрику 4 к.

11. Получилъ писмо отъ ясневелможного первое по отъездѣ зъ Глухова. Пришла вѣдомость отъ пана Юркевича зъ Глухова, что жена пана Федора Ширая преставилась въ Стародубѣ маія 27. По полдни были въ домѣ преосвященного новгородского на Карповцѣ и тутъ изъ самымъ преосвященнымъ ходили по огороду и сами забавлялись годинъ зъ 6, а потомъ его-жъ преосвященство приказалъ всѣхъ насъ отвезть своею баржою.

12. Писалъ писма до ясневелможного и до п. Скоропадского да до п. Юркевича подъ вчорашнею, а до п. тестя и жены и до судового писаря Стефана Косача подъ нинешнею датою, зъ выраженіемъ поклону п. п. Гамаліямъ и п. п. Корецкимъ, которіе одправлены на почтѣ. За хлѣбъ французкій 8 к., на перевозъ и за пиво 20 к., за мите платя 10 к., за полаикерка бѣлаго вина 2 р. 50 к., за бутелку мушкателю 30 к., за фунтъ чаю 1 р. 50 к.

13. Принеслъ салдатъ глуховскаго гварнезону писма въ пакетахъ одъ п. Юркевича, въ которихъ изъ дому были писма; тому салдату дано 10 к. Сего-жъ числа ездили въ невскій монастырь, где по вислуханю службы Божой позваны въ келію архимандричую и тутъ по полднѣ въ 3-мъ часу перве кушали, потомъ ажъ до исходу 7 часу позабавили, таже въ началѣ 8-го отехали, и такъ туда, яко и назадъ ехали шлюбкою графскою. Были-же въ той компаніи преосвященные архіепископи крутицкій и нижегородскій, архимандриты чудовскій Колетій, іпатскій Платонъ Малиновскій и горицкій Іларіонъ, да Петръ александроневскій и другіе зъ мирскихъ и духовнихъ знатные, которыхъ всѣхъ трактовалъ ради отъезду своего въ свою-жъ епархію до Казани преосвященный архіепископъ казанскій Іларіонъ Рогалевскій.

14. Былъ у его сіятелства князя Алексія Івановича Шаховскаго и докладовалъ о писмахъ присланныхъ зъ Стародуба сторони

Любистовъ купилъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича († 1714) дѣдовскія ихъ имѣнія, село Хорошки и д. Пулинцы и отцовскія—село Ходлѣевку и степь Строкачи (теперь село хорольскаго уѣзда).

Волуйця [144]), потомъ былъ въ коллегіи да у отца Іосифа Федоровича, священника воскресенского, что на Василевскомъ острову, болного, которій просилъ послать писмо къ брату его пану Ходорацкому въ Погаръ. На перевозъ и проч. пошло 9 к., за ленточки нитчаные 4 к., извощику за отвезене до кузнеца коляски 4 к., на питки 1 к.

15. Писалъ писма до п. тестя въ Ригу и вручилъ для отсылки графу Мойсею Івановичу, да до жены и до Стефана Косача, писара суду полков. старод. и посланы оные до п. Юркевича въ Глуховъ. На перевозъ и проч. розышлось 9 к. По полдни были у Петра Василіевича, а послѣ у архимандрита іпацкого отца Малиновского зъ капичемъ, а ездили графскою шлюпкою.

16. Писалъ до ясневелможного стороны дѣлъ, что не могутъ быть рѣшены вскорѣ за немощію графскою, и о газетахъ французкихъ, да до судіи и писара енералныхъ [145]) стороны дворовъ ихъ, и отданы тіе писма отъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ для отсылки. По полдни въ 4-мъ часу спущенъ въ адмиралтействѣ корабль или фрегатъ, названный Вагенмейстеръ, въ 46 пушокъ, и при спуску оного изволила и ея імператорское величество быть въ адмиралтействѣ на шлюпкѣ, и когда мимо судна на Невѣ и мимо крѣпость и къ адмиралтейству пріехать изволила, то во всѣхъ тихъ мѣстахъ изъ пушекъ палено. За оковане коляски кузнецу дано 70 к., да за привозъ тоей-же коляски 6 к. На перевозъ и на проч. розышлось 23 к. Гуляли въ огородѣ князя Меншикова, а послѣ были у Петра Василіевича.

17. За подробленс до коляски дронговъ плотнику дано 50 к., на перевозъ и проч. 22½ к. Въ вечеру былъ у сына полковника нашего корабелного подмастеря Івана Александровича Дурова, котораго жена Катерина Андріевна зъ Копеліовыхъ была болна и причащалась; а рано и въ 9-мъ часу по полудни былъ у князя Шаховского, который сего-жъ дня єздилъ въ невскій монастырь и уже позно возвратилься.

18. По выслуханю обѣдпѣ въ церкви Троецкой, где служилъ архіерей вологодскій, преосвященный Афанасій, былъ въ крѣпости

---

[144]) Село Волуенъ стародубскаго уѣзда.

[145]) Судья—Михаилъ Забѣла, а писарь—Турковскій.

въ церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а возвратясь оттоль засталъ въ своей квартерѣ Василія Маркелова Леонтева канцеляриста, которій у насъ и обѣдалъ и за полдень до 4-го часа позабавился. За редку, бѣлій хлѣбъ и на медъ 20 к.

19. Писаны писма въ Москву къ швагру Івану Гамаліи подъ вчерашнимъ, и до Уріила Ларіоновича Іванова подканцеляриста іностр. коллегіи подъ нинешнимъ числомъ и одправлены на почтѣ. Сего-жъ дня зрана былъ въ квартерѣ нашей отецъ Адамъ зъ лекаремъ домовымъ преосвященного новгородского, а по обѣдѣ былъ камеръ-лiокай Іванъ Федоровичъ Котляревскій, которій посланъ въ Москву. Розышлось на перевозъ, хлѣбъ бѣлій и пр. 16½ к. Рано былъ я у преосвященного новгородского за своимъ дѣломъ, тонмо ничего не получилъ.

20. Былъ въ коллегіи рано, а послѣ обѣда ѣздилъ къ Новоторжцову и Леонтеву, да не получилъ Новоторжцова, а отъ нихъ заехалъ къ Іншкову и отдоль прибывши, ночю захоровалъ жестоко на горячку. Розышлось на розницю 24 к.

21. Весь день былъ боленъ и послѣ обѣда принималъ прошокъ лубенскій contra lumbricos (противъ глистовъ). За хлѣбъ французскій 7 к.

22. Принималъ прошокъ одинъ, данный отъ лекаря дому преосвященного новгородского, послѣ которого вышло глисти болше двохъ аршинъ: потомъ обѣдалъ зъ снятковю и спинкою борщъ, отъ чего мнѣ повредило горше. Розышлось на розницю 26 к.

23. По полдни жестокій былъ пароксизмъ, зперва зимно, а послѣ горячой фебри, и тривалъ (продолжался) болше десяти часовъ неотпустно, бо окончался ажъ въ 7-мъ часу по полночи на завтрее.

24. Лекаръ дому преосвященного новгородского давалъ прескрипцію, по которой посилалъ въ аптеку за лѣкарствомъ, якое и куплено за 50 к., и употреблялъ отъ жару. Розышлось на розницю 16 к.

25. Зъ полночи въ 11-мъ часу пущалъ мнѣ кровь зъ правой руки тотъ-же лекарь и випустилъ на двѣ талѣрки, якая жестоко была худая. Посѣщалъ мене Іншковъ зъ женою. Армашенку послана флашка водки. На хлѣбъ бѣлій 8 к.

26. Присланъ листъ отъ преосвященного новгородского до графа Головкина, за мною въ моемъ-же дѣлѣ писанный. По обѣдѣ бывшему у мене помянутому лекарю архіерейскому далемъ за труды 1 червонный золотій. Розшилось 4 к.

27. Посѣщали мене перве Новоторжцовъ и Леонтіевъ, которому вчоря дочь Евфимія родилась, послѣ переводчикъ иностранной коллегіи Петръ Михайловичъ Софоновъ. За хлѣбъ бѣлій и за двѣ лимони и проч. 8½ к.

28. Vacat.

29. Слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, и въ дворцѣ были всѣ кавалери святого апостола Андрея Первозванного въ своемъ церемоніалномъ одѣяніи, которіи шли до церкви и зъ церкви по пари, а именно графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ зъ графомъ оберъ гофъ-маршаломъ Левенволдомъ, графъ фонъ-Биронъ оберъ-камергеръ зъ генераломъ фелдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, князь Черкаской зъ посломъ цесарскимъ графомъ Вратиславомъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ зъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, за ними одинъ шолъ государственный великій канцлеръ графъ Гаврило Івановичъ Головкинъ, а потомъ ея імператорское величество, всѣ въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ, подбитыхъ бѣлими серебреними и несребреними матеріями. Колнѣры (воротники) у плащовъ парчовые золотые, а чрезъ колнѣры на цѣпяхъ (то есть ланцугахъ) золотыхъ у всякого висѣла на шіи кавалерія; шляпи зъ плюмажами бѣлими. Бачмаки бархатные чорные. Плате: кафтанъ золотій, камзолъ срѣбрный, штаны золотіе парчевые. По обѣдни кушать изволила государыня публично въ салѣ за однимъ столомъ зъ тими-жъ кавалерами, которіе у столу сидѣли въ шляпахъ и развѣ тогда толко поднимали шляпы, когда государиня пить изволила. До столу играла музика зъ пѣніемъ дамъ и кастратовъ, у другого стола кушала государиня принцесса зъ дамами и кавалерами, у третего генералы и прочіихъ чиновъ знатные мужескіе персоны. Послѣ обѣда приведенъ въ дворецъ посолъ китайскій съ съ своею свитою, а передъ обѣдомъ и между обѣдомъ палено зъ пушекъ доволно въ крѣпости и на суднахъ, передъ дворцомъ на Невѣ стоящихъ.

30. Далъ п. Косачу для переписки челобитную и универсалы. Вчора имениннику Петру дано 25 к. На хлѣбъ бѣлій и на перевозъ 7 к.

Іюль.

1. Были у его сіятелства господина вице-канцлера графа Остермана, потомъ я былъ въ коллегіи и видѣлъ выписку на бѣло переписуючуюся. На перевозъ 3 к.

2. На бутылку меду 4 к. Былъ у мене Федоръ Іевховъ зъ тестемъ своимъ Іваномъ Івановымъ.

3. Рано былъ я въ домѣ у Петра Васильевича Курбатова и о своемъ дѣлѣ просилъ, который велѣлъ пережидать сей тиждень, для того что пословъ имѣютъ отправляти. Сего-жъ числа подалъ челобитную въ коллегіи о мелницахъ до Перегона надлежавшихъ, что на рѣчцѣ Ворѣ, которыми нынѣ Корсакъ владѣеть. За 5 книгъ, 4 латинскихъ и 1 граматку руско-нѣмецкую, дано 2 р. 27 к. зъ переплётомъ. На перевозъ пошло 12 к. На хлѣбъ бѣлій 2 к. Вручилъ писмо Алексію Требенскому для одеслки въ Ригу на почтѣ до пана тестя въ писмахъ одъ графа Савы Владиславича, а оное писмо написано подъ датою сего іюля 1 д.

4. Обѣдалъ у насъ ученикъ и переводчикъ академическій Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, очень изрядный молодецъ. На перевозъ пошло 6 к.

5. Былъ въ коллегіи; на перевозъ пошло 13 к., на бѣлій хлѣбъ 8 к. По обѣдѣ былъ у Іевхова и у Егора Тимофіевича подьячихъ ін. коллегіи и женѣ Іевховой, ради именинъ ея, давъ 1 р.

6. На яхтѣ, одъ его сіятелства графа Головкина данной, поехали до Кронъштату въ 12-мъ часу, а прибыли въ Кронъштатъ въ 7-мъ часу по полудни. Передъ віездомъ дано Николаю козаку 10 к.

7. Капитанъ коммандоръ Ісаакъ Андріевичъ Брантъ присылалъ своего адютанта Ілдина зъ поздравленіемъ и зъ 2 шлюбками, на которыхъ поехали перве въ военную гавань, и тутъ были у капитана караулного Бориса Козмича Лебедникова, а одтоль попровадилъ насъ, и третую взявши шлюпку, капитанъ-лейтенантъ Александръ Артеміевичъ Возницынъ, который былъ прежде кавалергардомъ, на корабль Ангутъ въ 96 пушокъ, потомъ въ Кронштатъ, и на корабль Петръ Первый и Вторый въ 110 пушокъ, который

стоялъ на якорахъ между Кронштатомъ и купеческою гаванію, на морѣ совсѣмъ вооруженный, на якомъ въ то время было всякихъ людей зъ 500; и тутъ на кораблѣ все, что видѣть было и знать надобно, показывано. По полдни въ 7-мъ часу были въ обоихъ дворцахъ государевыхъ—въ старомъ квадратномъ и въ новомъ, что за церквою въ линіи зъ другими палатами, и все во всѣхъ покояхъ показивано.

8. Были рано въ мелницѣ, которою зъ канала, якій каменемъ викладивается, вѣтромъ витягаютъ воду. Дано за 3 кришталныхъ стаканы 21 к. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ віехали зъ Кронштату и что въ гаванѣ до виїстя (выхода) способной погоды не было, теди вышепомянутый капитанъ-коммандоръ господинъ Брантъ прислалъ свою десяти-веселную шлюпку, которая и яхту нашу зъ гаванѣ и далеко на море буксировала. Послѣ, опустя шлюпку, пошли на паросахъ и прибыли въ Аранибомъ въ 12-мъ часу, где во всѣхъ палатахъ и въ церквѣ были и по огороду ходили; тутъ огородникъ поднесъ панничу полумисокъ огурцовъ и цвѣтовъ розныхъ. Въ 4-мъ часу по полудни поехали зъ Аранибома и прибыли до Питергофа въ 6-мъ часу и тутъ ходили въ каменныхъ палатахъ болшихъ по всѣхъ покояхъ, тако-жъ въ гротахъ, и по правую сторону въ палатахъ, названныхъ Марли и Еремѣтажъ, где столъ на гирахъ и талѣрки подіймаются, и въ той-же сторонѣ по рощамъ и перспективамъ ажъ до позна гуляли.

9. Зрана пошли въ палаты, названные Момплезиръ, где во всѣхъ покояхъ и спалняхъ государевыхъ были и все преславное уборство видѣли, тако-жъ по городѣ и коло фонтанъ везде ходили; тутъ огородникъ поднесъ намъ по букету розныхъ цвѣтовъ, которому даны 10 к. Послѣ пришли опять къ гроту болшому и тутъ показивано намъ фонтаны и где на дзвонкахъ водою куранти играютъ и на тихъ-же дзвонкахъ играли, толко на болшіе фонтаны воды не пущано за оскудѣніемъ оной. Сего числа одехалъ князь Шаховскій въ Ригу. По полдни въ 3 часу віехали зъ Питергофа и не доехавши до Невы, за противною погодою, стали въ морѣ на якорѣ и тутъ ночовали.

10. Хотя зрана начали были лавѣровать, однако-жъ въ Неву ввойти за противною погодою не могли, и погодою-жъ взнесло яхту на мѣль, которую за ледво (едва) могли зъ мѣли сопхнуть на глу-

бокое мѣсто. чего ради поехалъ графскій человѣкъ Іванъ Семеновичъ, которій зъ нами и въ Кронштатѣ и въ другихъ былъ вышепомянутихъ мѣстахъ, до Питербурха и за обявленіемъ о томъ его графскому сіятелству, припроводилъ къ намъ до яхти шлюбку графскую и на другомъ шерботѣ люде для провожения яхти, но понеже за протпвною погодою яхти вести было ни завозомъ, ни другимъ способомъ невозможно, того ради мы, оставивши оную въ томъ-же мѣстѣ, на узморю, сами поехали на шлюбцѣ до С.-Питербурха и прибыли въ квартеру въ 8 часу по полудни. Тутъ въ квартерѣ засталъ я писмо отъ пана тестя зъ Риги на почтѣ присланное зъ дому графа Савы Владиславича, одъ которого (сказивано) дважди зовучи на обѣдъ присилано въ суботу и въ недѣлю, тако-жъ картку засталъ одъ Василія Леонтіева, въ которой просилъ кушать къ себѣ на прошлую недѣлю.

11. Писаны и посланы писма чрезъ райтара кіевского Андрея Мейковского до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича и до жены. За рѣкою былъ у п. Полуботка. На перевозъ пошло 8 к., на мило до платя 2 к.

12. Челобитная Федора Максимовича, сержанта семеновского полку гренадерской роти, при писмѣ генерала и кавалера и генерала адютанта г. Ушакова по указу ея и. величества отправлена въ сенатъ для слѣдетвія и рѣшенія о добрахъ отца ихъ разобранныхъ и владѣемыхъ разными персонами [146]). — Розишлось на перевозъ 15 к., на бѣлій хлѣбъ 9 к. Данъ парикъ чорный п. Іосифу Грифскому и емужъ два галстухи и чоботи новіе нѣмецкіе, и отъ него взялъ платокъ цестрій едвабный.

13. Писаны писма въ Глуховъ до пана Скоропадского. въ Стародубъ до жены, до пана Андрея Миклашевского, до пана обозно-

---

[146]) Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ—сынъ генеральнаго есаула, который за измѣну (1708 г.) сосланъ былъ въ Архангельскъ. Старшіе его два сына Федоръ и Иванъ оставлены были въ Москвѣ и впослѣдствіи зачислены были въ гвардейскіе полки. Федоръ—въ семеновскій, а Иванъ—въ преображенскій. Послѣдній былъ убитъ въ турецкую войну при Аннѣ Ивановнѣ, а Федоръ въ 1741 г. назначенъ наказнымъ стародубскимъ полковникомъ; въ этомъ рангѣ онъ и умеръ въ 1756 году.

го полкового Кенмонтовского [143], до п. Григорія Гамаліи, до писара судового Косача и до служителя Стефана въ Перегонъ, которые оправлены на почтѣ зъ іностранной коллегіи.—Въ 11-мъ часу по полудни посолъ китайскій зъ свитою своею былъ у его сіятельства графа Головкина государственного канцлера и при одобраню грамоты къ богдихану своему пожегналъ (простился) его сіателства.—По полдни въ 2-мъ часу купали у насъ транслятори іностранной коллегіи господа Яковъ Стефановичъ Сенявинъ и Александръ Михайловичъ Болоницкій, и у мене на горѣ были. Коло вечерень былъ я у пѣвчихъ государини цесаревны и у духовника отца Констанція, одъ которого возвратился въ 8 часу по полудни. Пошло на перевозъ 10 к.

14. Пришли писма зъ Глухова въ пакетѣ, которій приcлалъ чрезъ своего денщика его сіятелство графъ Сава Владиславичъ, а другое писмо привезъ солдатъ гварнѣзону глуховского, сего числа пріехавший оттолъ. На перевозъ пошло 7 к., на хлѣбъ бѣлій 2 к., за полфунта тебу 65 к.

15. Рано ходилъ до его сіятелства графа Савы Владиславича и отдалъ писмо вчора писанное до пана тестя, для пересилки въ Ригу на почтѣ.—Въ 5-мъ часу пополудни изволила ея і. величество смотрѣть ботика, зъ которого причины покойный государь Петръ I началъ заводить флотъ россійскій, и когда оный ботикъ зъ крѣпости припроваженъ былъ къ дворцу, то на судахъ, противъ дворца стоячихъ, спущены флаги и палено зъ пушекъ, отдаючи ему честь, яко автору флота россійского. Послѣ знову оный ботикъ отпровадилъ до крѣпости господинъ Мурзинъ. Посолъ китайскій віехалъ изъ С. П. Бурха. За поланкера меду дано 37 к., на перевозъ пошло 6 к.

16. Рано были у графа Головкина, послѣ въ дворцѣ. Обѣдали у насъ професоръ математическихъ наукъ и календариста и секретарь академіи господинъ Георгій Крафтъ да Василій Евдокимовичъ Адодуровъ ученикъ академическій и забавились до 7-го часа пополудни.—Пополудни въ 2-мъ часу изволила ея і. величество отехать

[143] Афанасій Ивановичъ Кенмонтовскій синъ мглинского сотника и самъ тамошній-же сотникъ, потомъ обозный полковой. Былъ женатъ на дочери стародубского полковника Федора Полчана, убитаго подъ Чигириномъ при Самойловичѣ.

изъ С. П. Бурха до Питергофа и при віездѣ ея величества такъ зъ суденъ, противъ дворца стоячихъ, яко и въ крѣпости и въ адмиралитействѣ палено зъ многихъ пушекъ. Рано присилалъ салдата зъ крѣпости Петро Міровичъ, обявляючи, что назначено ему путь до Сибѣри, которому послалъ 1 р. На перевозъ и хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

17. Писаны писма до п. Юркевича, до сотника воронежского п. Холодовича и до жены въ пакетѣ на імя писара судового Косача подписанномъ. Розышлось на перевозъ 17 к.

18. Сего числа помѣчены рукою Петра Василіевича Курбатова челобитная моя о мелницахъ, что на Ворѣ Корсакъ владѣетъ, и по запискѣ въ реестръ подъ № 537 отдана въ повите канцеляристу Леонтіеву. На перевозъ и за направу чоботъ 8 к.

19. Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишнніовки, 1 водки, послѣ—у Егора Тимофіева, рейстратуру держащого. Розышлось 8 к.

20. Вручилъ рано писмо отъ преосвященнаго новгородского его сіателству графу Головкину інстанціалное за мною и о своемъ дѣлѣ его жъ сіателства просилъ.—Панъ Андрей Полуботокъ былъ у насъ.—Были зъ панычемъ у графа Савы Владиславича, токмо оного не застали; таможъ были и у постъ-діректора Аша за газетами французкими.

21. Писаны писма подъ датою 17 сегожъ мѣсяца, до ясневелможного противъ полученного писма и до п. Скоропадского и купно зъ протчими одправлены чрезъ рейтара кіевского Семена Лисицина, зъ комисіи іностранной въ Цареградъ отправленного. Пошло на перевозъ 11½ к. Одъ полковниченка нашого принесено писмо къ отцу писанное. Даны пану Никитѣ Косачу жолтые чоботы.

22. Ихъ высочества государини цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна отехали въ Петеръ-Гофъ. Рано были у графа Савы Владиславича, по обѣдѣ въ дворцѣ лѣтнемъ, где стоявшій на караулѣ семеновского полку гвардіи капитанъ лейтенантъ Іванъ Івановичъ Косоговъ принималъ у себе и по огородахъ зъ нимъ же ходили. Выписку моего дѣла взялъ къ себѣ Петръ Василіевичъ Курбатовъ. Въ квартерѣ нашей безъ насъ былъ Василій В. Степановъ, тайный совѣтникъ.

23. Рано были у графа Головкина и въ егожъ домовой церквѣ службы Божой слушали. Послѣ обѣдни былъ у мене пѣвчихъ государини цесаревны. реентъ Іоанъ Петровичъ зъ другими двума, потомъ былъ у мене копіистъ Інеховъ, которому за виписку еще данъ 1 р.

24. Рано былъ у Петра Василевича, tandem въ коллегіи и въ академіи у госп. Алодурова. По обѣдѣ посѣщалъ насъ на квартерѣ его преподобіе отецъ Платонъ Малиновскій, архимандритъ іпатскій, зъ отцемъ Евникіаномъ. На заплату за мите копуль (рубахъ) и прочого 11 к., на бѣлий хлѣбъ 2 к.—Никита Косачъ началъ сего числа учитись въ академіи наукъ, которого учить декларовано математики, логики и французского языка.

25. За вѣдомости дано 4 к. По обѣдѣ былъ въ квартерѣ нашей тотъ же архимандритъ іпатскій троецкій, что при Костромѣ, и зъ нимъ поехали мы въ его домъ, где былъ въ лазнѣ (банѣ), потомъ пріехавши до квартеры на егожъ архимандрита колясѣ, застали тутъ принесенние писма зъ Глухова, которые принеслъ отъ Петра Вас. Курбатова человѣкъ его. Розышлось на розницю 6 к.

26. Рано были у Петра Василевича, но не заставили его въ домѣ, ходили до графа Остермана и одтель зъ нимъ пришли въ коллегію, где вручилъ я емужъ подлежащіе въ коллегію гетманскіе листы: 1) о обидахъ отъ поляковъ, 2) о кандидатахъ на бунчучество енералное, 3) о мирномъ трактатѣ, 4) о нѣкоторомъ колоднику. Позычилъ отцу архимандриту Платону Малиновскому книжки de officiis hominis, а у его вчора взялъ для прочитаня Sulpitii Severi hystoriam sacram. Пану Полуботку отдано писмо отъ пана Турковского, писара енералного. Николаю Евдокименкову козаку даны 50 к. на его нужды.—По полдни ездилъ паничъ къ графу Головкину на Каменный островъ зъ объявленіемъ, что присланъ до ея і. величества листъ отвѣтный отъ ясневелможного о великоросскихъ людяхъ противъ указу о томъ, за собственною рукою чрезъ капитана пруского посланного.

27. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича, подъ вчорашнимъ числомъ, да до Стародуба подъ нынешнимъ до полковника нашего, до п. матки, до жены, до п. Скорупи, до писара судового Косача и до Стефана въ Перегонѣ. Были рано у графа Остермана, толко оного не

застали въ дому, отехалъ на свой островъ для отпочивку.—Куплена книжка латинская Cornelius Nepos, за которую дано 30 к.

28. Рано были у графа Остермана и отдалъ листъ писанный до ея і. величества отъ ясневелможного стороны великоросылхъ людей, за которыми пруский капитанъ посланъ, тогожъ графа Остермана я и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Купилъ книжку названную de poenis haereticorum cum Stephano Javorskio disputatio, дано 24 к. Салдату глуховского гарнизону Герасиму Лотвинову вручены вышеозначенные писма и емужъ на дорогу дано 10 к.—Пополдни въ 5-мъ часу были у профессора Краеа и у него до пол. 8-го часа забавилися разными дискурсами о математическихъ и прочіихъ сціенціяхъ.

29. Дано Николаю козаку на его потребы 12., на перевозъ пошло 3 к. Зновy былъ въ домѣ графа Остермана и тутъ просилъ господина Курбатова о своемъ дѣлѣ.

30. Рано были у графа Головкина и тутъ обѣдню слушали. По обѣдни былъ въ квартери нашей Петръ Василіевичъ Курбатовъ на водкѣ.

31. Принималъ порошокъ ad expellendos lumbricos, данный отъ лекаря преосвященного новгородского. Писма, которые были отданы салдату глуховского гарнізону, отобравши у оного, отправили въ Москву на одинарной почтѣ коллегіи іностранной для пересилки оттоль до Глухова.

Августъ.

1. Отъ троецкой церкви на Неву до пристани, по отправленной службѣ Божой, была процессія и водосвятіе на сдѣланномъ тутъ при пристанѣ на суднѣ для священія воды мѣстѣ, а служилъ и освящалъ воду преосвященный архіепископъ сарской и подонской Леонидъ, при ассистенціи архимандритовъ чудовского Колеты [148]), іпатского Малиновского и другихъ.

2. Получилъ писмо изъ Риги отъ пана тестя. Розышлось на перевозъ и пр. 24 к.

[148]) Ливерій Колетій, греческій священникъ, былъ воспитателемъ дѣтей князя Кантемира. О немъ см. примѣчаніе преосв. Филарета Гумилевскаго въ напечатанномъ отрывкѣ Дневника, Черниг. Епарх. Изв. 1865 года; также въ книгѣ г. Чистовича *Ѳеофанъ Прокоповичъ*.

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпаского Платона Малиновского, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Конопевичемъ проповѣдникомъ, зъ коллегіума московскаго прибывшими, видѣлися, зъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ иркутскую епархію, а отецъ Конопевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ письмо отъ п. тестя зъ Риги, чрезъ нѣкоторого маіора іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечернями пришедши, ночовалъ у отца Василія, священника тамошнего.

5. Послѣ утрени исповѣдалься у духовника отца Герасима и причащалься на службѣ Божой въ деревянной церквѣ; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кириловича Тредіаковского. Tandem побувавши у отца Василія священника, отехалъ на колясках, отъ отца намѣстника и економа даныхъ. Отцу духовнику данъ 1 р. Розышлось на розносцю 26 к. Ея Императорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечерень, и на пріездъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а панычъ былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалеріею Андрея Первозванного и офѣцери всѣ преображенского полку званы къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло 37½ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Саву Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновского, точно оного въ домѣ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказалъ просить о вѣтниковъ, чтобъ зъ нимъ обще пріехали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, деяки кормовіи панычу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ устанцевъ нисаревичъ Іванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи іностранной, что братъ его двоюродный Іванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, преставился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа[149]).

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевского Александра Бернова. За чолки и воски полотнянные 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ: 1) о невзиманіи лишнихъ рацій и порцій сверхъ определеннаго, 2) о мекленбурцахъ[150]), 3) о селѣтранныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу определенномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясневелможного, отъ сотника вороне́жского п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ коллегію и вручилъ оныне Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божои слушали въ Тройци. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтоль былъ я у Івана Александровича Дурова, сына полковника нашого, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника голтвянского пана Федора Остроградского[151]). Былъ у Павла Івановича Апостола лiокай дворцовый Артемъ Івановичъ надъ вечери.

---

[149]) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. пошелъ за Мазепою (вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазепы назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[150]) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

[151]) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впослѣдствіи, съ 1732 г., полковникомъ миргородскимъ. Онъ былъ прадѣдомъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградскаго.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано писмо отъ ясневелможного благодарственное за прибавку панничевѣ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузыровскій, смолянинъ, а рано панъ Андрей Полуботокъ. Розышлось на огурцы, хлѣбъ и проч. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балтазаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ів. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея імператорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на пріездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ мунштровалать рота семеновского полку гренадерская, которая партіами палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше годины дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на шлюбкѣ въ дворецъ свой лѣтный, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музика камерная играла. Хлопцу Андрійцу імениннику даны 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фронціеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мизы, называемой Ропша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.

21. Писалъ писмо въ отвѣтъ до сотника голтвянского пана Остроградского въ Москву и послано оное писмо къ подканцеляристу Урилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., Cluverii introductio in universam geographiam—12, 2., Cellarii Geographia antiqua et nova—12, 3., Matthiae theatrum Histor.—4, 4. Cluverii epitome historiae totius mundi—4, 5., Puffendorphi introductio ad histor. Europ.—8. 6., Buddei Historia ecles. V. T.—4., 7., Veysmani Histor. eccles. N. T.—4, 8., Pistorii Florus Polonicus 12, 9., Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccles. 4, 10., Sulpitii Severi hist. sacra 8, 11., Nic. Bergius de statu eccles.

religionis Moschoviticae, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695.—8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4. 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ся і. величество восприять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при віездѣ ся величества изъ С.-Пітербурха випалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а одтоль возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасинка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Васильевичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустинно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, который назначенъ на епископію могилевскую. Розышлось на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Vacat. Князь Шаховскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и протчіихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленія. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ея і. величества зъ многихъ палено пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Паничъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ подданныхъ панскихъ отъ попурничанъ[182] дѣвочихся. Послѣ обѣда

[182] Мѣстечко Поворинка, кролевецкаго уѣзда, принадлежало въ вѣчную собственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились деревни гетмана Апостола—Шабалтасовка, Хлоплянки и Лузаки.

были въ квартерѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову далъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробницею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлось на медъ, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣляне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновского полку Федора Максимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясневелможного вчора принесенный о служителяхъ. Видѣлъся зъ Гудовичемъ [153]) коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховского, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховского и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невского праздникомъ. Вручилъ я и писмо отъ Богаевского зъ Опошнято до его сіятелства писанное, на которое злецилъ мнѣ одписать. Потомъ былъ въ домѣ графа Савы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату [154]), меморіалъ о нуждахъ моихъ для обявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пушекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

---

[153]) Вѣроятно говорится объ Андреѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланскомъ, который потомъ сдѣлался почетнымъ «комендантомъ» Меншикова и однимъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостолъ вызывалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: «лучше кланятся мнѣ въ самого, нежели въ посполитъ». Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

[154]) Три брата Славуй, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малороссію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ «былъ воеводою у венеціанъ у Котельнокомъ» и что «во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцоговинѣ съ потеряніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего». За эту службу Славуй сдѣланъ былъ прилѣвскимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуй женился на вдовѣ лубенскаго сотника Василія Исковича (Еленѣ Лизогубъ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть маетностями ихъ отца (Лащовка, Мосолѣевка и Матвѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Иско-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалеріею ордина святого Александра Невского генералъ полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Іванович Пузыревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и стрянчій графа Г. І. Головкина Евфимъ Василіевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писанные писма подъ датою сего августа 29 дня одправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, одправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а оними полками комендировали генералъ-фелдъмаршалъ графъ фонъ-Минiхъ, генералъ-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ гоcсенъ-гамбургскій Людовикъ и генералъ-маіоръ и подполковникъ конной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 к. Сего-жъ числа былъ у Василія Федоровича Яворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ розговоръ зъ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полденъ былъ день весма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта московского коллегіума, заиконоспасского, Іпокентія Нероновича, также у

вcкъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отцовскія имѣнія обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправился въ Спб. хлопотать о надѣленіи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскимъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. м. Оржицу и с. Плехову (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника ланть-милицкихъ полковъ, у которого и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французкій бѣлій пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая выписка зъ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ зъ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланныхъ, о требованіи лишныхъ порцій и рацій и о мекленбурцахъ послалъ къ нему-жъ чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ зъ мызи (Ропши).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жъ протопопъ петропавловскій Петръ Григоріевичъ и трактованы ради именинъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водиѣ толко былъ оберсекретаръ Іванъ Юрьевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви слушали службы Божой. Subebrii fuimus cum hospitibus per totam diem potati.

4. Послѣ полдня былъ на Василевскомъ острову у господина Бялошицкаго, а потомъ былъ у бандориста дворцового Ермолая Санкевича, у которагo и вечеряли зъ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16½ к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ ездили къ государини цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія въ Тройци архіереемъ вологодскимъ Афанасіемъ Кондоиди отправленного, палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушекъ, а именно зъ 49 выпалено. Подалъ письмо его превосходителству, господину генералу Андрею Івановичу Ушакову отъ сотника голтвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ томужъ сотнику писалъ, включивъ писмо до Урінла. Розышлось на разницы 4½ к.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 к., на перевозъ 3 к. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевецъ и Павелъ Войничъ, бурмистры кіевскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлься рано на Василіевскомъ острову зъ оними прибывшими и писма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у насъ были. За книжку латинскую, называемую Hugo Grotius de veritate religionis Christianae, дано 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у меня рано Григорій Кременецкій и принесъ писмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. енер., былъ же и п. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французкій бѣлый 4 к. Сегожъ числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ефимомъ Василіевымъ и розговоръ имѣлъ стороны порученого ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ —. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралитействѣ сего септевр. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано писмо графское на почтѣ о поѣздѣ ясневелможного въ Сорочинци.

10. Слушалъ обѣдни на Василіевскомъ, где имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ; потомъ былъ въ квартерѣ бурмистровъ кіевскихъ Войнича и Кричевця и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященного новгородского. Розышлось на перевози 9½ к.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василіевскомъ острову корабль, недавно спущеный. Я рано былъ въ коллегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревниныхъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлій французкій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кіевскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященного новгородского, подалъ чрезъ келейника Илю Борисова писма отъ ігумена глуховского, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлось на перевозъ и щюч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову письмо отъ себе стороны дѣлъ моихъ, въ вечеру емужъ поданы писма чрезъ Григорія Кремененцкого гетманское и отъ п. Забѣлы судіи енер. и листъ гетманскій же въ коллегію надлежащый, стороны (относителныя) того жъ пана судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ [155].

14. Кременецкій подалъ графу Головкину писмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

[155]) Село Райгородокъ и деревня Царовка, кролевецкаго уѣзда, принадлежали на войсковую артиллерію. Забѣла должно быть хлопоталъ получить ихъ на урядъ.

15. Сездилось къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господа Степановъ и Курбатовъ, куда явилались и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопилися, много отъ всюду бревенъ рознесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., которого посылалъ къ Якимовичу и къ Іліи Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтретя аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что к переехадить было весма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи іностранной имѣючіеся.

17. Графъ Мойсей Івановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ. Сегожъ числа Гротъ, лікаръ, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водку, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясневелможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, такожъ до Косача писара судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписаный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцеляристъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включенъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а ночовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червоные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламарь и песочницю 25 к. На перевозъ розошлось 11 ½ к. Рано былъ у Петра Василіевича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція: потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, преизрядно въ новое платье убранной и на изрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтного дворця, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Іехову дано водки. Графу Мойсею Івановичу вчора благодарилъ въ коллегіи за обсилку водки. Помѣнялъся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пуздерка (флашки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Родостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе писма чрезъ куріера, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ и чтобъ отобралъ два данкгарки у Анны Івановны, съ роспискою пана полковника миргородского [156], заплатя 6 р. данныхъ за науаву, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Уріила Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на перевозъ 11 к. Арманенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ князя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который de legibus nostris discurrebat, quasi въ нихъ написано о видачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розышлось на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ [157], потомъ Ісаусъ и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по полднѣ были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

[156]) Анна Ивановна Апостолъ, сестра »Данила« Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостолъ, ея дядя.

[157]) См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впослѣдствіи былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгали отъ одной стороны на другую. На медъ пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщалъся. Обѣдалъ я у отца префекта Іннокентія Нероновича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ почовалъ. На перевозъ пошло 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Іванъ Івановичъ Косаговъ, капитанъ семеновского полку гвардіи [158]).

27. Былъ рано въ коллегіи, а одтоль чрезъ крѣпость пошолъ и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ костяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. Імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званные отъ Николая Івановича Пузыровского были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкоторого дворцового келлеймейстера Михайла Дмитріевича Колошина великого дворця и тамъ въ обоихъ мѣстахъ очинь много трактованы разными винами, и жестоко былъ пянъ, чего для и почовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревниныхъ; тутъ же зъ нами былъ и нѣкоторий Іванъ Федоровичъ Маменсъ мунписнкъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову подячему кол. інос. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечерялъ у насъ Іванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ которого и книжку разговоровъ Паткуля зъ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошло 9 к., за голову цукру 53 к., пивцю 2 к. Алексію за чолки кованіе 11 к. Кирилу імениннику 30 к. Вчорашнего числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

---

[158]) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Бороховича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея часть мужниннаго имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генераломъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ писма до жены и до служителя Степана и оные отправлены чрезъ Гудовича. Сегожъ числа писано писмо къ ясневелможному и въ ономъ включенъ пакетъ отъ капитана поручика гвардіи семеновского полку Івана Івановича Косогова. Къ томужъ господину Косогову поехавши, званный ради тезоименитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда напавши на мене адютантъ семеновского полку Іванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ сѣбѣрковый разодрали, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменнинику молитовникъ печерскій въ пергаминѣ бѣломъ подъ маринесами позолочеными. Розышлось на перевозъ 10 к.

Октоврый.

1. Рано принесенъ пакетъ зъ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію іностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому писма. Весь же день сей пролежалъ въ дому боленъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Слабусевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датою 30-го сентеврія отправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посиланному до Кричевця, на перевозъ 2 к. Зъ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Василіевича, просячи совѣту, токмо оного въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ помянутые 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкого до рукъ Козмы Іакимовича, чтобъ подалъ въ коллегіи іностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ зъ челобитною моею до Петра Василіевича, которую совѣтовалъ обявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государиня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано пани и панъ Горленко зъ челобитною моею ездили первей до князя Шаховского, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ онижъ были и у Стефана Федоровича Апраксина, который просилъ зъ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ пріездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сыни Воейковы просить прощенія, а потомъ былъ у менежъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ зъ женою о томъ же просячи. За мите плати портомои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуевъ братъ да бурмистры кіевскіе Кричевець и Войничъ, но толко одинъ приходилъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собрались ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ изобидивиней стороны никто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро оттолъ пріехали, то господинъ Косоговъ присилалъ сержанта семеновского полку зъ прошеніемъ, чтобъ челобитя не производили. Господинъ Новоторжковъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предъ симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день пріидучій понеделковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжцова и позно уже оттолъ прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирилься я зъ оними на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушъ нагородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простилься, на которомъ примиреніи были Иванъ Ивановичъ Косоговъ, капитанъ поручикъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Ивановичъ Пузыровскій, бурмистры два кіевскіе, да наши домовіе. Пошло на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Апраксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ обявленіемъ, что помирилисьь.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ ясневелможному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писаря судового Косача и до Стефана въ Перегоновъ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до литинного платя 2 к.

12. Оные писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ мылься и кровъ банками пущалъ зашкурную. На перевозъ и проч. розышлюсь 24 к.

13. Посылалъ Каленика до господина Косогова, упоминаючисъ о награжденіе школы, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровъ пущалъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіалъ. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мите кунтуша 4 к.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаютъ. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіалъ о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василій Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоруччикъ и привезъ срѣбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣлъ говорить.

18. Писалъ писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посылкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а въ Москву до Уріила подканцеляриста, прося о пересилку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано писмо отъ преосвященнаго Іннокентія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гаплики (крючки) до юпки 2 к.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оные, такожъ вчора писанные, одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За полтора ведра меду 37 $^1/_2$ к. На тафту до шлафрочка литяного 28 к., за пуговки и на шолкъ 22 к.

20. Куплены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи іностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартеру. Писано письмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кіевского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталъ-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Івановича Шувалова и забавилисъ въ ночъ до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ½ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о определеніи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованя; за переписку оного доношенія и протчего писцу дано 10 к., на перевозъ 2 к. Ночовалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Василевскомъ острову и виграль въ карти 39 ½ к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ сторони мелницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащыхъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу объявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французкій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ писмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи іностранной имѣючихъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкъ до шлафрока дитячого 9 к. Въ ночѣ посланъ въ ссылку Петръ Мировичъ.[159]).

26. Весь день пробавилъ въ квартерѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ данного, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Іванову, справлены копіи къ дѣлу [160]). На перевозъ пошло 7 к.

---

[159]) См. примѣч. 142.

[160]) Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь маетность »на рангъ« своего судейства и, узнавъ, что одинъ изъ его предмѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами »на рангъ«, т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 1732 г.

28. За шите у шлафрочка Василкового петель даны 5 к., за футро до тогожъ шлафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховского, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянского, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государыни цесаревны Екатерины Іоанновны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея императорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государыни царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Выпновши зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященного іркутского и у полковника Вишневского. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянского въ писмѣ до подканцеляриста Урѣила одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшита сапоги и смужъ задатку дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Іинхову даны чорные шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноеврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іакимовича Кричевця, бурмистра кіевского, ради тезоименитства его и у нихъ же ночовалъ, factus ebriatus.

2. Зъ Василевского острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него зъ часъ и болшъ просидѣвъ, пришолъ до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москви отъ Урѣила, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жалованѣ на кормъ и на квартеру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василіевичъ о сину Стефана Корсуна, которій въ Гданску учится [162]).

5. Были рано у графа и тутъ обѣднѣ слушали. За хлѣбъ бѣлий французкій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

[162]) Степанъ Корсунъ — сначала сотникъ сенецкій (мѣстечко Сенча, лохвицкаго уѣзда), а потомъ — лубенскій полковой хоружій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

отъ сотника голтвянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василія Федоровича Яворского камеръ юнкера, и уже одтоль пріехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двохъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подалъ сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіалъ о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи іностранной имѣючихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Іоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Івановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Івановичъ Гагаринъ, мундшенкъ Федоръ Кириловичъ Белецкій, да Іванъ Алексіевичъ, бандуристъ бывшій Петра II імператора, зъ которыми доволно гуляли и подпили были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Івановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже позно одтоль повернулся до квартери, пріехалъ зъ Василевского острова на графскомъ буярѣ зъ графскимъ же стряпчимъ Ефимомъ Василевимъ, у которого такожъ по пріездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегожъ числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до пана Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ принесенные. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василію Василіевичу Степанову, тайному совѣтнику, отъ господина полковника Афанасія Прокофіевича Родищева зъ Глухова присланное. Розышлось на перевозъ и проч. 16 к. Послѣ полдня былъ у сина полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофіевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи іностранной, который содержитъ рейстратуру, и оній синъ полковничій обѣщалъ мнѣ сдѣлать лѣнію, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартермейстеру, даны 15 к. на подошвы до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣетъ онъ дѣлать подошвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подъ числомъ 9-мъ и до п. Юркевича о пересылкѣ писемъ въ [illegible]

до п. тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе писма подъ числомъ 12-мъ до ясневелможного о обидѣ мнѣ, одь Соболевского дѣючойся, до п. Скоропадского и до п. Юркевича о одсилцѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи унѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обозного полкового п. Есимонтовского, до п. Андрея Миклашевского, до п. Валкевича, до п. Скоруппиной, до п. тещи, до жены, до п. Григорія Гамаліи, до Стефана въ Перегонъ и до писара судового Стефана Косача, включа всѣ оные писма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зроблене чоботъ прйшовъ осталные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французкій и проч. 8 к., за поланкирка меду питного 37 к. Вышеобявленные писма одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпого бандуриста, где доволно пѣто и пито, и позно уже одтоль пяніе пріехали въ квартеру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Івановичъ Шуваловъ, да Нименъ Василіевичъ и человѣка чотіры пѣвчыхъ. Послѣ прибылъ и мунвенкъ царевни государини Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, зъ которыми доволно пили и были жестоко пяны.

15. За хлѣбъ французкій бѣлій 4 к. Снѣгъ випалъ и морозить стало гараздъ.

16. Зъ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлъся зъ п. Полуботкомъ. Розышлось на розницю 12 к.

17. Крига (ледъ) по Невѣ велми ишла и весь день и прошлую ночь снѣгъ ишолъ; зъ квартери никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ ночѣ малая Невка, що отъ митного двора, а другая, що отъ выборгской сторони, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его нужды 10 к., да у Козми Якимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оные малые Невки люди переходили, а мы за негодою никуда зъ квартери не ходили, кромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшите подошовъ подъ червоные чоботы даны 16 к.

20. По полуночи въ 2-мъ часу Болшая Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Урiила и до сотника голтвянского въ Москву. Розышлось на розницю 9 к. За бутилку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятелство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жалованe велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у которого на Василевскомъ острову и почовалъ. Виігралъ въ карти у бурмистровъ 17 к. За полапкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаючись Полуботка, которій вчора говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Кремезницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кіевскихъ. Извощику даны 3 к.

23. Писанъ лиcтъ до ясневелможного и одправленъ на ординарной почтѣ. Извощику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Екатерины Іоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за болшою Невою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ квартерѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извощика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слушали обѣднѣ въ церкви троецкой, где пѣвчіе архирея новгородского спѣвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французкій и за кавярь 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Івановича Владиславича. На извощика пошло 4 к. Въ вечеру были у панича ездовые саржанты государыни царевны да Николай Івановичъ Пузыровскій. Писано писмо до п. Скоропадского зъ посилкою писма К. Б. За пять яблокъ 3 к.

28. За хвостики колонкеи 4 к., на извощика 8 к. Посѣщалъ Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ недомогалъ. Полковника нашего Дурова синъ прислалъ лѣнію и въ два аршина

29. За полапкирка меду 37 к., на извощика 5 к., на каваръ 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ квартерѣ пашей. Посилалъ Григорія Кремезницкого къ Косогову и велѣлъ ему обявить прошеніе, написанное па Воейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинять.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи россійской Андрея Первозванного и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сездились въ дворецъ імператорскій, где послѣ обѣдни шли въ болшую салу парами, а за ними и сама государыня въ церемоніалномъ кавалерскомъ плате, и у одного стола зъ оними изволила кушать. Кавалеры-же именно были сіи: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкаской, графъ Біронъ—оберъ-камеръгеръ, генералъ-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ-Минихъ и графъ Левенволдъ—оберъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса зъ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генерали и другихъ чиновъ мужескъ полъ. До столу играла камеръ музика, и дамы спѣвали, и 5 разъ палили зъ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни зъ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окошкахъ свѣчи горѣли. Я обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ и одъ нихъ вечеромъ уже пріехалъ. За хлѣбъ французкій 4 к., извощикамъ 8 к., прачцѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховского, токмо оного въ домѣ не получилъ. Розышлось на розницю 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховского и писма отдалъ, передъ симъ отъ Косача писара судового присланныя, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорилъ.

3. Рано были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одтоль пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь день мы въ домѣ пробавили. Былъ у панича Адодуровъ, а у мене Іскусъ зъ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Ввечерѣ были у бурмистровъ и доволно подпили, а одъ нихъ заехали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоро-

падского, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлкими 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣноговъ, токмо еще за оные не платилъ. На розницю розышлось 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое принятіе розышлось за вино, за рибу и прочое, до столу купованное, 8 р., и зъ тими жъ гостми весь день прогуляли и до пяна попили. На извожчика 8 к.

7. Ради рожденія государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралитействѣ зъ пушокъ. Сей день никуда зъ квартери не ходилъ. Чрезъ Григорія Кремезницкого, который сего числа изъ С. П. Бурха одправился до Глухова, писалъ я до Уріила въ Москву, чтобъ ему исправилъ подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорію даны 10 к.

8. Алексій на свою потребу взялъ 27 к., на извощика пошло 3 к. Читалъ въ коллегіи сочиненіе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствіи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа припили писма зъ Глухова отъ ясневелможного при двохъ листахъ въ коллегію іностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Горленкомъ у профессора его математического Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюціи на присланные въ коллегію іностранную зъ прошеніемъ. Алексію для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясневелможного и одъ пана Скоропадского князю Шаховскому, который обѣщалъся еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ былъ у бурмистровъ кіевскихъ. Подапы доношенія гетманскіе въ коллегію.

11. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судіи енер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремезніцкого и до Уріила, чтобъ оному Кремезницкому всѣ помянутые писма, такожъ и пакетъ, отъ пана судіи зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручилъ, и оные писма одправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи іностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на извощика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховского, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Петра Василіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же посилалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ одправлено изъ Сената указъ въ коллегію іностранную о рудокопныхъ и салѣтранныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семену Федоровичу Мещерскому въ монастырѣ невскомъ, куда шли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ шли генералъ фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Минихъ и другіе генерали и штабы, и при томъ ходѣ руже несли всѣ солдаты обыкновенною погребалною церемоніею, а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутилку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получилъ отдать писма гетманского. На извощика пошло 4 к. Подарилъ Василію М. Леонтіеву каламарь (чернильницу) и пѣсочницю стеклянные, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Івановича, который мене своими санями и отослалъ на квартеру.

14. Рано подалъ писмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полуставецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось 6 к.

15. Никуда зъ квартери не віездилъ. Былъ у насъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунта.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясневелможного, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поручикъ Федоръ Івановичъ Наковалнинъ, на почтѣ одправившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писалъ я къ ясневелможному и до пана Скоропадского.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожалованы. Послѣ полдня изволила ея імператорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государиню цесаревну, а послѣ и у государинѣ царевни ея жъ величество быть изволила. Я у бурмистровъ снѣдалъ (завтракалъ). Розышлось 6 к.

19. На рогожи до обиваня оконъ, на гвоздки и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймовалъ панъ Горленко слѣпого зъ пѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где обявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маетности на рангъ и приговоръ о жаловапю закрѣпилъ графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашого Дурова въ домѣ, а одтоль ездилъ въ домъ полковничій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтной за 25 к., да на нитки и мило 2 к. При писмѣ до Урiила одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа званніи обѣдалисмо у Петра Василіевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ квартерѣ пробавилъ, толко передъ вечеромъ ездили для осмотреня квартери, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Мещерского умершого.

23. Обявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Перегонѣ руками графа Головкина, дѣйствителного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василія Василіевича Степанова и канцеляріи совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ рейстратуру подъ симъ числомъ. Сегожъ числа панъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гетмана и до генерала Нарышкина о возвращеніи себѣ селъ Орловки, Казиловки и Коровинецъ [161]) и зъ нами пожегнался. Розышлось 4 к.

[161]) Села Орловка (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казиловка (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазепою генеральному обозному Дунину-Борковскому, по смерти котораго Мазепа эти села отнялъ у его вдовы для себя. Послѣ измѣны Мазепы, Павелъ Полуботокъ успѣлъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ »измѣничьими«. Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельяминову, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ видимъ, иностранная коллегія вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровинцы (роменскаго уѣзда) отдано было Мазепою въ 1689 г. лубенскому полковнику Илляшенку, по смерти

24 Розышлось на штофъ водки гданской 1 р. 50 к., за боченокъ міноgовъ передъ симъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французкій и на извощика 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всенощное и утреню правили въ квартерѣ, а службы Божой слушали въ церквѣ домовой графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихъся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда також де и паничъ зъ паномъ Горленкомъ ездили. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные писма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневелможного зъ привѣтствіемъ и зъ 2 цедулами о поздравителныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генералъ фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича одправлены на почтѣ въ Москву къ Уріилу въ писмѣ до него подписанномъ. На извощика розышлось 7 к.

26. Рано ездили до князя Черкаского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажъ у вице канцлера графа Остермана. Розышлось зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Івановича, одтоль заездилъ къ Алексѣю, Славуевому брату, и въ коллегію. На извощика пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о видачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моей были у мене гостѣ, для которыхъ принятія обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писалъ писмо въ Глуховъ до пана Скоропадского зъ цедулою о пол. и оное одправлено зъ писмами пана

котораго Мазепа отобралъ у дѣтей его Коровинцы для племянника Обидовскаго. Послѣ измѣны Мазепы село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго одинъ изъ потомкокъ Илляшенка, роменскій сотникъ Семенъ Остаповъ (родоначальникъ Ласкевичей) началъ за Коровинцы тяжбу, которую, какъ мы видимъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу внуки Остапова, Андрею Политикѣ предъявить къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровинцы и въ 1749 году искъ этотъ выигранъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пытались было возобновить тяжбу за Коровинцы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровинцы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясневелможного зъ коллегіи іностранной одправлена грамота о опредѣленіи на мѣсто Львова, въ судъ енералный, Івана Сепявина.

29. Рано ездили къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ заехали до бурмистровъ и у оныхъ снѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ квартерѣ у Егора Тимофеева Борисова, который рейстратуру содержитъ. Купилъ пару запонокъ за 80 к. На извощика 5 к. Зъ сего числа въ ночѣ віехалъ зъ Санктъ Пітербурха князь А. І. Шаховскій въ указную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены писма зъ Глухова отъ ясневелможного, одъ пана Скоропадского и протчихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію іностранную надлежащые.

31. Дано мнѣ жалoване зъ коллегіи іностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудану [162]) блакитного въ 14 р. Розышлось на извощиковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подалъ доношенія гетманскіе въ коллегію надлежащые.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Рано поздравляли графа Головкина и потомъ паничъ зъ п. Горленкомъ отехали во дворецъ, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочіими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многажды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями преизрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кіевскими до 12 часа. Сегодня посѣщалъ мене нашего полковника сынъ Іванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

[162]) Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французкій 6 к. Паничу подарилъ купленные передъ симъ запонки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты зъ персидскимъ государствомъ россійской іmперіи 24 к. На извощика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочинепіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ моихъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извощика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященного іркуцкого Нероповича, а послѣ у уставщика государини цесаревны Івана Петровича.

4. Писано писмо къ Уріилу подканцеляристу въ Москву, зъ одправовою писма-жъ одъ мене до п. Полуботка, зъ листами къ нему-же одъ енерала графа фонъ-Вейзбаха и одъ п. Турковского, писара енералного. Взялъ позыкою для переписаня книгу, зовемую »Літописецъ Келейній« покойного преосвященного Димитрія, ростовского митрополита,—у Івана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о визыченю тоей книги писалъ карту, что по переписаню оную отдать я долженъ. Розышлось на извощика 7 к., на хлѣбъ бѣлій французкій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до подписи къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но оная сего числа не подписана. Отецъ Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородского на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извощика 3 к. Былъ въ квартерѣ нашей Александръ Гудовичъ, до которого отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева присланы писма, но со мною не видѣлъся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи одправлено водосвятіе на Невѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроенного, гдѣ и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненню ракетою сигналу випалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ 41 пушки, а послѣ на люду зъ 21 пушки поставленыхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглымъ огнемъ и знову зъ тихъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ зъ оныхъ же пушокъ и полки випалили; и тако оная церемонія благополучно окончалась. Паничъ (П. Апостолъ) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Інниховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извощику даны 3.

7. Обѣдни слушали въ церквѣ св. апостола Андрея Первозванного на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сина полковника нашего старод. Івана Александровича Дурова и отъ него вышедъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартеру уже поздно. На извощика розышлось 10 к. Отца Адама, що у преосвященного новгородского былъ (Зерникава?), поховано въ невскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича въ Глуховъ и одправлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французкій 8 к., на извощика 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розышлось на розницю 11 к.

10. Грамоту открытую на Перегонъ закрѣпилъ государственный канцлеръ графъ Головкинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Іннокентіемъ Нероновичемъ, у котораго до позднa гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни пріехали въ домъ. Розышлось 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи села на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жъ о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розышлось на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченю 800 людей для рубки лѣсу и отведеню лѣсу въ полку чернѣговскомъ, албо о найму таковогo-жъ лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Івана Івановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегнаніемъ (для прощанья). Былъ также и въ домѣ преосвященного новгородского за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнаня, где въ квартерѣ слѣпого бандористы (Любистка) жестоко, при жегнаню, попили; тутъ-же былъ и Александръ Івановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тые подводы послана въ ту канцелярію изъ коллегіи іностранной промеморія, токмо-жъ написано въ подорожной двойные прогоны и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Далъ за труды Інихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Новоторжцову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посиланному за подорожною 10 к., копіистамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлось 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина красного, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Івановичъ далъ мнѣ вексель въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнался и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегнаня, въ томъ числѣ и у Івана Юркевича оберсекретаря, долго въ ночь просидѣлъ. Хлопцю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церквѣ, а послѣ обѣда одклонился Василію Вас. Степанову, въ которого домъ московскій пріобѣщалъ прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Рано взялъ другую подорожную зъ коллегіи іностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатованя. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валеніи 1 р. 10 к., на золото и кистѣ до грамоты маліованя 75 к., за кусокъ арапа табаку для пана Івана Марковича 1 р., для егожъ картузногожъ табаку 1 р., папѣръ 70 к., да два папіры подлѣйшого 42 к., за мелничку для пана Скоропадского 1 р. 32 к., за два платки блакитные 90 к., за 500 оселедцовъ копченыхъ 50 к. Для покупки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожегнане учинивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки срѣбные, а онъ мнѣ подарилъ кошулю (рубаху) колмицкую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкирка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіалъ пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи іностранной. Козмѣ Якимовичу вручилъ челобитие пана Чернолуского и свой интересъ. Обѣдалъ у панича въ квартерѣ, а прежде обѣдания подписалисмо контрактъ. Послѣ, пожекгнавшись со всѣми, віехалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и писмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. денегъ или 5 аршинъ сукна тонкого на адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заездили до отца Василія Щербацкого священника, что въ невскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ зъ паномъ А. Горленкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгналисъ и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пану Грифскому позичилъ 2 р. При віездѣ зъ С. П. Бурской квартери Василю маляру, которій робилъ коло грамоты, да и обѣщалъ портретъ государыни, за роботу 1 р. Капралу коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Івановича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Віехавши зъ ямской, прибыли до Іжоры въ началѣ 12-го часу, одтоль поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 верстъ.

17. Прибыли въ деревню Болотное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 верстъ одъ Пітера, и тутъ почовали; одтоль віехали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудицу и тутъ обѣдали, о 25 верстъ отъ Сосницской пристани и отъ ночлегу въ 34 версты; одтоль віехавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 верстъ, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на квартерѣ посѣщали мене Василій Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ нетленныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софіи, той соборной церкви. Розышлось на розные покупки 98 к. Тамъ-же въ Новгородѣ пообѣдавши купно зъ Василемъ Федоровичемъ на моей квартерѣ, взялъ росписку у ямщиковъ и одехалъ одтоль по полдни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Бронницы въ 4-мъ и тутъ стали на ночъ о 25 верстъ; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одтоль въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 версти, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлось 30 к.; тутъ-же зехалися зъ княгинею Хованскою, которой служитель Іванъ Івановъ

Сафдюковъ далъ намъ карты, да тутъ перелили карнасентъ въ другое барилце не безъ убытку. Одтоль віехали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночъ въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвинѣ у крестятина Ефима Василіева куплено блюдцо и талѣрка цѣновые за 40 к. На хлѣбъ розышлось 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль віехавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 верстъ, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль віехали въ 1-мъ часу по полдни и прибыли въ село Іодрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова віехавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженкину, о 27 верстъ, и тутъ обѣдали. Розышлось на пиво и проч. 6½ к. Одтоль віехали въ 11 часу и прибыли въ Вышный Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 верстъ одъ попасу. Розышлось 6½ к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи віехавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василіевича Сибѣрского, о 47 верстъ; тутъ розышлось на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль віехавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полдни въ 5 часу до деревни Марисна князя Івана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣдного; тутъ розышлось на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу віехавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 верстъ, и тутъ обѣдали; тутъ-же розышлось на хлѣбъ и проч. 24½ к. Одтоль віехали въ 2 часу и прибыли до Городнѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розышлось 3 к.

25. Въ 12 часу ночи віехавши зъ Городнѣ, прибыли до Клину въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 верстъ; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводы здешного Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ которого и писмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобралъ, такожъ и чолки валеные; жена оного воеводы именемъ Пазаріевна. На пиво 2½ к. Зъ Клину віехавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи віехавъ зъ Пешокъ, прибыли до Чорной въ полпята часа, о 25 верстъ. Тутъ розышлось 4 к. Одтоль віехавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я квартерою на Мясницкой

логодского и каширского архіерея, преосвященного Веніамина Сахновского; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діакономъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ писмо и ключѣ зъ С. П. Бурха присланные до Линда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Івановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Дементія Прохоровича и до невѣстки полковничей Катерины Андреевны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскіми вороты, у Іліи Обыденного будущій. На извощика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Зъ извощиками, панятыми изъ С. П. Бурха, росплатка учинена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Уріила подканцеляриста и зъ нимъ пріехавъ въ коллегію; тутъ кланявся ассесору Семену Івановичу и писмо подалъ секретарю Івану Тимофіевичу Аврамову отъ Новоторжцова. Писана въ Ямскую промеморія о видачи мнѣ на двѣ почтовыя, а подъ люде на 3 ямскія подводы. На извощика пошло $6^1/_2$ к. Подячему Емской канцеляріи 8 к., Миколаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шлямовое, лисіи да попеличое, дано за оные 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было $4^1/_8$ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штучки івановского полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчаного 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровного $98^1/_2$ коп. За осятра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ каваря 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурина, где и зъ сыномъ его Сергіемъ, салдатомъ ізмайловского полку, розговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвчанинъ Іванъ Івановъ Драній. На извощиковъ пошло 15 к. Вечерялъ у графа Ефима Івановича Владиславича, купно зъ Николаемъ Павловичемъ Кристичемъ, и позабавилися разными розговорами до 12-го часа.

29. Куплены сани зъ козиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ коляску дано 30 к., извощикамъ 26 к. Взялъ писмо у Николая Павловича заимное Трусевичево о доправкѣ на немъ десяти рублевъ. Вчера занялъ денегъ 30 р. у Савы Петровича

Діахра грека. За стонжки и тасму до шабли 2 р. 71 к., за цвѣтную тріодь 90 к., на росходъ харчевый и дрова и проч. розышлось 1 р. 50 к. Алексію до росчоту за службу его дано 4 р., за кошелки 2½ к. Павелъ Якимовичъ Якумопло далъ мнѣ на дорогу сира, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ 5½ к. Писалъ писма до пана Горленка и до Козми Якимовича въ Санктъ-Пітербурхъ и отправилъ оные на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цвѣлиху пасистого 2 р. 50 к. Ввечеру былъ у ассесора Семена Івановича и отобралъ у него писмо къ ясневелможному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дано 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генералши Фаминциной Софіи Казимировны и видѣлъся зъ дѣтми ея Андреемъ Юревичемъ и Евдокіею Юревною въ домѣ ихъ за Пречистенскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара успенского, который мнѣ и полсіомти подарилъ; у него же видѣлъся зъ секретаремъ Семеномъ Перфиліевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Іваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа віехалъ изъ Москви на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ почтовый, выехавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерень віехавъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, пріехалъ ночю Лихвинъ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано віехавъ, прибылъ около полдня до Болхова; одтоль, ради того, что пяный случился почтарь и что стала быть метель, принужденъ, заехавши въ сторону до села Локны помѣщиковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волконского, тутъ ночовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ віехавъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополдни; тутъ розышлось 4 к. Зъ Карачева въ началѣ 3-го часа выехавъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Часнки, и тутъ ради метелици принужденъ ночовать.

3. Зъ Часнки въ 6-мъ часу пополуночи прибылъ на почту Любошскую въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ

часу. Зъ Сѣвска вiехавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополуночи, а одтоль въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлось на розницю 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошолъ до двора ясневелможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юрьевича Анделярта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ панею, пана Скоропадского, Богдана Iвановича Пасека и прочiихъ многихъ; вручилъ ясневелможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другимъ, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясневелможного многiе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что синъ мой Петръ преставилъся въ Стародубѣ прошлого генваря 18, болѣзнiю на болячку подъ горломъ.

5. Рано былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидiакона катедры кiевской и до отца-брата въ Козелецъ и посланъ чай одъ преосвященного iркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ [163]) и у пана обозного генералного; вечеромъ— у пана Бороздны, судiи генералного. Сегожъ числа вручилъ писма господину Мякинину и господину полковнику Радищеву отдалъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофiевича, воеводы клинского, присланные.

7. При суплѣцѣ моей ясневелможному презентовалъ грамоту, данную мнѣ на Перегонъ для записаня оной въ войск. енер. канцелярiи и для видачи мнѣ подлугъ оной унѣверсалу. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлось 7 к.

8. Подалъ суплѣку на определенiе мнѣ деревень удостоеныхъ о унѣверсалѣ, чтобъ владѣть оними до полученiя указу и подтверженiя противъ посланного въ коллегiю iностранную удостоенiя.

---

[163]) Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкатовой галки 4 к.

9. Писалъ писмо до пана дядка въ Козелецъ за жителемъ кіевского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошадѣ розышлось 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Іґнатъ Данченко зъ возками моими зъ Москви до Глухова. Панеи полковниковой лубенской дана жестянка табаку.

10. Зоставлена у ясневелможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля зъ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалялась. Отобралъ у пана Скоропадского дукатъ и облѣкгъ, а ему надлежить переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича [164]). Розышлось 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маетности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ писма до жены и до Стефана и одправилъ передомъ чрезъ Алексія при двоихъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 к. Асауленку, що когдась ратовалъ мене, 10 к. Розышлось еще 9 к.

12. Отобралъ унѣверсалъ на маетности зъ канцеляріи, виданный на Перегонъ зъ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича зъ панею его и дѣтми [165]). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ квартерѣ. Писано писмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ зъ обявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и зъ благодарствіемъ за показованную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны писма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевця, зъ включеніемъ ему и писма до Петра Василіевича Курбатова; пилапожъ до Калепика локая, зъ включеніемъ писма отъ Андрея Гудовича до сина его Александра, а всѣ подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Уріила, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумопла, а тые писма одправлены на почтѣ чрезъ Іґната Данченка, въ Москву послан-

---

[164]) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

[165]) Авторъ »Дневныхъ Записокъ«.

ного. Емужъ писмо до графа Гаврила Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясневелможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясневелможности и прочіимъ отклонившись, віехалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына ей отца Іова, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородка віехавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтоль до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ сиomъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотреня построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Василювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до парахунку далъ роспиеку.

17. Віехалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамалии въ Борщовѣ, где изъ поруччикомъ інгермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Полянскимъ познался. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтоль віехавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣдень былъ у полковника и по службѣ у негожъ былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тесть и Романъ Янснко глуховскій [166]).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясневелможного въ моемъ інтересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Первый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтоль былъ у капи-

[166]) Романъ Яненко — глуховской мѣщанинъ, который женившись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и внукъ нѣжинскаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестевскихъ земель около села Есмани, поселилъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Прасковью, онъ выдалъ за Осипа Григоровича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ »келейместеромъ гетманскаго двора«. Сынъ этого Романовскаго — Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получилъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женившись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющого, потомъ у пана Стефана Ширая [167]). Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первей у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевского панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оные далъ облѣкгъ во отдачи тихъ денегъ въ априлѣ мѣсяцѣ остатныхъ чиселъ; о томъ же писалъ и писмо до пана Андрея Миклашевского, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музиканту отданы осталные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадского купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевского данная, и двѣ раздѣлочные писма чрезъ козака значкового Афанаса Десятовского; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлось на розницю 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадского для осмотреня будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадского чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадского жъ писалъ інстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховского. Розышлось сими днями на розницю 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стоги сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебенъ правили, где полковникъ обявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлось на розницю 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвицѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

[167]) Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писалъ писмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляріи полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ панеи. За 4 безмены лою 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Даны въ дворѣ на потребы 10 к., Василевѣ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городискимъ (села Городища) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчь прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребелный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Присылалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борщова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлось на розницю 14 к. Писаны писма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

5. Зъ монастыря чолнского пріехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни преставился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтный, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожъ отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибалчичъ зъ другими священниками. У мене обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жъ у мене былъ и поручикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдные. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для вожения зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ винесетъ 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Іванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должни оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроенъ мнѣ кунтишъ зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локотъ полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Віехалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первей былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамаліи, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ, и жестоко были пяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафянъ и козелъ для шитя чоботъ мнѣ, а панеи черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, пообѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помирили драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33⅓ к., а онъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одтоль отехалъ, жестоко подпившый и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антона Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣдень въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лазнѣ, посѣщали мы обое невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчора. Целюрику 3 к., на потребы до жупановъ челядних и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбоване сукна челяди на черкески, да за 29 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., шкляру за поправу де чого 5 к. Жорову Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Негребецкого, типографіи началника, и до отца Іоиля Савицкого, писаря кіево-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанной отъ Гавріила, намѣстника монастыря чолнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевця.

10. Заплачены цехмистру ткацкому за полотно передъ симъ панеи тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лазнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ которого и до сотника козелецкого Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жъ Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ пріѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландского драгунского полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жъ въ вечеру были п.п. Іванъ Миклашевскій, Скорупа, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на росходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за роботу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашенины 42 к. На розницю пошло 15 к.

13. За 18 локотъ шнурка штучкового дано 72 к., Алексію на его потребы 22 к., Крашениннику 10 к. На розницю пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локотъ по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашениннику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Івану Данченку за вино, братое у него прошлого году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локотъ полотна лняного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинского п. Себастіановича [168]) о стаднинѣ.

17. За 20 штучокъ вялой рыбы Лавріну дано 30 к. Ему-жъ за набранные безъ мене панею розные вещи 2 р. 49 к. Золотаревѣ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у панеи матки, а послѣ обѣда у мене былъ

---

[168]) Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, внукъ прилуцкаго обознаго Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастіановичей, въ настоящее время уже вымершихъ. Себастіановичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Грицовка (съ 1709 г.) и село Брагенцы, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастіановича—Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастіановичей перешли въ большей части къ Брежинскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастіановича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лищицкій [169]) и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были маіоръ Пущинъ зъ женою и поруччикъ Полянскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Іванцю 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека [170]) о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлось на розницю 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Макринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчъ и ставниковъ до Городища до двора нашого 62 к. На нитки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій позиментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашенины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлось на розницю 1 р. 20 к. Зъ Ляшихою росплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петрусевѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцямъ стародубовскимъ 12 к. Росплата учинена зъ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю роботу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей пани дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіовіи свѣчи дѣлала, 12 к. Отецъ Патермуфій, городничій лищицкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій [171]) принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

---

[169]) Лыщицкая волость (села Лыщичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кіевской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

[170]) Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора Петра Б. Пассека.

[171]) Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовали особые сотники »волоскіе«, вѣдавшіе тѣхъ »волоховъ«, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

нецъ. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышлось на розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлого Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у панеи матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у панеи матки.

26. Кравцямъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ панеи да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гварнѣзонный зъ офѣцерами інгермоландского полку поссорился. Сего-жъ числа привезенъ мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный зъ трубами, въ которомъ со всѣмъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили зъ хлѣбомъ святочнимъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручникъ и прапорщикъ гварнѣзонные. Ввечеру былъ у п. Стефана Ширая зъ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупы. Чрезъ прошедшіе святочные дни розышлось священникамъ, дякамъ и прочіимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы чрезъ козака Козла отъ шинкара чаусовского Ноздри шинковыхъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ зъ войтами нереговновскимъ и чубаровскимъ пріездилъ зъ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и зъ шинку перегонского 1 р. Тимохъ ковалъ за побой сина его положилъ 50 к. Заплочено за два гарци вина кримского, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

› Волохами ‹ поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустячи Волокитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отличіе отъ другаго стародубскаго села — Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жъ прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковый и Михайло Голембіовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лищичахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратилъся въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлъся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Априль.

1. Были на крестинахъ въ домѣ панеи Березовской, у пана Марка Марковича, сина подскарбіевого, которому синъ родилъся Іванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному воспріемниками были панъ Федоръ Ширай и панѣ Скорупшина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожъ числа возвратившійся зъ Кіева Семенъ привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтніе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнскомъ, такожъ отъ архидіакона софѣйского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужъ данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Янченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Уріила подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Кристича; при писмѣ посланы 10 р. денесъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожъ и до п. Скоропадского писалъ зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожъ числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужъ до прежде данныхъ въ позику 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о видачи циганки и зъ тимъ писмомъ посланъ Антонъ Донъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поручника інгермонландского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ доволно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Андрея Миклашевского. За медъ, у Ляшихи передъ симъ братый, 17 к.

5. Віехалъ зъ Стародуба къ Архиповцѣ [172]) для розыску въ дѣлѣ о млинѣ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маетности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

---

[172]) Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первей заехалъ до п. Пекаліцкого, потомъ сталъ квартерою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотру греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартерѣ.

7. Обѣдали у п. Пекаліцкого, да сегожъ числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ о унѣверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку [173]), у которого и ночовалъ.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуду поехавши, заездилъ въ дворъ п. Миклашевского понуровский, да и въ Буду, и пріехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездцѣ розышлось 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожъ послалъ денегъ 1 р. на росходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровніцкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышлось на розницю 23 к.

12. Куплено свитъ двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышлось на розницю 50 к.

14. За зроблене ключика до клевікорда, которій подарилъ мнѣ п. Іскрицкій, дано 6 к. Давъ до оковки ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено сиѣцарю 8 к., на желѣзо 2 к.

15. Принималъ у себе гварнізонныхъ капитана, поручика и прапорщика зъ женами. Розышлось на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на мило до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручикомъ Полянскимъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ панеи 30 к., одъ мене 50 к.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ святочнымъ при-

[173]) Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетикъ для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пущина. Дано снѣцарю въ заработокъ 20 к. Умовленъ слюсаръ дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонзъ давать же коштъ; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медъ 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капралъ ризского драгунского полку. Розышлось на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкарки перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еижъ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаровского шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живеть, дано 24 к., на мясо 10 к., на медъ 4 к.

20. Даны въ направу Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, крупички, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны ткатись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмаліоване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску откритую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панеи тещи былъ. На медъ 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашого зъ маіоромъ Пущинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мелникъ печениковскій Іванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панея матка, да три поруччика інгермоландского полку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовщинѣ [174]) и тамъ видѣлъся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и панею его, зъ Корса-

[174]) Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сестрою его, и велми пяный оттуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не виходилъ зъ дому, толко заездилъ ко мнѣ пожегнатся поруччикъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Іванова Борозниха была у мене въ домѣ и Пузириха за своими дѣлами. Дано за три барки (вальки) до колясокъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтиръ и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василю на покупку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По одправленію въ соборѣ молебствія благодарственного о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пущина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простилъся. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Пущинъ зъ маіоршею, поруччики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скорятинъ и п. Скорупна и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Романовичъ, зъ которымъ доволно розговоровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подалъ мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генералъ квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для заниманія лагеровъ для войскъ въ полку старод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнского, принеслъ мнѣ служитель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинця. Розышлось на розницю 5 к., за виправу лисицѣ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Пасека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмаліоване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлою апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаневича.

2. Обѣдали у мене п. тесть и поруччикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Одправлено писмо до отца Варсонофія, намѣсника свѣнского, чрезъ

служителя его зъ благодарствіемъ за неоставленіе въ візитѣ и за присилку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скорупны, а обѣдалъ у мене капитанъ Петровскій зъ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинилься пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе домы, въ томъ числѣ и войсковый дворъ и ратушъ згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и панѣ Тимофіева Журавкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пущалъ запкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского такожъ писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ зъ дому не бывалъ, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на кошулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Каташинскому манастиру и по дорозѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись зъ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одвѣвши, полдень поехали до манастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлься зъ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнею, а далѣе пожегнавшись, отехали я зъ женою до п. Василія Велинского въ Манюки [175]), а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до манастыря и въ манастырѣ розышлось 1 р. 50 к.

---

[175]) Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Племянникъ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ оспаривать Манюки у Савича, но послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Полуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; воспољ-

10. Въ Манюкахъ обѣдалъ, где хозяинъ подарилъ сину моему лисицю, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панѣ Скорупиина зъ п. Іскрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сину двѣ книжки латинскіе. Одтоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По раннomъ обѣдѣ зъ Кривца віехали и прибыли коло обѣда въ Тональ и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавлвшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полуноцномъ. Умовленъ столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавилъ въ домѣ маляра, уговоренного маліовать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостіи (пятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панеи-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скорупа зъ женою же и протчіе мужеска и женска поду. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкупу давный 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, віехалъ зъ Стародуба до Перегону и заехалъ первей до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавилъ въ Перегонѣ и былъ на Белявцѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамаліи, а одтоль отехавши были за Ворою и осматривали групту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣяного осматривали; а ввечеру были у мене Леонтій Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда пріехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

зовавшись этимъ моментомъ, Велинскій поѣхалъ за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добился, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 к. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовского, шинковыхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонского 3 р. за коня Триносенкомъ приведенного, злодѣйского.

22. Пріездилъ ко мнѣ Петко зъ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожъ былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусовъ его дубовыхъ. П. Леонтій Галецкій далъ на 26 осмачокъ жита облѣкгъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ зъ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 к. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Одтоль рано віехавъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжского. Дано маляру, малюючому таратайку, еще 60 к., да слесарю, которій штурмаки дѣлаетъ, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкого цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локотъ 71½. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношского, стороны г. генерала лейтнанта квартермейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовой, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевского, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андріенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а панеи Скорупиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ роботниковъ до направки коморы, которымъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 к. По полдни въ 4-мъ часу пріехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій інспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворѣ п. Андрея Миклашевского. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковцевъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ зъ суда войскового енералного о поездѣ въ села монастыря новгородского. Даны маляру

еще 40 к., золотару 4 к., снѣцару 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Янченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порахунку отошло къ намъ за медъ покупній и железо 20 р., а на немъ еще осталось 16 р. Писаны писма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Івана Холодовича, подлугъ указу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелсних Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашого. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницю 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ .... За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лищицкого, и сегожъ числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щу̊къ 20. Куплено діогтю до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючой дитины 20 к. На розницю пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибувши до Левенки, тутъ и ночовалъ.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покупку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано писмо до п. сотника варвинского о видачи стаднины моей моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасовалъ коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартерою у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушеню зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницю 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рибу 6 к., на зеля, перецъ и оливу 6 к. Розышлось на розницю 10½ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы [176]), сотнѣ полку чернѣговского менской козаку, даны 20 к. Писалъ писма до полковника о Мархаленку, до жены, до тестя о роботникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожъ до атамана погарского, чтобъ зраховалъ (посчиталъ) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ маппу (чертежъ).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисокъ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу зъ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано писмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на футоръ Михайловского, въ Пекаровѣ [177]) мнѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Халимону Жайворонку и Данилу Кистереву зятю, которые были на роботѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочнои, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рибу карасѣ 3 к. Писано писмо до п. обозного енералного зъ прошеніемъ прощенія, что не моглъ его дождатися въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Нестеренку облѣкги Литвинковы на Івана Василенка, значкового товарища въ Богдановцѣ. Віехали зъ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстъ, а по полдни одтоль віехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскій спаского новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и зъ Вовны [178]) войтовъ допрашовали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енералного, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны писма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки зъ ревизіалныхъ книгъ о селахъ монастирскихъ, да до Данила Зіневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андріевъ Немчиновъ, графскій прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ зъ писмами, а писма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подъ числомъ іюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подъ числомъ іюля 2, до Івана Александровича Дурова подъ числомъ апр. 18, до Киріака Андріевича Кондратовича подъ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

---

[176]) Село сосницкаго уѣзда.

[177]) С. Пекаревъ, сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

[178]) С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Уріила Іванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подъ числомъ іюня 7, да чрезъ тогожъ Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о цѣнѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доежжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ нодробили двѣ оси, за которые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а по полдни ездили къ мелници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сина его Василя Котляренка.

11. Обявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастиря одкуповуетъ путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красѣчну Юркевичовъ и въ Гуту [179]) ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова Е[illegible] Немчиновъ.

12. Обявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сіятелству Головкину. И сего дня прибыли воспять до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стекляный, зъ которыхъ три штучки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородціовъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ коммисію, розехались зъ Дмитровки, а одправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енералный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

---

[179]) Красична и Гута деревня новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стекляннаго завода (—гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подъ числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехалъ сотникъ воронежскій. За рибу 8 к., за миски поливаные въ доплатку прежде данного задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣровъ 50, мисокъ поливаныхъ 14, приставокъ чотыри, горшикъ одинъ зъ кришкою, шила снопковъ 21, ящиковъ 5, рибы язиновъ 3, лящовъ 2, судакъ 1. Писаны писма до п. Скоропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За шугалію въ Новгородку купленную дано 70 к., за сущики 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ я зъ Новгородка послѣ вечерень и ночовалъ въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до панеи въ Стародубъ, чтобъ пріездила до Перегону.

19. Былъ на футорѣ, и одтоль поворочаючомуся, пришло извѣстіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой ос[illegible] посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, также и сущики. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а церкву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцями розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городового погарского.

21. Тіежъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣщано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харковского, а одтоль поехавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлъся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночовалъ.

23. Пообѣдавши, зъ Левенки віехалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ спаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Іванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у панеи тещи купно зъ п. Іваномъ Гамаліею. Обослано насъ узваромъ отъ п. Іскрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницю 27 к. Спѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Іванъ Квитка, обозный полку харковского и п. Іванъ Гамалія юдиновскій, зъ которымъ доволно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пищолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе зъ пушечною стрѣлбою и при обѣду генерала стрѣляно зъ пушекъ и мѣлкого оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синъ полковника полку олонецкого драгунского, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Іскрицкого дочери новорожденной Татіаны. Воспріемниками были полковникъ Гаврило Івановичъ Давидовъ зъ панею тещею моею, и п. Іванъ Миклашевскій зъ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребы даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Снѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдни въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотренія полковъ отехалъ. Принесъ ткачъ серветъ 80 локоть, локоть отъ роботы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ роботы за локоть по копѣйкѣ, и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдь въ роботу Карпу Савеліеву, котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы чрезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые росходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотырохъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стіонжку чорную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лотъ и на стружки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложко одъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генералъ лейтнантъ квартермейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколко годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая таратайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлось на розницю 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Маляру на золото 8 к., за вичинку 10 овчинокъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Іванъ Булавка бунчуковый и коммисаръ полку чернѣговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицкого братъ, такожъ отецъ Іванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашениннику за офарбоване полотна на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, которымъ дано на 2 кунтушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержинского 80 к. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого лубенского дано.

7. Vacat. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового енералного и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курознова, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартеру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полуботокъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзного Мосту [180]) и тамъ Григорія Яворского велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажъ п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хоминскій, священникъ архиповскій, въ которого дѣлѣ писано писмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкаючіи расколщики, называючіесь Неклюдовы и Россріи, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лужка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговалъ дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣножатми за 20 р.; даны ему тогдажъ 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сегожъ числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощокъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлось на розницю 4 к.

14. Ткачу за роботу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкого полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Даровалъ канчукъ на тростинѣ капитану олонецкогожъ полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косику Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенціею былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синъ Іванъ. Взято вина $3^1/_2$ ґарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночовалъ.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борщовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлѣ Рубайленковъ чрезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Івану Храпковскому погарскому за Павлика заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ писмо чрезъ войта бозкого [181]) Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужъ отвѣтовалъ. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Іванъ Квітка, обозный полку харковского, зъ сотникомъ ізюмского полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дитячой даны 50 к.

---

[180]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[181]) Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тіежъ обѣдали, що и вчора. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медъ 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медъ 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на футоръ Василіовку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василіовцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Троцкій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили къ помиркованю и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегопъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленка. При віездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другие потребы 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное писмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупкахъ въ Густинѣ [181]), а до Стефана писалъ о висилки чотирохъ куфъ горилки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и чвертку жита. Архипу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробыною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлось 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квитъ індуктовый одъ Павла Каленикова на пять куфъ. Прибылъ на ночь въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Пріехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одправилъ въ Семіоновку куфу горилки при писмѣ до Василя Янджула и къ немужъ квитъ на 5 куфъ індуктовій и подорожную людямъ при горѣлцѣ

---

[181]) Въ густинскомъ монастырѣ, прилуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнимъ. Да посланы писма до п. обозного енералного и Борковского. Дано кравцямъ 15. Розышлось 5 к.

2. Слѣцару дано 10 к. Розышлось 6 к. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 квартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадского и Юркевича зъ посылкою челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лою у Брезкуна. Дано на ѕноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Панеи 20 к., за роблене свѣчъ 10 к.

4. Дано до панеи шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 к. Розышлось 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 лящи, отъ Василя Котляревича 10 лящовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлось на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммунѣковалъ. Обѣдали у полковника и отехали на ночъ въ Левенку. Максиму шапочнику за зроблене шапки панеи и Василковѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ віехали наши п. тесть и теща и жена къ Кіеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратилъся въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружій да Хомѣнскій и Багинскій. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмистра. Розышлось на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маіора корпусу меклембурского Лепела. Куріеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загряжского.

10. За роботу цѣны корпуса меклембурского драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлось на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленіи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Івану Квитцѣ, обозному полковому харковскому 30 р. За прироблене дишля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григоріеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Пріехалъ енералъ Кейтъ... Дано на потребы до кафтана перешиваючогось 13 к.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожъ перенялся за ȣарнецъ вина платити копу Греку. Пріехалъ п. обозный енералный. Розышлось на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный зъ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли зъ музикою. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежъ и долго въ ночъ трактовали о грунтахъ Доболской (?) зъ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александру (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлось 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писаря) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру ткацкому за роботу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлось на розницю 27 к.

21. Данъ Япченку цукоръ 51³/₄ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій росходъ 25 к. Спѣцару дано 10 к., передъ симъ емужъ 10 к.

24. За пару стрименъ 30 к., за роботу отъ направы лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенской пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночъ до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, зъ Борщова въ Перегонъ зъ п. Федоромъ (Шираемъ) швагромъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлявицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны писма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розышлось на розницю 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ сентеврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поруччикъ Козма Савватіевичъ Слотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартерѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ писма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночъ до Василіовки.

4. Въ Василіовцѣ обездили грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Ісаевцѣ были.

5. Надъ вечери віехали зъ Василіовки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о пріездѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ писма полковничого, что развѣ завтра віеду до Стародуба. Сего числа зъ Ровницкимъ да старостою евдоконскимъ да изъ лукинцями о спорнихъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечери віехалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левенку и тутъ ночовалъ.

10. Рано віехавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговского полку Петра Івановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое картъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сиръ и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночовалъ. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздалскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пищолцѣ и емужъ дано 20 к. За мясо росплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогожи 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которихъ по 77 локоть. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреяновною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рибу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловець 40 к. Аксамиту до евангеліи левенскои 3 чвертки, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлования, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 к., молодикамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій пріехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене меклембурского корпуса пѣхотный маіоръ Лепелъ и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣgатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтретя локтя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшите вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поруччика Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлось на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлось на розницѣ 18 к. Дано Карноуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я віехалъ зъ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки віехавши, прибылъ въ Перегонъ на ночъ.

29. Позно віехали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано писмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пянеи 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночъ.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастырь чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Віттеномъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гавріилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими чернцями былъ у мене въ наметѣ (палаткѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Одтоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавріиломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразъ отехалъ и прибылъ ночю въ Перегонъ.

4. Былъ на Василіовцѣ и возвратился на ночъ въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василіовку и тамъ ночовалъ.

6. Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у менє-жъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплатка учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за покупки, на ярмарку десятовскомъ [183]) справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для робленя полукаретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Черняковъ. По сее число на розную подробицю розышлось 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копъ дранѣ. Былъ я у маіора Лепела и долго сидѣлъ въ ночъ.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ соляних 10 к., на рогожи 12 к. Розышлось на розницю 7 к.

16. Розышлось на розницю 21 к., за пудъ салакуму 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофія, свинского намѣстника и отца городничого лищицкого зъ кгазетами. Алексію даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексію 3 р. Розышлось на розницю 7 к.

19. Івану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницю 7 к.

20. Кравцямъ 20 к., на розницю 8 к.

21. Крестили дитя служителя полковничого Микиты, сина Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дякону и паламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Ліоне. Сего числа снѣгъ випавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятій. Привезены книги зъ Санктпитербурха. Послано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подрядившись чвертку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковый стародубовскій, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

---

[183]) Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Паски пятницу.

24. Далъ Робаковскому на покупку жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣи Чернолузской привозившему, 10 к., а родилъся у еи синъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣgатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милниковъ. Вечеряли у насъ Іскрицкій зъ женою.

26. Подметное писмо на полковника сискано и спалено. На рибу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику через Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Іскрицкому мовца полскій. Розышлось на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя колясви 30 к., чернцю зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣgатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Ляшихи полрубля. Панѣи дано на стенжки 40 к. Дано за коня капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направу парика 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ ноеврій.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинину за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинскій погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на коней до порахунку: у куровского Грицка Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдкового 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Івану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томужъ золотару на живое срѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевского зъ інструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницю розышлось 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ писмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свинского, и о одсилцѣ оного писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямового кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейского, скуповуючого пенку, Андрея Федоровича Хрущова, которого сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембурского Ланку. Золотару Івану за камушокъ, въ перстень вправленный, дано 10 к. Розышлось на розницю 6 к. Семенко, сынъ п. Івана Гамаліи юдиновского умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хрущовъ зъ жоною.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія прнятія имъ полковои команды.

9. Шевскому цехмистру за роботу 4 паръ чоботъ 16 к. Івану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рибу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за роботу 20 к. Золотару Сергию до порахунку за роботу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегопъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хрущовъ зъ женою и прочіи, а послѣ обѣда были на весслю у Гомяници. За пошите кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ купно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и виигравъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлими днями розишлось на мясо и проччее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяниця зъ женою своею и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которимъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андріановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пуфендорфъ, а у п. тестя Вадоменумъ медікумъ.

16. Парфененку даны за медь 12 рублей.

17. Золотарю Івану Сергуну данъ на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое срѣбро 18 к. Івану Пищолцѣ данъ до оправования рондзикъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, почовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль вісхавши, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопщину взято у Киселка конь и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ почовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борщовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тоболского полку Алексій Івановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христичевскій. Драгуну дано 5 к. На рибу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хати на Василіовцѣ. Священникамъ и прочіимъ причетникамъ дано 47 к. Іванъ Мелниченокъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гришка Шрама Микрунова, на линіи работавшого, который долженъ былъ 11 осмачокъ овса, заплатили Куровци шесть рублей. Нѣмому данъ кунтушъ зеленій мой.

22. Виехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Переездомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два конѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Ради тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисицъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлось на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку бранную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до робления Максиму шапочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василка, а для папеи зъ огонковъ куничихъ, да на шію ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ чорного баранка. На нитки 3 к.

26. Купили до кузнѣ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому данъ 1 р. Кунтушъ минѣ покроенъ зъ кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7 к. Василковѣ кунтушикъ, кафтаникъ и штаны покроены; на потребы дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ ¼, за которую дано 81 к. Далъ Плешковъ зять на пенку 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы писма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Івана Гриневича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и маппу, и до Юркевича.

27. Даны осталные Парфененку за медъ 10 р. Розышлось на розницю 6 к.

28. За шлеи до станка конского, що подкововатъ коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлось 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На нитки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлихъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родинный хлѣбъ молодику 20 к., отъ п. Андрея Миклашевского, которому вчора родилась дочь Екатерина. Наниткѣ Чубѣ и кравцю 10 к. На розницю розышлось 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опос 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus communicavi. Розышлось на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зелѣзо Евдашцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и ночовали. Розышлось 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Івана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамаліина, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медъ 20 к.

7. Въ Погарѣ [164]) . . . .

---

[164]) За симъ въ рукопись вплетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣнъ утерянныхъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вплетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», изъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтенанту, генералу кригсъ-комісcару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшого при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оного-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ феерверкъ съ пущаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

3. Рано посѣщали насъ судія енералный, его м. п. Федоръ Лисенко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енералный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пробыть принужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ квартерѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енералного п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гостѣ были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушалъ въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Миклашевского, а одтоль возвратясь въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ черпѣговскимъ п. Леонтовичемъ. И. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартерою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генералъ, такъ и прочіе гг. великороссійские и малороссійские пошли за процессіею церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварнѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енералного п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни и къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляючихъся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посилаючіесь. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

7. Отклонилисъ генералу наши депутаты и приняли свою експедицію.

8. Оные депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Івановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Інихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровъ и Чубаровъ.

9. На вечери ездили въ Дунаецъ[185]), для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтоль возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, обявлено ехать по станамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдителствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клейноты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено[186]).

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ інструкціи и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералній подскарбій Михайло Василіевичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевцѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтиновцѣ[187]), а оттоль до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Іванъ Пантилимоновичъ Божичъ. Одтоль же зъ Батурина писалъ въ войсковую енералную канцелярію о томъ, что пятого числа подводъ на станъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

[185]) Село глуховскаго уѣзда.

[186]) Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ октябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; смѣщенъ онъ былъ послѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здирственныя прихоти». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

[187]) Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополуночи віехавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзенского Пантелімона Забѣлы, разехались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартерою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеновича Хрущова и обявилъ ему інструкцію, данную мнѣ зъ войсковой енералной канцеляріи, объ отказѣ ему-жъ отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского надлежащихъ, о опредѣленіи полковника Божича и о протчемъ. Потомъ обеждджали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пущинымъ дворы, въ которыхъ провизія для турецкого посла заготовлена и станѣ (конюшни) для лошадей строены; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у оногожъ полковника Хрущова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его жъ до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе клейноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехалъ по почтѣ до Носовки, где прибывъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартерою у обозного полкового кіевского Андрея Шаулы.

14. Рано явились у мене гварнѣзону глуховского поручикъ Михайло Фомичъ Динисьевъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ носовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленныи къ заготовленію провизіи, подводъ и протчего для посла турецкого; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна неисправность, о томъ отъ мене жъ писано въ полковыи канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и переясловскую; да о томъ же и въ войсковую енералную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизкимъ Мандрыкою посланъ по інструкціи ундеръ офіцеръ, чтобъ его взять въ Носовку за ослушаніе въ непоставки провизіи и протчего; потомъ зъ Носовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелецъ по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Іоанна. Послѣ у полковника кіевского г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартерою сталъ въ домѣ князя Никиты Юревича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемешовъ[186]) новопожалованного дѣйствительного камергера Алексія Григоріевича Розумовского матка Наталія Демянова дочъ и вручила писмо для пересилки къ овому сину своему. Осматривалъ я квартеръ и стаень для турецкого посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полкового Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорского и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночю отехалъ въ Носовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартерою у намѣстника тамошнего отца Малотина.

16. По пересмотрѣ пріуготовленныхъ въ Носовкѣ квартеръ и конюшень и прочего и пообѣдавши у оного жъ намѣстника носовского, отехалъ оттоль и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартерою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшого полковника Божича и у него въ кватерѣ, а въ домѣ здѣшнего войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рано приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартери, зъ знаменами полковими и музикою и перначемъ, такожъ зъ сотенными корогвами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартеру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообождавши, поки полкъ устроенъ, отехали зъ нимъ въ однихъ саняхъ къ манастырю, где за пріѣздомъ нашимъ, зъ музикою и приклоненіемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ зъ знаменами окружилъ насъ, а я зъ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, обявилъ имъ и всему полку, что ея імператорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералной канцеляріи унѣверсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковой Василь Кулаковскій; а по прочитаню взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ пѣрначъ и значокъ полковый; и стали оного полковника

---

[186]) Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшаго владѣнія Тарховой, въ с. Лемешахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначавшій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родились Алексѣй и Кириллъ Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то зпову музика полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и нѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Пущинъ, полковникъ отставный гамбурского полку Зотъ, подполковникъ Карнѣй Івановичъ Басмановъ, нарвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офіцери и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службы Божой и молебствіе, которое отправовалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшнего манастыря нѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оного молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніално зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ перначъ, при играню музики полковой до квартери его въ войтовъ домъ, тоже стали за пріуготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго вночъ, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трактаменту.

19. Рано пріехалъ въ Нѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посолъ зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музикою, а по прибытіи его въ квартеру были мы у него жъ, посла, зъ енераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которымъ онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що чрезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и протчими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отправленіе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Полянскимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переясловскій и нѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта нѣжинского Тарнавіота и взяли у него двохъ дѣвокъ крещеныхъ, однужъ отпустили, а другую увели къ послу. Отправленъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую енералную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отправленія чинили.

27. Кушалъ я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа нѣжинского.

28. Самъ поселъ зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Синяковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ почининилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при поселствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто саней заготовлять подъ оное поселство телѣги и роспуски, обявлено.

29. Обявлено жъ, что поселъ турецкій совсѣмъ ити намѣренъ на Переволочную, о чемъ отъ насъ посланъ репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явилъся сотникъ столинскій [189]) Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку чернѣговского набраннымъ. Одправлены писма въ Товкачовку [190]), до старосты тамошнего и до судника о стаднинѣ нашей.

31 Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Нѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащое приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Цурковъ и канцеляристъ Костенецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубнѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый нѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночю прислано требованіе отъ полковника Алсуфева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудоволствія поселству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оный же полковникъ Алсуфевъ обявилъ, что поселъ знову на Кіевъ свой путь восприемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

---

[189]) Мѣстечко Стольное, сосницкаго уѣзда.

[190]) Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночъ долго отправляли свои молитви зъ музикою своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздноватись имѣючого.

5. Первей въ поселской квартери музика ихъ турецкая играла и самъ поселъ нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набоженству отправлялъ, потомъ оная жъ музика и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила зъ поздравленіемъ, а съ полдня стали собиратись къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты почю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василю, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорилъся сдѣлать мнѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ поселъ зъ осталною свитою поднялъся зъ Нѣжина, которого препровождено зъ пушечною палбою и зъ командами драгунскою и козацкою. Оный же поселъ обѣдавъ въ Дѣвици (Володьковой), а на ночъ прибылъ въ Носовку. Объ ономъ виездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указу о посланныхъ отъ насъ въ полки обявленіяхъ, что уже поселъ на Кіевъ трактъ воспріялъ.

7. Мы зъ Нѣжина віехали, а поселъ зъ Носовки поднявъся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставиское, а почовалъ въ Козелцѣ; мы же почовали въ Ставискомъ.

8. Зъ Козелца поселская свита рушила почю, а самъ поселъ въ 8-мъ часу по полуночи, въ якомъ часу и я прибылъ въ Козелецъ; поселъ же на ночъ притягъ въ Семиполки и почюжъ одтоль поднялъся. Я почовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ поселъ въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись зъ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройно, пошолъ спѣшно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою зъ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салютовали. Я и маіоръ прибыли на ночъ въ Бровари.

10. Посланы поруччикъ Денисьевъ и сотникъ носовскій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночъ въ Димерку, где заехавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексіевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капралъ, въ Глуховъ посиланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кіевскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секирицю до Григорія Парженка и до сестри Евфиміи, у которихъ тамъ пообѣдавъ, прибылъ на ночъ въ Козелецъ и тутъ сталъ квартерою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартерѣ; потомъ обѣдали у маіора Полянского, а послѣ побувавъ у дядка Федора Ханенка и отца брата Іоана и простясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козелця и прибылъ на ночъ до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Пантелимоновича Божича, а вечерялъ у полковника и комендапта Пущына.

15. Купилъ сукенка 20 локотъ за 5 р. 40 к., четири юоп за 4 р. 50 к., да у значкового товариша Медовниченка взялъ троихъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пущына, у которого и дзигарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для направы. Послѣ простясь съ нимъ на квартерѣ маіора Полянского, отехалъ позно и прибылъ ночю въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартерою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣетъ за собою племянницю мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батуринъ, куда позно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ позно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Иліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василку въ Дунаецъ отосланы панчошки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночю получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генералъ Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствителные камергеры, чимъ его превосходителство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ енералный п. Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подъ посла турецкого, слѣдовать имѣючого зъ Кіева на Переволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я виехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночъ 2 години, оттоль висхалъ о полночи и въ Ображѣевцѣ переменивъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлъся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Львовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу предъ полуночю.

21. Во время обѣда сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Покасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Перегонъ и тутъ отобѣдавъ, доволно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками послана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василіовцѣ. За леченіе хлопца полудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездилъ изъ Новгородка муровщикъ Стефанъ Жолдакъ. Василіовскому одному человѣку позиченъ 1 р.

25. Муровщику Стефану Жолдаку въ задатокъ на роботу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки квартъ 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный дзигаръ для направы, при писмѣ до намѣстника монастыря новгородского отца Алексія и о присилкѣ къ намъ цегелника.

26. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Перегонъ и тутъ ночовалъ.

27. Отехалъ онъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писалъ до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Оные писма отправлены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа надвечери отехалъ я зъ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ віехавши прибыли на ночь въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздны медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, переехавъ Рудню полковничую и прибыли въ Жовпецъ о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого [191]), где и ночовали.

[191]) Теперь деревня, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Пріехали рано въ слободу Александра Корецкого Упоповъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на почь въ Лотоки, где сталъ квартерою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Былъ у мене въ квартерѣ сержантъ стародубского гварнѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Божой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люде при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Імшицкое и тамъ обще зъ Іваномъ Самойловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людми лотоковскими розсматровали мѣстъ, подъ селидбою тамъ же будучихъ, а оттоль заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорщику Сидору Петровичу и къ другому прапорщику въ Мглинѣ стоящему, а имѣнному прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое зсипано въ имбарѣ у Димида, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сковиню. По полудни віехали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли почю въ Кузнеци и тамъ ночовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и пташина лотоковская дана для оробковъ, якыхъ паръ 10 къ празднику онъ обѣщалъ. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и оттоль прибыли въ Ярцевъ по полуночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Івану Борознѣ въ Медведовъ о снѣцару Никитѣ; оттоль же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полуночи, где погодя малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Івану теслѣ (плотнику) на его нужды въ щотъ за роботу данъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скорупа, Іванъ Гамалѣя

капитанъ Ланкъ съ женою и протчіе. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ онъ же въ Юдиновъ.

11. На вечери віехали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунчучная Галецкая, а потомъ отехала къ Погару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю нашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ енералной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитріевичу Максимовичу полковыхъ клейнотовъ и команды, чего для и віехалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 годипи въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчора приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартеру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музикою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построилься въ тріангулъ, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь, при играню музики, ружьемъ и випалено зъ трохъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ обявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой енералной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ, а по прочтеніи уневѣрсалу, взявь я перве болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музику полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрывъ его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ паки изъ пяти штукъ випалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ випалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкого ружья палбѣ, гуляли до позна въ ночь.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, но потомъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашного излышнягo питя, посилалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковенка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судового Косача; потомъ у полковника кушали, где случился и Григорій Борозна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого коника.

17. Простившись зъ полковникомъ и прочими, отехалъ зъ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ зъ попомъ Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Принесенъ указъ зъ суда енералного, чрезъ нарочного компанѣйця, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского зъ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ зъ подданимъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать цеглу, за которую платы давать ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дано ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дано дѣлать двѣ пари платя нового, и каѳанъ злотоглавный къ починки, и на потребы къ той роботѣ данъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ зборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасиму Григоріеву.

19. Отправлено доношеніе въ судъ енералный зъ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйця, да и писма до г. бригадира Иліина, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отсилки бочокъ до Глухова. Преднамѣненные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита сиѣцарь, присланный отъ Івана Борозны медведовского, началъ роботу въ Городищѣ. Римаръ Ярема наказанъ за пянство и обѣщалъся впредь не пить.

20. Маляръ, изъ Гримячого присиланый, взялъ маліовать плащеницу до церкви городиской. Отобраны у Петрихи зъ шинку погарского за станъ оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Озер-

скій прислалъ должного 1 р., а до Багинского послана при писмѣ мѣра на стекло. Были у мене панѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, зъ которыми договорилъся зъ панѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а зъ столяремъ на роботу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по чвертцѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пѣвецъ для обученя хлопця зъ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышенамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 чвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писалъ до писаря полкового Петрункевича за Іваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчаненко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писалъ до капитана Берга стороны прапорщика Козми Львова, который на греблѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня отголь овса въ Погаръ.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ кухаръ Іванъ и дано ему 2 р. 10 к. и писмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой енералной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ пѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писалъ къ полковнику стародубовскому о полученіи пѣрнача и о присылки сторожа поліового для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ зъ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное писмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писалъ. Госпоцинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ся службу, що надлежало, 90 коп. У шинкаря марковского (с. Марковска) за станъ горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Ночовали въ Городицѣ, где по слушанію всенощного и утренного пѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегонъ и тутъ какъ зъ городецкими попами обома, такъ и зъ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

26. Писалъ репортъ противъ указу стороны пѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писалъ же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ полiовымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовского г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ зъ попомъ Алексiемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позно.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Iванъ стародубовскiй, такожъ п. Александръ Корецкiй зъ жоною, и потомъ отехалъ я къ полковнику; и какъ толко вехалъ въ дворъ, то зъ музикою честь мнѣ отдано, и полковникъ зъ всею старшиною встрѣтилъ передъ крилцемъ; а когда вошолъ я въ болшую избу, то випалено зъ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принесть перначъ и оный вручивъ полковнику, зъ учиненнымъ ему поздравленiемъ; далѣе, за приуготовленнымъ болшимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високiя здравiя при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компанѣи былъ и братъ полковничiй, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскiй (м. Волынки) зъ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компанiи, учинилась ссора, въ которой обозный полковый Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкiй зъ женою, а между тѣмъ прiехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему шаблю, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощенiе, и потомъ со мною простясь, полковникъ и братъ его Василiй, сотникъ волинскiй, такожъ старшина полковая отошли, а мы отехали на ночъ до Левенки, куда въ вечеру прибылъ и Григорiй Бороздна ярцевскiй зъ своею жеbою.

30. Послано отъ старосты перегонского въ полковую стародубовскую канцелярiю доношенiе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленiя козаковъ зъ ближныхъ куреней, чтобъ напомятовалъ полковнику, да и о томъ же доношенiе; такожъ писалъ до сотника топалского Янджула о присылки зъ Сытой Буды маляра Василя Пивоваренка; и рано отехавъ зъ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писанъ репортъ въ войсковую енералную канцелярiю противъ указу присланного ко мнѣ о поездѣ для присутствiя

въ коммиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Івану Гамаліи, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ гг. брегадиру Іліину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бунчучному Оболонскому енералнымъ, да до сотника мглинского Лисаневича и до старости нашого Поленского, въ Товкачовку.

Април ь.

1. Григорій Борозднa ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жъ и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые писма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сина ея Павла посланы; емужъ на дорогу дано 50 к., а Василку (сыну) послалъ 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлые сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцю погарскому Гришку 3 р. Пріездилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкціею о зборщикахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, обявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жъ. Роздана служителямъ и служанкамъ барва, въ томъ числѣ Івану, теслѣ, кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый, римару Яремѣ кунтушъ блакитный, каѳанъ мамсовый и поясъ коломійковый и протчимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москви и календарь С. П. Бурскій, и отъ старосты товкачовского. Чрезъ тогожъ сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посилкою писма до Голяки, хоружого сотенного мглинского, до Кудрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторые покупки, справленные Ісакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчъ 49 позолочованыхъ и зеленыхъ.

7. За оные-жъ покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Ісака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукенъ и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у панеи Григоріевой, а на ночъ прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ козаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказанъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Івану Михайлову сину Осипенку, чтобъ его оставлено при церквѣ курковской отправлять ктитарство и въ походъ нынѣ не наряжать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставлячихся мелницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратилъся въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядилъся на Ломакиной слободѣ колесникъ Мина Федьченокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужъ дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредъ до порахунку, а преждежъ она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драпь. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашой полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителямъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будуть должны, и по дню роботать. Зъ Куркович послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунского полку о томъ, что безъ бытности моей былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартермистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рибы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василка.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленного вчора до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый срѣбный до направы въ новгородскій монастырь, и майстеру за роботу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ повыхъ будинкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ роботу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Івану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковного, да и Россарію, что подсусѣдку нашему Супаненку за 2 годы за службу не платить, до Омеляна Чеха—о денгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ простыхъ, чтобъ присилалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сковпневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сковпню и до Федора Пригаровского о денгахъ за хлѣбъ и о протчемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленю треаршинной кухнѣ со всѣмъ и о присилки птушокъ [182]). Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ болшихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и чвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкаючему Яремѣ, за 5 болшихъ, да за пять меншихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашого, что онъ долженъ впредъ отробить 70 к. и чвертка жита. Гришку кравцю погарскому за роботу его дана чвертка жита.

13. Посилапъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторими нуждами, чрезъ которого писалъ и до Кудрицкого о присилки подлинного отъ Ломаки данного писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о протчемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрункевичу.

---

[182]) Т. е. птицъ, разумѣется здѣсь рябчиковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобиловали тогда за-ипутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратилъся и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, сторони присиланной экзекуціи на деревню мою за доимочными денгами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбованные (подкрашенныя) куници и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашомъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и науголную, къ старимъ будинкамъ стоячіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащалисъ. Посланы въ закладъ до панеи Григоріевой Гамаліиной дукатъ въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позику денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова принесены провіантовые денги 7 р., а чрезъ Івана Курганского и Івана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сковпня и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ напюмъ, тамъ въ Лотокахъ оставленномъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позику 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за ниву 10 к. и чвертку жита. Василко синъ нашъ пріехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда енералного до Івановой Миклашевской, по челобитю жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господаря на Василювцѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свитѣ, а начали оны служить сего году на всеедной, то есть февраля зъ среднихъ чиселъ.

17. Паникадилщику Никитѣ Іванову, который дѣлаетъ до шоръ бляхи, дано еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и чвертку житной муки, да у него-жъ принято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу $15^1/_2$ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилщика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столкожъ, такожъ и стременъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сина Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набоженства слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамаліиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣдни въ Борщовѣ и тамъ-же у панеи Григоріевой Гамаліиной обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сиръ, то масло и денги, а для Александра Корецкого пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожъ канцеляристъ Покасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Пріездилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремяцкій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбуютъ его черници пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ запесена на него челобитная въ судъ енералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ея величества Елисаветы I імператрицы самодержицы всероссійской, совершитись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палбѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Никитичъ Репнинъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и ночовалъ въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же пріехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и ночовалъ у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генералъ рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динисъ приездилъ зъ Стародуба и взялъ шить епанчу зимную Василковѣ, которому на потребы и за роботу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаетъ окна до нового городецкого будинку, дано 1 р. 50 к. впредъ до щоту, що ему за роботу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій писмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадаючой, дѣйствовать по моему разсмотренію [193]). Получилъ писма отъ судіи полкового чернѣговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого чернѣговского отца Іраклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція состроить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судіи Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ стороны Іванихи Миклашевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юденку еще дано въ зароботокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

Маій.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачотъ службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійской, отправованной прошлого априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантіевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни виехалъ я зъ Перегопу къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ попалъся намъ кухаръ Яковъ Варшаковскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъехавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ [194]),

---

[193]) См. примѣч. 104.

[194]) См. примѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились паки до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегнавшись, отехали въ путь свой къ Пироговки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рано зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одтоль прибыли до Глухова по полднѣ, откуду и одправленъ въ домъ Грицко зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлъся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболонскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отправилъ оные чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримяцкого. Рано былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлъся зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Піковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадира Івана Кондратовича Іліна, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енералной канцеляріи и коммисіи своду [195]). Обѣдалъ у Скоропадского и зъ нами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ коммисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелецъ до п. дядка Федора Ханенка, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до комендапта Пущина о сукенку, чтобъ купилъ 13 локотъ,

---

[195]) Объ этой коммисіи см. книгу А. Ф. Кистяковскаго: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобравши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о тесляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчой на футоръ артополотскій. Якіе писма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣдне, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнина и позабавилъся у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералного Якубовича, у которого и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великого імператора и самодержца всероссійского взялъ; потомъ у енералнихъ писара Безбородка и бунчучного Оболонского былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святого Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупины на водкѣ; я обѣдалъ у бунчучного и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обозного енералного г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взятъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартеру подъ карауломъ.

10. Писалъ писма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ которого присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Якубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинского Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и конемъ строкатымъ. Служителю г. Скоропадского Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребы Романъ Гапоновъ.

12. Зрана были въ домѣ писара енералного, который и осятриною свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадского.

13. Были у мене на квартерѣ отецъ игуменъ петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролевецкій Калиновскій. Ломаки отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ коммисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалчичъ зъ капраломъ караулнымъ. Інформаторъ пріездилъ зъ Дунайца [186]).

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны дранѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Івану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и попривозилъ де якое бѣлое плате; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашныхъ нуждахъ и меморіалъ посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбакъ и байбарака Іосифового. Івану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святои Варвары, былъ съ протчими первей у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтоль прибывъ въ квартеру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезджалъся зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтоль заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оные принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писаръ полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратилъся зъ Козелца племѣнникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старый зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сина Наумового Евдокименкового и послано цукру голову, паперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пущалъ мнѣ кровь зранку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

---

[186]) Воспитатель или гувернеръ дѣтей Мих. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-мъ.

20. Рано былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; одтоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ пріехалъ ко мнѣ п. писаръ енералный Безбородко зъ судіею чернѣговскимъ Сенютою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня теслѣ и сторожъ нанятый зъ Товкачовки, изъ которыхъ послалъ двохъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ виехалъ зъ дому до коммисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василка (сына) тутъ засталъ. Інформатору Юнкгансу за науку сина моего Василя прошлого 1741 году съ априля мѣсяца надлѣжащой плати часть, а именно 10 р. даны и за кулбаку, Василковѣ купленную, нѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. інформатору-жъ, а послѣ поруччицѣ отдано 8 р. Писалъ къ женѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренка при себѣ удержалъ.

22. Взята спалня (карета) наша дорожная для дѣтей г. Скоропадского, имѣючихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златоглаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Пріехалъ въ Глуховъ генералъ-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебринц и сталъ квартерою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелця везенные пропали.

23. Послѣ обѣдень, слушанныхъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василія Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое попривозилъ.

24. Ради именинъ сина полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, брегадиръ Глінъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль пріехавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ сторони Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчорашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проездкалъся въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ коммиссіи; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйкевичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-жъ секретарь министерской канцеляріи Василь Маркелловичъ Леонтіевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвари, потомъ были у генераловъ Дебрини и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадипому осматривать заводячихъся отъ нихъ для кошеня намъ сѣножатей.

28. Генералъ Дебрини отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ коммиссіи, а по обѣдѣ оной коммиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича [197]).

29. Звано мене на свадбу въ домъ бывшой сотниковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкого Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новый інформаторъ.

30. Пріехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. Я послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и обѣщалъ отробить 7 р., должные отъ него отцу Алексію Хелкидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и писма къ женѣ и до Каврайского отправлены. Новому інформатору данъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловского глуховского Никифора Грибовского обѣдали у него коммиссіанты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлься зъ сотникомъ полко-

---

[197]) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковой старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчимъ—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ пасынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазепы, поставленъ былъ генеральнымъ судьею. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскимъ сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сина Василка сукна василкового 4 локтѣ безъ чвертки за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчорашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два столы для маліованя и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ коммиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовского, тако-жъ и въ енералной канцеляріи. Припроважено компанѣйцями сотника яготинского Филипа Купчинского, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енералной [108]). Кухару Якову Варшаковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черкески изъ парусного полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Настусею. На всенощной были въ церквѣ святого Василія.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Пятидесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ колѣнопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ кушали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ кушали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жиди металники разные свои фиглѣ показивали.

вымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пироцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболонскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василія Оболонскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболонскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пироцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впослѣдствіи перешли къ Красовскимъ.

[108]) Купчинскій ѣздилъ въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфъ горѣлки, и о протчемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ тоей-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтіевъ, канцеляристъ Покасъ, а надвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ коммиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гончару новгородскому, которій дѣлалъ пѣчи до будинку нашого городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное писмо чрезъ человѣка перегонского.

11. Писалъ писма въ Москву къ секретарю Новоторжцову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о своемъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варнавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ маи мѣсяци писма, тако-жъ къ швагру Івану Гамаліи и къ Федору Корецкому о покупкѣ на нашу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузнѣ, полумисковъ 2 тузнѣ, въ томъ числѣ было-бъ посуди новомодной зъ кришками штукъ 6, ложокъ циновыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложокъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и пестрыхъ по двѣ пары, да и писма къ секретару Новоторжцову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляючомуся къ Москвѣ. Синъ покойного Андрея Ханенка, а мой племѣнникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валкевичъ асаулъ енералные, да изъ коммиссіантовъ нашихъ п.п. Семенъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семенъ Столповскій, такожъ сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Іванъ перехристъ отосланъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я зъ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартеру г. Якубовича, асаула енералного и былъ у асаула енералного-жъ г. Валкевича, где и зъ графомъ Мойсеемъ Івановичемъ Владиславичемъ и зъ Іваномъ Бороздною видѣлъся.

16. Поутру рано ездили къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся зъ всѣми тамо бывшими, отехалъ поутру-жъ въ путь свой на коммиссію розграниченя зъ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездили зъ г. Скоропадскимъ до графа Мойсея Івановича, где съ нимъ и зъ графинею, братовою Анною Бороздновною, при нашемъ посиденю, перве пріехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, и уже надвечеры оттоль пріехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили зъ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣкгъ на тіе денги, до первого сентября сего году. Дзигармистру, въ домѣ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебрянные карманные зъ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы зъ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано писмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Ласкевича о дѣлѣ моемъ и включилъ писмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отчима его, сотника козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ писмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ выслалъ зъ Товкачовки въ Григоровку 25 человѣкъ работныхъ, когда востребуетъ тамошный господаръ, зъ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундіру, сину Василевѣ Максимомъ кравцомъ дѣланному, дано 6 р., а еще за сукна василкового 3¾ локтя надлежитъ Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣдни, слушанной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару енералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ зъ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералного г. Скоропадского, а надвечери былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчуковый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій изъ своей квартери, невѣдомо куда. Пришолъ указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ министерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ ночъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простилъся, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова попъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано писмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, дранѣ и 20 р. должныхъ. Писаны писма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсилки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ сторони сожженного двора Гавриловго, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней цуgа, и до жены въ Товкачовку.

23. Оные писма отданы въ енералной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсилки оныхъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его писма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣляя о Косику и до старости погарского о домашныхъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Пріехалъ зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ оного жъ Тодорскаго получилъ и я писма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского сторони побою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и сторони слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтнантъ Іванъ Івановичъ Бибіковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Івановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были зъ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и ночовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторіею. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена зъ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены теслѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при ныхъ Данило городиской, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашныхъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, сторони сѣножатій Выдиныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ осталные 10 руб., изъ привевенныхъ женою зъ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшого зъ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генералъ маіоръ Кезерлинъ зъ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялъся въ домѣ и въ коммиссіи не былъ.

Юлъ.

1. Былъ въ коммиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ домы.

2. Едучи, по именному указу зъ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Глухова, былъ перве въ коммиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа зъ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ коммиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генералъ съ протчими гг. великороссійскими и малорос-

сійскими у полковника Андрія Тимофіевича Тютчева, ради тезоименитства его, и весь день пробавили.

5. Жена, зъ панею судіиною Лисенковою, ездила къ полковници Тютчевой.

6. Обѣдали у сотника глуховского Турянского и долго тамъ пробавили; а потомъ были у писаря суда енералного Пиковця, котораго дочь новорожденная крещена сего-жъ числа, а воспріемниками были асаулъ енералный п. Валкевичъ и вдова Лисевичова, теща сотника золотоношского Костантія Леонтовича.

7. Сторговалъ у насъ футоръ, на Артополотѣ будучій, Матвѣй Чижевскій, зять Неижсалникъ, за 230 р. и далъ въ задатокъ 110 рублей. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ сотникъ золотоношскій Леонтовичъ.

8. Трактовалъ у себе генерала зъ протчіими гг. великороссійскими и малороссійскими писарь суда енералного Пиковець, ради крестинъ дочери своей, и доволно гуляли; потомъ ездилъ генералъ за городъ, где нововылитымъ пушкамъ дѣлалась проба чрезъ капитана артилерійского Бреклинга.

9. Весь день въ домѣ пробавилъ ради вчорашного шумства и ради отправленя жены въ домъ. Присланъ указъ въ коммиссію нашу на подаванное доношеніе наше, чтобъ не разездиться на каникулярные дни и сидѣть за дѣлами той коммиссіи поутру и по обѣдѣ.

10. Рано жена отехала въ домъ и я потомъ былъ въ коммиссіи и обѣдалъ зъ домашними у себе.

11. Подписаны указы въ полки и ко всѣмъ бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ о бытіи къ походу нечаянному въ такой готовности, чтобъ за полученіемъ повторного указу мощно было выступить въ 24 часа. Рано и по службѣ были у генерала, а обѣдалъ я въ домѣ.

12. Сотникъ березанскій Василій Думитрашко Райча кудась нечаянно отправленъ и отехалъ зъ Глухова. Повторное доношеніе зъ коммиссіи въ енералную канцелярію объ отпускѣ на каникулярные дни подписали. За шапку зеленую аксамитную, что здѣлана зъ сивымъ баранкомъ, дано 2 р.

13. Обѣдалъ со мною Стефанъ Савицкій, а надвечери былъ я у г. Скоропадскаго и у Валкевича, съ которымъ и о дѣлѣ нашем ъ стороны Рубановщини, розговаровалъ.

14. Привезено зъ Товкачовки 19 овчинъ чиненыхъ и шкуру дриганта вороного, да и Леска служителя утекшого; и сего-жъ числа отпущенъ туда подводчикъ, чрезъ которого къ старостѣ писано о разныхъ дѣлахъ.

15. Рано отехалъ зъ Глухова сотникъ золотоношскій Леонтовичъ и оставилъ мнѣ двоихъ коней, одного гнѣдого, другого буланого. Зрана-жъ слушали зъ енераломъ дѣла попа Лецковского Григорія, потомъ обѣдали у енерала-жъ; а послѣ обѣда и вчора по обѣдѣ слушали дѣла по челобитю матки Оболонского зъ Іваномъ Щѣродкимъ о добрахъ Ялоцского [199]).

Іосифа Ханенка, племѣнника, рекомендовалъ въ войсковую енералную канцелярію, при поданной отъ него челобитной, который и врученъ въ повитье канцеляристу войсковому Васплю Туманскому.

17. По присланному указу въ коммиссію нашу позволителному розехаться оной коммиссіи членамъ до 15 августа, послѣдняя была сессія, потомъ члены духовные и мірскіе были у мене на водки, мірскіе-же и обѣдали.

18. По службѣ Божой были у генерала, а по обѣдѣ домашнемъ отехалъ я въ Кочерги, где осмотрѣвъ каменя Рубановского грунту и приказавъ дѣлать ступникъ, ночовалъ у б. т. Филиповского. Изъ Перегону присланные косари вчора заведены на сѣножати Виндины, где при моей бытности почали оные и косить.

19. Рано зъ Кочергъ отехавъ, переездомъ былъ въ Зазѣркахъ, потомъ прибылъ въ Рубановку, где и обѣдалъ, а послѣ оттоль поехавъ, заездилъ до Дунайця, а оттоль прибылъ на сумерку въ Глуховъ.

20. Пришли разные указы изъ Сената, въ томъ числѣ и о благополучныхъ прогрессахъ россійской арміи въ Финляндіи, где шведы, подорвавъ свою крѣпость Фридриксъ-Гемъ, ретировались къ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Сумахъ, подъ командою генерала Левенгоупта, о чемъ при публикаціи реляцій во время благодарственного молебствія была палба трикратная зъ 31 мартира всякой разъ; потомъ обѣдали у генерала и до вечерень гораздо веселились, а притомъ просилъ я генерала о позволеніи отехать въ домъ, что и получилъ. Сего-жъ числа рано былъ я зъ протчими у генерала

---

[199]) См. примѣч. о Мануйловичѣ, стр. 155.

маіора Петра Ивановича Стрешнева, 18 числа въ Глуховъ зъ женою прибывшого, а сего дня отселя въ Кіевъ отезжаючого, который зъ нами-жъ былъ у гг. генералныхъ писаря и бунчучного; а какъ проводили его паки въ квартеру, то онъ, простясь съ нами, и генералша отехали зъ Глухова передъ обѣдомъ. Я вечеромъ былъ еще и у г. Скоропадского и зъ Валкевичемъ видѣлъся.

21. Подрядилъ дѣлать себѣ наметъ (палатку) зъ паруспого полотна за 3 р. 50 к. и далъ майстеру задатку 1 р., а Іосифу на разные росходы 1 р. 50 к. Максиму кравцю далъ въ заплату за синее сукно 4 р. 50 к., а за пошите картуза 1 р. 50 к. На вечерѣ былъ у бригадира Івана Кондратовича Іліина, потомъ у Скоропадского и Валкевича, и съ оными простилъся.

22. Въ 8 часу отехавъ зъ Глухова, коней кормилъ подъ монастыремъ Гамалѣевскимъ, а оттоль поехавъ и перевезшись чрезъ Десну, почовалъ подъ Обичаевымъ футоромъ.

23. Рано прибылъ въ Новгородокъ, а оттоль въ Смячъ, где въ сотника шептаковского домѣ и обѣдалъ; съ полдня оттуду поехавши, прибылъ вечеромъ въ Городище, где засталъ и Александра Корецкого зъ женою, зъ которыми и вечеряли.

24. По службѣ Божой съ ними-жъ обѣдали, а потомъ онъ Корецкій зъ женою и отехалъ.

25. Во время службы Божой пріехалъ зъ женою своею Федоръ Корецкій, а передъ службою отехалъ зъ Павликомъ отецъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого послано предложеніе зъ коммиссіи нашей до сотника мглинского Лисаневича въ Стародубъ для отправленія оного одтоль. Я писалъ до писаря судового Косача о дѣлахъ суворовскомъ и городецкомъ, такожъ стороны доношенія старости нашего о подданныхъ нашихъ, грабленныхъ въ Погарѣ и посланныхъ за овсомъ въ Новгородокъ и о Івану кравцю.

26. По обѣдѣ Федоръ Корецкій зъ женою своею отехали въ домъ свой. Сего-жъ числа отправленъ Каврайскій зъ Троеносенкомъ въ Лотоки, которому и приказъ написанный въ 8 пунктахъ данъ, что тамъ справовати надлежитъ.

27. Зранку былъ у мене откупщикъ сотни погарской Савва Нѣживцевъ зъ претензіею о платежѣ за казаны васильевскіе, городецкіе и за нѣкоторые шинки и о протчемъ, и обѣдалъ у мене; а

послѣ обѣда пріездилъ атаманъ погарскій Бѣляй зъ женою и вечерялъ у насъ.

28. Я по обѣдѣ зъ сиромъ Василемъ ездилъ на Василювку, где при нашей бытности господарь тамошный поймалъ рой пчолъ, а сказовалъ, что два рои-жъ новые сѣли въ бортныхъ деревяхъ нашихъ, коло того-жъ футора найдуючихся. Мамцѣ Куксѣ, которая кормила дочь Ефросинію, даны 3 р. и другое де-що. Жена ей-же дала за ея службу бывшую коло оной дитины.

29. Послѣ обѣда отехали до Левенки къ шваграмъ (Корецкимъ), а едучи встрѣтились зъ діакономъ Іваномъ Духовскимъ, которій зъ женою своею ехалъ въ домъ папъ, куда они и отехали, а мы перве въ Случокъ заездили, потомъ прибыли въ Левенку уже поздно и тамъ, отужинавши у п. Федора Корецкого, ночовали.

30. Рано посилали по попа Алексія и по Булавкина, хоружого полку чернѣговского, по оные не пріехали, о чемъ противъ писма того хоружого и отъ мене къ нему отписано. Тамъ-же писалъ я къ Косачу, писару судовому, поручаючи ему присутствовать отъ моей стороны при расположеніи порцій, на весь полкъ опредѣленныхъ, въ томъ числѣ что доведеться и на мое владѣніе. Да написана явочная челобитная отъ старости нашего перегонского на Василя Романовича, что онъ въ огородѣ нашемъ ягоды порвалъ и мене поносно ругалъ при томъ. На полученный зъ войсковой енералной канцеляріи указъ сочиненъ репортъ о взятыхъ у грековъ въ Нѣжинѣ подъ турецкое посолство колясках. Обѣдали у Федора, а вечеряли у Александра Корецкихъ и у него-жъ ночовали. Передъ вечеромъ тамъ-же въ Левенцѣ пріездилъ ко мнѣ зъ візитою войтъ стародубовскій Коменокъ, зъ своими мѣщанами.

31. Оные: писмо до Косача, явочная челобитная и репортъ въ войсковую енералную канцелярію противъ указу вручены Кочержинскому для подачи въ Стародубѣ въ полковую канцелярію. За личакъ Василку на колдру дано 2 р. Обѣдали у Александра Корецкого, а потомъ оттоль отехавши заездили въ Гриневъ, до Федора Ширая, и тамъ мало поседя отехали въ домъ и заледво уже коло полуночи прибыли въ Городище.

Августъ.

1. По службѣ Божой и по водосвятіи были у мене оба священники городецкіе зъ парохіянами и умовили нового дяка до здешней городецкой церкви, на такой-же кондиціи, якъ и прежные дяки служили. Никита скляръ отпущенъ до Івана Борозды медведовского и на дорогу ему дано 50 к., сверхъ тѣхъ, что прежде ему дано въ заработокъ 1 р. 50 к. Діакону Духовскому Івану, Марьѣ Украинки мужу, дано сукно на рясу, тое что было для Ефимихи куплено.

2. Прибылъ зъ Товкачовки Степанъ Клесуновъ и зъ нимъ одинъ тамошній человѣкъ, чрезъ которыхъ прислалъ староста товкачовскій 120 р. денегъ, за футоръ нашъ Артополотскій, проданный Чижевскому, взятые, такожъ прислалъ килими и плахты.

3. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище Федоръ Ширай, который у насъ и обѣдалъ, и уже съ полдня, послѣ бывшихъ зъ городчанами разговоровъ о спорномъ грунтѣ, отехалъ. Писалъ я чрезъ суворовцевъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа.

4. Отправлены подводы до Новгородка для забранія печи одной и гончарей для ставленя печей, и писалъ о томъ, такожъ о присылки муровщика до Демяна Несторовича. Да писалъ до Івана Шепелича, завѣдуючого въ Новгородку, пакетъ почтою и до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, стороны присланныхъ отъ него копій реляціи, тамо полученныхъ печатныхъ. Іванъ Григоровичъ посланъ въ Стародубъ и Левенку зъ писмомъ до Федора Корецкого и зъ дзигаркомъ его.

5. Посилалъ Кочержинского въ Борщовъ звать къ намъ въ Городище Григоріину Гамаліину на утро, да оттоль-же зъ Борщова пріездилъ къ намъ Осипъ Ятченко, стороны дѣла зъ Ломаками.

6. По исповѣди, передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ отправленной, удостоилисъ благостію Божіею причастія святыхъ таинъ, а обѣдали у насъ попы оба городецкіе, атаманъ погарскій Бѣляй, Кочержинскій зъ женою. Послѣ обѣда пріездила къ намъ-же зъ Борщова Григоріева Гамаліина, и повечерявши, паки отехала въ домъ свой.

7. Зъ панікадѣлщикомъ Никитою Івановымъ, который дѣлалъ бляхи мѣдные до шоръ шестерныхъ, чиненъ рощотъ, и по щоту

явилось, что здѣлалъ онъ всѣхъ штукъ болшыхъ и малыхъ 231, вѣсу въ нихъ было 25½ фунтовъ, въ томъ числѣ нашей мѣди 10, у Карпа людвісара взято 4, а его панікадилщиковой было 11½ фунтовъ; забралъ же онъ передъ симь, трома рази, денегъ 6 р., а теперь еще ему доплачено 1 р. 40 к.; и тако уже со всѣмъ роеплатка съ нимъ учинена.

8. Писалъ до Петра Багинскаго о присилки еще 50 шибъ аркушовыхъ (листоваго стекла) и на оные послано 2 р., такожъ и стекло битое послано для передѣлки. Послѣ полдня отехалъ зъ Городища къ Курковичамъ и почовалъ въ Демянкахъ.

9. Рано ездилъ къ заводу своему винныччному и обездилъ сѣножати, а послѣ полдня писалъ писмо къ Багинскому за курковцями о показаніи имъ способу до куплепя на церковную потребу гонты, да и о подрядѣ на нашу дворовую потребу дранѣ 50 копъ, пополамъ двосаженной и полуторной.

10. Былъ у мене рано Слоуцкій зъ хлѣбомъ, рибою и питьемъ и у мене-жъ обѣдалъ; а послѣ обѣда заездилъ ко мнѣ Демянъ Рубецъ и розговоровалъ на лице зъ Іваномъ Лавриновымъ Ломакою о дѣлѣ ихъ съ нимъ, а мене просилъ, чтобъ я не давалъ имъ Ломакамъ въ позику денегъ и хлѣба. Былъ тутъ-же у мене и Василь Тимоновичъ, зоставилъ облѣgъ и реестръ о должномъ хлѣбѣ Шейнѣ отъ курковцювъ у тамошнего священника Симеона Тимоновича.

11. Припроваженъ римаръ Ярема зъ Озаровки отъ Пилатовича, потомъ отдавъ я приказъ на писмѣ и на словахъ о разныхъ дѣлахъ тамошныхъ нашихъ, отехалъ зъ Курковичъ и проехавъ Демянки, какъ вездилъ въ Андрійковичи, то кухарь Варшаковскій, будучи жестоко пянъ, скрился былъ, чего для припужденъ я былъ заночовать въ Андрійковичахъ; и какъ сысканъ и приведенъ онъ, кухаръ, то жестоко за пянство и за утечку наказанъ плетми.

11. Рано зъ Андрійковичъ поехавъ, заездилъ въ Борщевъ къ Григоріевой Гамаліиной, которой и денги у ней позиченные, 296 руб., отдалъ, а свои закладные червонные и таляри битые отобравъ, прибылъ въ Городище. Писалъ до Івана Гамаліи въ Юдиновъ о прибытіи его ко мнѣ въ Городище зъ Григоріемъ холопецкимъ.

12. Отправлены 4 подводы въ Новгородъ для забраня печи и гончарей и муровщика, о чемъ писано отъ мене и до атамана тамошнего Помаранского. Писалъ до Александра Корецкого о показаніи, где брать вапну и фарбу, о кухнѣ, рогожахъ и пташинѣ, въ заводѣ его оставленной, и о присылки шпалерника, зъ которымъ писмомъ отправлены подводы за желѣзомъ въ рудню Василя Гудовича, за Лищичи, называнную Кулажную, и за вапномъ и фарбою. Привезены отъ Багинского фляши къ пуздеркамъ приробливанные. — Получилъ писма зъ Козелца отъ Шума, асаула полкового кіевского, зъ пріобщеніемъ писемъ изъ Москви отъ сотника старого козелецкого Алексія Подвисоцкого, на которые писма какъ отвѣтъ къ Шуму, такъ и къ оному сотнику Алексію писалъ и пакетъ Шумовъ къ нему-жъ послалъ, включивши все оное въ пакетъ до племѣнника Іосифа въ Глуховъ, для отправи оттоль въ Москву. О пересылки чего до Глухова писалъ и къ сотнику новгородскому, да писалъ-же и до отца брата въ Козелецъ о сину его Іосифу.

13. Отправленъ козакъ кіевского полку Топалювскій, которій присланъ былъ зъ писмами отъ асаула Шума зъ Козелця, чрезъ которого писано и въ Нѣжинъ, къ протопопу тамошнему отцу Волховскому о шафѣ, тамъ для насъ дѣлаючойся. Оному козаку на дорогу дано 20 к.

14. Послана подвода при писмѣ до п. Александра Корецкого о присылки теслѣ Тригуба и мелника на время и о шпалернику.

15. Была у насъ панѣ Григоріева Гамаліина и обѣдала зъ нами, а по обѣдѣ она въ домъ, а мы отехали на ярмарокъ въ Погаръ, где декоторые малые справляли покупки. Бабѣ глуховской Уліанѣ за ей службу годовую, теперь окончившуюся, заплатили два рубли денегъ.

16. Прибылъ къ намъ на обѣдъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и дѣтми, тако-жъ Антонъ Ботарскій зъ женою, а надвечери и Григорій Гамалѣя холопецкій и тутъ у насъ же почовали.

17. Тѣ-же гостѣ, отъобѣдавъ, отехали въ домы свои. Антону ботарскому, ради рожденія ему дочери, дано 2 р. Муровщикъ новгородскій Стефанъ Жолдакъ началъ въ верхъ виводить комены (трубы).

18. Отправлены писма въ Глуховъ къ отсилки зъ Новгородка до г. Скоропадского и до племѣнника Іосифа о болѣзни жены, о чемъ и къ сотнику новгородскому писано.—Росплатка учинена зъ откупщиномъ сборовъ Савою Нѣжинцемъ за 1739, 40 и 41 года за казаны василювскіе и городискіе 8 р., да за шинкъ перегонскій тѣхъ-же годовъ 72 к. и отъ него взята квитанція. Писалъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу о дѣлѣ суворовцевъ и цедулою о своихъ дѣлахъ, да до п. Алексія о присилки цефалики, камфори и протч.; того-жъ числа надвечери отехалъ на Василювку и тамъ ночовалъ.

19. Рано зъ Василювки отехавъ, прибылъ къ перевозу городискому и оттоль въ Чаусы, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ чрезъ Марковско проехавъ, прибылъ завременно въ Городище, где засталъ писма, принесенные зъ Глухова и зъ Стародуба. Вечеромъ привезено зъ Стародуба-жъ цефалики 3 слоики и камфори 3 лоты.

20. Господару василювскому Дмитру Никитину Шабалдану въ зачотъ заслуги его годовой дано 50 к. Виннику Грипану за горѣлки становъ 22 на Василювцѣ, самимъ имъ выробленные, дано платы 1 р. 32 к. и вручены дочцѣ его, мамцѣ. Вчорашнего числа отойшолъ отъ насъ Тихонъ Павловъ, служивший годъ за возницю. Взяты зъ Василювки до двора городиского 2 станы горѣлки. Тесля Тригубъ Тимохъ прибылъ зъ Левенки и началъ робить коло пекарнѣ и другого заложенного строенія.

21. Повернулъся козакъ зъ Новгородка посланный зъ писмами, до Глухова писанными, и привезъ росписку, что тѣ писма отправлены.

22. Чрезъ Самойла, поповича суворовского, посланы въ Стародубъ для направы 2 мѣдные казаны и 6 трубъ до котляра Карпа, которому велѣно и еще новыхъ 4 трубы придѣлать; да чрезъ него-жъ послано на росплатку за разные вещы попу Алексію 85 к. и ремесникамъ 81 к., итого 1 р. 71 к. Посланъ-же мелникъ городискій туда-жъ въ Стародубъ для купленя каменя верхняка, при писмѣ до Гуриновского, а лукинскій Юденокъ въ Медведовъ до Івана Борозды за шклярёмъ Никитою зъ писмомъ-же.

23. Зъ теслею Тихономъ Тригубомъ учиненъ договоръ: платить ему за роботу на недѣлю по 30 к., а на мѣсяцъ по 1 р.

20 к. Гришко Литвакъ привезъ зъ Стародуба двѣ медвежые шкурки и одну овчую, за которыхъ чипбу дано 45 к.

24. Писалъ къ сотнику новомѣскому Силевичу о доправки должныхъ мнѣ денегъ на Федору Пригарѣ въ Лотокахъ и о присилки Івана Дащенка, до Ісака Ляшонка о покупки китайки блакитной штучки, до швагра Александра Корецкого о Тригубу и о показаніи, где фарбу брать. Теслѣ Тригубу дана чвертка жита не въ зачотъ заплаты.

25. Писалъ къ сотнику мглинскому зъ урядомъ, чтобъ подрядили виточить липовыхъ балясъ 150 до будинку нашого городиского, и отправлено тое писмо чрезъ Погаръ.

26. Былъ у насъ въ Городищѣ судия полковый стародубовскій Андрей Рубецъ и отобѣдавъ взялъ свою дочь Варварку и отехалъ въ Стародубъ, которому дано отъ мене и меморіалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ и о покупкахъ до Тищенка. Принесены денги зъ Лотоковъ отъ Федора Пригары 48 р., намъ должные, да отъ него-жъ взяли 31 тинфъ и 2 шостаки битіє, вмѣсто пяти таляревъ битихъ, впредь до щоту, а къ нему обратно посланы 33 тинфи и шостаками 125 тинфовъ. Получены писма зъ Глухова и лекарства отъ доктора Бока, для жены присланные.

27. Писаны писма 1) до сотника мглинского о виточеню балясъ 300, на которые и мѣрка послана, и чтобъ оное писмо отправлено зъ Стародуба зъ полковой канцеляріи; 2) до Самойла, поповича суворовского; 3) до Федора Пригары, дяка лотоковского, зъ отсылкою вышеобявленыхъ осталныхъ денегъ и о пріємѣ другихъ, 4) до Афанаса Сковпня и до Димида о медовой данѣ роковой, о доправки должного намъ хлѣба и о протчемъ, чрезъ Макара Іванова, жителя лотоковского. Гончаръ новгородскій началъ строити печи. Послѣ обѣда отехали зъ женою на Василювку и тамъ ночовали.

28. Зъ Василювки прибывши, засталъ писмо отъ Федора Ширая, чтобъ съехатся въ Стародубѣ для розговору зъ Валкевичемъ и Ланчихою (женою Ланка) о рубановскихъ добрахъ, о чемъ къ нему и отписано.

29. Рано отехалъ зъ Городища и выслушавъ обѣдни въ Лобкахъ, прибылъ въ Гринювъ, где отобѣдавши, поехали вкупѣ зъ Федоромъ Шираємъ до Стародуба и тамъ прибывши, заехали до Григоріевой Скорупиной, куда пріездила къ намъ и капитанша

Ланкова для помянутого розговору и постановили писать къ Валкевичу о прибытіи и его въ Стародубъ.

30. Зъ тимъ писмомъ нашимъ ездилъ къ Валкевичу Михайло Ширай и привезъ отъ него отвѣтъ. Рано были у мене судія и писарь полковые зъ другими, а отобѣдавъ у Скорупиной, какъ пришолъ въ свой домъ, то у мене-жъ была Іванова Миклашевская стороны долгу отъ ней намъ належного и войтъ зъ майстратовыми, а рано былъ Артемъ Тищенко. Потомъ заездилъ я до капитана Ланка и въ дворъ свой шинковный противъ важницы, а послѣ къ лѣкару Конеу, которій сину моему и книжки одной нѣмецкой позичилъ и де которые далъ ему-жъ на болячку, а мнѣ на цингу лѣкарства. Таже отехавши зъ Стародуба, прибылъ въ Левенку позно и тамъ у Александра Корецкого заночовалъ.

31. Тамъ въ Левенцѣ обѣдалъ, что за дозчемъ ехать было нельзя, а по обѣдѣ пожегнавшись зъ обома Корецкими и взявши у нихъ два дзигарки до направы, отехалъ и прибылъ завременно въ Городищe.

Септеврій.

1. Посланы книжки до Александра Корецкого: 1) Гербаръ [200]), 2) о перегринаціи князя Радзівѣла до Ієрусалиму [201]), 3) Демокритъ, вѣршами полскими, и писмо къ нему-жъ писано.

2. По доношеніямъ отъ Афанаса Сковпня на Василя Глушачонка писалъ къ дядѣ его Озерскому о учиненіи справедливости, а на Стефана Пригаровского до сотника новомѣстского о изслѣдованіи, тако-жъ и по доношенію на Сковпня отъ жителей лотоковскихъ, и оные писма отправлены чрезъ Івана Дащенка и чрезъ Сковпня при писмѣ до Кудрицкого.

3. Писмо до капитана Козлова и хоружого полкового чернѣговского Івана Булавкина, писапное прошлого августа 26, о скуплѣ

---

[200]) Разумѣется вѣроятно или книга Папроцкаго: Herby rycerstwa Polskiego (Kraków, 1584) или Нѣсецкаго: Herby i familie rycerskie (Lwów, 1728—1743).

[201]) Извѣстное сочиненіе князя Николая Криштофа Радзивила (Сиротки) Hierosolimitana peregrinatio, имѣвшее нѣсколько польскихъ переводовъ, 1607, 1683 и другихъ г.г.

лотоковской и подлинные купчіе зъ точными копіами, посланы въ Погаръ чрезъ Каврайского. Мелникъ въ дворѣ Мовчановомъ въ Суходолѣ мешкавшый и Василь Мовчаненко за свои проступства наказаны кіемъ и посланъ мелникъ на Василювку, а Василю приказано быть при домѣ.

4. Поутру былъ у мене въ Городищѣ Сава Барлуй и взялъ купчую Івана Горленка лукинского зъ 2 старинными его-жъ купчими, да купчой шаповала погарского копію, а по обѣдѣ былъ у мене-жъ хоружій полку черниговского Іванъ Булавкинъ.

5. Послѣ обѣдни было молебствіе ради тезоименитства ея імператорскаго величества и обѣдалъ у мене хоружій полку чернѣговского Іванъ Булавкинъ.

6. Весь день прибиралея къ ездѣ до Глухова и писано представленіе въ коммиссію слѣдствія о скупляхъ, взглядомъ скуплѣ нашей лотоковской [202]). Оставлены у Каврайскаго для росходу дворового 28 р. 38 к.

7. Рано поутру распорядивши де що надлежитъ въ дворѣ, отехалъ къ Глухову, а при отездѣ оставлены панеи 5 р. Попасали коней противъ Ковшинки, прибылъ ночю въ Новгородокъ.

8. Купилъ 10 четвертей ванны у Гойской и данъ ей 1 р., а на покупку писчей бумаги въ Шатрищахъ данъ 1 р. хоружему сотенному новгородскому. Зъ Новгородка писано къ сину Василю и къ старостѣ перегонскому о посилки туда подводъ по оную купленную ванну. По выслушаніи въ монастырѣ обѣднѣ и отобѣдавъ у намѣстника, поехалъ и прибылъ позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовалъ.

9. Прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся и зъ писаремъ Безбородкомъ и асауломъ Валкевичемъ енералными, такожъ зъ полковникомъ лубенскимъ г. Апостоломъ, прибывшими сее-же ночи зъ Москви въ Глуховъ; отъ него-жъ и писмо Павла Скорупы принялъ.

10. Рано былъ у генерала (которого и генералша ночю прибыла) и въ канцеляріи енералной и тутъ писалъ писма въ Москву къ Павлу Скорупѣ и къ Алексію Подвисоцкому, сотнику козелецкому; потомъ былъ въ коммиссіи, а оттоль заезжалъ посѣтить бол-

[202]) См. Сулимовскій архивъ, стр. 214 и 216.

ного писара полку лубенского Столповского. Обѣдалъ въ домѣ зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ; потомъ былъ у мене обозного енералного синъ Григорій Лизогубъ, зъ Москви пріехавшый. Отправлены Прокопъ и Грицко Дмитренки въ домъ зъ 4 коними, 2 возками и протчимъ, чрезъ которыхъ писано до жены, до сина Василя и до старости зъ Коврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да къ Григорію Скоруппѣ, зъ приложеніемъ писемъ отъ сина его Павла зъ Москви. Жителю села Березы Гаврилу Тилогузенку, у которого гай на зрубъ наняли, дано рублей сѣмъ, а еще отъ насъ ему доводится 2 р.

11. Рано былъ у генерала, гдѣ видѣлся и зъ камординомъ г. Разумовскаго Пустотою [203]), который прибылъ зъ Москви, и подано мнѣ писмо отъ сотника Алексія съ обявленіемъ, что Михайла Танского упевнено полковничествомъ кіевскимъ.

12. Писалъ къ асаулу полковому кіевскому Шуму и онос-жъ писмо Подвисоцкого сообщилъ. Сего-жъ числа отправленъ маіоръ Полянскій для отказу волостей ропской и бакланской зъ принадлежности въ владѣніе г. Разумовского.

13. Обѣдалъ у мене сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, зъ которимъ и о дѣлахъ товкачовскихъ розговоровали; а вечеромъ былъ я у полковника полтавского г. Кочубея, который пріехалъ въ Глуховъ 11 сего теченія.

14. Рано обослалъ мене тотъ-же г. полковникъ Кочубей бариломъ вина. По обѣдѣ генералъ отехалъ до Кролевця на ярмарокъ, а я былъ ввечеру у п. Скоропадского и имѣлъ зъ Валкевичемъ розговоръ о Рубановцѣ, токмо суетный.

15. Послѣ обѣда зъ Глухова віехалъ къ Кролевцю на ярмарокъ и ночовалъ въ Тулиголовахъ и оттоль писалъ къ сотнику новгородскому, зъ посилкою челобитной термѣны, такожъ до жены и до сина писма послалъ.

---

[203]) Семенъ Ивановичъ Пустота, управляя потомъ имѣніями матери Разумовскихъ въ козелецкомъ уѣздѣ, разбогатѣлъ, женился на дочери слабинскаго сотника Ивана Тризны и получилъ чинъ войсковаго товарища. Затѣмъ купилъ у Терлецкихъ часть села Баклановой Муравейки (подъ Черниговомъ) и по смерти своей передалъ это имѣніе сыну Демьяну, который былъ женатъ на дочери бунчуковаго товарища Андрея Войцеховича и имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника За бездѣтствомъ Демьяна Пустоты († 1788) Муравейка перешла къ Войцеховичамъ.

16. Прибылъ въ Кролевецъ рано и отобѣдавъ у Федора Чуйкевича, ходили по ярмарку и нѣкоторые малые покупки справлены; вечеромъ былъ у Івана Гамаліи, потомъ и онъ въ моей квартерѣ ужиналъ.

17. Зрану покуплены футра и протчіе покупки, а обѣдалъ у Івана Гамаліи купно зъ Федоромъ Швраемъ; да рано-жъ былъ и у генерала и читалъ вѣдомости о учиненной прошлого августа 24 зъ войскомъ шведского генерала фелтмаршала графа фонъ Леси капитуляціи.

18. Віехавъ зъ Кролевця, заездилъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, у которого и обѣдалъ, и пили доволно, потомъ отехавши, прибылъ на ночъ въ Полошки, где и ночовалъ у вдовы Івановой Филоненковой.

19. Рано прибылъ въ Глуховъ, где засталъ сина Василя, пріехавшого зъ дому, и не былъ на службѣ за немощію; въ церквѣ же соборной была публикація отвѣтной грамоты, чрезъ депутатовъ присланной, и вѣдомостей о прогрессахъ арміи нашей въ Финляндіи и молебствіе.

20. Рано былъ въ коммиссіи свода и обѣдалъ въ домѣ; да сего-жъ числа началъ знову синъ Василь ходить для ученія французского языка къ інформатору. Сего-жъ числа Петру Гаврилову Ковалю, жителю глуховскому, позиченъ 1 р. на мѣсяцъ. Какъ хотѣлъ наказаніе учинить кухарю за пянство, то обявилось, что вина бочку страчено Іосифомъ, що и по осмотру такъ показалось.

21. Писалъ писма въ Москву къ п. Скоруппѣ зъ посылкою и отъ отца его писма-жъ, да къ Андрею Горленку, чрезъ служителя его. Інформатору, обучаючому сина нашего Василя по французскому, даны 2 р.

22. Дано для позлоты шесть кубковъ срѣбныхъ Александра Корецкого и три червонные золотару Івану Алберку іноземцю; да для насъ на роблене шести ложокъ—срѣбра выжоги 30 золотников, тинфами 46, талярами битыми 13, въ ложцѣ старой 17 золотниковъ, и того всего 106 золотниковъ, который обѣщалъ всю ту роботу здѣлать за три неделѣ. Даны до здѣланя два кунтуши кравцю Неделченку, одинъ кармазиновый суконный, другій зъ меніоного канавацу.

23. Была публикація о дѣйствіяхъ благополучныхъ арміи імператорскаго величества въ Финляндіи и о учиненной зъ войскомъ шведскимъ капитуляціи по службѣ Божой и благодарственный молебень при трикратной пушечной стрелбѣ; потомъ былъ банкетъ у генерала при палбѣ-жъ зъ мартировъ; а послѣ обѣда жиды металники разные показывали фиглѣ. Зъ Винденками о забратю ими сѣна былъ споръ въ поранку.

24. Данъ шить мундиръ сину Василю красный и на потребы до того мундѣра кравцю Максиму даны 2 р. Позичилъ сынъ Василь у сотника глуховского Даміана Турянского сина книжку граматику нѣмецкую зъ русскимъ. Освобожденъ зъ канцеляріи міністерской атаманъ чаусовскій Бобовъ, который взятъ былъ туда по дѣлу зъ старостою евдоколскимъ Старжинскимъ.

25. Зъ писемъ, писанныхъ отъ нашихъ депутатовъ зъ Москви, пришло извѣстіе, что опредѣлены архіерсями въ Чернѣговъ: Амвросій Дубневичъ, въ Бѣлгородъ—митрополитъ яскій Антоній, санктъпітербурскимъ и шлютелбурскимъ архіепископомъ Никодимъ Сребрніцкий, митрополитомъ московскимъ и володимирскимъ епископъ могилевскій Іосифъ Волчанскій, крутицкимъ архіепископомъ Платонъ Малѣновскій да намѣстникъ Тройцы Сергіева монастыря Антоній Нарожневскій митрополитомъ сібирскимъ.

26. Учиненъ сговоръ дочери енералской Аскитереи Івановнѣ за полковника харковского Стефана Івановича Тевяшова, для якой оказіи и банкетъ былъ у генерала, при пушечной палбѣ, по обявлені того сговора, и до позна гуляли доволно.

27. Ради вчорашного шумства припужденъ весь день, неисходно зъ дому, валяться и никуда не віеджалъ.

28. Писалъ до Максима Турковского стороны токаря, уговоренного дѣлать 300 балясъ до будинку городиского, чтобъ тотъ токаръ не требовалъ отъ насъ къ той роботѣ человѣка, но самъ-бы себѣ наймалъ-ли, или другимъ образомъ сискалъ, а за то хотябъ ему надъ учиненный уговоръ и прибавить плати; и тое писмо для пересилки отдано сотнику мглинскому Лисаневичу.

29. Данъ крестъ деревяній церквѣ Воздвиженской городиской для оправы въ срѣбро золотарю Матвію Матюшу и срѣбра дано чарку да рубль, вѣсомъ о пять лотовъ зъ неболшимъ. Писаны писма: 1) до судіиной полковой миргородской Параскевіи Остроградской

зъ отсилкою книгъ двохъ латинскихъ: Августина и о імператорахъ римскихъ, 2) до старости товкачовского о присилки денегъ и протчего. Званы на свадбу помянутого полковника Тевяшова, который вѣнчалъся зъ генералскою дочерю въ церквѣ Варвары святыя въ 5 часу по полдни, а послѣ былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и за полночъ гуляли.

30. Знову былъ банкетъ у генерала при пушечной палбѣ и такожъ до вечера гуляли.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Писалъ писма въ домъ чрезъ Романа Гапонова и коней 7, такожъ разные вещи, въ томъ числѣ и полсукенца 13 локотъ Александру Корецкому купленного, послано чрезъ него-жъ при писмѣ, да и до Ширая писалъ-же о Рубановцѣ; а у генерала и сегодня былъ банкетъ, отъ которого вечеромъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ судія генералный Федоръ Лисенко. На покупку лоя и другихъ вещей розышлось сегодня 2 р.

2. Былъ я въ коммиссіи, обѣдалъ въ домѣ, а ввечеру присилалъ брегадиръ Іванъ Кондратовичъ Іліинъ просить на завтрее къ себѣ обѣдать.

3. Рано прибылъ староста товкачовскій Ілія Паленскій и привезъ денегъ 80 р. Обѣдали зъ генераломъ у брегадира, где и штатскій совѣтникъ Александръ Івановичъ Панинъ былъ зъ протчими нашими. Сего-жъ числа утѣкъ возница Ілія и знесъ кожухъ, черкеску зъ парусного полотна, чоботы, смушъ баранѣй, гребло, попону новую, Савкины штаны, обротей ремѣнныхъ 2, ветчины плѣчко.

4. Обѣдали зъ енераломъ у полковника Андрея Тимофієвича Тютчева. Куплено дранѣ 158, за котороруюдано 1 р. 47½ к.

5. Генералъ кушалъ обѣдъ у індуктаря Романа Янепка зъ протчими, а я не былъ тамъ, ради бывшихъ передъ тимъ частихъ трактаментовъ, и другіе наши не были-жъ. Конѣ Антонія Ботарского, которые были пропали, приведены зъ дому Піроцкого.

6. Подводы и теслѣ зъ Товкачовки пришли. Купчая Якову Чижевскому на футоръ Артополотскій написана и зъ старими на тотъ же футоръ купчими для отдачи ему вручена старостѣ товкачовскому Ілію Паленскому. На подводахъ токавчовскихъ привезено барановъ 4, гусей 10, утокъ 9, каплуновъ 23, фаску масла, фаску сира неповную, качковаловъ 5, плахту.

7. Старости-жъ товкачовскому дано клеймо железное коней и скотъ клеймовать, да двѣ лѣбри паперу на тамошный дворовый росходъ.

8. Посланы писма въ домъ до жены и до Каврайского зъ старостою о бѣжавшомъ паробку Іліи, о которомъ приложено писмо-жъ и до Григорія Бороздны въ Ярцевъ. Староста товкачовскій Паленскій отехалъ зъ Глухова обратно, которому на покупку подездковъ даны 30 р., и чрезъ него-жъ писалъ сотникъ полковый Стефанъ Лукомскій о дачи козака, когда востребуетъ.

9. Подскарбій генералный Константинъ Федоровичъ Ушаковъ простился со мною, отеждзая въ Москву. Наметнику, которій зъ парусного полотна дѣлаетъ наметъ намъ, дано на тясму 1 р. 50 к., кромѣ прежде данного ему-жъ рубля денегъ.

10. Обѣдали у мене Андрей Думитрашко и Григорій Іваненко, бунчуковые товарищи, зъ сотникомъ мглинскимъ Лисаневичемъ, и зрана былъ у мене-жъ государыни пѣвчій Гаврило Матвіевичъ Головня, который у попадѣ Мойсѣевой засваталъ дочь. По обѣдѣ ездилъ къ Федору Савичу для посѣщенія въ его болѣзни, а отоль заездилъ къ капитану Бреклингу. Писма къ Москвѣ писанные до г. Новоторжцова 2, одно подъ 6, другое подъ 12 числами, зъ включеніемъ въ последнемъ табакерки и 15 червонцовъ, до Петра Лисаневича подъ 6, до п. Скурупны подъ 8 числами, запечатаны въ одинъ пакетъ, надписанный на имя Якова Марковича, зъ писмомъ къ нему-жъ, подъ датою 5 сего жъ мѣсяця, да особое писмо до отца Симона Тодорского, подъ числомъ 2-мъ и оные всѣ писма

11. Вручилъ пѣвчому вышеупомянутому Гаврилу Матвіевичу, который, за прибытіемъ своимъ въ Москву, обѣщалъ вручить въ цѣлости г. Марковичу. Сего числа ночю бѣжалъ кухаръ. За позументу золотого 5 цѣвокъ и полтретя золотника заплачено 7 р. 4 к., за 9 тертицъ 72 к., за роботу трохъ шапокъ 30 к. Писалъ писмо къ п. Скоропадскому чрезъ дядку дѣтского Івана Павлова.

12. Писаны писма къ женѣ и до старости зъ Каврайскимъ о домовыхъ дѣлахъ, да до Самоцвѣта о Антонію Ботарскомъ. Получилъ писмо и 2 календари Дупчевского отъ полковника полтавского г. Кочубея, чрезъ старосту его ярославского.

13. Оные писанные въ домъ писма и при томъ помянутій купленный золотій позументъ, тако-жъ писмо до Івана Гамалии въ

Юдиновъ зъ включенными въ немъ оперою и феерверкомъ, при коронаціи въ Москвѣ отправованными, посланы чрезъ Антонія Ботарского, сего числа по обѣдѣ отехавшого. Дана дѣлатись шапка срефроглавая для жены шапочнику Семену. Павлу Дембовскому чрезъ хлопця его посланы 30 к. Получилъ писмо отъ старости зъ дому и при ономъ прислано гусей 10, курей 30, цибулѣ и меду.

14. За роботу кунтуша красного сукопного и канавацовой черкески, подшитой сѣбѣрками, кравцю Недѣлченку 90 к. даны. Писалъ къ женѣ и къ старостѣ о домовыхъ дѣлахъ и послано чрезъ Юденка шесть кожицъ бараныхъ и плахта, да писалъ же до писаря судового стародубовского Косача о требуемыхъ теперь повторе на летные мѣсяца 60 порціяхъ и о протчемъ.

15. Обѣдали у мене архимандритъ новгородскій Варнава, ігуменъ глуховскій Никифоръ Грибовскій, ігуменъ рябцевскій Товія Сморжевскій, соборный печерскій Варнава Старицкій и другіе отъ духовного чина и сидѣли до позна, а ввечеру у мене-жъ были бунчучный Оболонскій и совѣтникъ Безобразовъ.

16. Золотаръ Албрихъ принесъ 6 ложокъ здѣланныхъ и 6 кубковъ Александра Корецкого вызолоченыхъ; отъ ложокъ-же дано ему за роботу 2 р. 84 к., а отъ кубковъ 1 р. 35 к., да еще ему-жъ дано срѣбра робить ложку болшую столовую и нашого срѣбра далось 33 золотника, а решту свою онъ приложить имѣетъ. Табакерку малую янтаровую до оправи въ срѣбро зъ шернеромъ и печать железную на вибиванье цѣны вирѣзать, что все здѣлать онъ отъ сего числа за двѣ недѣлѣ обѣщалъ.

17. Обѣдали у мене всѣ мірскіе персоны коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ и до вечера просидѣли, зъ между которыхъ, ради домашной необходимой нужды, отпущенъ въ домъ свой 15 ноеврія—бурмистръ чернѣговскій Стефанъ Россовскій.

18. За цегли паленой и непаленой 460 заплачено 1 р. 18 к. Взято у Пуховича матеріи срѣброглавой полъ-локтя до кунтуша красного за 2 р.; да у другой крамарки мамсу для Грицка Дмитренка за 90 к. Посланъ Грицко зъ подводами и теслями въ Кочерги.

19. Прибылъ зъ Москви судія енералный Якимъ Горленко.

20. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибыла въ Глуховъ госпожа Розумовская, Алексія Григоріевича матушка, для которой

пріезду былъ у генерала публичной обѣдъ, где и мы зъ протчими обѣдали. Сего-жъ числа прибыли десять подводъ зъ разными запасами.

21. Господинъ генералъ Бибиковъ зъ госпожею Розумовскою былъ воспріемникомъ сину бунчучного енералного г. Оболонского Демяну отъ крещенія, и для того у него-жъ бунчучного былъ крестинный столъ и гуляли даже до вечера, а ввечеру провожали госпожу Розумовскую на ся квартеру, где доволно отъ сотника глуховского трактованы, потомъ былъ и у писара енералного г. Безбородка и уже позно пріехалъ въ домъ шуменъ.

22. Ради вчорашного шумства не віездилъ зъ дому никуда, а госпожа Розумовская, отобѣдавъ у сотника глуховского, отехала зъ Глухова въ путь свой, а мимоездомъ была у асаула енералного господина Якубовича; съ нею въ асистенціи отехали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ, да полковника нѣжинского Божича синъ и Афендикъ, тако-жъ обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и протчіе.

23. Привезенъ зъ Городища нѣкоторій домовый запасъ и чрезъ того-жъ подводчика писалъ къ женѣ и до Федора Ширая, зъ прилогомъ писемъ зъ Москви полученныхъ отъ Павла Скорупны, тако-жъ и до старости въ Перегонъ. Писалъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, противъ его ко мнѣ писма.

24. Золотарю Матяшу за зроблене креста до церкви городиской данъ 1 р. Писалъ къ Якову Марковичу въ Москву, зъ посилкою пакета на имя г. брегадира Федора Стефановича Вишневского, зъ писмомъ къ нему-жъ, отъ 23 сего теченія надписанного, и зъ включенными въ ономъ отъ Івана Гамаліи 4 писмами.

25. Отправлены въ домъ мой два компанѣйци надворной корогвы и чрезъ оныхъ писма до жены и до старости перегонского. По писму старости товкачовского Іліи Паленского о насланной туда горѣлцѣ для шинку зъ дому судіи енералного Горленка, писалъ къ нему судіи Горленку, зъ сообщеніемъ копіи писма старостиного, а къ старостѣ о томъ-же и о футорѣ продажномъ Данила Савина. Писалъ и къ Максиму Турковскому сторони 300 балясъ, подряженныхъ въ Мглинщинѣ дѣлать до будинку нашего въ Городище. Грицку на крашенину, на сѣрякъ и полотно дано 96 к. Вечеромъ былъ у асаула енералного Якубовича.

26. Писалъ къ старостѣ товкачовскому противъ его писма, чрезъ подводчиковъ присланного, и квіты индуктарскіе отъ его-жъ присланные къ нему обратно включены. Получилъ писмо отъ полковника полтавского чрезъ писаря его полкового Руповского. Обѣдалъ у асаула енералного г. Якубовича зъ полковникомъ Челищевымъ и женою его, зъ Валкевичемъ и Федоромъ Чуйкевичемъ; а по обѣдѣ пріехали туда-жъ бунчучный Оболонскій зъ тещею своею Родзянкиною и зъ дочкою еи, що за Лазоровичемъ; ввечеру-же прибыли туда-же посланные для дѣланія межи между Великою и Малою Россіею, Василій Силичъ Поляковъ и секретарь той-же коммисіи князь зъ грузиновъ.

27. Былъ у мене сотникъ воленскій Василій Максимовичъ и войтъ новгородскій зъ мѣщанами тамошными, прибывшими сюда просить о виключеніи города ихъ отъ вѣдомства коммисіи економіи. Подводы товкачовскіе отпущены и чрезъ оные послано до старости писмо.

28. Писано писмо до полковника лубенского Апостола о Василю Григоровичу, бывшему писару лохвицкому, въ обидахъ ему отъ сотника тамошнего дѣючихся. Прибыли зъ Москвы въ Глуховъ обозный полковый черниговскій Мулявка и сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій.

29. Прибылъ въ Глуховъ подскарбій енералный г. Скоропадскій, поворотясь зъ Хомутця. Пришли подводы зъ нѣкоторыми харчевыми вещми зъ Городища, при которыхъ привезена и господиня Ганна зъ двома дочками, нанятая на годъ за 2 р. 50 к. зъ нашею одежою; и чрезъ тые-жъ подводы писано до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ.

30. Гончару, которій дѣлалъ печь въ лазнѣ и передѣловалъ въ свѣтлицѣ и въ людской, дано 80 к.

31. На викупъ кухаревого кожуха въ Есманѣ дано 62 к. Кравцю за позументъ 50 к. За греблю 15 к. Обѣдалъ у мене асаулъ полковый нѣжинскій Андрей Володковскій.

Ноеврій.

1. Писма мои до Якова Марковича въ Москву и до брегадира Федора Стефановича Вишневского вручены для пересылки Роману Яненку, індуктару глуховскому.

2. Онъ-же Яненко прислалъ писмо до індуктара написанное, чтобъ отъ горѣлки нашей по ярмаркамъ не брано индукты. Обѣдали у мене сотникъ лохвицкій Василій Стефановичъ и мглинскій Василь Лисаневичъ. Іосифъ, отца Івана синъ, за его проступство наказанъ. Пришла вѣдомость въ Глуховъ, что ясневелможная госпожа гетманша Іуліана Іскрицковна Апостолова прошлого октоврія 29 пополуночи въ 3 часу преставилась въ Хомутцѣ.

3. Маляру Петру Свидѣрскому въ отроботокъ позиченъ 1 р. Пришло въ Глуховъ извѣстіе, что полковникова полтавская Василіева Кочубеева Марфа Івановна преставилась октоврія 29 съ дѣторожденія.

4. Получилъ писма зъ Москви отъ Андрея Горленка. Началъ писецъ гадяцкого полку переписовать книгу Розговоровъ въ царствіи мертвыхъ Кароля 12, короля шведского, зъ герцогомъ голштейнъ готторпскимъ Фридрихомъ.

5. Писару енералному Безбородку и старшому канцеляристѣ Холодовичу отказано отъ правленія дѣлъ канцелярскихъ, а поручено править писару полковому полтавскому Руновскому [204]).

6. Жена пріехала въ Глуховъ.

7. Рано бувъ у писара енералного Безбородка и слушали обѣднѣ въ церквѣ святыхъ Анастасій. Обѣдалъ въ домѣ.

8. Отправлены конѣ одны зъ Грицкомъ въ Товкачовку и теслѣ туда-жъ отпущены, другіе зъ Лескомъ въ Перегонъ, при писмѣ до Каврайского. Былъ публичный столъ у подскарбія енералного г. Скоропадского [205]), при которомъ кушали генералъ и протчіе господа великороссійскіе и малороссійскіе, въ томъ числѣ и я, и були шумны. Жена заболѣла на голову.

9. Ради шумства вчорашного весь день пробылъ въ домѣ.

10. Первый разъ былъ въ коммисіи, переведенной въ домъ гетманскій, и обѣдалъ у мене п. Савицкій. Кровь пущала жена банками.

11. Послалъ при писмѣ до Александра Корецкого кубковъ его визолоченныхъ 6 и печатку чрезъ Петра, старосту п. Федора Корецкого, за которыхъ позолоту заплачено 1 р. 35 к. Подано

---

[204]) Вслѣдствіе доноса яготинскаго сотника Купчинскаго.

[205]) По случаю смерти гетманши Апостоловой, тещи Скоропадскаго.

доношеніе енералу о забранныхъ Зарѣцкимъ, слугою Зубковского, 13 лошадяхъ. Обѣдали у насъ писарь суда енералного Пиковецъ зъ женою своею и Федоръ Чуйкевичъ; а потомъ была и судіина енералная Лисенкова.

12. Писалъ въ Москву къ Якову Марковичу, къ Андрею Горленку и до п. Скорупны, и оные писма отпущены чрезъ маіора гварнѣзону глуховского Якова Любимовича Полянского, къ Москвѣ отправившогося.

13. Енералъ зъ протчими господами велико и малороссійскими, въ томъ числѣ и я, кушали у судіи енералного г. Лисенка и до вечера гуляли.

14. Обѣдалъ у мене Стефанъ Савіцкій, а вечерялъ Василь Стефановичъ, сотникъ лохвицкій.

15. Вечеромъ посѣщали жену мою болную енералного писаря Безбородка и асаула Якубовича жены, а при томъ-же посѣщалъ и подскарбій енералный г. Скоропадскій.

16. Послѣ полдня былъ я у г. Скоропадского и тамъ перве зъ нимъ одымъ, а потомъ и зъ Валкевичемъ доволный розговоръ имѣлъ о дѣлѣ взглядомъ роздѣлу о Рубановскихъ добрахъ.

17. Сего числа рано прибылъ изъ Москви гвардіи преображенского полку поручникъ Іванъ Шубинъ зъ указомъ изъ сената и зъ печатными манѣфестами и присягами о учиненномъ ея імператорского величества опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его королевского высочества государя Петра, владѣлного герцога Шлезвизъ-Голштейнского, сына ея імператорского высочества, государиня цесаревны Анны Петровны, сестрицы ея імператорского величества; и потому, по отправленной въ соборѣ литургіи, была оныхъ указу и манѣфесту публикація, которые читалъ за писаря енералного управляющый писарь полтавскій Андрей Руновскій. Послѣ отправованъ благодарственный молебень при трекратной изъ 51 пушки и гварнѣзонного глуховского полку бѣглымъ огнемъ палбѣ, а по молебствіи въ той-же церквѣ, по формѣ оной печатной присяги, учинили присягу на содержаніе оного ея імператорского величества опредѣленія въ наслѣдники высокоупомянутого ея величества племянника, его імператорского высочества государя Петра Федоровича. Потомъ были у генерала, токмо не обѣдали, а по обѣдѣ въ 5 часу пополудни, какъ сехались всѣ велико и малорос-

сійскіе господа къ генералу, то былъ банкетъ и много пили при многократной пушечной палбѣ даже до полуночи.

18. Ради вчорашного шумства не віездилъ я зъ дому весь день; присиланный-же ко мнѣ приговоръ, отъ енералной старшины зъ бунчуковими учиненный, о дачи прибывшому изъ Москви помянутому гвардіи поруччику Шубину тисячи рублей, и я закрѣпилъ. Сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій зъ женою своею были у насъ для посѣщенія болной жены моей и у насъ-же обѣдали.

20. Прибылъ въ Глуховъ генералъ-маіоръ Даревскій и обѣдалъ у генерала Бибикова. Отправлено въ домъ писмо козакомъ глуховскимъ въ Шатрищи, а оттоль тамошнымъ о романисѣ водцѣ.

21. Обѣдали у мене Федоръ Чуйкевичъ и сотники полковъ стародубовского, мглинскій Лисаневичъ, чернѣговского Бѣлоускій Малинскій. Рано подана генералу челобитная сторони дѣла зъ Соколовскимъ. Надвечери прибыли зъ Товкачовки Качановскій и Грицко, приведшые 3 коней нашыхъ, и привезли разного збору денегъ 82 р.

22. Писаны разные писма: 1—въ домъ къ старостѣ и къ Каврайскому, о всякихъ домовыхъ дѣлахъ; 2—въ Лотоки до Федора Пригари, зъ сообщеніемъ поданного намъ доношенія отъ тамошного слюсара нашого Савки о пропаломъ купленномъ его конѣ, чтобъ розискалъ; 3—до Афанаса Сковпня, сторони пограбленныхъ у него ляхами 13 коней; 4—до полковника стародубовского Максимовича о томъ-же дѣлѣ, чтобъ нарочного послалъ за границю къ шляхтичу Яну Зубковскому зъ енералскимъ писмомъ, о томъ къ нему писаннымъ, о чемъ ему полковнику и указомъ зъ енералной канцеляріи предложено; 5—до писаря судового Косача сторони расположенія чиненного на прошлые лѣтные мѣсяци порцій, а теперь на вінтерквартеру порцій и рацій чинитись имѣючого; 6—до намѣстника чолнскаго монастыря, Варлаама Уманця, о позволеніи дрова возить зъ пущи монастырской.

23. Зъ оными въ домъ и до намѣстника чолнского надлежащими писмами отправленъ Василь Мовчаненко, а въ Лотоки мужикъ слободы Імшицкой, пріездившый сюда нарочно. Вчорашного числа іродіаконъ монастыря новгородского Серапіонъ Годунъ, по писму ко мнѣ отъ намѣстника тамошнего Авксентія, отобралъ надлежащые Стефану Жолдаку муровщику, который дѣлалъ въ Горо-

лище комены, денги осталые 2 р., самъ-же онъ Жолдакъ передъ симъ забралъ 7 р. Писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому, что привезены денги 82 р. и чтобъ Качановскому нѣкоторого огородця пустовского и кунтуша не боронилъ и ему-жъ бы далъ жита полусмакъ, ячменя и гречки по четверику, да отцу Івану, брату, отправилъ-бы всякой пашнѣ двѣ подводы, по первомъ зимномъ пути. Закрѣпили въ коммисіи доношеніе объ отпуску сотника полкового прилуцкого въ домъ до сроку прійдучого праздника Богоявленія Господня.

24. Вручены писма до полковника стародубовского Максимовича, зъ указомъ и писмомъ до Яна Зубковского о пограбленныхъ Зарѣцкимъ у Сковпня 13 коняхъ, до писаря судового Косача о расположеніи порцій и рацій, и до войта стародубовского Коменка о покупки вина лагонского бочки. За дзигармистра заплачено кравцю Якубовичевому 1 р. 50 к. Полковникъ нѣжинскій Божичъ пріехалъ зъ Москви и енералъ-маіоръ Стояновъ.

25. Ради праздненства возшествія ея імператорского величества на престолъ, по службѣ Божой было благодарственное молебствіе при трократной изъ 51 пушки и отъ гварнѣзонного солдацкого полку и козаковъ бѣглымъ огнемъ палбѣ; а потомъ у генерала былъ публичный столъ и банкетъ при пушечной палбѣ. Играли въ лоть, почему я и проигралъ одинъ рубъ.

26. Присланъ указъ изъ суда енералного по дѣлу Соколовского, почему первей былъ я въ судѣ енералномъ, потомъ у генерала и представлялъ, что оное дѣло должно быть разсмотрено въ войсковой енералной канцеляріи.

27. Привезены де-которые вещи зъ дому и писма зъ объявленіемъ о домашнемъ поведеніи и о протчемъ. Жена була рано въ монастырѣ, а потомъ у бригадирши Іллѣной.

28. Рано была жена у генералши, потомъ обое были у бунчучного, а обѣдали у писаря суда енералного Івана Піковця; а по обѣдѣ были у насъ молодые пп. Скоропадскій зъ учителемъ Юнгансомъ. Полковникъ Божичъ отехалъ. Писалъ въ домъ о разныхъ домовыхъ дѣлахъ и до Андрея Миклашевского о утекшомъ служителю передъ симъ, а ныне въ домѣ его обрѣтаючомся Іллѣ; якое писмо, такожъ и отъ Максима Чернявского писмо до попа Алексія Хелкидоцкого, включено отъ мене въ писмо до писаря судового Косача.

29. Оные писма въ домъ чрезъ Іосифа Булахова, а въ Стародубъ чрезъ сторожа полкового отправлены.

30. По службѣ Божой въ церквѣ соборной читано описаніе печатное той церемоніи, якая была сего ноября 7 дня въ Москвѣ въ придворной імператорской церквѣ при публѣкаціи манѣфеста о опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его імператорского высочества, великого князя государя Петра Ѳеодоровича и при воспріятіи-жъ его высочествомъ благочестивія греко-россійскія вѣры, потомъ было молебствіе, ради дня кавалеровъ святого Андрея, апостола первозванного.

Декабрь.

1. Прибыли зъ дому зъ писмами и обратно отправленъ подводчикъ зъ писмами-же, чрезъ которого и лѣбра паперу послана. Жена ездила до асаулши енералной Якубовичевой и тамъ долго забавилась.

2. Рано повернулъся Іванъ Кравець зъ Новгородка и привезъ мало купленной рыбы. По обѣдѣ посѣщалъ я господина Безобразова, а потомъ былъ въ судѣ енералномъ и крайную сентенцію обявили въ дѣлѣ Бергеровомъ зъ Козляницею. Полковникъ полтавскій пріездилъ въ Глуховъ.

3. Пришолъ указъ зъ сената о бытіи бригадиру Іллѣну первымъ членомъ въ судѣ енералномъ, да по немъ Безобразову и Алексію Федоровичу Семенову, а Постелникову подскарбіемъ енералнымъ.

4. Получилъ писмо зъ Москвы отъ Скорупцы и къ отцу его другое, которое при своемъ писмѣ до его и отправилъ въ Стародубъ. Посѣщалъ я полковника полтавского на его квартерѣ.

5. Рано просилъ енерала и протчихъ господъ велико и малороссійскихъ на завтрешный день кушать у мене ради моего-жъ тезоименитства. Привезено рибы зъ Новгородка купленной, а зъ Клевенѣ отъ Федора Мануйловича въ даръ присланной, неболшое число.

6. Коло обѣденъ привезено зъ Стародуба вина бочку лагонского, войтомъ Коменкомъ за 38 р. купленную. По набоженствѣ кушали у мене генералъ зъ генералшою, брегадиръ Іллѣнъ, полковникъ Челищевъ зъ женами да полковникъ Тютчевъ и протчіе великороссійскіе и наши, и до позна ночь забавлялись.

7. Отпущены подводы въ домъ, чрезъ которые и писма посланы до Григорія Скорупцы отъ сина его Павла и отъ мене, до

войта Коменка о винѣ и пенцѣ, да до старости и до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ. Банкетъ былъ у брегадира Іллина, но я на ономъ не былъ за вчорашнымъ шумствомъ.

8. Получилъ писмо зъ Москви отъ учителя его імператорского высочества, отца Симона Тодорскаго. Взяли у Мандзенка для панеи штофу 15 локотъ по 1 р. 20 к., да сукна 5 локотъ по 58 копѣекъ, итого на 20 р. 90 к.

9. Кушалъ у мене сотникъ минскій Лисаневичъ, а вечеромъ былъ у мене-жъ зъ Шептаковъ Фіалковскій. Прибылъ отъ Федора Ширая служитель зъ писмомъ ко мнѣ и зъ доношеніемъ въ енералную канцелярію, чтобъ ему не ехать въ Глуховъ.

10. Отданъ указъ зъ суда енералного, писанный подъ числомъ сего теченія 8-мъ, до Івановой Миклашевской и до сина еи Павла, о отдачѣ женѣ моей 200 рублей за материзну и 12 р. за убытки надлежащыхъ.

11. Писаны писма въ Москву до Якова Марковича, до Павла Скорупы зъ сообщеніемъ писма отъ Федора Корецкого, до архимандрита богоявленского монастыря Герасима о покупки разной посуды оловяной и мѣдной, да до отца Симона Тодорского, учителя великого князя Петра Феодоровича, и оные вручены Тодорскому сотнику для подачи въ Москву, кому надлежитъ, по подписямъ. Писалъ къ писарю судовому Косачу сторони колодника Сидора Мантулника, содержачогося въ секвестрѣ стародубовскомъ.

12. Оный сотникъ Тодорскій отехалъ къ Москвѣ. Данъ інстанціалный листъ до полковника нѣжинского Божича за канцеляристомъ войсковымъ Іваномъ Михайловскимъ о опредѣленіи его въ писари судовые. За попа Алексія Халкидоцкого, что онъ взялъ у Максима Чернявского хомутъ, заплачено ему 1 р. 10 к.

13. Призыванъ въ судъ енералный по дѣлу Соколовского и тамъ пересмотровалъ дѣла и много зъ судіями и зъ самимъ тимъ клеветникомъ имѣлъ розговоръ.

14. Прислана копія челобитной Соколовского и опредѣленіе въ судѣ енералномъ состоявшоеся, чтобъ мнѣ безъ сроку 7 дней по формѣ суда слушать улики его и говорить оправданіе, противъ чего для отвѣтствія сыскалъ я повѣренного Ілію Квитницкого.

15. О окончаніи перевода и свода книгъ правныхъ. такожъ о отпускѣ на праздникъ коммисіалныхъ персонъ, подано генералу

доношеніе. Отписалъ къ Федору Шираю, что ему до праздника въ Глуховъ пріездить не надобно, а на якое-жъ число ему показано будетъ пріездить, о томъ къ нему пришлется указъ, и зъ тимъ писмомъ отпущеному слугѣ его даны 10 к., да сторожу Алексіевѣ на его нужды 20 к.

16. Чиненъ порахунокъ (разсчетъ) зъ сидѣлцами въ коморахъ нашихъ и по порахунку взяли у нихъ доплатки (кромѣ Павломъ Скоруппою забранныхъ) 26 р. 72 к. Подана челобитная по дѣлу клеветномъ на мене отъ Соколовского.

17. Былъ въ судѣ енералномъ и подписали приговоръ въ дѣлѣ нѣмца Геера зъ Козляницею, а ввечерѣ слушали дѣла-жъ Демченковъ. Писано писмо до сотника золотонопіского зъ пріобщеніемъ писемъ, отъ Каврайского присланныхъ.

18. Каѳанъ новый атласовый красный пошитъ, за которого пошите и за кунтуша жениного дано 1 р. 35 к. По службѣ Божой было благодарственное молебствіе ради рожденія ея імператорского величества при пушечной палбѣ зъ 51 пушки и бѣглымъ огнемъ отъ гварнізонного полку и отъ козаковъ сотнѣ глуховской при трократномъ залпѣ, потомъ былъ банкетъ у генерала и до позна доволно гуляли.

19. Заплачено за роботу ложки и табакерки нѣмцу Албриху 4 р. Посѣщали насъ въ вечеру писарь и бунчуковый енералные, да паніи судіини Лисенкова, асаулина Якубовичева и бунчучная Оболонская, а потомъ полковниця Тютчева и писарка судовая Пиковцева. Попу стародубовскому старо-николаевскому Стефану Злотникову позичены 10 р. Писано къ сотнику лохвицкому, чтобъ Тимофію Логвинову позволилъ на нашомъ плацу строитись.

20. Полковникъ полтавскій г. Кочубей и ігуменъ петропавловскій Никифоръ Грибовскій были у мене зрана и полковнику-жъ позычены 3 р., книги Уложенье Воинскихъ Уставовъ и книга печатныхъ указовъ, и отданы опять. Вечеромъ пришли зъ дому конѣ зъ поездомъ зимнымъ. Отданъ хлопецъ Василь Шаповалъ на пять лѣтъ слюсару глуховскому Степану Борисову Почепцю, который для роботи ему своей поступилъ въ одномъ году суботу; намъ-же давать-бы ему хлопцю чрезъ всѣ годы одежу. Просилъ позволенія у генерала отехать въ домъ на праздникъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, а зъ женою былъ у писаря енералного Безбородка.

21. Дѣло Демченковъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ рѣшили. Я отклонился генералу и зъ другими простилъся при отездѣ, а для отвѣту противъ Соколовского оставилъ повѣренного Ілію Квитницкого, которому и всѣ документы отдалъ, да ему-жъ даны ad interim 2 р. Въ 4-мъ часу пополудни віехалъ зъ Глухова и прибылъ до Шатрищъ въ 9-мъ и тутъ ночовалъ у Лукашевича.

22. Рано поехавши прибыли въ Мехедовку, где у Богуславского пообѣдавъ и попасъ коней, потомъ поехавъ прибыли въ Городище въ 10 часу по полдни.

23. Отослалъ указъ къ Федору Шираю зъ енералной канцеляріи, да писалъ до Курковичъ къ Роману, чтобъ горѣлку поспѣшно и добрую робыли.

24. Посвящали хоромы заднѣе, двѣ свѣтлици, салю, сѣнцѣ и кладовую, а по обѣднѣ, поздно уже отправленной, святый сегоденный вечеръ целебровали токмо зъ своими домашними.

25. Въ сей Рождества Господня день по всенощномъ и утреннемъ пѣніи, такожъ по службѣ Божой, были у насъ священники зъ церковниками съ поздравленіемъ праздникомъ, и отецъ Михайло зъ нами обѣдъ кушалъ, а по обѣдѣ былъ-же у насъ сотникъ бакланскій Василь Косачъ и долго посидѣвъ, отехалъ уже поздно.

26. Войты всѣхъ селъ зъ громадами приходили къ намъ зъ поздравленіемъ праздникомъ, такожъ суворовскій прикажчикъ Самойло Семеновъ Поповичъ, которій и писмо принесъ зъ Глухова отъ г. Скоропадского, въ дѣлѣ ихъ суворовцевъ о грунта заводномъ.

27. Учинена росплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ, которому дано было прежде 2 р. денегъ, чвертку жита и 2 четверички крупъ, а теперь еще доплачено 6 р., двѣ чвертки жита, четверичокъ крупъ, 40 квартъ горѣлки, осьмъ квартъ олію, три безмѣна сала, 16 фунтовъ солы; сдѣлалъ-же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся здѣлать столикъ дубовый-же.

28. Отехали до Козелца племѣнники Іосифъ и Михайло, чрезъ которыхъ писалъ до обозного полкового кіевского Федора Ханенка, дядка, и до отца Іоанна, брата, да и пашпортъ имъ-же на проездъ далъ, а взяли они зъ собою коня сивого, одѣгало старое и санѣ лубяные да 50 копѣекъ.

29. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до Іліи Квитницкого, повѣренного, чрезъ Грицка, которого зъ 6 подводами туда-жъ до Глухова для возки сѣна и дровъ отправлено, и даны ему на дорогу 20 к.

30. Зрана прибылъ до насъ Федоръ Ширай, а потомъ Федоръ Корецкій зъ своею женою и обѣдали у насъ; вечеромъ-же Ширай отехалъ обратно въ домъ свой, а Корецкій у насъ и ночовалъ.

31. Прибылъ къ намъ-же и попъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого дана карта до Гришки Литвяка о прибытіи его къ намъ въ Городище; по обѣдѣ-же Корецкій и оный попъ отъ насъ отехали, а Кочержинскій у насъ вечерялъ и ночовалъ.

1743 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Получилъ писма отъ Максима Турковского стороны балясъ и отъ сотника тамошнего Лисаневича, зъ обсилкою птицами и зайцами, да отъ себе писалъ въ Лотоки къ Федору Пригарѣ о слюсару Савцѣ, взглядомъ пропалого коня его и чтобъ купилъ для насъ меду пудъ зъ десять, и до Сковпня, чтобъ присилалъ всячину въ здешный дворъ. Писалъ къ обозному полковому стародубовскому Юркевичу, поздравляючи и его новымъ годомъ и требуючи объ отпускѣ якого слюсара къ намъ для приправы замковъ до дверей.

2. Писалъ къ Івану Борозднѣ въ Медведовъ о присилки Микиты скляра для докончения роботы имъ зачатой, до свято-михайловского священника Димитрія Зубрицкого, чтобъ представлялъ Івановой Міклашевской и сину еи Павлу о заплатѣ должныхъ женѣ моей 212 рублей денегъ. Зъ Стефаномъ Кочержинскимъ роздѣлка учинена въ долгу, отъ него намъ надлежащомъ, въ 10 р. 30 к., за которій приняли у него жита 6½ осмачки, а ему облигъ отдали. Зборщикамъ прошлого 1742 году за сентябрскую треть показанщина отъ двохъ василювскихъ, да отъ двохъ городискихъ казановъ 4 р. заплачена и квитанція у нихъ взята.

3. Ездилъ въ Гриневъ до Федора Ширая, где купно зъ Григоріемъ Скоруппою и женою его, зъ Василемъ Завадовскимъ молодымъ, зъ молодымъ Скоруппою, Павломъ, и Іваномъ Малішевскимъ,

обѣдали и весь день пробавили; а въ вечеру туда-жъ прибыли маіоръ Іванъ Василіевъ Труновъ и капитанъ Шараповъ зъ женою своею, и я зъ Павломъ Скоруппою отехалъ въ Городище.

4. Онъ же обѣдалъ у мене, а по обѣдѣ отехалъ, а потомъ прибыли до насъ въ Городище Григорій Скоруппа зъ женою и обозный полковый Юркевичъ и у насъ ночовали.

5. Рано оные гостѣ отехали. Куплены двѣ шкури чиненные, яловичая и шкапиная (лошадиная), за которые даны 2 р. 55 к. Семенъ Тищенко, значный мѣщанинъ стародубовскій, преставился въ Стародубѣ.

6. Передъ службою Божіею прибылъ къ намъ въ Городище Григорій Гамалѣя холопецкій (изъ с. Холопца) зъ женою и зъ нами жъ обще были на набоженствѣ, а по обѣдѣ мало позабавившись, отехали. Сего жъ числа зъ Петромъ Романовымъ, который мешкаетъ въ дворѣ нашемъ стародубовскомъ, противъ важницѣ, рощотъ здѣланъ за два 1741 и 1742 годы, за наемъ двора, и дана ему квѣтанція. Ему жъ дано 2 р. 10 к. на покупку двохъ пудъ лою.

7. Былъ у насъ изъ Стародуба Антонъ Донъ и оттоль, тако жъ зъ Глухова получены писма отъ Андрея Лышня съ извѣстіемъ, что указомъ сенатскимъ повелѣно раздѣленные передъ симъ сотни совокупить [206]) и что зятя Лисенкового Кузмѣнского пожаловано сотникомъ менскимъ.

8. Пріездилъ къ намъ въ Городище войтъ стародубовскій Антонъ Коменокъ и отобѣдавъ зъ нами, учиненъ договоръ на пенку безъ браку по 7 р. берковецъ.

9. Рано синъ Василь ездилъ въ Борщевъ до Григоріевой Гамаліиной, а я по обѣдѣ до Чаусъ ездилъ же и, прибывъ въ домъ, засталъ тутъ старого отца Іоанна Святодуховского стародубовского и сина его-жъ Іоанна-жъ діакона Подолскихъ.

10 Писалъ писма къ преосвященному епископу чернѣговскому Амвросію Дубпевичу: 1—зъ поздравленіемъ нового года и восприятіемъ престола, 2—за оными отцемъ и синомъ Подолскими, зъ

---

[206]) Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе доноса Купчинскаго, который обвинялъ Безбородка, что послѣдній, желая увеличить число сотничьихъ урядовъ, за замѣщеніе которыхъ онъ будто-бы бралъ взятки,—убѣдилъ Румянцева (А. И.) подѣлить нѣкоторыя сотни пополамъ.

инстанціею о неоставленіи ихъ въ нуждахъ ихъ, которые писма имъ и вручены, и они-жъ отехали.

11. Послѣ полдня отехалъ я къ Курковичамъ и въ Андрейковичахъ у вдовы Івановой Хромченковой ночовалъ, где и зятя еи Потапа Богинского засталъ.

12. Прибылъ рано въ Курковичи и отобѣдавъ, ездилъ на футоръ свой, где заводъ винничный. Вечеромъ были у мене отецъ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ и нашъ городискій священникъ отецъ Михайло, едучій въ Чернѣговъ, потомъ—Мойсей и Іванъ Ломаки.

13. Дякъ бывшій курковскій Федоръ Карповъ затиралъ горѣлку въ нашемъ винничномъ заводѣ. Писаны писма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, г. ассесору Динисову, къ Андрею Лишню и Іліи Квитницкому, которые посланы въ Новгородокъ чрезъ козака курковского Артема Стукаленка при писмѣ къ сотнику, чтобъ оттоль нарочнымъ отправилъ до Глухова.

14. Припровадилъ къ заводу нашему курковскому Улась Усикъ, житель семіоновскій, винника Клима Гаврилова, сосѣда Швеева зъ Семіоновки, которого умовили на нашой харчи по 8 к. отъ стану.

15. Віехавъ рано зъ Курковичъ, попасовалъ коней въ Кистрѣ у Семенихи Аршуковой и тамъ-же кушалъ, а потомъ въ превеликую метелицю прибылъ до Городища.

16. Понеже службы въ Городищѣ у насъ не было, то ездилъ я зъ Василкомъ до Борщова и тамъ отобѣдалъ у Григоревой Гамаліиной, купно зъ Павломъ Миклашевскимъ, который и денегъ 100 р., женѣ моей надлежащихъ, отдалъ мнѣ тамъ-же; оттоль прибывши, засталъ въ Городищѣ въ домѣ нашемъ сотника погарского Соболевского зъ женою, войта и писара Турка и Барлуя, пріездившихъ къ намъ зъ поздравленіемъ нового году.

17. На писмо панеи бунчучной Галецкой писалъ отвѣтъ сторони здохлой заграбленной клячи, да до обозного и асаула полковыхъ полку часникового о присилки 4 компанѣйцовъ въ мое владѣніе для полученія здесь порцій и рацій послалъ писмо чрезъ комисара полкового стародубовского Семена Круковского [207]).

---

[207]) Компанейскій полкъ Часныка стоялъ въ это время квартирами въ Стародубщинѣ.

18. Писалъ въ Лотоки къ Афанасу Сковиню о присилки пенки, дегтю и всего того, о чемъ прежде къ нему-жъ писано, да послана вѣдомость, сколко оттоль за порціи ежемѣсячно денгами платитись надлежитъ. Сего числа, будучому мнѣ рано у Перегонѣ, приключилась жестокая болѣзнь въ поперску и ледво оттоль пріехавъ, занемогъ жестоко, такъ что ни сидѣть, ни ходить, ниже самъ зъ боку на бокъ обернуться не могъ, чего для хотя и мазали спиритусомъ и парили въ коритѣ, однакожъ никакой ползы не учинилось, почему принуждены посилать по лѣкаря Копса въ Стародубъ.

19. Рано пріехалы въ Городище Федоръ Ширай и Павелъ Скоруппа, которіи и обѣдали у насъ, да уже вечеромъ отехали, простуючи до Глухова. Сегожъ дня прибылъ и лекарь Копсъ и мазалъ мнѣ поперекъ нѣкоторымъ унgвентомъ и прошокъ красный въ чаю давалъ.

20. Оный-же лекарь весь день-же у насъ пробавилъ и такожде мене мазалъ онымъ унgвентомъ, но ползи мало здѣлалось.

21. Лекаря Копса отправили къ Стародубу, давъ ему за визиту 3 р., и хлѣба, а именно: осмачку жита, осмачку овса, чвертку пшеници, станъ горѣлки, 4 гусей и 6 курей ему послали.

22. Возвратилъся зъ Копсомъ посиланный Грицко и привезъ отъ него лѣкарства—мнѣ спиритусъ и лаксативумъ, а женѣ для ползы во время рожденія.

23 и 24. Тая-жъ болѣзнь въ поперску продолжалась.

25. Андрей Ноздра посланъ зъ Барановскимъ въ Лотоки. Сего-жъ числа былъ у насъ въ Городищѣ священникъ погарскій отецъ Павелъ, которому и полуосмакъ жита данъ.

26. Отпущены товкачовскіе подводы, на которыхъ привезено сиръ, масло, соль и протчіе дробязки, а на тѣхъ-же подводахъ отпущено въ Товкачовку двѣ куфы горѣлки—одну зъ Василювки не повную, въ которую долили въ Городищѣ полстана, а въ оной мѣры полдесята стана, другую зъ Городища, въ которой мѣры становъ 8 и квартъ 10. Прибыли компанѣйци. Сего-жъ числа синъ нашъ Василь отправленъ до Глухова зъ Іваномъ Кравцемъ и чрезъ него посланы писма до г. Скоропадского, до Юнgганса, до Федора Чуйкевича, до доктора Бока, до Квитницкого, до Іосифа, до Якова Маркевича, а въ дѣлѣ Кравцевомъ писалъ до нѣкоторого Бринцева. Кухаръ бѣжалъ.

27 и 28. Пробавили еще въ Городищѣ, а 29 начали перевозитись оттоль въ Перегонъ.

30. И сами въ Перегонъ переехали.

31. Сей день въ Перегонѣ уже пробавили.

Февраль.

1. Послѣ обѣда отехали зъ Перегону до Левенки и туда прибывши въ вечеру, стали у Александра Корецкого и тамъ застали на весѣля; женилъ онъ своего служителя перекреста Юрія.

2. Жена зъ Федора Корецкого женою ездила до Стародуба къ образу баликинскому[208]); а за поворотомъ ихъ оттоль обѣдали мы тамъ-же въ Левенцѣ, где еще привезъ отъ Павла Миклашевского староста его Новѣцкій 14 р., кромѣ тѣхъ 77 р., которые зъ конми привезлъ прежде въ Перегонъ; а по обѣдѣ отехали мы къ дому и прибыли позно уже въ Перегонъ. Тамъ-же въ Левенцѣ розочлись зъ Александромъ Корецкимъ о 47 червонныхъ, которые отъ него принявши въ 100 р., доплатили ему 3 р. 40 копѣекъ. Сего-жъ 2 числа ездилъ староста зъ Грицкомъ и Дмитромъ компанѣйцами въ Бугаевку и взявъ тамъ бѣжавшую зъ Лукина зъ дѣтми жонку, вдову Бондариху Анну Іваниху, и зъ меншимъ синомъ еи, тако-жъ зъ трома лошадми, припровадили еи въ Перегонъ, изъ которыхъ лошадей отдани кобила чалая лѣтъ 14—Корнѣю Лопазненку, цѣною въ пяти копахъ, а кобилку вороную, лѣтами противъ третого, въ пяти-жъ копахъ; коня-жъ рижого, лѣтъ билшъ 20, для прокорму взялъ Василь Здроченокъ.

3. Оная жонка Бондариха бѣжала, а кухаръ зъ Глухова при писмѣ отъ Василя присланъ. Сего-жъ числа были у насъ въ Перегонѣ ревѣзоры: значковый товаришъ Василій Хомѣнскій и асаулъ сотенный погарскій Іванъ Перегонецъ. Писмо получилъ отъ сотника погарского о бѣглыхъ.

4. Онымъ ревѣзорамъ отданы именные списки людей посполитыхъ деревень: Перегону, Демковичъ, Чубарова и Курова, да на скупляхъ жіючихъ въ Лукинѣ и въ Чаусахъ.

5. Курилу виннику заплачено за 10 становъ 60 к.

---

[208]) Объ иконѣ Божіей Матери, называемой Балыкинскою (с. Балыкинъ стародубскаго уѣзда) см. Описаніе черниговской епархіи, т. VII, стр. 61.

6. Отъ Василя Матвѣенка, Ломоносового зятя, шинкаря .... ровского, за 2 стана горѣлки принято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобралъ староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отійсканя теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадского и до Андрея Липия; на дорогу дано ему 15 к., а на паперъ 50 к.

8. Рано стоящымъ въ деревняхъ нашыхъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано на 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездилъ я до Гузовки для осмотру тамъ новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Івановой Сулиминой [209]). Въ той поездцѣ Іванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у насъ въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писаръ сотенный погарскій Турокъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давного долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присиланный зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о пріемѣ указу, чрезъ которого послано писмо и до Савіцкого, писаря отставного лубенского, сторони дѣла правного сводного и о сочиненіи прожектовъ, да до повѣренного Іліи Квитницкого, тако-жъ и до старости товкачовского о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонъ.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому даны 10 к. на дорогу. Павелъ гузовскій, вчора пріехавшій, чтобъ его принятъ на староство, отехалъ и ему-жъ даны 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка чвертку жита. Черицѣ чолнскіе запретили дрова возить изъ пущи для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запрещенія посиланъ староста къ городничему въ Олешевку, но возвратился зъ нѣчимъ. За покраденное сѣно наше евдоколцями забрали евдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

---

[209]) Говорить о вдовѣ одного изъ сыновей генеральнаго хорунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовскій архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупцы къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за намѣстника въ монастырѣ чолнскомъ управляющему, чтобъ позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Івана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василія Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцювъ до окончанія зимной дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ ихъ пущи за 8 гривень.

15. Отправленъ Стефанъ Кавpайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобъ оными подводами навозить тамъ дровъ, ліоду и забрать оттоль хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе нужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забраня оттоль шулъ, бруся и тиву и для разобраня тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевского.

18. Переехали на ночъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Таинъ въ церквѣ городиской, а по обѣдѣ віехалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и ночовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкого.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ швагромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили доволно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею швагеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтянцѣ Рачинской Татіанѣ, Ілія Лизогубъ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовского Рубця на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Івана Івановича Владиславича и у Григорія

Скорупны; потомъ обѣдали у полковника и доволно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовского Коменка за пенку надлежащые всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, росплата 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись in summa 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночю.

24. Іванъ Гамалія, швагеръ изъ женою и дѣтми, прибылъ рано къ намъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни [210]).

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ пшеницею и просомъ. Писаны писма до полковника полтавского Кочубея, до Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до сина Василя зъ нѣкоторою посилкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родилъся мнѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Іванъ и окрещенъ марта 3; воспріемниками были [211])... Зъ писмами вчора писанными и зъ нѣкоторою посилкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанѣйцамъ на другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимные мѣсяци очищены.

27. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скоруппѣ и къ Федору Корецкому, а къ протчимъ безъ писемъ таковый-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайского, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компанѣецъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовского. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ домы свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной становъ 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли пашни 8 тамошные,

---

[210]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвитскаго уѣзда.

[211]) См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о протчемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ зъ малярemъ стародубовскимъ Василіемъ Григоріевымъ, который имѣетъ дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и оному уговоренной цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а протчее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣетъ и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и росплатка учинена зъ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимные мѣсяцѣ, 1742 г. октоврія зъ 15, 1743 г. апріля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены денги Петру Троеносенку до весенного Николая, а Кондрату Алексіенку до осѣнного и въ томъ взяты у нихъ облѣкги. Зъ винникомъ Гришаномъ за роботу его въ винницѣ на Василювцѣ росплатка учинена по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвѣя Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ доношеніе въ войсковую енералную канцелярію противъ указу о поездѣ до Глухова, присланного чрезъ компанѣйця, чрезъ которого оное и тые писма отправлены. Уговорена жена дяка курковского Наталія дѣлать два килимы до новыхъ нашихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчвертки проса, полторы чвертки жита, да за цвѣты до прежде здѣланного килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-жъ жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-жъ приказано дать чвертку жита женѣ..., которій сталъ у насъ въ Городищѣ робыть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе зъ женою и зъ ними попъ Алексій Хелкидоцкій.

3. Рано поприѣзджали въ домъ нашъ перегонскій Григоріева Скорупнина, Анастасія Шираевна, потомъ и мужъ ея, да Григорій Гамалѣя холопецкій зъ женою, сотникъ погарскій Соболевскій зъ женою и протчіе, а на остатокъ и вдовствуючая Григоріева Гамалінна зъ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скорупина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енералная Галецкая и другіе погарци, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна зъ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катаръ и кашель.

5. Привезено зъ Стародуба отъ Карпа котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родилъся и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 дня сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя зъ немалымъ кашлемъ, чего для никуда зъ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ зъ указомъ изъ Глухова, чтобъ мнѣ туда ехать для дѣла зъ Соколовскимъ, но на оный указъ учинено отъ мене отвѣтное доношеніе.

12. Зъ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ зъ Лотоковъ и привезъ денегъ за медъ доправленныхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 дня для пріуготовленя тамъ меду и пива, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писалъ до Івана Гамаліи, до Федора Ширая, до Линия, до Федора Чуйкевича, до Василя сина и до Іосифа племѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за протчими нуждами, чрезъ которого посланы 2 писма: 1, до Семена Іванова Пустоты, 2, до дозорци Ропского дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карповичахъ сто копъ драпѣ.

15. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ атамана компанѣйского полку чосникового Василя Соколовского, уволенного уже отъ службы компанѣйской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полкового Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправленъ староста перегонскій въ Стародубъ для варення пива и за другими домашными потребами, которому между протчимъ велѣлъ въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубѣ на що надобно.

17. Винникамъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ виробленныхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Івану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣннику въ Глуховъ о розсиченю меду и о пивѣ въ лiодъ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна чвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ чверткою имѣлъ теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣетъ отдати сего году въ септевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского за Вовдею Василихою Сластіонвискою, а до Іосифа племѣнника объ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковского Манковского о козаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому позичены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипо̂ва, служителя Івана Гамаліи юдиновского; да у мене-жъ, зъ Глухова ѣдучи, былъ прикажчикъ села, почеповского уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городискую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы ишла. Кравець изъ Стародуба присланъ и покроилъ кунтушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными потребами.

20. Ничего не случилось.

21. Принималъ лѣкарство. Староста возвратился зъ Стародуба, нѣчого тамъ не справивши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобъ я ѣхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзнію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войтъ возвратился отъ возки бервеня, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевского Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Івана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василювского, подданному волости ропской, жителю будницкому Василю Кручлину заплатили мы долгу его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-жъ Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ зъ солоду семіоновского и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ люодовнѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медъ разсиченный въ Погарѣ. Отправленъ кравецъ Никифоръ и мамка Ганка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и протчее и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-жъ писма до г. Скоропадского, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была мнѣ коліка и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всенощной быть не могъ. Проехалъ днемъ Федоръ Ширай зъ Глухова чрезъ Гринювку, а ночю прибылъ зъ Городища судія полковый Павелъ Скорупа.

27. Въ сей день Въѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городищѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скорупа, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина зъ Городища, Ничипора Семенцова жена, пришедъ въ дворъ мой перегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны балясъ, чтобъ припомянулъ Максиму Турковскому и о птушкахъ, такожъ объ отсилки писма моего до Василя Гудовича зъ писмомъ къ нему-жъ отъ Федора Чуйкевича, где и стороны желѣза къ нему Гудовичу писано. Дана квитація Никону Вербіцкому, которій былъ командиромъ надъ 24 компанѣйцями полку старого чесниковского, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды нашимъ людямъ не показано.

29. Взятъ облѣкгъ у Осипа Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного намъ отъ него, что имѣетъ оное отдать сего году въ сентевріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25³/₄ осмачки.

30. Синъ Василь и племѣнникъ Іосифъ пріехали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоилъся исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Април.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горѣлки виробленной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тіе, что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сыну нашему Івану приговорена Федоска Товкачиха и дано для еи дѣтей корову, такожъ пшона и чвертку жита, а еще давать ей въ годъ 3 р. и чвертку жита.

2. Чубенокъ кушнѣръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стародубъ, которымъ за роботу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к., и на томъ-же Гришку стелмаху денегъ нашихъ 70 к. имѣется. Зъ Лотоковъ войтъ Федоръ Фурсовъ принесъ оробковъ 16 и глушаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ сынъ мой Василь и другіе малые дѣти причащались въ церквѣ городецкой. Вечеромъ пріездила къ намъ Евдокія Бороздняика, Григоріева Гамаліина, поздравляючи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ къ завтрему. Въ вечеру-жъ привезъ ко мнѣ изъ енералной канцеляріи два указы полку стародубовского чесникового компанѣецъ Яковъ Юркевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытіи моемъ до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемѣ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учинено будетъ, дана тому-жъ компанѣйцу росписка и оный отправленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гамаліиной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ деревень нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писалъ писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской, 2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обозного полкового Алексія Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ, 6(до старости товкачовского Паленского и зъ оными отправленъ племѣнникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пашпортъ данъ. Попы и причетники церковные, тако-жъ козаки городецкіе были у насъ зъ празничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь, на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми, ушолъ, раковню горѣлки выпивши и пчолы пододравши, да и винника зъ собою увелъ.

6. Племѣнникъ Іосифъ, зъ помянутыми писмами отправленный до Козелця, отехалъ зъ приданнымъ ему козакомъ зъ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха зъ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цвѣты заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны писма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобъ ему опредѣлилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта зъ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобизкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханенко отехалъ къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдня и опанча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегогодную, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Каврайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же росплатокъ. Заплачено винику городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ зъ Кизенкомъ и Халимоненкомъ въ Кистеръ свѣдителствовать тамошнего козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визвчить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ зъ дому перегонского и попасовалъ противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибылъ въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ зъ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ зъ монастыря, отецъ Авксентій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ муровщикъ и Тарасъ цегелникъ, зъ которыми чиненъ о ихъ работѣ рощотъ, а по рощотѣ постановили ехать имъ обоимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писалъ чрезъ отправленного туда-жъ шкляра, которому въ задатокъ и даны 40 к. Зъ Гойскою подрядилъся на 15 четвертей вапны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ зъ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлъся зъ архимандритомъ Варнавою; потомъ отехавъ перевозилъся чрезъ Десну болѣе двохъ часовъ и зъ Пироговки отправилъ писмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ писмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобъ оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дожчѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехалъ въ нѣсколко часовъ ночи до Гамалѣевского монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ ночовалъ.

13. Рано видѣлъся зъ отцемъ архимандритомъ Софроніемъ Мігалевичемъ и у него чай пилъ; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и розговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовкою ихъ маетностей Дѣвицъ грунтахъ и розграниченіе тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровского, господаря гетмана Скоропадского, чиненное видѣлъ и читалъ, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттоль-же въ въ 8 часу по полуночи віехавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой бѣлополовскій.—Theodorovicz avestatur. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и Валкевича и уже почью отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ розговоръ о дѣлѣ Соколовского, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ глуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, которій мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцеляріи, где видѣлъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судією Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Туранскимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехавъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Иліею Квѣтницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому противъ его писма о пріуготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовского и чрезъ Прокопа Дмитренка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшкинъ и куцій; писалъ-же и о висилкѣ сюда Качановского. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушалъ обѣдни въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юнgансъ, а надвечери былъ Квитнѣцкій.

17. Посилалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Івашки и отвѣтъ получилъ, также прислалъ онъ табакерку мою, которую я посилалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а послѣ того былъ у мене-жъ судія енералный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинского Петра Стеріевича Тарвавіота прислалъ Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина бѣлого и судацкого. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради слабости моей, въ сюю ночь приключившейся чрезъ колотье въ правомъ боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной сліоти во всѣ дни, а найпаче сее ночи и сего дня безперервно продолжавшейся. Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алексіевъ Кишинскій, отправляючійся въ полкъ стародубовскій для завѣдованя описными и свободными маетностями, зъ тѣмъ обявленіемъ, что и въ деревняхъ въ Куровѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для описѣ мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣетъ. Я сегодня принималъ species, одъ доктора Бока присланное.

20. Оный-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и розговоровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писаны писма къ женѣ о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіалъ посланъ, тако-жъ до сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ сотнику для отсилки одтоль до Перегону.

21. Оные писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глуховскимъ. Сего числа рано прибылъ швагеръ мой Іванъ Гамалія и сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ прошедшого 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора и былъ у генерала, а обѣдали въ домѣ; послѣ-же обѣда были у обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музикантъ прибылъ въ Глуховъ. Івану Андріевичу Гамаліи подарилъ я книгу печатныхъ указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшыхся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Кавранскій отъ жены зъ писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронаціи ея імператорскаго величества было, послѣ службы Божой и казаня (проповѣди), отцемъ Никифоромъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петропавловского глу-

ховского говоренного, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ былъ банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнію. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевского зъ пѣвчымъ государевымъ Гавриломъ Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посѣщалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ маетностями—Великою и Малою Дѣвицями и селомъ Товкачовкою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октоврія 14 дня чиненного гетмана Скоропадского господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ писмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшого зеленого и щоты костяніе.

27. Послѣ полдня зъ дожчемъ былъ весма великій градъ, болше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣлъ у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болного посѣщалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства спеціесъ и пѣгулки.

28. Оные пігулки и спецієсъ принималъ я и весь день изъ избы никуда не виходилъ, а у Івана Гамаліи Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялъся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присиланъ канцеляристъ изъ суда енералного, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовского, Андрей Мефедовскій, и посѣщали мене-жъ інформаторъ Юнgансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Поданы челобитные 2 на Соколовского и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и оные вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посѣщалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховского Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Троцинскому позичена кулбака молодецкая.

Маій.

1. Сидѣлцу въ нашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою моею двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за оные мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермолая, зъ первыхъ числъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племѣнникъ Іосифъ прибылъ и зъ нимъ Качановскій, которіе и о томъ доносили, что конь буланый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалѣя, а Іванъ Андріевичъ Гамалѣя [212]) былъ зъ протчими на крестинахъ у полковника и коммендanta глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письмѣ въ домъ: 1) до жены, 2) до сина Василя о скоромъ прибытіи его одтоль сюда до Глухова.

3. Слушаны мои челобитные передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесь учинено о сочиненіи екстракта. Принималъ я знову проносные пѣгулки. Писалъ къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старосты товкачовского о разныхъ тамошнего господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Іваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовцѣ, а оттоль имѣетъ Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпортъ, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣетъ, меморіалъ ему-жъ отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и совѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рано былъ я у генерала и говорилъ стороны моихъ челобитенъ, потомъ былъ въ коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского. Былъ у мене обозный полковый чернѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ коммиссію своду и просидѣлъ тамъ до полдни и предъ обѣдомъ былъ у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожецъ зъ писмами и подали вѣдомость, сколко хлѣба приходного зъ млина лучанского на лице имѣется.

7. Писаны писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Коноповою, до попа лучанского Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ полдня прибылъ зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рано были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асаулъ Шумъ полковый кіевскій.

8. Писалъ къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

---

[212]) См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцеляристъ Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-жъ пріездилъ полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Борозна медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а оттоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковецъ. 9 числа пришла зъ Клепалъ [213]) вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамаліи дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемниками были я зъ воеводшою путивльскою, Анастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія зъ тещею Івана Гамаліи, Маріею Зиновіевною Неплюевою [214]).

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммисіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартерѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералный г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки [215]) для свиданяся зъ генераломъ-маіоромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшыхъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маіоромъ Ливеномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріездившій ко мнѣ, просячійся на староство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалѣя отехалъ до Клепалъ, отпущенный до 24 числа сего маія, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостолъ.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдалъ у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездилъ съ нимъ-же до подскарбія г. Постелникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локотъ штофу для жены и за 5 локотъ сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сину его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, по-

---

[213]) Путивльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалѣя получилъ въ приданое за первою женою Марьею Аненковою.

[214]) По первому мужу Аненковою.

[215]) Конотопскаго уѣзда.

слалъ сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гварнѣзону глуховского при писмѣ до сотника новгородского для отправы оттоль до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлѣть нѣсколько времени, а потомъ проехавъ село Віазіопку, за Клевеню попасали; оттоль-же проехавъ мимо Путивль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ часъ вечернѣ, где засталъ и тещу Івана Гамаліи Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путивльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, також помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Воцининъ зъ женою своею Уліаною Василіевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамаліи Елену, котороя воспріемниками были: я зъ воеводшою, а Іосифъ Гамалѣя зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и доволно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я еи стіонжкою золотою, у г. Гамаліиной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дни и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу пополудни и проехавъ Віазіонку, ночовалъ въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммисіи; потомъ отехавъ зъ полковникомъ лубенскимъ, у него обѣдалъ, а поездъ п. Яна Гамалѣи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамалѣевскій отецъ Софроній Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемнонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Івану Гамаліи и къ воеводѣ путивльскому Леонтіеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадского и у полковника лубенского.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи еи до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для пришиваня полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцеляристъ Богинскій обявлялъ мнѣ, что велѣно челобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Івана Пиковця, ради именинъ жены его Елены, и доволно гуляли, где имѣлъ розговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакожъ въ домъ пріехалъ завременно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы израна были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого набоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой воспріемниками были ассесоръ Яковъ Івановичъ Денисовъ и подполковница Семенова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховского Турянского зъ маіоромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и протчими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупну, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присилкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-жъ Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ писмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухаръ Яковъ Варшаковскій и снесъ сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинѣ Ганны своровалъ рубашку.

25. Наметнику для покупки тесемъ до полъ къ намету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро поповичъ юдиновскій зъ Москви, посиланный туда отъ Івана Гамаліи за справкою Клепалъ и другихъ деревень. Вечеромъ былъ у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ швагра Івана Гамаліи.

26. Прибылъ Іванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своемъ купленномъ дворѣ. Надвечери были у мене г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случилось.

28. Передъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодій Скоропадскій, Далони Покорскій, Павелъ Скорупиа, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла

Олена Андреевна Пиковцева, а послѣ и самъ Пиковецъ, и отуживавши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна былъ въ коммисіи, а послѣ обѣда никуда не внезджалъ, бо недомогалъ послѣ вчорашнего гуляня.

31. Обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко свѣжою рибою, а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и были мы зъ женою. Отпущены лишные люди въ Перегонъ и принятій на господарство Семенко Шулякъ, чрезъ которого писано до Козачинского и послано въ домъ палубъ и два конѣ, такожъ хомутъ и шлея.

Юнь.

1. Обѣдали и весь день пробавили у Івана Гамаліи въ новокупленномъ его дворѣ. Хлопця малого Андрѣя отдалъ въ наученіе мастерства шмухлерского, которому майстеру поступлено за наученіе оного хлопця 6 р. и уже ему даны 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Пиковця, потомъ и послѣ обѣда зежжались въ коммисію.

3. Писалъ къ новопринятому старостѣ Лаврѣну Козачинскому зъ увѣщаніемъ, чтобъ не пиянствовалъ и съ людми не дралъся и де которые вещи присилалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Никиту Лагоденка.

4. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалѣя зъ Іосифомъ Гамаліею и Павломъ Скорупною, а вечеромъ былъ у насъ-же полковникъ Тютчевъ и доволно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослалъ насъ рибою Романъ Яненко.

5. Рано былъ я у енерала и обѣдали у насъ тѣ, що и вчора: послѣ обѣда были у насъ первей обозный енералный г. Лизогубъ зъ Иваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ, писарь енералный Безбородко и Матвѣй Холодовичъ, а надвечери были и панія бунчучная Оболонская, писарка судовая Пиковцева и Романа Яненка жена. Зрана обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко рибою. Купчинскій съ товарищи бѣжали вчора.

6. Столновскій первый разъ былъ въ коммисіи, потомъ у мене онъ-же обѣдалъ; судія енералный Яким Горленко прибылъ въ Глуховъ.

7. Писалъ къ старостѣ товкачовскому, чтобъ сюда пріездилъ и о протчемъ, якое писмо вручилъ сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересилки въ Товкачовку. Обослалъ насъ рибою Іванъ Гамалѣя.

8. Писаря судового Пиковця жена обѣдала у насъ, а зрана былъ у насъ-же бунчучный енералный г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Івана Гамаліи.

9. Обѣдалъ у насъ полку прилуцкого сотникъ монастириській Іванъ Романовичъ, а послѣ обѣда на малое время былъ у г. Скоропадского, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупѣ отехали въ коммисію.

10. Писано писмо къ архіерею черпѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозволеніи заложить придѣлъ при церкви воздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового черпѣговского Митковича, о чемъ и къ нему особливое писмо писано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Івана Филиповского и вечеромъ зъ женою были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдни слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиповского, былъ у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Іванъ Василенко (vulgo называемый Рудый), который держитъ въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевского; зъ онымъ постановили греблю гатить общимъ коштомъ, и на то въ первый росходъ дано отъ мене осмъ рублей до рукъ Филиповского, о чемъ оттуду-жъ писалъ я и до Стефана Миклашевского, чтобъ онъ и мѣрочника на свою панщину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковалю, що направку де которую коло нашего каменя чрезъ два годы дѣлалъ, данъ 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войтъ чаусовскіе, прибывшіе сюда за дѣломъ заводнымъ зъ евдоколцями о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчипова, Иванова Гамалѣина и Пиковчиха у жены моей, а у Івана Гамаліи были брегадиръ Іліинъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Еропкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинского чрезъ козака даріевского, присланного зъ писмомъ отъ атамана погарского, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадского въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по поздне̂ былъ я зъ женою у бунчучного Оболонского, где былъ-же полковникъ Тютчевъ, Никовцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Пріехалъ зъ дому Романъ Гапоновъ и де що попривозили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писалъ въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонского Емеляна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяци за порціи 23 р. битіе чрезъ — —. Зрапку былъ у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Пбурха отездѣ [216]). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Пбурха, и именно до отца Тодорского, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ включеніемъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Моисеевича Божкова, новопожалованного въ дворяне придворного уставщика, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ былъ я у Івана Семеновича Хрущова, где засталъ и брегадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Івана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано былъ у енерала. Обѣдни слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирискій и мглинскій Лисаневичъ, а потомъ пришолъ Федоръ Ширай, а послѣ Іванъ Гамалѣя, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ пошолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ семъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енералшою Бибиковою.

20. Зрана не былъ я въ коммисіи ради вчорашного шумства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

---

[216]) О Василіѣ Дмитрашкѣ Раичѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла челобитствующого о козачествѣ Емеляна Галактіонова и о разореніи ему учиненномъ отъ Василя Кулябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералшу тезоименитствомъ ея, чего для нѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асаулъ полковый кіевскій Шумъ, хоружый полковый нѣжинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездилъ я къ Івану Гамаліи, а енералъ былъ у г. Скоропадского, где и Марко Марковичъ, прибывшый изъ С.-Пбурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылъся у насъ въ банѣ Іванъ Гамалѣя. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42¾ к. Хлопцямъ на поясы насистой матеріи за 30 к. Івану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдни слушалисмо въ монастырѣ, потомъ перве я самъ былъ у судіи енералного Горленка, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдалъ въ домѣ и съ нами сотникъ монастириский Романовичъ. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ лубенскій г. Апостолъ, зъ которымъ ездили по коммисіи нашей для нѣкоторыхъ розговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ нами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Інформатору Юнггансу за прошлогодскую сина нашого науку по число 20 маія сего году дано въ доплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церквѣ св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софроный Мигалевичъ, другій нѣжинскій, Модестъ Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ жолтогорящои рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ пошитю Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кушане для тезоименитства его імператорского высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдню въ соборной церквѣ служилъ архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи випалено изъ 21 мартири. Кушали и доволно гуляли у генерала, а между обѣдомъ прибылъ изъ С.-Пбурха синъ енералскій Петръ Івановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Пересопу староста Омелянъ Шулікъ зъ тимъ извѣстіемъ, что поручикъ

Кишинскій отобралъ Куровъ и Чубаровъ, которого-жъ старосту сего числа отправилъ обратно изъ словеснымъ и писменнымъ приказомъ. Былъ вечеромъ у Івана Гамалія и у него-жъ видѣлъся зъ Піроцкимъ.

30. Рано былъ у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, послѣ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ. По обѣдѣ былъ я у подполковника Ладижинского стороны поруччика Кишинского, а потомъ были у мене архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій и глуховскій петропавловскій ігуменъ Никифоръ Грибовскій.

Юлъ.

1. Писалъ къ Чижевскому, что отъ Піроцкого будетъ отправленъ нарочный зъ писмомъ въ полковую лубенскую канцелярію, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ былъ розборъ о спорѣ въ земляхъ зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевского. Подана въ коммисію економіи челобитная на поруччика Кишинского о отобранныхъ имъ деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Сего-жъ числа вечеромъ былъ у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москвѣ зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По раннымъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожалъ я зъ сыномъ за Березу, а оттоль возвратясь, получилъ писмо, что сынъ малый весма боленъ въ Перегонѣ; послѣ обѣда-жъ былъ у подполковника Ладиженского стороны поданной отъ мене въ коммисію економіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученное отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастирискій Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано присилалъ полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучого мене и самъ просилъ.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ протчими у полковника Тютчева ради сегоднешнего тезоименитства его, а одтоль пришедъ, засталъ въ дворѣ пріехавшого изъ дому нашего Петрока Троепосенка зъ тимъ извѣстіемъ, что куровци и чубаровци отъ всякого послушенства отказалися, на которое писмо писалъ къ женѣ, чтобъ войтовъ сыскала къ себѣ и противныхъ смирила.

5. Весь день былъ въ домѣ и сочиняли проіектъ и дадикацію по коммисіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ полдня первей былъ у ассесора Денисова, потомъ заезд(ил)ъ до Ласкевича и до дзигармистра, а надвечери былъ у генерала и подавалъ челобитную о Куровѣ и Чубаровѣ, которую велѣлъ подать утро при собраніи другихъ.

6. Оную челобитную рано подалъ енералу, которую онъ и читалъ; по прочтеніи-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать доношеніе въ сенатъ, отбирать-ли таковые деревни въ економію, а въ економію указъ, чтобъ во владѣніи намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого помѣшателства.

7. О таковой резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершеніи въ переводной и сводной коммисіи правного дѣла, а другое доношеніе отъ коммисіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Пбурхъ, и позволеніе получили той коммисіи персоны розездитись по домамъ. Писалъ къ архіерею чернѣговскому за отцемъ Іваномъ Подолскимъ и за сыномъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рано подписанъ помянутый въ канцеляріи міпистерской о Куровѣ и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералшою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и кушали и весь день пробавили. Я надвечери, простившись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдалъ въ Кочергахъ у Стефана Миклашевского, по обѣдѣ былъ у Івана Филиповского, а надвечери оттоль отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Івана Пѣроцкого заночовалъ.

11. Отданъ изъ министерской канцеляріи стороны Курова и Чубарова въ коммисію економіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилъся, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтоль прибылъ-же.

12. Виданъ изъ коммисіи економіи о томъ-же указъ къ поруччику Кішинскому. Писалъ писма въ С.-Пбурхъ къ князю Никитѣ Юріевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣрующое писмо зъ приложенною челобитною въ сенатъ о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ коммисіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣйца при Каврайскомъ, чрезъ которого о томъ-же и до жены писано. Рано толко побувалъ у генерала, а по обѣдѣ немогъ на диссентерію и на глисты. Ввечеру пожегнался со мною Столповскій, да у мене-жъ були и сотники прилуцкій полковый Лукомскій и млинскій Лисаневичъ.

14. Писма писанные въ С.-Пбурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ челобитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписанный на его-жъ имя, отосланъ до Івана Тодорского, чтобъ включилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда олѣйная чрезъ него-жъ послана при писмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писмомъ. Федоръ Ширай получилъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзенковому за 12 локоть блакитного атласу и за аксамитъ чорный заплатилъ 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поруччика Кишинского и копія указу къ нему изъ коммисіи економіи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялъся, токмо велѣлъ удержатися до нѣсколко дней.

17. Хоружый полковый нѣжинскій Грива женилъся на дочерѣ сотника глуховского Даміана Турянского, рожденной зъ первой жены, и вѣнчалъся зъ ею въ церквѣ святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехалъ въ домъ свой.

18. Былъ у мене послѣ обѣда хоружый полковый нѣжинскій Грива съ прошеніемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не былъ, хотя другіе господа, да и самъ генералъ, на той свадбѣ были. Старостѣ локиянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерги—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда енералного о Соколовского улйцѣ и о протчемъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Іванъ Гамалія зъ Короццемъ. Ввечеру прибылъ зъ дому съ писмомъ Булаховъ.

20. Обѣдалъ я у Івана Гамаліи зъ обозным генералнымъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералного были. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учитъ шмуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ ваканcовый, Іванъ Тодорскій преставилъся въ куренѣ канцелярскомъ на горячку и сего-жъ числа погребенъ въ церквѣ святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получилъ я отпускъ въ домъ отъ полгенерала и послѣ обѣда прощалъся зъ брегадиромъ Ілинымъ, полковникомъ Тютчевымъ и протчими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Деннсову къ пересылки въ С.-Пбурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммисію економіи о противности куровціовъ и чубаровціовъ и послѣ полдня въ 4 часу отехалъ зъ Глухова, простясь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибылъ на ночлегъ въ Локотки, где и ночовалъ въ гаю.

23. Рано поехалъ и, перевезшись чрезъ Десну, прибылъ подъ часъ обѣденъ до Новгородка, где былъ у мене сотникъ новгородскій и обѣдалъ, я-жъ посылалъ къ поручику Кишинскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣлъ посилати салдата, но не послалъ. Потомъ самъ я отехалъ передомъ, оставя обозъ поволѣ ити назадѣ, и прибылъ позно уже въ Гримячее; тамъ-же оставя своихъ 2 конѣ и взявъ почтовые лошадѣ за прогоны, отехалъ и прибылъ коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Послѣ службы Божой и молебствія заездили въ городискій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ купно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посилалъ Іосифа зъ Семеномъ Шупкимъ въ Чубаровъ и Куровъ, чтобъ мужики до насъ явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ непослушенствѣ писалъ къ поручику Кишинскому и послалъ писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенную погарскую предложеніе послалъ, зъ копіею ордера, отъ оного поручика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погаръ отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовалъ Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенной погарской нарочного зъ инструкціею о сыску въ Погаръ именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Курова.

27. Получилъ отъ поручика Кишинского отвѣтъ и повторенный въ Куровъ и Чубаровъ ордеръ, чтобъ по прежнему тамошные мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и зъ прежнимъ посланъ паки въ Погаръ Іосифъ, чтобъ зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревнѣ, но и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобъ послали нарочныхъ по инструкціи, которіи куровцямъ и чубаровцямъ витолковали-бъ силу указу, къ поручику Кишинскому изъ коммисіи економіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанныхъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куровъ, где засталъ мужиковъ въ собраніи, которіи какъ на самого мене порвались съ дубьемъ, такъ служителей моихъ, а особливо старосту Омеляна Шулика жестоко били, и на силу мы ушли отъ оного мужичого разбою. Прибывъ-же въ домъ, засталъ туть сотника мглинского Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енералную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланномъ вчора надъ нами отъ куровціовъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женою и молодіи Скорупны, Іванъ и Павелъ, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланные для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтоль прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доездного доношенія, отъ писаря ратушного Барлуя, зъ товарищемъ въ Куровъ посиланного, сотнику поданного. Протопопъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святого Іоанна Богослова при церквѣ городиской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грицка и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ такожде челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подскарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Івану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего теченія; вручены племѣннику Іосифу. Писалъ такожде въ Товкачовку чрезъ подводчика тамош-

няго, который пріездилъ зъ Даниломъ Качановскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвяцали столовую избу и комнату и свѣтелку, что при комнатѣ.

Августъ.

1. Рано отехалъ Іосифъ къ Глухову зъ вышенамѣненными писмами, которому и денегъ дано 50 к., а съ нимъ-же и подводчикъ товкачовскій. Чрезъ Іосифа посланы до п. Скоропадского двѣ наручные полотны. Вечеромъ переехалъ я зъ Василкомъ въ дворъ городискій, пріехавши зъ Василіовки.

2. Ездили на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибитого якъ нашого, такъ и людского жита градомъ.

3. Писалъ полковникъ стародубовскій, объявляючи, что послалъ указъ къ сотнику погарскому о забраніи предводителей къ бунтовству и розбойному нападку и присилки оныхъ въ полковую канцелярію, и прислалъ на чисто переписанную челобитную для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послалъ къ Турку при картѣ для отсилки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтми переехала въ городискій дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копіею повторного указу, зъ коммиссіи економіи къ поручику Кишинскому 25 іюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Липню и Тимофію Закровіецкому, такожъ и до племѣнника Іосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородского для отсилки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Былъ у насъ въ Городищѣ писаръ сотенный погарскій, объявляючи, что отправленъ онъ съ командою для взятія мужиковъ въ Куровѣ и Чубаровѣ, токмо никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому копіи повторного указу, изъ коммиссіи економіи къ поручику Кишинскому посланного.

6. По имѣвшейся передъ священникомъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ исповѣди удостоилисъ по милости Божіей святого причащенія. Дано Гаврилку Чаплѣ василювскому на куплене куфи на горѣлку 34 к. Писалъ племѣнникъ Іосифъ зъ Глухова, что по поданной моей челобитной августа 3 для учинена резолюція: послать указы о послушенствѣ куровціовъ и чубаровціовъ Кишинскому,

а о продерзости и нападеніи, отъ нихъ учиненномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованіи.

7. Сотникъ погарскій при писмѣ своемъ прислалъ обратно копію повторного указу, изъ коммисіи економіи къ поручику Кишинскому писанного, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Былъ я зъ синомъ Василемъ на Василювцѣ и отобралъ тамъ денегъ валюшныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ виннику за 6 становъ 36 к.

9. Посиланъ Каврайскій въ Погаръ для нѣкоторыхъ покупокъ, на якіе пошло 95 к.; онъ-же тамъ и челобитную подалъ на козаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Послѣ полдня былъ у насъ сотникъ погарскій Соболевскій и обявлялъ, что противники куровскіе и чубаровскіе побраны подъ караулъ и пошлются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писалъ писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Івану и до Іосифа зъ прилогомъ писма и до старости товкачовского о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены нарочными лукиницями. Отписалъ и до Андрея Миклашевского, звавшого насъ на весѣля пасинка своего Василя Жураковского, понимаючого дочь у войта нѣжинского Тарнавіота.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовского, другій, третій до поручика Кишинского стороны курувцювъ и чубаровцювъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племѣнника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Горленка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣйца старого чесникового полку, Лукіяна Петрова.

14. Оного компанѣйця зъ указомъ, до поручика Кишинского надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехалъ зъ женою и синомъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано былъ у полковника Максимовича и отдалъ ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцяхъ и чубаровцяхъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижнього на веселля къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковского выправлялъ для женитбы въ Нѣжинъ на дочери тамошнего войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скорупну съ сыномъ Павломъ, Федора и Алесандра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовского, зъ женою, где послѣ обѣда виправленъ молодый зъ своею ассистенціею, а протчіе отехали по домамъ; я-жъ зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божой обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Былъ я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куровскихъ начали допрашивать. Вечеромъ былъ у мене Григорій Скорупа.

18. Приходили мужики куровскіе и чубаровскіе мене перепрошовать. А обѣдали у мене-жъ писари полковый и судовый, да Іванъ Скорупа, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову былъ я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где былъ и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексій Хелкидоцкій.

21. Слушалъ обѣдни въ церкви святой Варвари, что при вознесенской церквѣ, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвѣй Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ былъ я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гришки Гурииовского, послѣ-же и у Андрея Золотаря былъ за шаблею, которой на позолоту дано ему отъ насъ 4 червоніи золотіи, а въ оной шаблѣ срѣбра вѣсомъ 184 золотники осмои пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилъся.

22. Подали куровци и чубаровци челобитную повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: оную челобитную взнесть при доношеніи въ войсковую енералную канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащихъ имъ работъ. Вечеромъ былъ я у Андрея Миклашевского и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Шираю, где и купалъ, а оттолъ поехавъ завременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куровъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высилать тамошныхъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на ночь къ намъ прибылъ въ Городище Іванъ Гамалѣя со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клепалъ до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Іванъ Гамалѣя отехалъ къ Юдинову. Я получилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію челобитной, отъ куровціовъ и чубаровціовъ поданной, съ повинною о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представленіе писменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же челобитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ вибито градомъ жита копъ на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа віишло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, ознаймуючи о проездѣ Івана Гамалія къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукинци стороны заводу своего зъ даріевцями, недавно оными-жъ даріевцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣланя еще 3-хъ до нихъ и велено ему-жъ старатися бруса дубового ввезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехалъ къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевского, и прибыли туда уже позно при великой дождевой непогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ былъ у Петра Горленка въ Мироновцѣ [217]).

Септеврій.

1. Послѣ обѣдень зехались званные гостѣ въ домъ Андрея Миклашевского, а послѣ полдня прибыли и веселные персоны, а именно Василій Жураковскій, пасинокъ его Миклашевского, зъ своею новобрачною женою Анною, нѣжинского войта Петра Стеріевича Тарнавіота дочерью и съ протчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ

---

[217]) Петръ Акимовичъ Горленко женатъ былъ на внукѣ стародубскаго полковника Тимофея Алексѣева; Мироновка отдана была ему въ приданое.

ассистовавшими, и по обыкновенію, какъ вехала оная сватба, при играни полковой стародубовской музики, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселныхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матки новобрачныхъ купали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гостѣ, а полковникъ Максимовичъ зъ своею женою отехалъ къ Фоевичамъ [218]) по указу.

3. Рано были у мене разные персоны мужеска и женска полу съ вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки купали въ домѣ Миклашевского и раздѣленъ былъ веселный коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и ночовали, обще зъ Іваномъ Гамалѣею, въ домѣ Федора Корецкого.

4. У него-жъ Федора Корецкого и обѣдали, а послѣ обѣда Іванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-жъ и ночовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкого, где кушалъ съ нами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чиселъ пробавилъ въ домѣ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечну для посѣщенія Феодоры Галецкой, енералной бунчучной [219]) и тамъ, по выслушавіи набоженства, у ей кушали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоровала на голову, а вечеромъ

10 прибылъ отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ погарскій, съ отцемъ Костантіемъ Гилемъ, священникомъ афанасіевскимъ погарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при здешней церквѣ.

11. По отправленіи всенощного бдѣнія и утренѣ и литургіи, отправа была отъ того-жъ протопопа погарского, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемоніею заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между протчимъ въ заложеніи того придѣла

---

[218]) Фоевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

[219]) Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. См. примѣч. 25.

положенъ камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ висѣченномъ вложена оловяная таблица, а на оной написъ таковая: «Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ честь и намять святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, тщаніемъ и иждивеніемъ хоружого енералного Николая Ханенка, 1743 году сентемврія 11 дня». А по окончаніи той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушаню, давъ протопопу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к., отпущены они во свояси.

12. Отпущенъ житель лотоковскій Макаръ Івановъ Коваль, которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и чрезъ него-жъ Коваля посланъ нашъ отвѣтъ къ тому-жъ Федору Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового стародубовского писанное. Да отъ него-жъ Пригари присланные денги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадского противъ его писма и о теслѣ Іванцѣ, 2-е до племѣнника Іосифа писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрошку, служителя Шираевого, а надвечери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ братомъ своимъ Михайломъ и Павломъ Скорупною, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божой и процессіи кушали у насъ священникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и де которіе мирскіе люде, а рано сего числа отправленъ компанѣецъ до Новгородка зъ указомъ до поручника Кишинского и зъ писмомъ отъ мене до новгородского сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ изъ войсковой енералной канцеляріи указъ стороны того-жъ поручника Кишинского и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Іванъ Лобъ, были у насъ въ Городницѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправленъ Стефанъ Каврайскій зъ Іваномъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писменное въ полковую стародубовскую канцелярію представленіе, да и до сотника новомѣского писалъ, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ заводныхъ, чтобъ оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій снѣгъ знатними пластами падалъ.

18. Давидъ Дударъ, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣеться, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работаютъ придѣлъ при церквѣ, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за роботу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-жъ послана моя шабля добрая и писано о нѣсколкихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направленные Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлялъ въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлалъ. Ночовалъ я зъ синомъ на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое прироблено.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ роши, въ которой найпервей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Микруково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писалъ къ Івану Гамаліи въ Юдиновъ о присилки мнѣ снѣцара, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючого, для здѣланіи оконницъ. Ввечеру и самъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и зъ дѣтми прибылъ къ намъ въ Городище и тутъ ночовалъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалѣя, отехавъ къ Глухову, а одтоль имѣлъ слѣдовать до Клепалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарскій Соболевскій, которому на покупку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулскихъ даны 4 р.

23. Прибыли лотоковскіе подводы, на которыхъ привезено данѣ меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенку, отъ Прокопа Коновала данѣ пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку діогтю, куль опенковъ, лубку сушеныхъ черницъ и бочку брусницъ, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Лотоковъ привезенного, Івана Николаева зъ женою, да тамъ-же показивано отъ мене и отъ старосты Омеляна Шулика Іакову Товарницкому, что надлежитъ справовать. Видрали еще съ одной

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ писмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому, Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтю доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холошалъ 10 бичковъ и справлялъ коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣлъ церковный работаючимъ, далъ 1 р. 25 коп. Писано писмо къ сотнику почеповскому о рибалцѣ чаусовскомъ Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божой, соборомъ отправованной, была процессія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войтъ погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа опредѣленъ сынъ отца Михаила Іванъ дякомъ, а Іаковъ поповичъ паламаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для робленя окончинъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сина Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, которій присталъ былъ служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобъ купивши двѣ штуки крашенины прислалъ.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ

30 въ ночѣ вигорѣли всѣ комори въ Стародубѣ на ринку и церковъ соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Былъ на винничномъ заводѣ и осматривалъ тамошнего футора, а въ вечеру былъ у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ былъ інженіръ прапорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаршего, имѣючого быть на предбудущей веснѣ.

Октоврій.

1. По службѣ Божой былъ у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-жъ и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубця.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрѣйковичи, а самъ, вислушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-жъ отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевой Гамаліиной и позно уже прибылъ въ Городище.

3. Посилалъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енеральной, сторони выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашого владѣній вкупѣ виправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентабря чрезъ компанѣйця присланный, а первый указъ, отъ 7 сентабря писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Былъ у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунского полку Александръ Петровъ синъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, овсомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижского драгунского полку Хомутовъ, чтобъ приказать въ домѣ моемъ перегонскомъ занять квартеру для ночлегу того-жъ полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Виправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовляли старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и одныхъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и переехавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасалъ коней въ Крепидовцѣ, а оттоль прибылъ на ночь въ Хилчицы, где и ночовалъ у товарища войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дожджевой непогодѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попасъ

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дожджа принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрищъ, слушалъ обѣднѣ въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибылъ, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширая и Павла Скорупцу, которіи объявили, что назначено мене къ смотренію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Кіева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ виталъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генералнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тожъ мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлены конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локотъ 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое. чулочки Івасевѣ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора алоесъ, олѣекъ пивамоновыхъ, дріакву венецкую, каплѣ и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писалъ къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добръ на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену. Ширай за себе, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженкову, нѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ еи Пиковець, и такіе писма всѣмъ троімъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тые всѣ добра первей списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отобралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Кіеву ея і. величества. Іову трубачу, хлопця Андрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жички (пражи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, серги и лѣйци до шестернѣ, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Кіева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при віездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отроботокъ, которого велѣлъ отправить въ домъ нашъ до Городища для роботы коло будинку, и объ немъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганны. Віехавши зъ Глухова, ночовалъ я въ Семеновцѣ у Піроцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлъся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Павелъ Скоруппа поехалъ въ Рубановку для описѣ оной и прочего, а я отехалъ на Полошки и прибывъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ роспорядивъ, поехалъ въ Туляголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевця.

16. Зъ Кролевця отправлены предложенія въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотнѣ ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевця, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевця прописанною, отправленъ въ войсковую енералную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевця.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрали той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали влѣво отъ болшого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтилъся зъ синомъ покойного полковника полтавского Василія Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращаючимся зъ Кіева, а послѣ прибывъ въ Батуринъ, тутъ сталъ квартерою у вдовы Стожковой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложенія въ полкъ чернѣговскій и въ сотнѣ новомлинскую, конотопскую и бахмацкую о висилки роботныхъ людей на дістанцію отъ Кролевця до Батурина и въ Батуринъ. О той-же дістанціи и въ войсковую енералную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 саженъ до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста саженъ, переехавъ-же мостъ ветхый на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибывъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за розгряженною отъ дожча дорогою не рано пріехалъ въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночлѣгъ имѣлъ. Сего-жъ числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верховового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанѣйця.

19. Зъ Борзны отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смѣлянскую полку лубенского о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшый и паки на болшый зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталъ квартерою у писаря майстратового Григорія Коніского.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войтъ Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же былъ и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него былъ.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавилъ, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано былъ у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣлъ, гдѣ при мнѣ получилъ онъ войтъ писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пбурха зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежитъ мосты дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого желѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавици 40 к., за губку 7 к., за двѣ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Івана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговского.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мощенія улицъ греческихъ, о чемъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобъ онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своемъ роботъ надсматривалъ. Рано отправилъ писма въ Глуховъ чрезъ коммісара полкового нѣжинского, Якова Малуху, до Скоропадского, до Руновского зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинского, да до сина Василя, и послалъ къ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелского.

Отобѣдавъ на квартерѣ, віехалъ и мимоездомъ былъ у войта Стеріевича, потомъ прибылъ уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣлалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляючуюсь племѣнницѣ еи Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибылъ въ Козари, въ дворъ полковника кіевского и тутъ засталъ сватбу вдовы Борсучки, у которой понялъ дочерь писаръ полковый переяславскій Каніевскій [180]).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибылъ въ Козелецъ и тамъ сталъ квартерою въ дворѣ небожчика Николая Олховского, а обѣдалъ у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карашню. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ и былъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Івана и по обѣдѣ былъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано былъ у полковника и обѣдалъ у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложенія о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадяцкій, переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарѣ полковые Якимъ Каніевскій, новоожениввшійся на дочерѣ Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кіевскій, зъ хлѣбомъ веселнымъ и зъ хусткою, и просили у себе отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кіевскомъ дістанцій росписаніи, до переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанціи.

---

[180]) Вдова Якова Петровича Борсука, кіевскаго полковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кіевскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каневскій—родоначальникъ дворянъ переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при віездѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о уволненіи сотника носовского Карпа Шаулы отъ назначенного ему дѣла и на оные отвѣтовалъ.

Ноеврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенномъ отъ Комаровки степомъ до Борзны и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому нѣжинскому Гроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую канцелярію росписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дістанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигириндубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночъ прибылъ. Писалъ до старосты товкачовского о посылцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сина Василя въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринѣ у швагра Григорія Дмитріева Нароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночовали. Зъ Семиполокъ отправленъ рапортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелцѣ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маіоромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дістанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано віехали и осматривали роботъ, въ гатяхъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Барановскій и остерскій Солонина на свою дістанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника переяславскаго, чтобъ сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однымъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварямъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевского Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплявскому Лазаревичу, чтобъ откомендеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николского, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись къ Кіеву и, прибывъ на Подолъ передъ вечеромъ, стали квартерою въ домѣ полковника кіевского Танского, куда отъ перевозу провожалъ насъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ.

5. Скоро свѣтъ отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислуханіи обѣдни въ великой печерской церквѣ, были на водки у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастырѣ печерскомъ у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подолъ до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнего Сvлвестра Думніцкого и у економа Іосифа Миткевича, а одтоль прибывъ въ катедру свято-софѣйскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позванніи до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнего Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архидіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночъ пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ печерского тѣмъ-же, а сверхъ того прислана отъ отца архимандрита печерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклонитись, который и обѣдать мене удержалъ у себе, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходителству, заездилъ въ печерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігуменомъ больницкого свято-троицкого монастыря, отехалъ на Подолъ и тамъ былъ у генерала-маіора Петра Івановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевского Павла Гудима, отехалъ зъ Кіева и, перевезшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартерою у сотника тамошнего Александра Солонины.

9. Оттоль рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтилного къ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и ночовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, віехалъ оттоль и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленного зайця староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Руднѣ. Въ Семиполкахъ ночовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшымъ винайденъ полковникомъ нѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуринскую, 2-й что капитанъ Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а оные репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника нѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у швагра Григорія Пароженка и ночовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвисоцкого и до вечера у него забавлялъся, а оттоль проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендикъ, сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ нами и вечеряли у отца Івана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Івана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ мылъся и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщалъ уже Івану, сину своему не видящому, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У іменинника сегоднешнего, асаула полкового кіевского, Матвѣя Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Подписоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ былъ у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложенною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзнѣ до судіи

полкового нѣжинского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника нѣжинского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сина, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанского Думитрашка и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же челобитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ, и тотъ пакетъ зъ оными писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Роботные люде зъ полку миргородского 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелцѣ, которыхъ велѣлъ распредѣлить на роботы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавріила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Івана Покровского.

22. Обослалъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обослалъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куровѣ и Чубаровѣ, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжіе и сухіе яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и лящъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емченку, о чемъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой писмо отправлено стороны куплѣ ею Рубановских добръ нашей части.

24. Рано отехалъ Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилъся зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфиміею. Писано писмо до полковника Тютчева о посилки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Язловскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асаулъ Матвѣй Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Ханенкомъ и другими свойственными, отехалъ изъ Козелца и прибылъ до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсилки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевского Павла Гудима. Отцу Івану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко мнѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Жураковскому, чтобъ противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улици. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталіи Демяновнѣ Розумовской и тамъ уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешную греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчукового товарища Михайла Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошную канцелярію предложеніе о висилки бѣжавшихъ и недосланныхъ работниковъ зъ полку переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннего обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотровалъ роботы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерского св. апостола Андрея Первозванного праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулѣ, бывшему сего числа имениннику и у него обѣдавъ, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ переяславскій бунчуковый товаришъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компанѣецъ Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присилки отъ него вѣдомости, сколко чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколко того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковского, чтобъ зъ предложеніемъ въ полковую прилуцкую канцелярію ехалъ за висилкою подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Володкову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣлъ весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибылъ въ Нѣжинъ передъ вечернями и сталъ квартерою у Івана Комбурлѣя, откупщика сборовъ, кушалъ-же у войта Петра Стеріевича. Другій компанѣецъ зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овцами и баранами шліонскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, мылъся у его-жъ банѣ; потомъ имѣли съ нимъ розговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣдни въ церкви св. Николая и былъ на водки у протопопы нѣжинского, отца Степана Волховского; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибылъ ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которымъ просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компанѣецъ Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадского, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племѣнника Іосифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дому госпожи Розумовской присланные, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо къ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинского г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинского Івана Пантелемоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкого, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войтъ зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, протопопъ отецъ Стефанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великошапка, бунчуковые товарищи Василь Журавовскій, Заруцкій, сотникъ Павелъ Жуковскій, греки Іванъ Комбурлий и Велисаръ и пробавили при играню музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музикантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнего шумства, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто [221]), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войтъ былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старосты и до Качановского о посилки жита въ Козелецъ, о чемъ писалъ и до асаула полкового кіевского Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей, сколко на которой дістанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколко и где чего не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

[221]) Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божіей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ войту нѣжинскому Петру Стеріевичу Тарнавіоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василіемъ Великошапкою и разными мірскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись. Сего-жъ числа ввечеру через нарочного зъ Глухова компанѣйця получилъ указъ, чтобъ роспустить въ домы роботныхъ людей.

12. Въ силѣ оного указу посланы писма, съ сообщеніемъ того-жъ указу копій, до полковниковъ нѣжинского и кіевского и съ требованіемъ вѣдомостей обстоятелныхъ о роботѣ здѣланной и недодѣланной и сколко зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколко не дослано было и о протчемъ, а въ полковые канцеляріи лубенскую, прилуцкую, переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и черн̂ѣговскую предложенія, чтобъ не висилано уже какъ бѣжавшихъ, такъ и недосланныхъ***).

1745 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Іскріцкій, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадского, о которыхъ пріемѣ я ему и отписалъ и облѣгъ ему послалъ чрезъ шираевского інспектора Жуковского. Обослалъ насъ сотникъ полку чернѣговского Романъ Журба зайцями 5-тю и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодареніемъ за оную обсылку и овые присиланные отпущены. Подряжены подмосковные крестяне умершого Волинского дочери Маріи Артеміевны, села Воронова жители, Іванъ Михайловъ и Афанасій Василевъ подъ обозъ

***) Затѣмъ въ дневникѣ нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ [223]).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синъ нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юнгансъ отехали къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павелъ Гузовскій наказанъ за пянство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего пяного не заживать, поки у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровци и чубаровци въ слушаніи указу сенатского, которіи уже ассекуровалиcь впредь не быть противными; зъ тихъ-же деревень виcтачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Івану Ялоцкому, и Івану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и денги, какъ на заплатку извощикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣйця, чтобъ въ судъ генералный представить повѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовского. Лотоковци [224]) привезли доски и деякую посуду польскую, такожъ и денги провіантовые на генварь мѣсяцъ 3 р. $23^1/_2$ к., которые, такожъ и прежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городискому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водоствятіи, кушали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Івану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовского о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дощокъ липовихъ, до сотника мглинского Лиса-

---

[223]) Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ долженъ былъ ѣхать и самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскихъ», I. 67.

[224]) Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а оттоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочнику, припечатанные, и ему-жъ за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку липцу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писалъ къ гуменщику Пилипу, да и до Івана Дащенка писалъ-же, чтобъ по жалобѣ тамошнихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а оттоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся съ енералнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Іваномъ Кулябкою. и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано былъ у генерала и просилъ о дачи паппорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщалъ дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссійскихъ, въ томъ числѣ былъ и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсилали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобралъ писма и отклонилъся, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобралъ въ енералной канцеляріи пашпортъ и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащые, и со всѣми простилъся.

13. Рано былъ у п. Скоропадского и занялъ у него 16 червонныхъ. Обѣдни слушалъ въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехалъ по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ

лошадѣ и отехалъ въ Сѣвскъ, куда прибывъ коло полуночи, немного опочилъ и передъ свѣтомъ оттуду поехавъ,

14. Прибылъ рано въ Любошу, оттоль въ Чаепку, а оттуду въ Сомово, где немного и опочивалъ.

15. Около обѣдовъ прибылъ въ Карачевъ, а падвечери въ Глотовъ, ночю-же въ Болховъ, и тутъ спочивали до всходу мѣсяця.

16. Зъ Болхова отехавъ рано, до Беліова прибыли во время обѣдное, и тутъ припуждены нѣсколко времени пробавить за неимѣніемъ на почтѣ лошадей, потомъ прибыли ночю въ Лихвинъ.

17. Зъ Лихвина поехавъ рано, обѣдалъ въ Калуги, а оттоль поехавъ, проехали ночю почты: въ Добрахахъ, въ Лановѣ, въ Черничномъ и прибыли передъ свѣтомъ въ Пахру.

18. Зъ Пахри поехавъ, прибыли въ Москву въ 12-мъ полуденномъ часу и зъ позволенія гг. Александра и Івана Петровичовъ Толстыхъ [225]) сталъ квартерою въ ихъ домѣ и обѣдалъ у нихъ, купно зъ случившимися гостми гг. Дмитріемъ Михайловичемъ (Голицынымъ?), покойного генерала фелдмаршала сиꙋомъ, капитаномъ гвардіи ізмайловского полку, княземъ Николаемъ Александровичемъ Шаховскимъ, поруччикомъ конной гвардіи и другими.

19. Былъ въ Кремлѣ и на троицкомъ подворьѣ, а обѣдалъ въ квартирѣ, трактованъ будучи столомъ гг. Толстыхъ. Подъ симъ числомъ писалъ къ генералу Івану Івановичу Бибикову и къ г. Скоропадскому о прибытіи своемъ въ Москву. Былъ рано и въ вечеру у г. статскаго совѣтника Демидова.

20. Слушалъ обѣднѣ перве въ великомъ успенскомъ соборѣ, где служилъ митрополитъ сербскій Романъ, потомъ на конецъ обѣдни пришолъ въ чудовскій монастырь, где служилъ и тамъ-же живетъ архіепископъ московскій и владімерскій, преосвященный Іосифъ Волчанскій, который звалъ мене къ себѣ до келіи, и у него-жъ тутъ обѣдалъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, да тамъ-же обѣдали и новоозначенные намѣстникъ троецкого сергіевского монастыря архимандритъ мгарскій, отецъ (Іоасафъ) Горленко и казначей того-же монастыря.

21. Подряжены извощики до С.-Пбурха подъ припасы, три пары лошадей; отъ всякой пары давать имъ по 7 р. 50 к., да

---

[225]) Сыновья Петра Толстаго, зятя гетмана Скоропадскаго.

сверхъ того-жъ, что туда свезуть и бочку горѣлки, дать имъ 4 р. 50 к.; а оные извощики помѣщика Тимофія Ігнатова Челищева крестьяне, жители деревнѣ Черничного, Афанасій Сидоровъ Шершинъ да Петръ Тимофіевъ, которымъ дано въ задатокъ 2 р.

22 и 23. Пробавлялись въ Москвѣ-жъ. Была сватба у г. Демидова; дочерь выдалъ за шляхтича смоленского Радванского.

24. Писалъ писма къ г. Скоропадскому, включа такъ-же и до жены и до Іосифа, и оные въ пакетъ подъ именемъ генералскимъ вручены сотнику глуховскому Турянскому для отсилки.

25. Отпущенъ обозъ до С.-Пбурха съ припасами при Івану Ялоцкому, которому для извощиковъ и для ихъ нуждъ 15 р. вручено, да при Антону Закревскому и кухтику Івану Рудому, куда оные рано и віехали. Вечеромъ былъ въ слободѣ нѣмецкой съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ и синомъ у аптекаря Меера, которій радилъ (совѣтовалъ) для дѣтей нашихъ учителя. Обѣдалъ у швагра Івана Гамаліи.

26. Отпущены подводы наши домовые къ двору съ покупками исправленными, при Грицку Климову съ товарищи, и чрезъ нихъ-же отправлены писма до жены, включа тамъ до г. Скоропадского, до Іосифа и отъ Василя сина до Петра Скоропадского, и оному Грицку Климову на дорогу даны 4 р. Аптекарь Мееръ былъ у мене на квартерѣ и привезъ роспись, данную ему отъ пастора Іогана Филиппа Литке, чего имѣетъ дѣтей нашихъ обучати, а въ вечеру и я, у него будучи, видѣлъся и самъ розговаривалъ съ тѣмъ пасторомъ.

27. Послѣ обѣдни былъ у архимандрита богоявленского отца Герасима; потомъ въ монастырѣ заиконоспаскомъ предики слушалъ, а обѣдалъ у аптекаря Меера съ сотникомъ глуховскимъ; оттуду-же поехавъ, были въ дворцяхъ новомъ и въ Аннингофѣ, потомъ на бархатномъ дворѣ, послѣ Головкина графу Алексію Григоріевичу Розумовскому пожалованномъ. Были въ ренжереяхъ; тоже отехали въ велико-петровскій монастырь и тамъ мылъся въ банѣ; потомъ отецъ Пахомый, архимандритъ тамошный, своимъ поездомъ отпровадить мене въ квартеру приказалъ, а сотникъ глуховскій въ свою квартеру отехалъ. Писалъ до г. Скоропадского о учителю и ученіяхъ, т. е. о пастору слободскомъ.

28. Подрядилъ подводчиковъ до С.-Пбурха: пару лошадей по 7 р. 50 к., а именно для себе три лошади, а для сотника кроле-

вецкого Огіевского пару, дмитровского уезду, каменского стану, вотчины капитана Алексія Федорова сина Чурикова, села Сенежи, крестянъ Федора Парфенова и Гаврилу Николаева. Прибылъ на ночъ и сотникъ кролевецкій Огіевскій на мою квартеру; потомъ былъ у мене намѣстникъ симоновского монастыря Порфирій.

29. Рано былъ у статского совѣтника Василія Івановича Демидова, который велѣлъ мнѣ поудержаться въ Москвѣ до 1 февраля. Потомъ былъ у маіора конной гвардіи Григорія Івановича Корфа и вручилъ ему 4 пакеты, на імя брата его Николая Андріевича Корфа, дѣйствительнаго камергера и кавалера подписанные, а извощиковъ напятыхъ отпустилъ. Василь Марковичъ пріехалъ въ Москву.

30. Прибылъ въ Москву сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ и былъ у мене рано. Обѣдни слушали въ монастырѣ Знаменскомъ и были тамъ у Опошнянъ, стоящыхъ тамъ квартерою, селитрянныхъ промышленниковъ. Архимандритъ високопетровскій отецъ Пахомій обослалъ насъ пивомъ.

31. Рано былъ я у г. Демидова, которій еще до суботы удержатся казалъ. Полковникъ Дѣтковичъ и сотникъ ірклѣевскій Алексѣй Требинскій віехали изъ Москви до С.-Пбурха.

Февраль.

1. Поутру ездилъ къ г. статскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову, который велѣлъ еще нѣсколко день поудержаться въ Москвѣ.

2. Послѣ обѣда надвечери переехалъ изъ двора гг. Толстыхъ въ Знаменскій монастырь и тутъ почовалъ въ квартерѣ сотника мглинского Лисаневича.

3. Оттоль по службѣ переехалъ на бархатный дворъ въ квартеру сотника глуховского Даміана Турянского, которій купно зъ г. Демидовымъ сего-жъ числа отехалъ изъ Москви до С.-Пбурха. Я зъ синомъ ввечеру былъ у племѣнниковъ графа Розумовского, прибывшихъ въ Москву изъ Козелця.

4. Въ ямской конторѣ по утру былъ и подписанъ мнѣ пашпортъ на почтовые подводы, которыхъ 3 я взявъ, сего-жъ числа 4-го часу на первой четвертѣ и віехалъ зъ Москви, оставя сотника кролевецкого тамъ, давши ему-жъ на паемъ подводъ подъ сани сотника глуховского, или на заплату прогоновъ, десять р. денегъ;

самъ-же я поехавши изъ Москвы, продолжалъ свою езду денно и нощно чрезъ 5, 6 и 7 числа по почтѣ и

8 числа въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, ставъ квартерою въ домѣ ассесора ревизіонъ-конторы Івана Федоровича Маминца, нигде не бывалъ. Сего-жъ числа и обозъ мой прибылъ.

9. Отехалъ изъ квартиры до дворца, где первей былъ у пѣвчого Кирила Стефановича Рубановского, потомъ у отца духовника Федора Дубянского и у него обѣдалъ съ архіереями: Платономъ Малѣновскимъ—крутицкимъ, Никодимомъ Сребніцкимъ, бывшимъ с.-петербургскимъ, а нынѣшнимъ переяславскимъ, Арсеніемъ Могилянскимъ, да съ архимандритами володимерскимъ Платономъ Петрункевичемъ, іпацкимъ Симономъ Тодорскимъ, наименованнымъ епископомъ с.-петербускимъ и архимандритомъ Александро-невскимъ Феодосіемъ Яновскимъ, такожъ зъ намѣстникомъ монастыря невского Досифеемъ, гдѣ присутственны были и камеръ-фуріеръ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и дворянинъ Григорій Михайловичъ, а со мною были сотникъ глуховскій Турянскій и синъ мой Василь.

10. Былъ рано у графа Румянцова, потомъ въ дворцѣ и придворной церквѣ, а зъ церкви взявъ мене оберъ маршалъ Дмитрій Андріевичъ Шепелевъ, запровадилъ въ болшую салю, гдѣ стоялъ болѣе двухъ часовъ во время обѣда, а государыня изъ великою княжною изволила кушать подъ балдахиномъ, прочіи-же женска и мужеска полу, такожъ и духовные персоны обѣдали у другихъ столовъ, при игралной італіанской музыки. Писалъ до Скоропадского и до жены. Послѣ обѣда балъ начался въ галдарей салѣ, а потомъ въ 10 часу по полдни зажженъ былъ на Невѣ изготовленный фейерверкъ и иллюминація, на которую смотрѣлъ я въ квартерѣ Федора Івановича Коченевскаго, пѣвчого дворянина, где видался, такожъ и вчора у отца духовника, зъ г. секретаремъ Іваномъ Михайловичемъ Новоторжцовымъ.

11. Рано былъ у графинѣ Чернышевой Евдокіи Івановны и писмо отъ жены отдалъ, потомъ графу Розумовскому писма вручилъ. Обѣдалъ съ сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ у Ігната Кириловича Полтавцова, и въ вечеру съ нимъ-же былъ у князя Никиты Юріевича Трубецкого.

12. Въ сенатѣ подалъ дѣло, присланное изъ войсковой енеральной канцеляріи черцовъ монастыря пустынно-николаевского кіевского, также удостоеніе Федора Чуйкевича на деревнѣ. Сего-жъ числа писалъ на почтѣ въ Глуховъ, до г. Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до Іосифа племѣнника и до жены.

13. Былъ у оберъ маршала Шепелева самъ, а у графинѣ Черниповой зъ сыномъ, по обѣдѣ у секретаря Новоторжцова, въ вечеру у архіерея крутицкого Малиновскаго. Подьячіи сенатскіи обѣдали у мене.

14. Рано былъ у графа Румянцова и писма вручилъ, такожъ у архіерея переясловского Арсенія Могилянского и въ сенатѣ былъ же. Сотникъ мглинскій Василій Лисаневичъ прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ квартерою на Петровскомъ острову, въ домѣ архіерея велико-новогородского, на Карповцѣ. Василь сынъ былъ въ дворцѣ на куртагу, а я занемогъ изъ полдня.

15. Никуда изъ квартери не ходилъ, а обѣдали у мене сотникъ мглинскій Лисаневичъ и камординъ генерала и сенатора Бутурлина Николай Измайловъ.

16. Рано былъ у Александра Борисовича Бутурлина и писма вручилъ, такожъ у генерала фелдмаршала Василія Володимеровича Долгорукого, у графа Лестока, которому и писма отъ доктора Бока подалъ, такожъ у архимандрита отца Тодорского и у оберъ маршала. Обѣдали у мене полковникъ компанѣйскій Чеснокъ, сотникъ глуховскій Турянскій и два подьячіе сенатскіе, коимъ на извощика дано 20 к. Перебрались въ другіе хоромы.

17. Пріехалъ сотникъ кролевецкій въ Питеръ-Бурхъ и сталъ зо мною на квартерѣ. Я былъ въ церквѣ Петра и Павла, въ крѣпости. По обѣдѣ сидѣлъ у хозяина [225]).

Юнь.

16. Послѣ обѣда ездилъ на Василевскій островъ и будучи на бѣржи, купилъ стѣнные часы за 13 р.

17. Былъ у Пізевича, потомъ въ квартерѣ Петра Горленка. Куплены чашки чайные фарфуровые, 6 паръ, дано за оные 1 р. 40 к., за чайникъ 1 р., за чашечку до закусокъ 15 к.

---

[225]) Далѣе нѣсколько тетрадей опять не достаетъ.

18. Челобитная о Чаусахъ въ сенатѣ замѣчена. Обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у Новоторжцова, где засталъ и Демидова съ женою и съ ними оттоль пріехалъ. На гербовую бумагу далъ 4 р. За сотню фліондерокъ дано 4 к.

19. За квартеру у Маминца росплатилъся и давъ имъ 1 р. 46 к., перешолъ оттоль на другую квартеру, въ слободку дворцовую, уговоренную па мѣсяцъ за 1 р. 50 к. Обѣдалъ у полковника Чоснока. Былъ у мене на сей квартерѣ канцеляристъ корчемной конторы Степанъ Будаевъ.

20. Купилъ на корабляхъ ½ фунта чаю за 55 к., цукровые фѣгуры въ слонку за 90 к., за книгу імператора Марка Аврелія 1 р. 20 к.

21. Изъ денегъ 350 р., оставленныхъ у мене, взялъ на росходъ Юнgансъ 50 р. Купилъ фарфурной посуды 10 штукъ, далъ 3 р., за анкеръ вина 4 р. 50 к.

22. Послѣ обѣда отехалъ зъ синомъ Василемъ до Пітергофа и на 16-ой верстѣ отъ Питеръ Бурха встрѣтилъ государыню, едучую верхомъ, и ея величество изъ графомъ Розумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнѣть изволила и поехала до С. П. Бурха, а я прибылъ въ Пітергофъ въ 11 часу. На сѣно для лошадей дано 12 к., за рибу 35 к.

23. Рано ходилъ по огородамъ и дано огороднымъ и фонтаннымъ сторожамъ 14 к. Обѣдни слушалъ въ церкви придворной наметной [227]). Обѣдалъ у племѣнниковъ графа Розумовского, званный отъ учителя Носко. По обѣдѣ былъ у преосвященного Тодорского, а потомъ отехалъ изъ Пітергофа и прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 1-мъ часу по полуночи. Мостового дано 3 к.

24. Рано былъ у графа Розумовского и учинилъ онъ мнѣ декларацію дѣлъ, сказавъ дожидатися праздника. Писалъ писма до Скоропадского, до Іосифа, до Сумніцкого и до жены.

25. Нізевичъ у мене былъ, а вечеромъ приходили поддячіе Петръ Івановъ Деружкинъ зъ товарищи. Імператорское высочество прибылъ изъ Пітергофа.

26. Приходилъ ко мнѣ Петръ Горленко зъ сотникомъ Лисаневичемъ; потомъ у мене-жъ былъ учитель Носко зъ жалобою на

---

[227]) Наметъ—палатка.

Семена служителя, которого потомъ къ себе призивалъ и ему выговаривалъ.

27. Зъ полковникомъ Чеснокомъ обѣдалъ у Нізевича; потомъ заходили до Кучубеевъ, до Витвіцкого и подмуншенка Стрижова. На огурци 4 к.

28. Генералъ полицъмейстеръ графъ Антонъ Мануйловичъ Девіеръ преставилъся. Писалъ до Іосифа и до Сумніцкого съ включеніемъ писемъ, писанныхъ подъ числомъ 21 іюня до брегадира Илина и подполковника Семенова.

29. Въ сей день тезоименитства великого князя государя Петра Федоровича были допущены съ протчими до ручки его імператорского высочества, и его-жъ высочество изволилъ слушать обѣдни и молебствіе въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, а по молебствіи палено зъ многихъ пушокъ. Послѣ полдня былъ въ дворцѣ куртагъ, а въ вечеру публѣчная ужина при вокалной и інструменталной музикѣ. Я обѣдалъ въ своей квартерѣ съ полковникомъ Чеснокомъ и съ Петромъ Стефановымъ Протченкомъ и съ дѣтми.

30. Была французская комедія и мы были зъ полковникомъ Чеснокомъ и зъ сотникомъ Лисаневичемъ, который у мене и почовалъ.

Юлъ.

1. Генералъ поліцмейстеръ графъ Девіеръ съ приличною его чину церемоніею погребенъ въ александро-невскомъ монастырѣ. Я обѣдалъ у бунчучного Оболонского, ради его тезоименитства.

2. Рано были у мене бунчучный и сотникъ Тризна, писма намъ вручилъ. Обѣдалъ у мене Марко Андреевичъ Марковичъ [228]).

3. Государыня и великій князь изволили отехать въ Питергофъ. На харчъ данъ 1 р. На поправу мундира синового портному 16 к. Вечеромъ былъ у бунчучного.

4. Былъ у мене бунчучный. За направу двохъ паръ чолокъ 12 к.

5. Писалъ писма къ женѣ, къ Іосифу и до Скоропадского, а вобще зъ бунчучнымъ писали до старшины генералной и до протчихъ о депутаціи.

6. Съ оными писмами отправленъ въ Глуховъ по почтѣ значковый полку черніговского товарищъ Прокопъ Затиркевичъ. Г-жа

---

[228]) Сынъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича.

Розумовская прибыла въ С. П. Бурхъ и стала квартерою на смолномъ дворцѣ, до которой и я зъ бунчучнымъ для визиты ездилъ.

7. На харчъ дано 40 к., на сѣно для коней 45 к. Рано знову были зъ бунчучнымъ у г. Розумовской; потомъ слушали обѣдни въ Невскомъ и тамъ-же купно зъ нею у преосвященного С. П. Бурского обѣдали и вечеряли; потомъ ей провожали опять на ей-жъ квартеру и поздно прибылъ на свою квартеру.

8. Коллегіи іностранной золотописецъ Андрей Івановъ сынъ Лоповъ взялъ паргаментъ для дѣланія диплiома, которому дано въ задатокъ 2 р.

9. Рано былъ въ сенатѣ и у дѣтей. За шесть ложечокъ принцъ-металныхъ 18 к. Поддячимъ 30 к. Федоръ Мойсеевичъ, головщикъ дворцовый, Божокъ представилъся.

10. Канцеляристъ Яскевичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ пріехали въ Питеръ. Былъ у бунчучного и зъ секретаремъ габинетскимъ видалъся въ церквѣ св. Сумеона.

11. Визитовалъ тѣло умершого Федора Божка въ квартерѣ его въ зимнемъ государевомъ дворцѣ. Отдана челобитная сотнику Тризнѣ для подачи въ сенатъ о падежѣ скота.

12. Помянутый Федоръ Божокъ погребенъ въ монастырѣ Невскомъ. За 24 тарѣлки цѣнинные 1 р. 60 к. Кравцю за перешитье черкески 65 к.

13. Обѣдалъ у г. Розумовской съ войтомъ нѣжинскимъ, который и у мене, оттоль заехавши, былъ на квартерѣ. За сосудъ мѣдный 26 к. За митье и починку платья 45 к., за лоскутки зеленого гатласу и за шовкъ 29 к.

14. Госпожа Розумовская со всѣми своими и бунчучный зъ своею женою отехали въ Питергофъ. Сыну Василю на бачмаки дано 53 к.

15. Полковникъ Чоснокъ съ сотникомъ Лисаневичемъ отехали до Питергофа.

16. Туда-жъ и я отехалъ зъ сотникомъ вибелскимъ Тризною. Прибыли въ Питергофъ надвечери и ужинали въ квартерѣ г-жи Розумовской у Пустоты; потомъ были у насъ на квартерѣ Журманъ, Борсукъ и Іванъ Николаевъ Ѳроно.

17. Вчора и сего числа рано ходили по садамъ и огородамъ и везде. Обѣдали въ квартерѣ. Розышлось тамъ въ Питергофѣ на

сѣно 18 к., за вино и харчъ 51 к.; фонталщикамъ 27 к. Послѣ полдня первіе великій князь, потомъ и государиня изволили отехать до С. И. Бурха, а оттуду и мы поехавъ, нерано прибыли въ Питеръ ночю, а зъ нами и дѣти, которые у насъ и ночовали.

18. За вилуженіе четирехъ штукъ мѣдной посуды 30 к., да за два сосудци мѣдные-жъ купленные 26' к. За сѣно для коня 60 к.; табаки за 4 к.

19. Писаны писма до Скоропадского, до Івана Гамаліи, до сотника глуховского, до Іосифа, до Чуйкевича, до жены и въ Козелецъ до отца брата, да до обозного Алексія Подвисоцкого и до асаула Матвѣя Шуми полковыхъ кіевскихъ.

20. Дано Грицку Дмитрову и Івану Романову на чоботы 1 р., на харчъ 8 к. Рано былъ я у г. Розумовской; потомъ въ Невскомъ монастырѣ, а оттуду заехавъ ко мнѣ секретарь Новоторжцовъ, былъ въ моей квартерѣ и у полковника Василія Чеснока.

21. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и у графа Розумовского купно съ архіереями. На харчъ данъ 1 р.

22. Былъ въ сенатѣ, а оттоль заходилъ посѣтить болного пѣвчого Федора Івановича Коченевского, гдѣ видѣлься зъ нами и префектъ кіевскій Михаилъ Козачинскій; оттуду былъ и у бунчучного. На перевозъ 4 к.

23. Прибылъ въ Питербурхъ архимандритъ братскій кіевскій Сильвестръ Кулябка. Я обѣдалъ на петровскомъ острову у подьячого корчемной конторы Стефана Будаева изъ Кіріякомъ Андріевичемъ Кондратовичомъ и въ банѣ у его-жъ мылся, а ночовалъ на Карповкѣ у сотника мглинского. Писалъ еще писма до Скоропадского о томъ, что пашпорты на проездъ дѣтямъ въ чужіе краи дадутся изъ іностранной коллегіи, а до жены, обявляя ей поклонъ отъ графинѣ Чернишевой. Отехала г. Розумовская, а при ней и бунчучный зъ женою въ мызу, называемую Гостилецъ.

24. Рано былъ тамъ-же на Карповцѣ въ домѣ архіерея новгородского у братского архимандрита Кулябки, потомъ въ сенатѣ и въ іностранной коллегіи подалъ доношеніе о людяхъ, зъ дѣтми въ чужіе краи имѣючихъ отправитись. Послѣ полдня были у мене судіи полковые гадяцкій Родзянка и Лазаревичъ, зъ которыми и до стекляныхъ заводовъ ходили. Івану Сангурскому, бунчуковому

товарищу, отправляючомусь въ Украину, всѣ оные писма, что вчора и 19 числа писалъ, вручены для подачи въ Глуховѣ.

25. Куплены двѣ книги за 66 к., матеріи на картузъ за 15 к., огурцовъ за 10 к., за оправу другихъ двохъ книжокъ 20 к., сину Василю 10 к.

26. Былъ въ сенатѣ, обѣдалъ у дѣтей, потомъ былъ у секретаря Новоторжцова. Розышлось 12 к.

28. Ходили къ церквѣ св. Пантелимона, где и государиня изволила слушать обѣдни. За оправу двохъ книжокъ 20 к. За возокъ сѣна 60 к.

28. Сину Василю на бачмаки 30 к., кравцю за направу кафтана и картуза 20 к. Былъ рано у графа Розумовского, где государинѣ, при поднесеню нѣсколькихъ сосудовъ рожовой водки, кланялъся войтъ нѣжинскій Стеріевичъ. На харчъ дано 50 к. Были у мене сотникъ новгородскій Судіенко и Добронѣзкій.

29. Былъ рано у графинѣ Чернишовой, а по обѣдѣ былъ у мене бунчучный зъ судіею гадяцкимъ Родзянкою.

30. Генералъ, сенаторъ и кавалеръ, графъ Григорій Петровичъ Чернишевъ преставилъся. За книги указовъ імператрицы Екатерины и Петра II імператора «Зерцало юности» и Граціана 4 р. 50 к., за книгу Іакову Тимофіеву 45 к. Інихову 10 к., сину Василю 5 к.

31. Я обѣдалъ у бунчучного. Прокопъ Затиркевичъ прибылъ изъ Глухова. Pustota arestatus.

Августъ.

1. Былъ рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова, потомъ заходилъ въ домъ графа Чернишева и тѣло его видѣлъ умершого; потомъ ездилъ въ крѣпость и тамъ слушалъ водосвятія. Надвечери былъ у мене подканцеляристъ іностранной коллегіи Динисъ Никитинъ Латининъ съ товарищемъ.

2. Ходилъ въ сенатъ и въ коллегію иностранную, где и за печати, къ тромъ пашпортамъ приложенные, заплатилъ пошлины 75 к. На перевозъ 2 к.

3. Былъ у бунчучного и Пустоту посѣщалъ въ дворѣ графа Розумовского.

4. Писалъ писма до Скоропадского, до жены, до Чуйкевича, до Павла Скорупы, до Івана Гамаліи зъ посилкою къ нему по-

лученныхъ писемъ, и до Іосифа. Былъ рано у г. Розумовского. Кравцю на потребности до камзола 20 к. Бунчучный вечеромъ былъ у г. Розумовского зъ представленіями нѣкоторыми и розговоръ имѣлъ. На харчъ 35 к.

5. Генералу графу Чернишову отправовалось съ надлежащою, по его достоинству, церемоніею погребеніе и провождено тѣло пятма баталіонами отъ пѣхоты и кирасировъ до Невского монастыря, где при погребеніи и три залпы оные-жъ баталіоны бѣглымъ огнемъ стрѣляли. Надвечери отехалъ я въ Невскій монастырь, где и ночовалъ.

6. Тамъ-же въ Невскомъ монастырѣ исповѣдивалъся и на ранной службѣ Божой причащалъся, а по службѣ позной, которую служилъ преосвященный Феодосій, архіепископъ с. п. бурскій, обѣдали въ келіи отца намѣстника Софронія зъ дѣтми Скоропадского и моимъ синомъ; потомъ ходили до библіотеки и въ семѣнаріумъ, где провожалъ насъ одинъ ученикъ ѳеологіи Сумеонъ Ігнатіевъ. Розышлось 12 $^{1}/_{2}$ к.

7. Былъ въ сенатѣ и въ иностранной коллегіи. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ бунчучный и съ нимъ были оба у преосвященного крутицкого.

8. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены зъ посилкою двохъ головъ цукру, полфунта чаю въ жестянцѣ, двохъ гребенцовъ слонового и рогового, 9 книжокъ русскихъ печатныхъ и манускрипта объ Украинѣ. Дано за полфунта чаю 1 р., за гребенецъ слоновый 18 $^{3}/_{4}$ к., на харчъ 28 к. Изъ Невскаго подворя перенеслись дѣти на другую квартеру на Василіевскій островъ въ 8-ю лѣнію, въ домъ нѣкоторого совѣтника Неплова.

9. Въ іностранной коллегіи отобралъ паппортъ, сину моему для поезду въ чужіе краи данный, такожъ паппорти для синовъ трехъ Скоропадского, двохъ Борковского, запечатанные купно зъ указомъ, въ генералную канцелярію подписаннымъ. Далъ за труди подканцеляристу Латинину 1 р. 50 к., писцу 50 к., сторожу 6 к., на сѣно 50 к.

10. Далъ дѣлать для жены колпакъ или чѣпокъ изъ парчи, отъ камзола синового оставшей. Писма и посилка въ домъ вручены Доброгѣзкому, значковому полку стародубовского товаришу. Ялоцкому даны 10 к.

11. Былъ въ дворцѣ, где по службѣ Божой преосвященный архіерей тферскій, Митрофанъ Слотвинскій, звалъ мене къ себѣ, зъ которымъ на одной шлюбки отехали и у него купно зъ Лукою, намѣстникомъ Свѣнскимъ, оберъ-іеромонахомъ Іоасафомъ корпуса кадецкого и архимандритомъ новгородскимъ Афанасіемъ обѣдали; потомъ и у мене отецъ Лука былъ вечеромъ. Гребцамъ архіерейскимъ даны 10 к. Pustota ab aresto factus liber.

12. Былъ въ сенатѣ, потомъ зъ отцемъ Лукою заходили въ кадецкій корпусъ до отца Іоасафа. По обѣдѣ былъ у мене отецъ Панфутій, уставщикъ монастыря Невского. Розышлось 6 ½ к. Пѣвчій дворцовый Якимъ Мироновичъ, зъ которымъ вчора надвечери въ дворцѣ отца духовника видѣлись, умеръ нечаянно.

13. Былъ рано у сенатора г. Шувалова, потомъ въ сенатѣ и насилу выписка совершена о Чаусахъ. На сѣно 8 к.

14. Зрана ездилъ на смолной дворецъ и былъ тамъ у г. Розумовского, и у Журмана, и Борсука, по обѣдѣ у пр. Тодорского и у бунчучного.

15. Рано былъ у преосвященного Могилянского, архіепископа переславского, да у генерала г. Румянцова; потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, где государиня изволила присилать пѣвчого Кирила Рубана спрошовать о дѣтяхъ Івану и Петру Скоропадского, и пришедъ въ салю, были допущены до ручки государини. Обѣдали у мене подполковникъ Куликовскій, полковникъ Чоснокъ, дѣти Скоропадского зъ Кондзеровскимъ и Юнgансомъ. На росходъ харчевый дано 30 к., на сѣно 17 к., на овесъ 15 к.

16. Камзолъ изъ кунтуша Івану Рудому велѣлъ дѣлать и штаны, и къ онымъ на потребности даны 20 к., да на сѣно и проч. 20 к. За митье платя и направу чолковъ 23 к.

17. Рано былъ я у Горленка, по обѣдѣ у мене бунчучный. Свѣтлѣйшій князь, ландъ-графъ госсенгомбурскій отехалъ изъ С. П. Бурха въ чужіе краи. На хлѣбъ, яблоки и груши дано 8 к.

18. Рано былъ у оберъ-маршала Шепелева, который велѣлъ дать реестръ о малороссіянахъ, кои могутъ быть при брачной церемоніи.

19. Отосланъ таковый реестръ къ оберъ-маршалу. Государиня и великій князь изволили въ зимный изъ лѣтного дворца переехать. Ночовалъ у мене писарь умершого генерала Бибикова, Михайло Петровъ.

20. Былъ въ сенатѣ и у бунчучного. Отданъ приказъ объ насъ оберъ-церемонійместеру графу Санти.

21. Началась изрядна церемонія шествія опредѣленныхъ знатныхъ, мужеска и женска полу, персонъ, такожъ ея імператорского величества съ новобрачными ихъ імператорскими высочествами до церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, называемой казанской, отъ зимного болшого дворца, и слѣдовала оная церемонія мимо дворецъ по-надъ Невою и поворотила въ Миліонную, а оттоль мимо лугъ, противъ дворца имѣючійся, где и три театри были здѣланы для жареныхъ быковъ и для фонтанъ, и даже до самой церкви, коимъ трактомъ и всѣ полки какъ гвардіи пѣхотной и конной, такъ и кирасирскихъ и напольныхъ солдаты и райтары построены были. Слѣдовало-же одныхъ церемоніалныхъ каретъ, господскихъ и дворцовихъ, 135, всѣ по 6 лошадей, а въ которой государиня и новобрачные ехали, тамъ было 8 лошадей. Послѣ венчанія, которое отправовалъ архіепископъ новгородскій и велико-луцкій, преосвященный Стефанъ Калиновскій, говорилъ проповѣдь преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Сумонъ Тодорскій, которые оба тѣми санами почтены 18 числа сего теченія. Потомъ оная-жъ церемонія послѣ троекратного изъ пушекъ, при церквѣ поставленныхъ и отъ полковъ въ строю стоявшихъ, залпу, слѣдовала и отъ церкви до дворца зимного такимъ-же, какъ и до церкви порядкомъ, и палено зъ корабля и изъ разныхъ другихъ судовъ, яко-то: яхтъ, галеръ и протчихъ зъ многихъ пушокъ, а въ вечеру были вездѣ по городѣ, и на судахъ, и въ крѣпости, и въ адмиралитействѣ, въ академіи, въ корпусѣ кадецкомъ и въ протчихъ мѣстахъ преизрядніе иллюмѣнаціи.

22. Обозный генералный г. Лизогубъ прибылъ въ С.-П-Бурхъ. Данъ Грицку на росходы 1 руб.

23. Рано были зъ обознымъ генералнымъ первей у графа Розумовского въ дворцѣ, потомъ и самой государинѣ кланялись и у ручки были, и обѣдали у приватного стола, при присутствіи ея величества, въ лѣтномъ дворцѣ, а по обѣдѣ были у князя Н. Юр. Трубецкого, у преосвященного переславского Арсенія Могилянского и у матушки графа Розумовского.

24. У вице-канцлера графа Михаила Іларіоновича Воронцова были рано, а потомъ въ зимномъ дворцѣ и у духовника, а въ

томъ-же зимномъ дворцѣ и государиня съ новобрачными кушать и свадебную церемонію продолжать изволила.

25. Рано ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, который по службѣ Божой представлялъ насъ предъ государиню на аудіенцію, потомъ заразъ и у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, великого князя и великой княгини аудіенцію имѣли, а послѣ обѣда были въ комедіалномъ домѣ на оперѣ италіанской, на которой и дѣвки италіанки и кастратъ при музикѣ италіанской-же пѣли преизрядно. Кравцю за пошите двохъ камзоловъ и однихъ штановъ Рудому данъ 1 руб.

26. Рано были у Александра Львовича Наришкина, сенатора, а обѣдали и весь день пробавили у матушки графа Розумовского, ради именинъ ея.

27. Были у генераловъ фелдмаршаловъ графа Леси, князей Василія Володимировича Долгорукова и Ивана Юревича Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова; потомъ званы во дворецъ и были въ собственномъ машкарадѣ, потомъ и ужинали при столѣ императорскомъ въ салѣ галдареи.

28. Въ вечеру были на комедіи французкой и въ опредѣленной ложѣ подъ № 6 смотрѣли на отправленіе оной комедіи.

29. По службѣ Божой были у Василія Ивановича Демидова, а по обѣдѣ у графа Андрея Ивановича Ушакова, у Евфимія Ивановича Владиславича и у графини Евдокіи Ивановны Чернишовой. За петлицы золотые, до кунтуша аксамитного взятые, заплатилъ 5 руб. 10 коп., за сѣтку 2 руб. 60 коп.

30. Государиня изволила быть на набоженствѣ въ монастырѣ Невскомъ и тамъ кушать, а по обѣдѣ оттуду возвратясь, кончено въ дворцѣ зимномъ высокобрачную церемонію и первей зажженъ былъ на рѣкѣ Невѣ превеликій фейерверкъ, потомъ была ужина въ салѣ галдареи пребогатая, а насъ по всѣмъ покоямъ государини и высоконовобрачныхъ вожено и показивано всякіе раритети (рѣдкости), украшенія и уборства и трактовано доволно.

31. Государиня изволила изъ С.-П-Бурха поехать въ Царское Село и въ Питергофъ. Мы были израпку прежде у генералши Солтиковой, потомъ у князя Александра Борисовича Куракина и у его-жъ обѣдали, а по обѣдѣ были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина.

Сентеврій.

1. Вечеромъ были у генералъ интендента адмиралитейского Александра Ивановича Головина.

2. Писаны письма до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до жены. За старую квартеру заплатилъ 3 руб., да зъ Юндансомъ и Савою Зинченкомъ росплатка учинена; Юндансу дано 14 руб. 25 коп., Савѣ 74 коп. У секретаря Новоторжцова были на родинахъ и данъ родѣлѣ червонецъ.

3. Віехали до Питергофа по полдни и прибыли туда ночю.

4. Отведена тамъ квартера тая, въ которой прежде стоялъ бунчучный, а вечеромъ ходили по огородамъ и смотрѣли фонтанъ.

5. Изранку водилъ насъ везде по огородамъ и фонтаны велѣлъ пускать подмайстерій Григорій Федоровъ Рилевъ, а по обѣдѣ оттоль поехали и прибылы въ С.-П.-Бурхъ по полдни въ 8-мъ часу.

6. Былъ въ лѣтномъ дворцѣ и въ габинетѣ и по обѣдѣ зъ Гудовичемъ у архимандрита Петрункевича.

7. Рано припималъ лекарство и весь день содержалъ діету.

8. Въ дворцѣ лѣтномъ у великого князя и у великой княгинѣ были у ручки.

9. Посѣщали насъ въ квартерѣ прежде Іля Журманъ съ товарищи, потомъ графъ Мойсей Владиславичъ. Сину Василю купленъ платокъ италіанскій за 1 р. 50 к., да еще два платки дано 37 к.

10. Рано были у генерала Бахметова на Василіевскомъ острову и въ сенатѣ и въ кунсть-каморѣ. Портному иноземцю, что дѣланъ сыну Василю богатый камзолъ, заплатилъ 5 р. 20 к.

11. Пущалъ мнѣ кровъ изъ жилы сафены хирургъ Гартманъ, которому данъ талярь битый. Сину полковника Делятура Карпу Ивановичу позичены 50 р. Обозный генералный ездилъ за рѣку къ архіереямъ.

12. За направу сину Василю шубы дано портному 20 к.

13. Получены писма зъ Глухова чрезъ Сангурского и 50 р. денегъ, которые позичены были полковника Далятура сину Карпу Ивановичу.

14. Рано были у кн. Н. Трубецкого и у канцлера гр. Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у ручки государини и у гр. Розумовского.

15. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ Ивантенки. Емѣху учителю 50 к.

16. Оберъ-прокуроръ сенатскій Иванъ Онуфріевичъ Бриклинъ пожалованъ губернаторомъ въ Астрахань. Писалъ писма въ Глуховъ чрезъ Делятурова сина и чрезъ саржанта гварнизону глуховского, Анисима Осмолова, до Скоропадского, до Чуйкевича, до Іосифа и до жени. Книжнику дано 50 к., розышлось 9 к., въ доплатку за дипломъ 50 к. Обѣдали у Новоторжцова ради крестинъ сина, ему родившогося, Ивана, которій потомъ и умре. Бабѣ дано 12 к.

17. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ. За двѣ книжки дано 80 к. Былъ придворный машкарадъ.

18. Рано подалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ. Писано писмо къ женѣ зъ посилкою въ барилцѣ включенныхъ 24 талѣрокъ ценинныхъ. По обѣдѣ были у барона Черкасова, потомъ на комедіи.

19. За указъ о Чаусахъ дано копіисту Деружкину 1 р. Знову были на комедіи.

20. За запечатованіе оного о Чаусахъ указу дано пошлины 28 к.

21. Рано вси, а въ вечеру я самъ былъ въ дворцѣ у графа Розумовского для розговору о поданномъ ему меморіалѣ. За сиръ и протч. даны 52 к.

22. Послѣ обѣда были у сенатора Шувалова, и данъ ему меморіалъ о дѣлахъ малороссійскихъ, въ сенатѣ имѣючихся. За чоботы Ялоцкому даны 50 к.

23. Взята матерія срѣброглавная полъ 5-та аршина, по 5 р. аршинъ. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены чрезъ Якова Лизогуба, отехавшого съ меншимъ Кочубеемъ Василіемъ. Государиня изволила быть на сватбѣ у князя Хованского въ домѣ князя Василія Никитича Репнина.

24. Рано подана термѣна челобитной для усмотренія графу Р. и копіи грамоты и писма, а князю Никитѣ Трубецкому меморіалъ о 5 дѣлахъ. Бунчучный съ нашими исправлялъ пункты о нуждахъ.

25. Писалъ къ женѣ, чтобъ Савѣ Звѣнченку заплатила 42 р. 50 к. за матерія у него взятые, да до Іосифа зъ писмомъ отъ отца Петрункевича архимандрита до Василя Думитрашка. Сину Василю на чоботы данъ 1 р., да за атлясъ съ картинами и за географію

нѣмецкую 2 р. 50 к. Въ вечерѣ были у насъ пѣвчіе дворяне Коченевскій и Рубановскій.

26. За оправу двохъ книжекъ 40 к., за исторію троянскую 75 к. Обѣдали зъ Гудовичомъ у Коченевского.

27. Писалъ отозвъ до Ивана Гамаліи. Уговоренъ для ученія дѣтей рисовалный майстеръ Мойсей Бернганъ при инджинерномъ корпусѣ на мѣсяцъ по 6 р. Въ вечеру были на комедіи французкой.

28. Послѣ полдня былъ зъ Гудовичемъ у сенатора Шувалова, где и секретарь Новоторжцовъ былъ-же взглядомъ индуктивного дѣла. Матушка великія княгини, принцесса ангалтъ цербская отехала изъ Санктъ-Питербурха. Писалъ до Скоропадского зъ посилкою указа сенатского стороны Чаусъ.

29. Капралу гвардіи измайловского полку Лутавинову, по писму Скоропадского, дано 25 р., въ чомъ онъ на томъ-же писмѣ и росписался, а отъ себе писалъ писмо къ полковнику Тютчеву объ отдачѣ тѣхъ денегъ.

30. Государиня со всѣмъ гофъ-штатомъ изволила зъ лѣтнего въ зимный переехать дворецъ, и палено для того зъ пушокъ. Писалъ къ Скоропадскому объ оныхъ 25 р. денгахъ, позиченныхъ Лутавинову, и росписку его тамъ-же включилъ, а до жены о Суховерховѣ.

Октоврій.

1. Были въ дворцѣ и у ручки государини, потомъ у бунчучного. Семенъ Пустота и Журавко простились и отехали.

3. Инфортатору Юнgансу на расходы даны сто руб.

4. У бунчучного обѣдали съ Коченевскимъ и другими, где и розговоръ былъ о индуктѣ. На комедіи были италіанской.

5. Зъ сего противъ слѣдующого числа ночю великая вода была зъ моря.

6. Были въ дворцѣ у ручки государини, у великого князя и великой княгини. Розышлось на яблоки 15 к., за газети и казанье 17 к., сину Василю 14 к.

7. Обѣдали у бунчучного и вечеромъ купно съ нимъ были у Рейсхъ графа и какъ виноградомъ, такъ и виномъ почтованы отъ него и де якіи держали розговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ; потомъ были на комедіи французкой.

8. За мытье платя и направу бачмаковъ 26 к., за направу фляши мѣдной 15 к., секретарь Новоторжцевъ обѣдалъ у насъ и до позна бавилъся.

9. Вечеромъ были у Постелникова. На чоботы Рудому дано 50 к.

10. Обѣдали у бунчучного, потомъ были у г-жи Розумовской, а послѣ на комедіи италіанской. За 5 замковъ желѣзныхъ 96 к., за молотокъ 15 к.

11. Получилъ писмо и далъ почтарю 4 к. Вѣдомость пришла Гудовичу, что синъ его недавно рожденный умеръ.

12. Рано были у генерала фелдмаршала князя Долгорукова и обѣдали у него.

13. Превеликое было наводненіе. У Федора Ивановича Коченевского обѣдали всѣ.

14. Камеръ-юнкеръ Сиверсъ вѣнчалъся съ своею невѣстою въ киркѣ лютеранской, а свадба его была въ государевомъ дворцѣ съ обычнымъ церемоніаломъ.

15. Обѣдали у бунчучного. Пошло на камфору и за мытье платя 20 к.

16. Морозъ и малый снѣгъ былъ. За газеты и на карандашъ 20 к. Были на комедіи французкой.

17. Государиня изволила быть на освященіи новой церкви въ корпусѣ кадецкомъ. Бунчучный зъ женою былъ у насъ. За шпигинаръ дано 6 к.

18. Золотарю за роботу и за золочене печаты до дипліома дано 17 р. 6 к., за трость 1 р. 94 к. На позлотку 2 червоніи.

19. За направу кожуха Рудому и чоботъ и за газеты 28 к.

20. Подписанъ именный указъ о квартерѣ и трактаментѣ, которого копію отъ Р. графа привезъ Иванъ Тимофіевичъ Золотовъ.

21. Рано бывъ въ дворцѣ, кланялись государини, отеждвающей въ Царское Село, и у ручки были, потомъ обѣдали и до позна пробавили у г-жи Розумовской.

22. Писалъ писма до Скоропадского, до жены и до Іосифа. За полотно на фоту для голѣня (бритья) дано 23 к.

23. Обозный генералный ради своего тезоименитства принималъ гостей, изъ которыхъ вечеромъ и Александръ Ив. Головинъ, адмиралитейскій интендантъ, былъ, а маіоръ Александръ Александ-

ровичъ Прибишевскій и обѣдалъ съ протчими. За 6 паръ чашокъ болшихъ зъ кришками дано 2 р. 40 к.

24 Именный указъ о квартерѣ отданъ Н. Юр. Трубецкому. Ночю былъ пожаръ. Нева, что при Василевскомъ островѣ, стала. Розышлось 59 к.

25. За 12 паръ ножовъ чорныхъ 1 р. 20 к. Государиня ночю прибыть изволила.

29. Випалъ снѣгъ ночю. Рано мы были у Р. графа. Государиня изволила быть у оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, ради тезоименитства его.

27. Рано были въ дворцѣ, а по полдни у капитана поруччика Марковича, да у маіора преображенского полку Ивана Ив. Косогова. За пакетъ, по почтѣ до Глухова отпущенный, дано 25 к. За газеты 6 к.

29. Обѣдали наши у капитана измайловского полку, князя Сергія Ивановича Баратинского. За пластырь 24 к. На розницю 21 к.

30. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у преосвященного архіепископа с.-п.-бурского Феодосія, купно зъ преосвященнымъ сарскимъ и подонскимъ. Тамъ-же съ нами обѣдала и дворцовая каморъюнфера, Евдокія Ивановна Вергуновская.

31. За окуляри дано 25.

Ноеврій.

1. Обѣдали у бунчучнаго ради его именинъ, где были и Преосвященный с.-п.-бургскій и г-жа Розумовская съ прочими.

2. Выдано намъ вдругъ за два мѣсяци жалованья 252 р. 25 к.

3. Были въ дворцѣ у ручки великого князя и великой княгини. Въ вечеру ездили къ Александру Ивановичу Головину панъ обозный зъ бунчучнымъ.

4. Петръ Стефановичъ Прютченко преставился. Свадба въ дворцѣ была камеръ-юнфери Евдокіи Ивановнѣ Вергуновской.

5. Петръ Прютченко погребенъ въ Невскомъ. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

6. Оные писма вручены Шатиловскому [229]), отежджаючому въ

---

[229]) Филимовъ Шатило или Шатиловскій отецъ Афанасія Шафонскаго, автора Описанія черниговскаго намѣстничества.

Малороссію. Камергеръ и кавалеръ князь Петръ Михайловичъ Голицинъ женилъся, въ дворцѣ вѣнчалъся и тамъ-же была сватба.

7. Юнгансу даны сто руб. на росходъ.

8. Обѣдали у г-жи Розумовской. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа, до жены и до обозного полкового стародубовского Юркевича, чрезъ салдата отпущены.

9. Рано были у гг. фелдмаршаловъ князя Долгорукова и к. Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова. За газети 6 к.

10. Въ дворцовой церквѣ посвященъ епископомъ костромскимъ и галицкимъ архимандритъ кіево-братскій, отецъ Силвестръ Кулябка, а посвящалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ сарскій и подонскій, съ другими архіереями. Ночю снѣгъ выпалъ.

11. По обѣдѣ были у П. Шувалова, у к. Куракина. Въ вечеру былъ Головинъ зъ женою у обозного генералного.

12. По обѣдѣ былъ у преосвященного тверского. Писалъ до писаря суда генералного Івана Василевича Пиковця съ посилкою писемъ отъ Алексія Требинского.

13. За вѣдомости даны 35 к., по полдни были у насъ Новоторжцовъ, Кочеревскій и бунчучный.

14. Обѣдали наши у бунчучного, я въ квартерѣ. На яблоки 10 к. Вечеромъ были Королкевичъ и Данилевскій. Сину Василю на бачмаки и митье платя 1 р., за камортухъ на манжеты 1 р. 20 к.

15. За двѣ пушки чайные мосіенжные дано 80 к.

16. За шесть паръ чашокъ фарфурныхъ 1 р. 70 к.

17. Золотописцу, взявшому додѣловать дипломъ, дано 3 р. Обѣдали у преосвященного переяславского Арсенія Могилянского.

18. Вечеромъ были у г-жи Розумовской.

19. Съ діакономъ Савіцкимъ, придворнымъ проповѣдникомъ, былъ Журманъ, потомъ бунчучный съ Новоторжцовымъ. Розышлось 8 к.

20. Обѣдалъ я и Гудовичъ у г. Розумовской зъ г. Кириломъ Григоріевичемъ и Тепловымъ.

21. Были въ дворцѣ и у г. Кирила Григоріевича. Обѣдали у преосвященного тверского купно съ г. Розумовскимъ.

22. За шесть паръ чашокъ чайныхъ фарфурныхъ съ золотомъ 2 р.

23. За одну пушку мосіенжную чайную 40 к.

24. Великую княгиню поздравляли тезоименитствомъ и у обоихъ у ручки были.

25. Ради празднованія вступленія на престолъ ея імператорского величества была проповѣдь въ церквѣ дворцовой, говорилъ преосвящ. Кулябка. По службѣ были у ручки государини, а въ вечеру въ салъ галдареи и въ болшой салѣ, гдѣ изволила государиня кушать съ лейбъ-компанцами. Графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій капитаномъ лейтенантомъ, а Александръ Івановичъ Шуваловъ поруччикомъ лейбъ-компаніи пожалованы.

26. Vacat. 27. Капитану поруччику Василю Марковичу сынъ, нареченный Евграфъ, родился. Рано поздравляли рангомъ новопожалованнымъ г. Розумовского, а вечеромъ Василя Никитича Репнина фелдцеймейстерствомъ.

28. Еще даны Юндансу 30 р. За маніфестъ короля прусского 30 к.

29. Писаны писма чрезъ зятя полковника лубенского, князя Петра Сергіевича Долгорукова [230]) до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

30. Поздравляли по домамъ кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, гдѣ въ церквѣ имѣлъ проповѣдь семинаріи невского монастыря ректоръ, отецъ Гавріилъ Камѣнскій.

Декабръ.

1. Рано были у графа Алексія Григоріевича Розумовского и писмо отъ старшины генералной къ ему писанное мною подано, а въ вечерѣ были у его-жъ сіятелства обозный и бунчучный генералные и Гудовичъ.

2. За полфунта чаю дано 1 р. 12½ к.

3. Дѣла наши нѣкоторые слушаны въ сенатѣ.

4. При писмахъ до Іосифа и до жены отправлена посилка съ людми полковника компанѣйского Василія Чоснока, а именно чрезъ Наума: дзигаръ стѣнный, зъ двома вагами (гирями) въ пудлѣ, тамъ-же замковъ нѣмецкихъ 5 желѣзныхъ зъ ключами и обценки, кунтушъ штофовый подъ песками, два кафтаны бѣлыхъ, футро лисее зъ-подъ кунтуша зъ карвашами, и сее увинуто въ старомъ килимцѣ, три пушки жолтіе, въ томъ числѣ: въ одной чай зеленый, 12 паръ ножовъ чорныхъ, 3 посуды фарфурные высокіе съ криш-

[230]) Мужъ Софьи Петровны Апостолъ.

ками, пара сосудовъ низкихъ съ кришками-жъ, 24 пары разныхъ цвѣтовъ чашокъ чайныхъ зъ мисочками, а 6 паръ зъ кришками, да одна мисочка съ подножіемъ мосіенжнымъ, чайникъ фарфурный, столикъ чорный каменный.

6. У того-жъ отца Софронія исповѣдалъся и по благости Божіей удостоилъся причаститься на ранной службѣ Божой, а потомъ, ради тезоименитства моего, были у мене на кушаню гости, въ томъ числѣ г-жа Розумовская зъ дочерми. Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Іванъ Івановичъ Косоговъ, Федоръ Івановичъ Кочевскій, бунчучный зъ женою и сестрою его и протчіе.

7. За екземпляри изъ медаліовъ оловянніе дано 70 к.

8. Юнгансу заплатилъ за нѣкоторую имъ справованную покупку 60 к.

9. Обѣдали у г-жи Розумовской.

10. Писалъ до Красінского въ Москву. Государиня изволила прибыть зъ Гостилици.

11. Юнгансу дано еще 70 р. на росходъ.

12. Здѣлано, а 13 подано въ сенатъ доношеніе объ індуктѣ. 14 прибылъ зъ Глухова куріеръ Андрей Глинскій.

15. Бунчучный со всѣми своими, а съ нимъ и Семенъ Кочубей віехали къ Москвѣ, а до войта нѣжинского пріехалъ куріеръ.

16. Полковникъ Чосновъ и сотникъ Лисаневичъ переехали на нашу квартеру.

17. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

18. Ради праздника рожденія ея імператорского величества стоящіе полки въ строю палили трижды бѣглымъ огнемъ и палено-жъ зъ пушокъ. Послѣ службы Божой казанье говорилъ преосвященный Платонъ Маліновскій. У стола государева и мы обѣдали съ офицерами гвардіи, а по обѣдѣ былъ балъ и преизрядная на Невѣ противъ дворца, и при корпусѣ кадецкомъ, да и въ крѣпости иллюмѣнація.

19. Куріера, зъ Глухова пріездившого, писаря Андрея Глинского отправили къ Глухову, чрезъ которого и вышеписанные писма отпущены, и до Івана Гамаліи, тако-жъ до Красінского въ Москву писалъ.

20. За здѣланные сыну 3 рубашки зъ манжетами заплачено Антонисѣ 1 р., за сосудъ оловяный до голѣня 35 к., да за другую мѣлочь 36½ к.

21. Обѣдали у генерала інтенданта Александра Івановича Головина.

22. Въ вечеру дозорца шептаковскій Гулевичъ отехалъ, чрезъ которого до жены писалъ я и синъ Василь.

23. Знову писалъ до жены по почтѣ и вручилъ то писмо графу Мойсею Владиславичу, а также писалъ и до Скоропадского о Чаусахъ и о денгахъ, зъ медицинской канцеляріи отдаючихъся.

24. Сину Василю на чолки далъ 1 р.

25. Въ сей день Рожества Христова слушали обѣдни въ церкви святого Симеона, а по полдни пріездилъ къ намъ капитанъ поруччикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживанемъ отъ графа Розумовского.

26. Были съ поздравленіемъ у канцлера, у обоихъ Шуваловыхъ, у князя Никиты Юревича Трубецкого, у г. Кирила Розумовского, у графини Чернишевой, у духовника и у графа Румянцова.

27. У фелтмаршаловъ князей Долгорукого и Трубецкого, у г. Ушакова, у генерала криксъ комисара Стефана Федоровича Апраксина, у г-жи Розумовской и тутъ обѣдали. Вечеромъ были у войта Тарнавіота.

28. Рожденіе моей жены праздновалъ въ квартерѣ.

29. Іванъ Забѣла, молодый, обтовскій, пріѣхалъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова.

30. Отехалъ Левъ Сорока за Кочубеемъ къ Москвѣ.

31. Вечеромъ были у генерала інтенданта Александра Івановича Головина и у него-жъ вечеряли, и тако сей годъ окончень. Слава Богу!

1746 годъ.

Мѣсяцъ генваръ.

1. Былъ въ дворцѣ и тамъ по службѣ Божой слушали казанья, которое имѣлъ архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ.

2. Въ вечеру были у насъ въ квартерѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталъ-мейстеръ, и Александръ Івановичъ Головинъ, генералъ-інтендантъ отъ адмиралтейства.

3, 4, 5, 6, 7 и 8. Vacant.

9. Семенъ Василіевичъ Кочубей прибылъ изъ Москвы. Изъ главной медицинской канцеляріи взялъ позикою денегъ 300 р. и далъ на оные два векселя, для отданія тихъ-же денегъ въ Лубняхъ въ тамошнюю аптеку; изъ тихъ-же денегъ далъ Юндансу 100 р. Въ вечеру была опера Тита Веспасіана въ комедіалномъ домѣ.

10. За 3 книжки въ академію 93 к., за календарь болшой 15 к., за календарь придворный 20 к., за гербовую бумагу 6 к.

11. Вечеромъ были у графа Розумовского въ собственномъ его домѣ и имѣли розговоръ о дѣлахъ нашихъ, въ сенатѣ сущыхъ, съ П. І. Шуваловымъ.

12. Были въ дворцѣ на службѣ, а у насъ вечеромъ Іля Журманъ и Александровичъ.

13. Подана челобитная въ сенатѣ о дѣлѣ съ Соколовскими, за которой переписку дано 20 к. Писаны писма до Скоропадского и до жены, да въ Москву до Красінского чрезъ пѣвчого придворного, посланного въ Малую Россію для выбору пѣвчихъ. Запасъ отъ Скоропадского пришолъ.

14. Въ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского былъ сговоръ Семену Василіевичу Кочубею [281]) съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко), и ихъ-же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государиня отдавать и на руки наложить изволила; потомъ была вечеря, где и мы у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были салти, до коихъ и насъ употреблено; тогда-жъ графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею.

15. Петръ Савичъ прибылъ въ С.-Пбурхъ. Подьячому дано 20 к.

16. На квартерѣ у Журмана имѣли переговоръ зъ войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ. Писмо писалъ къ Скоропадскому зъ посилкою календаря.

17. Купилъ цѣны (цинковой посуды) два пуды и 8 фунтовъ, въ томъ числѣ болшихъ полумисковъ 6, малыхъ 6, талѣрокъ глубокихъ 2 тузни, мелкихъ 1 тузінъ, дано 17 р. 60 к.

---

[281]) Семенъ Кочубей, внукъ В. Л. Кочубея, р. 1725, † 1779 года. Благодаря родству съ Разумовскими, Кочубей тогда-же, въ годъ женитьбы, сдѣланъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ, а въ 1751 году генеральнымъ обозным. Умеръ членомъ малороссійской коллегіи.

18. Оная цѣновая посуда, да еще блюда 3 съ крышками, въ томъ числѣ одно болшое, двѣ меншихъ, ножовъ съ бѣлыми черенками паръ 24, двѣ кострулки и 1 выжигалница мѣдные, отпущены при писмахъ до жены и до Іосифа чрезъ Івана Сербиновского, служителя Скоропадского, и до его-жъ при помянутомъ писмѣ посланъ календарь, а до Красінского въ Москву писалъ о нашемъ запасѣ и объ отпускѣ нашого-жъ человѣка въ домъ. Дано Афонѣ 10 к., Кирилу Скоропадского 10 к. Матушка г. Розумовского отехала изъ С.-Пітербурха.

19. Были въ дворцѣ и допущены къ ручкѣ государини. Проповѣдь имѣлъ діаконъ отецъ Савіцкий. Вечеромъ была комедія французкая.

20. Писаны писма до Скоропадского, до Гамаліи, до Іосифа и въ домъ до жены, чрезъ полковника Василія Чоснока, сегодня поутру отехавшого.

21. Видѣлъ въ сенатѣ резолюцію по челобитнымъ моей и Соколовского. Обѣдалъ у Федора Івановича Коченевского. Даны хлопцю Максиму имениннику 9 к., Грицку на поясъ 25 к.

22. Писалъ писма чрезъ капрала гварнизону глуховского до Скоропадского и до Іосифа подъ коопертою, па імя полковника Делятура подписанною. Пріехалъ Бѣлоцерковецъ.

23. Въ сенатѣ былъ съ Гудовичемъ призыванъ за табель о рангахъ.

24. Писма зъ Глухова и изъ дому получилъ, тако-жъ 200 р. и 20 червоныхъ. Отъ Шоха отобралъ для отдачи червоныхъ слузѣ Валкевичевому Соколовскому. Писалъ чрезъ сотника ірклѣевского Алексія Требинского до Скоропадского, до Іосифа и до жены въ домъ.

25. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Александръ Львовичъ Наришкинъ преставилъся. Помянутому Соколовскому 20 червоныхъ, а Андрею Вітвѣцкому за коня его, проданного по писму Скоропадского, 9 руб. отдалъ и взятые у нихъ въ пріемѣ тихъ денегъ росписки включилъ въ писмо до Скоропадского чрезъ капрала глуховского гварнизону 7-й роти Івана Гаврилова.

26. Оный капралъ отехалъ.

27. Василю сину дано на бачмаки 50 к.

28. Въ крѣпости, въ церквѣ петро-павловской была панихида по государѣ імператорѣ Петрѣ I, на которой всѣ господа знатные были.

29. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у намѣстника свінского Луки, потомъ были и у архіереевъ с.-петербургского и вятского.

30. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцевъ.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Мглинъ, чрезъ келейника преосвященного новгородского. Канцеляристъ Лебедь отехалъ. Кухтику Івану Рудому на рубашки дано 50 к.

Февраль.

1. Юнгансу на росходы для дѣтей далъ 100 руб. Книжка Телемакъ куплена, дано за оную 1 р. 85 к.

2. Вечеромъ были у Петра Горленка на квартерѣ.

3. Обѣдали всѣ мы на Василевскомъ острову у князя Сергія Михайловича Хованского. Сегодня былъ машкарадъ въ собственномъ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского и иллюмінація.

4. Машкарадъ былъ въ цесаревнинскомъ домѣ у Александра Борисовича Бутурлина.

5. Мы были на Смолномъ дворѣ у Івана Дмитріевича Рожевского вечеромъ. Машкарадъ былъ у оберъ-маршала Шепелева. Михайло Федоровичъ пріехалъ въ С.-Петербурхъ.

6. Обѣдали у преосвященного крутицкого Платона Маліновского. Машкарадъ былъ у князя Репнина, генерала фелтцехмейстера.

7. На смолномъ дворѣ у управителя тамошнего обѣдали, а вечеромъ были у насъ дворцовый бандуристъ слѣпый и два скрипцісты комнатные, которымъ дано общихъ денегъ 10 р.

8. Обѣдали у отца духовника, ради его іменинъ, да и у Григорія Михайловича Любисткова, дворянина, были.

9. Я и обозный генералный по собственному ея імператорского величества приказу кушали обѣдъ у собственнаго-жъ ея величества стола въ Еремѣтажѣ, а ужинали у господина Головина.

10. Ради рожденія его высочества, государя великого князя випалено на поздравленіе изъ 73 пушокъ, и сего числа противъ 11-го слѣдующого дѣти перешли на другую квартеру на Василіевскій островъ, и преставилъся князь Василій Володимеровичъ генералъ-фелтмаршалъ, отъ рожденія своего на 79 году. Куплены для мене сапоги за 1 р., за спезорикъ и запонки 22 к.

12. Писаны писма до Скоропадского, да до Іосифа повѣренное, и до жены, и другое до Іосифа о подписѣ на приговорѣ въ слушанія, которые писма посланы чрезъ Сангурского, сего числа отехавшого.

13. Генералъ Густавъ Біронъ умре въ С.-Пітербурхѣ.

14. Ночовали въ монастырѣ Невскомъ.

15. Тамъ исповѣдывались и сообщались Св. Тайнамъ. Розышлось на розницю 38 к.

16. За офарбоване черкески 1 р. 50 к.

17. Василю сину даны на потребы 18 к.

18. Деружкину дано 50 к.

19. Писалъ до Скоропадского съ посилкою печатныхъ вѣдомостей, въ которыхъ и трактатъ миру, между королемъ прусскимъ, полскимъ и венгерскою королевою заключенный, выпечатанъ.

20. Оное писмо вручено Федору Івановичу Коченевскому для пересылки чрезъ келейника архимандрита печерского.

21. Рано осматривалъ квартери другой на Васиіевскомъ острову для дѣтей.

22. За тою-жъ квартерою ходилъ къ князю Михайлу Андріевичу Бѣлоселскому и зъ онымъ договорилъся на годъ за 80 р. за 5 покоевъ въ домѣ князя Адоевского. Господа сенаторы сезджались екстраординарно въ сенатъ для нашихъ дѣлъ. Кушалъ я зъ Гудовичемъ обѣдъ у оберъ-маршала Шепелева. Издержано 25 к.

23. Рано были зъ Гудовичемъ у графа и доволные имѣли розговоры, потомъ въ крѣпости казанья слушали.—Куплено платья для сина Василя, дано за опое 25 р.

24. Подалъ въ сенатъ Федоровичъ доношеніе Купчинского.

25. Івану Рудому куплена свита за 1 р. 50 к. Писано писмо въ Москву до Красінского и до поддячого Бѣляева и дано за оное на почтѣ 4 к.

26. Вечеромъ были у бригадира главной артилеріи, Івана Федоровича Глѣбова.

27. За книжку Граматику руско-латинскую 50 к.

28. Графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ у насъ былъ.

Мартъ.

1. Погребеніе было церемоніалное генералу фелдмаршалу князю Долгорукову въ монастырѣ Невскомъ. Вечеромъ были у насъ отецъ духовникъ и Федоръ Коченевскій.

2. Были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое имѣлъ діаконъ Савіцкій. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ факторъ індуктный Халкидоцкій.

3. За пошитье старой черкески 25 к. Рудому даны сапоги.

4. За вибойку на юпку 77 к. Маіоръ Воеводской арестованъ въ сенатѣ.

5. За полотно на рубашки и на штаны дано 2 р. 22½ к. Сину Василю на чолки и протчее 1 р. 70 к.

6. За оправу двохъ книгъ 40 к., Козмѣ портному 30 к. Были рано у графа Розумовского и получили декларацію о бытіи гетмана.

7. У г. Мойсея Владиславича были на его новой квартерѣ.

8. Рано представляли графу маіора Рикачова и Петру Івановичу Шувалову стороны дѣла Полтавского. За направу компаса 20 к., за Рудого въ поліціи 15 к.

9. Въ придворной церквѣ имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій.

10. Рано былъ у насъ отецъ духовникъ и обѣщалъ денегъ визичить. За чайникъ вименянный додано 1 р. Нѣмкенѣ 14 к.

11. Писмо вручено отцу духовнику до г. Скоропадского на 500 р.

12. Генералу фелтъцехмейстеру князю Василію Никитичу Репнину при писмѣ отъ г. Скоропадского представлялъ дѣтей, чтобъ позволилъ имъ ходить въ классы кадецкіе. Чоботы Рудому куплены за 64 к.

13. Писма писаны чрезъ Забѣлу до Скоропадского, до Іосифа и до жены, который ночю и отехалъ. Нѣмкенѣ дано 26 к.

14. Писано писмо до жены о посилки 50 лимоновъ чрезъ сотника мглинского Лисаневича, за якіе дано 1 р., да за лѣкарства 50 к. Оный-же Лисаневичъ сего числа отехалъ, а чрезъ него и книги посланы, именно на реестрѣ показанные; чрезъ него-жъ писано и въ Москву до Красінского о нашихъ запасахъ. Ночю противъ 15 числа были чюдные на небѣ знаки.

15. Лекару адмиралітейскому за 3 книжки нѣмецкіе даны 2 р. Халкицоцкій отехалъ и объ немъ писалъ до Скоропадского.

16. Обѣдали у пѣвчого Богуша. Пріехалъ Іванъ Жоравко съ женою. Вечеромъ поздравляли графа Розумовского тезоименитствомъ.

17. Рано такожде обоихъ графовъ Розумовскихъ поздравляли. Государиня съ протчими изволила обѣдать и ужину кушать въ собственномъ домѣ графскомъ. Баронъ Іванъ Антоновичъ Черкасовъ, тайній совѣтникъ, пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

18. Графа Кирила Григоріевича Розумовского поздравляли тезоименитствомъ его. Отехали изъ С.-Петербурха Марко Марковичъ, Петръ Горленко и значковый Полтавскій. Были зъ Гудовичемъ на сахарныхъ заводахъ. За пошитье двохъ паръ чоботъ, изъ коихъ одни даны Ялоцкому, заплочено 50 к. Привезено тѣло умершей принцесы Анны въ Невскій монастырь.

19. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ судія Павелъ Скоруппа и привезъ разные писма.

20. Ездили въ Невскій монастырь видѣти тѣло принцесино. Поданъ меморіалъ графу о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ. Войтъ коропскій отехалъ.

21. Было погребеніе принцессы въ Невскомъ, где и всемилостивѣйшая государиня присутствовать изволила, потомъ обѣдать въ домѣ отца духовника надъ Фонтанкою. Рано были у барона Черкасова, поздравляючи его кавалеріею.

22. За двѣ ручки изъ дерева чорного, до чайника и до кофейника здѣланные, дано 1 р. 20 к. За два шматки гатласу алого 60 к.

23. Были у канцлера, у Черкасова, у к. Н. Юр. Трубецкого, потомъ въ дворцѣ, а вечерю имѣли у А. І. Головина. Писалъ до Гамаліи.

24. На Василіевскомъ острову былъ у профессора механика Брункера.

25. Ради сего Благовѣщенскаго праздника оффіцери конной гвардіи трактованы въ дворцѣ.

26. На ночь отехалъ въ монастырь Невскій.

27. Тамъ-же исповѣдалъся и причащалъся.

28. За роботу ночныхъ рубашокъ сину Василю и протчее 66 к.; за митье его-жъ рубашокъ и на другіе потребы 74 к. До г. Кондратовича отосланы 3 книжки латинскіе, да емужъ послана бутеля двойного и бутелка водки.

29. За ренкойсте (рукоять), изъ дерева чорного сдѣланное до тесака, дано 70 к., за конфору 7 к.

30. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія, кромѣ церкви, ни где не бывали.

31. Рано поздравляли канцлера к. Н. Юр. Трубецкого и П. І. Шувалова, потомъ въ дворцѣ великого князя и великой княгини

и у ручки были. По службѣ Божой у графа Розомовского. Обявленъ Семенъ Кочубей полковникомъ нѣжинскимъ.

Априль.

1. Государиня изволила отехать въ Царское Село. Рано были съ поздравленіемъ у князя Трубецкого фелтмаршала, у графа Румянцова, у Бутурлина и у г. Чернишевой и у Ушакова; обозный генералный у Головина, а я у Носка обѣдали. Вечеромъ были у насъ полковникъ Кочубей, капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Левъ Сорока.

2. Были у камергера Корфа, у князя Михайла Андреевича Бѣлосельского, у барона Черкасова и преосвященного Арсенія переяславского.

3. Были у г. Головина, а потомъ и онъ у насъ, и секретарь Новоторжцовъ, и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ.

4. Обѣдали у полковника нѣжинского Кочубея, куда по обѣдѣ пріездилъ и Василъ Марковичъ, капитанъ поруччикъ.

5. Были въ монастырѣ Невскомъ, у Архіерея здешнего и у намѣстника тамошнего, отца Софронія.

6. Рано поздравляли Василія І. Демидова, да оберъ маршала Шепелева, потомъ были въ дворцѣ и у ручки государини. Федоровичъ съ Кочубеемъ въ дворцѣ ссорилъся. Гаврило Роздавідовскій умеръ.

7. Приведенъ къ присяги въ церквѣ Ісакія Далмацкого изъ сената полковникъ нѣжинскій Кочубей. Послѣ обѣда были съ Гудовичемъ у секретаря Бахирева и у войта нѣжинского Тарнавіота.

8. Рѣчи, говоренные по депутаціи нашей къ государинѣ и къ великому князю во время брака іхъ імператорскихъ высочествъ, вручены графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому, по требованію графскому. Обѣдали у Федора Івановича Коченевского.

9. Сину Василю на бачмаки дано 60 к., на помаду 10 к.

10. Вечеромъ были у Иліи Борисовича Ксиляндра.

11. За крашенину 18 к.

12 и 13 осор. NB.

14. Въ седмомъ часу по полуночи рѣка Нева прошла и для того первей разъ, потомъ въ другое и третое палено зъ пушокъ въ крѣпости. Рано былъ зъ Гудовичемъ у графа и подалъ ему прошеніе въ моемъ дѣлѣ.

15. Писалъ до Скоропадского, до Іосифа, до Піковця и до жены, да до Ивана Гамаліи въ Москву. Сина Васия вислалъ на Василіевскій островъ и ему-жъ дано на его нужды 30 к.

16. За поправу старого мундира портному дано 65 к., за шлифи 10 к.

17. —

18. Писаны писма въ Москву по почтѣ до Гамаліи, до Красінского и до поддячего Бѣляева, да до жены въ домъ. Заплачено за оные писма 26 к.

19. Синъ бывшого полковника нѣжинского Божича отехалъ и чрезъ него подъ числомъ 15 писанные писма отпущены. За таѳу красную до черкески 2 р. 78½ к. За шолкъ и табиновую матерію 27 к., за бархатъ 1 р. 20 к., щипцы желѣзные сину до убираня волосовъ 24 к., за кошеліокъ 1 р., за ленту черную и за проч. 17 к.

20. Были въ дворцѣ.

21. Поздравляли рано великую княгиню, которой 17 лѣтъ кончилось, и были у ручки. По обѣдѣ былъ балъ, а вечеромъ иллюмінація.

22. Погребали жену князя Костантина Дмитріевича Кантеміра, которая дочь была князя Димитрія Михайловича Голицина, въ Невскомъ монастырѣ.

23. За направу бачмаковъ и сапоговъ Василевыхъ сапожнику дано 25 к., портному Козмѣ 40 к., за мило и шнурокъ 6 к.

24. На перевозъ вчора, какъ ездилъ посѣщать болного Соколовского на Василевской островъ до дѣтей и сего дня, пошло 10 к.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея императорского величества поздравляли израна первей разныхъ господъ, потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, якое имѣлъ проосвященный Стефанъ Каліновскій, архіепископъ велико-новгородскій. Тамъже, при присутствію самой государини подъ балдахиномъ, съ великимъ княземъ и великою княгинею, изволившей кушать, и мы у стола государева кушали, а послѣ обѣда былъ балъ и въ вечеру иллюмінаціи противъ дворца, при корпусѣ кадецкомъ и около крѣпости, тако-жъ и по всѣмъ домамъ.

26. При пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изволила государиня и великій князь и великая княгиня переехать въ лѣтный дворецъ, и тамъ-же освященіе было новопостроенной

церкви во имя Пресвятыя Тройцы. За направу каѳана и проч. да за передѣлане черкесин дано портному 50 коп.

27. Раню и на обѣдѣ были въ дворцѣ, а по полуднѣ въ комедіалномъ домѣ на оперѣ, которая чрезъ нѣсколько годинъ въ дѣйствіяхъ продолжалась.

28. На разные потребности пошло 23 к., за платокъ бумажный синій 30 к., изъ сего числа противъ

29. Капитанъ гвардіи измайловского полку, князь Сергій Ивановичъ Борятинской надъ чаяніе умре.

30. Куплена для сина епанча красная, за которую дано 7 р. 50 к., за направу чолокъ и на проч. 23 к.

Маій.

1. За матерію подъ тую епанчу паплінъ и за шолкъ и гарусъ дано 2 р. 86¾ к.

2. Для отобраня за три мисяци кормовыхъ денегъ 300 р. ездилъ въ крѣпость Василь Гудовичъ и отобралъ оные деньги. Ивану Рудому куплены штаны, двѣ рубашки и поясъ жолтый, дано за все 95 к.

3. Звалъ насъ къ себѣ на сватбу переводчикъ иностранной коллегіи, Иванъ Андріевичъ Данилевскій.

4. Оный Данилевскій вѣнчался въ церкв҃ѣ Исаакія Далмацкого, потомъ мы были у него на сватбѣ съ Павломъ Скоруппою. Розышлось 15 к.

5, 6 и 7 числъ розышлось сину Василю на чолки шолковые 2 р. 50 к., а на другіе его-жъ разные потребности 1 р. 51¾ к., да на мои разные потребы 1 р. 68 к.

8. Государиня изволила отехать въ Царское Село для освященія церкви.

9. Великій князь ездилъ въ Катеринъ-Гофъ.

10. Сину Василю на перчатки дано 10 к.

11. Были у Александра Ивановича Головина. За чолки для мене 15 к.

12. За направу моихъ перчатокъ 30 к.

13. Писаны писма 1-е въ Москву до Ивана Гамаліи, 2-е до архимадрита донского отца Кирила, да въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

14. Государиня изволила прибыть въ С.-Питербурхъ изъ Царского Села. Мы были у графа Розумовского.

15. Принималъ сухую ванну.

16. Иванъ Ялоцкій, служитель, уйшолъ. Ездили на Василевскій островъ и у Новоторжцова, и у дѣтей, и на бѣржи были.

17. За направу чолокъ синовѣ 12 к. Портному за роботу 25 к.

18. Недѣля Сошествія Святото Духа. Въ дворцѣ были на службѣ.

19. Скоропадского дѣти у насъ были и обѣдали.

20. Мы обѣдали съ архіереями у преосвященного архіерея новгородского, архіепископа Стефана Калиновского.

21. Я одинъ у преосвященного крутицкого Платона Малиновскаго обѣдалъ. Графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій пожалованъ въ академію наукъ презесомъ. За чолки бѣлые шолковые, сину Василю купленные, даны 2 р. 50 к.

22. Отписалъ къ брегадиру Витковичу на его писмо въ Псковъ.

23. Опредѣленъ оберъ-гофъ-мейстеромъ до князя великого князь Василій Никитовичъ Репнинъ, генералъ фелтцехъ-мейстеръ.

24. Ялоцкій приходилъ и наказанъ.

25. Рано будучи въ дворцѣ, поздравляли графа Кирилла Григоріевича Розумовского пожалованнымъ чиномъ. Vixa cum Hudovitz ad mensam.

26. Явилъся салдатъ съ писмами изъ Глухова. Взяли позволеніе у графа отехать въ Кронштатъ.

27. Писаны писма до Скоропадского и до жены. Отехали на яхтѣ, называемой Аранибомъ, до Кронштата, при офицеру морскомъ Ивану Михайловичу Силиванову, и прибыли туда позно...

28. Въ Кронштатѣ вездѣ водилъ насъ капитанъ флота морского Андрей Ивановичъ Полянскій, и у него на квартерѣ были, за которимъ жена полковниковъ рыбянского и харьковского Тевяшовыхъ сестра Марія Ивановна.

29. Отехали зъ Кронштату и за непогодою ночовали на устѣ Невы.

30. Прибыли въ С.-П.-Бурхъ.

31. Были у графа Розумовского и подалъ я сенатскаго мнѣнія копію о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Были вечеромъ у преосвященного переславского Арсенія. Сину Василю до шпаги ефесъ купленъ за 1 р. 20 к.

Юнъ.

1. По службѣ Божой изволила государиня віехать до Пітеръ-гофа при пушечной палбѣ.

2. Синъ Василь у принца Августа былъ. Господъ Толстыхъ сестра, а маіора конной гвардіи Салтикова жена, умре.

3. Сину Василю купленъ на плате сундукъ за 1 р. 20 к. Великій князь и великая княгиня отехали до Питеръ-гофа.

4. У принца Августа синъ Василь отобралъ писмо о себѣ до тайного его императорского высочества государя великого князя совѣтника Вестфалена, чтобъ въ городѣ Килѣ въ тамошней академіи синъ мой учился и столъ государевъ имѣлъ.

5. У преосвященного Тодорского, епископа псковского, обѣдалъ я съ Гудовичемъ. За гарусные чолки и за штаны, сину Василю купленные, даны 1 р. 20 к.

6. Были съ Гудовичемъ въ сенатѣ и въ штатсъ-канторѣ онъ.

7. Были въ крѣпости на панахидѣ и обѣдали у архимадрита рождественского Платона Петрункевича.

8. Вечеромъ отехали до Пітеръ-гофа и прибыли туда по полночи въ 3-мъ часу.

9. Въ Пітеръ-гофѣ пожалованъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ генераломъ адютантомъ, графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій кавалерію св. Анны. Ночовали мы въ мизѣ Головинской, графу Розумовскому пожалованной.

10. Были рано у графа и съ нимъ имѣли розговоръ о дѣлахъ малороссійскихъ, потомъ обѣдали у стола оберъ-маршалского. Камеръгеръ Никита Андріановичъ Вожжинскій пожалованъ кавалеріею св. Анны. Отехали изъ Пітеръ-гофа и ночовали въ той-же графской мизѣ.

11. Возвратились въ С.-Пітеръ-бурхъ. Писалъ въ Москву къ Ивану Гамаліи и писмо включилъ объ немъ отъ духовника до князя Ивана Василіевича Одоевского, вотчинной коллегіи президента и до Скоропадского въ Глуховъ, чрезъ салдата гварнизону глуховского Кручкова.

12. Были въ дворцѣ у Стефана Федоровича Апраксина за дѣломъ полтавскимъ. Лейбъ-компаніи адютантъ Зотовъ похороненъ въ Невскомъ.

13. Юнгансу даны на росходъ для дѣтей 50 р. Государиня изволила прибыть въ С.-Питеръ-Бурхъ.

14. Были рано у графа. Государиня ездила послѣ обѣда посѣщать болного гофъ-квартермейстера Петра Ивановича Гагина.

15. Были въ дворцѣ и у ручки государини. По обѣдѣ званъ Гудовичъ до г. Шувалова. Государиня изволила отехать въ Царское Село.

16. Былъ у духовника за денгами, да у оберъ-камеръ-гера Бернголца съ синомъ. Подано доношеніе наше въ сенатъ о сотнику вибелскомъ Николаю Тризнѣ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у г. Носка, учителя племѣнниковъ господина Розумовского.

18. Отобралъ у духовника 200 р. денегъ. За мите рубашокъ синовыхъ 30 к., за писма изъ почты полученные изъ Москвы 46 к. Секретарь Новоторжцевъ былъ у насъ.

19. Сотникъ вибелскій Тризна отехалъ до Пітеръ-гофа.

20. За паперъ гербовую 6 к., за два замочки 16 к.

21. Юнгансу еще дано на росходъ 150 р. изъ денегъ, у духовника взятыхъ. За переписку копій поддячему артилерійскому 25 к.

22. Великій князь и великая княгиня вчора, а государиня сего числа въ ночѣ изволили прибыть изъ Пітеръ-гофа въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ.

23. Сину Василю куплены бачмаки за 70 к., зеркало и гребенци 30 к.

24. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены подъ числомъ 31-мъ къ посилки чрезъ сотника вибелского Тризну.

25. Посѣщали съ Гудовичемъ графа Мойсея Владиславича болного.

26. Подано доношеніе въ коллегію иностранную о пашпортѣ служителю въ чужіе краи, съ синомъ отпускаючомуся. Еще у духовника отобраны 300 р.

27. Даны Грицку на росходъ дорожный 10 р.

28. Государиня въ придворной своей церквѣ сообщалась св. таинамъ. Сотникъ вибелскій Николай Тризна отехалъ по почтѣ ночю [232]).

[232]) Посылка Тризны въ Малороссію объясняется слѣдующимъ письмомъ депутатовъ къ генеральной старшинѣ: «на поданные отъ всѣхъ малороссійскихъ登 становъ ея императорскому величеству, во время кіевскаго походу, челобитные все-

29. Тезоименитство великого князя праздновано, чего для его высочество изволилъ быть на набоженствѣ въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, где по молебствіи палено зъ пушокъ, тако-жъ и при столѣ, а пополдни въ 6 и 7-мъ часахъ былъ сездъ ко двору и балъ, а потомъ обрученіе было-жъ въ придворной болшой церквѣ графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершого Ивана Лвовича Наришкина дочерью. Онъ-же графъ Кирило Григоріевичъ рано послѣ обѣдень пожалованъ кавалеріею св. Александра, а маіоръ гвардіи преображенского полку Ушаковъ кавалеріею св Анны. Въ вечеру былъ у насъ отецъ духовникъ.

30. Рано были въ дворцѣ и поздравляли первей графа Кирила Григоріевича, потомъ и графа Алексія Григоріевича, у которого туть-же были и архіереи синодалніи и с.-питеръ-бурскій, а по службѣ Божіей туда-жъ пришедшей государини кланялись и были допущены къ ручки. По полднѣ палено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ изъ многихъ пушекъ, ради поезду государини водою до Катерингофа. Виданъ пашпортъ изъ иностранной коллегіи служителю Григорію Дмитріеву для проезду въ чужіе краи при сину нашемъ Василю. Розышлось 31 к. Пущалъ цилюрикъ кровь мнѣ банками, которому даны 40 к.

Юлъ.

1. Пашпорты сину и Григорію, виданные изъ иностранной коллегіи, подписаны въ коллегіи адмиралитейской.

2. Были въ дворцѣ у графа, где извѣстились, что по утру имѣетъ быть походъ государини и великого князя и великой княгини до Ревеля.

милостивѣйшую ея величества декларацію чрезъ его сіятельство, рейсграфа и кавалера, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что о избраніи гетмана въ Малороссіи на основаніи прежнемъ, по давнимъ нашимъ войсковымъ привилегіямъ и обыкновеніямъ, вскорѣ состоится, мы радостно получили, якой высочайшой монаршой милости здесь и ожидать имѣемъ. И нынѣ для того при семъ зъ попутенными, изъ высоко правительствующого сената о малороссійскихъ до скарбу войскового надлежащихъ зборахъ, указами панъ сотникъ вибелскій Николай Тризна въ Глуховъ нарочно отъ насъ отправленъ. А какъ онъ вашихъ высокородій о состояніи малороссійскихъ дѣлъ, здѣсь благополучно происходящихъ, увѣритъ, о томъ имѣть свое благоразсмотреніе объявляемъ». Это письмо объясняетъ и главную причину дальнѣйшаго пребыванія Ханенка въ С.-Петербургѣ.

3. Рано графу отклонились, который велѣлъ дожидатись ея императорского величества возвращенія въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ изъ нинешнего походу, въ которій государиня съ дворомъ изволила, сего-жъ числа, въ 12-мъ пополуденномъ часу, віехать при многой изъ пушекъ палбѣ.

4. Въ сихъ дняхъ, кромѣ вышеписанныхъ 10 р., данныхъ на дорожные расходы для сина, еще розышлось на тѣ-же дорожные потребы 9 р. 59 к.

5. Писалъ писма до капитана поручика Марковича съ посилкою писма до протопопа петропавловского рижского собора, отца Сүмеона Ростовецкого, да до капитана флоту морского о отправленіи сина моего въ Любекъ, или прямо въ Киль. Сину Василю, отправляючомуся въ чужіе краи для наукъ, дано на содержаніе его тамъ 75 червонныхъ и 25 талерей битыхъ, да Григорію Дмитріеву особливо даны 5 червонныхъ, и сего-жъ числа онъ, синъ мой, съ Григоріемъ отехали на доншкотѣ до Кронштату съ молодими Скоропадскими.

6. Івану Рудому кухтику куплены сапоги за 80 к. Розышлось на прочее 25 к.

7. Были зъ Гудовичемъ у подполковника Матвія Прокофіевича Куліковского. Писаны писма въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ Іосифу и къ женѣ подъ числомъ 5—6-мъ.

8. На покупку ганишу до водки 8 к. Оный-же Куліковскій у насъ ужиналъ.

9. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей отехалъ изъ Санктъ-Питеръ-Бурха, а при немъ и Петръ Івановичъ Розумовскій и Левъ Сорока, чрезъ которого и писма вышепомянутые отпущены.

10. Писма, до сина Василя и до капитана морского флоту, Андрея Івановича Полянского, о Івану Политицѣ писанные, вручены ему, который сего числа имѣлъ и отездить въ Кронштатъ для поездки въ Голстинію въ Киль. Писалъ писмо до Скоропадского чрезъ Королкевича, который сего числа изъ Санктъ-Питеръ-Бурха къ Малой Россіи віехалъ.

11. Присталъ до мене въ службу Марко Козминъ Беленчукъ, полку кіевского, изъ Серединки. Похоронили въ Невскомъ монастырѣ басиста дворцовой пѣвческой музики, іеромонаха Іоасафа, вчора

скоропостижно умершого. Вчора были у кофишенка Александра Юліановича Савлукова. Скоропадскій съ Юнgансомъ и Елихомъ изъ Кронштата возвратились.

12. Оному принятому слузѣ Марку на харчъ въ складку дано 60 к. За поправу каламаря жестяного—3 к.

13. Послѣ обѣда были въ квартерѣ Василія Івановича Венякова, совѣтника отъ комисаріата адмиралитейства, который понялъ себѣ жену покойного Андрея Лизогуба дочь Татіану, прежде бывшую за Жоравкою (Тимофеемъ), а потомъ за Ленкомъ, где застали и Івана Жоравку съ женою его Евдокіею Герасимовною.

14. За переписку челобитной писцу артилерійскому осадной комисарской Василю Григоріеву 20 к., за гербовую бумагу 4 к., за печатку 3 к. Писано писмо къ сину Василю въ Кронштатъ о скоромъ его оттоль віездѣ въ намѣренный путь и ему-жъ послана печатка, да имъ-же занятыхъ у Григорія Политики 1 р. денегъ отданъ. За пузирокъ лекарства 15 к.

15. Подана челобитная съ аппелляціею по дѣлу съ Соколовскимъ генералу рекстмейстеру чрезъ Павла Скорупну. За доску каменную дано 8 к.

16. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Марку дано 13 к.

17. Генералъ інтендантъ адмиралтейства Головинъ обѣдалъ у насъ.

18. Куплено стекло зажигателное, за которое дано 20 к., да за оправу оного-жъ стекла въ дерево орѣховое 25 к.

19. Куплено 10 лимоній свѣжыхъ для посылки въ домъ за 60 к.

20. Писаны писма: одно до жены съ посылкою оныхъ лимоній, другое до Івана Гамаліи въ Москву и меморіалъ канцеляристѣ Яскевичу, который

21 числа, купно съ Кутневскимъ, отехалъ до Малой Россіи.

22. Первого морского полку отъ маіора Григорія Івановича Безобразова принеслъ ко мнѣ капралъ Григорій Шамановъ писмо отъ капитана морского флота Андрея Івановича Полянского, которому капралу дано 6 к. Писаны писма въ Кронштатъ 1-е къ сину Василю, 2-е до капитанши Полянской Маріи Івановны.

23. Оные писма отданы г. маіору Безобразову для пересылки до Кронштату.

24. 25, 26, 27 vacant. 28 рано былъ у генерала рекстмейстера Івана Івановича Дивова, стороны челобитной моей, съ аппелляціею поданной.

29. Былъ въ сенатѣ и челобитную взялъ для перецравки. Даны сторожу сенатскому 6 к., за папѣръ гербовый 3 к., и бутылка простого вина поддячому 6 к. Сего числа въ 8-мъ часу пополудни изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ статомъ возвратиться въ Санктъ-Питерь-Бурхъ и прибыть въ лѣтный дворецъ, при пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изъ многихъ пушокъ.

30 Тую-жъ челобитную знову подалъ генералу рекстмейстеру Дивову. Превеликая погода была изъ моря и наводненіе весь день.

31. Такая-жъ погода продолжалась и сей весь день и всю ночь.

Августъ.

1. Рано были въ дворцѣ у графа Розумовского и получили отъ него наставленіе быть у государственного великого канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмына; потомъ были въ службѣ въ дворцовой церкви и на водосвятіи, которое целебровалъ архіепископъ новгородскій, преосвященный Стефанъ Калиновскій. Послѣ въ болшой салѣ съ протчими допущены были до ручки ея імператорского величества.

2. Рано были у канцлера графа Бестужева-Рюмына и просили о главной малороссійской нуждѣ. Писалъ до сина въ Кіль и къ нему-жъ въ одинъ пакетъ включилъ писмо Григорія Политики до брата его Івана Андріевича Политики, съ синомъ моимъ отехавшого. За яловець, камфору и на другіе потребности пошло 25 к.

3. Получена вѣдомость, что корабли купеческіе, отшовши въ море, знову до Кронштату возвратились, ради бывшой великой погоды, чего ради писалъ къ сину, чтобы онъ въ Кронштатѣ перенесъся на государевъ пакетъ-ботъ изъ купеческого судна, ежели его тое писмо застанетъ въ Кронштатѣ.

4. Послѣ полдня былъ у капитана командира Воина Яковлевича Корсакова и прежное и вчорашное писмо вручилъ до сина для пересылки. Служителю Марку куплены сапоги за 80 к.

5. Рано ездили съ Гудовичемъ до оберъ-секретаря іностранной коллегіи Івана Осипова Пуговишникова, а потомъ были у

графа Розумовского и доносили, что канцлеръ намъ говорилъ о имѣющой быть сторони гетмана справкѣ. Въ 1-мъ часу по полднѣ всемилостивѣйшая государиня изволила отехать въ Царское Село съ нѣкоторою частію своего гофъ-штата, а оттоль и до Пітеръгофа. За 6 бритовъ дано 42 к.

6. Послѣ исповѣди въ Невскомъ монастырѣ удостоилъся сообщится Святымъ Тайнамъ Евхаристіи, а по поздней обѣдалъ у преосвященного С. П. Бурского Феодосія; потомъ простясь съ духовнымъ своимъ отцемъ, Софроніемъ намѣстникомъ, прибылъ въ квартеру и засталъ тутъ секундъ-маіора Ландлилицкого.

7. Обѣдалъ у Носка и тамъ видѣлъся съ секретаремъ его імператорского высочества Вінклеромъ. За ганишъ и на прочее розышлось 16 к.

8. Были рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова и просили о дѣлѣ сторони пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ.

9. Простилъся съ нами отежджающый племѣнникъ преосвященного Платона Маліновского, Алексій Малиновскій, за которымъ и інстаціалные писаны писма: 1-е до старшины генералной, присутствующыхъ въ войсковой енералной канцеляріи, другое отъ мене до полковника переясловского г. Сулимы. По полднѣ были у господина Венякова, совѣтника отъ адмиралитейского коммиссаріата.

11. Писалъ до жены и отдалъ оное писмо Павлу Скоруппѣ для включенія въ его пакетъ до дому отправуемый чрезъ сотника полтавского полку Павла Кота[233]), который сего числа по полдни, а съ нымъ Прокопъ Затиркевичъ отехалъ къ Малой Россіи, чрезъ него-жъ писалъ и до Скоропадского. Вечеромъ былъ на Василевскомъ острову у Новоторжцова и у молодыхъ Скоропадскихъ.

11. Обѣдали у насъ дворцовіи отъ строеній Лукянъ Кузмичъ Карзитовъ и Николай Андріевичъ Сорокинъ. Рано былъ съ Гудовичемъ у оберъ-камеръ-гера Бернъголца, отежджаюющого въ Голс-

[233]) Бѣлицкій сотникъ Котъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по какому то дѣлу, касавшемуся полтавскаго полка. При отъѣздѣ его Ханенко писалъ въ Глуховъ: «полтавского полку бѣлицкій сотникъ Павелъ Котъ въ порученномъ ему отъ полку интересѣ здѣсь ничего того не примпнулъ, что до его ревностного патріотства и доброй совѣсти касалось».

тинію, чрезъ которого писано и писмо отъ мене до сина въ Кіль, а по полднѣ у генерала рекстмейстера Дивова.

12. Писалъ писмо до жены въ домъ чрезъ адмиралитейского куріера, солдата 3-й роти первого морского полку, Уласа Столниникова, чрезъ него послалъ къ ней зеленого чаю полфунта, за якій далъ 1 р. На покупку нѣкоторыхъ потребностей до перешиваня каѳана гатласового зеленого пошло чрезъ руки портного 22 к. На гербовую бумагу въ рекстмейстерской канторѣ 9 к.

13. Изъ Пітеръ-гофа государиня изволила прибыть въ Санктъ-Пітербурхъ. Писалъ до Іосифа Красінского, управителя Толстыхъ, въ Москву о продажѣ запасу моего, въ вѣдомствѣ его имѣючогось, и тое писмо включилъ въ пакетъ, къ поддячему ямской канторы Якову Беляеву надписанный. За писма изъ почти полученніе зъ Москвы дано 6 к.

14. Рано былъ у маіора первого морского полку Григорія Івановича Безобразова, и тамъ въ капитанши Полянской, Маріи Івановны Тевяшовой, отобралъ писмо отъ сина моего Василя изъ моря, зъ корабля, прошлого іюля 28 писанное. Сего-жъ числа писалъ къ Скоропадскому въ Глуховъ и включилъ въ оное писмо пакетъ отъ господина брегадира Вітковича: якое писмо мое отдалъ графу Мойсею Івановичу Владиславичу для пересилки въ Стародубъ, а отголь изъ войсковой канцеляріи въ Глуховъ. Послѣ полдня былъ у мене капитанъ отъ флоту, Андрея Івановича Полянского синъ, Петръ Андріевичъ, сержантъ інгермоландского полку и принесъ ко мнѣ другое писмо отъ сина моего, зъ моря писанное, которому я подарилъ книжку молитвенникъ печерского друку съ тропарами.

15. Рано были у канцлера и у сенатора Голицина, потомъ въ дворцѣ службы Божой слушали, а передъ службою чинила отреченіе отъ римской вѣры съ дочеръю и синомъ княгиня Долгорукая, князя Сергія Долгорукого жена. Послѣ службы были допущены къ ручки государыни, потомъ и у графа Разумовского съ архіереями видѣлись. Обѣдалъ у насъ генералъ-інтендантъ, господинъ Головинъ, потомъ ѣздили въ дворецъ государевъ лѣтный для візити отданя Івана Жоравки женѣ, Евдокіи Гарасимовнѣ, которая дочъ родила Анну, сего августа 11. Ей-же была воспріемницею всемилостивѣйшая государиня 14-го числа и пожаловала оную перстнемъ, и

сергами дорогими, и крестомъ съ мощами. Наши были потомъ на комедіи.

16. Государиня зновъ изволила отъехать изъ П. Бурха въ Петергофъ.

17. Обѣдали мы у генерала інтенданта Головина, а по возвратѣ отъ него былъ у насъ кофішенкъ Савлуковъ, который хотѣлъ дать на вексель 200 рублей.

18. Ночью жестоко я занемогъ, и первей здѣлалъся поносъ, потомъ рвоты, отчего изнемогъ, принужденъ весь день лежать. За фунтъ мила дано 5 к.

19. Вечеромъ была у насъ Татіана Лизогубовна, Венякова жена.

20. Отослана чрезъ Марка къ отцу Барановскому, ключару Петропавловскому, книга латинская, которую я у него для читаня бралъ—*de monachatu*.

21. Отослалъ чрезъ хлопця Карпа книжку нѣмецкую до Носка—о. св. Өеодорѣ Стратилатѣ.

22. Куплена ночная лятарня хрусталная за 12 к.

23. На разные потребности, да за секиру розышлось 32 к.; за здѣланье кизекина 48 к.

24. Обѣдали у совѣтника Венюкова, а потомъ были у оберъ секретаря адмиралитейского Бориса Івановича Никитина въ домѣ его, на публичной улици, противу синіого мосту, имѣючемъся.

25. Великій князь и великая княгиня изъ Петергофа прибыли въ Санктъ-Петербургъ.

26. Писалъ къ сину Василю въ Киль, чтобъ онъ увѣдомилъ мене о своемъ до Любека и до Киля прибытіи, и въ его-жъ пакетъ сообщено писмо отъ Григорія Полетики, переводчика академіи наукъ санктъ п. бурской, до брата его Івана Полетики, и оные писма рекомендованы купцу Еллерсу, имѣючему ехать въ Любекъ и другіе Германіи мѣста, для пересилки до ихъ въ Киль. Рано были у насъ племѣнники графа Розумовского Василь Евфимовичъ Дараганъ и Михайло Власіевичъ съ учителемъ своимъ господиномъ Носко, мимоездомъ въ монастыръ Невскій. Надъ вечеръ были на Василевскомъ острову у капитана командира и рентмейстіра Семена Ивановича Лаптева.

27. Послѣ полдня былъ у мене купецъ іноземецъ Стефенсонъ, съ которымъ договорилъся, чтобъ чрезъ его руки пересилать деньги къ сину Василю, где онъ будетъ обращаться. Сего числа всемилостивѣйшая государиня изволила возвратится изъ Петергофа въ С.П.бурхъ.

28. Публикованъ указъ пяти копѣечной монетѣ ходить въ народѣ по 2 к. Григорію Политицѣ позичены 5 р. Прибыли въ Санктъ Пітеръ-бурхъ бунчучный товарищъ Іванъ Піроцкій и отставный полку чернѣговского, писаръ Іванъ Янушкевичъ. Отдано писмо отцу духовнику отъ Шоха, что онъ у господина Скоропадского въ Глуховѣ взялъ сто рублей денегъ.

29. Рано были у барона Черкасова и тамъ застали генерала Апраксина, потомъ слушали обѣдню въ дворци и обозный генералный былъ у ручки. Писалъ къ Скоропадскому о полученіи его писма, іюня 6 писанного, и чтобъ онъ въ домъ мой отписалъ о моемъ состояніи.

30. Передъ полднемъ въ 11-мъ часу изволила государиня съ великимъ княземъ и княгинею и придворнымъ штатомъ церемоніално ехать до монастыря Александро-невского, ради нинѣшного кавалеровъ С. Александра Невского празденства, и тамъ отслушавъ обѣдню, возвратится въ свой дворецъ, где былъ для кавалеровъ того ордина столъ публічный при многократной пушечной палбѣ. Сего 30-го числа рано были мы у вицеканцлера Михаила Иларіоновича Воронцова, возвратившагося недавно изъ чужестранныхъ государствъ, съ поздравленіемъ его сіятелству того возвращенія и нынѣшнаго праздника.

31. Рано были у князя Никиты Юревича, у Петра Ивановича Шувалова и у великого канцлера, потомъ у графа Кирила Григоріевича Розумовского, таже въ обѣдни въ придворной церкви, и въ салѣ къ ручки государини и великого князя допущены.

Послѣ обѣда смотрѣли въ новомъ зимнемъ дворцѣ новои пристройки.

Сентеврій.

1. Розданы служителямъ на сей мѣсяцъ кормовые денги, а именно 16 руб. 20 к.

2. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ до жены, и вручилъ оныя для включенія въ пакетъ Павла Скорупны къ отсилки чрезъ писаря запорожского.

3 и 4 Ничего не случилось.

5 Рано ездили съ поздравленіемъ и были у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у князя Голицина, потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, послѣ которой была палба изъ многихъ пушекъ, потомъ изъ пушекъ-же полковыхъ и отъ полковъ гвардіи и напольныхъ три залпы бѣглымъ огнемъ палено, ради тезоименитства ея императорского величества. Таже столъ былъ публичной, и государиня съ ихъ императорскими высочествы, великимъ княземъ и великою княгинею, изволила кушать на тронѣ подъ балдахиномъ въ салѣ лѣтняго дворца, а протчіе господа и дамы, такожъ и духовные персоны кушали у особливыхъ столовъ. Мы такожде имѣли столъ особенной. Передъ обѣдомъ пожалованы господа Александръ и Петръ Івановичи Шуваловы графами. Въ вечеру былъ балъ и преизрядная въ дворцѣ иллюмѣнація, а кромѣ того и по всему. С. П. Бурху домы и крѣпость и корпусъ кадецкій иллюміновани.

6. Купленъ шнуръ до діпліома и за оный дано 8 к. Григорію Політицѣ позичены еще 5 р. Рано были у графовъ Розумовскихъ обоихъ.

7. По службѣ Божой были у графа Румянцова, у графа Ушакова и у Петра Трубецкого, генерала фелтмаршала.

8. Рано были у віцеканцлера Воронцова, потомъ слушали обѣдню въ дворцѣ, а ея императорское величество изволила слушать службы Божіей въ церквѣ Казанскія Богородицы, а обѣдать у камеръ-юнкера Сѣверса. Въ вечеру начавшаясь въ комедіалномъ домѣ опера о Спипіонѣ продолжалась до 12 часа по полудни, на которой и государыня, и великій князь съ великою княгинею, и многіе господа, и многіе разныхъ чиновъ присутствовали.

9. Ничего не случилось.

10. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича и Василія Івановича Венюкова.

11. Рано были у графа Розумовского и одержали отъ него обнадеживаніе какъ о главномъ дѣлѣ нашемъ, такъ и другихъ общихъ рѣчахъ.

12. За нѣкоторые дѣла дано 15 р., а прежде 5 р. изъ общихъ денегъ. И сего числа ночью противъ

13 великое было изъ моря наводненіе. За замочокъ малый дано 4½ коп.

14. Такая-жъ непогода съ дождемъ продолжалась.

15. Куплено сукна на кунтушъ 4 аршины, дано за оное 8 рублей 80 коп.

16. Пущалъ кровъ изъ руки жилную адмиралитейскій хирургъ Гартманъ, которому данъ 1 рубль.

17. Покроенъ кунтушъ и до оного на шовкъ 24 к.

18. Превеликая изъ моря была погода и паче прежныхъ болшое наводненіе.

19. Обѣдалъ я и Василь Гудовичъ у преосвященного крутицкого, Платона Маліновскаго, которому въ сей день окончилось 4 года, какъ посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ, да съ намижъ обѣдалъ асессоръ партикулярной верфи Максимъ Івановичъ Карамишевъ.

20. Пожалованъ пѣвчій Кирило Ивановичъ Коченевскій именнымъ указомъ сотникомъ лохвицкимъ.

21. Рано были въ дворцѣ и тамъ по отслушаніи службы Божой допущены были къ ручкѣ ея императорского величества въ залѣ. По обѣдѣ былъ у насъ Өедоръ Ивановичъ Коченевскій и объявилъ объ ономъ пожалованіи брата своего.

22. Послѣ полдня изволила государиня отъехать въ Царское Село и другіе мѣста на охоту. Я обѣдалъ у дѣтей, Носкомъ обучаемыхъ, и тамъ-же видѣлся съ секретаремъ его императорского высочества Вінклеромъ.

23. Прислана мнѣ книга печатная, уставъ морской, не оправный, отъ адмиралитейской коллегіи секретаря Бориса Ивановича Никитина, чрезъ служителя господина Венюкова.

24. На литейной улицѣ построенной каменной церкви было освященіе храма преподобного Сергія чудотворца Радонежского, где и государиня при ономъ освященіи присутствовать изволила.

25. Ради праздника того-жъ святого Сергія изволила государиня до оной-же церкви на набоженство ездить церемоніално въ каретѣ пребогатой, отъ короля пруского въ подарокъ присланной, съ ассистенціею и другихъ премногихъ каретъ. Писано до жены писмо, которое въ пакетѣ до сожителници Василія Гудовича сообщено, чрезъ посилку графа Мойсѣя Владиславича. Послѣ полдня въ дворцѣ былъ куртакъ, предъ которого начатіемъ посолъ короля пол-

ского при приватной аудіенціи офферовалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому кавалерію Бѣлого Орла.

26. Рано были у графа и полученіемъ оной кавалеріи поздравляли. Потомъ слушали обѣдню во дворцѣ и пожалованы къ ручкамъ обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ. Обѣдалъ я у Ивана Журавки и отъ него пришедъ въ квартеру, захоровалъ жестоко.

27. Весь день былъ боленъ, а обозный Лизогубъ и Гудовичъ были у графа Р. рано, которымъ рекомендовалъ писать отъ насъ до Скоропадского подскарбія и Валкевича асаула генералныхъ о дѣлѣ невершенномъ стороны сотника ічанского Стороженка. Принесены отъ отца духовника денегъ 100 рублей мѣдныхъ, дѣтямъ Скоропадскаго надлежащыхъ.

28. За четиры пари петлицъ срѣбрнихъ до нового кунтуша дано 1 р. 83 к. Послѣ полдня былъ я у секретаря его императорского высочества господина Вінклера.

29. Писалъ писмо къ сину въ Киль по почтѣ, кое имѣлъ тотъ-же секретарь Вінклеръ туда при экспедиціи отправити. За шуфлядку, на диплiомъ здѣланную, дано столяру 30 к.

30. Оное писмо отослано къ Вінклеру. За 16 кунтушовъ малыхъ и 3 болшыхъ папыровыхъ дано 1 р. 56 к.

Октоврій.

1. Были у насъ по службѣ маіоръ драгунскихъ полковъ Львовъ съ другимъ офицеромъ и обѣдали, да предъ обѣдомъ жена Журавкина, а послѣ капитанъ поручикъ Марковичъ и господинъ Венюковъ съ женою. За оправу двохъ книгъ морского устава и полской псалтири дано 65 к.

2. Писано писмо въ отвѣтъ къ сотнику вибелскому Николаю Тризнѣ.

3. За роботу кунтуша суконного Стефану кравцю дано 50 к. За побѣлене и направу чайника мѣдного болшого 8 к. По силѣ именного указу арестовано деякіе пожитки и писма въ квартерѣ Василія Ивановича Венюкова.

4. Возвращены Ивану Янушкевичу данные имъ 50 к. Государиня изволила прибыть въ Санктъ-Питербурхъ.

5. Рано были въ дворцѣ и послѣ службы у ручки государини, потомъ у графа Розумовского съ архіереями. Въ вечеру былъ у насъ Новоторжцовъ съ женою.

6. Григорій Дмитрієвъ прибылъ отъ сина изъ Киля. Вечеромъ былъ у насъ Венюковъ. Грицку даны 4 р. на заплату шкиперу, который его привезъ изъ Киля.

7. Въ второмъ часу по полудни изволила государиня со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и великіе князь и княгиня переехать въ зимній дворецъ изъ лѣтняго при пушечной палбѣ изъ яхтъ, противъ лѣтняго дворца на Невѣ стоячихъ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства.

8. За поправу двохъ старыхъ книжокъ еще перепліотчику дано 8 коп.

9. Были мы въ дворцѣ зимнемъ первой разъ, и побувавъ въ квартерѣ Жоравковой, который ездилъ въ сенатъ для отправленій, надлежащихъ по его челобитнимъ въ силѣ именного указу, извѣстились, что нарочный куріеръ отправленъ въ Глуховъ для висилки отголь сюда къ отвѣту Валкевича и для описѣ купленныхъ добръ и прочихъ, маткою Журавковою владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, а мы въ день у господина генерала интенданта Головина.

10. Даны въ перепліотъ двѣ книги латинскіе, изъ Киля отъ сина мнѣ присланные, за которіе отъ роботы надлежитъ дать 80 к., и даны уже 15 к.

11. Писалъ до сина Василя въ Киль писмо противъ его писма, чрезъ Грицка полученного, и вручилъ купцу здешнему Івану Юрьевичу Стефенсону для пересилки въ Киль. На виручку вещей Грицковыхъ отъ таможни дано ему 41 к. Въ складку харчевую за его-жъ 40 к. За шесть бритовъ съ пожичками и бритовникомъ дано 60 к.

12. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу съ включеніемъ писма къ нему-жъ отъ Скоропадского, и отослано къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки, куда надлежитъ. Обѣдали у новоопредѣленного сотника лохвицкого Кирила Івановича Коченевского, купно съ братомъ его Өедоромъ Івановичемъ.

13. У его сіателства, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, государственного вице-канцлера, кушали обѣдъ, званніи отъ него нарочно.

14. За оправу двохъ книжокъ, отъ Василя сина изъ Киля присланныхъ, доплачено 65 к.

15. Писалъ писма къ Василю сину въ Киль, такожъ къ тайному совѣтнику и кавалеру Вестфалену по латинѣ, да до іеромонаха тамошнего, при церквѣ въ Килѣ обрѣтаючегося, отца Іова, и оные для отсилки въ Киль вручилъ секретарю г. Винклеру. Въ вечеру былъ у купца Івана Юревича и вручилъ ему 20 червоныхъ, чтобъ онъ тѣ денги перевелъ къ сину моему Василю въ Киль чрезъ своего въ Любеку корреспондента.

16. За оклейку паргамѣномъ ящика на дипліомъ далъ переплiотчику 30 к.

17. Писалъ писмо въ Глуховъ къ Скоропадскому, до Іосифа и въ домъ до жены, где и отъ Гудовича до его жены включено писмо, такожъ отъ дѣтей Скоропадского къ нему и отъ Янушкевича пакеты также сообщены.

18. За окование ящика на дипліомъ дано 40 к.

19. Рано были у оберъ-маршала Шепелева сторони гайдука Романа, потомъ у графа Воронцова вице-канцлера, таже въ дворцѣ и допущены были къ ручки государини.

20. Дано Грицку на его нужды 1 р., за горщикъ поливаный 3 к.

21. Отослалъ книжки латинскіе къ Григорію Политикѣ, а 5 изъ тихъ-же книгъ у себе оставилъ, за которые надлежитъ заплатить 4 р. 85 к., и заплачены.

22. Никуди изъ квартери не бывали. Писма вручилъ Роману гайдуку, въ Глуховъ подъ числомъ 17 писанные.

22. Ради именинъ обозного генералного Якова Лизогуба были званы гости на кушанье изъ дворцовыхъ пѣвчихъ, а въ вечеру былъ и господинъ Головинъ съ сожителницею, послѣ всѣхъ-же отехалъ секретарь Новоторжцовъ.

24. Весь день пролежалъ. Капитанъ гвардіи семеновского полку Полозовъ отправленъ въ Глуховъ.

25. Писалъ писмо до сина въ Киль съ посилкою ассиgнаціи, данной отъ купца иноземца Стефенсона до купца Реппенкгаgена въ Любекъ, чтобъ онъ заплатилъ сину моему 20 червоныхъ, которые здѣсь вручены отъ мене 15 числа сего теченія Стефенсону, и то мое писмо съ ассиgнаціею отдано секретарю Вінклеру для

пересылки по почтѣ въ Кiль. Сего-жъ числа далъ Василю Гудовичу изъ общыхъ денегъ 15 р.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ обѣдни слушали, а по полдни призиванъ нарочно къ графу Розумовскому, чрезъ скорохода, Василь Гудовичъ.

27. Послѣ полудня началась свадба графа Кирила Григорiевича Розумовского съ графинею Екатериною Iвановною Нарышкиною, которыхъ вѣнчано въ болшой дворцовой церквѣ въ 7-мъ часу по полдни.

28. Получили писма изъ Глухова о прибавки еще одного драгунского полку въ Малую Россiю на вiнтеръ-квартеру сверхъ прежныхъ 6-ти, указомъ опредѣленныхъ. Оная свадба и балъ былъ во дворцѣ даже за полночъ съ продолженiемъ.

29. Рано были мы у графа Кирила Григорiевича Розумовского и поздравляли его совершенiемъ бракосочетанiя. Потомъ были и у графа Алексiя Григорiевича съ такимъ-же поздравленiемъ. Отцу духовнику Ѳеодору Дубянскому вручилъ писма 1-е отъ Михаила Скоропадского, 2-е отъ прикажчика клишковского Шоха о денгахъ ста рублей, которiе у отца духовника надлежитъ здесь для дѣтей отобрать. Обѣдали у Жоравки, а вечеромъ былъ у насъ Новоторжцовъ.

30. Рано былъ въ сенатѣ Гудовичъ и освѣдомилъся, что репартицiя объ 7-ми полкахъ въ Малую Россiю докладивана изъ военной коллегiи и отъ государыни аппробована мимо сенатъ. Вечеромъ были у насъ Игнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и Петръ Петровичъ Верделевской.

31. Писано писмо отвѣтное къ бригадиру Вiтковичу и отослано оное къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки въ Псковъ, или где оный бригадиръ обрѣтается. Вечеромъ были въ квартерѣ нашей отецъ духовникъ Ѳедоръ Дубянскiй съ своею сожителницею и требовалъ, чтобъ я писалъ до Скоропадского о дачѣ его прикажчику клишковскому Шоху полтори тисячи рублей денегъ.

Ноеврiй.

1. По оному отца духовника требованiю писалъ я къ Скоропадскому о дачѣ Шоху полтори тысячи рублей, а въ томъ писмѣ дата написана 9-го числа сего мѣсяця.

2. Братъ економа артилерійского Кирила Бѣлоровского, Іванъ, женилъся на дѣвицѣ служебной графа Румянцова, породою зъ банкиръ. За оклейку ящика на диплiомъ, за починку панчохъ и на прочее пошло 13 к.

3. Рано были у графа Розумовского зъ Гудовичемъ два насъ и подали челобитную и меморiалъ о прибавленномъ седмомъ полку драгунскомъ отъ военной коллегiи.

4. Были всѣ въ дворцѣ и обѣдали у Жоравки, а потомъ онъ у насъ съ женою и новоженившыйся Бѣлоровскій съ своею женою были и подарили мене кошелкомъ, золотомъ шитимъ. Челобитные моя и Янушкевичева докладиваны въ сенатѣ 5-го числа.

5. За книжку Харитона Манентина, которая куплена для госпожи Головиной, даны 30 к., за фунтъ яловцю 5 к. Помянутымъ новобрачнымъ за подарокъ ихъ данъ 1 р.

6. Рано Гудовичъ у П. І. Шувалова былъ съ меморіаломъ, въ вечеру камергера Сиверса братъ, купецъ аглинскій, погребенъ въ лютеранской кирхѣ.

7. Писано писмо до сина въ Киль подъ № 2-мъ, обявляючи ему о посланной на 20 червоныхъ ассиgнаціи, отъ Стефенсона данной, и оное для отсилки по почтѣ вручено секретарю Винклеру. Рано были мы у графа Кирила Розумовского, а вечеромъ у насъ былъ отецъ духовникъ съ своею сожителницею и писма свои въ Глуховъ для пересилки отдалъ мнѣ.

8. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ, и сего-жъ числа рѣка Нева стала.

9. Въ сей день неделный обѣдни слушали въ дворцовой церкви и весь день въ квартерѣ оставались.

10. Прислалъ отецъ духовникъ сто рублей денегъ, тые, что прикажчикъ его Шохъ отобралъ въ Глуховѣ у г. Скоропадского. Изъ общихъ денегъ взялъ Гудовичъ на свою потребу 20 р., сверхъ прежнихъ 15 р.

11. Были насъ два съ Гудовичемъ у графа Кирила Г. Розумовского рано, а потомъ въ дворцѣ. Вечеромъ у насъ былъ Василій Венюковъ.

12. Пріехалъ въ С. П. Бурхъ Василій Танскій, бывшый полковникъ переяславский.

13. Онъ-же у насъ обѣдалъ. Получили писма изъ Глухова чрезъ салдата гварнизону тамошнего.

14. Около 12-го полуденного часа прибылъ въ С. П. Бурхъ асаулъ генералный Петръ Валкевичъ, у которого взята въ сенатѣ подписка о не съѣздѣ. Онъ-же обѣдалъ и ночовалъ у насъ.

15. Онъ-же, Валкевичъ, переехалъ на квартеру до каморъ-фуріера Ігната Кириловича Полтавцова въ домъ его новый, на Литейной меншой имѣючійся.

16. Были у сенатора князя Івана Василіевича Одоевского и у вице-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ, по выслушанія обѣдни, допущены къ ручки государыни. А вечеромъ былъ я съ обознымъ генералнымъ у каморъ-фуріера Полтавцова, где и отца духовника застали съ сожителницею. Сего-жъ числа отданы два пакеты, на имя Скоропадского подписанные, къ посилки чрезъ человѣка Григорія Михайловича Любисткова, отправляючогось въ Малую Россію.

17. Писалъ до Скоропадского, по требованію отца духовника, о дачи прикажчику его клинковскому полтори тисячи рублей, и къ нему-жъ включены писма: одно до старшины генералной отъ 29 октоврія, другое до жены моей о сину Василю съ посилкою его двохъ и одного отъ іеромонаха Іова писемъ, третое до племѣнника Іосифа и отъ сина къ нему-жъ писмо.

18. Оные писма въ одинъ пакетъ до Скоропадского впечатаны и отосланы отцу духовнику для отсылки по почтѣ въ Глуховъ. Отъ 7 по се число на розные дробязки розышлось 77½ к. Григорію Дмитріевичу на его нужды 38 к. Сего-жъ числа въ вечеру собиралисъ въ нашу квартеру Венюковъ съ женою, Іванъ Журавко, капитанъ поручикъ гвардіи Марковичъ и асаулъ генералный Валкевичъ для помѣркованя тяжебныхъ сторонъ.

19. Грицку Дмитріеву купленъ кожухъ за 2 р. 20 к., на протчее пошло 17 к.

20. Писано до сина въ Киль, съ сообщеніемъ цедулы отъ панеи, до мене писанной, и термѣны, какъ до ей имѣетъ отписать, подъ № 3, и писма Іосифового копіи. Ночовалъ въ монастырѣ Невскомъ у о. намѣстника Софронія.

21. Также исповѣдивалъся и по благости Божіей сообщался Святымъ Тайнамъ. Братъ Ѳедора Івановича Коченевского Кирило,

сотникъ лохвицкій, простясь съ нами, тако-жъ бунчучный товарищъ Петръ Савичъ, отъехали до Малой Россіи. За оправу стекла запалающого знову заплачено 15 к.

22. Письмо до сина для отправы по почтѣ въ Киль отослано до секретаря Винклера, писанное подъ числомъ 20-мъ. Писалъ до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, а въ Москву до Красінского, чрезъ Івана Ялоцкого, который съ указомъ сенатскимъ отъехалъ до Глухова; и ему-жъ даны отъ мене 3 р. и черкеска моя кофейная полсукенковая. Писалъ я и до Пскова къ брегадиру Віткевичу съ прилогомъ писма до протопопы рижского Симеона Ростовецкого и о книзѣ Телемакъ, у Богдана Николаевича Енгелярта имѣючейся, и отослалъ то писмо до вахмистра гусарского.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ. За поправу другой пары чолокъ дано 8 к.

24. Рано поздравляли всѣ станы имениницю государыню великую княгиню, а послѣ обѣдни были у графа Розумовского, и подалъ я прошеніе о моемъ дѣлѣ сторони жалованной грамоты на Куровъ и Чубаровъ.

25. Рано были у графа Шувалова, у графа Воронцова и у Н. Н. Трубецкого съ поздравленіемъ. Потомъ въ дворцѣ слушали обѣдни, где и казане имѣлъ преосвященный Платонъ Малиновскій, ради празденства вступленія на престолъ ея і. величества. Послѣ обѣда были во дворцѣ въ собраніи всѣ лейбъ-компанія и ужинали купно съ государынею въ болшой салѣ.

26—27. Нигде изъ квартери не бывали.

28. Писалъ писма въ Киль до отца Іова и до сина, по извѣстію оттоль до Григорія Политики отъ брата его Івана, тамъ-же учащогось, полученному. Писалъ тако-жъ до Өедора Ширая противъ его писма и вручилъ для пересилки Павлу Скорупѣ. Да писмо, передъ симъ писанное до Івана Андріевича Гамаліи, вручено салдату гварнизону глуховского, Гаврилу Лазареву Калугину.

29. Оные писма до отца Іова и до сина для отправленія по почтѣ въ Киль отосланы до его преосвященства, отца Симеона Тодорского, епископа псковского и нарвского.

30. Рано поздравляли нѣсколко кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, где всѣ оного ордина кавалери шли по парамъ къ церквѣ и изъ церкви, а за ними первей его

імператорское высочество, государь великій князь, потомъ и сама ея імператорское величество въ церемоніалномъ того-жъ ордина уборствѣ, съ висящыми на шіи на золотой ценѣ кавалеріями. По обѣдни имѣлъ въ придворной церквѣ проповѣдь архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ. Обѣдали кавалери святого Андрея за столомъ купно съ ея величествомъ и его высочествомъ. По обѣдѣ былъ балъ и иллюмѣнація въ вечеру.

Декабрь.

1. Получилъ писмо отъ сина зъ Киля чрезъ руки преосвященного Тодорского, въ которого и самъ былъ въ вечеру. Обявлена Янушкевичу резолюція сенатская по челобитнымъ нашымъ.

2. Vacat.

3. Въ вечеру были у г. Венюкова отъ комисаріата коміссара адмиралитейского, а потомъ у Сергія Алексіевича Безобразова гвардіи семеновского полку, которій имѣетъ за собою жену генерала и кавалера графа Ушакова племѣнницю. Юнгансу дано на росходъ для дѣтей 30 р., а еще додать надлежитъ 70 р.

4. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до сина противъ его писма, полученного 1-го числа сего мѣсяца.

5. За вичищене и направку дзигарка съ портретомъ дано 1 р. Писма, писанные вчера, отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія въ Киль по почтѣ.

6. Послѣ полдня былъ у насъ оный секретаръ Вінклеръ и привезъ двѣ писми: одно отъ отца Іова, другое отъ нѣкоторого Алексія Кириловича Долѣнского и книжку латинскую Epistolae obscurorum virorum. Въ вечеру былъ у мене-жъ Іванъ Андріановичъ Возжинскій съ женою своею Еленою Івановною. Розышлось на розницю 20 к.

7. Рано были въ дворцѣ и по службѣ Божой допущены къ ручки государыни.

8. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до Алексія Кириловича Долінского противъ ихъ писемъ и до Василя сина о отдачи.

9. Рано Павелъ Скорупа позванъ чрезъ поддячого въ тайную канцелярію въ крѣпость и тамъ удержанъ, а потомъ забраны его и писма и шкатулка. Писма, въ Киль писанныя, отосланы до секре-

таря Вынклера для отправы при експедиціи по почтѣ. Петръ Iв. Розумовскій пріехалъ.

10. На сказцѣ о пріемѣ указу по челобитю моемъ и Янушкевичевомъ, виданного изъ сенату въ войсковую генералную канцелярію, подписались я и Янушкевичъ, и той указъ намъ виданъ для перенесенія дѣла съ Соколовскимъ по апелляціи въ сенатъ. У отца духовника взялъ двѣстѣ рублей мѣдними денгами на щотъ господина Скоропадского и изъ оныхъ далъ Ювгансу на росходъ 70 р. къ прежнымъ 30 р.

11. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича и до Iосифа о посилки указу сенатского за дѣломъ съ Соколовскимъ, да до жены съ посилкою карти отъ сина Василя и писма отъ Алексія Долінского. Такожъ писалъ до отца Iоасафа Мѣткевича въ отвѣтъ на его писмо и съ прошеніемъ купить сиртъ, рибъ и уксусу три вѣдри. Янушкевичу за указъ и проч. дано 35 к.

12. Съ указами сенатскими о отставки закупщиковъ Шнурчевскихъ отъ закупу полку кіевского и съ писмами отправленъ по почтѣ и отъехалъ сего числа рано Өедоръ Жуковскій, чрезъ которого и въ Москву до Красінского о присилки водки и сала писано.

13 и 14. Vacant. 15. За направу старого дзигарка дано 1 р.

16. Вечеряли у насъ Iванъ Жоравко съ женою и секретарь Новоторжцовъ.

17. Vacant. 18. Ради рожденія ея і. величества было торжество при дворѣ, и по службѣ Божой имѣлъ проповѣдь преосв. Сумонъ Тодорскій, епископъ псковскій. Потомъ былъ публичный столъ въ болшой салѣ, где и мы обѣдали, а ввечеру были иллюмѣнаціи.

19. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу чрезъ адютанта его, поздравляючи его съ новорожденною дочерью. Яскевичъ пріехалъ. 20. Vacant.

21. Захоровалъ я на катаръ и кашель. Въ вечеру была въ комедіалномъ домѣ опера о Титѣ, которая отъ часа 7-го долго за полночь продолжалась.

22. Простились съ нами Василій Iвановичъ Венюковъ и жена его Татіана Андріевна Лизогубовна, отъежджая къ южацкой пристани.

23. Было освященіе церкви на конюшенномъ каменномъ дворѣ, где и государыня присутствовать изволила. Подано доношеніе въ

коллегію іностранную изъ канцеляріи генералной, писанное о дачи пашпорта для поезду въ чужые краи молодымъ Скоропадскимъ.

24. Писарь суда генералного Іванъ Піковецъ приехалъ въ С.-Питербурхъ. Отъ отца духовника прислано триста рублей срѣбрною монетою.

25. Передъ службою Божіею были у іхъ імператорскихъ высочествъ и допущены до ручокъ. Потомъ были у графа Розумовского съ поздравленіемъ, а по обѣднѣ и до ручки государыни допущены.

26. Ездили до канцлера и до другихъ господъ съ поздравленіемъ, а вечеромъ были у г. Полтавцова. Отосланы до духовника 4 р. 46 к.

27. Рано были у г. Румянцова, у гр. Кирила Григоріевича Розумовского, у духовника, а по обѣдѣ у генерала-індендаита Головина. Михайло Василіевичъ Стогоровичъ простился съ нами, чрезъ которого и писмо отъ Юнgанса послано въ Глуховъ.

28. Вечеромъ были у графа Мойсѣя Владиславича, где получилъ писмо отъ брегадира Вітковича, а прибывъ въ квартеру, застали Жоравка съ женою его, да Валкевича и Пиковця, которіи обѣдали у графа Евфима Владиславича.

30. Рано ездилъ до генерала-лейтенанта и кавалера Лівена, где брату его Андрею Григоріевичу Лівену, бригадиру, приехавшому изъ Варшавы, вручено писмо. Потомъ были на Петропавловскомъ острову у священника собору петропавловского, ключара, отца Василія Барановского, и у него-жъ обѣдали, и весь день пробавили, где были купно съ нами гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонской и поручикъ Іванъ Макаровичъ Шагинъ.

31. Помянутые 150 р. денги отданы інформатору Юнgансу на росходъ.

1747 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Рано были въ дворцѣ государевѣ и по поздравленіи графа Алексія Григоріевича Розумовского, слушали обѣдни въ болшой придворной церквѣ, где и казане изрядное имѣлъ архимандритъ

епархіи казанской спаскій Веніаминъ Григоровичъ. Я обѣдалъ съ писаремъ суда генералного Іваномъ Ніковцемъ у Івана Жоравки.

2. Вечеромъ были у преосвященного архіепископа новгородского Стефана Каліновского.

3. Послѣ полдни у насъ были пѣвчій Гаврило Головня съ женою и канцеляристъ сенатскій Іаковъ Тимофіевъ.

4. За два новые календари с.-пбургскіе дано 30 к. Вечеромъ были у секретаря Новоторжцова.

5. Писалъ писма въ Киль до сина и до Алексія Кириловича Доліпского подъ № 1.

6. На водосвятіи вся гвардія и другіе полки были въ строю, а Іордань и мѣста для государыни и іхъ імператорскихъ высочествъ устроены были на пристани, что при лѣтномъ дворцѣ. Послѣ водосвятія-же пушечная изъ крѣпости и изъ адміралітейства одинажды, а изъ пушекъ полковыхъ и изъ мѣлкого ружя троекратно палба была.

7. Послѣ службы Божой были мы всѣ трое у графа Р. и доволный имѣли разговоръ, а вечеромъ ездили къ іменинику Івану Константиновичу Яблонскому, гофъ-інтенданту, где и отца духовника съ супругою и другихъ гостей застали.

8. Получилъ писмо изъ Киля отъ отца Іова Чарнуцкого, и былъ у мене купецъ иноземецъ Іванъ Юрьевичъ Стефенсонъ съ извѣстіемъ, что сина моего дойшли 40 червоныхъ отъ корреспондента его, любского купца, Реппенъ-Гагенъ. Вечеромъ были у Петра Івановича Розумовского.

9. На разные дробязки розышлось 46 к.

10. Писаны писма въ Киль къ отцу Іову противъ его писма въ отвѣтъ и до сина Василя потому-жъ, якіе и подъ 5 числомъ писанные отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ до Киля подъ № 2. Нарочно званнія обѣдали у архіепископа сарского и подонского, преосвященного Платона Маліновского.

11. Были въ дворцѣ и по обѣдни у графа Р., а вечеромъ посѣщали недомогаючого асаула генералного Валкевича. Ночью былъ пожаръ въ монастирѣ невскомъ. Згорѣли пенжарен и майстеръ съ подмайстеримъ.

12. Былъ у графа рано Гудовичъ съ обявленіемъ сенатского указу объ отставки пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ, безъ указу передъ симъ отъ губернаторовъ кіевскихъ уставленныхъ.

13. Писаны писма въ Глуховъ до Якубовича, асаула енеразного, съ посилкою нового календаря, да до жены въ домъ съ приложеннымъ писмомъ до Гудовичевой и до племѣнника Іосифа съ картою, къ нему-жъ и отъ Янушкевича.

14. Изъ денегъ 500 р., у духовника взятыхъ, даны Юgaнсу на росходъ 100 р. Вечеромъ были у капитана поруччика Марковича, потомъ у Валкевича.

15. Капитанъ поруччикъ Марковичъ получилъ себѣ отпускъ, и мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ. У графа взялъ отправу и Павелъ Ласкевичъ, чрезъ которого и указы сенатскіе о отставки поголовныхъ пошлинъ пограничныхъ, и помянутые писма въ Глуховъ отправлены.

16. Оный Ласкевичъ отъехалъ до Малой Россіи по почтѣ.

17. Писалъ къ сину въ Киль противъ его писма, въ которомъ онъ себе экскузуетъ, что якобы его неправо до мене обнесено, и то мое къ нему писмо отправилъ чрезъ руки господина секретаря Вінклера подъ № 3.

18. Получилъ писма отъ сина къ себѣ и къ женѣ изъ Киля, отъ 9-го генваря нового стиля сего году писанные, которые прислалъ преосвященный псковскій. Вечеромъ былъ у отца архимандрита спаского-казанского Веніямина Григоровича, у которого и книгу взялъ для читанія. Капитанъ поруччикъ Марковичъ отъехалъ изъ С.-Петербурха и синъ сотника менского Кузмѣнского. Изъ 18-го противъ слѣдуючого числа умеръ нагло капитанъ гвардіи преображенского полку, Костантинъ Дмитріевичъ князь Кантемиръ.

19. Григорію Политикѣ позичены 6 р., а прежныхъ на немъ-же 5 р. 15 к. За карандашъ дано 15 к. Вечеромъ былъ у Носка и у преосвященного псковского.

20. Писалъ писмо въ Киль до сина Василя противъ его писма, отъ 9-го генваря къ намъ отъ него писанного, и отослано къ секретарю Вінклеру для отправи по почтѣ подъ № 4. Обѣдали у священника семіоновского отца Андрея Барановского, званніи отъ него ради рождшейся ему дочери, а вечеромъ были у Валкевича.

21. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до племѣнника Іосифа, до Андрея Кондзеровского и другое объ немъ до Якубовича-жъ, въ домъ до жены съ приложеннымъ отъ сина писмомъ, до швагра Өедора Корецкого и до сотника

мглинского Лисаневича противъ его двоихъ писемъ. Дѣти Скоропадского віехали изъ своей и почовали въ нашей квартерѣ.

22 генваря бывшій подскарбій, а въ отставкѣ енералный обозный Андрей Марковичъ умре въ Украинѣ. 22-го-жъ оные молодые Скоропадскіе, со всѣми при нихъ людми, въ томъ числѣ и при мнѣ бывшій Марко и Валкевичовъ Ілія, отъехали рано въ путь въ домъ до Малой Россіи, чрезъ которихъ и оные писма отпущены, да для нихъ-же на дорогу до рукъ Юнганса даны 50 р. и сира нѣмецкого половина послапа. Малого хлопця Евфима отъ Григорія Політики приняль въ услугу.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ и привезъ писмо изъ Киля, писанное отъ Політики до брата его, переводчика академіцкого.

24. За портретъ государыни на паперѣ печатній далъ 1 р. За лоскутки гатласу красного дано 20 к.

25. Были въ дворцѣ рано у графа, которій еще съ 19-го числа сего мѣсяца захоровалъ на подагру. Вечеромъ были на Василевскомъ острову у оберъ-секретаря военной коллегіи Авраама Артеміевича Навроцкого стороны указу, имѣется-ль какой о малороссіянахъ, въ арміи регулярную службу принявшихъ.

26. Писалъ писмо къ Скоропадскому объ отъездѣ дѣтей его, съ включеніемъ писма отъ Григорія Политики въ Глуховъ до канцеляриста Манжоса, по почтѣ. Вечеромъ былъ у мене кофишенкъ Александръ Юліановичъ Савлуковъ и ускаржалъся на Скоропадского за дѣло жени своей, не все присланное въ сенатъ.

27. Служителю секретаря Новоторжцова, имениннику, приходившему съ хлѣбомъ, даны 30 к. Самъ Новоторжцовъ въ вечеру у насъ былъ.

28. Рано пріехалъ протопопъ глуховскій, отецъ Алексій Галяховскій, а синъ его, канцеляристъ глуховскій, Петръ Галяховскій припровадилъ звѣрину битую—6 ногъ, 5 кабановъ, 5 сугаковъ, о которой съ представленіемъ ходили мы въ дворецъ, а потомъ къ оберъ-гофъ маршалу Дмитрію Андріевичу Шепелеву, у которого и обѣдали купно съ генералъ-маіоромъ Василіемъ Абрамовичемъ Лопухинымъ, да генераломъ маіоромъ Авраамомъ Петровичемъ Арапомъ. Въ вечеру съ Гудовичемъ и съ купцомъ брянскимъ Тихономъ Григоріевымъ Чамовымъ былъ у купца Стефенсона.

29. Былъ Гудовичъ рано у графа Р., а по обѣдѣ оба съ нимъ были перво у архимандрита рождественского володимерского, отца Платона Петрункевича, потомъ вечеромъ у графа Мойсея Владиславича.

30. Вечеромъ были у насъ Жоравко и суда генералного писарь Іванъ Пиковець, который вчера отклонился графу Р., а сего числа съ нами простилься.

31. Оному-жъ Пиковцю дали мы пашпортъ на свободный проездъ, и онъ прислалъ мнѣ красные чоботы и двѣ рубашки; чрезъ него-жъ отпущено писмо до Скоропадского стороны дела Савлукова, писанное подъ числомъ 27-мъ сего мѣсяца.

Февраль.

1. Послѣ полдни въ 3-мъ часу изволила всемилостивѣйшая государыня и іхъ імператорскіе высочества отъехать изъ Санктъ-Пітербурха до монастыря тихвинского для девоціи. Музиканты придворніе были у насъ.

2. Слушали обѣдни въ монастырѣ невскомъ и потомъ были у архіерея С. П. Бурского и у намѣстника, и у новоопредѣленного економа, а обѣдали въ квартерѣ и съ нами отецъ протопопъ глуховскій, который сего числа и переехалъ отъ насъ на квартеру въ домъ отца духовника.

3. Помянутіе придворные музиканты Василій Стефановъ изъ Коропа и Стефанъ Васиіевъ изъ Березной обѣдали у насъ. Получено писмо по почтѣ изъ Глухова зъ екстрактомъ о дѣлѣ гайдука Романа Струтинского.

4. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ. Розышлось на розницю 1 р. 14 к., да служителю секретаря Новоторжцова 15 к.

5. Надъ вечери приходили до обозного генералного Лизогуба протопопъ глуховскій Галяховскій и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, а у мене былъ Іванъ Жоравко и асаулъ Валкевичъ. Сего-жъ числа государыня и ассистовавшіе возвратились изъ тихвинского монастыря.

6. Куплены сани за 5 р. 25 к. и два хомути за 4 р., изъ общихъ денегъ. Да куплены Івану Рудому сапоги за 7 р., рубашки 60 к., панчохи 12 к. Хлопцю малому свитка 70 к., рубашки 27 к., поясъ 4½ к. Водки гунбарской 8 к.

7. Писалъ до асессора Шмидендорфа въ Киль и до сина Василя подъ № 5 противъ его писма, полученного мною сего февраля 4-го изъ Киля и пущенного генваря 26 нового стиля, и оные для отправленія по почтѣ въ Голстинію отослалъ къ секретарю Вынклеру.

8. Рано въ дворцѣ были, а послѣ службы Божой поздравляли тезоименитствомъ отца Феодора Яковлевича Дубянского, духовника государыни, потомъ и дворянина Өедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былъ у насъ Іванъ Жоравко.

9. Передъ обѣдомъ провожано тѣло капитана гвардіи преображенского полку, волоского князя Константина Дмитріевича Кантеміра, къ погребенію въ монастырѣ невскомъ. За граматику печатную на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ 80 к.

10. Рано были въ дворцѣ у руки его імператорского высочества государя, великого князя, ради празднованія рожденія его высочества, съ протчими. По службѣ Божіей въ церквѣ синодалные члены его-жъ высочество поздравляли, и по прибытіи изъ церкви въ салъ галлерею палено изъ пушокъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости, а ввечеру и болшая противъ зимного дому и корпуса кадецкого зажжены были иллюминаціи и весь городъ иллюмѣнованъ. Въ вечеру-жъ были у нась Өедоръ Івановичъ Коченевскій и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій, управитель смолного дворца, недавно изъ Малой Россіи прибывшій. Пожалованы кавалеріями святыя Анны генералъ інтендантъ отъ адмиралтейства Александръ Івановичъ Головинъ и генералъ екипажъ-мейстеръ князь Михайло Андріевичъ Бѣлоселской и 3 камергера.

11. Званныи отъ Өедора Івановича Коченевского, обѣдали въ домѣ его недавно купленномъ за тріумфальными аничковыми воротами, где съ нами въ компаніи были по обѣдѣ гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонскій, Яковъ Дмитріевичъ Красінскій, лейбъ-компаніи Михайло Івановичъ Коченевскій, Іванъ Жоравко и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Приходилъ звать насъ къ себѣ къ завтрешнему дню на свадбу Стефанъ Васильевъ, комнатній музикантъ, который у мунтъкона дворцового имѣетъ понять себѣ въ жену дочь его.

13. Оный музикантъ женилъся, толко на свадбѣ у него не были.

14. Рано были у господина Головина съ поздравленіемъ пожалованною ему кавалеріею и у него-жъ обѣдали и мимоездомъ посѣтили болного глуховского протопопа. Послѣ полдня отъехать изволила государыня съ нѣкоторыми придворными въ Царское Село.

15. Въ вечеру были у насъ Іванъ Журавко съ женою, секретарь Новоторжцовъ и у насъ-же ужинали.

16. Прибылъ куріеръ изъ Глухова съ вѣдомостю, что брегадиръ Ілѣнъ тамо скончался февраля 6-го, оный-же куріеръ-гварнизону глуховского прапорщикъ Георгъ Ансіо.

17. Послѣ полдня были мы зъ Валкевичемъ въ дворцѣ у Журавки, где съ нами былъ и поруччикъ Ѳедоръ Тарнавіотъ.

18. За писмо, по почтѣ отъ Івана Гамаліи полученное, постиліону 4 к. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ.

19. Писалъ къ Скоропадскому съ объявленіемъ, что еще у духовника тысячи рублей денегъ не отобралъ, и оное писмо, съ включеннымъ до племенника Іосифа о скорой присилки дѣла съ Соколовскимъ, отослалъ до секретаря Новоторжцова для отпуску оныхъ по почтѣ въ Глуховъ. Прибылъ служитель Гудовича Динисъ Тимофіевъ.

20. За универсалную карту Россійской имперіи дано 70 к. Былъ у отца духовника за денгами, Скоропадскому доводячимися.

21. Отданы 200 р. въ задатокъ іноземцю, у которого приговорили взять червонцовъ 500.

22. Писаны писма къ женѣ и до Івана Гамаліи, и до Григорія Демяновича, и оные отпущены чрезъ Диниса Тимофіева, Гудовичевого служителя, который рано и отъехалъ во свояси. Въ дворцѣ по службѣ Божой въ большой дворцовой церквѣ было обрученіе камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова съ Маѳѳою Семеновною Гендриковой, при присутствіи ея императорского величества и ихъ императорскихъ высочествъ. А ввечеру въ 2 часу по полдни вѣнчаніе было во дворцѣ-жъ великого канцлера графа Бестужева-Рюмина сина, графа Андрея Алексіевича, съ фрейлиною Евдокіею Денисовною и свадба. Въ 4 часу по полдни былъ у мене въ квартерѣ его императорского высочества тайный советникъ господинъ баронъ де-Пехлінъ, голстинецъ.

23. Писалъ писмо до Скоропадского о скорѣйшой присилки дѣла съ Соколовскимъ въ сенатъ, коего по се число не прислано. Подканцеляристу Сорокину дано 30 к. Перепletчику за газеты 6 к.

24. Послѣ обѣда были у Савлукова кофишенка и до позна у него забавились зъ Гудовичемъ.

25. Были съ нимъ-же рано перво у графа Кирила, потомъ и у графа Алексія Розумовскихъ. Обѣдали у Жоравки, который съ женою званъ съ протчими къ графу Бестужеву, великому канцлеру, на банкетъ, где и государыня и ихъ императорскіе высочества вечеромъ быть изволили.

26. Ездили на Василевскій островъ и тамъ первей были у секретаря Новоторжцова, потомъ у купца брянского Чамова.

27. Отобрана у отца духовника тисяча рублей денегъ для Скоропадского. Секретарь Вынклеръ привезъ мнѣ писмо изъ Киля отъ Долінского.

28. Вимѣнены червоныхъ 500 за рублевки, якихъ за оные червоные дано 1,115 р., за всякій червоный по 2 р. и по 24 к. Ездили на охоту, а оттоль заездили къ Валкевичу и у него до позна забавились. По полднѣ былъ у мене студентъ гамбурскій и принесъ писмо къ Еміху. Прибылъ канцеляристъ Гуленко марта 1-го.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, обѣдали въ квартерѣ. Рано-жъ презентованъ передъ дворцемъ полкъ гусарскій грузинскій. Послѣ полдни былъ у насъ генералъ інтендантъ и кавалеръ Александръ Івановичъ Головинъ, потомъ полковникъ Василій Танскій и у насъ вечерялъ. Росписался я въ пріемѣ 1,500 р. денегъ на письмѣ, отъ Скоропадского до отца духовника писанному, тако: выраженные въ семъ писмѣ деньги 1,500 р., которые у генералного подскарбія господина Скоропадского клинковскій приказчикъ Шохъ отобралъ въ Глуховѣ, я здесь въ Санктъ-Пітербурхѣ отъ его в. п., отца духовника, Өедора Яковлевича Дубянского вѣе сполна принялъ и на семъ подписалъ своеручно Г. Х. Н. Х.

2. Канцеляристъ Гуленко былъ у насъ и подалъ писма, межъ которыми и отъ жены я получилъ, писанное зъ Городища отъ 5-го февраля.

3. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 6, требуя у него отвѣту на прежніе пять писемъ и на 5 пунктовъ, т. е. о деньгахъ, издержанныхъ и наличныхъ, о квартерѣ, о столѣ, о хожденіи его къ церквѣ и о писмахъ къ Вестфалену и Шмидендорфу, передъ симъ

посланныхъ. Да писалъ-же и къ Алексію Кириловичу Доліпскому на его въ отвѣтъ писмо; и оные для отправы въ Киль отослалъ къ секретарю Вынклеру. За вѣски на червоные дано 60 к.

4. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадекого, до Якубовича, до Іосифа, да къ женѣ въ домъ, которое съ писмомъ отъ сина зъ Киля ко мнѣ писаннымъ, тако-жъ отъ Гудовича до жены его, адрессовано Якубовичу для отсылки, и сіи писма вручены прапорщику гварнизону глуховского Георгу Апсіо, отправленному изъ габинета по почтѣ. Того-жъ числа отъеждяаючому асаулу енералному Валкевичу вручилъ 450 червоныхъ за роспискою при писмѣ для отдачи Скоропадскому, и оные-жъ Валкевичъ купно съ Іваномъ Жоравкомъ и женою его по полдни отъехали изъ Санктъ-Пітербурха.

5. Vacat. 6-го на ночъ отъехалъ въ монастырь невскій и тамъ ночевалъ.

7. Тамъ-же, по имѣвшейся исповѣди у отца намѣстника Софронія Кришталовского, слушалъ обѣдни ранной, которую целебровалъ преосвященный Варлаамъ Скамніцкій, епископъ вятскій и велико-пермскій, и сообщился Святымъ Тайнамъ, а обѣдалъ въ квартерѣ. Розышлось 20 к.

8. Были во время обѣдни и послѣ обѣдни въ дворцѣ.

9. За сѣмъ портретовъ прежде бывшихъ россійскихъ государей царей дано 2 р. 10 к., которые для мене купилъ Григорій Політика.

10. Были надъ вечери у переводчика коллегіи іностранной Даниловского. Сего числа окончилося два года, якъ посвященъ преосвященный архіепископъ санктъ-пітербурскій и слютелбургскій Ѳеодосій Яновскій въ 1745 году.

11. Запасъ господина обозного енералного Лизогуба изъ Глухова пришолъ. Іоаннъ Андрей Емихъ вручилъ мнѣ свои писма къ отсылки до Глухова. Въ вечеру были въ дворцѣ у графа А. Г. Розумовского и имѣли передъ нимъ разговоръ о своемъ зде долговременномъ пребываніи.

12. Рано были у гр. Кирила Г. Разумовского и просили его о інстанцію до брата. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у преосвященного архіепископа крутицкого Платона Маліновского, а отъ него заезжалъ къ намъ Лука, свѣнскій намѣстникъ.

13. Рано были съ Гудовичемъ у графа А. Г. Разумовского и потомъ заходили до слѣпого Григорія Михайлова Любистка.

Дано сенатскому подячему 10 коп. Тихонъ Чамовъ пріехалъ изъ Тифина.

14. Преосвященный Тодорскій, епископъ псковскій, служилъ обѣдню въ большой дворцовой церквѣ, где и мы были. Рано берлины, лѣвія и другія кареты, отправленные въ Москву, повезены. Духовникъ съ намѣстникомъ михайловскимъ были у насъ въ вечеру.

15 Слушали обѣдни въ дворцовой большой церквѣ, потомъ были всѣ трое у гр. Розумовского, а безъ нашего въ квартерѣ бытія забраны всѣ вещи Павла Скорупны къ нему въ крѣпость. Въ вечеру приходилъ къ намъ простится подполковникъ бывшого слободского регулярного полку, Матвѣй Прокофіевичъ Куліковскій.

16 Рано поздравляли графа Алексія Григоріевича Розумовского тезоименитствомъ его завтрешнымъ, который съ прочими придворными обоего пола отъехали при государыни въ гостилицю за 60 верстъ отъ С. П. Бурха тамъ праздновати. Писано писмо до Скоропадского съ включеніемъ писемъ отъ Еміха къ нему и до синовъ его, такъ-же до Юнганса.

17. Преосвященный крутицкій Платонъ Маліновскій отъехалъ въ Москву. Швагеръ Александръ Корецкій прибылъ въ Ямскую и тамъ ночовалъ.

18. Оный-же швагеръ сталъ у насъ на время квартерою. Павла Скорупну випущено изъ крѣпости, и поехалъ онъ подъ конвоемъ капрала и солдата изъ С. П. Бурха, ночовалъ-же въ Ямской.

19. Оный-же Скорупна изъ Ямской віехалъ въ путь свой. Обсилку учинилъ секретарю Винклеру бутилю вишняку, двѣ бутилкѣ водки и слоикъ закусокъ—сахарныхъ порѣчокъ.

20. Приходилъ надъ вечери къ намъ служитель поручика гвардіи Өедора Тарновіота, побитій отъ него. Швагеръ Александръ Корецкій съ Яскевичемъ ездилъ къ секретарю Новоторжцову.

21. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 7 на его два писма въ отвѣтъ и съ посилкою къ нему писемъ отъ его матки и отъ дяди Александра Корецкого, да писма къ отцу Іову отъ намѣстника невского Софронія, и то писмо отослано до секретаря Винклера для отправы по почтѣ въ Киль. Подарены швагру Александру Корецкому 6 бритовъ съ футляремъ.

22. Были въ дворцѣ, где послѣ обѣдни имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій. Тамъ-же увидѣлъся съ нами архимандритъ рожде-

ственскій владимерскій Платонъ Петрункевичъ просилъ къ себѣ на обѣдъ въ день прійдучій Благовѣщенія Пресв. Богородицы.

23. Ездилъ рано на Василевскій Островъ до іноземцовъ купцовъ Кренинна и Елленбаха, которіи имѣютъ своего корреспондента купца въ Килѣ, Калуса Албрехта Віка, чтобъ чрезъ нихъ къ сину перевести денги.

24. Куплено сукна тонкого 4 аршины, дано 9 руб., полусукна 10 аршинъ, дано 3 рубля 30 коп.; за лотъ и четверть золотника шолку дано 23 коп. Швагеръ Александръ Корецкій переносился на квартеру, для себя нанятую, въ домъ Ѳедора Івановича Коченевского.

25. Были рано у князя Н. Юр. Трубецкого, у канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ обѣдни слушали, а кушали обѣдъ и даже до вечера пробавили на пѣтербурскомъ острову у архимандрита рождественского Платона Петрункевича.

26. Отпущены писма, писанные подъ числомъ 24 сего мѣсяца до жены и до племѣнника Іосифа, съ приложенною выписью съ челобитной явочной, на Березовского [224]) въ полковую стародубовскую канцелярію поданный о обидѣ отъ него въ Лотокахъ затѣянной, да до Скоропадского подъ симъ числомъ писалъ о томъ-же Березовскомъ и о сѣнѣ у Куровцѣвъ на 200 возъ забранномъ Суворовцями чрезъ пана Осколковского. Вечеромъ былъ у купца Кренинна, который до сина Василя денги перевести обѣщалъ.

27. Въ 7 часу по полдне былъ виносъ тѣла въ Невскій монастиръ умерлого сего марта 26, на 77 году отъ рожденія своего, генералъ-аншефа, сенатора и обохъ россійскихъ ординовъ кавалера, гвардіи семеновского полку подполковника и императорского генералъ-адъютанта, графа Андрея Ивановича Ушакова.

Дана шить черкеска изъ полсукенка и сукно ступовать передъ симъ купленное. За ручку до молочника, изъ гебану здѣланную, дано 20 коп. При дворѣ надѣтъ трауръ по отци и дядѣ ея імператорского высочества, государини, великія княжны, въ недавныхъ числехъ преставлшихся.

---

224) Тогдашній стародубскій полковой сотникъ, которому принадлежало соседнее съ Лотоками село Медвѣди. И Ханенко, и Березовскій усиленно скупали земли въ с. Лотокахъ и, мѣшая этимъ другъ другу, часто ссорились.

28. Было погребеніе въ монастирѣ Невскомъ помянутому генералу Ушакову, где и отъ полковъ пѣхотныхъ производилась палба бѣглымъ огнемъ.—За нѣкоторіе лѣкарства въ аптецѣ дано 6 руб. У духовника были въ вечеру.

29. Въ придворной церквѣ имѣлъ казанье діаконъ Савіцкій. Въ вечеру были у насъ архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, да намѣстникъ свінский Лука и долго просидѣли въ ночь.

30. Швагеръ Александръ Корецкій подалъ свою челобитную въ сенатъ о удостоенныхъ деревняхъ, у которого на квартерѣ и мы были зъ Гудовичемъ.

31. Подъячіе Яковъ Тимофѣевъ и Іванъ Воронецкій были у насъ и обѣдали. За матерію подъ карваніи [225]) до черкески 25 коп., за писмо принесенное изъ почти 3 коп. Два сенатора были въ дворцѣ съ нѣкоторими докладами.—Писаны писма въ домъ до жены и до швагра Ѳедора Корецкого, съ приложеннымъ писмомъ отъ швагра Александра Корецкого до жены его, да въ Глуховъ до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до Якубовича, о пересилки въ домъ моихъ писемъ. и вручены протопопу глуховскому Алексію Галяховскому. Писали мы обще до членовъ малороссійской генералной канцеляріи по требованю отца духовника, чтобъ отправлено бунчукового товарища Івана Андріевича Гамалію для обмежованія селъ Клишокъ и Чаплѣевки [226]).

---

[225]) Нарукавники, обшлага.

[226]) Села Клишки и Чаплѣевка, кролевецкаго уѣзда, незадолго передъ тѣмъ императрица пожаловала своему духовнику Ѳ. Я. Дубянскому, по ходатайству котораго тогда-же сдѣлано было распоряженіе о снятіи пожалованныхъ земель на планъ. Межеваніе этихъ селъ сдѣлано уже было въ 1746 г. и здѣсь идетъ рѣчь, кажется, только о формальномъ отводѣ Клишекъ и Чаплѣевки Дубянскому. Въ нашей библіотекѣ имѣется „планъ ея императорскаго величества высокопреподобнѣйшаго іерея Федора Яковлевича Дубянского малороссійскимъ его высокопреподобія вотчинамъ, села Клишекъ и Чаплѣевки, 1746 году“, съ надписью: „сей планъ описывалъ и сочинялъ, июля отъ 1 числа августа по 14-е число окончано, Геодезистъ Федоръ Хрипковъ“. Планъ этотъ замѣчателенъ, какъ памятникъ едва ли не перваго съ хозяйскими цѣлями межеванія въ Малороссіи XVIII в. Раньше въ Малороссіи межевалъ Меншиковъ свою Почепщину, но тамъ снята была лишь окружная межа.

Април.

1. Послѣ полдня первей у духовника, потомъ въ дворцѣ съ обознымъ генералнымъ Лизогубомъ былъ, а у насъ полковникъ Василій Танскій зъ Гроховскимъ до позна сидѣли.

2. Изрању былъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ у обозного генералного, и чрезъ нѣсколко часовъ съ нимъ самъ на самъ розговори имѣлъ доволные, а потомъ прислалъ ему и три бутилки вина волоского.—Куплено полотна бѣлого на нуждныя потребности 20 аршинъ, дано 80 коп.

3. Секретарю Михайлу Новоторжцову дочъ родилась и наречена Любовія, въ 11-мъ часу предъ полуднемъ. Служителю его, съ тою вѣдомостю приходившему, дано 10 коп.—Взялъ изъ общыхъ денегъ, на содержаніе насъ опредѣленныхъ, 40 рублей, а прежде за мною было 60 руб., и такъ уже было 100 р.

4. Изволила отъѣхать государиня въ Царское село.—Полковниця молодая Галаганна умерла въ Прилуцѣ [227].—Покойного Василя Мировича синъ Стефанъ, изъ Сибѣру пріѣхавный, сталъ у насъ на квартерѣ. Подъячій рекетмейстерской конторы Ѳедоръ Івановичъ Гординъ и Григорій Андреевичъ Сорокинъ были у мене.

5. Получилъ писмо зъ Киля отъ отца Іова. Вечеромъ былъ у швагра Корецкого, отъ которого ездилъ Якевичъ на Смолный дворъ къ Іліи Журману, зъ женою своею Агафіею Давидовною въ С. П. Бурхъ пріехавному.

6. Простился съ нами отецъ протопопъ глуховскій Алексій Галяховскій, которому и писма, подъ 31 марта врученные, впечатаны въ кооперту, подъ именемъ Бачинского и Дергуна канцеляристовъ подписанную, и вручены-жъ.

5. Рано былъ у Носка, потомъ въ сенатѣ, где и писмо мое отдано для пересилки въ Глуховъ, писанное до Скоропадского о присилки удостоеній, тестю въ 1736, а шваграмъ въ 1741 годахъ на деревнѣ данныхъ, или копій съ оныхъ.

8. Книгъ взялъ печатныхъ изъ академіи чрезъ Григорія Політику разныхъ за 9 р. 91 к., въ томъ числѣ для себе за 4 р.

---

227) Жена Гр. Игн. Галагана, дочь бунчуковаго товарища Андрея Дунина-Борковскаго. См. „Кіев. Стар.", 1883 г., ноябрь, стр. 459.

31 к., и совѣтовался о должныхъ мнѣ денгахъ съ Політикою. Вечеромъ былъ Гудовичъ у князя Івана Васильевича Адоевского, сенатора.

9. Писалъ писма въ домъ къ женѣ противъ писма еи, чрезъ Журмана полученного, да до Скоропадского съ сообщеніемъ меморіала войскового и челобитнои копій, где къ женѣ и писмо отъ швагра Александра Корецкого до его жены включено, а сообщены оные писма до значкового товарища, Іосифа Дмитріевича Рославця въ Макаричи, или Дмитрово для пересилки оттоль въ Івантенки до панеи Гудовичевой, къ Рославцю-жъ имѣли быть сосланы отъ шурина, купца бряпского, Тихона Григоріева Чамова изъ Бряпска.— Принималъ лѣкарство Sal anglicum laxans.

Былъ у насъ въ квартерѣ Ілія Журманъ мимоездомъ изъ дворця.

10. Гудовичъ въ дворцѣ видѣлся зъ Юріемъ Храповѣцкимъ и у него обѣдалъ.—Писмо отослалъ къ протопопу мглинскому, отъ сотника тамошнего Лисаневича писанное.

11. Званныи отъ Журмана, обѣдали въ Смолномъ дворцѣ мы трое и швагеръ Александръ Корецкий, а потомъ до него заехали, а Журманъ отъехалъ въ болшой дворецъ съ женою.—Рано былъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского Гудовичъ и объявлялъ намъ, что вскорѣ состоится указъ именный о гетманѣ.

Писаны писма подъ вчерашнимъ числомъ до профессора математики въ академіи килской Козіуса и до Івана Політики, тамъ учащогося, чтобъ то писмо оному профессору вручивъ, просилъ отвѣту и отвѣтъ переслалъ-бы брату своему Григорію Політикѣ, академіи с. п. бурхской переводчику, а для отсилки въ Киль тихъ писемъ отдалъ оные тому-жъ Григорію Політикѣ.—Перепліотчику при дачѣ книгъ въ оправу дано 50 коп.

12. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа, а вчера у графа-жъ былъ Гудовичъ одинъ для розговору о общихъ дѣлахъ.— Грицку данъ кунтушъ мой зеленый. Кравцю, которій шилъ кунтушъ изъ сукна и черкеску изъ полсукенка, за роботу дано 2 р. 20 к.

13 и 14 wacant. 15. Расплатка учинена за разные дробные покупки и рощотъ изъ Грицкомъ 2 р. 59 к.

16. Слушалъ обѣдни въ Невскомъ монастирѣ и тамъ-же, по благости Божыей, удостоился, одправя исповѣдь предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, святого причащенія Евхаристіи.—Розышлось 23 к.

17. Набоженство нощное о Страстехъ Христовыхъ и царскіе часы въ своей квартерѣ отправляли.—Началъ переводить Малярдовы до покойного преосвященного Ѳеофана Прокоповича отвѣты о вѣрѣ нашей и о римской и протестантскихъ религіахъ.

18. Послѣ полдня захоровалъ жестоко на поперекъ (поясница), что якъ легъ на кроватѣ, то и повернутись не могъ.—Доплачено перепліотчику за книги 29 коп.

19. Въ сей Свѣтлого Воскресенія Господня день, ради показанной болѣзни, ни въ церкви не былъ, и изъ ложка ни на малый часъ встать не могъ, а наши на набоженствѣ въ дворцовой церкви у ручки государини и въ великихъ князей были.

20. Вечеромъ былъ у насъ архимандритъ іеросолимский Агапій и на благословеніе отъ святѣйшого патріарха іеросолимского Парѳенія поднесъ крестикъ и разрѣшителную грамоту.

21. Пущалъ мнѣ кровь изъ медіанки лейбъ-медикусъ его імператорского высочества Гугонъ, которому даны 2 р.

22. Писано писмо въ домъ до жены чрезъ служителя графа Мойсѣя Владиславича, по почтѣ отправленного, въ которомъ писмѣ включилъ и помянутіе крестикъ и грамоту.

23. Были у мене камеръ-локей Милорадовичь и адъютантъ сербского полку, которій принеслъ ко мнѣ и пакетъ отъ брегадира Вітковича.

24. Писано писмо къ брегадиру Вітковичу въ отвѣтъ на его двѣ писми, да до Скоропадского съ посилкою его брегадира Вітковича пакету.

25. Въ сей день празднованія коронаціи ея імператорского величества былъ и я послѣ болѣзни первый разъ въ дворцѣ, и были у ручки государини, потомъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского, где съ многими персонами видѣлись, и поздравляли съ праздникомъ и нынѣшнимъ торжествомъ.—Нева прошла.

26. Послѣ полдни съ 6-го часа была опера въ комедіалномъ домѣ изъ гисторіи Митридата, на которой и ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества присутствовать изволили. Получены писма изъ Глухова отъ разныхъ, въ томъ числѣ и отъ Ѳедора Чуйкевича. Данъ 1 р. маіору Воеводскому чрезъ слугу его.

27. Рано былъ Гудовичь у графа Алексія Григорьевича Розумовского и возвратясь обнадежилъ обозного генералного Лизогуба

и мене скорымъ отпускомъ съ милостію ея імператорского величества, а ему до времени здесь оставаться по собственному государини приказу.

Обозный генералный и Гудовичь ездили на обѣдъ въ Смолный дворецъ съ Журманомъ, а у мене были пѣвчій Лозовскій и гайдукъ івантенскій, которій сказалъ, что Іванъ Ломака, пріехавшый сюда челобитствовать, умеръ сего числа въ Ямской.

28 Писалъ писмо до сина въ Киль подъ № 8-мъ, тако-жъ и до асесора Шлиденодорфа по латинѣ, и отъ сина требовалъ обстоятелного отвѣту на писмо мое, отъ 3 марта писанное, и отослано къ Вінклеру.

29. Послѣ полдня была въ оперномъ домѣ комедія французская, на которой и мы были.—Писмо до Скоропадского съ пакетомъ отъ Вітковича включено въ пакетъ между писма обозного генералного, въ Глуховъ писанные.

30. За цвѣтки китайскіе дано 1 р.—Рано были зъ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Алексія Григорієвича Розумовского, которій велѣлъ еще дожидаться отправки съ терпеніемъ. Послѣ обѣда былъ у насъ Өедоръ Коченевскій и долго просeдѣлъ. Полку миргородского сотникъ уцтивицкій Ламанъ у насъ обѣдалъ.

Май.

1. Нарочно званный отъ Іліи Журмана на Смолный дворецъ обѣдалъ у него и въ банѣ мылъся.—На направу коляски для покупки кожи и гвоздиковъ дано 30 коп.

2. За румяны китайскіе пять штучокъ дано 20 коп.—De vespere exprobabam aliqua inconvenientia A. Koreccio, post quod ille cum ira abiit.

3. Были въ дворцѣ и у графа, потомъ обѣдали на Смолномъ дворцѣ у Журмана, где видѣлись и съ преосвященнымъ переясловскимъ Арсеніемъ Могилеанскимъ и отцемъ Никаноромъ.

4. Переплетчику еще дано 20 коп. за оправу переводу Апологіи о вѣрѣ и придворного календара. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а изъ ранку отправовалась публічная панахида въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, по цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Послѣ вечерень былъ зъ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича.

5. Писалъ писма въ Киль: 1-е до отца Іова Чарнуцкого, чтобъ увѣдомилъ мене о сину моемъ, о его наукахъ, о поступкахъ, о квартерѣ и о денгахъ, 2-е до Алексія Долинского на его писмо, ко мнѣ отъ 30 марта писанное, и отосланы до отца Никанора, соборного монастира троецкого сергіевского, для отправленія при его писмахъ въ Киль.

Въ 7-мъ часу по полдни изъ нового зимного дворця изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, имѣть свой публічный въ пребогатыхъ каретахъ переездъ до лѣтнаго дворця при пушечной изъ крѣпости и адміралітейства палбѣ, въ препровожденіи гвардіи многихъ ездовихъ сержантовъ и нѣкоторого корпуса конной гвардіи.

Подписанъ указъ о гетманѣ.

6. За портретъ, тушевалною работою дѣланный на александрійской бумаги, государя великого князя Павла Петровича дано 1 р. 20 к.

7. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

8. За розцвѣченіе генералной россійской картины дано 20 коп.

9. Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и доволно позабавились, тако-жъ сотникъ Ламанъ и Яскевичъ.

10. Обѣдали у Журмана на Смолномъ дворѣ, куда при насъ пріехали войтъ нѣжинскій зъ капитаномъ Барономъ и синъ войтовъ Өедоръ съ швагромъ моимъ Александромъ Корецкимъ.—Государиня ночью изволила прибыть.

11. Былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ и сказовалъ, что пошлетъ своего человѣка въ Стародубъ съ писмами.

12. Дано поруччицѣ на шолкъ до шляпъ лѣтныхъ, кои велѣлъ ей для жены и дѣтей шить, 20 коп., за сѣрую бумагу до тихъ-же шляпъ 6 коп., за подошвы до сапоговъ 10 коп., за ганишъ и яловець 10 к.

13. Были на службѣ въ лѣтнемъ дворцѣ въ болшой церквѣ, потомъ въ салю болшую и къ графу заездили. За принесенный пакетъ отъ отца духовника, надписанный на мое имя, съ писмами ко мнѣ однимъ, а къ Александру Корецкому болшимъ пакетомъ отъ Якубовича, асаула генералного, заплатилъ 20 коп.

14. За шесть локоть ленты алой до предпомянутыхъ шляпъ 36 коп.—Рано былъ Гудовичь въ сенатѣ и освѣдомился, что указъ именной, сего мая 5-го числа подписанный, о избраніи гетмана нового въ сенатъ присланъ. Предъ обѣдомъ учителю Еміху по писму Скоропадского даны 20 рублей. Вечеромъ были у преосвященного псковского Сумона Тодорского, а потомъ и у Ѳедора Ивановича Коченевского.

Сего числа Александръ Корецкій отъехалъ до Кронштату.—Писалъ писмо въ домъ до жены и отдано графу Мойсѣю Владиславичу для отсилки въ Стародубъ при его писмахъ.

15. За набалдашникъ костяный дано 25 к., за нефть 11 к. Послѣ полудня былъ у насъ пріехавшій изъ Китаи Герасимъ Кириловичь Любартовскій и признался ко мнѣ съ свойствомъ. Швагеръ Александръ Корецкій возвратился изъ Кронштату.

16. Писаны письма, одни подъ вчерашнымъ, другіе подъ нынѣшнымъ числомъ, въ Глуховъ до Скоропадского, до Василевича и до Івана Гамаліи, да до Іосифа, въ отвѣтъ противъ ихъ писемъ, и включены въ одинъ пакетъ до Скоропадского.—Шляпы для жены и для дочери здѣланные прислала поруччиця.

17. За четири книжки латинскіе дано Політикѣ 1 р. 15 к.—Государиня отъѣхала.—Послѣ полдня были гости мунштенкъ Іванъ Андріановичь Вожжинскій и переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій съ женами, тако-жъ совѣтникъ Постелниковъ и маіоръ (*пропускъ*) поліцейскій.

18. Писма, подъ 16 числомъ писанные, включены въ пакетъ обозного генералного къ асаулу артилеріи обозной Карпѣки. Послѣ полдня проездили къ Ямской, а поворотясь заездили къ шваргу Александру Корецкому.—Іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, отъѣхать изволили въ Царское Село.

19. Послѣ полудня проѣжджались за Невскій монастиръ.

20. Писалъ письмо до отца Іоанна брата и до сина его Іосифа и въ коопертѣ, на Іосифово имя подписанномъ, включены писма отъ Гудовича и отъ мене до Скоропадского съ копією, которые вручены Грошевскому, значковому полку кіевского, да чрезъ него-жъ и требованіе зъ сената о копіахъ удостоеній Корецкимъ, и писма до полковника Ізволского и до подполковника Яблонского отпущены.

21. Оный Грошевскій отъехалъ.—Рано былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ и нѣкоторый Потемкинъ, архимандритъ вятской епархіи, къ совѣтнику Демидову ради именинъ жены его Елени званный.—Я обѣдалъ у Журмана въ Смолномъ дворцѣ, а также въ банѣ милъся.

22. Ради рожденія великого канцлера Бестужева-Рюмина многіе гости знатніе обоего пола у его кушали, въ томъ числѣ и Журманъ съ своею женою, а послѣ оны-жъ и у насъ на квартерѣ были.—Великій князь и великая княгиня прибыли въ С. П. Бурхъ и государиня ночью.

23. Рано были въ дворцѣ, гдѣ имѣлась авдіенція присланному отъ римского цесаря и цесаревой посланнику. У насъ обѣдалъ Журманъ, а по полдни зновъ отъехалъ весь дворъ імператорскій до Царского Села.

24. Передъ обѣднями ездили до князя Н. Ю. Трубецкого, который на два мѣсяци въ приморскій домъ уволенъ, да до князя Алексія Дмитріевича Голицина, а по полдни были у А. І. Головина, генерала інтенданта адмиралитейского.

25. Писалъ писмо къ сину въ Киль, подъ № 8-мъ, увѣщеваючи его, чтобъ часто къ намъ относилъся и для чего чрезъ корабль килскій тамошнего обывателя Кляуса Албрехта Віка, при шкиперѣ Ганстє сюда прибывшій, не писалъ. Послѣ полдня былъ у насъ каморъ-лакей Милорадовичъ и ужиналъ съ нами.

26. Оное писмо къ сину отдано секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ въ Киль. Отставному прапорщику Жидкову дано 10 коп.

27. Послѣ полудня ездили на Смолный дворецъ, а отголь водою чрезъ Неву рѣчкою Черняткою и Малою Охтою для гуляня на дачу умершого генерала Ушакова съ Журманомъ и женою его ездили-жъ. Канцеляристу рекетмейстерскому Сорокину даны 20 коп.

28. Прошлои ночи и сегодня жестоко боленъ былъ на поносъ. Обѣдали у насъ переводчикъ Полѣтика и канцеляристъ Висоцкій.

29. Надъ вечери прибыли ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, въ лѣтный дворецъ.

30. Куплена Івану Рудому лакейская свита за 1 р. 30 к., да хлопцю Евфиму рубашки за—, штаны суконные за 30 к.

31. Поручицѣ за роботу двоихъ шляпъ для домашныхъ нашихъ далъ 1 р.

Юнь.

1. Рано былъ у полковника Танского и взялъ у него книжку полскую Братковского. За книгу печатную въ академіи наукъ «Совершенное наставленіе дѣтей» дано 40 коп. Послѣ обѣда были у капитана преображенского полку гранадерского, князя Александра Александровича Меншикова, да у муншенка дворцового Іоана Андріановича Вожжинского и у переводчика іностранной коллегіи Івана Андріевича Данилевского.

2. Послѣ полдня, за пріездомъ къ намъ Іліи Журмана, ездили въ академію наукъ для смотрѣнія электрическихъ экспериментовъ, которые намъ показивалъ профессоръ, а рано видѣли въ дворцѣ подлинный диплюмъ отъ покойного цесаря римского Карла VII, данный на достоинство графское Алексію Григоріевичу Розумовскому въ 1744 году.

3. За оправу книжки «Совершенного наставленія дѣтей»—12 коп.

4. Государиня изволила прибыть въ С.П.Бурхъ изъ Гостилици въ 4-мъ часу по полночи.—Купленъ колпакъ баволняный за 30 коп.

5. Были въ дворцѣ даже за полдень, а Гудовичъ рано у графа одинъ былъ и подалъ потребный меморіалъ. Пожалованъ дворяниномъ пѣвчій Яковъ Алексіевичъ Шубскій.—Куплена дюжина чашокъ фарфоровыхъ съ синѣми цвѣтами за 2 р. 90 к., за наконечникъ 5 коп.

6. Были также въ дворцѣ и благодарили графу за исходатайствованіе именного указа о гетманѣ. Григорій Політика получилъ писмо отъ своего брата изъ Киля и мнѣ оное обявлялъ.

7. Послѣ службы Божои и вечерни въ церквѣ Симеоновской были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского съ поздравленіемъ нынѣшнего Пентекостіи праздника. За «Примѣчаній» 1733 году книжку далъ 1 р. 20 к.

8. Рано были всѣ трое у графа Кирила Григоріевича, потомъ на службѣ Божой въ дворцѣ. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ на Охтѣ и кушать въ Смолномъ своемъ дворцѣ, а у насъ обѣдали графскіе люди, въ томъ числѣ Іванъ Барановскій, камордиперъ, и муншенкъ Дмитрій Воиновичъ.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, а въ Глуховъ къ Іосифу съ посилкою женѣ и дочерѣ Настусѣ шляпъ дамскихъ и 10 лимоній

свѣжихъ, за которые дано 35 коп., да до Скоропадского о отсилки тѣхъ писемъ и посилки. Такожъ писано къ сотнику мглинскому въ отвѣтъ на его писмо. Послѣ обѣда видѣлъся съ секретаремъ Вінклеромъ и былъ у преосвященного псковского.—Г. Скоропадскій женилъся на Марѳѣ Ширяевнѣ Чернышевой.

10. Писалъ къ Іосифу съ посилкою писма изъ Киля до архимандрита новгородского Аѳанасія. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а потомъ мы у него были до вечера на Смолномъ дворѣ.

11. Писма подъ числами 9 и 10 писанные, такожъ посилка шляпъ дамскихъ и лимоній вручены атаману заднѣпрского городка Архангелского Давиду Дзвиногродскому, который сего-жъ числа и отъехалъ почтою до Малороссіи.

12. Изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъездъ свой возъимѣть въ 12-мъ по полудни часу до Пітергофа при пушечной палбѣ изъ крѣпости и адмиралитейства болѣе ста выстрѣловъ.—Далъ шапку передѣловать шапочнику.—Іхъ імператорскіе высочества отъехали туда же 13 числа.

13. Рано былъ у его свѣтлости принца Августа, коадъютора высокаго штеѳта Любского и штатгалтера Голштинского и просилъ о призрѣніе на сина моего. Обѣдали и весь день пробавили у Журмана на Смолномъ дворцѣ. Писалъ до сина въ Киль подъ № 9 по почтѣ.

14. Обѣдали у насъ Ілія Журманъ и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій съ женами, да два студента изъ академіи и Григорій Політика, а потомъ были съ тими-жъ гостми, кромѣ студентовъ, у швагра Александра Корецкого и у Петра Івановича Розумовского.

Украдено у мене въ избѣ часы серебряные старые.

15. Почю противъ 16 числа немалый пожаръ былъ, казармы партикулярной верфи погорѣли.

16. Писаны писма въ Киль, одно до сина Василя, подъ № 10, о поездѣ принца Августа, о обхожденіи его тамъ честномъ, чтобъ онъ по окончаніи яко ни есть науки бралъ у профессоровъ аттестаты, о принятіи служителя помѣсячно или на четверть года, о посилки къ нему денегъ 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, о присилки вѣдомости о расходѣ прежныхъ денегъ, о отвѣтахъ отъ Вестфалена и Шлидендорфа и чтобъ отписовался ко мнѣ и къ матерѣ почаще, о посилки къ нему-жъ 3 слоиковъ закусокъ, молитвъ и вы-

писки о перегринаціи и феерверка Гостилицкого,—другое до отца Іова, чтобъ денги, посилаемые къ сину, принялъ въ свое содержаніе.

За золотникъ конциnелли 10 к., за слоикъ нефти 9 к.

17. Писмо къ сину, вчера писанное, и 60 червонныхъ, и закуски вручены секретарю его свѣтлости принца Августа Андрею Крозе. Сего-жъ числа въ 6 часу по полуночи графиня Евдокія Івановна Чернишева по 14 дневной болѣзни преставилась. Были вечеромъ у совѣтника Постелникова, а оттуду пріехавши, занемогъ я на колку. Швагеръ Корецкій отъехалъ въ Пітергофъ.

18. Весь день лежалъ боленъ. За два пузирки еліксиру даны 12 коп. Въ 8 часу по полдни былъ виносъ тѣла графини Чернишевой до монастиря Невского.

19. Оной же графинѣ погребеніе было въ Невскомъ монастирѣ. Послѣ полудня посѣщалъ мене секретарь его свѣтлости принца Августа Іоанъ Андрей Кроузъ, завтра отселѣ съ каммординеромъ Андреемъ Гагертомъ и протчею его свѣтлости свитою имѣющый отъежджать до Кронштата, а оттуда купно съ принцомъ въ Голстинію. Возвратилься швагеръ Корецкій изъ Пітергофа.

20. Писано писмо къ сину въ Киль, подъ № 11, чрезъ іеромонаха Невского монастиря Іосифа, отправляючогося на фрегатѣ, називаемомъ Москва, на которомъ и принцъ Августъ отъедетъ, да чрезъ него-жъ и до отца Іова писмо, подъ 16 числомъ писанное, сообщено при меморіалѣ, о чемъ имѣетъ онъ сину и словесно отъ мене сказать.—Принцъ Августъ отъехалъ въ Пітергофъ.

21. Послѣ обѣда отправилъся въ Пітеръгофъ Гудовичь за общымъ дѣломъ и вкупѣ поехалъ туда съ Журманомъ, которій съ женою, туда едучи, заездилъ и до насъ.

22. Надъ вечеры былъ у графа Мойсѣя Владиславича, где видѣлъся и съ княземъ волоскимъ Сергіемъ Дмитріевичемъ и съ докторомъ Кандоиды.

23. Послѣ полдня возвратилъся Гудовичь изъ Пітергофа, а мы изъ обознымъ были у генерала лейтенанта Радіона Михайловича Кошеліова.

24. Сержанту астраханского пѣхотного полку Іогану Рейсу позичилъ 4 р., а его застава—табакерка ясписовая и 8 камушковъ у мене осталось.

Предъ вечернями были у гвардіи измайловского полку маіора и генерала маіора Іосифа Івановича Гамфа и такъ о дѣлахъ нѣкоторихъ общыхъ, до военной коллегіи касающыхся, яко и о отпуску сержанта Горленка и о каптенармусу сибѣрского гварнізону Іоану Василіевичу сыну Мировичу представляли.

25. Послѣ полудня ездили на Василевскій Островъ и тамъ были у секретаря Новоторжцова, которого я просилъ и о дѣлѣ швагровъ моихъ Корецкихъ, взглядомъ удостоенія ихъ на дворы посполитіе.

26. Писаны писмы въ домъ до жены о томъ, что къ сину въ Киль посланы еще 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, да въ Глуховъ до Скоропадского о дѣлѣ графовъ Владиславичовъ и графини Борозновны и отданы для отсилки въ Стародубъ графу Мойсѣю Ивановичу.—За передѣлку шапки дано шапочнику 50 к.

27. По полдни въ 7 часу віехавъ изъ С.П.Бурха, прибыли въ мизу Головинскую графа А. Г. Розумовского и тамъ у Журмана ужинали и почевали.

28. Рано прибыли въ Пітергофъ и по службѣ были у ручки великого князя и великой княгини, потомъ были въ Мемплезирѣ и клапялись государинѣ, и зъ графомъ и протчими господами видѣлись. Обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского.

29. Передъ службою поздравляли великого князя съ тезоименитствомъ и у обоихъ были съ протчими у ручки. По обѣднѣ и молебствіи у отца духовника обѣдали, потомъ были въ салѣ болшой, где балъ отправлялься, а ужинали у стола государева въ Мемплезирѣ.

30. Рано были у графа и отклонились. Отъобѣдавъ же въ квартерѣ, отъехали изъ Пітергофа и прибывъ въ графскую Головинскую мизу, тутъ застали архіерея с.п.бурского, по которого отъездѣ мы тутъ и ночовали.

Юль.

1. Въ 10-мъ часу изъ мизы поехали, а въ С.П.Бурхъ прибыли по полдни въ 3-мъ часу.

2. Vacat. 3. Пріехалъ швагеръ Александръ Корецкій изъ Пітергофа.

4. Писмо къ сину въ Киль подъ № 12, а подъ числомъ юня 30-мъ на его въ отвѣтъ писанное, отдано секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ въ Голстинію. За оправу въ срѣбро трости зъ набалдашникомъ бѣлымъ дано золотарю 40 коп.

5. Рано былъ у мене секретарь Вынклеръ съ объявленіемъ писма, отъ ассесора Шлидендорфа къ нему о состояніи сина моего въ Килѣ писанного. По полдни былъ я съ Гудовичемъ у кофишенка Савлукова, где и священника церкви, что на Болшомъ Конюшенномъ дворѣ застали.

6. Рано ездилъ до сенатора, князя Алексія Дмитріевича Голицина и о дѣлѣ напастномъ, отъ Соколовскаго затѣянномъ, розговоръ имѣлъ.

За сѣтку срѣбную до дитячой шапочки дано 1 р. 20 к., да еще розышлось на нѣкоторые потребности 28 коп. Грицку на его нужды дано 44 коп. Івану Рудому да хлопцю Евфиму на чоботи и другіе потребности 69 коп.

7. Обѣдали у насъ Журманъ и Рожевскій, бывшій управитель Смолного дворця.

8. Были на Василевскомъ Острову на биржѣ и на коробляхъ и тамъ купилъ двѣ ѕерцали за 2 р. 50 к. Прибылъ въ С.П.Бурхъ Георгій Белецкій-Носенко и сталъ у насъ квартерою.

9. Vacat. 10. Писаны писма въ Глуховъ до племѣнника Іосифа, въ Грузкую до Чуйкевича, въ домъ до жены и приложены въ домъ же отъ швагра Александра Корецкого и одъ Гудовича къ сожителницамъ ихъ. Войтъ нѣжинскій былъ у обозного генералного Лизогуба, а у мене канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ Николай Ивановъ, у которого дѣло наше, по апелляціи сисканное, и ему-жъ данъ отъ мене 1 р.

11. За ленту до часовъ, да до шапокъ женниной и дитячой— 24 коп. Писмо до сина писанное обширно, противъ донесенія Іоана Полѣтики и профессора Козіуса, отослано до секретаря Вынклера для отправки по почтѣ въ Киль, подъ № 13.

Великій князь и великая княгиня передъ вечеромъ, а государиня ночью изволили прибыть въ С.П.Бурхъ.

12. Были въ дворцѣ и по службѣ допущены къ ручкѣ государини и великого князя великой княгини, потомъ купно съ архіереями синодалними и съ протчими были у гр. А. К. Розумовского.

13. Рано были въ дворцѣ и просили графа о исходатайствованіи отпуску, токмо велѣлъ еще потерпѣть. Государиня изволила опять отъехать изъ С. П. Бурха.

14. Государь великій князь съ государинею великою княгинею отъехали въ Петергофъ. Господинъ обозный съ Гудовичемъ были у генерала аншефа, семеновского полку подполковника и кавалера Стефана Өедоровича Апраксина за Іваномъ Василіевымъ синомъ Мировичемъ [228]) съ прошеніемъ о опредѣленіи его въ гварнізонъ глуховскій.

15. Обѣдни слушали въ Невскомъ монастирѣ, а потомъ обѣдали у архіерея и архимандрита тамошнего, преосвященного Өеодосія Яновского, купно съ преосвященнымъ великопермскимъ Варлаамомъ, а оттоль возвратясь, занемогъ я на колку въ правомъ боку.

16 и 17 числа жестоко не домагалъ на колку-жъ. За книжку «Зерцало юности» дано переплетчику 20 к. Взялъ у Якова Дмитріевича Рожевского 150 рублей и на оные денги далъ ему писмо, такожъ о пріемѣ тихъ денегъ и до судіи енералного Якима Горленка писалъ. Сотникъ Андрей Горленко отъехалъ.

18. Изъ оныхъ денегъ далъ въ позыку шваргу моему Александру Корецкому сто рублей, а 42 р. и 40 к. вручилъ ему на покупку въ Москвѣ карети или берлина, да шоръ пари со всѣмъ и двохъ паръ скоржовыхъ пасовъ. Да у него швагра за червоные 45 взятые даны ему 101 р. 50 к. Гудовичъ отъехалъ въ Петергофъ, которому вручилъ я и унѣверсалъ подлинный на Чаусы, и челобитную, и меморіалъ о жалованной грамотѣ.

19. Писма до жены въ домъ о посилки, чрезъ швагра Александра посилаючейся, до швагра Өедора Корецкого объ отъездѣ брата его отселя въ Москву, до управителя дому Толстыхъ Іосифа Яковлевича Красінского объ отдачи моихъ, у него имѣючихъся за 72 ведра вина, денегъ 57 р. 60 к. швагру Александру на помянутіе покупки, изъ меморіаломъ тому-жъ швагру оного Красінского

---

[228]) Повидимому, сынъ Вас. Ив. Мировича, отъ перваго его брака съ Анной Конст. Мокіевскою, Василій Мировичъ былъ сосланъ въ Сибирь около 1716 г. и тамъ женился въ другой разъ, оставивъ отъ этого брака сына Степана, о выѣздѣ котораго изъ Сибири говорится въ дневникѣ *19 августа.* Объ этихъ Мировичахъ см. Мазепа и Мазепинцы. стр. 690—695.

токмо о моихъ у него имѣвшыхся запасахъ, приложены и вручены Александру Корецкому, купно съ посилаючимися вещами и книгами въ домъ, которій, купно съ канцеляристомъ Максимовичемъ, и при немъ Степанъ Васильевъ синъ Мировичъ, изъ Сибіра свобожденный, до Малороссіи послѣ полудня отъехали на наіомныхъ подводахъ, 3-хъ парахъ, пара по 12 р. 50 к.

20. Были съ г. обознымъ генералнимъ въ дворцѣ на службѣ Божой. Послѣ полдня былъ у насъ кофишенкъ Саблуковъ, а надъ вечеры возвратилъся зъ нѣчимъ Гудовичъ зъ Петергофа.

21. За Библію полскую, въ академіи купленную, дано 1 р. 50 к. Въ прошедшыхъ числехъ на разные экспенси розышлось 76 к. За бумажный платокъ 38 к., за оправу книжки полской 10 к., за оправу зажигателного стекла въ дерево 25 к.

22. Яковъ Дмитріевичь Возжинскій у насъ обѣдалъ.

23. На писмахъ о нѣкоторомъ спорномъ гаю, сочиненныхъ отъ бунчукового товарища Василія Гудовича и Іліи Журмана, по прошенію ихъ обоихъ, я и обозный генералный Лизогубъ во свѣдителство подписались и печати приложили.

24. Писалъ къ женѣ о занятыхъ здесь денгахъ 150 р., чтобъ оные велѣла отдать въ Глуховѣ судіи енералному Горленку, и тамъ включилъ двѣ росписки за рукою швагра Александра Корецкого, которому даны въ займы 100 рублей, да 42 р. 40 к. на покупки въ Москвѣ, и то мое писмо отослалъ къ Журману для отсилки по почтѣ въ Стародубъ.

Данъ отъ насъ пашпортъ жителю Стародуба Дмитру Зозулченку о свободномъ пропускѣ его до Глухова и о немъ-же писали до старшины енералной.

Писано отъ мене писмо въ Киль до отца Якова Чурнуцкого въ отвѣтъ на его писмо, якое получено мною чрезъ отца Пиканора. Івану Кухтику куплены двѣ сорочки за 73 к.

25. Обѣдали у Журмана на Смолномъ государини дворѣ и тамъ-же стрѣляніемъ зъ лука забавлялись.

26. Vacat. 27. Тоже. 28. Купленъ столикъ круглій на одномъ столпику, дано за оный 36 коп. Секретарь Новоторжцевъ рано былъ у насъ.

29. Писано писмо въ Киль до Івана Політики на его писмо ко мнѣ о состояніи и всякихъ прогрессахъ сина моего писанное,

где приложена цедула и о дуеллѣ, чтобъ объ ономъ обстоятелно мене увѣдомилъ. Писалъ и до сина тожъ за № 14, строфуючи его о его шалостяхъ, и къ нему-жъ включилъ книжку «Зерцало юности».

30. За шматокъ гатласу блакитного и шолку золотникъ дано 35 коп.—Проезжались изъ Гудовичемъ за нѣсколко верстъ отъ города.

31. Писаны писма въ Глуховъ до Іосифа, въ Левенку до швагра Александра Корецкого, а въ Товкачеву до тамошнего старосты Іліи Паленского чрезъ прилуцкого жителя Івана Котлярева, о которомъ отъ обозного енералного и отъ мене писано особливо до генералной старшины, въ енералной канцеляріи присутствующыхъ.

Августъ.

1. Послѣ полдня, около вечерень, іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня прибыли изъ Пітергофа до С. П. Бурха въ лѣтный дворецъ.

2. Около полуночи противъ 3 числа изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ прибыть изъ Пітергофа въ свой лѣтный дворецъ до Санктъ-Пітеръ-Бурха при пушечной палбѣ.

4. Послѣ обѣдень были мы всѣ трое въ лѣтномъ государыни дворцѣ. По полдни былъ у мене секретарь Вынклеръ съ женою своею и у насъ былъ еще Ілія Журманъ.

4. Рано были въ дворцѣ и графу поздравляли щастливого возвращенія изъ Пітергофа.—Писано отъ мене писмо къ ассесору Шлидендорфу въ Киль, на его ко мнѣ писмо въ отвѣтъ, по латинѣ, кое сочинялъ Еміхъ.

5. Писма въ Киль, подъ разними выше-означенными числами, до сина, до отца Іова, Івана Політики и до ассесора Шлидендорфа для отправленія ихъ туда, въ Киль, отосланы чрезъ Грицка до секретаря Вынклера, а писма, въ Глуховъ и въ Козелецъ и въ Товкачовку писанные, вручены жителю прилуцкому Івану Котляреву.

6. По милости Божіей удостоился святого причащенія въ обители Невской, по отправленной тамъ же исповѣди предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ.—Въ лѣтномъ дворцѣ по отправленномъ набоженствѣ трактовани были обѣдомъ гвардіи преображенского полку

штабъ и оберъ офіцери ради праздника Преображенія Господня. Надъ вечери былъ весь дворъ и многіе господа въ комедіалномъ домѣ на комедіи.

7. Куплены Івану Рудому штаны замшевые за 70 коп.

8. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и пѣвчій дворцовый (*пропускъ*), которій у мене же отобралъ полскую книгу Гвагнина.

9. Были на обѣдни въ дворцѣ, потомъ въ салѣ и у графа, да въ дворцѣ-жъ по полудни былъ куртажъ.

10. Рано я и Гудовичь были у графа и имѣли нужные розговоры, и о справѣ своей, где засталъ насъ баронъ Іванъ Антоновичь Черкасовъ и Василій Івановичь Демидовъ. Послѣ полдня были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и Өедоръ Коченевскій.—За ключикъ до часовъ дано 4 коп.

11. Были всѣ трое въ дворцѣ. Оберъ-комендантъ с. п. бурхскій, генералъ лейтнантъ Стефанъ Лукичь Игнатьевъ, въ сихъ числахъ, именно 7, скончавшійся, погребенъ.—Протопопъ борзенскій, отца духовника братъ, а при немъ и мѣщанинъ воронежскій Кадигробъ отъехали 13 числа до Малороссіи. Наши были на комедіи, а у мене сидѣлъ коллегіи іностранной переводчикъ Данилевскій.

12. Были всѣ трое въ дворцѣ и толко видѣли графа изъ поліованя возвратившогося.

13. Тако-жъ во дворцѣ изъ ранку были и тамъ видѣлись съ архіереемъ псковскимъ, а въ вечеру была комедія въ комедіалномъ домѣ.

14. Vacat. 15. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ казанской, а послѣ полудня отъехать до Царского Села.

16. По обѣдѣ и іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда же отъехали. Надъ вечери были мы всѣ трое у графа Александра Ивановича Румянцова за дѣломъ о денгахъ, въ полки чернѣговскій и стародубовскій доводячихся за ставленный въ Кіевъ провіантъ.—Княгиня Черкаская, умершого канцлера жена, преставилась.

17. За 8 аршинъ полсукенка дано 2 р. 64 к., за 10 аршинъ крашенины 50 к., за баволну 33 к., на шолкъ 12 к., на протчее 8½ к.

Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и требовалъ у мене, чтобъ отпустилъ я диплiомъ свой и печать, понеже де ему по именному указу имѣетъ быть дана изъ сената грамота на пожалованные маетности.

18. Рано всѣ трое ездили до князя Алексiя Дмитрiевича Голицина, сенатора, за дѣлами о седмомъ полку и о денгахъ полку стародубовскому и чернѣговскому за провiантъ въ Кiевѣ ставленный доводячихся.—Далъ кафтанъ шить изъ черкески зеленой, за которой митье дано 5 коп.

19. Я былъ рано въ новомъ зимномъ дворцѣ, потомъ зъ Гудовичемъ у пѣвчого Головнѣ.

20. По полднѣ былъ зъ Гудовичемъ у генерала рекетмейстера Iвана Iвановича Дѣлова и о присланномъ дѣлѣ напастномъ отъ Соколовского просилъ.

21. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ выносъ былъ умершей княгини Марiи Черкаской, зъ дому Трубецкой, князя Юрiя Юрiевича дочери, а князя Алексiя Михайловича Черкаского, канцлера бывшого, жены.—Послѣ полдня проезжались зъ Гудовичемъ до Калинкина мосту, а оттоль возвращаясь, были въ загородномъ надъ Фонтанкою домѣ гр. Лестока и тамъ преизрядно здѣланные пруды, каналы и ново заведенный садъ осматривали.—Iхъ iмператорскiе высочества возвратились изъ Царскаго Села.

22. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ бывшiй нѣжинскiй Iоанъ Божичь, который прибылъ въ С. П. Бурхъ сего теченiя 19 числа, а рано явилъся у насъ Гречка, откупщикъ циганской, вчора прибывшый.

23. Сундучокъ дубовый купленъ за 55 коп.—Ночью государыня изволила прибыть изъ Царскаго Села.

24. Весь день и до полуночи великая изъ моря была непогода, отъ чего и наводненiе не малое имѣлось.

25. Были рано въ дворцѣ всѣ трое, где при насъ и полковникъ Божичь графу А. К. Розумовскому кланялся впервые и подалъ нѣкоторое писмо. Вечеромъ были на комедiи въ комедiалномъ домѣ.—Освящена церковь пресв. Богородицы владимiрская деревяная.

26. Во оной же церкви на службѣ Божой, ради храма въ ней празднуемого, изволила быть государиня, а потомъ кушать въ домѣ загородномъ камеръ-юнкгера Сиверса.

27. Послѣ обѣда были у мене учители французского языка Сужи и Емѣхъ.

28. Около 12-го полуденного часа будучи у графа, когда тамъ государиня виходила, то между прочими и мы были у ручки, где тогда-жъ былъ и архіерей с. п. бурхскій ради слѣдующаго кавалерского Александра Невского праздника съ докладомъ.

29. За оковку дубового сундучка дано 45 коп., за оправу полской библіи 50 к.

30. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ государиня и кавалери св. Александра Невского ехали церемоніално, по прошествіи церковной процессіи, до монастира Невского, гдѣ по отправленномъ набоженствѣ обратно также ехали до летного дворца и тутъ кушали кавалери съ государинею и при столѣ два раза палено изъ пушекъ.

Сего-жъ числа Іванъ Васильевъ Мировичъ зъ Самойловичемъ отъехали до Малой Россіи, чрезъ которыхъ и Емѣховы писма до Скоропадского и до Кондзеровского отпущены, и оному-жъ Мировичу зъ общыхъ денегъ на дорогу даны 5 рублей.

31. На службѣ Божой были въ церкви мученика Пантелеймона, потомъ въ дворцѣ у графа и представляли ему не токмо о давныхъ, но и о новыхъ нуждахъ общыхъ.—Вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Коченевскій.

Септеврій.

1. Рано ездили всѣ трое до сенатора графа Шувалова за дѣлами о денгахъ, полку чернѣговского и стародубовского обывателемъ за провіантъ въ кіевскіе и другіе магазины 1736 году ставленой надлежащыхъ, да о ново-розставленныхъ коло Малой Россіи таможняхъ.

Вчера были у насъ въ квартерѣ генералъ-лейтнантъ и бывшый сталь-мейстеръ Радіонъ Михайловичъ Кошелевъ съ синомъ, да генералъ-провіантъ-мейстеръ лейтнантъ Горчаковъ и брегадиръ Аксаковъ.—За пошиге зъ черкески зеленои кафтана дано кравцю 60 коп.

2. Рано ходилъ Гудовичь къ графу Розумовскому съ челобитною, сочиненною о дѣлахъ малороссійскихъ, въ докладъ госуда-

ринѣ отъ сената взнесенныхъ, и имѣлъ съ нимъ розговоры.—За книжку «Басни Езоповы» дано 12 коп.

Далъ шить кунтушикъ короткій подъ футро; кравцю и ему-жъ на шолкъ и нитки дано 20 коп.

3. Въ Невскомъ монастирѣ былъ на службѣ, потомъ у префекта тамошнего семинаріумъ и отдалъ ему 2-й томъ Maximae Bibliothecae.—Сочинили писмо къ графу просителное о исходатайствованіи по дѣламъ нашимъ общимъ резолюціи милостивой и нашего отпуску. Секретарь Вынклеръ безъ мене пріездилъ на мою квартеру и привезъ ко мнѣ писмо отъ сина зъ Киля.—Надъ вечери ездили въ дворецъ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ ея імператорского величества.

5. Рано были съ тимъ-же поздравленіемъ у графа Алексія Дмитріевича Голицина, у канцлера графа Бестужева, у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у оберъ-маршала Шепелева; потомъ въ дворцѣ по службѣ были у государини и у великого князя и великой княгинѣ въ ручки. Обѣдали въ квартерѣ, а въ вечерѣ знову были въ дворцѣ въ салѣ, где и на иллюминацію смотрѣли.—Сего-жъ числа нѣсколко персонъ перемѣнено чинами и жаловано кавалеріею ордина св. Александра Невского.

6. Едучей въ вечеру государиня на комедію подали въ дворцѣ лѣтномъ челобитную о дѣлахъ нашихъ общыхъ, а самы уже на комедіи не были, понеже ложа наша замкнута была.

7. Весь день графъ былъ на охотѣ, и мы дважды ездили въ дворецъ, но его не получили.

8. Рано подали графу писмо, отъ насъ написанное о тихъже общыхъ малороссійскихъ дѣлахъ, о коихъ и государинѣ челобитная подана.—Ея імператорское величество изволила быть на обѣднѣ въ церкви казанской ради праздника Рождества пресв. Богородицы. Вечеромъ былъ въ дворцѣ маскарадъ.

9. Послѣ полдни ездилъ Лизогубъ къ Новоторжцову и взялъ маппу, о полкахъ малороссійскихъ сочиненную.

10. Въ вечеру была комедія въ оперномъ домѣ, где и государиня и ихъ высочества быть изволили.

11. Послѣ полдня государиня отъехала въ Гостилицю, а вечеромъ былъ у насъ Өедоръ Івановичь Коченевскій.—Писалъ до сина въ Киль, подъ № 15, на его писмо.

12. Званныи къ генералу лейтнанту и кавалеру, президенту статсъ-конторъ коллегія, Петру Михайловичу Шипову, обѣдали у него въ домѣ, на Василіевскомъ Острову, въ четвертой лѣніи, а отъ него заездили къ секретарю Новоторжцову и до генерала провіантмейстера лейтнанта, Івана Алексіевича Горчакова.

13. На Петербургскомъ Острову, на Карповцѣ, въ лѣтнемъ домѣ архіерея новгородского, архіепископа Стефана Каліновского обѣдни слухали въ домовой церкви и у его-жъ обѣдали съ архіереями Яновскимъ с. п. бургскимъ, и вятскимъ, да съ учителями невскими и протчими, и весь день пробавили; потомъ въ квартеру нашу привезены его-жъ архіерейскою шлюпкою.

14. Изъ квартери никуда не бывали.

15. Денги кормовые за мѣсяцы прошедшіе, юль и августъ, 200 рублей, изъ Рентереи привезенные, я въ мое завѣдываніе принялъ.

16. Рано былъ и обѣдалъ у насъ Журманъ, и при немъ-же привезъ канцеляристъ Михайло Домбровскій писма ко мнѣ зъ парою рубашокъ, а Гудовичу съ декоторою присилкою зъ домовъ.

16. Куплены для Скоропадского десять, а для дому моего десять штукъ бумажныхъ обоевъ для будинку, всякая штука по 90 к., и того за всѣ дано 19 рублей, да за вахляръ или вееръ дано 1 р.

Вечеромъ былъ г. Лизогубъ у віце-адмирала Головина бѣдкаться одинъ.

18. Чрезъ отъехавшого сотника, лохвицкого бывшого, Івана Івановича посланы бумажныхъ шпалеръ девять штукъ до Скоропадского въ Глуховъ, за 9 р. 60 к. купленные, при писмѣ подъ завтрешнымъ числомъ писанним, где и о Еміху приложена цедула, которій у насъ обѣдалъ.

19. Былъ я воспріемникомъ, съ женою секретаря штатсъ-конторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаровною, новорожденному сыну Никитѣ канцеляриста сенатского, Якова Тимофіевича, которого жена именуется Акилина Николаевна; по окрещеніи оного младенца въ церквѣ Воведенія пресв. Богородицы на Петербургскомъ Острову тамъ-же у нихъ съ г. обознымъ Лизогубомъ обѣдали. Кума мене дарила платкомъ шолковымъ, а я оную вееромъ, до якого за ленту дано 20 коп., да при крещеніи розышлось 70 к.; бабѣ даны 50 коп.

20. Послѣ обѣда были у насъ племінники графскіе, Михайло Власиевичь и Василь Евфимовичь [229]), и синъ Якубовичовъ, Александръ, съ учителемъ своимъ Носкомъ. Г. обозный для ловлѣ рибы ездилъ на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана вечерялъ.—Родѣлѣ кумѣ отослалъ водки и закусокъ слоикъ украинскихъ, а крестному сину крестикъ іеросолимскій.

21. Куплено холста 11 аршинъ на ночную рубашку за 44 коп.

22. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа племенника, да въ домъ до жены и до сина Івана уставомъ, и приложено къ женѣ писмо отъ Гудовича, до его-жъ сожительници надлежащое въ Івантенки и отосланы оные писма на почту сенатскую.—Обѣдали у насъ кіхенпрадберъ дворцовый Өедоръ Стефановичь Головатой и канцеляристъ войсковый Свѣрскій, которій приписовалъ государини прошлого году въ день тезоименитства картину съ рифмами и поздравленіемъ.

---

229) Перваго фамилія—Будлянскій, а втораго—Дараганъ, оба сыновья сестеръ Разумовскихъ. Михаилъ Васильевичъ Будлянскій былъ женатъ на единственной дочери генеральнаго есаула Петра Валькевича и въ 1783 г. за нимъ числилось собственныхъ крестьянъ, кромѣ жениныхъ, 6612 д. мужчинъ и женщинъ. У него было два сына, Алексѣй и Петръ, которые оба умерли безпотомными. Старшій, Алексѣй, отличался ужасною толстотой (см. о немъ Зап. Черн. губ. стат. ком., т. II, стр. 146) и умеръ 27 декабря 1818 г. въ Кіевѣ, сойдя кровью отъ лопнувшей вены на животѣ. „Сказуютъ, что отъ жиру и пресыщенія случилось это", читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ того времени; „хорошо его хоронили, самъ митрополитъ былъ и разрѣшительную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ... Сыскали 46 тыс. при немъ". Василій Ефимовичъ Дараганъ былъ старшій сынъ Ефима Ф. Дарагана, кіевскаго полковника, умершаго въ 1762 г. и оставившаго трехъ сыновей: Василія, Ивана и Григорія. Старшій, Василій, въ 1757 г. былъ маіоромъ „Ораніенбаумскаго гарнизона", находившагося въ непосредственномъ подчиненіи у великаго князя, наслѣдника престола, который имѣлъ право личною властью производить въ чины офицеровъ этого гарнизона", при чемъ патенты выдавались имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1762 г. Василій Дараганъ былъ камергеромъ, а въ 1774 г. генералъ-поручикомъ. Младшіе его братья, Иванъ и Григорій, будучи въ 1762 г. секундъ-ротмистрами гвардейскаго коннаго полка, въ то же время находились „въ наукахъ въ иностранныхъ государствахъ". Этимъ тремъ братьямъ принадлежали: м. Борисполь, села: Семиновка, Рудня, Рудьковка, Мостища, Глубокое, деревни: Святое, Опанасовъ, Перегудовка, Сухинка и Дацевка и хутора Вѣтровка и Михайловщина. Послѣдній хуторъ былъ названъ по имени Михаила Матвѣевича Хераскова, автора Россіады, у отца котораго Ефимъ Дараганъ купилъ Семиновку, Мостища, Рудню и друг. Всѣ сыновья Ефима Дарагана умерли безпотомными.

Съ сего числа явилась на правой ногѣ болѣзнь, называемая рожа, для которой лежалъ всѣ дни слѣдуючіе и употреблялъ всякіе той болѣзни способствующіе вещи.

За картину малороссійскую, у норимберцовъ купленную, дано 20 коп., а за феерверкъ, бывшый въ Гостилицѣ сего сентября 17-го, дано 20 к.

25. Государиня изволила прибыть въ С. П. Бурхъ ночью.

Протчіе всѣ сего мѣсяца числа въ помянутой болѣзни пролежалъ.

Октоврій.

1. Рано явилъся ко мнѣ прибывшый зъ Голстиніи, изъ Киля, Алексій Долінскій и доносилъ мнѣ о сыну моемъ и о его поведеніи.—Послѣ полдня, въ присутствіи ея імператорского величества и ихъ імператорскихъ высочествъ, былъ спускъ корабля о 99 пушкахъ, названного Захарія и Елисаветъ.

2. Оный-же Долінскій принеслъ мнѣ сиръ Голстинскій и у насъ обѣдалъ.

3. Писалъ до сина въ Киль подъ № 16, строфуючи его, для чего онъ ни чрезъ іероманаха Невского, ни чрезъ Долінского ко мнѣ не писалъ и на прежніи мои писма точно не отвѣтовалъ. Да до секретаря Кроуза по латинѣ писалъ-же, и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное, приложено въ пакетѣ до того-жъ секретаря и отосланы къ секретарю Винклеру для отправленія по почтѣ до Киля. За футлярика оправу до карманныхъ часовъ—40 к.

4, 5 и 6 числа продолжалась моя болѣзнь и ножная, и зубная.

7. Рано г. Лизогубъ и Гудовичъ ездили до князя Никиты Юріевича Трубецкого за дѣлами о деньгахъ за ставленный въ Кіевѣ провіантъ, о селахъ артиллерійскихъ и о собственномъ г. Лизогуба дѣлѣ, взглядомъ награжденія маетностями. Янушкевича челобитная о арестѣ добръ его докладована въ сенатѣ.

8. Вечеромъ ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ къ отцу Дубянскому духовнику, но съ нимъ не видались.

9. Посланъ Грицко до кума Якова Тимофіевича съ поздравленіемъ тезоименитства и съ обсилкою хлѣбомъ и водкою, а къ кумамъ съ яблоками. Георгій Белецкій-Носенко, швагеръ Василія

Гудовича, отъехалъ во свояси изъ С.П.Бурха[230]). Розышлось на дробязки 12 к.

10. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества со всѣмъ придворнымъ штатомъ переехать изъ лѣтного дворца въ зимный болшый дворецъ при пушечной изъ крѣпости и зъ Адмиралитейства палбѣ. Обѣдали у насъ протопопъ роменскій и капитанъ поруччикъ Василій Марковичъ.

11. Рано ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ первой разъ въ зимный дворецъ. Сего числа весь день изъ моря была жестокая погода, а съ полдня даже до 10-го часа ночи превеликое продолжалось наводненіе.

12. Послѣ полдня былъ у насъ пѣвчій Богушъ съ обявленіемъ, что вчера родились ему синъ Дмитрій и дочь Параскевія, двойни, и звалъ до себе откушать въ день крестинъ. Сего-жъ числа випалъ снегъ немалый.

13. Былъ рано у мене Іванъ Федоровъ Ярошевичъ и простился, отежджаючи въ Украину, которому данъ указъ зъ Габінету о опредѣленіи его къ какому мѣсту по разсмотрѣнію генералной канцелляріи, и ему-жъ дано жалованя 300 р.; чрезъ него-жъ писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадскаго, а въ домъ до жены, ознаймуючи о себѣ и о сину, по полученному изъ Киля чрезъ Алексія Долінского извѣстію.

14. Послѣ полдня посѣщали насъ г. Горчаковъ и Ѳедоръ Івановичъ Кочеисвскій. Писма получили сего числа чрезъ нарочного куріера Калугина изъ Глухова, которій присланъ съ представленіемъ въ сенатъ о мужикахъ фоевскихъ, возмутившихъся на Петра Чорнолуского.

---

[230]) Прилуцкій полковникъ Иванъ Носъ былъ женатъ на вдовѣ какого-то Ивана Бѣлецкаго, у которой отъ брака съ послѣднимъ былъ сынъ Иванъ; сынъ послѣдняго Петръ, прилуцкій хоружій, сталъ писаться Бѣлецкимъ-Носенкомъ, на томъ основаніи, что единственный сынъ Ивана Носа дѣтей мужескаго пола не оставилъ. Георгій Бѣлецкій-Носенко былъ сынъ Петра; сестра его Анна въ первый разъ была въ замужествѣ за господаремъ Скоропадскаго Иваномъ Даровскимъ, а второй разъ за Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, отцемъ извѣстнаго фельдмаршала.

15. Отосланъ пакетъ къ оберъ-постъ-директору Ашу отъ Скоропадского, съ включенными въ немъ письмами къ дѣтямъ его, до Вроцлавя надлежними, и до тихъ-же дѣтей Скоропадского я и отъ себе писалъ и послалъ на почту къ отправѣ до Вроцлавя Сего-жъ числа писалъ о томъ въ отвѣтъ и до Глухова къ Скоропадскому, и до племѣнника Іосифа на ихъ вчорашные писма, и отослалъ до помянутого Ярошевича.

16. Былъ Гудовичъ въ военной коллегіи стороны седмого полка и волоского и тамъ надлежащіе справки чинены.

17. По імператрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была панахида, понеже она сего числа въ 1740 году преставилась.

18. Послѣ болѣзни первый разъ віехалъ зъ квартири и былъ въ зимномъ дворцѣ въ палатахъ, такожъ и у графа, а по обѣдѣ г. Лизогубъ съ Гудовичемъ ездили до князя Н. Юр. Трубецкого.

19. Сенатъ сталъ засѣдать на сей сторонѣ въ домѣ каменномъ дворянина Григорія Михайловича Любисткова надъ Мойкою. Въ сихъ числахъ, а именно 16-го, преставшемуся статскому совѣтнику, Петру Василіевичу Курбатову, въ іностранной коллегіи засѣдавшему, былъ сего числа виносъ къ погребенію. Государыня изволила отъехать въ Царское село. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ.

20. Рано была у меня вдова поруччиця, челобитствуючая на Семенова, засѣдаючого въ судѣ генералномъ, которій у неи отнялъ деревню. Да по службѣ были г. Лизогубъ и Гудовичъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина, а по полудни всѣ трое мы ездили на Смолный дворецъ и тамъ первей были на рибной ловлѣ, а потомъ и ужинали.

21. Оная-жъ поруччиця, умершого поруччика Андрея Мартинса жена, Евфимія Прокофіева, дочь Чаплигиныхъ, позичила у мене денегъ 1 р. Отданъ сундучокъ дубовый на Смолный дворъ для обмаліованя. Въ вечеру былъ у насъ главнаго коммиссаріата и провіантской канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ и въ ночь до 9-го часа сидѣлъ.

22. Ради завтрешнихъ именинъ своихъ обозный генералный Яковъ Лизогубъ справлялъ за общіе деньги обѣдъ знатный, на которомъ посторонниихъ болѣе никого не было, кромѣ Іліи Жур-

мана[331]), попа Андрея Барановскаго и дякона церкви Семіоновской. и полковника Василія Танского. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился въ Кіевѣ.

23. Послѣ обѣдни былъ у насъ секретарь сенатскій Новоторжцовъ и поздравлялъ г. Лизогуба (которому отъ рожденія, по его сказкамъ, начался отъ роду 73-й годъ) тезоименитствомъ его.

24. Випалъ ночью небольшій, а днемъ великій снѣгъ, и стала зима. Иноземцю одному, который очень изрядно по латинѣ говоритъ и мѣста себѣ къ наставленію дѣтей ищетъ, милостини далъ 1 р. зъ общихъ денегъ.

25. Рано отосланы секретарю Вінклеру 3 помаранци, а по обѣдни были въ дворцѣ, понеже государыня пріехать ночью изволила.

26. Ездилъ рано Гудовичъ до князя Н. Юр. Трубецкого и въ сенатъ за дѣломъ о заплатѣ денегъ обывателямъ полковъ чернѣговского и стародубовскаго, въ томъ числѣ и Брянченину Чамову, якое дѣло въ сенатѣ и слушано. Обѣдалъ у насъ отпущенный изъ конной гвардіи рейтаръ, малоросіянинъ, глуховскій житель Юркевичъ и показовалъ данный себѣ изъ полковой канцелляріи абшитъ. За два фейверки въ Гостилицѣ, прошлого году въ мартѣ, а сего въ сентябрѣ бывшіе, дано 40 к. На другіе росходы пошло 50 к.

27. Обѣдали у насъ сенатскіе оберъ-секретаръ Павелъ Василіевичъ Севергинъ и секретаръ Новоторжцевъ; потомъ у насъ-же былъ Горчаковъ и до позна въ ночь сидѣлъ.

28. Рано я съ Гудовичемъ въ дворцѣ былъ. По обѣдѣ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій съ объявленіемъ, чтобъ мы побували сегодня или завтра у графа, почему вечеромъ и ездили въ дворецъ, но, не получа времени, заехали къ полковнику Божичу, а потомъ къ секретарю Вінклеру, где и пастора, швагра его, застали, називаемаго Трефорта.

---

[331]) Илья Васильевичъ Журманъ, въ это время бунчуковый товарищъ, въ 1756 г. назначенъ былъ, по именному указу, генеральнымъ судьею. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до конца гетманства Разумовскаго, а при Румянцевѣ, сохраняя тотъ же чинъ, завѣдывалъ генеральнымъ судомъ до его закрытія. При открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ, Журманъ былъ назначенъ новгородсѣверскимъ губернаторомъ. Умеръ онъ въ 1783 г. бездѣтнымъ. Имѣнія его перешли, по уступочному акту наслѣдниковъ Журмана, къ Гудовичамъ.

29. Одинъ Гудовичъ рано ездилъ до графа и, бывъ у него, докладивалъ о дѣлахъ и нуждахъ нашихъ, да съ нимъ-же былъ я у Носка, потомъ въ военной коллегіи и до сенату ездили; заходили къ иноземкѣ Катеринѣ Івановнѣ, которая желаетъ ехать до насъ въ Украину для обученія дѣтей по нѣмецку и въ женскихъ рукодѣляхъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского о іноземцу, родомъ изъ Риги, Якову Бееру, желающему быть надъ деревнями его економомъ, о отвѣтѣ на Еміхово писмо и о челобитныхъ моихъ на Кишинского поданныхъ, до жены въ домъ о іноземкѣ, къ дѣтямъ нанятись намѣренной, да въ Москву до управителя дому Толстыхъ, Красінского, о присилки трохъ барилецъ водки моей и простого вина 11 вѣдеръ и сала, и отправлены оные писма чрезъ солдата глуховского гварнизона Калугина. На Смолный дворъ для обмаліованя сосланъ круглій столикъ. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Петръ Михайловичъ Шиповъ, полковники інгермоландского пѣхотного полку Дмитрій Івановичъ Кочотъ, да Мордвиновъ и морскіе офицери два, въ томъ числѣ одинъ князь Волконскій.

31. Дано сундучокъ дубовый новый до окована и кузнецу дано въ задатокъ 15 к. Іванъ Ярошевичъ откланювалься при отъездѣ, а съ нимъ и Ялоцкій отъехалъ. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

Ноеврій.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, а послѣ обѣда я зъ Гудовичемъ перво были у переводчика коллегія іностранной Івана Андріевича Данилевского, потомъ у Герасима Кириловича Лібратовского, что съ караваномъ государсвымъ изъ Китаю пріехалъ, где были и духовникъ государыни и Ілія Журманъ, и уже въ 10-мъ часу пріехали въ квартеру.

2. Секретарь Вінклеръ былъ у мене рано и привезъ двѣ писмѣ, 1-е отъ сина, другое отъ отца Іова зъ Киля. Обѣдали у мене канцеляристъ Яковъ Тимофіевъ Воронецкой и Деружкинъ.

3. Писалъ писма—въ домъ до жены, ознаймуючи о сину Василю, что отъ него получилъ вчора писмо, другое до сина въ Киль,

подъ № 17-мъ, на его письмо въ отвѣтъ, зъ многими увѣщаніами, и отослано для отправы до секретаря Вінклера. Нева стала ночью изъ 2-го числа. Въ вечерѣ былъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского и въ дѣлахъ своихъ помощи просили.

4. Рано были въ дворцѣ у графа, потомъ у Григорія Любистков, а послѣ полдня я съ Гудовичемъ ездилъ на Смолный дворъ и тамъ у Журмана вечеряли, а безъ насъ у г. Лизогуба былъ войтъ нѣжинскій. Сего-жъ числа свадба была въ дворцѣ камеръ-юнкера Михаила Івановича Софонова.

5. Изъ дворця заходили рано къ Ѳедору Івановичу Кочевевскому. Банкетъ былъ въ дворцѣ для той-же Софонова свадбы.

6. Вечеромъ былъ у насъ ассесоръ китайского каравана Лібратовскій съ однимъ офицеромъ, который въ Пекинѣ былъ 17 лѣтъ и учил ъся тамошнихъ языковъ и писменъ, а посланъ онъ былъ изъ московской школы, что называется Сухарева Башня. Лібратовскій сказовалъ, что полконикъ кіевскій умре.

7. Писаны писма въ домъ до жены съ посилкою 10 штукъ бумажныхъ обоевъ и о томъ-же до Іосифа въ Глуховъ, да до швагра Івана Гамалія чрезъ племенника его Івана Іванова сина Гамалію.

8. Послѣ службы, въ церквѣ придворной слушанной, званы отъ іменинника Михайла Василіевича Стогоровича къ нему на обѣдъ и у него купно съ другими, а именно: полковникомъ Божичемъ, Параскевичемъ, войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ, обѣдали и до ночи проседѣли.

9. За «Новый Завѣтъ» французскій и за лекціи Еміху даны 1 р. 10 к. За роботу шубки короткой портному дано 60 к., кромѣ прежныхъ 20 к. Перепліотчику даны 10 к. Писаны писма: 1-е за Еміхомъ въ Кронштатъ отъ флота до капитана Андрея Івановича Полянского, 2-е до управителя господъ Толстыхъ, Іосифа Івановича Красінского, въ Москву, о присилки оттоль водки моей 3-хъ бочонковъ, простого вина 11 ведеръ и сала, да о томъ и меморіалъ написанъ, чтобъ то все отдано было въ домъ Василія Алексіевича Вагнера для пересилки сюда.

10. По полдни въ оперномъ домѣ была комедія, послѣ которой государыня изволила быть у Ѳедора Івановича Кочевевского въ новопостроенномъ его домѣ за триумфалными Аничковыми воротами и у него-жъ ужинать. За мѣсяци септеврій и октоврій виданные

изъ Рентереи денги 200 р. взялъ къ себѣ обозный генералный г. Лизогубъ.

11. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского на его двѣ писми въ отвѣтъ и о посилаемыхъ двохъ штукахъ бумажныхъ обоевъ, за которые дано 1 р. 90 к. Вечеромъ была свадба графа Лестока, который женился на фрелінѣ Мейденъ. Меморіалъ, написанный подъ 9-мъ числомъ, и писмо до Красінского въ Москву вручены Вагнеру.

12. Были съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа и тамъ видѣлись и розговарювали съ вице-губернаторомъ с.п.бурскимъ, дѣйствителнымъ штатскимъ совѣтникомъ, г. Милгуновымъ. Въ вечеру были съ Гудовичемъ на Василевскомъ острову, перво у г. Горчакова, потомъ у прокурора Николева.

13. Послѣ полдня въ 8-мъ часу было вѣнчаніе въ болшой церквѣ, въ зимномъ дворцѣ, сина генерала графа Румянцова, Петра Александровича графа Румянцова-жъ съ полковника пѣхотного полку, съ княжною покойного генерала фелдмаршала, князя Михайла Михайловича Голицина, дочерью, а послѣ вѣнчанія изъ дворца ехали новобрачные церемоніално въ домъ генерала Румянцова, передъ которымъ и іллюмінація зажжена была. Камеръ-лакей Милорадовичъ отъехалъ по почтѣ въ Малую Россію, чрезъ которого и писмо мое до Скоропадского, подъ 11-мъ числомъ писанное, и двѣ штуки бумажныхъ обоевъ отпущены. Чрезъ Чамова послалъ переводы катехисмы и писма Малярдового до прокурора Николева.

14. Послѣ полдня былъ у насъ г. Горчаковъ и привезъ книгу картинъ, въ пергаментъ оправную, называемую Атласъ, да книжку Краткая Географія.

15 По службѣ были въ дворцѣ, перво у графа, потомъ у духовника. Купленъ сосудецъ зъ бѣлымъ, приливаннымъ въ цукрѣ имбіромъ за 90 к.

16. Еміхъ приходилъ прощатся, при отъездѣ въ Кронштадъ, для ученія тамъ учениковъ лѣкарскихъ, и ему-жъ данъ 1 р., да лексиконъ французско-нѣмецко-латинскій. Вчора камеръ-юнкеръ Софоновъ въ дворцѣ взятъ подъ арестъ.

17. За обмаліоване круглого столика дано 50 к. Писалъ писма въ Киль: 1-е до сина, подъ № 18-мъ, съ увѣщаніемъ, чтобъ частѣй къ намъ отписовался, 2-е до отца Іова въ отвѣтъ на его

писмо, съ сообщеніемъ къ нему-жъ писма отъ отца Василія Барановича.

18. Рано былъ у мене офіцеръ морского флоту Іванъ Михайловичъ Силивановъ и принесъ пакетъ отъ сина моего Василя изъ Киля, съ включенными въ ономъ нѣсколко печатними екземплярами о дѣлахъ, которые по ученіамъ въ академіи килской производятся; а оный Силивановъ былъ тамъ въ Килѣ на фрегатѣ россійскомъ, данномъ подъ принца Августа и его свиту, при капитану отъ флота Конону Никитичу Прончищеву. Сего-жъ числа рано нарочно призыванъ былъ отъ секретаря Новоторжцова въ сенатъ Гудовичъ для висмотрѣнія екстракта, сочиненного изъ начала подданства Малой Россіи, за Богдана Хмелницкого учинившогося, и даже до гетмана Апостола.

19. Писалъ писма въ домъ: 1-е до жены о сину Василю, ознаймуючи, якое получилъ чрезъ офіцера Силиванова извѣстіе; 2-е до шваагровъ п. п. Корецкихъ для посылки оныхъ чрезъ Ѳедора Яскевича, но онъ, и писемъ не взявъ, отъехалъ до Малой Россіи. По почтѣ изъ сената отпущена въ войсковую генералную канцелярію промеморія изъ военной коллегіи о седмомъ драгунскомъ и гусарскомъ волоскомъ полкахъ.

20. Получилъ писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Силезіи, зъ Вроцлавя, въ пакетѣ до постъ-оберъ-директора Аша включенные, тако-жъ писмо до отца Варлаама Лащевского, бывшого префекта кіевского, отъ нѣкоторого купца вроцлавского, Іогана Якова Корна.

21. По благости Божіей причащалъся на литургіи въ монастирѣ Невскомъ по исповѣди у отца Софронія намѣстника. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского съ посилкою писма отъ дѣтей его до швагра Івана Гамаліи, сторони брегадира Вѣтковича, да до племѣнника Іосифа, чтобъ спросилъ Скоропадского о писмѣ съ присилкою отъ Яскевича, ему врученномъ въ Москвѣ, и въ одинъ ковертъ и писма подъ 19-мъ числомъ писанные включивъ, отпущены въ Глуховъ чрезъ служителя полковника чернѣговского Измайлова Адама Андріева, который отъехалъ. Розышлось 20 к.

22. По службѣ Божой званные отъ Федора Івановича Кочевевского обѣдали у него въ новомъ его-жъ дворѣ и весь день пробавили.

23. Рано были въ дворцѣ у графа и просили его о своихъ дѣлахъ общыхъ, а Гудовичъ былъ у Любисткова и у духовника и у его-жъ обѣдалъ. Въ дворцѣ одинъ іноземецъ передъ службою Божіею миропомазиванъ и названъ Александръ. Вечеромъ былъ я у оберъ-постъ-директора Аша, а всѣ трое у вице-адмирала Александра Івановича Головина и его-жъ сожителнипу весма болную посѣщали.

24. Рано были мы всѣ трое у князя Н. Ю. Трубецкого, у А. Д. Голицина и у графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, съ поздравленіемъ тезоименитствомъ великія княгини, а послѣдного и на новоселлѣ въ новомъ каменномъ домѣ. Потомъ въ дворцѣ были допущены къ ручкамъ великихъ князя и княгини, а вечеромъ сидѣлъ у насъ долговременно полковникъ Божичъ.

25. По утру ездили съ подравленіемъ до віце-канцлера графа Воронцова, до графа П. І Шувалова, а по обѣдни были у графа Р(озумовского); потомъ званы обѣдать до графа Румянцова, где до вечера пробавили, а послѣ знову были въ дворцѣ при церемоніи лейбкомпанской, гдѣ пробавили потоль, поки государиня изволила пойти до стола кушать купно съ лейбкомпанцами. Отъехали до Малой Россіи канцеляристъ Висоцкій и Юркевичъ, который уволился отъ конной гвардіи.

26. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ на Василевскій островъ и тамъ были у префекта академіи кіевской, отца Варлаама Лащевского, который подарилъ мнѣ книжку «Граматику греко-латинскую» и имѣлъ писать до Вроцлавя къ тамошнему обывателю Іогану-Якову Корну. За книжку новонапечатанную Гілмара Кураса—60 к.

27. Передъ обѣдомъ былъ я съ г. Лизогубомъ у графа Румянцова и у него-жъ отъобѣдавъ, потомъ были отъ крещенія восприемниками младенцу Николаю, портного мастера Івана Бѣларовского сину—г. Лизогубъ съ старшою Параскевіею, а я съ меншою Даріею, дочерми графа Александра Івановича Румянцова, а князь Николай Івановичъ Вяземской съ племѣнницею того-жъ графа Румянцова, а родного брата Никиты Івановича дочерью, Анною Никитиною. Наши кумы дарили насъ табакерками.

Писалъ писма: 1-е въ Киль къ сину, подъ № 19-мъ, съ сообщеніемъ писма подлинного отъ молодыхъ Скоропадскихъ, ко мнѣ писанного, тако-жъ и о томъ, что чрезъ офіцера морского Силиванова получилъ присланные печатные екземпляры; 2-е до тихъ-же Скоропадскихъ и до Іонганса въ отвѣтъ на ихъ писма, съ сообщеніемъ къ Іонгансу-жъ писемъ до Корна отъ отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и отъ Носка до дяди его.

28. Оные писма въ Киль чрезъ руки секретаря Винклера, а въ Бреславъ чрезъ отправу по почтѣ отъ оберъ-постъ-директора Аша отпущены.

29. Рано отослан(*пропускъ*) кумѣ Даріи Александровнѣ графинѣ Румянцовой, куплена за 10 р., а обѣдали у кума Івана Бѣлоровского, которого женѣ Анастасіи данъ 1 р., бабѣ 30 к. Въ вечеру туда-жъ пришолъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и гвардіи преображенского полку капитанъ Андріанъ Івановичъ Лопухинъ, въ его-же домѣ Бѣлоровскій нанимаетъ себѣ квартеру и звалъ въ свои покои, где виделась со мною жена его Евдокія Юрьевна Фаминцина, и тутъ-же были разные офіцери и дами.

30. Въ дворцѣ къ обѣдни и изъ обѣдни шли церемоніално, въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ и другомъ платьѣ церемоніалномъ, кавалери святого Андрея Первозванного апостола, числомъ сѣмъ, въ томъ числѣ и поселъ цесаря римского, да сверхъ того великій князь и въ заключеніи сама всемилостивѣйшая государиня. Послѣ обѣдни тѣ-же кавалери кушали у одного съ государинею стола и при пушечной палбѣ. Въ вечеру былъ балъ. Мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского за тѣмъ, что онъ имѣлъ розговоръ о дѣлахъ нашихъ съ канцлеромъ Бестужевымъ сего мѣсяца 28-го числа.—За кованe сундучка еще заплачено 30 к.

Декабрь.

1. Писано писмо подъ вчорашнымъ числомъ въ Москву до управителя дому господъ Толстыхъ, Іосифа Красінского, о присилки водки моей, вина простого и сала. Вечеромъ были у Горчакова.

2. Въ 12 часу по полночи были всѣ трое у канцлера графа Бестужева и просили въ дѣлахъ своихъ о ходатайство. Вечеромъ прислалъ ко мнѣ Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій сундучокъ мой об-

маліованый безъ платы. Полковникъ Божичъ долго у насъ въ ночь просидѣлъ.

3. Обѣдалъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского, а отъ него зашли до Носка и тутъ у него кадетъ одинъ Александръ Стефановичъ Ісаковъ училъ дѣтей мунштру кадецкого ружемъ. Съ г. Лизогубомъ у насъ обѣдалъ Михайло Стогоровичъ. Куплены двѣ вѣдри водки на Смолномъ дворцѣ за 5 р. 40 к.

4 и 5. Зъ 4-го на 5-е число въ пятомъ часу на Василевскомъ острову здѣлалъся въ полатахъ, въ коихъ была кунстъ и раритетъ-камора, и библіотека, и глобусы, пожаръ, и какъ усилился огонь, то не токмо многіе вещи, въ томъ числѣ болшой глобусъ, но и вежа обсерваторія и многіе-жъ въ двохъ вышшыхъ ярусахъ апартаменты совсѣмъ згорѣли, кой пожаръ въ тѣхъ полатахъ и весь день и слѣдующую ночь, хотя оный многіе команды гасили, продолжалъся.

6. Въ сей день моего тезоименитства, по службѣ Божой, были у мене гостѣ, въ томъ числѣ оберъ-секретарь сенатскій Павелъ Василіевичъ Севергинъ, полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, да Марковичъ, гвардіи капитанъ поручикъ и до позна забавилисъ послѣ обѣда, ночью-же съ женою заежджалъ секретарь Новоторжцовъ.

7. Обѣдали у насъ полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, кумъ Яковъ Тимофіевъ и Алексій Долінскій съ протчими нашими домовними. Розышлось 35 к.

8. Писалъ писмо въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его писмо, вчора полученное, о отобраню 100 р. денегъ у отца духовника, тако-жъ и по требованію графа Румянцова. Въ вечеру былъ у насъ Горчаковъ и далъ ему сосудецъ мелиссы.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ если востребуетъ Скоропадскій денегъ 600 р., отдала ему и облѣгъ давный отобрала-бъ, да увѣдомила-бъ мене, заплачены-ль долги судіи Горленку, Мандзенку, Пуховичу, Савѣ Олишевскому и Роману Яненку за вино, такожъ потребна-ли іноземка къ дѣтямъ; другое съ инстанціею до Скоропадского и Валкевича за канцеляристою Михайломъ Домбровскимъ, чрезъ которого и оные писма, тако-жъ вчора писанные до Скоропадского, отпущены. Вечеромъ посѣщали болного Василія Танского полковника, который еще 5-го числа захоровалъ на фебру.

10. Ездили съ Гудовичемъ на Василевской островъ и тамъ

онъ былъ въ сенатѣ за указомъ о сводѣ изъ форностовъ на малороссійской границѣ стоячихъ таможенныхъ откупщиковъ, а оба мы были у іеромонаха въ кадецкомъ корпусѣ Никодима Рудзинского. Вечеромъ былъ у насъ для прощанія передъ отъездомъ своимъ отъселя брегадиръ Вітковичъ, а потомъ секретарь Новоторжцовъ, который долго въ ночь у насъ просидѣлъ.

11. Вечеромъ ездилъ съ Гудовичемъ въ Невскій монастырь до отца намѣстника, чтобъ надъ болнымъ полковникомъ Танскимъ завтра маслосвятіе отправили, потомъ исповѣды и причастія святыхъ таинъ его-жъ-бы удостоено, а отголь заездили и къ нему Танскому. Передъ симъ далъ я Григорію Дмитріеву на его нужды 2 р., да онъ-же взялъ на нужды Рудого и хлопця 4 р., послѣ знову 2 р.

12. Рано отправлено надъ болнымъ Танскимъ маслосвятые, и онъ-же послѣ исповѣди причастилься святымъ тайнамъ. Обѣдали у насъ Журманъ и Николай Сорокинъ и просидѣли въ ночь до позна.

13. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ брегадира Вітковича, чтобъ у него отобрала книжку Телемака полскую. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и привезъ двѣ писмѣ отъ сина Василя, изъ Киля писанные.

14. Писалъ еще до жены чрезъ Вітковича-жъ, съ посилкою отъ сина карти къ ней и рисунку двоихъ птичокъ, да до Скоропадского на его писмо.

15. Отправлены по почтѣ писма: одно въ Вроцлавъ до молодыхъ Скоропадскихъ, съ пакетомъ отъ отца ихъ, 13-го числа полученнымъ, другое до сина Василя въ Киль на его писма двѣ въ отвѣтъ, подъ № 20-мъ, чрезъ руки секретаря Вынклера. Были у болного Танского и спрашивали его о сочиненіи духовной, которую и сочинить просилъ писаря полкового Івана Янушкевича. Монастыря Кутейнского дѣвичого монахинѣ Марфѣ дано 30 к.

16. Духовную оный Танскій сочиненную подписалъ, тако-жъ и духовникъ его отецъ Софроній Кришталовскій, намѣстникъ монастыря Александро-Невского, на оной подписался-жъ.

17. Рано ѣздилъ я до купца Кремпена (которій зъ Ростока зъ Меклембургіи), чтобъ перевесть въ Киль 40 червоныхъ денегъ чрезъ кореспондента ихъ Віка, но онъ отказалься въ томъ до двохъ недель. Обѣдалъ у насъ Божичъ, потомъ онъ и графъ Мойсей Владиславичъ, да поруччикъ гвардіи Вішневскій были въ квартерѣ Танского и на духовной его подписались.

18. Праздновано при дворѣ рожденія день ея імператорского величества (которому кончился 38-й годъ) и по службѣ Божой производилась трекратная изъ пушекъ и изъ мѣлкого, отъ полковъ гвардіи и отъ прочихъ на Невѣ въ баталіонъ декаре устроенныхъ, ружья палба; потомъ и при столѣ обѣдномъ палено-жъ нѣсколко разъ изъ пушекъ. А ввечеру перво былъ въ салъ-галереи балъ, потомъ въ болшой салѣ ужинъ для персонъ пяти кляссовъ, где и мы съ Гудовичемъ у стола были и сидѣли съ брегадирами, въ присутствіи ихъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдалъ у насъ протопопъ роменскій.

19. Vacat. 20-го были въ дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антипъ Івановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичдѣ и дѣтямъ еи на футоръ Шнаковскій на галицкомъ степу, проданный отъ него за 1,500 р., на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свѣдителство подписались.

21. Рано былъ Гудовичъ въ сенатѣ, и подписанъ тамъ приговоръ о отдачи за провіантъ, ставленный въ Кіевъ, 34 р. съ лишкомъ до рукъ купца брянского Чамова. Потомъ были мы оба въ дворцѣ и заходили до бандуристы слѣпого Матвѣя Өедорова. Послѣ обѣда до князя Н. Я. Трубецкого званный Гудовичъ ездилъ. Потомъ въ вечеру съ Гудовичемъ были мы у Игната Кириловича Полтавцова съ поздравленіемъ вчорашнихъ его именинъ, где были и брегадиръ графъ Григорій Григоріевичъ Чернишевъ, и придворный лікарь Андрей Івановичъ Верре, и семеновского полку унтеръ-офіцеръ Василій Петровичъ Лачиновъ.

22. Графскій камординъ Іванъ Стефановичъ Барановскій передъ обѣдомъ приходилъ до насъ, чтобъ мнѣ съ Гудовичемъ явится у графа послѣ полудня въ 5-мъ часу, почему мы и были въ дворцѣ, токмо времени удобного не получили.

23. Сего числа въ 7-мъ часу по полудни были у графа и имѣли розговоръ сторони генерала маіора Лукина, который въ Гадячу нѣкоторые обиди показалъ, да и о дѣлахъ нашихъ малороссійскихъ.

24. Пріехали въ С. П. Бурхъ бунчуковый товарищъ Демянъ и судія полковый стародубскій Рубцы, которые у насъ и вечеряли и ночовали. Отъ сина получилъ писма и отъ жены.

25. На службѣ Божой были въ дворцѣ, въ болшой придворной церквѣ, где ея імператорское величество изволила сообщаться святымъ тайнамъ публічно съ протчими, мужеска и женска полу, нѣсколько придворними. По службѣ были у ручки ихъ імператорскихъ высочествъ, послѣ у графа Розумовского съ поздравленіемъ. Также званы отъ князей волоскихъ Матвѣя и Сергія Дмитріевичевъ Кантеміровъ обѣдать и у нихъ купно съ княземъ Сергіемъ Борисовичемъ Голицинымъ, да подпоруччикомъ артилеріи Свѣчинымъ обѣдали. А у насъ обѣдали безъ насъ пріежжіе гости Рубци. Вечеромъ былъ у насъ совѣтникъ Постелниковъ и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій.

26. Рано ездили съ поздравленіемъ до господъ: князя Алексія Дмитріевича Голицина, графа Петра Івановича Шувалова, князя Н. Ю. Трубецкого, графа Александра Івановича Румянцова, а по службѣ Божой, въ дворцовой церкви слушанной, заходили къ духовнику, токмо его не получили. Вечеромъ были у насъ пѣвчіе Шереметевы; потомъ ездилъ я до барона Пеклина и до секретаря Вынклера, но, не получа ихъ, заездилъ до Танского болного. Зъ сего числа на

27 по полуночи, въ 5-мъ часу, гвардіи ізмайловского полку поруччикъ, Ѳедоръ Петровичъ Тарнавіотъ, преставилъся, на дворѣ князя Куракина стоявшій квартерою купно съ отцемъ своимъ, войтомъ нѣжинскимъ. Рано были мы у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у его-жъ дворцовой церкви слушали обѣдни. Послѣ обѣда были у насъ графскіе камордины Іванъ Тимофіевичъ Золотой и Іванъ Стефановичъ Барановскій. Потомъ доволно въ ночь сидѣли у насъ-же Рубци, по которыхъ отшествіи multa mihi exprobravit Hudovitz. Сотникъ менскій Григорій Козмѣнскій къ отъезду своему простилъся.

28. Рано ездили поздравлять господъ князя Івана Василіевича Одоевского, генерала Александра Борисовича Бахметева, оберсекретаря сенатского Павла Василіевича Севергина и секретаря Новоторжцова. Послѣ обѣда былъ у насъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій съ извѣстіемъ, что вскорѣ отправится въ Малую Россію графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ, лейбъ-компаніи подпоруччикъ и св. Анны кавалеръ.

29. Рано ездили мы всѣ трое до оного графа Гендрикова, у которого трактованы кофемъ и водкою; потомъ были и у старшого брата его графа Андрея Симоновича Гендрикова-жъ. Отъ нихъ поехавъ, были въ дворцѣ и у духовника, а по обѣдѣ были у насъ перво лѣкарь придворный Андрей Іvановичъ Верре и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, потомъ приехалъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, да лейбъ-компаніи гренадеръ Сичевскій и переводчикъ коллегіи іностранной Данилевскій и Рубци. Послѣ поехали къ Коченевскому въ новый его домъ и тамъ купно съ тѣмъ-же графомъ Гендриковымъ до 10-го часа пробавили.

30. Были по утру съ поздравленіемъ у гофъ-маршала его імператорского высочества, графа Андрея Михайловича Евфимовского, а братъ его старшый, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій, маіоръ гвардіи семеновского полку, былъ боленъ; потомъ были у князя Александра Борисовича Куракина, а потомъ, заехавъ въ дворецъ, были у слѣпого Любисткова. Послѣ обѣда пріездилъ до насъ Журманъ съ женою и тутъ видѣлъся съ Демяномъ Рубцемъ.

31. Писано отъ всѣхъ обще до старшины генералной писмо въ той надеждѣ, что въ скоромъ времени отправится министръ для елекціи нового гетмана и чтобъ оного, а найпаче если кто изъ графовъ Гендриковыхъ или Евфимовскихъ будетъ, принято со всякимъ благопріятствомъ; и тое писмо вручено Ѳедору Івановичу Кочевскому для пересилки въ Глуховъ чрезъ человѣка изъ печерского монастыря отъ архимандрита Тимофея, назначенного въ кіевскіе митрополиты, присиланного. Вечеромъ были у графа, токмо ничего отъ него не слышали.

И такъ, слава Богу, годъ 1747 окончалъся.

1748-й ГОДЪ СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Ездили рано до нѣкоторыхъ господъ съ поздравленіемъ нового году, токмо не застали оныхъ, кромѣ оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, которого поздравивши, поехали до дворця и тутъ службы Божіей слушали, а по литургіи говорилъ архимандритъ казанскій, отецъ Веніаминъ Григоровичъ, преизряд-

ную проповѣдь. Потомъ всѣ пошли въ салъ-галерею и тамъ допущены были многіе къ руки ея імператорского величества, и многіе-жъ жалованы генералитетскими, штатскими и другими чинами. Послѣ изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніално шествовать въ болшую салу и тамъ подъ балдахиномъ на тронѣ обѣдъ кушать, где и всѣ знатные мужеска и женска полу персоны у стола, въ томъ числѣ и мы между брегадирами, сидѣли и обѣдали, а при томъ італіанская вокалная и инструменталная играла музика и окончался обѣдъ въ 3-мъ часу по полдни. А по полдни-жъ въ 8-мъ часу начался въ салъ-галеріи балъ, на которомъ и ея імператорское величество перво нѣкоторыхъ чинами жаловала, потомъ сговоръ графу Андрею Михайловичу Ефимовскому, государя великого князя гофъ-маршалу, съ дочерью умерпюго Павла Ягужинского, бывшого генерала прокурора, размѣною перстеней учинить, а послѣ съ его імператорскимъ высочествомъ и съ послами цесарскимъ и аглинскимъ по француску танцовать изволила. Потомъ въ началѣ 11-го часа въ болшую салу пойшли и зажженъ былъ феерверкъ, который преизрядно горѣлъ и окончалься въ томъ-же 11-мъ часу, а въ 12-мъ пріехали въ квартеру, где и Рубцовъ застали.

2. Писалъ до сина въ Киль, подъ № 1, на его писмо, 24-го декабря полученное, въ отвѣтъ и чтобъ у Шлидендорфа или у кого другого отъ 10 до 15 червоныхъ на свои нужды позичилъ, поки сыщу оказію переслать ему 40 червоныхъ; и тое писмо рекомендовалъ секретарю Выпклеру для отсилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ г. Горчаковъ, которому позачилъ я для переписки казанъ двѣ: 1-е изъ французского переведенное, 2-е въ день Рожества Христова съ правоученіемъ о совѣсти, 3-е отвѣтъ епископовъ россійскихъ на писмо богослововъ сорбонскихъ, 4-е переводъ о исповѣди и розговоры Марнолфа и Федра о смерти Корнилія Монтія. Перехристъ, изъ Глухова пріехавшый, былъ у насъ, прозваніемъ Позванцовъ, имепемъ (*пропускъ*), которого крестили генералъ Бибиковъ да жена брегадира Ільина.

3. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа и розговоровали о генералѣ-маіорѣ Лукинѣ, о грузинахъ и о прочемъ, а прежде насъ былъ у графа-жъ Журманъ. Зъ дворца возвращаючись, заездили до Івана Антоновича барона Черкасова и у него трактованы водкою.

Служитель обытели кіево-печерской отъехалъ съ указомъ до архимандрита тамошнего о прибытіи его въ С. П. Бурхъ для посвященія его-жъ здесь митрополитомъ кіевскимъ; чрезъ того служителя и наше писмо, до старшины генералной подъ 31-мъ числомъ прошлого декабря писанное, отпущено. Въ вечеру были у генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шыпова, который отъехалъ въ дворецъ на машкарадъ, а мы до Горчакова, где и полковника Божича застали.

4. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ квартеру войта нѣжинского Тарнавіота для присутствія на погребеніи умершого сина его Өедора, гвардіи измайловского полку поручика, которого тѣло проводили до монастыря невского архіерей с. п. бурскій и вся братія тамошняя; а въ монастырѣ по литургіи святой, которую целебровалъ архіерей вятскій и велико-пермскій, епископъ Варлаамъ Скамніцкій, погребенъ подъ церковью малою святого Лазаря. При погребеніи-же команда отъ измайловского полку салдатъ три залпы зъ дробного ружья выпалила. Потомъ были у архіерея. Надъ вечери приходили до насъ гуслістъ и бондуристъ графа Івана Сумоновича Гендрикова, а въ вечерѣ ездили посѣщать болного Танского, а тамъ-же и у Рубцовъ были. Купецъ брянскій Чамовъ принесъ два сосуды закусокъ.

5. На службѣ и водосвятіи вечернемъ были въ церквѣ Пресвятыя Богородицы Володимерскія.

6. По службѣ Божой, у св. Сумеона слушанной, ездили въ дворецъ и тамъ застали на процессію, изъ церкви придворной идучую для посвященія воды на рѣку, где поставлены были полки гвардіи и наполные (полевые) и гварнізонные въ строю квадратно, отъ пристани троецкой даже до корпуса кадецкого. А противъ нового зимного дворця здѣланъ былъ Іорданъ съ особливымъ мѣстомъ для государини, токмо на рѣкѣ при водосвятіи быть не изволила; а какъ воду освятили, то была пушечная палба изъ крѣпости, изъ адмиралитейства и изъ мѣлкого ружья трекратно полки палили. Вечеромъ были мы съ Гудовичемъ у переводчика іностранной коллегіи Данилевского.

7. Вчора полученные писма изъ Глухова отъ Скоропадского до дѣтей его въ Вроцлавъ, а зъ Вроцлавя отъ Іонгганса по почтѣ и самъ сегодня получилъ, вечеромъ отвезъ къ постъ-директору Ашу,

который сего-жъ дня имѣлъ отправити. Надъ вечери былъ у насъ лакей дворцовый, називаемый Петровскій, который отпушенъ въ Малую Россію для росправы въ заводѣ своемъ съ поруччикомъ Ланскимъ. Былъ у насъ съ Антипомъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей, отъ него данной Раковичу на хуторъ Шпаковскій и на дворы въ Монастерищѣ проданные за 1,700 р., всѣ мы трое подписались. Хлопецъ Евфимъ утѣкъ.

8. Рано едучи въ дворецъ, заходили къ Федору Івановичу Коченевскому, вчора въ вечеру простились съ Афанасіемъ Григоріевичемъ Постелниковымъ, который сего числа отъехалъ на воеводство въ Вятку. Надъ вечери были у Игната Кириловича Полтавцова, которому и писмо отъ полковника лубенского Апостола вручено.

9. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его три писми и включилъ на сей годъ календарь здешный, да до Іосифа и въ домъ до жены, тако-жъ въ Козелецъ до Подъысоцкого, обозного полкового кіевского, съ включеніемъ писмеца и до отца брата, которое туда для пересилки вручилъ Івану Стефановичу Барановскому, камордину графскому. Рано былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, и съ духовникомъ видѣлись, а надъ вечери ездилъ до Івана Петровича Толстого и далъ ему записку о трохъ бочонкахъ водки, вина простого 11 вѣдрахъ и салѣ.

10. По службѣ были всѣ трое въ дворцѣ. Государиня по обѣдѣ отъехала въ Петергофъ. Обѣдалъ у насъ Яковъ Тимофіевичъ, канцеляристъ сенатскій. По обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Трубецкого и до Шувалова etc. Хлопецъ Евфимъ приведенъ отъ Політики. За два календари дано 32 к. Князю грузинскому Луарсару Асихмованову, по писму Скоропадского, далъ 30 р. денегъ за его роспискою.

11. Рано ездилъ я до секретаря Вынклера, но его не засталъ, а потомъ былъ у Носка. По обѣдѣ былъ у насъ перво ассессоръ Гарасимъ Кириловичъ Либартовскій и звалъ на завтра къ себѣ обѣдать, ради именинъ дочери своей Татіаны, потомъ секретарь Вынклеръ для розговору о пересилкѣ къ сину моему въ Киль денегъ. Купецъ Чамовъ принеслъ приговору сенатского о отдачи обивателемъ малороссійскимъ, въ томъ числѣ и ему, за провіантъ въ магазейны ставленный, 32,828 р. $18^{3}/_{4}$ к., тако-жъ и росписки,

у него въ сенатѣ взятися имѣючой, копіи, точію не засталъ Гудовича, который ездилъ до князя Трубецкого и въ другіе мѣста.

12. Писано писмо отъ всѣхъ общее до генералной старшины, въ канцеляріи генералной присутствующыхъ, что-бъ о имѣющей прибыть персонѣ еще удержано до далшого времени въ секретѣ, да отъ мене писано къ Скоропадскому, что князю грузинскому Луварсару отданы 30 р. и отъ него о томъ-же писмо къ полковнику Челищеву сообщено. Хлопець Евфимъ до Григорія Політики отосланъ, а Лукянъ принятъ. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ кирасира, изъ Бикова пріездившаго. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 2, обявляя, что здесь вручены секретарю Вынклеру 20 червоныхъ, которые онъ тамъ долженъ приняти отъ ассесора Шмидендорфа, а до него о томъ-же и отъ Вынклера писано. Включено до сина и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное. Обѣдали, при присутствіи многихъ гостей, у директора каравана китайского Гарасима Кириловича Либратовского, ради именинъ дочери его Татіаны, и тамъ же до позна пробавили.

13. За два слоики мелісси заплачено 50 к., за лѣкарства въ аптецѣ 20 к., за аршинъ выбойки 38 к., за аршинъ ленти 18 к. Обѣдалъ у насъ маіоръ Тихановъ, которій женатъ въ Прилуцѣ на старой Тарнавской.

14. По обѣдни заездили къ Петру Івановичу Розумовскому, а Гудовичъ ездилъ въ сенатъ за указомъ, о учрежденныхъ по великороссійской границѣ таможняхъ для взиманія отъ купцовъ портовой пошлины, передъ симъ посланнымъ. По полдни были у вице-адмірала Александра Івановича Головина, которій (сказовали) весма занемогъ, и для того сожителница токмо его къ намъ виходила, а вечеромъ были у Новоторжцова.

15. Купецъ брянскій Тихонъ Григоріевъ синъ Чамовъ взялъ у купцовъ для потребы дому моего ценовой посуды: полумисковъ 12 болшыхъ, среднихъ и меншыхъ по 4, сосудовъ круглыхъ съ кришками два, талѣрокъ четири тузіны, два глубокихъ, два мелкихъ; въ нихъ и въ полумискахъ вѣсу 2 пуды, фунтовъ 23. Цена фунту по 23 к. Въ двохъ круглихъ сосудахъ вѣсу 13 фунтовъ, цена фунту по 30 к., въ двохъ довгихъ сосудахъ зъ кришками вѣсу фунтовъ 17; двѣ ложки болшые цѣнованые въ фунтъ. Передъ обѣдомъ ездили съ Гудовичемъ—онъ до Рубцовъ, а я до Василія

Танского, а по обѣдѣ были у Горчакова, до которого и книги у него позичанные отвезли, потомъ у сенатского канцеляриста Якова Тимофіева, которого женѣ, а моей кумѣ, данъ ящикъ закусокъ

16. Вечеромъ были съ Гууовичемъ у преосвященного псковского, потомъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича и у него купно съ княземъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Кантеміромъ и другими вечеряли. Зеркало взято чрезъ Чамова за 2 р. 50 к. у агличанъ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у кума моего Якова Тимофіева, канцеляриста сенатского, гдѣ крестнику 50 к., да нянѣ и дочери малой его даны 20 к. Оттоль заездили къ преосвященному тферскому, гдѣ застали 2-хъ архіереевъ, псковского и переславского, и посѣщали болного Козляницю. Потомъ были у архимандрита спаского казанского, отца Вениямина Григоровича.

18. Послѣ полудня были у насъ секретарь іностранной коллегіи Александръ Михайловичъ Бялошицкій и кофишенкъ Савлуковъ, который при государинѣ вчерашнего числа изъ Царского Села возвратилъся.

19. Принеслъ ко мнѣ протопопъ мглинскій отъ сотника тамошнего Лисаневича писмо. Были мы, мимоездомъ изъ дворця, у нуримберцовъ, и куплены у нихъ двѣ картины за 40 к. Потомъ были у полковника Божича на водкѣ.

20. Писалъ писма до сотника мглинского Лисаневича, въ отвѣтъ на его вчорашнее писмо, и до жены моей, ознаймуючи о своемъ здоровѣ, и тѣ писма обѣ отосланы къ протопопу мглинскому для отправы въ Мглинъ. Вечеромъ заездилъ изъ дворця до насъ Журманъ и взялъ для прочитанія статьѣ Юрія Хмелницкого.

21. Писано писмо до племѣнника моего Іосифа, чтобъ далъ онъ знать, отданы-ли ему при писмѣ моемъ бумажныхъ шпалеръ десять штукъ, посланные отселя прошлого году въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Івана Іванового сина (что въ Пѣсочкахъ) Гамалію.

22. Вечеромъ былъ у мене вакансовый сотникъ Яковъ Дмитровскій и сказовалъ, что Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ [232]) засва-

---

[232]) Раковичи происходятъ отъ прилуцкаго полковаго писаря Семена Раковича, который, женившись на дочери Лазаря Горленка, получилъ въ приданое разоренное татарами сотенное мѣстечко Галицу (нѣжинскаго уѣзда). Къ Галицѣ принадлежало огромное пространство пустыхъ земель, которыя засе-

талъ племѣнницю жены кофишенка Александра Юліановича Савлукова, рожденную изъ сестри его Савлуковой, за поддячимъ Бринцовымъ въ замужствѣ бывшей, а оной невѣстѣ имя Өедосія Григоріевна.

23. Былъ у мене секретарь Вынклеръ и взялъ двадцать червоныхъ для пересилки къ сину моему въ Киль, до которого о томъ и писалъ я сего-жъ числа, подъ № 3-мъ, чтобъ онъ и прежные 20 и нынѣшные 20-же червоныхъ отобралъ у ассесора Шмидендорфа и о росходѣ какъ прежныхъ, такъ и сихъ ста червоныхъ прислалъ вѣдомость, да и отъ профессоровъ о своихъ наукахъ засвѣдителствованіе, якое писмо до сина къ отправѣ по почтѣ отослано къ тому-жъ секретарю Вынклеру.

24. Писаны писма отъ насъ вьобщѣ до старшины генералной о отсилки Головина, да до старшины генералной, въ канцеляріи войсковой присуствующыхъ, о дѣлѣ Тихона Григоріева сина Чамова, купця бранского, взглядомъ денегъ, по указу сенатскому отобранныхъ. Вечеромъ посѣщали болного Якова Дмитріевича Рожевского, которого вчера масломъ соборовали, а отъ него были у Өедора Івановича Коченевского. За сундукъ деревяній на цѣны (цинковую посуду). да за бѣбулу и веровку—35 к.

25. Званы отъ господина секретаря Новоторжцова для тезоименитства дочери его Маріи, кресници обозного генералного Лизогуба, на завтрее обѣдать.

26. Рано были въ дворцѣ, где застали у графа всѣхъ синодалныхъ членовъ и канцлера и Апраксина. Потомъ отъехали до Новоторжцова и у него купно съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, оберъ-секретаремъ Павломъ Василіевичемъ Севергинымъ и другими обѣдали. Імениницѣ куплена стіопжка за 50 к. Туда жъ пріездилъ Іванъ Раковичъ звать къ себѣ на зговоръ обозного генералного вмѣсто старости, потомъ и на квартеру нашу онъ-же

лила Агафья Лазаревна Раковичъ, оставшись вдовою. Пользуясь вліятельною помощью брата своего Дмитрія Горленка, въ то время прилуцкаго полковника, Агафья Раковичъ, на окружавшей Галицу степи, поселила теперешнія села—Сальное, Ровчакъ, Татаровку и другія. Единственный сынъ Агафьи, бунчуковый товарищъ Павелъ Раковичъ, былъ уже виднымъ богачемъ въ прилуцкомъ полку. Иванъ Андреевичъ Раковичъ, хоружій генеральной артиллеріи, былъ внукъ Павла.

съ Федоровичемъ пріездилъ, но на тихъ зговорахъ мы не были. Преосвященный тверскій, отъежджая, заездилъ въ нашу квартеру.

27. Полученъ пакетъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ до отца ихъ изъ Вроцлавя и оный включенъ въ писмо, отъ мене до него жъ въ Глуховъ писанное, съ посилкою фарфорового, для его купленого, кредenсу. Постиліону, принесшему тотъ пакетъ, дано 3 к. Слугѣ секретаря Новоторжцова Івану, сегоднешнему имениннику, дано 50 к. изъ общихъ денегъ. Данъ Носку парусного полотна кусокъ.

28. Были рано съ Гудовичемъ у графа въ дворцѣ, потомъ къ Θедору Івановичу заходили. Взялъ у Чамова 20 червоныхъ, всякій червоный по 2 р. 25 к., и того за 45 р.

29. Писалъ писмо къ женѣ объ отдачи Чамову за помянутые червоные денегъ сорока пяти рублей и что ему-жъ данъ реестръ о справленью нѣкоторыхъ покупокъ въ Москвѣ, которые если привезетъ въ домъ нашъ, то и за оные надлежащые денги заплатила-бы. А въ томъ реестрѣ написано: мѣховъ лисихъ хрибтовыхъ 2, красній 1, бѣлый 1, черевій 1, черевій песковій бѣлый 1, волчій черевій хорошій 1, бѣлокъ сибирскихъ два мѣхи, одинъ черныхъ, другой сѣрыхъ, заячихъ хорошихъ мѣховъ 4, два тюма китаю: одинъ голубого, другій кропивного цвѣту, кожъ юфтовыхъ 10, пасовъ (поясовъ) сморжовыхъ 2 пары.

30. Рано ездили до канцлера съ прошеніемъ доложить объ отпускѣ нашемъ. Отъ него при возвратѣ, противъ квартери нашой, встрѣтили едущую государиню съ придворними. Обѣдали у насъ секретарь Бутурлиновъ Ілля Кузмичъ и брянскій купецъ Чамовъ, которому и писма, отъ мене писанные до Скоропадского, съ включеннымъ и отъ дѣтей его пакетомъ, до жены о взятихъ у его, Чамова, 20 червоныхъ и до Іосифа о бумажныхъ шпалерахъ, чрезъ Івана Гамалію посланныхъ, тако-жъ реестръ о предпомянутыхъ въ Москвѣ покупкахъ, вручены, и онъ-же отъехалъ во свояси. Сего-жъ числа по обѣдѣ явились у насъ б. т. Николай Троцкій [233]), да сотникъ отставленный полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, прі-

---

233) Бунчуковый товарищъ Троцкій былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ Носъ, единственной дочери Степана Носа—сына прилуцкаго полковника, поэтому всѣ недвижимыя имѣнія послѣдняго перешли къ Троцкимъ.

ехавніе въ С. П. Бурхъ сего генваря. Писалъ до сина въ Киль подъ № 4, обявляючи, что секретарю Вынклеру отданы уже 40 червоныхъ, которые онъ долженъ тамъ отобрать у ассессора Шмидендорфа, и оное писмо отослано до постъ-директора Аша для отправленія по почтѣ въ Киль. Вечеромъ былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, и между тѣмъ присиланъ служитель отъ Савлукова звать одного обозного генералного, господина Лизогуба на завтре къ свадбѣ Раковича.

31. Рано приходилъ и самъ Раковичъ его-же г. Лизогуба звать одного, а по обѣдѣ и всѣхъ насъ звалъ. По службѣ Божой были у ручки государини многіе, въ томъ числѣ и мы; потомъ у графа Розумовского, который сказалъ, что и самъ-бы онъ радъ насъ отселя збуть. По полудни въ 6-мъ часу съехались перво въ домъ Өедора Івановича, потомъ въ дворецъ до слѣпого Григорія Михайловича Любистка и, тамъ проседѣвъ до 9-го часа, пошли съ женихомъ въ придворную болшую церковь, куда послѣ приведена и невѣста, где и государыня пришедъ, спросила о женихѣ и оного къ ручкѣ пожаловала, потомъ отошла. Таже началось и окончилось вѣнчаніе, а послѣ вѣнчанія отъехали изъ дворца прямо въ домъ кофишенка Александра Юліановича Савлукова, который съ женою своею, Агафіею Яковлевною Довбешковскою, встрѣтилъ молодыхъ на крилцѣ; потомъ, вшедъ въ избы, сѣли за столы, уже приготовленные; отъ сторони жениховой былъ отцемъ посаженымъ обозный генералный г. Лизогубъ, матерью жена Якова Івановича Дивова генерала рекетмейстера, съ невѣстиной—камеръ-геръ и кавалеръ Никита Андріяновичъ Вожжинской. Повечерявши у Савлукова и чрезъ часъ-другой танцовавши, отъехали вся веселая компанія съ женихомъ и невѣстою въ домъ Өедора Івановича Коченевского и тамъ немного позабавившись, молодыхъ оставя, розъехались уже въ 4-мъ часу по полуночи. Въ день были у насъ секретарь Новоторжцовъ и кумъ мой Яковъ Тимофіевъ съ своею женою.

Февраль.

1. По полдни въ 1-мъ часу звалъ Раковичъ всѣхъ насъ на купанье до своей уже квартери, где, по собраніи вчорашныхъ веселныхъ гостей и Савлукова съ женою, обѣдали до позна, потомъ танцами даже до полуночи забавлялись. Государиня отъехала въ Царское Село.

2. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ принесль ко мнѣ отъ отца духовника служитель его сто рублей денегъ, о которыхъ пріемѣ и росписка ему отъ мене дана. Послѣ полудня звалъ насъ Стефанъ Евфимовичъ Карновичъ камеръ-лакей (который 31-го генваря женился на іноземкѣ, бывшой у князя Константина Кантеміра) [234]) къ себѣ на вечеру, где мы и были у него, въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, и ужинали съ бывшими тамъ-же обоего пола гостми, въ томъ числѣ былъ и камеръ фуріеръ полковникъ Сергій Михайловичъ Нестеревъ, и пробавили до 2-го часа по полуночи.—За пару чашокъ чайнихъ фарфоровыхъ 25 к., да ізвожчику 8 к.

3. Празднованo при дворѣ у его імператорского высочества, государя великого князя воспоминаніе ордена кавалеріи святыя Анны, онымъ-же орденомъ жаловалъ 9-ть персонъ кавалерами, въ томъ числѣ и царевича грузинского, генерала маіора Георгія, контръ-адмирала Воина Яковлевича Корсакова и пр. Послѣ полдня ездили къ штатскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову и у него съ протчими, тамъ бывшими, ради имениъ дочери его Анны, гостми, довольно трактованы.

4. Рано былъ у насъ б. т. Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ съ новобрачною женою своею Ѳедосіею Григоровною. Куплено еще двѣ пари чашокъ чайныхъ и полоскателную одну за 75 к.; за чолки бѣлые дано 30 к. Принесенъ пакетъ изъ почти отъ постъ-директора Аша, полученный отъ дѣтей г. Скоропадского. Постиліону дано 8 к.

5. Передъ обѣдомъ пріехалъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ съ женою своею Анною Василіевною, у насъ-же и обѣдали и прощались за позавчерашную у господина Демидова бывшую компанѣю. Вчера вечеромъ былъ у меня переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій и принесъ книжку латинскую Lucubrationes, а рано вчера-жъ прислалъ къ намъ два томы новонапечатанного Телемака для вычетанія синодалный оберъ-секретарь Яковъ Герасимовичъ Левашидовъ, и я къ нему послалъ своего переводу Катехисмъ, Апологію и Малярда отвѣты, какъ приступилъ къ нашей

---

[234]) Карновичъ былъ камеръ-лакеемъ у великаго князя наслѣдника, который, вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ, назначилъ Каронвича стародубскимъ полковникомъ.

церквѣ. Гудовичъ купилъ у англичанъ часы стѣнные, столикъ круглый и габінетецъ съ зеркаломъ, которому вручено отъ мене до жены моей писанное генваря 31-го писмо о посилки чрезъ Брянскъ оловяной моей посуды, здесь купленной, и въ двохъ сосудахъ закусокъ. Государиня изволила возвратится изъ Царского Села.

6. Писано писмо до Скоропадского съ посилкою пакетця, отъ дѣтей его полученного зъ Вроцлавя, тамъ-же включено подъ числомъ 31-мъ генваря до племѣнника Іосифа о отправленной въ домъ чрезъ Брянскъ цѣновой посудѣ и въ двохъ сосудцахъ закусокъ. Вечеромъ ездили съ Гудовичемъ до прокурора провіантмейстерской канцелляріи Петра Михайловича Николева.

7. Рано были въ дворцѣ у графа Р(озумовского) и видѣлись съ генераломъ лейтнантомъ Михайломъ Семеновичемъ Хрущевымъ, а по обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Н. Ю. Трубецкого, будто по его приказу и требованію.

8. Рано ездили съ Гудовичемъ въ дворецъ для поздравленія тезоименитствомъ отца Өеодора Дубянского, духовника, а оттуда заехали поздравить тезоименитствомъ-же Өедора Івановича Коченевского и у него съ многими обоего пола гостми обѣдали; а у насъ съ г. Лизогубомъ обѣдалъ отецъ Лука, намѣстникъ свинскій, въ нашей-же квартерѣ. По обѣдѣ былъ лейбъ-компанецъ Романъ Лукяновъ синъ Струтинскій [235]). Въ вечеру присланный служитель отъ Горчакова звалъ на завтра откушать для крестинъ недавно родившейся ему дочери.

9. Писалъ до г. Горленка, судіи енералного, на его писмо сторони денегъ его, мною у Якова Дмитріевича Красінского 150 р. взятыхъ, и о удостоеніи его-жъ за службы маетностми, которое включилъ въ одинъ пакетъ до Скоропадского и до жены, что-бъ отдала и ему 600 р. давныхъ, да за 17 червоныхъ 38 р. 50 к., такожъ Горленку судіи 150 р. и Мандзенку за матеріи заплачены-ль надлежащые денги; и впечатавъ въ конвертъ на имя членовъ войсковой генералной канцел-

---

[235]) Когда въ 1712 г. Галаганъ получилъ отъ Скоропадскаго м. Еремѣевку, то поставилъ надъ тамошними крестьянами старостою Лукьяна Струтинскаго. Сынъ этого старосты Романъ былъ взятъ къ императрицѣ въ гайдуки и отсюда попалъ въ лейбъ-компанцы; въ 1757 г. Романъ Струтинскій былъ капитанъ-поручикомъ и лейбъ-компаніи вице-капраломъ, а черезъ десять лѣтъ полковникомъ.

ляріи о попонахъ до дворцовой конюшнѣ съ писмомъ отослано для отправленія по почтѣ изъ сената. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у г. Горчакова, у которого крестили дочь Анну. Воспріемниками были гвардіи измайловского полку маіоръ Василій Алесандровичъ Нащокинъ и жена прокурора Николева, Мавра Аѳанасіева дочь. Въ той-же компаніи были оберъ-секретарь военной коллегіи Авраамъ Артеміевичъ Навроцкій съ женою, маіоръ Андрей Івановичъ Карташевъ съ женою, Алексій Даниловичъ Шеншинъ, полковникъ Божичъ и полковникъ Грузинскій, да брегадиръ Аксаковъ и жена секретаря Новоторжцова.

10. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ поздравляли его высочество, великаго князя рожденіемъ и у обоихъ іхъ высочествъ у ручки были, а по обѣдни были у графа. Послѣ полдня знову были въ дворцѣ во время бала и даже до начатія вечери, а во всемъ городѣ ради сего празденства иллюминацјя была.

11. Рано были съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, потомъ въ дворцѣ, а оттуду едучи къ квартерѣ, встрѣтились перво съ графомъ, потомъ и съ государинею. а обѣдали у себе, купно съ полковникомъ Божичемъ. За переправленье книжки Целляріева лексикона и на прочее 30 к. Вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у переводчика Данилевского, а отъ него приехавши, захоровалъ на коліку.

12. Весь день пролежалъ ради той-же болѣзни. За бумажный платокъ 37 к., Леску и Івану Рудому за рубашки 70 к. Сватба Теплова.

13. Для Скоропадского куплено вина шампанского 12 бутилокъ, дано за оное 14 р. 40 к. Вечеромъ съ Гудовичемъ были у архимандрита рожественского владимірского Платона Петрункевича.

14. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, токмо графа не видали, а послѣ весь день въ домѣ пробыли и запустъ имѣли самы.

15. Куплено гатласу 4 аршина за 6 р., крашенини за 2 р. 72 к., шолку красного за 10 к. для репарованя кафана старого гатласового, на шнурокъ 3 к. Вечеромъ былъ у насъ Журманъ и долго въ ночь просидѣлъ.

16. Рано ездили въ дворецъ и государиню видели отъеждающую кушать до камеръ-юнкера Сиверса. Потомъ мы всѣ трое

отъехали на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана обѣдали и весь день пробавили, да и для смотренія горъ подѣланныхъ были на Охтѣ.

17. По утру Гудовичъ ездилъ на Смолный дворецъ до Журмана, а оттоль и Журманъ съ женою и онъ пріехавъ у насъ обѣдали [236]).

18. Рано съ Гудовичемъ ездили въ дворецъ, где при насъ изволила государиня отъехать съ нѣкоторими придворными до Сарскаго Села. Вечеромъ съ нимъ-же, Гудовичемъ, были у полковника Танского и у Рубцовъ.

19. Стефану кравцю за переправу красного гатласового кафана дано 70 к. Вечеромъ былъ у насъ гвардіи поруччикъ семеновского полку Софоновъ и долго въ ночь просидѣлъ.

20. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ зъ капитаномъ сербскимъ, а послѣ обѣда были у графовъ Гендриковыхъ, и Іванъ Симоновичъ отъехалъ при насъ до канцлера на банкетъ, а съ Андреемъ Симоновичемъ мы еще довольно сидѣли.

21. Прислалъ постъ-директоръ Ашъ писмо, зъ Вроцлавя полученное отъ Юнганса, до Скоропадского надписанное въ Глуховъ. Обѣдали у насъ Рубци и Лукомскій, а вечеромъ мы всѣ трое у нихъ были.

22. Куплено красного гатласу поларшина за 75 к. Вчера въ день былъ у мене кумъ Яковъ Тимофіевъ съ кумою и съ крестникомъ, которому данъ отъ мене 1 р. за перникъ, отъ него принесенный.

23. Писаны писма: 1-е къ сину въ Киль подъ № 5-мъ, съ увѣщаніемъ, для чего не описуется зъ часта и чтобъ въ сей постъ старался сообщитись св. тайнамъ, 2-е въ Глуховъ до Скоропадского, съ отсилкою писма къ нему, изъ Вроцлавя полученного и съ объявленіемъ, что вина шампанского 12 бутилокъ за 14 р. 40 к. куплено. Писалъ тако-жъ къ женѣ съ сообщеніемъ копіи писма отъ сина зъ Киля, сего числа полученного, и подлинного коверта, и въ пакетъ до Скоропадского включилъ.

24. Гайдукъ дворцовый Сава Чиншевичъ, пріехавшій зъ Украіни, былъ у насъ, а надъ вечери ездилъ я до кума Якова Тимофі-

---

[236]) Журманъ пользовался, какъ видно, исключительнымъ положеніемъ въ Петербургѣ, потому что былъ женатъ на родственницѣ Разумовскихъ, Стрѣшенковой.

ева и ему-жъ оный, до Скоропадского надписанный, пакетъ вручилъ для пересилки въ Глуховъ.

25. Книгу Екстрактъ Саваріева Лексикона о коммерціи прислалъ мнѣ для читанія Яковъ Тимофіевъ.

26. Vacat. 27. Рано ездилъ въ монастырь Невскій и тамъ, по отправленной исповѣди передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, слушалъ обѣдни въ деревяной церкви и причащалься, а обѣдню служилъ съ протчими священниками отецъ намѣстникъ свінскій Лука. По обѣдѣ, на которомъ были у насъ священники церкви св. Сумеона Барановскій и Навроцкій, приходилъ ко мнѣ гайдукъ Сава, пріехавшій зъ Малой-Россіи и принесъ двѣ писми, одно отъ жены, другое отъ племѣнника Іосифа и третое до нѣкоторого Батюшкина, прокурора статсъ-кантори отъ сина его поруччика, стоячого зъ ротою драгунскою въ моей деревнѣ Куровѣ. Вечеромъ всѣ трое были у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, нареченного митрополита кіевского и у него долго проседѣли, где были и архимандритъ кіевского золотоверхого монастыря, отецъ Модестъ Стефановичъ, ігуменъ батуринскій, отецъ (*пропускъ*) и намѣстникъ свінскій отецъ Лука, потомъ туда-жъ пришли войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и Лукомскій, сотникъ. Розышлось на розницю 32 к.

28. Были въ дворцѣ, перво въ церквѣ болшой, потомъ у графа Розумовского, а обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского, купно съ архимандритомъ казанскимъ, отцомъ Веніаминомъ Григоровичемъ. Вечеромъ былъ у насъ полковникъ Божичъ.

29. Дано Григорію Дмитріевичу на его нужды 4 р. 40 к. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 6-мъ, съ приложеннымъ къ нему отъ матки его писмомъ и на его писмо въ отвѣтъ, полученное мною здесь сего теченія 26-го числа, и оное писмо для отправы отослано къ Вынклеру. Писалъ тако-жъ до жены въ отвѣтъ на еи писмо, отъ 15-го генваря ко мнѣ писанное, и что-бъ всѣ долги виплачивала, тако-жъ дѣтей писма и протчего обучать старалась-бы, да дала-бъ знати, чи дойшли 10 штукъ шпалеръ бумажныхъ, посланныхъ чрезъ Івана Гамалію, сина пѣсковского (въ с. Пескахъ) Івана. Въ писмо до жены включено и писмо отъ капрала кадетского корпуса, Михайла Андревича Батюшкова, до брата его, архангелгородского драгунского полку поруччика, Лва Батюшкова-жъ, который въ нашихъ деревняхъ квартируетъ съ ротою.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, какъ изволила государиня въ открытыхъ саняхъ проежджатся, потомъ заходими къ Любистку и къ Ѳедору Івановичу Коченевскому. Вечеромъ былъ у насъ Семенъ Дмитріевъ Шохъ.

2. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ, но не имѣли случая видѣть графа Р(озумовского). Послѣ обѣда былъ у мене г. Вынклеръ и привезъ писмо отъ сина и квітанцію о полученіи имъ отъ г. Шмидендорфа 20 червоныхъ.

3. Куплено сукна на кунтушъ мишастого 4 аршина за 8 р. 80 к., на штаны кармазинового полтора аршина за 3 р., шолку за 23 к., комфоры за 4 к., бумазіи на подбой до штановъ за 50 к.

4. Писмо до жены, писанное подъ числомъ 29-го февраля, вручилъ Гудовичу, что-бъ включилъ до своей жены въ пакетъ, а оное, тако-жъ и сундучокъ зеленый съ зеркаломъ, чрезъ человѣка г. Мойсѣя Івановича отпущенный, отослано-бъ изъ Івантенокъ до Городища въ домъ мой.

5. Писалъ до сина въ Киль на его ко мнѣ недавное писмо и требовалъ отъ него увѣдомленія, если его оттоль преселить въ Галю или въ Кенисбергъ, то чрезъ кого и на какія мѣста переводить для его субсидіалные денги. Оное писмо, подъ № 7-мъ, и въ немъ сообщено отъ отца Василія Барановича до отца Іова писмо-жъ, вручено для отправы г. Вынклеру. За писма на почтѣ полученные принесшему дано 12 к.

Умыслне званныи отъ вице-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина обѣдали у него.

6. Въ церкви придворной болшой посвяшенъ митрополитомъ кіевскимъ кіево-печерскій архимандритъ Тимофей Щербацкій, а рукополагалъ оного преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Сумонъ Тодорскій, содѣйствующимъ тутъ-же архіепископамъ санкт-питербургскому Ѳеодосію Яновскому, Арсенію Могилеанскому переславскому, Варлааму велико-устюжскому, что былъ вяцкій, да архимандритомъ володимерскому рождественскому Платону Петрункевичу, казанскому Веніямину Григоровичу, да Михаила Золотоверхого кіевского Модесту Стефановичу и духовнику государини Ѳеодору Дубянскому, при присутствіи ея імператорского вели-

чества и ихъ імператорскихъ высочествъ и всего придворного штата и генералитета, тако-жъ пословъ імператорского римского и королевского аглинского. Сего-жъ числа пріехалъ въ С. П. Бурхъ полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій и былъ у насъ, потомъ и въ дворцѣ съ нами.

7. У преосвященного митрополита кіевского новопосвященного рано всѣ трое были съ поздравленіемъ. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Р(озумовского), послѣ у Өеодора Івановича Коченевского, которому, тако-жъ и духовнику, прошеніе, для подачи графу заготовленное, показали. Послѣ обѣда былъ я у полковника гадяцкого, а передъ обѣдомъ былъ у насъ и обѣдалъ съ дѣтми своими, трома синами, отецъ Георгій Горковскій, протопопъ сорочинскій.

8. Писма, писанные отъ мене, 1-е до жены подъ 6-мъ числомъ о посилки столика круглого въ домъ, 2-е до Скоропадского о посилки 12 бутилокъ вина шампанского, за 14 р. 40 к. купленного, вручены вакансовому сотнику Якову Дмитровскому. Куплены двѣ книжки: 1-я «Похожденіе Телемакого» за 1 р. 80 к., другая «Езоповы Басни» за 1 р. 20 к. у перепліотчика.

9. Послѣ полдня былъ съ Гудовичемъ у Горчакова и вручилъ ему данное писмо отъ Александра Толстого до прикажчика его московского, Андреяна Недякова, о видачи водки и простой горѣлки моей, въ домѣ ихъ Толстыхъ содержачейся, оной-же водки три бочонки: ганисной, помаранцовой и розмариновой, да простой горѣлки 11 вѣдеръ и коровай свиніого сала въ пудъ и 20 фунтовъ. Потомъ заездили до Новоторжцова, где застали и войта нѣжинского; оттоль были въ дворцѣ и графа Р(озумовского) видѣли толко. Сего числа Іванъ Раковичъ съ женою своею, а съ нимъ и Дмитровскій отъехали изъ С.П.Бурха.

10. Рано были съ Гудовичемъ въ дворцѣ и заходили до Любистка, куда пришли за нами Савлуковъ, войтъ нѣжинскій и Антонъ, стряпчій графскій. Сего-жъ 10-го числа въ вечеру подали съ Гудовичемъ прошеніе наше, всѣхъ троихъ руками подписанное, графу Р(озумовскому) о общенародныхъ дѣлахъ и съ нимъ-же доволно розговаровали, а послѣ насъ былъ у его-жъ полковникъ гадяцкій Галецкій.

11. Послѣ полудня былъ у отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и въ его избѣ почадѣли (угорѣли).

12. У митрополита кіевского всѣ сенатскіе и синодскіе оберъ-секретари, секретари, переводчики и протчіе трактованы; а оттоль заездилъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ. Мы съ Гудовичемъ были у полковника гадяцкого Галецкого въ домѣ графскомъ, который обослалъ мене водкою и слывянкою. За 5 паръ золотыхъ петеліокъ дано 4 р., за шматъ блакитного аксамиту 1 р. 80 к., на нѣкоторые дробязки $4^1/_2$ к.

13. По службѣ Божой были у графа Р(озумовского), отъ которого обнадежены, что вскорѣ по дѣламъ общымъ будетъ резолюція; съ тимъ-же пріежджалъ до насъ вечеромъ Θедоръ Івановичъ Коченевскій. Обѣдалъ у насъ префектъ кіевскій отецъ Лащевскій съ переводчикомъ сvнодскимъ Григоріемъ Політикою.

14. Писано отъ насъ до всѣхъ обще генералной старшины съ обявленіемъ, что графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, лейбъ-кампаніи подпоруччикъ, имѣетъ быти отправленъ въ Малую Россію для избранія гетмана, который графъ и самъ у насъ былъ, тако-жъ и дворянинъ Любистковъ. А потомъ были мы всѣ трое у его, графа Гендрикова, съ поздравленіемъ новорожденного ему-жъ сина Андрея и съ родѣлею целовались и ей-же по червоному поднесли, въ томъ числѣ и я отъ себе одинъ червонецъ.

15. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа а въ домъ до жены обявлялъ, что вскорѣ своей отправы отселя надѣемся и чтобъ дворъ глуховскій какъ ні есть оправлено и всячины въ ономъ припасено-бъ.—Рано изволила государиня и великій князь и великая княгиня и многіе придворные и господа отъехать до гостилицкой мызи графа Алексія Григоріевича Розумовского для именинъ его надходящихъ. Мы всѣ трое были на водкѣ у полковника Божича. Оные писма отпущены чрезъ писца Крижановского, Супруна Іванова.

16. Покроенъ кунтушъ изъ попелятого сукна, до которого на подбой за тафти два аршина дано 1 р. 90 к. За баранокъ чорный до шапки аксамитной голубой 20 к. Послѣ полудня ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ до Новоторжцова, где видѣлись и зъ Демидовымъ, который сказовалъ, что вскорѣ будемъ отправлены во свояси.

17. За обмаліованье кабінетика уборного дано 30 к. Обѣдалъ у насъ полковникъ Василій Танскій, а полковникъ гадяцкій и Петръ Розумовскій у Журмана.

18. Vacat. 19. Писано писмо до жены о приготовленюся ей къ поезду до Глухова чрезъ Рубцовъ, которіи сего числа и отъехали изъ С. П. Бурха. Вечеромъ былъ у кума Якова Тимофіева и отвезены ему 3 бутилки сливянки и бутилку водки, потомъ былъ-же у секретаря губернской с.-п.-бургской канцеляріи Стефана Радіонова Будаева и у переводчика академического Киріака Андріевича Кондратовича, который и книжку свою Amusium уступилъ мнѣ въ подарокъ.

20. Въ дворцовой болшой церквѣ посвященъ епископомъ въ Владимеръ и Ярополче архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, а посвящалъ оного митрополитъ кіевскій, преосвященный Тимофей Щербацкій, съ сослужащими съ нимъ епископомъ псковскимъ Симономъ Тодорскимъ, архіепископомъ с.-п.-бурскимъ Өеодосіемъ Янковскимъ, епископомъ великоустюжскимъ Варлаамомъ и нѣсколко архимандритами въ присутствіи ея імператорскаго величества и ихъ імператорскихъ высочествъ. По службѣ Божой заходили до графа, но не видѣли его. Обѣдалъ у насъ полковникъ гадяцкій и переводчикъ Політика.

21. Обослалъ мене полковникъ гадяцкій вишніовкою и бутилкою водки полинковой. Заплачено Стефану кравцю за роботу кунтуша, шапки и штановъ 1 р. 20 к. Войтъ нѣжинскій у г. Лизогуба былъ, а у мене Вынклеръ и отъ сина моего подалъ мнѣ писмо, писанное изъ Киля сего марта 14-го n. s. Рано были мы всѣ трое въ дворцѣ у графа, у которого застали кіевского митрополита. У насъ обѣдали Киріакъ Андріевичъ Кондратовичъ съ женою, да лютнистъ великого князя Іванъ Романовъ. Послѣ обѣда были мы у полковника гадяцкого, у которого былъ-же и Журманъ съ женою. Кондратовичевому сину данъ отъ мене шолковый платокъ.

22. Рано были первей у графа Кирила Григоріевича, потомъ и у графа Алексія Григоріевича, а оттоль заходили до Любисткова. Отослано писмо Скоропадского до отца духовника. Обѣдалъ я у полковника гадяцкого. По полднѣ былъ у насъ лейбъ-компанецъ Михайло Івановичъ Коченевскій, объявлючи, что и ему велено ехать при графѣ Гендриковѣ въ Малую Россію. Вечеромъ у насъ-же былъ Журманъ, которому и пакта гадяцкіе читаны.

23. Послѣ полдня ездили до графа Шувалова и, у него будучи, благодарили за его милость, являемую въ дѣлахъ нашихъ;

24. Рано были съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у гр. Р(озумовского) и при де-которихъ розговорахъ вручили ему копіи писма отъ старшины генералной, зъ промеморіею генерала Бісмарка, писанного къ намъ и мнѣнія іностранной коллегіи о клясcахъ чинамъ малороссійскимъ. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси и на ночь имѣлъ пра быть въ Село Царское. Обѣдали у насъ капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Журманъ. Надъ вечери былъ я у Галецкого, къ которому присланъ былъ нѣкоторій капитанъ Соловьевъ отъ г. Гендрикова. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ у секретаря Новоторжцова, который сказовалъ мнѣ о клеветѣ войтовой. За двѣ бутилки декокту, отъ Божича присланного, данъ 1 р. 8 к.

25. Знову обѣдалъ у насъ Марковичъ. Послѣ полдня были у насъ-же перво Махайло Івановичъ Коченевскій, потомъ Носко съ женою своею и съ племѣнниками графскими Василіемъ Евфимовичемъ Дараганомъ и Михайломъ Власіевичемъ [1]), а ночью секретарь Новоторжцовъ.

26. Писалъ къ сину подъ № 8-мъ на его писмо въ отвѣтъ и чтобъ прислалъ ко мнѣ вѣдомость о росходѣ денегъ, о платьѣ и о протчемъ, что имѣется у него на лицо, о наукахъ, о аттестатахъ профессорскихъ и о столѣ, наемный ли или герцогскій имѣетъ, и отослалъ для отправы до Вынклера. Надъ вечери былъ я съ Гудовичемъ у првосвященного епископа володимерского и ярополского Платона Петрункевича съ поздравленіемъ его возведеніемъ на оный епископскій санъ, отъ которого увѣдомились, что ему-жъ велено быть по прежнему въ святѣйшемъ сунодѣ членомъ, а преосвященному Тодорскому титуловатись архіепископомъ псковскимъ именными указами. Запасъ г. Лизогуба пришелъ въ С. П. Бурхъ.

27. По службѣ Божой въ дворцѣ были у ручки ея імператорского величества, потомъ были-жъ у графа Р(озумовского), а отголь пошедши, съ поздравленіемъ были у его преосвященства отца Тодорского, что ему именнымъ указомъ опредѣлено титуловаться архіепископомъ псковскимъ, у которого мы всѣ трое и обѣдали, а съ нами и оберъ-секретарь синодалный Яковъ Герасимовичъ Левани-

---

237) Впослѣдствіи принявшимъ фамилію Будлянского.

довъ и священникъ дворцовый отецъ Андрей, родомъ зъ Оскола. Послѣ обѣда прислалъ отецъ духовникъ Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій чрезъ прикажчика своего Симена Дмитріева Шоха сто рублей денегъ къ прежнымъ сту рублямъ, и на оные денги, вмѣстѣ на двѣстѣ рублей, дана отъ мене росписка: тѣ-же денги занимали прикажчики его въ Малой Россіи у г. Скоропадского. Сего числа прибывшій до С. П. Бурха бунчуковый товаришъ Григорій Богдановичъ рано явилъся у насъ на квартерѣ.

28. Писалъ писмо до молодыхъ Скоропадскихъ до Вроцлавя, въ Силезію, и съ включеннымъ, отъ отца ихъ вчера полученнымъ пакетомъ, да переведеннымъ по нѣмецку именнымъ о гетманѣ, въ прошломъ 1747 году, маія 5-го, состоявшимся указомъ, отосланъ до постъ-директора Аша для отправы по почтѣ. Рано былъ Богдановичъ и показывалъ свою изготовленную челобитную. Гудовичъ ездилъ до г. Гендрикова и въ провіантмейстерскую кантору и въ сенатъ. Я началъ принимать лекарства въ декоктѣ.

29. За роботу трохъ запонокъ, въ срѣбро оправленныхъ, золотарю дано 1 р. 50 к. Рано были у насъ полковникъ Танскій и локей дворцовый Пуховичъ, когорого при дворѣ називаютъ Товаромъ. За 4 стаканцы хрусталные дано 24 к., за сотню скалокъ 20 к., за починку фузіи и на другіе мѣлочи дано 23 к. Яскевичъ прибылъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ: одно до Скоропадского съ объявленіемъ, что у духовника денегъ 400 р. отобраны, да и за козакомъ Ковбасою, что-бъ его дѣло въскорѣ рѣшено въ генералной канцелляріи, другое до Іосифа племѣнника, что-бъ дворъ въ Глуховѣ пооправленъ былъ и сѣно, овесъ и муки разной запасено-бъ, и оные писма вручены Алексію Долінскому, отъежджающему до Малой-Россіи. Написано отъ насъ всѣхъ доношеніе въ сенатъ о промеморіи, отъ генерала Бісмарка въ генералную войсковую канцеллярію съ досадами и предъосужденіемъ чиновъ малороссійскихъ присланной и зъ онымъ доношеніемъ ездилъ Гудовичъ въ сенатъ, но не принято. А послѣ полдня присилалъ нарочного экзекуторъ сенатскій Іванъ Івановичъ Дурново зъ писмомъ до Гудовича, что-бъ онъ зъ тѣмъ доношеніемъ явилъся завтра въ сенатъ.

31. Оное доношеніе подано чрезъ Гудовича въ сенатѣ. Яскевичъ у насъ былъ и токмо къ Гудовичу изъ дому его подалъ писмо.

Полковникъ Василь Танскій отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси. Рудому куплено ременю на чоботы за 29 к.

Априль.

1. Швагеръ Гудовичевъ, Георгій Носенко-Белецкій прибылъ въ С. П. Бурхъ. Войтъ нѣжинскій израна былъ у г. Лизогуба. Сотникъ понурницкій Брежинскій такожъ въ С. П. Бурхъ прибылъ. За окованье 4 колесъ до будки дано 4 р. 70 к., за 20 фунтовъ шроту 85 к., въ доплатку за червонецъ къ 4 р. приданы 25 к.

2. Государиня сообщалась святымъ тайнамъ въ болшой придворной церквѣ. Послѣ полдня въ квартерѣ нашей былъ графъ І. С. Гендриковъ и потомъ капитанъ драгунского полку, Іванъ Өедоровъ синъ Соловьевъ, швагеръ Якубовичевъ, тако-жъ и Журманъ зъ Губчичемъ, сотника почеповского синомъ, который вчора прибылъ въ С. П. Бурхъ и сказовалъ, что и полковникъ стародубовскій Өедоръ Максимовичъ сюда-жъ едетъ.

3. Въ сей день празденственный Въѣханія Господня были мы всѣ трое въ дворцѣ, перво на службѣ Божой въ болшой церквѣ, таже въ сал-галереи, потомъ и у графа, а обѣдали въ квартерѣ. Послѣ полдня государиня изволила ездить на графскій, что надъ Фонталкою дворъ, где и полковникъ гадяцкій Галецкій передъ ея величествомъ былъ. Потомъ онъ-же былъ у насъ и сказовалъ, что будучи у него, войтъ нѣжинскій говорилъ обо мнѣ. Янушкевичъ видѣлъ рано Соколовского, прибывшого сюда.

4. За огоси дано 16 к., за оглобли дано 8 к., за діоготь и гвоздки и прот. 14 к. Приходилъ къ намъ проститись Семенъ Шохъ, отъежджаючи отселя до дому купно съ попомъ Семіоновскимъ Димитріемъ, который сказовалъ, что преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тферскій, преставился. Съ нимъ же Шохомъ и бунчуковый товарищъ Григорій Богдановичъ отъехалъ.

5. Полковникъ стародубовскій Өедоръ Максимовичъ прибылъ въ С. П. Бурхъ и перво къ намъ на квартеру заехалъ, потомъ сталъ въ духовниковомъ домѣ. Послѣ полдня ездилъ я съ Гудовичемъ до графа Гендрикова.

6. Послѣ полдня знову былъ у насъ полковникъ стародубовскій, которому я виговоровалъ за поставленную рогу въ Куровѣ и за произносящіеся отъ него пліотки (сплетни).

7. Рано ездилъ съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ въ Невскій монастырь и тамъ, по отправленой передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ исповѣди, по благости Божіей, удостоилисъ причащатись святыя Евхаристіи.—На розницю розышлось 25 к., да за разные сѣмена огородные дано 36 к.. Івану Рудому за три рубашки 80 к.

8. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ къ графу Гендрикову и какъ у самого, такъ и у брата его Андрея Симоновича доволно сидѣли.—Перепліотчику за оправу трагедіи Хорева даны 10 к.

9. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 9-мъ, на его писмо вчора полученное, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ науки и за полученіемъ того писма и векселю на 20 червоныхъ собралъся-бы къ поезду до Риги, а отголь до дому на нѣкоторое время, и оное писмо отдано г. Вынклеру для отправы по почтѣ въ Киль. Сего мѣсяця взялъ я до прежныхъ изъ общихъ денегъ 40 р., а Гудовичъ и г. Лизогубъ по толку-жъ и тако за всякимъ стало оныхъ денегъ по 200 р.

10. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія Господня, зъ полуночи, въ началѣ четвертого часа, началось въ дворцовой церкви набоженство и продолжалось до 7-го часа, на которомъ присутствовали и ея імператорское величество и его і. высочество государь великій князь. По утренѣ были допущены всѣ бывшіе въ церкви къ руки ея величества. По службѣ были у графа и тамъ многихъ господъ поздравляли и съ ними цѣловались. У графа поччованы водкою, потомъ мимоездомъ были у полковника Божича, обѣдали въ квартерѣ и съ нами старый и молодый Політика. Полковники гадяцкій и стародубовскій у насъ были, а надъ вечери я съ Гудовичемъ у полковника стародубовского былъ.

11. Рано ездили съ поздравленіемъ и были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, потомъ въ дворцѣ у духовника и у Өедора Івановича Коченевского, да у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а по обѣдѣ былъ у насъ Журманъ съ женою и съ молодымъ Губчицомъ. Мы потомъ всѣ трое ездили до Демидова, послѣ были и долго въ ночь сидѣли у полковника стародубовского.

12. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, у секретаря графа Шувалова, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ у графовъ Андрея и Івана Симоновичевъ Гендриковыхъ,

где и обѣдали и весь день пробавили; тамъ всѣхъ насъ троихъ дарилъ шапками графъ Іванъ Симоновичъ. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

13. Весь день я пролежалъ боленъ, а г. Лизогубъ съ Гудовичемъ у графа Румянцова, у Апраксина и у барона Черкасова были рано, а обѣдали въ квартерѣ и съ ними полковникъ Божичъ. Послѣ обѣда былъ у мене полковникъ гадяцкій Галецкій и до позна проседѣлъ.

14. Въ 6-мъ часу полуночи прошла Нева и випалено изъ 3-хъ пушекъ, потомъ знову изъ 3-хъ же пушекъ, какъ стали по Невѣ суднами ездить. Вчора званныи отъ графа Румянцова наши у него сего числа обѣдали, а я вчора и сей день былъ неотлучно въ квартерѣ, ради случившейся мнѣ прошлодневной ночи болѣзни. Послѣ полдня былъ у насъ въ квартери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своимъ швагромъ Александромъ Сергіевичемъ Бутурлинымъ и нѣсколько человѣкъ ундеръ-офицеровъ гвардіи.

15. Рано ездили мы всѣ трое къ архіереямъ: псковскому Симону Тодорскому и переславскому Арсенію Могилеанскому и поздравляли ихъ праздникомъ. Обѣдали у насъ поковникъ гадяцкій, да переводчикъ Політика и Яскевичъ. Послѣ полдня были всѣ трое у князя Н. Трубецкого, потомъ два мы съ Гудовичемъ у оберъ-прокурора сенатского Николая Алексіевича Жеребцова и у переводчика іностранной коллегіи Данилевского, где видѣлись изъ Лібартовскимъ, отъ Журмана зъ банкету пріехавшымъ.

16. Писано писмо къ сину въ Киль подъ № 10-мъ, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ прилѣжно науки, а между тѣмъ сискивалъ способу, какъ бы лучше лѣтомъ прибыть до Риги, и оное писмо отдано на почту постъ-директору Ашу. Были на службѣ въ Невскомъ и у архіерея. Обѣдали у насъ Лібартовскій, Данилевскій и пѣвчій дворцовый изъ Красного Колядина Семенъ Тыхоновичъ, а по обѣдѣ у насъ-же были Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ. Пріехалъ изъ Царского Села дворъ.

17. Были въ дворцѣ на службѣ, потомъ заходилъ я къ Любистку съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ, а отголь съ нимъ же пріехавъ въ квартеру, тутъ обѣдали у насъ онъ полковникъ и Марковичъ капитанъ-поруччикъ, да у мене-жъ была и съ нами

обѣдала кума, Акилина Николаевна, канцеляриста сенатского Тимофіева жена, чрезъ которую данъ сину еи, а моему крестнику 1 р. денегъ.

18. Государиня изволила ездить рано до Ігната Кириловича Полтавцова для посѣщенія болной его жены. Мы съ Гудовичемъ перво были у Өедора Івановича Коченевского, потомъ у графа Івана Синоновича Гендрикова передъ обѣдомъ, а по обѣдѣ былъ у мене полку харковского салтовскій сотникъ, Өедоръ Івановичъ Картавый.

19. Рано отвезена куфа двойного вина, сіесть горѣлки, въ домъ господина віце-адмирала Александра Івановича Головина, въ даръ ему за показанную отъ него благосклонность позиченіемъ намъ для езди еще въ 1745 г. берлина. Ездили въ дворецъ и тамъ, будучи у графа Р(озумовского), видѣли и государиню въ присутствіи многихъ кавалеровъ, а потомъ мы два съ Гудовичемъ обѣдали у полковника гадяцкого, а надъ вечери ездили до Вынклера, до Носка и до графа Мойсѣя Владиславича, но ни кого не застали. Сказовали мнѣ, что Соколовскій, минуя квартеру нашу, бранилъся.

20. Рано ездилъ Гудовичъ до нѣкоторыхъ сенаторей за доношеніемъ отъ насъ поданнымъ въ сенатъ стороны премеморіи отъ генерала Бісмарка въ генералную канцеллярію, безреспекту писанной. Потомъ оба мы были въ дворцѣ; обѣдали-же у насъ секретарь штатсъ-конторы Шишкинъ и швагеръ его, семеновского полку гвардіи фуріеръ, да протопопенко (сынъ протопопа) сосницкій Полторацкій. Надъ вечери двое мы были у Лібратовского и тамъ застали обермуншенка Евфима Юрьевича Бахтѣева съ протчими. Гвардіи семеновского полку маіоръ и кавалеръ, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій преставилъся.

21. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ съездъ ко двору імператорскому для поздравленія ея высочества, государини, великія княгини Екатерины Алексіевны рожденіемъ ея, но за болѣзнію, ея высочеству приключившеюся, не виходила, толко тѣмъ торжествомъ поздравляли его высочество и къ руки его допущены. По службѣ Божой мы всѣ трое, да и полковники Галецкій, Божичъ и Максимовичъ обѣдали у графа Мойсѣя Владиславича. Потомъ знову были мы двое съ Гудовичемъ въ дворцѣ на балѣ и уже въ 11-мъ часу пріехали на квартеру.

22. Званы отъ преосвященного Ѳеодосія Янковского, архіепископа с.п.бурского и шлютелбурского обѣдать въ Невскій монастырь, и тамъ обѣдали мы трое, да полковникъ стародубовскій Максимовичъ. А оттоль какъ возвратились, то въ 6-мъ часу по полудни было провождено тѣло въ монастырь Невскій продпомянутого графа Евфимовского. Смеркомъ мылься у насъ въ банѣ полковникъ гадяцкій Галецкій.

23. Оного-жъ графа Евфимовского въ монастырѣ Невскомъ погребено. Государиня изволила кушать у графа Петра Івановича Шувалова, ради рожденія жены его Мавры Егоровны. Ігната Кириловича Полтавцова жена Ірина Івановна преставилась.

24. Обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, а надъ вечери были мы всѣ трое на Смолномъ дворѣ у Журмана и тамъ изъ лука стрѣляли.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея імператорского величества былъ израна до двора імператорского съездъ какъ іностранныхъ пословъ и министровъ, такъ и россійскихъ обоего пола знатныхъ персонъ, и послѣ службы Божой поздравляли ея імператорское величество и къ руки допущены. Обѣдъ-же въ болшой салѣ на тронѣ ея імператорское величество съ великимъ княземъ, а протчіи за убранными столами, между которыми и фонтаны были подѣланы, кушали. По полдни былъ балъ въ салъ-галлереи, а ночью какъ на обыкновенномъ театрѣ, такъ въ около крѣпости и везде по всемъ городѣ изрядная была иллюмінація. Преосвященный псковскій проповѣдь имѣлъ. Рано въ дворцѣ будучи, полковникъ стародубскій Максимовичъ въ графской прихожой избѣ при полковнику Божичу и при капитану-поруччику Марковичу (сказовалъ полковникъ гадяцкій Галецкій) бранилъ всю старшину генералную всякими скверными словами.

26. Рано едучи ко дворцу, миновала насъ государиня противъ гостинного двора и изволила ездить въ лѣтный дворецъ, а оттоль возвратилась кушать въ собственномъ въ своемъ дворцѣ, где прежде жить изволила, будучи цесаревною. Мы зъ Гудовичемъ были у Ѳедора Івановича Коченевского, который объявилъ намъ произнесенную клевету на насъ, будто у насъ учинены посулы великіе посилающейся персонѣ въ Украину для избранія гетмана. Сего числа погребена Полтавцова жена въ Невскомъ монастырѣ.

27. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и подали писмо графу отъ матушки его; чрезъ Барановского о козакахъ кіевскихъ и отъ ихъ-же писанное доношеніе въ сенатъ подано. Послѣ обѣда изволила государиня отъехать въ Пітергофъ для осмотру строеній. Мы съ Гудовичемъ вечеромъ были у Савлукова и съ женою его, Агафіею Яковлевною Довбешковною, смотрѣли каменныхъ ихъ полатокъ, въ которыхъ они живутъ.

28. Были всѣ трое въ дворцѣ рано, а по обѣдѣ ездили мы два съ Гудовичемъ до графа Івана Симоновича Гендрикова и у него сидѣли доволно и ему-жъ обявили о предпомянутой клеветѣ; а отъ него возвращаючись, привезли съ собою подпрапорщика кадецкого корпуса Василія Івановича Розумовского[238]), который у насъ и вечерялъ. Потомъ отвезли его къ ісакіевской пристани поездомъ полковника Галецкого. Въ дворцѣ въ вечеру былъ маскарадъ.

29. Рано мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и видѣлись тамъ съ архіереемъ псковскимъ Тодорскимъ. потомъ заходили до Өедора Івановича Коченевского. Обѣдалъ у насъ протопопъ миргородскій Горковскій и полковникъ Божичъ, который отъехалъ въ компанію до Журмана на Смолный дворецъ, где обѣдалъ и полковникъ Галецкій.

30. Въ 1-мъ часу по полудни изволила ея імператорское величество, такожъ ихъ імператорскіе высочествы, государь великій князь и государиня великая княгиня, имѣть свой публічный переездъ изъ зимного въ лѣтный дворецъ нри пушечной палбѣ изъ крѣпости, зъ адмиралитейства и изъ яхтъ, и когда прибыла государиня въ лѣтный дворецъ, то тутъ многіе господа и кавалери и другихъ чиновъ встрѣтили передъ дверми, а на караулѣ гвардія въ барабаны и съ музиками отдавали честь, а при входѣ до покоевъ, перво изволила ея величество пойти въ церковь, потомъ чрезъ болшую салю прошедъ въ первую камору, тамъ всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, пожаловала къ рукѣ, послѣ жаловала-же до руки и великая княгиня. Зъ болшой салѣ пошли прямо до графа Алексія Григоріевича, которій обнадеживалъ насъ скорымъ отпускомъ и, попотчивавъ водкою, приказалъ рано когда къ себѣ явитись одному Гудовичу. Полковникъ гадяцкій прислалъ мнѣ окорокъ ветчины, у кото-

---

[238]) В. И. Разумоввскій послѣдствіи былъ гадяцкимъ полковникомъ.

рого мы съ Гудовичемъ и сами были и доволно у него сидѣли, тамъ-же заставши и Божича.

Майй.

1. На службѣ Божой въ болшой дворца лѣтняго церквѣ посвящалъ преосвященный Тодорскій, архіепископъ псковскій, ректора семінаріумъ невского, отца Гавріила Кременецкого архимандритомъ въ Москву новоспаского монастыря, а по службѣ были у ручки у ея імператорского величества въ салѣ и потомъ къ графу ходили и трактованы тамъ водкою. Обѣдалъ у насъ переводчикъ синодалный Політика, а послѣ обѣда былъ у насъ-же гвардіи семеновского полку гранадерской роти поруччикъ Софоновъ. Приходилъ ко мнѣ отъ кума Якова Тимофіева поддячій съ извѣстіемъ, что крестникъ мой, а его синъ Никита преставилъся. Государиня изволила ездить къ рогаткамъ.

2. Рано ездилъ въ дворецъ Гудовичъ и былъ у графа по выше объявленному приказу, где ему отъ графа обявлено, что къ отправленію графа Гендрикова все уже готово. Послѣ полудня ездили мы всѣ трое до камеръ-гофъ-фуріера и полковника Ігната Кириловича Полтавцова и съ нами полковники Галецкій и Божичъ.

3. Обѣдали у насъ тѣ-же полковники оба и секретарь Новоторжцовъ, надъ вечери былъ у насъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ съ братомъ своимъ Романомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ-же, а изъ рана приездилъ къ намъ графъ І. С. Гендриковъ.

4. По службѣ Божой въ дворцѣ, на которой въ малой придворной церкви произведенъ архимандритомъ въ воскресенскій, что за Москвою, монастырь отецъ Амвросій Камінскій, префектъ семінаріи невской, преосвященнымъ Симономъ, архіепископомъ псковскимъ. Были у графа въ присутствіи многихъ господъ и кавалеровъ, а зъ дворця прямо отъехали къ полковнику Божичу, у которого всѣ мы трое и полковникъ гадяцкій обѣдали. Изъ рана былъ у г. Лизогуба войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, и онъ-же заеждж**а**лъ и до полковника гадяцкого Галецкого. Въ дворцѣ былъ въ вечеру куртагъ.

5. Рано мы двое съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и съ графомъ А. Г. имѣли розговоръ и просили о отправѣ какъ міністра, такъ и своей. Зъ дворца заехалъ къ намъ графъ Іванъ Сименовичъ

Гендриковъ и обѣдалъ у насъ. Послѣ полдня съ полковникомъ Божичемъ и Гудовичемъ ездилъ я до Лібратовского.

6. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ и по службѣ у графа, где великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ болѣе двухъ часовъ съ графомъ имѣлъ конференцію. Обѣдалъ у насъ гвардіи преображенского полку солдатъ Мойсѣй Березинскій. По обѣдѣ у насъ-же были полковники Галецкій и Божичъ.

7. Въ 12-мъ часу полуденномъ изволила государыня съ нѣкоторою частію придворного штата до Царского Села отъехать. Послѣ обѣда былъ у мене господинъ Вынклеръ и привезъ писмо, отъ сина изъ Киля полученное на почтѣ. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерской канцелляріи Николай Івановичъ Кречетцовъ, которому и записка дана, что къ моей челобитной апелляціонной изъ дѣла выписать надлежитъ. Получено писмо изъ Вроцлавя отъ молодыхъ Скоропадскихъ; постиліону за оное дано 2 к.

8. Обѣдали у насъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, да Лукомскій, бывшій сотникъ полковый прилуцкій. Послѣ полдня ездили до графовъ Гендриковыхъ и у обоихъ были, где была-жъ при насъ и сестра ихъ Марія Симоновна и вице-канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ.

9. Послѣ службы Божой заходили ко мнѣ съ поздравленіемъ патрона маіоръ волоского полку Анастасій Баронъ, да войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и грекъ Николай (Матонисъ), потомъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, іностранной коллегіи переводчикъ Данилевскій и бунчуковый товаришъ Політика.

10. Обѣдалъ у насъ нарочно пріездившій іностранной коллегіи надворный совѣтникъ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ съ переводчикомъ Данилевскимъ, которому совѣтнику и книжка о блаженствахъ, изданія покойного Феофана Прокоповича, отъ мене подарена.—Первый пожаръ былъ въ Москвѣ.—Рано помянутій Політика прислалъ намъ въ общѣ 5 бутилокъ вина судакского. Послѣ полдня въ 4-мъ часу пріездилъ ко мнѣ господинъ Вынклеръ, которому я далъ 67 р. 50 к. для переводу до сина въ Киль, чтобъ тамъ ему отдано 30 червоныхъ, о чемъ и писмо, отъ мене до сина написанное подъ № 11-мъ, тому-жъ Вынклеру вручено, дабы онъ, сынъ мой, принявъ тамъ въ Килѣ тѣ 30 червоныхъ отъ коммиссаріуса

де-Саллернъ юля 1-го n. s. и собрався совсѣмъ безъ остатка, получа-же отъ принца Августа пашпортъ и съ академіи и отъ профессоровъ тестимонія о наукахъ, ехалъ въ Ригу, а оттоль домой. Надъ вечери были у насъ полковники гадяцкій и Божичъ, потомъ и стародубовскій Максимовичъ.

11. Рано ходили съ Гудовичемъ въ лѣтный дворецъ. Вѣдомость пришла вчора до г. Лизогуба, что невѣстка его, сина его-жъ Григорія жена, преставилась. Полковники Галецкій и Божичъ мились у насъ въ банѣ.

12. Принималъ лѣкарство слабителное, за которое дано въ аптекѣ 24 к. Передъ обѣдомъ былъ у мене Іванъ Барановскій съ требованіемъ меморіала о дѣлахъ малороссійскихъ, о которыхъ въ прошломъ 1747 году сентября 6-го въ писмѣ нашемъ къ графу выразили, якій меморіалъ и отвезъ къ нему Гудовичъ, а я особливо къ нему-жъ картою писалъ о подачи моего прошенія, въ пакетѣ запечатанного, графу, въ моемъ собственномъ дѣлѣ. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ полку пѣхотного інгермоландского Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій, а г. Лизоґубъ ездилъ къ Марковичу и къ Журману.—За 15 рюмокъ хрусталныхъ дано 45 к., на другіе дробязки 22 к.

13. Послѣ обѣда посѣщали полковника Галецкого, который изъ руки кровъ пущалъ, а отъ него ходили къ живодіорнимъ избамъ, где медведя собаками травили, изъ которыхъ найлучше брала медведя собака британская Петра Мойсѣевича Левіцкого, графского бывшого муншенка [239]).

14. Писалъ писмо къ сину въ Киль подъ № 12-мъ, обявляючи, что здесь даны г. Вынклеру 67 р. 50 к., чтобъ перевелъ онъ тѣ денги въ Киль и тамъ-бы сину моему заплачено 30 червоныхъ комміссаріусомъ de Sallern; къ нему-жъ сообщенъ реестрикъ о покупки книжокъ 3 латинскихъ, кромѣ въ прежнемъ реестрѣ виражennыхъ, и тое писмо отдано постъ-директору Ашу для отправленія по почтѣ.—За оправу табакерки каменной дано 4 р. серебрянику. Іхъ імператорскіе высочества изволили возвратиться зъ Царского Села и при нихъ І. С. Гендриковъ.

---

[239]) Сынъ нѣжинскаго полковаго есаула.

15. Наведенъ мостъ на островъ Васильевскій и по оному стали ездить, и сенатъ въ свое мѣсто перебралъся. Куплено 5 перстней золотыхъ, дано за оные 25 р.

16. Государиня изволила пріехать изъ Петергофа ночью въ С.П.Бурхъ. Василь Романовичъ, бунчуковый товаришъ, прибылъ въ Ямскую съ сотничкою яготинскою, Филипа Купчинского женою.

17. Послѣ полдня былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а потомъ онъ-же и мы съ нимъ перво у полковника гадяцкого Галецкого, потомъ у полковници Іволской были, где и его графиню застали.

18. Рано былъ у г. Лизогуба Романовичъ. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ уставщикъ, Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, Кирило Степановичъ Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистковъ слѣпый, а подполковничимъ Яковъ Алексіевичъ Пучковскій.

19. По службѣ Божой была въ дворцѣ отпускная авдіенція цесарскому послу барону Претлаху. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у Любісткова и поздравляли его пожалованнымъ рангомъ, тако-жъ и до Коченевского за тимъ-же ходили.

20. Рано призиваны въ сенатъ пожалованные дворяне рангами полковничими и приведены къ присяги. Въ 1-мъ часу по полудни была другому послу цесарскому авдіенція, который на мѣсто отпущенного имѣетъ быть при здешнемъ дворѣ. Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Государиня изволила отъехать къ Гостилици послѣ вечерень.

21. Послѣ обѣдни былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а обѣдалъ у насъ-же капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ. Сего-жъ числа рано (какъ слухъ пронесъся) взяты подъ караулъ въ крѣпость капитанъ поруччикъ гвардіи преображенского полку Василь Марковичъ и солдатъ Мойсѣй Березинскій.

22. Посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ архимандритъ бывшый воскресенскій Іларіонъ Григоровичъ, а рукополагалъ оного преосвященный архіепископъ псковскій и нарвскій Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями. Его імператорское высочество и великая княгиня изволили отъехать до Гостилици зъ С.П.Бурха. Вечеромъ былъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, какъ мы повернулись зъ проездки, зъ которой мимоездомъ были у

ассессора ямской канцеляріи Алексія Ѳеодоровича Кутузова. Рано были у дворецкого Шереметева, Ѳедора Дементіева Звѣрова.

23. Отосланы писма, подъ 16-мъ числомъ писанные до Скоропадского въ Глуховъ и до жены въ домъ къ Якову Тимофіевичу, чтобъ по почтѣ изъ сената отправилъ до Глухова.—Повторный пожаръ въ Москвѣ, да и въ Глуховѣ сего-жъ числа.—Послѣ обѣда были мы два съ Гудовичемъ въ новомъ дворцѣ Аничковскомъ и въ саду и во всѣхъ тамошныхъ строеніяхъ ходили.

24. Писалъ писма въ домъ до жены и въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ нему-жъ включилъ пакетецъ отъ господина Любистка до бунчучного генералного Оболонского. Послѣ полудня проезжались и потомъ заехали къ выце-адмиралу Александру Івановичу Головину. Староста хвастовскій отъехалъ артилерійскій [240]).

26. Прибылъ изъ Глухова на почтѣ генералной артилеріи канцеляристъ Іванъ Коляновскій, которій и мнѣ привезъ вѣдомость, что швагеръ мой Александръ Корецкій прошлого апреля 17-го умре, такожъ и другого швагра Ѳедора Корецкого маленкій синокъ Василь умре-жъ. Рано былъ у графовъ Гендриковыхъ, изъ которыхъ г. Андрей весма сталъ быть боленъ.

27. Куплены чолки нитные за 33 к. Обѣдалъ у насъ и весь день просидѣлъ капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ. Рано отвезенъ въ крѣпость управитель деревень графскихъ Ілля Борисовъ Ксиліандеръ. Получилъ писма изъ Киля, 1-е отъ отца Іова, 2-е отъ сина, кои самъ г. Вынклеръ принесъ. Ночью прибыть изволила государиня и великій князь съ великою княгинею.

28. На писма вчора полученные отвѣтовалъ въ Киль до сина подъ № 13-мъ, виражая о томъ-же, что и прежде писалъ, да до отца Іова, до которого и тое писмо, що къ сину, включилъ въ одинъ ковертъ и отослалъ къ г. Вынклеру. Послѣ полдня былъ у насъ подпоручикъ інгермоландского полку Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій и звалъ на завтре къ себѣ обѣдать.

29. Въ сей святыя Пентекостіи день, отслушавъ обѣдня въ церквѣ святого Сумеона, были въ дворцѣ и между протчими допу-

---

240) Вѣроятно, староста с. Хвастовцевъ, борзенскаго уѣзда, принадлежавшаго „на генеральную артиллерію", т. е. опредѣленнаго на прокормленіе артиллерійскихъ лошадей.

щены къ ручкамъ всемилостивѣйшей государини, великого князя и великія княгини, а обѣдали всѣ трое у помянутого Лодижинского на Васильевскомъ острову въ первой линіи, а отъ него заежджали два насъ съ Гудовичемъ къ графу Івану Сѵмоновичу Гендрикову.

30. У генералного маіора и лейбъ-гвардіи преображенского полку маіора Івана Івановича Косогова я и Гудовичъ, тако-жъ полковники Галецкій и Божичъ обѣдали, где тако-жъ обѣдалъ того-жъ полку маіоръ князь Александръ Александровичъ Меншиковъ. Потомъ были мы съ Гудовичемъ и по обоихъ старыхъ садахъ въ дворцѣ гуляли.

31. Сего числа въ 1-мъ часу по полудни ея імператорское величество изволила съ своимъ придворнымъ штатомъ имѣти публічный свой віездъ до Пітергофа, а ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда-жъ прежде віехали. Вечеромъ были съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и у него-жъ ужинали.

Іюнь.

1. Рано былъ у насъ графъ Гендриковъ, а обѣдали у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, Алексій Даниловичъ Шеншинъ и полковникъ Галецкій и Божичъ. Послѣ обѣда у насъ-же былъ канцеляристъ Данило Требінскій, а рано въ квартерѣ нашей Романовичъ зъ синомъ. Въ вечеру пріехалъ изъ Глухова нарочный куріеръ, салдатъ тамошнего гварнізону Калугинъ съ репортами, что городъ Глуховъ съ церквами, съ канцеляріами и по болшой части, почитатъ, со всѣми дворами, маія 23-го числа вигорѣлъ и съ нѣкоторими подворками.

2. Въ Бѣлгородъ и Обоянь рукоположенъ епископомъ Іоасафъ Горленко, а передъ симъ рукоположены-жъ въ епископы: Порфирій Крайскій суждалскимъ и юревскимъ, Антоній Ілляшевичъ—вяцкимъ и велико-пермскимъ, а рукополагалъ оныхъ-же преосвященный Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями въ церквѣ петропавловской въ крѣпости. Потомъ оный же преосвященный бѣлогородскій Горленко трактовалъ въ своей квартерѣ всѣхъ сѵнодалныхъ членовъ и протчихъ духовныхъ. У насъ обѣдали графъ Іванъ Сѵмоновичъ съ графинею своею Катериною Сергіевною, да маіоръ Алексій Даниловичъ Шеншинъ, капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и подпоручикъ Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій;

графъ-же съ графинею скоро отъехали, а протчіи просидѣли долго. Между-жъ тѣмъ у мене были префектъ кіевскій. отецъ Варлаамъ Лащевскій и Никодимъ Рудзінскій, кадецкого корпуса іеромонахъ, и протопопъ Мглинскій, да священникъ Машевскій, а у Лизогуба шляхтичъ смоленскій Вороніч и Романовичъ.

3. Ездили мы двое съ Гудовичемъ до преосвященного володимерского Платона Петрункевича сторони дѣлъ имѣющыхъся въ синодѣ Алексія Шеншина и протопопа мглинского.

4. По утру въ 8-мъ часу віехали зъ квартери и, поснѣдавши у графа Гендрикова, поѣхали до Пітергофа и, прибывъ туда въ 10-мъ часу по полдни, были въ графскихъ покояхъ и у духовника, и у Өедора Івановича Коченевского.

5. Рано были у графа, где государиня жаловала насъ къ руки, потомъ, обѣдни вислухавши, у стола государева съ кавалерами кушали обѣдъ, а по полдни были въ лагерѣ у гвардіи, где стоялъ графъ Гендриковъ, у капитана Михелсона и съ нимъ, графомъ, были у Мемплезирѣ. По службѣ Божой 4 архіереи новопосвященніи крутицкій, суждалскій, бѣлогородскій и вяцкій кланялись государини съ иконами, тако-жъ и ихъ высочествамъ.

6. Графъ Гендриковъ, пообѣдавъ у насъ, отъехалъ до С.П.Бурха, а по полдни государиня съ нѣкоторими придворними изволила отъехать въ Ропшу. Великій-же князь и великая княгиня передъ вечеромъ проежджались верхами до Стрелиной мызи.

7. По полдни въ 9-мъ часу государиня возвратилась изъ Ропши въ Пітеръгофъ.

8. Мы рано были у графа Розумовского и у духовника, потомъ знову у графа, а обѣдали у насъ Галецкій и Божичъ. Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ говорилъ мнѣ о жалобѣ на мене отъ Романовича произносимой.

9. Обѣдали у Өедора Івановича съ духовникомъ и протчими; потомъ были на куртакѣ и у графа.

10. Рано отъехали зъ Петеръгофа и прибыли въ С.П.Бурхъ въ 5-мъ часу по полдни. Мы двое съ Гудовичемъ заездили до графа Гендрикова.

11. Писмо отца Лащевского, префекта кіевского, отпущено до Корна въ Вроцлавъ по почтѣ. У насъ были графъ Гендриковъ и Новоторжцовъ; въ 7-мъ часу по полдни прибыла государиня въ С.П.Бурхъ.

12. Государыня изволила слушать обѣдни у церкви казанской, ужинать у графа Петра Івановича Шувалова. Мы двое съ Гудовичемъ были у Любисткова.

13. Знатно Гудовичъ занемогъ. Я обѣдалъ у маіора гвардіи преображенского полку Івана Івановича Косогова и у него випросилъ лѣкаря для ползованья Гудовича. Графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ въ 2-мъ часу по полдни умре, и мы съ г. Лизогубомъ тамъ были.

14. Пріездилъ по полдни къ намъ подпоруччикъ пѣхотного московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ звать на погребеніе умершого графа Андрея къ завтрему.

15. По полуночи въ 8-мъ часу поехали г. Лизогубъ и я на оное погребеніе, и виносъ начался зъ двора въ 9-мъ часу до монастыря Невского. На виносѣ былъ архіерей новопоставленный бѣлогородскій Іоасафъ Горленко. Обѣдню служилъ с.п.бурскій архіерей, погребеніе отправляли оба. На погребеніи были изъ кавалеровъ віце-адмиралъ Головинъ, камергери Жеребцовъ и Наришкинъ, маіоръ гвардіи измайловского полку Гурьевъ; изъ дамъ: віце-канцлерова Воронцова и вдова Александра Львовича Наришкина жена, да графиня Гендрикова Катерина Сергіевна. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова кавалери Жеребцовъ и Гурьевъ, да нѣкоторіе офіцери гвардіи и другихъ полковъ. Послѣ обѣда графъ г. Лизогуба и мене дарилъ обручиками золотыми, на память умершого здѣланными.

16. Я былъ рано у полковника гадяцкого Галецкого и мирилъ его съ Божичемъ, которій вчора съ нимъ поссорилъся. Салдатъ въ прудѣ государева Аничковского двора, упавъ въ воду, утонулъ. Канцеляристъ генералной артилеріи Коляновскій отъехалъ по почтѣ къ Глухову, чрезъ которого и писма, подъ числомъ 24-го маія писанные, до Скоропадского и въ домъ отпущены.

17. Рано и послѣ полудня выдѣни были въ день подле солнца мѣсяцъ и звѣзда. По полдни былъ я у Дивова съ Янушкевичемъ и говорилъ о дѣлѣ нашемъ.

18. У обѣда много болталъ Янушкевичъ, а по полдни въ 5-мъ часу пришли суда изъ Петергофа и зъ пушокъ палили.

19. Подъ часъ вечерній ихъ высочества, а ночью государиня изволила прибыть въ С.Б.Пурхъ.

20. Послѣ полдни былъ я у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина и меморіалъ ему о дѣлѣ Янушкевича съ Соколовскимъ оставилъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и маіоръ Веселовскій были у насъ.

2р. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ женою своею заездилъ къ намъ изъ невского монастыря, где онъ у архіерея по поминовеніи брата обѣдалъ. У насъ-же обѣдали капитаны пѣхотного астраханского полку Матвѣй Івановичъ Алексіевъ и Соловьевъ. Потомъ былъ у мене Вінклеръ, у Сіверса обѣдавшій.

22. Графъ А. Г. Розумовскій съ нами говорилъ о своихъ въ скотѣ и въ протчемъ убыткахъ. Государиня изволила ездить съ нѣкоторими придворными на ужину въ Катериногофъ. Сочинено прошеніе до графа о дѣлахъ·общыхъ.

23. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа, да до жены въ домъ чрезъ глуховского сержанта Анисима Асмолова, отправленного изъ сената. Алексію Гречцѣ говорилъ я, чтобъ онъ сказалъ Соколовскому, дабы онъ мене не поносилъ и не злословилъ.

24. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова ради его тезоименитства.

25. Былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского.

26. Подано писменное наше прошеніе о общыхъ дѣлахъ графу Розумовскому чрезъ Барановского.

27. Писалъ інстанцію за Андреемъ Політикою до Скоропадского въ Глуховъ, потомъ былъ на Василевскомъ острову у отца Варлаама Лящевского.

28. Былъ я одинъ въ дворцѣ, и сказовалъ мнѣ Барановскій, что графу Розумовскому прошеніе наше онъ вручилъ.

29. Рано поздравляли тезоименитствомъ и были у ручки великого князя. Обое ихъ высочества слушали обѣдни въ крѣпостной церкви Петра и Павла, а мы въ дворцѣ службы и молебня слушали. По полдни въ 7-мъ часу въ дворцѣ были на балѣ. Сего числа пожалованы ордены св. Анны генералу-маіору арапу Авraаму Петровичу (*пропускъ*) и Бреверу.

30. Обѣдали мы съ г. Лизогубомъ и съ маіоромъ гвардіи Когговымъ и протчими у полковника гадяцкого Галецкого ради тезоименитства его вчорашного, потомъ и у Петра Івановича Розумовского были.

Юль.

1. Я одинъ былъ и рано, и по обѣдѣ въ дворцѣ, тако-жъ у Любисткова слѣпого, а вечеромъ были у насъ Журманъ и Петръ Розумовскій. Значковый полку стародубовского товаришъ Андрей Політика изъ С.П.Бурха отъехалъ.

2. Отклонилъся государинѣ Журманъ со всею своею свитою. Государиня изволила передъ обѣдомъ отъехать до Пітергофа, а въ переездѣ смотрѣть донское войско, въ 1,000 состоящое, и на оное жъ пожаловала 3,000 р.

3. Куплено полотна 21 аршинъ на ночную рубашку и на портки за 1 р. 5 к. Надъ вечери ездили къ Журману прощаться.

4. За книгу «Физику експерименталную» дано 60 к. За полотно на рубашки 3 р.

5. Обѣдали на новоселлѣ у графа Івана Симоновича Гендрикова, переехавшого въ домъ, бывшій прежде Волинского, а потомъ брата его Андрея Симоновича. Надъ вечери были у графа Петра Івановича Шувалова и у Савлукова, а у насъ безъ насъ былъ Журманъ.

6. Вынклеръ увѣдомилъ мене, что синъ мой Василь іюня 19-го, а n. s. 30-го юня-жъ уехалъ зъ Киля. Журманъ со всѣми своими отъехалъ изъ С.П.Бурха.

7. Былъ Гудовичъ у Шувалова и подалъ ему сочиненные записки и у него-жъ обѣдалъ, а я по службѣ у Либратовского былъ.

8. Ездилъ рано до Носка и до Вынклера и вручилъ писма Вынклеровой женѣ въ Киль до Політики и до отца Іова, о сину моемъ писанные подъ 9-мъ числомъ. Судіи харковского Ковалевского жена пріѣхала въ С.П.Бурхъ.

9. Vacat. 10. Были всѣ трое рано у нового сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, Послѣ обѣда былъ у насъ Носко съ женою и своими учениками, тако-жъ Вынклеръ съ пасторомъ Трефортомъ.

11. По полдни былъ съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и тамъ ужинали, а г. Лизогубъ былъ у Дивова. Кирило Коноваленко висланъ отъ Галецкого.

12. Рано пущалъ кровь изъ ножной жили сафени. Фелшеру за то дано 50 к.

13. За полотно на простини до ковдри и до постелѣ дано 1 р. 55 к. Канцеляристъ артилерійскій Григорій Ѳедоровскій отъ г. Лизогуба наказанъ за писанье нѣкоторой челобитной.

14. Швачцѣ за шитье бѣлья 20 к., за родзінки 8 к.

15. Посланы писма чрезъ рейтаръ кіевскихъ сержанта Николая Козловского въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ къ женѣ и до сина Василя писанные. Обѣдали и вечеряли у поруччика поліцмейстерского Якова Григоріевича Жемчужникова ради именинъ дочери его.

16. За пошитье двохъ рубашекъ 20 к., за приливанные маліе цитрони 10 к.

17. Обѣдали съ г. Лизогубомъ у Василія Івановича Венюкова и весь день пробавили. А рано были на водки съ княземъ Меншиковымъ у Ігната Кириловича Полтавцова. По полдни былъ дожчъ и громъ прежестокій.

18. У графа Гендрикова обѣдали и весь день пробавили.

19. По полдни я съ Гудовичемъ былъ у Новоторжцова и Горчакова и съ сего противъ числа 20-го ночью занемогъ я жестоко, и былъ великій поносъ и вомѣты, чего для лежалъ весь день. Были у насъ по обѣдѣ слободскихъ полковъ капитанъ Романъ Лаврентьевичъ Шидловскій, зять Ѳедора Ширая, да судья харковскій Ковалевскій.

21. Писалъ писмо до Скоропадского объ економу артилерійскомъ Кирилу Бѣлоровскомъ. Грицко Дмитріевъ пущалъ себѣ кровь зъ медіаны. Гренадеръ лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій отъхалъ въ Украину.

22. Слободского харковского полку сотникъ салтовскій, Іванъ Ѳедоровъ Картавый, отъехалъ изъ С.П.Бурха.

23. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ графинею своею Екатериною Сергіевною по полдни у насъ былъ.

24. По обѣдни я съ Гудовичемъ, а по полдни всѣ трое были въ дворцѣ и ходили по садамъ съ маіоромъ гвардіи Іваномъ Івановичемъ Косоговымъ. Господа всѣ ездили на куртакъ въ Пітеръгофъ. У насъ былъ по обѣдѣ профессоръ Леруа̀ съ Григоріемъ Політикою.

25. Михайлу Андрееву, сину Трощинскому, что онъ внукъ Стефана Трощинского и малороссійскій шляхтичъ, подписали мы

всѣ трое свѣдителство въ геролдію. Я по полдни былъ у графа Румянцова и говорилъ о дѣлѣ Соколовского. Потомъ всѣ трое были у епископа володимерского Платона Петрункевича.

26. Обѣдалъ у насъ капитанъ Шидловскій, а по полдни ездили въ Катеринъ-гофъ, а ужинали у графа Гендрикова.

27. Послѣ полдня въ 5-мъ часу прибыли ихъ імператорскіе высочества, а ночью и государиня въ С.-П.-Бурхъ.

28. Ночью мѣсяцъ мѣнялъся.

29. Князь Александръ Юревичъ Трубецкой, братъ князя Юревича Трубецкого, вѣнчалъся съ княжною Адоевскою, князя Івана Василіевича дочерью, въ церквѣ Казанскія Богородицы. Писалъ писмо къ Чамову о сину Василю по почтѣ въ Ригу.

30. Рано были у г. Петра Івановича Шувалова, по полдни у духовника и въ дворцѣ.

31. Послѣ полудня съ Гудовичемъ ездили на Василевскій островъ и тамъ были у Григорія Політики и заездили въ сенатъ, гдѣ зъ дніовалнымъ секретаремъ Новоторжцовымъ видѣлись и о погорѣлыхъ въ Глуховѣ по генералной канцеляріи дѣлахъ и статіяхъ розговоровали; такожъ видѣли сочиненную о Батуринѣ выписку.

Августъ.

1. Писаны писма чрезъ браковщика адмиралитейского въ Стародубъ до Өедора Ширая съ включеннымъ тамъ-же писмомъ отъ зятя его Романа Лаврентьевича Шидловскаго, да до жены моей и до Скоропадского съ екстрактомъ Костиркиного челобитья.

2. Были съ Гудовичемъ перво у Өедора Коченевского, потомъ у генерала и генерала-адютанта Александра Борисовича Бутурлина, и врученъ ему таковый-же екстрактъ.

3. Рано я съ Гудовичемъ былъ у графа Розумовского и доволный о дѣлахъ малороссійскихъ имѣли разговоръ. Передъ обѣдомъ смотрѣла государиня полки драгунскіе: кіевскій и казанскій. По полдни были всѣ трое у князя Никиты Юревича Трубецкого, которій намъ обявилъ, что государиня приказивала ему предложить въ сенатѣ учинить Малой Россіи нѣкоторое облегченіе. Соколовскій подалъ нѣкое писмо г. Шувалову Петру Івановичу. Сего-жъ числа сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій прибылъ въ С.П.Бурхъ.

4. Рано былъ Гудовичъ у Шувалова и слышалъ о милостивой деклярацiи, а у насъ вчора прiехавшiй Барановскiй былъ. Проигравъ въ фарину 40 к. Сего числа въ 12-мъ часу отъехала государиня на Сестрорѣцкiе оружейные заводы.

5. Прощалъся съ Галецкимъ передъ исповѣдiю, которую

6. имѣлъ въ Невскомъ монастырѣ передъ отцемъ Софронiемъ намѣстникомъ и тамъ-же по благости Божiей сообщалъся святымъ тайнамъ на службѣ Божей, где и изъ Василiемъ Романовичемъ прошалъся.—Обѣдали у преосвященного владимерского Платона Петрункевича купно съ графомъ Гендриковымъ, потомъ у Максимовича, полковника стародубовского, и въ нашей квартерѣ онъ-же графъ былъ.

7. Государиня изъ Сестрорѣцкихъ заводовъ прибыла на разсвѣтѣ, и мы въ дворцѣ были. Потомъ я и Гудовичъ ездили къ Василiю Iвановичу Венюкову, а съ нимъ были у морского поручика Iвана Григорiевича Батурина, которiй недавно прибылъ на пакетъботѣ изъ Любека, да у секретаря адмиралитейского Iвана Василiева.

8. Призиваны мы всѣ трое въ сенатъ и о нуждахъ малороссiйскихъ тамъ насъ спрашивали.

9. По полудни были у Новоторжцова и женѣ его, родившей дочь Василиссу, данъ въ презентъ червонецъ. Тамъ-же застали Василiя Iвановича Демидова съ протчими.

10. Князь Никита Юревичъ Трубецкiй подалъ государинѣ сенатскiй докладъ о облегченiи Малой Россiи при нынѣшныхъ нуждахъ.

11. Отослалъ писма къ Венюкову, писанные до Батурина и до сина Василя въ Любекъ, чтобъ онъ оттоль ехалъ.

12. Рано были съ Гудовичемъ передъ графомъ Розумовскимъ, а ужинали у графа Гендрикова.

13. Государиня отъехала въ Царское Село, а мы были у Демидова, туда-жъ отъежжаючого, где и войта нѣжинского застали. За отдѣлку малой табакерки данъ 1 р.

14. Захоровалъ я по обѣдѣ. 15, 16 и 17 vacat.

18. Рано явилъси у насъ лубенского полку Савуско и Леско Ковбаса.

19. Графъ Гендриковъ позванъ въ Царское Село.

20. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики и отдано Вынклеру для отправы по почтѣ.

21. По обѣдѣ съ Гудовичемъ были у Венюкова и тамъ видѣлись зъ оберъ секретаремъ адмиралтейскимъ Борисомъ Івановичемъ Никитинымъ.

22, Надъ вечери были въ Невскомъ монастырѣ у архіереевъ крутицкого и с.п.бурского и просили крутицкодо о секретарѣ Гаврилу Савичу Ермолаеву.

23. По обѣдни, будучи у преосвященного псковского, просили о томъ-же секретарѣ, а по полдни за тимъ-же были у преосвященного переяславского.

24. Писаны писма въ домъ до жены и до сина Василя, да до Өедора Ширая, и къ нему-жъ включено писмо до Скоропадского написанное. Вечеромъ были у архимандритовъ сунодалныхъ я и г. Лизогубъ за тѣмъ-же секретаремъ Ермолаевымъ. А Гудовичъ рано у г. Шувалова, а по обѣднѣ у К. Трубецкого

25. Первіе ихъ высочества, а въ 10-мъ часу по полудни и государиня изволили прибыть въ С.П.Бурхъ. Мы съ Гудовичемъ были у Лібратовского, Данилевского и Королкевича.

26. Мать грзфовъ Шуваловыхъ, недавно умершая, погребена въ монастырѣ Невскомъ.

27. Vacat. 28. Были въ дворцѣ и графъ сказалъ намъ: «развѣде въ мѣстѣ съ нами до Москви отъездъ вашъ будетъ». 29. Vacat.

30. До отъезду государини и кавалеровъ ордина святого Александра въ монастырь Невскій, рано были въ дворцѣ, а по набоженствѣ графъ Гендриковъ съ своею супругою, да капитаны ізмайловского Петръ Івановичъ Кочетовъ, інгермоландского полковъ Друкортъ, того-жъ полку подпоручикъ Лодижинскій съ женою и другіе у насъ обѣдали.

31. Въ Невскомъ монастырѣ погребенъ умершый въ сихъ дняхъ братъ графовъ Шуваловыхъ, Іванъ Івановичъ Шуваловъ.

Септеврій.

1. Весь день слотный былъ, однакожъ г. Розумовскій ездилъ на охоту. Надъ вечери я съ Гудовичемъ былъ у архіерея псковского и секретаря Гаврила Ермолаева ему представляли.

2. Репартицію получили, а у Өедора Івановича Коченевского я и Гудовичъ обѣдали.

3. Крестили дочь Новоторжцова; воспреемниками были: маіоръ гвардіи преображенского полку Іванъ Івановичъ Косоговъ и жена Демидова Елена Василіевна, чего для и мы звани были къ нему, Новоторжцову, и у него съ протчими обѣдали. Розишлось 10 к.

4. Обѣдали у сенатского секретаря Івана Савича Ермолаева, потомъ и у брата его Гаврила Ермолаева были, а въ вечеру поздравляли графа Розумовского въ дворцѣ завтрешнимъ тезоименитствомъ государини.

5. Рано были въ дворцѣ въ салѣ, потомъ слушали обѣдни, по отправленіи которой, жаловала государиня нѣсколько персонъ кавалерами св. Александра Невского, въ томъ числѣ графовъ Гендрикова и Евфимовского, князя Івана Андріевича Щербатова сенатора. віце-адмирала Головина, генерала-лейтенанта Талызина; а графовъ Розумовскихъ—Алексія Григоріевича конной, а Кирила Григоріевича пѣхотной гвардіи измайловского полку подполковниками; графа Петра Івановича Шувалова генераломъ адютантомъ, да Кирила-жъ Григоріевича кавалеріею полскою. Ночью была иллюминація.

6. Рано ездили поздравлять полученными чинами графовъ Кирила Григоріевича Розумовского и Петра Івановича Шувалова, а Гендрикова кавалеріею, у которого и обѣдали. Потомъ ездили водою до загородного двора інтенданта Івана Константиновича Шаргородского, которій имѣетъся по малой Невѣ надъ Чорною рѣчкою.

7. Конной гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій рано, а потомъ обѣдали на Смолномъ дворѣ. По полдни въ комедіалномъ домѣ отправовалась опера, називаемая «Пастораль».

8. Рано поздравляли сенатора князя Щербатова кавалеріею. Сего жъ числа въ 9-мъ часу по полночи государиня отъехала къ Гостилицѣ, а у насъ графъ Гендриковъ съ нѣсколко персонами обѣдалъ. Потомъ съ нимъ и мы были у генерала поліцмейстера Алексія Даниловича Татыщева. Къ намъ куріеръ прибылъ итъ Глухова съ писмами.

9. Писалъ писмо къ молодымъ Скоропадскимъ въ Вроцлавъ, съ включеніемъ пакета, отъ отца ихъ къ нимъ-же надписанного. Ихъ высочества отъехали изъ С.П.Бурха

10. Оное писмо, съ пакетомъ на имя Скоропадскихъ молодыхъ надписаннымъ, отдано постъ-директору господину Ашу для пересилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ Романовичъ, зъ которимъ доволный имѣлъ о его ко мнѣ претенсіахъ и о протчемъ розговоръ.

11. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у віце-адмирала господина Головина, а по обѣдѣ были перво у графскихъ племѣнниковъ, потомъ у поруччика Жемчужникова, а вечеряли у графа Івана Симоновича Гендрикова.

12. Vacat. 13. Званы на обѣдъ отъ подпоруччика інгермоландского полку Аполлона Василіевича Лодижинского и у него съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ и его супругою и съ протчими обѣдали, а по обѣдѣ ездили въ галерную гавань и тамъ были у поруччика астраханского пѣхотного полку Владимера Григоріевича Елагина.

14. Гудовичъ послѣ полудня ездилъ до князя Никиты Юревича Трубецкого и представлялъ о нѣкоторыхъ нуждахъ общыхъ малороссійскихъ.

15. Подавано отъ насъ въ сенатъ доношеніе, чтобъ резиденціи гетманской быть по прежнему въ Батуринѣ, но оное не принято и отдано назадъ за тѣмъ, что тотъ городъ съ принадлежностми именнымъ указомъ на заводы конскіе конной гвардіи опредѣленъ. —Чиненъ рахунокъ росходу денежного, которій держанъ Григоріемъ Дмитріевымъ съ 22-го іюня и явилось въ росходѣ на кафанъ блакитный гатласовый, на шубу красную и на юпку 19 р. $35^1/_2$ к., за пять зеркалъ 1 р., да на разную мѣлочь 1 р. 14 к., на служительскія нужды 3 р. 99 к.—Привезъ Новоторжцовъ г. Лизогубу указы, 1-й о опредѣленіи на рангъ его деревень въ мѣсто отшедшого села Городища до монастыря черниговского Троецкого Іллінского, 2-й по челобитію на полковника Капниста о тогобочныхъ его г. Лизогуба добрахъ.—Іхъ імператорскіе высочества прибыли въ С.П.Бурхъ. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ у насъ въ банѣ милъся и ужиналъ съ компаніею.

16. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Пиковця, чтобъ о пляцахъ, въ Глуховѣ имѣючихъся, нашихъ общыхъ имѣлъ стараніе, когда тамъ будутъ по новому плану землѣ розмѣряти; о томъ-же и до Скоропадского, тако-жъ о Чаусахъ, да до жены о сину Василю и къ нему о долгахъ въ Килѣ оставленныхъ.

Рано были у преосвященного владимерского Платона Петрункевича и просили ето о секретарѣ Ермолаевѣ и о маiорѣ Шеншинѣ. Потомъ онъ, преосвященный, къ намъ изъ синода заездилъ.

17. Обѣдали всѣ трое у маiора Алексiя Даниловича Шеншина ради именинъ жены его Надежды Борисовны Нероновой, а отъ его заездили до секретаря Гаврила Ермолаева. Курiеръ глуховскiй отъехалъ и чрезъ него предпомянутые писма отправлены, оный-же називается капралъ 8-й роти гварнiзонного глуховского полку.

18. Вечеромъ были въ дворцѣ государевомъ лѣтномъ у преосвященного псковского и говорили о секретарѣ Ермолаевѣ, а обѣдалъ у насъ Романовичъ и вручилъ мнѣ своихъ претенсiй ко мнѣ и къ домашнымъ моимъ, чили челобитной копiю.

19. Великiй вѣтръ изъ моря и наводненiе было. Ужинали мы у графа Гендрикова. Государиня изволила прибыть ночью. Аполлона судить стали.

20. По обѣдни были всѣ трое въ дворцѣ и у графа Розумовского, а у насъ былъ графъ Гендриковъ. За сундучокъ на бритвы и протчее даны 20 к.

21. Обѣдали мы двое съ Гудовичемъ у того-жъ графа Гендрикова, которому представлялъ я и Янушкевича. Тамъ-же видѣлись съ архимандритомъ воскресенскимъ отцемъ Амвросiемъ и говорили съ нимъ о секретарѣ Ермолаевѣ, о Шеншинѣ и о другихъ, дѣла свои въ синодѣ имѣючихъ. Потомъ были въ дворцѣ, а домой пришедъ застали тутъ Iвана Алексiевича Горчакова съ женою его.

22. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея iмператорское величество и ихъ iмператорскiе высочества церемонiално переехать изъ лѣтного въ зымный дворецъ при пушечной палбѣ, где и мы съ протчими какъ у государини, такъ и у ихъ высочествъ допущены были къ ручкамъ; потомъ были-жъ и у графа Розумовского со всѣми кавалерами и трактованы водкою. Генералъ Бутурлынъ говорилъ намъ, что онъ-же въ недавныхъ числехъ имѣлъ розговоръ о нашей отправѣ енералной. По полдни были у насъ секретари Ермолаевы и Шеншинъ, а въ вечерѣ Романовичъ, съ которимъ доволные были розговоры о помѣркованью; онъ-же съ сыномъ своимъ у насъ и вечерялъ.

23. По службѣ Божой былъ я у полковника гадяцкого. Гудовичъ рано и въ вечеру былъ въ дворцѣ съ прошенiемъ отъ насъ

троихъ подписаннымъ о Батуринѣ, но оного не подалъ. А ужинали оба мы у графа Гендрикова, пріехавшого отъ офіцеровъ конной гвардіи.

24. Куріеръ изъ Глухова, салдатъ Калугинъ пріехалъ съ писмами въ сенатъ и къ намъ о строеніи крѣпостей и о бытіи казакамъ въ поготовости до походу.

25. Государиня изволила быть въ церквѣ святого Сергія на Литейной и, оттуда возвратившись, удостоила какъ прочихъ, такъ и насъ къ ручкѣ. Мы обѣдали и весь день пробавили у графа Івана Сумоновича Гендрикова, потомъ были у барона порутчика и ужинали у графа-жъ.

26. Былъ у насъ рано изъ Малой Россіи пріехавшый Антонъ Милорадовичъ, полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича синъ. А обѣдалъ у насъ-же синъ Стефана Милорадовича, Петръ, изъ Украини недавно пріехавшій, дворцовый каморъ лакей.

27. Послѣ полдня ездилъ я съ графомъ Іваномъ Сумоновичемъ Гендриковымъ до генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова и у него купно съ женою его Наталіею Богдановною нѣсколко часовъ седѣли, потомъ ужинали у того-жъ графа, где была и сестра его Мароа Сумоновна Софонова.

28. Рано подано прошеніе государинѣ о Батуринѣ и къ ручки ея величества допущены купно съ офіцерами конной гвардіи, которіи отправляются къ Москвѣ съ командою того-жъ конного полку 250 человѣкъ. Въ вечеру былъ у мене Романовичъ и отошолъ съ похвалками.

29. Рано тотъ-же Романовичъ присилалъ сина своего ко мнѣ по копію челобитной, передъ симъ отъ него мнѣ врученную. Потомъ были мы въ дворцѣ и заходили до Θедора Івановича Коченевского, а вечеромъ проседѣли у стряпчого Шереметевого, Θедора Дементіева Звѣрева.

30. Отъ конной гвардіи команда отправленная въ Москву воспріяла туда маршъ. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ были у князя Николая Алексіевича Шаховского въ свѣтлицахъ конной гвардіи и съ нимъ розговоръ имѣли о Волуйцѣ. Безъ насъ Романовичъ приходилъ и обявилъ Янушкевичу, что денегъ 200 рублей у войта нѣжинского онъ взялъ и имѣетъ противъ мене нѣкоторые производить дѣла. За матерію до соболевой шапки дано 20 к., за гребенецъ деревяный 6 к., за дзвонокъ малый 9 к.

Октоврій.

1. Послѣ обѣда изволила государыня отъехать въ Царское Село. Присиланный изъ Глухова салдатъ Гаврило Калугинъ отъехалъ обратно.

2. Послѣ полдни ездили всѣ трое къ Василію Івановичу Венюкову, а безъ насъ пріездилъ на нашу квартеру графъ Іванъ Сымоновичъ Гендриковъ съ графинсю.

3. Оный-же Венюковъ съ женою былъ у насъ, а ночью ездили всѣ трое къ г. Гендрикову и у него ужинали.

4. За перешитье шапки соболіой дано 20 к. За матерію свистунъ, которая изъ авкціона по-поламъ съ Гудовичемъ взята, за нашу половину заплатилъ 17 р. 34 к.

5. Архіереи синодалные крутицкій и владимерскій, да санктпітербурскій, такожъ архимандриты новоспаскій и воскресенскій и мы съ ними обѣдали у графа Гендрикова, а вечеромъ и у насъ былъ графъ съ графинею, которой подарена отъ мене книжка «Істинная Політика», за якую, такожъ за книжку «О блаженствахъ» далъ Янджулу 1 р. Пріехалъ Раковичъ.

6. Рано былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого и говорилъ о дѣлѣ и лаи (ругательствѣ) Соколовского. У него-жъ былъ архіерей нижегородскій Веніяминъ Григоровичъ.

7. Мы двое съ Гудовичемъ были увесь день, и обѣдали, и ужинали, у г. Гендрикова. Въ вечеру изволила государиня возвратиться изъ Царского Села. Оный архіерей нижегородскій отъехалъ на свой престолъ изъ С.П.Бурха.

8. Рано были въ дворцѣ, а передъ нашимъ туда приходомъ подалъ Соколовскій графу Алексію Григоріевичу Розумовскому свое якоесь прошеніе. Вечеромъ знову я и Гудовичъ были передъ графомъ Розумовскимъ въ дворцѣ.

9. Званный я отъ кума Якова Тимофіева ради именинъ его, обѣдалъ у него, а наши обѣдали у Косогова, маіора гвардіи преображенского полку. Розышлось на разные дробязки 24 к.

10. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у графа Петра Івановича Шувалова, где первой о Батуринѣ, потомъ и о моемъ дѣлѣ съ Соколовскимъ о защищеніи отъ поношеній просилъ. А въ вечеру были въ дворцѣ у Григорія Михайловича Любисткова.

11. Рано былъ у Івана Івановича Дивова и далъ ему меморіалецъ стороны дѣла Соколовского, тако-жъ съ приговору конецъ, а въ сенатѣ ему-жъ подалъ челобитную о поношеніи моемъ, по проискамъ войта нѣжинского Тарнавіота, чрезъ Соколовского и Романовича чинячомъся. Потомъ были въ дворцѣ и тутъ при насъ подали графу Розумовскому Лукомскій и Троцкій свои прошенія. Покроенъ изъ матеріи свистуна шлафрокъ, до которого куплено шапку за 14 к. Бумазеи 8 аршинъ по 25 к. и того за 2 р. Баволни клееной листовъ 5 за 50 к.

12. Обѣдалъ я у господина секретаря Новоторжцова, которій мене къ себѣ нарочно звалъ для помѣркованя съ Романовичемъ, но онъ къ нему не бывалъ, ему-жъ данъ отъ мене и краткій екстрактъ претенсій Романовичевыхъ. Потомъ былъ я у Горчакова и у Софонова, поручика гвардіи семеновского полку. Въ полкъ преображенскій сержантомъ Мойсѣя Березинского пожаловано, а Василь Марковичъ изъ того полку виключенъ изъ офіцеровъ.

13. Писалъ писмо къ Скоропадскому, чтобъ онъ въ Глуховѣ заплатилъ Семену Карпикѣ сто рублей, которые я здесь взялъ у кофішенка дворцового Александра Іуліановича Савлукова. А до жены писалъ-же, чтобъ тѣ-же деньги отослала Скоропадскому, и тые обѣ писмя отданы Савлукову. Вечеромъ всѣ трое были и ужинали у графа Гендрикова, а обѣдали у него-жъ маіори гвардіи Косоговъ и князь Меншиковъ съ протчими.

14. Виданъ изъ сенату указъ дуплікатъ о селѣ Чаусахъ по челобитію моему, еще въ 1745 г. поданному, которого указу за печатанье дано 30 к., да писцю Івану Андріеву 1 р. Надъ вечери былъ у насъ сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій, обявляя о себѣ, что имѣетъ въскорѣ отправитись въ Малую Россію. Потомъ у насъ-же были Горчаковъ и Шеншинъ, да іеромонахъ Іовъ Чарнуцкій, бывшій въ Килю.

15. Посолъ цесарскій, ради тезоименитства своего государя, трактовалъ въ своей квартерѣ россійскихъ міністровъ и другихъ господъ знатныхъ. Вечеромъ былъ у мене Өедоръ Звѣревъ, которому отъежджачому къ Москвѣ врученъ отъ мене меморіалецъ, чтобъ приказалъ здѣлать коляску городовую или полкаретокъ крѣпкій за умѣренную цену, да отобралъ-бы изъ дому Толстыхъ 4 боченки разныхъ водокъ и 11 вѣдръ простого вина и коровай сала

украинского, о чемъ ему-жъ и писмо отъ Александра Толстого, да и прежнего писма копія вручены.

16. Обѣдали у графа Гендрикова съ маіоромъ конной гвардіи Григоріемъ Івановичемъ Корфомъ и протчими и тамъ-же весь день пробавили; а у насъ обѣдали Політика и студентъ изъ Киля пріехавшый. Состоялся указъ именный о походѣ къ Москвѣ.

17. Государиня и ихъ высочества изволили отъехать до Пітергофа. Нѣжинскій войтъ Тарнавіотъ и управитель Звѣревъ отъехали.

18 Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до канцеляриста Тимофея Закревецкого, до которого и пакетъ отъ префекта кіевского Варлаама Лащевского посланъ. Да до жены писалъ-же о заплатѣ ста рублей, здесь у Савлукова позиченныхъ, такожъ до отца Іоанна брата писалъ-же, и оные всѣ писма отпущены чрезъ сотника козелецкого Стефана Барановского, сего числа отъехавшого. За копіи челобитныхъ, отъ полковника Семена Васильева Неплюева и отъ бунчукового товарища Василія Григорьева Харевича на Івана Андріевича Гамалію поданныхъ, данъ 1 р. [241])

19. Ковдра и шлафрокъ изъ матерія жолтой пошиты, которыхъ за роботу дано 60 к.

20. Рано посѣщали болного віце-адмирала Головина, а по полдни былъ у г. Лизогуба полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а у мене поруччикъ и лейбъ-компаніи гранадеръ Михайло Івановичъ Коченевскій и сказовалъ мнѣ о пашквиляхъ Романовичевыхъ.

21. Куплены 3 простые сани, дано за оные 1 р. Писаны писма до швагра Івана Гамаліи съ включеніемъ копіи челобитной Харевичевой, да до Өедора Звірева съ копіею челобитной-же Неплюевой, и оные отосланы въ домъ графа Шереметева для отсилки по почтѣ въ Москву.

22. Обѣдали у насъ Василій Івановичъ Венюковъ съ женою своею Татіяною Лизогубовною, а вечеромъ былъ графъ Гендриковъ съ капитаномъ Соловіовымъ.

23. Ради тезоименитства Якова Евфимовича Лизогуба, г. обозного генералного, обѣдали у насъ графъ Гендриковъ, капитаны Дру-

---

241) Бунчуковый товарищъ Василій Харевичъ жаловался на Ивана Гамалѣю, владѣльца с. Семеновки, конотопскаго уѣзда, за разореніе хутора, находившагося недалеко отъ Семеновки.

кортъ и Соловіовъ, подпоруччикъ Аполлонъ Васильевичъ Лодижинскій съ женою, ротмистръ кирасирского его імператорского высочества полку князь (*пропускъ*), да поруччикъ Баронъ и секретарь Новоторжцовъ, и студентъ изъ Киля прибывшій Рихарди. А вечеромъ была графиня съ полковницею Авксентіевою и уже позно отъехали.

24. Vacat. 25. Изволила государиня прибыть изъ Царского Села по полдни въ 6-мъ часу. Былъ я одинъ перво у Новоторжцова и вручилъ ему писма о грунтахъ, купленныхъ въ Лотокахъ, потомъ у генерала рекетмейстера Дивова и просилъ о своемъ дѣлѣ и Янушкевичевомъ.—Синъ духовнику родилъся Яковъ.

26. Были рано въ дворцѣ, а вечеромъ у графа Гендрикова, где видѣлись изъ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ и тамъ-же ужинали.

27. Послѣ полдня ездили въ адмиралтейство и тамъ смотрѣли новостроячихъся о 66 пушекъ двохъ кораблей.—Вчора дочь графу Шереметеву родилась. Вчора настали великіе морози.

28. Рано ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, а потомъ онъ и я были у секретаря Гаврила Савича Ермолаева, ради тезоименитства жены его Параскевіи, на обѣдѣ и проседѣли до позна.

29. Званныи на Васильевскій островъ къ подпоруччику Лодижинскому, обѣдали у него ради тезоименитства жены его Анастасіи Борисовны, а ужинали у графа Гендрикова, съ Івінскимъ и протчими.

30. Въ новопостроенныхъ хоромахъ Василія Івановича Веньюкова для новосельля обѣдали мы у него съ протчими, въ томъ числѣ съ морскими оффіцерами, капитаномъ командиромъ Артеміемъ Іллічомъ Толбугинымъ и другими. А въ вечеру у насъ были полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, да Горчаковъ и Шеншинъ. Сего числа изволяла государиня проехать церемоніално, въ ассистенціи 15-ти каретъ дворцовыхъ цугами и нѣсколко конной гвардіи конвою, на Смолный дворъ и тамъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, да синодалныхъ архіереевъ и многихъ придворныхъ и другихъ господъ, заложеніе церкви Воскресенія Господня и дѣвичого монастыря, строитись имѣючого, учинено.

31. За пошитье шлафрока и ковдри изъ матеріи, въ авкціонѣ купленной, дано портному 60 к. Свадба была дочери князя Бориса Василіевича Голицына, морской артилеріи оберъ цейгмейстера, съ

Петромъ Алексіевичемъ Апраксиномъ, гвардіи семеновского полку сержантомъ. Изъ сего числа противъ слѣдуючого ночью мостъ на Невѣ рѣкѣ на Василевскій островъ сломалъ лiодъ, по Невѣ пливучій.

Ноябрь.

1. Получили писма зъ Глухова: одно о резиденціи, другое о требованіи провіантскою канцелляріею корму на конскіе заводы, и Гудовичъ, будучи по полдни въ дворцѣ, послѣдное объявилъ графу Розумовскому, да онъ-же былъ и у Николая Юрьевича Трубецкого ва тимъ-же.

2. Рано Гудовичъ былъ у г. Шувалова и доносилъ о томъ-же требованіи корму на конскіе заводы, да о дѣлѣ сторони скупель. А всѣ трое были въ дворцѣ: перво у духовника, потомъ у полковника слѣпого Любисткова. Самъ-же Гудовичъ знову былъ и въ вечеру во дворцѣ и получилъ отъ г. Розумовского деклярацію о отправѣ передъ отъездомъ двора государева. У мене былъ Вынклеръ и данъ ему реестръ, по нѣмецку писанный, о долгахъ Килскихъ.

3. Ночью противъ сего числа Нева стала. Рано мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского, а по полдни у князя Сергія Дмитріевича Кантеміра.

4. Ночью випалъ не малый снѣгъ и стали на саняхъ ездить. Я и Гудовичъ обѣдали у г. Гендрикова, а вечеромъ были съ Гудовичемъ у габінетского секретаря Якова Исаевича Бахирева.

5. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики съ переводомъ реестра о долгахъ, синомъ моимъ тамъ не уплаченныхъ, что вираженные въ немъ денги отданы здесь регистратору Вынклеру, и оное для пересылки по почтѣ тому-жъ Вынклеру вручено. Двѣ писми получилъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Вроцлавя, одно до отца ихъ, другое до мене писанные. Вечеромъ былъ у Ѳедора Івановича Коченевского и тамъ застали и Соколовского и вручили меморіалъ для подачи духовнику о дѣлахъ общихъ, въ докладѣ изъ сената поданныхъ.

6. Писано писмо до Ѳедора Ширая съ отсилкою писма, къ зятю его Шидловскому присиланного, и что-бъ съ поруччикомъ морскимъ Алексіемъ Івановичемъ Скуратовымъ справясь, постарался сыскать писма, чрезъ десятника за подмайстерья отъ адмиралитей-

ства посланного, отправленные августа 1-го. Да писана въ Глуховъ до Скоропадского інстанція за Василемъ Рощаковскимъ. Заплачены 2 р. 40 к. за камордункъ и отданы капитану Соловіову; за тинктуру пенторалную въ аптекѣ дано 16 к.

7. Писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ, полученные при своемъ писмѣ, вручилъ Івану Раковичу, которій вчора съ нами простилъся и имѣетъ отъеждать отселя въ Украину. Полковникъ Божичъ и Антонъ Милорадовичъ у насъ обѣдали.

8. Званы къ имениннику Михайлу Івановичу Новоторжцову обѣдать и у него съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ и женою его, да и протчіе, въ томъ числѣ и Романовичъ и Брежинскій, обѣдали. А оттуда пріехавши до дому, застали полковника стародубовского Максимовича (зъ которымъ и переговоры были), да Михайла Івановича Коченевского, которій далъ и пашквілѣ Романовичевы, тако-жъ писаря судового чернѣговского Ярошевича и Өедоровича.

9. Рано я зъ Гудовичемъ у Өедора Івановича Коченевского былъ и отъ него-жъ и о деклярації по дѣламъ общимъ слышали. Обѣдалъ у насъ гвардіи семеновского полку поруччикъ Евтихій Івановичъ Софоновъ, а вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

10. Рано всѣ трое были въ дворцѣ и преосвященному псковскому отданы копіи грамотъ Петра великого, за собственною рукою писанныхъ. Государиня у духовника обѣдъ кушать изволила. Вечеромъ былъ у Вінклера и отдалъ ему денги, должные синомъ моимъ въ Килѣ, а именно: 12 червоныхъ, да 49 р. 64 к., что учинитъ 76 р. 64 к. Потомъ былъ у племѣнниковъ графскихъ и сидѣлъ у учителя ихъ Носка.

11. По учиненному щоту о дробныхъ расходахъ, Грицкомъ держанныхъ, явилось 1 р. 16. к. Commodata pecunia 300 р. Comiti Hendrikow á colonello Koczenewski. Писанъ до полковника нѣжинского отозвъ подъ симъ числомъ и съ цедулою.

12. Звалъ насъ обѣдать къ себѣ помянутій поруччикъ Софоновъ на Василевскій островъ и тамъ принималъ съ женою своею, изъ дому Ушаковыхъ, весма благосклонно.

13. Обѣдали всѣ трое у маіора гвардіи г. Косогова. Сего числа графъ Лестокъ арестованъ.—За пять замковъ нѣмецкихъ висящыхъ дано 80 к.

14. За копію челобитной, отъ Романовича въ сенатъ 7-го ноября въ 9 пунктахъ поданной, 60 к.—Вечеромъ были у насъ переводчикъ іностранной коллегіи Іванъ Андріевичъ Даниловскій, да пѣвчій дворцовый Семенъ Тихоновъ изъ красного Колядина съ женами и Петръ Григоріевъ Вѣтынскій, родомъ зъ слободскихъ полковъ.

15. Государиня изволила отъехать въ Царское Село и для того мы изъ квартери никуда не ездили, токмо Гудовичъ вечеромъ былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого.

16. Обѣдали у графа Гендрикова всѣ трое, потомъ и онъ съ компаніею былъ у насъ надъ вечери. Гудовичъ-же съ капитаномъ Соловіовымъ ездилъ до Өедора Івановича Коченевского и въ другіе мѣста. За оправу «Хронологіи о князяхъ великихъ и царехъ россійскихъ» и проч. 30 к.

17. По службѣ ездилъ до монастыря Невского и тамъ былъ у преосвященного Іларіона Григоровича, крутицкого архіерея, а вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у секретаря Гаврила Ермолаева и долго у него просидѣля.

18. Ради тезоименитства преосвященного володимерского Платона Петрункевича званы отъ него на обѣдъ, и я съ Гудовичемъ обѣдали у него купно съ архіереемъ крутицкимъ, да съ архимандритами новоспаскимъ и воскресенскимъ и съ монахами невскими. Писано писмо до Скоропадского и тутъ-же включено писмо, подъ 11-мъ числомъ писанное.

19. Государыня изволила изъ Царского села ночью прибыть въ С. П. Бурхъ.

20. Были всѣ трое въ дворцѣ и у ручки государини. Послѣ обѣда занемогъ я на колотье въ правомъ боку.

21. Приехалъ изъ Глухова тамошнего гварнізонного полку поруччикъ, Владимеръ Васильевъ Алфимовъ, чрезъ которого межъ протчими было писмо и до дѣтей Скоропадского, которое отослано къ постъ-директору Ашу для отправы. Весь день лежалъ я боленъ, а въ вечеру были у мене Шенинъ, Ладижинскій Аполлонъ и молодій Делатуръ. Наши-же оба были у графа Гендрикова и тамъ ужинали.

22. Рано посѣщалъ мене графъ Гендриковъ, а Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Въ вечеру-жъ долго сидѣлъ у мене капитанъ Леонтій Аврамовичъ Друкортъ.

23. Подано доношеніе въ сенатъ отъ всѣхъ о томъ, что генералъ Бісмаркъ требуетъ и беретъ на себе и штатъ свой раціоны и порціоны, чрезъ Гудовича, которій съ графомъ Гендриковымъ у Өедора Івановича Кочепевского и обѣдалъ. Писмо изъ Киля отъ Івана Політики получено, что не всѣ праведно показали синомъ моимъ будто неуплаченные долги.

24. Наши рано отъехали по господамъ для поздравленія празденствомъ нинѣшней іменинницы, ея высочества государыни великой княгини Екатерины Алексіевны. А у мене былъ и посидѣлъ со мною доволно подпоруччикъ Аполлонъ Ладижинскій. Г. Лизогубъ и Гудовичъ обѣдали у графа Румянцова.

25. Послѣ болѣзни и я віехалъ зъ квартери, всѣ-же трое ездили съ поздравленіемъ до канцлера, віце-канцлера, до графа Гендрикова и до барона Черкасова. Потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое говорилъ преосвященный володимерскій Платонъ Петрункевичъ. По службѣ были допущены между протчими къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова. Въ вечеру знову были въ дворцѣ и смотрѣли на церемонію лейбкомпаніи, которіи перво были допущены къ ручкѣ государини, потомъ отведены въ болшую сало, куда въ 10-мъ часу и государиня съ офѣцерами той-же лейбкомпаніи, а за нею и іхъ імператорскіе высочества и всѣ господа и дамы пошли; и тамъ-же въ болшой салѣ за приуготовленными столами съ оною лейбкомпаніею государиня ужинать изволила. А при ужинѣ изъ многихъ пушекъ изъ крѣпостей и изъ адмиралтейства палено, на Невѣ-же, на театрѣ, тако-жъ при кадетскомъ корпусѣ и въ крѣпости и по всемъ городѣ до 1-го часа по полуночи зажжены были иллюминаціи. А отъ академіи здешней прежде ужина поднесена печатная ода, профессоромъ Ломоносовымъ сочиненная, за которую пожалованъ онъ 2,000 рублей.

26. Рано Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ, а всѣ трое въ вечеру были у Ігната Кириловича Полтавцова, где пріездили и ординанси государини отъ лейбкомпаніи, Станіславскій и Холодовскій съ другими дворцовыми.

27. Рано былъ у мене секретарь Гаврило Ермолаевъ, благодаря за инстанцію нашу о немъ къ синодальнымъ членамъ приношенную. Мы всѣ трое были первей въ дворцѣ, потомъ я и Гудо-

вичъ обѣдали у преосвященного псковского Симона Тодорского купно съ новымъ архимандритомъ кіево-печерскимъ Іосифомъ Вранскимъ и намѣстникомъ свінскимъ Лукою, а г. Лизогубъ у Івана Івановича Косогова, гвардіи маіора. Ночью пріехалъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій, отъ лейбкомпаніи государини ординансъ, ездившій передъ симъ въ Украину.

28. Писаны писма въ домъ до жены и до сина съ отсилкою писма студента Рихарди, да до Івана Гамаліи, и оные включены въ пакетъ, купно съ писмами подъ 11-мъ и 18-мъ числами писанными, подписанный до Скоропадского, и отпущенъ тотъ пакетъ чрезъ Івана Бѣлоровского, отъехавшого по почтѣ въ Глуховъ. Вечеромъ были у секретаря Гаврила Ермолаева и до полночи просидѣли.

29. Послѣ обѣда отвозилъ Гудовичъ формуляръ квітовъ, якіе должны давать купцамъ фактори по заплатѣ індукты или евекти, до секретаря Новоторжцова, а въ вечеру онъ-жъ былъ въ дворцѣ. Передъ обѣдомъ приходили къ нему-жъ протопопъ миргородскій Горковскій и Романовичъ.

30. Рано ездили поздравлять кавалеровъ святаго Андрея, а именно: графа Румянцова, князя Николая Юревича Трубецкого и канцлера графа Бестужева-Рюмина. Потомъ были въ дворцѣ на обѣдни и на казанью, которое говорилъ архимандритъ воскресенскій Амвросій Калинскій, а обѣдъ изволила кушать государыня съ одними кавалерами помянутого ордина. Вечеромъ была по всему городу иллюминація. А мы въ вечеру-жъ были у Василія Івановича Венюкова, где пріездилъ къ нему-жъ капитанъ командоръ Дмитрій Константиновъ Толбугинъ.

Декабрь.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, и г. Лизогубъ говорилъ графу Розумовскому о дѣлахъ нашихъ и объ отездѣ. Гудовичъ въ вечеру былъ у г. Гендрикова и у Ѳедора Івановича Коченевского.

2. Были у мене отецъ префектъ кіевскій Варлаамъ Лащевскій и товарищъ его отецъ Гедеонъ Сломінскій, а поручникъ 1-го московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ обѣдали у насъ.

3. Vacat. 4. Рано ездили во дворецъ, и едучи переговоръ былъ не безъ досадъ съ г. Лизогубомъ. Зъ дворца заехали до графа

Гендрикова и у него, ради тезоименитства дѣтей его сина Івана и дочери Варвари, обѣдали, а послѣ обѣда были у него-жъ маіоръ гвардіи Косоговъ и камергеръ Жеребцовъ, потомъ-же и Пассекъ.

5. Вечеромъ одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ.

6. Ради тезоименитства моего обѣдали у мене кавалери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ и маіоръ гвардіи Косоговъ съ адютантомъ Корсаковымъ, Василій Івановичъ Венюковъ съ женою, Аполлонъ Ладижинскій съ женою-жъ, капитанъ и поруччикъ Друкорты, поруччикъ Бутурлинъ, маіоръ Шеншинъ и другіе, персонъ до 15-ти, и пробавили у насъ до позна.

7. Изъ денегъ харчевыхъ, виданныхъ изъ штатсъ-конторы за месяци октоврій и ноеврій дву сотъ рублей, раздѣлили на три части и взяли по 60 р. каждый, въ томъ числѣ и я толикое-жъ число, а остальные отданы Бѣлоровскому на харчевый росходъ.

8. Писаны писма въ Глуховъ: 1-е въ отвѣтъ, 2-е за Бѣлоровскимъ, и при первомъ въ пакетъ включены писма отъ архимандрита печерского до намѣстника, отъ переводчика синодалного до отца его, отъ кадета Трощинского до Скоропадского, да отъ Грицка до отца его и до Іосифа.

9. Писаны писма: 1-е до Скоропадского съ посилкою писма отъ Ѳедора Івановича Коченевского до ігумена монастыря рихловского, 2-е до швагра Івана Гамаліи, и обѣ включены въ одинъ пакетецъ. Были въ государевой оружейной палатѣ, а потомъ обѣдалъ я съ Гудовичемъ у полковника Коченевского, да сего-жъ числа явились присланные изъ Глухова канцеляристи для переписованья указовъ, кои во время пожару въ Глуховѣ погорѣли.

10. Поруччикъ глуховского гварнізону Алфимовъ отправилъся, и чрезъ него вышеозначенные писма отпущены, да писмо въ Килькъ Івану Політикѣ писано и вручено для отправы Винклеру. Графу Івану Симоновичу Гендрикову учинена чрезъ графа Розумовского декляраціа ехать ему передомъ къ Москвѣ, а оттуда уже будетъ его отправа въ Украину, о чемъ съ извѣстіемъ были въ вечеру у насъ капитанъ Соловіовъ и поруччикъ Бутурлинъ. Somnum de uxore et filijs. По рощоту зъ Грицкомъ явилось на розницу въ расходѣ 71 к.

11. Третего дни возвратившихся изъ Цесаріи канцлерского сина графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина и́ жену его Евдокію Динисовну видѣли въ дворцѣ и тамъ-же слышали, что

именнымъ указомъ опредѣлено команду имѣть въ С. П. Бурхѣ, и въ сенатской канторѣ засѣдать князю Борису Григоріевичу Юсупову камер-геру и коммерцъ-коллегіи президенту, оберъ-комендапту здешнему князю Ѳедору Васильевичу Мещерскому и генералу маіору Хитрову, которій передъ симъ опредѣленъ въ засѣданіе въ адмиралитейскую коллегію.

12. Писано писмо до молодыхъ Скоропадскихъ въ Вроцлавъ, что-бъ оны къ отцу писали чрезъ почту и присилали свои писма въ С. П. Бурхъ на имя здешнего постъ-директора Аша въ ковертѣ. Тамъ же включено писмо и отъ отца Лащевского до купца вроцлавского Корна. Самъ я ездилъ къ совѣтнику и кавалеру Пехлину и у него принятъ; потомъ сидѣлъ долго у дѣтей графа Розумовского, племѣнниковъ и у Носка.

13. Объявлено намъ, что указъ именный сказанъ въ сенатѣ о выдачѣ денегъ намъ на подъемъ къ Москвѣ три тисячи рублей, зъ чимъ былъ у г. Лизогуба секретарь Новоторжцовъ, а мы съ Гудовичемъ обѣдали у графа Гендрикова. Всѣ же трое были рано въ дворцѣ и тамъ видѣли свобожденного изъ подъ караулу камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова, а вечеромъ были у Василія Івановича Демидова съ поздравленіемъ его о пожалованіи его-жъ дѣйствительнымъ штатскимъ совѣтникомъ. Г. Лизогубъ самъ ездилъ до князя Николая Юрьевича Трубецкого, а Гудовичъ и вечеромъ былъ въ дворцѣ, которій обоимъ имъ о томъ-же объявилъ.

14. Пожалованъ Божичъ полковникомъ въ Черниговъ, а полковнику гадяцкому Петру Галецкому 150 дворовъ въ вѣчное владѣніе. Мы тако-жде получили декларацію, что-бъ ехать намъ въ Москву и тамъ явитись государынѣ.

15. Рано съ г. Лизогубомъ былъ я и отклонились віце-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. Ихъ высочества, великій князь и великая княгиня, віехали изъ С. П. Бурха къ Москвѣ 11-го часа предъ полуднемъ. А ея імператорское величество съ своимъ придворнымъ статомъ віехать туда-же изволила въ 1-мъ часу по полуночи, при пушечной палбѣ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства производившейся.

16. Якову Тимофіевичу канцеляристу сенатскому отданы 20 овчинокъ чорныхъ. Вечеромъ будучи у графа Гендрикова, тамъ-же и съ Паскомъ видѣлись. Сего числа рано случилъся пароксізмъ

параліжный г. Лизогубу, но оный перервали простими лѣкарствами.

17. Изъ денегъ, пожалованныхъ намъ депутатамъ, 3-хъ тысячъ рублей, кои сего числа привезены изъ рентереи, взялъ я на свой жеребій тисячу рублей и зъ оныхъ позичилъ г. Гендрикову 200 р., капитану Соловіову 25 р., Козляницѣ 10 р., Бѣлоровскому 20 р., въ складку на канцеляристъ положилъ за г. Лизогуба 10 р., за себя 10 р., Коноваленку позичилъ 10 р.

18. Рано пущали кровь г. Лизогубу, ради пароксизму, ему предъ симъ случившогося. Я и Гудовичъ обѣдали и ужинали у графа Гендрикова

19. У вице-адмирала г. Головина мы всѣ трое обѣдали, а потомъ съ княземъ Меншиковымъ и Косоговымъ, маіорами преображенского полку, прощались.

20 Г. Лизогубъ со мною былъ въ Невскомъ монастырѣ и тамъ у архіерея с. п. бурского обѣдали, а въ вечеру онъ-же повторе уже тяжко на паралѣжъ захоровалъ.

21. По совѣту и информаціи доктора Синопеуса пущали г. Лизогубу кровь зъ другой руки, здоровой, ибо лѣвую руку и ногу ему паралѣжъ заразилъ. Сего числа графъ Гендриковъ съ графинею и шваграми своими двома отъехалъ на подставныхъ лошадихъ къ Москвѣ.

22. Рано съ Гудовичемъ были у Новоторжцова, которому и 3 овчинки черные даны, да у г. Головина. А въ нашей квартерѣ безъ насъ были дѣйствителный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Демидовъ и секретарь Новоторжцовъ. По полдни, пришедъ въ великую слабость, г. Лизогубъ исповѣдивалъся и причащалъся при присутствіи г. Головина и нашемъ. А въ вечеру мы были у Демидова, потомъ и у Савлукова.

23. Г. Демидовъ отъехалъ къ Москвѣ, а у насъ былъ рано Новоторжцовъ. Сего-жъ числа г. Лизогубу стало быть легше въ его болѣзни.

24. Графъ Александръ Івановичъ Румянцовъ съ графинею своею отъехалъ изъ С.П.Бурха ночью къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова послѣ набоженства обѣдали мы съ Гудовичемъ у маіора, въ адмиралитейской коллегіи при коммісcаріатѣ присутствующого, Василія Івановича Войникова, которій и компасъ мнѣ подарилъ. Оттуда заездили къ доктору Синопеусу, которій и рецептъ на мои дефекты написалъ.

26. Отправленъ нашъ багажъ къ Москвѣ, подъ который нанятымъ подводчикамъ для заплаты вручено полковнику Янушкевичу 18 р. Рано были у князя Юсупова.

27. Ужинали у г. Головина и съ нимъ и съ женою его простились.

28. Рано были у Новоторжцова и у г. Войникова и простились. А послѣ полудня простясь съ г. Лизогубомъ и съ протчими, отъехали изъ С.П.Бурха въ 8-мъ часу. Дано Янджулу для росплатки на прогоны 13 р. 80 к.—Прибывъ въ деревню Саблино въ третемъ часу по полночи, тутъ отдихали, а оттоль поехали въ 6-мъ часу.

29. Въ 11-мъ часу прибыли въ деревню Болотово; оттоль віехали въ 4-мъ часу по полудни и прибыли въ село Чудово въ 8-мъ часу, где наехали баталіонъ преображенского полку, при которомъ за маіора былъ капитанъ князь Іванъ Івановичъ Давидовъ. Оттуду віехали по полночи въ 4-мъ часу.

30. Приехали въ 8-мъ часу о 39 верстъ въ деревню Любци Сергія Татищева. Оттоль поехали въ 12-мъ часу, а прибыли въ Великій Новгородъ въ 4-мъ часу по полудни. Оттуду прибыли въ 4-мъ—по полуночи въ Бронницю.

31. По полуночи 7-го часа віехавъ изъ Збронници, прибыли въ 10-мъ до Зайцева. Оттуду віехали въ исходѣ 12-го часа и прибыли до Крестцовъ 4-го часа по полудни, а въ томъ-же часу оттоль віехавъ, приехали въ Яжолбицу въ 9-мъ часу по полудни-жъ.

1749-й ГОДЪ, СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Будучи въ пути изъ Санкт-Пітербурха къ Москвѣ, отдихали въ Яложбици и потомъ, въ 7-мъ часу віехавъ, прибыли въ 9-мъ по полночи въ Валдай, где и обѣдни и молебна слушали. А по обѣдѣ въ 12-мъ часу оттоль отъехали и, перемѣня подводы въ Зимногорскомъ Яму, поехали до Хотѣлова, куда прибыли въ 9-мъ часу. Оттуду поехали

2. по полуночи въ 5-мъ часу и, на дорозѣ объехавши свой обозъ, прибыли до Вышнего-Волочка въ 8-мъ часу; оттоль до Видро-

пуска въ 11-мъ часу. Изъ Видропуска, віехавъ въ 4-мъ по полудни, прибыли въ Торжокъ въ 7-мъ, а оттуда до Мѣдного въ 9-мъ часу віехавъ, пріехали въ 12-мъ.

3. Зъ Мѣдного віехали по полуночи въ 6-мъ, а прибыли до Твери въ 9-мъ часу. Тутъ преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тверскій, присилалъ по насъ карету, и у него мы купно съ преосвященнымъ Платономъ Петрункевичемъ, епископомъ володимерскимъ, обѣдали и уже въ 5-мъ часу по полудни віехавъ изъ Твери, прибыли въ 9-мъ до Городни.

4. По полуночи въ 4-мъ часу изъ Городни віехавъ, прибыли въ 7-мъ до Завидова. Оттуду поехали въ 8-мъ, а прибыли въ 10-мъ до Клипу. Зъ Клину віехали въ 11-мъ, а прибыли по полудни въ 4-мъ въ село Чашники, помѣщика Собакина, где и ночовали.

5. По полуночи въ 4-мъ часу зъ Чашниковъ віехавши, прибыли 8-го часа въ Москву и тутъ стали квартерою въ домѣ фабриканта Бороніна, не далече Сухаревой башты. Ужинали у графа Сергія Гендрикова.

6. По службѣ Божой были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали-жъ у графа Гендрикова, потомъ у тестя его Сергія Івановича Бутурлина, а вечеромъ у генерала маіора Івана Івановича Головина были. Обозъ нашъ въ Москву прибылъ о полдни.

7. Требовали квартери отъ полиціи. По обѣдѣ съ графомъ Гендриковымъ были у Алексія Даниловича Шеншина, потомъ у швагра его Михайла Борисовича Неронова и у Аполлона Василіевича Ладижинского.

8. Рано были въ дворцѣ и тамъ съ сѵнодалными и съ московскими архіереями видѣлись. Потомъ заходили къ духовнику и къ Ѳедору Івановичу Коченевскому. Обѣдалъ у мене Галецкій, полковникъ гадяцкій, а Гудовичъ съ графомъ у Михайла Неронова, которого старшій братъ Александръ ландмиліцкихъ полковъ маіоръ посѣщалъ мене и купно съ Гудовичемъ до Лва Василіевича Ладижинского отъехали.

9. Извощиковъ приговорили для отвозу въ домы нѣкоторыхъ покупокъ на пару лошадей по 4 р. 50 к., да изъ Калуги подъ печи на пару по 3 р. и сверхъ того подрядчику тѣхъ подводъ отъ

обохъ насъ зъ Гудовичемъ поступлено 1 р. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню, називаемую Пруси.

10. Писали въ С.П.Бурхъ до г. Лизогуба о своемъ въ Москву прибытіи и о протчемъ. Были рано у графовъ Румянцова и Шувалова, а вечеромъ у Ѳедора Звѣрева.

11. Обѣдали у графа Гендрикова съ тестемъ его, которій намъ своихъ жеребцовъ двохъ преизрядныхъ показивалъ.

12. Государыня изволила ездить до генерала Стефана Ѳедоровича Апраксина и у него кушать. Мы рано были у князя Николая Юрьевича Трубецкого, потомъ въ рядахъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ перешолъ къ намъ на квартеру.

13. Серебренику Якиму Ѳедорову Волкову далъ своего серебра фунтъ и $3^3/_4$ золотника. Да ему-жъ велѣлъ дѣлать 12 стакановъ, чайникъ и молочникъ сребряный. Обѣдалъ у насъ Шеншинъ.

14. Сребряный и золотій гасъ куповалъ Гудовичъ у лавочника Матвѣя Смирного, въ завязочномъ круживомъ ряду сидячого.

15. Были въ дворцѣ и съ протчими допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова.

16. Отпущенъ обыходъ нашъ съ покупками чрезъ Грицка, которому для заплати подводчикамъ и на покупку печей въ Калузѣ дано 50 р., да чрезъ него-жъ писаны писма до жены, до швагра Ѳедора Корецкого и до Скоропадского о покупкахъ справленныхъ для него. Гизону отъ Носка присланные 100 р. отданы. Я перешолъ въ другую избу на той-же квартерѣ.

17. Обѣдали мы съ Ігнатомъ Кириловимъ Полтавцовымъ у Шеншина, которій сказовалъ, что велѣлъ съ бѣлою кожею шоры для насъ дѣлать.—Въ вечеру одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ, которому графъ Розумовскій обявилъ, что вскорѣ отправленъ будетъ графъ Гендриковъ и при немъ мы. Того-жъ вечера былъ графъ Гендриковъ съ своею графинею въ нашей квартерѣ.

18. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей съ супругою своею Ксеніею Гарасимовною прибылъ въ Москву и сталъ на графскомъ бархатномъ дворѣ. По обѣдѣ, имѣвшемся у графа Гендрикова, генералъ-маіоръ и гвардіи преображенского полку прімер-маіоръ, Іванъ Івановичъ Косоговъ былъ у насъ и опочивалъ, да и сотникъ лохвицкій Кирило Івановичъ Коченевскій у насъ-же былъ.

19. У полковника Кочубея мы были и обѣдали. Отправлены писма до жены, да до Скоропадского съ указомъ сенатскимъ, дуплікатомъ, о селѣ Чаусахъ (которій дуплікатъ писанъ октоврія 13-го 1748-го году подъ № 545), чрезъ каптенармуса глуховского гварнізону Шевеліова.

20. Рано были въ дворцѣ и купно съ Кочубеемъ у ручки государыни. Отдано прошеніе, въ дѣлѣ моемъ къ государынѣ писанное, Івану Барановскому для содержанія. Писалъ въ Глуховъ о дачи 3-хъ компанѣйцевъ служителю Ѳедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былу у сержанта лейбъ-компаніи, Матвѣя Михайловича Івінского.

21. Принесена ассигнація изъ штатсъ-канторі на 50 р. за прошедшого декабря половину. Жестоко были вечеромъ угорѣли въ квартерѣ.

22. И отъ того угару былъ боленъ и никуда не віездилъ, толко Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ и у Кочубея обѣдалъ.

23. Изъ московской рентереи 50 р. денегъ харчевыхъ за прошедшій декабрь, послѣдную половину, принесены.

24. Сего числа въ С. П. Бурхѣ обозный генералный Яковъ Евфимовичъ Лизогубъ въ 2 часу по полуночи преставилъся [242]). Обѣдали мы у Кочубея ради тезоименитства жены его, а вечеромъ были у секретаря Новоторжцова. Принятъ служитель Сидоръ Івановъ Гудокъ, родомъ зъ Конотопу.

25. Полковникъ гадяцкій Галецкій и сотникъ лохвицкій Коченевскій отъехали изъ Москви до Малороссіи. Г. Кочубей пріездилъ къ намъ на квартеру, токмо мы не были, а были съ г. Гендриковымъ у Івінского.

26. Рано были въ дворцѣ государевѣ у графа, потомъ у канцлера съ Кочубеемъ, да у гр. Кирила Григоріевича и у князя Алексія Дмитріевича Голицина.

27. Рано былъ у насъ Кочубей. Agrotavit summè sua Majestas. Вечеромъ были у Василія Івановича Демидова. Писали къ нашимъ въ С. П. Бурхъ по извѣстію намъ отъ Михайла Ѳедоровича, сторони г. Лизогуба учиненному.

---

[242]) О болѣзни и смерти генеральнаго обознаго Якова Лизогуба см. „Кіевскую Старину" 1882 г., кн. I, стр. 118—119.

28. Отправлены писма по почтѣ въ С. П. Бурхъ, въ томъ числѣ и отъ мене до віце-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина, до маіора въ адмиралитействѣ присутствующого Василія Івановича Войникова, да до учителя Носка съ обявленіемъ, что денги 100 р. Гизону отданы.

29. Въ сей день мясопустный были рано въ дворцѣ и у ручки государя великого князя и великія княгини. Обѣдали у г. Кочубея. Пріехалъ изъ Глухова канцеляристъ Димитрій Лебедевъ зъ звѣриною, до двора государева присланною.

30. И сего числа обѣдали у Кочубея.

31. Въ дворцѣ видѣлись съ преосвященнымъ новгородскимъ Стефаномъ Каліновскимъ. Потомъ обѣдали у преосвященного Платона володимерского, где надъ вечери приходилъ и архіерей грузинскій и архимандритъ знаменскій, грузинецъ-же. Вечеромъ явились у насъ Іванъ Пуховичъ и перекрестъ Афанасъ Познанцовъ зъ Глухова съ писмами. Канцеляристу Григорію Андріеву Сорокипу за 2 копіи для Івана Гамаліи данъ 1 р.

Февраль

1. Обѣдали мы у духовника, а послѣ обѣда былъ у насъ Іванъ Барановскій, камердинеръ графскій, съ извѣстіемъ, что государыня изволила подписать свою конфірмацію на докладъ сенатскій о нуждахъ малороссійскихъ, о чемъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, будучимъ намъ у него, обявилъ. Князь Александръ Андріевичъ Черкаскій, бывшій передъ симъ его высочества государя великого князя гофъ-маршаломъ, преставилъся.

2. Нарочно званныи отъ преосвященного новгородского обѣдали у него съ архимандритами: новоспаскимъ Гавріиломъ и петровскимъ Пахоміемъ.

3. Росплатка учинена зъ серебрникомъ за 12 кубковъ, за 6 сосудовъ церковныхъ, за чайникъ и молочникъ; всего ему заплачено 89 р. 50 к. У него-жъ взяты вѣски мѣдные.

4. Были рано въ дворцѣ и перво Розумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство; потомъ отъ его-жъ представлены были самой государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что и учинено отъ насъ въ

церкви комнатной. Обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, а оттуда возвратясь, отправили куріера, сенатской роты салдата, съ указомъ изъ сената по конфірмаціи ея імператорского величества учиненной и съ писмами отъ насъ до старшины генералной, где и мои писма до Скоропадского о екзакторахъ, до Івана Гамаліи съ копіями и до жены, съ включеннымъ и отъ Гудовича къ его женѣ писмомъ, отпущены.

5. Рано обослалъ насъ Алексій Даниловичъ Шепшинъ пивомъ и полпивомъ. Мимоездомъ изъ дворца вступили до Григорія Михайловича Любисткова и у него въ сей сиропустный день обѣдали. По полдни изволила государыня проезджатся первой разъ послѣ болѣзни.

6. Вечеромъ были у графа Гендрикова, где застали капитана гвардіи преображенского полку, Александра Михайловича Михелсона. Мѣщанинъ чернѣговскій Іосифъ Козляниця преставилъся въ Москвѣ.

7. Графъ Гендриковъ отъехалъ до своей деревнѣ Прусъ. Гудовичъ послѣ обѣда ездилъ къ г. Кочубею. Козляниця погребенъ въ монастырѣ знаменскомъ.

8. Ездили въ дворецъ для поздравленія духовника и его сина Захарія, да Өедора Івановича Коченевского, яко нинѣшныхъ именинниковъ. Полковникъ чернѣговскій Божичъ простилъся съ нами, отъезджая на Украину. У насъ-же былъ отставный маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. Виданы изъ московской рентереи по ассигнаціи статсъ-канторы за прошедшій генварь мѣсяцъ 100 р., изъ которихъ взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а оталные 40 содержатся для харчевого росходу.

9. Vacat. 10. Свѣтскіе господа сезджались въ дворецъ для поздравленія государю великому князю рожденіемъ. Мы были на службѣ въ Велико-Петровскомъ монастырѣ и тамъ видѣлись первей съ архимандритомъ тамошнымъ Пахоміемъ, потомъ и съ преосвященнымъ архіепископомъ псковскимъ Сумономъ Тодорскимъ. Іванъ Бѣлоровскій, зъ Глухова прибывшій, явилъся у насъ.

11. Исповѣдивалъся у священника церкви святого Панкратія, отца Александра Григоріевича, и тамъ-же святыхъ Таинъ сообщалъся. Полковникъ де-Латуръ простилъся съ нами, да канцеляристъ Дмитрій Лебедь отъехалъ до Глухова, чрезъ которого писма писали:

1-е до всѣхъ членовъ генералной канцеляріи о принятіи у двора звѣрины; 2-е до генералной старшини о куплѣ вина волоского для генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова. Въ вечеру былъ въ квартерѣ нашей г. полковникъ нѣжинскій Кочубей съ г. полковницею и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Были по обѣдни въ дворцѣ и графу Розумовскому являлись, а обѣдали у г. Кочубея, где обѣдалъ же и адютантъ генерала Бѣсмарка, Карлъ фонъ-Штофель. Сотникъ Стефанъ Лукомскій прибылъ изъ С.П.Бурха, и прибывшіе изъ Глухова съ запасомъ покойного г. Лизогуба у насъ явились.

13. Судья гадяцкій Іванъ Родзянка прибылъ зъ вышневкою, до двора государева, присланною съ нимъ отъ бунчучного генералного Оболонского. Лукомскій рано былъ у насъ и чинилъ реляцію о смерти и погребеніи покойного г. Лизогуба. Послѣ полдня былъ я у совѣтника, въ рекетмейстерскихъ дѣлъ присутствующого, Івана Алексіевича Казаринова и ему о своемъ дѣлѣ говорилъ и записку далъ.

14. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись зъ архимандритомъ печерскимъ; потомъ видѣли государыню на переходѣ, ишовшую посѣщать нѣкоторую Милгунову болную; а послѣ были у графа Розумовского и просили о докладѣ, чтобъ окончаны наши и осталные дѣла общіе, при чемъ былъ тутъ-же и Лукомскій. Тамъ же въ дворцѣ видѣлся я съ судьею гадяцкимъ Родзянкою. Послѣ полдни въ 4-мъ часу былъ салдатъ изъ сената съ повѣсткою, чтобы мнѣ и Янушкевичу явиться въ сенатъ для слушанія дѣла съ Соколовскимъ завтра въ 7-мъ часовъ. Потомъ ездилъ я до князя Алексія Дмитріевича Голицына и у него доволно посидѣлъ, а отголь возвратившись, засталъ въ нашей квартерѣ Михайла Борисовича Неронова и Аполлона Лодижинского. Въ 8-мъ часу отъехалъ въ сенатъ и тамъ первѣе былъ въ рекетмейстерской канторѣ, потомъ, какъ прибыли три сенатори: генералъ Бутурлинъ, да князь Щербатовъ и Одоевскій, да князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, то начали наше дѣло съ Соколовскимъ слушать, и по вислушаніи моей и Янушкевичевой челобитныхъ апелляціонныхъ, я отошолъ зъ сената, а при Янушкевичу и Соколовскому стали подлинного дѣла слушать.—Дочь князю Алексію Дмитріевичу Голицыну родилась. Прибыли изъ С.П.Бурха Дмитрій Мироновичъ, Кирило Бѣло-

ровскій съ обозомъ и служителми покойного обозного генералного Лизогуба. Вечеромъ были у г. Кочубея, которого просилъ доложить графу о моемъ прошеніи, стороны жалованной грамоти на деревни. При насъ у него-жъ была графиня, сожителница графа Петра Семеновича Солтикова и съ нею дочь покойного графа Чернишова, Катерина Григоріевна.

16. Были въ дворцѣ и первей у графа Розумовского, потомъ у Өедора Івановича Коченевского, купно съ полковницею Кочубеевою, обѣдали, а г. Кочубей самъ у архіерея переяславского, званный отъ него, обѣдалъ. Вечеромъ былъ я у Григорія Політики.

17. Рано былъ я перво у сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, потомъ у сенатора-жъ Александра Борисовича Бутурлина, а обадва мы слушали преждеосвященной обѣдни въ дворцѣ и были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ обоихъ. Вечеромъ были у поручика гвардіи отставного, Александра Тихоновича Лукина. Пріехалъ сотникъ полтавского полку Семенъ Куликъ и привезъ къ намъ писма.

18. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ Флора и Лавра, были у графа Александра Івановича Румянцова, которій удержалъ насъ у себя и обѣдать, где обѣдали съ нимъ и съ графинею, да съ двома генералами, однымъ лейтнантомъ (*пробѣлъ*), другимъ маіоромъ, что въ Чернѣговѣ былъ полковникомъ, Владимеромъ Василіевичемъ Ізмайловими. Вечеромъ былъ у насъ маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. За лѣкарство sal anglicanum дано 16 к.

19. Слушали обѣдни въ дворцѣ, въ церкви теплой публічной, где и государыня быть изволила, потомъ къ ручки всѣхъ въ дворцѣ бывшихъ жаловала, где и я допущенъ былъ какъ къ ея величества ручки, такъ и къ іхъ імператорскихъ высочествъ. Потомъ были у графа Розумовского, а обѣдали у графа Гендрикова, купно съ Софоновымъ камеръ-юнкеромъ, съ Богданомъ Пассекомъ и съ протчими. Надъ вечери были у Кочубея, которій въ вечеру ездилъ съ своею супругою государынѣ откланюватся. Пѣвчій дворцовый Маркъ Полторацкій, приехавшый въ сихъ дняхъ съ Украины, подалъ мнѣ писмо отъ генералного асаула Якубовича.

20. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, отъежджающую въ Покровское. Обѣдали у Кочубея, куда пріѣжжалъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ. Надъ вечери ездилъ я одинъ до князя Алексія

Дмитріевича Голицина и у него болѣе часа сидѣлъ и поздравлялъ его-жъ новорожденною дочерью. Полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій прислалъ два подсвѣшники для отсилки въ Глуховъ, а оттоль въ сумскій успенскій монастырь, о чемъ отъ мене писано до Скоропадского, съ сообщеніемъ и писма къ ігумену тамошнему Іпполиту съ братіею. Куплены для Скоропадского 31 лимонъ солоних за 1 р. 61 к., да двѣ билорибици за 1 р. 56 к.

21. Рано были въ дворцѣ и видѣли государыню. Обѣдали въ своей квартерѣ и съ нами Ілія Лизогубъ, сего числа прибывшій въ Москву. Послѣ обѣда ездили до Кочубея и у него просидѣли до 10-го часа и ужинали. А оттоль какъ прибыли, то застали въ квартерѣ нашей пріехавшую жену капитана Соловіова съ свойственными своими. У насъ-же былъ дворцовый муншенкъ Алексій Петровичъ Соболевъ съ капитаномъ и управителемъ дворца государева, что въ селѣ Покровскомъ, Андреемъ Якимовичемъ Ратмановымъ.

22. Изъ-рана будучи въ дворцѣ, полковникъ Кочубей докладывалъ о дѣлѣ моемъ графу Розумовскому и какой получилъ отвѣтъ о томъ мнѣ объявилъ. Я былъ въ сенатѣ за дѣломъ съ Соколовскимъ, токмо оного не слушано. Обѣдали у Кочубея съ полковницею, а онъ у графа Румянцова. Надъ вечери былъ въ нашей квартерѣ отецъ духовникъ Өедоръ Дубянскій, зъ которымъ, по его требованію, ездили къ генералу маіору Івану Івановичу Головину, где и съ Іліею Лизогубомъ, ставшымъ у него квартерою, видѣлись.

23. Капитану Елисею Григорьевичу Пасинкову, глуховского гварнѣзону, позичены 20 р. денегъ и у негожъ взятъ облѣгъ за подписомъ его и свидѣтеля Носенка. За оправу Саваріева лексикона дано 75 к. Обѣдали въ дворцѣ у духовника, купно съ полковникомъ нѣжинскимъ Кочубеемъ и его женою. А вечеромъ были у насъ графъ Гендриковъ, да капитанъ Соловіовъ съ женою своею, Катериною Андреевною Дуніновою и два Чоглокови, Максимъ Совѣтовичъ и *(пробѣлъ)*.

24. Куплено пестреди за 35 к., сундучокъ и замочекъ за 15 коп. Обѣдала у насъ полковниця нѣжинская Ксенія Гарасимовна Кочубеева, а по полдни въ 5-мъ часу мужъ еи, Семенъ Василіевичъ Кочубей, съ нею, а при нихъ и Петръ Івановичъ Розумовскій

и Антонъ Өедоровичъ Демешко [243]) отъехали. Кочубей вчора и сего числа обнадеживалъ мене отъ графа Розумовского о дѣлѣ моемъ, о которомъ и меморіалъ врученъ отъ мене камердинеру графскому Івану Стефановичу Барановскому. Государиня изволила кушать въ Покровскомъ, где и архимандритъ кіево-печерскій у ея величества кушалъ-же.

25. Надъ вечери ездили въ Покровское до капитана и тамошнего управителя, Андрѣя Якимовича Ратманова, и у него до позна просидѣли; а какъ оттоль пріехали, то приходилъ къ Гудовичу сынъ Романовичовъ.

26. Обѣдни позной слушали въ дворцѣ, въ новой церкви, въ которой древняя, еще за царя Өедора Івановича шитая работа, т. е. иконостасъ поставленъ. Потомъ обѣдали у Өедора Івановича Кочепевского съ Ігнатомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ, съ Яковомъ Алексіевичемъ Шубскимъ, подполковникомъ, и оберъ-мунштенкомъ Евфимомъ Юрьевичемъ Бахтіевымъ. А какъ оттоль пріехали, то былъ у насъ Григорій Михайловичъ Любистковъ съ женою и синомъ своимъ. Потомъ были мы у Сидора Перфильевича Денисьева, подполковника или надворного совѣтника. Вручено писмо и подсвѣшники Дмитрію Івановичу Мировичу, писанное 20-го числа сего мѣсяца до Скоропадского о отсилки тихъ подсвѣшниковъ въ сумскій монастырь, и онъ-же, Мировичъ, простилься съ нами, отъежджая въ Малороссію.

27. Изъ-рану принималъ лѣкарство sale anglicanum. Въ вечеру наказанъ Іванъ Кухтикъ за пянство. Мировичъ отъехалъ въ Украину.

28. Рано посиланъ Посенко до капитана Соловіова упомянутся о денги 50 р., мнѣ по-поламъ съ Гудовичемъ должные. Зъ дворца заездили до Любисткова. По полдни поданъ меморіалъ графу Розумовскому о осталныхъ общенародныхъ 6 дѣлахъ, а именно: о

---

[243]) Родной племянникъ Натальи Демьяновны Разумовской, сынъ Федора Демьяновича, носившаго, по имени отца, прозваніе Демешка. Дѣти другаго брата Натальи Демьяновны, Герасима, носили прозваніе Стрѣшенцовъ.—См. также Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 21.—Обѣднѣвшіе Демешки и теперь еще живутъ въ глуховскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

гетманѣ, о виводѣ грузинъ [244]), о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ, до артилеріи генералной надлежащыхъ и о расколщикахъ, и о томъ всемъ доволный съ графомъ розговоръ имѣли. Послѣ чего государиня изволила ночью ездить до графа Александра Івановича Румянцова для посѣщенія его въ болѣзни.

Мартъ.

1. Прибыли изъ Глухова два куріери: одинъ—сенатскій, посиланный зъ милостивымъ о уволненіи отъ станціи полковъ на три года и о протчемъ указомъ, другій—салдатъ глуховскій Калугинъ, чрезъ которихъ получены благодарственное челобите до ея императорского величества и репортъ въ сенатъ, да и писмо до графа Розумовского. Обѣдали мы у графа Гендрикова, которій рано былъ въ дворцѣ и имѣлъ о своемъ отправленіи въ Глуховъ розговоръ съ графомъ Розумовскимъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова, где застали сенатской конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина, да прокурора-жъ Петра Михайловича Николева и Петра Петровича Верделевского и съ ними до позна просидѣли.

2. Рано были въ дворцѣ и вручили графу Розумовскому какъ до ея величества писанное изъ Глухова челобитье благодарственное, такъ и ему надлежащое писмо отъ старшины генералной. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за мѣсяць февраль, изъ которыхъ взяли себѣ по 40 р., а осталось на росходъ харчевый 20 р. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Алексій Яковлевичъ Шубинъ, графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, брегадиръ князь Өедоръ Івановичъ Голицинъ, Сергій Івановичъ Бутурлинъ и нѣсколко офіцеровъ съ ними.

3. Писалъ писмо до Александра Петровича Толстого о отдачи водки 10 вѣдръ и простого вина 2-хъ вѣдръ и 5 штофовъ, и оное писмо отослано чрезъ Івана. Обѣдали мы у Өедора Івановича Коченевского, а надъ вечери ездили на фабріку, гдѣ дѣлается ценинная посуда, то есть, столовые сервѣзы и протчая, съ Михайломъ

---

[244]) Рѣчь идетъ о грузинахъ, которымъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны розданы были въ Малороссіи населенныя мѣстности, преимущественно въ полтавскомъ и прилуцкомъ полкахъ.

Борисовичемъ Нероновымъ и Аполлономъ Василіевичемъ Лодижинскимъ.

4. Писаны писма: одно до полковника нѣжинского Кочубея съ отсилкою пакета и 4-хъ писемъ къ нему надлежащыхъ; другое до бунчукового товарища Стефана Міклашевского въ отвѣтъ на его двѣ писми; третое до маіора Василія Івановича Войникова въ С.П.-Бурхъ, отвѣтное на его-жъ писмо, где приложено писмо зъ Глухова до кофишенка Савлукова и цедула о покупкѣ 4-хъ кось для кошенія хлѣба озимого и ярового съ надлежащимъ приборомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где при насъ благодарствовалъ государинѣ полковникъ Яковъ Андріевичъ Мордвиновъ за пожалованіе его брегадиромъ.

Обѣдать ездили мы съ графомъ Гендриковымъ въ подмосковный домъ, називаючійся «Черемошки», князя Ѳедора Івановича Голицина брегадира, за донскимъ монастыремъ въ 4 версти отстоящого. А оттоль заездили въ домъ того-жъ князя каменный, на Знаменкѣ имѣючійся. Потомъ были у подпоручика Аполлона Василіевича Лодижинского.

5. Рано въ дворцѣ многіе офіцеры конной гвардіи, въ томъ числѣ и одинъ ротмистръ Іоганъ Ресле, пожалованный брегадиромъ, благодарствовали своему подполковнику, графу Алексѣю Григорьевичу Розумовскому, за повышеніе въ рангахъ. Тамъ-же розговоръ я имѣлъ съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ о недоданной мнѣ водки и простомъ винѣ. Обѣдали мы у прокурора сенатской канторы Андрея Григоріевича Щербинина зъ Ігнатомъ Кириловичомъ Полтавцовымъ, съ Петромъ Михайловичемъ Николевымъ, прокуроромъ крикскомісаріатскимъ, да тамъ-же былъ одинъ архимандритъ рускій. Вечеромъ у насъ былъ гвардіи поручикъ отставный Александръ Тихоновичъ Лукинъ. Отослано писмо до гранадера лейбъ-компаніи Козмы Ивановича Войникова, писанное къ брату его маіору Василію Ивановичу Войникову, для отправленія въ С. П.-Бурхъ. Государевъ прежде бывшій кокмейстеръ Богданъ Григоріевичъ Халяблинъ умеръ въ Москвѣ.

6. Рано были въ домѣ покойного графа Александра Івановича Румянцова для отданія послѣднего цѣлованія, которій сего-жъ теченія 4-го числа въ 7-мъ часу по полуночи преставилься. Да и у графини его Маріи Андріевны были-же, чиня ей въ нынѣшней

печали консоляцію. Потомъ были въ дворцѣ, где видѣлись съ адютантомъ конной гвардіи Лукяномъ Яковлевымъ, недавно прибывшымъ съ Полщи изъ Варшавы. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ подарилъ мнѣ атлясъ неболшій, въ 40 картинахъ состоящій, которій данъ въ оправу, а отъ роботи давать перепліотчику 60 к. Графъ Евфимъ Івановичъ Владиславичъ Рагузинскій нечаянно послѣ полдня въ 5-мъ часу зараженъ апоплексіею, умеръ въ 8-мъ часу, а пожитки его всѣ попечатаны. Іванъ Жоравко съ женою своею пріѣхалъ въ Москву [245]).

7. Рано были въ Кремлѣ, а потомъ ездили до Александра Борисовича Бутурлина съ поздравленіемъ его новопожалованнымъ сего марта 4-го числа, послѣ умершого того-жъ числа графа Румянцова, чиномъ подполковничества гвардіи преображенского полку. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где и у ручки были іхъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдали въ квартерѣ, а съ нами Аполлонъ Лодижинскій, Іванъ Соловіовъ съ женою своею и съ сестрою Анастасіею Андрѣевною. Въ вечеру былъ у мене одного секретарь Новоторжцовъ, а Гудовичъ ездилъ въ дворецъ, и тамъ онъ видѣлъся съ Жоравкомъ и его женою.

8. Рано былъ въ сенатѣ и явилъся передъ сенаторей, которіи стали слушать знову дѣло Соколовского съ Янушкевичемъ, а мнѣ велѣли отойти, и я оттуду отъехалъ въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. А по обѣдни кланялъся въ церквѣ государинѣ архіерей костромскій и галицкій Сvлвестръ Кулябка. Потомъ допущены были многіе, въ томъ числѣ и мы, къ ручки великого князя и великой княгини. Оттоль поехавъ, обѣдали у поруччика гвардіи Александра Тихоновича Лукина, где обѣдали-же графъ Гендриковъ, да брегадиръ Афанасій Романовичъ Давидовъ и капитанъ Соловіовъ; а послѣ туда-жъ прибыли Матвей Михайловичъ Івінскій и Аполлонъ Лодижинскій. Князь Алексій Дмитріевичъ Голицинъ прислалъ мнѣ чрезъ протопопа мглинского пять картинъ о римской святого Петра церквѣ, что въ Ватиканѣ.

9. Выносъ и погребеніе было въ монастырѣ златоустовскомъ графа Александра Івановича Румянцова, при чемъ и отъ гвардіи

---

245) Иванъ Тимофеевичъ Жоравко былъ женатъ на родной племянницѣ Разумовскихъ, чѣмъ и объясняются оказанныя императрицею милости его женѣ, о которыхъ далѣе говоритъ дневникъ.

командированные салдати трикратнымъ залпомъ палили. Я и Гудовичъ обѣдали у маіора Алексія Даниловича Шеншина, где обѣдали же и швагри его Александръ и Василій Борисовичи Нероновы, а при томъ онъ, Шеншинъ, показовалъ намъ и приговоръ объ немъ въ сунодѣ состоявшійся. Вечеромъ были на бархатномъ дворѣ графскомъ и видѣлись съ Евдокіею Гарасимовною, женою Жоравковою и у ней сидѣли, а тамъ-же видѣли и канцеляриста, съ ними приехавшого, Өедора Квітніцкого.

10, Обѣдали у графа Гендрикова, где съ тестемъ его и розговоръ былъ о умершемъ князѣ Меншиковѣ, будто онъ былъ чійсь крестянинъ по отцу и дѣду своему. Вечеромъ были у мунщенка Івана Андріяновича Возжынского, гдѣ видѣлъся съ нами и Гарасимъ Кириловичъ Лѣбратовскій. У насъ-же былъ по обѣдѣ канцеляристъ Квітніцкій, которому и цедула дана отъ мене о дѣтяхъ Журавкиныхъ померщихъ, якую писала ко мнѣ мать его Журавкина изъ С. П. Бурха.

11. Купленъ подносъ срѣбный, за которій дано 29 р. 20 к., а въ немъ вѣсу фунтъ одинъ и 81 золотникъ. Погребенъ въ монастырѣ греческомъ г. Евфимъ Рагузинскій. Обѣдали мы въ дворцѣ у отца духовника, где прежде и обѣдни слушали и въ ручки іхъ імператорскихъ высочествъ были.

12. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, изволила государиня отъехать обѣдати до новопожалованного подполковника преображенского полку Александра Борисовича Бутурлина, а мы обѣдали у Жоравки. А вечеромъ были у Александра Петровича Сумарокова, генералъ-адютанта графского.

13. Рано были въ дворцѣ и государынѣ кланялись, а послѣ обѣда приносилъ къ намъ перлы двоихъ сортовъ иноземецъ, слуга Аполлоновъ. Потомъ знову ездили въ дворецъ съ графомъ Гендриковымъ (у которого застали брата его графа Андрея Михайловича Евфимовского и капитана гвардіи Михелсона съ женою) и у него ужинали.

14. Послѣ обѣда у графа Гендрикова видѣлись зъ маіоромъ гвардіи, генераломъ-маіоромъ и кавалеромъ Іваномъ Афанасіевичемъ Шиповымъ. Потомъ въ вечеру были въ дворцѣ и тамъ видѣли прибывшого зъ Украины Зеленского, жіючого въ гадяцкомъ полку;

тамъ-же приходилъ и полковникъ стародубскій Максимовичъ съ духовникомъ.

15. Рано ездили перво въ дворецъ, а оттоль я одинъ въ сенатъ, но дѣла нашего, зъ прошлые среди начатого, не слушали за розборомъ недорослей и отставныхъ. По обѣдѣ была у мене іноземка, которую намѣренъ уговорить до дѣтей для обученія. По полдни были мы у генерала маіора и гвардіи ізмайловского полку маіора Івана Афанасіевича Шипова, а одинъ Гудовичъ вечеромъ ездилъ до дворца и, тамъ будучи у графа Розумовского, слышалъ декларацію о скорой отправѣ. Писано писмо въ Глуховъ до Скоропадского о покупки для мене бочки волоского красного вина и притомъ о посилки одного пакета, подписанного на имя полковника нѣжинского Кочубея, другое писмо до Стефана Міклашевского.

16. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ отъехавшого туда куріера Калугина. Вечеромъ были въ дворцѣ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ, которій частовалъ между протчими и насъ венгерскимъ виномъ. Потомъ вскорѣ изволила государыня отъехать въ Покровское съ нѣсколко придворного штату. Канцеляристъ войсковый, Прокопъ Чарнуцкій, прибылъ съ звѣриною.

17. Рано простилъся съ нами канцеляристъ, которій пріездилъ съ Бакуринскою. Послѣ обѣда былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Писано писмо до жены о сину Василю и о приуготовленіи въ глуховскомъ и городискомъ дворахъ пива и меду въ ліодовняхъ. Трактаментъ былъ въ Покровскомъ.

18. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, были допущены къ ручки государыни и ихъ высочествъ, а обѣдали у графа Гендрикова. Надъ вечери ездили на Арбацкую улицу до генерала лейтенанта провіантъ-мейстера, Івана Алексіевича Горчакова. Сего-жъ числа рано поздравляли именинника графа Кирила Григоріевича Розумовского.

19. Въ дворцѣ по обѣдни звалъ насъ архіепископъ московскій и сѣвскій, преосвященный Платонъ Маліновскій, къ себѣ обѣдать въ Чудовъ монастырь, где мы въ полатахъ его, съ племѣнниками его-жъ, сотникомъ полковымъ гадяцкимъ (*пробѣлъ*), да бунчучнымъ товарищемъ Алексіемъ Маліновскими, обѣдали, а самъ его преосвященство, будучи восприемникомъ нѣкоторого татарчука, вѣру нашу воспріявшого, у генерала фелтмаршала князя Івана Юревича Трубецкого

обѣдалъ, потомъ насъ еще въ своихъ полатахъ заставши, долго поудержалъ, куда такожде пріехалъ и архіерей воронежскій Феофилактъ.

20. Писано отъ мене писмо до капитана Соловіова, что-бъ онъ графу Івану Симоновичу объ отдачи 500 р. напамятовалъ и отъ себе прислалъ-бы 50 р. Коляска для езди двумѣстная намъ зъ конми булано-пѣгими изъ двора графа Гендрикова прислана.

21. На службѣ прежде освященной были въ патріяршей церквѣ, а потомъ ходили въ палату, где миро варятъ. При картцѣ отосланы чрезъ Кохановскаго къ Івану Стефановичу Барановскому 3 атестаты генералитетсткіе, одинъ унѣверсалъ гетмана Апостола на село Чаусы, да копія писма отъ матушки писанного. Послѣ полдня явилъся у насъ войтъ переяславскій, недавно въ Москву пріехавшый.

22. Писали въ Глуховъ до генералной старшины, въ генералной канцелляріи присутствующихъ, о дачѣ пашпорта на 8 подводъ ямскихъ ігумену ріхловскому съ братіею, когда будетъ ехати къ Москвѣ.

23. По̀ благости Божіей удостоилъся причастится святыхъ Таинъ въ церквѣ святого мученика Пагкратія и исповѣдывалъся тоей-же церкви предъ священникомъ Александромъ Григоріевичемъ. Вечеромъ прибылъ графъ Гендриковъ изъ своей деревнѣ Прусъ, тамъ говѣвшый, а мы ездили въ дворецъ, но видѣть графа не получили.

24. Графъ Гендриковъ прислалъ мнѣ и Гудовичу 200 р. должныхъ, изъ которыхъ по сту мы взяли, а еще-жъ двѣстѣ нашыхъ денегъ на немъ осталисъ. За покойного Козляници отдалъ мнѣ должные денги десять рублей преосвященный архіепископъ московскій Маліновскій, которые отъ мене позичены Івану Янушкевичу, абшитованному писару. Служителю Сидору на его нужды дано 50 к.

25. Отпущенно простого вина Сорокину четиры штофи. Былъ пожаръ не далече насъ. Слушали обѣдни въ дворцѣ и тамъ, при поздравленіи многихъ господъ нынѣшнымъ Благовѣщенія Господня праздникомъ, были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ.

26. Въ сей денъ Свѣтлаго изъ мертвыхъ Воскресенія Христова утрени въ теплой церкви слушали, где и у руки ея імператорского величества и іхъ імператорскихъ высочествъ были, а

обѣдни въ болшой дворцовой деревяной церкви слушали-жъ. А послѣ обѣдни ея величество изволила въ другіе покои новые перейти съ нѣкоторими придворного штату. Въ сей день прежестокій былъ морозъ, и мы, отобѣдавъ у капитана Соловіова, имѣли у себя гостей графа Івана Симоновича Гендрикова, сержанта лейбъ-компаніи Сурина и другихъ; потомъ съ ними-жъ знову были у капитана Соловіова.

27. Рано были съ поздравленіемъ у князя Алексія Дмитріевича Голицына, у князя Івана Андріевича Щербатова, у графа Кирила Григоріевича Розумовского, у князя Івана Василіевича Одоевского, у віце-канцлеровой графини Анны Карловны Воронцовой; потомъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, у полковника Ѳедора Івановича Коченевского и подполковника Якова Алексіевича Шубского, да и у духовниковой, а по полдни, вечеромъ уже, у маіора гвардіи и генералъ-маіора и кавалера Івана Афанасіевича Шипова. Ночью былъ пожаръ.

28. Рано зъ поздравленіемъ были-же у Василія Івановича Демидова, у генералъ-лейтнанта и сенатора Івана Івановича Бехметева, где и полковника Тютчева, бывшого передъ симъ въ Глуховѣ, застали,—у генерала и гвардіи полку преображенского подполковника Александра Борисовича Бутурлина, где и секретаря Козловского изъ Глухова пріехавшого видѣли, потомъ были-же и у барона Івана Антоновича Черкасова и у князя Александра Борисовича Куракина. А у насъ были съ поздравленіемъ войтъ переяславскій съ своими 2 урядниками и принесъ барилце вина волоского, да сотникъ полтавского полку Куликъ и канцеляристъ Данилевскій съ товарищемъ, которіи у насъ-же и обѣдали. Въ вечеру были у преосвященного новгородского Стефана Каліновскоoо, где и съ архимандритомъ новоспаскимъ Гавріиломъ Кременецкимъ видѣлись.

29. Рано обослали виномъ генерала-лейтнанта Петра Михайловича Шипова, а потомъ были мы у великого канцлера Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, у кавалера Николая Андріевича Корфа и у полковника слѣпого Григорія Михайловича Любисткова, а по полдни у камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова и у генерала маіора и генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова. —За направку вѣдра мѣдного, да побѣлинье оного и чайника старого

дано 65 к. Прошлыхъ числъ на разный росходъ пошло 14 коп. Рано изволила государиня ездить на набоженство въ Кремль и тамъ обѣдать и ужинать.

30. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ, а оттуду заехавъ къ Журавцѣ, у него обѣдали и до вечерень проседѣли. Вечеромъ были у насъ сотникъ Брежинскій и поруччикъ гвардіи Лукинъ. Ночью пожаръ былъ въ разныхъ мѣстахъ.

31. Рано былъ пожаръ подлѣ Сухаревой Башни. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ и при насъ изволила государиня отъехать въ Покровское. Обослалъ насъ Тройцы-Сергіева монастыря келаръ отецъ Феофанъ Чарнуцкій, чрезъ племѣнника своего, канцеляристу войскового, Прокопа Чарнуцкого хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, мясомъ и рибою. Надъ вечери были у насъ секретарь Новоторжцовъ и дядя его Михайло Стефановичъ Павловъ съ женами, и Новоторжцовъ же объявилъ намъ, что вчорасъ ему учинена повѣстка, чтобъ онъ собирался со всѣми дѣлами малороссійскими къ переноски въ коллегію іностранную.

Априль.

1. Рано посѣтилъ насъ помянутій отецъ келарь Тройцы-Сергіева монастыря. Потомъ ездили мы до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, до графини Румянцовой Маріи Андріевны съ поздравленіемъ воскресенского праздника и тезоименитствомъ ея. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова, а послѣ были перво у преосвященного Тодорского, архіепископа псковского, также у предреченного отца келаря на троецкомъ подворьѣ въ Кремлѣ и у переводчика Політики.

2. Рано были въ дворцѣ и по обѣдни жалованы съ протчими къ ручкамъ іхъ імператорскихъ высочествъ. Послѣ полдня ездили къ господину Лукину, у которого до 10-го часу сидѣли, и въ 10 часу пожаръ былъ сдѣлался въ домѣ Михайла Андріевича Бѣлоровского,—людскіе избы погорѣли.

3. Писаны писма одно въ С.П.-Бурхъ къ Войникову швагру въ отвѣтъ на его писмо; другое до обозного полкового полтавского Андрея Руновского въ покупки для мене-жъ 3 паръ потебеніокъ, одного ленчика кримского, 2-хъ сафяновъ жолтыхъ и 3-хъ червоныхъ, и то все отослалъ-бы онъ въ Глуховъ, а за прибитіемъ

моимъ надлежащіе за ту покупку денги отданы будутъ. Былъ я одинъ у Любисткова съ Іліею Лизогубомъ, которій послѣ съ нами и обѣдалъ, а послѣ полудня я же былъ у Фукса и взялъ у него фузію, за 29 р. передъ симъ сторгованную.

4. Писмо въ Глуховъ для отсилки къ Руновскому вручено канцеляристу Данилевскому. Обѣдали у графа Гендрикова, а по обѣдѣ отослалъ 4 р. денегъ къ полковници Іуліанѣ Филиповнѣ Авксентіевой, которая уговорила дѣвокъ майстерицъ здѣлать 4 пари срѣбрныхъ и 4 пари золотыхъ петель до кунтушовъ.

5. Принесены денги кормовые изъ рентереи за мѣсяцъ мартъ 100 р., изъ которыхъ по 30 р. я и Гудовичъ взяли на свои нужды, а 40 р. осталось харчевыхъ, изъ коихъ на росходъ даны 10 руб. Янжулу.

6. Были рано въ дворцѣ и обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, да въ вечеру вчора сидѣли у генерала-маіора и гвардіи-маіора Івана Афанасіевича Шипова. Пріездилъ къ намъ по полдни секретарь Новоторжцовъ осматривать дворъ, чтобъ ему оный купить. Рано видѣли Козловского у гр. Гендрикова.

7. Рано были въ дворцѣ зъ графомъ Гендриковымъ и при насъ Александръ Тихоновичъ Лукинъ подалъ графу А. Г. Розумовскому о своей нуждѣ прошеніе. Тому-жъ Лукину позичилъ я книгу «Саваріевъ лексиконъ» для прочтенія. Послѣ полдня были у генерала лейтнанта и кавалера Родіона Михайловича Кошелева.

8. Рано прислалъ звать насъ къ себѣ на чай Ів. Ів. Шиповъ и у него-жъ мы обѣдали, а послѣ полдня были у Лукина и у него ужинали, купно съ совѣтникомъ судного приказу, Ѳедоромъ Александровичемъ Нащокинымъ.

9. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ каменной Сверчковой, что на Покровской въ Бѣломъ городѣ улицѣ, ездили въ дворецъ и оттуду заездили до Жоравки. Онъ-же къ намъ пріездилъ и обѣдалъ у насъ съ Квітніцкимъ, да съ сержантомъ преображенского полку гвардіи Березинскимъ. Отослано писмо отъ г. Кочубея и посилка до графинѣ Параскевіи Юревни Солтиковой, домъ ихъ на Дмитровцѣ.

10. Обѣдали у графа Гендрикова. Розишлось на розницю 63 к.

11. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, пріехавшую отъ невѣстки канцлеровой Евдокіи Динисовни, которая болна не по-

малу. Вечеромъ были и ужинали у маіора гвардіи и генерала маіора Івана Афанасіевича Шипова.

12. Былъ я въ сенатѣ, но дѣла нашего съ Соколовскимъ не слушано. Куплены: портретъ государыни великой княгини—1 р. 25., три картини проспекту С.П.Бурха—1 р. 5 к., три азбуки: латинская, нѣмецкая и французская—36 к. Данъ зипунъ Сидору, купленный за 1 р. 20 к. Государыня изволила быть на бархатномъ дворѣ у Евдокіи Гарасимовни Жоравкиной.

13. Рано перво были у Петра Івановича графа Шувалова и тутъ видѣлись съ генераломъ маіоромъ Флоровымъ-Багріевымъ, потомъ въ дворцѣ у графа Розумовского. Даны къ пошитю сукенъ пара, кунтушъ и кафанъ, кравцю и ему-жъ отъ мене даны на всякіе потребы 2 р. ad interim. Вечеромъ сидѣлъ у насъ подполковникъ Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ до Прусъ.

14. Золотошвеямъ девкамъ, которіи шили золотые и срѣбрные петли до 2-хъ кунтушовъ, сверхъ прежныхъ 4 р., еще сего числа доплачено 3 р. 50 к. Пущалъ я сего-жъ числа кровь и пущателю греку дано 50 к. Канцеляристъ Ѳеодоръ Квітніцкій прислалъ сафянъ красный, а Жоравко тютюну турецкого, жена-жъ его вчора прислала вишніовки барилко.

15. Куплено свистуна три аршини на подбой до кунтуша за 3 р. 15 к. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, а по полднѣ были у насъ-же секретари сенатскый Новоторжцовъ, штатсъ-канторы Шишкинъ и канцеляристъ Тимофіевъ, которымъ—послѣднымъ 15, а первому 30 лимоновъ соленыхъ отъ насъ конферовано.

16. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись съ Жоравковою. Обѣдали у насъ канцеляристъ Данилевскій, да женщини Крюкова и Козляницина. Передъ вечеромъ были мы у дѣйствителного статского совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ у Александра Тихоновича Лукина.

17. Рано едучи къ дворцу, были у генерала-маіора, гвардіи маіора, Шипова, послѣ полдня у графини Гендриковой, которая насъ и заячимъ удцемъ подарила. За лѣкарство, купленное въ аптекѣ Мееровой, дано 60 к.

18. За перчатки бѣлые дано 50 к., за конфору, за крайку и носки дано 23 к. Шевцю за пошитье сапоговъ красныхъ—30 к.

19. Ради тезоименитства своего Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ звалъ насъ къ себѣ обѣдать, где и обѣдали мы, между протчими, съ капитаномъ 5-й роти ізмайловского полку гвардіи Өедоромъ Өедоровичемъ Павловымъ, да братомъ его и нѣкоторымъ Воейковымъ съ женою его, а послѣ обѣда былъ тутъ-же совѣтникъ военной коллегіи Козловъ, и уже оттуду вечеромъ возвратились.

20. Государыня изволила ездить кушать до камеръ-юнкера Сіверса зъ нѣкоторими придворними. Мы знову обѣдали у генерала Шипова купно съ генераломъ-лейтнантомъ и кавалеромъ Петромъ Михайловичемъ Шиповымъ и генераломъ маіоромъ Іваномъ Івановичемъ Дивовымъ, генералъ-рекетмейстеромъ и съ женами ихъ. Потомъ надъ вечери ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ и тамъ былъ у графа Розумовского, которій между протчимъ обнадеживалъ скорою уже имѣющею быть нашею отправою. Тамъ-же въ дворцѣ рано подана сочиненная записка о классахъ рангамъ малороссійскимъ.

21. Рано въ дворцѣ между протчими и мы допущены были къ ручки іхъ высочествъ, ради рожденія сего числа государини великой княгини празднуемого, где и обѣдни слушали. По полдни былъ въ нашей квартерѣ генералъ маіоръ отъ кавалеріи Яковъ Лукичъ Флоровъ-Багрѣевъ безъ насъ.

22. Обослалъ насъ графъ Гендриковъ зайцемъ, отъ него затравленнымъ, а обѣдали мы у Жоравка и тамъ-же по огороду и ренжереямъ гуляли.

23. Обѣдни слушали въ дворцѣ, потомъ звалъ насъ тамъ-же оберъ маршалъ Шепелевъ къ себѣ на водку. Жоравко обѣдалъ у канцлера, а жена его у государини. Мы обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ привезъ мнѣ футлярикъ на стеклорѣзный алмазъ, а передъ симъ мнѣ-жъ подарилъ г. Лукинъ одинъ болшый, а два маленкихъ блоковъ.

24. Куплены у Янджула 14 срѣбныхъ гузіковъ. Весь день пробыли въ квартерѣ, толко вечеромъ ездили въ дворецъ, однакожъ графа А. Г. Розумовского не видали.

25. Ради торжества коронаціи государини, сездъ былъ ко двору многочисленный по утру, и на обѣдни изволила быть государиня и іхъ высочества въ церквѣ теплой, что при болшой салѣ,

и послѣ обѣдни былъ я у ручки государини, протчіи также допущены были къ руки, и многихъ повышено рангами, а во первыхъ: генерала-маіора и гвардіи маіора Івана Афанасіевича Шипова—генераломъ-лейтнантомъ, Шереметева генералъ провіантмейстера—генераломъ-лейтнантомъ въ отставку, брегадира отъ артилеріи Івана Өедоровича Глѣбова—генераломъ маіоромъ и другихъ. Послѣ обѣда были мы у оного генерала-лейтнанта Шипова и поздравляли его, гдѣ застали у его-жъ губернатора нижегородского, дѣйствителного статского совѣтника, князя Данила Андріевича Друцкого и генерала маіора Флорова-Багріева. Послѣ полдни знову были въ дворцѣ, где былъ балъ перво, а потомъ и государиня туда-жъ прійти въ началѣ 10-го часа по полдни изволила и до 12-го пробыть. Послѣ былъ ужинъ для всѣхъ знатныхъ персонъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, въ болшой салѣ, и тамже ишли фонтаны и музика вокальная и інструментальная, купно съ пѣвчими придворными, играла.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ у графа Розумовского застали нѣкоторыхъ повышенныхъ рангами, кои приходили благодарить. Тамъ-же съ Жоравкомъ, досаждавшимъ намъ, имѣлъся переговоръ, а вечеромъ онъ же былъ у графа Гендрикова, зовучи его къ своей квартерѣ на завтра обѣдать; а послѣ его были и мы до позна у того-жъ графа Генорикова.

27. Въ домѣ графскомъ бархатномъ у Жоравки многіе знатные господа, въ томъ числѣ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ аншефъ Апраксинъ и другіе обѣдали и весь день гуляли, а графъ Розумовскій изъ-рана ездилъ на охоту и ужиналъ у нѣкоторого Генконюшенного ассесора Поздѣева Сергія Василіевича. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню Пруси, а мы были рано у Любисткова и Шубского. Надъ вечери быаъ у насъ генералъ-лейтнантъ Шиповъ съ синомъ своимъ Михайломъ, сержантомъ гвардіи ізмаиловского полку. Подано отъ насъ доношеніе въ сенатъ о дачѣ економу артилерійскому Кирилу Бѣлоровскому подорожной до Глухова на двѣ подводы ямскіе.

28. По оному нашему доношенію посланъ указъ въ Ямскую о даче ему таковыхъ 3-хъ ямскихъ подводъ, и объ немъ-же виданъ указъ въ Глуховъ въ канцелярію генералную, объ немъ-же писано отъ насъ писмо до старшины генералной въ дѣлѣ его о частяхъ войсковыхъ

въ одной мелници. Да чрезъ него-жъ посланы писма въ пакетѣ: 1-е до Скоропадского отъ мене въ отвѣтъ на его писмо сторони виговоровъ, ему чиненныхъ отъ насъ г. Кочубеемъ, полковникомъ нѣжинскимъ; 2-е до Кочубея о присилки его писма до графини Солтиковой Парасковіи Юрьевни и о лошадяхъ 8-ми одношерстныхъ и вина бочкѣ волоского; 3-е пакетъ, отъ Жоравки на имя асаула енералного Валкевича надписанный, и онъ-же Бѣлоровскій простилъся зъ нами къ отезду до Глухова съ секундъ-маіоромъ Михайломъ Івановичемъ Коченевскимъ. Надъ вечери были у прокурора Петра Михайловича Николева.

29. Послѣ полудня были у князя Івана Андріевича Щербатова сенатора и такъ объ ассесорѣ, стараючомся въ коммиссію щетную, яко и о своемъ дѣлѣ имѣлъ я доволный розговоръ. Въ вечеру прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ.

30. Послѣ бытія въ дворцѣ обѣдали у генералъ-лейтнанта І. А. Шипова. По полдни былъ у графа Гендрикова зговоръ тестя его, Сергія Івановича Бутурлина, дочери Елени за салдата семеновского полку гвардіи, князя Петра Івановича Урусова. Потомъ ездили мы до Новоторжцова, секретаря сенатского и тамъ застали судного приказу президента князя Борятинского. Въ дворцѣ простились съ Жоравкомъ за бывшій переговоръ.

Маій.

1. Рано были у штатского дѣйствителного совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ въ дворцѣ, где при насъ изволила государиня отъехать и ихъ высочества въ Покровское, а оттоль имѣли быть и въ Преображенскомъ. Гудовичъ по обѣдѣ ездилъ до Жоравки. Въ недавно прошедшихъ числахъ дано за 14 пуговокъ срѣбрныхъ 1 р. 35 к., шнурка срѣбрного за 20 к., шолкового за 4 к., за двое подошевъ 15 к., за два аршина зеленой ленти 5 к., за тясму нитчаную до сапоговъ 2½ к. Куплены два вѣдра горѣлки за общые денги, дано 2 р. 40 к. На строеніе церкви подписались у г. Демидова дать 6 р. общихъ-же. Надъ вечери былъ у сенатора князя Щербатова съ Янушкевичемъ и подлинный въ Статутѣ артикулъ и родословіе о наслѣдствѣ въ добрахъ показиваны, где при томъ былъ и офіцеръ гвардіи Алексіевъ.

2. Рано были въ дворцѣ у полковника Өедора Івановича Коченевского, а пріехавъ въ квартеру, застали тутъ атамана городового стародубского Өедора Яскевича, которій пріехалъ почтою по подорожной, данной ему изъ міністерской канцеляріи и привезъ ко мнѣ изъ дому при писмахъ де-которую посилку, да и отъ другихъ привезъ-же писма.

3. Ездилъ я въ сенатъ за дѣломъ съ Соколовскимъ, толко оного не слушали. За пошитье сукень кравцю, кунтуша капарового и кафана зеленого атласового, дано 1 р. 50 к.

4. Рано были съ поздравленіемъ праздника Вознесенія Господня у канцлера Бестужева, а потомъ слушали обѣдни въ болшой дворцовой церкви и послѣ, между протчими, допущены къ ручки государини и іхъ высочествъ. Обѣдали у насъ штатсъ-канторы секретарь Яковъ Васильевъ Шишкинъ, Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцелляристъ, и копеистъ. Послѣ обѣда были у архіерея псковского и у архимандрита петровского монастыря Пахомія.

5. Будучи въ дворцѣ, обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, а рано были у графа Петра Івановича Шувалова и объ указѣ печатномъ, публікованномъ отъ сената, о висилки козаковъ слободскихъ полковъ изъ великой и малой Россіи (трактовали?).

6. Послѣ полдня прислана коляска изъ лавры троецкой сергіевской, на которой я туда отъехалъ въ 9-мъ часу по полдни, а прибылъ въ лавру

7. по полночи въ 7-мъ часу и тамъ, по вислушаніи набоженства, обѣдалъ у келаря тамошнего, отца Феофана Чарнуцкого, купно съ братомъ его Іовомъ, а надъ вечери ездили смотрѣть ново-вилитого колокола, вѣсомъ въ 4, 500 пудъ, съ нимъ-же келаремъ и казначеемъ Мисаиломъ и съ Іовомъ-же; тако-жъ и на загородній дворецъ ездили, а оттуду возвратясь, были на всеноощномъ въ соборѣ троецкомъ, где и преподобного Сергія мощы.

8. Рано были у мене тамошней семинаріи учители, ректоръ Афанасій Ваховскій, префектъ Кирилъ Лящевскій и іеродіаконъ Іннокентій Паскевичъ. По обѣдни-же были вси купно съ отцемъ келаремъ перво у казначея, потомъ и у тихъ учителей, а обѣдали у отца келаря. Потомъ паки до тѣхъ-же учителей ходили, а далѣе, простясь со всѣми и напутствованъ будучи де-чимъ отъ отца келаря, отъехалъ изъ лавры, и самъ съ Свѣрскимъ и Прокопіемъ Чарнуц-

кимъ поехалъ прямо въ деревню Сергіевско помѣщика Сергія Івановича Бутурлина. где смотрѣлъ конскій его заводъ предорогой, а оттуду поехавъ, къ Москвѣ прибылъ въ 4 часу по полуночи и

9. не засталъ Гудовича въ квартерѣ, которій отъехалъ вчора съ графомъ Гендриковымъ до деревнѣ его Прусъ, а засталъ тутъ вчерась-же пріехавшого товарища бунчукового Николая Тризну. По обѣдни кушали у мене Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ, да сержантъ гвардіи преображеского полку Никита Александровичъ Шубинъ. Въ поездѣ до лаври помянутой и въ обратѣ розишлось 1 р. 50 к.

10. Слушано дѣло въ сенатѣ наше, где передъ сенаторами Соколовскій бранніе слова говорилъ, о чемъ я и протествовалъ. Писано писмо до жены на еи писмо, чрезъ Яскевича полученное, въ отвѣтъ и что-бъ Грицка ко мнѣ не присылала, и оное вручено почепцямъ для пересилки, да и до сина подъ 11-мъ числомъ писано-жъ съ приложеніемъ писма отъ студента Рихарди. Послѣ вечерней зари дворъ прибылъ въ Москву.

11. Писалъ до Лисаневича, сотника мглинского, съ приложенными копіами кредитива и облѣга, врученныхъ мнѣ отъ Татіани Лизогубовни Вайниковой, о доправки по онымъ денегъ на козаку мглинскомъ Руцкомъ. Тако-жъ писалъ до Гудовича о прибытіи его изъ Прусъ въ Москву. Войтъ почепскій обослалъ мене вишніовки бочонкомъ. Состоялся указъ печатный о неподаваніи челобитныхъ самой государинѣ.

12. Рано были въ дворцѣ, где графъ, отъеждяая на охоту, спрашивалъ о вѣдомостяхъ изъ Украини. Потомъ былъ у Өедора Івановича Коченевского и у него видѣлъся зъ Демидовымъ. Послѣ полдня былъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича, а между тѣмъ прибылъ изъ Прусъ графъ Гендриковъ, а съ нимъ и Гудовичъ и Соловіовъ.

13. Отъ почепціовъ отправленный въ Почепъ человѣкъ отъехалъ, чрезъ которого и выше намѣненные писма въ домъ и въ Мглинъ, а особливо отъ протопопа мглинского до сотника тамошнего пакетъ надписанный, отпущены. Рано были у духовника, которій сказовалъ намъ, что слышалъ онъ о скорой нашей отправѣ, да и о купцяхъ здешныхъ, кои откупили были пограничные таможни, намъ-же говорилъ.

14. Рано въ 9-мъ часу по полуночи преставилась Евдокія Денисовна, жена сина канцлерового, графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина. Рано-жъ были мы у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, обѣдни слушали въ дворцовой болшой церквѣ, потомъ были у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали у Жоравки на бархатномъ дворѣ, ужинали у г. Гендрикова. Государиня изволила отъехать въ Перово.

15. Куплены: чашка полоскателная, чайниця и двѣ солонки, въ которыхъ серебра вѣсомъ 1 фунтъ и 84½ золотника, дано 30 р. 27 к., да старой доплатки, Волкову надлежавшей, 1 р. 35 к., да мѣдное вѣдро 2 р. 75 к., за двойной фунтъ 1 р., итого всего заплачено 35 р. 34 к. Обѣдалъ у насъ гайдукъ дворцовый Захаръ Каліновскій. Розишлось въ прошлыхъ числахъ на разные дробные экспенси 84½ к.

16. Взяты денги 100 р. харчевые за мѣсяцъ априль изъ московской рентеріи, изъ которыхъ себѣ я и Гудовичъ взяли по 30 р., а осталось на харчевый росходъ 40 р. Государиня изволила прибыть зъ Перова, а мы вечеромъ ездили до князя Николая Юріевича Трубецкого на его загородный дворъ, что за донскимъ монастыремъ, и тамъ просили о почтѣ по тракту отъ Глухова до Кіева, о почепцяхъ, и указъ печатный именный показивали о висилки всѣхъ слободскихъ козаковъ и подпомощиковъ изъ-за помѣщиковъ.

17. Рано я ездилъ въ сенатъ и тамъ дѣло съ Соколовскимъ слушаніемъ окончено, а потомъ подалъ я генералу прокурору челобитную о злословленіи его въ сенатѣ. Послѣ обѣда были у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ужинали у графа Гендрикова.

18. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ виносъ умершей Евдокіи Динисовны, невѣстки канцлеровой, которая погребена на Арбатѣ въ церквѣ Бориса и Глѣба каменной. А на виносѣ и при погребеніи были многіе господа сенатори, генералитетъ и кавалери, а между протчими и мы тамъ-же присутствовали. Графъ Гендриковъ отъехалъ на свадбу къ тестю своему Сергію Івановичу Бутурлину, которій видаетъ дочь свою Елену за князя Урусова. Отослалъ вѣдро вина куму Якову Тимофіеву.

19. Рано были въ дворцѣ у Өедора Івановича Коченевского, обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ве-

черомъ онъ же и у насъ былъ. Ужинали у графини Гендриковой. За направу фузіи старой данъ 1 р.

20. Были въ дворцѣ рано, но не застали графа Розумовского, отъехалъ на охоту. Потомъ заездили въ слободу салдатскую, бывшую прежде Лафортовскую, и тамъ были у муншенка дворцового Алексія Петровича Соболева. Надъ вечери были у Новоторжцова.

21. По вислушаніи обѣдни въ церквѣ св. мученика Никиты, поехали были въ дворецъ, потомъ возвратясь, встрѣтили при церкви Петра и Павла государиню, возвращаючуюся изъ церкви володимерской Богородици. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ стародубскій Максимовичъ, потомъ соборный обители Тройци сергіевской Леонтій съ попомъ семеновскимъ Димитріемъ. Въ вечеру пяній вздорилъ Яскевичь, въ вечеру-жъ были у Лукина.

22. Рано присилалъ по насъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, до которого прибывъ, тамъ-же застали и духовника и просили ихъ напоминать объ отправѣ нашей. Потомъ были у графа, чрезъ которого покои въ 12-мъ часу изволила и государиня прошедъ отъехать въ Перово, село графа Розумовского. А мы мимоездомъ заехали къ генералу лейтнанту Шипову и у него обѣдали и долго проседѣли. А отъ него пришедши, застали въ квартерѣ нашей прибывшихъ изъ Глухова Кулябокъ—Петра, бунчукового товарища и обозного полка лубенского Івана, синовъ, пріехавшыхъ за пашпортами въ іностранную коллегію для поездки въ чужые краи. Пожаловала государиня сержантомъ въ гвардію сина пятимѣсячного генерала Стефана Өедоровича Апраксина, Николая.

23. Явилься до насъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Карпѣка, изъ Глухова прибывшій, и у насъ-же обѣдалъ. Мы рано ездили до великого канцлера, которого за болѣзнію видѣть не могли. Рано у насъ былъ Лукинъ, объявляя, что синъ Апраксиновъ пожалованъ сержантомъ.

24. Писаны писма въ домъ до жены о домашныхъ дѣлахъ и о іноземки, до дѣтей уговоренной, да въ Глуховъ до Скоропадского о подсвѣщникахъ, передъ симъ въ монастырь сумскій отъ подполковника Шубского посланныхъ чрезъ Івана Мировича. Рано былъ у насъ генералъ-лейтнатъ Шиповъ. Мы ездили въ Перово, где перво въ болшой салѣ были у ручки государини и іхъ высочествамъ кланялись; потомъ у полковниковъ придворныхъ обѣдали, а по обѣдѣ

знову отъехали въ Москву. Вечеромъ былъ у насъ іностранной коллегіи секретарь Урилъ Ларіоновичъ Іьановъ и графъ Мойсѣй Владиславичъ.

25. Рано отъехалъ почтою Яскевичь въ Стародубъ, чрезъ которого и писма вчорашные посланы. Сего числа по утру жена Сергія Івановича Бутурлина Гликерія Юревна княжна Шаховская преставилась. Подано извѣстіе въ сенатъ о почтовыхъ станахъ отъ Глухова до Кіева. Послѣ полдня ездили къ секундъ-ротмистру конной гвардіи Александру Петровичу Толстому на загородный его дворъ, не далече убогого дому будучій, а оттоль Гудовичь ездилъ въ дворецъ къ Өедору Івановичу Коченевскому, а я сидѣлъ у Лукина.

26. Рано принималъ лѣкарство слабителное. Въ 11-мъ часу по полуночи прибылъ въ Москву графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своею фамиліею. Отдалъ мнѣ Коноваленко денегъ заниманныхъ 10 р.

27. Погребеніе было помянутой Бутурлиновой въ церквѣ св. Николая, что на Мясницкой, где былъ межъ протчими и отставный генералъ маіоръ Афанасій Даниловичъ Татищевъ, который водилъ насъ въ огородъ нѣкоторого посадского Полуярославцова. Потомъ были у архіепископа московского Платона Малiновского, у которого за Москвою рѣкою въ домѣ умершого князя Юрія Юревича Долгорукого обѣдали и съ нимъ-же заездили до одного капитана, Петра Іосифовича Мякинина, изъ Камчатки прибывшого. Послѣ ездили до князя Никити Юревича Трубецкого и оного завтрешнымъ тезоименитствомъ поздравляли.

28. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ деревню свою Прусы. Я чрезъ весь день не могъ и никуди изъ квартери не бывалъ.

29. Обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шапова ради тезоименитства третей дочери его Өеодосіи, и съ нами обѣдалъ-же у него капитанъ гвардіи ізмайловского полку Өедоръ Өедоровичъ Павловъ, а надъ вечери былъ у насъ Ілія Лизогубъ.

30. Ездили до Перова, а перво были въ дворцѣ у духовника. Въ Перовѣ-же обѣдали съ Жоравкомъ по приказу графа Розумовского въ его квартерѣ, куда намъ присланы кушанья отъ кухни государевой. Тамъ-же заплатилъ я за фузію, взятую передъ симъ у Івана Өедоровича Фукса, 29 р. По обѣдѣ изволила государиня

совсѣмъ изъ Перова вiехать и прямо поехать въ Покровское. Капитанъ Соловiовъ отдалъ мнѣ должные деньги 25 р. Куплены для Сидора сапоги съ подбоемъ за 53 к., бриль за 20 к., да на протчiе дробязки розишлось 8 к.—Дочь Сергiя Ивановича Бутурлина преставилась.

31. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Өедора Iвановича Коченевского, а отъ него едучихъ зазвалъ къ себѣ генералъ лейтнантъ Шиповъ, у которого мы и обѣдали. А отъ его идучи, были у Сергiя Iвановича Бутурлина и тутъ графа Гендрикова застали, прiѣхавшого изъ Прусъ. По полднѣ въ 6-мъ часу былъ пожаръ за Яузою. У насъ былъ генералъ Шиповъ, потомъ знову мы у него и у графа Гендрикова были.

Юнъ.

1. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были перво до полдни, потомъ обѣдали у Жоравки, а послѣ знову были-жъ въ дворцѣ и дожидались даже до полночи, но не могли видѣть графа Розумовского для розговоровъ. Государиня изволила проеждматся на одноколцѣ за Лафортовскiй дворъ и въ саду ужинать.

2. Знову были рано въ дворцѣ и перво у духовника видѣлись съ архiереемъ костромскимъ Сильвестромъ Кулябкою, потомъ какъ государиня шествовать изволила для поезду въ милню, были у ручки; послѣ, за возвращенiемъ государини изъ милнѣ отъ Григорiя Михайловича Любисткова, отъехали были въ квартеру, но тотъ часъ присланъ былъ по насъ ездовый конюхъ, зъ которымъ паки отъехали въ дворецъ и тамъ у стола государева, купно съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Розумовскимъ, да съ графомъ Петромъ Iвановичемъ Шуваловымъ и шталмейстеромъ Петромъ Спиридоновичемъ Сумароковымъ, обѣдали и при столѣ многiе о нуждахъ малороссiйскихъ имѣли розговоры. Потомъ были у Жоравка, а отъ него ездили въ оперный домъ на французскую комедiю.—Писалъ къ полковнику гадяцкому въ отвѣтъ на его писма чрезъ канцеляристу Кирила Лобисевича, которiй съ Москви во своякси отъехалъ. За спермацети дано 10 к.

3. Куплено солоныхъ лимоновъ въ домъ 130 за 3 р. 25 к. За оправу книжки Молитовника дано 30 к. Рано были въ дворцѣ и графу кланялись, потомъ заездили до шталмейстера Сумарокова,

а послѣ полдня изволила государиня воспріять шествіе до монастыря Тройци Сергіева пѣшкомъ, а великій князь и великая княгиня рано въ тотъ-же путь отъехали. Рано-жъ съ княземъ Никитою Юревичемъ Трубецкимъ въ дворцѣ де-которіе имѣли розговоры, а вечеромъ были у генерала Івана Афанасьевича Шипова. Писатъ писмо до жены чрезъ отправляючуюся отъ графа Мойсѣя Івановича Владиславича окказію о посилки помянутихъ солоныхъ лимоновъ, которое писмо включилъ Гудовичъ до жены своей въ писмѣ-жъ. Да писали писмо інстанціалнос за швагромъ придворного полковника Кирила Стефановича Рубановского Яковомъ Холкидецкимъ до генералной старшины, въ войсковой генералной канцеляріи присутствующихъ.

4. Обѣдали у генералъ лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова, куда пришолъ и секретарь Новоторжцовъ, потомъ и у насъ онъ-же. да брегадиръ Аксаковъ и учитель Тройцы Сергіева монастыря отецъ іеродіаконъ Іннокентій съ Політикою были. Послѣ съ Новоторжцовымъ-же были мы у секретаря іностранной коллегіи Урила Ларионовича Іванова. По полдни въ 5-мъ часу прибылъ Григорій Дмитріевъ изъ дому и привезъ писма и водки, и вишніовки по боченку.

5. Писалъ въ С. П. Бурхъ до маіора Василія Івановича Вайникова о покупки тамъ для мене 1) косъ съ приборомъ чухонскимъ для кошенья сѣна и хлѣба, 2) блоковъ разныхъ сортовъ, 3) випisалъ-бы, при посилки пакетъ-ботовъ, французской водки анкарокъ и штофъ ратафи, 4) о инструментахъ до содержанія регулярного саду и огороду потребныхъ, и что о доправки денегъ по облѣкгу на козаку Макару Руцкому писано отъ мене до сотника мглинского Лисаневича. Надъ вечери ездили къ архіерею костромскому Силвестру Кулябцѣ, где застали и госпожу отца духовника государини, и тамъ-же видѣлись потомъ съ архіереемъ московскимъ Платономъ Маліновскимъ.

6. Рано былъ у графа Гендрикова архіерей костромскій Кулябка, а потомъ оба они у насъ были, и мы съ тѣмъ архіереемъ, имѣющымъ на свой престолъ отъездить, простились. А графъ Гендриковъ отъехалъ съ своею фамиліею въ деревню свою Прусы. Куплено въ аптекѣ лѣкарство и плястиръ на груди, дано 45 к.

7. Чрезъ отъехавшого отселя въ домъ до Новгородка придворного лакея, Василія Васильева Христичевского, дано писмо до жены, подъ завтрешнымъ числомъ писанное, о прибытіи въ Москву Григорія Дмитріева Засулского. Парились въ банѣ въ домѣ графа Гендрикова.

8. Послѣ обѣда былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а потомъ мы у него, купно-же съ нимъ ездили до Івана Жоравки, где и ужинали съ ними и съ камеръ-юнферами, свойственницами графа Розумовского, да съ племѣнницею мадамъ Іоганны. Передъ вечеромъ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій.

9. Принесены изъ рентереи кормовые за май мѣсяцъ денги 100 р., изъ которыхъ взяли мы съ Гудовичемъ по 20 р., а осталось на росходъ 60 р. Писано представленіе въ генералную канцелярію въ Глуховъ о нарядѣ изъ ближныхъ отъ Козелця полковъ въ дворъ графскій тамошный работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ, и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря індуктарского, отправленного по почтѣ.

10. Въ 9 мъ часу по полуночи отъехали изъ Москвы къ воскресенскому монастырю, називаемому Новый Іерусолимъ, отстоящему отъ Москви 45 верстъ и за селомъ того-жъ монастыря Черневымъ въ 1-мъ часу лошадей кормили, которые наняты были въ тотъ и обратный путь за 4 р. 25 к. Потомъ прибыли въ оный монастырь въ 7-мъ часу по полдни, где застали преосвященного Стефана Каліновского, архіепископа велико-новгородского, и архимандрита новоспаского Гавриила Кременецкого, и тамъ съ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ ужинали и въ егожъ келіяхъ ночевали.

11. Предъ службою Божіею ходили въ церквѣ великой, которая во всемъ подобная церкви Воскресенія Господня, что въ Іеросолимѣ, состроенная покойнымъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи Никономъ, и тамъ показиваны намъ всѣ мѣста и церкви, и мѣста-жъ разновѣрныхъ христіанъ асіатицкихъ, африканскихъ и европейскихъ молбищные около гроба Господня, и около олтаря великого, и за олтаремъ, и въ землѣ за великимъ-же олтаремъ, где царицею Еленою, по показанію святого Киріака, знайденъ крестъ Господенъ и два разбойническіе. А обѣдни слушали на хорахъ въ

великой церкви отправованной. Тамъ-же виделись зъ камеръ-юнкеромъ Михайломъ Івановичемъ Софоновымъ. Обедали у архимандричихъ келіахъ на горе съ преосвященнымъ новгородскимъ и архимандритами новоспаскимъ, савинскимъ и воскресенскимъ, и наместникомъ тамошнымъ Антоніемъ, да монахомъ Амвросіемъ Коссаковскимъ. После полдня преосвященный новгородскій съ помянутими архимандритами и наместникомъ воскресенскимъ въ Савинъ монастырь, а мы къ Москве обратно отъехали и ночовали въ селе Черневе, за 25 верстъ отъ монастыря, въ дворце монастырскомъ. Сего числа было обрученіе въ квартере нашей въ Москве покойного брегадира Андрея Николаевича Дуніна дочере Анастасіи съ синомъ отставного генерала маіора Петра Алексіевича Саковнина Михаиломъ, салдатомъ гвардіи семеновского полку. Сего-жъ числа государиня изволила возвратиться съ половини дороги отъ лавры свято-Троецкой Сергіевской въ Москву.

12. Изъ села Чернева поехавъ въ начале 11-го часа, прибыли въ Москву въ 2-мъ часу по полудни, где насъ надъ вечери візитовалъ провіантской главной канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ.

13. Рано были въ дворце и у Өедора Івановича Коченевского, а после обедни былъ у насъ Лукинъ, да надъ вечери имели розговоръ съ Тризною о его речахъ, произнесенныхъ отъ него передъ служителми и Носенкомъ.

14. По утру мимоездомъ до дворца визитовали болного генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, потомъ были въ дворце, но за продолжающеюся педоѕричною болезнію графа Розумовского не видали. Обедалъ у насъ Ілія Лизогубъ. Прибылъ изъ деревне Прусъ графъ Гендриковъ съ своею фамиліею. у которого и у графини мы были. Потомъ ездили до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, но его не заставъ, заездили до монастыря донского, и тамъ перво въ болшой церкве, после и у архимандрита тамошнего и у ректора московского коллегіума отца Іоанна Козловича были.

15. Рано едучи въ дворецъ, были у оберъ-гофъ-маршала и кавалера Дмитрія Андріевича Шепелева. Обедали у графа Гендрикова въ новыхъ хоромахъ. По полдни ездили до архіерея велико-

новагородского просить за протопопомъ мглинскимъ, потомъ были и у князя Алексія Дмитріевича Голицина, сенатора.

16. Будучи въ дворцѣ, заходили до духовника, где зъ откупщиками московскими, кои закупили были таможню пограничную, имѣли переговоръ. Обѣдали на бархатномъ дворѣ у Жоравки. Рано былъ у насъ куріеръ сенатскій, посиланный съ указами о саранчѣ и о запрещеніи винокуренія въ Глуховъ, которій и къ намъ привезъ писма. Надъ вечери былъ у насъ Аполлонъ Ладижинскій, сержантъ Березинскій, переводчикъ Політика и другіе.

17. Рано были у подполковника Шубского въ дворцѣ, а оттоль прибывъ въ квартеру, обѣдать были начали, но, за непотребными Гудовича розговорами о передъ симъ купленной горѣлцѣ, отъ обѣда всталъ. По полдни ездилъ до Аполлона Ладижинского, потомъ былъ и у Лукина. Для сина Василя куплено Грицкомъ нѣмецкое сѣдло со всѣмъ приборомъ за 5 р. 75 к.

18. Писано инстанціалное писмо за протопопомъ мглинскимъ Іваномъ Яновскимъ до митрополита кіевского, преосвященного Тимофея Щербацкого, которое тому-жъ протопопу, отъежджающему въ Кіевъ, вручено.

19. Обѣдали у Жоравки, а послѣ полдня ездили до князя Николая Юрьевича Трубецкого и до генерала рекетмейстера Дивова, но ни одного не застали.

20. Рано были въ дворцѣ, потомъ обѣдалъ у насъ секретарь іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ. Надъ вечери знову были въ дворцѣ и въ оперномъ домѣ на нѣмецкой комедіи.

21. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила государиня отъехать паки для шествія до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ віездомъ отклонялися ея величеству генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, да губернаторъ нинѣшный нижегородскій, князь Данило Андреевичъ Друцкой. Обѣдали мы у графа Гендрикова, а потомъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеляристъ и принеслъ ко мнѣ указъ изъ генералной канцеляріи, зъ Глухова по почтѣ присланный, о строеніи мнѣ двора въ Глуховѣ по Першпективой улицѣ противъ сенатского указу.

22. Послѣ полдня былъ у насъ значковый полку кіевского Петро Подвысоцкій, отправляючійся отъ графского двора въ Малороссію, чрезъ которого наказовали въ Глуховъ до енералной стар-

шины, чтобъ насъ увѣдомили, вiйшолъ-ли уже изъ Полтавы генералъ Бiсмаркъ, а въ Нѣжинъ къ полковнику о присилки коней 8 для Шувалова и вина для генерала Шыпова. Сего-жъ числа куплено 3 чорные, а 1 сѣрый баранки бухарскiе за 6 р. Сего-жъ числа написано доношенiе въ енералную канцелярiю противъ полученного вчора указу о строенiи двора въ Глуховѣ по прешпективѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ.

23. Писано писмо до Скоропадского въ Глуховъ о томъ, что по писму его даны отъ мене маiору лантмилiцкихъ полковъ Глѣбову пятдесятъ рублей денегъ и о томъ отъ того маiора до полковника Челищева сообщено писмо. Да тамъ-же включенъ облѣгъ до Скоропадского, данный отъ капитана Пасинкова на 20 р., занятыхъ у мене въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, чтобъ по оному на немъ тѣ денги доправилъ и удержалъ у себе до щоту со мною. Писано писмо къ полковнику стародубскому Максимовичу о обидахъ дому моему, отъ сотника погарского Соболевского и отъ полковой старшины показуемыхъ, и оное сообщено до жены моей при писмѣ, чтобъ она, если того надобно, отослала отъ себе въ Стародубъ.

24. Писано доношенiе въ войсковую генералную канцелярiю о пляцахъ Рубановскихъ, въ Глуховѣ имѣючихся,—одномъ, что былъ подъ судовнею новою, другомъ, что возлѣ канцеляристского куреня и возлѣ Полонского, да что были шесть коморъ крамныхъ, и оное доношенiе при особомъ моемъ писмѣ сообщено до писаря суда генералного Пиковця. Всѣ-же вышепоказанные доношенiя и писма вручени отъежджаючому въ Глуховъ бунчуковому товарищу Стефану Карпѣкѣ, которому и пашпортъ отъ насъ на проездъ данъ былъ, но онъ, не поехавъ, вручилъ тѣ писма Петру Подвисоцкому. Обѣдали мы у генерала лейтнанта Iвана Афанасьевича Шыпова съ брегадиромъ Хомяковымъ, назначеннымъ въ крѣпость св. Анны комендантомъ. А по полдни были у графа Мойсѣя Владиславича, куда прiехалъ и Богданъ Iвановичъ Пассекъ съ нѣкоторымъ отставнымъ маiоромъ Дурасовымъ.

25. Ездили рано въ монастырь Новоспаскiй, а по полдни до секретаря iностранной коллегiи Урила Iванова, а съ нимъ были у Новоторжцова.

26. Рано былъ у насъ прiехавшый изъ Глухова подполковникъ Алексiй Константиновичъ Яблонскiй и подалъ къ намъ писмо отъ

старшины генералной. Вчора рано отосланъ пакетъ до жены моей надписанный, въ которомъ включено и полковника стародубовского Максимовича писмо, ему-жъ для подачи въ домѣ моемъ врученный. Онъ-же сего числа рано и отъехалъ изъ Москви. По полдни былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а мы были у помянутого подполковника Яблонского, въ домѣ духовниковомъ стоящого и у купца тамъ-же жиючого Прокопа Дмитріевича Пастухова.—Куплено аксамиту красного поларшина на шапку за 1 р. 60 к., да на подбой тафи голубой за 45 к., шолку за 3 к. Вечеромъ были у Іліи Лизогуба и у сержанта преображенского полку Мойсѣя Романова Березинского.

27. Рано и по обѣдѣ были у графини Гендриковой, а надъ вечери у Лукина. За пошитье шапки новой и переправку старой дано шапочнику 50 к. Обѣдали у насъ синодалный переводчикъ Політика и Свѣрскій.

28. Послѣ полдня ездили въ Перовъ и, тамъ отъужинавъ, ночью уже прибыли въ Москву.

29. Обѣдали у капитана Соловіова, а съ нами и зять ихъ новозговоренный Саковнинъ, а передъ обѣднями были у графини и у генерала лейтнанта Шипова. Обѣдни и молебня слушали въ церквѣ Харитона ісповѣдника.

30. Рано отъехавъ въ Перовъ, тамъ обѣдали и весь день пробавили, да послѣ ужина пріехали уже ночью въ Москву.

Ю л ь.

1. Обѣдали у графини Гендриковой, а послѣ обѣда были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, потомъ Богданъ Пассекъ съ синомъ и Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Надъ вечери отъехалъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ въ путь свой къ командѣ на лінію до полковъ лантмиліцкихъ и сталъ на ночлегъ за монастыремъ Симоновымъ по ту сторону Москви-рѣки, где и мы были у него и простились съ нимъ послѣ ужина. Рано былъ у насъ Жоравко.

2. Послѣ полдня перво были у генералши Шиповой, послѣ у графини Гендриковой и у неи-жъ ужинали. За чорный бархатъ на карпузъ дано 1 р. 6 к., за шолкъ 3 к., за пошитье того-жъ карпуза 40 к., за лѣваръ 13 к.

3. Куплены книги: Система магометанской религіи за 1 р. 65 к., Минея праздничная 75 к., Евангеліе страстное 10 к., О поливалномъ крещеніи 20 к., два буквари съ толкомъ о блаженствахъ 54 к., два елементари 20 к., о антихристѣ 30 к., о огородныхъ уборахъ картины 85 к., и того за 4 р. 59 к., да на другіе малые росходы пошло 47 к.—Надъ вечери ездили къ княю Николаю Юрьевичу Трубецкому. Писали къ старшинѣ генералной въ Глуховѣ съ посилкою указовъ о содержаніи почтъ по кіевскому тракту, и тѣ указы отправлены по почтѣ изъ сената. Въ 6-мъ часу по полдни государиня изволила прибыть въ Москву, потомъ и іхъ высочества, великій князь и великая княгиня, съ гофъ-штатами.

4. Были рано въ дворцѣ, а оттуду пріехавъ, обѣдалъ у насъ Стефанъ Карпѣка. За вишліофованье 6 бритовъ нашихъ персіанину дано 25 к. Около вечерень одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ и видѣлъ графа отъежджаючого въ оперный домъ на французскую комедію.

5. Рано были въ дворцѣ и у духовника, где были-жъ и всѣ архіереи сvнодалные. Обѣдали въ квартерѣ, а по полдни знову ездили въ дворецъ и графа видѣли, но ничего съ нимъ не говорили. За перешитье шапки зимной дано шапочнику 30 к.

6. Рано принималъ графъ слабителное и для того его не видали. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ штатсъ-кантору за кормовыми денгами, но не видана ассигнація безъ докладу сенатского.

7. Сочинено писмо просителное до графа Розумовского о исходатайствованіи имъ у государини намъ отпуску съ указомъ о учрежденіи гетмана, которого послѣ полдня видѣли, какъ государиня изволила отъежджать въ оперный домъ на комедію францускую.

8. Въ сей день празднуемый явленія іконы Богородицы казанской изволила государиня быть въ Кремлѣ и слушать въ болшомъ успенскомъ соборѣ литургіи, которую целебровалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ московскій и сѣвскій. По обѣднѣ-же государиня въ Кремлѣ-жъ, въ дворцѣ болшомъ, въ полатахъ потѣшного дому обѣдать изволила, а мы были передъ обѣдомъ у помянутого преосвященного, а отъ него пріехавъ, обѣдали въ квартерѣ своей, съ нами-же и сѣбѣрскій купецъ, недавно изъ Кіева пріехавшый, Антонъ Алексіевъ Самойловъ. Принесены изъ рентереи денги за прошедшый юль мѣсяцъ сто рублей, изъ которыхъ

взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные въ росходъ харчевый имѣютъ быть употреблены. Надъ вечери былъ у насъ Өедоровичъ, которому были отъ насъ о его, съ подобними ему, поносителныхъ словахъ виговори. Потомъ отошли мы до графа Гендрикова, где застали графовъ Мартина Карловича Скавронского и Андрея Михайловича Евфимовского и тамъ-же у графа Гендрикова ужинали. Вчорашного 7-го числа родилась дочь Наталія Івану Жоравцѣ въ Перовѣ.

9. Рано были у Василія Івановича Димидова и отданы на церковь Трохъ Святителей 6 р. По полдни государиня изволила ездить до Перова для посѣщенія родившей Жоравкиной. Вечеромъ были мы у лейбкомпанца Козмы Івановича Вайникова. Обѣдали у Лукина. Дано перепліотчику за оправу книжокъ «о поливалномъ крещеніи», «евангелій страстныхъ» и огородной 15 к.; за пошитье шапокъ служителскихъ 10 к.

10. Рано были въ дворцѣ у духовника, и чрезъ него подано прошеніе къ графу Розумовскому, написанное о гетманѣ и о отпускѣ нашемъ, которій оное ему въ церкви вручилъ. Послѣ были мы у Өедора Івановича Коченевского, а по полдни знову у духовника. Потомъ были-же и у графскихъ покояхъ и давали Барановскому двѣ писми для обявленія графу: 1-е о саранчѣ, 2-е о томъ, что по требованію графскому для роботъ въ домъ его козелецкій работные люди зъ 4-хъ полковъ отъ генералной канцеляріи наряжены, якое послѣдное писмо привезено къ намъ сенатскимъ куріеромъ Уваровымъ. Обѣдалъ у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, и ему-жъ книги его двѣ отданы и моя одна, Лексиконъ Саваріевъ, позичена для прочитанія. Данъ отъ насъ пашпортъ для проезду къ Глухову Степану Карпѣки съ будущими при немъ. Прибылъ въ Москву швагеръ мой Іванъ Гамалія.

11. Рано ездили въ дворецъ и уже на віездѣ застали государиню, передъ которую представлялъ графъ Розумовскій Ілію Лизогуба, отъежджаючого изъ Москвы въ Малую Россію. Послѣ обѣда былъ у насъ графъ Гендриковъ и съ нимъ Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, отставный маіоръ, а вечеромъ у насъ-же былъ секретарь Урилъ Івановъ.

12. Рано былъ у насъ Іванъ Гамалія швагеръ, а вечеромъ мы у него были на квартерѣ за Арбацкими воротами и уже смер-

комъ отъ него возвратились. Дочь его, а моя крестниця Елена подарила мене шолковымъ платкомъ. Секретарь Урилъ Івановъ прислалъ мнѣ трубку курителную фарфорную.

13. Писаны писма въ домъ до жены: 1-е противъ писма, Гамаліею мнѣ поданного, о не поѣздѣ еи сюда и о протчемъ, 2-е до сина Василя съ посилкою до него кулбаки нѣмецкой, тако-жъ о долгахъ его килскихъ и о конику Буцефалу; 3-е до жены-жъ о нѣкоторомъ Өедору Алексіеву, засаженномъ отъ нея въ секвестръ погарскій, и о Леску Ковбасѣ, что-бъ его отослала въ Глуховъ, какъ туда прибудетъ, и оные писма: 1-е, въ якомъ и двѣ книжки: букварь Настусѣ, а елементарь Івасевѣ сину включены, и 2-е чрезъ служителей Гамаліивыхъ, а 3-е чрезъ Ковбасу отпущены. Послѣ обѣдень ездили мы въ Перовъ и тамъ у Івана Жоравки обѣдали, потомъ и у жены его родившей довольно сидѣли, где и съ поруччикомъ драгунского полку Силивановымъ видѣлись, и уже послѣ вечерень оттуду возвратились. Сего числа его высочество великій князь и великая княгиня, а при ныхъ и графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, были въ подмосковской деревнѣ графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ у него кушали, а именно въ Петровскомъ.

14. Рано были у мене лейбъ-компаніи гранадеръ Козма Івановичъ Вайниковъ, да изъ Лохвици прыбывшей тамошняго обывателя Өомы Грека зять, Николай Дмитріевъ, которій и писма зъ Глухова привезъ и подарилъ бочонокъ вина волоского, тютюну и 2 чубуки турецкіе. Өедоръ Яскевичь знову пріехалъ въ Москву. По полдни были у Івава Алексіевича Горчакова и у него взяты 3 книжки для прочтенія.

15. Vacat. 16. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалія, а потомъ ездили съ нимъ въ Перово и тамъ были у Жоравка, где видѣлись и зъ лейбъ-компаніи гранадеромъ Артемомъ Івановичемъ Іконниковымъ. Государиня изволила прибыть въ Москву по полдни въ 11-мъ часу.

17. Рано были въ дворцѣ у духовника, а съ нами и Гамалія. По полдни надъ вечери сидѣли у графини Гендриковой и ужинали. Въ ночѣ былъ великій пожаръ при церкви Преображенской, недалече отъ нашей квартери, где на силу другіе, близь будучіе, дворы

разные отстояли. Графъ Гендриковъ пріехалъ ночью изъ деревнѣ своей Прусъ.

18. Рано будучи въ дворцѣ, видѣлись съ Григоріемъ Александровичемъ, прибывшимъ изъ Украины, который у насъ и обѣдалъ, а потомъ знову были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли.

19. Рано были-жъ въ дворцѣ и тамъ заходили до Ѳедора Івановича Коченевского съ Гамаліею, где видились изъ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ. А по полдни былъ у насъ на квартерѣ секретарь Новоторжцовъ. Послѣ обѣда отъехать государиня изволила въ Перово для крестинъ дочери Жоравкиной.

20. Рано были у графа Гендрикова, а съ нами и Іванъ Гамалія, которій съ женою у насъ и обѣдалъ. Потомъ у насъ-же были Михайло и Іванъ Шиповы, сины генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова и канцеляристъ войсковой Прокопъ Чарнуцкій.

21. Въ 11-мъ часу ездили въ дворецъ и тамъ видѣли графа Розумовского, а въ вечеру знову тамъ-же въ дворцѣ были, и графъ сталъ говорить былъ съ нами при присутствіи графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера, потомъ отошли оба къ государинѣ.

22. Писалъ до Василія Туманского канцеллѧристи за канцеллѧристомъ-же Прокопомъ Чарнуцкимъ, да за нимъ-же писана отъ насъ до старшины генералной, въ войсковой канцеляріи присутствющыхъ, інстанція, и ему-жъ данъ пашпортъ на проездъ къ Малой Россіи. Ездилъ дворъ въ Раево.

23. Рано были въ дворцѣ, где заразъ по начатіи литургіи здѣлалъся алярмъ о пожарѣ, случывшемся на Прѣснѣ, дворъ царевича грузинского Бакара згорѣлъ. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, а по обѣдѣ были у него перво секретарь Новоторжцовъ, потомъ Петръ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, и мы оттуду заездили до Новоторжцова, у которого видѣлись и изъ Петромъ Петровичемъ Курбатовымъ, а какъ оттуду поехали, то превеликая молнія и дождь были.

24. Обѣдали у графа Гендрикова ради тезоименитства дочери его Христины, и графъ былъ воспріемникомъ зъ княгинею Анною Даниловною Трубецкою. Простилъся съ нами Ілія Лизогубъ, которому и пашпортъ данъ на проездъ.

25. Нарочно званныи отъ Петра Өедоровича Бутурлина, отставного (*пробѣлъ*), обѣдали у него купно съ Іваномъ Гамаліею, а по обѣдѣ долго проседѣли при музикѣ и пѣвчихъ. Рано приходилъ Іванъ Білоровскій съ жалобою на Лизогуба, что его вчора держалъ у себе на цепѣ закованного, до которого я посилалъ Грицка и о томъ, и о отдачи мнѣ должныхъ 10 р. денегъ, но онъ, не учиня ни почему сатисфакціи, отъехалъ изъ Москви. Жена Бутурлинова Мавра Афанасіевня Соловјовыхъ (*пробѣлъ*). Куплено полотна 30 аршинъ, дано за оное 97¾ к., да на разные росходы мѣлкіе розышлось 92¼ к.

26. Рано были въ дворцѣ, где былъ-же и Іванъ Гамалія; мимоездомъ оттоль заеждjали къ генералши Шиповой. Въ вечеру у насъ былъ Петръ Өедоровичъ Бутурлинъ, а прежде его графъ Гендриковъ. Въ вечеру-жъ пріехалъ съ писмами отъ асаула енералного Якубовича служитель его Семенъ.

27. По утру перво были въ дворцѣ, и понеже государиня изволила отъездить до села Алмазова, то мы сами отъехали въ Петровское до графа Кирила Григоріевича Розумовского, у которого тамъ и обѣдали, и у него тамъ-же застали Романа Ларіоновича Воронцова, князя Алексія Никитича Волконского, графа Івана Григорьевича Чернишова, Василія Онуфріевича Брилкина, да бѣлоградского лютнисту и ассесора академіи наукъ Григорія Николаевича Теплова. Послѣ обѣда зъ луковъ стрѣляли. Потомъ имѣли декоторые о Украинѣ розговоры съ графомъ Кириломъ Григоріевичемъ и отъехали, на пути-же встрѣтили туда-жъ едучого віце-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова. По прибытіи въ квартеру, ходили къ г. Гендрикову, а въ вечеру графиня занемогла.

28. Писали до старшины енералной въ Глуховъ чрезъ подполковника Алексія Константиновича Яблонского, где включено и отъ мене писмо до Скоропадского, писанное сего юля 23-го дня о Стефану и Івану Барановскихъ и о протчемъ, да тамъ-же приложено писмо и отъ Василія Івановича Вайникова изъ С. П. Бурха до Івана Скорупы, а съ онымъ Яблонскимъ, отъеждjаючимъ въ Украину простясь, отъехали на Крутицу къ архіерею крутицкому Іларіону Григоровичу, где не заставъ оного, ходили перво по садамъ и по другимъ мѣстамъ, потомъ были у новопосвященного митрополита сибірского Силвестра Гловацкого, тамъ на Крутици

квартерою стоячого. По пріездѣ-же изъ синода архіерея крутицкого, обѣдали у него и долго забавлялись, а между тѣмъ пріехалъ туда-жъ отецъ духовникъ государини съ женою своею и съ синомъ Захаріемъ къ митрополиту сибірскому, у которого и мы знову побувавъ, отклонились и отъехали на свою квартеру.

29. Отклонилъся мнѣ бывшій служитель Сидоръ Гудокъ, которому велѣлъ дать 1 р. на его нужды, да ему-жъ даны сапоги, шляпа, локейскій зипунъ и передъ симъ 50 к.

30. Государиня изволила слушать обѣдни въ болшой дворцовой церкви, а потомъ были у графа, а послѣ полдня ездили мы въ Перово до Жоравки и до жены его. Писано писмо въ отвѣтъ къ асаулу генералному Якубовичу чрезъ служителя его Семена.

31. Едучихъ насъ изъ дворця и отъ Полтавцова мимо дворъ оберъ-гофъ-маршала Шепелева, зазвалъ онъ къ себѣ, и у него-жъ мы обѣдали купно съ генераломъ-лейтнантомъ Родіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ и другими. А по полдни позваны были къ графу Гендрикову, где застали сестру его Марію Симоновну Чоглокову, а потомъ туда-жъ пріехала и другая сестра его Мареа Симоновна Софонова, послѣ и мужъ еи Михайло Івановичъ Софоновъ, камеръ-юнкеръ, зъ которымъ у него жъ графа Гендрикова мы оба и ужинали.

Августъ.

1. Рано перво были у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, которій купно съ Корфомъ камергеромъ отпущенъ въ деревнѣ на 10-ть дней. Потомъ отъехали въ село Покровское, куда послѣ прибыть и государиня изволила, и обѣдни, а потомъ водосвятія, которые архіерей новогородскій целебровалъ, слушали, и много господъ и ихъ імператорскіе высочества тамъ-же были; а по набоженствѣ въ тамошнемъ дворцѣ и кушалъ дворъ при пушечной палбѣ. Послѣ полдня и надъ вечери были у насъ Іванъ Гамалія, да Александръ Лукинъ и поруччикъ ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, лакей Пуховичъ, а потомъ пришелъ къ намъ-же камеръ-гофъ-фуріеръ Сергій Михайловичъ Нестеревъ съ капитаномъ Соловіовымъ, своимъ братомъ. Ночью

безвременно родила сина Стефана графиня Гендрикова, которій послѣ крещенія тотчасъ и умеръ.

2. Послѣ обѣднѣ ездили въ дворецъ и тамъ графа Розумовского видѣли, токмо ничего не говорилъ намъ. По полудни былъ у насъ переводчикъ синодалный Григорій Политіка, которій объ отъездѣ своемъ имѣючемъ быть въ Украину и о другомъ де о чемъ говорилъ. Мы-же посѣщали графиню болную и тутъ много было розговоровъ о женскихъ немощахъ зъ Мареою Симоновною и съ бабкою голандкою.

3. Писали до полковника нѣжинского г. Кочубея, чтобъ сездилъ до г. Розумовской старои, о написаніи отъ нея къ сину въ нуждахъ Малороссіи. А отъ себе писалъ въ Глуховъ до Скоропадского о сотнику волинскомъ Роману Журбѣ, и тѣ писма отпущены чрезъ Івана Полторацкого, жителя сосницкого, сей день отъежжаючого. Сего числа принесены денги изъ штатсъ-кантори кормовые 100 р. за мѣсяцъ юль, изъ которыхъ взяли себѣ по 30 р., а остальные 40 р. отданы на росходъ Грицку. Въ банѣ милъся у графа Гендрикова.

4. Переводчикъ сvнодалный Політика простилъся съ нами на отъездъ свой до Малой Россіи. Розышлось отъ 25-го юля по се число, а именно: за букварь 27 к., за два аршина ленты 34 к., паперу за 7 к., а на другіе мѣлочи 15½ к.

5. Писаны писма: 1 е до сотника козелецкого Стефана Барановского съ копіею, какъ въ его дѣлѣ писано отъ мене въ Глуховъ; 2-е въ С. П. Бурхъ до Василія Івановича Вайникова на его писмо въ отвѣтъ, стороны отдачи облѣга Макара Руцкого племѣнникамъ Ланковымъ, и сее писмо для отсилки къ нему отдано брату его Козмѣ. Віехали изъ нашей квартери на Никицкую въ дворъ графскій капитанъ Соловіовъ съ женою и съ протчими своими. Государиня отъехать изволила въ Перово.

6. По благости Божіей удостоилъся причаститись святымъ Тайнамъ на службѣ въ церквѣ всемилостивого Спаса, приходу Панкратіевского, а исповѣдь имѣлъ передъ тамошнымъ священникомъ Александромъ Григоріевичомъ. Розышлось 40 к. Изъ дворця заежджалъ къ намъ Іванъ Гамалія, которого будто звалъ къ себѣ обѣдать князь Іванъ Василіевичъ Одоевскій, а послѣ обѣда были у

насъ Александровичъ и Яскевичь и сотникъ Куликъ. Государиня изволила изъ Перова возвратится ночью въ дворецъ.

7. Рано одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ и тамъ слышалъ, что якобы передъ нѣсколко днями графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій графу Алексію Гендрикову говорилъ о насъ и о нашыхъ малороссійскихъ дѣлахъ доволно. Государиня обѣдать изволила у графа Петра Івановича Шувалова. Мы по полдни ездили въ дворецъ, а оттоль были у Івана Гамаліи, где съ секретаремъ Новоторжцовымъ и зъ бывшимъ поруччикомъ кирасирскимъ Ланцкимъ видѣлись.

8. По утру были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а послѣ обѣда были у графа Гендрикова, потомъ у насъ былъ Іванъ Гамалія.

9. Рано перво заехали до Василія Івановича Демидова, потомъ въ 9-мъ часу были у графа Розумовского и оному доволно представляли о нуждахъ общыхъ и своихъ. По обѣдни, въ болшой церквѣ отправленной, а послѣ и въ малой, где государиня присутствовать изволила, были у духовника, тоже у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого и обѣдали и доволно съ нимъ розговаривали, а передъ графомъ Розумовскимъ не худо рекомендовали Новоторжцова. Александру Тихоновичу Лукину синъ Александръ родилъся. Были надъ вечери у генералши Шыповой, потомъ у графа Гендрикова, у которого и ужинали. Тайный совѣтникъ Іванъ Юрьевъ пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

10. Рано были въ дворцѣ, а по полудни былъ у насъ перво каморъ-музикантъ Василь Стефановъ, потомъ подполковникъ, пріехавшый изъ Казани, Іванъ Мойсіевичъ Ликевичь, онъ-же и Левіцкій, да Яковъ Хелкидоцкій съ своею женою, а сестрою Кирила Стефановича Рубановского, придворного полковника. Въ домъ графа Гендрикова поднимали ікону ради болѣзни жены его. Швагеръ Іванъ Гамалія переехалъ на другую квартеру. Надъ вечери ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, но не засталъ оного, отозванъ-же изъ дому въ габінетъ.

11. По утру будучи у насъ, Лукинъ обявлялъ о своемъ новорожденномъ сину, да и Іванъ Гамалія пріездилъ къ намъ. Потомъ отъехавъ мы до дворца, видѣлись тамъ съ недавно прибывшымъ

костенского монастыра[246]) архимандритомъ Карновичемъ, каммордина великого князя, Стефана Евфимовича Карновича братомъ. Тамъ-же вручены копіи указовъ и проекту о конскихъ заводахъ и о ярмарку кролевецкомъ Барановскому для представленім графу. Были на новой квартерѣ у Гамаліи, потомъ у графа Гендрикова.

12. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звалъ къ себѣ въ Перово Жоравко и тамъ у него купно съ Гамаліею и его женою, такожъ съ прибывшымъ машевскимъ попомъ Помаранскимъ и попадею его[247]), обѣдали, а подъ часъ обѣда туда-жъ прибылъ Θедоръ Івановичъ Коченевскій. Послѣ обѣда ходили на качелѣ гулять и уже позно оттуду отъехали.

13. Въ дворцѣ передъ службою Божіею миропомазивана и въ церковь нашу принята дочерь бывшаго герцоха курляндского Бірона, которую въ томъ воспріймать изволила сама государиня, и оная-жъ Біроновна на службѣ Божой сообщалась святымъ тайнамъ. Мы обѣдали у Івана Гамаліи съ Сидоромъ Перфільевичемъ Денисьевымъ, потомъ съ Петромъ Θедоровичемъ Бутурлинымъ ездили къ сестрѣ его, а женѣ ассессора конюшенной канцеляріи Поздѣева, и тамъ огороду и протчего уборства, такожъ и будинковъ его съ всякими убранствами смотрѣли. Пріехалъ въ Москву Лесевіцкій, Дубиновну за собою имѣючій.

14. Рано были у духовника, и вручена ему книжка, Василія Тредіаковского изданія, «о буквахъ русскихъ». Послѣ полдня явилъся у насъ сотникъ кролевецкій Григорій Огіевскій, пріехавшый сего числа изъ Глухова зъ челобитною о ярмарку тамошнемъ. Государиня изволила отъехать къ Александру Борисовичу Бутурлину надъ вечери и въ домѣ его ночевать.

15. Рано въ 7-мъ часу предъ полуднемъ государиня, прибывъ въ Кремль, въ болшомъ успенскомъ соборѣ изволила слушать службы Божой и святымъ тайнамъ сообщаться. По обѣднѣ была изъ пушекъ многихъ палба и при віездѣ изъ Кремля во всѣ колокола звонили. Предъ обѣдомъ были мы у графа Гендрикова, потомъ съ

---

246) Костянскій монастырь, нынѣ закрытый, находился около Почепа, откуда были родомъ Карновичи.

247) Померанскій, священникъ с. Машева, новгородъ-сѣверскаго. уѣзда, былъ женатъ на какой-то родственницѣ Разумовскихъ.

нимъ у тестя его Бутурлина; послѣ онъ-же графъ и у насъ былъ, а обѣдалъ у насъ сотникъ кролевецкій. Асаулъ енералный Яковъ Якубовичъ прибылъ съ своею ассистенціею въ Москву. Я былъ послѣ вечерень у князя Алексія Дмитріевича Голицина и тамъ засталъ отставного маіора Шеншина. Графу Гендрикову данъ смушекъ черный.

16. Передъ обѣднями были у канцлера Бестужева, где генералъ С. Ѳ. Апраксинъ обявилъ намъ о прибытіи въ Москву асаула енералного Якубовича. Потомъ слушали обѣдни въ церквѣ болшой дворцовой, и тутъ первой разъ зъ Якубовичемъ видѣлись, да съ нимъ-же ходили перво въ графскіе апартаменты, потомъ къ духовнику, у которого застали митрополита сибірского Силвестра Гловацкого и съ нимъ, сегодня въ свою епархію отъежджаючимъ, простились. Тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ прибывшимъ недавно Лесевіцкимъ, судьею полковимъ ахтирскимъ, а у духовника съ о. Василіемъ Барановичемъ, изъ С.П.Вурха прибывшимъ; тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ пріехавшимъ изъ своихъ деревень генералъ-рекетмейстеромъ Дивовымъ. Надъ вечери ездили до Якубовича мы и съ нами Іванъ Гамалія.—Въ прошлихъ числахъ розишлось денегъ, а именно: за алембикъ въ 11-ть фунтовъ съ трубкою дано 2 р. 64 к., за простиню до колдри 70 к., на другую мѣлочь 8 к. Графа Івана Симоновича Гендрикова четверолѣтная дочь Христина ночью умерла.

17. Рано были у графа Петра Івановича Шувалова и о ярмарку кролевецкомъ розговоровали. А въ дворцѣ при насъ изволила государиня отъехать по службѣ въ Перово. Обѣдалъ у насъ секретарь Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, а послѣ обѣда ездили до подполковника тверского драгунского полку Івана Мойсѣевича Ликевича и съ нимъ и съ женою его невидущою Анною, полькою, нѣсколько часовъ просидѣли. Чрезъ гранадера семеновского полку, отъ брегадира Полозова изъ Глухова присиланного, отпущены въ Глуховъ писма: 1-е подполковника Шубского до Скоропадского, 2-е подполковника Ликевича до брата его, сотника полкового нѣжинского, Левіцкого.

18. Изъ дворца заездили до Гамаліи, а вечеромъ были у Михайла Івановича Шипова, саржанта ізмайловского полку. Вчера помянутая дочь графская погребена.

19. Званніи до Івана Гамаліи, обѣдали у него и весь день просидѣли, куда приходилъ и канцеляристъ Ѳедоръ Дмитріевъ Квітніцкій, которій между протчими розговорами сказовалъ, что госу-

дариня Жоравкиной родѣлѣ[248]) пожаловала 3,000 р. и разныхъ парчей 16-ти цвѣтовъ по 40 аршинъ. Въ донскомъ монастырѣ былъ праздникъ.

20. Изволила государиня слушать обѣдни въ нѣкоторой церквѣ, називаемой Всѣхъ скорбящыхъ Радости, а обѣдать на Воробіовой горѣ. Дожчь началъ ити. Мы по службѣ заехали перво къ муншенку Вожжинскому и тутъ отъ жены его Олени Івановны трактованы кофемъ, потомъ до генералши Шиповой. Обѣдалъ у насъ съ женою своею Іванъ Гамалія и весь день пробавилъ.

21. Вечеромъ были у совѣтника коллегіи вотчинной Василія Силича Полякова и съ нимъ о межѣ малороссійской розговоръ имѣли.

22. Рано едучимъ намъ къ дворцу, явилъся въ квартерѣ нашей бывшого полковника Милорадовича синъ nothus Николай и о матерѣ своей спрашовалъ[249]). Мы обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, а при выходѣ отъ него видѣлись съ каморъ-лакеемъ Милорадовичемъ, потомъ видѣли графа Розумовского отъежджаючого на охоту съ г. Шуваловымъ. Надъ вечери пришолъ къ намъ Василъ Танскій полковникъ съ зятемъ своимъ Сименомъ Лизогубомъ и у насъ-же оба ночовали, тако-жъ и сотникъ кролевецкій.

23. Рано будучи въ дворцѣ, застали тамъ у графа Розумовского великого канцлера Бестужева, графа Кирила Григоріевича и Стефана Апраксина, при которыхъ былъ передъ графомъ Розумовскимъ подполковникъ Ликевичъ, да и къ намъ графъ виходилъ, токмо ничего не говорилъ до насъ. Тамъ-же былъ прінцъ Голштейнбекъ и Брюмеръ генералъ-маіоръ. Вечеромъ были у Александра Тихоновича Лукина.

24. Одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, зъ которымъ надъ вечери онъ-же былъ и у сенатора, князя Івана Андріевича Щербатова сторони ярмарку кро-

---

248) Родильницѣ.

249) Николай Милорадовичъ былъ сынъ отъ второй жены гадяцкаго полковника. Рѣшеніемъ генеральнаго суда 1748 г. онъ былъ признанъ иезаконнорожденнымъ и всѣми имѣніями его отца упаслѣдовалъ внукъ полковника Петръ Степановичъ Милорадовичъ, бывшій въ это время камеръ-лакеемъ. См. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., т. I, стр. 493.

левецкого. Былъ у насъ и посидѣлъ не мало камеръ-лакей Милорадовичъ.

25. Рано былъ у насъ генералный асаулъ Якубовичъ съ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и съ швагромъ Александромъ Дуніномъ, а отъ насъ поехалъ къ графу Гендрикову. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, где было екстраординарное собраніе міністровъ и сенаторей для нѣкоторыхъ дѣлъ, которые тамъ-же весь день пробавили. Сказовалъ Тризна, что до графа Розумовского Якубовичъ дважды былъ призиванъ. Надъ вечери былъ у насъ віце-губернаторъ бѣлагородскій Пассекъ, подполковникъ Ликевичъ и швагеръ Іванъ Гамалія.

26. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ въ болшой церквѣ, где былъ и Якубовичъ съ женою своею, съ дочерью и зятемъ прежде у графа Розумовского, послѣ въ церквѣ подходили къ ручки ихъ высочествъ. Зъ дворца заездили до Гамаліи, а обѣдалъ у насъ Якубовичъ и пробавилъ до вечеренъ, потомъ зъ зятемъ своимъ, да съ швагромъ капитаномъ Соловіовымъ, а съ ними и Тризна отъехали на Никитскую въ ихъ квартеру. Мы ужинали у графа Гендрикова.

27. Въ 10-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ въ церквѣ малой, въ старыхъ покояхъ будучой, слушали обѣдни, а въ 12-мъ часу была отпускная авдіенціа послу аглинскому, послѣ которой какъ изволила государиня возвращатись въ свои покои, то были мы у ручки ея, а послѣ обѣда въ квартерѣ нашей были Александровичъ, да Павелъ Голембіовскій и Яскевичъ, потомъ и Лукинъ. Якубовичка была передъ государинею съ своею дочерью рано.

28. По утру перво были у г. Демидова, потомъ у великого канцлера, и оныхъ по общымъ малороссійскимъ дѣламъ о ходатайство просили. Послѣ пріездили въ дворецъ, где графа Розумовского не застали: отъехалъ на охоту въ 5-мъ часу по полночи, а государиня изволила отъехать кушать на Воробіовые горы. Мы обѣдали у камеръ-фуріера Іґната Кириловича Полтавцова и у него-жъ застали брата его старшого, вчора зъ Украини пріехавшого. У насъ обѣдали: канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій и сотникъ кролевецкій, да при томъ былъ и сотникъ Куликъ. Вечеромъ были у секретаря габѣнетского Бахирева.

29. Рано приходившей къ намъ сотничцѣ яготинской Купчинской (*пробѣлъ*) Володковсковнѣ даны отъ мене въ займы 10 р., а Гудовичъ

ей-же далъ 5 р. Надъ вечери были перво у князя Івана Василіевича Одоевскаго и о кролевецкомъ ярмарку говорили, потомъ у Александра Борисовича Бутурлина и поздравляли его тезоименитствомъ завтрешнымъ и кавалеріею. Далъ передѣловать кезикинъ, до которого на разные мѣлочи портному дано 15 к., крашенини 16 к., пуговицъ за 20 к., да на другіе росходы пошло 34 к.

30. Рано были съ поздравленіемъ у оберъ-маршала Шепелева, у віце-канцлера графа Воронцова, у Катерины Карловны Корфовой, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у дежурной графовъ Александра и Петра Івановича Шуваловыхъ, а въ покояхъ государевихъ прихожыхъ и протчихъ кавалеровъ ордина святого Александра Невского поздравляли. Въ исходѣ 11-го часа ишли всѣ кавалери по парамъ, а за ними его высочество государь великій князь, а въ замкѣ сама государиня въ бѣломъ платьѣ съ красними камзолами и въ чолкахъ красныхъ всѣжъ кавалери, за государинею великая княгиня, прінцесса Госсенгомбурская, штатсъ дамы и другіе придворные-жъ дамы до церкви малой, внутрь покоевъ имѣючейся, и изъ церкви обратно въ покои такимъ-же порядкомъ, въ которыхъ столы заготовлены были для кавалеровъ, и тутъ они всѣ у стола государева обѣдали при пушечной палбѣ. Мы были у духовника, где архіереевъ сунодалныхъ и протчихъ застали; оттоль заездили до Гамаліи, а надъ вечери и онъ къ намъ прибывъ, проседѣлъ до позна.

31. По утру ездили до Александра Борисовича Бутурлина и просили о кролевецкомъ ярмарку, а оттоль были въ дворцѣ, где Якубовичъ допущенъ будучи передъ государиню, говорилъ рѣчь перво ставши на колѣнихъ, а кончилъ стоя. Мы обѣдали и весь день пробавили у Гамаліи. Весь-же день паче протчихъ прежныхъ силный дожчь шолъ.

Сентемврій.

1. По утру призиваны мы въ сенатъ и подали доношеніе о кролевецкомъ ярмарку самымъ сенаторамъ, которое при насъ и читано и обѣщана резюлюція. При концѣ обѣда пріехалъ до насъ Якубовичъ и, мало покушавши, сидѣлъ у насъ нѣсколько часовъ. Вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

2. По утру изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъехать до монастыря воскресенского,називаемого Новый Іеросолимъ. Писано отъ мене повторное доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію о пляцахъ Рубановскихъ, имѣвшыхся подъ селитбами и подъ 6-ю коморами крамними, чтобъ оные отведены были подъ строеніе и подъ коморы между другими крамними лавками; да до Скоропадского отвѣтовалъ противъ его трохъ писемъ и къ нему-жъ сообщено писмо отъ Савы Матвѣева, къ намъ передъ симъ писанное.

3. Весь день въ квартерѣ пробыли, а въ вечеру заежджалъ къ намъ Іванъ Жоравко съ сожителницею своею Евдокіею Гарасимовною.

4. Писаны писма въ домъ до жены о алябастрѣ, купленномъ и отпущенномъ въ Кролевецъ, до Скоропадского о доношеніи подъ 8-мъ числомъ въ войсковую генералную канцеллярію писанномъ, до атамана кролевецкого Зубахи стороны двора его продажного. Позичены два рубли денегъ жителю костантиновскому, полку лубенского, Павлу Афанасіеву Голюнцѣ, и на оные взятъ у него ѳблѣгъ. За пошитье кезикина 50 к., Грицку на чоботи 22 к., за полсукенко на обшлоги 10 к., за круживо и прочее 16 к.

5. Рано были съ поздравленіемъ у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, а другихъ не застали. Обѣдни и молебствія слушали въ Чудовомъ монастырѣ. Обѣдали у графини Гендриковой ради тезоименитства дочери еи Елисавети Івановны, которой подаренъ отъ мене платокъ шолковый. При обѣдѣ тамъ-же были кавалеръ св. Анны Аркадій Івановичъ Бутурлинъ и сестра его вдова, да дѣти Николая Наумовича Чоглокова, Наумъ и Симонъ, съ своимъ учителемъ французомъ. Вечеромъ были мы у оберъ-секретаря сенатского Павла Василіевича Севергина. Въ воскресенскомъ монастырѣ пожаловала государиня камеръ-юнгеромъ Івана Івановича Шувалова, числа вчорашного.

6. Ездилъ въ сенатъ и въ штатсъ-кантору одинъ Гудовичъ, а между тѣмъ былъ у насъ Якубовичъ съ зятемъ и швагромъ своимъ и поехалъ зъ нашей квартери до графа Гендрикова въ Прусы.

7. Привезены изъ рентереи денги за мѣсяцъ августъ 100 р., изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отданы на харчевый росходъ. Выданы указы изъ сената о ярмарку кролевец-

комъ—быть оному зъ 15-го октября—въ войсковую генералную канцеллярію, да въ каморъ и комерцъ коллегіи. Вечеромъ были у Гамаліи, которому и челобитная поправлена о уволненіи отъ полской коммиссіи.

8. Были рано у графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ въ дворецъ ездили, а вечеромъ ездили купно съ Гамаліею къ Лукину. Сотникъ кролевецкій съ нами простилься, которому даны отъ мене ad interim за алябастру 25 пудъ купленного по 7 к. и за отвозъ оного 4 р., да ему-жъ вручены и писма и доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію, писанные подъ 8 и 4 числами сего мѣсяця, и особое писмо до полковника нѣжинского Кочубея съ копіею руки Якубовича. Государиня изволила прибыть въ Москву и тутъ ужинать въ домѣ конюшенной канцелляріи ассесора Сергія Васильевича Поздѣева, потомъ въ дворецъ пріехать позно.

9. Послѣ обѣдень были въ дворцѣ у Өедора Івановича Коченевского, а графа Розумовского не видали. Іванъ Гамалія перейшолъ на другую квартеру въ дворъ деревяный маіора гвардіи преображенского полку, князя Александра Александровича Меншикова. Силный былъ дожчь.

10. Обѣдали у насъ полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Яковъ Алексіевичъ Шубскій, да Іванъ Гамалія. Послѣ полдня изволила государиня перейти изъ Головинскихъ въ новопостроенные покои. Въ вечеру были на новой квартерѣ у Івана Гамаліи.

11. Рано были въ дворцѣ въ новыхъ покояхъ и тутъ кланялись графу Розумовскому, где видѣлись съ княземъ Өеодоромъ Івановичемъ Голицинымъ, которій представлялъ графу Розумовскому сина своего малолѣтного, новопожалованного въ конную гвардію капраломъ. Тамъ-же видѣли Өедора Мировича, бывшого въ Енисейску воеводою. Вечеромъ былъ я перво у Гамаліи и тамъ засталъ свойственицъ жены его, потомъ у графа Гендрикова, где засталъ Якубовича съ женою, зятемъ и дочкою, которые тамъ-же и вечеряли.

12. Передъ обѣдомъ ездили въ дворецъ, токмо не застали графа Розумовского,—ездилъ за государинею за 12 верстъ, а по полдни ездили мы оба и съ нами Гамалія до князя Н. Юр. Трубецкого, съ которымъ изъ окказіи сторони саранчи говорили, чтобъ

поудержано винокуреніе еще чрезъ годъ и устроени-бъ магайзены для наполненія хлѣбомъ ради скудного народа. Тако-жъ говорили о кролевецкомъ ярмарку и о дѣлѣ поченціовъ, а возвратясь сидѣли нѣсколько часовъ у Гамаліи.

13. Сей ночи прибыли въ Москву и въ дворцѣ графскомъ стали сестра графская Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ, да дядя его Денисъ Демешко, сватъ канцлеровъ и Василь Лизогубъ. Мы перво были у канцлера и допущены были-жъ къ нему; потомъ заездили въ дворецъ, а оттуду были въ Перовѣ и тамъ у Жоравки обѣдали, где жена его подарила дѣтямъ моимъ 3 цвѣтки китайскихъ. А оттоль заездили въ домъ графскій бархатный и тутъ съ пріежжими видѣлись; мимоездомъ-же были у Івана Андріяновича Возжинского. Сего-жъ числа писалъ до жены и до сина Василя чрезъ людей графа Мойсѣя въ Стародубъ отправленныхъ.

14. Были въ дворцѣ на обѣднѣ въ малой церквѣ государиня и іхъ імператорскіе высочества. Мы видѣлись съ Ѳедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которій говорилъ намъ о поданномъ въ генералную канцеллярію доношеніи на полковника чернѣговского Божича о произвожденной пушечной палбѣ во время священія церкви въ монастырѣ рихловскомъ отъ урядниковъ генералной артилеріи.

15. Писано отъ насъ до генералной старшины, въ канцелляріи генералной присутствующей, сторони оного на Божича доношенія, по требованію Ѳедора Івановича Коченевского. Мились въ банѣ на квартерѣ Івана Гамаліи и у него-жъ сидѣли до позна, где пріездилъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ.

16. Заплачено за синелѣ разныхъ цвѣтовъ 3 руб. 25 коп., за чайникъ мѣдный 1 р. 30 к. Въ дворецъ ездилъ одинъ Гудовичъ и тамъ обѣдалъ у Ѳ. І. Коченевского, а по службѣ Божой государиня изволила отъехать въ Тайницкое. Вечеромъ сидѣли мы у Гамаліи, которому подаренъ отъ мене камушокъ одинъ на печатку, а другій ему-жъ данъ для вирѣзанья моего гербу. У Якубовича кушалъ графъ К. Г. Розумовскій.

17. Рано ездили до адмірала князя Михайла Михайловича Голицина сенатора, потомъ до именинници Вѣры Григоріевны, у которой и обѣдали купно съ Жоравкомъ и его женою, да зъ судею ахтирскимъ и его женою, зъ племѣнниками графскими и съ прот-

чими нашими. А передъ обѣдомъ виправили обратно въ Малую Россію Дениса Демешка, пріездившого сюда, которому государиня пожаловала 3,000 р., и чрезъ него отпущено наше писмо до старшины генералной, подъ 15-мъ числомъ писанное. Графъ Гендриковъ съ графинею былъ на вечеринцѣ у Якубовича, а мы были у Гамаліи, где Горчакова и нѣкоторого подполковника Пушкина застали.

18. По утру былъ у насъ архимандритъ костинскій Карновичъ, которій у насъ-же и обѣдалъ. А по полдни были мы у графа Гендрикова и тамъ-же вечеряли.

19. Обѣдалъ у насъ и доволно просидѣлъ Василій Лизогубъ, а по полдни были у Лукина и до вечера просидѣли съ Горчаковымъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ рано до великого князя въ Раево съ охотою псовою.

20. Ужинали у графа Гендрикова.

21. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ обѣдали у графа Гендрикова, а послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ я зъ графомъ Гендриковымъ въ село его Прусы и туда прибыли въ 8-мъ часу.

22. Графиня съ тіоткою своею Анною Івановною и съ протчими отъехали изъ Прусъ въ 12-мъ часу до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ вечеромъ пріездилъ въ Прусы до графа сосѣдственный помѣщикъ Өедоръ Івановичъ Карамишевъ, съ двома своими синами, Николаемъ и Василіемъ, и тамъ-же ужинали. Сины г. Скоропадского изъ чужыхъ краевъ прибыли въ Глуховъ.

23. Попъ изъ села того-жъ Карамишева служилъ обѣдню въ церквѣ въ Прусахъ и тамъ-же обѣдали у графа оный-же Карамишевъ съ синами и невѣсткою своею, умершого Івана Петровича Толстого дочерью. Отъехали мы на охоту и, затровивъ 2-хъ зайцовъ, ночовали въ деревнѣ монастыря Троецкого Сергіевского Протасовѣ.

24. Въ 8-мъ часу по полуночи поехавъ мы на охоту, ездили до 4-го часу по полдни и затровили 3-хъ зайцовъ; потомъ обѣдали, а по обѣдѣ забавлялись стрелбою голубовъ и въ той-же деревнѣ ночовали.

25. Рано пріѣхалъ туда-жъ нѣкоторій старикъ помѣщикъ Михайло Григорьевичъ Собакинъ съ своею псовою охотою, изъ которымъ поехавъ графъ и мы, цѣлій день тровили въ мѣстахъ раз-

ныхъ зайцовъ, въ томъ числѣ и около села Марфиной, где преславный дворъ покойного графа Семена Андревича Солтикова съ многими изрядними строеніами видѣли, а вечеромъ прибыли въ Прусы, и тутъ ночевалъ я въ кибѣтки.

26. Писалъ я къ Гудовичу съ посилкою зайця одного и 6 голубовъ застреленыхъ, а до Грицка о присилки нѣкоихъ потребностей. Графъ рано отправилъ часть своей охоты зъ охотниками въ Раево до его высочества государя великого князя. Потомъ обѣдали мы и въ бани мились у Карамишева.

27. Графъ отъехалъ рано на охоту до Собакина и уже вечеромъ оттоля прибылъ, а я, за бывшимъ тогда великимъ морозомъ, не ездилъ. Того-жъ числа и крупа снѣжная випала была. Ночью сонъ трижды одинъ видѣлъся.

28. По полдни въ 3-мъ часу поехалъ я изъ Прусъ и какъ пріежжалъ къ селу Тайницкому, где дворецъ изрядный государевъ и церковь огромная каменная, для бытія тамъ государини випалено изъ 51 пушки. Прибылъ-же я въ Москву 6-го часа.

29. Ездили въ дворецъ и были тамъ у Ѳедора Івановича Коченевского, потомъ писали писма въ Глуховъ до Скоропадского и Валкевича о полской комміссіи, да до полковника нѣжинского Кочубея чрезъ служителя его, туда отъежжаючого. Въ 4-мъ часу по полдни прибыла государиня въ дворецъ къ Москвѣ, а ночью переведена туда-жъ Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дарагановъ.

30. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Вѣры Григоріевны и мужа еи на новосѣльѣ въ тихъ дворцовыхъ покояхъ, где прежде живалъ графъ Алексей Григоріевичъ Розумовскій. Потомъ отъехали на свою квартеру и тутъ у насъ обѣдали Іванъ Гамалія съ женою. А надъ вечери пріехалъ графъ Гендриковъ изъ Прусъ, у которого мы были и ужинали.—Росплатка учинена по порахунку зъ Грицкомъ: за 6 аршинъ бѣло... на юпку 2 р. 40 к., за пошитье оной 30 к., за перешитье черкески 40 к. Остапу кравцю. На разные дробные росходы—1 р. 8¼ к.

Октоврій.

1. Рано были у сенатора и генерала аншефа Василія Івановича Левашова. Потомъ отъехали въ дворецъ, где въ исходѣ 11-го

часа государиня изволила отъехать въ свое село Покровское и тамъ службы Божой слушать и обѣдать, а его імператорское высочество слушалъ обѣдни въ малой дворцовой церквѣ, послѣ-же и у ручки его были. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, куда по обѣдѣ пріездилъ и Якубовичъ съ Василемъ Лизогубомъ; потомъ въ вечеру были мы съ Гамаліею-жъ и Лизогубомъ у графа Гендрикова.

2. По утру были въ дворцѣ, где представлялъ графу Розумовскому атамана донского Данила Ефремова генералъ Апраксинъ, которій атаманъ подарилъ графу яничарку и сосудъ турецкій и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. Я обѣдалъ у Івана Гамаліи и тамъ же до вечера просидѣлъ. За вирѣзанье печатки съ моимъ гербомъ на каменѣ серделіку заплатилъ 3 р.

3. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звали къ себѣ Евфимъ Ѳедоровичъ Дараганъ и Вѣра Григоріевна, у которыхъ мы и обѣдали, где по обѣдѣ къ нимъ-же приходилъ и подполковникъ Ликевичъ; а между обѣдомъ говорилъ мнѣ тотъ-же Дараганъ, что вчорашнего числа, какъ онъ былъ съ женою своею у стола государини, то ея величество между протчими и мою жену милостиво поминать изволила.

4. По утру въ началѣ 10-го часа предъ полуднемъ были мы у графа Розумовского и зъ онимъ доволно о гетманствѣ разговоровали, потомъ, у него-жъ будучи, и духовникъ о томъ-же ему говорилъ, а зъ дворца заездили на бархатный дворъ и тутъ у Жоравки и у Лясевіцкого, судіи ахтирского, были. Было погребеніе въ Чудовомъ монастирѣ въ Кремлѣ сенатору, оберъ шталмейстеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину, которій, долговременно хоровавши, преставилъся сего октоврія 2-го числа рано. Писаны отъ мене писма: 1-е до полковника чернѣговского Божича, другое до асаула енералного Валкевича въ отвѣтъ противъ ихъ до мене писемъ, и оные въ пакетъ къ Скоропадскому, при писмѣ отъ насъ обоихъ, стороны 8 коней и бочки вина красного волоского писанномъ, включены.

5. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Ѳедору Даниловскому съ товарищы, которые отпущены изъ сената въ Глуховъ съ переписанными книгами генералного слѣдствія о маетностяхъ и съ копіями сенатскихъ указовъ разныхъ годовъ, кои во время прошлогодского пожару въ Глуховѣ погорѣли подлинные, и

оные-жъ канцеляристи съ нами простились. Я одинъ обѣдалъ у Івана Гамаліи, а потомъ оба были у графа Мойсѣя Владиславича и у Александра Тихоновича Лукина. За полтрети аршина красного свистуна до попелятого кунтуша на лиштвы заплачено 2 р. 75 к.

6. Привезлъ Гудовичъ изъ рентереи денегъ 100 р. кормовыхъ за септеврій мѣсяць, изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отдаватимутся Кохановскому на повседневный росходъ. Салдатъ Калугинъ явилъся у насъ, прибывшій изъ Глухова до дворця зъ дрохвами. Во время обѣда костка вьязла была въ горлѣ. Послѣ полдня ездили въ дворецъ, а отголь были на комедіи въ оперномъ домѣ.

7. Пришла вѣдомость до генералши Катерины Івановны Шиповой, что сожитель еи, генералъ-лейтнантъ и кавалеръ, Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ прошлого сентября 29-го преставилъся на линіи, у которой генералши мы были, и что оная нечаянно заболѣла, для того кровь ей пущана. Рано были у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у графа К. Г. Розумовского, потомъ обѣдали въ домѣ, а вечеромъ у Івана Гамаліи сидѣли.

8. По утру были у графа Гендрикова и у графа Петра Івановича Шувалова, которому и писмо къ намъ зъ Глухова о имѣючихся прислати 8 коняхъ показовали. По обѣднѣ, слушанной въ дворцѣ, были съ протчими у ручки государини, потомъ у графа Розумовского, где при бытности нашей данъ портретъ на синіой лентѣ атаману донскому Данилу Ефремову. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны съ протчими. По полдни въ 5-ть часовъ былъ сездъ на свадбу въ домъ покойного Александра Львовича Наришкина, которого синъ Александръ камеръ-геръ женилъся на дочерѣ-генерала - маіора Никиты Івановича Румянцова, Аннѣ, где государиня со всѣмъ дворомъ своимъ присутствовать изволила и уже въ 3 - мъ часу по полуночи розехалися. Графъ Іванъ Григорьевичъ Чернишовъ пожалованъ камеръ-юнгеромъ и съ нимъ обручена фрейлина Евфимовская. Въ вечеру были у насъ: подполковникъ Ликевичъ и Іванъ Гамалія, потомъ пришолъ Стефанъ Лукомскій пяный и много болталъ де чого и на силу збули его, отшедшого пѣшкомъ съ нашимъ служителемъ. Да были-жъ у вдовы генералши Шиповой мимоездомъ изъ дворця. Сего - жъ числа женилъся князя Өедора Івановича Голицина синъ на племенницѣ Шуваловыхъ.

9. Даны Грицку 4 р. на сосуды мѣдные, для швагра Ѳедора Корецкого дѣланные. Рано были въ дворцѣ и просили Александра Петровича Сумарокова о докладѣ, чтобъ Івана Гамаліи зъ квартери не висилано. Я обѣдалъ у Гамаліи, а вечеромъ были у насъ Горчаковъ и Лукинъ съ Гамаліею.

10. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевни, а потомъ были у графа Гендрикова, которій обѣдалъ у тіотки своей графини Скавронской, а оттоль пріехавъ, удержалъ меня на ужинъ. Гудовичъ-же ездилъ въ дворецъ одинъ для взятія позволенія графу Гендрикову ехать на три недели въ суждалскіе его деревни. Гамалія перешолъ на другую квартеру.

11. Писаны писма одно къ бунчуковому товарищу Григорію Богдановичу съ включеннымъ въ оное указомъ по дѣлу его съ умершымъ подполковникомъ Роде, изъ военной коллегіи до генерала губернатора кіевского Леонтіева писаннымъ и съ копіею о томъ же приговора; другое до Василія Туманского, за старшого канцеляриста въ генералной канцелляріи правящого, объ отсилки того моего къ Богдановичу съ указомъ писма. Обѣдали мы съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ у Вѣри Григоріевны, а при томъ были мужъ еи, до Жоравко и Лясавіцкій съ женою своею Дубіновною и весь день тамъ просидѣли. Въ вечеру-же былъ тамъ графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ и скоро отойшолъ. Потомъ-же и мы съ графомъ прибыли въ свою квартеру, где доволный имѣли розговоръ съ Тризною о депутатствѣ, въ которое и прежде не былъ онъ опредѣленъ.

12. Писано писмо до сотника глуховского Демяна Турянского объ отводѣ на шесть лавокъ крамныхъ и за двѣ дворовые земли мѣстъ противъ посланного отъ мене въ войсковую генералную канцелярію прошлого юня 24-го дня доношенія, изъ которого тамъже сообщена копія, и оное писмо, такъ-же и вчора писанные, вручены солдату глуховского гарнизонного полку Калугину, которому и на дорогу дано 10 к. По утру ездилъ одинъ Гудовичъ до дворця, а я въ квартирѣ былъ, вечеромъ-же оба были у Івана Гамаліи на новой его квартерѣ въ Бѣломъ городѣ. Куплено до шубы крашенины бѣлой 10 аршинъ за 40 к., до юпки полотна 5 аршинъ за $22^{3}/_{4}$ к., полфунта бавовны за $17^{3}/_{4}$ к., Івану Рудому на чоботы пришвы

20 к. Грицко издержалъ моихъ денегъ на виправу указу по дѣлу бунчукового товарища Григорія Богдановича изъ военной коллегіи 1 р. 80 к. Изъ сего числа противъ

13. Ночью родилъся синъ Алексій судіи полковому ахтирскому Константину Алексіевичу Лясавіцкому. Вчорашного числа генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шипова жена Θеодосія Івановна преставилась послѣ рожденія того-жъ числа дочери. Едучимъ намъ изъ дворця обявилъ поруччикъ гвардіи ізмайловского полку Гаврило Θедоровичъ Вишневскій, что пожаловала его государиня полковникомъ. Послѣ полудня были у насъ полковникъ Василь Танскій и Іванъ Гамалія. Писано отъ насъ отвѣтное писмо до преосвященного Платона Петрункевича, епископа владимерского, сторони брата его, въ Сосницѣ жителствующого. Синъ есаула генералного Якубовича Александръ, пажъ, прибылъ изъ С.-П-бурха въ Москву. Подполковникъ Іванъ Мойсіевичъ Ликевичъ представлялъ жену свою невидящую государинѣ. Снѣгъ болшій випалъ и здѣлалъся зимный путь.

14. Умершая жена генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова Θеодосія Івановна, зъ дому Сенявиныхъ, погребена въ монастырѣ Златоустовскомъ, на которомъ погребеніи и мы были. Службу Божію служилъ и погребалъ пресвященный Платонъ Малиновскій, московскій архіепископъ; присутствовали при томъ многіе изъ знатныхъ мужеска и женска полу, въ томъ числѣ генералъ лейтнантъ, бывшій генералъ провіантъ-мейстеръ Шереметевъ и Іванъ Якимовичъ Синявинъ. Въ вечеру были на бархатномъ дворѣ и поздравляли Лясавіцкого и жену его новорожденнымъ синомъ, где была-жъ Віра Григоріевна и полковникъ Коченевскій.

15. Рано были у графа Гендрикова, которій, по позволенію отъ двора данному, отъехалъ въ далные свои деревни до 1-го ноября. Мы обѣдни слушали въ дворцѣ и были у графа Розумовского, потомъ у зятя его, именинника, Евфима Θедоровича Дарагана обѣдали, а по обѣдѣ мимоездомъ были у генералши Шиповой вдовы. Въ вечеру-же поздно ездили до Лукина и тамъ съ княземъ Юсуповымъ, отставнымъ гвардіи капитаномъ, седѣли.

16. Въ 11-мъ часу передъ полуднемъ призивано насъ въ сенатъ и тутъ объявлено, что нѣкоторые бѣглые раскольщики подали челобитную, чтобъ имъ позволено селиться на той сторонѣ Днѣпра

у городка, такъ называемаго Крукова (около Кременчуга), при которомъ будто имѣются земли пустые. Но мы противъ того спорили, предлагая между протчимъ, что нашимъ людямъ и отъ тѣхъ расколщиковъ, кои поселены въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, многіе чинятся обиды. Потомъ изъ сената отъехали мы до секретаря Новоторжцова и тутъ у него имѣли о тѣхъ-же расколщикахъ и о почепцяхъ розговоръ. Послѣ полдня ездилъ я до генерала рекетмейстера Дивова зъ Гамаліею и просилъ его какъ о его, такъ и о своемъ дѣлѣ, потомъ заездилъ и до Гамаліи. Сигнетъ (печать) зъ моимъ гербомъ отдѣлалъ майстеръ молодый Бібо. Указъ именный подписанъ о отправленіе графа Гендрикова въ Малую Россію для избранія гетмана.

17. Сочиненное доношеніе въ сенатъ о неотводѣ малороссійскихъ земель подъ великороссійскихъ бѣглецовъ и ни подъ кого подано Гудовичемъ въ сенатѣ и принято къ дѣлу. Секретарь Новоторжцовъ обѣдалъ у насъ, а вечеромъ у насъ-же былъ Гамалія.

18. Рано были въ дворцѣ передъ графомъ Розумовскимъ, которій обявилъ намъ о скорой отправѣ въ Малую Россію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего-жъ числа посланы именные указы: одинъ въ сенатъ, другій въ коллегію іностранную, и о переносѣ изъ сената въ ту коллегію всѣхъ дѣлъ малороссійскихъ. По полднѣ были перво у князя Никиты Юрьевича Трубецкого, потомъ у секретаря Новоторжцова, и они тако-же о вышеписанныхъ указахъ намъ обявили. Лошади, вчора изъ Глухова приведенные чрезъ 4 компанѣйцовъ, вороные осмь отведены къ графу Петру Івановичу Шувалову.

19. По утру ездили до граѳа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, и оного просили о скоромъ отправленіи міністра для избранія гетмана въ силѣ именного указу и о протчемъ розговоръ имѣли. Потомъ были у духовника и о томъ-же указѣ обявляли. Обѣдали у насъ Антонъ Милорадовичъ, полковникъ Василь Танскій, да Зеленскій и другіе, а потомъ былъ у насъ-же Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Ликевичъ, а въ вечеру пріездила графиня Гендрикова Катерина Сергіевна съ сестрою своею Анною Сергіевною. Былъ тако-же у насъ и Александровичъ. Рано послана отъ мене Александра Тихоновича Лукина сину малому Петру малая табакерка срѣбрная и платокъ

шолковый за присланную именемъ его передъ симъ ко мнѣ чайницю срѣбрную, въ которой вѣсу $47^2/_4$ золотника.

20. Рано были у графа и благодарили за ходатайство и о протчихъ нуждахъ говорили. Потомъ заходили въ дежурную до г Шувалова и цену за 8 коней обявили. Обѣдали у Гамаліи, а отъ него поехали до графа Кирила Григорьевича Розумовского, оттудуже заездили до преосвященного псковского Симона Тодорского въ петровскій монастырь.

21. По утру были у графа Кирила Григорьевича Розумовского и съ нимъ, а послѣ купно и съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ, доволный о нуждахъ нашыхъ малороссійскихъ розговоръ имѣли. Писаны и отправлены писма чрезъ 3-хъ компанѣйцовъ въ Глуховъ до старшины генералной всей, съ сообщеніемъ копіи именного указа о избраніи гетмана и сенатского опредѣленія; другое— о присланныхъ 8 коняхъ для г. Шувалова, а отъ мене писано до Скоропадского объ отправленіи писма до жены моей, где включено писмо и отъ Гудовича до его жены. Государиня ужинала у Романа Ларіоновича Воронцова. Вечеромъ были у Лукина, потомъ у габінетского сокретаря Якова Ісаевича Бахирева. За одну дюжину ножовъ неоправныхъ дано 2 р. 50 к.

22. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ по обѣдни у ручки іхъ высочествъ. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, по обѣдѣ заехали до подполковника Ликевича, у которого до 8-го часа проседѣли.

23. По утру были у сина великого канцлера графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина, которого застали болного, потомъ заездили до канцлера и во дворецъ; послѣ отъехали къ преосвященному псковскому Симону Тодорскому и у него обѣдали. Вечеромъ были у насъ подполковникъ Ликевичъ, Гамалія и Горчаковъ. Привели назадъ конѣ рано отъ графа Шувалова.

24. По прибытіи нашемъ въ дворецъ рано откланялъся государинѣ асаулъ генералный Якубовичъ съ женою своею и зятемъ. Потомъ были мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а обѣдали у графини Гендриковой съ графинею Маріею Івановною Скавронскою, архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ и бывшимъ економомъ невского монастыря. Вечеромъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ и Дерюжкинъ. Писано отъ насъ писмо до графа Івана

Симоновича Гендрикова съ обявленіемъ состоявшогося именного указу, присланного въ сенатъ сего октоврія 18-го, объ отправѣ его въ Малую Россію для избранія гетмана и чтобъ изволилъ пріездить въ Москву безотлагателно.

25. Оное писмо отослано къ графинѣ Катеринѣ Сергіевнѣ Гендриковой для отсилки къ графу туда, гдѣ онъ нинѣ обрѣгается. Въ 10-мъ часу передъ полуднемъ были у ассесора академіи Григорія Николаевича Теплова и ему-жъ вручены отъ насъ 2 копіи грамотъ гетману Хмелницкому на права и волности, другой—шляхтѣ малороссійской, да 2 Петра Великого на избраніе гетмана Скоропадского и на урядъ ему данныхъ; тако-жъ копія прошенія нашего о бытіи въ Батуринѣ резиденціи по прежнему, государинѣ въ С.П. Бурхѣ поданного, и меморіалу здесь, въ Москвѣ, о дѣлахъ малороссійскихъ графу Розумовскому сообщенного; такожъ списокъ пактъ гадяцкихъ. Тотъ-же Тепловъ сказывалъ намъ, что въ недавныхъ числахъ въ С.-П.-Бурхѣ сгорѣлъ совсѣмъ оперный домъ.

26. Рано были перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева и поздравляли его тезоименитствомъ, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина и въ дворцѣ обѣдни слушали. Послѣ обѣдни ездили на квартиру къ Якубовичу и тамъ съ женою его и съ протчими простились. Сего числа даны отъ военной коллегіи двомъ яицкихъ козаковъ старшинамъ золотые о коронаціи государыни медаллы не малые для ношенья на шеи на красной лентѣ.

27. Были въ дворцѣ у духовника, потомъ на бархатномъ дворѣ у Василя Лизогуба обѣдали, а Жоравко съ женою и Вѣра Григоріевна обѣдали у переславского архіерея Арсенія Могилеанскаго. Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ Михайло Новоторжцовъ.

28. Рано были у Теплова, а вечеромъ у Михайла Ів. Новоторжцова, которій вчора пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ въ іностранную коллегію, и у него-жъ при насъ были Петръ Курбатовъ и Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретари той же коллегіи, да Урилъ у насъ и обѣдалъ. Вечеромъ до поздна у насъ-же сидѣлъ Гамалія.

29. По обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у Вѣри Григоріевны съ многими нашими, а по обѣдѣ заездилъ къ намъ подполковникъ Ликевичъ и доволно у насъ проседѣвъ, отъехалъ въ дворецъ на куртакъ. Тамъ-же въ дворцѣ по обѣдни видѣли мы по-

мянутую старшину яицкую съ медаллами на шіи. Зговорена дочь графа Александра Івановича Шувалова за Головкина камергера.

30. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского, но оного не застали, токмо съ Тепловымъ видѣлись и ему сочиненіе о титулѣ вручено. Надъ вечери ездили до Івана Гамаліи, куда пріездилъ и Лукинъ. Ночью прибылъ графъ Гендриковъ въ домъ свой.

31. По утру были у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого взялъ и денегъ 100 р.; а чтобъ оные отдалъ Скоропадскій, о томъ къ нему писалъ я чрезъ Ілью Навроцкого, отправляючогось въ Украину отъ Коченевского. Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ у ихъ высочествъ была и кушали у стола ихъ собственного. У насъ обѣдалъ подполковникъ Ликевичъ, потомъ мы отошли къ графу Гендрикову и у него сидѣли до позна и ужинали.

Ноеврій.

1. Писаны писма: 1-е въ Глуховъ до старшины генералной о обидахъ короповцямъ (жителямъ г. Коропа) и другимъ подданымъ артилерійскимъ, отъ урядниковъ генералной артилеріи чинячихъся; 2-е отъ себе до Романа Журбы, сотника волинского, чтобъ онъ сотнянъ своихъ не обижалъ, да изъ Стефаномъ Петрункевичемъ, канцеляристомъ войсковымъ, помирился-бъ и жилъ спокойно, которій у насъ съ Ярошевичемъ и обѣдалъ.

2. Рано я былъ одинъ съ графомъ Гендриковымъ у віце-канцлера Воронцова, потомъ въ дворцѣ у Василія Івановича Чолкова, а обѣдали онъ, графъ и я у Вѣры Григоріевни съ мужемъ еи и съ женою ротмистра Чуфаровского и уже позно оттуду приехалъ въ квартсру, а Гудовичъ обѣдалъ и ужиналъ у графа Гендрикова съ графинею. Государыня изволила быть сей день у графа Кирила Григоріевича Разумовского.

3. Куплены завойковые 3 футри для Скоропадского за 82 р. 50 к., да двѣ чемровые за 22 р., а для сина моего Василя одно завойковое за 27 р. 50 к. Для него-жъ три пари башмаковъ за 1 р. 50 к., сапоги 1 р. 30 к., двѣ пари туфлей чорныхъ 50 к., шесть паръ черевиковъ дамскихъ матеріалныхъ (шелковыхъ) по 40 к.—чинитъ 2 р. 40 к.; шесть паръ туфліовъ дамскихъ-же за

89 к., сапожки для сина Івана 35 к., для его туфли 17 к., башмаки 25 к., шнурка золотого за 22¾ к., за футлярикъ на зубочистку 12 к., на розные дробязки розишлось 12 к. Сотнику полтавского полку Семену Кулику позичены 10 р. и взятъ у него облѣгъ. Писано отъ мене писмо до Скоропадского за канцеляристомъ Лисянскимъ, чтобъ его повѣтчикомъ стародубскимъ опредѣлено. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за октябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли оба по 20 р., а осталные 60 въ росходъ держатимутся.

4. Писано писмо до Скоропадского о покупленныхъ вчора футрахъ лисѣхъ, которые и оное писмо вручено Івану Обтовскому, имѣющему отъездить въ Украину. Рано были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а прежде у Теплова, где и маіора гвардіи Василія Александровича Нащокина о Михайлу и Григорію Шиповыхъ просили Вѣра Григеріевна съ мужемъ и Лизогубъ съ дочерю, да и мы съ ними; обѣдали у графа Гендрикова и вечеряли мы.

5. Рано были перво у графа Гендрикова, потомъ у віце-канцлера, которій намъ говорилъ о доношеніи отъ насъ въ сенатъ поданномъ, чтобъ расколниковъ не селить на нашыхъ земляхъ, послѣ у канцлера, где насъ поздравлялъ Апраксинъ переселеніемъ въ іностранную коллегію. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ и послѣ были у графа Розумовского, обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ были у Гамаліи и съ нимъ на балѣ и куртакѣ въ дворцѣ.

6. По утру въ 10-мъ часу были у графа Розумовского и съ нимъ говорили о Батуринѣ и другихъ на гетмана надлежащыхъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и о протчемъ; потомъ просилъ я его и о своемъ дѣлѣ. Послѣ обѣда былъ у насъ Лукинъ, да камеръ-лакей Милорадовичъ съ братомъ своимъ и Іванъ Гамалія, а Гудовичъ у графа Гендрикова и тамъ-же вечерялъ.

7. Рано былъ у Гудовича Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ, потомъ Гудовичъ ездилъ одинъ перво въ коллегію иностранную, потомъ до графа Кирила Григоріевича Розумовского и у него въ домѣ съ графинею и съ Тепловымъ обѣдалъ, а я весь день въ квартерѣ пробылъ.

8. Написанное писмо до надворного совѣтника Михайла Івановича Новоторжцова съ поздравленіемъ его тезоименитства нынѣш-

него отослано къ нему чрезъ Григорія и при томъ фляшечку срѣбрную, отъ Лукина мнѣ подаренную.

9. Званы нарочно отъ Новоторжцова, обѣдали у него съ дѣйствителнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, женою его и зятемъ Ільею Михайловичемъ Радванскимъ, шляхтичемъ смоленскимъ и его-жъ женою, а дочерью Демидова, да съ президентомъ бергъ-коллегіи Антономъ Ѳедоровичемъ Томиловымъ и другими гостми и до позна у него проседѣли. Николай Тризна изъ нашей квартери переѣхалъ на другую въ дворъ бархатный.

10. Рано были у канцлера и просили его какъ стороны Батурина, такъ и объ отправѣ нашей, которій велѣлъ намъ дать себѣ копію прошенія нашего о Батуринѣ, въ С.-П.-Бурхѣ государынѣ поданного 1748 г. сентября 28-го дня. А оттоль заездили въ дворецъ и говорили Барановскому о припоминаніи графу Розумовскому о дѣлахъ осталныхъ и о нашей-же отправѣ. Потомъ были у Жоравка, а вечеромъ сидѣли у графа Гендрикова до позна. Въ вечеру позичены Івану Гамаліи 100 р. денегъ Скоропадского, взятыхъ за конѣ, которые приняла у мене жена его.

11. Были знову у канцлера и подали помянутого о Батуринѣ прошенія копію чрезъ секретаря Дмитрія Василіевича Волкова, которій отъ канцлера приказовалъ намъ о протчихъ дѣлахъ малороссійскихъ, изъ сената въ габинетъ докладами взнесенныхъ, написать доношеніе въ коллегію іностранныхъ дѣлъ. Сего-жъ числа рано прибылъ изъ Глухова по почтѣ слуга Валкевичовъ зъ писмами до насъ и зъ нѣкоторыми доношеніями въ сенатъ, съ промеморіею въ провіантскую канцеллярію и съ двома писмами до канцлера и віцеканцлера. Позичилъ я у Івана Жоравки и у жены его 300 р. денегъ и на оные далъ имъ отъ мене подъ 23-мъ числомъ облѣгъ сего мѣсяця. Обѣдали мы у подполковника Івана Мойсѣевича Лікевича и до вечера съ нимъ и съ женою его просидѣли.

12. Обѣдни слушали въ дворцѣ и съ протчими были допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, гдѣ обѣдали-же и юстицъ-коллегіи (*пробѣлъ*) Количовъ, которому были отъ насъ выговоры за нѣкоторые говоренные имъ на малороссіянъ поносные рѣчи. Потомъ заездили къ графу Гендрикову, у которого были нѣкоторые кавалери придворные, въ томъ числѣ графъ Андрей Ми-

хайловичъ Евфимовскій и Николай Наумовичъ Чоглоковъ при травленіи медвѣдіовъ.

13. Весь день были въ квартерѣ, а вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Івановичъ Владиславичъ и полковникъ Василь Танскій. Покуплены сего-жъ числа золотые и срѣбрные часы и сѣтки, а именно: на сукнѣ гасу золотого 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 30 лотовъ и 4 золотника, цена лоту по 95 к., заплачено денегъ 29 р. 13 к.; срѣбрного гасу 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 32 лота и 2³/₄ золотника, лотъ по 85 к., дано 27 р. 97 к.; гасу золотого и срѣбрного по 4 аршина, и того 8 аршинъ, вѣсу въ обоихъ 16 лотовъ, золотниковъ 2³/₄, цена лоту по 1 р. 15 к., дано 19 р. 35 к.; сѣтки золотой на двѣ портищи по 18 аршинъ, да гасу серебряного узкого на 1 портище 18 аршинъ, вѣсу во всѣхъ 47 лотовъ, 1 золотникъ, лотъ по 75 к., дано 36 р. 50 к.; гасу на шляпу сину Василю, вѣсомъ 5 лотовъ и ³/₄ золотника, лотъ по 1 р. 15 к., дано 6 р. 40 к.; за две притупеи 1 р., за кошеліокъ 80 к., за ленту 18 к., за двѣ пари чолковъ шолковыхъ, бѣлые и черные, за плюмажъ до шляпи и одну пару манжетовъ 10 р.; за 110 цвѣтковъ на паньенскіе уборы 20 р., да еще за сѣмъ цвѣтковъ дано 3 р.—Отправовались сватбы въ дворцѣ камеръ-юнкера графа Івана Григорьевича Чарнишова съ фрелиною Евфимовскою и Петра Петровича Наришкина съ княжною умершого въ Цесаріи князя Василія Никитича Репнина дочерью.

14. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, а обѣдали у себе съ Іваномъ Гамаліею и его женою. Послѣ обѣда ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, а я седѣлъ у графа Гендрикова, ужинали у Гамаліи съ брегадирами Аксаковымъ и Горчаковымъ.

15. Весь день пролежалъ и великій имѣлъ поносъ.

16. Ездили рано до канцлера и подали доношеніе съ прошеніемъ доложить ея імператорскому величеству объ отпускѣ и отправленіи нашемъ и о дѣлахъ 4-хъ, о коихъ изъ сената поданы доклады, да о Батуринѣ, чтобъ оному быть резиденціею. Вечеромъ были у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, опредѣленного въ експедицію дѣлъ нашихъ малороссійскихъ; потомъ до поздна седѣли у графа Гендрикова. Дочь Екатерина Якову Тимофіеву родилась.

17. По утру были въ дворцѣ и застали графа Розумовского отъежаючого на саняхъ, бо вчора випалъ хотя не болшой снѣгъ. Потомъ заездили въ Кремль въ коллегію іностранную и тутъ видѣлись съ Собакинымъ, съ Новоторжцовымъ и съ секретаремъ Пуговишниковымъ; послѣ были у графа Кирила Григоріевича Розумовского и тутъ увидѣлись съ Тепловымъ. Обѣдалъ у насъ полковникъ Танскій, а надъ вечери были у графа Мойсея и у полковника Гаврила Өедоровича Вишневского. Обосланъ Яковъ Тимофіевъ, ради родинъ дочери его, хлѣбомъ, водкою и вышневкою.

18. Рано были у віце-канцлера и подали ему меморіалъ о 5-ти дѣлахъ, въ габінетѣ имѣючихъся.

19. Нарочно званные преосвященнымъ Платономъ Маліновскимъ, архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, ради вчорашныхъ именинъ его, обѣдали у него съ графомъ Гендриковымъ; тамъ-же были Вѣра Григоріевна, Жоравка и Лесевіцкій съ женами и протчіе, тако-жъ преосвященный Сvмонъ Тодорскій, архіепископъ псковскій. Потомъ изъ тихъ-же гостей и у насъ были Евфимъ Дараганъ и Лесевіцкій съ женами, а отъ насъ были и у графа Гендрикова.

20. Ездили рано до графа Кирила Григоріевича Розумовского и презентовали ему 3 книги: двѣ Статута литовского по руску и по полску печатные, третую—Статуты коронные, да трактатъ зъ Полщею 1686 году учиненный, которимъ уступлена полякамъ тогобочная Украина. Вечеромъ были у графа Гендрикова.

21. По утру были перве у вице-канцлера, потомъ у канцлера и поздравляли праздникомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, послѣ которой были у ручки государыни гвардіи семеновского полку офицери. Обѣдали мы у Өедора Івановича Коченевского, а вечеромъ былъ у насъ и долго сидѣлъ подполковникъ Ликевичъ.

22. Передъ обѣдомъ отвезли и вручили Теплову выписку гадяцкой комміссіи. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, надъ вечери были перво у вдовы генералши Шиповой, потомъ у Жоравка, где застали и Өедора Івановича Коченевского и Якова Алексіевича Шубского. Тамъ-же и Лясавицкого болного посѣщали.

23. Рано были въ дворцѣ, где къ графу Розумовскому канцлеръ одинъ приходилъ. Григорію Дмитріеву 8 р., а Качановскому за издержанные на коней Скоропадского 13 р. изъ денегъ за тіе-жъ

кони взятыхъ дано. Надъ вечери были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, где и віце-канцлерову графиню Анну Карловну застали. Ужинали у графа Гендрикова.

24. Рано поздравляли графиню Катерину Сергіевну Гендрикову и генералшу Шипову Катерину Яковлевну тезоименитствомъ. Потомъ въ дворцѣ кланялись ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ и у ручки были въ ихъ апартаментахъ, ради тезоименитства ея высочества. Послѣ обѣдни заходили къ графу Розумовскому. Обѣдали у именинници графини Гендриковой. Въ вечеру знову были въ дворцѣ, где на балѣ и государыня присутствовать изволила. Сего числа кавалеріею пожалованъ генералъ-маіоръ Орловъ.

25. Ради воспоминанія вступленія государыни на престолъ ездили съ поздравленіемъ до офіцеровъ лейбъ-компаніи, а именно: до подпоруччика графа Гендрикова, до поруччика графа Александра Івановича Шувалова и у канцлера были, потомъ въ дворцѣ капитанъ поруччика Алексія Григоріевича Розумовского поздравляли. На обѣдни государыня была въ коронѣ и превеликій былъ сездъ ко двору духовныхъ и мырскихъ, тако-жъ и дамъ, а по обѣдни поздравляли пушечною палбою и музиками и барабанами отъ полковъ государиню. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ знову были въ дворцѣ, где лейбъ-компанія перво въ строй становилась (которой было всѣхъ чиновъ 303), потомъ къ ручки государыни допущены, таже за столами всѣ отъ рядовыхъ и даже до застроевыхъ кушали ужину съ государынею и со всѣми своими офіцерами, при играніи вокалной и инструменталной італіанской музики и при пушечной палбѣ, да притомъ-же была въ дворцѣ преизрядная иллюмінація, такожъ и по всей Москвѣ въ окошкахъ свѣчи свѣтили до полуночи.

26. Прежестокая изъ ранку и до полудня была метель и стужа; однако-жъ мы ездили рано въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. Потомъ отъехали обѣдать до подпоруччика Аполлона Васильевича Лодижинского, который, купивъ дворецъ на Петровки, звалъ между протчими и насъ на новосѣлья. По обѣдѣ ездили съ графомъ Гендриковымъ и генераломъ маіоромъ Володимеромъ Василіевичемъ Ізмайловымъ до князя Алексія Яковлевича Львова, на Петровкѣ-жъ дворъ свой имѣючого.

27. По утру ездили къ совѣтнику Собакину и до дворця, где съ генераломъ Таракановымъ розговори имѣли о откупщикахъ и о протчемъ. Тамъ-же въ дворцѣ у брата былъ графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій, а Тепловъ съ нами разговоровалъ и Василій Евдокимовичъ Ададуровъ. Отъ Новоторжцова присланъ къ намъ запросъ, где нынѣ гетманскіе клейноты содержатся. Писано отъ мене писмо до подполковника и воеводы въ Орелъ о покупки въ домъ мой для услуженія двохъ или трехъ дѣвочокъ не великолѣпныхъ крестьянскихъ.

28. Рано были въ дворцѣ и поздравляли духовника государыни, который прошлого числа 26-го сего мѣсяца поставленъ протопопомъ Благовѣщенского собора, что въ Кремлѣ. По обѣдѣ ездили къ графу Кирилу Григоріевичу, но оного не застали, толко съ Тепловымъ видѣлись; потомъ были у Новоторжцова и тамъ у него застали гусарского полку віце-полковника Стоянова Михайла Іванова сина.

29. По утру были въ дворцѣ и обѣдали у Евфима Өедоровича Дарагана и тамъ-же посѣщали жену его болную на зубы. Въ вечеру были у графа Розумовского и его-жъ какъ о порядочной отправѣ нашей и о протчемъ просили, такъ я и о своемъ дѣлѣ напоминалъ, которій и обѣщалъся доложить государыни. Сотникъ Семенъ Куликъ при отъездѣ своемъ изъ Москвы взялъ у мене мемоіалъ о покупкѣ для мене въ Полтавѣ двохъ ленчиковъ кримскихъ, трохъ паръ потебеніокъ, трохъ сафяновъ жолтыхъ и трохъ сафяновъ красныхъ.

30. Рано были съ поздравленіемъ кавалерского праздника перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина. Послѣ въ дворцѣ на обѣдни, где кавалери ордена святого Андрея Первозванного, въ томъ числѣ и его імператорское высочество великій князь, шествовали въ своемъ церемоніалномъ платьѣ, а по обѣдни изъ церкви сама уже и государиня съ тими-жъ кавалерами въ покои шествовать публично изволила, потомъ-же за однимъ столомъ съ государинею и кушали оные кавалери при пушечной палбѣ. Въ вечеру въ дворцѣ былъ балъ и везде по дворамъ въ окошкахъ и въ фонаряхъ была обыкновенная иллюмінація. Сего-жъ числа посланный отъ графа Гендрикова въ Глуховъ поруччикъ Іванъ Івановичъ Мусинъ-Пушкинъ съ войтомъ села

Серединой-Буды отъехалъ, чрезъ которого и отъ мене писано писмо до Скоропадского о починки двора моего и о припасѣ дровъ и сѣна зъ Рубановки. Ординансы ея імператорского величества лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій съ товарищи, 3 человѣками, пожалованы въ той-же лейбъ-компаніи віце-капралами.

Декабрь.

1. Рано ездили оба въ городъ, и Гудовичъ былъ въ сенатѣ, статсъ-канторѣ и въ іностранной коллегіи, а я на Камяномъ мосту купилъ кроватъ, ширмы и стуликъ, за которые дано 4 р.; да куплено 4 футра, двѣ чемровые и двѣ лапчатые за 42 р., такожъ хустку італіанскую за 1 р. 75 к., дорожную коляску за 70 р.

2. Писано писмо до жены чрезъ козака сотнѣ почепской Івана Ярошенка Сердюкова и чрезъ него-жъ посланъ къ еи осятеръ одинъ, десять стерлядей и бочонокъ въ 10 фунтовъ каввяру, за что все дано 4 р. 92 к.; да такая-жъ посилка чрезъ того-жъ козака отпущена и до Ѳедора Ширая, за которую дано 2 р. 88 к., и алембикъ мѣдный съ шапкою и трубкою посланъ-же. У канцеляриста Якова Тимофіева новорожденной дочерѣ Екатеринѣ былъ я воспреемникомъ съ женою секретаря штатсъ-канторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаріевною, и у него-жъ обѣдали, въ томъ числѣ и Лукомскій. По обѣдѣ туда-жъ прибылъ и Новоторжцовъ и доволно просидѣли. Кума дарила мене платкомъ и кошелкомъ. Я далъ родѣлѣ 3 р., бабѣ 50 к., попу, дякону и протчимъ церковникамъ 44 к.

3. Отпущенъ въ домъ мой пріездившій оттуду съ писмами расколничой слободы Воронка житель, Ѳедоръ Стрелцовъ и чрезъ него въ домъ-же посланы 2 футра чемровые, 2 футра лапчатые лисѣе, барило забитое, а въ немъ черевики, туфли и протчія нужные убори и 2 пари лихтаровъ мѣдныхъ съ щипцями, кроватъ и стуликъ, да ширми; тако-жъ фунтъ чаю, за которій дано 1 р. 50 к.; пару собакъ британскихъ, подаренныхъ мнѣ отъ графа Гендрикова, кобѐль зовется Щолчокъ, а сука—Лиска; для укриванья оныхъ собакъ даны двѣ попоны, а въ третую увинуты футры. За извозъ того всего дано Стрелцову 3 р. 50 к., да на кормъ собакамъ 50 к. Вечеромъ были у Івана Гамаліи. Писару графскому—50 к.

4. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и были у Теплова, которій намъ подарилъ по книжцѣ, изданной въ С.П.Бурхѣ, о торжествѣ тамо бывшемъ въ академіи прошлого ноября 26-го изъ окказіи презденства возшествія государини на престолъ россійскій. Обѣдали у Івана Гамаліи ради тезоименитства его и у него-жъ обѣдали брегадиръ Петръ Дмитріевъ Аксаковъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ. Въ вечеру ездили въ дворецъ, но въ туне. Куплены на два портища золотыхъ, а на одно серебрныхъ петлицъ, въ которыхъ всѣхъ вѣсу 16 золотниковъ и ¼, дано за оные 6 р. 50 к. Служитель генералного асаула Валкевича Өедоръ Горѣлій отъехалъ, которому отъ мене и пашпортъ данъ на проездъ до Глухова и чрезъ него-жъ послано писмо до воеводи въ Орелъ, Сидора Перфиліевича Денисьева, о покупки двохъ или 3-хъ дѣвчатъ малолѣтныхъ крестянскихъ. Принесены изъ рентереи кормовыхъ сто рублей денегъ за ноябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли мы оба съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные имѣютъ употреблятися на харчъ.

5. По утру ездили до віце-канцлера, а за нимъ и до канцлера, которіи оба зъ канцлеровой квартери въ каретѣ віце-канцлеровой отъехали до дворця зъ докладами о нашыхъ общыхъ дѣлахъ стороны отправы графа Гендрикова и нашей, и зъ тѣмъ у графа Розумовского не мало позабавились они, а тамъ-же былъ Стефанъ Апраксинъ и докладъ поданъ. Отобралъ я отъ Барановского свои атестаты, которые поручалъ ему передъ симъ для представленія графу Розумовскому, прошеніе-же мое о дачи мнѣ жалованной грамоты взялъ графъ для докладу государини. Обѣдали мы у Вѣри Григоріевны, а съ нами и нѣкоторая княгиня Друцкая-Соколінская, съ мужемъ своимъ розведенная. Въ вечеру были у графа Гендрикова, которого я и кушать къ себѣ на завтре просилъ.

6. Послѣ обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у мене графъ Гендриковъ съ графинею, Горчаковъ, Лукинъ, Гамалія, Лукомскій, Зеленскій, а другіе разные послѣ обѣда поприходили, въ томъ числѣ Новоторжцовъ, да Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, которіи съ Горчаковымъ и до позна просидѣли. Въ вечеру-же присилалъ нарочного гофъ-маршалъ Семенъ Кириловичъ Наришкинъ звать насъ къ себѣ завтра откушать. Лукинъ по утру при поздравленіи хусткою мене подарилъ.

7. По утру были въ дворцѣ, где у графа Розумовского были-жъ графъ Бестужевъ канцлеръ и докладъ подали, потомъ Стефанъ Апраксинъ. Мы потомъ отъехали до гофъ-маршала Наришкина и у него обѣдали Вѣра Григоріевна съ мужемъ, Лясавіцкій съ женою, Василь Лизогубъ и графъ Гендриковъ. Послѣ обѣда государиня изволила отъехать до Тройци Сергіева монастыря. Писмо до маіора Вайникова въ С.П.Бурхъ отослано къ Силиванову.

8. Обѣдали у мене совѣтникъ надворный Новоторжцовъ, секретаръ іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретарь штатсъ канторы Шишкинъ съ женою своею, а моею кумою, Сарою Макаріевною, которой подарены отъ мене платокъ дволичный и лента рожевая. Вечеромъ были у Барановского, но его не застали, а рано подали доношенія канцлеру о дачи синамъ нашимъ пашпортовъ.

9. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и перво были у Теплова, потомъ и у самого графа. Обѣдали въ квартерѣ, а вечеромъ были перво у Барановского, потомъ у графа Гендрикова, где застали генералъ-лейтнанта и кавалера Алексія Яковлевича Шубина, которій у него и ужиналъ, а графиня была на бархатномъ дворѣ у именинницы Анны Івановны Дубиновни Лясавицкой, а ужинали у Вѣры Григоріевны.

10. По утру были у канцлера съ протчими на поклонѣ. Обѣдни слушали въ дворцѣ при присутствіи імператорскихъ высочествъ. Обѣдали съ архіереями московскимъ, да вологодскимъ и архимандритами воскресенскимъ и сѣвскимъ и Добриною, старшымъ віленскимъ, и протчими у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ были у Івана Гамаліи. Государыня изволила прибыть изъ Тайницкого по полночи во 2-мъ часу и при пріездѣ подалъ-де Соколовскій якуюсь челобитную и за то-де взятъ подъ караулъ. Саржантъ глуховскій отъехалъ ночью по почтѣ.

11. Рано были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а обѣдали у графа Гендрикова. По обѣдѣ знову были въ дворцѣ у духовника съ графомъ Гендриковымъ. Потомъ сами-жъ были у совѣтника Собакина и у него болѣе часа сидѣли. Въ С.-П.-Бурхѣ графу Петру Румянцову родилъся синъ Александръ.

12. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ пробыли до 2-го по полдни, а между тѣмъ тамъ-же были канцлеръ

и Апраясинъ зъ докладами. Потомъ обѣдали у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, а съ нами Новоторжцовъ и секретарь малороссійскихъ дѣлъ Алексій Іосифовичъ Пуговишниковъ, да сестра Собакина и жена его. Сказовалъ мнѣ Петръ Мировичъ, что былъ Соколовскій рано у вице-канцлера и тамъ мене поносилъ.

13. Рано поехали въ дворецъ и тамъ по виходѣ канцлера отъ графа Розумовского былъ у графа-жъ Розумовского перво графъ Гендриковъ, потомъ и мы, а по обѣднѣ въ долгой залѣ, где и государыня изволила смотрѣть представлянной Апраксиномъ роты венгерской. По обѣдѣ ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ съ нимъ и съ Тепловымъ о нашихъ дѣлахъ розговоръ имѣли. Потомъ отъехали знову въ дворецъ, где превеликій былъ сездъ обоего пола знатныхъ персонъ, которіи какъ собрались, то въскорѣ государыня и ихъ імператорскіе высочества пришли въ болшую салу и тутъ, начавши отъ дамъ, всѣ, такожде мужскъ полъ, допущены были на прощаніи къ ручкамъ государыни и ихъ высочествъ. Потомъ, какъ государыня изволила пойти въ свои покои, то насъ позвано къ ихъ высочествамъ, у которихъ мы получили милостивую отпускную авдиенцію и двократно къ ручки были допущены.

14. По утру были у канцлера и съ нимъ въ дворцѣ и тамъ же обѣдали у Вѣры Григоріевны, купно съ полковникомъ полтавскимъ Андреемъ Горленкомъ и атаманомъ тамошнымъ Олховскимъ, вчора къ Москвѣ прибывшими, а въ 5-мъ часу по полудни знову были у канцлера, который перво у себе имѣлъ съ нами разговоръ и взялъ написанную рѣчь нашу, потомъ прибывъ съ нами-жъ въ дворецъ, представилъ насъ передъ государынею на отпускную авдіенцію, на которой говорена отъ мене рѣчь благодарственная за всякіе явленные Малой Россіи милости монаршіе. А на оную рѣчь отвѣтовалъ великій канцлеръ, потомъ насъ государыня жаловала къ ручки и милостиво къ намъ говорить сама изволила; послѣ, побывавъ въ аванъ-салѣ, отъехала въ соборные церкви въ Кремль.

15. По утру были у Петра Івановича графа Шувалова и съ нимъ, тако-жъ съ братомъ его, графомъ Александромъ Івановичемъ, прощались, при чемъ Петръ Івановичъ просилъ насъ приискать у себе и прислать къ Москвѣ въ домъ его, до управителя Антонія

Михайлова Маркевича, майстера, умѣючого робить смолцугу; а прибывъ въ дворецъ, съ многими кавалерами прощались, потомъ въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексіемъ Григоріевичемъ Розумовскимъ простились и того-жъ времени государиня со всею своею ассистенціею изволила въ путь до С. П. Бурха подняться при палбѣ изъ многихъ пушекъ. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ полтавскій Горленко съ своимъ атаманомъ, потомъ ездили до гр. Кирила Григорьевича Розумовского поздравлять его новорожденною вчора дочерью Елисаветою, а оттуду заездили къ Новоторжцову въ дворъ и въ коллегію іиностранную, тако-жъ до Гамаліи и до графа Гендрикова, объявляя ему, что грамота на избраніе гетмана подписана государини собственною рукою, да и объ насъ и во всѣ полки особенные грамоты заготовлены.

16. Званы обѣдать до графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера и у него обѣдали съ графомъ Гендриковымъ, тамъ-же обѣдали Дараганъ и Жоравко съ женами, графъ Санти оберъ-церемоній-мейстеръ, жена камеръ юнгера Пимина Василіевича Лялина Дарія Матвіевна, Катерина Карловна Корфова и другіе. А передъ обѣдомъ были мы у канцлера и между протчимъ просили о сообщеніи въ академію наукъ для напечатанія нашей отпускной авдіенціи. Принятъ служитель Марко, родомъ изъ Лохвици.

17. По утру прислано до насъ отъ канцлера, чтобъ мы у него явились и потому, какъ къ нему прибыли въ 12-мъ часу, то онъ, призвавъ насъ въ свой габінетъ, вручилъ намъ объ отпускѣ нашемъ грамоту и еще 10-ть грамотъ-же въ полки, съ объявленіемъ, что для избранія гетмана отправленъ міністръ. Потомъ вручилъ намъ именемъ ея імператорского величества подарки, а именно: каждому по алмазному перстню и по соболіому мѣху, а протчее, въ томъ числѣ и денги изъ коллегіи іностранной, видано быть имѣетъ. Стефанъ Лукомскій къ отъезду своему въ домъ простился съ нами. По обѣдѣ были у насъ Новоторжцовъ, секретарь Писаревъ и переводчикъ Данилевскій. Потомъ мы были у графа Гендрикова и данную ему іинструкцію и грамоту на обраніе гетмана читали. Послѣ ездили до графа Кирила Гр. Розумовского и съ нимъ видѣлись, да были у Гамаліи и у Лукина. Дочь Анна Теплову родилась. Канцлеръ по полночи отъехалъ до С.-П.Бурха.

18. Рано ездили до віце-канцлера и поздравляли его нынѣшнымъ праздenствомъ рожденія ея імператорского величества, потомъ были и у графа Кирила Григоріевича Розумовского зъ тѣмъже, которій насъ и удержалъ у себе обѣдать съ другими многими своего полку ізмайловского и протчими офѣцерами. Послѣ обѣда игралъ онъ въ білеръ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицинымъ, капитаномъ своего полку, а между тѣмъ пришолъ къ нему генералъ аншефъ Василій Яковлевичъ Левашовъ, а мы отъехали. Въ вечеру были у насъ мимоездомъ до С.-П.Бурха дворцовые камеръ-лакей Петръ Стефановичъ Милорадовичъ и лакей Янковскій, а потомъ къ намъ-же пріѣхалъ канцеляріи совѣтникъ Михайло Григоріевичъ Собакинъ и доволно посидѣлъ.

19. Рано были у графини Маріи Андріевны Румянцовой и тамъ-же видѣлись съ сыномъ умершого генерала-лейтнанта Бибикова Петромъ Івановичемъ. Потомъ заехали до архіепископа московского Платона Маліновского и, у него обѣдавъ, простились. Оттуду мимоездомъ у ігумена угрішского Іоана, а отъ него поехавъ въ слободу нѣмецкую, были у камергера Николая Андріевича Корфа и съ нимъ простились.

20. По утру были у віце-канцлера графа Воронцова, отъеждждающого въ С.-П.Бурхъ и простились съ самымъ и съ самою. Потомъ были у Стефана Ѳедоровича Апраксина, у Василія Яковлевича Левашова, у князя Івана Андріевича Щербатова и у князя Н. Юр. Трубецкого. Послѣ заехали въ коллегію іностранную и тамъ въ пріемѣ 2-хъ тисячъ рублей, данного намъ жалованья, росписались, якіе денги привозилъ росходчикъ на нашу квартеру, которому дали 5 р., да салдату 1 р. Обѣдали у графа Гендрикова съ Вѣрою Григоріевною, съ генераломъ Измайловымъ и протчими. Въ вечеру были у насъ полковникъ Танскій, да Александровичъ.

21. Рано были у князя Алексія Дмитріевича Голицина и у князя Івана Василіевича Одоевского, потомъ Гудовичъ одинъ въ штатсъ канторѣ, а у насъ по утру были Петръ Мировичъ и Михайло Ѳедоровичъ. Обѣдали у насъ два секретари штатсъ канторы и полковникъ Танскій. Вечеромъ ездили до совѣтника Михайла Григоріевича Сорокина, потомъ до подполковника Ликевича и съ женою его долго сидѣли, послѣ были у генералши Шиповой и съ нею простились.

1752-й ГОДЪ.

Октябрь.

5. По ранномъ обѣдѣ, віехавъ зъ Городища, прибылъ передъ вечеромъ въ Лѣсконоги. Тамъ уговаривалъ шинкаря Ѳедора Лукянова на господарство въ Лотоки, которому поступлено въ годъ 6 р. жита 3 осмачки.

6. Былъ у мене досмотрщикъ неводу гетманского Алексій Даниловскій, а по службѣ отъехавъ зъ Лѣсконогъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ обѣдалъ; потомъ отъехавъ, прибылъ позно въ Комань.

7. Посилалъ осматривать шкоды въ сѣнахъ подѣланной, потомъ отъехавъ, заездилъ въ Юхновъ, а оттоль прибывъ въ Богдановку, тамъ обѣдалъ и уже надъ сумерки оттоль віехалъ. Мимоездомъ былъ въ гамаліевскомъ монастырѣ у архимандрита Карновича, а ночовалъ въ Маковѣ у Алексія Силевича.

8. Обѣдалъ въ Слоутѣ, а около вечерень прибылъ въ Глуховъ.

9. Рано перво въ генералной канцеляріи, а оттоль въ дворцѣ былъ и ясневелможному поклонъ отдавъ, тамъ и обѣдалъ. Рано особливо у г. Теплова былъ.

10. Обѣдалъ у писаря генералного г. Безбородко.

11. Визитовали мене рано Петръ Горленко, Туманскій и хоружый артилеріи Кологривый. На службѣ были въ гетманскомъ монастырѣ и потомъ въ дворцѣ обѣдали, а по обѣдѣ вся музика іянструменталная играла. Въ вечеру былъ у мене Іванъ Гамалія.

12. Обѣдалъ въ домѣ, а въ вечерѣ визитовали мене писарь генералный и полковникъ гадяцкій Галецкій.

13. Обослалъ г. Безбородко табаку турецкого и два кавуны. По утру былъ у мене Іскрицкій. Сего числа прибылъ г. Скоропадскій въ Глуховъ, а вчора г. Кочубей обозный генералный, съ которимъ я у гетмана и обѣдалъ. Зъ Іваномъ Толстимъ видѣлись у Скоропадского. Писалъ я до Крижановского о мѣху соболіомъ.

14. Присланъ до мене ордеръ о присутствіи моемъ въ судѣ генералномъ и по оному сего числа первой разъ былъ у мене сотникъ кролевецкій Огіевскій и поступилъ мнѣ отпустить 3 тисячи цегли паленой по 1 р. 50 к., да 2 ганчарей и муровщика. Петро Гладуненко и Лаврінъ Цяпа отъехали въ Новгородокъ, а Петро къ

Городищу и чрезъ него писано къ женѣ, да къ Городискому и Свѣтловерскому и послана женѣ голова цукру.

15. Писалъ до обозного судіи и писаря полкового стародубовского за Гуриновскимъ и чрезъ него-жъ до жени при писмѣ посланы 2 кавуны и 2 головы цукру. По обѣдѣ ездилъ въ домъ гетманскій, а безъ мене былъ въ моемъ домѣ г. Якубовичъ. Еще чрезъ Гуриновского писалъ до Данила Городиского зъ посилкою виписѣ и реестра о Настусиномъ приданомъ и вѣдомости о перебраныхъ за порціи и раціи денгахъ и 20 аркушовъ бумаги.

16. Писалъ до зятя Савича и до дочерѣ Настусѣ и въ Товкачовку до старости. У Івана Гамаліи обѣдалъ. Ночью ушолъ былъ Іванъ Гадаренко и пойманъ.

17. Зъ говптъ-вахти онъ-же присланъ ко мнѣ и наказанъ. Я былъ у Якубовича и у него-жъ обѣдалъ. Надъ вечери докторъ Бокъ былъ у мене.

18. По утру я былъ у обозного генералного и смотрѣлъ въ его будинку новомъ печей. Ясне-вельможный слушалъ обѣдни въ монастырѣ, потомъ, при столѣ гетманскомъ откушавъ, слушали музики; а оттоль заездилъ я къ доктору Боку. Въ вечеру бывшему у мене Өедору Тищенку Ласкевичу, которій зъ братомъ своимъ старшимъ Артемономъ, опредѣленъ въ войсковые товарищи, вручилъ я свой дзигарокъ для направы въ Стародубѣ.

19. Обѣдалъ самъ одинъ въ домѣ, а вечеромъ былъ у Скоропадского. Писма получилъ и изъ Прилуки отъ Носенка и изъ Товкачовки отъ старости тамошнего.

20. По утру былъ у мене архимандритъ нынѣшній савинскій, бывшій новгородскій, Карновичъ. Обѣдали со мною Іванъ Рославецъ и Владиміръ Івановичъ Губчицъ.

21. Обѣдалъ у Скоропадского, а у мене Рославецъ и Губчицъ. Подводы пришли зъ Новгородка зъ тиномъ и зъ протчимъ, и оныежъ отправлены въ Кролевецъ за цеглою.

22. Синъ гетману родилъся Андрей во 2-мъ часу по полдни. Я былъ послѣ полдня у архимандрита Карновича, а ночью зъ Скоропадскимъ у гетмана съ поздравленіемъ о рожденномъ сину и тамъ вечеряли. Дригантъ вороный припроваженъ въ Глуховъ.

23. Писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Карновича, до Войникова, до Андрея Милорадовича о библіи, до Губчица, до Вінклера

и до сина въ Киль, въ Москву до полковника Ликевича и до Александра Тихоновича Лукина.

24. Оные писма отданы Івану Скоропадскому, посилаючомуся по почтѣ въ С.-П.-Бурхъ, который надъ вечери и отъехалъ. По утру съехався у обозного генералного, съ нимъ всѣ поехали въ дворецъ и, графиню поздравивши, тамъ-же и обѣдали.

25. Литургіи съ гетманомъ слушали въ церкви св. Анастасіи, потомъ обѣдали у гетмана, по обѣдѣ музика играла, отголь заездилъ до Гамаліи зъ Іскрицкимъ. Привезена цегла зъ Кролевця, а зъ Стародуба двѣ печи.

26. Привезена печь зеленая изъ Новгородка, начали пѣчь и коменокъ въ столовой ставить.

27. Архимандритъ Карновичъ простилъся, отъежджая въ путь свой.

28. Прибывшей въ Глуховъ матушцѣ гетманской отдали мы всѣ візиту въ дворцѣ. Отправленъ канцеляристъ Контицъ въ С.-П.-Бурхъ. Обѣдалъ я зъ Іскрицкимъ у Івана Гамаліи.

29. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Карновича о отъездѣ отселя брата его архимандрита и о покупки на 2 покои бумажныхъ обоевъ, на одинъ 10, на другій осмъ штукъ. Позичилъ у Івана Гамаліи 20 р. денегъ. Писалъ до Георгія Носенка и до старости товкачовского противъ ихъ писемъ.

30. Посланъ въ Городище Василь Мовчанъ зъ писмомъ до Светловерского и до войта городиского. Присилка зъ Городища привезена. Посланъ приказъ до войта лѣсконозкого о взиманіи половыны рибы зъ 7 озеръ лѣсконозкихъ чрезъ смотрителя стану роговского Алексія Даниловского, жителя каменского.

31. Писалъ до Светловерского противъ его писма и при томъ послано до Городища штаба желѣза, 4 барилци, хрѣнъ, паперу 10 аркушовъ, шкура воловая. Обѣдалъ у гетмана и заездилъ къ Якубовичу.

Ноябрь.

1. Послѣ обѣдни, въ церкви св. Анастасіи слушанной, какъ прибыли въ домъ гетманскій, то было крещеніе сину его новорожденному Андрею. Воспріемниками были синъ его-жъ старшій Алек-

сій и матушка Наталія Демяновна. Потомъ обѣдали въ его генералная старшина и генералъ маіоръ князь Кантимиръ съ женою своею Пассековою дочерью. Послѣ обѣда музика играла по италіанску. Дано Гамаліи газетъ 10 №.

2. Обѣдалъ у мене Занковецкій. Писаны писма до сотника новгородского о смоляникахъ и о сѣнѣ потровленомъ, до архимандрита Карновича въ завезенныхъ газетахъ 10 нумеровъ.

3. Послѣ обѣда былъ въ домѣ гетманскомъ, а оттоль заездилъ къ Якубовичу вечеромъ.

4. Поставлена вишніовка на ратафіи, корѣннямъ насипанная. Кровь пущалъ мнѣ Бокъ.

5. Отправленъ Лаврѣнъ Цяпа зъ даннымъ ему меморіаломъ и чрезъ него-жъ послано писмо до сотника новгородского зъ урядомъ о смоляникахъ и о награжденіи за подтровленое сѣно. Подводчикъ, зъ Городища бывшый, отпущенъ зъ писмомъ до Свѣтловерского. Привезена дробина и пшоно, и крупы зъ Товкачевки.

6. Отпущены подводчики товкачевскіе зъ писмомъ до тамошнего старости о присилки еще де-которой провізіи и денегъ. Сего числа Петръ и Яковъ Скоропадскіе, лейбъ-кирасирского полку корнеты, прибыли въ Глуховъ.

7. Гетманъ ездилъ на охоту стрелять тетеръ. Я былъ по утру въ генералной канцелляріи, и бунчучный и Божичъ были. Обѣдалъ у мене Гудовичъ, а я въ вечеру былъ у г. Скороподского и зъ синами его видѣлся.

8. Службы Божой слушали въ церквѣ св. Анастасіи, потомъ обѣдали всѣ мы у гетмана, въ томъ числѣ и дѣти г. Скоропадского и віце-капралъ лейбъ-компаніи Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Послѣ обѣда играла музика, а зъ дворца заездилъ я до Валкевича. Іванъ Рославецъ, простясь, отъехалъ по утру зъ Глухова въ домъ свой.

9. Прибылъ Григорій Засулскій изъ Городища и привезъ отъ жены при писмѣ 20 р.

10. Пріехалъ куріевъ Шутенко и привезъ грамоту о поездѣ гетману къ Москвѣ, а ко мнѣ привезены писма чрезъ его-жъ отъ Вайникова, а чрезъ служителя Карновичового отъ Стефана Карновича. Я писалъ женѣ о томъ послѣ. Матушка гетманская отъехала зъ Глухова въ домъ свой.

11. Чрезъ Івана Гамалію, отъехавшого въ домъ, послано писмо къ женѣ съ писмомъ Карновичевымъ. Вечеромъ былъ у мене тафель-декеръ [1]) зъ новою свою женою, дочерью Пуховича.

12. Дому нашого глуховского посвященіе было. Обѣдали у мене Іскрицкій и Горленко, да войтъ новгородскій съ бурмистрами двома.

13. Въ вечеру заездилъ ко мнѣ есаулъ генералный Якубовичъ.

14. Призивано старшину генералную въ канцеллярію генералную для разсмотренія дѣла віце-капрала лейбъ-компаніи-жъ Романа Струтинского по утру. Обѣдалъ я зъ Гудовичемъ у Якубовича. Вечеромъ былъ у мене корнетъ лейбъ-кирасирского полку Петръ Михайловичъ Скоропадскій.

15. По утру былъ я у архимандрита кіево-печерского Луки, потомъ отъехавъ въ дворецъ, у г. Теплова съ Скоропадскимъ былъ-же. Послѣ обѣдни, въ церквѣ св. Анастасіи при гетманѣ слушанной, знову въ дворецъ ездили и тамъ-же у стола гетманского зъ печерскимъ архимандритомъ и съ протчими кушали. Послѣ полдня тотъ-же архимандритъ въ моемъ домѣ былъ и за прибытіемъ ко мнѣ есаула генералного Якубовича и полковника чернѣговского Божича долго въ ночь проседѣли, потомъ и къ архимандриту ездили. Оттоль возвратясь въ 11-мъ часу, легъ спать, но по полуночи жестоко занемогъ и жестоко-жъ поносъ и вомѣти приключились, отчего зѣло слабъ сталъ и для того

16. Весь день пролежалъ въ домѣ боленъ.

17. Потому-жъ и сей день изъ дому не віездилъ. Писалъ до жены, до зятя Рославця, до Городиского, до Андрѣя, до сотника погарского чрезъ Андрея Засулского. Вечеромъ билъ у мене сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

18. Ночью противъ сего числа утѣкъ Іванъ Гаптаренковъ возніця. Писано до старости товкачовского чрезъ служителя Петра Горленка, да въ Ямполь до Жуковского съ посилкою рюмки флазоечки и стекла битого.

19. По утру Григорій съ вышепоказанными писмами отъехалъ, а Самусенко пріехалъ и чрезъ Григорія-жъ послана къ

---

*) Конечно, гетманскій.

женѣ голова цукру. Обѣдалъ я у писаря генералного и потомъ былъ у гетмана.

20. Послѣ полдня былъ я у бунчучного, а потомъ у Якубовича. До жены писалъ чрезъ Самусенка объ немъ и съ посилкою писма отъ сина Василя, да до Городиского о присилки нѣкоторыхъ книгъ и писемъ.

21. Послѣ обѣдни зъ гетманомъ кушали два молодые князя Долгорукіе и мы. Отголь заехавъ до Скоропадского, засталп тамъ полковника миргородского Ѳедора Остроградского. Вечеромъ былъ у мене войтъ новгородскій съ обявленіемъ унѣверсалу гетманского, данного на учрежденіе тамъ въ Новгородку майстрату и права майдебурского. Вчора писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до сина, въ отвѣтъ на его писмо зъ Ґамбурга писанное, но не отправлены по почтѣ.

22. У гетмана я зъ подскарбіемъ, полковникомъ миргородскимъ и Гудовичемъ и зъ протчими обѣдали. Оттоль заездилъ къ Якубовичу.

23. Отъехалъ Самусенко и чрезъ него писма до жены и до Городиского отпущены писма и хлѣбъ. Вечеромъ были у мене полковникъ миргородскій и обозный тамошный, да ассессоръ Яковъ Денисовъ. Чернецъ переяславскій Ілія обѣдалъ у мене.

24. Слушали обѣднѣ съ гетманомъ и генераломъ-маіоромъ и генералъ-провіантмейстеромъ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ въ церкви св. Анастасіи, где проповѣдь преизрядную говорилъ капелянъ гетманскій. По обѣдѣ былъ до позна балъ, а при обѣдѣ пушечная палба и послѣ молебня производилась.

25. По тому-жъ, какъ и вчера, послѣ обѣдни и послѣ казанья было молебствіе при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ у гетмана пребогатій зъ пушечною-жъ палбою, послѣ балъ и ужинъ.

26. Писалъ писма до жены, до Городиского и до Андрѣя, да до Лавріна Цяпы и самъ зъ двора весь день никуди не віездилъ.

27. Обѣдалъ у мене ямполскій управитель Ѳедоръ Прокофіевъ Жуковскій. Надъ вечери былъ я у полковника миргородского и простился съ нимъ, потомъ у Якубовича. Прибылъ зъ С.-П.-Бурха Іванъ Скоропадскій.

28. Прибылъ зъ писмами отъ зятя Ярема Дубянскій, чрезъ которого, отъехавшого

29 числа въ Городище, писалъ до жены, до Городиского и къ Самусенку съ копіею ордера, посланного до екзактора, о нетребованіи отъ машть другой индукты и евекты. Обѣдали у гетмана, где первой разъ видѣлься зъ брегадиремъ Өедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которой сказовалъ, что синъ ему Николай родилъся. Отписалъ къ зятю Петру Савичу, чтобъ пріездилъ до Глухова за два или три дни передъ Николаемъ.

30. Послѣ службы въ церквѣ св. Анастасіи молебствіе было при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ при пушечной-же палбѣ и въ вечеру балъ.

Декабрь.

1. Прибылъ до Глухова преосвященный Іраклій Коморовскій, новопосвященный епископъ чернѣговскій, у которого и я послѣ полдня зъ Искрицкимъ былъ, а потомъ и до Искрицкого въ квартеру заездилъ.

2. Оный преосвященный у гетмана обѣдалъ, а у мене по утру былъ брегадиръ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, а я обѣдалъ у Якубовича. По утру-жъ пріехали Андрей Свѣтловерскій и Лаврінъ Цяпа. Писано отъ мене до жены сторони Михайла Василіева, внука бывшого священника случевского Івана Гудова.

3. Еще писано отъ мене до жены зъ посилкою люстрины 15 локотъ, да о висилки подводъ въ Товкачовку по хлѣбъ, а до Городиского о нѣкоторыхъ писмахъ и книжкахъ—въ библіотецѣ приискать оные, и тѣ писма посланы чрезъ лѣсконозкого человѣка. Въ вечеру былъ у мене преосвященный архіерей чернѣговскій Іраклій Коморовскій, да Василь Гудовичъ, а по утру брегадиръ Коченевскій отъехалъ зъ Глухова. Позавчора писалъ 2 писми до старости товкачовского о приуготовленіи хлѣба на подводы, зъ Стародуба прибыть имѣючіе. Да отпущены писма въ С.-П.-Бурхъ по почтѣ, прошлого ноября 20-го писанные.

4. Писалъ до жены о присилки шпалеръ синѣхъ и протчего и зъ тимъ писмомъ отправленъ

5. Данило компанѣецъ на Ямполь. Сего числа передъ свѣтомъ кухаръ Захарій умеръ и при церквѣ Василіевской погребенъ. Обѣдалъ у Якубовича зъ Оболонскимъ бунчучнымъ, а въ вечеру пріехалъ зять Савичъ зъ Настусею.

6. Сего числа многіе у мене обѣдали изъ бунчуковыхъ и другихъ, а вечеромъ были архіерей чернѣговскій зъ Якубовичемъ, обозцый генералный Кочубей зъ Тарнавскимъ.

7. Обѣдали я и зять Савичъ зъ Настусею у Якубовича, а вечеромъ всѣ были у архіерея чернѣговского, которій и говорилъ о сѣнѣ, забранномъ въ Комань.

8. Подводы товкачевскіе отпущены зъ писмами до старости тамошнего и до Качановского.

9. Въ канцеллярію генералную собирались о дѣлѣ, отдавать-ли грекамъ коси?

10. Обѣдалъ я у гетмана и подалъ прошеніе о переписѣ унѣверсала на пергаментѣ. Конѣ гетману приведены зъ Цариграда.

11. Обѣдалъ у мене Якубовичъ, а вечеромъ былъ я у економической канцелляріи.

12. Обѣдалъ у гетмана, а по утру докладъ былъ о дѣлѣ клеветномъ на меня Соколовсвого. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

13. Послѣ службы Божой, въ церквѣ св. Анастасіи слушанной, где и графиня гетманша первый разъ послѣ родовъ была, обѣдали у гетмана, потомъ былъ до позна въ ночь балъ. Зъ Лѣсконогъ привезено рыбы и зайцовъ, а зъ Городища пріехали двѣ дѣвки и де-що попривозили. По утру отправленъ Лаврѣнъ Цяпа въ Комань.

14. Вечеромъ простилъся со мною при отъездѣ своемъ въ домъ до Лубень полковникъ лубенскій Іванъ Колябка и подарилъ мнѣ пороху немного.

15. Обѣдалъ у мене лейбъ-компаніи віце-капралъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Сего-жъ числа подана отъ мене челобитная на войта погарского Клима Пѣсоцкого о перейшовшыхъ въ Погаръ зъ Курова Дуцка Халимоненка съ товарищы.

16. Послѣ болѣзны былъ въ судѣ генералномъ Скоропадскій. Я послѣ полдни былъ въ дворцѣ.

17. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до секретаря академіи наукъ Петра Ісаевича Ханіна о газетахъ на 1753-й годъ, о календарѣ новомъ и о книгахъ вновь печатанныхъ, а въ Москву до полковника Ликевича, и тые писма отпущены чрезъ Романа Струтинского. Вчора при писмѣ до отца Іоана брата

послалъ для бѣдного Іосифа 3 р. чрезъ Андрѣя Дяченка. Сего числа позно прибыла жена зъ дѣтми.

18. Послѣ молебня былъ банкетъ у гетмана при пушечной палбѣ, а вечеромъ балъ. Ночью жестоко жена занемогла.

19. И сей день хоровала. Прибылъ полковникъ лубенскій.

20. Получено писмо отъ архіерея чернѣговского сторонн забратого сѣна въ Комань. Прибылъ полковникъ гадяцкій въ Глуховъ. Я обѣдалъ у гетмана, а жена у Скоропадского.

21. Писалъ отвѣтъ къ архіерею чернѣговскому и до Рославцовъ о роздѣлѣ межъ ними и до старого Губчица и до Івана Покорского. Вечеромъ я былъ у Якубовича жены его имениници, а онъ у мене и полковникъ гадяцкій.

22. Жена съ дочерью Настею кланялась графинѣ и тамъ обѣдала купно зо мною, а рано былъ я самъ у обозного генералного Кочубея. Получилъ писмо изъ Гамбурха отъ сина о ево нещаслывомъ приключеніи.

23. Получилъ ордеръ о присутствіи моемъ зъ протчими въ генералной канцеляріи.

24. Въ 10-мъ часу по полночи віехалъ гетманъ къ Москвѣ при пушечной палбѣ. Вечерни и обѣдни слушали мы въ церкви св. Василія.

25. На всенощной были у св. Анастасіи. По утру поздравляли графиню и обѣдни слушали въ той-же церквѣ. Вечеромъ былъ я у Якубовича.

26. По утру были у мене Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а я у писаревой генералной и у бунчучного. Обѣдалъ у мене Гудовичъ; потомъ былъ у мене-жъ Герасимъ Демяновичъ (Стрешенецъ), тесть Жоравки, а у жены обозная генералная Скоропадская, Безбородкина, полковниця гадяцкая, Тарнавская и Томарина.

27. Писалъ писмо сину въ Киль, подъ № 2, и до Карновича въ Москву съ посилою 200 р. денегъ, да до полковника Ликевича и до Туманского. Съ графинею послѣ обѣдни кушали у нея.

28. Первый разъ были всѣ 4 мы, опредѣленные къ присутствію, въ генералной канцеляріи. Писма, вчора писанные къ Москвѣ, вручены отъ мене Павлу Миклашевскому, туда-жъ отъеждъжаючому, и ему-жъ вручилъ 200 р. денегъ для отдачи Карновичу за роспискою.

29. По утру въ 10-мъ часу отъехала графиня гетманова къ Москвѣ, на обѣдъ и на ночь въ Полковничью Слободу.

30. Писаны писма къ парахіанамъ села Случевска и до сотника погарского о кандидатахъ на поповство до церкви случевской Петру Прокоповичу и Михаилу Васильеву Гудову, да въ домъ до войта перегонского о пенцѣ и о протчемъ, до атамана погарского Беляя о протестѣ войта муравьевского на старосту гримяцкого Михаловского за сѣно имъ пограбленное; до войта лѣсконозкого о виправѣ подводъ въ Луку за хлѣбомъ и о пенцѣ; до господаря лотоковского Өедора Лукьянова о подводахъ-же въ Товкачевку.

31. Простился Гудовичъ при отъездѣ въ домъ до 1-го февраля.

1753-й ГОДЪ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. По утру былъ у Скоропадского и отъ него ездили всѣ до церкви св. Михаила, где обѣдни и молебня слушали. Вечеромъ былъ я у Якубовича и писмо писалъ въ Москву до Карновича чрезъ канцеляриста Чорнуцкого.

2. Послалъ писмо до Іосифа Гавриловича о прибытіи его въ Глуховъ. Івана Губчица жена была у насъ на обѣдѣ зъ Мариною Михайловою Есимонтовскою и отъехали: первая въ Борзну, а другая въ Стародубъ.

3. Въ нынѣшный день, по полученному отъ генералъ лейтенанта графа Петра Семеновича Солтикова писму о опасности отъ непріятелей, съездились мы въ генералную канцеллярію и отправленія о нарядѣ 4-хъ тысячъ козаковъ изъ 6 полковъ для незапного походу велѣли учинить по утру. У насъ обѣдалъ Якубовичъ зъ зятемъ своимъ Өедоромъ Савичемъ и дочерью своею Маріею, а вечеромъ закрѣпили отправу рано опредѣленную въ полки.

4. По утру для тоей-же нужды были въ канцелляріи и отправленіе по тому-жъ дѣлали, а пришедъ въ домъ, какъ сталъ обѣдать, то въ кушаньѣ между бураками проглонулъ кость, которая, увязши въ горлѣ, чуть не привела мене къ смерти, и для вибитья оной зъ горла, какъ простые способы битьемъ въ плечи, яствіемъ скоринки, питьемъ воды, такъ и инструментовъ и палцовъ клажею въ горло и чищеньемъ употреблены и чрезъ то въ отчаяніе, почитать, при-

веденъ былъ; однако-жъ единою токмо милостію Божіею въ живыхъ остался и заледво ночь тую переночевалъ. Того-жъ дни посѣщали мене болного перво полковникъ лубенскій Апостолъ, потомъ Скоропадскій зъ женою своею и Якубовичемъ. Отпущены писма чрезъ Заруцкого постъ-директора, одно къ Крижановскому въ Нѣжинъ о покупки тафи и бѣлокосу, да о ножахъ турецкихъ и о новомъ календарѣ, другое до митрополита кіевского въ Кіевъ.

5. Весь день и ночь лежалъ боленъ.

6. Ездилъ къ Василіевской церкви на службу, потомъ день и ночь лежалъ боленъ.

7. Жена ѣздила въ Годуновку.

8. Она-жъ послѣ полдня отъехала въ домъ. Сего-жъ числа послѣ полдня отправленъ въ Москву канцеляристъ войсковый зъ разными доношеніями.

9. Отпущено писмо до графа Мойсѣя въ отвѣтъ, другое писано за Даниломъ Біневичемъ въ Стародубъ въ щетную коммиссію.

10. Послѣ выше означенного случая первый разъ зъ двора віехавъ, былъ въ церкви св. Анастасіи на службѣ, а послѣ полдня былъ у доктора Бока, у дѣтей Теплова и у полковника лубенского и Скоропадского.

11. Писаны писма подъ числомъ 8-мъ сего мѣсяця зъ поздравленіемъ нового году до господъ Романа Ларіоновича Воронцова и о Герасиму Антонову Новомлинскомъ, до Теплова, до Собакина и до Новоторжцова, да и до Фелинера о газетахъ, да до Василія Туманского и къ нему включенъ къ Фелинеру пакетець.

13. Получили ордери и писма зъ Москвы, въ томъ числѣ и я отъ полковника гадяцкого и зъ писмомъ до жены его, которое къ ней при моемъ писмѣ и отпустилъ, да и до оного полковника зъ посилкою писма отъ жены его писалъ. Вечеромъ былъ у мене Якубовичъ.

14. Письмо до полковнички гадяцкой отпустилъ до Стародуба чрезъ Тимоновича, туда отъехавшого. Сего-жъ числа Іосифъ Гавриловичъ въ Ляшковци, съ нами простясь, отъехалъ. Отданы денги Скоропадскому 350 р.

15. Сего числа отданъ синъ Іванъ въ наученіе учителю Георгію Александровичу графу Ранцеву, которому давать ежемѣсячно за науку по 3 р. Докторъ медицины и профессоръ історіи натурал-

ной Іванъ-Христіанъ Гебенштрейтъ, бывшій при домѣ гетманскомъ, надъ вечери посѣщалъ мене и прескрипцію на мои дефекти далъ. Противъ сего числа ночью канцеляристъ войсковый Тимофій Закровецкій преставилъся.

16. Оный-же канцеляристъ похороненъ при церкви св. Михаила. Сего числа прибылъ въ Глуховъ генералъ маіоръ Іванъ Өедоровичъ Глѣбовъ, простуючій отъ Новой Сербіи къ Москвѣ, которому я зъ полковникомъ лубенскимъ вѣзитъ отдавалъ, а Скоропадскій жену свою виправлялъ въ Стародубщину. Вечеромъ былъ у мене Чуйкевичъ.

17. Отправленъ въ Товкачовку Данило Городиcкій и съ нимъ компанѣецъ Данило-жъ. По полдни былъ у мене Павелъ Ломиковскій, а вечеромъ простилъся я зъ докторомъ Гебенштрейтомъ.

18. Былъ вечеромъ перво у Якубовича, потомъ у Ломиковского.

19. Два толко мы зъ полковникомъ лубенскимъ были въ канцелляріи, а вечеромъ візитовалъ Івана Гамалію, къ которому тогдажъ пріездили Скоропадскій, Оболенскій, Апостолъ, Яковъ Марковичъ и Сангурскій. Настуся занемогла.

20. Обѣдалъ у Гамаліи, а потомъ былъ у Якубовича. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого и до Туманского, до которого въ ковертѣ включены до Собакина и до Новоторжцова писма и отправлены чрезъ человѣка Крижановского, посланного въ Москву по почтѣ.

21. Іванъ Гамалія у насъ обѣдалъ, а Настуся жестоко хоровала на фебру и горячку.

22. Получилъ писма зъ Москви отъ Галецкого. Вечеромъ посѣщалъ болную Настусю Іванъ Гамалія.

23. Писаны писма до жены, до Гуриновского и до полковници гадяцкой, съ посилкою пакета отъ ея мужа, и оные отпущены чрезъ человѣка отъ Івана Гамаліи въ домъ посланного. Обѣдали у насъ учитель графъ Ранцевъ зъ синомъ Павла Ломиковского и докторъ Бокша, потомъ зъ тими-жъ былъ у Гамаліи, которого синъ Николай тому-жъ учителю въ науку рекомендованъ.

24. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого и до Карновича зъ посилкою трохъ ножовъ турецкихъ, а въ Санкт-Питер-Бурхъ до Вайникова чрезъ канцеляриста Занкевича, отправленного зъ козами дикими и зъ дрохвами въ Москву.

За оправу ножика того, що отъ Ѳедора Корецкого, дано Вейману 70 к.

25. Оные писма и ножи три въ пуделку чрезъ помянутого канцеляриста Занкевича отпущены къ Москвѣ.

26. Присланъ зъ Нѣжина чрезъ почтъ-мейстера Зарудного отъ Крижановского турецкій ножикъ и полскій календарь, которій отъ мене подаренъ Івану Гамаліи. Писалъ писма къ женѣ въ домъ о прибытіи еи, а до войта лѣзконозского о разныхъ дѣлахъ, да до полковника миргородского и до сотника миргородского-жъ о турецкихъ ножикахъ.

27. Пару ножиковъ отъ сотника миргородского Василя Зарудного получилъ. Жена изъ Городища пріехала въ Глуховъ.

28, 29, 30 и 31-е такъ прошли. Толко 31-го Искрицкій прибылъ въ Глуховъ, а я былъ у Горленка.

Февраль

1. Данило Покорскій зъ Іваномъ Рославцемъ прибыли въ Глуховъ и, взявъ съ собою зятя нашего Савича, отъехали въ Сварковъ для зговору внуки Якова Марковича Есимонтовской за оного Рославця.

2. По утру были у мене Іскрицкій и Горленко.

3. а въ вечеру Якубовичъ съ женою. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого, до Туманского, до переводчика синодалного Політики о библіи, до Лобисевича, до Карновича, да въ Пітеръ-Бурхъ до Вайникова и до сина въ Киль, да посланы при писмахъ въ Стародубъ чрезъ Данила Покорского до Івана Гамаліи печатныхъ газетъ нумеровъ 11, а до Ѳедора Корецкого С. П. Бурскій на сей годъ календарь.

4. Оные писма отпущены въ Москву чрезъ жолдака Михаила Дерезенка, по почтѣ посланного. Писаны писма до полковника прилуцкого зъ посилкою газетъ печатныхъ, да до полковника миргородского съ посилкою писма нѣкоторому лѣкарю генерала Хорвата.

5. Сочинено доношеніе противъ мнѣнія, изъ суда генералного присланного.

6. Оное доношеніе отъ мене и Петра Горленка подписано и подано Скоропадскому и полковнику Апостолу.

7. Обѣдали у мене Горленко и Данило Требінскій, а надъ вечери былъ полковникъ Апостолъ и Чуйкевичъ, а я у Чуйкевича въ вечеру.

8. Отдалъ въ канцеляріи Скоропадскій оное наше доношеніе. Послѣ обѣда отъехалъ полковникъ Апостолъ въ домъ. Чрезъ отставного асаула сотнѣ погарской, перегонця, посланъ отвѣтъ до полковника стародубского противъ его писма о Аршавѣ. Ездилъ прощатся зъ капеляномъ гетманскимъ Корниліемъ Юзефовичемъ, отъежджаючимъ къ Москвѣ и ему-жъ далъ казань 8 печатныхъ и писанныхъ, а оттоль заездилъ до Якубовича.

9. Подалъ доношеніе Горленко въ генералную канцелярію, рековуючи свой подписъ на общымъ доношеніи нашемъ учиненный.

10. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей Щербацкій въ 9-мъ часу передъ полуднемъ прибылъ въ Глуховъ и литургію и молебствіе служилъ въ церквѣ св. Михаила, а потомъ обѣдать изволилъ съ своими и обще зъ нами у г. Скоропадского, а при молебнѣ и при столѣ производилась пушечная палба.

11. Служилъ преосвященный въ монастырѣ женскомъ и на своей квартерѣ обѣдалъ.

12. Преосвященный служилъ въ Веригинской церквѣ. Потомъ у его на квартерѣ были мы зъ женами и водкою почтованы.

13. Его-жъ преосвященство служилъ въ церквѣ св. Николая, а по службѣ званные отъ бунчукового генералного Оболонского его преосвященство зъ своими и мы обѣдали у него, а по обѣдѣ зъ нимъ-же Якубовичъ и я были у подполковника Яблонского и у Сергія Дергуна, потомъ у Якубовича чуть не до полночи пробавили.

14. Послѣ службы Божой заехалъ ко мнѣ въ домъ его преосвященство и позавтрикавши отъехалъ въ путь свой къ Москвѣ, которого проводилъ я за двѣ версти. Сего числа прибылъ Гудовичъ въ Глуховъ. Надъ вечери была у жены моей Скоропадская.

15. Въ сей день отосланы графу Ранцову за ученіе сина нашого Івана за мѣсяцъ три рубли. Обѣдалъ у насъ Гудовичъ, а я весь день зъ дому не віездилъ послѣ нєвчасовъ.

16. По утру были обще зъ Гудовичемъ всѣ три въ генералной канцелляріи. Послѣ обѣда отъехали зять Савичъ и дочь Настуся до Ведмежого, а послѣ ихъ отъезду была у жены Попасова жена, Галецковна.

17. По утру отъехала жена въ домъ зъ Уліаною Скоруповною. Писалъ я къ полковнику гадяцкому въ Москву зъ посилкою писемъ отъ жены его и отъ повѣренного. Вечеромъ былъ у Ломиковского и у Якубовича.

18. Были всѣ трое въ канцелляріи по утру, а у мене обѣдали Гудовичъ и Филипъ Гриневичъ, зять брата отца Івана. Писалъ до Гамаліи къ сину его Николаю.

19. Переведенъ въ дворъ нашъ онъ, молодый Гамалія, по возвратѣ его зъ Клепалъ [251]). Вечеромъ былъ у Скоропадского и игралъ въ карты зъ выграшемъ. Приехалъ Михайло Ханенко.

20. Званный до Скоропадского обѣдалъ у него, а потомъ былъ у Безбородкиной, писаревой генералной, где видѣлъся и зъ женою переводчика Івана Андріевича Данилевского, Елисаветою Алексіевною и у бунчучного генералного Оболонского; а вечеромъ у Скоропадского програлъ 47¾ к.

21. Знову обѣдалъ у Скоропадского и до жены писалъ о нѣкоторыхъ покупкахъ на ярмарку стародубовскомъ, а до лѣсконозкого войта о присилки подводъ по овесъ. Принятъ въ служеніе Григорій Николаевъ Козловскій, рожинецъ переяславскій, которій въ Москвѣ 1751 году присталъ служить у Якова Почеки, асаула полку нѣжинского.

22. Писалъ писма въ Москву до Карновича, требуя отвѣту противъ прежныхъ 8 къ нему моихъ писемъ, а въ С. П. Бурхъ до г. Вайникова зъ посилкою бѣлокосу и тафы блакитныхъ по 10 аршинъ, которые писма и посилка отправлены чрезъ канцеляриста войскового Максима Руновского, сего-жъ числа по почтѣ отправившогось къ Москвѣ.

23. Тафель-декеръ гетманскій Гарасимъ Антоновъ Новомлинскій умеръ, нѣсколко дней толко на горячку хоровавши. Лаврінъ посланъ въ Воронежъ за пывомъ при писмѣ до сотника воронѣжского Андрея Холодовича и зъ денгами.

24. По утру отосланъ жеребецъ вороный къ повѣреному Василя Полуботка. Оный Герасимъ Новомлинскій похороненъ при церкви св. Михаила.

---

[251]) Село путивльскаго уѣзда, принадлежавшее женѣ Гамалѣи, рожд. Анненковой.

25. Писма отъ полковника Галецкого до жены его вручены служителю ихъ Кирилу Черняховскому для отсилки въ Стечну при моемъ къ ней-же писмѣ. Отъ мене писано въ Стародубъ до Івана Гамаліи о сину его Николаю, да до жены о нѣкоторыхъ покупкахъ въ ярмарку стародубовскомъ и посланы чрезъ человѣка изъ Клепалъ.

26. Послѣ полдня ездилъ до Валкевича и до Якубовича для прощанія, а до Городища отпущено на подводахъ зъ селъ новгородскихъ овса 33 осмачки и одинъ четверикъ.

27. Исповѣдалъся передъ отцемъ Яковомъ старикомъ, а на службѣ въ церквѣ св. Василія, по благости Божіей, удостоилъся сообщитись святымъ Тайнамъ. Писалъ въ Москву подъ числомъ 25-мъ сего мѣсяця зъ посилкою 2 писемъ отъ жены полковника гадяцкого къ нему, да до Туманского и до переводчика Фелинера о газетахъ, и тѣ писма вручены служителю Наталіи Демяновны г. Розумовской Полторацкому, по почтѣ до Москвы отправившемусь. Сего-жъ 27-го писалъ до жены чрезъ войта муравьевского о отпущенномъ одселя овсѣ и неупотребленіи зъ селъ новгородскихъ людей къ тамошнымъ работамъ, да чрезъ дѣвку Марью зъ посилкою писма отъ зятя Савича и стороны зятя Рославця, что наложено на владѣніе ихъ излишные порціи и раціи и о доправки денегъ 34 р. на Александровой Корецкой, а 3 р. на Івану Гамаліи за сина его.

28. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы газеты нумеровъ 6, а именно: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, да подъ вчорашнымъ числомъ писаны писма о Филипу Васильеву Гриневичу, отца Івана брата дочь Марію понявшомъ, кой нынѣ опредѣленъ въ кантакузинскіе маетности старостою, до войскового товарища Стефана Савича Лутая, до управителя чеховского Петра Мойсѣевича Левицкого, до сотника золотоношского Константія Леонтовича и до отца Іоана брата, и чрезъ того-жъ Гриневича посланы болному Іосифу 1 рубль денегъ.

Мартъ.

1. Асаулу полковому нѣжинскому Долинскому вручены 2 писма до полковника гадяцкого Галецкого отъ жены его, къ Москвѣ по

которій въ семъ мѣсяцѣ 26-го числа окончилъся, за науку сина нашего заплатилъ 3 р. Отослано въ судъ генералный доношеніе противъ присланного позву о озерахъ лѣсконозкихъ.

2. Писаны писма въ Прилуку до бунчукового товарища Димитрія Марковича о Марьѣ Бѣлченковой, вдовѣ товкачовской, въ Товкачовку до правящаго за господаря Якова Супруненка о тамошнемъ господарствѣ чрезъ подводчиковъ товкачовскихъ, солоды привозившыхъ. Гудовичъ у мене обѣдалъ. Племѣнникъ Михайло Ханенко подалъ доношеніе въ генералную канцеллярію о принятіи его въ службу канцелярскую.

3. Оному велѣли быть у дѣлъ для писанья. Подводы товкачовскіе и чрезъ оные вчора писанные писма до Данила Городиского о прибытіи его въ Глуховъ отпущены.

4. Дано на росходъ полтора рубля Андрію.

5. Пріехалъ полковникъ кіевскій Дараганъ и асаулъ Закревскій, зъ которими видѣлъся я у Якубовича. Пріехалъ Іскрицкій. Захоровалъ синъ Гамаліинъ.

6. Отпущенъ въ Товкачовку подводчикъ зъ писмомъ до управляющого за господаря Якова Супруненка о господарскихъ дѣлахъ тамошныхъ и чрезъ него-жъ кобила Качановского послана. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

7. Послѣ полдня прибылъ полковникъ лубенскій Апостолъ и Данило Покорскій. Писалъ до жены чрезъ слюсаря Стефана Борисова и за нимъ до обозного и писаря стародубовскихъ.

8. Писалъ до сотника носовского Якова Шаулы о покупки ста или двохъ сотъ яблокъ свѣжихъ чрезъ людей Михайла Ханенка. Всѣ мы 4 были въ канцеляріи генералной.

9. Отпущено солоду 2 осмачки и 1 четверикъ, да 7 сувоевъ полотна, чрезъ подводы лѣсконозкіе, при писмѣ до жены въ Городище.

10. По утру былъ у мене Іванъ Покорскій и сказовалъ, что дочь наша Анна родила сина Ѳеодора. Писалъ къ зятю Савичу писмо и посѣщалъ Якубовича болѣзнуючого. Еще дано на расходъ Андрію 50 к.

11. Обѣдалъ у Гудовича. Поданы 3 доношенія въ судъ генералный: 1-е о Корсаку стороны крѣпостей, 2-е о Дзвоннику и Самусенку, 3-е о войту погарскомъ стороны куровцювъ.

12. Въ вечеру приехалъ Данило Городиский зъ Луки и сказовалъ, что дядко Евстафій Никитенко преставилъся 4-го марта.

13. Отъ жены получилъ извѣстіе, что дочь наша Анна Іосифова Рославцева родила сина Өедора зъ 3 противъ 4-го числа сего мѣсяця.

14. Писалъ къ женѣ противъ еи писма и нѣсколко посуды деревяной и половину бѣлорибици отпущено, да до сотника погарского о Григорію Засулскомъ и до бунчукового товарища Антона Жоравки сторони кухаря уговоренного и задатокъ взявшого. Надъ вечери былъ у Якубовича, куда и Оболенскій зъ женою при мнѣ пріехалъ.

15. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы три нумери газетъ: 10, 14 и 15-й. Привезены зъ Лѣсконогъ 26 лящовъ, бѣлизнъ 4 и одинъ сомъ.

16. Посланы писма до полковници гадяцкой отъ мужа и сина еи при писмѣ моемъ до жены, да до полковника стародубовского и до Кудринского писалъ о заборѣ сѣна и о протчемъ старостою Корсаковымъ, а о Незамаевскомъ, что пограбилъ и билъ людей куровскихъ, и оные писма, тако-жъ указы изъ суда генералного: 1-е до Корсака о присилки крѣпостей на мелници ворскіе, 2-е до сотника погарского о висилки въ Глуховъ атамана чаусовского Бобова зъ декретомъ, даннымъ чаусовцямъ на евдоколцiовъ о завладѣніи ими чаусовского грунту, посланы чрезъ полкового стародубовского сторожа.

17. Приехалъ въ Глуховъ сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла, имѣючійся отправлять къ Москвѣ.

18. Ради тезоименитства гетманского отправлялся молебенъ соборный въ церкви св. Михаила, а потомъ былъ бенкетъ у г. Скоропадского при пушечной налбѣ.

19. Никуда не вiездилъ я зъ дому, а вечеромъ былъ у мене Кирило Забѣла, которому и нѣкоторые прошенія представлены до г. Безбородка, писаря енералного.

20. Писалъ до жены о посилки въ Товкачовку 3-хъ или 2-хъ куфъ горѣлки и послано сукно сѣрое 48 локотъ и зъ тимъ, такожъ зъ даннымъ меморіаломъ, посланъ въ Лѣсконоги Лаврінъ Цяпа. Обѣдали у мене Георгій Белецкій-Носенко и войтъ новгородскій Афанасъ Томиловскій. Данило Покорскій по утру былъ при отъездѣ въ

домъ. Конь у мене вороностирокатій здохъ. Писалъ въ Москву до Карновича и до полковника гадяцкого чрезъ Кирила Забѣлу, да чрезъ него-жъ и давно писанные писма до г. Безбородка зъ доношеніемъ къ гетману о зачетѣ денегъ 44 р. и до Туманского зъ писмами-жъ до Ликевича и до Лукина посланы. Полтавскій полковникъ пріехалъ и послѣ обѣда долго сидѣлъ у мене.

21. Подъ часъ обѣда пріехалъ вѣстовой зъ писмомъ, что жена болна близъ смерти, чего для взявъ подорожную на 6 подводъ, отъехалъ зъ Глухова и перемѣня подводы перво въ Собичевѣ, а ночью въ Локоткахъ и въ Піроговцѣ прибылъ

22. Въ Новгородокъ свѣтомъ, а оттоль въ 8-мъ часу по полночи віехавъ и, перемѣня подводы разъ противъ Лѣсконогъ, въ другое въ Гримячомъ, прибылъ въ Городища въ 3-мъ часу по полдни и тутъ засталъ жену ели живую.

23. При писмѣ до Якова Супруненка отправлены 2 кухви горѣлки въ Товчачовку, изъ которыхъ въ одной становъ (*пробѣлъ*), въ другой становъ (*пробѣлъ*), и тимъ-же подводчикамъ данъ на свободный проездъ пашпортъ. Мало стало легче женѣ. Сотникъ погарскій мимоездомъ до Глухова былъ у мене, а атаманъ Беляй и обѣдалъ.

24. Писалъ до Гамаліи о сину его, да до Максима Шляхты о нѣкоторыхъ покупкахъ и о зробленью свѣчъ восковыхъ, на якіе покупки 4 р., а на свѣчи 19 фунтовъ послано воску чрезъ компанѣйця Матвія. Да въ Лѣсконоги писалъ до Лавріна о присилки живыхъ лящовъ и туда-жъ посланъ ладанъ и 3 свѣчки.

25. Оный компанѣецъ отъехалъ въ Стародубъ.

26. Знову жена жестоко занемогла разними алтераціами.

27. Писалъ въ Почепъ до бунчукового товарища Івана Губчица о висилки Өедора Козловского бѣжавшого и о порѣчкахъ и проч.; да до Василія Дунина Борковского о агрестѣ красномъ, о пивоніи повной и зіолкахъ, и о томъ-же до сотника мглинского и о Медведку чрезъ Косика. Въ Лотоки посланъ Гришко, зять Шупкого, о маштовыхъ деревахъ и о протчемъ. Въ Стародубъ послана куниця, старая лямпа и для викупу лихтаровъ 2-хъ и свѣчь до Шляхти 1 р. 20 к., а Левонъ отпущенъ въ домъ.

28. Писалъ въ Глуховъ до Константиновича, канцеляристи судоваго, о атаману и войту чаусовскихъ, да до племенника Михайла Ханенка о дворѣ, чтобъ порядочно смотрѣли. Протопопъ погарскій

и Кочержинскій у насъ были и книжку рукописную мою протопопъ для переписи взялъ.

29. Компанѣецъ Лавріпъ Цяпа отпущенъ въ домъ до 1-го маія и объ немъ писано отъ мене до полковника Василія Чоснока и ему-жъ данъ пашпортъ и меморіалъ, что справить въ Лѣсконогахъ и въ Глуховѣ.

30. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка, поручаючи ему дірекцію надъ Яковомъ Супруненкомъ, учрежденнымъ отъ мене господаремъ надъ селами и футоромъ Рудовскимъ. Въ Глуховъ писалъ-же чрезъ людей Гамаліиныхъ зъ посилкою 6 сѣменъ огородныхъ.

31. Писма до Носенка и Супруненка и открытое до громадъ отпущены въ Глуховъ чрезъ Романа Остаповича Никитенка сина, зъ Луки приездившого, а чрезъ него-жъ и до Гаврила Баштового писано.

Априль.

1. Отправлены городчане въ Стародубъ по дѣлу зъ гриніовцями о грунте заводскому, а войтъ чубаровскій туда-жъ за дворовыми нуждами посланъ.

2, 3, 4 и 5 такъ прошли.

6. Посланъ Матвѣй компанѣецъ за нѣкоторыми справками въ Стародубъ и зъ писмами до полковника о Костѣ, снѣцару погарскому, и до Івана Дащенка за книгами. Сотникъ погарскій зъ Глухова пріѣхалъ и привезъ ко мнѣ разные писмы, да и войтъ чаусовскій, поворотясь зъ Глухова, привезъ писма и газеты. Зъ Лотоковъ привезены птушки, и Гришко, туда посланный, возвратилъся.

7. Въ Курковичи дано двѣ колеси для поправы чрезъ сина Лимонкиного. Писалъ до Дергуна зъ отсилкою пакета полковници гадяцкой, а до Івана Лашкевича о бѣжавшомъ Ѳедорѣ Козловскомъ.

8. По благости Божіей сообщалъся святымъ Тайнамъ, а исповѣдалъся у попа даріевского Василія, и жена и дѣти сообщались же святымъ Тайнамъ.

Слѣдующіе числа 9 и 10, да въ праздникъ.

11. Свѣтлого Воскресенія и 12, 13 и 14 пробылъ въ Городищѣ.

15. Отъехалъ для посѣщенія болного швагра Ѳедора Корецкого въ Левенку, где и самъ захоровалъ и цѣлую ночь былъ жестоко боленъ.

16. Былъ въ Стародубѣ для осмотру обветшалого двора и ночовалъ въ Хмеліовкѣ у Івана Хмеліовского.

17. Обѣдалъ въ Гриніовѣ у Ѳедоровой Шираевой, а на ночь прибылъ въ Городище. Отъ 18 по 28 число пробылъ въ Городищи.

28. Послѣ обѣда, простясь зъ женою и дѣтми, отъехалъ зъ синомъ Іваномъ къ Глухову и прибылъ на ночь въ Лѣсконоги.

29. Тамъ опредѣливъ атамана рибалского для полову рибы и поручивъ тамошнему атаману Яремѣ Юдицкому смотреніе, послѣ обѣда отъехалъ въ Новгородокъ и тамъ, бывъ въ монастырѣ у архіерея Арсенія, взялъ у него новоисправленную печатную библію для прочитанія, а отголь прибылъ позно въ Комань.

30. По утру былъ у мене городничій Свѣржскій и обѣщавъ ехать до Глухова, простилъся со мною, а я, отобѣдавъ, поехалъ при великой снѣжной, дожчевой и вѣтреной непогодѣ и мало отдохнувъ конямъ въ Локоткахъ, какъ оттоль поехалъ, то подъ Слоутомъ встрѣтилъ едучого зъ Глухова асаула генералного Петра Валкевича, самъ-же, прибывъ въ Слоутъ, тамъ ночовалъ.

Маій.

1. Оттоль послѣ службы Божой отъехавъ, прибылъ до Глухова на обѣдню, а надъ вечери былъ у Скоропадского и у полковника Апостола.

2. Служителю (принятому сего году февраля 21-го) Григорію Козловскому дано 50 к., а въ Городищѣ лакейская сѣрая свита и двѣ пари рубашокъ.

3. Отпущены въ домъ служители зъ коньми при писмахъ до жены, до Городиского и до Андрея Свѣтловерского, и сѣрка послана.

4. Писалъ въ Москву до Карновича и къ сину съ благословеніемъ, да до Лобисевича чрезъ канцеляриста Ефрема Мироновского, и чрезъ него посланы 3 ножи турецкіе и пять рублей на покупку чая и бавовны.

5. Бабѣ Зѣнцѣ данъ въ позику 1 р.

6. Писалъ въ Москву до г. Теплова и г. Безбородка, да до канцеляриста Мироновского о нѣкоторыхъ еще малыхъ покупкахъ.

7. Оные писма отпущены къ Москвѣ чрезъ канцеляриста Шутенка, да писалъ до жены о Якову Пригаровскомъ и чрезъ него-жъ посланы 3 р. $4^1/_2$ к. за масло, и до Городиского и до Андрія, да въ Лотоки до господаря Ѳедора Лукянова и войта Ѳедора Фурсова. Кухарю куплена шапка за 40 к., желѣза фунтовъ 19 за 38 к.

8. Отобралъ г. Скоропадскій часы тонпаковые зъ портретомъ и отдалъ оные сину своему Петру, которій купно съ другимъ братомъ своимъ Яковомъ послѣ обѣда отъехали, забѣрая путь къ Дерпту до своей команды лейбъ - кирасирского полку, яко того полку пожалованные корнеты.

9. Послѣ обѣдни былъ у мене асаулъ генералный Якубовичъ, а обѣдалъ у мене-жъ жолдацкій капитанъ. 10. Vacat.

11. Писалъ до Городиского о козаку чаусовскомъ Козмѣ Овдіенку. Вечеромъ былъ въ дворѣ гетманскомъ и у Ломѣковского.

12. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка о дѣлахъ тамошныхъ, да до жены въ домъ о Качановскомъ, съ посилкою 7 огурцовъ свѣжихъ. Послѣ полдня посѣщалъ болного Оболонского, потомъ Скоропадского, которій въ канцелляріи не былъ за болѣзнію на зубы.

13. Пріехалъ зъ Москви полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій, а отправленному къ Москвѣ зъ конми гетманскими канцеляристѣ Пуховичу данъ отъ мене меморіалъ о покупки 2 - хъ паръ перчатокъ болшыхъ, 2-хъ паръ малыхъ, 10-ти лимоновъ и 5-ти цитроновъ. Сидоръ швець отъехалъ до Ямполя, а Данило компанѣець посланъ въ Рубановку.

14. Писалъ до Лобисевича о покупки лимоновъ и цитроновъ. Полковникъ гадяцкій отъехалъ.

15. Новый войтъ лѣсконозкій на старомъ войту Костѣ Ковтунову доправленныхъ денегъ привезъ 2 р. 9 к.

16. Обѣдали у мене Григорій безносій и Андрей, племѣнникъ его Карновичи. Послѣ полдня былъ у доктора Бока и у Скоропадского. Зъ Москвы сержантъ Александръ Матвіевъ Несторовъ прибылъ въ Глуховъ.

17. Принятъ во услуженіе въ кухарскую должность Іванъ Половчевскій, которому въ годъ поступлено 10 р. и дано въ задатокъ 50 к. Сего-жъ числа отправлены въ Москву донощикъ, сибірского пѣхотного полку каптенармусъ Явскій, и оговоренные.

18. Отосланы учителю французкому за полмѣсяця 1 р. 50 к., да кухарю Матвію даны 1 р. 50 к., чрезъ которого и писмо дано до зятя Савича и дочерѣ Настусѣ.

19 Отпущенъ Сидоръ швецъ въ Городище и чрезъ него посланы писма до жены и до Городиского, а зъ Городища пріехалъ подводчикъ зъ Даниломъ Запорожцемъ. Кровь мнѣ пущалъ докторъ Бокъ зъ руки.

20. Писалъ до жены въ домъ о греблѣ на Судости, къ заниманью намѣренной, и о протчемъ, а до Городиского о книгахъ и зъ посилкою указу суда генералного о Самусенковыхъ и тестя его пожиткахъ въ полковую стародубовскую канцеллярію, и до Андрѣя о новыхъ шорахъ и о протчемъ, чрезъ Мартиненка. Данило Запорожець наказанъ.

21. Писалъ до Гуриновского о покупкахъ въ Ригѣ, а о дачи ему пашпорта зъ полковой стародубской канцелляріи сообщенъ генералной канцеляріи ордеръ. Малій Запорожець Михайло жестоко убилъся.

22. Прибылъ въ Глуховъ Іванъ Рославець для своей свадбы, имѣючой быть въ Сварковѣ, и старый Іванъ Губчицъ, зъ которими отъехалъ былъ и я къ Сваркову, но опять назадъ возвратилъся. Зъ сего числа началъ принимать лѣкарства.

23. Обѣдалъ у мене Чуйкевичъ, вечеромъ и я у него былъ. Сотникъ Соболевскій отъехалъ въ домъ. Наши господа генералные и полковникъ лубенскій были въ Сварковѣ на свадбѣ. Я писалъ въ домъ до жены. Въ вечеру Іванъ Городискій наказанъ за пянство.

24. Пришли подводы зъ Товкачовки.

25. Новобрачные Іванъ Рославець съ женою своею Маріею Стефановою, дочерью Есимонтовсковною были у мене зъ хлѣбомъ и хусткою, которая сину Івану отдана. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ Юхновъ за тягненемъ озера и въ Комань о смоляникахъ зъ приказомъ.

26. Послалъ къ женѣ писмо отъ Карновича зъ Москвы писанное и копію писма сина нашего Василя къ нему писанного и

до атамана и войта лѣсконозкихъ писано о озерахъ и протчемъ. Сего-жъ числа оные новобрачные зъ своею веселною компанѣею обѣдали у мене, а потомъ ѐздилъ я къ нимъ за городъ.

27. Отпущенъ въ Товкачовку Данило Качановскій, которому дано 50 к. на дорогу, и чрезъ него посланы писма до Георгія Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка. Да посланы писма до судіи полкового переяславского Константина Лисаневича и до сотника золотоношского Леонтовича о покупкѣ двохъ паръ камней до мелницъ и объ отсилки оныхъ въ Товкачовку. и оные писма отпущены чрезъ войта переяславского и писара майстратового. Старшій канцеляристъ Василь Туманскій отъехалъ въ домъ свой, которій привезъ мнѣ изъ Москвы пять фунтовъ чаю зеленого, за 9 р. купленного, якихъ ему еще не плачено.

28. Писалъ до жены чрезъ Івана Губчица о греблѣ на Судости, объ отсилки воловъ въ Товкачовку и о протчемъ, а въ Комань о смоляникахъ. Сотникъ сосницкій Филимонъ Шафонскій прислалъ осятра свѣжого и къ нему отписано.

29. Vacat. 30. Преосвященный епископъ переславскій Іоанъ Козловичъ прибылъ въ Глуховъ и имѣлъ служеніе въ женскомъ монастырѣ, которого потомъ візитовали мы на его квартерѣ. Сего-жъ числа обѣдалъ у мене магистрата кіевского лавникъ Герасимъ Кувѣчинскій зъ канцеляристомъ.

31. Оный-же архіерей візитовалъ мене въ моемъ домѣ и поднесъ ікону святителя Николая. Послѣ полдня полковникъ лубенскій Апостолъ отъехалъ въ домъ, а я вечеромъ отъехалъ-же зъ Глухова къ Богдановцѣ присланными отъ жены лошадми и ночевалъ за Слоутомъ въ полѣ.

Юнь.

1. Зъ ночлѣгу свѣтомъ поехавъ, прибылъ до Богдановки въ 8-мъ часу предъ полуднемъ и тутъ весь день пробылъ и уже ночью туда-жъ прибыла жена.

2. Оттоль послѣ обѣда отъехавши, отдихали лошадямъ въ Собичевѣ, а поздно уже пріехали въ Глуховъ.

3. Послѣ обѣда была у жены мой г. Скоропадская, а

4. Жена моя у еи обѣдала. Писаны въ Москву писма до полковника Ликевича, до Лобисевича и до Карновича и къ нему-жъ

отпущены 300 р. для пересилки къ сину нашему въ Киль; тѣ-же писма отправлены чрезъ к. в. Григорія Левицкого. Сего-жъ числа писаны писма въ Прилуку до полковника тамошнего съ посилкою указу изъ суда генералного о Княжыхъ Ланахъ, да о томъ-же до Георгія Носенка, до Качановского и до господаря Якова Супруненка, а зъ писмомъ суда-жъ генералного до архимандрита гамаліевского Пафнутія Биковскаго о тихъ-же Княжыхъ Ланахъ посланъ компанѣецъ Василь Орленко.

5. Оные писма отправлены чрезъ компанѣйця асаула Петра Чернявского, команды Грицка Биженка, въ Прилуку.

6. Писалъ до Евдокіи Гарасимовны Жоравковой о озерѣ въ Юхновѣ. Жена была у бунчучной. Ихъ высочествъ камердинери Михайло Власіевичъ Будлянскій и Василь Евфимовичъ Дараганъ, да капитанъ кадецкого корпуса Василій Івановичъ Розумовскій и пажъ Александръ Якубовичъ прибыли до Глухова и стали въ домѣ гетманскомъ.

7. По утру онымъ гостямъ всѣ мы візиту отдавали и поччованы отъ нихъ водкою и виномъ, а обѣдали у Скоропадского ради воспоминанія брака его зъ нынѣшнею женою, которому кончилось шесть лѣтъ. Писалъ до бунчукового товарища Івана Есимонтовского о двохъ садахъ желѣза до 2-хъ каменей млива.

8. Послѣ полдня былъ у насъ бунчучный Оболонскій съ женою, а потомъ жена моя зъ вдовою Бороздиною ездила въ дворецъ гетманскій. Господа камеръ-юнгери отъехали зъ Глухова къ Козельцю.

9. Послѣ обѣда жена отъехала до дому. Писалъ писма: 1-е до сотниковъ, полку стародубовского, Случановского о Левку Ярмущенку хмеліовскомъ, 2-е до погарского о 10 рубляхъ, женѣ Петра Гладуненка отъ Борковского належныхъ, 3-е до Ѳедора и Петра Савичовъ въ Ведмежее за Александромъ Остелецкимъ, чтобъ быть ему священникомъ въ Слоутѣ на половинѣ парохіи зъ братомъ своимъ, тамошнымъ священникомъ, Даниломъ Остолецкимъ, которихъ обоихъ отецъ есть Яковъ священникъ старый Остолецкій, 4-е до сотника золотоношского Леонтовича зъ посилкою ордеровъ изъ економической канцеляріи до управителя чеховского Петра Левіцкого, до судіи замку гадяцкого Ставіцкого и до Филипа Гриневича, старости маетностей кантакузинскихъ, объ немъ самомъ; 5-е до асаула

генералного Якубовича о сину его пажу, отъехавшемъ въ домъ его, и оные до сотника золотоношского съ ордерами и до Якубовича писма отправлены сотнѣ золотоношской козакомъ Тимошемъ Строканенкомъ. Я сего числа въ канцеляріи не былъ.

10. Подано доношеніе отъ Смоляниковъ, что войтъ команскій грунтовъ ихъ не попущаетъ. Былъ я въ дворѣ гетманскомъ и у Чуйкевича.

11. По утру переговорка была въ канцеляріи зъ Скоропадскимъ, безъ всякой причины на мене воставшымъ. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ Валкевичъ.

12. Бунчучный генералный былъ у мене на прощаньѣ при отъездѣ зъ Глухова въ свои маетности. Георгій Носенко прибылъ зъ Прилуки, а надъ вечери былъ у мене Гудовичъ.

13. По утру былъ у мене Павелъ Ломіковскій, а обѣдалъ у мене Данило Покорскій, По обѣдѣ ездилъ въ Борокъ и былъ въ лагерѣ компанѣйскомъ. Сего числа синъ родился Василь Василію Гудовичу въ Івантенкахъ.

14. Писалъ до жены чрезъ Лѣсконоги, да въ Лѣсконоги-жъ до атамана и войта о рибѣ, а въ Комань о грунтѣ Смоляниковъ и о каменьѣ. Былъ у мене Гудовичъ, и въ домѣ моемъ онъ получилъ вѣдомость о сину своемъ рожденномъ.

15. Писалъ въ домъ до Городиского зъ приложеннымъ писмомъ до Гуриновского въ Ригу о покупкахъ часовъ срѣбрныхъ и другихъ мѣлочей, да до Свѣтловерского о исправленіи поезду и протчего; тако жъ до архидіякона катедры митрополитанской кіевской Манасія Максимовича чрезъ попа василіевского Корнилія Афанасіева, въ Кіевъ отъежджаючого въ монахи. Прибылъ въ Глуховъ прапорщикъ Михайло Трощинскій, которій былъ въ кадетскомъ корпусѣ подпрапорщикомъ.

16. По утру зъ Іваномъ Гамаліею видѣлъся въ генералной канцеляріи, после полдня отъехалъ Василь Гудовичъ въ домъ свой. Оный Трощинскій былъ у мене, а послѣ и Іванъ Гамалія. Писалъ къ женѣ зъ посилкою 2-хъ головъ цукру, кофе въ шуфлядцѣ, мила, 3-хъ пѣрниковъ, старой опанчи, въ обрусецъ ввинутой, и возовой шкури и 5-ти барилецъ порожныхъ, а до Городиского зъ прилогомъ 2-хъ писемъ полковничихъ и что ему по оныхъ дѣлать, да до Івана Дащенка о футорѣ Потапенковомъ.

17. Тѣ писма и посилка отпущены въ Городище чрезъ сина Левона Насовки Булахового. Писалъ писма: 1-е до сотника новомѣского Андрея Силевича чрезъ козаковъ бовсуновскихъ, 2 е до асаула генералного Якубовича о строеніи двора его.

18. Писаны писма въ Москву до Стефана Карновича, въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, въ Киль до сина Василя съ извѣстіемъ, что прежде въ декабрѣ 27-го числа 200 р., а сего юня 4-го 300 р. денегъ для пересилки къ нему отправлены въ Москву до господина Карновича.

19. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Подгаецкому, посилаючомуся въ Москву при писмѣ до канцеляриста Максима Руновского.

20. Послѣ полудня ездилъ зъ Чуйкевичемъ для осмотру пожень, взятихъ до косбы зъ половини.

21. Оный канцеляристъ Подгаецкій отправилъся къ Москвѣ. Товаришъ войсковый Георгій Белецкій-Носенко отъехалъ въ домъ, которому отъ мене нѣкоторые приказаны дѣла, касаючіеся до Товкачовки и Рудовки. Бывшій кошовый Ігнатовъ Якимъ и протчіи запорожци помирились зъ сотникомъ миргородскимъ В. Заруднымъ.

22. Оный сотникъ простилъся при отъездѣ въ домъ, а въ канцелярію генералную прислано доношеніе зъ суда генералного о ихъ миру.

23. Послѣ полдня отъехалъ къ Рубановкѣ и прибылъ туда на ночь.

24. По обѣдни, въ Зазѣркахъ въ церквѣ вислушанной, званъ отъ бунчукового товарища Івана Стефановича Міклашевского въ домъ его, у него-жъ обѣдалъ. А послѣ полдня зъ Рубановки отъехавши, заездилъ въ Дунаецъ, потомъ позно прибылъ въ Глуховъ.

25. Писаны писма: 1-е до жены по жалобѣ бунчукового товарища Стефана Березовского на людей нашыхъ лотоковскихъ, Демидовыхъ; 2-е до Городиского зъ посилкою нѣсколко писемъ по дѣламъ лотоковскимъ; 3-е до оного Березовского о томъ-же, и оные писма вручены сотнику стародубовскому 2-й сотнѣ Афанасу Случановскому.

26. Писалъ въ Нѣжинъ до Івана Комбурлѣя о ножѣ турецкомъ и о табакѣ, чтобъ купилъ и прислалъ оного.

27. Обѣдали у мене сотникъ почепскій Староселскій зъ зятемъ своимъ Семеномъ Круковскимъ, за которымъ писалъ я інстанцію до полковника нѣжинского Петра Івановича Розумовского.

28. Отправленъ Лаврінъ Цяпа въ Новгородокъ и въ села за косарами. Писалъ въ Товкачовку о пшонѣ, крупахъ и о протчемъ до господаря тамошнего Якова Супруненка и отпустилъ тое писмо чрезъ Тимковского. Писалъ въ домъ до жены чрезъ хоружую сотничиху шептаковскую Уліану, Іосифа Яковлева жену, и чрезъ еи-жъ посланы до жены три головы болшіе цукру.

29. По службѣ Божой въ церквѣ св. Михаила и по молебнѣ производилась пушечная палба ради тезоименитства его высочества государя великого князя. Потомъ трактованы были у г. Скоропадского обѣдомъ при пушечной палбѣ, а по утру многіе и у мене были зъ поздравленіемъ.

30. По утру былъ у мене г. Скоропадскій, а надъ вечери былъ я у Валкевича и съ нимъ о дѣлахъ моихъ, въ судѣ генералномъ имѣючихъся, розговоривалъ. Писалъ къ женѣ чрезъ чаусовского человѣка о грунтѣ спорномъ зъ евдоколцями и о протчемъ, а до Городиского послалъ доношеніе зъ учиненною на ономъ пометою о дѣлѣ взглядомъ грунту того-жъ чаусовского человѣка заводномъ.

Юлъ.

1. Принятъ въ услуженіе пришовшый зъ Сосницѣ, а родомъ зъ Опошніого Данило Крамарчукъ.

2. Отправлено писмо до Стефана Евфимовича Карновича въ Москву чрезъ канцеляриста войскового Ілью Григоріева сина Шутенка и ему-жъ данъ меморіалъ о покупки коляски городовой и цуга шоръ чорныхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ чрезъ войта муравьевского о каменѣ 2 садовъ, за 13 р. купленномъ, и о присилки нѣкоторыхъ вещей, да до г. Городиского съ репремандомъ о дракѣ зъ Андріемъ Свѣтловѣрскимъ.

3. Прибыли косари зъ селъ новгородскихъ и отправлены при Гаврилу Баштовомъ на сѣножати, взятые для косбы зъ половины. Писалъ до Якубовича на его писмо въ отвѣтъ и врученъ оный канцеляристѣ Яновскому.

4. Ездилъ до Годуновки на свадбу до товарища войскового Костантія Острожского, которій дочь свою видавалъ въ Есмань за

сина Івана войскового-жъ товариша Коробки. Писалъ до Іосифа Закревского, асаула полку кіевского, на его писмо въ отвѣтъ о дѣлѣ его, въ судѣ генералномъ рѣшенное, на которомъ повѣренный его Михайло Заклевенскій подписалъся въ неудоволствіи. Вечеромъ былъ у мене Василь Полуботокъ.

5. Отправленъ до Городища гончаръ Лаврінъ для передѣлки печей и чрезъ него писалъ до жены о невисилки косарей зъ сѣлъ новгородскихъ и о протчемъ, да до Андрѣя Свѣтловерского о томъ же гончару и о другихъ дѣлахъ, что надобно дѣлать. А чрезъ Пугачевского писалъ до бунчукового товарища Івана Губчица о дѣлѣ его, въ економической канцеляріи имѣючемъся. Дѣло зъ Корсаками о мелницяхъ Ворскихъ слушано въ судѣ генералномъ. Послѣ полдня ездилъ на сѣнокосъ.

6. Писалъ къ полковнику стародубовскому Максимовичу о писмѣ до бунчукового товарища Михайла Ширая стороны грунтовъ городискихъ, гриневцями завладѣнныхъ и о дѣлахъ нашихъ въ полковой стародубовской канцеляріи имѣючихся. Оное-же писмо до Ширая въ Москву отправлено до Кирила Лобисевича при моемъ писмѣ и отдано для пересилки старшому канцеляристу Войнѣ економической канцеляріи. Писалъ до сотника полку нѣжинского Афанасія Левіцкого на двѣ его писми въ отвѣтъ сторони брата его Григорія, къ Москвѣ отъехавшого, и сторони Сулиминой Гудовской, о которой передъ симъ отъ мене къ нему писано.

7. Вечеромъ былъ у Іскрицкого въ его квартерѣ, а позно былъ у мене Василь Полуботокъ.

8. Жестоко занемогъ племѣнникъ Михайло Ханенко, который и исповѣдовалъся передъ священникомъ, для чего и Чуйкевичъ пріежджалъ.

9. Ему-жъ, Михайлу, давано лекарство проносное. Подалъ доношеніе въ судъ генералный противъ отвѣту войта погарского съ товарищы о мужикахъ куровскихъ, въ Погаръ перейшовшыхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтоб или она къ 15-му числу пріездила въ Глуховъ или мнѣ ехать въ Городище, да до войта новгородского, чтобъ послалъ въ Команъ якого урядника и Кашиху, дабы отвела сѣножать, проданную одъ неи Джуренкамъ.

10. О томъ-же, о чемъ и вчера, писалъ до жены чрезъ бунчукового товарища Івана Есимонтовского.

11. Провезено тѣло покойного Григорія Скорупы, на возвратѣ изъ Ахтирки въ сумскомъ полку сего мѣсяця 7-го числа преставлшогося. У Якова Марковича были крестины сину его, недавно родившемуся, Гаврилу, въ Сварковѣ.

12. Писалъ писма въ Москву до Новоторжцова и до Кирила Лобисевича зъ посилкою 2-хъ рублей 50 к. за газеты сего 1753-го года и въ С.-П.-Бурхъ до секретаря академіи наукъ, Петра Ісаевича Ханина, чрезъ сотника глуховского Демяна Турянского.

13. Писаны писма въ Козелецъ до полковника и до старшины полковой за племѣнникомъ Михайломъ Ханенкомъ, которій сего числа и отъехалъ въ домъ; да о раздѣлѣ между Рославцями, чтобъ учиненъ былъ, писалъ къ нимъ и до бунчукового товарища Івана Губчица съ посилкою и писемъ ихъ, ко мнѣ присиланныхъ. Тако-жъ писалъ о томъ-же и до жены. Послѣ полдня пріездилъ ко мнѣ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ съ своею ассистенціею, а въ вечеру рекомендовалъ мнѣ атаманъ миргородскій Григорій Іосифовъ брата своего Михайла въ услуженіе. Подано доношеніе въ судъ генералной съ копіею купчой Корсаковой.

14. Господинъ прапорщикъ Михайло Трощинскій вечеромъ пріездилъ ко мнѣ проститись на отъездѣ своемъ къ Москвѣ.

15. Писалъ въ Товкачовку о дѣлахъ тамошнего господарства до Якова Супруненка и о присилки пшона, крупъ и сировъ чрезъ Алексія Петрушу. Василь Гудовичь прибылъ въ Глуховъ. Полковникъ запорожскій зъ своею ассистенціею прибылъ до Глухова, едучи за жалованьемъ къ Москвѣ.

16. Синъ Іванъ пошолъ учитись къ Козачковскому. Полковникъ запорожскій зъ протчими подалъ въ генералную канцелярію доношеніе зъ Коша отъ нового кошового. Писалъ къ женѣ и до Свѣтловерского, что послѣ Іліи отъехать имѣю въ домъ.

17. Синъ Іванъ лѣкарство на глисты принималъ, и послѣ полдня візитовалъ его докторъ Бокъ.

18. По утру былъ у мене зъ отклономъ лавникъ магистрату кіевского, Герасимъ Кувічинскій. Слушалъ я обѣднѣ въ церквѣ св. Анастасіи, где служилъ соборомъ протопопъ и молебствовалъ за гетмана, ради здѣланного и освященного сего дня въ той церквѣ иконостаса.

19. Призиванъ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ зъ писаремъ бывшимъ-же Романовскимъ въ генералную канцелярію, где обявленъ имъ ордеръ гетманскій и взята у нихъ подписка, что будутъ впредь по ордерамъ исполнять и обидимыхъ справедливостію доволствовать. По доношенію Василя озерского лотоковского писано отъ мене къ Данилу Городискому въ Лотоки, чтобъ о всемъ изслѣдовалъ, а до бунчукового товарища Якова Тарнавского въ отвѣтъ за нимъ-же на его писмо писалъ.

20. Послѣ ездилъ до Валкевича, где и г. Скоропадского засталъ, а синъ мой Іванъ у дочери его былъ.

21. Послѣ полдня былъ у мене господинъ брегадиръ Делятуръ, а потомъ я у поруччика Озерова долго въ ночь просидѣлъ. Писалъ чрезъ помянутого лавника въ Кіевъ до писаря майстратового Николая Рагуцкого о прискaніи крѣпостей въ книгахъ воеводства кіевсвого на маетности тотобочные, о которыхъ особливая записка дана, а другая о столнику рожанскомъ Яну Модринскому.

22. Писаны писма въ Москву до писаря генералного Безбородка, до Новоторжцова и до канцеляристи Руновского о цедулѣ канцелярской въ коллегію іностранную, о копіи челобитной Корсаковой посилаючойся, да до Карновича къ сину въ Киль на его 2 писми въ отвѣтъ. Сего-жъ числа отпущенъ нѣкоторой багажъ, а при ономъ дѣвка Марѳа и хлопецъ Сосновскій въ Городище.

23. Г. Скоропадскій отъехалъ въ Дунаецъ, безъ которого одну експедицію какъ въ полки, такъ и въ Москву, за руками толко моею и Гудовичевою, отправили.

24. Не дождався я повороту изъ Дунайця г. Скоропадского, послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Слоутъ.

25. Оттоль рано поехавъ, слушалъ обѣдни въ Маковѣ, а обѣдалъ въ Локоткахъ, а передъ вечеромъ прибылъ въ Новгородокъ и тутъ ночовалъ.

26. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, а ночью прибылъ до Городища.

27, 28, 29 и 30 пробылъ въ Городищѣ.

31. Былъ у мене въ Городищѣ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ зъ писаремъ своимъ, попомъ Постриговичемъ.

Августъ.

1. По службѣ Божой было водосвятые при криницѣ, а по окончаніи палба производилась зъ можчирей. Того-жъ часа пріехалъ зять Петръ Савичь.

2, 3, 4 и 5 числъ готовились къ исповѣди, и сего-жъ числа исповѣдивалъся я и зять Савичь передъ священникомъ Константіемъ Гилемъ.

6. По благости Божіей сообщались святой Евхаристіи.

7. Vacat. 8. Послѣ обѣда ездилъ на Василювку и тамъ ночовалъ зъ синомъ Іваномъ.

9. Отправленъ компанѣецъ въ Глуховъ зъ писмами до Дергуна, до Лавріна Цяпы и въ Москву до Лобисевича стороны газетъ 52 и 53 номеровъ не отосланныхъ. Была у насъ вдова Сулимова.

10. Рано пріехала панѣ Александрова Корецкая, а надъ вечери купно съ нею и жена зъ дѣтми віехали къ Ахтирцѣ для богомолья Писалъ до Дергуна о доношеніи стороны Кашинского, посланномъ зъ полковой стародубовской канцеляріи въ генералную канцелярію.

11. Чинена проба здѣланной машины для битья свай на греблѣ дешковской. Посиланъ Городискій въ Погаръ.

12. Былъ у мене Кочержинскій, и сего-жъ числа писалъ до сотника глуховского въ отвѣтъ на его писмо, да до жены зъ посилкою свиты и штановъ суконныхъ для кухаря Уласа, и оныя писма отпущены чрезъ козака сотнѣ глуховской куреня бѣлополовского Афанаса Скоробогатого. Сего-жъ числа городчане, съ помощію пригону нашого, забрали жита копъ 108 деревнѣ Гриневки жителей и склали оное въ гумнѣ Козловомъ.

13. Писано до войтовъ лѣсконозкого и команского и юхновского, да въ Случокъ и въ Курковичи о висилки работныхъ людей на греблю въ Дешковичи. Прибылъ хоружый полковый Григорій Данченко и сталъ на Ворѣ. Писалъ къ полковнику стародубовскому о доправляемыхъ на чиновниковъ денгахъ за 1751 и 52 года, чтобъ зачтено перебранными отъ комісаровъ 1751-го году 13 р. 40 к. денгами.

14. Оный-же хоружый отобѣдавъ у мене, отъехалъ обратно до Стародуба за другимъ сотникомъ, понеже шептаковского нѣтъ въ домѣ.

15. По утру отъехавъ въ Погаръ для ярмарку, былъ тамъ на службѣ Божой въ соборной Успенской церквѣ, потомъ были у мене духовенство и мирскіи чиновники. Обѣдалъ у сотника, а оттоль надъ вечери уже пріехалъ въ квартеру, а зъ квартери отъехавъ домой и гараздъ уже поздно прибылъ.

16. Весь день пробылъ въ домѣ, а вечеромъ привезено въ Погару пяныхъ Шаповалця и Римаря.

17. Оные оба за свое пянство розками наказаны. Сего-жъ числа начали дѣлать новую греблю въ Дешковичахъ на Судости. Пріехалъ Гуриновскій.

18. Прибылъ знову въ Городище хоружый полковой Григорій Данченко зъ канцеляристомъ Усовымъ.

19. Прибылъ и сотникъ новомѣсскій Андрей Силевичъ, такожъ обозный полковый Григорій Юркевичъ, которіи всѣ у мене обѣдали.

20. Были Корсаки на Ворѣ и зъ высланными видѣлись. Написана отъ мене челобитная о покошенью сѣножатей муравьевскихъ Корсаковъ подданными гримяцкими и о томъ-же къ полковнику стародубовскому и о другихъ дѣлахъ, въ полковой стародубовской канцелляріи имѣючихъся. Писалъ до жены въ Глуховъ.

21. Писалъ въ маистратъ стародубовскій о долгу на Самусенку и Дзвоннику имѣючемся, чтобъ учинена крайная справедливость, въ силѣ указу суда генералного, и какъ за тиломъ дѣломъ въ маистратѣ, такъ и по имѣючимся въ полковой канцелляріи хожденіе имѣть Сидору Сосновскому—здѣланъ меморіалъ. Отъ Гуриновского присланы осталные деньги и дзигарокъ новый въ 25 р. 30 к., кромѣ ланчужка.

22. Зъ вышепрописанною експедиціею отправленъ Сосновскій въ Стародубъ, а по обѣдѣ пріездила ко мнѣ Евпраксія Есимонтовсковна Максимовичева и старый Александеръ зъ Левенки, чрезъ которого даны 7 фляшъ отъ пуздерокъ для приробленя въ пуздерки и стекло битое хрусталное для передѣлки. Віехала жена зъ Глухова къ Ахтирцѣ.

23. Ездили высланные въ Гудовку для допросу о тамошней мелницѣ и оттуду вечеромъ возвратились. Іуліана Скоруповна Бо-

24. Чрезъ неи писалъ до Івана Городиского увѣщевателное писмо, чтобъ не пянствовалъ. Отправленъ Данило Городискій въ монастырь Чолнскій съ писмомъ до намѣстника тамошнего Іраклія Лятушевича. Висланные, вруча мнѣ репортъ о своемъ слѣдствіи въ судъ генералный и отъужинавъ у мене, отъехали ночью зъ Городища.

25. Василь Мовчанъ посланъ въ Стародубъ и чрезъ него до Гуриновского денги при писмѣ за дзигарокъ отправлены 25 р. 30 к., да на покупки 2 р.

26. Городискій возвратился, не заставши въ монастырѣ Чолнскомъ намѣстника, отъехавшого въ Кіевъ.

27. Писалъ писма: 1-е въ Глуховъ до Дергуна съ посилкою доношенія обозного Юркевича о дачи сину его за границю пашпорта и писемъ до Скоропадского, до полковника Апостола и до Безбородка писаря генералного; 2-е до канцеляриста Івана Яновского зъ посилкою репортовъ отъ висланныхъ, да зъ сотенного погарского правленія и отъ манстрату; 3-е въ Биковъ до управителя Якова Кондзеровского о долгу на Конону оробьевскомъ; 4-е въ Москву до Кирила Лобисевича о недосланныхъ нумеровъ 52 и 53 газетахъ, и съ тѣми писмами отправленъ въ Глуховъ Василь Мовчанъ, чрезъ которого и кафанъ слугѣ Дмитру посланъ. Сего-жъ числа отъехала дочь наша Анна зъ синомъ своимъ Ѳедоркомъ въ Барики, зъ которою и Запорожецъ Данило посланъ зъ писмомъ до сотника почепского Староселского о долгу на Григорію Карновичу, да и до зятя Іосифа Рославця о роздѣлѣ его зъ братомъ писалъ-же. Компанѣецъ Гаврило Баштовый посланъ въ села новгородскіе за висилкою перемѣнних работниковъ на греблю дешковскую.

28. Писалъ подъ вчерашнымъ числомъ до сотника Случановского о Стефану кравцю повторе, чтобъ до его дѣла не имѣлъ.

29. Посиланъ Данило Городискій зъ приказомъ въ Даріевскъ о недачи долѣ хлѣба и сѣна зъ покупленныхъ Оршавою тамъ грунтовъ.

30—31. По утру явились ко мнѣ полу-грекъ и турокъ, посланные въ Муравьѣ за инструкціею описовать сѣно, гвалтовно гримячанами покошенное. Сотникъ погарскій Соболевскій обѣдалъ у мене въ Городищѣ, а туда-жъ въ Муравьевъ и Городискій посланъ.

Сентябрь.

1. Писалъ въ Стародубъ до обозного полкового Юркевича зъ посилкою писма Дергунового, да до Сидора Сосновского съ ордеромъ до полковника о Кишинскомъ, и послано тое чрезъ Василія Мовчана. Отпущены работники, которые дѣлали бляховые шоры, и чрезъ нихъ писано до Сосновского-жъ о денгахъ, перебранныхъ зъ нашого владѣнія 1751-го года за раціоны 13 р. 40 к. Писалъ зъ пѣвчимъ до Гудовича Петромъ Доманскимъ, въ Глуховъ отъехавшымъ.

2. Заняли греблю въ Дешковичахъ самими нашими людьми а послѣ изъ околичныхъ селъ до 30-ти подводъ пріездили въ помогъ

3 и 4. Продолжали тую-жъ работу и здѣланъ переѣздъ по мостахъ на оную греблю.

5. Стали бить палѣ подъ клѣтку, и сего-жъ числа віехавъ я зъ дому къ Глухову, пріехалъ позно въ Чаусы и тамъ ночовалъ.

6. Отголь послѣ полдня віехалъ и прибылъ на ночь въ Хилчичи, где и ночовалъ у священника тамошнего Петра Борсука.

7. Обѣдалъ въ Шатрищахъ въ домѣ тамошнего священника Стефана, отголь въ переездѣ чрезъ Ямполь видѣлъся зъ управителемъ тамошнымъ Өедоромъ Жуковскимъ въ Гримячцѣ, а въ 11-мъ часу по полудни прибылъ въ Глуховъ.

8. По утру былъ у Скоропадского, а послѣ службы Божой у него-жъ и обѣдалъ. По полдни былъ у мене Гудовичъ и долго въ ночь проседѣлъ.

9. Былъ я въ канцеляріи генералной и дѣла подписовалъ, а чрезъ отправленного куріера въ Москву писалъ до Карновича и до канцеляриста Максима Руновского. Обѣдалъ у мене Гудовичъ.

10. Взялъ пашпортъ изъ генералной канцеляріи для поездки въ Товкачовку на 3 подводы. Писалъ знову въ Москву до полковника гадяцкого и до Карновича, зъ включеніемъ отвѣтного писма отъ Крижановского стороны Андрѣя Карновича.

11. Весь день еще пробавилъ въ Глуховѣ, а по утру былъ у Валкевича.

12. По утру получены газеты зъ Москвы, и Скоропадскій получилъ ордеръ гетманскій зъ дозволеніемъ ему отъезду въ свои маетности на два мѣсяци. Я зъ нимъ въ церквѣ простилъся и,

отобѣдавъ у себе зъ судьею полковымъ нѣжинскимъ Кулаковскимъ и Козачинскимъ, по полдни въ 3-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и отдихалъ лошадямъ въ Ярославцѣ. Оттоль по всходѣ мѣсяця віехавъ, прибылъ въ Мушинъ

13 передъ свѣтомъ, и тамъ перемѣня подводы и козаковъ, прибылъ въ Конотопъ въ 12-мъ часу. Тамъ отобѣдавъ, отъехалъ въ 4-мъ часу по полдни и прибылъ въ 9-мъ часу до Голюнки, где у сотника тамошнего Дембовского засталъ Георгія Носенка-Бѣлецкого.

14. Вислушавъ обѣдни въ Голюнцѣ, отъехалъ отътоль въ 12-мъ часу и, проехавъ въ Гайворонъ, на 19-й верстѣ отъ Голюнци попасовалъ коней въ степу. Оттоль-же поехавши, прибылъ въ Ичню поздно и тамъ сталъ квартерою у вдовы сотнички Стороженковой, Анастасіи Івановны Романовичевны, где и отца еи, сотника монастириского, и матку засталъ.

15. Тамъ въ Ичнѣ отобѣдавши, поехалъ и при немаломъ дожчѣ прибылъ въ Товкачовку надъ вечери.

16. Писалъ до Якубовича о своемъ пріездѣ и въ Луку до Остапа Запорожця о прибытіи его сюда, а самъ по полдни ездилъ до футора въ Рудовку.

17, 18 и 19 за дожджевою непогодою никуда не бывалъ.

20. Данило Качановскій наказанъ. А по полдни стадо пересматровалъ, изъ котораго взяты двѣ кобилы: одна гнѣдая бѣлокопитая и сивая, да лошаковъ четвертаковъ четири, а третяковъ два. Осталось-же въ стадѣ всѣхъ кобилъ, лошаковъ, лошицъ и сеголѣтковъ жеребятъ числомъ 58, въ томъ числѣ и дригантъ буланый, да двѣ кобилы приблудніе въ дворѣ товкачовскомъ.

21. Знову ездилъ на футоръ и какъ что тамъ строить росказалъ.

22. Полковникъ прилуцкій обослалъ фруктами и протчимъ, а потомъ и самъ у мене былъ зъ полковими писаремъ Александровичемъ и асауломъ.

23. О полдни віехалъ зъ Товкачовки и ночовалъ въ Ічнѣ.

24. Заездилъ зъ Ичнѣ до Іржавця, где чудотворная икона, обѣдалъ въ Фастовцяхъ, а ночовалъ въ Бахмачѣ.

25. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Батуринъ и тамъ всякого строенія и полной мелницы смотрѣлъ, а на ночь прибылъ въ Алти-

26. Въ Кролевцѣ отобѣдавъ у сотника и взявъ у Николая Калінского канавацу 15 локоть и штуку полотна галанского за 8 р., заездилъ въ Подоловъ до Скоропадской, а оттоль поехавши, ночовалъ въ Обложкахъ.

27. По утру прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у полковника лубенского.

28. Былъ въ канцелляріи, да до жени писалъ и послалъ три сиры качкавалы и лѣкарства для сина Івана, при писмѣ до Городиского чрезъ компанѣйця Гаврила.

29. Знову писалъ до жены, зъ посилкою 3-хъ кавуновъ и двохъ сотъ слывъ венгерокъ, и до Городиского, да до полковници гадяцкой зъ 3 писмами отъ мужа еи, что все послано чрезъ Стефана Каврайского. Прибылъ войтъ новгородскій.

30. Писалъ до полковника стародубовского на его писмо о войту чаусовскомъ стороны поруччика Кишѣнского и до Сидора Сосновского и до полковници гадяцкой, зъ отсилкою еще одного писма отъ мужа еи. Асаулъ генералный Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ.

Октоврій.

1. Обѣдни слушалъ въ церквѣ св. Анастасіи. Обѣдалъ у мене Павелъ Скорупа зъ женою своею Анною Жураковсковною. Потомъ были у мене-жъ Якубовичъ, Гудовичъ и Чуйкевичъ, а я вечеромъ у Валкевича и Якубовича.

2. Оные писма, что до полковника стародубовского и протчихъ, отпущены чрезъ сторожа поліового въ Стародубъ, а о войту новгородскомъ опредѣлили держать его подъ карауломъ и писать объ немъ къ гетману.

3. Жолдакъ отправленъ въ Москву зъ дѣломъ о Марка Маркевича женѣ и о войту новгородскомъ. Писалъ до полковниковъ полтавского о винѣ, а до миргородского зъ подякованьемъ за присилку винограду. Да писалъ до жены, до Городиского и до Андрѣя чрезъ Михайла Іосифова, конюшого, зъ отсилкою лишныхъ коней и чрезъ него-жъ послано винограду гронъ 26, кавуновъ два, яблокъ сто, дуль сто, голова цукру и гусакъ соли.

4. Кухару Івану Половчевскому, въ зачотъ годового поступленного ему жалованья, дано 2 р., а передъ симъ ему-жъ дано 3 р.

Послѣ полдня были у мене полковникъ лубенскій и Гудовичъ и до позна просидѣли. У значного товариша Григорія Плюшка взятъ конь вороностроќатій до нашого цугу.

5. Прибылъ въ вечеру г. Скоропадскій въ Глуховъ и въ вечеру-жъ были у мене Якубовичъ зъ женою и синъ ихъ Александръ Якубовичъ, пажъ.

6. Писалъ писма въ Москву: 1-е до писаря генералного Безбородка сторони челобитной Корсаковой, подаванной въ іностранную коллегію 1751 г. маія 5-го о Перегонѣ и протчемъ, 2-е до Карновича, требуя извѣстія о сину и зъ посилкою приговора суда генералного по дѣлу брата его Григорія.

7. Оные писма отданы помянутому Павлу Якубовичу, отъежджаючому въ Москву, при которомъ и компанѣецъ Остапъ Голота команды Чернявского новонабранной отправлялъся.

8. Оный пажъ Якубовичъ отъехалъ къ Москвѣ, а полковникъ лубенскій г. Апостолъ зъ Скоропадскимъ до Подолова. Компанѣецъ Гаврило пріехалъ. Отданъ волъ для забитья и роспроданья рѣзникамъ глуховскимъ.

9. Сотникъ лубенскій Іванъ Огроновичъ прислалъ 10 кавуновъ, до которого писалъ и о деревахъ молодихъ сливъ венгерскихъ. Обѣдалъ у іменинника Якова Якубовича, асаула генералного, зъ Чуйкевичемъ и Заруцкимъ, постъ-директоромъ. 9-го-жъ числа купленъ гай у козака села Березы Якова Павленка на зрубъ за 8 р. и дано ему въ задатокъ 4 р.

10. Обѣдали у мене Іваненко и Данило Ширай, а по полдни пріездилъ Ѳедоръ Чуйкевичъ и взялъ рукописную книгу о неудобь носимомъ игу. Полковникъ Лизогубъ возвратилъся зъ Скоропадскимъ.

11. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Лобисевича о газетахъ. Вечеромъ былъ у Скоропадского. Писалъ-же и до жены зъ посилкою канавацу 15 локотъ и протчего, да до Д. Городиского на его писма. Антонія Ботарского жена умерла.

12. Писалъ до Городиского-жъ о присилки дѣла зъ Кишинскимъ, что у Сидора Сосновского. Оная Антонія жена похоронена. Вечеромъ былъ у Якубовича. По утру куріеръ пріехалъ зъ Москвы, другого туда отправили.

13. Объ отпуски обозного и писаря полкового нѣжинскихъ опредѣлили и писару данъ меморіалъ нѣкоторые дробязки справить. Вчора и сего числа обѣдалъ у мене Михайло Стогоровичъ, а въ вечеру явилъся Іванъ Дащенко зъ писмами зъ Стародуба.

14. Прибывшый Іванъ Дащенко зъ писмами подалъ зъ козаками доношеніе въ генералную канцеллярію.

15. У г. Якубовича обѣдалъ зъ Гудовичемъ, которому вѣдодомость пришла, что внукъ ему отъ дочери его, а Ѳедора Савича жены, родился сего мѣсяця 9-го числа, Яковъ.

16. Явилъся въ Глуховѣ зъ Москвы прибывшый новоопредѣленный сотныкъ ічанскій Іванъ Новѣцкій, откупщикъ полку прилуцкого, которому дана была подорожная зъ економической канцеляріи, но оная отобрана и подводъ не дано.

17. Писалъ до сина въ Киль, чтобъ на мои писма отъ 4-го мая, 18-го юня и 22-го юля учинилъ отвѣтъ и о своемъ поведеніи увѣдомилъ, да до господъ корнетовъ Петра и Якова Скоропадскихъ, чтобъ тое писмо до него по почтѣ чрезъ Ригу переслали. Писалъ въ домъ до жены и до Івана сина, зъ посилкою ему 2 цитронъ и 3 лимонъ, да до Городиского о имѣючемъ быть въ полковой стародубовской канцелляріи на зимные мѣсяци рацій и порцій расположеніи, и тѣ писма отправлены чрезъ Лавріна Цяпу.

18. Велѣли писать до гетмана прошеніе о обидѣ отъ Теплова чрезъ сообщеніе присланное о порціяхъ на жолдаковъ по-казанное, и для того съежжались трое, а я не былъ за болѣзнію на поперекъ.

19. Такое прошеніе и при томъ фрукты, яблока и дули отправлены по почтѣ чрезъ жолдака въ Москву, а туда-жъ изъ економической канцелляріи отправленъ канцеллядистъ ихъ по почтѣжъ, и до господъ Скоропадскихъ молодыхъ отъ отца ихъ посланы его и мои писма.

20. Посланы писма въ Стародубъ чрезъ Івана Дащенка до полковника по дѣлу зъ Кишинскимъ, о томъ-же и о другихъ дѣлахъ писалъ до писаря судового Григорія Гаевского и до Сидора Сосновского, да до сотника новомѣского Андрея Силевича о козакахъ старыхъ и заполскихъ Халіевичъ чрезъ Івана-жъ Дащенка. Обѣдалъ у Гамаліи съ Гудовичемъ, а послѣ у него-жъ были Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а у мене онъ-же. Гамалія и прежде

Якубовичъ. Обокрадено бунчукового товарища Михайла Іваненка служителемъ его.

21. Обослалъ мене Якубовичъ капустою нѣмецкою, а изъ канцеляріи прислано яблокъ 67, да поддуліокъ 30.

22. Послѣ полдня въ 2-мъ часу громъ былъ отъ запада. Пріехавшый асаулъ полковый прилуцкій, Никифоръ Белецкій Носенко, былъ у мене.

23. Послана челобитная въ полковый прилуцкій судъ на завладѣвшыхъ села Товкачовки посполитими грунтами, зъ сообщеніемъ именной вѣдомости и сенатского о непокупки такихъ грунтовъ запретителного указу копій, да о томъ-же и о прежней стороны Княжихъ Лановъ челобитной и подискихъ (с. Подища) грунтахъ, козаками завладѣнныхъ, писалъ до полковника прилуцкого Галагана и что по тѣмъ дѣламъ повѣрилъ я ходить товарищу войсковому Георгію Белецкому Носенку, или кому онъ повѣритъ; да чрезъ него-жъ писано и до Якова Супруненка въ Товкачовку, кой сего-жъ числа и отъехалъ въ домъ. Лавр інъ Цяпа пріехалъ зъ Новгородка.

24. Пріехалъ Стефанъ компанѣецъ зъ дому. Обѣдалъ у мене Гамалія, а вечеромъ былъ я у Скоропадского.

25. Писаны писма въ домъ до жены, до Городиского и до зятя Савича, а надъ вечери были у мене сины полковника гадяцкого Яковъ и Петръ, чрезъ которыхъ отданы писмо и пакетъ зъ картинами, да сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

26. По утру была у мене полковниця гадяцкая и Іванъ Гамалѣя. По полдни былъ я у Якубовича и простилъся съ обоими. Отправлена жонка Варка въ домъ. Писалъ въ Москву до полковника гадяцкого и послалъ къ нему для подачи писма: 1-е отъ Якубовича до Безбородка, 2-е до Карновича отъ мене подъ завтрешнымъ числомъ.

27. Послано писмо до архимандрита печерского о обидахъ отъ попогорского (Поповой Горы) городничего и жителей Перелаза и Макаричъ, нашимъ лотоковскимъ и курчанскимъ людямъ починенныхъ. По полдни прибылъ Матвѣй компанѣецъ изъ Городища съ вѣдомостью о нещаслывомъ рожденіи Настусиномъ нежнвого сина, почему и отправлены въ домъ зъ писмомъ до жены и нѣкоторими лѣкарствами Лавр інъ Цяпа и Степанъ компанѣйци. Іванъ Гамалія вечеромъ былъ у мене, а въ Москву отъехалъ канцеляристъ Пісоцкій зъ оними писмами.

28. Весь день пробылъ въ домѣ за своею скорбію. Вечеромъ былъ у мене лавникъ маистрату кіевского Герасимъ Кувѣчинскій зъ писмомъ отъ магистрату.

29. Вечеромъ были греки зъ Нѣжина, подавшіи доношеніе на тамошнего полковника Петра Розумовского.

30. На сотництво лубенское подали кандидати выборы. Вчора купленный за два рубли казанъ желѣзный отданъ до валнѣ въ Рубановку чрезъ коваля Уласа.

31. Писаны писма въ Москву до Лобисевича о газетахъ, въ Прилуку до полковника Галагана о Дмитру Маленку, до судіи Огроновича о долгу хлѣбномъ на значковомъ товаришу Өедоренку и о Матвѣю Петрушѣ, въ Товкачовку до Алексія Петруши и до господаря Супруненка.

Ноеврій.

1. Оные писма отпущены чрезъ товкачовскихъ козаковъ Маленка и Петрушу и съ ними-жъ посланъ конь вороностронатій попа Олшанского.

2. Писалъ до полковника переяславского на его писмо о репремандѣ. Петро компанѣецъ пріехалъ зъ писмами отъ жены и зятей.

3. Привезена риба зъ Лѣсконогъ и у мене обѣдали нѣсколко канцеляристъ.

4. Отправленъ Петро компаніецъ въ домъ зъ писмами до жены, до дворецкого и конюшого, да чрезъ него-жъ посланы 2 лимоны Настусѣ и закусокъ въ паперѣ дѣтямъ, да футро заячое сестрѣ Уліанѣ, 2 черные ножи сломаные и писмо въ Лѣсконоги къ Д. Городискому. Я принималъ лѣкарство въ конфектѣ и за тѣмъ не былъ въ канцелляріи. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка о товкачовскихъ дѣлахъ.

5. Писалъ въ Москву до канцеляристы Максима Руновского о исходатайствованіи на канцелярскую цедулу, посланную въ коллегію іностранную, отвѣту о челобитной Кореаковой стороны Перегона и проч. Обѣдалъ у мене сотникъ батуринскій и канцеляристъ.

6. Сотникъ глуховскій Дамянъ Турянскій прислалъ пять сулій водки дубелганисной, зъ нашого цукру дѣланной, а отъ войтенка полтавского принесени 2 бочонки гданской водки.

7. Писалъ до Крижановского на его писмо при присилки отъ него покупленныхъ въ Нѣжинѣ футеръ двохъ лисѣхъ, трохъ заячихъ и трохъ штукъ габы, писанное ко мнѣ въ отвѣтъ.

8. Будучи званны ради тезоименитства г. Скоропадского, обѣдали у него всѣ здесь знатные, въ томъ числѣ и я, и до позна у него просидѣли. Сего-жъ числа о полдни господинъ генералный обозный Семенъ Кочубей, да Тарнавскій и Павелъ Міклашевскій прибыли въ Глуховъ изъ Москвы.

9. По утру былъ у мене Міклашевскій и подалъ писмо, отъ Михайла Ширая писанное, а въ 10-мъ часу предъ полуднемъ ездили мы всѣ 4 изъ генералной канцеляріи до г. обозного генералного съ отданіемъ ему візиты и тамъ и съ панею его видѣлись. Получилъ писма отъ гг. брегадира Коченевского и отъ полковника нѣжинского Розумовского, за нѣкоторымъ Богдановскимъ писанные. Писалъ я до Д. Городиского въ Лѣсконоги о рибѣ, тамъ наловленной и насоленной, и о протчемъ. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Карновича и до Вінклера и до сина въ Киль; до Михайла Ширая на его писмо, чрезъ Міклашевского поданное. о забранномъ городчанами хлѣбѣ.

10. Оные писма для отправленія въ Москву по почтѣ вручены постъ-директору Семену Заруцкому и еще одно писмо до полковника гадяцкого, отъ жены его сего числа полученное. Въ 10 часу сехались мы трое, полковникъ лубенскій Апостолъ, Гудовичъ и я, въ генералную канцеллярію, потомъ прибылъ туда и бунчуковый товарищъ Яковъ Тарнавскій и объявилъ три ордери: 1-й ему, на его имя писанный, о забратьѣ всѣхъ писемъ и отпусковъ о нарядахъ, зъ Малой Россіи чиненныхъ, такъ по его комессіи несвѣдомыхъ, яко и по експедиціи строеній работнихъ людей и подводъ, и то все онъ тамъ-же и забралъ; 2-й о порученіи правленія въ генералной канцелляріи обозному генералному г. Кочубею и подскарбію г. Скоропадскому, а насъ объ отпускѣ въ домы; 3-й о дачи подорожныхъ отъ г. Теплова на почтовые подводы на щотъ лошадей економической канцелляріи, и мы послѣдные всѣ отпуски по нашымъ резолюціамъ закрепивъ, отъехали въ домы. Вечеромъ былъ я у г. Скоропадского.

11. Отправленъ Гаврило Баштовый зъ приказомъ до войтовъ юхновского и команского о висилки 5 одноконь подводъ и чрезъ него-жъ посланы писма до жены и до Д. Городиского. Іванъ кухарь и Іванъ Городискій наказаны за пянство. Въ вечеру были у мене перво Яковъ Тарнавскій, потомъ обозный генералный Кочубей и Стефанъ Тамара. Писалъ въ Товкачовку до Супруненка объ отъездѣ своемъ въ домъ и чтобъ прислалъ осѣнные денги въ Городище.

12. Писалъ до Якубовича, обявляючи о своемъ отпуску въ домъ, да до Якова Кондзеровского въ Биковъ о доправки денегъ 9 р. 8 к. на Конону Оробеевскомъ и отдано тое писмо въ економической канцелляріи для отсилки до Бикова. Вечеромъ былъ я у Скоропадского, а обѣдалъ у Гудовича.

13. Обѣдали у мене канцеляристи Ілля Григоровичъ Шутенко и Лукянъ Огіевскій протоколистъ, да повѣренный Захарій Котляревскій. Вечеромъ былъ у г. Валкевича, асаула генералного и о дѣлахъ въ судѣ генералномъ имѣючихся съ нимъ говорилъ.

14. Обѣдалъ я у г. Скоронадского, а у мене канцеляристи Огіевскій, Шутенко, Городискій и два повѣренныи, Котляревскій и (*пробѣлъ*), да переводчикъ Петръ Семеновскій. Вечерялъ-же я въ домѣ съ Городискимъ и Шутенкомъ.

15. Подано доношеніе въ судъ генералный за моею и Алексія Покорского руками о добрахъ рубановскихъ, и доселѣ Міклашевскою Стефановою и дѣтми еи владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у обозного генералного Кочубея и съ нимъ и съ бунчучнымъ Оболонскимъ простилъся, потомъ у Скоропадского зъ Валкевичемъ, съ полковпикомъ лубенскимъ и съ Яковомъ Марковичемъ простилъся.

16. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ простились зъ Симоновскимъ и Шутенкомъ, віехавъ зъ Глухова, обѣдалъ въ Слоутѣ, а ночевалъ въ Москвѣ. Зоставилъ облѣгъ Оробьевского и Гаврила Баштового.

17. Обѣдалъ въ Пѣроговцѣ, а переездомъ чрезъ Новгородокъ заплатилъ за покупки справованные 18 р. 20 к. На ночь прибылъ въ Лѣсконоги.

18. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, црибылъ на ночь до Городища.

19. Никуда зъ двору не бывалъ.

20. Ездилъ въ новопостроенную мелницю въ Дешковичи; жена зъ дѣтми по исповѣди сообщалась св. Тайнамъ.

21. Прибылъ козакъ съ писмомъ отъ сотника глуховского зъ урядомъ о дѣлѣ войта глуховского зъ Павломъ Калиниковымъ.

22. Отпущенъ оный козакъ съ отвѣтомъ къ сотнику и чрезъ него-жъ писалъ до Скоропадского зъ посилкою копіи указу о Теплову, да до Гаврила Баштового, чтобы имѣли осторожность около двора глуховского.

23 и 24 прожилъ въ домѣ и розданы деньги на пенку въ старіе села.

25. Были у насъ въ Городищѣ на молебствіи Стефанъ Кочержинскій зъ женою и пѣвчій, зять Криксихинъ, которые и обѣдали у насъ-же.

26. Отправленъ Городискій въ Стародубъ зъ писмами до полковника и до Подлузного для присутствія при расположеніи.

27. Ключникъ и мамка наказаны за сокъ лимонный. Григорій Гуриновскій надъ вечери пріехалъ и ночовалъ.

28. Оный-же по утру отъехалъ. Писалъ къ Городискому въ Стародубъ и послалъ вѣрючое доношеніе на имя канцеляриста полкового Николая Чернявского.

Декабрь.

12. Посланъ въ Глуховъ Лаврінъ Цяпа для свозу сѣна и дровъ и чрезъ него до сотника глуховского писано.

13. Данило Городискій рано, а жена по обѣдѣ отъехала до Стародуба.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ АВТОРА „ДНЕВНИКА" НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

Въ имя пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

На память въ предбудущее время.

Создатель нашъ и Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ и Слово Отчее, въ спасительной своей евангельской проповѣди увѣщати насъ благоизволилъ: яко не вѣмы дня и часа пришествія Его и кончины жизни нашей, и потому должность намъ предлежыть на всякое время усердно ему, Творцу и Искупителю нашему, молитись, чтобъ съ чистою совѣстію и истиннымъ покаяніемъ удостоились предстати предъ судомъ Его Божіимъ. Что и я ниже имянованный, тогожъ Господа Бога и Спасителя моего рабъ, имѣя въ памяти и о неизвѣстномъ смерти моея часѣ по человѣчеству-жъ и о ежечасномъ приближеніи къ концу моего жытія всегда размышляя, ибо уже по благоволенію Зиждителя моего выше шестидесяти лѣтъ жызнь мою провожду, будучи-жъ еще, по Его милосердію Божескому, при здравомъ и совершенномъ моемъ разсужденіи, а приводя себѣ повседневно на память смертность мою, разсудилъ заблаговременно сочинить остатной волѣ моей завѣтъ, или тестаментъ; которій да будетъ въ нижеслѣдующемъ порядки.

1. Исповѣдую предъ Создателемъ всея твари и Вседержителемъ Богомъ моимъ, такожъ всѣмъ, кому только вѣдати будетъ о томъ угодно, чрезъ сіе объявляю, яко я грѣшный въ истинной христіянской вѣрѣ, самимъ Христомъ Господомъ и избранными его сосудами, апостолами святыми, поставленной и отъ всѣхъ, во святыхъ почитаемыхъ, православнаго восточнаго исповѣданія учителей проповѣдуемой и благоузаконе-

ніями утвержденной, по сей моментъ житія моего твердо состою и въ той-же самой вѣрѣ умерти желаю.

2. Что подлежитъ до погребенія грѣшнаго тѣла моего, когда оное, по волѣ Живодавца нашего, съ душею розлучится, тое предаю въ волю и распоряженіе наслѣдниковъ моихъ, то есть жены и дѣтей, которимъ при томъ бити случится, и гдѣ оны похотять, тамъ да и погребутъ тѣло мое грѣшное, какъ-бы самого послѣдняго стану христіянина; ибо я, елико отъ мене, о томъ не брегу, гдѣ-бъ мое тѣло ни положенно было, имѣющееся обрѣстись въ день судный пришествія Христова съ надеждою радостною оному востанія и явленія предъ Искупителя нашего, которій въ удовлетвореніе правосудію Божію за грѣхи всего міра вседражайшую кровъ свою изліяти изволилъ; обрядовъ-же и церемоній никакихъ при погребеніи не требую; доволно будетъ и того, ежели что ради публичного церковного обыкновенія оставлено быть не должно, какъ-то и въ подаяніи къ церквамъ, особливо скуднымъ, и бѣднымъ нищымъ милостыни, и тое предаю въ разсмотрѣніе жены моей и моихъ наслѣдниковъ.

3. Женѣ моей Іуліянѣ, Петровой дочери, Корецковнѣ, которую понялъ я въ супружество дѣвицею и съ оною благословеніемъ Божіимъ прижылъ мужеска и женска полу дѣтей (изъ коихъ осталось два сына, Василій первородный и меншій Иванъ, а дочерей пять, изъ которыхъ двѣ выданы въ замужество за бунчуковыхъ товарищей, Анна за Іосифа Васильева сына Рославца, а Настасія за Петра Ѳедорова сына Савича, а три дѣвицы Марѳа, Ефросинія и Евдокія, протчіи же волею Божіею въ младенчествѣ преставились) завѣщеваю, какъ насъ Богъ сочеталъ былъ и по сочетаніи жила она со мною по се время чрезъ тридцать одинъ годъ честно, вѣрно, любительно и постоянно, такъ когда томужъ Господу угодно покажется окончаніемъ жывота моего розлучить насъ, дабы любовь и милость ко всѣмъ помянутымъ дѣтямъ нашимъ равную и попеченіе о оныхъ одинакое имѣла, ибо не можетъ она болшей прислуги Богу и мнѣ, супругу своему, благодарности показать, яко когда сихъ, ихъ же далъ Богъ намъ супружества нашего плодъ, будетъ наставлять и утверждать и воспитывать въ страхѣ Божіи и во всемъ протчемъ содержать такъ, дабы оны Богу, государю и отечеству угодны быть могли, и исправляя ихъ ко всякому благочестію и честности; оные-жъ дѣти мои всѣ должны ей, матери своей, по смерть еи быть послушны и почитателны, а между собою содержать всегда взаимную любовъ и нерозривное согласіе, прилѣжа во всемъ благочестному и со всѣми ближними и далекими сродниками, свойственными и друзьями и изъ посторонными любителному обхожденію; вѣру-же и исповѣданіе

православной восточной церкви твердо и непоколебимо оны-жъ по жизнь свою да содержатъ, въ томъ ихъ особенно отеческою властію увѣщеваю.

4. А дабы по кончинѣ моей между тыми-жъ позосталыми наслѣдниками моими, помянутыми двума сынами, старшымъ Василіемъ, а меншымъ Иваномъ, и другими дѣтьми, и женою моею Іуліаною Петровною Корецковною не произошло иногда какое несогласіе, особливо о движымомъ и недвижымомъ имѣніи, которимъ мене Всевышній Богъ, по своему неизреченному милосердію, благословити соизволилъ за службы и за труда мои, а иное и общимъ съ оною женою моею стараніемъ приобрѣли; то и оного имѣнія моего распредѣленіе чиню по нижеслѣдующему:

Старшому сыну моему Василію, о которомъ я, по должности родительской, а по возможности моей, въ приличномъ воспитаніи его и въ обученіи доволно прилагалъ своего старанія и издержалъ на то кошту не мало,—онъ-же потому принялъ и военную службу у всемилостивѣйшаго государя нашего, его императорского высочества, государя великого князя, наслѣдника імперіи всероссійской и владѣтелного герцога слезвікъ-голстынского, и по высочайшей его імператорского высочества милости пожалованъ флигель-адьютантомъ и лейбъ-драгунского голстынского полку капитаномъ,—опредѣляю зъ выслуженныхъ мною селъ и деревень ниже выраженные, а именно: въ полку стародубовскомъ, въ сотнѣ новгородской, села *Лѣсконоги*, *Команъ* и деревню *Юхновъ*, да въ погарской сотнѣ села *Чаусы* съ скуплями, *Случевскъ* и *Доріевскъ*, тако-жъ деревни *Муравьи* и *Сопычи*, со всѣми принадлежностями, и скуплю всю въ деревнѣ *Лукинѣ* зъ селидбами, огородами, полями и сѣножатьми и гаями, по обоимъ сторонамъ рѣки Судости будучыми (кромѣ старой рощи перегонской), такожъ скуплю въ селѣ второй сотни полковой стародубовской *Курковичахъ* съ дворомъ нашымъ тамошнимъ, и грунтами, гаями и сѣножатьми и зъ подсусѣдскими дворами, а въ сотнѣ новомѣсской за селомъ *Лотоками* двѣ слободки, *Николаевку* и *Курганoвку*, со всѣми-жъ къ нимъ принадлежностьми, дворъ въ городѣ Глуховѣ жилый на улицѣ бѣлополовской, и два дворики, у жителей глуховскихъ Петра Коваля и Никифора Садовничого купленые, да въ полку прилуцкомъ полковой сотнѣ при селѣ *Товкачовкѣ* покупленные гаи и грунта, и въ сотнѣ переволочанской село *Подище* съ подданными и всѣми принадлежностьми, такожъ хуторъ Рудовскій, купленный, со всѣми къ оному прикупленными жъ грунтами и угодіями, и двома мельницами вѣтраными, и всѣмъ тымъ безъ изъятія, что въ универсалахъ гетманскихъ, на помянутыя села и деревни данныхъ, и въ крепостяхъ урядовыхъ на покупленніе всякія угодія изображено.

Сыну же моему меншему Ивану, полку стародубовского въ сотнѣ погарской при селѣ *Городищѣ* дворъ жилой со всякимъ строеніемъ и уборствомъ, съ гумномъ, огородами, съ мелницею и двома подданными, такожъ съ скуплями, что въ Городищи и въ Гриневцѣ за рѣкою Варенцою къ Борщеву и къ новой Варе и къ Даріевску будучими, да деревни *Перегонъ* и *Дешковичи* съ дворомъ тамошнимъ жылымъ, и съ землями пахотными и сѣнокосными, съ огородами, имѣючимись въ перегонскомъ и городѣцкомъ грунтахъ, и деревни жъ *Чубаровъ* и *Куровъ*, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, и футоръ называемый Василювка со всѣмъ тамошнимъ грунтомъ, и съ слободкою *Василювкою* и съ млыномъ на речце Бозкой, такожъ дворъ шинковый въ Погарѣ, у тамошнихъ жытелей, прозываемыхъ Сорокъ, купленный, и другій дворокъ неболшый Сенчиловскій; сотнѣ второй стародубовской въ деревнѣ *Случку* скупленные грунты, то есть пахотное поле, сѣножати и гаи, и въ тамошнихъ дворахъ живучіе люди; сотнѣ новомѣсской въ селѣ *Лотокахъ* и въ слободкѣ *Ивановкѣ* дворы наши со всѣмъ и на всѣхъ скупленныхъ селитбахъ мешкаючіе подданные въ Лотокахъ же, и въ Ивановкѣ млынъ на рекѣ Папужи, тамже недалече отъ Ивановки, о двохъ колахъ мучныхъ, а третомъ ступномъ; да дворикъ въ Батуринѣ на предмѣстью у батуринскихъ жытелей, городничого сотенного Антона Мелешка и брата его Павла, 1750 году июня 6-го дня купленный; а мелници при деревни Дешковичахъ на рекѣ Судости состоящія, колъ мучныхъ шесть и одно ступное, онымъ обоимъ сынамъ моимъ пополамъ и тую греблю дешковскую оправлять и, что принадлежитъ къ онымъ мельницамъ, всякую надобность исправлять обоимъ имъ, сынамъ моимъ, равномѣрнымъ коштомъ и иждивеніемъ пополамъ-же; имѣющіяся-же на всѣ вышеприписанныя села, деревни, хутора, скупли и всякія грунты и угодія письменныя крепости, а именно высоко-монаршую грамоту на *Перегонъ* и *Дешковичи*, на *Куровъ* и *Чубаровъ*, правительствующого сената указы и универсалы гетманскіе и между гетманствомъ данные, да и на протчіе села и деревни универсалы-жъ гетманскіе, а на скупли и другія всякія грунта и угодія купчія записи урядовые и другіе письменные документы, должны отъ нихъ сыновъ моихъ разобраны быть порядочно, кои которому служать на тіе добра, какіе каждому изъ нихъ въ семъ пунктѣ выше сего прописанны и отъ мене легованны.

5. А поколь жена моя, а ихъ мать Іуліяна Петровна Корецковна въ живыхъ обретатся будетъ, то ей жыть въ домѣ нашемъ городецкомъ съ сыномъ нашимъ меншимъ Иваномъ и при себѣ дочерей дѣвицъ содержать по замужество ихъ, а на содержаніе ей по смерть еи и дочерей по замужество изъ вышеписанныхъ селъ и деревень должны ей

прислушать половинное число, а именно: изъ части старшого сына Василія села Чаусы и Случевскъ, деревни Муравьи и Сопычи, а изъ меншого Ивана деревни Куровъ и Чубаровъ и колъ двѣ мучныхъ на греблѣ дешковской, и половина ступчика, изъ купли въ Курковичахъ и Случку, да въ Лотокахъ скупли-жъ съ дворами, и хуторъ Ивановскій съ мелницею на Папужи, и слободки Николаевка и Кургановка, со всѣми къ онымъ селамъ и деревнямъ грунтами, селитбами, огородами, шинками, хлѣбомъ всякимъ и якія толко тамъ имѣются рухомости, яко то: казаны винничные и всякая посуда, скотъ и протчое, и всякіе-жъ зъ оныхъ на содержаніе свое и дочерей и на выпосаженье ихъ собирать доходы и прибыли имѣть; когда-же дочерей всѣхъ троихъ распорядитъ и повыдаетъ въ замужество, то и самой ей, по смерть еи, жыть въ дворѣ городецкомъ-же съ меншымъ сыномъ Иваномъ и владѣть ей же особенно деревнею Куровомъ и селомъ Чаусами зъ шинками и зъ тамошнею чаусовскою скуплею, тако-жъ скуплями въ Случку и въ Курковичахъ съ тамошними грунтами, дворами и людьми, и где она похочетъ винничный заводъ для своего собственного обиходу устроити, свободно ей будетъ; да ей-же и двома колами въ мелницахъ дешковскихъ и въ ступнику третою долею приходовъ владѣть по смерть свою; а изъ денегъ моихъ наличныхъ, кои могли-бъ быть по выданью дочерей моихъ въ замужество, и протчей движимости, взять ей по жызнь свою равную часть съ оными сынами моими опредѣляю.

6. Дочерямъ моимъ троимъ, дѣвицамъ Марфѣ, Ефросиніи и Евдокіи, быть при матери ихъ и жить съ нею неотлучно до того времени, покамѣсть Богъ дасть къ нимъ людей, имѣть же имъ свое содержаніе въ пропитаніи, одѣяніи и во всякихъ потребностяхъ, по разсмотрѣнію материнскому, зъ доходовъ того всего имѣнія моего недвижимого, которое выше сего въ 5-мъ пунктѣ матери ихъ и имъ до выдачи ихъ въ замужество опредѣленно и именно прописанно; такожъ должна быть выправа ихъ въ одѣяніяхъ, бѣльи и всякомъ приборствѣ дамскомъ, и въ серебрѣ, цынѣ, мѣди, поездѣ, лошадяхъ и въ протчемъ всемъ противъ того, якъ другіе двѣ дочери наши Анна и Анастасія выданны, въ чемъ оба сыны мои и отъ себе на тую-жъ выправу должны вспомоществованіе учинить, а сверхъ того каждой дочерѣ изъ нихъ дѣвицъ, при выдачи ихъ въ замужество, изъ наличныхъ моихъ денегъ по четыриста рублей и по пятдесятъ осмачокъ жита дать, да и выданнымъ уже въ замужество дочерямъ Аннѣ и Анастасіи додать еще по двѣстѣ рублей денегъ, а Аннѣ и пятдесятъ осмачокъ жита, понеже имъ обоимъ уже при сватбѣ отъ насъ по двѣстѣ рублей денегъ, а Анастасіи и пятдесятъ осмачокъ жита дано; чтожъ-бы имѣло быть еще за

выдачею оныхъ трохъ дочерей въ остаткѣ, въ серебрѣ, цынѣ, мѣдѣ и другихъ тому подобныхъ сосудахъ и въ хлѣбѣ, оное все роздѣлить между двохъ сыновъ пополамъ, а зъ тогожъ они имѣютъ и матерѣ своей, когда будетъ жива, по вышеобъявленному удѣлить надлежащую часть. Оружье всякое и приборъ, мужескому полу приличествующіе, такожъ конскіе и до поезду надлежащіе уборства, обоимъ сынамъ пополамъ. А понеже на меншого сына нашего Ивана не столько еще нашего кошту сойшло, сколько на старшого Василія, для того тому-жъ меншому сыну Ивану перстень съ бриліантами, отъ всемилостивѣйшей государини, ея императорского величества, жалованный мнѣ въ 1744-мъ году, когда обрѣтался я при высокомонаршемъ дворѣ отъ всей Малой Россіи депутатомъ, легую; ибо старшому сыну Василію достался былъ отъ мене перстень золотый, немалой цены, зъ болшимъ камнемъ синимъ шафировымъ, но оный имъ самимъ утраченъ; да и серебряный платъ деманажъ съ футляромъ и со всѣми въ немъ будучими сосудами, и часы мои карманные серебрянные томужъ сыну моему меншому определяю. Чтожъ касаеться до лошадей, рогатого скота, овецъ и другой всякой живности и дробины, оставшихся послѣ выдачи въ замужество вышеименованныхъ дочерей моихъ троихъ, тое все, въ наличности будучее, имже сынамъ на двѣ ровныя части роздѣлить, изъ коихъ они по части и матцѣ своей удѣлить должны. Всѣмъ моимъ вышеприсаннымъ, движимымъ и недвижимымъ, имѣніемъ, помянутымъ обоимъ сынамъ моимъ въ роздѣлъ означеннымъ, имѣютъ оны сами и наслѣдники ихъ владѣты и корыстоваться, и не токмо оного не потеряти марно, но еще старатися и присовокупити заслугою и трудами своими; а еслибъ которому изъ нихъ, сыновъ моихъ, либо ихъ наслѣдниковъ, приключилась при какой правилной нуждѣ необходимость, а не по суетратству, завести что изъ недвижимыхъ добръ въ закладъ или въ продажу, то на сторону никому не заводить, но долженъ братъ брату, или его наслѣдникамъ, таковое своего жребія имѣніе завести, а тотъ въ закладъ принять, либо и продажею заведенное заплатить ему имѣетъ, а за измертвіемъ другого брата безъ наслѣдія, сестрамъ своимъ или ихъ наслѣдникамъ тое-жъ имѣніе завести, закладомъ ли или продажею, повиненъ.

7. Если-жъ бы жена моя, а матка ихъ Іуліяна Петровна Корецковна, по волѣ Божіей, жизнь свою окончила, не повыдававши всѣхъ троихъ дочерей нашихъ дѣвицъ, или одной, либо двохъ въ замужество, но осталися бы оные при ней въ дѣвичествѣ; то сыны мои оба должны оныхъ дочерей моихъ при себѣ содержать по ихъ замужество въ такомъ добромъ распорядкѣ и честномъ содержаніи, какъ бы они и при матери

живучи были содержани, якъ выше сего въ 6 пунктѣ обстоятелно изображено. А обнявши они-жъ сыны мои оба, послѣ смерти матки своей, всѣ недвижимыя добра, въ 4-мъ пунктѣ именно на каждаго сь нихъ росписанніе, и тые тако-жъ, что матери ихъ до живота еи въ 5-мъ пунктѣ было означенно, должны будутъ, сверхъ содержанія тихъ сестеръ своихъ дѣвицъ по вышеписанному до замужества ихъ, когда которую прійдетъ и выдавать въ замужество, зъ такою выправою во всемъ выдавать непремѣнно, какъ въ 6-мъ пунктѣ жъ обстоятельно показано, тожъ повинны они чинить и другихъ выдаючи за-мужъ, о семъ ихъ обоихъ сыновъ моихъ Василія и Ивана подъ неблагословеніемъ Божіимъ и моимъ родительскимъ накрепко увѣщеваю и приказую.

8. За женою моею Іуліаною Корецковною данъ былъ отъ покойнаго тестя моего, бунчукового товарища Петра Корецкого дворъ Самусенковскій, за городомъ на черниговской улицы въ Стародубѣ, близъ церкви Святого Духа имѣющійся, а отъ покойной тещи моей же Анастасіи Миклашевсковны другій малый дворокъ по той же улицѣ за церквою Аѳанасіевскою будучій, и понеже тые два дворы даны мнѣ были за оною моею женою, то хотя къ Самусенковому двору и мною нѣсколько плецовъ зъ строеніями и нѣсколько малыми шматами земли прикуплено и тѣмъ оной дворъ распространенъ, и состроены вновь моимъ немалымъ коштомъ хоромы и другая всякая пристройка здѣлана, однакожъ тотъ весь дворъ мой и другій, что за Афанасіевскою церквою, оставляются при женѣ моей; тако-жъ когда оной достанется еще что изъ материзны ея, о которой отысканіи стараться мнѣ она урядовие препоручила, то и оное должно быть при ней и въ ея полной волѣ, и изъ того всего, либо что и еще собѣ пріобрѣтетъ, да и что противъ вышеписанного зъ моего движимаго имѣнія и изъ денегъ и серебра, зъ сынами подѣлившись, озметь, кому она изъ дѣтей или на всѣхъ похощетъ что опредѣлить, въ томъ онажъ силна и волна остается; толькожъ и ея увѣщеваю, чтобъ двора нашего, на черниговской улицѣ будучого, мимо сыновъ моихъ Василія и Ивана, другому никому не отдавала, но былъ бы оный обоимъ имъ для пріезду и временного прожитія, которій и оправлять и содержать имъ общимъ же своимъ коштомъ надлежитъ; еслижъ бы она не распредѣлила жена моя того вышеозначенного своего имущества и изъ материзны, и не записала никому за своего живота, то по кончинѣ ея все оное должно ити въ равный раздѣлъ на сыновъ и на дочерей, подлугъ права, кромѣ селъ, мелницъ, скупель и другихъ грунтовъ и угодій, въ пятомъ пунктѣ по смерть еи толко означенныхъ, которіе должны возвратитись въ домъ мой и оста-

ваться при сынахъ моихъ, подлугъ росписанія на нихъ порознь, въ четвертомъ пунктѣ изображенного.

9. Брату моему родному, отцу Іоану Ханенку, священнику святоспаской козелецкой церкви, съ его женою и дѣтьми, имѣютъ сыны мои зъ оставлючогося имъ отъ мене наслѣдія, моими трудами и заслугами, по благости Божіей, набытого, дать денгами рублей пятдесятъ, ибо ему уже отъ мене самого дано пятдесятъ-же рублей, да и осмачокъ нѣсколько разного хлѣба зъ хутора Рудовскаго дать-же, такожъ и протчихъ свойственныхъ нашихъ, какъ-то по отческой, такъ и по матерной линіи, ежели которіи при своей скудости просить въ чемъ будутъ вспоможенія и вспомоществованія, не оставлялибъ по своей возможности, и еслибъ явились какіе доводніе на моемъ домѣ долги, оные по половинѣ поуплачивать исправно тѣхъ-же сыновъ моихъ увѣщеваю, да и всякихъ нищыхъ милостины подаяніемъ не запоминали-бъ, чтобъ на нихъ и наслѣдникахъ ихъ оное псаломническое слово исполнилось· *малъ бѣхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.*

10. Служытелей всѣхъ и служанокъ, кои при домѣ нашемъ одни зъ младенчества воспитаны и возращены, другіе, приставши къ намъ доброволно, служыли зъ уговора, а иные зъ респекту, наградить по разсмотренію, чтобъ они, если кои отлучитись отъ дому нашего похотятъ, отойшли безобидно и съ удоволствомъ, такожъ кои и за долги въ отслугу намъ зъ урядовъ отданны были и урочного времени не дослужили, то и тыхъ отпустить свободно, уступая то имъ безъ зачоту, чего не дослужили, и наградя по разсмотренію.

11. О маетностяхъ, въ 4-мъ сего тестаменту пунктѣ росписанныхъ на вышеупомянутыхъ двохъ сыновъ моихъ, Василія и Ивана, сочиненъ отъ мене особливо для всякого случаю въ откритомъ моемъ письмѣ сепаратній пунктъ и рукою и печатью моею закрѣпленъ, по которому во время случая, тамъ изображенного, должны сыны мои и ихъ наслѣдники исполняти во всемъ непремѣнно такъ, какъ и по сему тестаменту; ежелижъ у которого изъ тыхъ-же сыновъ моихъ не моглобъ, по волѣ Божіей, имѣтись наслѣдниковъ ни мужеска, ни женска полу, то по преставленіи бездѣтного должно все легованное ему отъ мене движимое и недвижимое прійти въ домъ другого сына моего, наслѣдниковъ имѣющого, или на тѣхъ же оного другого сына мужеска, либо женска полу наслѣдниковъ; а еслибы и у обоихъ не было наслѣдія, либо (чего не желаю) каковъ былъ негодиый наслѣдникъ, то все имѣніе, кое послѣ ихъ останется, должно быть раздѣленно по равной части на всѣхъ пяти дочерей моихъ и на ихъ наслѣдниковъ.

12. А чтобъ по сему моему тестаменту (ежели въ предъ для какихъ резоновъ не дойдетъ въ чемъ мнѣ оного перемѣнить, или поправить, ибо въ томъ я себѣ по жизнь мою заховую, подлугъ правъ, свободу) во всемъ неотмѣнное по кончинѣ моей дѣлалось исполненіе, для того за эксекуторовъ или исполнителей и защитниковъ сего-жъ моего тестаменту именую и поставляю господъ знатныхъ бунчуковыхъ товарищей, мнѣ по женѣ свойственныхъ, Ивана Ивановича Бороздну и Петра Андреевича Миклашевского, да брата моего по матки двоюродного Константія Леонтовича, полку переясловского сотника золотоношского, которихъ и принять на себе оную должность по любви христіанской усердно прошу, уповая на ихъ добрую совѣсть, яко они сію мою остатную волю исполнити не приминуть. Оные-же господа эксекутори, ежелибъ, чего Боже сохрани, симъ моимъ тестаментомъ не довольствуясь, схотѣлъ кто и началъ что по смерти моей въ немъ перемѣнять, или въ чемъ либо къ перемѣненію сей моей остатной волѣ поступать, въ такомъ случаи, по моей въ семъ-же тестаментѣ поручаемой имъ господамъ эксекуторамъ полной мочы, имѣти будуть власть и силу у всякого суда и права такіе противные сему моему тестаменту поступки правнымъ порядкомъ отвращать и уничтожать. Всѣмъ же по сему исполняющимъ желаю высочайшого Божія удостоитись милосердія, а дѣтямъ моимъ всѣмъ и внукамъ Божіе, а при томъ и мое отческое благословеніе оставляю, да будетъ съ ними неотъемлемая милость Спасителя нашего.

13. Въ протчемъ заключаю сей мой тестаментъ тѣмъ, яко кто колвекъ изъ сродниковъ и ближнихъ, либо изъ коихъ ни есть посторонныхъ людей, по злобѣ ли какой приключившойся, или по нарочно умышленному устремленію и завзятю, озлобилъ и изобидилъ мене на чести и имени моемъ, либо на ѳортунѣ, то есть на имуществѣ, или въ чемъ ни есть иномъ, я таковыхъ всѣхъ обидителей моихъ отъ сердца моего во всемъ прощаю, възаемно-же аще и отъ мене кто таковымижъ образы озлобленъ и изобиженъ, то и я отъ таковыхъ желаю прощенъ быти всецушно; съ коими же въ судныхъ мѣстахъ о какихъ спорахъ земляныхъ, либо въ иныхъ заводахъ имѣются процесы, оные да разрѣшатся судовымъ разсмотреніемъ и рѣшеніемъ, безъ вреда обоихъ сторонъ, совѣстнѣ. Всѣхъ также знающихъ мене издавна и доселѣ, да и всѣхъ вообще православныхъ христіянъ, ежели кому въ чемъ либо проступилъ словомъ или дѣломъ, всеприлежно прошу прощенія и о неоставленіи мене-жъ въ молитвахъ ко Всемилостивому Богу, которому и остатную жизнь мою и спасеніе мое, а при послѣднемъ издиханіи и духъ мой въ руцѣ Его предаю и препоручаю.—Сей мой послѣдней

воли завѣтъ или тестаментъ, будучи я по милости Божіей при добромъ, по состоянію лѣтъ моихъ, здоровьи и совершенномъ разумѣ и разсужденіи, сочынилъ 1759 году въ мѣсяцѣ декабрѣ 13 и къ оному печать мою приложа и свидѣтелей въ подписъ упрося, наономъ же своеручно подписался. Оный-же тестаментъ, такожъ и въ откритомъ другомъ писмѣ сепаратній пунктъ написанный, на какомъ ни есть урядѣ вписать въ книги, а изъ книгъ и выпись въ домъ мой для сообщенія и господамъ эксекуторамъ къ вѣдѣнію и исполненію выдать соизволяю. Дѣялось въ Глуховѣ году, мѣсяца и числа выше сего означенныхъ.

На нодлинномъ подписъ таковъ:

Ея императорского величества войскъ малороссійскихъ генералный хоружый Николай Даниловъ сынъ Ханенко рукою власною. (М. П.).

При сочиненіи сего тестамента и подписаніи оного власною рукою господина генералного хоружого, Николая Даниловича Ханенка, мы нижеподписавшиесь духовные и мирскіе персоны присудственны были и по изустному егожъ господина Ханенка прошенію на семъ-же тестаментѣ своеручно подписались и печати свои приложили.

Дому его ясневельможности капелянъ Корнилій Юзефовичъ. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Василій Жураковскій. (М. П.).

Церкви святыя Анастасіи глуховской іерей Федоръ Бухновскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Павелъ Ломѣковскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Стефанъ Кулябка. (М. П.).

На ономъ помѣта такова:

1760-го году, февраля 21-го дня, вышепрописанный остатней волѣ завѣтъ отъ умершого хоружого войскового генералного, господина Николая Ханенка, о распридѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ его добръ наслѣдникамъ, дѣтемъ его, сочиненный и отъ жены его господина Ханенка, госпожи хоружой генералной, Іуліяны Петровны, при прошеніи о вписаніи ового въ сотенные погарского уѣзду книги чрезъ брата оногожъ господина Ханенка, сотника золотоношского, господина Константина Леонтовича представленный, точно слово отъ слова въ книги сотенного погарского уѣзду подъ нумеромъ сто пятьдесятъ треттимъ вписанъ, чего въ засвидѣтельствованіе при приложеніи печатей и руками нашими на семъ тестаментѣ подписали:

Сотникъ погарскій Владимѣръ Соболѣвскій. Атаманъ городовый погарскій Афанасій Белякъ. (М. П.) (М. П.).

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО.

(1719—1723 и 1754 г.).

Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884—1886 г. Г. А. Лазаревскимъ былъ напечатанъ Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753 г.), какъ представляющій собою важнѣйшій памятникъ для изученія Малороссіи средины XVIII вѣка.

Послѣ обстоятельнаго предисловія къ этому дневнику Г. Лазаревскій говоритъ: „Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ дневникъ его авторамъ, и съ какого времени начинается онъ“. Болянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, что дневникъ начинался съ 9 ноября 1819 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ онъ начинается съ 3 февраля 1727 и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ недостаетъ, на примѣръ, цѣлыхъ 7 лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи А. И. Ханенко, сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже А. И. Ханенко, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда. „Можно догадываться“, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, „что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенко, въ рукахъ которыхъ одно время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти находились на службѣ“. Нами пріобрѣтены почти всѣ бумаги покойнаго

профессора московскаго универститета О. М. Бодянскаго, въ числѣ которыхъ оказался и дневникъ Ханенко, прекрасно переписанный, свѣренный съ подлинникомъ, со своеручными поправками Бидянскаго и съ записью въ концѣ рукописи: „Подлинникъ у потомка его Александра Ивановича Ханенка, черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда въ Городищѣ списано 1851 г., февраля 17 дня. Москва, О. Бодянскій“.

Въ этой рукописи также не оказывается семи годовъ (1734—1741), но за то уцѣлѣло начало дневника за 1719—1723 и послѣдніе листы начала 1754 г., что нами и печатается на тѣхъ же страницахъ „Кіевской Старины“, какъ пополненіе дневника Н. Ханенко.

Предположеніе напечатать дневникъ Ханенко было высказано покойнымъ редакторомъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей“ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, но несчастное дѣло по поводу помѣщенія въ чтеніяхъ сочиненія о Россіи Флетчера, слѣдствіемъ котораго было закрытіе чтеній и увольненіе секретаря Общества О. М. Бодянскаго, остановило ровно на 10 лѣтъ печатаніе дневника Ханенко. Но и впослѣдствіи только ничтожная часть его была напечатана О. М. Бодянскимъ въ 1-й книжкѣ чтеній за 1858 г. подъ заглавіемъ „Діаріушъ или журналъ о есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоана Скоропадскаго, войскъ Всѣпресвѣтлѣйшаго его императорскаго величества, запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана оказій и церемоній такожъ и въ концеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ начевшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представленіи и погребеніи помянутаго жъ Гетмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго, въ мѣсяцѣ іюлѣ Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ“. Къ этой части дневника О. М. Бодянскій сдѣлалъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ широко воспользовался не только всѣмъ дневникомъ Н. Хоненка, но и другими матеріалами, врученными ему потомками послѣдняго.

У насъ уцѣлѣла переписка Бодянскаго съ Михайломъ Ивановичемъ и Александромъ Ивановичемъ Ханенко по поводу

печатанія дневника. Письма эти не только интересны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и указываютъ на тѣ оставшіеся документы и рукописи, которые сохранялись въ 1847 г. въ родовомъ архивѣ Ханенко. Такъ первое письмо М. И. Ханенка отъ 14 декабря 1847 г. начинается спискомъ этихъ документовъ. Списокъ разныхъ бумагъ и документовъ, находящихся у М. Ханенка:

1. Копія пунктовъ Петру Великому отъ гетмана Скоропадскаго, апр. 11-го, да челобитная о Почепской межѣ и другая на указъ о учиненіи въ Глуховѣ Малор. Колегіи, въ отвѣтъ апр. 28—1722 год. поданныя въ Москвѣ, и какія на это собственной рукой императорской состоялись резолюція.

3. Печатный указъ Импер. Петра объ удаленіи отъ престолонаслѣдія Алексѣя.

3. Приказъ Гр. Разумовскаго съ копіей указа Иностр. Колегіи о пожалованіи Почепа.

4. 1729 г. роспись о жалованіи Малороссійскимъ полкамъ изъ Государс. Колегіи.

5. Указы Петра 1-го о взятіи Азова 1696 г. о невзиманіи безъ указа подводъ и о неназываніи измѣнниками и прот. 1710 г. о произведеніи въ чины полковые и сотеные гетману изъ кандидатовъ 1715 г. О измѣнѣ Мазепы 1708 г.

6. О вступленіи на престолъ царя Өеодора Алексѣевича послѣ Ал. Мих., тутъ же о содержаніи правъ и вольностей. О вступленіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и о подтвержденіи правъ и привилегій.

7. Ядро Исторіи Россійской изъ многихъ достовѣрныхъ исторіографовъ собранное къ угожденію прошказельнымъ (84 листа мелкой печати).

8. Счетъ деньгамъ, даннымъ изъ Генер. Канцеляріи хорунжему Ханенку при отправкѣ изъ Глухова въ С.-Петерб. 1750 года.

9. Печатный дипломъ изъ Академіи Голштинской Килской В. Н. Ханенкѣ и печатныя правила той же Академіи Алберты Христины.

10. Экстрактъ изъ правъ Малороссійскихъ о земской давности, подк. судахъ или межевыхъ 1755 году, писалъ собственноручно Н. Д. Ханенко.

11. Выписка изъ статей гетмана Хмельницкаго, поданныхъ 1654 г.

12. Просьба къ Императору гетм. Скоропадскаго 1720.

13. Краткое описаніе Малороссійскаго края, народа и состоянія онаго древнемъ, такъ же о гетманахъ, какъ прежде мужественнаго онаго и вѣчныя славы достойнаго гетмана Зеновія Богд. Хмельницкаго, яко и по немъ бывшихъ, о разныхъ тожъ малороссійскаго, украинскаго и козацкаго народа храбрыхъ дѣйствіяхъ, преславныхъ надъ поляками многихъ побѣдахъ и о прочемъ, что потомъ послѣдовало, собранное въ разныхъ авторовъ латинскихъ польскихъ и русскихъ, 25 листовъ.

14. Указъ Алекс. Мих. мѣщанамъ кіевскимъ на права ихъ жаловать.

15. Изъ конституціи сейма вольнаго варшавскаго, о правахъ за короля Іоана Казимира; перев. съ польскаго. *Коммиссія Годяцкая* 1659 г.

16. Указъ Импер. Петра 1723 г. Малороссійской Колегіи.

17. Челобитная поданная въ С.-Петербургѣ Колегіи иностранныхъ дѣлъ до рукъ самого Государя, сент. 15-го 1723 г. за подписью всѣхъ чиновъ малороссійскихъ. (Генер. суд. Чарныша, Полуботки пол.).

18. О книгѣ конституція варшавская 1578 г.

19. Въ генеральной войсковой канцеляріи по справкѣ съ имѣющихся Вел. Госуд. Цар. и Вел. Кн. и Импер. и Сам. Всер. грамоты такожь и привелигіанты, Кор. Польс. и Вел. Кн. Литовскаго на вольности, права и преимущества Малороссійскихъ великихъ чиновъ, шляхетства рыцарства и народа и съ другими письменными документами выписано. (Цѣлая тетрадь).

20. Списокъ о полку компанейскомъ, сколько въ немъ состоитъ членовъ и рядовыхъ съ показаніемъ жалованья и прочаго.

21. О гербахъ державы россійской и жезлахъ въ ней содержимыхъ.

22. Уставъ главнаго магистрата Петра Вел. (Печатная книга въ большой листъ изъ библіотеки Н. Д. Ханенко).

23. Подлинная инструкція изъ Генеральной Канцеляріи 1745 г. Генер. Хорyж. Н. Ханенку.

24. Промеморія изъ войсковой Генеральной Канц. въ государственную военную Колегію 1744 г.

25. Донесеніо о козакахъ 1744 г. отъ Ивана Бибикова.

26. Донесеніе посланыхъ съ нарочнымъ въ Сенатъ 1745 г.

27. О служительскихъ деньгахъ и ранговыхъ деревняхъ 1745 г. отъ Генеральной Малороссійской старшины.

28. Различныя донесенія въ Генер. Канцел., предписанія къ полковникамъ и другая форменная переписка и различные указы въ копіяхъ.

29. Указы и грамоты Петра II отъ 1728 до 1730 год.—въ Малороссіи относят. Анны Іоанновны отъ 1731 до 1736 г.

30. По силѣ указа о винныхъ маетностяхъ и, которыя состояли подъ веденіемъ министерской канцеляріи, а кто въ оныхъ управители, вѣдомость съ описаніемъ маетностямъ и какой отъ нихъ доходъ (тетрадь).

31. Указы гетмана Апостола въ Стародубскій полкъ.

32. Грамота гетману Скоропадскому на его гетманскій чинъ и на малороссійскія права 1710 г., также универсалъ Богдана Хмельницкаго о индуктахъ, отобранные у гетмана Апостола 1721 год. въ Москвѣ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ и назадъ не отданные.

32. Универсалы Самойловича 1678 года, Мазепы и другіе.

33. Меморіалъ, что къ пользѣ Малороссійскаго народа необходимо нужно, дабы здѣшнему краю сущому какъ не въ прежнемъ состояніи могло воспослѣдовать какое нибудь исправленіе.

34. Меморіалъ о нижеслѣдующихъ нуждахъ Малороссійскихъ.

35. Еще о семъ меморіалѣ.

36. Къ свѣдѣнію и произвожденію потребное.

37. Гетману доношеніе о нуждахъ малороссійскихъ (отъ кого и кому неизвѣстно).

38. Письмо Хоецкаго войска брацлавскаго судьи пограничнаго, князю примасу изъ Торговица, 1753 г.

39. Переводъ съ писемъ комисаровъ польскихъ изъ Торговица съ комисаромъ россійскимъ, отправленнымъ во время пограничной комиссіи 1753 г.

40. Каталогъ книгъ библіотеки Н. Д. Ханенко, на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, до 150 сочиненій.

41. Письма къ Н. Д. Ханенко отъ разныхъ лицъ: отъ Василія Демидова о покупкѣ овецъ, отъ Полетики, Журоховскаго, Анастасіи Полуботковой, но не заключающія въ себѣ ничего историческаго; изъ за-границы, изъ Парижа, отъ Пріода, изъ Страсбурга, отъ Гуммеля, изъ Киля, отъ Волькмана, изъ Гамбурга и проч.

42. Письма Васил. Ник. Ханенко къ отцу изъ за-границы, гдѣ онъ учился и находился на службѣ голштинскихъ войскъ, впослѣдствіи же былъ полковникомъ гвардіи и флигель-адъютантомъ Петра III. Описаніе его путешествія, пріемовъ при дворѣ, привозъ знамени въ Голштинію отъ Петра III и проч., писемъ до 50-ти.

43. Указъ Разумовскому Импер. Елизаветы о неявкѣ на комиссію украинскую запорожцевъ гайдамакъ 212-ти человѣкъ 1753 года.

44. Письма гетмана Апостола къ полковнику стародуб. судью Ник. Д. Ханенко, очень ветхія, (Апостолъ былъ женатъ на Ломиковской, которой родная сестра была матерью Н. Д. Ханенко).

45. Письма Ник. Д. Ханенко къ сыну Василію заграницу.

46. Конвертъ съ письма, на коемъ написано собственной рукой В. Н. Ханенко: Qeulques papiers au sujet des affaires du feu, M-s de Priouda, mort á Strasbourg le du juin 1758. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ, но есть черновое письмо къ банкирамъ, гдѣ онъ благодаритъ ихъ за попеченіе о немъ передъ смертью и обязывается заплатить всѣ его долги заграницей.

47. Черновыя письма Н. Д. Ханенко къ различнымъ лицамъ. Иныя очень любопытны.

48. Continuatio Diary privati 1722. Нѣсколько маленькихъ тетрадокъ, изъ коихъ въ первой окончаніе похода на Кавказъ. Кромѣ извѣстнаго Діаріума, веденнаго во время пребыванія

Скоропадскаго при дворѣ Петра I-го, есть дневникъ, писанный каждодневно собственной рукой Н. Д. Ханенко, въ продолженіе 40 лѣтъ—онъ находится у брата моего Алексѣя Ивановича Ханенко.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 декабря 1847 года М. И. пишетъ: „Исполняю Вамъ мое обѣщаніе и посылаю Діаріумъ Н. Д. Ханенко, въ немъ вы найдете во многихъ страницахъ пропуски словъ и строкъ—но это дѣло неисправимо, ибо списокъ сдѣланъ тоже съ копіи, доставшейся намъ, въ которой тѣже пропуски; оригиналъ же, мнѣ кажется, находится у Бантышъ-Каменскаго, которому былъ доставленъ покойнымъ нашимъ дядей Ив. Ханенкою, и которымъ онъ руководствовался при написаніи своей исторіи, о чемъ и упоминаетъ самъ; еслибы Вамъ случилось когда нибудь спросить его объ этомъ, то вы бы доставили намъ этимъ великое одолженіе. Но пропуски эти незначительны, вы все таки найдете очень много интереснаго и полезнаго. Условій для напечатанія этой рукописи я не предлагаю и не имѣю права предлагать никакихъ. Надѣюсь также, что Вы доставите намъ въ отдѣльно напечатанной книгѣ этотъ діаріумъ въ числѣ 25 и до 40 экземпляровъ; мнѣ бы хотѣлось раздать его добрымъ достойнымъ землякамъ, а также послать въ черниговскія гимназіи, лицей и полтавскую гимназію. Впрочемъ, во всемъ полагаюсь на Васъ; предлагаю эти условія не съ желаніемъ вознагражденія, но если это не мало не будетъ тягостно обществу, то для чего же не доставить случай имѣть другимъ? Братъ Александръ просилъ передать Вамъ, что все, что есть у него изъ старины нашей малороссійской, онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ для напечатанія обществу“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1848 г. онъ говоритъ: „видѣться съ братьями, какъ я хотѣлъ, чтобы добрать у нихъ остальное къ нашему родовому архиву, за дальностью ихъ жительства теперь не могу вскорѣ, а между тѣмъ не хочу, чтобы у меня лежало долѣе то, что обѣщалъ Вамъ, и что принадлежитъ вашему ученому разсмотрѣнію, почему, приведя кое-какъ въ порядокъ, посылаю Вамъ второй томъ, который не меньше

перваго, и который заключаетъ въ себѣ болѣе нашего, семейнаго, родового, Ханенковскаго, но, мнѣ кажется, вмѣстѣ и историческаго. Разсмотрѣвъ, Вы увидите, что я не скрылъ отъ Васъ ничего ни самаго пустого, ни самаго важнаго; въ этомъ вся моя заслуга передъ Вами, и хотя малое выраженіе моего истиннаго уваженія къ вамъ. Вмѣстѣ съ бумагами посылаю двѣ книги изъ библіотеки прадѣда: 1) Уложеніе магистрату Петра I-го, если оно имѣетъ какую нибудь важность историческую и будетъ интересно вашему обществу, то прошу передать въ библіотеку онаго. 2) Рукописная латинская, не знаю, что заключающая въ себѣ, ежели она заслужитъ какое-нибудь Ваше вниманіе, то прошу ее оставить у себя; отъ правнука въ память прадѣда. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что вся библіотека Ник. Дан. Ханенко, (каталогъ которой вы имѣете), подарена нашими бабками Новгородъ-Сѣверской гимназіи и теперь, кажется, вся на лицо. Многія книги исписаны рукою прадѣда, т. е. его замѣтками. Ежели братъ Александръ, съ которымъ я уже давно видѣлся, не отослалъ Вамъ дневника Н. Д. и другихъ его бумагъ, то могу увѣрить Васъ, что въ самомъ скоромъ времени вы ихъ получите, и тогда исповѣдь нашего семейства передъ Вами будетъ кончена, будемъ хлопотать о другихъ. Мнѣ кажется изъ письма Вашего, что вы незнакомы лично съ Ник. Андр. Маркевичемъ; этотъ человѣкъ такъ добръ, что у него можно взять послѣднюю рубаху, но нужно взять, самъ же онъ неспособенъ исполнить самого пустого обѣщанія по своей безпечности. Вотъ причина, почему Вы могли предполагать, что онъ жартуе съ вами, я постараюсь употребить все мое настояніе, чтобы добыть лѣтопись, нужную Вамъ,—но для этого нужно быть мнѣ у него. Предположеніе его о лѣтописи Казара, принадлежащей будто бы Разумовскому, какъ автору, мнѣ кажется невѣроятнымъ по многимъ даннымъ,—пусть пришлетъ ее, Ваше дѣло будетъ увѣриться или разувѣриться въ этомъ".

Въ письмѣ отъ 3 марта 1848 г. М. И. писалъ: „списокъ, присланный мною вамъ, дневникъ Ник. Дан. Ханенко, переписалъ съ единственнаго у насъ списка брата Александра, и пропуски, сдѣланные въ немъ, находятся и въ его спискѣ, одно не

сдѣлано мною, я его не успѣлъ повѣрить со спискомъ брата, написаннымъ довольно четко, что произошло отъ поспѣшности отправить вамъ, и потому пропуски останутся, кажется, навсегда, а если въ моемъ спискѣ встрѣчаются слова, которыя трудно прочесть, и Вы захотите имѣть списокъ брата Александра, то напишите ко мнѣ, онъ съ того времени у меня на удержу, до увѣдомленія вашего. О дневникѣ Маркевича, я почти могу надѣяться доставить его вамъ для напечатанія, Алекс. Мих. изготовилъ его временно къ печати и даже написалъ предисловіе—но онъ залежался у него и какъ ему съ охотою не передать вамъ для исполненія его намѣренія и напечатанія въ чтеніяхъ Вашего общества. Когда онъ, встрѣтясь со мною и говоря объ Васъ, сдѣлалъ мнѣ укоръ, что мнѣ стыдно не передать для напечатанія Вамъ дневникъ моего предка (который онъ читалъ), но онъ мною уже былъ отосланъ, и онъ повторилъ, что я сдѣлалъ должное. Изъ этого вы можете видѣть и его мысли; и, вѣроятно, тѣ, которымъ вы говорили объ этомъ и не намекнули ему; я же воспользуюсь случаемъ за это здѣсь полезнымъ. Я слышалъ отъ кого-то, что Чижовъ его предполагалъ печатать въ своемъ журналѣ и потому не обѣщалъ ли ему Алекс. Мих. и не свяжетъ ли это послѣдняго, но и въ такомъ разѣ я не разрѣшу. Чижовъ живетъ въ нашемъ уѣздѣ, я съ нимъ часто вижусь и знаю, что кромѣ формальнаго запрещенія правительствомъ изданія его журнала, онъ и самъ, по этимъ или другимъ причинамъ, раздумалъ о своемъ изданіи—онъ мнѣ такъ говорилъ.

Алекс. Мих. Маркевичъ, потомокъ Пав. Л. Полуботки, по женской линіи, и у него я видѣлъ собственноручную записку Павла Леонтьевича—не помню года и числа когда она ведена. Числа выставлены по церковному буквами, и противу каждаго числа писано, что случилось историческаго въ этотъ день изъ исторіи древней и новой. Такъ исписанъ полулистъ. Не думаю, чтобы эта записка была интересна для напечатанія въ Чтеніяхъ общества; она драгоцѣнна для насъ по воспоминаніямъ о величайшемъ мужѣ. Жду, что вы мнѣ скажете.

Жалѣю, что я не зналъ, при Вашемъ изданіи Конисскаго, что списокъ Полуботки Вамъ интересенъ, первое потому, что

мнѣ легко было его достать, а второе, что у брата Александра, находится сдѣланный имъ семь лѣтъ тому назадъ со списка списокъ Полетики и хорошо свѣреннаго. Хотя я слышалъ отъ Полетики о важности его, но не вѣрилъ ему, ибо не зналъ того, что Вы мнѣ пишете. Не хотите ли, чтобы Вамъ прислать списокъ брата Александра, Вы его просмотрите и, если найдете разницу, то я могу достать и списокъ Полетики. Полетика, слышавши, что мы послали печатать дневникъ Н. Д. Ханенко, (хотя по его воспитанію и прочему это ему не могло быть интересно), просимъ передать мнѣ черезъ родственника, что онъ доставитъ лѣтопись или черезъ меня въ ваше общество или просилъ Вашего адреса. Я сказалъ сейчасъ, что эта лѣтопись Конисскаго, но тотъ мнѣ возражалъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ и что это другая, При первой возможности, (ибо онъ живетъ за 60 верстъ), я буду у него, узнаю все и пришлю Вамъ. Напишите, какъ Вы нашли моего прадѣда. Ежели можно то прошу Васъ не покидать вашей прекрасной мысли для насъ печатать все то, что найдете достойнымъ въ нашихъ бумагахъ, по общимъ сводамъ, (изъ бумагъ рода нашего)".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 7 апрѣля: „Исполняю Ваше желаніе и посылаю Вамъ списокъ (дневникъ Н. Д. Ханенко), принадлежащій брату Александру Иван., изъ котораго сдѣланъ мой, пересланный Вамъ,—не думаю, чтобы онъ пособилъ общей нашей потерѣ, разумѣю о нѣкоторыхъ пропускахъ въ спискѣ. Съ Александромъ Мих. Маркевичемъ надѣюсь видѣться никакъ уже не позже мая 10-го и тогда передамъ Вамъ результатъ моего свиданія. Къ Полетикѣ уже написалъ и просилъ его о присылкѣ его лѣтописей, ожидаю отвѣта и увѣдомлю васъ, почему въ ожиданіи этого не счелъ за нужное посылать списокъ съ Полетикиной лѣтописи, находящейся у брата Ал. Ив.

Отъ 21 апрѣля 1848 г. М. И. Ханенко писалъ: „черезъ два дня ѣду въ деревню къ брату Ал. Ив. и надѣюсь, что при мнѣ онъ отправитъ къ Вамъ всѣ бумаги, которыя уже и изготовилъ къ сему, о чемъ говорилъ мнѣ на дняхъ.

Благодарю Васъ за обѣщаніе высказать мнѣ мнѣніе о Ник. Дан. Хан., а притомъ, надѣюсь, о важности бумагъ, нами доставленныхъ. Біографію его нельзя очертить, не имѣя въ рукахъ его 40 лѣтняго дневника, который вы скоро получите, а при этомъ позвольте-ка вамъ передать кое-что, что знаю о немъ, какъ о предкѣ своемъ.

Н. А. Маркевичъ добрый человѣкъ, а тому, что онъ разсказываетъ, вѣрить нельзя и потому, ежели онъ пишетъ, что предложилъ академіи наукъ грам. и слов. Косенко, то надо предполагать, что это только была мечта и вполнѣ можно ручаться, что не исполнится и успокоиться. За вѣрность моего показанія мѣстоположенія Вышенекъ я могу ручаться офиціально, ибо прошедшее лѣто, по должности моей предводителя дворянства, производилъ тамъ посредническое, довольно большое поземельное дѣло. Подробности же другія, слышанныя, повѣрялъ на мѣстѣ, жилъ же я самъ въ домѣ фельдмаршала.

Посылаю Вамъ въ подлинникѣ письмо Полетики, чтобы Вы изъ него усмотрѣли, что я дѣлалъ, что могъ и надѣюсь, при свиданіи, сдѣлать окончательно, что могу, а между тѣмъ, не найдете ли Вы или не укажете ли мнѣ другихъ путей къ его двоюродному брату,—братъ же мой Алек. Ив. доставитъ вамъ свою копію Конисскаго". Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день О. М. Бодянскій получилъ письмо отъ Ал. Ив. Ханенко: „Давно я собирался послать къ Вамъ находящіяся у меня бумаги прадѣда моего Николая Даниловича Ханенко, но, желая представить Вамъ ихъ въ лучшемъ видѣ и имѣя въ продолженіи нѣкотораго времени много занятій по службѣ, я отлагалъ это до свободнаго времени, чтобы порыться въ старыхъ сундукахъ съ дѣлами, относящимися къ имѣнію, гдѣ частію отысканы и сіи бумаги. Но, услышавши отъ брата Михаила Ив. пріятнѣйшую для меня вѣсть, что Вы въ предстоящее вакаціонное время хотите при изданіи части дневника помянутаго прадѣда моего, приложить его біографію, я поспѣшаю при семъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ вы найдете матеріалъ для этого предмета, и дневникъ, часть котораго была передана покойнымъ дядею моимъ Александромъ Ив. Ха-

ненко Бантышу-Каменскому, съ которой копія получена мною отъ того же дяди моего, а списокъ уже съ оной доставленъ вамъ братомъ моимъ. Еще также передалъ мнѣ братъ, что Вамъ угодно имѣть мой списокъ Исторіи Конниского, переписанной слово въ слово изъ рукописи, находящейся у Якова Павл. Полетики, съ радостью всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить Вамъ, но нужнымъ считаю объяснить, что хотя сей Полетика и потомокъ того извѣстнаго депутата Полетики, но рукопись его, кажется не предковская, а досталась ему изъ Безбородкинской Гриневской библіотеки и притомъ очень неисправная, а подлиннаго экземпляра надо искать у полтавскихъ Полетикъ, двоюродныхъ его братьевъ. Ежели Вамъ угодно будетъ, я, какъ знакомый съ ними, напишу къ нимъ объ этомъ и извѣщу Васъ о послѣдствіяхъ моего розысканія. Возвратясь изъ Чернигова, я постараюсь скорѣе собрать остальныя бумаги и также переслать ихъ Вамъ, изъ которыхъ все, что вамъ угодно будетъ, прошу Васъ напечатать въ Изданіи Общества, и, по разсмотрѣніи ихъ, когда онѣ уже будутъ ненужны, покорнѣйше прошу возвратить ихъ мнѣ, по прилагаемому адресу.

P. S. Между посылаемыми бумагами Вы найдете универсалы Меньшикова опошнянскимъ жителямъ послѣ полтавской битвы. Они переданы мнѣ родною теткой жены моей, жительствующей возлѣ самой Опошни въ селѣ Мискихъ Млинахъ, а ей достались отъ предка ея сотника опошнянскаго Корицкаго".

Въ заключеніе мы должны сказать, что недостающія части дневника Н. Ханенко. по нашему мнѣнію, должно искать, какъ это видно изъ письма А. И. Ханенко, въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Бантышъ-Каменскаго.

1896 февраля 13. Андрей Титовъ.

1719 годъ Партикулярный журналъ.

Мѣсяцъ ноеврій.

9. Полковникъ [1]) литовскій панъ Антоній Танскій прислалъ мнѣ коня мастью гнѣдого, а панъ Василь Кочубей—вороного.

---

[1]) Пропуски въ рукописи Бодянскаго.

10. Товарищъ бунчуковый панъ Стефаній Тарнавскій и канцеляристъ войсковый панъ Григорій Яснопольскій посланы въ полкъ миргородскій для ревѣзій дворовыхъ числа людей посполитыхъ.

28. Братъ Иванъ отъѣхалъ зъ Глухова зъ писмами гетманскими до епископа переславского преосвященного Кирила Шумлянского.

Декабрь.

1. . . . .

9. Началося веселье въ домѣ гетманскомъ братанича гетманского жъ его милости пана Михаила Василіевича Скоропадского, обозного полкового чернѣговского, передъ которого начаткомъ говорилъ я орацію, просячи у гетмана и у гетмановой, такожъ и у отца благословенія и того жъ дня отъѣхали въ Дунаецъ.

10. Тамъ въ Дунайцѣ принялъ шлюбъ панъ Михаило Скоропадскій зъ невѣстою своею панною Іуліаною, княжною Четвертенскою, послѣ которой церемоніи обѣдъ продолжался допозна въ ночь, а при концу обѣда давано марцепаны, и коровай раздѣланъ.

11. Отъѣхали мы въ Глуховъ, а прочая веселная компанѣя тамъ осталась.

Сегож числа, за прибытіемъ моимъ въ Глуховъ, вручена мнѣ отъ пана дядка асаула полкового кіевского Федора Лаврентіевича Ханенка лаговница и унѣверсалъ небожчика Григорія Гетманича, полковника чернѣговского, на добра, належне жены дядковой Параскевіи Товстолѣсовны служачіе.

22. Универсалъ гетманскій справленъ пану дядку на добра, въ полку чернѣговскомъ по женѣ доставшееся.

27. Противъ сего числа въ ночи громъ былъ и блискавиця.

30. Синъ молодшій его милости пана Семена Савича, писара войскового енералного, Михаилъ Савичъ передъ свѣтомъ за годину преставился.

31. Попроважено тѣло покойного пана писаревича до моностыря петропавловского глуховского, куда и мы зъ его милостью, паномъ писаремъ, отъѣхали.

Февраль.

1. Погребеніе ономужъ пану писаревичу отправлено.

3. Принесены двѣ грамоты къ гетману отъ сина енерала лейтнанта Бутурлина: одна о приготовленю ся въ походъ, другая о заготовленіи работниковъ на работу до фортецъ, въ Малой Росіи будучихъ.

6. Яну Юрію Каспару, купцу вроцлавскому, виданъ декретъ на Стефана Рубана.

7. Захоровалъ я на горячку и хоровалъ по 11 число сего мѣсяца.

19. Посланъ универсалъ гетманскій пану дядку на добра въ чернѣговскомъ полку по женѣ доставшееся, справленный.

Мартъ.

3. Панъ Михаило Скоропадскій обѣщалъ мнѣ коня.

9. Пришла вѣдомость къ гетману чрезъ Шостакова, что свѣтлѣйшый князь Александръ Даниловичь Меншиковъ ѣдетъ въ Украину.

10. Віѣхалъ ясновельможный и прочіе пани, имѣвшіесь въ Глуховѣ, а тамъ же и мы, канцеляристи, забираючи путь къ Шептакамъ на встрѣчу свѣтлѣйшого князя.

11. Зъ Гамаліевки рано віѣхавши, проѣхали Новгородокъ и прибыли на ночь въ Шептаки.

17. Свѣтлѣйшій князь зъ княгинею и со всѣмъ своимъ домомъ прибылъ до Шептаковъ уже позно; которого и самъ ясневелможный и многіе присутствовавшіе особы встрѣчали опол-милѣ за Шептаками.

18. Пріймовалъ ясневелможный на квартирѣ своей въ домѣ попа шептаковского свѣтлѣйшого князя зо всѣмъ его домомъ и ассистенціею, и княгиня по обѣдѣ заразъ отъѣхала, а князь забавился ажъ довѣчера при стрѣляню зъ гарматъ, и можджировъ; тамъ велѣлъ взять подъ караулъ черицювъ новгородского моностыря, знаменія на небѣ видѣвшихъ, свѣтлѣйшій князь. По отъѣздѣ княжомъ, полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ зъ полковникомъ гадяцкимъ Михаиломъ Милорадовичомъ поссорились въ квартирѣ гетманской.

19. Рано ясневелможный, отъѣхавъ зъ Шептаковъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ крестилъ дитину у пана Кутневского, а на ночь отъѣхалъ въ Гамаліевку.

20. Прибыли въ Глуховъ.

Априля.

30. Прибыли зъ ясне велможнымъ въ Гадячь, гдѣ уже свѣтлѣйшого князя застали и якъ въѣздилъ гетманъ въ городъ, то палено зъ пушокъ, и сталъ квартерою въ замку, гдѣ цѣлая рота драгунская совсѣми офицерами зъ знаменъ и зъ музикою поставлена была на караулѣ, имъ отдавала честь гетману зъ барабаннымъ боемъ походу и зъ граньемъ музики.

Май.

1. Панове полковники и енералные персоны были у свѣтлѣйшого князя (а гетманъ не былъ, бо жестоко еще на дорогѣ занемогъ) на обѣдѣ послѣ службы и послѣ казанія.

5. Пана асаула енералного Жураковского и пана Валкевича отправлено до Стародуба для межованя Почепа.

15. Свѣтлѣйшый князь отъѣхалъ зъ Гадяча.

16. Ясневелможный отъ толъ же віѣхалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая сего году женился пане Федоръ Чуйкевичь въ Кролевцѣ на дочерѣ умершого священника тамошнего Маковского.

Іюнь.

30. Написанъ пану Яну Голембіовскому на село Засуху уневерсалъ.

Іюль.

1. Оный же унѣверсалъ ему виданъ.

11. Купилъ у пана Корецкого наметъ, за которій далъ 5 р. 50 коп.

31. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій отъѣхалъ зъ Глухова къ Москвѣ.

Августъ.

7. Панъ Валкевичъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

14. Купилъ рондъ, въ которомъ ваги сребра 4 гривны безъ двохъ лотовъ и двохъ золотниковъ; дано за оный 17 рублей.

17. Зъ Яснополскимъ перемовимось.

19. Слухана справа пана полковника чернѣговского Полуботка зъ Цибулскимъ.

25. Виданъ дикретъ пану Моусѣю Костантиновичу Левицкому, асаулу полковому нѣжинскому, за которій обѣщалъ коня въ 30 талерей.

Септеврій.

6. Виданъ дикретъ пану полковниковѣ чернѣговскому въ справѣ его зъ Цибулскимъ, за которого переписыване начисто далъ я пану Григорію Максимовичу канцеляристѣ 11 локоть атласу зеленого.

14. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій возвратился зъ Москви, и служилъ въ церкве святаго Михаила.

15. Былъ жестоко боленъ, чего для нѣсколко дней слѣдуетъ лѣчитися мусѣлъ.

21. Отправилъ слугу Томоша Лятовецкого, давши ему абшитъ, которій служилъ мнѣ болѣе двохъ годъ.

Ноеврій.

10. За уневѣрсалъ на маетности, писанный пану Семену Ганецкому, сотниковѣ погарскому, далъ онъ 5-ть талерей битыхъ.

Декаврій.

20. Принесена грамота о Григоріи Михайлову, канцеляристѣ, и о Василю Дорошенку.

1721 годъ.

Генварь.

6. Былъ у гетмана еденъ знатный полякъ Николай, прозваніемъ Бучинскій, подъчашій троцинскій столника великаго княжества литовскаго пана Юрія Сапіги и поимѣвшойся отъ

него привѣтственной мовѣ отдалъ ясне велможному отъ принципала своего изрядныхъ пару пѣстолетовъ и щирозлоченій дзигаронъ въ подарку.

10. Столникъ Федоръ Ивановичъ Протасіевъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

13. Отъѣхалъ полякъ Бучинскій.

14. Отправлена експедиція до двора царского величества взглядомъ Івановича глуховского и взглядомъ Сухоты стародубовского, и декреты посланы.

18. Иванъ Граевскій, старій канцеляриста, віѣхалъ зъ канцеляріи до монастыря петропавловского совсѣмъ.

22. Отъѣхалъ панъ Стефанъ Максимовичъ К. В. женитись въ Стародубъ, зъ которымъ отъѣхалъ же и панъ Яснополскій. Въ семъ мѣсяцѣ панъ Андрей Горошинскій женился.

Февраль.

7. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, отъѣхалъ до С. П. Бурха.

10. Привезлъ грамоту зъ С.-П. Бурха Онишенко о оставленю поротной станціи.

24. Пріѣхалъ въ Глуховъ енералъ Кантакузинъ.

26. Отправленъ зъ Глухова до Стародуба за стаціею и показанщиною.

28. Прибилъ въ Стародубъ и былъ у генерала Роппа, которому и листъ отъ гетмана вручилъ.

Мартъ.

8. Поданную суплѣку отъ магистрату стародуб. принявъ и о уменшеню стацiи отправилъ съ писмомъ къ ясневелножному, требуя на то указу.

9. Давилу Никитинку Дятку даны 6 р. съ полтинню на грунтъ.

11. Віехалъ зъ Стародуба къ Пактусову.

12. Былъ въ Яцковичахъ у пана Покорского.

13. Прибылъ въ Мглинъ, и былъ у тамошнего сотника пана Максима Бородки.

17. Былъ у пана Афонасія Есимонтовского въ хуторѣ Бѣловодцѣ.

18. Віѣхалъ зъ Мглина.

19. Прибылъ въ Баклань, и сталъ квартерою у Соколовского.

22. Віехалъ зъ Бакланѣ, и прибылъ первей въ Баликинъ на службу, а вечеромъ въ Погарь: гдѣ былъ у мене сотникъ пагарскій панъ Семенъ Галецкій зъ своимъ урядомъ.

27. Василью Романовичу даны отъ мене 2 р.

29. Віехалъ зъ Погари и прибылъ въ Лобки.

30. Прибылъ въ Стародубъ.

Априль.

4. Обсилка чрезъ мене учинена знатная отъ ясне вельможного на кухнѣ естними и питейними рѣчами генералу Роппу.

20. Віѣхалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Дохновичи.

22. Прибылъ въ Новгородокъ.

26. Віѣхалъ съ Новгородка.

28. Прибылъ въ Глуховъ.

Май.

30. Былъ у гетмана олонецкого драгунского полку господинъ полковникъ Юрій Өедоровичъ, послѣ котораго синъ и орацію къ гетману говорилъ передъ обѣдомъ при инспекторѣ своемъ Незабитовскомъ.

Іюнь.

9. Даровалъ мнѣ яснѣвельможный инструментъ, якимъ можно за однымъ разомъ перо затемперовать. Сего жъ числа отправленъ до двора царского величества и до св. синода панъ Кутневскій.

10. Были у ясневельможнаго два резиденты, одинъ князь Сергій Григорьевичь Долгорукій до Полщи, другій Неплюевъ поруччикъ отъ галернаго флота, до Царигорода ординованный.

21. Пріѣхали зъ С.П-Бурха асаулъ в. енерал. панъ Василій Жураковскій, обозный прилуцкій и судіа гадяцкій, да канцеляристъ войсковый панъ Петръ Валкевичь.

22. Тіижъ пріѣжджіи были у ясневелможного и принесли грамотъ 4: 1-я о межѣ почеповской, 2-я о лаврѣ кіевопечерской, 3-я о избраніи въ чины енералныхъ особъ вакансовыхъ. 4. о сѵнодѣ духовномъ, жебы писать и возносить таковою титлою: святѣйшему правительствующему сѵноду.

Іюль.

18. Віѣхали зъ ясневелможнымъ зъ Глухова къ Нежину.

22. Прибыли въ Нѣжинъ: и тамъ на квартерѣ гетманской застали роту зъ знамемъ на караулѣ.

23. Былъ благодарственный молебенъ о полученномъ поиску надъ шведами чрезъ енерала лейтнанта Лессі, потомъ обѣдали у полковника Петра Петровича Толстого зъ гетманомъ генералъ лейтнантъ князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой зъ княгинею двома дочарми и племенницею.

Августъ.

8. Писана експедиція до двора царского величества въ интерессахъ полковъ гадяцкого и полтавского въ заводахъ о грунта зъ слободскими полками и отпуску козаковъ зъ Ладоги за временномъ, и тая экспедиція вручена сотнику опошнянскому Корицкому, асаулу пол., полтавскому Сибилевичу и сотнику старосанджаровскому Тарнавскому; а сіе дѣлалось въ селѣ Дубовомъ Гаю въ полку прилуцкомъ.

10. Прибыли въ Новую Греблю.

14. Прибыли къ монастырю Густинскому.

17. Прибыли въ Прилуку.

18. Віѣхали зъ Прилуки.

23. Прибыли въ Мутинъ.

26. Прибыли въ Вороглѣ, а потомъ прибыли въ Глуховъ.

Сентаврій.

1. Купилъ у пана Казановича шаблю позлоцѣстую за 25-ть талерей битихъ.

7. Господарь двору рейментарского Иванъ Даровскій преставился.

23. Пришла вѣдомость зъ С. П. Бурха о состоявшемся между имперіею россійскою и короною шведскою мирѣ въ Нейштатѣ.

23-го числажъ получилъ ясне велможный отъ сvнода листъ о висилки отца Тихорского и отца Горки до С. П. Бурха.

Октоврій.

2. Принесена царского величества грамота и за собственною монаршею рукою листъ изъ габинета зъ объявленіемъ о состоявшемся вѣчномъ миру зъ короною шведскою, а оная грамота принесена Даниломъ Тимофиѣвичемъ Чевкинымъ, отъ лейбъ гвардіи капитаномъ поруччикомъ. Якою вѣдомостю привѣтствуючи ясне велможного, пріѣздили господа столникъ Протасіевъ да полковники Шарфъ и Балцеровъ и для той же вѣдомости по всѣхъ церквахъ дзвонено и зъ арматъ бито.

3. Молебствіе о вчора полученной вѣдомости благодарственное въ церкве святаго Николая отправовалось и публикація о мирѣ была при пушечной стрелбѣ, и при обѣдѣ у стола гетманского палено зъ пушокъ и з межджировъ доволно.

6. Панъ Михайло Скоропадскій купно зъ паномъ Костенецкимъ отъѣхали до С. П. Бурха,

8. Женился Іосифъ Гавриловичь на свойственницѣ пана писаря енералного.

19. Отъѣхалъ господинъ Чевкинъ зъ Глухова, и полковники разъѣхались.

22. Пришла вѣдомость, что князь Петръ Алексѣевичь Галицынъ, сенаторъ и кіевскій губернаторъ, сего мѣсяца 19 числа въ Кіевѣ преставился.

Ноеврій.

12. Панъ Григорій Яснополскій зосталъ господаремъ двору рейментарского.

16. Комендантъ глуховскій господинъ полковникъ Богданъ Григоріевичъ Скорняковъ Писаревъ отъѣхалъ зъ судіею надворнымъ курскимъ господиномъ Чириковымъ на межу почеповскую-

20. Отъѣхалъ писарь войсковый енер. панъ Семенъ Савичь на межу почеповскую.

21. Машталѣръ Заецъ привезъ зъ С. П. Бурха грамоты: 1) о полкахъ, чтобъ 8 толко осталось въ Украинѣ; 2) о Нахимовскомъ и о городахъ имѣющихся дѣлитися между слободскими и полтавскими полками.

22. Посланъ я отъ гетмана къ генералъ-лейтнанту фонъ Вейзбаху зъ указами о выводѣ зъ Украины лишныхъ полковъ сверхъ осми и къ оберъ штеръ криксъ коммисару Ивану Василіевичу Панину на почтѣ.

23. Прибылъ въ Конотопъ, а ночью въ Роменъ.

24. Былъ у оберъ штеръ криксъ коммисара Панина и ему-жъ вручилъ листъ гетманскій и указъ зъ главного военного коммисаріату.

25. Прибылъ въ Лохвицю на свитаню, оттоль до Сенчи, потомъ уже заледва ночю пріѣхалъ въ Лубнѣ.

26. Былъ у его превосходительства у господина генерала Девейзбаха рано и отдалъ надлежащые письма, потомъ у его-жъ превосходительства и обѣдалъ.

27. Такожде у генерала кушалъ обѣдъ и коммисію свою исправлялъ.

28 Отобравъ отъ генерала експедицію отвѣтную и отклонился, потомъ обѣдалъ у сотника и, вiѣхавъ зъ Лубенъ, ночевалъ въ монастырѣ Мгарскомъ.

29. Прибылъ въ Лохвицю.

30. Прибылъ въ Роменъ и былъ на трактаментѣ у полковника лубенскаго его милость панъ Андрея Марковича ради кавалерскаго праздника именинъ его.

Декамврій.

1. Передъ вiѣздомъ зъ Ромна обѣдалъ у пана Яснопол-скаго, потомъ былъ у старшого канцеляриста коммиссаріатского Михаила Василіевича Володимерова и оттоль поѣхалъ зъ Ромна.

2. Прибылъ съ свѣтомъ въ Конотопъ.

3. Прибылъ въ Глуховъ и писма генералскіе и отъ оберъ штеръ криксъ коммисара Панина въручилъ ясне велможному, такожъ отъ енерала и столнику Протасіеву.

6. Сего числа по запискѣ скончилось мнѣ 28 годъ отъ роду.

12. Полковникъ чернѣговскій панъ Павелъ Полуботокъ, повернувшися зъ Ладоги, прибылъ въ Глуховъ.

15. Подана супплѣка гетману о опредѣленіи деревень.

17. На оную супплеку положилъ декларацію чрезъ пана Володковскаго.

1722 г. въ Москвѣ.

Мартъ.

8. Былъ у присяги о опредѣленіи наслѣдника престола россійского, его же позволилъ императорское величество владѣющій государь по своей воли опредѣлити, и такъ на формѣ присяги, яко и въ книгѣ о томъ подписался.

25. Въ сей Воскресенія Господня и Благовѣщенія праздникъ изволилъ его императорское величество Петръ Великій зъ государынею, и всею высочайшею фамиліею, такожъ всѣ первѣйшіе господа и гетманъ присутствовать въ церквѣ соборной успѣнской на утренѣ и на обѣднѣ, а самъ его императорское величество апостолъ читалъ.

Априль.

21. Донесено гетману, что сего жъ априля 19 состоялся въ сенатѣ именный указъ о опредѣленіи въ Малой Россіи коллегіи, въ которую назначенъ президентомъ Степанъ Лукичь Вильаминовъ брегадиръ.

28. Въ Преображенску подалъ гетманъ его имп. величеству пункта въ общенародныхъ нуждахъ, и челобитную въ дѣлѣ почеповского межованія, на которой самъ государь тогожъ часу собственною рукою помѣтилъ указъ для исполненія по оному изъ сената.

29. Посвященъ отецъ архимандритъ нѣжинскій Епифаній Тихорскій епископомъ бѣлгородскимъ, а игуменъ выдубецкій Лаврентій Горка поставленъ архимандритомъ воскресенскимъ, а отправовалъ надъ ними тые церемоніи преосвященный архіепископъ великоновгородскій Феодосій Яновскій съ другими 6 архіереями и архимандритами.

30. Былъ гетманъ въ сенатѣ и подалъ указъ собственноручный государевъ на челобитной гетманской, о Почепѣ написанный, а какъ возвратился зъ сенату, то принесенъ къ гетману за собственнуюжъ императорскаго величества рукою указъ о учрежденіи въ Малой Россіи великороссійскихъ судей для вышшей аппеляціи и о протчемъ.

Май.

3. Противъ оного указу учиненный отъ гетмана отвѣтъ отвезъ панъ Димитрій Володковскій до генерала прокурора Павла Ивановича Якушинского и до Петра Андреевича Толстаго.

Сегожъ числа его императорское величество изволилъ быть у гетмана на квартирѣ, и позабавится зъ годину въ ночь.

4. Государь и адмиралъ генералъ Федоръ Матвіевичъ Апраксинъ изволилъ поплить на судахъ рѣкою Москвою къ Коломинску. Числа 5 знову оттоль возвратился государь въ Москву.

6. Архимандритъ кіево-межигорскій Іродіонъ Жураковскій посвещенъ епископомъ въ Чернѣговъ.

12. Былъ государь въ ризницѣ патріаршой, гдѣ его величество и гетманъ кланялся.

13. Изволилъ отъѣхать государь зъ Москви, забѣрая маршъ въ походъ до Астраханѣ.

14. Посвѣщенъ архіепископомъ кіевскимъ отецъ Варламъ Ванатовичъ архимандритъ тихвинскій преосвященнымъ Феофаномъ Прокоповичемъ архіепископомъ псковскимъ.

20. Поставленъ архимандритомъ заиконно-спасскимъ отецъ Гедеонъ Вишневскій и ректоромъ.

21. Принесены пункта отъ гетмана государю, подованныя за отмѣтами, противъ всякого учиненными и резолюціею.

Іюнь.

4. Свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ у гетмана на квартирѣ и пожегнался съ гетманомъ.

5. Государыни цесаревны и свѣтлѣйшій князь отъѣхали до до С.-П-бурха зъ Москвы.

9. Госпожа гетманова и обозъ весь гетманскій выѣхалъ съ Москви.

10. Я зъ паномъ Столповскимъ отъѣхалъ зъ Москви калужскимъ трактомъ и ѣхалъ на Калугу, на Беліовъ, Болховъ, Карачевъ, Трубчевскъ и на Стародубъ. А оттоль

27 прибыли въ Глуховъ, куда сего жъ дня и ясне велможный господинъ гетманъ Скоропадскій прибылъ больный. По молебствіи о полтавской викторіи, въ церквѣ св. никольской отправленномъ, палено зъ пушокъ.

29. Былъ молебенъ ради тезоименитства императорского величества съ пушечною стрѣлпою, а потомъ банкетъ былъ въ домѣ гетманскомъ, токмо гетманъ ни въ церквѣ, ни при банкетѣ не присутствовалъ ради не малой своей немощи, которая що разъ болѣе умножалась.

Іюль.

1. Прибылъ въ Глуховъ полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ.

2. Сочиненъ отъ ясневелможнаго тестаментъ, на которомъ какъ самъ его велможность, такъ и господа полковникъ чернѣговскій Полуботокъ, Семенъ Савичь писарь, асаулъ Василей Жураковскій енеральные, да полковникъ лубенскій Андрей Марковичь.

3. Шестого часа пополдне ясневельможный Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ, преставился въ Глуховѣ вѣку своего—76 году, а гетманства на 14 годъ семого мѣсяца. День былъ вторникъ.

4. Тѣло гетманское церемоніално винесено зъ двора въ церковь святаго Николая.

Continuatio diarii privati.

Августъ.

22. Тарки, гдѣ просто заѣхали на дворъ князика тамошнего, зовемого Алжи Дерей Шафналѣ, которій, давши намъ первѣе авдіенцію. потомъ велѣлъ просити до фантани, на дворъ будучой, и туда висилалъ намъ своего татарского хлѣба накшталтъ-коржовъ, сира и яблокъ, а далѣ казалъ намъ же отвѣсти квартири, обѣщаючи оправити за арміею поутру. На квартиру

прислалъ возъ сѣна чрезъ своего кортана, якъ бы асаула, а потомъ знову коржами и рибою вялою обослалъ и караулъ свой на всѣ господи, где мы и казаки стояли, подавалъ, на ночь присилалъ тѣ жъ до насъ еще разовъ зъ многка зъ разными уговорами помянутого своего кормана.

23. Рано ходилисмо до Шафнала, которій еще до утра удержатись намъ совѣтовалъ, и для коней знову велѣлъ сѣна дати и корову живую на кухню намъ прислалъ, якую забивши, на всѣхъ раздѣлить велѣлисмо, а тутъ же въ Торкахъ и сей день пробавили

24. Былъ у насъ на квартирѣ прапорщикъ драгунского казанского полку Иванъ Ждановичь, въ Таркахъ для присталнихъ коней заставленный. Мы тежъ первѣе у Шафнала, томъ и у того прапорщика были. А Шафналъ обявилъ намъ, что сухимъ путемъ къ Дербенѣ проѣхать невозможно для татаръ противнихъ товлинцовъ и слимчевцовъ(?), всѣ дороги заступившихъ. Того ради казалъ намъ забиратися воднимъ путемъ до Дербенѣ на бусѣ, которимъ мѣлъ онъ же дербенскихъ аманатовъ туда отпускати, и оное судно намъ показано, але вночѣ противъ.

25 числа, когда зъ горъ великій повсталъ вѣтеръ, тое назначенное намъ судно вали на морѣ разбили, и того ради усовѣтовалисьмо послать чрезъ татарина о себѣ до его превосходителства Петра Андріевича доношеніе, къ чому и Шафналъ склонился, а намъ бы доспять возвратитися до транжаменту, и потому составилисмо мененное доношеніе и особенный до пана полковника миргородского листъ, а сами еще въ Торкахъ заночевали, гдѣ въ ночѣ, спячимъ намъ, напали нѣкоторіе татаре на часового нашого козака, хотѣли его зъ оружіемъ схватати, толко татаре, придаванные намъ одъ Шафнала на каждую ночь для караулу, когда учинили окрикъ, теды тіе вори уйшли, тутъ же заплатилемъ Дмитрашковѣ запог—зол. 7.

26. Скоро свѣтъ прислалъ къ намъ Шафналъ своего кармана, же бы одалисмо писма для отвозу, куда надлежить, которому мы вручивши пакетъ, на имя пана полковника миргородского подписанный, (въ якомъ и доношеніе свое и другое курієровъ Якима Савича Украинцова преображенского полку сал-

дата, да Ивана Микифоровича Сенатского зъ товарищи въключилисмо, такождо прапорщика, въ Таркахъ будучого, писмо до енерала Кропотова) отпустили оного, да онъ же корманъ пріѣхавши къ намъ на квартиру повторе, при проводилъ намъ же въ провожатіи къ Сулаку мурзака, зъ якимъ по обѣдѣ и віѣхалисмо всѣ зъ Тарковъ, а прибывши до помянутой рѣки Сулаку сами начали переправлятись, а мурзана оного зъ другими татарами, якихъ у той же рѣки засталисмо, одпустили, въ свояси. Переправивый за сь рѣку мало до наги... натягши, стали на ночь.

Descriptio situs marum a Scythas montanos.

Тарки, помянутое мѣстечко, есть подъ самими и между горами, отъ моря одстоитъ верстъ 7—6, въ которомъ жилища татарскія суть премногіе, всѣ зъ камеця мурованные, тилко въ мѣсто вапна глиною, и не мгивъ не на хатахъ, не на мечетахъ дахового покрову; тилко стелютъ зверху грубою глиною палѣпленою, а внутръ кладенные, довгіе, небарзо товстіе, едно одругого, якъ бы въ поллоктя, бервена, а на верхъ ихъ очеретомъ пастилано, же бы земля, зверху насипанная, непросипалась. Дворовъ въѣздныхъ болшихъ нѣтъ, але хати такъ густо, же зъ ѣдной на другую можна переступати, и, надѣятися, въ томъ мѣстечку самихъ людей, до бою способныхъ, коло—5.000, опрочь малихъ и старихъ. Шафналови будинки зъ тесаного камени, вышше всѣхъ жилищъ подъ горою, гдѣ зъ горѣ текують води преизбытніе зъ камяня, и идутъ первіе во дворъ Шафналовъ каналами до едной на дворѣ, а до другой въ избѣ приходніой чрезъ сребрную буру, фонтаню будучихъ, а оттоль на ввесь городокъ каналами и по подземлею текутъ презрочистіе води, а на каналахъ, взявши отъ шавналового двора, ажъ внизъ ко концу мѣстечка, будетъ зъ 40 млиновъ построенныхъ, барзо лотвомелючихъ. При дворѣ шафналскомъ и брата зъ тесаного каменя здѣлано въ избахъ... Нѣукого оконъ шкляныхъ нѣтъ, але у ѣдныхъ кратками подѣлано, а въ другихъ нема болшъ нѣчого, кромѣ оконницъ. Коло мѣстечка жадного валу нѣтъ, тилко Сидиръ. Оные въ вилахъ гор улицѣ въ немъ барзо маліе, заледво одною горбою проѣхать можна. Ринку до продованія и етнихъ и про-

чіихъ вещей немашъ, а тавары, якіе мѣютъ, продаютъ по дворахъ, тилко овощи—едни возятъ по улицехъ, другіе же, бы и шулъ, кто хочетъ покупать, яко то яблокъ и орѣховъ, кричатъ маліе дѣти, сидячи по хатахъ. Сами тамошніи татаре живутъ и ходятъ чирство, почеркеску, въ серветкахъ моднихъ и кажанахъ, а жони ихъ шпетни убіорѣ тако, ходятъ въ безіовихъ сорочкахъ, да въ штанахъ безпоясовъ. Хлѣба квасного у нихъ нѣтъ, бо и пекти его не умѣютъ, але идятъ корже прѣсніе, а о инныхъ ихъ исвіахъ не случалось бадатись; идятъ тож мясо и рибу, да не знать якъ готуютъ. Въ хатахъ ловокъ и сталовъ немашъ, але коверцами вислано и подушокъ з вовни досидѣнья наслано; печей немашъ; свѣтятъ жиромъ зъ туліеніовъ, собакъ морскихъ; въ мечетяхъ молятся по 3 рази въ сутки въ день и въ ночѣ; голови всѣ и бороди голятъ, и барзо суть хорошіи въ мужскомъ полу, хотя и въ женскомъ (опрочь строю) многіе найдуются негрубіе. Хлѣбъ пахаютъ пшеничній, ячмень и просо на низинахъ, способнихъ, не ободоль моря и на ниви водъ зъ горъ каналами пускаютъ, бо въ тамошнихъ сторонахъ дожчовъ барзо рѣдко, а горячести превеликіе; соли маютъ зъ озеръ, понадъморемъ будучихъ, доволно; маютъ овощей, такожъ не скудно, особливе винограду, яблокъ, кавуновъ и орѣховъ волоскихъ; а питя жадного, кромѣ чихиру, то есть вина свѣжого, не достать, бо тамошніе жители нѣ пивовъ, не меду, не квасу, а поветъ и борщу дѣлать не умѣютъ; погребища, гдѣ мертвихъ ховаютъ, неоподаль одъ мѣстечка, и одъ сѣлъ найдуются, а надъ кождомъ гробовищи у головахъ оставляютъ камень тесаный, столпомъ, бо тамъ окаменя нетрудно, кгдижъ все гори каменные, и щось на томъ каменѣ по татарску пишутъ. Тїежъ горскіе татаре великую охоту маютъ до оружія, а именно янчарки все зъ сребрними пасками держатъ, роги едни, а другіе ладовницѣ роговіе зъ ладунками такими, що тилко порохъ зъ нихъ висипается, носятъ; прочіе въ панцерахъ зъ мисюрками и карвашами при сагайдакахъ; ѣздятъ коней легкихъ и кулбаки добріе держатъ, и сами барзо чирство ходятъ; вмѣсто люлки, каліанъ курятъ якій. Подобный есть збанковѣ абуваютъ тіе каліани сребрніе, люсяндровіе, кршталовіе и деревяніе, при которихъ чубукъ сафянавый

крученый зверху неякое зеліе . . . тютюну. а въ низу вода и черезъ воду, якъ бардакъ, курятъ; тимъ трактаментомъ и гостей почтуютъ, а иныхъ трунковъ не тѣютъ; грошей тѣжъ передъ симъ у нихъ не было нижшою цѣною надъ пять копіокъ персіан неякая монета, а теперь уже копѣки, тилко мелкіе сребрніе, а не медніе берутъ, однакъ все дорого продаютъ; женъ каждіи мѣетъ разомъ, сколко хочетъ. Такихъ же обичаевъ суть и протчіе татаре горскіе, такъ императору нашому поклонившіеси яко и противніе, въ городкахъ и селахъ мѣшкаючіе. Гори зась тіе не всѣ ровніе, едно барзо висовіе, другіе молонижшіе, а заперши́ми горами инне превисокіе, видать на которихъ зимою и лѣтомъ лѣжатъ снѣги; каждая тежъ гора и наинижшая верстъ зъ три висотою будетъ, а все камянистіе. Да утихъ же татаръ много бидла рогатого, овецъ, и верблюдовъ барзѣ зоднимъ горбомъ наидуются. Зъ владѣльцовъ горскихъ, которіи монарсѣ нашому, поклонились сія суть: 1 Алдідерей Тарковскій Шафналъ; другіи салтаному жъ; третить Асламбекъ кабардинскіе князеніи, да Накпъ дербенскій, котораго императоръ и потретомъ своимъ подарилъ.

27. Рано зночлегу рушивши и мало уѣхавши, попасовали потомъ прибыли до транжаменту о обѣдней годинѣ гдѣ, у пана Ігачского и обѣдъ кушали; яжъ у его пана сотника на мѣстѣ сталъ, а панъ Тарновскій у пану хоружого полкового прилуцкого.

28. Принесли до коммендаnта Маслова чрезъ татарина листи одъ енерала адмірала и отъ габінетъ секретаря Макарова, чтобъ зжданими писмами почтарей зъ Москви, и отколь нибудь прибувшихъ не отпускалъ к арміи и писемъ самъ не пересилалъ, развѣ согласіа жъ зъ тарковскимъ Шафналомъ. Тогда жъ принесена вѣдомость, что Дербень мѣсто государю нашему поклонилось, а тавлинцовъ татаръ, которіе были на армію сторонѣ камяного мосту марширующую въ нѣсколко тысячахъ порвались живцемъ пойманныхъ болшъ—20 еднихъ повѣшано, другихъ колесовано, а старого одного Абиза на поль збито, метячись затое, же и они посланныхъ одъ государя Козаковъ зъ писмами тиранско замордовали.

29. Полковникъ Черпцовъ на флотѣ къ Аграханской заливѣ прійшовшій зъ капитаномъ морскимъ Никитою Петровичемъ Велбое былъ въ транжаментѣ на службѣ Божой у коммендапта на учтѣ ради именинъ онаго.

30. Vacat.

31. Помянутый флотъ, а именно 13 болшихъ суденъ, зовемихъ ластовихъ, а прочихъ шлюпокъ, якіе были наладовани запасами харчевими, и аммунѣціею, арматами, кулями, порохомъ, бомбами и проч., пойшолъ одъ Аграханѣ до Дербенѣ, за которымъ флотомъ и я на шлюпцѣ зъ паномъ сотникомъ Сребрянскимъ ѣздилъ, хотячи просити капитана Велбое, жебы и насъ на флотъ взялъ, лечъ онихъ не могши достигнути, возвратилемся и зъ великою нуждою заледво до транжаменту о годинъ килка въ ночь прибились.

Мцъ Септеврый.

1 числа прибылъ до транжаменту епископъ орменскій съ 15-ю человѣкъ арменъ зъ Астраханѣ водою, которій и у комендапта былъ; а комендантъ сего дни писалъ объ немъ и о насъ до арміи и послалъ писмо тое чрезъ татарина Шавкалского къ Дербенѣ.

2. Вотъ судно пришло отъ Дербенѣ до тренжаменту, на которомъ привезенъ писма квартермистръ языковъ до коммендапта Маслова одъ адмирала.

3. На тотъ же ботъ по опредѣленію коммендантскомъ и мы тако жъ почтари Украинцовъ зъ товарищи, и Іванъ Михаиловичь человѣкъ Наришкина, всѣли и пошли заливою одъ транжаменту въ которой за неспособною погодою на якорѣ ночовали.

4. Рано зъ заливи війшли на море, але за противною погодою въ путь свой ити тилко ходили Реемь, и ту сѣли противъ Терку, якорь бросивши, ночовати, гдѣ превеликіе волни на судно били и многіе з насъ барзо хоровали.

5. Заданною намъ одъ Бога поносною къ Дербенѣ погодою пойшли, и первіе минули островъ, зовемій Чеченъ, потомъ и флотъ, зъ тогожъ острову поднявшійся, подъ командою помянутого капитана Вельбое будучій, оминулисмо долеть обехали кол-

тукъ, въ которій рѣка Сулакъ впала, и шли однимъ вѣтромъ добримъ и противнимъ намъ, зовенимъ нордъ—вѣсть якій, вѣетъ между полночю и западомъ ажъ до полночи, а зъ полночи противный вѣтеръ Зіюндъ всталъ, которій не толко ѣхать, но и реіовать за превеликими волнами намъ не допустилъ, але назадъ судно погналъ, и прибилъ противъ Тарковъ, гдѣ о килко верстъ од черней, замѣривши лотомъ глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень въ глубъ.

6. И тутъ чрезъ цѣлій сей день якъ гори волни на судно наше были, отчего не тилко въ страхъ великій, но и въ болѣзнь многіе, отчаеваючись житія своего, пришлисмо барзѣ и, когда ночь наступала, коло судна зась при томъ великомъ штурмѣ многіе тулевѣ, то есть нѣбы собаки морскіе, плавали: а о полночи инный повѣявъ вѣтеръ, зовемій нордъ, а потомъ нордъ—вестъ, за которимъ заразъ, поднявши пароси гротъ и брифокъ, пойшли и до свѣта уйшли верстъ зъ 150, свѣтомъ зась,

7 Пливучи самимъ великимъ моремъ, зъ далека видѣли превисокіе усмеевскіе и тавлинскіе гори, гдѣ и деревнѣ видать было, одъ войскъ государевихъ попаленные, далей минули устіе Усмеи; и ажъ до полудня и плили доброю погодою, а по полудню почалъ утихати вѣтеръ, въ якое время минулисмо одно судно, шлюпку государеву, на которой будучіе люди сказывали намъ, же государь и вся армія рушили зъ за Дербенѣ назадъ. А когда стали уже видни намъ Дербенскіе гори, тоди весма на морѣ тихо стало такъ, что судно уже и рушитись не могло, того ради и лопатами греблись, а просто змѣрали къ Дербенѣ, за котораго на морѣ и флотъ стоялъ; еще зась и другое судно морское, т. е. далѣе моремъ отъ береговъ ишло, зовемое галіотъ, на которомъ первенствующимъ былъ Филиппъ Петровичъ Палчиковъ подмайстерій корабельный да Іванъ Даниловичь хочетъ (кочотъ) паросный, и Тихонъ Игнатьевичь Блоковъ майстери Когдажъ сближились уже къ Дербенѣ, якъ бы о 15 верстъ, то по сей сторонѣ города виставлено на берегу морскомъ бѣлое знамя, якое самъ государь, въ капорскомъ полку пѣхотномъ велѣвши взять, виставилъ противъ нашого и помянутого другого судна, приворочали къ берегу,

албо застановились: а при знамѣ випалено разъ из пушки, но понеже мы на суднѣ не знали, хто и для чого стрѣляетъ, и шли прямо къ Дербенѣ, теды повторе випалено зъ пушки кулею; з чого порозумѣвшись мѣчманъ судна нашого, же поднялъ флаки не хто инный, тилко самъ государь здесь, и началъ судно къ чернямъ керовати, а на другомъ суднѣ поспущено пароси, и послана зъ людми къ берегу шлюпка до знамя; куда зъ нашого судна жадного человѣка не взяли. А якъ прибыли шлюпкою къ берегу, теды самъ государь, тамъ при знамю будучій, приказалъ на тейже шлюпцѣ привезти зъ судна нашого московскихъ почтаровъ, которихъ и побрано, а мы на суднѣ, що разъ ближше къ чернямъ прибѣраючись, заночевали, гдѣ недалеко одъ черней государева ставка и вся армія лагеромъ стояла. Судно зась бот такій есть структори: само оно въ сажней полъ 4 должнихъ сдѣлано до 6 арматокъ, на которомъ еденъ посерединѣ, другій въ кормѣ меншій каютъ, а третый въ носу и кухня, щилно з робленные и полотномъ смоленнимъ укритіе, 4 на немъ пароси, первый гротъ, другій фокъ, третій на носу клѣфокъ и сіи всѣ суть косіи, а четвертій между фокомъ и клефокомъ брифокъ простій, ровный. Гротъ машта зовѣтся тее дерево, при которомъ паросъ гротъ, а веревка при немъ боковая диринъ фалъ, а якою тотъ же паросъ подіймаютъ гродъ фалъ; которою привязуютъ, на якую сторону надобно, веровкою зовется гротшкотъ. Боковая брифокова веревка—брифокъ брасъ, а низовіе—брифокъ шкотъ. У машти веревки лѣствичніе, по которихъ лазять матроси, зовутся ванти, другіе—блокъ тали, третіе—юнфери, кормило—руль, а желѣзо, що руль оборочаетъ, руль—пень; знакъ, що на кормѣ—флакъ; що на носу—флакъ; що на маштѣ—флюдеръ дерево, що на носу—букшкарокъ; веревка, по которой фока стягаютъ штакъ; по которой брифока—лонштакъ. Два якори, одинъ большій два зубный зъ колодою, зовомою штокъ, другій меншій дрекъ у обоихъ канати, т. е. лини, на которихъ оніе пускаются въ воду, зовутъ кабалковіе, да два дерева, якіе уставичне плаваютъ на водѣ и показуютъ, гдѣ якорь въ водѣ лежитъ, зовутся буи, а веровка, на якихъ они падаютъ на воду, буйребъ. Два з боковъ судна наштальтъ крилъ зовутся шверци, а веровки до нихъ прицеп-

ленны. Шверцъ-тали, чимъ воду въ судна виливаютъ, вососъ, на чомъ кладутъ знявши паросъ гротъ, вили гротъ и фокъ къ чому привязуются, зовутся покгони, желѣзніе, якими и все судно скрѣплено. Покровъ на болшомъ середніомъ каютѣ деревяній зовется люкъ, а полотняній брежентъ, на томъ же суднѣ найдуется, фонарь т. е. лихтарня. Компасъ, на которій смотрячи жегглютъ и въ день и въ ночѣ, шости весла, а по бокахъ стоятъ бочки зъ водою прѣсною, въ кормѣ, въ носѣ, въ каютахъ провіантовіе и прочіе запаси, на низу великіе штуки олова лежатъ, жебы судно глубше въ водѣ и шло и не такъ бы оного волни кидали; людей на томъ суднѣ боту обрѣтаючіеся матроси, лоцмани, которіе управуютъ паросами и прочіимъ, а що командуютъ судномъ въ людемъ, тотъ зовется мѣчманъ, що правитъ рулу, той есть также лоцманъ, албо кормшитъ. Вѣтри на мори принципалнѣйшіи суть чтири, полуночный зовется нордъ, всходный вестъ, полуденный зундъ, западный вестъ.

8 Числа септеврія. Скоро свѣтъ припустилисьмося съ судномъ ботомъ къ самому берегу, иже не мѣлисмо лодки, мусили бристи, порозберавшись зъ споднѣхъ убіоровъ, а, війшовши на берегъ, немедля помаршировали до лагеру, гдѣ стояла вся армія отъ моря верстей у 3, а прійшовши въ обозъ и допитавшись ставокъ адмиралской и Петра Андреевича, первіе Толстому, и адмиралу, потомъ и габинетъ секретарю Макарову вручилисмо писма, мало зась погодя, когда его императорское величество изволилъ пріити до ставки адмиралской, и, тамъ мало позабавивши, виходилъ зъ адмиральского намету, теды мы самому вручили одъ старшины енер. и полковниковъ нашихъ писаніе, которое пріймуючи одъ насъ изволилъ сіе формальніе слова сказати: вѣдаю я, что гетманъ умеръ, и, заразъ отдавши писмо наше Петру Андріевичу, самъ обратится изволилъ къ найпу Дербенскому, который близъ намету Петра Андріевича стоялъ, а зъ нымъ де що чрезъ толмача говорилъ, на остатокъ зась, того наипа по плечу рукою поплескуючи, сказалъ: управляйтеся здѣсь гораздѣ, а мы васъ не оставимъ. Tandem всѣлъ на коня вороного черкесского, одъ Шафкала тарковскаго дарованного, одъѣхалъ къ церквѣ, тамже недалеко разбитой, куда и

государыня императрица каретою пароконною пріѣхала, и началась служба Божія, гдѣ стоялъ государь между пѣвчими и самъ читалъ апостолъ. Ми зась по евангеліи отъѣхали до обозу козацкого, о полмилѣ одъ арміи стоявшого, и тамъ, вручивши пану Миргородскому писма, кушали, а по кушаню знову до арміи пріѣздили къ Петру Андреев., которій якъ первій, такъ и повторе сказалъ намъ ѣхати до Астраханѣ, и тамъ отправить декляровавъ, чого ради мы людей своихъ и компанѣйцовъ на тое жъ судно ботъ посадивши, ихъ водою одпустили, а сами до обозу козацкого возвратилисмося. Куда скоро прибыли, заразъ смеркомъ уже рушилось козацкое войско въ слѣдъ за бригадою Володимера Петровича Шереметева, и ночью, уйшовши милъ зъ двѣ, на дорозѣ спали и тамъ дождали свѣта.

Помянутому наипу дербенскому данъ отъ государя портретъ, которій у него пришпиленный имъ видѣлисмо, а государыня императрица ему жъ вчорайшого числа даровала злоцѣстый дзикгарасъ, онъ зась государю нѣсколько коней, а адмиралу и Петру Андреевичу по панцеру и по парѣ опеленбасовъ срѣбрнихъ. Дербень мѣста намъ отчасти видать было, которое лежитъ надъ самимъ моремъ, мури зъ обоихъ сторонъ начавшіеся мало не от самого верху горъ притягли къ самому морю, а между мурами поселенія, наверху зась всѣхъ будинковъ замокъ мурованный же, въ которомъ и арматъ килко десять штукъ найдуется, зъ якихъ, когда монархъ нашъ переходилъ оный городъ, стрѣляно. Въ тотъ замокъ введено президіумъ великороссійское, два баталіони жолнеровъ, и армати зъ суденъ впроважено до города. Въ городѣ зась и ихъ татарскіи жолнерѣ платніи найдуются, подобніи до турецкихъ янчаръ, да такіе жъ бубонки, талерки, якимъ брязглютъ, и игри мѣютъ, якъ турки. Овощей въ томъ городѣ премного, яблокъ, ореховъ волоскихъ, винограду и проч. есть, лѣски суть коло тогожъ города попадгожами, гдѣ барзо родится шаптали то есть бросквинъ, много и иныхъ овощей, между ими есть одинъ рожанъ, подобный яблокамъ, тилкожъ онихъ, не зваривши, ести нельзя, виноградовъ и дикихъ много, такожъ рижу не мало, и тамъ якое жъ колвекъ войску было поживленіе. Тамже дано козакамъ жалована по ко-

пѣ. Сказовали намъ нѣкоторіе въ государевомъ обозѣ, что будучи его император. величество за Дербеню (гдѣ о 15 верстъ въ Дербенѣ и транжаментъ заложивши, козаковъ 200, а великороссійскихъ 100 человѣка повелѣлъ оставити) мѣритъ самъ изволилъ ціркуломъ едну гору превисокую, зовемую Шахъ гора, якая отъ моря отстаитъ о верстъ килко десятъ, а въ висоту есть 18 верстъ и 206 сажень.

Сегожъ числа брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ з своей команды драгунами, и панъ Миргородскій зъ козаками зъ своихъ лагеровъ ночью рушили, и, увойшовши одъ стану верстъ съ семъ, якъ ишли лавами, такъ и ночевали. На стану зась мененномъ, зъ якого рушили, здѣланъ ими жъ былъ по указу государевомъ невеликій транжаментикъ, и оставлено въ ономъ козаковъ нашихъ 102 и драгунъ зъ офицеромъ 30; въ ночѣ великій всталъ ветеръ барзѣ на морѣ.

9. Рушивши государь, и вся армія зъ по Дербенѣ, и, не попасуючи въ обѣдъ, натягли одъ стану о 8 верстъ на ночь. А панъ Миргородскій, пойшовши зъ своего ночлегу, о 4 версти обѣдалъ, а о 4 ночовалъ. На обѣдніомъ стану былъ у пана Миргородскаго Бековичь.

10. Присланъ указъ одъ адмирала до пана Миргородского, жебы козаки его команды ишли ровно съ арміею отъ мори десятою линіею, а армія въ 9 линый ити расположена, и потому такъ устроено.

11. Самъ его императорское величество изволилъ быть передъ обѣдомъ у пана Миргородскаго въ намѣтѣ и горѣлку ганичковую кушалъ, которая его величеству пришла до уподобаня, и любо оной государевѣ панъ Миргородскій куфу оферовавъ, однако государь сказалъ, что нѣчимъ везти, и для того велѣлъ, когда зъ барилками зъ двору присилати, давати.

12. Когда подлугъ вишь намененного указу ишли козаки въ десятой линіи при армѣи, сего числа о полудню пришли къ тимъ мѣстамъ, гдѣ по под горами текутъ натуральніе нефти, накшталтъ діогтю, що кто хотѣлъ бралъ для шмарованія осей и колѣсъ вмѣсто смоли. Тамъ же ишли мимо тепліе води, въ кото-

рихъ многіе солдати и козаки купались, а ми только мили голови.

13. Стояли при томъ мѣстцу обозами недалеко, гдѣ на армію, еще къ Дербенѣ ишовшую, вдарили были зъ горъ Тавлинцѣ татарѣ, съ которихъ якіе тогдажъ зимани были, таможе и повѣшани; о обѣдной зась годинѣ учинилась була тривога, будто знову явились зъ горъ татаре, чого опасуючись, весь уже день ишли осторожне, козаковъ донскихъ и нашихъ виборнихъ на отводъ коммендировавше. Было сее при урочищи Унчи рѣчки.

14. Пройшовши урочище Колычи, гдѣ противъ деревнѣ Буяна вода добрая была, переправлялись чрезъ камяній мостъ на урочищи Уллучи, и, уйшовши верстъ скильканадцать, ночовали.

15. Перейшовши рѣчку Монасъ, въ которой вода добрая, натягли заледво о 2 или 3 годинѣ въ ночь къ мѣстечку владѣльца Шафкала Таркамъ и тутъ ночовали, гдѣ передомъ арміи поѣхавшихъ къ городу двоихъ трембачовъ государевихъ зарѣзали татаре, зъ которихъ поимано пять человѣкъ, и

16. тамъ же подъ Тарками казнено онихъ различно, еднимъ руки и ноги толко поперебивано, другимъ поотрубовано.

Зъ подъ Тарковъ рушила армія, а за нею уже назадѣ козаки наши надъ вечери: гдѣ когда самъ его императ. величество ѣхать изволилъ передъ арміею, подали наши старшина чолобитную о избраніи гетмана зъ вираженіемъ прошенія таковаго, якое и въ грамотѣ, чрезъ насъ присланной, написано, которую челобитную его император. величество вичитавши зնову нашимъ отдалъ, сіе слова сказавши: есть уже писмо зъ малои Россіи такое, а будетъ о томъ впредъ указъ.

17. Весь день ишли, и ажъ

18. натягла армія и государь до рѣки Сулаку, на которой два моста были, единъ на поляхъ, другій на суднахъ устроени. Козаки зась наши

19. пришли до той же рѣки, и особенно одъ арміи обозомъ стали, гдѣ стояли чрезъ

20—и 21—числа, а

22. перешли на другой бокъ той рѣки мостами; въ сихъ числехъ надъ тою жъ рѣкою в вершинѣ другой рѣчки, зовемой

Аграханъ, заложенъ городокъ земляный, и названъ городъ Святаго Креста по сей сторонѣ рѣки оной: которій городокъ самъ государь размѣралъ и заложилъ.

На семъ стану панъ Даміанъ Мазаракій, товаришъ полку прилуцкого, преставился, которого тамъ же 23—поховали чрезъ

24—и—25 числа тотъ городокъ Армецяки и козаками здѣланъ, валомъ окопанъ, и палями оставленъ; въ которій запасовъ хлѣбнихъ и военной амунѣціи зъ арматами напроважено чи мало въ транжаменту, на Аграханской заливѣ будучого.

26. Въ наметной церквѣ, въ томъ же городку розбитой, былъ молебенъ, куда государь, государыня, адмиралъ и другіе насъ енерали зъѣхавшись поздравляли воставленного тамъ подполковника полку драгунскаго Селиванова коммендантомъ, а когда зъ города государь, императрица и прочіе отъѣздили, палено зъ 7 штукъ арматъ разовъ сѣмъ и

Сего жъ числа всѣ пѣхотніе полки, такожъ и дворъ государевъ рушили одъ Сулаку къ Аграханской заливѣ всѣдать тамъ на судна для маршу моремъ до Астраханѣ.—Мы тежъ, поженавши пана Миргородскаго и всѣхъ своихъ въ обозѣ бывшихъ (зъ между которихъ оставлено въ томъ же городку 500 городовихъ, а 100 компанѣйцовъ, да 100 донцовъ подъ командою Славуя Требынскаго, сотника Ірклѣевского, зъ сотниками и другихъ полковъ) поѣхали за арміею, и ѣдучихъ насъ встрѣтилъ на дорозѣ господинъ полковникъ брегадиръ отъ кавалеріи Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ, зъ которимъ на дорозѣ разними діскурсами прі его жъ трактаментѣ годину и другую пробавили, tandem, разъѣхавшись, надъ рѣчкою Аграханю въ полѣ ночовали, обминувши армію.

Сегожъ дня въ транжаментъ на Аграханскую заливу прибылъ государь.

27. Прибылисмо до того жъ надъ море транжаменту.

28. Былъ въ транжаментѣ въ наметной церквѣ молебенъ благодарственный въ воспоминаніе баталіи и полученной надъ шведомъ подъ Лѣснимъ викторіи: а по молебнѣ випалено зъ 31 штуки арматъ, а потомъ все полки пѣхотніе бѣгучимъ огнемъ стрѣляли разъ одинъ. Кушали обѣдъ всѣ господа подъ наме-

тами у государя и гуляли ажъ до позна, а скоро смеркло, начали пущатись раціи въ гору, которихъ на килка сотъ викинено зъ звѣздами и другими огненнеми фенгателями.

В семъ походѣ которіе енерали и брегадири отъ кавалеріи и інфантеріи были, тихъ имена слѣдуютъ ниже сего.

1) Главный всей арміи и флоту коммендоръ, енералъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

4) Отъ инфантеріи енерали маіори Михайло Аѳонасьевичь Матюшкинъ. Иванъ Іліичъ Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичь Іюсуповъ князевъ князь Юрій Юріевичь Трубецкой.

3) Отъ инфантеріи жъ брегадери Василій Яковлевичь Левяшовъ, князь Иванъ Федоровичъ Борятинскій, Александръ Ивановичь Румянцовъ.

1) Отъ кавалеріи енералъ маіоръ Гаврило Семеновичь Кропотовъ.

3) Отъ кавалеріи брегадири: Володимеръ Петровичь Шереметевъ. Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ и иноземецъ ветераный.

Министри:

Князь Дмитрій Кантемиръ, господарь волоскій, Петръ Андрѣевичь Толстой, дѣйствительный тайяный совѣтникъ.

Надъ 10000 козацкаго войска наказнимъ гетманомъ былъ Даніилъ Апостолъ, полковникъ миргородскій, да при немъ цѣліи два полковники, прилуцкій Игнатъ Галакганъ, и кіевскій Антоный Танскій, а зъ прочіихъ полковъ наказніи.

Надъ 5000 донского войска атаманъ былъ Иванъ Матвѣевичь Краснощокій, да полковникъ Данило Ефремовичь.

29. Императорское величество зъ государинею императрицею и зъ всѣмъ дворомъ изволили на судна зійти и пойшолъ моремъ къ Астраханѣ за доброю погодою.

30. Бавилися мы еще въ тренжаментѣ.

Мѣсяцъ октоврый.

1. Енералъ адмиралъ и Петръ Андріевичь взойшли на судна и, когда пріѣздилъ адмиралъ противъ якового судна, зъ каждого стрѣляно и панъ Тарновскій взойшолъ на ластовое судно.

2. Я зъ паномъ сотникомъ ічанскимъ сѣли въ судна, именно на островки, въ брегадѣ господина Левашева; я зъ поручникомъ первой роти полку пѣхотного копорского иноземцемъ Гамантомъ, а панъ сотникъ зъ капитаномъ тоеиже роти Стефаномъ Алексіевичемъ Румянцовимъ, и при божіей помощи поплили на море отъ транжаменту.

3. Въ ночѣ великая была противная погода, которая многіе судна отъ флоту одорвала; мы ишли въ флотѣ томъ, що и пѣхотніе всѣ полки.

4, 5, 6, 7, 8, 9. То поноснимъ вѣтромъ, то на гребляхъ ишли.

10. Знову была противная погода. Захоровалъ братъ Іванъ.

11. Ишли поноснимъ вѣтромъ.

12. Прибыли въ Волзѣ и, нѣсколько вѣрстъ уйшовши, ночовали на березѣ.

13. Волгою за поноснимъ вѣтромъ уйшли.

14. Флотъ ввесь тотъ, въ которомъ мы ишли, и прійшолъ въ Астрахань, и зъ Волги ввойшовши въ рѣчку, прежде званую Хотомова, а теперь одъ императорскаго величества нареченную Нева, стали, а мы, зійшовши зъ суденъ, перенеслись на господу въ городъ, гдѣ и пп. Семенъ Рубецъ и Василій Биковскій, присланныи въ томъ же интересѣ зъ сенату, стояли.

15. Vacat. 16. Прибылъ адміралъ, и господинъ Толстой зъ моря ажъ теперь, поневажъ противная погода ихъ на черводіи морскіи води занесла была и за малимъ въ крайнее небезпеченство не приправила; а когда пріѣзджалъ подъ городъ адміралъ выпалено на бляковзу зъ 3 пушокъ.

17. У адмирала былъ банкетъ для имянинъ брата его графа Андрея Матвіевича Апраксина, гдѣ самъ император. величество зъ многими господами кушалъ и гулялъ доволно.

18. Былъ государь передъ обѣдомъ у адмирала jacta in hospitio vixo c... 6: nt. v. n. Ich. n. ns.

Даровалемъ хустку едвабную Стефану Алексѣевичу Румянцову 1 роти капитану полку капорского.

19. Декларована намъ одъправа.

20. Прибылъ зъ моря въ Астрахань п. Михайло Пршездзіецкій, и отъ пана Тарновского привезъ къ мнѣ писмо.

21. Губернаторъ астраханскій господинъ Артемій Петровичь Волынскій справовалъ для вчорайшихъ именинъ своихъ банкетъ въ кремлѣ; гдѣ государь зъ императрицею и всѣ господа зъ своими паніами были на кушанню, и ажъ до вечера гуляли, а о годинѣ въ ночь одправовали тамъ же въ кремлѣ передъ государемъ и протчіими свое набоженство косолбаси: а именно несли нѣякогось хлопца въ бѣлой копулѣ, небы на марахъ лежачого, всего стрѣлами поколотого, въ которомъ оніе стрѣли и ножъ въ серду стримѣлъ, за нимъ несли небы три хорогви зъ персидскихъ поясовъ, а одинъ абизъ на собѣ надъ головою неслъ щось накшталтъ бандекиму тилко зверхомъ убраное матеріами. Затимъ ишли паръ зъ 60 оныхъ косолбасовъ, которіи всѣ скакали и кричали первей тое слово *Асамъ*, *Асамъ*, уставичне между ними едни накшталтъ походней зъ нему свѣчки невеликіе несучи свѣтили, другіе въ талерки били, а третіи зъ кіями идучи скакаръ приганяли? Потомъ, передъ палацъ губернаторскій прійшовши, всѣ много барзо танцовали ажъ до поту кричали другое щось: *Акшій*, *Бакшій*, далей, подобувавши ножовъ, начали сами себѣ голови рубати, едни ножами, другіе шаблями, а третіимъ, которіи сами себѣ рубать не хотѣли, абизи тихъ нагнувши, рубали голови, зъ якихъ всѣхъ кровь барзо текла, а они безъ перечь танцовали, и когда которій помянутого накшталтъ умершаго на марахъ лежачого миналъ, то на его головою трусилъ порубанною, и кровью кропилъ. Итакъ од того порубанія многіи з нихъ, зійшовши кровю, не могли сами пойти ку домовѣ, але ажъ они жъ поведено такого засъ ихъ на божества, а раче безъ божія взяло болшъ трохъ годинъ въ ночь.

22. Взяли у Петра Андреевича одправу пану Рубцу зъ Биковскимъ ѣхать къ Москвѣ, а намъ просто на Украину; и чрезъ насъ далъ толко одъ себѣ Петръ Андреевичъ да совѣтникъ Степанъ листи до пана полковника чернѣговского и старшины енеральной, а имъ далъ писмо въ сенатъ, куда также и сотниковѣ ічанскому ѣхать указано

Ажъ сего числа панъ Тарновскій пріѣхалъ зъ моря.

23. Vacat. 24. v. m. r. f, c. m. c. nt. v. n. cz. n. nsf.

Сего жъ числа прибылъ панъ судія прилуцкій зъ моря.

25. Готовилисмо себѣ лодку.

26. Одъѣхали наши коллеги, то есть панъ Семенъ Рубецъ, сотникъ ічанскій, и Биковскій почтою въ Москвѣ.

1723 годъ.

Генварь.

6 и 7. Жестоко былъ боленъ на рецедиву горячки, на которую въ прошломъ году въ декабрѣ по возвращеніи изъ Астраханской и Дербенской дороги захоровалъ.

Февраль.

5. Прибылъ въ Глуховъ ундеръ лейтнантъ преображенского полку князь Петръ Володимировичь Волконскій зъ указомъ, чтобъ ѣхали въ Москву комиссары, бывшіе на межѣ почеповской, асаулъ войсковой енералный Василій Жураковскій и Петръ Васильевичъ съ товарищи, а протчихъ челобитчиковъ тутъ въ Глуховѣ повелѣно ему допрашовать.

6. Куплены у Василія Биковскаго шесть ложокъ сребрныхъ и шесть чарокъ срѣбрьныхъ же, въ которихъ вѣсу гривенъ двѣ безъ 2 золотниковъ, дано за оные 13 р. 16 к.

14. Пріѣхалъ въ Глуховъ наказный полковникъ стародубовскій панъ Петръ Корецкій съ прочими полчанами тамошними для допросу о межѣ почеповской, въ Глуховѣ имѣючемъ быть при присутствіи преображенского полку ундеръ-лейтенанта князя Волконскаго.

18. Принесены 3 грамоты: 1, о виправѣ въ крепости Святого Креста на Сулакъ 10000 козаковъ, 2, о виправѣ 5000 до Ладоги на каналъ, 3, о шпигонахъ.

19. Ночью проѣхалъ чрезъ Глуховъ куріеръ въ Кіевъ по архимандрита печерского.

Мартъ.

11. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ два куріера, 1 од турецкого солтана Ага Мустафа до посла турецкого, въ Москвѣ обрѣтающогось, 2 отъ французского короля. Первій съ объявле-

ніемъ войны, ежели войско посланное въ Терку не будетъ возвращено. Вторый зъ медіаціею о томъ же.

13. Привезено зъ Москвы тѣло пана Войцеховича, сотника седневского, тамъ умершого, до села Березы.

15. Въ ноче проважено отца Іоаникія Сенютовича, кіевопечерского архимандрита, подъ карауломъ къ Москвѣ, и переменено только ноччю жъ въ ратушѣ подводы, да заразъ зъ Глухова и повезенъ.

1754 году.

Для памяти повседневная записка.

Генварь.

1. Получено писмо зъ Глухова объ отставки отъ всякихъ дѣлъ Скоропадского.

2. Пріѣздилъ обозный Юркевичь и писарь Гаевскій судовый.

3. Пріѣздила Федорова Шираева зъ дочерми, а по обѣдѣ и отѣхали купно зъ вчорашними гостми.

Писалъ къ намѣстнику ичанскому Ираклію Линдашевичу о дровахъ чрезъ Д. Городиского.

Числа сего жъ зять Савичь зъ дочерю нашею Анастасіею отѣхалъ къ Левенкѣ и далѣе къ Кривцѣ.

4. Писалъ до Губчица о дѣлѣ зятнемъ и до зятя Рословцѣ Галя отѣхала, а я ночевалъ на Василіовцѣ зъ Ивашкомъ.

5. Одтоль возвратилис паки въ домъ.

Ивашко занемогъ.

6. При водосвятіи какъ стрѣляли, то Козловскому поврежденіе на лицу сдѣлалось.

7. Писалъ писма поздравительные новымъ годомъ до старшинъ генералныхъ и до протчихъ въ Глуховъ. И до полковника прилуцкого о Горленку и въ Товкачовку.

8. Писалъ же до Якубовича и до асаула компанѣйского за Лавриномъ Цяпою.

9. Оный Цяпа зъ тими писмами отправленъ въ Глуховъ. А ночью прибылъ къ намъ зъ женою Гудовичь.

10. Онъ же, отъобѣдавъ, отѣхалъ въ путь свой до Хорола на сватбу, а вечеромъ прибыли подводы зъ Товкачовки.

11. Писалъ до Копса о лѣкарствахъ для Ивашки.

12. Писалъ писма въ Товкачовку до господаря и до Петруши; да до полковника прилуцкого о дѣлѣ стороны козаковъ поднскихъ.

13. Послѣ полдня были откупщики Лобисевичь и турокъ за показанною и покухо́внымъ. Да козакъ Гарбузъ зъ синами и зъ атаманомъ Кистерскимъ.

14. Писалъ до черниця Михаила Ядрилы, чтобъ съ нимъ видѣться въ Стародубѣ 16 или 17 числъ.

15. Чубенку кушнеру стародубовскому за работу отъ подшиванъ нѣсколько одеждъ данъ рубль денегъ и ему жъ дано въ чинбу двѣ куницѣ, да чрезъ его жъ послано писмо до Ядрила; лѣкарь Копсъ пріѣхалъ и сотникъ погарскій.

16. Ѣздилъ въ Погаръ зъ женою, и Копсомъ на крестины сина его Петра.

17. Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ, и за лѣкарства даны ему два червоные.

Писалъ до писара генералного за Павломъ Соломахою, да до Скоропадского о газетахъ и мужикахъ марковскихъ и до Соломахы.

18. По утру была у насъ старая Соболевская, и я поутружъ отѣхалъ и прибылъ въ Стародубъ послѣ полдни. А вечеромъ посѣщалъ Скорупину болную и сина ей Івана.

19. По утру многіе мене посѣщали и протопопъ съ священниками. Писалъ и въ домъ къ женѣ, и посилку нѣкоторую послалъ, да отдалъ на бляшкѣ образомъ маліовать маляру костобобрскому Ѳедору Завольскому, по полдни былъ у Копса и у Искрицкого, а вечеромъ были у мене Александрова Корецкая, обозный и писарь полковые.

20. Рано отъѣхавъ зъ Стародуба, заѣздилъ зъ Копсомъ до Андреевой Миклашевской въ Нижномъ, потомъ у графа Моѵсея отъобѣдавъ въ Топалѣ, на ночь прибылъ въ Кривець.

21. Тутъ же весь день пробылъ, а Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ ми-жъ проезджались до млиновъ Савичевыхъ, на рѣкѣ Сновѣ будучихъ.

22. Снѣцару въ Кривцѣ заказалъ дубовую скрипку дѣлать, и дано ему въ задатокъ двадцять копѣекъ.

Самъ же по ранномъ обѣдѣ отѣхалъ, и провожали насъ дѣти до своего футора, називаемого Рудня, одтоль поѣхавши попасовали коней въ Ущерпѣ, откуда и писалъ до черица Ядрила о поѣздѣ своемъ въ Лотокы. А на ночлегъ прибылъ въ Удіобное позно, гдѣ и ночевали въ домѣ Плешковомъ.

23. Прибылъ на службу Божию въ Попову гору и, тамъ откушавъ, пріѣхалъ на Івановку и тутъ ночовалъ.

24. Зъ Ивановкы переѣхалъ въ Лотоки и сталъ въ своемъ дворѣ. А пополдни ѣздилъ на Пліужѣ (?) до построеннаго млина и ступника нашого.

25. Зъ попомъ Семеономъ Пригарою, и знач. товаришемъ Василемъ Озерскимъ розговоры были поутру о обидахъ, людемъ нашимъ отъ ихъ дѣлаючихся.

26. Получены писма въ покетѣ зъ разныхъ мѣстъ, изъ которыхъ сина Василя и Мироновскаго писма въ моемъ до жены писмѣ посланы къ Юркевичу, обозному полковому, для пересилки. А самъ отѣхалъ до Кургановки, и тамъ у Ивана Курганского ночовалъ.

27. Поутру оттоль отѣхалъ въ Николаевку, и тамъ отобѣдавъ, прибылъ на ночь въ Лотоки.

28. Попу лотоковскому выговоровалъ за здирства людскіе, а по обѣдѣ ѣздилъ къ млину и на Ивановку, а оттоль возвратясь, посилалъ за расскольщиками, чрезъ фарпостъ зъ свиными салами пропущенными.

29. При оныхъ салахъ бывшого пристава съ слободы Злинки Матвія и пашпортъ, у него бывшій зъ губернской смоленской канцеляріи, квитъ индукторскій, и карту сотника случановскаго пропускную при моемъ извѣстіи въ полковую стародубовскую канцелярію отправилъ и о томъ же до поруччика Сергія Тихонова въ Тимошкинъ перевозъ писалъ, и тутже былъ у мене тихъ салъ

хозяинъ Федоръ Подсевалщиковъ и капралъ форпостный. Послѣ полдня ѣздилъ въ Макаричи.

Въ писмахъ отъ сина виражено.

Въ 1-мъ, ноября отъ 17 n. s. 1746 году полученномъ: въ С.петербурхѣ декабря 2 тогожъ году началъ онъ науки 1 курсъ философическій, состоящій въ 12 частяхъ, а именно: in logica, politica, phisica, hipothetica, historia philosophiae, metaphisica. ethica, pneumatologia, theologia naturali juris divini naturali scientia, patrologia, ethico-phisica, et juris divini positivi prudentia. Proffessor Gentzke.

2, Collegium Mathematicum. Proffessor Kosius.

3. Латинскаго языка у профессора Захаріаса.

4. Гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера, а по воскресеніи имѣлъ начать юрисъ пруденцію.

Въ 2-мъ, тогожъ году, отъ 29 декабря n. s., полученномъ 14 генваря 1747 году.

Разные части философіи, такожъ и математику, и исторію juris germanici, и латинскій языкъ.

Въ 3-мъ, 1747 году, 9 января n. s., полученномъ января 18.

Всю систему философіи г. профессора Gentzke.

Такожъ и математику г. профессора Козе.

Да гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера.

Латину у проф. Захаріаса.

Въ 4-мъ, тогожъ году, марта отъ 13 n. s., полученномъ 20, v. s.

Логику и гисторію философическую, такожъ политику и jus divinum positivum выслушалъ уже у профессора Genzke.

У профессора Matheseos Козе арифтетику и первую часть геометріи въ лѣтѣ на полѣ практиковать будетъ. Латины у профессора Захаріаса отсталъ.

Въ 5-мъ тогожъ году, апр. отъ 3 n. s., полученномъ апр. 19 v. s. у профессора Genzke логику, такожъ гишторію философическую уже выслушалъ, и весь курсъ его системы философической къ пріидучему 1-му октября n. s. окончить имѣлъ.

У профессора Козе арифметику и первые части геометріи и планиметріи прошелъ, а остальную континуетъ.

У професора Дреера гисторію правъ нѣмецкихъ окончилъ, а по воскресеніи имѣлъ слушать institutiones до правъ нѣмецкихъ.

Въ 6-мъ іюня отъ 6 n. s., полученномъ іюня 26 v. s.

У проф. Genzke us naturae съ частію . . . . . въ которомъ включается tractatus de affectibus съ мѣсяца априля началъ, и скоро окончилъ.

У проф. Козе къ воинской и гражданской архитектурѣ, такожъ и наинужнѣйшей практической геометріи... геодезіи, стереометріи, тригонометріи и планиметріи collegium privatissimum.

Въ 7-мъ отъ 1 n. s. декабря, полученномъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Gentzke cursum totius philosophiae rationalis, отъ сего n. s. Михайлова дня началъ приватно новой философіи у проф. Генинга слушать логику Готтеда, Валеріевого послѣдователя, да Валеріеву политику у одного кандидата jurisprudentiae.

Языкъ французскій у академическаго шпрахмейстера, именемъ Гартана, и латину ексерцируетъ.

У проф. Козіуса оконча тригонометрію, и астрономію, имѣлъ начать географію.

Въ 8-мъ декабря отъ 7 n. s., полученомъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Genżke курсъ totius philosophiae practicae ei theoreticae, началъ у проф. Heninas слушать логику професcора лапскаго Готтеда; латинскій языкъ приватно, а французскій у академическаго шпрахмейстера ексерцитуетъ.

Притомъ сообщилъ практической геометріи и р сунковъ двѣ пробы.

Quae collegia frequentanda et quae lingua addiscenda, ac alia exercitia tractanda, hoc. patet infra

In juridica et in philosophia, quae magis sunt necessaria. In Mathesi arithmetica, geometria cum suis partibus, trigonometria, astronomia, quae spectat ad geographiam, geodesia, architectura militaris et civilis, et pars magis necessaria mechanica. In oratoria: eloquentia et poesis latinae linguae, latina, gallica, italica, praeter germanicam.

Historia generalis et particularis, geographia.

Примѣчаніе редакціи: Не смотря на такой, до неузнаваемости испорченный текстъ дневника Н. Д. Ханенка, подлинника котораго не сохранилось, редакція печатаетъ его и въ такомъ видѣ, такъ какъ онъ содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя для жизнеописанія какъ самого Н. Д. Ханенка, такъ и для характеристики современнаго ему общества.

НАКАЗЫ

МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ

1767 года

и

АКТЫ О ВЫБОРАХЪ ДЕПУТАТОВЪ

ВЪ КОММИССІЮ

СОЧИНЕНІЯ УЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II обратилась ко всему населенію тогдашней Россіи съ манифестомъ, возвѣщавшимъ о созывѣ „коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“ и заключавшимъ въ себѣ приглашеніе, адресованное по всѣмъ сословіямъ, избрать депутатовъ для участія въ работахъ той коммиссіи. Манифестъ отправленъ былъ и въ Малороссію, и выполненіе его было возложено на малороссійскую коллегію. Уже въ февралѣ 1767 года и малороссійской коллегіей, и графомъ Румянцевымъ были разосланы по всему краю предписанія о выборѣ повѣренныхъ для избранія депутатовъ, предписанія, заключавшія въ себѣ подробныя инструкціи о порядкѣ выборовъ, составленіи наказовъ для депутатовъ и т. п. Опредѣлены были и мѣста для собраній повѣренныхъ. Вся Малороссія была разбита на 15 участковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ избрать депутатовъ въ коммиссію. Выборы должны были происходить отдѣльно отъ каждаго сословія: отдѣльно отъ шляхетства, отдѣльно отъ горожанъ и отдѣльно отъ козаковъ. Въ „росписаніи, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки“, помѣчены были слѣдующіе пункты: 1) *Новгородъ*, для собранія городскихъ жителей на 4 марта; 2) *Стародубъ*, для собранія жителей стародубскаго повѣта: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 10 марта, козаковъ на 27 марта; 3) *Черниговъ*, для повѣтовъ Черниговскаго и Менскаго: горожанъ на 16 марта, шляхетства на 18 марта, козаковъ на 27 марта; 4) *Нѣжинъ*, для повѣтовъ Нѣжинскаго и

Батуринскаго: горожанъ на 23 м., шляхетства на 24 м., козаковъ на 27 м.; 5) *Глуховъ*, для глуховского повѣта: горожанъ на 2 апрѣля и шляхетства на 4 апрѣля; 6) *Гадячъ*, для горожанъ на 4 марта и козаковъ на 27 марта; 7) *Сорочинцы*, для горожанъ на 8 марта и козаковъ на 27 марта; 8) *Полтава*, для горожанъ на 13 марта и для шляхетства повѣтовъ полтавскаго, миргородскаго и гадячскаго на 15 марта; 9) *Козелецъ*, для горожанъ Козельца на 3 марта и Остра на 10 марта, шляхетства повѣтовъ козелецкаго и остерскаго на 4 марта и козаковъ тѣхъ-же повѣтовъ на 27 марта; 11) *Переяславъ*, для жителей повѣтовъ переяславскаго и золотоношскаго: горожанъ на 15 марта, шляхетства на 17 марта и козаковъ на 27 марта; 12) *Лубны*, для повѣтовъ лубенскаго и роменскаго: горожанъ на 10 марта, шляхетства на 13 марта и козаковъ на 27 марта; 13) *Прилуки*, для повѣтовъ прилуцкаго и иваницкаго: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 11 м. и козаковъ на 27 марта; 14) *Погаръ*, для горожанъ на 5 марта и шляхетства на 7 марта; Запорожская Сѣчь составила особый 15-й участокъ, хотя относительно ея не было указано время собранія повѣренныхъ для выбора депутатовъ.

Въ каждомъ такомъ собраніи и каждымъ сословіемъ отдѣльно должны были быть составлены инструкціи депутатамъ, посылаемымъ въ коммиссію, такъ называемые „наказы“, тетради или cahiers, въ которыхъ предписывалось каждому сословію изложить и свои нужды, и проектъ мѣръ для исправленія недостатковъ существующаго режима. Отъ одной Малороссіи, вслѣдствіе этого, должно было поступить въ коммиссію 34 наказа.

Изъ этихъ „наказовъ“, еще ни разу и нигдѣ не напечатанныхъ и представляющихъ громадный историческій интересъ, въ рукахъ редакціи находятся лишь немногіе, вошедшіе въ составъ извѣстнаго рукописнаго сборника „актовъ, относящихся къ исторіи составленія уложенія при Екатеринѣ II“, сборника, принадлежавшаго г. Судіенко.

Въ сборникѣ этомъ оказалось лишь 16 наказовъ: шесть отъ шляхетства, шесть отъ городовъ и четыре отъ козаковъ, сверхъ того наказъ отъ малороссійской коллегіи, данный посланному отъ нея

депутату, Натальину, мнѣніе графа Румянцева [1]), цѣлый рядъ бумагъ, относящихся къ исторіи подготовленія выборовъ и организаціи и порядковъ выборныхъ коллегій и, наконецъ, особое мнѣніе или „прошеніе малороссійскихъ депутатовъ", поданное ими по поводу рѣчи, произнесенной маршаломъ Бибиковымъ въ засѣданіи коммиссіи 9 сентября 1768 г. и заключавшей въ себѣ предписаніе депутатамъ „не упражняться ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, для чего именно коммиссія учреждена". Послѣдній документъ вмѣстѣ съ другимъ: „выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается", есть черновка, съ массою помарокъ. Лишь пять изъ документовъ сборника представляютъ собою оригиналы, всѣ остальные—копіи, снятыя съ оригиналовъ уже въ недавнее время, въ текущемъ столѣтіи.

Въ виду того значенія и важности, какія имѣютъ перечисленные документы сборника для исторіи Малороссіи XVIII в. и съ цѣлью пополнить давно уже чувствовавшійся крупный пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ нашихъ знаніяхъ о прошломъ, редакція и рѣшилась приступить къ печатанію ихъ, хотя и въ неполномъ видѣ, съ настоящаго тома „Кіевской Старины", предоставляя себѣ право посвятить вопросу о „наказахъ" спеціальную статью въ одной изъ ближайшихъ книжекъ текущаго года.

Въ своемъ изданіи документовъ сборника редакція сгруппировала ихъ слѣдующимъ образомъ: на первомъ планѣ поставлены собственно „наказы". Распредѣлены они по сословнымъ группамъ. Прежде всего наказы и прошенія *шляхетства*, а именно: 1) глуховского, 2) черниговскаго, 3) прилуцкаго, 4) переяславскаго, 5) лубенскаго, 6) полтавскаго, гадяцкаго и миргородскаго. Затѣмъ, вовторую группу вошли „наказы" *городовъ*: 1) Глухова, 2) Чернигова, 3) Погара, 4) Стародуба, 5) Полтавы и 6) Лубенъ. Въ

---

[1]) Наказъ коллегіи мнѣніе Румянцева—единственные изъ документовъ, появившіеся въ печать, первый въ 43 томѣ „Сборника русскаго историческаго общества", стр. 218 и сл., второе въ приложеніи къ книжкѣ г. Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ, 1864 г. Наказъ запорожскимъ депутатамъ напечатанъ скальковскимъ во второмъ томѣ его „Исторіи запорожской Сѣчи.

третью группу помѣщены „наказы и прошенія“ *козаковъ*: 1) черниговскихъ, 2) стародубскихъ, 3) прилуцкихъ и 4) миргородскихъ. Затѣмъ, особую группу составили: прошеніе *малороссійскихъ депутатовъ* и выписка изъ привилегій и проч. Въ заключеніе редакція намѣрена помѣстить въ особую группу рядъ документовъ относительно порядка и организаціи выборовъ и тѣхъ событій и казусовъ, которые имѣли мѣсто во время выборовъ.

I.

НАКАЗЫ и ПРОШЕНІЯ

МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

I.

1767.

Наказъ глуховского шляхетства.

Наказъ во исполненіе всевысочайшего и всемылостивѣйшего Ея Императорскаго Величества манифеста въ 766 году декабря 14 дня состоявшегось отъ шляхетства повѣту глуховского выбранному депутатомъ въ коммысію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, высокородному господину асаулу войсковому генералному, Ивану Мыхайловычу Скоропадскому.

Будучи мы въ собраніи по сылѣ того-же Ея Императорскаго Величества высочайшего манифеста и обрядовъ, общымъ совѣтомъ положыли на мѣри о первѣйшыхъ общества нашего нуждахъ и недостаткахъ въ семъ наказѣ изобразыть. А вы, такъ какъ по безпрыстрастной нашей присягы выбранній, вѣрній Ея Императорскаго Величества рабъ, усердній и ревнительній о общемъ благѣ сынъ отечества, во исполненіе Ея Императорскаго Величества воли, должны будете сей наказъ и особливо врученное къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшое наше прошеніе представить гдѣ надлежить. Нужды жъ нашы и недостаткы состоять въ ныже слѣдующыхъ пунктахъ сложеніемъ краткымъ, съ тою на васъ надеждою, что вы пры случае надобности и востребованія не упустите всѣмы потребнымы къ сему обстоятелствы пространнѣйше обяснить.

1.

Со времены благопрысоединенія Малой Россіи къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества всероссійской державѣ, всѣ благо-

получно царствовавшіе святоусопшіе государи, предкы Ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійскіе, какъ изначала Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Мыхайловичъ, такъ и послѣдующіе монархы высочайшими своимы грамотамы утвердыли и императорскымъ словомъ обѣщали, Малую Россію при всѣхъ изъ стары пожалованныхъ и утвержденныхъ правахъ, прывылегіяхъ, волностяхъ и обыкновеніяхъ свято, цѣло и ненарушно содержать и сохранять. Потому и мы ныжеподпысавшіесь, состоя въ чыслѣ протчыхъ въ другыхъ повѣтахъ жытелствующыхъ нашыхъ сотоварыщей, прыносымъ всеподданнѣйшее и всераболѣпнѣйшее наше прошеніе, дабы отечество наше, пры нынѣшнихъ премудрыхъ Ея Императорскаго Величества законоустановленіяхъ, пожалованны были подтвердытелнымъ на то отъ Ея Императорскаго Величества высокоматернымъ прывылегіемъ, отдая все то о внесеніи въ новосочыняемое уложенье, и въ чемъ есть нужное въ добавленіи и исключеніи, Ея Императорскаго Величества матернему мудрому попеченію и высочайшей воли и мылости.

2.

Во многыхъ случаяхъ предкы наши, протывъ непріятеля и въ другыхъ службахъ употребленны были, такъ и мы съ наслѣдныкы нашымы вечно служыть всероссійскому Ея Императорскаго величества престолу прысягою обовязанными находымся, и нынѣ вѣрно на собственномъ своемъ иждывеніи служымъ. Для того раболѣпно просыть Ея Императорскаго Величества Августѣйшей Императрыцы, государыни матери нашей, чтобы намъ всеподданнѣйшымъ рабомъ, шляхетству и чыновныкамъ служащымъ и отъ службы уволненнымъ, повелѣнно было учыныть именній спысокъ, въ согласіе прежнихъ договоровъ гетманскыхъ, Демяна Игнатіева Самойловыча, къ достыженію прославленія и въ чынахъ равенства, прысоедынить всемылостивѣйше повелѣлы къ россійскому дворянству и записать въ Герольдію на вѣкы дворянамы, и дозволить намъ на такомъ основаніи, какъ Россійскому дворянству, гдѣ пожелаемъ

службу имѣть и ползоватся своимы жалованнымы и купленнымы добрамы, и таково дворянства Россійскаго удостоеніе высочайшею Императорскою прывылегіею намъ и наслѣдныкамъ нашымъ взаконыть и утвердыть.

3.

Отъ 1569 году, за короля Полского второго Жыкъгмунта, когда Малороссійской, край кіевское княженіе, подъ Полскою Короною находылся, то въ данной прывылегіи съ подданныхъ по два гроша полскыхъ взымать установлено съ тѣхъ, кто имѣетъ наволоку пашенной земли. а съ тѣхъ, кто не имѣетъ землѣ, то зъ дыму по одному грошу, и то для того, чтобъ вѣдали, яко они тогда были Короны Полской подданніе. Имяннымъ же блаженнія памяти Великой Государыни Императрыцы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа 8 дня по 2-му пункту состоявшимся указомъ повелѣнно провянтъ и фуражъ на консыстентовъ производыть въ натурѣ, по расположеніямъ Полковыхъ Канцелярій, по пропорціи имуществъ, безъ перевозкы того провъянта и фуража по наставленію того указа. Но затѣмъ указомъ такова фуража перевозка зъ тягостію происходыла досель. Чего во облегченіе и уволненіе отъ долныхъ перевозокъ и тягостей въ поставкы натурою въ другіе мѣста фуража, порядочнымъ своимъ правытелствомъ, его сіятелство графъ и кавалеръ Петръ Александровычъ господинъ Румянцовъ установылъ рублевымъ окладомъ отъ всякой хаты въ годъ по рублю и по двѣ копѣйкы собырать. И хотя сей благоизобрѣтенной способъ есть полезній, но что подсусѣдкы не всѣ имѣютъ пахатную землю, а инніе болшою частію таковы, которіе нетокмо имѣнія, но и одѣянія мало что имѣютъ, и, по часто нынѣ случающымся нехлѣбородствамъ, пытаются собственно отъ насъ владѣлческымъ хлѣбомъ, то, въ разсужденіи сыхъ обстоятелствъ, сей окладъ чтобъ учрежденъ былъ зъ тяглыхъ толко людей, тѣхъ, кои пахатніе имѣютъ земли; а которіе не имѣютъ, съ такыхъ положенъ бы былъ окладъ толко по пятидесяти копѣекъ, и на ныхъ бы болѣе, какъ

зъ двыжымого, такъ и не двыжымого имѣнія нѣкаковыхъ зборовъ не збиранно, просыть Ея Императорскаго Величества помылованія.

4.

На всѣ шляхетскіе волности владѣній жылыхъ домовъ, пахатныхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ земель, хуторовъ, рѣкъ, озеръ, мелныцъ, рыболовлей и вынокурень, по грамотамъ или унѣверсаламъ, лыбо по куплямъ, тако жъ по займѣ и какъ бы кто чемъ ни владѣлъ, кромѣ такыхъ завладѣній, о которыхъ дѣла свое окончаніе прынять должны по судамъ, чтобъ вѣчно оставленны въ такомъ состояніи, какъ владѣемъ, ползуемся, и владѣть Высочайшымы двума: 7162 году блаженнія памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Мыхайловыча грамотамы и правомъ статутовымъ роздѣла 3 го въ артыкулѣ 2-мъ позволенно. И изо всѣхъ таковыхъ нашыхъ земель и промысловъ, отъ котловъ, отъ продажы горѣлкы обтомъ и порознь въ шынковыхъ домахъ, по торгамъ и ярьмонкамъ, и за все то, что въ Малой Россіи родытся, ныкакыхъ бы дачъ налагаемо не было; о томъ всемъ просыть Высочайшего Ея Императорскаго, Величества подтвержденія.

5.

Въ Бозѣ почывающій премудрій монархъ Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскый, постоевъ у чиновнычихъ, старшынскыхъ и шляхетскыхъ всѣхъ домахъ, чрезъ высочайшіе свои указы 1722 и 725 годовъ, ставыть воспятылъ. Для того и нынѣ просыть всеподданнѣйше Ея матерьняго Императорскаго мылосердія и во всемъ томъ шляхетству высокомонаршой прывылегіи, чрезъ которую совершенно возчувствуемъ нашу выгоду и покой.

6.

Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Императорскаго Величества и неусыпное попеченіе о просвѣщеніи Россійскаго юношества чрезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ. А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота выдытся, но, за отдаленностію отъ здѣшняго краю университетовъ и другымы препят-

ствующымы неудобствы, не имѣютъ къ тому способу, а инніе отсылая дѣтей своихъ въ иностранніе земли, прыходятъ въ оскудѣніе. Для того Ея Императорскаго Величества всенымайше просыть, дабы всемылостивѣйше повелѣнно было учредыть въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ унѣверсытетъ, и тотъ унѣверсытетъ Императорскымы своимы сохраныть прывылегіямы, дабы и здѣшное юношество, чрезъ просвѣщеніе въ наукахъ, могло удобнѣйше поспѣшествовать службою своею въ ползу Государственную.

7.

Въ прошломъ 1749 году, указомъ Ея Императорскаго Величества блаженнія памяти Великой Государыни Елисаветъ Петровны, велѣнно на наличное число состоящихъ въ Малой Россіи ассыгнованныхъ полковъ, производыть за натуру провянта и фуража денгамы, какіе денгы съ подданныхъ и подсусѣдковъ нашыхъ и собыраемы были, и тѣ находячіесь въ Малой Россіи ассыгнованніе полкы продоволствованны безъ всякыхъ ихъ нуждъ. Однако, по недороду въ тѣхъ годахъ и саранчею до послѣдка съиденію хлѣба, осталисъ разніе недоимкы, которіе отъ 1735 до сего годовъ взыскываются. Таковымъ-же недоимкамъ подверженніе люде многіе позмырали, посходыли и въ крайнюю прышли скудость. А всемылостивѣйшая государыня Екатерына Алексѣевна, Самодержыца Всероссійская, пры возшествіи на врученной ей отъ Бога Всероссійскій Императорскій престолъ, 762 году сентября 22 дня, указомъ по 4-му пункту начетъ казенній и другіе такіе же упущенія, ежели оніе неумышленніе, до пяти сотъ рублей прощать соизволила; а кто свыше съ казны утратылъ, то со всего взыскать въ казну треть повелѣнно. Да и въ состоявшомся по конфѣрмаціи Ея Императорскаго Величества, съ Правителствующаго Сената въ Малороссійской Коллегіи полученномъ 765 году октября 28 дня указѣ, между иннымъ предложенно, за прошліе до 764 году на всѣхъ казенныхъ мѣстахъ недосылокъ, счысляемыхъ между имы, яко казна казнѣ должныхъ суммъ, для избѣжанія излышнихъ перепысокъ, и въ разсужденіи того, что уже всѣ по тотъ 764 годъ воинскіе расходы исполненны, не чыслыть.

Для того всеподданнѣйше просыть Ея Императорскаго Величества матерьнего помылованія, чтобы всѣ запущенніе недоимкы вѣчно проіщенны и невзыскиваемы были.

8.

Зъ прывозымой въ Малую Россію съ Крыму и изъ другыхъ мѣстъ соли собырается пошлинной и потарыфной платежъ, а за тѣмъ и соль возвысылась болшою противъ прежней ценою, зачемъ обыватели, по своему убожеству, претерпѣвают въ оной скудость. Для того просыть отъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ за прывозымую въ Малую Россію соль пошлинныхъ и потарыфныхъ зборовъ не собиранно, Высочайшаго матерняго помылованія.

Въ протчемъ свѣраетъ вамъ шляхетство въ порученныхъ сыхъ дѣлахъ просыть помощы и совѣта отъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича господина Румянцова, яко объявленнаго о ползѣ всего здѣшнего народа предстателемъ.

На подлинномъ наказѣ подпысались: предводитель шляхетства повѣту Глуховского подкоморій Васілей Кочубей, коллежской ассесоръ Осыпъ Туманскій, подкоморій повѣту Роменскаго Васыль Кулябка, земскій судья повету Глуховского Сергей Дергунъ, бунчуковій товарышъ Федоръ Макковскій, бунчуковій товарышъ Иванъ Туранскій, бунчуковій товарышъ Іосыфъ Діаковскій, бунчуковій товарышъ Стефанъ Кулябка, бунчуковій товарышъ Демянъ Оболонскій, бунчуковій товарышъ Мыхайло Трусевычъ, бунчуковій товарышъ Алексѣй Сылевичъ, генералной войсковой артылеріи асаулъ Грыгорій Кологрывій, генералной войсковой артылеріи хоружій Петръ Юркевычъ, старшій войсковій канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, сотныкъ Янполскій Грыгорій Жовтобруховъ, старшій войсковій канцелярыстъ Александръ Давидовычъ, войсковій товарышъ Грыгорій Трусевычъ, возній сотнѣ Короповской Федоръ Стражевскій, войсковій товарышъ Евфымъ Фылоновычъ, въ должности секретаря Дмытрей Карпѣка, войсковій товарышъ Грыгорій Прыблуда, войсковій товарышъ Васыль Уманець, войсковій товарышъ Даныло Бутовычъ, войсковій товарышъ Прохоръ Забѣла, коморнѣкъ повѣту Глуховского

Илья Зайковскій, возній сотнѣ Кролевецкой Иванъ Зубажа, войсковій канцелярыстъ Андроныкъ Гейваровскій, значковій товарышъ Фылыпъ Уманець, значковій товарышъ Адріянъ Потапенко, возній подкоморскій повѣту Глуховского Иванъ Павловскій, значковій товарышъ Лукянъ Фылоновычъ, по его прошенію неграмотнаго также и за себе значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подпысался, значковій товарышъ Иванъ Федоровскій, значковій товарышъ Степанъ Бордаковскій, значковій товарышъ Омельянъ Госскій, хоружій сотенній нполскій Яковъ Лазаревичъ, войсковой товарышъ Дмытрій Лучнѣцкій, войсковій товарышъ Матвѣй Бордаковскій, войсковій товарышъ Иванъ Васыленко, по его прошенію неграмотнаго значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подписался, войсковій канцелярыстъ Яковъ Брагынецъ, войсковій товарышъ Федоръ Тарасовъ, бунчуковій товарышъ Петръ Забѣла, значковій товарышъ Петръ Максымовычъ, войсковій канцеляристъ Дымитрей Маковскій, пысаръ сотенній кролевецкій Иванъ Сердюковъ, асаулъ полковій Иванъ Александровычъ, генералной войсковой артылеріи пысаръ Андрей Яновскій, войсковій товарышъ Федоръ Коханѣя, войсковій товарышъ Федоръ Жуковскій, значковій товарышъ Даныло Шлякевичъ.

1767 году
Маія 21 дня.

II.

1767.

Наказъ черниговскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста декабря 14-го дня 1766 года, отъ шляхетства, въ полку черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному господину, генеральному асаулу, Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Повинуяся высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей нашеи государыни, объ избраніи отъ всѣхъ частей Богомъ ввѣренной ея имперіи депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, шляхетство, въ полку черниговкомъ имѣніемъ обязанное, избрало васъ своимъ въ ту коммиссію депутатомъ, и не сомнѣвается, по извѣстнымъ ему вашимъ достоинствамъ, что вы во всякомъ дѣлѣ, которое вамъ предложено будетъ, станете стараться, по всей возможности, споспѣшествовать государственной и отечества вашего пользѣ, и тѣмъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества удовольство пріобрящете.

Ея Величество, имѣя неусыпное о благѣ государства, ею управляемаго, попеченіе, всемилостивѣйше позволяетъ каждому уѣзду представить ей всеподданнѣйшія просьбы объ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Здѣшнее шляхетство, пріемля съ достодолжною, рабскою благодарностію и послушаніемъ матернее своей Самодержицы къ подданнымъ снисхожденіе, и находя, что правительство и обряды земли здѣшней, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ, возлагаетъ твердое упованіе, что сія великая монархиня, промышляя о благоденствіи всѣхъ вообще и каждаго особливо, неоставитъ призрѣть и на благо-присоединенный къ имперіи ея малороссійскій народъ и, основывая въ немъ добрый порядокъ, исполнить данное сему народу императорское свое слово возводить его на такую степень счастія, въ которой онъ вящую Ея Императорскаго еличества Вмилость могъ бы чувствовать. Не трудно Ея Величеству достигнуть конца сего обѣщанія. Опредѣленный ею въ Малую Россію генералъ-губернаторъ и объявленный о пользѣ жителей здѣшнихъ предстателемъ, по достаточномъ его обстоятельствъ сего края испытаніи, паче всѣхъ другихъ въ совершеніи сего великаго дѣла споспѣшествовать можетъ. Въ разсужденіи сего, шляхетство черниговского полку, некасаяся тѣхъ недостатковъ и неудобствъ, отъ направленія которыхъ зависитъ всеобщее всѣхъ

состояній народа благоденствіе, принимаетъ дерзновеніе утруждать освященную свою Государыню въ томъ, что оному нужно, и вручивъ вамъ подписанную къ Ея Императорскому Величеству челобитную, даетъ повѣренность представить нижеслѣдующіе недостатки, нужды и отягощенія:

1-е. Въ началѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ, и какову нужду имѣемъ въ поправленіи оныхъ. Разность временъ, въ которыя статутъ Великаго Княжества Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е, узаконенія, въ раздѣлѣ 1-мъ, объ особѣ государевой гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ второй (привилегіею Сигизмунда Августа, блаженной памяти Короля Польскаго, княжеству Кіевскому въ 1569 году на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ четвертый, заключающій въ себѣ законы о судахъ земскихъ и городскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить неможетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ Запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; но послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и козаковъ. 2-е. Неменьше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, нѣкоторомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ, а особливо, что касается до артикула 16-го, раздѣла одинадцатаго, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отметить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3-е Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояній народныхъ раздѣленіе. 4-е. Къ истребленію своевольства, неистовства, неправо-

судія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5-е. Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія жъ и вовсе отмѣнены установленіями, на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами, отъ Сигизмунда Августа вышепомянутою привиллегіею, здѣшнему народу предписано. 6-е. Указы, въ дополненіе и отмѣну статута такъ же послѣдовавшіе иногда предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ несогласуютъ, неисполнять, отъ верховнѣйшихъ властей повелѣнія выходили. 7-е. Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніяхъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ. 8-е. Употребленіе правъ, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали. 9-е. Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, нетокмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произращающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ. То, какъ мы не сомнѣваемся, что новое уложеніе, сочиненіе проэкта которого, съ помощію Божіею, начнется по прыбытіи депутатовъ, прозорливостію и премудростію матери отечества нашего очищено будетъ отъ всего того, что съ просвѣщенностію времени несогласуется и прежнимъ правамъ Россійскимъ въ томъ, что для тогдашняго вѣку нужно было подобное найтися могло бы, и потому будетъ еще достаточнѣе и намъ полезнѣе нежели право, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ на сеймахъ предкамъ нашимъ пожалованное и отъ всѣхъ Самодержцевъ Всероссійскихъ утвержденное,—повѣряемъ вамъ доставить Ея Императорскому Величеству все-

подданнѣйшую нашу просьбу, чтобъ мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона, присовокуплены были, оставляя намъ на вѣки всѣ отличныя выгоды и вольности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего ненарушимо пользовалися, изобразивъ оныя, для вѣчнаго храненія и исполненія, въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ, и къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной, дружбы и единодушія пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ нимъ равенство.

2-е. Къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ неимѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, разрядовъ или инныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Величества или самимъ Ея Величеству служили и служатъ, указать написать, по васвидѣтельствованію отъ Генерала-Губернатора, въ списокъ шляхетства, (сіе сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами: Игнатовичемъ, Самойловичемъ и Мазепою) и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, также съ получившими сіе достоинство отъ Королей Польскихъ и отъ Царей Всероссійскихъ, утвердить навѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3-е. До нынѣшняго времени о воспитаніи юношества весьма малое или, лучше сказать, почти никакого у насъ неупотреблено попеченія, ибо, неимѣя порядочныхъ училищъ и воспитательныхъ

домовъ, жители здѣшніе тѣ токмо, коимъ непрепятствовалъ достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктпетербургъ и Москву и въ чужіе краи; напротиву того, тѣ, которыхъ счастіе неодарило достаткомъ, отдаленностію и другими неудобствами лишенные способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ, безъ надлежащаго присмотра, въ домахъ возрастать безполезно и часто въ тягость обществу; женской полъ оставленъ былъ также безъ надлежащаго призрѣнія и ученія. Къ поправленію сего общественнаго недостатка, для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества, да соизволитъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше учредить въ Малой Россіи дворянской корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было. Особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ, жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ, основать въ приличномъ мѣстѣ университетъ или академію; а какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи, то и для нихъ, гдѣ покажется за благо, завесть особливой домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго, въ чемъ полагаемся на премудрое Ея Величества благоучрежденіе.

4-е. Шляхетство здѣшнее, имѣя охоту къ отправленію государственной службы и къ наученію дѣлу военному, хотя и вступаютъ въ полки регулярные, но часто отдаленное отъ домовъ пребываніе бываетъ имъ въ продолженіи службы помѣшательствомъ. Наше же отечество неимѣетъ другого воинства, кромѣ козаковъ, начальства надъ которыми, опредѣляемыя, по причинѣ безпорядочнаго, не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣ-

ніемъ властей, произвожденія, коснѣютъ въ однихъ чинахъ; а видя, что незаслуженные похищаютъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность. Для сего просимъ всеподданнѣйше, дабы для пользы государственной, въ умноженіи россійскаго побѣдоноснаго войска и въ оборонѣ границъ, козаки здѣшніе въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ и службѣ государевой устроены были. Сіе самое и для нихъ будетъ сходственнѣе, ибо тягостная ихъ служба, часто противу должности военнаго человѣка отправляемая, превратится въ порядочную, званію ихъ приличную и государству прочнѣйшую; а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по степенямъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества.

5 е. Чтобъ случающіеся между шляхетствомъ въ земскихъ дѣлахъ споры скорѣе, а иногда и на словахъ, разбираемы быть могли, то всеподданнѣйше просимъ позволить намъ для первой инстанціи по тяжбамъ въ земляхъ шляхетскихъ имѣть суды земскіе, въ которые судей выбирать бы намъ изъ между себя. Симъ же судамъ состоять подъ аппеляціею тѣхъ правленій, которыя Ея Императорское Величество самодержавною властію своею, для лучшаго народнаго блага, устроить соизволитъ.

6-е. Приложеннымъ при манифестѣ декабря 14 дня 1766 года. обрядомъ указано: выбрать дворянскаго предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетокмо пры нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, еслибы послѣдовали отъ верховной власти каковыя особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія. Но какъ въ томъ высочайшемъ повелѣніи неизображено, по прошествіи двухъ лѣтъ, выбирать ли новаго предводителя такихъ ради дѣлъ, то всеподданнѣйше просимъ, дабы возобновленіе, по перемѣнамъ, такова выбора намъ дозволено было; и ежели о бытіи всегда предводителя учинено будетъ соизволеніе, то чтобъ, въ случаѣ надобности дворянина для отвѣта предъ государственнымъ правленіемъ (кромѣ земскихъ дѣлъ), о высылкѣ онаго требовано было отъ предсѣдателя; равнымъ образомъ и все

званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписано бы было.

7-е. Шляхетство здѣшнее осмѣливается при семъ случаѣ представить Ея Императорскому Величеству всенижайшую о слѣдующемъ просьбу: чтобъ кромѣ тѣхъ, которые изъ высочайшей Ея Величества милости по 2-му пункту прошеній нашихъ, въ семъ наказѣ изображенныхъ, внесены будутъ въ списокъ нашего шляхетства, никому стороннему непозволено было покупать у насъ деревень, мельницъ, земли и всякаго угодія до тѣхъ поръ, пока желающій купить отъ предводителя и всего шляхетства общимъ опредѣленіемъ, по докладу Генералу-Губернатору, въ сообщество наше принятъ не будетъ; а таковы принятія, на общихъ собраніяхъ нашихъ, мы всѣ достойнымъ дворянамъ, а особливо природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ, раздавать обязаны.

8-е. Малороссійскіе Гетманы, начавъ отъ Демьяна Игнатовича, по даннымъ имъ въ договорахъ позволеніямъ, награждали за государеву въ войскѣ службу деревнями, землями, мельницами и всякими угодьями, на каковы награжденія отъ стороны государевой обнадежено давать подтвердительныя грамоты. Бѣдность получившихъ таковыя благодѣянія, а отчасти внутреннія неспокойства, чрезъ долгое время къ блаженству предковъ нашихъ препятствовавшія, были причиною, что рѣдко кто искалъ особаго Монаршаго подтвержденія. Равнымъ образомъ многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, въ давнія времена занявъ пустыя въ особенности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государства прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу; таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями подъ именемъ займищъ, такъ правами и привилегіями. Въ послѣднія времена были они подвержены разнымъ неспокойствамъ, описью многихъ въ казенное вѣдомство и насильственными отборами въ партикулярныя руки Въ отвращеніе толикихъ смятеній просимъ у Ея Императорскаго Величества

всемилостивѣйшаго утвержденія всѣхъ сихъ наданныхъ, занятыхъ и выслуженныхъ маетностей, хуторовъ, пахатныхъ земель, лѣсовъ всякаго дерева, сѣнокосовъ, мельницъ и другихъ угодій, въ вѣчномъ и наслѣдственномъ обоего пола владѣніи, за кѣмъ что нынѣ находится, исключая партикулярныя претензіи, о разсмотрѣніи и рѣшеніи которыхъ никакая привилегія силы общаго закона отнимать не долженствуетъ.

9-е. Въ прежнія времена между шляхетствомъ, козаками и другими обывателями отправлялась покупка недвижимыхъ имѣній въ разсужденіи того, что правомъ Великаго Княжества Литовскаго оставлено свободное добра своего употребленіе: въ продажу въ подарокъ, въ приданное, въ замѣну и въ закладъ. Особливо же 1734 года имяннымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны указомъ повелѣно: „ежели въ свободныхъ или владѣльческихъ маетностяхъ козакъ грунтъ свой продастъ и на ономъ самъ жить пожелаетъ, оный долженъ отдавать и чинить по пропорціи имѣнія своего всякія посполитскія повинности, а ежели мужики, продавъ грунты свои, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть будутъ, тѣ также де отдаютъ, по пропорціи имѣнія ихъ, повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданые". А хотя 1739 года, по причинѣ тогдашняго военнаго случая, для отвращенія умаленія службы козачей запрещено, до окончанія войны и будущаго соизволенія, продажею и другими сдѣлками имѣнія козачьихъ добръ присвоивать, однако, когда война окончилась, то по причинѣ послѣдовавшей вскорѣ Государыни Императрицы Анны Іоановны кончины и наставшихъ въ Россіи перемѣнъ, никакого точнѣйшаго о томъ узаконенія не послѣдовало, сверхъ того, при избраніи послѣдняго Гетмана, утверждены прежнія права и вольности, и велѣно поступать по указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ безъ нарушенія свободъ и правъ народа; то потому шляхетство покупали у козаковъ грунты, мельницы и всякія угодья, и на нѣкоторыя изъ такихъ владѣній между гетманствами даваны были подтвердительныя грамоты; надлежитъ нынѣ просить всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество

благоволили, изъ особливой матерней своей къ намъ щедроты, такія покупленныя добра, равно съ имѣніемъ шляхетскимъ, утвердить намъ во вѣчное и потомственное обоего пола владѣніе.

10-е. По таковомъ всемилостивѣйшемъ укрѣпленіи генерально въ Малой Россіи недвижимыхъ имѣній, да будетъ угодно Ея Императорскомъ Величеству указать нарочнымъ межевщикамъ и землемѣрамъ ограничить всѣ земли и угодья и для прекращенія споровъ и слѣдующихъ неспокойствъ сочинить межевыя на пергаментѣ книги; по окончаніи же того каждому помѣщику утвердить помѣстья его вѣчно и наслѣдственно, въ родъ обоего пола, Высочайшими Ея Императорскаго Величества грамотами, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, порознь изображая въ оныхъ всѣ границы, мѣру земли и всякія угодья.

11-е. Просимъ всеподданнѣйше, чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, внутренніе же промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ Крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ, въ ихъ земляхъ родящихся, товаровъ въ чужіе краи, платя въ пограничныхъ таможняхъ пошлину; а чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ не имѣлъ чинить помѣшательствъ, утверждено бъ намъ было, при сочиненіи новыхъ законовъ, особою привилеіею.

12-е. Въ часто упоминаемой, отъ Сигизмунда Августа народу здѣшнему пожалованной, привилегіи между прочимъ узаконено: „для признанія верховной королевской власти и въ изъявленіи подданства давать повинность изъ земли, гдѣ разделена, отъ волоки, а гдѣ невымѣрена отъ дыму, т. е. избы". Но нѣтъ никакого извѣстія, во всѣхъ ли мѣстахъ тогда или послѣ того въ Малой Россіи земли вымѣрены были? Во время же положенія на довольство, изъ сей стороны, нѣкоторой части войскъ Россійскихъ, консистентскія дачи расписываемы были по дворамъ и по статьямъ имущества, неописывая онаго порознь,

съ великимъ для однихъ облегченіемъ и несноснымъ для другихъ отягощеніемъ, которая поставка, отдаленная и неблаговременная провіанта и фуража въ натурѣ, или взысканіе за оные деньгами, противу положенной цѣны въ трое и больше умножили; нынѣ наложенный же вмѣсто того по рублю съ избы окладъ, также для подсусѣдковъ и другихъ жителей, земли неимѣющихъ, неуравнителенъ въ разсужденіи пахотныхъ людей; располагать же по пропорціи имущества невсегда возможно потому, что инаго и все имѣніе въ таковыхъ нищихъ людяхъ состоитъ. Въ разсужденіи сего повѣряется всеподданнѣйше просить, дабы Ея Императорское Величество соизволили указать должную отъ поселянъ подать, по окончаніи межеванія и ревизіи, расположить безъ отягощенія народа, который лишенъ будучи способовъ къ обращенію въ прибытокъ продуктовъ своихъ, провождаетъ жизнь въ скудости по землямъ, которыми они дѣйствительно пользуются, и промыслами, законами имъ дозволенными, и такова бы ревизія въ указаное время возобновляема была; шляхетскія же земли и угодья, къ дворцамъ владѣемыхъ ими маетностей издавна принадлежащія, и куплями, либо иными каковыми сдѣлками пріобрѣтенныя, по подлинному доказательству свидѣтелями и крѣпостьми, въ сходство привилегій и прежнихъ правъ до сего намъ укрѣпленныхъ, отъ всякихъ повинностей были бы свободны.

13-е. Оною-же привилегіею увольнены всѣ обыватели края здѣшняго, шляхетскіе подданные, отъ строенія крѣпостей и всякихъ государственныхъ работъ, которою свободою пользовались они и по возвращеніи Малой Россіи къ соединенію съ Россіею; въ послѣднія времена наряжали ихъ въ великомъ числѣ для строенія линій и крѣпостей, въ бывшую турецкую войну въ погонщики, для полоненія льду и для многихъ тяжелыхъ работъ; а особливо, по имянному указу 1756 года, посланы были въ армію набранные изъ посполитыхъ восемь тысячъ человѣкъ, которые, хотя по всемилостивѣйшему Императорскаго Величества соизволенію на прежнія жилища отпущены, возвратились съ великимъ въ числѣ ихъ уменьшеніемъ. При нынѣшнимъ случаѣ пріемлемъ дерзновеніе просить всеподданнѣйше, чтобъ подданные наши кромѣ узаконяемой государ-

ственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ.

14-е. Подданные наши, въ наслѣдныхъ, наданныхъ и купленныхъ вотчинахъ нашихъ живущіе, ежечастно терпятъ великія обиды отъ переходящихъ и стоящихъ Россійскихъ войскъ, не взирая на то, что отъ всѣхъ насильствъ жители края здѣшняго милосердными государей Всероссійскихъ, а особливо многими, отъ безсмертной памяти Государя Императора Петра Великаго указами, изданными и постановленными съ народомъ договорами, предохранены; и хотя таковыя благія распоряженія отъ верховныхъ правительствъ и начальниковъ, при всякомъ случаѣ, къ должному исполненію подтверждаются, а особливо отъ главнокомандующаго нынѣ Украинскою дивизіею, господина Генерала Аншефа, малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Его Сіятельства Графа Петра Александровича Румянцева, къ охраненію правленія его ввѣренной страны и къ усмиренію своевольствъ предприняты и предпринимаются всякія мудрыя мѣроположенія, но дабы они когда либо неучинились слабою народу защитою, и потому постоями обывательскихъ домовъ, безъ показанія отъ земскихъ начальствъ или владѣльцевъ, а шляхетскихъ домовъ (привилегіями и прежними, особливо же указами Государя Императора Петра Великаго отъ постоевъ увольненыхъ), отнюдь не занимали, лагерами, безъ отводу такого-жъ, не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія ненаносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ недовольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали, къ вящему и несноснѣйшему озлобленію, боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче дабы военные начальники въ городахъ и землями подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками, или наказаніями ихъ неозлобляли, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству вновь высочайше подтвердить; но какъ въ случаѣ искательства по таковымъ обидамъ, за отлучками судей и обывателей, а особливо во время перехода войскъ, жалобщикамъ вслѣдъ за командами таскаться разорительно, то все-

подданнѣйшее просимъ, чтобъ къ отвращенію всякихъ насильствъ, для скорѣйшаго сысканія виновнаго, учреждена была внутри Малой Россіи, гдѣ удобно, подъ вышшимъ судомъ и дирекціею Генерала-Губернатора, особливая Коммиссія, въ которую бы равное число членовъ изъ малороссійскихъ уроженцевъ опредѣлено было, и оные отправляли бы дѣла свои на такомъ основаніи, какъ учрежденная манифестомъ марта 13-го дня 1740 года поступала, чтобъ всѣ обыватели высшихъ и нижнихъ чиновъ отвѣтствовали и судились въ ней, а особливо дабы начальники подчиненныхъ своихъ, на коихъ произойдутъ жалобы, по требованію Коммиссіи къ суду, подъ страхомъ взысканія, высылали. А понежѣ изъ сего, по мнѣнію нашему, защищеніе маетностей и селеній нашихъ отъ обидъ еще недостаточно, потому что жители здѣшніе изъ оплошности могутъ иногда дать и самимъ обидителямъ одобрительныя свидѣтельства, то въ дополненіе просить надлежитъ, чтобъ при маршахъ полковъ были всегда изъ здѣшнихъ уроженцевъ, въ чинахъ находящихся, или дворянъ, особливые комисары для охраненія поселянъ и заплаты за всѣ, для войска взымаемыя, по добровольной цѣнѣ вещи, которые снабжены были бы полнымъ наставленіемъ, въ дачѣ коего полагаемся на благоразумное изобрѣтеніе нашего Генералъ-Губернатора.

15 е. Высочайшимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, 1763 года даннымъ, полкамъ, на довольствѣ обывателей малороссійскихъ до сего бывшимъ, и нѣкоторымъ, особливо отъ коммиссаріата дольствуемыхъ, пѣхотнымъ и коннымъ, назначены по городамъ въ Малой Россіи непремѣнныя квартиры. Таковое премудрое учрежденіе тѣмъ полезнѣе отечеству нашему было-бъ, что въ городахъ состоящія войска могутъ безъ отягощенія жителей содержать себя, покупая добровольно у торговыхъ людей всякія къ пропитанію нужныя вещи, и, по большому пространству городскихъ домовъ, могутъ вмѣщаться въ квартирахъ безъ препятствія въ домашнихъ работахъ хозяевамъ; напротивъ того, расположенныя по деревнямъ въ обыва-

тельскихъ домахъ нетолько хозяевамъ въ работахъ домовыхъ чинятъ помѣшательство, но, къ вяшему поселянъ разоренію, не имѣя гдѣ купить съѣстныхъ и другихъ припасовъ, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей. Для сего просимъ всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволили, расположить полки по однимъ городамъ, къ лучшей самихъ же мѣщанъ пользѣ, чрезъ умноженіе прибытковъ ихъ покупкою всякихъ вещей въ торгахъ.

16-е. Шляхетство нерѣдко терпитъ великую обиду и разореніе отъ того, что занимая деньги, принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на упадъ, т. е. безъ выкупа по прошествіи срока; а прежде послѣдовавшаго въ 1764 году указа къ умноженію вреда служили великіе проценты, которыми заимодавцы отягощали должниковъ; давать же съ шестью процентами не всякому приватному человѣку сходно, потому что обращеніемъ капитала своего въ торгъ или промыслы могутъ они дѣлать прибыточнѣйшее себѣ употребленіе; сверхъ того, крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ сограждaнъ нашихъ способовъ распространять, къ пользѣ государства, комерцію и промыслы. Для того всеподданнѣйше просимъ, чтобы изъ особливой Ея Императорскаго Величества Высочайшей милости, Банкъ государственный, въ Малой Россіи, для пользы общей учрежденъ былъ, на такомъ основаніи, какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ; шляхетство восчувствовало бы еще болѣе метернюю Ея Величества безприкладную щедроту, ежели бы проценты банка сего всемилостивѣйше пожалованы были въ помощь на содержаніе воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло, такъ какъ Ея Величество высочайше опредѣлили для содержанія Воспитательныхъ домовъ въ Россіи, и симъ узнало, каковое принимаетъ оно участіе во всѣхъ благодѣяніяхъ подданымъ Ея, дворянамъ россійскимъ.

Впрочемъ здѣшнее шляхетство повѣряетъ вамъ представить Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее его благодареніе за матернее о благѣ нашемъ Ея попеченіе, которое не токмо ввѣренные отъ Бога руководству Ея народы, но и самые отдаленные края съ удивленіемъ прославляютъ.

III.

1767.

Наказъ Прилуцкаго шляхетства.

Выбранному отъ шляхетства полку Прилуцкого Депутату Господину Асаулу Генеральному Ивану Михаиловичу Скоропадскому.

О Всевисочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи, изображенномъ въ изданномъ изшедшаго 1766 году декабря 14 манифестѣ, и во всей Всероссійской Имперіи, въ томъ числѣ и въ Малой Россіи, обнародованномъ, о выборѣ по приложеннымъ при томъ манифестѣ обрядамъ всякого званія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества Депутатовъ въ коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія, въ первостоличномъ Ея Императорскаго Величества городѣ Москвѣ высокоучрежденную, вы довольно извѣстны.

Во исполненіе оного Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, всего полку Прилуцкого отъ шляхетства вы таковымъ Депутатомъ выбраны, предваряя тотъ выборъ учиненною нами по обряду выбора дворянского Депутата присягою, а по выборѣ и сочиненное по образцу Депутатскому полномочіе вамъ подписали.

А какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Монархиня наша, изъ одиного своего высокоматерного и безпримѣрного ко всѣмъ вѣрноподаннымъ своимъ милосердія Всемилостивѣйше соизволила указать, зъ таковыми Депутатами всенижайшіе челобитныя, также усмотрѣнные общіе недостатки и нужды представить въ высокоупомянутой

коммиссіи, а по образцу положено Депутату дать о томъ за подписаніемъ всего собранія наказъ,—

то мы всѣниженодписавшіеся полку Прилуцкого шляхетство, учиня Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше наше челобитье, и за толь всещедрое Ея Императорскаго Величества благоутробіе и о вѣрноподанныхъ своихъ попеченіе изобразивъ, наше робское благодареніе, для подачи онаго, гдѣ надлежитъ, при семъ наказъ вамъ прилагаемъ.

Какіе же нужды и недостатки наши нами усмотрѣны, оные ниже сего по пунктамъ слѣдуетъ.

1.

При державѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Гетманъ Малороссійскій Богданъ Хмельницкій съ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, со всѣми городами, землями, селами и деревнями, Державѣ Всероссійской въ поданство вѣчно приступилъ. Чему Его Царское Величество Всемилостивѣйше соизволяя, на всѣ его, Гетмана, съ войскомъ прошенія всему народу Малороссійскому, духовнаго и мирскаго званія чинамъ и козакамъ, чрезъ статьи данные, нетолько пользоваться своими издревле пріобрѣтенными по привилегіямъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ правами и вольностями, но и бывшими во владѣніи ихъ имѣній обыкновеніями Всемилостивѣйше жъ пожаловалъ, утвердилъ.

По блаженной же Его Царского Величества кончинѣ, Высочайшіе Его Величества наслѣдники, Государи, Цари и Великіе Князи и Самодержцы Всероссійскіе, найпаче же Его Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти Великій Государь Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, также Его Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и Ея Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыня Императрица Анна Іоановна, а на послѣдокъ и

Ея Императорское Величество, блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская Елисаветъ Петровна, многими Высочайшими грамотами и публикованными въ народъ Малороссійскій печатными указами тѣ права, привилегіи, вольности и обыкновенія Высочайше подтвердить соблагоизволили.

О подтвержденіи коихъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Монархини, всеподданнѣйше просить.

2.

А какъ оные права, а имянно въ книгѣ Статутѣ содержимые, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, въ 1433 году отъ Владислава Ягелла, въ 1507 году отъ Сигизмунда Первого, въ 1569 году отъ Сигизмунда Августа, здѣшнему краю привилегіями наданные и отъ высокославныхъ Ея Императорскаго Величества предковъ въ разныхъ годахъ, яко то: въ 7162 году, а отъ Рождества Христова въ 1654 году марта 27 дня отъ Его Царского Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Богдану Хмельницкому двумя грамотами, да въ томъ же году и по 13 статьѣ емужъ, Богдану Хмельницкому, и въ 7168 году октября 17 дня Гетману Юрію Хмельницкому, а 7180 году отъ Егожъ Царского Величества, во время избранія Гетмана Самойловича, старшинамъ и всему войску, такожъ въ 1687 году іюля 29 и въ 1708 ноября 1 отъ Его Императорского Величества, блаженныя и высокославныя памяти Государя Петра Великого, Самодержца Всероссійского, а особливо въ 1709 году февраля 13 отъ Егожъ Императорскаго Величества печатными публикованными указами, въ 1711 году генваря 5 дня и въ 1717 году ноября 8 дня отъ Егожъ Императорского Величества Гетману Скоропадскому, а въ 1728 году отъ Его Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Гетману Апостолу, такожъ въ 1730 году мая 15 дня отъ Ея Императорскаго Величества, блаженныя и

вѣчно достойныя памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержцы Всероссійской, емужъ Апостолу, а въ 1749 году декабря 15 дня и въ 1750 году отъ Ея Императорскаго Величества, святоусопшія Государини Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, Высочайшими грамотами Малороссійскому народу, къ достиженію всякого правосудія, Всемилостивѣйше подтверждены, по коимъ издревле, даже до нынѣ, всѣ шляхетского званія, духовные и мирскіе чины и козаки во всѣхъ своихъ тяжбахъ въ судахъ Малороссійскихъ отъ опредѣленныхъ въ оные суда своихъ Малороссійскихъ Старшинъ судими были и росправою пользовалися и нынѣ пользуются. И для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить, дабы по означеннымъ правамъ книги статута намъ и на будущіе времена во учрежденныхъ по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится Всемилостивѣйше подтверждено было.

3.

Всѣ имѣнія недвижимые нынѣ нами владѣемые, предковскіе, жалованные и наданные, купленные, займы набытые, по предъобъявленнымъ же привилегіямъ и жалованнымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества отъ предковъ грамотамъ и статьямъ, въ согласіе правъ нашихъ, по Статуту въ роздѣлѣ третомъ въ артикулахъ: 2, 41 и 43 изображенныхъ, всеподданѣйше Ея Императорскаго Величества просить во владѣніи нашемъ пожаловать, утвердить; и чтобъ впредь, въ согласіе Статутового права и обыкновеній нашихъ, продажа и купля шляхетству съ козаками взаимно свободна была на всегда, просить Высочайшего подтвержденія, якожъ мы единственно отъ своихъ имѣній и службу Ея Императорскому Величеству отправляемъ.

4.

Въ имянной Высочайшей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государини Императрыци Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа отъ 8 состоявшейся грамотѣ къ умер-

шему Генералъ-Лейтенанту Князю Шаховскому, бывшему въ управленіи Гетманского уряду, по 5-му пункту Всемилостивѣйше повѣлено: ревизію въ Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ и подсусѣдковъ въ томъ же году учинить вновь, чтобъ обиватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены, и одни передъ другими не имѣли въ томъ тягости; а впредь по вся годы, или чрезъ нѣсколько годовъ таковуюжъ ревизію чинить.

Для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить о бытіи и впредъ въ Малой Россіи ревизіямъ такимъ порядкомъ, какъ въ вышеобъявленной Высочайшей грамотѣ показано, а нынѣ производимую по душамъ мужска и женска полу и всѣхъ нашихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній генеральную перепись чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было отставить.

5.

Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: о облегченіи Малороссійскихъ обивателей отъ собираемого нынѣ съ нихъ, не различая по имуществу, со всякой хаты, во мѣсто прежде бывшой дачи консистентской, рублевого окладу, отъ коего обыватели, а паче бѣднѣйшіе и подсусѣдки, никакихъ грунтовъ за собою неимѣющіе, чувствуютъ немалую тяжесть, и кои по скудости своей не могутъ оного отплатить, сами ихъ владѣльцы за нихъ принуждены отплачивать не упустительно; содержаніе же въ Малой Россіи указанныхъ консистентовъ на безденежномъ довольствіи имѣть, производя отъ обывателей на тѣхъ консистентовъ на самое наличное число людей и лошадей, какъ по именному Ея Императорскаго Величества, блаженной памяти Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Елисаветы Петровны о содержаніи консистентовъ въ 1749 году состоявшомся указу предписано.

6.

О расположеніи указныхъ консистентовъ на непремѣнные квартиры, дабы одни обыватели отъ утѣсненія ихъ чрезъ всегдашное тѣхъ консистентовъ въ однимъ мѣстахъ по квартирамъ стояніе мо-

гли имѣть облегченіе, Всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества благоразсмотрѣнія просить.

7.

Имянною блаженныя и вѣчнодостойнныя памяти Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссійского, Высочайшую грамотою 1721 года января 21 дня повелѣно въ Малой Россіи у заслуженныхъ особъ у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей Старшины, у Поповъ и у церковниковъ, на дворахъ ихъ, гдѣ сами живутъ консистентскихъ квартеръ неимѣть.

О подтвержденіи по тому и нынѣ всеподаннѣйше Ея Императорскаго Величества просить.

8.

О Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи содержать насъ, состоящимъ въ разныхъ Малороссійскихъ штатскихъ и военныхъ чинахъ, въ чести дворянской, всеподданнѣше просить Высочайшей на то отъ Ея Императорскаго Величества привилегіи, какъ и по статьямъ, въ 7177 году отъ Его Царского Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Малороссійскому, по 6-му, а въ 7195 отъ ихъ Царского Величества, Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и благовѣрной Государыни, Царевны и Великой Княгини Софіи Алексѣевны, по 4-му, даннымъ, заслуженныхъ въ Малой Россіи чиновъ дворянскою честію удостоено, и впредь кои заслужатъ—всѣмилостивѣйше обнадежено.

9.

Прежде сего Малороссійскій народъ свободнымъ вывозомъ изъ Турецкой земли и изъ Польши въ Малую Россію соли, яко нужнѣйшей къ препитанію человѣческому вещи, пользовался въ весьма малымъ за оную индуктовымъ платежемъ отъ воза, а по установленіи таможенъ по Польскимъ и Турецкимъ границамъ, положано съ пуда соли брать пошлины по 10 копѣекъ, отъ чего соль такъ

высшую цѣну получила, что самая пошлина противъ бывшей прежней цѣны вивозимой соли мало что недоходитъ. Сіе вывозимой соли таковою пошлиною обложеніе толь нужно обывателямъ здѣшнего краю, что всѣ вообще немалую тяжесть чувствуютъ. Для того, Ея Императорскаго Величества высокоматерняго помилованія о уменьшеніи таковой изъ вывозимой Малороссіянами соли пошлины всеподданнѣйше просить.

10.

Чтобъ свободное винокуреніе, дѣланіе всякихъ напитковъ и продажа всего того въ городахъ и мѣстечкахъ по торгамъ и ярмонкамъ, обращеніе всякого рода продуктовъ внутреннихъ во внутреніе же промыслы, для лучшей каждому шляхетству своей прибыли и необходимою къ подлежащей почину всякого службѣ себя содержанія, безпошлинны беспрепятственны были, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества на то Высочайшей просить грамоты.

Сіи наши всенижайшія прошенія имѣете, за прибытіемъ въ столицу Ея Императорскаго Величества, въ городъ Москву, гдѣ надлежитъ по силѣ манифеста, всеподданнѣйше представить. Мы же несомнѣнно надѣемся, что вы по нашей чистосердечной къ вамъ довѣренности, по которой находя мы достаточные къ сему достоинству въ васъ качества, не оставите въ семъ, яко общомъ дѣлѣ, вашего попеченія и усердія, соображая себе при всемъ томъ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества высокоматерномъ волѣ, благоразсмотрѣнію и благоволенію, которые суть начало и основаніе къ достиженію нашего всеобщого благополученія и пользы.

Всевышній же Господь да сохранитъ Ея Имераторскаго Величества дражайшое здравіе и долготу лѣтъ во всякомъ благоденствіи, да пособитъ дѣло сіе великое совершить на славу всесвятого имени Его, на прославленія премудрыя Самодержицы нашей во всѣхъ родѣхъ и концахъ земли на пользу всего отечества отъ всѣхъ сердецъ нашихъ, рабски и всеподданнѣйше желаемъ.

Предводитель Шляхетства Подсудокъ Земскій Повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ.

Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ. Подкоморій повѣту Иваницкого Григорій Горленко. Бунчуковій Товаришъ Петръ Горленко. Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко. Судія Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій. Бунчуковій Товаришъ Лаврентій Раковичъ Бунчуковій Товаришъ Андрей Мазаракій. Бунчуковій Товаришъ Захаръ Раковичъ. Бунчуковій Товаришъ Петръ Лащинскій. Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый абшитованный Иванъ Романовичъ. Подсудокъ Земскій Повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ. Судія Гродскій Иванъ Александровичъ. Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій Носенко. Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій. Полковый Асаулъ Яковъ Кисель. Полковый Хоружій Федоръ Марковскій. Полковый Хоружій Никита Умѣнъ. Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло. Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій. Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила. Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ. Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Мѣницкій. Сотникъ Жоравскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи:

Василь Шнурчевскій. Яковъ Трифоновскій. Иванъ Мазаракій. Степанъ Прокоповичъ. Александръ Стороженко. Фаддѣй Троцина. Григорій Стороженко. Антонъ Юскевичъ. Никита Шлякъ. Михайло Рожовскій. Шляхтичъ, абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій. Повѣту Прилуцкого коморникъ Иванъ Кисель.

Возные:

Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленко. Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ. Сребринскій Петро Харченко. Прилуцкій Григорій Кисель. Гродскій Яковъ Джевага. Гродскій Андрей Федоровскій. Гродскій Степанъ Самарскій. Иваницкій Михайло Плакса. Корибутовскій Антонъ Федоровичъ. Красноколядинскій Григорій Зубъ. Подкоморскій Прилуцкій Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы:

Матвѣй Севастьяновичъ. Евфимъ Маценко. Романъ Соколовскій. Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи:

Козьма Салогубъ, Андрей Куриленко, Григорій Подовскій, Максимъ Салогубъ, Михайло Марковичъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Грудницкій, Василь Федоренко, Иванъ Бѣлецкій, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Троцкій, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Коніовскій, Семенъ Британовскій, Корнѣй Шуенко, Михайло Соломаха, Корнѣй Соломаха, Во мѣсто Николая Соломахи, Степана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Саввы Голѣвца, Василія Тимошевского, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Леонтія Калембета, Кондрата Коваля, Павла Голенковскаго, Павла Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенка, неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій. Асаулъ Полковой Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенная Старшина:

Атаманъ Красноколядинскій Григорій Бѣлецкій. Атаманъ общитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ. Атаманъ Сребранскій Трофимъ Масло. Писарь Сотенный Иваницкій Федоръ Ярмаковъ.

Асаулы:

Красноколядинскій Иванъ Бѣлецкій. Корибутовскій Григорій Федоренко. Кондратъ Чеснокъ. Хоружій Корыбутовскій Дмытро Бобровскій. Хоружій Сотенный Иваницкій Федоръ Василіевъ. Гродского Прилуцкого Суда Писарь Степанъ Карпычъ. Старшый Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Петро Пятигорскій. Полковый Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

Прошеніе прилуцкаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества Высочайше именный указъ чрезъ изданный печатный манифестъ, найторжественнѣйше во всѣхъ главнѣйшія подъ солнцемъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійской Имперіи предѣлахъ обнародован-

ный, о сочиненіи проэкта нового уложенія; о выборѣ и присылкѣ въ первопрестольный Вашего Императорскаго Величества городъ Москву отъ каждаго мѣста Депутатовъ съ наставленіями и полномочіями въ прозьбахъ о нуждахъ и недостаткахъ каждаго званія вѣрноподданныхъ и о протчемъ, какъ въ томъ манифестѣ съ приложеніями обрядовъ изображено,—и мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, Малороссійского Прилуцкаго полку шляхетство, рабски и всеблагоговѣйнѣше слышать удостоились.

Отъ великаго свѣта Вашего Императорскаго Величества свѣтлѣе солнечнаго сіянія произшедшая столь безпикраднаго, столь неслыханнаго Высокомонаршаго милосердія и щедротъ заря какъ только, при самомъ прочтеніи высокоупомянутого манифеста, коснулась сердецъ насъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества рабовъ, такъ въ тоежъ самое мгновеніе всякъ чинъ и возрастъ, въ несказанное обрадованіе найчувствительнѣйшимъ образомъ пришедъ, съ восхищеніемъ духа удивились, какое Высочайшее найполезнѣйшее предпріятіе, какой при ономъ несравненный трудъ, какое найблагоутробнѣйшое попеченіе и высокоматернее снисхожденіе, даже до того, что отъ всякаго вѣрнаго своего раба нужды и недостатки чрозъ всеподданнѣйшіе Депутатовъ доклады видѣть и слышать всемилостивѣйше дозволили. А все сіе на порфироносные Вашего Императорскаго Величества высокомонаршіи рамена, со упованіемъ на единооблегчающее бремена Помазаниковъ своихъ во управленіи государственномъ Всевышняго пособствованіе воспріять соизволили.

Припадая предъ Всеавгустѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, какъ предъ священнымъ олтаремъ, разженные любовью благоговѣніемъ и повиновеніемъ, рабскіе сердца наша жремъ въ жертву всеподаннѣйшаго благодаренія нашего за толь неисповѣдимое Вашего Императорскаго Величества къ своимъ рабамъ благопризрѣніе.

Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества добродѣтели, которые самая десница Вышняго во всегосвященнѣйшеи Вашего Императорскаго Величества персонѣ насадила и укоренила, и которые непре-

станное имѣютъ упражненіе о благосостояніи любезнаго отечества, да не истяжутъ отъ насъ равнаго благодаренія: ибо величество оныхъ превосходитъ силы наши; а о равномъ воздаяніи горящее усердіе наше изъ сердечныя глубины ко Всевышнему, поколь жизни нашей, всякъ чинъ и возрастъ просить не престанетъ.

Промыслъ всесильнаго Господа, ублагословивый Всероссійскую Имперію врученіемъ Вашему Императорскому Величеству скипетра оныя, и очевидно преумудряя Вашего Императорскаго Величества къ достиженію всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя уже день отъ дня на лучшую степень благополучій возводятъ сію великую державу, да поспѣшитъ Вашему Императорскому Величеству и въ совершеніи сего предпріятаго высокаго дѣла, да сохранитъ Вашего Императорскаго Величества дражайшое здравіе подъ кровомъ крылъ своихъ до самаго позднѣйшаго вѣка и укрѣпитъ оные къ понесенію любимыхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ трудовъ на пользу отечества; славу и великолѣпіе Всероссійскяго Вашего Императорскаго Величества престола да протекутъ отъ конца до конца вселенныя; высочайшіе-же Вашего Императорскаго Величества добродѣтели родъ и родъ да восхвалятъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ во вѣки.

Повинуясь рабски Вашего Императорскаго Величества Высочайшему повелѣнію, выбрали мы отъ здѣшняго Прилуцкаго полку шляхетства депутата, генеральнаго Асаула Ивана Михайлова сына Скоропадскаго, и давъ ему надлежащее по образцу полномочіе препоручили какъ сіе наше всеподданнѣйшее челобитье, такъ и усмотрѣнныхъ нами нуждахъ и недостаткахъ нашихъ наказъ въ извѣреніе къ представленію всего того Вашего Императорскаго Величества въ первопрестольномъ городѣ Москвѣ въ правительствующемъ Сенатѣ.

Д еаемъ Вашего Императорскаго Величества найраболѣпнѣйшимъ образомъ просить, дабы какъ оный нашъ Депутатъ, Генеральный Асаулъ Скоропадскій, Всемилостивѣйше допущенъ былъ гдѣ надлежитъ къ выслушанію нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеній такъ и всѣ мы, вѣрнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы

не отторгнуты были отъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества Высокомонаршей милости Всемилостивѣйшимъ подтвержденіемъ къ содержанію насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, правамъ и обыкновеніямъ, изъ которыми народъ Малороссійскій изъ Гетманомъ своимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ высокославной Россійской Имперіи всещастливѣйше присоединенъ, а который потомъ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества предками, Всероссійскими Монархами, а на послѣдокъ и въ Бозѣ почивающею безсмертныя славы Великою Государинею Императрицею Елисаветъ Петровною, Самодержицею Всероссійскою всемилостивѣйше подтверждены. Всѣ же наши рабскіе прозьбы привергаемъ Вашего Императорскаго Величества на единое монаршое благоразсмотрѣніе и соизволеніе, вѣдая совершенно, что Великаго Императорскаго Величества премудрыя предусмотрѣнія и попеченія на одномъ томъ основаны, чтобъ вѣрныи Вашего Императорскаго Величества подданные время отъ времени въ вящое благополучіе процвѣтали, и изъ того Ваше Императорское Величество, яко мати о чадѣхъ, при благословеніи Всевышняго веселится соизволили.

Заключаемъ сіе наше рабское челобитье воспомяновеніемъ того нашего клятвеннаго предъ Богомъ Вашему Императорскому Величеству учиненного обѣщанія, что въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніяхъ за дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе въ рабской нашей службѣ ни жизни ниже самыя послѣднѣйшія крове капли щадить не имѣемъ.

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества всенижайшіе и всеподданнѣйшіе рабы:

Предводитель Шляхетства, Подсудокъ Земскій повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ, Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ, Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко, Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко, Судья Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій, Бунчуковый Товаришъ Захарій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Андрей Мазаракій, Бунчуковый Товаришъ Лаврентій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Петръ Лащинскій, Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый

абшитованный Иванъ Романовичъ, Подсудокъ Земскій повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ, Судья Гродскій Иванъ Александровичъ, Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко, Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій, Полковый Асаулъ Яковъ Кисель, Полковый Хоружій Федоръ Марковскій, Полковый Хоружій Никита Умѣнъ, Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло, Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій, Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила, Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ, Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Миницкій, Сотникъ Журавскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи: Василь Шнурчевскій, Иванъ Мазараки, Александръ Стороженко, Фадей Троцина, Никита Шлякъ, Яковъ Трифоновскій, Степанъ Прокоповичъ, Григорій Стороженко, Антонъ Юскевичъ, Михайло Рожновскій, Шляхтичъ абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій, Повѣту Прилуцкого Коморникъ Иванъ Кисель.

Возные: Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленковъ, Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ, Сребранскій Петро Харченко, Прилуцкій Григорій Кисель, Яковъ Джевала, Возный Гродскій, Андрей Федоровскій, Гродскій Стефанъ Самарскій, Иваницкій Михаило Плакса, Коребутовскій Антонъ Федоровичъ, Красноколядинскій Григорій Зубъ, Подкоморскій Прилуцкій Никита Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы: Матѳѣй Севастьяновичъ, Романъ Соколовскій, Ефимъ Мащенко, Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи: Козьма Салогубъ, Максимъ Салогубъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Груднѣцкій, Корнѣй Коніовскій, Иванъ Троцкій, Семенъ Британовскій, Михаило Соломаха, Андрей Куриленко, Михайло Маркевичъ, Иванъ Бѣлецкій, Василь Федоренко, Федоръ Григорьевъ, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Шуенко, Корнѣй Соломаха.

Вмѣсто Николая Соломахи, Стефана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Савы Голѣвця, Василя Тимошевскаго, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Павла

Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенко, неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій, Асаулъ Полковый Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенные Старшины: Атаманы: Григорій Бѣлецкій, Трофимъ Масло, абшитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ, Писаръ Федоръ Ярмаковъ, Асаулы: Иванъ Бѣлецкій, Григорій Федоренко, Кондратъ Часнокъ, Гродского Прилуцкого Суда Писаръ Степанъ Карпичь, Старшій Полковый Канцеляристъ Петро Пятигорскій.

Хоружіе: Иваницкій Федоръ Василіевъ, Корибутовскій Дмитро Бобровскій, Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

IV.

1767.

Наказъ переяславскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Ея Императорскаго Величества манифеста, декабря 14 дня 1766 году состоявшаго, полку Переясловского отъ всего шляхетства, имѣющаго въ томъ полку вотчины и помѣстья, Депутату въ Коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія Господину Полковнику Второго Компанейского полку Захарію Забѣлѣ.

Приступая со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ ко исполненію Высочаишаго отъ Ея Импeратерскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, повелѣнія, избрали мы по общему согласію. Васъ Депутатомъ ко проэкту нового уложенія, имѣя несумнѣнную надежду, что вы, какъ усердный сынъ отечества, потщитесь съ найвящшою ревностію употребить трудъ свой во всемъ томъ, что къ лучшей пользѣ и благоденствію нашему служить можетъ, и каковы нужды и отягощенія по общему нашему разсужденію нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества матернего благоутробія дозволенію къ поднесенію подъ

Высочайшее разсмотрѣніе, изъясняя по нижеслѣдующему, полагаемся на васъ, съ тѣмъ, что бы по всему тому въ достиженію высокоматерняго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія и опредѣленія учинитесь ревностнымъ попечителемъ и ходатаемъ; для чего и всеподданнѣйшее наше прошеніе къ поднесенію Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, и присемъ всемъ поручаемъ.

1.

Когда Малая Россія съ подъ области Польской благо присоединилась къ Россійской Имперіи, въ тѣ поры Высочайшими Императорскими грамотами и статьями, съ Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ поставленными, на вѣчные времена утверждено: чтобъ права и вольности Малороссійскіе при насъ пребили безъ всякого нарушенія, и то самое подтверждено после того всѣхъ святоусопшей памяти славныхъ Россійскихъ Монарховъ высочайшими грамотами, а именно въ N... И нынѣ Ея Императорское Величество Богомъ помазанная Императрица наша, всемилостивѣишая Государыня въ 763 году и послѣ, при учрежденіи Коллегіи Малороссійской въ 765 году, утвердить собственноручнымъ подписаніемъ Всемилостивѣйше изволила, чтобъ суда и расправы Молороссійскіе отправляемы были на точномъ основаніи правъ Малороссійскихъ. То просить и нынѣ Высочайшаго на тѣжъ наши права и вольности шляхетскіе, при нынѣшнемъ сочиненіи проэкта новаго уложенія, матернего призрѣнія. Но что касается до несходста и недостатковъ по первому и и второму раздѣламъ, въ книгѣ Статутѣ состоящихъ, какъ то: въ первомъ касаючогося до Высочайшей Импер. персоны, такъ и во второмъ въ недостаточномъ мѣроположеніи о службѣ нашей, которая потомужъ не имѣемъ хорошого и примѣрного нынѣшному просвѣщенному шляхетству учрежденія: то сіе, равно же и все то, что Ея Величество Высочайше изобрѣтетъ въ правахъ нашихъ за неприличное и неполезное намъ предковъ ко исправленію, на Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, съ тою несумнѣнною надеждою, какою увѣрены

мы чрезъ публикованной манифестъ, что Ея Величества матерное есть намѣреніе возвесть насъ на такую степень щастія, въ которой бы мы Высочайшую Ея Императорскаго Величества матернюю милость вящше почувствовать могли.

2.

Малороссійское шляхетство по причинѣ неимѣнія Разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ, состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчего вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностными трудами покоренные, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возъимѣло причину быть подвергаемымъ немалою частію въ явное пренебреженіе. То по сему ко укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо, чтобъ соединены быть могли съ Россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ, то всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, нашу Всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ всѣхъ тѣхъ, кои сами или предки ихъ, равно же и изъ иностранныхъ земель вышедшіе и помѣстившіесь здѣсь, въ чинахъ военныхъ и статскихъ Малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Императорскаго Величества служили и нынѣ Ея Императорскому Величеству служатъ, написано было въ списокъ шляхетской, пріемля въ сообщество съ Россійскимъ Дворянствомъ и оставляя намъ навѣки тѣ всѣ отмѣнные вольности и выгоды, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ предки наши а мы ненарушно пользовалися и пользуемся, включивъ оные и въ новосочиняемыхъ законахъ въ приличномъ мѣстѣ для вѣчного храненія; ко утвержденію между нами съ Россійскимъ Дворянствомъ совершенного единодушія и дружбы, постановленобъ намъ въ честяхъ и преимуществахъ равенство и вольность въ куплѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, такожъ въ выходѣ въ иностранные земли для службы, наукъ и життя тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы

и во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ и выгодахъ, которыми въ протчихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3.

Права и вольности Малороссійскіе, какъ о томъ и въ правѣ Малороссійскомъ книгѣ Статутѣ, раздѣлѣ третомъ артикулѣ 2-мъ и на другихъ того раздѣла мѣстахъ напечатано, заключаютъ въ своей силѣ: утверждая каждому шляхтичу въ вѣчное и потомственное наслѣдное владѣніе, а такіе угодія, какъ-то: дикіе степи распаханные и зъ давнихъ лѣтъ засыпанные плотины, населенные на ихъ слободы и хуторы зъ сѣнокосомъ для содержанія скота, которые по давнимъ займамъ, дачамъ гетманскимъ и отъ другихъ правительствъ и по предкахъ ихъ достались имъ во владѣніе спокойное, слѣдовательно какъ прежде сего, такъ и въ недавнихъ уже годахъ, любезнѣйшая тетка Ея Императорскаго Величества, свято усопшой памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, утверждая таковы владѣнія за крѣпкіе и праведные, указать соизволила выдать изъ Сената многимъ шляхетству Малороссійскому Высочайшіе грамоты, кои и даны къ вѣчному и спокойному тѣми угодіями владѣнію. И съ такихъ добръ каждый пользующійся отправляетъ воинскую и штатскую службу вѣрно и усердно, неполучая никакого жалованья; и сія служба, какъ въ старые года, такъ и въ бывшую Турецкую войну, принята была со удовольствомъ отъ Ея Императорскаго Величества свято усопшой памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, какъ явствуетъ съ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, состоявшихся въ 1739 и 1740-мъ годахъ. То Ея Императорское Величество просить всенижашей, чтобъ таковые, какъ вышезначитъ, владѣнія (яко оные до сего подвергаемы были разнымъ насильнымъ отборамъ, такъ въ описи въ вѣдомство казенное, яко и въ другіе сильные руки подъ разными протекстами) отнынѣ къ вѣчному и на потомные времена содержаніи укрѣплены былы во своей силѣ безъ изъятія, исключая партикулярные претензіи, каковы имѣютъ принять свое рѣшеніе безъ всякого препятствія по законамъ.

4.

Ничто въ жизни для честного шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющое въ человѣкѣ цѣлость его собственного благоденствія и пользы Государственной. Сему основанію послѣдуя, Малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разные отдаленные науки, какъ то въ университетъ Московскій, у Санктпетербургъ, а другіе посылаютъ въ чужіе далекіе государства, и достигая наукъ, минаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы съ многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и любви къ совершенству разума. На сію степень о возведеніи вѣрноподданныхъ своихъ Ея Императорское Величество, яко премудрая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, Всемилостивѣйше соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завесть училища и учредить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ; а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для всеподданнѣйшаго просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать насъ Высочайшею милостію въ учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ Малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переясловлѣ, яко сей городъ не последній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское княженіе и совершилось въ немъ первоначальное Гетмана Богдана Хмельницкого съ Малою Россіею подданство подъ самодержавіе Россійское, которое тогда и посвящено первѣйшою присягою на вѣрность Всероссійскимъ Монархамъ въ семъ же городѣ Переясловлѣ.—или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ, Его Сіятельствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ. Сіе Высочайше благопризрѣніе имѣетъ служить къ безсмертной славѣ и всеподданнѣйшей

благодарности нашей и потомствъ нашихъ Ея Императорскому Величеству, отечествужъ Россійскому къ приращенію истинной пользы и чести. Не меньше того полезно быть имѣтъ здѣшнему шляхетству, ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ Шляхотскій, особо и домъ воспитательный для благородныхъ дѣвицъ на коштѣ вышеписанномъ казенномъ, въ чемъ полагаемся на прежнее благоутробіе Ея Императорскаго Величества.

5.

Обыватели полку здѣшнего и подданные шляхетскіе, по именному Ея Императорскаго Величества святоусопшей памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году состоявшомусь указу, производили провіантъ и фуражъ на консистентовъ въ натурѣ по расположеніямъ Полковой Канцеляріи на каждого по пропорціи его имущества. А нынѣ отъ Коллегіи Малороссійской, въ разсужденіи облегченія и увольненія отъ дальнихъ повозокъ фуража обывателей, обложены рублевымъ окладомъ и взымается отъ каждой избы безъ разбору съ бѣдныхъ и имущественнѣйшихъ, съ подсусѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и тѣхъ, кои сойшли въ безъизвѣстные мѣста, почему выходитъ платить и больше рубля остальнымъ. И тако сія подать состоитъ съ крайнимъ отягощеніемъ здѣшнимъ обывателямъ, которые противу нѣкоторыхъ полковъ здѣшнихъ сравнится въ имуществѣ вовся не могутъ, потому что здѣшній полкъ имѣетъ свое поселеніе по большой части на такихъ земляхъ, которые суть высокіе твердѣйшіе другихъ, и орутся плугомъ сопряженнымъ въ восьми воловъ, и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по четыре и по шести, а иногда и по осьми, а въ другихъ полкахъ исключая тотъ только хозяинъ плуга,—что по тамошнему нарѣчію называется сохою—не имѣетъ, у кого нѣтъ лошади, что весьма и сыскаться рѣдко можетъ, и такъ тамошній каждый хозяинъ въ своемъ хлѣбопашествѣ имѣетъ тотъ самый успѣхъ, что здѣсь восемъ человѣкъ, сопрягаясь на одинъ плугъ каждый по волу да ониже имѣютъ и другіе продукты. По-

чему самая справедливость доказуетъ, сколь весьма много несравняется здѣшнее хлѣбопашество противъ тамощнего, и здѣшніе обыватели суть весьма бѣдные предъ тамошними; скотъ хотя плодится, но часто отъемлется бываемымъ въ краткихъ временахъ надежемъ: хлѣбъ, когда родится, идетъ весьма дешевою въ продажѣ цѣною, и такъ что хозяинъ, продавши весь сколько припишетъ въ годъ, неможетъ себе съ своею семьею пріодѣть, ибо здѣсь портовъ никакихъ нѣтъ, и далекость мѣстъ неподаетъ способу къ повозкѣ оного въ тѣ мѣста, гдѣ превосходною цѣною продается; словомъ сказать крайняя состоитъ нужда и трудность въ пріобрѣтеніи денегъ. Того для всеподданнѣйше проситъ Ея Императорское Величество, что тотъ рублевой окладъ, на здѣшнихъ обывателяхъ состоящій; Всемилостивѣйше повелѣно было убавить въ такую пропорцію, какъ о томъ Высочайшими предками Ея Императорскаго Величества установлено подать консинстенскую, а особливо изъ того окладу исключить, какъ и прежде было, тѣхъ людей, кои суть наемные; и неимѣя у себе никакого хлѣбопашества и промыслу, живутъ въ хатахъ владѣльческихъ на собственномъ владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи, ибо имъ того окладу заплатить вовсе несъчего.

6.

Свято-славныя памяти Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, имѣя къ здѣшнему народу матернее благопризрѣніе, въ пресѣченіе приключаемыхъ отъ регулярныхъ войскъ обидъ и разореній Всемилостивѣйше соизволила учредить въ Глуховѣ Военную Коммиссію, опредѣля въ оную равное число какъ Великороссійскимъ такъ Малороссійскихъ персонъ съ такою властію, чтобъ на кого послѣдуютъ въ обидахъ жалобы, то бы всѣхъ оныхъ, гдѣ бы они въ командахъ не были, присылаемо было въ тотъ судъ, гдѣ поступать велѣно, наблюдать строгость правосудія, по законамъ безъ всякаго лицепріятія. Почему Малороссійскіе обыватели избавлены были отъ приключенія имъ несносныхъ обидъ и разореній. Но послѣ того, какъ не стало той Коммиссіи, то тѣ обиды паки умножатся начались, и многіе не только обыватели, но и стар-

шины, отъ преходящихъ регулярныхъ войскъ претерпѣли крайніе обиды, ругательства и забойства, отъ чего лишились здравія, а иные безвременно жизни. Но какъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Малороссію Губернаторомъ Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, то мудрыми его мѣроположеніями и строгостью правосудія хотя таковые самовольства, служащіе здѣшнего народа разоренію, и пресѣкаются, однако сіе подвержено есть случаю перемѣненія. Для того всеподданнѣйше просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать — учредить посреди Малой Россіи подъ вѣдомствомъ Губернаторскимъ Военную Коммиссію на таковомъ точномъ основаніи, какъ оная учреждена была по вышеизображенному имянному указу въ 740 году. Такова Ея Императорскаго Величества Высочайшая милость и матернее благопризрѣніе избавитъ насъ отъ крайнихъ обидъ и разореній къ подкрѣпленію силъ и ревности нашей, какову въ потомные вѣчные времена заключили мы въ сердцахъ нашихъ къ вѣрной Ея Императорскаго Величества службѣ и вѣрноподданическому послушанію.

7.

Въ обрядѣ, при Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества манифестѣ приложенномъ, указано выбрать Дворянскаго Предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетолько при нынѣшнемъ выборѣ Депутата, но и при случаяхъ, еслибъ послѣдовали отъ Верховной Власти каковые особые повелѣнія, принадлежащіе до общаго дворянъ разсужденія, а чтобъ по прошествіи тѣхъ двухъ лѣтъ выбрать нового Предводителя для таковыхъ дѣлъ, того не доложено. Для того всеподданнѣйше просить: дабы дозволено было намъ возобновленіе такова выбору, и ежели тakовое дозволеніе изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости учинится, то бы въ случае надобности для дворянина отвѣту предъ государевымъ правительствомъ (кромѣ земскихъ дѣлъ) требовано отъ Предводителя о высылкѣ оного; равнымъ образомъ и все званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписанно бъ

было; и ежели бы послѣдовали отъ кого изъ дворянства продажа деревень, мельницъ, футоровъ и протчихъ угодій, то бы никто сторонній къ покупкѣ допущенъ небылъ, докелѣ получитъ отъ Предводителя и всего Дворянства общимъ опредѣленіемъ за докладомъ Генералу Губернатору въ сообщество принятіе, каково найпаче обовязаны мы раздавать достойнымъ дворянамъ и природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ.

8.

Правамъ здѣшнимъ не противно и обычай Малороссійскій состоитъ въ томъ, что самое и Высочайшимъ имяннымъ святоусопшой памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, указомъ 1734 году утверждено, чтобъ продажа и купля козачихъ грунтовъ въ свободности состояла, и ежели козакъ, продавъ свой грунтъ, будетъ паки жить на ономъ, то бы отдавалъ повинность владѣльцы. А въ 739 году такова купля для военнаго времени до будущаго о томъ Высочайшаго самогоизволенія пресѣчени. Когда же святославныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать Гетманомъ Его Сіятельство Графа Кирила Григоріевича Разумовского, въ тѣ поры своею Императорскою грамотою Всемилостивѣйше подтвердить соизволила, возобновляя права, вольности и Малороссійскіе обычаи, съ подтвержденіемъ поступать по онымъ безъ всякого нарушенія. И такъ силою сей Высочайшей грамоты, оной Господинъ Гетманъ куплю козачихъ грунтовъ рѣшилъ свободною, съ тѣмъ только огражденіемъ: въ случаѣ нужды козачей, малою частію грунтовъ ихъ купить, а не совсѣмъ искупить, невозбранно было. Почему нѣкоторые владѣльцы и старшины, таковы частями небольшими козачихъ грунтовъ скупли не самовольно нижде тайнымъ образомъ, но законно, и учинили. Того для просить Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшую Государыню нашу пожаловать насъ Высочайшею матернею милостію своею: чтобъ таковые купленные грунты и угодія оставлены были при тѣхъ, кто купилъ, въ

ихъ потомственномъ обоего пола владѣніи и утвердить на вѣчные времена въ числѣ прочихъ шляхетскихъ угодій Высочайшими грамотами. А впредъ каковъ на то Высочайше поставленъ будетъ законъ, мы оной свято хранить и исполнять долженствуемъ.

9.

Просить всеподданѣйше, чтобъ здѣшнему шляхетству винное куреніе въ собственномъ имѣніи, дѣланіе всякихъ напитковъ, въ селахъ, деревняхъ. хуторахъ нашихъ шинкованіе всего того и продажа обтомъ, такожъ обращеніе всякого рода внутреннихъ продуктовъ свободны были безпошлинно на вѣки. Притомъ же сколь есть нужда здѣшнему краю вывозка соли съ Крыму, а особливо надобность необходимая въ отгонѣ скота, лошадей, здѣсь (?) продукта, въ чужіе краи, то чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ, кромѣ одной заплаты пошлины, не чинилъ помешательства, и утверждено бъ намъ было при сочиненіи новыхъ законовъ особою привилегіею.

10.

Видя мы, что дворянство Россійское имѣетъ хорошіи выгоды полученіемъ въ займы отъ учрежденія Государственныхъ Банковъ на необходимые свои нужды денегъ, а Малороссійское шляхетство, за неимѣніемъ онаго, впадаютъ подъ часъ такой нужды своей въ партикулярные долги подъ обязательство, какое кредиторъ взять захочетъ, и тако лишаются имущества своего и приходятъ въ крайное разореніе, то сколь таково учрежденіе банка есть весьма полезное шляхетству и для казны государственной небезприбыточное приращеніе процента, тако всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество: да будетъ угодно учредить въ Малой Россіи казенной для шляхетства банкъ, отъ чего бы здѣшнее шляхетство ту пользу могло получать, какову имѣютъ протчіе Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные, и тѣмъ моглибъ подкрѣплять себя въ случае нуждъ отъ слѣдующаго имъ крайнаго разоренія.

11.

Отводъ квартиръ въ домахъ шляхетскихъ есть главнымъ основаніемъ ко приьеденію ихъ въ крайное изнуреніе и несостояніе къ

службѣ Ея Императорскаго Величества, отчего въ городѣ Переясловлѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайное опустѣніе: ибо сей городъ, будучи пограничнымъ, терпитъ непремѣнные постои, якo тe генералитета, карабинерныхъ, инженерныхъ и артилерійскихъ и таможенныхъ командъ. А по указу блаженныя памяти Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, въ ... году состоявшомусь, таковые домы отъ постовъ исключены. Того для всеподданнѣйше просить матерняго отъ Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія на здѣшное пограничного города Переясловля шляхетство, угнетенное и приведенное прежними военными обращеніи и пожарными случаи къ немалой бѣдности, чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было домовъ ихъ въ постои не отводить.

V.

1767.

1) Прошеніе лубенскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Імператрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бъют челомъ малороссіиского Лубенского полку полковникъ Іванъ Петровъ сынъ Кулябка, земскіе урядники, Бунчуковые товарыщи, полъковая старшина, сотничеи, воисковые и зъначковые товарыщи и протчие оного полку чиновники и шляхетство; а въ чемъ наше прошение, тому слѣдуютъ пункты.

Ваше Імператорское Всепресвѣтлѣйшее Величество от 14 декабря 766 году всевысочаишимъ манифестомъ обнародовать соізволили, что выбранные съ высокославнои Вашего Величества Імпоріи для сочинения проекта новаго Уложенія депутаты созываются нетолко для того, чтобъ выслушать от нихъ нужды і недостатки каждого мѣста,

но і допущены они быть имѣютъ въ комисию о сочинениі упомянутого проекта. Таковое Вашего Імператорскаго Величества матернее милосердие есть руководствомъ того дерзновения, съ которымъ мы всеподданѣйшие Вашего Імператорскаго Величества раби, приемлемъ трудить Всевысочаишую Вашего Імператорскаго Величества особу въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ:

1.

По дѣламъ бывшои Генералной Воисковои канцеляриі точніе о сочинениі ревизиі о козакахъ, посполитыхъ и подсусѣдкахъ имѣются Указы, яко то первои імяннои Высочайшеи за собственноручнымъ подписаниемъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Государыни Імператрицы Анны Іоанновны самодержицы Всероссіискои 1734 года августа 8 въ девятнадцати пунктахъ состоявшеися указъ, по 5 пункту велѣно ревизию в Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ подсусѣтковъ в томъ годѣ учинить, чтоб обыватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены и одни пред другими неимѣли тягости, і въ пред по вси годы или чрезъ несколко лѣтъ таковую жъ ревизию сочинить, въ томъ поступить по здешнему состоянию, смотря по переходамъ здешнихъ жителей; вторый Правителствующаго Сената 1746 года марта 5 дня указъ, чтобы повелѣнные росписаниі на консистенты чинены изъ справедливымъ уравнениемъ по пропорціи имуществъ обывателскихъ и по числу хатъ.

2.

По тѣмъ и протчимъ указамъ въ Малой Россіи от давныхъ лѣтъ ревизиі писались по дворамъ и хатамъ и посполитые люди записываны по пропорциі имущества по дворамъ и хатам и раздѣлялись на пять статей, то есть мочно грунтовую, среднегрунтовую, малогрунтовую, нищетную и краинне нищетную; а подсуседки, нычего у себя грунтовъ неимѣющие, но на собственныхъ владѣлческихъ земляхъ жителствующие, особо конные, особо пѣшие записываны.

3.

А въ 752 году по унѣверсалу Господина Генералъ фелтмаршала и разныхъ ординов Кавалера Графа Кирилы Григорьевича

Разумовского, по бытности ево малороссіскимъ Гетманомъ состоявшему, подсусѣтки сверстаны с прямыми посполитыми, грунты и угодіи за собою імѣющими і на своихъ земляхъ и въ своихъ дворахъ и хатахъ жительствующіми, и тогожъ года и по ревизіі между таковыми жъ поставлены; такимъ образомъ тѣже подсусѣдки и по ревизіі 755 года записаны.

4.

От того года даже до 763 года переписи людѣи нашихъ не было и чрезъ все то время расположения на указные консистенты дѣлались по тои однои ревизіі съ чувствителною народною тяжестию.

5.

А въ томъ 763 году, по унѣверсалу вышепомянутого Господина Генералъ Фелтмаръшала и кавалѣра графа Разумовского, здѣлана перепись по дворамъ, хатамъ и по душамъ безстатѣино и безразлично подсусѣтковъ и посполитыхъ и в сию перепись вмещены наемники такии, которые вовсе ничего у себя не имѣютъ, а живутъ на всемъ хозяйскомъ содержаніи и с хозяями в однихъ дворахъ.

6.

За учреждением же в Малой Россіи коллегиі дѣлается по предложению Господина Генералъ аншефа, Малороссийского Генералъ Губернатора, коллегиі Малороссіискои президента, Украинского и малороссіискаго корпусовъ главнаго Командира и разныхъ ординовъ кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, в Малой Россіи еще отличная перепись, такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣса, луги, мелницы и протчия угоди и требуются показаниі, сколко хлѣба засѣвается и сколко на какомъ мѣсте сѣна укошивается и сколкожъ с мелницъ приходу въ год бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы і ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имения, неминуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковои переписи зъ самого того времени, когда малороссіскиі гетманъ Богданъ Хмелницкиі со всѣмъ воискомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ Малороссіиским под всероссіискую державу поддался, в Ма-

лои Россіи небывало, и чтоб онои быть, на то нетъ і небывало высокомонаршихъ указовъ. А імѣются точние таковые указы, что здесь подушевнои переписи никогда не биваетъ, да і чтоб и нныне онои быть, на сие мы Імянного Вашего Імператорскаго Величества всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденным же всеми въ Бозѣ почивающими вашего Імператорскаго Величества предками нашихъ правъ и стародавных обычаевъ быть онои переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги статут по артикулу 15 розделу 3 установленно все привилегия стародавные земские і вновъ от насъ данные волности и обычаи добрые старинные сохранять и нивчемъ того не нарушат, а нового ничего неустановлят, а была бы надобность что новое прибавить к добру Речи посполитои, тогда сего не имѣем чинить ниже уставовъ какихъ либо делат, кромѣ за согласиемъ общимъ; нашего жъ согласия на обѣ обявленныя переписи небыло и к тому никого с нас несзывано, но без всего то приказано здѣлать.

7.

Къ доволствию определенныхъ на содеръжание Малороссіеских обывателей шести армейскихъ полковъ, Генералитѣта, главной полевои аптеки и глуховского гарнизонного полку дѣлались прежде сего в полковыхъ Канцеляриахъ въ присудъствиѣ владѣлцовъ іли ихъ повѣренных расположениі чинены по статьям в пропорцию каждого имѣния, дабы обыватели убогшие противъ можнѣишихъ обиды недознавали, а подсусѣтки выстачали на мцъ конные по четырѣ, а пешие по две копѣйки, а когда сверстаны подсусѣдки съ настоящими посполитыми, то и сиі тоже самое платить начали, что і настоящіе посполитие.

8.

Высочайшимъ Імяннымъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіиской въ 749 году состоявшимся указомъ между протчимъ повелѣно: на указные консистенты производить денгами по статскои ценѣ на одно наличество, но і затемъ указом неденежное, но натуралное производство провината і фуража от малороссіиских обы-

вателей проиходило; въ бытность же в гетманскомъ достоинстве помянутого господина Генералъ фелтмаршала і кавалера графа Разумовского делались расположенiі на полныи комплетъ; чего въсего выносыло выше девяти десяти тысячъ рублей.

9.

Другои уже год слѣдуетъ, какъ по предложенiю Господина Генералъ аншефа і кавалера графа Румянцова вмѣсто натуралного проізводства указнымъ консистентам положено на здешнихъ обывателей посполитыхъ и козаковъ подпомощиковъ на каждую хату по одному рублю и двѣ копеики. Которои суммы выходитъ над надлежащую на указные конъсистентовъ сумму донесколко сотъ тысячей рублей. Сей оклад взыскуется по ревизиі 763 года, а какъ сия ревизия здѣлана, какъ вышепредписано, безъстатеино, то одного рубля платит мужикъ тот, которои имѣет у себѣ імущество от ста до пятисотъ рублей, і тот послѣднеи подсуседокъ, которои едвалъ імѣетъ у себя всего імѣния на шездесятъ копѣек; хотя же от малороссіскои Коллегиі и сложено на распоряжение владѣлцовъ, чтобы они на можнеишихъ мужиковъ болше, а на убогшихъ менше полагали, но понеже здесь многие имѣются такия владелцы, которые у себя имѣют по однои, по двѣ, по пяти, по десяти хатъ подсуседковъ, чего доказует сама та ревизия, по которои и рублѣвой оклад платится, і те все люди подсуседки все обще такие малоімущественныя, которые ничего у себя неімѣютъ, а питаются толко однимъ заработкомъ, то сиі справедливые притчины недопускают учинит объявленного уравнения, и тако самыя убогшия люди остаются в несносной тяжести, а грунтовые прямые подданные наіпаче такии, коіхъ много в одномъ владѣниі, имѣютъ отличную выгодность, ибо естли положить десять конныхъ подсусѣдческихъ и столкоже подданническихъ хатъ, то по прежнему доводилось дачи въ мѣсяцъ от всехъ десяти хатъ сорокъ копѣекъ, а от подданническихъ от однои малогрунтовои хаты по шестидесять однои копеики три чети, а от протчихъ вышъшихъ статеи въ двое того болше.

10.

На обывателехъ Малороссіискихъ взыскиваются доімочные денги, подлѣжавшия въ отдачу указнымъ консистенътамъ съ 735 года, та-

ковые же денги нынѣ въ отдачу темъ консистенътамъ уже неподлежать, обыватели же те, на коихъ доімка завысить, многии со всемъ потомствомъ померли, а многие по свободности издревлѣ переходу безвѣстно посходили, доимки же взыскуються на наличныхъ людяхъ і на техъ, кто землѣю изшедшихъ поспolитых владѣеть; тѣже земли по правамъ нашимъ принадлежатъ владѣлцамъ, которые такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ необложены. К тому же малоросіиские посполитые обыватели промыслъ свои імѣють почитат с одного толко землеѣлства и скотоводства, в нынѣшнии же времена ежечастно в хлѣбе недород, а в рогатомъ скотѣ і лошадяхъ почитат безпрерывнои падежъ бываеть; о чемъ по малороссіиской Коллегиі съ входящихъ от полковыхъ канцелярей репортовъ виды імѣются. А упователно и правителствующему сенату небезъізвѣстно по симъ несчастнымъ случаямъ многии із здешнихъ обывателеи, а наипаче подсусѣтки (которые какъ выше явствуетъ болшою частию заробляя хлѣб питаются) пришли до такихъ крайностеи, что не точию доімки, но и настоящеи дачи оплачивать чемъ неимѣють і лишаются съ женами и детми и самыя дневныя пищи.

11.

Въ Грамотѣ Блаженныя і вѣчной славы достоиныя памяти Государя Імператора Петра Великаго Самодержца Всероссіискаго, 721 года Генваря 21 дня состоявшеися, повелѣно консистентовъ целыми ротами въ одниxъ мѣстахъ неставить, а ставить, сколко гдѣ надлежитъ, толко неменше капралства; высочаишимже Імяннымъ блаженныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіискои указомъ, состоявшимся 742 году августа 18 дня, между протчимъ по 3 пункту повелено Генералитету, штапъ и оберъ афицеромъ, кои чрезъ Малую Россію и слободскии полки времянно проежаютъ іли винтеръ квартиръ іметь будуть, на квартиры свои уголля и дровъ от тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отвозу на дрова і на другия потребности безденежно отнюдь нетребовать и небрать, под опасениемъ военнаго суда, а доволствоватся каждому покупая; а ннѣ в городе Лубне определенъ на непременние квартеры ряскиі пехотнои полкъ и располагается зимнимъ временемъ

в самыхъ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстечкахъ ротами; да в сем же го(ро)дѣ імѣется государственная главная полевая аптека съ ея служители і главнои криксъ камисариатъ, куда немало приезжаетъ из разныхъ полковъ афицеров и с ними служивыхъ людеи, от чего великое последовало тамошнимъ обывателямъ от всегдашнего постою въ ихъ домахъ утѣснение; да тѣже обыватели консистующихъ штапъ і оберъ афицеровъ отопляютъ собственными своими дровами; здѣшние обиватели въ лѣсахъ скудости, а въ іныхъ мѣстахъ и совсемъ оныхъ нѣтъ и болшою частию обыватели для своего обхождения покупають дрова немалыми ценами с краинею тяжестию; а некоторые огрѣваются тростникомъ и соломою.

Природное Вашего Імператорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствитѣлно, что мы несумненно уповаем, что Ваше Імператорское Величество все выше донесенные наши нужды и отягощения принять соизволите, лицемъ во всемъ соотвѣтствующимъ премилосеръдному вашему сердцу.

І сего ради всеподданѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ вѣрныхъ подданныхъ своѣхъ высочаишею матернею милостию в слѣдующемъ: I, чинимую ныне с жилыхъ нашихъ дворовъ, імениі і людеи нашихъ перепись оставить, а повелѣть по прежнему обыкновению сочинять ревизию, какъ высочаишимъ указомъ, 734 года Августа 8 дня состоявшимся, повелѣно; 2, людеи здѣшнихъ от рублеваго окладу уволить, а повелеть неболше доволствоват указныхъ консистентовъ производствомъ натурою провианта и фуража на одно наличество, и гдѣ консистенты на винтеръ квартирахъ состояти имут, тамо чинить проізвождение натурою, а из другихъ мѣстъ собирать деньгами по статскои ценѣ; 3, людеи здешныхъ от платежа доімочныхъ денегъ уволить, а повелѣть оныя, яко никуда в одачу уже не подлежащие, отставить; 4, от непременного полку пехотнаго ряжского въ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстахъ квартирования уволит, да і отъ выстачения Генералитету, штапъ і оберъ афицерамъ дровъ здешныхъ обывателей уволнено б, а повелено б доволствоватся, какъ выше высокоупомянутымъ 742 года указомъ повелено, покупкою.

Сие высочаишѣе милосердие темъ боліе на высочаишую степень славы возвысится и доидетъ до самаго владѣющаго всею тварию Бога,

что въ ономъ імѣть будутъ участие самые беднѣишие и безпомощнѣишие в свете люди; [1]) мы всѣ совокупленными серцами должность имѣемъ молить Всевышняго творца, да благословить Ваше Імператорское Величество тысящною Милостию своею въ нынѣшнемъ і в будущемъ вѣке.

Вашего императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества вѣрные подданные и всенижаишіе, раби:

Предводитель Бунчуковыи товарыщъ Яковъ Кулябка, Полковникъ лубенскиі Іванъ Кулябка, абшитованыи подкоморій Іванъ Александровичъ, абшитованыи подкомориі Іванъ Огроновичъ, судия земски повѣта Лубенского Іванъ Кулябка, повѣта роменскаго земскій судия Афонасеи Шкляревичъ, Бунчуковои товарыщъ Максим Жуковскіи, Бунчуковои товарыщъ Андреи Новицкиі, Бунчуковои товарыщъ Петръ Новицкиі, подсудокъ земскій повѣту лубенского Өедоръ Максимовичъ, подсудокъ земски повѣта Роменского Стефанъ Лукьяновичь, Бунчуковыи товарыщъ камисаръ Яковъ Огроновичь, Бунчуковыи товарыщъ Григориі Огроновичь, полковыи судия лубенскиі Василь Стефановичь, полковыи Лубенскиі писарь Яковъ Корнѣевичь, асаулъ полковыи Родионъ Рвачевскиі, писарь земскиі повѣту Лубенского Өедор Булюбошъ, Асаулъ полковѣи Лубенскиі Якимъ Максимовичь, писарь земскиі повѣту Роменского Григореи Савицкиі, апшитованныи харужиі полковои Павелъ Огроновичь, полковои лубенскиі харужиі Михаило Булюбошъ, полковои абшитованнои харунжиі Өедор Хилчевскиі, сотникъ Костантиновскиі Стефанъ Полѣтика, сотникъ Горошинскиі Петро Сахновскиі, сотникъ Глинскиі Павелъ Свѣтъ, сотникъ сенчанскиі Тимофѣи Криштофовичь, сотникъ яблуновскиі Алексеи Черницкиі, сотникъ ромeнски Демьянъ Гайдукъ, сотникъ второлохвицкиі Василеи Лукашевичь, сотникъ снетинскиі Павелъ Кулябка, сотникъ Лукомскиі Іванъ Малкевскиі, сотникъ перво пирятинскои Максимъ Щербакъ, полковои лубенскои сотникъ Трофим Значко, сотникъ второи полковой лубенской сотни Михало Скаржинскиі, Воисковои товарыщъ Іванъ Ковалевскиі, Воисковои товарыщъ Иванъ Манжосъ, Воисковои товарыщъ Василь Маѯеровскиі, Воисковои товарыщъ Максимъ Значко, абшитованныи

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Воисковои товарыщъ Васил Зарудный, Воисковой товарыщъ Григореи Манжосъ, Воисковои товарыщъ Гаврило Ігнатовъ, Воисковои товарыщъ Петръ Воитенко, Воисковои товарыщъ Дмитриі Жуковскиі, Воисковои товарыщъ Яковъ Данковскиі, Воисковои товарыщъ Іванъ Гамалия, Воисковои товарыщъ Григореи Корсунъ, Воисковои товарыщъ Семенъ Слюзъ, Воисковои товарыщъ Григореи Зарудныи, Воисковои Канцеляристъ Петро Корсунъ, Воисковои товарыщъ Григореи Огроновичъ, Воисковой Канцеляристъ Семенъ Корнѣевичъ, Воисковои Канцеляристъ Іванъ Жуковскиі, Возни повету Лубенского Яковъ Назаровичъ, Атаманъ полковои лубенскиі Павелъ Корнѣевичъ, повѣта роменского возныи сотенныхъ роменскихъ Матвѣи Евфиміевъ, Значковий полку лубенского товарыщъ Григореи Іваненко, Значковы товарыщъ Стефанъ Засулскиі, Значковы полку лубенского товарыщъ Васил Манко, Значковыи полку Лубенского товарыщъ Иосифъ Полянка, Возной сотнѣ Чигрин-дубровской Данило Григоровичъ Шепелявий, значковои товарыщъ Александръ Шишка, Значковои товарыщъ Павелъ Івахненко, Значковои товарыщъ Андреи Афанасиевъ, Значковои товарыщъ Омелянъ Сахненко, Значковои товарыщъ Михаило Полунѣи, значковои товарыщъ Өедоръ Жаданъ, генералной артилериі значковый товарыщъ Григореи Осецкіи, Генералнои артилериі товарыщъ Степан Кислай, а вместо его неграмотного подписался по прошению канцеляристъ Васил Өергелъ, Лубенского полку значковои товарыщъ Якимъ Селастеникъ, Значковои товарыщъ Өедоръ Матрозъ, а вместо єво неграмотного по его прозбы значковой товарыщъ Якимъ Селастенникъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Григореи Рѣпчанскои, Значковои полку Лубенского товарыщъ Іванъ Максимовичъ, Значковые товарыщи: Антонъ Коржевскій, Григори Рева, а вместо ихъ і за себя подписался значкови полку лубенского товарыщъ Өедоръ Цыганенко, умершаго Бунчуковаго товарыща Иосифа Гамалѣи сынъ Михайло Гамалѣя, Значковыи товарышъ Иванъ Шостакъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Павелъ Клюковъ, Значковы товарыщъ Павелъ Луговскиі, Значковыи товарыщъ Фоиа Тренбачъ, Значковыи товарыщъ Михаило Майборода, атаманъ Павелъ Самоиловскиі, Возныи сотникъ яблуновскиі Андреи Божько, Значковои това-

рыщъ Іванъ Запорожскиі, Значковои товарыщъ Іванъ Павловскиі, Канцеляристъ полковои Канцелярыі Петръ Свечка, Суда Земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ перволубенскои сотни Данило Немецъ, Атаманъ второи лубенскои сотни Григориі Онищенко, Асаул полковои Лубенскои Артилериі Улас Рублевскиі, Полковои Лубенскои Артилериі Хорунжиі Игнатъ Щока, полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда городского Лубенского Канцеляристъ Филипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцелярист Герасимъ Сидонскиі, Канцеляристъ полковои Лубенскои Канцеляриі Васил Сергелъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Никифор Волчанскиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Петро Любнецкиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Степанъ Дорошенко, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Григореи Белашъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Петръ Солецъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Лаврентиі Васенко, Канцеляристъ полковои Лубенскои канцеляриі Иванъ Киричевскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Галичинъ, Гродского Лубенского суда Канцелистъ Іванъ Самуиловскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Афанасеи Савлукъ, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Тищенко, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Якимъ Матяй, Земского суда повета Роменского канцеляристъ Андреи Самохвалъ, асаул сотенныи перво лубенский Ефимиі Капуста, асаул второ лубенско сотни Андреи Циба, хоружиі сотениі роменскиі Яков Яковенко, городничиі полковаго Города Лубенъ Андреи Сидорскиі, писар сотни перво лубенскои Прокопъ Зайкевичъ, Значковои товарыщъ Іванъ Салимовски, а вместо его неграмотного по его прошению возниі сотни снетинскои Васил Мирецъ подписался, атаманъ сотенниі Кондратъ Яновскиі, Значковы товарыщъ Евтихиі Величко, повѣта Лубенского сотни курѣнной возніи Алексѣи Самуиловичъ.

2) Прошеніе Румянцеву отъ лубенскаго шляхетства.

Сіятелнѣйшій Графъ Высокопревосходителній Г-нъ Генералъ Аншефъ, Малороссійской Губерніи Генералъ Губернаторъ, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главной Командиръ и разнихъ орденовъ Кавалеръ!

Милостивій Государъ!

Ввѣренное Вашему Высокографскому Сіятелству отъ Ея Императорскаго Величества Малой Россіи правленіе, что точно соотвѣтствуетъ обнадеживанію тому, которое въ Височайшемъ манифестѣ въ 15 день 1764 году при учрежденіи въ Малой Россіи Колегіи предписанно, что Ваше Сіятелство о ползѣ собственной Малороссійского народа будете къ Ея Величеству всегда добрій и надежній предстателъ, доказивается изъ недавно полученного нами отъ Вашего Сіятелства цѣркулярного листа, изъ коего ми съ радостію нашею видимъ учиненное Вашимъ Сіятелствомъ къ Ея Императорскому Величеству о насъ увѣдомленіе и коимъ милостивое свое соизволили преподать намъ наставленіе, дабы при виборѣ въ силу Височайшого Ея Императорскаго Величества обнародованнаго манѣфеста съ приложенными пры ономъ обрядами Предводителя и Депутата въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія наблюдали мы то, что прямо къ благоденствію нашему простиратся можетъ. Ми, исполняя всеподданнѣише Ея Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе, приемля Вашего Высокографскаго Сіятелства совѣтъ искреннымъ и благодарнимъ нашимъ сердцемъ и слѣдуя притомъ собственнимъ своимъ позволенымъ ползамъ, вибрали отъ себя предводителемъ Бунчукового Товариша Якова Кулябку, а Депутатомъ Г-на Брегадира и Полковника Гадяцкого Крижановского, людей, по извѣданнимъ ихъ качествамъ къ сему дѣлу достойнихъ.

Давъ вибранному нашему Депутату паказъ и всенижайшія наши къ Ея Императорскому Величеству челобитныя съ прошеніемъ: 1-е, чтобъ Ея Императорское Величество соблагоизволила утвердить

стародавное наше право, названное статутъ Княженія Литовского, которое въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ Полской, привилегіею Короля Сигизмунда Августа 1569 году Июня 6 д. между иними волностямы и преимуществами шляхтѣ и всему рицерству земли и княжества Кіевского надано, и кое по отторженіи народа Малороссійского съ подъ корони Полской и по благоприсоединеніи къ державѣ Россійской за утвержденіемъ оного права отъ всѣхъ Всероссійскихъ Государей какъ при Гетманѣ Богданѣ Хмелницкомъ, такъ и за всѣхъ по немъ бившихъ Гетмановъ, народъ Малороссійскій въ судахъ и росправахъ своихъ чрезъ стотринадцать лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удоволству. 2-е, Волности и преимущества наши отъ Королей Полскихъ намъ наданые и отъ Всероссійскихъ Государей свято почившихъ предковъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше народу Малороссійскому отъ времени принятія оного подъ державу Россійскую за всѣхъ Гетмановъ множайшими указамы и особливими договорними статями утвержденные, чтобъ и Ея Императорское Величество всевисочайше подтвердили. По коимъ волностямъ дозволенобъ намъ вибрать по прежнему обикновенію волними голосами въ гродскіе, земскіе и воинскіе чина изъ между себя. 3-е, Позволенабъ купля козачыхъ грунтовъ, какъ козаки однимъ правомъ и однимижъ шляхетскими волностями ползуются, и что козаки у чиновниковъ грунтовъ покупаютъ, отъ чего и умаленія въ службѣ бить неможеть. Да и сходственно то будеть съ правами Малороссійскими. 4-е, Всемилостивѣйше указанобъ отъ Ея Императорскаго Величества сочинять въ Малой Россіи ревизію въ согласіе имянного указа 1734 году по годно или смотря по свободному переходу здешнихъ жителей по дворамъ и хатамъ и по имуществу; и чтобъ опредѣленнимъ къ безденежному Малой Россіи содержанію консистентамъ доволство производить въ натурѣ на одно наличное число людей и лошадей по указу, 1749 году Февраля 4 д. состоявшемуся. А рублевой на хати положенной окладъ (коего надъ прежде бившей зборъ нѣсколко сотъ тисячъ превосходить) снятобъ; равно и чинимую нынѣ въ Малой Россіи генералную перепись обоего пола душъ, недвижимого и движимого нашего имѣнія отставленобъ.

5-е, Всемилостивѣйше уволненобъ здешнихъ жителей отъ непременного квартированія Пехотного Ряжского Полку. Сіи пункта почли ми самонужнѣйшими въ нашихъ нуждахъ; и какъ Ваше Высокографское Сіятелство здешнего краю повелителной шефъ, и предопредѣлени бить къ Ея Императорскому Величеству о благополучіи народа Малороссійского предстателемъ, то ми основательную имѣемъ причину всенижайше Вашего Высокографского Сіятелства просить въ дополненіе учиненного уже о насъ къ Ея Императорскому Величеству увѣдомленія ходатайственно представить отъ себя и нынѣ къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ сохранени били мы при прежнихъ нашихъ правахъ, волностяхъ и преимуществахъ и во всѣхъ више виражениыхъ нашихъ нуждахъ Височайшею Ея Императорскаго Величества милостію пожаловани. Въ чемъ ми прямое свое находимъ благоденствіе. Таково Вашего Сиятелства предстателство обяжетъ насъ къ безпримѣрной благодарности и тѣмъ имя Вашего Сіятелства прославлятиметси отъ насъ и будущого по насъ рода найчувствительнѣйшими сердцами въ позднѣйшія вѣки. Вашего Высокографскаго Сіятелства Милостиваго Государя всенижайшіе слуги:

Полковникъ Лубенскій Иванъ Кулябка, Абшитованій Подкоморій Иванъ Александровичъ, Абшитованіи Подкомори Иванъ Огроновичъ, Судия земски повѣта Лубенского Иванъ Кулябка, Повѣта Роменского земскій судія Афанасій Шклаpевичъ, Бунчуковій Товаришъ Максимъ Жуковскій, Бунчуковой Товаришъ Андрей Новицкій, Бунчуковой Товаришъ Петръ Новицкій, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Федоръ Максимовичъ, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Стефанъ Лукяновичъ, Бунчуковій Товаришъ Григорій Огроновичъ, Бунчуковій Товаришъ Комисаръ земскій повѣту Лубенского Іаковъ Огроновичъ, Полковій судія Лубенскій Василь Стефановичъ, Полковій Лубенскій Писарь Іаковъ Корнѣевичъ, Асаулъ Полковій Радіонъ Дачевскій, Писарь земскій повѣту Лубенскаго Федоръ Булюбашъ, Асаулъ Полковій Лубенскій Іакимъ Максимовичъ, Писарь земскій повѣту Роменского Григорій Савицкій, Абшитованій Хоружій Полковій Павелъ Огроновичъ, Полковій Лубенскій Хоружій Михайло Булюбашъ, Абшитованій Полковій Хоружій Федоръ Хиль-

чевскій, Сотникъ Горошинскій Петро Сахновскій, Сотникъ Глинскій Павелъ Свѣтъ, Сотникъ Сенчанскій Тимофей Криштофовичъ, Сотникъ Роменскій Демянъ Гайдукъ, Сотникъ второ-Лохвицкой Василь Лукашевичъ, Сотникъ Снѣтинскій Павелъ Кулябка, Сотникъ Яблуновскій Алексѣй Черницкій, Сотникъ Лукомскій Іванъ Малкевскій, Сотникъ перво-Пирятинскій Максимъ Щербакъ, Полковой Лубенской Сотникъ Трофимъ Значко, Сотникъ второй Полковой Лубенской сотни Михайло Скаржинскій, Войсковій Товаришъ Григорій Корсунъ, Войсковій Товаришъ Іванъ Ковалевскій, Войсковій Товаришъ Іванъ Манжосъ, Войсковій Товаришъ Василь Магеровскій, Войсковій Товаришъ Максимъ Значко, Абшитованій Войсковій Товаришъ Василь Зарудній, Войсковій Товаришъ Григорій Манжосъ, Войсковій Товарищъ Гаврило Игнатовъ, Войсковій Товарищъ Петро Воитенко, Войсковій Товаришъ Іванъ Гамалѣй, Войсковій Товаришъ Димитрій Жуковскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Данковскій, Войсковій Товаришъ Григорій Зарудный, Войсковій Товаришъ Семенъ Слюзъ, Войсковій Товаришъ Григорій Ограновичъ, Войсковій канцеляристъ Иванъ Жуковскій, Войсковій канцеляристъ Семенъ Корнѣевичъ, Возній повѣту Лубенского Яковъ Назарскій, Атаманъ Полковій Лубенскій Павелъ Корнѣевичъ, Повѣту Роменского Возній сотенній Ромен. Матвѣй Евфиміевъ, Значковій Товаришъ Григорій Иваненко, Значковіи Товаришъ Стефанъ Засульскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Василь Манко, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іосифъ Полянка, Значковій Товаришъ Александръ Шишка, Значковій Товаришъ Павелъ Ивахненко, Значковій Товаришъ Омелянъ Іваненко, Значковій Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковій Товаришъ Федоръ Жаданъ, Генералной Артилеріи Значковіи Товаришъ Григорій Совецкій, Значковій Генеральной Артилеріи Товаришъ Степанъ Кисли а вмѣсто его неграмотно подписался по прошенію Канцеляристъ Василь Өерөелъ, Лубенского Полку Значковій Товаришъ Якимъ Соластенникъ, Значковій Товаришъ Федоръ Матросъ а за его прозбу Якимъ Соластенникъ подписался, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Григорій Рѣпчанскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іванъ Максимовичъ, Значковие Товариши Антонъ

Коржевскій, Григорій Рева а вмѣсто ихъ и за себе подписался Значковій Полку Лубенского Товаришъ Федоръ Циганенко, Возній сотнѣ Чигиринъ дубровской Данило Григоровичъ Шепелявій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Павелъ Клюковъ, Значковіи Полку Лубенского Павелъ Луговскій, Значковій Товаришъ Фома Тренбачъ, Значковій Товарищъ Михайло Майборода, Значковій Товаришъ Іванъ Шостакъ, Значковій Товаришъ Іванъ Запорожскій, Возній сотнѣ Яблуновскій Андрей Божко, Канцеляристъ Полковой Канцеляріи Петръ Свѣчка, Суда земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ Певро-Лубенской Сотнѣ Данило Нѣмецъ, Атаманъ второ-Лубенской Сотнѣ Григорій Онищенко, Асаулъ Полковой Лубенской Канцеляріи Уласъ Рублевски, Полковой Лубенской Артилеріи Хоружій Игнатъ Щочка, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцеляристъ Герасимъ Сидорскій, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канцеляріи Павелъ Gерgелъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Никифоръ Богдановъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляр. Петро Любнѣцкый, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцел. Степанъ Дорошенко, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Григорій Бѣлашъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Петро Голецъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Лаврентій Васенко, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канц. Іванъ Киричевскій, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Яковъ Галичинъ, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Афанасій Савлукъ, Гродскаго Лубенскаго Суда Канц. Іванъ Самуйловскій, Гродского Лубенского Суда Канц. Якимъ Мамяшъ (?), Гродского Лубенского Суда Канц. Яковъ Тищенко, Земского Повету Роменскаго Суда Канц. Андрей Самохвалъ, Асаулъ Сотенній перво-Лубенской Ефимъ Капуста, Асаулъ второ-Лубенской Сотни Андрей Циба, Хоружій Сотеній Роменскій Іоанъ Яковенко, Городничій Полкового города Лубенъ Андрѣй Сидорскій, Писарь Сотни перво-Лубенской Прокопъ Задкевичъ.

VI.

1767.

1) Наказъ гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Наказъ выбранному отъ дворянства и шляхетства Малороссійскихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго, депутату, Господину Бунчуковому Товарищу, Василію Андреевичу Дунину-Борковскому.

Отъ 3-го дня Февраля сего 767 года, при Указѣ, коего копія прилагается, изъ Коллегіи Малороссійской помянутыхъ полковъ въ Полковыя Канцеляріи присланы Манифесты Ея Императорскаго Величества, Декабря 14-го 766 года состоявшіесь:

О учрежденной отъ Ея Императорскаго Величества для сочиненія проэкта новаго Уложенія при Сенатѣ Коммисіи; и онымъ Малороссійской Коллегіи Указомъ велѣно: во всѣхъ сотняхъ, селахъ, хуторахъ и деревняхъ, даже до послѣдняго жительства, тѣ Манифесты обнародовать, какъ объ ономъ въ Указѣ Губернаторамъ, по 1-му пункту, точно изображено; а впредь, что принадлежитъ ко исполненію по силѣ того Манифеста, объ ономъ, за прибытіемъ Его Сіятельства, Господина Генералъ Аншефа, Малороссійскаго Генералъ Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, который тогда обрѣталея въ Санктъ-Петербургѣ и оные Манифесты при предложеніи своемъ въ Коллегію прислалъ, учинено де будетъ должное распоряженіе.

Его же Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ, тогожъ Февраля отъ 26-го, изъ Глухова, при ордерѣ своемъ, прислалъ въ полковыя канцеляріи цыркулярные листы, надписанные: „Благодарнымъ Господамъ, шляхетству и рыцарству, въ повѣтахъ вышеозначенныхъ полковъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, гражданству и земству", и въ тѣхъ листахъ созывалъ ихъ къ 15 числу Марта въ городъ Полтаву, к достиженію лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ

успѣховъ, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ оному шляхетству, рыцарству, гражданству и земству, мнѣніе свое подавалъ, чтобъ они всѣ приняли съ радостію сей подаваемый имъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, выраженнаго въ томъ цыркулярномъ листѣ (коею копія здѣсь прилагается), и избирали бы между собою Предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли. И яко въ особливомъ Его жъ Сіятельства ордерѣ, съ приложеніемъ росписанія, гдѣ для предпомянутого выбора назначены мѣста и сроки отъ 26-го Февраля сего года, въ полковыя Канцеляріи присланнымъ, между инымъ показано: что, во исполненіе Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества Имянного Указа, Декабря 14-го 766 года состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, и публикованнаго Манифеста, съ приложеніями о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія Проэкта Новаго Уложенія, назначены отъ Его Сіятельства къ собранію для выбора тѣхъ депутатовъ сроки, по показанному росписанію, и для приведенія въ исполненіе всего, предписаннаго по оному всевысочайшему Указу, въ повѣтахъ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Остаповскомъ и Гадяцкомъ Господинъ Генеральный Обозный и Кавалеръ Кочубей опредѣленъ.

Для того живущее въ тѣхъ повѣтахъ дворянство и шляхетство на назначенное въ цыркулярныхъ листахъ число въ городъ Полтаву съѣхались и, за выборомъ предводителя, въ 21-й день Марта сего 767 года, учиня по формѣ въ обрядѣ, что подъ буквою В напечатано, и присягу, выбрали отъ всего означенныхъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородского полковъ дворянства и шляхетства депутатомъ васъ.

А понеже народъ Малороссійскій, въ числѣ котораго и поминаемыхъ полковъ дворянство и шляхетство, находится на особливыхъ правахъ, обыкновеніяхъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, въ силу подтвержденныхъ себѣ отъ Всепресвѣтлѣйшихъ предковъ Ея Императорскаго Величества, Монарховъ Всероссійскихъ, высочайшихъ Грамотъ и Имянныхъ всемилостивѣйшихъ Указовъ, какъ то и Ея

Императорское Величество, нынѣ всещастливѣйше царствующая Монархиня, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, тѣже права и вольности Имянными своими Всевысочайшими Указами подтвердить всемилостивѣйше благоизволила, а именно: 1-е) 1763 года Апрѣля 19-го, по докладу бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Разумовскаго, съ прошеніемъ Генеральнымъ Старшинамъ, Полковникамъ и прочимъ чинамъ Малороссійскимъ классовъ противъ чиновъ Великороссійскихъ, Ея Императорское Величество, желая сей благоприсоединенный народъ въ Имперіи Ея Величества нетокмо сохранить при ихъ правахъ и вольностяхъ, съ которыми они подъ державу предковъ Ея Величества, въ бозѣпочивающихъ, пришли, но, взирая на его всеподданическую вѣрность и усердіе, вящше оной къ службѣ Ея Величества ободрить, Всемилостивѣйше собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянства, повелѣли помянутый докладъ разсмотрѣть; 2-е) 1753 года Маія въ 10-й день, на подданномъ отъ Всероссійскаго Сената о подкоморихъ докладѣ собственною своею матернею, высокодержавнѣйшею рукою изобразили: опредѣлить настоящихъ подкоморихъ и поступать по силѣ правъ Малороссійскихъ; 3-е) тогожъ года Декабря 10-го числа, признавая правъ и вольностей Малороссійскаго народа отъ предковъ Ея Императорскаго Величества учиненное подтвержденіе, Ея жъ Священнѣйшее Величество Имяннымъ своимъ о Посполитомъ Малороссійскомъ народѣ Указомъ оному посполитому народу свободный съ мѣста на мѣсто переходъ дозволить благоизволили, во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ Малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ; якоже тотъ статутъ Малороссійскому народу въ 1569 году Іюня 6-го привилегіею, коего копія прилагается, надданъ и отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Государей, Монарховъ Всероссійскихъ, какъ выше значить, подтвержденъ,

Того ради живущіе въ повѣтахъ полковъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго Малороссійское шляхетство чрезъ васъ всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край Малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся

дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ, примѣромъ того, какъ гласитъ въ Генеральномъ Регламентѣ 27-я глава.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста объ ономъ Уложеніи, Декабря въ 24-й донь 766 года состоявшагось, здѣшнее шляхетство видя, что Ея Императорскаго Величества первое желаніе есть видѣть народъ Ея столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться, и что Ея Величество онымъ Манифестомъ созываетъ депутатовъ для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, особливо же здѣшнее шляхетство имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Ноября въ 10-й день 764 года о учрежденіи Коллегіи Малороссійской состоявшимся, обрадовано будучи, что Ея Императорское Величество, по своему матернему къ народу Малороссійскому призрѣнію и покровительству, имѣетъ на сердцѣ возводить благополучіе Малороссійскаго народа на такую степень, въ который бы онъ вящше позналъ къ себѣ Ея Императорскаго Величества матернюю Милость, несумѣнно уповаетъ, что Ея Императорское Величество, по такому безпримѣрному Ея къ подданнымъ милосердію, неточію оставитъ Малороссійскій народъ,—а въ числѣ онаго и здѣшнее шляхетство,—при прежнихъ ихъ правахъ, вольностяхъ, привилегіяхъ и обыкновеніяхъ, но и нужды наши, въ прошеніяхъ показанныя, милостиво выслушаетъ, и матернымъ своимъ покровительствомъ снабдить оныя соблагоизволитъ. Для сего оныя прошенія къ предоставленію куда надлежитъ и съ оныхъ, для вѣдѣнія вашего, точныя копіи у сего прилагаются.

Отъ васъ же, яко надежнаго депутата объявленныхъ полковъ, шляхетство ожидать будетъ, что вы, поелику патріотъ нашъ, не оставите о успѣхи вышеписанныхъ прошеній нашихъ приложить вашего прилежнаго старанія.—1767 года Марта 28 дня. На копіи тако.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Өедоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованько, Судья земскій Григоріи Базилевскій, Сотныкъ Василь Жученко, Подсудокъ

Яковъ Зарудный, Бунчуковый Товарыщъ Тимоѳей Левенецъ, Писарь Земскій Андрей Устымовичъ, Возный Семенъ Пилипенко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Литвиненко, Бунчуковый Товарищъ Ѳедоръ Заньковскій, Сотникъ Иванъ Кодинецъ, Войсковый товарищъ Василь Могилянскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Бунчуковый Товарищъ Семенъ Милорадовичъ, Брегадиръ и Гадяцкій Полковникъ Антонъ Крижановскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Подкоморый повѣту Остаповскаго Андрей Остроградскій, Коморникъ тогожъ повѣту Власъ Медвѣдецъ, возный сотни Богацкой Захарій Шкурка, Значковый Товарищъ Иванъ Павельковъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Василь Ковалевскій, Повѣту Гадяцкаго земскій писарь Иванъ Ставицкій, Первый Асаулъ полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Асаулъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ставицкій, Сотникъ Ковалювскій Данило Лесевичъ, Сотникъ Вепринскій Прокопій Масюковъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Иванъ Манько, Сотникъ Зеньковскій Иванъ Бутовичъ, Сотникъ Зеньковскій Лукъянъ Бутовичъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Куземынскій Иванъ Трипольскій, Сотникъ Зеньковскій Ѳедоръ Жадько, Сотникъ Ковалювскій Петро Киріяковъ, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Сотникъ Рашевскіи Павло Зеленскій, Войсковый Товарищъ Назаръ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Степанъ Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Романъ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Михайло Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Юріи Богаевскій, Войсковый Товарищъ Тимофей Пащенко, Войсковый Товарищъ Семенъ Болянскій, Значковый Товарищъ Иванъ Тымченко, Значковый Товарищъ Григорій Кирыченко, Значковый Товарищъ Иванъ Пащенко, Значковый Товарищъ Романъ Холодовскій, Атаманъ Сотенный Кузомынскій Остапъ Редька, Атаманъ сотенный Третоопошанской сотни Яковъ Навроцкій, Гадяцкаго полку Старшый Полковой Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Полковый Миргородскій писарь Иванъ Чарнышъ, Полковый Миргородскій Хорунжій Левъ Данилевскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Куцевичъ, Сотни Остаповской возный Алексѣй Романскій, Значковый Товарищъ Иванъ

Черняк, Значковый Товарищъ Климъ Овращенко, Обозный полковый Θедоръ Московъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Воливачъ, Значковый Товарищъ Степанъ Чернякъ, Подсудокъ Земскій повѣту Зеньковскаго Иванъ Ставецкій, Сотникъ Потоцкій Илья Шутенко, Войсковый Канцеляристъ Корней Степановичъ, Сотни Яресковской возный Іосифъ Скиба, Войсковый Товарищъ Лука Гершунъ, Значковый Товарищъ Иванъ Глоба, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Обозный полковый Миргородскій Іеремей Родзянка, Значковый Товарищъ Петро Цурка, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Сотникъ Старосанжаровскій Ивань Зеньковскій, Атаманъ Сотенный Устивицкій Андрей Марченко, Войсковый Товарищъ Андрей Трощинскій, Значковый Товарищъ Михайло Роменскій, Атаманъ сотенный Яресковскій Θедоръ Певинскій, Значковый Товарищъ Данило Тымченко, Значковый Товарищъ Михайло Вечарка, Войсковый Товарищъ Яковъ Соколовскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Геевскій, Войсковый Товарищъ Кирилъ Демяновичъ, Сотникъ Яресковскій Аθанасій Потапенко, Возный сотни Хоролской Исидоръ Вышнювскій, Значковый Товарищъ Алексѣй Боровыковскій, Капитанъ Демянъ Молдавцовъ, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Возный второкомышанскій Иванъ Трояновскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Кирыловъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Бунчуковый Товарищъ Димитрій Бѣлуха, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Войсковый Товарищъ Петръ Бѣлуха, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Андрей Богдановичъ, Войсковый Товарищъ и войтъ Магистрата Полтавскаго Петръ Чарнышовъ, Войсковый Товарищъ Данило Терентенко, Значковый Товарищъ Матвѣй Кованька, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Значковый Товарищъ Пантелемонъ Приказный, Войсковый Товарищъ Иванъ Яковенко, Войсковый Товарищъ Павелъ Яковенко, Повѣтовый Гадяцкій возный Наумъ Марковичъ, Сотни второй Полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Значковый Товарищъ Петръ Рубановъ, Возный Опошанскій Тыхоній Дехтенко, Войсковый Товарищъ

Өедоръ Левенецъ, Атаманъ Городовый Никифоръ Леонтіевъ Черепаха, Войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Великобудискій Емеліянъ Петрашевичъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко. Сверхъ вышеподписавшихся живущіе въ Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ помѣщики Грузинскіе Князья и дворяне подали Предводителю доношеніе, что они всему тому, что отъ прочаго шляхетства написано будетъ, согласны и подписались: Секундъ-Маіоръ Герасимъ Чиквойдзевъ, Капитанъ Яковъ Ныніевъ, Капитанъ Матфій Канчіеловъ, Капитанъ Яковъ Одшилизевъ, Порутчикъ Князь Давидъ Гурамовъ, Порутчикъ Князь Павелъ Сологовъ, Вахмистръ Николай Тухареловъ, Порутчикъ Егоръ Табататзевъ, Вахмистръ Макаръ Кафаровъ.

По листамъ подписалъ Предводитель Судья Земскій Өедоръ Война.

---

2) Прошеніе гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ Малороссійскихъ полковъ: Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородского шляхетство; а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Ваше Императорское Величество Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, отпущеннымъ въ собраніе Совѣта, о вольности дворянской всемилостивѣише повелѣть соизволили: поданной отъ бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Кирила Григоріевича Разумовскаго, докладъ о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійскими разсмотрѣть и представить Вашему Императорскому Величеству уравненіе таковое, которое бы согласовало достоинству Великороссійскихъ регулярныхъ съ чинами Малороссійскими; но потому рѣшенія доселѣ

невоспослѣдовало. Мы же нижайшіе, будучи всегда презираемы и упослѣждаемы во всякихъ случающихся коммиссіяхъ и нарядахъ, отъ Великороссійскихъ чиновъ узнаемъ обиду. Сего ради всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ: всѣ Малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины, по здѣшнимъ обыкновеніямъ выбираемые и опредѣляемые, уравнить классами противъ Великороссійскихъ воинскихъ же и штатскихъ чиновъ, чтобъ Малороссійскіе чиновники, служа Вашему Императорскому Величеству вмѣстѣ съ Великороссійскими, могли пользоватся и онымъ съ ними уравненіемъ и презираемы быть немогли.

2.

Пребывающіе въ Малой Россіи шляхта имѣютъ привилегіи, права и вольности шляхетскіе, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, а по подданствѣ своемъ съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую Державу, Блаженныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича и всѣхъ Всероссійскихъ Государей, предковъ Вашего Императорскаго Величества, генерально всѣмъ утвержденные, и оными привилегіями, правами и вольностями своими, по милости Вашего Императорскаго Величества и въ Бозѣ почивающихъ высокихъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, пользуются. Что же касается въ особенности каждаго, у многихъ имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой-Россіи междоусобныя брани и многочисленныя отъ Турковъ, Татаръ и Поляковъ войны, нападенія и послѣдовавшія городамъ, селамъ и деревнямъ огнемъ и мечемъ непріятельскія разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многія года въ плѣну, переименованы, и нынѣ едваль у кого, а болѣе того древнихъ, а притомъ въ нищету пришедшихъ, фамилій, сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства. А извѣстны большая часть шляхты въ Малой Россіи по своей природѣ тѣмъ только, что имѣютъ: 1-е, жалован-

ныя и отъ Гетмановъ надданныя деревни, мельницы и прочія угодья, ибо по правамъ и привилегіямъ наддача таковыхъ имѣній узаконена и принадлежитъ однимъ природнымъ и заслуженнымъ шляхтѣ; 2-е, воинскіе, земскіе и гражданскіе чины, которые такожъ по привилегіямъ и правамъ выбираются въ тѣ достоинства съ знатнаго шляхетства, къ одному шляхетству принадлежатъ; 3-е, прежнихъ чиновныхъ людей дѣти, потомужъ праву, каково для дѣйствительныхъ чиновниковъ изображено; 4-е, имѣющіе дипломы и вновь набилетованные; но, сходящими вѣки, и сему нынѣ извѣстному шляхетству послѣдуетъ забвеніе, за неимѣніемъ въ Малой Россіи шляхетства герольдіи или порядочныхъ книгъ. Всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣть въ Малой Россіи, для незабвенныя памяти будущимъ вѣкамъ, сочинить герольдію Малороссійскому шляхетству, въ которую вписать вышеписанное, извѣстное по привилегіямъ и правамъ въ Малой Россіи шляхетство, и какъ оное Малороссійское шляхетство по своимъ привилегіямъ, будучи въ соединеніи съ Польшею, щиталось съ Польскимъ коронnымъ шляхетствомъ вовсемъ наравнѣ въ честяхъ и преимуществахъ и съ тѣми жъ всѣми преимуществами приняты подъ всероссійскую Вашего Императорскаго Величества державу, то всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, указать Малороссійское шляхетство допустить въ Шляхетскій Кадетскій корпусъ и во всѣ для дворянства въ Россіи учрежденныя науки и достоинства.

Всемилостивѣйшая Государиня просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ всенижайшемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе. 1767 года Марта 28 д.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Полтавскаго полку Ѳедоръ Левенецъ, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Занковскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Судья Земскій Григорій Базилевскій, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Тимоѳей Левенецъ, Обозный Полковый Миргородскій Еремій Родзянка, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованка, Войсковый

Товарищъ Василь Пошлянскій, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Өедоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Асаулъ первый полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Сотникъ Василь Жученко, Полковый писарь Иванъ Чарнишъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Войсковый Товарищъ Юрій Богаевскій, Сотни второй полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Повѣтовый Гадяцкій Возный Наумъ Марковичъ, войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Емеліянъ Петрашевичъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Гадяцкій Василь Ковалевскій, Асаулъ полковый Гадяцкій Өедоръ Ставецкій, Сотникъ полковый Гадяцкій Өедоръ Ситенскій, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Старшій полковый Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Писарь Земскій Иванъ Ставицкій, Подсудокъ Яковъ Зарудній, Значковый Товарищъ Иванъ Павелковъ, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Писарь Земскій Андрей Устимовичъ, Сотникъ Второсанжаровскій Иванъ Занковскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, во окончаніи подписалъ Предводитель.

II.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

VII.

1767.

Наказъ жителей города Глухова.

Наказъ выбранному по силѣ высочайшого Ея Императорскаго Величества манѣфеста, декабря 14 1766 году состоявшогось, отъ гражданъ города Глухова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесла имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному Господину Генеральному Асаулѣ Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Во исполненіе всевысочайшаго милостивѣйшого Ея Императорскаго Величества 1766 году Декабря 14 дня состоявшагось и въ народе публѣкованного манѣфеста въ коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія, граждане въ Глухове жителствующіе избрали васъ въ ту коммиссію Депутатомъ, надѣясь, что вы въ семъ дѣлѣ. какое вамъ отъ общества повѣряется, не оставите усердствоватъ государственной и общей сограждан вашихъ ползѣ и по возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе. А какъ онымъ манѣфестомъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ принесть прозбы въ общихъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оные ни состоялы, то мы, повинуясь высочашей волѣ Ея Императорского Величества и возлагая всю нашу надежду на

Ея матернее къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ милосердіе, описавъ всѣ тѣ отягощенія, нужды и недостатки, которые сей городъ имѣлъ и имѣетъ, ко отвращенію того и къ достиженію желаемого во всемъ отъ Ея Императорскаго Величества благоустроенія и къ возведенію по мудрому Ея Величества узаконенію на степень такого щастія, въ которомъ бы здешніе сограждане видѣть себе могли благополучнѣйшимы, вручаемъ вамъ о той гражданской нашей общей нужде и къ Ея Императорскому Величеству челобытную, намы подписанную, и даемъ полномочіе и довѣренность представить все то, что въ семъ наказѣ обяснено.

1.

Городъ Глуховъ, отъ давнихъ лѣтъ резиденція есть главного Малой Россіи правленія. Мѣщане сего города чрезъ сіе паче во оскудѣніе пришли, что въ семъ городе сперва дважды отъ 724 году немалой былъ пожаръ, въ коемъ здешніе жилци почти всѣ всего имѣнія своего лишились; потомъ егда въ третой разъ 748 году нечаянной и силной последовалъ пожаръ (въ которомъ нетокмо домы, лавки и протчое погорело, но и церкви Божіе инные зго-рели жъ, другіе каменные отъ огня чрезъ великую порчъ и не состояніе пришлы), то съ того времяни по такимъ несчасным случаямъ, и что несколько лѣтъ сряду недородъ хлѣба продолжался и отъ того такъ же отъ поядѣнія саранчею цены хлѣбу высокіе были, лишасъ граждане имущества своего, домовъ, лавокъ и протчого, въ крайнемъ разореніи остались, и въ семъ городе Глухове мѣщанъ нынѣ уже остается немногочисленно, да и тѣ за неимѣніемъ надъ собою урядниковъ настоящихъ, Войта съ потрѣбными ему товарищами, будучи управляеми однымъ сотеннымъ правленіемъ, терпятъ крайнюю нужду, потому что въ безочередныхъ и во всегдашнихъ находятся они употребленіяхъ въ подводы, въ разные беззаплатные работы, словомъ сказать, кудабъ только кемъ кто зъ мѣщанъ и подгородныхъ людей ни востребованъ, туда и посылаемы бываютъ; а найпаче зъ художниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, гончарей и протчихъ цеховыхъ повсюду почты безперерывно наря-

жаютъ и высылаютъ, и до такого послѣднего пункта непорядку приведено, что несколько надцять годъ нетолько Войта ниже Бурмистровъ при такомъ городе, где и главняя резиденція, по се время неимѣлось; что все видя мѣщане принуждены нѣкоторые съ ныхъ художники, убѣгая и защищая себе отъ такихъ неочередныхъ излишнихъ работъ, отдатись въ протекцію разныхъ господъ, гдѣ и живутъ за ними, владѣя пры томъ гражданскими домамы и пользуясь тѣмъ же рукодѣліемъ, чемъ и при цеху самоскудные остальные художники себе содержатъ; лучшіежъ съ мещанъ уписались въ козаки, отъ чего всего въ цехахъ и зделался крайній безпорядокъ, и остальнымъ мѣщанамъ въ дачѣ подводъ и въ нарядѣ куда потребуютъ людей видимое настоитъ отягощеніе. И понеже сей выдимой безпорядокъ настоить точно по причинѣ неимѣнія здесь магистрата, по примѣру тому какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются оные и соблюдается въ ныхъ настоящій всегда порядокъ, для того мы сограждане города Глухова в разсужденіи сего, дабы оные усмотрѣнные и довольно дознанные непорядки прекращены, а мѣщане приведены въ лучшое (примѣрное другимъ упривиліовенныхъ мѣстъ жителей) состояніе, и моглибъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что имъ по гражданскому праву принадлежитъ, за необходимость почли чрезъ васъ, яко уполномоченного намы, всенижайше отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшой нашей Государынѣ просить всевысочайшого Ея Величества благоволенія и указа, о учрежденіи въ городѣ Глуховѣ Магистрата, яко при такомъ мѣстѣ, гдѣ и главная Малороссійская состоить резиденція; а учредить оной на такомъ основаніи и при такихъ гражданскихъ правахъ и вольностяхъ, какъ есть въ привиліованномъ городе Нѣжинѣ, или какъ по всемудрому Ея Величества благоусмотрѣнію узаконено будетъ. А и къ содержанію оного Магистрата (буды за чемъ не можно возвратить тѣхъ селъ и деревень, которые будучи ратушными отойшли по Гетманскимъ надачамъ въ разные владѣнія) опредѣлить новостроючуюсь при Глухове казеннымъ коштомъ мельницу по полученіи съ ней въ возвратъ суммы, на ее издержуемой, и дворъ, казеннымъ коштомъ за городомъ по Рыльской дорогѣ вистроеный. А урядникамъ опредѣлить жало-

ванье по высочайшому благоусмотрѣнію, и во всемъ надобномъ сей магистратъ снабдить къ порядочному его на всегдашное время бытію. А техъ художниковъ, которые кемъ изъ мѣщанъ и посполитства въ протекцѣю приняты, повелено бы въ цехи возвратить и впредъ не принимать; и сотенному правленію, ни инымъ ниже къ достальнымъ мѣщанамъ и подгороднымъ ни въ чемъ дѣла неимоть.

2.

Сей же городъ Глуховъ не при такомъ есть мѣстѣ, гдѣбъ мѣщанству можно другой какой кроме нижеписанного принять промыселъ, ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ниже другихъ какихъ заводовъ къ препитанію и снабдѣнію своему не имеютъ, а токмо перепродывая въ лавкахъ разнымъ товаромъ, такъже солью, рыбою и другими дробязками въ рознь, въ локтѣ и фунты, и, тѣмъ себе питая, указно опредѣленное вистатчалы. Когдажъ подъ вышеписанное нещасное ихъ отъ огня и недороду хлеба время, наѣхавъ изъ другихъ городовъ купцы, въ томъ числѣ и раскольники, и иные нанявъ, другіе, въ отмѣнность законовъ, искупивъ въ Глухове домы и лавки, какъ большими такъ и меньшими, однымъ словомъ, всѣма и всякими товарами учали торговать и торгуютъ (скупляя и перепродывая) въ рознь, а не обтомъ, надъ имѣючись о семъ высочайшіе Ея Императорскаго Величества 1755 году декабря 6 и 759 году октября 6 дня состоявшіесь указы, и въ той купле и въ продаже, какую хотятъ цену, такову отъ себе, по неимѣнію здѣсь въ томъ должного присмотру, и установляютъ. А сверхъ того не только оныежъ съ постороннихъ мѣстъ пріезжіе купцы, но и отставные проживаютъ въ Глухове въ своихъ и въ наемныхъ дворахъ офицеры и рядовые, нѣкотррыежъ и служивіе при баталіони надъ законы шинкуютъ огоячимъ, простымъ и двойнымъ выномъ и другими напитками, то здешніе сограждане и того прежнего промислу своего вовся лишились и въ такомъ предъ оными посторонними заѣзжими иногородцами упослѣжденіи остались, что ни мѣста, ни свободы какой къ продаже по своей волѣ отнюдъ не имѣютъ. Того ради всеподданнѣише просить, чтобъ въ силу законовъ Ея Императорскаго Вели-

чества, запрещено было онымъ всѣмъ, и иногородцамъ и отставнымъ, въ рознь продавать и ни въ какіе промыслы до гражданства принадлежащіе надъ оные законы не вступать.

3.

На городе Глухове почитается и взыскивается нынѣ за разные года неотданной отъ мѣщанъ по расположеніямъ на указно полагаемыхъ консистентовъ доимки до дву тысячъ рублей, которая не почему больше запущена, какъ токмо по причинѣ обивательской бѣдности, которую они имѣли и имѣютъ съ предписанныхъ обстоятельствъ, что отъ пожара разорены, не меньшежъ отъ недороду и дороговизны хлеба въ нищету пришли и при томъ и промисловъ своихъ лишились; тажъ взыскуемая доимка теперъ никуда нужно къ отдачѣ не требуется, ибо указные консистенты должное себѣ по тогдашнему произвожденію наличество дѣйствительно получили, а опредѣленной на насъ рублевой окладъ по кварталамъ платится исправно. И дабы мѣщане Глуховскіе при такомъ взысканіи съ ныхъ за давно прошедшіе года доимки при нынѣшной скудости немогли прійтить и до послѣднѣишаго разоренія, когда бо уже людей тѣхъ, съ кого оная доимка доводилась, за много прошедшимъ временемъ нестало, то есть: инные змерли, а другіе безвесно сойшлы, то слѣдуетъ тое съ наличныхъ доправить, наличныежъ по скудости и къ платежу въ совершенномъ находятся несостояніи. Сего ради всеподданнѣйше просить отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣшаго благопризрѣнія объ отстановленіи таковой давнихъ годовъ доимки безъ взысканія.

4.

Во время ярмонковъ и торговъ, въ такихъ случаяхъ когда кто изъ пріезжихъ иногородцовъ и изъ живущихъ тутъ великороссійскихъ купцовъ изъ здешними гражданами съ соръ какую и драку здѣлаютъ и дойдетъ драка до камендатской канцеляріи, та камендатская канцелярія забираетъ Малороссіянъ и тамо роспросы производитъ между имы. А какъ таковы дѣла по гражданству точно слѣдуютъ до разбора Магистратского, а не до камендатской канце-

ляріи, для того просить всеподданнѣйше, дабы ни въ какіе суды и росправы (что къ Малороссіянамъ принадлежитъ) камендатская канцелярія не вступала; но какъ въ ярмонки и торги, такъ и всегда во всякихъ случаяхъ судимыбъ были здешніе мѣщане и подгородніе люде правомъ гражданскимъ.

5.

По другимъ городамъ, гдѣ суть Магистраты, имеются полиціи и при нихъ полицмейстры, чрезъ которыхъ прилѣжное и всегдашное смотреніе, какъ въ городѣ и по за городомъ чистота наблюдается, такъ и отъ пожарныхъ случаевъ содержится предосторожность; подражая сему доброму порядку сображдане Глуховскіе, желая такова же учрежденія и здесь, просятъ чрезъ Васъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣишаго на то соизволенія и указа о устроеніи въ Глухове полицѣи съ опредѣленіемъ чиновъ на казенномъ жалованьи, откуду повелено будетъ.

И тако мы вѣрные и послѣдніе рабы Ея Императорскаго Величества въ несумнѣнномъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества милосердію въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи, при предстательствѣ за намы милостиваго шефа нашего, Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и кавалера Графа Петра Александровича Румянцова, яко мудрого обновителя сего города, утверждены будемъ отъ Ея Императорскаго Величества таковыми законами, которіе въ будущіе веки заставлять потомковъ нашыхъ прославлять высокое имя и неописанніе ко всѣмъ матерніе щедроты Ея Императорскаго Величества. На подлѣнномъ подписано тако:

Выбранный отъ города Глухова Голова, Судія Земскій повѣту Глуховского Сергій Дергунъ. А которыхъ именно подпись значитъ на наказѣ, тѣ зде означены: Бунчуковый Товарыш Дамянъ Оболонскій, Козакъ Юрій Даниловъ, Войсковій Канцеляристъ Семенъ Евсѣевъ, Бурмистръ Глуховскій Федоръ Ревуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Александъ Григоровичъ, Войсковій Товарышъ Якимъ Нандза, Войсковій Товарышъ Петръ Герасимовъ, Атаманъ Глухов-

скій Александръ Славскій, Войсковій Канцеляристъ Андрей Дергунъ, Генеральной Войсковой Артилеріи Асаулъ Григорій Кологривій, Старшіи Войсковій Канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, Старшіи Войсковій Канцеляристь Александръ Давидовичъ, въ должности секретаря канцеляристъ Дмитрей Карпѣка, Сотникъ Глуховскій Семенъ Уманецъ, въ должности Секретаря Канцеляристъ Андрей Марковскіи, Адвокатъ Климентъ Валковскій, въ должности Секретаря Канцеляристъ войсковій Григорій Красняковскій, Нотаріусъ Николай Вербицкій, Адвокатъ Захарій Котляревскій, Войсковій Канцелярыстъ Никифоръ Винда, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Уманецъ, Полку Нѣжинского Значковый Товаришъ Андрей Войцехъ, Подпоручтикъ Марко Козловскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Олдаховскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Чарнуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Федоръ Григоровскій, Абшитованный певчій Лукянъ Павловъ, Мѣщанынъ Глуховскій Григорій Хмельникъ, Мѣщанынъ Глуховскій Демянъ Горковскій, Мѣщанынъ Иванъ Наметникъ, вмѣсто мѣщанъ Глуховскихъ: Федора Отрощенка, Кондрата Петрова и Якова Демченка, неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Войсковій Канцеляристъ Лука Велентѣй подписался. Цехмистри: кравецкій Иванъ Бѣльскій, калачницкій Степанъ Макуха, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Чарнуцкій подписался. Цехмистри: шевскій Яковъ Молодченко, гончарскій Гаврило Олѣйникъ и мѣщанинъ Яковъ Охлей, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію актуаріусъ Потапъ Адамовичъ подписался. Возній сотни Глуховской Иванъ Буявинскій, Войсковій Канцеляристъ Яковъ Яковлевъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Кулешовъ, Войсковій Канцелярыстъ Мойсѣй Шемшуковъ, Актуаріусъ Петръ Базилевичъ, Войсковій Канцелярыстъ Григорій Козачинскій, Войсковій Канцелярыстъ Василь Константиновичъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Пѣсоцкій, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Яценко, Войсковій Канцелярыстъ Анисимъ Никифоровъ, Значковій Товарышъ и Почмейстеръ Глуховскій Алексѣй Родіоновъ.

1767 году
Мая 23 дня.

VIII.

1767.

Наказъ жителей города Чернигова.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манѣфеста, Декабря 14 дня 1766 году состоявшагось, отъ гражданъ города Чернигова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесло имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, почтенному Г-ну Бурмистру Черниговскому Ивану Самонову сыну Крутеню.

Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни благоволенія, объ избираніи отъ всехъ городовъ и частей Богомъ ввѣренной Ей Имперіи Депутатовъ и присилки въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, граждане, въ Черниговѣ жительствующіе, всеподданнѣйше приступая ко исполненію, избрали васъ своимъ въ ту коммисію Депутатомъ, надѣясь, что вы, какъ честной согражданинъ, въ семъ дѣлѣ, какое вамъ довѣренно будетъ, неоставите усердствовать государственной и общей сограждан вашихъ ползѣ и по всей возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе.

Со всѣхъ Ея Величества премудрихъ узаконеній неусипное о ползѣ государства, самодержавно Ею обладаемого, матернее попеченіе всѣмъ Ея вѣрнимъ подданнимъ есть извѣстно. Нынѣ обнародованной манифестъ всѣхъ Ея Величества подданныхъ матернимъ Ея милосердіемъ найвящше обнадеживаетъ, когда каждому городу Ея Величество Всемилостивѣйше дозволяетъ во общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ всеподданнѣише принесть прозбы. Сіе толь великое Ея Величества къ вѣрнымъ своимъ подданнимъ снисхожденіе и безъ прикладную матерную милость здешніе граждане, съ истинною рабскою благодарностію и достодолжнымъ послушаніемъ приемля и взирая на состояніе здешнего города многими правленіями и давнего порядка отмѣнами наполненное, несоотвѣтствующое

правамъ, привилегіямъ и Высочайшимъ грамотамъ, сему городу Всемилостивѣйше отъ почивающихъ въ Бозѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества предковъ пожалованнимъ, отъ чего всѣ нужды и отягощенія народнія свое начало имѣли и имѣють, отвергаемъ сумнѣніе при извѣстнѣйшей надеждѣ, что сія толь милосердая Государиня свое Императорское исполнить слово: неоставить призрѣть и на гражданъ благоприсоединенного Малороссійского народа, возводя на степень такого щастія, въ которомъ бы оны себя видѣть могли благополучнѣйшими, ползуясь вящшимъ Ея Величества матернымъ милосердіемъ, сего ожидать благонадежнѣйше можемъ, гдѣ обявленный о ползѣ здешняго народа представитель Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, по достовѣрномъ о всемъ неустройствѣ здешнемъ освѣдомленію, о отвращеніи сего безпорядка и къ лучшему благоустроенію способствовать имѣетъ.

Къ достиженію желаемого благоустройства осмѣливаемся нашими всеподданнѣишими прозбами Всемилостивѣйшую нашу Государиню утруждать и, вручивъ о томъ, въ чемъ имѣемъ общую нашу гражданскую нужду, къ Ея Императорскому Величеству челобитную, нами подписанную, даемъ вамъ полномочіе и довѣренность представить нашы нужды и отягощенія, какъ слѣдуетъ.

1.

По привилегіямъ отъ Королей Полскихъ: Жигмунта третого, Владислава четвертого и Яна Казѣмира городу Чернигову даннимъ, между инниxъ, всѣ земли и угодія, въ окружности того города положеніемъ находячіесь, по ограниченію ревизора Геронима Цехановича, томужъ городу отъ 1625 года наданы, и тѣми привилегіями оніе земли и угодія съ именнимъ предъ напомянутого ревизорского ограниченння показаніемъ утверждены. Каковы Королевскіе привилегіи и Высочайшимы грамотамы 1-ю и 2-ю Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича 7163 Июня 27 и 7168 годовъ Генваря 2, а 3-ю Великихъ Государей Царя и Великого Князя Иоанна Алексѣевича и Императора Петра Алексѣе-

вича, въ Бозѣ почивающихъ Государей, 7198 году Марта 26 дня состоявшими, зъ особливои Высочайшой къ гражданамъ города Чернигова милости и призрѣнія подтверждены, и всѣ земли и угодія по томужъ ограниченію ревизора Геронима Цехановича Всемилостивѣйше городу Чернигову и всемъ того города гражданамъ жалованы и укрѣплены. Но по разносты временъ многіе земли и угодія въ томъ города Чернигова ограниченіи, Височайшими грамотами и королевскими привилегіями утвержденномъ, зъ владѣнія магистратского и гражданского въ разніе поотдоходили владѣнія, и за темъ Магистратъ и граждане полного владѣнія въ земляхъ и угодіяхъ, по предъ упомянутымъ Высочайшимъ грамотамъ и Королевскимъ привилегіямъ ограниченіемъ показаннихъ, не имѣетъ. И для того всеподданнѣйше просить подтвержденія онихъ Высочайшихъ Магистрату Черниговскому и гражданству жалованнихъ грамотъ и Королей Полскихъ привилегій, и всѣхъ отшедшихъ по тѣмъ Высокомонаршимъ грамотамъ и привилегіямъ значачихся земель и угодій привращенія Магистрату Черниговскому, а особливо пожалованнихъ въ томъже ограниченіи на уряди Войта, Бургомистровъ и писара волокъ къ тѣмъ урядомъ привращенія.

2.

Городъ Черниговъ при такомъ мѣстѣ положеніемъ состоить, гдѣ противъ протчихъ городовъ Малороссійскихъ никакихъ разнихъ заводовъ, скотоводства ни промисловъ пенечнихъ и табачнихъ и ниже какихъ либо другихъ, чемъ бы граждане могли себѣ имѣть пропитаніе и снабдѣніе, кромѣ виннаго куренія и шинкованія и продажи съѣстнихъ вещей неимѣетъ; запрещеніемъ же и того утѣснени граждане отъ 1761 года, по бытности Его Сіятельства Графа Разумовского Гетманомъ, до нынѣ. А по Высочайшимъ грамотамъ, городу Чернигову жалованнимъ, и по королевскимъ привилегіямъ таковое куреніе горѣлки и шинкованне оною и другими напитками Всемилостивѣише дозволено и затверждено. Для сего просить Ея Императорскаго Величества всеподданнѣише пожалованніе гражда-

намъ волности въ куреніи горѣлки и шинкованіи оною и протчими напитками, безъ помѣшателства въ томъ отъ посторонних, Всемилостивѣйше подтвердить.

3.

Не безнужно намъ представить и о семъ, что городъ Черниговъ до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лутчемъ доволствѣ пребывалъ, по коль жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегія оставались безъ нарушенія; сколь же скоро тѣхъ Высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ отъ времени до времени отмени начали следовать, а между тѣмъ наступила Шведская война, вскорѣ после того моровая язва, а за тѣмъ не за долго и преужасній пожаръ, такъ что изъ многочисленности дворовъ гражданъ здешнихъ осталось малое число, отъ которого времени чрезъ пятьдесять уже летъ на многихъ местахъ, тогда опустѣвшихъ, и до нынѣ строенія небыло и нетъ. Послижъ того всего, Полская и Турецкая войны, вовремя которыхъ сколь граждане здешніе претерпѣли висилкою людей по предложеніямъ: въ погонщики, захваченіемъ, не давъ о числѣ повелѣнія, на флотилію и къ полоненію лда, вистаченіемъ разнихъ матеріаловъ и инструментовъ, взятіемъ воловъ, возовъ, сѣделъ, провіянта и фуража, отвозомъ оного въ далніе магазеины, кромѣ техъ, кои по предложеніямъ зъ гражданъ здешнихъ во всей воинской исправности были въ тѣхъ походахъ за всѣхъ гражданъ здешнихъ; что какъ все происходило по тогдашнимъ воинскимъ нужнѣйшимъ обстоятельствамъ, того всего и описать нетъ удобства; изьяснить же не безприлично о семъ, паче, что и въ мирное время здешніе граждане неимѣли, по силѣ жалованнихъ грамотъ, должной свободы, но непрестанно угнѣтаеми и утѣсняеми были высылкою въ деревенскіе, побытности Гетмана, смалчужніе и поташеніе заводы мѣщанъ и разныхъ майстеровыхъ людей, по немалому числу чрезъ нѣсколко годъ непрестанно, для рубки и клеймованія машстового дерева, вистаченіемъ матеріаловъ и инструментовъ, висилкою въ Батуринъ на разніе работы и въ Козелецъ для возки колодъ, чрезъ что зъ города Чернигова къ большему опустѣнію разніе май-

стеровіе люде посходили. По привилегіямъ же Королевскимъ, городу Чернигову даннимъ и Высочаишими грамотами утвержденнымъ, граждане отъ таковихъ и отъ всѣхъ протчихъ посторонних работъ, висилокъ и вистатченій уволнены. Для сего просить всеподданнѣше, когда будеть угодно Ея Величеству на насъ верныхъ своихъ подданнихъ призрѣть и за таковія претерпѣнія помиловать, утвердить насъ при нашихъ прежнихъ въ привилегіяхъ и Высокомонаршихъ грамотахъ изображенныхъ свободахъ, дозволяя Всемилостивѣйше ползоватся намъ тѣмъ всѣмъ, чемъ и прежде городъ Черниговъ былъ пожалованъ.

4.

На непремѣненіе квартиры, определѣніе полковъ гражданамъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть доволство и въ капиталѣ къ промисламъ нетъ нужды, весьма благополезное. Чтожъ здешній городъ по опустѣнію вышеписанними случаи немного болше четирехъ сотъ въ себѣ имѣетъ домовъ, неоставляя всѣхъ и тѣхъ, кои по Высочайшимъ грамотамъ и отъ постою уволены, и таковыхъ бедныхъ, коихъ много болше, что въ дворахъ при одной хатѣ и безъ дворовъ едними избами живуть, имѣя у себе, кромѣ непремѣнного полку, на всегдашнемъ постою горнизонній баталѣонъ зъ штапомъ, артилерійскую и инженерную команды зъ ихъ афицерами и штапомъ, терпитъ великое утѣсненіе, то хотя Его Сіятелство Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, видя неудобство къ помѣщенію полку, найпаче же въ соблюденіе казенного интереса, къ полученію въ полкъ сходнѣйшими ценами провіанта и фуража, въ мѣстечкахъ Черниговского полку, гдѣ суть таковіежъ торги и множайшіе жилья и роспредѣлилъ, а для пріѣзжихъ, по благоразсмотренію бывшихъ до селъ неустройствъ, назначилъ во всякомъ городѣ и мѣстечку и трактовихъ селахъ постояліе дворы къ охраненію жителей отъ примѣтокъ и притѣсненій, переходящимъ же къ скорѣйшему и достаточнѣйшему полученію за настоящую плату всего потребного, и для того, учиня распоряженіе, во всѣ места предложилъ; но дабы сіе толь полезное учрежденіе и толь мудрое мѣроположеніе неосталось иногда пренебрегаемо,

да будетъ Ея Императорскому Величеству угодно на все сіе учрежденіе Всемилостивѣйшій дать къ вѣчному того всего соблюденію и исполненію указъ.

5.

Не безнужно представить и о семъ, что здешніе граждане по болшой части всѣ весма скудніе, по несколку же въ лутчемъ достаткѣ такъ мало, что и едному штапу зъ эскадрономъ и Генералу-Маіору зъ его штатомъ, по причинѣ вышепомянутихъ гарнизонной, артилерійской и инженерной командъ всегдашнего квартированія, афицерскихъ квартиръ, чтобъ хотя съ едною перемѣною для ихъ малой лготи, отводить неимѣютъ гдѣ; всегдашній же таковъ афицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартирують, весма есть тяжестній, такъ, что кроме того, что всякій таковій хозяинъ не толь что терпить утѣсненіе, и за тѣ хаты, гдѣ постой есть, неимѣя ни малѣйшаго въ оnихъ жительствомъ участія, платитъ квартальніе деньги, но того множае большъ къ обнищанію приходитъ чрезъ покупку дровъ числомъ неопредѣленнимъ для отопленія тѣхъ избъ, въ которыхъ есть постой. Осмѣливаемся утруждать освященную свою Государиню рабскимъ прошеніемъ, дабы соблагоизволила по матерному своему милосердію призрѣть на сей городъ къ лутчему оного распространенію и въ строеніяхъ поправленію, Всемилостивѣише повелѣть: во всей Малой Россіи какъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ толко суть торги, всѣхъ граждань безъ исключенія, такъ и посполитихъ во всей же Малой Россіи, въ селахъ и деревняхъ пребывающихъ, которіе, привозя въ городъ хлѣбъ и протчіе живности и гражданамъ и военно-служащимъ продавая для нихъ сходними ценами, гражданамъ же, по умноженію военно-служащихъ, противъ прежнихъ ценъ вишшими не мало ползуются, а особливо и всѣхъ владѣлцовъ и чиновниковъ, тожъ во всей Малой Россіи въ городѣхъ, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ жителствующихъ, кои, по состоянію въ Малой Россіи полковъ и командъ, входять въ разніе подряди, а паче къ поставкѣ провіянта и фуража, и съ того не менше другихъ прибыткомъ доволствуются,

необходя никого, со всѣхъ тѣхъ чиновъ, кромѣ козаковъ, изчислить домы и смѣтивъ всѣхъ полковъ, на непремѣнніе квартеры въ Малую Россію определеннихъ, число квартиръ и къ найму оныхъ сколко денегъ принадлежитъ, а при томъ разсмотря достовѣрно о количествѣ суммы, безъ всякого излишества, но единственно толко необходимо-потребной на вистройку при техъ полкахъ какъ къ содержанію кавалерійскихъ и подъемнихъ лошадей, конюшень съ караульнями, такъ и амбаровъ, однихъ для поклажи казеннаго провіянта и фуража, а другихъ къ содержанію казначейства, а особливожъ того для болнихъ лазаретовъ [якожъ бо въ заниманіи гражданскихъ подъ конюшни и подъ казначейство стодолъ, а къ поклажѣ казенного провіанта и фуража амбаровъ, граждане, неимѣвъ гдѣ хлеба своего къ молотбѣ зложить и зъ домашнею своею экономіею вомещатся, немалое терпять утѣсненіе; въ расположеніижъ больнихъ по городу въ разнихъ домахъ внутрѣ жиловъ, нетокмо тѣ болніе свои вигоди имѣть не могуть, но надъ то можеть иногда та болѣзнь по предъобъявленному резону и распространится], оніе суммы такъ квартирную, яко и на вистройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ, порознь на всѣ домы безъ изятія, въ Малой Россіи имѣющіесь, кромѣ козаковъ, по препорціи имуществъ живущихъ въ онихъ разчислить; а за тѣмъ, всѣмъ штапъ и оберъ афицерамъ и прочіимъ чинамъ Карабинерного и Нижегородского полку, такожъ и находящихся здѣ гарнизонной артилерійской и инженерной камандъ, Всемилостивѣйшежъ указать, получая зъ квартирныхъ денегъ определенное число, доброволно квартери себѣ нанимать и дровами отъ себе доволствоватся, зъ суммижъ, на выстроику конюшень, амбаровъ и лазаретовъ асигнованной, искупя доброволними ценами потребніе къ тому матеріалы, выстроить оніе полковими служителми; и дабы та сумма на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ ассигнованная, не могла уже въ другой разъ взисканіемъ на обивателей обращатся, употребить такое мѣроположеніе, чтобъ, за взисканіемъ однажды той сумми, впредъ ежегодно на подчинку того строенія уже взискивано съ той сумми толко двадцатую долю, чемъ нетолько подчинки, въ случаи по времени обетшанія оного строенія, могуть

быть удоволствовани, но и вновъ чрезъ нѣсколко годъ все то строеніе, при добромъ порядкѣ экономіи, безъсумнѣнно обновится можетъ. Въ семъ высокоматерную Ея Императорскаго Величества безприкладную милость здешніе граждане получа, къ домостройству и промислу по волѣ своей имѣтимуть способъ и охоту: афицери же, нанимая по своей угодности квартиры, останутся въ лутчемъ своемъ доволствѣ; да и болніи въ своихъ болѣзнехъ лутчую могутъ имѣть вигоду.

6.

Найвящшая можетъ быть и изъ сего здешнимъ гражданамъ, какъ многочисленнимъ, полза, когда опредѣленный Генералѣтетъ квартировать будетъ при брегадѣ своей съ перемѣною, по очередно; полкъ же непремѣнной, въ лѣтное время не всегда при Черниговѣ, но такожъ съ перемѣною при мѣстечкахъ въ Черниговскомъ полку становими, какъ и при Черниговѣ, водопоями и доволними скотопажитними мѣстами и лугами и при доволнѣишихъ торгахъ состоящихъ прибыватеметъ. Всеподданнѣише просить о семъ Высочаишаго Ея Императорскаго Величества призрѣнія, ибо и таковимъ благоустроеніемъ можетъ раздѣлиться неспокойство и полза на всѣхъ равно Черниговского полку гражданъ.

7.

Не безъ жалости воспомянуть можемъ прошедшихъ временъ послѣдовавшіе здешнимъ гражданамъ притѣсненія отъ квартировавшихъ и переходящихъ полковъ и командъ и нерегулярныхъ войскъ, взятіемъ безъ заплаты и безъ квитанцей провіянта и фуража, разныхъ съѣстнихъ вещей, подводъ, упражей и протчего, приключеніемъ безвинныхъ побоевъ, разнихъ приметокъ и вимисловъ; за что все искать и за полками для того следовать, невсякому возможно, а болше и неудобно было. Дабы же иногда и въ нинѣшное время таковіяжъ отъ кого не последовали, былобы угодно Ея Императорскому Величеству повелѣть, учредить на прежнемъ мѣстѣ, при резиденціи Губернаторской, въ городѣ Глуховѣ, военную коммисію, опредѣливъ въ ней быть по равному числу Великороссійскихъ и

Малороссійскихъ чиновъ. Симъ образомъ возъимѣють надежду и здешніе граждане, въ случаи отъ кого обидъ, получать свое удовольство; напротиву же того военнослужащіе неоставлять стараться убѣгать отъ таковихъ делъ, за которіе они могли быть призиванни въ ту коммисію.

8.

Въ Высочайшихъ Монаршихъ грамотахъ Всемилостивѣйше пожаловано городъ Черниговъ таковою милостію, чтобъ всякъ тотъ, кто толко обнялъ домъ или огородъ и промислъ, или ремесломъ ползовался, былъ подсуденъ уряду мѣскому. Но какъ здесь жителствующіе разночинцы и команды, а къ тому и разного званія пріѣзжіе, имѣющіе здѣ домы и неимѣющіе оныхъ, въ случаи какой либо отъ нихъ бѣди, щитясь своими званіями и чинами, и по тѣмъ защищаясь разними командамы, нетоль что оказують непослушаніе Магистрату, но и гражданъ здешнихъ, ползуясь гражданскими промислами, разновидно притѣсняютъ, для того всеподданнѣйше просить, не токмо всѣмъ тѣмъ, кои подлежащими гражданству промислами ползуются, но и кои здесь домы свои имѣють, и пріѣздомъ въ городѣ бывая, въ случаѣ причиненія отъ нихъ какой-либо здешнимъ гражданамъ обиды или побою, къ пресѣченію таковыхъ непорядковъ и въ отдаленнихъ местахъ по командамъ исковъ, дабы повелено было быть судимимъ, хотя и при депутатахъ, въ Магистратѣ; пріѣзжимъ же, кроме ярмонковъ, въ розны привозимихъ товаровъ и ничего другого, въ силѣ жалованныхъ сему городу Высочайшихъ грамотъ, продавать запретить.

9.

Въ здешнемъ гражданствѣ, кромѣ первихъ чиновъ, по привилегіямъ до живота опредѣляемихъ, нижніе урядники Магистратскіе опредѣляются съ перемѣною, не имѣя, по причинѣ всегдашнего присудствія, свободы къ произведенію своихъ промисловъ, хотя съ нихъ многіе достойны и способны безъ перемѣны быть у дѣлъ. Для того просимъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи тѣмъ всѣмъ урядникамъ,

також де писарю, канцелярскимъ служителямъ, у письменнихъ делъ находячимся, тожъ и десяцкимъ, которіе всегда въ разнихъ посилкахъ указнихъ, магистратскихъ и гражданскихъ бываютъ, зъ Магистратскихъ доходовъ, по Высочайшимъ грамотамъ Магистрату подлежащихъ, жалованя. Симъ милостивимъ призрѣніемъ способние къ дѣламъ урядники и безъ перемѣни свои наблюдать должности и всевозможнимъ раченіемъ продолжать свою службу найвящие обовязаны будуть.

10.

По Высочайшимъ грамотамъ, въ городѣ Черниговѣ опредѣлени три ярморки, въ которыя пріѣзжаючіе купечество и разного званія люде бываютъ забираеми подъ судъ мимо Магистрата; многіе же съ купечества, показивая себе въ платежѣ по векселямъ денегъ безъ всѣхъ правильнихъ причинъ банкротами, лакомясь чуждимъ имѣніемъ беззаконно покористоваться, а тѣмъ самимъ и заимодавцовъ къ разоренію привесть, отбиваются отъ суда Магистратского; не безнужно и сіе гражданству, чтобъ купечеству и пріѣзжимъ людемъ, быть судимимъ постороннимъ судомъ. Для того просить всеподданнѣйше: для расправъ въ ярмонки, въ случаи всѣхъ пріѣзжихъ тяжебъ, особливо же показующихъ себе банкротами, быть суду отъ Магистрата; и какъ сіе зло, что касается до банкрутовъ, весма уже умножилось, и чрезъ таковы беззаконныя показанія банкротами многіе зъ купечества и доброго состоянія принуждены приходить въ крайное несостояніе и нищету, то повелѣнобъ было на сихъ беззаконно показующихъ себе банкротами, въ пресѣченіе сего зла и многимъ чрезъ то разоренія, срожайшіе учредить законы.

11.

Мы всѣ, вѣрніе Ея Императорскаго Величества рабы, въ твердомъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества о всѣхъ Богомъ увѣренних своихъ подданнихъ милосердію и по прозорливому Ея попечителному промислу, въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи и спокойствѣ утверждени будемъ таковими законами, кото-

ріе на степень нашего вящшого благополучія возведуть и въ таковомъ непремѣнномъ благосостояніи насъ оставять на вѣки.

Писарь Евфимъ Єранковскій. Съ подлиннымъ сводилъ Магистрата Черниговского Канцеляристъ Мойсей Бочко.

IX.

1767.

Наказъ жителей города Погара.

Наказъ по Височаишему Ея Императорскаго Величества манифесту, прошлого 766 года Декабря 14 дня состоявшемуся, при указѣ Ея Императорскаго Величества Малороссійской Коллегіи, въ Магистратъ Погарскій присланному, отъ насъ всѣхъ нижеподписавшихся жителствующихъ въ городѣ Погарѣ мѣщанъ и другихъ чиновъ выбранному Депутату Магистрата Погарского, Урянику Райцѣ Ивану Федорову сыну Грабару, отъ насъ, въ силѣ оногожъ Ея Императорскаго Величества Высочайшего манифеста, о общественныхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ препоручается вамъ полномочіе, при томъ всеподданнѣйше наше челобитье и прошеніе, всѣми общежъ нами подписанныя, которое челобитье въ силѣ прописанного нашего полномочія долженствуете поднесть Ея Императорскому Величеству, о общественныхъ же нуждахъ и недостаткахъ, обясненыхъ въ пунктахъ сего указа, подавать отъ себе прошеніи, прилѣжая по обовязателству присяги, какъ вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу и отечества истинному сыну, просить высокомонаршей милости.

1.

Въ лѣто отъ созданія міра 7174 Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Самодержцу Всероссійскому города Погара отъ Войта Кирилла Сурченка и всѣхъ мѣщанъ Погарскихъ поданы двѣ челобитные съ нижайшимъ рабскимъ прошеніемъ о видачѣ имъ на Майдебурское право и волности противъ Нѣжинскихъ, Черниговскихъ и Переясловскихъ мѣщанъ жалованной

грамоты; потому, что бывшія въ нихъ прежнія жалованныя грамоты и королевскіе привилегіи отъ разоренія Литовскихъ людей утерялись. И по тимъ челобитямъ Его Царское Пресвѣтлое Величество Погарскимъ мѣщанамъ на стародавное ихъ право и волности такову свою Пресвѣтлого Величества жалованную грамоту далъ, съ тѣмъ виражені ємъ, что по Его Царского Величества Государевой милости Погарскимъ мѣщанамъ въ правахъ своихъ и волностяхъ, по той Его Царского Пресвѣтлаго Величества жалованой грамотѣ, и Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, и всѣмъ Его Царского Величества Государскимъ наслѣдникамъ служити и всякого добра хотѣти и быти во всей Его Царского Величества, волѣ и послушаніи и на Его Величества Государскую милость быть надежнымъ безъ всякого сумнѣнія; а Его Царское Пресвѣтлое Величество Великій Государь учнетъ ихъ мѣщанъ Погарскихъ держати въ Его Царского Величества милостивомъ жалованіи и призрѣніи. Яковая Высочайшая жалованная грамота, за подписаніемъ собственния Его Величества руки подъ золотими буквами и печатю государственною, и нинѣ въ Магистратѣ Погарскомъ свято, благолѣпно, въ цѣлости содержится, и по оной Височаишой жалованной Грамотѣ мѣщане Погарскіе подъ тѣмъ правомъ Майдебурскимъ находятся досель.

Въ другое же лѣто въ 7175 Ноября въ 28 день, послѣ означенной жалованной Височайшей грамоти, по челобитю вишереченного Войта Кирилли Сурченка зъ Бурмистрами, Райцами, Лавниками и со всѣми Погарскими мѣщанами по указу Егожъ Царского Пресвѣтлого Величества Столникъ Его Величества, Кирилла Осиповъ Хлоповъ, въ согласіе тойже Високомонаршей жалованной грамоти и стародавнихъ правъ и волностей насъ Погарскихъ мѣщанъ сравнилъ съ Кіевскими, Нѣжинскими, Черниговскими и Переясловскими мѣщанами; и въ примѣръ тѣхъ городовъ Магистратовъ Майдебурское жъ право крѣпостію своею, именуемою памятію, подтвердилъ и въ оной написалъ на Погарское Войтовство, бурмистровство, раичество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фолварокъ ратушній и до скринки мѣской двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницею, а сверхъ того для всякихъ росходовъ мѣскихъ раз-

ніе прыходы; что все именно ясно и пространно въ той памяти Хлоповой изображено, съ коихъ Высокомонаршой жалованной грамоти и памяти Хлоповой при семъ точніи копіи за справкою вамъ вручаются.

А въ 1662 году, Марта 2 дня, отъ Гетмана Демяна Игнатовича унѣверсаломъ, со упоминаніемъ прежнего унѣверсала Гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкого, тожъ Майдебурское право подтверждено, село Чаусы и деревню Яковлевичи зъ млиномъ на Бойнѣ реце въ Севостяновичахъ съ каменми двома для росходу ратушного укрѣплено, съ таковимъ докладомъ и приказомъ, абы старшій и меншій козакъ, особливожъ Сотникъ, Атаманъ Городовой съ товариствомъ, Погарскому Войтовѣ и всѣмъ магистратовимъ присяжнимъ въ ихъ Майдебурскихъ правахъ на судахъ перепоны въ маетностяхъ и млину, на ратушъ Погарскую наданнихъ, кривды и шкоды задавати не важились. А мещане, якъ звичай въ Майдебургіи идетъ противъ инишихъ городовъ, сами судились; а если бы хто мимо тои унѣверсалъ Гетманскій магистратовимъ въ судахъ, яко и въ держаніехъ ратушное полѣценнихъ селахъ, важился наименшую задати трудность и до чего ему неналежно сталъ бы интересоватись, таковіи кождій, яко нарушникъ и гвалтовникъ волѣ Государской и Гетманской, за скаргою карань отъ Гетмана будетъ а неиначей. Которіе села отъ Магистрата Погарского отоишли и завладѣнни, а именно: село Чаусы умершимъ Хоружимъ Генеральнимъ Николаемъ Ханенкомъ, а деревня Яковлевичи умершимъ же Сотникомъ Погарскимъ Семеномъ Соболевскимъ, коими Магистратовими маетностями наслѣдники ихъ и нынѣ владѣють напрасно. Хотя же сверхъ тѣхъ на урядъ магистратовій жалованнихъ двухъ деревень Чаусъ и Яковлевичъ, какъ прежде при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого съ краемъ Малороссійскимъ и со всѣмъ народомъ подъ Скипетродержавную Россійскую Руку, такъ и после того были подъ владѣніемъ Ратуша Погарской села и деревнѣ, а именно: Куровь, Суворовь, Чубаровъ, Перегонь, Дешковичи, Лукинъ, Марковскъ, Савичи, Случевскъ, Муравьи, Дарѣевскъ, Гриневка, Городище, Лобки, Бобрикъ и Посудичи, съ которыхъ селъ и деревень для подмоги мѣщанской, на всякіе градскіе расходы собирались хлѣбные

посопи и денежніе годовие поборы, какъ имѣючіесь въ Магистратѣ Погарскомъ записние старинные книги явствуютъ; и содержаны были съ тѣхъ селъ и деревень къ полегченію мѣщанству Погарскому для переходячихъ и переѣзжаючихъ регулярнихъ войскъ всякихъ чиновъ и подъ полковіе тягости конние вмѣсто почтъ стойки; а съ 1731 года разные владѣлцы полку Стародубовского тѣ ратушние села и деревнѣ какъ стали умишленно називать уже не ратушними, но свободними, то отъ оного года села и деревнѣ отойшли безъ имянныхъ, безсмертной славы достойнихъ Всероссійскихъ Монарховъ, Ея Императорского Величества предковъ височайшихъ указовъ за разнихъ владѣлцовъ и тако чрезъ ~~вы~~ше изъясненіи (завладѣнія) всѣ(хъ) какъ на урядъ Магистратовій принадлежащихъ маетностей, такъ и отъ древнихъ векуистихъ годовъ бывшихъ подъ видѣніемъ ратуши Погарской (что нынѣ Магистратъ) селъ и деревень городъ Погарь остался въ краинемъ оскудѣніи и недостаткахъ. Прошлогожъ 729 года хотя Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ владѣніи устроенніи на реке Судости, подъ самимъ городомъ Погаромъ между обосторонними города Погару мѣскими землями текущей, на греблѣ мѣской о двухъ камняхъ млинъ, которій и отъ прежнихъ Гетмановъ: Скоропадского и Апостола, унѣверсалами утвержденъ, но какъ гребля Погарская отъ 1736 году чрезъ силное наводненіе прорвалась и за нерачителствомъ и разногласіемъ устроившихъ на той греблѣ многими владѣлцами своихъ частеи мелницъ въ неучиненіи Магистрату противъ тѣхъ частей спомоществованій даже доселѣ не загачена состоить въ пустѣ, то изъ оной мелницы бывшихъ приходовъ Магистратъ Погарскій лишился вовся. Хотяжъ, въ силѣ вишепрописанной памяти Хлоповой и Гетманскихъ подтвержденій и прежде бывшихъ Малороссійскихъ Коллегій и Генералной Войсковой Канцеляріи указовъ, Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ важницу мѣскую, съ коей съ вещихъ разнихъ товаровъ и протчего денежніи приходи Магистратъ Погарскій получалъ, но въ силѣ имянного блаженния и вѣчно достойния памяти Великія Государини Императрицы Елисаветъ Петровны состоявшогось и въ Правительствующемъ Сенатѣ прошлого 755 года Априля 2 дня напечатан-

ного указа, егда Малороссійская индукта и эвекта и протчіе националние зборы отрѣшены, то и тѣ важничіе приходы доселѣ приустановлены, но токмо подъ присмотромъ Магистрата Погарского содержится та важница, да за опустѣніемъ намѣненной мѣской Погарской гребли на реке Судости отъ Магистрата хотя и устроенъ перевозъ собственнимъ мѣскимъ коштомъ, токмо такъ ни зъ важницы за вѣсъ, яко и съ перевозу почти вовся ничего въ Магистратъ не получается (кромѣ что хто развѣ доброволно дастъ). И такъ Магистратъ Погарскій для ресторацiи и подчинки себе и находячимся при немъ присудствуючимъ урядникамъ, писарамъ и канцелярскимъ служителямъ по отходѣ селъ и деревень и всякихъ доходовъ ничего не имѣетъ. Для того повѣряется вамъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше рабски представя о пожалованiи вишеизображенних отъ Магистрата отшедшихъ селъ и мелницы Савостяновской со всѣми къ нимъ принадлежащими угодiи и о подтвержденiи дву камней млива на реке Судости, универсалами Гетмановъ Скоропадского и Апостола наданнихъ на содержаніе Магистрата и находячихся при немъ урядниковъ и для облегченія и вспомоществованія мѣщанамъ, на украшеніе града церквами Божіими и на призрѣніе бѣдственно страждущихъ вдовъ и сыротъ, нищихъ и убогихъ, неимѣющихъ своего препитанія, ко устроенію богодѣлень и всякихъ гражданскихъ потребностей и протчихъ чистотъ и благопорядочій и на всякіе краине необходиміе нужные росходы, дабы въ томъ Магистратъ Погарскій противъ другихъ Малороссійскихъ упривилѣованнихъ городовъ недостатка и отмѣны не имѣлъ и безнуженъ быть моглъ, по прежнему къ Магистрату Погарскому, и на то всемилостивѣйшей высочайшей Ея Императорскаго Величества жалованной подтвердителной грамоти просить.

2.

Каково имѣемъ мы по предкамъ нашимъ болѣе отъ ста лѣтъ Право Маидебурское, жалованное первоначально отъ Королей Польскихъ, на основанiи онихъ жалованнихъ отъ Великихъ Государей Царей и отъ високославнихъ безсмертнія памяти достойнихъ монар-

ховъ всероссійскихъ грамотъ, книгу Порядокъ, на полскомъ языке зъ латинскимъ напечатанное, коимъ по своимъ волностямъ предки наши судились и нинѣ судимся, употребляя къ оному и книгу Саксонъ; а яко съ тѣхъ правнихъ книгъ на россійскомъ діалектѣ печатнихъ неимѣемъ, что за нужно потребно, для того вамъ повораемъ: просить всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества, дабы повелено было тѣ обѣ Правніе Книги на русскій языкъ подъ Превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества титуломъ перепечатать зъ дополненіемъ въ оніхъ: 1) чтобъ мѣщане по жалобнимъ дѣламъ чрезъ писменніе позва о болшихъ дѣлахъ яко то: о земляхъ, знатнихъ долгахъ, о бояхъ и ранахъ и о протчемъ къ суду Магистратовому призивани были на четиренедельній, а въ случае далней отлучки на шестонеделніе сроки, а по меншихъ дѣлахъ чрезъ слугу магистратового въ Магистратъ сискиванибъ были; 2) чтобъ мѣщане недвижиміе свои добра производили въ продажу другъ другу между собою, а не воинскимъ чиновникамъ, разночинцамъ и козакамъ, съ таковимъ обрядомъ, чтобъ на тѣ продажи купчіе крепости писани были, равнимъ образомъ какъ и Малороссійское шляхетство и козаки между собою чинятъ, съ подписомъ трехъ мѣщанъ рукъ и приложеніемъ ихъ печатей, и оніе при конфирмованіи урядовомъ вѣчне за дѣйствителніе признавани и принимани на всякихъ урядахъ были; 3) понеже многіе чины, не точію шляхетство и козаки, но и вышедшіе зъ мѣщанъ, первіе въ козаки, а потомъ и въ називаючоесь шляхетство, урядниковъ и мѣщанъ города Погару, мужиками и посполитими причитая въ равенство зъ своими подданними, называють и порицають съ немалимъ намъ безчестіемъ и обидою и приключають чрезъ разніе гвалти, нападеніи, бои и въ здоровьи увѣтча, для того побудило насъ поверить вамъ всеподданнѣйше просить височомонаршей милости, чтобъ урядники и мѣщане Погарскіе отъ шляхетства и ни отъ кого другого впредъ мужиками и посполитими непорицани и не безчещени; 4) навязку бъ свою получали, равно какъ и въ привилѣованнихъ городахъ Кіева, Нѣжина, Чернѣгова и Переясловля имѣютъ, и примѣромъ Кіевскихъ и Стародубовскихъ мѣщанъ дозволенно бъ было намъ при шабляхъ ходить въ знакъ

жалованной намъ височайшой Ея Императорскаго Величества на мѣщанское званіе милости; 5) чтобъ всѣ владѣющіе воинского званія разночинцы и козаки по крепостямъ правилнимъ и неправилнимъ мѣщанскими землями, по тяжебнимъ дѣламъ, равножъ и всѣ пріежаючіе купечество, какъ въ привилегіяхъ Королей Полскихъ Магистратамъ жалованнихъ точно изображено, подълеглими били праву Майдебурскому и судились на Магистратѣ, якожъ и въ подтвержденіе о битіи всѣмъ торговимъ людемъ указомъ Височайшимъ блаженной памяти и вѣчной слави достойной Императора Петра Великого, Монарха Всероссійскаго, состоявшійся въ 1721 году Сентябра дня, повелено тожъ по всякимъ дѣламъ купцамъ быть судимимъ въ Магистратѣхъ; 6) чтобъ впредъ въ городъ Погарь отъ главной Малороссійской команди и ни отъ коль въ чини Войтовства Магистратового Погарского нихто зъ воинского званія и ни съ какого другого чина определяеми и насилаеми не били, а вибираеми бъ были въ Войтовство Магистратовое по древнему обикновенію, въ силѣ Майдебурскогожъ жалованного намъ права, въ придаточнихъ артикулахъ напечатанного, между нами от природныхъ и оседлыхъ мѣщанъ Погарскихъ, достойнихъ къ тому людей, а не такъ какъ отъ прошлого 757 году стали насилатись въ Малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погарь, зъ войскового званія Войти, кои не для должного правосудія и градского благопорядочія, но для собственного ихъ обогащенія и користей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе на властяхъ своихъ себе содержать.

3.

Состоящіе въ округѣ Погарскомъ землѣ со всѣми на нихъ застроенними селами и деревнями, футорами и мелницами и тѣми людми, кои на онихъ жителствуютъ со всѣми угодіями, чемъ прежде мѣщане здешніе Погарскіе издавно владѣли, просить во владѣніе Магистратовое и мѣщанское для построенія мѣсто обетшалого нового двора Магистратового, лавокъ и протчіихъ нужнихъ необходимихъ въ городѣ мѣскихъ потребностей, вмѣсто того что оними владѣлцы користуются неподлежаще; также чтобъ и состоящіе за разно-

чинцами по правильнимъ куплямъ отъ мѣщанъ доставшіесь, повелено было отъ Ея Императорскаго Величества: кто оними владѣетъ,— употреблять въ повѣнность мѣщанскую и налагать на оних равно зъ мѣщанами Магистрату податѣ по препорціи тѣхъ земель, а безъ крепостей владѣеміе землѣ и другія угодія отобрать Магистрату и наслѣдникамъ въ прежнее владѣніе отдать, чіи оніи были, и о всемъ на то всеподданнѣйшие просить Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа.

4.

Всѣ владѣлцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинци и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ Погарской жиючіе и тѣхъ подданніе зъ допущенія командующихъ не мѣщанского званія, но воинского, Войтовъ и другихъ старшинъ, поустроили лавки и постоялые доми и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и неотбувають зъ онихъ къ Магистрату никакой общенародной повинности, ни сами отъ себѣ, ни подданнихъ своихъ недопущають отбувать указнихъ дачь, нарядовъ и посылокъ; а отнявши промисли торговіе въ мѣщанъ, сами владѣлци, старшини и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгують и всякое ремесло дѣлають; а и съ того мѣщанству Погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного вспомоществованія не чинять и цехмистромъ по ихъ цеховимъ порядкамъ послушенства, какъ у нихъ имѣющіесь зъ древнихъ годовъ урядовіе и отъ вишшей власти конфирмованніе писменние документа гласятъ, недѣлають; а при томъ инногороднимъ купцамъ и расколничихъ слободъ крестяномъ, доми свои имѣя на мѣщанской землѣ построенніе, отдаютъ въ найма и позволяютъ всякіе товары въ городѣ и въ уѣздахъ покупать и продавать въ розницу и оптомъ въ обиду всему мѣщанству, кои и торгують досель. А Высокомонаршимъ указомъ, состоявшимся въ 1752 г. Октября 30 д., о недопущеніи инногороднимъ купцамъ и всякаго званія людямъ (торговать) въ рознь товары ни подкакимъ видомъ на чужихъ городѣхъ, въ подтвержденіе прежнихъ отъ 1705 года состоявшихся указовъ накрепко

всѣмъ иногородцамъ и разночинцамъ въ рознь торговать, покупать и продавать найстрожайше запрещено съ тѣмъ Высочайшимъ иовелѣніемъ: еслибъ кто въ такой противо указной торговлѣ былъ пойманъ и изобличенъ, въ онихъ тѣ ихъ товары отбирать безъ всякого послабленія безденежно; а будебъ находячіесь и въ услуженіи люде допущени были отъ своихъ хозяевъ къ розничной торговлѣ, то за несмотрѣніе съ тѣхъ хозяевъ штрафа за каждое преступленіе по 1000 рублей взимать за тѣхъ служителей. Да и по состоявшемусь в 1755 году Декабра 14 дня по собственной Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти Великой Императрицы Елисаветъ Петровны конфирмаціи за подписаніемъ Високоправительствующаго Сената указу, розничная продажа вовся отсѣчена. Въ силѣ которихъ Височайшихъ указовъ и таможеннаго устава проситъ вамъ всеподданнѣйше у Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ городѣхъ и во уѣздахъ какъ великороссійскіе и другіе купци въ рознь не покупали и не продавали никакихъ товаровъ, такъ и Малороссійское шляхетство, козаки и старшини козачіи и всѣ разночиньцы и ихъ подданніе отнюдъ ничимъ не торговали, изъ рукъ въ мѣщанъ торговихъ користей не виривали и себѣ не привлекали, а родившіесь бы въ нихъ товары городскимъ жителямъ продавали, а торговъ въ селѣхъ въ уѣзду Погарскомъ не имѣлѣ, всемилостивѣйшого въ подтвержденіе указа.

5.

Прежде сего изъ древнихъ годовъ какъ протчихъ Малороссійскихъ городовъ, такъ и города Погару мѣщанство имѣли свободное въ себе винное куреніе; а въ прошломъ 1761 году за бытіе въ Малой Россіи Гетманомъ Графа Кирила Григоривича Его Сіятелства Разумовского безъименного Вашего Императорскаго Величества указа, таково винное куреніе надъ прежнюю волность и свободу мѣщанству запрещено, а вмѣсто того Малороссійское шляхетство после того запрещенія для своего большаго обогащенія и користей винокурнихъ котловъ противъ прежняго вновь прїумножили, въ немалую

мѣщанамъ обиду. О яковомъ свободномъ винномъ куреніи просить у Ея Императорскаго Величества всевисочайшого дозволительного указа.

6.

Въ имянномъ блаженнія памяти и вѣчной славы достойнія Великой Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, въ прошломъ 1744 году, Іюля 15 дня, состоявшемся указѣ въ 4 пунктѣ изображено: всякіе казенніе доимки, какъ на купечествѣ въ пошлинахъ и на подрядчикахъ и откупщикахъ за неисправленія по контрактамъ и по векселямъ и на протчихъ всякого званія людехъ, такъ недоборы, какогобъ званія они ни были, по оконченнимъ щетамъ на комъ суммою не болшь 500 рублей, кромѣ подушного збору, по тотъ 744 годъ невзискивать и изъ доимки исключить; да имяннимъ Ея Императорскаго Величества прошлого 762 году Сентября 22 дня состоявшимся указомъ по 4-му пункту до 500 рублей всякая доимка прощена. А отъ Полковой Стародубовской Щетной Коммиссіи отъ Магистрата Погарского по комисарству порціонние и раціонние доимки за удоволствомъ полковъ и другихъ командъ за прежніе года взискуются къ немалому и несносному мѣщанству отягощенію. Чего ради поручается вамъ всеподданнѣйше просить въ Ея Императорскаго Величества, чтобъ таковихъ доимокъ зъ города Погару въ силѣ вишеизображенних указовъ впредъ было невзискивано, всемилостивѣйшого подтвердителного указа.

7.

Въ высочайшемъ указѣ блаженния и вѣчно достойной памяти Великого Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, о винтеръ квартирахъ въ Гетманскомъ Региментѣ въ 1722 году генваря 8 дня состоявшимся, по прежнимъ Правительствующаго Сената приговорамъ сентября 26, декабря 14 чиселъ 720 году, регулярние полки Всемилостивѣйше повелено квартерами ставить, не обходя никого: ни гетманскихъ, ни полковничихъ, ни

старшинскихъ, ни козачихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколщиковъ; цѣлимижъ ротами въ однихъ мѣстахъ не ставить, а ставить сколко гдѣ надлежить, толко не менше капралства; конюшень вновь не дѣлать, а содержать тѣхъ драгунскихъ лошадей въ сараяхъ здешнихъ обытателей, каковіе въ нихъ есть, развѣ гдѣ такихъ не будетъ, то дѣлать и вновь толко такіе, въ которихъ можнобъ было содержать капралство лошадей; у заслуженнихъ особъ, у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины, у поповъ и у церковниковъ на дворѣ ихъ, гдѣ сами живуть, кватеръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ и на подворкахъ, также и въ подданнихъ, ставить, отнюдь не виключая никого; какъ за драгуны, такъ и оберъ и штапъ офицеры смотрить, чтобъ собою квартиръ не занимали, лишняго провіянта и фуража и дровъ не имали, и ничего сверхъ опредѣленного указами отнюдь не запрашивали, и ни вчемъ отягощенія малороссійскимъ обивателямъ не чинили. Нынѣ же по ордерамъ Полковой Стародубовской Канцеляріи сотенная Погарская старшина регулярнихъ полковъ штапъ и оберъ офицерства, карабинернихъ и пехотнихъ полковъ чиновниковъ и рядовыхъ и полковыхъ служителей, въ отмѣнность того высочайшаго указа, минуя не токмо козачіе доми, разночинскіе, шинки, подварки и ихъ подданическіе двори, вибирая саміе лучшіе по городу мѣщанскіе дворы, не смотря очереди, где хотятъ по всему мѣщанству по своей волѣ, минуяжъ уѣздніе села и деревни и защищая своихъ и другихъ владѣлцовъ сѣлскихъ подданнихъ, отводятъ и разставливаютъ; а на конюшнѣ саміе лучшіе товарние мѣщанскіе амбары занимають, въ немалую мѣщанскую обиду и всекрайнѣишее утѣсненіе. И чтобъ въ томъ города Погару одни урядничіе и мѣщанскіе дворы таковими постоями впредъ безъ очереди незанимами были, а равнобъ поставляно было во владѣльческихъ и всякихъ разночинскихъ и козачихъ домахъ, Вамъ повѣряется всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества, чтобъ повелено было квартируючихъ офицеровъ и рядовихъ въ городѣ Погарѣ самому Магистрату по мѣщанскимъ и всякого званія людей дворамъ безъ вистатченія дровъ, свечей и протчего, что нынѣ сверхъ рублевого окладу взимаются,

квартери отводить, а въ уѣздних селахъ и деревняхъ отъ сотенной команди разставливать, чтобъ не въ одномъ городѣ Погарѣ квартери занимани были.

8.

Чтожъ благоразсудно славной Ея Императорскаго Величества арміи Генераломъ Аншефомъ, Губернаторомъ, Малороссійской Коллегіи Президентомъ и кавалеромъ, Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Г-мъ Румянцовымъ, рублевій окладъ въ Малой Россіи учрежденъ на удовольствіе полковъ, то мѣщане Погарскіе будучи тѣмъ довольни, повѣряемъ всемъ всенижайше просить у Ея Императорскаго Величества високоматерняго милосердія и помилованія, чтобъ сверхъ того учрежденного платежа никакихъ окладовъ съ мѣщанъ впредъ не собиранобъ было, да и отъ всякихъ до сего бывшихъ и впредъ случаючихся работъ былибъ свободни; да и чрезъ послѣдовавшую въ Малой Россіи въ прежнихъ годахъ чрезъ изяденіе саранчею, а паче что сряду чрезъ пять лѣтъ за неурожаемъ озимого и ярового хлѣба скудость и небывалую до сель въ цѣнахъ дорожству, къ томужъ зъ допущенія Божіяго отъ ежечастнихъ пожарнихъ случаевъ, гражданомъ бедность приключилась, хотя малийшаго въ облеченіе всенижайше просить помилованія.

9.

Состоявшимся Ея Императорскаго Величества за собственно ручнимъ подписаніемъ 1763 года декабря 10 д. и обнародованнимъ Малороссійскому народу манифестомъ соблагоизволено по нашимъ правамъ и вольностямъ съ мѣста на мѣсто свободній переходъ по прежнему имѣть, всемилостивѣйше, въ согласіе имянного височайшаго блаженнія и вѣчно достойнія памяти Великія Государыни Императрицы Елисаветѣ Петровны, самодержицы всероссійской въ прошломъ 1742 году августа 18 дня состоявшаго указа, подтвердить, и високоматернею милостію дозволено малороссійскому народу стародавною волностію и прежними обикновеніи своими въ свободномъ переходи, какъ прежде ползовался, такъ безъ всякой неволѣ по оному высочайшему манѣ-

фесту ту же свободу имѣть и до указного (на представленіе отъ бывшаго Малороссійскаго Гетмана, Графа и Кавалѣра, Кирила Григоріевича Его Сіятельства Г-на Разумовскаго, Высокоправительствую-Сената съ напечатаніемъ Малороссійскихъ статутовихъ правнихъ артикуловъ) запрещенія безотмѣнно содержано было. А съ того времени, егда кто съ посполитого народа, яко то зъ маетностей владѣлческихъ и другихъ местъ Малороссійскіе Государевы свободніе люде, по тѣмъ своимъ природни́мъ прежнимъ волностямъ и найпаче которіе неимѣютъ своихъ прямихъ осѣдлостей, а проживаютъ токмо въ хозяйскихъ хатахъ для прокормленій заработками, переходятъ съ мѣста на мѣсто, между чемъ и въ городъ Погаръ на жилля и по своимъ бедностямъ первія у мѣщанскихъ дворахъ и подворкахъ живутъ, после же мѣщанскіе дворики, чрезъ работизненніи свои труда купя, подъ вѣдомствомъ Магистратовимъ жить желаютъ, то таковихъ, желающихъ въ Погарѣ жительства имѣть, усиловуются владѣльци со всѣми ихъ собственними нажитки на прежнее свое подневолніе житіе сискивать, неразсуждая того, что тѣ переходячіе всѣ свои собственние осѣдлые и природние въ подданство отданіе грунта и протчіи угодіи при ихъ же владѣльцахъ оставляютъ, и оними единственно сами тѣ владѣльци, получая прибилѣ, користуются, да не будучи тѣмъ довольни, тѣхъ жиючихъ въ нихъ свободнихъ народа Малороссійскаго людей, какъ бы крепостнихъ во вѣчность имъ отданнихъ, отъ Магистрата надъ волность вѣчную сискиваютъ, и тѣмъ оніе владѣлци не точію той свободности не охраняютъ, но отваживаются въ отмѣнность Височайшихъ повелѣній, денегъ пожилихъ, примерно крепостнихъ Великороссійскихъ крестянъ напрасно искать; чего ради всеподданнѣйше повѣраетсяя вамъ просить Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ силѣ вышеупомянутихъ всемилостивѣйшихъ о свободномъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу переходѣ указовъ, кто въ городъ Погарь волній малороссійскаго народа человѣкъ самъ или изъ семъею своею на жиллѣ перейдетъ, таковимъ дозволенобъ жить подъ вѣдомствомъ Магистрата Погарскаго, безъ отисканія онихъ владѣлцами на прежніе жилля, свободно.

И о всѣхъ вишеписаннихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ донести Ея Императорскому Величеству, на всевисочайшую Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Високомонаршую волю, всеподданнѣйше рабски во всемъ предаемся.

1767 года мая 29 дня.

X.

1767.

Наказъ жителей города Стародуба.

Въ силу Ея Императорскаго Величества высочайшаго Всемилостивѣйшаго указа, гражданству Стародубовскому обнародованного, и приложеннаго при ономъ обряда, отъ насъ, того города гражданъ, выбранному въ коммиссію, въ столицы Ея Величества о сочиненіи проэкта нового уложенія учрежденную, Депутату, Магистрата Стародубовского Буймистру, Данилѣ Родинскому,

наказъ.

Привилеемъ Короля Польского Третьего Жигмонта, въ року 1620-мъ февраля 15 дня на волности и Магдебурское право даннымъ мѣщанамъ Стародубовскимъ, на вѣчные и потомные часы всѣмъ мѣщанамъ Стародубовскимъ торги, гандле и всякіе купеческіе промыслы имѣть позволено и утверждено купцомъ перекупнымъ, ремесленникомъ, шинкарямъ и всякого званія мѣскимъ людемъ, да естьлибы якои кольвекъ кондиціи человѣкъ, либо шляхтичъ, либо козакъ запорожскій, домъ, городъ альбо грунтъ мѣскій Стародубскій якъ кольвекъ набувъ, либо гандлемъ, шинкомъ и ремесломъ якимъ кольвекъ въ томъ мѣстѣ Стародубѣ забавлялся, быть подлеглымъ праву Магдебурскому и уряду мѣскому Стародубовскому и повинности мѣскіе поносить; купцамъ пріѣзжимъ, ремесленникамъ, перекупнымъ и иншимъ людямъ, которые бъ, изъ иныхъ мѣстъ до Стародуба пріѣхавши, збытокъ альбо выступокъ якій пополнили, албо чимъ кольвекъ противу слушности и права поступили, быть потомужъ подъ су́домъ уряду мѣского стародубовского, и о прибытіи своемъ до

мѣста, на томъ же мѣстѣ ознаймовать, а товари свои въ дому мѣскомъ гостинномъ складать; Войта избирать съ межи себе доброго человѣка, способного и умѣснаго и присылать до Его Королевского Величества для подверждѣнія его уряду; каждому мѣщанину напоемъ домовымъ и иностраннымъ шинковать безъ всякого препятствія; на войтовство Стародубовское уволокъ двадцать съ подданными и млиномъ, на Бурмистровъ пятнадцать уволокъ, на писара уволокъ шесть, да на хуторъ ратушный двѣ деревни со всѣми принадлежностми и пожитками до скринки мѣскои, а надъ тое всѣ сборы до той же скринки на мѣскіе потребы, торговое отъ всякихъ вещей привозныхъ и отъ пашенъ, также и важчое отъ ваги, вѣчно надано; дворъ гостинный въ мѣстѣ, баню посполитую, рѣзницкіе ятки устроить уряду мѣскому Стародубовскому, и отъ того всего доходы, также отъ купцовъ взглядомъ ихъ купечества, отъ рѣзниковъ, пекаровъ и всякихъ ремеслениковъ, ведлугъ общаго постановленія, въ рокъ до скринки мѣской отбирать уряду мѣскому, то есть Магистрату, и съ тѣхъ приходовъ въ мѣстѣ дзегаръ содержать повелѣно; да и млинъ, подъ самимъ мѣстомъ, на рѣкѣ Бабинцу стоячій, до той же скринки мѣской надано. Блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамотою, по челобитью Стародубовского Войта Андрея Шабловского и всѣхъ мѣщанъ, отъ созданія міра въ 7174-мъ году ноября 29 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ стародавное ихъ право и вольности утверждено, и ихъ, мѣщанъ, Височайшею Его Царского Величества милостію впредъ обнадежено; за силу которой Высочайшой грамоты и привилегія, граждане города Стародуба, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоящіе, по Магдебурскому праву всякіе росправы имѣли и имѣютъ.

По вышепрописанной королевской привилегіи явственно, что въ то время, какъ та привилегія мѣщанамъ на право и вольность ихъ дана, въ городѣ Стародубѣ, кромѣ мѣщанства, другаго званія людей осѣдлости не было, и всѣ тѣ мѣщане состояли въ вѣдомствѣ уряду мѣского. А нынѣ въ томъ городѣ подъ вѣдѣніемъ Маги-

страта мѣщанъ осталось малое число; но большимъ числомъ бывшія въ вѣдѣніи того Магистрата мѣщанскіе дворы, ихъ пашенные и сѣнокосные земли и другіе принадлежащіе мѣсту угодія, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ, владѣльцамъ, попамъ и другаго званія людямъ, въ Стародубѣ на мѣской землѣ, такожъ и въ другихъ мѣстахъ жительствующимъ, во владѣніе съ подъ вѣдѣнія Магистратского одошли, коими иные сами, а другихъ наслѣдники, владѣя и имѣя нѣкоторые зъ владѣльцовъ и другаго званія людей въ Стародубѣ торги и промислы, никакого гражданамъ, подъ вѣдѣніемъ нынѣ магистратскимъ состоящимъ, въ гражданскихъ нужностяхъ и малѣйшаго вспоможенія не чинять и подъ правомъ Магдебурскимъ не состоять. Да и живущіе въ нѣкоторыхъ многихъ мѣщанскихъ, за владѣльцами и другаго званія людьми состоящихъ дворахъ, за наемъ, бывшіе прежде мѣщане и зашедшіе съ другихъ мѣстъ люде имѣютъ же свободный торгъ и промыслъ, а въ вѣдѣніи магистратскомъ не состоятъ же, и состоящему нынѣ подъ вѣдѣніемъ оного Магистрата гражданству въ нуждахъ ихъ градскихъ никакого вспоможенія не чинятъ, но, по защитѣ ихъ хозяевъ, отъ того въ свободѣ до сего состояли и нынѣ состоятъ. Да и съ прежде бывшихъ же мѣщанъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоявшихъ, нѣкоторые немалымъ числомъ отойшли въ званіе козачое и пушкарское, и живя въ тѣхъ же дворахъ, въ коихъ они и до того жительство имѣли, а другіе, покупя мѣщанскіе дворы, мѣщанскими грунтами и другими угодіями владѣютъ и разные купеческіе промыслы, такожъ винное куреніе и шинки разного напою содержать, а никакихъ обще съ мѣщанами Магистрату гражданскихъ повинностей не отбываютъ, а щитятъ себе иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ, съ чего оставшимся нынѣ въ вѣдѣніи Магистратскомъ Стародубовскомъ мѣщанамъ въ торгахъ и промыслахъ препятствіи и обида слѣдовали и нынѣ есть, потому съ нихъ нѣкоторые во оскудѣніе пришли и дворы свои жилые, такожъ грунта, спродать разнымъ чинамъ принуждены.

2.

Во мѣсто жалованныхъ вышепрописаннымъ королевскимъ привилегіумомъ на Войта Стародубовскаго двадцати уволокъ, прежніе Воиты, по уряду ихъ (какъ зъ данного въ 1709 году Сентября 15 дня отъ Гетмана Скоропадского универсала явственно), владѣли двома селами: Озаровкою и Сининомъ. А съ того году бывшій Войтъ Демянъ Ермолаевичъ владѣлъ уже только однимъ селомъ Озаровкою, а Сининомъ владѣла бывшого до его, Ермолаевича, Войта Спиридона Ширая жена; а нынѣ онымъ Сининомъ наслѣдники ея владѣютъ, нынѣшній же Войтъ владѣетъ только половино(ю) села Озаровки.

А вмѣсто по той привилегіи жалованныхъ на Бурмистровъ пятнадцати уволокъ, по надачѣ прежде бывшими Гетманами, во владѣніи всѣхъ обще урядниковъ Магистратскихъ, то есть: двухъ Бурмистровъ, двухъ Райцовъ и двухъ Лавниковъ, состоятъ въ Стародубовскомъ уѣздѣ два села: Хустичи и Сергіевскъ, съ которыхъ отъ тамошнихъ жителей въ годъ чиншового получается платежа только сто сорокъ четыре рублей, съ коихъ денегъ урядникамъ въ годъ, въ коемъ они въ Магистратѣ присудствіе имѣютъ (яко они, по стародавнему мѣскому обыкновенію, по третій годъ другими къ присутствію перемѣняются), на ихъ содержаніе по раздѣлу доводится получать каждому Бурмистру тридцать шесть рублевъ, Раицѣ двадцать четыре рублей, а Лавнику дванадцать рублей; якими деньгами они, урядники, имѣя всегдашнее въ Магистратѣ присутствіе и чрезъ то лишась торга и промысла, продовольствовать себе крайне не могуть, но уже тотъ годъ, въ коемъ присутствіе имѣютъ, снабдѣваютъ они себе нужно тѣми прибыльми, а и не чрезъ два года, въ коихъ они въ Магистратѣ не присутствуютъ и торга и промысла получить могутъ.

Во владѣніи Писаря шесть уволокъ, также и при Магистратѣ на хуторъ двѣ деревни за силу прописанной Королевской привилегіи въ прежнихъ давнихъ годахъ слѣдовательно были, но оныхъ уже въ Писаря и при Магистратѣ здавна не имѣется, и гдѣ оные уволоки и деревни положеніе свое имѣютъ, за утераніемъ, во время

бывшого въ давнихъ годѣхъ отъ Литовскихъ людей разоренія, государственныхъ жалованныхъ грамотъ, о коихъ и въ вышеприсанной, отъ созданія міра въ 7174 году данной, жалованной грамотѣ изображено, и прежнихъ давнихъ Гетмановъ универсаловъ, знать не можно, и за умертвіемъ старожиловъ, справки о томъ забрать не съ кимъ. Писару жъ Магистратскому жалованья производимо было и нынѣ производится по годно денегъ тридцать рублей, жита шесть четвертей да пшеницы двѣ четверти, изъ приходовъ зъ мельницы, вышеписаннымъ королевскимъ привилегіемъ къ Магистрату наданной, на рѣкѣ Бабинцу имѣючойся, бывающихъ; которимъ жалованьемъ тотъ Писарь, яко уже онъ, по бытію его касающихся дѣлъ, торга и промисла не имѣетъ, снабдѣваетъ себе съ нуждою. Протчіежъ, по вышеизображенной привилегіи на мѣскіе потребы къ Магистрату жалованные приходы, хлѣбные и денежные, отъ состоянія Высочайшой блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вышезначащоися грамоты, уже кромѣ ваговаго, которое отъ вѣсовъ Магистратъ въ устроенной отъ тогожъ Магистрата важницѣ, на мѣскіе необходимые расходы получаетъ, собираны въ казну Его Величества, а за жизни блаженныя и вѣчнои славы достойныя памяти Великія Государини Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, по Высочайшому Ея Величества милосердію тѣ зборы отставлены и не собираются. Потому, нетокмо тому магистратскому Писару, къ безнужному его снабдѣнію, въ жалованьи прибавки учинить, но и дзегаря въ городѣ Стародубѣ и другихъ необходимихъ Магистратскихъ нужностей содержать не съ чего.

Мельница вышезначащась, на рѣкѣ Бабинцѣ, помянутою королевскою привилегіею къ Магистрату во вѣчность на расходы мѣскіе хотя вся надана и утверждена, однакъ только зъ двухъ частей въ Магистратъ на необходимые нужные расходы прибыли получаются, а третей части таковы прибыли нынѣшній повѣту Стародубовского Подкоморій Михайло Ширяй, которого умершій дѣдъ Спиридонъ Ширяй былъ въ Стародубѣ Войтомъ, получаетъ. А по какимъ

обстоятельствамъ та часть мельницы во владѣніи его Ширяя состоить, о томъ при Магистратѣ вида не съискуется.

На базарномъ мѣстѣ, близъ полисаду, гдѣ торги и ярманки бываютъ, къ продажѣ ѣстныхъ и питейныхъ потребъ и другихъ надобностей, не токмо амбары, но и жилые избы и дворы самовольно, а въ самомъ городѣ и крамные лавки и амбарчики нѣкоторые владѣльцы и козаки устроили, и за наемъ оныхъ получаютъ себѣ прибыль, а Магистрату на мѣскіе расходы никакова платежа не чинять.

Въ состоявшемся въ минувшемъ 1755 году декабря въ 1-й день таможенному уставѣ повелѣно въ главѣ шестой: „Пріѣзжимъ во всѣ города изъ другихъ городовъ купцамъ, товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена; и продавать оные товары тамошнимъ гражданамъ и пріѣзжимъ купцамъ обтомъ, а врознь на чужихъ городахъ отнюдъ не продавать“. Да въ десятой главѣ по четвертому пункту: „Крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ, а не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимихъ нуждъ, по приложенному при томъ реестру по званіямъ товарами, мелочнымъ ядломъ, торговать, и которыхъ де въ деревняхъ недѣлается, покупать въ городахъ и на ярмонкахъ и съ лавокъ; а окромѣ тѣхъ товаровъ другими, також въ городахъ и слободахъ городскихъ, и кои слободы и села отъ городовъ разстояніемъ не далѣе пяти верстъ, отнюдь не торговать“.—Въ городѣ же Стародубѣ иногородные купцы, иные сами, а другихъ прикащики, привозя товары, продаютъ мимо гражданъ пріѣзжимъ же купцамъ и другого званія людемъ врознь; такожъ, купя въ Стародубѣ и въ уѣздѣ оного во владѣльцовъ и другого званія людей товары, въ нихъ родящіесь, якото: пеньку, медъ, воскъ, олей, всякій звѣрь и протчое, отпускаютъ къ порту; а на то и зъ Великороссійскихъ купеческихъ людей и крестьяне описныхъ раскольничіихъ слободъ, въ Стародубовскомъ полку находящихся, нѣкоторые, въ томъ городѣ покупивъ мѣшанскіе, а другіе разного званія людей нанявъ дворы, живутъ и всякіе купеческіе торги и промыслы имѣютъ не продажею

обтомъ но врозвь. Да тѣжъ слободскіе крестьяне въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ; а въ слободахъ раскольничіихъ, не по большимъ дорогамъ состоящихъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ въ недавнихъ годѣхъ заведены торги и ярманки, и тамошнихъ же слободъ крестьяне торгуютъ, кромѣ показанныхъ въ таможенномъ уставѣ по реестру товаровъ, портовыми, крамными и иностранными товарами. Отчего въ городѣ Стародубѣ торги и ярманки умалились, а купцамъ и промышленникамъ того города чинится въ купеческомъ производствѣ помѣшательство и убитокъ; да и не за присылкою на торги въ городъ Стародубъ тѣхъ селъ и деревень, кои не въ дальности отъ тѣхъ слободъ и селъ, въ которыхъ торги и ярмарки бываютъ, обивательми озимого и ярового хлѣба, дровъ, сѣна и протчихъ потребностей, въ томъ городѣ Стародубѣ недостатокъ происходитъ.

Ростовскому карабинерному полку, какъ гражданству Стародубовскому извѣстно, опредѣлены квартиры вѣчно въ Стародубѣ, якій полкъ, зъ вступленія его въ Стародубовскій полкъ, имѣлъ винтеръ-квартеры съ 1764 на 765 годъ въ городѣ Стародубѣ и въ уѣздахъ Стародубовского полку по шквадронно, съ 765 на 766 въ единомъ городѣ Стародубѣ помѣщался; истекающей же винтеръ-квартеры, оного Ростовского полку въ другіе Стародубовского полку городы, яко-то: Погаръ и Почепъ, выведено на квартиры только два эскадрона, а три и генералитетъ изъ его штабомъ въ Стародубѣ состоятъ. А кромѣ того полку, другихъ регулярныхъ полковъ командамъ, чрезъ Стародубъ переходячимъ и переѣзжающимъ, и по рознымъ коммиссіямъ разного чина людемъ бывающимъ гражданскіе дворы въ постои отводимы бываютъ, и тѣмъ гражданству Стародубовскому происходитъ утѣсненіе, а въ торгахъ и промыслахъ не малое помѣшательство и остановка. А тѣ Стародубовскіе граждане до сего, во время бывшей Пруской войны, чрезъ квартированіе и переходъ чрезъ Стародубъ многихъ Россійскихъ войскъ, немалое уже терпѣли утѣсненіе.

Въ облегченіе происходившаго Малороссійскому народу отъ довольствія натурою опредѣленныхъ къ беззаплатному отъ того Малорос-

сійского народа довольствію армейскихъ и компанейскихъ полковъ бывшаго обтяженія, отъ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного Командира и Малороссійской Коллегіи Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова учинено полезное и неотяготительное тому народу распоряженіе, чтобъ на исправленіе покупкою къ продовольствію тѣхъ полковъ провіанта и фуража, по квартально съ хатъ тѣхъ, кои къ дачамъ состоятъ, съ каждой добирать въ годъ только по одному рублю, что и собирается. Каковымъ Его Графского Сіятельства, яко учиненнымъ въ облегченіе народныхъ нужностей и недостатковъ, распоряженіемъ граждане довольны.

До 1740 году въ Стародубѣ лекаря такова, кой бы жалованья отъ Магистрата съ приходовъ оного либо отъ гражданъ могъ получать, не было; а съ того году опредѣленъ въ городъ Стародубъ полковый лекарь Иванъ Кобсъ, которому перво отъ одного Магистрата Стародубовского, зъ бывшихъ приходовъ зъ важницы, чрезъ нѣсколько годовъ, а потомъ уже отъ трехъ Магистратовъ, яко-то: Стародубовского, Погарского и Мглинского, съ повелѣнія зъ бывшой Генеральной Войсковой Канцеляріи, производилось жалованье въ годъ по сту сорокъ четыре рубли; нынѣшнемужъ, въ томъ городѣ находящемусь полковому лекарю Петру Адольфу Келлеру, за силу указа Малороссійской Коллегіи, такова жалованья едному Стародубовскому Магистрату,—потому, что уже зъ важницы приходу никакова нѣтъ, а бываемые въ оный Магистратъ съ вышеприсанной мельницы, зъ двухъ частей прибыли на необходимые мѣскіе расходы, яко то: на производство годового Магистратскому Писарю, подпискамъ и служителямъ жалованья, да на покупку въ оной же Магистратъ дровъ, бумаги, сургучу, свѣчей и протчихъ необходимыхъ нужностей, едва могутъ ставать,—брать не откудова.

Издревле при Стародубѣ и между поселянами мѣщанскими для выпуску и пастьбы скота имѣли свободные мѣста и заросли; но отнынѣ, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ разными чинами самовольно завладѣны, а едно мѣсто, называемое Березовка,

къ артиллеріи полковой отобрано, и потому въ пастьбѣ лѣтнимъ временемъ скота гражданского, и переѣзжающимъ во время ярмонковъ купцамъ и другимъ иногородцамъ, въ продовольствіи ихъ скота, состоитъ немалая нужда.

Мѣщане Стародубовскіе, по ихъ вольности и по стародавному обыкновенію, винное куреніе свободно производили, всякъ кто зъ нихъ имѣлъ къ тому желаніе, для полученія себѣ съ того, къ своему продовольствію и для отбуванія общенародныхъ повинностей, прибыли; на потребы мѣскіе къ Магистрату Стародубовскому, надано Гетманомъ Скоропадскимъ 1717 году марта 18 млины: въ селѣ Газукахъ на рѣкѣ Виблѣ о единомъ колѣ, въ селѣ Шаршавичахъ на рѣкѣ Росусѣ о двухъ колахъ, въ селѣ Артюшкахъ о едномъ колѣ, да въ Вистриковѣ о едномъ же колѣ,—которые надачи тѣхъ млиновъ зъ универсала Гетмана Данила Апостола, данного въ 1728 году ноября 7 явственно; которые млины, кромѣ артюшковского, находятся зъ давнихъ лѣтъ, по причинѣ той, что свободные села и деревни, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоявшіе, коихъ селъ обывательми означенные млины подчиняемы были, разныхъ чиновъ людемъ розданы, находятся въ пустѣ, а съ Артюшковского млина хотя въ Магистратъ получается розмирового хлѣба весьма малое число, но и то на подчинку тогожъ млина, по неимѣнію чѣмъ оного подчинить, употребляется.

За мимошедшіе нѣкоторые годы, на мѣщанахъ Стародубовскихъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоящихъ, коммисарского и другого збору денежные доимки взыскуются; и тѣ деньги остались не на ихъ, но на иныхъ въ тѣхъ годѣхъ бывшихъ мѣщанахъ, съ которыхъ иные змерли, а другіе безвѣстно зъ Стародуба посходили, и наслѣдниковъ ихъ въ Стародубѣ съискать не возможно; и ежели оные деньги за тѣхъ измерлыхъ и безвѣстно изшедшихъ тѣмъ, нынѣ подъ вѣдомствомъ магистратскимъ состоящимъ мѣщанамъ уплатить, то они могутъ притти въ отбуванію квартальныхъ рублевого оклада денегъ и въ снабдѣніи себѣ во изнеможеніе.

Вышеизображенною Королевскою привилегіею утверждено: мѣщанамъ Стародубовскимъ Войта зъ межи себе выбрать съ прирожо-

ныхъ тамошнихъ; а нынѣжъ въ томъ городѣ Войтъ Войсковый Товаришъ Петръ Грозинскій находится, не по выбору гражданскому и не изъ мѣщанъ тамошнихъ прирожоныхъ.

А понеже за силу Высочайшого именного Ея Императорского Всепресвѣтлѣйшего Величества Всемилостивѣишаго указа, кой въ городѣ Стародубѣ обнародованъ, въ коммисію, въ первостольномъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городѣ Москвѣ учрежденную, о сочиненіи проэкта новаго уложенія, отъ насъ, того города гражданъ, выбраны вы Депутатомъ; для того сей наказъ и при ономъ зъ вышепрописанныхъ: Высочайшія, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, отъ созданія міра въ 7174 году ноября 29 дня,—Короля Польского Третяго Зигмонта привилегіи въ 1620 году февраля 15 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ на вольности и право Макдебурское жалованныхъ,—да зъ универсаловъ отъ бывшихъ Гетмановъ: Ивана Скоропадскаго, въ 1709 году сентября 15-го, Данила Апостола, въ 1728 году ноября 7-го дня данныхъ, вѣрные копіи, и къ Ея Императорскому Всепресвѣтлѣишому Величеству отъ насъ рабское всеподданнѣйшее о вышепрописанномъ всемъ представленіе съ прошеніемъ вамъ препоручается; и вы, принявъ оные, за прибытіемъ въ первостоличный Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества городъ Москву, имѣете оное всеподданнѣйшее наше прошеніе въ высокоправительствующемъ Сенатѣ поднесть, и яко согражданинъ нашъ, къ общей нашей гражданской пользѣ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Всевисочайшаго и Всемилостивѣйшаго матерняго милосердія и конфермаціи всеподданнѣйше просить:

О утвержденіи Стародубовскимъ гражданамъ прежнихъ вольностей о Макдебурского права и о бытіи всѣмъ гражданамъ и пріѣзжимъ въ тотъ городъ купцамъ и промышленникамъ и другого званія людемъ въ судахъ и росправахъ и во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского.

О перепечатованіи Макдебурского права съ Польскаго на Россійскій языкъ, подъ превисочайшимъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества титуломъ.

О пожалованіи вѣчне на урядъ войтовства Стародубовского двухъ селъ и мельницы, какъ и прежде бывшіе до Демьяна Ермолаевича Стародубовскіе Войты владѣли, а на Писара Магистратоваго шести уволокъ, да на хуторъ Магистратскій—двухъ деревень, и о прибавленіи Магистрата Стародубовского урядникамъ, къ ихъ безнужному содержанію, жалованья.

О выводѣ зъ города Стародуба иногородныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, такожъ и раскольниковъ, кои тамъ въ городѣ жительствуютъ, и о запрещеніи имъ и другимъ иногороднымъ купцамъ въ томъ городѣ ничего врознь не продавать и въ уѣздѣ того города во владѣльцовъ и другаго званія людей родящихся товаровъ, якото: пеньки, меду, воску, олеи, всякихъ звѣрей и протчаго ни явно, ни тайно не куповать, да и владѣльцамъ и другаго званія людемъ, въ Стародубовскомъ полку жительствующимъ, никакихъ товаровъ какъ самимъ не покупать, такъ иногородскимъ купцамъ и раскольникамъ не продавать, а продавать здѣшнимъ гражданамъ.

О небытіи впредъ ярманкамъ и торгамъ въ раскольничіихъ слободахъ и селахъ, въ Стародубовскомъ полку имѣющихся, въ недавнихъ годѣхъ заведенныхъ.

О имѣніи впредь Ростовскому карабинерному полку въ другихъ въ Стародубовскомъ полку имѣющихся городахъ и принадлежащихъ къ нимъ уѣздахъ поочередно винтеръ-квартированія для обывательского облегченія по шквадронно, или на форпостахъ въ ономъ же Стародубовскомъ полку, гдѣ полкъ Псковскій карабинерный состоитъ, и о переведеніи того Псковского полку въ опредѣленныя ему въ Малороссійскомъ Полтавскомъ полку вѣчные квартиры.

О увольненіи Магистрата Стародубовского отъ платежа въ Стародубѣ находящемуся полковому лекарю жалованья.

О привернении по прежнему къ городу въ общенародную пользу издавна бывшихъ для выпуску и пастьбы скота свободныхъ мѣстъ, кои самовольно разными чинами завладѣнны и къ артилеріи здѣшней отобраны.

О свободномъ Стародубовскимъ мѣщанамъ по прежнему винномъ куреніи.

О невзысканіи съ мѣщанъ комисарскихъ и другихъ доимокъ.

О утвержденіи на мѣскіе расходы мельницы одной всей, королевскою привилегіею на рѣкѣ Бабинцѣ жалованной, а четырехъ— Газуцкой, Шаршавицкой, Артюшковской и Вистриковской, Гетьманами наданыхъ, къ Магистрату Стародубовскому вѣчно.

О зборѣ по прежнему въ Магистратъ на мѣскіе жъ расходы зъ важницы мѣской вагового.

О небытіи нынѣшнему здѣшнему Воиту на томъ урядѣ; а о избраніи, въ силу прописанной королевской привилегіи, другаго зъ межи насъ, гражданъ, пригодного гражданина, къ тому уряду способного.

Ни подлинномъ подписано тако: мѣщанинъ Василь Петрила, мѣщанинъ Димитрій Ляшевка, мѣщанинъ Леонтей Животкевичъ, мѣщанинъ Степанъ Антроповъ, магистратовый Писарь Кондратъ Пашкевичъ, мѣщанинъ Терентей Спасиба, раица Алексѣй Кункевичъ, мѣщанинъ Романъ Кибалмичъ, козакъ Романъ Брезкунъ, раица Никита Ивановъ, лавникъ Федосей Евтифьевъ, мѣщанинъ Семенъ Скопецъ, мѣщанинъ Лазарь Васковичъ, мѣщанинъ Якимъ Солодовникъ, мѣщанинъ Гаврило Цалабанъ, мѣщанинъ Петро Попольскій, мѣщанинъ Семенъ Чумаковъ, мѣщанинъ Петро Брезкунъ, мѣщанинъ Романъ Киболкинъ, мѣщанинъ Григорей Щербиновичъ, мѣщанинъ Петро Чечуй, мѣщанинъ Степанъ Спасиба, мѣщанинъ Степанъ Софроно, мѣщанинъ Петро Постолникъ, мѣщанинъ Иванъ Софроно, мѣщанинъ Іосифъ Нечаевъ, лавникъ Федоръ Коробовскій, мѣщанинъ Григорей Ладуха, мѣщанинъ Афанасей Бордиковскій, мѣщанинъ Власъ Гапеевъ, лавникъ Петръ Гафмарешъ, мѣщанинъ Алексѣй Криница, мѣщанинъ Марко Слесарь, абшитованный сотникъ Федоръ Прожика, райца Петро Ростургуй, лавникъ Семенъ Худыня, мѣщанинъ Алексѣй Гамзуль, мѣщанинъ Иванъ Худыня, козакъ Иванъ Мойсеевъ сынъ Мишковъ, значковый полку Стародубовского Товаришъ Леонъ Денбовскій, мѣщанинъ Козьма Дмитріевъ, мѣщанинъ Яковъ Коменокъ, мѣщанинъ Дорофей Медвѣдовъ, мѣщанинъ Алексѣй Гончаръ, мѣщанинъ Федосъ Поджарка, козакъ Степанъ Квитка, мѣ-

щанинъ Яковъ Ятрилокатовъ, мѣщанинъ Гаврило Филько, мѣщанинъ Илья Насека, мѣщанинъ Егоръ Полешодъ, мѣщанинъ Илья Гаменда, мѣщанинъ Григорій Чумаковъ, мѣщанинъ Иванъ Кащенокъ, мѣщанинъ Тимофей Злотниковъ.

XI.

1767.

Наказъ жителей города Полтавы.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Возшествіе Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Императорскій престолъ мы вѣрноподданніе рабы почитаемъ за особливій промислъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственного нашего благополучія. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше опитомъ доказать уже соизволили Височайшее Свое матернее о благоденствіи нашемъ попеченіе, когда при учрежденіи Малороссійской Коллегіи всемилостивѣйше опредѣлили намъ ходатая Его Сіятелство Графа Петра Александровича Румянцова, и указали Его Сіятелству имѣть о возстановленіи мѣщанства торговъ и промисловъ ихъ старателство. Напослѣдки Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволили состоявшимся и въ народѣ публикованнимъ Височайшимъ манѣфестомъ о присилки въ Коммисію Сочиненія Нового Уложенія Депутатовъ, — открить намъ свободной путь приносить наши всеподданнѣйшіе прошенія, о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Мы воображая ежевременно ко всѣмъ вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества неищетніе милости и щедрости во устроеніе на вѣчное время благоденствія ихъ, приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее наше рабское благодареніе за оную Височайшую Вашего Императорскаго Величества милость, такожъ и за опредѣленіе намъ ходатаемъ Его Сіятелства, которого отменное о возстановленіи нашемъ попеченіе за

особливое щастіе мы почитаемъ. И потому, пріемля, дерзость, написали сію нашу всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству челобитную, въ которой чрезъ вибранного отъ насъ Депутата всеподданнѣйше представляемъ особливіе наши и общіе нужди и прошенія.

1.

Въ первомъ пунктѣ порученно(й) оному вибранному Депутату отъ города Полтави челобитно(й) всеподданнѣйше просимъ всѣ вообще граждане и жителствующіе въ городѣ Полтавѣ и доми свои пріѣзжые имѣющіе шляхетство, такожъ и мы нижеподписавшіесь о утвержденіи въ городѣ Полтавѣ имѣючогось нынѣ Магистрата во всемъ на основаніи Магдебурскихъ правъ, и о бытіи въ немъ судамъ и порядкамъ по темъ же Магдебурскимъ правамъ; но понеже жителствующіе въ городѣ Полтавѣ: Полковникъ, Старшина, владѣлци и козаки до сего, не сохраняя установленій въ Правахъ Магдебурскихъ узаконеннихъ, во всемъ генерално Магистратъ здешній къ соблюденію по темъ правамъ принадлежащой должности не допускали, утѣсняли, помѣшателство, обиди и отягощенія дѣлали,— то мы сею нашею особливою челобитною всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать на Магистратъ Височайшую привилегію; въ которой особливо для непремѣнного и твердого содержанія Всемилостивѣйше указать: 1) присудствіе въ ономъ Магистратѣ иметь и онимъ по всемъ дѣламъ управлять, такъ какъ до сего зъ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть: Воиту, яко первому, и съ нимъ Бурмистрамъ, писару, раицамъ и лавникамъ; предъ которими въ Магистратѣ судъ и росправу имѣть, всеподданнѣише Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать всемъ обывателямъ оного города и пріѣзжимъ, кои по Магдебурскому праву суть приleглими къ Магистрату, по всемъ дѣламъ по темъ Магдебурскимъ правамъ, и на убылые онихъ Войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ волними голосами зъ между себя. 2) Всѣ порядки городовіе и между купечествомъ здешними обивателми и пріѣзжими

единственно въ Магистратѣ устроевать имъ Воиту и урядникамъ; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ за согласіемъ зъ мѣщанами, на такомъ точномъ и непремѣнномъ содержаніи, какъ о томъ въ правахъ узаконенно; и доходи по примѣру другихъ упривиліованихъ малороссіиских Магистратовъ собирать и употреблять толко на общіе городскіе нужди; и чтобъ полковникъ, старшина и никакое другое здесь правленіе в касаючіесь до учрежденія городскихъ порядковъ дѣла не вступались и не препятствовали. 3-е) Въ правѣ малороссійскомъ, книги статута, роздѣлу 3-го, въ артикулѣ 25-мъ напечатанно: „когда бы шляхтичъ, занехаевши имения и обистя своего шляхетскаго, и чрезъ худобу свою шукаючи собе поживеня, и вшедши до мѣста и мѣшкалъ тамо, торги мѣскіе ведучи, або шинкъ въ дому маючи и локтемъ меручи, або ремесло робячи на верстати, таковій уже съ волностей шляхетскихъ веселитись не маетъ". Во исполненіе которого права, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: повелѣть живущимъ въ городѣ шляхтѣ, таковимъ какъ въ ономъ правѣ изображенно, торговъ и ремесла не имѣть, и оставить темъ ползоватся другихъ городскихъ обивателей. 4-е) Чтобъ какъ оние, такъ и всѣ жителствующіе въ городѣ Полтавѣ владѣлческіе жилие и пріѣзжіе доми во всемъ, что касается до гражданскихъ общенароднихъ нуждъ и повинностей, были не исключаеми и находились бы темъ въ Магистратѣ вѣдомими. 5-е) Чтобъ находячіесь въ городѣ разние майстровіе люде, живущіе подъ разними владѣлцами, въ томъ что принадлежить по ихъ майстерству и въ общихъ гражданскихъ повинностяхъ, равно какъ и магистратскіе,— вѣдоми и послушни были въ цехахъ и определенныхъ въ онихъ цехмистировъ. 6-е) Чтобъ пріѣзжаючіе зъ другихъ городовъ и селъ Великороссійскіе и Малороссійскіе промишленники и художники, никакими товарами не торговали, кроме ярмонковъ.

2.

Во время пожалованія височайшою грамотою Его Императорскаго Величества блаженния и вѣчния памяти Великого Государя Петра первого и Самодержца Всероссійского на городъ Полтаву

деревень, а именно: Ивашокъ, Ивончинецъ, Грабиновки и части Осмачокъ, и когда унѣверсаломъ Гетмана Скоропадского отданни по прежнему бывшіе издревле за магистратомъ села: Мачухи, половина Гуджуловъ, Тахтауловъ и Павленки къ городу Полтавѣ во владѣніе, подданнихъ въ вишезначащихся деревняхъ, такожъ въ городѣ Полтавѣ мещанъ и другого званія людей въ Магистратскомъ видѣніи было знатное число, которие всѣ обще Государевы и гражданскіе повинности отбували безъ изятія;—и что принадлежитъ до городовихъ обивателей, то унѣверсаломъ Гетмана Мазепи 703 года состоявшимся—запрещенно отъ гражданскихъ повинностей всякого званія чинамъ ихъ укривати, но понеже невѣдомо какимъ образомъ Магистратъ взятъ былъ въ команду Полковой здешней Канцеляріи, гдѣ будучи подвластенъ, принужденъ всѣ порядки и власть свою, по правамъ Магдебурскимъ принадлежащую, уступить Полковнику и Старшинѣ; и между тѣмъ они Полковникъ и Старшина Полковая, нетокмо сами звладѣли подданическими, такожъ мѣщанскими и другого званія Магистратового ведомства дворами, грунтами и угодіями, но и многихъ стороннихъ къ тому допустили столко, что болшая часть людей съ магистратского видѣнія війшла въ разние руки. А при томъ вписано не належно въ козаки и произведено въ чини не малое число; а тѣ все бившіе въ видѣніи магистратскомъ граждане или доми ихъ находятся нынѣ въ Полтавѣ, иние будучи въ чинахъ и протекціяхъ, а другіе въ владѣлцовъ, ползуются всѣми тѣми промислами и торгами, которие гражданству принадлежать, а гражданскихъ повинностей не отбуваютъ; и вся та тяжесть, которая несенна была бывшимъ великимъ числомъ обивателей и подданнихъ,—сложена на оставшоесь малое число. А яко намъ нижеподписавшимся отъ того есть не малая общественная тяжесть, отъ которой гражданство ежечасно вмаляется,—для того мы вѣрноподданние Вашего Императорскаго Величества рабы всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше указать: все то, что послѣ состоянія оной Височайшей грамоти, жалованнной на помянутие села, и Гетманскихъ унѣверсаловъ, кемъ что искупленно и завладѣнно, такожъ и вписанно не належно въ козаки, и произ-

веденно въ малороссійскіе чины, отдать по прежнему въ видѣніе Магистрата, къ отбуванію общенароднихъ повинностей и къ полученію съ оних доходовъ, на украшеніе города потребнихъ. За понесенніе же нами чрезъ прошедшое время тяжести и за тѣхъ, которие не належно зъ гражданского видѣнія отторгнути, всеподданнѣйше Вашего Императорского Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть въ награжденіе,—части намъ, а части на городскіе нужніе расходы,—взыскать зъ владѣлцовъ и зъ техъ зъ самихъ, которіе не належно или подложно испросили себѣ козачество и чини, все то, что нами за ихъ понесенно.

3.

Города Полтави мы нижеподписавшіесь мещане суть всѣ вообще купно зъ урядомъ своимъ о возстановленіи комерціи для приращенія казни Вашего Императорскаго Величества отмѣнное попеченіе имѣемъ, и при томъ несемъ, яко въ пограничномъ городѣ, разніе тяжести и повинности, какъ въ томъ височайшой Вашего Императорскаго Величества интересъ потребуеть; но за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ на себя никакого уваженія, и по вшедшему здесь обикновенію, отъ болшого до меншого, каковихъ бы кто въ своемъ поведеніи достоинствъ ни былъ,—всѣ мы порицаемся мужиками и презираеми бываемо, колми паче отъ Великороссіиских квартирующихъ и переежающихъ Генералѣтета, штапъ и оберъ афицеровъ, даже до послѣднего салдата претерпѣваемъ, какъ Воитъ и урядники, такъ и мещане, несносние утѣсненія, обиди и поруганія, и самие побои, темъ найпаче, что намъ за нашу обиду положенъ въ правахъ небольшой платежъ. А съ Великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которихъ мы частие имѣемъ обыди и побои, никогда и удоволствія никакого не получаемъ, и уже до того дошло, что если хто съ нихъ чемъ насъ обидить или побьеть, мы не смеемъ и въ искателства входить; чемъ самимъ отъемлется въ насъ куражъ къ купеческой жизни и промисламъ, теряя отъ унинія все то, чемъ можем свой авантажъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества доходъ сискать. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ, ради прославленія на будущие

вѣки благополучнѣйшаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, зъ единого Своего Високайшого матерного милосердія, всемилостивѣйше пожаловать намъ, мещанамъ города Полтави, Вашего Императорскаго Величества Височайшую грамоту на навязку шляхетскую, а Войту и урядникамъ Магистратовимъ—уравненіе противъ Великороссійскихъ чиновъ, коими Ваше Императорское Величество насъ вѣрноподданнихъ своихъ рабовъ Височайше пожаловать по своему матерпому милосердію благосоизволите.

4.

Височайшою грамотою блаженния и вѣчно достойния памяти Государа Императора Петра Первого и Самодержца Всероссійского къ умершому Гетману Скоропадскому, 1721 году состоявшоюсь, повелено въ Малороссійскихъ городѣхъ драгунскіе полки ставить на винтеръ квартирахъ, не обходя никого: ни полковничихъ, ни старшинскихъ, ни козачихъ, ни великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколниковъ; а у заслуженнихъ особъ: у полковниковъ, у сотниковъ и протчихъ старшини, и у поповъ и церковниковъ, на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ—квартиръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ, на подваркахъ, такожъ и въ подданнихъ—ставить отнюдъ не виключая никого. Но въ городѣ Полтавѣ какъ во время квартированія, такъ и во время переходу Великороссійскихъ Генералѣтетовъ, штапъ и оберъ афицеровъ и командъ, отъ полковой здешней канцеляріи поступается не въ согласіе вышеизображенной Височайшой грамоти, но въ отмѣну оной, съ немалимъ отягощеніемъ мещанъ и другого званія магистратского обивателей; ибо по силѣ оного Височайшого указа должни волни быть отъ постою жилие толко доми полковника, сотника и старшини, поповъ и церковниковъ,—а здѣсь и въ другого разного званія людей, а особливо въ бунчуковихъ, войсковихъ и значковихъ товарищей, отводими въ квартиру не бываютъ; да и въ пріѣзжихъ загороднихъ дворахъ владѣлческихъ, старшинскихъ, сотничихъ, значковихъ товарищей и виборнихъ козаковъ, полковникъ здешній надъ точное вишеизображенное височайшое повелѣніе,—ставить постою не велѣлъ. А и съ техъ жителствующихъ въ городѣ

Полтавѣ чиновниковъ многіе суть такови, которие недавно съ мѣщанъ повиходили и въ мещанскихъ домахъ живуть и мещанскими грунтами владѣють, сверхъ того бавятся купеческимъ промисломъ, а гражданскихъ никакихъ не отбувають повинностей, лишая насъ при понесеніи нами за ихъ тяжести по праву принадлежащого намъ промислу; и хотя о томъ отъ насъ по командамъ нашимъ жалобы неоднократніе были, но во удоволство наше ничего не получили. Теперь Ваше Императорское Величество по Своему матернему милосердію соблагоизволили намъ вѣрноподданнимъ своимъ всемилостивѣйше дозволить представить намъ всѣ нашѣ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нужди; вишеизображеній же здесь поступокъ столь для насъ горестенъ и обиденъ, что мы болѣе его сносить не въ состояніи, потому что мы видимъ зъ своихъ собратевъ ежедневно такова, которій какъ скоро, захотя отъ гражданскихъ повинностей укрится,—испрошуетъ себѣ чинъ или какое другое воинское званіе, или въ козаки впишется, то ни постою, ни вистатченія подводъ, ни другихъ городскихъ тяжестей не знаетъ, но то заразъ снѣмается и слагается на насъ, остаючихся при магистратѣ въ отбуваніи гражданскихъ повинностей, а нехотящихъ по примѣру ихъ укриватся; отъ того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣише просимъ по своему матернему височайшему милосердію, въ избавленіе насъ отъ вишеизображенних тяжестей, всемилостивѣйше указать, яко здесь пограничное мѣсто, въ которомъ болѣе другихъ всегдашніе постои суть, чтобъ единъ предъ другимъ въ постояхъ и другихъ городскихъ повинностяхъ обтяженни либо облегченни не были; но всѣ бъ равно граждане отбували ту гражданскую повинность. А къ тому всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать, чтобъ квартирующіе въ насъ дровъ и свѣчъ не взимали и не требовали безденежно, и никакого утѣсненія намъ въ нашихъ домахъ заниманіемъ квартеръ не утѣсняли, и стояли тамъ, гдѣ отъ Магистрата отведенно будетъ; и въ случае каковой нужди обивателской сходили бъ съ оних квартеръ тогда, когда отъ Магистрата потребованно будетъ, на другіе квартири безспорно.

5.

Городъ Полтава после шведской войни приведенъ былъ, яко пограничное место, въ хорошое состояніе; и какъ крѣпость порядочная, такъ и другіе нужніе городовіе строенія были; но после того, будучи въ полной дирекціи полковой здешней команди, допущенъ всемъ темъ въ крайнее опустеніе, и теперъ какъ крепости, такъ и никакихъ публичнихъ строеній и приличного украшенія не имѣетъ, а въ немъ все то имѣть противъ другихъ примѣрнихъ городовъ надлежить. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: указать, чтобъ повеленно было Магистрату здешнему о украшеніи города попеченіе прилѣжное принять, и привесть его въ хорошое состояніе потребними публичними строеніями, при вспоможеніи околичнихъ уезду полтавского мѣстъ. Объ отпускѣ же на то потребной сумми всеподданнѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества височайшого матерного благопризрѣнія; и притомъ височайше повелѣть собирать Магистрату доходи на оное украшеніе города со всего того, что издревле Магистрату принадлежить и нынѣ свободнимъ городовимъ есть; а къ тому

6.

Имперіи Вашего Императорскаго Величества во многихъ городахъ учрежденни дворянскіе и купеческіе банки съ казни Вашего Императорскаго Величества, и темъ купечество россійское имѣетъ въ произвожденіи своихъ торговъ не малую вигоду; въ городѣ жъ Полтавѣ хотя имѣется доволное число малороссійского купечества такова, кои суть къ умноженію и произведенію торговъ и промисловъ купеческихъ способними, но какъ всѣ здешніе обиватели, такъ и они въ денгахъ суть недостаточни, и потому въ торгахъ своихъ имеють немалое затрудненіе и остановку. Къ разумноженію оного купечества и приведенію въ цвѣтущое его состояніе Всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, съ казни Вашего Императорскаго Величества, при Малороссійской Коллегіи, опредѣлить банковую сумму зъ слѣдующими обстоятелствами: 1-е) Чтобъ платить процентъ въ казну Вашего Императорскаго Величества за то толко

число, которое розданно будетъ. 2-е) Чтобъ отпускаемие были денги купечеству по атестатамъ урядовимъ, которіи и отвечать за то обязани. 3-е) Чтобъ позволенно, сверхъ казеннихъ шести, на вышеобявленное украшеніе города получать по два проценти.

7.

Въ 5-мъ пунктѣ сей, отъ насъ чрезъ вибранного депутата подносимой Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей челобитной, просили мы Вашего Императорскаго Величества, чтобъ повеленно было съ насъ доимокъ не взискивать, потому, что мы въ казну Вашего Императорскаго Величества ничего не должни; а должни толко одинъ другому; въ пополненіе того мы города Полтави жители Магистратского видѣнія общественно въ семъ пунктѣ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству бьемъ челомъ о нижеслѣдующемъ: до учрежденія Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовимъ во всей Малороссіи рублевого окладу, вистатчили мы на опредѣленнихъ въ Малую Россію отъ Вашего Императорскаго Величества консистентовъ и на переходящія, а въ многомъ числѣ и на несостоящіе на доволствіи въ Малой Россіи полки, указное доволство такимъ образомъ: отъ главной нашей команди или по указамъ оной отъ полковихъ здошнихъ канцеляріи ревизия было сочиняется по статямъ; и въ полковихъ канцеляріяхъ расположенія было дѣлаются по статямъ же, то есть: на богатого болше, а на убогого менше роскладается порціоновъ и раціоновъ, натурою или денгами, за себя и нащетъ другихъ полковъ; и потому было мы подлежащое всякое указное вистатченіе по расположенію здешней полковой канцеляріи и ассигнаціямъ чинимъ; однакъ мы тогда чуствовали немалую тяжесть по сему: 1-е при сочиненіи вишеобявленнихъ ревизій, пишуть насъ было не въ приличніи намъ статѣ, такъ какъ другихъ обивателей, а паче какъ полковникъ и старшини полковіе и другіе своихъ людей противъ насъ, и нашихъ подсусѣдковъ ставять было низше далеко и по темъ статямъ располагая на насъ вистатченія взискують. 2. Въ случае пространого квартированія консистентовъ въ полку Полтав-

скомъ, какъ то до сего было, асигнують намъ далекую возку, а случалось по сто и болѣе верстъ; а своихъ подданнихъ или вовся минують, или ставять надлежащое съ нихъ либо въ доимку, либо во взисканіе остаточнихъ отъ произвожденій денегъ; и мы по такимъ асигнаціямъ либо принужденни чрезъ такъ далекое разстояніе провіянтъ и фуражъ возить, либо договариватся съ консистентами о принятіи за оніе денегъ. И часто случалось, что мы платили за рацію отъ трохъ до пяти рублей во мѣсто девятидесяти копѣекъ. 3. Уведенное въ насъ нащетное произвожденіе не менше намъ тяжестно, какъ и вишепрописанно, потому 1) Что мы за тое произвожденіе не получили напослѣдки многого числа денегъ; 2-е Мы нащетние раціони и порціони вистачаемъ было въ щетъ другихъ полковъ въ разніе времена, а паче въ случае недороду, нещитая фуража и провіянта, денгами какъ и вишеписанно отъ трехъ до пяти рублей, а въ заплату себѣ получаемъ съ техъ полковъ, нащетъ которихъ произвожденіе делаемъ, по девятидесяти копѣекъ. И хотя сіе все касается до общества всего Малороссійского народа, однакъ мы города Полтави видѣнія Магистратского обиватели чуствуемъ болше другихъ обиди, потому, что въ полковой здешней канцеляріи асигнаціи дѣланно о вистатченіи нащетнихъ раціоновъ неравномѣрно, а всегда облегчая другихъ, а магистратского видѣнія обтяжая; что часто случалось магистратовимъ въ двое противъ другихъ, не по статямъ, но по единому полковничому изволенію платить. Теперичнимъ учрежденіемъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича Румянцова о взисканіи съ насъ на доволство консистентовъ денгами—доволни и отъ всехъ техъ тяжестей, которие мы до сего чуствовали—свободни. Но поелику чрезъ прошедшое время многіе съ подданнихъ магистратовихъ посполитихъ и подсусѣдковъ нашихъ обнищали, по вишеписаннимъ резонамъ, а паче недородомъ хлеба и надежемъ ежегодно скота, которимъ мы всѣ здешніе обиватели свое содержаніе имѣемъ, особливо безвиходними постоями и тяжестію переходящихъ командъ, то всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ въ томъ всевисочайшого Вашего Величества благопризрѣнія и отъ натуралного произвожденія консистентамъ насъ всемилостивѣйше

указать, во избежаніе вишевираженнихъ намъ бившихъ тяжостей— вѣчно уволнить; а собирать съ насъ по тому Его Сіятелства учрежденію деньгами наличное число штацкою ценою. Чтожъ касается до доимокъ, которие указомъ Малороссійской коллегіи повелѣвается съ насъ всѣ взискивать на повелѣнное въ городѣ Глуховѣ строеніе, то яко по извѣстію намъ тая доимка есть не малая, а какъ мы по себѣ чуствуемъ, то состоить на некоторихъ или вовся мало, или вовся ничего; и откуду бы такова великая народная доимка взялась, знать не можемъ, яко те и протчіе народніе денги собраніемъ входими были въ полковую здешную канцелярію и въ Щетную коммисію, въ которой и знатние сумми находились; и ежели они и нынѣ есть, то должни быть тѣ самие, которіе зъ насъ взискивать повелѣвается. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣише просимъ, всемилостивѣише повелѣть со взисканіемъ недоимки на насъ считаемой обождать, и всемилостивѣйше указать первѣе между нами и здешними канцеляріями и коммисіями о всѣхъ вшедшихъ съ техъ годовъ, съ которихъ доимки взискуются, рощетъ чрезъ надежнихъ нарочнихъ при нашемъ оправданіи учинить; и ежели за темъ по справедливости съ насъ на комъ таковие недоимки сищутся, мы платить оние должни будемъ.

Всемилостивѣишая Государиня, вишепрописанние нашѣ общіе нужди чрезъ вибранного отъ насъ Депутата Вашему Императорскому Величеству представляя, всеподданнѣйше просимъ по онимъ явить свое къ намъ, вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества рабамъ, высочайшое матерное благопризрѣніе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣшіе рабы города Полтавы... *(подписей нѣтъ)*.

XII.

1767.

1) Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей города Лубенъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерына Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Полкового города Лубенъ разного чина и другого званія граждане, а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункта.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшое Величество отъ 14 декабра 766 года всевисочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что вибрание съ високославной Вашего Императорскаго Величества Имперіи для сочиненія проэкта новаго уложенія Депутати созиваются нетокмо для того, чтобы вислушать отъ нихъ нужди и недостатки каждого мѣста; но и допущени они быть имѣютъ въ комисию о сочинении упомянутого проекта.

Таковое Вашего Императорского Величества Матернее Всевисочайшое Милосердие есть руководствомъ того дерзновенія, съ которимъ мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества раби, пріемлемъ трудить Всевисочайшое Вашего Императорскаго Величества лице въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ.

1.

Полковий городъ Лубнѣ весма уже з давного времени множественними и безпреривними несравненно противъ другихъ таковихъ же городовъ постоями крайне обтяженъ. А именно: кромѣ давнѣйшого времени, начавъ отъ 1735 году чрезъ тридцать и болѣе годовъ, чрезъ все бывшое съ Турками военное время, и посли онаго и донинѣ сколко когда какови были и бываютъ Вашего Императорскаго Величества регулярнихъ и нерегулярнихъ войскъ движенія, многия Генералѣтети, полки и другия разния команди чрезъ городъ

Лубнѣ, яко на неусипнихъ главнихъ трактахъ состоящій, переходя, ночлегами и квартирами, чрезъ повеленное время бывая, доволствуются.

Чрезъ все тожъ бившое съ Турками военное время тамъже въ городѣ Лубняхъ еще господа Генерали, Фелтмаршали, и другіи Генералѣтетъ, по тогдашнимъ военнимъ обращеніямъ собиравшиеся, а къ тому главній Кригсъ Коммисариятъ, штапи и другие жъ разніе чыни и комманды на винтеръ квартирахъ состояли; главная жъ Полевая Аптека съ еи чинами, служителми и караульними командами изъ давнѣйшаго времени, яко до пяти-десяти уже годъ несходно и до нинѣ квартерують.

Притомъ билъ зъ 752 году опредѣленной на квартирахъ Оберъ-Провиятмейстеръ съ коммисиею и при ней разними чинами, канцелярскими служителями и командою.

После оного по виходѣ чрезъ нѣкоторое время въ другое место, опредѣленъ сюдажъ въ городъ Лубнѣ прошлаго 763 году Оберъ-Кригсъ-Комисарь тожъ съ комисиею и при ней находящимися разными чинами и канцелярскими служителми, которой и нинѣ въ городѣ на квартирахъ находится, и въ ту комисию, какъ и въ полевую аптеку, зъ разнихъ многихъ полковъ въ комисию за казною, изъ многихъ же провинций исъ казною, а въ Полевую Аптеку за медикаментами, почитай безперестанно разние чины съ командами пріѣзжають, и въ городѣ имѣютъ до отправки ихъ квартированіе съ таковимъ утѣсненіемъ, а паче егда между тѣмъ прилучаются переходящие полки и команди, что биваеть на едной квартерѣ по десяти и болѣе человѣкъ, то хозяямъ и мѣста уже не остается, и лишаются промисловъ и ремесла, и которіе уже не могуть въ городѣ зъ хозяями вомѣщатся, то принужденни становится по околичнимъ около города местамъ по квартерамъ, где такожъ отъ ежечастого квартерованія немалая тяжесть противъ протчихъ местъ слѣдуетъ.

А въ 765 году вступилъ въ городъ опредѣленній на непремѣнние квартери Ряскій пехотній полкъ; и хотя по невмѣщению оного протчие роти раставлени по околичнимь мѣстечкамъ, но въ городѣ оставленъ полковий штапъ, полковая канцелярия, тягости, аммуниция, лазарети, и двѣ роти и къ нимъ и съ онихъ протчихъ

ротъ ежечасто приезжають афицери и другие чина и прибивають на карраули салдати и собираются по колкократъ по полковимъ биваемимъ дѣламъ команди.

Да тамъ же еще въ городѣ полковая Лубенская Канцелярия, гродскый и земскый Суда, полко(ва)я Лубенская Щетная Коммисія, Генеральной Описи Коммиссія и повѣтовий Лубенский, куда рублевого окладу денги привозятся Комисариятъ съ ихъ чинами и канцелярскими служителми. А городъ Лубнѣ небольшій и дворовъ со всеми духовного и мирскаго чына настоящихъ гражданскихъ малое число, всего триста шесть десять тры.

2.

Отъ такова множественного въ городѣ постою обиватели крайную узнають тяжесть, въ квартерахъ утѣсненіе; притомъ доволствують постой своими дровами. Многие жъ, не имѣя своихъ лѣсовъ, а хотя и имѣють, да по малой части, для оплету нужнихъ, принуждени покупать на торгахъ дорогою цѣною; а последние беднѣйшие отоплива(ю)ть тросникомъ и соломою, покупая и тое по скудости дровъ недешевою цѣною. Покупка жъ дровъ на торгахъ весма нужна: едно что многимъ для постояльцовъ купить надобно, другое что и въ Полевую Аптеку для казенной надобности всегда первѣйшая онихъ на торгахъ покупка искупляется, сколко бъ ни било.

3.

По какимъ обстоятельствамъ обиватели, при томъ видя обстоящій чрезъ сколко уже годъ на хлебъ недородъ и происходящие съ того и отъ оного многаго въ городѣ постою въ хлебе, въ съестнихъ припасахъ и въ дровахъ возвишенние ценъ, и что тожъ ежечасто еще въ обивателей биваетъ скотский падежъ, пришли въ конечное изнеможение, какъ самого тогожъ города поселеній обетшалость и упустѣня сивствуетъ.

4.

Якій при томъ городѣ самонужнѣйший для обивателского домашнего робочого и другого скота, также и домовихъ птицъ, для ви-

пуску зъ двохъ сторонь города имѣлся неболший випустъ, искони всехъ обще гражданъ имъ единственно до города прин(а)длежащий и то болше по горовватимъ местамъ находящийся, да сверхъ того за рекою Сулою, кромѣ древнихъ собственнихъ владѣлческихъ и обивателскихъ земель, якъ о томъ по учиненному между полковими городами Миргородомъ и Лубнями давному разграничению значится, еще било общой же нѣсколко толочной и сенокосной землѣ, къ томужъ городу всемъ гражданамъ принадлежащой,—съ тѣхъ съ оного, что подъ самимъ городомъ, выпусту зъ едной сторони подъ Ряский пехотний полкъ для компомента и лагеровъ, для магазеиновъ и конюшень того полку, а зъ другой сторони подъ Полевую Аптеку, для строений въновь и для огородовъ немалое число самого лутшого места занято. А за Сулою оная толочная и сѣнокосная земля всехъ гражданъ общая находится тожъ нинѣ въ разномъ владѣнии. Итакъ обивателямъ города Лубень въ прокормлении и содержании скота за неимѣніемъ въ многихъ собственнихъ земель обстоить всекрайнѣйшая нужда и недостатки. Имѣется жъ въ городѣ въ старомъ замкѣ для вистройки Полевой Аптеки, а подъ тѣмъ замкомъ для садовъ и огородовъ аптечнихъ, мѣста на то способние.

5.

Города жъ Лубень, кромѣ вишеписанного многого постою, обиватели еще многие понесли тяжести. Въ вишеписанное съ Турками бившое время военное взимались отъ нихъ воли, вози съ потребностми и погончиками, висилались зимного времени ко Днепру для безопастности отъ неприятелского нападения, для полонения лда, работники, дѣлались для того инструменти, а во время недавно прошедшого Пруского походу взимались отъ козаковъ и посполитихъ воли, отъ козаковъ же еще лошади, а отъ посполитихъ и восмотисячный зъ Малой Россіи бивший наборъ и люде, снабдѣвая онихъ указнимъ на дорогу одѣаниемъ, обувомъ и денгами. Доволствовано переходящіе въ обѣ тѣ времена и состоявшие на квартерахъ отъ войскъ команди провиянтомъ и фуражемъ. Вистатчаеми были указние подъ тягости и подъ болнихъ подводы, и нинѣ о томъ какови биваютъ повелѣния, по тому и исполняются.

6.

Прежде зъ давного времени чинени были по силѣ указовъ ежечасто козакамъ и посполитимъ по здешнему обикновению ревизии: по дворамъ, по хатамъ и по статямъ, различая на сколко статей ко уравнению обивателей въ консистентскихъ дачахъ, чтобъ еднимъ предъ другими въ тѣхъ дачахъ тяжести бить не могло; и подсусѣдки бѣдние и нищетние, которие въ однихъ хозяйскихъ хатахъ живуть, не имѣя никакихъ грунтовъ и питаются зъ одного поденного заработку, между настоящие посполитие, своими дворами и хатами живущие и грунта имѣющие, не верстани, а записивани особо и потому на нихъ и дача особо отличная полагана: на пѣшого на мѣсяцъ по двѣ, а на тяглого по три и по четири копейки. А после того 752 году по универсалу господина Генералъ Фелдмаршала Сенатора и разнихъ орденовъ кавалера графа Кирила Григориевича Разумовского, по битности его у Малой Россіи Гетманомъ, таковихъ подсусѣдковъ сверстанно между оние настоящие посполитие, между коими какъ того 752, такъ и 755 годовъ и въ ревизияхъ записани, и съ того на нихъ въ дачахъ последовала тяжесть.

7.

Отъ тогожъ 755 году чрезъ немалое время ревизии не чиненно, но дача на консистентовъ полагаема была по той 755 года учиненной ревизіи, по числу хатъ въ ней значащихся. По той же ревизіи чрезъ то время по свободному съ мѣста на мѣсто переходу иние безвѣстно посходили, а иние позмѣрали, и принуженни за таковихъ наличние платить, а где нѣкому, тамо требуется уплатки отъ самихъ хозяевъ, коихъ те изшедшие и измершие подсусѣдки были и по нихъ пустие хати либо плеци пооставались, а хозяе за нихъ платить своимъ не одолжени.

8.

А 763 году учиненна отълична вновъ козакамъ и посполитимъ по дворамъ, по хатамъ и по душамъ перепись безъ статей, не минуя въ рядъ съ протчими подсусѣдковъ и годовихъ уже наемнихъ слу-

жителей; по которой прошлого 765 году и рублевимъ отъ хатъ окладомъ, какъ козаковъ подпомощниковъ и посполитихъ, такъ равно съ ними и онихъ подсусѣдковъ и наемнихъ годовихъ служителей обложенно съ темъ, что естли по кварталамъ чего отъ кого въ тотъ рублевой окладъ уплачено не будетъ, то взисканно будетъ въ сугубо, и хотя сложено на владѣлцовъ, чтобъ они на своихъ людей на можнѣйшихъ болше, а на убогшихъ менше полагали, почему и исходно на владѣлцовъ техъ, въ коихъ по надачамъ имѣются маетности и въ онихъ находятся между убогшими и можне-грунтовие люде, на которихъ можно владѣлцу, смотря по имуществу болше, а на убогшихъ менше положить. На подсусѣдковъ же разного владѣния, яко оныхъ въ иныхъ по одной, въ другихъ по двѣ, въ некоторихъ же по три или чемъ и болше хатъ самихъ крайне нищетныхъ, зъ одного поденного заработку питаючихся, а къ тому и на наемнихъ годовихъ служителей, которие въ той службѣ одноличио пребиваютъ, такой роскладки учинить не можно, и они не толко болшимъ числомъ, но и того рублевого окладу съ чего платить несостоятелни. Къ томужъ на козаковъ подпоможчиковъ прежде полагана дача противъ посполитого на всякого у-полъ; нинѣжъ какъ посполитихъ, такъ и козаковъ подпоможчиковъ равно темъ отъ всякой хати рублевимъ окладомъ обложено. А якъ козаки подпоможчики въ число виборнихъ козаковъ на места убилие къ виборнимъ козакамъ убогшимъ въ помощъ опредѣляются и до того комендируются въ далние места по указамъ на работи, яко то: предъ симъ отправляеми были на засѣчние по Полской границѣ, за Днепръ до крепости Святия Елисавети на роботи, а после того чрезъ нѣсколько уже годъ комендируются зъ мѣсяца марта ежегодно на Донъ до крепости Святаго Димитрия Ростовского на работу жъ, кроме проходу на шестомѣсячное время, исправляя себе подлежащимъ одѣяниемъ, обувомъ, провиянтомъ, для подъему того провиянта повозками и скотомъ, и для покупки оному фуража денгами, а между тѣмъ и въ заграничний Пруский походъ съ волами отправлялись, гдѣ на службѣ по нѣсколько годъ находились: то имъ тотъ рублевий окладъ отъ хатъ, да еще равно съ посполитими, уплачивать съ тяжестию.

9.

Нынѣ, за учрежденіемъ Малороссійской Коллегии, нарочно определѣнними штапъ и оберъ афицерами, съ Малороссійскими старшинами дѣлается еще отличная Генералная Опись: описуются жилие наши двори, пахатние и сѣнокосние земли, лѣса, луга, съ показаниемъ имъ мери, мелницы и протчие угодия и требуется показания, сколко хлеба засѣвается и на какомъ местѣ, сколко сена укошивается, и сколко съ мелницъ приходу въ годъ биваетъ, также и о промислахъ; требуется на владѣние крепостей, описивается скотъ и пчели, и ревизуются получаемие доходи и люде, въ кого есть, мужеска и женска полу души до найменьшого младенца и все ихъ имѣние и самихъ служителей описивается. А такой описи, яко оная Малороссійскимъ правамъ, привилегиямъ и обичаямъ, Высочайшими грамотами утвержденнимъ, несходственна, искони никогда еще въ Малой Россіи не бывало.

10.

По древнему жъ здесь въ Малой Россіи обикновению и волностямъ, разного воинского и другого звания здешние граждане, живучи въ городѣ, имѣють промисли, торгъ, а некоторие и ремесло свободно, которые и впредъ имъ гражданамъ, яко съ нихъ многие не имѣють земель, войсковую жъ службу, а протчие другие повинности съ того отправляють, имѣть необходимая нужда обстоить; но имъ гражданамъ съ Великороссійскихъ купцовъ приезжие и въ городѣ Лубняхъ своими купленними и наемними дворами жительствующие, а зъ гражданами указной службы не отправляющие, чинять въ промислѣ, перекупая, помѣшательство, съ чего имъ гражданамъ явная въ томъ обида и недостатки.

11.

Здешние мещане города Лубень, какъ они еще, по отбытіи Малой России съ подъ депенденціи Полской, не подвержени въ подданство нѣкому и содержались отлично противу подданнихъ, а за упоминаемого Графа Разумовского, по полномощию уряда его гет-

манского, въ число других посполитихъ взяти подъ вѣдѣние войскового скарбу.

12.

По правамъ Малороссійскимъ, Високомонаршими грамотами утверждениимъ, бѣлое духовенство Малороссійское щитается съ осѣдлостми своими въ числѣ шляхетства, и кромѣ того, что они по должности своей службу отправляють, ихъ дѣти происходятъ, за силу Духовного Регламента, въ науки иностраннихъ языковъ, потомъ и въ войсковую службу, а за ними и наследные духовного ихъ чина грунта отходятъ. Почему и по древнему здешнего края обикновению, бѣлому духовенству какъ продажа, такъ и купля грунтовъ была какъ и протчимъ свободна; но посля того, рѣшителними пунктами уже духовенству такова покупка грунтовъ запрещенна. Дѣтямъ же ихъ всѣмъ въ духовенство не умѣститься, и кои могутъ оставатся для войсковой служби—какъ то поповскихъ дѣтей по умершихъ отцахъ и велѣно уже употреблять въ войсковую службу—оной отправлять не съ чего. Къ тому-жъ инное духовенство, не имѣя къ прожитию места, живуть въ чужихъ хатахъ, да и жить инимъ, не имѣя грунтовъ, при парахіяхъ нѣ на чомъ, кромѣ одного доброхотного подаяния. Съ тогожъ, когда духовенству покупка грунтовъ была бъ невозбранна, нетолько не било бъ умаления въ войсковой службѣ, но еще могло бъ бить въ оной приращение, и отбивать съ чего би было.

13.

Города Лубень граждане какъ не имѣютъ достаточнихъ промисловъ, то къ лутшему состоянию своихъ службъ для своихъ нуждъ инние собственнимъ своимъ скотомъ, а иние нанимая фуру, съ Криму и Сѣчи Запорожской вивозять было соль, бакалѣю и церковное вино. А какъ, за учреждениемъ въ Малой Россіи по пограничнимъ местамъ таможень, началась тарифа взиматись, то потому и граждане уже начались лишатся своихъ вигодностей и чрезъ то подвергатся къ немалимъ недостаткамъ, такъ что до тарифи въ

продажѣ била соль пудъ по 15 копеекъ, а нинѣ по 50 копѣекъ продается.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствително, что ми несумѣнно уповаемъ, что Ваше Императорское Величество висше донесенние нужди наши и отягощения принять соизволите лицемъ, во всемъ соотвѣтству(ю)щимъ премилосердному Вашему сердцу.

И сего ради всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ, вѣрнихъ подданнихъ, всенижайшихъ рабовъ, височайшею Матернею милостию въ слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйше указать городъ Лубнѣ за толь многие понесенние его отъ давнего времени въ постояхъ и другихъ тягостяхъ изнеможения въ онихъ постояхъ облегчить. Ряскій пехотний полкъ и Оберъ Кригсъ Комисара съ комисиею съ оного города Лубенъ вивесть, якожъ бо кромѣ полевой аптеки изъ разнихъ многихъ полковъ, командъ за медикаментами къ оной приезжающихъ, еще и ежечасто чрезъ городъ Лубнѣ, поелику трактовой, переходящие полки и команды слѣдуютъ и имѣютъ въ городѣ квартиры.

2. Чинимую нинѣ жилихъ нашихъ дворовъ, имѣній и людей нашихъ генералную опись всемилостивѣйше повелѣть отставить, а чиненно би по прежнему ревизіи о дворовомъ числѣ, какъ височайшимъ 734 году августа 8 состоявшимся указомъ повелѣнно и по здешнему обикновению: по дворамъ, хатамъ и по статямъ.

3. Обивателей города Лубенъ отъ рублевого окладу, кои онимъ обложени, всемилостивѣйше уволить, а собирать съ техъ обивателей, которие по високомонаршимъ грамотамъ къ дачамъ подлежать на указно опредѣленнихъ консистентовъ, въ силѣ височайшихъ указовъ на одно наличество по статской ценѣ денгами, по расположениямъ таковихъ, какъ прежде о томъ чинени по ревизиямъ, по хатамъ и по статямъ.

4. Отъ вистачения Генералѣтету, штапъ и оберъ афицерамъ дровъ для топлива всемилостивѣйше уволнить, а повелѣть доволствоватся имъ по прежнему, какъ Височайшимъ 742 года Августа 18 д. указомъ повеленно, покупкою.

5. Обивателей здешнихъ отъ платежа доимочныхъ денегъ всемилостивейше уволнить, а повелеть оние, яко уже отъ производства на количество консистентовъ осталние, отставить.

6. На наемнихъ годовихъ служителей чтоби по прежнему обикновению дачи не полагать, а на подсусѣдковъ въ хозяйскихъ хатахъ жительствующихъ, кои самие нищетние, при расположенияхъ консистенскихъ класть дачу по прежнему подсусѣдческую и для того ихъ и при ревизияхъ въ число дворовое между настоящихъ хозяевъ не ставить, а писано бъ по прежнему особо, подсусѣдками.

7. Чтобъ здешнимъ гражданамъ разного войсковаго и другаго звания людямъ промисли, торгъ и ремесло били и напредки по прежнему здешному обикновению свободны; а зъ Великороссійскихъ купцовъ даби никто промисловъ и перекупокъ, въ городѣ и по селамъ ездя, здешнихъ продуктовъ не держалъ и своихъ товаровъ въ рознь не продавалъ, Всемилостивѣйше подтвердить Височайшою Вашего Императорскаго Величества грамотою.

8. Для вистройки полевой аптеки строений въ показанномъ старомъ Замку место, а для огородъ тамъ же подъ замкомъ пустую замлю отвесть; принадлежащой же до города Лубенъ общой гражданской землѣ по прежнему быть при томъ городѣ въ общомъ гражданскомъ владѣнии, какъ оная и спрежде была, всемилостивѣйше повелѣть.

9. Всеподданнѣйше просимъ мещанъ Лубенскихъ съ той скарбовой канцелярии исключить, а бить имъ по прежнему мѣщанами свободними.

10. Всемилостивѣише пожаловать Малороссійское бѣлое духовенство, чтобъ имъ по давнему здешнему обикновению, правамъ и волностямъ для ихъ содержания и чтоби было дѣтямъ ихъ войсковую службу—кто съ нихъ въ оной останется—съ чего отправлять, была по прежнему покупка грунтовъ свободна.

11. Хто для своей собственной нужди и недостатку посилатиметь за соллю и бакалѣею, въ томъ числѣ и за церковнимъ вы-

номъ въ Сѣчъ или Кримскую Область, въ такомъ случаи о облегчении заплати по прежнему учинить всемилостивѣйшое помилование.

Сіе Всевисочайшое Милосердие тѣмъ болѣе на височайшую степень слави возвисится и дойдетъ до самого владѣющого всею тварию Бога, что въ ономъ имѣть будуть участие самие бѣднѣйшие и безпомощественнѣйшие въ свѣте люде.

Ми вѣрноподдание всенижайшие раби всѣ совокупленними сердцами должность имѣемъ молить Всевишняго Творца, да благословить Ваше Императорское Величество тисячною милостию своею въ нинѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

1767 году, Апрѣля 17 дня.

На подлинномъ тако:

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрние подданние и всенижайшіе раби:

Намѣсникъ Лубенскій Іерей Іоанъ Богдановичъ, Іерей церкви Николской Лубенской Алексѣй Александровичъ, Іерей Федоръ Иоакимовъ, вѣкарій Троицкои Лубенскои Ружной церкви Іерей Іоанъ Прохоровъ, Іерей церкви Николской Лубенской вѣкарій Михаилъ Алексѣевъ, Іерей Ияковъ Михайловичъ, вѣкарій церкви соборной Лубенской Рождества Богоматери, Іерей Феодоръ Ивановъ Левенецъ соборной Лубенской церкви вѣкарій, Дияконъ церкви соборной Лубенской Іоанъ Евдокимовъ, Хоружій сотни Перволубенской Никифоръ Макаренко, Коморникъ повѣту Роменского Костантинъ Шулячевский, Значковий Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковий Товаришъ Михайло Майборода, Значковый Товаришъ Александръ Шимка, Значковий Товаришъ Стефанъ Ющенко, Асаулъ Полковой Лубенской Артилерии Уласъ Рублевский, Полковой Артилерии Хоружий Игнатъ Щочка, Асаулъ сотений Ефимъ Капуста, Городничий полкового Города Лубенъ Андрей Сидорскій, Козакъ Лубенский Максимь Касяновъ, Козакъ Лубенский Андрѣй Коцарь, Козакъ городовій Лубенский Осипъ Кондраченко, Козаки городовие: Петро Лазоренко, Олефѣръ Оробченко, Кондратъ Василиевъ, Филонъ Крикуновскій, Иванъ Подгорний, Трохимъ Солодкий, Тимошъ Якименко, Василь Карунникъ, Мусѣй Нѣжинецъ, Грицко Солодовникъ, Семенъ Шапочникъ,

Яковъ Коханъ, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний козакъ Осипъ Кондратченко руку приложилъ. Войсковой музики габоистъ Данило Крошмахъ, Войсковой музики Иванъ Андреевъ, Козаки Лубенские: Андрей Белий, Федоръ Глухий, Назаръ Дѣгтярь, Артемъ Чайка, Стефанъ Мацко, Иванъ Ищенко, Назаръ Бережний, Иванъ Работенко, Ефимь Патѣкъ, Петро Оберемокъ, Михайло Ярошенко, Остапъ Тарасенко, Антонъ Сидоренко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался. Козакъ городовий Лубенский Григорий Трилѣскій, Козаки городовие Роменские: Иванъ Олѣйникъ, Савка Олѣйникъ, Динись Кравець, Макаръ Сученко, Андрѣй Дерѣй, Иванъ Камординъ, Иосифъ Бѣличевский, Кондратъ Гиркало, Иванъ Парпура, Павло Федоровъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Козакъ Лубенский Григорий Трилѣскій подписался. Козакъ городовой Лубенский Андрѣй Крапивка, Козаки городовие Лубенские: Демко Дѣгтярь, Максимъ Петрикъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписаний козакъ Андрей Кропивка руку приложилъ. Мѣщане Лубенские: Дмитро Постольникъ, Павло Курначъ, Федорь Ковнерь, Грицко Рабуха, Иванъ Лисенко, Карпъ Лѣнко, Фома Хведоренко, Микита Борщиговецъ, Микита Горбь, вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писарь Павло Холоднякъ подписался. Козакы: Федоръ Коваль, Павло Мазепа, Денисъ Мацко, Корнѣй Радченко и Грицко Дзекало, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Лубенский Иванъ Петровъ подписался. Козаки: Федоръ Устименко, Грицко Чикисенко, Грицко Момотенко, Павло Устименко, Степанъ Сушко, Яковъ Устименко, Тимошь Устименко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Козакъ Иванъ Поповичъ подписался. Войсковой музики трубачъ Михайло Малеча. Козаки: Иванъ Гринченко и Максимъ Пѣкуль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению трубачь Михайло Малеча подписался. Мѣщане Артемъ Сивунь, Андрей Рудь, Зѣнецъ Николаенко, Микола Римарь и Григорий Брижаха, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ городовий Лубенский Иванъ Поповичъ подписался. Козаки: Панасъ Салко, Стефанъ Сопунъ,

Евтухъ Ламашенко, Лукянъ Винникъ и Мосѣй Литвинъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской канцелярии Подканцеляристъ Марко Поддубній подпис(а)лся. Козакъ, ктиторъ соборной церкви Василь Михайловъ. Мещане: Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко и Иванъ Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской Канцеляріи Подканцеляристъ Марко Поддубний. Войсковой Полковой музики довбишъ Григорій Вѣтвицкий. Козаки: Иванъ Пасько, Андрей Сопуненко, Зѣнецъ Крошмаль, Трофимъ Слюсаренко, Андрей Макаренко и Федоръ Лебединецъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ рукоданному прошенію Градского Лубенского Суда Подканцеляристъ Андрей Запорожский подписался. Мѣщане: Лукянъ Галущенко, Василь Передериока и Ничипоръ Мисановъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію подканцеляристъ Андрѣй Запорожский подписался. Войсковой музики волторнѣтъ Иванъ Макаренко. Козаки: Тимофѣй Макаренко, Яковъ Лоза, Карпъ Коваль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе Никифоръ Власовъ подписался. Мѣщане: Григорій Дрипаненко, Микита Мисанъ, Фома Яценко, Харко Ганнотенко, Дмитро Кириленко, Иванъ Стельмахъ, Степанъ Вынникъ, Федоръ Комеръ и Максимъ Дацѣй, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію полковой музики довбышъ Григорий Вѣтвицкій подписался. Козакъ Микола Власовъ, за себе и за неграмотного козака Кондрата Карунника по его прошенію подписался. Мѣщане: Кондратъ Гончаръ и Карпъ Левченко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію писецъ Полковой Лубенской Канцеляріи Яковъ Ивановъ подписался. Цилюрикъ Полковой Иванъ Афанасиевъ. Козаки: Иванъ Рабка, Андрѣй Рибчинъ зять, Михаило Литовченко, Яковъ Лимарь, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Афанасиева по его повелѣнию синъ Яковъ Ивановъ, писецъ полковой Канцеляріи подписался. Козаки: Федоръ Шапочникъ, Каленикъ Булахъ и Павелъ Свѣтенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Квартермистръ Семенъ Могилник(овъ) подписался. Козакъ Городовий Лубенский Данило Брижаха, а вомѣсто его по его велѣнию синъ его Кирило Брижаха подписался. Козаки: Федоръ Барабашъ, Никола

Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Петро Оробіовский подписался. Мѣщане: Максимъ Холоднякъ, Василь Лазоренко, а вомѣсто ихъ по ихъ прошенію и за себе мѣщанинъ Евтихій Гриневичъ подписался. Козаки: Назарь Лѣнко, Грицко Момотенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козака городового Лубенского Данила Брижахи синъ Кирило Брижаха подписался. Козакы: Иванъ Салко и Иванъ Желѣзний, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ Сенчанский Стефанъ Сыдоровъ подписался. Козаки: Артемъ Музика, и Василь Охрѣменковъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе козакъ и понамарь Соборной Лубенской церкви Семенъ Григориевъ подписался. Козакъ Мартинъ Свѣтъ, Пономарь Троицкой церкви Григорий Андреевъ и козаки: Савка Коваль и Яцко Солодовникъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцелярии подканцеляристъ Марко Поддубний подписался. Козаки: Семенъ Крикунъ, Илия Карбань, Павло Сподинъ и Павло Дирка, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и вомѣсто отца своего Семена Крикуна по его велѣнию синъ его Андрѣй Крикуненко подписался. Козаки: Максимъ Вербицкій, Сергий Швець, Онисько Кикулка и Павло Зайченко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе козакъ Мартинъ Кириленко подписался. Мѣщане: Олефѣръ Николаенко, Петро Илченко, Иванъ Бондарь, Грицко Пухирь и Дмитро Киренко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію козака Лубенского Семена Крикуна синъ Андрѣй Крикуненко подписался. Козакъ Лубенский Василь Циганенко, за себе и за неграмотнихъ козаковъ Ивана Котляренка, Дороша Мазепенка, Василя Музики, Якова Кравця, Клима Горба, Игната Чижа, Максима Заику, Василя Кривеленка, Кирила Кухара, Артема Муренця, Романа Рубана, Данила и Корнѣя Рибокъ по ихъ прошению подписался. Козакъ Лубенскій Иванъ Божко. Войсковие музики гобоисти Иванъ Орловский и Савка Желѣзкий, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался.

2) Наказъ жителей г. Лубенъ.

Благородному почтенному господину Значковому Полку Лубенского Товаришу Григорию Иваненку

Nаказъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ 14 день декабря 766 году состоявшагося и во всей Имперіи обнародованного, мы по приложенному при томъ манифестѣ Полгражданскому обряду зъ общого согласія нашего вибрали отъ Полкового города Лубенъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія васъ Депутатомъ и сочинили наказъ Вамъ слѣдующаго содержанія.

1.

Болше ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійской народъ, будучы въ прежнихъ вѣкахъ съ Поляками и Литвою, имѣлъ во всемъ равенство и ползовался тѣми жъ, что и они, вольностьми, правами, и преимуществомъ, и напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами, а паче чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и волностей своихъ, послѣ многолѣтной кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, то ихъ зъ себя зверглъ и подъ предводителствомъ славного своего Гетмана Зѣновія Богдана Хмельницкого, презря всѣхъ (котори его ласкали посторонныхъ государей протекціи) не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избратю единовѣрія пришелъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича Самодержца Всероссійского, доброволное подданство учинилъ, и къ Всероссійской Державѣ благоприсоединенъ, за что и по договорамъ, такъ какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ а именно: Гетману и войску Запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ нетокмо содержать и сохранять Малороссійской народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обикновеніяхъ, привилегіяхъ, волностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королми Полскими и Великими Князями Литовскими, но и

болшимъ наградить и пожаловать обѣщалъ, и оніе договори отъ времени до времени при постановленіи каждого гетмана поновляеми и подтверждаеми были; а болшій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршой къ Малороссійскому народу остался блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Императора Петра Великого, ибо Его Величество публикованними въ народѣ Малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ за подписаніемъ собственнія своея руки манифестами упомянувъ то, что нѣкоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться неможетъ, какъ по Его Императорского Величества милости Малороссійскій народъ, и что Его Императорское Величество ни единаго пенязя въ казну брать съ онаго не велить, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержанъ оной при правахъ и волностяхъ ненарушимо, такъ и впредъ все то свято содержать, что и при принятіи оного въ подданство обѣщано. Таковія предковъ Ея Императорскаго Величества милости чувствуя, Малороссійскій народъ вѣрно и радѣтелно не токмо нѣ на какія прелести Поляковъ, которіе ихъ по прежнему въ свое соединеніе принять старались, не склонился, но еще какъ противъ помянутыхъ Поляковъ, такъ и противъ всѣхъ Россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія с предковъ Ея Императорскаго Величества, а особливо отъ Государя Императора Петра Великого имѣемъ засвидѣтелствованія. Но яко помянутія права, обикновенія, привилегіи и волности и самія договорнія статьи остаются еще отъ Ея Императорскаго Величества безъ подтвержденія, то потому и ми подвержени къ нуждамъ и недостаткамъ нашимъ.

Примѣч. Ред. Слѣдующіе за симъ пункты со 2-го по 14-й здѣсь опускаются, такъ какъ они составляютъ буквальное повтореніе 1—13 пунктовъ помѣщеннаго выше „Прошенія гражданъ и разнаго званія жителей г. Лубенъ“.

15.

Въ сходство вышеписанныхъ государственныхъ привилегіевъ, сочиненны зъ общого нашого согласія двѣ челобитные: одна о под-

твержденіи по примѣру прежныхъ въ Бозѣ почивающихъ великихъ государей, предковъ Ея Императорскаго Величества, Малороссійскихъ правъ, привилегій и волностей и давныхъ обикновеній, которіе предки наши и ми отъ прибытія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмелницкого съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ имѣли, и о видачѣ на то Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоти; а другая съ прошеніемъ сего: 1. дабы всемилостивѣше указано было городъ Лубнѣ... *(слѣдуютъ пункты, въ количествѣ 11, напечатанные выше на стр. 132—133)*.

16.

Оные челобитніе старатся вамъ, гдѣ надлежить, подать и испросить резолюціи въ ползу всего общества, а особливо чтобъ права наши, еще отъ королей Полскихъ предками нашими приобрѣтенные и всѣми Всероссійскими монархами всевисочайшими грамотами утвержденые, при насъ цѣло и ненарушимо остались.

17.

Ежели въ Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія за благо разсужденно будеть сочинить на все государство одно уложеніе, въ такомъ случаи вамъ просить, чтобы права книги Статута во всемъ такъ, какъ оны въ себѣ имѣются, положенны были въ новомъ уложеніи подъ особую главу.

18.

Мы васъ вибрали къ сему дѣлу, находя у васъ всѣ до оного принадлежащые качества, вразсужденіи чего и дали полную довѣренность, уповая, что ви, яко синъ отечества, не пропустите и сверхъ того, что прямо къ ползѣ оного и общому благоденствію успѣшествовать можеть. 1767 году, априля 17 дня. На подлиномъ подписались: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и выше, на стр. 134—137)*.

Списокъ о мѣщанскихъ нуждахъ.

1. Просить о тарифѣ.

2. О стояльцахъ.

3. Приходящіе зъ разныхъ мѣстъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ либо изъ заграницы, которіе на гражданскихъ грунтахъ станутъ жить, то отбували бъ гражданскіе повинности.

4. Чтобы мещанъ Лубенскихъ содержано такъ, какъ у Кіевѣ, а не считанно бъ съ посполитими, и виключенно бъ съ подвѣдомства скарбовой канцеляріи.

5. Чтобъ река Сула всему гражданству для уловленія риби била волна; тако жъ и тросникъ, то есть очеретъ, которій для отопливанія зимной пори ни от кого бъ не билъ запрещаемъ.

6. О прежде бывшой толоки Матяшовки, такожъ сенокосовъ, називаемихъ: далнихъ и ближнихъ Пологъ, Ратушного острова и Вишкварокъ, съ коихъ далніе Пологи бившимъ гетманомъ Кириломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ господ. полковнику отдани впредъ до разсмотренія.

7. Чтобъ мещанъ и всѣхъ жителей здешнихъ никто изъ чиновниковъ насиліемъ безъ заплати въ партикулярние работи не употреблялъ.

8. И чтобъ цехи били по давнимъ установлениямъ, даби бродяги переходящіе зъ мѣста на мѣсто, такожъ и жительствующіе въ разнихъ господъ, безъ цеховъ бы не робили.

Съ подлиннымъ читалъ
Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ
Петро Любнѣцкій.

III.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

XIII.

1767.

Наказъ козаковъ Черниговскаго полка [1]).

2.

Какъ прежде Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, блаженнія и высокославнія памяти Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого подъ Россійскую державу, 1654 году февраля 17 дня пожаловалъ заслуженнихъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободностьми и преимуществами; такъ и за гетмана Игнатіева Многогрѣшного 7177 году подтвержденно и пожалованно: въ недостаткѣ полного числа реестрового войска, велено Гетману набирать въ козаки зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей; и какъ напредъ того козаки заслуженные пожалованны били честію дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали; а которіе и впредъ дослужатся,—что разумѣется о тѣхъ, коихъ Гетманъ зъ войскомъ у число реестровихъ козаковъ зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей примутъ,—яко же по 13 ст. Богдана Хмелницкого узаконено смотрить:—кто козакъ, тотъ бы волностію козацкою ползовался и честію дворянскою, и чтобы они козаки при томъ же

---

[1]) Въ рукописи вырванъ первый листъ.

чину и чести пребывали, и чтобы отъ козаковъ ни подкакіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали, и въ домахъ козацкихъ постоевъ не становили, а чтобъ впредъ дворы отводили и подводы давали старшина городовая у мѣщанъ и другихъ крестянъ военнымъ россійскимъ людямъ. Такожъ безсмертныя славы въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, въ грамотахъ своихъ, Малороссійскому народу присланныхъ, изобразилъ: въ 1-й 1708 году ноября въ 1-й день, во 2-ой 1709-го году февраля 8 дня, и въ 3-ей 1709 году ноября 3-го дня состоявшихся, между протчимъ тако: „народъ Малороссійскій, подъ високодержавною нашею рукою въ такомъ доволномъ и изрядномъ состояніи при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и волностяхъ своихъ живущій, день ото дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенезя въ казну свою съ оного Малороссійскаго народа не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ высокодержавную отца Нашего блаженныя памяти Великого Государя, Его Царскаго Величества руку свято содерживали и впредъ содерживать будемъ; и они Наши вѣрноподданные по прежнему при правахъ и волностяхъ своихъ вѣчно въ спокоѣ и тишинѣ благополучно жителствовать могутъ. Отъ Насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ." То предки наши тоею милостію и честію ползовалися безъ всякого отягощенія до гетманства Апостола, который положилъ къ дачамъ, назвалъ убогихъ козаковъ подпомощиками и положилъ къ дачамъ консистенскимъ: противъ одного мужика два козака,—для облегченія подданнымъ; якій уставъ Гетманскій, а не Императорскій, почитать и не надлежало, однако мы тое несли съ великою нуждою. Но наконецъ всѣ козаки, названные подпомощиками, къ такому несносному окладу обще съ мужиками консистенскою дачею обтягощени, въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждого дому, что не имѣющимъ чемъ платить, какъ подпомощикамъ такъ и виборныхъ козаковъ подсусѣдкамъ, онихъ денегъ виборніе козаки за подсусѣдки

платя, приходять въ крайнее разореніе, что часъ отъ часу и военной службы несть не въ состояніи. Вразсужденіи таковыхъ отягощеній, всеподданнѣйше просимъ, дабы Ея Императорское Величество призрѣла на услуги предковъ нашихъ и ревность нашу къ службѣ Ея Величества; и такъ не сомнѣваемся, что премудримъ и попечительнимъ Ея Величества промисломъ, какъ предки наши служили въ покоѣ и тишинѣ и всѣми волностьми и преимуществами пользовались, такъ мы, въ лучшемъ образѣ и безъ отягощенія, къ службѣ Ея Императорскаго Величества удостоени будемъ, то чтобъ кромѣ должностей, къ содержанію той службы принадлежащихъ, никакихъ другихъ податей и повинностей не несли, но при всѣхъ вигодахъ и вислуженной козаками чести дворянской всѣ обще и волностяхъ прежнихъ пребывали.

3.

Должная отъ насъ Россійской Имперіи служба, изъ дворовъ нашихъ отправляемая, намъ тягостна по причинѣ той: ибо издревле, какъ предки наши вовремя союза Малой Россіи съ Полскою Короною, еще прежде бытія съ осѣдлостьми Малороссійского народа подъ державою Всероссійскою, т. е. въ 1569 году декабря 13 дня, короля Полского Жигмунта Августа, подъ названіемъ Княженія Литовского Короны Полской, явствуетъ сіе въ данныхъ отъ оныхъ королей Польскихъ привилегіяхъ: что козаки отправляли военную службу во всякомъ благополучіи и легкости затѣмъ, что имѣли подъ собою довольные какъ то: пахатныя поля, сѣнокосы, лѣса, мельницы и всякіи угодіи; а нынѣ, за утѣсненіемъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ козачихъ, грунта—насыльствомъ, по куплѣ и всякими способи, коими бы можно было имъ къ себѣ присовокупить, такожъ духовными монастырскими владѣлцами и жалованними въ сотни сотниками и сотенными старшинами не осѣдлими, кои, по вступленіи толко на команди, тотъ часъ ищутъ козачого грунта, первѣе на постройку жилыхъ ему избъ пространного двора, а потомъ къ дворамъ искупляютъ и подъ видомъ замѣнъ, чрезъ угроженія и ласкательства, въ козаковъ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы

и всякіе гдѣ есть лучшіе грунта завлаживають и всякими хитрыми способы козаковъ утискають, а двори, по витиски онихъ козаковъ зъ ихъ дворовъ, късебѣ привлащають, и владѣнія съ козачихъ земель приумножають, а иныхъ козаковъ въ партикулярныя свои работы употребляють, что другіе козаки за таковихъ, кои подъ укривателствомъ въ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ живутъ,—несуть двойную службу съ великимъ отягощеніемъ; а иные отъ великихъ тяжебъ, отъ боевъ и страховъ, отъ сотниковъ задаваемихъ, оставляютъ жены и малыя дѣти, двори и со всѣми угодіями, и исходятъ въ безъизвѣстныя мѣста, отъ чего въ службѣ Государевой дѣлается отъ таковихъ непорядковъ умаленіе; ибо многіе духовные и мирскіе владѣлцы и старшины нетолько имѣнія козачіи поотнимали насильно, по куплѣ и всякими сдѣлками, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство, и несуть общіе съ мужиками тяжбы. И за тѣмъ мы всѣ въ крайней обидѣ находимся, что многое число козаковъ какъ по искуплѣ вишеписанной козачіихъ грунтовъ, такъ и завладѣніемъ насильствомъ всякого званія владѣлцами, сотниками и старшинами, а иные козаки съ великого утѣсненія и отъ видимихъ страховъ, оставя свои грунта козачіе владѣлцамъ поневолѣ, порасходились въ подсусѣдки за рубежъ и въ иныя мѣста. Почему въ умаленіи козачихъ грунтовъ немалое изъ волностей козачихъ число отошло, а козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лице имѣются, то тѣ, за таковихъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайное разореніе и оплошность. А въ многихъ высокомонаршихъ указѣхъ завладѣніе козачихъ добръ, какъ духовнимъ, мирскимъ и всякого званія владѣлцамъ, сотникамъ и старшинамъ найстрожае запрещено; но оные часто поминаемые владѣлцы и старшины, не въ сходство тѣхъ высокомонаршихъ указовъ, и до нынѣ завлаживають, отнимать, покупать и подъ видомъ заставъ козачихъ добръ не престають. Въ отвращеніе таковыхъ бѣдствій, да будетъ вгодно Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, чтобъ освободить отъ вишеписанныхъ владѣлцовъ какъ духовнаго, такъ и мирского чина, сотниковъ и всякого званія старшинъ, утѣсненій; чтобъ они всѣ напрасно завладѣнніе грунта, такъ и купленные,

какъ вишеписано, коихъ за силу высокомонаршихъ указовъ имъ владѣть ни подъ какимъ видомъ запрещено, и самихъ козаковъ, коихъ поподвергали себѣ въ подданство, крестянскую работу, дабы оные по прежнему въ обществѣ Россійской Имперіи и паки между козаки въ службу причтенны были, отъ чегобъ мы могли познать Вашего Императорскаго Величества вящшую милость и матернее милосердіе; но чтобъ только было вольностями и преимуществами козачими ползоватся козакамъ, между собою продавать, въ застави отдавать, замѣнять или какъ хотѣть въ лучшой порядокъ себѣ употреблять, и самимъ козакомъ въ Малой Россіи (и ихъ подсусѣдкамъ) съ мѣста на мѣсто, гдѣ кто пожелаетъ, волной переходъ Вашею Высочайшею милостію дозволить. А сотниковъ и сотенныхъ старшинъ отъ сего времени дозволено бъ было,—какъ прежде сего въ Малой Россіи за предковъ нашихъ волними голосами збираны,—избирать въ тѣхъ сотняхъ жителство свое имѣющихъ, осѣдлыхъ, зъ сотенныхъ старшинъ или съ козаковъ, къ той должности достойныхъ. Да благоволить Ваше Императорское Величество, какъ о вишеупомянутыхъ разореніяхъ и отборѣ отъ духовныхъ и мирскихъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ завладѣнних козачихъ земель и самихъ козаковъ, такъ о продажѣ и о куплѣ между козаками и о вольномъ переходѣ и о протчемъ всемъ вишеписанномъ, да благоволить Ваше Императорское Величество частоупоминаемой общей всѣхъ насъ обидѣ Всемилостивѣйшее матернѣе охраненіе и къ службы военной, какъ предки наши служили, учинить и намъ облегченіе милостиво повелѣть, и паки волные наши земли и люде, отъ оныхъ отобравъ, во владѣніе намъ къ общей ползѣ поручить, а вишеписаннымъ всякого званія владѣлцамъ и старшинамъ впредъ оные куплей и всякими способи завлаживать козачихъ земель—запретить, и о избраніи между нами вольними голосами сотниковъ и сотенныхъ старшинъ подтвердить привилегіею и узаконить.

4.

До сего времени отправляемъ мы службу съ крайнимъ намъ отягощеніемъ, ибо висылаемы бываемъ для рубки при засѣкѣ границъ лѣса, и висылаеми бываемъ на Донъ въ ново-заведенной го-

родъ, прозываемый Ростовъ, для дѣланія тамъ крѣпости,—которая работа принадлежитъ до самыхъ толко мужиковъ,—и для другихъ делъ употребляеми бываемъ всегда почти въ отправленія, не вовся званію и должности нашей соотвѣтствующія, какъ то: подводы для возки колодъ, мачитъ и тѣмъ подобныхъ матеріяловъ и протчіе крестянскія работы. По сей причинѣ наша служба, съ великою тягостію исправляема, отъ многихъ вменяется не въ службу военныхъ людей, и вольностямъ Малороссійскимъ въ противность,—отъ чего мы часъ отъ часу приходимъ въ крайнее оскуденіе и оплошность. А издревле узаконенны по всимъ полку Черниговского сотеннымъ мѣстечкамъ были ратушы; какъ отъ королей и княжатъ Полскихъ, такъ и отъ царей Россійскихъ на вольности тѣмъ ратушамъ привилегіи подтверждено, при которыхъ ратушахъ людей свободныхъ было не малое число, кои люде оныхъ при мѣстечкахъ бывшихъ ратушъ отправляли всѣ подлежащія мещанскія и крестянскія работы, яко то: подводы, проводники, мосты, гати и другія подобныя тѣмъ тягости. А нынѣ оныхъ свободныхъ людей отъ висшеписанныхъ ратушъ съ ихъ привилегіями разными гетманами поотдавано владѣльцамъ во владѣніе, и такъ тѣ владѣльцы оныхъ людей къ общей ползѣ, яко то: подъ проѣжающихъ гонцовъ, подъ посланниковъ, мостовъ, гатѣй и другихъ къ тому подобныхъ работъ не допускаютъ за своими партикулярными работами, а козаки за таковыхъ свободныхъ всѣ общіе тягости съ великою нуждою несуть. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ Ея Императорское Величество благоволили, призрѣвъ на знатные предковъ нашихъ оказанные государству услуги и наше престолу Ея Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать насъ въ Императорской своей милости, и какъ предки служили до того времени, пока насъ неустройства не одолѣли отъ многихъ, команду надъ Малороссіею имѣющихъ и волности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ, и всѣхъ насъ отяготившихъ, и такъ отъ нынѣшняго неустройства у лучшемъ порядкѣ чтобъ военные наши труды были полезны отечеству, и при томъ неотяготительны подводами и работами крестянскими. Въ чемъ полагаемся на Ея Императорскаго Величества милость.

5.

Судиться намъ по силѣ прежнихъ обичаевъ, какъ то гетману Скоропадскому на чинъ его, 1711 года генваря 5 д. грамотою данною, между инымъ изображено: воинскіе и гражданскія дѣла въ Малой Россіи управлять ему, гетману, по войсковимъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ высокодержавную руку отца Нашего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великого Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царского Величества гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ;—такъ и нынѣ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по тѣмъ же даннымъ отъ королей Полскихъ и царей Всероссійскихъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ козакамъ всѣмъ обще быть судимимъ.

6.

Всенижайше просимъ, чтобъ выслуженные предками нашими въ королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности: во владѣніи добромъ наслѣднымъ, купленнымъ, наданнымъ и занятымъ, въ промислахъ, и особливо въ винокуреніи и в продаваніи оного куфами и въ рознь всякому козаку внутрѣ Малой Россіи, безъ всякого отъ кого либо запрещенія и пошлинъ, и другими напитками и всякими товарами—дозволить. Въ подтвержденіе и нынѣ благополучно государствующею Императрицею несомнѣнно надѣемся на Всевысочайшую Ея къ намъ вѣрнымъ подданнымъ милость, что привилегіею подтвердитъ, о всѣхъ высшеписанныхъ нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, въ заключеніе намъ у вѣчной покой и благополучіе утвердитъ на вѣки.—1767 году, априля 2 дня.

Подленной подписанъ такъ: Козаки полку Черниговского: Сотнѣ Седневской: Герасимъ Збанъ, Данило Самоненко, Семенъ Грибовець, Иванъ Неня, Мина Шупикъ, а вместо ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Павелъ Шевель руку приложилъ. Козакъ Демянъ Гребянка саморучно подписался. Сотнѣ Кисилевской:

Дорошъ Заець, Оникѣй Бабичъ, Савва Романець, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Синявской Иванъ Николаевъ руку приложилъ. Сотнѣ Вибелской: Климъ Панфиленко, Григорій Мудкій, Федоръ Борисенко, Яковъ Лѣщинецъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Семенъ Дяченокъ руку приложилъ. Козакъ сотнѣ Вебелской Василь Гвоздикъ саморучно подписался. Сотнѣ Белоуской козаки: Романъ Павленко, Кирило Полѣй, Иванъ Койданъ, Павелъ Богданенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Иванъ Литвиненко руку приложилъ. Сотнѣ Слабинской козаки: Федоръ Сурмило, Данило Шило, Григорій Дундарь, а вместо ихъ яко неграмотныхъ, по ихъ прошенію подписался умершого Войскового товариша Никити Райполского синъ Иванъ Райполскій. Сотнѣ полковой: Иванъ Белонужка, Иванъ Чумакъ, Василь Ковтунъ, Яковъ Гузъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Яковъ Згурскій руку приложилъ.

Сотнѣ Синявской козакъ Иванъ Ященко, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Захарій Мищенко руку приложилъ. Козакъ Иванъ Николаевъ саморучно подписался. Сотнѣ Менской: Семенъ Олѣйникъ, Семенъ Смаль, Мойсей Сердеченко, Гаврило Коворотній, Марко Кроха, Михайло Пудъ, Матвѣй Зеленскій, Иванъ Сидоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Трохимъ Падалка руку приложилъ. Козакъ Прокопъ Соломяникъ подписался. Сотнѣ Березинской козакъ Иванъ Кислій саморучно подписался. Козма Стасюкъ саморучно подписался. Козакъ Михайло Котляревскій саморучно подписался. Карпъ Литвиновъ саморучно подписался. Григорій Харченко саморучно подписался. Козакъ Семенъ Станиславскій саморучно подписался. Сотнѣ Столинской: Максимъ Пилипенко, Якимъ Савченко, Павелъ Антоненко, а вместо ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе Остапъ Охрѣменко руку приложилъ. Сотнѣ Сосницкой козаки: Андрей Коленко, Иванъ Кузька, Федоръ Чинчикъ, Стефанъ Глоба, Яковъ Скрилъ, Стефанъ Федосенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Понурницкой Данило Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Волынской

козакъ Иванъ Петровъ саморучно подписался. Козакъ Федоръ Поплавскій саморучно подписался. Козакъ Яковъ Редка саморучно подписался. Козакъ Михаилъ Грищенко, а вместо его неграмотного по его прошенію, Иванъ Петровъ руку приложилъ. Сотнѣ Любецкой козаки: Сидоръ Бугушъ, Сава Брехунъ, Павелъ Пилиповичъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Федоръ Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Роиской козаки: Климъ Ярошенко, Василь Ященко, Козма Петрущинецъ, Василь Кужильній, Гаврило Ильленко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Омельянъ Коржъ руку приложилъ. Козакъ Матвей Коваленко саморучно подписался. Козакъ сотни Городницкой Иванъ Бояриновъ саморучно подписалъ. Козакъ Василь Гуторь, а вместо его неграмотного по его жъ прошенію и за себе козакъ Григорій Глущенко руку приложилъ. Козакъ Никифоръ Черевачъ саморучно подписался. Козаки: Василь Редченко, Василь Борсукъ, Андрей Борсукъ а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и са себе козакъ Афанасій Кулажинскій руку приложилъ. Сотнѣ Понурницкой козакъ Дмитро Кострубъ, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Данило Савицкій руку приложилъ. Козаки: Ничипоръ Гавриленко, Семенъ Карпенко, Домянъ Кипоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Стефанъ Осадшій руки приложилъ.

XIV.

1767.

Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка.

По Высочайшемъ титулѣ:

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше бьютъ челомъ Малороссійскаго Стародубского полку козаки.

Премудрыя и неусыпныя Вашего Императорскаго Величества дѣла являютъ намъ неизреченное Вашего Величества всемилости-

вѣйшее матернее попеченіе къ возстановленію благоденствія вѣрноподданныхъ своихъ, Богомъ врученныхъ народовъ; мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, найсовершеннѣе увѣрены, что вмѣстѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ царствуеть правда и милость. Почитаемъ мы за особливый залогъ монаршей Вашего Императорскаго Величества милости, когда Ваше Императорское Величество высочайшимъ своимъ обнародованнымъ манифестомъ, въ 14 день декабря 766 году состоявшимся, всемилостивѣйше созывать изволите какъ отъ другихъ обширной Всероссійской Имперіи краевъ, такъ и отъ насъ, вѣрноподданныхъ своихъ, депутатовъ въ столичный городъ Москву, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки здѣшнихъ мѣстъ и допустить ихъ въ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія. И за такову оказываемую намъ Высочайшую милость Вашему Императорскому Величеству всенижайшее наше подданническое приносимъ благодареніе, моля притомъ со усердіемъ Всевышняго, да сохранитъ дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе на многія лѣта, и да укрѣпитъ державу Вашу при непремѣнномъ благѣ во вѣчные роды. Какія же наши главнѣйшія нужды и прошенія, оныя въ слѣдующихъ пунктахъ дерзаемъ поднесть, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

1.

Болѣе уже ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійскій народъ, отторгнутый было въ прежнихъ вѣкахъ къ Польшѣ и имѣвшій съ поляками одинакія вольности и права, а напослѣдокъ будучи озлобленъ и утѣсненъ многими неправдами, нарушеніемъ вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ долголѣтней кровопролитной войны и многихъ геройскихъ побѣдъ надъ нимъ полученныхъ, чрезъ гетмана своего Богдана Хмѣльницкаго, съ войсками козацкими, иго ихъ зъ [1]) себе свергль и по добровольному подданству пришелъ подъ державу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Царя

[1]) *Зъ* вмѣсто *съ*.

и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійского, на договорныхъ статьяхъ, въ которыхъ, и особливо въ жалованныхъ своихъ гетману, старшинѣ и войску запорожскому, такъ какъ и другимъ чинамъ, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ: не токмо содержать и сохранять Малороссійской народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, привиллегіяхъ и вольностяхъ, на которыхъ оный былъ подъ королями Полскими и великими князями Литовскими, но и особливыми своими милостьми жаловать обѣщалъ. Сіи статьи, отъ времени до времени, при постановленіи прочихъ, по Хмѣльницкому бывшихъ, гетмановъ, а сверхъ того и вновъ отъ иныхъ подаваемыя, подтверждаемы были отъ свято усопшихъ предковъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійскихъ Монарховъ. По тѣмъ же привиллегіямъ и постановленнымъ статьямъ, вольности козачіи состоятъ: въ вольномъ избраніи старшинъ, отъ которыхъ оные и судились; свобода въ своихъ добрахъ, винной промыселъ и продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; они обязаны къ военной только службѣ, а отъ податей и прочихъ должностей были свободны. При всемъ томъ, однакожъ, нынѣ и другіе, равно какъ и мужики, несемъ мы тягости, о которыхъ ниже показано будетъ. Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества, призирая на многія усердныя престолу Всероссійскому предковъ нашихъ службы и на нашу къ онымъ же ревность, подтвердить намъ Высочайшею Своею грамотою прежнія наши привиллегіи и вольности: чтобъ мы имѣли избраніе вольными голосами межъ себя старшинъ; чтобъ добра наши, яко то: грунта, мельници, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственомъ владѣніи и употребленіи намъ всегда тверды были; чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того, родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ, саломъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточнаго грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами про-

мышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ Вашего Императорскаго Величества; и чтобъ мы сохранены были отъ всякихъ налоговъ, также бы вдовы козачіи, остаючіясь по смерти мужей съ малолѣтними сиротами, вольности предковъ ихъ имѣли, и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачихъ повинностей были уволены. Чтожъ принадлежитъ до правъ, то какъ Малороссійскіе козаки издревле состояли на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены, правахъ, и какъ особливыми по своимъ привиллегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что и шляхетство, преимуществами по правамъ ползовались, исключая, что по статямъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ суду подвержены. Почему всенижайше просимъ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы мы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства [1]). Какое же ближайшее для насъ, яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процесахъ рѣдко упражняющихся, и больше неимущественныхъ, можетъ быть средство къ скорѣйшему достиженію прямого правосудія, равнымъ образомъ, какія въ правахъ малороссійскихъ сходственныя съ нынѣшними временами и обстоятельствами слѣдуютъ поправленія, во всемъ томъ возлагаемъ крѣпкую нашу надежду на правосудіе и милость Вашего Императорскаго Величества, великой и всещедрой своей Монархини, что Ваше Императорское Величество, по данной отъ Бога прозорливости, чрезъ учреждаемую подъ собственнымъ своимъ руководствомъ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, доставите совершенное и съ обычаями нашими сродное правило, къ благоденствію всего народа Малороссійскаго. Чего мы со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ несумѣнно ожидаемъ.

2.

Домы козачіе, также какъ и мужичіе, занимаются подъ постой квартирующихъ въ Малой Россіи и переходящихъ полковъ и командъ; козаки же съ лошадьми въ подводы и проводники берутся, къ чувствительному ихъ отягощенію. А по договорнымъ статьямъ, они отъ

[1]) Т. е. такъ же, какъ и шляхетство.

таковыхъ повинностей свободны. Да и нынѣ находячіесь въ Малой Россіи разные иностранцы, отставные гусаре, которые прежде служили въ Россійскомъ войскѣ, пользуются по опредѣленіямъ Правителствующаго Сената свободою домовъ ихъ, гдѣ живутъ, отъ постою. Для того Вашего Императорскаго Величества всенижайше просимъ: домы жилые козачіе отъ постоевъ увольнить, а лошадей козачьихъ и козаковъ въъ подводы брать запретить.

3.

За нѣсколько назадъ лѣтъ сравнены мы съ мужиками и въ томъ, что наложено на козаковъ, названыхъ подпомощниками, выстачать порціоны и раціоны на состоящіе въ Малой Россіи на безплатномъ довольствѣ полки, съ ихъ генералитетомъ, полевою аптекою и Глуховской гарнизонъ. Сіе выстатченіе въ прежнихъ годахъ чинили они въ-полъ противъ мужиковъ, а съ подсусѣдковъ козачихъ взималось въ лѣтнихъ мѣсяцахъ на каждой мѣсяцъ по одной копѣйкѣ, а въ зимнихъ по двѣ, и продолжалось по 765 годъ по октябрь мѣсяцъ. А съ того времени, хотя съ нѣкоторою выгодою въ разсужденіи увольненія отъ провіанта и фуража выстаченія, бывшаго съ великими затрудненіями, точію же равной, какъ и на мужиковъ, положенъ на козаковъ и ихъ подсусѣдковъ платежъ отъ всякой хаты по рублю. Таковыми табельми козаки будучи обременены, приходятъ въ нищенство и ослабленіе; сего ради всенижайше просимъ Вашего Императорскаго Величества отъ оныхъ облегченія, и ежели вовсе козаковъ уволнить не можно, то хотя половинную часть противъ мужиковъ повелѣть снять; а другую половину расположить по имуществамъ каждаго, а подсусѣдковъ козачихъ оставить при томъ платежѣ, которой до окладу рублевого былъ: ибо они столько бѣдны, что едваль у иного и имущества на рубль найдется. Хотя же и велѣно въ собраніи оного рублевого окладу дѣлать уравненіе по имуществамъ между самими козаками атаманамъ, а между прочими— хозяевамъ, однакожъ, какъ у козаковъ живетъ подсусѣдковъ по самому малому числу, да и то весьма бѣдныхъ, въ такомъ случаѣ

инако невозможно сдѣлать имъ льготы, какъ только сами хозяева принуждены за нихъ производить платежъ.

4.

Нѣтъ почти никакой многотрудной въ государствѣ работы, гдѣ бы Малороссійскіе козаки впотреблены не были. Какъ то: и нынѣ болѣе уже десяти лѣтъ дѣлаютъ по границѣ съ Польшею засѣку; строятъ редуты, расчищаютъ въ лѣсныхъ мѣстахъ дорогу, мостятъ притомъ многіе болотистыя и низкія мѣста и прочія исправляютъ работы; а матеріалы къ тому возятъ на собственныхъ лошадяхъ. Хотя сперва велѣно было для сихъ работъ высылать и мужиковъ, однакожъ въ скоромъ времени они отъ того увольнены, а осталось все то на однихъ козакахъ. Сверхъ того, высылаются Малороссійскіе козаки отъ нѣсколько лѣтъ ежегодно на Донъ къ строенію крѣпости. Сего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше просимъ устроить насъ въ такомъ порядкѣ, дабы мы въ работу, повозки и ни къ чему другому употребляемы не были, какъ къ настоящей воинской и Вашему Императорскому Величеству должной службѣ такъ, чтобы оная прямо исправною и полезною, безъ отягощенія притомъ нашего, быть могла.

5.

Издавна Малороссійскіе козаки какъ во внутреннихъ, такъ и въ заграничныхъ походахъ службу Всероссійскому Престолу, не щадя имѣнія и живота своего, отправляли, не получая изъ казны жалованья, только что въ недавнемъ времени въ прошлую войну оное имъ было выдаваемо. А понеже, въ случай дальнихъ походовъ на службу Вашего Императорскаго Величества, будучи въ заграничныхъ мѣстахъ, козакамъ содержать себя во всей воинской исправности изъ собственнаго капитала весьма трудно, паче когда таковы походы бываютъ продолжительны; для того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: во время заграничныхъ внѣ Малой Россіи козакамъ походовъ, всемилостивѣйше установить изъ казны Вашего Императорскаго Величества производить будущимъ

въ оныхъ походахъ козакамъ денежное жалованье, такожъ провіантъ и фуражъ противъ другихъ [5]) легкихъ Вашего Императорскаго Величества войскъ.

Мы же, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, во всемъ, что къ службѣ Вашего Императорскаго Величества касается, полагаемся на премудрый и милосердый Вашего Императорскаго Величества промыслъ и не сумнимся, что онымъ въ лучшее состояніе приведены будемъ.

XV.

1767.

1) Наказъ козаковъ прилуцкаго полка.

Наказъ полку Прилуцкого выбранному отъ козаковъ всего полку, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія депутату, козаку полку Прилуцкого, сотни Ичанской, Петру Романовичу.

Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Монархини, манифестомъ и приложеннымъ при немъ обрядомъ повелѣно: отъ всей Имперіи Ея Императорскаго Величества, въ томъ числѣ и отъ войскъ козацкихъ, прислать въ городъ Москву депутатовъ въ оную коммиссію и имъ поручить прозьбы въ общественныхъ недостаткахъ и нуждахъ для представленія въ Коммиссію.

По такому Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества позволенію, козаки полку Прилуцкого общественные нужды и недостатки представляютъ чрезъ оного депутата тако:

1.

Въ Малой Россіи первой недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества, дабы

---

[5]) Т. е. такъ же, какъ и для другихъ.

повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетьмана вольными голосами; а о выборѣ въ полковники, полковую старшину, сотники и сотенную старшину осѣдлыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда надобно будетъ старшины, вольными жъ голосами, по поста(но)вленнымъ прежнимъ гетманскимъ статьямъ,—подтвержденія прежнихъ постановленій.

2.

По заключеннымъ гетманами договорамъ поста(но)влено и привилегіями утверждено, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкого зъ городами и землями, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую державу 1654 года состоявшимся, въ подтвержденіе королевскихъ привилегій подтверждено по статьямъ гетмана Юрія Хмельницкого: чтобъ государевымъ ратнымъ людемъ у козаковъ не становиться, а становится у другихъ жителей опрочь козаковъ; и въ козаковъ подъ посланниковъ и гонцовъ подводъ не брать, а взимать въ случаѣ въ городскихъ и деревенскихъ жителей. Да и 709 году на пункта гетмана Скоропадского царскимъ указомъ подтверждено—у козаковъ, безъ крайней нужды, въ домахъ постою не быть, и чтобъ они въ подводы и проводники и въ протчіе крестьянамъ приличные повинности употребляемы не были и, пользуясь своими свободами и преимуществами, исправляли службу государеву. Да и после того тоже, при постановленіи каждого гетмана, отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Всероссійскихъ Монарховъ подтверждено. А нынѣ въ козачихъ домахъ служивыхъ постой имѣютъ, и козаки въ подводы, проводники и работы земляныя употребляются, яко то: на засѣки, на Донъ и на Бѣловѣжскій степъ. Того ради всеподданнѣйше просятъ козаки, дабы Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ милосердіемъ подтверждено прежнія постановленія, чтобъ въ домахъ козачихъ постою не было, и въ подводы, проводники и работы козаковъ не употребляемо, и поборовъ на нихъ не накладывано, а отправляли бъ за то посполитые по постановленіямъ гетманскимъ, дабы козаки состоятельны были къ войсковой козачей службѣ.

3.

Какъ прежде, при соединеніи Малороссійского народу гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ подъ Всероссійскую Державу, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ заслуженныхъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободами и преимуществами, такъ и за гетмана Демяна Многогрѣшного подтверждено и пожаловано: въ недостаткѣ реестрового войска въ Малой Россіи велѣно гетману наб(и)рать въ козаки изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, и какъ прежде того козаки заслуженные честію дворянскою пожалованы были, то чтобъ при томъ же чину и чести пробывали, и отъ козаковъ ни подъ какіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали и въ домахъ козацкихъ постоевъ не ста(но)вили, а отводить въ постой дворы у мѣщанъ и другихъ крестянъ для военныхъ Россійскихъ людей. И въ 708 и 709 годахъ отъ Великого Государя-Императора Петра Перваго, Самодержца Всероссійскаго, въ грамотахъ, къ Малороссійскому народу присланныхъ, тако изображено: „Народъ Малороссійскій, подъ высокодержавною Нашею рукою въ такомъ довольномъ и изрядномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ живущій, день отъ дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенязя въ казну съ него не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего, блаженныя памяти Великого Государя, Его Царского Величества, свято содерживали, и впредь содерживать будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ“. То предки козаковъ Малороссійскихъ тоею милостію и честію дворянскою пользовалися безъ всякаго отягощенія. А чрезъ нѣсколько прошедшихъ годовъ козаки, названные подпомощиками, къ дателямъ привернены общо съ мужиками и нынѣ дачею въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждой хаты обложены; съ чего они отягощены, потому что и малые и великіе

жилища, и бѣдные и можнѣйшіе и подсусѣдки, въ козачіихъ домахъ живущіе, не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу, сверхъ окладу, отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ. Въ такихъ будучи отягощеніяхъ, козаки полку Прилуцкого всеподданнѣйше просятъ Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы козаковъ, по прежнимъ постановленіямъ зъ гетманами и грамотамъ Высокомонаршимъ, отъ дателей освобождено и подтверждено имъ дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали не нарушно, понеже и нынѣ, при выборѣ депутатовъ изъ козаковъ, имъ чинятъ выборъ въ Малой Россіи не противъ шляхетства, но противъ однодворцевъ.

4.

Въ Малой Россіи прежде по государственнымъ указамъ, а именно по указу 1734 года блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, ревизія чинена по дворамъ и хатамъ; а теперъ подъ видомъ ревизіи сочиняется по душамъ такъ мужеска, яко и женска полу генеральная опись, и все козачее имущество, отъ мала до велика, переписывается Великороссійскими чинами. Того ради всенижайше просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества милосердія, дабы сія подушная перепись въ Малой Россіи отставлена, а повелѣно бъ сочинять ревизіи Малороссійскимъ комендирамъ, по прежнему обыкновенію и указамъ, по дворамъ и хатамъ.

5.

По прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ свободна была купля и продажа козачихъ имѣній, яко шляхетскихъ. Того ради и теперъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ подтверждено имъ между собою имѣть куплю и продажу всякихъ имѣній, а посполству до козачихъ имѣній недвижимыхъ не вступать никакими здѣлками.

6.

До сего опредѣленные шесть полковъ армейскихъ на довольство Малороссійское состояли равномѣрно по ассигнаціямъ капральствами во всѣхъ мѣстахъ, и произвожденіе чинено на наличное число. А нынѣ въ Малой Россіи имѣютъ непремѣнные квартиры и состоятъ въ однихъ мѣстахъ по одному и по два эскадрона, и съ чего однихъ тѣхъ мѣстъ жители и козаки утѣснены. Того ради всеподданнѣйше Высочайшея Ея Императорскаго Величества милости козаки просятъ, чтобъ армейскіе полки въ Малой Россіи расположены по прежнему капральствами не въ однихъ мѣстахъ, но съ перемѣною, и производство имъ чинить по наличеству людей и лошадей натуральное.

7.

Отъ начала присоединенія подъ Всероссійскую Державу гетмана Богдана Хмельницкого съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, козаки однимъ шляхетскимъ правомъ отъ своихъ старшинъ суживалися, и службу войсковую отправляли въ одноконъ подъ комендою Малороссійского гетмана и старшины, и имѣли промыслы свободные, по ихъ козачей вольности. Въ томъ и теперъ Всевысочайшея Ея Императорскаго Величества матернея милости козаки просятъ подтвердить прежніе Малороссійскіе права, вольности и обыкновенія, съ которыми гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ пришли подъ Всероссійскую Державу, и промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь Малой Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть къ войсковой козачей службѣ, и когда случится козакамъ быть въ походѣ, чтобъ они состояли при своемъ старшинѣ.

8.

Малороссійскими козаками и протчими людьми въ Малую Россію ввозилась изъ Крыму соль съ небольшою тарифою, и тогда дешевыми цѣнами въ Малой Россіи соль продавалась; а теперъ соль съ Крыму вывозится съ великою на таможняхъ тарифою, отъ чего и

соль въ Малой Россіи въ продажу дорогими цѣнами, отъ сорока до пятидесяти копѣекъ, возвысилась. За тѣмъ всенижайше козаки просятъ у Ея Императорскаго Величества Высочайшаго благопризрѣнія, чтобъ повелѣно было съ вывозимой съ Крыму соли въ Малую Россію тарифу брать по прежнему.

9.

Всенижайше просятъ Вашего Императорскаго Величества козаки Прилуцкого полку, чтобъ выслуженные предками ихъ у королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности и владѣнія наслѣдными добрами, купленными и занятыми, при нихъ ненарушно оставлено.

И во всѣхъ вышепредставленныхъ нуждахъ козачихъ всенижайше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ благоволили, призрѣвъ на знатные государству оказанные предковъ козачихъ услуги и ихъ самыхъ къ престолу Ея Императорскаго Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать козаковъ въ Императорской милости содержать и представленные прошенія утвердить и дать Всевысочайшую на потомное время привилегію. О подтвержденіи всѣхъ сихъ прошеній и благополучіи на вѣки несумнѣнно надѣятся козаки на Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества къ нимъ, вѣрнымъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества, милость.

Полку Прилуцкого козачіе повѣренные: сотни Иваницкой Куренный Атаманъ Иванъ Лисенко. Сотни Сребранской Андрей Василенко, Хведоръ Харченко, да Второ—Варвинской сотни Иванъ Мошикъ, за которыхъ неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе Второварвинской же сотни повѣренный козакъ Иванъ Потапенко подписался.

Козакъ сотни Ичанской Иванъ Тарара подписался. Козакъ сотни Полковой Матвѣй Петруша, а вмѣсто его неграмотного, по его прошенію, и за себе оной же сотни Полковой козакъ Алексѣй Козаковъ подписался. Козакъ сотни Переволочанской Омельянъ Тернѣцкій. Козакъ тойже сотни Переволочанской Алексѣй Сорока подписался. Козакъ сотни Монастырской Іосифъ Головко подписался.

Козакъ сотни Монастырской Василь Никитинъ сынъ Плиска подписался. Козакъ сотни Первоварвинской Трохимъ Ивановъ сынъ Андрущенко, за коего, яко неумѣющаго грамоты, по его самоперсональному прошенію, и за себе тоейже сотни Первоварвинской козакъ Иванъ сынъ Рубанъ руку приложилъ. Козаки: сотни Журавской— Максимъ Григоріевъ сынъ Якименко, да сотни Иваницкой Осипъ Семеновъ сынъ Сакунъ, за коихъ, яко неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе я, сотни Журавской козакъ Климъ Стефановъ сынъ Дараганъ руку приложилъ. Козакъ сотни Корибутовской Лука Чернышевъ. Козакъ сотни Красноколядинской Григоріевъ сынъ Мойсей Тетухъ, за коего, яко неумѣющаго грамотѣ, по его самоперсональному прошенію и за себе, я, тоей же сотни козакъ Стефанъ Ивановъ сынъ Иваненко руку приложилъ.

---

2) Прошеніе козаковъ прилуцкаго полка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Прилуцкого полку выбранные отъ сотень козачіе повѣренные, и въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ съ приложеніемъ обряду о выборѣ депутатовъ въ Коммиссію сочиненія проэкта нового уложенія, состоявшійся 14 числа декабря 1766 года, мы, всенижайшіе, слушали; и что Ваше Императорское Величество— по Высочайшей матерней милости позволили, выбравъ депутата, прислать его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества и поручить ему ко представленію челобитья и представленія, такожъ недостатки и нужды,— мы, всенижайшіе Вашего Императорскаго Ве-

личества рабы, показанную Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость чувствуя, чрезъ сіе всеподданнѣйшее наше челобитье приносимъ Вашему Императорскому Величеству благодарность съ непоколебимою нашею вѣрностію.

2-е.

И по такому Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшему позволенію, мы, всенижайшіе, по даннымъ намъ отъ сельскихъ повѣренныхъ повѣреніямъ, выбрали зъ между себе депутатомъ въ показанную коммиссію козака полку Прилуцкого Ичонской сотни Петра Яковлева сына Романовича и, поручивъ ему сіе наше челобитье и наказъ о общенародныхъ недостаткахъ и нуждахъ ко представленію, гдѣ надлежитъ, изъ симъ нашимъ челобитьемъ отправили его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше всеподданнѣйшее челобитье въ Сенатѣ Вашего Императорскаго Величества принять и по представляемымъ отъ нашего депутата по данному ему наказу о недостаткахъ и нуждахъ прошеніямъ учинить всемилостивѣйшее Вашего Императорского Величества разсмотрѣніе и рѣшеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня! просимъ Вашего Императорскаго Величества въ прошеніяхъ оного нашего депутата о недостаткахъ и нуждахъ Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить. Къ подачѣ надлежитъ въ Сенатъ. Писана сія челобитная на простой бумагѣ, за неимѣніемъ въ городѣ Прилукѣ въ продажѣ гербовой бумаги; писалъ оную козакъ сотни Корибутовской Лука Чернишевъ. 1767 года, априля 14 дня.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы, полку Прилуцкого козачіе повѣренные: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и на стр. 161—162).*

XVI.

1767.

Прошеніе козаковъ миргородскаго полка.

Экстрактъ, сочиненъ зъ прошеній козачихъ полку Миргородского, къ представленію оныхъ прошеній въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія.

Въ прошеніяхъ сотень Перво и Второ-Миргородской, Потоцкой, Устивицкой, Шишацкой, Городиской, Хоролской и Богацкой нижеслѣдующіе пункта означены.

1.

Чтобъ въ силу прежнихъ узаконеній и волностей, ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суда воисковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства суженны были; гдѣ три козаковъ, то два третего бъ судили, кроме криминалу; а чего по статямъ недоставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополненно бъ съ права Малороссійского книги Статута; и всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продать и даровать.

2.

О подтвержденіи вольностей и шляхетской чести всѣмъ козакамъ къ вѣчному содержанію.

3.

О утвержденіи занятыхъ предками козачіими земель, на кои никакихъ крѣпостей не имѣютъ, и со всѣхъ оныхъ о невзыманіи никакихъ пошлинъ и платежей.

4.

О подтвержденіи прежнихъ по привилегіямъ и указамъ вольностей, и о невзыманіи съ Малороссійского народа никакихъ податей, и о сложеніи положенного нынѣ въ Малой Россіи съ хатъ на козаковъ рублевого оклада; равно и доправляемыхъ за прежніе года денежныхъ доимокъ, оставшихся за удовольствомъ консистентовъ,—безъ взысканія.

5.

О оставленіи чинимой въ Малой Россіи генеральной всѣмъ по душамъ зъ женами описѣ и мѣры козаковъ и земель.

6.

О дозволеніи козакамъ промислу и торговать всѣмъ вездѣ въ Малой Россіи.

7.

О убавки съ привозимой съ Крымской области въ Малую Россію соли—пошлины.

8.

О неотводѣ по прежнимъ Высочайшимъ указамъ въ постои козачіихъ домовъ и о невзыманіи подъ разныхъ ѣздаковъ лошадей, по статямъ гетмановъ Хмельницкого, Самойловича и изьмѣнника Мазепи, съ прошеніемъ утвержденія.

9.

О увольненіи женъ козачіихъ, коихъ мужѣ въ походахъ, командираціяхъ померли, а они въ сыротствѣ съ малолѣтними дѣтьми остались,—до совершенного возраста сыротъ, либо до выхода въ замужъ, отъ всѣхъ постоевъ и службъ.

10.

О перемѣнѣ опредѣленныхъ въ Малой Россіи для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ.

11.

О благопризрѣніи въ заплатѣ взятыхъ въ бывшіе походы Крымскіе и другіе, такъ и во время Пруского по указу въ армію въ козаковъ: воловъ, возовъ и выборныхъ лошадей на немалую сумму—по оцѣнки.

12.

О подтвержденіи вольностей, чтобъ по прежнему въ Малой Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами.

13.

О неисключеніи выбранного отъ козаковъ и отправленного въ Москву депутата съ числа шляхетскихъ, яко Малороссійскіе козаки имѣютъ равное участіе въ шляхетствѣ со всѣми Малороссійскими старшинами.

Сверхъ того добавлено въ нижеписанныхъ сотняхъ: во Второ-Миргородской—о уволненіи отъ наряду козаковъ къ дѣланію крѣпости и редутъ.

Въ Потоцкой—объ отдачи по прежнему во владѣніе грунтовъ, находячихся подъ новою Сербіею, тѣмъ, кому оныя принадлежали.

Въ Омельницкой—о учиненіи заплаты за продовольство Молдавского гусарского полку фуражемъ по справочнымъ торговимъ цѣнамъ.

Въ Остаповской, Бѣлоцерковской, Ересковской и Голтвянской противъ протчихъ сотень въ прошеніяхъ одинъ пунктъ, о перемѣнѣ для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ—не написанъ, а протчіе сходны.

IV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ и ПРОШЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

XVII.

1768.

1) Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата.

В Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія

Представленіе.

Сограждане мои, малороссійскаго лубенскаго полку шляхетство, по примѣру прочих полковъ и повѣтовъ, почитая за первую и главнѣйшую свою нужду цѣлость правъ, привилегій и заключающихся во оных преимуществъ, волностей и свободъ малороссійскаго шляхетства и народа, в данномъ мнѣ наказѣ предписали просить Ея І. В. всемилостивѣйшую Государыню нашу о утвержденіи оныхъ. Не безизвѣстно же вамъ, почтеннѣйшее собраніе, что Малая Россія во время бытности своей под Полшею имѣла и ползовалась тѣми же самыми правами и привилегіями, которыми ползовались и другіе того королевства и великаго княжества Литовскаго жители, а при доброволномъ своемъ под державу россійскаго Монарха Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича подданствѣ, какъ в договорных статьях, так и в данных всѣмъ чинамъ оныя жалованныхъ грамотах испросила, чтоб ей при тѣхъ же правах и привилегіяхъ содержимой быть безъ всякаго нарушенія в вѣчныя времена, и то ей

подтверждено какъ от всѣхъ Его величества преемниковъ всероссійских государей, такъ и от нынѣ благополучно державствующей, всемилостивѣйшей Монархини нашей, на милосердіе и справедливость которой несомнѣнную полагаемъ надежду, что она и впредь на всегда при тѣхъ же своих правах и привилегіяхъ содержана и сохранена и утверждена будетъ. А какъ порядокъ требуетъ, чтобы при нынѣшнемъ законоположеніи оныя права, привилегіи, преимущества и свободы Малороссійскаго шляхетства такъ, какъ россійскаго и лифляндскаго, вамъ, почтеннѣйшее собраніе, извѣстны были, то я оныя собравъ, при семъ представляю и прошу, чтоб пред вами прочтены были. А при семъ за нужно нахожу увѣдомить васъ, что правъ и привилегій, данных малороссійскому шляхетству и прочимъ чинамъ от королей Полскихъ и великих князей Литовских изѣстность столъ велика и силна, что оныя не токмо всему свѣту изданіемъ в разных печатныхъ книгах и на разныхъ языках извѣстны, но и Ея І. В. всемилостивѣйшая Государыня наша тѣж самыя права и привилегіи имѣя основаніемъ, и слѣдуя природному своему великодушію и человѣколюбію, единовѣрную братію нашу, шляхетство и прочих жителей россійскаго народа, обрѣтающихся в Полшѣ под именемъ диссидентовъ, приняла въ свое охраненіе, защитила и привела ихъ въ перьвое достояніе, и тѣмъ нынѣ и в предбудущія вѣки пред цѣлымъ свѣтомъ приобрѣла справедливую и безсмертную славу.

Впрочемъ, остъли что в прибавленіе к симъ правамъ и привилегіямъ служить можетъ, а мною здѣсь упущено, то я впредь, когда нужда потребуетъ, почтеннѣйшему собранію сообщить не премину.

Маія „ дня, 1768 года.

XVIII.

Выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается.

Въ привилегіи полскаго короля Сигизмунда Августа Іюня 7 дня 1563 года между прочимъ написано:

По совѣту и согласію всѣхъ господъ сенаторовъ нашихъ духовныхъ и мірскихъ приговариваемъ и имѣть хощемъ, дабы отнынѣ

не только тѣ господа шляхетство и потомки ихъ, всѣхъ земель всего нашего государства, кои послушны церкви римской и коихъ предки принимали въ коронѣ полской клейноты и гербы шляхетскія, но также и прочіе рыцерскаго и шляхетскаго литовскаго и рускаго народов чины, хотя бы предки ихъ клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской и не брали, а были бы только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и данными волностьми и правами земскими въ вѣчныя времена равномѣрно ползовались, и оныя употребляли, и хотя бы чьи предки клейнотовъ или гербовъ въ коронѣ полской не брали, то однако все вышеписанное вѣчными временами равномѣрно употреблять и волностьми своими ползоваться имѣють такъ, какъ прежде сего чинъ рыцерскій и шляхетскій обоихъ народовъ литовскаго и рускаго то употребляли и ползовались. Также чтобъ отнынѣ ко всякимъ достоинствамъ и началствамъ, въ чины сенаторскія, придворныя и земскія были избираемы и поставляемы не только римской церкви повинующіеся, но равномѣрно всѣ рыцерскаго чина и шляхетскаго рода литовскаго и рускаго народовъ чины, только бъ были люди вѣры христіанской, и мы Господарь по заслугамъ и достоинству каждаго изъ нихъ будетъ брать и изъ милости нашей опредѣлять въ знатныя мѣста и возводить на высокія достоинства, и никто изъ рыцерскихъ и шляхетскихъ чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ христіанской вѣры, отлученъ и отдаленъ отъ того не будетъ.

Въ привилегіи тогожъ короля іюля 1 дня 1568 года написано:

По совѣту и согласію сенаторовъ нашихъ и по соизволенію всѣхъ чиновъ, приводя въ равенство народы, опредѣлили и, привилегіею нашею подтвердивъ, объяснили, желая, дабы отнынѣ не только тѣ господа шляхетство и бояре или потомки ихъ, всѣхъ земель, всего нашего государства великаго Княжества Литовскаго, кои повинуются церкви римской и коихъ предки клейноты и гербы въ коронѣ полской принимали, но также и прочіе рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ предки клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской не взяли, а были бъ только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и дан-

ными всѣми волностьми и правами земскими равномѣрно въ вѣчныя времена ползовались, и оныя употребляли такъ, какъ отъ древнихъ временъ оные рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины по нынѣшнее время безпрепятственно всегда всѣмъ тѣмъ ползовалися и употребляли. Равномѣрно чтобъ во всѣ начальства и достоинства, въ сенаторы наши и въ чины придворныя и земскія избираемы и производимы не только римской церкви повинующіеся, но и всѣ рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и русскаго народовъ чины, и отъ насъ короля по заслугамъ и достоинству своему во оныя знатныя достоинства и начальства жалуемы были. И никто изъ рыцерскаго и шляхетскаго чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ вѣры христіанской, отдаленъ или лишенъ того не будетъ. Сверхъ сего объявляемъ, естьли кто нибудь изъ князей, господъ, шляхетства литовскаго римской или руской, только бъ христіанской вѣры былъ, при королѣ Ягеллѣ и великомъ князѣ Витолтѣ въ Гроднѣ гербовъ не принималъ, ибо при семъ дается знать, что не многихъ домовъ и родовъ тамъ были люди, но только извѣстныя особы посланы были изъ великаго княжества Литовскаго, или тѣ, кои призываны были отъ своихъ государей, королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ,—чтобы таковые пріѣзжали и гербы принимали, и то не для другой какой либо причины и нужды, но единственно только для заключенія дружбы и утвержденія общаго согласія и любви. Будучи же предъ тѣмъ отъ давнихъ лѣтъ при древней уже чести и знатности таковой, какову почтенному шляхетству и сего рода людямъ имѣть надлежить, пріѣзжали туда вишеписанныя особы, оставя однако въ домѣхъ не послѣднихъ, но таковыхъ же, собратію свою, и гораздо болшее число, нежели тамо вь Гроднѣ ихъ было, и отъ которыхъ они сами отправлены были, какъ то въ началѣ привилегіи Ягелловой описано и засвидѣтелствовано, съ кѣмъ точно въ то время и съ какими именно людьми учинили они братскій союзъ и соединились; и потому никто возноситься и возвышаться не долженъ, и одинъ народъ предъ другимъ знатнѣйшимъ дѣлать себя и быть не можетъ. Для чего сею привилегію нашею мы все то на вѣчныя времена изъясняемъ, постановляемъ и утверждаемъ, что какъ

всѣ тѣ, кои въ Гроднѣ, гербы получая, соединились и дружбу заключили, такъ и тѣ, кои туда не издили, и обрѣтаясь вь Литвѣ и вь Руси вь домѣхъ своихъ, того не учинили, равномѣрно и одинаково, какъ бы и тѣ, кои вь Гроднѣ были, княжескія, господскія, земскія и рыцерскія поколѣнія и особы почитаемы, сохраняемы и числяемы будутъ, и всякія достоинства, какъ то сенаторскія, воеводскія, каштелянскія, земскія и придворныя чины великаго княжества Литовскаго каждый изъ нихъ по заслугѣ и достоинству своему получать могуть, и во оныя отъ насъ и потомковъ нашихъ нынѣ и во всѣ послѣдующія времена допущаемы будутъ безъ всякаго униженія и отмѣны такъ, какъ будучи во всемъ равные господскіе и шляхетскіе чины и ползуясь отъ насъ и предковъ нашихъ волностями и свободами своими въ Полшѣ, всякія чины и достоинства получали, и нынѣ изъ милости нашей получають [1]).

Изъ Статута великаго княжества литовскаго, роздѣла 3:

Артикулъ 19.

О доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ. Установляемъ, есть ли бы кто кому сказалъ, что онъ не шляхтичъ, тогда тотъ, кто себе очищаетъ, имѣетъ поставить съ отцовской и съ матерней стороны по два шляхтича природныхъ, то есть двухъ отцовскихъ а двухъ матернихъ сродственнихъ, и вь томь имь присягу учинить должно, что тотъ есть ихъ фамиліи природный и прямый шляхтичъ; а когда бы родъ извелся, а онъ бы былъ уроженецъ здѣшняго государства, тогда изъ бояръ сосѣдственнаго шляхетства долженъ поставить двухъ шляхтичей, которые съ нимъ присягнуть имѣютъ, что онъ шляхетской природы, а по таковомъ доказательствѣ опороченный при шляхетствѣ останется, а тотъ, который опо-

[1]) Вышеписанныя обѣ привилегіи упоминаються и утверждаються какъ въ Статутѣ великаго княжества литовскаго, которымъ Малая Россія судиться, в разныхъ онаго раздѣлахъ и артикулахъ, такъ упомянуты онѣ и въ сочиненіи названномъ Объясненіе правъ диссидентскихъ (Exposition des droits des dissidents) и напечатанномъ въ Санктпетербургѣ 1766 года, и въ трактатѣ вѣчномъ между Россійскою Имперіею и Рѣчью посполитою полскою, заключенномъ февраля 13 дня 1768 года.

рочилъ, имѣетъ за такія предерзостныя слова сидѣть въ крѣпости или въ дворѣ нашемъ судовомъ двадцать недѣль, а сопернику своему заплатить безчестіе вдвое.

Артикулъ 21.

О иноземцѣ въ шляхетствѣ опороченномъ, и какимъ образомъ помѣстье приобрѣсть можетъ.

1. А такожде, естьлибы котораго иноземца опорочилъ кто въ шляхетствѣ, тогда онъ имѣетъ ѣхать въ свою землю, съ которой пріѣхалъ, и тамъ въ судебномъ мѣстѣ доказать шляхетство свое, и отъ онаго судебнаго мѣста за печатьми присутствующихъ принесть свидѣтелство, которымъ здѣсь шляхетство свое доказать имѣетъ. А естьли бы въ той землѣ была война, откуда онъ есть, то имѣетъ поставить двухъ особъ прямыхъ шляхтичей съ тойже своей земли, или здешнихъ людей, бывалыхъ въ той землѣ, которые были бы о его шляхетствѣ свѣдомы, а тѣ также имѣють вмѣстѣ съ нимъ присягнуть, что онъ есть шляхтичь; таковымъ образомъ иноземецъ доказыватъ долженъ свое шляхетство. А когда уже тотъ опороченный докажетъ шляхетство свое, тогда тотъ, который его опорочилъ, какова бы онъ ни былъ чина, долженъ проторы и убытки, на чемъ тотъ, кто очистится, присягнетъ, наградить ему.

2. А когда бы который иноземецъ, пріѣхавъ въ здѣшнее государство наше, купилъ или какимъ нибудь порядочнымъ образомъ пріобрѣлъ себѣ имѣніе шляхетское, и хотѣлъ бы волностьми шляхетскими ползоваться, то первее имѣетъ предъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ купилъ имѣніе, доказать, что онъ есть прямый шляхтичь; а буде того не докажетъ, то хотя и имѣніе купитъ, однако волностьми шляхетскими ползоваться и оныхъ употреблять и въ хоругвѣ равно съ шляхетствомъ служить не можетъ; но ближайшіе сродственники имѣють то его имѣніе выкупитъ, цѣною написанною ниже въ семъ статутѣ, въ артикулѣ о исполненіи дѣлъ рѣшенных, и службу земскую изъ того служити; а однако иноземецъ достоинствъ и чиновъ имѣть не долженъ, хотя бы и шляхтичь былъ. Тоже разумѣть надлежитъ и о здѣшнихъ уроженцахъ не шляхтичахъ.

Артикулъ 22.

Естьли бы тотъ, кто кого въ шляхетствѣ опорочилъ, самъ не былъ шляхтичъ.

Установляемъ таможде, будибы кто самъ, будучи не шляхтичь, опорочилъ человѣка честнаго шляхтича, а тотъ шляхтичь въ томъ чину своемъ шляхетскомъ былъ бы знатный и свѣдомый, и на шляхетство доказателство учинилъ бы, и по доказателствѣ и изъясненіи своего шляхетства естьли бы таможде тотъ шляхтичь сопернику своему сказалъ, что онъ самъ есть не шляхтичь, а тотъ бы шляхетства своего по артикулу 19-му сего раздѣла не доказалъ, но явилось бы предъ судомъ, что онъ есть человѣкъ простой породы и не шляхтичь, таковаго, чій бы онъ ни былъ, то судное мѣсто наше, предъ которымъ то здѣлается, имѣетъ приказать палачу до столба весть и тамъ его метлами бить и прогнать, а по приведеніи къ наказанію и прогнанію его изъ города имѣетъ судъ повелѣть обнародовать, что онъ такими словами шляхтича безчестилъ.

РОЗДѢЛА 11.

Артикулъ 50.

О доказателствѣ шляхетства и приговорѣ платежа за безчестіе или увѣчье.

Естьли бы послѣ приговора о награжденіи за безчестіе или увѣчье шляхетское отвѣтчикъ сказалъ, что я по приговору судовому пеню челобитчику заплатити готовъ, только не знаю, шляхтичь ли онъ есть или нѣтъ, и хочу о томъ вѣдать, тогда тотъ сказующій себе быть шляхтичемъ имѣетъ ѣхать въ ту землю или повѣтъ, гдѣ родился, и тамъ, собравъ братовъ, дядей или сродниковъ своихъ, въ судѣ тамошнемъ градскомъ или земскомъ, до котораго ему ближе будетъ, имѣетъ свое шляхетство доказать, а судъ тоей земли или повѣта имѣетъ въ тотъ судъ, гдѣ дѣло производилось, писать открытымъ листомъ и засвидѣтелствовать, что онъ есть шляхтичь, и когда то свидѣтелство о себѣ принесетъ, тогда сторону свою противную

имѣетъ въ судъ позвать на другій срокъ, для выслушанія того доказательства его, а тотъ позванный по первому позыву, такъ какъ бы на неотлагаемый срокъ, стать долженъ будетъ и онаго доказателства на шляхетство выслушать, а по доказателствѣ шляхетства, вмѣсто награжденія убытковъ, пеню положенную за безчестіе или увѣчіе шляхетское вдвое платить имѣетъ.

Конституціи 1654 года статья 15:

Безопасность честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго.

Понеже у жителей сихъ воеводствъ непріятель не только имѣнія нѣкоторыя поотбиралъ, а другія опустошилъ, но и книги земскія и гражданскія пожегъ; того ради, по согласію всѣхъ чиновъ, установляемъ, дабы жители сихъ воеводствъ, получивши свидѣтелство отъ чиновниковъ и урядниковъ земскихъ о истребленіи архивныхъ дѣлъ тогожъ воеводства, для доказателства своего шляхетства не были понуждаемы въ судахъ показывать старыхъ писменныхъ на имѣнія своя крѣпостей; но по свидѣтелству и присягѣ въ томъ двухъ шляхтичей отъ рода отцовскаго, а другихъ двухъ отъ рода матерняго, а прежде самыхъ ихъ въ томъ, что имѣли крѣпости въ истребленныхъ архивныхъ дѣлахъ, и что подлинно суть прямые шляхтичи, на сеймикѣ, на которомъ шляхетство доказывать будетъ, доводъ ихъ утвержденъ быть имѣетъ [1]).

Договорныхъ статей гетмана Богдана Хмелницкаго 7162 года.

3. Статья.

Шляхта, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру по непорочной заповѣди Христовой тебѣ великому Гдрю нашему, твоему цар-

---

[1]) Сія конституція, яко состоявшаяся въ томъ же самомъ году, въ которомъ Малая Россія поддалась уже Россійской Імперіи, приводитъся только для одного свидѣтельства, чтобъ извѣстно было, что многіе изъ малороссійскихъ шляхтичей могли бъ шляхетство свое доказать и утвердить писменными доводами, естьли бы архивы не сожжены были.

скому величеству учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали, и межъ себе старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и волности имѣли, какъ при королѣхъ полскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ областъ и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ; суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ доброволно оберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; такожъ шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ, тогда и нынѣ любо чтоб имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Сей статьѣ указалъ Гдрь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью [1]).

Договорныхъ статей гетмана Демьяна Iгнатова 7177 года.

6. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженые пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а Гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ къ тойже дворянской чести изволилъ пожаловать; а кому Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню и универсалы свои дадутъ и царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ, и чтобъ царское величество пожаловалъ на тѣ маетности свои царскаго величества грамоты,

Великій Гдрь его царское пресвѣтлое величество пожаловалъ их по ихъ челобитью [2]).

Договорныхъ статей гетмана Iвана Мазепы 7195 года.

4. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а ко-

---

[1]) Сія статья подтверждена особливою царя Алексѣя Михайловича данною въ томъ же году малороссійскому шляхетству грамотою съ пространнѣйшимъ изъясненіемъ.

[2]) Сія статья подтверждена шестою статьею гетмана Iвана Самойловича сими жъ точными словами.

торые впредъ заслужать, а гетманъ и старшина бити челомъ объ нихъ великимъ Гдремъ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству учнутъ, чтобъ царское величество и тѣхъ тою же дворянскою честію изволили пожаловать. А какъ Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню, или кто у кого купить и универсалы свои на то дастъ, и они великимъ Гдремъ ихъ царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ въ подтвержденіе того о ихъ государскихъ жалованныхъ грамотахъ, и чтобъ Царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ, велѣли имъ на тѣ маетности и свои царскаго пресвѣтлаго величества дать милостивые и жалованные грамоты.

И великіе Гдрь и великая Гдрня ихъ царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ по тому ихъ челобитью, и кому даны будутъ ихъ гдрскіе жалованные грамоты, и по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ тѣми мелницами и деревнями владѣть непремѣнно, а гетману тѣхъ грамотъ у нихъ не отнимать, и ихъ Гдрскаго млстиваго указу ни чемъ не нарушивать; также какіе жалованные грамоты даны будутъ кому старшинѣ и знатнымъ особамъ войсковымъ, и тѣмъ ихъ гдрскимъ жалованнымъ грамотамъ быть въ своей силѣ, и гетману у нихъ тѣхъ грамотъ не отнимать же. И гетманъ и старшина и все воиско Запорожское на ихъ гдрской милости били челомъ и приняли то радостно [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ вышеписанныхъ статей явствуетъ, что малороссійское шляхетство не токмо тѣ, кои пришли въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи въ подданствѣ, заслуги свои оказали, и за то награждены чинами, деревнями и мелницами, имѣють такоежъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство; ибо не одно имя дворянина, но болше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же. Сверхъ же того малороссійская старшина всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: до учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссій-

XIX.

1768.

Прошеніе Малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія.

Бьютъ челомъ малороссійскіе депутаты отъ шляхетства, отъ мѣщанъ и отъ козаковъ, а въ чемъ наше прошеніе—тому слѣдуютъ пункты:

1.

По высочайшему вашего Імператорскаго величества манифесту декабря отъ 14 дня 1766 года, выбраны мы нижайшіе отъ сограждань нашихъ депутатамы, и съ данными намъ полномочіями, наказами и челобитными отправлены въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья, для представленія прозбъ, нуждъ, недостатковъ и отягощеній нашихъ.

2.

Находясь во оной Коммиссіи, ожидали мы, что оныя наши прозбы, нужды, недостатки и отягощенія выслушаны и милостиво рѣшены будутъ; но по прочтеніи проекта правъ благородныхъ, когда чрезъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ депутатовъ представили мы, что оныя

скіе имѣли и великороссійскихъ столниковъ чинъ, который по тогдашнему счисленію былъ четвертаго класса. По учрежденіи же регулярной службы, малороссійскихъ полковниковъ, служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 года, государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ, компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковника, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ, что имѣющіяся въ малороссійскихъ архивахъ и во многихъ партикулярныхъ домахъ писменныя доказателства свидѣтелствуютъ, а въ подтвержденіе сему и то служить можетъ, что многіе изъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правителства, а имянно, гдрственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733, правителствующій сенатъ въ 1756, коммиссія о дворянской волности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ старшинъ съ великороссійскими армейскими чиновниками, хота и съ униженіемъ противъ бывшаго при гдрѣ Петрѣ Великомъ счисленія.

новосочиненныя права великіе несходства и недостатки имѣютъ съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и, почитая за первую и главнѣйшую нашу нужду, въ силу данныхъ намъ наказовъ, просили, дабы въ оный проектъ внесено было, что малороссійское шляхетство должно остаться при своихъ правахъ и привилегіяхъ; то напротивъ того сентября 9 дня прошедшаго 1768 года оной Коммиссіи отъ господина маршала его превосходителства Александра Ильича Бибикова объявлено намъ, что представленія наши о семъ Коммиссіи не принадлежатъ, и она въ разбирательство ихъ входитъ не можетъ, а касаются оныя до правленія и зависятъ единственно отъ монаршей вашего Императорскаго величества власти.

3.

Сколь нечаянное намъ сіе объявленіе было, столь не оставило намъ никакаго другаго средства, какъ толко, чтобъ воспріятъ прибѣжище наше къ милосердію и правосудію вашего Императорскаго величества и, падъ къ монаршимъ вашимъ стопамъ, изъявитъ прозбы, нужды, недостатки и отягощенія наши.

4.

Вашему Императорскому величеству совершенно извѣстно, какимъ образомъ малороссійскій народъ подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмелницкаго, свергнувъ съ себя иго республики Полской, въ 1654 году, доброволно и презря всѣхъ постороннихъ государей приглашенія и обнадеживанія, пришелъ въ подданство подъ крѣпкую и высокую руку россійскаго монарха, государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и его наслѣдниковъ; извѣстно и то, что сіе доброволное подданство учинено на такомъ, договорами и данными привилегіями утвержденномъ, основаніи, чтобъ всѣмъ оного малороссійскаго народа чинамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями полскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отмѣны.

5.

Ползъ всѣхъ, которыя отъ сего доброволнаго Малыя Россіи соединенія Россійской імперіи произошли, не вычисляемъ, осмѣливаемся только представитъ самыя важнѣйшія и ощутителныя. Изъ оныхъ первая естъ присовокупленіе толь пространныхъ и плодоносныхъ земель безъ всякаго кровопролитія. 2. Вмѣстѣ съ подданствомъ Малыя Россіи завоеваніе великаго княжества Смоленскаго, въ которомъ малороссійское войско не малое имѣло участіе, о чемъ свидѣтелствуютъ россійскія и полскія історіи. 3. Населеніе россійскихъ пустыхъ земелъ малороссійскимъ народомъ, чему въ доказателство служитъ Слободская, Бѣлогородская и Воронежская и прочія губерніи. 4. Прикрытіе сею частію земли многихъ внутреннихъ Россійской Імперіи областей отъ нахожденій непріятелскихъ; ибо вмѣсто того, что прежде татарскіе набѣги простиралисъ гораздо внутръ Великой Россіи, нынѣ естъли когда случатся, кончатся на границахъ Малой Россіи. 5. Продолжающаяся чрезъ сто четырнадцатъ лѣтъ безъ жалованья малороссійскаго шляхетства и козацкаго войска служба. 6. Безплатное содержаніе 1711 года великороссійскихъ регулярныхъ полковъ. 7. Обыкновенные поборы и подати съ самого времени подданства Малыя Россіи исправно и безъ отрицанія платимыя, которыя, естъли отъ бывшихъ малороссійскихъ правителей когда либо не такъ, какъ должно, употребляемы были, въ томъ малороссійскій народъ не можетъ быть виновный. 8. Поборы чрезвычайные, взятые въ разныя времена для государственныхъ нуждъ хлѣбомъ, быками, лошадъми и прочими нужными припасами и вещъми, изъ которыхъ хотя нѣкоторыя взымаемы были безплатно, а другіе нащетъ заплаты, однако оной, кромѣ нѣкоторой неболшой суммы за быки, не получено. 9. Вспомоществованіе людми какъ во время военныхъ, такъ и мирныхъ случаевъ, для употребленія въ погонщики, къ строенію крѣпостей, линій, шанцовъ, каналовъ, засѣкъ и прочаго, кои какъ изъ козаковъ, такъ и изъ помѣщичъихъ мужиковъ высылаемы были, и во всегдашнихъ воинскихъ походахъ и внутренныхъ нарядахъ служатъ и служили со всякимъ радѣніемъ такъ, что многіе для того имѣнія свои попроживали. 10. Таможенныя пошлины

платимыя на малороссійскихъ границахъ несравненно противъ прежняго болше. За всѣ же свои службы, за всѣ, хотя съ немалымъ правъ и привиллегій своихъ ущербомъ, принесенныя и приносимыя Россійской імперіи ползы малороссійскій народъ за лучшее и всѣхъ сокровища дражайшее возмездіе почиталъ и почитаетъ слѣдующія всемилостивѣйшія монарховъ своихъ при толь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и волностяхъ, а въ томъ бы вамъ на нашу Государскую милость быть благонадежнымъ.

6.

Но когда милосерднымъ окомъ воззрите ваше Імператорское Величество на состояніе Малыя Россіи, въ которомъ она отъ лѣтъ нѣсколькихъ пребываетъ, то не можетъ укрыться отъ проницанія вашего расличіе нынѣшняго ея состоянія отъ прежняго. Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня, въ Малой Россіи ни одного чина людей, который бы сказать могъ, что онъ при цѣлости прежнихъ своихъ правъ и привилегій находится, а которые еще при которомъ либо изъ нихъ и остались, то и тѣ служатъ только къ весма слабому ихъ защищенію и охраненію потому, что подвержены оныя произволному распоряженію и благоизобрѣтенію главныхъ надъ Малою Россіею правителей, какъ то ниже сего яснѣе ваше імператорское Величество усмотрѣть изволите. Видно, что Провидѣніе Божіе оставило оный народъ до временъ великія Екатерины, которая (полагая) славу и удоволствіе свое въ благоденствіи подвластныхъ себѣ народовъ, можетъ и насъ возставить и привесть въ первобытное состояніе.

7.

И такъ пріемлемъ дерзновеніе всеподданѣйше и всенижайше ваше імператорское Величество просить о ниже слѣдующихъ всѣмъ чинамъ общихъ нуждахъ. Оныя суть: 1. сохраненіе и цѣлость всѣхъ прежнихъ правъ, привилегій, преимуществъ, волностей, свободъ и обыкновеній всѣхъ обще и каждаго особливо чина, а именно: шляхетства, духовенства, мѣщанъ, козаковъ и всего малороссійскаго народа, данныхъ и утвержденныхъ имъ отъ королей польскихъ и

великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего імператорскаго величества всероссійскихъ Государей, а особливо Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича во время подданства Малыя Россіи, которыя хотя въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и отъ вашего імператорскаго Величества подтверждены, чрезъ что мы въ несомнѣнной находимся надеждѣ, что вашего імператорскаго Величества высочайшее намѣреніе есть сохранить и всѣ оныя при своей ненарушимой цѣлости; однако какъ для насъ, такъ и для потомковъ нашихъ просимъ всеобщаго на оныя вашего імператорскаго Величества подтвержденія съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ изъясненіемъ, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія и отмѣны, и въ такомъ точно разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ обще, такъ и каждый особливо оными во всѣхъ случаяхъ пользоваться и себя охранять могли и чтобъ о семъ вашего імператорскаго Величества всемилостивѣйшемъ подтвержденіи упомянуто было въ новомъ уложеніѣ по примѣру тому, какъ о состоящихъ на своихъ привилегіяхъ провинціяхъ генеральнаго регламента въ 27 главѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Імператоръ Петръ Великій предписалъ.

2. Учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями нашими въ Малой Россіи правленій есть также одна изъ главнѣйшихъ нашихъ общихъ нуждъ. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ, чтобъ малороссійскія правительства учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ, то есть чтобъ гражданскія и земскія дѣла управляемы и судимы были по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ особливыми изъ тамошнихъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ в силу тѣхъ же правъ и обыкновеній выбранными людми, и никогда бы одни дѣла съ другими смѣшиваемы не были; ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ Малой Россіи, то есть, когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла, а верхнюю апеляцію себѣ, и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воин-

ской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ гетмана Богдана Хмелницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло; ваше імператорское Величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствителны, естьли главное правителство не на такомъ же основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оныя. 3. Внутреннія учрежденія, какъ то: наложенія податей, поборовъ, высылка на работы и прочія чинимыя главнымъ правителствомъ безъ согласія нашего служатъ также къ крайней нашей обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ должны дѣлаемы быть и дѣланы были в прежнія времена съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего імператорскаго Величества къ гетману присылаемы были, то всегда во оныхъ предписывано, чтобъ онъ гетманъ дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласіемъ старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа, и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться или не соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягченію. Въ недавнихъ же временахъ гетманы и учреждаемыя на ихъ мѣста главныя правителства стали дѣлатъ таковыя весма отяготителныя и несносныя для малороссійскаго народа распоряженія по присылаемымъ къ нимъ указамъ, а иногда и по своему произволенію, не призывая никого изъ общества въ совѣтъ. Изъ числа таковыхъ суть: опись по душамъ малороссійскаго народа, рублевый окладъ, положенный на хаты для содержанія шести драгунскихъ полковъ Глуховскаго гарнизона и главной полевой аптеки, на что все исходило до ста тысячъ рублей, а нынѣ собирается около трехъ сотъ тысячъ рублей, описаніе и мѣряніе всѣхъ всякаго чина земель и угодій и бываемыхъ съ нихъ доходовъ, перепись всякаго скота и живности, а въ озерахъ

и прудахъ рыбы, собираніе съ шляхетскихъ, мѣщанскихъ и козачихъ домовъ квартирныхъ денегъ, естьли кто не желаетъ въ домахъ своихъ постоевъ, вѣсовыя деньги, платимыя отъ дѣлъ, пересылаемыхъ по аппеляціи къ верхнимъ судебнымъ мѣстамъ, и прочія симъ подобныя учрежденія, дѣлаемыя отъ малороссійскаго главнаго правителства не токмо безъ согласія и совѣта общаго, но еще съ угроженіемъ за неисполненіе наказаній, секвестровъ и прочаго, отъ которыхъ въ Малой Россіи никогда небывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій малороссійскій народъ въ такій пришелъ страхъ и смущеніе, что многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другіе изнуряются бѣдностью и нищетою. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ всемилостивѣйше отвратить всѣ таковыя нововведенныя отягощенія и указать таковыхъ учрежденій впредъ никогда не дѣлать, но чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правителство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновъ наложитъ не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ согласія.

Всемилостивѣйшая Государыня! представивъ всеподданнѣйше важнѣйшія общія наши прозбы, нужды о собственныхъ каждаго чина, хотя также великихъ, важныхъ и многихъ, ваше імператорское Величество утруждать не дерзаемъ. Оныя ваше імператорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ поданныхъ отъ насъ в коммисеію о сочиненіи проекта новаго уложенья наказовъ и челобитенъ, а сверхъ того, ежели ваше імператорское Величество укажете, всякій чинъ собственныя свои нужды и отягощенія обстоятелно изъяснитъ можетъ. Отъ исправленія общихъ воспослѣдуетъ собственныхъ исправленіе. Исполненіе же сихъ нашихъ прозбъ и отвращеніе нуждъ и отягощеній нашихъ почитаемъ мы и всегда почитать будемъ за главнѣйшее и всѣхъ лучшее благоденствіе наше. Кто жъ можетъ намъ даровать оное, какъ не ваше імператорское Величество, премудрая, человѣколюбивая и милостивая монархиня? Послушайте, всемилостивѣйшая Государыня, гласа толъ многихъ тысящей народа, чрезъ насъ къ вашему імператорскому Величеству прозбы и слезы

свои простирающаго, и въ помилованіи его послушайте совѣтовъ великой вашей души и человѣколюбиваго сердца. Совѣты ихъ будутъ вашему імператорскому Величеству всѣхъ вѣрнѣйшія, а ему спасителныя. Послѣдуя онымъ, ясно увидите, сколъ справедливы и основателны оного прозбы и сколъ тяжки и велики угнѣтающія его нужды безъ всякой его прослуги и винности. Согласуясь со оными, имѣемъ надежду несомнѣнную, что ваше імператорское Величество оставите насъ при всѣхъ прежнихъ нашихъ привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ, что учредите сходствующія со оными и по онымъ поступающія правителства и отвратите всѣ нужды, недостатки и отягощенія какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо, и тѣмъ самымъ утвердите спасителное ваше Коммиссіи предписанное намѣреніе, то естъ цѣлость імперіи и народнаго благополучія. Сколъ славно естъ для вашего імператорскаго Величества возстановленіе одновѣрной братіи нашей, обитающихъ въ Полшѣ, въ прежнія ихъ права и преимущества, столъ преславнѣе будетъ утвержденіе въ томъ же самомъ вѣрноподданнаго вашего імператорскаго величества Малороссійскаго народа, который, видя свое благоденствіе, отъ всѣхъ странъ ежедневно умножаться будетъ. Заставте, всемилостивѣйшая Государыня, толъ многочисленный народъ за возобновленіе свое воздвигнуть вамъ монументы и жертвенники не на землѣ и воздухѣ, но на сердцахъ. Сколъ славныя, сколъ великолѣпныя, сколъ долговременныя таковыя зданія! Будучи не подвержены ветхости и тлѣнію, заставятъ народъ сей на вѣки почитать имя Екатерины великой, премудрой и Матери отечества, и ей одной возстановленіе свое и избавленіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ неустройствъ и насилій приписывать.

V.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ВЫБОРОВЪ ДЕПУТАТОВЪ.

1767.

Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ.

Циркулярный листъ.

Благороднымъ господамъ Шляхетству и Рицарству, въ повѣтѣ Зѣнковскомъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, Гражданству и Земству.

Вы уже имѣете въ полученіи манифестъ, отправленный въ вашъ повѣтъ для обнародованія о учрежденіи въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Изъ оного извѣстны вамъ, какія причины побудили Ея Императорское Величество на сіе обратить свое всевысочайшее примѣчаніе и какія милосердыя средства Ея Императорское Величество изобрели къ достиженію сего вожделенія. Онѣ являютъ намъ свойственную Ея Императорскому Величеству любовь къ правосудію и истинное Ея Величества матернее о благоденствіи всѣхъ подданныхъ Ея державѣ попеченіе, подтверждаютъ они во всѣхъ насъ возлагаемую на Ея къ намъ милость, надежду, что правосудіе и доброй порядокъ, составляющіе въ цѣломъ человѣческое благо, мудрыми Ея Величества мѣроположеніями возведутъ на степень совершенства. Я, приводя во исполненіе сіе Ея Императорскаго Величества Всевысочайшее повелѣніе, созываю Васъ для выбора въ повѣтъ вашъ Предводителя и Депутата къ „числу“ „мѣсяца въ“ и при желаніи лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ успѣховъ отвѣчая должности званія того, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю

примите вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенародного благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и здѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бъ вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало. Обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключатся можетъ, отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите со вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ, розыщите рачительно всѣ причины, вредившіе общему Вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшіе суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотреблѣнія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчиномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданского упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не токмо къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здешней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удалятся жилищъ, своихъ имуществъ. Помышляйте всегда, что во основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило—доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоватся плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между Вами Предводителя и Депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя во обрядѣ, имѣли, и объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не о своихъ собственныхъ, помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то есть: лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненного; явитесь Вы прямыми соревнователями прочихъ провинцей въ признаніи чувствительномъ являемой къ намъ отъ Ея Императорского Величества всевысочайшей и матерней милости, изявите благодарность вашу Ей безсмертнымъ доказательствомъ, поставте потомству вашему тѣмъ сего златого для насъ времени память, оправдайте мое здѣланное о васъ къ Ея Императорскому Величеству

уведомленіе: коль много Вы сочувствуете во всемъ томъ, что къ славѣ Ея и общенародному благополучію Ея государствъ токмо служить можетъ.

Я же въ прочемъ пребываю Вамъ послушнымъ слугою Г. Румянцовъ. Въ должности Секретаря Дмитрій Карпѣка. Въ должности Регистратора Канцеляристъ Яковъ Бакуринскій.

1767 году, февраля 26 дня.
Глуховъ.

Съ таковыхъ экземпляры посланы во всѣ суды земскіе и сотенныя правленія и въ Сѣчь Запорожскую.

II.

Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки.

1) Въ Новгородкѣ, для городскихъ жителей марта 4.

2) Въ Стародубѣ а) для городскихъ жителей марта 9. Повѣту Стародубского, б) для шляхетства—10, в) для козаковъ—27.

3) Въ Чернѣговѣ, а) Для градскихъ жителей—16. Повѣтовъ Черниговского и Менского, б) для шляхетства—18, в) для козаковъ—27.

4) Въ Нѣжинѣ, а) для градскихъ жителей—23. Повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского, б) для шляхетства—24, в) для козаковъ—27.

5) Въ Глуховѣ, для градскихъ жителей апрѣля 2. Повѣту Глуховского: въ сихъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Его Высокографское Сіятельство, для шляхетства—4.

6) Въ Гадячи, для градскихъ жителей марта 4, для козаковъ—27.

7) Въ Сорочинцахъ, для городскихъ жителей—8, для козаковъ—27.

8) Въ Полтавѣ, для городскихъ жителей—13. Повѣтовъ Полтавского и Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, для шля-

хетства—15. Въ симъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Господинъ Генеральный обозный Кочубей.

9) Въ Козельцѣ, а) для городскихъ жителей—3. Повѣтовъ Козелецкого и Остерского, б) для шляхетства—4, в) для козаковъ—27.

10) Въ мѣстечкѣ Острѣ, для градскихъ жителей—10.

11) Въ Переясловѣ, а) для градскихъ жителей—15. Повѣтовъ Переясловского и Золотоноского Господинъ Генеральный писарь Туманскій, б) для шляхетства—17, в) для козаковъ—27.

12) Въ Лубнахъ, а) для градскихъ жителей—10. Повѣтовъ Лубенского и Роменского Господинъ Полковникъ Огаровъ, б) для шляхетства—13, в) для козаковъ—27.

13) Въ Прилукахъ, для градскихъ жителей—9. Повѣтовъ Прилуцкого и Иваницкого, б) для шляхетства—11, в) для козаковъ—27. Господинъ маіоръ Стромоуховъ.

14) Въ мѣстечкѣ Погарѣ, для градскихъ жителей—5. Повѣту Погарского, для шляхетства—7. Господинъ Генеральный судія Журманъ.

15) Въ Сѣчи Запорожской, Господинъ Полковникъ Сѣвского Пѣхотного полку Андрей Милорадовичъ.

Г. Румянцовъ.

III.

Выборы въ Глуховѣ.

1) Ордеръ Сотнику Глуховскому Господину Уманцю.

Сего году февраля 28 дня въ ордерѣ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента, Украинского и Малороссійского Корпусовъ Главного комендира и Кавалера Графа Петра Александровича Румянцова ко мнѣ присланномъ изображено: во исполненіе до Высочайшого Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабря 14 дня 766 году состоявшогося, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста съ приложеніемъ о выборѣ Депутатовъ въ учреждаемую въ

Москвѣ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія назначенны отъ Его Сіятельства ко собранію для выборовъ тѣхъ Депутатовъ сроки по приложенному при томъ ордерѣ росписанію и при оныхъ выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Его Сіятельство самъ быть имѣетъ; и по другимъ для приведенія въ исполненіе всего предписанного по оному Всевысочайшему указу назначены отъ Его Сіятельства персоны; и какъ въ обрядѣ выбора дворянамъ повелѣно начальнику города сочинить роспись пріѣжаючимъ дворянамъ и все, что къ выбору принадлежить приготовить. Потому, наблюдая Ея Императорскаго Величества Высочайшое въ обрядѣ установленіе къ прибытію отъ Его Сіятельства персонъ, таковые дворянамъ росписѣ къ произведенію сего дѣла зъ благопристойнымъ и предписаннымъ порядкомъ, домъ и что къ тому потребно приготовить велено. Чтожъ принадлежить до собранія козаковъ, то, по полученіи того ордера, какъ найскорѣе во всѣ сотнѣ предложить, дабы отъ взякой сотнѣ выбраны были по одному или по два повѣренныхъ, смотря по числу козаковъ; однако чтобъ въ каждомъ полку такихъ выбранныхъ не больше было отъ всѣхъ сотень, какъ до ста человѣкъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано; и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства и протчихъ назначенныхъ персонъ въ тѣ мѣста, гдѣ собраніямъ быть, на назначенные въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки оныи собраться могли. Того ради посланными отъ мене въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ, и гдѣ сотники въ отлучкѣ—къ сотеннымъ старшинамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ, какъ найскорѣе отъ тѣхъ сотень выбрать по два или по три повѣренныхъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства въ Нѣжинъ, гдѣ собранію быть назначено, въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки, то есть прежде 23 числа сего марта они собратся могли всенепремѣнно. Гдѣ же

для выбору назначенны мѣста и сроки, о томъ зъ присланного росписанія приложенны при тѣхъ ордерахъ справочные копіи, о чемъ для вѣдома и къ надлежащему исполненію и вамъ чрезъ сіе предлагается зъ сообщеніемъ зъ тогожъ росписанія справочной копіи.

Петръ Разумовскій.

1767 году,
Марта 1-го дня.

---

2) Донесеніе глуховскаго сотника Уманца о козачьихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшему Графу, Высокопревосходительнѣйшему Господину Генералу Аншефу, Малороссійскому Генералу Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского корпусовъ главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Александровичу Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Сего марта 9 дня получилъ я ордеръ отъ господина Полковника Нѣжинского Разумовского, состоявшійся во исполненіе высокого Вашего Сіятельства повелѣнія, послѣдовавшаго о выборѣ Депутатовъ и повѣренныхъ къ сочиненію проэкта новаго уложенія, по коему между протчимъ изображенно, что принадлежить для собранія козаковъ, то посланными оть него господина полковника Нѣжинского въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ какъ найскорае отъ тѣхъ сотенъ выбрать по два или по три повѣренныхъ, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Вашего Сіятельства въ Нѣжинъ прежде 23 числа сего марта, они собратся могли, о чемъ для вѣдома и к надлежащему исполненію и ко мнѣ тѣмъ ордеромъ предложенно, зъ сообщеніемъ зъ росписанія Вашего Сіятельства справочной копіи. А понеже по оному росписанію назначены сроки въ Глуховѣ для городскихъ жителей априля 2 дня, для шляхетства 4 дня, и о козакахъ ничего не упомянуто, означеннымъ же ордеромъ господинъ полковникъ Нѣжинскій, какъ выше-

писанно, предлагаетъ и мнѣ ко исполненію. Того ради оный подленный ордеръ и при немъ справочную копію съ росписанія Вашего Сіятельства при семъ подъ высокое разсмотрѣніе представляю, и что по оному повеленно будетъ учинить, на то ожидаю повелительной Вашего Сіятельства резолюціи.

Сотникъ Глуховскій *Семенъ Уманецъ.*

1767 году,
Марта 10 дня.

---

3) Донесеніе земскаго судьи объ окончаніи выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу, Высокопревосходительнѣйшому Господину Генералъ-Аншефу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному командиру и разныхъ ординовъ кавалеру, Его Сіятельству Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшій Рапортъ.

По Всевысочайшему Милостивѣйшому Ея Императорскаго Величества манифесту, отъ 14 декабря 1766 году о выборѣ Депутатовъ въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія и о протчемъ состоявшомусь, отъ гражданъ города Глухова выбранъ я сегожъ города Головою, и какъ уже все то, что онымъ Всевысочайшимъ манифестомъ повелѣно, дѣйствительно исполнено, и выбранному Депутату Генеральному Асаулу Ивану Скоропадскому сочиненной наказъ съ прошеніями, такъ же и полномочіе отосланы, а копіи отданы въ церкве, гдѣ присяга учинена, первому священнику. Для того во исполненіе обряда при ономъ же манифестѣ сообщенного пункта 24 (о окончаніи всего принадлежащаго) Вашему Высокографскому Сіятельству нижайше репортую.

Земскій Судія *Сергей Дергунъ.*

1767 году,
Мая 29 дня.

IV.

Выборы въ Черниговскомъ полку.

1) Роспись, кто именно зъ шляхетства и другихъ чиновъ какого числа и часа въ Чернѣговъ прибылъ, а изъ живущихъ въ Чернѣговѣ явился къ собранію для выбора Предводителя и Депутата зъ полку Чернѣговского въ учрежденную Коммиссію для сочиненія проэкта Нового Уложенія. 1767 году, марта.

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта.				Избират.
10-го	10 час.	1.	Бунчуковій Товаришъ Константинъ Лизогубъ	25
„	10 „	2.	Бунчуковій Товаришъ Павелъ Мокріевичъ. .	26
„	10 „	3.	Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ .	—
„	10 „	4.	Войсковій Товаришъ Іванъ Маркевичъ. . .	21
12-го	11 „	5.	Сотникъ Выбелскій Андрей Тризна . . .	27
13-го	4 „	6.	Судія Генералній Андрей Безбородко . .	105
„	4 „	7.	Бунчуковій Товаришъ Алеѯандръ Безбородко.	—
14-го	10 „	8.	Бунчуковій Товаришъ Іосифъ Рашевскій. .	41
„	10 „	9.	Войсковой Товаришъ Почтмейстеръ Іаковъ Красовскій	44
„	10 „	10.	Сотникъ Роискій Іаковъ Крупянскій . . .	12
„	11 „	11.	Судія Земскій Повѣту Чернѣговского Михайло Дунѣнъ Борковскій	52
„	11 „	12.	Войсковій Товаришъ Михайло Шуба . . .	—
„	4 „	13.	Бунчуковій Товаришъ Іаковъ Лизогубъ . .	47
„	5 „	14.	Обозній Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	49
„	5 „	15.	Войсковій Товаришъ Степанъ Сахновскій. .	—
„	7 „	16.	Войсковій Товаришъ и Асаулъ Полковій Компанѣйскій Петръ Каневскій	31
15-го	11 „	17.	Войсковій Канцеляристъ Степанъ Мокріевичъ.	—
„	11 „	18.	Войсковій Канцеляристъ Федоръ Мокріевичъ.	—
„	11 „	19.	Значковій Товаришъ Іванъ Федосовъ . . .	16
„	11 „	20.	Значковій Товаришъ Гаврило Ѳурскій . .	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
15-го	3 ч.	21.	Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій . .	46
„	3 „	22.	Значковій Товаришъ Іванъ Морозъ . . .	10
„	5 „	23.	Войсковій Товаришъ Осипъ Сахновскій . .	12
„	5 „	24.	Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій.	—
16-го	8 „	25.	Значковій Товаришъ Григорій Базиліевичь .	12
„	8 „	26.	Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій .	42
„	8 „	27.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Стаховичъ . .	33
„	8 „	28.	Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій .	15
„	8 „	29.	Умершого Войскового Товариша Райполского сынъ Іванъ Райполскій.	—
„	3 „	30.	Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ . .	—
„	3 „	31.	Войсковій Товаришъ Василь Ждановичъ. .	—
„	3 „	32.	Войсковій Товаришъ Іванъ Сербиновичъ . .	33
„	3 „	33.	Сотникъ Березинскій Іакимъ Сахновскій . .	53
„	3 „	34.	Асаулъ Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	47
„	3 „	35.	Возній Сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій .	47
„	5 „	36.	Войсковій Товаришъ Кирилъ Медушевскій .	—
„	6 „	37.	Войсковій Товаришъ Іванъ Молявка . . .	24
17-го	9 „	38.	Сотникъ Любецкій Іванъ Посудовскій . .	—
„	9 „	39.	Значковій Товаришъ Евфимъ Шаршановичъ.	12
„	9 „	40.	Значковій Товаришъ Константинъ Селивановъ	—
„	9 „	41.	Значковій Товаришъ Трофимъ Боголѣвъ. .	—
„	9 „	42.	Возній Подкоморскій повѣту Чернѣговского Димитрій Каранда	—
„	10 „	43.	Судія Земскій повѣту Менского Павелъ Ломѣковскій	11
„	10 „	44.	Возній сотнѣ Волинской Іванъ Колодѣевъ .	60
„	10 „	45.	Абшитованній Асаулъ Артиліеріи Полковой Іаковъ Шихуцкій	13
„	10 „	46.	Асаулъ Артиліеріи Полковой Чернѣговской Іванъ Шихуцкій	19
„	10 „	47.	Войсковій Канцеляристъ Петро Маѯимовичъ	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
17-го	10 ч.	48.	Возній сотнѣ Роиской Іванъ Стодолѣнскій .	—
„	10 „	49.	Значковій Товаришъ Іванъ Миничъ . . .	—
„	10 „	50.	Значковій Товаришъ Іванъ Красовскій . .	—
„	10 „	51.	Значковій Товаришъ Іаковъ Довгаль. . .	—
„	10 „	52.	Значковій Товаришъ Іванъ Даничъ . . .	—
„	12 „	53.	Бунчуковій Товаришъ Іванъ Полторацкій .	58
„	12 „	54.	Войсковій Товаришъ Василь Полонѣцкій. .	20
„	12 „	55.	Войсковій Товаришъ Іванъ Трусевичъ . .	23
„	12 „	56.	Войсковій Канцеляристъ Семенъ Лисявскій .	—
„	12 „	57.	Возній сотнѣ Сосницкой Емеліанъ Станѣславскій	25
„	12 „	58.	Значковій Товаришъ Григорій Петровскій .	23
„	6 „	59.	Возній сотнѣ Синявской Василь Драчевскій.	—
„	6 „	60.	Значковій Товаришъ Петро Лисенецкій . .	—
„	6 „	61.	Канцелляристъ Войсковій Михайло Кузмѣнскій	39
18-го	8 „	62.	Бунчуковій Товаришъ Михайло Папловскій .	57
„	8 „	63.	Писарь Суда Земского повѣту Менского Корнѣй Лѣневичъ	44
„	8 „	64.	Войсковій Товаришъ Іванъ Товстолѣсъ . .	42
„	8 „	65.	Сотникъ Іванъ Гламазда	38
„	8 „	66.	Войсковій Кацелляристъ Петро Лизогубъ .	—
„	8 „	67.	Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ .	23
„	8 „	68.	Войсковій Товаришъ Іванъ Бакуринскій . .	16
„	8 „	69.	Возній повѣту Менского Данило Колчевскій.	27
„	8 „	70.	Войсковій Товаришъ Федоръ Михно . . .	—
„	8 „	71.	Войсковій Канцелляристъ Степанъ Рашевскій	—
„	10 „	72.	Канцеляристъ Полковый Іванъ Рашевскій .	—
„	10 „	73.	Войсковій Товаришъ Іванъ Даниловичъ . .	36
„	10 „	74.	Войсковій Товаришъ Григорій Коненко . .	20
„	10 „	75.	Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій .	15
„	10 „	76.	Значковій Товаришъ Іванъ Кладкевичъ . .	14
„	10 „	77.	Значковій Товаришъ Петро Іванина . . .	—
„	10 „	78.	Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ . .	7

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избрат.
18-го	10 ч.	79.	Войсковій Товаришъ Василь Михно. . .	15
„	10 „	80.	Значковій Товаришъ Іванъ Іарковскій . .	12
„	10 „	81.	Значкового Товариша синъ Владимеръ Князиковскій	—
„	10 „	82.	Абшитованній Хоружій сотенній Степанъ Шихуцкій	21
19-го	11 „	83.	Войсковій Канцеляристъ Іаковъ Тризна .	—
„	11 „	84.	Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій .	20
„	11 „	85.	Значковій Товаришъ Іванъ Загалскій . .	24
„	11 „	86.	Значковій Товаришъ Маѯимъ Москалцовъ .	—
„	11 „	87.	Значковій Товаришъ Омелянъ Демидовскій.	14
„	11 „	88.	Значковій Товаришъ Ахеѯѣй Харченко. .	—
„	12 „	89.	Значковій Товаришъ Іаковъ Бубликъ . .	8
20-го	9 „	90.	Войсковій Товаришъ Петръ Юнѣцкій . .	35
21-го	8 „	91.	Войсковій Товаришъ Антонъ Силичъ . .	27
„	8 „	92.	Значковій Товаришъ Михайло Сенюта . .	—
22-го	10 „	93.	Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ . .	15
23-го	8 „	94.	Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ	42
„	4 „	95.	Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна. .	88
„	4 „	96.	Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ .	24
26-го	10 „	97.	Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ .	12
27-го	8 „	98.	Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ .	70
„	8 „	99.	Значковій Товаришъ Федоръ Колодка . .	8
„	4 „	100	Возній сотнѣ Любецкой Іванъ Савичъ . .	23
„	4 „	101.	Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантичовичъ	—
„	4 „	102.	Бунчуковій Товаришъ Степанъ Бутовичъ .	68
„	4 „	103.	Войсковій Товаришъ Иванъ Бутовичъ . .	—
„	4 „	104.	Возній сотнѣ Городницкой Авѯентій Панащатенко	19

ЖИТЕЛСТВУЮЩІЕ ВЪ ГОРОДѢ ЧЕРНѢГОВѢ.

		Избират.
1.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ	55
2.	Писаръ полковій Чернѣговскій Андрей Іакимовичъ . .	71
3.	Хоружій полковій Чернѣговскій Василь Петрашевичъ. .	21
4.	Сотникъ Бѣлоускій Георгій Дзвонкевичъ	34
5.	Абшитованній Атаманъ Григорій Плохута	14
6.	Писарь Суда Гродского Семенъ Стаинскій	22
7.	Атаманъ Городовій Чернѣговскій Федоръ Плохута. . .	13
8.	Возній повѣта Чернѣговского Василь Стаинскій . . .	—
9.	Коморникъ повѣта Чернѣговского Іванъ Стефановскій. .	30
10.	Значковій Товаришъ Іаковъ Плохута	15
11.	Значковій Товаришъ Василь Єрембецкій	24
12.	Значковій Товаришъ і города Чернѣгова Квартермистръ Степанъ Іакимовичъ	—
13.	Значковій Товаришъ, правящій Городническою должностію Михайло Доморка	8
14.	Городничій Чернѣговскій Николай Константиновичъ . .	18
15.	Значковій Товаришъ Іовъ Сокоцкій	4

Писарь Полковій Чернѣговскій *Андрей Іакимовичъ*.

---

2) Списокъ, по силѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской манифеста и приложеннаго при ономъ обряда, отъ Магистрата Чернѣговского по выбору всѣхъ гражданъ повѣреннимъ, напередъ женатимъ и имѣющимъ дѣтей, потомъ же вдовцамъ, а неженатымъ послѣднимъ, учиненій 1767 году, марта 29 дня.

ЖЕНАТІИ и ИМѢЮЩІЕ ДѢТЕЙ.

		Избир. голос.
1.	Бурмистръ Михайло Енко	86
2.	Обозній Иванъ Сахновскій	27
3.	Райца Иванъ Бордадимъ	28
4.	Сотникъ Георгій Дзвонкевичъ	25

		Избир. голос.
5.	Купецъ Григорій Енко	50
6.	Писарь Магистратовый Евфимъ Дранковскій	—
7.	Козакъ Андрей Римарь	7
8,	Канцеляристъ Консисторіи Чер. Димитрій Прожига	17
9.	Писарь сотенній Кондратъ Корнѣевъ	—
10.	Козакъ Федоръ Штацкій	11
11.	Стефанъ Портновъ	12
12.	Райца Никита Инспекторенко	11
13.	Пушкаръ Максимъ Кіевскій	8
14.	Райца Василь Медведовъ	14
15.	Канцеляристъ полковій Иванъ Молчановскій	13
16.	Райца Павелъ Колужинецъ	8
17.	Мищанинъ Игнатъ Коритко	10
18.	Канцеляристъ полковій Иванъ Морозовъ	20
19.	Мѣщанинъ Михайло Петрушинецъ	—
20.	Козакъ Иванъ Авеселовскій	—
21.	Канцеляристъ полковій Михайло Марачевскій	16
22.	Бурмистръ Григорій Бубликъ	57
23.	Мѣщанинъ Яковъ Хлѣбовскій	—
24.	Райца Яковъ Билявскій	9
25.	Мищанинъ Данило Грищенко	17
26.	Райца Иванъ Данилевскій	—
27.	Мѣщанинъ Петро Грищенко	—
28.	Козакъ Осипъ Молчановскій	—
29.	Мѣщанинъ Гордѣй Шкляренокъ	7
30.	Козакъ Федоръ Мокренецъ	18
31.	Мѣщанинъ Мартинъ Демяновъ	9
32.	Мѣщанинъ Иванъ Щербакъ	13
33.	Мѣщанинъ Алексѣй Стодола	11
34.	Мѣщанинъ Семенъ Золотарь	—
35.	Мѣщанинъ Федоръ Плакса	9
36.	Федоръ Семеновъ	12
37.	Мѣщанинъ Исакъ Коломѣйченко	—

	Избир. голос.
38. Козакъ Григорій Мамля	10
39. Козакъ Максимъ Шумовскій	10
40. Козакъ Стефанъ Наболонскій	12
41. Мѣщанинъ Николай Мамля	14
42. Козакъ Трофимъ Мякота	13
43. Мѣщанинъ Терешко Сосницкій	6
44. Мѣщанинъ Василь Глинскій	—
45. Мѣщанинъ Василь Лопатенъ	13
46. Райца Никита Ракъ	35
47. Райца Иванъ Хлѣбовскій	21
48. Мѣщанинъ Андрей Свислоцкій	—
49. Мѣщанинъ Иванъ Золотарь	14
50. Бурмистръ Иванъ Крутѣнь	66
51 Значковій Товаришъ Михайло Доморка	25
52. Райца Стефанъ Леонтіевъ	27
53. Канцеляристъ Магистратовій Корнѣй Лявровскій	19
54. Козакъ Михало Слѣсарь	10
55. Атаманъ городовій Федоръ Плохута	27
56. Цехмистръ Ковальскій Иванъ Лукяненко	16
57. Райца Василь Малаховъ	39
58. Обшитованній Атаманъ Григорій Плохута	23
59. Значковій Товаришъ Василь Грембецкій	26
60. Райца Илія Лопата	20
61. Мищанинъ Федоръ Малаховъ	12
62. Райца Фома Желѣзникъ	16
63. Мѣщанинъ Мануйло Збинецъ	11
64. Почталѣонъ Остапъ Кипріяновъ	18
65. Войтъ Никифоръ Шарой	31
66. Почталѣонъ Яковъ Здоръ	14
67. Райца Корнѣй Здоръ	24
68. Почталіонъ Іосифъ Шереметъ	16
69. Цехмистръ Шевскій Евдокимъ Поливода	13
70. Мищанинъ Григорій Бичокъ	12

	Избир. голос.
71. Мищанинъ Федоръ Мельникъ	9
72. Райца Иванъ Грибъ	15
73. Райца Демянъ Грибъ	24
74. Мѣщанинъ Иванъ Римарь	9
75. Мищанинъ Денисъ Кравецъ	50
76. Мищанинъ Семенъ Стадникъ	—
77. Райца Романъ Ребій	50
78. Райца Иванъ Сарафіоновъ	16
79. Мищанинъ Евфимъ Головокъ	14
80. Райца Иванъ Санковскій	21
81. Райца Федотъ Митаревскій	31
82. Мищанинъ Иванъ Матусь	16
83. Райца Прокопъ Станѣславскій	24
84. Мѣщанинъ Остапъ Нестеренко	14
85. Райца Данило Баришавецъ	28
86. Мищанинъ Каленикъ Шкурка	10
87. Мищанинъ Петро Колужинецъ	12
88. Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ	26

ЖЕНАТИЕ БЕЗДѢТНИЕ.

89. Мищанинъ Яковъ Ладонка	—
90. Козакъ Христофоръ Николаевъ	24
91. Райца Афанасъ Широгроцкій	—
92. Мищанинъ Семенъ Ребій	—
93. Гусарскій Прапорщикъ Прокофій Соколовъ	26

ВДОВЦИ.

94. Райца Игнатъ Глинскій	—
95. Райца Иванъ Макотринъ	20

НЕЖАНАТИЕ МИЩАНЕ.

96. Есипъ Глинскій	—
97. Василь Поддубинъ	—

		Избир. голос.
98.	Тимофей Митаревскій	35
99.	Гаврило Тарасевичъ	10
100.	Яковъ Лопатень	—

Войтъ Магистрата Чернѣговского Никифоръ Шарой.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Григорій Бубликъ.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Иванъ Крутѣнь.
Райца Магистрата Чернѣговского Феодотъ Митаревскій.
Райца Магистрата Чернѣговского Афанасъ Широгроцкій.

---

3) Донесеніе предводителя шляхетства Андрея Безбородка объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову, Высокопревосходительнѣйшему Генералу-Аншефу, Малороссійскому Генералу-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского корпуса и войскъ Малороссійскихъ Главному Комендиру и разныхъ орденовъ Кавалеру.

Репортъ.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ декабря отъ 14 числа 1766 года повелѣнный отъ шляхетства, въ полку Черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, выборъ Депутата въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія, и все, къ тому принадлежащее, окончено; и потому все собравшееся шляхетство сего априля въ 5 день распущено, Депутату жъ отъ меня письменно рекомендовано, чтобъ онъ отправленіемъ въ Москву и явкою въ Правительствующемъ Сенатѣ не умедлилъ, какъ о томъ Высочайшіе манифестъ и указъ, господамъ Губернаторамъ данный, повелѣваютъ. По долгу моему, Вашему Сіятельству нижайше о томъ репортую, подносся при семъ списки реестра бывшихъ при выборѣ, полномочія Депутату, выбора персонъ къ сочиненію наказа, чело-

битной къ Ея Императорскому Величеству и наказа въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ.

Предводитель Шляхетства Черниговского полку, Генеральный Судія *Андрей Безбородко.*

Черниговъ,
апрѣля 5 дня 1767 года. № 9.

---

5) *Посланіе черниговскаго шляхетства.*

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская,

Всемилостивѣйшая Государиня!

Между народами, которые промысломъ Божіимъ премудрому Вашего Императорскаго Величества правленію ввѣрены, малороссійскій въ разсужденіи единого рода и вѣры съ россійскимъ, а паче добровольного возвращенія въ союзъ съ прежнимъ его тѣломъ, при всѣхъ свято-почившихъ предкахъ Вашего Императорскаго Величества пользовался отмѣнними монаршими щедротами, нетокмо въ ненарушимомъ храненіи свободъ и законовъ, издревле имъ пріобрѣтенныхъ, но и въ разпространеніи всего того, что къ лучшей его ползѣ по времени и обстоятелствамъ служить могло. Ваше Императорское Величество, желаніемъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ наслѣдствуя престолъ Великой Имперіи, нетолко преемницею прежнихъ Россійскихъ обладателей въ милости къ сему вѣрноподданному народу учинились, но разширяя попеченіе о благоденствіи всѣхъ членовъ державы Вашей, восхотѣли дать и намъ участіе во всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, которими совершеніе великихъ Вашихъ намѣреній обнадеживаетъ Россію, и потому, какъ по перемѣнѣ бывшаго здѣсь гетманского правленія сему благоприсоединенному народу Императорскимъ словомъ обѣщать изволили: возводить его на такую степень щастія, въ которой бы онъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость вящше чувствовать смогъ, такъ и въ нынѣшнее время, созивая отъ всѣхъ частей Россійскаго Государства

уполномоченныхъ Депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенья, здѣлали и насъ таковой матерней къ подданнымъ довѣренности участниками, всемилостивѣйше позволивъ взнесть къ Вашему Императорскому Величеству прозбы въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Мы чувствуемъ, Всемилостивѣйшая Государиня, что состояніе правителства и обрядовъ земскихъ въ отечествѣ нашемъ мало соотвѣтствуютъ доброму порядку, и что нынѣшнія наши обстоятелства требуютъ во всемъ поправленія. Но какъ Ваше Императорское Величество промыслъ о благополучіи нашемъ на себя принять соизволили, то мы возлагаемъ всю надежду нашу на матернее Ваше милосердіе, не сомнѣваясь, что Ваше Величество самодержавною отъ Бога данною Вамъ властію положите твердое основаніе покоя и благоденствія всѣхъ жителей малороссійскихъ. И въ разсужденіи сего выбранному нами изъ полку Черниговского Депутату, Генералному Асаулу Ивану Скоропадскому, дали мы полномочіе представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшіе прошенія наши въ таковыхъ токмо дѣлахъ, которые собственно до шляхетства касаются; и въ томъ для лучшей вѣры, снабдѣли его наказомъ. Всенижайше Ваше Императорское Величество просимъ призрѣть на вѣрноподданническое всѣхъ насъ усердіе, и въ сихъ прозбахъ нашихъ, отъ которыхъ утвержденіе щастія нашего зависить, Всемилостивѣйшее рѣшеніе пожаловать. Толь великія благодѣянія приняты будутъ отъ всѣго свѣта новымъ опытомъ Вашего человѣколюбія и великодушія, которіе привлекаютъ подъ благословенную державу Вашу многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ; а насъ и потомковъ нашихъ утвердятъ еще болѣе въ непоколебимой навѣки рабской вѣрности престолу Вашего Императорскаго Величества, и во взаимномъ съ прочими землями Россійской Имперіи согласіи.

Черниговъ.

1767. Апрѣля 4 дня.

Вашего Императорскаго Величества вѣрніе подданіе и всенижайшіе рабы:

Шляхетства Черниговскаго полку Предводитель, Судія Генеральный Андрей Безбородко, Бунчуковій Товаришъ Костантій Ли-

зогубъ, и по повѣренности отъ брата Симеона Лизогуба и Бунчукового Товариша Ивана Булавкина, Бунчуковій Товаришъ Павелъ Дебогорѣя Мокриевичъ и по повѣренности отъ брата своего Бунчукового Товариша Александра Дебогорѣя Мокриевича, Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Маркевичъ, Бунчуковій Товаришъ Александръ Безбородко и по повѣренности отъ Асаула полкового Ивана Сахновскаго, Бунчуковій Товаришъ Иосифъ Рашевскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Красовскій, Сотникъ Роискій Яковъ Крупянскій, Судья земскій Черниговскій Михайло Дунинъ-Борковскій, Войсковій Товаришъ Михайло Шуба, Бунчуковый Товаришъ Яковъ Лизогубъ, Обозній полковій Черниговскій Иванъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Стефанъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ, полковій Асаулъ компанейскій Петръ Каневскій и по повѣренію брата своего писара земскаго повѣту Черниговскаго Степана Каневскаго, Войсковій канцеляристъ Степанъ Дебогорія-Мокріевичъ, Войсковій канцеляристъ Федоръ Дебогорія-Мокріевичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Федосовъ, Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Иванъ Морозъ, Войсковій Товаришъ Иосифъ Сахновскій и по повѣренію Войскового Товариша Федора Михна, Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Григорій Базилевичъ. По повѣренію Значкового Товариша Гаврила Гурского—родній его братъ полковій канцеляристъ Антонъ Гурскій, Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій, Бунчуковый Товаришъ Петро Стаховичъ, Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій, Войскового Товариша синъ Иванъ Райполскій, Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ, Войсковій Товаришъ Василей Ждановичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Сербиновичъ, Сотникъ Березинскій Якимъ Сахновскій, Возній сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Молявка, Сотникъ Любецкій Иванъ Посудевскій, Значковій Товаришъ Константинъ Салivановичъ, Возній подкоморскій повѣта Черниговского Димитрій Каранда, Судія земскій повѣта Менского Павелъ Ломѣковскій, Возній Волинскій Иванъ Колодѣевъ, абшитованій Асаулъ Артилеріи Полковой Яковъ Шихуцкій, Асаулъ Полковой Артилеріи Иванъ Шихуцкій, Канце-

ристъ Войсковій Петръ Максимовичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Миничъ, Значковій Товаришъ Иванъ Красовскій. По повѣренности Значкового Товариша Якова Довгаля, сынъ его Лаврѣнъ Довгаль, Значковій Товаришъ Иванъ Даничъ, Бунчуковій Товаришъ Иванъ Полторацкій, Возній сотнѣ Сосницкой Омелянъ Станѣславскій, Коморникъ повѣту Менского Григорій Петровскій, Возній сотнѣ Синявской Василей Драчевскій, Значковій Товаришъ Петръ Лисенецкій, Войсковій Канцеляристъ Михаило Козмѣнскій и по повѣренности отъ сотника Столинского Романа Бобира, Бунчуковій Товаришъ Михайло Павловскій, Земскій повѣту Менского писарь Корнилій Лѣневичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Товстолѣсъ, Сотникъ Иванъ Гломазда, Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Бакуринскій, повѣта Менского возній повѣтовій Данило Колчевскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Даниловичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Коленко, Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій, Значковій Товаришъ Иванъ Кладкевичъ, Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Василь Михно, Значковій Товаришъ Иванъ Ерковскій, Значкового Товариша Сидора Княжиковского сынъ Владимеръ Княжиковскій, Хоружій сотнѣ Роиской Стефанъ Шихуцкій, Войсковій канцеляристъ Яковъ Тризна, Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій, Значковій Товаришъ Иванъ Загалскій, Значковій Товаришъ Максимъ Москалцовъ, Значковій Товаришъ Емеліянъ Демидовскій, Значковій Товаришъ Алексѣй Харченко, Значковій Товаришъ Яковъ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Петръ Юницкій, Войсковій Товаришъ Антонъ Силѣчъ, Значковій Товаришъ Михайло Сенюта, Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ, Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна, Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ, Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ, Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ, Значковій Товаришъ Федоръ Колодка, Возній повѣта Черниговского сотнѣ Любецкой Иванъ Савичъ, Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантиновичъ, Бунчуковій Товаришъ Стефанъ Бутовичъ и по повѣренности брата своего Ивана Бутовича, Войскового Товарища; сотнѣ Городнѣцкой возній Авксентій Панаща-

тенко, Судья полковій Тимофей Сенюта, Сотникъ Седневскій Федоръ Римша, Атаманъ сотеній Сосницкій Прокопъ Слышевскій, Писарь сотенній Сосницкій Еремій Якимовичъ, Хоружій сотенній Сосницкій Федоръ Ивасенко, Атаманъ сотенній Волинскій Іванъ Абрамовичъ, Абшитованный сотнѣ Березинской писарь Дамянъ Тарасевичъ, Атаманъ сотенній Выбелскій Тимофей Титовичъ, Атаманъ сотенній Городницкій Дмитрій Сукнѣцкій, Абшитованній войсковій Канцеляристъ Севастіянъ Бородуха, Возній повѣту Менского суда подкоморского Иванъ Добрицкій, Асаулъ сотеній Городницкій Иванъ Нехаевскій, Сотникъ Киселювскій Иванъ Шаршановичъ и по повѣренности отца своего Значкового Товариша Евфима Шаршановича, Полковій Черниговскій канцеляристъ Иванъ Юркевичъ, Значкового полку Чернѣговского Товариша синъ полковій Черниговскій канцеляристъ Стефанъ Фасовецъ, Полковій Черниговскій канцеляристъ Василь Чернискій, Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ-Курсановичъ, Писарь полковій Черниговскій Андрей Якимовичъ, и по повѣренности Бунчукового Товариша Василя Дунина-Борковского, Хоружій полковій Черниговскій Василей Петрашевичъ, Сотникъ полковій Черниговскій Петръ Посудевскій, Сотникъ Белоускій Георгій Дзвонкевичъ, Судовій гродскій Черниговскій писарь Семенъ Стаинскій, Атаманъ абшитованній городовій полковій Черниговскій Григорій Плохута, Атаманъ городовій Черниговскій Федоръ Плохута.

---

5) Донесеніе Милорадовича о выборахъ козачьихъ.

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣйшему Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Малороссійской Коллегіи Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру, обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ святихъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ Голстинского св. Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову.

Рапортъ.

По силѣ циркулярного ордера отъ вашего Высокографского Сиятелства, мною сего мая 6 дня полученного, которимъ мнѣ ве-

лѣно отъ козаковъ повереному изъ сотень сочиняемие наказы, въ которихъ они пишуть до нихъ вовся ненадлежащое, иннмъ же старшини оние компонують, отставить, а только съ прошеніями, какови отъ сотень дани повереннимъ, техъ депутатовъ отправить,—отъ полковой Черниговской Канцеляріи во всѣ полку Черниговского сотнѣ, ордерами предложено, за полученіемъ онихъ, тотъ часъ, призвавъ въ сотенния Правленія повѣренныхъ отъ онихъ сотень вибранныхъ козаковъ, которіе прежде сего при виборѣ козачого депутата въ Чернѣговѣ были и отъ техъ же сотень въ Полковую Канцелярію при репортахъ висыланны, оное вашего Високографского Сиятелства повелѣніе обявить, и приказать вишеписанние наказы отставить, а толко съ прошеніями, какови отъ онихъ же сотень дани повереннимъ, того козачого депутата отправить, и по исполненіи о томъ немедленно въ полковую Канцелярію отрепортовать. О чемъ вашему високографскому Сіятелству въ покорности моей репортую

Полковникъ *Петръ Милорадовичъ.*

1767 году,
мая 8 дня
№ 1460.

---

6) Вѣдомость, сочиненная въ полковой Чернѣговской Канцеляріи зъ присланныхъ зъ сотень полку Чернѣговского репортовъ, коликое число съ которой сотнѣ явились съ козаковъ повереннихъ для вибору въ силѣ повелѣнія отъ всего полку повѣренного. 1767 году, марта 31 дня.

Сотнѣ Седневской.

№	число		Избир. голос.
1	13	Герасимъ Збанъ	50
2	„	Данило Самоненко	31
3	„	Павелъ Шевель	30
4	„	Семенъ Грабовецъ	19
5	„	Иванъ Кеня	19

№	число		Избир. голос.
6	„	Демянъ Гребянка.	25
7	„	Мина Шупикъ	21
		Сотнѣ Киселювской.	
8	„	Дорошъ Заецъ	—
9	„	Оникѣй Бабичъ	20
10	„	Савка Романецъ	—
		Сотнѣ Вибелской.	
11	14	Климъ Памфиленко	18
12	„	Григорій Луцкій	21
13	„	Федоръ Борисенко	16
14	„	Семенъ Дяченокъ.	
15	„	Василь Гвоздикъ.	19
16	„	Яковъ Лѣщинецъ	17
		Сотнѣ Бѣлоуской.	
17	15	Романъ Павленко	27
18	„	Кирило Палѣй	26
19	„	Иванъ Литвиненко	—
20	„	Иванъ Койданъ	22
21	„	Павелъ Богданенко	—
		Сотнѣ Славинской.	
22	„	Федоръ Сурмила	18
23	„	Данило Шила	16
24	„	Григорій Дундарь	19
		Сотнѣ Полковой.	
25	„	Иванъ Белоножка	18
26	„	Яковъ Згурскій	36
27	„	Иванъ Булгакъ	16
28	„	Василь Ковтунъ	24
29	„	Яковъ Гузъ	—

Сотнѣ Синявской.

№	число		Избир. голос.
30	„	Захарій Мищенко	28
31	„	Иванъ Ященко	20
32	„	Алексѣй Луневскій	76
33	„	Иванъ Николаевъ	26

Сотнѣ Менской.

№	число		Избир. голос.
34	„	Семенъ Олѣйникъ	17
35	„	Семенъ Смаль.	11
36	„	Прокопъ Соломяникъ	18
37	„	Мойсей Сердюченко	17
38	„	Трофимъ Падалка	—
39	„	Гаврило Коворотній	—
40	„	Марко Кроха.	—
41	„	Михайло Педь	15
42	„	Матвей Зеленскій	20
43	„	Иванъ Сидоренко	13

Сотнѣ Березинской.

№	число		Избир. голос.
44	16	Иванъ Кислій	21
45	„	Козма Стасюкъ	29
46	„	Михайло Котляревскій	23
47	„	Карпъ Литвиненко	20
48	„	Романъ Миничъ	—
49	„	Григорій Харченко	—
50	„	Семенъ Станѣславскій	—

Сотнѣ Столинской.

№	число		Избир. голос.
51	16	Максимъ Пилипенко	21
52	„	Остапъ Охрѣменко	15
53	„	Якимъ Савченко	14
54	„	Павелъ Антоненко	11

Сотнѣ Сосницкой.

№	число		Избир. голос.
55	„	Андрей Коленко	19
56	„	Иванъ Кузька	20
57	„	Федоръ Чинчикъ	21
58	„	Степанъ Глоба	47
59	„	Яковъ Скриль	25
60	„	Федорченко	15

Сотнѣ Волинской.

61	„	Иванъ Петровъ	20
62	„	Федоръ Поплавскій	25
63	„	Яковъ Редка	27
64	„	Михайло Грищенко	18

Сотнѣ Любецкой.

65	„	Сидоръ Богушъ	20
66	„	Савка Брехунъ	13
67	„	Павелъ Пилиповичъ	17
68	„	Федоръ Савицкій	15

Сотнѣ Роиской.

69	„	Якимъ Коваленко	19
70	„	Степанъ Терехно	—
71	„	Климъ Ярошенко	14
72	„	Василь Ященко	21
73	„	Омельянъ Коржъ	34
74	„	Козма Петрушинецъ	11
75	„	Василь Кужильній	10
76	„	Гаврило Илленко	16

Сотнѣ Городнѣцкой.

77	„	Иванъ Бояриновъ	25
78	„	Василь Гуторъ	15
79	„	Григорій Глущенко	11

№	число		Избир. голос.
80	„	Никифоръ Черевачъ	35
81	„	Опанасъ Кулажинскій	22
82	„	Василь Редченко	17
83	„	Василь Борсукъ	18
84	„	Андрей Борсукъ	20
		Сотнѣ Понурницкой.	
85	26	Дмитро Кострубъ	23
86	„	Данило Савицкій	—
87	„	Стефанъ Осадшій	—
88	„	Ничипоръ Гавриленко	18
89	„	Семенъ Карпенко	—
90	„	Демянъ Кипоренко	—

Полковникъ Черниговскій *Петръ Милорадовичъ.*

V.

Выборы въ г. Козельцѣ.

По силѣ манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14 числа 1766 года, коимъ самодержавною Ея властию повелѣно намъ нижеподписавшимся ізбрать в коммисию о сочинении проекта новаго уложения депутата и прислать оного в столицу Ея Императорскаго величества въ сенатъ, ми, жители города Козелця, по присланному при томъ височайшемъ манифестѣ обряду, в знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушания, напередъ вибрали для лучшаго между собою порядка, по чистой совѣсти, нами признанного к сей должности способнимъ, находя в немъ всѣ к сему вибору предписаннія качества, а именно: головою сего города судию Полкового Киевского Стефана Барановского, дая оному вибранному нашимъ головою полную довѣренность на два года, не толко при нинѣшнемъ виборѣ депутата, но и при случаяхъ, если дани будутъ от верховния власти какия особия повелѣния, принадлежащия до на-

шего общаго разсуждения и положения всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ; въ чемъ подписуемся:

Подкоморій Остерского повѣту Андрей Миткевичъ, Судия земскій повѣту Козелецкого Матвѣй Шумъ, повѣту Остерского Земский Судья Степанъ Лутай, повѣту Козелецкого Подсудокъ Стефанъ Пасенко, Обозний Полковий Киевский Зѣновий Борецкій, Полковій Кіевскій Писаръ Семенъ (нельзя разобрать), Асаулъ Полковій Кіевскій Өедоръ (сгнило), абшитованній Хоружий Полковий (сгнило), войсковій Товаришъ Андрѣй Діяковскій, войсковій Товаришъ Карпъ Богомулецъ, повѣту Козелецкого коморнѣкъ Григорий Лагода, Значковій Товаришъ Павелъ Шумъ, атаманъ городовый Козелецкій Өеодоръ Поствол, возній Повѣтовій Іванъ Ониславскій, Коморнѣкъ повѣту Остерского Петръ Пасенко, Значковій Товаришъ Борисъ Садовенко, Значковий Товаришъ Максимъ Скуевскій. Значковий Товаришъ Герасимъ Пошевня, Значковій Товаришъ Трохимъ Нудга, Сотенній Козелецкій возній Ігнатъ Крупянскій, Значковий Товаришъ Філиппъ Гриніевичъ, Значковий Товаришъ Леонтий Радецкий, Значковій Товаришъ Григорій Полѣзинскій, Канцеляристъ Григорій Михайловскій, Атаманъ городовой Данило Красовскій, Хоружий сотений Иванъ Шахрай, Атаманъ курѣний Іванъ Нестеровскій, Козаки: Лукянъ Антоненко, Кирило Даниловъ, Іванъ Дуда, Кононъ Шептуха, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по их прошению и за себе подписался своеручно козакъ Федоръ Брагинецъ. Бывшій войтъ Назаръ Глуздъ, бившій войтъ Василь Никонь, бившие бурмистри Артемъ Лазаренько, Максимъ Дзюба, Козма Лапотъ, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению і за себе бивший бурмистръ Іванъ Крашанчукъ руку приложилъ; бившій бурмистръ Яковъ Петриковецъ, а вмѣсто его неумѣющаго писать и за себе нинѣшній бурмистръ Устимъ Петріковецъ руку приложилъ. Бившій бурмистръ Трохимъ Брагинецъ, райця Антонъ Ващенко, райцѣ: Мойсий Сакало, Хведоръ Брожко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Евфимъ Петренко руку приложилъ.

Мѣщане:

Левко Бровко, Михайло Дмитренко, Федоръ Калениченко, Кондратъ Бондаръ, Парфенъ Дмитренко, Андрѣй Мирочникъ, Федоръ Уточка, Федоръ Пухнатий, Николай Пухнатий, Іванъ Самусъ, Іванъ Яловецъ, Іванъ Чайка, Карпъ Воробей, Данило Артеменко, Грицко Плутка, Самойло Gорgѣлъ, Ілия Олѣйниченко, Степанъ Синѣлниченко, Сава Лаптенко, Василь Лемѣшченко, Петро Лестуха, Андрѣй Артеменко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писаръ магистрата Козелецкого Александръ Яроховский руку приложилъ. Мѣщанинъ Иванъ Шеневский, мещанинъ Иванъ Надохъ (?), мещанинъ Яковъ Пухнатий, мещанинъ Иванъ Юрченко, мѣщанинъ Максимъ Броварникъ, мѣщанинъ Омелко Мирончя, мѣщанинъ Пантелемонъ Мануйловъ, Федоръ Усаха, Андрей Артеменко, Степанъ Нудженко.

(*Изъ бумагъ И. В. Лучицкаго*).

VI.

Выборы въ Стародубскомъ полку.

1) Донесеніе Стародубскаго головы о городскихъ выборахъ.

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣишему Гос—ну Генералъ-Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру а обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ и Св. Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшій Репортъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 д. 766 года состоявшогось за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста, съ приложеніемъ о выборе депутатовъ въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проекта нового

уложенія, избранному отъ гражданства города Стародуба депутату. магистрата Стародубовского бурмистру Данилѣ Родинскому полномочіе учинено. И означенными изъ наличнихъ при выборѣ пять человѣкъ, въ числѣ которихъ два человѣка купцовъ было, поступая по онимъ при манифестѣ приложеніямъ, наказъ и съ прошеніями сочиненъ, и по окончаніи гражданству тотъ наказъ и съ прошеніями прочитанъ и подсудственные магистрату Стародубовскому, такожъ нѣкоторіе изъ неподсудственнихъ оніе наказъ и прошенія подписали; а нѣкоторіе неподсудственніе тому Магистрату, яко то: зъ Бунчуковихъ, Войсковихъ и Значковихъ Товарищей и другаго званія жительствующіе въ городѣ Стародубѣ, кои имѣютъ знатніе торги пеночніе и промисли винокурные и другіе, а инніе имѣющіе домы, нетокмо тѣ, кои при выбори мене и депутата не были, но и бывшіе при томъ на тѣхъ наказѣ и прошеніяхъ подписыватся отказались, потому болше, что силу привилегій прописано съ прошеніемъ на то Высочайшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія, о которихъ при выборѣ бывшихъ и неподписавшихся учиненной изъ списка реестръ у сего приложенъ; и я ниже подписавшійся упомянутой наказъ съ прошеніями и подписанное полномочіе выбранному депутату вручилъ. И что выборъ и все къ тому принадлежащое окончено, о томъ Ваше Высокографское Сіятелство всенижайше репортую.

Магистрата Стародубовского бурмистръ и избранный отъ всего гражданства города Стародуба головою Герасимъ Елисеевъ.

1767 году,
Априля 4 дня.

---

2) Донесеніе Стародубскаго шляхетства по поводу сочиненнаго имъ наказа.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Репортъ.

Вашему Высокографскому Сіятелству должность имею донесть, что по окончаніи здесь бывшихъ къ избранію отъ шляхетства по-

вѣта Стародубовского предводителя и депутата выборовъ, сочиненъ уже выбранному депутату и наказъ о разныхъ общихъ шляхетства здешняго нуждахъ и недостаткахъ; но толко еще не всѣми бывшими при выборахъ подписанъ: ибо болшая часть съ нихъ, какъ скоро тѣ выборы окончены, заразъ. не дожидаясь сочиненія и окончанія оного наказа, розъѣхались. А за такою ихъ отлучкою всѣ о общихъ нуждахъ разсужденіи и совѣты дѣлались и по онимъ обявленный наказъ сочиненъ и подписанъ одними толко оставшимися здесь чинами. Для чего, чтобъ сему немаловажному въ силѣ высочайшого Ея Императорского Величества имянного повелѣнія отправлюючемусь дѣлу доставить совершенное съ полною исправностію окончаніе, въ чемъ нынѣшнѣе мое званіе особливую на меня должность возлагаетъ, посланы отъ меня повѣстки, созывая и всѣхъ тѣхъ прежде времени отъсель отлучившихся на 12 число сего мѣсяца въ Стародубь къ усмотрѣнію и подпису оного наказа.

Между симъ происхожденіемъ нынѣшними днями случайно дошло здесь увидѣть тѣ пункта, кои въ наказахъ о общихъ нуждахъ отъ шляхетства Черниговского повѣта положены. Весма жалко, что оные дошли сюда не прежде, но после уже сочиненія здѣшняго наказа; ибо въ тѣхъ пунктахъ написаны разные такіе важные нужды, кои и здѣшнему шляхетству суть общіе, но о коихъ въ здешнемъ наказѣ ничего не упомянуто, протчіежъ матеріи виведены съ достаточнѣйшими и вѣрнѣйшими нежели здесь выправками, такъ что оные будучи и одинакіе, но между собою кой въ чемъ не сходствуютъ. Почему разные здѣсь теперъ находящіесь чины согласны со мною противъ того, и здешній наказъ въ иномъ дополнить, а въ другомъ привесть въ сходство почти за необходимо разсуждають, къ чему надежно и протчіе могуть согласится. Но вмѣстѣ и то видять, что сего безъ докладу Вашему Сіятельству здѣлать не можно, тѣмъ наче, что и въ приложенныхъ при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества декабря 14 дня 1766 года манифестѣ обрядахъ, чтобъ сочиненные наказы за прошествіемъ назначенныхъ къ тому дней можно было дополнять или въ чемъ поправлять — сего не изображено. Однакожъ какъ въ техъ обрядахъ, въ указѣ къ Губерна-

торамъ по 9-му пункту написано: ежелибы при выборахъ какіи ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается имъ дозволеніе рѣшить и опредѣлить по лучшому ихъ усмотрѣнію то, что къ порадочному и доброму производству сего дѣла полезно; и что тѣмъ самимъ исполнится Высочайшая Ея Императорскаго Величества воля. Для того объ ономъ Вашему Сіятелству покорнѣйше представляю, докладая здѣсь и нижайшое Вашему Сіятелству имѣющогось нынѣ здѣсь шляхетства прошеніе, коимъ они ищутъ высокомилостивой Вашего Сіятельства резолюціи, по которой бы имъ согласясь, съ прочіими, оный свой наказъ въ иномъ дополнить, а въ иномъ привесть въ сходство можно было.

Судія Земскій и Предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

---

3) Донесеніе предводителя о составленіи Стародубскимъ шляхетствомъ наказа.

Сіятелнѣйшому Графу, Высокопревосходителнѣйшому Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Покорнѣйшій репортъ.

Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества извѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой, удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предрассужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и существенной каждого пользѣ. Но все мое о томъ попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самимъ обиднымъ порыцаніямъ на меня отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я

мои мнѣнія, столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во убѣженіе нареканія, уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиліемъ моимъ подписатся.

Всѣ сіи разногласія въ одинакомъ видѣ продолжались даже до полученія отъ Вашего Сіятельства на мой репортъ милостивой резолюціи. Но и после оной не уповательно, чтобъ возможно было сыскать добрый порядокъ, еслибъ Его Сіятельство Князь Юрей Васильевичъ Г-нъ Полковникъ по прошенію моему не подкрѣпилъ меня при чтеніи изготовленнаго вновъ наказа своимъ присудствіемъ. Сіе наконецъ средство немало споспѣшествовало къ тому, что нѣкоторые несогласные, буди не на всѣ, то хотя на нужнѣйшіи пункта склонились. И такимъ образомъ, исправивъ сколько можно было прежній наказъ, и очистивъ оный по меньшей мѣрѣ отъ такихъ прошеній, кои по нынѣшнѣму времени съ пользою общества не согласовали, ускоряю представить оный ко благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства чрезъ Войскового Товарища Григорія Велѣнского, кой по выбору Шляхетства бывъ при сочиненіи наказа, и слѣдовательно вѣдая какъ мои, такъ и каждого мнѣнія, может Вашему Сіятельству, когда благоугодно будетъ, о бывшемъ происшествіи во всемъ пространствѣ донесть. Я какъ себя, такъ и его въ высокомилостивое Вашего Сіятельства покровительство и благопризрѣніе при семъ препоручаю.

Судіа Земскій и предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Априля „ дня.

4) *Донесеніе князя Хованскаго о томъ же.*

Сіятелный Графъ,

Милостивой Государь!

Нижайше прошу Вашего Сіятелства простить мнѣ, что выборъ изъ козаковъ въ депутаты не точно по предписанному повелѣнію Вашего Сіятелства зделанъ марта 27. Причиною тому, Милостивой Государъ, что отъ некоторыхъ Сотенъ повѣренные были присланы съ полномочіемъ не такимъ, какъ означено въ манифесте; такожъ замѣтки, данные повѣреннымъ о наказе отъ разныхъ сотенъ, были даны несходные и вовсе ненадлежные, и такъ принужденъ билъ снова какъ наказъ, такъ и полномочіе переменить, чрезъ то четыре дни прошло за переписками въ Сотни. Каковъ же наказъ дѣланъ козачей, при семъ точную копию прилагаю; некоторые пункта хотя со мною несогласясь написали и я всевозможное стараніе прилагалъ, но никакъ ихъ упорство преодолѣть разсужденіями не могъ. Чтожъ принадлежить до наказу шляхетского, и гражданского, такоже нижайше прошу Вашего Сіятелства Милостиваго Государя простить мою промедленость присилкою оныхъ; я толко темъ себя оправдать могу, что великое затрудненіе имелъ оные получить; а притомъ и наказы толко что въ сихъ дняхъ кончены за разными несогласіями между шляхетства, такоже и межъ граждапъ, и длилось оное сочиненіе до 29 марта. Препоручая себя въ милость и протекцію Вашего Сіятелства, есмъ и пребуду съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, Сиятелный Графъ, Милостивой Государь, покорный слуга Князь *Юрій Хованскій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

5) Доносеніе предводителя шляхетства о судьбѣ наказа и прошеній шляхетства.

Сіятелнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Отъ Судьи Земского и предводителя шляхетства повѣту Стародубовского.

Покорный Репортъ.

Отправленные предъ симъ отъ Вашего Сіятелства при письмѣ, по прошенію моему и всего повѣту Стародубовского шляхетства, къ выбранному отъ повѣту Стародубовского депутату Г-ну Бунчуковому Товаришу Дунину-Борковскому наказы, такожъ къ Ея Императорскому Величеству челобытная, и полномочіе въ Москву, за небытіемъ его Г-на Борковского въ Москвѣ, обратно въ Глуховъ, а зъ Глухова ко мнѣ, для отсылки того къ нему Г-ну Борковскому, съ помѣтами на конвертѣ присланы. И понеже тѣ конверты совсѣмъ уже стерлись, такъ что все въ нихъ запечатанное видѣть было можно, для того все то мною свидѣтелствовано и явилось въ цѣлости. Къ томужъ, что нѣкоторіе тогда шляхетство присудствующіе при выборахъ за болѣзнію и отлучками на наказахъ были не подписались, а нынѣ оные на лице случились быть, для того по ихъ прошенію подписатся на наказахъ мною допущены, и кто именно нынѣ подписался, о семъ прилагаю Вашему Сіятельству имянной списокъ. Помянутые жъ: челобитная, полномочіе и наказы, такожъ и Вашего Сіятельства къ Г-ну Борковскому письмо,—въ новый запечатавши конвертъ, черезъ нарочного къ вѣрнѣйшему порученію оныхъ, гдѣ его Г-на Борковскаго сыскать можно, сего числа мною отправлены. О чемъ симъ въ моей покорности Вашему Сіятельству репортую.

Судіа Земскій и предводитель шляхетства повѣта Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

Отъ числа 23 іюня
1767 году,
Стародубъ.

VII.

Выборы въ г. Погарѣ.

1) *Донесеніе о составленіи наказовъ.*

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Нижайшій Репортъ.

Вашему Графскому Сіятелству нижайше доношу, что предписано въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества манѣфестѣ и обрадѣ о депутатѣ, то въ повитѣ Погарскомъ челобитьте и наказы выбранному въ повитѣ Погарскомъ депутату, Бунчуковому Товаришу Василію Губчицу сочиненны, и по колко дневныхъ слушаніяхъ и справленіяхъ окончены, и бывшимъ въ собраніи дворянствомъ повѣта Погарскаго сотень: Погарской, Бакланской, Шептаковской, Новгородской и Почеповской, сего априля 5 числа предписаны, а другіе, а паче сотень: Почеповскихъ и Новгородской сами собою завременно зъ Погару и протчіе за болѣзнми отлучились, и по призыву моемъ по нынѣ не явились и не являются.

Предводитель Дворянства повѣта Погарского, Бунчуковій Товаришъ *Стефанъ Косачъ.*

1767 году,
Априля 10 дня.
Стародубъ.

---

2) *Донесеніе о городскихъ выборахъ.*

Сиятелнѣйшому Графу, (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Репортъ.

Состоявшимся въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня Высочаишимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества манѣфестомъ всемилостивѣйше повелѣно прислать отъ Ея Императорскаго Величества Високоправителствующаго Сената и Святѣйшаго Сенода изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ протчихъ какъ коллегій, такъ и кан-

целярій, коимъ отъ Сената особо предписано, кроме губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи въ первостоличный городъ Москву депутатовъ для сочиненія проэкта новаго уложенія въ полъ-года послѣ обнародованія въ каждомъ мѣстѣ имянного манѣфеста, выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явится по пріѣздѣ ихъ въ Ея Императорскаго Величества Сенатъ. Въ силѣ которого Ея Императорскаго Величества имянного манѣфеста, въ присудствіи, по порученіи отъ Вашего Высокографского Сіятелства, начальника, судіи генералного, его велможности Иліи Василіевича господина Журмана, выбора въ городѣ Погарѣ головы жителми города Погару, выбранъ я головою на два года; и учиня здошнего города Погара жители полномочіе подписанное, представили мене началнику и поднесли оное, которое мнѣ съ печатнымъ манифестомъ и имяннымъ спискомъ вручено и оставлено далнѣишое распоряженіе. И я, слѣдуя положеннымъ въ обрядѣ повелѣніямъ, выбралъ по полномочію съ будущими наличными города Погара жителми депутата, райца магистрата Погарского Ивана Грабара, по окончаніи выбора депутатского, отрепортовалъ Его Вельможности судіи генералному Иліи Василіевичу Журману о выборѣ депутата, и на полномочіи депутатскомъ зъ подписавшимись наличными хозяевами, пять человѣкъ выбравъ городскихъ жителей къ сочиненію наказа, кои челобитную и наказъ о всѣхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ подъ смотрѣніемъ моихъ сочиня, подписавъ всѣми наличными хозяевами, и мною врученъ депутату для поднесенія Ея Императорскому Величеству во освященнійшіи Высокомонаршіи руки; а копію челобитной и наказа отданно въ церковъ живоначалной Тройцы, первому священику Никифору Кибалчичу сего 767 года, іюня „ дня, о чемъ всемъ Вашему Сіятелству всенижайше репортую.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

3) Жалоба Погарцевъ на дѣйствія своего головы.

Сіятелнѣйшему Графу (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ прошлого 1766 году, декабря 14 дня, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся и напечатаннымъ, по Высокоматернему Ея Величества попеченію о благосостояніи вѣрныхъ подданныхъ всего государства и о возстановленіи и утвержденіи правосудія, Всемилостивѣйше повелѣно: выбравъ по приложенному приономъ обрядѣ въ городахъ отъ всего гражданства голову и депутата, прислать депутатовъ въ столичный городъ Москву въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, и чрезъ тѣхъ депутатовъ о общественныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, кроме партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны,—Ея Императорскому Величеству принесть челобитныя и прошенія, наблюдая городскому головѣ порядокъ, въ обрядѣ предписанный, сохранить точно со всякою тихостію и безмолвіемъ, дабы Высочаишему Ея Императорского Величества соизволенію соотвѣтствовало общое согласіе. Однако города Погару голова Денисъ Привалъ, которой по болшой части мещанами самими простыми и неграмотными и силы выбора а паче дѣла, зависящаго отъ недостаточного къ тому головы, отнюдъ незнающими людми,—поступилъ и поступаетъ во всемъ оному Ея Императорскаго Величества высочайшему манифесту, обряду и своей присяжной должности противно: 1) Какъ скоро городской депутатъ выбранъ, не приступая онъ заразъ въ назначенные шесть дней вибрать сочинителей прошенія и забрать къ тому отъ гражданства подлежащія разсужденія, но оставя все то, уѣхалъ изъ города за своимъ партикуляритетомъ въ разные великороссійскіе города, где медлилъ болѣе мѣсяца, а возвратясь въ домъ 1 уже числа маія, самъ собою, безъ всякого согражданъ знанія, принялся къ сочиненію наказовъ, въ чемъ ему нетолко отъ насъ, но и отъ мещан-

ства оспоривано и объявлено было, что онъ то делаетъ въ отменность обряда, и темъ наводить всѣмъ гражданамъ конфузію. 2) Какъ по его головы оповестки 22, 23, 24 и 25 чиселъ маія, шляхетство, жителствующіи въ городѣ, кои случились быть на лицо, приходили въ магистратъ къ собранію, где урядники, такъ и мещанства доволно было, онъ голова, не сохраняя благопристойности, напечатанной въ обряде, и не почитая въ магистратской конторѣ, въ коей онъ съ гражданствомъ имѣлъ собраніе, на столѣ предстоящаго зерцала, дѣлалъ многіе споры и разнымъ изъ насъ неучтивими словами приключилъ досады и изключилъ многихъ изъ насъ съ общества, и не принимая ни отъ кого подлежащихъ разсужденій, вибралъ сего уже маія 25 къ сочиненію изъ мещанства таковыхъ, которые и простого письма совершенно зделать не могуть, съ чего мы и другіе граждане въ немалой обиде и сумненіи находимся, дабы иногда онъ голова, къ произведенію такого великого дела вовся будучи недостаточенъ и безпорядоченъ, въ техъ своихъ сочиненіяхъ предосудителныхъ каковыхъ недѣлностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общой прямой ползѣ вреда не приключилъ. Для того Вашего Высокографского Сіятелства всенижаише просимъ: прописанного голову Привала высокомилостиво повелѣть оставить, а на его место дозволить достойного изъ гражданства головою выбрать; дабы въ семъ обще гражданамъ ко исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія благопоспѣшествовать могло.

Подлинное подписали: Писарь земскій повета Погарского Иванъ Песоцкій, Сотникъ Погарскій Владимиръ Соболевскій, Войсковій Товарищъ Григорій Соболевскій, Войсковой Товарищъ Григорей Понасъ, Значковый Товарищъ Василей Лепунъ, Значковой Товарищъ Григорей Сорока, Атаманъ Сотенный Погарскій Филимонъ Джура, Писарь Сотенный Погарскій Максимъ Гетунъ, Хоружій Сотеный Погарскій Алексѣй Семека, Атаманъ куреня градского Максимъ Певликъ, а въместо ево неграмотного и самъ за себя козакъ Стефанъ Кошуба подписался, Козакъ Иванъ Пушкаревъ, Квартермистръ Сотенный Прокопъ Андріевскій, Козакъ Иванъ Гречановскій, Мещанинъ Игнатъ Стебленскій, Мещанинъ Данило Сильченокъ.

4) *Отвѣтъ Погарскаго головы и доносъ на войта.*

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое доношеніе.

Состоявшимся 1766 году, декабря 14, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ для изготовленія проэкта на сочиненіе новаго уложенія повелѣно: по приложенному обряду прислать отъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи со всѣхъ мѣстъ депутатовъ; а для выбора депутатовъ—дворянамъ предводителей, а городскимъ жителемъ—выбрать головъ. По силѣ оного Высочайшого манифеста, поручено отъ Вашего Высокографского Сіятелства господину судіи генералному Иліи Василіевичу Журману по обряду въ городѣ Погарѣ шляхетству въ повѣтѣ предводителя, а городскимъ жителямъ отъ города голову (выбрать). Почему, въ присудствіи его велможности г. судіи, выбранъ отъ городскихъ жителей я нижайшій головою городскимъ; а по выборѣ, за учрежденіемъ подлежащаго порядка, далшое распоряженіе мнѣ отъ его велможности оставлено. Я же, по вступленіи моемъ въ должность, для устроенія распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ собратся всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ тѣмъ, кои по списку состоять; то и зъ воинского званія и многіе разночинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковъ къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали, и ничего принадлежащого къ тому по обряду не исполня, здѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себе напротивъ того что другое, послушать поупрямились. Когдажъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ Погарскій, равно съ висшенаписаннимъ шляхетствомъ держа едино согласіе между собою, для обиды моей выслалъ мене зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть, отъколь я зъ пятю членами, сочинявшими наказъ, отойшолъ; а въ другое когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочоту наказа, то онъ войтъ Понасъ, не точію самъ не хотя слушать

наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане порозошлись—замкнулъ магистратъ и въ оный мене и всего гражданства не пустилъ, и тѣмъ оказалъ явную высокому въ обрядѣ Ея Императорскаго Величества повелѣнію противность, а мнѣ нижайшему съ протчими крайне вторычно безчестіе. Зъ чего принужденъ я бурмистра послать къ нему войту впросится въ кантору, и оной вошедши, отворилъ мнѣ магистратскую кантору, зо всѣми собраними куда войшелъ я и протестовалъ о недопущеніи мене имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ заслышалъ онъ войтъ, что и воинскимъ разного званія людемъ посланно отъ мене оповѣстить, чтобъ къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ Понасъ, не ожидая времени слушать наказъ, пошолъ зъ магистрата. Наказы жъ читанно наличнымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители; то онъ войтъ Понасъ, по звиклости своей во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлая свои толки, (кои Ваше Высокографское Сіятелство изъ сообщенного при семъ въ копіи писанного имъ къ г. Косачу письма—уговаривая новины не слушать ни къ оной не склонятся и не смотреть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ старыною во многомъ стыдно и показатся: новина до того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и здержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ Понасъ противъ нынѣ въновъ состоявшагось высочайшаго манѣфеста о выборахъ депутатовъ и о дачи наказовъ для проэкта на сочиненіе новаго уложенія противорѣчить, свои толки неполезные отечеству Престола Всероссійскаго поставляя полезнѣйшими народу, усмотрѣть соблагоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подмѣщанства прежде бывшаго войта магистратового Погарского Климентія Пѣсоцкаго сына его Ивана Пѣсоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войскового товариша Григорія Соболевскаго, умершаго священника Погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мещанина Матвѣя Джури сыновъ и протчихъ чиповниковъ, бывшихъ прежде мещанами, и козаковъ урядниковъ и мѣщанъ учинить замешателство къ пресѣченію наказовъ, сочиненныхъ и оконченныхъ, къ врученію депутату въ тѣ порѣ принадлежащому, кои учинили великіе зъ его подустителства мнѣ

ругателства, и не почитая стоящаго на столѣ указного зерцала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ, хотя сами выбраны къ сочиненію наказа (не бывши при выборахъ депутата наличными) быть всѣ тѣ, кои мещанамъ всекрайнѣйшіи обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шинковыхъ корыстей, ремеслъ разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мещанскими, покосами и всякого угодія отнятіемъ и противно-законными куплями; для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждъ и утѣсненій сочинителми, белотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отъ чего и выбраны балотированіемъ— но не оны, но тѣжъ мещане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа данно знать для слушанія и подписовъ всѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ Погарскій уже, кроме двохъ—Григорія Соболевского да возного повѣтового Белея, ни одинъ не пришолъ въ магистратъ слушать и на оныхъ наказахъ подписатся, а обявили, что мы де послали куда надлежитъ прошеніе, прося, чтобъ голову было велено намъ выбрать, а мене оставить, и до полученія резолюціи не слушаемъ. То я, по отказѣ оныхъ, подписавъ написанную къ поднесенію Ея Императорскому Величеству челобитную и наказъ, допустилъ всѣхъ на тѣхъ подписатся, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депутату вручены, оныхъ копію при семъ Вашему Высокографскому Сіятелству подъ высокое усмотрѣніе сообщаю, и зъ вышеписаннымъ представляя, Вашего Высокографского Сіятелства всенижайше прошу: поданному отъ войта съ товарыщи доношенію не вѣрить, а за оказанное ими преслушаніе и мнѣ приключенное безчестіе, чтобъ впредь отъ нихъ никакихъ затѣй, противоуказныхъ повелѣній не могло происходить, поступить въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и о томъ учинить высокомилостивое благоразсмотрѣніе и определеніе.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 7 дня.

5) Донесеніе объ отпускѣ депутату прогонныхъ денегъ.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Всенижайшее доношеніе.

Пущенное съ Чернѣгова отъ вашего Сіятелства циркулярно повелѣніе съ приложеніемъ высокоправителствующаго Сената копіи указа о выдачи выбранному отъ города Погару депутату на двѣ почтовіе лошадѣ прогонних денегъ въ щетъ опредѣленной суммы, мною апрѣля 11 дня получено; и во исполненіе оного вашего высокографского сіятелства повелѣнія къ дачи выбранному отъ здешнего города депутату денегъ хотя я съ наличного числа доходовъ магистратовыхъ отъ войта магистрата Погарского Григорія Понаса и требовалъ, точію онъ съ тѣхъ доходовъ ничего не видалъ, а расположить на гражданъ я безъ повелѣнія вышшей команды дерзосты не имѣя, принужденъ изъ собственныхъ своихъ денегъ потребное число выдать, но отъколь мнѣ возвращеніе онихъ получить, на то ожидаю особливѣйшаго въ резолюцію повелѣнія.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

VIII.

Выборы въ прилуцкомъ полку.

1) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшому Графу. (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисовского драгунского полку премієръ-маіора Стремоухова.

Покорный Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, отъ 7 марта пущенный, мною сего числа полученъ, коимъ Ваше Сіятельство, въ чемъ мнѣ предосто-

рожность взять повелѣвать изволите, то самое, да еще и хуже, со мною уже и случилось: ибо, хотя я, по пріѣздѣ въ Прилуку сего марта 8 числа, представленной отъ городовой ратуши однѣмъ мѣщанамъ списокъ, призвавъ судью полкового, оной исправить и на основаніи пріобщенного къ манифесту подъ литерою Г. о выборѣ городскихъ головы и депутата обряда, исключа однихъ владѣльческихъ подсусѣдковъ, а впротчемъ всѣхъ и всякого званія, домы свои въ городѣ имѣющихъ, внесть и приказалъ, но получа оной отъ полковой канцеляріи, которая до того сочинять онаго и не начинала, уже 9 числа ввечеру, и по учиненіи о собраніи къ выбору головы повѣстки, отъ всего шляхетства, чиновниковъ и козаковъ — какъ въ поднесенной у сего съ списка копіи усмотрѣть изволите — въ отвѣтъ получилъ, что они къ выбору головы, разсуждая, что оной принадлежитъ до однихъ только гражданъ, не будутъ; и хотя я, приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лутшаго въ городѣ пребывающаго шляхетства и присудствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, какъ то, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не однѣмъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ голову и депутата избрать повелѣно, при доказательствѣ о происходившемъ въ Санктъ-Петербургѣ, при таковомъ же выборѣ подъ предводительствомъ господина генералъ-полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чечерина, порядкѣ, гдѣ между всякаго званія гражданами и знатныя особы находились, печатного при Санктпетербурскихъ Вѣдомостяхъ прибавленія, а притомъ и изъ собственныхъ устъ Вашего Сіятельства слышанного мною о томъ разсужденія всевозможно изъяснить старался, но они всего того уразумѣть или не хотѣли, или не могли, и только единогласно объявили, что безъ особливаго отъ Вашего Сіятельства о томъ повелѣнія къ выбору, вмѣстѣ съ протчими гражданами, головы и депутата не согласятся, о чемъ всемъ отъ меня и рапортъ къ Вашему Сіятельству былъ отправленъ. Между же тѣмъ продолжался выборъ, въ силу даннаго шляхетству отъ Вашего Сіятельства повелѣнія, съ каждого повѣту по одному предводителямъ, и выбраны: въ прилуцкомъ повѣтѣ городской судія господинъ Иванъ Александровичъ, а въ Ива-

ницкомъ подсудокъ земской господинъ Петръ Максимовичъ. Нынѣжъ, хотя о соединеніи къ выбору головы всякаго званія городскихъ жителей повелѣніе и получилъ; но, чтобъ не здѣлать въ выборѣ отъ шляхетства депутатовъ препятствія, принужденъ послать ко всѣмъ господамъ здѣшнимъ жителямъ съ прописаніемъ помянутого сегодня полученнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія однѣ только объявленія, а выборы отложить сего мѣсяца на 17 число. Какой же впредь во всемъ успѣхъ происходить будетъ, о томъ покорнѣйше Вашему Сіятельству донести долженствую.

Премьеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 15 марта
1767 году,
Г. Прилуки.

---

2) Донесеніе о томъ же.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Въ силѣ Вашего Сіятельства ордера всѣмъ гражданамъ города Прилуки, чтобъ они всѣ имѣющіе въ томъ городѣ домы свои собрались для выбора отъ того города, по силѣ Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, головы, я объявленія дѣлалъ; но не видѣлъ однакожъ по тому я ни одного при томъ собраніи изъ лутчихъ господъ, но всѣ они, отговорясь разными невозможностьми при томъ быть, прислали свои отзывы. Почему я съ одними только мѣщанами и нѣкоторыми самими нижними чиновниками долженъ былъ учинить выборъ городскаго головы, и по преимуществу голосовъ досталось быть онымъ Значковому Товаришу Михайлѣ Груднинѣ. О чемъ Вашему Сіятельству рапортую.

Премьеръ-Маіоръ *Михайло Стремоуховъ.*

Числа 10 априля
1767 году,
Село Парафѣевка.

3) Заявленіе капитана Терлецкаго объ отказѣ его высказать свое мнѣніе и о мотивахъ къ тому.

Полку Прилуцкого въ собранное шляхетство для выбору въ силѣ Высочайшого Ея Императорскаго Величества манифеста депутата и для отправленія онаго къ сочиненію новаго проэкта положенія

Сообщеніе.

Что Высочайшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о учиненіи онаго новаго проэкта положенія соизволяетъ объявленный, хто какой-либо голосъ преподастъ о полезныхъ икъ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданнѣйше и просить долженъ; а иного чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкого господъ Шляхты, во многихъ терминахъ показано, онаго просить и подписаться на ней не въ состояніи.

Капѣтанъ *Василій Терлецкій.*

1767 году,
апрѣля 16 дня.

---

4) Подобное же заявленіе отъ двухъ грузинъ.

Господамъ Шляхетству, избраннымъ къ сочиненію выбранному отъ Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія депутату наказа.

Голосъ.

Какъ изъ публикованнаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе Ея Императорское Величество о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволитъ; почему я на всѣ тѣ пункты, кои шляхетство отправляющомуся депутату въ наказѣ написало, согласиться и оные подписать не могу, а всеподданически предаюсь всему

тому, что милосердіе Ея Императорскаго Величества определить изволитъ. Числа 18 апрѣля, 1767 года.

Подлинные подписали:

По грузинску: Отставной Грузинского гусарского полку секундъ-маіоръ князь *Мирѣвельтумановъ.*

По русску:—Отставной Новосербскихъ гусарскихъ экскадроновъ капитанъ *Иванъ Бедауровъ.*

---

5) *Донесеніе о выбранныхъ депутатахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Во исполненіе полученныхъ мною отъ 1 и 11-го числъ сего апрѣля отъ Вашего Сіятельства повелѣній: по первому — прежде избранные отъ обоихъ Прилуцкого полку повѣтовъ предводители наличнымъ всего полку шляхетствомъ перебалотированы, и по большинству голосовъ избранъ отъ всего полку предводителемъ подсудокъ земскій повѣту Иваницкого господинъ Петръ Максимовичъ, а депутатомъ господинъ асаулъ генеральной Скоропадской, а о наказѣ отъ господина предводителя мнѣ объявлено, что оной, какъ скоро сочиненіемъ окончится, то къ депутату и отправленъ быть имѣетъ; по второму—городской голова и депутатъ, какъ избраны не всѣми наличными города Прилуки жительми, дабы должность свою оставили и ни въ какое производство не вступались, а граждане о всѣхъ своихъ нуждахъ, какіе имѣютъ, чтобъ прямо къ Вашему Сіятельству отзывались, отъ меня объявлено. Изъ присланныхъ съ вѣрющими письмами по расположенію Прилуцкой полковой канцеляріи отъ каждой сотни по два, всего двадцати двухъ человѣкъ козаковъ, сотенныхъ повѣренныхъ, выбранъ большинствомъ одобрительныхъ шариковъ отъ полку депутатомъ Ичанской сотни козакъ и житель мѣ-

стечка Ични Петръ Романовичъ. О чемъ всемъ Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше доношу.

Премьеръ-маіоръ *Михаилъ Стрѣмоуховъ.*

Числа 17 Апрѣля,
1767 году,
Городъ Прилуки.

---

6) Прошеніе мѣщанъ г. Прилуки по поводу дѣйствій Стремоухова при выборахъ.

Его Сіятельству... Графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое прошеніе.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества манифесту обнародованному и по приложенному при ономъ обряду, въ знакъ нашего всеподданнѣйшого послушанія, при бытности отъ Вашего Высокографского Сіятельства опредѣленного начальника его высокоблагородія господина преміеръ-маіора Михайла Андреевича Стремоухова, отъ жительствующихъ въ городѣ Прилукѣ шляхетства вобще зъ нами избранъ городскимъ головою значковый полку Прилуцкого Товаришъ Михайло Груднѣцкій, а отъ избранныхъ обществомъ ста человѣкъ повѣренныхъ подписанное полномочіе, а при томъ о всѣхъ въ городѣ жительствующихъ именной списокъ, такожъ протчіихъ, кто при томъ выборѣ не моглъ быть, присланные голосы и тѣмъ повѣреннымъ данныя полномочія оному городскому головѣ отъ помянутого господина маіора Стремоухова поручены были, и тѣми повѣренными и протчими наличными гражданами, за учиненіемъ присяги по обряду, депутатомъ городовымъ писаръ полковый Иванъ Ягельнѣцкій выбранъ, и оному депутату полномочіе подписано. А нынѣ помянутый начальникъ господинъ маіоръ Стремоуховъ отъ городского головы тѣ полномочія, списокъ и присылаемые голоса отобралъ, а по высокому Вашего Высокографского Сіятельства ордеру объявилъ имъ, головѣ и депутату, оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ. Зъ чего мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ и желаемыхъ по жительству нашему въ городѣ прежде обыкновенныхъ

свободностей въ Коммисіи о сочиненіи нового уложенія, въ первостоличномъ городѣ Москвѣ учрежденной, представить будетъ уже нѣкому. Для того Вашего Высокографского Сіятельства всенижайше просимъ: повелѣть онымъ чинамъ по выборамъ быть въ городѣ Прилукѣ со уравненіемъ противъ другихъ полковыхъ городовъ жителей.

О семъ просятъ Полкового города Прилуки:
Бурмистръ Прилуцкій *Филипъ Даценко.*
Бурмистръ Прилуцкій *Максимъ Гета.*

Мѣщане: Сава Яремовъ, Иванъ Фоменко, Федоръ Якимовъ, Иванъ Тарасовичъ, Кирило Маценко, Мусѣй Соломаха, Семенъ Хитринъ, Иванъ Глоба, Василь Губскій, Тимошъ Губскій, Федоръ Котляръ, Григорій Гета; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко руку приложилъ.

Цехмистры: Цеху кравецкого Олексѣй Онисимовъ, цеху шевского Василь Козинскій, цеху ковальского Юско Юрченко, цеху калачницкого Зѣнко Джигель, цеху рѣзницкого Сава Яременко, цеху ткацкого Семенъ Кривенко; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

Райцы: Алексѣй Колесникъ, Антонъ Нефедъ; а подписалъ ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко.

Мѣщане: Самойло Губскій, Иванъ Губскій, Федоръ Товстопятъ, Андрей Горощенко, Степанъ Лупшунъ, Иванъ Назаренко, Илько Власенко, Федоръ Терентенко, Антонъ Моренецъ, Харко Причина, Федоръ Чаленко, Максимъ Чуйко, Федоръ Мишура, Ничипоръ Котеленецъ, Григорій Рижный, Тарасъ Баско, Василь Палюха, Иванъ Куцъ, Федоръ Дроботко, Павло Шаповалъ, Ничипоръ Стороженко, Романъ Денисенко, Федоръ Денисенко, Сидоръ Нидинъ, Данило Бутенко, Петро Дудка, Грицко Хвененко, Иванъ Лепеха, Иванъ Косенко, Пилипъ Лодошный, Мусѣй Терентѣй, Грицко Лобода, Данило Музыка, Федоръ Векличъ, Денисъ Семко, Василь Вовкъ, Иванъ Семко, Лазаръ Бережненко, Иванъ Коржъ, Федоръ Мосцѣпанъ, Иванъ Грона, Алексѣй Харченко, Сидоръ Балѣй, Антонъ Ярмакъ, Кирило

Охрѣменко, Павло Клеха, Лукянъ Ярмаченко, Артемъ Котеленецъ, Кузма Дудка, Грицко Дудка, Прокопъ Маценко, Якимъ Батло, Павло Опанасенко, Грицко Яременко, Игнатъ Мироненко, Илія Глоба, Іосифъ Глоба, Кирило Дроботко, Иванъ Чорноморецъ, Иванъ Цѣпакъ, Павло Коляденко, Григорій Коляденко, Авраамъ Васильевъ, Иванъ Грона, Миронъ Джигѣль, Сава Станько, Степанъ Вакуленко, Максимъ Тищенко, Грицко Тищенко, Никифоръ Тарасовичъ, Семенъ Шарко, Данило Шарко, Дмитро Струль, Гаврило Струленко, Лукянъ Горощенко, Артемъ Горощенко, Игнатъ Палюха, Процко Харченко, Демянъ Нефедъ, Грицко Нефедъ; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

1767 года,
априля 20 дня.

---

7) Донесеніе о кассированіи городскихъ и козачьихъ выборовъ.

Малой Россіи въ Генералъ-губернаторскую Канцелярію Борисоглѣбовского драгунского полку Преміеръ-Маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе присланныхъ ко мнѣ отъ 15 и 26 числъ сего априля Его Сіятельства, высокопревосходительнаго господина генералъ-аншефа, Малой Россіи генералъ-губернатора, Малороссійской Коллегіи президента, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного командира и разныхъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцова, ордеровъ, выбранные не по обряду города Прилукъ голова и депутатъ, да отъ козаковъ Прилуцкого полку въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія депутатъ же, уничтожены; учиненные жъ имъ полномочій 3, присягъ 2, присланныхъ отъ городскихъ жителей голосовъ 16, козачій наказъ и челобитная орегинально, да разныхъ къ балотированію списковъ 5 и вѣрющихъ отъ городскихъ жителей повѣренныхъ писемъ 4, при семъ въ генералъ-губернаторскую канцелярію представляются.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 23 априля,
1767 году.

---

8) Списокъ избранныхъ жителями города Прилукъ повѣренныхъ для выбора городского головы и депутата и для сочиненія наказа депутату и челобитной о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ.

№			Число шаровъ. избир.	неизб.
1.	Марта 20:	Значковый Товарищъ Никола Соломаха.	17.	92.
2.	—	Значковый Товарищъ Михайло Груднѣцкій	92.	17.
3.	—	Возный Яковъ Джевяга.	22.	87.
4.	—	Козакъ Василь Назаренко	20.	89.
5.	—	— Яковъ Чичикало.	23.	86.
6.	—	— Никита Денисенко	23.	86.
7.	—	— Тимофей Рожченко	22.	87.
8.	—	— Илья Цинбалистый	25.	84.
9.	—	Армашъ Григорій Холодъ	22.	87.
10.	—	Мѣщанинъ Кирило Маценко . . .	25.	84.
11.	—	— Иванъ Носенко	21.	88.
12.	—	— Федоръ Горленко . . .	20.	89.
13.	—	— Прохоръ Степуренко . .	26.	83.
14.	—	— Федоръ Гетинъ зять . .	20.	89.
15.	—	— Павелъ Галѣберъ . . .	22.	87.
16.	—	— Якимъ Слива	24.	85.
17.	—	— Прокофій Маценко . . .	23.	86.
18.	—	— Василь Шепелявый. . .	20.	89.
19.	—	— Иванъ Чорномурецъ. . .	22.	87.
20.	—	— Алексѣй Колесникъ. .	27.	82.
21.	—	— Павелъ Клеха	26.	83.
22.	—	— Федоръ Котляръ . . .	31.	78.
23.	—	— Григорій Дудка. . . .	28.	81.
24.	—	— Артемъ Горощенко . . .	24.	85.
25.	—	— Денисъ Тарабаненко . .	21.	88.
26.	Марта 21:	— Демянъ Божко	64.	26.
27.	—	— Алексѣй Харченко . ..	53.	37.

№				Число шаровъ избир.	неизб.
28.	Марта 21:	Мѣщанинъ	Сава Бринзоха	63.	27.
29.	—	—	Иванъ Грона	56.	34.
30.	—	—	Иванъ Грона.	56.	34.
31.	—	—	Павелъ Шаповалъ . . .	53.	37.
32.	—	—	Иванъ Губскій	50.	40.
33.	—	—	Тимофей Губскій. . . .	58.	32.
34.	—	—	Федоръ Якимовъ. . . .	50.	40.
35.	—	—	Степанъ Лапшукъ . . .	53.	37.
36.	—	—	Данило Бутейко. . . .	52.	38.
37.	—	—	Григорій Журавль . . .	52.	38.
38.	—	—	Григорій Гета	59.	31.
39.	—	—	Максимъ Гета	60.	30.
40.	—	—	Сава Станко.	51.	39.
41.	—	—	Семенъ Шарко	47.	43.
42.	—	—	Филипъ Даценко . . .	79.	11.
43.	—	—	Алексѣй Онисимовъ. . .	63.	27.
44.	—	—	Мойсѣй Соломаха . . .	53.	37.
45.	—	—	Аврамъ Музыка. . . .	54.	36.
46.	—	—	Иванъ Цѣпакъ	50.	40.
47.	—	—	Прокофій Харченко. . .	61.	29.
48.	—	—	Иванъ Тарасевичъ . . .	57.	33.
49.	—	—	Сава Яремовъ	77.	13.
50.	—	—	Самойло Губскій. . . .	60.	30.
51.	Марта 22:	—	Антонъ Нехведь. . . .	70.	15.
52.	—	—	Демянъ Нехведь . . .	59.	26.
53.	—	—	Григорій Нехведь . . .	60.	25.
54.	—	—	Иванъ Хоменко. . . .	70.	15.
55.	—	—	Иванъ Глоба.	56.	29.
56.	—	—	Григорій Рыжій. . . .	60.	25.
57.	—	—	Алексѣй Погорѣлый . .	64.	21.
58.	—	—	Григорій Черномурецъ. .	60.	25.
59.	—	—	Фома Власѣка	64.	21.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
60.	Марта 22:	Мѣщанинъ:	Тарасъ Баско	63.	26.
61.	—	—	Григорій Харченко. . .	57.	32.
62.	—	—	Иванъ Коржъ	63.	26.
63.	—	—	Федоръ Ярмакъ. . . .	64.	25.
64.	—	—	Федоръ Охрѣменко . . .	66.	23.
65.	—	—	Максимъ Чуйко. . . .	56.	33.
66.	—	—	Григорій Борщъ . . .	63.	26.
67.	—	—	Илья Власенко	56.	33.
68.	—	—	Артемъ Котеленецъ. . .	57.	32.
69.	—	—	Павло Онищенко . . .	59.	30.
70.	—	—	Федоръ Терентѣй . . .	60.	29.
71.	—	—	Денисъ Семко	58.	31.
72.	—	—	Лазарь Бережный . . .	60.	29.
73.	—	—	Кондратъ Приступенко. .	59.	30.
74.	—	Козакъ	Павло Лепецъ	55.	34.
75.	—	Канцеляристъ	Антонъ Сергіенко . . .	56.	33.
76.	Марта 23:	Мѣщанинъ	Андрей Нетребенко. . .	75.	23.
77.	—	—	Филипъ Одердоша . . .	76.	22.
78.	—	—	Давидъ Стороженко . .	68.	30
79.	—	—	Никифоръ Стороженко. .	68.	30.
80.	—	—	Григорій Павленко. . .	68.	30.
81.	—	—	Семенъ Хитрикъ . . .	75.	23.
82.	—	—	Григорій Вакуленко . .	68.	30.
83.	—	—	Семенъ Скиба	75.	23.
84.	—	—	Антонъ Безуглый . . .	79.	19.
85.	—	—	Дмитро Глинскій . . .	70.	28.
86.	—	—	Филипъ Рекало. . . .	68.	30.
87.	—	—	Константинъ Шапочникъ .	70.	28.
88.	—	—	Иванъ Сучакъ	79.	19.
89.	—	—	Степанъ Меняйленко . .	71.	27.
90.	—	—	Иванъ Полешукъ . . .	73.	25.
91.	—	—	Николай Швецъ . . .	68.	30.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
92.	Марта 23:	Мѣщанинъ:	Сидоръ Куценко . . .	69.	29.
93.	—	—	Кирило Кондратенко . .	69.	29.
94.	—	—	Павелъ Дудка	78.	20.
95.	—	—	Романъ Шиленко . . .	70.	28.
96.	—	—	Иванъ Демененко . . .	70.	28.
97.	—	—	Григорій Музыка . . .	72.	26.
98.	—	—	Осипъ Ничипоренко. . .	71.	27.
99.	—	—	Федоръ Оджа	77.	21.
100.	—	Козакъ	Кирило Коніовскій . . .	68.	30.

---

9) Донесеніе полковой прилуцкой канцеляріи съ представленіемъ вѣдомости о неявившихся на выборы.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу.

От Полковой Прилуцкой Канцеляріи

Репортъ.

Высокимъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеромъ, въ полковой прилуцкой канцеляріи полученнымъ, велѣно отъ всѣхъ таковыхъ, которые въ городѣ Прилукахъ имѣютъ домы, а сами при выборѣ городскомъ не присутствовали, взять отвѣты, почему то ими учинено, и прислать оные къ Вашему Высокографскому Сіятельству. И во исполненіе онаго Вашего Высокографского Сіятельства ордера, каковы въ небывшихъ при вышеписанномъ городскомъ выборѣ, по показанію господина примеръ-маіора Стремоухова, взяты отвѣты, оные при семъ къ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое благоразсмотрѣніе полковая прилуцкая канцелярія представляетъ; въ другихъ же не бывшихъ при ономъ выборѣ еще отвѣтовъ не взято, за отлучкою ихъ съ домовъ въ нѣкоторые отдаленные мѣста и за другими обстоятельствами, о коихъ и за чѣмъ

16*

въ кого таковыхъ отвѣтовъ не взято, прилагается при семъ же вѣдомость.

Бунчуковый Товаришъ Петръ Горленко. Полковый Судія Иванъ Александровичъ. Полковый Писарь Иванъ Ягельнецкій. Полковый Хоружій Никита Умѣнь.

1767 года,
априля 25 дня.

---

10) Вѣдомость о неявившихся съ объясненіемъ причинъ неявки.

1) Выписка изъ поданныхъ отвѣтовъ живущихъ въ городѣ Прилукахъ чиновниковъ, за чѣмъ кто имянно въ собраніе для выбору отъ города головы и депутата, по сдѣланному отъ начальника примеръ-маіора Стремоухова объявленію, не пришелъ.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
1.	Бунчуковый Товарищъ Иванъ Галаганъ.	За состояніемъ, по протесту его на полкового писара Шнурчевского, а отъ того по таковому жъ на него, подъ слѣдствіемъ и за отъѣздомъ къ Малороссійскому Генералу-Губернатору.
2.	Полковый асаулъ Яковъ Книлъ (sic!).	За состояніемъ по протесту полкового писара Шнурчевского подъ слѣдствіемъ.
3.	Полковый хоружій Федоръ Марковскій.	
4.	Полковый асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко.	За приключившеюся въ то время болѣзнію.
5.	Полковый обозный Яковъ Огроновичъ.	За болѣзнію, въ то время приключившеюся.
6.	Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ.	За сочиненіемъ выбранному отъ Прилуцкого шляхетства депутату наказа.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
7.	Полковый писарь Иванъ Ягельнецкій.	За приключившеюся болѣзнію.
8.	Судья земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко.	За сочиненіемъ выбранному отъ шляхетства депутату наказа.
9.	Подсудокъ земскій Василій Огрⱥновичъ.	За разными его недосугами.
10.	Судья гродскій Иванъ Александровичъ.	За сочиненіемъ депутату, отъ шляхетства выбранному, наказа.
11.	Абшитованный полковый обозный Степанъ Лукомскій.	За сочиненіемъ наказа дворянскому депутату.
12.	Писарь земскій Семенъ Каневскій.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому съ объявленіемъ, что онъ выбранъ отъ шляхетства депутатомъ.
13.	Бунчуковый товарищъ Константинъ Маркевичъ.	За отлучкой изъ дому.
14.	Бунчуковый товарищъ Иванъ Марковичъ.	За отъѣздомъ для своихъ нуждъ въ Нѣжинъ.
15.	Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко.	За отправленіемъ въ то время по умершемъ сынѣ его поминовенія.
16.	Бунчуковый товарищъ Григорій Горленко.	За отъѣздомъ для исправленія законныхъ нуждъ въ Глуховъ.
17.	Полковой артилеріи асаулъ Иванъ Пархомовъ.	За приключившеюся болѣзнію.
18.	Гродского суда писарь Степанъ Карпичъ.	За болѣзнію.
19.	Полковый канцеляр. Петръ Пятигорскій.	За болѣзнію.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
20.	Обозный повѣту Иваницкого Бакланъ.	За отъѣздомъ для законныхъ нуждъ въ Лубенскій полкъ.
21.	Значковый товаришъ Антонъ Соломаха.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому, съ объявленіемъ о выборѣ его въ депутаты.
22.	Абшитованный значковый товарищъ Корней Носовскій.	За болѣзнію.
23.	Абшитованный сотенный атаманъ Федоръ Стаховскій	За болѣзнію.
24.	Атаманъ городовой Тимофей Стаховскій.	За болѣзнію.
25.	Почмейстеръ, войсковый товарищъ Степанъ Прокоповичъ.	За отправленіемъ почты.
26.	Войсковый товарищъ Антонъ Юркевичъ.	За слабостію здоровья.
27.	Войсковый товарищъ Никита Шлякъ.	За отлучкою отъ дому.
28.	Отставной прапорщикъ Андрей Грекосъ.	За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
29.	Прапорщикъ Алексѣй Алексѣевъ.	За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
30.	Войсковый товарищъ Михайло Корсунъ.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.
31.	Значковый товарищъ Михайло Чернявскій.	За болѣзнію.
32.	Полковой артилеріи хоружій Петръ Бѣлоусъ.	За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
33.	Значковый товаришъ Меховецкій.	За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
34.	Войсковый канцеляр. Иванъ Гуленко.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.

2) Вѣдомость, въ кого именно за небытность при выборахъ городскихъ и зачѣмъ не взято отвѣтовъ.

У войскового товариша Михайла Корсуна за отлучкою въ Глуховъ.

Въ значкового товариша Михайла Чернявскаго, который нарочно посыланнымъ объявилъ, что при томъ выборѣ головы и депутата за болѣзнію быть не моглъ, за которою и письменного отвѣта дать не может.

Въ хоружого полковой прилуцкой артилеріи Бѣлоуса за отлучкою съ Прилуки на ярмонки по промыслу его.

Въ значкового абшитованного товариша Лиховецкого за отлучкою по томужъ на ярмонки по промысламъ.

Въ войскового канцеляристы Ивана Гуленицкого за отлучкою въ Глуховъ.

Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко. Полковый судія Иванъ Александровичъ. Полковый писарь Иванъ Ягельницкій. Полковый хоружій Никита Умѣнь.

Справилъ полковый канцеляристъ Демянъ Бабичъ.

---

11) Списокъ присланнымъ отъ сотень Прилуцкого полку повѣреннымъ, имѣющимъ быть при выборѣ въ Коммисію сочиненія проэкта нового уложенія отъ Прилуцкого полку депутата.

Сочиненъ числа 5 апрѣля, 1767 года.

№			Число баловъ избир.	неизб.
1.	Сотни Иваницкой:	Куренный атаманъ Иванъ Лисенко	3.	18.
2.	Сребрянской:	Андрей Василенко . .	1.	20.
3.	—	Федоръ Харченко. . .	3.	18.
4.	Второварвинской:	Иванъ Мошикъ . . .	4.	17.
5.	—	Иванъ Потапенко. . .	3.	18.
6.	Иченской:	Петръ Романовичъ . .	17.	4.
7.	—	Иванъ Тарара . . .	3.	18.

№			Число баловъ избир.	неизб.
8.	Полковой:	Алексѣй Козаковъ . .	11.	10.
9.	—	Матвѣй Петруша. . .	6.	15.
10.	Переволочанской:	Омельянъ Тернѣцкій. .	2.	19.
11.	—	Алексѣй Сорока . . .	2.	19.
12.	Монастырской:	Осипъ Головко . . .	5.	16.
13.	—	Василь Плиска . . .	6.	15.
14.	Варвинской:	Трофимъ Андрущенко .	8.	13.
15.	—	Иванъ Рубанъ . . .	13.	8.
16.	Журавской:	Климъ Дараганъ. . .	4.	17.
17.	—	Максимъ Якименко . .	1.	20.
18.	Иваницкой:	Осипъ Сакунъ. . . .	1.	20.
19.	Корыбутовской:	Григорій Спицкій. . .	4.	17.
20.	—	Лука Чернышевъ. . .	7.	14.
21.	Красноколядинской:	Мойсей Тетухъ . . .	7.	14.
22.	—	Стефанъ Ивановъ. . .	10.	11.

---

12) Донесеніе сотеннаго повѣреннаго Ив. Лисенка о противозаконной покупкѣ старшиною козачьихъ грунтовъ и угодій и о противодѣйствіи ея внесенію жалобы объ этомъ въ депутатскій наказъ.

Его Высокографскому Сіятельству... *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Доношеніе.

По силѣ манифеста Е. И. Величества, выбранъ я въ числѣ протчихъ сотни Иваницкой отъ села Ступаковки погостнымъ повѣреннымъ, и за собраніемъ въ сотенное Иваницкое правленіе всѣхъ погостныхъ повѣренныхъ, выбрали мене въ сотенные повѣренные и съ козакомъ сотни Иваницкой Юскомъ Сакуномъ, и поручили мнѣ замѣтку о своихъ нуждахъ для сочиненія генеральнаго наказа, въ коей между протчимъ показали о скупленныхъ въ сотнѣ Иваницкой

козачихъ грунтахъ, при вѣрющемъ письмѣ. А когда, за собраніемъ всѣхъ сотенныхъ повѣренныхъ въ городъ Прилуку, въ силѣ обряда, по присягѣ, начали между собою согласіе чинить, то другихъ сотенъ повѣреные, товарищи мои, о скуплѣ козачихъ добръ разными чиновниками и владѣльцами, съ наущенія ли чіего, или сами отъ себе, въ наказѣ купли той поставить не похотѣли; но нѣкоторые изъ нихъ, повѣренныхъ, ходили просить къ полковому канцеляристѣ Петру Пятигорскому для учиненія генеральнаго наказа, которые, отъ него возвратясь, и мнѣ зъ своими товарищами къ нему для того итти велѣли. На что я съ товарищами своими къ показанному Пятигорскому и ходили просить, чтобъ учинилъ наказъ; но оной насъ послалъ просить выписки о состояніи дворянского наказа къ предводителю дворянскому, подсудку повѣту Иваницкого Петру Максимовичу, которой стоялъ въ домѣ судіи земского повѣту Прилуцкого Якова Величка. Но оной дать отказался; а вышедъ оный судія Величко, невѣдомо съ чего, объявилъ намъ, чтобъ просить о сочиненіи наказа означенного Пятигорского и для наставленія въ сочиненіи наказа его, Пятигорского, прислать къ нему. Но я для присылки къ нему жъ канцеляриста Пятигорского не ходилъ, а товарищи мои ходили ли, того, такъ и у судіи Величка жъ былъ ли онъ—не знаю; а только товарищи наши принесли въ собраніе сочиненной имъ, Пятигорскимъ, пропустя о скупленныхъ во всемъ полку Прилуцкомъ козацкихъ грунтахъ пунктъ, наказъ, который переписавши, и подписали всѣ въ томъ собраніи бывшіе повѣренные. И о всемъ вышеписанномъ я Вашему графскому Сіятельству въ разсмотрѣніе нижайше представляя, доношу:

Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Иваницкій земскимъ судіею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Иваницкой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Иваницкой жилище, многихъ козаковъ поскуплялъ грунта знатные, мельницы почти всиловне поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатные поля, гаи и лѣсные угодія, а кромѣ того и многихъ въ подданство подъ видомъ скупли попривлекалъ. А когда онъ, бывшой сотникъ Свѣр-

ской и нынѣшній судія земскій, козачими грунтами чрезъ всю бытность своего сотничества, после запретительныхъ Высочайшихъ указовъ, удоволился, то дозволилъ тестю своему, бывшому сотнику Монастыриському, а нынѣшнему абшитованному судіи полковому, Ивану Романовичу, въ той же сотнѣ Иваницкой при селѣ Ступаковцѣ грунта искуплять первѣе почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля, а иные пахатные поля и всиловно, подвергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ и себѣ оные поля позавдаривалъ. И хотя то козаки сотни Иваницкой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таскаясь за оными съ нимъ, Романовичемъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ Малой Россіи земскихъ судовъ, по полковой Прилуцкой Канцеляріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ—по суду земскому Иваницкомъ и по генеральному суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генерального въ судъ земской Иваницкой указы выправляли за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего того себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести въ несостояніи, но и пропитать себе заледво чимъ могутъ; и ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели Вашему Графскому Сіятельству на моемъ одномъ показаніи увѣриться не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сотенное Иваницкое Правленіе и на прошлогодніе ревизіи; и которыми именно какъ онъ, бывшій сотникъ Свѣрскій, такъ и тесть его, абшитованный судія полковый Романовичъ, козаками завладѣли, и нынѣ они во владѣніи ихъ находятся.

Того ради, Вашего Графского Сіятельства всенижайше прошу: въ вышеозначенныхъ скупляхъ какъ бывшимъ сотникомъ Иваницкимъ Свѣрскимъ, такъ и тестемъ его, нынѣшнимъ абшитованнымъ судіею полковымъ Романовичемъ, въ противность указовъ, какъ жи-

лыхъ дворовъ, такъ и разными случаями убылыхъ имѣній, учинить милостивую резолюцію.

Къ сему доношенію полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой куренный атаманъ Ступаковскій Иванъ Лисенко подписался.

1767 году,
априля 29 дня.

---

13) Донесеніе Стремоухова объ отправленіи козачьяго депутата отъ Ичанской сотни.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисоглѣбского драгунского полку преміеръ-маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе полученного мною сего мая " дня Вашего Сіятельства циркулярного ордера, выбранной Прилуцкого полку съ козаковъ депутатъ козакъ сотни Ичанской, житель мѣстечка Ични, Петръ Романовичъ съ написанными отъ козаковъ прошеніями отъ мене отправленъ. Данное жъ ему отъ сотенныхъ повѣренныхъ полномочіе и балотированій списокъ и присяга повѣренныхъ еще минувшаго апрѣля 28 числа при рапортѣ моемъ въ канцелярію Вашего Сіятельства отправлены. О чемъ симъ покорнѣйше доношу.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Мая,
1767 году.

1767.

IX.

Выборы въ переяславскомъ полку.

1) *Донесеніе предводителя шляхетства переяславскаго о выборѣ предводителей и головы.*

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

Отъ 7 числа сего марта отпущенный Вашего Сіятельства ко мнѣ ордеръ, которымъ изволите предлагать подаваемые мнѣ о гражданахъ списки отъ городовъ, въ которыхъ повелѣно въ присудствіи моемъ выбрать по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ обрядовъ голову, разсматривать, дабы во оные вносимы были всѣ жителѣ тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ зъ протчими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ мѣсто,—получилъ я сего жъ марта 15 дня; а какъ я о семъ имѣлъ и словесное Вашего Сіятельства приказаніе, то и не упустилъ наблюсти того дѣйствительнымъ исполненіемъ, и уже въ городахъ Кіевского полку Козельцѣ и Острѣ въ присудствіи моемъ выборы окончены, и гражданскимъ головою въ Козельцѣ избранъ судія полковый Степанъ Барановскій, а депутатомъ писарь полковій Кіевскій Семенъ Катериничъ; въ Острѣ жъ головою—сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, отъ шляхетства Кіевского полку выбранъ предводителемъ подкоморій Козелецкого повѣта Александеръ Солонина, а депутатомъ подкоморій повѣта Остерского Андрей Миткевичъ. Сего жъ числа въ городѣ Переясловлѣ избранъ отъ живущихъ здѣсь шляхетства, козаковъ и мѣщанъ градскимъ головою войсковій канцеляристъ Иванъ Бахчевскій. По окончаніи жъ протчіихъ повелѣнныхъ выборовъ репортовать къ Вашему Сіятельству зъ приложеніемъ о всемъ журнала долженствую. *Василій Туманскій.*

767 году, марта 16,
Переясловъ.

2) Отказъ Андрея Безбородка отъ званія депутата переяславского шляхетства.

Высокоблагородный господинъ бунчуковый товарищъ и почтенный предводитель со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ полку Переясловского,

Государь мой!

Увѣдомляяся изъ письма Вашего, что дворянство полку Переясловского избрало меня своимъ въ коммиссію о сочиненіи проэта новаго уложенія депутатомъ, симъ имѣю честь Вамъ отвѣтствовать: слабость крайняя здоровья моего, ежечастые припадки, а особливо тягостная и безпрерывно продолжающаяся въ ногѣ болѣзнь отъ ранъ, часто открывающихся, не позволяютъ мнѣ отважится на таковое важное и трудное дѣло, которое, требуя великихъ трудовъ и безпокойствъ, приведетъ меня до послѣдняго моего изнеможенія. Таковыя обстоятельства были причиною, что я и здѣсь при выборѣ отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, милованъ былъ отъ балатированія въ депутаты и съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя званіе дворянъ здѣшнихъ предводителя, которое, какъ вразсужденіи свободности жить въ домѣ и пользоватся Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ, такъ и меньшихъ трудовъ въ сравненіи должности депутатской, слабому здоровью моему сходнѣе кажется. Для того не сомнѣваяся, что благородное дворянство полку Переясловского, пріемля во уваженіе таковые неудобства, мнѣ отважится на такъ далекій и трудный путь и вступить въ званіе депутата ихъ вовся недозволяющія, предводительствуемые вамы не отрекутся сдѣлать мнѣ справедливость. Покорно Васъ, государя моего, прошу не упуская при нынѣшнѣмъ собраніи доставить, чтобъ я перемѣненъ былъ другимъ депутатомъ, которому къ лучшей пользѣ вашей и всего государства послужить силы дозволили бы.

Пребываю впротчемъ Вашего Высокоблагородія, государя моего покорный слуга *Андрей Безбородко.*

Зъ Чернигова,
въ 3 день априля, 1767 году.

3) Письмо А. Безбородка къ графу Румянцеву о причинахъ отказа.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

На другой день по отбытіи Вашего Сіятельства получилъ я отъ господина предводителя дворянства полку Переяславльскаго Томары предварительное увѣдомленіе, что выбрано меня депутатомъ въ коммиссію и вскорѣ намѣрены были прислать надлежащее полномочіе и наказъ. Я хотя и отвѣтствовалъ ему, какіе причины мѣшаютъ мнѣ вступить въ толь важное и многотрудное дѣло, но не ожидая, чтобъ онъ могъ здѣлать перемѣну по прозьбѣ моей безъ представленія Вашему Сіятельству, принимаю дерзновеніе утруждать и къ освобожденію меня отъ сего мнѣ неудобъ-сносимаго труда призывать Вашего Сіятельства милость. Слабость здоровья, ежечастыя припадки, людямъ лѣтъ моихъ свойственныя, а паче всего нестерпимая въ ногѣ болѣзнь, которую малѣйшее безпокойство раздражаетъ и приводитъ въ опасность, были причиною, что я при выборѣ въ Черниговѣ съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя такую должность, которая гораздо меньшія въ сравненіи депутатской труды и попеченія сопряженныя имѣетъ съ собою, и отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, обойденъ балатированіемъ въ депутаты. Не великое безпокойство, которое я имѣлъ при семъ послѣдномъ случаѣ, привело меня въ такое состояніе, что я, прежде нежели оправится могу, принужденнымъ себя нахожу сидѣть безъвиходно въ горницахъ; а что до ноги касается, то продолжающаяся въ ней болѣзнь мнѣ почти и ступить не дозволяетъ. Не сомнѣваюся, что Ваше Сіятельство не будете почитать, чтобъ другіе какіе виды понуждали уклонятся отъ сего благого дѣла меня, который знаетъ, что онъ всѣ силы свои услугамъ государственнымъ посвящать обязанъ; но когда крайнѣе изнеможеніе лишаѣтъ меня способовъ исправлять возлагаемыя на меня дѣла, то позвольте, Милостивый Государь, изобразить здесь нижайшое мое прошеніе, дабы Ваше Сіятельство объ уволне-

ніи меня отъ депутатской должности милостиво предложить соизволили, чтобъ я могъ остатокъ жизни моей пользоваться Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ. Заключаю чистосердечнымъ признаніемъ, что съ благодарнѣишою преданностію и высокопочитаніемъ есмь, Сіятельнѣишій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всеодолженный и нижайшій слуга *Андрей Безбородко.*

Стольное,
апреля отъ 9 дня 1767.

---

4) Донесеніе предводителя переяславскаго шляхетства объ отказѣ Безбородка съ просьбою дать инструкціи на счетъ выбора новаго депутата.

Сіятельнѣйшому Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

По силѣ Высочайшаго всеобнародованного манифеста, и Вашего Сіятельства по тому послѣдовавшаго распоряженія, шляхетство, помѣщики всего полку Переясловского, будучи въ собраніи въ городѣ Переясловлѣ, выбрали въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія отъ своего шляхетства депутата, господина генерального судю Андрея Яковлевича Безбородка, которому я по должности моей тогожъ времени о томъ письменно и далъ знать. Но сего априля въ 11 д. получилъ я отъ него письменный ко мнѣ и ко всему здешнему шляхетству отзывъ о его болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ, и что ему то крайне не дозволяетъ принять таковъ важный трудъ, для чего просить онъ, дабы на его мѣсто другой былъ выбранъ депутатъ, о чемъ Ваше Сіятельство съ представляемой при семъ того письма копіи соизволите усмотрѣть. А какъ въ обрядахъ выборовъ, въ такомъ случае шляхетству повторного выбору депутата дѣлать не предписано, и я къ такому повторному выбору оного зъ шляхетствомъ приступить не смѣлъ, что все милостивому Вашего Сіятельства рѣшенію представляя, имѣю долгъ ожы-

дать чрезъ сего нарочно посланного господина подсудка земского повѣту Золотоноского Якова Рустановича Вашего Сіятельства резолюціи.

Предводитель шляхетства Переясловского полку, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара.*

767 году,
априля 12 дня.

---

5) Донесеніе о выборѣ новаго депутата вмѣсто отказавшагося отъ званія депутата Безбородка.

Сіятельному Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Нижайшій Рапортъ.

Въ силѣ полученного мною отъ Вашего Сіятельства сего априля 17 дня ордера, съ собравшимся уже до того здешнего полку шляхетствомъ приступилъ я къ новому избранію депутата другого, и выбрали на прежде избранного господина абшитованного судью генерального Андрея Безбородка мѣсто господина полковника компанѣйского Захарія Забѣлу. О чемъ Вашему Сіятельству нижайше рапортую.

Предводитель шляхетства Переясловского, бунчуковый товаришъ *Стефанъ Тамара.*

---

6) Донесеніе объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству *(и проч.)* Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

По опредѣленію Вашего Высокографскаго Сіятельства, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, 766 году декабра 14 дня состоявшагось, и приложенныхъ обрядовъ при выборѣ отъ дворянства предводителя, а отъ городскихъ жителей головы, имѣлъ я присудствіе въ полкахъ Кіевскомъ и Переясловскомъ,

и кто именно тѣмъ, а особливо депутатами для отправленія въ Москву въ коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія выбранны, объ оныхъ при семъ регистеръ и подлинные присяжные за подписомъ бывшихъ у присяги чиновъ листы съ особливымъ объ ономъ всемъ происходствѣ журналомъ у сего прилагаю.

Василій Туманскій.

1767 году,
апрѣля 27 дня.

---

7) Регистръ, кто именно въ полкахъ Переясловскомъ и Кіевскомъ выбраны отъ дворянства предводителями, и отъ городскихъ жителей головою и депутатами.

Въ полку Кіевскомъ:

Отъ города Козельця головою выбранъ судія полковый Кіевскій Степанъ Барановскій.

Депутатомъ городскимъ: писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ.

Отъ шляхетства полку Кіевского предводителемъ: подкоморый повѣту Козелецкого Александръ Солонина.

Депутатомъ: подкоморый повѣту Остерского Андрей Митковичъ.

Отъ козаковъ полку Кіевского депутатомъ: козакъ выборный сотнѣ Носовской Павелъ Яковлевъ.

Тогожъ полку отъ города Остра городскимъ головою сотникъ Остерскій Иванъ Солонина.

Депутатомъ писарь сотенный Иванъ Пенскій.

Въ городѣ Переясловлѣ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій.

Депутатомъ городскимъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Отъ шляхетства полку Переясловского: предводителемъ бунчуковый товарищъ Степанъ Томара.

Депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла.

Отъ козаковъ полку Переясловского депутатомъ выборный козакъ сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаонко.

Присяжные листы здѣсь приложенные означены подъ слѣдующими нумерами:

№ 1. Присяжный листъ за подписомъ гражданства города Козельця.
2. Шляхетства полку Кіевского повѣтовъ Козелецкого и Остерского.
3. Гражданства города Остра.
4. Отъ козаковъ полку Кіевского выбранныхъ отъ сотень повѣренныхъ.
5. Гражданства города Переясловля
6. Шляхетства полку Переясловского повѣтовъ Переясловского и Золотоноского.
7. Козаковъ полку Переясловского отъ сотень выбранныхъ повѣренныхъ.

Василій Туманскій.

---

8) Журналъ, составленный В. Туманскимъ о томъ, какъ происходили выборы.

Журналъ о происходствѣ выборовъ въ полкахъ: Кіевскомъ и Переясловскомъ, да въ городѣ Острѣ, по силѣ Высочаишаго Е. И. В. манифеста и обрядовъ, отъ шляхетства предводителей, отъ городовъ городского головы, отъ козаковъ депутатовъ, въ присудствіи писара генерального и Малороссійской Коллегіи члена Василія Туманского, которой для того изъ Глухова отправился 1767 году, февраля 28 дня.

Марта 3 дня прибылъ въ Козелецъ поутру. Но какъ того дня повелѣнные списки о жителяхъ того города Козельця не совсѣмъ въ готовности были, то приказано оныя списки о жителяхъ городовыхъ всякого званія и чина отъ полковой канцеляріи, отъ магистрата и отъ сотеннаго правленія изготовить на основаніи повелѣнного въ приложенномъ при манифестѣ обряда, а собранію быть на другой день тогожъ марта 4 дня; которого въ приуготовленномъ для сего городскомъ Его Сіятельства господина генералъ-фельдмаршала и раз-

ныхъ орденовъ кавалера графа Алексѣя Григоріевича Разумовского домѣ собрались жительствующіе въ городѣ Козельцѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины, изъ рядовыхъ козаковъ выборные, магистратскіе урядники и лучшіе изъ мещанъ и ремесленниковъ, коихъ всѣхъ званій персонъ было въ собраніи семьдесятъ два человѣкъ.

Въ залѣ того дому, по назначеніи каждому по спискамъ мѣстъ къ засѣданію на поставленныхъ стульяхъ и скамяхъ, читанъ былъ чрезъ писаря полкового кіевского Семона Катеринича Высочайшій Е. И. В. манифестъ зъ приложеніями, который, стоя при своихъ мѣстахъ, слушали съ прилѣжнымъ вниманіемъ и чувствуемою особливою радостію о толикомъ Высочайшимъ Е И. В. матернемъ ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ попеченіи. Выслушавъ все и поклонясь къ партрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ же отъ начальника, что надлежить выбрать головою изъ присудствующихъ въ засѣданіи, начали по списку, какъ въ обрядѣ предписано, балатировать, что происходило зъ утра до двух часовъ по полудни; но какъ еще оставалось немалое число персонъ къ балатированію, то положено собратся тогожъ дни въ 4-мъ часу по полудни; за собраніемъ же такожъ нѣсколько персонъ балатировано, и по большинству шаровъ выбранъ въ городѣ Козельцѣ головою судія полковый кіевскій Степанъ Барановскій, и отъ всего того собранія поздравленъ; зачимъ онъ за такую къ нему отъ всего города довѣренность благодарилъ.

Марта 5 дня, по учиненной повѣсткѣ, собрались въ томъ же Его Сіятельства домѣ всѣ пріѣхавшіе въ городъ имѣющіе въ полку кіевскомъ свои деревнѣ и владѣнія и живущіе въ городѣ чиновные персоны, и по списку, какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, такъ по порядку и посажены, коихъ всѣхъ въ наличности было восѣмъдесятъ два человѣка.

При ономъ шляхетства собраніи читанъ чрезъ писаря земского повѣту Остерского Михайла Лусту Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, которой всѣмъ собраніемъ зъ особливою тихостію и кротостію слушанъ, и по прочтеніи учиня подобающій къ портрету

Е. И. В. поклонъ, изъявляя тѣмъ всеусерднѣйшую благодарность, сѣли на опредѣленныхъ по спискамъ мѣстахъ.

Объявлено за тѣмъ отъ начальника, что надлежитъ выбрать изъ присудствующихъ въ предводителя дворянства, кого за достойна къ тому разсудятъ; для чего и приказано двумъ опредѣленнымъ разносить на дву тарѣлкахъ положенные шарики, одному по правую, а другому по лѣвую сторону сидящимъ; по роздачѣ всѣхъ шариковъ, читанъ изъ списка первонаписанный и сидящій въ первыхъ персона, на которого когда все собраніе порядочно, другъ за другомъ отъ своихъ мѣстъ приходя къ столу, гдѣ поставленъ былъ ящикъ, положили шарики, то начальникъ, винявъ изъ правой стороны ящика, и по щетѣ предъ собраніемъ числа шариковъ, сколько явилось, велѣлъ записать противъ того персоны, также и число изъ лѣвой стороны; и симъ порядкомъ и о другихъ персонахъ происходило; и по большинству шариковъ выбранъ въ дворянского предводителя подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; онъ же благодарилъ за оказаную къ нему довѣренность.

Марта 6 дня въ тотъ же домъ собрались гражданство для подпису на полномочіи градскому головѣ, которое тогожъ дня, за представленіемъ начальнику, и поручено отъ него головѣ суддѣ полковому Барановскому съ подлежащими списками.

Марта 7 дня голова, собравъ въ оной же домъ всѣхъ прежде бывшихъ жителей по повѣсткѣ, яко время въ церковъ, ишли во оную предписаннымъ въ обрядѣ порядкомъ, и при присудствіи начальника слушали въ соборной Преображенія Господня церквѣ литургію, молебно пѣніе и посвященіе воды, и по окропленіи всѣхъ читанъ манифестъ зъ приложеніями, и приведены къ присягѣ, и изъ церкви шли тѣмъ же порядкомъ возвратно въ предпомянутой домъ.

Марта 8 дня, по собраніи шляхетства въ ономъ же домѣ, поручено отъ начальника полномочіе зъ списками предводителю дворянскому вышеупомянутому подкоморому Миткевичу, которой, принявъ оное, говорилъ краткую рѣчъ, прославляя Е. И. В. премудрые устроенія и всемилостивѣйшое къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ ми-

лосердіе, шляхетству жъ благодаря за сію къ нему особую довѣренность.

Тогожъ дня поведены изъ оного дому предводителемъ въ предъвоспомяненную соборную церковъ, гдѣ отправляема была протопопомъ съ протчимъ духовенствомъ литургія зъ молебствіемъ и освященіемъ воды, по кропленіи которою читанъ манифестъ со всѣми приложеніями, и приведены къ присяги, и изъ церкви предводителемъ же поведены въ тотъ же домъ, гдѣ подписались на присяжной формѣ.

Марта 9 дня, по отбытіи начальника изъ Козельця въ городъ Остеръ, выбранъ въ Козельцѣ отъ шляхетства депутатъ, и выбранъ онъ же предводитель, подкоморій Миткевичъ, депутатомъ, а на мѣсто его въ предводителя подкоморій повѣта козелецкого Александръ Солонина

Марта 10 дня въ томъ же городѣ Козельцѣ, въ присудствіи городского головы, выбранъ отъ города Козельця депутатомъ писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ, какъ о томъ письменно къ начальнику репортовано.

Тогожъ марта 10 дня въ городѣ Острѣ, по учиненіи списковъ всѣмъ жительствующимъ въ томъ городѣ воинскаго и магистратскаго званія чинамъ, козакамъ и мещанамъ, и по собраніи въ домѣ, гдѣ отправляются дѣла тамошнего земскаго суда, происходило избраніе городского головы, и выбранъ головою въ томъ городѣ сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, которому и подписанные всѣмъ тѣмъ собраніемъ полномочіе и списки тогожъ дня поручены.

Марта 11 дня въ соборную тамошную церковъ къ слушанію литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія, приведены головою по спискамъ городскіе жители, гдѣ по окропленіи водою и по прочтеніи манифеста зъ приложеніями, учинили должную по формѣ присягу въ присудствіи начальника; выборъ же депутата городского оставленъ на распоряженіе головы по установленному обряду. И какъ отъ оного городского Остерского головы сотника Солонины къ начальнику письменно репортовано, выбранъ отъ города Остра депутатомъ писарь сотенный Остерскій Иванъ Пенскій.

Марта 15 дня вышъ отправленный начальникъ прибылъ въ Переяславль, и на другой день, то есть Марта 16 дня, по подан-

нымъ спискамъ отъ полковой переясловской канцеляріи и отъ магистрата о жителяхъ того города Переясловля, созваны оные граждане въ полковую Переяславскую канцелярію, коихъ всѣхъ жителей, какъ полковой старшины, такъ и другого разного званія чиновъ, выборныхъ козаковъ и мещанъ въ собраніи было восѣмъдесятъ два человѣкъ; гдѣ по онымъ спискамъ къ засѣданію назначены мѣста, и чтенъ былъ чрезъ значкового товариша Тимофѣева манифестъ зъ приложеніями; по прочтеніи котораго, учиня должной поклонъ къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ и началось балатированіе; чрезъ которое выбранъ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; а онъ благодарилъ за показанную къ нему въ томъ довѣренность, и тогожъ времени полномочіе подписали.

Марта 17 собрались въ полковую жъ канцелярію, и за приходомъ туда начальника, представили вышъ помянутое полномочіе, которое ему, градскому головѣ Бахчевскому, зъ списками отъ городскихъ жителей поручено. За учиненною жъ повѣсткою, яко время въ церковъ, поведены головою съ должнымъ порядкомъ къ церквѣ святого Николая, до которой дорога услана была пескомъ и зъ обоихъ сторонъ поставлены сосонки. По отправленіи литургіи, молебенного пѣнія и водоосвященія и за окропленіемъ священною водою, чтенъ былъ манифестъ зъ приложеніями и приведены къ присяги по указной формѣ, и изъ церкви поведены головою въ полковую канцелярію тѣмъ же порядкомъ, гдѣ на присяжномъ листѣ всѣ бывшіе у присяги подписались.

Марта 19 дня, поутру, въ 8-мъ часу собрались въ полковую переяславскую канцелярію все полку Переясловского съѣхавшоесь шляхетство, о которыхъ поданъ былъ начальнику имянной списокъ не по чинамъ, но какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, и о жительствующихъ въ городѣ Переясловлѣ чинахъ. Всѣхъ ихъ въ томъ собраніи было сто одинадцять персонъ; по которому списку онымъ шляхетству объявлены къ засѣданію мѣста, а потомъ чтенъ былъ чрезъ значкового товарыша Юзефовича манифестъ зъ приложеніями, который слушанъ былъ со всякою кротостію и молчаніемъ. По вы-

слушаніи оного и по учиненію должного къ партрету Е. И. В. поклона, сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ отъ начальника, что надлежитъ въ силѣ Высочайшого повелѣнія выбрать изъ присудствующихъ предводителя, кого къ тому за достойнѣйшаго разсуждаютъ, розданы были по предписанному порядку шарики, то по оному списку и началось балатированіе, между коимъ на бунчукового товарища Стефана Томару положено избираемыхъ шариковъ 102, якое число гораздо превышало всѣхъ до него по списку балатированныхъ, а все оное собраніе объявили начальнику, яко они всѣ единогласно желаютъ быть предводителемъ ихъ ему, Томарѣ, и по такому общему желанію и выбору онъ бунчуковый товарышъ Томара отъ начальника и всего собранія поздравленъ; онъ же за такову ихъ всѣхъ къ нему особливую довѣренность благодарилъ.

Марта 20 дня происходилъ выборъ отъ жителей города Переяславля, въ присудствіи ихъ головы, депутата; и по большинству баловъ выбранъ депутатомъ атаманъ значковыхъ товарышей Сергій Сезоновичъ.

Марта 21 дня предводителю дворянскому отъ начальника вручено подписанное всѣмъ собравшимся шляхетствомъ полномочіе при всемъ собраніи въ той же полковой канцеляріи, такъ же и списки шляхетству и присланные отъ разныхъ чиновъ письменные объявленія, коими извѣряютъ избраніе предводителя и депутата на своихъ сотоварыщей.

Марта 24 дня собрались въ полковую канцелярію и за повѣсткою шествовали въ соборную церковъ катедры Переясловской, подъ предводительствомъ вышписанного своего предводителя, по два человѣка въ рядъ, по списку, какъ и засѣдали; дорога къ той церквѣ по обѣ стороны уставлена была сосонками. По литургіи въ той соборной катедральной церквѣ отправляемо было преосвященнымъ переясловскимъ Гервасіемъ зъ духовнымъ соборомъ молебное ко Спасу пѣніе и водоосьвященіе; по окропленіи водою читанъ манифестъ зъ приложеніями и приведены протопопомъ переясловскимъ Скрипчинскимъ къ присягѣ, и пошли изъ церквы тѣмъ же порядкомъ въ

полковую канцелярію, гдѣ на присяжномъ листу подписались и избрали депутата; и какъ объявлено начальнику отъ предводителя, что выбранъ тогожъ дни депутатомъ отъ всего собравшогось шляхетства хотя отсудствующій, но имѣющій въ полку Переясловскомъ во владѣніи своемъ деревнѣ, господинъ судія генеральный Андрей Безбородко.

Марта 26 дня собраны были прибывшіе отъ всѣхъ полку Переясловского сотень козаки выбранные повѣренными, коихъ было 31-нъ человѣкъ, и представили свои полномочія, и тогожъ дня въ церквѣ въ присудствіи начальника, по отслушаніи ими литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, читанъ манифестъ и приведены къ присягѣ, и изъ церкви въ полковую канцелярію приведены и посажены были порядкомъ тѣмъ, какъ въ спискѣ отмѣчены изъ прибытія ихъ въ городъ, и объявлено имъ отъ начальника, чтобъ они выбрали изъ между себя депутата; они согласились, чтобъ оной выборъ учиненъ изъ находящихся между ими надежнѣйшихъ грамотныхъ козаковъ, коихъ и имяновали согласно семи человѣкъ. Почему на тѣхъ шарикахъ и выборъ происходилъ, чрезъ которыхъ по большинству шаровъ избранъ козакъ выборный того полку сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко, которому какъ полномочіе отъ оныхъ повѣреннымъ подписанное, такъ и данные отъ сотень полномочія жъ и наказы ему зъ особливымъ реестромъ поручены.

Симъ образомъ окончавъ въ Переясловлѣ, отправился паки оттуда въ Козелецъ, куды прибылъ марта 30 дня, гдѣ собраны были такъ же отъ всѣхъ Кіевского полку сотень выбранные повѣренными козаки, коихъ въ наличности было до девятидесять человѣкъ, и представили свои сотенные полномочія.

Марта 31 дня, по отслушаніи имы литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, такожъ по прочтеніи манифеста зъ касаючимся до нихъ обрядовъ, приведены къ присяги по узаконенной формѣ и отведены порядочно въ домъ Егожъ Сіятельства Графа Алексѣя Григоріевича Разумовского, гдѣ и прежнія собранія были, и къ выбору депутата изъ между себя приступили, требуя, чтобъ токмо грамотные, яко надежднѣйшые къ сему дѣлу, были балатиро-

ваны; по которому отъ всѣхъ ихъ выбору по большинству шариковъ избранъ всего кіевского полку отъ стороны козаковъ депутатомъ выборный того полку сотнѣ Носовской козакъ Павелъ Яковлевъ. Полномочіе въ силѣ формы отъ всѣхъ повѣренныхъ и бывшіе отъ сотень наказы оному депутату вручены.

Во всѣхъ предпомянутыхъ мѣстахъ, при молебныхъ пѣніяхъ, играла полковая музыка на трубахъ и литаврахъ.

Априля 27 дня получено въ Глуховѣ отъ почтеннаго господина предводителя шляхетства полку Переясловского Томари письменное увѣдомленіе, яко выбранный депутатомъ господинъ судія генеральный Безбородко, по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и отправляемой въ полку Черниговскомъ предводительской экспедиціи, ордеромъ Его Сіятельства господина генералъ-аншефа, Малороссійскаго генерала-губернатора, Малороссійской коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главного командира и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева уволенъ, и потому отъ оного шляхетства полку Переясловского избранъ депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла, къ которому де полномочіе, наказъ и челобитная отправлены, а копіи изъ того къ цѣлостному въ катедральной Переяславской церквѣ содержанія преосвященному епископу Переясловскому Гервасію сего априля 20 дня поручены.

Василій Туманскій.

1767.

X.

Выборы въ Лубенскомъ полку.

1) Рапортъ подполковника Огарева по поводу выбора головы.

Сіятельнѣйшему Графу.... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева.

Покорнѣйшій рапортъ.

Ордеръ Вашего Высокографскаго Сиятельства, пущеной изъ Новъгорода сего Марта 7 числа, подъ № 5, о виборе городской

головы и депутата всѣмъ и всякого звания гражданамъ, виключая исъ того тѣ толко въ городе двори, въ которихъ живуть людо или крестьяне владельческія, я сегожъ марта 15-го полудни въ 5-мъ часу съ нарочно посланнымъ получилъ; на которой въ покорности моей доношу, што по прибытіи моемъ въ городъ Лубны отъ г. полковника Кулябки при промеморіи 9-го числа сего мѣсяца получилъ списокъ для выбору гражданами городской головы единственно объ однихъ только свободно посполитыхъ, о которыхъ по разсужденію съ нимъ г. полк. Кулябкою въ назначенное отъ В. В—гр. С—ства въ расписаніи числа въ выборъ вступили, которымъ до получения означеннаго ордера по разсужденію одними жителями города Лубенъ, то есть свободно посполитыми, войсковой товарищъ и войтъ Петръ Назарскій, которому тѣ свободно посполитые въ досмотръ отъ Малороссійской Коллегіи поручены, градскою головою сего марта 10-го числа выбранъ, а какъ отъ неистолкования всего того зделано великия упущенія, то во исполнение манифеста и обряда, тожъ и подтвердительнаго отъ В. В—гр. С—ства ордера со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той градской головы вступить имѣю и какое по оному зделается исполненіе, о томъ впредъ В. В—гр. С—ству покорно донести имею.

1767 г., Лубны. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

---

2) Представленіе мѣщанъ г. Лубенъ подполк. Огареву по поводу выбора головы.

Высокородному и Высокопочтенному г. Подполковнику пехотного Староскольского Полку Николаю Гавриловичу Огареву

Покорнѣйшое доношеніе

Во исполненіе Височайшаго всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, под предводительствомъ Вашего Високородія и г. Полковника Лубенского Ивана Петровича Кулябки, въ силу высокого Его Сиятельства г. генералъ-аншефа... (*и проч.*) графа П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при виборѣ требуемого въ комисію о сочиненію проэкта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа

согласно вибрали мы нашего города головою войскового товариша Петра Назарского, которому поднесенное отъ насъ В. В—дію по приложенному при ономъ Височайшему манифестѣ обрядѣ образцу полномочіе при насъ вручено, и поздравленіе, какъ во ономъ же обрядѣ повелено, отъ В. В—дія и отъ всѣхъ насъ учинено, и уже отъ него, зъ согласіемъ В. В—дія, къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ. Но какъ въ назначенное число собрались ми для присяги и вибору депутата, то отъ него Назарского обявлено намъ, что В. В—діе намеренни в другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомились, что полученно съ полковой луб. канцеляріи, по промеморіи В. В—дія, извѣстіе съ требованіемъ обо всехъ и всякого званія гражданахъ, виключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живутъ людо или крестьяне владѣлческіе, именного списка. А понеже доволно намъ извѣстно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякаго званія города Лубенъ гражданахъ, кроме подсусѣдковъ и служителей, г. полковнику Лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ, въ силу указного велѣнія, отъ упоминаемого войскового товариша Назарского обстоятелній списокъ при рапортѣ представливано а отъ ратуши Лубенской сегожъ марта 5-го числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка, многимъ разного званія гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣется бить городского голови виборъ, объявливано; Височайшій же манифестъ прежде того всѣмъ гражданамъ Лубенскимъ обнародованъ билъ, почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ и мы, къ выбору голови явится; то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ голови обявливанно, ни другіе, хотя совершенно про тотъ виборъ зъ многихъ разныхъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися,—вибирать намъ другой разъ другого голову, чтобъ не учинить противности и и замедленія Высочайшому Е. И. В. указу и Его В—графского С—ва високому повелѣнію, не смѣемъ; ибо при виборѣ нашего города голови, какъ по Височайшему Е. И. В. манифесту, коимъ повелено

отсудственним из города, также и женщинамъ, не имѣть въ семъ выборѣ участія ни самимъ, ни чрезъ письма, а кто въ томъ городѣ находится и самъ бить не можеть, тому дозволенно писменно дать свой голосъ, такъ и Е. В—гр. С—ва високому ордеру: чтобъ всѣ козачіе и шляхетскіе доми въ списокъ поставлено, и въ засѣданіи мѣста занимали по обряду,—съ нашой сторони все сохраненно, чего явнимъ есть доказательствомъ представливанніи В. В—дію отъ войскового товарища Назарского о всѣхъ домахъ жителей здешнихъ списковъ, и недозволеніе В. В—дія тѣмъ, кои на самое начало вибора голови поспѣть не могли, имѣть въ виборѣ участія, хотя чрезъ все время вибора присудствовали. Да кромѣ того бить другому вибору и по сему не доводится, что вибраній нами головою войсковій товаришъ Назарскій есть отъ шляхетства, присвоеній нашему собратству только урядомъ, в разсужденіи другихъ здешнихъ обивателей не послѣдного достоинства, отъ многихъ съ предковъ своихъ давнѣйшій и знатнѣйшій сего мѣста патріотъ, лучче многихъ вѣдаючій здешного города нужды и недостатки, подъ поводомъ которого бить всѣмъ, повстидившимися съ нами чинить виборъ голови, при виборѣ городского депутата будетъ не постидно, и въ наказѣ депутата и составленіи челобитя о общихъ городовыхъ нуждахъ какъ шляхетству и козакамъ для ихъ съ нимъ сородства, такъ и намъ для порученного ему найпорядочнѣйшаго управленія надъ нами (которое онъ и отправляетъ), не зазорно; также, что ми уже о общихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ для наказу депутата и составленія челобитя учинили приуготовленія, между которими нѣкоторіе простираются до началнѣйшихъ сего города жителей, почему ежели кому из тѣхъ начальнѣйшихъ бить головою довелось би, то чтобъ онъ о учиненнихъ всѣмъ намъ чрезъ завладѣніе городовихъ земель и протчого, такожъ инимъ чрезъ лишеніе промисловъ и художествъ, а инимъ чрезъ насильства и порабощенія и другіе обиди, допустилъ въ наказъ и челобите внесть жалобу, особливо ведаючи маломочество и простоту нашу, отнюдъ не надежно; а ис того произойдетъ или отъ насъ (буди возможемъ) представленіе и чрезъ оное великому сему дѣлу замѣшателство и остановки, или принуж-

донии будетъ лишится милости нашей премилосердной Монархинѣ, изводящой насъ отъ бѣдъ, а остатся при нашихъ нуждахъ и поднасть горшому злу и разоренію. Для того В. В—дія покорнѣйше просимъ: выбраннаго нами въ силу Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста достойного по разуму, достоинству, смиренному, правдивому и милосердному нраву, вѣдущего всѣхъ какъ наши, такъ и другихъ здешнихъ обивателей нужди и недостатки, головою нашего города войскового товариша Петра Назарского, которому отъ В. В—дія съ нашего общаго согласія подписанное полномощіе въ силу Височайшаго указа уже порученно, бить головою нашего города не попрепятствовать, не отнимая отъ насъ пожалованной намъ отъ Е. И. В. къ представленію нашихъ нуждъ воли и не дѣлая намъ затрудненія и вожделѣнному дѣлу сему остановки; а депутата дозволить вибрать по обряду, при Височайшему манифестѣ сообщенному, подъ поводомъ вибранного уже голови, обще съ протчими всякого званія жителми Лубенскими, не принуждая жъ насъ и ихъ избирать того, о комъ сердца наши не благоволятъ. Буде же предъ В. В—діемъ сіе наше покорнѣйшое прошеніе не может ъ имѣть мѣста, то понеже ми несумѣнную имѣемъ надежду что правосудній малороссійскій главній нашъ начальникъ Его Сиятельство... графъ П. А. Румянцовъ не оставить насъ безъ милостивого на наши бѣди призрѣнія, къ которому немедля времени нижайшое наше отправимъ представленіе, до послѣдованія високой резолюціи съ другимъ вибором ъ нашему городу голови поудержатся, и сіе наше прошеніе къ Его жъ Високогр. С—тву не удержуя при своемъ представленіи отправить.

Бурмисторъ Иванъ Панко, Бурмистеръ Дмитро Постолникъ, Мѣщанинъ Лубенский Евтухъ Гринко, Мещане: Максимъ Дацѣй, Микита Мисанъ, Григорій Брижаха, Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко, Андрей Сущевскій, Василь Передеріенко, Карпъ Гончаръ, Савка Горкушенко, Петро Илченко, Хома Яковенко, Хома Яценко, Максимъ Хорошковатій, Карпъ Лѣнко, Иванъ Лисенко, Грицко Киряченко, Федоръ Ковнеръ, Грицко Зайченко, Ничипоръ Мисановъ зять, Зѣнецъ, Микола Енко, Савка Рябуха, Микита Горбъ, Харко

Ганнотенко, Василь Лазоренко, Грицко Пухирь, Дмитро Кириленко, Максимъ Холоднякъ, Кондратъ Гончаръ, Андрей Рудь, Хома Хведоренко, Грицко Рябуха; а во мѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію, и за себе писаръ ратуши Лубенской Павло Холоднякъ подписался.

1767 году, марта 17.

---

3) Предложеніе подполк. Огарева о вторичновъ выборѣ головы.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева г. войсковому товаришу и войту Лубенскому Назарскому

Предложеніе.

Сего марта 17 бурмистри ратуши Лубенской Иванъ Панко и Дмитро Постолникъ з свободно-посполитими поданнимъ мне доношеніемъ между протчимъ представили, что во исполненіе Высочайшаго Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, подъ предводительствомъ моимъ и г. полковника луб. Кулябки, въ силу высокого Е. Высогр. С—ва... П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при вибору требуемого въ коммиссію о сочиненіи проекта нового уложенія депутата, сего марта 10 числа согласно вибрали оны города Лубенъ головою Васъ, при чемъ поднесеное отъ нихъ по приложенному приономъ Высочайшому манифесту обрядѣ образцу полномочие при ихъ вручено, и поздравленія, какъ въ ономъ же образцѣ повеленно, отъ мене и отъ всѣхъ ихъ учиненно, и ужо отъ васъ къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ; но какъ въ назначенное число собралися они для присяги и вибору депутата, то де отъ васъ обявленно имъ, что намѣренъ я въ другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомилися, что полученно отъ полковой Луб. канцеляріи по промеморіи моей извѣстие съ требованиемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, выключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живуть люде или крестяне владѣльческіе, именого списка; довольножъ де имъ известно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякого званія города

Лубенъ гражданахъ, кроме подсуседковъ и служителей, г. полковнику луб. Кулябцѣ обстоятельной списокъ при репортѣ представленно отъ ратуши лубенской сего марта 5 числа чрезъ определенныхъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка многимъ разного звания гражданомъ, для чего тотъ списокъ сочиняется, и какого числа имеетъ бить гродского голови выборъ, обявленно, Высочайшій же де манифестъ прежде того всѣхъ гражданамъ лубенскимъ обнародованъ билъ; почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ оны, къ вибору голови явится, то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно, и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ головы обявливанно, ни другие, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разнихъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися, выбирать имъ другой разъ другого голову чтобъ не учинить притивности и замедлѣнія Высочайшому Е. И. В. указу и его В—графск. С—ва высокому повелѣнію, не смѣютъ. А какъ оной виборъ голови одними свободно посполитими г. Лубенъ учиненъ отъ единаго неистолкования Высочаишаго манифеста и обрядовъ, ибо въ ономъ обрядѣ по 5 пункту повелѣнно городамъ голову вибрать всякому хозяину, дѣйствително домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ городѣ имѣющимъ, а къ тому и ордеромъ отъ Е. В—гр. С—ва, мною сего марта 15 дня полученнимъ, подтвержденно оную гродскую голову и депутата вибрать всемъ и всякаго звания гражданамъ, виключая ис того тѣ толко въ городѣ двори, въ которихъ живуть люде или крестяне владелческие; для чего я, со всѣми благороднимъ шляхетствомъ и гражданами, приводя въ дѣйствительное Высочайшое Е. И. В. въ силѣ манифеста и обрядовъ повелѣние и Е. В—гр. С—ва ордеръ во исполнение, приступаю къ другой той городской голови выборъ, о чемъ отъ меня и къ Е. В—гр. С—ву сего Марта дня 16 репортомъ донесенно; для оногожъ городской голови вибору назначенъ отъ меня срокъ сего марта 21 числа въ 7-мъ часу по полуночи собратца въ томъ же доме, въ которомъ и прежде било; къ якому числу и ви со всѣми свободно посполитими явится должни. И хотя

я вишепрописанниим бурмистрамъ и свободно посполитимъ лубенскимъ при подачи отъ нихъ всіо то, что въ оныхъ Высочайшомъ манифестѣ и обрядахъ и Е. В—гр. С—ва ордерѣ предписанно, толковалъ, и они потому и обѣщались на више означенной срокъ для того городской голови вибору явится, но чтобъ они, в случай кривотолкованія имъ отъ ково нибудь того вибору, не могли задерживать въ томъ какого сумнѣния и темъ колми паче выбору той городской голови зделать остановки, для того я занужно нахожу, какъ въ полковую луб. канцелярию о учинении публикации о явки всемъ гражданамъ въ городѣ Лубнахъ живущимъ на тотъ срокъ для вибору городской голови сообщить промемориею, такъ и вамъ предложить симъ предложеніемъ, которымъ и предлагается, дабы ви, по получении сего, всѣмъ свободно посполитимъ города Лубенъ и тѣмъ, кои при первомъ городской голови въ виборе были, вышепрописанние Высочайшие манифестъ и обряды, тожъ и Е. В—гр. С—ва подтвердительный ордеръ, протолковали, такъ какъ вамъ отъ меня сего числа изьясненно, дабы оние свободно посполитие никакого сумнѣнія не имѣли; больше жъ того не имѣли бъ причини опасатца, што хотя бъ хто въ градцькую голову вибранъ не билъ, то ихъ общественние прозби и челобите непременно принято и представленно въ учрежденную въ Москвѣ Комисію Нового уложенія будетъ, толкобъ оная соответствовала общественной нужди и сходственна была противъ предписанного въ 26-мъ пунктѣ повелѣнія. Чтожъ оние бурмистри и посполитие въ томъ своемъ доношеніи упоминають сие, что опредѣленіе отъ ратуша лубенского бурмистръ Панко и писаръ Холоднякъ при сочинении списка многимъ разнаго звания гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣетъ бить градской голови выборъ, обявливали, то сіе не можетъ бить справедливо, потому что они никакого права и должности не имѣли другимъ, не ихъ команди гражданамъ, обявлять; да оним же, по неистолкованию, какъ више прописано, Высочайшихъ манифеста и обрядовъ, и предложения для того вибору отъ меня не било, и единственно положенно било отъ одних посполитихъ, какъ и више значитъ, тотъ виборъ зделаты, и онымъ всемъ живущимъ здесь,

какъ дворянамъ, такъ и козакамъ, которие заровно съ протчими гражданами числится должни, никакого известия дано не било, почему оны къ тому выбору и явится резону не имели.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 17, 1767 году.

---

4) Рапоръ луб. войта Петра Назарскаго по поводу означеннаго предложенія.

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Николаю Гавриловичу Огареву

Репортъ

По письменному предложенію и словеснимъ приказамъ В. В—дія, чтобъ мѣщанамъ Лубенскимъ Височайшій Е. И. В. о виборѣ депутата въ коммисію проэкта новаго уложенія манѣфестъ такъ, какъ отъ В. В—дія 18 числа сего мѣсяца изяснено, истолковать, и чтобъ оніе никакого сомнѣнія не имѣли опасатся, что хотябъ хто въ городскую голову вибранъ ни билъ, то ихъ общественная полза и челобите непремѣнно принято будетъ,—я многимъ вообще и немалому числу всякому порознь силу манѣфеста, такъ такъ и прежде вибору первой разъ голови, доволно обяснялъ и толковалъ и сколко моглъ о виборѣ городского голови другой разъ совѣтовалъ; почему хотя многіе какъ для другихъ причинъ, въ поданномъ отъ нихъ В. В—дію доношеніи изображеннихъ, такъ найпаче для сего, что прежде вибору первой разъ голови тотъ же толкъ и изясненіе манѣфеста, что должно било всякого чина городскимъ обивателямъ бить при виборѣ, почему и списокъ о всѣхъ жителяхъ г. полковнику лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ представливанъ билъ, отъ мене слишали, и въ силу обряда жъ виборъ голови учинили, и что на поданное отъ нихъ В. В—дію доношеніе резолюціи себѣ въ ползу не получили, но иніе словами жестоко истязани, а всѣ, ежели не будутъ на виборъ другой разъ голови, под устрашеніемъ публичного бою заключени, такожъ что оное ихъ доношеніе къ Е. В—гр. С—ву П. А.

Румянцову не отослано, почему сумнительно имъ било, даби другой виборъ голови не билъ нарушеніемъ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста, — тотъ мой толкъ и совѣтъ почитали за утѣсненіе и примѣтки; однакъ какъ на докладъ мой отъ В. В—дія приказано увѣдомится, являтся ль они къ вибору другой разъ голови, или не являтся, и сего числа отъ мене бурмистру Дмитру Постольнику писменно предложено, чтобъ онъ отъ всякаго съ нихъ порознь освѣдомился, являтся ль онѣ къ вибору другой разъ голови или неявлятся и для чего. То сего числа обявленній бурмистръ Постолникъ репортомъ представилъ, яко оніе мѣщане всѣ, которихъ въ домахъ засталъ, обявили, что дабы не подпасть имъ наказанію (какъ отъ В. В—дія предявлено) имѣютъ другой разъ къ вибору городского голови явится, о чемъ В. В—дію репортую.

Войсковій Товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, марта 20.

---

5) *Рапортъ Огарева о шляхетскихъ выборахъ.*

Сиятелнѣйшему Графу... (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Староколского пехотного полку подполковника Огарева

Покорнѣйшій репортъ

По данному отъ В. В—граф. С—ва повелѣнію, въ силѣ Е. И. В. манифеста и приложенихъ при ономъ обрядовъ, отъ дворянства, въ Лубенскомъ полку жителствующаго, въ коммисію о сочиненіи проекта нового уложенія избраны отъ того шляхетства предводителемъ бунчуковый товаришъ Яковъ Кулябка, въ депутати жъ отъ того шляхетства брегадиръ и Гадяцкого Малороссійского полку г. полковникъ Крижановскый. А какъ оной предводитель сего марта 24 числа мне далъ знать, что все то, што по изображенному въ обряде образцу, полномочие и о общихъ нуждахъ наказъ и челобитье всеми бившими при техъ выборахъ шляхетствомъ подписано и

все къ тому подлежащее окончено и къ нему г. бригадиру отослано бить имѣеть, о чемъ Вашему Высокографскому С—ву симъ покорнѣйше доношу.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 27, 1767 г.
г. Лубны.

---

6) Рапортъ Огарева о выборѣ козачьяго депутата.

Сіятелнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣшшій рапортъ.

Во исполненіе Высочайшого Е. И. В. манифеста, и Вашего В—гр. С—ва повелѣния, собравшиеся въ городъ Лубнѣ со всѣхъ полку Лубенского сотень козачие повѣренние, по учиненной имы присягѣ, выбрали зъ между себе въ коммисию о сочинении проекта нового уложенія депутатомъ козака полку Лубенского, сотнѣ Лукомской, села Мойсѣевки, Павла Мищенка; о чемъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу; и при томъ за нужное нахожу доложить, что въ приложеннихъ при ономъ Высочайшемъ манифестѣ обрядахъ повелено: когда выборъ депутатовъ окончится, то о томъ начальнику въ Сенатъ репортовать; я же на то особого повелѣнія отъ В. В—гр. С—ва не имѣю; а чтобъ не зделать мне какова либо упущенія, то для того за необходимое почитаю В. В—гр. С—ву представить: слѣдуетъ ли мнѣ, кромѣ персоны В. В—гр. С—ва, о таковомъ выборѣ депутатовъ въ Сенатъ репортовать, или какъ повелѣть соизволите. Да и показанного выбранного козачего депутата къ якому числу въ Глуховъ, или куда въ другое место, изволите приказать отправить,—о томъ имѣю ожидать отъ В. В—гр. С—ва повелѣнія.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 года, марта 31.

7) Рапортъ Огарева о выборѣ градского головы и депутата.

Сиятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣйшій репортъ

Предъ симъ на полученній мною отъ В. В—гр. С—ва о виборѣ всеми города Лубенъ жителями, кроме людей и крестянъ владѣльческихъ, гродского голови и депутата ордеръ, репортомъ моимъ, В. С—ву изшедшаго марта отъ 16-го пущеннимъ, донесено, что хотя до полученія оного В. В—гр. С—ва ордера отъ самихъ города Лубенъ свободнихъ посполитихъ вибранъ городскимъ головою войсковій товаришъ и войтъ Петръ Назарскій, однакъ, во исполненіе оного В. В—гр. С—ва повелѣнія, со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой виборъ той городской голови вступить имѣю. А нинѣ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу, что тогожъ марта 21 дня, за собраніемъ всего шляхетства и гражданъ, въ тотъ виборъ вступилъ и по тому онимъ шляхетствомъ и гражданами вибранъ гродскимъ головою отставной сотенной атаманъ Павелъ Самойловскій, а депутатомъ значковій товаришъ Григорий Иваненко; толко оному депутату отъ гражданъ о ихъ нуждахъ подлежащого челобитя и наказа еще не вручено; а когда вручено и мне о томъ знать дано будеть, то о томъ впредъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей донесть имѣю.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, апр. 7.

---

8) Отказъ гад. полковника Антона Крыжановскаго отъ званія дворянскаго депутата.

Сиятелнѣишому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ.

По силѣ публикованного Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, выбранъ я отъ шляхетства, въ полку Лубенскомъ вотчины и помѣстья имѣющихъ, депутатомъ въ комисію о

сочиненіи проекта новаго уложенія и на то сего априля въ 9 день получилъ полномочіе и наказъ. А какъ я нахожусь въ болѣзни, которая разновидными приключеніями въ крайнюю привела меня слабость; сверхъ того данные мнѣ отъ шляхетства Лубенского полку наказъ и приложенныя прошенія съ тѣмъ, что по Высочайшему манифесту требуется, совсѣмъ не согласны, и хотя бы болѣзнь моя не препятствовала, однако въ комисію явится мнѣ было бы нѣ съ чемъ, о чемъ я и къ г. предводителю, бунчуковому товарыщу Якову Кулябкѣ, тогожъ 9 числа отписалъ; а какова тотъ наказъ и прозьбы содержанія, Ваше Сіятелство увидѣть изволите изъ особого отъ шляхетства Лубенского полку поднесенного репорта. По тѣмъ причинамъ Ваше Сіятелство покорно прошу отъ сей наложенной на меня комисіи милостиво свободить, а для излеченія болѣзни нижайше прошу въ сихъ способнихъ мѣсяцахъ маи и іюнѣ и отъ дѣлъ уволить.

Бригадиръ, Гадяцкій полковникъ *Антонъ Крижановскій.*

1767 году, апр. 18.

По сему резолюція учинена: „уволнить по прошенію“.

---

9) Рапортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу выборовъ гор. головы и депутата.

Високородному и високопочтенному г. подполковнику Н. Г. Огареву

Репортъ.

Во исполненіе предложенія В. В—дія, коимъ изволите предлагать, что Его Высокографское Сіятельство.. графъ П. А. Румянцовъ В. В—дію изволилъ високопредложить, что увѣдомился, что при выборе городского головы и депутата почти всѣ старшины и другіе чиновники, находясь точно въ домахъ своихъ и въ самомъ городѣ, сами не били, а прислали толко свои голоса; при сочиненіи же депутату наказа, мѣщане многіе вовся и допущены не были, а делали оній сами старшина; кто жъ именно изъ старшинъ и чиновниковъ или зъ мещанъ, въ Лубняхъ живущихъ и на лицо находящихся, подъ наказомъ

депутату не подписалися,—прислать репортъ, и чтобъ я о томъ вишеписанномъ какъ найскорие прислалъ къ В. В—дію репортъ и въ ономъ точно показалъ, били ль хто определенни для сочиненія того даваемого наказа отъ мещанъ или нетъ, и буди не были, то для чего именно, и всѣ ли мещане, действительно на лицо состоящіе, при тѣхъ виборахъ били, а буди не были, то для чего; тожъ и подъ наказомъ всѣ ль оніе подписались?—Чрезъ сіе репортую, что для сочиненія наказа, какъ В. В—дію доволно извѣстно, отъ мещанъ нетолко многіе, но и никто допущенъ не былъ, а опредѣленно чиновниковъ, а именно: значкового товариша Ивана Запорожского, коморнѣка повѣту Роменского Константія Шуляческого, атамана второ-лубенского Григорія Онищенка, хорунжаго полковой луб. артилеріи Игната Щочку и писара протопопіи луб. Василя Котляревского—не для чего другого, какъ что оніе мѣщане о промислахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемихъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской землѣ, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали; а въ пятой день по виборѣ депутата, когда уже нетокмо наказъ кончился, но и челобитна составленна била, хотя одного, а именно Дмитра Постолника, по усилію моему, означенно, но ничего отъ него о общественныхъ нуждахъ въ наказъ представляемого не принято и къ составленію челобитной не допущенно; а что после того въ челобитну о градской землѣ жалоба внесена, то тое учиненно на требованіе нѣкоторихъ значковихъ товарищей и знатнѣйшихъ козаковъ Лубенскихъ. Мѣщане, действительно на лице состоящіе, при виборѣ голови не всѣ били и учинили то иніе для своихъ нуждъ, а иніежъ—что первій виборъ голови почитали, для сохраненихъ при немъ отъ ратуши лубенской всѣхъ указнихъ и обряда повеленіяхъ, за совершенное исполненіе указу и не смѣли безъ изволенія Е. В—гр. С—ства графа П. А. Румянцова, о чемъ доношеніе В. В—дію отъ нихъ поданно, въ другой виборъ вступать, почитая послѣдовавшое при подачи отъ нихъ того доношенія устрашеніе, и по присланному ко мнѣ отъ В. В—дія предложенію, какъ я и репортомъ тогда

представлялъ, мой уговоръ, за притѣсненіе. А при виборѣ депутата кто изъ тѣхъ мещанъ билъ—мнѣ не извѣстно, якожъ я и самъ бить не могъ за чинимими мнѣ разноличними наругательствами и притѣсненіями, почему и подъ наказомъ всѣ ли о иніе мещане подписался, и буди не подписалися, то кто именно,—не вѣдаю.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 29.

---

10) Требованіе войта П. Назарскаго о сообщеніи Огаревымъ ордера графа Румянцева, коимъ разрѣшено луб. мѣщанамъ составить челобитную о своихъ нуждахъ.

Високородному... (*и проч*) подполковнику Н. Г. Огареву

Доношеніе.

Извѣстно мнѣ, что високимъ Его Сіятелства... графа П. А. Румянцова ордеромъ В. В—дію повелено мещанамъ Лубенскимъ дозволить о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ въ челобитя что хотя писать и прямо къ Е. В—гр. С—ству отправить, но того въ присланномъ ко мнѣ отъ В. В—дія ордерѣ не прописано; а нинѣ оніе мещане, будучи отъ мене о томъ Его Сіятелства къ нимъ благоволеніи увѣрени, челобитную уже написали; но многіи съ нихъ желаютъ, для болшого прославленія благодарности Его Сіятелству, видѣть и при урядѣ своемъ имѣть заключающоесь о нихъ въ томъ ордерѣ Его Сіятелства милосердное попеченіе, и просили, чтобъ я о томъ просилъ В. В—дія. Для того покорнѣйше прошу съ оного Е. В—гр. С—ства високого ордера копію либо обстоятелную въ своемъ предложеніи прописку прислать.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 30.

---

11) *Рапортъ войта П. Назарскаго о томъ, почему нѣкоторые мѣщане не подписали наказа.*

Високородному (*и проч.*) подполковнику Н. Г. Огареву.

Репортъ.

Въ силу предложенія В. В — дія, сего числа полученного, осталось мнѣ В. В—дію отрепортовать, для чего нѣкоторіе мѣщане Лубенскіе на наказѣ депутату не подписались; и хотя о всѣхъ неподписавшихся, кто они именно, вѣдать не могу, для обявленного въ отправленномъ отъ мене сего числа къ В. В—дію репортѣ резону, но понеже отъ нѣкоторихъ изъ тѣхъ неподписавшихся слихалъ я причину неподписанія такову, которая въ сумнителство мене приводить, что ежели В. В—дію представлю, то не учинилось бы того, что при подачи отъ нихъ В. В—дію доношенія о невыборѣ другой разъ голови. Для того о томъ имѣю нижайше доложить Е. В—граф. С—ству... П. А. Румянцову и по високой резолюціи учинить на предложеніе В. В—дія исполненіе, о чемъ покорнѣйше репортую.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, априля 30.

---

12) *Адресъ лубенскихъ мѣщанъ графу Румянцеву съ просьбой о ходатайствѣ.*

Сіителнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Всевисочайшое изволеніе Е. И. В. нашей всемилостивѣйшой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской о содержаніи Вашему Висикографскому Сіятелству власти и правителства нашего отечества чествуемъ мы за особливій промислъ всещедрого и всевѣдущого Бога ко избавленію насъ отъ порабощенія нестерпимихъ и неудобъ-сказаннихъ обидъ и утѣсненій, которіе мы со всекрайнѣйшимъ розореніемъ до опредѣленія отъ Вашего Високографского

Сіятелства къ управленію намъ войтомъ войскового товарища Петра Назарского претерпѣвали. Нинѣ сколь начинаемъ ползоватся високою В. В—гр. С—ства милостію, столь благонадежны пребиваемъ, что всѣ наши нужди и недостатки, о коихъ всеподданнѣйшое челобитіе Е. И. В—ву подносимъ, силою и предстательствомъ В. В—гр. С—ства, въ скорости скончаются, оное челобите, по милостивому В. В—гр. С—ства благоизволенію, къ В. В—гр. С—ству приносимъ и нижайше просимъ быть за насъ ходатаемъ, а мы о благоденствіи и здравіи Вашего Сіятелства въ молитвахъ предъ Богомъ, въ прославленіи же имени и добротъ предъ людми тщателни пребудемъ.

Бурмистръ Иванъ Панко, Бурмистръ Дмитро Постолникъ. Мещани: Кирило Рудъ, Евтихій Гриневичъ... (*слѣд. еще 35 подписей*).

---

13) Рапортъ Огарева объ изготовленіи отдѣльныхъ прошеній отъ каждой сотни.

Сиятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцеву

Покорнѣйшій репортъ.

Я, приведя во исполненіе полученній мною сего мая 8 дня отъ В. В—гр. С—ства циркулярній ордеръ, которимъ изволили предлагать врученніе козачему депутату отъ сотенныхъ поверенныхъ накази отставить, а токмо съ прошеніями, какови отъ сотень дани повѣреннимъ, того депутата отправить, а при томъ ведая, что оному депутату отъ сотенныхъ повѣренныхъ болѣе никакихъ прошеній не вручено, кроме едного общего прошенія и наказа, почему посиланною отъ мене въ полковую Луб. канцелярію промемориею, зъ сообщеніемъ копии оного циркулярного ордера В. В—гр. С—ства, требовано, чтобъ отъ оной полковой канцеляріи во всѣ полку Лубенского сотенніе правленія чрезъ нарочнихъ предложенно, даби отъ онихъ правленій велено съ каждой сотнѣ порознь написать, въ силѣ третого обряда, челобитные или прошенія и оние прислано бъ при репортахъ въ полковую канцелярію съ однимъ каждой сотни повѣреннимъ сего мая на 13 число, и съ полковой канцеляріи тѣхъ

повѣреннихъ изъ данними отъ ихъ сотень прошеніями прислано бъ ко мнѣ безъ замедленія въ разсужденіи томъ, что хотя оной козачей депутатъ зъ данним отъ мене къ В. В—гр. С—ству репортомъ отъ 18 априля отправленъ, но я надѣялся, что оной депутатъ обратно ко мне отъ В. В—гр. С—ства присланъ будетъ, для полученія тѣхъ прошеній, или испроситъ у В. В—гр. С—ства, чтобъ тѣ прошенія къ нему переслани били. А нинѣ зъ оной полковой Луб. канцелярии при промеморияхъ прислани ко мнѣ репорти, полученние въ оной полковой канцелярии зъ сотеннихъ правленій, именно: зъ перво-Лубенского, Яблуновского, Курѣнского и Снѣтинского, да поданное въ онуюжъ полковую канцелярію отъ погостнихъ повѣренныхъ сотни перво-Лохвицкой доношение, въ которихъ репортахъ и доношеніи представлено, что тѣхъ сотень погостние повѣренніе обявили, яко они другихъ прошеній писать не могуть, а утверждаются во всемъ на общомъ прошеніи и наказѣ, которие вручени депутату. Зъ сотень же Городиской, перво-Сенчанской, второ-Сенчанской и Янишполской прислани въ оную полковую канцелярію а съ той канцелярии ко мнѣ вновь написанние прошенія, которие согласни во всемъ тому прошенію, которое отъ общества оному депутату вручено; о чемъ всемъ Вашему С—ству въ покорности моей доношу, и что повелѣть соизволите, имею ожидать резолюціи. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, мая 19.

---

14) Донесеніе о выборѣ шлях. депутатомъ Гр. Полѣтики на мѣсто отказавшагося Крыжановскаго.

Сиятелнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ

Ордеромъ Вашего Сіятелства, мною прошедшаго 22 априля полученнимъ, велено мнѣ на мѣсто г. брегадира и полковника Гадяцкого Крижановского, по означеннимъ въономъ причинамъ отъ депутатства уволенного, созвавъ всѣхъ полку Лубенского шляхетство, другого выбрать депутата. Въ слѣдствіе которого подлежащій вы-

боръ повелѣнного депутата сого 8 мая такъ приезжимъ, яко наличнимъ шляхетствомъ полку Лубенского, по означенному въ Высочайшомъ Е. И. В. манифестѣ обряду, дѣйствително состоялся и депутатомъ выбранъ при нинѣшномъ балтированіи надворній совѣтникъ и морского шляхетного кадецкого корпуса надъ ученіями главній инспекторъ г-нъ Полѣтика. А яко нинѣ вновь выбранной депутатъ въ отсутствіи въ Санктъ-Петербургѣ при своей должности находится, Высочайшимъ же Е. И. В—ва манифестомъ въ обрадѣ выбора изъ дворянъ депутата къ сочиненію проекта новаго уложенія по 25 пункту повелено: къ заочно выбранному депутату дворянскому, предводителю полномочіе и наказъ отсилать,—для того все приезжое и наличное полку Лубенского шляхетство сами собою охотно согласились къ тому выбранному отъ себе депутату, для учиненія ему скорѣйшей явки въ комисіи, учрежденной къ сочиненію плана новаго уложенія, послать на собственному своему коштѣ нарочного, возного перволубенской сотнѣ Лва Кучара, чрезъ которого отправить долженствую къ нему полномочие и тѣ точно челобитніе и наказъ, кои прежде сего выбранному отъ общества депутату были посланы, по причинѣ сей, что какъ наличніе, такъ и отсудствующие шляхетство чрезъ присланіе голоса показаннихъ челобитнихъ быть безъ премѣны положили. Я Вашему Сіятелству о семъ въ покорности моей репортую и именемъ всего полку Лубенского шляхетства нижаише прошу повелѣть дать подорожнюю на проездъ въ С.-Петербургъ отправляемому отъсель нарочному на двѣ почтовие лошадѣ въ оба пути, и ту подорожнюю приказать ко мнѣ прислать, для отправленія оного нарочного. Предводитель, бунчуковій товаришъ *Яковъ Кулябка.*

1767 года, мая 15.

1767.

XI.

Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ.

1) Рапортъ Румянцеву генеральнаго обознаго С. Кочубея о невозможности произвести выборы въ Гадячѣ и Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

За прибытіемъ моимъ въ назначенные отъ Вашего Сіятельства мѣста для приведенія въ исполненіе Всевысочайшаго Е. И. В. имяннаго указа и публикованного манѣфеста о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, первоначально какъ отъ Вашего Сіятельства сложенъ срокъ марта 4-е число для городскихъ жителей въ Гадячѣ, а после росписанны другимъ сроки, потребовалъ я отъ г. брегадира и полковника Гадяцкого Крыжановского вѣдомости о жителяхъ города Гадяча такихъ, которымъ по силѣ оного Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ при томъ положенія и обрядовъ должно выбирать депутата въ показанную учреждаемую въ Москвѣ коммисію; на что онъ г. брегадиръ и полковникъ подалъ мнѣ рапортъ: яко по опубликованіи въ г. Гадячѣ объ ономъ выборѣ депутата упомянутого манѣфеста, на сложенной отъ Вашего Сіятельства срокъ жительствующіе въ томъ городѣ разные чиновники, являсь, объявили, что въ публикованномъ при манѣфестѣ обрядѣ выбора жителямъ городскимъ депутатовъ, подъ литерою Г. по 10-му пункту, надлежитъ магистратамъ и ратушамъ или полиціямъ написать у городѣ имѣючимся домамъ списки; въ Гадяче же де ни ратуши, ни магистрата, ни къ таковымъ правленіямъ принадлежащихъ зъ жителей никакого мѣщанства ни купечества не имѣетца, а живутъ въ томъ городѣ посполитые, подданные замку Гадяцкого, владѣнія Его Сіятельства графа Кирила Григоріевича Разумовского, да разные, яко то: судовъ земскихъ и

подкоморскихъ чиновники, полковые старшины, сотники и другого войскового званія люде и козаки, съ которыхъ чиновники, то есть: шляхетство и рыцарство, вотчины и помѣстя меючіе, гражданство и земство, для выбору отъ нихъ депутата чрезъ разосланные отъ Вашего Сіятельства циркулярные листы, созывается на 15-е сего марта въ городъ Полтаву, и козакамъ 27 чиселъ сегожъ марта для собранія срокъ назначенъ, почему де отъ каждово и надлежащое виполненіе произойти можетъ; а выборъ отъ городскихъ жителей подъ магистратомъ и ратушами въ вѣдомствѣ быть долженъ, каковыхъ въ Гадячѣ нѣтъ, до ихъ де чиновниковъ и козаковъ, яко онѣ особо къ такому выбору отъ нихъ депутатовъ на назначенные сроки созываютца, не принадлежитъ; подданные жъ, яко то крестяне и слуги, въ городѣ домы имѣющіе, отъ сего выбора депутатовъ ордеромъ де Вашего Сіятельства, съ присылкою, гдѣ кому собраніе и на какіе сроки имѣть, расписанія, исключаютца, и за темъ де въ тамошнемъ городѣ для выбору отъ городскихъ жителей депутата никово не имѣетца. Въ равной силѣ и старшины полковые миргородскіе рапортуютъ: что въ городѣ Сорочинцахъ, кроме владелческихъ подданныхъ г. генералъ-маіора Гудовича, жительствуютъ токмо чиновники и козаки, которые на опредѣленные имъ сроки къ выборамъ депутатовъ имѣютъ быть собраны, другихъ же городскихъ жителей, которымъ бы виборъ дѣлать депутата отъ гражданства,—въ томъ городѣ Сорочинцахъ не имѣетца. И понеже расписанные къ выбору депутатовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ сроки прошли уже, а сближилися положенные отъ Вашего Сіятельства сроки къ выбору депутатовъ для обивателей Полтавскихъ, гдѣ дѣйствительное гражданское магистратское правленіе имѣетца, и для шляхетства повѣтовъ Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, такожъ для козаковъ полковъ: Полтавского, Гадяцкого и Миргородского, для того первоначально имѣю я привесть въ исполненіе все предписанное по изображенному Высочайшому указу въ выборѣ депутатовъ отъ гражданъ Полтавскихъ, такожъ отъ шляхетства и козаковъ предписанныхъ повѣтовъ и полковъ; выборъ же отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ депутатовъ можетъ послѣдовать,

за полученіемъ отъ Вашего Сіятельства резолюціи, после предписанныхъ выборовъ. И какъ Вашего Сіятельства въ разсужденіи прописанныхъ представленій повелѣнно будетъ поступить въ выборѣ депутатовъ отъ обывателей Гадяцкихъ и Сорочинскихъ,—покорно прошу резолюціи.

Генеральній Обозній *Семенъ Кочубей.*

Марта 8 дня, 1767 году.

---

2) Жалоба козаковъ сотень Кременчугской и Власовской объ устраненіи ихъ отъ выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Состоявшимся и во всей Россіи обнародованнымъ Всевысочайшимъ Е. И. В. указомъ, велѣно собрать въ будучую въ Москвѣ для сочиненія проекта нового уложенія предводителей и депутатовъ и о представленіи туда жъ всякова права людямъ своихъ нуждъ Всемилостивѣйше позволено; а чтобъ въ томъ никому никѣмъ и никакихъ примѣтокъ не чинено—накрѣпко запрещено; что сверхъ такова (какъ выше значитъ) обнародованія, и Ваше Высокографское Сіятельство, чрезъ присланіе въ полковую Миргородскую канцелярію предложенія, соизволили требовать съѣзду нашего въ Полтаву и о выборѣ нами нижайшими, въ числѣ съ полчанами Миргородскими, предводителя и депутата. Но командующій Кременчукомъ, ротмистръ Гавриловъ, и Власовкою—поручикъ Бабичъ, здѣлавъ промежъ собою, въ крайнюю намъ нижайшимъ обиду, проектъ, неусыпно старались, дабы, по требованію Вашего Высокографского Сіятельства и по единогласному общему нашему желанію, насъ нижайшихъ въ Полтаву съѣхатся не допустить,—созвали насъ нижайшихъ въ мѣстечко Кременчукъ и тамо вовся не дозволяли намъ составлять о своихъ нуждахъ къ Е. И. В. вышеписаннымъ указомъ прямо дозволенного прошенія и удержали насъ чрезъ двѣ неделѣ и не точію не по волѣ и желанію общему нашему, но и не допустя насъ нижайшихъ учинить указно для всѣхъ

дозволенной депутата выборъ, сами собою зъ другими еще имъ согласниками собрали депутатомъ маіора Козелского, а предводителемъ Гаврилова, и по едному своему хотѣнію написали къ Высочайшей подачи прошеніе; а насъ нижайшихъ, нибы и ненадобныхъ къ тому людей, прочъ съ Кременчука согнали и, не стыдясь, общему нашему собранію сказывали насмѣшно: что уже мы нижайшіе къ съѣзду полтавскому удобное время пропустили и за тѣмъ уже по своимъ желаніямъ вовся усьпѣть не можемъ. Но мы нижайшіе, яко многіе нужды представлять къ Е. И. В. имѣющіе, стараясь не упустить сего для точного нашего удовольства самого способнѣишого случая, пріѣздили въ назначенной было для нашего съѣзду Вашимъ В—гр. Сіятельствомъ городъ Полтаву; но за ту насъ нижайшихъ ротмистромъ Гавриловимъ и порутчикомъ Бабичемъ удержку, тамо бывшихъ чиновниковъ и другого шляхетства застать не могли, а являлись—и то уже полку Миргородского въ мѣстечку Останьи—въ Его Пр—ства г. генералъ-маіора и кавалера Семена Василіевича Кочубея и просили, чтобъ позволено было и намъ нижайшимъ, о своихъ нуждахъ составивши челобитную, поручить депутату отъ полку Миргородского выбранному, яко тѣ Кременчукъ и Власовка оба мѣстечки съ ихъ округами издревле въ границахъ полку Миргородского состоять, да и мы нижайшіе по своему въ тѣхъ мѣстечкахъ жительству въ полковой тамошней канцеляріи судомъ и росправою и козачою Е. И. В. службою вѣдомы находились; точію онъ г. генералъ Кочубей безъ точного Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнія, а паче причиною нашей въ Полтаву въ надобное время по обстоятельству вышеписанному неявки,—въ той нашей прозбѣ насъ нижайшихъ удовольствовать отказался. Вашежъ Высокографское Сіятельство, поелику имѣете отъ Е. И. В. надъ нами нижайшими, равно якъ и надъ всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, особенную власть, и есть къ достиженію намъ нижайшимъ чрезъ тотъ Всевисочайшій указъ объявленной Высокомонаршей Е. И. В. милости истинной вождь,—для того Вашего Высокогр. Сіятельства нижайше просимъ: пріемля во уваженіе вышеписанное слѣдовавшое намъ отъ нашихъ командировъ препятствіе, за неявку нашу на требованной Вашимъ

Сіятельствомъ въ Полтаву срокъ, не лишить насъ нижайшихъ сего къ полученію въ своихъ нуждахъ отъ Е. И. В. желаемого удовольства самоудобнѣйшего времени, а дозволить намъ вобще на составленной и подписанной полчанами Миргородскими и Полтавскими къ Е. И. В. челобитной подписатся, яко въ оной и о нашихъ нуждахъ не упущено. А буди зачемъ того учинить неудобно, то велѣть съѣхаться въ полковую Миргородскую канцелярію, либо другое по узнанію Вашего Сіятельства таковое жъ для насъ способное мѣсто, и тамо по вышеписанному Всевисочайшему позволенію выбрать депутата, такожъ и составить о своихъ общихъ нуждахъ къ Е. И. В. челобитную, и того, кто отъ насъ будеть депутатъ, причислить къ депутатамъ полку Миргородского. А чтобъ во всемъ томъ тѣжъ наши командиры и никто другой еще и во-вторые надъ тотъ Всевисочайшій намъ нижайшимъ дозволительной указъ не препятствовалъ, въ новоросійскую губернскую канцелярію особо приложить.

Къ сему доношенію подписались нижеписанныхъ сотень козаки: Кременчуцкіе (*слѣдують подписи 123 чел.*), Власовскіе (119 чел.), свободные посполитые: Кременчуцкіе (15 чел.) и Власовскіе (11 ч.). А вмѣсто ихъ неграмотныхъ жителствующій тамъ же значковій товаришъ Иванъ Волошинъ по ихъ прошенію руку приложилъ.

1767 году, марта „ дня.

---

3) *Рапортъ С. Кочубея Румянцеву о городскихъ и козачьихъ выборахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцеву.

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, въ резолюціи на представленіе мое состоявшійся, я получилъ; и хотя онымъ предложено, чтобъ когда, по расписанію Вашего Сіятельства, выбору головы и депутата отъ городовъ Гадяча и Сорочинецъ отъ мене здѣлано, то бы я тѣ мѣста оставивъ, доканчивалъ въ другихъ мнѣ порученное. Однакъ в разсужденіи сего, что отъ Вашего Сіятельства въ томъ же ордеры

изьснено, яко въ Сорочинцахъ, сверхъ пожалованныхъ тамо дворовъ г. генералъ-маіору Гудовичу, имѣютъ жительство и домы свои козаки и другіи чины, а въ Гадячѣ де неизвѣстно, чтобъ кому тамъ были отданы во владѣніе мѣщанскіе домы; къ тому жъ и въ ономъ городѣ есть козачіе и чиновническіе домы, которымъ, яко тѣхъ мѣстъ гражданамъ, осталось мнѣ, за исключеніемъ однихъ подданическихъ дворовъ, учинить выборъ головы и депутата. Для того, и что во всѣхъ порученныхъ мнѣ мѣстахъ повелѣнные выборы окончены уже, послалъ я въ Гадячъ къ тамошнему г. полковнику Крыжановскому, а въ Сорочинцы—старшинѣ полковой миргородской предложенія: чтобы они, по обряду о выборѣ отъ гражданъ депутата, сочинили списки всѣмъ жителямъ (кромѣ владѣльческихъ подданыхъ), дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ имѣющимъ, и оные мнѣ подали найскорие; а притомъ заготовили домъ и все потребное къ повелѣнному отъ гражданъ выбору. Я таковы списки получа, подлежащіе отъ ихъ выборы головы и депутата произведу по силѣ обряда безъ укоснѣнія.

По отпускѣ же сего, по обрядамъ здѣланны выборы въ городѣ Полтавѣ, а именно: первѣе, марта отъ 12 числа, отъ гражданства головы и депутата; другое, марта отъ 16 числа,—предводителя и депутата отъ помѣщиковъ, дворянства и шляхетства повѣтовъ: Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, которые по содержанію сего, что Ваше Сіятельство имъ всѣмъ опредѣлили одинъ срокъ и одно мѣсто къ выбору,—согласились отъ всѣхъ ихъ выбрать одного предводителя и одного депутата; третіе, марта 28 числа, въ мѣстечку Опошнемъ депутата отъ повѣренныхъ выбранныхъ отъ сотень полку Гадяцкого, къ которымъ присовокупилъ я и повѣренныхъ козачихъ полку Полтавского, вразсужденіи, что явилось оныхъ (за отходомъ, по указу, оного полку другихъ сотень въ Екатерининскую провинцію) съ пяти сотень только десять человѣкъ; четвертое, апрѣля 1, въ мѣстечку Остапьи депутата жъ отъ повѣренныхъ, выбранныхъ зъ сотень полку Миргородского. О семъ, за окончаніемъ остальныхъ выборовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ, обстоятельный репортъ Вашему Сіятельству имѣтиму

честь подать, а между тѣмъ Вашему Сіятельству въ покорности моей доношу, что при выборѣ депутата отъ козаковъ полку Миргородского послѣдовали помѣшательства слѣдующіе: старшины полковые Миргородскіе представляли на сотника Сорочинского Гончаренка, по репорту тамошнего атамана Шимкова, яко козаки Сорочинскіе, по склонности своей къ сотнику, выбрали его своимъ повѣреннымъ, которой де выборъ послѣдовалъ въ отмѣну обряда, ибо де онъ сотникъ жены не имѣетъ, и какъ зъ дѣлъ въ полковой канцеляріи извѣстно, публично за непорядки наказыванъ кіями полковникомъ и бывшей генеральной Войсковой канеляріи членомъ Кишкинымъ, и въ другихъ подозрѣніяхъ бывалъ; почему отъ меня предложено было, какъ старшинѣ полковой, такъ и сотнику Гончаренку, чтобъ ежели подлѣнно такъ есть, какъ представляютъ,—не дерзалъ онъ сотникъ быть повѣреннымъ отъ козаковъ; но велено бъ козакамъ при полковой канцеляріи выбрать повѣренныхъ такихъ, которые по тому обряду быть должны. Противу того означенный сотникъ присланнымъ рапортомъ извинялся, что онъ малѣйшою причиною не былъ тому, что его козаки выбрали своимъ повѣреннымъ, и отъ того трожды отказывался и трожды выбиранъ былъ; что же де касается наносимыхъ отъ старшинъ полковыхъ на него подозрѣній, то оные де суть измысленные по одной злобѣ, требуя, чтобъ они показали съ полковой канцеляріи указы или опредѣленія, по какимъ открывается, что будто онъ былъ за непорядки наказанъ полковникомъ Кишкинымъ и въ другихъ подозрѣніяхъ находится, изобличая ихъ. старшину, тѣмъ, что ежели бы онъ сотникъ оказался въ такихъ подозрѣніяхъ, то бы не былъ произведенъ сотникомъ, а после не былъ бы ими жъ самыми и прочими удостоенъ подкоморымъ и асауломъ полковымъ; такожъ не былъ бы выбранъ къ присудствію въ судъ Генеральный отъ полку Миргородского депутатомъ; хотяжъ жена въ него померла, однакъ имѣетъ домъ, дѣтей и свое помѣстье.—На послѣдокъ марта 27 дня, судія полковый Миргородскій Ляховичъ прислалъ рапортъ, что козаки сотнѣ Сорочинской къ выбору отъ ихъ повѣренного собраны были къ полковой канцеляріи; но они отвѣчали, что другова выбирать никого не будутъ, а уже

де выбрали сотника и слова своего не премѣнятъ. На увѣщанія жъ, чтобъ выбрали по обряду не подозрительного человѣка,—подняли въ канцеляріи превеликій и необычайный шумъ, будучи по большой части перепоены; а когда зачинщиковъ двухъ, козаковъ Ивана Мисюра и Ивана Дубовика велено задержать при полковой канцеляріи, то оные собранные козаки, закрычавъ, „не выдаймо!“, насильно вшедъ въ кантору, зъ собою отобрали задержанныхъ и отошли зъ канцеляріи зъ шумомъ; сотникъ же Гончаренко отъ таковыхъ продерзостей козаковъ не воздержавъ а на то посланному съ канцеляріи полковой ничего отвѣчать не хотѣлъ, наводя подозрѣніе, что таковы продерзости произойшли по наговорамъ яко бы его, сотника. Не соблаговолите ль Ваше Сіятельство о семъ кому заблагопристойно приказать изслѣдовать, дабы причинившій помѣшательства и неустройства въ толь важномъ дѣлѣ, которое велено производить со всякою благопристойностію и тишиною,—безъ истязанія не остался.

Я же выборъ депутата отъ козаковъ полку Миргородского, какъ выше писано, кончилъ и безъ повѣренныхъ сотнѣ Сорочинской, которые на положенный для того срокъ не явились.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 6 дня.

---

4) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ г. Полтавѣ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ получилъ я сего марта 17 дня, коимъ предостережено, чтобъ сочиненныи и мнѣ поданныи списки разсматривалъ я съ точностію: всѣ ли зъ всякого званія въ оныхъ граждане помѣщены? ибо тѣ только въ городѣ дворы виключить исъ того должно, въ которыхъ живуть люде или крестьяне владѣльческіе; и наблюдать, дабы въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ означенное себѣ мѣсто, чтобъ порядокъ предписанный для того въ обрядѣ исполненъ былъ во всемъ непремѣнно. На оное В. С—ству

въ покорности моей доношу: что до полученія прописанного В. С—ства ордера, при выборѣ городского головы и депутата поступилъ я во всемъ по обряду, и для того велѣлъ (хотя многимъ старшинамъ и шляхетству было сіе не угодно) писать въ списокъ гражданскій всѣхъ хозяевъ, не обходя никого, кто только дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ семъ городѣ имѣетъ, и при заниманіи мѣстъ досмотрѣлъ, чтобъ они садились такъ, какъ въ списки написаны, не по чинамъ или по богатствамъ, но по лѣтамъ, а именно: первые женатые, имѣющіе дѣтей, старики, а после молодые равнымъ образомъ женатые, но безъдѣтные, удовцы и холостые; въ чомъ для лучшого В. С—ства свидѣнія копію списка при семъ посылаю. О сю пору выборы отъ гражданъ головы окончены, и по большинству баловъ избранъ и уполномоченъ городскимъ головою братъ мой, подкоморій Павелъ Кочубей. При томъ же предусмотрено мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинского званія людемъ, и потому, уповательно, трудно согласится имъ будетъ здѣлать одинакіе депутату наказы.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767-го году, марта „ дня, Полтава.

---

5) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ Полтавѣ, Опошнемъ, Остапьи, Сорочинцахъ и Гадячѣ.

Сіятелнѣйшому Графу.... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По росписанію Вашего Сіятелства, въ опредѣленныхъ мнѣ местахъ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, въ учреждаемую въ Москвѣ коммисію къ сочиненію проэкта новаго уложенія,—выборы депутатовъ въ присудствіи моемъ произведены, а именно; въ городѣ Полтавѣ, въ домѣ войскового товарища Ивана Богдановича, отъ гражданъ марта съ 13-го числа чрезъ три дни балотированіемъ выбранъ городскимъ головою

подкоморій повѣта полтавского Павелъ Кочубей. 17 числа вручилъ я ему подписанное оными гражданами полномочіе, списокъ и гражданскіе ко мнѣ отзывы; 22-го числа приведены они къ присягѣ въ соборной Успенія Богоматери церквѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а 16 априля оной выбранной голова прислалъ ко мнѣ рапортъ, что подъ предводительствомъ его, по обряду, въ томъ же Богдановича домѣ граждане выбрали депутатомъ писаря городового Григорія Рогулю, полномочіе ему подписали, наказы и челобитные о нуждахъ общественныхъ гражданскихъ сочинили выбранные пять человѣкъ чрезъ 3 дней, и что поручены оные тому депутату, а копіи отданы въ сохраненіе въ церковъ соборную, священнику тамошнему, протопопу Якиму Яновскому, въ коей церквѣ и присягали. Марта 16-го съѣхавшіесь въ Полтаву шляхетство повѣтовъ: Гадяцкого, Миргородского и Остаповского, собрався въ опредѣленной имъ для выбору, въ означенной войскового товарища Богдановича домъ, держали совѣтъ: выбрать ли предводителя и депутата порозь отъ каждого полку или повѣту, или всѣмъ вмѣстѣ одного? И что В. С—ство опредѣлили съѣхатся показанныхъ повѣтовъ шляхетству на одинъ срокъ и въ одинъ городъ, для того и они въ сходство того положили выбрать отъ всѣхъ ихъ одного предводителя и одного депутата; и 17 марта чрезъ балотированіе выбрали своимъ предводителемъ судію земского повѣта Зѣнковского Федора Войну; 20 врученно отъ меня ему подписанное отъ нихъ полномочіе, такожъ записку прибывшихъ шляхетства и отъ неприбывшихъ присланные отзывы. И по соглашенію ихъ, 21 числа приведены они въ соборной церквѣ къ присягѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а истекшаго марта 31-го оной предводитель, присланнымъ ко мнѣ рапортомъ, представилъ: что подъ его предводительствомъ съ 21-го числа тогожъ марта, чрезъ два дни предписанные, шляхетство балатированіемъ выбрали депутатомъ бунчукового товарища Василія Дунина Борковского, въ чемъ и полномочіе ему подписали, после чего выбранными пятьма человѣками сочиненные наказъ и прошенія, подписанны и отправлены онымъ предводителемъ къ депутату, яко отсутственному; а копіи де отданы въ ту жъ со-

борную церковь священнику, протопопу Яновскому. Марта 28-го въ мѣстечку Опошнемъ собрались съ полковъ Полтавского и Гадяцкого выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные, и какъ съ полку Полтавского, за отходомъ по указу протчихъ сотень подъ новороссійскую губернію, зъ остальныхъ пяти сотень прибыло повѣренныхъ только десять человѣкъ; то оные десять человѣкъ присовокупилъ я къ повѣреннымъ полку Гадяцкого; и потому всѣхъ тогожъ 28-го числа въ соборной тамошнѣй церквѣ привелъ до присяги о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ опредѣленномъ домѣ, протопопы Опошнянского, Якова Костенского, балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ козака сотнѣ Комишанской Степана Иванова; которому тогожъ числа подписали повѣренные полномочіе, которое отъ меня и вручено ему; а повѣренные отдали отъ себя наказы и прошенія свои; списки жъ съ того положены въ той же соборной церквѣ, подъ охраненіе священника тамошнего, протопопа Костенского.

Съ полку Миргородского выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные (кроме Сорочинскихъ, которые на срокъ не прибыли) собрались въ посредственное того полку мѣстечко Остапье, гдѣ априля 1-го привелъ я ихъ въ соборной Воздвиженія Честного креста церквѣ къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ домѣ возного Григорія Андрузского балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ сотнѣ второй Миргородской вознаго Марка Тимофѣева, которому тогожъ числа полномочіе подписали, и я оное ему поручилъ, повѣренные жъ отдали отъ себя наказы и прошенія; списки жъ зъ того положены въ церквѣ соборной, въ соблюденіе священнику тамошнему Сильвестру. Въ городѣ Сорочинцахъ, еще до полученія послѣднего отъ В. С—ства предложенія, въ коемъ изволили между протчіимъ предписывать: въ Гадяче и Сорочинцахъ выборъ оставить, и объявить мѣщанамъ (буде оные тамъ есть), чтобы они о общихъ нуждахъ для представленія Е. И. В—ву прямо къ Вашему Сіятельству адресовались,—выборъ головы учиненъ; и хотя по большинству избирательныхъ голосовъ и удостоенъ былъ гражданами города Сорочинецъ головою сотникъ Сорочинскій Гончаренко, но за показуемими на него отъ полковой тамошней старшины пороками, по предписанному жителямъ городскимъ обряду,

пункту 4-му, допустить его къ тому было не можно, а объявленъ городскимъ головою увольненный судія полковый Федоръ Козачковскій, на которого по немъ, Гончаренку, больше всѣхъ протчихъ одобряющихъ голосовъ явилось. Оной голова сего априля 23-го числа рапортомъ представилъ, что подъ его предводительствомъ такъ же выбранъ былъ означенный сотникъ Сорочинскій Гончаренко гражданами въ депутаты, однакъ де по вышеписаннымъ резонамъ быть ему онымъ было не можно; и что на его мѣсто удостоенъ городскимъ депутатомъ старшій полковый Миргородскій канцеляристъ Лука Пищимукъ. Въ городѣ жъ Гадячѣ выборъ головы и депутата, въ сходство вышеизображенного В. С—ства предложенія,—я оставилъ и требовалъ отъ тамошнего начальства, управляющого гражданскою полиціею, изъясненія о мѣщанствѣ того города; но иного въ отвѣтъ получить не моглъ, кромѣ того, что съ имѣючихся въ судѣ гродскомъ Гадяцкомъ книгъ древнихъ годовъ и въ нѣкоторыхъ тамошнихъ жильцовъ крѣпостей отъ 1694 до 1720 годовъ и далѣе того данныхъ, въ росправахъ на покупные и присуженные грунта, описаніе старшинъ, войтовъ и бурмистровъ Магистрату Гадяцкого, засѣдавшихъ съ полковою и сотенною старшиною въ ратушѣ Гадяцкой же, которой и печать при гродскомъ тамошнемъ судѣ имѣется съ тѣмъ изображеніемъ: *„1691 году вѣрного Царскому Пресвѣтлому Величеству города Гадяча Магистратовая печать,“* о чемъ съ оного рапорта В. С—ство усмотрѣть изволите. Какимъ же порядкомъ по предписаннымъ обрядамъ оные выборы мною произведены,—объ оныхъ обстоятельные записки со всѣми письменными производствы у меня имѣющіеся, кому В. С—ство повелите поручить,—предаю высокому В. С—ства размотрѣнію.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 30 дня.

6) Донесеніе полковника Станиславскаго, назначеннаго произвести слѣдствіе о безпорядкахъ въ м. Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову.

Пермского Карабинерного полку отъ полковника Станиславского

Покорнѣйшій Репортъ.

Отъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеръ, пущенной отъ 19 апреля, подъ № 131-мъ, о изслѣдованіи мнѣ по произшедшимъ въ полковой Миргородской канцеляріи, при случае выбора отъ Сорочинской сотни повѣренного отъ козаковъ, нѣкоторыхъ непорядковъ,—сего апреля 25 числа въ мѣстечкѣ Устивицѣ я получилъ, и во исполненіе оного ордера 26 числа въ мѣстечко Сорочинцы прибылъ и въ производство слѣдствія вступилъ.

Полковникъ *Сергей Станиславскій*

Ч. 30 апреля 1767 году, мѣстечко Сорочинцы.

---

7) Рапортъ С. Кочубея о козачьихъ челобитныхъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства, прошлого маія 4 дня мною полученному, въ посланныхъ отъ меня предложеніяхъ какъ къ г. полковнику Полтавскому Горленку, такъ полковой Гадяцкой и полковой Миргородской старшинѣ предписано: призвавъ выбранныхъ отъ полковъ, ихъ депутатовъ, освидѣтельствовать козацкія прошенія, въ сходство ль обряда и прописанного В. С—ства ордера оные сочинены? и ежели что явится въ противность предписанному ордеру, то въ поправленіи того и поступить по точности В. С—ства повелѣнія. Почему г. полковникъ Полтавскій сего іюля 16 мнѣ рапортовалъ, что по силѣ оного ордера В. С—тва врученая отъ козаковъ полку Полтавского выбранному отъ нихъ депутату челобитная въ полковой Полтавской канцеляріи свидѣтельствована, и по разсмотрѣнію оной канцеляріи явилось: первое, что она составлена вмѣстѣ отъ всего полку Полтавского сотень, и къ тому въ ней привнесены нѣкоторія пункты,

до козаковъ непринадлежащія; для того де посланными съ полковой канцеляріи въ сотнѣ полку тамошнего къ сотникамъ указами велено: дабы отъ сотенныхъ канцелярій объявлено было козакамъ, чтобъ они отъ всякой сотнѣ порознь сочинили прошенія о своихъ нуждахъ, токмо въ тѣ прошенія ничего лишняго отнюдъ не привносили бъ, что и сложено на сотниковъ тамошнихъ, дабы оныя прошенія сочинены были по силѣ обряда; по которымъ де предложеніямъ сочиненныя вновь челобитныя въ полковую канцелярію и присланы. Но и въ оныхъ челобитныхъ нетокмо ничего не виброшено, но еще въ нѣкоторыхъ и новые пункты прибавлены, а въ протчіихъ тожъ самое, что и въ первой; и потому посланными въ другой разъ съ полковой Полтавской канцеляріи ко сотникамъ указами велено козакамъ объявить: чтобъ они прошенія свои сочинили вновь, не примѣшивая отнюдъ ничего посторонного. Но какъ отъ сотнѣ второй полковой рапортомъ въ полковую канцелярію представлено, что оной сотнѣ козаки другихъ прошеній сочинять уже не захотѣли и въ томъ ослушались, отъ депутата жъ помянутого Иванова требуется скорой присилки показанныхъ къ нему прошеній, и для того де онъ г. полковникъ Полтавскій, не дожидаясь уже присылки другихъ сотень, какъ первую челобитную, составленную было вообще, такъ и вновь, уже порознь сочиненныя, при репортѣ своемъ подъ разсмотрѣніе представилъ. А отъ полковой Миргородской канцеляріи рапортовано, что по свидѣтельствованіи составленныхъ козаками о ихъ нуждахъ и недостаткахъ прошеній, явилось: что оные сочиненны въ сходство дозволенія, въ обрядѣ предписанного, и что оныя депутату козачому порученны, съ приложеніемъ при томъ рапортѣ, какого содержанія оныя козачія прошенія, экстракта. О чемъ Вашему Сіятельству докладывая, какъ выше упомянутыя, прысланныя отъ полковника Полтавского козацкія челобитныя, такъ и съ полковой Миргородской канцеляріи сегожъ іюля 16 при репортѣ полученной мною экстрактъ, сочиненной съ прошеній козацкихъ полку Миргородского, подъ высокое В. С—ства благоразсмотрѣніе и резолюцію при семъ доношу.

Семенъ Кочубей.

1767 году, іюля „ дня.

1767.

XII.

Выборы въ войскѣ Запорожскомъ.

Сіятелнѣйшому Графу Его Высокопревосходительству... (*и проч.*) П. А. Румянцову

Репортъ.

Вашего Высокографского Сіятельства высокій ордеръ о выборѣ, въ силу публикованного манифеста Е. И. В., декабря 14 числа 1766 года состоявшогось, въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію сочиненія проекта нового Уложенія отъ войска Запорожского одного депутата, мы съ г. полковникомъ Милорадовичемъ сего теченія 21 числа получили, по которому съ нашимъ раболѣпнѣйшимъ усердіемъ жертвуя сему Всемилостивѣйше и Всевысочайше предпринимаемому учрежденію, по предписанному отъ Вашего Высокографского Сіятельства, чрезъ выбранныхъ и уполномоченныхъ отъ всякого куреня по пяти человѣкъ повѣренныхъ въ назначенный отъ оного г. полковника Милорадовича день и мѣстѣ, то есть сего теченія 27 дня, въ куренѣ Шкуринскомъ, въ присутствіе его г. Милорадовича, выбрали отъ войска Запорожского депутатомъ бывшого войскового судью Николая Тимофѣева Касапа, во всемъ по точности предписаній къ тому въ приложенномъ при манифестѣ обрядѣ; послѣ чего подлежащее въ войскѣ, по здѣшному обычаю, о нуждахъ и недостаткахъ здѣшнихъ общественно учиня совѣтъ и составивъ всеподданнѣйшія прозьбы, оного депутата въ Сенатъ отправленіемъ по всѣй возможности поспѣшать долженствуемъ. О чемъ Вашему Высокографскому Сіятельству покорнѣйше репортуемъ.

Правящій въ войскѣ Запорожзкомъ войсковий судия Павелъ Головатій. Старшини куренние, атамани і товариство.

1767 года, марта 27.
№ 871.

Отмѣтка: Полученъ априля 11 дня, 1767 году.

Оглавленіе.

стр

Предисловіе . . . . I—IV

Отд. I: Наказы и прошенія малороссійскаго шляхетства.

1. Наказъ Глуховскаго шляхетства 3
2. Наказъ Черниговскаго шляхетства 9
3. Наказъ Прилуцкаго шляхетства 23
4. Прошеніе того же шляхетства. 31
5. Наказъ Переяславскаго шляхетства 36
6. Прошеніе Лубенскаго шляхетства 46
7. Прошеніе Румянцеву того же шляхетства. 56
8. Наказъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго шляхетства. 61
9. Прошеніе того же шляхетства. 67

Отд. II. Наказы малороссійскихъ городовъ.

1. Наказъ жителей города Глухова 73
2. Наказъ жителей города Чернигова. 78
3. Наказъ жителей города Погара 88
4. Наказъ жителей города Стародуба 101
5. Наказъ жителей города Полтавы. 113
6. Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей Лубенъ . . . 124
7. Наказъ жителей г. Лубенъ. 138

Отд. III: Наказы и прошенія малороссійскихъ козаковъ.

1. Наказъ козаковъ Черниговскаго полка 142
2. Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка. 150
3. Наказъ козаковъ Прилукскаго полка 156
4. Прошеніе козаковъ Миргородскаго полка 164

Отд. IV: Представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ.

страп.

1. Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата 167
2. Прошеніе малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія 177

Отд. V: Документы, относящіеся къ выборамъ депутатовъ.

1. Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ. 185
2. Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки . . 187
3. Выборы въ Глуховѣ 188
4. Выборы въ Черниговскомъ полку 192
5. Выборы въ г. Козельцѣ. 210
6. Выборы въ Стародубскомъ полку 212
7. Выборы въ г. Погарѣ 219
8. Выборы въ Прилуцкомъ полку 226
9. Выборы въ Переяславскомъ полку 246
10. Выборы въ Лубенскомъ полку. 259
11. Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ 278
12. Выборы въ войскѣ Запорожскомъ 292

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ „Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 года" [1]).

А.

Абрамовичъ Ив., ат. сот. волын. 205.
Абрамовскій Корн., в. т. 194, 204.
Авеселовскій Ив., кз. черниг. 197.
Адамовичъ Пот., актуаріусъ 77.
Александровичъ Алексѣй, свящ. церкви Никольск. лубен. 134.
Александровичъ Ив., абш. подк. 53, 58.
Александровичъ Ив., ас. полк. 9.
Александровичъ Ив., суд. гр. прил. 30, 35, 227, 239.
Александровичъ Ив., суд. полк. прил. 238. 241.
Алексѣевъ Алексѣй, прапорщ. 240.
Алексѣевъ Мих., вик. свящ. Никол. лубен. церкви 134.
Алексѣй Михайловичъ, царь 4, 6, 24, 25, 28, 68, 79, 88, 102, 105, 110, 138, 142, 148, 152, 158, 167, 175, 178, 181.
Андреевъ Григ., поном. лубен. Троиц. церкви 137.
Андреевъ Иванъ, волторнистъ в. муз. 135, 137.
Андріевскій Прок., квартерм. сот. погарск. 222.
Андрузскій Григ., возный остап. 288.
Андрущенко Троф., пов. сот. первоварвинс. 162, 242.
Анна Іоанновна, имп-ца 5, 17, 24, 26, 39, 41, 42, 44, 47, 159.
Антоненко Лукьянъ, кз. козелец. 211.
Антоненко Пав., кз. с. стол. 149, 208.
Антроповъ Степ., мѣщ старод. 112.
Апостолъ Дан., гетм. 25, 26, 91, 92, 109. 110, 143.
Артеменко Андр., мѣщ. козелец. 212.
Артеменко Дан., мѣщ. козел. 212.
Аѳанасьевъ Андр., з. т. 54.
Аѳанасьевъ Ив., цилюрикъ полк. 136.

Б.

Бабичъ Дем., прил. полк. канц. 241.
Бабичъ Оникѣй, кз. с. кисел. 149, 207.
Бабичъ, поруч. 280, 281.
Базил(і)евичъ Гр., з. т. 193, 203.
Базилевичъ Петръ, актуаріусъ 77.
Базилевскій Гр., суд. зем. 64, 69.

[1]) Такъ какъ документы печатались не съ подлинниковъ, а съ копій, то нерѣдко одно и то же имя въ разныхъ мѣстахъ пишется различно, въ указателѣ такія разночтенія указаны въ скобкахъ или, если различны и начальныя буквы, то при каждомъ такомъ имени сдѣланы соотвѣтственныя указанія. Приводимъ главнѣйшія сокращенія: абш.—абшитованный; ас.—асаулъ; атм.—атаманъ; арт.—артиллеріи; бурм.—бурмистръ; б.—бунчуковый; в.—войсковой; вз.—возный; ген.—генеральный; гр.—гродскій; зем.—земскій; з.—значковый; канц.—канцеляристъ; кз.—козакъ; ком.—коморникъ; комп.—компанейскій; лавн.—лавникъ; мщ.—мѣщанинъ; пис.—писарь; пов.—повѣтовый; подк.—подкоморій, подкоморскій; подс.—подсудокъ; полк.—полковой; сотн.—сотникъ; сот.—сотенный; суд.—судья; т.—товарищъ; хрж.—хорунжій; цехм.—цехмистръ.

Бакланъ, обоз. пов. иваниц. 240.
Бакуринскій Андр., в. т. 193, 203.
Бакуринскій Ив., в. т. 194, 204.
Бакуринскій Яковъ, регистр. 187.
Балѣй Сид., мѣщ. прилуц. 232.
Барабашъ Өедоръ, кз. лубенск. 136.
Барановскій Степ., суд. полк. кіев. 210, 246, 251, 253, 254.
Баришавецъ Дан., райца черниг. 199.
Баско Тар., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Батло Якимъ, мѣщ. прилуц. 233.
Бахчевскій Ив., в. канц. 246, 251, 256.
Бедауровъ Ив., отст. капит. новосерб. гус. эскадр. 230.
Безбородко Алдръ, б. т. 192, 203.
Безбородко Андрей Яковл. суд. ген. 192, 200, 201, 202, 247, 248, 249, 250, 258, 259.
Безуглый Ант., мѣщ. прилуц. 236.
Белашъ (Бѣлашъ) Гр., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Белей, возн. пов. погар. 225.
Белону(о)жка Иванъ, кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Белый Андрей, кз. лубен. 135.
Бережненко (Бережный) Лаз., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Бережный Наз., кз. лубен. 135.
Бибиковъ Алдръ Ильичъ, маршалъ ком. составл. уложенія 178.
Билявскій Яковъ, райца черниг. 197.
Бичокъ Григ., мѣщ. черниг. 198.
Бобиръ Ром., сотн. столинск. 204.
Бобровскій Дм., хрж. корибутов. 31, 36.
Богаевскій Юрій, в. т. 65, 70.
Богданенко Пав., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Богдановичъ Андрей, в. т. 66.
Богдановичъ Гр., в. т. 66, 70.
Богдановичъ Иванъ, в. т. 66, 70, 286, 287.
Богдановичъ Іоаннъ, свящ., намѣстн. лубен. 134.
Богдановъ Никиф., канц. лубен. полк. канц. 60.
Боголѣвъ Троф., з. т. 193.
Богомулецъ Карпъ, в. т. 211.
Бо(у)гушъ Сид., кз. сот. люб. 150, 209.
Божко Андрей, возн. сот. яблон. 54, 60.
Божко Дем., мѣщ. прилуц. 234.
Божко Ив., кз. лубен. 137.
Болянскій Сем., в. т. 65.
Бондарь Ив., кз. лубен. 137.
Бондаръ Кондр., мѣщ. козелец. 212.
Бордадимъ Ив., райца черниг. 196.
Бордаковскій Матв., в. т. 9.
Бордаковскій Степ., з. т. 9.
Бордиковскій Аө., мѣщ. старод. 112.
Борецкій Зин., обоз. полк. кіев. 211.
Борисенко Өедоръ, кз. сот. вибельск. 149, 207.
Боровыковскій Алексѣй, з. т. 66.
Бородуха Севаст., абш. в. канц. 205.
Борсукъ Андрей, кз. сот. городн. 150, 210.
Борсукъ Вас., кз. сот. городн. 150, 210.
Борщиговецъ Никита, мѣщ. лубен. 135.
Борщъ Гр., мѣщ. прилуц. 236.
Бочко Моисей, канц. черн. магистр. 88.
Бояриновъ Иванъ, кз. сот. городниц. 150, 209.
Брагинецъ Троф., б. бурм. козелец. 211.
Брагинецъ Өедоръ, кз. козелец. 211.
Брагынецъ Яковъ, в. канц. 9.
Бразоль Вас., сотн. грунскій 65, 70.
Брезкунъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Брезкунъ Ром., кз. стародуб. 112.
Брехунъ Сав., кз. сот. любец. 150, 209.
Брижаха Гр., мѣщ. лубен. 135, 263.
Брижаха Дан., кз. лубен. 136, 137.
Брижаха Кирило, кз. лубен. 136, 137.
Бринзоха Сав., мѣщ. прилуц. 235.
Британовскій Сем., в. т. 31, 35.
Броварникъ Макс., мѣщ. козелец. 212.
Бровко Лев., мѣщ. козелец. 212.
Брожко Өедоръ, райца козелец. 211.
Брюховецкій Ив. Март., гетм. 90.
Бубликъ Гр., бурм. черн. 197, 200.
Бубликъ Яковъ, з. т. 195, 204.
Бубликъ Өедоръ, з. т. 194, 204.
Бужинскій Гр., в. т. 65, 70.
Булавкинъ Вас., в. т. 193, 203.
Булавкинъ Ив., б. т. 203.
Булахъ Каленикъ, кз. лубен. 136.
Булгакъ (см. Чумакъ) Ив., кз. сот. полк. черниг. 207.
Булюба(о)шъ Мих., полк. лубен. хрж. 53, 58.
Булюба(о)шъ Өед., пис. зем. пов. лубен. 53, 58.

Бутей(н)ко Дан., мѣщ. прил. 232, 235.
Бутенко Остапъ, в. т. 31, 35.
Бутенко Сем., в. т. 31, 35.
Бутовичъ Дан., в. т. 8.
Бутовичъ Ив., в. т. 195, 204.
Бутовичъ Ив., сотн. зеньков. 65.
Бутовичъ Лукьянъ, сотн. зеньк. 65.
Бутовичъ Степ., б. т. 195, 204.
Буцкій Ив., в. т. 67, 70.
Буявинскій Ив., возн. сот. глухов. 77.
Бѣленченко Ив., старш. полк. канц. гадяц. полка 65, 70.
Бѣлецкій Гр., атам. краснокол. 31, 36.
Бѣлецкій Ив., ас. красноколяд. 31, 36.
Бѣлецкій Ив., в. т. 31, 35.
Бѣлецкій Ром., в. т. 31, 35.
Бѣлецкій-Носенко Никиф. полк. ас. прилуц. 30, 35, 238.
Бѣличевскій Іосифъ, кз. гор. ромен. 135.
Бѣлоусъ Петръ, хрж. полк. артил. 240, 241.
Бѣлуха Дм., б. т. 66.
Бѣлуха Петръ, в. т. 66.
Бѣльскій Ив., цехм. кравец. глухов. 77.

В.

Вакуленко Гр., мѣщ. прил. 236.
Вакуленко Степ., мѣщ. прилуц. 233.
Валковскій Клим., адвокатъ 77.
Васенко Лаврентій, канц. полк. лубен. канцел. 55, 60.
Василенко Андрей, кз. сот. сребран. 161, 241.
Василенко Ив., в. т. 9.
Васильевъ Авр., мѣщ. прилуц. 233.
Васильевъ Кондр., кз. город. лубен. 134.
Васильевъ Θедоръ, хрж. сот. иваниц. 31, 36.
Васковичъ Лаз., мѣщ. стародуб. 112.
Ващенко Ант., райца козелец. 211.
Векличъ Θед., мѣщ. прилуц. 232.
Велентѣй Лука, в. канц. 77.
Величко Евт., з. т. 55.
Величко Яковъ, суд. зем. пов. прилуц. 30, 34, 239, 243.
Велѣнскій Гр., в. т. 216.
Вербицкій Макс., кз. лубен. 137.
Вербицкій Николай, нотаріусъ 77.
Вечарка Мих., з. т. 66.
Винда Никиф., в. канц. 77.
Винникъ Лук., кз. лубен. 136.
Витолтъ, вел. кн. литов. 170.
Вишнювскій Исид., возн. сот. хорол. 66.
Владиславъ IV, кор. польск 79.
Владиславъ-Ягелло, кор. польск., вел. кн. литов. 25.
Власенко Илья, мѣщ. прил. 232, 236.
Власовъ Никиф., кз лубен. 136.
Власовъ Никола, кз. лубен. 136.
Власѣка Θома, мѣщ. прилуц. 235.
Вовкъ Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Война Θедоръ, суд. зем. пов. зеньков. 67, 287.
Войтенко Власъ, в. т. 31, 35.
Войтенко Петръ, в. т. 54, 59.
Войцеховичъ Гр., в. т 195, 204.
Войцехъ Андрей, з. т. 77.
Воливачъ Ив., в. т. 66.
Волошинъ Ив., з. т. 282.
Волчанскій Никиф., канц. полк. лубен. канц. 55.
Воробей Карпъ, мѣщ. козелец. 212.
Вынникъ Степ., мѣщ. лубен. 136.
Вышынскій Сем., з. т. 9.
Вѣтвицкій Григорій, в. полк. муз. довбышъ 136.

Г.

Гавриленко Никиф., кз. сот. понурниц. 150, 210.
Гавриловъ, ротм. 280, 281.
Гайдукъ Демьянъ, сотн. ромен. 53, 59.
Галаганъ Ив., б. т. 238.
Галичинъ Яковъ, канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Галущенко Лукьянъ, мѣщ. лубен. 136.
Галѣберъ Пав., мѣщ. прилуц. 134.
Гамалія Ив., в. т. 54, 59.
Гамалія Іос., б. т. 54.
Гамалѣя Мих., сынъ б. т. 54.
Гаменда Илья, мѣщ. стародуб. 113.
Гамзуль Алексѣй, мѣщ. настарод. 112.
Ганнотенко Хар., мѣщ. луб. 136, 264.
Гапеевъ Власъ, мѣщ. старод. 112.
Гафмарешъ Петръ, лавн. старод. 112.
Гвоздикъ Вас., кз. сот. вибельск. 149, 207.
Геевскій Ив., в. т. 66.
Гейваровскій Андроникъ, в. канц. 9.

Герасимовъ Петръ, в. т. 76.
Гервасій, еп. переясл. 257, 259.
Гергель Вас., канц. 54, 55, 59.
Гергелъ Пав., канц. полк. луб. канц. 60.
Гершунъ Лука, в. т. 66.
Гета Григ., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Гета Макс., бурм. прилуц. 232, 235.
Гетинъ зять Өедоръ, мѣщ. прил. 234.
Гетунъ Макс., пис. сот. погарск. 222.
Гиркало Кондр., кз. гор. ромен. 135.
Гла(о)мазда Ив., сотн. (?) 194, 204.
Глинскій Вас., мѣщ. черниг. 198.
Глинскій Дм., мѣщ. прилуц. 236.
Глинскій Игн., райца черниг. 199.
Глинскій Осипъ, мѣщ. черниг. 199.
Глоба Ив., з т. 66.
Глоба Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Глоба Илья, мѣщ прилуц. 233.
Глоба Іос. мѣщ. прилуц. 233.
Глоба Степ., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Глуздъ Наз., б. войтъ козелец. 211.
Глухій Өедоръ, кз лубен. 135.
Глущенко Григорій, кз. сот. городниц. 150, 209.
Голенковскій Пав., в. т. 31.
Голецъ Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Головатый Пав., в. суд. 292.
Головко Іосифъ, кз. сот. монастырис. 161, 242.
Головокъ Евф., мѣщ. черниг. 199.
Голѣвецъ Сав., в. т. 31, 35.
Гончаренко, сотникъ сорочинск. 284, 285, 288, 289.
Гончаръ Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
Гончаръ Карпъ, мѣщ. любец. 263.
Гончаръ Кондр., мѣщ. люб. 136, 264.
Горбъ Клим., кз. лубен. 137.
Горбъ Никита, мѣщ. лубен. 135, 263.
Горгѣлъ Сам., мѣщ. козелец. 212.
Горковскій Дем., мѣщ. глухов. 77.
Горкушенко Сав. мѣщ. любец. 263.
Горленко Гр., подком. пов. иванпц. 30.
Горленко Гр., б. т. 239.
Горленко Петръ, б. т. 30, 34, 238, 239, 241.
Горленко, полк. полт. 290.
Горленко Өедоръ, мѣщ. прилуц. 234.
Горощенко Андр., мѣщ. прилуц. 232.
Горощенко Арт., мѣщ. прилуц. 234.
Горощенко Лук., мѣщ. прилуц. 233.
Госскій Емел., з. т. 9.
Грабаръ Ив. Өед., райца погар. 88, 220.
Гра(и)бовецъ Сем., кз. сот. седнев. 148, 206.
Г(Д)ранковскій Евф., пис. черниг. магистр. 88, 197.
Гребянка Дем., кз. сот. седн. 148, 207.
Грекосъ Андрей, отст. прапорщ. 240.
Грембецкій Вас., з. т. 196, 198.
Гречановскій Ив., кз. погар. 222.
Грибовецъ см. Грабовецъ.
Грибъ Дем., райца черниг. 199.
Грибъ Ив., райца черниг. 199.
Григоріевъ Сем., кз. и пояом. лубен. соб. церкви 137.
Григоровичъ Алдръ, в. канц. 76.
Григоровичъ Петръ, б. т. 196.
Григоровичъ-Курсановичъ Петръ, б. т. 205.
Григоровскій Өедоръ, в. канц. 77.
Григорьевъ Өедоръ, в. т. 31, 35.
Гриневичъ Евт., мѣщ. любец. 137, 275.
Гриніевичъ Фил., з. т. 211.
Гринко Евт., мѣщ. лубен. 263.
Гринченко Ив., кз. лубен. 135.
Грищенко Дан., мѣщ. черниг. 197.
Грищенко Мих., кз. сот. вол. 150, 209.
Грищенко Петръ, мѣщ. черниг. 197.
Грозинскій Петръ, в. т., войтъ стародуб. 110.
Грона Ив., мѣщ. прил. 232, 235.
Грона Ив., мщ. прил. 233, 235.
Грудницкій (на стр. 55, 231 и 234 Груднѣцкій, на стр. Груднина) Мих., з. т., гол. прилуц., 31, 35, 228, 231, 234.
Губскій Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Губскій Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Губскій Сам., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Губскій Тим., мѣщ. прил. 232, 235.
Губчицъ Вас., б. т. 219.
Гудовичъ, ген.-м. 279, 283.
Гузъ Яковъ, кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Гуленицкій (на стр. 240 Гуленко) Ив., в. канц. 240, 241.
Гуленко(въ)Ив., воз. пов. прилуц. 30, 35.
Гурамовъ кн. Дав., поруч. 67.
Гурскій Ант., полк. канц. 203.

Гурскій Гавр., з. т. 192, 203.
Гуторъ Вас., кз. сот. городн. 150, 209.

Д.

Давидовичъ Алдръ, сот. в. канц. 8, 77.
Даниле вскій Ив., райца черниг. 197.
Данилевскій Левъ, полк. миргор. хрж.65.
Даниловичъ Ив., в. т. 194. 204.
Даниловъ Кир., кз. козелец. 211.
Даниловъ Юрій, кз. 76.
Даничъ Ив., з. т. 194, 204.
Данчичъ Троф., абшит. атам. сребран. 31, 36.
Данковскій Яковъ, в. т. 54, 59.
Дараганъ Кл., кз. сот. журавн. 162, 242.
Даценко Фил., бурм. прилуц. 232, 235.
Дацѣй Макс., мѣщ. прилуц. 136, 263.
Дачевскій (на стр. 53 Рвачевскій) Род., ас. полк. лубен. 53, 58.
Дебогорѣя-Мокріевичъ Алдръ, б. т. 203.
Дебогорѣя-Мокріевичъ Пав., б. т. 203.
Дебогорія-Мокріевичъ Степанъ, войск. канц. 203.
Дебогорія-Мокріевичъ Өедоръ, войск. канц. 203.
Демененко Ив., мѣщ. прилуц. 237.
Демидовскій Емел., з. т. 195, 204.
Демяновичъ Кир., в т. 66.
Демяновъ Март., мѣщ. черниг. 197.
Демченко Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Денбовскій Леонъ, з. т. 112.
Денисенко Никита, кз. прилуц. 234.
Денисенко Ром, мѣщ прилуц. 232.
Денисенко Өедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дергунъ Андрей, в. канц. 77.
Дергунъ Сергѣй, суд. зем. пов. глухов. 8, 76, 191.
Дерѣй Андрей, кз. город. ромен. 135.
Дехтенко Тих., воз. опошан. 66.
Джева(я)г(л)а Яковъ, воз. грод. прилуц. 30, 35, 234.
Джигель Зѣн., цехм. калачниц. прилуц. 232.
Джигѣль Мир., мѣщ. прилуц. 233.
Джура Матв., мѣщ. погар. 224.
Джура Филим., сот. ат. погар. 222.
Дзекало Гр., кз. лубен. 135.
Дзвонкевичъ Георгій, сотн. бѣлоус. 196, 205.
Дзюба Макс., б. бурм. козелец. 211.
Дирка Пав., кз. лубен. 137.
Діяковскій Андрей, в. т. 211.
Діаковскій Іосифъ, б. т. 8.
Дмитренко Мих., мѣщ. козелец. 212.
Дмитренко Парф., мѣщ. козелец. 212.
Дмитріевъ Коз., мѣщ. стародуб. 112.
Добрицкій Ив., возн. подком. суд. нов. менск. 205.
Довгаль Лавр., сынъ б. т. 204.
Довгаль Яковъ, з. т. 194, 204.
Доморка Мих., з. т. 196, 198.
Донецъ Ив. в. т. 31, 36.
Дорошенко Степ., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Дранковскій (см. Гранковскій) Евф., пис. магистр. черниг. 197.
Драчевскій Вас., воз. сот. синяв. 194, 204.
Дрипаненко Гр., мѣщ. лубен. 136.
Дроботко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Дроботко Өедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дубовикъ Гр., сотн. городн. 195, 204.
Дубовикъ Ив., кз. сорочин. 285.
Дубскій Степ., канц. полк. прилуц. 31, 36.
Дуда Ив., кз. козелец. 211.
Дудка Гр., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Дудка Куз., мѣщ. прилуц. 233.
Дудка Пав., мѣщ. прилуц. 237.
Дудка Петръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дундарь Гр., кз. сот. слаб. 149, 207.
Дунинъ-Борковскій Вас., б. т. 61, 205, 218, 287.
Дунинъ-Борковскій Мих., суд. зем. пов. черниг. 192, 203.
Дѣгтярь Дем., кз. гор. лубен. 135.
Дѣгтярь Наз., кз. лубен. 135.
Дяченокъ Сем., кз. сот. вибельск. 149, 207.

Е.

Евдокимовъ Іоаннъ, дьяк. соб. лубен. церкви 134.
Евсѣевъ Сем., в. канц. 76.
Евтифьевъ Өедос., лавн. стародуб. 112.
Евфиміевъ Матв., возн. пов. ромен. 54. 59
Екатерина II Алекс., имп. упоминается почти на каждой страницѣ.
Елисавета Петровна, имп. 7, 25, 26,

27, 34, 39, 44, 49, 51, 91, 96, 97, 99, 105.
Елисеевъ Герас., бурм. и гол. стародуб. 213.
Енко Григ., купецъ 197.
Енко Мих., бурм. черниг. 196.
Енко Николай, мѣщ. любец. 263.
Ерковскій Ив., з. т. 204.
Ермолаевичъ Дем., войтъ стародуб. 104. 111.

Ж.

Жаданъ Ѳедоръ, з. т. 54, 59.
Жадько Ѳедоръ, сотн. зеньков. 65.
Жайворонковъ Авт. ст. в. канц. 8, 77.
Ждановичъ Вас., в. т. 193, 203.
Ждановичъ Вас., з. т. 195, 204.
Желѣзникъ Ѳома, райца черниг. 198.
Желѣзный Ив., кз. лубен. 137.
Желѣнскій Сав., гобоистъ в. муз. 137.
Животкевичъ Леонт., мщ. старод. 112.
Жила Іосифъ, сотн. варвин. 30, 35.
Жовтобруховъ Григ., сотн. ямпол. 8.
Жуковскій Дм., в. т. 54, 59.
Жуковскій Ив., в. канц. 54, 59.
Жуковскій Макс., б. т. 53, 58.
Жуковскій Ѳед., в. т. 9.
Журавль Григ., мѣщ. прилуц. 235.
Журманъ Илья Вас., ген. суд. 188, 220, 223.
Жученко Вас., сотн. 64, 70.
Жученко Кир., з. т. 66, 70.

З.

Забѣла Зах., полк. 2 комп. полка 36, 250, 251, 259.
Забѣла Петръ, б. т. 9.
Забѣла Прох., в. т. 8.
Загалскій Ив., з. т. 195, 204.
Заецъ Дор., кз. с. киселев. 149, 207.
Заика Макс., кз. лубен. 137.
Зайкевичъ (на стр. 60 Задкевичъ) Прок., пис. сот. перволуб. 55, 60.
Зайковскій Илья, комор. пов. глухов. 9.
Зайченко Григ. мѣщ. лубен. 263.
Зайченко Пав., кз. лубен. 137.
Занковскій (Зеньковскій) Иванъ стн. сторосанжар. 66, 70.
Зан(ъ)ковскій Ѳедоръ, б. т. 65, 69.
Запара Пав., в. т. 31, 36.
Запорожскій Андрей, подк. лубен. грод. суда 136.
Запорожскій Ив., з. т. 55, 60, 272.
Зарудный Вас., абш. в. т. 54, 59.
Зарудный Григ., в. т. 54, 59.
Зарудный Яковъ, подсуд. 65, 70.
Засульскій Степ., з. т. 54, 59.
Збанъ Герас., кз. сот. седнев. 148, 206.
Збинецъ Ман., мѣщ. черниг. 198.
Згурскій Яковъ, кз. сот. полк. черн. 149, 207.
Здоръ Корн., райца черниг. 198.
Здоръ Яковъ, почтал. черниг. 198.
Зеленскій Матв., кз. сот. менск. 149, 208.
Зеленскій Пав., сотн. рашевск. 65.
Злотниковъ Тим., мѣщ. стародуб. 113.
Значко Макс., в. т. 53, 59.
Значко Троф., сотн. полк. лубен. 53, 59.
Золотарь Ив., мѣщ. черниг. 198.
Золотарь Сем. мѣщ. черниг. 197.
Зубаха Ив., воз. сот. кролевец. 9.
Зубъ Григ. воз. красноколяд. 30, 35.
Зѣнецъ Никиф., мѣщ. лубен. 263.

И.

Иваненко Гр., з. т. 54, 59, 138, 270.
Иваненко (на стр. 54 Сахненко) Емел., з. т. 54, 59.
Иваненко (Ивановъ) Стеф., кз. красноколяд. 162, 242.
Иванина Петръ, з. т. 194.
Ивановъ Никита, райца стародуб. 112.
Ивановъ Степ., кз. комышан. 288, 291.
Ивановъ Яковъ, писецъ полк. лубен. канц. 136.
Ивасенко Ѳедоръ, хрж. сот. сосниц. 205.
Ивахненко Пав., з. т. 54, 59.
Игнатіевъ Дем. (также Игнатовичъ) см. Многогрѣшный.
Игнатовъ Гавр., в. т. 54, 59.
Илленко Гавр., кз. сот. роисск. 150, 209.
Ильченко Петръ, кз. (мѣщ.?) лубен. 137, 263.
Илченко Степ., мѣщ. лубен. 136, 263.
Инспекторенко Никита, райца черн. 197.
Исаенко Дм., кз. ирклеев. 252, 258.
Искрицкій Петръ, суд. зем. стародуб. 215, 216, 218.
Ищенко Ив., кз. лубенск. 135.

I.

Іакимовичъ Андрей, пис. пол. черниг. 196, 205.
Іакимовичъ Степ. з. т. 196.
Іарковскій Ив., з. т. 195.
Іоакимовъ Өедоръ, свящ. 134.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь 28, 79.

К.

Калембетъ Леонтій, в. т. 31.
Калениченко Өедоръ, мщ. козелец. 212.
Камординъ Ив., кз. сот. ромен. 135.
Каневскій Петръ, в. т., ас. полк. комп. 192, 203.
Каневскій Сем. пис. зем. пов. прилуц. 30, 35, 239.
Каневскій Степ., пис. зем. пов. черниговъ. 203.
Канчіеловъ Матв., капит. 67.
Капуста Евф., ас. сот. перволуб. 55. 60, 134.
Каранда Дм., возн. подком. пов. черниг. 193, 203.
Карбань Илья, кз. лубен. 137
Карпенко Сем., кз. с. понорнец. 150, 210.
Карпи(ы)чъ Степ., пис. прил. грод. суда 31, 36, 239.
Карпѣка Дм., канц. секр. 8, 77, 187.
Карунникъ Вас., коз. город. лубен. 134.
Карунникъ Кондр. кз. лубен. 136.
Касапъ Николай, б. в. суд. 292.
Касенковъ Никита, подк. прил. 30, 35.
Касяновъ Макс., кз. лубен. 134.
Катериничъ Сем., пис. полк. кіев. 246, 251, 253, 255.
Кафаровъ Мак., вахм. 67.
Кащенокъ Ив., мѣщ. стародуб. 113.
Квитка Степ., кз. стародуб. 112.
Келлеръ Петръ-Адольфъ, полк. лѣк. 108.
Кеня (Неня) Ив., кз. сот. седнев. 148, 206.
Кибалчичъ Никиф., свящ. Троицк. погар. ц. 220.
Кибалчичъ Ром. мѣщ. стародуб. 112.
Киболкинъ Ром. мѣщ. starод. 112.
Кикулка Онис., кз. лубен. 137.
Кипоренко Дем., кз. сот. понорн. 150, 210.
Кипріановъ Ост., почтал. черниг. 198.
Киренко Дм., кз. лубен. 137.
Киріяковъ Мих., в. т. 65.
Киріяковъ Петръ, сотн. ковалюв. 65.
Киріяковъ Степ., в. т. 65.
Кириленко Дм., м. лубен. 136, 264.
Кириленко Март., кз. лубен. 137.
Кирыловъ Іосифъ. з. т. 66.
Киричевскій Ив., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Кирыченко Гр., з. т. 65.
Киряченко Гр., мѣщ. лубен. 263.
Кисель Гр., возн. прилуц. 30, 35.
Кисель Яковъ, полк. ас. 30, 35.
Кислій Ив., кз. сот. березен. 149, 208.
Кислай (Кисли) Степ., тов. ген. арт. 54, 59.
Кишкинъ, полковн., чл. в. ген. канц. 284.
Кіевскій Макс., пушкарь 197.
Кладкевичъ Ив., з. т. 194, 204.
Клеха Пав., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Клюковъ Пав., з. т. 54, 60.
Книлъ Яковъ, ас. полк. прилуц. 238.
Княжиковскій Сид., з. т. 204.
Княж(з)иковскій Влад., сынъ з. т. 195, 204.
Кобсъ Ив., полк. лѣк. 108.
Ковалевскій Вас., пис. пол. гадяч. 65, 70.
Ковалевскій Ив., в. т. 53, 59.
Коваленко Матв., кз. сот. роисск. 150.
Коваленко Якимъ, кз. сот. роисск. 209.
Коваль Карпъ, кз. лубен. 136.
Коваль Кондр., в. т. 31.
Коваль Сав., кз. лубен. 137.
Коваль Өедоръ, кз. лубен. 135.
Кованько Ив., в. т. 64, 69.
Кованько Матв., в. т. 66.
Ковнеръ Өед., мѣщ. лубен. 135, 263.
Коворотній Гавр., кз. сот. менск. 149, 208.
Ковтунъ Вас., кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
Кодинецъ Ив., сотн. 65.
Козаковъ Алексѣй, кз. сот. полк. прилуц. 161, 242.
Козачинскій Григ., в. канц. 77.
Козачковскій Өедоръ, отст. полк. суд. 289.
Козелскій, маіоръ, 281.
Козинскій Вас., цехм. шев. прилуц. 232.

Козловскій Маркъ, подноруч. 77.
Ко(у)змѣнскій Мих., в. канцел. 194, 204.
Койданъ Ив., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Коленко Андр., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Кол(н)енко Гр., в. т. 194, 204.
Колесникъ Алексѣй, райца прилуц. 232, 234.
Кологривый Гр., ас. ген. в. артил. 8, 77.
Колодка Өедоръ з. т. 195, 204.
Колодѣевъ Ив., возн. сот. волын. 193, 203.
Коломѣйченко Исакъ, мѣщ. черниг. 197.
Колужинецъ Пав., мѣщ. райца черниг. 197.
Колужинецъ Петръ, мѣщ. черниг. 199.
Колчевскій Дан., воз. пов. менск. 194, 204.
Коляденко Гр., мѣщ. прилуц. 233.
Коляденко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
Коменокъ Яковъ, мѣщ. стародуб. 112.
Комеръ Өедоръ, мѣщ. лубен. 136.
Кондратенко Андрей, в. т. 31, 35.
Кондратенко Кир., мѣщ. прилуц. 237.
Кондратенко Осипъ, в. т. 31, 35.
Кондра(т)ченко Осипъ, кз. гор. лубен. 134, 135.
Коніовскій Кир., кз. прилуц. 237.
Коніовскій Корн., в. т. 31, 35.
Константиновичъ Вас., воз. сот. слабин. 195, 204.
Константиновичъ Вас., в. канц. 77.
Константиновичъ Николай, городничій черниг. 196.
Коржевскій Ант., з. т. 54, 60.
Коржъ Емел., кз. сот. роисск. 150, 209.
Коржъ Ив., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Коритко Игн., мѣщ. черниг. 197.
Корнѣевичъ Пав., атм. полк. луб. 54, 59.
Корнѣевичъ Сем., в. канц. 54, 59.
Корнѣевичъ Яковъ, пис. полк. лубен. 53, 58.
Корнѣевъ Кондр., пис. сот. черниг. 197.
Коробовскій Өедоръ, лавн. стародуб. 112.
Корсунъ Григ., в. т. 54, 59.
Корсунъ Мих., в. т. 240, 241.
Корсунъ Петръ, в. канц. 54.
Косачъ Стеф., б. т. 219, 224.
Косенко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Костенскій Яковъ, протоп. опошнян. 288.
Кострубъ Дм. кз. сот. понорниц. 150, 210.
Котеленецъ Арт., мщ. прилуц. 233, 236.
Котеленецъ Никиф. мѣщ. прилуц. 232.
Котляревскій Вас., пис. протоп. лубен. 272.
Котляревскій Зах., адвок. 77.
Котляревскій Мих., кз. сот. березен. 149, 208.
Котляренко Ив., кз. луб. 137.
Котляръ Өедоръ, мщ. прилуц. 232, 234.
Коханѣя Өедоръ, в. т. 9.
Коханъ Яковъ, кз. гор. лубен. 135.
Коцарь Андрей, кз. лубен. 134.
Кочубей Вас., подком. 8.
Кочубей Пав., подком. пов. полтав. 64, 69, 286, 287.
Кочубей Сем., ген. обоз. 62, 188, 278, 280, 281, 282, 285, 286, 289, 290, 291.
Кошуба Стеф., кз. погар. 222.
Кравець Ден., кз. город. ромен. 135.
Кравець Ден., мѣщ. черниг. 199.
Кравець Яковъ, кз. лубен. 137.
Кра(о)пивка Андрей, кз. гор. лубен. 135.
Красняковскій Гр., в. канц. секр. 77.
Красовскій Дан., ат. город. 211.
Красовскій Ив., з. т. 194, 204.
Красовскій Яковъ, в. т. 192, 203.
Крачевскій Вас., в. т. 195, 204.
Крашанчукъ Ив., б. бургом. козел. 211.
Кривеленко Вас., кз. лубен. 137.
Кривенко Сем., цехм. ткац. прил. 232.
Крижановскій Ант., бриг. и полк. гадяц. 56, 65, 268, 270, 271, 276, 278, 283.
Крикуненко Андрей, кз. лубен. 137.
Крикуновскій Филонъ, кз. город. луб. 134.
Крикунъ Сем., кз. лубен. 137.
Криница Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
Криштофовичъ Тим., сот сенчан. 53, 59.
Кроха Марко, кз. ст. менск. 149, 208.
Крошмахъ Дан., гобоистъ войск. муз. 135.
Крошмаль Зѣн., кз. лубен. 136.
Крупянскій Игн., воз. козелец. 211.
Крупянскій Яковъ, сот. роисс. 192, 203.
Круте(ѣ)нь Ив., бурм. черниг. 78, 198, 200.
Кужильній Вас., кз. сот. роисск. 150, 209.

Кузька Ив., кз. сот. сосниц. 149, 209.
Кулажинскій Аѳан., кз. сот. городниц. 150, 210.
Кулешовъ Ив., в. канц. 77.
Кулябка Вас., подк. пов. ромен. 8.
Кулябка Ив., полк. лубен. 46, 53, 58, 260, 261, 264, 265, 267.
Кулябка Ив., суд. зем. пов. лубен. 53,58.
Кулябка Пав., сот. снетинск. 53, 59.
Кулябка Стеф., б. т. 8.
Кулябка Яковъ, б. т. 53, 56, 268, 271, 277.
Кункевичъ Алексѣй, райца старод. 112.
Куриленко Андрей, в. т. 31, 35.
Курначъ Пав., мѣщ. лубен. 135.
Кухаръ Кир., кз. лубен. 137.
Куцевичъ Ив., в. т. 65.
Куценко Спд., мѣщ. прилуц. 237.
Куцъ Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Кучаръ Левъ, воз. сот. перволуб. 277.

Л.

Лагода Гр., коморн. пов. козелец. 211.
Ладонка Яковъ, мѣщ. черниг. 199.
Ладуха Гр., лѣщ. стародуб. 112.
Лазаревичъ Яковъ, хрж. сот. яппольс. 9.
Лазоренко Вас., мѣщ. лубен. 137, 264.
Лазоренко Петръ, кз. город. лубен. 134.
Лазаренько Арт., б. бурм. козелец. 211.
Ламашенко Евт., кз. лубен. 136.
Лапотъ Коз., б. бурм. козелец. 211.
Лаптенко Сав., мѣщ. козелец. 212.
Лапшукъ Стеф., мѣщ. прилуц. 235.
Лащинскій Петръ, б. т. 30, 34.
Лебединецъ Ѳед., кз. лубен 136.
Левенецъ Тим., б. т. 65, 69.
Левенецъ Ѳед., в. т. 67, 70.
Левенецъ Ѳед., подком. 64, 69.
Левенецъ Ѳеод. Ив., вик. свящ. лубен. собор. ц. 134.
Левченко Карпъ, мѣщ. лубен. 136.
Лемѣшченко Вас., мѣщ. козелец. 212.
Леонтіевъ Стеф., райца черниг. 198.
Лепеха Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Лепецъ Пав., кз. прилуц 236.
Лепунъ Вас., з. т. 222.
Лесевичъ Дан., сотн. ковалюв. 65.
Лестуха Петръ, мѣщ. козелец. 212.
Лизогубъ Гр., б. т. 192, 203.
Лизогубъ Конст., б. т. 192, 203.
Лизогубъ Петръ, в. канц. 194.
Лизогубъ Сем. 203.
Лизогубъ Як., б. т. 192, 203.
Лимарь Яковъ, кз. лубен. 136.
Лисенецкій Петръ, з. т. 194, 204.
Лисенко Ив., ат. кур. сот. иваницк. 161, 241, 242, 245.
Лисенко Ив., мѣщ. лубен. 135, 263,
Лисявскій Сем., в. канц. 194.
Литвиновъ (Литвиненко) Карпъ, кз. сот. березен. 149, 208.
ЛитвиненкоИв.,кз.сот.бѣлоус. 149,207.
Литвиненко Іосифъ, з. т. 65.
Литвинъ Моис., кз. лубен. 136.
Литовченко Мих. кз. лубен. 136.
Лиховецкій (см. Меховецкій), абш. з. т. 241.
Лобода Гр., мѣщ. прилуц. 232.
Лодошный Фил., мѣщ. прилуц. 232.
Лоза Яковъ, кз. лубен. 136.
Ломѣковскій Пав., суд. зем. пов. менск. 193, 203.
Лопата Илья, райца черниг. 198.
Лопатень Вас., мѣщ. черниг. 198.
Лопатень Яковъ, мѣщ. черниг. 200.
Луговскій Пав., з. т. 54, 60.
Лукашевичъ Вас., сотн. втаролохвиц. 53, 59.
Лукомскій Степ., абш. полк. обоз. прилуц. 239.
Лукьяновичъ Стеф., подс. зем. пов. ромен. 53, 58,
Лукяненко Ив., цехм. ковал. черниг. 198.
Луневскій Алексѣй, кз. сот. синяв. 208.
Лупшунъ Степ., (см. Лапшукъ), мѣщ. прилуц. 232.
Луста Мих., пис. зем. пов. остерск. 253.
Лутай Степ., суд. зем. пов. остерск. 211.
Луцкій (см. Муцкій) Гр., кз. сот. вибельск. 207.
Лучнѣцкій Дм., в. т. 9.
Лѣневичъ Корн., пис. зем. пов. менск. 194, 204.
Лѣнко Карпъ, мѣщ. лубен. 135, 263.
Лѣнко Наз., кз. лубен. 137.
Лѣщинецъ Яковъ, кз. сот. вибельск. 149, 207.
Любне(ѣ)цкій Петръ, канцел. лубен. полк. канц 55, 60, 141.

Лявровскій Корн., канц. маг. черн. 198.
Ляховичъ, суд. полк. мирг. 284.
Ляшевка Дм., мѣщ. старод. 112.

М.

Магеровскій Вас., в. т. 53, 59.
Мазаракій Андрей, б. т. 30, 34.
Мазаракій Ив., в. т. 30, 35.
Мазепа Ив., гетм. 13, 116, 165, 175.
Мазепа Пав., кз. лубен. 135.
Мазепенко Дор., кз. лубен. 137.
Майборода Мих., з. т. 54, 60, 134.
Макаренко Андрей, кз. лубен. 136.
Макаренко Ив., волторн. в. муз. 136.
Макаренко Никиф., хрж. сот. перволубен. 134.
Макаренко Тим., кз. лубен. 136.
Макковскій Ѳед., б. т. 8.
Маковскій Дм., в. канц. 9.
Макотринъ Ив., райца черниг. 199.
Максименко Сем., в. т. 67, 70.
Максимовичъ Ив., з. т. 54, 59.
Максимовичъ Петръ, в. канц. 193, 204.
Максимовичъ Петръ, з т. 9.
Максимовичъ Петръ, подсуд. зем. пов. иваницк. 29, 34, 228, 230, 243.
Максимовичъ Якимъ, ас. полк. лубен. 53, 58.
Максимовичъ Ѳедоръ, подсуд. зем. пов. лубен. 53, 58.
Макуха Степ., цехм. калачниц. глухов. 77.
Малаховъ Вас., райца черниг. 198.
Малаховъ Ѳед., мѣщ. черниг. 198.
Малеча Мих., трубачъ в. муз. 135.
Малкевскій Ив., сотн. лукомск. 53, 59.
Мамля Гр., кз. черниг. 198.
Мамля Николай, мѣщ. черниг. 198.
Манжосъ Гр., в. т. 54, 59.
Манжосъ Ив., в. т. 53, 59.
Манко Вас., з. т. 54, 59.
Манько Ив., сотн. полк. гадяц. 65.
Мануйловъ Пантел., мѣщ. козелец. 212.
Марачевскій Мих., канц. полк. черниг. 197.
Маркевичъ Андр., подком. пов. прилуц. 30, 34, 238.
Маркевичъ Ив., в. т. 192, 203.
Маркевичъ Конст., б. т. 239.
Марковичъ Ив., б. т. 239.
Марке(о)вичъ Мих., в. т. 31, 35.
Марковичъ Наумъ, воз. пов. гадяц. 66, 70.
Марковскій Андрей, канц., секр. 77.
Марковскій Ѳедоръ, хрж. полк. прилуц. 30, 35, 238.
Марченко Андрей, атам. сот. устивицк. 66.
Марченко Вас., старш. канц. 66, 70.
Масло Іосифъ, сотн. сребран. 30, 35.
Масло Троф., атам. сребран. 31, 36.
Масюковъ Прок., сотн. веприкс. 65.
Матроз(с)ъ Ѳед., з. т. 54, 59.
Матусь Ив., мѣщ. черниг. 199.
Матяй (Мамяшъ?) Якимъ, канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Мац(щ)енко Евф., в. канц. 30, 35.
Маценко Кир., мѣщ. прилуц. 232, 234.
Маценко Прок., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Мацко Ден., кз. лубен. 135.
Мацко Стеф., кз. лубен. 135.
Медвѣдецъ Власъ, коморн. пов. остапов. 65.
Медведовъ Вас., райца черниг. 197.
Медвѣдовъ Дор., мѣщ. стародуб. 112.
Медушевскій Кир., в. т. 193.
Мельникъ Ѳедоръ, мѣщ. черниг. 199.
Меняйленко Степ., мѣщ. прилуц. 236.
Меховецкій (см. также Лиховецкій), з. т. 240.
Милорадовичъ Андрей, полк. сѣвск. пѣх. полка 188, 292.
Милорадовичъ Петръ, полк. 205, 206, 210.
Милорадовичъ Сем., б. т. 65.
Миницкій Ив., сотн. красноколядинск. 30, 35.
Миничъ Ив., з. т. 194. 204.
Миничъ Ром., кз. сот. березен. 208.
Мирецъ Вас., воз. сот. снетин. 55.
Мироненко Иг., мѣщ. прилуц. 233.
Мирончa Омел., мѣщ. козелец. 212.
Мирочникъ Андрей, мѣщ. козелец. 212.
Миръвельтумановъ кн., отст. сек.-маіоръ грузин. гус. полка 230.
Мисанъ Никита, мѣщ. лубен. 136, 263.
Мисановъ зять Ничипоръ, мѣщ. лубен. 136, 263.
Мисюра Ив., кз. сорочин. 285.

Митаревскій Тим. мѣщ. черниг. 200.
Митаревскій Өедотъ, райца черниг. 199, 200.
Миткевичъ Андрей, подком. остер. пов. 211, 246, 251, 254, 255.
Михайловичъ Іоаннъ, вик. свящ. соб. лубен. ц. 134.
Михайловскій Гр., канц. 211.
Михайловскій Сем., сотн. камышан. 66, 70.
Михайловъ Вас., кз. лубен. 136.
Михно Вас., в. т. 195, 204.
Михно Өедоръ, в. т. 194, 203.
Мишковъ Ив., кз. стародуб. 112.
Мишура Өедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Мищенко Зах., кз. сот. синяв. 149, 208.
Мищенко Пав., кз. лубен. 269.
Многогрѣшный Дем. Игн., гетм. 4, 13, 16, 90, 142, 158, 175.
Могилниковъ Сем., квартерм. 136.
Могилянскій (на стр. 70 Пошлянскій) Вас., в. т. 65, 70.
Мокренецъ Өедоръ, кз. черниг. 197.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Пав., б. т. 192.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Степ., в. канц. 192.
Мокріевичъ (см. Дебогорѣя М.) Өедоръ, в. канц. 192.
Момотенко Гр., кз. лубен. 135, 137.
Молдавцовъ Дем., капит. 66.
Молодченко Яковъ, цехм. шевск. глухов. 77.
Молчановскій Ив., канц. полк. черниг. 197.
Молчановскій Ос., кз. черниг. 197.
Молявка Ив., в. т. 193, 203.
Моренецъ Ант., мѣщ. прилуцк. 232.
Морозовъ Ив., канц. полк. черниг. 197.
Морозъ Ив., з. т. 193, 203.
Москалцовъ Макс., з. т. 195, 204.
Московъ Өед., обоз. полк. (полтав.?) 66.
Мосцепанъ Өедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Мошикъ Ив., кз. сот. второварвин. 161, 241.
Музика Арт., кз. лубен. 137.
Музика Вас., кз. лубен. 137.
Музыка Авр., мѣщ. прилуц. 235.
Музыка Гр., мѣщ. прилуц. 237.
Музыка Дан., мѣщ. прилуц. 232.
Муренецъ Арт., кз. лубен. 137.
Муцкій (см. Луцкій) Гр., кз. сот. вибельск. 149.
Мѣницкій см. Миницкій.
Мякота Троф., кз. черниг. 198.

Н.

Наболонскій Стеф., кз. черниг. 198.
Навроцкій Мих., ас. полк. гадяц. 65, 70.
Навроцкій Яковъ, атам. третьеопошан. сот. 65.
Надохъ Ив., мѣщ. козелец. 212.
Назаренко Вас., кз. прилуц. 234.
Назаренко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Назаровичъ (Назарскій) Яковъ, возн. пов. лубен. 54, 59.
Назарскій Петръ, в. т., войтъ лубен. 260, 261, 262, 263, 264, 267, 268, 270, 271, 273, 274, 275.
Наметникъ Ив., мѣщ. глухов. 77.
Нандза Якимъ, в. т. 76.
Насека Илья, мѣщ. стародуб. 113.
Неня (см. Кеня) Ив., кз. сот. седнев. 148
Нестеренко Ост., мѣщ. черн. 199.
Нестеровскій Ив., атам. кур. 211.
Нетребенко Андрей, мѣщ. прилуц. 236.
Нефедъ (Нехведь) Ант., райца прилуц. 232, 235.
Нефедъ (Нехведь) Гр., мѣщ. прилуц. 233, 235.
Нефедъ (Нехведь) Дем., мѣщ. прилуц. 233, 235.
Нехаевскій Ив., ас. сот. городниц. 205.
Нечаевъ Іосифъ, мѣщ. стародуб. 112.
Нечай Кир., в. т. 31, 35.
Нидинъ Сид., мѣщ. прилуц. 232.
Никифоровъ Анис., в. канц. 77.
Николаевъ Ив., кз. сот. синяв. 149, 208.
Николаевъ Христоф., кз. черниг. 199.
Николаенко Зѣн., мѣщ. лубен. 135.
Николаенко Олефѣръ, кз. лубен. 137.
Никонь Вас., б. войтъ козелец. 211.
Ничипоренко Ос., мѣщ. прилуц. 237.
Новицкій Андрей, б. т. 53, 58.
Новицкій Петръ, б. т. 53, 58.
Носенко Ив., мѣщ. прилуц. 234.
Носовскій Корн., абш. з. т. 240.
Нудга Троф., з. т. 211.
Нудженко Степ., мѣщ. козелец. 212.

Ныніевъ Яковъ, капит. 67.
Нѣжинецъ Моис., кз. гор. лубен. 134.
Нѣ(е)мецъ Дан., атам. перво-лубен. сот. 55, 60.

О.

Оберемокъ Петръ, кз. лубен. 135.
Оболонскій Дем., б. т. 8, 76.
Овращенко Кл., з. т. 66.
Огаревъ Николай, полк. староск. пѣх. полка 188, 259, 260, 264, 267. 268, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 276.
Огроновичъ Вас., подсуд. зем. пов. прилуц. 30, 35, 239.
Огроновичъ Гр., б. т. 53, 58.
Огроновичъ Гр., в. т. 54, 59.
Огроновичъ Ив., абш. подком. 53, 58.
Огроновичъ Пав., абш. хрж. полк. лубен. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, б. т. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, обоз. полк. прилуц. 30, 34, 238.
Одердоша Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Оджа Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 237.
Одшилизевъ Яковъ, капит. 67.
Олдаховскій Ив., в. канц. 77.
Олѣйникъ Гавр., цехм. гончар. глухов. 77.
Олѣйникъ Ив., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сав., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сем., кз. сот. менск. 149, 208.
Олѣйниченко Илья, мѣщ. козелец. 212.
Онисимовъ Алексѣй, цехм. кравец. прилуц. 232, 235.
Ониславскій Ив., воз. пов. (?) 211.
Онищенко Гр., атам. второ-лубен. сот. 55, 60, 272.
Онищенко Пав., мѣщ. прилуц. 236.
Опонасенко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
Орловскій Ив., гобоистъ в. муз. 137.
Оробіовскій Петръ, кз. лубен. 137.
Оробченко Олефѣръ, кз. гор. лубен. 134.
Осадшій Стеф., кз. сот. понорниц. 150, 210.
Осецкій (на стр. 59 Совецкій) Гр., з. т. ген. арт. 54, 59.
Остроградскій Андрей, подком. пов. останов. 65.
Остроградскій Николай, сотн. 65, 69.
Остроградскій Пав., подк. пов. миргор. 65, 69.
Отрощенко Ѳедоръ, мѣщ. глухов. 77.
Охлей Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Охрѣменко Гр., мѣщ. прилуц. 232, 233.
Охрѣменко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Охрѣменко Ост., кз. сот. столин. 149, 208.
Охрѣменко Ѳедоръ, мѣщ. прилуц. 236.
Охрѣменковъ зять Вас., кз. лубен. 137.

П.

Павел(ь)ковъ Ив., з. т. 65, 70.
Павленко Гр., мѣщ. прилуц. 236.
Павленко Ром., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Павловскій Ив., воз. подком. пов. глухов. 9.
Павловскій Ив., з. т.. 55.
Павловскій Мих., б т. 204.
Павловъ Лукьянъ, абш. пѣвч. 77.
Падалка Троф., кз. сот. менск. 149, 208.
Палѣй Кир., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Палюха Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Палюха Игн., мѣщ. прилуц. 233.
Пам(н)филенко Кл., кз. сот. вибел. 149, 207.
Панащатенко Авкс., воз. сот. городниц. 195, 204.
Панко (Панченко) Ив., бурм. лубен. 261, 263, 264, 265, 266, 275.
Пап(в)ловскій Мих., б. т. 194.
Парпура Ив., кз. город. ромен. 135.
Пархомовъ Ив., ас. прилуц. полк. артил. 31, 36, 239.
Пасенко Петръ, коморн. пов. остер. 211.
Пасенко Стеф., подс. пов. козелец. 211.
Пасько Ив., кз. лубен 136.
Патѣкъ Евф., кз. лубен. 135.
Пашкевичъ Кондр., пис. магист. стародуб. 112.
Пащенко Ив., з. т. 65.
Пащенко Тим., в. т. 65.
Пащенковъ Наз., в. т. 65.
Пащенковъ Ром., в. т. 65.
Певинскій Ѳедоръ, атам. сот. яресков 66.
Певликъ Макс., атам. кур. гор. погар. 222.

Недь (см. Пудъ) Мих., кз. сот. менск. 208.
Пелешукъ Ив., мѣщ. прилуц. 236.
Пенскій Ив., пис. сот. остерск. 251, 255.
Передеріенко Вас., мѣщ. лубен. 263.
Передеріока Вас., мѣщ. лубен. 136.
Песоцкій Ив., пис. зем. пов. погар. 222, 224.
Песоцкій Кл., войтъ погар. 224.
Петрошевичъ Вас., хрж. черн. полк. 196, 205.
Петрашевичъ Емел., в. канц., атам. великобуд. 67, 70.
Петренко Евф. 211.
Петриковецъ Уст., бурм козелец. 211.
Петриковецъ Яковъ, б. бурм. козелец. 211.
Петрикъ Макс., кз. гор. лубен. 135.
Петрила Вас., мѣщ. стародуб. 112.
Петровскій Гр., з. т. 194.
Петровскій Гр., коморн. пов. менск. 204.
Петровъ Ив., кз. сот. волын. 150, 209.
Петровъ Ив., кз. лубен. 135.
Петровъ Кондр., мѣщ. глух. 77.
Петруша Матв., кз. сот. полк. лубен. 161, 242.
Петрушинецъ Куз., кз. сот. роисск. 150, 209.
Петрушинецъ Мих., мѣщ. черниг. 197.
Петръ I, имп. 6, 20, 24, 25, 28, 46, 51, 79, 94, 97, 115, 118, 139, 143, 158, 177, 181.
Петръ II, имп. 24, 25.
Пилипенко Макс., кз. сот. столин. 149, 208.
Пилипенко Сем., воз. 65.
Пилиповичъ Пав., кз. сот. любец. 150, 209.
Пищимукъ Лука, ст. канц. миргор. п. 289.
Плакса Мих., воз. иваниц. 30, 35.
Плакса Θедоръ, мѣщ. черниг. 197.
Плиска Вас., кз. сот. монастыр. 162, 242.
Плохута Гр., абш. атам. черниг. 196, 198, 205.
Плохута Яковъ, з. т. 196.
Плохута Θед., атам. гор. черниг. 196, 198, 205.
Плутка Гр., мѣщ. козелец. 212.
Погорѣлый Алексѣй, мѣщ. прилуц. 235.
Подгорный Ив., кз. гор. луб. 134.
Поддубинъ Вас., мщ. черниг. 199.
Поддубный Маркъ, подканц. лубен. полк. канц. 136, 137.
Поджарка Θедосъ, мѣщ. стародуб. 112.
Подовскій Гр., в. т. 31.
Поле(ѣ)тика Гр. 276, 277.
Полетика Стеф., сотн. констант. 53.
Полешодъ Ег., мѣщ. стародуб. 113.
Поливода Евдок., цехм. шевс. черниг. 198.
Полома Яковъ, в. т. 31, 35.
Полонѣцкій Вас., в. т. 194.
Полторацкій Ив., б. т. 194, 204.
Полунѣй Мих., з. т. 54, 59, 134.
Полѣзинскій Гр., з. т. 211.
Полѣй (см. Палѣй).
Полянка Іосифъ, з. т. 54, 59.
Понасъ Гр., в. т. 222.
Понасъ Гр., войтъ погар. 223, 224, 226.
Поплавскій Θедоръ, кз. сот. волын. 150, 209.
Поповичъ Ив, кз. лубен. 135.
Попольскій Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Портновъ Стеф. 197.
Постволъ Θедоръ, атам. город. козелец. 211.
Постол(ь)никъ Дм., бурм. лубен. 135. 263, 264, 268, 272, 275.
Постолникъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
Посудевскій Ив., сотн. любец. 193, 203.
Посудевскій Петръ, сотн. полк. черн. 205.
Потапенко Адр., з. т. 9.
Потапенко Аθан., сотн. яресков. 66.
Потапенко Ив., кз. второварвин. сот. 161, 241.
Пошевня Герас., з. т. 211.
Пошлянскій см. Могилянскій.
Приваловъ (Привалъ) Ден., гол. погар. 220, 221, 222, 225, 226.
Приказный Пант., з. т. 66.
Приступенко Кондр., мѣщ. прилуц. 236.
Причина Хар., мѣщ. прилуц. 232.
Прожига Дм., канц. черниг. конс. 197.
Прожика Θедоръ, абш. сотн. 112.
Прокоповичъ Степ., в. т., почтм. прилуц. 30, 35, 240.

Прохоровъ Іоаннъ, вик. свящ. лубен. Троиц. ц. 134.
Приблуда Гр., в. т. 8.
Пудъ (см. Педь) Мих., кз. сот. менск. 149.
Пухирь Гр., мѣщ. лубен. 137, 264.
Пухнатый Николай, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Ѳедоръ, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Яковъ, мѣщ. козелец. 212.
Пушкаревъ Ив., кз. погарск. 222.
Пѣкуль Макс., кз. лубен. 135.
Пѣсоцкій Ив., в. канц. 77.
Пятигорскій Петръ, канц. полк. прилуц. 31, 36, 239, 243.

Р.

Рабка см. Рибка.
Работенко Ив., кз. лубен. 135.
Рабуха см. Рябуха.
Радецкій Леонтій, з. т. 211.
Радичъ Ѳедоръ, з. т. 195, 199, 204.
Радишевичъ Вас., воз. пов. иваниц. 30, 35.
Радченко Корн., кз. лубен. 135.
Разумовскій гр. Алексѣй Гр. 253, 258.
Разумовскій гр. Кир. Гр., гетм. 44, 48, 50, 63, 67, 80, 96, 100, 128, 130, 141, 278.
Разумовскій Петръ, полк. нѣжин. 190.
Райпольскій Ив., сынъ в. т. 149, 193, 203.
Райпольскій Никита, в. т. 149, 193.
Раковичъ Зах., б. т. 30, 34.
Раковичъ Лавр., б. т. 30, 34.
Ракъ Никита, райца черниг. 198.
Рашевскій Ив., полк. канц. 194.
Рашевскій Іосифъ, б. т. 192, 203.
Рашевскій Степ., в. канц. 194.
Рвачевскій Род. (на стр. 58 Дачевскій), ас. полк. лубен. 53.
Ребій Ром., райца черниг. 199.
Ребій Сем., мѣщ. черниг. 199.
Рева Гр., з. т. 54, 60.
Ревуцкій Ѳедоръ, бурм. глухов. 76.
Редка Яковъ, кз. сот. волын. 150, 209.
Редченко Вас., кз. сот. городниц. 150, 210.
Редька Ост. атам. сот. куземын. 65.
Рекало Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Рибка Дан., кз. лубен. 137.
Рибка Ив., кз. лубен. 136.
Рибка Корн., кз. лубен. 137.
Рибчинъ зять Андрей, кз. лубен. 136.
Рижный Гр., мѣщ. прилуц. 232.
Римарь Андр., кз. черниг. 197.
Римарь Ив., мѣщ. черниг. 199.
Римарь Никола, мѣщ. лубен. 135.
Римша Ѳедоръ, сотн. седнев. 205.
Рогуля Гр., пис. гор. полтав. 287.
Родзянка Вас., б. т. 66, 69.
Родзянка Ив., подком. 66, 69.
Родзянка Ив., сотн. хорольс. 66, 70.
Родзянка Ірем., обоз. полк. миргород. 66, 69.
Родинскій Дан., бурм. стародуб. 101, 213.
Родіоновъ Алексѣй, з. т. и почтм. глух. 77.
Рож(н)овскій Мих., в. т. 30, 35.
Рожченко Тим., кз. прилуц. 234.
Романецъ Сав., кз. сот. киселев. 149, 207.
Романовичъ Ив., абш. полк. суд. прилуц. 30, 35, 244.
Романовичъ Петръ, кз. сот. ичанс. 156, 163, 231, 241, 245.
Романовичъ Петръ, кз. сот. монастырис. 30, 35.
Романскій Алексѣй, воз. сот. остапов. 65.
Роменскій Мих., з. т. 66.
Ростургуй Петръ, райца стародуб. 112.
Рубановъ Петръ, з. т. 66.
Рубанъ Ив., кз. сот. перво-варвин. 162, 242.
Рубанъ Ром., кз. лубен. 137.
Рублевскій Власъ, ас. полк. лубен. артил. 55, 60, 134.
Рудь Андрей, мѣщ. лубен. 135, 264.
Рудь Кир., мѣщ. лубен. 275.
Румянцевъ гр. П. А. 5, 8, 20, 40, 43, 48, 50, 56, 61, 76, 79, 99, 108, 113, 121, 122, 185, 187, 188, 190, 191, 200, 205, 212, 213, 215, 218, 219, 221, 223, 226, 228, 230, 231, 233, 237, 242, 245, 246, 248, 249, 250, 259, 260, 263, 264, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 280, 282, 285, 286, 290, 292.

Рустановичъ Яковъ, подсуд. зем. пов. золотонош. 250.
Рыжій Гр., мѣщ. прилуц. 235.
Рѣпчанскій Гр., з. т. 54, 59.
Ря(а)буха Гр., мѣщ. лубен. 135, 264.
Рябуха Сав., мѣщ. лубен. 263.

С.

Савицкій Гр., пис. зем. пов. ромен. 53, 58.
Савицкій Дан., кз. сот. понорн. 149. 150, 210.
Савицкій Ѳед., кз. сот. любец. 150, 209.
Савичъ Ив., воз. сот. любец. 195, 204.
Савлукъ Аѳан., канц. лубен. гр. суда 55, 60.
Савченко Якимъ, кз. сот. столин. 149, 208.
Садовенко Бор., з. т. 211.
Сакало Моис., райца козелец. 211.
Сакунъ Ос., кз. сот. иваниц. 162, 242.
Саливановичъ (см. Селивановъ) Конст., з. т. 203.
Салимовскій Ив., з. т. 55.
Салко Ив., кз. лубен. 137.
Салко Панасъ, кз. лубен. 135.
Салогубъ Коз., в. т. 31, 35.
Салогубъ Макс., в. т. 31, 35.
Салогубъ Степ., в. т 31, 35.
Самарскій Степ., воз. грод. 30, 35.
Самойловичъ Ив., гетм. 4, 13, 25, 165, 175.
Самойловскій Пав., гол. лубен. 54, 270.
Самоненко Дан., кз. сот. седнев. 148, 206.
Самохвалъ Андрей, канц. зем. суда ромен. пов. 55, 60.
Самуйловичъ Алексѣй, воз. кур. сот. пов. лубен. 55.
Самуйловскій Ив., канц. лубен. грод. суда 55, 60.
Самусь Ив., мѣщ. козелец. 212.
Санковскій Ив., райца черниг. 199.
Сарафіоновъ Ив., райца черниг. 199.
Сахненко Емел., з. т. 54 (см. Иваненко).
Сахновскій Гр., полк. суд. 66, 69.
Сахновскій Ив., ас. полк. черниг. 193, 203.
Сахновскій Ив., обоз. полк. черн. 192, 196, 203.
Сахновскій Іоакимъ, сотн. березен. 193, 203.
Сахновскій Іосифъ, в. т. 193, 203.
Сахновскій Пав., воз. сот. березен. 193, 203.
Сахновскій Пав., сот. менск. 193, 203.
Сахновскій Пант., в. т. 193, 203.
Сахновскій Петръ, сотн. горошин. 53, 59.
Сахновскій Степ., в. т. 192, 203.
Свечка Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Свислоцкій Андрей, мѣщ. черниг. 198.
Свѣрскій Ѳедоръ, суд. зем. пов. иваниц. и сотн. иваниц. 30, 34, 243, 244.
Свѣтенко Пав., кз. лубен. 136.
Свѣтъ Март., кз. лубен. 137.
Свѣтъ Пав., сотн. глинск. 53, 59.
Севастьяновичъ Матв., в. канц. 30, 35.
Сезоновичъ Серг., з. т. 251, 257.
Селастеникъ Якимъ, з. т. 54, 59.
Селивановъ (см. Саливановичъ) Конст., з. т. 193.
Семека Алексѣй, хрж. сот. погар. 222.
Семеновъ Ос., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Семеновъ Фил., канц. суда гор. лубен. 55.
Семеновъ Ѳедоръ 197.
Семко Деп., мѣщ. прилуц. 232, 236.
Семко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
Сенюта Мих., з. т. 195, 204.
Сенюта Тим., суд. полк. 205.
Сербиновичъ Ив., в. т. 193, 203.
Сергіенко Ант., канц. 236.
Серде(ю)ченко Моис., кз. менск. 139.
Сердюковъ Ив., пис. сот. кролевец. 9.
Сивуненко Ив., мѣщ. лубен. 136.
Сивуненко Никола, кз. лубен. 137.
Сивунь Арт., мѣщ. лубен. 135.
Сигизмундъ-Августъ, кор. польск. 5, 11, 12, 18, 25, 57, 144, 168.
Сигизмундъ I, кор. пол. 25.
Сигизмундъ III, кор. пол. 79, 101, 110.
Сидоренко Ант., кз. лубен. 135.
Сидоренко Ив., кз. сот. менск. 149, 208.
Сидоровъ Стеф., кз. сенчан. 137.
Сидорскій Андрей, городничій лубен. 55, 60, 134.
Сидор(н)скій Герас., канц. суда грод. лубен. 55, 60.

Сили(ѣ)чъ Ант., в. т. 195, 204.
Сильвестръ, свящ. останов. 288.
Сильченокъ Дан., мѣщ. погар. 222.
Синѣлниченко Степ., мѣщ. козелец. 212.
Ситенскій Іосифъ, обоз. полк. гадяц. 65, 70.
Ситенскій Ѳедоръ, сотн. полк. гадяц. 65, 70.
Скаржинскій Мих., сотн. 2 лубен. полк. сотни. 53, 59.
Скиба Іосифъ, воз. сот. ресков. 66.
Скиба Сем., мѣщ. прилуц. 236.
Скопецъ Сем., мѣщ. стародуб. 112.
Скоропадскій, гетм. 25, 91, 92, 104, 109, 110, 116, 118, 148, 157.
Скоропадскій Ив., ас. ген. 3, 9, 23, 33, 71, 191, 202, 230, 239, 240.
Скрипчинскій, протоіерей переясл. 257.
Скриль Яковъ, кз. сот. сосниц. 149, 209.
Скуевскій Макс., з. т. 211.
Славскій Алдръ, атам. глух. 77.
Слесарь Марко, мѣщ. стародуб. 112.
Слива Якимъ, мѣщ. прилуц. 234.
Слышевскій Прок., ат. сот. сосниц. 205.
Слѣсарь Мих., кз. черниг. 198.
Слюзъ Пав., кнц. суда зем. пов. лубен. 55, 60.
Слюзъ Сем., в. т. 54, 59.
Слюсаренко Троф., кз. лубен. 136.
Смаль Сем., кз. сот. менск. 149, 208.
Соболевскій Влад., сотн. погар. 222.
Соболевскій Гр., в. т. 222, 224, 225.
Соболевскій Сем., сотн. погар. 90.
Совецкій (см. Осецкій) Гр., з. т. ген. арт. 59.
Соколовскій Николай, в. т. 193, 203.
Соколовскій Ром., в. канц. 30, 35.
Соколовскій Яковъ, в. т. 66.
Соколовъ Прок., гус. прапорщ. 199.
Сокоцкій Іовъ, з. т. 196.
Сологовъ кн. Пав., поруч. 67.
Солодкій Троф., кз. гор. лубен. 134.
Солодовникъ Гр., кз. гор. лубен. 134.
Солодовникъ Якимъ, мѣщ. стародуб. 112
Солодовникъ, Яцко, кз. лубен. 137.
Соломаха Ант., з. т. 31, 36, 240.
Соломаха Корн., з. т. 31, 35.
Соломаха Мих., з. т. 31, 35.
Соломаха Моис., мѣщ. прилуц. 232, 235.
Соломаха Николай, з. т. 31, 35, 234.
Соломянникъ Прок., кз. сот. менск. 149, 208.
Солонина Алдръ, подком. козелец пов. 246, 251, 255.
Солонина Ив., сотн. остерск. 246, 251, 255.
Сопуненко Андрей, кз. лубен. 136.
Сопунъ Степ., кз. лубен. 135.
Сорока Алексѣй, кз. сот. переволоч. 161, 242.
Сорока Гр., з. т. 222, 224.
Сорока, свящ. погар. 224.
Сосницкій Тер., мѣщ. черниг. 198.
Софроно Ив., мѣщ. стародуб. 112.
Софроно Степ., мѣщ. стародуб. 112.
Софья Алексѣевна, правительница 28.
Спасиба Степ., мѣщ. стародуб. 112.
Спасиба Тер., мѣщ. стародуб. 112.
Спицкій Гр., кз. корыбутов. 242.
Сподинъ Пав., кс. лубен. 137.
Ставецкій Ив., подсуд. зем. пов. зеньков. 66.
Ставе(н)цкій Ѳедоръ, ас. полк. гадяц. 65, 70.
Ставицкій Ив., пис. зем. пов. гадяц. 65, 70.
Стадникъ Сем., мѣщ. черниг. 199.
Стаинскій Вас., воз. пов. черниг. 196.
Стаинскій Сем., пис. суда грод. черниг. 196, 205.
Станиславскій Серг., полк. перм. караб. полка 290.
Стани(ѣ)славскій Сем., кз. ст. берез. 149, 208.
Станко Сав., мщ. прл. 233, 235.
Станѣславскій Емел., вз. ст. сосн. 194, 204.
Станѣславскій Прок., райца черн. 199.
Стасюкъ Коз., кз. сот. берез. 149, 208.
Стаховичъ Петръ, б. т. 193, 203.
Стаховскій Тим., ат. гор. прл. 31, 36, 240.
Стаховскій Ѳедоръ, абш. ст. ат. 240.
Стебленскій Игн., мщ. пгр. 222.
Стельмахъ Ив., мщ. лбн. 136.
Степановичъ Корн., в. кнц. 66.
Степуренко Прох., мщ. прл. 234.
Стефановичъ Вас., сд. плк. лбн. 53, 58.
Стефановскій Ив., кмр. пв. чрнг. 196.

Стодола Алексѣй, мщ. чрнг. 197.
Стодолѣнскій Ив., вз. ст. роис. 194.
Стороженко Алдръ, в. т. 30, 35.
Стороженко Гр., в. т. 30, 35.
Стороженко Дав., мщ. прлц. 236.
Стороженко Нкф., мщ. прл. 232, 236.
Стражевскій Өедоръ, вз. ст. коропс. 8.
Стремоуховъ Мих., пр.-маіоръ борисоглѣб. дрг. п. 188, 226, 228, 231, 233, 237, 238, 245.
Струленко Гавр., мщ. прл. 233.
Струль Дм., мщ. прл. 233.
Сукнѣцкій Дм., ат. ст. городн. 205.
Сурмило Өедоръ, кз. с. слабин. 149, 207.
Сурченко Кир., войтъ пгр. 88, 89.
Сучакъ Ив., мщ. прл. 236.
Сученко Макс., кз. гор. ромен. 135.
Сушко Степ., кз. лбн. 135.
Сущевскій Андрей, мщ. лбн. 263.
Сылевичъ Алексѣй, б. т. 8.

Т.

Табататзевъ Ег., поруч. 67.
Тарабаненко Дан., мщ. прл. 234.
Тарара Ив., кз., ичан. 161, 241.
Тарасевичъ Гавр., мщ. чернг. 200.
Тарасевичъ Дем., абш. пис. ст. берез. 205.
Тарасе(о)вичъ Ив., мщ. прл. 232, 235.
Тарасовичъ Никиф., мщ. прилуц. 233.
Тарасенко Зах., в. т. 31, 36.
Тарасенко Ост., кз. лбн. 135.
Тарасовъ Өед., в. т. 9.
Тарновскій Ив., стн. варвин. 30, 35.
Тарновскій Петръ, стн. жорав. 30, 35.
Терентенко Дан., в. т. 66.
Терентенко Өед., мщ. прл. 232.
Терентѣй Мусѣй, мщ. прл. 232.
Терентѣй Өедоръ, мѣщ. прил. 236.
Терехно Степ., кз. ст. ролеск. 209.
Терлецкій Вас., капит. 229.
Тернѣцкій Емел., кз. сот. перевол. 161, 242.
Тетухъ Моис., кз. сот. красноколяд. 162, 242.
Тимофѣевъ, з. т. 256.
Тимофѣевъ Маркъ, вз. второ-миргор. с. 288.
Тимошевскій Вас., в. т. 31, 35.
Титовичъ Тим., ат. с. вибельс. 205.
Тихоновичъ Пав., з. т. 195, 204.
Тищенко Гр., мщ. прлц. 233.
Тищенко Макс., мщ. прл. 233.
Тищенко Сем., жит. прл. 232.
Тищенко Яковъ, кнцл. лубен. гр. суда 55, 60.
Товстолѣсъ Гр., з. т. 194, 204.
Товстолѣсъ Ив., в. т. 194, 204.
Товстопятъ Өед., мщ. прл. 232.
Томара Степ., б. т. 248, 250, 251, 257, 259.
Тренбачъ Өома, з. т. 54, 60.
Тризна Андр., стн. вибел. 192.
Тризна Николай, б. т. 195, 204.
Тризна Яковъ, в. канц. 195, 204.
Трилѣскій Гр., кз. гор. лбн. 135.
Трипольскій Ив., стн. куземин. 65.
Трифоновскій Ив., в. кнц. 30, 35.
Трифоновскій Яковъ, в. т. 30, 35.
Тропина Өад., в. т. 30, 35.
Троцкій Тим., в. т. 30, 35.
Троцкій Ив., в. т. 31, 35.
Трощинскій Андр., в. т. 66.
Трояновскій Ив., воз. второкомыш. 66.
Трусевичъ Гр., в. т. 8.
Трусевичъ Ив., в. т. 194.
Трусевичъ Мих., б. т. 8.
Туманскій, ген. пис. 188.
Туманскій Вас. прсл. прдв. шлх. 246, 251, 252, 259.
Туманскій Ос., кол. ас. 8.
Туранскій Ив., б. т. 8.
Турокъ Іосифъ, пос. ст. пгр. 225.
Тухареловъ Николай, вахм. 67.
Тымченко Ив., з. т. 65.
Тымченко Дан., з. т. 66.

У.

Уманецъ Вас., в. т. 8.
Уманецъ Макс., в. канц 77.
Уманецъ Сем., стн. глх. 77, 188, 190, 191.
Уманецъ Фил., з. т. 9.
Умѣнъ Никита, хрж. плк. прл. 30, 35, 238, 241.
Усаха Өед., мѣщ. козелец. 212.
Устименко Пав., кз. лбн. 135.
Устименко Тим., кз. лбн. 135.
Устименко Яковъ, кз. лбн. 135.
Устименко Өед., кз. лбн. 135.

Устымовичъ Андрей, пис. зем. 65, 70.
Уточка Өед., мщ. козелец. 212.

Ф.

Фасовецъ Степ., кнц. полк. черн. 205.
Федоренко Вас., в. т. 31, 35.
Федоренко Гр., ас. корибутов. 31, 36.
Федоровичъ Ант., вз. корибутов. 30, 35.
Федоровскій Андрей, вз. грод. 30, 35.
Федоровскій Ив., з. т. 9.
Федоровъ Пав., кз. город. ромен. 135.
Федорченко, кз. ст. сосницк. 209.
Федосенко Стеф., кз. ст. сосниц. 149.
Федосовъ Ив., з. т. 192, 203.
Фесенко Ив., мщ. лбн. 136, 263.
Филоновичъ Евф., в. т. 8.
Филоновичъ Лук., з. т. 9.
Филько Гавр., мщ. стародуб. 113.
Фоменко Ив., мщ. прлц. 232.

Х.

Ханенко Николай, ген. хрж. 90.
Харченко Алексѣй, з. т. 195, 204.
Харченко Алексѣй, мщ. прл. 232, 234.
Харченко Гр., кз. ст. березен. 149, 208.
Харченко Гр., мщ. прл. 236.
Харченко Петръ, вз. сребран. 30, 35.
Харченко Прок., мщ. прлц. 233, 235,
Харченко Өед., кз. сот. сребран. 161. 241.
Хведоренко Өома, мщ. лбн. 135, 264.
Хвененко Гр., мщ. прлц. 232.
Хитрик(н)ъ Сем., мщ. прл. 232, 236.
Хилчевскій Өед., абш. полк. лбн. хрж. 53, 58.
Хлоповъ Кир., стольникъ 89.
Хлѣбовскій Ив., райца черниг. 198.
Хлѣбовскій Яковъ, мщ. чрнг. 197.
Хмельникъ Гр., мщ. глх. 77.
Хме(ѣ)льницкій Богд., гетм. 24, 25, 34, 37, 40, 48, 57, 68, 90, 138, 140, 142, 148, 151, 152, 153, 157, 158, 160, 165, 174, 178, 182.
Хме(ѣ)льницкій Юрій, гетм. 25, 157.
Хованскій кн. Юрій, плк. 216, 217.
Холоднякъ Макс., мщ. лбн. 137, 264.
Холоднякъ Пав., пис. рат. лбн. 135, 261, 264, 265, 266.
Холодовскій Ром., з. т. 65.
Холодъ Гр., армашъ 234.
Хоменко Ив., мщ. прлц. 235.
Хорошковатый Макс., мщ. лбн. 263.
Худыня Ив., мщ. стародуб. 112.
Худыня Сем., лавн. стародуб. 112.

Ц.

Цалабанъ Гавр., мщ. стародуб. 112.
Цехановичъ Гіеронимъ, ревизоръ 1625 г. 79, 80.
Циба Андрей, ас. ст. второлубн. 55, 60.
Циганенко Вас., кз. лбн. 137.
Ци(ы)ганенко Өед., з. т. 54, 60.
Цинбалистый Илья, кз. прл. 234.
Цурка Петръ, з. т. 66.
Цѣпакъ Ив., мщ. прл. 233, 235.

Ч.

Чайка Арт., кз. лбн. 135.
Чайка Ив., мщ. козелец. 212.
Чаленко Өед., мщ. прлц. 232.
Чарнуцкій Ив., в. кнц. 77.
Чарнышовъ Петръ, в. т., войтъ полт. 66.
Чарнышъ Ив., пис. полк. миргор. 65, 70.
Черевачъ Никиф., кз. сот. городниц. 150, 210.
Черепаха Никиф., ат. гор. 67.
Чернискій Вас., кнц. полк. чрнг. 205.
Черницкій Алексѣй, стн. яблонов. 53, 59.
Чернышевъ Лука, кз. ст. корибутов 162, 163, 242.
Чернявскій Мих., в. т. 240, 241.
Черпякъ Ив., з. т. 66.
Черпякъ Степ., з. т. 66.
Чеснокъ Кондр., ас. 31, 36.
Черномурецъ Гр., мщ. прлц. 235.
Че(о)рному(о)рецъ Ив., мщ. прлц. 233, 234.
Чечуй Петръ, мщ. стародуб. 112.
Чижъ Игн., кз. лбн. 137.
Чиквойдзевъ Сем., сек.-маіоръ 67.
Чикисенко Гр., кз. лбн. 135.
Чинчикъ Өед., кз. сот. сосниц. 149. 209.
Чи(е)черинъ Ник., спб. гн.-полцм. 227.
Чичикало Яковъ, кз. прлц. 234.
Чуйко Макс., мщ. прлц. 232, 236.
Чумаковъ Гр., мщ. стародуб. 113.
Чумаковъ Сем., мщ. стародуб. 112.

Чумакъ (см. Булгакъ) Ив., кз. ст. полк. черниг. 149.

Ш.

Шабловскій Андрей, войтъ стародуб. 102.
Шаповалъ Пав., мщ. прлц. 232, 235.
Шапочникъ Конст., мщ. прлц. 236.
Шапочникъ Сем., кз. лбн. 134.
Шапочникъ Өед., кз. лбн. 136.
Шарко Дан., мѣщ. прил. 233.
Шарко Сем., мщ. прлц. 233, 235.
Шарой Никиф., войтъ чрнг. 198, 200.
Шаршановичъ Евф., з. т. 193, 205.
Шаршановичъ Ив., стн. киселев. 205.
Шаховскій кн., г.-лт. 27.
Шахрай Ив., хрж. ст. 211.
Швецъ Николай, мщ. прлц. 236.
Швець Серг., кз. лбн. 137.
Шевель Пав., кз. ст. седнев. 148, 206.
Шемшуковъ Моисей, в. кнц. 77
Шеневскій Ив., мщ. козелец. 212.
Шепелявый Дан., вз. ст. чигринъ-дубров. 54, 60.
Шепелявый Макс., мщ. прлц. 234.
Шептуха Кононъ, кз. козелец. 211.
Шереметъ Іосифъ, почтал. чрнг. 198.
Шиленко Ром., мщ. прлц. 237.
Шило Дан., кз. ст. слабин. 149, 207.
Шимка Алдръ, з. т. 134.
Шимковъ, ат. сорочин. 284.
Ширяй Мих., подк. пов. стародуб. 105, 106.
Ширяй Спир., войтъ стародуб. 104, 105.
Широгроцкій Аѳ., райца чрнг. 199, 203.
Шихуцкій Ив., ас. чрн. полк. артил. 193, 203.
Шихуцкій Степ., хрж. сот. роисск. 195, 204.
Шихуцкій Яковъ, абш. ас. чрн. плк. арт. 193, 203.
Шишка Алдръ, з. т. 54, 59.
Шкляревичъ Аѳ., суд. зем. пов. ромен. 53, 58.
Шкляренокъ Горд., мщ. чрнг. 197.
Шкурка Кал., мщ. чрнг. 199.
Шкурка Зах., вз. ст. богац. 65.
Шлякевичъ Дан., з. т. 9.
Шлякъ Никита, в. т. 30, 35, 240.
Шнурчевскій Вас., в. т. 30, 35.
Шнурчевскій полк. пис. 238.
Шостакъ Ив., з. т. 54, 60.
Шостакъ Илья, стн. лютеньс. 66, 70.
Штацкій Өед., кз. чрнг. 197.
Шуба Мих., в. т. 192, 203.
Шуенко Корн., в. т. 31, 35.
Шуляческій Конст., ком. пов. ромен. 134, 272.
Шумовскій Макс., кз. чрнг. 198.
Шумъ Матв., суд. зем. пов. козелец. 211.
Шумъ Пав., з. т. 211.
Шупикъ Мина, кз. ст. седнев. 148, 207.
Шутенко Илья, ст. потоц. 66.

Щ.

Щербакъ Ив., мщ. чрнг. 197.
Щербакъ Макс., стн. первопирят. 53, 59.
Щербиновичъ Гр., мщ. стародуб. 112.
Щока (Щочка) Игн., хрж. полк. лбн. арт. 55, 60, 134, 272.

Ю.

Юзефовичъ, з. т. 256.
Юни(ѣ)цкій Петръ, в. т. 195, 204.
Юр(с?)кевичъ Ант., в. т. 240.
Юркевичъ Ив., кнц. полк. черниг. 205.
Юркевичъ Петръ, хрж. ген. в. арт. 8.
Юрченко Ив., мщ. козелец. 212.
Юрченко Юско, цехм. ковал. прлц. 232.
Юс(р?)кевичъ Ант., в. т. 30, 35.
Ющенко Стеф., з. т. 134.

Я.

Ягелло, кор. пол., в. к. лит. 170.
Ягельне(ѣ)цкій Ив., пис. плк. прлц. 231, 238, 239, 241.
Якименко Макс., кз. журав. 162, 242.
Якименко Тим., кз. лбн. 134.
Якимовичъ Андр., см. Іакимовичъ.
Якимовичъ Ер., пис. ст. сосниц. 205.
Якимовъ Өед., мщ. прлц. 232, 235.
Яковенко Ив., в. т. 66.
Яковенко Пав., в. т. 66.
Яковенко Яковъ, хрж. ст. ромен. 55, 60.
Яковенко Өома, мщ. лбн. 263.
Яковлевъ Гавр., в. т. 31, 35.
Яковлевъ Пав., кз. носов. 251, 259.
Яковлевъ Яковъ, в. кнц. 77.
Яловецъ Ив., мщ. козелец. 212.

Яновскій Андрей, пис. ген. в. арт. 9.
Яновскій Кондр., ат. сот. 55.
Яновскій Серг., ат. 2 полк. гадяц. ст. 66, 70.
Яновскій Якимъ, прти. поят. 287, 288.
Янъ-Казимиръ, кор. пол. 79.
Яременко Гр., мщ. прлц. 233.
Яременко Сав., цехм. рѣзн. прлц. 232.
Яремовъ Сав., мщ. прилуц. 232, 235.
Ярмаковъ Ѳед., пис. сот. иваниц. 31, 36.
Ярмакъ Авт., мщ. прлц. 232.
Ярмакъ Ѳед., мщ. прл. 236.
Ярмаченко Лук., мщ. прлц. 233.
Яроховскій Алдръ, пис. маг. козел. 212.
Ярошенко Кл., кз. ст. роисск. 150, 209.
Ярошенко Мих., кз. лбн. 135.
Ятрилокатовъ Яковъ, мщ. стародуб. 113.
Яценко Макс., в. кнц. 77.
Яценко Ѳома, мщ. лбн. 136, 263.
Ященко Вас., кз. ст. роисск. 150, 209.
Ященко Ив., кз. ст. синяв. 149, 208.

П. ЖИТЕЦКІЙ.

СЛОВАРЬ

КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

по

РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул. д. № 4.
1888.

Въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, подъ № XII, 17, хранится помѣщаемая нами въ видѣ приложенія къ „Кіевской Старинѣ" рукопись подъ заглавіемъ: „Синонима славенороссская". Она переплетена въ одну книгу съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго. Экземпляръ грамматики полный, съ фортой, на которой обозначенъ 1619 годъ. Грамматика отдѣляется отъ рукописи двумя листками. Первый листокъ чистый, на второмъ написанъ „уставъ, како чернило дѣлати". Пагинаціи въ рукописи нѣтъ. Всѣхъ листковъ 185, на которыхъ однимъ и тѣмъ же почеркомъ написаны „Синонима славенороссская". Это—ничто иное, какъ словарь книжной малорусской рѣчи съ объясненіемъ каждаго слова посредствомъ синонимическихъ славянскихъ словъ.

Словарь расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитъ строго не выдержанъ, особенно въ третьихъ буквахъ. Алфавитъ второй буквы (напр. *ба*, *бе*, *би* и проч.) отмѣчается въ новой строкѣ, составляющей заглавіе, подъ которымъ помѣщаются соотвѣтствующія слова. Между отдѣльными группами словъ оставлены пустыя мѣста неодинаковыхъ размѣровъ, иногда на цѣлую страницу, для вписыванія новыхъ словъ. Гдѣ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, тамъ встрѣчаются приписки на поляхъ рукописи. Иногда слова одного корня разнесены по недосмотру въ разныя группы: такъ, слово *гнѣвъ* стоитъ послѣднимъ въ ряду словъ, начинающихся слогомъ *го*, а *гнѣваюся* стоитъ первымъ въ группѣ словъ, начинающихся буквами *гн*. Иногда два объясняемыя слова пишутся въ одну строку, напр: „*Англія—Британія; Анѣмушъ—щапство*". Нерѣдко также черезъ нѣсколько словъ повторяется выше стоящее съ тѣми самими или же иными синонимическими объясненіями. Нѣкоторыя слова оставлены безъ всякихъ объясненій, другія объясняются посредствомъ простыхъ повтореній объяс-

няемаго, напр. *„дуга — дуга; духъ — духъ; женихъ — женихъ“* и т. п.

По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ черновой работой, предназначенной не для печати, а для личнаго употребленія. Видно это, между прочимъ, изъ правописанія рукописи. Знаки препинанія поставлены случайно. Двоеточіе встрѣчается иногда между объясняемымъ словомъ и объясняющимъ, но большею частію между этими словами нѣтъ никакого знака. То же и съ запятой: иногда она стоитъ, гдѣ слѣдуетъ, иногда же нѣтъ ея тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить. Надстрочныхъ знаковъ мало: они стоятъ только надъ *о* (ѡ̑) и надъ *и* (и̏), титла—надъ немногими словами, такими, напр., какъ бл҃го, гд҃ь и проч. Изъ гласныхъ буквъ ꙗ предпочитается буквѣ ѧ: послѣдняя изрѣдка встрѣчается только въ словахъ славянскихъ; напр: „*брѧцало*—бряцало; *вырѣкаюсꙗ*—отмѣтаюсѧ“. Во всей рукописи замѣтно рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и* съ рѣшительнымъ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Это обстоятельство произвело значительную путаницу въ алфавитномъ распредѣленіи словъ, которыя начинаются предлогомъ *вы*. Для звука *у* есть три буквы: ȣ, оу и у: первая встрѣчается чаще другихъ, послѣдняя рѣже другихъ. Согласный *h* отличенъ отъ согласнаго *g*: первый отмѣчается посредствомъ обыкновенной буквы *г*, а послѣдній посредствомъ прописной буквы *Г*, которая пишется не только въ началѣ, но и въ срединѣ слова. Въ печати она получила бы форму ґ, поэтому мы и передаемъ ее посредствомъ этой буквы.

Лексическіе пріемы составителя словаря нельзя назвать удачными. Часто синонимы не соотвѣтствуютъ другъ другу грамматической формой словъ, напр: „*забавно—коснию; забытися—изумленіе*“. Начальной формой глагола, какъ и П. Берында, составитель принимаетъ 1 л. наст. времени изъявит. накл., но иногда объясняетъ глаголъ не въ этой начальной формѣ, а въ косвенной, напр: *„засмѣялося—возсмѣяся; заволай—вопій“*,—объясняетъ также цѣлыя фразы, не возстановляя основнаго слова въ его начальной формѣ: *„за волею Божею—волею Божіею; за мя—мене ради“*. Ко многимъ словамъ синонимы подобраны крайне неточно и даже противорѣчиво, напр: *„гуденіе--восклицновеніе; дерево—на пнѣ стебель; дрождь--тина; дѣвчина—юнота; затвердѣ-*

лость—умиленіе". Встрѣчается масса сочиненныхъ словъ, никогда не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр: „*высокость—преимтелство; ганю—соменшаю, пятвю; гамую—сопрятовак; гину—погиблю; збитнее богатство — вящшество, лишество*" и т. п. Не смотря на эти недостатки, словарь представляетъ значительный научный интересъ уже по тому самому, что наглядно показываетъ намъ, съ какимъ напряженіемъ работала мысль въ старину надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь изъ него все, что было возможно, для своего выраженія. Многія изъ этихъ словъ не вошли въ литературный оборотъ рѣчи ни славянорусской, ни книжной малорусской, другія—пережили ту и другую, и нынѣ существуютъ въ литературной русской рѣчи, поэтому словарь нашъ можетъ способствовать до нѣкоторой степени уясненію состава и происхожденія этой послѣдней.

Что касается до словъ объясняемыхъ, то это отчасти слова польскаго, отчасти народнаго малорусскаго происхожденія. Мы не видимъ въ словарѣ и сотой доли этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, потому, что составитель словаря мало интересовался конкретными словами, обращая главное вниманіе на слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, которыя переходили въ книжную малорусскую рѣчь большею частію изъ языка польскаго. Можно предполагать, что и задуманъ былъ словарь именно съ цѣлію вытѣснить изъ нея польскія слова синонимическими славянскими словами. Впрочемъ, не мало разсѣяно въ словарѣ любопытныхъ малорусскихъ словъ, проливающихъ свѣтъ на старинныя представленія и понятія, и донынѣ сохранившіяся въ народѣ.

Кто былъ составителемъ словаря, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ рукописи. Видно только, что въ рукахъ составителя бѣлъ „Лезїконъ Славеноро́сскїй" П. Берынды, трудомъ котораго онъ постоянно пользовался. По поводу глагольныхъ формъ *былъ*, *бѣ*, есть даже ссылка на „Лексиконъ" Берынды: „*зри о сихъ словахъ въ лексиконѣ словенскомъ*", гдѣ подъ формами „бѣ: бы́лъ, была̀, было̀" читается слѣдующее: „то́е рече́нїе ѿ на́шемъ ѹбо гл҃мо є҆стъ бѣ, проше́дшее вре́мѧ знамену́етъ на́мъ, и҆ сїе ѹкоча́но: є҆гда̀ же ѿ Бз҃ѣ превѣ́чномъ и҆ пр҃сносꙋ́щїе на́мъ ꙗ҆влѧ́етъ". Такимъ образомъ „Синонима славенороская" составлены не раньше

1627 года. Судя по употребленію буквы *у*, а также ıa вмѣсто ѧ и по рѣшительному преобладанію *и* надъ *ы*, можно полагать даже, что рукопись словаря относится не къ первой, а ко второй половинѣ XVII вѣка.

Печатаемъ словарь съ подлинника, отъ котораго мы рѣшились сдѣлать слѣдующія отступленія:

1) Всѣ слова приведены нами въ надлежащій алфавитный порядокъ.

2) Устранены слова, стоящія безъ объясненій, а также тѣ слова, въ которыхъ объясняющее слово есть ничто иное, какъ повтореніе объясняемаго.

3) Соединены вмѣстѣ слова, объясненныя нѣсколько разъ въ разныхъ группахъ.

4) Сведены къ одному слову выраженія, посредствомъ которыхъ объясняется это слово.

5) Слова не разобранныя обозначены точками.

6) Слова, начинающіяся предлогомъ *вы* (въ подлинникѣ то *вы*, то *ви*), сведены въ одну группу словъ съ начальнымъ *вы;* въ остальныхъ случаяхъ слова, въ которыхъ смѣшивается *ы* съ *и*, переданы согласно съ подлинникомъ.

7) Такъ какъ надстрочныхъ знаковъ и титлъ мало въ подлинникѣ, то словарь напечатанъ обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ раскрыты сокращенія и титла, въ которыхъ предполагаемыя буквы не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

П. Ж.

А.

Або—зане, яко.
Абовѣмъ—или, ибо, поне.
Аболишъ—прочееже.
Авйдже—обачеже.
Авшакъ—убо, сице, обаче.
Адалѣй—прочее, прочееже.
Аеднакъ—ибо, аще, негли.
Ажъ—дондеже, донѣлеже, даже.
Азажъ—еда.
Азали—еда.
Азбука—алфавитъ, буква.
Азвлаща—найпаче, паче, обаче.
Аиншее—потомъ, прочее.
Албо—или.
Алюбарта—дреколь.
Англія—Британія.
Анѣмушъ—щапство.
Анѣмушовато—щапственнѣ.
Апеляція—нареченіе.
Апрето—тѣмъ же, убо, поне.
Аптека — врачебница, хранителница.
Арфа—гусль.
Арфиста—гудецъ.
Астрономія, *астрологія*—звѣздословіе, звѣздозаконіе, звѣздозорство.
Атакъ—убо.
Атоли—убо, аще.
Афектъ — страсть, причастіе, движеніе сердечное.
А хотяй же—и убо, аще и.
Ахъ, *ахже*—горе, увы, оле.
Ачъ, *ачъ кольвекъ*—убо, аще убо, ащежъ убо.

Б.

Баба—старица, баба.
Бабка—зѣля троскотъ.
Бавлю—продолжаю.
Бавлюся—косню, медлю, закоснѣваю, замедлѣваю.
Баволна—бумага.
Баданная — испитанная, истязанная.
Бадачъ—испитатель, истязатель.
Бадаюся—истязую, испитую.
Байка—басчь, блядобаяне.
Байки повѣдаю—баснословлю, блядословлю.
Байстеръ—прелюбодѣйчищъ.
Баламутъ—ложъ, блядивый.
Баламутня—ложъ, блядъ.

Балванъ—идолъ, кумиръ.
Балванъ вылитый—истуканъ.
Балвохвалство—идолослуженіе.
Банка—для оливы чванецъ.
Банкетъ—пиръ, пированіе, пиршество, вечера, учрежденіе, чрежденіе гощенія, гоститва, ликованіе.
Банкетовцu—пиряне.
Банкетуюся — сонаслаждаюся, совоспитываюся.
Баня где соль робятъ—слатина.
Баранъ—овенъ, агнецъ.
Бардишъ—сѣчиво.
Барзо—зѣло.
Барзо мало—премало.
Барзо много—премного, колже паче, множае, найпаче же.
Барзо радъ—нетяжестенъ.
Бачность-благоухищреніе, мудрость, остроуміе, остроразуміе.
Бачный—благоухищренный.
Бачмаги—виступцѣ.
Бачу—вижду, созерцаю.
Бачъ—мнѣніе, васнь, мудрованіе.
Башта—вежа, столпъ, пиргъ.
Баюра або зтѣкъ водъ—сонмъ водъ.
Бедра—лядвія, чресла.
Безбожность—беззаконіе.
Безбожный—беззаконникъ.
Безвстыдный — мѣдноличенъ, безстуденъ.
Безвонтпеня—право, явѣ, истиннѣ, извѣстнѣ исповѣдуемъ.
Безвстиду—дерзостнѣ, дерзко.
Бездолюкъ—безкровный.
Безецный—нечестивъ.
Безецность—нечестіе.
Безжарту—тщиво.
Безженецъ—холостый.
Безодня—бездна.
Безпечно—извѣстно, дерзостнѣ, дерзновенно, дерзко.
Безпечность — извѣство (sic), отрада, необиновеніе, опаство, утвержденіе, дерзновеніе.
Безъ—кромѣ, развѣ, свѣне.
Безъ замѣреня кресу—неустаннѣ, непредѣлнѣ.
Безъ наганы—непорочный.
Безъ омешканія — безъбѣдно, безъвещественнѣ, непреткновенно, невозбранно, непресѣкомо.
Безъ перешкоды—безъ спони возбраненія.
Безърозсудку—безъ разсужденія, всуе, туне.
Безъ ума—безумнѣ.
Бенкартъ — прелюбодѣйчищъ, рабичищъ.
Бервено—бервно.
Берегъ—брегъ.
Берегъ морскій—поморіе, приморіе.
Берегъ прикрий—стремнина.
Берло—скипетръ.
Беру—емлю, поемлю, приймую, возимаю.
Бесѣда—бесѣда.
Бесѣда знаменитая—гощеніе.
Бирки или ліоси—жребія.
Бисага—чпагъ, ташка, капса.
Битва—брань, подвигъ, рать, страданіе, страдалчество.

Битвуюся—разсвѣрѣпѣваю.
Бичую—уязвляю.
Бичъ—жезлъ, бичъ.
Благаю—умилостивляю, умилосержаю
Блазенство—уродство.
Блазенъ—кощунникъ..., уродъ, юродъ, уродословъ.
Блазнованіе—буесловіе.
Блазную—кощунствую, юродствую.
Близкій—искренній, ближній.
Близко—близъ, искръ (sic).
Близна—рана.
Близнякъ—близнецъ.
Блискавица—молніе, блистаніе.
Блукаю—скитаю.
Блукаюся—скитаюся.
Блѣхарня або прачка—бѣлилница.
Блѣхаръ или прачъ—бѣлилникъ.
Блюзнѣрство — хула, хуленіе, гажденіе.
Блюзнѣрскій—хулный.
Блюзнѣрца—хулникъ.
Блюзную—хулю.
Блескъ—блистаніе.
Бо—убо, понеже, зане, занеже.
Богатыръ—храбрый.
Богатство—богатество, обиліе, имѣніе, держава, газа.
Богобойность—благочестіе, богобоязненіе.
Богобойнный — благоговѣйный, говѣйнъ.
Благомислецъ — скитникъ, подвижникъ, обучителникъ, страдалецъ.
Богомислности мѣсце—скитъ.
Бодецъ—стрекало, остенъ.
Бондаръ—пугаръ.
Боду—ухопляю, угризаю.
Божница—капище, сонмище, оборище.
Божуся—рочуся.
Бой—зри *битва*.
Бой—брань, борба.
Бокотливый (sic) *або заикуючійся*—медленоязычный, косноглаголивый и проч.
Бокъ—бедро, чресло.
Болезнь задаю—оболестняю (sic).
Болотный—тинявый.
Болото—бреніе, гной, тина.
Болтъ—стрѣла, ратище.
Болше личбою — колми паче, множае.
Болшій — болій, вящшій, множайшій.
Болѣсть—болѣзнь, скорбъ, туга съ тяжестію, безсластіе.
Болю—недугую.
Болячка—вредъ, гной, рана.
Борецъ—страдалецъ.
Борода—брада.
Бороню—предстателствую.
Боруся—съражаюся, соплѣтаюся.
Боти—сапоги, обуци, пестягавы.
Бочка—делва.
Бошію—убо, спроста, надаремно, отнюдъ.
Боюю—подвизаюся.
Боязливость—говѣніе.
Боязливый—малодушный, страшливый.

Боятися починаю—утерпаю.
Брама—врата.
Брамы—фалди рясны.
Браня—поемленіе.
Братство—братство, содружество.
Брви—брови.
Бреханіе—лаяніе, рыканіе, лжа.
Брехачъ—лаятель, ложъ.
Брешу—лаю.
Бридкость—мерзость, гнюсъ, туга, безсластіе, несладость, скорбь, сокрушеніе.
Брижуся—гнушаюся, недугую, унедостояю, омержаю.
Брмьня—звѣцаніе, звукъ.
Врмю—помикаюся (sic).
Бродъ—водотечъ.
Бронь—оружіе, броня.
Брязкало—бряцало.
Бубонъ—тимпанъ.
Будка—куща, колиба, сѣнь, скинія, селеніе.
Будованя — зданіе, зиждителство, созданіе, тектура.
Будовникъ—здатель, созидатель, сождитель, строитель, тектонъ, архитектонъ.
Будучее—сущее.
Будучій—сущій.
Будую—жижду, зидаю, созидаю, сооружаю, соустрояю.
Буженее мясо—сушеница.
Буй—юродъ, невѣжа, неблагоразуменъ, неистовъ, юродивый, юродословъ.
Буйволъ—буйвулъ.
Буйный—величавый, великоумный.
Бунтовникъ—возмутитель, ковникъ, крамолникъ, мятежникъ, расколникъ, раздорникъ, ..., распрѣтворецъ, распрѣватель.
Бунты—возмущеніе, ковъ, расколъ, крамола, мятежъ, раздоръ.
Бунтуюся—возмущаюся, крамолюся.
Бура—буреніе, волна, волненіе, навалность вѣтровъ, примракъ.
Бурда—звада, молва.
Бурштинъ... прудъ.
Бута—гордость, досада, кичение, гординя, явленіе.
Бутный естемъ или роспутный—шатаюсь бутно.
Бучно—хупиво.
Буяю—разсверепѣваю.
Быдло—скотъ, говяда.
Быдля—говядо.
Быдлячій—скотскій, говяжій.
Быкъ молодикъ—юнецъ ярокъ... быкъ.
Былье—зеліе.
Былъ, бы, Была, Было } Зри о сихъ словѣхъ въ лексиконѣ славенскомъ.
Бынамнѣй—невелико, премало, чимало.
Быстраго ока—быстрозрѣніе.
Быстрость—острость, скорость.
Быстрость розуму — высокоуміе, остроуміе.
Быстрость водняя—быстрь.

Быстрый—острый, скорый.
Бытность—бытіе, существо.
Бѣганя—рыстаніе.
Бѣгаю—выскакую, рыщу, рыстаю.
Бѣглецъ—бѣгунъ, бѣглый.
Бѣглость—благоискушеніе, козацтво (sic).
Бѣгунка—стуженіе чрева.
Бѣда—напасть, искушеніе, увы, горе, уфъ.
Бѣда мнѣ—увы мнѣ.
Бѣдкій—бурный, вредный.
Бѣдженяся — подвизаніе, подвигъ, борба, рать, страдалчество.
Бѣжалъ—выминулъ, угонзнулъ.
Бѣлю—убѣляю.
Бѣнда албо чепецъ, *бѣндалникъ*—вѣнецъ.

В.

Вабъ—овава (sic), оваяніе, овавленіе.
Вага—мѣрило, превѣсъ, вѣсъ.
Важнѣйшій—усилный.
Важуся — которуюся, боруся, ратуюся.
Валахъ — каженикъ, евнухъ, скопецъ.
Валашеный—требный.
Валечный—ратуючій, возбранный, храбрый.
Валка—подвигъ, борба, страданіе, противленіе, страдалчество, подвизаніе.
Валъ—на водѣ волна.
Валъ—стѣна.
Вандрованіе — странствіе, шествіе.
Вандровный — странный, путникъ, шествующій.
Вандрую — шествую, странствую.
Ванна—банка.
Вапно—мѣлъ.
Варґи—уста, устна.
Варило—вареніе.
Варстать — дѣлателница, дѣлателище.
Варуюся—уклоняюся.
Вацокъ або торба—чпагъ, влагалище, пира.
Ввергаю—вмѣтаю.
Ввиваю—ваяю, изваяю, чертаваю.
Вгору подношу—возвожду, воздежду, воздѣю.
Вданіе—врученіе.
Вдобрый часъ—благовременно.
Вдова—вдовица.
Вдовецъ—вдовъ.
Вдячне—благодарнѣ, израднѣ, усердно.
Вдячне приймую — благопріемлю.
Вдячность—благодарствіе, усердіе.
Вдячный—благодарный, благодарственъ, изрядный, коварный (sic).
Ведлугъ—по.

Веду—влеку.
Вежа зри *башта*.
Вежа вянзеня—хранило, хранилище.
Везголовокъ—возглавіе, возглавница.
Велблю—величаю.
Велетъ—ґіґантъ, исполинъ, ґіґансъ, щудъ.
Великіе рѣчи молвлю—велерѣчую.
Великій—велій, високъ, голѣмій.
Велико—голѣмо.
Великость-величіе, величествіе.
Велможа—властелинъ, властитель.
Велможность—велелѣпота, величествіе, держава, достоинство.
Велможный—силный, могущественный.
Вениъ—убо, болѣй, заправды.
Верескъ—грохотъ, вопль, кличъ.
Верненяся — возвратъ, возвращеніе.
Веровка—вервъ.
Верста—четвертая часть милѣ.
Верутный лотръ—сквернавый.
Верховнины (sic)—явленіе.
Верховый—конный всадникъ.
Верхъ — вершокъ, високость, крайнина.
Верхъ одержую—одолѣваю.
Вершки деревяніе—пружіе, акриды.
Веселій—благоувѣтливый, шуменъ.
Веселость—празднованіе, смѣхотвореніе.
Веселюся—радуюся, плещу.
Веселя—радость, радованіе, сладость.
Веселя або женитва—бракъ.
Веселя справую — бранѣкую, брачуся.
Весло корабленное—гребло.
Весна—пролѣтіе, весна.
Веснякъ—поселянинъ.
Весь-свѣтъ—вселенная, міръ.
Ветую—истрясую.
Взадся вернути—воспяти.
Взброяю—прибираю, в зброю вооружаюся.
Взгарда — щапство, малодушіе, поносъ, уничиженіе, отриновеніе, нераденіе, преобыдѣніе, презорство, укоризна, безчестіе, оклеветаніе.
Взглядъ—умиленіе.
Взгордитель — презоривъ, свѣрѣпяйся, напрасникъ, дерзкій.
Взгордѣлъ—попралъ, отверже.
Взгоржаю — презираю, пренебрегаю.
Взгорженъ — уничиженъ, обезчествованъ, укоренъ, посмѣянъ, поруганъ, смиренъ.
Взмѣнка—поменъ.
Взношу—воздвизаю.
Взростъ—возрастъ.
Взрушую—движу.
Взятя—поемленіе.
Видится—мнится, подобится.
Видокъ—позорище.
Вижу—вижду.

Виненъ есмъ—долженъ есмъ.
Винная — матица, лоза, винничіе.
Винникъ—винаръ.
Винница—виноградъ.
Винный—виновный, повинный.
Винный прутъ—лоза.
Вино молодее—мустъ.
Виную—порицаю, оглаголую.
Виргаю—перу.
Виръ в водѣ—сопреобращеніе, заверхъ, примракъ.
Витаніе—рукодаяніе, цѣлованіе.
Витаю—цѣлую, витаю.
Вкидаю—вмѣтаю.
Вкладалъ—вѣдѣаше.
Вкладаю—вѣдѣяю.
Вколо—стояніе, обстояніе.
Вкушеніе—вкусъ, вкушеніе.
Влада—владыка, Господь, властелинъ, властитель, строитель.
Владну — обладаю, властителствую, державствую, строю.
Власность—естество.
Власный—истый, свойственный, присвоенный, усвоенный.
Влочня—луща, дреколь, ратище.
Вмякости—безщука (sic).
Внебитности — не сущи, внебытіи.
Внего—вонь.
Внетъ—абіе.
Внутрности—внутрняя.
Внутрь—внутръ.
Внѣвецъ обертаю—испражняю, упражняю, истребляю, искореняю.
Военный—храбрый.
Вожъ—князь, вождь, началникъ, народоводитель, настоятель, правитель, наставникъ, учитель.
Вездерживость—воздержаніе.
Возница, звозчикъ — звозникъ, управитель, снузникъ, возотай (sic).
Возница надъ мулами—прилежай о мулахъ.
Возный — проповѣдателникъ, проповѣдникъ.
Возъ—колесница, ядженіе (sic).
Война—борба, брань, рать, пря, прѣніе, рвеніе, тяжба, распря, подвигъ.
Войну подношу—ратую, рать движу, брань подвизаю.
Войско—полкъ, полчище, воинство.
Войско шикуючій—подвигоположникъ.
Воистинну—тако есть, правда, неложно.
Воланя—вопль, кличъ, грохотъ, вопіеніе, воскликновеніе.
Волаю — возглашаю, воззиваю, вопію, восклицаю.
Волнимъ зостаю — свобождаюся, измѣняюся.
Волнимъ чиню—упразняю, свобождаю.
Волно—лѣпѣ естъ, послѣдователно.
Волность—отрада, свобода, самовластіе, любочестіе, любодарованіе, наслажденіе.

Волоки—поля, ланы.
Волоку—рѣю, влеку.
Волоцюга—бѣгунъ, лестецъ.
Волоченіе—рѣзаніе, рѣніе, резба (sic)
Волоченя се—скитаніе.
Волочуся—скитаюся.
Волхованіе—образованіе.
Воля—разумъ, предложеніе, хотѣніе, маніе, мановеніе, помаваніе.
Вонность—воня, благоуханіе.
Вонтпливость—недоумѣніе,...., недослишаніе, закоснѣніе, размышленіе, неудобство, сумнѣніе.
Вонтпливый—сомнѣнникъ, сомнителникъ.
Вонтплю—сумнѣваюся, недоумѣваюся, усумнѣваюся, сумнюся.
Воркотаніе—роптаніе, ропотъ, хухнаніе.
Воробецъ—врабій.
Воробчикъ—птичищъ.
Ворогованя—вражда.
Ворогую—враждую.
Ворогъ—врагъ, супостатъ.
Ворожбитъ—вражбитъ, волхвъ.
Ворожбитво—враженіе, волшба.
Ворожу—вражу.
Воронъ—вранъ.
Воронъ ночный—вранъ нощный.
Ворота—врата.
Воротило ткацкое—вратило ткущихъ.
Воротный вратаръ—вратный дверникъ, вратникъ, свузникъ (sic).
Ворцъ (sic)—ропщу, хухнаю.
Впередъ—предъ.
Вподозреню маю—взираю (sic).
Впосполитости—обще.
Впровожаюся—водворяюся.
Вродъ—вредъ, раны, гной.
Вродоватый—вредный.
Всегда—присно, всегда.
Всерединѣ—внутрѣ, посредѣ, внутруду.
Всеобразно—весма.
Все що живо—всяческая.
Вскокъ—абіе.
Вспакъ—противообразнѣ.
Вспаняле—влѣпоту, вресноту, изящне.
Вспомагаючій—съпоспѣшникъ, успѣшный.
Вспомагаю—ползую, успѣваю, поспѣшествую, поспѣшаю.
Вспоможеня—успѣхъ.
Встанливъ или пилный—тщаливъ.
Встеченя—вскоктаніе, неистовство.
Встидливе шаную—говѣю.
Встидливый—цѣломудрій.
Встидъ—срамъ, студъ.
Встиркаю—ваяю, изваяю (sic), начертиваю.
Встремежливость—воздержаніе.
Вструченный—возграженъ.
Встѣкаюся—неистовляюся, скоктаю, скокощу.

Встягаю—встягаю, въсклацаю.

Всходъ—степень.

Всходъ солнца—востокъ.

Всюди—весде.

Всякій—всякъ.

Всякимъ способомъ—всяко, всячески.

Втикаю—водружаю.

Въ той час—въ то время, въ еже, вънегда.

Второгиньня—зри *битва*.

Втѣленіе—воплощеніе, вочеловѣченіе.

Вуй, вуягико, уецъ — матчинъ братъ.

Вшакъ же—обаче.

Вшеляко — весма, всячески, всякъ, отнюдъ, бошію.

Вшетеченство—блудъ, студнодѣяніе, студодѣйство, нечистота, разсверѣпѣніе.

Вшетеченство з кимъ полню—приблужаю.

Вшетечникъ—блудникъ, блудодѣй.

Вшетечница—блудница народная.

Выбавитель—спаситель, избавитель, спасъ.

Выбавленіе—избавленіе, спасеніе, свобожденіе.

Выбавляю—свобождаю, избавляю, спасаю, сохраняю, изимаю.

Выбадаюся—востязаю.

Выбадованіе—востязаніе, возысканіе.

Выбираю—избираю.

Выборне—изряднѣе.

Выборный — изрядный, изящный, инокъ, лишній.

Выбранный—избранный, нарочитъ, найлучшій.

Вывернення—разсипаніе, разореніе, развращеніе.

Вывертаю — превращаю, развращаю, обращаю, разоряю, опровергаю, воставляю.

Выводне—прителне.

Выганяю — отлучаю, изганяю, отмѣтаю, извергаю

Выгнаннымъ быти — отлучитися.

Выгоженіе—упокоеніе, угожденіе.

Выдаю—предаю.

Выѣжджаю противу или стрѣтаю—срящаю.

Вызволяю—зри *выбавляю*.

Вызнаваю—послушествую, засвѣдителствую.

Выкладаю — толкую, сказую, прелагаю, изясняю.

Выкладнѣ—сказателнѣ.

Выкладъ—толкъ, толкованіе, сказаніе.

Выколюю—истикаю.

Выконтерфектованный — възрачный.

Выконтерфектованя або виспи-саніе, киталтъ—образованіе.

Выкриканіе — восклицаніе, воскликновеніе, вопіеніе.

Выкрикаю — восклицаю, вопію.

Выкупую—искупую.

Выкупъ—искупъ.

Выливаня—истуканіе.
Выливаю—истукаю.
Вылучаю—ищитаю.
Выляный—истуканный.
Вымагаю—истязую.
Вымагую—истребляю.
Вымерзаю—изсякаю.
Выминулъ—убѣгъ, гонзе, гонзнулъ, избѣже.
Вымысли в убіорахъ—щапство.
Вымишляю—умишляю, изобрѣтаю, смышляю, снискаю, притворяю.
Вымовка—извѣтъ.
Вымовленя ся—отрицаніе, припрокъ, непщеваніе.
Вымовляюся — обѣщаю, отвѣтъ или извѣтъ творю, отрицаюся.
Вымовность—благоязычіе, благорѣчіе.
Вымовный—обрѣтословецъ, благоязичный, благорѣчивый, рѣчивый.
Вынайдованя—возисканіе.
Вынайдую—возискую, востязую, изобрѣтаю.
Вынúкаю—возникаю, изникаю.
Вынищую—упражняю, испражняю.
Выношу—любопочитаю, плещу, величаю, благословляю.
Выображеніе—образъ.
Выпартокъ или дитя изверженное—извергъ.
Выпасую—..., испасую.
Выпираю—испираю.
Выпитаніе — стязаніе, возисканіе.
Выпитую — созтязую, испитословлю, истязую, испитую.
Выполненіе—совершеніе, исполненіе, кончина.
Выполняю—належу, совершаю, исполняю.
Выпорожненіе—истощеніе, умаленіе.
Выпорожняю—умаляю, истощеваю, испражняю.
Выпотрошую—истребляю.
Выпытую — испитую, истязую, испитословлю.
Выраженіе—изображеніе.
Вырастую—прозябаю.
Выраховаціе — сочетаніе, разсужденіе, сочисленіе.
Вырываю—исторгаю, истребляю.
Вырыганя—отрыганіе.
Вырыгаю—отрыгаю.
Выринаю—происхожду.
Выродъ—скверный, сквернавый.
Вырозумѣваю—сразумѣваю.
Вырозумѣваніе —съразумѣваніе, мудрованіе.
Вырозумѣніе — разумѣніе, свѣдѣніе, вѣдѣніе.
Выростокъ—отрокъ.
Вырѣзанный—изваянъ.
Вырѣзованіе—изваяніе.
Вырѣзую—начертаваю.
Вырѣкаюся — отмѣщуся, отмѣтаюся.
Высихаю—изсякаю, изсихаю.
Выславленіе—празднованіе.
Высокая пѣснь—степенная пѣснь
Высокій — выспрный, крайный, вышный.

Высокій розумъ—мудрованіе.

Высокодишкурую—великомудрствую, велерѣчую.

Высокои мысли—высокоумный.

Высоко о себѣ розумѣю—высокомудрствую, любопочитаюся.

Высокость—преимѣтелство, величество.

Высокость — выспръ, высота, явленіе.

Высокоуміе—гординя.

Выспа—отокъ морскій.

Выставность—ухищреніе.

Выставный—ухищренный.

Выстерегаюся—уклоняюся, сопрятаюсь, прятаюсь, испрятаюсь.

Выстигаюся—ристаю.

Выступокъ—кривина, грѣхъ.

Выстя—исходище.

Выстя съ плачу—мычаніе.

Высушую—изсякную (sic).

Вытучую—истощеваю.

Вытѣчка конная—ристаніе.

Выхваленіе—любочестіе, величаніе.

Выхваляю—восхваляю.

Выхованецъ—питомецъ.

Выхованя—жизнь.

Выховаю—выкормляю.

Выходка—проходка.

Выхожения — исходъ, распущеніе.

Выхожу противу кого—срѣтаю, срящу, влекуся.

Выцвичоный—ухищренный.

Вышпотитель або зрадливый—навѣтникъ.

Выясняюся—озаряюся.

Вѣданіе—свѣденіе.

Вѣдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.

Вѣдомство—вѣжство.

Вѣдомость даю—возвѣщаю.

Вѣдомца—свѣдитель.

Вѣдро — черпало, почерпало, водоносъ.

Вѣйка...—повѣка (sic).

Вѣкъ долгій—долгота дней, долгоденствіе.

Вѣлґотность—влага.

Вѣно—посагъ, прика (sic).

Вѣншую — молюся, благовѣствую, привѣтствую, привѣтъ творю.

Вѣра—уставъ, веленіе, преданіе, доґлятъ (sic).

Вѣра правдивая—православіе, благовѣріе, благочестіе.

Вѣршъ—ґранесъ, ґранесловіе, стіхъ, рекловѣсть (sic), сословіе.

Вѣтръ—духъ, вѣтръ, трусъ.

Вѣщій — прозорливецъ, пророкъ, прозряй.

Вѣщованіе — балство, волшебство.

Вѣщокъ — балій, волшебникъ, волхвъ.

Вѣялница—трусъ.

Вязаніе — юза, уза, хранило, хранилище, узница, узилище.

Вязанка—уза або юза.

Вязень—плѣнникъ, юзникъ або усвязень.

Вяну або присвядаю.

Г.

Гадаю—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, накоцу.

Гадина—змія.

Гадка, гаданіе или-и притча—стязаніе, возисканіе, вопросъ, предложеніе.

Гай, гай—словоужасіе (sic),—оль, огъ.

Гайворонъ—вранъ.

Гакъ, гачокъ—вилица.

Галѣръ—мѣдница, лепта, сикль.

Галюбарда або рогатина—дреколь.

Гамую—сопрятоваю (sic).

Гамъ або мисурка—шлемъ.

Ганба—безчестіе, гажденіе, поносъ, поношеніе, укореніе, укоръ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, съмѣшеніе.

Ганблю—злословлю, обличаю.

Ганю—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.

Гарфа—брящало, гусль.

Где—идеже, камо.

Гербъ—знаменіе.

Герстникъ—изящникъ, съоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружникъ.

Гетманство—игемонія, владычество, самодержство.

Гетманъ — стратигъ, воевода, тисящникъ, вождъ.

Гимнъ—пѣснь, пѣніе.

Гину — изнемагаю, истаеваю, погиблю.

Гинучій—погибающій, гиблемій, гиблющій.

Гипокрисую—лицемѣрствую.

Гипокрита — лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворникъ.

Глина—бреніе, скудель.

Глиняный — бренный, скуделничій.

Глубокость — бездна, глубина, пучина.

Глупій—безуменъ або буй.

Глупство—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щапство

Гнѣваюся—кручиняюся, недугую.

Гнѣваются на мене—отмѣтають мя.

Гнѣвливе—неистове.

Гнѣвливый—яровидный, сердовидный.

Гнѣвъ—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.

Гнѣвъ застарѣлый—злопомнѣніе.

Гнѣвъ з горячой милости—ревнованіе.

Гнюснимъ чиню—огнюшаю.

Гюснимъ ся ставлю—огнюсаю.

Гнюсно—унило, щапственнѣ.

Гнюсность — униніе, небрежеuie, щапство, нечистота.

Гнюсный—унилый, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, небрежникъ.

Гнюснѣю — унываю, огнюсаю, стужаюсь.

Говорю—глаголю, вѣщаю.

Годилося—достояше, лѣпо бѣ.

Година—часъ, годище.

Година—часецъ.

Годинникъ—часословъ.

Годится—достоитъ, подобаетъ, лѣпо есть, лѣть есть, мощно.

Годне—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.

Годнимъ чиню—сподобляю.

Годность—достояніе, достоинство.

Годность отримуючій—удостоеваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.

Годный—достоенъ, праведенъ.

Годный вѣры — подобовѣрный, достовѣрный.

Годный ся стою — сподобляюся.

Гожу—разсмотряю.

Гожу до целю—измѣряю.

Гойный—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.

Гойный на гость—страннолюбецъ.

Гойнѣдарованя — любочестіе, любопочитаніе.

Гойнѣ дарую—ущедряю, щедру, любопочитаю.

Гойнѣ почитаю—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.

Голий—нагий, худий.

Головный—соборный.

Головнѣйшій—роднѣйшій (sic).

Головы болѣніе — головоболіе, главостяжаніе, тажкоглавіе.

Голодность—алканіе, алчба.

Голодный естемъ—алчу.

Голодомъ мрю (sic) — гладомъ таю, гладствую.

Гололедица—голоть.

Голопупокъ—птенецъ.

Голосу неспособнаго—худогласенъ.

Голосъ—гласъ.

Голосъ вдячный — благогласное вѣщаніе.

Голца адо гулка — з листвіемъ вѣтвь, розга, ваия, вѣія.

Голубка—голубица.

Голю—брію, брю або рену (sic).

Голюнка—голенъ, глезно.

Гомоню—молвлю, плищую, вопію.

Гомонъ—молва, плищъ, вопль, мятежъ.

Гоненіе—изгнаніе.

Гонитва — уристаніе конское, подвигъ, страданіе, бой.

Гоноръ—прагненіе, любочестіе.

Гончарскій—скуделничій.

Гончаръ—скуделникъ.

Гоны — поприще, стадій, стадіонъ.

Горбатый—слякъ, сляченъ.

Гордость—гордыня, презорство.

Гордый—кичливъ.
Горжу — гнушаюся, презираю, отмѣтаюсь, отмѣщуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.
Горкій—горекъ.
Горливость — рвеніе, ревнованіе, ревность.
Горло—гортань.
Горнецъ—медяный конобъ, глиняный скудель.
Горожа — плотъ, оплотъ, градежъ (sic).
Горохъ моченый—ляща (sic).
Горохъ рогатый або крупи—погутъ (sic), слонутокъ.
Горсть чого—рукоятіе.
Горчица—горушица.
Горячость слонечная — жаръ, некъ.
Господа—виталница.
Господарный—строителный.
Господарство—мшелоимство.
Господаръ—строитель домовый.
Господою стою—гощу, витаю.
Гостинный домъ — виталница, всеприятелище, гостинница.
Гость пріймуючій — страннопріимецъ.
Гость — иноплемененъ, страненъ.
Готую — належу, съоружаю, съустрояю.
Граница—предѣлъ.
Гризеніе в животъ—стуженіе болесное.
Гризуся—ухапляюся.
Гробъ—жупище, гробъ.
Грожу—плещу.
Грозба—запрещеніе, прещеніе.
Громада—сонмище, сонмъ, соборище, толпа, чета.
Громъ або перунъ—тутно, трѣсновеніе, молнія.
Гроши—имѣнія.
Грошъ сребрный — дидрахма, цата.
Гроши любячій—сребролюбецъ.
Грубость — толща, дебелство, дебелость.
Грубянъ -- дебелохудожникъ, препростъ.
Грудь—сосецъ
Грузность—тина.
Грязь — бреніе, тина, тименіе (sic).
Губа—уста, устна.
Губка—морская губа.
Гублю—погубляю, растлѣваю.
Гугнивый — медленноязычный, косноязычный.
Гуденіе—воскликновеніе.
Гуканіе—воскликновеніе.
Гукъ — звукъ, кличъ, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).
Гултяй—прелесникъ, лстецъ.
Гумно—житница.
Гунка—милотаръ (sic).
Гуня—милоть.
Гусеница—усенпца.
Гуфецъ—стояніе.
Гуфъ або войско—полкъ, полчище.
Гучу—зри гомоню.
Гуща—чащъ, чаща.
Гущевина—густиня, частиня.

Ґ.

Ґанокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.
Ґвалтовне—зѣло.
Ґвалтовный—зѣлный нуждный, насилствующъ.
Ґвалтъ—насиліе, нужда, напрасноство, устремленіе, зѣлность.
Ґвалчу — насилую, насилствую, принуждаю, напраснствую.
Ґдижъ—и, убо.
Ґды—егда, когда, внегда, елма.
Ґезъ—скоктаніе.
Ґеометріа—землемѣріе.
Ґжуся—скоктаюся.
Ґиґантъ— исполинъ.
Ґмазъ—закровъ (sic).
Ґнюсный—зри гнюсный.
Ґраблюся або чешуся — копошаюся.
Ґрифъ—ногъ, ногнатка (sic).
Ґроно — гроздъ, пародокъ, отрасль.
Ґрубянъ—зри грубянъ.
Ґрунтъ—основаніе, фемеліонъ.
Ґузи на рукахъ — ствердѣлы, упорпилны (sic).
Ґузъ—пугва.
Ґусля що на шіи носятъ—узлоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.
Давнодавный — мимошедшій, ветхій, предваршій (sic).
Далей — болей, болшей, множае, проче, вящшей.
Далекій—долгій.
Далеко—камо, далекъ.
Далеко болшей — колми паче, множае паче.
Дамо—дамы.
Дань или поборъ—урокъ.
Дарда—дреколь, сулица.
Дарды носячій—дардоносецъ.
Даремный—напрасный.
Дармо—всуе, туне, без ума.
Даръ—даръ, корванъ.
Дахъ—здо, кровъ, покровъ.
Даю—подаю, дарствую, дарую.
Даю достатокъ—удовляю.
Даю до схованія—предаю.
Дбай—ради̑.
Дбалость—радѣніе.
Двакротъ—двацщи, дажды.
Двери—врата, дверы.
Дворность—ухищреніе.
Дворскіи жарты — шутовнаа, радостворная.
Двоумѣнъ — двоедушенъ, близнецъ.
Двѣ точки або пункти—двоточіе, двоеточіе.
Дебръ—лѣсъ, дебрь, ... стремнина.
Декретъ—судъ, судба, уставъ, преданіе, совѣтъ.
Делѣкатъ—пренасищникъ.
Делѣкацтво—сластолюбіе, гортанобѣсіе.
Делья—опона, одежда, тирта.
Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнѣ—стебль.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца свѣта—миродержитель.
Держаніе — стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—съдержу.
Держуся кого—гоню.
Держуся запевне або упевняю—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благоґласное вѣщаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ — самогодный, дерзкій, презорный, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣпяйся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дівство, щудъ.
Диґнѣтарство — санъ, достоинство.
Дикій—дивий, сверѣпъ, прудкій.
Дикое що—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю — свѣрѣпѣю, разсверѣпѣваю.
Дичъ—свѣрѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣлма.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволне — волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродный—благодѣтель.
Добродѣйство—благодѣтелство.
Добродѣйство показую—ублажаю.
Добродѣйство заживать—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣлъ, правый, говѣнный, благовѣнный.
Добрый день або повоженіе доброе—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть — благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мисль—благодушіе.

Добрая слава—благоискутство (sic).

Доброе—благое.

Доброе здоровіе—благоимство.

Доброе любячій—благолюбецъ.

Доброе мовлю—благословлю.

Доброе розумѣніе — благоимѣніе, благоразуміе.

Доброи мислы заживаю—благодушествую.

Доброи славы—благоискусный, благоискуствуемый.

Доброго сердца—благосердій.

Добротливость — благостиня, благодѣтелство, благость.

Добротливый — благоувѣтливый, благоволителный, благодѣтелный, благочестивый.

Доброть—благость, благостиня.

Добѣгаю—достизаю.

Довбаю—ваяю.

Доводнѣ — прителнѣ, подобо-лѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянію, в лѣпоту, в рѣсноту.

Доводъ — указаніе, умышленіе, извѣтъ.

Довоженіе—извѣствованіе.

Довожу—произношу.

Довцѣпный—коварный, умный, благоумный.

Довцѣпъ—благоразуміе, благоуміе, остроуміе, благоухищреніе, коварство.

Довѣдатися—навикнути, увидѣти.

Довѣдуюся—навѣцаю, навикаю.

Догаданіе — удобство (sic), домышленіе.

Догажаніе—сохожденіе, сънисхожденіе, угодіе, упокоеніе.

Догажаю—благоугождаю, угождаю, доброблажу, сохожду, соисхожду, догадуюся.

Догажаючій — снисходителный.

Доганяю — постизаю, ухапую, понуждаю.

Доглядую—блюду, храню, соблюдаю.

До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.

Додѣваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлобляю, возмущаю.

Доеждаю—зри доганяю.

Дожчъ идетъ—дождитъ.

Дозорца—смотритель.

Дозрѣваю—совершеннѣ расту, дозрѣваю.

Дозрѣлость—съзрѣніе.

Дозрѣлый—достилый, зрѣлъ.

Доконченіе—кончина, скончаніе, накончеваніе, совершенство.

Докторъ—врачъ.

Докука—стуженіе.

Докуль—доколѣ.

Докучаю—зри додѣваю.

Докучникъ — стужитель, насиловникъ, насилствующій, нудитель, притужный.

Долгое — протяженное, долгое, зѣлное.

Долгость—часу растояніе.

Долготерпячій — долготерпеливъ, долготерпеливый.

Долегливость—скорбъ, искушеніе, треволненіе.

Долина—удолъ, удоліе, разлой.

Долъ викопанный — ровенникъ или истуденецъ, ровъ.

Доля—случай нужный.

Домашнывый—намѣстный, домашный.

Домнъманіе—умишленіе.

Домнъмаю — мню, непщую, вмѣняю, умышляю.

Домовство—зри мшелъ.

Домовый—домашный.

Домовый рядъ — домостроителство.

Домокъ—храмина, хлѣвина.

Домокъ с пъску—нирище.

Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.

Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.

Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.

Дорога—путь.

Дорогость — многоцѣнность, честность.

Досвъдчаюсь — навыцаю, навыкаю.

Досвъдченіе — искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.

Досвъдченный—искусный.

Доситъ—довлѣетъ, доволнѣ.

Доситъ чиненія—достотвореніе.

Доска златая—петалъ златъ.

Доскопале — всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣстнѣ, всяко, весма, всячески, всѣцѣло.

Досконалость — совершенство, исполненіе, цѣлость.

Досконалый — опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.

Достатечне—зри досконале.

Достатечный—зри досконалый.

Достатокъ — преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.

Достаю — стяжаваю, стяжаю, держу.

Достойность—величествіе, достоинство.

Доступую—получаю, улучаю.

Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.

Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.

Дохожу — достизаю, умышляю.

Дочасный—привременный, временный.

Дочка—дщерь.

До шкоди привожу—напраснствую.

Доцепту — опасно, всесовершеннѣ.

Доцка—доска, дщица.

Драбина—лѣствица.

Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.

Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.

Драґаръ—кровъ.

Драпачинный—драчивъ.

Драница—доска, дска.

Драпъжство—хищеніе.

Драпъжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепетъ, колѣбаніе, утерпяніе, страхъ, ужасъ, говѣніе.

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытѣчки— шатаюсь.

Дрождѣ—тина.

Другій разъ — вторицею, другойци.

Друкарня—типоґрафія, печатня, штанчва.

Друкаръ—типоґрафъ.

Друкую—ваяю, изваяю, печатую, типомъ издаю.

Друкъ—до двиганія носило.

Driчу—борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, накопцу.

Дуда—пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ—пречудникъ.

Дудокъ—вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь—ни знемагаю (sic), не немоществую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій—доблій, доблественный, жилищный, твердый, крѣпкій, силный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ—мудрованіе, высокоуміе, гордость.

Дуреніе—луженіе.

Дурень—безуменъ, буй, юродъ или уродъ, несмысленъ, зродословъ.

Дуру—лужду.

Дурѣю — неистовлюся, юродствую.

Дурячій—лядячій.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человѣкъ — внутрный человѣкъ, мысленный, умный.

Дую—дму.

Дѣвка—дѣвица.

Дѣвчина—юнота.

Дѣдицтво—отчество, достояніе, наслѣдіе, жребій.

Дѣдичъ—наслѣдникъ.

Дѣлитися не могучій — несѣкомый, нераздѣлный.

Дѣлицій заживаю — гобзую, пресыщаюсь.

Дѣлне справую — мужаюсь, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескій.

Дѣлъ—участіе, дѣлъ.

Дѣтей множство — многочадіе.

Дѣра—скважня.

Дякованіе—благодареніе.

Дякую—благодару, *дякую тебѣ*—вѣмъ (sic) ти благодать, имамъ ти благодать.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шолкъ, ...
Единакъ—инокъ.
Единецъ—инокъ, монахъ.
Единомыслно—инодушно, обще.
Единорожецъ—инорогъ, единорогъ.
Единостайно—единодушне.
Единочадый—единородый, иночадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе-ходатайство, смиреніе.
Едначъ—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, крощу, укрощаю, молю, смиряю, приповѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирителный.
Едно—точію, кромѣ.
Едность—единостайность, соединеніе, община.
Ездный—сънузникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Елита—утроба.
Енгалоґія—родословіе.
Епатида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели, ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо въмъ не—не убо.

Ж.

Жаґель—парусъ, вѣтрило, ядрило.
Жадаю—желаю.
Жадною мърою—никако же, ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель, спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачиве окаяваю, щажу, пекуся, сѣтую, ревную.
Жаль—жалость, болѣзнь, рыданіе, ревность, ревнованіе, образіе.
Жаль ми на кого—недугую.
Жарливость маю—ревную.
Жарлокъ—гортанобѣсецъ, ласкосердій.
Жартливый—кощунникъ, смѣхотворца.
Жартовнии ръчи—шуточныя, радостворная.
Жартую—кощунствую, блядословлю, смѣхословлю, любезно и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрицало.
Жельдба—печаловенъ, желѣнъ, укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіе, пороченіе, сѣтованіе.

Желѣзнойшіи—жестоковыйный.

Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.

Женитва—бракъ.

Женюся—брачуся, посягаю.

Жертовникъ—очистилище, требище.

Живность—пища, жизнь.

Живностю опатрую — питаю, ухлѣбляю.

Животъ—духъ, жизнь, животъ, требухъ, утроба, матица, ложесная.

Живу—обитаю, живу.

Жилки маленкіи—стежки духа, огорненіе духа, жилище, артиріи, живіолъ, стихій, составъ.

Жило—жилище.

Жиловатый—жилищный.

Жировный—паственный.

Жито—пиро.

Жмуреніе—мженіе.

Жмуру—мжу, смѣжаю.

Жнецъ—жатель.

Жниво—жатва.

Жолвъ морскій—червленица.

Жолнѣрская шата—хламысъ.

Жолнѣрскою ся бавлю (sic),—воинствую.

Жолнѣръ—воинъ.

Жоломѣйка—сопль.

Жолудокъ — животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.

Жолудь—желудь, жиръ.

Жона—жена, супружница.

Жона отгнаная—пущеница.

Жоночій обычай наслѣдую—женсвую.

Жорна—жерновъ.

Жродло—источникъ.

Журавель—у студнѣ водоважца.

Журба—печаль, скорбъ.

З.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.

Забава—закоснѣніе, замедленіе, коснѣніе, неудобство, упражненіе.

Забавляюсь—закоснѣваюсь, медлю, замедлѣваю, коснію, упражняюсь.

Забавно—косню (sic).

Забиваю—зарѣзую, заколюю.

Забитіе—забвеніе.

Заборона—препона.

Заборонитель — возбранникъ, возбранитель.

Забороняю—возбраняю.

Забѣгаю—предпріймую.

Завада—реть.

Заверненіе головы—бѣснованіе, неистовство, изумленіе.

Завертаю въ сторону—уклоняюсь.

Завижу—ревную.

Завистникъ доброму — ревнитель, ревностенъ, ревнивый.

Зависть добрая — ревнованіе, рвеніе.

Заводныкъ—ристатель.

Заводи (sic)—страдалчество, подвизаніе, борба.
Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчествую, подвизаюся, боруся.
Завоеваніе—плѣнъ, плѣненіе.
Завоеванный — смлемый, плѣнникъ.
Завой—сударъ.
Заволай—вопій.
За волею Божею—волею Божіею.
Заволую—вопію.
Завора—верія, развора.
Завстыжаю—обличаю, изобличаю.
Завтра—утро, утрѣ.
Завтреніе—утреня.
Завтрешный—утречный, заутреный.
Завше—всегда, выну, присно.
Завше учуся—глумлюся (sic).
Завѣси—верія.
Загадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровенъ глаголъ.
Загадую—гадателствую, назнаменовую.
Загамовую—престати творю(sic).
Заглохаю—оледенѣваю.
Заглядую — сматряю, назираю, приничу, приницаю.
Загорода—ограда.
Загорожаю—ограждаю.
Загороженіе—огражденіе.
Загроженіе — прещеніе, запрещеніе.
Загрожую — запрѣщаю, призапрѣщаю.
Загубляю — истребляю, испразняю, упразняю.
Задаваю кому що—належу.
Задатокъ—залогъ.
Задеваю—задѣваю.
Задержаюся—удерживаюся, отступую.
Задерженіеся — терпеніе, воздержаніе.
Задержую—восприемляю, удержую, утоляю.
Задокъ—задняя.
Задуманіе—изумленіе.
Заживаю—пріемлю.
Зажмуреніе—зри жмуреніе.
Зажмурую—смѣжаю.
За зле маю—недугую, стужаюся.
За зле мя маютъ—имѣютъ мя тяжко, стужаютъ ми.
За зле маючій—недугователь.
Зазираніе—наблюденіе.
Зазираю — назираю, смотряю, пренебрегаю, преобыжаю.
Зазросливый—зависный.
Зазрю—ревную.
Зайзрость — зависть, ревность, ревнообразіе (sic).
Заикаючійся—косноязычный.
Заикуючійся — косноязычный, косногласенъ, зри гугнивый.
Заисте—явѣ, ей.
Заказъ — прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.
Закалъ—порокъ.
Закаменѣлость до покути — умиленіе (sic).
Закаменѣлый—жестокъ.
Закаменѣлого сердца—жестокосердій, закаменѣлѣйшій, жестоковыйный, жесточайшій.

Заклепленіе—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклиначъ — волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заколоченіе — смущеніе, соклащеніе (sic).
Заколочую — мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймую—возаконяюсь.
Закритіе—закровъ.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залецеціе—врученіе, составленіе
Заледвѣ—едва, негли, аще, простѣ.
Залицаю—составляю.
Заложеніе — сложеніе, основаніе, ѳемеліонъ.
Замешканіе—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, заклпи верія.
Замкненіе—заключеніе.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплищаю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замѣна—залогъ.
Замѣшаваю—зри возмущаю.
Замѣшеніе—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.
Заневоленіе—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пренебрегу.
Заночовую—облегаю.
Запалчивость—ярость, реть.
Запалчивъ—яростенъ, яръ.
Запалюсь гнѣвомъ—ярюся.
Запасникъ—подвижникъ.
Запасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіе.
Запахъ шпетный—зловоніе.
Запевне — извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмѣщуся, отмѣтаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наимъ.
Заповѣдаю—завѣщеваю.
Заповѣдь—завѣщаніе, заповѣдь, завѣтъ.
Запомогаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запороки (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпоту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрѣніеся—отреченіе.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразъ—абіе.
Заростую—оледенѣваю.
Зарѣзаніе—закаланіе.
Зарѣзую—закалаю.
Заручаю—прирѣкаю, обручаю.
Зарученіе—обрученіе.
Засиланіе—заточеніе.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.
Засмѣялся—возсмѣяся.
Засмѣялся трохи — оскабился.
Засмучаю—опечаляю.
Засмучаюся—опечаляюсь.
Застава—залогъ.
Заставлюючійся за кого—возбранный.
Заставлююсь — востягаю, восхлащаю.
Заставую—залагаю.
Заставуюся —предстателствую.
Застарѣлый—престарѣлый.
Заступаю — воспріемлю, подъемлю.
Засѣдаю—возлегаю.
Засѣдаю на кого—присѣжу.
Зась—паки.
Затаенно—зри закрыто.
Затвердѣваю—ожестѣваю, оледенѣваю.
Затвердѣлость—умиленіе.
Затверждаю—ожесточаю, ожещаю, окаменяю.
Затраченіе—губителство, всегубителство.
Затрудненіе—неудобство.
Затрудняю справу—пакощу.
Затѣняю—осѣняю.
Затубованый—оклощенный.
Заулокъ—халуга.
Заушникъ—клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.
Захованіе чиню—угождаю.
Захованый — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.
Захователь—зри вибавитель.
Захованую—блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.
Заходъ—западъ.
Захожу кому въ дорогу—зри выхожу.
Захорѣваю — немоществую, изнемогаю.
Зацне—преводителнѣ, велично.
Зацность — величество.
Зацный—благонарочитъ, изящный, преславный, неначаемый.
Зацного роду—благоплеменный, благородный.
Зацнѣйшій—лучшій.
Зачервонѣваюся — почервонѣваю.
Зашкода—повреда.
Зашкоженіе—поврежденіе.
Зашкожую—повреждаю.
Заятраюся—недугую.
Збазненіе—блазнь.
Збанъ—скудель.
Збиваніеся—зри бой.
Збиваюся—страдалчествую, боруся, подвизаюся.
Збиранія (sic) *вокругъ*—сообращеніе.
Збираю—обымаю.
Збираю въ купу—ищитаю, сопрятую.
Збираю скарбы — сокровыществую.
Збираю вино—обемлю (sic) лозу.
Збитіе—збіеніе.

Збоже—жито.

Зборъ—сонмъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.

Збройный — всеоружный, вооруженъ.

Зброя—бронь.

Збунтованіе—зри бунты.

Збурую—разсипаю, разаряю.

Збытный—лишный, излишный.

Збытнее богатство—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящшество, лишество, мшелоимство.

Збытнее богатство збыраючій — срамнопріобрѣтатель, мшелоимецъ.

Збѣгаю до купи — сращаюсь, исрищуся, стицаюся, сорастаюся.

Збѣгъ—стеченіе.

Збѣгъ—бѣгунъ, бѣглецъ, бѣжалецъ.

Зваду чиню—распрѣваю.

Звадца—клеветникъ, ковникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, оболгатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдко, зри бунтовникъ.

Зважую—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.

Зведеніе—совращеніе.

Зверхность—власть, держава.

Зверхный—внѣшній.

Зверхнѣйшій—верховный.

Зверху—внѣ.

Зветшалый—ветхый, обветшалый.

Звиню—бряцаю, брячу, звеню.

Звитяжаю—побѣждаю, одолѣваю.

Звитяженъ бываю—повинуюся, покаряюсь, умаляюсь.

Звитязство—побѣда, одолѣніе.

Звитязца—побѣдитель.

Звлаща—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.

Зводникъ—лестецъ, умопрелщатель.

Звожу—прелщаю, возставляю.

Звыклемъ—предпріятій есмъ.

Звыклость—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.

Звыклый—обычайный, обычный.

Звысокости—свышше.

Звѣздаръ—звѣздословъ.

Звѣрный покормъ—звѣроядина.

Звѣрско—безсловеснѣ.

Звѣръ—зри животно безсловесно.

Звязки—укрой, повой.

Звязокъ малженскій — брачный союзъ.

Звязокъ—уза, юза, союзъ.

Звязую—связую.

Згажаю — согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдителствую, зганбляю, посрамляю.

Зганбеніе—зри ганба.

Зганяю—зри ганю, ганбю.

Згибель—пагуба, погибель.

Згиненіе—всегубителство.

Згиняю—згибаю.

Зглажую — зри внѣвечъ обертаю.

Згнило—щапственнѣ.

Згнѣтаю ґроно—сожинаю грозди.

Згода—миръ, единомысліе, единомышленіе, сложеніе, согласіе, единство, соединеніе.

Згодливый — единомысленный, единосообразный,смирителный.

Згожий—ключаемый.

Згожость—ключимость.

Згола—весма, бохма, отнюдъ, всяко, всяческая.

Згоршеніе — соблазнь, блазнь, преткновеніе, претиканіе, грѣхъ, щапство.

Зготованіе—сотвореніе, устроеніе.

Зготовляю—сотворяю.

Згромаженіе — соборъ, состояніе, составъ.

Згрубѣваю—одебелѣваю, огустѣваю.

Згуба—зри згинеиіе.

Згустѣлый—усиренный.

Згущаю— усиряю, огущаю, оледенѣваю.

Зґелкъ—зри замѣшаніе.

Зґрунту—зри згола.

Здается—мнится, видится.

Зданіе—разумъ.

Здаюся—являюся, вознепщуюся.

Здобычъ—добытіе.

Зрада—ложъ, козпь, навѣтъ, лесть, прелесть, лщеніе, предателство.

Здрадливый—навѣтникъ.

Здражаю—прелщаю.

Здрайца—запинатель, прелесникъ, клеветникъ, навѣтникъ, лестецъ, предатель, прелагатай.

Здрой—источникъ.

Здужую—одолѣваю, премаґаю.

Здумѣваюся—удивляюся, усумнѣваюся, изумнѣваюсь, изумляюся, недоумѣваюся, ужасаюся, сумнѣюся, сомнѣюсь, недоумѣніемъ одержимъ бываю.

Здумѣніе—недоумѣніе, неудобство, ужасновеніе, ужасъ.

Зебраніе—проторъ, притяженіе, приобрѣтеніе, соборъ.

Зеднаніе—умовленіе.

Зедноченіе—соединеніе, зри згода.

Зезволеніе—благоволеніе, спредсявзяте, обѣтъ, воля, изволеніе, произволеніе, предложеніе, намѣреніе, сложеніе, миръ, реченіе.

Зезволяю — избираю, изволяю, рачу, помаваю, совѣщеваю.

Зеленость—злакъ.

Зеленыи свята—пятьдесятница, пентикостія.

Зелживость—зри ганба.

Зелжоный — посмѣянъ, поруганъ, поруганый, досаду пріемъ.

Земокъ нашъ, вашъ,—страненъ.

Зепсованіе—врежденіе.

Зестіе—ликъ, состояніе, толща, сотеченіе.

Зестіе спѣваковъ або музикъ—ликъ.

З заду—созади, зади.

З збитку—отизбитка.

Зищеніе—исполненіе, совершеніе.

Зкидаю—извергаю.

Злитоване—милость, милосердіе, милостиня, простиня, прощеніе, помилованіе, сострараданіе, соболѣзнованіе, щедрота.

Злитовуюсь—состражду, соболѣзную, ущедряю, щедру.

Злицаю—вовѣряю, возлагаю.

Зличаю—восперяю, воскриляю.

Зло—злоба, безчеловѣчіе, лукавство, строптивость.

Злорѣчіе—зри ганба.

Злорѣчую—зри ганю, порѣкаю.

Злостникъ—беззаконникъ, лукавозлобивъ, неблагоразуменъ, непреподобенъ, строптивъ, скварнавый.

Злото виборное—искуса златая.

Злочинство—злодѣйство.

Злочинца—злодѣй.

Злый—золъ, строптивый, растлѣнный.

Злый обычай—зри злого приложеня.

Злый прикладъ—соблазнъ.

Злого приroженя—злонравный.

Злупеніе—расхищеніе, разслабленіе.

Злучаю—растворяю, совокупляю, смѣшаю, составляю.

Злучаюсь—сочетаваюся.

Злученіе—сочетаніе, совокупленіе, союзъ.

Змаза—порокъ.

Змазаніе—скверна, нечистота.

Змерзаю—оледенѣваю.

Змерканіе—сумракъ.

Змертвыхъ встаніе—воскрешеніе, еслы хто презъ коо иншого встаетъ.

Змертвыхъ встаніе—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскрешеніе [1]).

Змилованіе—зри злѣтованіеся.

Змиловуюся—зри злѣтовуюся.

Змова—съмиреніе, миръ.

Змовлююсь—совѣщаюсь.

Змолочую—стлачаю.

Змордованный—истомленный, изможденный.

Зморщенный—вресканый.

Зморщка—вреска.

Змоцненіе—утвержденіе, укрѣпленіе, крѣпость.

Змоцняю—утверждаю, укрѣляю.

Змышленіе—лицемѣріе, притвореніе.

Змышлячъ—лицемѣръ.

Змышляю—притворяю, лицемѣрствую.

Змышлячій—притворитель, лицемѣръ.

Змѣраю на що—намѣраю.

Змѣшую—растворяю, зри злучаю.

Змѣщаю—вмѣщаю.

Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.

Знаемость—разумѣніе.

Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ отличаются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ слово *з мертвыхъ* написано съ надстрочными буквами *р* и *х*.

Знайденіе—обрѣтеніе.
Знайдуюсь—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знамѣнитость—преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благонарочитъ, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назнаменую.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри ганю.
Зневоляю—порабощаю, зри ганблю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—снисхожденіе.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжденіе, оскудѣніе.
Знову пойди—паки гряди.
Зной—жаръ, скваръ.
Зноснѣ—отраднѣ.
Зношу—воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Знидѣваю—унываю.
Знидѣлый—унидѣлый, унилый.
Зобохъсторонъ—обоюду, зособна.
Зову—глашу, глашаю, возиваю.
Зогненный—согбенъ.
Золотарь—златарь, сереброкузнецъ.
Золотый—златникъ.
Зопсованіе—истлѣніе, растлѣніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
Зопсованое—растлѣнное, лестное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зопхни—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузъ.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зреница—зѣница.
Зрожуеться—угобжаеться.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣй—внемли.
Зрозумѣло—внимателно, розумно.
З розуму зводитель—умопрелщатель.
Зростъ—возрастъ.
Зрублюю—состроякю.
Зрѣдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелне—зри досконалне.
Зупелность—зридосконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалный—дерзокъ, дерзостенъ, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, сонисканіе, прибытокъ, стяжаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.

Зачливый — присный, рачитель.

Зычу—желаю.

Зѣваю—зѣяю, прозияваю.

Зѣдлость—напраснство, бѣда, напасть.

Зѣдлый—лютый, безчеловѣчный, лютъ, дивый, напрасный, безстуденъ.

Зѣліе—быліе, зеліе, зель, тросксть.

Зѣнка або человѣчокъ у оцѣ—зѣница.

И.

Играчъ—сопецъ.

Игриско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.

Игри справуючій—сѣновникъ.

Игуменъ бывшій—проигуменъ.

Иду—граду, шествую.

Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.

Изали—уболи.

Избыти—спастись, избавитися.

Изгиблій—истребленный.

Иле—елико, елма.

Иле кроть—елижды, колькроть.

Имаюсь—емлюсь.

Ими—емли.

Иначей—инако.

Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).

Инквизиція—истязаніе выны.

Инквизиціючиню-выны истязую.

Иншимъ кшталтомъ—инообразно.

И овшемъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.

Истинѣ—вѣрно, истинно.

Истность—существо.

Исторія—сказаніе, повѣсть.

Истотне—зри заправды.

Истотный—истовый.

К.

Каганецъ—свѣтилникъ.

Кадило—ладанъ.

Кадь—делва.

Кадь винная—точило.

Кажу—псую, растлѣваю.

Казалница—сѣдалище, катедра.

Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.

Казаніе кажу—проповѣдословлю.

Казка—баснь.

Казнодѣя — проповѣдникъ, соборникъ.

Казнь—вины.

Кайданы—вериги, путы.

Калвикаторъ—ристатель.

Калита—чпагъ.

Калюжа—ровъ.

Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.

Камень млинный—жерновъ.

Камѣнь—камень.

Камънь верхный млинный — жерновъ оселскій.
Каня—пилюкъ (sic).
Канлъръ—книгочій.
Капланство—жречество.
Капса—зри калита.
Караценъ—броня.
Караніе — наказаніе, приятіе, казнь, учен е удерж аніе, язва
Караю—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, выни истязую.
Караючій—казнитель, казняй, казатель, наказатель.
Карность—ученіе.
Кармазинъ—червень.
Карти играю—хартіи употребляю, тавліи употребляю.
Карчмаръ—гостинникъ, всепріятникъ.
Катедра—зри казалница.
Катъ—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.
Кафаръ що воду тягнетъ—водовожца.
Каюся — з болестію умиляюся, сокрушаюся.
Кваплюся — спѣшуся, спѣюся, тщуся, понуждаю, припонуждаю, постизаю, устребляюся вседушно.
Квасно—кисло.
Кватигъ--кій...
Квашеніе—сланутокъ.
Квестія—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, прекословіе, недоумѣніе.
Квѣтъ—красный злакъ.
Келихъ—скляница, кубокъ.
Киваніе—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.
Киваюсь—згибаюсь, колѣбаюся.
Кидаръ—клубукъ.
Кидаюсь на кого—устремляюся.
Кій—жезлъ, палица.
Кисло—кисело.
Кистка—стручецъ.
Кишеня—чпагъ.
Кламство—ложъ, зри тая же.
Кламца—ложъ, зри зрайца.
Клейнотъ—гривна, увясло.
Клекощу—крокощу, хлохощу.
Клепало—бряцало, было.
Клепецъ—оскордъ.
Климикъ—чтецъ, читатель.
Клирошанинъ—клирикъ.
Кличу—возглашаю, глашаю, возиваю.
Клокотаніе—хлохотаніе.
Клопотъ—страданіе.
Клубы—лядвы, бедры.
Клуня—житница.
Клѣтка—дѣлателница, камора, клѣщики (sic).
Клямка—развора, веріа.
Кляча—подяремникъ.
Книжникъ—дидаскалъ.
Кобилки—пружіе, прузи, сверщіе.
Коваль—ковачъ, кузнецъ.
Ковчанъ до стрѣлъ—тулъ.
Ковшъ—почерпало.
Когутъ—пѣтель, алекторъ.
Кождоденный—всегдашній, на-

сущный, насущественный, присный.

Кождый—всякъ, койждо, кождо.

Кожемяка—усмаръ.

Коли—егда, когда.

Колибка—колесница.

Колка—боль сердечный, колеліе, умиленіе.

Колко—колико, елико.

Колкокроть—зри иле кратъ.

Колкость—количество.

Колнѣръ—обшляръ.

Колодязь—студенецъ, кладязь, кладецъ, роденникъ (sic).

Колосокъ—стручецъ.

Колотникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущенникъ.

Колочу—пакощу.

Колѣно—нѣдро, лоно.

Колѣя—чреда.

Колю—ухапляю, угризаю.

Коляція—пированіе, вечера.

Комната—зри клѣть.

Комора—зри клѣть.

Коморка—колибка.

Коморникъ—подсусѣдникъ, селникъ, содомникъ (sic), слуга.

Компутъ личби—согляданіе.

Конва—водоносъ, почерпало.

Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.

Конечне—ей.

Коники—зри кобилки.

Конный—всадникъ.

Конституція—состояніе.

Контентація—достотвореніе.

Контентую—удовляю, довляю.

Контентъ естемъ—доволенъ есмь.

Конфекти—сладости.

Кончаръ—улица.

Конь—клюся (sic), конь.

Коняктурую—усмотряю, соразсмотряваю.

Копаю—копитомъ кописаю.

Копенякъ—хламисъ.

Коперштихеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.

Копья—гвоздъ, архетипонъ, антиґрафонъ, парадиґма, копіе.

Корабелное начиніе—ядрило.

Корабль—ковчегъ.

Корецъ—кобель, кобль, спудъ.

Коритися—малитися, смирятися, покорятися, охуждатися.

Корито—поило.

Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.

Кормя—брашно, паствина, пища, питаніе, паства.

Корнетиста—сопецъ, пищанникъ.

Корнѣтъ—сопѣль, сопль.

Коробка—спудъ.

Коробникъ—пударъ.

Корова—крава.

Короватый—коравъ.

Корона—вѣнецъ.

Корона святителская—митра, увясло.

Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.

Короную—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропатва—рябка.
Коростити—красти.
Коростѣль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепріятелница.
Корчмаръ—зри карчмаръ.
Корѣнніе—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри котва.
Котелокъ—панвица.
Котелъ—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), кій.
Котрое—кое.
Котрого—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ—самоугодіе, самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Коханокъ—рачитель.
Коханый—любимый, вожделѣнный, довлимый, другъ, рачитель, возлюбленный.
Кохаюсь—благоволю, наслаждаюсь, ревную, упитовляюся (sic).
Кошникъ—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣяй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштъ—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитонъ.
Кошъ плетеный—кошница.

Кравецъ—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомъ—отай, втайнѣ.
Крадѣжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣпота, честность, утваръ, благолѣпіе, украшеніе, красованіе.
Краса приправная—красованіе.
Краситись—щапствоватися.
Красный—благолѣпный, благоподобный, изрядный, лѣпій, коварный, ухищренный, лѣпотный, добрый.
Красомовца—вѣтий, риторъ, хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамѣ (sic)–хлябь (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность—немощъ, ужичество.
Кревный—преискрный, ужикъ.
Крейда—мѣлъ.
Кресло—стулъ, полкружникъ.
Кресъ—кроторія, нарокъ, предѣлъ, черта.
Кретъ (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривда—обида, досада, неправдованіе, неправда.
Кривжу—обыжу, неправдую, беззаконую.
Кривий—косвенный, строптный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноокій.
Кривоприсяжца—неправедно кленийся.
Кривость—кривина.

Крикъ—вопль, вопіеніе, кличъ, плищъ, мятежъ, молва.

Крикъ чиню—возмущаю, плищъ творю.

Криница—источникъ.

Риска—черта, йота.

Кричу—зри гомоню.

Крию—таю, утаеваю.

Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.

Крогулецъ—крагуй.

Крокъ—степень.

Кролевскій столецъ—престолъ.

Кролюю—царствую.

Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.

Кромѣ—освѣне.

Кропива—стволіе.

Кропля—капля.

Крувжула—круга и круги.

Кругъ всего неба—твердь.

Крукъ—вранъ.

Крукъ—гакъ, висилица.

Крупи—сланутокъ.

Крушецъ—руда.

Крыло—перія.

Крыла распростираю—раскриляю.

Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.

Ксіонже—князь, народоводитель.

Кубокъ—чаша, потыръ, кратиръ, стклянница.

Кугълярскій—призорный.

Кугълярство—призоръ, призрачіе, призракъ, привиденіе, мечетъ.

Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется клобукъ.

Кумовство—приемничество.

Кумъ—приемникъ.

Кунштую—смѣхословлю.

Кунштъ—смѣхотворство.

Купа—составъ, толпа, состязаніе.

Курва—блудница.

Куревство—блудъ, скверна.

Куря—врабій, птица.

Кусаю—угризаю, ухапляю.

Кусаюсь—угризаюсь.

Куситель—искуситель.

Кутасъ—пугва.

Кутя—коливо, колюва.

Куфа—вать, ровъ (sic).

Кухня—щегнюша.

Кучка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.

Кушеніе—искушеніе, начинаніе.

Кушу—искушаю.

Кушуся—ополчаюся, постизаюся.

Кшталтую—образую, творю.

Кшталтъ—благоимство, имѣтелство, образъ, устроеніе.

Л.

Лагодне—присердно (sic).

Ладанъ—кадило.

Лазня—баня.

Лазуцство—скитаніе.

Лайно—мотило, гной.

Лакненіе—алканіе.

Лакну—алчу.
Лакомство—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.
Лакотникъ—ласкосердій, ядецъ, гортанобѣсецъ.
Лакотокъ—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.
Лакотяный—скорпеный (sic).
Ланцужокъ плетеный—тресня (sic).
Ланцухъ—уза, юза, веріе.
Ланцухъ золотый—гривна злата.
Ласиться—ласкаетъ.
Ласка—благодать.
Ласкавость—благостиня.
Ласкавый—благодатный, благодѣтелный, благоугодный, благосердій.
Ласкотаніе—скоктаніе.
Ласку показую—уважаю.
Ласьне—лицемѣріе.
Латаный—скортный.
Латво—удобно.
Латвость—удобство, благомощіе.
Латвочинный—удобезденъ (sic), латвый до пойманя.
Латвый—удобный.
Латвѣй—удобѣе.
Лаю—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголую, зазираю.
Лаяніе—гажденіе, злохуленіе, лаятелство, обличеніе.
Лгаръ—ложъ, зри зрадца.
Лгу—лжу, клевещу.
Левъ—леонъ, левъ.
Легкій—воспѣренъ, пернатъ.
Легкимъ чиню—воспѣряю, воскриляю.
Легко—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).
Легкомислный—легкота, непостоянный.
Леґуменами опатрую—ухлѣбляю.
Легце важу—зри ганблю.
Легчу—восперяю, воскриляю.
Ледащо збираючій—мшелоимецъ.
Ледва—едва.
Леневіе—сіяніе, блистаніе.
Ленуся—сіяю.
Ленъя—правило, черта.
Лескотаніе—зри лоскотаніе.
Лечъ—же.
Лжа—ложъ, зри зрада.
Лженіе—зри лаяніе и ганба.
Лжѣй—отраднѣе.
Ли—егда.
Лина грубая—велблюдъ (sic).
Листокъ—хартія.
Листъ—посланіе, грамота, епистолія.
Литера—писмо.
Литость—милость, зри змилованіе.
Литостивый—щедрый, благодѣтель.
Литость показую—зри литовуюсь.
Лихва—росты.
Лихота—окаянство, окаяніе.
Лице—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.
Личба—число.

Личбу чиню—слово говорю, сказаюся о словесы.

Личбу здиймую — зри личбу чиню.

Личманъ—чисма (sic).

Ліоси—жребія.

Лодо (sic)—лодія, корабецъ.

Ложко—ложе, одръ.

Ложница — чертогъ, невѣстникъ.

Локоть—мѣрило.

Лоскотаніе—скоктаніе.

Лоскочу—скоктаю, скокочу.

Лотрикъ—поясникъ.

Лотровскій—непреподобный.

Лотрская штука—тожъ що и лотръ.

Лотръ—скверный, сквернавый, омраженный, непреподобнодѣлатель.

Лука—удолъ, село, расло.

Лукъ—чеснокъ.

Лукъ—оружіе.

Лупѣжца—хищникъ.

Лупъ—користь, обрапца (sic).

Луска—рибная чешуя.

Лущинка (*котораго орѣха або що жолудь выпадаетъ*)—плѣска.

Лысая гора—краніево мѣсто.

Лысій—плишивъ.

Лысина—плѣшъ.

Лытка—листа (sic).

Лѣвый—шуй.

Лѣдъ—голодь, ледъ.

Лѣкарня або домъ, що лѣчатъ—врачебница.

Лѣкарство — билие, балство, лѣчба, цѣлба, ликованіе.

Лѣкаръ—балій, врачъ, цѣлитель.

Лѣниво—щапственнѣ.

Лѣнистово имаю—щапствую.

Лѣнивый—унилый, лѣнивъ, дебелый, немощный, гнюсный, лѣностивъ, праздный, нетягъ.

Лѣнивѣю—унываю, стужаюся, ослабѣваю, лѣнюся.

Лѣность—гнюсъ, уныніе, щапство.

Лѣпше—лучше, уніе, уне, унше.

Лѣпшій—лучшій, унший.

Лѣска—жезлъ.

Лѣта—времена, годы.

Лѣтаніе—пареніе.

Лѣтаю—парю, прудко перу, теку.

Лѣторасль—отрасль, пародокъ.

Лѣторастка — пружіе, розга, сучецъ.

Лѣхтаръ—свѣщникъ.

Лѣченіе—цѣленіе, врачевство, врачеваніе, исцѣленіе, врачба.

Лѣчу—цѣлю, врачую.

Любимый—желаемый.

Люблю—вожделѣваю.

Люблю велми—ревную.

Любовъ—раченіе, согласіе.

Любовъ горячая—рвеніе, раждеженіе, раченіе, ревнованіе, ревнообразіе.

Любую—благословляю.

Любячій Бога—Боголюбецъ.

Любячій доброе—благолюбецъ.

Любъ—или, аще же.

Людемъ подобанѣеся—человѣкоугодіе.

Людзкій—друголюбивъ, друголюбный.

Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.

Людъ—народъ.

Люнатикъ—лунящийся на новъ (sic), бѣсится (sic).

Лютій—дивій, свѣрѣпій, жестокій.

Люрость—сверѣпство, безчеловѣчіе, сверѣпіе, бридость.

Лядвы—лядвія, лядвины.

Ляинъ—людинъ.

Лякаюсь—ужасаюся.

Ляклививый—малодушный.

Ляментую—плачу, рыдаю.

Ляментъ—плачъ, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.

Лямпа—свѣтилникъ.

Лятра—бедры.

М.

Маестатъ—престолъ.

Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.

Маетный—имовитъ.

Макула—порокъ.

Малженство—женитба.

Маліованіе—повапленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное вообраҗеніе.

Маліованный—повапленный.

Маліованный образъ—иконный зракъ.

Малпа—піфикъ.

Малюю—живописую.

Малярство—живописателство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.

Маляръ—иконникъ, живописецъ, зографъ, живописатель, иконописецъ.

Мамка—доилица, кормилица, питателница.

Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.

Манелъ—запятіе.

Манка—шуйница, шуя, рукавъ.

Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.

Мара—мечтаніе, зри куглярство.

Маркотаніе—зри воркотаніе.

Маркотливъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.

Маркочу—зри ворчу.

Мармаровый—мраморный.

Марморъ—мраморъ.

Марне—туне, всуе, безума.

Марность—суета.

Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.

Марнотравца—изнуритель, лотига.

Маршалокъ—архитриклинъ, служебначалникъ.

Мары—одръ, рака.

Масть—шаръ.

Матерія—вещество, вещь, грѣза.

Матица—утроба, животъ, ложесна, брухъ.

Маю — имамъ, имѣю, держу, одержу.

Маю баченіе — маю возглядъ. намѣраю.

Маю волю—хощу.

Маючій—имий, имѣяй.

Мгла—мракъ, примракъ, тма.

Мгненіе ока—мановеніе, маяніе, накиновеніе.

Мдлость—малодушіе.

Мдлый—малодушный.

Мдлѣю—малодушествую.

Медведица—мечка.

Меду плястръ—сотъ.

Межа—межда.

Менжне що справую—мужаюся, храбрствую.

Менжний—зри дужий.

Менжство—зри дужесть.

Менованіе—именованіе, нарицаніе.

Мерзеный—зри лотръ.

Мерзитъ мя, мерзю чимъ—гнушаюсь, недугую.

Мерзость - безсластіе, бридость, несладость, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.

Мертвость—умерщвленіе.

Мешканецъ — обитатель, обиталникъ.

Мешканіе—житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скинія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.

Мешканіе займую — вселяюсь, водворяюсь.

Мешканьечко — кровъ, хлѣвина.

Мешкаю — жителствую, живу, обитаю.

Мигаю—помизаю, мизаю.

Миндаловое древо—кляпишъ.

Мигтит в очахъ—мжитъ.

Милосердіе — благостыня, благость.

Милосердіе показую—зри злитовуюсь.

Милосердія годный — умыслен-ный.

Милосердный — благоутробный, простителный, милостивъ.

Милосница—рачителница.

Милостникъ—рачитель, ревнитель.

Милосшь горячая—зри любовъ.

Милость утробы—благоутробіе, благостиня, любовъ.

Миліонъ—тма, легеонъ.

Милый—благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.

Миля—поприще.

Міряниинъ—людинъ.

Миса широкая—діскосъ.

Миска—блюдъ, поница.

Мисюрка—шлемъ.

Митра—увясло.

Млинный камень—жерновъ.

Млинокъ ручный—жерновъ.

Млоденецъ—младенецъ, юнота и юноша, отрокъ.

Многократъ — множицею, многажды, многащи, намнозѣ, колькрати.

Многомовность— многоглаголаніе, велерѣчіе.

Многомовный—велерѣчивый.

Множуся—возрастаю, умножаюся, гобзуюся, спѣю, преуспѣваю.

Мнозтво — множество, многое, бездна.

Мнѣманіе—мнѣніе, непщеваніе, мечтаніе, басвь.

Мнѣмаемъ дохожу — разсмотряю.

Мнѣмаю—мню, непщую, вмѣняю. мечтаю.

Мнѣмаючій—непщеватель.

Мова нѣкчемная—блядословіе, лихословіе.

Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.

Мовлю—глаголю, вѣщаю.

Мовность—велерѣчіе.

Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.

Модрый едвабъ—синета.

Можно—мощно.

Можность — зри владычество, господство, держава, могуство, зѣлность.

Можный—велможный, велможа, зри дужий.

Мозокъ—мозгъ.

Мозоль на рукахъ—утерплины, ствердѣлы (sic).

Мокну—омокаю.

Мокрота—влага.

Молва—глаголъ, слово.

Молитва—моленіе.

Молоденецъ—зри младенецъ.

Молодецкій—юношескій.

Молодица—тетка.

Молодость—юность.

Молодостный—юностный.

Молодый—юный, младый.

Молодее вино — мустъ, мощъ (sic).

Молотба — вершба, вершитба, млаченіе.

Молотокъ, которимъ струны направляютъ,—било.

Молотокъ робячій—млотобіецъ.

Молотый—сомленый.

Молотъ—млатъ.

Молчаніе—безмолвіе.

Молюся за кого—ходатайствую.

Монастиръ—обитель.

Монета—дидрахма, златица.

Монисто—гривна, утварь, украшеніе.

Мордерца—мучитель, томитель.

Мордованіе—томителство.

Мордую—томяю (sic).

Море—составъ водный, озеро.

Морочный—мрачный.

Моршу—посмражую.

Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.

Мосіондзъ—прудъ (sic).

Мостокъ—мясо, груды говяжи.

Мотузъ—уже, вервь.

Моцаръ—исполинъ, изящъ.

Моцне що справую—зри менжне.

Моцно—зри зѣло, дуже.

Моцный—зри дужий.

Моцованіе—зри валка.

Моцовникъ—подвижникъ.

Моцуюся—подвизаюся.

Моцъ—сила, держава, дѣтель. *моцъ божая*—маніе, мановеніе, маяніе.

Мошенка — мошонка, зри вацокъ.

Мошка—мшица.

Мрокъ—мракъ.

Мруѓаю—моргаю, зри мигаю.

Мудрость—разумъ.

Мудрость любячій—любомудръ, философъ, любопремудръ.

Мудростію ся забавляю—мудрствую.

Мудре—прямо.

Мудрецъ — философъ, любомудръ.

Мудрый—умный, худогъ, мыслный, искусный.

Мужа не знаючая панна—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.

Мука—страсть, страданіе, мученіе.

Мулъ—мескъ.

Мунштукъ—бrozда.

Мурава—лѣхъ, лѣха.

Муращокъ—мравый.

Муръ—стѣна.

Мусъ—насиліе.

Мученикъ--страдалецъ, страстотерпецъ.

Мучу — блядословлю, смѣхословлю.

Мщеніе—месть.

Мщуся—отмщеваю.

Мылня—баня.

Мыслы прозорливіи — промышленія, мечтанія.

Мыслію понятіе речи—умная, мыслная.

Мыслъ—помышленіе, умъ, разумъ.

Мытникъ-мытарь, мытоимецъ.

Мышленіе—мудрованіе.

Мышлю—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.

Мѣзерія—окаянство, бѣдности.

Мѣзерный — бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.

Мѣй на баченью—ради.

Мѣлемъ—имѣхъ.

Мѣлемъ волю—хотѣхъ.

Мѣнута--зри мгненіе ока.

Мѣняю—измѣняю.

Мѣра—правило, умѣреніе спуду (sic).

Мѣры не маючій—безмѣрный.

Мѣрность—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.

Мѣрный—мѣрный, умѣренный, смиренъ.

Мѣру до целю—намѣряю, размощряю (sic).

Мѣскій—градскій, гражданскій.

Мѣсто—градъ.

Мѣсце замѣренное — намѣреніе.

Мѣсяцъ—луна.

Мѣсячникъ—лунящійся.

Мѣховникъ—усмошвецъ.

Мѣхъ—ярта (sic).

Мѣшкорѣзъ—мошнорѣзъ.

Мѣшокъ—зри вацокъ.

Мѣщанинъ—гражданинъ.

Мѣщка—гражданка.

Мяккій—благоувѣтливъ, благоугодителнь[illegible].

Мясо сушеное—сушеница.

Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отправую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умиленъ, говѣнъ, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, сънабдѣваю, сонискаю, приобрѣтаю.

Набиваю непристойне—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ — зри имѣніе, здобычъ.

Набытокъ непристойный — мшелъ, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—пороченъ, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напрасливъ, сверѣпъ, стромнителенъ.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належай.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворъ—внѣ, внѣуду.

На дворъ—вонъ.

Надглядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафионъ, катафалкъ.

Наддеръ—попремногу, попреизлиха, изобиліе, преизящество, преизълишество, премножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—кичу.

Надкланяюсь—ничу.

Надмнѣманіе або надсподѣваніе.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посупленъ.

Надорудю(sic)—наружи, приручно.

Надприроженье—пр...тественнѣ.

На другомъ мѣсяци—другоици.

Надслушность — презпотребство.

Надто—зри наддеръ.

Надто маю—изобилую, избыточествую.

Надто размножую—тое жъ.

Надуто—хупаво.

Надутость—гордость, напыщеніе, хупавость, киченіе, надменіе, превозношеніе, кручина.

Надутый—напыщенъ, хупавъ, напраснивъ, самоугодный, гордостенъ, презоривъ, отяглаваемый, посупленъ, дерзый, яростенъ.

Надхожу—надстою.

Надѣюся—уповаю.

Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.

Надѣи немаючій—отчаянный.

Надѣю трачу—отчаяваюсь.

Надѣявся—уповахъ, начаявся.

Надъ—вишше, паче.

Надъ власность—выше мѣры, существеннѣ.

Наежджаю—устремляюся.

Назадъ иду—послѣдую, послѣдствую.

Назадъ—воспять.

Назбытъ—зри наддеръ.

Названный—рекомъ, зовомъ.

Назвиско—имя.

Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный—...назнам...анъ, избранный, нар...кованний, нар...енъ, уставленный.

Най—...е.

Найбарзѣй — паче, найпаче, изряднѣе, ко...и паче, множае паче.

Найболше—премноже...во, множае паче.

Найграванье—зри ганьба.

Найграваю—изобличаю, подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюсь, подражаю.

Найлѣпше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдовательнѣе.

Найлѣпшій—найлучшый, нарочитъ, добрѣйшый, лучшый, изрядный.

Найменшый—премалъ.

Наймую—наймаю.

Наймилъ—наялъ.

Найнизшый—преисподный.

Найпереднѣйшее—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.

Наказую—вразумляю, руководствую.

Накараніе—уцѣломудріе.

Накладаю—задѣваю, налагаю, изпуряю.

Наклоняюся—ничу.

Наколенный—набоденный.

Накормленіе—насыщеніе.

Накормленный—насыщенный.

Накормлюю—насищую.

Наливка—изливалница.

Налогъ—нравъ (sic).

Наложница—заложница.

Нал[illegible]ніе—належеніе.
Нал[illegible]—[illegible]тою.
На малихъ мѣсцахъ—на м[illegible]ѣ.
Наметы робячій — ски[illegible]отворецъ, сѣннотворе[illegible].
Наміотъ—село, [illegible]еніе, скинія, сѣнь.
На многи[illegible] мѣсцахъ—на мнозѣ, мн[illegible]йцѣ, множицею.
Н[illegible] обохъ мѣсцахъ—обонполъ, обоюду.
На обѣ стороны—обоюду.
На особности—особѣ, наединѣ.
На остатокъ—на послѣдокъ, послѣди, прочее, наконецъ.
На очи выкидаю—обличаю.
Напасникъ—дерзокъ, дерзитель, напраснывъ, досадитель.
Напастую—напаствую.
Напасть—бѣда, искушеніе.
Наплечникъ—нарамникъ.
Напой вшелякій окромъ вына—оловина.
На полы—полма.
Напоминаніе—нравоученіе, наказаніе.
Напоминачъ—научитель, наказатель, руководитель.
Напоминаю—увѣщеваю, обличаю, увѣряю, зри наказую.
На порохъ стираю—истнѣваю.
На порохъ стертый—истеренъ.
На потымъ—тоже по семъ.
На початку—искони, исперва, вначалѣ.
Направляю—исправляю, устрояю.
Напраснивъ—зри напрасникъ.
Напрас[illegible]—зри знагла.
Наприкраюся — накощу, стужаю.
Напуцнѣваю—разботѣваю.
Напущеніе—попущеніе.
Народу повѣданіе — народувѣщаніе.
Нарушеніе—истненіе.
Нарѣканіе—плачъ, вопль, рыданіе, ропотъ, хухнаніе.
Нарѣкаю—ропщу, негодую.
Наскакую—угнѣтаю, сотѣсняю, нахожу.
Наслѣдовца—подражатель, подобникъ.
Наслѣдую — подражаю, гоню, подобляюся.
Насмѣваюся—поругаюся, ругаюся, уничижаю, унедостояю.
Насмѣвиско—агавіе, огавность.
Насмѣявца—пересмѣшникъ.
Настрояю—устрояю.
Наступца—пріемникъ.
Насыщеніе—ситость.
Насъ, ны, наю—двойственнаго числа.
Натираю—устремляюся.
Натрентъ — буесловъ, велеречивъ, оплазивъ.
Натура — естество, имство, имѣнство.
Натягаю—напрягаю, наляцаю.
Наука — наказаніе, поощреніе, уставъ, ученіе, догматъ, поученіе, указаніе, устроеніе, веленіе.
Науки початокъ—оглашеніе.
На умѣ маю—мудрствую.

Научаю — поучаю, вразумляю, соглашаю.
Научаюся—навикаю, познаваю, разсмотряю.
Наученіе—учительство.
Наушница — усерягъ, усерязь, обушеніе.
Нахиляю—преклоняю.
Нахиляюся—тое жъ.
Начинье—сосудъ, орудіе.
Нашинецъ—нашинъ.
Наюченіе—наважденіе.
Небаченіе—презорство,стропотность.
Небезпеченство — неизвѣство, бѣда.
Небезпечный—блязненный.
Неблудячій—неблязненъ.
Небозчикъ—усопшій, преставльшийся.
Неболеніе—безболезніе.
Небоязливъ—дерзостный.
Небоязнь—безстрашіе, дерзость.
Небрегій — небрежникъ, малодушенъ.
Небылый—несущый.
Невдячность — нерадостотворность.
Невдячный—неблагодаренъ, неблагоразуменъ.
Невинность - незлобіе,беззлобіе.
Невинный—неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.
Невиннымъ зостаю—извиняюся.
Невоздержный—ласкосердій.
Неволникъ - плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.
Неволничый—рабий.
Неволничая пристойность — раболѣпіе.
Неволство—стражба.
Неволя—работа.
Невонтпливе—явѣ.
Невстидаюся—не обинуюся.
Невстидливость — безстудство, безсраміе, напраснство.
Невстидливый — безстудный, студодѣй, безсрамный, мѣдноличенъ.
Невчасный—безвременный.
Невымовный — неизреченный, неизглаголанный, неизслѣдованный.
Невыповѣдимый—тое жъ.
Невѣдомость—невидѣніе.
Невѣснюкъ—малакія, мяккый.
Невѣстка—сноха.
Негинучее—негиблемое, неизнуряемое, неиждиваемое, нестрастное.
Негніючій — нетлѣнный, неувядаемый.
Негоднимъ чиню—унедостояю.
Негордый—некичливъ.
Не даю покою—стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.
Недбале—нерадиве, щапственнѣ.
Недбалецъ—нерадивъ, малодушный.
Недбалость—небреженіе, нераденіе, ослабленіе, нерадствіе, щапство.
Недбаю—небрегу, неражу.
Недовѣрокъ—маловѣрный.

Недовпрство—маловѣріе.
Недогаданьеся—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтелство, недомышленіе, недомислимость, таинство.
Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.
Недолугій — маломощный, бѣдный, вредный.
Недоносокъ—извергъ.
Недорпкій—косноязичный, медлеязичный, мудноязичный.
Недосажалъ--недоходилъ.
Недосвпдчоный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.
Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.
Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.
Недостаткомъ—оскудно.
Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.
Недостигненный—зри недогоненный.
Недужъ—недолугъ, немощный, немощенъ.
Не единаче—не токмо.
Не есть--нѣсть.
Не жалую—не щажу.
Не жалуючи—нещадно.
Незбожность—нечестіе, безчестіе.
Незбожный—нечестивый.
Незвадливый—не лестный.
Незвалченный — непреборимъ, непреборимый.
Незгода—разногласіе, разгласіе, инодушіе, инодушность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.
Незгодливый-стропотенъ, строптивъ, стропотный, напрасливъ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.
Незичливый—лукавъ.
Незличонный—безмѣрный, нешчетный, безконечный.
Незлосливость — незлобіе, беззлобіе.
Незлосливъ—беззлосливъ.
Незрахованный—зри незличонный.
Неимовпрно—неувѣрително.
Неистовъ—неразуменъ.
Нелатвость—зри недогаданьеся.
Нелатвый — неудобный, прудный (sic).
Нелюдзкій- -безчеловѣчный.
Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.
Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.
Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.
Немного—сцѣгло.
Немовятко—отроча, дѣтище.
Немогу—недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.
Немогучій втекти — неизбѣжный.
Не могучій дати о себп справы—безотвѣтенъ.
Неможная речъ—немощно.

Немощъ—недугъ, болѣзнь.
Ненавижу—враждую,ненавижу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендза—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзный—нищій, худый, умыленный, окаянный.
Нендзую—врeждаюся.
Необичайный -безмѣстный.
Неоврaженіе—невреждeніе.
Неогорненный—неосязанный.
Неодмѣнный—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрително.
Неохендожный—безобразный.
Неошацованный—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный,..., сомнѣнникъ.
Непилно—наддѣлателнѣ (sic).
Неплодная жона — неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный — непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзроный — непорочный, безпорочный, незазорный.
*Неповстяглив*ъ—продерзивъ.
Непогода—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный— неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ,ненадежденъ,пренебрегаемый, безмѣстенъ.
Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, преизлишше.
Непотребно—неключимо, лишше, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню—упражняю.
Непоцтивость—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непреконаный в диспутаціи—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприймую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючій — сходителнѣйшій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприязнь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенье—непошествіе.
Непорушный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство — ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсужчійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразнственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣлный для сyпелности, несѣкомый, непресѣкомый.
Нерихло—косно.

Нерихло чиню—косню.
Нерозность—неразнствіе.
Нерядница—блудница.
Несвѣдость — невѣденіе, невѣжество, неразуміе.
Несказанный — невиповѣдимый.
Несказителность—нетлѣніе.
Несказителный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слухаю—не повинуюся.
Не смакую—негодую.
Не смачность—безсластіе, несладость.
Несмертелный—безсмертный.
Несмѣлость—малодушіе.
Несмѣлый — малодушный, бездерзновенъ.
Несмѣю — сомнюся, обинуюся, стиждуся.
Необлазненіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, забдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, неначаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Неставаетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафнѣ—неискуснѣ.
Неублаганный — неукрощенъ, жестокъ, некротокъ.
Неугамованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукрочонъ—зри неублаганъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислнѣ—подѣлнѣ.
Неумѣстно—щапственнѣ.
Неумѣстность — невѣжество, щапство.
Неуставичность—неистовство, неразуміе.
Неуставичный — непостоянный.
Нефалшивый — цѣлъ, цѣлый, правый.
Не фолґовалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость — безпечаліе.
На фрасуюся—благодушествую.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалецъ.
Нецнота — беззаконникъ, нечестивый, непреподобный, неблагоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливе живу—щапствую.
Нечаемый — неначаемый, противъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно, преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаго ложа синъ—прелюбодѣйчищъ.
Не чисто живу—щапствую.
Нечистость — разсверѣпѣніе, скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій, порочный, растлѣнный, скверниный, скверненый.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, злоключеніе, злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Нещирый—неискусенъ лицемъ, лукавъ.
Нива—браздна, удоліе.
Нива межи горами—удолъ.
Нива оранная—возоръ.
Нижчиючій—истребителный.
Низка червоная—конра.
Низкій— смиренный.
Низко лежу—низложу.
Нищу—изнуряю.
Нищѣю—таю, истаеваю, топнѣю.
Новина—странна, нова (sic).
Новини чиненье—новосѣченіе, новотвореніе.
Новациятъ—новакъ.
Ногутъ—горохъ, сланутокъ.
Ножъ восный (sic)—стругъ.
Норовъ—нравъ.
Носъ—ноздрія.
Ночный (sic)—долгій часъ, нощное поприще.
Ночую—нощеваю, обнощеваю.
Ношеніе—монисто, обшлягъ.
Ныдѣю—ныю, унываю.
Нынѣ—днесь.
Нынѣшній—настоящій.
Нырка—бубреги (sic).
Нѣжли—нежели, даже.
Нѣкоторый—нѣкій, нѣкто.
Нѣкчемная—растлѣнная, гнилая.
Нѣкчемно—суетно, мерзко, мерзостно.
Нѣкчемнѣйше—гнюснѣе, гнюшше.
Нѣтъ—нѣсть.
Нѣчого доброго—зри лотръ.
Нѣчого ми до того—нѣчто же къ мнѣ се.
Нюханье—обоняніе.
Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленьеся— обиновеніе.
Обавляю—низлагаю, разоряю.
Обавляюся—зри несмѣю.
Обачую — съразумѣваю, намѣряю.
Оббѣгаю—обтичу, обтицаю.
Обвиненіе—оглаголаніе, порицаніе.
Обвиняю—осуждаю, окаеваю.
Обволиваю — возглашаю напередъ.
Обволиваетъ—трубитъ.
Обвязка—обвязало.
Обгортую—обхожу.
Обезславеніе — охужденіе, зри ганба.
Обезстудилъ—обезсрамилъ.
Обертаніе—обращеніе, возвращеніе.
Обертанье вколо—съобращеніе.
Обецаю—обѣтую, обѣщаю, обѣтоваю.
Обецный—здешній.
Обжирство — чревообяденіе, чревобѣсіе.
Обжирца—чревобѣсецъ.

Озазираю—укаряю.

Обитель—монастырь.

Облапеніе—лобзаніе, соплетеніе.

Обличіе—видъ, лице.

Облокъ—примракъ.

Облокъ дощевый — смерчъ, смращъ, пявица.

Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.

Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.

Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.

Облудный—лукавый, лицемѣрный.

Облуженье—обстояніе.

Облюбенецъ—женихъ.

Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.

Обмовляю—клевещу, оглаголаю, оболгаю.

Обмовца—оболгатель, оглаголникъ, клеветникъ, хулникъ.

Обмываніе—умовеніе, крещеніе.

Ободъ—окруженіе.

Обоетный—обоюдунъ (sic).

Обожуюсь—возникаю, воспраняю (sic).

Обозный—свузникъ.

Обозокъ—полчище.

Обозъ—полкъ.

Обозъ обточенный—ополченіе.

Обозъ становлю—ополчаюся.

Обозу становитель — ополчитель.

Обозомъ ставаю—обточую.

Оболженіе—зри ганба.

Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.

Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.

Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, предстатель, покровитель, протекторъ.

Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.

Оборочаюся—назадъ воспящаюсь.

Обосторонный—зри обоетный.

Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.

Ображаюся—приражаюся, озлобляюся.

Ображеніе—приражденіе, претиканіе.

Образа—обида, обидѣніе.

Образъ—икона.

Образъ ясный—образъ свѣтелъ.

Обредный—шкаредъ.

Обридливость—мерзость.

Обридливый — злообразный, шкаредный.

Обротъ—узда, брозда.

Обрушаю—раздражаю.

Обрушаюсь—порицаю, оглаголую.

Обтяженіе—стуженіе.

Обтяжаю — отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.

Обувъ—обуща, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, изобилно, лишше, множае, зѣлно.

Обфитость — гобзованіе, доволство, изобилство, презѣлно преспѣющій избитокъ, преизлишество, зри—достатокъ.

Обфитый урожай—тое жъ, що обфитость.

Обхоженье—обходъ, обхожденіе, празникъ.

Обхожую вколо — обхожу, обтичу.

Обцую—сообщаюсь.

Обыватель — тоземецъ, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предпріятіе, устроеніе, съустроеніе.

Обычай милый—сладкый нравъ.

Обычаю злого—злонравіе.

Обычайность—благонравіе, благообразіе, стидѣніе, соприятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный—лѣпый, благонравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обѣтница—обѣтъ.

Обѣтованье—совѣтъ, обѣщаніе.

Обѣщаніе—зри обѣтованіе.

Обѣцаю—зри обецаю.

Обявенье—откровенье.

Обявляю—являю, откриваю, обличаю.

Овечка—агница.

Овощъ—овощі.

Овця—агница.

Овчатко—агня.

Овчее стадо—паства.

Овчина—милоть.

Овшеки—и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ—и убо.

Огиджую—обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Оглядание—виденіе.

Огневая—огневица, огнь, жеговица, трясоница.

Огниско—огнь.

Огнисто—жератчано (sic).

Оголошеніе—возгласъ.

Оголошую—оглашаю.

Оголюю—брію, обросную, обтираю.

Огонь роскладаю—огнь возгнѣтаю.

Оґонъ—ошибъ, опашъ.

Огородникъ—градарь, вертоградарь.

Огородница—зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую—содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую—уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри—лѣность.

Оданье—преданье.

Одвѣрный—дверникъ, вратный, вратарь.

Одвѣрокъ—прагъ.

Одгинаю—востлапляю (sic).

Оддаленьеся—ошаяніе.

Оддаляюся—отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

Оддухъ—духъ.
Оддѣленье—отлученье.
Оддѣленный—отлученный.
Оддѣляюся—зри отдаляюся.
Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.
Одежда ошарпанная—рубище, рубы.
Одержаніе—пріятіе.
Одержую—улучаю, пріимую.
Одестье—отшествіе.
Одиймую — испразняю, упразняю.
Одинъ разъ—единою, единощи.
Одмѣнный—ползокъ (sic).
Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.
Однимъ умысломъ—обще.
Одновляюся — паки назидаюся, обновляюся.
Одурѣніе—неистовство, бѣснованіе.
Одѣгаю—одѣяю, одѣваю.
Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.
Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.
Одѣдичую—наслѣдую, наслѣждую.
Одѣнье верхнее—скутъ.
Одѣнье плохое—портъ.
Оженяюся—посаґаю.
Оженился—поялъ помощницу.
Ожидаю—подемлю, терплю, варяю.
Оздоба—красованіе, зри—краса.
Оздоровленье—устребленіе.
Оздоровляюся—устребляюсь.
Озеро—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.
Ознаймую—сказую, являю.
Ознаменую назнаменовую, провѣщеваю.
Озяблость—изсякновеніе.
Ой—негли, либо.
Ой добро—благо же, часомъ радость, *ой*—часомъ шидерство значитъ.
Оказало—свѣтло, явленне, явственно.
Оказалый—ухищряемый.
Оказія—извѣтъ, явленіе, киченіе.
Оклеветую — осуждаю, ненависть творю.
Оклену—озлорѣчую.
Окно, где соль робятъ (sic)—слатина.
Оковы—вериги, узи.
Около, окрестъ, количнѣ мовячій—окрестъ глаголнѣ.
Окраса—зри краса.
Окрикъ — молва, грохотъ, зри крикъ.
Окромѣшный—внѣшный, свѣнный.
Окромъ—точію, кромѣ.
Окрутенство—зри лютость.
Окрутный—зри лютый.
Окрутъ—корабль, ковчегъ.
Окрухъ хлѣба—крома.
Окунь—перкъ.
Окупъ—искупъ, искупленіе.
О курѣхъ—пѣтоглашеніе.
Олбримъ — исполинъ, ґиґантъ, ґиґансъ, щудь.

Олей—зри олива.

Олива — олей, масло деревяное.

Оливки—масличіе.

Оливная судинка—ячайце.

Оливное дерево—маслина.

Олово—киситиръ.

Олтаръ—освятилище, святиня, очистилище,ублагалище,жертовникъ, требище.

Омана—прелесть, мечтаніе.

Оманяю—прелщаю.

Омацую—ощущаю.

Омдлѣваю—малодушествую.

Омешканіе—медленіе, зри забава.

Омешкую—косню, укоснѣваю, медлю.

Омочую—омокаю.

Омылка — погрѣшенія, блудъ, прелесть, поползновеніе, поползіе, ..., умиленіе.

Омылный — ложъ, блазненный.

Омыляюсь — погрѣшаю, облазняю.

Онуча—портъ.

Оный—онсица.

Опакъ—..., зади, воспять.

Опасуюся—препоясуюсь.

Опатритель—строитель, учитель, наставникъ.

Опатрне — смотрително, разъсмотрително.

Опатрность—ухищреніе, многоиспитаніе, смотреніе, согласіе, утваръ, честность, украшеніе.

Опатрный—благовѣнный, непрелестный, смотрителный, ухищренъ.

Опатрую—строю.

Опачина—весло, гребло.

Опачный—стропотный.

Опекунъ — заступникъ, защитникъ, поборникъ, предстатель.

Оперезуюсь—зри опасаюсь.

Опираюся — воспящаюсь, пружаюся.

Описую—уставляю.

Опитъ—возисканіе.

Опліовую—оплеваю.

Оплотки—халуги.

Оплошаю—охуждаю.

Оплошенъеся—охужденіе.

Оповѣдаетъ—трубитъ.

Оповѣданье — возвѣщеніе, возглашеніе.

Опоганюю—оскверняю.

Оподаль—подалѣ.

Опока—камень, камикъ.

Опрочъ—зри окромъ.

Опрѣснокъ—безквасіе.

Опрятненье—сопрятаніе.

Опущаюсь—унываю, ослабѣваю.

Опущонный—лишенный.

Опѣкаюся—заступаю, строю.

Опять—паки.

Орало—рало.

Ораторъ—вѣтий, риторъ, хитрословецъ, рѣчетворецъ.

Орацію складую — составляю слово.

Орачъ — тяжатель, земледѣлатель, земледѣлецъ, ратай, зри ролникъ.

Орелъ великій—грифъ, ногпатка.
Орудіе—оружіе, мечъ.
Осада—стражба.
Освѣдчаюся — засвидѣтелствую, послушествую.
Освѣчую—озаряю.
Оскардъ—оскордъ.
Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.
Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.
Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облаґаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.
Оскираюся—осклабляюся.
Оскомины набиваю—оскотиниваю (sic).
Ослабѣваю — изнемогаю, унываю, стужаюся.
Ослабенье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.
Ослобоженье—освобожденіе.
Осмѣвую—укаряю, досаждаю.
Осмѣявъ мя — досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.
Осмѣянный—поругаемый, поруганный, досаду пріятъ.
Особа — видъ, лице, собство, съставъ, υпостасъ.
Особы шанованіе—обиновеніе.
Особливый—лишший, особный.
Особнѣ—особѣ, наединѣ.
Особно стою—разстою, разностою.
Оставеніе—прощеніе.
Оставленъ бываю — лишаюсь, лишаемъ бываю.
Остатечный—прочій, послѣдный.
Остатокъ—избитокъ, лишеніе.
Остенъ—пострѣкатель.
Остереганье—блюденье.
Остерегаюся—охибляюсь.
Остригаю—зри оголюю.
Остриженье—обрененіе.
Остроблѣнье—устребленіе.
Островъ—отокъ морскій.
Острога—стрекало.
Острогъ—стѣна.
Осторожность—бодреніе.
Острожный—зри опатрный.
Острожный естемъ—опасуюсь.
Острость розуму- благоразуміе.
Острый—трудный.
Осужаю—оглаголую, осуждаю, облаюю.
Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.
Осяганье—осязанье.
Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.
Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣяю, отрѣваю.
Отбираю—воспріемлю.
Отважуюся—понуждаюся, устремляю ся вседушно.
Отведенье—отвожденіе.
Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.
Отвертаю всторону—уклоняюся.
Отволожую—отвлажую, таю.
Отволока—отложеніе.
Отворяю—отверзаю.

Отганяю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Отдаляюся — растою, разностою.

Отдатокъ—возданіе, воздаяніе.

Отдѣленье—отлученье, ошаяніе.

Отдѣленный—отлученъ, отдѣленъ.

Отецъ всему свѣту—патриархъ вселенскій.

Отецъ заиный—попъ, презвитеръ.

Отискую—притяжую, паки притяжу.

Откидаю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Откола—коль, откуду.

Откритье—откровеніе.

Отлеглый—несущий.

Отложеніе—отдѣленіе, отлученіе.

Отлучаю—упражняю.

Отлучаюся — растою, розно стою.

Отлученный—отдѣленъ, отлученъ.

Отмовляюся—отрицаюся.

Отмѣна — премѣна, преложеніе, премѣненіе.

Отмѣтованье—отрицаніе.

Отмѣтую—отражаю, отрѣваю, отрѣаю.

Отновляю—устрояю, поновляю.

Отношу—восприемлю.

Отнюдъ—весма, всяко.

От оного часу—отселѣ, отзде.

Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.

Отпорода — наслѣдіе, достояніе, жребій.

Отпорца—тожъ.

Отпочиваю—почиваю, предпочиваю.

Отпочненье—отрада.

Отпущаю-прощаю, отдаю, раздрѣшаю, оставляю, ослабляю, угаждаю.

Отпущенье—прощеніе, оставленіе, раздрѣшеніе.

Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.

Отребины—отребіе.

От сего мѣсца—отзде, отсюду.

От сего часу—отселѣ, отнелѣ, отзде, отсюду.

Отскочилъ—отвержеся.

Отступникъ-расколникъ, схисматикъ, раздорникъ.

Отсюль—отзде, отсюду.

Оттинаю—отсѣцаю.

Оттручаю—отражаю.

Отрученье—отриновеніе, отраженіе.

Отрученъ—маломъ не упалъ, преклонихся пасти.

Отчизна — отечество, отечествіе.

Отчичъ—наслѣдникъ.

Отщепенецъ—схизматикъ, расколникъ, раздорникъ.

Отщепенство- схизма,расколъ, раздоръ, распря, сѣченіе.

Офѣра—жертва, приносъ, приношеніе, закланіе, треба.

Офѣра цало паленая—всесожженіе.

Офѣрованіе—жрѣніе, корванъ.

Офѣровникъ—жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйствіе (sic).

Офѣрую—жру, жертвую, приношу, рѣжу.

Охендожка — одежда, одеяніе, иматасма.

Охендожный—зри красный.

Охендожство — утварь, украшеніе, честность, ухищреніе.

Охолода — упокоеніе, ослаба, отрада, сладость, сласть, сладострастіе.

Охороняюсь—охабляюся.

Охота—усердіе.

Охотне—нетяжестнѣ, ненавистнѣ (sic).

Охотный—благоувѣтливъ.

Очарованье — обава, обаяніе, обавленіе.

Очекиваю—терплю.

Очекиваніе—терпеніе.

Очеркненье—окруженіе, околеніе.

О чомъ—о чесомъ.

Ошаленье—изумленіе, неистовство.

Ошарпанецъ—рубищеносецъ.

Ошуканье—ложъ, прелесть, ..., прелщеніе, лщеніе.

Ошукати—яти.

Ошукачъ—прелестникъ.

Ошукиваю — лещу, прелщаю, лихоимствую.

Ошустъ—прелестникъ, запинатель, клеветникъ.

Ощажую—щажу.

Ощупъ—..., дреколь, ратище.

П.

Пава—кинносъ.

Павѣза—щитъ, плишъ.

Павѣментъ—подъ, помостъ.

Пагорокъ—холмъ.

Паднѣнье—падежъ, зри омилка.

Падолъ зарослый—дебрь.

Пазуха — недро, ядро, занадрія.

Палацъ—полата.

Палецъ—перстъ.

Пампушокъ—сковрадъ.

Памятаю—памятствую.

Памятка—память, пониманіе, воспоминаніе.

Память—умъ, разумъ.

Панна—дѣва, дѣвица, дѣвая.

Панованіе—господствіе, владычество, началство, настоятелство, могутство, область.

Пановъ—панвица.

Панскій--владыченъ, господень.

Панско—господственнѣ.

Пантофлѣ—выступци.

Панутю—обладаю, господствую, державствую.

Панующій —владичественъ, господственъ, обладаяй, началствуяй.

Панцѣръ—броня.

Панянка—юнота.

Панъ—владыка, господь, началникъ, властелинъ, обладаяй.

Панъ молодый—женихъ.

Папѣжъ—папа.

Папѣжъ—бумага, хартія.

Паръ—духъ.

Пара шатъ—измѣна рызъ.

Парґамѣнъ—кожа.

Парканъ—забрало.

Паростка—отрасль, приросль.

Партачъ—белохудожникъ.

Парусъ—вѣтрило, ядрило.

Пархи—прокази.

Паршивый—прокаженъ.

Пастухъ—скотопитатель.

Патронъ—зри опекунъ.

Паша—пажить, паствина.

Певне—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.

Певное—извѣстное, опасное.

Певность — извѣство, опаство.

Певный — твердый, нарекованный.

Педаґоґъ—пѣстунъ.

Пелґримъ — пришлецъ, странникъ, странный.

Пендзель—стручецъ.

Пендъ—стремленіе.

Первородство—первенство, перство (sic).

Первость—первенство.

Первястки—первородная.

Perебачаю—небрегу, прощаю.

Переверненье — превращеніе, низложеніе.

Перевертаю—опровергаю, превращаю.

Перевожуся—проношуся, преносилаюся.

Перевышшаю—преспѣваю, преуспѣваю, превосхожу, преймаю.

Превышаючее—превосходящее, превышающее.

Перевышенье—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.

Переглядую—съзерцаю.

Перегорода—преграждеvіе, законъ, средостѣніе.

Перегорожую—преграждаю.

Переди спутованіе — прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.

Перейшолъ—прейде, отиде, мимошедъ, препливъ.

Перекладачъ—апоґрафонъ.

Перекладъ—зводъ, архитиконъ, антиґрафонъ, апоґрафонъ.

Перекупецъ—скупникъ.

Перелещенье—прелщеніе.

Перелещую—прелщаю.

Переличую—сочетаваю.

Перемагаю—одолѣваю.

Перемагаю в мовѣ — заущаю, затикаю уста.

Перемагалися—бѣждахуся.

Переможеніе—одолѣніе.

Перемѣненье—измѣна, измѣненіе, преображеніе.

Перемѣшую—возмущаю, озлобляю, удручаю, запинаю, претикаю.

Перенесенье—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.

Переношу окомъ — презираю,

пренебрегаю.

Переношуся—преселяюсь, зри перевожуся.

Перепираю—увѣщеваю, препѣраю.

Переписъ—зри перекладъ.

Переполохъ—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.

Переправляюся — зри перевожуся.

Переслѣдую—созерцаю.

Пересмотрюю—соглядаю.

Переставаю—престаю, пребываю, почиваю.

Перестанье—упражненіе.

Перестереганье — соблюденіе, сохраненіе.

Перестерога—то жъ.

Перестрахъ—зри переполохъ.

Перестрашую—изумляю, . . . , ужасаю, стужаю, устрашаю.

Пересѣцаю—паствую, препинаю, пакощу.

Перетинаю—пересѣцаю.

Перехитрую—обхожду.

Переходень—переселникъ.

Переходячее—преходящее, превозвышающее.

Переходъ з мѣсца на мѣсце—преселеніе.

Перечка—прѣніе, пря, рвеніе, распря, тяжба, распрѣваніе.

Перешкода — препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.

Перешкодца—запинатель, пострѣкатель.

Перешкожую — зри перемѣшую.

Перло—бисеръ, женчугъ, маргаритъ.

Перо—періе.

Перо до писанія—трость, писеръ (sic), ґрафія.

Перси—лоно, нѣдра, сосца.

Персона—зри особа.

Перунъ—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.

Перханье—пареніе.

Перше—прежде, первѣе, даже, ажъ.

Перший—прежный, первый.

Перший овощъ—начатокъ.

Петаль златъ—доска златая.

Петлица—петель, петля.

Печалованье—попеченіе, опасеніе.

Печаловитый—попечителный.

Печатникъ—печатаръ, знаменитель.

Печатую—знаменую.

Печать—знаменіе.

Печера—вертепъ, пещера.

Печерка—нирище.

Пещота—сладострастіе, разсверѣпеніе.

Піенкность—зри краса.

Піенкный—зри красный.

Пиво—оловина.

Пилно—тощно, опасно, расмотрителнѣ, извѣстно.

Пилность—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилную — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.

Пилный — тщателный, потщателный, благоприсѣдителный, опасный.

Пилный слухачъ — внимательь, внушитель, опасный.

Пирогъ елейный—хлѣбъ масличенъ.

Писанія способъ—писало.

Писаръ—книгочій, книжникъ.

Писканіе—гуденіе.

Пискаю—якаю, ячу, скомлю(sic).

Пищалка — пищаль, свѣриль, сопѣль, трость.

Пищки—пищали.

Планети — планиты, мамрены (sic).

Пласконосый—тупоносый.

Пластовый медъ — страдовный медъ.

Платца—мздовоздаятель.

Плахта—вретище, власяница, скутъ.

Плачливе жалую—очаеваю.

Плачу—ридаю, слезю, сѣтую.

Плачъ—вопль, сѣтованіе, ридание.

Плачъ жалостный—риданіе.

Племя—ищадіе, жилище.

Плесна ножныи—плеснь.

Плечи—плещѣ, мышца.

Пліотка велерѣчивый—баснотворецъ.

Пліотки—оплатство, басны(sic).

Плодность—плодовитость, ситость.

Плодный—плодовитый.

Плодъ—чадо.

Плотъ—градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.

Плугъ—рало, орало.

Плѣвки—кожи.

Плѣснь—тля.

Плюгавецъ — скверный, нечистый, сквернавый.

Плюгавство—отребье, скверна, нечистота.

Плюскъ—слишателный, щукъ.

Пляга—пагуба, зри—моръ.

Плястръ—пластиръ.

Плястръ меду—сотъ.

Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.

Пляцъ, где игри и шармѣрства отправуютъ—тризнище, позорище, подвигоборище.

Побиваю—уязвляю, ураняю.

Побитье—рана, язва.

Побожность—благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣнство, ревность.

Побожный—зри набожный.

Поборъ—дань, урокъ.

Побудка—поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.

Побуженье—то жъ.

Побуждаю—понуждаю, припонуждаю.

Повабленье—обава, обавленіе, обаяніе.

Побавляю чарами—обаваю.

Повага—поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.

Поважный—високосердый, тяж-

косердый, благообразный, тяжекъ.
Поважный людъ—людъ тяжекъ.
Поважнѣ—господственнѣ, косно.
Повинность або часть—достояніе.
Повинный—природный, своеплеменный, ужикъ.
Повиноватство—ужичество.
Повинутье—повиновеніе.
Поводиръ—руководитель.
Поводитъ ми ся—добре спѣю.
Поводъ въ правѣ—винителный.
Поволженье доброе—спѣяніе.
Поволность—благоуміе.
Поволный—преклонный.
Повоненье—уханіе, обоняніе.
Поворозъ — уже, ужы, вервіе, вервія, вервь.
Повстаніе—востаніе.
Повторе—двоично, вторицею.
Повшехный—насущный, присный, всегдашный.
Повѣданье—вѣщаніе.
Повѣдачъ—вѣстникъ.
Повѣдаю—вѣщаю, глаголю.
Повѣка—вѣжда, вѣя.
Повѣренье—врученіе, повѣреніе.
Повѣсть—слово.
Повѣсть добрая—благовѣстіе.
Повѣтріе—моръ, зри—моръ.
Повѣтрье—аеръ, воздухъ.
Повѣтъ—страна, предѣлъ.
Поганбенье—зри ганба.
Поганбляю—зри ганблю, извожду въ позоръ.
Погане—язици.
Поганинъ—язычникъ.
Поганскій—языческій.
Поганый—зри плюгавецъ.
Поглядание—зрѣніе, виденіе.
Погода—ведро, извѣтъ, благоутишіе.
Погожесть—ключимость.
Погожий—благоключимий.
Поголовье—поглавіе.
Погоржаю—отмещуюся, отмѣтаюся, отрицаюся, преобидѣхъ (sic), зри взгоржаю.
Погоршенье—соблазнъ.
Погубляю—растлѣваю.
Погубляючій—губитель.
Поданье—преданіе, уставъ, веленіе, догматъ, нравъ, предѣлъ, предателство.
Подарокъ—даръ.
Подвигаю—подвизаю, воставляю.
Подвиженье—воздвиженіе.
Подвика—сударъ.
Подвойский — проповѣдалникъ (sic).
Подвори (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.
Подвязка—вузъ сапожный.
Подданный—обладаемый, начинаемый, подначалный.
Подданьеся—повиновеніе, повинутіе.
Поддаюся — покаряюся, повинуюся.
Подезренье — зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаеваніе, непщеваніе.

Подезроно—зазорно.

Подезроный—зазорный, порочный.

Подеймую — воздѣю, возставляю.

Подиръ—рыза допчая (sic).

Подкладаютъ мя—подчиняюся.

Подложница—заложница, наложница.

Подлость—худость, ..., суета.

Подлый—худый.

Подлѣгаю—покоряюся.

Подлѣйшій — худѣйшій, меншій.

Поднесъ—подялъ.

Подножокъ—подножіе.

Подношу—воздежду.

Поднущаю—подощряю, обощряю.

Поднятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, приятіе.

Подобаю—благоугождаю.

Подобающее—простѣ, негли.

Подобенство—притча, образъ, подобіе.

Подоблю—угаждаю.

Подоблюся собѣ—любопочитаюся.

Подобникъ—подражатель.

Подобно—подоболѣпно, любодостойно.

Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.

Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.

Подоптанье—попираніе.

Подоптую—попираю.

Подорожникъ—зѣлье троскотъ.

Подорожное—напутіе.

Подорожный—путникъ, странный.

Подошва—плесница, сандалъ.

Подписъ—подписаніе.

Подполомикъ (sic) —опрѣснокъ,..

Подругъ—клеврѣтъ, другъ.

Подступокъ—навѣтъ.

Подтинаю—подсѣцаю.

Подушка—возглавіе.

Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.

Подущенье—навѣтъ.

Подхождую—прелщаю.

Подчашій—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающій.

Подщувачъ—навѣтникъ.

Подщуваю—зри подущаю.

Подѣлнѣ—зри надѣлателнѣ.

Подѣлье—подѣліе, наддѣланіе.

Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣненнѣ.

Подъ претекстомъ — непщеваніемъ.

Поеднанье—миротвореніе, мированіе, упокоеніе, покой.

Пожадливость—похоть, вожделѣніе, желаніе, сладость, сласть, безстудіе.

Пожаданный—желаемый, вожделѣнный.

Пожадаю—желаю, вожделѣваю, похотствую.

Поживаю—комкаю.

Пожитечный — благопотребный.

Пожитокъ—польза, успѣхъ.

Пожитокъ маю—успѣваю.
Пожитокъ чиню—тоежъ.
Пожитокъ чинячій—успѣшный.
Позверхность якой речи—явленіе.
Позволенье—изволеніе, прощеніе, произволеніе.
Позволяю—изволяю, прощаю.
Поздоровленье—цѣлованіе.
Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.
Позираю—зрю, вижу.
Позирай—зри, виждь.
Познаемости — предпріятіемъ (sic).
Познáю—увѣмъ.
Позно—поздно, коснѣ.
Позовъ—сказнь.
Позиванье—пойми (sic), поносъ, поношеніе.
Позиваю—поемлю.
Позивачъ—потяжникъ.
Позискую—приобрѣтаю.
Позичанье—заемленіе.
Позичаю—взаимъ даю.
Позичаю собѣ—заемлю, заимствую.
Позичаючій—заемникъ.
Позичалникъ—заимодавецъ.
Позосталый—прочій, лишенный.
Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.
Позрѣнье—возрѣніе.
Позѣваю—зри зѣваю.
Поимати—яти.
Поимаю—емлю.
Поимай—емли, поемли.
Поималъ—ять, ялъ.
Поиманный—ятый, ятъ.
Поймованье умомъ — смыслъ, смышленіе.
Поймую—вмѣщаю.
Покаляный—зри нечистый.
Покаляю—скверню.
Поки—доколѣ, дондеже, донелѣже.
Покиванье—маніе, маяніе.
Покивую—возмаваю, возмаяю.
Покладаю—полагаю, вмѣняю.
Покой—смиреніе, миръ, упокоеніе, безмолвіе, покой, мированіе, ослаба, отрада, упражненіе.
Покой кролевскій—полата, чертогъ.
Поколѣнье—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.
Покора — смиреніе, смиренномудріе.
Покораю—повинную.
Покормъ—пища, брашно, снѣдь, сънѣдь.
Покормъ звѣрный—звѣроядина.
Покореній—зри покорній.
Покоренье—послушаніе.
Покорная мудрость—смиренномудріе.
Покорне мудрую — смиренномудрствую.
Покорный—смиреній, благоугодительный, смиренъ.
Покорнѣйшій—тишайший.
Покоряюся—смиряюся.
Покоштованье—начинаніе.
Покревность—ужичество, родъ, ищадіе.
Покревный—приискрный.

Покрива—стволіе.
Покритье—присѣненіе.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса — страхованіе, искушеніе, мечтаніе, искуситель, діаволъ, дѣдко.
Покушенье—искушеніе.
Поле—село.
Ползаю — плѣжу, пресмыкаюся.
Ползячее низу—плѣжущее.
Полизачъ талѣровъ-ласкосердій, гортанобѣсецъ.
Поликаю—поглощаю.
Полискованье — блистаніе, сотѣненіе (sic).
Полиція—гражданство.
Поличаю—почитаю, воминяю.
Поличенье—сословіе, сочисленіе, согляданіе.
Поличокъ—ланита, скриня.
Полкъ—чета.
Полкненье—поглоценіе.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—пелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнъ.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакаю.
Полталярокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Полѣпшенье — цѣломудріе, исправленіе, умиленіе, полза.
Полѣпшую — уцѣломудряюсь, исправляюсь.
Поля розмѣры—волоки, ланы.
Помагачъ—споспѣшникъ, помоі́щникъ, заступникъ.
Помагак—пособствую, воспріемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканье—жителство, гражданство.
Помикаю—потязаю, привлачаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помиренье—зри покой.
Помноженье—растеніе (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣкаю, порѣцаю.
Помолодецку—юношески.
Помочъ—помоцъ, полза, стражба, умиленіе.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіе, явленіе, напищеніе, гордѣніе, щапство.
Помста—мщеніе, месть, отмщеніе.
Помсту чиню — отмщаю, лицую (sic).
Помститель — местникъ, отмститель.
Помышленье—помишленіе, помисль, мечтаніе.
Помышляю—воспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневолный—нехотимъ.
Понижаюсь—смиряюсь.
Пониженье—зри покора.
Понижонъ бываю—повинуюся.

Понижаю—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По оной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправуючій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростацку—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попущаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попѣлъ—попелъ, пѣсокъ.
Порада — совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчъ.
Поражку маю—враждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Поранѣшный—утрный.
Пораняюся—ураняю.
Пораханье—зри поличенье.
Пораховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Поривaю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, сораз-суждeніе, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, туне, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожный—празный, тощъ.
Порожную-празную, упраздняюся.
Порожняя слава—тщеславіе.
Порохно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю — вручаю, вовѣряю, предаю, полецаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порадно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строителный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадзка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Поселъ — вѣстникъ, молитвенникъ, ходатай.
Поссесію держу—державствую.
Поскакую—перу.
Послизненье — поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушеный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, порадованіе.

Посмикую — потязую, привлачаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — общій, собранный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидній.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе, произволеніе, устроеніе, намѣреніе, правило, доґма, вирокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, полагаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ, утвердихъ.

Постать—зракъ, ѵпостасъ, имство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерѣгаю — блюду, ощущаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри переполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣляю.

Пострѣлъ—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постягаю—утоляю.

Постягаюсь—огрѣваюсь, ошаеваюсь, ошаяюся.

Постягливость — воздержаніе, ошаяніе.

Постягливый—воздержный, воздержателный.

Постягнутися — отступити, удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стескность.

Посуха — зной, скваръ, пекъ, варъ.

Посѣдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—оную ду, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевещу, пакощу, оклеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе, напасть, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣщеваю, засвѣдителствую, благоволю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, устремленіе.

Потикаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящую.

Потикаюсь—поткуюсь, борюсь, ратую.

Потканье—стрѣтеніе, стремленіе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечь, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣтище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

Потреба—нужда, насиліе, треба.

Потребно—ключимо, нужно, ключаемо.

Потребный—ключимый, ключаемый, достойный, искусный.

Потребны суть—потребствуютъ.

Потребованье—требованіе.

Потребую—требую, потребствую.

Потручую—зри попихаю.

Потуга—рогъ.

Потужность—зѣлность, велелѣпота.

Потужнь—доблѣ, доблественнѣ, ...

Потупленіе—судьба, судъ.

Потупляю—окаеваю, зазираю.

Потѣха—порадованіе, сласть, сладость.

Потя—птица.

Потягаю—потязаю, повлачаю.

Потягненое—потяженое, зѣлное.

Пофолґую—ослабляю.

Похвали—плесканія.

Похваляю—ублажаю, превозглашаю.

Похватую—похищаю.

Похибляю—погрѣшаю.

Похилность—соустроеніе.

Похиляюся—воскланяюся.

Похлѣбство—ласканіе, лесть, леценіе.

Похлѣбца—ласкатель, потаковникъ, пасоритъ (sic), притрапезникъ, трапезолизатель.

Похлѣбую—ласкаю.

Похмѣлный—шуменъ.

Походистый—стромнителенъ.

Походня—свѣтилникъ.

Похожую—похожду.

Нохопъ до чого—предспѣяніе.

Поцаловапье—лобзаніе.

Початокъ—начало, архиоглашеніе.

Початокъ стиха—гранесіе.

Початокъ або якой речи сума—главизна.

Початокъ подаючій—оглашенникъ.

Початокъ чинячій—виновный.

Почекай ми—долготерпи о мнѣ.

Почесть—говѣніе.

Почетъ—чета, причетъ.

Почки—бубреги, нядра, пиры.

Почтенный—блаженний.

Почтивость—честность, говѣніе.

Пошанованье—говѣніе.

Поясъ—обрусецъ.

Правда—истинна.

Правду мовлю—истинствую.

Правдиве—истинно, достовѣрно.

Правдивый—правый, истинный, цѣлый, цѣлъ, сущый.

Право—во истину, убо.

Право—законъ, заповѣдь, доґма.

Право становлю—законополагаю.

Правость—правота, правина.

Правица—десница.

Правый—десный.

Прагненье исти—алканіе, алчба.

Прагненье пити—жажда.

Прагну—жажду.
Прагнулъ—возжадахся.
Празникъ—празнованіе.
Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.
Практикую—пророчествую, отвѣждаю.
Практицтво—соглаголаніе, сословіе.
Праса винная—тиска, точило.
Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.
Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.
Працовитый—трудолюбезный.
Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.
Працую—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, врежданося, стражду.
Працѣ полный—трудный, многотрудный.
Прачка—бѣлица.
Пребачаю—пренебрегу, небрегую, небрежу, презираю.
Пребаченье—небреженіе, презорство.
Пребываетъ—лежитъ.
Преветная дѣра—сопль проходный.
Превзятость—преимѣтелство, величествіе.
Превзятый—преимущый, преизящный.
Превротность—стропотность.
Превротный—злонравный, злу хитрецъ, лукавый, лукавъ, стропотивенъ, развращенъ.
Превышшаю—превосхожду.
Превышшенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.
Преданіе—веленіе, правъ.
Предводитель—вождь, держащый.
Предиспутовую—препрѣваю, затикаю уста, заущаю, увѣщеваю.
Предмова—предословіе.
Предмѣстіе—предградіе.
Предмѣщане—предграждане.
Предназначеный—пронареченный, прознаменанный, предизбранный, преопредѣлный.
Предный—предпочтенный.
Преднѣ—предводителнѣ, изящнѣ.
Предсьевзятье—предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.
Презацный—преизящный.
Презначенье—образованіе.
Презренье—смотреніе, осмотреніе, судбы строеніе.
Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.
Презрочистый—свѣтлый, чистый.
Презъ мѣчъ—убоемъ.
Презъ онаго—онымъ, чрезъ онаго
Преквѣнтованье—разсверѣпѣніе.
Прекладаю—предлагаю.
Преложеные—властели, владики, господіе.
Преложоный естемъ—держав-

ствую, господствую, владичествую.

Преложоный—наставникъ, настоятель, преимущный.

Преписъ--зри перекладъ.

Препіорка—крастель.

Препона—зри перешкода.

Препону чиню—возбраняю, зри перемѣшую.

Препущаетъ—препосилаетъ.

Пресажую—переношую.

Пресажаючійся — тщателный, потщателный.

Пресвареньє — заущеніе, препрѣніе.

Преслѣдованьє—гоненіе, изгнаніе.

Преслѣдовица—гонитель.

Преслѣдую—гоню.

Престолъ болванскій — требище.

Престолъ в церкви — жертовникъ, олтарь.

Претекстъ—прирокъ.

Пре то—тѣмъ, сего ради.

Пречъ—вонъ.

Прибитокъ—зри зискъ.

Прибѣгаю — теку, притѣкаю, притичу, срищусь.

Привертаю—устрояю.

Привиденьє—зри куґлярство.

Привижуюся—мечтаюсь.

Привикаю — обикаю, обучаю, поучаю.

Привлащаю—присвояю.

Привлащеньє — свойство, присвоеніе.

Привожу—произношую.

Привѣшенъ бываю—прицѣпляюсь, привязуюся.

Пригана—уколъ, зри ганба.

Пригляжую—прозираю.

Пригляжуюсь—созерцаю.

Пригода—случай, примѣтъ (sic).

Пригожій—зри красный.

Приготованьє—устроеніе.

Приготовляю—соустрояю.

Придаетъ ся—ключаетъ ся, случаетъ ся.

Придатки—восприятія.

Придатокъ — прилогъ, приложеніе.

Призвичаюся—навикаю.

Призвичаилемъ ся — предпріятый есмъ.

Призвоите—лѣпо, влѣпоту.

Призволеньє—изволеніе, маніе, мановеніе, сложеніе, обѣтъ.

Призволяю — засвѣдителствую, исповѣдую.

Признаваюсь—исповѣдуюсь.

Приймую — воспріемлю, приимаю, сопричтаваю.

Прійти маючій—грядущий, будущий.

Приказаньє—зри право.

Приклада — сочтаніе, соразсужденіе.

Прикладаю—прилагаю.

Прикладаюся—прилагаюсь.

Прикладъ — образъ, указанье, указъ, притча.

Приличъ—призови, пригласи.

Приклякаю—преклоняю колѣнѣ.

Прикрите—присѣннѣ, присѣ-

неннѣ, прикровеннѣ, осѣненнѣ.

Прикро ми—гнушаюся.

Прикруся—стужаю, озлобляю, удручаю, обтягчаю, возмущаю, труды дѣю.

Прикрый—прискорбный, трудный, стужателенъ, притужный.

Прилбица—шлемъ.

Прилежу—заступаю, предстателствую, поспѣшествую, удовляю.

Приличую—причитаю, прилагаю.

Приложити—прибавити.

Прилучаю—прицѣпляю.

Прилѣпляю—прицѣпляю.

Примноженье—ростъ, растеніе.

Примножую—умножаю.

Примушаючій — насиловникъ, нудитель.

Примушенье—насиліе, бѣжденіе.

Примушую—насилую, понуждаю, увѣждаю, настою.

Примѣраю—соравняю, соглашаю, сочиняю.

Примѣрье—сложеніе, обѣтъ.

Примѣтъ—случай.

Принагляю—зри примушаю.

Принагляючій—настояй.

Принятье — принятіе, подня тіе.

Припадаючій—подобающій, лѣпый, подобный.

Припадки—привнитія.

Припадокъ—зри пригода.

Припеструю—упещряю, украшаю.

Припливаю — притѣкаю, притичу.

Припложую—плодъ приемлю.

Приповѣданье—моленіе.

Приповѣсть—притча, образъ.

Приповѣстье—штучные извитія словесъ.

Приподобанье—приподобленіе.

Припоминанье—приповѣданіе.

Припоминаю—воспоминаю, произношаю, приповѣдую.

Приправованье—устроеніе.

Приправую—притворяю.

Припрятую—сопрятовую.

Припѣкаю кому—зри примушаю.

Приравниваю—соравняю, сочетаю, уподобляю, соглашаю.

Прировнанье—сравненіе.

Приреженье—естество.

Прируцую — припоручаю, согласую, совѣщеваю.

Приряжаю—сочиняю.

Прислугую—угаждаю.

Присмаки—пристроеніе.

Присмотрую—призираю.

Присмотруюся—созерцаю, соразумѣваю, усмотряю.

Приставъ—приставникъ, пѣстунъ.

Пристань—пристанище.

Пристойне- влѣпоту, врѣсноту, лѣпо, послѣдователнѣ, изящнѣе.

Пристойность — лѣпота, рѣснота.

Пристойный—лѣпый, красный, подобный, подобающый, приличный.
Пристоитъ—лѣть есть, подобаетъ, достоитъ, подобитъся.
Пристосовую—строю, сочиняю.
Приступъ—извѣтъ.
Присяга—рота.
Присягаю—кленуся, рочуся.
Присяглый—ротникъ.
Присягу показуючій—ротникъ.
Притворяю—причиняю.
Притворъ—сѣнь, дворъ.
Притомность—прибытіе.
Притомный—настоящый.
Притрафленье—случай.
Притрафляюсь — прилучаюсь, приключаюся.
Приучуюся—навицаю.
Прихваткомъ—наддѣлателнѣ.
Прихилность—приклоненіе.
Приходень — прихожый, пришлецъ, пришелецъ, странныкъ, странный, приселныкъ, иноколѣнныкъ, иноколѣнница.
Прихожу—гряду, прихожду.
Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.
Приходъ—пришествіе.
Причастіе—комканіе.
Причащаюся—комкаю.
Причетныкъ—клирикъ.
Причина чому—виновный, повинный.
Причиненье—извѣтъ, моленіе.
Причинокъ — придатокъ, прилогъ, приложеніе.
Причиняюся — ходатайствую, приповѣдаю.
Пришолъ—пришелъ, приспѣ.
Пріязнь—дружолюбіе, любовь.
Приялъ—подялъ.
Приятелско — истинно, прелскрно.
Приятелство—ужичество, любовъ.
Приятель—другъ, ужикъ, клеврѣтъ.
Приялю—желаю, рачу.
Проба—искусъ, правило.
Пробую— искушаю.
Провожу- проваждаю, руководствую.
Проводникъ-наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.
Продкую—перствую (sic).
Продкуючій — превышаючій, предваряющый, преимѣяй, предводитель, наставникъ, первый, проигуменъ.
Продолжаю — закоснѣваю, замедлѣваю.
Продолженье—закоснѣніе, замедленіе.
Продуха в водѣ—хлябы.
Продрухапье—истрезвеніе.
Прожно—зри надаремне.
Прожность—суета.
Прозба—молитва, моленіе.
Прозванный—нареченъ.
Прозвиско—имя, пезимя (sic), порекло.
Проклинанье—рета.
Проклинаю—рочу.
Проклинаюся—рочуся.

Прокураторство — соглаголаніе.

Прокураторъ—вѣтый, соглагольный.

Проливаю—изливаю.

Промислъ—промышленіе.

Промьнокъ—назвиско, презимя, порекло.

Пронырство—сообращеніе, лукавство.

Пропастный—преисподный.

Пропасть—тина, бездна, тма, преисподняя, хлябъе.

Пропереџъ—знаменіе.

Прорва—хлябь.

Прорвистый—стромнителный.

Пророкую — прорицаю, совѣтъ даю.

Проростую—прозябаю.

Просливаю—промикаюся.

Простацкый станъ—простакъ, невѣжда, невѣгласъ, смиренный, оглашенъ.

Простацтво—невѣжество, невѣдѣніе, неразумѣніе.

Простирадло—плащеница, понява.

Просто—прямо, противу.

Просто—праволучно, право.

Простую—управляю.

Простый—цѣлъ, цѣлый, худый, общый, обычный.

Простый человѣкъ — поселянинъ.

Простяница — людянинъ, невѣжа народный, особница.

Протекстуюся — засвѣдителствую, послушествую.

Противко—противъ, прямо.

Противленьеся — противленіе, сопротивостояніе, ..., сопротивословіе.

Противная мова — сопротиворѣчіе, сопротивоположеніе, противословіе.

Противникъ — навѣтникъ, сатана, сопостатъ, суперникъ.

Противность—скорбъ.

Протхлань—хлябь.

Протягаю — пробавляю, продолжаю, возвращаю.

Прохира—пронырливецъ, пронырливый.

Проходка—обходъ, глумленіе.

Прохожую—хожду, глумлюсь.

Прошеный—бѣдимъ, молимъ.

Прошеніе—моленіе.

Прошлое—мимо шедшое, преплывшое, предваршее, прежде бывшее, мимотекущее, преходящее, постигшее, прошедшее.

Прошу—молю.

Прошу пилно—бѣжду.

Прудко — абіе, скоро, внезапу.

Прудко бѣжачій — быстроточный.

Прудкость—скорость.

Прудкый — пернатъ, скорый, скоръ, борзый, сверѣпый, напрасный, стромнителенъ.

Прутъ—жезлъ.

Пруюся—отмѣтаюся, отрицаюся, отмѣщуся.

Пряденый—сотканый.

Псотливый — малакіа, нечистость.
Пестротина—пестрота, пещреніе, порокъ.
Псую — вреждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.
Псуй—вреди, сокруши, раздрѣши.
Псуючій — вредитель, разоритель.
Птаство—птичьство.
Птахъ—птица.
Публика—позоръ.
Публице—народнѣ.
Пугаръ—потиръ, чаша.
Пудреніе—устремленіе.
Пужаю—изумляю, устрашаю.
Пукли—мохри.
Пуклѣръ—павѣжъ (sic).
Пунктъ—срока.
Пупокъ—пупъ.
Пупяшокъ—на деревѣ пупъ.
Пусто—тще.
Пустошитель—губитель.
Пустошу—погубляю.
Пустую — безчипую, безчинствую.
Пута—вериги, оковы.
Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.
Пухну—надимаюсь.
Пуча на древѣ—пружіе, акриды.
Пуща—пустиня.
Пытанье—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.
Пытачъ—истязатель.
Пытаю—истязую.
Пытаюсь — вопрошаю, истязую.
Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, высокоуміе, киченіе, величаніе, напищеніе, хупавость, презорство, напрасиство, кручина.
Пышаюсь—гордюсь, величаюся, кичуся, великомудрствую.
Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, высокоуменъ, напыщенъ, ухищренъ.
Пѣвень—пѣтель, алекторъ.
Пѣклованье—попеченіе.
Пѣнязь дробный—мѣдница, кодрантъ, лепта.
Пѣрье—пѣріе.
Пѣрьемъ оброслый—пернатъ.
Пѣсней спѣванье—пѣснопѣніе.
Пѣчъ—сучало.
Пятно—печать, знаменіе.
Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.
Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохотъ.
Радшей—радѣй, паче.
Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).
Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщеваю.

Разъ—единощи, единою.
Рамя—мышца.
Рана—язва.
Ранный — уязвленный, уязвителный.
Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.
Раны задаючій—уязвляючій.
Раный—утреный.
Раню—язвлю, досаждаю.
Ратунокъ—помощь, полза.
Ратушъ—престолъ, судилище, судище.
Ратую—пособствую, поспѣшествую, свобождаю, удовляю.
Рахованье — словоположеніе.
Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.
Рачачи —бѣдячи.
Раченый—бѣдимъ.
Рачу—бѣжду.
Рачъ—хтѣй.
Рву—терзаю, трѣзаю.
Ревно плачу—ридаю.
Реготаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволненіе.
Регочу—хлехощу.
Реентъ—канцляй, книгочій.
Реестръ — сочисленіе, сословіе.
Режимъшокъ—мѣшкорѣзецъ.
Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.
Ремесникъ — художникъ, хитрецъ.
Ременецъ — возвузъ, сапожняя (sic).
Ремѣнный—усмѣнный, усмѣнъ, кожаный.
Ремѣнь—кожа.
Ретязъ—разворъ, верія.
Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословецъ.
Речевисте—чувственно.
Ржа—тля.
Ринштокъ—ровъ, токъ, приятелище, исходище.
Робакъ—червь.
Роблю—дѣлаю, труждаюсь.
Робота — трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.
Работникъ — дѣлатель, тяжатель.
Ровесникъ—сверстныкъ.
Ровность — соравненіе, равенство, подобность, токмина.
Ровный—ровенъ, точенъ, подобный, таковъ.
Ровный в силѣ—ровносилный, сопротивосилный.
Ровняю—соравняю, одобляю.
Ровнююсь—подобляю ь, сравняюсь.
Ровъ — ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.
Рогатина—дреколь, сулица, ратище, луца.
Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.
Родина—родъ, рожденіе, исчадіе.
Рожа—шипокъ.
Роженый—прииcкрный.
Роженье—рожденіе.
Рождуся — рождаюся, происхожду.

Рожчка—жезлъ, вѣтвь, ваія, вѣія.
Розбаченье—разсмотреніе, разсмощреніе, мудрованіе.
Розбачую — разсмощряю, размышляю.
Розбиваю - разбываю, разсѣкаю, просаждаю.
Розбиранье — зрѣніе, стязаніе, возисканіе, обиновеніе.
Розбираю в мысли—разсмощряю, размышляю.
Розбойныкъ—хищникъ.
Розбуяюсь—разсвѣрѣпѣваю.
Розбѣганье—стремленіе.
Розважанье—зри розбиранье.
Розважаю себѣ—внемлю себѣ.
Розвязую—разрѣшаю, рѣшаю.
Розгнѣваюсь—негодую, огорчеваюся, полютѣваю.
Розголошую—росповѣдаю.
Роздаваю—раздаваю, строю.
Роздираю—растерзаю.
Роздичую — разсверѣпѣваю.
Роздѣленный естемъ—разстою.
Роздѣлне—строчне.
Роздѣляю — раздѣляю, упражняю, рѣшаю, раздаваю, строю.
Роздѣлъ—глава, предѣленіе.
Розеймую—упражняю.
Розозявляю—разширяю.
Розинка—сухва, сухопль.
Розкидую—разоряю.
Розливаю—разливаю.
Розлично—различно, разнственно.
Розличаю—раздѣляю, разликую.
Розмаите—различно, разнственно, многообразнѣ, всеобразно, всяко.
Розмаитый—различный, многообразный.
Розмаитыми—многими.
Розмова—бесѣда, гаданіе, омилія, ..
Розмовленье — бесѣдованье, бесѣда.
Розмовляю за кимъ—ходатайствую, ходотаю.
Розмышленье — размышленіе, смышленіе, мудрованіе, разсмотреніе, разсмощреніе, зрѣніе, видѣніе.
Розмышляюсь — поучаюсь, размышляюсь, обинуюся, глумлюся.
Розмѣтую—разоряю.
Розмякченіе—ослабленіе.
Розненье—разногласіе.
Розное—разнственное, различное.
Розность—разнствіе, различіе, разноличіе, разногласіе, разнство, сопротиворазнствіе.
Розношу—расповѣдаю.
Розный естемъ—рознію, разнствую.
Рознюсь—разликуюсь.
Розохочую—поущаю, поущряю, предобручаю, подвизаю.
Розпираюсь—раздѣляюсь.
Розпорошую—изнуряю, испрашаю.
Розправую—розличаю.
Розпростираю—разширяю.
Розрадитель—строитель.

Розрадовуюсь—разливаюся отъ радости.

Розрванье — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.

Розриваю—растерзаю, просаждаю.

Розростуюсь—гобзую.

Розрухъ—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грохотъ.

Розрухъ чиню—крамолю, смущаю, молвлю.

Розрухъ чинячій — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.

Розсипаю—изнуряю.

Розсипую—разстаю.

Розславленье—разношеніе.

Розславляюся—промчуся, расповѣдаю.

Розсмотрую—смотряю, разсмотряю.

Розстань—распутіе, исходище.

Розсужаю — разсуждаю, сматряю, разсматряю, разсмотряю, востязую.

Розтовкую—разтручаю, розбываю, разсѣкаю, истнѣваю.

Розторгую—растерзаю.

Розумный—разумный, разумычный.

Розумное—разумное, словесное, размыслительное.

Розумытелный — мудрый, разуменъ, благоухищренный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.

Розумѣнье—непщеваніе, мнѣніе, виденіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.

Розумѣю—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.

Розумѣймо—вонмѣмъ

Розумъ—умъ, умишленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.

Розумъ знаменитый—мудрованіе.

Розумъ злегчаю—умъ воперяю, воскриляю.

Розходъ—проторъ.

Розчиняю—разчиняю.

Розчка—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.

Розшарпаю—разхищаю.

Розшафовую — иждиваю, изнуряю, истрошаю.

Розширенье—народованіе.

Розширяю—разширяю.

Рокъ—годъ, годище, лѣто.

Ролныкъ — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.

Роля сама плодяч я — никнущая.

Роса замерзлая—златина.

Росказано ми—повеленъ есмь...

Росказанье—заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, мановеніе.

Росказую—повелѣваю.

Росказуючій—повелитель.

Роскошний животъ—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

Роскошникъ — сластолюбецъ, ласкосердій.
Роскошую—наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюсь пространно.
Росненіе (sic)—растеніе.
Росолъ—слатина.
Роспаленье — розде женіе, кручина, распаленіе.
Роспаленьеся—возгорѣніе.
Роспалина — щѣль, вертепъ, скважина.
Роспачаючій—отчаянный.
Роспачую—отчаеваюся.
Роспачъ—отчаяніе, нечаяніе.
Роспорошую — расточаю, разоряю.
Росправа—подлога, подложеніе.
Росправне—строчне.
Росправный—обрѣтословецъ.
Росправую—росчиняю.
Роспуста-невоздержаніе, ласкосердство, досада, студодѣйство, студодѣяніе, ослаба, разсверѣпѣніе.
Роспуста—распутіе, исходище.
Роспустный—студный.
Роспустный естемъ—шатаюсь.
Роспутье—зри роздорожа.
Роспущаю—рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.
Роспущаюся — ослабѣваю, разсверѣпѣваю, устремляюся.
Роспущенье—стремленіе.
Ростеркъ — молва, смущеніе, плищъ, мятежъ, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣваніе.
Ростираю—ослабѣваю.
Ростопляюся—таю, истаеваю.
Росторгую—растерзаю.
Ростропность-остроуміе, остроразуміе, цѣломудріе, умудрованіе, вѣжество, разумъ.
Ростропный—умный, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смыслный.
Ротмистръ—ротникъ.
Роштъ—сковрада, огнище.
Рубаха—срачица, хитонъ, рубище.
Рудель—кормъ, кормило, гребло кормилное.
Рукоесть—рукоять.
Рукоемство—зареченіе.
Рукоимя — емецъ, поручникъ, испоручникъ.
Румеґаю—оживую, двеґую (sic).
Руменую—меризаю (sic).
Румянецъ—повапленіе.
Рура—врутка.
Руринки—ятра.
Ручникъ—понявица, рукомыкъ.
Рушаюсь—движуся.
Рыбакъ—рыбитвъ, рыбарь.
Рыґель у замку—верія.
Рыза долгая—подиръ.
Рыза верхняя—эпотида.
Рыкаю—лаю.
Рымарь—усмошвецъ.
Рынокъ—купилище, торжище.
Рысованіе — кроеніе, начертаніе, повапленіе.
Рысую—крою, чертаваю, сѣннопишу.
Рыхло—абіе, скоро.

Рыцерский—юношескый, храбрый.

Рыцерство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдителная, храбрость.

Рыцеръ—воинъ.

Рыцеръ выборный—исполинъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборецъ.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рѣдко—на малѣ.

Рѣзачка—хороба, дусерія.

Рѣзныкъ—закалатель.

Рѣзъ—заколеніе.

Рѣпый—волчецъ.

Рѣчныкъ—вѣтый, соглаголникъ.

Рѣчъ—вещъ, пря, трудность, потреба.

Рѣшу—разрѣшаю.

Рядно—вретище, власяница, рубище.

Рядца—строитель.

Рядъ—правленіе, устроеніе.

Рядъ веду—правлю.

Ряженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Ряжу—правлю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сагайдакъ—тулъ.

Садъ—рай.

Сажавка—купель.

Сажаю в темницу—связую, вовергаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля—восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—которуся, распрѣваю, крамолуюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—котора, крамола, пря, распря, любопрѣніе, прекословіе, пререканіе.

Свекруха—свекровъ, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжитъ.

Свербѣти—капоскатись.

Сверщокъ—сверпцъ.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница, сопль, сопѣль.

Свищу—свиряю.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой—властный, свойственный, присвоенный, усвоенный, свойскій.

Свое мнѣманье—самомнѣніе, самохотѣніе.

Свояволне—пустошне, безчиннѣ.

Своятолникъ—студодѣй, самочинникъ.

Своявольность—презорство.

Свояволный—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.

Свояволю — безчиную, безчинствую, разсверѣпѣваю, шатаюсь, которуся.

Своя воля—безчиніе, безчинство, пустошъ, разсверѣпѣніе, непокорство, напыщеніе, напрасньство, ослаба, досада, котора.

Своя дума—зри свое мнѣманье.

Свѣдокъ—свѣдитель, послухъ.

Свѣдомость—вѣдѣніе, свѣдѣніе.

Свѣдомый—искусный.

Свѣдоцтво—свѣдителство.

Свѣдчу—свѣдителствую, послушествую.

Свѣдчуся—сіяю (sic).

Свѣтлость—свѣтъ, сіяніе, заря.

Свѣтлый—цѣлъ, цѣлый, правый.

Свѣтъ—міръ, вселенная.

Свѣта панъ—міродержца.

Свѣта сотворенье—міра твореніе.

Свянґотанье—баснословіе, блядословіе.

Свянґотливый—обрѣтословецъ, баснословецъ, блядословъ.

Святобливость—святба.

Святобливый — преподобный, говѣнный.

Святости—святыня, тайны.

Священнодѣйство—таинство.

Священныкъ — жрецъ, священнодѣйственныкъ, тайнодѣйственныкъ, іерей.

Свящєнство — чистителство, жречество.

Свящєня—празднованіе, празникъ.

Себе—ся.

Сегосвѣтное—житейское, мирское.

Секретаръ—тайникъ.

Секретнѣ—духовнѣ.

Секретъ—тайна.

Село—весь.

Селянинъ—поселянинъ.

Селяне—народніи поселяне, ниварѣ, особници.

Сентенція—судба.

Серга—усерязь, усеряга.

Сердечне—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.

Сердечное порушенье—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.

Сердитость—ярость, рвеніе.

Сердитый—яростивый, жестокій.

Середный—средный, соумѣренный.

Серенъ—лѣдъ, голоть, слана.

Сержуся—яруся, надимаюсь.

Серни—лани.

Серца траченье—униніе, небреженіе.

Серце трачу—унываю.

Сивизна—сѣдина.

Сикавка—сморщъ.

Сикофантъ—клеветникъ.

Сила—моцъ, крѣпость, держава.

Силлаба—слоґъ.

Силность—зѣлность.

Силный—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенетъ, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синый едвабъ—синета,...
Сипливость—сипота.
Сипливый — медленоязычный, косногласный.
Скаженье—растлѣніе, разореніе.
Сказанье—разумъ.
Сказителность—тля, тлѣніе.
Сказца—разтлитель.
Сквапливый—наглый, напрасный.
Скиба—виоранная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачъ—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силляба.
Склееньe — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Склиюю (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Скляницця—стклянициця.
Сковорода—сковрадъ.
Сковранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скора отстрая (sic) — цапа, яцеръ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпаный—скорпеный.
Скорченый—слякъ, слукъ, слянченъ, согбенъ.
Скорченьe—сокращеніе.
Скорчую—сопрятаю.
Скорупяный—скуделний.
Скривженьe—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скритый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозь—чрезъ, сквозѣ.
Скромне—опрятно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодителный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромнѣйшый—кротчайшый.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скупо—сцѣгло, стигло.
Скутечне—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—клосенъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочитъ, изрядный, изящный.
Слина—плюновеніе.
Сличный—лѣпый, зри красный.
Слово—глаголъ, рекло.
Слоневъ дозорца — слононачалникъ.
Слонъ—елефантъ.
Слота—слань, слана.

Служебничій—рабій.
Служенье—служеніе.
Слухаю—слушаю.
Слухаю пилно—внимаю, внушаю, внемлю.
Слухай пилно—внемли, внуши.
Слушне—въ лѣпоту, въ расноту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣть есть, доболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.
Слушный—приличный.
Слызкій—ползкій, ползокъ.
Слымаки—зелвы.
Слѣдъ—стопа.
Слѣдомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Слѣповоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любитъ обитати.
Слюбовное—благонарочное.
Слюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.
Слюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Смакъ—сласть, сладость.
Смачная потрава—сласть, сладость.
Смарую—умащаю.
Смерканье—сумракъ.
Смертелный—мертвенный.
Смерть—скончаніе.
Смокъ—змій.
Смокъ, що воду тягнетъ—водоважца.
Смола—пекло, сажа.
Смотренье—смотреніе, глядъ.
Смотрю—зрю, блюду.
Смотрю до цели—намѣраю.
Смотри—зри, виждь.
Смродъ — попраніе, скверна, тина.
Смутный — дряхлъ, дряхлый, дряселъ, тяжекъ, тяжкосердый.
Смутный убіоръ—вретище.
Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, дряхлость, кручина.
Смучуся—дряхлую, дряселую, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.
Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.
Смѣвалство — смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.
Смѣле—дерзновеннѣ, не обинуяся.
Смѣлость — дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.
Смѣлый—дерзокъ, дерзкый, дерзый, дерзостенъ, продерзатель, великодушный, напраснивъ.
Смѣлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.
Смѣтье—уметь, отреби, попраніе, изгрѣбы.
Смѣхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грохотъ.
Снаднѣ — нетяжестнѣ, ненавистнѣ.
Снать—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.
Снитъ ми ся—сонія вижу.

Снозы, що на вола кладутъ—сонузница.

Снѣданье—заутрникъ, нѣцеръ (sic), ваятель (sic).

Сокира—сѣчиво.

Сокира до муру—оскордъ.

Сокъ—глѣнь.

Соловий—славый.

Солодкій—сладкій, слащъ.

Солома—стебліе.

Солоная земля—слатина земная.

Сонъ—соніе, виденіе.

Сопрятую—сокровищую, сокриваю.

Соромаюсь—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.

Соромъ—срамъ, студъ.

Соромяжливость—стидѣніе, обиновеніе.

Соромяжливъ—посупленъ.

Сорочка—срачица, хитонъ.

Состави в костехъ—глезны.

Составъ в члонкахъ—составъ.

Сочевица—сочиво.

Спадокъ—наслѣдіе, жребій, достояніе.

Спадокъ—падежъ.

Спаняле—щапственнѣ.

Спилностю—прилежно, соприлежаніемъ.

Спилностю що чиню—ухищраю.

Спираюся—стязаюся, прюся.

Списую—плѣтую, соплѣтаю.

Спихаю—возряжаю.

Сповиноваченье—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.

Сповѣданье—чаяніе, упованіе, надежда.

Сповѣдаюсь—исповѣдаюсь.

Сповѣдь—исповѣданіе.

Сподѣваюся чого—ожидаю.

Спокойный—мирный, миренъ.

Сполечникъ—обещникъ.

Сполечность—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сопребиваніе, сочтаніе, общеніе, сближеніе.

Сползахваченье—совосхищеніе.

Сполкованье—тожъ, що и сполечность.

Сполкуюсь—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопребываю.

Сполкуючій—обещникъ.

Сполне—сполечне, единодушно, единомысленно, купно, единогласно.

Сполництво—участіе, причастіе.

Сполохуюсь—ужасаюся.

Спорный—суперникъ.

Споръ—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.

Споряжаю—устрояю, учиняю.

Споряженье судбы—благостояніе.

Способный—десный, приличный.

Способъ—образъ, устроеніе.

Спотикаю—стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Спочатку—искони, изначала, вначалѣ.

Справа—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

Справедливе — праведнѣ, въ правду, послѣдователнѣ, изящнѣе, въ лѣпоту, въ ряснoту.

Справедливость—правда.

Справедливый—праведный, преподобный.

Справный—строителный.

Справованный—дѣйствуемый.

Справованье—устроеніе, искусъ.

Справую—исправляю, прохожду, дѣйствую, сотворяю, восхожду, строю.

Справы—дѣянія, дѣла, дѣтели.

Справца—дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.

Спросность—суета.

Спросный — шкаредный, шкаредъ, безмѣстный, злообразный.

Спроста—бошію, убо, ... , всяко.

Спротивляюся—возражаю.

Спряґаю—сочтаваю, сочетаваю.

Спрятъ домовый—мшелъ, сопрятаніе, рѣшина.

Спѣванье—пѣніе.

Спѣванье високое—пѣснь степенная.

Спѣванье погребное — рыданіе гробное.

Спѣжарня—житница, хранилище, хранило.

Спѣшу—спѣю.

Спѣшуся—спѣю.

Срамный удъ—луна (sic).

Срамота—срамъ, студъ, безчестіе, досажденіе, поносъ, укоризна, укоръ, оклеветаніе, омѣшеніе, смущеніе.

Срамоченье—поношеніе, поносъ.

Сребра пробуючій — среброискусникъ.

Сребролюбячій—сребролюбецъ.

Сроґій—дывий, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, не сердоболь, немилосердъ, неблагоутробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.

Сроґость—жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣпіе, сверѣпство.

Срожуся—озлобляюся, огорчеваюся, сверѣпѣю, сроґого взроку, яровидный, звѣрообразный.

Ставаюся—бываю.

Ставъ—сонмъ водный.

Стадникъ—оревъ.

Стадо овчее—паства.

Стай—стадій, стадіонъ, поприще.

Стайня—стояніе.

Сталость—доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.

Сталося—бысть.

Сталый—благоприсѣдителный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.

Сталый естемъ — доблествую, мужествую, крѣплюся, великодушествую, храбрствую.

Сталый на всякіе бѣды—великодушенъ, храбрый.

Сталаго разуму — великодушенъ.

Становиско — станъ, пристанище.

Становлю—уставляю.

Становлю домъ—потыкаю домъ или обозъ.

Станъ—санъ, достоинство, . . .

Старане великое — многопечаліе, попеченіе, промишленіе, угодіе, страсть, неполученіе.

Старанье найбольшое-опаство.

Старанесь—печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мнѣлоимство.

Старайся—пекуся, печалуюся, подвизаюся.

Стараючійся—тщаливый, тщателный.

Старецъ—старѣйшый, старѣйшина.

Стародавный-древный, ветхый.

Старожитный—тое жъ.

Староста—книгочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.

Староство—настоятелство.

Старость—сѣдина, матерство.

Старший—наставникъ, предводитель, предсѣдатель.

Старший надъ ширмирми — тризноположникъ.

Старшинство—народоводителство, настоятелство, предсѣдателство, достоинство.

Старшинствую—правлю.

Старый—ветхый, древный.

Статечность—зри сталость.

Статечный—зри сталый.

Статечніе речи—тщиво.

Статутокъ християнскій — уставъ, нравъ, веленіе, преданіе, зри — правостафированье, ухищреніе.

Стафируюся—ухищряюся.

Ствержаю—утверждаю.

Створенье — тварь, созданіе, сотвореніе.

Створитель — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.

Стебелье—стебліе.

Стежка—стезя, путь.

Стерегу—блюду, брегу, храню, присѣжу.

Стереженье—блюденіе, бреженіе, храненіе, присѣдѣніе.

Стережи—снабди, спаси, избави.

Стережись—снабдися.

Стертый—истненъ.

Стертье на порохъ—истненіе, истнѣніе.

Стираю — сокормляю, сокрушаю.

Стираю на муку—истнѣваю.

Стирка—сударь.

Стирникъ — управитель, кормчій.

Стиръ — гребло кормилкое, кормъ.

Стовченъ—сотлаченый, сокрушенный.

Стогну — изнемогаю, немоществую.

Стодола—житница.
Столецъ—полкружникъ, сѣдалище.
Столица—престолъ, ѳронъ.
Столяръ—древодѣля, ...
Сторожа—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.
Сторона—страна.
Сторонюеь—устраняюся, освѣняюся.
Стосъ—составъ.
Страва—пища, ядь, снѣдь.
Стравленъ бываю—умучаюсь.
Стравляю—умучаю, иждиваю, изнуряю.
Страдный — бѣдный, страстный.
Стражъ—зри сторожа.
Страфунку—по случаю, приличнѣ.
Страховище—пугало, страхованіе.
Страшило—зри страховище.
Страшный — лютый, грозный, ужасный.
Страшу—мяту, пакощу, ужасаю.
Страшуся—ужасаюся, мятуся.
Стричокъ—вервь, вервія, уже.
Строжъ—стражъ, кустодій.
Стромголовъ—стремглавъ.
Строскалый—дряхлый.
Строфованье—обличеніе, хухнаніе.
Строфую — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголую, злословляю.
Строфуючій — обличитель, обличникъ.
Струплывъ—прокаженъ.
Струченый-возраженъ, низверженъ.
Стручокъ—стручецъ.
Стручую—возражаю.
Стрѣла—ратище.
Стрѣлянье—верженіе.
Стрѣчаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящу.
Студенецъ—ровъ, ровенникъ.
Студентъ — спудей, ученикъ, тщатель.
Студень—зима.
Студня—кладязь, кладенецъ.
Стукъ—мятежъ, молва, мятеніе, топотъ.
Ступень—степень.
Стыдаюся—стижуся, срамлюся, обинуюся.
Стѣна—забрало.
Стѣнныкъ меду—сотъ.
Стягаю—сообязую.
Судилище—судище.
Судина—орудипа.
Судина для оливы—чванецъ.
Судовый домъ—преторъ.
Судъ—судба.
Сукно—портище.
Сукня—верхняя риза, одежда.
Сукцессія—приемничество.
Сумма якого писанія—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.
Сумненье—совѣтъ, разумъ.
Супортокъ—праща.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность-ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—воспернѣнъ, тонкій, тонченый.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищалникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри сроґій.
Суспѣкованый—порочень, укоризненъ.
Сусѣдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоитъ.
Сучокъ—сучецъ.
Сушъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое — прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.
Сфуканье—язва.
Схадзка—сотеченіе, собраніе.
Схиляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняетъ ся—сопрятаетъ ся.
Сыномъ учиненье—сыноположеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сѣдаю—возлѣгаю.
Сѣдаю на лаву—восклаunion.
Сѣку—уязвляю.
Сѣножать—травникъ.
Сѣны—кровъ, предверія.
Сѣпачъ—рядникъ.
Сѣрка—сѣра, жупелъ.
Сѣтка—сѣть, мрежа, тенетъ, сило.
Сѣтникъ—ситовое.
Сюди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Табличка—влагалище.
Таемная — тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недовѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, пира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—тако, ей, сице.
Талантъ—шесть сотъ червоныхъ.
Талѣръ—дискосъ.
Тамошный обиватель — туземецъ.
Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиреность.
Танцу поваженье — ликованіе, ликовствованіе.
Танцую—ликую.
Тарча—щитъ, павѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ — скифъ, скифинъ, срацинъ.
Тагиъ—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тварь—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый — жестокый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

Твердого карку — жестоковыйный.

Твердью—жестѣю.

Тверезлюся—трезвлюся.

Тверезый—трезвый, бодрый.

Твержу—извѣствую, провѣщеваю.

Теды—убо.

Телесныкъ—ласкосердій.

Тельічка—о трехъ лѣтехъ юница.

Темница — уза, юза, узница, юзилище, стражба, твержа, селеніе, твердиня.

Темность—тьма, сумракъ.

Темность грубая—тьма осязимая.

Темный—мрачный.

Теперъшный—настоящый.

Теперъшне мешканье—настоящее житіе.

Теперъ—нынѣ, днесь.

Термошуся—пружуся.

Термѣнъ—уставъ, предѣлъ.

Терпетина—теревиндъ.

Терпливость—терпеніе.

Терпливость великая — долготерпеніе.

Терпливый—пожадателный.

Терплю — стражду, подемлю, приемлю.

Теселство роблю — древодѣлствую.

Тескность—туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодованіе.

Тесля—древодѣля, зодчій.

Тестаментъ—завѣтъ.

Тешу—ваяю, изваяю, начертаваю.

Тиранство—томленіе, мучителство, насиліе, насилованіе.

Тиранъ—мучитель, томитель.

Тиранъзую—насилствую.

Титулъ—титла, надписаніе.

Тихо—без щуки, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.

Тихость—тишина, отишіе, безмолвіе, кротость, несмущеніе.

Тихый — кротокъ, тишайшый, благоугодителный.

Тканье—тченіе.

Тлумачъ—сказатель.

Тлумокъ—тайстра, бремя.

Тлустость—толща, тукъ.

Тлустый—можданъ.

Тлуща — обстояніе, народъ многъ.

Тоболя — тоболецъ, зри — тайстра.

Товариский—обычный.

Товариство — дружба, дружество, состояніе.

Товаришка — жона, сожителница, другиня.

Товаришъ — клевретъ, другъ, подругъ, сожитель.

Товаришъ в дорозѣ—сопутникъ, сопутшественникъ.

То—сіе, тожде.

Тогди—южъ, таче.

Тогосвѣтный — мудрецъ внѣшный.

Тоестъ—сіе, тожде, сиесть, сиричъ.

Тожъ—таче.
Токмо—толма.
Толко—толико, точію, кромѣ.
Толко разовъ—толикощи, . . .
Толкованіе—сказаніе.
Толокно—мѣлта (sic), прясло.
Толстость—толща.
Толстый—дебелый.
Топнью—таю, истаеваю.
Тополя зеленая—тереванжъ.
Топоръ—сѣчиво.
Торба—зри тайстра.
Торгаю—терзаю, влеку.
Торговникъ—торжникъ.
Торгъ — торжище, тризнище, купилище.
То то—тоже, сіе.
Тошню—тужду, ныю, тужу.
Травлю—иждиваю, изнуряю.
Травлю в жолудку—изсучаю.
Травлю з кимъ—прииждиваю.
Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.
Трапенье—бореніе, стуженіе.
Трапенъ естемъ—мятуся.
Траплю—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.
Трафляюсь—ключаюсь, приключаюсь, случаюся.
Трафунокъ—случай, притча.
Трачу — погубляю, изнуряю, иждиваю.
Трвалый — добль, мужественъ, крѣпкій, твердый.
Трваю—пребываю, терплю, подемлю.
Тревога — возмущеніе, соклащеніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.
Трвожу—возмущаю, соклащаю, смущаю, крамоляю.
Трвожуся—мятуся, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.
Треба—требѣ, подобаетъ, лѣпо есть.
Требенецъ—евнухъ, каженикъ.
Трезво—цѣломудрно.
Трезвость — цѣломудріе, цѣломудреніе.
Трезвый—цѣломудрный, цѣломудреный, бодрый.
Тремтанье — зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, расслабленіе.
Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.
Трефництво—кощунство, гражданство (sic).
Трефную—кощунствую.
Трефный—. . . , кощунникъ.
Трибуналъ—судище, судилище.
Триумфую—в побѣдѣ являюся.
Триумфъ — побѣдная, побѣдителная, одолѣніе, патрижненіе (sic), . . .
Троска—туга, дряхлость, попеченіе.
Трескливый—дряхлый, попечителный.
Тростина—трость.
Троха—велми стигло, стиглѣ.
Трощуся — молвлю, смущаюся, уживаю, стужаюся.
Троякий помостъ на игриску—

треверстныя основы на тризнищи.

Трояко—трегубо, треверстно.

Трудно—невозможно, нѣсть возможно, немощно.

Трудность — упражненіе, стуженіе, неудобство, недоумѣніе, таинство, недоумѣваніе, недомышленіе, недомыслимо, неможеніе, лукавство.

Трудоватый—прокаженъ, прокаженный.

Трудъ—проказа.

Труженье—подвигъ, страданіе.

Трумна—рака.

Трутизна—ядъ, ядъ смертоносный, отрава, балство.

Тручаю—рѣю, порѣваю.

Трясенье землѣ—трусъ.

Трясуся—трепещу, колѣбаюсь, стеню.

Туга—раченіе.

Тугий—жилищный.

Туженье клъцаю (sic) — зри тескню.

Тулакъ—лестецъ.

Гуляньe—скитаніе.

Гулюся — скитаюся, облужаюся.

Тумултъ—плищъ.

Тупканье—топотъ.

Тупкаю—клеплю.

Тупий—немощный.

Тупость—немощь.

Турбаторъ — расколникъ, раздорникъ, смущаяй, зри—ростеркъ чинячій.

Турма—зри темница.

Турнья—клопотъ, сваръ, молва.

Турчинъ—сарацинъ, скифъ.

Тутешный—здешный.

Тутъ—зде.

Тученье—насищеніе, питаніе.

Тучу—умащаю, насищаю.

Тщый—тощъ.

Тыждень—седмица, неделя.

Тыжъ—убо, и убо.

Тѣло—плоть.

Тѣломъ грубый—многоплотный, дебелый.

Тѣнный—сѣнный, сѣновный.

Тѣнь—сѣнь.

Тѣшу посполу—сослаждаюся.

Тѣшусь—красуюся.

Тяблица—скрижаль.

Тяжаръ на серцу—тяжкосердіе.

Тяжкость—тягота, тяжесть,..., рана.

Тяжкый — тяжекъ, неотреченный, притужный.

У.

Убіоры—остегны.

Убіоръ оздобный—украшеніе.

Убираюся—понираю.

Ублаганье—умилостивленіе, очищеніе.

Ублагаю—умилостивляю.

Убогій—бѣденъ, нищый.

Убогихъ халупки—холуги.

Убожество — убожіе, окаяніе, окаянство.

Убозство—нищета, худость.

Убранье—надраги.

Убѣгаю—угонзаю.

Уважаю—внемлю, внушаю, востязую, воспоминаю, разсмотряю, сматряю, умышляю, сославляю.

Уважный—благоискусный, виматель, увнушитель, благословный.

Уволняю—упражняю.

Уволняюся—упражняюся.

Увѣдалъ—позналъ.

Увязаю—углебаю, унзаю.

Увясло—митра.

Угожую—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Уго́лница—мѣра у тесель, правило.

Уголъ—грань, уголъ.

Угорѣжую (sic)—удружаю.

Угразаю (sic)—углебаю.

Ударѣнье—претиканіе.

Удатне—праведнѣ, по достоянію, въ лѣпоту, достойнѣ.

Удаю на що—устремляюся.

Удило—брозда.

Удка—удица.

Ужалуюся—жалѣю, умиляюся, раскаеваюся.

Уже—абіе, скоро.

Ужежъ—убо ли.

Уживаю—гобзую, наслаждаюся, раскаеваюся, употребляю, приемлю, дѣйствую.

Ужитечный—добродѣтелный.

Ужитый — благоувѣтливый, добродѣтелный.

Узда—брозда.

Уздоровляю—устрабляю, исцѣляю.

Узнанье—разумѣніе, познаніе.

Указую—сказую, являю, розмовляю, назнаменовую.

Уколяю—занзаю, прободаю.

Укоренье—зри ганба.

Укормлѣнье—пресищеніе, упитованіе.

Укормляю — упитоваю, пресижаю.

Укоряю—потязаю, поемлю, поручаю, повлачаю.

Укосий—косвенный.

Укосость—кривина.

Укривженье—обида, обидѣніе.

Укривжоный—обидимый.

Укривжоный естемъ—враждаюся.

Улженье—отрада.

Уливаю—истукаю, изваяю.

Улица—стогна, халуга.

Улица широкая—площадь.

Уличка—межда.

Уломность — бѣда, немощъ, вредъ.

Уломный—бѣдный, немощный, вредный, несовершенъ.

Улѣченье—исцѣленіе, устраба.

Улѣчую—исцѣляю, подаю исцѣленіе, устрабляю.

Уменшаю—оскудѣваю.

Уменьшенье — умаленіе, оскуденіе, истощаніе, истощеніе.

Умерлый — мертвый, усопшый, преставлшийся, опочившый.

Умертье—успеніе, смерть, преставленіе.

Умешканіе—водвореніе.

Умираю—преставляюся, усипаю, умираю.

Умисльне—самохотѣніемъ, устроеніемъ.

Умова—закладъ, сложеніе, срочеціе.

Умовляю—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Умовляю кого—увѣщеваю.

Умовляюся с кимъ—совѣщеваюся.

Уморенье—умерщвленіе.

Умоцняю—возмагаю, утвержаю.

Умышляю—смышляю.

Умѣетность—мудрость, умѣніе.

Умѣетный—коварный.

Унижоность умислу—смиреномудріе.

Унья—соединеніе.

Упадокъ—паденіе, падежъ, бѣда.

Упевненье—извѣствованіе.

Упевняю—извѣствую, увѣряю, увѣщеваю, достовѣрне творю.

Упевняючее—увѣщателное, вѣроватeлное.

Упережаючій—проиґуменъ, предваряючій, первый.

Упережую—варяю, упредваряю, предиду, предпостизаю.

Уплетьнье—соплетеніе.

Уподобанье—благоволеніе.

Уподобуюся—угаждаю.

Упокоренье умислу—смиренномудріе.

Упоминаю—наказую.

Упоминаючій—обличный, обличитель.

Упомятствуюся—уцѣломудряюся.

Упорный—жестокій, напрасшивъ, самосродный, гордостенъ, сверепѣяйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростенъ, презоривый.

Упорожняюся—упражняюся.

Упоръ—необузданіе, непокореніе.

Управляю—исправляю, руководствую.

Управуймо—руководѣмъ.

Упрейме—отъ сердца, присердно, вистнѣе (sic).

Упреймость—усердіе.

Упрошую—умоляю, упрошаю.

Упусть в ставу—хлябь.

Упѣренный—воспѣренъ.

Уразумъ (sic)—коварство, вѣжество, художество умное.

Ураченье—убѣжденіе.

Урачоный—блаженный.

Урачую—убѣждаю, учествую.

Уробленіе—сооруженіе, воздѣланіе.

Уробляю—сооружаю, творю, сотворяю.

Урода—зри красота, краса.

Уродивый—зри красный.

Уростаю—возрастаю.

Уруганье—зри ганба.

Уругаюся—поношаю, поругаюсь.

Урядникъ—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

Урядництво—настоятелство.

Урядный санъ — достоинство, устроителство, учителство.

Урядъ господарскій — строеніе, домостроеніе, домоправленіе.

Уряду того—службы сія.

Усилованье—начинаніе.

Усилую—належу, убѣждаю, понуждаю, подвизаю, нещадно даю.

Усиловуючи—бѣдящи.

Усиновленіе—усиновеніе, усиновленіе, синоположеніе.

Ускромленный—смиренный.

Ускромляю—умучаю, укрочаю, смиряю.

Услуговане—служеніе, упокоеніе.

Усмиряю—сопрятаю.

Усмотрую—сразумѣваю, соразумѣваю, разсмоцряю.

Усмѣряю—утоляю.

Усмѣханье—осклабленіе.

Усмѣхаюсь—осклабляюсь, умикаюсь.

Уснуть—поспать.

Успокоенье — миръ, умиреціе, смиреніе, угодіе.

Уставилъ—постановилъ, назнаменовалъ.

Уставичне—всегда, присно, во вѣки.

Уставичный — благоприсѣдителный, присный, искрный.

Уставленный — нарекованный, нареченный.

Уставленная работа—зарочно, цѣло (sic).

Устаю — исчезаю, оскудѣваю, таю.

Устерѣгаюсь—сохраняюся.

Устигаю—спѣю.

Уступаю—попущаю.

Утарчка—рать, борба, подвигъ.

Утверженье—утвержденіе, держава.

Утертая дорога — протрутенъ путь, протрутень.

Утеченье—гонзеніе.

Утискаю—оскорбляю, стужаю, смиряю.

Утискованіе — стуженіе, укоризна, зри—ганба.

Утискую—скорблю, стужуюся.

Утисненье—обстояніе, попеченіе, печаль, скорбь, тѣснота.

Утопляю — потопляю, погружаю.

Утрапенье—озлобленіе, тревоженіе, бѣда, печаль, злоключеніе, злополучіе.

Утрапленый—бѣдный.

Утрапленъ бываю—озлобляюся, низпадаю.

Утрапляю—озлобляю.

Утрата—тщета, вредъ, изнуреніе, иструшеніе, преторъ.

Утратникъ—ласкосердій, изнуритель.

Утраченый—лишенный.

Утрачую—изнуряю, иструшаю, отщетѣваюсь, тщету приемлю.

Утученый—мождаанъ.

Утѣканье—гонзеніе, бѣгство.

Утѣкаю—гонзаю, избѣгаю.

Утѣха—роскошъ, услажденіе,

порадованіе, утѣшеніе, красованіе.

Утѣшую—утѣшаю.

Уфатиґованный — истомленный.

Уфатиґовуюсь—истомляюся.

Уфанье—упованіе, надежда.

Уфаю—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.

Уфность—дерзновеніе, обиновеніе, упованіе, надежда.

Уфолґованье — щадѣніе, отрада, попеченіе.

Ухо—ухо, край, обушіе.

Ухороненье—избытіе.

Ухороняюсь—избываю.

Учасництво—наслѣдіе, участіе, причастіе.

Участникъ—обещникъ.

Учинокъ—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.

Учиняю—сотворяю.

Учитель—учитель, наказатель.

Учитися способный — учителный.

Учоный—искусный, научонъ.

Учта — гощеніе, учрежденіе, вечеря, пированіе.

Учту справуючій—пировникъ.

Учтивость—говѣнье, почесть.

Учтивость кому чиню—говѣю, почествую.

Учтивый—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтелный, благонравный.

Учу — поучаю, учу, руководствую.

Учуся—навикаю.

Учченый—почтенный.

Учченье—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.

Ушакъ дверей—наддверная, надверія.

Ушанованный—блаженный.

Ушко иголное—ухо.

Ушкоженье—обида, обидѣніе.

Ушкожую—обижу, неправдую.

Ущипаю—ухапляю, угризаю.

Ущипливость—ругательство.

Ф.

Фалди—рысны (sic), тресна.

Фалдистый—тресноватый.

Фалшивый—лукавый.

Фалшованье—лестное, прелюбодѣичное, растлѣное.

Фалшъ—блудъ, лукавство.

Фарба—шаръ.

Фартухъ — епедитъ, обязало, надраги.

Фаска—делва.

Фасти (sic)—зело.

Фацелитъ—сударъ,...

Фиґа—смоква.

Фиґовое дерево—смоковница.

Фиґъ дикихъ дерево—черничіе, сикоморія.

Философія—любомудріе.

Философскій—любомудрій.

Философъ — любомудръ, любопремудръ.

Филя—время.

Филя на водѣ—волна, волненіе.

Флетня—сопль, сопѣль, цѣвница.

Флиси—гребцѣ.

Фляша—фаска.

Фолварокъ—село.

Фолґа—отрада, ослаба.

Фолґую—щажу.

Фолґуючи—щадя, снисходителнѣ, отраднѣ.

Форма—образъ, зводъ.

Форма найпершая—первообразіе.

Формованье—образованіе, изображеніе.

Формую—образую, ухищряю.

Фортель—ученіе.

Фортуна—блаженство, полученіе.

Фортуна чія—случай.

Форытаръ—звозчикъ, управитель.

Франца—френчуя, проказа.

Фрасовали—востужиша, пакостиша.

Фрасованый—унилый, дряхлый.

Фрасовливый—печаленъ, опечаленъ, прискорбенъ, посупленъ.

Фрасунокъ—туга, дряхлость, безсластіе, негодованіе, бѣда, печаль, скорбь, сѣтованіе, желѣтба, желѣнь, посупленіе.

Фрасунки—многопечаліе.

Фрасую—мяту.

Фрасуюся—тужу, дряхлую, дряселую, молвлю, скорблю, опечаляюсь, печалую, стужаюся, униваю.

Фратъ—пронирливецъ, пронирливъ.

Фримарчу (sic)—измѣняю, ... , запрещаю, обличаю, язвлю, порицаю, зарицаю.

Фуканье—зри ганба.

Фундаментъ—фамеліонъ, основаніе, вина, начало.

Фундаментъ закладаю—основаніе полагаю.

Фундуючій — основатель, здатель.

Фунтъ—мнасъ.

Фѣґура—образъ.

Фѣстула—воскликновеніе.

Фѣяра—сопль, сопѣль.

Х.

Хапаю—емлю, похищаю.

Характеръ—обвѣшеніе, узоношеніе.

Хатки убогихъ—халуги, кущи.

Хваленье—славословіе.

Хвалити—угодити.

Хвалю—славлю, составляю, благословляю, блажу, благочествую, величаю.

Хватаю—зри хапаю.

Хворостъ—рождіе, хврастіе,...

Хвостъ—опашъ, ошибъ, хоботъ.

Хвѣюся—влаюся, зиблюся.

Хвѣянѣе—влаанье, мааніе.

Хелпливость—любочестіе, мудрованіе, киченіе, шатаніе, величаніе.

Хелпливый—любочестенъ.

Хелплюся—любопочитаюся, кичуся, величаюся.

Хендоґый—добрый, юношескый, лѣпый, красный.

Хендоґо—сочиннѣ, юношески.

Хиба—точію, кромѣ.

Хибляю—погрѣшаю.

Хитляность—лицемѣрство, лицемѣріе, опламство, лицепріятіе.

Хитляный — велерѣчивъ, буесловный, любопитный, лицемѣръ, лукавый, блядивъ.

Хитрость—сообщеніе, извитіе, лукавство, коварство, ухищреніе, ученіе, кознь.

Хитрый—коварный, лукавый, ухищренный.

Хитрая зрада—кознь.

Хлипанѣе—воскликновеніе.

Хлипаю—плакаю, плачуся, съ воздиханіемъ восклицаю.

Хлопецъ—дѣтищъ.

Хлопъ—поселянинъ, селянинъ, селникъ.

Хлюба—зри хелпливость.

Хлюблюся—зри хелплюся.

Хмара—сумракъ теменъ, примракъ теменъ, облакъ.

Хмаритъся—дряселуетъ.

Хованье—сокровище, кровъ.

Хованю—храню.

Ховзкый—ползокъ, ползкый.

Хоженье—хожденіе, шествіе.

Хожу—хожду, шествую.

Хороба—недугъ, язва, болѣзнь, страданіе, недугованіе, вредъ, немощь.

Хороба долгая—многовременно страданіе.

Хороба неулѣчонная—вредъ неудобь лѣкуемъ.

Хорованіе—зри хороба.

Хороше—лѣпо, хупаво.

Хорошій—зри красный.

Хорошость—зри красота.

Хоруговъ—знаменіе.

Хоружый—знаменоносный, знаменоносецъ.

Хорую—недугую, немоществую, болѣзную,....

Хорый—недужный, немощный.

Хоть—хотяй, хочажъ, аще же или и убо, убо, поне.

Хоть—изволеніе, хотеніе, жажель (sic).

Хочу—хощу, волю, желаю.

Храпъ на кого—васнь.

Хребетъ—задняя, плещи, междорамія.

Хромый — клосенъ, клосый, вредный, маломощный, клоснецъ.

Хроненьеся—говѣніе.

Хроповатый—трудный, сухъ, притруденъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударъ, убрусецъ, главотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградъ, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поощреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу — наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водоносъ, ровъ.

Цегелникъ—плинѳникъ.

Цегла—плинѳа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Целникъ—мытаръ, митоимецъ.

Цель—памѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсявзятье.

Церковный—соборный, еклесіархъ.

Церковъ—святыня, святылище.

Цесарство—владычество, игемонія, самодержство, могутство, держава.

Цесаръ—кесарь.

Цетнаръ—талантъ.

Цехъ—содружество.

Ци—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали — бряцало, кимвалъ доброгласенъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица, каситиръ.

Ципарисъ—кипарисъ.

Цистерна—источникъ, кладязь, кладенецъ, сусѣкъ.

Цитра—гусль, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цицка—сосецъ.

Цицки—сосци, перси.

Цнота—добродѣтель, благость, святба, сила.

Цнотливый—добродѣтелный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Цѣрмы—сапоги.

Цѣрмаръ—швецъ, сапогошвецъ.

Цѣлованье—лобзаніе.

Цѣлую—лобзаю, лобжу.

Цѣлый—цѣлъ, всесовершенъ.

Цѣха—знаменіе.

Цѣхую—знаменую.

Цякавость—оплатнство.

Цякавый — велерѣчивъ, любопытный, буесловъ.

Ч.

Чарованіе—обава, обавленіе.
Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.
Чаровница—балія.
Чары—волшба, волшевба.
Чары на шии ношенье—узлоношеніе, узоношеніе.
Чарами труючій—чароотравникъ.
Часъ—время.
Часъ—грань, часть.
Часъ певный або намѣренный—кресъ, нарокъ.
Чата—наскокъ.
Чаша—келихъ, кратаръ, стклянница, чаша.
Чашникъ—черпчій, черпающій.
Чвертка—коробка, спудъ.
Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подемлю, предваряю, варяю, предпостизаю.
Челюсти—скранія, ланити.
Чему—воскую, почто.
Чепецъ—вѣнецъ.
Червецъ—червоность, чермность.
Червоная нитка—конура.
Червоность—оброщеніе, чермность.
Червоный—чермный.
Червонюсь з сорому—срамлюсь, рдѣюсь.
Червъ—тля.
Черга—чреда.
Черевикъ—синдалій, плесница, сапогъ, обуща.
Черево—чрево, утроба.
Череда—чреда.
Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.
Черезъ него—нимъ.
Черезъ тебе—тобою.
Черезъ мене—мною.
Черезъ нихъ—ними.
Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.
Чрезъ волю божію—волею божіею.
Черенный зубъ—членовный.
Черепаха—жельвъ.
Чернецтво—иночество.
Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).
Черница—монахиня, мнишица, инокиня.
Чернуха—кокулица.
Черпаю—черплю, черпаю.
Черствый—бодрый, юношескій.
Чеснокъ лѣсный—лукъ.
Честный—говѣнный.
Честую гости—страннопріимаю, угощаю, страннововожу.
Честь—пиръ, учрежденіе.
Чести прагненье—любочестіе.
Чиншъ—дань.
Чиню—творю, сотворяю, соделоваю.
Чирвстый—зри черствый.
Чирство—юношески.
Чисто—право, цѣломудрно.
Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.
Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.

Члонокъ—удъ, составъ, степень.

Члонокъ встидливый—срамный удъ, дѣтородный удъ.

Члонки—члены.

Чоботаръ—швецъ, сапожникъ.

Чоботъ — сандалый, сапогъ, плесница, обуща.

Човенъ—корабецъ.

Чого—чесого.

Чоло—чело.

Чоловѣкъ—чловѣкъ.

Чорнокнижникъ — волшебникъ, волхвъ, чародѣй.

Чортъ—діаволъ, сатана, кудесникъ, кудесъ, прелестникъ.

Чрезъ—презъ, мимо.

Чудный—чудовный, нечаемый, неначаемый, чудесный.

Чужоземецъ — иноплеменникъ, иноязычникъ, иноземецъ, страненъ, иноколѣнникъ.

Чужоземка—иноколѣнница.

Чужоложу—любодѣйствую, прелюбодѣйствую, прелюбыдѣю.

Чужолозство—блудъ, любодѣяніе, прелюбодѣяніе, прелюбодѣйство.

Чужый—туждъ, туждый.

Чуйность—трезвеніе, бодрость, ..., радѣніе.

Чуйный—бодрый.

Чуприна—власы.

Чутье—бденіе, бодрость.

Чую—бодрствую, трезвлюся.

Чуючій—бодрый, тщаливъ.

Чченье (sic)—говѣніе.

Ччу (sic)—говѣю, блажу.

Ш.

Шабалтасъ—чпагъ.

Шаламая—цѣвница.

Шалене—неистово.

Шаленство—неистовство, бѣснованіе, неразуміе, изумленіе.

Шаленый—неистовъ, несмысленъ, тяжкосердый, нечестивъ.

Шаленье—неистовство.

Шалѣю—неистовляюся, бѣснуюся.

Шаля—мѣри, превѣса.

Шаную—говѣю.

Шарлатъ—багоръ, багряница.

Шарпаніе—хищеніе, рѣтба, рѣніе, рѣяеніе.

Шарпанина—хищеніе.

Шарпачъ—хищникъ.

Шарпаю—похищаю, рѣю, терзаю.

Шата—одежда, риза.

Шата долгая—утвореніе.

Шатанъ—сатана, діаволъ.

Шатеръ—сѣнь, скинія, станъ.

Шафарство—строеніе.

Шафаръ—домостроитель, строитель, скупникъ.

Шафранъ—крокосъ.

Шахи—шахматы.

Швецъ—усмошвецъ.

Шедивость—сѣдина.

Шелюгъ—пѣнязь.

Шемранье — ропотъ, роптаніе, хухнаніе, шатаніе, сренство.
Шемру—ропщу, хухнаю.
Шемручій—ропотливъ.
Шепетливый — косногласный, козноязичный, медленоязичный.
Шестинеделка—роженица.
Шибала—презоръ.
Шибеничники—палачныки.
Шидаръ—ругатель, кощунникъ.
Шидерство — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
Шиджу—ругаюся.
Шинкаръ—винарекъ.
Ширмерство-борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
Ширмую—подвизаюся, восподвизаюся.
Ширмѣръ—подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
Широкость—пучина, широта.
Широкость мѣсица—растояніе.
Широце—пространно, отрадно.
Шишакъ—шлемъ.
Шия—тилъ, выя.
Шкапа — робленая, подяремникъ.
Шкарадный — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
Шкарадная мова—срамословіе, блядъ.
Шкода—тщета, вредъ, лукавство.
Шкоду подеймую — общетѣваюся.
Шкоду чиню—отщещаю (sic).
Шкодливый—тяжекъ, лукавенъ, вредный, пакостный, тяжкосердный.
Шкодую—тщету приемлю, подемлю.
Шкожу — враждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
Шкодца — вредитель, пакостникъ,подстрѣкатель,губитель.
Шкодъ—вреди.
Шлюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Шляхетность — честность, чесность.
Шляхетный—доблый, древний, ветхый.
Шмата—рубъ.
Шматица—рубище.
Шнуръ теселскый—правило.
Шопа—сѣнь, скинія, станъ.
Шпетность—безобразіе.
Шпетный—злообразный, шкаредъ, шкаредный.
Шпетная мова — срамословіе, блядъ.
Шпечу—посмраждаю.
Шпиклѣръ — житница, хранилище, хранилница.
Шпиранье—пареніе.
Шпираю—пару.
Шпираютъ о мнѣ—истязуюсь.
Шпиталь—болница.
Шпѣґованье—согляданіе.
Шпѣґую—соглядаю.
Шпѣґуютъ мя—истязуюсь.
Шпѣгъ—исходникъ, соглядатай, прелагатай, сходникъ, позоритель.
Што—что.

Шторписта—пресудникъ.
Штортъ—пресудница.
Штука—извитіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—сквернавый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.
Шуканіе—возисканіе.
Шукаю—ищу,возищу,возискаю.
Шуля—шуя, шуйца.
Шумленье—шатаніе.
Шумлю—шатаюсь.
Шумъ—звукъ, щукъ.
Шутство—смѣхотворство.
Шутъ — рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щадѣнье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щаститъ ми ся — благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье — блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блядословіе.
Щебля в трапезѣ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щепаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, приискрно.
Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлобивый, независтный, неумитный, простый, нелестный, приискрный, невѣжда, цѣлый, цѣлъ, правый.
Щодробливость — благостиня, милосердіе, щедрота.
Щедробливость противу гостей—страннолюбіе, щедрота.
Щодробливый—страннолюбивъ, страннопріятенъ, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—кранъ.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щѣлина—скважина.
Щѣпцѣ—отирати свѣчки, опѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.
Юргелтъ—урокъ.
Юрность — разсверѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедництво — важденіе, пореченіе, клевета.

Ябедничу—клевещу, важду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое — полное зернятъ, шипокъ.

Явне-явнѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Ягода винная недозрѣлая—пародокъ.

Ягоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядѣніе—ядъ, ядеціе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье троскотъ.

Язичокъ у ваги—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, яковая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость-качество, количество.

Яковый—каковый.

Якось — яковось, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—колми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, сусѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, нирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, нирище, язвина.

Ясность — свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы — обротность язика, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, ядеціе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

ІГНАТ ЖИТЕЦЬКИЙ.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ СОРОК РОКІВ ТОМУ

Історичні нариси та спомини).

Українські громадяни завше пам'ятали, що без преси, без свого часопису українська справа ніяк не зможе вийти на шлях справжнього національного життя в рамцях бодай би й російської дійсности, обминаючи навіть питання про европейську неосвідомленість щодо справ українського відродження. Не згадуючи тепер за першу половину XIX віку, не можна обійти спроб кінця 50-х та початку 60-х років („Хата“, „Основа“), а також редагування київським гуртком в 1874—1875 роках чужого видання—газети „Кіевскій Телеграфъ“ [1]). М. П. Драгоманов на початку 1876-го р. виїхав за кордон, по-перше, щоб видавати у Львові чи Відні український науково-публіцистичний часопис, незалежний від російського уряду. Його женевські видання „Громади“ та инші не задовольняли певний осередок київського громадянства, та й мало були приступні російським читачам. Протягом 70-тих років постійно виникала думка про легальне видання журналу, який міг-би животіти і в тяжкому становищі підцензурної преси в Росії. На той час виходили лише альманахи „Луна“, „Рада“, „Степ“, що ніяк не могли перетворитися в періодичний часопис. До того-ж почувалися великі перешкоди українській справі за відсутністю свого органу для друкування наукових праць численних робітників в галузі історії, етнографії, літератури на українські теми. Доводилося йти до чужих російських часописів, переважно до столичних органів преси.

На початку 80-х років з'явився у Київі історично-науковий журнал українського напрямку—і то було видання Ф. Лебединцева „Кіевская Старина“ [2]). Колишній директор шкіл у Польщі Лебединцев не тільки не міг обминути українських вчених, а і переважно використовував і друкував в часопису їх праці і притягав до журнальної роботи як відомих видатних, так і молодих співробітників—Українців. В останніх трьох роках видання (1885—87), коли виявилося, що з комерційного боку журнал не дає прибутку, а навіть потрібує грошових додатків, Ф. Лебединцев все більше намагався перекласти тягар видавництва на громадські плечі Українців і почасти передати їм деякі функції редагування наукового органу. З кінця 1885-го р. Лебединцев рішуче поширював чутки, що збитки примушують його припинити видання „Кіевской Старины“; але Кияни заперечували тому, давали обіцянки енергійного і, в значній мірі, безплатного співробітництва; так видання часопису продовжувалося. О другій половині 1887-го року редактор остаточно заявив, що з 1888-го року він видавати журналу не буде і розпочав заходи, щоб одержати будь-яку службову посаду.

Прихильники „Кіевской Старины“ і її найближчі й постійні співробітники гадали, що видання часопису ніяк не можна припиняти, вишу-

[1]) Див. „Наше минуле“, 1919 р., ч. 1—2, ст. Ор. Левицького.

[2]) В „Україні“ 1926-го р. ми подали деякі відомості про „Кіевскую Старину“ 1882—1887-х рр.: „Перші роки „Кіев. Стар.“ і Костомаров“ (кн. 4) та „К. Ст.“ за часи Ф. Лебединцева“ (кн. 6). Теперішня наша третя стаття--про долю цього журналу в 1888-го року в продовження попередніх нарисів.

кували засобів вийти з тяжкого стану і неодмінно провадити журнальну справу далі. В одверто громадське видання „Кіевск. Старина“ перетворитися не могла, бо й час тоді був суворіший ніж за п'ять років раніше; та й журнал за ці роки визначився українським напрямком, а змістом він був як найтісніше звязаний з усіма інтересами українознавства. Пересуди й безпосередні доноси на „Кіевскую Старину“ йшли від усіх „патріотів“ і ворогів українства.

Більш за все турбувалися, як би не загинуло видання, і як би продовжити життя часопису О. М. Лазаревський, В. Б. Антонович та П. Г. Житецький. Обов'язково треба було найти особу чисту від політичного підозріння, непохитну, твердого соціяльного стану, приємлему для влади й цензури, а до того грошовиту і незалежну від службових обов'язків і державних фінансів. По літі того-ж таки 87-го року Українцям пощастило вишукати таку людину: то був заможній землевласник зі Стародубщини, учень київського університету, мировий посередник 60-х років і колишній голова з'їзду мирових суддів на Чернигівщині—Олександер Степанович Лашкевич.

Походженням зі старого козацького роду, з дідів і прадідів був він споріднений з Полуботками, Милорадовичами, Галаганами. Батько його володів чималими маєтками в Новозибківському, Стародубському та Сосницькому повітах на Чернигівщині, був великим книголюбом і залишив чималу бібліотеку, особливо багату колекціями журналів з початку XIX віку, яку поповняв і син його. Традиція „книжного почитання“ і нахил до письменства йшли в роді Лашкевичів з старовини: прадід Ол. С-ча Степан Іванович залишив щоденник (з 1768 до 1782 року) надрукований через сто років, як характерна, побутова пам'ятка; дід Іван переклав з англійської мови і видав р. 1781 книжку „Прогуливаніе г. Франкли“, а батько, Степан Іванович, написав „Историческій очеркъ стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“ [1]). Олександер Степанович народився с селі Брахлові Новозибківського п. в 1842-му р.; в 50-ті роки батько його оселився в Київі, і син почав ходити до І-ої гімназії, потім вчився (1860—64 рр.) в київському університеті, де визначався за найстараннішого студента, що не розлучався з книжками, і хутко приєднався до молодого гуртку українських громадян. Мешкаючи на Печерському, він приймав участь в недільних школах так званого „слов'янофільського“ гурту, де добре познайомився з майбутніми професорами М. Ф. Владимирським-Будановим та Н. С. Тумасовим. Найближчими приятелями з київських громадян стали до нього з того часу В. Л. Беренштам, В. М. Юзефович, його товариші з І-ої гімназії, далі П. Г. Житецький, П. А. Косач, М. О. Констянтинович та инші [2]). Одержавши кандидатську ступінь історично-філологічного факультету, Ол. Степанович цілком віддався земській справі і праці введення нових установ після реформ 60-х років на Україні, спершу, яко мировий посередник на Київщині, а потім яко голова з'їзду посередників в Гайсинському повіті на Поділлі. Пізніше на Чернигівщині Лашкевич став земським гласним і головував на з'їздах мирових суддів Новозибківського повіту. Через деякий час потягло його до Київа, куди він і переїхав на початку 1886-го року, купив собі одноповерховий будинок з садом [3]) і зажив зі

[1]) Ф. Николайчикъ, „Родъ Лашкевичей“, „Кіевс. Старина“, 1887 р., ч. 12.

[2]) Див. В. Беренштамъ, „Изъ школьныхъ лѣтъ А. Лашкевича“, „К. Старина“, 1899, ч. II; Іг. Житецького, „Стара Громада за 60-ті роки“, „Україна“, 1928, ч. 1.

[3]) Цей будинок, де містилась протягом 2-х років Редакція „Кіев. Стар“. на Театральній вулиці ч. 4, проти Золотих воріт, після смерти Лашкевича набув підрядчик Орехов, який його й зруйнував, гадаючи збудувати великий дім. Тепер залишився від цілого будинку лише в'їзд до садиби з дерев'яною аркою.

своєю родиною заможньо не то горожанином, не то сільським поміщиком.

Але без якого-будь діла та громадського оточення й праці не звик жити Олександер Степанович. Господар з нього не був великий, і справи господарські його мало цікавили. Зовнішня постать його була надзвичайно характерна: на зріст високий, досить товстий, неповоротний і трохи незграбний, з обличчям і усмішкою, що видавала добросерду його натуру, і з сіроблакитними очима, які наївно та довірливо блискотіли по-за окулярами; виглядом своїм і поводженням він дуже приваблював до себе людей. У господі його завше не переводилися люди—приятелі, знайомі, а потім—знайомі знайомих, одвідувачі, і дорослі й підстаркуваті, і молоді, бо до студенства Ол. Степанович був дуже прихильний. Гостинність і учтивість його була виключна й почасти перетворювалася инколи в безладне частування, як і учта та трапеза в оселі Лашкевичів були звичайні й безперервні по всяк час і зо всякого і без усякого приводу—„для званих і для незваних“. Такий побут не був випадковий: з панського будинку села Брахлова, біля Новозибкова, вкупі з панами, челядинцями, конями, стравами, трунками та ріжними примхами черева перейшли до осередку великого міста, на площу біля оперового театру звичаї та й самий уклад поміщицького безладнього існування.

Проте Олександра Степановича не задовольняло перебування на новому місці, але в старому оточенню; не задовольняло воно й давніх його приятелів, а молодь дивувало непорядними розкошами. Лашкевич все частіш та частіш, особливо ввечері, залишав свій чепурний будинок і одвідував знайомих однодумців-товаришів і попередніх друзів в їх скромних помешканнях; там точилися розмови на ріжні науково-літературні і громадські теми, а Ол. Степанович скаржився, що нема йому ніякої відповідної і серцю приємної живої праці. В таких то бесідах потроху й доходили до думки, що саме добре було б Лашкевичу пристати до справ українського видавництва. Мабуть приблизно в той час пригадую такий випадок. Якось на самому початку осени 1887-го року повідомив мене один приятель, що по дорозі від консисторського будинку, через Софійський майдан на Андріївський узвіз і на Поділ аж до самої Ярославської вулиці в маленьких крамничках можна бачити силу старих паперів, які йшли на обгортання краму. Виявилося, що то були папери консисторського архіву XVIII-го віку; під той час консисторія перебудовувалася, і робітники-тесляри, повертаючися після праці додому, забирали з собою оберемки беззахисних паперів і по дорозі вимінювали їх на оселедці, хліб та тютюн. Забіг я збентежений цією чуткою до кабінету батька, де вже давно сидів Олександер Степанович, і розповів цю пригоду. Лашкевич негайно витяг гаманця, дав п'ять карбованців на викуп по крамничках консисторських паперів і, звертаючись до батька, сумно промовив: „Ось, які молодяки, Павло Гнатович, все-ж мають і свій інтерес, і клопоти, і справи цікаві, а у мене нічого того нема“ [1]).

І клопотання, і праця, і живий інтерес були винайдені. Про плани Ф. Лебединцева добре знав мій батько, турбувався за долю „Кіевской Старины“ і підказав приятелеві думку взяти на себе видання часопису, що гинув. Лашкевич цілком захопився таким підприємством, всупереч комерційній ощадности і попередженням родини і знайомих, найбільше з боку приятелів-поміщиків, які його остерігали, що видання журналу безнадійне, некорисне і приведе до розкладу без того порушеного раніш фінансового стану.

[1]) Частину паперів пощастило знайти й набути; пізніш їх було передано переважно до архіву О. М. Лазаревського, а грабування консисторських паперів з того часу було рішуче припинено.

Вирішення й проекти Олександра Степановича підтримали О. М. Лазаревський та В. Б. Антонович. З Лебединцевим Лашкевич був знайомий і друкував деякі свої замітки і матеріяли в „Кіевской Старинѣ“. Лебединцев торгувався уперто, посилаючись на свої збитки; а до того, коли довелося ліквідувати діло, біля якого він стояв шість років, його брав жаль розлучатися з працею, що до неї призвичаївся. Проте періодичне загрозливе нездужання редактора вимагало кинути турботне видання, і Лебединцев погодився в самому кінці 1887-го року перепродати Лашкевичу право на видання і всі непродані примірники за 2 тисячі карбованців. Портфель старої редакції, крім незначних історичних документів невдалих статтей та 2—3 рецензій, був пустий. З грудня-ж почалися клопотання в Київі через генерала-губернатора Дрентельна та в Петербурзі, в головному управлінні в справах друку, щоб одержати і затвердити Лашкевичу право на продовження видання журналу і редагування його. Почалися і зібрання у Лашкевича „редакційного комітету“, куди иноді заглядав і Лебединцев. Наприкінці Різдвяних свят йому нездужалося, і він, ліквідуючи свої обов'язки до нового видавця і редактора, надіслав йому такого листа: „Многоуважаемый Александръ Степановичъ, Посылаю Вамъ увѣдомленіе Главнаго управленія по дѣламъ печати о разрѣшеніи мнѣ издавать „Кіевскую Старину“ и утвержденную имъ программу, а свидѣтельство взято Вами раньше. Вотъ и всѣ документы. Вчера мнѣ снова было дурно, а потому связыванье книжекъ („Кіев. Стар.“) начнется завтра, и какъ только будетъ окончено, я извѣщу Васъ. Дай Богъ Вамъ успѣха. P. S. Сверхъ документовъ посылаю вчера полученную „Зозулю“ [1]) и письмо объ ней. Быть можетъ пригодится для сегодняшняго литературнаго вечера у Васъ“ [2]).

З того-ж таки часу на зібраннях у майбутнього видавця київські його приятелі і намітили план редакційної організації; почалося й листування з ученими, письменниками і співробітниками журналу, що мешкали в Харкові, Одесі, Умані, Чернигові, Москві, Петербурзі, то-що. Фактичним редактором ухвалено було бути старогромадянину професору Хвед. Герасим. Мищенкові, якого незадовго до того звільнив з київського університету міністр народньої освіти Делянов; виконувати обов'язки секретаря редакції пропоновано Іг. П. Житецькому. Редакційний „комітет“, до якого увійшли О. М. Лазаревський, В. Б. Антонович, П. Г. Житецький, В. П. Науменко, О. І. Левицький, І. В. Лучицький, Н. В. Молчановський, М. В. Шугуров та инші, почав збиратися чергово то у Лашкевича, то у Мищенка. Тоді-ж таки почали повертатися відповіді від попередніх і нових, яких було закликано, співробітників „Кіевской Старины“. То на адресу Лебединцева, то до нової редакції надходили листи з полохливими запитаннями за долю історичного часопису, або зі співчуттям і привітаннями відродженого редакційного гурту. З Одеси одним з перших відгукнувся проф. О. І. Маркович і Ів. В. Линниченко, з Харкова—проф. Д. І. Багалій, М. Хв. Сумцов, П. С. Єфименко, пізніше Ів. Теличенко, М. Бакай; з Москви одповіли редакції і обіцяли свої праці проф. М. І. Стороженко, Олексій М. Веселовський. З Петербургу вітав відродження „Кіевской Старины“ академик Пипін та инші.

Офіційне затвердження Лашкевича редактором-видавцем журналу одержано було з Петербургу в лютому 1888 року, коли вже минув слушний гарячий час передплати на періодичні видання, а вже й на попередній рік передплата на „Кіевскую Старину“ знизилася до найменшого — кілька сот повних передплатників. Вирішено було в редакції широко вжити повідомлень та реклами. Тоді розіслали тисячі зо дві друкованих

[1]) Автор рукопису статті „Короповъ хуторъ“.
[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., Ш, ч. 7718.

оповісток про поновлення видання і розповсюджено оголошення про передплату й програм редакції „Кіевской Старины“. Чимало грошей витратив був видавець, почасти дуже непрактично, на об'яви по ріжних журналах та газетах. Портфель редакції зростав і число надісланого наукового матеріялу збільшувалося, але передплата йшла мляво, і безнадійність вийти без великих витрат на перший рік виявлялася виразно.

Проте, Лашкевич не так-то сумував і з легким серцем ішов на зустріч збиткам, увесь захоплюючись живою працею і відживленою енергією своїх співробітників. Зранку—в редакції, після сніданку—в роз'їздах по справах видання, у вечері у співробітників, або за редакційними зібраннями минав увесь його час. Хв. Г. Мищенко провадив практичні справи і на допомогу йому в друкарських клопотаннях і коректі було закликано спершу молодого П. Р. Тимошка, що саме тоді скінчив університета, а трохи пізніш його-ж товариша Євг. Ол. Кивлицького, земляка Олександра Степановича. який хутко став справжнім секретарем редакції і першим практичним робітником в справі видання „Кіевской Старины“ через те, що Іг. Житецькому довелося відійти від щоденної систематичної редакційної роботи, бо як раз настав у нього час закінчення університету й останніх іспитів.

Вирішив був Лашкевич разом з редакцією видати в березні один великий том понад 30 аркушів замість трьох місячних книжок „Кіевской Старины“. Нервова, метушлива праця провадилася в редакції весь лютий і початок березня. Хороба Ф. Лебединцева стала загрозливою і 12-го березня він помер. Пригадується час одправи похоронної служби 14 березня в Трьохсвятительській церкві, куди винесено було труну першого редактора з його помешкання в тій-же околиці (Трьохсвятительська вул., ч. 6; там-же була й попередня редакція журналу). Церковна служба, яку одвідав майже не увесь склад нової редакції і численні співробітники, вже доходила кінця, коли раптом прибіг з друкарні задиханий, схвильований Хв. Г. Мищенко і щось зашепотів на вухо Лашкевичу. Миттю стало відомо, що цензурні перешкоди уникнуто і одержано дозволу новій редакції випустити перший том „Кіевской Старины“ за 1888-й рік, який і з'явився на другий день.

До цієї книжки найголовніші члени редакції подали свої цінні твори: Антонович—„Грановщину“, історію одного кутка Брацлавської України; Ор. Левицький—„Ганну Монтовт“, епізод з життя волинського панства XVI-го в. (кн. Любецька); В. Науменко—„До літератури різдвяних і пасхальних віршів“; І. Лучицький—„Київ у 1766 році“. Пізніш П. Житецький почав друкувати свою велику працю „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія XVII-го в.“, а Ів. Теличенко—„Наказы малорусскимъ депутатам 1767 р.“ з супровідними вступними статтями. Поновлено і поширено було відділи документів, заміток, критики то що; заведено й новий відділ „Справок“ та бібліографічних відомостів, матеріял якого складався з колективної праці десятків трьох співробітників журналу з цілої України, а до І-го тому додано було й покажчик змісту „Кіевской Старины“ за 1882—1887 роки. Зовнішній вигляд журналу було теж змінено: обгортка штучного стилю старої редакції стала простою блакитного кольору на зразок столичних часописів, папір для видання вибрано кращий, а обсяг кожної книжки що-разу збільшувався, і замість 10—12 аркушів новий редактор давав до 18—20, а то й більш аркушів, не збільшуючи передплати.

З кінця березня налагодилася редакційна праця, зростала й надія на громадську фінансову підтримку, бо число передплатників трохи побільшало. На перших кроках нова редакція перебула неприємну кризу. Передбачалося на початку року, як сказано раніш, що фактичним редак-

тором „Кіевской Старины“ буде не Лашкевич, не досвідчений досить в літературно-журнальних справах і не звиклий до систематичної й напруженої праці, а колишній професор Мищенко. Але—не так склалося, як бажалося. Мищенко гадав, що за його редагування повинен йому виплачувати видавець журналу 100 карб. на місяць („приват-доцентське утримання“, як шуткували тоді); Лашкевич зауважував, що він може виплачувати свойому помічникові лише по 50 крб. та секретареві редакції по 25 крб. що-місяця. Справа з другим редактором розвалилася ще й через те, що Мищенко хотів почувати себе хазяїном літературної частини підприємства, але Олександер Степанович сам переважно цікавився журналом з редакційного боку, а лише після того видавничими справами. У травні кризи уникнуто тим лекше, що Мищенко виявив тактовність та коректність і сам одійшов від редагування, залишаючись одначе членом редакції, а у Лашкевича вишукався зовсім придатний помічник—секретарь редакції й його земляк, а потім близький приятель—Євген Олександрович Кивлицький.

Був він родом з Сосницького повіту, де знаходились маєтки дідів Лашкевича, вчився в новозибківській реальній школі, потім у Київському університеті і кінчив кандидатом історико-філологічний факультет перед 1888-м роком. Людина років 27, енергійна, працьовита, один з видатних учнів поміж студентами, він переважно цікавився науковою діяльністю, мріяв про долю дослідника історії і не бажав їхати з Київа на будь-які вчительські посади. З весни Євген Ол-ч став працювати в редакції „Кіевской Старины“, і коли Лашкевич залишився без помічника, взяв на себе попереду всю чорну редакційну роботу, а далі й усякі справи журналу. Натура його була стримана, ніби „суховата“, серед молоди виглядав він старшим від инших, був гарний порадник в питаннях, що турбовали його товаришів, і ніколи не виходив з коректности в людських відносинах; надмірність ні в чому у нього не виявлялася, а під суворим иноді обличчям крилася душа щира і доброзичлива до людей. Звали його ще за шкільні часи і до смерти „містером“. Отой „містер“ подобався Олександру Степановичу, що був не завше рівноважним і тактовним, та й недосвідченим в справах і відносинах серед київських, більш відомих Кивлицькому, наукових літературних та громадських угруповань.

Весною Лашкевич не поїхав до себе на село, бо не час було одпочивати, а залишився у Київі. Життя редакції набуло тоді своєрідного характеру. Справжнього редакційного комітету не склалося; перше, що Ол. Степанович відповідав один за всю матеріяльну частину видавництва своїми власними достатками і тому почував себе все-ж таки повним господарем „Кіевской Старины“, друге—тому, що найближчі до редактора-видавця люди не все згоджувалися, навіть в важливих питаннях, а до того всі були обтяжені своєю чи службовою, чи літературно-науковою працею, крім Є. О. Кивлицького, що цілком був захоплений „Кіевской Стариной“, кинув думки про учителювання і за 50 карб. щомісячної платні віддавав увесь свій час редакційній роботі. Редакційні збори одвідували чи з приводу негайних і несподіваних пригод, випадково і не завше в одному і тому-ж гурті: одні сходилися частіш, другі спорадично і рідко, инші навідувалися з особливих нагод. Як і за часи Ф. Лебединцева, редакція „Кіевской Старины“ і тепер стояла близько до старогромадського осередку, але не була виконавчим органом української громади, і матеріяльно і в біжучій редакційній роботі була від неї незалежною. Постійними порадниками в редакційних справах були: О. М. Лазаревський, М. В. Шугуров, юрист, Глуховчанин родом, знавець красного письменства і мистецтва, П. Г. Житецький, Ор. І. Левицький, етнограф

ї журналист В. П. Горленко, В. П. Науменко; одвідували редакційні збори проф. В. Б. Антонович, І. В. Лучицький, Н. В. Молчановський, Є. К. Трегубов та инші.

У Лашкевича було бажання прилучити, об'єднати і погодити між собою можливо ширше науково-літературні та журнальні київські гуртки. Він сам одвідав декого з професорів університету й духовної академії, закликав їх до себе на ділові і на урочисті збори, а також і на звичайні учти. З київських професорів по-за межами українського кола за той час друкували дещо зі своїх праць у К. Ст. М. Ф. Владимирський-Буданов, В. С. Іконніков, М. І. Петров, І. І. Малишевський, П. В. Голубовський, І. А. Линниченко та инші. Чимало працював для журналу і архівіст-журналіст, великий знавець історичних джерел українознавства, бідолашний Ів. Петрович Новицький („жовтий ир“ з прізвища), якому часто давав грошову допомогу з своєї кешені редактор, особливо коли йому випадало перебувати по лікарнях.

Друга думка Олександра Степановича—згуртувати біля себе студенську молодь не зовсім вдалася: він не мав ніякого організаторського талану, а молодша братія тяглася звичайно не до суто-наукових чи літературних, а до більш гострих політичних питань, а то й більш цікавих справ біжучого моменту. Проте, використовуючи деякі етнографічні матеріяли кол. Південно-західнього географічного Товариства, та за допо..огою книжок з чималої бібліотеки Лашкевича, невеликий студенський гурток працював в києво-старовинному напрямкові, і ця робота не була для багатьох зайвою, а дехто з членів гуртка став потім діяльним співробітником журналу. Пригадую декого з тих, що належали до гуртка: І. Стрижевського, П. Тимошка, Я. Забілу, Е. Дорошевського, В. Кристаловського, П. Тучапського, І. Ботвиновського та ин. Осторонь стояв від цієї молоді студент історичного факультету Мик. Федот. Біляшівський, що й тоді цікавився археологією, але усяко уникав якої-будь політики та побоювався й натяка на „українофільство“, а горнувся більше до поважних впливових людей—Лазаревського, Шугурова, пізніш—В. В. Тарновського. Біляшівській ще за той час почав друкувати свої археологічні замітки, а далі став і постійним співробітником „Кіевской Старины“.

Часто перешкоджало регулярній редакційній праці оточення знайомих, земляків і родичів Олександра Степановича, переважно дідичів—Миклашевських, Ширяїв, Судієнків, Бороздзнів, Барановських і т. д., а також своєрідні умови панського життя в будинку Лашкевича. З 10 годин ранку до першої години, за рідкими винятками, праця в редакції провадилася ретельно і акуратно: редактор велично сидів за стародавнім кабінетним столом з усім писальним приладдям і переглядав рукописи чи робив постанови і давав свої підписи на ділових паперах; секретар, сидючи з боку чи за робочим столом, без перерви возився з рукописами, коректами, захоплений біжучими справами і негайним ділом, тиша ділового ранку перебивалася короткими увагами, иноді несподіваними репліками Лашкевича з приводу тієї чи иншої цікавої справи, листа до редакції то-що. В щоденних справах заходили тоді лише робочі люди з друкарні, або співробітники і ріжний діловий люд. Але з півдня, чим ближче до часу сніданку, такий стан потроху змінювався: починали з'являтися усякі, старші й молодші, прихильники „Кіевской Старины“, а то й просто знайомі Ол. Степановича, точилася бесіда про журнал і про міські новини, з приводу ріжноманітних справ. З редакційного кабінету переходили до їдальні, де за сніданком розпочиналася весела балаканина, підходили нові люди, і трапеза иноді затягалася години на дві, хіба один секретар повертався до праці, коли траплялось щось негайного. Друга

частина ділового редакційного дня відбувалася вже у вечері, після 7—8 годин, якщо не було яких загальних зібрань. Весною і в літку близькі співробітники „Кіевской Старины" і близькі знайомі Лашкевичів віддавалися инколи розвагам, частіш по-за межами міста: подорожували хто пішки, хто в старовинному розлогому фаетоні з старенъким машталіром і такими-ж кіньми—„одрами", як шуткував і сам власник їх, прямуючи до Печерської Лаври, або до Видубецького манастиря та по ріжних околицях Київа. Більш постійними мандрівниками були родини Житецьких, Рашевських, Н. О. Тризна, Е. М. Миклашевська, М. В. Шугуров, О. І. Левицький і чимало молоди, що оточувала редакцію, та инколи, бувало, й проф. Владимирський-Буданов з дружиною, Шмидти, А. Д. Юркевич, Н. С. Тумасов та инші старі приятелі Лашкевича. Так праця чергувалася з розвагами, редакційна літературно-громадська робота з приватніми частуваннями і родинними забавками.

„Кіевская Старина" за часи нової редакції де-в-чому змінила склад свого науково-літературного матеріялу. Найбільше поширилися відділи критики, рецензії і огляди про нові книжки з української історії, письменства то-що. Нові відділи „Для справокъ" та „Библіографическій листокъ" були, в міру можливости, оглядами великого числа журналів і газет з виміткачи і выписками, що стосувалися до „україніка". Кількість портретів, малюнків і додатків документального матеріялу в кінці кожної книжки значно побільшилась. В „Кіевской Старинѣ" почали друкуватися цілі великі монографії чи серії підібраних матеріялів і нарисів на історичні теми, як от Лазаревського—„Люди старой Малороссіи", М. Хв. Сумцова—„Культурныя переживанія", Ор. Левицького—„З старовинного історичного побуту Волини" та инше. Книжки журналу за місяць лютий переважно присвячувано статтям про Шевченка, його життя і твори. Тоді надруковано було цікаві статті і розвідки на цю тему Н. Д. Н(овицького), М. К. Чалого, Зарянки то-що. Пощастило притягти до співробітництва в часопису і московських професорів Олексія Мик. Веселовського та Мик. Іл. Стороженка. Перший дав свої спогади про славнозвісного славіста Ол. Ол. Котляревського, а Стороженко—інтересну статтю „Первые четыре года ссылки Шевченка". З приводу цієї праці і Шевченкових творів ми маємо листа автора до Лашкевича, досить визначного своїм змістом. „Извините великодушно, — писав Стороженко Олександру Степановичу 15-го грудня 1888-го року,—что до сихъ поръ не поблагодарилъ Васъ за Ваше доброе отношеніе къ моей статьѣ. Составляя это несчастное примѣчаніе, я никакъ не подозрѣвалъ, что благодаря ему статейка моя испытаетъ столько мытарствъ и даже совершитъ путешествіе въ Петербургъ[1]). Посылаю sous bande мою рѣчь объ отношеніяхъ Щепкина къ Шевченку, читанную мною въ торжественномъ собраніи общества любителей росс. словесности. Въ числѣ лицъ, слушавшихъ ее, былъ нѣкто Н. И. Смирновъ, принесшій мнѣ черезъ нѣсколько дней экземпляръ стихотореній Шевченка (изданіе 1860 года съ его собственноручными дополненіями). Экземпляръ этотъ принадлежалъ И. М. Лазаревскому и былъ подаренъ Шевченкомъ, что доказывается слѣдующею надписью: „Иванові Лазаревському. Кобзарь Тарасъ 8 марта 1860 г.". Въ числѣ дополненій находится четыре цѣльныя стихотворенія Шевченка; одно изъ нихъ („Як бы ты, Богдане пьяный") было напечатано въ заграничныхъ изданіяхъ Шевченка; не знаю, были-ли напечатаны два другихъ: подражаніе пророку Осіи, начинающееся словами: „Погибнеш, згинеш, Украино", и пророка Іезекіила: „Восплач, пророче,

[1]) М. І. Стороженко подав деякі примітки до свого нарису; київському цензору одна з них не подобалася, і всю статтю було переслано для цензурування до петербурзького „Главнаго управленія по дѣламъ печати".

сыне Божий“, но кромѣ этихъ нецензурныхъ есть одно небольшое прекрасное стихотвореніе, очевидно написанное Шевченкомъ въ ссылкѣ.

Каламутными болотами,
Меж бурьянами, за годами
Три года сумно протеклы и т. д.

Если это стихотвореніе еще неизвѣстно (объ этомъ Вы можете навести справку у М. К. Чалаго), то Смирновъ ничего не имѣетъ противъ его напечатанія, а Вы за это позволеніе пришлите ему за годъ „Кіевскую Старину“.—Выбросьте, пожалуйста, изъ головы обидную для насъ мысль, что незначительность Вашего гонорара препятствуетъ намъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ „Кіевской Старинѣ“, успѣхамъ которой я и Весселовскій горячо сочувствуемъ. Мои спеціальныя занятія относятся совсѣмъ къ другой области и только случайно, урывками я могу заниматься вопросами, входящими въ сферу созерцанія „Кіевской Старины“. У меня и теперь есть для Васъ въ виду работа, но не думаю, чтобы раньше лѣта я могъ за нее приняться. До свиданія, будьте здоровы; отъ всего сердца желаю Вашему благородному предпріятію полнѣйшаго успѣха. Глубокоуважающій Васъ Н. Стороженко“[1]).

Передплата на журнал, що зменшилася за останні 2 роки видавництва Лебединцева та зовсім підупала в переходовий час 1887—88 років, стояла безнадійно на числі щось 400 платних примірників (а для покриття лише видавничих витрат вимагала не менш 900 - 1000 передплатників) і настирливо турбувала редакцію і Лашкевича. Вишукували усякі засоби, щоб збільшити кошти видання: розіслано було по ріжних адресах тисячі оголошень, обмінювались об'явами і рекламами з періодичними виданнями на Україні і по всій Росії, клопоталися про дозвіл і рекомендацію передплати установам, переважно науковим і шкільним, пробували усякі способи внести в зміст журналу живий, сучасний інтерес. Проте, обмежений програм видання та цензурні перешкоди й утиски не давали змоги поширити видання до обсягу инших російських історичних журналів, про що мріяв редактор, маючи прикладом „Русскую Старину“ (на зразок якої було складено й титульну сторінку „Кіевской Старины“) та напівнауковий, напів-белетристичний ходовий журнал „Историческій Вѣстникъ“.

Дехто з редакційного комітету, за пропозицією О. С. Лашкевича, підтримував таку думку, що треба друкувати в журналі історичну та побутову белетристику, хоча-б і російською мовою, бо за дозвіл містити українське красне письменство в періодичному виданні не варто було й клопотатися. Насамперед почали друкувати переклади з польської мови: оповіданнів Равити („На рубежѣ“), Остої („Нечистая сила“), оригінали побутових оповіданнів Ганни Барвінок („Молотники“, „Половинщикъ“, „Русалка“), Ю. Левицької-Пащенко („Порченная“), Л. Старицької („Живая могила“), Дм. Марковича („На вовчомъ хуторѣ“), Мирона—Ів. Я. Франка („Слава Богу—для начала и то хорошо“, „Чума“) то-що. А найбільше покладали надій на оповідання Г. О. Мачтета „Бѣлая панна“, про яку йшло жваве листування з автором ще з осени 1888 р. Клопотання з приводу „Бѣлой панны“ відбилося характерним епізодом в житті „Кіевской Старины“, а листування відомого тоді письменника досить цікаве і варто того, щоби його не минати в спогадах про ті часи видавництва журналу[1]).

Г. О. Мачтет (1852—1902), родом з Волини, пізніш, вже в 90-х роках, живучи в Київі і Житомирі, приймав участь і в українських справах і почував себе щирим Українцем; був він протягом 1865—68 років учнем

[1]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 7720.

[1]) Дещо з листування зберегається в Рукопис. Відділі В.Б.У., дещо є власність Іг. П. Житецького.

П. Г. Житецького та В. Л. Беренштама в кам'янець-подільській гімназії. Після мандрування по Америці (1872—74 рр.) Мачтет приймав участь в соціяльно-народницькому рухові, потрапив на заслання до Сибіру, 1884 року повернувся уже визнаним письменником і поновив відносини з старими приятелями й своїми навчителями. У 1888 році він подорожував по Кавказу і заїхав на деякий час до Одеси. Ще по весні П. Житецький написав йому листа, закликаючи дати яке-небудь своє відповідне до напрямку часопису оповідання. Мачтет радо згодився і пообіцяв „Бѣлую панну"—на зразок споминів про дитячі роки. 15 жовтня він уже писав Житецькому, що переробив попередню редакцію свого оповідання і що тепер це буде „не та „Бѣлая панна", что непосредственно вылилась изъ подъ пера весною подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на душу воспоминаній о пережитомъ и подогрѣтаго чувства къ родинѣ пребываніемъ на югѣ. Нѣтъ, далеко не то.... Та сильно выходила изъ рамокъ, начертанныхъ русскому беллетристу, и такимъ образомъ мнѣ вслей-неволей пришлось, чтобы выполнить свое обѣщаніе, изъ писателя превратиться въ искусную модистку. Мою выросшую на волѣ Панну пришлось затягивать (въ корсетъ), укрощать и подрѣзывать по законам современной модной картинки.... Искренно говорю, мнѣ было невѣроятно больно превратиться в модистку, потому то я такъ и оттягивалъ это дѣло. Теперь я уже все распласталъ, изрѣзалъ, искромсалъ, испортилъ и на дняхъ вышлю Вам своего уродика. По моему—это уродик. Предоставляю всецѣло Вашей искусной и любящей рукѣ дополнить то, что можетъ быть, не выполнено мною". З приводу того-ж оповідання Мачтет писав, відповідаючи на листа П. Житецькому 4-го листопада, ніби то авторською сповіддю sui generis в таких виразах: „Ваше доброе письмо пришло въ добрый часъ,—у меня опять опускались руки. Вы и представить себѣ не можете, какимъ счастьемъ пахнуло отъ него на меня, какъ оживило, подняло. Вотъ, я даже дрожу отъ нервнаго возбужденія. Около полуторагода уже меня одолѣли... (сомнѣнія)... и я безгранично счастливъ".

За поетичними почуттями настав час життєвої прози: на черзі стало питання за гонорар авторові. Нова редакція по згоді з видавцем принципово вирішила, в протилежність теорії й практиці Лебединцева, виплачувати, по можливости, всім співробітникам часопису за надруковані праці гонорар, хоча-б і невеличкий: покладено було основну платню по 40 карб. за аркуш самостійних дослідів, та по 20—25 карб. за рецензії, переклади, документи, матеріяли з примітками тощо. Близькі прихильники й постійні співробітники, наприклад, О. М. Лазаревський, М. В. Шугуров від гонорару одмовлялись до кращих часів, а деяким видатним авторам вирішено було й підвищувати гонорар. Лашкевич, не маючи прибутку від передплати на „Кіевскую Старину", виплачував гонорар зі своєї кешені иноді і не завчасно, але сумлінно і без яких-небудь винятків; так провадилася більш як протягом цілого року його редагування, до самої весни 1889 року. Г. О. Мачтету, яко відомому і досить популярному письменникові, було пропоновано підвищити гонорар. З цього приводу Мачтет і послав редактору з Одеси листа 5-го листопаду 1888 року: „Послѣ того, какъ я отослалъ Вамъ свой разсказъ „Бѣлая панна" мнѣ приходится приступить къ самому непріятному и щекотливому вопросу—вопросу о гонорарѣ. Если Вы ничего не будете имѣть противъ, я поставлю цѣну въ 80 руб. за листъ, такъ какъ знаю, что молодой журнал всегда приноситъ издателю вначалѣ только дефицит. Я искренно желаю успѣха Вашему журналу, искренно готовъ ему содѣйствовать всѣмъ и также искренно прошу Васъ имѣть въ виду это мое заявленіе при обсужденіи поставленной мною цифры гонорара. Спорить я не буду и теперь-же набрасываю новый разсказъ для Вашего журнала

въ будущемъ году: „Какъ Грыць билъ жида" (изъ исторіи погрома) и непремѣнно пришлю, если онъ у меня выйдетъ [1]). Попрошу Васъ только выслать мнѣ теперь-же за два печатныхъ листа или хоть рублей сто" [2]). За гонораръ же писав Мачтет П. Житецькому, а той уже від себе писав Лашкевичу: „Посылаю Вамъ это письмо Г. А. Мачтета, могу сказать только, что не завидую Вамъ. Придется Вамъ покупать поросенка в мѣшкѣ, достоинства котораго опять таки опредѣлять будете не Вы, а Ромеръ [3]), который можетъ забраковать поросенка въ то время, какъ Вы уже заплатите за него деньги. Какъ тутъ быть? Право, не знаю. Судя по всему, повѣсть интересна, да и имя Мачтета важно, но съ другой стороны—поросенокъ въ мѣшкѣ...

„Хуже всего то, что я не могу по случаю учебныхъ дней, по нездоровью, по слабости глазъ (почеркъ у Мачтета убійственный) прочитать рукопись Мачтета съ такимъ расчетомъ, чтобы она поспѣла къ Декабрю въ типографію. А, впрочем, если бы и могъ я все это сдѣлать, то могу ли предчувствовать, какіе мысли возникнутъ въ математической головѣ Ромера" [4]).

Справа з оповіданням Мачтета розвязалася поволі: рукопис перечитано і на редакційному зібранні ухвалено, цензор зробив невеликі зауваження, гонорар за 5 аркушів виплачено, „Бѣлую панну" надруковано в 1 та 2 числах „Кіевской Старины" за 1889 рік. Але клопотання з приводу твору Мачтета на цьому не скінчилися: автор побажав використати друкарський набор і видати оповідання окремою книжкою, і навесні того-ж таки року вже з Москви закидав своїми листами секретаря редакції, турбуючись за видання, вихідну сторінку, ціну, передачу до книгарень і розповсюдження книжки.

„Посылаю Вамъ, писав він Є. О. Кивлицькому, исправленный оттискъ „Бѣлой панны" съ большой просьбой къ Вамъ и Игнату Павловичу (Житецькому) наблюсти, дабы исправленія дѣйствительно были сдѣланы. Посылаю также проэктъ обложки, который, конечно, можно измѣнить, какъ покажется лучше и удобнѣе. Торопите также изданіемъ, ибо и теперь уже, благодаря анонсамъ въ газетахъ о томъ, что печатается „Панна" въ магазинахъ ее спрашиваютъ, какъ говорили мнѣ книгопродавцы" [5]).

Ото серед таких дрібних справ та усякого клопоту, а головне—в супроводі листування і переговорів з співробітниками, утихомирення та полагодження самолюбств і непорозумінннів гаявся увесь час редакційних робітників. Той співробітник ображався не тільки за себе, а й за своїх учнів чи приятелів, що їх праці надсилав до редакції, той пересилав нікчемні замітки чи невдалі досліди, той запитував, чи не пришле йому редакція заздалегідь гроші „на посилку його віршів та оповіданнів, бо він вивчився грамоти і за останні три роки грамотного життя написав творів аркушів сто, то мабуть знайдеться дечого багато для друкування в журналі"; той обурювався за те, що довго не друкують його дослідів, чи дуже скорочують статті, чи не дісchallenge редакція гонорару, і т. д., і т. д.

Були поміж співробітниками журналу і такі, що більш давали самі від себе, ніж обтяжували редакцію своїми турботами, претензіями та

---

[1]) Такого оповідання Мачтета ми не знаємо; мабудь його й не було написано. Замість цього, гадаємо, Мачтет написав і видав окремою книжкою (з присвятою своїм учителям—Житецькому та Беренштаму) оповідання „Жид".

[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III. ч. 9488.

[3]) Професор математики київськ. університету, київський окремий цензор на той час.

[4]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 9490.

[5]) Ibid., III, ч. 7778.

примхами. Серед таких співробітників „Кіевской Старины“ характерною і виразною особою згадується письменник Василь Петрович Горленко (1853—1907). Землевласник Прилуцького повіту, він доживав незаможним „дворянином“ невеликі рештки колись чималих достатків його батьків. Бувало, гірко посміювався Василь Петрович, докоряючи неправедній долі: „ото, казав, Галаганівські великі маєтки дісталися прадідам ще за Петра І не від кого більше, як від нас, Горленків, бо полковник прилуцький Дмитро Горленко став на бік Мазепи, а Гнат Галаган на бік царя, але хто тепер знає й поважає так, як Галаганових нащадків, бідних, вірних рідному краю Горленків“. Так чи не так, а потомкові українського патріота доводилось заробляти собі на прожиття грошенята: до служби він органічно був нездатний, проте талант і гарна школа (Василь Петрович замолоду років зо три перебував за кордоном і добре знав французьку мову і літературу) нахиляли його інтереси до письменства. Стиліст російською мовою він був першорядний і працював по ріжних російських часописах. Симпатії його цілком схилялися до української науки та літератури, за те ніякої „політики“ він не розумів і навіть ставився до неї ворожо; крім перекладів і тем французької літератури, Горленко завсіди цікавився і писав на українські сюжети. З нього був великий знавець побутової старовини (мистецтва, письменства) і свідомий талановитий етнограф. Багато часу і праці віддавав Василь Петрович „Кіевской Старинѣ“ ще з часів Лебединцева, а особливо з кінця 80-х років. Треба нагадати, що не вважаючи на свої скрутні матеріяльні обставини, Горленко чи обмаль чи зовсім нічого не одержував за своє старанне співробітництво і писав для українського журналу здебільшого „за спасибі“, хоча його даремні праці були досить великої наукової і літературної вартости і написані так, що приваблювали широкі кола читачів. Більшість своїх невеликих, стислих, змістовних заміток, відозв, рецензій, довідок друкував Горленко, за надзвичайною скромністю, під ініціялами (В. Г., Г. В., W тощо) і зараз їх иноді нелегко й розшукати на сторінках журналу. Коли у нього грошей було обмаль а це бувало частенько—Василь Петрович кидав життя по великих містах і на довгі місяці від'їздив до своєї садиби на село Ярошівку. Через те залишилося досить багато його цікавих листів з Прилуччини до Київа в редакції „Кіевской Старины“ чисто літературно-наукового змісту. До його слів, указівок і порад, завсіди коштовних, прислухалась редакція пильно, і ми зараз подамо деякі невеликі виписи з невідомого досі листування Горленка з кінця 80-х років, характерного для інтересів редакції за той час і цінного навіть досі.

8-го листопаду 1888 року Горленко писав з Ярошівки до Лашкевича за останню (11-ту) книжку „Кіевской Старины“ з такими увагами: „Особенно насладился (я) превосходной статьей Ф. Рыльскаго („Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“), отвѣчающей на вопросы, въ которыхъ давно пора разобраться. Авторъ превосходно опредѣляетъ типъ народнаго міровоззрѣнія, а его полное знаніе жизни народа почувствуетъ всякій, кто знаетъ эту жизнь не по наслышкѣ. Того же характера и хорошая вещица С. Русовой (Село Ивановка—опытъ этнографической характеристики малорусскаго населенія въ Новороссіи). Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы мы какъ то ударились въ отвлеченія и мелочи и перестали наблюдать окружающую жизнь. Русова справедливо взываетъ къ этому изученію й ей можно посовѣтовать только и самой заняться этимъ дѣломъ. Очеркъ Сумцова („Станиславъ Орѣховскій“) нѣсколько неожиданъ, какъ и всѣ его очерки (почему сегодня на сценѣ Орѣховскій, завтра—календари, а потомъ апокрифы—явленія всѣ разнаго порядка, выскакивающія изъ его портфеля, какъ изъ ящика Пандоры), но инте-

ресенъ по личности героя; надъ ней стоило бы поработать дальше, а не пролетѣть, какъ пролетѣлъ Сумцовъ. Но все таки занимательно и хорошо. Нѣкоторые изъ разсказовъ о гайдамакахъ („Матеріялы..." И. Фундуклея съ предисловіемъ В. Антоновича) извѣстны по „Запискамъ о Южной Руси" (напр. „Второй..." онъ находится въ „Запискахъ" буквально, только по малорусски). Но многаго изъ нихъ въ „Запискахъ" нѣтъ: очевидно, они изъ одного и того же источника и записаны Кулишемъ по малорусски, переданы тогдашнему другу его Максимовичу, а Максимовичемъ—Фундуклею. Выдержки из статьи Максимовича въ замѣткѣ Науменка (въ статьѣ „Къ 50 лѣтію со дня смерти И. П. Котляревского") заставляютъ желать, чтобы онъ ознакомилъ скорѣе и съ другими рукописями великаго ученаго, у него остающимися. Статейка Ореста Ивановича (Левицького—„Панъ повѣтовый маршалъ") очень мила. Въ общемъ, тонъ журнала все подымается и требованья отъ работъ, для него предназначающихся, для насъ грѣшныхъ становятся все строже. Это то и хорошо! Появляющіяся хорошія вещи сами по себѣ убьютъ и заставятъ спрятаться слабыя и плохія.—Не будете ли Вы печатать въ декабрьскомъ номерѣ некрологовъ соотчичей, которыхъ такъ много похитилъ у насъ прошлый годъ? Если будете, то посылаю Вамъ два таковыхъ—Лукашевича (Пл. Як., етнографа) и Гаврилова (О. І., також етнографа, помер молодим у 1888 р.). Послѣднее имя неизвѣстно, но пробѣжавъ некрологъ (О. І.), можетъ быть дадите ему мѣсто. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, еще умерли: Лебединцевъ (Ф. Г.), Митрофанъ Андріевскій, Тумасовъ (Н. С.), Миклуха-Маклай, Еф. Крижановскій, Головацкій (Я. П.) и Галаганъ (Г. П.). Такъ какъ о нихъ не было замѣтокъ, то можетъ быть всѣхъ соединить в декабрьской книгѣ. О Лебединцевѣ у Васъ есть статья Сумцова. О Крыжановскомъ можетъ написать от. Петръ Лебединцевъ, о Тумасовѣ многіе изъ Кіевлянъ, о Митр. Андріевскомъ—его братъ Алексѣй Александровичъ, о Миклухѣ можно составить по газетамъ, о Галаганѣ, вѣрно, ужъ пишется. Подъ замѣткой о Гавриловѣ стоятъ иниціалы П. М., означающіе Мартиновича, который сообщилъ мнѣ данныя о немъ" [1]).

І в кожному листі Горленко турбується за „Кіевскую Старину" редакцію і успіх видання. Так, у листі 24-го жовтня 1888 р. [2]) він дає докладні поради, що повинно зробити для розповсюдження оповісток і реклами, та що зробив він сам і його приятелі в цьому напрямкові, і які праці, замітки, рецензії готує для „Кіевской Старины", що треба перекласти з французької та німецької мови то-що [3]). Цікаві зауваження Василя Петровича щодо красного письменства в „Кіевской Старинѣ". „Возвращаю Вамъ Мирона (Ів. Франко) оригиналъ и копію (оповідання „Чума" надр. у „Кіевской Старинѣ" 1889, ч. 5) и рецензію", писав В. П-ч Лашкевичу. „Мирона я внимательно перечелъ... Это превосходная вещица, художественная и умная. За одного Мирона, какъ беллетриста, я отдалъ бы сто Мачтетовъ. Вѣдь вотъ и здѣсь все освѣщено идейностью, но какъ видѣлъ художникъ! Какая прелесть этотъ панъ Чимчиковскій, какъ тонко очертаны іезуиты и Гаудентій, у которыхъ, между прочимъ, многимъ и многимъ общественнымъ партіямъ слѣдуетъ поучиться настойчивости въ трудѣ и въ преслѣдованіи цѣлей, какою свѣжестью и чувствомъ мѣры отличаются коротенькія описательныя мѣста. Все это превосходно даетъ истинное и яркое понятіе о единоплеменномъ, близкомъ краѣ и всего этого нельзя сыскать и слѣда во всей русской журналистикѣ. Эту вещь невозможно дробить на двѣ

[1]) Рукопис. Відділ. В.Б.У., III, ч. 9504. [2]) Ibid., III, ч. 9503.
[3]) Ibid., III, 9505.

книжки, иначе ослабнетъ впечатлѣніе, а отъ Мирона надо требовать большого романа, гдѣ бы выступило все современное галицкое общество" [1]). З приводу оповідання Д. Марковича „На волчьемъ хуторѣ" В. Горленко дав такий відзив редакції „Кіевской Старины": „Разсказъ Марковича.... написанъ совершенно въ томъ же духѣ и стилѣ, какъ разсказы его, имѣвшіе успѣхъ в „Степу" [2]). Это тоже подражаніе Брет-Гарту съ симпатичнымъ, но выдуманнымъ гуманизмомъ. Лично я считаю этотъ родъ фальшивымъ, но публикѣ это нравится; написано мило и, слѣдовательно, вполнѣ идетъ въ печать. Я не нахожу надобности нисколько править слогъ. Если писатель говоритъ ясно и правильно,—то пусть говоритъ, какъ самъ умѣетъ" [3]). З приводу оповіданнів Ганни Барвінок (О. М. Куліш) для „Кіевской Старины" В. П-ч писав Лашкевичу: „Эта писательница страшно выросла со времени „Основы", когда она только что начинала. Теперь это мастер вполнѣ зрѣлый и перваго сорта, а такого чуднаго языка и такого живого знанія народа—гдѣ ихъ найти теперь. Будетъ ли напечатанъ „Половинщикъ" и когда"? [4])

По середині літа 1888 р. О. С. Лашкевичу випали невдачі: чимало покладав видавець надії на ювілей 900-річчя християнства (15 липня) та на відкриття пам'ятника Богд. Хмельницькому (11 липня) і редакція, дуже клопоталася за ювілейною (сьомою) книжкою журнала. Гадалося, що й передплата на „Кіевскую Старину" побільшає, бо вона була така нікчемна, що Лашкевич зазнавав великих збитків і дефіцит чимало зростав. А трапилося зовсім инакше: співробітники обіцяли дати багато для ювілейної книжки, а дали досить мало, надії зникли, і Олександер Степанович зажуривсь та збентежений громадською байдужістю до журналу провадив розмови за те, щоб кинути з прийдешнього року видання „Кіевской Старины". Відгукнувся на такі пригоди і В. П. Горленко та писав Лашкевичу 28 червня, прохаючи вибачити, що для сьомої книжки не виконав своїх обіцянок, і нічого не надіслав: „Когда шла рѣчь объ ювилейной книжкѣ,—писав він,—мнѣ въ головѣ мерещился образъ стараго Кіева, и казалось тогда возможнымъ скоро передать свой сонъ бумагѣ. На дѣлѣ оказалось это ужасной задачей: шутка ли—„беллетристика изъ временъ св. Владимира". Для сколько-нибудь приличнаго очерка потребовалось бы спеціальное чтеніе,—а гдѣ взять на него время, когда въ распоряженіи было всего недѣли двѣ" [5]). 3-го липня В. П-ч знову писав до редактора: „Письмо Ваше... читалъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Мнѣ было больно сознавать, что я нахожусь въ числѣ компаніи, сослужившей такую плохую службу ювилейному номеру. Но изъ всѣхъ—моя задача была наименѣе выполнимая. Этимъ только я и оправдываю себя, сознавая тѣ трудности, которыя, надо было побороть для ея выполненія... Въ общемъ, составъ номера далеко не плохъ... но то, что Вы сообщаете въ концѣ письма, совсѣмъ, совсѣмъ грустно. Я понимаю, что нѣкоторые факты могутъ Васъ привести къ такому рѣшенію (припинити видання журналу. *І. Ж.*), но тѣмъ не менѣе оно ужасно грустно... Образъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми Вамъ пришлось столкнуться на первыхъ порахъ (мова іде про проф. Мищенка і Лучицького та нелади їх із редакцією та деякими співробітниками. *І. Ж.*) безобразенъ и возмутителенъ. Недостатокъ энергіи у другихъ (въ томъ числѣ

[1]) Рукопис. Відділ. В.Б.У., III, ч. 9505.

[2]) В українському збірнику 1886-го р. „Степъ", що видав О. О. Русов у Херсоні, надруковано оповідання Д. Марковича: „Изъ уголовщины—Иванъ изъ Буджака, Два платочки, Шматокъ, Омелько-каторжный".

[3]) Рукоп. Від. В.Б.У., III, ч. 9506. [4]) Ibid., III, 9503. Оповідання „Половинщикъ" надруковано в 12 кн. „Кіевс. Ст." за 1888 р.

[5]) Рукоп. Від. В.Б.У., III 9716.

и меня) дѣйствительно существуетъ. Но первые элементи могутъ быть устранимы, а другіе могутъ быть хоть нѣсколько исправлены... Еще обращаюсь къ одному личному вопросу. Меня тяготятъ безмѣрно и укоряютъ совѣсть, какъ подлость, деньги, которыя взялъ у Васъ за статью. Посылаю ихъ обратно съ убѣдительной просьбой не возвращать мнѣ, а употребить на нужды журнала. Въ самомъ дѣлѣ—гдѣ же тогда любовь къ дѣлу, что это за преданность идеѣ, если все это оплачивается деньгами? И съ какой стати Вы будете нести жертвы, а мы какъ бы пользоваться этимъ. Если подписка не покрываетъ расходовъ—виновата публика, существо чуждое и неуловимое. Но если убытки несутся по винѣ людей той же идеи и тѣхъ же убѣжденій, то на что же это похоже! Когда Вы мнѣ отдали плату—неизвѣстно еще было настоящее положеніе подписки и первый разъ въ жизни въ такихъ обстоятельствахъ я согласился взять, думая, что не причиню никому ущерба. Теперь же громадность расходовъ очевидна, и я не могу и не хочу быть хоть сколько нибудь въ числѣ причинъ этихъ убытковъ. Я очень невысокаго мнѣнія о себѣ вообще, но—говорю по чистой совѣсти—былъ всегда и безусловно чуждъ корысти. Пусть хоть эта сторона души моей останется незапятнанной. Вотъ тѣ доводы, которые должны заставить Васъ, многоуважаемый Александръ Степановичъ, согласиться на мою просьбу. Прошу Васъ также, чтобъ это осталось между нами, такъ какъ соображенія мои могутъ, можетъ быть, шокировать кого-нибудь изъ моихъ товарищей“ [1]) (по роботі в журналі. *І. Ж.*).

Ще більше, ніж із деякими співробітниками, було редакції клопотання із цензурою. В перший рік Лашкевичового видання „Кіевской Старины“ за цензора був професор „чистої“ математики Пав. Ем. Ромер (брат відомого російського белетриста Хведора Емільовича), фаховець в своїх наукових дисциплінах, але людина вузького світогляду, уперта і, яко цензор, з усякими бюрократичними витребеньками. Погіршало цензурування журналу, коли, замість Ромера, на цензора призначено Бориса Мих. Юзефовича, молодшого сина недобром звісного Михайла Володимировича. Борис М-ч був чоловік зовсім нечесний, темний в справах свого приватнього життя, і у місті не вважали його за особу серйозну; за те він вислуговувався сервілізмом і надмірним консерватизмом. За Юзефовичового цензорування разураз доводилось обороняти від червоного цензурського атраменту рядки за рядками зміст журнального матеріялу, бо він усюди бачив двозначності, підневідки, зраду і сепаратизм, перешкоджав зачіпками і утисками та затримував своечасний вихід чергових нумерів журналу, так що приходилось иноді або звертатися до авторитету його старшого брата Володимира, що приязно ставився до Лашкевича і „Кіевской Старины“, або шукати оборони у вищої над цензора влади.

Так минув рік, а потім і весна 1889 року. Витрати на видання збільшувались, але піднеслась і передплата, майже подвоїлася, хоч і не зросла до 1000 передплатників. Це давало яку-таку надію зменшити дефіцит видання за умовою ощадности і комерційного провадження справи видання та без широкого розмаху витрат на журнал. Тільки такого хисту у О. С. Лашкевича зовсім не було. Без догляду хозяйського та й при поміщицьких звичках, які перенесено і на життя в дорогому місті Київі, господарство і фінансові справи самого редактора погіршали. До того він із весни почав хворіти. Лікарі посилали його до Карлсбаду, але він уперто відмовлявся і згодився поїхати на спочинок лише до себе на село.

У травні 1889 р. Ол. Степанович вибрався з родиною до села Ки-

[1]) Рукоп. Відділ В. Б. У., III, ч. 9717.

ваїв. Проте-ж і тут він не міг збутися клопоту щодо „третьої своєї дитини" (після дійсних живих сина і доньки), цеб то до „Кіевской Старины". Перегляд журнального матеріялу, наради, піклування, розпорядження, листування з секретарем редакції Євг. Ол. Кивлицьким, що залишився його заступником у Київі, забирали багато часу і перешкоджали спокійному, регулярному відпочинку. Так, в одному з перших листів з 5 червня Лашкевич писав до редакції: „Вчера вечеромъ, многоуважаемый Евгеній Александровичъ, почта привезла мнѣ Ваши два письма и отъ Ореста Ивановича [1]) одно, спѣшу отвѣтить и Вамъ и ему. Въ іюльской книжкѣ мы должны помѣстить краткое извѣстіе о смерти предсѣдателя археогр. комиссіи д. т. с. М. В. Юзефовича и упомянуть о значеніи трудовъ этой комиссіи въ жизни Южнаго края, пообѣщавъ ознакомить читателей нашихъ съ направленіемъ и дѣятельностью комиссіи за время его предсѣдательства,—въ этомъ заключалась положительная сторона дѣятельности покойнаго, объ которой мы и должны и имѣемъ право говорить; о другихъ сторонахъ (публицистическихъ) мы не должны поминать, ихъ мы не вполнѣ знаемъ, онѣ для насъ близки, но это политика, намъ запрещенная... По моему мнѣнію, статья, посвященная памяти покойнаго М. В. Юзефовича, какъ предсѣдателя комиссіи, разрабатывающей вопросы мѣстной исторіи при участіи В. Б. Антоновича, М. Ф. Буданова, Н. Д. Иванишева, О. И. Левицкаго и мн. др.—обязательна для насъ, тѣмъ болѣе, если она будетъ написана въ спокойномъ доказательномъ тонѣ и не будетъ вносить съ собою политики. Такую статью Орестъ Ивановичъ напишетъ вполнѣ удовлетворительно... Леченіе мое началось и идетъ до сихъ поръ хорошо"... и. т. д. [2]).

У другому листі з 20 червня вже з с. Брахлова Лашкевич писав до секретаря редакції: „Два вашихъ послѣднихъ письма мнѣ привезли сюда два дня тому назадъ... Прочитавъ ихъ, я былъ очень обрадованъ, что книга выйдетъ въ срокъ и вполнѣ согласенъ съ Вами, что іюльскую книгу можно выпустить безъ приложеній и что августовскую можно сократить согласно Вашимъ предложеніямъ (только приложенія необходимы). Если въ капиталахъ есть необходимость, увѣдомьте -я вышлю; статей сюда не присылайте; все, что нужно, сдѣлаю по пріѣздѣ. Здоровье мое, повидимому, поправляется" [3])...

Але в липні скоїлася з Лашкевичем пригода: деякі родинні неприємности викликали нервовий напад, він затримався на селі і з Брахлова-ж таки 4 серпня писав ще нетвердою рукою Кивлицькому: „Сейчасъ по прочтеніи Вашего письма высылаю къ Вамъ съ этимъ 200 руб., изъ нихъ уплатите Корчаку [4]) 100 руб. Кульженку [5])—50, а остальные оставьте на мелкіе расходы по редакціи. Я совершенно согласенъ съ Вами, что безъ просмотра Кибальчича [6]) помѣстить нельзя; слѣдуетъ взять у П. В. Голубовскаго [7]) „Кречмера" и начать его печатать съ 9-го номера; съ Теличенкомъ [8]) можно обождать для № 10, если у Мельник [9]) ничего нѣтъ, то пустите ном. 9 безъ перевода, у В. Б. Антоновича есть

[1]) Левицького; він був довгий час за діловода „Комиссіи Древнихъ актовъ" у Київ

[2]) Рукопис. Відділ В.Б.У., III, ч. 7730. [3]) Ibid, III, ч. 7732.

[4]) Корчак-Новицький—відомий у Київі видавець, власник друкарні, де друкувалася „Кіевс. Стар".

[5]) Кульженко—власник фотографії і видавець фототипій.

[6]) Надія Кибальчич-Симонова, Номисова донька, українська письменниця, що надсилала до ред. „Кіевс. Стар." свої твори, не завсіди вдатні і сперечалася часто за них з редакцією.

[7]) Історик, професор київського університету. [8]) Співробітник „Кіевс. Стар", що друкував там „Накази 1767 р.".

[9]) К. М. Мельник-Антонович, друкувала в „Кіевс. Ст." переклади з красного письменства.

„Николайчикъ“ [1]) съ Марта еще—его можна тоже печатать... Теперь я чувствую себя гораздо лучше и къ 15 Августа буду въ Кіевѣ“ [2])...

Въ середині серпня О. С. Лашкевич дійсно переїхав до Київа і почав працювати та хвилюватися за своє підприємство, що не дуже то тішило редактора. Цензура не припиняла своїх утисків, і всі прохання про деякі полегкості відхиляла. Наприклад, так було з приводу клопотання про дозвіл друкувати на сторінках журналу українську белетристику, про що вживали заходів дехто з поважних осіб. Підозри і доноси на „українофіло-сепаратистичний“ ухил, на тенденції видання журналу і на старогромадянський склад редакції не припинялися, дарма, що самого редактора знали за людину благодійну і коректну, і багато співробітників, що він приєднав до участи в „Кіевс. Старинѣ“, нічого спільного не мали з „українофлільством“, а декотрі навіть ставилися до нього вороже (проф. Владимирський-Буданов, Іконніков, Линниченко, Успенський, Малишевський та инші). Реклама, об'яви оголошення за передплату на журнал та виклопотаний у Петербурзі дозвіл передплачувати журнал по шкільних установах—усе це, проте-ж, небагацько збільшило кількість передплатників; і за всі витрати відповідала переважно кешеня Лашкевича. Наблизивсь і кінець передплати на біжучий рік—і ставало ясним, що без досить великого дефіциту видавництву не звести кінців з кінцями.

До того ж надії і заяви Ол. Степановича про поліпшення стану свого здоров'я були занадто оптимістичні; одпочинок без регулярного лікування мало що по суті дав йому і вже з початку вересня Лашкевич став почувати себе гірше, але не змінив режиму свого життя, праці і розваг, хіба тільки те, що за порадами лікарів більше ходив на свіжому повітрі та вимірював годинником-ходометром свої 6 тисяч кроків, яко щоденний пайок лікування поряд з уживанням карлсбадської води.

Всі ці паліятиви не допомогли Ол. Степановичу. Через місяць після переїзду до Київа стався йому перший апоплексичний удар; лікарі попереджали, що стан здоров'я вже зовсім небезпечний; хороба ускладнилася ще й карбункулом від „мушки“, яку поставлено на шию Лашкевичу, а він її необережно здер. Похмуро стало в редакції; Кивлицький над силу працював, щоб видрукувати чергову книжку, а численні одвідувачі гаяли багато часу балачками і зайвими турботами. Вночі проти 31 жовтня трапився удар удруге, і о 11-тій годині Ол. Степановича не стало. Похорон одбувся 2 листопада. Влада заборонила і стежила за тим, щоб ні в Георгіївській церкві, ані на кладовищі не було промов українською мовою. Великий натовп народу, не вважаючи на осінню холодну і мокру погоду, проводив сумну процесію на Аскольдове кладовище; там П. Г. Житецький сказав останнє приятельське слово, в якому згадуючи старі роки та старих друзів, сполучав далекі юнацькі мрії з останніми роками практичного виконання, працею коло редагування „Кіевской Старины“, заповітів молодих часів самого Лашкевича і однодумців—його приятелів.

Зараз після смерти Лашкевича випадало уладнати справу з дальшим провадженням видання журналу. Постановлено хоч тимчасово доручити редагування „Кіевской Старины“ Є. О. Кивлицькому за допомогою найближчих співробітників. Зі спадкоємцями О. С. Лашкевича, насамперед із його вдовою Олександрою Петрівною, видавнича справа вирішилася хутко і за добровільною згодою, так що не треба було великих витрат, щоб журнал передати новому, звісно, номінальному видавцеві. Таким намічено було старогромадянина Ксенофонта Михайловича Гамалія,

[1]) Хв. Д. Николайчика, співроб. „Кіевс. Ст.“, стаття за козацьке повстання 1625 р. була на рецензії у В. Антоновича.

[2]) Рукоп. Відділ ВБУ, III, ч. 7733.

лікаря, голову міської санітарної комісії і поміщика середнього достатку. Вже 10 листопада П. Г. Житецький писав Кивлицькому: „Александра Петровна согласна на все. Мы условились съ А. М. Лазаревскимъ, чтобы въ воскресенье утромъ сойтись въ редакціи для прочтенія А. П-нѣ прошенія въ Главное управленіе по дѣламъ печати и письма къ Юзефовичу [1]). Поэтому поймайте Владимира Павловича (Науменка) и окончательно редактируйте, а часовъ въ 9 утра заходите ко мнѣ, и оттуда пойдемъ въ редакцію“ [2]).

Лише в половині грудня 1889 року записано і затверджено умови запродажу „Кіевской Старины“ в нотаріяльній конторі Скорделі поміж К. М. Гамалієм і вдовою Лашкевича та опікуном обох дітей І. І. Красовським. „Кіевс. Старину“ набула Стара Громада за 3.300 карбованців—як право видавати журнал, так і окремі книжки видання 1883—1889 років в кількості 800 примірників. Складніша справа з головною управою друку про „за—редактора“ затяглася аж до початку 1890-го року. До журналу ставилися дуже підозріло міністерства і внутр. справ і народньої освіти, та й київська влада, а також і добровільні російські патріоти. За генерала-губернатора Південно-Західнього краю на той час був граф Олексій Павлович Ігнатьєв, тоді ще не голова консервативно-дворянської партії, але великий „політикан“ і брехливий балакун; командував військом київської округи Михайло Іванович Драгомиров: сам родом з Чернигівщини, був прихильний до українства і навіть приятель земляка свого Лазаревського та Житецького й Антоновича. За допомогою його і ще декотрих впливових людей міська влада погодилася на заміну видавця і редактора. Київський цензор Б. М. Юзефович вагався. Ще з січня 1890 р. П. Житецький писав до Кивлицького: „Говорили вчера мы много, а главное—я упустилъ из виду. Въ разговорѣ съ Юз(ефовичем) ударяйте на научную основу журнала, а въ воззрѣніяхъ на историческую науку держитесь идеи историческаго объективизма: это его конекъ. Само собою, что даже слово „украинофильство“ должно быть вычеркнуто изъ разговора“ [3]). Так чи сяк, а деякий вплив старшого брата Володимира допоміг у цій справі: Борис Юзефович дав свою згоду на призначення „за редактора“ Є. О. Кивлицького. Видавництво „Кіевской Старины“ тимчасово залишилося за Лашкевичами, і нумери—12-тий 1889 р. та 1, 2 і 3-ій року 1890 р. помічалися як „Изданіе наслѣдниковъ А. С. Лашкевича“; лише в квітні затверджено К. М. Гамалія видавцем журналу, і чергова книжка вийшла за його підписом.

Редагував Є. Кивлицький „Кіевскую Старину“ фактично з осени 1889 р., а офіційно його підпис стояв на книжках із 12-тої 1889 р. аж до нумера 7-го 1893 р. Трохи не весь цей час редакція містилася на Малій Володимирській вул., спершу в будинкові ч. 32, у двох кімнатках, що займав „за редактор“. Поруч із цим будинком стояв будинок О. М. Лазаревського ч. 34, що в ньому він і жив, і кождого дня, хоч на хвилинку, забігав до редакції. Вже помічено, що за часів Лебединцева видавання та редагування часопису провадилося індивідуально, і підприємство мало всі ознаки приватньої справи. Лебединцев збирав до себе—правда рідко—близьких співробітників, радився з ними, а здебільшого сам після обіда одвідував того чи иншого співробітника і любив побалакати сам-на-сам про будь-які певні питання, а проте в відповідних випадках любив удавати, буцім видання „Кіевской Старины“—справа громадська, колективна і все-ж таки обмежував утручання співробітників до видавництва і до редагування. За Лашкевича громадські українські кола стали ближче до

[1]) Володимиру Михайловичу, що про нього ми згадували вище.
[2]) Рукопис. Відділ ВБУ, III, ч. 7749.
[3]) Рукопис. Відділ. ВБУ, III, ч. 7750.

„Кіевской Старины" і мали більший вплив, але за ці два роки все таки „Кіевская Старина" не стала цілком колективним, громадським підприємством, бо відносини до видавця і редактора були відносинами поодиноких приятелів до старого однодумця і ніколи не мали певного обов'язкового, мовляв, ідейно-партійного характеру. Є. О. Кивлицький залежав цілком від співробітників, як членів Старої Громади, так і окремих українських наукових діячів і письменників; а з кінця 1891 року, коли „за редактор" увійшов до складу Старої Громади і одмовився від редакторського утримання, журнал став, через колективну безплатну працю редакційного комітету, зовсім громадським підприємством, а за редагування В. П. Науменка, що його обрала і поставила на працю Громада, в останні 14 років існування „Кіевской Старины" перетворився виключно в літературно-науковий орган Київської Громади.

Редакційний комітет журналу за часів Кивлицького (1890—1893) збирався не регулярно, але досить часто, найчастіш на помешканню у Лазаревського. Це були здебільшого ділові наради; найбільший вплив мали в комітеті Лазаревський, П. Житецький, Ор. Левицький; одвідувачами нарад були В. П. Науменко, М. В. Шугуров, Н. В. Молчановський, М. П. Василенко, Я. М. Шульгин, В. І. Щербина, Є. К. Трегубов, історик-публіцист В. О. Мякотин, що жив тоді в Київі, та инші. На цих зібраннях „Кіевской Старины" точилися розмови не самого тільки редакційного характеру, але балачка провадилася про усякі наукові питання, виникали й літературно-наукові суперечки, робилися наукові довідки, ділилися сумнівами в дослідженнях переважно історії України, частогусто намічалися потрібні для всяких галузів українознавства, а насамперед для журнала, наукові праці, і иноді доручалися молодшим за проводом старіших дослідників; П. Житецький любив переказувати цілі проповідки на усякі сюжети, висловлювати довгі „реде", як шуткували слухачі з його громадських чи науково-літературних промов. Иноді почережно збиралася „редакційна братія" у відомого землевласника, колекціонера-українолюба Вас. Вас. Тарновського. В його великому панському приміщенню [1]) збори співробітників „Кіевской Старины" поширювалися щодо кількости одвідувачів і набували трохи иншого характеру, нагадуючи учти О. С. Лашкевича. На таких зборах бували брати Стороженки—Микола та Андрій Володимировичі, М. В. Лисенко, В. П. Горленко, коли перебував у Київі, І. С. Нечуй-Левицький, К. П. Михальчук, тощо. Наради ділові чергувалися з балачками і приватніми розмовами,—це перетворювало, бувало, редакційні зібрання на звичайні журфікси гостинного господаря. Дехто, глузуючи, навіть прозивали редакційні збори у Вас. Вас. Тарновського „пастилою", бо вони одбувалися за столом, де наставлено було до чаю багато наїдок, особливо ріжноманітних ласощів та пастили власного хазяйського виробництва.

Виконавчий редакційний орган був невеликий і складався з 2—3 чоловіка; пригадую, крім Є. Кивлицького, що сам був і за редактора, і за секретаря, його помічника протягом недовгого часу В. Е. Кристаловського, що як раз тоді скінчив юридичний факультет, та службовця поштової контори, „експедитора" редакції Л. Л. Якубовського. Самому Кивлицькому за 50 щомісячних карбованців доводилося багато працювати, особливо ще й тому, що доводилося для заробітку служити й в університетській бібліотеці. Допомагали йому й випадкові „суголосники", а особливо—Лазаревський у справах літературно-наукових, та Є. К. Трегубов—у практично-комерційних. А турбот бувало чимало і з редагуванням, і з співробітниками, і з грошовими нестатками.

---

[1]) На розі Вел. Володимирської, проти Золотих воріт, буд. ч. 42.

За часів О. С. Лашкевича ми не маємо докладних відомостів і рахунків видавництва, окрім деяких неповних і випадкових записів. Навпаки з 1890 року дійшли до нас щорічні найдокладніші підрахунки прибутків і витрат редакції з виправдуючими документами, бо видавнича справа журналу провадилася під суворою громадською контролею [1]). Відомості про це досить цікаві і для історії журналу, і для розцінки видавничого підприємства 35—40 років тому. Рахунок першого року громадянського видання „Кіевской Старины“ ми зараз подаємо цілком, а дальші рахунки в загальних підсумках. У 1890 році журнал мав такі прибутки: 430 передплатників за ріжними цінами [2])—4198 карб. 3 коп., за продані окремі книжки та примірники „Кіевской Старины“—34 карб. 10 коп., випадкові надходження—3 карб. 85 коп., цеб то всього—4235 карб. 98 коп. та ще й пожертви дано 2.100 карб., так що врешті прибуток склався в 6335 карб. 98 коп. Друкарня—2186 карб. 18 коп. папір—1538 карб. 50 коп., гонорару виплачено співробітникам—2456 карб. 68 коп., редактору і редакційним службовцям—1095 карб. 50 коп., поштові витрати 635 карб. 73 коп., кватира редакції—267 карб. 50 коп., оголошення в газетах—67 карб. 28 коп., випадкові і дрібні витрати—76 карб. 73 коп., а врешті витрачено за рік 8326 карб. 10 коп. Підсумок дефіциту, не вважаючи на допомогу в 2100 карб., виявився в 1900 карб. 12 коп. Порівнюючи з неповними відомостями про попередні два роки, треба зауважити, що витрати на гонорар та оголошення і усяку рекламу дуже поменшали з 1890 року, инші витрати провадилися обережно і з великою ощадністю, і через те ми не зробимо помилки, коли будемо лічити, замісць перевитрати над прибутками видання „Кіевской Старины“ за 1890 рік поверх 4000 карб. (1900+2100), що кожен рік видання журналу від Лашкевича давав подвійний дефіцит, що його покривав видавець своїми грошима, то зовсім близька до правди буде чутка після смерти Лашкевича, що йому „Кіевская Старина“ за 1888—89 роки коштувала більше як 15 тисяч.

За роки 1891—93 грошовий стан журналу трохи полекшав: у 1891 р. (502 передплатники) прибуток дорівнював—5082 крб., витрати на гонорар зменшилися мало не втроє, і такий стан залишався й надалі, службовці редакції одержували лише 719 карб. 10 коп.; через це, маючи невелику пожертву тільки в 235 карб., усі витрати дали підсумок—6650 карб. 25 коп., цеб то врешті дефіцит становив 1568 карб. 5 коп. З 1892 р. „за редактор“ уже зовсім не брав платні, і хоча передплатників не більшало (1892 рік—467, 1893—450), а пожертви ще поменшали (за 92-й рік 145 карб., 93-й—150) дефіцит був менший: за 1892-й рік—1223 карб. 77 коп., за 1893-й—1198 карб. 12 коп. Додамо, що дефіцити на видання „Кіевской Старины“ тяглися і далі аж до 1903 року, найменш у сумі 652 карб. (1900-й рік), а найбільш за 1897 рік—2130 карб. І тільки за 1903 рік надійшло вже прибутку 1645 карб. (625 передплатників), а за 1904 рік—2052 карб. (668 передплатників) і в рахунках помічено навіть, що знов редактору видано утримання 750 карбованців [3]). Таким чином ми маємо врешті дефіциту „Кіевскую Старину“ за перші чотири роки громадського видання—5980 карб., а за роки 1894—1902 ще підсумок дефіциту становив за 15 тисяч карб. [4]).

Відкіля-ж бралися пожертви і кошти на видання, і кому припадало покривати досить великі щорічні дефіцити за видання журналу?

---

[1]) Рукопис. Відділ ВБУ. II. ч.ч. 4030—4033.

[2]) Передплата на рік була—8 карб. 50 коп., з пересилкою—10 крб., але чимало передплатників мали знижку з цих цін.

[3]) Рукопис. Відділ ВБУ, II. ч.ч. 4134—4144.

[4]) А точно—15.153 карб. 75 коп.

За редагування Кивлицького він подавав укупі з В. Науменком усі відомості за видання журналу і насамперед — грошові звідомлення на громадських засіданнях. Засідання Старої київської Громади і в 90-ті роки одбувалися чергово по приватніх помешканнях громадян одно чи два на місяць увечері суботами. Було що-року й два особливих засідань: одно—урочисте на прикінці лютого в Шевченкові дні, коли подавалося звідомлення за літературно-наукову працю громадянства і висловлювалися промови на теми ідейно-громадського характеру; друге—ділове—відбувалося найчастіше у власному будинкові скарбника (тодішнього) Старої Громади Ізмаїла Орестовича Новицького [1]). Збиралися за звичаєм увечері на передодні нового року 31 грудня ст. ст. Тоді окремі відповідальні члени Громади подавали грошові звідомлення, виявлялися витрати, зводилися підсумки прибуткам; скарбник давав відомості за внески членів, і Громада, перевіривши їх, ухвалювала рахунки попереднього року і намічала „бюджет“ прийдешнього. Тоді зводилися і рахунки щодо видання „Кіевской Старины“, хоча звичайно всі витрати йшли раніш, бо живе діло видання вимагало негайних грошових витрат, і вони виконувалися авансами раніш громадської ухвали. Покривалися витрати і дефіцити з каси Громади, цеб-то з обов'язкових щомісячних внесків, а переважно—чималими сумами, що давали й декотрі громадяни, і дехто з не громадян, але прихильних чи до української ідеї, чи до журналу. Ці пожертви йшли не просто до редакції „Кіевской Старины“, а переходили через Громадську касу, але розписок та квитків, якщо вони (звісно—в закритій формі) і були, і ніяких документальних певних даних з рахунками пожертов, не дійшло до нас, бо і вести правильну бухгалтерію було тоді для Громади небезпечно.

За згадками та відповідними записами В. П. Науменка ми можемо виявити, що постійним жертвувателем був заможній власник цукроварень Вас. Фед. Симиренко (з прозвища серед приятелів-громадян—„Великий Хорс“), який що року давав, крім инших витрат на громадські потреби, на „Кіевскую Старину“ не менш як 1000 карб., а частіш півтори—дві тисячі. Внески на покриття дефіцитів робили і В. Науменко (є один запис на 200 карб.), В. А. Рубінштейн, П. А. Косач, К. М. Гамалій, В. Л. Беренштам, Жученко та инш. Не з членів Громади жертвували поодинокі особи, наприклад Я. Г. Демченко (є запис ініціялів Я. Г. Д.— 150 карб.,) О. М. Лазаревський, В. В. Тарновський, М. В. Шугуров та ин. Так потроху збиралися гроші на громадське підприємство, а нестатки покривалися й безпосередньо з Громадської каси, і видання „Кіевской Старины“ не припинялося й за найтяжчих часів українського життя аж до самого 1907 р.

Є. О. Кивлицькому важко було відбувати велику безплатну працю, бо він був людиною незабезпеченою і жив тільки-но на свій заробіток. Євг. Олександрович залишався весь час тимчасовим „за редактором“, і вже з кінця 90-го року розпочалися клопотання, щоб за постійного редактора був старий та давній громадянин. Визначилося, що найкраще було-б, якби пощастило провести на редактора В. П. Науменка, людину літературного таланту, жваву, енергійну і тактовну; таку думку особливо старанно підтримував П. Г. Житецький і з ним погоджувались ще дехто з громадян (Гамалій, Трегубов, Шульгин, Новицький, Косач). Навпаки, не досить задоволені з цієї кандидатури по-за межами Громади були найбільш діяльні співробітники: О. Лазаревський, О. Левицький і ще дехто, що побоювалися через міру виразного підкреслювання „українофільського“ партійного напрямку журналу, та ще й через те, щоби деякі

[1]) Тарасівська вул., на розі Караваївської (Шулявської) ч. 2.

поважні і цінні наукові дослідники, не охочі до „українофільства", не відійшли від співробітництва в „Кіевской Старинѣ".

Тяглася справа з призначенням Науменка на редактора дуже довго. Київська влада не дуже сперечалася, і генерал-губернатор О. П. Ігнатьєв дав свою згоду. Перешкоди йшли знову таки з центру. Насилу через два роки усякими заходами в Петербурзі через впливових осіб—земляків і знайомих—пощастило перемогти підозри, обмови і наклепи. 26 липня 1893 року вик. обов. київського цензора Н. Дроздов повідомив „Его высокородіе Господина Науменка", що „Главное управленіе по дѣламъ печати предписаніемъ отъ 21 Іюля... сообщило.., что Министръ Внутр. Дѣлъ утвердилъ... (Науменка) въ званіи редактора журнала „Кіевская Старина", вмѣсто г. Кивлицкаго" [1]).

Восьмий нумер за серпень 1893 р. журналу вже вийшов за підписом В. Науменка, котрий і залишився редактором до останньої книжки „Кіевской Старины" 1906 р. та спадкоємця її — журналу „Україна" 1907 року.

---

[1]) Рук. Від. В.Б.У. II, 4305.

Перші роки „Київської Старини" та М. І. Костомаров.

Минуло не так багато часу, а навколо подій, які творилися 40—50, навіть 30 років назад, склалися вже своєрідні легенди, більше того, сами історичні дані переплутуються, непевні відомості заповняють міркування та розвідки про недавній час, через що спостерігаємо значні перешкоди в освітленні та ствердженні сталих фактів нашого минулого. Нагадаємо, наприклад, досліди про заснування та діяльність, найпаче у 60-х і на початку 70-х років, так званої Старої Київської Громади. Поряд із цим спомини про недавні часи, років 30—40 тому, марно гинуть і не приводять на допомогу впорядкування певних історичних відомостей про наше минуле, бо люди старішого віку, за малими винятками, не залишають по собі майже ніяких рукописних слідів, яко матеріялу про пережиту старовину.

Невеличкі досліди про цю старовину, по більшості фактичного змісту, та деякі останки певних споминів, що їх можна зафіксувати хронологічними межами, стануть, гадаємо ми, корисні майбутнім історикам українського громадського й науково-літературного руху. На перший раз подаємо матеріяли про історію заснування часопису „Київська Старина" і відносин редакції до Миколи Івановича Костомарова в 1881—1884 рр. [1]).

За редактора „Київської Старини" шість років (1882—1887) був Теофан Гаврилович Лебединцев—людина дуже інтересна й характерна.

У сільського попа на Звенигородщині Лебединця було чимало синів, і всі вони вийшли в люди. Один із них, Данило Гаврилович, військовий кодифікатор судових законів, перебував у Петербурзі і займав видатне службове становище, він приятелював з Костомаровим і був ще з 60-х рр. членом українського громадянства. Другий—Петро, відомий учений, протоієрей Софійського собору та керівник духовних справ на Київщині, близько він стояв і до київського українського громадянства, приятелював з М. О. Максимовичем. Це той піп, що провожав у Київі труну Шевченкову, коли везли її пароплавом до Канева; це той самий піп, удівець з-замолоду, що казав начальству, коли йому пропонували — і не раз пропонували—посаду видатного архіпастиря: „Ні, немає моєї згоди, архієреїв є багато в Росії, а Київська Софія—одна на всю Україну".

Від Петра Гавриловича брат його Теофан Гаврилович був мало не на десять років молодший (Теофан нар. р. 1828, пом. р. 1888). Двадцять три роки було йому, коли він скінчив київ. дух. академію; спершу учителював по семінаріях, а потім професорував у к. дух. академії. В ці часи він з власної ініціятиви та за власним планом заснував і редагував видатний по замірах та змісту журнал „Руководство для сельскихъ па-

[1]) Оригінали п'ятнадцяти листів Т. Г. Лебединцева до Костомарова переховуються у мене; їх мені передав разом з другими паперами К—ва його зять В. Г. Котельников, за що складаю йому тут щиру подяку. Два листи Л—ва до П. Житецького є серед моїх власних паперів, а лист Житецького до Лебединцева—у Відділі рукописів Всенар. Бібліотеки. Листи Костомарова до Л—ва надрукував був з Архіву „Стар." В. Науменка, В. Данилов в „Україні" 1907 р. ч. 11—12. На жаль В. Данилов не повернув ні цих оригіналів, ні других паперів, що взяв він з Архіву В. Науменка, так що в якому становищі ці матеріяли знаходяться в Ленінграді—сказати ніяк не можна. Іг. Ж—ий.

стырей" (1860—1863 р.) та видав два томи матеріялів з історії церковних справ на Україні (київ. комісії стародавн. актів), книжку „Архимандрит Мельхиседек Значко-Яворський" і вмістив цікаву статтю про ярмарки в „Основі" 1861 р., ч. 6 (укр. мовою). Від 1865 до 1881 р. Т. Г—ч править за директора шкіл на Холмщині і в Царстві Польському. Енергійний, меткий, свідомий, хоч і дуже сторожкий Українець, Лебединцев мав непохибний літературний хист, мав гостре слово справжнього гумористичного складу і був людиною широко освіченою, з добрим науковим досвідом.

Коли Т. Г—ч, під старість, залишивши службові посади, оселився у Київі, то звернувся до старшого брата Петра за порадою, яку працю та яку діяльність йому вибрати для себе. Петро Г—ч відповів: „одну з двох, до чого в тебе більш належатиме серце, або виводь будинки для мешканців (тоді саме у Київі панувала корисна для кешені будівельна пропасниця), або видавай історичний крайовий журнал". Теофанові сподобалася остання порада, і він почав клопотатися про дозвіл історичного безцензурного часопису; тут йому допомагали і кияни, і петербурзьці, що ставилися прихильно до української наукової праці.

Літом р. 1881-го Лебединцев бачився у Київі з Костомаровим, що приємно стрів його думку, і в серпні вони обоє подорожували до Білої Церкви з метою історичних спогадів. В-осени Т. Г—ч зав'язав зносини і з бажаними для журналу співробітниками: писав академикам Веселовському й Пипіну. В. Білозерському, А. Скальковському, А. Потебні. П. Єфименку, одержав обіцянки літературно-наукової допомоги від В. Антоновича, Ол. Лазаревського, М. Петрова, Адр. Прахова, Ф. Терновського, Ів. Нечуя-Левицького та инших українських учених і письменників.

А справа з дозволом у „Министр. Внутр. Спр." щось затягалася... Кінчавсь рік і час було вже оповістити про видання нового часопису Т. Г—ч ось що писав 12-го жовтня 1881 р. до Пав. Гнат. Житецького, що з половини року 1881 до літа 1882 перебував на висланні в Петербурзі.

„Вас удивляет, может быть, что наша „Старина" доселѣ не объявилась. Но теченіе вещей таково, что скорѣе, кажется, можно попасть въ тюрьму, чѣмъ доброе и полезное дѣло сдѣлать. 27-го Авг. полученъ былъ Дрентельномъ [1]) запросъ, согласенъ ли он на разрѣшеніе мнѣ изданія „Старины"—без цензуры, а 28-го посланъ былъ отвѣтъ съ полнымъ его согласіемъ Около 20 сентября Лазаревскій [2]) на вопросъ, посланный брату своему, получилъ отвѣтъ, якобы со словъ кн. Вяземскаго [3]), что все ждутъ отвѣта Дрентельна. На телеграмму, что отвѣтъ давно посланъ, тотъ же братъ отвѣчалъ, что еще не всѣ свѣдѣнія получены. Позже стало извѣстно что келейно Юзефовича [4]) спросили, а затѣмъ, что наводятъ справки о сотрудниках. Удивительно и даже непостижимо! Все сіе творится sub auspicatissimo regimine кн. Вяземскаго, 5-го октября обѣщали разрѣшеніе черезъ двѣ недѣли. Опытные люди говорятъ, что просто хотятъ затянуть, а Юзефовичъ твердитъ, что никакого сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ.

---

[1]) Київський генерал-губернатор 1881—1888 рр.

[2]) Олександер Матвієвич, відомий історик український.

[3]) Кн. Пав. Петр. Вяземський, історик і бібліофіл, з 5-го квітня 1881 р. до 1-го січня 1883 був Начальником Головн. Управл. в справах друку при М. Вн. С.

[4]) Відомий киянин-службовець, авторитет для влади в укр. справах, що багато злочинства наробив ще в 1847 р. (Кир.-Мет. братство) та в 1875—76 рр. („Півд.-Зах. Геогр. Відділ", заборона україн. слова і т. д.).

По Вашему совѣту писалъ я Веселовскому [1]) и Пыпину [1]), но никакого отвѣта отъ нихъ не получилъ. Не увидите ли ихъ? Спросите. И конфузно, и... Пріятнѣе было бы отказъ получить.

Не отвѣтилъ и Вас. Мих. Бѣлозерскій [2]) (кажется, онъ въ отлучкѣ), но отвѣтилъ и очень любезно братъ его Николай. Много у него сокровищъ. Потебня [3]) предполагаетъ готовое уже историко-этнографическое изслѣдованіе о колядкахъ и неизданныя сочиненія Основьяненка. Левицкій (Нечуй) передалъ уже обширный (вдвое большій „Бурлачки" [4]) очеркъ быта Кіевскаго сельськаго духовенства, съ предоставленіемъ мнѣ права переложить на россійскій діалектъ. Есть много обѣщаннаго и готоваго.

А „Мазепа" пропалъ, почти пропалъ. Николай Ивановичъ передалъ мнѣ черезъ Влад. Б. (Антоновича), что проѣздомъ через Москву онъ предложилъ Юрьеву [5]) дать весь гонораръ впередъ и, если тотъ откажетъ, то „Мазепа" къ намъ пойдетъ. Но Юрьевъ не отказалъ, и мы позади. Но вотъ что придумалъ Владимиръ Б. Онъ предлагаетъ просить у Николая Ив. второй экземпляръ „Мазепы" и дозволенія печатать одновременно съ „Русскою Мыслью". Это и ново и остроумно. Подписчики совершенно разные, какъ и журналы. Никто на томъ не теряетъ, а статья (sic) выиграетъ, ее прочтутъ и тѣ, для кого она писалась. Нужно только согласіе Ник. Ив. и, конечно, самого Юрьева. А отъ чего бы имъ и не согласиться? Вѣдь печатають же Додэ і Золя разомъ въ 3-хъ 4-хъ журналахъ и газетахъ. Не примете ли Вы на себя трудъ провести сію мысль? О томъ же я пишу сегодня брату [6]). Вышелъ бы маневръ двухсторонній...

Праховъ [7]) обѣщалъ мнѣ о Кириловскихъ фрескахъ. Богатѣйшія сокровища. Сколько тутъ бытовыхъ картинъ XII вѣка! Картина Страшнаго суда осталась въ клочкахъ. Уцѣлѣли праведники, а грѣшники увы!—почти всѣ погибли. Жаль грѣшниковъ, а особливо грѣшницъ. Вѣдь тутъ философія, какой въ книгахъ не осталось...

Искренно чтущій Васъ и преданный Ѳ. Лебединцев".

М. Ів. Костомаров тоді ще бадьорився і працював; якраз кінчив він останню монографію „Мазепа", що раніш уже змовився друкувати в „Рус. Мысли", про що повідомив і Т. Г—ча листом від дня 18-го жовтня року 1881.

Вигадка „двухстороннього маневра" Антоновичем і Л-вим була занадто вже „новою й дотепною", і з неї нічого не вийшло.

Т. Г—ч написав 23-го жовтня листи до П. Житецького та Миколи Івановича, покладаючи тепер надію одержати все-таки другу монографію про останні часи гетьманщини.

В листі до Житецького писалося:

„Теперь, когда „Мазепа" трикраты отверженъ, не мѣшало бы намъ у Николая Иванова сына хотя бы табаку понюхать. Что и онъ могъ бы дать намъ на понюхъ въ видѣ забисованной табаки? Вопросите его име-

---

[1]) Російські вчені-академики.

[2]) Колишній редактор „Основи".

[3]) Харківський професор—філолог і етнограф.

[4]) „Бурлачка"—оповідання укр. письменника І. С. Левицького-Нечуя—було надруковано 1881 року.

[5]) Редактор московського журналу „Русская Мысль", де й надруковано було не статтю, а велику монографію К—ва про Мазепу 1882 р.

[6]) Данилу Гавр. Л—ву.

[7]) Адр. Викторович, — художник і професор, що виявив старовинні фрески Кирилівського м—ря в Київі та керував художницькою окрасою Володимирського Київського собору.

немъ моимъ, а для сего передайте ему прилагаемое при сем письмецо... Знатно было бы также спросить при семъ, началъ ли онъ, или располагаетъ ли начать окончаніе исторіи Малороссіи, которое, будучи въ Кіевѣ, онъ положительно обѣщалъ мнѣ для „Кіевской Старины", и если началъ, или вскорѣ начнетъ и за зиму окончить надѣется, то не была ли ласка его—дозволить въ объявленіи припечатать, что, де, нашъ славный историкъ обѣщалъ намъ свое новое произведеніе имярекъ, вѣроятно, послѣдніе дни гетьманщины въ соответствіи послѣднимъ днямъ Рѣчи Посполитой (від. твір Костомарова).

Что касается Веселовскаго (Ал-ндра), то мнѣ очень хотѣлось бы знать, получилъ ли онъ мое письмо и по какой винѣ не почтилъ меня отвѣтомъ. Помнится мнѣ, Вы говорили, что у него есть, или что онъ даже обѣщалъ изслѣдованіе о малорусскихъ сказкахъ. Это было весьма цѣнное для насъ и надобное приношеніе, ибо прежде мелкихъ замѣтокъ и матеріаловъ по тому или другому виду народной литературы мнѣ очень хотѣлось бы дать мѣсто общимъ о нихъ изслѣдованіямъ. Потебня уже ассигновалъ намъ свое обширное (листовъ 30-ть печат.) изслѣдованіе о колядкахъ, а тутъ бы и о сказкахъ заполучить, такъ и совсѣмъ хорошо было бы. Попытайтесь, будьте ласковы, узнать и меня завѣдомить.

Разрѣшеніе на „Старину" дано, но увы! подъ цензурою. Имѣю о семъ двѣ телеграммы—а бумаги еще не имѣю. На дняхъ будетъ генеральное собраніе у меня сотрудниковъ и разсужденіе о томъ, чѣмъ и какъ начинать. Жаль, что не будетъ Васъ, ибо Вы душу и сердце вносите. Дай Вамъ Богъ всего добраго! Сердечно преданный Вам. Ѳ. Лебединцевъ".

А Костомарову Т. Г—ч писав:

„Достоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ!

Приношу Вам великую благодарность за Вашу от(по)вѣдь и выраженную въ ней вновь готовность подкрѣпить насъ на предстоящемъ трудномъ пути.

Не судилъ намъ Богъ Мазепу, то что нибудь другое дайте и все таки дайте, а если нѣтъ готоваго, то хоть пообѣщайте. Начали ли Вы или начнете то, что въ Кіевѣ мнѣ зъ ласки Вашей обѣщали,—примѣрно, послѣдніе дни гетманщины. Если бы сей новый преднамѣренный Вашъ трудъ могъ быть, по Вашимъ предположеніямъ, произведенъ въ теченіи 1881 года, то не позволили бы Вы намъ теперь или позже оповѣстить, что де вотъ какая шутка намъ обѣщана? Это сильно на публику дѣйствуетъ и подписчиковъ даетъ.

Отвѣтъ прошу передать Павлу Игнатьевичу [1]), который и это письмецо Вамъ передастъ, какъ мнѣ Ваше переслалъ. Я же и линію Острова и № дома забылъ.

Поручаю себя и дѣло наше Вашимъ святымъ молитвамъ и архипастырскому Вашему благословенію.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и сердечной склонности къ Вамъ Ѳ. Лебединцева.

PS. Разрѣшеніе на „Старину" есть и она будетъ, но—увы—подъ цензурою. Ото жъ той старый песъ (имя рекъ и не нужно) доти пудывъ, поки не напудивъ [2]). Щобъ його трясця взяла!"

П. Г. Житецький 1-го листопада відповів Л—ву про те, як він виконав свою місію про дозвіл в оголошенні про видання „Київської Ста-

1) Житецькому.
2) М. В. Юзефович.

рини“ надрукувати, що К—в обіцяв дати свій дослід „Последніе дни Гетманщины“.

„Многоуважаемый Θеофанъ Гавриловичъ,—писав Житецький [1]).—Вчера былъ у Архитриклина [2]). Онъ же воззрѣ на мя не яко мати на чадо свое, но аки волкъ на ягня, и рече: не могу желать, чтобы въ объявленіи выставлено было обѣщаніе мое такой работы, которой я еще не началъ; я никогда и никому не обѣщалъ того, что въ руцѣ Божіей, а не въ моихъ немощныхъ, старческихъ рукахъ. Для „Послѣднихъ годовъ Гетманщины“ нужно нѣсколько разъ съѣздить въ Москву и года два поработать. Но дни мои сочтены суть, и проч., и проч. все въ такомъ-же родѣ. Все, что могу сдѣлать, сдѣлаю, но не по заказу. Предоставляю право печатать меня сотрудникомъ, но и то подъ условіемъ, чтобы имя мое не стояло рядомъ съ именемъ онаго китовраса, который устроилъ Вамъ подцензурное изданіе [3]). Все сіе пишу Вамъ съ огорченіемъ душевнымъ, но сами видите, что ничего тутъ съ упрямымъ старцемъ сдѣлать нельзя. Слабъ онъ и немощенъ, едва ногами двигаетъ, но ученыхъ замысловъ у него много, и, если можно будетъ уловить что нибудь, то уловлю. Веселовскаго не засталъ дома, оставилъ карточку, но академикъ сей тяжелъ на подъемъ. Вообще, господа эти взираютъ на провинціальныя предпріятія свысока. Зато, мнѣ кажется, и на нихъ нужно взирать тоже свысока. Не въ нихъ сила. Самое важное—собрать молодыя, начинающія силы, а архіереи науки нужны только для закраски. Дай Вамъ Богъ успѣха,—я же съ своей стороны надѣюсь въ будущемъ быть болѣе полезнымъ для Васъ, чѣмъ теперь.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь весь Вашъ П. Житецкій.

II.

З січня 1882 р. „Київська Старина“ почала виходити щомісячними книжками. Видавець, редактор, дійсний секретар, а дуже часто навіть і коректор її був сам Лебединцев. Співробітників він запрохав перш за все київських учених, професорів університету та духов. академії, декого з Москви, Петербургу з Харкова та всяких провінціяльних міст України.

Ми звертаємо увагу на те, що видання „Київ. Ст.“ спочатку було діло зовсім не „Старої Київської Громади“. Таким воно сталося тільки після смерти другого редактора часопису Ол. Ст. Лашкевича (пом. 31-го жовтня 1889 р.), а до того часу перебула три періоди: перші два роки—доба „Київ. Ст.“, яко особистого підприємства Т. Лебединцева; останні чотири роки його редагування все з більшим впливом на справи видання українського громадянства, що, правду кажучи, зовсім було не по серцю індивідуалісту Т. Г—чу, і від чого він усіма зусиллями пручався, і добу керування „К. Ст.“ Лашкевича (1888—1889 р.р.).

За перші два роки Лебединцев приєднав багатьох співробітників-фахівців до своєї справи; иноді відбувалися у нього і „редакційні“ засідання в часи виїмкових подій в життю видання. На цих зборах бували члени редакції, мовляв, кооптовані самим-же редактором: В. Антонович, О. Лазаревський, П. Житецький, Петро Г. Лебединцев, Ів. Малишевський, Ф. Терновський, Ор Левицький та инші. Але Т. Г—ч завше і в ці часи любив і в розмовах, і в листах до заміських співробітників базуватися на ширшій підвалині громадської ваги: він постійно каже про „Київ. Ст.“

[1]) Оригінал цього листа знаходиться у відділі рукописів Всенародньої Бібліотеки при ВУАН, III, № 3791.

[2]) Так, шуткуючи, Житецький прозивав Костомарова.

[3]) М. В. Юзефович.

і редакцію її „ми“, „нам“, „наші книжки“, раз-у-раз пише “наше діло“, „у нас“, підкреслює громадський характер видання журналу, але це не перешкоджає йому власно й міцно держати все керування у своїх руках, що й до редагування, що й до видавництва і грошових справ. „Хотѣлось бы нѣкое направленіе (журнала) создать“,—пише Т. Г—ч в одному листі Костомарову, чого ні шукати, ні „созидати“ не випадало йому, ніби „Київ. Ст.“ уже в ті часи була український орган громадський; і по правді він додавав, неначе лейт-мотив: „я человѣкъ одинокій въ дѣлѣ „Київ. Старини“.

Поради П. Житецького, зібрати коло редакції молодих співробітників, Лебединцев не послухав: це було йому не до охоти, та й не по змозі, бо з молоддю він не мав ніяких особистих звязків. Наймолодший з близьких співробітників Т. Г—ча в середині 80-х рр. був В. П. Горленко, людина тоді років 30. Згадується, що, одвідуючи редакцію, бачив я там иноді свого товариша В. Каллаша та декого з родини самого редактора, яким він загадував нескладну технічну працю по редакції. А більш усього навіть і цієї праці, не кажучи про дійсно редакційну роботу, лежало на плечах Лебединцева.

„Київ. Старина“ за перший рік свого існування викликала немалі надії; передплатників набиралося мало не тисяча; преса, за деякими тенденційними виїмками, привітала її зичливо, книжки, хоч і невеличкі обсягом, були по змісту цікаві, приступні, стримані.

Успіхові видання часопису багато допомагало й постійне співробітництво М. Ів. Костомарова. Він дуже зацікавився першими книжками „Київ. Старини“, особливо статтями В. Антоновича про Київ XIV—XVII вв., О. Лазаревського „Люди старой Малороссіи“ та „Дневником Освѣцима“, лише дорікав за негарний шрифт і брошуровку журналу. В кінці березня 1882 р. М. Ів. послав і свою першу працю до редакції „Поѣздка въ Бѣлую Церковь“ [1]).

Лебединцев, дуже радий спочуттю й допомозі Костомарова, писав йому 5-го квітня 1882-го року:

„Многоуважаемый Миколай Ивановичъ! приношу Вамъ искреннюю благодарность мою за пожалованіе и намъ овощи отъ славнаго пера Вашего. Воистину се писанка намъ отъ Васъ! Дай Богъ, чтобы сіе малое начало стало большимъ продолженіемъ“.

Нечего и говорить о томъ, что оно воистину пригодно, и я имѣю возможность теперь же пустить его въ майскую книжку, которой часть уже набрана. На дняхъ Вы получите IV книжку, которую я печаталъ одновременно съ 3-ю, но въ другой типографіи, и сдѣлалъ я это для того, чтобы и наши книжки выходили не позже 1-го числа.

Теперь видите, и шрифтъ у насъ новый и чистый. Въ статьяхъ скудости нѣтъ, а сырья очень цѣннаго являются массы. Съ этой стороны журналъ вполнѣ обезпеченъ; но подписка остановилась на 700 и дальше никакъ не идетъ. Вы говорили, что можетъ быть останется на сюртукъ, а тутъ наоборотъ и готовый сюртукъ придется снять. Буду однако биться до послѣднего пфенига. Знаю, что если бы состоялся тысячелѣтній юбилей Кіева, о которомъ возвѣщено въ 3-ей книжкѣ, то и подписка увеличилась бы. Но это дѣло какъ то трудно идетъ. Юзефовичъ брехалъ старою своею губою мѣсяца два—и ничего не сдѣлалъ. Теперь я самъ принялся: дѣйствую на думу и на митрополита, а можетъ и выйдетъ что либо. Жаль, что газеты молчатъ. Одно „Новое время“ раза два прокричало въ родѣ стараго гарнизы: „слушай“. Не возвысите ли

[1]) Надрук. в „К. Ст.“ 1882 р. № 5, с. 241—256.

Вы Вашъ авторитетный голосъ? „Кіевлянинъ“ [1]) повторилъ было за „Новымъ временемъ“, а теперь пятится назад. Дѣло въ томъ, что Пономаревъ, написавъ „тысячелѣтіе“, обратился съ нимъ въ „Кіевлянинъ“, а сей отказалъ, когда же оно появилось въ „Старинѣ“ то ему и досадно, и стыдно стало. „Заря“ [1]) не хочетъ праздновать, чтобы не обнаружилось, что жидовъ били во все тысячелѣтіе въ Кіевѣ. Впрочемъ, что эта провинціальная мелюзга? Вотъ если бы отъ Васъ подали голосъ!

Съ Вашей легкой руки и другіе хвалятъ „Старину“. Великое спасибо всѣмъ, но самъ я горюю, что многаго и многаго недостаетъ. Хотѣлось бы систему ввести, нѣкое направленіе создать, иное по преимуществу разрабатывать, как напр. свѣдѣнія о хранилищахъ книгъ, бумагъ, портретовъ и всякихъ предметовъ старины, чтобы всѣ знали, гдѣ что находится и гдѣ чего искать. Надѣюсь вскорѣ Тарновскаго коллекцію описать [2]), и потомъ въ Репнинскій архивъ и другіе заглянуть. Нѣкоторыя свѣдѣнія о портретахъ собраны. Ищу точного Мазепу, такого, какъ Вы нарисовали. Явились и новые матеріалы. Может и новый Мазепа явится. Есть портреты Гонты, его жены, Желѣзняка. Первый поразителенъ. Хочу Мамая отобразить и какъ лѣтомъ на санях двумя парами воловъ везутъ...

Простите; разболтался, какъ ученикъ предъ учителемъ. Впрочемъ, что иное я предъ Вами? На беллетристику доселѣ не разжился. Лежитъ давно повѣсть Нечуя: „Стари батюшки та матушки“, но въ переводѣ она потеряетъ, а въ подлинникѣ нельзя пустить, чтобы подписчиковъ не отбить. Искренно почитающій Васъ и сердечно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ“.

Приписка збоку листа: 1) Прошу прочесть въ IV книжкѣ: „Изъ воспоминаній потерпѣвшаго“ [3]). Поистинѣ интересныя сцены есть. 2) Не отложили ль Вы намѣренія начертать послѣдніе дни гетманщины? Питаю надежду, что мы своего, то есть обѣщаннаго дождемся. 3) Галаганъ обѣщалъ статью, да доселѣ не далъ. Онъ не скоро на что нибудь рѣшается. Скоро будетъ „Старый український дякъ“. 4) Прошу позволенія Бѣлоцерковскаго батюшку, что насъ угощалъ и отъ блохъ избавилъ, собственнымъ именем назвать“.

Листування К—ва та Л—ва в квітні і травні 1882-го р. йде незвичайно інтенсивно: ми маємо за цей час 3 листи першого [4]) та 2 Т. Г--ча, який, крім редакційних справ, турбувався ще, спільно з братом Петром Г., про святкування в 1885 р. тисячеліття Києва. „Пекельні душі“, цебто київська адміністрація, перемогли і київ. мітр. Платона, і братів Лебединцевих: влада дала дозвіл тільки на святкування 900-ліття християнства в 1888 році. 14-го квітня Т. Г – ч писав Мик. Івановичу, проектуючи низку цікавих подорожів вчено-літературного характеру по Україні.

„Съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ сопровождать Васъ не только въ Умань, но если бы понадобилось, въ самую Кодню, въ регементъ Стемпковскаго. Только, будьте ласковы, заблаговременно меня извѣстите, когда бы Вы въ Кіевъ могли пріѣхать: ибо я человѣкъ одинокій въ дѣлѣ „Кіевской Старины“, и мнѣ нужно за недѣлю все для нея приготовить, а тогда въ путь пуститься.

Возвращаясь изъ Умани, не поѣдете ли Вы, какъ Конецпольскій отъ Бара, въ Ваши Полтавскія, частнѣе—прилукскія мѣстности? А въ такомъ разѣ не пожелали бы проѣхать въ Каченовку къ В. В. Тарновскому, для осмотра его коллекціи малороссійскихъ древностей, къ чему мы съ

---

[1]) Київські газети.
[2]) Вас. Вас., відомий український меценат і колекціонер.
[3]) Ст. В. Сикорського про селянський заколот 1855 р. „К. Ст.“ 1882 р. № 4.
[4]) Надруков. в „Україні“ 1907 р. № 11—12.

В. Б. Антоновичем приглашены? Описаніе сей коллекціи раньше этого будетъ составлено С. П. Пономаревымъ, а мы въ качествѣ свѣдущихъ людей произвели бы оцѣнку тѣмъ древностямъ, конечно, не денежную. Быть можетъ, и А. М. Лазаревскій составилъ бы намъ компанію, а онъ мастакъ по этой части, и вышло бы, пожалуй, этакое учено-литературное шествіе.

Освѣцимъ [1]) идетъ въ майской книжкѣ. Я хотѣлъ дать ему отдохнуть, но если угодно подогнать, могу и скоро закончить. Вчера въ коректурѣ читалъ, какъ повѣсилъ Богданъ свою пани Чаплинскую съ казначеемъ, „sicut erant in actione adulterii", о чемъ самъ король за обѣдом разсказывалъ.

Результатомъ добраго совѣта Вашего на счетъ повѣсти Левицкаго можетъ быть то, что я пущу ее въ приложеніи, какъ и малорусскій переводъ евангелія 1581 г. Ибо кацапскіе подписчики были (бы) въ ущербѣ, если бы въ объявленномъ составѣ книжекъ являлось листа по три „не про ихъ писаннаго".

Подписка оскудѣла совсѣмъ, можно сказать, прекращается. Не была ли бы Ваша ласка еще до выѣзда изъ Петербурга гдѣ либо, найпаче въ газетѣ, Ваше многомилостивое dictum cum laude сказать о вышедшихъ книжкахъ? На похвальные отзывы о 1-й книжкѣ многіе подписчики ссылались, а Ваше слово подвинуло бы народы мнози. А те теперь если и вырвется какой либо запоздалый Бырченко [2]), то такъ и видишь, что сдѣлалъ это онъ по своей праведной натурѣ, а не съ чьего либо наущенія.

Съ Вашимъ гонораромъ какъ прикажете: выслать ли его теперь и в какомъ размѣрѣ, или приберечь для дороги и лично вручить? Къ тысячелѣтію Кіева всѣ остались глухи, кромѣ митр. Платона, который чрез брата мнѣ передалъ, что онъ плакалъ, читая мое о семъ къ нему письмо. Удастся ли ему тронуть пекельніи души, не знаю. Іудейская „Заря" прочла мнѣ лекцію по Костомарову и Иловайскому, а „Кіевлянинъ" предложилъ на 1888 девятисотлѣтіе крещенія Руси и хотя. говоритъ, по Голубинскому, оно двумя годами позже, но мы къ старому счету привыкли, а вашъ для Олега-де старый счет не годится, потому, продолжаетъ уже „Трудъ" [3]), что тут Сѣверянинъ убилъ 2-хъ южанъ. Такова провинціальная философія исторіи.

Доканчивая это письмо, прочелъ я послѣднюю коректуру вашей статьи. Вышло ровно листъ. Скажу нѣсколько оттисковъ сдѣлать, да и Ѳедору Ганькевичу пошлю, чтобы и тамъ знали свою исторію да Васъ бы згадували.

Сердечно преданный Вамъ. Ѳ. Лебединцевъ".

Збоку приписка: „Въ Вашей статьѣ сказано, что теперь въ Бѣлой Церкви три церкви, а названы двѣ, въ том числѣ сохранившійся одинъ из 5 придѣловъ церкви Палія. Я сдѣлалъ необходимую поправку и дополненіе, т. е. измѣнилъ нѣсколько словъ".

4-го травня Лебединцев писав Костомарову:

„Уже третій день ношу въ сердцѣ моемъ благодарность мою къ вамъ — живую, искреннюю, глубокую, безмѣрную, но люди и дѣла не давали мнѣ высказать ее передъ Вами. Примите ее теперь — во единодесятый часъ, яко же Христосъ принялъ сердцемъ своимъ вдовицы двѣ лепты.

[1]) „Дневникъ Освѣцима" 1643—1651 рр. въ извлеченіи и переводѣ съ предисловіемъ В. А(нтоновича). Надр. в „К. Ст." 1882 р., чч. 1, 2, 5, 6, 9, 11 и 12.

[2]) Випадковий пізній передплатник на „К. Стар."

[3]) Третя київська газета в 1882 р.

Ваше любвеобильное и далеко еще не выслуженное мною dictum cum laude тѣмъ дороже для меня, что оно явилось въ одинъ день со словомъ наглой, безпричинной и бесцѣльной хулы въ „Странѣ", изрыгнутой, какъ и прежде, осенью, хозяиномъ моей квартиры, Конисскимъ [1]). Cave, quem natura notabit—сказалъ я о немъ; Богъ шельму мѣтитъ,—перевелъ другой и вышелъ переводъ сильнѣе подлинника. Конисскій—второй Кулишъ, но еще мельче и гаже.

Ваше слово пріободрило и сотрудниковъ, какъ и меня самого, подѣйствуетъ, полагаю, и на подписчиковъ, которыхъ число не разъ заставляло меня призадуматься. Буду работать, доколѣ душа въ тѣлѣ. Горизонтъ широкій открывается. Хватитъ ли силъ и средствъ моихъ? На Бога надежда.

Жду не дождусь подробныхъ указаній отъ Васъ на счетъ Вашего здѣсь пріюта. Мнѣ задавали вопросъ, не предпочли бы Вы на дачѣ жить—въ Бояркѣ, напр., которую мы проѣзжали и изъ которой во всякое время можно ѣздить по удешевленному сезонному билету? Тамъ въ это лѣто будетъ жить проф. Малышевскій. Онъ то и спрашивалъ меня.

Выслали ль Вамъ „Діло" [2]) и „Крашанку"? Последнюю я здѣсь разыскивалъ, но безъ успѣха. Говорили, что на дняхъ Пихно получитъ.

Добылъ я портретъ Желѣзняка, рѣшительно обѣщанъ портретъ Анны Ярославны. Обѣщана и біографія ея по французскимъ, конечно, источникамъ, а одинъ такой источникъ уже у меня.

Съ искреннимъ почтеніемъ и сердечною преданностью имѣю честь быть Вашъ Ѳ. Лебединцевъ".

В кінці травня Костомаров передав для „Київ. Стар." „Матеріалы для исторіи Коліивщини" з своею передмовою[3]); літо він прохорував і тільки 10 серпня послав листа про останні книжки „Київ. Ст." та про статтю О. Лазаревського „Миклашевскіе" и про Мазепу [4]). Т. Г—ч відповів йому листом від 30 го серпня:

„Не знаю, чѣмъ замолить грѣхъ мой передъ Вами, что такъ долго Вамъ не писалъ. Причины сему общія и частныя. Подъ общими разумѣю общую тяготу редакціонную и недавнее переселеніе отъ Бобринскаго къ Хмельницкому [5]). Человѣка не имамъ, да ми поможетъ—въ этомъ главная бѣда. Въ частности замедлили мой отвѣтъ сами присланныя Вами письма. Оказалось, что они изъ того же источника, какъ и переданныя мнѣ Антоновичемъ бумаги Румянцева, и даже одной съ ними серіи. Вотъ и сталъ я въ тупикъ: съ одной стороны слѣдовало распредѣлить хронологически Ваши письма между моими, съ другой написать общее к ним предисловіе, такъ какъ ко всей вообще перепискѣ не подходило, натурально, ни Ваше, ни составленное мною раньше Васъ предисловіе. Брать мнѣ на себя изготовленіе общаго предисловія не приходилось, а посылать къ Вамъ имѣющіяся у меня бумаги значило бы затянуть дѣло, да и поднять Вас на новый трудъ. Моя слабость—долго думать; но подумавши вдоволь, я поступился и дѣломъ, и собою, дабы не доводить Васъ до нового труда [6]). Въ августовской книжкѣ, которую Вы вскорѣ получите, помѣщены присланныя Вами письма и Ваше къ

[1]) Олександр Яковл.,—відомий український письменник.

[2]) Львівські видання, про виписку яких через ред. „К. Ст." прохав Костомаров.

[3]) Надр. в № 8 „К Ст." 1882 р.

[4]) „Україна" 1907. Ч. 11—12, с. 257—258.

[5]) Цеб-то з Биб. Бульвару, де стояв пам'ятник гр. Бобринському, до Софійської площі, де будувався пам'ятник Б. Х-му.

[6]) Мова йде про матеріяли до історії Коліївщини.

нимъ предисловіе безъ измѣненія, я же свое передѣлаю, примѣняясь къ Вашему, хоть въ общемъ впечатлѣніе, б. м., и будетъ нѣсколько слабѣе.

Замѣтку по поводу статьи Стоянова я тамъ же помѣстилъ въ августовской книжкѣ [1]), а данную мнѣ раньше И. П. Новицкимъ, пріятелемъ Стоянова, большую по тому же поводу статтью, отложилъ.

Гонораръ я могъ выслать Вамъ уже теперь, но недоумѣваю по вопросу о матеріалѣ, т. е. письмахъ, которыя доставлены Вамъ другими лицами, именно: считать ли эти письма жертвою тѣхъ, которымъ Вы обявили Вашу благодарность, или.оцѣнивать,—соразмѣрно ли личному Вашему гонорару, или тому, который практикуется независимо отъ личности автора. Буду ждать Вашего по сему отвѣта, дабы сообразиться съ нимъ при высылкѣ Вамъ гонорара.

О Вашей тяжкой болѣзни и претерпѣнныхъ Вами страданіяхъ тѣмъ (болѣе) скорбно, что и самъ я страдаю не мало отъ ревматизма, полученного в домѣ безчестнаго Конисскаго, который сдавая мнѣ квартиру, всѣмъ святымъ заверялъ въ ея сухости. Какіе поганые люди есть на свѣтѣ.

„Старина" наша подвигается въ своемъ теченіи: набирается уже IX книжка. Жаль, что Антоновича даже въ каникулы трудно засадить за работу: онъ увлекся археологіею, ѣздилъ въ Екатеринославскую, а теперь собирается въ Подольскую губерню, вообще же болѣе пріобретаетъ знаній, чѣмъ расходуетъ их на пользу общую. Обещалъ Мазепу, да на томъ и стало.

На-дняхъ былъ Ханенко и привезъ дѣдовъ дневникъ [2]) обѣщалъ и переписку дѣда.

Хотѣлъ я пустить „Батюшокъ и матушокъ" Левицкаго, но цензоръ сказалъ. что надо в Питеръ посылать. О, Господи! Доколѣ... Есть впрочемъ „Украинская деревня" Крижановскаго. что писалъ „Вдову" сельскаго священника. Поэтичная и умная вещь.

Да пошлетъ Вамъ Господь выздоровленіе!

Сердечно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписка збоку до листа: „1) Новый мой адресъ: Кіевъ, Софійская площадь, против Хмельницкаго, д. Волкова. 2) Въ слѣд. книжку войдетъ, кажется, вертепъ съ предисловіемъ Галагана и Житецкаго, который перемѣщенъ въ Кіевъ на прежнія свои места ,т. е. въ военную гимназію и Коллегію Галагана".

III.

Костомаров пообіцяв дати редакції свою відозву про „Київ. Ст." в столичній пресі й умістив прихильну рецензію на перші книжки часопису в „Новому Времени" та „Правительств. Вѣстнику". В-осени того-ж 1882-го року М. Ів. переслав до редакції чималий твір свій „Жидотрепаніе" въ началѣ XVIII в." [3]), про який буде мова у дальших листах. Ще в квітні він прохав Т. Г—ча виписати йому з Галичини „Хуторну поезію" і „Крашанку" Пан. Ол. Куліша, Мик. Ів. цікавився новою еволюцією в поглядах Пан. Ол. і дав обіцянку редакторові „К. Ст". виступити проти Куліша, щоб „показати світові, що воно є таке за звірь" [4]). Відомо, що

[1]) Замітка Стоянова „Южнорусская пѣсня о событіи XI ст. К. Ст." 1882 р. №. 7, Костомарова—„Относится ли пѣсня о взятіи Азова к событіямъ XI в." 1882 г. № 8.

[2]) Щоденника ген. Хорунжого Н. Ханенка надр. в „К. Ст." 1884—1886 рр.

[3]) Надрук. в 1883 р. №№ 1 і 3.

[4]) „Україна" 1907 р. № 11—12 с. 254.

в 70-х та 80-х роках відносини Костомарова до його старого „союзника" і приятеля були дуже ворожі. Дещо в цих відносинах стане ясніше, коли будуть надруковані листи Куліша до Мик. Ів.; вони залишилися серед решток архіву Костомарова, про який ми згадували вище. В листопаді 1882 р. редакція „Київ. Ст." вже одержала статтю Мик. Ів. „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная деятельность", і Лебединцев писав авторові 30-го числа цього-ж місяця таке:

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Статья Ваша „Кулишъ" и проч. получена мною исправно. Я могъ бы ее и в декабрськой книжке помѣстить; но печатаніе оной пошло такъ быстро, что въ ту пору был конченъ научно-литературный отдѣлъ и шли матеріалы, а къ нимъ по самой природѣ вещей „Кулишъ" примѣшаться не могъ. Ни извѣстить Васъ о семъ, ни спросить, что дѣлать, я не могъ и потому, что статья была получена какъ разъ въ тотъ день, когда телеграфъ во всѣ концы Россіи оповѣстилъ о постигшей Васъ тяжкой болѣзни. Итакъ оставилъ я эту статью на новый годъ съ намѣреніемъ, если Вы противъ него не будете, помѣстить ее во 2-й, т. е. февральской книжкѣ, а это потому, что въ первой должно идти „Жидотрепаніе," двумъ же большимъ статьямъ одного автора, и притом таковаго и толикого, в одной книжкѣ не годится, да и самому изданію нерасчетъ. И „Жидотрепаніе" не все пойдетъ в первую книжку, но или одна треть, или нѣсколько больше половини, чего я въ эту минуту еще не рѣшилъ. Въ этой статьѣ можно остановиться въ двухъ мѣстахъ: или тамъ гдѣ Сахно съ сотникомъ въ корчму пріѣзжаютъ, или тамъ, гдѣ Львовскій арци-рабинъ порѣшилъ извести его. Выпалить въ одинъ разъ—это даже для читателя вредно, а „подратувать" его вниманіе—въ этом обоюдный интересъ.

Вчера я получилъ Вашу книгу [1]) и одновременно письмо брата Даніила, который пишетъ, что Вы послали мнѣ письмо. Письма Вашего я не получалъ, а за книжку преискренно благодарю. И самъ прочитаю, и рецензію закажу—не кому иному, какъ Вл. Б. Антоновичу, ибо ему одному въ семъ дѣлѣ приличествуетъ слово.

Братъ Даніилъ пишетъ, что Вы уже пишете обзоръ „Кіев. Старины" для „Прав. Вѣстника". Пошли Вамъ, Господи, за то доброе здравіе и многая лѣта, симъ бо образомъ могутъ фонды „Старины" подняться,и приложиться й лѣта живота. Но будьте добры, подождите съ окончаніемъ обзора до присылки Вамъ и Декабрьской книжки, которая выходитъ сегодня и завтра вышлется Вамъ заказною. Эта книжка лучше другихъ, а въ объявленіи о продолженіи изданія, слѣдующемъ послѣ заглавнаго листа, отмѣчены новыя весьма интересныя статьи. Въ этой же книжкѣ есть статейка (въ „Извѣстіяхъ и замѣткахъ") подъ заглавіем „Протопопъ Комаръ", затрагивающая на исторической почвѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ. Прочтите ее и связанное съ нею свадебное приглашеніе гетмановой Апостоловой.

Кромѣ помѣщенныхъ въ объявленіи статей и матеріаловъ, есть у меня много драгоцѣннѣйшихъ вещей, а въ числѣ ихъ бумаги Сулимъ и Забелъ. Вообще, истекшій журнальный годъ показалъ, какія богатства нашей исторіи лежатъ нетронутыми. Съ разработкою ихъ исторія должна получить другой колоритъ и дать иные выводы. Викторовъ [2]) пишетъ, что некому въ Москвѣ дотронуться до архивовъ б. Малороссійскаго

[1]) Очевидячки, окремий відбиток монографії „Мазепа".

[2]) Олексій Єгорович Викторов (1827—1883), відомий археограф і бібліограф, голова Московських архівів.

приказа, Минис. Юстиціи и Н. А. Маркевича, а черезъ дорогу отъ меня лежитъ въ грудахъ архивъ б. Кіево-губернской канцеляріи, часть архивовъ Малороссійской Колегіи и мн. др. Все это ждетъ рукъ и свѣта, и, благо народи мнози подвигаются со всѣхъ сторонъ, какъ и говорилъ въ свое время Мельхиседекъ. Одна бѣда: скудость въ средствахъ. Истекшій годъ далъ дефициту свыше 3-хъ тысячъ. Я все свое отдалъ, часть прихватилъ и еще въ долгу остался. Если не вывезетъ нынешній годъ, я умыю руки предъ народомъ... Ибо сверхъ всего я не знаю, что день, что ночь, людей же и Бога давно отцурался. Охъ горе! А кортитъ, Боже, какъ кортитъ еще потянуться.

Простите за сію откровенность, иначе Вамъ писать не могу, но сказанное мною въ семъ припадкѣ, надѣюсь, сохраните въ сердцѣ Вашемъ.

Искренно и глубоко преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписано з боків листа: 3) „Вашъ сотникъ В е н д ю х ъ называется нѣсколько иначе. Это доподлинно, по документамъ, знаетъ Лазаревскій. Онъ мнѣ говорилъ, да я забылъ. Пошлю сейчасъ спросить. 2) Пытаюсь составить виньетку для „Старины" изъ старыхъ кафель. Еслибъ Вы видѣли, что это за драгоценность. Тутъ вся жизнь, вся исторія наша [1]). Левицкаго (Нечуя) по Вашему слову і собственному рѣшилъ я въ подлинникѣ, но въ приложеніи печатать. Надо, однако, въ Петербургъ на цензуру отправлять, а тамъ что скажутъ, не знаю".

В грудні 1882 р. Лебединцев писав Костомарову:

„Многоуважаемый и преблагій Николай Ивановичъ! Простите Бога ради, что я такъ замедлилъ съ отвѣтомъ. И у меня много бѣдъ, а найбольшая въ томъ что я вдругъ лишился корректора, и держалъ самъ корректуру, до того уже дошелъ, что и Pacierża некогда было Zmówić.

Переходя къ дѣлу, я недоумѣваю, у кого — у Лескова или у Аксакова — занять мнѣ словъ, чтобы возблагодарить Васъ въ мѣру напхану и потрясну за премногое Ваше попеченіе о нашей „Старовинѣ", какъ пишутъ „Старину" галичане. Это понуждаетъ меня имѣть „очи до Бога", какъ научалъ дякъ Ян. Нехай Вамъ Богъ віка прибавить, здоровячко и все добре препошле! Меня это очень ободряетъ и надеждами окрыляетъ, я то и з д о х ъ бы, какъ Мазепа по допроснымъ пунктамъ Герцику.

Съ вашимъ „Жидотрепаніемъ" была знатная препона въ цензурѣ. Г(лав) цензоръ просто было зачеркнулъ или, по галиційски, исчеркнулъ тѣ мѣста, где цадикъ начинаетъ о Толюѣ, о Сахно, о пр. дѣвѣ; но я предложилъ маленькую перемѣну и тѣмъ едва умолилъ. Когда получите январскую книжку, а она только не сброшюрована, то увидите, что я выторговалъ такую перемѣну, которая не только не повредила дѣлу, но устраняла всякій поводъ къ чьему либо замѣчанію. Одно слово п р о к л я т ы й онъ уже и послѣ сдѣлки повычеркнулъ вездѣ, да я за тѣмъ не плакалъ, такъ какъ и вообще дѣло коснулось лишь немногихъ словъ. По политикѣ редакторской окончаніе „Жидотрепанія" я отношу к 3-й книжкѣ, а во второй, которая завтра уже начинается наборомъ, пускаю „Кулиша" Вашего. Сдѣлать иначе, значило бы класть въ одну ложку два гриба, да еще какіе. Кромѣ того, надо и читателей поддразнить.

Съ грошима не забарюсь, какъ только объемъ опредѣлится, а если угодно, то и раньше вышлю. Подписка улучшается.

[1]) З 1883 р. „К. Стар." мала нову штучну окладинку і візерунок її складався з копій старовинних Українських кахоль.

Лазаревскій не говорилъ мнѣ, чтобы у него было какое дело о Вендюхѣ или Шендюхѣ (вѣроятнѣе, Кендюхѣ), а впрочемъ, спрошу и Вамъ отпишу.

Негалевскаго переводы обязываюсь доставить Вамъ, когда будете въ Кіевѣ, и въ томъ никакого сомнѣнія не имѣйте.

Въ 83 году „К. Старина", уповаю, будетъ значительно лучше. Добрые люди шлютъ отовсюду. Драгоцѣненъ актъ допроса Герцику (подлиный) который я получилъ вчера отъ А. П. Барсукова. Драгоцѣнны Сулиминскія и Забѣлинскія бумаги, которыя уже у меня. Вчера часть бумагъ Григорія Полетики получилъ обѣщаютъ и дальше. Жду также навѣрно обрывковъ Решетиловскаго архива отъ Ставровскаго. Хлопоталъ у Дрентельна о дозволеніи проникнуть в его архивъ, равно о передачѣ въ центральный Архивъ стараго архива Кіевск. Губ. правленія, т, е. б. Кіево-губ. канцеляріи, Кіевс. намѣстничества, Генер. Губернаторства, Малорос. Коллегіи (часть) и пр., и пр. Кажется, то и другое будетъ устроено. Так. обр., будетъ открытъ и въ порядокъ приведенъ этотъ богатѣйшій архивъ, въ которомъ несомнѣнно есть и дѣло о Железнякѣ, на что и записки Хоецкаго даютъ указанія.

Не соберусь никакъ Румянцевскую переписку окончить, а надо. Хочу налечь на беллетристику, но не въ ущербъ наукѣ, хочу и переводную съ польскаго допустить. Выписалъ Ежа Z burzliwy chwili, гдѣ представленъ Хмельницкий. Хочу также пана Стемпковскаго, доктора Ролле, въ переводѣ и съ примѣчаніями, помѣстить.

И. С. Аксаковъ прислалъ весьма сочувственное письмо и обѣщаетъ въ своей „Руси" о нашей Старинѣ возглаголать.

Стемпковскій—скряга предлагаетъ купить его изданія (т. е. право) и Запорожскій архивъ, а больше, говоритъ, давать Вамъ не буду, ибо никто, говоритъ, меня не хвалитъ.

Что объ Умани не Вы написали, и я жалѣю. Написанное Смоктіемъ b a r d z o l e k k e да печатать тогда нечего было.

Не дадите ли Вы мнѣ указаній для обработки Лазаря Барановича? Его біографію (5 л.) прислалъ мнѣ одинъ законоучитель черниговскій. Фактовъ много, группировка недурна, но нѣтъ раздѣлки на лица, ни тогдашняго политическаго положенія. Лазарь пѣлъ лазаря передъ Москвою, когда его духовенство было настроено совсѣмъ иначе.

Еще разъ желаю Вамъ от Господа Бога всего Лучшаго а найпаче здоровья.

Искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписка з боку листа: „Имѣются точныя свѣдѣнія, что „К. Старину" съ появленіемъ рецензіи о ней въ „Прав. Вѣстникѣ" стали считать благонадежною".

Костомаров був незадоволений, що редактор його „Жидотрепаніе растрепав" на дві книжки, але було вже пізно, як і придержати до дальшого часу статтю „Куліша", про що прохав М. Ів. в листі 17-го. Т. Г—ч одповідав йому 24 січня 1883 року так:

„Многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ! Я и самъ отчасти жалѣю, что раздѣлилъ Ваше „Жидотрепаніе", но я трактовалъ его, какъ свячене, котораго по трошку давать надо, правъ ли я или нѣтъ, рѣшить трудно. Мнѣ кажется, что у редакторовъ и у авторовъ точка зрѣнія и стремленія различны: послѣдніе, заодно съ читателями, ищутъ цѣльности впечатлѣнія, и въ этомъ они сто разъ правы, а редакторы, подобно поварамъ, стремятся устроить разнообразіе въ мѣсячномъ обѣдѣ или общемъ блюдѣ и усилить либо продлить впечатлѣніе отъ того, что имѣетъ наибольшій интересъ.

Кто знаетъ, однако,—быть можетъ, раздѣленіе „Жидотрепанія" поддержало въ комъ либо интересъ къ Кіевской Старинѣ.

Что до „Куліша", то увы! Онъ давно уже набранъ и идетъ первою статьею въ февральской книжкѣ. Выкинуть его теперь нѣтъ уже никакой возможности: книжка совсѣмъ оканчивается, а надобрать статью равнаго объема мудрено. Недоумѣваю, однако, почему бы нужно было воздержаться съ Кулишемъ. Цензоръ ничего не возразилъ и только два два или три слова измѣнилъ (вм. истязать—наказать и пр.), для меня же что пропущено цензурою, то и свято. Вообще же „Кулишъ" безобиденъ и никакой пертурбаціи произвести не можетъ.

Кибальчичу [1]) можно вѣрить лишь на $^1/_4$. Человѣкъ онъ весьма склонный къ преувеличеніямъ. Я говорилъ съ братомъ П. Г. объ Успенской церкви, и онъ рѣшительно не допускаетъ существованія теперь той церкви, въ которой Хмельницкій присягалъ. Та сгорѣла, и можетъ быть какіе либо брусья изъ нея попали въ нынѣшнюю.

Суворину и Шубинскому можно бы отвѣчать, что „не візьме чорт Вашего „Историческаго Вѣстника", и „Кіевская Старина" никакая ему соперница. Они богаты деньгами и подпискою, мы—только теплымъ сочувствіемъ. Не будь этого сочувствія, я давно бы бросилъ дѣло. Долго ли проживу, не знаю. Дай мнѣ кто нибудь 10.000 р. до усмотрѣнія, тогда и я сказалъ бы: „побачимо, чій батько дужчій". Другими словами, если бы я имѣлъ средства давать листовъ по 15 въ мѣсяцъ въ книжкѣ, заказывать приложенія у Панемакера, употреблять самую лучшую бумагу и не только оплачивать но даже заказывать статьи, не стѣсняясь размѣрами гонорара, тогда возможна была бы конкуренція. Теперь у меня 500 подписчиковъ, а у нихъ, вѣрно, тысячи двѣ. Притомъ тамъ нѣсколько предпріятій, другъ друга поддерживающихъ, и къ ихъ собственнику вполнѣ приложимы слова „добре чортови въ дудочку грати, сидя въ очереті,—одну злама, другу виріже"...

Сейчасъ Терновскій Ф. А. [2]) говорилъ мнѣ, что Голубевъ [3]) (доцентъ, у котораго малорусскій переводъ Евангелія 1581 г.) возвратившись изъ Львова, заявляетъ, что по сличеніи этой рукописи съ какимъ то польскимъ переводомъ онъ не даетъ ей никакого значенія, называя ее контрекрипціею съ польскаго. Но я готовъ ему сказать: „одури того, въ кого носа нема". Я самъ читалъ эту рукопись и могу сказать, что она наша, хоть и волынская. Всячески я Вамъ доставлю ее, какъ Богъ въ Кіевъ принесетъ".

„Батюшокъ" Левицького вскорѣ въ главное управленіе пошлю, и тогда Данилевскому [4]) напишу; а пока, уступая общему напору, отдалъ въ переводъ романъ Ежа о Богданѣ Хмѣльницкомъ, чтобы было легкое чтеніе. Переведу и „Стемпковского" доктора Ролле. Въ Мартовской книжкѣ будетъ „Семенъ Гаркуша" по архив. источникамъ. Статей много шлютъ, документовъ всякихъ еще больше, но подписка едва-едва поднимается. Хотѣлось бы знать какое впечатлѣніе производитъ наша обертка. Я получилъ изъ Вѣны замѣтку о такихъ же кафляхъ въ Галиціи, гдѣ это художество и теперь процвѣтаетъ. Не взялся ли бы какой свѣдущій человѣкъ поговорить вообще о малорусскомъ художествѣ по поводу нашей обертки и моего къ ней объясненія? Вѣдь это tabula rasa.

Говорилъ мнѣ А. О. Вороновъ, что у него въ рукахъ была книжка XVII ст. на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „La Pologne et Cosa-

[1]) Київський колекціонер, непевний, як більш комерційна, ніж наукова людина.

[2]) Відомий учений, профес. церковної та руської історії.

[3]) Проф. Київ. дух. академії.

[4]) Російський письменник, тоді редактор „Правит. Вѣстн."

ques“ или что то въ этомъ родѣ, а въ той книжкѣ въ началѣ пространный разсказъ о пребываніи Богдана (Хм.) в Парижѣ. Дававшій ему эту книжку его знакомый утвердительно говорилъ, что она есть въ Имп. Пуб. Библіотекѣ. Не можете ли поискать и извлечь это крайне интересующее извѣстіе?

Вашу „Руину“, а затѣмъ и „Мазепу“ я немедленно по полученіи сдалъ И. П. Новицкому [1]) для составленія бібліографическихъ замѣтокъ; но онъ какъ получитъ Вашу книжку, такъ и запьетъ. Ужасная злость беретъ! Вчера былъ у него: говоритъ, что на вторникъ изготовитъ, но от него водкой несло. А талантливий и свѣдущій человекъ! Антоновичъ заваленъ работой. Вчера передалъ ему Вашъ поклонъ и что будете къ нему писать. Тамъ же узналъ, что Багалѣй [2]), а не Буцинскій [2]) выбранъ въ Харьковъ. О Буцинскомъ рецензію написалъ Антоновичъ и немножко его пошарпалъ за батька Богдана. Словомъ: эрудиція плоха, и ссылки, и пріемы недобросовѣстны. Это несогласимо будетъ съ Вашимъ о немъ отзывомъ, но и здѣсь извѣстно, что Вы по добротѣ сердечной похвалили, да кромѣ того Вамъ и не съ руки было побивать того, кто съ Вами объ одномъ лицѣ писалъ.

Архивъ генералъ-губернаторской канцеляріи еще мнѣ не открыли и архива кіево-губернской канцеляріи еще не передали въ Центральный; но надѣюсь, что это устроится.

Тутъ въ одномъ мѣстѣ есть современная Уманской рѣзни картина оной. Хочу добыть. Скальковскій [3]) прислалъ мнѣ письмо Гладкого. Оказывается, что въ Сѣчи полковниковъ не было, а давался санъ полковника и перначъ тому куренному, который назначался въ походъ; по возвращеніи онъ отдавалъ перначъ, а съ нимъ и званіе полковника. Не потому ли и Желѣзнякъ назывался полковникомъ, и не былъ ли онъ назначенъ подъ Умань Кошемъ?

Глубокоуважающій Васъ и искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ“.

IV.

Фінансова справа „Київ. Стар.“ стояла досить негарно. Витрати на перші роки видання перебільшували, як це завжди буває в новому ділі, здобутки: передплатників було на початку квітня 1882 р. 700, а потім набігло ще більш двох сотень, але на другий 1883-й рік їх зменшилося (однак перші роки передплатників було мало не 700—800), бо відпали випадкові передплатники, наприклад московські та инші великоросійські релігійні люди, що сподівалися знайти в часопису „Київська Старина“ описи київських та инших манастирів, печер, життєписи святих то-що. Лебединцев з першого до останнього часу видання „К. Стар.“ завше скаржився, що він несе збитки, що йому ні з чого жити, що доведеться кинути видання журналу. Покинувши думку про здобування грошей на утримання себе й чималої родини будівництвом у Київі, Т. Г—ч мріяв збудувати такий орган, що давав-би йому через рік—два і прибуток на зразок „Русской Старины“ або „Историч. Вѣстника“, що почав видаватися в 1880 р. і за два роки став дохідним підприємством. Навіть мріялось і про долю „Вѣстн. Европы“... Брат Т. Л—ва Данило Гаврилович, писав йому: „Стасюлевич (ред. „В. Е.“) в 1-й и 2-й годъ изданія Вѣс. Ев. получилъ убытокъ, на 3-й годъ изданіе окупилось, а затѣмъ сдѣла-

---

[1]) Знавець архівів і української історії, відомий у Київі з 70 по 90 роки.

[2]) Історики, проф. Харківськ. Ун—ту.

[3]) Історик, що писав і видавав матеріяли про Запоріжжя.

лось постоянною арендою или дойною коровою" [1]). А справа з „Київ. Стар." йшла инакше. Хоч продавати одягу Теоф. Гавриловичу не траплялося, але й купувати не випадало на Київостаринські зиски.

Оці скарги та надії й примушували редактора вигадувати різні способи, щоб побільшити здобутки з „Київ. Стар.". Між иншим Лебединцев вишукує дешеву перекладну або дармову українську белетристику і разом лякається її, як би вона не одбила російських передплатників. Великі засоби вживає він, щоб одержати у Петербурзі „рекомендації", щоб передплачувати журнал по школах та по инших установах (мітр. Київський Платон, після заходів П. Г. Лебединцева рекомендував передплату у себе по епархії). Теоф. Г—ч робив навіть „мины нѣкія" до Д. Толстого, тодішнього Мін. Внутр. Справ, про грошову державну субсидію.

Про всі ці клопоти та заходи Лебединцев і пише Костомарову в 9, 10 та 11 листах за один тільки місяць Лютий 1883-го р.

13 го числа він пересилає М. І. гонорар і каже: „Спѣшу очистить себя многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ отъ лежащаго на мнѣ долга передъ Вами и, не ожидая выхода книжки, въ которой конецъ „Жидотрепанія", выслать надлежащій гонораръ по такому расчету.

Изъ „Жидотрепанія" вышло $2^1/_2$ печатн. листа, что по цѣнѣ 200 р. за лист составляетъ—500 р.

Изъ „Кулиша" вышелъ неполный листъ, именно безъ 2-хъ стр., или $^1/_8$ части, что при листовой цѣнѣ 100 р. дает 87 р. 50 к.

Въ „Жидотрепаніи", кроме $2^1/_2$ листовъ, есть еще десятка три строк, но мнѣ засчитываются пустыя мѣста в началѣ и концѣ, каковыя есть теперь да и прежде были. Итого причитается—Вамъ 587 р. 50 к.

А за высылкою въ редакцію „Дѣла" не уплаченныхъ до конца года 12 р. за заказанный Вами экземпляръ газеты и 1 р. за „Крашанку" всего же 13 р.—осталось 574 р. 50 к., каковые полностью при семъ препровождаю.

Хотя говорятъ, что долгъ платежемъ красенъ, но и сего для меня не довлѣетъ, и прошу Васъ принять еще мою сердечную благодарность за то, что дали мнѣ возможность украсить первыя книжки сего года „Трудами плодовъ Вашихъ".

Теперь нѣсколько словъ о „Старинѣ" нашей. Положеніе ея прежнее,—неопредѣленное, критическое. Подписка, поднявшаяся было на 20% противъ прошлогодней, теперь опять съ нею сравнялась. Предоставленное самому себѣ, т. е. обыкновенному теченію, изданіе не выдержитъ не только 5-ти лѣтняго искуса, какъ „Русская Старина" но даже и трехлѣтняго, а оно должно бы имѣть серьезное значеніе въ нашемъ умственномъ направленіи и движеніи. Его нельзя бросать въ виду первой неудачи, отъ чего я, по финансовымъ средствамъ, недалекъ. Его нужно бы всѣми силами поддерживать,—я могу и другую работу найти, но врядъ ли скоро могла бы явиться другая „Кіевская Старина".

Важно было бы опредѣлить причину неуспѣха „Кіев. Старины". Однако новостью дѣла нельзя сего объяснить, ибо много о ней бодраго сказано, а дурного, кромѣ „Старины" нигдѣ ничего. Не печатали, а писали и говорили, что журналъ скученъ, что надо бы повѣстей, романовъ. Хотя и съ ущербомъ для чистой исторіи, я рѣшился уступить этому требованію, но врядъ ли и это поможетъ и едва ли въ этомъ корень неудачи. Мнѣ кажется,—главныя причины въ той деморализаціи, которая ведется чуть ли не со временъ Выговскаго, въ томъ извращеніи понятій о Южной Руси, ея значеніи въ общей жизни Россіи, и конечно, ея

---

[1]) Відд. Рукописів Всен. Б—ки, III, № 6809.

исторіи, которое примѣчается равно въ малорусской, какъ и въ русской публикѣ. Единая недѣлимая Россія—восклицаютъ Юзефовичи, слѣд., нечего трогать Южной Россіи, ея исторіи, языка и пр., а слѣд. и никакого такого журнала не нужно. Кто думаетъ иначе, того уже и сепаратистомъ и чѣмъ угодно готовы считать. Посылка вѣрная, а въ заключеніи ложь, ибо въ заключеніи больше, чѣмъ въ посылкѣ. Если Вы раздѣлите сей мой взглядъ, то не признаете ли возможнымъ особою гдѣ либо статьею просвѣтить всероссійскую публику насчетъ значенія южнорусской исторіи и этнографіи въ общемъ нашемъ образованіи и умственномъ развитіи да и жизни государственной? Статья эта имѣла бы, конечно, характеръ публицистическій, а не научный, а потому она и должна бы явиться въ большой газетѣ, какъ „Новое Время". Что она помогла бы „Кіевской Старинѣ", въ томъ я не сомнѣваюсь. Я глубоко, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ томъ, что россійская публика сильно на нашъ счетъ заблуждается и что ей крайне необходимо такое просвѣщеніе.

Писалъ бы еще, да уже некогда. Скажу одно: статьи и матеріалы прибываютъ, а подписка идетъ подло.

Помогайте намъ, подкрѣпляйте насъ, а къ Вамъ мы всегда съ великимъ почтеніемъ и искреннею преданностью Ѳ. Лебединцевъ".

На другий-же день, 14-го лютого Т. Г—ч пише:

Простите, Многоуважаемый Николай Ивановичъ, что я замедлилъ отвѣтомъ на Ваше письмецо и благодарностью за присланную при немъ замѣтку о Почаевѣ. Быть можетъ, причиною сему было и то горькое ощущеніе, которое я испыталъ, получивши отъ Васъ въ слѣдъ затѣмъ подписную плату. Не знаю, чѣмъ могло быть вызвано это обстоятельство и что бы оно означало. Догадываться, конечно, можно, но подъ часъ лучше быть недогадливымъ. Утѣшаю себя тѣмъ, что цѣною всякаго рода ощущеній мнѣ удалось, однако, спасти отъ рѣшительной гибели изданіе, которое можетъ окрѣпнуть и быть полезнымъ. Уже теперь имѣю на это надежду.

За симъ примите мою искреннюю глубокую благодарность за присланную замѣтку и позже Вашего славнаго Богдана, иже четвертымъ типомъ издалося. Я его немедленно сдалъ Антоновичу на рецензію, и надѣюсь, что онъ теперь не смикитить, какъ прежде съ Мазепой [1]). Впрочемъ, и относительно сего надѣюсь исправить его вину и его же руками, когда кончатся Ваши „Мазепинцы" и выйдетъ 2-мъ изд. „Мазепа", что, какъ я слышалъ, исполнится скоро. Это тѣмъ болѣе желательно, что у Антоновича, какъ самъ онъ говорилъ, есть много документовъ о Мазепѣ не изданныхъ, а мнѣ вскорѣ обѣщали изъ Переяслава „Лѣтописецъ", въ которомъ, судя по доставленнымъ выдержкамъ, найдется немало новаго и любопытнаго.

О „Батюшках" и Галаганъ отозвался ко мнѣ непривѣтливо, а здѣсь не только всѣ въ восторгѣ, но читавшіе эту повѣсть въ подлинникѣ единогласно признали, что отъ переложенія (!?) она много выиграла, а главное—избавилась отъ присущей автору слащавости. Мнѣ она нравится найбольше тѣмъ, что многолистная и безплатная и въ голодные мѣсяцы куда какъ пригодится.

О приключеніи съ Вами у арки [2]) поскорбѣлъ, да слава Богу, что оно недорого обошлось.

[1]) На „Мазепу" К—ва В. Б. Антонович рецензії не написав; а на „Б. Хмельницького" надрук. за підписом В. А. в „К. Ст." 1884 р., № 6.

[2]) Коло Арки Генер. Штабу, на Вел. Морській вул. в Петербурзі на початку 1883 р. Мик. Ів. мало не роздавили коні.

Располагаете ли на съѣздъ въ Одессу ѣхать? Я настолько, что и билетъ получилъ.

Позвольте пожелать Вамъ полнаго здоровья и успѣха въ трудахъ Вашихъ. Глубокоуважающій Васъ и сердечно преданный Ѳ. Лебединцевъ".

23-го того-ж таки лютого редакторъ „К. Ст." посилає К—ву нового листа:

„Сердечно и глубоко Вамъ благодаренъ, многоуважаемый Николай Ивановичъ, за Ваше послѣднее письмо и переговоры съ достойнѣйшимъ всякаго почтенія Аѳанасіемъ Федоровичемъ [1]).

Я охотно послѣдовалъ бы его совѣту теперь же, но вотъ въ чемъ дѣло. Еще въ половинѣ генваря я послалъ Демьянову [2]) экземпляръ за прошлый и первую книгу нынѣшняго года и продолжаю посылать, а въ письмѣ написалъ только, что посылаю въ благодарность за его вниманіе по службѣ и на знакъ того, что, оставивъ официіальную службу дѣлу просвѣщенія, не перестаю частнымъ трудомъ служить тому же дѣлу. Прибавилъ, что въ прошломъ году не посылалъ, не надѣясь довести до конца года, а въ нынѣшнемъ явилась нѣкая надежда на продолженіе дѣла, потому и посылаю. Просить теперь сразу о рекомендаціи неловко, да и ненадежно, когда неизвѣстно, какъ принято Демьяновымъ мое подношеніе. Важно здѣсь знать, какъ принято. Конечно, онъ не читалъ, да и не можетъ читать, но самое подношеніе, внѣшній видъ изданія, объемъ его, перечень статей—все это могло оставить въ Демьяновѣ извѣстное впечатлѣніе. Вотъ это именно впечатлѣніе и нужно было теперь знать, чтобы сдѣлать дальнѣйшій шагъ—просить рекомендаціи, если оно сколько-нибудь благопріятно.

Узнать это Аѳанасію Федоровичу не будетъ никакого труда. Какъ онъ самъ, спасибо ему, выписываетъ „Старину", то стоитъ ему вскользь упомянуть въ разговорѣ, чтобы вызвать такой или иной отзывъ Демьянова. А можетъ быть, возможенъ былъ бы и такой вопросъ: Вы-де получаете... какъ Вамъ показалась?

Не примете ли, многоуважаемый Николай Ивановичъ, на себя трудъ попросить Аѳанасія Федоровича объ этой маленькой услугѣ? А она для меня не маленькая была бы, ибо Аѳан. Федор., какъ читатель и подписчикъ, могъ при семъ свое мнѣніе сказать, а это уже нѣсколько протерло бы дорогу.

Есть одно обстоятельство, ничтожное по существу, но которое по совпаденію времени кажется мнѣ какъ будто благопріятнымъ признакомъ. Именно послѣ посылки мною экземпляра Демьянову поступило предложеніе объ обмѣнѣ изданіями отъ Журнала Мин. Нар. Прос., а за редактора подписался извѣстный фаворитъ Демьянова Георгіевскій [3]). Этотъ журналъ не мѣняется, какъ казенный, и прежде не предполагалъ, и въ этотъ годъ предложилъ лишь въ концѣ генваря. Не сказалъ ли Демьяновъ Георгіевскому: предложите обмѣнъ, да присматривайтесь, можетъ быть и рекомендовать можно. Но у Георгіевскаго рожа, говорятъ и мерзкая, и такая же точка зрѣнія. Я конечно, обмѣнъ принялъ, но и теперь, мнѣ кажется, что-нибудь въ этомъ родѣ есть. Аѳанасій Фед., просто заговоривъ съ Демьяновымъ о „Старинѣ", могъ бы тѣмъ самымъ и это раскрыть, если тутъ что есть, а одно простое упоминаніе не обязывало бы его къ рекомендаціи, ни въ какой либо просьбѣ.

Что до Дрентельна, то на него нельзя надѣяться. Онъ могъ бы Тол-

---

[1]) Бичков директ. П-бурзької Публічн. Б-ки.

[2]) Мін. Нар. Освіти на той час.

[3]) Службовець М. Нар. Осв., голова ученого комітету М. Н. О. на той час.

стому [1]) рекомендовать, а не Демьянову. При томъ онъ какой то безучастный, хотя не только выписываетъ, но и читаетъ „Старину". О Бибиковѣ ему очень понравилось, какъ говорили, что такія статьи могутъ быть полезны для края. Едва-ли, впрочемъ, не онъ того мнѣнія. что въ „Старинѣ" проглядываетъ наклонность къ украинофильству. Мнѣ передавалъ это цензоръ, а я ему сказалъ: надо умѣть читать, тогда и наклонности не примѣтите.

Ежъ единственно годный для перевода: онъ и талантъ, и болѣе всѣхъ объективенъ; да и заказъ перевода сдѣланъ раньше, чѣмъ появилось начало въ „Русской Мысли".

Какъ образчикъ мнѣній о „Старинѣ": какой то Максимовъ пишетъ мнѣ, что они (въ Курской губ.) были того мнѣнія, что въ ней только о гетьманщинѣ пишется.

Будьте здоровы и дай Вамъ Богъ всего добраго!

Искренно преданный Вамъ Ѳ. Лебединцевъ".

Приписки з боку листа: 1) Добылъ я портретъ кн. Константина Острожскаго и хочу приложить, да и біографію кстати. 2) Исторія изысканій Кіевскихъ древностей обѣщаетъ быть очень интересною. Я пріобрѣлъ свыше 1000 листовъ бумагъ объ этомъ, которыя теперь разбираетъ Антоновичъ.—Попалась мнѣ также переписка рабовъ Потемкина— Гарновскаго и Попова съ разными лицами. Очень интересны, да разобрать некогда. Есть письмо одной барыни къ Потемкину, гдѣ онъ о нѣкіихъ дѣйствіяхъ пишетъ мужскимъ слогомъ, называя вещи по имени. 3) Ужъ не послать ли экземпляръ („К. Ст.") и гр. Д. А. Толстому и не повести ли мины нѣкія на счетъ той же субсидии и въ этомъ направленіи, дабы развѣдать, какой путь удобнѣе? Собственно, гр. Толстой благоволилъ ко мнѣ, да такъ злые люди разроднили сердца. 4) Гдѣ помѣщенъ разсказъ о пребываніи Хмѣльницкаго въ Парижѣ, болѣе точныхъ свѣдѣній добыть не могу. А очень хотѣлось бы имѣть въ печати этотъ разсказъ.

V.

Коли за перші три місяці 1883-го року з'ясувалося, що передплата на „Київську Старину" навіть зменшилася, порівнюючи з попереднім роком, Лебединцев занепав духом. Допомоги чекати не було звідки; порада Костомарова звернутися до заможних українців-меценатів навела редактора на гіркі думки[2]). В листі до нього 14-го квітня 1883 р. Т. Г-ч хоронив „Київ. Стар." і писав, що замислив шукати наново службової посади.

Многоуважаемый и добрѣйшій Николай Ивановичъ!—пише Л—в,—Невыразимо тяжелое впечатлѣніе произвела на меня переданная Вами бесѣда Ваша съ Бычковымъ. Я никогда не думалъ, что онъ столько добръ. Впрочемъ, я не имѣю никакого права къ кому либо претендовать, я могъ бы лишь кое-что въ опроверженіе сказать въ родѣ того, что такіе же государственные вопросы разрабатываетъ и „Кіевск. Старина", какъ и Комиссія[3]), но первую могутъ тысячи читать, а вторую развѣ десятки, равно что газета можетъ лишь перемалывать то, что даетъ наука. Но и это говорить, кажется, напрасно.

Передать въ Комитетъ [4]) „значитъ обречь на явную гибель. Тамъ для

[1]) Гр. Д. А. Толстой на той час Мін. Внутр. Справ.

[2]) Г. П. Галаган допомагав Т. Лебединцеву тільки своїм кредитом, обраховуючи його векселі.

[3]) Київська Комісія для розб. стародавн. актів.

[4]) Вчений комітет Мін. Нар. Осв.

дѣла членъ одинъ—Савваитовъ, а для разсужденій и осужденій найдется много, хотя лично я никого, кромѣ Савваитова, не знаю. Написалъ бы ему, да что толку: вѣдь его душа иная Совѣтъ обратиться къ Галагану и Тарновскому вызвалъ во мнѣ горькую улыбку. Первый все излишнее для себя давно записалъ на Коллегію, а самъ ѣздитъ на одрахъ и живетъ не по чину, а второй прошлымъ лѣтомъ едва не былъ проданъ съ молотка. Если бы была подобная возможность, я давно ею воспользовался бы. Терещенки—тельцы златые дали бы лишь тогда, когда имъ пообѣщали бы орденъ.

Братъ Даніилъ Г. передалъ Вамъ, конечно, свою бесѣду съ преосв. Леонтіемъ, который, по моей просьбѣ, также обращался съ ходатайствомъ. Ему иначе Демьяновъ говорилъ, но я болѣе вѣрю тому, что онъ Бычкову говорилъ. Просилъ (писалъ?) я и митр. Платону, хотя не знаю, какъ онъ принялъ мое письмо.

Что же теперь дѣлать? Вижу, что надо къ смерти „Старины" готовиться. Сердце кровью обливается, когда подумаю о томъ сочувствіи, которое она всюду вызвала и которое рѣдкій день не приноситъ мнѣ матеріала или статьи. „Кому вся сія будутъ?" Почто гибель сія наступаетъ? Но законъ смерти неумолимъ...

Я не прошу Васъ вновь бесѣду поднимать о „Старинѣ" съ Аѳан. Ѳед. (Бычковымъ), но Вы очень меня обязали бы, если бы приняли на себя трудъ спосить его, не сказалъ ли Демьяновъ чего либо по второй моей просьбѣ о принятіи меня вновь на службу, по наступленіи смерти „Старины". Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Когда я руки къ наукѣ протягиваю, а она меня назадъ толкаетъ, я долженъ въ экономы, въ приказчики идти. Лучше ли будетъ для науки, если и всѣ, въ моемъ положеніи находящіеся, будутъ отвергнуты наукою и станутъ экономами, вопросъ можетъ быть и праздный, но напрашивается невольно. Я, впрочемъ, одно желалъ бы знать, точно ли я и ни въ какомъ иномъ видѣ пригоднымъ не признаюсь. Прямой отвѣтъ на это Демьяновъ, вѣроятно, далъ уже Бычку, так какъ я предъ ними обоими вопросъ этотъ ребромъ ставилъ.

Сколько еще книжекъ я смогу выдать и на какой повисну, съ точностью еще сказать на могу; но когда наступитъ этотъ день, я, возблагословивъ имя Ваше, яко паче всѣхъ благодѣявшаго „Старинѣ", скажу со вздохомъ, что испробовалъ все, чтобы спасти ее, но сугубо несчастенъ тѣмъ, что всякому дѣлу въ жизни моей отдавался до самозабвенія, сынове же свѣта сего мудрѣйшіе паче насъ...

Если рѣшитесь вопросить Аѳан. Ѳедор. по второму пункту, не откажите извѣстить, что скажетъ.

Слышалъ я, что Вы на лѣто въ Прилуку хотите ѣхать. Заѣдете ли въ Кіевъ, чтобы взглянуть на переводъ 1581 года? Мнѣ это нужно раньше знать, чтобы въ рукахъ имѣть!

Христосъ воскресъ, всѣмъ радость принесъ!
Но не воскреснетъ и не возрадуется „Старина"...
Простите за этотъ грустный напѣвъ.
Мнѣ невѣроятно тяжело на душѣ.
Искренно преданный Вамъ и чтущій Васъ Ѳ. Лебединцевъ.

По сім мало не на півроку листування Лебединцева з Костомаровим припинилося: після двох листів Мик. Ів. та одного Т. Г-ча у квітні 1883 р., ми маємо лише одну записку Мик. Ів. в серпні при пересиланні до редакції відозви про драму М. Старицького „Не судилось"[1]) і в са-

---

[1]) Надрук. в „К. Ст." 1883 р., № 9—10.

мому кінці жовтня до К-ва пише Лебединцев листа ділового, здержливого, холодного по тону. Скрутні фінансові обставини „Київ. Стар." примусили редактора її звернутися за допомогою до київських співробітників. „Мы рѣшили", каже Лебединцев, цеб-то редакційний комітет про даремну працю в журналі і поширення кількости передплатників. Костомаров рішуче відмовився давати дурно свої праці „Київ. Стар.", якої уперто і уїдливо вимагав редактор [1]).

Зпочатку клопоти приятелів і прихильних земляків, а найбільш у Г. П. Галагана, довели справу з допомогою журналу призначенням субсидії від Мін. Внутр. Спр. Галаган писав з Петербургу, що сам запевнився в М. Вн. Спр., за яким числом послано до Київ. ген.-губерн. Дрентельна про виплату субсидії, і дивувався, чого це Дрентельн затримує цю справу [2]). Лебединцев навіть пояснював причепки цензурного комітету до „Київ. Стар." з українським правописом, що нові утиски йдут з приводу призначеної субсидії: „Получилъ... такъ вотъ же ему!" Але не так склалося, як ждалося. В останньому (15-му) і одному з найцікавіших листів до К—ва редактор повідає про свої вимоги в справі провопису для українського тексту в „Київськ. Стар." і про те, як провів Юзефович закон 1876 року. Da ist der Hund begraben!

Лист Лебединцева 31-го жовтня 1883 р. починався зразу діловою заявою.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ,—писав Т. Г.,—рѣшили мы, не надѣясь и не ожидая ничего, продолжать „Кіев. Старину" и въ 1884 г., но съ двумя условіями: во 1-хъ, никому не платить, кромѣ самыхъ к р а й н и х ъ случаевъ, а во 2-хъ, чтобы каждый сотрудникъ и знакомый подписчикъ пріобрѣлъ только о д н о г о подписчика.

Вамъ первому о семъ пишу и Васъ перваго прошу: во 1-хъ, напишите для „Кіевской Старины" совершенно безплатно, но не мелкую замѣтку, а что либо цѣльное и цѣнное, въ родѣ послѣднихъ дней гетманщины или кн. Константина Острожскаго, а во 2-хъ, пріобрѣтите для насъ одного только подписчика, который бы и значился такъ: подписчикъ имени Н. И. Костомарова. Пожертвованіе одной статьей на общее дѣло Васъ не раззоритъ, а будетъ памятникомъ спасенія „Кіев. Старины" отъ смерти.

Объявленіе въ ноябрьской книжкѣ уже напечатано; въ газетахъ скоро явится. Намъ очень было бы пріятно, если бы Вы приступили къ нашему союзу, ибо отсутствіе Ваше было бы очень замѣтно.

„Батюшки и Матушки" (листовъ 20 печатныхъ), отданные мнѣ также безмездно, начнутся также съ генварской книжки. Будутъ портреты Адама Киселя и Іереміи Вишневецкаго. Кромѣ всего прочаго пріобрѣлъ я: во 1-хъ, малороссійскую интермедію 1619 года, во 2-хъ, рукописный сборникъ XVIII ст. (половины) малорусскихъ пѣсень съ нотами (86 №№) и въ 3-хъ, собственноручныя записки Бориса Ивановича Куракина съ 1676 по 1710 г., гдѣ и о полтавской баталіи, въ которой онъ самъ участвовалъ.

Надежды на Галагана, Терещенка и даже оную (sic) субсидію оказались совсѣмъ пустыми.

Глубокоуважающій Васъ и преданный Вамъ Ѳ. Л е б е д и н ц е в ъ.

Не без деякої ущипливости відповідав Т. Г—ч Костомарову на його байдужливий лист що до стану „Київ. Стар.", листом від 27-го листопада.

---

[1]) Лист К-ва від 4-го листоп. 1883 р. див. в „Україні" 1907 р., ч. 11—12, стор. 269—271.

[2]) Лист Галагана до Т. Л—ва від 30-го лютого 1884 р. в Відд. рукоп. Всенар. Б-ки України. III, ч. 3787.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Вы не нашли возможнымъ принять предложеніе, которое передано было Вамъ въ моемъ прежнемъ (письмѣ) и котораго, какъ общаго, я не считалъ себя въ правѣ не передать Вамъ.

По тону Вашего любезнаго письма сужу, что Вы и не поставили мнѣ сіе въ вину, какъ не отъ меня лично исходящее и не къ Вамъ только однимъ обращенное, а это даетъ мнѣ возможность обратиться къ Вамъ съ другою совсѣмъ не новою просьбою, а именно: не найдете ли возможнымъ теперь, какъ и въ прошломъ году, написать рецензію на „Кіев. Старину" и помѣстить ее, гдѣ Вамъ любо будетъ, и преимущественно же въ „Русской Старинѣ". Трудъ Вашъ примутъ и вознаградятъ въ любомъ изданіи, а этимъ Вы поддержите изданіе, котораго во всякомъ случаѣ не назовете чуждымъ Вамъ или лишнимъ.

Теперь выяснилось до очевидности, что ниоткуда никакой запомоги дано намъ не можетъ быть и что надо дѣйствовать исключительно собственными силами, и если и они окажутся несостоятельными, тогда позволительно будетъ махнуть рукой, какъ Вы писали. Всячески начиная новый годъ, я его и кончу.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Ѳ. Лебединцевъ.

На початку 1884 р. Костомаров переслав до редакції свою даремну статтю зі спогадами про одвідини Почаївської лаври [1]) та ще писав невеликі записочки редакторові в березні і червні того-ж року. Лебединцев відповів йому тільки раз великим листом 5-го березня 1884 р.

„Сегодня, Многоуважаемый Николай Ивановичъ,—писав Т. Г—ч,—въ день полученія Вашего письмеца, я не могъ видѣться съ Антоновичемъ по нездоровью и пока не увижусь, о документахъ Мазепинскихъ могу сказать, что они касаются частной жизни Мазепы. Сколько ихъ и каковы они, не знаю, но Антоновичъ когда то обѣщалъ по нимъ дорисовать Мазепу со стороны его частной жизни. Всячески ѣхать Вамъ собственно за ними въ Кіевъ не приходится, а на дняхъ я побываю у Антоновича, переговорю и особо напишу. Если я спѣшу это общее свѣдѣніе передать, то такъ сказать при случаѣ, собственно рѣчь моя о другомъ.

Завтра я посылаю письмо гр. Толстому [2]) и прошеніе въ Главное Управл. по деламъ печати, а равно письмо Бычкову по одному и тому же дѣлу—о дозволеніи мнѣ въ малорусскомъ текстѣ „Кіевс. Старины" держаться правописанія фонетическаго, какъ опредѣлила Академія Наукъ относительно Словаря Малорусскаго на Вашу премію. Прошу я объ этомъ потому, что далѣе житья нѣтъ съ цензоромъ по этой части. Вернувшись въ концѣ января изъ Петербурга, онъ, по личному приказу Ѳеоктистова [3]), сталъ такъ крестить небольшія малорусскія вещицы и отдѣльныя фразы, что уже набранное я выбрасывалъ, а „Батюшокъ" совсѣмъ пересталъ печатать, къ крайнему огорченію Кіевской публики. Главное гоненіе воздвигнуто на *і*, а без него обойтись нельзя. Доходитъ до нелѣпостей. Въ рецензіи на „Покутье" Кольберга было сказано: „въ языкѣ гуцуловъ и подгорянъ буква *о* переходитъ въ *і* въ словахъ односложныхъ напр. кінь, віл и проч., и снова возвращается на мѣсто, когда то же слово пріобрѣтаетъ большее число слоговъ, напр." ...и т. д. Цензоръ оставилъ *і* только въ правилѣ, а въ примѣрахъ зачеркнулъ и поставилъ *и*, т. е. то, чего нѣтъ въ правилѣ или положеніи. Вѣдь это варварство. Я долженъ былъ

[1]) Надр. в „Київ. Ст." 1884 р., № 2, під заголовком „Изъ прожитыхъ на Волыни дней".
[2]) На той час Мін. Внутр. Справ.
[3]) Тоді Голова Управи в справах друку М. В. С.

выбросить примѣры. Теперь готова почти рецензія на книгу Потебни, а тамъ многое держится на звуковыхъ отличіяхъ и вездѣ у него *і*. Что же мнѣ дѣлать? Не говорю о томъ, что постыдно мнѣ возвращаться послѣ 2-хъ лѣтъ къ какому то новому правописанію Рафальскаго [1])—Ѳеоктистова—Юзефовича. Всего смѣшнѣе, что Ѳеоктистовъ указывалъ цензору на извѣстную злоехидную замѣтку „Кіевлянина" о моей якобы кулешівкѣ и пр. Точно онъ, Главн. Начальникъ печати, испугался гнуснаго и ничтожнаго Пихна. Вы видѣли, насколько я держался правописанія Кулиша.

Цензоръ свои помарки подкрѣпляетъ ссылкою на Высоч. повелѣніе 1876 г., т. е. то, которымъ закрытъ Юго-Западный Отдѣлъ Географическаго Общества, ограничена до невозможности Малорусская печать и т. д. и т.д. Юзефовичъ и теперь разсказываетъ, что Комитетъ, въ которомъ участвовалъ и Толстой, отвергъ всѣ эти дикія мѣры, Юзефовичемъ предложенныя [2]), и что онъ, Юзефовичъ, испросилъ имъ Высоч. санкцію чрезъ шефа жандармовъ Мезенцева, пославъ ему письмо на имя Государя, которое тотъ заграницею въ удобную минуту доложилъ. Вотъ какимъ путемъ явился тотъ невозможный законъ, что въ правописаніи малорусскомъ не должно быть малѣйшихъ отступленій отъ великорусскаго. Одинъ только разъ въ русской исторіи, при Тишайшемъ [3]) былъ данъ указъ о правописаніи, но тамъ было сказано: аще кто измѣнитъ *а* въ *о*... или *и* въ *і*...по природѣ тѣхъ городовъ, по ихъ обыклостямъ и того не ставить ему въ безчестіе.

Въ моемъ прошеніи и письмахъ я не возражаю противъ Выс. повел. 1876 г., но говорю, что по самой общности онаго, не опредѣляющей способа и тѣмъ болѣе случаевъ примѣненія малорус. правописанія къ русскому, и по массѣ особенностей того и другого, необходимо, въ дополненіе, указаніе научнаго принципа..., каковой и опредѣленъ уже Академіей Наукъ для Малор. Словаря.

Теперь моя покорнѣйшая къ Вамъ просьба: побывайте Вы, Многоуважаемый Николай Ивановичъ, у Бычкова и подкрѣпите Вашею просьбою мою просьбу къ нему—объяснить гр. Толстому всю невозможность полнаго примѣненія Выс. повелѣнія 1876 г. къ научному журналу, безъ руководящаго научного принципа. Всего обиднѣе то, что два года отъ меня этого не требовали, а теперь требуютъ по поводу субсидіи...Такъ безъ зазрѣнія совѣсти и говорятъ:....такъ вотъ же ему. И все это работа Юзефовича.

Недавно я получилъ изъ Переяславля ту лѣтопись, которая въ Сборникѣ Бѣлозерскаго подъ № 2-мъ. Въ этомъ спискѣ она гораздо полнѣе и числомъ годовъ, и записями подъ ними.

Искренно уважающій Васъ и сердечно преданный Ѳ. Лебединцевъ.

Приписки з боків листа: 1) Въ помянникѣ межигорскаго монастыря XVII ст. есть родъ Юзефовича съ поясненіемъ: пана цирюльника. 2) Антоновичъ (В. Б.) опять не успѣлъ рецензію на Богдана написать, но къ текущей книжкѣ обѣщаетъ непремѣнно [4]).

За останній рік життя Костомарова (пом. 7 квітня 1885 р.) ми не маємо ні одного листа до нього від Т. Г-ча, та, мабуть, листування і припинилося в другій половині 1884 року. Лебединцеву випадало вже ближче стати до організованого українського гурту, що ми бачимо і з справи з українським правописом. Субсидії державної „Київ. Стар." не

---

[1]) Київский цензор того часу.
[2]) Відомий закон 18-го травня 1876 р.
[3]) Царі Олексії Мих. в другій пол. XVII в.
[4]) Рукоп. Від. Всенар. Б-ки, листування III № 6817.

одержала (як ніколи і потім її не мала). Мін. Внутр. Спр. Д. Толстой та Голова Ценз. К-ту Феоктистов не захотіли прохати Мін. Фінансів Бунґе, хоча той і не відмовив-би в субсидії „Київ. Стар." та міг бути її ініціятором. А. Толстой поклопотався, щоб субсидію видали конкурентові Т. Лебединцева П. Батюшкову, що видав русифікаційні книжки „Волынь", „Холмская Русь", „Бѣлоруссія и Литва". Перешкоджали субсидії і інсинуації, що найбільше йшли із Києва-ж [1]). Ми не зробимо помилки, як цю пригоду поставимо в звязок із домаганнями ред. „Київськ. Ст." поширити права українського слова хоч у вузьких межах фонетичного правопису: на варті охорони Російської держави від українського сепаритизму там, де його й не було, стояв „старий пес", по виразу Т. Г-ча, „прізвище якого нічого й нагадувати". Принаймні Галаган у листі 9-го травня 1884, коли вже знав про невиплату субсидії, з усією силою обурення накинувся на Лебединцева за домагання завести „фонетическія изобрѣтенія", „сочиненное правописаніе" у видання „почтеннаго журнала" [2]).

Почалися нові часи для „Київської Старини", коли редактор часопису міг спиратися лише на українське громадянство та на науково-літературні крайові сили.

Подав *Іг. Житецькій.*

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 мая 1898 года.

„Бабушка“ Настасья Степановна Полуботокъ
рожд. Леонтовичъ, р. 1732 † 1802.

Григорій Петровичъ Милорадовичъ
р. 1765 † 1828.

Александра Павловна Милорадовичъ
рожд. Кочубей, р. 1772 † 1838

Частный архивъ графа Г. А. Милорадовича принадлежитъ къ числу наилучше сбереженнымъ въ Малороссіи. Кромѣ бумагъ фамильныхъ, въ составъ его вошло много бумагъ постороннихъ, унаслѣдованныхъ Милорадовичами вмѣстѣ съ имѣніями. Владѣлецъ этого архива уже давно началъ печатать отрывки изъ него, то въ особыхъ брошюрахъ, то въ черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ *). Въ настоящее время гр. Г. А. Милорадовичъ намѣренъ приступить къ болѣе систематическому изданію тѣхъ или другихъ документовъ своего архива и настоящій, первый, выпускъ *Любецкаго Архива* представляетъ собою начало такого изданія.

Въ первый выпускъ „Архива" вошли слѣдующія бумаги:

I. *Бумаги Чарнышей*, представляющія собою, главнымъ образомъ, юридическіе документы объ имущественнымъ отношеніяхъ вдовы генер. судьи Евдокіи Константиновны Чарнышъ (падчерицы гетмана Скоропадскаго) съ ея пасынками и дѣтьми. Эти документы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о семейственныхъ отношеніяхъ высшаго сословія въ старой Малороссіи и о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница. Въ этихъ же бумагахъ находится довольно полный перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Тутъ же помѣщены нѣ-

*) Очень много интересныхъ семейныхъ бумагъ напечатано гр. Г. А. Милорадовичемъ въ его книгѣ — „*О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей.*" (Кіевъ. 1871 г.).

сколько документовъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей, происходившихъ отъ Мазепиного пасынка. Самый замѣтный изъ Фридрикевичей, Григорій Григоріевичъ, славившійся своею дѣловитостью, въ к. XVIII в., былъ женатъ на внучкѣ генер. судьи Чарныша, передавшей свои имѣнія по бездѣтству, брату мужа.

II. *Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ П. С. Милорадовичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ, а потомъ мужемъ И. С. Лашкевичемъ.*

Главная часть этой переписки касается самовольнаго замужества дочери П. С Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, при покровительствѣ „бабушки", т. е. тещи Милорадовича *). Вся эта переписка рисуетъ намъ частную жизнь новонародившагося тогда малорусскаго дворянства, при чемъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ типическое лице умной и энергической Н. С. Полуботокъ, письма которой свидѣтельствуютъ о томъ значительномъ развитіи, которое могла имѣть малорусская женщина втор. полов. XVIII в. Настасья Степановна пользовалась въ семьѣ особымъ почетомъ, на что указываетъ и надпись на сохранившемся ея портретѣ **).

III. *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и отрывочныя письма изъ переписки послѣдняго съ своими знакомыми (1789—1800 г.г.).*

Переписка отца съ сыномъ касается преимущество хозяйскихъ дѣлъ, указывая на чемъ сосредоточивались интересы

---

*) Нѣсколько бумагъ, касающихся этого брака, напечатано въ книгѣ— *О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей*, стр. 46—50 и 58—60.

**) На этомъ портретѣ имѣется такая надпись:

„1801 г., іюня 30 дня. Зри ся здѣсь Анастасію Полуботкову, жену добронравну, коя обычаемъ въ мирѣ влечетъ жизнь православну; шестдесятъ девять лѣтъ вѣку истекаетъ, шестарыхъ внукъ и двѣнадцать правнукъ питаетъ милостью, любовью и искренностью вседушно."

„1802 г., апрѣля противъ 20-го, почью, зрищи здѣсь добродѣтельная жена въ жизни своей бывши блаженна, въ грусти нашей преставилась, сочтя и сей же день являсь вишнего совѣта готовая дать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ. О, Боже, прійми душу ея и упокой прахъ".

тогдашняго панскаго хозяйства. Тутъ же находятся и нѣкоторыя подробности тѣхъ мѣръ, которыя принималъ П. С. М—чъ, преслѣдуя самовольное замужество дочери.

IV. *Любецкіе акты* (*1637—1708 г.г.*) заключаютъ въ себѣ одни юридическіе документы; ихъ не много, но они даютъ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго уголка Черниговщины, который будучи защищенъ отъ сосѣдей болотами, сохранялъ дольше другихъ мѣстностей архаическія формы въ общественномъ быту.

Какъ необходимое пособіе при чтеніи помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ семейныхъ бумагъ, прилагаются отрывки изъ родословниковъ Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

Кромѣ того, къ книгѣ приложены три портрета (цинкографіи): 1) „бабушки“ Настасьи Степановны Полуботокъ, 2) Григорія Петровича Милорадовича и 3) жены его, Александры Павловны, рожденной Кочубей.

А. Лазаревскій.

РОДОСЛОВНИКИ

Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

1. Чарныши.

№ отца.

1. **Иванъ Чарнышъ**, въ 1698 году войсков. канцеляристъ: въ 1700 г.—«господарь замку батуринскаго»; въ 1709 г.—полковникъ гадяцкій и въ 1715 г. генеральный судья. † 1728 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ поселепъ послѣ суда надъ нимъ и и другими участниками въ дѣлѣ Полуботка.

Ж. 1-я, *Елена Степановна Гречаная*. 2-я, *Евдокія Константиновна Голубовна*, отъ брака *К. Голуба* съ *Настасьей Марковной*, бывшей во второмъ замужествѣ за гетманомъ Скоропадскимъ. † 1743.

2. **Иванъ**, отъ перваго брака, бунчук. товарищъ . . . . . . 1.
3. **Петръ**, отъ перваго брака . . . . 1.
4. **Иванъ**, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.
5. **Семенъ**, отъ втораго брака † 1742 . . . . 1.
6. **Яковъ**, отъ втораго брака, войск. канцеляристъ † 1745.
   Ж. Марфа Степановна Ширай, бывшая потомъ замужемъ за *Михайломъ Васильевичемъ Скоропадскимъ*, генер. есаул. 1.

   Настасья, отъ втораго брака † 1742. М. *Забѣла* . . . . . 1.

   Анна, отъ втораго брака † 1745. . . . . 1.

   Елена, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.
7. **Иванъ**. . . . . 2.
8. **Данило** . . . . 2.
9. **Александръ** . . . . 2.

   Анна. *М. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ* . . . . . 6.

2. Фридрикевичи.

1. **Самуилъ Фридриковичъ Козма**, полковникъ бѣлоцерковскій, прежде 1653 г. По грамотѣ 1653 г. Яна-Казиміра, «шляхетнымъ Самуилу Фридраку, полковнику давнему и тестю его Семену Половцю» подтверждены мельницы на р. Роси, на *грунтѣ Буки*. По акту 1660 г., «славетный п. Самуель Фридриковичъ Козма, бывшій полковникъ бѣлоцерковскій», купилъ въ Бѣлой-Церкви домъ, «прозываемый Аврамковскій». Ж. *Дочь Семена Половца*, полковника бѣлоцерковскаго. 2-й *ея мужъ* гетманъ *Иванъ Мазепа.*
2. **Криштофъ**, сотникъ седневскій, 1699 † 1700 . . . . . . 1.
   Ж. *Катерина Богдановна Войцеховичъ.*
3. **Григорій**, бунчук. товар. Ж. *Федосья Степановна Томара.* 2-й ея мужъ *Степанъ Леонтовичъ* [1]).
   Марья. М. 1-й, сынъ стародубскаго войта Спиридона Шираи. 2-й, неизвѣстный полякъ. Умерла монахинею въ Макошинскомъ дѣвич. монастырѣ. . . . . 1.
   Евдокія. М. Федоръ Грембецкій, значк. товар. . . . . 1.
   Анна. М. *Константинъ Савичъ,* [2]) сотникъ любецкій . . . 1.
4. **Григорій.** дѣйств. статск. сов., 1797. Ж *Анна Яковлевна Чарнышъ.* Потомства не оставилъ. . . . . 3.

3. Леонтовичи.

1. **Степанъ Леонтовичъ**, хоружій полк. черниговскій. Ж. *Федосья Степановна Томаровна*, вдова Григорія Фридрикевича. См. выше.
2. **Степанъ**, полковникъ. Ж. *Софья Васильевна Дунинъ-Борковская* [3]) . . . . 1.

---

1) „По смерти покойного Григорія Фридрикевича, оставшаяся жена его Томаровна вышла замужъ за Стефана Леонтовича, неслужачого, который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго сотника Войцеховича, сотника седневского, инспекторомъ, и тамъ зъ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ, не такъ якъ пристойно“. Показаніе сотника Рыиши въ 1728 г.

2) О его потомствѣ см. ниже, стр. 49.

3) См. Опис. Стар. Малороссіи. 1, 469.

3. **Иванъ**, бунчук. товар.. . . . . 1.
Настастья, р. 1732 † 1802. М. *Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ* († 1752), который женился на Настасьѣ вдовцемъ, послѣ смерти первой своей жены Анны Андреевны Стаховичъ . . . . . 1.
Пелагея. М. *Лаврентій Андреевичъ Раковичъ*, майоръ . . . 1.
Катерина. М. *Василій Ивановичъ Силичъ*, надв. совѣтникъ. 1.
Анна. М. *Павелъ Ивановичъ Лысенко*, бунчуков. товарищъ . 1.

---

4. Полуботки.

Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ, внукъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, бунчук. товарищъ. Род. 1724 † 1752. Ж. съ 1745 г., *Настасія Степановна Леонтовичъ*, р. 1732 † 1802.

Отъ этого брака было двѣ дочери:

1. **Софья**, род. въ 1747 г., вышла замужъ за черниговскаго полковника *Петра Степановича Милорадовича* въ 1764 г., умерла въ 1773 г.
2. **Федосья**. М., бунчук. товарищъ *Михаилъ Михайловичъ Стороженко.*

Отъ брака П. С. Милорадовича съ Софьей Семеновной Полуботокъ, въ 1760 г., родилась дочь *Настасья*, вышедшая въ 1789 г замужъ за секундъ-майора *Ивана Степановича Лашкевича*. Настасья Петровна умерла въ 1833 году и похоронена въ с. Брахловѣ, въ церкви, а Иванъ Степановичъ умеръ въ 1822 году и похороненъ въ церкви въ с. Жукоткахъ.

Отъ брака М. М. Стороженка съ Федосьей Семеновной Полуботокъ родился сынъ *Николай Михайловичъ Стороженко* [1]), бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ и умершій въ 1815 г. Женатъ онъ былъ на *Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ*.

---

[1]) Въ текстѣ, на стр. 49-й, ошибочно сказано, что у Михайла Михайловича Стороженка дѣтей не было.

Оглавленіе.

I. Бумаги Чарнышей.

стр.

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября . 1

2. Запись вдовы генер. судьи Ивана Чарныша, Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ на недвижимыя имѣнія. 1733 г. 2

3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня. 6

4. Подписка бунч. товарища Ивана Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня. 8

5. Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 25 февраля. 10

6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 4 іюля. 12

7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря 18

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта 20

9. Протестъ дочери Якова Чарныша Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта . . 27

стр.

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1766 г., 16 мая. 35
11. Духовное завѣщаніе дѣйств. ст. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля 38
12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Леонтовичей. 1799 г., 9 сентября. . 44
13. Выписка изъ «реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Еньковою, оставшимся по Гр. Гр. Фридрикевичу». 1799 г. 47

II. *Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.*

1—32. Письма П. С. и Г. П. Милорадовичей, Н. С. Полуботокъ, И. С. и Н. П. Лашкевичей. 1788—1789 гг. . . 50—85
33. Рѣшеніе городницкаго уѣздн. суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу Н. С. Полуботокъ и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября. 85
34. Прошеніе П. С. Милорадовича новгородъ-сѣверскому архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ. 94
35. Постановленіе сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С Лашкевича 1779 г., 22 мая 96
36. Рѣшеніе новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на сосницкій уѣздный судъ за дозволеніе дочери его выйти замужъ. 1790 г., 5 декабря. 99
37. Рѣшеніе новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 28 января . 103
38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа. 108

стр.

3 Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1760 г. 11 іюля 111

4 Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботокъ. 1791 г., октябрь 113

4 Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г. 115

4 Уступочная запись Н. С. Полуботокъ своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. И. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1761 г., октября 116

4–74. Письма И. С. Лашкевича къ женѣ. 1760—1801 гг. 159—197

7–128. Письма Настасьи Степановны Полуботокъ къ Н. И. Лашкевичъ и къ ея мужу. 1789—1801 г. . . . . . . 159—187

II *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему Трощинскаго, Тутолминой и П. В. Завадовскаго, 1789—1800 г.* 199—226

IV. Любецкіе акты.

Купчая лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., 9 іюня . . . 227

Купчій листъ любецкаго мѣщанина Демида Брагница на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержновичу и Гришку Кужелевичу комору съ плацомъ. 1656 г., 7-го сентября 227

Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданныя п. Калиннку Манку грунта. 1658 г., 18 іюля. 228

Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку грунты. 1658 г., 27 іюля 218

Долговая росписка любецкаго земянина Опанаса Евсѣевича Щуковскаго священнику пятницкому за пчелы и жито. 1656 г., 28 декабря. 229

Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ. 1660г. —

7 Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ. 1660 г, 5 апрѣля 2

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксинн Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля 2

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г. 1 мая . . 2

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный пятницкому священнику огородъ съ садовиною. 1661 г., 24 апрѣля. 2

11. Тестементъ лоевскаго мѣщанина Семена Васильевича. 1667 г., 27 января 2

12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1669 г., 19 апрѣля . . 2

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоровичемъ Дейковичемъ о грунтѣ. 1671 г., 28 іюля 2

14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюгою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о грунтѣ. Року теперъ и другого 1671, августа 7 дня. . . . .

15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Проконовичу пляцъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1674 г., 15 января. 23

16. Запись кротынской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угадьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., марта 15 дня 23

17. Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщнину Степану Маковичу. 1675 г., 7 іюля . 23

18. Купчій листъ Ланка Мартыновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1676 г., 28 мая 239

стр.

19. [П]родажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка Кириллу Чо[р]утченку на грунты. 1677 г., 25 апрѣля. 240
20. [Д]олговая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юш[к]овича Мишку Игнатовичу Волошанину. 1678 г. 241
21. [Р]осписка рѣпицкаго священника Өедора Семеновича [М]ихалю Тимофеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за от[к]азанный ему за требу грунтъ. 1678 г., 9 іюня. 241
22. [К]упчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на продан[н]ую Гурину Зубашенку половину грунта. 1679 г., 15 декабря. 241
23. [Д]олговая росписка лоевскаго мѣщанина Васка Лодена [М]ишку Игнатенку. 1680 г., 1 февраля 242
24. [З]акладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича [Т]ипака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на [о]городъ. 1680 г., 5 апрѣля. 242
25. [Г]радовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ [Н]ичипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. 1681 г., 12 апрѣля 243
26. [З]акладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игна[т]овичу. 1682 г., 20 апрѣля. 244
27. [К]упчій листъ любецкаго земянина Клима Кирѣйченка [И]вану Масловцу на грунты. 1684 г., 1 августа 244
28. [К]витанція, выданная Гаврилом Янченкомъ Авраму [И]ваченку въ уплатѣ долга. 1684 г., ноября 9 дня . . . 245
29. [В]ыпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго. О со[г]лашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною [О]ксевною Андреехой Безбожненковой относительно вла[д]ѣнія грунтами. 1687 г., 28 февраля 246
30. [Д]екретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами [н]а священника Пронковича о захватѣ земли. 1688 года, [1]8 іюня 247
31. [Т]естаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича [К]озачка. 1686 г., 29 сентября 248
32. [Р]ѣшеніе любецкаго уряда по спору Андрея Злобы съ Осковъ Злобою объ огородѣ. 1691 г., 10 августа. . . . 250

стр.

33. Выпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго, о продажѣ Исакомъ Голобоярниновичемъ части грунта своимъ сябромъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. 1693 г., 11 іюля 251
34. Обликъ, выданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чеховъ. 1696 г., мая 8 252
35. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г., 27 іюля . . . . —
36. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. 1701 г., 21 августа. . . . . —
37. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ, о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20 254
38. Жалоба Ивана Коробка на пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ 254

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА Г. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Подъ этимъ заглавіемъ съ настоящей книги „Кіевск. Старины“ будетъ печататься въ приложеніи Сборникъ историческихъ документовъ изъ Любецкаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Предисловіе къ сему приложенію и нужныя объясненія будутъ напечатаны въ концѣ года.

А. Л.

I. Бумаги Чарнышей.

---

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября.

Року 1710, мѣсяця ноеврія 9 дня. Вѣдомо чиню симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ теперъ и въ потомніе часи всякому таковому, хто бы потребовалъ зъ близкихъ, далнихъ, кревнихъ моихъ и изъ звѣрхностя на тотъ часъ быти маючой о семъ, же Содѣтеля судбами при его жъ благословеніи Бозскомъ и родителскомъ, поймуючи я въ доживотное сожителство ей мосцѣ благородную панну Евдокію Константиновну Голубовну зъ дому високоповажного рейментарского ясневелможного его милости пана Иоана Скоропадского, войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, ясневелможной ей мосцѣ панеи Анастасіи Марковни гетмановой родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною силоженныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матерѣ ей мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ. При той зась опецѣ дѣтей моихъ, записую всѣ добра власнимъ коштомъ зъ праци моей и заслугъ войсковыхъ набутіе, тоесть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукняхъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчінхъ угодіяхъ господарскихъ, подъ именемъ моимъ теперъ въ мене обрѣтаючіеся и впредь сполне, подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути, сподѣваючіеся (уховай Боже на мене термѣну смертного безвременного или въ состарѣлости временно, аще би и безпотомне пришлося оста-

вити) за preречонимя двома синами моими, все отъ мала до велика благородной панеи Евдокіи ровнымъ дѣломъ по половинѣ. Если жъ вседаровитій Господь подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ ей мосцѣ панеи Евдокіи заховавши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити, симъ рукоданнимъ писаніемъ моимъ, зъ притѣсненіемъ власной печати сегнетовой, во вѣчніе роди ствержаю. Данъ въ Глуховѣ. Року и дня вышеописанного. На подлѣнномъ подписано: Іванъ Чарнышъ, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского Гадяцкій рукою власною подписуюся.

Его царского пресвѣтлого величества министръ и кавалеръ Андрей Измайловъ.

Року 1729, септеврія 30 дня. Сіе вышеписанное писмо отъ велможной ея милости панѣи Анастасіи Марковни Иоанновой гетмановой Скоропадской, дочери ей велможности панѣи Евдокіи Константиновой Голубовни отъ покойнаго малжонка ей пана Ивана Чарниша, полковника Гадяцкого, данное, въ ратушу Глуховскомъ при доношеніи презентовано и въ книги мѣскіе вписано, а для увѣренія въ потомніе часи на семъ же писмѣ руками своими при печати врядовой подписуемся. Року и дня вышеспецѣкованнихъ. Ѳеодоръ Омеляновичъ, сотникъ Глуховскій. Стефанъ Уманецъ, атаманъ Глуховскій. Іосифъ Ивановичъ, войтъ. *(Съ копіи).*

2. Запись вдовы генеральнаго судьи Ивана Чарныша Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ, на недвижимыя имѣнія. 1733 г.

Року 1733, іюня « » дня. Я Евдокія Константиновна Голубовна, Іванова Чарнишева, судѣна енералная, вдова, на всякомъ судѣ и урядѣ и на всякомъ правѣ, кому колвекъ о семъ теперь и въ потомніе часы вѣдати потреба укажетъ, симъ моимъ доброволнымъ уступнымъ записомъ чиню вѣдомо, ижъ 1724 року, по указу блаженной и вѣчнодостойной памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійского, его императорского величества, мужъ мій Іванъ Чарнишъ, судія войсковый енер., отехавши зъ Малой Россіи, зъ дому своего въ Санктпитербурхъ, оставилъ мене при малыхъ дѣтяхъ безпомощну во всякихъ турбаціяхъ и клопотахъ отъ многихъ турбато-

ровъ и претендентовъ на имя его мужа моего вщатихъ, зъ которихъ я иніе судомъ, а иніе рада не рада миромъ, зъ урономъ здоровя моего и зъ знатнимъ коштомъ, сопратила. А по смерти его, (который въ 1728 року, декабра 11, жизнь свою въ Москвѣ окончилъ), и болшіе що разъ непрестанніе напасти отъ турбаторовъ чрезъ позви уставичне несучи, пришла уже во всеконечное изнеможеніе въ здоровю, а въ субстанціи въ крайнюю скудость и разореніе. Того ради завременно, хочай при остатку здоровя моего, однакъ при полномъ разумѣ, чрезъ сей мой доброволный записъ, вливаю право мое, уступаю, записую и вовси во вѣчное и неотзовніе часы даю, дарую и во владѣніе пущаю дѣтамъ моимъ: тромъ сынамъ Івану, Семену и Якову Чарнишамъ, да тремъ дочерамъ Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ Чарнишовнамъ половину всѣхъ добръ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи отцемъ ихъ Іваномъ Чарнишемъ, судіею войсковымъ енер., зъ праци и зъ заслугъ войсковыхъ, такъ до понятя моего имъ въ малженство, яко и въ малженствѣ со мною купно общими трудами его и моею працею, нажитомъ и всякимъ способомъ набутомъ, яко то въ селахъ Боркахъ, Митченкахъ, Сарахъ, Цѣпкахъ, Сваткахъ, Круткахъ и во всѣхъ къ тимъ селамъ принале̃жныхъ угодіяхъ, хуторахъ, поляхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, пасѣкахъ, степахъ, лукахъ, байракахъ, левадахъ, гаяхъ, лѣсахъ, пущахъ, борахъ, дворахъ, млинахъ, ставахъ, гребляхъ, озерахъ и во всѣхъ другихъ, въ броварахъ, солодовняхъ, винокурняхъ и всякимъ именемъ и прозваніемъ зовемихъ дворахъ недвижимыхъ, и въ движимомъ имѣніи, въ злотѣ, срѣбрѣ, клейнотахъ, перлахъ, сукняхъ, въ бидлѣхъ и въ пчелахъ, и во всѣхъ рухомостяхъ, що колвекъ тилко движимимъ имѣніемъ назватись можетъ, во всемъ томъ едностойне, такъ въ недвижимомъ, яко движимомъ имѣніи, подлугъ запису вѣчистого мнѣ отъ отца ихъ, а мужа моего въ 1710 року, нояб. 9 дня, за подписаніемъ власной руки его и при печати, предъ государевымъ министромъ и кавалеромъ Андреемъ Измайловымъ, въ той часъ въ Малой Россіи при гетману Скоропадскомъ минѣстерскими дѣлами правившомъ, и за подписаніемъ руки его минѣстерской данного, належную записанную и опредѣляемую; и по силѣ контентовъ того запису, имъ дѣтямъ моимъ шестомъ тую половину мою во всемъ вишеписанномъ имѣніи позволяю раздѣлно и нераздѣлно держать и владѣть вѣчными часи и акъ хотя на свой пожитокъ употребляти, и волно имъ есть и будетъ дать, даровать, замѣнять и во всякіе крѣпости утвердить, однакъ въ чужіе руки не упущать, чтобъ отческій ихъ домъ не звелся. Но еслибъ ко-

торому или которой и нужда была свою часть и жеребъ збути, то никому иному, токмо братъ брату, сестра сестрѣ, или братъ сестрѣ, сестра брату волни суть и будуть дать, даровать, замѣнять, продать и во всякіе крѣпости утвердить и записать вѣчными часи. А понеже въ томъ же записѣ покойного мужа моего зверхъ помянутой на мене опредѣленной половини, зъ другой половины одна половина на пасынковъ моихъ Івана и небожчика Петра, а другая половина на дѣтей моихъ вижемененныхъ опредѣленна и записанна, теды и оную половину зъ другой половини имъ же дѣтямъ моимъ во вѣчность тутъ же при мененной моей половинѣ подтвержаю и уступаю, и записую вѣчними часи, а себе отъ всего того отдаляю вѣчними часи. А для лучшого и твердѣйшого имъ въ потомніе часи, имъ шестомъ дѣтямъ моимъ, всѣхъ вижписанныхъ добръ владѣнія при семъ моемъ записѣ вручаю и отдаю имъ же дѣтямъ моимъ всѣ крѣпости къ онымъ добрамъ стягаючіеся, яко-то: высокомонаршую жалованную грамоту, гетманскіе унѣверсалы и многие купчіе записи и мунѣменты, которимъ всѣмъ особливый реестръ при семъ записѣ уступномъ моемъ отъ мене сообщенъ. Если жъ якіе въ тыхъ добрахъ, мною уступленныхъ, отъ кого произошли бъ въ чомъ претенсіи и якіе суть въ судѣ енер. на мое имя и на мужа моего вщатіе, то уже мимо мене онымъ всѣмъ дѣтямъ моимъ настоящіе и будучіе претенсіи отправлять и обстоювать, и всякіе здѣлки чинить по разсмотренію и по совѣту кревныхъ моихъ. Внесение же мое и отчистіе мои добра Подоловскіе, такожъ отъ покойной матки моей ясневелможной г-жи гетмановой Анастасіи Марковны Скоропадской купленіе для мене грунта и мнѣ данніе, и потому теперь въ моемъ владѣнія зостаючіе, при себѣ оставляю до смерти моей, а по смерти моей тимъ же вишписаннимъ дѣтямъ моимъ тромъ синомъ и тромъ дочерамъ и тое все въ ровный дѣлъ принять и вѣчными часи, якъ хотя, по волѣ и подобаню своемъ, раздѣлно или нераздѣлно, владѣть по сему жъ моему запису. О которомъ то внесеню и объ отчистихъ моихъ добрахъ Подоловскихъ, тако жъ покойною маткою моею купленныхъ и мнѣ во владѣніе данныхъ (если Богъ мнѣ время на то узичитъ) при помочи его Божеской именное завѣщаніе учинить не оставляю. Сей же записъ уступный и права моего вливокъ чиню дѣтямъ моимъ по силѣ пречоннего запису мужемъ моимъ мнѣ данного, для того, что оный записъ мужа моего и въ немъ вираженіе контента зъ 1710 нояб. 9 по 1728, по смерть мужа его, имъ же мужемъ моимъ нѣгде не отмѣненъ и нѣ въ чомъ не времѣненъ во все его житіе, а по смерти его

отнюдь нѣяким и жадним судомъ зъ оного 1710 году, чрезъ 23 лѣта по сейчасъ, не скассованъ и не отставленъ, но и наче всего смертію покойного мужа моего потвержденъ. И того ради я оному запису мужа моего согласуя, контента въ немъ вправженніе цѣло и ненарушно дѣтямъ моимъ вездѣ и завше содержать и вовся хранить, и иле волю отца своего остаточную со всякимъ усердіемъ, обстояніемъ и заступленіемъ исполнять, оберегать, боронить и защищать всячески материнско приказую, ибо тотъ записъ мужа моего, если взглядомъ опеки дѣтей моихъ внушить, теди до возрасту совершенныхъ лѣтъ мененныхъ пасинковъ моихъ я привела общею отца ихъ и моею працею, а моихъ дѣтей тожъ въ добромъ воспитаніи содержала я, въ наученіе школъ латинскихъ кіевскихъ давала и на нихъ належніе добра волею моею не роспорошила и подданныхъ въ маетностахъ лишними чиншами не отягчила и не розгнала. Сего ради взглядомъ опеки оный записъ мужа моего нѣгдѣ кассованъ быти не можетъ. Взглядомъ половини въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, на мене отъ мужа моего опредѣленной, если разсудить, то не толко тогда наличное мужъ мой имѣніе свое мнѣ записалъ, но и чаемое, почитай тое, которое имѣлось набути общою его мужа моего и моею працею, и потому онъ, мужъ мой, что до понятія моего зъ набутого имъ мнѣ половину записалъ, то вмѣсто того зъ набутого зъ нимъ працею моею первобрачнымъ дѣтямъ своимъ сынамъ зъ половины половину жъ записалъ, а другую половину зъ половины дѣтямъ зъ нимъ прижитымъ опредѣлилъ тимъ же записомъ. Зъ чего видно, что въ семъ контентѣ запису мужа моего не объ одной мнѣ рѣчь, но и о дѣтяхъ а дѣтей родителемъ роспоражать, якъ хотя волно и сылно по своей волѣ ку подобаню и по своему разсмотрѣнію. Зачимъ и взглядомъ опредѣленія на мене и на дѣтей въ томъ записѣ мужа моего воля виражениая неповинна по праведному разсмотрѣнію быть въ премѣненіи, ибо свое имѣніе зъ праци и заслугъ войсковыхъ набутое, воленъ былъ онъ, покойный мужъ мой, не токмо мнѣ женѣ своей и дѣтямъ своимъ, но мимо мене и дѣтей моихъ, кому чужому и не токмо часть или половину, но и все записать и вѣчне отдалить. А наче всего понеже тотъ записъ учиненъ и данъ мнѣ мужемъ моимъ предъ особливѣйшимъ урядомъ малороссійскимъ, то есть предъ государевымъ министромъ въ Малой Россій минѣстерскіе дѣла въ ту пору содержавшимъ и для совѣту при гетману бывшимъ и рукою его минѣстерскою закрѣпленъ, потомъ и предъ ординарнымъ ратушнымъ урядомъ сотнѣ Глуховской, вскорѣ по смерти мужа моего презенто-

ванъ. Теди оныхъ и вышнамененыхъ ради причинъ записъ оный мужа моего во исполненіе приводячи, я учинила сей мой уступный вѣчистий дѣтямъ моимъ власнымъ записъ, за совѣтомъ кревныхъ моихъ зъ прошенія моего зде подписавшихся. А я, яко, неграмотная къ сему моему запису печать мою приложила. *(Настоящій актъ никѣмъ не подписанъ, изъ чего можно думать, что онъ былъ только проектомъ).*

3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня.

Я нижеименованная, зъ сынами моими нижеименованными жъ, даю сію мою доброволную росписку пасинку моему пану Ивану Чарнишу въ томъ, что я въ позосталихъ матки его, а мужа моего первой жени, такожъ въ оставшихся мужа моего, а его отца движимихъ и недвижимихъ имѣніяхъ, поговоря между собою, полюбовно помѣрились и подѣлились нижей слѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленними и жалованними, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ болшій дворъ съ прочіими дворами имѣючимися, уступила я ему пасинку моему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нинѣ отъ Гречаних, которій споръ долженъ онъ, пасинокъ мой, самъ очищать, а ежелибъ какимъ нибудь случаемъ оное село Борки по спору зъ Гречаними не оправдилось и отъ него пасинка моего взято имѣло быть, то тогда взять ему, пасинку моему, и дѣтямъ его въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ ровную часть зъ братами его, а моими синами, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадяцкомъ полку имѣющихся Гадяцкихъ грунтовъ, ибо оніе Гадяцкіе грунты имѣютъ быть при ему, пасинку, и дѣтяхъ его противъ оставленнихъ на мою часть зъ синами въ Лубенскомъ, Стародубовскомъ и другихъ полкахъ. А противъ того приняла я собѣ зъ синами моими въ Нѣжинскомъ полку село Митченки, со всѣми къ нему принадлежащими и купленними и жалованними, и съ тѣми, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ ǵрунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій въ вѣчное жъ владѣніе, а движимое приданное и данное зъ дому Захаревского, что имѣлось у мене и дѣтей моихъ, все безъ остатку, ему, пасинку моему, отдала, движимое же имѣніе мужа моего Ивана Чарниша, бывшого судіи енералного, алмазніе вещи, денги и протчое, что надлежитъ до женска полу, тое я удержала при собѣ

зъ дѣтми моими, на часть мою и для видачи дочерей, а зъ движимого надлежащого до мужска полу мужнего имѣнія, платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть ему, пасинку моему зъ братами его, а моими синами, я уступила и все безъ остатку принадлежащое на часть его ему пасинку моему отдала, и зъ сребраной, олованой и мѣдной посуди равную часть со мною и зъ синами моими и зъ дочерми онъ, пасинокъ мой, безъ остатку принялъ. Сторони же долговъ, какъ нынѣ имѣется Кропоткиново исканіе о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредь которіе покажутъся на мужа моего, то оніе долги, если по указу и по суду доведетъся платить, якъ сини мои, такъ и онъ, пасинокъ мой, равномѣрно платить равную часть должны безъ всякого между собою спору. А о ґрунтахъ, которіе зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очищать и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякіе крѣпости на тѣ ґрунта, кому чимъ въ сей раздѣлки, показанно владѣть, между собою разобрали, владѣть. Объ отнятихъ маетностяхъ, которіе по жалованной грамотѣ достались были мужу моему во владѣніе, онъ, пасинокъ мой, зъ синами моими таковую между собою полюбовную постановили раздѣлку: ему, пасинку моему, съ отнятихъ маетностей искать и старатъся объ Сарахъ и Круткахъ своимъ собственнимъ трудомъ и коштомъ, и буде получить, то ему и наслѣдію безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а синамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣнковъ своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ синамъ моимъ оними владѣть вѣчно жъ со всѣми къ нимъ принадлежащими угодія; жалованная грамота на маетности хотя по силѣ полюбовного нашего договору остается при мнѣ и синахъ моихъ, однако жъ я копію за рукою моею и синовъ моихъ дать должна ему, пасинку моему, съ такимъ обовязателствомъ, что когда пасинокъ мой и дѣти его востребуютъ подлиной, то я, и по мнѣ сини мои должни будутъ оную подлинную по первой присылки безъ всякой отговорки дать подъ опасеніемъ за неприсилку штрафа. А онъ, пасинокъ мой, и по немъ дѣти его должны за оною грамотою писать ко мнѣ, а по мнѣ, до синовъ моихъ и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаніемъ того именно, что ему въ дачи оной грамоти можно вѣрить и тотъ би въ пріемѣ оной росписовался, которую онъ, пасинокъ мой, и дѣти его знову должны возвратно ко мнѣ присылать и до синовъ моихъ, а я, и по мнѣ сини мои, въ полученіи оной

росписку дать присланному повинни. И впредь намъ, мнѣ, дѣтамъ моимъ, такожъ пасинку моему и дѣтамъ его вишеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватись вѣчно безъ всякого спору и намъ на него ни въ чемъ вишеписанномъ ни въ которого суда нинѣ ни впредь ни бить челомъ.

Въ подлѣнной подписанно тако: Къ сей полюбовной раздѣлочной росписѣ вомѣсто Евдокіи Константиновой дочери, Ивана Чарниша жени, по ея прошенію бунчуковій товаришъ Михайло Скоропадскій руку приложилъ. Къ полюбовной раздѣлочной росписѣ Иванъ Чарнишъ руку приложилъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ Семенъ Чарнишъ за себе и за брата своего родного малолѣтного Якова Чарниша руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлкѣ я генералній подскарбій Андрей Марковичъ свѣдителемъ былъ и руку приложилъ. *Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе, что актъ сей по просьбѣ бунч. тов. Ивана Чарныша въ книги мѣскія Глуховскія вписанъ, 1736 г., 6 сентября, при чемъ засвидѣтельствованіе подписами: Даміанъ Туранскій, атаманъ Глуховскій. Значк. полку Нѣжинского товаришъ и правящій за войта ратуши Глуховской Романъ Яновичъ. Бурмистръ Глуховскій Матвѣй Дмитріевъ. Сотенній Глуховскій писарь Василь Жураховскій. (Съ копіи).*

4. Подписка бунч. товарища Ивина Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня.

1735 г. іюня 4 дня. Я нижеименованный даю сію мою доброволную росписку мачихи моей панеи Евдоки Костянтиновой дочери Івановой Чарнишевой, вдовствующей судиной енералвой, тако жъ синамъ ея, а моимъ братамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ да дочерямъ ея, а моимъ сестрамъ, Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ, въ томъ, что я въ позосталыхъ матки моей, таковожъ въ оставшихся отца моего Івана Чарныша, бывшого суди енералного, движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговора межъ собою полюбовно съ нею, мачихою моею, братями и сестрами моими, помирились и подѣлились нижеслѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ Гадячи болшимъ дворомъ и протчими дворами имѣючимися, принялъ я во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нынѣ отъ Гречаныхъ,

который споръ я долженъ самъ очищать, а ежели бы какимъ нибудь случаемъ оное село Борки, по спору зъ Гречаными неоправдилось и отъ мене взято имѣло быть, то тогда взять мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ равную часть зъ братами моими, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣючихся грунтовъ, ибо оные Гадяцкіе грунта имѣютъ быть при мнѣ и дѣтяхъ моихъ противъ оставленныхъ на часть ея мачихи моей и братовъ моихъ въ Лубенскомъ и Стародубовскомъ и другихъ полкахъ имѣючихся грунтовъ, а противъ того приняла она, мачиха моя, зъ сынами своими, а моими братами, себѣ въ Нѣжинскомъ полку село Митченки со всѣми къ нему принадлежащими, купленными и жалованными и съ тими, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій, въ вѣчное жъ владѣніе. А движимое приданное и данное зъ дому Захаревскаго[1]) что имѣлось у ея, мачихи моей, и въ дѣтей ея, тое все мнѣ она, мачиха моя, отдала. Движимое же имѣніе отца моего Івана Чарныша, алмазныя вещи, деньги и протчее что надлежитъ до женска полу, тое она, мачиха моя, удержала при себѣ зъ дочерми своими, а сестрали моими, на часть свою и для выдачи дочери, а изъ движимого надлежащаго до мужска полу отца моего имѣнія, а именно: платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть мнѣ изъ сынами ея, а моими братами она, мачиха моя уступила и все принадлежащее на часть мою мнѣ безъ остатку отдала, а изъ сребряной, оловяной и мѣдной посуды равную часть съ нею мачихою моею, зъ братями и зъ сестрами моими я безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нинѣ имѣется Кропоткиново искание о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредъ которые покажутца на отца моего, то оные долги, ежели по указу и по суду доведется платить, якъ браты мои, а ея мачихи моей сыны равномѣрно платить равную часть со мною должны, безъ всякого между собою спору, а о грунтахъ, которые зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очистки и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякие крѣпости на тѣ грунты, кому чимъ въ сей раздѣлки показано владѣть, между собою розобрали. Объ отнятыхъ маетностяхъ, которые по жалованной грамотѣ достались были отцу моему во владѣніе я и вышепомянутые братя мои таковую полюбовную между собою постановили роздѣлку:

---

[1]) Мать бунч. тов. Чарныша Елена Степановна Гречаная была родною племянницею Харьковскаго полковника Федора Захаржевскаго.

мнѣ зъ отнятыхъ маетностей искать и старатся объ Сарахъ и Круткахъ, моимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде получу, то мнѣ и наслѣдию моему безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а имъ братамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ, своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ братамъ моимъ владѣть оными жъ вѣчно со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи. Жалованная грамота на маетности, хочай по силѣ полюбовного нашего договору и остается при ней мачихѣ моей и сынахъ ея, однакожъ она, мачиха моя, за руками своею и сыновъ своихъ, копію дать мнѣ должна съ такимъ обовязателствомъ, что когда я и по мнѣ дѣти мои востребуютъ подлинной, то она мачиха моя и по ней сыны ея, а мои браты должны будутъ оную подлинную отдавать по первой присылкѣ безъ всякой отговорки, подъ опасениемъ за неприсылку штрафа, а я и по мнѣ дѣти мои должны за оною грамотою писать къ ней мачихе моей и по ней до сыновъ ея и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаниемъ его и того именно, что оному человѣку въ дачи той грамоты можно вѣрить и тотъ бы въ пріемѣ оной росписывался, которую грамоту я и по мнѣ дѣти мои знову должны возвратно къ ней, мачихѣ моей, и къ сынамъ еи присылать, и она и по ней сыны ея въ полученіи оной росписку дать присланному повинны. И впредь намъ, мнѣ и дѣтямъ моимъ, такожъ ея мачихѣ моей и дѣтямъ ея вышеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватися вѣчно безъ всякого спору и мнѣ на еи мачиху мою, а еи на мене, ни въ чомъ вышесказанномъ ни въ которого суда нинѣ и впредь не бить челомъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ бунчуковый товаришъ Іванъ Чарнышъ руку приложилъ. При семъ раздѣлочномъ писмѣ секундъ маэоръ Іванъ Семеновъ сынъ Неплюевъ свидетель былъ и руку приложилъ. Объ уплатки долговъ, что здѣсь написано со мною значитъ тое, якъ брати мои всякъ отъ себе по части, такъ и я отъ себе равную часть долженъ платить Іванъ Чарнышъ. По прошенію бунчукового товарища Ивана Чарныша на полюбовномъ обополной стороны писменномъ ихъ определенію во свѣдителство Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронѣжской, своеручно подписался. *(Съ подлинника)*.

5 Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1755 г., 25 февраля.

Року 1745, февраля 25-го дня. Я ниже подписанній обявляю симъ моимъ записомъ, кому вѣдать подлежатиметъ, что женившись

въ 1744-мъ году на сестрѣ бунчукового товарища Федора Ширая Марфѣ Стефановой дочери, дѣвицѣ, взялъ за нею доволній посагъ въ клейнотахъ, золотѣ, сребрѣ, готовихъ денгахъ, сукняхъ, платьи бѣломъ и въ протчемъ, на что все зъ яснимъ показаніемъ, что именно взято и зъ надлежащою, по силѣ правъ малороссійскихъ, денгамъ, золоту, сребру, жемчугу и другимъ клейнотамъ оцѣнкою совито, то есть у двое, а сукнямъ, платю бѣлому, лошадямъ и протчому безъ совитости, далъ я реченному брату жени моей надлежащій записъ, которого посагу всего по исщисленію вишло на три тисячи восѣмсотъ сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ. Напротивъ же того жени моей посагу, записать ей, по силѣ тѣхъ же правъ малороссійскихъ, вѣна на третей части недвижимого имѣнія моего не успѣлъ, затимъ что по смерти матки моей, которая недавно умре, не возмоглъ еще тогда усмотрѣть совершенно всего своего недвижимого имѣнія, съ которого нѣкоторое опустѣло, и увѣдать можетъ ли третая часть оного моего имѣнія противъ посагу помянутой жени моей стоять и для того тотъ записъ и на урядѣ сознать не возмоглъ. Нинѣ же разсмотра совершенно всѣ свои недвижиміе имѣнія, то есть маетности, мелници, хутори, поля пахотніе и сѣнокосніе, лѣси и протчіе всякіе угодія и смякая цѣну ихъ, чего стоять могутъ и уразумѣвши третую часть тихъ имѣній быть доволную противъ означенного жени моей посагу, съ тихъ имѣній, владѣемихъ мною раздѣлно зъ братомъ моимъ роднимъ по отцу бунчуковимъ товарищемъ Іваномъ Чарнишемъ, третую часть, а именно: слободу Подоловъ, въ сотнѣ Кролевецкой обрѣтаючуюся, на купленнихъ матки моей ґрунтахъ поселенную, зъ полемъ пахотнимъ и сѣнокоснимъ, зъ мелницами, гаями, лѣсами и зъ пасѣкою, и со всѣми надлежащими угодями, утвержденную височайшою жалованною грамотою, да въ городѣ Кролевцѣ комори и два двори зъ подсусѣдками, записую въ вѣно помянутой женѣ моей Марфѣ Стефановой дочерѣ и утверждаю ея въ вѣчное владѣніе, ценою въ 3807 рубл. 40 коп., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ висше показано. Хотя же о помянутомъ посагу жени моей далъ уже я записъ предписанному жени моей брату Өедору Шираю, о чемъ вишше виражено, однаково понеже тотъ записъ еще на урядѣ за висшепоказаннимъ резономъ мною не сознанъ, для того и нинѣ тотъ же посагъ для лучшой впредъ твердости потверждаю и изясняю, что оній состоитъ въ слѣдующомъ: готовихъ денегъ четириста рублей, жемчугу болшого шесть шнуровъ, цѣна оному 150 рубл., жемчугу средного девять шнуровъ, цѣна оному 170

рубл., жемчугу малого одинадцять шнуровъ, цѣна оному 80 р., крестъ алмазній, цѣна оному 70 р., ланцужокъ ġрошковій у сороку червонниxъ, цѣна оному 108 р., перстенковъ алмазнихъ два, цѣна имъ 47 р., третій перстень шафѣровій, цѣна оному 34 р., серги алмазніе цѣна онимъ 13 р., другіе серги рубѣновіе, цѣна онимъ 15 р. Среброной посуди: два пугари болшихъ, пивнихъ, зъ кришками, поднось и дванадцять кубковъ медовихъ, цѣна онимъ 90 р., чарокъ водчанихъ восѣмнадцать, цѣна онимъ 27 р., ложокъ дванадцять, цѣна онимъ 26 р., итого клейнотамъ, золоту и сребру, полагаючи по силѣ правъ малороссійскихъ цѣну вдвое, виходитъ 2458 р. Сукнѣ, а именно: еденъ парчевій, сутій, локоть тринадцять, а локоть парчи по 8 р., пузументомъ широкимъ обложенній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ куничнимъ, ценою у 50 р., итого цѣна оному 154 р., другій кунтушъ парчевій, блакитній, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 12 р., подшитій хутромъ сибѣрковимъ, чорнимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу девятдесятъ сѣмъ рублей; третій кунтушъ парчевій, зеленій, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 80 р., итого цѣна оному кунтушу 157 р., четвертій кунтушъ парчевій, красній, локоть парчи по 2 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ сѣбѣрковимъ бѣлимъ, цѣною у 16 р , итого цѣна оному кунтушу 52 р., пятій кунтушъ штофовій, красній, легкій. локоть по рублю, шыроокою сѣткою обложеній, цѣною у 15 р., итого цѣна оному кунтушу 28 р., шестій кунтушъ штофовій, жолтій, легкій, локоть по рублю и по 20 коп., зъ карункою сребраною, цѣна 8 р., итого цѣна оному кунтушу 23 р. 60 к., семій кунтущъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, легкій, локоть по осми золотихъ зъ пузументомъ карунчастимъ, у 10 р., зъ лиштвами парчевими у 5 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р., 80 к.; осмій кунтушъ штофовій, зеленій, разноцвѣтній, легкій, локоть по семи золотихъ зъ пузументомъ золотимъ у 10 р., зъ лиштвами бархотними у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 30 р., 20 коп.; девятій кунтушъ штофовій, жолтій, разноцвѣтній, локоть по шесть золотихъ, зъ карункою нестрозолотою, цѣною 8 р., подшитій хутромъ сѣбирковимъ бѣлимъ, цѣною у 12 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р. 60 к.; десятій кунтушъ конавацовій, зеленій, локоть по 80 к., зъ карункою нестрозолотою, цѣною у 8 р., подшитій хутoромъ песковимъ, бѣлимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу 38 р., 40 к.; одинадцятій кунтушъ ġранѣтуровій зеленій, локоть по 60 к.; подшитій хутромъ

расѣмъ хрбтовимъ, цѣною у 27 р. 80 к.; дванадцатій кунтушъ ѓолевій, жолтій, легкій, локоть девять, а локоть по рублю, лиштви бархатніе цѣною у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 11 р. Сподници, а именно: первая, парчевая, бѣлая, локоть 12, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., другая, парчевая, блакитная, локоть по 2 р., зъ сѣткою сребраною, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., третая красная, штофовая, разноцвѣтная, локоть по рублю, зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., четвертая, табинова, зеленая, локоть шесть, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., пятая ѓранѣтуровая, красная, локоть у 5 р., итого цѣна ей 12 р. 20 к. Шнуровки, а именно: первая, парчевая, сутая, зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 10 р., другая, парчевая, блакитная зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 8 р., третая, бархатная, красная зъ сѣткою сребраною, цѣна 4 р., четвертая, штофова, бѣла, зъ карункою пестрозолотою, цѣна 2 р., 50 к.; пятая, штофова, жолта, зъ сѣткою сребраною, цѣна 2 р., 50 к. Запаски, а именно: перва, парчевая, сутая, цѣна 25 р. 50 к., другая, парчевая, бѣла, цѣна 8 р. 50 к., третая, штофова, жолта, разноцвѣтна, цѣна 6 р. 40 к., четвертая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 8 р., пятая, штофова, красная, разноцвѣтная, цѣна 4 р., шестая, штофова, бѣла, разноцвѣтная, цѣна 6 р., семая, табинова, зелена, цѣна четири рубли. Запони, а именно: первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локоть двадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 20 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастая, локоть пятнадцять, а локоть по таляру, итого цѣна ей 9 р. Колдри, первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локотъ четирнадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 14 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастся, локоть девять, а локоть по таляру, итого цѣна 5 р. 40 к. Постѣль полутабинкова, блакитная, локоть двадцять, а локоть по рублю, сѣтка золота у 20 р., итого цѣна ей 40 р. Постелей бѣлихъ, зъ простирами, пять, а всякая по 5 р., итого цѣна имъ 25 р. Сорочокъ голанского и швабского полотна 60, зъ которихъ у двохъ рукава шитіе золотомъ, всякую кладучи за полтора рубля, цѣна имъ 90 р. Ручниковъ шитихъ заполоччу 15, кладучи всякій по рублю, цѣна имъ 15 р., ручниковъ московского полотна дванадцять, кладучи всякій по полтинѣ, цѣна имъ 6 р. Скатертей шленскихъ штука, а сервѣтокъ шленскихъ же двѣ штуки, цѣна имъ 20 р., скатертей простихъ 10; всякая по рублю, итого цѣна имъ 10 р., сервѣтокъ простихъ 60, всякая по гривнѣ, итого цѣна имъ 6 р. Шапка куничпа, вершокъ

бархатній, цѣна ей 6 р., вершокъ шитій золотомъ, цѣна оному 6 р., шапка легка, бархатна, зъ вершкомъ нарчевимъ, цѣна ей 3 р. Карета новая, цѣна ей 50 р. Цугъ лошадей, цѣна имъ 100 р., цугъ шоръ зъ лѣнцями и кантарами, цѣна имъ 30 р. Итого всего безъ совитости кладучи 1349 р. 40 к. А всей сумми виходитъ 3807 р. 40 к. Зъ движимого же моего имѣнія записую ей же, женѣ моей, вѣчно какіе у мене имѣются клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки, крестики, сребранную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловяніе и мѣдніе посуди, все безъ остатка, зъ доброй моей волѣ, понеже и права малороссійскіе записивать движиміе вещи женѣ, такъ какъ кому постороннному, позволяютъ. Во утвержденіе же сего моего запису, оній рукою моею подписую и печать прилагаю. Яковъ Чарнишъ собственною своею рукою подписался и печать свою приложилъ.

Въ сему запису по прошенію бунч. тов. Якова Чарниша, полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію Якова Чарниша, бунчукового товарища, обозный полковий Лубенскій Іванъ Кулябка подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію бунч. товар. Якова Чарниша полку Переясловского Золотоноскій сотникъ Костантъ Леонтовичъ подписался и печать приложилъ.

Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе (22 марта, 1745 г.). *сего акта въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи, со вписаніемъ его въ «книги мѣскіе Глуховскіе». Засвидѣтельствованіе подписали. «Іванъ Стожко, атаманъ Глуховскій, войтъ Глуховскій Борисъ Даниловъ, бурмистръ Глуховскій Тимофѣй Стефановъ, бурмистръ Глуховскій Яковъ Ивановъ». (Съ подлинника).*

6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г. 4 іюня.

Року 1745, мѣсяца іюля 4 дня. Я нижейподписавшійся во всякомъ судѣ и правѣ, комубъ того теперь и въ предъ будущое время вѣдать подлежало, обявляю симъ моимъ доброволнымъ записомъ въ томъ, что я сего году, въ прошломъ февралѣ мѣсяци, женѣ своей Марѳѣ Степановой дочерѣ Шираевнѣ за унесенне еи въ домъ мой, которое я по реестру, съ показаніемъ всякой вещы цены, принялъ, и въ приемѣ далъ я отъ себе шваgру моему, а еи жены моей брату родному бунчуковому товаришу Ѳедору Шираю росписку, якъ въ денгахъ 400 рубляхъ, такъ доволныхъ разныхъ клейнотахъ, въ жем-

чугу, золотѣ, сребрѣ, цинѣ, мидѣ, сукняхъ парчовыхъ, материалнихъ, въ хутрахъ дорогихъ и другихъ убіорахъ, въ плати бѣломъ, въ поездѣ, въ лошадяхъ и въ протчемъ, какъ то въ прежнемъ сего данномъ записѣ одъ мене и въ помянутомъ реестрѣ именно показано, всего на 3807 р. 40 к., и чтобъ столко было противъ онаго посагу зъ недвижимихъ отческихъ и материнскихъ по раздѣлу зъ братомъ моимъ бунчуковимъ товарищемъ Іваномъ Чарнишемъ, мнѣ во владѣніе доставшихъся добръ, по правамъ малороссійскимъ, третьтюю часть записалъ, которій мой записъ на урядѣ и записанъ, а именно слободу Подоловъ со всѣми при ней имѣючимися угодіи, зъ дворомъ жилимъ, подданнкми, съ купленними грунтами, гаями, зъ полемъ пахатиимъ со всѣми околичностми, и зъ мелницами, которіе суть слѣдующіе: 1) греблю съ двома клѣтками о четирохъ колахъ, на рекѣ Ретѣ, въ 1717 году купленіе въ жителей и козаковъ Кролевецкихъ Тихона и Павла Дейнеченковъ, зъ двома гайками, ланомъ и нивою обрѣтаючимися, боръ, купленній отъ Івана Вакуленка и Павла Огіенка, при урочищи Мошкахъ, по великій Воронѣжскій шляхъ стоячій и протчіе грунта, хуторъ Менковскій зъ пасѣкою, зъ полями пахотними и сѣнокосними, зъ гаемъ и сѣножатми, близъ которого положенія еще хуторъ зъ полемъ пахатнимъ и сѣнокосиимъ зъ гаями, и лѣсами, прозиваемій Подолщицскій; 2) на той рекѣ Ретѣ мелница, прозиваемая Семенковская, о двохъ колахъ мучныхъ, со всякими угодіи, которою владѣла мать моя по отцевѣ своему Константію Голубу; 3) Дулевскіе мелници о четирохъ колахъ мучныхъ да пятомъ ступномъ, на рекѣ Ретѣ, купленніе у Михаила Василевича Дулѣ, обывателя Кролевецкого, въ 1668-мъ году; 4) мелница, прозиваемая Горишняя, о двохъ колахъ мучныхъ, 5) мелница въ ономъ же селѣ Подоловѣ, на рекѣ Свиднѣ, о двохъ колахъ мучныхъ, купленная у козака Кролевецкого Григорія Григоріевича Дейнеки и кромѣ оныхъ Корма-гай зъ лѣсомъ и зъ сѣнокосами, близъ Подолова стоящіе, да въ городѣ Кролевци коморъ пять и два двори съ подсусѣдками, а отъ кого что куплено, о томъ имѣются у мене разніе крѣпости, въ коихъ обстоятелно показано за вѣно помянутой женѣ моей Марѳѣ Степановой дочерѣ и утвердилъ ей въ вѣчное владѣніе, цѣною въ 3807 р. 40 к., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ выше показано. Да сверхъ того, какіе мене имѣются зъ движимого моего имѣнія клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки и крестики, сребряную посуду, суннѣ, хутра дорогіе, оловянніе и медніе посуди,

все безъ остатка записалъ реченной женѣ моей вѣчно, зъ доброй моей волѣ, по правамъ малороссійскимъ. А понеже нинѣ я извѣстился, что по челомъбитью бунчукового товарища Ѳедора Чуйкевича, а по рѣшенію суда войскового генералного зъ тѣхъ записанныхъ женѣ моеѣ Марѳѣ Шираевнѣ недвижимыхъ добръ, мелници прозиваеміе Дулевскіе отходятъ съ подъ владѣнія и тако противъ помянутого посагу записанная мною недвижимихъ добръ треттяя часть противъ означенной суммы за отшедшими мелницами виходить не будетъ, того рады въ награжденіе вишеписанниxъ отшедшихъ мелницъ оной женѣ моей Марѳѣ Шираевнѣ, а въ дополненіе записанной предъ симъ треттой части моихъ недвижимихъ добръ, записую въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповци, дворъ шинковный, въ мелвицахъ на рекѣ Веровци, два кола мучныхъ, а треттое ступное, кромѣ отшедшого кола мучного съ подъ владѣнія моего, по челобитню попади Конотопской Мигалевской, а по рѣшенію суда войскового енералного и по конфѣрмаціи войсковой енералной канцеляріи, да въ сотнѣ Воронѣжской, Красній хуторъ, зъ мелницами сѣнокосами, зъ пущею и полемъ пахатнимъ, утверждаю ей въ вѣчное владѣніе и и сей мой запись, и прежный въ 1745-мъ году февраля 25-го данный, конфѣрмую зъ доброй своей волѣ, дабы во всякого суда таковіе отъ мене данніе записѣ были ненарушимы, яко оніе правамъ малороссійскимъ нѣ въ чемъ непротивны, и оная записанная женѣ моей Марѳѣ Шираевнѣ съ недвижимихъ моихъ добръ треттяя часть, яко-то слобода Подоловъ со всѣми при ней имѣюшимися угодіи, зъ дворомъ жилымъ, подданними, съ купленними грунтами, зъ полями пахотними, зъ гаями и со всѣми околичностми и мелницами на рекѣ Ретѣ, купленными у Павла и Тихона Дейнеченковъ, тако жъ мелницами Семенковскою, Горишанскою, да на рекѣ Свиднѣ мелницею и въ городѣ Батуринѣ, на рѣкѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, дворъ шинковный, мелница на рекѣ Веровци, о двохъ колахъ мучнихъ, и треттее ступное, кромѣ отшедшого кола мучного, Корму-гай, хуторъ Менковщину, Подолщицкій, зъ пасѣкою, зъ пущами, зъ сѣнокосами, полями пахотними, да въ сотнѣ Воронѣжской хуторъ Красный зъ мелницами и со всѣми угодіи и протчіе вишеписанніе всѣ пахатніе и сѣнокосніе и лѣсовіе угодіи, къ тому жъ движимое все мое имѣніе, какъ въ прежнемъ моемъ записѣ именно показано, за силу прежняго жъ и сего моего запису быть въ жены моей Марѳы Шираевни въ вѣчномъ и безпо-

воротномъ владѣніи. Во утверждевіе же сего моего запису, при нижеподписавшихся отъ мене персоналне упрошенихъ свидѣтелихъ, своею оній рукою подписую и печать прилагаю. Къ сему запису подписался Яковъ Чарнишъ. По прошенію устному бунч. товарища Якова Чарниша, къ сему вѣчнистому запису во свѣдителство полковый Черниговскій хоружій Іванъ Булавкинъ руку и печать приложилъ. Къ сему вѣчнистому запису, по устному бунч. тов. п. Якова Чарниша прошенію, во свѣдителство полковый Черниговскій сотникъ Өедоръ Посудевскій руку и печать приложилъ. По прошенію устному б. т. Якова Чарниша къ сему вѣч. запису во свѣдителство бунч. товаришъ Григорій Стаховичъ руку и печать приложилъ. По прошенію словесному б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному запису полку Переяславского сотникъ Березанскій Василій Думитрашко Райча руку и печать приложилъ во свѣдителство. На прошеніе словесное б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному (sic) запису полку Нѣжинского сотникъ Батуринскій руку и печать приложилъ Алексѣй Демидовскій.

Року 1745, мѣс. июля 5 дня. Сей вишеписанній записъ войсковимъ канцеляристомъ Яковомъ Чарнишомъ о опредѣленіи въ посагу женѣ своей Марөѣ Степановой дочери Ширяевнѣ въ награжденіе, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ доволненіе записаной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно, въ городѣ Батуринѣ, на реки Сеймѣ, двохъ колъ мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, двора шинкового, двохъ колъ мучныхъ и третого ступного, да въ сотнѣ Воронежской Красного хутора зъ мелницею, сѣнокосами, зъ пущею, зъ полемъ пахотнимъ, учиненній, при доношеніи его, Чарниша, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи персоналне презентовавъ и дабы оной записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его Чарниша, мы нижевираженній урядъ мѣскій Глуховскій оній записъ урядовне, съ подписомъ рукъ нашихъ и приложеніемъ урядовой обикновенной печати, сконфирновавъ, въ книги мѣскіе Глуховскіе точно вписать и по уписаню, яко по требуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи видать приказали року и дня вишеписаннихъ. Сотникъ Глуховскій Демянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Юрій Даниловъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандзокъ (?). Писарь Өедоръ Вилчикъ. Ратуша Глуховского содержащій протоколъ Романъ Курбатскій.

1745 году, іюля 15 дня. Сей вишеписанний записъ войск. канцеляристомъ Яковомъ Чарнышемъ о опредѣленіи въ посагу женѣ своей Марѳѣ Стефановой дочери Шираевнѣ, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ доносление записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно; въ городѣ Батуринѣ, на реки Сейму, двохъ колъ мучнихъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповкѣ двора шинкового (*и т. д. слѣдуетъ перечень, как и выше*) учиненний, которой на урядѣ сотенномъ Глуховскомъ конфѣрмованъ и при доношеніи его, Чарнита, въ сотенной Кролевецкой канцеляріи презентованъ, и дабы оный записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его, Чарнита, ми нижевираженный урядъ мѣскій Кролевецкій оний записъ урядовне съ подписомъ рукъ нашихъ и приложеннемъ урядовой обикновенной печати конфѣрмовавъ, въ книгу мѣскую Кролевецкую точно вписать и по вписанію, яко потребуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи видать приказали, року и дня вишшеписанних. Атаманъ сотенный Кролевецкій Іванъ Зубаха. Писарь сотенный Кролевецкій Климъ Мосцѣпановъ. Хоружій сотенній Ігнатъ Герасименко. Вишшеизображенная записъ на урядѣ сотенномъ Кролевецномъ записанна въ книгу на л.л. 38, 39, 40, 41 и 42. (М. П.) (*Съ подлинника*).

7. *Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря.*

Во имя Пресвятия, Единосущнія и Нераздѣлимія Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я іэъ 1744 году, отъ августа мѣсяця по мѣсяць декабръ сего 1745 года, былъ одержимъ, а декабра мѣсяця не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи, однакъ имѣючи добрую памятъ, і здравый мой разумъ, симъ остатной волѣ моей тестаментомъ учинилъ нижеслѣдующое: 1) Душу мою, грѣхами окаляннуую, кровиею же Христа Спасителя моего искупленную, вручаю въ руцѣ его Спасителевы. Тѣло же мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ, близъ костей матки моей и учинить подлежащее поминовеніе женѣ моей, Марфѣ Шираевнѣ, завѣщеваю. 2) Хотя нѣкоторіе деньги по смерти покойной матки моей оста-

здесь были и содержались въ Данiила, священника протопопія Кролевецкой села Подолова, в которіе денги взяти мною за проданній, состоящій на предмѣстѣ города Глухова, на Верпчинѣ, дворъ, у его велможности ассаула войскового генералного пана Петра Валкевича, тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу свалѣченной ноги іздержаны, такъ что я нѣчего ізъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Господь. 3) Каковіе добра прежде сего, въ доброй моей волѣ, записаны мною женѣ моей, реченной Марфѣ Ширяевнѣ, тому запису моему буть при своей силѣ ненарушимо всегда, яко она за собою принесла вношения денгами и другихъ добръ не на малую суму. 4) Понеже по исчисленію моему зъ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей ісъ четыре, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ) буть за нею жъ женою моею Мароою Шираевною и за наслѣдіемъ отъ мене понесшимъ, а ею родичымся, вѣчно; ежели жъ бы тое наше наслѣдіе по волѣ Божіей умерло, то самой женѣ моей предпоказанной оными добрами (не илтая въ то число, что ей записомъ отъ мене опредѣленно), если она пребудетъ во удовстве, владѣть безъ препятствия, такъ какъ о удовствующихъ женахъ по правамъ Малороссійскимъ дозволено; если жъ бы она имѣла посягнуть замужъ, то оные добра должни спасти во владѣніе ближнему моему родственнику, а онъ долженъ женѣ моей то наградить, что она зъ своего імѣнія на поминовеніе души моей істераетъ. 5) Сей вышшеписанній, зъ доброй памяти моей учиненій, тестаментъ утверждаю буть вѣчно при своей силѣ и для того на немъ свое ручно подписуюсь и о подпись свѣдителей нижеподписавшихся, тако жъ по написаню сего тестаменту стороннего человѣка упросилъ. 1745 году, декабря двадцать семого дня. Сей мой тестаментъ подписомъ руки моей я утверждаю войсковій канцеляристъ Яковъ Чарнишъ. У сего тестаменту свѣдителемъ билъ генералний полсебарбій Михайло Скоропадскій и по прошенію пана Якова Чарныша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. У сего тестаменту свѣдитель билъ войсковий товарищъ Іванъ Пуховичъ и по прошенню пана Якова Черныша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. Сего тестамента будучи отъ пана Якова Чарныша признанникъ, оній тестаментъ зъ волѣ его пана Чарныша писалъ и въ томъ подписался Глуховской ратуши писарь Семенъ Евсѣевъ.

Року 1745, декабря 27 числа. Сей вышеписанній тестаментъ отъ войсковаго канцеляриста Якова Чарныша при писмѣ въ Глуховскомъ сотенномъ правленіи презентованъ и по прошенію его, Чарныша, чтобъ оной тестаментъ при своей силѣ былъ, мы нижевыраженний урядъ мѣскій Глуховскій оній тестаментъ подписомъ своихъ рукъ и приложенемъ урядовой печати сконфѣрмовавъ, въ книги мѣскые Глуховскые точно вписавъ и обратно ему Чарнишу, яко потребуючей сторонѣ, отдать въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи приказали. Року и числа вишеписаннихъ. Сотникъ Глуховскій Даминъ Туранскій. Григорій Кологривой, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Гаврило Яковлевъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Манд.. Бурмистръ Глуховскій Іванъ Красовскій. (М. П.) *(Съ подлинника).*

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта.

Въ сотенную Кролевецкую канцелярію. Доношеніе.

Сего 1764 году, минувшого февраля 29 д., мать моя родная Марѳа Стефанова дочь, по первому мужу, а моему отцу, Чарнишева, волею Божіею, оставя імѣние незвижимое и движамое, (до которыхъ я законная наслѣдница), безъ всякого писменного роспредѣленія, умре, а ако нынѣ дядя мой родной повету Стародубовского подкоморій Михайло Ширай, тако жъ і тетка родная, удовствуючая сотникова Новгородская Параскевия Судденкова, (коимъ и отъ матки въ опеку поручена) і находятся на лицо зде въ деревнѣ Подоловѣ и въ присудствіи ихъ и другихъ родственниковъ, для знания моего впредь отъ уряду сотенного нарочнихъ старшинъ определить для переписи техъ прописаннихъ наличностей, того ради сотенной Кролевецкой канцеляріи прошу наменненнихъ нарочнихъ, въ силѣ правъ Малороссийскихъ, для переписѣ недвижомихъ, а паче движимыхъ імѣній всякую вещь порознь, прислать і о томъ учинить въ силѣ указовъ и правъ, Малороссійскихъ определение. Въ подленной подписъ—Анна Черни- шева. 1764 г., марта 4 д. *(Съ копіи).*

По поданному умершой подскарбіевой генералной Марфы Скоропадской, по первому мужу Чарнышевой, отъ дочери ея Анны Яковлевны Чарнишевны въ сотеннную Кролевецкую канцелярію доношенію і полученному на оное определенію, я нижеподписавшійся, съехавши въ село Подоловъ, въ жилой ея Чарнишевни домъ, въ

прысудствіи самой ея і родного ея дядѣ повѣту Стародубовского подкоморого Мыхайла Шырая да тіотушки удовствующой сотниковой Новгородской Параскевіи Судденковой і на тотъ часъ случившихся двоюродныхъ братей ея, бунч. товарыша Івана Федоровича Шырая, да повету Стародубовского коморника Івана Василіевича Заводовского, учинилъ описаніе наличныхъ движимыхъ ея Чарнишевны, въ наслѣдие по смерти матки ея оставшихся вещей, якіе ниже сего іменно показанны. 1764 году, марта 4 дня.

Сврынка сребная строноозолоченная. Подносъ болшой зъ двома ушкамы, другой подносъ зъ трюма ножкамы, третій подносъ на седесѣ, четвертый подносъ « ». Копва болшая, вызолоченная, зверху орелъ Ковшъ старосвѣцкій, зъ колцемъ. Чашка полоскателная зъ двома ушкамы. Коновочка вызолоченная зъ середины и зверху, коновочка зъ гербомъ, вызолоченная. Чайникъ. Лѣхтарыкъ. Двѣ солянки. Стаканъ зъ крышкою, вызолоченній, зъ трома ножкамы; стакановъ два, въ двома крышкамы. На чай флежка зъ крышечкою. Сахарница гладкая, болшая, другая меншая, гладкая жъ. Кофейникъ гладкій, болшій, кофейникъ другій, гладкій; меншый, кофейникъ третій, болшой, на трехъ ножкахъ. Кубковъ рысованыхъ 12, чарокъ рысованыхъ 12. Лыхтаръ зъ трома кружкамы. Чайникъ зъ ланцужкомъ сребнымъ. Пукалъ на старыку, зъ виноградною ценкою, пукалъ другій, пестро вызолоченный. Ложокъ 10, пестро позолоченные, да 4 ложкы суто вызолоченныхъ; ложокъ 2, подъ смалцемъ, складныхъ, ложокъ сребныхъ гладкыхъ 16, ложка болшая столовая. Рѣпокъ 6 вызолоченныхъ. Подносъ зъ трома лѣхтарыками, каламаремъ і пѣсочницею. Чарокъ 12, зъ ушками. Двѣ солянкы на трехъ ножкахъ, вызолоченные. Чайныхъ ложечокъ 6, щипцѣ шанделные, а другие сахарные. Ножей сребныхъ 15 паръ, въ пуделку зеленомъ состоящихъ, тамъ же две пары малыхъ і вылкы едны зъ четырма зубцамы, два обухы, сребромъ оправленніе. Пѣрначъ сребный, позлочыстій. Шабля подъ сребромъ, старынная, смаху (?) переломлена. Ладунка сребная зъ тесемкою пестрою. Сагайдакъ зъ ланцужкамы срѣбнимы пятма, сагайдакъ другий, зъ ланцужкамы срѣбными осма позлочыстимы. Ножовъ 12, безъ вѣделокъ, вновъ зделанныхъ. Рондъ на сафянѣ красномъ, сутопозлоцаный, рондъ на срѣбномъ позументу, рондъ еще на сафянѣ красномъ, суто позлоцаній, рондъ на сафянѣ, старій, зъ ланцужками і чесныками, рондъ зъ пудламы срѣбными, рондъ съ пудламы позлоченными, рондикъ порванній зъ пудламы сребнимы, рондыкъ старынній, на чорномъ ремнѣ, съ пудлыками, двохъ рондыковъ прыголова

зъ пудлыкамы. Подносецъ сребной до щипцовъ. Въ шкатулкы, красною байкою выбитій, флякъ домынажъ, сребной, въ коемъ вѣсу 10 фунтовъ, кромѣ двохъ фляшокъ, на коихъ мало серебра. Ларчыкъ сребной подъ стекломъ, зъ персонкамы. Веерь въ чорномъ футелочку. Золотыхъ ланцужковъ шесть, вѣсомъ два фунты. Жемчужныхъ 8 нетлыцъ, съ протчимъ разнымъ жемчугомъ два фунты і семъ золотныковъ. Еще въ четырохъ ланцужкахъ золотыхъ 22 лота. Серги золотие, рубыновие, серги золотие подъ сумлцомъ, серги золотие съ перлынамы, серги золотие зъ брелянтамы, серги золотие зъ высадцимы камушкамы, серги белие, болшие, алмазние. Перстнiовъ два брелянтовыхъ, еще перстневъ золотыхъ зъ разными камушкамы 18, да обручыковъ золотихъ два. Бантъ алмазній. Крестъ рубыновій, въ срединѣ шафѣръ. Складня старынная, позлоцанная, зъ разнимы простими камушкамы, на чорной лентѣ, складня золотая зъ красными і зеленимы камушками. Цепка золотая отъ часовъ. Коначковъ золотыхъ 11, зъ разными камушками. Запоновъ 3, позолоченныхъ. Трейзовка зъ красными камушкамы. Запонка сребная, зъ фіялетовимъ камушкомъ. Gузѣковъ 6 золотыхъ, зъ блакытными цветками. Восемъ золотниковъ разныхъ маленькыхъ вещей золотихъ. Часы золотие зъ репетиціямы, безъ ценкы, часы другие золотие, зъ ценкою, безъ репетиціи, зъ ключикомъ. Лакончикъ парломотвой на мушки и румяна. Камушковъ болшихъ одинъ шафѣръ, а маленкихъ съ 30, да красныхъ мелкихъ съ 30, скалокъ рубиновъ 40, еще менших до 30.

Платя і уборовъ. Gрадынаполю 30 аршинъ. Перевеяѣ волосатой 30 аршинъ. Штофу французского 4 локтя. Перевелнее плате зъ золотымъ gазомъ. Голубовой парчевой реброномъ, обложенъ сребною сѣткою. *Въ платейной скрынѣ.* Два платкы белие, шитие, таевніе, платокъ шитой белой золотомъ, платокъ тавяной, красній на столикъ, зъ сѣткою, платковъ два красныхъ, шитыхъ золотомъ, таевныхъ. Шнуровка сребро главная, зъ сѣткою сребною, (отдана сотнику Огіевскому). Карцеть сребной, новой, незшиваной. Юпка кофейная, канавацова, золотомъ шитая, юпка бѣлая, gрезетная, шитая сребромъ зъ блестками, юпка блакитная, канавацовая, шитая сребромъ. Карсеть красной, шитой золотомъ. Шуба парчевая, жолтая, подъ куницими. Gарцетъ белой, крезетной, шитой серебромъ. Кунтушъ понсовой, зъ золотимъ gазомъ. Кунтушъ парченой, сребро главной, зъ карункою сребною. Gарцеть жолтий, крезетной, gарцеть бѣлій, люстрынній, шитій сребромъ, gарцеть голубой, крезетной, шитой сребромъ, gарцеть жолтій, крезетной, шитій сребромъ. Юбка парчевая,

корычная, зъ сребнимъ gазомъ. Кунтушъ канавацовой, блакитной, зъ сѣтвою gазовою, кунтушъ жолтой, люстриній, зъ срѣбною сѣткою, кунтушъ рытого бархату, кривавой, зъ сребною сеткою, кунтушъ бѣлій, нарчевій зъ сѣткою сребною, кунтушъ бѣлій, нарчевій, зъ золотымъ gазомъ, кунтушъ зеленій, нарчевій, зъ срѣбною сѣткою. Семъ бритъ (?) шитыхъ сребромъ. Gрезеты алой на юпку. Павиліонъ красной, разноцвѣтной, павиліонъ таети полоцатой. Запаска парчевая, фиялетова, запаска парчевая, блакитная, запаска нарчевая, сребро-главная, понсовая, запаска парчевая попелястая. Парчѣ шматъ алой трохъ локоть. Юпка нарчевая, разноцвѣтная, зъ срѣбною сѣткою, юпка зеленая парчевая, безъ сѣткы. Кофтъ парчевой, зеленой, старій, кофтъ нарчевой дубчатой, старой. Запонъ две, китайской нарчѣ. Парчѣ сугой золотой, въ двохъ шматкахъ, чтыри локтѣ. Двѣ мантилѣ нарчевые, золотие. Шуба нарчевая, голубой земѣ, на черевенъ лысемъ футрѣ. Латъцкани два, одинъ золотой фондишпанѣи, а другой сребной фондишпанѣи жъ. Юпка красная, gрезетная, зъ сребною gазвою сѣткою, юпка тафтовая жолтая, на бавольѣ. Башмаковъ матерыялнихъ пять паръ. Кофтъ камчатой, зъ юпкою такою жъ. Ребронъ моря белого и юпка, разноцвѣтные. Два латцкани чорние, сребние. Ребронъ і юпка gрезетние, красние, зъ сребною сѣткою, ребронъ і юпка, таеты полосатой; ребронъ, юпка, кофтъ і gрезетъ таеты кофейной, полосатой. Круженые бленды. Фліоровые манжеты зъ круживомъ. Кофтъ бѣлой, gрезетной зъ конѣшономъ. Въ футляроку пара ножиковъ сребныхъ, а зъ другого боку партретъ.

Покоевъ жылыхъ девять, зъ залею, но всѣхъ оныхъ обое бомажные, пры каждихъ дверахъ замки жолтие тулскіе, зъ желѣзными засовками; въ ныхъ зеркаловъ болшихъ 11, а меншихъ зъ визолоченными рамами, и пры оныхъ меншыхъ присѣнные лѣхтарѣ. Канапе тры. Стулловъ красныхъ, матерныялныхъ, 6. Уборныхъ съ зеркаломъ краснымъ. Кроватей желѣзныхъ тулскихъ зъ навпліонами, двомѣства одна, а две одиночкы. Столикъ старій, подъ лакомъ, а въ срединѣ выложенъ фіанцомъ, столикъ черной, круглій, на одной ножкы, столыкъ красній, четыреуголній, на чтырюхъ ножкахъ, столыковъ простыхъ семъ. Кабынетъ сандалной, красной, зъ четырма шуфлядками, кабинетъ красной, зъ чтырма жъ шуфлядкамы, кабынетъ темнокрасной, зъ осма шуфлядкамы, и въ оноыъ печать сребная покойного Черниша, да образы панагіи, тройніе, въ сребрѣ позолоченные; кабынетъ такой же, темно красный, зъ чтырма шуфлядками. Образовъ подъ сребромъ два, фырма и шафа болшая въ сѣняхъ. Ковдра штофная

на красномъ полю, квѣтъ бѣлій. Перынъ болшихъ двѣ, а меншихъ двѣ, подушокъ болшихъ чтыре, а меншихъ разнихъ 11. *Фарфуру тры креденсп и въ имбару.* Полоскателныхъ двѣ чашкы, молочникъ одынъ, чашокъ саксонскихъ зъ ушкамы, 14 паръ, а простыхъ 10 паръ, чайниковъ финифтовихъ саксонскихъ 4, а каменный, простій, одинъ, чашка чайная зъ мисочкою и крышкою, талѣрокъ саксонскихъ 2, поднось фыниффтовой и чтыри чаркы, каменныхъ талѣрокъ 34. *Фрусталю тры креденсь и въ амбарѣ.* Румокъ водчанихъ 13, румокъ виновыхъ 36, чайникъ, молочникъ, кофейникъ, подносовъ два, съ оныхъ еденъ позлоченій съ краевъ, чашокъ чайнихъ две пары, стакановъ 26, мисочокъ заедныхъ 11, глечичковъ лымонныхъ тры, чарокъ зъ золотымы краямы, маленькыхъ 5, лямпъ болшихъ две. *Въ амбарѣ кладовомъ въ'цень.* Чашъ круглыхъ, зъ крышкамы, оловяныхъ 6, блюдъ одинарнихъ болшохъ и малыхъ 32, талѣровъ зубчастихъ четире дюжини безъ одной, талѣрокъ прюстыхъ 64, фляшка круглая медная болшая, мортировъ медныхъ 8, три пушки медніе. Сѣдло гаптованное, зъ красною подушечкою. Ларчикъ красній, порожнѣй, скринечка жестяная зъ сахарницами. *Въ первой скрынѣ красной.* Женскихъ рубашокъ 128, полотна 48 штучокъ. *Въ другой скринѣ белой, дубовой.* Рубашокъ швабскыхъ 102, баволнецъ штукъ две, а третая начатая, обрусовъ швабскихъ 4, семъ швабскихъ же обрусовъ, серветъ швабскихъ штукъ 8, обрусъ маленькій, швабскій одынъ, ручниковъ швабскихъ 6, серветъ швабскихъ дюжиновъ пять, батисту полотна штука, постелей тры фарбованыхъ, ручниковъ шитыхъ 30, а тканихъ 10, ручниковъ гладкихъ 2. *Въ третой скринѣ бѣлой.* Скатертей штукъ 25, салфетъ штукъ 12. *Въ четвертой скринѣ.* Коверъ постриганой, камчатой, коверъ постриганой, красной, коверъ постриганой, голубой, разноцвѣтной, коверъ постриганой, разноцвѣтной же, коверъ постриганой, красной, столбовой, коверъ бѣлой, постриганой, болшой, старой, килимъ старій, разноцвѣтній, по красномъ полю, килимъ новой, разноцвѣтній по зеленомъ полю, килимъ полосатій, килимъ другій полосатій, килимъ третій, полосатій же, неболшой, килимъ четвертий, полосатий же, коверъ постригатій весма старий. Зеркало болшое съ полотенкомъ, зеркало другое въ ащику озолоченномъ, а третое, меншее, въ ащики такимъ же. *Въ пятой скринѣ бѣлой.* Уборъ на канапе, тканой, волосяній, павиліонъ красний полуфабенковой, старий, зъ сребнимъ пузументомъ, павиліонъ ситцевій со всемъ уборомъ, крышка штофная, красная, зъ белымъ, на столикъ, скатертей штука една, серветъ четыри штуки, скатерть еще одна, полотна на-

бытого штука, коверъ еще пострегавой разноцвѣтной, по красномъ полю. *Въ шестой скрынѣ жолтой.* Плати лакейского, нѣмецкого, василкового сукна, швабскихъ нешитыхъ рубашокъ 4, павилѣоновъ 3, скатертей штукъ 3 тканихъ, а 6 шитыхъ, простирь 5, между конмы одна швабская, наволочокъ белыхъ 9. *Въ семой скрынѣ белой, дубовой.* Сѣдло по зеленомъ бархату гантованное, зъ платомъ, подъ ящуромъ, а другое сѣдло красное, гантованое. Крышокъ красныхъ отъ хамутовъ суконныхъ 6. *Въ осмой скрынѣ белой.* Плахотъ простыхъ 9. *Въ девятой скрынѣ.* Килимъ разноцвѣтній, фартуховъ до саней тры. *Въ десятой скрынѣ* положенно книжокъ разнихъ 30, а *другая скрыня, меншая,* вся полна рускихъ и латинскихъ книгъ. Три полы футра соболіого старого, на лошадей верховыхъ попонъ барсовихъ 3, балдахынъ тафтофій зеленій. Китайской кабинетчикъ. Кухва меду бытого. Доска аспѣсовая чорная. Погребецъ медвой, въ немъ фляшъ 8, погребецъ gданской, въ коемъ пляшокъ болшехъ 4 и малыхъ 4, а двѣ лежачіе. Пуздерко простое, пляшъ 6 болшихъ, пуздерко шлюнское, пляшъ болшихъ 3, а меншихъ 4, пуздерко простое, пляшъ 5, пуздерко красное, пляшъ 4 болшихъ, а малихъ 3 визолоченнихъ. Шандаловъ меднихъ 9 жолтихъ, старинныхъ, болшихъ 3, а меншихъ 6. Судно сѣдалное красного дерева, зъ лоханею медною. Сѣбѣрокъ шматъ. Сахару голова. Замковъ тулскихъ 7 меднихъ, комнатнихъ. Оружына турецкая. Лакейскихъ чоботъ двѣ пары. Ковдра великой постелы, атласная красная, новая. Велыкой чайнывъ медной, чайныковъ медныхъ жолтыхъ 3, а красной медѣ 2, кофейникъ одинъ. Сукна простого бѣлого три круги, а два чорного. Два фанарѣ болшие, жестяние. Тры кухвы вышніовки. Соли полтретѣ кухви, крижвы. Паниліонъ полосатій, старій. Красныхъ дергъ (?) три. Скрыня обоевъ разноцвѣтныхъ 20 кусковъ. Кофе куліокъ. Балахонъ тафдиій, красвій зъ восѣчкою, и зъ капѣшономъ. Мантилія сребная, зеленая, опушеная горностаями. Башмаки парчевие, а другие переяевие. Лоханъ меднихъ жолтихъ — една болшая, а другая менщая. *Въ другомъ амбарѣ,* въ которомъ імѣется горѣлкы бочокъ 47, а въ другомъ 6, да въ Красномъ Хуторѣ 3 кухвы. Пшеницѣ двѣ скрыне и двѣ кухве. Ленбикъ медной съ крышкою. Вовни кудель скрыня. Коструль 8 меднихъ. Двадцять паръ венщины. На горѣ, казановъ винокурныхъ 4, ленбиковъ два, слушковъ черныхъ малыхъ 5. Палатка зеленая одна. Салъ девять. Съ выновурнѣ Подоловской казановъ робочихъ 6, трубъ 18. Карета зъ чахломъ, сенностекелная, фруштальная, выбитая алимъ трипомъ. Берлинъ краснихъ

сукномъ вибытой, спереду окно; берлинъ старой, такой же, спалня роскошная, красним сукномъ вибитая, козирковъ два, еденъ красним, а другой блакитним сукномъ вибитве. Хамутовъ уборныхъ 6, зъ красними клѣщами, другой цуги хамутовъ 6 съ красними клѣщами, еще хамутовъ поездних, зъ маліоваными клѣщами, старихъ 4, а палубнихъ тры хамута, старихъ. Бляшнихъ кантеровъ 6, лѣйцовъ рецевнихъ двое, шоръ старинних, лошадейнихъ, зъ бляхамы медними 6, а 6 безъ блахъ, кантаровъ сень безъ бляхъ, уздечокъ московскихъ простихъ 12. Лошадей цуговыхъ гнѣдыхъ 6, а темноглѣдыхъ тройка Грыгоровскихъ, да старихъ такихъ же особливо тройка, робочыхъ лошадей 8, трохъ воронихъ, чалая, рижихъ двое, половая, и клячъ сивая, да куховозской еденъ конь половой. *Пры двор҄ѣ Подоловскомъ* коровъ 4, телять двое, воловъ робочихъ 7 паръ, свыней надворнихъ при винницѣ 33, въ сажѣ свиней 14, и подсвинковъ столко жъ. *Въ хуторѣ Красномъ*. Винокурныхъ котловъ 3, трубъ 9, воловъ одна пара, въ сажѣ свиней 12, надворнихъ 28, поросять пятеро. *Въ хуторѣ Менскомъ*. Пчолъ пней сто двое уставлено въ імшаникъ, овецъ старыхъ 93, козъ 4 и козловъ два, рогатого скота двадцятеро поголовя толко и кобила една въ хуторного.

Крѣпости на всѣ грунта недвижиміе и облѣки при сребрѣ, за печатю сотника Огіевского, въ наволочки, въ скринѣ положенны пры сребрѣ жъ. Вишепрописменованного сначала описѣ сребра явилось по перевѣст одинъ пудъ семнадцать фунтовъ съ половиною и съ чертю; въ новыхъ ножахъ, безъ вѣделокъ, зъ железомъ, полчварта фунта, въ ножахъ всѣхъ, что въ пуделку зъ вилками, полдевята фунта, въ рондахъ зъ ремнями и удилами, 30 фунтовъ, въ сагайдакахъ 8 фунтовъ съ походомъ.

Сотникъ Кролевецкій Григорій Огіевскій. Бунчуковій товаришъ Іванъ Шырай подписался и печать приложилъ.

Комориикъ повету Стародубовского Іванъ Завадовскій подписался и печать приложилъ.

Сія выпись по доношенію умершой подскарбіиной генералной Марѳи Степановни Скоропадской отъ дочери ея Анни Яковлевни Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію персонално поданному, наличныхъ движимихъ ея, Чарнишевни, въ наслѣдіе оставшихъся вещей въ селѣ Подоловѣ, въ домѣ жилом и въ футорахъ, сотникомъ Кролевецкимъ Григоріемъ Огіевскимъ въ присутствіи двоюроднихъ братией ея, Чарнишевни, бунч. тов. Івана Шорая да коморника повѣту Стародубовского Івана Завадовского учинена, и по

особливому доношенію опекуна оной наслѣдници дядѣ ея родного, подкоморого полку Стародубовского Михаила Ширая, точно отъ слова до слова въ мѣскую крепостную книгу вписання, и при сей виписѣ зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи, при печати сотенной, въ силѣ права Малороссійского права книги Статута, розд̀ѣла 6, артикула 4 означенному, опекуну видання. 1764 года, марта 6 дня. Писарь сотенній Кролевецкій Іванъ Сердюковъ. *(Съ подлинника).*

9. Протестъ дочери Якова Чарныша, Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта.

По указу ея императорского величества самодержицы всероссійской, изъ полкового Нѣжинского суда г. подкоморого повѣту Менского Григорія Фридрикевича женѣ Аннѣ Фридрикевичевой дана сия выпись для того: Сего 1765 году, марта 26 д., она, Фридрикевичева, въ судѣ полковомъ Нѣжинскомъ, чрезъ повѣренного канцеляриста суда земского Михаила Губаревского, протестнымъ доношеніемъ представила, что въ прошломъ 1764-мъ году, февраля 28 д., по смерти матери ея, Фридрикевичевой, Марфи Степановой, по второму мужу подскарбіевой генералной Скоропадской, оставшаясь она, Фридрикевичева, въ сущемъ сиротствѣ, взята въ содержаніе и опекунство родними ея дядею г. подкоморимъ Стародубовскимъ Михайломъ Шираемъ и теткою, уконствующею сотниковою Новгородскою Параскевиею Стевановою дочерю Судденковою, (въ которой Судденковой домѣ съ прошедшого 764 году, марта « » до 765 году, февраля по 18 число, до виходу ея, Фридрикевичевой, въ замуже за подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича, безотлучно жила), а имѣние, по смерти оной ея, Фридрикевичевой, матери, оставшоесь, недвижимое и движимое, единствено на ея Фридрикевичеву спадаючое, по ея Фридрикевичевой доношенію въ сотеную Кролевецкую канцелярію, прошедшого 1764 года, марта 4 д., поданному, отъ оной сотенной канцелярии описано и за оною описью тое имѣние показанной дядя ея Ширай и тетка Суденкова въ безутратное содержание приняли, съ какого имѣния болшая часть въ движимостяхъ, зъ сундуками, оною теткою ея взято и отвезено въ домъ ея, въ Новгородокъ, въ цѣлому сохраненію, чтобъ же и она Фридрикевичева съ тѣхъ своихъ имѣний чего либо и малѣйшого до виходу своего въ замуже неутратила, о томъ съ нихъ ея, Фридрикевичевой, опекуновъ, предъ упомянутимъ дядею ея взята у нея, Фридрикевичевой, подписка,

которая де отъ ея, Фридрикевичевой, для того и дана, дабы де оною могла она, Фридрикевичева, свое имѣние въ случаю отъ насилныхъ вимагателствъ защитить. Но напротиву де того предреченная тетка ея Судденкова и санъ ея Иванъ Судденковъ, когда привезли ея, Фридрикевичеву, въ свой домъ, то начали съ угрозами разними досадами и многими устрашениями принуждать ея, Фридрикевичеву, продать имъ хуторъ свой, имѣючийся въ сотнѣ Воронѣжской, прозиваемой Красной, сказивая, что мать ея, Фридрикевичевой, при своемъ скончании, говорила, дабы она, Фридрикевичева, тотъ хуторъ продала ей, Судденковой, или сину ея Ивану Судденкову, неотмѣно, и денги за оной употреблении бъ были на поминовение оной умершой матери ея, Фридрикевичевой, о чемъ де она, Фридрикевичева, не только не знаетъ, но и отъ другого никого, кромѣ ихъ, не слихала, чтобъ мать ея, Фридрикевичевой, когда либо о продажи имъ того хутора говорила; да и матери де ея, Фридрикевичевой, никакой нужды ни имѣлося ради поминовения о продажи имъ оного хутора думать или говорить, ибо де по смерти ея наличние денги, какъ на поминовение ея, такъ и для ея, Фридрикевичевой, осталось, да и когда отъ сотеной Кролевецкой канцелярии, по прописаному ея, Фридрикевичевой, доношению чинена опись наслѣдственнымъ ея, Фридрикевичевой имѣниямъ, (при которой описѣ показанная тетка ея, Судденкова, зъ синомъ своимъ Иваномъ находилась), то о продажи имъ онаго хутора ни отъ оной тетки своей и ни отъ кого другого никаковаго упоминку не било да и упоминатся де ни къ чему и никому било ни изъ чего, якожде мать ея, Фридрикевичевой, умре безъ всякого о движимихъ и недвижимихъ имѣнияхъ распредѣления, какъ де о томъ и въ вишеобявленомъ ея, Фридрикевичевой, доношении въ Кролевецкую сотеную канцелярию поданому скоро по смерти матери ея, Фридрикевичевой, имено прописано. Когда же де по тѣмъ предизображенимъ правилнымъ обстоятелствамъ отъ насилной продажи оной тетки ея, Фридрикевичевой, и сину ея Ивану Судденкову она, Фридрикевичева, крайне отказивалась, то за сие самое, ожесточась, бранили ея, Фридрикевичеву, безпремѣнно устрашая, что она, Фридрикевичева, всѣми людьми будетъ за проклятую признана, естли не сохранитъ матерниего якоби въ продажи имъ хутора приказания, именуя оное якоби приказание, или сказание рѣчи, нѣкакимсь важнимъ завѣщаниемъ. Однако жъ де она, Фридрикевичева, съ нихъ сину тетки ея, Фридрикевичевой, упомянутому Ивану Судденкову осмѣлилась сказать, что хотя неволею они принудятъ ея подписатся на

продажи хутора ей, Фридрикевичевой, но за ей, Фридрикевичевой, виходомъ въ замуже тотъ хуторъ она, Фридрикевичева, отобрать имѣетъ, которой де Судденковъ за то осердясь, съ бр: ию ей, Фридрикевичевой, говорилъ: когда де такъ думаетъ, то ей, Фридрикевичевой, по смерть въ замуже не отдадуть, а какъ она, Фридрикевичева, въ отвѣтъ виговорила, что она уже имѣетъ жениха и безъ ихъ видачи пойдетъ за него, то онъ зъ немалими укорителствами бранилъ ей, Фридрикевичеву, и ругалъ, стращая разними бѣдствиями, отъ какихъ де нападений и угрожений она, Фридрикевичева, занемогла и чуть било не умерла. Не бивши никогда въ таковихъ напастехъ и бѣдствияхъ, воображая себѣ свое безпомощное сиротство, съ которимъ они ей, Фридрикевичеву, у себя содержали въ такомъ строгомъ бережении, что никуди ей, Фридрикевичевой, не випускали, и не имѣла она ни одного такого случая, чтобъ съ кимъ либо о семъ посовѣтоватся, словомъ сказать чрезъ все то время оная тетка и синъ ей Иванъ безъ себя никуди ей, Фридрикевичевой, не пущали и когда случалось одному съ нихъ куди отлучится, то другимъ безотступно она, Фридрикевичева, бережена. А между тѣмъ де упоминаемая тетка ей, Фридрикевичевой, и синъ ей Иванъ Судденковъ вздумали и сами написали писмо, которого за обявлениемъ ей, Фридрикевичевой, яко оное написано о продажи имъ нею, Фридрикевичевою, показаного хутора, хотя де она, Фридрикевичева, отъ таковой насилной продажи, какъ и прежде того, вовся отказивалась, но оние де Судденкова и синъ ей удостовѣряя, а притомъ и обольщая ей, Фридрикевичеву, разними обнадеживаниями, сказивали, что оное писмо о продажи того ей имъ хутора въ немалую и весма въ нужную матери ей ползу здѣлано, а напослѣдокъ долговремено отказивавшуюсь ей, какъ безпомощную и беззащитную сироту, единственними своими грозними устрашениями и зъ подъ неволѣ на ономъ писмѣ принудили подписатся и просили о подписъ рукъ разновремено приезжавшихъ въ домъ оной тетки ей, Фридрикевичевой, Николая Юркевича, да сотника Случановскаго, что де она, Фридрикевичева, и исполнять за страхъ и неволю принуждена била. А послѣ, подъ видомъ разглашеного ими виезду въ ей, Фридрикевичевой, маетность Подоловъ, собравшись, показаная тетка ей, Фридрикевичевой, и синъ ей Иванъ Судденковъ взяли ей въ собою и поехали будто въ Подоловъ, не взявъ нарочно съ ей людей, при ней находившихся, ни одного слуги и ни одной дѣвки, кромѣ двохъ конюховъ, и нагло, не смотря на тогдашнюю превеликую стужу, въ откритихъ саняхъ повезли ей,

Фридрикевичеву, не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши позно въ вечеру, зъ жесточайшими надъ прежное устрашениями, изневолали ей, Фридрикевичеву, во всю ночъ ихать съ ними, поутру, до суди земского повѣту Глуховского г. Дергуна и все что имъ угодно и отъ нихъ ей, Фридрикевичевой, приказано о продажи имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая: когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счасливою, а въ отмѣнномъ надъ ихъ волю случаи, нещасливою могутъ ей, Фридрикевичеву, вѣчно здѣлать, и не спуская ей зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣтся и о своей такой крайней бѣдности пожаловатся, поутру, какъ наврание разбудивъ ей, Фридрикевичеву, приказали одѣтся и, посадивъ въ сани, Иванъ Суденковъ привезъ ей въ домъ къ показаному судии Дергуну, знать съ такимъ намѣрениемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ, какъ выше значится, принудили ей подписатся. Однако она, Фридрикевичева, ни того писма и никакого, какъ оному судии Дергуну въ его домѣ, такъ и нигдѣ на урадѣ, никому сама персоналмо не подавала, а за поворотомъ ей, Фридрикевичевой, на квартеру, оной Иванъ Суденковъ написанъ въ судъ земскій повѣту Глуховского доношение и принудивъ ей, Фридрикевичеву, на ономъ подписатся, строго ей, Фридрикевичевой, какъ тетка, такъ и онъ запретили, чтобъ никому она, Фридрикевичева, не сказивала того, что онъ, Суденковъ, возилъ ей въ домъ къ прописанному судии Дергуну и того, что тамъ говорили, а потомъ онъ Суденковъ взялъ тое доношение, имѣвъ у себя упоминаемое насилно ини отъ ей, Фридрикевичевой, прежде взятое писмо, самъ, безъ ей персоналной подачи и сознатія, ствердилъ, какъ она, Фридрикевичева, увѣдомилась въ земскомъ судѣ и яко все тое тетка ей, яко опекунка, надъ долгъ и совѣсть, въ отмѣнность законовъ, учинила, содержа ей, Фридрикевичеву, въ опеки въ своемъ домѣ съ крайнѣйшою ей, Фридрикевичевой, обидою и разорениемъ и такимъ тайнымъ образомъ, что и первѣйшый по правамъ опекунъ дядя ей Ширай ничего вѣдать не могъ о сей затѣенной, единствено для козли оной тетки ей, здѣлки, а безъ его согласия оной тетки ей равнаго, но первѣйшого опекуна, не токмо такого неправилного дѣла затѣвать и вимагателствъ ей, Фридрикевичевой, наслѣдныхъ имѣний дѣлать, имѣя ей, Фридрикевичеву, въ полной своей волѣ, но и правилного чего либо начинать она тетка ей, Фридрикевичевой, не должна била, такъ де по тому писму, даби она тетка сама или ей наслѣдники до обявленого Красного хутора не возжелали касатся, которой ей, Фридрикевичевой,

урядово отъ дядѣ ея, Шираля, яко мерлѣйшого опекуна съ протчими недвижимыми ея, Фридрикевичевой, добрами при виходѣ ея, Фридрикевичевой, зъ ихъ опеки въ наслѣдное владѣние ея, Фридрикевичевой, съ казначностями отданъ, а для того де нинѣ, вишедши изъ опеки отъ оной тетки своей въ замуже, не пропуская правного времени, о всемъ предизображеномъ впредь для видѣния суду полковому Нѣжинскому претестуя и предпоказаание писмо, тако жъ и доношение, яко изъ подъ неволѣ и въ отмѣность правъ отъ ней, Фридрикевичевой, взятое, которое писмо и доношение, какъ выше значится, безъ персоналного ея, Фридрикевичевой, на урядѣ земского Глуховского суда призната и подачи помянутой тетки ея Судденковой съ синомъ Иваномъ Суденкомъ въ ономъ судѣ подано, во всякомъ судѣ и правѣ вѣчними часи уничтожаетъ и опровергаетъ. При томъ же, ради предимѣючого бить отъ ея, Фридрикевичевой, на коихъ подлежитъ иску, и о ниже слѣдующомъ представляетъ: первое, по виходѣ де ея, Фридрикевичевой, въ замуже, когда отъ опекуна дядѣ своего Шираля по вишенамѣненной отъ сотеной Кролевецкой канцеляріи здѣланой описѣ отдача ей, Фридрикевичевой, имѣний, (съ которихъ въ недвижимие имѣния она дѣйствително во владѣние вступила), то зъ движимихъ де имѣний, въ оной описѣ написанихъ, хотя нине получила, но многихъ вещей не явилось и ей, Фридрикевичевой, не отдано, о которихъ неявившихся вещахъ при ономъ протестномъ доношении приложила реестръ. А сверхъ де того, по примѣчанию ея, Фридрикевичевой, нѣкоторие вещи въ клейнотахъ и въ протчихъ вещахъ перемѣнени, съ которихъ де нине, о коихъ ей, Фридрикевичевой, находитъ сумнителство, при отдачи ей, Фридрикевичевой, запечатани урядникомъ хоружимъ сотеннимъ Новгородскимъ Григориемъ Налягакою, а другие изъ своихъ местъ совсѣмъ винути, такъ что толко пустие мѣста осталось, гдѣ находилось серебро, какъ то: въ нахташномъ сундучке, да особливой ящикъ, въ которомъ умивалница и кувшинъ серебраные били, пустой найденъ, и нинѣ имѣется; второе, въ упомянутой уряденой ей, Фридрикевичевой, наслѣдственихъ имѣний описѣ, между протчимъ, написано тако: крѣпости на всѣ грунта недвижимие и облики, при сребрѣ, за печатю сотника Огневского, въ наволочке, въ скринѣ положени при сребрѣ жъ, а при отдачи ей, Фридрикевичевой, по оной описѣ, при протчихъ движимихъ ей, Фридрикевичевой, имѣниахъ содержаннихъ, въ сундукахъ показиваемою теткою Судденковою, въ домѣ ей въ Новгородку, на оной наволочки печати уже не било, которую роспечатаную наволочку издатчикъ

оныхъ имѣний войск. канцеляристъ Петръ Василиевичъ Заводовскій да хоружой сотенный Новгородскій Григорий Палагака свидѣтелствовали, при битности Ивана Суденкова, и она, Фридрикевичева, роспечатаную оную наволочку приняла, а после того онъ, Суденковъ, чрезъ показаного Заводовского, прислалъ къ ней, Фридрикевичевой, обликъ матери ея, Фридрикевичевой, данной отъ Забѣли, зъ чего де явствено, что онъ, Суденковъ, что хотѣлъ съ оной наволочки вынулъ изъ обликовъ или крѣностей ея, Фридрикевичевой, когда тотъ обликъ не въ наволочки билъ, но онъ Судденковъ изъ своихъ рукъ видалъ. И яко де въ оной наволочки положенымъ обликамъ и крѣностямъ ея, Фридрикевичевой, реестри или описѣ по пересмотру тогда жъ обявленимъ Заводовскимъ не искалось, такъ и узнать нинѣ ея, Фридрикевичевой нѣ изъ чего, что съ оныхъ обликовъ и крѣностей цѣло, а чево нѣтъ. Третее, движимие имѣнии тожъ единствено на ея, Фридрикевичеву, спадаючие въ разнихъ вещахъ состоящие, за умертвиемъ матери ея, Фридрикевичевой, до приезду дядѣ ея и опекуна показаного Ширая въ Подоловъ и до учинения по оному, поданому отъ отъ ея, Фридрикевичевой, доношению отъ Кролевецкой сотеной канцеляриы имѣниямъ ея, Фридрикевичевой, описѣ, чрезъ нѣсколко дней били, какъ и весь домъ, въ единственомъ тетки ея, Фридрикевичевой, оной Судепковой и сина ея Ивана Суденкова завѣдовании, яко прежде смерти матери ея, Фридрикевичевой, въ Подоловъ приехавшихъ, которыми самими скорю по смерти матери ея, Фридрикевичевой, и ключи отъ всѣхъ сундуковъ и отъ всего, что въ домѣ било, въ ихъ руки забрати, и въ тихъ днякъ по смерти матери ея, Фридрикевичевой, пока опись сочинена и пока оной опекунъ Ширай приихалъ, многие вещи расхищени и что отъ расхищения остатся могло, то все ли показано тѣмъ отъ уряду опредѣленимъ для введения въ опись, или что, какъ вишепоказано отъ всего ключи били у тетки ея, Фридрикевичевой, да и она, Фридрикевичева, въ тѣ пори, за ея несносною печалію, немогла ни во што вникать, и затѣмъ о преднонказаномъ расхищении, яко и не введении всего въ опись изъ ея, Фридрикевичевой, имѣний, имѣетъ она, Фридрикевичева, причину [illegible] вишеприписанихъ обстоятелствъ, такъ и [illegible] 1, [illegible] сундуки, которие отъ матери ея, Фридрикевичевой, въ сохранению тетки ея Судденковой въ Новгородкѣ, въ домѣ, ея поставлени били, (за коими по совѣту г. маиора Якова Михайловича Скорупадскаго мать ея, Фридрикевичевой, передъ своею кончиною, посилала въ Новгородокъ для

взятя онихъ въ Подоловъ), съ Новгородка уже по смерти матери ей, Фридрикевичевой, къ ней тетки ей, Фридрикевичевой, сундуковъ да и безъ сундуковъ, какихъ вещей и протчего разновремено послано или дано, и все ли то, что било у ней, привезено по смерти матери ей, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, она, Фридрикевичева, неизвѣстна и знать ей тогда нѣпочему било, яко про все то мать ей, Фридрикевичевой, вѣдала; 2, по смерти матери ей, Фридрикевичевой, какъ упоминаемою теткою взята она, Фридрикевичева, въ опеку въ ей домъ, въ Новгородокъ, изъ Подолова, куда опять нею и сундуки ей, Фридрикевичевой, взяти, то она тетка ей зъ синомъ своимъ разновремено слюсаровъ спекивая, (по причинѣ той, что у дядѣ ей, Фридрикевичевой, прописаного Ширая, ключи отъ сундуковъ содержались) сундуки отпирала, а одна баула, гдѣ серебро содержалось, къ описѣ, когда отдачу ей, Фридрикевичевой, дѣлано, чрезъ показаного Заводовского, принесена была отъ показаной тетки незамкнутая и замка при оной не било и сие де, какъ оной Заводовский, такъ и хоружий Налягака и прописаной Иванъ Суденковъ видѣли и знаютъ; 3, неменшимъ сумнительствомъ состоитъ и сие, что тетка ей, Фридрикевичевой, Суденкова и синъ ей Иванъ Суденковъ вскормленого въ домѣ матери ей Фридрикевичевой, малого, именемъ Карпа, при ей, Фридрикевичевой, въ ей домѣ бившого по виходѣ ей, Фридрикевичевой, въ замуже, ей, Фридрикевичевой, неотдала и при виездѣ ей, Фридрикевичевой, съ мужемъ своимъ изъ ей дому, зъ Новгородка, прошедшого февраля 18 д., оного малого оковала въ зелѣзи и не випустила изъ своего дому, которой де малой, яко съ младенчества воспитанъ и безотлучно жилъ при матери ей, Фридрикевичевой, то знать может о многихъ съ ей, Фридрикевичевой, имѣний вещахъ, за коимъ малимъ мужъ ей, Фридрикевичевой, къ тетки ей, Фридрикевичевой, объ отдачи его хотя и писалъ, но оная не отдала и писменого отвѣту не учинила, а чрезъ посланого де отъ 6 февраля къ мужу ей, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, Андрея Ярошевича, велѣла сказать, что тотъ малой Карпъ посланъ уже въ Питербурхъ къ сину ей и отданъ не будетъ, а сверхъ де того подданого ей, Фридрикеричевой, Савку Шпачка означеная тетка ей отъ ней, Фридрикевичевой, насилно взяла и въ Питербургъ, въ прошедшомъ 764 году, въ декабрѣ м-цѣ, отправила. А въ сообщеномъ при ономъ протестномъ доношении реестрѣ написано, что по доношению ей, Фридрикевичевой, 1764 году, марта 4 д., поданому отъ сотенной Кро-

ловецкой канцелярии съ описнихъ наслѣдникъ ей движимихъ имѣний, въ сохранение опекунами ей, Фридрикевичевой, взятихъ, при здачи ей, Фридрикевичевой, за виходомъ ея въ замуже, не явилось вещей, а имено: подноса сребряного малого, обуха сребромъ оправленого, въ сребрѣ вѣсу три фунта съ половиною и четью недостаетъ, въ ланцюжкахъ золотихъ недостаетъ десяти лотовъ двохъ золотниковъ съ половиною, перевѣнѣ полосатой тридцяти аршинъ, грезети алой на юпку, приставки ценованой, мартировъ двохъ, рубашекъ кужелнихъ пяти, кроватѣ одинакой железной съ занавѣсками трема, одною тафтяною, полосатою, другою полотняною шитою, а третою серпанковою, совсѣмъ съ подушками четирма и пуховикомъ, плахотъ девяти, ручниковъ шитихъ пяти, ручниковъ тканихъ двохъ, рубашекъ галанскихъ четирохъ, швабскихъ скатертей штуки, скатертей простихъ трохъ штукъ, сѣдла зеленого бархатного, гаптованого, зъ платкомъ такимъ же, подъ ящуромъ, хомутовихъ кришокъ красныхъ суконнихъ шести, попони одной барсовой, соболевого хутра поли одной, сѣдла красного гаптованого, погребца Гданского, часовъ золотихъ, козирка сукномъ синѣмъ вибитого, запаски бѣлой грезетовой, шитой серебромъ, отъ юпки такой же, которую у портного Подоловского нашли своровануюͅ и взята теткою Суденковою, ронда одного дорогого, а сверхъ того двохъ рондовъ позолоченихъ и двохъ сагайдаковъ, подъ сомнениемъ тутъ означаются до надлежащой виправки. О чемъ всѣмъ предизображеномъ суду полковому Нѣжинскому чрезъ сие протестное доношение заявивъ, просила она, Фридрикевичева, оной протестъ принявъ, отъ слова до слова уписать въ протоколную книгу, а ей, Фридрикевичевой, съ оного видать, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, урядовую випись, о чемъ де отъ ей, Фридрикевичевой, и въ ровной силѣ въ суда войсковий генералний и въ земский Глуховский заявлено. Того ради опредѣления полкового Нѣжинского суда оной протестъ зъ реестромъ въ полковомъ Нѣжинскомъ суде въ протоколную книгу, подъ № 160, вписанъ, съ которого протеста и реестра отъ слова до слова въ засвидѣтелствование таковой ей, Фридрикевичевой, протестаціи, за подписомъ рукъ и за печатю урядовою, изъ полкового Нѣжинского суда сия випись и дана, 1765 году марта 26 дня. Полковникъ Петръ Разумовскій. Судия полковий Василь Кулаковскій. Писаръ суда полкового Нѣжинского Іванъ Стасевичъ. Полков. Нѣжинск. суда подканцеляристъ Александеръ Скибовскій. *(Съ подлинника).*

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрцкевича, Анны Яковлевны, на всѣ ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1769 г., 16 мая.

Въ земскій повѣту Батуринского судъ доношеніе. Каковъ вѣчистой записъ на всѣ наслѣдственніе моя недвижиміи и движиміи добра, со влитьемъ и права, за подписомъ моимъ и за печатю, такъ же за подписомъ очевисто отъ мене во свѣдителство упрошенныхъ г.г. шляхтичовъ, которіе на ономъ записѣ, пры своихъ печатехъ, руки прыложили, зъ доброй моей волѣ бунч. тов. Ивану Стефановичу Леонтовичу мною данъ, оной подлинной вичистой записъ земскому повѣту Батуринского суду очевысто жъ сознаю и при семъ моемъ доношеніи въ тотъ судъ самоперсоналнo представляя, прошу оного земского суда тотъ мой вѣчистій записъ ему, Леонтовичу, доброволно отъ мене на всѣ мои недвыжиміи и двыжиміи добра данній, въ земскій оного суда повѣтовіи книги вписать и изъ оныхъ обыкновенную по правамъ Малороссійскимъ изъ того моего вѣчыстого запису выдать ему Іоану Степановичу Леонтовичу урядовую выпись. На подлѣнномъ доношеніи подписъ таковъ: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Фридрикевичева.

Помѣта: 1769 году, мая 18 д., прынявъ записать, а представленной самоперсоналнo отъ прописанной г-жи Фридрикевичевой въ судъ земскій при семъ доношеніи уступной вѣчистой записъ, яко по разсмотренію суда земского является но точности правъ Малороссійскихъ исправленій, вписавъ въ земскіе повѣту Батуринского книги, видать пры урядовой обыкновенной выписѣ потребуючой сторонѣ, упомянутому г. бунч. тов. Леонтовичу, на вѣчное и спокойное ему значащимись по тому запису движимыми и недвижимыми добрами владѣніе. На ономъ опредѣленіи подписалиясь: Петръ Забѣла, Самойло Гриценко.

Въ данномъ же отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой уступномъ записѣ написанно тако:

1769 г., мая 16 числа. Я нижеподписавшаясь всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить и всякому суду и праву, симъ моимъ доброволнимъ вѣчистимъ записомъ обявляю, что во вѣчное и потомственное владѣніе уступила я бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу наслѣдственно мною владѣеміи недъвижиміи имѣнія, а именно: въ полку Нѣжынскомъ, село Митченкы, съ подданнимы, съ пріезжимъ дворомъ, съ мелницямы въ ономъ же селѣ состоящимы, съ шынками, пахотнимы и сѣнокоснимы землямы, съ лѣсамы, съ озерамы съ ху-

торомъ прозиваемимъ Сѣжковскимъ и съ протчимы всѣмы прыналежностямы, подъ городомъ Батурыномъ, на Сеймовой плотинѣ, два кола мучніи съ имѣючимись тамо, въ Батуринѣ, пустимы плецамы, въ селѣ Поповкы, мелниця и сукновалня, на рѣчки Веровки состоящая, съ двором при оной находящымся; полку Прылуцкого, подъ с. Гайворономъ и за Куренею, степніи землѣ, въ трехъ мѣстахъ состоящіи, изъ коихъ на едномъ и хуторъ издавна былъ устроенъ, да въ полку жъ Нѣжынскомъ, с. Подоловъ зъ слободкою Голубовкою, съ подданнимы, съ жилимъ дворомъ и всѣмы въ томъ дворѣ имѣющимись вещамы, разнимы уборамы, меблямы и всякимы наличностямы, съ мелницамы на рѣчкѣ Ретѣ, Дейвековскою, Аверковскою и Горишнею, да на рѣчки Свиднѣ состоящимы, съ пашеннимы сѣнокоснимы и лѣснимы землямы до оныхъ прынадлежащимы, съ хуторомъ Цадалковскимъ, съ пасѣкою близь оного находящоюсь, съ лесамы, сѣнимы и пашеннимы землямы, до тогожъ хутора прынадлежащимы, въ г. Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе плацы, хуторъ прозиваемій Красный, съ мелницями, на рѣчки Османѣ состоящимы, съ имѣющимся тамо пріезжимъ дворомъ и всякими въ ономъ находящимися наличностями, съ подсусѣдскими хатамы, съ борами, лѣсамы, съ пашенною и сѣнокосною землею и другими до оного принадлежитостями, въ г. Глуховѣ, на болшой проезжой дорогѣ, двѣ крамніи лавкы, да на Усовкы пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разныхъ местахъ, пашенніи и сѣнокосніи земли, и въ полку Стародубовскомъ два хуторци, прозиваемія Голота и Ягодное, съ мелницями, съ имѣющимися пры оныхъ дворами и всѣмы къ нимъ прынадлежитостями. А сверхъ всего вышепрописанного, ему жъ Леонтовичу уступила я во вѣчное и потомственное владѣніе и всѣ мои движимости, сколко оныхъ имено. И тѣмы всѣмы вишше сего выраженними наслѣдственно мною владѣемимы недвижимимы добрами и всякимы вещми и наличностямы ему, Леонтовичу, даю волю, какъ своимъ добромъ, вѣчно владѣты, користоватись и кому хотя дать, продать, даровать и записать, родственниковъ же моихъ близкыхъ и далекихъ отъ техъ имѣній вѣчне отдаляю. И ради вѣчного и спокойного ему Ивану Степановичу Леонтовичу тѣмъ всѣмъ по его волѣ владѣнія, сей мой вѣчыстій записъ ему, Леонтовичу, даю, тутъ же и то докладаю, что по имѣвшомусь въ судѣ генералномъ между синамы умершого бунч. тов. Ивана Чарниша умершими жъ Иваномъ, Даниломъ и Александромъ Чарнишамы и между маткою моею, умершою Марфою Степановною Чарнишевою, а по второму мужу Скоро-

падскою, дѣлу о раздѣленіи добръ Чарнишовскихъ заводному, которое въ ономъ генералномъ судѣ 1755 году, апрыля 14-го, рѣшенно, искать или ответствовать о надлежащомъ въ правный дѣлъ оныхъ добръ Чарнишевскихъ раздѣленіи и о протчемъ гдѣ надлѣжитъ, а раздѣлясь на вѣчно всемъ темъ, что на мою часть по оному раздѣлу прынадлежыть, владѣть и корыстоватись за силу права Малороссійского въ книгѣ Статутѣ, въ розд. 7, арт. 4 напечатанному, ему, Леонтовичу, влила мое право, въ чемъ пры упрошенныхъ отъ мене свѣдытелехъ, своеручно подписуюсь и печать прылагаю. На подлѣнномъ тако: падворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Яковлева дочь Чарнишева Фридрикевичева. Къ сему вѣчистому запису, по очевыстому прошенію, г. надв. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича жены Анни Яковлевни изъ Чернишовъ Фридрикевичевой, пры моей печати руку прыложилъ бунч. тов. Прохоръ Забѣла. Возній сотнѣ Батуринской Степанъ Бойченковъ къ сему вѣчистому запису.... руку прыложилъ. Повѣта Батуринского, сотнѣ Второ-Борзенской возній Александъ Комапіынскій. Значк. полку Лубенского тов. Павелъ Веспертинскій. А понеже въ правѣ Малороссійскомъ, книги Статутъ, розд. 1, арт. 1-мъ, узаконенно, яко волно всякому имѣнія свои отчистіе, матерыстіе, выслуженніе, купленніе и якимъ нибудь способомъ набитіе и названніе всѣ или часть съ нихъ, недвижиміе, что хотя, по своей мисли и воли, отдать, продать, даровать записать, заставить, отдаливши отъ онихъ дѣтей и близкыхъ своихъ сродственниковъ, кто запись утвердыть, сознавши оную на урядѣ земскомъ и подлежащую выпись взявши, по якому праву, тако жъ и розд. 3, по арт. 41, что оной ей г-жи Анни Яковлевни Фридрикевичевой вѣчыстой тихъ движимыхъ и недвижимихъ добръ записъ по разсмотренію суда земского врызнается во всемъ за дѣйствителной, такъ и быть ему въ своей силѣ вѣчне ненарушымо; того ради вышеписанной уступной записъ такъ же и поданое самоперсонално отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой съ представленіемъ оного доношенія въ земскіе повѣту Батурынского книги, подъ номеромъ 7-мъ, сего 1769 году, мая 19 д., на стр. 15, 16, 17, 18, 19 и 20, за силу показаннихъ Малороссійскихъ правъ и вышеписаного суда земского на ономъ г-жи Фридрикевичевой доношеніи состоявшогось определенія, точно отъ слова до слова вписанны, и изъ онихъ книгъ земскихъ за требованіемъ ея г-жи Фридрикевичевой предписанному г. бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, ведлугъ онихъ же правъ арт. 1 и 2 7-го розд. да розд 4 артык. 13 и 103 пункта, сія выпись

за урядовымъ суда земского подписомъ и печатми утвержденіемъ, на спокойное и вѣчное ему г. Леонтовичу или кому отъ него достатся имѣеть, всѣми вышеписанными уступными отъ реченой г-жи Фридрикевичевой движимимы и недвижимиты добрами владѣніе, выданъ году, м-ця и числа вышеписанныхъ. Судия земскій повѣту Батуринского Петръ Забѣла. Подсудокъ земскій повѣту Батуринского Самойло Гриценко. Писаръ земскій Федоръ Пороховскій. Канцеляристъ Иванъ Несторовычъ. *(Съ копіи).*

11. Духовное завѣщаніе дѣйств. статск. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля.

1797 года, апрѣля 28 дня. Я нижеподписавшійся во всякомъ правителствѣ и судѣ и кому о семъ впредь вѣдать надобность укажетъ, сымъ моимъ духовнимъ распредѣлителнимъ тестаментомъ объявляю: болѣзнь, которою я часто страдаю, заставляетъ мыслить о кончинѣ жизни моей, я чувствую и то, что приобрѣтши доволное по состоянію моему недвижимое и движимое имѣніе, не оставляю однофамилного по мнѣ наслѣдника, но имѣю по законамъ полную волю и свободу распредѣлить оное ближайшимъ родственникамъ моимъ и указать имъ принадлежитость ихъ, тако жъ дать въономъ участіе и тѣмъ, кого я, по истинному усердію мнѣ оказиваемому, признаю достойнимъ, къ чему приступая, за нужное почитаю обяснить въ имѣніи, какъ оное досталось во владѣніе мое и кто ближайшіе къ оному наслѣдники.

1. Умершая жена моя Анна Яковлева дочь Чарниша, за жизни своей, вѣчистимъ записомъ 1769 года, мая 16 дня учиненнымъ, недвижимое и движимое имѣніе, какъ-то Новгородско-Сѣверского намѣстничества уѣзда Короповского село Митченки съ принадлежитостьми, да Кролевецкого уѣзда село Подоловъ съ слободкою Голубовкою, съ мелницами въ разнихъ мѣстахъ и хуторомъ Подоловскимъ, жилой домъ въ селѣ жъ Подоловѣ, со всѣми въ томъ домѣ имѣющимись вещами, разними уборами, меблями и всякими наличностьми, въ городѣ Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе пляцы, въ городѣ Глуховѣ, при болшой проѣжжей дороги, двѣ крамніе лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разнихъ мѣстахъ, пашенные и сѣнокосніе земли, и прочое все недвижимое и движимое имѣніе въ томъ записѣ пономенованное, уступила родному по матери брату моему бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, которій онымъ

и владѣлъ по смерть свою, а потомъ братья его и мои, полковникъ Степанъ и бунч. тов. Василій Леонтовичи, и я тѣмъ имѣніемъ владѣли. Когда жъ и сіи оба братья мои померли и съ нихъ послѣдній Василій Леонтовичъ, предъ кончиною своею, духовнимъ тестаментомъ 1791 года, августа 19 дня, сочиненнымъ, какъ вышепрописанное имѣніе, такъ и прочое имъ приобрѣтенное и ему по отцу его, а моему отчиму хоружому полковому Степану Леонтовичу наслѣдственное, имъ отчимомъ и матерью моими, а къ тому и братомъ моимъ же Иваномъ Леонтовичемъ приобрѣтенное и купленное, именно: Кіевского намѣстничества, Переяславского уѣзда, деревня Золотоношка, населенная и составленная изъ хуторовъ, купленныхъ онымъ отчимомъ моимъ Степаномъ Леонтовичемъ, съ принадлежащими до той деревнѣ разними угодіями, по купчимъ крѣпостямъ значащимися, хуторъ прозиваемой Трактирній, въ мѣстечки Глемязовѣ, на рекѣ Супои, мелница о трехъ колахъ матери моей Феодосіи Леонтовичевой, отъ брата ея бунч. тов. Василія Томари уступленные, и прочіе хуторы всѣ, земли пахотные, сѣнокосные и разныя угодія, отчимомъ и матерью моими къ вышеизясненному имѣнію куплею приобрѣтенные, село Нехайки и хуторъ Криштоповскій у бунч. тов. Степана Томары братомъ моимъ Иваномъ Степановичемъ Леонтовичемъ обополно со мною купленные, и къ сему селу и хутору, такъ и къ вышеписаннымъ хуторамъ, имъ самимъ, братомъ моимъ, обополно же со мною купленные земли и разніи угодіи, какъ по купчимъ крѣпостямъ явствуетъ. Все сіе имѣніе, что только наслѣдственно оному брату моему Василію Степановичу Леонтовичу приналлежало и собственно имъ приобрѣтенное, тако жъ и денегъ въ кредитѣ по разнимъ обязателствамъ десять тысячъ восѣмъ сотъ сорокъ пять рублей, о которыхъ реестръ подписанный имъ же братомъ моимъ явствуетъ, онымъ духовнымъ тестаментомъ предоставилъ мнѣ въ полное владѣніе и распредѣленіе, которымъ я и донынѣ владѣю.

2. Къ оному вышеозначенному, отчимомъ и матерью моими, тако жъ и братьями моими жъ приобрѣтенному недвижимому и движимому имѣнію, по законамъ признаю я правними наслѣдниками родныхъ по матери сестеръ моихъ, ихъ дѣтей и потомковъ, какъ-то: умершаго бунч. тов. Семена Полуботка жену Настасію Степановну Полуботкову, маіора Лаврентія Андреевича Раковича жену Пелагію Степановну Раковичеву, дѣтей умершихъ сестеръ моихъ, надв. сов. Василія Ивановича Силича жены Катерины Степановны Силичевой и бунч. тов. Павла Ивановича Лисенка жены Анны Степановны Ли-

сенковой, а потому и усердію моему къ нимъ все оное имѣніе, тако жъ и собственно мною приобрѣтенное къ тому же имѣнию присоединенное, всѣ заводы лошадиные и скотскіе и всѣ всякого рода и названія движимости, каковы толко въ ономъ имѣніи по смерти моей останутся, за исключеніемъ изъ оныхъ имѣній и движимостей ниже сего показанныхъ, предоставляю и утверждаю въ вѣчное и потомственное владѣніе онымъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ и потомкамъ, которыхъ таковымъ моимъ къ нимъ расположеніемъ обязиваю ненарушимо сохранить и исполнить слѣдуемое за сымъ завѣщаніе мое.

3. Обнадеживаясь чувствителнимъ усердіемъ ко мнѣ, добродушіемъ и правотою сестри моей Настасіи Степановны Полуботкової, поручаю ей во избереженіе всѣ крѣпости на вышеприписанное имѣніе служащіе, ввѣряю ей полное право по смерти моей принять въ свое содержаніе, какъ оное все имѣніе, недвижимое и движимое, такъ наличніе и въ кредитѣ по обязателствамъ мнѣ принадлежащіе денги, сколко ихъ по мнѣ же въ жиломъ домѣ моемъ Сыяцкомъ останется, а къ тому и разніе вещи изъ дому Подоловского принадлежавшіе, по запису жены моей брату моему Ивану Степановичу Леонтовичу и въ домъ Сыяцкій ввезенные, каковы по реестру, отъ меня сочиненному и подписанному, мною показанны будутъ, съ означеніемъ, кому что съ нихъ опредѣлю я дать, а до того все то въ волѣ моей и моемъ домѣ оставляю, что же затѣмъ въ остаткѣ будетъ къ общему раздѣлу, то все оное завѣщеваю безъ и малѣйшаго отъ кого препятствія, съ помощію вышеприписанныхъ сего имѣнія участниковъ, оная сестра моя принявъ исполнить должна распредѣленіе, волю и желанія мои ниже изъяснены.

4. Извѣстно оной сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ, что по смерти брата ея и моего полковника Степана Степановича Леонтовича, оставшаясь во удовствѣ жена его Софія Василіевна, урожденная Дунинова Борковская, не получила по мужу своему никакова имѣнія и оного, по усердію своему ко мнѣ и снисхожденію, доселе не требуетъ, но я обязаннымъ себя почитаю доставить ей принадлежащое, опредѣляю по согласію ея, во мѣсто слѣдуемой ей части изъ вышеприписанного недвижимого имѣнія, оставляемого мною въ дѣлежъ однимъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ, удовлетворить ея единожди навсегда и безъповоротно денгами сѣмь тысячъ рублей съ наличной суммы, и въ займы мною розданной, по обязательствамъ числимой, сколко оной по мнѣ останется; буди жъ сей суммы недостанетъ, то дополнить число денегъ мною опредѣляемое должны оные сестри мои

и ихъ дѣтя, приемлющіе недвижимое имѣніе, а къ тому виделить ей же, братовой моей, изъ заводовъ лошадиного и рогатого скота, въ томъ недвижимомъ имѣніи находящихся, пятую часть и такову жъ часть отдѣлить и со всѣхъ движимостей въ ономъ же имѣніи держащихся, но таково удовлетвореніе денгами и означенную видѣлку обязанни сестри моя и ихъ дѣти, не приступая къ общему дѣлежу недвижимого и движимого имѣнія, непремѣнно виполнить, ибо въ подтверждение въ семъ воли моей я прошу во всѣхъ урядахъ, въ каковы по принадлежности того имѣнія представлены были би дѣлчіе реестри, онихъ не принимать и за дѣйствителніе не признавать, поколь сознаетъ братовая моя въ совершенномъ ея удовлетвореніи; въ противномъ же случаи, (чего я и не ожидаю), кто съ нихъ сестеръ моихъ и ихъ дѣтей оказался бы столь неблагодарнимъ въ моемъ имъ пособіи и изъяснилъ каковы оспариванія въ вышеозначенномъ удовлетвореніи оной братовой моей, то тогда предоставляю и утверждаю ей, братовой моей, полное право во всемъ ономъ недвижимомъ и движимомъ имѣніи получить во вѣчное и потомственное ея владѣніе пятую часть и тогда уже совершить по законамъ дѣлежъ тому имѣнію, изъ которого изъключаю я: уезда Кролевецкого, при селѣ Подоловѣ состоящую на рекѣ Ретѣ плотину, називаемую Оверковскую съ мелницами мучними, о трехъ колахъ, и всею къ оним принадлежитостію, да въ деревнѣ Дулевкѣ шинковой и для винокуренія устроенные дворы, на купленныхъ мною и братьями моими земляхъ, и каковы только въ той деревнѣ Дулевкѣ во владѣніи моемъ находятся, которія такъ и вышеприписанную плотину Оверковскую съ мелницами, опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе родственнику моему г. кол. ассесору Антону Андреевичу Войцеховичу, за его ко мнѣ отличныя усердія, на что все и право мое утверждаю.

5. За предпоказаннымъ удовлетвореніемъ братовой моей Софіи Василіевни Леонтовичевой, я признаю законымъ порядкомъ и завѣщеваю оной старшей сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ Полуботковой все вышеизъясненное недвижимое и движимое имѣніе, за исключеніемъ Оверковской плотини съ мелницами и дворами Дулевскими, означенныхъ Антону Андреевичу, раздѣлить на равные части съ соблюденіемъ всей справедливости, согласія и спокойствія, которое, какъ первѣйшое основаніе къ благоденствію, дабы ненарушимо утвердить, симъ лишаю въ томъ имѣніи части того участника, которой бы суднымъ процесомъ поискивалъ болше ему принадлежащаго и тѣмъ разривалъ общественное спокойствіе.

6. Учинивъ распредѣленіе вышепрописанному имѣнію, за нужное признаю сказать тутъ и о другомъ мною владѣемомъ недвижимомъ имѣніи моемъ Черниговскаго намѣстничества, уездовъ Городницкаго и Березинскаго состоящемъ, въ селѣ Смячи, деревнѣ Конотопѣ, мѣстечки Седневѣ, слободѣ Грязной и слободѣ Богородицкой да въ селѣ Хрипковкѣ, что къ сему имѣнію вышеупоминаеміе отчимъ мой, мать, братья мои и самъ я многіе куплею приобрѣли земли и угодія, о которихъ купчія крѣпости доказиваютъ, такъ и о томъ, что онымъ приобрѣтеніемъ сіе имѣніе доволно распространенно, но я всѣхъ оныхъ приобрѣтенія отъ сего жъ имѣнія не отдаляю, но какъ ихъ, такъ жилой домъ мой въ селѣ Смячи со всѣмъ движимымъ имѣніемъ и прочими многими хозяйственными заведеніями, по кончинѣ моей, предоставляю во владѣніе наслѣдницѣ, право къ тому по законамъ имѣющей двоюродной сестрѣ моей Ульянѣ Константиновнѣ г-жѣ Енковой, ея дѣтямъ и потомкамъ, а изключаю толко изъ сего имѣнія въ селѣ Хрипковкѣ 52 душѣ мужескаго пола, по послѣдней ревизіи за мною записанные, съ ихъ семействами и жилими дворами, пахотними и сѣнокосними землями, мелницѣ о трехъ колахъ на плотинѣ тамошней, купленной отчимомъ моимъ, устроевные шинковой и приказчичой дворы, со всѣми ихъ хозяйственными заведеніями, всѣ земли пахотніе и сѣнокосные на дворъ мой служащіе и протчія угодія, что толко въ ономъ и при ономъ селѣ Хрипковкѣ владѣніи моемъ находится, все то. . . . . . оного и что многіе земли въ срединѣ дачъ деревнѣ Пѣвневщинѣ, владѣнія родственника моего кол. ас. Антона Андреевича Войцеховича, находятся, по разнимъ сосѣдственнимъ зъдѣлкамъ моимъ съ нимъ и по моей къ нему особливой обязанности, уступаю и поручаю заразъ ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе, что все и крѣпостью утвердить имѣю, а во обнадеживаніе сего моего непремѣнного положенія, далъ я ему г. Войцеховичу отъ себя правный обликъ на сумму шесть тысячъ рублей денегъ, съ тѣмъ, что когда я не устою совершить оной крѣпости, то приемники прописанного имѣнія моего, безъ малѣйшаго прекословія, обязанны такову крѣпость ему, г. Войцеховичу, въ замѣну вышепоказанныхъ въ семъ 6-мъ пунктѣ отчима моего и братьевъ моихъ и собственно моихъ приобрѣтеній отъ себя дать, а въ случаи какова противу сей моей воли сопротивленія, то предоставляю ему г. Войцеховичу право—възыскивать изъ имѣнія моего села Смячи, по вышепоказаному обязателству, значащіесь денги, тако жъ и всѣ

оныя приобрѣтенныя угодія, исъключивъ по крѣпостямъ, отдать ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе.

7. Въ заключеніе сего моего тестамента, по собственной воли моей и здравому разсудку, на основаніи правъ книги Статутъ раздѣла 3-го, артикула 41-го и раздѣла 8-го, артикула 2-го, сочиненного, въ ненарушимое предохраненіе всѣхъ изъясненныхъ распредѣленій моихъ, я долженъ напомнуть всѣмъ участвующимъ въ ономъ, что имѣніе я приобрѣлъ, сохранилъ и доволно распространилъ, не по обязанности моей какой интересующей къ оному и не на тотъ конецъ, чтобы съ онымъ оставить или чрезъ оное произвесть ссоры, процессы и разорителные тяжбы, но для того, чтобы всякъ участникъ по мѣри распредѣленія моего онымъ полъзовался, продолжалъ его императорскому величеству службу и полезенъ былъ отечеству. Буди же кто изъ участниковъ оних противо тому поступитъ, окажетъ себя неблагодарнымъ въ таковъ пособіи моемъ, дерзнетъ въ чемъ оспаривать сей духовній тестаментъ мой и по оному завѣщаній моихъ не исполнивъ, заводитъ процесы, разривать спокойствіе и поискивать чего болше отъ опредѣленного мною, таковогo во всѣхъ судебнихъ урядахъ прошу признавъ неблагодарнимъ, неспокойнимъ и завистливимъ, отдѣлить изъ имѣній часть ему принадлежащую, и поручить во всегдашное содержаніе Малороссійскому приказу общественного призрѣнія для благополезного употребленія, въ чемъ предоставляю право мое оному жъ приказу. А дабы совершенно предохранить отъ всѣхъ нечаянныхъ споровъ и тяжбъ, то въ таковомъ случаи сіе распредѣленіе предоставляю повинующимся волѣ моей наслѣдникамъ поднесть оное его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему монарху, и всеподданнѣйше просить во уваженіе продолжителной службы моей и полезного расположенія къ наслѣдникамъ моимъ, высочойшаго подтвержденія сего духовного тестамента моего, которій подписомъ руки моей при печаты удостовѣраю. Подлѣнной подписалъ дѣйствителный статскій совѣтникъ Григорій Григоріевичъ сынъ Фридрикевичъ.

1797 года, апреля 28-го дня, уѣздный Городницкій судъ, по поданному въ оной отъ его пр-ства г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, чрезъ уполномоченного поручика Василія Силича прошенію и по учиненному онимъ судомъ сего числа опредѣленію, съѣхавъ Городницкого уезда въ село Смявь, въ домъ сочинителя сего тестамента оного г. Фридрикевича.....

По узаконенію въ правѣ Статута розд. 8, арт. 2-мъ, находился при сочиненіи оного тестамента и что сей духовной распредѣлителной тестаментъ, по волѣ и по словамъ его г. Фридрикевича, въ здравой его памяти и совершенномъ смислѣ сочиненъ и собственноручно имъ, Фридрикевичемъ, съ приложеніемъ его печати, подписанъ и за прочетомъ предъ нижеподписавшимись присутствующими, во всей точности утвержденъ, въ томъ уездній Городницкій судъ подписомъ присутствующихъ въ ономъ и судовою печатю свидѣтельствуетъ. Подлѣнное подписали: судья титул. сов. Иванъ Лисенко. Засѣдатель поручикъ Иванъ Максимовичъ. Секретарь Андрей Глинскій.

1797 года, июля 3-го дня, по сему духовному тестаменту опредѣленное мнѣ завѣщателемъ г. дѣйст. ст. сов. Григоріемъ Григоріевичемъ Фридрикевичемъ недвижимое имѣніе бывшого Городницкаго уѣзда, а нынѣ Черниговского повѣта, въ селѣ Хриниковки, 52 души мужеск. п. да Кролевецкого уѣзда, а нынѣ Глуховского повѣта, въ деревнѣ Дулевки, мелныцы, называеміе Аверковскіе оставляю я въ прежнемъ владѣніи и кому оніе по завѣщателѣ слѣдуетъ, возвращаю при томъ и облѣкъ въ семъ же духовномъ тестаментѣ прописанный, съ тѣмъ, что я до всего оного имѣнія впредь ни по чему и никакой претенсіи имѣть не буду, что утверждаю подписомъ руки моей, при печати и подписомъ упрошенихъ мною свидѣтелей. Подлѣнную подписалъ: подкоморій повѣта Черниговского Антонъ Войцеховичъ. Во свидѣтелство сего при печатехъ подписались: кол. ас. Иванъ Медведевъ. Коллежскій протоколистъ Яковъ Рославецъ. *(Съ копіи.)*

12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Степановичей Леонтовичей. 1799 г., 9 сетября.

1799 г., сентября 9 дня. Мы нижеподписавшіеся, имѣя наслѣдственно спадшія намъ и въ общей между нами раздѣлъ подлежащіе недвижиміе и движиміе разніе имѣнія, находящіесь губ. Чернѣговской, въ повѣтахъ: Глуховскомъ, село Подоловъ, Конотопскомъ, село Митченки и въ Золотоношскомъ, деревня Золотоношка, съ принадлежащими къ нимъ угодіи, футорами, разными строеніями и грунтами, водяніе и вѣтренніе мелници, винокурной заводъ, пахатніе и сѣнокосніе земли, лѣсы, денги, въ разныхъ вещахъ, золото и серебро, жемчугъ, дорогое камѣнья, пчелніе пасѣки съ пчелами, лошадиные, рогатого и другого скота заводы, поѣздніе экипажи и приборы и протчіе разніе и подъ разнимъ названіемъ движимости, оставшіесь по

умершомъ безъ наслѣдно съ насъ Анастасіи Полуботковой и Пелагіи Раковичевой, родныхъ по отцу и матки нащихъ братьяхъ, а прочіихъ участниковъ родныхъ по матерямъ дядяхъ, бунч. товарищахъ Ивану, Василію, полковнику Стефану и ротмистру Николаю Стефановыхъ снахъ Леонтовичахъ (бывшіе предъ симъ, по волѣ и согласію нашему, въ сохраненіи и избереженіи у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, до времени приключившейся ему неизлѣчимой паралѣческой болѣзни, которою онъ и теперъ одержимъ, лишась совершенного смисла и памяты, къ немалому и чувствителнѣйшему нашему сожалѣнію), какъ оные между нами по надлежащему въ равніе части состоять нераздѣленны, то чтобъ за нераздѣлкою ихъ, будучи въ нашемъ общемъ владѣньи, въ случаи чрезъ какіе-либо участниковъ могущіе быть безпорядки и неустройства, не могли прийты недвижимости и крестьяне въ разореніе, а движимости въ расхищеніе и чрезъ то бъ участники одинъ предъ другимъ не претерпѣли обиды и лишняго затруднѣнія, а затѣмъ не вошли бъ въ судебніе тяжбы, волокиты и напрасніе невозвратніе убытки, по общему нашему согласію и условію, сего сентября 10-го числа, съѣхавсь повѣта Чернѣговского въ село Боровичи, въ домъ съ насъ участниковъ Анастасіи Полуботковой, гдѣ всѣ вообщи поговоря между собой дружески, согласились раздѣлить оное недвижимое и все движимое до наймалѣйшей вещи, со крестьянами обоего пола, имѣніе на четыре части.

До начатья таковой раздѣлки, въ твердость оной, здѣлали сіе постановленіе съ таковимъ непреложнимъ обовязателствомъ, что 1-е, между нами участниками хто именно точно и дѣйствително съ показанного Леонтовичевского въ общій роздѣлъ подлежащого имѣнія въ Подоловѣ, въ с. Митченкахъ, въ д. Золотоношки или гдѣ индѣ, самъ мимо другихъ участниковъ, безъ согласія ихъ, какія движимости, какъ-то денги, сребро, золото, жемчугъ, дорогое каменія, разнія мебели, домовія уборы, лошади, рогатой и другой скотъ, поѣздніе екипажи и приборы, разной хлѣбъ, горячое вино, винокурную, мѣдную, деревяную и оловяную разную посуду и протчіе разніе вещи и подъ разнымъ названіемъ всякіе движимости, словомъ сказать, что бы то ни было, забралъ, тотъ все оное забратое до и наймалѣйшей вещи, безъ всякой утайки, обязанъ и долженъ есть, не извиняясь ничѣмъ, представить въ общій подѣлъ къ уравненію всякого участника, въ то мѣсто, отколь что имено взято, слѣдующого октября на 10-е число сего года, а недалѣе, а затѣмъ все оное представленное должны мы, участники, между собой дружески, безьобидно, раздѣлить на четыре

части. 2-е) Естли кто съ насъ участниковъ всего забратого движимого имѣнія къ общей раздѣлки въ назначенное мѣсто не представитъ, по неимѣнію въ него налице, то зачитать ему на его часть самими тѣми вещми или по стойной ценѣ за оніе денгами. 3) Буди жъ кто изъ забратыхъ движимостей всего до инаймалѣйшей вещи по упорству не представитъ или утаитъ, а после по реестрамъ и забратымъ справкамъ окажется то на немъ явственно, тотъ участникъ другимъ съ насъ долженъ пополнить изъ собственной своей части денгами или недвижимимъ имѣніемъ, которое до заплати нимъ и оставатся должно въ участниковъ, обиду отъ него въ томъ имѣющихъ. 4) За розлѣлкою всѣхъ движимостей, имѣніе недвижимое какъ-то: показанніе селенія, футори съ крестьянами, ихъ строеніями и грунтами, водяніе съ прудами и вѣтренніе мелници, лѣсы, пахатніе и сѣнокосніе земли, мелници и все до послѣдка въ господскихъ домахъ строеніе, на всякую часть достались числомъ по равной долѣ, что и росписать вѣрно и обстоятельно ко всякой части по способности, для таково же росписанія и уравненія всѣхъ четырехъ частей, обще всѣ мы, участники, должны собрать и уполномочить знающаго надежного и способного къ сему человѣка, а за росписаніемъ и уравненіемъ всѣхъ четырехъ частей, мы участники должны принимать части по жребіямъ безъпрекословно и кроме всакой ссоры и роптанія, гдѣ что кому доведется и принявши оніе части, всякъ въ свое владѣніе, въпредъ одинъ другому во владѣніи помѣшателства, убитка и никаково безъпокойствія дѣлать не должны, въ противномъ случаи за неустойку посему обще всѣ мы между себя полагаемъ на выновного заруку подъ платежемъ обидимой сторонѣ десяты тысячъ рублей денегъ. Наконецъ 5), если жъ бы кто съ насъ участниковъ, послѣ учиненія сего нашего постановленія, могъ поступить не по предписанному, т. е. забратого и захваченного всего денегъ сребра и протчего въ общій роздѣлъ надлежащого въ назначенное мѣсто недоставилъ и недоставленного нымъ въ зачотъ на свою часть принять, въ роздѣлку вступить и уравнятся зъ другими на похотѣлъ, либо вступивши въ роздѣлку, учинилъ какое упорство, азартность, всякую неблагопристойность, помѣшательство и остановку въ роздѣлки и притомъ причинилъ бы какову кому обиду, безчестіе и ругателство, тотъ обязанъ и долженъ будетъ непремѣнно заплатить обидимому заруку, столко, сколко четвертая часть Леонтовичевского имѣнія по оцѣнки денегъ стоятиметъ. Для лучшей же и непоколебимой таково нашего постановленіемъ заключенія ненарушимости, утверждаемъ сіе собствен-

ными нашими и свидѣтелскими, при печатехъ, подписами и представляемъ уряду къ надлежащей правной конфирмаціи. Подлѣнное подписанно: къ сему постановленію участникъ выпписанного имѣнія, съ согласія всѣхъ моихъ соучастниковъ, при печати подписался надворный совѣтникъ Александръ Павловъ синъ Лисенко. Къ сему постановленію по уполномочію участници вишеписанного имѣнія, жени моей Пелагіи Степановой дочери Леонтовичевни Раковичевой, при печати подписался примеръ маіоръ Лаврентій Андреевъ синъ Раковичъ. Къ сему постановленію участникъ вышеписанного имѣнія при печати подписался капитанъ Григорій Василіевъ синъ Силичъ. При учиненіи сего постановленія били и во свидѣтелство персоналной прозби гг. участниковъ вишписаного имѣнія, при печатехъ подписались: въ отставки порутчикъ Василій Тишецкинъ. Сенатскій регистраторъ Семенъ Политковскій. (*Съ копіи*).

13. „Выписка изъ реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Константиновною Еньковою, оставшимся по Григорію Григоріевичу Фридрикевичу". 1799 г.

Денегъ налачныхъ, въ мѣдной монетѣ—138 р. 77 к. Писменные обязательства разныхъ должниковъ въ занятыхъ ими у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича деньгахъ, взятые въ сохраненіе Ульяною Константиновною Еньковою 1798 года, декабря « » дня. 1) Обликъ ассессора Ивана Латышова 1782 г., декабря 24 дня писанный, безъсрочный, на—25 р. 2) Обликъ Черниговскаго мѣщанина Максима Бѣлавскаго, писанный 1789 г., марта 15 дня, съ срокомъ того же 1789 г., июня по 28 ч., на 25 р. 3) Обликъ Черниговского уѣзда изъ села Зайцовъ дворянина Ивана Доброгорскаго, писанный 1789 г., ноября 10 дня, съ срокомъ по 10 декабря того же 789 г., на 50 р. 4) Вексель Добрянского посада купца Алексѣя Семенова сына Образцова, писанный 1791 г., марта 10 ч., съ срокомъ на 12 мѣсяцей, на 636 р. Сей вексель за уплатою 327 р., переписанъ 1799 г., маія 18 ч., суммою на 309 р. 35 к., съ срокомъ въ 7 мѣсяцей. 5) Вексель Черниговскаго купца Григорія Яковлева сына Здора, писанный 1792 г., маія 29 дня, съ срокомъ въ 12 мѣсяцей, съ протестомъ на 105 р. 6) Обликъ войск. тов. сына Ивана Войцеховича, написанный 1793 г., сентибря 1 дня, зъ срокомъ на одинъ годъ, на 60 р. 7) Обликъ секундъ маіора Фомы Андреевича Туманскаго, писанный 1797 г., апреля 1 ч., съ срокомъ 799 г., апреля

по 1 ч., на 1150 р. 8) Обликъ умершаго тит. сов. Василія Петровича Лизогуба жены Анны Михайловой дочеры Лизогубовой, писанный 1796 г., декабря 5 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 1800 р., въ сіе число уплачено 1798 г., сентября 15 ч., управителемъ упомянутаго Лизогуба села Буровки поручикомъ Григоріемъ Нѣговскимъ 200 р., а остается 1600 р. 9) Обликъ умершаго генерала маіора князя Петра Александровича Прозоровскаго супруги княгини Софіи Ивановны Прозоровской, урожденной Скоропадской, писанный 1798 г., маія 1 ч., съ срокомъ по 1806 г., маія по 1 ч., на 1700 р. 10) Обликъ Черниговскаго жителя Демяна Гриба жены Евдокіи Павловой дочеры Грибовой, писанный 1798 г., сентября 1 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 100 р. 11) Обликъ Черниг. мѣщ. Степана Иванова сына Макотрина, писанный 1798 г., октября 1 дня, съ срокомъ на одинъ годъ на 100 р. 12) Обликъ губ. секр. Якова Оболонского, писанный 1796 г., октября 1 ч., съ срокомъ на 4 года, на 1000 р.; по сему облику Григорій Григоріевичъ 250 р. оставилъ безъ взысканія, а осталось на немъ 750 р. 13) Росписка карнѣта Андрея Васильева сына Силича, писанная 1798 г., февраля 3 д., съ срокомъ того жъ 798 г., мая по 1 ч., на 2000 р. Итого—7974 р. 35 к.—Сверхъ сего, найденъ реестръ, при обликахъ и векселяхъ, наличнымъ деньгамъ, содержащимся въ красномъ сундукѣ, въ разной монетѣ, писанный 1798 г. марта 1 д. *Въ золотѣ*: имперіяловъ—160, еще одинъ имперіялъ изъ кошелька 1; полуимперіяловъ—22, червонцовъ галандскихъ—97; *въ сребрѣ*: старихъ рублей—120, новыхъ рублей—944, *четвертьми*—15 р. 75 к., *двадцати копѣечниками*—35 р. 80 к., *пятнадцати копѣечниками*—21 р. 15 к., *въ кошелькѣ* разною монетою—9 р., *ассигнаціею*— 5 р. Часы англинскіе золотые, съ золотою печатью Григорія Григоріевича и мѣдною цѣпочкою. О сихъ золотыхъ и сребренныхъ деньгахъ бунч. тов. жена Настасія Степановна г-жа Полуботкова мнѣ сего 799 сентября 5 ч., будучи въ г. Фридрикевича домѣ, объявила, что оной сундучокъ съ прописанными деньгами и золотыми часами она, прошлаго 1798 года, къ себѣ взяла для заплаты лѣкарямъ, пользующимъ г. Фридрикевича и на покупку лѣкарствъ.

На этой же запискѣ приведенъ слѣдующій родословникъ Фридрикевичей.

1. Фридрикевичъ Христофоръ Самойловъ сынъ, бунчук. товарищъ [1]).

---

[1]) Христофоръ Фридрикевичъ былъ пасынокъ гетмана Мазепы.

2. Григорій Криштофоровъ, бунч. товар.

3. Марія, (Христофоровна), была за сыномъ Стародубск. войта Спиридона (Ширая), а потомъ за полякомъ; умре безъ потомства, монахинею въ Макошинскомъ дѣвичемъ монастырѣ.

4. Евдокія (Христофоровна), была за значк. тов. Федоромъ Грембецкимъ; умре безъ потомства.

5. Анна (Христофоровна), была за сотникомъ Любецкимъ Константиномъ Савичемъ.

6. Григорій Григоріевъ Фридрикевичъ, (внукъ Христофора), д. ст. сов., умре безъ потомства.

7. Ульяна Константиновна Енькова, дочь Конст. Савича. Ея сыновья и дочери: Дмитрій, Николай, Андрей, Иванъ, Марья Милорадовичева, Федосья Карабанькова, Анна Шафонская. (*Съ подлинника*).

II. Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.

Мужское потомство извѣстнаго Черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка прекратилось въ лицѣ его двухъ внуковъ, бунчук. товарищей Семена Яковлевича († 1752 г.) и Василія Андреевича († 1768 г.); отъ послѣдняго дѣтей не осталось, а у Семена Яковлевича отъ второй его жены, Настасьи Степановны Леонтовичъ (р. 1732 † 1802), осталось двѣ дочери, Софья (р. 1747 † 1773) и Федосья; Софья была замужемъ за Черниговскимъ полковникомъ Петромъ Милорадовичемъ (р. 1723 † 1799), а Федосья за Михайломъ Стороженкомъ; у Федосьи дѣтей вовсе не было, а Софья оставила сына Григорія (р. 1766) и двухъ дочерей, Настасью (р. 1769) и Марью, (р. 1772); послѣдняя, Марья, умерла въ 1788 г. и Настасья Петровна стала одною изъ богатѣйшихъ въ Малоросіи невѣстъ, такъ какъ по литовскому статуту она имѣла право на половину материнскаго имѣнія. Не смотря на сиротство, обѣ дочери Милорадовича были старательно воспитаны, что разумѣется только увеличивало извѣстность среди невѣстъ оставшейся въ живыхъ Настасьи Петровны. «Она была отдавана въ пенсіоны, первѣе, въ Нѣжинъ, къ пенсіонеру Шту-

чу, второе, къ тому-жъ самому Штучу въ Кіевъ, а послѣ оныхъ пенсіонеровъ, къ французской мадамѣ, жившей въ домѣ Черниговскаго губернатора Андрея Степановича Милорадовича, гдѣ она находилась въ наукахъ чрезъ шесть лѣтъ. Сверхъ того, была выписана для нее изъ С.-Петербурга мадамъ, которая и находилась въ Боровичахъ».... Такъ писалъ отецъ Наст. П—вы въ 1790 г., когда разсорился съ этою своею дочерью изъ за ея брака. Ссора произошла по слѣдующему поводу. Пробывъ нѣсколько лѣтъ у «пенсіонера» Штуча, Н. П—на стала жить у своего дяди Андрея Степановича М—ча, въ Воронковѣ; отсюда ее выпросила у отца къ себѣ бабушка Настасья Степановна, жившая въ с. Боровичахъ (Городницк. уѣзда), куда Н. П—на и переѣхала въ 1783 г., какъ видно ниже изъ письма ея отца. Бабушка эта происходила отъ Христофора Фридрикевича (см. стр. 48), у котораго былъ одинъ сынъ Григорій; сынъ этотъ былъ женатъ на Федосьѣ Томаровнѣ, за которою взялъ богатое приданное (бывшія имѣнія Бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго); но Григорій Христофоровичъ Фр—чъ пожилъ недолго и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, а молодая его вдова послѣ нѣкотораго романа, вышла замужъ за Степана Леонтовича, «который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго Войцеховича, сотника Седневского, инспекторомъ, и тамъ съ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ». Отъ второго мужа Федосья Томаровна имѣла двухъ сыновей: Степана (женатаго на Софьѣ Васильевнѣ Дунинъ-Борковской) и Ивана, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была Настасья Степановна, вышедшая затѣмъ замужъ за Семена Полуботка и сдѣлавшаяся такимъ образомъ тещею Петра Степановича Милорадовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бабушкою дочери послѣдняго Настасьи Петровны. Настасья Степановна была очень умная женщина и при этомъ еще и вполнѣ грамотная, чтó встрѣчалось рѣдко среди малорусскихъ «матронъ» конца XVIII в.— Вотъ у этой то бабушки и поселилась ея внучка Настасья Петровна. Нѣтъ сомнѣнія, что тогдашніе женихи хорошо знали о богатствѣ этой невѣсты, но изъ нихъ «адрессовались» къ отцу только двое: бунч. товарищъ Михаилъ Борковскій и кригсъ коммисаръ Василій Лаврентьевичъ Селецкій, но оба жениха не пришлись по нраву невѣсты, хотя отецъ, повидимому, былъ согласенъ на ихъ сватовство. Другіе женихи не являлись; говорили при этомъ, что отецъ удаляетъ жениховъ «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію». Прожила Н. П—на у бабушки лѣтъ пять и достигла такихъ лѣтъ, когда о ней можно было, по тогдашнему, сказать, что «не къ лѣтамъ, а изъ лѣтъ уже

идетъ». Въ старой Малороссіи дѣвушки выходили замужъ рано и двадцатилѣтняя невѣста уже не считалась молодою. Поэтому бабушка стала заботится о замужествѣ своей «Настеньки». Въ концѣ 1779 г, подходящій женихъ нашелся. Нашли его родственники Настасьи Ст—ны, и, кажется, главною свахою при этомъ была жена ея брата Софья Васильевна (жена Степана Ст—ча Леонтовича). Женихъ этотъ явился въ лицѣ молодого майора Ивана Степановича Лашкевича (р. 1765 † 1822). Это былъ сынъ довольно богатаго «пана» сѣверной Малороссіи Степана Ивановича, человѣка довольно образованнаго, который и сыну старался дать солидное образованіе [1]). Поэтому Иванъ Ст—чъ Лашкевичъ учился въ Московскомъ университетѣ, будучи въ тоже время записанъ капраломъ въ Измайловскомъ полку. Долго ли оставался въ университетѣ Ив. Ст—чъ—неизвѣстно, но въ 1784 г. онъ былъ капитаномъ, а двадцати лѣтъ отроду вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора. Въ это время Ив. Ст—чъ, несмотря на свою молодость, былъ человѣкомъ уже вполнѣ самостоятельнымъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ 1782 г. Объ этомъ женихѣ Настасья Степановна поспѣшила увѣдомить затя, которому, разумѣется, женихъ предварительно долженъ былъ представиться. Извѣстіе это Милорадовичъ встрѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ. Возникшая по этому поводу переписка, между тещею и затемъ съ одной стороны и отцомъ и дочерью съ другой, составляетъ содержаніе слѣдующихъ за симъ писемъ.

1. *Петра Степановича Милорадовича къ тещѣ, 1788 г.*

Письмо ваше зъ Боровичъ, сего ноября отъ 20, я имѣлъ честь получить 23-го числа, въ которомъ изволите писать, что вы получили извѣстіе отъ братца вашего Степана Степановича, который пишетъ къ вамъ, что онъ вмѣстѣ съ Лашкевичемъ будетъ по первой зимней дорогѣ къ вамъ, а сынъ мой пріѣхавши отъ меня, обявилъ вамъ, что я ненамѣренъ отдать дочь мою за нево, и вы не изволите понимать для чего бы я сіе дѣлалъ, я что дочь моя уже не пятнадцатилѣтняя, но уже двадцать лѣтъ въ мѣсяцѣ мартѣ будетъ, и что братецъ вашъ Степанъ Степановичъ не можетъ выхвалить его пер-

---

[1]) Подробныя и любопытныя свѣдѣнія о Ст. Ив. Лашкевичѣ см. въ „Кіевск. Старинѣ“ 1887 г., № 12.

сону и домоводство по частому съ нимъ обращенію, и по сказкамъ ево не такъ убогъ, какъ я думаю; на что вамъ имѣю обявить: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за ево стараніе, покорнѣйше жъ прошу принять во уваженіе и мое родителское о дочери моей попеченіе, которимъ я обязанъ естественно болше всѣхъ сродственниковъ. Я господина Лашкевича не охуждалъ, и ни богатымъ, ни убогимъ ево почитать не могу, ибо я ни ево самого, ни имѣнія ево не знаю, а синови моему я говорилъ, чтоби онъ обявилъ мое мнѣніе, которое состоитъ въ томъ, что я къ виданью дочеры моей не могу прежде приступить ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія ево, ни удѣлу, съ которого всякой женихъ по силѣ общественного узаконенія долженъ, прежде сговору, всего за своей невѣстой на третой части своего недвижимого имѣнія получить, тоесть записать урядовымъ порядкомъ... (засимъ часть письма истлѣла).

Ежели же, по мнѣнію вашему, дочь моя не молодая, то есть способъ, черезъ который она скоро помолодѣетъ, который состоитъ въ рукахъ вашихъ, именно жъ, ежели по неоднократному своему внуковъ вашихъ обнадеживаю, дочерѣ моей запишите и опредѣлите Боровичи, такъ какъ и господина Лашкевича мать записала сынамъ своимъ отческую свою деревню, то дочь моя не токмо помолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаетъ, приятнѣйшой здѣлается всякому благородному жениху, которого Богъ ей опредѣлитъ. Въ прочемъ я бы болше предъ вами изяснился, но о таковыхъ дѣлахъ на писмахъ не можно трактовать, и не могу къ вамъ пріѣхать по причинѣ приключившойся мнѣ простудной болѣзни, отъ которой я нахожусь въ слабости, и стражду кашлемъ и насморкомъ, отъ которого имѣю боль въ головѣ.

2. Отвѣтъ Настасьи Степановны зятю.

Вы на мое прежнее письмо рѣшително ничего не написали, а написали то, что до меня не принадлежитъ, ничево не значитъ, то естъ ни намѣренія, ни отказу и въ... только пустіе переписки, а между тѣмъ пріѣдетъ женихъ и тогда что мнѣ дѣлать—судѣте и пожалуйте... мене уволнитъ, что вы хотите и въ заправду записать вашей дочерѣ то... (Далѣе часть письма истлѣла) отказъ напишите, дабы я могла отвѣчать по вашему рѣшенію, а прямо потому напишу до брата, чтобъ ему отказалъ. Вотъ одного толко я требую.—Естли при томъ

у васъ есть женихъ на примѣтѣ такой отдѣлной, какого вы желаете, то сему не грѣхъ и отказать; буди же нѣтъ, то уважте на все, а особливо на лѣты вашей дочерѣ, которой не къ лѣтамъ, но изъ лѣтъ идетъ, которая, какъ вы пишете, отъ Боровичъ помолодѣетъ. Нѣтъ, дайте ей и ввесь свѣтъ, то ничто не поможетъ наградить потерявшіи лѣта; а особливо ее и меня тревожатъ ежеденно видимые образцы, какъ то: Борознина дочь, которая еще мене старѣе, въ дѣвкахъ по сіе время, нещастные Лизогубовны и Гудовичева, а къ намъ и Василевсковна, которая 70 тысячъ имѣетъ денегъ и 600 душъ. Подумайте со великимъ уваженіемъ и поступите, какъ вы знаете; все про все въ вашей волѣ, а я только любя ее, пишу къ вамъ сіе, и больше о семъ писать не буду, увѣряю.

Что касается до Боровичъ, то я и сама не знаю, кому оные достанутся, но толко знаю то, что некому иному, какъ вашимъ же дѣтямъ или Николашенки.

Буди вы согласны будете на сего жениха, то и о перстнѣ не забудте.

3. *Зять тещѣ.*

Писмо ваше зъ Боровичъ отъ 11 числа я получилъ, на которое въ отвѣтъ вамъ имѣю честь объявить, что писать мнѣ къ братцу вашему Степану Степановичу, чтобы онъ съ пріѣздомъ съ господиномъ Лашкевичемъ не спѣшилъ, не слѣдуетъ, для того, что ни я зъ Степаномъ Степановичемъ, ни онъ со мною о семъ дѣлѣ ни слова не говорилъ, а говорилъ онъ съ вами и рекомендовалъ его, то вамъ и писать къ братцу вашему о семъ есть заприлично. Ежели, по провѣдованіе про жениха на меня пенять изволите, напрасно, ибо вамъ самимъ исвѣстно, что я былъ въ отлучкѣ въ степу, гдѣ я прожилъ, по моимъ необходимостямъ, до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, отколь пріѣхалъ октября 28-го. Пріѣхавши же былъ боленъ двома болѣзненными припадками, отъ которыхъ и понынѣ нахожусь въ слабости, а болше еще къ тому я по волѣ Божіей лишился дочери моей меншой, которой еще не успѣлъ опоминать по христіанскому закону. Сихъ то ради причинъ нѣкогда было мнѣ о жениху провѣдовать; однакъ вы сего не изволите принимать во уваженіе и комнѣ пишете зъ своимъ неудоволствіемъ, да я и не могъ знать сего, какъ вы нынѣ пишете, чтобы я могъ провѣдать объ немъ отъ Петра Антоновича Милорадовича, а нынѣ узнавши отъ васъ, прошу меня увѣ-

домить, какъ господину Лашкевичу имя, званіе или чинъ его, дабы я могъ писать къ Петру Антоновичу, а безъ сего писать не можно. Въ писмахъ же моихъ я васъ ни въ чемъ не оскорблялъ, а писалъ къ вамъ самую справедливость, которою нимало не далъ вамъ притчины къ неудовольствію вашему; развѣ вамъ то кажется противно, что я ни предъ кимъ и ни въ чемъ лстить и лукавить не умѣю, и въ томъ прошу покорно меня извинить, ибо я никогда себѣ невоображалъ и не надѣялся, что нынѣ отъ васъ слышу И что сынъ мой съ невѣстою у нашемъ домѣ и изъ вашей волѣ по нынѣ прожилъ, то чтобъ сіе вамъ было противно и въ тягость, я никогда такъ же не надѣялся; а что я писалъ къ вамъ о распредѣленіи вами владѣемого имѣнія, то и сіе писалъ я не съ тѣмъ, чтобъ вамъ было досадно и сего никогда не думалъ, но по тому резону, что вы давно сами о семъ отзивались и многократно меня, а особливо наслѣдниковъ, внуковъ вашихъ, увѣрали; нынѣже, какъ вижу вашу перемѣну, то сіе до меня не относится, а касается до наслѣдниковъ внуковъ вашихъ, и когда вы и сіе почитаете за противность, то какъ я прежде сего, такъ и въ предъ васъ безпокоить не буду. Присемъ посылаю вамъ степового короваго масла четыри пуди, которое прошу принять и приказать обратно отъдать кадушку.

4. Зять тещѣ.

Не могучи отвѣчать такъ скоро на ваше писмо, полученое мною изъ Смячи, минувшаго генваря отъ 22-го числа, касателно г. Лашкевича, нарочно ездилъ я въ Черниговъ, гдѣ найшолъ пріятелей моихъ, отъ которихъ совершенно увѣдомился, о домѣ, о фамиліи и другихъ обстоятелствахъ; много я разсуждалъ, ища благополучія дочери моей по должности своей и по естественному моемъ усердію къ ней, которая въ меня есть одна, а затѣмъ вскорѣ, тоесть сего февраля 6, пріѣздилъ ко мнѣ г. Лашкевичъ съ писмами отъ матушки своей и отъ Агафіи Давыдовны госпожи Журмановой, и я съ нимъ увидѣвшись, говорилъ въ касающихся обстоятелствахъ въ намѣреніи его, и открылось мнѣ, по доволному испитанію и разсужденію, что я вовсе немогу приступить къ согласію моему, въ удоволствіе требованія, какъ матушки ево, такъ и ево самого, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, о чемъ я, какъ ему самому, не касаясь намалѣйше и не отнимая отъ него никакихъ достоинствъ, словесно обявилъ и къ матушки ево отписалъ; чтожъ принадлежатъ до попеченія и усердія

вашего къ дочерѣ моей, то я благодарнымъ и чувствителнымъ сердцемъ пріемлю, однакъ рекомендующійся г. Лашкевичъ не столъ завиденъ, чтобъ спѣшилъ бы я съ моею дочерью, особливо же, не обяснившись брату моему, по природной связѣ братерства, и неотобравши отъ него мнѣнія, не могу рѣшится на всекрайнѣйшее расположеніе о дочерѣ моей, имѣя у себе, по волѣ Божіей, толко еѣ одну, въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ есть сей. Итакъ, несомнѣнно надѣюсь, что она по милости всемогущого Бога получитъ жениха превосходнѣйшого дарованіями, соразмѣрно собственного состоянія достойного, о чемъ всегда стараясь, молю Создателя нашего и на его несомнѣнно надѣюсь. Въ протчемъ за пріѣздомъ моимъ къ вамъ словесно, а не писменно, вамъ обяснюсь. 1789 г., февраля 8. Изъ Жукотокъ.

5. *Отвѣтъ тещи.*

Въ писмѣ вашемъ я нашла неожидаемое, неменше темное въ столь важномъ дѣлѣ, кромѣ ясности въ томъ, что за пріѣздомъ къ вамъ г. Лашкевича, открилось вамъ по доволному испытанію и разсужденію, что вы вовсе не можете приступить, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, къ согласію и рекомендующійся женихъ не столь завиденъ, дабы спѣшить вамъ съ вашею дочерью. Особливожъ не объяснившись братцу вашему и не отобравши отъ его мнѣнія, не можете рѣшится на всекрайнѣйшое расположеніе, и что дочь ваша, по милости всемогущаго Бога, получитъ жениха превосходнѣйшаго, о чомъ вы всегда стараяся, молите Создателя нашего и на его несумнѣнно надѣетесь. Изъ сего можно ли и знать, что вамъ открылось и какіе тѣ резоны и обстоятельства, вы ихъ не поясните, такъ какъ и того, какого именно вы превосходнѣйшаго жениха для нее ожидаете; а что до объясненія съ братцемъ вашимъ, то кто вамъ припятствовалъ и препятствуетъ объяснятся. Скажите же теперь, пожалуйте, не явное ли ваше откривается нежеланіе видѣть дочь вашу замужемъ, совѣсти вашей судить оставляю. Уже теперь не въ такихъ лѣтѣхъ она, чтобъ ей ожидать неизвѣстнаго жениха, равно и отказывать сему жениху безъ ея воли вы не могли, учинивъ прежде еще прошедшаго лѣта ваше распоряженіе сему г. Лашкевичу къ дочерѣ вашей пріѣхать, съ тѣмъ чтобы ни отказать ему, ни слова не дать безъ васъ. Какіе же послѣ сего завелися съ вами у меня переписки, вамъ оныя извѣстны, такъ какъ и мнѣ. А между тѣмъ дочери вашей онъ

противнымъ не показался и теперь она о семъ на писмо ваше пишетъ къ вамъ, прося вашего благословенія, а мнѣ осталось толко совѣтъ мой искренной сказать вамъ въ томъ, что лучше двадцатолѣтной вашей дочерѣ дать волю въ избранномъ женихѣ. Ей съ нимъ жить, худо ли или хорошо, сожалѣть на васъ не будетъ. Должна вамъ потомъ пояснить, что онъ человѣкъ благородный, а притомъ имѣетъ чинъ непослѣдней, въ обхожденіи порядочемъ и честенъ, и имѣніемъ неубогъ, а съ присовокупленіемъ дочери вашей имѣнія и весма достаточенъ будетъ помѣщикъ. Я моими глазами видѣла его домъ и поогромности его не нахожу ни у васъ, ни у насъ лучшого дому, увѣряю. Какъ ваши нынѣшніе писма застали его неотѣхавшого отъ себя, то я разсудила дать ему совѣтъ съ вашими отказными писмами къ его матерѣ и теткѣ до времени удержатся. Пожалуйте, получше посудите сіе дѣло и уважте на всѣ случаи, какъ родитель для дочери своей, недопуская ее къ отчаянію, дабы послѣ не жалѣть. Болѣе бы писала, но оставляю до свиданья съ вами.

6. Зять тещѣ.

Сего февраля 12 числа получилъ я еще отъ васъ писмо, писаное изъ Смячи 11, и всіо ободномъ дѣлѣ и матеріи, о которой я предсимъ доволно къ вамъ уже писалъ, и мнѣ кажется напрасно вы изволите безпокоится и хлопотать, а притомъ меня и обижать въ писмахъ вашихъ выраженіями, чего я никогда не надѣялся и не заслужилъ, а притомъ вамъ объявляю: я г. Лашкевичу, ни лѣтомъ прошедшого году, ни сего году зимою, къ дочери моей пріѣзжать не позволялъ, какъ вы въ письмѣ пишете, но пріѣхалъ онъ въ вашъ домъ въ прошедшемъ генварѣ мѣсяцѣ. И какимъ бы образомъ я позволилъ пріѣздить человѣку, которій мнѣ никогда нипочему ни малѣйше невѣдомій, да и не ко мнѣ и не въ мой домъ, но представилъ его къ вамъ братецъ вашъ Степанъ Степановичъ изъ супругою своею, которого вы продержали у себе болше недѣли. Вамъ то такъ было угодно, а не мнѣ. Въ протчемъ покорно прошу не восхвалять дому его, которій есть, какъ изволите писать, лутче моего и вашего выстроенъ, болшимъ количествомъ стѣнъ и покоевъ, а ежели вы удивлfiveтесь, то покрайней мѣри мене не удивляйте. Еще вамъ объявляю, что я какъ предъ симъ къ вамъ, такъ и нынѣ пишу, что нѣтъ моей воли, желанія, ниже согласія быть женихомъ г. Лашкевичу для дочери моей, и скажу вамъ сіе, что я о дочерѣ моей раз-

суждаю и пекусь, смотря какъ душевными, такъ и тѣлесными очима, такъ какъ еѣ отецъ, чему есть свидѣтель Сердцевидецъ, а не такъ, какъ прочіе еѣ сродственники. Получажъ вы отъ меня прежнее писмо и узнавши мое несогласіе, вовсе напрасно г. Лашкевичу совѣтовали удержатся съ отѣздомъ съ писмами къ матушки и тіотушки ево. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

7. *Теща зятю.*

Изъ вашего письма, вчерась полученного, явственно вижу ваше на меня неудовольствіе, на которое я ни чемъ не заслужила и вамъ могу чистосердечно сказать, что отъ васъ я обижаюсь всѣми вашими выраженіями, когда вы отрицаясь своихъ словъ сказанныхъ въ Боровичахъ, вините меня. Припомните, предъ выѣздомъ вашимъ въ степъ, какъ я изъясняла вамъ о замужествѣ дочери вашей, именно о г. Лашкевичѣ вамъ объявила, что онъ намѣренъ съ братомъ моимъ Степаномъ Степановичомъ пріѣхать, требуя вашего на тотъ случай положенія, естли пріѣдетъ, то что ему сказать, и вы отвѣчали и положили—пусть пріѣдетъ, но ни слова ему не давать, ни отказывать, и даже когда я выговорила, что ѣдучи по дорогѣ къ брату, заѣду къ матери его, то вы сіе подтвердили, сказавъ именно сими словами: весьма хорошо здѣлаете, естли заѣдете. Я сего не вымышляю, убей меня Богъ. А къ большему доказательству на всѣ письма ваши ссылаюсь и благодарствія, въ коихъ писали точно сими словами: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за его стараніе. Такъ же просите меня, чтобъ я написала къ брату моему Степ. Степановичу, дабы онъ не спѣшилъ ко мнѣ съ пріѣздомъ съ г. Лашкевичемъ, по болѣзни тогдашней вашей. Теперь же пишите, что вы г. Лашкевичу ни лѣтомъ прошедшаго года, ни сего зимою, къ дочери вашей пріѣжать не позволяли. Посудите же изъ сего себе и мене, и можно ли мнѣ досады ожидать отъ васъ въ сей явной моей правотѣ, я далѣе не распространяю. Кромѣ сей чувствительнейшой отъ васъ для меня обиды, что вы неприлично коснулись въ семъ же письмѣ задѣть брата и невѣстку мою, ничемъ вамъ непогрѣшившихъ, что будто представилъ г. Лашкевича ко мнѣ братъ мой съ своею супругою мимо знаніе ваше. За симъ не осталося уже мнѣ въ сей матеріи далѣе размножать, а прошу прилежно васъ дочери вашей, яко совершеннолѣтней, дать волю въ избраніи себѣ жениха, не относися къ собственному вашему выбору неизвѣстного жениха. 1789 года, февраля 14. Смячь.

8. Петра Степановича Милорадовича дочери.

До нынѣ я по причинѣ той, что не могъ быть въ Боровичахъ, и съ тобою видѣтся, по случаю болѣзни моей, не могъ объявить тебѣ о происходившихъ обстоятелствахъ въ разсужденіи жениха, рекомендованного бабушки твоей отъ Степана Степановича, а нынѣ бывши у Черниговѣ, проведалъ и списталъ отъ пріятелей моихъ, а наконецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и самъ онъ. Я съ нимъ говорилъ и доволно узналъ по многимъ резонамъ, которіе тебѣ неизвѣстны, что сей женихъ ни съ какой стороны и ни почему быть тебѣ не можетъ, о чемъ я ему объявилъ и къ матушкѣ его отписалъ. Для того о семъ и тебѣ предварително, до свиданья моего, объявляю. Я по усердію моему и родителской должности, имѣя попеченіе о дѣтяхъ моихъ, всегда прошу отъ всемогущого Создателя нашего, какъ о сынѣ моемъ, которого уже Богъ благословилъ супружествомъ, такъ и о тебѣ, какъ ты одна у меня одна дочь дѣвица, чтобъ Онъ, по всемогуществу своему и милости, сотворилъ съ вами милость и благословеніе, и какъ сынъ мой, по его милости и благословенію отца своего, получилъ супружество, такъ и тебѣ даровалъ супруга, съ которымъ бы ты участь житія своего долгоденственно и благополучно препровождала, и несомнѣнно надѣясь на Бога, что онъ съ превосходнѣйшими дарованіями даруетъ тебѣ жребій въ женихѣ, причемъ ты несомнѣнно должна уповать на Бога, не полагаясь и не увѣряя себя посторонним людскимъ совѣтамъ въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ сей есть и которыя зависитъ отъ опредѣленія Божія, и по заповѣди его отъ благословенія родителского. 1789 г., 8 Февраля. Жувотки.

9. Отвѣтъ дочери.

Письмо ваше родительское получить я имѣла честь и щастіе, но безщастною себя вижу, что вы, милостивый родитель, отказываете г. Лашкевичу, которой мнѣ явился не противнымъ, повелѣвая мнѣ ожидать жениха съ превосходнѣйшими дарованіями. Милостивѣйшій мой родитель, простите меня за дерзость въ семъ случаѣ, и не почитайте меня вѣтреною и непослушною; я ваша найвиновнѣйшая во всемъ дочь, прошу одного сего: удостойте, не откажите въ моемъ выборѣ многомостнѣйшимъ благословеніемъ вашимъ, отъ коего все мое благополучіе щитаю. Никогда бы я не осмѣлилась на сіе, естлибы не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабуш-

ки остатся въ дѣвкахъ. Всенижайше и всеприлѣжнѣйше прошу уважить родительски на все, при томъ взглянуть и на лѣти и благословить меня, какъ единую вашу, по гробъ всепослушнѣйшую дочь, сего одного отъ васъ, моего милостивѣйшаго родителя, прошу и несумнѣнно получить ожидаю.

10. Другое письмо отца дочери.

Письмо твое изъ Смячи отъ 11, я получилъ сего февраля 12 числа, съ письмомъ бабушки твоей. Сожалѣю и удивляюсь, что ты себя безъщастною называешъ въ разсужденіи рекомендующагося Лашкевича; я за сіе на тебя не сержусь, ибо я знаю, что ты къ тому доведена совѣтами; ты довольно могла видѣть изъ писемъ моихъ къ бабушкѣ твоей, что я не согласенъ въ такомъ выборѣ для многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ ни тебѣ, ни бабушкѣ твоей объявлять на писмѣ неудобно, а послѣ ты словесно услышишъ. Я въ выборѣ жениха принужденія тебѣ не дѣлаю, кромѣ моего отеческого совѣта, и получа отъ меня и видѣвши такъ же бабушкино писмо, должна на томъ и остановится и никакихъ разговоровъ не слушатся, а слушатся совѣта родителского, и внушить себѣ, что въ такихъ важныхъ дѣлахъ, которыя единственно зависятъ отъ опредѣленія Божія родителскимъ благословеніемъ; и такъ ты должна уповать на милосердіе всемогущества Божія и при томъ несомнѣнно надѣятся, что получишъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и мое къ тому благословеніе, о чемъ я такъ же несомнѣнно полагаюсь на Бога, молю и уповаю на него, то г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего къ тебѣ. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

11. Отвѣтъ дочери.

Всенижайше и наипокорнѣйше благодарю вамъ, милостивѣйшему моему родителю, что вы на меня не изволите гнѣватся въ разсужденіи г. Лашкевича, хотя ужъ благоволили прописать въ присланномъ ко мнѣ письмѣ, что я доведена совѣтами въ выборѣ сего жениха, но признатся должна, что ни чія совѣты тутъ не были, кромѣ одно мое собственное желаніе. Вамъ, моему милостивѣйшему родителю, извѣстно сколь много совѣтовъ я имѣла отъ всѣхъ родственниковъ о М. М. Борковскомъ, но когда моей преклонности къ нему не было, то никто усовѣтовать не могъ. И какъ въ вашемъ письмѣ милостивѣйше изволили написать, что вы въ выборѣ жениха принужденія мнѣ не дѣлаете

то сіе почитая свято милостивѣйшимъ благословеніемъ, дерзаю со всепреданнѣйшею моею покорностію просить подтвердить сей мой выборъ вашимъ родительскимъ святѣйшимъ, милостивѣйшимъ благословеніемъ.

Послѣ этой переписки, Милорадовичъ, повидимому, рѣшилъ забрать дочь отъ тещи, для чего и отправился въ Боровичи. О предстоящемъ пріѣздѣ зятя—тещу заблаговременно увѣдомили и она поспѣшила отправить внуку отъ себя въ с. Смячъ (Городницк. у.), къ брату Г. Г. Фридрикевичу, у котораго въ это время гостилъ С. С. Леонтовичъ съ женою. Не заставъ дочери въ Боровичахъ и узнавъ, что она уѣхала въ Смячъ, Милорадовичъ поѣхалъ въ это село, но дочь возвратиться къ отцу незахотѣла... Поѣздку свою въ Смячъ Милорадовичъ подробно описываетъ въ письмѣ (писано 25 мая), которое помѣщается ниже. Непослушаніе дочери и, кромѣ того, грубое отношеніе, при этомъ посѣщеніи, къ нему братьевъ тещи, вызвали со стороны М—ча жалобу въ судъ—«о безчестіи и обидѣ, причиненной ему Милорадовичу, въ с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой». Не оставляя однакожъ желанія возвратить дочь въ свой домъ, М—чъ попробовалъ подѣйствовать на нее чрезъ сына, который и написалъ къ сестрѣ вслѣдъ за симъ помѣщаемое письмо.

12. Григорія Петровича Милорадовича къ сестрѣ.

Государыня моя, любезная сестрица Настасья Петровна. Пріѣхавъ обратно изъ Глухова, съ какимъ удивленіемъ узналъ я о поступкѣ вашемъ, поразившемъ отца нашего въ крайнюю печаль, не могу изъяснить вамъ, какъ и слѣдствій, побудившихъ васъ на безпримѣрное дѣло.

Не говорю я ни о состояніи, ни о воспитаніи вамъ благородной дѣвицы соотвѣтствуемыхъ, отъ юности вашей вамъ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей подобный поступокъ, дѣтей противъ отцовъ своихъ, столь гнусенъ, сколько и вовся простительнымъ быть не можетъ.

Вы можете меня за выраженіе мое извинить, какъ единого вашего родного брата, привязаннаго искренностію и сей горестной случай въ своемъ сердцѣ носящаго.

Если же вы, впервомъ разѣ, будучи встревожены чіими либо внушеніями, что нерѣдко бываетъ, не могли сообразить, какіе вы

предпринали мѣры, не временно, но на всю вашу жизнь чести вредящія. Я бы хотѣлъ знать, кто можетъ и чемъ доказать побудившіе причины, которыхъ жестокости примѣру не знаю,—но теперь имѣли вы время помыслить и укромить волнованіе души вашей самымъ простымъ, но чистымъ разсудкомъ.

Подумайте, любезная сестрица, чемъ отецъ нашъ предъ вами такъ много погрѣшилъ, чемъ и какое подозрѣніе заслужилъ и какіе бы причины родителя противъ дочери неестественнымъ образомъ до неограниченной ненависти васъ поставить могли. Читали ли вы гдѣ въ исторіи или могли ли когда слышать, чтобъ дѣти и противъ самой жестокости родителей своихъ столь дерзостно пошли. Притворятся явно, обманывать, скрываться—сажать себя въ заключеніе, изрекатся отъ власти отцовой, почитая себя непринадлежащей и наконецъ даже подать случай къ удаленію отца толпою подлыхъ людей. Поступокъ вовся противный природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ.

Когда жъ уже все сіе злополучіе приключится могло, то остается еще время вывесть себя изъ сего лабиринта и поспѣшить сколько можно на сокращеніе мятежа и взять средства къ успокоенію вашего духа и къ смягченію родительскаго тяжкаго оскорбленія.

Пріѣзжайте ко мнѣ смѣло, я беру васъ по самой искренности и чести въ безопасное отъ всего для васъ пристанище, въ совмѣстное со мною помѣщеніе. Предъ Богомъ вамъ сказываю—не можетъ коснуться до васъ никакое и малое огорченіе;—будьте, любезная сестрица, совершенно увѣрены, что вы при семъ случаи подобнаго вамъ друга искренно вамъ совѣтующаго, другаго никого имѣть не можете. При семъ обще насъ воспользующимъ случаи, раздѣлимъ достояніе по матери, намъ принадлежащое, какъ отецъ уже и до сего совершенно позволилъ, и я предъ вами истинну сію пишу, такъ какъ христіянинъ и вамъ искренный другъ.—Перестаньте, любезная сестрица, далѣ колебаться, не смущайтесь посторонними совѣтами, будьте совершенно спокойны и пріѣжайте ко мнѣ. Будучи твердо обнадеженъ, что и бабушка наша, по благомыслію своему и по ея любви и горячности къ намъ, конечно согласно посудить изволитъ.—Въ прочемъ, за симъ заключить вы легко можете и всѣ авантажи ваши и до замужества вашего касающіеся, какъ я вамъ наиудостовѣрительнѣйше сказать долженъ, что ни съ чией стороны, вопреки собственной воли вашей, никакимъ образомъ поступлено быть не можетъ. Порука честь моя и ближайшее родство, съ коимъ я былъ къ вамъ привязанъ и хочу

быть непремѣнно и съ найбольшимъ усердіемъ вашъ братъ и покорный слуга Григорій Милорадовичъ.

13. Отвѣтъ сестры.

Государь мой, любезный братецъ Григорій Петровичъ. Писмо ваше сего апрѣля отъ 12 числа я получила, оное меня удивляетъ, печалитъ и страшитъ. Вы упрекаете меня, какимъ то противъ отца нашего поступкомъ, его огорчившимъ, наполняя, сколко силъ вашихъ достало, изъясненіями, что тое есть безпримѣрное дѣло, что поступокъ гнюсенъ, и извинителнымъ быть не можетъ, что на всю мою жизнь честь вредящій, что жестокости примѣру вы не знаете, что какіе бы причины до неограниченной ненависти поставить меня могли. Недоволствуясь же всѣмъ симъ, говорите, что будто я притворялась, обманивала, скривалась, сажала себя въ заключеніе, скривалась отъ власти отцовой и пока тоже, что поступокъ вовся противной природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ. Не говорите, а написали о состояніи и воспитаніи моемъ, отъ юности моей мнѣ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей и протчее... Спрашиваете читала ли я гдѣ о томъ въ исторіи или слышала ли? Такіе ваши колкіе слова даютъ мнѣ понимать, какъ вы ко мнѣ расположены: въ искренномъ и дружескомъ положеніи печаль печалью не облегчаютъ, ибо изъ того такъ бы было, что когда болитъ одна рука, то одну и другую отрубить.

Вы, не спрося и невидѣвъ меня, престрашно осудили; вы не были всему тому свидѣтелемъ, вы же поднили пилъ больше того, что предъ правителствомъ сказано (?); но чемъ могу увѣрить васъ, что я вовсе нималѣйше никакъ отца моего не огорчила, почитаю его и люблю, какъ долгъ мой велитъ, не поѣхала жъ съ нимъ единственно что болна тогда и теперь, не имѣя съ собою одѣянія.

Я просила со слезами отца пощадить мою жизнь, но увидѣвъ противное тому, по самой естественной къ жизни привязанности, спасла себя бѣгомъ. Истинну сію вамъ пишу, такъ какъ должна жъ и предъ Богомъ въ день суда сказать; при томъ пребываніе мое у бабушки весьма уже отъ давнихъ временъ, а не по случаю какому, на время сюда пріѣхавши оставалась бы; тутъ воспитана, такъ какъ угодно было отцу, чрезъ благодѣтельницу и попечителку мою. Сегоже одного не знаю, что разумѣете вы въ упреканіи вашемъ, и въ самомъ среднемъ родѣ. Развѣ родъ нашъ въ первомъ родѣ, о семъ предъостав-

ляю вамъ судить. Исторіи—священную и другую читала, знаю и хвалюсь вамъ, братецъ, что и законъ гражданскій мнѣ извѣстенъ, а особливо сего края книга статутъ; но оной и другимъ давно могла и должна имѣть свое достояніе и волю располагать собою; но сіе предъоставила родителю моему, ему повинуюсь, отъ него одного завишу. И такъ, не осуждайте меня, братецъ, пощадите невинность, сотворите богоугодное дѣло, чтобы отецъ мой гнѣвъ свой оставилъ; да не вниду во гробъ съ именемъ преступницы, но наивсепослушнѣйшею дочерью его. Вы воспитаны, вы можите чувствовать, колико разитъ сердце мое такая нечаянная встрѣча, особливо угроженіе ваше, что предъпринятое на меня на всю мою жизнь вредъ наноситъ, такъ какъ бы совершенно участвуя вовсемъ томъ и вы, ибо отпуская и такое ко мнѣ писмо, исходатайствовали отъ дяди строжайшее предписаніе не толко до меня касающесся, но и до благодѣтельницы нашей, не щадя и самой ея жизни. Прими, братецъ, въ разсужденіе, или воздаяніе ей, что она горчайшею печалію и ударомъ поражена будучи отъ рукъ своихъ, теперь въ слезахъ и болѣзни. Вотъ все сіе удивляетъ и печалитъ меня до крайности, а страшитъ призывъ вашъ къ себѣ на жителство. Любезный братецъ, вы въ пространномъ своемъ писмѣ и бывъ такъ глубоко изучены, не утверждаете никакимъ добрымъ и надежнымъ увѣреніемъ, что надо мною не исполните такъ, какъ сказивали въ Боровичахъ мнѣ, въ глаза, кромѣ протчого: дожду я того, что ты будешъ у мене дѣти нянчить. Сіе после воспитанія вамъ данного и просвѣщенности, какъ вы о себѣ заключаете, не воспрепятствовавшее вамъ изректи мнѣ. Я слышавъ, помню, должна одинажды навсегда такъ расположитъ себя, чтобъ не быть вамъ слугою и нянею дѣтей вашихъ, но соотвѣтственно моему имѣнію жить, васъ любитъ и усердствоватъ, съ чемъ есмъ и пребуду ваша сестра и покорная услужница Настасія Милорадовичевна. (*Съ собственноручнаго подлинника* [1]).

За симъ слѣдуютъ три письма, въ которыхъ разсказана попытка П. С. Милорадовича отобрать дочь отъ тещи и извѣщеніе послѣднею зятя, что дочь его 23 мая повѣнчана съ Лашкевичемъ.

---

[1]) Сочинено быть можетъ Григ. Григ. Фридрикевичемъ, умѣвшимъ красно писать дѣловыя бумаги.

14. Настасьи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Не напоминаю жестокихъ вашихъ нападеній, поразившихъ навсегда честь и жизнь мою, и что вы повергаете однородную дочь вашу, безъ всякой ея предъ вами вины въ злоключенія, описали ея предъ правителствами съ такой стороны, съ которой любящіе своихъ дѣтей отцы помыслить боятся.

Остается все то вамъ, какъ произведшему, чувствовать, отвѣчать предъ всевѣдущимъ Творцомъ и его праведнѣйшимъ судомъ, гдѣ ослабѣютъ ваши предстатели противоборствовать той истиннѣ, которую здѣсь безъ пощады опровергаютъ; слезы невинныхъ не будутъ прохлажденіемъ той жадности, съ которой они неповинныхъ притѣсняли, но будутъ вѣрными свидѣтельми тѣхъ жестокостей и обидъ, тѣхъ разореній и нестерпимыхъ притѣсненій, каковые произвели надъ безпомощными людьми. Неможно, кажется, вѣруя въ Бога, нельзя забыть того, что онъ есть за обиды всесильный мститель; мнѣ къ сему осталось толко прибѣгнуть. Я потеряла уже все утѣшеніе духа моего, которымъ питалъ себя, что по несносымъ моимъ трудамъ, во дни старости моей буду покойна, что вы и дѣти ваши, а мои родные внуки, воздадите мнѣ тотъ долгъ, который до послѣднихъ моихъ силъ и крайняго оныхъ изнеможенія, всеусерднѣйше я плотила. Нѣтъ! во мѣсто того, вы устремились не только все, но и жизнь мою у меня отнять. Но должна вамъ по истиннѣ сказать, что я при таковомъ горестнѣйшемъ моемъ состояніи, не только чтобъ умалялась, но и возвышается горячность моя къ вашимъ дѣтямц, а моимъ внукамъ. Я о презрѣнвой уже вами дочерѣ вашей должна старатся, всѣми мѣрами, доставить ей благосостояніе и первымъ къ тому поставлю, просить только васъ: обратите ваше отеческое вниманіе къ невинной дочери вашей, утѣшите ея отъ слезъ изнемогающую, не отвергайте права воспользоватьсл ей совершеннолѣтіемъ, отдѣлите вы должную часть наслѣдственного ея имѣнія, и будьте увѣрены, что я во всю жизнь мою стараясь о благѣ вашихъ дѣтей, оказать могу наилучшія мои къ нимъ расположенія, но не преже, какъ увижу ихъ владѣющими своимъ наслѣдствомъ, а вы откроете завѣсу, покрывающую истину, увидите, что дѣти ваши совершенные; васъ чтутъ, что я имъ родная бабка, а вамъ по женѣ вашей мать, и что не останется для меня другаго удовольствія, какъ видѣть дѣтей вашихъ благополучными и къ вамъ навсегда быть вамъ доброжелателная Н. П. 20 мая.

15. Отвѣтъ П. С. Милорадовича.

Государыня моя Анастасія Степановна. Писмо ваше съ Боровичъ, сего маія отъ 20 числа, принесенное ко мнѣ чрезъ неизвѣстного мнѣ мужика полуботковского, я сего маія 23 числа получилъ, съ которого усмотрѣлъ, что вовся напрасно и несправедливо вы приписываете мнѣ, будто отъ меня произшедшую нѣякуюсь вамъ обиду, для того, что не только вы, но и всѣ честные люди совершенно знаютъ, что я болше двадцати лѣтъ, какъ при жизны жены моей, такъ и по смерти еи, отдавалъ вамъ всякое почтеніе, чему свидѣтель есть Богъ, и ни малѣйшей причины не подалъ козлобленію вашему на меня и несносной обидѣ моей сей, которую я нынѣ претерпѣваю, именно жъ: прошедшого марта 27 числа, когда я пріѣхалъ къ вамъ, въ Боровичи, за дочерью моею и еѣ не засталъ, ибо вы ее предъ пріѣздомъ моимъ за день, тоесть 26 марта, отправили въ Смячъ, въ домъ брата своего г. Фридрикевича, увѣдомясь предварително отъ него о пріѣздѣ моемъ къ вамъ въ Боровичи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вамъ, по совѣту своихъ братовъ, дочери моей мнѣ не отдавать, и такъ скоропостижно дочь мою съ Боровичъ выслали, что она изъ невѣсткою вашею постыднымъ образомъ изъ Петровой Слободы, на мужичьихъ саняхъ пріѣхала, крючись, убѣгая отъ отца своего въ Смячь. Я узнавши явное обманство, не могъ однакожъ отъ сердоболія удержатся, желая видѣть дочь свою и взять ее съ собою, принужденъ былъ поѣхать въ Смячъ, марта 28 числа, гдѣ надъ чаяніе мое, еще вящую обиду и безчестье получилъ, по вашему общему совѣту съ братами вашими; я когда я примѣтилъ, что братъ вашъ Степанъ Степановичъ и съ женою своею дочь мою кроютъ и заперли въ комнату свою, то принужденъ былъ сквозь двери звать ее, и когда она мнѣ дверей отворить не хотѣла, то я въ окошко вторично звалъ ее, на что дочь моя мнѣ персонално отвѣчать не устыдилась сими словами: что она состоитъ не въ моей воли, меня не слушаетъ и со мною не поѣдетъ, что повторялъ тое жъ самое и братъ вашъ Степанъ Степановичъ съ женою своею, которая совѣтовала ему, чтобъ меня связали. И между тѣмъ, какъ я дочь свою искалъ, приступили ко мнѣ мужики болше двадцати человѣкъ, кромѣ приказчика смяцкого и служителей дворовыхъ. Наконецъ, я увидѣвши себя отъ васъ, братовъ и невѣстки вашей, и отъ дочери моей, презрѣннымъ, обруганнымъ и посмѣяннымъ, съ печалію моею отъѣхалъ, и принужденъ искать прибѣжища и удоволствія въ правительствѣ. Вотъ ваши и

братовъ вашихъ самоволные поступки, не имѣющіе предразсужденія ни по божіимъ, ни по гражданскимъ законамъ, и будучи вы сами зъ братами своими начинщики такова произшествія, которого еще понынѣ не слышно было, и сіе все обращаете на обиду будто вамъ учиненную, чему всему причиною вы съ братами своими. Извѣстно жъ вамъ симимъ сіе, что въ прошедшемъ 783 году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, писмомъ своимъ просили вы меня, чтобы я дочь свою отискалъ въ Воронковѣ, съ дому брата моего Андрея Степановича, гдѣ она обучалась въ мадами, и прислалъ бы къ вамъ для обученія хозяйства, на что я согласясь, отправилъ ее къ вамъ; изъ того времени живши у васъ, приведена въ развратъ и непослушаніе отца своего, какъ выше сказано. Чтожъ пишите въ писмѣ своемъ, что вы должны стараться о дочери моей, то на сіе вамъ обявляю: никакой законъ васъ попечительницею не опредѣлилъ дочери моей, живу сущу отцу еи, а должны вы прислать ее ко мнѣ, отцу еи, и исполнить законъ божій и гражданскій, равно и дочь моя, которая согрѣшила противъ заповѣди божіей, обманула, презрѣла и привела себя въ непослушаніе и непочтеніе отца; и сіею поступкою еи я обруганъ, обезчещенъ вами, должна пріѣхать ко мнѣ, принести покаяніе, а ежели сего не учинитъ, то пребудетъ на ней всегда божіе неблагословеніе. Болѣе сего я писать къ вамъ не нахожу и пребываю васъ, государынѣ моей, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. 25 мая.

16. Настасіи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Между тѣмъ, какъ судьбѣ угодно было дочери вашей опредѣлить мужа Ивана Степановича Лашкевича, съ которымъ 23 числа сего маія обвѣнчалась, я отозватся къ вамъ съ моимъ совѣтомъ поспѣшаю, прося васъ—дѣтей вашихъ, по долгу христіянства и человѣколюбія, благословить, принявъ въ отеческое ваше благопризрѣніе, не лишить ихъ вашего милостиваго покровительства.

И при томъ не угодно ли выданные позвы, а отъ оныхъ последующее неспокойствие для меня, отъ васъ заводимое, прекратить, не попуская хлопотамъ, злобѣ и враждѣ далѣе угнѣздится во времена нынѣ нашихъ съ вами немолодыхъ лѣтъ, къ которымъ я отнюдь не сродна; естли же мнѣ вступить и въ процесъ, которой вовся не важенъ, а вамъ не авантаженъ, то чтобы онъ не произвелъ вамъ или наслѣдникамъ вашимъ, впредь невозвратнаго раскаянія и потери, ибо я во всякомъ случаи при моей правотѣ и равнодушіи предъ Бо-

томъ и предъ публикою, въ совѣсти моей не погрѣшу, бывши отъ васъ крайне огорченною и обиженною.

Вы разсудивъ по сему, что для васъ и для дѣтей вашихъ полезнѣе, увѣдомте вашъ усердствующую. 29 мая.

Въ то время, какъ Н. С. Милорадовичъ переписывался съ тещею и дочерью, категорически заявляя имъ, что онъ не согласенъ «въ выборѣ» С. И. Лашкевича «для многихъ и важныхъ причинъ», теща рѣшала этотъ вопросъ утвердительно и безъ согласія зятя, находя, что лучшаго жениха внучкѣ ея ожидать нечего. Изъ печатаемыхъ ниже бумагъ видно, что согласіе на бракъ, и невѣстою, и ея бабушкою, выражено было жениху уже въ концѣ января 1789 г., причемъ согласіе было и юридически оформлено.

Засимъ печатаются письма Н. С. Лашкевича, изъ которыхъ одно писано къ бабушкѣ невѣсты, а остальныя—*къ невѣстѣ*, когда Лашкевичъ сталъ уже *женихомъ*.

Письма эти обнимаютъ время отъ конца января 1789 г. до вѣнчанья, въ концѣ мая. Нѣкоторыя изъ нихъ не обозначены временемъ, почему можетъ быть хронологическій ихъ порядокъ вполнѣ и не соблюденъ. Писемъ *невѣсты* не сохранилось.

17. Милостивая государыня матушка, Анастасія Степановна! Безъпредѣлное мое къ вамъ почтеніе велитъ конечно принесть совершеннѣйшую благодарность за отмѣнныя ваши мнѣ благотвореніи, кои вѣчно пребудутъ безъцѣнни для меня. Благопріятной отвѣтъ вашъ, коимъ вы изволили удостоить, содержащій въ себѣ все мое счастіе, которой вымѣстѣ подкрѣпляетъ жизнь мою, безъ чего она была бъ въ тягость! Видя изъ письма батюшки Степана Степановича (Леонтовича), сколько изволилъ содѣлать для меня благодѣянія и. г—рь Григорій Григорьевичъ (Фридрикевичъ), хотя я имѣлъ намѣреніе письмено благодарить за такое мнѣ пособіе къ достиженію желаемаго щастія, но щитаю сію жертву несоразмѣрну за его ходатайство къ устроенію моей судьбы, а старатся буду лично изявить ту мою признательность. Когда рокъ будетъ меня до того угнѣтать, что и на послѣдній вашъ отзивъ къ его превосходительству не будетъ отвѣтъ содержать ничего лестнаго въ мою пользу, то въ такомъ случаѣ позвольте, м—вая г—ня матушка, просить въ отраду моего мученія явиться въ Боровичи, ибо уже и силы мои мнѣ измѣнили противополагать терпѣнію, и сего отъ васъ ожидаетъ съ нетерпѣливостью посвятившій все время жизни своей къ вашимъ пове-

леніямъ и честь имѣетъ поручить себя въ ваше покровительство, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, вашъ, м. г—ни матушки, покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Я не воображалъ, чтобъ м. г. Василь Степановичъ по сіе время былъ у васъ, мнѣ очень предъ нимъ совѣстно, что не здѣлалъ ему должнаго моего почтенія. Теперь же васъ, м. г—ня, покорно прошу оное отъ меня засвидѣтельствовать. Г-нъ Аренсъ мнѣ сказалъ, что вы изволили требовать газетъ; жалѣю, что почта такъ неисправна, я на сей мѣсяцъ еще не получилъ, а за прошлый мѣсяцъ посылаю теперь, а новые, какъ скоро получу да и впередъ мною получаемые, когда прикажете, буду имѣть честь вамъ оные доставлять въ самой возможной скорости. Къ м. г—рю Степану Степановичу для того не пишу, что онъ изволилъ меня увѣдомить, что намѣренъ отлучится къ сестрицѣ, то я уже у васъ его не щитаю. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

18. Милостивая государыня Настасья Петровна! Въ какомъ я теперь восхищеніи духа говорю съ вами мысленно! Ахъ! жестокая судьба, за что я такъ строго наказанъ, для чего лишенъ я для меня перваго и послѣдняго щастія! Сижу въ сей горестнѣйшей сылкѣ и не могу слѣдовать волѣ моей, въ томъ состоящей, чтобъ зрѣть—что на свѣтѣ мнѣ драгоцѣнѣе. Сколько такое удаленіе противъ моего желанія,--причиняетъ муки и ужаснѣйшей тоски! Силъ моихъ нѣтъ того вамъ изяснить. Посредѣ всѣхъ сихъ окружающихъ рвеній, много мнѣ служитъ утѣшеніемъ вашъ пріятнѣйшій отвѣтъ, которой одинъ удобенъ въ теперешнѣй моей печали возстановлять на малое время мое спокойствіе. Счастливымъ почтусь, чѣмъ однакожъ и ласкаю себя надеждою, что и впредь не буду отриновенъ пользоватся тою милостію, въ коей полагаю все мое благополучіе. Присемъ честь имѣю быть съ совершеннѣшимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ни покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

19. М. г—ня, Настасія Петровна! Превыше силъ моихъ было продолжать далѣе молчаніе и быть въ неизвѣстности о вашемъ благостояніи; изобразить вамъ не могу, сколько мнѣ вчерась причинилъ радости пріездъ батюшки Степана Степановича, отъ которого я имѣлъ щастіе слишить и наслаждатся всѣмъ тѣмъ, что изволили вы поручить мнѣ сказать. О! сколь всегда для меня важно и пріятно имѣть свѣдѣніе о вашемъ драгоцѣннѣйшемъ здравіи, которое есть и навѣки пребудетъ душею жизни моей. Поминутно здѣсь питаюсь

мисленно, представляя живо вашъ для меня оживотворяющій образъ, и только успокаеваюсь отъ ужасной моей скорби, происходящей отъ разлуки. По выездѣ моемъ изъ Смячи, тщетно я старался возставить себѣ покой, и потому не могъ уже заѣхать въ Боровичи, въ мѣсто, гдѣ бы мнѣ всякой шагъ удвоялъ печаль и напоминалъ бы мнѣ грусть, что я не вижу того сокровища, кое мнѣ превращало изъ Боровичъ рай. Итакъ, я разставшись къ великому моему несчастію съ вами въ Смячи, томимъ неописанною тоскою, (отъ коей не освобождаюсь никогда, пока счастливая судьба не возвратитъ мнѣ паки зрѣть васъ, для того одного и живу), приехалъ я въ Брахловъ тогожъ дня въ 11-ть часовъ ночью. Сколь потера моя велика, что не могу имѣть теперъ того первѣйшаго щастія, чтобы стократъ вашу для меня найдрагоцѣннѣйшую руку облобызать и воздать должнѣйшую жертву моей вамъ благодарности, за вашъ отвѣтъ, которого удостоенъ видѣть у Степана Степановича батюшки въ копіи. Съ какимъ удовольствіемъ сердца моего я его читалъ и перечитывалъ, и всегда новымъ обятъ былъ удовольствіемъ и несказаннымъ веселіемъ. Душа моя напоѣвалась, благодаря ангела, указывающаго зрѣть путь къ моему блаженству, но щитаю всѣ сіи выраженія мои недостаточними къ поясненію той моей чувствительности, коею я къ вамъ преисполненъ, и въ томъ одномъ полагаю мое благополучіе, и тѣмъ однимъ во всю жизнь мою заниматся буду. Предѣлу нѣту моего желанія быть предъ лицемъ вашимъ и лично вамъ пояснить всю ту признательность, коей уже и могущества моего нѣтъ и не достаетъ сказать на бумагѣ. Прошу я у матушки позволенія, если позволятъ къ тому обстоятольства и время, указать мнѣ явится въ Боровичи. О когдабъ мнѣ получить сіе лестное позволеніе, не медлилъ бы ни минуты—къ мѣсту моего покоя летѣть. Прещастливымъ считаю сей листъ, что онъ дойдетъ къ прекраснѣйшимъ вашимъ ручкамъ, кои мисленно цѣлую тысячу разъ и притомъ имѣю счастіе подвергнуть себя въ вашу милость и пребытъ съ непоколебимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—нѣ тетушкѣ Софіѣ Васильевнѣ прошу засвидѣтельствовать мое преданнѣйшее почтеніе и притомъ честь имѣло препроводитъ у сего маленькое письмецо отъ батюшки Степана Степановича. *(Брахловъ, 25 февраля, 1789 г.).*

20. М. г—ня Настасія Петровна! Какое было мнѣ удовольствіе, пріятность и отрада отъ бурныхъ для меня здѣсь дней, когда

я удостоился полученіемъ отъ васъ наидражайшаго вашего письма, коего каждое слово сопровождалъ съ черезъвычайною радостію, слезми. Могу ль не признать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, къ какому несравненному жребію по соизволенію всевышняго Творца, ангелъ мой! меня предуготовляетъ, и вижу явно возрастающій столпъ моего непоколебимаго благополучія. Но ахъ! гдѣ мнѣ взять бодрости духа, сопротивлятся препонамъ, возбраняющимъ дойтить ко моему благоденствію; я тотъ, которій не имѣю уже власти надъ собою, и нѣтъ во мнѣ прежнихъ силъ, чтобъ я могъ отогнать царствующую мрачную надо мною ночь:—сокрытъ день отъ меня, когда я осужденъ до самаго праздника не видѣть васъ. О! строгій приговоръ, но какъ перемѣнить, когда обстоятельства наши того требуютъ, продолженіе оныхъ меня найжесточайше ужасаетъ. Положилъ я намѣреніе, для моего покоя, писать къ вамъ еженедѣльно, равно льщу себя надеждою, что больше себя васъ любящій и всѣмъ, жизнію вамъ жертвующій будетъ столько щастливъ, что соизволите его удостоивать вашими наипріятнѣйшими отвѣтами. Не утаевайте отъ меня, м. г—ня Настасія Петровна, каковы вы въ своемъ здаравіи,—развѣ я еще не могъ довольно увѣрить васъ, сколько ваше благосостояніе безъцѣнно для меня. И утѣште меня вашимъ наилюбезнѣйшимъ отзывомъ! Въ заключеніе жъ всего, цѣлую ваши дражайшіе ручки и честь имѣю повергнуть себя во всегдашнюю вашу милость, пребывая къ вамъ съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и отличнымъ и глубочайшею навѣки преданностію. Вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. *(Брахловъ, 6 марта).*

21. М. г—ня Настасія Петровна! Разогнана унылость изъ душа моей и зрю возвращенную мнѣ тишину! Теперь совершенно удостовѣренъ о вашемъ найдрагоцѣннѣйшемъ для меня здравіи, коего маленькой шагъ ко вреду вашему, клянусь, стоитъ жизни моей. Такъ мнѣ велятъ чувствовать неограниченная моя къ вамъ любовь, почтеніе и вѣчная привязанность,—чего ничто на свѣтѣ не можетъ истребятъ, предъ вамы уже повергнулъ я сердце мое и душу на вѣкъ! Позвольте мнѣ изъявить вамъ найчувствительнѣйшую мою благодарность и облобызать мысленно прекраснѣйшіе и любезнѣйшіе ваши ручки стократъ: я имѣлъ счастіе получить на сихъ днях ваши два письма найпріятнѣйшихъ для меня, и оные, не выпуцая изъ рукъ, всечастно цѣлую. И ни съ чѣмъ не могу сравнитъ радость при каждомъ моемъ взглядѣ на то начертаніе, кое я проходя глазами, мню, что я васъ вижу и съ вами говорю. О! воображеніе, питающее

меня, почто оно скоро преходитъ, но приходя въ чувство, познаю горчайшую мою судьбу и обрѣтаю себя здѣсь!—тогда вдругъ начинаю чувствоватъ угнетающій меня рокъ и всю жестокость моей сильнѣйшей тоски, поминутно меня снѣдающей. Да и что можетъ быть жесточае лишенну быть дневного свѣтила, ангела моего! и что только есть для меня найпочтительнѣе въ свѣтѣ. Охъ! едва ль могу перенесть сіе ужасное время, разлучающее насъ, коего каждой часъ показывается днемъ. Поистиннѣ почитаю себя здѣсь погребенннымъ. Къ крайнему моему изумленію, извѣщенъ я отъ батюшки Степана Степановича о бытности почтеннѣйшаго вашего родителя въ Чернѣговѣ и что онъ изволилъ изъяснятся съ какимъ—сь пріятелемъ о его намѣреніи—дать вашу руку какому то лифлянцу. Трепещу о такихъ мысляхъ его пр—ва, и конечно бъ ничто не могло бъ быть удобнымъ къ изгнанію моего сильнѣйшаго страху о таковыхъ его предположеній, когда бъ вдругъ не встрѣтилась мнѣ ваша твердость и святость слова, что все къ совершеннѣйшему моему счастію довольно узналъ и воображаю, что неудобно никому на свѣтѣ прервать цѣпь нашихъ обѣтовъ, къ томужъ имѣвъ счастіе бытъ руководствуемы силнѣйшими нашими благотворителями и заступниками, отъ коихъ, если могу достигнутъ наверхъ моего благополучія, то одно остается мнѣ—падши къ стопамъ м. г—ни матушки Настасіи Степановны, испросить найважнѣйшаго ея для меня благословенія. Если же бы паче всякаго моего чаянія, чего однакожъ я никогда не воображаю, и отъ чего Господь да сохранитъ, чтобъ могло послѣдоватъ по опредѣленію его пр—ва, то мнѣ ничего бъ не осталось бы тогда къ утѣшенію, какъ только былъ бы я готовъ тотъ же часъ понесть съ собою во гробъ ненарушимой ни для кого и ни для чего на свѣтѣ мой данной вамъ обѣтъ и разстался бъ съ жизнію, вамъ отъ меня посвященной. По нѣтъ, мнѣ кажется, что небо должно уже надо мною сжалится и неужели я по сіе время не могъ его убѣдить моими тягчайшими вздохами! И зачѣмъ былобъ ему угодно оказать надо мною опытъ столь свирѣпаго наказанія! При всемъ томъ долго бъ я волновался подобными смущеніями, естли бы душа столь добродѣтельная и благовоспитанная, какова ваша есть, при всемъ природномъ дарѣ, не столь мнѣ была извѣстна, и коей я примѣру не знаю, и всѣ наидостойнѣйшія качества въ ней же я обрѣлъ, возпрещаютъ прикратить мысленно мое рвеніе, но какъ положеніе мое теперешнее заставляетъ тѣни мнѣ своей боятся, то если вамъ мой покой и жизнь нужны, м. г—ня Настасія Петровна! то вы конечно не оставте меня

вывесть изъ мечтательнаго страху того, который щитаетъ себѣ за щастіе тысячу разъ цѣловать ваши прекраснѣйшіе и дражайшіе для меня ручки въ мысляхъ, примите сіе мое чувство, въ коемъ зрю одно мое утѣшеніе и отраду, въ жалостнѣйшемъ моемъ состояніи. Наконецъ, препоручая себя въ вашу твердость души и непоколебимую любовь, чего одно напоминаніе возвышаетъ духъ—волею, честь имѣю пребыть съ непреложнымъ къ вамъ и вѣчнымъ обожаніемъ и найсовершеннѣйшею преданностью, до послѣдней минуты жизни моей, вашъ, м. г—ня, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Матушка и сестрицы м. г—нѣ свидѣтельствують ихъ должнѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 14 марта).*

22. М. г—ня Настасья Петровна! Важнѣйшій и наипріятнѣйшій предметъ въ жизни моей есть тотъ, и навѣки пребудетъ непоколебимъ, и всею мысліею и душею обладающій,—поминутно созерцать васъ, найдражайшаго ангела моего, коего образъ найкрѣпчайше впечатотлѣнъ въ сердцѣ моемъ. А потому, какое можетъ бытъ мнѣ удовольствіе сладчае, что хотя и удаленъ тѣлесными глазами видѣтъ васъ, но мысленно и душею къ вамъ теперь лечу, принося жертву моей чистѣйшей благодарности за присланной наипрекраснѣйшій монументъ вашего достофальнаго рукодѣлія, за что позвольте мнѣ, м. г—ня Настасія Петровна, облобызать ваши наидражайшія мнѣ руки тисяча тысячу разъ. О! сколько кратъ несравненно щастливъ бы я былъ, еслибы я могъ совершенно знать, когда свѣтъ блеснетъ наипрекраснѣйшихъ вашихъ очей на меня! Охъ! едваль я дожду того для меня радостнѣйшаго времени, чтобъ болѣе еще вамъ воздать наискреннѣйшей благодарности и признательности лично и исполнить то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ теперь душевно восхищаюсь и чего нѣтъ уже на свѣтѣ лестнѣе для меня—сказать вамъ чувство сердца моего. Теперь честь имѣю подвергнуть себя въ вашу непремѣнную любовь, наконецъ, цѣлуя ваши дражайшіе ручки, пребывая съ такой непоколебимостью и совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ къ вамъ навѣки, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.—Вѣнокъ розъ, выросшій и исплетенной для васъ въ сердцѣ моемъ, который прошу покорно удостоить вашимъ принятіемъ, чѣмъ ущастливите меня, желающаго да пребудетъ неувѣдаемо ваше драгоцѣннѣйшее здравіе подобно симъ розамъ. Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что теперь по большой части дѣвицы, имѣя обыкновеннимъ образомъ волосы причесанные, носятъ на головѣ такіе вѣнки. Вамъ, м. г—нѣ, матушка и сестрицы мои прино-

сятъ ихъ чувствительнѣйшее благодареніе за ваше о ихъ напоминанія, а при семъ свидѣтельствуютъ покорнѣйшее почтеніе. *(Брацловъ, 21 марта).*

23. М. г—ня Настасья Петровна! Несравненно болѣе почелъ бы я себя счастливѣйшимъ, когда бъ былъ удостоенъ отъ нынѣ воскресшаго сказать вамъ, наипрекраснѣйшему ангелу души моей, Христосъ воскресъ, при изявленіи той радости и обряду, которой мы заимствуемъ и царствующаго съ самаго того дня, когда свѣтъ озаренъ воскресшимъ. Но если теперь и лишаюсь того счастія, чтобъ лично вамъ изъяснить празденство нашего общаго веселія, то мысленно обращаю къ вамъ, найпочтеннѣйшему предмету всего моего благополучія, и коего не имѣвъ въ сердцѣ моемъ, жить, божусь вамъ, не могу, цѣлую тысячу кратъ. О мысль наиприятнѣйшая, но почто, Боже мой! не надолго ослѣпляетъ зракъ мой, и къ вящему моему сѣтованію, вижу, что только одной мечтой питаюсь, и тутъ вдругъ является вся жестокость судьбы моей: восемь недѣлъ уже протекло, о пренесносная тяжесть тоски, ахъ! нѣтъ ничего злѣе, и я васъ не вижу, свѣтила глазъ моихъ, безъ коего весь свѣтъ мнѣ мракъ. Наслаждаюсь, куда не посмотрю, явно могу примѣтить, сколько наставшее торжество содѣлало радости на всѣхъ лицахъ; одинъ я исключенъ изъ того лику и ничто здѣсь не удобно разогнать тоску мою горестнѣйшую, да и какъ можно тѣлу безъ души и сердца ощущать какое либо удовольствіе. О душа и сердце, онѣ давно уже удостоины жить въ храмѣ вашемъ, да живутъ они вовѣкъ. О коль завидна ихъ участь! Мнѣ жъ ничего болѣе не остается принесть въ жертву предъ симъ мною обажаемымъ храмомъ, какъ только навѣкъ посвятить къ вашимъ стопамъ остальные жизни моей дни, при всей моей отъ васъ, наидрагоцѣннѣйшаго ангела души моей, отдаленности. А посему самому несноснѣйшему положенію, еще одно воображеніе почти лишаетъ меня чувствъ, о чемъ прошу Всемогущаго да оборонитъ онъ васъ его десницею. Если угодно будетъ пріехать его пр—ву и прикажетъ вамъ съ собою ѣхать въ Жукотки, о Владыко! какіе могутъ страшнѣйшіе слѣдствія воспослѣдовать. Клянусь вамъ, что желающій похитить мое благополучіе и всю надежду моего благощастія, что все въ однѣхъ васъ полагаю, тотъ долженъ меня напередъ умертвить, на что охотно готовъ былъ бы себя предать, и сего то одного и конечного требуетъ отъ меня моя безпримѣрная къ вамъ любовь и святость ненарушимаго на вѣки слова. Но тутъ разсудокъ велитъ мнѣ пріостановиться. Правда! Я долженъ ему повино-

ватся, въ семъ случаѣ и признать, что вы совершенно въ хорошей крѣпости обитаете, и повелители оной несумнѣнно благонадежные, коимъ я за счастіе первѣйшее въ жизни моей всегда поставляюсь ввѣрить васъ, наипрекраснѣйшую душу души моей, купно съ жизнію моею, коей я не пощажу въ ихъ глазахъ, если бы то могла случиться какая превратность, отъ чего, Боже милостивый, да сохранитъ васъ. При чемъ имѣвъ счастіе завѣрить васъ, что до послѣдней минуты жизни моей таковы чувства во мнѣ не могутъ истребиться, цѣлуя вашу прекраснѣйшую ручку тысяча тысячу разъ, имѣю честь препоручить вамъ себя въ вѣчную любовь, пребывая къ вамъ съ непоколебимымъ навѣкъ высокопочитаніемъ и найглубочайшею преданностію вашъ, м. г—нѣ, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Приносятъ вамъ, м. г—нѣ, наиусерднѣйшее поздравленіе сего свѣтлѣйшаго праздника матушка и сестрицы мои. *(Брахловъ, 8 апрѣля).*

24. М. г—ня Настасья Петровна! Еще во сихъ поръ отъ ужасу кровь въ жилахъ моихъ замираетъ. Легко ли и удобно ли рожденной съ толь нѣжными чувствами, неслыханное насиліе отъ родителя своего должно было притерпѣть. О Боже мой! почто сей ударъ устремленъ на васъ, найдрагоцѣннѣйшаго и найпочтеннѣйшаго ангела души моей! и за что я, столь достойной понесть всю свирѣпость наказанія судьбы, обойденъ! И я одинъ причиною всего вамъ случившагось огорченія и обиды. Ахъ и чѣмъ только могу пополнить ваше безпокойство, проходя мысленно вашъ страхъ и изумленіе, въ какомъ вы тогда находилися, постигнуть не могу и возблагодарить силъ моихъ нѣтъ Всемогущему за подкрѣпленіе вашего найдрагоцѣннѣйшаго здравія, на васъ ниспославшаго къ противустоянію подобной наглости. Но что долженъ я заключить о томъ страшнѣйшемъ поступку, когда одно напоминаніе меня приводитъ въ замѣшательство ума. По мѣрѣ сего долженъ я заключать и о зрителяхъ такого позорища, коимъ развѣ жизвію моею могу возблагодарить сохранателямъ вашей жизни, тутъ же и моей, не бывъ тамъ купно съ вами, сострадаю и обида вамъ была бъ мнѣ найнесноснѣйшая, и я должнымъ бы себя нашелъ загладить кровію моею, и ничто не моглобъ меня удержать отъ сего намѣренія. Увы, Боже мой, что можетъ смертельнѣе быть мнѣ, что тотъ даръ, кой я получаю отъ всемогущей твоей десницы и человѣкъ стремится онаго меня лишить. Нельзя сего перемѣнить, а лучше старающійся опредѣленію судьбы нарушить Богомъ мнѣ начертанной, если онъ столько бодръ, пусть меня умертвитъ! Вотъ одинъ конецъ его и моего покою, но духъ

мой не будетъ трепетать предъстать суду Всевышнаго! Теперъ, припадая къ стопамъ вашимъ, предъ коими давно я повергъ жизнь мою, чувствую конечно и сей знакъ вашей ко мнѣ милости, преизбыточествующей до послѣдней минуты духа моего, во мнѣ останется и доколѣ живъ, восхищать меня не престанетъ! И се то естъ залогъ вашей неподражаемой добродѣтели, любви и вѣрности ко мнѣ, чего всего не имѣвъ, неудобно было вамъ не склониться родителю столь страшному. Время вамъ покажетъ, драгоцѣннѣйшему и почтеннѣйшему ангелу души, сколь призвательность моя къ вамъ неограниченна, коей теперь не могу болѣе изъявить, но мысленно цѣлую прекраснѣйшіе ваши ручки тысяча тысячу кратъ. Безъмѣрно мнѣ оскорбительно и тяжело, приведшему васъ къ сумнѣнію; сіе случилось, увѣряю васъ, безъ всякой моей на то воли, но не порицайте меня, жизнь души моей, будто въ несохраненіи моихъ обѣтовъ; божусь вамъ Богомъ, что никто ихъ лучше меня не соблюдетъ, обожая до смерти васъ и приемля за первенственное себѣ благощастіе посвященіемъ мнѣ вашей жизни, и для сохраненія сего пресущественнаго блага не пощажу себя до послѣдней капли крови моей. Приятнѣйшаго не можетъ быть удовольствія и отрады, какъ я теперъ отъ васъ, души жизни моей, извѣщенъ, прекраснѣйшаго ангела, что вы совершенно здоровы, съ коимъ и мое здоровье сопряжено и безъ коего я жить ни минуты не могу; но вкушая сладость сего маленького нареканія отъ васъ и весьма милостиваго противъ моего къ вамъ преступленія, и до безъконечности чувствую пріятность оного, что все сіе проистекаетъ отъ чистѣйшей вашей во мнѣ любви и вѣрности. Въ заплату чего завѣряю васъ, прекраснѣйшаго ангела души моей, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ мнѣ важнѣйшаго и любезнѣйшаго, какъ ваше сердце и рука, и предъ вами жертвую всѣмъ и жизнію моею, и безъ васъ мнѣ и секунда моглабъ быть тягостнѣйшимъ бремьемъ (sic) и одно ваше маленькое прискорбіе заставить меня умереть, отъ чего Боже всемилостивый да сохранитъ насъ, на его святую волю надежда, потомъ, да защитятъ насъ всемогущимъ своимъ подкровомъ наши благотворители, коимъ потщимся принесть всемѣрную благодарность, предая себя въ непоколебимую вашу любовъ и вѣрность, лобызая тысяча тысячу кратъ ваши прекраснѣйшіе ручки, прошу любить и незабывать того, который за васъ готовъ умереть. Честь имѣю быть къ вамъ съ вѣчнымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ня! Клавяются вамъ со

всевозможнымъ почтеніемъ и предавностію, матушка и сестрицы мои, желая вамъ найлучшаго въ свѣтѣ здравія и благополучія. *(Брацлавъ, 18 апрѣля).*

25. Ma mignonne, ma vie, mon ange, какой пресильной тоской поминутно я страдаю, мой любезнѣйшій другъ, Настасья Петровна, mon trés fidelle coeur! Только и утѣшенія въ грусти моей, когда получаю пріятнѣйшую вашу цидулку, за что вамъ, душа моя, жизнію своей плачу, примите ея, надежда моя и сокровище, и располагайте ею, какъ вы хотите. Давно вы ею владѣете, теперь только для васъ ея щажу! Какое чувствую удовольствіе отъ одного воображенія предъ-будущей своей наисчастливѣйшей участи, о чемъ поминутно Бога прошу, чтобъ только дождать и недалъ бы изчезнуть отъ тягчайшей печали, происходящей отъ разлуки. Красота моя, упованіе мое, не забывайте меня! Цѣлую васъ, душенька моя, сто тысячъ разъ, и божусь вамъ, что во все время, что я васъ не вижу, днемъ, по минутно, вы въ глазахъ моихъ живете, а ночью лишь только сомкну глаза, то и вижу. Что быть пріятнѣе можетъ, а о протчемъ, что около меня происходитъ, не вижу ничего и не знаю—для васъ одной, жизнь моя, ангелъ мой, дражайшее мое сердце. А остальные дни вѣку моего посвящаю и тѣмъ мысленно занимаюсь, цѣлаго свѣта не могу сравнитъ съ вашею рукою прекраснѣйшею, кою ежеминутно цѣлую и щасливѣйшимъ себя поставляю, что вы, душенька, любите меня и не перемѣните никогда, за сіе готовъ отректись всѣхъ блистательныхъ мечтъ сего міра. *(Безъ числа).*

26. Любезнѣйшая обладательница души, сердца и жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Тогда только и покой духа моего вижу и волненіе мыслей отъ меня удаленно, когда берусь за перо съ вами говорить, наипрекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, миленькая моя Настенька, божество мое! И какъ мнѣ можно отъ васъ, душечка моя, таить мое положеніе: предъ вами я клялся имѣть съ вами, жизніоночкомъ моимъ, одну мысль, одну волю, одно желаніе, и ваше мнѣ приказаніе пребудетъ мнѣ навѣки закономъ, слѣдовательно и не могу скрыть чувства нѣжнѣйшей страсти моей, къ вамъ, коей горѣть до конца жизни буду моей, но божусь вамъ, милушечка моя, что я до такой крайности дошелъ, что совсѣмъ сна не имѣю и отъ сего то я опасаюсь весьма нехорошихъ слѣдствій, но чѣмъ перемѣнить, прекраснѣйшій ангелъ мой?—Знаю и чувствую, что ни о чемъ не долженъ сумнѣваться: ваша вѣрность и любовь есть ко мнѣ безпредѣлны и я поминутно въ мысляхъ васъ, вѣрнѣйшую ду-

шечку Настеньку, вижу и читаю ваши прекраснѣйшіе строки, орошаю ихъ слезами. Но разлука, о Боже милостивый, разлука—о несносное бремя! Къ тому жъ напоминаніе о зломъ на васъ нападеніи, что далѣ будетъ, не приведи Господь, клянусь вамъ, заплачу моему гонителю жизнію. Поминутно молю Всемогущаго, чтобъ онъ подкрѣпилъ ваше неоцѣнное здравіе для меня и на нашихъ бы покровителей ниспослалъ силу къ защитѣ насъ. Наконецъ, цѣлую васъ, вѣчная обладательница и божество мое, любезнѣйшій другъ, вѣрнѣйшая Настенька, сто тысячъ тысячу кратъ, ваши, жизніоночка, душечку и прекраснѣйшіе и сладчайшіе уста, ножечки и ручки, повелительницу мою цѣлую безпрестанно васъ, драгоцѣннѣйшій ангелъ мой, владычица моя, не забывайте, душечка моя Настенька, что сколько я мысленно васъ цѣлую, то когда Богъ дастъ видѣться, удостоить меня исполнить на самомъ дѣлѣ. *(Безъ числа)*.

27. Дражайшее мое божество, прекраснѣйшій ангелъ мой, душа жизни моей Настасья Петровна! Все зависитъ теперь отъ васъ, жизніоночекъ мой, душечка, миленькая моя Настенька, и когда вы меня жалѣете и нужно вамъ продолженіе жизни моей, то сохраните ея для вашего обожателя, которой тогда перестанетъ горѣть къ вамъ нѣжнѣйшею любовію, когда жизнь его прекратится. Изъ письма моего къ батюшкѣ нашему Степану Степановичу можете, милушечка, моя красота, усмотрѣть все обстоятельно, гдѣ я ничего не упустилъ, чтобъ не дать чувствовать сколь до крайности опасно продолжать далѣе медленность и нерѣшимость нашей судьбы окончаніе, которую наши злодѣи все понемножку стараются приводить въ замѣшательство; наконецъ, чтобъ такъ не запутали, что съ превеличайшею трудностію и развязать можно будетъ. И такъ, маменька моя, прекраснѣйшая Настенька, моя душечка, просите сколько можно батюшку Григорія Григорьевича и Степана Степановича, а они, чтобъ бабушку нашу убѣждали къ увѣнчанію участи нашей счастливѣйшей въ нашихъ обстоятельствахъ. Столько ненавистниковъ! день дорогъ, а за недѣлю и сохрани Богъ чего могутъ надѣлать, и кончится прекращеніемъ жизни моей. Не оставь же меня, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настененька, утопающаго въ слезахъ и отъ горести можетъ быть и умру, но памать друга моего съ собою понесу. Нѣтъ силъ болѣе. Повседневно вижу себя ослабѣвающа, тоска меня съѣдаетъ и свѣтъ для меня мраченъ и преодолѣть грусть свою мочи уже моей нѣту. Пожалѣйте меня, божество мое, одна отрада и одно упованіе, какое я въ жизни уже имѣю вы, душечка моя, подпора сла-

быхъ моихъ силъ, никого не имѣю, ни друзей и родни, кромѣ васъ, свѣтика, душечку, жизніоночка, прекраснѣйшаго ангела, вѣрнѣйшаго и любезнѣйшаго друга моего, божество мое Настеньку, и цѣлую васъ, душечку, миліонъ миліоновъ разъ—прекраснѣйшую душу вашу, сладчайшіе уста, дражайшія ручки и любезнѣйшія ножки. *(Безъ числа).*

28. Дражайшая обладательница жизни и сердца моего, прекраснѣйшій ангелъ мой, прелюбезнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Цѣлую тысяча тысячу разъ ваши сладчайшіе уста, и ручки и ножки! Снабдили вы меня, жизніоночекъ мой, душечка моя, пищею опять на нѣсколько дней: читая поминутно ваши питательныя карточки, ей-ей забываю самъ себя, съ коихъ весьма ясно вижу наиблагополучнѣйшую готовлющуюсь мнѣ жизнь, усѣянную цвѣтами. О высочайшее щастіе быть вамъ покорену сердцемъ и несравненно болѣе—имѣть ваше сердце и руку, и сихъ двухъ сердецъ, клянусь вамъ Богомъ, различить не умѣю: связаны они святѣйшимъ и ненарушимымъ обѣтомъ жить и умереть вмѣстѣ; воля и склонности ихъ сходны, но ахъ, вѣрнѣйшій другъ мой, потужимъ о нашихъ сердцахъ, утомленныхъ тягчайшими вздохами и о ихъ неудобности летать по минутно за 80 верстъ, но послѣднее не такъ для нашихъ сердецъ, трудно, какъ первое; увѣренъ, что соединенны наши сердца крѣпчайшимъ и вѣрнымъ союзомъ, не устанутъ отъ пути, судя по мѣсту между нами разстояніе имѣещему, летать, что составитъ нѣсколько тысячъ сотъ верстъ въ день. Храню, сколько могу, мое здоровье, но божусь вамъ святостію любви нашей, такіе приходятъ часы въ день, что въ совершенномъ безпамятствѣ нахожусь. Ахъ, Боже мой, сколь тяжко быть въ разлукѣ съ душею души моей, для коей живу, о почтеннѣйшій предметъ всего моего благополучія и отрады, mon ami le plus fidelle, qui puit etre au monde, припадши къ ножкамъ вашимъ, цѣлую ихъ! О счастливѣйшій тотъ день, назначенной премудрою рукою, въ которой могъ я быть усчастливенъ обративъ ваше вниманіе къ себѣ и изъ того то времени полагаю себя счастливѣйшимъ и надѣюсь, что примѣру моего благополучія подъ солнцемъ не можно сыскать, не могу себя одолѣть, чтобъ не обратиться къ цѣли моего одного благоденствія, зависящаго отъ васъ, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна, не оставляйте, душечка, жизніоночокъ мой, ангелъ мой, питать меня въ вашихъ карточкахъ вашей непорочной, чистѣйшей любовію и чистосердечнымъ изреченіемъ. Зачѣмъ таить намъ друга отъ друга нѣжныя чувства страсти нашей, связавши разъ навсегда судьбу нашу и предъ тѣмъ, который готовъ цѣловать пилъ (т. е. пыль) подъножія

вашего, цѣлую васъ, маменька моя, клявусь Богомъ живымъ, что до послѣдняго дни живота моего не узрите во мнѣ перемѣны въ вѣрности, въ почтеніи факалъ (sic) любви моей къ вамъ не угаснетъ, чего и отъ васъ равно надѣюсь.—*(Безъ числа).*

29. М. г—ня Настасья Петровна! О! найдрагоцѣннѣйшій ангелъ души моей! сколько мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашихъ найпрекраснѣйшихъ, обращеніе меня къ великодушію правды вашей, противъ которой я не могу быть непризнательнымъ, но желаю чтобы вы также мнѣ отдали справедливость, вы сами есть, душа жизни моей, виновница! Удостоивъ у меня взять навѣкъ сердце мое и душу, а теперь меня же и вините, что я не великодушенъ, но я долженъ вамъ сказать, что я теперь и совсѣмъ безъдушенъ, и безъ сердца, вы ихъ навсегда приняли, счастливая ихъ участь обитать вѣчно подъ руководствомъ любезнѣйшей обладательницы жизни моей; я жъ съ моей стороны, да не лишенъ буду осчастливиться принятіемъ подъ вашъ покровъ и руководство, владѣтельницею бывъ моей души и сердца, располагайте и мною, и той жизнію, которую на вѣкъ для васъ посвятилъ. Увѣренъ я на справедливость неба, оно милосердно и довлѣло бъ ему, кажется, отвратить уже отъ насъ ударъ, видя наше терпѣніе и невинность, но если оно медлитъ съ своими лаврами на насъ, то въ такомъ случаѣ, безъ Божіего подкрѣпленія не знаю, могу ли дожить конца. Я уже и сообразить не могу, какія только можемъ воздать благодарности м. г—рамъ батюшкамъ Григорію Григоріевичу и Степану Степановичу, за ихъ намъ защиту и приуготовленіе первѣйшаго намъ въ свѣтѣ благополучія. Да сохранятся въ нашихъ сердцахъ къ нимъ навѣки жертва благодарности и наичувствительнѣйшей обовязанности? Почти три мѣсяца истекаетъ, какъ я видѣлъ, о Боже всемогущій, когожъ? вѣчной обладательницы жизни, наипрекраснѣйшаго ангела, безъ коего мнѣ весь свѣтъ не милъ, о страшная тоска, да и самая жизнь моя начинаетъ мнѣ тяготною быть. О страшная тоска очевидно меня изнурять не престаетъ. Не забывайте меня, прошу васъ, жизнь моя, вся надежда моя, наполненною къ вамъ любовію неограниченною и непоколебимою вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, коею жизнь прекратится, когда только малѣйшая перемѣна случилась бъ въ вашемъ благосостояніи, о чемъ мысленно поминутно къ Богу обращаюсь и прошу его слезно, да будетъ его воля со мною, отнять у меня все, даже и жизнь мою, но чтобъ сохранилъ ваше здравіе, противъ котораго у меня нѣтъ подобія къ сравненію. Итакъ, цѣлуя сто тысячъ кратъ ваши драгоцѣннѣйшія,

прекраснѣшія и любезнѣйшія ручки, и поруча себя въ вашу безмѣрную любовь, завѣряя жъ съ моей стороны, что прежде жить перестану, нежели могла во мнѣ перемѣнится неограниченная къ вамъ любовь и вѣрность, и симъ однимъ будетъ духъ мой къ вамъ питать во всю жизнь мою.—Весьма желаю видѣть письмо Григорія Петровича и знать, куда цѣлитъ сія новая батарея, такъ долго скрытое только дѣйствіе имѣющая.—*(Брахловъ, 25 апрѣля).*

30. М. г—ня Настасья Петровна! Не получавши отъ васъ, найдрагоцѣннѣйшаго ангела моего, чрезъ восемь дней никакого извѣстія, несноснѣйшей скукой терзаемъ былъ и грусть моя низводила меня къ величайшему отчаянію, не ожидая уже болѣе дожить и пользоваться вашими наиріятнѣйшими и питательными строками. И по многомъ мученія, послалъ еще и третьяго человѣка искать прежнихъ двухъ, отчаявшись ихъ болѣе и видѣть, разсуждая, что конечно они пойманы ухищренными сѣтьми, ненавидѣвшими насъ. Какъ вдругъ, на девятый день, сверхъ уже всякаго моего чаянія, явился Степанъ Ар. съ двумя моими нарочными и третьимъ, встрѣтившимся съ ними на половинѣ дороги, коего онъ съ собою поворотилъ. За симъ, какимъ обятъ духъ мой удовольствіемъ и наполнился наипріятнѣйшею сладостію по принятіи отъ васъ, души жизни моей, неоцѣненнаго сокровища, вдругъ трехъ писемъ и отъ безмѣрной радости едва очи мои не отказались быть подвласными, возлетая поминутно къ вамъ, прекраснѣйшему жизніоночку моему, обитаемому въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жили душа и сердце мои, имѣвшія по сходству всякому смертному, вліяніе частицы Божества, и сіи то два существа почтить вы, жизнь моя, соизволили принятіемъ подъ вашу вѣчную власть, а на томъ мѣстѣ остается образъ вашъ драгоцѣннѣйшій, найглубочайше впечатотлѣнной, управляя мною навѣкъ, коего чтя красоту и добродѣтель, сопряженные съ любовію неподражаемою и вѣрностію безъпримѣрною, счастливымъ себя считаю и полагаюсь быть предводительствуемъ вашею, душа жизни моей, наипрекраснѣшею и любезнѣйшею рукою, подъ властію которой чту мой вѣкъ златымъ, предъвозвѣщающій мнѣ безконечную сладость и удовольствіе. Теперь поставляю васъ, васъ, душечку мною, на кою справедливость вовѣкъ мой положится долженствую,—будьте вы мой судія, коего приговору законъ мнѣ есть повиноватся безъ всякого оправданія, не надобно ли быть совершенно безъ чувствъ, столько извѣдавши очно, испытавши душевно и безъпримѣрно плѣнясь укрѣпленному и найдостаточнѣйше удостовѣрившемуся въ вашей неограниченной вѣрности, преодолѣвая всѣ труд-

ности и гоненія, возбраняющіи къ счастливѣйшей моей судьбѣ, потомъ видя съ наилюбезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ вашихъ писемъ соболѣзнованіе ваше о моемъ страданіи, въ которомъ пріятно бъ было мнѣ умереть, и при всемъ такомъ счастіи, мнѣ благопріятствующемъ, не вижу васъ, божества моего, которой одинъ взглядъ можетъ рассѣять всѣ изнуренные силы мои отъ тягчайшей разлуки, по сіе время меня терзающей, не знаю на какой конецъ, и не вижу иной дороги, токмо преселенія къ вѣчности! За что же меня пеняете и велите мнѣ быть спокойну, тому, у котораго всѣ средства къ тому отняты, и какъ можно окруженному огнемъ защищаться отъ пламя? Готовъ повиноваться вашему уставу, доколѣ могущества во мнѣ достанетъ, но если все меня предаетъ на снѣденіе горестнѣйшей печали, то видно, что жизнь моя подобно свѣчи угаснетъ. Можетъ быть я предъ вами, божество мое, и виноватъ, что не скрываю предъ вами мое ужаснѣйшее положеніе, видя изъ вашихъ наилюбезнѣйшихъ писемъ ваше величайшее участіе въ моей неномѣрной печали, что еще болѣе растворяетъ израненное мое сердце. Не сѣтуйте, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна, обо мнѣ! я долженъ пить сію чашу, но вы, сокровище мое неоцѣненное, довольно терпѣли уже и берегите ваше здравіе, несравненное мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ и малѣйшая ущербъ онаго ей Богу меня лишитъ жизни. О семъ васъ, душа души моей, прошу именемъ безпредѣльной любви нашей и вѣчной, да не останется вотще мое къ вамъ прошеніе.

Почтеннѣйшій и рѣдкой трудъ вашихъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ вашихъ для меня рукъ, я имѣлъ счастіе получить и сколь онъ мнѣ дѣлаетъ величайшаго удовольствія и пріятности, и съ другой стороны боюсь я, чтобъ вы, божество мое, частымъ упражненіемъ не повредили бы вашихъ прекраснѣйшихъ глазъ, отъ которыхъ я надѣюсь моего воскресенія и кои во всю жизнь мою пребудутъ солнцемъ и луною.

Цѣлуя ваши наилюбезнѣйшія ручки за прекраснѣйшее рукодѣліе тысячу и тысячу кратъ, долженъ вамъ сказать, что во ономъ никогда табаку не будетъ, а буду имѣть его всегда въ моемъ виду и насыщаться очезрѣніемъ. Наконецъ припадаю къ колѣнамъ вашимъ и лобзая оные, поручаю себя въ вашу непоколебимую любовь и нерушимую вѣрность, я жъ честь имѣю, обожая и пылая пламенемъ горячайшей любви наполненной къ вамъ, жизніоночку моему, вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, цѣлуя безъчисленно ваши,

дражайшаго ангела моего, ручки, отдаю вамъ себя вѣчно и остаюсь вашъ подвласній, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и искреннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.

Честь имѣю вамъ, душа жизни моей, посилать при семъ башмаковъ 12 паръ, кои и прошу покорнѣйше благосклонно принять, чѣмъ много усчастливите вашего вѣрнѣйшаго Ваничку, цѣлующаго сто тысячъ тысячъ ваши прекраснѣйшія ножки.

31. Дражайшая владычица души моей, вѣчная обладательница сердца моего, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенка! Цѣлуя цѣлую и омываю слезами первѣйшую и пріятнѣйшую отраду мнѣ здѣсь — прекраснѣйшіе строки ваши, коихъ безъпрерывное повтореніе чтенія есть найлучшее и веселѣйшее употребленіе времени, а протчее, какъ же мнѣ предъ вами, душею души моей, таить, клявшись отворять дверь внутренности моей и кою вы ясно видѣли и видѣть во вѣкъ будете и какъ мнѣ осмѣлиться отъ васъ, прекраснѣйшаго ангела моего, скрывать, а больше здѣлаться клятвопреступникомъ и отъ напоминанія сего имени страшнѣйшаго дрожу отъ ужасу и не токмо быть таковымъ, зрѣть подобное чудовище — чувствъ лишило бъ меня! Безподобно виноватъ предъ вами, жизніоночокъ мой, маминька, красота моя, причинивши вамъ столько безпокойства, но цѣлуя ваши прекраснѣйшіе ножки, предъ коими падши, лежу и прошу ослабы моей винѣ, нашедши въ васъ божественную добродѣтель и красоту во вѣки неувядаемую, до безъконечности любя прекраснѣйшую Настенку, вѣрнѣйшаго и первѣйшаго въ свѣтѣ друга, коего мнѣ малѣйшее неудовольствіе причинитъ смерть, въ чемъ вамъ божусь Богомъ, сколько моя жизнь теперь не въ опасности, боюсь, чтобъ не лишиться ума, терзаясь поминутно разлукой, не воображая, чтобы тѣлесное твердое сложеніе могло мнѣ измѣнить, но и о томъ не ручаюсь, я во власти Бога и прошу его, чтобъ онъ меня подкрѣпилъ, но мочи моей нестаетъ, всякой часъ мнѣ годомъ кажется. Васъ же, любезнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга моего, прошу слезно, прекраснѣйшую Настенку, берегите себя, когда вамъ милъ Ваненка, коему вашъ покой и неувядаемое здравіе суть соки жизненые и которой надѣется отъ васъ, душечки моей, милучаечки (sic), когда насъ Всемогущій соединитъ, тогда конечно не сумнюсь я, жизнь моя Настенка, не оставитъ удѣлить ослабѣвшему здоровью и твердости ума и будетъ мнѣ во всю жизнь мою путеводителемъ моимъ и подпорою силъ моихъ. Знаю, что

отлично графъ [1]) расположенъ къ батюшкѣ Г. Григоріевичу [2]) и къ бабушкѣ нашей, но сколько я могу понимать содержаніе вашего дѣла, то долженъ вамъ сказать, что графъ настоящаго конца не здѣлаетъ и предастъ на расмотрѣніе судамъ, что до крайности продлится. Дай Богъ, чтобъ такъ не сталось, какъ я воображаю, въ томъ первѣйшее было бъ мое благополучіе и преграда къ концу жизни моей, кого съ стрепетомъ предусматриваю не токмо въ послѣдней сей карточкѣ, кою имѣлъ счастіе отъ васъ получитъ есть участь, но и всѣ, кои я прежде получалъ и въ нихъ состоитъ все мое богатство и первѣйшее здѣсь и навсегда сокровище. Поминутно цѣлую, живо представляя писателя оныхъ, говорю къ нимъ, плачу, прошу отъ нихъ отвѣта, но, Боже мой милостивый, горчайшая моя участь! они мнѣ мнѣ ничего не говорятъ! Потомъ, обращаюсь ихъ читать, тутъ стремлящійся разудокъ непоколебимъ бываетъ и тишина его поборетъ читавши и перечитавши, съизнова отдаю себя весть, куда они меня влекутъ. Какое утѣшеніе внезапно возвеселяетъ мою мысль, приводятъ меня къ вратамъ храму моему и въ н[illegible]жертвенникомъ вижу прекраснѣйшаго ангела моего Настеньку, повелѣваетъ она божество мое, ея на вѣкъ подвластному Ваненькѣ стать на каменѣ, укрѣпленному ею неподражаемою вѣрностью и вѣрною любовію! Послушенъ твоему божескому (sic), преклоня колѣно мое предъ тобою и клянусь получать вовѣкъ твой святѣйшій законъ и простря длани мои, вопію злезно: да не буду забвенъ тобою, моя богиня, тебя обожая, тебѣ служа, твоей щедротой и вѣрностіею упитанъ, продли мнѣ жизнь и удостой въ твоихъ объятіяхъ скончать мои дни. Сколько вы обижаете, милушечка моя Настенка, Ваненку вашего, написавши въ вашемъ письмѣ, чтобы я, васъ боготворящій, извинилъ, что будто вы худо написали, на что такъ меня наказывать, того, который здѣсь и навсегда вмѣняетъ себѣ за благополучіе лобызать пилъ (sic) вашихъ ногъ! На послѣдокъ поручаю себя вамъ на вѣкъ, тысячу сладостей мнѣ возвѣщающій отъ васъ, милѣйшей моей Настенки, цѣлую миліонъ миліоновъ разъ вашу наипрекраснѣйшую грудь, добродѣтельнѣйшую душу, наиріятнѣйшіе глаза, наипрекраснѣйшія ручки и любезнѣйшія ножки. О горе мое великое! Боже мой милосердный, доживу ли я до того наищастливѣйшаго часу, чтобъ мнѣ разцѣловать душечку мою, жизніоночка, красоту, ангела моего наидрагоцѣннѣйшаго Настенку! Не

---

[1]) Румянцевъ.

[2]) Фридрикевичу.

забывай же меня, душа души моей! Несетъ къ вамъ, милѣйшей моей Настенки, сія страница всѣ мои поцѣлуи, примите ихъ и не забывайте счастіе имѣющаго быть вѣчнымъ обладателемъ вашей души, сердца и мыслей, и наконецъ всею Настенкою, вашего обожателя вѣрнѣйшаго и покорнѣйшаго до послѣдней минуты жизни моей Ваненку. Цвѣточки прежней присылки поѣлъ, а что теперъ счастіе имѣлъ получить, два въ кисетѣ стоятъ на томъ мѣстѣ, въ головахъ *(Безъ числа)*.

32. Прекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, жизнь души моей, любезнѣйшій ангелъ мой, вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! Ежечастно, не выпуская изъ рукъ вашихъ милѣйшихъ чидолочокъ, (sic), цѣлую ихъ и какая это отрада въ горестнѣйшей здѣсь моей жизни! Скажите мнѣ, маменька, жизніоночокъ, душа души моей, примѣчаете ли вы хотя маленькой лучъ надежды ?—скоро ли васъ, душечку мою, увижу? Не сумнюсь, чтобъ отъ васъ что было сокрыто, что о насъ говорятъ. Утѣште меня, наидрагоцѣннѣйшій предметъ всего моего благополучія, увѣдомленіемъ. Охъ, еще долго ли томиться духу въ стѣнной душѣ моей? Божусь вамъ, мое любезнѣйшее сердце, что примѣчаю себя, что врядъ ли я могу далѣе сносить наитягшее время разлуки безъ потерянія невозвратно силъ моихъ, нужныхъ къ продолженію жизни. Вы себѣ, charme de ma vie, представить не можете, сколько мнѣ досады причиняетъ непостоянность теперешней дороги, которая меня по сихъ поръ удерживала писать къ вамъ, да и теперь еще на отвагу пущаю, боюсь, что мои письма съ человѣкомъ не потонули; но какъ бы то ни было, терпѣнія въ себѣ болѣе не обрѣтаю. Мнѣ кажется, что я уже не живу на свѣтѣ и погребенъ! Ахъ естли что пагубнѣйшее на свѣтѣ и кто же примѣрно злымъ рокомъ наказанъ болѣе? Отнята у меня душа и покой и мню, что я васъ уже восемь годъ не видѣлъ. Надобно, чтобъ былъ зрителемъ, если можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ злодѣй, то и тотъ, увѣренъ я совершенно, надо мною долженъ бы умилостивиться и кажется, что былъ бы убѣжденъ моею сильнѣйшею тоскою и терзаніемъ! День у меня начинается и кончится тѣмъ, что подымаю руки къ Богу, восклицаю, дабы онъ васъ, жизніоночка, укрѣпилъ въ драгоцѣннѣйшемъ вашемъ для меня здравіи, прося, дабы онъ пощадилъ вашу несравненную мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ жизнь, а инако можетъ онъ истребить двухъ вѣрно и свято клявшихся любить другъ друга. Наконецъ, будемъ ли мы имѣть скоро благопріятную погоду, коя насъ принесла бы къ тихому пристанищу. О Боже, Боже нашъ, укроти гонящую насъ злость!

Не забывайте мени, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ и любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настасія Петровна! Цѣлую ваши сладчайшіе уста, ручки и ножки тысяча тысячу кратъ! Прійміте жъ душа жизни моей сей мой знакъ нѣжнѣйшей и чистѣйшей и вѣчной любви. До послѣдняго изпущенія во мнѣ дыханія, въ чемъ, клянусь вамъ Богомъ, таково чувство къ вамъ не премѣнится во мнѣ. Въ несумнѣной надеждѣ, что вы тѣмъ же желаніемъ ко мнѣ и знаете, что я тотъ счастливой въ свѣтѣ безъ примѣрно и отъ васъ ожидаю на вѣкъ repos de mes jours.—*(Безъ числа)*.

Въ то время когда женихъ велъ эту переписку съ невѣстою, въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ начато было дѣло по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери, когда онъ ѣздилъ за нею въ Смячъ (стр. 65). Рѣшеніе суда по этой жалобѣ слѣдуетъ за симъ.

33. Рѣшеніе Городницкаго уѣзднаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата Г. Г. Фридрикевича, „за неотдачу“ дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября.

1789 года, ноября 14-го дня. По указу ея императорскаго величества, Городницкій уѣздній судъ слушалъ экстрактъ и все подлѣнное дѣло, въ семъ судѣ произведенное по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича на [illegible] бунчуковаго товарища Анастасію Полуботкову и г. статск. сов. предсѣдателя Черниговской гражданской палаты Григорія Григорьевича Фридрикевича, за не отдачу ему зъ вѣдому Фридрикевича состоящаго въ селѣ Смячѣ дочери его дѣвици Анастасіи и за приключенное тамо ему, г. Милорадовичу, обруганіе чести его. По разсмотрѣніи онаго дѣла, оказалось: г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ содержаніе иска своего показалъ о безчестіи, произшедшемъ первоначально отъ поступка дочери его дѣвицы Настасіи, якая призрѣвши свой непосредственной долгъ въ повиновеніи и почитаніи родителя, надъ законы оскорбила своего отца въ семъ: когда онъ, г. Милорадовичъ, за нею уже достигшою настоящаго совершеннолѣтія, примѣтилъ нѣкоторую неблагопристойную, съ одного сожалѣнія родительскаго, дабы отвратить все вредное честности, приказывалъ ей ѣхать съ нимъ съ села Смячи, въ домъ его, въ селѣ Жукоткахъ состоящій, то она сего не

исполнила, показавъ и другія непристойности противъ отца. Между тѣмъ, послѣдовалъ изъ дальнѣйшей ему, г. Милорадовичу, обидѣ, отъ другихъ на вредъ честѣ и здоровья опасной поступокъ, по нижеписанному объясняющой съ обстоятельствъ дѣла оказавшіеся въ томъ начальнѣйшіе причины, претенсію г. Милорадовича составляющіе, на отвѣтчиковъ гг. ст. сов. палаты гражданской предсѣдателя Фридрикевича, удоствующую бунчуковаго товарища жену Анастасію Полуботкову, полковника г. Леонтовича и жену сего Софію Леонтовичеву. Оные Фридрикевичъ и Леонтовичъ между собою братья, а Полуботкова имъ сестра, союзъ ихъ родства доказываетъ дружбу, а сія объясняется г. Милорадовичемъ по какой то на него злобѣ, противоборствующею тому усердію, якое вообще всѣхъ свойственниковъ обязываетъ и такъ хотя и Милорадовичъ есть въ свойствѣ Полуботковой зять, ибо имѣлъ за собою Полуботковой дочь Софію, уже умершую, отъ которой означенная дѣвица Настасія рождена, но не полагаясь ни на кого, самъ болѣе, яко отецъ, долженъ стараться и всегда старался о дочери воспитаніемъ ей приличнымъ и отдачею въ замужье за достойнаго жениха. Напротивъ того Полуботкова, какъ доказываетъ онъ, Милорадовичъ, единственно посему, что въ домѣ своемъ имѣла оную его дочь, на время отъ него Милорадовича, по прозьбѣ ея Полуботковой, отпущенную, зъ совѣту Фридрикевича и протчихъ своихъ согласниковъ соизволяла на отдачу оной его дочери въ замужье за жениха по характеру и чести его Милорадовича да и протчихъ другихъ превосходныхъ достоинствъ къ нему объ ней адресующихся, несвойственнаго, почему онъ, Милорадовичъ, получивъ о семъ свѣдѣніе, видя непристойность и предразсуждая стремленіе Фридрикевичемъ и другими на обѣду его, особливо потому, что и дочь его ими обольщена будучи, вышедъ съ пристойности о томъ же предложенномъ ей женихѣ къ нему, Милорадовичу, писала, рѣшился самъ ѣхать въ Борови къ Полуботковой, и видѣть свою дочь. За пріѣздомъ же 27-го марта сего года, тамъ дочери не засталъ, а увезена она предпоказанною полковницею Леонтовичевою въ село Смячъ, въ домѣ Фридрикевичевъ и такъ онъ, и въ Смячъ отправился, гдѣ засталъ въ показанномъ Фридрикевичевомъ домѣ оную его дочь, лежащую въ постели, подъ видомъ болѣзни, въ которой объявила она, что не можетъ якобы простудою, а примѣчательно де имъ Милорадовичемъ вымышленное притворство, единственно, чтобъ закрыть предпріятіе, клонащіеся къ дальшему ея зъ женихомъ, тамъ же въ Смячи бывшимъ Леонтовичевою обзнакомленію, а за тѣмъ положилъ было намѣреніе взять ее

къ себѣ въ домъ, но она, дочь его, покусилась первіе, обманывать его, Милорадовича, неимѣніемъ якобы шубы выѣхать на стужу, а наконецъ вышовъ съ условіемъ взять на себя теплую обувь, скрылась. Свѣдавъ же онъ, Милорадовичъ, чресъ дворовую дѣвку, что она, дочь его, заперта въ одной комнатѣ, которая, какъ ему Леонтовичъ объявилъ, что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича, сквозь двери той комнаты, окошко и сквозь стѣны, гдѣ только ей можно было слышать, сколько ни старался, однакожъ все то вмѣсто склоненія къ богоугодному повиновенія внушенію, произвело въ ней всемѣрное отъ него г. Милорадовича отвращеніе и дерзкое, даже до неистовства, ослушаніе, къ горчайшему его, отца своего, оскорбленію, такъ что дерзнула она виговорить ему, что она есть не въ его, но въ волѣ бабки своей, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ. Наконецъ увидѣлъ онъ, г. Милорадовичъ, многочисленную толпу собранныхъ Леонтовичемъ смяцкихъ мужиковъ и дворовыхъ его и Фридрикевичевыхъ людей, съ дубинами, окружавшихъ его, г. Милорадовича, которые въ глазахъ его, находившихся при немъ слугъ его уже отталкивали по зашеямъ, добираясь и къ нему, г. Милорадовичу, самому, ежели бъ онъ далѣе поступилъ на требованіе дочери его, ибо Леонтовичева съ мужемъ своимъ ругая его, выговаривали приказывать связали (sic) бы его, Милорадевича, изъ чего убѣжденнымъ онъ нашелся оттудова удалиться, оставшись обруганнымъ въ несносное поношеніе чести и характера его, оставя и дочь его, отъ него удалившуюсь презрѣнно, въ нарушеніе законовъ. Посему случаю описанной г. Милорадовича обиды, онъ поступивъ правильно, неусиловываясь далѣе, противно законамъ и не дѣлаясь самъ себѣ судіею, видя обиду и дальшое на оную стремленіе въ опасность здоровья и въ поношеніе чести произведенные, жаловался намѣстническому правленію, отъ котораго въ нижній земскій городницкій судъ послѣдовалъ указъ съ предписаніемъ, чтобы земскій исправникъ и два дворянскіе засѣдатели освѣдомлясь, гдѣ бы означенная, удалющаясь отъ повиновенія своему родителю дѣвица Настасія Милорадовичевна ни находилась, отправясь туда взявъ ее, препроводили самъ исправникъ благопристойнымъ образомъ въ Черниговъ для порученія отцу ея, г. Милорадовичу. Но когда судъ нижній земскій учинилъ выѣздъ свой въ Смячъ, гдѣ была оная дѣвица Настасія, и далъ случившимся тамъ въ домѣ Фридрикевича г. полковнику Леонтовичу, женѣ его Софіи Леонтовичевой и Анастасіи Полуботковой повѣстки съ требованіемъ оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного въ слѣдствію показанія, то и за симъ закон-

нымъ суда требованіемъ тѣ—Леонтовичъ, жена его и Полуботкова поступили съ неправильными ихъ отговорками, клонящимись на то, чтобъ отвратить судовое оное требованіе, о чемъ доказуютъ поданные отъ никъ сего года, апрѣля 4-го, въ нижній земскій Городницкій судъ объясненія. И Полуботкова, извиняя оную дѣвицу болѣзнію, вводила нижній судъ въ ту комнату, гдѣ сія въ постели больною оказывалась, тамо судъ ее уговаривалъ въ послушности отцу, напоминая обязанность дѣтей родителямъ и чтобы къ повиновенію волѣ его ѣхала къ нему зъ земскимъ исправникомъ, но тутъ дѣвица представляла, якобы не можетъ сего исполнить по болѣзни. За дальнѣйшимъ же суда требованіемъ о выполненіи по указу намѣстническаго правленія, Полуботкова объявила, что суду взять ея, Милорадовичевой, нынѣ не попускаетъ и ее отъ зятя судомъ защищаетъ, а при таковомъ объявленіи Полуботковою и что въ комнаты начали собираться служители въ немаломъ числѣ, не могъ нижній земскій судъ Милорадовичевой отъ туду отобрать, и таковы объявленія Полуботковой словами дѣйствіе заключающими, призналъ тотъ нижній судъ сопротивленіе закону и должности суда, бывшаго при вышеписанномъ случаѣ съ благо подобающимъ обрядомъ, для того по силѣ высочайшаго устава благочинія 271-й статьѣ, о поступленіи съ Полуботковой по законамъ, сему суду представилъ съ приложеніемъ всего происхожденія дѣла, которое совмѣстно съ означеннымъ суднымъ процессомъ произведеннымъ дѣломъ, разсматривая судъ, въ основаніе своего мнѣнія и во утверженіе истины, находилъ: 1-е, что г. Милорадовичъ описанную выше сего причиненную обиду ему, относя болѣе до отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, яко они производители той, поясняетъ, какъ Фридрикевичъ Полуботковой писалъ съ Чернигова, увѣдомляя ее, что онъ, Милорадовичъ, ѣдетъ въ Боровичи, такъ же о данныхъ ей, Полуботковой, совѣтахъ скрыть отъ него дочь и о протчемъ, затѣмъ послѣдовавшемъ съ вѣдома и согласія его, но на сіе хотя Фридрикевичъ, не дѣлая признанія, объясняется, будто не былъ во время показаннаго происшествія въ своемъ домѣ и далѣе опровергаетъ искъ Милорадовича, подводя высочайшій манифестъ, состоявшійся 1787 года, апрѣля 21-го, въ коемъ де всѣ мѣры употреблены на взысканіе обиды, что она бываетъ словами, письмомъ и дѣйствіемъ, а о воображеніяхъ съ худыхъ, о комъ ни есть, мыслей происходимыхъ, ни слова не сказано, и истецъ де будто съ однихъ домысловъ своихъ заключаетъ объ немъ, отвѣтчику, худо, но судя таковъ поступокъ по мнѣнію прямому и по законамъ весьма немало-

важной, въ справедливости показаннаго произшествія слѣдуетъ увѣриться на слѣдствіи нижняго земскаго суда, какъ на урядовомъ засвидѣтельствованіи и на ономъ основываясь, нельзя прямого и опровержения истины сдѣлать заключенія, поелику онымъ слѣдствіемъ доказывается, что дочь истца Милорадовича и за судовымъ ее увѣщаніемъ, по указу намѣстническаго правленія, съ жалобы его истца, Милорадовича, о повиновеніи своему отцу, требующему того суда, оказалась ослушною, притворивъ себѣ болѣзнь, въ самомъ же дѣлѣ оной не было, и для того то судъ о ея болѣзни ничего утвердительнаго не полагаетъ, а не возможность свою въ исполненіи намѣстническаго правленія указа, чтобъ доставить ее въ Черниговъ, къ порученію отцу, пояснилъ въ томъ, что она самовольно отказалась, несмотря на усиловное судебное требованіе, болѣе же въ томъ являются причины дѣйствій отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, съ коихъ въ домѣ Фридрикевича собраны были собственные его люди какъ судъ пишетъ, въ немаломъ числѣ, и дѣлали видъ недопущенія суда, изъ за чего нельзя подумать чего либо по его дозволенію, ибо бывшіе тамъ г. Леонтовичъ и его жена да Полуботкова не только не были согласны въ споможеніи суду, но еще и противоборствовали судовому требованію, а Полуботкова напослѣдокъ прямо оказала ослушность въ неповиновеніи закону и должности суда, выговоривъ, что не допуститъ суда, и за то подвержена отвѣту, въ справедливости тое нижняго земскаго суда показаніе и сей уѣздный судъ признаетъ, опровергая отвѣтчиковъ въ томъ оспариваніе, на одномъ голословіи основанное законно, потому что право статутовое, розд. 7-го, арт. 1-й, узаконяетъ «о сознатьи урядовомъ, чтобъ урядъ уряду вѣрилъ. 2, Объясняемое отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою оправданіе истцевой дочери поступка въ неповиновеніи отцу, что она уже есть совершенныхъ лѣтъ и во владѣніи имѣнія, такъ какъ и въ замужествѣ властна, показываетъ несходственность самихъ ихъ отвѣтчиковъ, въ невинности оправданія, и тѣмъ все оное помрачаетъ, а болѣе утверждаетъ и первоначальное произшествіе г. Милорадовичемъ объясненное, что по ихъ совѣту и наставленію, какъ тамъ объяснено, въ крайнѣйшую его, Милорадовича, обиду дочь его приведена въ неповиновеніе родителю надъ законы противное оному отвѣтчиковъ мнѣнію содержащіе, какъ то по праву разд. 3-го, арт. 4-го, дочь до выходу въ замужье должна быть подъ опекою отца, высочайшаго устава благочинія ст. 41-й, отд. 2-го, въ пунктахъ 10-мъ и 11-мъ: «родители суть властелины надъ своими дѣтьми, а дѣти имѣютъ долгъ оказывать чисто-

сердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самимъ дѣломъ. По уложенью, гл. 22-й, п. 4-й, за грубыя рѣчи на отца или матерь, дѣтямъ узаконено весьма строгое наказаніе, а чтобы таковы сродники, какъ отвѣтчики, имѣли надъ дочерью истцевою волю, сего узаконенія, не только негдѣ нѣтъ, но по 8-му артикулу, раздѣла 5-го запрещается дочерямъ безъ вѣдома своихъ родителей выходить въ замужье подъ потеряніемъ наслѣдія. Итакъ что можетъ быть важнѣе сего поступка истцевой дочери, дерзнувшей презрительнымъ образомъ оскорбить и опечалить родителя всѣми достоинствами своими и честь превосходительнаго и ни въ чемъ противнаго повода на развратъ дочери не показавшаго, какъ о семъ изъ дѣла ничего не открылось. 3, По изъясненію въ первомъ пунктѣ есть причины на отвѣтчиковъ, что они отцу учинили изъясненное имъ безчестіе, списываясь одинъ съ другимъ и совѣтуясь къ произведенію того въ дѣйство по высочайшему именному указу 1787 г., апрѣля 21, состоявшемуся, въ 3-мъ пунктѣ сказано: оскорбленіе или обиды есть буди кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ то порочитъ...... пренебрежетъ, уничтожитъ или задеретъ; въ 9-мъ пунктѣ, чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе надлежитъ знать—было ли намѣреніе обидѣть или оскорбить или вредить; въ 10-мъ: пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обижать или оскорбить, или вредъ ему лично, (или женѣ или чаду, или служителю) или ближнимъ его, есть обида. Противу сего законоположенія сравнивая объясненную истцемъ жалобу противъ дочери поступка и самому ему безчестія и иначе можно заключить, что то есть обида, да еще тяжкая, о чемъ по 16-му пункту того жъ высочайшаго указа есть узаконеніе, а во исполненіе оного указа въ лучшое подтвержденіе предписанныхъ слѣдуетъ еще и другими законными способами дойтить истины, что точно было отвѣтчиковъ къ обидѣ истца намѣреніе, и затѣмъ приступить къ заключенію законнаго приговора. Вслѣдствіе жъ сего, поелику съ обоихъ сторонъ были при показанномъ произшествіи посполитые люди ихъ собственные, съ коихъ нѣкоторые участвовали въ томъ, о чемъ идетъ дѣло, а затѣмъ по праву раздѣла 4-го, арт. 78-го, быть имъ свидѣтелми не можно, отвѣтчики жъ Фридриксевичъ и Полуботкова въ оправданіе себя ничего законнаго не представили, и даже отвестись совѣстію, по зсылкѣ на оную отъ истца Милорадовича въ утвержденіе ихъ запирательства и въ обнаруженіе справедливости, непріемлются надъ узаконеніе въ воинскомъ процессѣ 2-й части, главы 1-й, въ 3-мъ

пунктѣ, гдѣ сказано, что отвѣтчикъ невинность свою доказать основательно долженъ; истецъ же Милорадовичъ, сверхъ оной, на присягу отвѣтчиковъ эсылкп въ приносимой имъ жалобѣ взялся и самъ за присягу заповодомъ ихъ отвѣтчиковъ, Фридрикевича и Полуботковой, и они отвѣтчики его отъ присяги ничѣмъ законно не отводятъ; присягу жъ челобитчику чинить позволяетъ воинскаго процесса части 2-й, гл. 5-й, п. 2-й, да и по праву раздѣла 4-го, артикула 77-му, узаконено: въ недостатки писемъ или свидѣтелей, быть доказательствомъ и оправданіемъ и чрезъ присягу. Для того приговорили: по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и законамъ, истцу г. генералъ-маіору Милорадовичу по добровольному его забирательству (sic) въ утвержденіе—справедливости, въ жалобѣ его дать присягу за поводомъ въ согласіе 81-го артикула, раздѣла 4-го, отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою въ томъ, что совершенному его Милорадовича знанію, они, отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова, по согласію между ними обидѣли его Милорадовича тѣмъ, что дочь его Настасію убѣдили призрѣть его повелѣніе и согласиться къ выходу въ замужье за отставного сукундъ-маіора Лашкевича, а когда онъ будетъ требовать ей ѣхать съ нимъ въ село Жукотки, то она отказаться должна, и такъ точно исполнилось, и онъ, Милорадовичъ, какъ ѣхалъ въ село Боровичи, то съ нихъ Фридрикевичъ встрѣтя его, Милорадовича, на дорогѣ, подъ Черниговомъ, прошлаго марта 26-го, предваряя его пріѣздъ чрезъ своего нарочнаго, далъ Полуботковой знать, а сія отправила ту его дочь въ с. Сиячь, въ домъ Фридрикевича, съ полковницею Софіей Леонтовичевой, и затѣмъ и онъ, Милорадовичъ, не заставши дочери въ Боровичахъ, 28 марта пришелъ туда же въ Сиячь, но Полуботкова трократно посылала двороваго служителя своего Леонтія Полтавца съ письмами къ брату своему Степану Леонтовичу съ тѣмъ, чтобъ онъ дочери его, Милорадовича, брать не допустилъ и то все, что дочь его Милорадовича, первое отговаривалась болѣзнію, потомъ скрылась и зділала ему, Милорадовичу, оскорбленіе, выговаривая, что она есть не въ его волѣ, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ, учинено съ поводу и наущенію ихъ, отвѣтчиковъ, да полковника Леонтовича и жены его, притомъ онъ, Леонтовичъ, выговаривалъ ему Милорадовичу сіи слова: что дочь есть не въ его волѣ, и она съ нимъ не поѣдетъ, равно тому и жена его, ругаясь, съ мужемъ своимъ выговаривала: приказать связали бы его Милорадовича! И видѣлъ уже онъ, Милорадовичъ, изъ числа собранныхъ дворовыхъ служителей, что служитель Леонтовичевъ выталкивалъ по шеи съ

комнаты двороваго его, Милорадовича, писаря, а другаго служителя, тамо съ нимъ бывшаго, ругая, выгонилъ вонъ съ комнаты; наконецъ, онъ, Милорадовичъ, оставшись посмѣяннымъ и обруганнымъ отъ дочери своей призрѣнный и обезчещенный отъ часто поминаемаго, полковника Степана Леонтовича и жены его собраніемъ толпы мужиковъ и служителей дворовыхъ Фридрикевича, окружившихъ было и самого его, Милорадовича, къ препятствію дочери его, принужденнымъ себя найшолъ отъѣхать зъ двора смяцкого Фвидрикевичевого, да и за выѣздомъ нижняго земскаго Городницкаго суда, по указу намѣстническаго правленія, для взятія и доставленія оной его дочери Милорадовича, что учинено суду ослушаніе и недопущеніе, то и сіе здѣлано звѣдома и согласія отвѣтчика Фридрикевича, и ежели онъ, г. Милорадовичъ, такову присягу учинитъ, въ чемъ здѣлается уже совершенной по законамъ доводъ, или когда его отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова къ оной присягѣ не поведуть, доказывая тѣмъ своей винности, то и приступить къ обвиненію ихъ отвѣтчиковъ, такъ какъ законы повелѣваютъ; въ законахъ же напечатано: «воинскаго 19-го артикула, въ толкованіи,—равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не приведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было; 21-го артикула: всѣ офицеры и солдаты къ фелдмаршаламъ и генераламъ имѣютъ всякое должное почтеніе воздавать, а естли кто дерзнетъ оным или единаго изъ нихъ непристойными и насмѣшными словами поносить, оный имѣетъ по важности своихъ словъ и состоянію особы предъ воинскимъ судомъ публично отпущенія свое вины просить, или заключеніемъ, или какимъ инымъ наказаніемъ, по благоразсужденію, наказанъ быть; 24-го артикула, въ толкованіи, между протчимъ почтеніе генералитету всеконечно и весьма имѣетъ ненарушимо быть. Въ уложеніи, главы 10-й, статьи 83-й, «чиновнымъ людямъ безчестіе платить противъ ихъ окладовъ, что кому государеваго денежнаго жалованья». То по силѣ сихъ узаконеній взыскать съ отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой за безчестіе истца ген.-маіора Милорадовича, по чину его генеральскому, окладное жалонанье, къ коему полагаются и подлежащіе получаемые жъ по тому чину, въ силу воинскаго устава, раціоны, именно окладного жалованья порозь съ отвѣтчиковъ по 1800 рублей, за раціоны годовые по справочнымъ, въ мартѣ мѣсяцѣ бывшимъ, цѣнамъ симъ уѣзднымъ судомъ вѣрно отъ нижняго земскаго Городницкаго суда забратымъ, за 480 раціоновъ по 702 рубли, всѣхъ же 5002 рубл., но отдать оные деньги истцу г. Милорадовичу сверхъ того по

силѣ предписаннаго 21-го воинскаго артикула предъ судомъ, Оные жъ отвѣтчики въ него, истца, публично имѣютъ просить отпущенія своей вины. Если жъ онъ, Милорадовичъ, назначенной присяги не выполнитъ, то въ искѣ его отказать; относительно жъ жалобы его, истца Милорадовича, на полковника Леонтовича и его жену Софію за безчестіе, то въ семъ претенсію безъ всякого заключенія оставить, потому, что самъ истецъ, г. Милорадовичъ, въ доводѣ его противу отвѣтчицы Полуботковой, между протчимъ, изъяснилъ, что онъ удержалъ свой искъ на тѣхъ Леонтовича и жену его, желая во первыхъ, развѣдаться съ наставниками ихъ на обиду истцеву, но въ свое время и въ подлежащемъ судѣ, въ которомъ они осѣдлость свою имѣютъ, искать не упуститъ и на оныхъ, какова воля ему, г. Милорадовичу, и предоставляется. А что принадлежитъ до просьбы повѣреннаго отвѣтчиковъ войск. тов. Калѣновскаго на екстрактѣ подписанной, чтобы ввесть копію прошеніе приложенное при отводѣ со стороны отвѣтчицы Полуботковой, подаванного въ Черниговское намѣстническое правленіе, съ изъясненіемъ оправдающимъ ее противъ обжалованія истцемъ, г. Милорадовичемъ, то сего судъ здѣлать не можетъ, затѣмъ, что то прошеніе никѣмъ не подписано и напрасно приложено, болѣе жъ всего наполнено оное разными непринадлежащими къ дѣлу выраженіями и есть въ немъ бранныя слова, съ каковыми прошенія принимать запрещаетъ правит. сената указъ, состоявшійся въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія 1764 года, сентября 13-го. И сіе рѣшеніе, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи суда, объявить обоимъ сторонъ или отъ нихъ правно-уполномоченнымъ съ указными подписками. А когда оное дойдетъ до исполненія, то съ присужденной ко взысканію суммы 5002 р., взыскать по Уложенію, гл. 10-й, п. п. 124 и 127, пошлинъ, положенныхъ съ судныхъ дѣлъ, съ рубля по 10 копѣекъ, 502 р., съ суда пересуда 20 к. и праваго десятка 2 к., а всѣхъ 502 р. 22 коп. и о томъ взысканію, слѣдуемомъ въ казну на основаніи высочайше апробованныхъ отъ ея императорскаго величества правилъ 1784 г., марта 24-го, статьи 21-й, отослать къ уѣзному Городницкому казначею свѣдѣвіе.—

Было ли приведено это рѣшеніе Городницкаго уѣзнаго суда въ исполненіе—изъ другихъ бумагъ не видно. Вмѣстѣ съ жалобою въ намѣстническое правленіе, П. С. Милорадовичъ просилъ тогдашняго

епархіальнаго архіерея сдѣлать распоряженіе, чтобы дочь его Настасью священники Новгородосѣверской епархіи съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали.

34. Прошеніе П. С. Милорадовича къ новгородсѣверскому епархіалному архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ.

Его ясне въ Богу преосвящевству, преосвященнѣйшему Иларіону, епископу новгородъ-сѣверскому и глуховскому. Генералъ-маіора Милорадовича прошеніе. Нещастливое состояніе дѣвицы, дочери моей Анастасіи, развращенное тещею моею Анастасіею Полуботковою понуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему преосвященству просить, какъ збереженія бѣдственного ее, такъ равно и собственного моего жребія позоромъ и вѣчнымъ чести, характера и дома моего обруганіемъ предуготованного. Она, теща моя, съ ст. сов. Фридрикевичемъ, братовою Леонтовичевою Софіею Борковскою и съ ея мужемъ, безъ вѣдома и благоволенія (благословенія?) моего, выписали женихомъ для еѣ, дочери моей, епархіи вашего пр—ва изъ с. Брахлова, отст. секундъ-маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и удаливъ дочь мою, дѣвицу, отъ моего съ нею свиданья, обласкали и согласили до такой неблагопристойности, что она, дѣвица, дочь моя, при многократныхъ бабы своей убѣжденіяхъ, покусилась собственноручно ко мнѣ писать два письма, готово составленные ей отъ Фридрикевича [1]) издревле мнѣ и роду моему недоброхотствующаго, прося моего позволенія въ замужье за показанного Лашкевича.—Сія дочь моя, оставшаясь отъ матери въ пяти лѣтахъ, получа мое воспитаніе вперенія страха Божія, повиновенія святымъ его заповѣдемъ и познанія закона, временно прибыла въ сказанной бабы своей въ с. Боровичахъ, почему заставленъ былъ при настоящей распутицѣ, преодолѣвая, оставшимись въ старости силами, всякіе трудности, искать видѣть ея, и когда, сего мѣсяца 27 числа, пріѣхалъ я въ домъ тещи моей, тутъ противъ всякаго чаянія моего, дочери моей не засталъ. Объявилась она, на вопросъ мой, что оставшись одна говѣть, отправила еѣ въ с. Смячъ, въ домъ вышесказанного ст. сов. Фридрикевича съ братовою, отставного полковника Степана Леонтовича женою, Софіею Васильевою дочерью Борковскою, какъ и въ самомъ дѣлѣ, по извѣданію моему, увезена она

---

[1]) См. выше, стр. 58 и 59.

туды скоропостижно оною Леонтовичевою, привозившею выше уназначеннаго жениха, на простыхъ мужичьихъ саняхъ, гдѣ и нашелъ сказанную Леонтовичеву, мужа ея и дочь мою, но и тутъ её скрыли отъ меня. Таковой тещи моей надъ дочерью моею поступокъ поривалъ уязвленное родителскаго сердоболія состояніе преслѣдовать её въ горницахъ, гдѣ её скрывали, и свѣдавъ чрезъ одну дворовую дѣвку, служанку, что она заперта въ одной комнатѣ. которая (какъ мнѣ Леонтовичъ обявилъ), что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича; однако жъ толпою собранныхъ мужиковъ взять не допустили. По толь постыдному надъ дочерью моею и надъ самимъ мною съ обруганіемъ чести моей произшествію, несомнѣнно предвидить я долженъ, что сказанная теща моя предпріяла искать удобности, чтобъ дочь мою презрѣнными путями, безъ воли и благословенія моего, съ вышепомянутымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ сочетать непозволеннымъ церковью святою бракомъ, то и призрите, ваше пр—во, надъ оскорбленнымъ бѣднаго рожденія безчестными интригами старикомъ, повелѣте предержащею паствы вашей властію, ежели гдѣ у коего либо прихода, изъ ближайшихъ епархіи вашего пр—ва, протопопіи, она, теща моя или кто другій изъ единомышленниковъ её просить о обвѣнчаніи дочери моей съ означеннымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ, такъ какъ они скоропостижно искать сего намѣрены, особливо въ селахъ Бряхловѣ, Савинкахъ и въ Романовкѣ, принадлежащемъ Борковсковнѣ Леентовичевой, бракосочетанія ихъ не совершить и тѣмъ спасая отъ бѣдственно наносимыхъ слѣдствій, заставить дочь мою исполнить долгъ приверженности родителю своему, спасая и самого себя, и домъ мой отъ презорнаго тещею и родомъ её устроеннаго съ оскорбленіемъ чести поношенія. Генералъ-маіоръ Милорадовичъ.

На семъ прошеніи его пр—ва послѣдовала резолюція такова: «Я уже далъ на примѣчаніе дикастеріи, какъ о отлагаемыхъ свадьбахъ послѣ вѣнчаній, такъ и о другихъ непорядочныхъ вѣнчаніяхъ. Поводомъ сего и болѣ подтвердить правленіямъ, чтобы недремленно наблюдали за священствомъ, дабы бѣглыхъ отъ родителей отнюдь вѣнчать не дерзали, а кто учинитъ таковая, со всякою бы строгостію такого отрѣшивъ отъ всего, въ дикастерію представленнобъ къ сужденію по законамъ. 789 года марта « » дня».

Принятыя П. С. Милорадовичемъ мѣры противъ брака дочери его съ Лашкевичемъ оказались однакожъ безуспѣшны, такъ какъ его теща, а особенно Фридрикевичъ оказались искуснѣе въ достиженіи намѣченной цѣли, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

35. Постановленіе Сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С. Лашкевича. 1789 г., 22 мая.

1789 года, маія 22 дня. По указу ея императорскаго величества, уѣздній Сосницкій судъ слушавъ поданныхъ въ сей судъ отъ удовствующей умершаго бунчуковаго товарища Семена Полуботка жены Анастасіи г-жѣ Полуботковой и внуки еѣ, г. генералъ маіора Петра Милорадовича дочери Настасіи Милорадовичевны, чрезъ уполномоченного повѣренного ихъ, войск. товар. Терентія Сенчевского, двоихъ просбъ, которыми онѣ представляютъ: первою, Полуботкова, что показанный зять еѣ Милорадовичъ, по своему пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказувать обзывающимся къ дочерѣ его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ помимо знанія ея все то производилъ, привелъ еѣ безъ выдачи въ замужье въ двадцать слишкомъ лѣтъ, и ни имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочерѣ моей Настасіи не отдаетъ, и въ замужье ити запрещаетъ, стѣсняя свою дочъ, по одному желанію, далѣе либо и навсегда, владѣть еѣ имѣніемъ, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ, и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи писмами отъ его, Милорадовича, къ ней, Полуботковой, и дочерѣ своей 1788 года, ноября 24, и 789 г. февраля 8 и 12 чиселъ, писанными; второю, Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располагающей, предъизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ прошеніи бабки еѣ Полуботковой, въ сей судъ поданномъ, обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшому имянному ея императорскаго величества, 1785 года декабря 22 состоявшомусь указу, ползоватся ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершенолѣтія, къ чему по лѣтамъ ей право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки еѣ Полубот-

ковой, которой воли отъ отца eѣ съ дней сиротства и малолѣтства она, Милорадовичевна, ввѣрена, ею возращена, воспитана и отъ eѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе eѣ, Милорадовичевны, блага, прибѣгая къ законамъ, просили по силѣ помянутаго высочайшаго имяннаго указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, артикула 39 и роздѣла 5, артикуловъ 8 и 9-го, въ воспользованіи свободою совершенолѣтія и въ выходѣ eѣ, Милорадовичевнѣ, въ замужье за избраннаго ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе и изъ тѣхъ просбъ и учиненныхъ по онымъ судовыхъ опредѣленій выдать ей, Милорадовичевнѣ, выпись. *Опредѣлили*: какъ въ правѣ книги статутъ, роздѣла 3-го, въ артикулѣ 39, узаконено: дѣвицъ шляхтянокъ и всякого иншого стану породы женской гвалтомъ ни за кого не отдавать безъ воли ихъ, но каждой съ нихъ, за совѣтомъ приятелей ихъ, за кого похощетъ, за того въ супружество волно ити и отдаватся. — А роздѣла 5, въ артикулѣ 8: естли бы отецъ дочери своей, ради имѣній eѣ материнскихъ, или мать, ради имѣній дочери своей отческихъ, не выдавали замужъ, то такова дать можетъ по артикулу 9-му, того жъ роздѣла, а въ ономъ артикулѣ сказано: ежели бъ дѣвица имѣла совершенныя лѣта, а братья или дядьи, задерживая оную, не хотѣли замужъ видать, то должно о томъ дать знать до уряду, чрезъ кревнихъ или чрезъ сосѣдъ, либо чрезъ кого иного, а урядъ взявши о томъ совершенное свидѣніе, что тѣ, въ опекѣ коихъ есть, замужъ eѣ не хотятъ выдать, имѣетъ ей дозволить замужъ выходить. Съ представленныхъ же отъ просителки Полуботковой, при просбѣ eѣ, писемъ ген.-м. Милорадовича совершено значится: въ 1-мъ, 1788 ноября 24, что онѣ, Милорадовичъ, г. Лашкевича не охуждаетъ и ни богатимъ, ни убогимъ не почитаетъ и что онъ не можетъ къ выдачи дочери замужъ, ни за Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія, ни сохранивши на таковъ случай правного порядка относително записа жениха невѣсти не приступитъ и что дочь его немолодая невѣста, такъ же что способъ помолодѣть еи въ рукахъ eѣ, Полуботковой, состоитъ, ежели она внукѣ своей запишетъ и опредѣлитъ имѣніе село Боровичи, что тогда дочь его не только обмолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаютъ—пріятнѣйшою здѣлается всякому благородному жениху; 2-мъ, 789 году, февраля 8, что де г. Лашкевичъ къ нему, Милорадовичу, приездилъ и что открылось ему, по доволному испытанію и разсужденію, что онъ вовся не можетъ приступить къ согласію во

удоволствіе требованія, какъ матушки его, Лашкевича, такъ и его самого, и что онъ, Милорадовичъ, попеченія и усердія ея Полуботковой о его дочери благороднимъ и чувствителнимъ сердцемъ пріемлетъ, однако жъ по природной своей связѣ братерства, не отобравши отъ его мнѣнія, не можетъ рѣшиться на всекрайнѣйшее расположеніе дочери своей; да 3-мъ, того жъ года, февраля 12, что онъ, Милорадовичъ, въ выборѣ жениха принужденія ей, Милорадовичевнѣ, не дѣлаетъ, кромѣ отеческого совѣта и чтобъ несумнѣнно надѣялась, что получитъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и его къ тому благословеніе, а о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ него ни согласія, ни волѣ, ни благословенія. Съ каковыхъ писемъ сей судъ и предвидитъ явное его, Милорадовича, въ непозволеніи къ выходу дочери его Настасіи въ замужье препятствіе, повидимому, для единственного толко владѣнія имъ именіемъ еѣ материнскимъ и пріобрѣтеніи съ онаго себѣ користей. И какъ по праву статутовому, роздѣла 4, въ артикулѣ 77, писменные доказателства узаконено почитать первѣйшими и основательнѣйшими, то надъ собственноручные его, Милорадовича, писма, сему суду больше и свидѣнія совершенного забирать не слѣдуетъ. Для того, по вышеписаннымъ обстоятелствамъ и законамъ, такъ же и по соизволенію и просбѣ бабки еѣ Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить просителки Настасіи Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за избраннаго ею жениха маіора Лашкевича, потомъ съ поцанныхъ въ сей судъ просбъ и сего опредѣленія выдать ей, Милорадовичевнѣ, урядовой выписъ и повѣренному Сенчевскому обявить, а съ приложенныхъ писемъ оставить при семъ судѣ справочние копіи. Подлѣнное подписали: Иванъ Демидовскій, Григорій Максимовичъ. 1790 года, октября 7 дня, сіе опредѣленіе я слушалъ и что онымъ вѣритель мой г. генералъ маіоръ П. С. Милорадовичъ недоволенъ и имѣетъ взнесть куда слѣдуетъ апеляційную жалобу, въ томъ я по его довѣренности подписалъ—надв. сов. Илья Бажановъ. Уѣзднаго суда секретарь Іванъ Горбачевъ.

Послѣдствіемъ приведеннаго постановленія было повѣнчаніе 23-го мая дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, вызвавшее жалобу отца на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, разрѣшившихъ этотъ бракъ.

---

36. Рѣшеніе Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1790 г., 5 декабря.

1790 года, декабря 5 дня. По указу ея императорскаго величества Новгородско-сѣверскій верхній земскій судъ, 2-го д—та, слушали: происхожденіи по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Милорадовича на засѣдателей уѣздного Сосницкого суда примеръ-маіора Демидовского и карнѣта Максимовича, за зделанное ими, якобы въ противность законовъ, опредѣленіе отъ имени уѣздного Сосницкого суда о дозволеніи дочери его Анастасіи вступить въ супружество, по ея желанію, за секундъ-маіора Ивана Лашкевича, въ намѣстническомъ правленіи бывшимъ и при указѣ изъ оного правленія въ сей судъ къ разсмотрѣнію присланнымъ, тако жъ вступившаго въ сей судъ по апеляціи его, г. Милорадовича, на то опредѣленіе поданной изъ уѣздного Сосницкого суда объономъ дѣлѣ, и по разсмотреніи всего вышеписаннаго, оказалось: 1-е, когда дошла въ намѣстническое правленіе отъ г. Милорадовича о вышеписанномъ на засѣдателей Демидовскаго и Максимовича жалоба, то намѣстническое правленіе, по отысканіи противъ оной отъ уѣзднаго Сосницкаго суда рапорта, найдя, что обстоятельство дѣла сего до разбора онаго правленія не принадлежитъ, учиненнымъ прошлаго 1789 г., ноября 23 д., опредѣленіемъ заключило: по резонамъ въ немъ изясненнимъ, отослать тѣ происхожденіи въ сей судъ, съ тѣмъ, чтобы оній въ учиненіи по немъ разсмотрѣнія поступилъ по законамъ, и по разсмотрѣніи подлѣнного дѣла и опредѣленія уѣзднаго суда, донеслъ тому правленію къ надлежащому опредѣленію о наложеніи на виновныхъ пени или къ вядшему взысканію, буди окажутся и члены уѣзднаго суда учинившими опредѣленіе о выходѣ въ замужье оной дочери г. Милорадовича, точно простирая власть свою въ противность законовъ, и какъ 2-е, за разсмотрѣніемъ въ семъ судѣ оныхъ происхожденій, не оказалось сего, чтобы въ сходство 173 статьи высочайшихъ учрежденій отъ него, Милорадовича, на прописанное уѣзднаго суда опредѣленіе подана была въ сей судъ апеляція или же какая жалоба, то отъ сего суда предоставлено было намѣстническому правленію рапортомъ, что оній безъ такой его, г. Милорадовича, апеляціи прописанного дѣла взять на разсмотрѣніе самъ собою, надъ оную 173 статью высочайшихъ учрежденій, не смѣетъ. 3-е, по сему представленію отъ намѣстническаго правленія предписано было уѣздному Сосницкому суду оное его опредѣленіе по содержанію 200 статей высочайшихъ учрежденій, кому слѣдуть обя-

вить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣлъ обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить даліе по 230 статьи высочайшихъ же учрежденій, и о томъ сему суду за извѣстіе дано знать указомъ; въслѣдствіе чего, 4-е, уѣздный судъ допустя со стороны его, г. Милорадовича, подписать на такомъ опредѣленіи недовольство и выполнить о переносѣ дѣлъ обрядовъ, за выдачаю уже со стороны его жъ, Милорадовича, на оное въ указанной срокъ въ сей судъ апеляцію прислалъ въ сей судъ, въ сіе заведенное въ немъ по сему случаю дѣло; 5-е, зъ сего дѣла оказалось, что оного г. Милорадовича теща, а дочери его Настасіи родная бабка, жена бунч. товар. Настасія Полуботкова, имѣющая свое помѣстье въ уѣздѣ Сосницкомъ, при коей и та дочь его Настасія Милорадовичевна съ малолѣтства находилась (какъ и отъ него Милорадовича въ жалобахъ его изяснено) и она, Настасія Милорадовичевна, поданными въ уѣздный Сосницкій судъ прошеніями представили: съ нихъ, Полуботкова, что онъ, г. Милорадовичъ, по своему пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказывать отзывавшимся къ дочери его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ и мимо знанія ея, все то производилъ, привелъ еѣ, безъ выдачи въ замужье, въ двадцать слишкомъ лѣтъ и имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочери своей Настасіи не отдаетъ и въ замужье итти запрещаетъ, стѣсняя ея по одному желанію даліе либо и всегда владѣть имѣніями, ей принадлежащими, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи письмами отъ него, Милорадовича, къ ней Полуботковой и дочерѣ своей, 1788 г., ноября 24, и 789 г., февраля 8 и 12 числъ писанными, а дочь его Настасія Милорадовичевна, что повинуясь она судьбѣ, жизнію всѣхъ людей располающей, предизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ означенномъ бабки еѣ Полуботковой прошеніи обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшему ея величества 1785 г. декабря 22, состоявшомусь указу полозоваться, ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершеннолѣтія, къ чему по лѣтамъ ея, право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки, которой воли отъ отца еѣ съ дней малолѣтства ея, она, Милорадовичевна, вывѣренна, ею возращена,

воспитанна и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, о чемъ всемъ изяснивъ, прибѣгая къ законамъ, просили, по силѣ помянутого высочайшаго именного указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, арт. 39, и роздѣла 5, арт. 8 и 9, въ восползованіи свободою совершеннолѣтія и въ выходѣ еѣ въ замужье за избранного ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе—и изъ тѣхъ прозбъ и учиненнихъ по онымъ судовихъ опредѣленій видать ей Милорадовичевнѣ выпись. 6-е, по симъ ихъ прошеніямъ оный уѣздній судъ, усмотря изъ представленнихъ при прошеніи Полубогковой его, г. Милорадовича, писемъ къ ней, Полуботкової, и тоя дочери его Настасіи послѣдовавшихъ, что онъ, Милорадовичъ, согласія своего не полагалъ къ вступленію въ супружество за Лашкевича, не показивая въ нихъ таковому своему несогласію никакой причини и почитая достовѣрнимъ свѣдѣніемъ о нежеланіи его, Милорадовича, къ вступленію дочери его, по изъясненнимъ въ жалобахъ Полуботковой резонамъ, за кого либо въ супружество, учиненнимъ прошлого 789 г. маія 22, опредѣленіемъ заключилъ: на основаніи права книги статутъ, розд. 3, арт. 39 и розд. 3 арт. 8 и 9, въ разсужденіи вишеписанныхъ обстоятелствъ, дозволить по собственному ей желанію витить въ замужье за показанного маіора Лашкевича и въ томъ видать ей надлежащую урядовую випись; и хотя, 7-е, онъ, г. Милорадовичъ, то уѣздного суда опредѣленіе, на которое взошла отъ стороны его (какъ вышеписанно) и апелляція, называетъ въ жалобахъ своихъ и той апеляціи незаконнымъ, однакъ же оного такимъ почесть неможно по нижеслѣдующимъ резонамъ: 8-е, онъ, г. Милорадовичъ, хотя показиваетъ, что прописанной дочери его Настасіи Лашкевичевой виходить въ замужье, за отзывавшихся до того достойвыхъ жениховъ, никогда не препятствовалъ, но за кого именно и кто былъ такой женихъ не обясняетъ; зъ приложенних же его писемъ и по апеляціи со сторони его поданной видно одно его неблаговоленіе къ виходу въ замужье за Лашкевича, не показивая тому никакой правилной причини, почему бы Лашкевичъ не могъ быть дочери его таковимъ женихомъ, за каковихъ не было отъ него, Милорадовича, ей препятствія, то изъ сего ничего другого заключить невозможно, какъ токмо то, что онъ, Милораковичъ, самъ причиною тому, что дочь его, бывъ уже совершеннолѣтія (sic), не могучи испросить отъ него вступить въ супружество за избранного ею жениха соизволенія, принуждена была прибѣгнуть для того, согласно законамъ, къ уряду, ибо когда

бы онъ, какъ по апеляціи пишетъ, важную причину препятствовать къ виходу ея за Лашкевича въ замужье имѣлъ, (кромѣ владѣнія принадлежащими ея имѣніями, какъ отъ Полуботковой и дочери его уѣздному суду представлено), то бы конечно не проминулъ объ оной ей, Лашкевичевой, при испрошеніи еще позволенія, дать знать или же по крайней мѣрѣ обнаружить оную, хотя уже нинѣ по дѣлу, однакожъ имъ сего не учинено, слѣдовательно и остался въ томъ бездоказателнимъ. Что жъ лежитъ до того, что часто упоминаемое опредѣленіе подписано двумя засѣдателями Демидовскимъ и Максимовичемъ, безъ судьи, кой видѣлъ, что особи, до коихъ опредѣленіе оное относилось т. е. онъ, Милорадовичъ, и дочь его Лашкевичева, ни по имѣнію, ни по своему пребыванію, тому суду подвѣдоми не были, якоби не должни били на то поступити, а особливо въ такое время, когда по высочайшимъ учрежденіямъ присудствію быть не положено, то и сіе его, г. Милорадовича, показаніе правильнимъ почестся не можетъ, потому что тѣ засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, бывъ въ то время по указнимъ дѣламъ въ присудствіи, (какъ зъ репорту уѣздного суда въ намѣстническомъ правленія на указъ оного последовавшимъ значится), не имѣли причины дочери его, Милорадовича, ищущей отъ узднoго суда, яко надлежащаго уряда, въ справедливой своей прозбы удовлетворенія, отказать, а особливо, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ при бабки ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣла; постановляемой же имъ Милорадовичемъ резонъ, что ни по имѣнію, ни по настоящему его пребыванію, не могъ онъ быть тому суду подвѣдомъ, также неправилно, ибо тутъ не объ имѣніи отъ дочери его оному суду прозба простиралась, но о позволеніи, по причинамъ вышепрописаннимъ, къ виходу въ замужье за избраннаго ею жениха Лашкевича, на основаніи вышеписанныхъ правъ, по коимъ урядъ за изисканіемъ достовѣрнихъ свидѣній о причинахъ въ нихъ описанних, имѣетъ право объ ономъ позволеніе дать. Большаго жъ свидѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить упомянутой дочери его въ замужье по точнымъ словамъ, изясненнимъ въ предизображенномъ 9-мъ арт. 5, не обязанъ былъ, яко въ предписанних писмахъ явно онъ нежеланіе свое таковое, какое долженствовалъ забрать бы судъ, обнаружилъ въ писмѣ писанномъ имъ къ дочери, сими словами о г. Лашкевичѣ: нѣтъ отъ меня ни согласія, ни волѣ, ни благословенія моего тебѣ. Сего жъ въ томъ артикулѣ не сказанно, чтобы токмо тотъ урядъ въ дачи таковихъ позволеній, гдѣ кто положеніемъ имѣніе имѣетъ, свою силу долженъ

имѣть, а протчіе нѣтъ. Для того приказали: по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ предписанное уѣздного Сосницкого суда определеніе, яко не въ противность законовъ, но согласно онимъ учиненное, утвердить. Что жъ лежитъ до претенсіи его, сверхъ всего вышеписанного, въ апеляціи взясненной о дворовомъ его, Милорадовича, человѣку Якову, якобы ею, Лашкевичевою, взятомъ со всѣмъ его семейством, то какъ оная есть сверхъ дѣла и безъ надлежащихъ доказателствъ, то потому оная, такъ какъ и въ протчемъ, нынѣ до разбора сего суда принадлежать не можетъ. За употребленную жъ на сей протоколъ вомѣсто гербовой простую, три листа бумагу подлежащіе 30 коп. денги для причисленія онихъ въ казенний доходъ, взискать съ него, г. Милорадовича, и сей протоколъ ему, г. Милорадовичу, надлежащимъ порядкомъ обявить, а намѣстническому правленію о всемъ вышеписанномъ отрапортоват. На подлинномъ тако: Андрей Рачинскій, при своемъ мнѣніи. Андрей Дергунъ. Григорій Лишенъ, при своемъ мнѣніи. Григорій Великошапка. Николай Рославецъ. Василій Коротквичъ.

1796 года, декабря 16, сей протоколъ г. генерала-маіора Петра Милорадовича повѣренному кол. асс. Андрею Миллеру въ присутствіи, при откритыхъ дверяхъ, обявливанъ. Секретарь Петръ Хмелникъ. 1790 г., дек. 16, сей протоколъ повѣренный г. ген.-м. Милорадовича слушалъ и онымъ недоволенъ и имѣетъ взнесть въ палату гражданского суда сего намѣстничества апеляцію, въ чемъ и подписался кол. асс. Андрей Миллеръ.

37. Рѣшеніе Новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го департамента Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 29 января.

1791 года, генваря 29 дня. По указу ея императорскаго величества, Новгородосѣверскаго намѣстничества палаты гражданскаго суда слушавъ подлинное дѣло, вступившее въ сію палату изъ здѣшняго верхняго земскаго суда, 2-го департамента, на апеляцію со стороны г. ген.-м. П. С. Милорадовича, на приговоръ того суда о неправильно данномъ Сосницкаго уѣзднаго суда засѣдателями примеръ-маіоромъ Демидовскимъ и корнетомъ Максимовичемъ, отъ лица уѣзднаго суда, позволеніи дочери его, г. Милорадовича, Настасіи вытить въ замужье за отставного сек.-м. И. С. Лашкевича *Приказали*: какъ съ онаго значится, что г. ген.-м. Милорадовичъ,

первіе, Новгородосѣверскому намѣстническому правленію, а затѣмъ, по апелляціямъ, въ верхній земскій судъ и въ сію палату поданнымъ изъяснилъ свою жалобу въ томъ, что теща его, бунч. тов. жена Настасія Полуботкова выпросивъ у его дочь Настасію, его коштомъ и стараніемъ воспитанную и обученную всему тому, чего законъ божескій, честность и характеръ его, требовали, для пріобученія еще хозяйственныхъ управленій, но вомѣсто такова къ хозяйству приобученія, разстроивъ жизнь той дочери его до такой степени, что она отринувъ отъ себя страхъ божій, пустилася на неповиновеніе и огорченіе родителя своего, и, безъ вѣдома и согласія его, нашла женихомъ дочери его упомянутаго Лашкевича, и ознакомивъ оную въ домѣ своемъ съ Лашкевичемъ, старалась всѣми мѣрами о бракосочетаніи ихъ, требуя отъ его г. ген.-м., чрезъ письмо его, на то позволенія, и когда онъ поѣхалъ къ той тещѣ его въ Боровичи, гдѣ она жительствуетъ, а оттоль въ Смячъ гдѣ теща его укрывала дочь его отъ его, г. Милорадовича, для взятья той его дочери къ себѣ, но тамъ не токмо оная ему, ген.-м. Милорадовичу, невозвращена, но еще отъ родственниковъ тещи его обруганъ, обезчещенъ и обиженъ, а дочь его Настасія притворялась больною и выговоривъ сіи слова, что она не въ его отца своего волѣ и не слушаетъ его, наконецъ отъ его, отца своего, скрылась. Затѣмъ же подано отъ оной тещи его ген.-маіора въ уѣздный Сосницкій судъ, маія 22 дня, 1789 года, прошеніе, что будто, по пристрастію его ген.-маіора къ дитинному имѣнію, отказывалъ онъ отзывавшимся къ дочери его женихамъ; равно потому же и послѣднему Лашкевичу отказываетъ, и прилагая въ доказательство три писмы его, Милорадовича, просили на выходъ въ замужье внукѣ ея за Лашкевича позволенія, чего и оная ея внука, и дочь его Милорадовича, чрезъ особо поданное того же числа прошеніе, просила; по тѣмъ прошеніямъ того же самаго числа, какого поданы оныя, уѣзднаго Сосницкаго суда два засѣдателя Демидовскій Максимовичъ, состави изъ себя судъ, учинили опредѣленіе, какъ де уѣздный судъ съ писемъ его, Милорадовича, предвидитъ явное его Милорадовича въ непозволеніи къ выходу дочери его Нистасіи въ замужье препятствіе, повидимому для единственнаго только владѣнія имъ имѣніемъ ея материстымъ и пріобрѣтенія себѣ съ онаго користи, для того и по соизволенію и просьбѣ бабки ея, Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить ей Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за за взбраннаго ею жениха маіора Лашкевича и по поданной первоначально отъ ген.-м. Милорадовича въ намѣстническое правленіе жа-

лобѣ на двухъ засѣдателей, поступившихъ на таковое опредѣленіе въ противность выраженнымъ въ той его жалобѣ законамъ. Когда намѣстническое правленіе, по взятому отъ суда уѣздного объясненію и по препровожденію въ судъ верхній по сему дѣлу всего происхожденія къ подлежащему въ ономъ разсмотрѣнію и опредѣленію за полученіемъ отъ сего репорта дало знать указомъ верхнему земскому суду, что посланнымъ изъ онаго правленія въ уѣздный Сосницкій судъ указомъ предписано упоминаемое того суда рѣшительное опредѣленіе, учиненное о дозволеніи г. Милорадовича дочери вытить въ замужество, по содержанію высочайшихъ учрежденій 200 статьи, кому слѣдуетъ объявить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣла обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить далѣе по по 203 статьи высочайшихъ учрежденій, то судъ верхній земскій по разсмотрѣніи вшедшаго въ оный изъ суда уѣздного, по аппеляціи Милорадовича, опредѣленія и всего происхожденія по сему дѣлу, своимъ приговоромъ утвердилъ оное, (кромѣ двухъ—предсѣдателя Рачинского и засѣдателя Лишня, давшихъ по сему особыя мнѣнія), поставляя резономъ, что тѣ уѣздные засѣдатели не имѣли причины дочери его, Милорадовича, въ прозьбѣ ей отказать, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ, при бабкѣ ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣя, да и прозьба де простиралась не объ имѣніи, но о позволеніи къ выходу въ замужье, изъясняя при томъ содержаніе письма отъ Милорадовича, писаннаго сими словами: большого де свѣдѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить дочери его въ замужье по точнымъ словамъ 9-го арт. розд. 5-го, не обязанъ былъ, яко въ прописанныхъ письмахъ явно онъ нежеланіе свое, такое каковое долженствовалъ судъ забрать, обнаружилъ въ письмѣ писанномъ имъ къ дочери сими словами: о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего тебѣ. Палата же, при ревизіи сего дѣла, находитъ: оба оные, засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда Демидовскаго и Максимовича опредѣленіе и верхне-земского суда приговоръ—неправильными. Посему 1-е, въ правѣ книгѣ статутъ, розд. 5, арт. 8, въ параграфѣ 2, узаконено: гдѣ бы то случилось, что отецъ дочери своей для имѣній еѣ матерныхъ или маты для имѣній дочери своей отческихъ, подъ владѣніемъ своимъ содержа, оной выдать замужъ не хотѣли, тогда таковая дочь по силѣ арт. 9, сего же роздѣла поступить можетъ, а по оному 9-му артикулу сказано: если бы дѣвица была въ лѣтахъ своихъ, а братья или дяди ея удерживая, не похотѣли замужъ отдавать, то однако жъ сама вольно не имѣетъ ни

за кого итти, но должна дать знать уряду о томъ чрезъ пріятелей или сосѣдовъ или чрезъ кого либо можетъ, а урядъ взявъ о томъ совершенную вѣдомость, что родственники, въ которыхъ въ досмотрѣ она есть, замужъ ее выдавать не хотятъ, имѣетъ ей позволить замужъ итти, то по такому изреченію сего закона надлежало бы нынѣшней Лашкевичевой доказать первіе, сходственно законамъ, нехотѣніе ея родителя для имѣній ея материстыхъ на выдачу въ замужье, потомъ дать знать о семъ нехотѣніи уряду тому, подъ вѣдомствомъ котораго имѣніе ея родителя и ей по матерѣ ее, ей надлежавшое положевіемъ находится, а сей могъ бы поступить въ забратіи совершеннаго извѣстія по изображенному 9 артикулу, роздѣла 5-го, но напротивъ того, 1-е, чтобъ родитель еѣ, Лашкевичевой, г. ген.-м. Милорадовичъ не видавалъ ее замужъ для имѣнія материстаго, о томъ по дѣлу сему не только нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ, но еще изъ писемъ его, тещею его Полуботковою представленныхъ въ уѣздный Сосницкій судъ, (которымъ верхній земскій судъ даетъ неправильно другій смыслъ), явственна горячая его и сердобольная къ дочери его любовь, отеческое попеченіе и желаніе ей жениха съ превосходнѣйшими дарованіями и что онъ, въ предупрежденіе иногда могущихъ случиться для дочери его непріятностей, не изъявляетъ согласія къ выдачѣ въ замужье за такого жениха, котораго онъ не знаетъ ни дому, ни имѣнія, а въ выборѣ жениха принужденія не дѣлаетъ кромѣ отеческаго совѣта, которымъ наконецъ заключаетъ, что о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ его ни согласія, ни благословенія въ разсужденіи многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ въ послѣднемъ, отъ 22 февраля 789 года, письмѣ обѣщалъ изъяснить словесно; но по удаленію еѣ, Лашкевичевой отъ своего родителя, не могъ онъ сыскать къ тому случая, слѣдовательно и засѣдатели уѣздного Сосницкаго суда, а послѣдуя имъ и верхній земскій судъ почитаютъ его, г. Милорадовича, интересующимся къ дитинному имѣнію весьма неосновательно и, болѣе сказать, гадательно, въ противность 54 арт., розд. 4, а показанный Милорадовичъ не имѣвъ способу въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ, какъ въ ономъ сіе дѣло начало и конецъ возымѣло, безъ призыву и свѣдѣнія его и по односторонней жалобѣ, оправдатся въ взводимомъ на его отъ тещи и дочери къ имѣнію пристрастіи, въ поданной въ палату апеляціи, забирается на присягу, что онъ никогда въ имѣніи дочерномъ не интересовался, а болѣе еще своими трудами пріобрѣталъ оное, имѣя двухъ дѣтей сына и ее, въ равной назначалъ подѣлъ и къ тому приглашалъ ее въ свой домъ для раздѣла съ ея братомъ, а его сы-

номъ, имѣнія, равно когда многіе достойные женихи о ней отзывались къ нему, г. Милорадовичу, то онъ въ чувствѣ родительскомъ, желая ей лучшаго блага, не только не препятствовалъ ей выйти въ замужье за достойнѣйшаго, но еще способствовалъ совѣтами и увѣщаніями своими; 2-е, вмѣсто подлежащаго суда, отозвались она, Лашкевичева и ея бабка Полуботкова, о дачи позволенія къ выходу ей въ замужье Сосницкому уѣздному суду, подъ которого судомъ ни имѣнія родителя ея, ни ей самой по матери надлежавшаго, ни она лично на жительствѣ, кромѣ временнаго у бабки ея Полуботковой пребыванія, не состоятъ, какъ удостовѣряютъ при дѣлѣ семъ имѣющіяся письменные доказательства. 3-е, засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, не взирая на то, что по 196 статьи высочайшихъ учрежденій, въ уѣздномъ судѣ засѣдаетъ уѣздный судья и два засѣдателя и въ между роки—безъ судьи, здѣлали отъ лица суда опредѣленіе по одному голословному отзыву бабки Лашкевичевой и ея самой, дать ей, Лашкевичевой, позволеніе выйтить въ замужье, не отобравъ въ сходство права, розд. 5, арт. 9, достовѣрнаго извѣстія о несоглашеніи отца ея для имѣнія, коего узаконеннымъ порядкомъ и получить не могла, по несостоянію отца ея, Милорадовича, въ подсудимости тому суду ни по жительству его въ томъ уѣздѣ, ни по имѣнію, и такимъ образомъ несоблюдши въ точности вышеписаннаго артикула, поступили несходственно 420 статьи высочайшихъ учрежденій, гдѣ узаконено: уѣздного суда власть далѣе того округа, гдѣ учрежденъ не распространяется; хотя же они, засѣдатели, въ опредѣленіи, такъ какъ и верхній земскій судъ въ своемъ приговорѣ, написали, что она Лашкевичева жила при бабкѣ своей Полуботковой, которая о семъ же позволеніи согласна и просила Сосницкаго уѣзднаго суда, то и сіе ихъ разсужденіе неправильно, ибо по арт. 11, роздѣла 5, въ послѣднемъ отдѣленіи, сказано: мать дочерей своихъ безъ совѣта и знанія опекуновъ своихъ въ супружество зговаривать и отдавать не должна, слѣдовательно естьли по сему праву родной матери не позволяется безъ вѣдома и согласія опекуновъ, и дочерей зговаривать и отдавать замужъ, то тѣмъ болѣе бабка не могла безъ воли и согласія родителя, въ живыхъ сущаго, ни зговаривать, ни о позволеніи просить въ уѣзномъ Сосницкомъ судѣ. Для того опредѣленіе уѣзднаго Сосницкаго суда одними засѣдателями, безъ судьи, въ лицѣ суда, и приговоръ верхняго земскаго суда, послѣдовавшіе по одному мнительному ихъ, безъ оправданія его, Милорадовича, и доказательства разсужденію, что якобы онъ для пристра-

стія въ дитинному имѣнію не хотѣлъ дочери своей выдать въ замужье, какъ не по обстоятельствамъ дѣла и не въ сходство вышеписанныхъ законовъ, уничтожить, о чемъ послать и въ верхній земскій судъ указъ, а поповоду, что сему дѣлу изъ уѣзднаго суда теченіе по апелляціямъ дало намѣстническое правленіе и требовало отъ верхняго земскаго суда донесенія, что по разсмотрѣніи окажется, то сообщить о всемъ вышеписанномъ Новгородско-сѣверскому намѣстническому правленію. За издержанную жъ по сему дѣлу въ верхнемъ земскомъ судѣ, вмѣсто гербовой, простую три листа бумагу, по указной цѣнѣ деньги, взыскавъ съ кого слѣдуетъ по законамъ, причислить ихъ въ казенный доходъ, и сіе рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ за подписками. На копіи тако: Иванъ Селецкій. Иванъ Марковичъ. Иванъ Пулчевскій. Никита Баксій. (?) По листамъ скрѣпилъ секретарь тит. сов. Иванъ Балабанъ. 1791 года, генваря 31 дня, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича, кол. рег. Андрей Аксюку, при открытыхъ палаты дверяхъ, объявливано. Протоколистъ Степанъ Яценко. 1791 года, генваря 31, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича слушанъ, и что онымъ доволенъ, въ томъ подписался кол. рег. Аксюкъ. Копію скрѣпилъ по листамъ тит. сов. Иванъ Балабанъ.

Вслѣдъ за жалобой на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, за незаконное разрѣшеніе Настасьѣ Петровнѣ повѣнчаться съ Лашкевичемъ, П. С. Милорадовичъ подалъ въ Городницкій уѣздный судъ прошеніе объ *отреченіи* отъ дочери и о томъ, чтобы «она затѣмъ къ материнскому ея имѣнію болѣе не интересовалась».

---

38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ Городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа.

По титулѣ. Приноситъ жалобу ген.-м. Петръ Степановъ сынъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты: 1). По смерти жены моей Софіи Семеновой дочери Полуботковой, осталося трое дѣтей, сынъ Григорій и двѣ дочери Анастасія и Марія; съ оныхъ Марія волею Всевышняго помре, Анастасія жъ будучи немалымъ моимъ коштомъ воспитанна и по прозбѣ мене бабы ея, а моей тещи, живучи въ домѣ ее, совратившися съ пути, закономъ божіимъ и гражданскимъ предустановленнаго дѣтямъ на повиновеніе родителемъ своимъ, пред-

почла мнѣ бабу свою удову Анастасію Степанову Леонтовичеву, дочь Полуботкову, и ближнихъ роду еѣ, оставила и удалилася, бѣгала и отвращалася отъ меня, и когда въ преслѣдованіи моемъ самоволно, и по совѣту бабы своей и еѣ братовъ, уѣхала съ бабиного дому, изъ села Боровичъ, въ село Смячъ, куда она ѣхала скоропостижно и безстыднымъ образомъ, съ мужикомъ и на мужичихъ санахъ, въ домъ ст. сов. Фридрикевича, по лучшей тутъ удобности неприлично дѣвичью полу, видѣться и обращаться съ женихомъ своимъ и въ ономъ мною сыскана была, то выговаривала мнѣ, что она есть не въ моей волѣ и не слушаетъ меня, подвергши въ томъ домѣ, яко недоброхотствующемъ мнѣ, по навожденію хозяина онаго и состояніе здоровья моего въ опаснѣйшія слѣдствія, ибо въ ономъ Фридрикевическомъ домѣ я былъ отъ находящойся тамо полковницѣ Софіи Василіевой дочера, съ мужемъ ея отст. полковникомъ Степаномъ Леонтовичемъ, обруганъ собранными отъ оныхъ фридрикевичевыми людми и ихъ служителями атакованъ и до безпредѣлности обезчещенъ, о семъ всемъ явствуя подаваемые отъ мене жалобы къ преосвященнымъ архіереямъ—черниговскому Іерофею и новгородо-сѣверскому Иларіону и въ намѣстническое Черниговское правленіе, а въ уѣздный Городницкій судъ и самые иски; къ томужъ обжаловала меня предъ урядомъ губерніи Новгородско-сѣверской уѣзднымъ Сосницкимъ судомъ, противъ совѣсти и честности, заинтересованіемъ якобы къ удержанію материстаго имѣнія, наконецъ же дерзнула противъ волѣ моей и безъ родителскаго благословенія самовольно въ замужье за оного жъ жениха отст. маіора Ивана Степанова сына Лашкевича выйтить. 2). А сверхъ того, она жъ, дочь моя Настасія, къ найгорестнѣйшему меня удрученію, дворового слугу моего по имени Якова, съ женою и съ спложеннымъ отъ его ребіонкомъ, съ малолѣтства въ домѣ моемъ воспитаннаго, въ содержаніи коего находилися сребро и всякія столовыя вещи, ключи отъ кладовой и погребъ съ питейнымъ запасомъ, подговорила уйти къ себѣ, котораго приняла и содержитъ у себя, оставивъ меня, находившагося немалое время безъ услуги, и за таковые отъ показанной дочери моей противные всѣмъ законамъ поступки, при старости лѣтъ моихъ презрѣннымъ образомъ, въ позорномъ видѣ, я, отецъ ея, несносно будучи обиженъ и призрѣнъ, оной дочери моей Настасіи, по силѣ закона малороссійскаго, книги статутъ, розд. 8, арт. 7, въ началѣ котораго гласъ повелѣваетъ: изрекаться родителямъ дѣтей своихъ таковыхъ, которые тронутъ ихъ родителей рукою, то есть на тѣлѣ, но оная дочь болѣе тѣлеснаго чувствованія поразила меня при-

чиною и посредствомъ побѣгу ее въ помянутой домъ и скрытіе своего въ ономъ, гдѣ я, какъ выше упомянуто, безъчестіемъ тронутъ и уязвленъ на чести моей, а сверхъ того подговоромъ ея къ побѣгу вышеупомянутого служителя моего къ себѣ, обидимъ нахожусь, изрекаюся оной съ тѣмъ, что она Анастасія и дочерью моею называться да не дерзаетъ. Она жъ дочь моя Настасія, такъ какъ безъ волѣ и благословенія родительскаго, упорнымъ и самовольнымъ образомъ вышедшая въ замужье, недвижимаго материстаго имѣнія, части на ней спадавшей, въ силѣ законовъ права малороссійскаго, розд. 5, арт. 8, лишается, и какъ она, дочь моя, противозаконною поступкою своею въ недвижамомъ материстомъ имѣніи право свое потеряла, то посему оному недвижимому жены моей материстому имѣнію остается одинъ законный наслѣдникъ сынъ мой, надв. сов. Григорій Милорадовичъ, и чтобъ показанная Лашкевичева до сына моего ни подъ какимъ предлогомъ за оное имѣніе дѣла и никакой претенсіи не имѣла, симъ прошу, дабы повелѣно было сію мою жалобу намѣстничества Черниговскаго въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ принять, записать и содержать въ цѣлости; чтобы же показанная дочь моя, въ послѣдней уже разъ сіе названіе получающая, къ прописанному имѣнію не интересовалася, о семъ здѣлать по вышеписаннымъ и другимъ законамъ на таковый случай имѣющимся, опредѣленіе, всемилостивѣйшая государиня, прошу вашего императорскаго величества по сей моей жалобѣ рѣшеніе учинить. 1789 г. августа 9 числа. Къ подачѣ подлежитъ въ уѣздный Городницкій судъ. Къ сей жалобѣ ген.-м. Петръ Милорадовичъ руку приложилъ.

Засимъ на прошеніи значится: «1789 г., августа 17. Опредѣлили: какъ проситель, г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ, жалобою своею, въ которой онъ означаетъ неблагопристойные поступки дочери его, вышедшей нынѣ въ замужье за отст. маіора Ивана Лашкевича, Настасіи Лашкевичевой подалъ въ сей судъ персоналпо и за тою подачею, когда оная жалоба въ присутствіи суда при битности его г. Милорадовича прочтена, онъ во всемъ написанномъ въ той жалобѣ, не отмѣняя ничего, въ точности ея утверждая, сознаяъ изрекательство свое отъ оной Анастасіи дочери своей, съ тѣмъ заключеніемъ, чтобы оная за показанное ему ея отвращеніе, презрѣніе, непослушаніе, показанные грубости и потому жъ что онъ г. Милорадовичъ причиною ея Настасіи бытія въ домѣ г. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, въ которой она нарочито съѣхала и тамо отъ онаго укрывалася, обруганъ и до безпредѣльности обезчещенъ,

также безъ волѣ и благословенія его отческаго, выходъ въ замужье за показаннаго маіора Лашкевича, не дерзала впредъ называтся дочерью его, а за сей послѣдній поступокъ, что самовольно поступила выйтить въ замужье, лишаетъ ей имѣнія части и въ томъ всемъ основывается онъ, г. Милорадовичъ, на правахъ статута, розд. 8, арт. 7, и розд. 5, арт. 8; въ сихъ же правахъ—въ первомъ, за обиду отъ дѣтей родителемъ причиненную, отрекаться родителемъ дозволено, а по 2-му, сказано: буде бы дѣвица безъ волѣ отца и матери пошла замужъ, таковая лишается посага и имѣнія отческаго и материстаго, такоже и спадковъ, а естли бы въ отца одна была, тогда отеческіе и материстіе имѣнія на близкихъ наслѣдниковъ, мимо таковой дѣвицѣ самой и потомковъ ея, спадаютъ. Для того показанную жалобу по силѣ вышеписанныхъ правъ учиненную и персонально по вышеписанному предъ судомъ сознанную и утвержденную, оставляя въ изображенной ея силѣ, для предбудущой надобности вписать въ крѣпостную книгу, на троичные сего года роки заведенную, въ точности, отъ слова до слова, и о семъ просителю г. генер.-маіору Милорадовичу или отъ его уполномоченному обявить.

Вѣроятно, это прошеніе П. С. Милорадовича вызвало со стороны его дочери печатаемую за симъ *улиточную запись*, которою она права свои на материнское имѣніе передала мужу.

---

39. Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1790 г., 11 іюля.

1790 года, іюля 14 дня. Я, дочь ген. м. Петра Степановича Милорадовича, жена маіора Ивана Степановича сына Лашкевича, чрезъ сіе сознаю, что по смерти матери моей Софія Милорадовичевой осталисъ въ наслѣдіе мнѣ и родному брату моему Григорію Петровичу Милорадовичу собственныя ея матери нашей недвижимыя и движимыя имѣнія въ нынѣшнемъ Черниговскомъ намѣстничествѣ, въ уѣздѣ Черниговскомъ, д. Криничное, съ приписными къ ней руднями, въ Городницкомъ уѣздѣ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, именно: Боханѣ, Веселейкахъ, Вереблевѣ, Высокинѣ, Голобурдахъ, въ Духовской слободѣ, въ Довгунахъ, въ Злѣевѣ, въ Кухарахъ, въ Коробкахъ,

въ Кротынѣ, въ Любечѣ, въ Лопатнях, въ Моньках, въ Мохначахъ, въ Мысахъ, въ Новоселкахъ, въ Пащикахъ, въ Петрикахъ, въ х. Разсудовскомъ, въ Радулѣ, въ Радьковкѣ, въ Сидоровскомъ, въ Семендѣяхъ, въ Сенькахъ, въ Степановкѣ, въ Сваричовкѣ, въ Убѣжичахъ и въ другихъ мѣстахъ, а особливо записанные матери моей за внесенье отъ ея мужа, а моего отца, реченнаго Милорадовича, со крестьяны обоего пола съ ихъ селеніями, имуществомъ, съ землями, съ хуторами, съ мельницами, съ разными угодіями, съ заводами и всѣми и всякими принадлежностьми, платами и доходами, недвижимые и движимые имѣнія, со дня смерти матери моей донынѣ остаются во владѣніи показанныхъ отца моего и брата, съ коихъ я, какъ при моемъ малолѣтствѣ, такъ и пришедши въ совершенные лѣта, надлежащаго снабдѣнія и содержанія не получала, да и по выходѣ въ замужество, надлежащей мнѣ со всего того наслѣднаго моего имѣнія и ихъ доходовъ половинной части и ничего нимало отецъ и братъ по моимъ отзывамъ, прошеніямъ и требованіямъ, не отдаютъ мнѣ и отдать наклонности не имѣютъ, чѣмъ привели меня къ необходимости сей, что я принуждена чрезъ судебныя мѣста доходить теперь въ всемъ показанномъ имѣній надлежащей мнѣ по законамъ половинной части; но, какъ по женскому состоянію моему, не въ силахъ я лично въ судебныхъ мѣстахъ производить о семъ дѣло, для того все право мое, служащее мнѣ по наслѣдію, на отысканіе помянутыхъ наслѣдственныхъ имѣній моихъ, платъ и доходовъ съ оныхъ и на вѣчный раздѣлъ оныхъ-же имѣній съ братомъ моимъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ уливаю мужу моему, маіору Ивану Лашкевичу, съ такимъ уполномочіемъ, что онъ, мужъ мой, силенъ и воленъ самъ собою лично, или чрезъ уполномоченныхъ отъ себя, о томъ наслѣдномъ имѣніи моемъ, по раздѣлѣ онаго съ братомъ, произвесть въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искательство, и въ случаѣ споровъ учинить доказательство, доходить рѣшенія, выслушать оное, въ надобномъ случаѣ возымѣть и продолжать до высшихъ судебныхъ мѣстъ, начавъ отъ уѣзднаго суда по порядку хота-бы и до правительствующаго сената апеляціи; а когда настанетъ случай къ вѣчному дѣлежу съ братомъ моимъ всѣхъ наслѣдныхъ имѣній нашихъ, добровольно или по судовому рѣшенію, то и оный дѣлежъ ему-жъ, мужу моему учинить, дѣлчіе подписать, въ судѣ сознать и принадлежащую на меня часть принять въ мое владѣніе, а что мужъ мой или отъ него уполномоченные въ судебныхъ мѣстахъ и при дѣлежѣ вѣчномъ учинятъ, взыщутъ, или утратятъ,—я въ томъ

спорить и прекословить не буду и права себѣ къ тому не оставляю, во утвержденіе чего сіе право рукою моею подписую и печать герба моего прилагаю, при упрошенныхъ отъ меня самолично, нижеподписавшихся сторонних свидѣтеляхъ году, мѣсяча и числа вышеписанныхъ. Къ сему улитому праву руку и печать приложила маіора Ивана Лашкевича жена Настасіи Лашкевичева.

По персональному прошенію ея в. бл-дія Настасьи Петровны Лашкевичевой, къ сему улиточному праву во свидѣтельство, при печати, подписался кол. ас. Федоръ Силевичъ.—По самоличному прошенію г-жи майорши Настасьи Петровны Лашкевичевой въ свидѣтельство на семъ улитомъ правѣ подписался и печать приложилъ тит. сов. Максимъ Яковлевъ.

Сіе улиточное право женѣ майора Ивана Степановича Лашкевича, Настасьѣ Петровнѣ г-жѣ Лашкевичевой, Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, въ Стародубскомъ судѣ, при поданномъ отъ нея прошеніи персонально, 16-го числа сего іюля, сознато и въ книгу въ чистую сего суда подъ № 13, отъ слова до слова точностію вписано, и что оное дѣйствительно рукою ея, г-жи Лашкевичевой, при ея печати и руками, подписавшихся свидѣтелей, при ихъ печатяхъ, подписано и въ судѣ семъ персонально сознато, въ томъ уѣздный Стародубскій судъ надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печати, завѣряетъ, а затѣмъ и возвращено оное съ сею судовою подписью г. секундъ-маіору Ивану Степановичу Лашкевичу, 1790 года іюля 17.

Въ 1791 г., какъ видно, изъ слѣдующихъ документовъ, П. С. Милорадовичъ помирился съ тещею и ея братомъ Фридрикевичемъ и простилъ дочь. Повидимому, слѣдствіемъ этаго мира была уступка Настасьей Степановной Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, дѣтямъ ея дочерей Софіи и Федосьи, т. е. Г. П. Милорадовичу, Н. Н. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку.

---

40. Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботковой. 1791 г., октябрь.

1791 года, октября < >. Мы нижеподписавшіеся: съ одной стороны, уполномоченный отъ брата моего родного ген.-м. Петра Сте-

пановича Милорадовича ген.-пор. Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ, а съ другой, собственно за себя, ст. сов., Черниговскаго намѣстничества палаты гражданскяго суда предсѣдатель Григорій Фридрикевичъ и вдовствующая бунч. товарища жена Анастасія Полуботкова, симъ нашимъ мировымъ, согласно праву статутовому, розд. 4-го, арт. 25, постановленіемъ всякому суду и праву и всѣмъ, кому и гдѣ только вѣдать надлежитъ объявляемъ:

1) Ген.-м. Петръ Милорадовичъ взнеслъ въ уѣздный Городницкій судъ искъ съ насъ на Григорія Фридрикевича и Анастасію Полуботкову, имѣняя, что будто по поводу нашему дочь его Настасья Милорадовичева Лашкевичева изъ дому съ насъ, Фридрикевича, въ селѣ Сначѣ состоящаго, съ нимъ, Милорадовичемъ, не поѣхала, и выводя для себя онъ, Милорадовичъ, отъ насъ въ томъ безчестіе и тяжкую обиду, сіе дѣло перешедъ—уѣздный Городницкій и верхній земскій Черниговскій суды,—дошло, по апелляціямъ, до палаты гражданскаго суда и нынѣ оно по препорученію его в. пр—ва, г. ген.-анш., сенатора, генералъ губернатора и разн. орд. кавалера Михайла Никитича Кречетникова, находится подъ разсмотреніемъ въ Кіевской гражданской палатѣ.

2) Сіе дѣло я, Андрей Милорадовичъ, по уполномочію брата моего Петра Степановича—оставляю, уничтожаю и предаю вѣчному забвенію, равнымъ образомъ и мы, отвѣтчики, Фридеркевичъ и Полуботкова, взаимно и отъ себя оное дѣло оставляемъ, уничтожаемъ и предаемъ его вѣчному забвенію, обязываясь, какъ съ одной такъ и съ другой стороны, ни въ какія по оному дѣлу претензія и требованія не входить и не отзываться.

3) Напослѣдокъ, всѣ мы нижеподписавшіеся совокупно просимъ всѣ тѣ правительства и судебныя мѣста, до коихъ сіе дѣло доходило, дабы уже объ немъ и самое на предбудущія времена вспоминаніе загладить, вынуть изъ дѣла всѣ бумаги отъ обѣихъ стороооъ по сему предмету подаванныя, а журналы и опредѣленія, коихъ по причинѣ оправки оныхъ въ книгахъ, вынуть невозможно, уничтожить и умо-рить отмѣтками въ правѣ статутовомъ, розд. 7-го, въ арт. 6, въ параграф. 3 узаконенными, все вышеписанное утверждаемъ мы собственоручными нашими и свидѣтельскими подписями, съ приложеніемъ печатей. *(Съ черновика)*.

41. Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г.

Приноситъ прошеніе генералъ маіоръ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

(По титулѣ). Огорченъ будучи дочерью моею, съ женою моею Софіею Семеновою, урожденною Полуботковою, споженною, Анастасіею Милорадовичевою, за выходъ ея въ замужіе безъ моего вѣдома за сек.-маіора Лашкевича, учинилъ было изреченіе оной дочери моей черезъ поданное Черниговской губерніи въ уѣздный Городницкій судъ прошеніе 1789 г., августа 9 дня, а въ Новгородское-сѣверское намѣстническое правленіе, того же году, сентября 3-го, жаловался я на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за то, что они на таковое супружество дали дочери моей позволеніе, по которой жалобѣ дѣло перешедъ въ верхній земскій Новгородскій-сѣверскій судъ и тамошнюю палату гражданскаго суда, напослѣдокъ дошло въ правительствующій сенатъ, по апелляціи уже дочери моей, гдѣ и нынѣ подъ разсмотрѣніемъ находится.

Но какъ я нынѣ, преклонясь жалостію и милосердіемъ къ дочери моей и ея мужу, а моему зятю, въ той нанесенной мнѣ досадѣ, отчески ихъ простилъ, возвратилъ имъ званіе моихъ дѣтей, позволилъ ей, дочери моей, учинить съ братомъ ея малороссійскимъ почтъ-директоромъ надв. сов. Григоріемъ Милорадовичемъ раздѣлъ въ материнскомъ ихъ имѣніи, благословилъ ихъ бракъ и принялъ ихъ въ совершенную родительскую милость, любовь и благопризрѣніе; изреченіе жъ оное въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ совсѣмъ уничтожилъ и изъ уничтоженія сего взялъ урядовую выпись, то посему уже слѣдуетъ уничтожить и предать вѣчному забвенію и оное въ правительствующимъ сенатѣ дѣло, равно къ уѣзднымъ Сосницкаго суда засѣдателямъ и никакого уже дѣла имѣть не долженъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе и прилагаемую съ уничтоженія моего изреченія выпись уѣзднаго Городницкаго суда принять, записать, а оное въ правительствующемъ сенатѣ, 3-го департамента подъ разсмотрѣніемъ находящееся дѣло, по жалобѣ на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за позволеніе, данное ими выйдти моей дочери въ замужье оставить безъ разсмотрѣнія прошенія и предать его вѣчному забвонію. *(Съ черновика).*

42. Уступочная запись Н. С. Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1791 г., 16 октября.

По указу ея императорскаго величества, изъ Черниговскаго уѣзднаго суда, дана сія выпись высококоблагородной г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, съ представленнаго въ сей судъ, 1792 года, февраля 23, при прошеніи отъ провинц. секр. Василія Трипольскаго, по извѣренію онаго ея мужа Лашкевича и гг. малороссійскаго почтъ-директора и надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича и поручика Николая Михайловича Стороженка, уступнаго записа, совершеннаго Черниговскаго н—ства въ палатѣ гражданскаго суда и являваннаго въ уѣздномъ Сосницкомъ и Городницкомъ судахъ, даннаго имъ, г-мъ Милорадовичемъ, женѣ Лашкевича, Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичъ, и Стороженку, отъ бабки ихъ, вдовствующей бунч. тов. жены Анастасіи Степановны Полуботковой, на уступленіе ею имъ свое недвижимое имѣніе и люди Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстничествъ, въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ и Сосницкомъ, состоящее. которой уступной записи отъ слова до слова содержаніе таково:

1791 г., октября въ 16-й день. Умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жена Анастасія Степанова, дочь Полуботкова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, я, Настасія , имѣя въ Черниговскомъ и Новгородско-сѣверскомъ намѣстничествахъ, уѣздовъ Городницкаго, Черниговскаго и Сосницкаго, въ владѣніи, моемъ доставшіеся мнѣ отъ упомянутаго мужа моего на правному вѣчному запису 1752 года, маія 8 дня данному, разныя недвижимыя имѣнія въ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ, съ принадлежащими къ нимъ землями, мельницами и разнаго званія угодіями съ крестьянами, которыхъ по послѣдней ревизіи состоитъ мужескаго пола 2537 душъ.

Приняла добровольное и отнюдь непринужденное намѣреніе, пользуясь свободою по правамъ малороссійскимъ, книги статутъ розд. I, въ арт. 1-мъ, и именномъ высочайшемъ; указѣ въ 3-й день маія 1783 года, изданномъ дворянству въ малороссійскихъ губерніяхъ предоставленномъ, оныя села, деревни, слободы и хутора съ крестьянами, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, лѣсами, мельницами и разнаго званія угодіями, наличными и кои впредь законнымъ оаразомъ отысканы и присовокуплены быть могутъ, дать и за-

исцать въ спокойне, вѣчное и наслѣдственное владѣніе внукамъ моимъ, дѣтямъ дочерей моихъ уже умершихъ, старшей жены ген.-м. Петра Степановича Милорадовича Софьи Семеновны Милорадовичевой, сыну малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу, дочери секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, меншой дочерѣ жены умершаго надв. сов. Михаила Михайловича Стороженка Феодосіи Семеновны Стороженковой, сыну лейбъ-кирасирскаго полка третьей бригады поручику Николаю Михайловичу Стороженку, по истинному моему къ нимъ, внукамъ, моимъ расположенію и любви, по нижеслѣдующему: *Первое*, внукамъ моимъ, старшей дочери Софіи Милорадовичевой дѣтямъ: сыну, малороссійскому почтъ-директору Григорію Петровичу Милорадовичу и дочерѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, Черниговскаго намѣстничества и уѣзда онаго села: Жукотки, слободу Черничую, Полуботки, Халявинъ, деревни: Пѣвцы, Коты, Павловку, съ мельницею тамо имѣющеюся, Песски и Подгорное, съ сѣнными покосами, именуемыми Пчелскъ и подъ дубомъ, да Новгородско-Сѣверской губерніи, уѣзда Сосницкаго, село Савинки съ хуторомъ тамошнимъ, деревни: Тѣлное и Габриліовку и къ сей деревни Габриліовкѣ раздѣля пущу и всѣ земли, яко совмѣстныя и нераздѣльныя къ Габриліовкѣ съ Каруковкою, къ первой со всей окружности отдѣлить третую часть, а ко второй, т. е. къ Каруковкѣ, двѣ части, въ оной же окружности; всѣ сіи имѣнія со всѣми крестьянскими дворами, крестьянами обоего пола, мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, исключая отданныхъ мною въ даръ, изъ Жукотокъ, внуку моему Григорію Милорадовичу, двухъ—Печернаго и Федоренка, да изъ Павловки племяннику моему Силичу—удовъ умершаго Афанасія Слѣкара жену съ дѣтми и другую—Марфу Губову съ дѣтми, да сироту Евдокима Бирулю, равно и двоюродному брату моему г. Кондратьеву мальчика Ивана Коржа, со всѣми землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными, пущами, прудами, мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями и все къ нимъ принадлежащее и въ владѣніи моемъ находящееся, даю онымъ внукамъ моимъ, Милорадовичу и Лашкевичевой, въ вѣчное и потомственное, безповоротное ихъ владѣніе, къ раздѣлу между собою на равныя части. *Второе*. Внуку моему, меньшой дочери моей сыну лейбъ-кирасирскаго полка, 3-й бриг., поручику Николаю

Михайловичу Стороженку, Черниговскаго намѣстничества, уѣзда Городницкаго, село Новыя Боровичи, съ плотиною и всѣми мельницами на рѣкѣ Сновѣ состоящими, деревни: Старые Боровичи, Здрагонку, х. Андруши, и въ городѣ Городни шинковой дворъ, да Черниговскаго уѣзда, слободу Мохнатинскую, с. Выбли и х. Уборковскій, Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, уѣзда Сосницкаго, деревни: За-гребелкою слободу, Илькучу, Каруковку съ х. Каруковскимъ, къ которымъ изъ всей, яко неограниченной окружности, пущи и земель между Каруковскою и Габриліовскою, какъ выше сего, въ первомъ пунктѣ, сказано, за выдѣлкою третей части въ Габриліовкѣ присоединить двѣ части къ Каруковкѣ, все сіе имѣніе съ крестянскими дворами и крестьянами, изъ коихъ исключая отданныхъ въ даръ мною изъ Боровичъ, внучкѣ моей Анастасіи Лашкевичевой, Василія Кіенца, Кирилла Лисиченка, Федора Кислаго и Семена Свицаренка, обоего мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, со всѣми землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными, прудовыми мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями, отдавая въ вѣчное, потомственное и безповоротное владѣніе оному внуку моему Николаю Михайловичу Стороженку, препоручаю нынѣ же въ его полное владѣніе и собственное распоряженіе сіе только имѣніе, именно: село Выбли и хуторъ Уборковскій и слободу Мохнатинскую со всѣми крестьянами, землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными и со всѣми имѣющимися въ тѣхъ селеніяхъ и къ онымъ принадлежащими угодіями, а прочее имѣніе выше сего прописанное, въ часть ему внуку моему Стороженку отъ меня отдаваемое, оставляю я по смерть мою въ единственномъ моемъ владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ, внукъ мой, Николай Стороженко по смерти моей все сіе имѣніе, какъ уже собственное свое, принять имѣетъ и онымъ владѣть и располагать по волѣ своей властенъ будетъ. *Третье*, всѣ крѣпости и бумаги, служащія на каждую часть отдаваемаго мною имѣнія внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, Настасьѣ Петровнѣ Лашкевичевой, имѣю вручить по совершеніи на оное имѣніе законной крѣпости, а принадлежащія на часть внука Николая Михайловича Стороженка дожны остаться при мнѣ состоящимся по смерть мою его имѣніемъ. *Четвертое*, движимое мое имѣніе, находящееся только въ части опредѣленной внуку моему Николаю Стороженку, оставляю въ полной моей свободѣ и власти, а по смерти моей остаться оному навсегда безъ раздѣла ему же, внуку моему, Стороженку.

Вышеписаное жъ все имѣніе стоитъ сумы сто тысячъ рублей, а на предъ сего оное отъ меня иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено и ни за что не отписано; за крестьянъ же въ вышеписанныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ по послѣдней ревизіи за мною записанныхъ, изъ сей уступки подушныя деньги и всякія государственныя подати платить онымъ внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, сестрѣ его Анастасіи Петровнѣ Лашковичевой и Николаю Михайловичу Стороженку, каждому за свою часть, а мнѣ до того дѣла нѣтъ. Что же принадлежитъ до оставленныхъ мною при себѣ по смерть мою изъ части внука моего Николая Михайловича Стороженка крестьянъ, за оныхъ платежъ всякихъ податей производить должна я, а въ написаніи сей уступки сему имѣнію цѣны безъ утайки состоявшійся и публикованный изъ правительствующаго сената въ 1752 г., іюля въ 29 д., указъ при семъ объявленъ.

Къ оной уступкѣ подписались:

Къ сей уступки, по извѣренію сестры моей умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жены Анастасіи Степановны дочери Полуботковой, въ томъ, что она вышеписанное имѣніе свое внукамъ ея малороссійскому почтъ-директору надв. тов. Григорію Петровичу Милорадовичу, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, и лейбъ-кирасирскаго полка поручику Николаю Михайловичу Стороженку отдала, руку приложилъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель гражданской Черниговской палаты, Григорій Григорьевъ сынъ Фридрикевичъ.

У сей уступки свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ генералъ-поручикъ и Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ. У сей уступки свидѣтелемъ... генералъ поручикъ Петръ Ѳедоровъ сынъ Талызинъ. У сей уступки... товарищъ правителя кол. сов. и кавалеръ Яковъ Леонтьевъ сынъ Бакуринскій. У сей уступки... ст. сов. и Черниговскаго уголовнаго суда палаты предсѣдатель Афанасій Филимоновъ сынъ Шафонскій. У сей уступки... верхняго земскаго суда предсѣдатель кол. сов. Якимъ Ивановъ сынъ Оболяниновъ. У сей уступки... надв. сов. Николай Антоновичъ Милорадовичъ. У сей уступки... кол. ас. Яковъ Петровъ сынъ Волватьевъ. У сей уступки... кол. асессоръ Василій Яковлевъ сынъ Дунинъ-Борковскій. У сей уступки... кол. ас. Дмитрій Михайловъ сынъ Енько. У сей уступки... маіоръ Григорій Яковлевъ сынъ Почека. У сей ус-

тупки... примеръ-маіоръ Иванъ Михайловъ сынъ Лисаневичъ. У сей уступки... тит. сов. Иванъ Григоровскій. У сей уступки... поручикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Геевскій. У сей уступки... кол. ас. Григорій Семеновъ сынъ Гуляницкій. У сей уступки... надв. сов. Степанъ Андреевъ сынъ Прежевскій. У сей уступки... кол. ас. Василій Леонтьевъ сынъ Булавкинъ. У сей уступки... тит. сов. Степанъ Григорьевъ Енько. У сей уступки... войсковой товарищъ Иванъ Андреевъ сынъ Шрамченко. У сей... кол. ас. Романъ Ивановъ сынъ Марковичъ. У сей... надв. сов. Иванъ Андреевъ сынъ Войцеховичъ. У сей... надв. сов. Василій Яковлевъ сынъ Тарновскій. У сей... кол. ас. Василій Ивановъ сынъ Чернышъ. У сей... надв. сов. Иванъ Енко. У сей... прапорщикъ Андрей Ивановъ сынъ Савичъ. Сію уступку писалъ кол. канцеляристъ Семенъ Козачинскій. Запрещенія нѣтъ. 1791 г., октября 16 дня. Совершить по указу. Секретарь Василій Оболонскій. 1791 г., октября 16.

Сія уступка Черниговскаго н—ства въ палатѣ Гражданскаго суда крѣпостныхъ дѣлъ писанная и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ 5000 р., отъ письма 100 р., отъ записки 20 коп. и на расходъ 25 р. 50½ коп., всего 5125 р. 70½ к. взято. Совершилъ надсмотрщикъ Черниговской гражданской палаты регистраторъ Михаилъ Лопатинъ. На оной уступкѣ учинены судовыя засвидѣтельствованія таковы: 1791 г., октября 25. Какъ сія уступка писана Черниговскаго намѣстничества и совершена крѣпостныхъ дѣлъ въ палатѣ гражданскаго суда, и въ книгу подъ № 14 записана, изъ показанной въ оной уступкѣ сто тысячъ рублей цѣны подлежащіе пошлины взнесены. Въ сей же уѣздный Сосницкій судъ, яко представленаа единственно для вписанія оной въ книгу крѣпостей по положенію съ означенныхъ въ той уступкѣ имѣній, яко то села Савинокъ съ х. Каруковскимъ и въ семъ уѣздѣ которые, какъ и по справкѣ оказалось, дѣйствительно такъ и состоятъ, то оная уступная запись за силой учиненнаго сего октября 24 опредѣленія съ представленіемъ въ прочемъ выполненіе объ оной обрядъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ подписаннаго тому мѣсту, въ которомъ она совершена въ крѣпостную сего суда книгу, на сей 1791 годъ заведеную, подъ № 14, вписана для вида изъ сею помѣтою въ сторону пріобрѣтателей имѣнія гг. почтъ-директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Милорадовичевнѣ Лашкевичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка возвращена. Оное подписали: Судья уѣздный, тит. сов. Алексѣй Павловскій.

Засѣдатель сек.-м. Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій. Въ докладѣ дѣлъ регистраторъ Семенъ Юзефовичъ. 1792 года, генваря 29, по сей крѣпости, въ силу полученнаго изъ гражданской Новгородско-Сѣверской палаты указа положенію, значилось въ ней имѣнія въ Сосницкомъ уѣздѣ. На основаніи высочайшаго учрежденія статьи 205, въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ къ судейскимъ дверямъ листъ выставленъ, потомъ въ правительствующій сенатъ, въ оба департамента и въ верхній судъ отрапортовано, для того и сія крѣпость въ сторону пріобрѣтателей возвращена. Судья Алексѣй Павловскій. Засѣдатель Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій

Сія вѣчистая крѣпость, написанная въ Черниговской палатѣ гражданскаго суда, въ Городницкій уѣздный судъ, по силѣ высочайшихъ о губерніяхъ учрежденій главы 15, статьи 205, для выполненія обряда по положенію значащагося въ ней имѣнія, въ семъ Городницкомъ уѣздѣ состоящаго, со стороны пріобрѣтателей онаго имѣнія, при прошеніи сего февраля 3 числа, была представлена и по опредѣленію сего суда оная крѣпость съ прошеніемъ и вѣрующіе два листа, приложенныя при ономъ, вписаны въ крѣпостную сего суда книгу на 1792 годъ заведенную, подъ № 1, на листахъ 1, 2, 3, 4, 5 и въ сторону пріобрѣтателей гг. почтъ директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича жены, Анастасіи Петровны Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка, повѣренному ихъ провинціальному секретарю Василію Трипольскому съ надлежащею помѣтою сія крѣпосcь возвращена, а въ силу вышеписанной высочайшихъ учрежденій статьи 205, опредѣлено въ правительствующій сенатъ при рапортѣ, за скрѣпою секретарскою объявленіи послать, въ верхніи земскій судъ отрапортовать, для объявленія споровъ на двугодичное время прибить къ судейскимъ дверямъ листъ. 1792 г., февраля 5 дня. Судья Яковъ Лизогубъ. Засѣдатель Иванъ Лысенко. Секретярь Андрей Елинскій. Коллежскій канцеляристъ Антонъ Борозднa.

По учиненному въ уѣздномъ Черниговкомъ судѣ 1792 года, февраля 24, опредѣленію, вышеписанной уступкой запись въ книгу земскихъ крѣпостей подъ № 1 вписанъ, по силѣ высочайшихъ учрежденій главы 15, статьи 205, листъ къ судейскимъ уѣзднаго Черниговскаго суда дверямъ, касательно имѣній въ Черниговскомъ уѣздѣ положеніе имѣющимъ, два года прибить, тако-жъ въ правительствующій сенатъ и въ верхній земскій судъ, съ приложеніемъ объявленій,

отрапортовано, въ засвидѣтельствованіе чего и сія выпись г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасьи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, изъ уѣзднаго Черниговскаго суда, за подписомъ присутствующихъ и при судовой печати, выдана, а таковыя же выписи и гг. малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу и поручику Николаю Михайловичу Стороженку, съ возвращеніемъ съ нихъ г. Милорадовичу и подлиннаго уступнаго записа, для поступленія за прошествіемъ двухъ лѣтъ по прописанной 205 статьи учрежденія. 1792 года, марта 3 дня. Судья Федоръ Якубинскій. Засѣдатель Павелъ Шуба. Засѣдатель Петръ Каменецкій. Секретарь кол. протокол. Иванъ Скорина.

Засимъ, слѣдуютъ письма И. С. Лашкевича къ женѣ, писанныя послѣ того, какъ онъ началъ въ Черниговскомъ уѣздномъ судѣ процессъ противъ П. С. Милорадовича и сына его Григорія Петровича за то, что они «удерживаютъ материстыя жены его недвижимыя имѣнія, принадлежащія ей въ равный подѣлъ съ бравомъ».

---

44. Душа жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! День се изходитъ третій по твоемъ отѣздѣ, ангелъ мой Настенька! которой меня влечетъ съ одной скуки въ другую наибольшую, кою долженствую преодолѣвать. Итакъ, я сегодня выѣжаю въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ, по крайнему несчастію, недѣлю предполагаю прожить, и въ сіе время весьма могу примѣтить, куда будетъ дѣло клонится, когда моя прозьба не успѣетъ, а отъ туда буду наискорѣе спѣшить въ твои дражайшіе, душечка моя, обятія, пристанище покоя моего, цѣлую тебя, жизнь мою, милионъ разъ. Dememe, je benice mon aimable petite enfen. Не скучай же, маменька моя, вѣрь мнѣ, что ни минуты не медлю къ тебѣ летѣтъ! Будь, ангельчикъ мой, здорова и береги себѣ выпускать изъ памяти, что съ твоимъ здоровьемъ сопряжена моя жизнь; не забывай, душа души моей, твоего вѣрнѣйшаго друга и послушнаго вовѣкъ мужа Ивана Лашковича. Матушка вамъ кланяется. Уланѣ Семеновнѣ мой поклонъ и Григорію Гер. также. Наши въ Москву уже приехали и каково получилъ я письмо отъ Гаврила Г., оное посилаю въ достоверность

отцу протопопу и супругѣ его, которое имъ вручите. И вамъ братъ мой пишетъ изъ Москвы его почтеніе, равно и Федотъ Гер. и Анна С. *(1789 г., 2 окт. Брахловъ).*

45. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна! Сей день получилъ я твое письмо, которое меня привело въ великой восторгъ и причинило наивеличайшее удовольствіе въ душѣ моей. Но жаль мнѣ до крайности, что я не могу еще ничего сказать рѣшительного о моей здѣсь прескучнѣйшей жизни, ибо ничего не знаю, какъ наше дѣло пойдетъ, которое я уже началъ, а примѣчаю, что судьи на его глядятъ съ великимъ негодованіемъ и боятся оного, потому что оное противъ Милорадовича, то чтобъ того не было, что исправнику Городницкому, и жалѣютъ почему мы его не начали въ Городнѣ, но какой конецъ они мнѣ здѣлаютъ—по-вижу. Но сколько примѣтить я могу, съ разговоровъ ихъ, къ нашей сторонѣ нехорошо они расположены, и чтобы не довелось на нихъ жаловаться намѣстнику. Коровъ твоихъ проведено въ Жукотки, а тамошнюю отправлю въ Савинки, по твоему желанію; о ключникѣ, во мнѣ писанному, не видѣвшись съ тобою, я ни слова не могу сказать. Жнива здѣшніи не слишкомъ хороши, по сказкамъ тутешнихъ стариковъ, противъ прежнихъ временъ. Теперь нажато, на гумно свожено въ Жукоткахъ 469 копъ, въ Полуботкахъ 170 копъ, итого всѣхъ 639 копъ. Ярь не вся сжата, но въ Полуботкахъ копа даетъ овса 6 четвериковъ и 4 гарца, но его мало весьма такъ хорошаго, только въ семъ селеніи, а въ Жукоткахъ пропалъ. Не думаю, чтобъ сее письмо застало васъ въ Боровичахъ, но какъ вы скоро ѣдете въ Карюковку, то надѣюсь, что будете и въ Савинкахъ. Развѣдай тамъ и въ Сосницѣ, почему можно купить четверть жита, и о семъ меня увѣдоми не въ продолжительномъ времени, а я бы къ тебѣ отсюда подослалъ мѣди 200 р. на покупку хлѣба, а ты, душа моя, постарайся и прикажи Гурію, чтобъ винокурня исправна была, чтобъ начать винокуреніе неотмѣнно съ 15-го сентября. Наконецъ, мисленно разцѣловавъ тебя сто тысячъ кратъ и предаясь въ вѣчную твою любовь и дружбу, остаюсь къ тебѣ наполненъ таковыми же чувствами, вашъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ *(1790 г., 7 авг. Черниговъ.)*

46. Любезнѣйшій другъ мой, душа души моей, ангелъ дражайшій Настенька! Спѣшу тебя увѣдомить, что я слава Богу уже въ судѣ управился и позовъ взялъ, теперь остается черезъ засѣдателя нижняго земскаго суда тотъ позовъ положить въ Криничномъ, а по-

тому я рѣшился для сего оставить тутъ повѣреннаго, какъ для сего случая, равно и другіе двѣ маленькіе выправки здѣлать, а самъ я положилъ отсюда выѣхать въ слѣдующій понедѣлникъ или во вторникъ къ вамъ, для того и отправляю сего нарочнаго во первыхъ, что онъ нездоровъ, а другое, чтобъ тебя увѣдомить о моемъ скоромъ къ тебѣ пріездѣ; сіе потому дѣлаю, чтобъ намъ не разѣхатся, какъ о томъ прежде ты, душечка, ко мнѣ писала. Теперъ уже не безпокойся, я къ тебѣ лечу. Намѣстникъ на сихъ днихъ сюда уже будетъ конечно, естъ о томъ вѣрнѣйшее извѣстіе, и для сего случая надобно домой спѣшить намъ. Я теперъ въ неизвѣстности, гдѣ вы, но моя мысль такова, когда сіе мое письмо получите въ Карюковкѣ, то остается въ вашей волѣ тамъ оставаться или пріѣхать въ Боровичи, какъ бабушкѣ угодно, но я прошу покорно увѣдомитъ меня, гдѣ мнѣ васъ искать и чтобъ ясное увѣдомленіе въ Боровичахъ засталъ, ибо я буду можетъ почтою. Буду къ вамъ зъ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) въ понедѣлникъ на ночъ или во вторникъ на обѣдъ или на ночъ, такъ я думаю, что когда застану васъ въ Карюковкѣ, то оттуда поѣдемъ въ Савинки, а изъ Савинокъ въ Брахловъ. Сегодня я ѣду въ Жукотки, а завтра сюда возвращусъ, кое што тамъ учредивши. Надобно мнѣ и о семъ тебя увѣдомитъ, что по взятіи позва, Григорій Петровичъ и я всякой день видимся и идутъ прежаркіе переговоры о дѣлѣ и раздѣлкѣ, и положили было (на?) сторонихъ посредниковъ, онъ—Бакуринскаго, а я—дѣдушку Григорія Григріевича; они между собою не видались, потому не можемъ сами съ собою ни до чего рѣшительно довтить ибо какъ только слово о раздѣлѣ, то вдругъ и возметъ кашлять и показуетъ мнѣ, что у его кровъ будто изъ горла идетъ, но какъ есть изъ зубовъ; я его здоровья жалѣвши, перестаю говорить. Такъ суди, другъ мой, какъ можно съ такимъ человѣкомъ выиграть терпѣніемъ. Однакъ я былъ съ нимъ у г. Бакуринскаго, а онъ со мною у дѣдушки, гдѣ кажется довольно ему дѣдушка уличалъ о всѣхъ его несправедливостяхъ къ нашей обидѣ. Бога ради, извини меня передъ бабушкой, что не могу теперь ничего къ ней писать, а засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе и поцѣлуй бабушку за меня дражайшіе ея руки матерные. Възаключеніе, цѣлую тебя, друга моего найдрагоцѣннѣйшаго, сто тысячъ кратъ и горю желаніемъ наискорѣе съ тобою видѣтся. Прощай, душа моя, до свиданья, имѣя въ памяти твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Здѣсъ въ домѣ такъ много больнихъ обложною болѣзнью, что дѣйствительно надобно утѣкать да

и во всемъ городѣ безъ изятія. На сихъ дняхъ жена Долинскаго родила дочь, коя во святомъ крещеніи наречена Пелагія. *(1790 г., 10 авг. Черниговъ.)*

47. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька! душа жизни моей. Въ господствующей здѣсь скукѣ и трудахъ, до крайности мнѣ пріятно было получа твое дражайшее письмо. Я съ мой стороны наготовилъ уже человѣка къ тебѣ и завтра отправлю съ увѣдомленіемъ, что у насъ сеголня будетъ въ судѣ съ Григоріемъ Петровичемъ. Я конечно приемлю съ удовольствіемъ твое обо мнѣ сѣтованіе, но съ другой стороны жестоко мнѣ тебя жаль, что напрасно, душечка, смущаеся. Божусь тебѣ, что я совсѣмъ здоровъ и воздухъ здешній) мнѣ поблагопріятствовалъ. Четужи, жизнь моя, обо мнѣ, а инако ты мнѣ новую болѣзнь причинишъ. Письмо къ матушкѣ здѣсь влагаю незапечатаннимъ, но въ конвертѣ и за моею надписью, въ которомъ когда хочешъ припишешъ, а когда не захочешъ въ ономъ приписивать, то запечатай моею именною печаткою и отправъ; да не худо и тебѣ, ангелъ мой, что нибудь къ матушкѣ написать. Боюсъ я когда бъ вы въ Карюковкѣ не замѣшкались. Алексашеньку поцѣлуй за меня и когда ѣхать будете въ Карюковку, Уляну Семеновну проси и отъ себя и отъ меня о соблюденіи дитяти, и Боже сохрани Санечкѣ здѣлается что худое, то развѣ вѣкъ не видатся, да чтобъ ея баба хлѣбомъ жеваннимъ не кормила. Когда застанешъ въ Савинкахъ уже бочку горѣлки, то присилай пожалуй въ Жукотки съ надежнимъ приставомъ, здѣлавши выпалки [1]), и вели Гурію, чтобъ обстоятельно написалъ какой доброты и сколько вѣдеръ. Въ Жукоткахъ остается полтори бочки самой той лутчей, то можно будетъ, когда привезенная будетъ недобротна, то здѣшнею подправится, а въ Жукоткахъ такъ управился, что и горѣлка вся скоро выйдетъ и денегъ въ недоимкѣ болѣе 100 р., которая когда не будетъ взискана, то мы будемъ въ накладѣ. Полсервиза куплено за 12 р., въ цѣлости довезенъ до Жукотокъ. Наконецъ цѣлую тебя мисленно тисяча тисячъ разъ, желаю тебѣ найлутчего здравія, остаюсь твой вѣрнѣйшелюбящій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. М. г-ню бабушку цѣлуй за меня ручки. *(1790 г., 1 окт. Черниговъ.*

48. Душа моя Настенька, вѣрнѣйшій и любезнѣйшій другъ! Неожидаемо скоро получилъ я отъ тебя, ангелъ, уѣдомленіе, кое со-

---

[1]) Т. е. измѣривъ крѣпость водки посредствомъ ея горѣнія; чѣмъ больше остается послѣ горѣнія, воды, тѣмъ водка окажется хуже.

вершено привело въ крайнѣйшее восхищеніе духъ мой. Благодарю Бога, что ты и Саша здоровы, и дай Господь непрерывно намъ симъ наслаждатся. Душечка, когда ваша дорога въ Карюковку и въ Савинки подъ сумнѣніемъ, то Бога рады посилай нарочного въ Савинки и напиши приказъ къ Гурію, чтобъ присилалъ немедленно въ Жукотки бочку горѣлки съ надежнимъ приставомъ и чтобъ здѣлалъ выпалку, о всемъ чтобы писалъ къ Грозенку, и сколько будетъ въ бочкѣ вѣдеръ. Вчерась я видѣлся въ домѣ Якова Леотьевича Бакуринского съ нашимъ любезнимъ дядюшкомъ Иваномъ Степановичемъ и я сколько можно старался вѣжливо ему себа редомендоватся и просилъ его любвы и милости, но овъ мнѣ ни одного слова на сіе не отвѣчалъ, а потомъ мы повели стороннюю матерію. Сколько времени я долженъ буду тутъ пробыть и самъ не знаю, а скажу тебѣ, жизнь моя, что сегодня иду на горесть въ судъ противъ батюшки и братца почтеннѣйшихъ, которые въ свое оправданіе говорятъ, ни Бога не боясь, ни совѣсти и публики не стидясь, имѣютъ помощниковъ плутовъ дюжину, а мы съ тобою, за наши деньги, не можемъ имѣтъ и одного человѣка. Посуди, душа моя, какой совѣсти Яковлевъ, взявши жалованье и прогоны и нѣту его! Вотъ сколь мы несчастливы. Я не понимаю, чтобъ съ меня было, когда бъ Марковичъ Романъ Ивановичъ не обѣщался, по дѣдушкиной прозьбѣ и моей, пособлять намъ; да то бѣда, что много разъ бывъ напуганъ отъ мошенниковъ, иногда уже сумнюсь и чесному человѣку вѣрить и не смѣю, а больше всѣхъ на Господа положилъ надежду. Въ Нѣжинъ пошла подвода и все по твоему, душечка, приказанію исполненно, выключая лену въ Вересожъ, куда также при оказіи въ Жукотки, велю къ себѣ Печерному явится и отправлю его. Хвалюсь тебѣ, что съ самого моего пріезду ни разу не ужиналъ. Слухъ промчался, что братъ нашъ Галаганъ [1]) сговорилъ Марію Андреевну и что Андрей Степановичъ, ѣдучи изъ Вороньковъ съ Маріею А., были у его въ Сѣкеренцахъ. Посилаю Санечкѣ моей разнихъ сортовъ игрушковъ и желаю, чтобъ оны ея тѣшили, только рады Христа береги, чтобъ она себѣ глаза не спортила. Больше времени не имѣю говорить и любоватся на бумагѣ съ тобою, какъ бы мнѣ сіе не пріятно было; спѣшу и ѣду въ судъ, сегодня мы

[1]) Григорій Ивановичъ, родной племянникъ матери И. С. Лашкевича Прасковьи Григорьевны, рожд. Галаганъ. Марья Андреевна—дочь Андрея Степановича Милорадовича. Упоминаемый здѣсь „сговоръ" однакожъ не состоялся, такъ какъ Гр. Ив. былъ женатъ на Иринѣ Антоновнѣ Милорадовичъ.

будемъ съ нашими благодѣтелями документами размѣнѣватся; при первой оказіи увѣдомлю тебя, смотря по обстоятельствахъ, когда тебѣ, жизніоночекъ мой, приездить въ Жукотки; я безъ тебя до смерти скучилъ, когда бъ только Богъ далъ, чтобъ вы скорѣе изъ Карюковки воротились. Цѣлую тебя тисячу кратъ, обладательницу души моей, а ты отъ меня дочку поцѣлуй въ щечку и имѣй въ непреложной любвѣ и памяти твоего во вѣкъ вѣрнѣйшего мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Любезный нашъ братецъ Григорій Петровичъ изъ Любецкаго владѣнія послалъ вчерась въ деревни жени своей двѣстѣ подводъ за овсомъ; были такіе мужики изъ посполаемыхъ, что давали ему здѣсь по 5 чвертокъ овса, чтобъ только не ѣхатъ, видя свою гибель, но таковыхъ выталкать онъ велѣлъ. (*1790 г., 7 окт. Черниговъ.*)

49. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, ангелъ жизни моей Настенька! Разставшись съ тобою, приехалъ я сюда на день св. Николая, въ 3-мъ часу по полудни, не претерпѣвъ въ дорогѣ черезъвычайной нужды, кромѣ той, что въ 20 верстахъ отъ Боровичъ колесо кибитки Томариной въпрахъ разсыпалось, а за пріѣздомъ моимъ сюда, спина моя не хотѣла мнѣ служить, не давъ о себѣ почувствовать черезъ сутки, сколько она оскорблена отъ дурной дороги, но послѣ того и теперь, по сіе время, благодаря провидѣнія, я такъ здоровъ, что подобнаго здоровья тебѣ, душа моя, и Сашенькѣ желаю! Засталъ я здѣсь дѣло внѣ всякой опасности, но какъ уже подписанъ нашимъ повѣреннимъ экстрактъ, то потому и захотѣлось заглянутъ въ дѣло мнѣ самому окомъ хозяина, а не наемника, помня тую пословицу, *что наемникъ, яко наемникъ*, и перебырая оное по листамъ, какъ уже извѣстную мнѣ матерію, удивился наижесточайше, что не нашелъ я двухъ документовъ отъ стороны батюшки и братца любезнѣйшего, мнѣ на судѣ данныхъ, при размѣнѣ крѣпостей; таково бездѣлство мнѣ не понравилось, то я тотъчасъ суду о такой фальшѣ опротестовалъ, а между тѣмъ, какъ я имѣлъ изъ суда мнѣ данныхъ два документа за скрѣпою секретаря, подобные украденнымъ, то я въ точности при челобытной и представивъ, просючи, чтобъ сняти были съ оныхъ копіи и сообщены къ дѣлу, а подленные возвращени бы были мнѣ обратно, но еще на сіе резолюціи нѣту. Ты же, ангелъ мой, о семъ ничего не думай, Богъ намъ помощникъ. Всякой день я въ судъ таскаюсь и прошу неотступно о рѣшенія дѣла и мнѣ обѣщенно, что завтре будетъ обявлено рѣшеніе, но я на обѣщаніе недовѣрчивъ, пока не увижу того своими глазамы; но

со всего примѣчаю, что насъ хотятъ обидить судящіе и сего удара силъ моихъ нѣтъ отвратить, щади человѣколюбіе, потому что чуть присудствующіе не приклонились бы къ сторонѣ неправотѣ, во угодность нашимъ благодѣтелямъ, то развѣ имъ и на свѣтѣ не быть, не только чтобъ при сихъ выборахъ остатся судящими, чего крайне имъ хочется. И такъ *не надѣйтеся на князи, ни на сини человѣчестые, въ нихъ же нѣтъ спасенія*, а потому *всуе бысть страхъ, аще не Господь сохранитъ градъ*. Теперъ скажу на твое въ отвѣтъ любезнѣйшее письмо, жизнь души моей Настенька! О говоренномъ тобою котлѣ съ Уляною С., оной намъ ненуженъ, посему что и безъ оного на имѣющіеся теперъ въ Савинкахъ будемъ имѣть всякіе сутки 10 вѣдеръ, а потому купивши еще казанъ, спалимъ его попустому, когда средство есть и безъ его обойтись, а изъ того могъ бы бытъ лишній убытокъ. Касательно договоренныхъ тебѣ грекомъ свиней, я жду Грозенка сегодня и пошлю его скупать тамъ для Савинокъ 20. Ты же, сердце мое, поудержися и не скупляй свиней въ Боровичахъ, покуда я тебя увѣдомлю, какая здѣсъ будетъ удача, и о семъ скажи Алексѣю, бояриву, чтобъ по тѣхъ поръ и онъ не куплялъ и не присковалъ. Курей по твоей волѣ запретилъ уже выбирать. О пряжѣ не упущу приказать, какъ ты писала ко мнѣ. Какъ скоро дорога будетъ, то пришлется Улянѣ Семеновнѣ по чверткѣ гороху и ячменю. Какъ скоро дѣло рѣшится, то я тебѣ, свѣтикъ мой, нарочнымъ бояриномъ дамъ знать, равно и о томъ, какъ скоро буду къ вамъ, а теперъ въ мислихъ цалую тебя милліонъ разъ, поруча тебя, душу мою, промыслу и любезную мою Санечку. Будьте здоровы., слава и горящая любовь, ангелъ жизни моей Настенька, обожающаго навѣкъ тебя друга, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго мужа Ив. Лашкевича. Мил. г-ню бабушку и мил. г-ню Софію Васильевну (?), бабушку же поцѣлуй за меня въ ручки по 10 разъ. Сестрицѣ Аннѣ Артемовнѣ кланяюсь усердно. (*1790 г. 12 дек. Черниговъ.*)

50. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Отвѣтъ на мое письмо къ тебѣ писанное, я получилъ и при ономъ письма Рубца и брата, тамъ же и копію рѣшенію верхнего земскаго суда [1]), которое въ нашу пользу здѣланно но, думаю, что недешево оно намъ будетъ стоятъ; жаль что о томъ насъ не увѣдомили. Что же ты, ангелъ мой, спрашиваешь у меня, что значитъ, что два члена остались при ихъ мнѣніяхъ, то въ семъ

---

[1]) См. выше, № 36, стр. 99.

великой важности нѣту, а оны только симъ самымъ показали, что они не согласны на сіе рѣшеніе, которое по тому не теряетъ своей силы, и какъ оное не въ пользу батюшки, то онъ будетъ черезъ 6 недѣлъ въ палату гражданскую апелявать, и мы съ нашей стороны возьмемъ осторожность, дождавшись прескверного опредѣленія по дѣлу нашему, кое самимъ гнуснымъ и безъзаконнѣйшимъ образомъ сотворено и мнѣ вчера въ судѣ обявленно. Содержаніе его въ краткихъ словакъ скажу: «что какъ г. Милорадовичъ занесъ жалобу на опредѣленіе Сосницкаго суда, позволяющее выйтить въ замужье дочерѣ его Анастасіи Милорадовичевнѣ въ Новгородской-сѣверской верхній земскій судъ, то и предоставляется обѣимъ сторанамъ доходить тамъ окончанія начатаго дѣла, а сіе пріостановить въ уѣздномъ Черниговскомъ суду, а какъ ни та, ни другая сторона не обвиняется и не можно оного рѣшить безъ окончанія того дѣла, то и отъ пошлинъ обѣ стороны уволняются, для того и обявить обѣимъ, за подписками, что буде которая недовольна, то апелявала бъ верхнему земскому суду.» Я съ моей стороны весь обрядъ выполнилъ, подписалъ на ономъ опредѣленіи недовольство и взнесъ по обряду на урядъ 25 р., а будетъ ли доволенъ симъ опредѣленіемъ почтеннѣйшій братецъ, сего не знаю; онъ еще ничего, ни того, ни другаго не подписалъ. Не можно такъ скоро рѣшится, что начать дѣлатъ, дабы избавится отъ такого безсовѣстнѣйшего судоваго опредѣленія. Но кажется, что необходимо пора уже пожаловатся намѣстнику, поѣхавши въ Кіевъ, чтобъ онъ тебя защитилъ отъ нападенія и гибели твоей ищущихъ, родителя и брата, всякими непозволенными и богопротивными способамы. Естли и намѣстникъ не вступится за твою невинность, то уже не начто больше надѣятся, а останется отъ всемогущаго Творца на томъ свѣтѣ ожидать награжденія, а тутъ кромѣ безъсовѣстія и волокити, не обрѣтемъ (ничего?). Думаю, что поѣздка моя съ жалобою въ Кіевъ нелегка мнѣ будетъ въ разсужденіи безпутици и переправы черезъ двѣ большие рѣки. При отѣздѣ моемъ въ святій градъ, не оставлю тебя увѣдомить, а теперъ, пожелавъ тебѣ, жизнь моя, и Алексашѣ, здравія и благополучія, а я здѣсь остаюсь растроенъ мыслею, духомъ и дѣламы. Можетъ быть сіе я сказалъ и сълишкомъ много, но таить передъ тобою вовѣкъ я себѣ бъ сочелъ порокомъ. Храни всегда въ сердцѣ твоемъ имя и память любящего и обажающего тебя мужа и преданнѣйшаго до смерти друга, которой мысленно лобызаетъ тебя поминутно, Иванъ Лашкевичъ. М. г-нѣ бабушкѣ, м. г-нѣ Софіи Васильевнѣ прошу обѣимъ мое нижайшее по-

чтеніе свидѣтельствовать и поцѣловать за меня въ руки. Прилагаю у сего къ матушкѣ письмо незапечатанное, которое прошу переслатъ въ Брахловъ, приписавши и отъ своей стороны, что нибудь о себѣ и Алексашѣ, въ ономъ письмѣ или въ особомъ, какъ воля ваша будетъ. (*1790 г., 17 дек. Черниговъ*).

51. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей. На третій день я сюда прибылъ, раставшисъ съ тобою, ангелъ мой, да сегодня и отъсюда же выежаю, о чемъ и что я здоровъ податель сей тебя удостовѣритъ. Дядюшка пишетъ, просячи обо мнѣ къ Петру Васильевичу (Завадовскому), къ оберъ секретарю его другу, также и къ секретарю, да и къ другимъ обѣщалъ писатъ, когда нужда укажетъ, ибо онъ надѣется, что я самъ нашимъ благодѣтелямъ извѣстенъ, то увидя меня обиженного, конечно не откажутся пособить. О семъ я съ нимъ частую переписку буду весть. Посилаю тебѣ, душа, двѣ пари перчатокъ да для бабушки одну пару, которую прошу отъ меня въ ручку поцѣловатъ, при засвидѣтельствованіи моего нижайшего почтенія. Пожалуй, душа моя, изготуй два пуда конфектовъ, какъ скоро я потребую, то чтобъ оны у тебя были въ готовности, а безъ вѣдома не присилай. Кажется лутче, когда пошлешъ въ Кіевъ надежного человѣка и тамъ купишъ. Такимъ гостинцомъ весьма можно въ Петербургѣ услужить. Любезной дочкѣ моей посилаю карету съ лошадьми двумя, и еще девять разныхъ игрушокъ и желаю, чтобъ она въ силахъ была все сіе испортить.— Не тужи, другъ мой, обо мнѣ, будь здорова и любы того, которой тебя поминутно въ мислихъ имѣя, цѣлуетъ мисленно тебя. Прощай, ангелъ жизни моей, и помни твоего преданнѣйшаго и вѣрнѣйшего мужа и друга Иванъ Лашкевичъ. Полотна я не купилъ, самая худшая штука 50, а какъ буду назадъ ехатъ, тогда куплю. (*1791 г., 1 іюня. Могилевъ*).

52. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Къ полдню сегодня сюда приехалъ я, не буду я тебѣ описивать подробно, какіе мнѣ въ дорогѣ случались трудности и досады, а скажу коротко, что всего лутче, когда Господь мнѣ даровалъ все перенесть. Квартери я искалъ долго и ѣздя въ кибеткѣ по городу, до того искучилъ, что принужденъ навремя остановатся въ трактирѣ, гдѣ и договорилъ за всякой денъ 2 р. 50 к., за три покоя; сія квартера мнѣ дорога, такъ что я и не намѣренъ въ ней болѣе четирехъ дней пробытъ, а буду старатся о способнѣйшемъ жилищѣ и дешевшемъ. Ставъ тутъ на ногахъ, принимаюсь за бумагу сію, ангелъ

мой, душечка Настенька, щитаю первѣйшимъ моимъ долгомъ увѣдомитъ тебя, что я слава Богу здоровъ доѣхалъ. Симъ я увѣренъ духъ твой можетъ быть покоенъ. Плати, жизніоночокъ мой, взаимно и мнѣ, сказивая о твоемъ мнѣ дражайшемъ здоровья, сіе одно кажется, любезной другъ мой, слабое утѣшеніе, коимъ мы въ разлукѣ питаемся. Можетъ нашъ благодѣтель Г. Петровичъ не захотитъ ли и оного прервать, на то я возьму мои мѣри съ послѣдующими за симъ письмами, а теперъ поставивши на семъ нумеръ (№ 1-й) для пробы, равно и ты, маминька, когда будешъ ко мнѣ писать, то на своихъ письмахъ надписуй нумери. Когда будешъ, ангелъ, ко мнѣ писать, то доставляй тѣ письма къ дѣдушкѣ Григорію Григоріевичу, въ Чернѣговъ, а онъ уже знаетъ, какъ ко мнѣ надписывать; а какъ скоро я совершенно найду себѣ квартеру, то тотъчасъ тебя увѣдомлю, тогда можно уже тебѣ, свѣтъ мой, прямо ко мнѣ надписивать; когда же получишъ и изъ Брахлова, то также съ своимъ ко мнѣ письмомъ къ дѣдушкѣ отправляйте; я оные буду вѣрно получать; теперъ же спѣшу съ отправкою сего на почту. Заключивъ сіи мои строки, погружаюсь мисленно въ наипріятнѣйшею твою душу, мою уже, и цѣлую тебя поминутно, ангела моего, живя въ тебя сердцемъ и душею, владѣя полно твоимъ. Прощай пребывающего въ тебѣ до конца жизни моей преданнѣйшимъ другомъ и вѣрнѣйшимъ мужемъ Иванъ Лашкевичъ. Любезную дочку нашу Сашечку поцѣлуй за меня. Sitot que vous entendrés le petit soter dans votre ventre, vous me donerez savoir le quelle dat... vous vous faire votre conoisence premier? Приложенное у сего письмо къ матушкѣ пожалуй, сердечко, доставь поскорѣй; ты сама, малюточка, знаешъ сколько она онымъ обрадуется. Извини, душенька, меня предъ бабушкою, что не въ особомъ конвертѣ, но вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ посилаю, все сіе дѣлается что я много уповаю на ее къ намъ милости. Увѣдоми меня все ли ты получила отъ меня изъ Могилева, черезъ Марку. Adieu, mon ange. *(1791 г., 8 іюня, Петербургъ).*

53. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей! Четыре дня назадъ тому, какъ я къ тебѣ, ангелъ мой, писалъ черезъ почту черниговскую. Увѣдоми меня получила ли ты оное. Теперъ сіе отпущаю, черезъ сосѣда моего и друга Степана Михайловича Ширая, въ надѣяніи, что дойдетъ къ тебѣ скоро черезъ Брахловъ. Но жалко, что не имѣю ничего сообщить тебѣ пріятного, кромѣ того: подалъ въ сенатъ апеляцію 10-го іюня и прямо въ руки генералъ-рекетмейстеру Аркадію Ивановичу Терскому. Что будетъ

далѣе не знаю, но въ департаментъ она еще не вошла; о томъ и какъ дѣло розбудить, я теперь стараюсь: ищу поминутно дороги и какъ скоро на оную вспаду, то буду всѣми силами стараться тануть. (Повѣренный Г. П.—Аксюкъ здѣсь и ожидаетъ поминутно какихъ то бумагъ отъ Г П. на подачу въ сенатъ; какого оны быть должны содержанія я не понимаю, но увижу того чуда). Былъ я у Петра Васильевича, онъ на время въ городъ пріѣхалъ, а живетъ всегда лѣтомъ на дачѣ. Онъ весьма меня ласково прянялъ и велѣлъ, чтобъ я къ ему на дачу пріехалъ, но по сю пору я однакожъ еще не имѣю свободнаго времени и можетъ черезъ день или два поѣду на дачу къ ему и къ графу Безбородку; увижу, какъ сей баринъ на меня повзглянетъ. Онъ же знаетъ о моемъ сюда пріездѣ и о дѣлѣ, то посему мнѣ необходимо къ ему толкнутся и примѣчу, что съ сего выйдетъ. Петръ Васильовичъ, между прочимъ, сказалъ, что отецъ тебя никакимъ образомъ не можетъ удалить отъ имѣнія твоего. Полагатся на сіе не слишкомъ должно, можетъ быть это политика, Богъ знаетъ. Два раза я былъ у графа Воронцова; однажды сказанно, что графъ проситъ въ другое время къ ему притить, а въ другой разъ сказанно, что графъ сегодня не принимаетъ никого, занятъ дѣлами. Здѣсь я колеблюсь съ мислями, не упрошенъ ли онъ (отъ ?) графа Безбородка меня къ себѣ не допускать. Но не взирая на сіе, я буду добиваться увидѣтся неотмѣнно и обо всемъ объяснится съ графомъ Воронцовымъ. Наконецъ, былъ я у г. оберъ прокурора и оберъ секретаря и обѣимъ имъ, особо каждому, пояснилъ обстоятельства дѣла. Ими я принятъ весьма ласково и обнадежили меня защитою справедливости. Потомъ я объяснился и изъ секретаремъ и, видное дѣло, сего надобно наиболѣе придерживаться, что я и исполню; онъ тотъ, которой, сказываютъ, можетъ дать скорое теченіе дѣлу; о томъ я ему и вучить буду всякій день, его пользу показавши. У Суденкова 4 раза былъ, не удостоился его видѣть; когда еще разъ не удастся его узрѣть, то брошу и ходить. Карета и пара лошадей каждый день здѣсь составляютъ 3 р. 50 к., что дѣлаетъ на мѣсяцъ 105 р. Я оную, попользовавшись 3 дня и заплативши 10 р. 50 к., отпустилъ а рѣшился апостольски пѣшкомъ ходить. Стыдно мнѣ таскаться по улицамъ въ башмакахъ и иногда въ слякоть, но нѣчимъ перемѣнить; все генерально тутъ дорого и доведется можетъ быть здѣсь годъ и съ лишкомъ прожить, то и рубашки на плечахъ не останется. Слѣдовало бъ мнѣ написать къ м. г-рю дѣдушкѣ о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, но какъ сію же самую матерію опять долженъ

повторять, а времени не имѣю, да къ тому же и г. Ширай спѣшитъ съ отъѣздомъ, а пустить сего случая я не хочу, а черезъ почту я не могъ бы всего вышеписаннаго писать, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, жизнь моя, сіе самое письмо попроси бабушку нарочнымъ отослать въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ для прочету и дабы оное обратно къ тебѣ доставленно было. Да я и тебѣ, душа моя, примѣчаю: не давай никакого виду и ничего не сказывай при священникахъ боровицкихъ, что я къ тебѣ пишу: одинъ часто ѣздитъ въ Чернѣговъ, то иногда, что онъ слышавши въ Боровичахъ, тамъ Г. П. нечаянно не проговорился. Два дня уже назадъ какъ я на другую квартиру перешелъ; тутъ кажется мнѣ сходно будетъ. Полагаю у сего записку, какъ ко мнѣ письма надписывать, съ которой копію снявши, отошли для вѣдома къ дѣдушки, а сію у себе оставь. En suite, à vous dire la verité, je n'ai eté si inquiet qu'apresént; je m'enui ici expremeut et si Dieu ne me donerat point etre sitot de retourt, il me pars, que la nesiceté m'obligera de vous prier venir vivre avec mois pour suportez sette lours fardot eten ensemble tout nos malheurs serons suportable. Adieux, mon tres cher coeur, je vous baise mille mille fois, ne m'onbliez jamais votre fidelle epoux et ami J. Laschkewitch [1]). М. г-ню бабушку-матушку прошу за меня въ ручки разцѣловать. Алексашу въ лобикъ поцѣлуй. *(1791 г., 12 іюня. Петербургъ).*

54. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Не можетъ быть ничего для меня пріятнѣе, какъ вотъ уже другой случай, которимъ я пользуюсь къ тебѣ, извѣщая о себѣ, думаю, что ты, ангелъ мой, по первому черезъ Ширая, изъ Брахлова, уже получила подъ № 2, а сіе отпущаю черезъ управителя Петра Васильевича, кое уповаю скоро до тебя дойдетъ, да и за симъ еще открываются оказіи, которыхъ я не пропущу; съ сей стороны я доволевъ, что ты, сердце мое, покойна и се третье письмо отъ меня къ твоимъ рукамъ идетъ: одно изъ Могилева, а три изъ Петербурга, но я лишенъ сего утѣшенія, еще ни одного письма не получилъ, жизніоночекъ мой. Здѣлай милость, дражайшій ангелъ мой, увидоми, Бога ради, меня о твоемъ и Сашечкиномъ здоровьи et de cette que vous avez avec vous. Сколько я притерпѣваю, не видя тебя, то и пояснять лишнѣе будетъ; Богъ свидѣтель, ни съ чемъ не можно сравнять сей горестнѣйшей муки, да то бѣда, что и самъ не вижу, когда удастся

---

[1]) Французскій текстъ писемъ печатается безъ измѣненій.

мнѣ кончить тутъ дѣла и летѣть къ тебѣ, въ обятія, вѣрнѣйшему моему другу, при всѣхъ лестнихъ надеждахъ, коими я льщусь о благополучномъ окончаніи нашего дѣла, (что да буде между нами сказанно.) Теперъ тебѣ остается, душа моя, исполнить важную комисію и пособыть скорѣйшему успѣху нашего дѣла и постарайся неотмѣнно прислать ко мнѣ сюда, къ десятому августа, тысячу рублей денегъ. Попроси бабушку и дѣдушку пособить тебѣ, гдѣ бы вызичить; безъ оныхъ никакъ не можно обойтись, когда хочешъ выиграть дѣло; къ тому времени съ хозяйства можетъ быть что получишъ, изъ Жукотокъ, изъ Брахлова и изъ Савинокъ, а инако мои здѣсь тщетные будутъ ревнія и труда, ибо при сильнихъ нашихъ благодѣтеляхъ, безъ денегъ трудно и неудобно. Бога ради, вызволи меня, да и торассуди, когда теперь сего въдругъ не схватить дѣла, то вить ожидаючи по очереди рѣшенія (да каково оно еще и будетъ) болѣе здѣсь издержу на свое тутъ содержаніе, нежели въдругъ пожертвовать и Богъ дастъ выиграть. Деньги не опасайся по почтѣ ко мнѣ доставить, квартира моя извѣстна, а по оказіи не отваживай, могутъ пропасть. Дѣвочокъ своихъ дочерей двухъ въ монастиръ отдалъ Ожеговичъ (?) и скоро можетъ быть отправится отъсюда; онъ успѣлъ въ своихъ дѣлахъ, деньги изъ банку получилъ и что мнѣ чудно, что онъ старается получить мѣсто дѣдушки Григорія Григорьевича, которое ему, я стороною узналъ, и обѣщанно, не знаю съ воли ли это дѣдушки дѣлается или нѣтъ. (*1791 г., 20 іюня. Петербургъ*).

Прибавленіе къ предыдущему письму.

15-го сего мѣсяца ѣздилъ я на дачу къ Петру Васильевичу (Завадовскому); много со мною кое чего посторонного говорилъ; когда же я началъ о дѣлѣ его просить, то онъ мнѣ сказалъ, что надобно бы прежде миролюбиво поступить, но я де вамъ буду помогать, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилъ въ самой точности и скорости. Туда пріехалъ къ обѣду также Суденокъ (Осипъ Степановичъ), къ которому я уже и бросилъ ходить; какъ же онъ меня удивилъ, что началъ со мною вѣжливо обходится и спрашивалъ о нашемъ дѣлѣ и отдалъ ли имѣніе Григорій П. половинную частъ?—Я ему сказалъ, что ничего. И другіе тому подобніе запроси онъ дѣлалъ. За симъ Петръ В. съ Суденкомъ весьма долго говорилъ, въ особенности въ продолженіе стола Петръ Васильевичъ и Суденокъ довольно со мною ласково и много о постороннихъ матеріяхъ говорили. 17-го. Бывши предъ симъ у графа Воронцова 2 раза и не удалось его видѣть, отъ чего я пришелъ въ великое недоумѣніе и не зналъ было что на-

чать, но того самого дни былъ я сенатѣ, въ обыкновенной прихожей комнатѣ, какъ въдругъ всѣ двери зашумѣли и входитъ сенаторъ графъ Воронцовъ, и лишь только со мною поравнялся, остановился и говоритъ мнѣ: «я знаю, вы у меня были, мнѣ нѣкогда было съ вами говорить, прошу завтра у меня побывать». (Столь мнѣ причинила такая нечаянная встрѣча удовольствія, что и описать не могу. Потомъ я узналъ, что благодѣтель мой Петръ Васильевичъ, бывши въ Царскомъ Селѣ 16-го, пояснялъ мое дѣло графамъ Безбородкѣ и Воронцову). И тогоже дня, вошедши въ сенатъ, велѣлъ, чтобъ апеляція моя доложена была, секретаръ тотъ часъ доложилъ оную, а за тѣмъ благотворитель нашъ графъ Воронцовъ приказалъ секретарю по вашему дѣлу готовить немедлительно экстрактъ, чему и секретарь не мало удивлялся. Но какъ отъ меня секретаръ и повѣтчикъ были уже довольни и предупреждени, то повелѣніе оное сенаторское начало свое въскорѣ восиріяло, и уже экстрактъ по дѣлу нашему повѣтчикъ началъ писатъ 18-го. Итакъ, имѣя повѣлѣніе, поѣхалъ я къ графу Воронцову и когда по докладу я къ его сіятельству предсталъ, то не далъ мнѣ ни слова выговорить, началъ сими словамы: «каково поживаешъ, давно ли пріехалъ? Я знаю твое дѣло, я велѣлъ по оному экстрактъ писать и ты узнаешъ, какъ я объ немъ судилъ. «Послѣ того началъ я графу изяснять происхожденіе странное дѣла нашего; онъ удивлялся, почему не вошелъ въ дѣло ни губернаторъ, ни прокуроръ Новгородскіе—сѣверскіе, сказалъ потомъ онъ: это Селецкій такъ здѣлалъ. Я ему отвѣчалъ: такъ точно, онъ; за тѣмъ всѣмъ, просилъ я въ несчастіи нашелъ сильного его покровительства, а при отходѣ моемъ сказамъ мнѣ: что какъ скоро по дѣлу вашему экстрактъ готовъ будетъ, то приходите ко мнѣ!—Тѣмъ днемъ довольно меня привелъ къ утѣшенію, видя такую надежду хорошую. Я нечаянно въ французской лавкѣ увидѣлся съ графомь Безбородкомъ, но тамъ не ловко было мнѣ къ ему адресоватся, а искалъ безъпрестанно случая. 19. Потому и рѣшилъ прямо къ ему въ домъ поѣхать, гдѣ долго его ожидавши съ протчими челобытчиками, чтобъ только ему показатся и поклонится, какъ пріежему. Наконецъ сего и удалося, когда онъ проходилъ къ каретѣ, то я ему съ протчими поклонился. Потомъ зашелъ я къ Трощинскому, первому графскому секретарю, бригадирскаго чина, съ которымъ я познакомился, а когда ему все дѣло пояснилъ (нарочито знавъ, что сей все отъ слова перескажетъ графу) и мнѣ кажется сказалъ я ему, когда можно прекратить такіе въ фамиліи вражды недѣлающіе чести, то я съ моей сторони считалъ бы

сіе за счастіе и удовольствіе. Онъ мнѣ сказалъ, что Г. П. доброй человѣкъ кажется и что видно отецъ сіе дѣлаетъ; я отвѣчалъ, почти не отецъ, а Г. П., потому отецъ далъ ему вѣрующее мирится, но Г. П. отъ того удаляется, ища всемѣрно сестру обидить. Теперь остается преподбѣдить себя терпѣніемъ, пока экстрактъ кончится и мнѣ кажется дѣло пошло хорошо, когда что и не распортитъ строй, а особливо я боюсь, что ожидаютъ сюда Г. П. съ Александрою П. [1]) Однакъ надежду полагаю на Господа твердую, онъ насъ не оставитъ. (*1791 г., 30 іюня. Петербургъ*).

Приложенное у сего прибавленіе. (Къ письму № 54), Прочитавши потихоньку съ бабушкою, пошли, жизнь моя, заразъ, вънѣстѣ къ моимъ письмомъ, въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ, запечатавши въ другой конвертъ, и проси, чтобъ оное къ тебѣ обратно было доставленно. Когдаже Антонъ Андреевичъ (Войцеховичъ) приедетъ въ Боровичи, то ты ему вручи сіи прибавленія прочесть, только заразъ потомъ, пожалуй, оные спрячь, чтобъ всѣ такіе бумаги у тебя были сохранени. Засимъ, цѣлую тебя мисленно тисяча тисячу разъ, прощай, душа жизни моей, ангелъ мой дражайшій. Я вѣчно съ тобою мислями и душею и всиѣ повседневно вижу, и благодарю Бога, что симъ духъ мой живится, да ниспошлетъ и на тебя сію отраду души, цѣлую тебя, жизніоночекъ, и Сашу, и ожидаетъ отъ тебя сегоже чуства, твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. На сихъ днахъ я видѣлъ Катенькиного отца и мачиху, которіе до земли кланяются и благодарятъ за содержаніе ихъ дочери, отецъ ея директоръ банку, тисячу рублей жалованья беретъ. Отцу протопопу скажи, что синъ его Гаврило Г. здѣсь и скоро имѣть будетъ мѣсто при генералу Васильеву.

Вслѣдствіе письма И. С. Лашкевича о займѣ денегъ для веденія процесса, Настасья Петровна писала къ Гр. Гр. Фридрикевичу:

55. Милостивой государь дѣдушка! Изъ сего писма изволите увидѣть крайнюю мою необходимость въ денгахъ, пожалуйте пособите дайте наставленіе, въ кого и какъ взять, естли можно достать въ черниговскихъ или въ Степановича, то пожалуйте прикажите обликъ написать и во свидѣтельство, естли милость ваша будетъ, на оному

---

[1]) Т. е. Александрою Павловною, своею женою, рожденною Кочубей и родною племянницею графа (послѣ князя) Безбородка.

подписатся, покорнѣйше прошу. Ваша покорнѣйшая услужница Настасия Лашкевичева. (*Собственноручно*).

56. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Ни одного случая не хочу упустить не извѣстя тебя, дражайшаго ангела моего, о себѣ, и признаться тебѣ, что я начинаю мучится найгорестнѣйшею мукою. Посуди сама, душа моя, сколько сіе быть должно тягостно: разставшись съ тобою, съ того самого времени, я никакого о васъ не имѣю, увѣдомленія; мнѣ это причиняетъ величайшую тоску. Утѣшь меня, жизнь, пиши покрайнѣй мѣри два раза въ мѣсяцъ, а инако, ты меня своимъ молчаніемъ замучишъ. Отправляю сіе письмо черезъ Верницкаго, откупщика раскольничихъ слободъ вашей губерніи, и съ нимъ ящикъ апельсинъ, въ коемъ всѣхъ 60, изъ которого я матушкѣ писалъ для себя взять 30, а другіе 30 тотъ часъ нарочнымъ отправитъ въ Боровичи для бабушки, для тебя, жизніоночка моего, и Сашечки, кои желаю во здравіе кушать. Не оставь также меня увѣдомить всѣ ли мои письма къ тебѣ дошли, ты сіе можешъ вдругъ увидѣть, считая нумера. Нужнымъ тебѣ поставляю сказать: сего мѣсяца 21-го былъ я на дачѣ у Петра Васильевича, нашего перваго благодѣтеля, и послѣ обѣда пошелъ я къ ему въ кабинетъ, чтобы узнать объ отвѣтѣ и мыслахъ по нашему дѣлу графа Безбородки, на что онъ изволилъ мнѣ сказать, между прочимъ, что графъ въ сіе дѣло не войдетъ. Я тогда ему началъ объяснять наше дѣло и, для лутчего еще по оному понятія, вручилъ краткую записку изо всего дѣла, которую онъ прочитавши, сказалъ своими словамы: «Будьте увѣрены, ничего не опасайтеся и ничего, что принадлежитъ женѣ вашей по матерѣ, не уступайте»! На Бога положась, будемъ ждать конца. Съ Сахновскимъ я познакомился, которой мнѣ сказалъ, что Григорій П. давно долженъ сюда бы быть, но видно стыдится ѣхать, ибо де и послѣдній разъ отсюда выѣжая, сказалъ «что конечно съ сестрою кончу дѣло миромъ», но показалъ публикѣ совсѣмъ тому противное. Я однакожъ такимъ баснямъ не вѣрю, а пишу тебѣ за извѣстіе. Экстрактъ по нашему дѣлу на слѣдующей недѣлѣ кончится, такъ я завѣренъ, а тамъ, какъ Богъ дастъ, буду управляться и готовлю каждому сенатору записку обстоятельную изо всего дѣла. Тебѣ же, душа мои, остается съ помощью дѣдушки и бабушки достать 1000 р. денегъ и прислать сюда неотмѣнно къ 10-му августа (какъ я уже прежде о семъ къ тебѣ писалъ), а инако будешъ на себя жалѣть, когда въ чемъ моя прозьба не успѣетъ ибо наше дѣло таково, что скорѣе, то лутче, а Боже сохрани продлится,

то можно тутъ на прахъ проживтся: подумай, день обходится 2 р. и 3 р., а иногда когда карета нужна, что пѣши обѣгать не могу вездѣ, тогда расходится на день 5 и 6 р., таковъ непомѣрный здѣсь расходъ. И такъ, со всего сего рассуждай, что выгоднѣе: разъ понесть и потеряться и дастъ Богъ выиграть, или медленными шагами ити и ожидать неизвѣстного. За скорою отправкою по сей оказіи, не успѣлъ писать къ м. г-нѣ бабушкѣ-матушкѣ и прошу тебя поцѣлуй въ ручки за меня, равно мѣрно и дочку мою Алексашу. Посилаю у сего ящичекъ апельсинъ къ дѣдушкѣ, что не умедли попроси бабушки отправить въ Чернѣговъ, я же къ ему теперъ потому ничого непишу, что о семъ вчерась по почтѣ къ ему уже писалъ, что посилаю сей гостинецъ через Боровичи. За симъ, цѣлуя тебя, дражайшего моего ангела, теперъ и поминутно, поруча тебя Божіему призрѣнію, прощай и имѣй въ мисляхъ твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Даниловскій, который ѣздилъ съ Г. П. въ чужіе краи, удивлялся; прежде, говорилъ онъ мнѣ о новыхъ, открывающихся дарованіяхъ у его воспитанника, а наконецъ я и самъ де дознавъ въ немъ во многихъ случаяхъ неисполненіе его обѣщанія и жалуется на него, что онъ здѣлалъ чувствительный убытокъ ему въ двухъ вещахъ, о чемъ пояснять тебѣ жалѣю моихъ трудовъ у бумаги, да и некогда. Г. П. повѣренный Аксювъ пріехалъ сюда, тяжело начинать, онъ имѣлъ повную повозку водокъ, которые раздани кое кому изъ сенатскихъ, между которыми полинную похваляютъ отмѣнно. *(1791 г., 30 іюня. Петербургъ).*

57. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самой почти отлучкѣ отъ сего мѣста г. Ханенка, я поспѣшаю черезъ его крикнуть словъ нѣсколько и сердечно тебѣ, дражайшему ангелу, благодарю за твое письмо подъ № 1-мъ; я получилъ вчерась весьма уже поздно, однако, жизнь моя, ты въ ономъ умолкла, что уже моихъ получила тогда еще два черезъ Шарая и управителя Петра Васильевича, гдѣ я между протчимъ писалъ о деньгахъ; оные мнѣ такъ нужны, что и представить тебѣ не могу, и неприсылкою оныхъ къ 1-му сентябру почуствуемъ великую потеру и можно дѣло проиграть, а другое и то, что могу я изъ голоду пропасть; я же съ моей стороны готовъ подать щотъ, куда я здѣсь деньги теряю: кафтана себѣ не здѣлалъ и хожу такъ, какъ Богъ далъ, можетъ быть и дѣлаютъ изъ меня критику, но мнѣ до того нужды нѣту. Я то знаю: платья человѣку цѣны не прибавляетъ, каковъ я уже есть, таковъ и буду.—М. г—ню бабушку-матушку прошу отъ меня въ ручки

поцѣловать. Денегъ я думаю въ Брахловѣ, въ Савинкахъ сколько нибудь, и въ Жукоткахъ, уже собрали, а къ тѣмъ сколько надобно будетъ до тисячи занять. Попроси матушку, чтобъ попросила у Корсака въ Семеновкѣ, и переслать оныя деньги ко мнѣ чрезъ Новгородъ-Сѣверской. Ожеговичъ другой день отъ сюда уже выѣхалъ. Прощай, душа жизни моей, до смерти пребудетъ непремѣненъ къ тебѣ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Больше писать не могу, г. Ханенко спѣшитъ отсюда выѣздомъ. Сашечку прошу поцѣловать за меня. *(1796 г., 18 іюля. Петербургъ).*

58. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, мой душа жизни моей Настенька! Пущенное отъ тебя изъ Брахлова подъ № 3-мъ, я получилъ въ мѣстѣ съ матушкинымъ исправно сего мѣсяца 7-го числа и затѣмъ вѣскорѣ и другое твое письмо через Войцеховича подъ № 5-мъ, также, дражайшій мой ангелъ, дошло къ моимъ рукамъ исправно. Много я обрадованъ тѣмъ, что имѣю вѣрное извѣстіе о твоемъ благосостояніи, но не знаю чему приписать, что послѣ 3-го, 5-й получилъ номеръ и гдѣ дѣвался № 4-й не знаю, на почти ли онъ пропалъ или ты, душа моя, ошиблась. Бога ради увѣдоми меня, ибо если ты не ведешъ записки, котораго числа подъ которымъ № отпущаешъ и получаешь отъ меня письма, то легко можешъ ошибится; но я держу мое мнѣніе, что на почтѣ письмо пропало, потому въ послѣднемъ моемъ письмѣ пишешъ, что бабушка ко мнѣ недавно черезъ Новгородокъ писала; думать я долженъ, что и ты, душа моя, такъ же писала, но я отъ бабушки ни одного письма не получалъ здѣсь. Ты ко мнѣ, сердце, пишешъ, что цѣна на горѣлку возвышается и требуешъ моего совѣта продать ли оную или нѣтъ; я не знаю урожаю и каковъ умолотъ хлѣба, а потому и цѣнъ оному; тебѣ сіе все тамъ извѣстнѣе для того, за совѣтомъ бабушки, оставя на шинки довольное число, лишнего для чего не продать, лишь бы хоть съ маленькимъ баришомъ, но разсчетъ вѣрный зделать. Вѣдь ты, душа моя, знаешъ, сколько мы хлѣба купили, и какими цѣнами, то не хочется убытку понесть. Нитокъ брабанскихъ и шелку черняго суконнаго, по твоему приказу, купилъ равно и фархоровыхъ черепокъ и блюдечокъ и табакерку бабушкѣ, и можетъ все оное доставлю, когда буду присылась Сашѣ няньку, о которой теперь стараюсь сыскать; одна было попалась что имѣетъ сына, и женщина благородная, небогатая, а сына того хочетъ хорошо воспитать и все сіе было бы на нашъ счетъ, то я ея не видя, отказалъ, избѣгая великихъ издержекъ и безпокойствъ, а то у нея было бы болѣ бъ заботы о своемъ сынѣ,

нежели о нашей дочкѣ. Ты себѣ представить не можешъ, сколько я теперь озабоченъ: требуютъ отъ меня мира на престранныхъ кондиціяхъ, о чемъ я обстоятельно пишу къ дѣдушкѣ и тое письмо прошу его сообщить бабушкѣ и тебѣ для прочету. Тебѣ, маминька моя, остается настоять, чтобъ скорѣе дѣдушка далъ мнѣ наставленіе мирится ли на тѣхъ кондиціяхъ, кои отъ меня предложены или нѣтъ, на самыхъ умѣренныхъ положеніяхъ, въ единовременое избѣжаніе могущихъ произойтить великихъ безпокойствъ, и безконечныхъ тяжбъ. Теперь ты ясно видишь мое безпокойство, что ни одной души нѣту, кто бъ могъ мнѣ что здѣсь посовѣтовать и съ кѣмъ поговорить искренно, а по всему сему и не вижу я конца, какъ скоро могу я отъ сюда выѣхать. Но братикъ любезной нашъ также не можетъ тутъ долго зажится, а будетъ спѣшить къ октябру мѣсяцу первыхъ числъ... Но я не понимаю, какъ мы раздѣлаемся; оба мы имѣемъ хорошихъ и славныхъ тутъ защитниковъ, но Богъ знаетъ на чію сторону дѣло будетъ. Не увѣдомила ты, жизнь моя, бросила ли ты себѣ кровь lorsque vous avez entendu l'enfent, sur lequel ma benediction et le quel je voudrai qu'il soit nai (né) dans la maison de ma cher grand mére par aport que vous avrai la tout pret le maidesin a Garodna, que j'aistime beaucoup et non pas celui qui eté autre fois. Vous entendé que celui de Starodoub je ne peu pas soufrir, je ne veux pas qu'il soi dans votre acouchement et sans mois encore. Dieu vous preserve et tout ça soit entre vous dit, si quelqu'un songa, vous perdrais m'amitier pour jamais. Все сіе я говорю, любя тебя. Прощай, жизнь души моей, цѣлую тебя поминутно, мысленно и никакіе мои печали здѣсь не могутъ ни на часъ изъ моихъ мыслей тебя вывести, и сія то самая мысль есть отрада въ моей горести, коей тогда лишусь, когда душа моя изъ тѣломъ разстанется. Не забывай вѣрнѣйшаго тебѣ мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Жаль мнѣ, что нѣту времени писать къ матушкѣ, а когда тебѣ случится писать, пожалуй, напиши, чтобъ не безпокоилась. Пашпортъ брату я уже получилъ, еще съ срокомъ на годъ съ 31 іюля до будущаго году 31-го іюля, съ превеликими трудами, а когда случится оказія вѣрная, то оной пришлю или же можетъ быть дастъ Богъ то и самъ привезу. М. г—ню бабушку матушку прошу за меня въ ручки поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго поклона. Сестрицѣ Варварѣ Степановнѣ кланяюсь и благодарю, что она тебѣ дѣлаетъ компанію въ путешествіяхъ. Алексашѣ запечаталъ письмо нарочно великою печатью, знаю, что ей печать пріятнѣе будетъ, чѣмъ

то что въ срединѣ написано. Не худо тебѣ, ангелъ мой, притвердить, чтобъ дачокъ жукотской велъ въ дворѣ записку, а инако затрудненіе будетъ; вить А. не гораздо грамотенъ, онъ проворенъ и расторопенъ. Да прикажи, чтобъ шинкарамъ не вѣрилъ горѣлки на вѣру, а больше всего старатся засѣять земли порядочно; тамъ еще по моему разсчету, должно быть стараго хлѣба на лицо около 30 четвертей, а больше всего, чтобъ подушнаго збору не запускали; это страшная вещь. Когда буду присылать бабу для Алексаши, то пришлю съ ней Кирюшку; онъ уже два мѣсяца учится на поварнѣ у Петра Васильевича и майстеръ его весьма хвалитъ, и уже почти ему нечего больше учиться; и еще кое что, когда сищу съ собою ненужное, дабы мнѣ здѣсь, какъ на легкой ногѣ тутъ остатся, въ ожиданіи благополучного вѣтру, чтобъ Богъ меня отсюда вынесъ. *(1791 г., 11 августа. Петербургъ).*

59. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ души жизни моей Настенька! Письмо отъпущенное тобою изъ Боровичъ подъ № 4-мъ, о которомъ я думалъ, что оное пропало, вчерашняго дня дошло до моихъ рукъ исправно. Хотя часто къ тебѣ, дражайшій ангелъ, пишу, но мнѣ кажется, что все рука моя того не выполняеть, какъ чувства мои ей повелѣваютъ и сколько кратно ни дѣлаю открытія моего сердца черезъ бумагу, но едвалъ удобно потому пояснить тебѣ всю боль сердца моего и той грусти, коей я отъ разлуки терзаюсь; да и средства нѣту къ облегченію сей злой участи кромѣ безпокойнаго терпѣнія и ожиданія безпредѣльнаго, не видя конца въ дали. Воображеніемъ мучусь! Обнадеженъ, что скоро дѣло рѣшится, но какой оборотъ возметъ, не могу предвидѣть, а примѣчаю, что графъ Б(езбородко) вступается за нашего родича, который включаетъ, жалуясь на тебя, вездѣ, вмѣняя между протчимъ и то въ преступленіе, что вышла за мужъ за такого человѣка, у котораго болѣе шести душъ во владѣніи пѣту. Теперь же остается тебѣ судить, естли сего не стыдился сказать, что можетъ удержать присовокупить все протчее, что только удобно обмарать нашу невинность. Нѣтъ другого средства, какъ только все перенося, вручить себя Всемогущему, пусть онъ ему судитъ. Наконецъ, цѣлую тебя мысленно поминутно, предаюся вѣчному твоему незабвенію и непоколебимой любви, остаюсь до послѣдней минуты жизни моей, вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ сенатѣ мы всякій день съ любезнымъ братикомъ видимся, но онъ всемѣрно уклоняется, чтобъ долго со мною не

заговорится, однако сенатъ обовязалъ насъ подпискою, чтобъ мы всякій день являлись, покуда дѣло выслушано будетъ.

Душенька Настенька, поцѣлуй за меня Сашечку. Сестрица Варвара Степановна, когда съ тобою, прошу кланятся. *(1791 г., 14 августа. Петербургъ).*

60. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, душа жизни моей Настенька. Постигаютъ иногда всякаго человѣка нечаянная встрѣча, то теперь и со мною дѣлается. Благодѣтель нашъ Петръ Васильевичъ по не однократнымъ переговорамъ съ графомъ Б., положили, чтобъ конечно дѣла наши конецъ (sic) миромъ прекратить, и разуждено, что здѣсь не можно сего исполнить тутъ, потому что батюшка, отъ котораго намъ прощеніе получить, такъ равно какъ бабушка, отъ которой прощеніе получить Григ. Пет. и часть имѣнія, а потому условясь на какихъ кондиціяхъ мирится въ присудствіи Петра Вас., а потомъ въ другой разъ, отъ стороны графа Б., передъ Суденкомъ. 1) Чтобъ Григ. Пет. далъ тебѣ равную противъ себя часть Любецкой волости, также и въ движимомъ имѣніи; 2) а когда бабушка его проститъ, то выдѣлить ему часть половинную изъ того имѣнія, что бабушка тебѣ пожаловала; 3) не касаясь отнюдь части Ник. Мих.; 4) всѣ дѣла вездѣ уничтожить и ѣхать съ нами къ батюшкѣ съ письмомъ графа Александра Андреев., который будетъ писать, чтобъ онъ насъ простилъ, 5) я ему уступаю всѣ протори и убытки; наконецъ 6) чтобъ раздѣлку и миръ необходимо кончить въ полтора мѣсаца неотмѣнно. Я же буду имѣть письмо отъ Петра Васильевича къ дѣдушки Григ. Григ. и къ Андрею С. (Милорадовичу), чтобъ насъ мирить и онъ будетъ имѣть о семъ письма къ бабушкѣ (и) къ дѣдушкѣ отъ графа. Долженъ тебѣ сказать, что причины къ согласію меня на сіе понудившіи, суть весьма важные, о которыхъ теперь ни слова не пишу, а нѣсколько усмотрѣть можешъ о томъ изъ письма моего къ дѣдушкѣ, а лутче узнаешъ за моимъ приездомъ, обстоятельнѣе перескажу. Въ заключеніе сего величайшимъ восторгомъ сердца моего скажу тебѣ, дражайшій ангелъ мой, что я скоро буду имѣть сіе несравненное ни съ чѣмъ мнѣ на свѣтѣ счастіе, что видѣтъ тебя, душечку мою, въ моихъ объятіяхъ. Я съ Григ. Пет. отсюда вмѣстѣ, какъ друзья, выѣжаемъ 1-го или 2-го сентября, и можетъ быть, съ помощію Божіею, съ тобою увижусь около 15 сентабря. Мы съ нимъ будемъ вмѣстѣ и къ бабушкѣ, (которую теперь, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія, прошу въ ручки поцѣловать). Я рвусь, что скорѣе намъ отсуда никакъ не можна выѣхать, потому что братецъ нашъ лю-

безный такъ видно тихонько сюда свакалъ, что карету сломалъ, которая теперь лѣчится, да и я симъ временемъ разсудилъ, сколько нибудь себя обшить, нашедши мой гардеробъ весьма въ худомъ положеніи. Въ ожиданіи сего наиприятнѣйшаго времени, цѣлую тебя мыслено. Жди, ангелъ мой, жди твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Сашѣ по сіе время не могъ я найтить няньки, а когда попадется сими днями, то при себѣ еще отправлю, а инако взялся за сію комисію Даниловскій, что какъ скоро сищетъ, то и пришлетъ, здѣлавши съ ею контрактъ. Дочку мою прошу поцѣловать за меня. *(1791 г., 21 августа. Петербургъ).*

61. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Прилагаю у сего написанной вѣрующій листъ на имя мое отъ бабушки мнѣ, которой доложи бабушкѣ, чтобъ изволила подписать, такъ точно, какъ написанно въ запискѣ, которую здѣсь сообщаю, а потомъ, чтобъ сискала двухъ свидѣтелей, Каневского напримѣръ одного, а другаго Ющенка, и попросила бъ оныхъ во свидѣтельство подписаться на семъ вѣрующемъ листѣ и оной ко мнѣ обратно присылай, душа моя, неотмѣнно въ субботу на ночь, или же въ недѣлю къ обѣду, ибо въ понедѣльникъ надобно мнѣ съ Григор. Петрович. подать въ судъ о мирѣ. Дѣдушка о семъ ничего не пишетъ, потому, что недавно писалъ, а мнѣ приказалъ сію комисію исполнить, что все сдѣлавши точно такъ какъ пишу, доставте мнѣ въ скорости. Отъ Андрея Степановича сейчасъ курьеръ посланъ въ Гамалѣевку для подписи извѣстныхъ тебѣ бумагъ, но я думаю, что онъ не возвратится прежде Покрова, а потому ни я и никто изъ насъ не будетъ къ вамъ ближе 4-го октября, посему болѣе, что много работы здѣсь около бумагъ надобныхъ для миротворенія и я изъ сей стороны много озабоченъ.

Прилагаю здѣсь письмо къ матушкѣ, пожалуй, ту же минуту отправъ въ Брахловъ, тамъ нужнѣйшее письмо къ Саввѣ Павловичу, который когда пріедетъ съ Боровичъ, то попроси его, чтобъ ехалъ въ Коропъ по дѣлу савинскому и что тамъ дѣлать, то я о томъ пишу, а твое дѣло ему на дорогу дать 15 руб. Жаль мнѣ, что я отдалъ повѣстку Каламенку, который когда еще тамъ, то ты, жизнь моя, возьми у его оную повѣстку и поручи ея Гзовскому, когда онъ пріедетъ въ Боровичи; когда же Каламенко сюда явится, съ повѣсткою, то я отсюда повѣстку ту нарочнымъ къ тебѣ доставлю. Весьма мнѣ прискорбно, что я на тебя не успѣлъ еще и наглядѣтся. Прощай, маминька, ангелъ мой, цѣлуй въ мысляхъ лобызающаго тебя вѣрнѣй-

шаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ню бабушку-матушку поцѣлуй за меня въ ручки, Сашечку въ головку. *(1791 г., 26 сентября. Черниговъ).*

62. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самомъ началѣ моего сюда пріѣзду встрѣтилась мнѣ дорога неожидаемая, отъ того: не заставши я тутъ Григорія П., а узналъ, что поѣхалъ въ Нѣжинъ по требованію Осипа Степановича Суденкова, я тотъ же день, взявши подорожную, туда поскакалъ и дождался тамъ пріѣзду Суденкова, который меня ласково принялъ и показалъ свое удовольствіе о нашемъ мирѣ, а потомъ мы и растались. Я симъ случаемъ доволенъ, что съ нимъ расквитался и не нужно мнѣ уже будетъ ѣхать въ Новгородокъ. Я для тебя, дражайшій мой ангелъ, купилъ мѣхъ куньій на шубейку, которой у сего посылаю и желаю, чтобъ сія присылка могла тебѣ понравится, и совѣтую заразъ пошить, а покрить атласомъ тѣмъ, что на шубѣ былъ. Меня здѣсь братецъ такъ отаковалъ, что я инако не могу, какъ долженъ сегодня съ нимъ ѣхать въ Жукотки и въ Любечъ, къ обозрѣнію и описанію имѣнія. Таковъ оборотъ мнѣ не ожидаемой весьма не нравится, но нѣчимъ перемѣнить; чѣмъ скорѣе объѣхать, тѣмъ лучче, а потому болѣе, что еще теперь снѣгомъ земля не покрыта. Но какъ такова нечаянная мнѣ дорога послѣдовала въ то время, что я не былъ къ ней готовъ, то здѣлай милость по приложенной у сего запискѣ все пришли ко мнѣ въ Жукотки или въ Любечъ. Посылаемое жъ здѣсь къ матушкѣ письмо, пожалуй, отправь заразъ; я жъ теперь въ такой растройкѣ, что не могу о себѣ ничего сказать: гдѣ, когда я буду и скоро ли тебя увижу, что мнѣ больше всего несносно, и ты меня, душечка, не послушала и не поѣхала со мною, а теперь мы вмѣстѣ были бъ. М. г-ню бабушку прошу отъ меня въ ручку поцѣловать. Прощай, жизніоночекъ мой, любящого тебя вѣрнѣйше и цѣлующего тебя въ мысляхъ поминуто, преданнѣйшаго мужа и искренного друга Иванъ Лашкевичъ.

Сашечку мою поцѣлуй за меня. Пожалуй, ангелъ мой Настенька, пиши же сколько нибудь къ матушкѣ, хоть нѣсколько строкъ. *(1791 г., 18 октября. Черниговъ).*

63. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Поздравляю тебя на вѣкъ при Жукоткахъ и со всѣми приписными къ Жуковкамъ селами, деревнями и всѣми и всякими угодіями, такъ точно, какъ ты уже и видѣла дѣльчій реестъ написанной мною въ Боровичахъ, которой вчерась я въ лицѣ твоемъ,

ангелъ мой, подписалъ; а братъ Григорій Петровичъ Любецкую часть подписалъ же, при свидѣтеляхъ оба. И вчерашняго же дня имъ и мною, въ уѣздномъ Черниговскомъ судѣ сознана уже сія на вѣчніе времена раздѣлка. Благодареніе Всемогущему Творцу, а потомъ и благодѣтельницѣ матерѣ нашей бабушкѣ, виновницѣ нашего благополучія, которой принеси надлежащую признательность, за себя и за меня, и разцѣлуй руки ея, что равномѣрно и самъ я за пріездомъ исполнить долженствую. Теперь же я для того только остаюсь здѣсь, чтобъ выпись изъ суда о нашей вѣчной роздѣлки получить, а притомъ, чтобъ при себѣ отправить управляющаго Григорія Петровича съ нашимъ Гуріемъ для принятія отъ волости Любецкой къ жукотскому хозяйству села Радьковки съ протчими деревнями, мельницами и лѣсами, немало не медля. Никакъ не могу быть къ вамъ, а потому и доведется пріехать вмѣстѣ съ Григоріемъ Григоріевичомъ. Прилагаемой у сего приказъ, какъ можно скорѣе, черезъ Гришку, когда онъ выздоровѣлъ, отправляй въ Савинки, верхомъ на разѣжей лошади, яко о нужнѣйшемъ дѣлѣ: недостатокъ крайній на горѣлку въ Жукоткахъ, то я требую присилки оной, какъ можно скорѣй. Праздникъ ближится, а къ тому же и шинковъ много прибавилось.

Жизніоночокъ мой, Настенька, позабываешь ты на меня, ни слова о себѣ не извѣщаешъ и о дѣткахъ, а я тебя, душечку, просилъ. Жду возвращенія нетерпѣливо сего нарочнаго съ извѣстіемъ о твоемъ благосостояніи; цѣлую тебя, маминьку, безпрерывно мисленно и пару моихъ голубятъ. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

Прилагаемые у сего бумаги въ палату попроси бабушки подписать, такъ точно, какъ я въ запискѣ написалъ форму и другую форму, какъ подписывать свидѣтелямъ, тутъ же прилагаю и подписавъ, при печатяхъ, Бога ради, поспѣшайте прислать сіи бумаги въ слѣдующую неделю на ночь, неотмѣнно. *(1791 г., 18 декабря. Черниговъ).*

64. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Нельзя лутче, какъ ты исполнила порученную тебѣ комисію въ расплаткѣ съ Ющенкомъ, и когда дастъ Богъ, то продажа горѣлки нашей доставитъ намъ удовольствіе поквитаться съ нимъ. Когда Ждановичъ не сдѣлалъ помѣты за годъ, то пожалуй душа моя, попроси у Уляни Семеновни, чтобъ она къ ему письмомъ адресовалась, (а у бабушки попроси человѣка послать съ тѣмъ пись-

момъ къ г. Ждановичу), и привезъ бы тотъ человѣкъ отъ Ждановича росписку, что онъ получилъ процентъ за годъ впередъ.

Слава Богу, у насъ все мирно и спокойно, всѣ бумаги перепискою окончени, дѣлчіе реестры подписаны, Брахловъ нашъ и при немъ мужеска полу 430 душа; братъ взялъ Любечанскую часть и тамъ теперь стало мужеска полу 429 душъ. Я теперь посылаю въ Савинки за перепечайкой и другими подробностями, а тебя, свѣтъ мой, о всемъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу приежай сюда десятого числа, яко полная хозяйка въ семъ уголочку, гдѣ ты любезна мужу и полезна будешь дому, и наконецъ, гдѣ все ждетъ твоихъ повелѣній. А при томъ, ангелъ мой, сама знаешъ, что сколько нужно намъ поспѣшать въ Жукотки отъсель, устроя и здѣсь теперь порядокъ; во первыхъ, мы всѣ сегодня, матушка, я и братъ, ѣдемъ въ Стародубъ, яко на ближайшій урядъ, сознать наши раздѣлочвіе реестры, и отътоль, какъ можно будетъ поскорѣе поспѣшать. Бабушку, пожалуй, поцѣлуй за меня въ руку. Никакъ болѣе писать нѣкогда. Прощай, душа жизни моей, ангелъ мой, поминутно мисленно тебя цѣлую, Сашечку и Парашу поцѣлуй за меня—а Петруша нашъ началъ кашлять, а особливо ночью почасти, для того то и мы скоро будемъ стараться воротиться, и ты, душа моя, пожалуй, пріежай сюда поскорѣе, чѣмъ утѣшишь преданнѣйшаго тебѣ друга и вѣрнѣйшаго мужа Иванъ Лашкевичъ.

По тройкѣ рядомъ не можно тебѣ ѣхать, а вели Гришкѣ запрягти журавлемъ, а Степка будетъ хворетеромъ. Да рѣкой ради Бога, не хватайсь, здѣлай милость. Безбородко сапожникъ уже здѣсь и проба ему сдѣланна, и прекрасно шьетъ. (*1795 г., 7 января, Брахловъ*).

65. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Приехавъ, живу я и остаюсь еще здѣсь на нѣсколько дней въ превеличайшей скукѣ: все тутъ хорошо, всего много, да тебя со мною нѣту, то божусь тебѣ богомъ, ничто и не веселитъ.— Жатва здѣсь, слава Господу, окончена наша и въ гумна вьвезенна; въ Жукоткахъ—600 копъ, въ Полуботкахъ 240 копъ, въ Павловкѣ 220 копъ, а всего ржи 1060 копъ. Ярина по сю пору посредственна, по причинѣ суши; но естли пойдутъ дожди, то еще надежда есть къ поправкѣ. Старая четверть жита продается здѣсь 3 р. 20 к, и ожидаютъ низшей цѣны. Въ Иржищѣ (?) жъ было 4 четверти. когда Прокопъ былъ тамъ, однакъ тогда не было новаго хлѣба, а потому опять посылаю въ Иржище провѣдать о крайней цѣнѣ, да

уже тогда и рѣшимся, гдѣ покупать жито. За Десною великой урожай на озимой и яриной хлѣбъ, то и тамъ можно будетъ купить. Я отъсель на малое время ѣду въ Радьковку. По возвращеніи сюда, полагаю выехать къ тебѣ 5-го числа слѣдующаго мѣсяца и буду ожидать, съ превеличайшимъ нетерпѣніемъ, возвращенія отъ тебя сего нарочнаго, съ увѣдомленіемъ о твоемъ всего на свѣтѣ дражайшемъ для меня здравіи, и какъ скоро сей податель ко мнѣ отъ тебя возвратится (коего, пожалуй, не удерживая, отправляй), то я отъ сюда и выеду къ тебѣ въ Брахловъ, хотя и прежде 5-го числа. Сію минуту является, душечка, твое ко мнѣ письмо чрезъ самого того человѣка, что раскольника возилъ и мнѣ прежестоко досадно, что тотъ бездѣльникъ письмо мое, къ тебѣ писанное, удержалъ, въ которомъ я писалъ кое о чемъ нужномъ; для того, когда оное по сю пору ты, ангелъ мой, не получила, то не худо тебѣ послать нарочнаго въ Климову, къ тому плуту Самуся за письмомъ моимъ. Пожалуй, жизнь моя, не оставь увѣдомить о нажонѣ; по сю пору я не сискалъ на горѣлку купца; Силичь свою продалъ въ Чернѣговъ 1000 в., по 1 р. 70 к. Чѣмъ насъ Господь помилуетъ? Не оставъ душечка, справится съ Полтавцемъ, когда срокъ въ Стародубъ отдать Кононову хлѣбъ, братый мной для мужиковъ, и не довѣряясь, сама заглянь въ копію моего облика, которой есть при экономіи. Естли сей податель поспѣетъ на ту пору, когда будутъ у тебя копы возить, то чтобы сей склалъ, хотя одну скирту, по здѣшнему манѣру. Посилаю при семъ сорокъ рублей денегъ на заплату подчинки матушкиной кареты, которую напередъ пусть осмотритъ ея кучеръ Петро и нашъ Иванька, съ коими отправь и писаря въ Солову съ контрактомъ, противъ котораго буде та карета за обозрѣніемъ найдется такъ точно во всемъ подчиненна, какъ сказанно въ контрактѣ, тогда прикажи, душа моя, оную карету взять, а деньги сіи, что слѣдуетъ, заплатить и карету при письмѣ отошли къ матушкѣ, а за ресорами приедетъ со мною каретникъ, которихъ безъ его нѣкому взять, потому что онъ ихъ на передъ долженъ осмотрѣть, кои боюсь, чтобъ такъ не были, какъ колись, спасибо имъ, подчинили, что подъ Полуботками поламались и здѣсь я ее опять прикажу поправлять, и теперь уже надѣюсь крѣпка будетъ. Записку отъ Федора Герасимовича въ твоемъ письмѣ я получилъ и должно объ немъ хорошо думать и поблагодарить, хотя мы и до полученія ея уже послали, но теперь кажется легче на животѣ, знавши, что кажется не попустому Булашевичъ съѣздитъ. Въ Чернѣговѣ новинъ нѣтъ

никакихъ, только дядюшка Иванъ Степановичъ (Леонтовичъ) приказалъ долго жить, а на его мѣсто уже избранъ Ожеговичъ. А Васильевна твоя оплакиваетъ постигшую кончину отъ морозовъ несчастныхъ гирковъ, да съ такою чувствительностью, что только ей одной сродно. А вънротчемъ, все слава Богу на огородѣ хорошо, а въ саду на диковину фруктовъ довольно; также и склянковыхъ, а особливо грушъ. Я забылъ тебя при своемъ отъѣздѣ попросить, то теперь пришло на мысль мнѣ: здѣлай милость, ангелъ, естли въ поле или на хуторъ будешъ ѣхать, то всегда при себѣ лакея имѣй, всякои случаи бываютъ въ дорогѣ и нечаянной, или спужать что можетъ или и другое что, Бога ради, соблюди и исполняй сію мою прозьбу. Посылаю къ матушкѣ письмо, которое буде матушка въ Галагановкѣ, то при своемъ туда аташли. Вѣдомости прикажи прикажчику ко мнѣ не присилать, ибо я самъ надѣюсь непремѣнно быть въ Брахловъ къ 7-му числу слѣдующаго мѣсяца. Посылаю при семъ журналъ мѣсяца апреля, которой очень любопытенъ, а особливо послѣдній въ немъ листочекъ, а тебя, душечка, прошу отискавъ въ Стародубѣ газеты, чрезъ сего неотмѣнно мнѣ прислать, которыя въ дорогѣ для обратного пути будутъ великую кампанію дѣлать, а инако со скуки можно занудиться. Изо всѣхъ дней моего здѣсь прожитія я считаю сей часъ наипріятнѣйшимъ для меня, въ который я съ тобою, жизнь жизни моей, посредствомъ сего переводчика говорю. Находясь долго я въ размышленіи о долгѣ Посудевскому и нехотя уже, и совѣстясь у его просить отъсрочки, а къ тому и не знавъ еще совершенно, гдѣ доведется хлѣбъ покупать, съ покупкой, коего еще можно подождать недѣль пять, а до тѣхъ поръ не дастъ ли Господь Богъ продать горѣлки, и такъ думавши и передумавши всѣ свои обстоятельства, рѣшилъ отдать Посудевскому 1000 р., кои деньги и отослалъ чрезъ управителя сего дня и обликъ нашъ получилъ сей часъ обратно, а Посудевскаго письмо для твоего свѣдѣнія при семъ влагаю. Писать болѣе, ей Богу, рука болитъ, а затѣмъ напоеваясь мысленно удовольствіемъ, цѣлуя тебя поминутно, а ты за меня Петрушу поцѣлуй, когда онъ умникомъ сталъ.—Прощай, жизнь души и жизни моей Настенька. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій на свѣтѣ другъ Иванъ Лашкевичъ *(1795 г., 21 Іюля, Брахловъ).*

66. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Сего мѣсѣца перваго числа я на ночь приехалъ сюда, съ котораго времени по сей день есть довольно и людямъ и мнѣ товкот-

печи,—плити стоятъ, не шуточки!—Но при томъ я своей ни одной колоды не свалилъ, а кое какъ и обошелся, часть купилъ, а часть позичилъ. Въ байдакъ уже вкинуулы 32 бочки, да на одномъ плиту по сей часъ 12, и естли Господь поможетъ, надѣюсь байдакъ отпустить чрезъ три дни, но та бѣда, что вода не подъживаетъ, и подниметъ ли по сей причинѣ байдакъ нашъ всю горѣлку, весьма объ томъ сокрушаюсь, а надежда очень для меня не лестная: въ бытность мою здѣсь прошло народу изъ сорока семи байдаковъ въ домы, бросивши на Днѣпру байдаки, нагруженіе солью, коихъ за малою водою не могли они до Радули и Витки притягнути, чтобъ всѣ тѣ преодолѣть трудности. Берутся мною великія мѣры, дай только Господь помощь, а инако—послѣдняя вѣстъ будетъ горше первой. За присилку булокъ и огурцовъ премного благодарю и, потребованію вашему, посылаю часнику 5 вѣнковъ, да и Нанкину (?) пишу въ Жукотки приказъ, чтобъ былъ купленъ и врученъ бы сему подателю. Я жъ, когда буду къ вамъ, въ Боровичи, не могу заподлинно сказатъ и буду обстоятельнѣе обо всемъ писать изъ Жукотокъ, а теперъ больше нѣкогда. Кубъ вмазанъ, да муки нѣту, такая бѣда, мельници почти молчатъ. М. г—нѣ бабушкѣ, пожалуйста, душа моя, свидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и дѣтей благослови и поцѣлуй за меня. Учителемъ Петрушѣ непремѣнно буду стараться. Возвращаясь отъ сего черезъ Довжикъ, надѣюсь тамъ узнать о телицахъ, пришли оныя или нѣтъ и непремѣнно тебѣ ихъ куплю. Прощай, ангелъ мой, цѣлую тебя поминутно, мысленно, твой на вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. (*1797 г., 7 октября. Радьювка*)[1]).

Слѣдующее письмо писано Ивану Степановичу Лашкевичу тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Іерофеемъ (бывшимъ черниговскимъ архіепископомъ), который, какъ видно, принималъ близкое участіе въ примиреніи отца и тестя съ дочерью и зятемъ.

---

67. Милостивый государь Иванъ Степановичъ! Любя и почитая васъ, не менше и жалѣя, что чрезъ толь долгое время не удостоились лично родительскаго благословенія у Петра Степановича, недавно въ Кіевѣ бывшаго, я сколько могъ склонялъ его сердце къ чистому обращенію къ вамъ. Добрая его душа, какъ мягкой воскъ, все желаемое изобразить на себѣ допустила. О семъ благопріятномъ и радостномъ для меня случаѣ, извѣщая васъ, совѣтую и прошу не

---

[1]) Село черниговскаго уѣзда, при р. Деснѣ.

теряя времени, съ расположеніемъ истинно сыновскихъ и христіанскихъ сердецъ, поспѣшить, купно съ супругою Настасіей Петровной, въ обятія его, недалѣе, какъ первыхъ числъ слѣдующого ноября. Но прежде прямо должны вы ѣхать въ Лохвицу, къ Ивану Осиповичу Гамалѣи. Онъ будетъ споспѣшествовать благому сему дѣлу. А я отъ всея души желая спасительнаго событія, съ почтеніемъ и усердіемъ пребуду навсегда у вашего высокоблагородія, милостивого государя, всѣхъ благъ искренный желатель, богомолецъ и слуга Іерофей, митрополитъ кіевскій. Не упускайте, любезный пріятель мой! времени, не отлагайте на далѣе. Все оставя, совокупно съ Настасіею Петровной въ Гамалѣевку изволте отправится, то есть, чтобъ по крайней мѣрѣ къ 10 числу слѣдующаго ноября тамъ были. Петръ Степановичъ въ объятія свои васъ пріиметъ и радостнымъ сердцемъ отечески обыметъ, увѣряю. Вотъ вамъ и писмо, которое лично его превосходительству поручите. *(1798 г., 20 октября. Кіевъ).*

Участіе митрополита Іерофея, какъ видно изъ слѣдующаго письма, писаннаго П. С. Милорадовичемъ къ тещѣ, имѣло успѣшный результатъ.

---

68. Милостивая моя государыня, матушка Анастасія Степановна. Письмо ваше чрезъ зятя моего, Ивана Степановича г. Лашкевича, я получилъ сего ноября 3-го числа и сердечно радуюсь, что вы по милости Божіей находитеся въ добромъ здоровьи, а я за приездомъ моимъ съ Кіева, октября 21 числа, жестоко занемогъ, а нынѣ по милости Божіей хотя есть немного легше, однакъ нахожусь въ великой слабости. Зять мой, Иванъ Степановичъ г. Лашкевичъ, зъ дочерью моею Анастасіею Петровною и сыномъ своимъ Петромъ, приехали ко мнѣ сего ноября 3-го числа, которыхъ я приняль съ душевною моею искренною радостью. Оные прожили въ меня сего ноября до 7-го числа, которихъ я отпустилъ съ моимъ грѣшнымъ родительскимъ прощеннемъ и благословеніемъ. Я также отъ васъ всепокорнѣйше прошу милостиваго мнѣ прощенія, въ чемъ я предъ вами, отъ невѣдѣнія моего или же неосторожности, согрѣшилъ, и сердечно желаю да всемогущій Господь укрѣпитъ сили ваши и даруетъ вамъ здравіе и благополучіе. Притомъ свидѣтельствуя вамъ мой нижайшій поклонъ и почтеніе, пребываю съ усерднѣйшимъ моимъ доброжелательствомъ и отличнымъ почтеніемъ всегда всегда и всегда, васъ, м. г—ни моей матушки, покорнѣйшій сынъ и слуга Петръ Милорадовичъ. *(1798 г., 7 ноября. Гамалѣевка).*

69. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ жизни моей, Настенька! Я сюда пріехалъ благополучно, всѣ наши близкіе меня ласково пріемлютъ. Михаила Павловича (Миклашевскаго) нѣту въ городѣ, онъ поѣхалъ губернію объежать а Настасья Яковлевна съ обоими сынами на жильи до тѣхъ (поръ?) въ Понуровкѣ будетъ его ожидать, куда и выѣхали уже. И такъ я по дѣламъ о Пакульщинѣ мало что поговорилъ съ Андреемъ Максимовичемъ, чему былъ свидѣтелемъ Григорій Петровичъ. Я наконецъ обнадеженъ отъ Андрея Максимовича о хорошей перемѣнѣ, что зрѣть и надѣется должно по свойству доброй его души. Григорій Петровичъ съ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) ѣдутъ къ бабушкѣ 25-го числа мѣсѣца и просятъ и тебя до того времени побыть въ Боровичахъ; и я на то согласенъ, чтобъ ты, ангелъ мой, когда хочешь, дождися ихъ въ Боровичахъ. Но Гроховского присилайте прямо къ 20-му числу непремѣнно ко мнѣ въ Жукотки, гдѣ и Григорій Петровичъ будетъ у меня на возвратномъ пути изъ Любеча, куда ѣдучи сегодня будетъ ночевать въ Жукоткахъ, и мы съ нимъ въ Жукотки и ѣдемъ, и въ четвергъ онъ будетъ у меня и обѣдать. И естли ты останешься въ Боровичахъ, то пошли въ Брахловъ навѣдаться о дѣтяхъ и отошли письмо къ Неровному и прикажи Леонтію, чтобъ его на обывательскихъ (довезли?) до Боровичъ, а изъ Боровичъ до Полуботокъ. Попроси у бабушки ему о обывательскихъ лошадяхъ, а притомъ пожалуй, душа моя, напиши къ Леонтію, чтобъ писарь съ Гришкою послалъ бы въ Понуровку о собакѣ провѣдать и естли она тамъ, то попросилъ бъ объ отъдачѣ его со всею пристойностью. Землемѣръ въ Подоловъ сегодня ѣдетъ почтою, но какъ ему тамъ необходимо нужно чорніе листи роздѣлочныхъ Подолова иМитченикъ, то о семъ ангелъ мой доложи бабушкѣ, чтобъ нимало не медля, тѣ листи роздѣлочніе Подоловскіе и Митченковскіе съ надежнимъ нарочнымъ отослала при своемъ приказѣ въ Подоловъ къ Якову Анищенку для порученія г. землемѣру. Сейчасъ ѣду къ архирею для подачи прозьбы для благословенія на перекрытіе Брахловской церкви. М. г—нѣ бабушкѣ прошу мое почтеніе доложить и въ ручку поцѣловать. Отъ Григорія Петровича у сего письмо прилагаю. И я съ нимъ и своего пѣшего нарочнаго посылаю, чрезъ котораго, пожалуй, увѣдоми о себѣ обо всемъ, чего нетерпѣливо ожидаю, а писать болѣе недосужно, а цѣлую тебя мысленно поминутно, тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1800 г., 16 мая. Черниговъ).*

70. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настасья Петровна! Сколько бы я не желалъ приехать къ 25 числу сего мѣсяца вмѣстѣ съ братіями въ Боровичи, но мнѣ того не возможно здѣлать и тѣмъ я много времени теряю, а присутствіе мое и въ Боровичахъ пользы особливѣйшей не принесетъ, а потому счасти Боже, вамъ тамо управлятся,—я же тутъ окончивши что слѣдуетъ, буду поспѣшать, ангелъ мой, къ тебѣ въ Брахловъ. Вчерашняго дня здѣсь обѣдалъ Григорій Петровичъ и много трактовали о дѣлѣ бабушки съ Лисенкомъ, но не можно еще дать ему конечной резолюціи, для которой г. Гроховскій сегодня ѣдетъ въ Чернѣговъ, а оттоль явится въ Боровичи, котораго неотмѣнно уже надобно изъ Боровичъ доставить къ 5-му числу слѣдующаго іюня мѣсяца въ Глуховъ, о чемъ всемъ пожалуй, душа моя, доложи м. г—нѣ бабушкѣ, и, при засвидѣтельствованіи моего ей глубочайшаго почтенія, поцѣлуй за меня въ ручку. Объ успѣхѣ моего здѣсь пребыванія скажу тебѣ, что корпусъ службъ уже заложенъ, козака Сенчука со всѣмъ его грунтомъ скупилъ, земли на 5 четвертей посѣвомъ, и онъ переходитъ на жительство въ Козелъ, гдѣ уже онъ и купилъ грунтъ себѣ. Въ Нѣжинъ Кіанцовъ отъпущенъ для покупки пѣчей и красовъ для маляра,—здѣсь полы малѣвати, двери и окна. Въ Нѣжинъ Кіанцову отпущено 250 р.; маларъ договоренъ на всю вышеписанную работу за 130 р. Завтра ѣду въ Павловку, чтобъ кончить, когда можно миролюбно съ Звонкевичемъ и Еньчихою... Сегожъ нарочнаго посылаю къ тебѣ, ангелъ мой, чтобъ знать о твоемъ положеніи, а при томъ посылаю при семъ мѣдною монетою 300 р., кои деньги вели здать Григорію Герасимовичу, а на оныя имѣющеесь у его мое письмо прими и то самое письмо мое, данное ему для вида на триста рублей, пожалуй, ко мнѣ при своемъ письмѣ чрезъ сего нарочно пришли неотмѣнно, а наконецъ скажи, ангелъ мой, Улянѣ С., что я, по приездѣ моемъ въ Боровичи, заплачу имъ самъ по разчетѣ за сіи 300 р. процентъ, а сего нарочнаго безъ удержанія прошу ко мнѣ поворотить. Я очень озабоченъ знать, какъ у васъ окончится объ имѣніи бабушки за свиданіемъ съ братцами, о чемъ не оставь, душа моя, увѣдомить чрезъ того подъводчика, которой привезетъ Гроховскаго къ вамъ въ Боровичи, а равно напишешь, когда намѣрена выехать въ Брахловъ. Надъ Днѣпромъ, въ доль, въ лѣсной полосѣ вывелась въ величайшемъ количествѣ сарана и она уже движется на востокъ, и должно ее сюда скоро ожидать изъ Радьковки, естли Господь не помилуетъ. Она по сіе время такъ зла,

что ѣстъ жито, овесъ и ячмень и ночуетъ на хлѣбѣ; да и кругомъ слышно, что ея вездѣ много. Горѣлка уже плотится ведро 1 р. 80 к. Повыдимъ, что̀ дальше будетъ. Панъ Неровный какъ разъ къ стати сюда подъѣхалъ, какъ будто на смѣну Гроховскому, а въ добавокъ еще здѣсь и г. Корицкій Леонко и ко мнѣ ничего не пишетъ чрезъ Неровнаго, а я отъ его получилъ репортъ чрезъ Гиршу, приехавшего сюда, съ жалобую, что воды много на прорвѣ точится, по какому случаю я и предписалъ Леонтію взять именно какія мѣры; его жъ репортъ, въ которомъ онъ мнѣ ничего не пишетъ о томъ, посылаю къ твоему усмотрѣнію, гдѣ также примѣтишъ, душа моя, что плотники послѣдній мостъ на сей недѣлѣ окончатъ, да и гулять будутъ, ибо никто имъ не можетъ показать безъ тебя, какъ и гдѣ имъ начинать погребъ дѣлать, а потому не худо тебѣ выехать въ Брахловъ 29 го сего мѣсѣця. Григорій Петровичъ неотмѣнно къ вамъ будетъ 25 или 26-го, на обѣдъ, ибо и ему времья дорого; онъ іюня 1-го числа ѣдетъ на мѣсѣцъ въ степь[1]). Въ Брахловъ приехавши, старайся, ангелъ мой, продать пеньку, деньги нужны будутъ на хлѣбъ. Гирша говорилъ, что мужики Брахловскіе продаютъ пеньку пудъ по 2 р. 60 к., что составитъ берковецъ 26 р.—Въ Пакульщинѣ сходъ худой, ибо тамъ уже почти голодъ; за Днѣпромъ также сараны тьма. Жаль и горько смотрѣть на здѣшніе хлѣба и пшеницы озимые по низкимъ мѣстамъ: какъ стѣна жито и пшеница стоитъ, по буграмъ повыпрѣвала, но все сносно, да сохранитъ токмо Господь отъ сараны. Здѣсь теперь за майстеровими уѣхать скоро нѣкогда будетъ, а деньгамъ переводъ. Однакожъ, переживши сію эпоху, будемъ можетъ быть покойны по вѣкъ нашъ, да и дѣтямъ нашимъ достанется. Засимъ желаю тебѣ, ангелу моему, здравья въ мѣстѣ со всѣми нашими дѣтьми и мысленно тебя, жизнь моя, цѣлую поминутно; твой во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ саду фруктовъ ничего нѣту и то весьма къ стати, бо сада не было бъ ѣсти майстеровымъ и на одну неделю, а уберегти бъ и помыслить не возможно бы. Въ Бодняхъ я не трогалъ полотенъ, тамъ не сыскалъ рядовины, а всю рядовину, какая была, употребили на обывку стѣнъ, а тонкихъ, тѣ, что въ Бодняхъ, ни одного и не трогалъ, а чего не доставало рядовины, то потребное число побрали у бабъ изъ навоевъ или ими дѣлаемой господской рядовины. И такъ, у васъ въ Радьковкѣ сей годъ жукотского рядо-

[1]) Т. е. въ степныя мѣста Малороссіи, въ полтавскую губернію.

ваго полотна небудетъ. Попросишь бабушку, чтобъ пожаловала приказала, хотя Божку, или кому другому кому такому надежному, чтобъ при жукотскому боярину, пересчитавши сіи триста рублей, отъдалъ бы счетомъ Григорію Герасимовичу, дабы на случай опосля не было бъ нарѣканія. Я бы асигнаціями отдалъ, но, ей Богу, нѣтъ, кромѣ мѣдныхъ, въ конторѣ. Еще осталось 600 р., но и то все мѣдь. *(1800 г., 22 мая. Жукотки)*.

71. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Къ сущему души моей обрадованію оба, ангелъ мой, письма ко мнѣ доставлены исправно, изъ Боровичъ отъ тебя писанные, одно чрезъ Ушача, а другое чрезъ возвращающогося человѣка изъ Брахлова, изъ коихъ видно о благосостояніи твоемъ въ мѣстѣ съ бабушкою и дѣтьми. Благодарю Создателю за то, а въ отвѣтъ скажу, что и я съ обѣими чадами здѣсь здоровъ и у насъ все хорошо идетъ со стороны здоровья, а не меньше благоуспѣшно и по части контракта. Въ Радьковкѣ 9 вед. выходитъ трехпробной изъ 20-ти (?), а въ Савинкахъ, сверхъ чаянія, найшлось годной горѣлки 3020 в. въ восьмидесяти бочкахъ, семью градусами ниже трехъ пробъ и оные 80-ть бочекъ къ 1-му марту и заправлени будутъ до 5-ти градусовъ, и выступлены въ походъ до Радьковки. И такъ, благодаря Всевышнему, къ 1-му апреля всѣ 5000 вѣдеръ поплывутъ до Могилева, готови будутъ въ совершенную пробу противъ контракта, а може не удастся ли здати выше проби полъ градусомъ, дабы хотя на два года въ передъ заключить контрактъ о поставкѣ въ ихъ контору. Итакъ, я отъ сюда почти уже отдѣлался, послѣ завтра или въ неделю выежаю, и гдѣ я въ которой день буду, для знанія твоего, душа моя, прилагаю у сего росписаніе, по которому надѣюсь все свершити, когда Богъ поможетъ и сіе для того дѣлаю, на случай какой надобности ко мнѣ, то чтобъ ты знала гдѣ меня искать. Для любопытства твоего прилагаю къ тебѣ письмо Забѣли, которой сильно хочетъ моими руками жаръ загребать, но сего ему не удастся здѣлать. Я къ ему отписалъ, что я буду въ Савинкахъ и туда будетъ мой повѣренній, да и его, чтоби туда же приездилъ бы, и я дамъ имъ совѣтъ, какъ поступать въ Сосницѣ и чтобы онъ своего повѣренного снабдилъ бы деньгами, а я своему дамъ для всякой нужды въ Сосницѣ посуду; однако жъ] думаю, что чуть ли онъ самъ не приедетъ ко мнѣ въ Савинки, чего мнѣ и не желалось бы, а для курьезу посылаю здѣсь письмо Василя Левича; нашъ паничъ вернулся ни съ чемъ, не выдѣлъ ни Горленка, ни дочери его и не

былъ и въ домѣ; старій сказалъ, что повремени можно будетъ видѣться, а въ постъ о такихъ дѣлахъ не говорятъ; и такъ онъ, побывавши у Катерини С., у Карася (?), въ Ступаковкѣ, въ Иваницѣ, прибулъ обратно и со мною домой приедетъ. Онъ пишетъ къ Варварѣ С. письмо, кое здѣсь прилагаю и когда сестры у тебя, пожалуй отъ меня имъ кланяйся, а писать имъ особо, ей, недосугъ; приложенное жъ отъ меня у сего письмо къ Неровному, нимало не медля, пожалуй, отправь съ повозкой, тройкой, обывательскими лошадьми, давъ имъ два рубля на харчь. На оныхъ лошадяхъ Неровній долженъ непремѣнно ко мнѣ приехать въ Савинки 28-го сего мѣсѣца, для отправки его отъ туда съ Аксимовымъ (?) въ Сосницу. Удивительная и во свѣтѣ не бывалая повѣстка попечительная ко мнѣ дошла, можетъ быть она будетъ принужденна съ Бѣлоровскимъ проѣздится до Петербурха. Есть сарана на свѣтѣ, и слѣдовательно гнѣвъ Божій! а потомъ и помилованіе, надежда на милосердіе Божіе, да мимо идетъ сей гнѣвъ. Плоскони получены и отдани, по твоему повелѣнію, управительшѣ. Николай М. (Стороженко) у меня не былъ, да и Григорій П. третьяго дня возвращался изъ Любеча, а туда ѣхалъ на Довжикъ и Павловку. Я къ нему писалъ и отвѣту не даде, то и я не разсуждаю къ нимъ заѣзжать, съ панами нѣчего брататься. Я сіе пишу чрезъ Пакульскаго жида, а скоро къ тебѣ буду опять писать чрезъ лоцмана, которій будетъ отъ меня отправленъ для покупки канатовъ на байдакъ въ Климовкѣ, а затѣмъ и не распространяю, а мысленно тебя, ангела моего, поминутно цѣлую, пребываю къ тебѣ во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1801 г., 21 февраля. Жукотки)*.

72. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Я въ Чернѣговѣ скорѣе управился, нежели думалъ, а сіе отъ того зависитъ первоначально, что г. губернаторъ ко мнѣ показался очень ласковъ и хотя небольшую мою до его просьбу, токмо о подорожней, но въ другъ и ту исполнилъ, а затѣмъ и другіе надобности всѣ вскорѣ окончилъ и пообѣдавши у Александри Павловни, приехалъ сюда въ пятницу, на ночъ. Николая Михайловича и Маріи Андреевни въ городѣ нѣтъ, а поѣхали въ Иржавецъ и въ Кореніовку, къ новоявленной Богоматерѣ на поклоненіе. Николай Мих. домъ свой продалъ Будлянскому [1]) за 4000 р., срокъ положенъ въ немъ жити Николаю М. токмо до мая мѣсѣца, а за-

---

[1]) О Будлянскомъ, Ал. Мих., см. Кіевск. Стар. 1893 г., мартъ, 535.

тѣмъ въ оной въѣдетъ Будлянскій. Григорій Петровичъ въ Любечѣ отпущаетъ два байдака въ Минскую губернію, въ оныхъ 5000 вѣдръ проданной имъ горѣлки, вѣдро по 1 р. 65 к., и 500 четвертей хлѣба, туда же проданного, четверть по 5 р. 60 к. Далѣе занимается въ Любечѣ закладинами дома большого, деревяного. Итакъ съ родныхъ, кромѣ Александри Павловни, я никого не выдалъ, которая ласково приняла меня и поручила мнѣ бабушкѣ переслать капусту цвѣтную, при семъ отправляемую въ сѣменахъ, а затѣмъ бабушкѣ и тебѣ, душа моя, велѣла свидѣтельствовать ея почтеніе, что и исполняю. Слухъ носится, что наша губернія раздѣлится на три губерніи и что губернскими городами будутъ—Глуховъ, Черниговъ и Полтава, еще нѣтъ о семъ указа. Покупку, по повѣленію твоему, душа моя, исполнилъ и оную при семъ посилаю—шолкъ бѣлій и двѣ цѣвки сребра, а сверхъ того посилаю тебѣ, ангелъ мой, въ гостинецъ серги съ камнями рубинами, желаю, чтобъ оны были на твой вкусъ и чтобъ ты ихъ здоровенька носила, да и дочкамъ Пасюрѣ и Настулѣ по парѣ же серегъ, кои отъ меня извольте имъ поручить въ гостинецъ, за хорошій успѣхъ ихъ въ наукахъ. А Петруша свой гостинецъ напередъ уже получилъ, состоящій въ новомъ сертукѣ, о которомъ сказать ему, что оной ему не будетъ данъ, когда не поисправится въ своемъ поведеніи и не начнетъ лучше прилѣжать къ наукамъ, а старому пану крайне нѣчего послать, развѣ то ему будетъ въ гостинецъ, что намъ Богъ дастъ въ колиску для его забавы. Легко можешь, душа моя, себѣ представить, сколько рижая тварь Бѣлоровскій дѣлаетъ мнѣ неприятности его медлительностью, и я его здѣсь двое сутокъ ждалъ, но времени больше мнѣ нѣтъ его здѣсь ждать, для того и ѣду въ Жукотки сей часъ и далѣе къ байдаку въ Радьковку, а къ ему, Бѣлоровскому, пишу и оное письмо незапечатанное къ тебѣ здѣсь влагаю, оное изволь прочитать и запечатай порядочно, и пожалуй, душа моя, чрезъ надежного нарочного тое письмо Бѣлоровскому до Брахлова отправъ, нимало не удерживая, какъ можно скорѣе. Оканчивая сіе, прошу покорно, при засвидѣтельствованіи моего глубочайшаго почтенія бабушкѣ, въ ручку поцѣловать, а я тебя, ангела моего, поминутно мисленно цѣлую, пребывая во вѣкъ со всѣмъ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

За новость скажу: герольдія не будетъ болѣе къ намъ присилать исправниковъ и засѣдателей, а велѣнно ихъ по старому выбирать изъ дворянъ осѣдлихъ въ томъ повѣтѣ, а потому скоро и

должни начаться выборы исправниковъ и засѣдателей, да и повѣтовихъ судей чуть ли не повеленно ли будетъ новыхъ же выбирать, о чемъ нашъ г. губернаторъ послалъ представленіе съ нарочнимъ въ сенатъ. *(1801 г., 7 апрѣля. Полуботки)*.

73. Любезнѣйший и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька. При помощѣ Божіей, главнѣйшее дѣло моей сюда поѣздки оконченно благополучно: вчерашняго дня Петрушу я помѣстилъ къ университетскому профессору коллежскому совѣтнику Харитону Андреевичу г-ну Чеботареву, умному и добрѣйшему человѣку, живущему во внутренности университета. Ему съ лишкомъ 50 лѣтъ, а женѣ его, Софіи Ивановнѣ, лѣтъ за 40-къ, онѣ обое полюбили Петрушу, какъ сина, и Харитонъ Ан. Петрушину кровать поставилъ въ своемъ особенномъ кабинетѣ и взялся, вмѣстѣ съ женою своею, его воспитывать и даже учить по латини, а Софія Ивановна сама же его начнетъ учить по французски, которимъ язикомъ она такъ изясняется, какъ парижанка, (ибо она есть воспитаница покойной Чернишевой, находясь съ ней въ какомъ далекомъ свойствѣ). Итакъ за Петрушею нашимъ теперь большое наблюденіе: профессоръ, жена его и Алексѣй Ивановичъ, не говоря о Данькѣ. Договоръ у насъ съ Харитономъ А. здѣланъ въ годъ за 550 р., за все про все, кромѣ портомойки, которая не такъ дорого, надѣюсь, будетъ стоить; чемъ всѣмъ я весьма доволенъ, видѣвши все изъ близка и обстоятельно; надѣюсь конечно, что и ты, ангелъ мой, будешь въ семъ пунктѣ единомисленна со мною, а особливо, когда всѣ подробности узнаешъ, о чемъ по приездѣ моемъ, душа моя, къ тебѣ, словесно раскажу, а теперь больше о семъ не распространяю уже. Другое жъ дѣло мое, о мадамѣ, совсѣмъ еще безъ успѣха по сей день. Первая, что сискалась, запѣла пѣсню очень не складную, запрося въ годъ по 1000 р. и то на одинъ годъ, по прошествіи которого, чтобъ ея опять сюда же доставилъ я на свой щетъ; я ей во всемъ отказалъ; однакожъ надѣюсь на Бога, что я нападу на свою и шатнусь вездѣ, бывъ теперь совершенно уже на досугѣ, выдя всѣ мои комисіи почти всѣ оконченними со сторони покупки, коею надѣюсь, душечка, будешь довольна, всю покупку изволь читать: доршезомъ прекраснимъ ѣжжу по Москвѣ, четверомѣстная карета еще чрезъ десять дней, то совсѣмъ принята мною отъ майстра будетъ. Симъ двумъ штукамъ цѣна 1700 р. Мѣхъ чорнобурій, муфта соболья, двѣ опушки на двѣ солопи, часи столовие, двѣ люстри, адинъ фанаръ, сѣмъ зеркалъ, все у меня въ квартирѣ; все сребро

уже въ работѣ и оно поспѣетъ до послѣдней вещи къ 30-му сего мѣсяца въ мѣстѣ съ Ефросиніи С. сребромъ, кое и дежене въ 7 ф. будетъ сработано. Долго я искалъ, чтобы поѣженую карету и дормезъ купить, но сколько не выдалъ, сискавши тѣ вещи, то находилъ сущую дрань, и такъ мнѣ наскучило искать и смотрѣть ту ветошь и погань, а потому то и рѣшился, хоть дорого дать, да за то уже будетъ насъ карета и дормезъ долго возить съ подчинкою майстра, если что сломается (о чемъ отъ майстера и росписка взята); моя жъ коляска за десятилѣтнюю службу обновляется, яко орля юности, наложеніемъ по бордамъ бронзою, что и дѣлаетъ нѣмецъ каретникъ. Теперь примусь за твой гардеробъ, хотя и тѣсно и почти приступу нѣту къ маршанъ-де-модъ, такъ лавки ихъ вашею братьею затружены, однакожъ и мнѣ нѣчего дожидаться, а пора о дворѣ помишлять. Разсчиталъ деньгами и еще, что и не написано тобою, да естли будетъ у меня ставатся денегъ, то, что можно будетъ хорошое тебѣ, ангелъ мой, здѣлать, то постараюсь сшить, а притомъ тебѣ и мѣхъ брусчатой на шубейку куплю же. Отъ завтрашняго дня начну визити дѣлать большимъ барямъ: г. Петру Васильевичу (Завадовскому) и г. Иліи Андреевичу (Безбородку), а также и Осипу Степановичу (Судьенку) и еще кое кому. Слишу, что и Николай Михайловичъ нашъ пріехалъ, но гдѣ онъ остановился, никто изъ моихъ людей не могъ найти его квартири. Хотя и мудрена для глазъ кажется дамская ческа волосъ, однако жъ Матвѣй ея выучится у договоренного для нашихъ мальчиковъ перетмахаря. По слѣдующей почтѣ писать буду въ мѣстѣ съ Петрушою, къ бабушкѣ, а до тѣхъ поръ прошу при оказіи и отъ меня мой ей доложить должнѣйшій поклонъ. Когда я оставилъ уже Петрушу у профессора, то онъ сильно заплакалъ и тѣмъ чуть чуть и меня до стидныхъ слезъ не довелъ, но чтобъ не занудился, то я его сегодня у вечеру къ себѣ возьму и завтра день, поелику воскресной, у себя удержу, а въ понедѣльникъ рано опять къ Харитону Андреевичу отправлю и такъ буду продолжать, чтобъ его слегка отъ себя уже отучить, а не вдругъ. Не получая, душа моя, отъ тебя никакого извѣстія, я начинаю уже сильно скучать. Я же къ тебѣ писалъ изъ дороги три письма, изъ Стародуба, Брянска и изъ Калуги, да се изъ Москви уже второй мой (?) къ тебѣ, душа моя, творю и прошу покорнѣйше, хотя однимъ вашимъ письмомъ меня удостоить и обрадовать. Катерина И. здѣсь остается и я на то противорѣчить отнюдь не намѣренъ, какъ себѣ хочетъ съ своею

теткою.—Наконецъ, въ ожиданіи отъ тебя, ангелъ мой, приятнѣйшаго отзива, пребываю до конца жизни моей тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ, цѣлующій тебя поминутно, мисленно и благословляющій дѣтей нашихъ Іванъ Лашкевичъ.

Сестрамъ моимъ и брату, когда выдаетесь, прошу мой поклонъ засвидѣтельствовать. *(1801 г., 7 сентября. Москва).*

Засимъ слѣдуетъ рядъ писемъ «бабушки» Настасьи Степановны Полуботокъ къ внукѣ и ея мужу. Всѣ эти письма писаны «бабушкой» собственноручно.

---

74. Ангелъ мой Настенка. Съ писмами извѣстними и нѣкоторою посилкою отправляетца съ Брахлова къ вамъ. Что будешь писать,— дай мнѣ знать и что прислано, даби и мнѣ отвѣчать можно било, когда то, что такое до мене принадлежитъ. О пшеницѣ Григорію Григоріевичу обяви, что когда надобно, то я и болше пришлю, а лучой нѣтъ; а для паски вибираютъ; и я, дастъ Богъ, привезу, здѣлавши. Болше ничево писать, да и недосужно по правдѣ. Ад... Вѣрная твоя баба извѣстная. 1789 г., марта 22. Григорію Григоріевичу прошу кланятись и поцаловать за мене въ душу.

75. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Іванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Радуюсь о благоденствіи вашемъ и отъ искренѣйшаго моего сердца желаю, да премилосердной Господь даруетъ вамъ любовъ, миръ и тишину, здравіе и должайшіе лѣта. Что я не могу бить по сію пору въ доми вашемъ, извинѣте: глазами стражду жестоко, такъ что въ силу сіе написать могу, въ чемъ и предъ матушкою вашею, а моею м—вѣю г—нею Парасковею Григоріевною извинить прошу. Что принадлежитъ до батюшки вашего, то сей самой перескажетъ все, почему и не поясняю; а писмо ваше къ нему и мое оставила до пріезду Григорія Петровича, кои по сего сказкамъ скоро будетъ ко мнѣ. Болше не распространяю, препоручивъ васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, божіему милостивому призрѣнію и покровителству. Пребуду, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею моихъ ангеловъ, вѣрною и всего доброжелателнѣйшею бабкою, Настасья Полуботкова. 1789 г., июля 3. Изъ Боровичъ, въ 7 часу пополудни. Сей вручитель вамъ перескажетъ, что Григорій Петровичъ скоро будетъ ко мнѣ; мнѣ кажетця, весма би не худо вамъ пріехать теперъ, заставая его здесь, о чемъ посовѣтуйтесь съ матушкою, Василіемъ Степановичемъ, Софіею Василіевною и Степаномъ Степановичемъ. Засимъ

и спѣшу съ отправкою къ вамъ и къ нимъ никому не пишу, по причинѣ болнихъ моихъ глазъ, да и писаръ лежитъ боленъ, а я спѣшу нарочито изъ симъ къ вамъ.

76. Государи мои, любезніе унуки І. С. и Н. П. Что ви прибили въ домъ благополучно и въ добромъ здоровьи застали матушку и любезнихъ сестрицъ, сердечно радуюсь. Я посля вашего отезда, заехала суда и отъ вовторника проживаю малинъ ради, но онихъ ничево нѣтъ и естли не будетъ еще въ воскресенье, то весма малое количество сварила. Сколко здѣсь проживу, незнаю; но и у Боровичахъ скучно жить одной. Писать нѣчего болше. Поручивъ васъ божіему милостивому покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею въсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. июля 7. изъ Сячи. P. S. М—ой г—нѣ моей, вашей драгоцѣннѣйшой матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и дражайшимъ вашимъ сестрицямъ кланятись прошу. Краснокуцкой посилается. Объ извѣстномъ я зъ братомъ говорила и сіе утверждаетъ подобно прежнему невозможному.

Приписка Г. Г. Фридрикевича. При семъ и я вамъ обѣимъ кланяюсь; пріѣхалъ вчерась сюда, а завтра отъѣду. Ви не пишете, будете ли къ намъ или нѣтъ, равно и о томъ, посланы ли письма въ Романовку. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ. О квартерѣ прежде знать и навѣрное сказать—надобна ли, а безъ того домъ требовать въ наймы неможно, которой готовъ. Нового ничего нѣтъ. Андрей Степ., отъѣхавши 28 іюня, возвратился изъ Воронковъ 5 числа сего мѣсяца.

Къ этому письму относится, можетъ быть, слѣдующая записка. Я много трактовала о извѣстномъ вамъ дѣлѣ съ извѣстнимъ человѣкомъ, но онъ все одно твердитъ, что прежде ничего неможно здѣлать, покуда ви не начнете вашего дѣла и чтобъ въсе оставя, пріѣхать вамъ съ пріятелемъ и повѣренимъ; а что касаетця до квартери, то она готова, толко до тіехъ поръ не говорилъ съ хазяиномъ, покуда отъ васъ не получитъ извѣстія, когда будете. Сіе для того начать должно, сперва чрезъ пріятелей, а потомъ и судомъ, покуда не узнаютъ мислей; и буди они обѣ сторони что либо противное начнутъ, то въ то время въ се вамъ извѣстное здѣлать мнѣ будетъ можно, а до того никакъ несходно, ибо я сама на себе подала причину имъ все, что есть горшаго здѣлать и для васъ, и для мене неспокойства и клопоти. Много о семъ писать, а луче, когда Богъ,

даруетъ, пріедете, то въ то время поговоримъ обстоятелно; я и сама того жъ мнѣнія, а не инако, и когда и ви узнаете причину, то и ви такого же содержанія будете, что прежде нелзя мнѣ поступать на сіе никакъ, покуда противности отъ ихъ какой неузнать. Пожалуйте, чрезъ сего увѣдомите мене, когда ви будете, ибо я хочу въскорѣ въ Каруковку поехать. Получена ль полатка ваша въ цѣлости, увѣдомить прошу, ибо оная отправлена съ Каруковки прикащикомъ.

76. Любезніе мои въпуки Н. П. и И. С. Сей въручитель, что такъ нескоро къ вамъ присланъ, то тому причина, что я толко что пріехала сюда недавно; домашніе клопоти, а паче плотина мене удерживала. Какъ ви скоро будете, прошу увѣдомить чрезъ сего; я здеся не замедлю, толко поисправлю что нужнѣйшое. Михайла Михайловича [1]) ожидаю въ Боровичи изъ синомъ, которого онъ ожидалъ пріезда сегодни въ Черниговъ. Не худо би, чтобъ ви его въ Боровичахъ застали, о чемъ я одначежъ васъ увѣдомить не промину, какъ толко пріедетъ онъ въ Боровичи. Мнѣ кажетця, что сходнѣе будетъ здесь вамъ, Иванъ Степановичъ, познакомившись съ нимъ, и просить тогда о извѣстномъ дѣлѣ. Что до отца касаетця, какого ви будете на сіе мнѣніе и какъ расположитеся, увѣдомить прошу. За симъ препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ вѣрнимъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею въсегодоброжелателнѣйшею услужницею Н. П. 1789 г. июля 23. Съ Каруковки.

77. Любезніе мои въпуки Н. П. и И. С. Николай Михайловичъ въчерась поздо пріехалъ самъ, безъ отца, толко изъ Старжневскимъ, которой сказивалъ, что Петръ Степановичъ на сихъ дняхъ хотіелъ ехать у Городню и тутъ ....тисъ дочери, а притомъ съказивалъ и то, что отъ многихъ слишилъ, что говорили, чтобъ вамъ неотмѣнно должно пріехать у Чернѣговъ и старатисъ чрезъ пріятелей, испросить прощенія, а инако де худо будетъ. Можетъ статця онъ того и самъ желаетъ; я то догадиваюсъ сама, да какъ мнѣ кажетця, то и должно старатисъ о семъ, и для того не коснѣте съ пріездомъ; ви луче сами отъ Николашенки услишите обо всемъ обстоятелне, да онъ васъ нетерпеливо и хотитъ вѣдать. Болше не распространяю, а кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., июля 27. Изъ Боровичъ.

---

[1]) Стороженка, а синъ его—Николай Михайловичъ, бившій потомъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ.

78. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ писъма вашего предвижу я, что ничево хорошого не можетъ бить въ расужденіи нечестивого дядка [1]); по всему видно, что онъ то и всему причиною, какъ и отецъ мнѣ пояснялъ, что я во всемъ слушаюсь брата и поступлю неинако, какъ онъ мнѣ совѣтуетъ. Господь пусть ему отдасть, какъ самъ знаетъ; въ его святой волѣ все наказать и помиловать. Чтожъ касаетця до владики, то увѣраю, что онъ доважетъ, когда его пристално просить будете; и хотя бъ то отецъ и нѣсколко разъ владики отказивалъ, но ви одначе жъ просбою безпокойте владику [2]); въ семъ вамъ ни грѣха, ни стида не можетъ бить, авось даруетъ Предвѣчной, что толкущему отверзетця. Мое мнѣніе, а ваша воля, чтобъ въ случаи владики и тисячу посулить, толко бъ простилъ и отдалъ материнскую часть безъ клопотъ; а впротчемъ Господь съ ними, а на пору и двохъ не пожалѣть; вить болше потеряете покуда сищете; пожалуйте, сами для себе старайтесь недремучимъ окомъ. Воля его что дать, недать своего, а толко бъ материну часть отдалъ. Естлибъ владика ростолковалъ ему порядочно, что сего не можетъ нихто отъ материнской части васъ отдалить, но что хорошое изъ сего будетъ, когда отецъ собственихъ своихъ дѣтей въ разореніе приведетъ? Недоволно, что безчестія и поруганія учинилъ доволно, но еще съ обоихъ сторонъ и убитокъ. Какую славу приобритетъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ при такихъ лѣтахъ? Ви, какъ молодіе люди, погрѣшили противо отца, пусть такъ, сему простить должно, какъ отцу просившихъ прощенія,—вотъ свято би здѣлалъ и покрилъ би въвесь съ обоихъ сторонъ проступокъ. Естли владика сіе докажетъ, то сущимъ миротворцемъ наречетця. Сіе получить отъ Предвѣчного, вамъ отъ искренѣйшого моего сердца желаю. Я слишала, что отецъ хотитъ ехать въ Гамалѣевку; Бога ради, теперъ старайтесь кончить миромъ, а какъ уедетъ, то въ то время способу не будетъ ужо ничево доброго здѣлать. Какого ви о семъ мнѣніи будете, дайте мнѣ чрезъ сего знать, равно и какіе начатки послѣдовали, со всякимъ обстоятетелствомъ не оставте увѣдомить мене. Естли замедлите, то пожалуйте, пишѣте чего вамъ надобно безъ и малѣйшей цермонѣи; не теряйте на то денегъ, что можете получить, а инако я сочту васъ непріязнеными ко мнѣ. Наконецъ, поручаю васъ божіему милостивому призрѣнію и по-

---

[1]) Андрей Степановичъ Милорадовичъ

[2]) См. выше, стр. 149

кровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. авг. 13. Изъ Боровичъ.

79. Любезніе мои въвуки Н. П. и И. С. Запомнила я прежнихъ для васъ бумагъ послать, которіе засимъ посилаю, съ коихъ все увидите и по сему поступить рекомендую; да и я не много содержанія, что сіе съ вашею будетъ пользою. Сіи бумажки, коихъ четиры по листу, а пятая поллиста, прошу мнѣ обратно прислать, яко я еще на сіе не отвѣчала и чрезъ сего жъ самого. О священику такъ же неумедлѣте, пожалуйте. Болше, за скорость, не распространяю и кончу тіемъ, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., авг. 26. Изъ Боровичъ.

80. Любезніе мои въвуки Н. П. и И. С. Посилаю вамъ присланое писмо и прозбу отъ священика, до которого ещо я и не отвѣчала; пожалуйте, посему, какъ вамъ заблагоразсудитца, начернѣте (когда надобно) и пришлѣте съ нарошнимъ своимъ, яко сей едетъ въ Романовку и долго дожидатись его будетъ. Григорій Григоріевичъ толко и пишетъ, что за недосугомъ ни на что отвѣчать не можетъ, а совѣтуетъ сколко можно потерпѣте, ибо графа (Румянцева) ожидаютъ скоро, и человѣкъ его пріехалъ таперъ ко мнѣ, началъ водокъ учитись дѣлать, то тутъ надобно отъ всего удержатись, чтобъ не подать ни въ чемъ причини имъ на себе; и ви положитись на Всеведущого, тотъ непремѣно устроитъ все по желанію сердца вашего, толко взять терпеніе. О деревняхъ и душахъ Василій Ивановичъ пишетъ, что будетъ старатись, но ему то неловко, а совѣтуетъ Г. Г. [1]) чтобъ ви не заживались да пріездили сами луче. Вѣрующой отъ Настасіи П., такъ же Григорій Григ. пишетъ, ещо не брать, ибо де рознесетця тотчасъ и се къ худшему можетъ бить, и для того и я вамъ совѣтую подождать; а между тіемъ графъ когда пріедетъ, то луче все, а можетъ онъ и къ миру не преклонитъ ли; всѣ сіе говорятъ и совѣтуютъ такъ поступить; вотъ священика бѣдняка жалко, что страждетъ, о семъ потрудѣтесь, и естли писать за благо вамъ покажетця отъ мене, яко за своего священика уступитця надлежитъ, то тутъ прописать непремѣно мнѣ каже (говоритъ) все про сіе прописать надобно, какъ затіеи Петрови, такъ и дозволеніе и отказъ многимъ женихамъ безъ согласія дочернего, такъ судъ и то, что мнѣ сказалъ, что за лифлянца(?) намереваетъ отдать безъизвѣстна, равно и то, что она никогда въ отца не бивала.—И начернивши, пришлѣте ко мнѣ. Болше бъ

---

[1]) Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ.

писала да глаза такъ болятъ, что способа не нахожу, и тіемъ кончу, что естиъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. Авг. 26, 1789. Изъ Боровичъ.

81. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро я получила ваше писмо ко мнѣ и до Григорія Григоріевича, равно жалоба и определеніе извѣстное, то того же часа и отправила съ нарочнимъ моимъ, въ надлежащіе руки. Ви пишете, что едете тотчасъ въ Новгородокъ, но не написали—обое ли или одно съ васъ; естли одинъ Иванъ Степановичъ поедетъ, то неможно ли Настасьи Петровнѣ пріехать ко мнѣ, прилѣжно о семъ прошу. Клюкви посилаю и три арбуза да и грушъ въ коробки, желаю здоровенкимъ кушать; возокъ дворовой данъ сему вашему человѣку, при оказѣи прошу прислать, равно и коробки прежніе и сіи, естли ненадобни. Засимъ поручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., сент. 17. Изъ Боровичъ.—P. S. Писмо ваше ко мнѣ—отправила я туда жъ, куда надлежитъ; въ васъ ничемъ ничего не слихать, да и о Максимовичу не слишила я ничево. М—вой моей г—нѣ Парасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу мое почтеніе и низіохенкой поклонъ засвѣдителствовать, равно и любезнимъ вашимъ сестрицамъ, а моимъ м—вимъ г—нямъ. Уляна Семеновна въсемъ низіохенко кланяетця, а притомъ проситъ и Уляна Семеновна Настасью Петровну, какъ кумушку свою, чтобъ пожаловала пріехать, а когда не пріедетъ, то она сама въскорѣ будетъ, но съ тіемъ, чтобъ ви прежде пріехали, а безъ того и никогда не поедетъ.

82. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. За поздравленіе ангелъ моимъ мене чувствителнѣйше вамъ и всему вашему семейству приношу благодареніе, молитвами которой да даруетъ Всевидущой всѣмъ вамъ помистное (?) благощастіе, покой, здравіе и должайшіе лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. За присилку хлѣба и охоти вашей зайцовъ премного благодарю. Писмо ваше и Калиновского, также и определеніе вамъ извѣстное того жъ часа съ нарочнимъ отправлено въ Чернѣговъ, равно и до священика послано ваше писмо. Увѣдомить васъ непромину, что батюшка вашъ горячкою занемогъ и что масломъ соборованъ, о чемъ мнѣ сказивалъ отецъ Романъ, которой третово дни изъ Чернегова пріехалъ, а онъ слишилъ сіе отъ Михайла Михайловича, и что докторъ Удинъ пользовалъ его, а пріехавши въ Чернѣговъ и самъ заболѣлъ. Борони Господи чего, то вѣчно сожалѣть будемъ, когда благословенія и проще-

нія не получите. Мнѣ толко удивително, что Григорій Григ. ничево о семъ не пишетъ. Федосья Константиновна на возвратномъ пути съ Питербурха едучи, по дороги занемогла, а пріехавши въ Москву, скончалась сентября 25, где и погребена; а Марія Михайловна [1]) віехавши зъ Москви, въ Орлѣ заболѣла, и всѣ люде съ нею бившіе, и пролежала до 22 октября, а теперъ писала, что она будетъ ноября къ 2, въ Подоловъ, куда и брата Василія Степановича проситъ, чтобъ пріехалъ, и онъ 30 сего октября, рано, и поехалъ. Какъ мнѣ жалко Федосье Константиновни—описать вамъ не могу, а болше ещо Марію Мих., которая описивала, что они претерпѣли, то истино нелзя нетронуту бить человѣку, читая оніе писма; доволно, что до того дойшло, что лежитъ болна въ Орлѣ со всѣми людми, а денегъ ни копейки, но графъ Кирило Григоріевичъ [2]) прислалъ съ нарочнимъ 500 рублей и до Неплюева писалъ, чтобъ всякое вспоможеніе било би для болящой. Подумайте: двѣ женшини въ такую болшую дорогу отважились поехать, туда, где ни души знакомихъ нѣтъ; благодареніе Богу, что графъ случился въ Москви, а безъ того пропасть би должно. О Григорію Петровичи присланъ указъ, что определенъ на мѣсто Селецкого, но еще нѣтъ его и понинѣ. Вотъ вамъ и всѣ здешніе новости, а болше ничево нѣтъ, но сохрани Господи таковихъ вѣстей. Болше писать чего не сискую, поручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., окт. 31. Изъ Боровичъ. Пивонѣйки нѣтъ здесь; видно потеряли въ другомъ мѣстѣ. Я знаю что Настенка къ игрушамъ охотница, посилаю 130 варенихъ въ меду; унгарского спирта..... и разной водки, коришпевой и масти(ковой), всехъ 7-мъ.

83. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку мелника, чувствително благодарю, но не въ пору; когда би тогда пріехалъ било, какъ можно ещо гатить, то бъ много помогъ, а теперъ далъ нѣкоторой совѣтъ, что касаетця около клетокъ; но луче би всего, когда бъ онъ или синъ его принялся бить атаманомъ; и ему о семъ говорила, но онъ самъ не соглашаетця, а сказивалъ, что синъ де его можетъ статця поохотитця, которой естли ужо согласитця, то покорно прошу, прежде, тамо съ нимъ договоритись, какъ ему бить, то есть какую онъ часть получать долженъ будетъ, и о семъ мене

---

[1]) Стороженко?

[2]) Разумовскій.

прежде, при оказѣи, увѣдомить, даби человѣка не трудить. Вамъ господинъ Калиновской [1]) вѣрно переказивалъ дѣло и для того я лишнимъ почитаю объ ономъ пояснять, а скажу вамъ толко то, что Григорій Петровичъ пишетъ ко мнѣ, которое писмо посилаю для увидѣнія, по сему ненадобно объ немъ худого думать, а въ томъ Господу свѣдущему, но я по крайности симъ себе лщу. Я къ нему отвѣчала таперъ толко то, что я радуюсь о сего мѣсту и протчая; равно благодару за незабвенье и поздравляю его чиномъ, а болше ничего, даби не вдругъ за его приниматися. Мое мнѣніе, какъ я и Калиновскому съказиваю, чтобъ вамъ поехать въ Чернѣговъ, запанутись зачемъ нибудь, а хотя би то и будто для Михайла Михайловича, которой весма боленъ, съ преложеного писма усмотрите, а между тіемъ и изъ Григоріемъ Петровичемъ повидатисъ, чтобъ чрезъ его просить отца о вашемъ достояніи и протчая. Да и Григорій Григоріевичъ писалъ, зачемъ ви не едете, удивляетця. Когда не намерени ехать, то какой ради причини—увѣдомте. Я би чрезъ васъ писала къ Г. Петровичу или за совѣтомъ вашимъ и опосля или прежде, я великимъ дивомъ (sic), что Григорій П. пишетъ ко мнѣ, да и что неудоволство подписано отъ сторони отца, а съ писма Г. Г. увидите, что сами и приговоръ писали; что нибудь да кажетця къ миру сходно. О дай то предвѣчной Господи, чтоби такъ било. Съказивала мнѣ Ефросинія Романовна, что Настенка бокомъ часто неможетъ; Бога ради, не сиди много!—то есть великой вредъ, да не худо би и лекара сискать; а между тіемъ попробовать, какъ толко начнетъ маленко болѣть, то розогревши въ ложки сребной масла деревяного, и руку нагреть тотъ долженъ хто будетъ тереть болное мѣсто, наливъ масла на руку, и терѣть сълегка; одначеже въ разужденіи томъ, что не празна, и до тіехъ поръ пока масло въсе въвойдетъ въ тѣло; потомъ овса нагреть и положить до болного мѣста, и буди легче будетъ, то и не мѣшать болше ничемъ При семъ посилаю, сколко у мене било, бобкового масла, и сіе велику помощь дѣлаетъ, но опасно можетъ бить, что давнее. А луче всего совѣтую лѣкара сискать и отнюдь не запускать. Мартиновской превеликой практикъ женскимъ болѣзнямъ, которой нинѣ у Михайла Михайловича,—естлибъ пріехали безъ замедлѣнія, то бъ весма хорошо его пригласить. Болше не распространяю, да и что то нездорова я ужо дни нѣсколко. И такъ кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею Н. II. 1789 г., нояб. 18. Изъ Боровичъ.

[1]) Адвокатъ.

84. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро получила я отъ васъ прозбу 16-ти лѣтнево малчика извѣстную получила (sic), такъ и писмо ваше, въ коемъ пишете о присилки извѣстного вамъ рѣшенія, то нарочнимъ послала до Григорія Григоріевича, даби поскорѣе присилалъ, а какъ скоро прислана будетъ, не укосню съ присилкою; пожалуйте, не заживайтесъ; вамъ таперъ весма нужно въ Чернѣговъ. За присилку селдей чувствителнѣйше благодарю, кои весма хороши и исъ коихъ по частички послала къ Михайлу Михайловичу и Григорію Г. Для Михайла Михайловича, кажетця, таперъ весма будутъ кстатѣ. Что получила отъ Николашенки, посилаю; дай Господи, чтобъ виздоровилъ Михайло Михайловичъ; жаль мнѣ до безконечности его, а къ тому и синъ такой, что безъ отческого призрѣнія никуда негодитця. Болше не распространяю. Препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею вѣрною и всегодоброжелателнѣйшею бабкой Н. П. 1789 г., ноября 24. Изъ Боровичъ.

85. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Я толко, что расположилась било къ вамъ послать, заговѣвши, какъ же ви упредили, то и оставила на другое. Радуюсь, слиша о вашемъ здоровьи и продли Всевидущой въ непоколѣбимомъ (*sic*) обѣихъ васъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего моего сердца желаю. Я слава Богу здорова по моимъ лѣтамъ, но съ комнати ни вонъ. Батюшка вашъ віехалъ совсемъ ужо, о чемъ мнѣ мужичокъ жукоцкой съказивалъ, которой пріездилъ на тамошнего приказчика жаловатця, а имено за то, что позною добою [1]) виправилъ подводи съ разнимъ хлѣбомъ въ Любечъ и во всю ночь ехали они, — какъ то въ сего мужика продрался мѣшокъ и пропало пшеницѣ двѣ мѣрки, за что приказчикъ билъ его нещадно и требуетъ потеряной пшеницѣ; я до Григорія П. писала, что по двѣ кожи не годитця драть и чтобъ онъ велѣлъ вислѣдовать, буди точно билъ, то тіемъ би и доволенъ оставался, а чтобъ господское непропало, тотъ приказчикъ положилъ, а между тіемъ и въ наличности писала, чтобъ онъ мене точно увѣдомилъ естли .....Сей мужичокъ сказивалъ, что уже идетъ перевозъ извѣстной и что люде ни одной минути свободи неимѣютъ: одни молотятъ и вѣютъ, другіе домъ перевозятъ. Я хочу послать нарошного заразъ, даби по ревизѣи принималъ въсе, но сама не знаю кого би, посовѣтуйте, какъ вамъ кажетця, а я думаю Иванѣцкаго, ибо совершенно надобно по ревизѣи випра-

[1]) Временемъ.

витись. За присилку льну превного благодарю, которой хотя недешевъ, но весма хорошъ, тутъ же и за гриби благодарю премного. Василія Степановича нѣтъ по сію пору, отехалъ въ Чернѣговъ. Григорій Григоріевичъ нездоровъ, педагрою и харагрою страждетъ. Что отъ Иліи Василіевича лакей будучи сказивалъ о горелки, то явилась ложъ, Лемъ, поворотясь, съказивалъ, что ни же по два рубля не даютъ. Мнѣ хлѣба не купили таперъ въ Сосницѣ и для того посилаю уже завтрешній день въ Глуховъ. Что то тамо будетъ, Богу свѣдуще. Здѣсь пронеслось, что будто графъ Петръ Александровичъ съкончался, жаль, борони, Господи, сего, ми всѣ потеряемъ прямого отца, я о семъ посилала до Григорія Г., тотъ вѣрно обо всемъ вѣрнѣйшіе вѣсти (имѣетъ?). Болѣ писать чего не сискую, препоручивъ васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшей бабкою Н. П. 1790 году, генвара 3. Изъ Боровичъ.

86. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Долго не получая отъ васъ о вашемъ для мене дражайшомъ здравіи, въ немаломъ сокрушеніи пребиваю; прошу чрезъ сего нарочно посилаемого увѣдомять мене здорови ли ви? А я по благости божіей, хотя не совсемъ, но здорова, желаю и отъ васъ получить то, что ви здорови и дужи. Я би давно послала къ вамъ, но дорога мѣшала, ожидая зъ дня на день авось поправитця, но во мѣсто того все хуже да хуже, и чтобъ не зделалось еще и болше сего, то какаво бъ то не доехала(?). Кормилицу посилаю. Даруй Всевидущой, чтобъ оная намъ била угодна и надобна, отъ искренего моего сердца желаю. Естли возможно и не испортитця пуще дорога, покорно прошу въ Стародубъ послать купить для мене свѣжихъ осетровъ два, толко бъ невашницъ (?), икри жидкой, самой хорошой фунтовъ десать, да паюсной самой хорошой пудъ одинъ, сливъ французкихъ полпуда; на сію покупку посилаю денегъ 35 р. Камбали, каваловъ 6, селдей хорошихъ, когда можно, бочонокъ болшой, когдажъ неможно, то маленкихъ 2 бочоночки. Вотъ и вся моя покупка. Сіе для того, чтобъ упорожнѣ подвода не возвращалась. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, а когда у васъ что новое, не оставте сообщить. Не слишили ли ви чего съ Романовки,—здорови ли тамо наши и не били ли въ Стародубѣ? пожалуйте не оставте увѣдомить; я хотіела посилать къ нимъ, но дорога попрепятствовала. М. г—нѣ моей Парасковьи Григоревнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу отъ мене засвѣдителствовать мое почтеніе, равно и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нимъ, низіохенко кланяюсь,

а васъ, моихъ ангеловъ, обѣихъ цалую въ мисляхъ, препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 15. Изъ Боровичъ.—Николашенки и по сіе время съ Иржавця нѣтъ. Естли паче чаннія не будетъ рибъ, то вина какого хорошого купить да пива аглицкого за сіи денги. Василій Степановичъ прекраснихъ жеребцовъ купилъ 2, у Стаховича, одинъ, какъ глина, съ темними пятнами, а другой—серой; не худобъ кобилокъ двѣ прислать изъ вашимъ нарошнимъ. За оніе далъ 300 р., первой 2 ар. и 6 в. съ половиною, а другой молоденкой.

87. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Писмо ваше я получила. Радуюсь, слиша, что ви дужи и здорови, продолжи, Всевидущой, въ непоколѣбимомъ вамъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего сердца моего желаю. За присилку мастера чувствително благодарю, но жаль, что по пустому бѣдняжка потрудился: первое, то, что дорога безпутна, фторое, что и нелзя ничево дѣлать таперъ, яко испортился совсемъ ліодъ, а где било можно, то до пріезда его окончено. Я его договорила, даби онъ принялся здезь бить атаманомъ, которому доходъ на одинъ годъ давала такой, чтобъ ему розмѣръ обикновеній со всехъ клѣтокъ брать, а мѣрочникомъ съ того третину дать онъ доляенъ, но съ тіемъ, чтобъ исправилъ совсіемъ порядочно, какъ должно во всякой клетки, а что вънов дѣлать бы довелось, то на то договоръ другой, но онъ съказалъ, что ему нелзя, откладиваетъ на иное сіе время, а на какое—не положилъ ничево. Пожалуйте, поговорите ви съ нимъ, къ чему и на чомъ онъ желаетъ пристать и мене увѣдомить. За присилку коноцляного масла чувствително благодарю, которое тіемъ болше пріятно, что съ вашихъ рукъ; въ Жукотки не посилала еще, а предъ срокомъ за неделю пошлю. Ульяна Семеновна къ 1 марта будетъ къ вамъ съ повелѣною надобностію,—даруй толко, Всевидущой, чтобъ сокровеное открилось и при ненарушим(омъ) здравіи узрѣли ви, и мене удостой, Предвѣчной, то видѣть, что для мене лестно. Засимъ препоручивъ васъ божіему призрѣнію и покровительству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 21. Боровичи.

88. Вселюбезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ терпѣнія вихожу, неполучая такъ долго вожделѣнѣйшаго для мене извѣстія. Обрадуйте мене, когда премилосердое Провидѣніе даровало вамъ что, ибо срокъ уже прошолъ, и потому два дни миновало ужо. Буди

жъ, паче чаянія, ніетъ еще ничево, то, по крайности, росчитавшись порядочно, въ совершености, дайте знать. Богъ мой свѣдитель, что я себѣ не помню отъ горести. Г-жа Симонова 2 марта разрѣшена отъ бремени и даровалъ ей Богъ дочь Евдокію. А по рощоту вашему, вамъ бо прежде надлежало. Ради Христа, не медлѣте сего нарошного, даби мнѣ не унивать. Господь вамъ да поможетъ! Господь да благословитъ васъ всіемъ тіемъ, чего ожидаемо съ нетерпеливостію, отъ искренего моего сердца желаю. Прибивая, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 5. Изъ Боровичъ.—Послали ли писмо къ Степану Степановичу и не имѣети ли какого объ нихъ извѣстія, пожалуйте увѣдомите. М—вой моей г—нѣ драгоцѣнѣйшей вашей матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, рано и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ низіохенко кланяюсь. Улянѣ Семеновнѣ прошу обявить, что Григорій Герасимовичъ дужъ и здоровъ и онъ ей кланяетця, и я съ нимъ вьмѣстѣ кланяюсь жъ.

89. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. За пересилку писма моего въ Романовку и отъ толь ко мнѣ, чувствително благодарю, равно и за покупку московскую, хотя чайникъ и великъ, но нѣчого перемѣнить, такъ и бить, а что касается до чашекъ, то видно ви безъ разбору оставили себѣ полдюжини, яко у мене неодинаки двѣ чашки и болшіе гораздо, и цвѣти на всѣхъ розанчики, а на двохъ иніе цвѣти, но и въ томъ нужди нѣтъ, можно и по времени перемѣнить, когда похочете, а я весма доволна оними, равно... и протчимъ, за что еще повторно благодарю вамъ обѣимъ, моимъ ангеламъ. Ви не написали о дѣлѣ отца вашего, вамъ извѣстного въ Новогородку Сиверскомъ. Какой то повереной справлялся, нарочной ли пріехалъ съ Чернегова или тамошной, буди тамошной, то не удивляйтесь, а когда нарочитой пріездилъ отсель, то легко сего нечего поставлять (*sic*). Пожалуйте, неоставте увѣдомить же о семъ. Николай Михайловичъ вьчерась пріехалъ и ськазивалъ, что и Григорій Петровичъ изъ супругою и дѣточками будетъ къ праздинку сюда; я ему обо всемъ семъ говорить буду, и ви ничемъ не клопочитесь, пожалуйте, все прекратитця и будете имѣть покой, толко даруй Всевидущой вамъ обѣимъ съ вожделѣніемъ. Николай М. сказивалъ, что оцецъ (*sic*) вашъ сину далъ вѣрующую для прекращенія всехъ дѣлъ и онъ непремѣно здѣлаетъ; никакого я сумнителства въ семъ не имѣю, увѣраю; толко, Бога ради, не клопочитесь по напрасному. Премилосердной Господь наказиваетъ насъ за грѣхи, а когда молить его и несумнѣно

на то положитись, то сколко наказанія, то сугубое помилованіе получаемъ. Я у Жукотки отправила Лема одного, которой писалъ ко мнѣ, что требують подводъ везти горелку въ степъ, и приказала отнюдь не дать, но Николай М. пріехавши, сказивалъ, что 10 бочекъ повезли жъ таки жукоцкіе бѣдніе люде. Подумайте, какова таперъ дорога, истино, сердце мое болитъ, услишивши такое безаконіе. Я предъ симъ послала туда и бочку пѣной горелки, велѣла роздать въ шинки тамошніе и когда видетъ и дорога поправитця, то и другую пошлю. Наличности, пишетъ, никакой нѣтъ и воли такъ бѣдни и маленки, что и по три рублья нестойніе, и поле, сказиваютъ, не все засѣяное; словомъ, Николай Михайл. сказивалъ, а ему Лемъ, что такъ разорени будто люде, что ни одного человѣка нѣтъ, чтобъ можно назвать человѣкомъ достаточнимъ. Я истино не понимаю, что мнѣ дѣлать? Подумайте, когда такъ точно разорени, чемъ поправить? Истино съ терпѣнія вихожу. За симъ ожидать буду увѣдомленія отъ Григорія П. Николай Мих. съказивалъ, что послалъ писмо въ Жукотки Г. П. на мои къ нему требованія о наличности. Что получу, безъ увѣдомленія—не оставлю васъ. За симъ препоручивъ васъ божіему милосердію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 7. Изъ Боровичъ.—М. г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу почтеніе отъ мене засвѣдителствовать наичувствителнѣйше за присилку милця, за боброви каплѣ, и гофманови, премного вамъ благодарю, равно и за шафранъ. Отъ недосугу голова кружитця и когда что пропустила—извинѣте.

90. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Не получая отъ васъ такъ долго никакого извѣстія, въ немаломъ сокрушеніи пребываю. Увѣдомте мене, якови ви въ своемъ здоровьи, дайте хоти съ нарошнимъ вашимъ знать. Я въ той надежди, что ви писали—будете увѣдомлять и не посилала по сіе время; всякую минуту ожидала радостнѣйшого для мене извѣстія, но видно ошиблися щотомъ, со всіемъ тіемъ хотя и тіемъ увѣдомте, что нѣчево ещо нѣтъ. Даруй, Всевидущой, благополучно въ свое время. Пива ніетъ, послала варить, какъ толко привезутъ, пришлю. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу.. Естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 13. Изъ Боровичъ.—Я глазами стражду, жестоко болятъ. Улянѣ Семеновнѣ прошу кланятись, а панъ ея пишетъ самъ о себѣ и для того пояснять уже мнѣ нѣчево.

91. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сколко я била тронута, по расказамъ Уляни Семеновни мученіемъ Настенкинимъ во время родовъ, описать силъ моихъ нѣтъ, сколко жъ и м. моя г—ня, а ваша драгоцѣнѣйшая матушка, въ то время и завсегда безпокоитця и безпокоилась, ничемъ сего наградить силъ нѣтъ. Предвѣчной одинъ тотъ да даруетъ ей за такову ея милость все по желанію ея сердца и должайшіе лѣта, дабы ея отрасли, видя таковое призриніе надъ страждущими подавали бы руку помощи, а вамъ остаетця вѣчно сіе въ сердци вашемъ запечатлѣть и удесятерить вашу къ такой матери преданость и почтіеніе, равно и я, поколь духъ въ моемъ тѣлѣ будетъ пребивать, не исключу изъ сердца моего благодарности и почтенія, съ которимъ и въ гробъ пойду, а нинѣ прошу отъ мене низіохенко кланятись и за меня обоихъ васъ прошу въ ручки обѣ поцаловать по сто разъ, а я васъ троихъ цалую въ мисляхъ неме(н)ше жъ того, какъ ви за мене. За присилку теліоночка премного благодарю, съ которимъ дождатисъ вашего пріезда буду, ибо я до полученія забила въ Каруковки своего теліонка. Къ Григорію Григоріевичу того жъ дни отправила другого теліонка, при писмѣ вашемъ. Григорій Г. боленъ и по сіе время, и въ Чернѣговѣ празникъ принимать будетъ, а Василій С. со мною, кой толко на время отехалъ въ Смячъ. Посилаю вамъ погребецъ водки: сладкой 4 штофа, а крепкой три. Естли возможно, прошу приказать додѣлать въ гутѣ 3 штофа бѣлой води, и то не заразъ, а по времени. Яблокъ посилаю 55 сладкихъ и кислихъ, по частямъ, какіе на сію пору случились, сѣменъ редечнихъ трохъ сортовъ, а арбузовъ сѣменъ нѣтъ хорошихъ, селдерей не посилаю, яко перемерзнетъ. Писмо отъ Василя С., къ вамъ писаное, посилаю. Папошникъ посилаю, незнаю каковъ, пшеницу съпортили по чужихъ мелница(хъ) мелючи, а мои въ подтопѣ—третая недѣля. Здѣлайте милость, какъ у васъ вѣрно частіе оказѣи въ Стародубъ, прикажѣте купать мнѣ сахару пудъ, на что и денегъ посилаю 15 рублей, и чрезъ того пришлете, что съ пивомъ пришолъ. Сашенки, моему ангелу, отъ своихъ трудовъ коробочку посилаю и парку цвѣточковъ, какіе на сію пору разъцвѣлось. Засимъ препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 21. Изъ Боровичъ.—Прошу мое почтеніе засвѣдителствовать вашимъ любезнимъ сестрицамъ, а моимъ м. м. г—нямъ. Уляна Семеновна всѣмъ вамъ кланяетця, начавъ отъ матушки вашей, вамъ троимъ и сестрицамъ вашимъ, и цалуетъ всѣхъ ручки.

92. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку пива аглицкого премного вамъ благодарю, которое по пробѣ и не худенкое. Извинѣте, что я васъ симъ безпокою, причина сему, что мои люде ещо туда не обикли ездить. Что принадлежитъ до присланой копѣи прошенія по дѣлу отца вашего, вамъ извѣстного, то ви весма понапрасному безпокоите, вѣрте, что ничево изъ сего не можетъ бить. Григорій Петровичъ изъ супругою и Соненкою сей день отехали отсель; онъ увѣралъ мене, что въ маи мѣсяцѣ увидите сами, что все прекратитъ онъ непремѣнно, и надобно вамъ знать, что Полуботки отобрала съ протчими наряду деревнями, и Григорій П. хотя съколко не просилъ мене, чтобъ я ему отдала таперъ же, но я удержала до тіехъ поръ, покуда не кончитъ онъ положеного мира, вамъ извѣстного. Описивать вамъ о происхожденіяхъ бывшихъ, лишнимъ почитаю, дастъ Господь, пріедете, услишите все, а таперъ ещо пофтору вамъ, ради Бога, не печалтесь о пустой затіеи отческой; вѣрте, что оная исчезнетъ, какъ нонѣшной сънѣгъ отъ слонца. Наконецъ, препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 30. Изъ Боровичъ.

93. Любезніе мои вънуки Н. П. и І. С. Получа о вашемъ здоровьи извѣстіе, радуюсь, даруй Всевидущой вамъ и крошенки Алексашенки пребивать въ ненарушимомъ, при покровителствѣ божіемъ, до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Не менше сего обрадована я и пріемомъ милостивимъ отца вашего хлѣба узварного. Дастъ Господь, въсе будетъ хорошо, толко терпѣніе имѣть и положитись во всемъ на провидѣніе Господне, тотъ боритель общего врага поперелъ, несумнителную надежду имѣю. Посилаю о наличности жукоцкой описъ; что касаетця до ярини, то будетъ какъ нибудь, но жита ничего нѣтъ; я тамо мужичка поставила мохнатинского до пріевда вашего, которой маленко и грамотенъ. А ви старайтесь человѣкомъ и нехудо бъ, чтобъ и отправить его заразъ, а въ томъ, какъ изволите, ибо я ужо сему то мужичку приказала, чтобъ онъ старался — все поле ораное весеялъ бы, непремѣнно въсе, какъ овсомъ сколко его есть на лѣцо, пшеницею и протчимъ, сколко чего есть. Воли, какіе есть нѣчево уже переберать, кои всѣ при Жукоткахъ останутця. Шинкаромъ я дала двѣ бочки вишеполугарной горелки, цену положила зъ десятиною по два рубля, но той мало будетъ, а у мене такъ же нелишней горелки; я би вамъ не жалѣла, но и въ Савинки надобно

будетъ бочекъ двѣ жъ, покуда ви прійметесь за хозяйство. Мнѣ кажетця, какъ ужо близкое время приходитъ до окончанія дѣла вашего зъ братомъ, то бъ не дожидаясь мая, писать къ нему о положеніи сърока, и не худо бъ своего нарошного прислать, и хотя и чрезъ сего изволте писать, я къ нему пошлю и своимъ. Много вамъ писать о розговорахъ нашихъ за лишное почитаю, дастъ Богъ, пріедете, услишите. Прошу дать знать, когда ви намереваете пріехать, даби я зная могла возвратитись съ Каруковки, куда хочу заразъ за поворотомъ сего отъ васъ поехать. Я тамъ толко и прожила дни три и почти ничево не здѣлала. Савинской приказчикъ весма боленъ, и хотя я и писала къ нему, чтобъ вездіе било позасѣяно, но сумнюсь, чтобъ билъ порядокъ въ расужденіи его болѣзни; однакъ часто посилать буду туда провѣдивать, а буди не поправитця, то хотя отсель пошлю человѣка. Болше писать чего не сискую, да и после дороги не совсѣмъ здорова что то. Цалую въ мислихъ васъ, моихъ ангеловъ, троихъ, препоручивъ васъ божіему покровителству и милостивому его призрѣнію, пребуду во всю мою жизнь вашеговсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, апреля 11. Изъ Боровичъ.—Уляна Семеновна благодаритъ за присилку писемъ, и будетъ къ вамъ къ повеленому сроку непремѣнно. Виписка съ контракта данного мнѣ отъ Петра С. на откупъ Жукотокъ, которой данъ 1777 году, сентября отъ 1 числа, на три года, которому сего 1780 году и конецъ года; на всякой годъ полагая по 600 р., за три года 1800 рублей, отдано за карету Енку—192 р. 50 к., по росписки Каморовскаго, того жъ, году, въ маи мѣсяцѣ—200, по другой, въ ноябрѣ—300. Чрезъ Базилевича получила я—333 р., за 300 колодъ на церковъ жук. –75 руб., чрезъ Николая я получила—300, майстрамъ жукоцкимъ—30, да таперъ чрезъ козака 168 рублей; и того 1748—50, ещо надлежитъ—51 р. 50 к.

94. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. По отездѣ вашему, наумовской молодой попъ, являсь у мене, представилъ зъ дикастеріи указъ и прозбу, которіе для вашего знанія посилаю, единствено для того, чтобъ ви вѣдали, что неусипно оцетъ (sic) стараетця жъ, и Господь ихъ вѣдаетъ, на что сей обманъ, что тутъ такъ, а тамо инакъ. Сей же священикъ со слезами просилъ мене, чтобъ послать къ Степану С..., даби подписался на присяги прилагаемой, которую не надобно ли въ чемъ поправить, вамъ предъоставляю. И ви пожалуйте къ Степану С. напишѣте о семъ и, не удержовая нимало сего нарошного, отправляйте. Между протчимъ сказивалъ священикъ, что пріостановлено де било въ дикастеріи сіе дѣло совсемъ; но ужо свят-

ками получали отъ Петра Степановича прозбу да скончено было сіе дѣло безъ замедлѣнія. Правда ли сему или нѣтъ—я слишаное пишу. Какого ви о семъ мнѣнія и чемъ би успокоить можно сего несщастнаго, неоставте мене, со всякимъ обстоятелствомъ, чрезъ сего жъ увѣдомить. Каково ви доехали, и благополучно ли застали въ добрѣ все а въ началѣ о здоровьи матушки вашей и Сашенкиномъ, увѣдомить прошу. Пребивая во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 16. Изъ Боровичъ.

95. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Жаль, что ви не симъ моимъ нарочнимъ отправили къ Степану Степановичу да своего человѣка потрудили. Посилаю сего нарошного съ темъ, чтобъ и привезеное писмо отъ Степана Степ. онъ же привезъ. А между протчимъ и писмо отъ Григорія Гр., писаное ко мнѣ, прилагаю. По оному буди угодно поступить или отложить, причинъ ради какихъ, остаетця въ власти все вашей, толко прошу увѣдомить, какихъ ви будете расположеній о поездки вашей; какъ получу присягу извѣстную, то пошлю до Григорія Григоріевича по вашему въ томъ требованію. Что касаетця до писемъ потребнихъ, то вѣрте, что они у мене въ сохраненіи, какъ должно, а кои ненужніе и несекретніе, то я оних никогда не храню и употребляютця оніе на всяку всячину, а потому не извлоте никакого сумнителства въ семъ имѣть. Что ви всѣ трое дужи я здорови, радуюсь и отъ искренего моего сердца желаю вамъ въ ненарушимомъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Алексашенку прошу за мене поцаловать. Въ протчемъ пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 21. Изъ Боровичъ.—Горелку купленую изволте сейчасъ присилать и своего челолѣка, какъ въ Савинки, такъ и у Жукотки, и цѣни, какъ вамъ угодни, изволте тако и располагать. Ради Бога, Насточко, не упрамтесь да принимайте и владѣйте, вѣрь мнѣ что и все порядочнѣе будетъ, когда сами будете разполагать и скорѣе можете окончить ваши дѣла; а безъ того, какъ хочете, естли не примете заразъ, то имено отдамъ въ аренду, и тогда не жалѣйте. Я разъ навсегда сказала, что вамъ давала и таперъ то же пишу, ви подумайте: вить и косовиця недалеко, надобно же что нибудь да подумать, яко тамо немалая оная. Скажѣте, ради Господа небесного, кого ви боитесь, что не принимаете ничево, когда по вашему, что по шеи дадуть, то первоначално, хто би сіе здѣлалъ? фторое, братъ же владѣеть матернею частію, зачемъ же тебѣ не принять моего. Николаша также Виблямо владѣетъ и нихто по шеи не бъе. Ещо разъ прошу—принимайте оз-

наченую для тебе часть извѣстную, а когда не премете, вѣрте, что все отдамъ Григорію Петровичу и тогда ужо изволте съ его рукъ получать, какъ хочете. Уляна Семеновна вамъ обѣимъ кланяетця и Санечку цалуетъ.

96. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку писемъ отъ Степана Степановича и извѣстной присяги премного вамъ благодарю, которую, по прежнему вашему писму, отправлю прежде до Григорія Григоріевича. За увѣдомленіе о здоровьи вашемъ и дражайшой Санечки желаю отъ всего моего сердца пребивать вамъ всѣмъ троимъ въ непоколѣбимомъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, при покровителствѣ Всевидущаго, коему препоручивъ, пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 22. Изъ Боровичъ.—P. S. М—ой моей г—нѣ Прасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣннѣйшей матушки, прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и сестрицамъ вашимъ, а моимъ г. м—мъ низіохенко кланяюсь. Уляна Семеновна на сію пору не била, за хозяйствомъ трудитця, капусту садитъ, и не била какъ сей пріехалъ и отехалъ. Извинѣте, что не кланяетця минѣ.

97. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Вчерась, тоесть июня 22, вашъ Данко пріехалъ, которой того же самого дни и отехалъ въ Брахловъ. Сожалѣю о вашемъ безпокойству, да что дѣлать, нѣчемъ перемѣнить, когда не хотятъ мира. Дай Господи, чтобъ доброй успіехъ имѣли ви. Вовну, привезеную вашу, изъ симъ самимъ посилаю къ вамъ, еще успѣютъ оную къ петрову дню допрясть. Я думаю, недожидаясь вашего пріезда, отправить вашего Гурія въ Савинки съ писаремъ, даби здачу ему учинилъ, ибо таперъ около плотинъ работи доволно будетъ, а присмотрѣть отнюдъ нѣкому, а за пріездомъ вашимъ, на готовое поедете, дай косовиця постигаетъ, пусть хотя до того времени осмотритця. Какого ви будете о семъ мнѣнія, увѣдомитіе мене. О квартахъ прошу не запомнить, а наче о цвѣточкахъ, въсенужно они мнѣ надобни. Хлѣба бѣло(го) и ситного посилаю, когда угодно, то дайте знать, я вамъ и часто присилать буду, только не знаю каково то будетъ, да и худи ситницѣ попекли, вибачить прошу. Какъ долго замедлите, увѣдомить прошу. Болше писать чего, не сискую, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во свою мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, июня 13. Изъ Боровичъ.— Чулочки Настенки посилаю, купленіе сей же день, желаю здоровенкой носить.

98. Любезная моя вънучка Н. П. Зная, что вамъ надобна лилієя, которой 27 стеблушокъ посилаю, дай Господи ползу въ семъ ратующимъ получать. Естли ещо мастеръ не виездилъ, не запомнить, прошу, его вислать, яко въ работѣ остановка. Увѣдоми мене, ангелъ мой, о своемъ здоровьи, равно и о Алексашенкиномъ, также когда Иванъ Степановичъ віехалъ и какъ скоро оттоль ожидаете. Въ насъ коръ весьма худой, дѣти мрутъ часто. Сохраняйте, Бога ради, Алексашенку, а луче въсего мое мнѣніе, что естли тамо хорошой коръ етотъ, не берегти, ибо сего не миновать, а во время доброго кору или оспи скриватись не должно. Какого матушка ваща, а моя Парасковья Григоріевна будетъ о семъ расположенія, увѣдомить прошу. Сахару голову одну посилаю, прошу, душенка, попросить матушки, чтобъ дозволить сварать вишенъ, яко у мене ничемъ ничево нѣтъ онихъ. А вари, душа моя, тако: въ сей головѣ 14 фунтовъ, то десеть сварить по полтора фунта на фунтъ ягодъ сахару положить, а четыри фунта сколько ягодъ столько и сахару положить, и сіе то будутъ для пирожнаго хороши. Я для тебя толко рожи ещо съварила, а болше—ничего болше. За недосугомъ не распространяю, а скажу только то, что я здорова, дай Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова была. Засимъ цалую въ мисляхъ тебя, ангелъ мой, и чадо твое тысячу разъ, препоручивъ божему милостивому призрѣнію и покровительству, пребивая во всю мою жизнь, тебѣ въсего доброжелательнѣйшею бабкою и маткою Н. П. 1790 году, июля 2. Изъ Боровичъ. М. г-нѣ моей, а вашей драгоцѣнѣйшей матушки Парасковьи Григоріевнѣ прошу мое почтеніе засвѣдительствовать, равно и м.м. моимъ г.г. Маріи, Варварѣ, Евфросиніи и Катеринѣ Степановнамъ прошу низіохенкой поклонъ засвѣдительствовать. Уляна Семеновна всѣмъ вамъ нижайшой поклонъ свѣдительствуетъ и цалуетъ ручки всѣхъ. Благодарствую за присилку кузнеца, котораго одначе жъ теперъ прошу не присилать.

99. Любезнія мои внуки Н. П. и И. С. Я только, что хотѣла своего нарошного посилать къ вамъ съ мохнатинскимъ войтомъ, которого приказчикъ побилъ, по его показанію, невино, а какъ нарошной сію жъ минуту едетъ къ вамъ съ вѣдомостю изъ Жукотокъ, то съ нимъ и посилаетця сей жалобщикъ. Ви, какъ хозяева своему добру, такъ и ислѣдуйте, какъ вамъ угодно, а мое мнѣніе—запретить отнюдь побои дѣлать приказчику; однакъ вамъ то знать, а побоевъ изволте освѣдительствовать. Тутъ било ихъ два пришло, но я, зная рабочое время, одного отправила, а сей все пресважетъ вамъ обсто-

ятельно. Въ приказчика вашего жукоцкого двое дѣтокъ померло съ кору, да и у насъ весма нехорошъ коръ, берегите ради бога Сашенку. А когда хорошъ у васъ коръ, такъ мое мнѣніе не берегите, луче будетъ, когда она перебудетъ оной при хорошемъ кору, чего отъ искренѣйшаго моего сердца ей и желаю. За присилку вишень чувствително благодарю, малинъ весьма мало да здѣсь онихъ почти и нѣтъ; я послала въ Каруковку варить, когда есть до свару, только страно мнѣ, что ви пишите, чтобъ въ меду сварить, на что оніе, увѣдомте чрезъ сего—въ меду или въ сахарѣ сварять для васъ? Я теперь глазомъ не могу, запухъ и болитъ, и сижу въ комнатѣ, никуда ни ногою. Что у васъ слышно о новомъ нашемъ намѣстникѣ, а у насъ ничево и слиху нѣтъ. А губернаторъ пріехалъ и ни за что не принимаетця и не обявляетъ о себѣ, что онъ опредѣліонъ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1790 году, іюля 11. Изъ Боровичъ. М. моей г. драгоцѣнѣйшей матушки вашей и сестрицамъ всѣмъ низіохенко кланяюсь.

100. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Для вашей драгоцѣнѣйшей матушки, а моей м. г. Парасковьи Григоріевны посилаю лилей корней восѣмъ, кои нерозреваніе и кои розорвавши, будетъ боле двадцити; и всѣ зубочки посадитъ же, счистивши понемножку, а корнѣ раздѣлить такъ же всѣ, чтобъ не било по два, землю смѣшать съ пѣскомъ, чтобъ отнюдъ не чорнозѣмъ била, а что на зиму укривать должно, то о томъ Настасія Петровна знаетъ совершено, равно какъ и розривать и зубки садить—знаетъ же, цибья изъ средини въ каждой повикручивать, а изъ цибями не садить. Съкоро ли къ намъ пожалуете, прошу чрезъ сего увѣдомить. Вашъ человѣкъ, кой за писмами потеранными пошолъ у Жукотки, такъ подбился, что я ему принуждена дать подводу, кой ещо въчерась толко отехалъ отсель. Засимъ препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 году, июля 22, изъ Боровичъ.

101. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Отездъ вашъ столко мнѣ прискорбенъ, что я ничему и уподобить не въ силахъ, когда притомъ одно съ васъ несовсемъ здорово. Прошу увѣдомить чрезъ сего каково ви даехали, не безпокоила ли болѣзнь извѣстная Настенку? И где ночевали и какъ заранѣй пріехали въ домъ? Застали ли въ домѣ драгоцѣнѣйшую вашу матушку и здоровихъ ли застали домашнихъ, ровно и Алексашенка здорова ли—увѣдомить прошу не оставить мене. Сей податель просилъ мене, чтобъ его отпустить въ домъ, коего и посилаю съ тіемъ, чтобъ на сей же подводѣ и возвра-

титись ему непремѣнно въ слѣдующой понедѣлникъ. Тутъ же и работникъ вашъ отпущенъ отъ мене съ награжденіемъ. Нѣтъ ли извѣстія о намѣстнику нашему и вашему? Проехалъ ли или ещо нѣтъ? Да и о старемъ нашемъ намѣстнику нѣтъ ли какихъ вѣстей? Увѣдомить прошу. Засимъ, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году июля 29 изъ Боровичъ.

102. Ангелъ мой Н. П. Знаю, что Ивана Степановича нѣтъ въ домѣ, почему къ нему и не пишу, а буди паче чаянія въ домѣ, то извини мене и кланятись отъ мене прошу. Кирушка твой не поехалъ въ Жукотки, не знаю почему, то онъ самъ перескажетъ, которого посилаю къ вамъ по просби его. Каплуновъ ужо и неудобно каплунить, ибо послѣ Семена отнюдь не каплунятъ, а для Жукотокъ я отсель отправлю 40 каплуновъ, но по крайности, чтобъ сей же Кирушка принялъ оніе на свои руки и отвезъ порядочно и до морозовъ. Я хотела било въ Каруковку поехать, но что-то нездорова, на подобіе лихорадки, а таперъ вся въ испаринѣ, и голова болитъ, и такъ, покуда совершено не виздоровлю, не поеду. Котли (виновуренные) приказала я видать въ Савинки и чтобъ саміе лучіе видани били, то до вашего приказчика писала, чтобъ онъ самъ поехалъ и вибралъ, и въсѣ четири съ трубами би били бъ, о чемъ и до своего приказчика писала же, чтобъ саміе лучіе вибралъ. Трубку Ивана Степановича и забутой вами гребешокъ посилаю, а для Сашечки коробочку грибя брать, какъ таперъ и время оніе собирать. Прошу за мене ея поцаловать сто разъ и въручить оную. Какъ ви скоро намереваете пріехать, и сюда ли или прямо въ Савинки—увѣдомить прошу. Болше писать чего не сискую, препоручая васъ въсѣхъ трохъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, августа 25, изъ Боровичъ. Напиши, душа моя, какова ти въ своемъ здоровьи? Да и обо всѣхъ вашихъ домашнихъ не оставъ увѣдомить, а у мене въ дворѣ полно болнихъ. М. г-нѣ моей вашей драгоцѣнѣйшей матушки Порасковьи Григоріевнѣ прошу засвѣдителствовать мое почтеніе, такъ же м. моимъ г-нямъ Маріи Степановнѣ, Варварѣ Степановнѣ, Ефросинѣ Степановнѣ и Катеринѣ Степановнѣ кланятись прошу.

103. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Получила я отъ вашего жукоцкого уприказчика писмо, кой пишетъ, требуючи вѣрующей, а по какому дѣлу—усмотрите съ оного, кой и прилагаю, а яко ви

имѣете оную вѣрующую отъ мене, то и не умедлѣть послать къ нему, вашему приказчику. Сей въручитель перескажетъ вамъ, что никогда Закревской не вдирался, почему и недопущать можетъ быть прикажете, а въ томъ какъ вамъ угодно. Я сегодня получила билетъ о вистатченіи трохъ человѣкъ по губерній Новогородской, которого копію къ вамъ посилаю, потому что и Савинки и Тѣлное здесь же приписани. Пожалуйте, расположите, какъ ви намиреваете—кого ли примете въ дополніе къ себѣ? Да и мнѣ прошу посовѣтовать, какъ съ приписними поступить, т. е, отъ нихъ я думаю требовать лошадей и убору съ нимъ да повидимому и доплатка слѣдуетъ, но, не знавъ совершенно ничево какъ должно поступить, прошу не оставить мене въ семъ, яко у васъ ужо по сіе время здѣлано вѣрно порядокъ. Болше писать чего не сискую, препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 г., августа 27, изъ Боровичъ.

104. Ангелъ мой Н. Н. Къ несказаному моему соболѣзнованію получила я отъ тебе, душа моя, письмо, въ коемъ пишешъ, что Иванъ Степановичъ весма слабъ, но какой болѣзнію страдаетъ или послѣ болѣзни таковая слабость—того не поясняешъ. Зачемъ посилаю сего нарошнего единственно для того, чтоби знать мнѣ о здоровьи Ивана Степановича, а также прошу, ангелъ мой, немедля сего увѣдоми мене со всякимъ обстоятелствомъ о стараніи, о виздоровленіи болящего. Совѣсть мнѣ запрещаетъ указивать тіемъ, кои не менше моего усердствуютъ, но чистосердечно жалѣя толко, прошу увѣдомить со всякимъ обстоятелствомъ, какъ и чѣмъ страдалъ Иванъ Степановичъ и отъ чего таковая слабость. Мнѣ сдесь толко остаетця за его Господа помолить, на которого все мое упованіе. Онъ да пошлетъ первобитное здоровье ему и всѣмъ вамъ и должайшіе лѣта при покровителствѣ своемъ височайшемъ, всѣмъ сердцемъ и всею душею вамъ того желаю. Что принадлежитъ до вибору извѣстнихъ людей, то вовся не такъ приходитъ, какъ ви пишете, почему виписку посилаю съ присланого оповѣстка и вибирать, по моему, съ людей съ души по 25 к. весма много сего будетъ для бѣднихъ нашихъ людей, а, по моему мнѣнію, приписніе должни положить на вспомоганіе, то есть: лошадѣ, приборъ лошадиной; довольно съ насъ и того, что ми людей лишаемось. Совсѣмъ тіемъ послала я еще и до брата Г. Г., прося совѣта. Зачемъ ви и не безпокойтесь о семъ, а толко еще прошу увѣдомить о здоровьи Ивана Степановича, твоемъ, ангелъ мой, и Сашенкиномъ. А я глазами страдаю, половину зрачка заслоняетъ, а въ протчемъ здорова, до коего часу Богъ велитъ. За присилку сапо-

говъ чувствителнѣйше благодарю, они такъ хороши, что желать лучшихъ нелзя, а тіемъ ещо луче, что съ вашихъ рукъ. За яблока, огурци, лимони равно благодарю, но жаль, что яблока побити весма доволно, развѣ десято дай то не совсемъ, а всѣ боки обити, а видно, что чрезвычайно хороши. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентабря 1, изъ Боровичъ.

105. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. По требованію вашему, бабиного сина посилаю, а при томъ прошу его не слушатись, онъ сказивалъ мнѣ съказать, что съкучали безъ матери, но я ему грозила жестоко, чтобъ онъ сего не сказивалъ, а сказавъ би, что не скучили, а ви напишѣте, что онъ будетъ говоритъ. Естли оздоровилъ совершенно Иванъ Степановичъ, то бъ весма нужно расположить о солдатахъ по расположенію приписнихъ вамъ къ Савинкамъ и тѣхъ, кому толко надлежитъ душъ 85, а мнѣ къ моимъ душъ 220 надлежитъ и по моему естлиби захотѣли приписніе дать отъ себе лошадѣ и уборъ, тобъ намъ толко однихъ людей дать да и толко, ибо предводитель полагаетъ цену человѣку рублей 300, лошадѣ 40, уборъ на 20 р. А приписнихъ душъ къ вашимъ отъ Прохора Иванов. 157 ду., отъ Мар. Мит.—148 душъ; когда жъ таковую цену положить, то виходитъ на всякую душу по 94 ко. и 4 четѣ, а такъ за сіе души довлѣло би имъ вистатчить лошадѣ и уборъ, ибо съ нихъ приписнихъ 287 д. 46 ло., а когда положить на трохъ лошадей по 40 р., то 120 ру. да на убори по 20 р., на трохъ 60; итакъ переходу не лишнево, почему списатись надлежитъ съ ними непремѣнно. Я послала вамъ билета копію, съ коего ви разсмотрѣте порядочно, то и увидите, что точно виходитъ съ души възять по вишеписаному и что вамъ къ Савинкамъ толко приходитъ, какъ више сего значитъ. Мнѣ кажетця, что ещо и дешево положено человѣка въ 300 ру. Подумайте не довлѣетъ того, что я вѣчно его лишаюсь, но еще и подушное платить, жену и дѣтей кормить. Что жъ ви написали, что по 25 копеекъ зъ души възять, то тутъ вовся несходно будетъ, да естли намъ ещо изъ своихъ брать и денги, то и тутъ обѣда бѣдномъ немалая. Какого ви будете о семъ мнѣнія—не оставте увѣдомить. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентабря 7, изъ Боровичъ.

106. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Писмо отъ Гурина вашего, какое получила, изъ симъ нарошнимъ къ вамъ посилаю, при которому и всѣ заграбленіе вещи. Я для то сіе дѣлаю, что ви тамо можете поценить (?) какъ одной губерніи, а здесь отнюдъ не хотятъ въ Городнѣ сего дѣлать. Весма би хорошо сдѣлали, естлибъ то учи-

нили, что било положили, ибо такъ рублять всѣ, что и способу нѣтъ оборонитись. Мой приказчикъ билъ у мене каруковской, которой сказивалъ, что лѣсничіе мои и онъ боятця въ лѣсъ и за своею надобностію ехать: но меншай мѣри по пятисотъ и болше въежають и рублать. Данька вашего я ту же минуту отправила на своихъ лошадахъ въ Чернѣговъ. Вы мене въ такой страхъ привели вашимъ писмомъ въ разсужденіи дѣла вашего въ Новогородки, что я истино чуть съ ума не сошла. А болше то мене смутило, что не написали, что то значитъ—уничтожить ли бракъ или что изъ сего можетъ худо здѣлатись, отъ чего Предвѣчной толко васъ сохрани. Естли сами съкоро не можете бить, то по крайнеи мѣри напишѣте ко мнѣ со всякимъ обстоятелствомъ, что предслѣдуеть для васъ худое. Григорій Григоріевичъ предъ симъ писалъ, что онъ и Николаша къ масляницѣ буду(тъ) сюда; вамъ би весма хотя на короткое время пріехать, чтобъ положитъ мѣри всему. Алексашенка и я слава Богу здорови. За симъ и проч. Н. П. 1791 году, февраля 7, изъ Боровичъ.

107. Государи мои, любезніи внуки Н. П. и И. С. Что вашъ человѣкъ прямо съ Брахлова поехалъ на Городню, то я тому радуюсь; правда, что виноватъ, но я Богъ знаетъ въ какихъ била мислях и думала уже била сей день посилать въ Брахловъ, что тамо дѣлаетця и думала, чтобъ человѣкъ по дороги где либо не заболѣлъ; однакъ легче сіе слишить, что онъ ужо пріехалъ къ вамъ. Что принадлежитъ до вашихъ денегъ, присланнихъ на хлѣбъ, то ви увидите все тое съ прилагаемой отъ вашего писара вѣдомости и квитанціи, которіе и посилаю при семъ. Равно и оплетки (?) записку, сколко оной теперъ отправлено, а что вамъ по сіе время не прислано отсель, какъ вѣдомости, такъ и объ отправки хлѣба и о денгахъ, то потому что ожидали изъ Брахлова человѣка вишеписаного. Писмо къ матушки вашей при первой оказѣи отправлено будетъ. Стелмахъ, пріехавши съ Чернѣгова, отехалъ тую жъ минуту доканчивать вашихъ кибитокъ, чему ужо прошла нужда. Ярмонку, что завели ви въ Жукотках, радуюсь, даруй Господи съ оной вамъ получать мильони. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно, кой да пошлетъ вамъ все по желанію сердца вашего, отъ искренего моего сердца желаю. Вовни посилаю рунъ двадцять, въ коихъ два пуда ровно, но немитая еще. Шляпку также посилаю, а перчатокъ вездѣ искали, но не сискали нигдѣ. Основы не давала ещо, яко работа есть у ткачовъ, да в какимъ узоромъ ткать не написала, Настенка, ти, и понеже оніе не посліеютъ въ бѣль, то кажется и спѣшить нѣчево,

а луче какъ пріедешь, то сама скажешь, какъ угодно будетъ виткать. Поедете ль и когда ви на свадбу Николая Ми., не оставте уведомить, да еще спросетесь Николая Михайловича, онъ мнѣ сказивалъ, что отецъ вашъ не хотитъ васъ видѣть, а онъ о семъ слишилъ отъ Григорія П. Сами ви о семъ обстоятельно поговорѣте и прійметe мѣри, но все мнѣ кажетця луче поехать и старатись, нежели опасатись и не ехать; при томъже, ежели Андрей Степановичъ за сее озметця, дакъ то мнѣ кажетця, что едучи до свадби сіе дѣлать, а не взъ свадби заехать, тутъ ужо кажетця не будетъ почтително. Просѣте Андрея Степановича, чтобъ онъ доказалъ, какъ обѣщалъ вамъ. Весма би хорошо, когда бъ хоть на маленкое время съ Чернѣгова заехали сюда, чего и ожидать буду, пребивая во всю мою жизнь и проч. Н. П. 1792 году, мая 12, изъ Боровичъ.

Лящовъ посилаю вялихъ 5, а печонихъ нѣтъ. Когда и болше надобно, то пишѣте, да съ таковихъ еще 5.

108. Государи мои любезніе внуки, Н. П. и И. С. Сей вручитель привезъ отъ матушки вашей Сашечки кроватку, которая весна хороша и за которую она чувствителнѣйше благодарить и цалуетъ обѣихъ васъ ваши ручки. Благодареніе Бога, обое ваши дѣточки дужи и здорови, и обое вамъ нижайшой поклонъ и почтеніе свѣдителствуютъ, а между тіемъ и просятъ, съ которими и я прошу, естли что не мѣшаетъ, къ намъ пожаловать пріехать; буди же зачемъ невозможно, то хотя часто прошу писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровьи, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшія лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. Что у васъ тамо происходитъ въ расужденіи вашего къ отцу віезда увѣдомить прошу. Въчерась у меня Габрилліовци [1]) били, привозили кирпичъ на подмуровку церкви, которіе сказивали, что козаки займу Габрилліовецкую не ту, что близъ села, а другую, которая съ полемъ каруковскимъ граничитъ, совсемъ випустошили, лики и лубя подрали и что человѣка по двѣстѣ въежаютъ, но прикажчикъ ни слова не пишетъ о семъ, почему я той же часъ отправила Якова Онищенка и писала, чтобъ и вашъ савинской и мой каруковской приказчикъ и Яковъ старались всячески не допускать и грабить сколько возможно, а Горлянскій сейчасъ прислалъ би отвѣтъ—почему онъ ни о чемъ не упоминаетъ, о таковой шкодѣ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, мая 29. изъ Боровичъ.

---

[1]) Д. Габриліовка въ сосницкомъ уѣздѣ.

109. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Писмо отъ васъ я получила чрезъ романовскаго человѣка, въ которомъ яко не пояснили о Настенкиномъ здоровьи, въ несказаномъ соболѣзнованіи сего нарочно посилаю, прошу со всякимъ обстоятелствомъ не оставить написать, что съ нею дѣлаетця. О дай, Всевидущой, получить мнѣ радосніе вѣсти, отъ искренего моего сердца обѣимъ вамъ здоровья и всякого благосчастія желаю. Я и дѣточки ваши, благодареніе Всевишнего, дужи и здорови и зъ самого вашего отезда, чрезъ часъ мѣста, сестра Пелагея С. съ дочерью Варварою и унучкомъ пріехали. За ею Александеръ на третой день изъ супругою и синами обѣима; и по сей день гости мене прямо ужо безъпокоятъ, хотя и свои, ни минути нѣтъ, чтобъ все розъехалось. Какіе у насъ разговори били съ Александромъ—описивать весма много, а скажу толко, что онъ 2 часи на колѣнахъ предъ братомъ Г. Г. стоялъ, самъ раскazивалъ и братъ тоже пишетъ, а за пріездомъ ко мнѣ, что блевалъ, уподобить ничему не могу, яко и повѣрною мене дѣлавъ, въ чемъ я ему грубо отказала. Таперъ же пишетъ братъ ко мнѣ и его писмо присилаетъ, въ которомъ благодаритъ за прощеніе, а между темъ пишетъ, чтобъ братъ въ семъ июлѣ на урадѣ ствердилъ, чемъ онъ помилуетъ. Я би вамъ писмо прислала его, но нарочной едетъ сей же день, а писмо Лисенково обратно велено прислать, кое и послано сей же часъ. Сестра раскаеваетця и сказиваетъ, что по мужнему приказанію здѣлала; что будетъ, не знаю далше. За присилку лампади премного благодару и денги за оную 9 рублей посилаю, а пять другіе рублей посилаю, покорно прошу приказать хорошой оливи купить и чрезъ сего прислать. Никола Ми. и Полинѣ ещо не било и извѣстія никакого не имѣю, даруй Господи, чтобъ толко здорови били обое. Болше бъ писала, да право не имѣю времени. Поручаю наконецъ обѣихъ васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 1, изъ Боровичъ.

110. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С., что я такъ долго не писала къ вамъ и нарочного сво(его) не посила(ла) сими днями, то сіе здѣлалось отъ пресилнихъ безпокойствъ, а вотъ они: 19 числа сего мѣсяца, въ 12 часу, старіе Боровичи со всемъ вигорѣли, такъ что мои осталось толко три двора, да козачихъ четири, а згорѣло моихъ 47 и шинокъ 48-й; и такъ згорело все, что ничемъ ничево и не вихватили, яко всѣ люде били въ полѣ и кромѣ дѣтей никово не осталось, которіе то и запалили. Я и сама ездила туда, но способу нѣтъ въ чемъ либо помочь, за великимъ жаромъ, да покудово я собралась поехать, яко на ту пору былъ у мене Прохоръ

Ивановичъ, то и совсемъ выгорѣло до основанія, такъ что ни одной улицѣ, ни огорода, а о садахъ и хатахъ нѣчево ужо и говорить; и съ тихъ то поръ ни минути покою не имѣю, безпрестано приходятъ люде съ плачемъ то за хлѣбомъ, то за одѣяніемъ, за хатами, словомъ однимъ сказать—сердце болитъ, да что дѣлать и помогти трудно и нѣчимъ—доволно, что изъ скотомъ не знаю,—что дѣлать, кой пришедши съ череди и несискавъ въсякъ своего мѣста, бѣжатъ и сами не знаютъ куда, и люде бѣдніе одно толко теперъ—въсякъ свое гонитъ скотину и не знаютъ куда загонить. Я приказала займи рубить и городитись поскорѣе, а тутъ самое рабочое время, но ни свого не могутъ бѣдніе снимать съ поля за печалю, а о моемъ ужо и думать нѣчего. Вотъ мое таперешное состояніе! Посудѣте, какъ хочете. Хлѣбъ же такой у мене на бору—изъжали совсемъ, где сѣяли 25 четвертей, а нажали толко сто копъ съ чемъ то маленкимъ и такъ ліогокъ, что и робіонекъ сноповъ 4 понесетъ. Завозу ни малѣйшее нѣтъ ничево, но все сіе для мене не такъ чувствително, какъ пожаръ. Что принадлежитъ до здоровья моего, то хотя не совсемъ, но движуся жъ какъ нибудь, а дѣточка ваши, благодареніе Богу, здоровенки и дужи, Сашечка и Петрушенка благодарятъ васъ за гостинчикъ и цалуютъ ручки ваши, какъ милостивихъ своихъ родителей. Петрушенка на зубочки немножечко било проносомъ заболѣлъ, однакъ теперъ, благодареніе Бога, луче стало и зубочки показались София Василіевна ещо и сама не знаетъ, когда поедетъ. Григорія Григоріевича ожидаетъ въ суботу. А отсель еще поедетъ въ Туничевъ и во всю тамошную околицу до своихъ. Пріедь, ангелъ мой Настасія Петровна, я знаю, что Ивану Степановичу отлучатись нелзя и естли бъ передъ заговѣнами, тобъ луче било пріехала. Здѣсь можетъ быть и Софію Василіевну бы застала, ибо кажетця, что ей до заговѣнъ успіеть нелзя віехать буде. Бублики изъ вашимъ нарочнимъ пришлю, которіе толко что учинили таперъ поутру, ибо очень ужо поздо пріехалъ. А госпожа Бренцевичева едетъ по своей надобности къ вамъ, то и сіе пишу, а чрезъ вашего буду я и Софія Василіевна писать же, а таперъ изводитъ рибку удить, которой я и не мѣшала. За симъ поручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 22. Изъ Боровичъ.

111. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Понеже я сей же день писала къ вамъ чрезъ панѣ Бренцевичеву, то и нѣчево болше писать, кромѣ то, что прошу васъ не оставлять при оказѣяхъ писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровю, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшіе лѣта отъ искренѣйшаго моего сердца

желаю. Бубликовъ посилаю, желаю здоровенкимъ кушать, засимъ препоручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 23. Изъ Борович.

P. S. Что принадлежитъ до Николая Михайловича въ разсужденіи приказа обѣщаного, вамъ извѣстного, чтобъ далъ, то сумнюсь, ибо предоставте себѣ, когда отехалъ онъ отсель, то моихъ лошадей въсѣхъ и Улянкину възялъ подъ свои повозки и еще три подводи мужичіе, чему другая неделя пошла отъ прошедшаго воскресенія; не присилаетъ и по сіе время и что они тамо дѣлаютъ я ужо не понимаю, а бралъ съ тіемъ, чтобъ той же часъ и прислать. Одна подвода пріехала, которой повозчикъ съказивалъ мнѣ, что нудимось, да нѣчево дѣлать, какъ толко увидимъ де господина и станемъ просить, чтобъ отправили, то толко и скажетъ: вотъ тотъ часъ отправлю, позабавтесь маленко! И когда де я ужо съ терпѣнія вишолъ, что въсякой день симъ отбуваетъ, то пришедши сказалъ, довволте ехать, здесь еще остаютця два человѣка, то онъ толко и съказалъ: хорошо, поежай, а тѣ пусть останутця... А до коихъ поръ и на что оніе— Богу ужо свѣдущу. Посему судѣте, можно ли, чтобъ онъ вздумалъ на приказъ, когда ви еще не приказали къ нему явитися приказчику вашему. А мнѣ съ клятвою съказалъ, что тотчасъ пошлю приказъ, дакъ не пустили довжичане. Пишетъ же ко мнѣ чрезъ моего человѣка, которого особо я посилала до Григорія Г., что они въ следующую пятницу выежаютъ въ Полтаву, а о лошадехъ моихъ и подводахъ ни слова не упоминаетъ. Вотъ съ такимъ то хозяиномъ какъ хочете думайте, поправляй толко Господи ужо. Анна Артемовна и Уляна Семеновна благодарятъ васъ за неоставленіе, а при томъ и низохенко вамъ кланиютця.

112. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Каково писмо я получила отъ Катенкиной тіотки, посилаю для вашего знанія къ вамъ, равно и какого ви будете въ немъ содержанія, не оставте мене увѣдомить, даби знать, что отвѣчать къ ней мнѣ. Мое мнѣніе не терять лѣтъ и времени бѣдной сиротѣ, когда при томъ откриваетця ей отъ тіотъ(ки) щастіе, какъ ви и сами о томъ совершенно извѣстни о томъ, что тіотка неубога и небездѣтна, то не смотря на отца, которой, оженясь, не мислитъ дѣтямъ никакого добра, а когда Катенка утерпетъ свою тіотку и благодѣтелницу, то вѣчно на васъ можетъ плакатисъ. Я знаю и ваши резони не неправедніе въ разсужденіи вашего обѣщанія отцу, но ви и въ полъ того добра не можете сдѣлать, что она отъ тіотки получить можетъ. Вотъ мои мисли, какъ вамъ покажутця, ви сіе писмо тіоткино и я еще къ вамъ напишу за

вашимъ совѣтомъ, тако что я не дожидаючись вашего отвѣта, какъ такая пишетъ ко мнѣ съ прозбою, отправила Катенку къ тіотки, а ви можете отца о семъ увѣдомить, сообщивъ то и другое писмо къ нему. Таперъ ей ничево ненадобно, какъ покрайности рубликовъ 50 для доставки въ Москву, да когда есть какое лишное въ Настасьи Петровни плате пару одну. А ехать ей таперъ весма къстатѣ въ Москву, когда Ефросинія Гарасимовна едетъ туда жъ, въ Москву, а тамо Катенки тіотка родная и тамо какъ себѣ хотятъ ужо. Они хотятъ віѣздить посля Крещенія заразъ. Естли ви на сіе согласни, то пожалуйте напишѣте обстятелно, какъ бить сему, ибо мнѣ надобно до тіотки писать что нибудь. Естли получили отъ Софіи Василіевни писмо, прошу чрезъ сего прислать. Отъ Григорія Григоріевича извѣстія никакого нѣтъ еще и по сіе время. Вѣстей никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я, слава Богу, здорови и дужи. Не оставте увѣдомить о своемъ здоровьи и проч. Н. П. 1792 году, декабря 3. Изъ Боровичъ. Карандашовъ пришлѣте для Сашенки, начала учитись.

При семъ и я вамъ, драгоцѣнѣйшіе мои родители, нижайше кланяюсь и цѣлую ваши руки и ножки. Простѣте, залѣнилась, ваша всепокорнѣйшая слуга Александра Л.

113. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Какъ сей вашъ нарочной посилаемой едетъ къ вамъ съ благопріятнимъ вѣстю, то есть, что куплено вамъ хлѣба четвертей 290, въсякая четверть по 2 р. 40 14-ти пудовая, то и васъ симъ поздравляю, дай толко, Господи, чтобъ еще и горелка хорошая родила съ оного, да къ тому ещо, какъ я и сама знаю, что Биковъ весма недалеко отъ Нѣжина, теперъ вотъ толко и старатись отискать оной безъ замедлѣнія, что все и возможно въ разсужденіи томъ, что заравремено исъкупленъ. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, чемъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я слава Богу здорови. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, декабря 5, изъ Боровичъ.

114. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку покупки, коя вся въ цѣлости получена, покорно и премного обѣимъ вамъ благодарю. Писмо отъ Софіи Василіевни въ вашемъ ковертѣ я получила, а что не писала въ полученіи и не благодарила васъ за доставку, какъ къ ней, такъ и до мене, прошу извинить, свѣдитель Богъ, что столко имѣла безпокойства, что и описать вамъ не могу; изъ сего судѣте: что вомисто писма отъ тіотки Катерини Ивановни ваше обратно послала, да и ви пишете, что обратно ваше писмо посилае-

те, но видно и ви въ таковичъ же обстоятелствахъ, яко не сискала я болше никакого, какъ таперешное писмо отъ тіотки Катенкиной, таперъ посилаю, по которому, что заблагоразсудѣте, не оставте увѣдомить. Она, послишивши, что ви пишете, причини въсѣ я ей пересказала, неутѣшно плачетця. Я на писмо тіоткино, что пишу къ ней для знанія вашего посилаю термѣну, на которое иначе отвѣту получить нелзя, какъ недель семъ или болѣе, какъ то отецъ Романъ перескаживаетъ. Что касаетця, что ей съ кѣмъ ехать, то отецъ Романъ на себе сіе беретъ, онъ и самъ съ нею едетъ до Москви. Разсуждайте на все и не терайте лѣтъ сиротѣ, даби не могла плакатись на васъ вѣчно. По моему мнѣнію къ отцу можете сіе писмо послать, или отвѣта пождать на мое писмо къ тіотки, что и будетъ развѣ по веснѣ. А таперъ то ей и отцу Роману хочетця, чтобъ вмѣстѣ изъ сестрою ехать и ему и Катенки, которая послѣ крещенія едетъ въ Москву, а оттоль никакой нужди нѣтъ, чѣмъ и съ кемъ ей ехать, вамъ въ томъ нѣтъ нужди, такъ то мнѣ кажетця, а впротчемъ вамъ луче знать. За присилку двохъ зайчовъ премного вамъ обѣимъ, моимъ государямъ, благодарю, что вашей собственой обѣихъ охоти, то ещо тіемъ оніе тисячу разъ пріятнѣйшими будутъ. Алексашенка, слава Богу, дужа и здорова и получивъ отъ васъ карандаши, благодаритъ безпримѣрно и наичувствителнѣйше и цалуя ваши ручки и ножки по сту разъ въ мисляхъ. Календаръ на новой годъ слѣдующой полученъ, премного вамъ благодарю за присилку оного. Болше писать чего не сискую, и проч. Н. П. 1792 году, декабря 18, изъ Боровичъ.

115. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. 24-го числа получила я писмо о позволеніи Катенки ехать въ извѣстную дорогу, она столко обрадовал(ась), что и виздоровила. Вы весма хорошо сдѣлаете, что дозволили ей сіе. Лишнево давать нѣчево, а по возможности; мнѣ кажетця, что болѣе 50 рублей ненада, а я обѣщалась 30 дать, да съ платя тоже не лишное. Они скоро хотятъ ехать и для того и не укоснѣте присилкою, что будетъ ваша милость. Что братецъ Григорій Григоревичъ здесь, то увидите на семъ же листу.... Дай Господи, чтобъ на семъ остановилось. Писать болѣе чего не сискую. Поздравивъ васъ, мои драгоцѣніи, симъ празникомъ, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца провождать радостно и благополучно и слѣдующихъ дождать, по крайной мѣри отъ сего времени въсякому изъ васъ—по сто таковихъ радоснихъ празниковъ. Съ коимъ моимъ желаніемъ по гробъ мой пребуду вашею вѣрною и всехъ добръ желателнѣйшею бабкою Н. П. 1792 году, декабря 26, изъ Боровичъ.

Радуясь нечаянной оказіи, что и увѣдомить о себѣ васъ могу. Пріехавши въ Черниговъ 22 декабря, выехалъ оттоль на праздникъ 24, а сюда 25-го прибылъ. И поздравивъ съ празникомъ обоихъ васъ, государей моихъ, желаю засимъ новый годъ продолжать во всѣхъ благощасливыхъ поведеніяхъ и здравими со всѣми вашими домашними. Тутъ же и благодаримъ васъ, государя моего, Ивана Степановича за здѣланіе трубъ, о коихъ слышу, что очень хороши и изъ коихъ съ начала донынѣ горѣлка самая лучшая пробная выходитъ отъ 10 пуд. муки—50 в. и 2 квар., а видѣть не довелось. Въ Сиячи рѣка общая (sic) Сновъ не пустила переехать. Дорогу я имѣлъ пребезпокойнѣйшую, съ 15 числа выѣхавши изъ Золотоношки, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, насилу въ 6 дней до вашего нового трактира доѣхалъ, гдѣ лошади и повозки два дни еще простояли, пока перевезлись. Въ скотопитателныхъ тамошнихъ мѣстахъ, видѣли мы снѣгъ въ Николинъ день, да на завтрѣе, а потомъ дожди и туманы такъ дорогу раз(г)рязили, что я не ехалъ да плылъ. Нового вамъ сообщить нѣчего, а развѣ, что я Настасіи Петровны дядюшку видѣлъ отчасти нездорового съ завязаннымъ глазомъ. Таможня здѣсь по по прежнему, сказуютъ, учреждены будутъ, такъ съ Петербурга пишутъ. Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій, сенаторъ, проѣхалъ къ графу въ Ташань 24 числа, через Черниговъ, а я у его былъ. Михайла Никитича (Кречетникова?) ожидаютъ въ Кіевъ, чрезъ Тулу дорогу свою отправляющого. Каховского изъ Варшавы отозвано въ столицу, а на мѣсто его отправленъ генералъ Игельтромъ. Все тутъ, да и бумаги болше не остало. Прощайте! Дай Богъ васъ здоровихъ видѣть. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ.

116. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Чрезъ вашего сего нарочного, получила я цисмо и при немъ присилку пуда митой вовни. По первому радуюсь, что слишу о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровьи, а по фторомъ, благодарю премного за вовну а труди Настасіи Петровни, но почему не написали цени,—пожалуйте дайте знать; я знаю, что не дешева оная, а ви люде ново(го) хазяйства, на все сіе имѣть должно уваженіе, прошу безъ церемонѣ(и) дать знать, я съ превеликою охотою денги пришлю. Здесь въ ярмонки била вовна по 60 копеекъ руно немитой и я не купила, зная сколько дорого прійдетъ и немитое руно, когда зважила, то толко по 3 фунта било. Ещо васъ безпокоить осмиливаюсь, покорно прошу, коль у васъ тамо близко, приказать здѣлать мнѣ три кварти одинацятковіе и три чвертки по квартамъ тіемъ же, и что за оніе

подлежатиметъ денегъ вмѣстѣ съ вовною написать, да не замедля овіе кварти и чвертки и прислать прошу. О Лисенку и писать нѣчево, когда читали мое писмо, то и доволно ужо, а толко скажу то, что брата и сватью посадилъ подъ караулъ въ уездѣ, и дѣти одни одяніошенки остались безъ и малѣйшаго кого либо призрѣнія. Въ доми же Войцеховичей все судъ попечаталъ, такъ сказиваютъ, но я не знаю совершенно. Я сасвивала Настасью Дмит., которой совѣтовала поѣхать къ унукамъ, но и та отказалась по слабости здоровья. Вѣстей здѣсь никакихъ нѣтъ, а толко скажу, что дожчи безпрестаніе и бури тяжкіе. Дѣточки ваши и я съ ними, благодареніе Бога, здорови и дужи, пріезда Настасіи Петровни ожидать буду и проч. 1793 году, іюня 21, изъ Боровичъ. Алексаничка за башмачки чувствително благодаритъ и цѣлуетъ ручки ваши, а съ нею и Ульяна Семеновна низіохенко кланяетця и цалуетъ ваши ручки.

117. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе внуки Н. П. и И. С. Какъ сей вручитель едетъ по своей нуждѣ къ вамъ, то не пропущая сей оказѣи, увѣдомить васъ не пропущаю, что дѣточки ваши, благодареніе Господа, дужи и здорова и Николашенка *буки-азъ-ба* учитъ. Проситъ наиприлѣжнѣйше, чтобъ шляпу ему прислали, я ему пошила суртучокъ и какъ надѣлъ, то говоритъ: бабушенка! у мене шляпи нѣтъ, напишѣте, чтобъ папинка прислалъ, у Брахловѣ есть моя шляпа.—По сію пору сплятъ обое, а то би онъ много насказалъ, а теперъ въсѣ трое вамъ нижайшее почтеніе свидѣтелствуютъ и цалуютъ ваши ручки и ножки, какъ милостивихъ своихъ родителей. Я, благодареніе Богу, свободилась отъ кашлю совсемъ, не принимая болѣе ничево, какъ одну магнезію, а присланой травки и не починала; Уляна Степановна пила, но помощи никакой нѣтъ, да посилала Григоріевичу Василію Ждановичу, но оная ничево не помогла, онъ ужо приказалъ вамъ долго жить, а самъ отидетъ ко Господу сего мар. 27. За присилку осятрини премного вамъ благодарю, риби здесь отнюдь нѣтъ, таперъ и ліодъ ещо держитця и по сіе время. Григорій Петровичъ пишетъ, просячи неможно ли ему клевѣра (sic) Настасіи Петровни для Сонечки прислать, пожалуйте естли возможно, не откажѣтесь. За присилку домашнего канѣфасу чувствително благодарю. Вѣстей никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу, поручивъ васъ я проч. Н. П. 1796 году, мар. 29, Боровичи.

118. Душа моя, ангелъ, Н. П. Первоначално скажу вамъ то, что дѣточки ваши, а съ ними и я, благодаримъ Господа, дужи и здорова, дай Господи и о васъ тоже слишить, а ещо бы луче, естли бъ

васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, здоровихъ видѣть, сего то нетерпеливно желаю, да думаю, что ужо ви въ своемъ хазяйствѣ и упорались доволно, кажетця, можно проездитця, съ чемъ прошу и не оставить. Мадамъ пріехала вчера, но оная по своимъ лѣтамъ, далѣй ехать не желаетъ, которой, по ея показанію, 68-мъ лѣтъ; сказуетъ, что естли до дѣтей, то она съ охотою превеликою, до чего то она съ младихъ лѣтъ привикла, а до хозяйства несродна, а толко учить понѣмецки, пополски, шить на дѣтей и смотрѣть за ними; а имѣетъ дочъ 18 лѣтъ, которая въ нѣмца и которой годъ о Петрѣ кончитця, та—такъ велика хазяйка, что какъ можно за всѣмъ въ доми того смотрить, не доволно ключи въ ея всѣ, но и за панщиною, дойвомъ, огородомъ, прядивомъ, въсемъ отъ мала до велика, всего смотритъ и велику охоту къ тому имѣетъ. Да кажетця при тебѣ, душа моя, съказивалъ Корицкой о ея дочери, что она всего смотритъ и порядочно. Весма би хорошо, когда нелзя обѣимъ, хотя би ти сама пріехала, то би поговорить съ нею обо всемъ, какъ тебѣ угодно, то то и здѣлаешь. Батюшка твой давно ужо отехалъ обратно, но точного извѣстія нѣтъ, а сказивала Лукяна кучера жена, которая на прошедшой недѣлѣ здѣсь била. А Уляна Семеновна, какъ поѣхала ещо предъ Николаевимъ днемъ, то ни ея, ни извѣстія никакого нѣтъ, а толко тоже Лукяниха сказивала, что у Николая Михайловича оставалась. Вотъ и всѣ вѣсти вамъ здешніе. За симъ поручаю васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, и проч. Н. П. мая 19, 1796 году. Изъ Борович.

Швачка скоро дошьіотъ ризъ Богороди(цы), сътарайтесь дисейномъ (рисункомъ) и золотомъ, яко будетъ гулять. Г. Корицкой присламъ мнѣ турецкого гороху, я двѣ мѣрки посеяла у себе, а вамъ мѣрку посилаю, сія мадамъ сказивала, что чрезвичайно хорошъ въ кушаньи и что весма родитъ сей горохъ у того господина, где она била.

119. Ульяна Семеновна сію минуту пріехала съ писмомъ симъ, что тутъ написано, что она то перескажетъ, то я, услиша отъ ея, поясняю, а вотъ то: батюшка вашъ, будучи въ Чернѣговѣ сказалъ Александрѣ Павловнѣ при Якову Кириличу, первое, спросилъ Алек. П—ну: видаетесь ли ви зъ дочерью моею Нас—ю?—Она тутъ съказала, что весма часто. Да гдѣ ви такъ часто видитесь?— она сказала: въ Жукоткахъ. Тутъ онъ сказалъ: съкажѣте ей мое прощеніе и благословеніе, Господь ей да благословитъ, а я прощаю и благословляю ея и дѣточокъ ея, да съкажѣте ей, съкажѣте... И тутъ то, сказивала Алек. П., горко сталъ плакать. Изъ сею вестю въчера Н. Богдановна,

пріехавши, прежде Уляни Семеновни, съказала мнѣ, что сіе Яковъ Кириличъ говорилъ ей и совѣтовалъ, чтобъ вы сейчасъ поехали къ батюшкѣ, ибо онъ нарочито сіе сказалъ при Якову Кириличу, чтобъ било извѣстно; при томъ же съказивають, что весма слабъ Петръ С. Бога ради, посовѣтуйтесь сами изъ собою и не оставте сего случая въ пользу вашу, а инако, чтобъ не могли сожалѣть, да и всѣ ваши друзя совѣтуютъ вамъ сіе здѣлать. Пріежайте безъ укоснѣнія, пожалуйте абое, мои ангели. (*1796 г., въ маѣ*).

120. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Я пріехавши суда, застала брата въсе въ одномъ положеніи, а сама, благодарю Бога, здорова, прошу и о вашемъ и любезнихъ дѣточкахъ вашихъ здоровьи не оставить увѣдомить. Где я буду празновать ещо совершенно знать не могу, обстоятелствъ весма много разнихъ, а положителного ничево нѣтъ, а со временемъ писать въ вамъ буду. Что получите о горелки не оставте увѣдомить. Новостей много, но то самое болше въсего важнѣе, что точно будетъ толко двѣ колегіи въ Чернѣговѣ и Кіевѣ и таперъ господа присутствующіе въ превеликихъ клопотахъ. О траурѣ указъ посилаю. Адье, недосугъ крайне. Прошу прислать обратно, яко здесь нѣтъ. Графъ, нашъ общій благодѣтель, Петръ Александровичъ восмого декабра съкончался и сказивають, что просилъ, чтобъ погребенъ билъ въ Рихлахъ, а где погребутъ ещо неизвѣстно. Константинъ Павловичъ здесь будетъ великимъ гетманомъ, а при немъ Гудовичъ—регентомъ. Всѣ невестки императорскіе—дѣлами обовязани, императрица въ смолномъ манастарѣ—директоръ, болшая—сама смотритъ и располагаетъ милостиню, меншая—надъ сиротскимъ домомъ. Вотъ смотрѣте какъ хорошо, что нихто въ празности не будетъ! (*Декабрь, 1796 г.*).

121. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе въвнуки Н. П. и І. С. Предверіемъ нового года васъ, моихъ ангеловъ, проздравляю, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца оного провождать въ радости, помислномъ благощастіи, ненарушимомъ здравіи, со всѣми вашими любезними дѣточками и со всею вашею почтеною фамиліею до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Новостей никакихъ нѣтъ, а хотя и много получено указовъ, но не смѣетъ нихто смотрѣть, яко на имя нового къ намъ губернатора Везматина, которого съ дня на день ожидають. Каково у васъ слухъ о губернскихъ членахъ; а у насъ непрестанно стонають, что мѣстъ лишаютця и при немъ [illegible] Вотъ и все тутъ, а у насъ все одно на одно и ни малѣишей поправи нѣтъ. Сымъ [illegible]ичу и [illegible]. Н. п. 1796 году, декабря 20. [illegible]

122. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе внуки Н. П. и И. С. Съ новостей посилаю указъ нашего монарха и сенатское опредѣленіе. Каково вамъ покажется? О! дѣла дивніе устраеваетъ хозяинъ добрый! Теперъ съ Чернѣгова ужо пишутъ до Григорія Г.—господа бѣдніе, которіе толко и жили что жалованямъ, что искать службы партикулярной будутъ, весма таковихъ много будетъ. Какъ необходимо ужо довелось мнѣ празновать здѣсь, то толко и остается предверіемъ праздника слѣдующего васъ, моихъ ангеловъ, поздравить и зъ желаніемъ отъ чистаго моего сердца вамъ всякаго благощастія, здравія и долгоденствія, провождать сей праздникъ въ радости. А я однимъ одиніохенка, при болномъ, въ горчайшой скуки, да что дѣлать, видно такъ угодно Провидѣнію въсевидущему. Пократности, не лѣнѣтесь писать о вашомъ для мене драгоцѣнѣмомъ здравіи, которое да сохранитъ Предвѣчной на должайшіе лѣта и проч. Н. П. 1796 году, декабря 26, изъ Смячи.

123. Душа моя, ангелъ и дочъ Н. П. Тебѣ, душа моя, не безпокою ничемъ, знаю совершенно, сколько ти таперъ клопотъ имѣешь въ разсужденіи виезда Ивана Степановича и сина, а только всеприлѣжнѣйше прошу на Всевидущаго въсе свое упованіе (возложить?). Тотъ тебе во всемъ твоемъ предпріятіи устроитъ и утѣшитъ; великую я на Его имѣю надежду. А при томъ прошу не заживатись въ Брахловѣ. Я знаю твою горячесть къ хозяйству, чтобъ себе не повредила! Пріедь, душа моя, отвѣдай мене и дѣточокъ вашихъ; великое утѣшеніе увидишь изъ старого и молодого пана, которіе благодарятъ за гостинчикъ и цалуютъ матерніе ручки мислено. Шляпки посилаю Пашечки и Насточки, желаю здоровенкимъ носить. Я Марфу пришлю на ярмонокъ, когда то такъ, что на Успеніе Богоматери ярмонка въ Стародубѣ, о чемъ пожалуй увѣдоми мене, душа моя. Много надобно кое-чего купить до зановѣся (на икону?) да и работать отнюдь ужо будетъ нѣчево дѣвкамъ, да и синелѣ купить можно ли будетъ въ Стародуби, пожалуй, ангелъ мой, буди можно, провѣдай о семъ, чтобъ напрасно ей не ездить. За симъ поручаю тебе Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни тебѣ всѣхъ добръ желателнѣйшая и готовая къ услугамъ Н. П. 1801 году, августа 13—го. Изъ Боровичъ.

124. Душа моя, ангелъ и дочъ Н. П. Напиши душа моя, каково ти доехала и застала каковихъ дѣточокъ и все ли благополучно въ домѣ вашемъ? Дѣточки ваши, а мои драгоцѣнѣйшіе компанѣони, дуженки и здорови, равно и я благодарю Всевидущаго, здорова и

дужа. Даруй Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова била. Г-нъ Глинской, по отездѣ твоемъ, скоро пріѣхалъ и до свѣта віехалъ въ извѣстное мѣсто. Купленихъ въ Седневѣ яблокъ посилаю двадцять и одно оливное, которое сама г-жа Лизогубина сорвавши, (толко двѣ и било, и въ первое сътродили у ея). одно мнѣ и другое тебѣ прислала. Вотъ яблока! Не знаю, какови то будуть на вкусъ, а какъ Господь дастъ, что садовника Иванъ Степановичъ привезеть, то можете отъ ихъ получить розки. Рози такое множество изъ Жукотокъ привезли, что я не могла лембика сискать для перегону води; посилаю къ вамъ изъ симъ самимъ,—не сищете ль ви у себе, или на котли въ заводѣ перегонить будете. Я сіе дѣлаю только для того, чтобъ ти, душа моя, знала, сколько собрано. Винограду своего саду посилаю, въ гронѣ 21 ягоду, токмо за куріозъ, что уродило съ столко у мене; покушай, душа моя, моего разводу. Дай Господи послѣдующой годъ гронъ столко къ тебѣ прислать. Доброжелателная тебѣ и готовая ко услугамъ Н. П. Сентябр. 2-го, 1801 г. С. Боровичи.

125. Душа моя, ангелъ Н. П. Полученное отъ г-на Глинскаго на твое имя писмо съ нарошнимъ посилаю. Что касается до лошадей ему, г. Глинскому, куда ему надобность укажеть поехать, дано будетъ, о семъ не заботся. Что касается до сивца (?), то прошу сождать, а пришлете вмѣстѣ съ покупкою. За присилку спра премного благодарю, кой такъ хорошъ, что лучего желать нелзя, а тебѣ, душа моя, винограду три грони посилаю, кушай здоровенка, я оной получила отъ Троцкой. Думаю, что въ Чернѣговѣ будетъ таперъ Кримской виноградъ, яко чрезъ Боровичи повезено бочокъ нѣсколько въ Могилевъ, и сколко я ни старалась купить, но не захотіели откуперовать бочокъ и когда куплю въ Чернѣговѣ, пришлю къ тебѣ. За випалку премного благодарю, но Господу вѣстъ что будетъ зъ горелкою, яко хлѣбъ надчуръ дорогъ, по 50 к. здесь ужо пудъ и набѣги за оним весма великіе. Почему у васъ горелку продають по шинкамъ? увѣдоми мене, душа моя, я подешевила, а таперъ опять хочу поднять, но твоего совѣта ожидаю. Приказъ въ Золотоношку посилаю о видачи овса и ячменю, а васъ прошу за оной приказать мнѣ купить витую трубу въ два оборота, и прошу, буди ви на сіе согласни, и прислать безъ замедленія, яко по оной надобно и шапку дѣлать, то есть шригрубокъ какою шириною. Денегъ у мене таперъ отнюдь нѣтъ въ разсужденіи покупки, да и хлѣба запасного ничего нѣтъ, роспожичила людямъ, а собрать мочи нѣтъ; вотъ мое хозяйство каково порядочное, какъ хочете разсуждайте. Дроздиковъ пять паръ посилаю,

желаю здоровенкой кушать. Пшеницѣ, развѣ сождавши, болше пришлю, яко люде всѣ въ розсилки, а теперъ толко три чвертки посилаю. Дѣточки и я зъ ними, благодарю Господа, дужи и здорови, поручаю васъ Божіеему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею, всехъ добръ желателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году. Сентабря 16. Изъ Боровичъ.

126. Душа моя, ангелъ Н. П. Замѣдлѣла я къ тебѣ, душа моя, съ посилкою, и се то всему виною Марфа, которая съ Чернѣгова сію минуту толко что пріехала. За недосугомъ, я покупки вашей и не разсматривала, которую по реестру ея поси(лаю) за печатю; я отъ себе посилаю вамъ платочокъ, въ разнощиковъ купленъ, а дѣточкамъ ленточки. Извинѣте, что бездѣличкою служу, яко лучого ничево не било. Я сискала на столику, въ парадной, какое то дѣло до Савинокъ принадлежащое, можетъ бить оное и надобно, но хто то его положилъ не знаю. За увѣдомленіе мене о Ивану Степановичу и Петрушенки чувствительно тебе, душа моя, благодарю, возъсилая при томъ ежеденно Господу благодареніе за успіехъ. Даруй толко, Предвѣчной, чтобъ здорови всѣ ви били и благополучни и дѣточкамъ да пошлетъ Всевидущой охоту и успѣхъ въ наукахъ и должайшіе лѣта, о чемъ неусипно ежеденно Господа молю. Я читая твое, душа моя, писмо о Петрушечка, не могла удержатись отъ слезъ, какъ онъ горко заплакалъ, поминутно его воображая, сокрушаюсь. Дай Господи, чтобъ онъ скоро привикъ, а въ протчемъ надѣюсь на милосердіе Божіе, что будетъ съ нево дитя умное; ти вспомнишь мене не одинажди, что не лгу. Радуюсь, что и дочери ваши, а мои неоцененіе правнучки учатця весма хорошо, но мадамъ кажется слишкомъ дорогенка, но что дѣлать, когда надобно, то такъ аби толко бъ того она стоила. Завитую трубу.... (?) съ васъ будетъ, пожалуйте, здѣлайте милость, толко прикажѣте безъ замедлѣнія оную прислать, я доплачу сколко надобно, ибо за ячмѣнь и овесъ я болше не располагаю, какъ 50 р., а по справки, дай Господи, чтобъ и восмидесятю рублями кончится. Я би васъ и симъ не безпокоила, но право денегъ таперъ у мене нѣтъ. Писмо отъ г-дъ Милорадовичевъ при писмѣ посилаю, на имя Петра Ивановича, что распечатала извинѣте.... (?) онъ самъ писалъ, а протчего не знаю. Вѣстей никакихъ болше нѣтъ. Десять арбузовъ посилаю, ибо толко могъ сей взять, а по времени болше пришлю; кушайте здоровенки! Пріедь, мой ангелъ, хотя на часочокъ, зъ любезними моими правнучками, которыхъ нетерпеливно видѣть желаю вмѣстѣ съ тобою. Старой панъ весма великорѣчивой отъ времени

до времени и младенчикъ такъ резовъ, что я тебѣ описать не могу, кои, благодару Въсевидущаго, дужи и здорови, дай Господи, чтобъ и васъ въсехъ таковихъ видѣть и слишить. Адье, душа моя, твоя всехъ добръ желателнѣйшая бабка Н. П. 1801 году, сентября 29. Изъ Боровичъ.

У мамки благодареніе Господа молоко прибавилось и таперъ рѣдко, когда молочко пьетъ; чтоже сему причина? пріехалъ мужъ мамкинъ, матка ея и свекрова, и какъ разумно поступили—нелзя луче, цѣлой день не говорили ей ничево; наконецъ мужъ сказалъ ей, что естли ти будешъ плакать, то я сейчасъ еду и не пріеду до тебе никогда, синъ нашъ умеръ, но что дѣлать, дай толко Господи, чтобъ ти панское дитя викормила честно, то и дѣти намъ Господь дастъ. И такъ ея уговорилъ, что она весма мало тужила. Що жъ би ви думали?—начало совсемъ молоко прибавлятись и она весела и не тужитъ; благодаря Бога, сіе хорошо. Я три днѣ ихъ ещо подержала. Вотъ подумайте, какъ куріозно о покорму..... (?) что какъ в..... (?), то толко отъ смерти рабіонка три недѣлѣ небило ничево въ грудяхъ. Пришлѣте ей что нибуль, чтобъ потѣшить ея, мужъ и обѣ матки такъ умни, что луче желать нелзя.

127. Душа моя Насточка! Радуюсь получа отъ тебе, ангелъ мой, писмо, что ти благополучно доехала. Даруй Въсевидущой въ непоколѣбимомъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искреннѣйшаго моего сердца желаю. Дѣточки ваши, а мои дорогіе атютанти, благодарю Господа, дужи и здорови. Я, получа отъ тебе писмо, сейчасъ сожгла и уксусомъ руки витерла. Берегись душа моя, какъ дастъ Господь, что будешь ехать, чтобъ не брать оттоль ничево, да и бѣлья тамо мить не надобно, а луче въ Жукотки чорное отправить такъ мнѣ кажется, ти, какъ мать, сама здѣлаешь во всемъ предосторожность. Я писмо отъ Ивана Степановича получила, которой пишетъ, что онъ и дѣточки здорови, чему я сердечно радуюсь. Болше не распространяюсь, а кончу тіемъ, что я есмъ поколь духъ въ тѣлѣ вашею всехъдобръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1802 году, генвари 11-го, изъ Боровичъ. Парасковьи Василіевнѣ прошу кланатись.

128. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе въвуки Н. П. и І. С. Толко я собралась отправлять Марфу въ Чернѣговъ за многими дѣлами, о чемъ она сама вамъ перескажетъ, но все удерживало силное ненастье, чего то (sic) и удержана била; какъ же пріехала ваша нянюшка съ Москви, которую удержала я здесь, какъ мнѣ о томъ Настасія Петровна сказивала, чтобъ до ея сюда пріезда удержать сію

дѣвицу здесь, которая и остается до повелѣнія вашего. А какая съ Москви посилка и писма при Марфи посилаю зъ ею къ вамъ. Не гнѣвайтесь, что два писма распечатала, сіе единственно здѣлала потому, что искала нѣтли отъ Петрушенки писма и первое распечатала отъ учителя, или какъ сказать—отъ дядки Петрушенкиного, и не сискавъ ни одной строки отъ его, голова моя скружилась, такъ силно съпугалась, принужденна другое подъ одною печатью распечат(ат)ь, тутъ благодарю Бога сискала, хотя по французки не знаю, но тутъ же госпожа Чеботарева и мужъ ея о Петрушенки пишутъ. Благодарю Господа, что онъ въ добромъ здоровьи и по обнадеживаніи призирающихъ. Дастъ Господь что все будетъ благополучно. Сія дѣвица трижди была у Чеботарева и всякой разъ видала Петенку, но онъ нѣчего съ нею не говорилъ, а при отездѣ толко кланялся папинѣ, маминки и мнѣ, болше ни слова не сказивалъ. Сія дѣвица, какъ мнѣ кажется сее, она годитемится для дому вашего, при томъ и краситъ разними красками чрезвичайно. Она изъ собою потрошку по привозила красокъ и шьетъ такъ какъ у васъ въ каретѣ на ступенникахъ, а при томъ и въ хозяйствѣ знается, и по казкамъ ея, великую охоту имѣетъ, словомъ съказать, кажется, весма будетъ угодна и помить плате разное, починить и все что ни приказано будетъ съ охотою и знаніемъ, какъ она сказиваетъ, но такъ бѣдна, что болше бить нелзя; въ ея есть сестра двоюродная, которую она воспитала и все что заработала, чрезъ весь свой вѣкъ, ей отдала, но по несщастю мужъ все вовилъ (sic)-и ея оставилъ въ какого то Савича, въ Бѣловодьи; она по отездѣ вашемъ съ Москви, получила отъ ея писмо и таверъ плачется объ нея жестоко, пишетъ къ нея писмо, а Марфа оное по почтѣ отправить къ ней. Какъ она сестру хвалитъ, не могу вамъ описать, какая она мастерица и поетъ превосходно по италіянски, не худо би и ея отискать, яко убори разніе такъ хорошо дѣлаетъ, что противо французанокъ, точно вамъ къ тому идетъ, что все сіе надобно. Да думаю, по нещастію, и не за болшую сумму могла би бить, подумайте и случая не упускайте. Извинѣте, что пустошью наполнила всю бумагу. А луче, наконецъ, съкажу то, что дѣточки ваши, а мои миліе атютанти, благодарю Бога, дужи и здорови, равно и я, слава Господевѣ, здорова, дай Господи и отъ васъ таковіе вѣсти имѣть. Наконецъ, поручаю васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни вашею всѣхъ добръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году, ноября 29. Изъ Боровичъ.

129. Боже зъри мое сипренье,
Зъри мои плачевни дни,
Зъри мое огорченье,
И мене не обвини.
Что я, смертна тварь, дерзаю
Говорить съ моимъ Творцомъ
И что грѣшна називаю
Безъпорочного отцомъ.
Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердце утверди законъ,
Ухо приклони къ моленью,
И услишъ мой тажкой стонъ.
Всю надежду полагала
На тебе, всесилной царъ,
И тебія въсегда възивала,
Не надѣяся на тваръ.
Не терпи, о Боже, въласти
Безъзаконихъ тіехъ людей,
Кои дѣлають напасти
Толко въластію своеѣ.
Боже, ти мя не остави,
Коль оставилъ человѣкъ,
И отъ бѣдъ мене изъбави,
И храни мене навѣкъ.

---

130. Уже со тмою нощи
Простерлась тишина,
Виходить съ темной рощи
Печалная луна.
　　Я лиру томну строю
　　Цѣть съкорбящой мой духъ
　　Пріиди грустить со мною
　　Луна печалнихъ другъ.
У хладной сей могилѣ,
Подъ тіенью древъ густихъ,
Внемли мой вопль унилой
И вздоховъ стонъ моихъ!
　　Зъдесь Юліи любезной
　　Прахъ милій погребенъ,

Я лить надъ ней токъ слезной
Всечастно осужденъ.
Безъмолъвъною тоскою
Сильно стѣснился духъ,
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.

Оба стихотворенія находятся между письмами Настасьи Степановны и писаны ея рукою. Начала недостаетъ; не нашлось и того письма, при которомъ стихи Н. С—на прислала внучкѣ.

III. Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему разныхъ лицъ.

1. Любезній сыну мой Григорій. Въ писмѣ своемъ пишешь ты, что получилъ писмо отъ Василя Яковлевича Лизогуба, въ которомъ увѣдомляетъ тебя, что братъ его намѣренъ продать нѣякоесь село Гунковку, однакожъ безъ людей, зъ лѣсами, сѣнокосами и мелницами. Я удивляюсь весьма для того, что не слихалъ нигдѣ, чтобъ гдѣ какое либо село было безъ людей, однакъ недивно сему, ибо Лизогубы привикли писать (?) по своей природной гордости, а я подлѣнно знаю, что тамъ въ Лизогуба, брата его, ничого прямого нетъ и основателного, чтобъ продать, какъ толко одна мелница на Ворзнѣ, по праву же сторону рѣки лѣсъ Разсудовскій отрубной, на которомъ онъ, на берегу рѣки, поселилъ было слободку, и оная земля отсужена отъ его; а людей велѣно ему перевести. И на томъ именно мѣсто (мѣстѣ?) велѣлъ я Холимоненку нынѣшнею весною посѣеть жито ярицу и до той землѣ брату его никакого дѣла нѣтъ, ибо она не ево. А по лѣву сторону рѣки Ворзни, гдѣ также Лизогубови поселенные люди находятся, грунтъ—сябринный [1]) называется Губецкій, отколь когда люде переведенни будутъ, то земля никуда не годится, ибо пѣсчаная и неспособная ни къ чому; лѣсу жъ тамъ у ево никаково нѣтъ, ибо въ Губецкомъ грунтѣ находящійся лѣсъ есть Михайла Михайловича Стороженка, а не Лизогубовъ; а ежели есть какіе въ его лѣса и сѣнокоси въ другомъ мѣстѣ, то я оныхъ не знаю, а подлѣнно знаю, что

---

[1]) Т. е. общій.

около нынѣшней его Гунковки нѣтъ никакихъ лѣсовъ, сѣнокосовъ и землѣ. И для того надобно тебѣ, со всякою осторожностію, хорошенко посмотрѣть, а отъ Лизогуба потребовать описѣ, какие именно лѣси и сѣнокоси и въ какихъ урочищахъ онъ хочетъ продавать, кромѣ помянутихъ мелницъ, и имѣетъ ли онъ на тѣ грунта крѣпости, которие надлежитъ ему тебѣ самому показать и тебѣ осмотрѣть и продаваеміе имъ грунта лично, а не за глаза, дабы не послѣдовало обманства, а осмотрѣвши по описѣ тѣ грунта, которие онъ продаетъ тогда надобно съ нимъ въ торгъ итп, чего они стоятъ и такимъ порядкомъ должно тебѣ описать до брата его Василя Яковлевича, а не прежде спрашиватся о цѣнѣ. Впротчемъ, за свиданьемъ моимъ съ тобою, а обстоятелнѣе съ тобою словесно поговору. И пребываю твой всего добра желателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1789 года, мая 28 д. Жукотки.

2. Увѣдомился я черезъ Халимоненка, что бѣжавшій отъ меня конюхъ Коломіецъ явился и нынѣ находился въ Любечѣ, и будто панщину дѣлаетъ, а какъ онъ извѣстно тебѣ здѣлалъ мнѣ немалую шкоду и бѣжалъ, и се уже онъ дѣлаетъ другый побѣгъ, бывши въ меня въ дворѣ, и есть человѣкъ вовся ненадежный, то какъ ево, такъ и Ластовку, который также при побѣгѣ своемъ кроми протчого одѣянія, которого онъ у меня еще незаслужилъ, укралъ новую кучерскую сукна голубого шинелю, которой цена рубліовъ девять, равно и Хорошуна, который отъ тебя бѣжалъ, когда будетъ повеленіе о вистатченіи погонщиковъ, непремѣнно прикажи отдать ихъ въ погонщики, и сими трома плутами и бродягами замѣнить другихъ мужиковъ добрихъ людей, которіе могутъ платить чиншъ или панщину дѣлать, что послужить и протчимъ въ страхъ таковымъ плутамъ и бѣглецамъ. Однакъ о семъ никому необявлять до надлежащаго времени, дабы оны узнавши вторично не бѣжали, для того что при отдачи погонщиковъ въ армію всегда оны отдаются въ колодкахъ за карауломъ, чтобъ не могли бѣжать и здѣлать затруднѣнія и безпокойства. При томъ прикажи Коломійца допросить съ прист(р)астіемъ, гдѣ Ластовка находится, который съ онымъ вмѣстѣ бѣжалъ, ибо онъ повиненъ знать. (1790 г., мартъ).

3. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернѣгова сего апреля отъ 2-го, я получилъ 8-го числа, чрезъ почту, исправно, въ которомъ между протчимъ пишешъ, что билъ ты зъ женою въ Стол-

номъ, въ бабушкѣ вашей Авдотьи Михайловни [1]), а потомъ ездилы въ Боровичи, гдѣ потворили то самое положеніе раздѣлки, которое предъ симъ, въ битность мою тамо, между всѣми вами положенно было что и совершить должний будете на урядѣ въ слѣдующемъ мѣсяцп маи; тогда ты и Полуботки получишъ, а нинѣ какъ Жукотками, такъ и всѣми приселками владѣеть бабушка твоя Настасія Степановна сама, и никому изъ наслѣдниковъ неотданни во ожиданіи конца вашему положенію, на что тебѣ обявляю, чтоби ты старался всяческій, дабы непремѣнно въ м—цѣ маи безъ всякого отлагательства раздѣлка конченна била и совершенна на урядѣ, а по дѣйствительномъ и совершенномъ окончаніи раздѣла, тогда и мѣровую подать прозбу, касателно доиску моего на бабушку твою и брата ее по извѣстнимъ тебѣ дѣламъ, по данному отъ меня тебѣ полномочію. Послѣ подачи же мѣрового прошенія, тогда писмо мое, писанное твоей сестрѣ, ей самой отдать, а отъюдь не прежде, но все совершивши, которое при семъ прилагается незапечатанное для усмотренія твоего, а въ надлежащое время самъ можешь запечатать. Въ томъ же писмѣ увѣдомляешь меня, что ты купылъ нѣякоесь маленкое имѣнийце около Пушкаровъ, до коего надлежить въ Пушкарахъ дворъ, въ коемъ продается уже горѣлка твоя, я о семъ прежде извѣстился, чрезъ писмо писанное ко мнѣ отъ Ивана Якимовича, однакъ о покупкѣ обстоятельно знать не могу, которая надѣюсь Силѣчу не очень пріятна. Такъже увѣдомляешь меня, что священникъ Козма Котовичъ зъ братьями и племѣнниками своимы и попадья Чигринчиха продали тебѣ на Високомъ полѣ, називаемомъ Лисицею, всю часть своего пахатного поля; оное поле мнѣ извѣстное, на которомъ земля пѣщаная и глееватая, однакъ способна по тому болше, что весма близко къ мѣсточку Любечу находится; что жъ касается до груиту називаемого Чистіе Лужы, которого половинную свою часть продаетъ Чигринчиха, то оной грунтъ находится въ отдаленносты и несмѣженъ къ грунтамъ Любецкимъ, а при томъ я надѣюсь хуторъ, називаемій Чистіи Лужи, которимъ владѣетъ также и попъ Козма Котовичъ не церковная ли земля, принадлежащая до бившей церкви Рождества Пресвятія Богородицы, такого роду, какъ и грунта бившіе во владѣніи священниковъ Горбиковъ, которіи указомъ сенатскимъ велено отобрать въ казну. И посему надобно въ покупкѣ имѣть великую осто-

---

[1]) Безбородко, жена б. генер. писаря Андрея Яковлевича и мать князя А. А. Безбородко. Дочь ея Ульяна была матерью жены Г. И. М—ча.

рожность и достовѣрную справку, чтобы иногда денги не пропали, и что тотъ грунтъ въ сторонѣ и несмѣженъ твоимъ землямъ, то я би его покупать не совѣтовалъ, а попадья Чигринчиха дешево не продастъ; а что попъ Горбикъ въ своимъ братомъ и племѣнниками имѣніе продаютъ, то ежели оно ихъ собственное или есть наслѣдственное и несумнительное, а притомъ въ близкости и способносты къ твоимъ землямъ находится, въ такомъ случаи купить можно. А что Каменецкій уступаетъ купленніе свои грунта около Брехуновъ, то я оныхъ покупать тебѣ не совѣтую, ибо оніе тебѣ не по способности, ни въ смѣжносты находятся. И на такіе грунта, которые находятся въ кускахъ и въ разнихъ мѣстахъ денегъ напрасно терять ненадобно и не совѣтую, ибо оніе никакой ползи не принесуть, а покупать надобно такіе землѣ или грунта, которіе въ срединѣ твоихъ или смежніе зъ твоими землямы, такъ какъ есть Гупъковская Лизогубова мелница, которую тебѣ весма купить способно; при той мельницѣ находится, при самой рекѣ Ворзнѣ, давно присужденная земля, гдѣ Лизогубъ поселилъ своихъ людей и построилъ вынокурнѣ, и веленно ихъ свесты и землѣ очистить, токмо и понинѣ неочищенна, для того непремѣнно надобно тебѣ, не утекая вдаль, людей вислать и строеніе очистить, ибо Лизогубъ чрезъ долгое время упрамится, чтобъ иногда давности земской не упустить и землѣ не потерять, которую нинѣшнюю весною надлежало бы сорать и посѣять жито ярицу, или другій яринний хлѣбъ. Сей грунтъ, о которомъ я тебѣ пишу, находится въ отрубной Расудовской жалованной Полуботку пущы, о которомъ я долго хлопоталъ и имѣлъ дѣло и оное между протчіямы дѣламы тебѣ поручилъ и уводчій листъ на присужденную землю, также и протчіе уводчіе листы по бившимъ дѣламъ тебѣ отдалъ, какъ-то и о грунтѣ Радулскомъ зъ расколниками, по коимъ всѣмъ отданнимъ тебѣ дѣламъ, по описѣ, надобно имѣть недреманное наблюденіе и смотрѣніе Любецкой економіи. А что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я тебя одолжилъ нѣсколко денгами, въ разсужденіи покупаемихъ тобою грунтовъ, то я би тебѣ не отказалъ, ежели би былъ въ состояніи, ибо я здесь у дворянъ Мартосовъ покупаю сѣнокосную землю, весма близко и въ способности находящуюся къ землѣ Гамалѣевской, и далъ уже 200 рублей, а еще и тимъ надобно будетъ дать болше двухъ сотъ рублей; а кромѣ сей землѣ тѣ жъ Мартоси продаютъ футоръ въ близкомъ разстояніи находящійся къ Гамалѣевки, которого, за тысячу рублей купить неможно, а я думаю его не упустить, ибо и другіе покупщики находятся, а сверхъ того надобно докончить цер-

ковное строеніе, здѣлать колоколню и купить колоколъ, которихъ здесь почты ни одного нѣтъ и на то все потребно болше тисячи рублей. Съ писма жъ твоего выжу, что малярь меня обманулъ, однакъ я надѣюсь лутчого нежели онъ майстра сискать; горѣлки прислать ко мнѣ надобно восѣмъ бочокъ, о которой я при семъ прилагаю писмо къ г. Вѣткевичу, а на тихъ подводахъ я пришлю къ тебѣ овса, полагая на каждую по 4 четверты, всего 32 четверты. А ты вели приказать, чтобъ биля въ подводчиковъ мѣшки на показанное число овса. При отъездѣ моемъ отдалъ я тебѣ сребро, яко то: кафейний чайникъ, молочникъ и другіе разніе вещы, вѣсомъ на 10-ть фунтовъ, о коихъ имѣется у меня записка, для передѣлки на чайний приборъ, для того увѣдомь меня началъ ли серебренникъ оную работу дѣлать, которую надобно ему отдавать не всю заразомъ, но по частямъ, прежде же надобно при себѣ вѣрно свѣсить и отдавать сребреннику каждую вещь вѣсомъ же, а за работу я съ нимъ договорился отъ лота заплатить по 10 к. Еще увѣдомь меня имѣешь ли какіе писма отъ повѣренного съ Петербурга по извѣстному тебѣ дѣлу зъ Силѣчемъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1780 года, априля 10 д. Гамалѣевка.

4. Любезній сину мой Григорій! Получилъ я отъ тебя съ Чернигова четиря писма. Первое, чрезъ Тарчовского, минувшого априля отъ 19-го числа, на которое обявляю, что Тарчовскій напрасно трудылся и ездилъ до тебя, ибо онъ не имѣетъ ни отъ кого и никакой обѣди; а вмѣсто того, что онъ напрасно ездылъ къ тебѣ, должно бы ему самому старатся, дабы скорѣе надъ нимъ оконченъ былъ щотъ. А что въ его забратъ скотъ, то сего въ обѣду онъ почитать себѣ не можетъ, ибо такъ порядокъ велитъ съ тѣмъ, когда онъ отдасть отъчетъ по своей должности порядочно и не будетъ на немъ никакого начота и взисканія, тогда скотъ и все свое имѣніе получить безъ всякого задержанія, а ежели явится начотъ, а потому и взысканіе, тогда долженъ онъ денгами или имѣніемъ своимъ удоволстновать. Что жъ касается до Жидкова, которого онъ единственно по сорѣ своей отъ должности отрѣшилъ, то изъ Жидковимъ, такимъ же образомъ поступыть должно, какъ и съ Тарчовскамъ, по окончаніи щета. Онъ же Тарчовскій его Жидкова отрѣшилъ отъ должности вовся не надлежаще, единственно для своего угожденія, а несоблюденія порядка еко(но)мыческого, которий съ нимъ во многомъ спорилъ, и тебѣ представлялъ; а на мѣсто его опредѣлилъ тамошнего Бучковского мужика, извѣстного всѣмъ превеликого пяницу и бездѣлника.

Я извѣстенъ, что и писаръ тамошній Бучковскій пяница жъ. Такъ вотъ какіе порядки Тарчовскій подѣлалъ. Я этое узнавши чрезъ Курилова, велѣлъ мужика пяницу отъ должности отрѣшить и бить ему попрежнему въ числѣ протчіихъ мужиковъ, а на мѣсто его опредѣлить доброго и неподозрытелного человѣка; Жидковъ же допущенъ до своей должности, для того, чтобъ по вынѣшнему весняному времени не упущенно было въ надлежащое время посѣять ярыни хлѣбъ, и протчихъ касающихся хозяйства дѣлъ, и велѣнно ему дѣлать припускъ лошадинни, чего опредѣленному отъ Тарчовского пяницы увѣрить неможно и сумнително. Сколько же какихъ денегъ есть въ собраніи въ Халимоненка, за оными посланъ Кезь принять отъ его, которіе и присланни будуть къ тебѣ зъ тими денгами, кои данни на мой щетъ зъ Любеча плотникамъ, столярамъ и малярамъ 30 рублей, при отправленіи ихъ въ Гамалѣевку.

2-е) Чрезъ Конвисера, апрыля отъ 12-го, получилъ того жъ априля 19-го числа, и что касается до маляра, то я сыскалъ съ Кролевца искусного майстра, которій пысалъ графу (Румянцеву) въ церковъ въ Вишенкахъ иконостасъ, и заключилъ съ нимъ контрактъ, за однѝ его труда шестьсотъ рублей, кромѣ харчей, разнихъ красокъ и золота, что всіо искуплено будетъ на мои деньги, и выходыть на сумму до тисячи рублей. Также договорилъ подрядчика, надежного и доброго человѣка, руського купца, жителствующого въ Гадячѣ, выписать зъ Москви четире колокола, первій—вѣсомъ въ сорокъ пудъ, другій—въ 20-ть, третій—въ 10-ть, а четверти—въ 5 пудъ; всего жъ во всѣхъ колоколахъ сѣмдесятъ пять пудъ, отъ всякого по 14-ть рублей съ поставкою въ Гамалѣевку, а всѣхъ денегъ тисяча пятдесятъ рублей, и оніе колокола подрядчикъ долженъ поставыть июля къ 20-му числу, въ Гамалѣевку, а малярь начнетъ пысать иконостасъ сего мая съ 20-го числа.

3-е) Чрезъ столярей, плотниковъ и малярей, кои прибыли въ Гамалѣевку сего мая 4-го и вступыли въ свою работу. Столяръ же Владимеръ Онищенко, буди онъ тебѣ надобенъ, пусть и остается. Покупку твою въ Пушкарахъ похваляю, хотя и недешево нѣсколко; что касается до пахатного поля, состоящаго въ нивахъ, по моему мнѣнію еще бъ и лутче было въ разсужденіи ихъ въ неболшомъ количествѣ землѣ и въ разнихъ мѣстахъ находящихся, достать замѣною въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ положеніемъ, а ежели неможно буде, то отдать мужикамъ для хлѣбопашества, по способности ихъ жительствъ зъ вѣрною запыскою кому и въ какомъ въ урочищи и какая нива

будетъ дана, и что въ купчой крепости въ разсужденіи интригъ Силѣчевыхъ, весма ему свойственнихъ, напысанна сумма превосходная на случай выкупу, поступленно весма разумно, нѣчимъ перемѣнить и съ такимъ человѣкомъ, каковъ есть Силѣчъ; и что купылъ ти въ селѣ Красковскихъ, на болшой дорогѣ, два двори зъ людми и ихъ грунтами, гдѣ и шинку быть способно, и то похвално, а что Постѣкаловъ продаетъ въ Любечѣ—дворъ зъ живущими въ онихъ людми, то оніе двори зъ людми, а хотя и безъ людей весма потребно тебѣ купить, ибо оніе находятся внутрѣ въ мѣстечкѣ Любечѣ и между твоимы мужикамы, а не знаю какову онъ цѣну просить. А я купылъ въ наслѣдниковъ Сибѣрского, также въ мѣстечкѣ Любечѣ, людей мужеска полу 18-ть душъ, кромѣ женска, со всѣмъ ихъ поселеніемъ, и заплатилъ 850 рублей, о чемъ можешь справится по купчой крѣпости, которая тебѣ съ протчіими крепостми порученна. Чрезъ приезжавшого ко мнѣ отъ сестри твоей съ писмами о родинахъ дочери ея, я никакого писма къ ней не пысалъ, а словесно обявилъ присланному, что пысать мнѣ до ея не слѣдуетъ покудова не будетъ конченно дѣло по данному отъ меня тебѣ полномочію и не получу отъ тебя извѣстія о миротвореніи, а подъ симъ разумѣется и раздѣлка, на томъ основаніи, каково положенно въ битность мою до отъезду моего въ Гамалѣевку, о чемъ уже я къ тебѣ предъ симъ пысалъ.

4-е) Априля отъ 19-го числа, зъ Чернѣгова, получилъ сего мая 6-го, съ увѣдомленіемъ меня объ отправленіи ко мнѣ моей горѣлки и при ней людей колесника Гѣтка зъ его женою и шуриномъ, коихъ я намѣренъ поселить въ слободѣ Жоржовки, также и плотника Грицка Сыча, которой мнѣ весма нуженъ по его майстерству. Притомъ прошу отъ меня поздравить г. совѣтника Якова Ивановича Гулака съ новобрачною его женою и желаю имъ благополучного сожитія и сердечно радуюсь, что ты зъ женою своею и дѣтьми, по милости всемогущого Бога, находишся въ добромъ здоровьи, чего отъ усердія моего всегда желаю. Удивляюсь я, что ты по сю пору Антипа Крупянникова не договорилъ въ Любечъ приказчикомъ на такомъ основаніи, какъ я предъ симъ къ тебѣ пысалъ и совѣтую его не упускать, ибо я узналъ довольно, что онъ человѣкъ добрій и чрезъ все время въ битность при мнѣ оказался неподозрителни и исправни. А что касается до щета приказчиковъ, весма исправенъ и знающъ. Мужика жъ Иллю Бойка я тебѣ совѣтовалъ би отставить, для того, что онъ можетъ дать чинши (чинша) рубліовъ пять или болше, и способенъ для отправленія на байдакѣ за покупкою солѣ и для продажи діогтю и другихъ вещей

рѣкою Днѣпромъ. Я съ полученного репорта отъ Крупянникова увѣдомылся, что онъ при отдачи Жукотской и Полуботовской наличности весма обѣженъ отъ тамошнихъ мужиковъ и присланного отъ бабушкѣ твоей смотрителя Туржанскаго, котрий, по наговору мужиковъ, его обѣдилъ вовся напрасно, заграбылъ у него въвесь скотъ рогатій, лошадь, овци и кози, въ числѣ которого и отъ меня ему данни, несправедливо и ненадлежаще, и оный Туржанскій и донынѣ скотъ его содержитъ въ Жукоткахъ подъ стражею, и за такую свою обѣду не можетъ инакъ обойтится, какъ подать искъ на госпожу и на мужиковъ ея. Для того ты за немъ уступись, не допусти къ обѣдѣ и о семъ напыши до бабушки твоей, чтобы она наговору мужиковъ не вѣрила и проси, чтобъ скотъ его приказала возвратить, ибо нехорошо будетъ, когда онъ подастъ искъ. А сей Туржанскій есть полякъ и видно такой будетъ прикажчикъ, какъ былъ у тебя Тарчовскій. При принятіи наличности въ Жукоткахъ, удержанъ станокъ мой зимній собственній, здѣланни мною въ Чернѣговѣ, когда я тамо жилъ, подъ карету, кревкій и вездѣ окованни, на которомъ болше до трохъ пудъ желѣза употребленно, для того оной станокъ вели непремѣнно отобрать и взять къ себѣ въ Чернѣговъ или въ Любечъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, маія 7 числа. Гамалѣевка.

5. Любезній сыну мой Григорій! Писмо твое съ Чернигова сего августа отъ 13-го, я августа 18-го получилъ, съ приложеніемъ копіи зъ исковой жалоби Лашкевычевой, поданной имъ въ уѣзды Чернѣговскій судъ, и въ томъ твоемъ писмѣ увѣдомляешь меня, что ты того жъ августа 13 отъехалъ въ Батурынъ для свиданья съ Андреяноволсвимъ и попросить его о написаніи апелляціи по дѣлу зъ Силѣчемъ о шинкахъ, равно и поговорить о предстоящемъ новомъ дѣлѣ съ Лашкевичомъ. Я получа твое писмо, заразъ поговорилъ изъ здешнымъ моимъ приятелемъ, знающимъ законы человѣкомъ, и далъ ему потребніе документа для написанія по дѣлу зъ Лашкевичомъ отъводу, который при томъ мнѣ обявилъ, что надобно по позвамъ явытся на срокъ и тотъ доводъ сказать, а при томъ нужно имѣть съ уѣздного Городницкого суда выписъ изъ поданной отъ меня жалобы, прошедшого году, м—ца августа 9 числа, о изреканіи дочеры моей и о прочемъ, также и изъ учиненного по тоей моей жалобы въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ опредѣленія, о которой жалоби и опредѣленіи тебѣ извѣстно, ибо въ бытность твою въ меня я далъ тебѣ съ оныхъ копіи, и какъ ты пишешь въ своемъ писмѣ, что на жалобы

Лашкевичевой уѣздни судъ здѣлалъ опредѣленіе дать намъ позовъ, которы уже и посланъ въ нижни земски судъ для порученія и назначеніе срока къ явки; о срокѣ же еще неизвѣстно; для того за нужное почитаю къ тебѣ написать, ежели уже позвы положены на имѣніи или поручени тебѣ, то до меня принадлежащи позовъ заразъ со всякимъ поспѣшеніемъ чрезъ нарочного, а не почту, присилай ко мнѣ, дабы я могъ предварително заранше знать срокъ явки въ судъ. Ежели же намъ обоимъ одинъ позовъ данъ, то однако жъ пришли ко мнѣ копію поскорее, а я написанны отъводъ, какъ скоро будетъ здѣланъ, тотчасъ безъ всякого замедлѣнія пришлю къ тебѣ чрезъ нарочного и при томъ приложу къ тебѣ прозбу въ уѣздны Городницки судъ, о дачи вышеписанной виписѣ, дабы опая выдана была предъ срокомъ о явки въ судъ, но со всѣмъ тѣмъ весма нужно и необходимо потребно, чтобы ты ко мнѣ, какъ можно скоро, самъ приехалъ на самое краткое время поговорить, о чемъ надлежитъ; на писменныхъ же перепискахъ весма неудобно въ такихъ обстоятельствахъ изъясниться; для того, какъ скоро возвратится зъ Батурина, заразъ ко мнѣ приежай почтою, а не на своихъ лошадяхъ. До Ивана Яковлевича г. Селецкого я писалъ съ прошеніемъ объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, имѣющемся въ Новгородско-Сѣверской губерніи и писмо отправилъ къ тебѣ чрезъ Звонка, а нинѣ и вторичное писмо при семъ къ нему прилагаю, которое тотъчасъ чрезъ нарочного или чрезъ почту къ нему отправъ, понеже весма нужно, чтобъ сіе дѣло было рѣшено и съ оного получить виписъ, также къ представленію въ судъ по настоящому иску Лашкевичевомъ; и я объ оной Ивана Яковлевича прошу, чтобъ прислалъ к тебѣ прямо или же увѣдомилъ о рѣшеніи оного и за скорость хотя бы рѣшенія копію прислалъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, августа 22 д. Гамалѣевка.

6. Любезвій сину мой Григорій!

Писма твои мною получены, первое октября отъ 1-го числа, съ увѣдомленіемъ, что въ день праздника Покрова Богоматери освященъ домъ твой ,въ которомъ намѣрены вы переходить отъ того числа чрезъ двѣ недѣли, въ чемъ я отъ усердія моего желаю да благословитъ тебя Богъ зъ женою и дѣтми твоими и даруетъ мирно и во всякомъ здравіи и благополучіи въ ономъ жить на долгіе времена. Иконъ же, о которыхъ я тебѣ сказывалъ въ Гамалѣевки, послать понынѣ не могу, для того, что еще несовсѣмъ готовы иконописью, а какъ скоро поспѣютъ, то и присланы будутъ чрезъ нарочного, буди не будетъ

оказіи, ибо чрезъ почту послать ихъ неудобно. А послѣдніе три писма, сего мѣсяца разныхъ числъ, отъ тебя писанные, я получилъ въ одинъ день, тоесть сего сентября 11 числа, на которые симъ увѣдомляю: горѣлка твоя пѣнная въ 20 бочкахъ, числомъ 800 ведеръ, привезена и получена исправно, о которой Антинъ Крупянниковъ чрезъ тѣ подводы, кои оную привозили, тебѣ рапортовалъ, и будетъ стараніе о продажѣ сей горѣлки, чтобы продать ведро по два рубли, но навѣрное о таковой ценѣ сказатъ неможно, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ цена горѣлки упала, а до того времени неможно, чтобы небыло нѣсколко усошки. Присланные отъ тебя подводы за овсомъ при Любецкихъ мужикахъ Ивану Олейнику и Семену Пишке пріѣхали невесма вовремя, ибо овса небыло готового въ покупкѣ и въ превеликое безъдорожье скотъ свой вовсѣ изнурили, и прожили здѣсь чрезъ 6 дней, лошадей же кормить нечимъ было, а давана имъ солома, но и той недостаточно, для того, что по нынѣшней зимѣ и погодѣ весма сѣно дорого, такъ же и солома; да сѣна здѣсь въ деревнѣ и купить не въ кого, а хотя мужики имѣютъ у себя сѣно и солому, но они для прокормленія своего скота нужду въ томъ имѣютъ. Я и самъ думаю, чтобы Богъ помогъ выкормить свой скотъ чрезъ зиму, а сѣна продать не можно ни стебла, и для того впередъ совѣтую тебѣ присылать сюда подводы, узнавши перше и вѣрно, будучи надежнымъ о покупкѣ и о числѣ четвертей овса, то тогда присылать подводы, а не прежде. Покупщикъ же твой почталионъ Семенъ Анастасьевъ едва могъ искупить 126 четвертей и 5 четвериковъ овса, но и того подводы дожидалися, а по наложеніи онаго, отправлены отсюда подводы сего мѣсяца 18-го ч. Однакъ, я думаю, ты его сполна не получишъ, ибо мужики изнуренные свои лошади принуждены будутъ кормить овсомъ, а тебѣ за приездомъ отдадутъ свой собственный овесъ, въ кого есть, а кто не имѣетъ, то развѣ купитъ. На тѣхъ же подводахъ, которые горѣлку привезли, получилъ я заливную трубу исправно и далъ своего овса, по неимѣнію купленного почталиономъ въ Лофицѣ, 52 четверти и 2 четверика на щетъ тѣхъ денегъ, которые ты употребилъ на церковные вещи, тоесть 31 рубль 20 копѣекъ; и такъ я тебѣ уже невиненъ. Покупщику твоему на покупку овса далъ я денегъ, къ прежде выданнымъ ста рублямъ, еще 50 рублей, а остается еще у меня 100 рублей, за которымъ вели прислать подводы тогда когда получишь вѣрное извѣстие, что [illegible] готовности, а не такъ какъ нынѣ присылалъ. Ежели потребны будут деньги на покупку до полности 500 четвертей овса, то я могу дать

свои денги. Напрасно ты меня не послушалъ и не посылалъ въ Курскъ для подряду жита на винокуреніе, ибо въ Черниговѣ, какъ слишу, новины, тоестъ нѣнѣшняго времени жито, продается дорого, которого и купить весма трудно, и разною мѣлкою мѣрою, а вдругъ болшимъ числомъ купить онаго неможно и дорого. И такъ въ винокуреніи будетъ остановка, а паче для меня, ибо отсюдова послать жита я не имѣю толикого числа подводъ и въ молотьбѣ имѣю великую остановку, для того, что не одно жито, но и протчей хлѣбъ молотить надобно, а людей мало; тамошние мужики волости Любецкой всегда ходятъ въ разные степные мѣста для зароботку молотбою хлѣба, то весма бы хорошо было, ежели бы ты велѣлъ имъ не ходить всторону, а присылалъ бы ихъ сюда, ко мнѣ, для молотбы моего хлѣба, 12 и 15 человѣкъ, которые могли бы и здѣсь заробить себѣ хлѣба, ибо я даю такую мѣрочку за молотбу, какъ и другіе сторонние люди даютъ. Двѣ семьи, кои отправлены при подводахъ сюда на жителство, получены, а третей мужикъ вдовъ зъ дочерью, съ Хорошуномъ, на плитахъ прибылъ, которые здѣсь будутъ поселены. Еще два писма отъ тебя полученные, одно, сентабря отъ 11-го, а другое отъ 12-го числъ, на которые такъ же обявляю: указъ отъ преосвященного о освященіи церкви полученъ, за присылку которого весма я благодаренъ и прилагаю при семъ къ преосвященному писмо; а освященіе церкви положено, за благословеніемъ и помощію божиею, слѣдующого ноября 3-го числа. Подводы, посланные съ моею горѣлкою при твоемъ и г. Виткевича писмѣ ко мнѣ, еще не пріехали за превеликимъ бездорожьемъ и хутдобою лошадей, о которыхъ получилъ извѣстіе чрезъ пришедшого ко мнѣ мужика, что находятца въ Монастырищѣ [1]), вовсе устали, гдѣ такъ же и твои двѣ подводы, посланные съ малою становою рибою и порожнею посудой, которая была послана тебѣ, съ медомъ, на которыхъ такъ же водка зимная и бутылка барбарисового сиропу, посланные отъ Александры Павловны, за которые покорно благодарствую; толко еще оныхъ не получилъ, а принужденъ отъправить за тою горѣлкою, рибою и посудою зъ Гамалѣевки другие подводы, и твои двѣ подводы воловые велѣли отправить съ Монастырища обратно въ домъ, потому что они вовсе устали; и для того пшиницы, которой ты просишъ присилки, теперъ послать не на чемъ. По извѣстнымъ тебѣ дѣламъ, яко то съ Лашкевичемъ, по данномъ отъ тебя о збивки (?) позва прошенія и что потому послѣдовало, я

---

[1]) Мѣстечко Нѣжинск. уѣзда.

понынѣ никакого известия не имѣю, такъ же и о делѣ имѣющемся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею и Фидрикевичемъ, что происходить не вѣдаю, и посылалъ ли ты повереннаго въ Сосницкий уездный судъ—для выслушанія извѣстного тебѣ опредѣленія и подпису на ономъ моего недоволства, въ силѣ Новгородскаго намѣстническаго правления опредѣления, и какъ еще дѣло есть для меня нужное, то посвѣшай, буди еще понынѣ не поехалъ, въ верхней земской судъ въ Новгородокъ послать апелляцею и напиши съ прошениемъ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ здѣлалъ вспомоществованіе. А какъ скоро послана будетъ апеляция, то я, за получениемъ извѣстия, и самъ къ нему напишу писмо. Еще мнѣ весма нужно потребно знать написанна ли апеляция на сенатъское рѣшеніе объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, и ежели еще и понынѣ не написана, то какъ можно старайся и проси оную написать, и прислать ко мнѣ чрезъ нарочного для подпису моего, дабы непремено отправить оную въ Санктпетербургъ въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, и отнюдъ не позже, чтобы Фидиркевичъ (sic) съ Силичемъ не смѣялись. Что же ты пишешъ о обявленіи тебѣ отъ Николая Михайловича Стороженка, что будто Лашкевичъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ съ прозбой своею, то ежели сіе подлѣнно такъ, обяви Николая Михайловичу, чтобы онъ сказалъ Лашкевичу, что я ево вовсѣ не знаю и знать не намѣренъ, и чтобы онъ ко мнѣ не трудился ѣхать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ онъ принятъ такъ, какъ я былъ принятъ въ Смяче [1]) по милости тещи и Фидиркевича, а не инако; или о семъ самъ ему скажи. Пусть жена его проситъ своей бабушки и Фидиркевича, ежели хочетъ успокоится, чтобы теща исполнила свое обѣщание, о чемъ я отъ нее саморучнымъ писмомъ былъ обнаруженъ и раздѣлила имѣніе; однакъ, какъ видно, послѣ писмо ее осталось въ неправдѣ и есть во всемъ сему сущая ложъ и обманство. Такъ надобно сказать г. Стороженку или Лашкевичу, а ко мнѣ ему ѣхать незачѣмъ и не должно. Зъ приездомъ Антипа Крупянникова, уведомился я отъ него, что Степанъ Степановичъ Леонтивичъ умеръ, для того о семъ меня увѣдомь; приложенные при семъ писма къ преосвященному, Ивану Михайловичу Енве отъдай; а преосвященного попроси, чтобъ онъ здѣлалъ милость не велѣлъ мужика моего Гамалѣевского, котораго жена о разводѣ проситъ съ нимъ по законнымъ точно притчинамъ, требовать присылки въ дикастарію въ Черниговъ, ибо онъ свидетелствованъ докторомъ и

---

[1]) См. выше, стр. 65.

протопопомъ Лофицкимъ и нѣтъ ни малѣйшего сумнѣнія; въ противномъ же случаѣ, невинно будетъ обиженъ, потому что онъ бѣденъ человѣкъ, напрасно принужденъ будетъ итти пѣшкомъ, не имѣючи собственной своей подводы, и лишится чрезъ то своего домоводства и заработку, отъ которого онъ пропитаніе свое имѣетъ. Преосвященный же безъ сумненія можетъ быть увѣреннымъ на посланномъ давно въ дикастерію зъ Лофицкой протопопіи рапортѣ, о чемъ и я тамъ же къ его преосвященству вѣрно и справедливо писалъ. Въ протчемъ пребываю... 24 октября, 1790 г. Гамалѣевка.

7. Любезній сину мой Григорій. Писмо твое съ Чернигова, пущенное сего ноября отъ 5-го, получилъ я сего жъ мѣсяца 14-го числа, чрезъ Николая Звонка, и приложенные при ономъ копию рѣшения Черниговскаго верхняго земского суда 2-го департамента, по извѣстному тебѣ моему иску на тещу мою и брата ея Фидиркевича за учиненную мнѣ отъ нихъ тяжкую обиду и безъчестіе, и также копию позва, данного изъ уезднаго Городницкого суда, въ которомъ требуется явки моей или повѣренного моего для выслушанія оваго рѣшенія сего ноября на 25 число, я получилъ и какъ я онымъ рѣшеніемъ недоволенъ 1), что онымъ приговоромъ верхней земскій судъ опредѣлилъ заплатить мнѣ безчестіе по иску моему совмѣстно тещи моей съ Фидиркевичемъ, то есть пополамъ; какъ же безъчестіе мнѣ послѣдовало отъ двохъ домовъ и лицъ, вопервыхъ, отъ тещи моей, а въдругое, отъ брата ея Фидиркевича, то и слѣдуетъ, по справедливымъ моимъ доказателствамъ, въ чемъ я взялся и на присягу, платить безъчестіе тещи моей и брату ея Фидиркевичу не совмѣстно; 2), оной вѣрхней земской судъ по апеляціоной моей жалобѣ ни по 21 артикулу воинскаго устава, ниже по статуту, роздѣла 3-го артикула, 27-го, онымъ моимъ обидчикомъ заключения или же вежи не приговорилъ съ моею обидой. Для того по краткости срока, то есть 25-го числа сего ноября, на подачу апеляціи въ гражданскую палату на показанное рѣшеніе со всякимъ поспѣшеніемъ, я нималѣйше не удерживая нарочного отъ тебя присланного, отправляю съ тѣмъ, чтобы, какъ можно, пожалуй, постарайся, поговори съ Андреемъ Степановичемъ, Иваномъ Якимовичемъ и изъ другими своими пріятелями, заразъ подавай апеляцію въ гражданскую палату, дабы по крайней мѣрѣ за три дни предъ срокомъ была подана, ежели скорѣе не успѣешъ, и по учрежденію исполни надлежащій обрядъ. Итакъ, потщись непременно исполнить. Чтожъ ты пишешъ о мирѣ то ежели оной во всемъ на томъ точно основаніи учиненъ будетъ, каковъ былъ дого-

воръ прежде извѣстной тебѣ, чтобы дать тебѣ село Полуботки, то на томъ договорѣ можешъ ты и миръ заключить, съ тещею и Фидиркевичемъ, но однакожъ послѣ подачи апелаціи въ гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мнѣ чрезъ потсудные дѣла болше безчестия не претерпѣть, ежели судъ или палата гражданская приговорить тещи и Фидеркевичу вѣжу[1]), то я онымъ въ такомъ случаѣ и приговореннымъ нынѣ верхнимъ земскимъ судомъ безъчестіемъ доволенъ бы былъ. А до присяги тещу и брата ея Фидиркевича въ точныхъ обстоятельствахъ и силѣ, по словамъ сказаннымъ въ судномъ производствѣ отъ повѣренного моего Гроховскаго, въ чомъ я брался на присягу, въ томъ точно, ежели пожелаютъ и не откажутся, повести ихъ къ присягѣ, за помощью сердцевѣдца Бога, не отказываюсь. Впротчемъ, что касается до дѣла на рѣшеніе Сосницкого уѣздного суда, то поступай такъ, какъ ты ко мнѣ пишешъ и какъ можно старайся, дабы оное безъ замедлѣнія было рѣшено, ибо въ ономъ рѣшеніи весма важный пунктъ состоитъ по дѣлу съ Лашкевичемъ, о которомъ ты и самъ знаешъ. На протчее же, о чемъ ты ко мнѣ пишешъ, къ тебѣ, равно и къ преосвященному, я особливо чрезъ почту писать буду и пребываю прочемъ... Ноября 15-го дня, 1790 г. Гамалѣевка.

8. Любезній сину мой Григорій! За помощіею божіею новопостроенная церковъ уже освящена, по церковному чиноположенію, сего ноября 3-го числа. При семъ тебѣ отъ церкви божіей посылаю на благословеніе двѣ иконы, одна—совѣтъ предвѣчный пресв. Тройцы, а другая—Христа, благословящого пять хлѣбовъ, которой да благословитъ тебя съ женою и дѣтми въ домѣ вашемъ хлѣбомъ и пшеницею и всякимъ благимъ совершеннымъ даяніемъ, отъ его превысочайшихъ и неизреченныхъ божественныхъ даровъ всегда и всегда. Надъ бывшимъ экономомъ Куриловымъ щотъ оконченъ и что явилось нанемъ на чоту денегъ, онъ меня удоводствовалъ, а протчее я ему подарилъ, и сего ноября 21-го числа отъехалъ онъ въ домъ тестя своего, въ село Пѣски. Онъ сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ поедетъ въ Бучки по надобности въ твоей въ экономіи. Я тебѣ совѣтую его договорить контрактомъ, ибо онъ потребенъ, особливо же для лошадиного заводу. Я надѣюсь, что у тебя есть любецкихъ озеръ сыропросолная щука риба, и рижики я слыхалъ, что сей осени родили; для того пришли ко мнѣ на постъ щуки сыропросолной двѣ ма-

---

[1]) Т. е. личный арестъ.

зирки да рыжиковъ двѣ кадушки (?) которой для меня надовго будетъ. На той же подводѣ, на которой привезется риба и рижики, я пришлю тебѣ пшеницы, ибо по нуждѣ подводъ и такъ же по бездорожью я не моглъ по сю по пору прислать тебѣ оной. Присланная отъ Александры Павловны зилная (?) водка, за которую я прежде и теперъ благодарю, сошла, и ежели еще есть оная, прошу прислать. Податель сего коллежской регистраторъ Тимофей Ивановичъ Глинской, по окончаніи щота при семъ отъ меня отправленъ въ Черниговъ, чрезъ которого посылаю тебѣ коверъ болщой покойной матушки твоей, а другой поменше того, оставленъ здесь. И також при немъ отправленъ къ тебѣ служитель твой Спепанъ Чорноштаненко, которой было отъ тебя бѣжалъ, а послѣ самъ возвратился, и пришолъ въ хуторъ, коего ты можешъ определить попрежнему на конюшню, а мнѣ онъ не подобенъ. Здѣсь ему новые сапоги и рубашка одна пошиты. Мнѣ весма потребенъ человѣкъ, которого бъ моглъ я определить къ Рашевскимъ мелницамъ мѣрнымъ, для приему розмѣрового хлѣба и смотренія мелницъ. Антинъ Крупянниковъ сказывалъ мнѣ, что къ такой должности способенъ мужикъ Радковскій Алексѣй Пучинецъ, которой прежде былъ въ Любичѣ при Покровской церкви паламаремъ, а нынѣ живетъ онъ въ Любичѣ; для того пришли его ко мнѣ зъ женою и дѣтли, ибо тебѣ въ немъ тамъ нужды никакой нѣтъ. Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, чтобы ты прислалъ ко мнѣ мужиковъ пѣшихъ молотниковъ для молотбы моего хлѣба 12-ти человѣкъ съ одними цѣпами, которые всегда ходятъ въ чужие стороны для заработку хлѣба; я же особливо, имѣя нужду въ соломѣ для корму въ нынѣшней зимѣ скота, чтобы скорѣе перемолотить, и корму приготовить, то и пришли мнѣ сихъ людей, кои и здѣсь могутъ заробить себѣ хлѣба, ибо я даю своимъ, такъ какъ и чужие люди, здѣсь получаютъ на вымолотъ семой четверычокъ хлѣба. При семъ прилагаю писма, одно къ преосвященному, а другое къ Ивану Михайловичу Енке [1]) и притомъ посылаю подлѣжащие ему зъ мена по присланному щету денги всего 11 руб. 96 коп. въ 10-ть рублей осигнаціею въ писмѣ запечатанные к нему Енке, а послѣдной мѣдною монетой 1 р. 96 коп. поручены Маковцу, которое писмо, равно и денги принявши у Маковца, отправь чрезъ моего человѣка. Прошедшей зимы, едучи я съ Чернигова въ Гамалѣевку на колесахъ, всѣ свои сани оставилъ въ Черниговѣ, въ приезжомъ домѣ, именно:

---

[1]) Т. е. Еккѣ.

одни покрытые кожею, подложенные краснымъ сукномъ, съ кожанымъ хвартухомъ, съ оглоблями и зъ двумя пристяжками вѣровчаными, обшитыми кожею, другие покрытые кожею жъ съ фартухомъ и подложеные въ срединѣ пестрою [1]) и такъ же съ оглоблями и изъ двумя пристяжками, конопляными, вѣровчаными, да три кибитки, покрытые ценовками, съ оглоблями, которые всѣ отданы въ Черниговѣ въ смотрѣніе Семену Шапочнику и поставлены въ сараѣ, а шестые сани городские, съ оглоблями, обшитые краснымъ сукномъ, съ подушкою. И какъ я здѣсь саней для поѣздки санною дорогою вовсе не имѣю и ничемъ крайнѣ выехать, для того пришли ко мнѣ вышепомянутые пять саней, а шестые сани городские оставь у себя для ѣзды тебѣ въ Черниговѣ. Подводы тѣ, кои привезутъ сани сюда могутъ привезти тебѣ отсель овесъ, покупаемый въ Лофицѣ почталиономъ Анастасьевымъ. Давно я послалъ часы мои столовые въ Черниговъ часовому мастеру для починки, но толко оныхъ и по нынѣ не получилъ, ни звѣстия объ нихъ не имѣю; такъ же и карманные часы я послалъ черезъ тебя, то и сихъ понынѣ нѣтъ; для того оные обое часы пришли ко мнѣ чрезъ сего мужика, которой Глинского отсель отвезъ, и вели ихъ завернувши хорошо въ лубяную коробку ту, въ которой отъ меня оные отправлены, а коробку связать и запечатать. Такъ же посылаю въ коробкѣ еще одни часы зазюлю [2]) въ которыхъ зделалась небольшая порча непорядочно кричитъ; то и сіи часы отдай мастеру и попроси, чтобы онъ заразъ починилъ, и что ему за труда надлѣжитъ, заплати на мой щотъ, ибо здѣсь некому вовсе отдать починитъ; безъ часовъ же въ деревнѣ весма худо; и за починкою пришли оные ко мнѣ безъ замедлѣнія. Жителствующая въ Черниговѣ прачка Катерина Василѣвская пишетъ ко мнѣ, что за обученіе учившейся у нея девки Агафіи, которая отдана Александрѣ Павловнѣ, по договору моему съ нею, не получила она муки житной 5 четверичковъ, крупъ гречанных 2 четверичковъ, сала свиного и соли по одному пуду, да олеи конопляной 1 ведро, а какъ она того подлѣно отъ меня не получила, то и надлежитъ ей отдать показанную провизію, ибо она будучи бѣдна, единственно зъ своихъ трудовъ пропитаніе имѣетъ, то и прикажи сію провизію отдать ей. Еще я имѣю немалую нужду для дворового расходу въ добромъ дегтю, то прикажи мужику Семену Масановцю купить на мой щотъ дегтю доброго хорошого одну бочку

---

[1]) Полотно, крашеное узорами.

[2]) Вѣроятно—съ зозулею, т. е. съ кукушкою.

въ 20 вед. и такъ же прикажи изъ Любецкого рибного стану собираемого рибного рижу (икра?) прислать мнѣ одно вѣдро, ибо и оной здѣсь мнѣ потребенъ. Пріятеля моего и духовного отца протопопы Кошаревского сынъ почмейстеръ Роменской подалъ тебѣ въ почтамтъ прошеніе о прибавки ему, по представленнымъ резонамъ, жалованья и проситъ, чтобъ представлено было о семъ въ главное почтовыхъ дѣлъ правленіе, для того не оставъ, пожалуй, учинить сего представленія, а тамо въ Петербургѣ братъ его находящейся о семъ же, кого надобно попроситъ. Въ прочемъ пребываю... 30 ноября, 1790 года. Гамалѣевка.

9. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое отъ 20-го числа сего мѣсяца, чрезъ Звонка, съ приложеніемъ при ономъ разныхъ бумагъ въ связкахъ, имяно: въ 1, апеляціонное прошеніе и при немъ чистой гербовой листъ бумаги, для подпису моего на бланкетѣ и для написанія на ономъ вѣрующаго листа, я получилъ сего декабря 23 числа, сполдня въ 9 часу, и оное апеляціонное прошеніе за подписомъ моимъ, такъ же гербовой бумаги чистой листъ, для написанія на ономъ вѣрующого листа, за подписомъ же и печатью, при семъ прилагаю; а Звонка безъ и малѣйшаго замедлѣнія я зъ симъ писмомъ отправилъ къ тебѣ на другой день, тоесть 24 числа рано, дабы онъ къ тебѣ моглъ пріехать самоскорѣйше. Ты же старайся, какъ можно скорѣе отправить оную апеляцію въ С.Петербургъ надлѣжащимъ порядкомъ, ибо кончится указной срокъ апеляціи будущого 1791 года, генваря 31-го числа, и дабы, не дай Богъ, непотерять сроку. А чрезъ кого и какимъ порядкомъ подавать оную, то ты поступи, такъ какъ самъ знаешъ, посовѣтовавшись съ приятелями, ибо я таковыхъ подачъ не подавалъ и знать не могу, а потомъ пиши къ господамъ съ прошеніемъ—графу Александру Андреевичу, Петру Васильевичу (Завадовскому) и Осипу Степановичу Суденкову, и къ господину Трощинскому, чтобы они учинили милость въспомоществованіе, дабы оная апеляція послѣ подачи приняла надлежащее свое дѣйствіе; чтожъ касается до другихъ двухъ связокъ бумагъ, одной касающейся до иску Лашкевичового и апеляціи на Сосницкой уездной судъ, а другой по дѣлу, находящемуся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею моею и братомъ ея Фидиркевичемъ, за учиненное мнѣ безчестіе, то я овыхъ бумагъ и за скорымъ отправленіемъ Звонка, не моглъ разъсмотрѣть и прочитать, а послѣ разъсмотревши, о чемъ надлѣжитъ къ тебѣ писать буду чрезъ почту. Касателно жъ до куппа, которой хотитъ покупать у тебя мачтовое древо, о чемъ мнѣ сказывалъ Звонокъ словесно, то вся

сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ вырубкѣ мачтового дерева не было отнюдь никакого браку, ибо я преже сего, незнавши силы въ продажѣ мачтоваго дерева, по вырубкѣ оного получилъ великій убытокъ, да и того, что послѣ вырубки явилось 21 дерево неспособное на машты, которе я по договору принялъ себѣ, а за вырубку въ каждого дерева получилъ толко по 1 рублю; а договоръ надобно дѣлать непремѣнно таковъ, чтобы никакого браку не было, а сколко дерева порубитъ мачтового, годное ли оное будетъ или негодное на мачты, долженъ онъ за всякое заплатить по договоренной цѣнѣ, и сколко мачтового дерева по вырубкѣ такъ и при вывозкѣ оного съ пущи испортитъ и поламаетъ протчего разного дерева числомъ, долженъ онъ заплатить за каждое дерево по рублю, и тое испорченное и поломленное дерево должно оставаться при тебѣ, и если контрактъ надлѣжитъ дѣлать урядовой, а покупщикъ мачтового древа, ежели онъ покупаетъ не собственно отъ себя, но имѣетъ на то повѣреніе отъ кого либо, то долженъ оное имѣть тожже урядовое и вѣроятное свидѣтелство, а до вырубки дерева долженъ онъ дать тебѣ въ задатокъ третую часть или половину; послѣдние же денги повиненъ онъ отдать по вырубкѣ всего дерева, которое рубить долженъ онъ при твоемъ повѣренномъ, дабы лишняго дерева сверхъ договору не моглъ вырубить. Какъ скоро будетъ санная дорога, я бы весма былъ радъ, чтобы Иванъ Якимовичъ пожаловалъ приехать ко мнѣ съ тобою, на малое время. Притомъ пребываю... 23 декабря, 1790 г. Гамалѣевка.

10. Любезній сину мой Григорій! Послѣ отъправленія къ тебѣ Звонка, читалъ я отводъ, поданной отъ стороны твоей чрезъ повѣреннаго въ Черниговской уездной судъ по иску Лашкевичевому, въ которомъ усмотрѣлъ я, что пропущено сказать во ономъ два пункта: первый, что я нынѣшнюю жену Лашкевичеву, бывшую еще въ дѣвкахъ, въ Смячѣ, предъ тимъ временемъ, когда она отъ меня ушла и спряталась, приглашалъ, дабы она пріездила ко мнѣ и матернимъ имѣніемъ раздѣлилась съ тобою при бытности моей, а послѣ того въ скорѣ и ты къ ней писалъ, чтобы она пріездила ко мнѣ для раздѣлу между вами онаго имѣнія, но она ни на мое приглашеніе, ни на твое писмо не согласилась и пріехать поупрямилась и не захотѣла; а потомъ въ уездномъ Сосницкомъ судѣ меня обжаловала, противъ совѣсти своей, будто-бы я ради покорыстованія имѣніемъ, не отдавалъ оного въ разделъ, вовсѣ ненадлѣжаще и несправедливо и въ томъ я възялся на мою совѣсть; второй, въ вѣновномъ листу, при женитьбѣ моей на умершей твоей матери, написалъ я, что послѣ

роздѣлу имѣніемъ моимъ отческимъ съ братьями моими родными, записую или уступаю третую часть за вино; которого нынѣ весма домагается Лашкевичъ, какъ изъ доказательства его видно, что того третой части имѣется за жизни жены моей, а твоей матери, и по смерти ея, какъ написано въ вѣновномъ листу послѣ раздѣла оного съ братіями моими, я не выдѣлялъ и женѣ моей не отдавалъ, и она не потребовала по смертъ свою и по смерти ея никто другой, чему уже прошло болше двадцати лѣтъ, то естъ двухъ давностей земскихъ, а послѣ узаконеній никакой важности и силы оной вѣновной записъ не имѣетъ чрезъ потерянне права; и сіи оба пункта написаны были въ отводѣ моемъ, который писанъ въ Батуринѣ извѣстнымъ тебѣ человѣкомъ, и весма напрасно пропущены ибо оные имѣютъ свою силу и нужно потребны для написанія въ отводѣ, и какъ немалая важность дѣла состоитъ въ уничтоженіи Сосницкого уездного суда определенія о выходѣ въ замужество, которое учинено въ непринадлежащемъ до ихъ суда въ силѣ высочайшого учрежденія мѣстѣ, и безъ моего отвѣта, о чемъ обстоятелно въ прошеніи моемъ, поданномъ въ Новгородскосѣверское намѣстническое правленіе, показано, то ты всѣми силами старайся и проси въ гражданской тамошнѣй палатѣ, дабы верхняго земскаго Новгородъсѣверского суда рѣшеніе было опровержено, яко незаконо и пристрастно учиненое на велвкую мнѣ обиду и по важности сего дѣла непремѣнно самъ поезжай и проси ни на кого не полагаясь и проси, кого ты самъ знаешъ, особливо же Ивана Яковлевича, которой знаетъ обстоятелно всю мою тяжкую обиду. Еще я писалъ тебѣ и Ивану Михайловичу Енкѣ, отъ 3-го минувшого декабря, чрезъ почту, о покупкѣ для надобности церковной золотой сѣтки въ 32 аршина и присылкѣ оной ко мнѣ черезъ почту жъ, но толко и по нынѣ ни сѣтки, ни извѣстія объ оной неимѣю. Для того вторично прилагаю при семъ къ Ивану Михайловичу писмо о покупкѣ той сѣтки, которую получивши отъ Ивана Михайловича, пришли безъ замедлѣнія ко мнѣ. Да еще писалъ я чрезъ Звонка къ тебѣ о присылкѣ калѣндара московского или петербургского на сей годъ, въ которомъ я нужду имѣю, и здѣсъ оного достатъ и купитъ вовсе нигдѣ, то такой калѣндарь пришли такъже. Притомъ (на?) наступившей сей новый годъ зъ усердія моего желаю тебѣ, съ женою и дѣтми, да благословитъ Богъ во всякомъ здравіи и благополучіи провождать и пребывать... Генваря 3 дня, 1791 года. Гамалѣевка.

11. Любезній сину мой Григорій! За приездомъ твоимъ изъ Петербурга, получилъ я писмо отъ его сіятелства графа Александра Андреевича, также отъ братца Андрея Степановича и отъ тебе, сего сентября 28-го числа, будучи въ хуторѣ, чрезъ г. Самойловского. Касателно до примѣренія въ дѣлахъ съ дочерью моею, съ тещою и братомъ ея Фидиркевичемъ по совѣту его сіятелства равно и братца Андрея Степановича, я принужденъ согласится въ разсужденіи разныхъ обстоятелствъ и затрудненій, для того и присланные отъ тебя двѣ прошеніи, одно въ правителствующій сенатъ съ вѣрующимъ листомъ, а другое въ уездній Городницкій судъ, съ вѣрующимъ же открытимъ листомъ, на имя Андрея Степановича, а особо тѣхъ вѣрующій-же отъкритій листъ по дѣламъ съ тещою моею и братомъ ея Фридиркевичемъ, на имя жъ Андрея Степановича, которія всѣ приложенія я подписалъ и при семъ чрезъ его жъ г. Самойловского къ тебѣ посилаются, но притомъ совѣтую тебѣ роздѣлку учинить на томъ основаніо и такъ точно, какъ прежде сего до начатия споровъ и тяжебъ положено было и тебѣ есть извѣстно зъ согласіемъ всѣхъ сторонъ, то есть бабы твоей, сестри, Николая Михайловича Стороженка и твоего, и въ томъ писменное условые учинено за подписомъ и печатью всѣхъ васъ, именно жъ, чтобъ имѣніе матери твоей оставалось за тобой все, такъ какъ я въ опекѣ содержалъ, а сверхъ того деревню Полуботки отъдать тебѣ въ разъсужденіи тамошняго хлѣбопашества, которого въ волости Любецкой не имѣется, къ тому жъ оная деревня близъ города Чернигова для тебя способная; сестрѣ же твоей въмѣсто того отъдать деревнѣ и съ протчіими угодіями изъ числа немалого имѣнія, которымъ владѣетъ баба твоя, напротивъ же того въономъ тебѣ участія не имѣть кромѣ деревни Полуботокъ; о чемъ я такъже писалъ къ братцу Андрею Степановичу, а о семъ я тебѣ для того пишу, что ежели ты согласисся мѣстечко Любечъ дѣлится пополамъ, то посему будетъ всегдашвіе разные споры, жалобы, а отъ того и безпокойства, то через прикажчиковъ, то черезъ людей, когда будетъ въ ономъ два владѣлца, что я дѣйствительно примѣтилъ въ многихъ владѣніяхъ, и не будешъ имѣть покоя никогда, а зъ нынѣшними владѣлцами особливо же. О минкахъ споръ разрѣшится, какъ скоро рѣшится дѣло въ сенатѣ по апеляціи моей и будешъ спокоенъ, а хлѣбопашество будешъ имѣть въ Полуботкахъ въ прибавокъ къ Любецкому хлѣбопашеству, какое тамъ имѣется и будешъ доволенъ для того, что какое бы хлѣбопашество ни было не можно обойтится безъ покупки хлѣба для винокуренія. Притомъ будь весма осторожень при

подачи мировой прозьбы въ Городоницкій уездный судъ, смотры прилѣжно, чтобъ всѣ обстоятелства и отъ всѣхъ сторонъ въ мировыхъ здѣлкахъ написаны были, и особливо отъ дочери моей, чтобы она во всемъ призналасъ покаяніемъ также отъ тещи и Фридиркевича, ибо со стороны моей ничего не пропущено и весма изъяснено все къ ползѣ ихъ и сіи мировіе здѣлки тогда подать, когда дочь моя, теща и Фридиркевичъ подадуть отъ себя мировіе-жъ, а не прежде, ибо я не вѣрю, знавши доволно Фридиркевича и тещу, а послѣ того и въ Пѣтербургѣ къ подачи въ сенатъ отправить можешъ, что все обяви также Андрею Степановичу. Въ протчемъ пребываю... Сентября 28 дня, 1791 г. Гамалѣевка.

Какъ въ мировыхъ прошеніяхъ написано о раздѣлѣ имѣнія только того, которое по матери вашей наслѣдственно принадлежитъ, для того пилнуй ты сего, чтобъ объ моемъ всемъ имѣніи никакого упоминку ни малѣйше не было, при подачи мировыхъ отъ обоихъ сторонъ, ибо я о семъ ни почему и ни для чево никогда не соглашуся и не согласенъ. За присланный шнуровъ съ кисточками также и пугвицы присемъ посылаю шмуклиру пять рублей денегъ.

12. Любезный сину мой Григорій! Писмо твое минувшого марта отъ 20-го, съ Чернигова, я того жъ марта 28-го числа, получилъ съ приложеніемъ копій съ учиненной бабою твоею духовной на недвижимое имѣніе ею владѣемое и усмотрелъ, какъ она по фалъшивой и безъзаконной уступки онымъ имѣніемъ ненадлежаще владѣла и владѣетъ такимъ порядкомъ и духовной своею росписала, съ совѣтомъ единоутробного братца своего, ни Бога, ни души, ни совѣсти не имущого, злого человѣка, вовси беззаконно и съ великою тебѣ обидою. Вомѣсто того, что баба твоя съ своими братцами и родственниками похитивши чужое добро, которое она разорила, а доходами ползовалися братья еѣ и родственники, слѣдовало бы ей лишится безъзаконного своего владѣнія, то напротивъ того она тебя лишила, законного наслѣдника Полуботковому имѣнію, безъстыднымъ и безъсовѣстнымъ образомъ угождая злобѣ брата своего, за то единственно, что оны не моглы тебя възбунтоватъ востаты противъ отца своего, такъ какъ учинила твоя сестра, и что ты вступаешся и помогаешъ въ тажкой и несносной учиненной отъ ныхъ отцу твоему обидѣ. Сіи всѣ и протчіе обстоятелства, основанные и послѣдовавшіе противъ закона божественного и гражданского, не могутъ устоятъ на своей неправдѣ, но за помощію сердцевидца Бога праведнымъ судомъ будутъ разрѣшенны и опровержены. И такъ ты нынѣ неоспоримо законный и

справедлывый резонъ имѣешъ вступится за себя протывъ воставшихъ на тебя и на востающихъ на тебя! Господь Богъ да будетъ помощникъ и поборникъ, всегда и всегда. Аминь. Теперъ тебѣ надобно заразъ, неупуская ни малѣйшого времени, помолясь Богу, съ его помощію, податъ искъ на свою бабу съ опроверженіемъ извѣстной тебѣ уступки и надобно заразъ ехатъ у Батуринъ къ извѣстному тебѣ человѣку, показать ему уступку и всѣ обстоятельства и фалшивости, до нея принадлежащія и словесно поговорить также показать ему и духовную бабой твоею учиненную и просить у его совѣта и наставленія, и чтобы написалъ исковую жалобу, которую съ совѣтомъ также другихъ твоихъ пріятелей подать въ уѣздный судъ, однакъ не въ Городницкій, но въ Черниговскій, ибо въ Городницкомъ судѣ судья корнетъ Яковъ Лизогубъ, съ которимъ я имѣлъ за Гунковку дѣло, а сверхъ того и мало знающій законовъ и судного порядку, а засѣдатель Лисенко дурной совѣсти человѣкъ; въ уездномъ же Черниговскомъ судѣ будетъ тебѣ способнѣе, и имѣніе находится, о которомъ какъ слѣдуетъ. У меня же какія бумаги были и примѣчанія, какихъ ты нынѣ требуешъ въ разсужденіи подложной уступки, то я всѣ тебѣ отдалъ въ бытностъ твою у меня у Гамалѣевки; а нынѣ при семъ прилагаю давно выписанные права изъ статута и уложенія, а притомъ спросися у граждавской палатѣ гдѣ находится подлинное дѣло въ оной бывшее и рѣшенное съ расколниками; въ томъ дѣлѣ имѣется подлѣнная выпись, данная мнѣ исъ духовной Черниговской дикастеріи въ минувшемъ 786 году, ноября 2 дня, въ которой написано, когда твоя матушка замужъ вышла и умерла, съ которой попросить справочной копіи, гдѣ видное доказателство, что она давности десятолѣтной объ отисканіи наслѣдственного еѣ имѣнія, по виходѣ замужъ по смерть не промолчала. До выходу же въ замужье никакимъ образомъ будучи дѣвицею искать не могла: потому что она была въ родной своей матери въ опеки, въ которой она и въ власти и въ домѣ еѣ жила. Сіе примѣчаніе тебѣ весма нужное, что противная сторона будетъ всячески защищать уступку, кромѣ протчихъ всѣхъ несправливыхъ своихъ резономъ, и давностію земскою, и сей резонъ они имѣютъ наиважнѣйшимъ, которой они доказать не могутъ. Чтожъ касается до тебя, то ты родился въ 1765 году, генваря 28-го числа, въ наукахъ былъ, съ проѣздомъ въ чужой землѣ, чрезъ восемъ лѣтъ и по сылѣ имянного указа отъ совершеннолѣтства своего и за исключеніемъ по статутовому праву восьми лѣтъ бытности твоей у наукахъ, давности земской десятилѣтней ты не потерялъ, о чемъ всемъ ты можешъ раз-

смотрѣть и съ совѣтомъ своихъ пріятелей. При семъ прилагаю тебѣ для всякого случая и надобности подлѣнный пашпортъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайского, данный тебѣ на отъездъ въ Кенизберхъ, 1778-го года марта 20-го числа, по которому ты отъехалъ того жъ году мая 18-го числа исъ Боровичъ. И какъ скоро подаси искъ, то тотчасъ увѣдомъ меня, а ежели между тѣмъ будешъ имѣтъ время, чтобъ пріехать ко мнѣ на малое время повидатся, то бы весма было хорошо. Что касается до отправленія жеребцовъ у Бучки и о тамошне припускѣ, о которомъ я писалъ съ наставленіемъ до тамошняго прикажчика Калѣновскаго, то о семъ тебѣ обстоятелно скажетъ словесно Николай Звонокъ; жеребцовъ же я отправилъ у Бучки двохъ: вороного Яничара и гнѣдого Арнаута, а Глаза не посылалъ по причинѣ извѣстной тебѣ его болѣзни, по которой хотя бы и не хотѣлъ, однакъ намѣренъ продать. Въ протчемъ пребываю.... 2 апреля, 1791 года. С. Гамалѣевка.

Письма къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

13. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Худое состояніе здоровья моего, въ которомъ я нахожусь съ юля мѣсяца, вытерпѣвъ между тѣмъ тринадцать уже самыхъ мучителнѣйшихъ операцій, причиною, что я долго не писалъ къ вамъ и на многіе ваши письма не отвѣчалъ. Теперь хотя, также еще нездоровъ и лежа въ постелѣ принужденъ писать, однакожъ не хотѣлъ оставить, чтобъ не принестъ вамъ искреннѣйшія благодарности, во первыхъ, за дружеское стараніе къ полезному окончанію извѣстнаго моего дѣла; а во вторыхъ, за участіе, пріемлемое вами по случаю перемѣны чина моего. Дай Богъ, чтобъ я тѣмъ и васъ вскорѣ поздравить имѣлъ удовольствіе. Въ разсужденіи пособія надобностямъ почтамта, вами управляемаго, я всевозможно прилагаю стараніе выполнять представленія ваши, такъ какъ въ числѣ оныхъ и о прибавкѣ чинамъ онаго жалованья. Тутъ включенъ одинъ регистраторъ Кодацкой, который есть подноситель сего письма, и я рекомендую его въ вашу милость, желая чтобъ со временемъ могъ онъ гдѣ либо заступить мѣсто почтмейстера, когда къ дѣламъ навычку здѣлаетъ. Болѣе писать слабость здоровія воспрещаетъ. Прощайте! желаю вамъ всякаго благополучія и пребываю съ нелестною дружбою и искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Дмитрій Трощинскій. P. S. Обѣщаніе ваше въ раз-

сужденіи извѣстнаго реестра вещей—предано забвенію, хотя вы я въ самомъ первомъ ко мнѣ письмѣ оно подтвердили. Октября 29, 1790 г. С.-Пб.

14. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго)*.

Несравнено пріятнѣе мнѣ было отвѣчать на всѣ дружескіе письма ваши порознь, такъ такъ я ихъ отъ васъ получаю, нежели извиняться, отвѣчая вдругъ на многія; и извиненіе предъ иругимъ было бы для меня затруднительнѣе, но вы, м. г. мой, довольно зная мое обыкновенное положеніе и прибавя къ тому еще настоящія здѣшнія обстоятельствы, тѣмъ удобнѣе можете меня оправдать.

Я начну непріятною для васъ матеріею, т. е. по дѣлу вашему съ Силичемъ въ сенатѣ; оно еще въ бытность вашу здѣсь испорчено было до такой степени, что по употребленіи всѣхъ возможныхъ отъ меня испытаній, кажется уже вовся нельзя его исправить, ни перемѣнить здѣланнаго въ пользу соперника вашего приговора, кромѣ того, что на нѣкоторое время удержится его исполненіе; и въ семъ только одномъ и состоять будетъ возможное содѣйствіе къ пользѣ вашей; о чемъ я по усердію къ вамъ сердечно сожалѣю.

Принимая сладкую посылку вашу, за знакъ дружескаго о мнѣ незабвенія, я сугубо васъ благодарю за благосклонность вашу къ Ильѣ Ивановичу Бажанову, радуясь искренно, что вы нашли его достойнымъ оныя—и для исполненія благонамѣреннаго расположенія вашего къ нему и ко всѣмъ достойнослужащимъ подъ вашимъ начальствомъ. Весьма хорошо вы сдѣлаетѣ, представля правленію о прибавкѣ имъ жалованья, чему я со стороны своей всемѣрно содѣйствовать стану, будучи весьма согласенъ съ мыслями вашими и увѣренъ опытомъ, что безъ ободренія и самое горячее усердіе простываетъ, и способности увядая, становятся безполезными.

Судя по сущности справедливыхъ дѣлъ, кажется и ненужны бы иныя посредства, кромѣ должности судящихъ разсмотрѣтъ его и защитить истину, но пристрастіе мыслитъ и дѣйствуетъ инако; есть ли бы я увѣренъ былъ въ сумнѣніи своего дѣла, находящагося въ тамошней гражданской полатѣ, то признаюсь вамъ, что цѣною неправды выиграть его не желалъ бы; я однакожъ понимаю, съ чувствительнѣйшей благодарностію, дружеское ваше попеченіе къ пользѣ моей и предложеніе ходатайства вашего о немъ. Не говоря вамъ столько о дѣлахъ, кои можетъ быть и никогда получены не будутъ, нельзя не сказать чего нибудь о тѣхъ, кои насъ иногда забавляли. Игра, составлявшая часто наше пріятное времяпровожденіе, перервалась почти

совсѣмъ послѣ отъѣзда вашего, и артельщики наши, потерявши въ васъ главнаго приводцу, занимаются въ празности иными должностями: Обрѣзковъ и Ширай, подобно турецкимъ святошамъ, вертятся и при недостаткѣ бубенцовъ, играютъ одними палочками; Карлъ Ратъ, погребшій великія свои надежды на мавзолей цесарей, отчаевается навсегда видѣть ихъ возродиться могущими когда либо въ примѣрной бережливости Богемской и Венгерской; и дачи на щетъ императора, можетъ быть уже и останутся на щетъ только тѣхъ, у кого они написаны. Кукушкину одному только, какъ кажется, щастье присягнуло служить даже до тѣхъ поръ, пока свернетъ ему голову, великъ и въ великомъ свѣтѣ обыгриваетъ всѣхъ въ великія игры. Николай Петровичъ по прежнему вздыхаетъ, тлѣетъ, чернѣетъ и кажется ненаходитъ пріятнѣе смерти, какъ сгорѣть любовнымъ пламямъ. Иванъ Николаевичъ всіо по старому нахохливается и тонируетъ. Комаскино, не нашедши ни въ Италіи, ни во всякой другой благорастворенной землѣ, здоровѣйшаго для себя воздуху, пріѣхалъ назадъ, чтобы не умереть гдѣ нибудь съ голоду: визжитъ прескареднымъ сопрано: *o dio! benedetto dio, на все цвету не такъ земля какъ на Руссія.*—Я въ свободное время скучаю и воспоминая объ васъ, сожалѣю тѣмъ болѣ, что приближается время жить въ Царскомъ Селѣ или на дачѣ, гдѣ вы знаете, что для меня не очень весело. Я увеселяюсь однакожъ пріобрѣтеніемъ благорасположительнаго дружества вашего ко мнѣ, пребывая всегда съ петинымъ къ вамъ почтеніемъ и искреннѣйшею приверженностію, вамъ, м. г. мой, вѣрно покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 18-го, 1790 года.

P. S. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо отъ Виктора Павловича (Кочубея). Оно старо, понеже пущено еще до путешествія, которое любопытство побудило его предпріять во Францію и Нидерланды. Изъ обѣихъ сихъ мѣстъ получилъ я отъ него весьма примѣчательныя описанія; но что онъ возвратился уже въ Лондонъ, не имѣю еще извѣстія. Между тѣмъ, есть ли вы желаете переписываться съ нимъ, я удовольствомъ представляю себя на услуги вѣрнаго имъ доставленія. Вчера имѣлъ я честь получить послѣднее письмо ваше отъ 2-го сего мѣсяца. Мѣры, кои вы приняли для испытанія своихъ почтмейстеровъ, конечно, оправдаютъ всегдашнее мое заключеніе, что при вѣрномъ отправленіи должностей ихъ и при строгомъ затѣмъ наблюденіи почтамта, доходъ тамошнихъ почтовыхъ конторъ гораздо возвысится и по крайнѣй мѣрѣ будетъ достаточенъ на содержаніе ихъ съ выгоднѣйшими предъ нынѣшнимъ положеніями. Ежелибъ вы

удѣлили еще нѣсколько времени, чтобъ самолично освидѣтельствовать каждаго порядокъ управленія и способности ихъ, то сіе наипаче на пользу дѣлу послужило бы· Прощайте! извините, гдѣ чужою рукой пишу къ вамъ: собственная хотя не отсохла, но часто чувствуя усталь, отказывается отъ повиновенія. Ut in litteris Трощинскій.

15. М. Г. мой Григорій Петровичъ. (*Д. Трощинскаго*).

По причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, я принужденъ былъ прожить въ здѣшнихъ мѣстахъ, гораздо болѣе, нежели чаялъ, какъ получа малое облегченіе, спѣшу къ своему мѣсту, препоручая себя дружеской вашей памяти и прося продолжать ко мнѣ то благорасположеніе, которымъ я всегда имѣлъ удовольствіе отъ васъ пользоваться.—Ежели до васъ относится дѣло, по коему безпокоятся бѣдные сироты Левенцевы, не откажите отъ вашей руки помощи и покровителства по крайней мѣрѣ удержаніемъ разорительнаго для нихъ взысканія до того времени, покуда сіе дѣло, подъ монаршимъ теперъ разсмотрѣніемъ состоящее, получитъ высочайшее рѣшеніе, которое конечно незамедлится. Илья Иванотичъ не здѣлалъ мнѣ по сію пору обѣщаннаго чрезъ васъ отзыва, а я единственно изъ искренняго желанія ему добра намѣренъ былъ стараться объ увольненіи его съ выгодою. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что я часть имъ управляемую нашолъ не въ лучшемъ порядкѣ и что по правиламъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, непростительно бы было оставить ея на долго въ нынѣшнемъ состояніи: и честь мѣста, и польза службы требуетъ принять мѣры на приведеніе оной въ лучшее положеніе. Поговорите съ нимъ по сей матеріи еще разъ и не оставте меня безъ извѣщенія о его расположеніи, а мое состоитъ въ томъ, что я всегда былъ и непоколѣбимо пребуду съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего пр—ва покорный слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

16. М. г. мой Григорей Петровичъ (*Тутолминой, жены Тимофея Ивановича Тутолмина*).

Отъ всего серца поздравляю васъ съ новорожденнымъ; желаю, чтобъ вы дождали сыны сыновъ ево во всякомъ благополучіи. За присланные конфекты, водки—наипризнательнейше благодарю; все прекрасно зделано; такое множество, что я думала вамъ приплачивать, и вы мнѣ еще остатки присылаите. Посланной вамъ весма добрый человѣкъ, онъ очень піокса і берег[illegible] въ совершенной целост[illegible] покорно прошу сказать ему за то [illegible] я вамъ скажу нашихъ вестей несколко: что князь Н. В. (Репнинъ) живетъ

живетъ у насъ пятой месяцъ, кажетца я вамъ писала і теперъ въ здешней краю, grace à ne pouvoir, спокойно такъ, какъ подъ Москвой, Прагу взяли, Варшаву взяли, Костюшку взяли і все полскіе затеи кончились; літовской генералъ губернаторъ назначенъ к. Н. В., но еще указу нетъ, а приватные вести. Мы збираемся въ Петербургъ, но также еще не знаемъ, какъ скоро приказано будетъ Тимофею Ів., а я въ деревню поеду и пробуду все то время, покуда онъ будетъ въ Петербургѣ, а тамъ ужъ вместе въ Минскъ возвратимся. Прошу покорно обнять за меня Александру Павловну і поздравить съ новорожденнымъ, і верте, м. г-дрь мой, что я всегда буду съ совершенною преданностію і почтеніемъ ваша верная і покорная слуга С. Тутолмина.

Ілья Андреевичъ три дні уже какъ въ Несвиже і слава Богу здоровъ.

17). (*Тутолминой*) Отъ 16 сего месяца писмо ваше, м. г-дрь мой, Григорей Петровичъ, я сейчасъ получила. Благодарю васъ за оное і за все дружескіе пожеланіи наипризнательнейше; весма одолжила мене Александра Павловна, припомнивъ сваріть мою любимую ягоду, прошу покорно за сіе поблагодарить и увѣрить, что я сердечно желаю возобновить старое наше знакомство і удостоверить о искренней моей привязанности. Писмо мое, чрезъ васъ въ Москву посланное, дошло исправно і я уже ізвестіе імела; теперъ же позволте васъ еще поблагодаріть, что вы не забыли въ семъ удостоверітца Осталось мнѣ попросить васъ, мой любезной благодетель, о зделаніи несколкихъ штофовъ и не менѣе 12 мятной водки для моего Тімофея Івановича. Оставленною вамі мне при отезде вылечила ево отъ спазмовъ, то онъ и положилъ не піть другой, кроме мятной. Вы симъ крайне насъ одолжіте, а мне также прикажіте исполніть ваши комісии, кои со всею готовностію ісполнять буду. О здешнихъ новостяхъ скажу вамъ толко сіе, что князь Николай В. уже две недели, какъ суда пріехалъ і жіветъ въ нашемъ доме. Ахъ! когда бъ еще дожила я до сой радости, чтобъ увидеть благодетеля нашево почтеннаго Петра Александровича. Но я уверена, что Богъ меня симъ утешитъ и исполнитъ желаніе серца моего. Поляковъ везде поколачиваютъ. Кнорінгъ по своему обыкновенію воюетъ и еще болѣе, при васъ еще было начало, а теперъ пуще и надѣятца должно, что продолженіе будетъ и впредъ. Прастіте, благодетель мой, обоймите за меня сердечно любезную вашу Александру Павловну, такъже и дочку вашу, а мне верте оба, что я, покуда продлитца жизнь моя, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ і признательностію вашею покорнѣйшей слугой С. Тутолмина.

18). *(Тутолминой)*. Покорнѣйше благодарю васъ, м. г. мой, Григорей Петровичъ, какъ за дружеское писмо ваше, такъ и за присланную водку и варенье; все оное прекрасно зделано і я вамъ за оное весма обязана і желаю очень, чтобъ сама могла вамъ здѣлать что либо пріятное. О известномъ вамъ человеке буду просить Тимофея Івановича (Тутолмина) і естли сіе возможно, то онъ, конечно, любя васъ і уважая, не откажетъ здѣлать вамъ сію услугу, а я берусь ему напоминать. Мнѣ весма нужно переслать къ Алексею Филіоповичу Надаржинскому очень надобные для него бумаги, и опасаясь, чтобъ на почте какъ нібудь оные неутратились, то и прошу васъ, любезной другъ, отпісать мнѣ, могу ли я оные доставить къ вамъ и возмете ль вы на себя, чтобъ по полученіи доставить оные къ нему верно, чемъ вы много меня обяжите. Покорнѣйше прошу засвидетельствовать іскреннее усердіе мое Александре Павловнѣ і изъявить признательность мою за попеченіе ея въ исполненіи комисіи моей. Впротчемъ пребуду на всегда съ нелесным почтеніемъ и преданностію, м. г. мой, вашей покорнѣйшей слугою С. Тутолмина.

19 іюля 1794 году. Несвижъ.

При извиненіи себя хлопотами, по случаю пребыванія здесь князя Николая Васильевича паче еще увеличившимися, я ежели не писмомъ, то темъ не менѣе признательнымъ сердцемъ, благодарю васъ, мил—го г—дря моего, за последнее ваше ко мнѣ толико дружеское отношеніе. Верте, что чувствія приверженности моей къ вамъ есть непреложны и что я самъ и всегда пребуду съ душевною приверженностію вашимъ вернымъ и покорнѣйшимъ слугою. Т. Тутолминъ.

P. S. Андрей Степановичъ, которому приношу мое почтеніе, погрешилъ противъ меня, усумняся въ моей къ себе древней и непременнейшей привязанности и усердіи.

19). *(П. В. Завадовскаго)*. М. г. мой Григорій Петровичъ

Вскоре придетъ дѣло въ генеральный судъ по жалобѣ козаковъ Смялицкихъ. Пребывая удостовѣреннымъ о вашей ко мнѣ благосклонности, ищу преклонить ваше вниманіе къ объясненію слѣдующего: покойный мой братъ пріобрѣлъ куплею отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свое владѣніе въ Смялчи земли съ крестьянами, а проданная козаками есть толко часть. —Прошу, м. г., при разборѣ дѣла уважить обстоятельство сіе и не разрушить, а подкрепить вашимъ правосудіемъ законное стяженіе. Въ каковой надеждѣ, какъ и съ почтеніемъ искреннимъ пребываю вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Г. Петръ Завадовскій С. Ляличи. 11 іюня, 1800 г.

IV. ЛЮБЕЦКІЕ АКТЫ.

1. Купчая Лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., іюня 9.

Я, Семенъ Дупло, войтъ лоевъский, на тотчас намесником бывшимъ от пана Яна Тишевъского, подстаростего лоевъского, сознаваю тым моим листомъ, ижем продал сяножать пану Григореви Слободецъкому за шестъ золотыхъ, абы ему не былъ въ прешкодахъ нихто вичными часы, волно мнѣ продать и где мі колвек подеть и на пожиток свой обернуть у Вориховицы сеножать тая границею от цемляковъ (ажъ до) Непра ажъ до дуба хорошаго, там же далей до кривого дуба, отъ кривого ажъ до великого дуба, от великого дуба просто до лозы, там же долиною жывцомъ от оцъка знову зас через греду пришла тая сяножать до мое власное, так же уз дубняк пришло до высокого дуба, от Богойка граница ажъ до поповы. Року 1637-го мца липца дня 9. Jako ja nieumiejątny pisma prosiłem dobrego człowieka na imie Bykocza, generała Rzeczyckiego. Boykocz, general rzeczycky ręką swą.

2. Купчій листъ Любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержоновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ.

Року 1656, месеца септеврия 7 дня.

Передо мною Климомъ Шестаченкомъ, наместник от его милости пана Пол на тот час будучим любецким, и передо мною Омеляномъ Татарином, и передо мною Левонтием Бобруеницою, пред мещанами и обывателми любецкими и пред иншими людми на тот час будучих немало, ставши очевисто на йимя Демид Брагиниц, также мещанин и обывател любецкий сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня толко з доброи воли своей, иж будучи потребный пинязей продалем и пустилем, зрекся на вечност, то ест комору ис пляцом свою власну, никому ни вчим не заведеную ани пенную пану Борису Бержновичу и пану Гришку Кужелевичу мещаном и обывателем любецким посполу, ув одной стени зрублено с Кисниченою коморою, а меновите, за суму куп десят личбы и монѣты литовъской; котороем то вышномененым мищаном волност даю на той коморе вшелякие товари держат и волно им будет также продат и дат, албо и дароват и ку якому хотячи пожиткови своему лѣпшому обернут; а по заплате право скасовано быти не мает, так и сеі лист мает въ собѣ моц зуполную и под закладом таковой же

сумы; нащо для лишшое вири и твердости даю им сес мой купчий лист, то ест доброволный запис с притисненем печати и с подписом руки. Диялося у Любечу року, месеца и дня выш описаного. Климъ Шестаченко н(аместникъ) Л(юбецкий) от его милости пана П(олковника) Чер(ниговскаго) рукою. За устною и очевистою прозбою от особъ вышменованых до (се)го их листу подписуюся на прозбу Іван Попович рукою.

3. Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданные п. Калинику Манку грунта.

Року 1658, месеца июля 18.

Я Иван Стецкий, обевател и земянин любецкий, чыню вѣдомо и зознаваю сим моим продажным и доброволным записом моим кождому кому едно колвек вѣдати того будет потреба, ижем я, яко ведлуг продажы небожчыка славной памяти отца моего пана Стецкого, которой продажи и купли естем во всем досконале и добре свѣдом, яко з воли доброй, пан отец мой, мѣючы кгрунта свои власныи и добра нам належачыи; аже за уподобанемъ и за слушным торгом пана Калиника Манка, который, уподобавши собѣ так поле по межах звычайныхъ, якотеж и иншие добра до того належачыи, взядши границею од Решина идучи шляхом по Кирѣенкову границу и од Кирѣенковы границы взядши идучы у Гриневу дорогу, и з Гриневы узядшы притягла концем знову у Манкову; который то помененый кгрунтъ мый, Стецкий, доброволне продалисмо и уступили зрекшис на вѣчност ему самому, помененому пану Каленику Манку, жоне и потомком его вѣчными часы, который волен будет тот помененый кгрунтъ од нас купленый пан Каленик продат, дат, дароват и пожитки размножат, ведлуг воли и уподобаня своего; а жаден ему в той его купли прешкодою быти не мае, так я сам, жона и потомкови мои, и жаден з покривных, близких и далеких, албо и з людей общих, яко никому пенно, ани заведено, под зарукою вины на уряд любецкий золотых сто, а по заплате тот его купленый од нас кгрунтъ звышпомененый пан Каленик оддаленый бути не мае, так теж и сес лист мает моц зуполную. И на том далисмо сес наш купчий лист с притисненем печати и с подписом руки моей власной. Дѣялос у Любечу, руку, месеця и дня звышписаного.

4. Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку кгрунты. 1658 г., 27 іюля.

Я, Ян Стецкий, чиню видомо тым листом моимъ и зезнаваю' иж по зейстю (з) свѣта сего, славное памети отца моего, будучи я

видомъ, иж продалъ отецъ мой поле зъ лисомъ из дубровами и зо всимя пожитками, того кгрунту належачыми, за копъ двадцать и за чотыри личбы литовское на йме Калениковн Манкови, мещанинови любецкому, в старостве любецкомъ лежачым, то ест почавши граничит и описава и значит з Манковой границы шляхомъ черниговским, не займуючи поля пана Стецкого, уз лис решинский и з лису решинского у студенец Горасков, (з) студенца узявши до Гриневы дороги из законам граничит, и оттуля у Манкову межу, знову в тотже шлях черниговский, тогды той кгрунтъ належачий служачий до зажываня ест поданый и потвержоный вичными часы, и потомству его нуки стане домоства его, и жаден над той мой лист прешкоды не повинен чинит. Тогды я будучи яко дедич тоей продажи вядомо чиню, з раменя моего даю той лист под вшелякими варунками и с подписом руки моее, и зезнаваю вичными часы и зрекаюсе, же не остем належачий до того поля. Писан у Любечу месеца июля двадцат семого року тисеча шест сот нетдесятъ осмого. Jan Stecky ręką swą (Мѣсто 3-хъ печатей). Лукян Амелянович, войтъ любецкий на тот час будучый подписуюсе рукою власною. Хилко Кгрыщенко, сотник любецкий наказный, рукою. Демидъ Брегиченко, мещанинъ любецкий подписуюсе на тот час будучи рукою власною.

5. Росписка любецкаго земянина Опанаса Евсеевича Щуковскаго на долгъ священнику Пятницкому за пчелъ и жито. 1659 г., 28 декабря.

Я, Опанас Евсеевич Щуковский, земенин любецкий, вызнаваю сим моим писанем, иж зостанем винен господину отцу Пятницкому любецкому за слушно пришлую причину, то ест трое бчол и еще бчолы трое, и соснами, которые духовни лицы наименовали, а четверътыи тылко пчолы и мѣрьку жита, жебы мело быт то без жадное завады, що се дияло при людех зацных и вѣры годных, при пану Мелхру Щуковским, при пану Гаврилу Щуковским, при пану Отроху Игнатовичу и при них зацъных людей немало. Що се дияло въ року 1659, месеця декаврия 28 дня. Феодор Попович рукою власною.

(М. П.)

6. Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику Пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ.

Я, Яким Пресмыченко, посполе з жоною своею, обыватоль и мещанин любецкий, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим

доброволным продажным вечистым листом, иж мѣючи мы двор и сад з огородом свой власный, никому ни в чем не заведенный, ани пенный и нияким правом, ни долгом не прекованый, лежачий в мѣсте Любечу, з одное стороны межою од Яска Белоуска, а з другой от Семена Белоуска, прето будучи мы потребны пѣнязей пустилисмо и на вечност зреклися и продали чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику Пятницкому любецкому, на вѣчные часы, ему самому жонѣ и потомкам его за готовую суму пѣнезей, то ест за копъ пятнадцат грошей личбы литовской; которому волно тот двор з садом и з огородом спокойне уживат и з него вшелякие пожитки мѣть, албо ли кому продат, дат, дароват, иле ку своему болшему пожитку оборотит, яко свое власное, до которого не тылко я, вышъменованый Еким, але и жона, и потомкове мои и жаден с покревных моих, яко близких, такъ тежъ и далеких, не мают мѣт до оного двора и огорода з садом жадной потребы и вышъменованого чест(ного) г(оспо)дина отца Григория, так теж жону и потомковъ его в том спокойном уживаню турбоват не повинны. А еслибы хто иве колвекъ смѣлбы и важился оному вышъменованому чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию в том якую колвекъ кривду и перешкоду чинит, любъ теж якъ неслушъне за то на право позыват, таковый кождый заплатит вины на близко приналежачий урядъ нашъ любецкий копъ двадцат, а по заплаченю усих шкод и накладов и тоей помененой вины мает також зостават тот двор и огород з садом при честном господину отцу Григорию. И на том я, вышъменованый Еким, даю оному тот мой продажный вечистый лист, с подписом рукъ и с притисненем печати людей вери годных, на том моем листе нижей подписаныхъ. Писан в Любечу, року 1660. Яко писма неумѣетный до того листу казал руку свою подписат. Яско Стефанович рукою (М. П.) Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wyszmianowanego Iakima Prosmyczenka, iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu ręką swą podpisał. Gabriel Duryna ręką swą. Ісай Мартинович Ланка рукою. ЕвсейВаркович рукою. Микита Кузмович рукою.

7. Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ.

Року 1660 мѣсеца априля 5 дня.

Передо мною Лукяном Омеляновичом, войтом любецъким, ставши очивисто Терех Хоменко, козак любецкий, мишкаючий в маетнощѣ любецкой сила, прозываемого Озмикови, зознал явне и доброволне, ани з жадного примусу, тылко з доброй воли моей, ижем я про-

дал огород свой властный, лежачий за брамою нагорнею любецкою берег огорода Скугаревского и берег Злобего огорода, то ест, продаю Якову Матюшенку, обивателю и мещанину любецкому, а меновите: за повчварта золотога, до котораго того пляцю огорода неповинен жадный, ани я сам, ани отец мой, ани с кревных моих, так и общих людей ниякои перешкоды чинити не мают, под зарукою вини на его милости пана полковника коп десят, а на уряд любецкий золотых двадцат. На що я оному задле лѣпшой вѣри и твердости даю сей мой лист купчий, с печатю и с подписом руки урядовой. Писан в Любечу, року и дня вышшей описанного. Лукян Омелянович, войтъ любецкий. Яско Билоуска при том часу был и на то руку подписал. (М. П.)

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святую живоначалную и нераздѣлимую Троицу, станьсе тая речъ ку хвале Божой и ку вѣчной памети Аминь. Я раба Божия Оксиня Корнѣевна Потапиха Кезиха, обевателка тракту любецкого, чыню явно и зознаваю сим тестаментомъ остатнею волею моею кождому кому будет того вѣдати потреба тепер и на потомные часы, иж будучи я навежона от Господа Бога обложенною хоробою и на смертелной постеле лежачы и видечы себе быти близкое ку смерти, нижли ко животу, напервей полѣцаю душу мою в руцѣ Створителю, а тѣло мое грѣшное зят мой, на йме Сила Брехун, мает поховат погребом хрестиянским и вшеляких памети дорочных одправит, як на то ест звычай хрестиянский, которому то звышъреченому зятю моему одказую кгрунтъ свой отчызный добра лежачии у мысох, который небожчик отец мой купил за гроши свои власныи у Мехода Илича Терешецкого, на що и лист купчий на тот кгрунтъ оному помененому зятю моему до рукъ давны вѣчными часы варуючы, иж бы оному в тых добрах и во вшеляких пожитках кгрунту онаго од сынов моих Тишка и Кондрата, и Тимоха, и Исака жадной перешкоды и ущербку чынит не важилис, але жебы спокойны он то уживал, и волен будет и продат, дат комү, и дароват и иле якъ хотечи ку лѣпшому пожиткови своему оборочат водлуг и с уподобаня своего. При котором то тестаментѣ були люде добрыи и вѣры годныи мещане любецкии, на йме Миско Чучанъ, Ничипор Щочал и Дмитр Козаченко, Кандрат Кезечко и иншых будучих не мало при писаню сего тестаменту. А хтобы мѣлъ и важилея сес мой тестаментъ остатнюю волю мою нарушит, тоды ис таковым суд буду мѣти на

оном страшном судѣ Христовѣ предъ судиею нелицемѣрнымъ. Писан року 1660, мѣсяца апрѣля 12 дня. За устною и очевистою прозбою пана Тимоха Кезенка, яко сам писат неумиетный до того тестаменту подписал руку. Григорей Демидовичъ рукою. (М. П). За устною и очевистою прозбою звышпомененых особъ до того тестаменту подписался. Богдан Корнѣевич рукою.

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г., 1 мая.

Я Омелян Тарасович, посполе з женою своею Федосею, обывателе любецкие, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим продажным вечистым листом, ижесмо продали и в моц пустили огород свой власный, бывший Стосаковский, никому ни в чимъ незаведеный и неподлеглый, лежачий з одного боку межою от Богдана Петровича, мещанина любецкого, а з другой стороны от Миска Чучана, то ест чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику любецкому, ему самому, жонѣ и потомком его на вѣчные часы за копъ десет грошей личбы литовъской, волно оному честному господину отцу Григорию тот пляц спокойне уживат, дат, дароват, алболи ку своему доброму пожитку обернуть, яко свое власное; до котораго то вышъменованого огороду, не тылко я сам, Омелян, але и жона моя, и потомкове мои, и жаден с приятелей моих, яко близких, так теж и далних не мае мѣт потребы и ему вышъменованому честному господину отцу Григорию в том жадное турбацыи чинит не важилис. А еслибы, который колвекъ з тых менованых людий смѣлъбы и важился честному господину отцу Григорию в том перешъкодою быт и его в спокойном уживаню турбоват, таквый кождый заплатит вины на уряд любецъкий копъ двадцат, а по заплаченю тоей вины и всих накладовъ и шкод, мает таковым же способом зостават тот огород при честному господину отцу Григорию, и тот лист мой в каждого права и суду цале а ненарушоне хован быти мает. При которой то продажи были люде зацные и вѣры годные мещане любецкие, меновите: панъ Богданъ Петровичъ и Михал Масленко и Тит Жупиченко. Дѣялося в Любечу; року 1660, мѣсеца мая 1 дня (М. П). Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wysz mianowanego Omeliana Tarosowicza iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu rękę swą podpisał. Gabryel Duryna ręką swą.—Устне прошоный до того купъчого листу от вышъ менованого Омеляна Тарасовича, яко неумѣтного писати, при печати руку подъписалъ. Богдан Петрович рукою.—До того листу

купчого устне и очевисто упрошонный о подпис руки, я Лукянъ Омеляновичъ руку свою подписалъ.

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный Пятницкому священнику Григорію огородъ съ садовиною. Року тепер идучом 1661, мѣсяца априля 24 дня.

Перед нами Гаврилом Василевичом, сотником его царского величества войска Запорожского любецким, и при вел[illegible] людех зацных и вѣри годных, при том часе будучих, постановив имсе очевисто Просмыковы дочки, меновито меньшая, которая явне очевисто сознала и на вѣчност зреклася пляцу своего то ест з огородомъ и що колвекъ до него належит з садовиною, а будучи потребная пѣнязей продала и на вѣчност пустила и подала чест(ному) господину отцу Григорию свещенику Пятницкому любецкому, за готовую суму пѣнязей, то ест за коп десет грошей личбы литовъской; которому вышъменованому честному господину отцу Григорию, жонѣ и потомкомъ его волно тот садъ ис пляцомъ спокойно уживат, любо продат, дат, даровать, иле ку своему болшому пожитку оборотит, яко свое власност до которого то саду не тылко мы, помененые Просмыковые дочки, але жаденъ с покревныхъ наших, яко близких, такъ тежъ и далнихъ не маютъ мѣть жадной и оного вышейменованого честного господина отца Григория в том его спокойномъ уживаню турбоват не повинны. При которой той купли были люде зацные и вѣры годные, меновите: Тимох Хилченко и Ерошъ Стасенко и Иван Помаз, мещане любецкие. Писан в Любечу, руку, мѣсеца и дня вышей описанного. (М. П). Гавриил Василевич, сотник его царскаго величества войска запорожского любецкий рукою.

11. Тестаментъ лоевскаго мѣщанина Семена Василевича 1667 г., 26 января.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святей живоначалной Троицы станся тая рѣчъ ку вѣчъной памети. Аминь. Я рабъ Божий Семион Василевич, прозываемый Плющъ, мещанинъ стародавъный и обиватель лоевъский а на сес час, през сию войну мешкаючый в мѣсте его царского пресвѣтлого величеста Чернигове, будучы мнѣ от Господа Бога навежоному хоробою обложъною, а видечи себе юже ближъшаго ку смерти нижъле ку жывоту, зачимъ сес мой тесътаментъ за цѣлого розуму своего и доброе памети, распоряжучы такъ убогое убозство свое, яко и кгрунъты свои отцовскии в кгрунъте лоевъскомъ лежачый, кому што будет; на первей жонѣ моей Аннѣ

Стасовнѣ отказую и отписую и з дочкою моею, з неюжъ спложеною, вес кгрунтъ мой отцевъский у Лоевщинѣ, што сам ходилом, знову зас у (?) атѣевъщине который маю кгрунтъ из Зѣнъковъцами, тамъ мнѣ належит половина того кгрунъту у........ве, то все отписую вышъмененои жоне своей, которая мает из дочъкою моею посполом спокойне вживати, а если доросте лѣтъ своих и пойде в станъ свотий малженский, то ей половина во всем том кгрунъте, а жоне моей половина; а если смеръть Богъ пошлет на дочъку мою, то ввесъ жонѣ моей, которая мает тѣло мое грѣшъное хрестиянскимъ погребомъ поховати и отпоминати. Духовному зас моему отцу Филипу Ивановичу свещенику николскому лоевъскому за все провъсе пуд меду повинна ув осен дати. А што ткнется о долъги, такъ я людем ничого, никому невиненъ, якож и мнѣ не винни. Притом заверяю моим тестаментомъ остатънее воли моея, абы нихто не нарушал под клятвою святых отец и позываю его на декрет пред маестат Божий. При которомъ том спораженю тестаменту моего были люде добрыи и вѣры годныи: напервей Лукъянъ Микитенко мещанин лоевъский. Мартинъ Коновович Бобровник мещанин лоевъский. Апанас Мишкович Лапатневецъ. Пархомъ Гаплыкъ. Сава Семенович Ковал, Иля Микитенко и иниих немало людей добрых и вѣры годных. Писан у Чернигове, року 1667, месеца иануария 26 дня.

12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ 1669 г., 19 апрѣля.

. . . .

. . . . сотником, асаулом и всего рицерства войска его царского пресвѣтълого величества запорожского, и от них будучим на уряде, иж я маючи пляц з (о)городомъ в Любечу за брамою киевъскою стоячий, по небожъчику Яцевичу мнѣ служачый за одправу духовную сорокоуста; котории то пляцъ и огород не ест никому пенный, ани в сумѣ ни от кого незаведенный, тилко я з доброи воли своей даю въмоц пану Богдану Шпаку, обывателю и мещанину любецкому, приятелеви своему, волно ему на пляцу томъ будоватися и пожитку заживат с того (о)города без нарушеня писаня моего и под срокгим караием и виною войсковою. Што для лѣпшой вѣри при печати моей руку свою подписую. Дѣялося въ Стародубѣ, року 1669, мѣсеца апрѣля дня 19. Аньдрей Грушевъский протопопа стародубовский.

(М. П).

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоревичемъ Дейковичемъ о кгрунтѣ, 1671 г., 28 іюля

Перед нами, Стефаном Войцеховичем, сотником любецким, Петромъ Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецким, и перед велю людей на тот час будучих, справы добрѣ вѣдомых, приточилас справа межи Михайлом Тимоховичом, прозываемым Белдюжкою, а Процком Григоревичем Дейковичем о кгрунтѣ Белдюжковѣщизну, которыи през сес час военный в розных завирухах вакуючи в зобополном держаню а не роздѣлно покревные, так отец помененого Михайлы з родною братею маючи, так теж и по них потомству ув оных часах спал, аже поневаж до того часу частка, которая Михайлови по отцы спадат мѣла, которая волна аникому отцем а ни теж им жадным долгом и записом не заведена допоминался у суду нашего, которому помененый Процко збороняет и уживат недопускает и не хочет допустити, менуючи варунок и моц права описаного купчею, который повѣдаючи продали и завили и в моц вечистое поссесыи подали и уживат позволили Пархомъ и Семен Ивановичи Белдюжки, которые якобы ему промежку своими и Михайлову частку завели. Мы теды чуючи контроверсию стороны поводовой и отпорной пыталисмо, еслибы хто живый человѣкъ и старожитный о тых кгрунтах небыл свѣдомый? На що звышъпомененый Михайло становилъ двох особъ, мещан зацных и вѣры годных, а тоеи справы добре свѣдомых, пана Максима Костамаху и Феодора Бурдука, которые ставши своими особами устне и очевисто перед нами признавали, иж от килкадесят лѣт тот кгрунтъ Белдюжковщизна в зобополном державъю зоставал и никому ни вчом небыл заведеный, ани описаный, такъ за живота дедичов, яко и по смерти волно зостаючи и до того часу, що теды мы чуючы сознане устное для далшое и лѣпшое вѣдомости и потвержения оную справу и записат казали. Писан у Любечу року 1671, месеца іюля 28 дня.

14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о кгрунтѣ Року тепер идучого 1671, месеца августа 7 дня.

Перед нами Петром Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и при нас будучих иншых особъ людей вѣры годныхъ Мартина Евтушенка и Кирила Манка и инных немало будучих, справы добре свѣдомых, приточилас справа

межи Михайлы Тимоховича Белдюги Мушенка обевателя убѣжицкого в трактѣ любецкомъ, а Процка Дейковича мещанина любецкого о кгрунт дедичный, названый Белдюжковщизну, лежачий под Любечом, о част, которую небожчикъ Тимох отецъ помененого Михаля уживал, который мѣючи в зобополном держаню из небожчиком Иваном братом рожоным, так и по смерти не подѣлный Михайлови из братиею Ивановичами Белдюгами по родичах своих спадаючий в поссессыю спал; а же поневаж братя Тимохова Пархом и Семен Ивановичы, будучы потребны пѣнязей, част свою належачую помененого кгрунту, который им по отцы спал, продали, завели и купчею звышменованому пану Процкови Дейковичу завили и в моц вечистое поссесыи подали, уволнившы кроме части Михайловы зоставляючи волно, которая нивчим, никому не пенная, ани заведеная; которую то част звышменованый Процко, при той своей купленой части, и тую Михайлову зайшол был, хотечи его отдалити и дармо отторти з его вечистои отчизны, и през лѣтъ килка пашучи уживал и его недопускал и допустити не хотѣл; за що запозвавшые перед суд нашъ о скуток справы укривжоный просил насъ; мы тоды выслухавшы контраверсий стороны поводовой и отпорной, поневаж Михайло становил на тое сторону людей зацных и вѣры годныхъ, пана Максима Костомаху и Феодора Бурдука мещан. . . которые ставши своима особами сознавали, иж. . . . и в вечистой поссесыи Тимоха и Ивана небожков. . . . зостаючий потомком по них, никому ни в чом незаведеный сп. . . те в тыеж слова потвержаючи Кирила Манко сознал перед судом нашим, иж жадной продажи и заводу так за живота, якотеж и по смерти о части Михайлови належачую и до того часу не было чого о том добре будучи свѣдом о том у суду нашого и сознал. Мы тоды, чуючы сознане устное, наказалиемо моцю того декрету, абы помененый Процко от сего часу далей помененому Михайлови Тимоховичу Мушенкови у его отчизный кгрунтъ, то ест, у половицу Белдюжковщизны, которую и небожчикъ отец его Тимох Муха уживал, жадного уходу и потребы немел вѣчными часы; поневаж до того часу в зобополном держаню а нераздѣлъный зостает, розделит и розѣхат наказалисмо, абы жаден свого певен был. А еслибы теж далѣй, после того часу звыш менованый Процко Михайлови Тимоховичу Мушенкови якую колвек кривду и до его части уход який мѣти мал, теди за донесенем скарги укривжоного повинен будет вины заплатит на уряд близко належачий золотых сто. И на том для лѣпшой вѣры и ствержения далисмо пререченому Михайлови сес наш декрет при печати и с подписом руки при печати менованых. Писан в Лю-

бечу, року, месеця и дня звышписаного. Петро, Елоцкий, атаман городовый любецкий (М. П). Миронъ Демиденко, войтъ любецкий.

15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1674 г., 15 января.

Ja, Paweł Bakurzynky, i ja, Anna Pierocka Bakurzynska, czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż my będąc potrzebnemi pieniędzy przedalysmy plac goły z ogrodem w Lubeczu z iedney strony od wału mieyskiego od szewca Semena Białonska, wielebnemu jego mosci oycu Hrehoremu Prokopowiczowi swieszczenikowi Piatnickiemu Lubéckiemu w wieczną possesyią za gotową summę pieniędzy, to iest złotych dwadziescia; na coś my dali dla łepszey wiary tę naszę pismo s podpisem rąk naszych i s podpisem rąk przyiacielskich, od nas uproszonych. Data w Lubeczu, 15 january 1674. Paweł Bakurzynsky ręko swo własną. Na miescie małżonky moiey, jako pisma nieumiejętney podpisuię się Paweł Bakurzynsky. Proszony pieczętarz do tego pisma podpisuię się Lukasz Babski. (M. П). Устне прошоный от особы выш менованых подписую се Григорей Марътиновичъ.

16. Запись Кротинской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угодьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., мѣсяца марта 15 дня.

Мы Кротинци, Кузма Антонов и Сидор Яцкович со всѣми громадою своими мужами, Хомя и Отрох и вся людо, при бытности нашего священника отца Феодора Даниловича, при пану Феодосию Михайловичу и при пану Роману Останъце, райци и мещанину черъниговском, при пану Дмитру Трохимовичу, мещанину чернѣговском, при пану Никифору Орловском, при пану Феодору Рубану, мещанину острицком, Василею Ивановичу, мещанину острицком, приняли згоду з отцем Григорием Прунковичом, священником Пятницким любецким, со всюми завсѣ заводы правнии, которісмо мѣли межи собою през тіе часы и подунценіем и побудки отца Ярофѣя Котовича Пречистского любецкого, на том, ижем ведлугъ подания от отца Якова Григорьевича, старого бывшого священика любецкого и ведлугъ подания правъ давных отцу Григорію Прунковичу, священику Пятницкому, от рожных державцов любецких и ведлугъ постановіеня и свѣдоцтва мѣста Любеча всеи

громады що колвек належито до церкви Св. вел. муч. Параскевой и до предѣла св. муч. Евстафія, якъ остров Змийский з озерцом и зо всѣми пожитками належитыми, в тим всѣм не перечачи повиннисмо отдават все тое належитое водлуг продков наших отцу Григорию Пятницкому любецкому; а ежелибысмо не мѣли отдати, подпадаем под вину, положонную правъ давних и отцов наших. А таеолибы моглъ хто зновляти и турбацию якую правную зновляти, таковый заплатит вину, якъ з духовного стану, на его милость пана и пастира коп сто ку отданю неотложне, а если з мирских, то на его милост пана гетмана и пана полковника, туюж суму и на близконалежачий уряд коп 17. На що сіе наше писане даемо при людех вишменованих. Року 1675, месеца марта 15 дня. Дмитерь Отрохович бурмистрович черниговский рукою, Семен Григоревич н(аместник) любецкий. Феодор Михайлович, рукою. Раман Астапович мещанин и райца черниговский. Писар того писма священник Кротичанский Феодор Данилович рукою власною. (М. П). Панъ Никифоръ Орловъский рукою.

17 Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковоичу. 1675 г., 7 іюля.

Я Алексѣй Юркович, бывъшый месчанин брегинскій, а тепер мешкаючый в Чернигове, чыню вѣдомо сим моим писмом, яж я, маючы кгрунъты отцовъские в мѣсте Брягиню, здавъ на наданые от Александра Батьковского, старосты Брягинского, од ксенженъци пана нашего милостивого, напто и право маю; што тоды углядѣвъши я в том, же тот кгрунътъ, огороды, сеножати и што при нем належно, упрошаю вирод пана а пана старосты теперешнего, пана моего милостивого, жебы тая моя отчизна никому не была заведена зачым нас Господь принесе; толко тое все в моц и владзу подаю, Степану Маковоичу, месчанину брегинскому, и право тое подаю, который повинен моею отчизною, нихто иншый до моего приходу, толко яко я сам обладат и пожытковатъ, в чом я моего моцивого пана упрашаю, а вашей милости во въсем поволный услугай. С Чернигова, року 1675, месеца июля дня 7.

Вашея милости моему моцивому пану во въсем поволный услугай Алексѣй Юрковичъ низко кланяюся.

18. Купчій листъ Ланка Мартиновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечъ. Року тепер идучем 1676, месеца мая 28 дня.

Я, Ланко Мартинович, бывший обеватель з мѣста Черей, а тепер обеватель Вербицкий тракту Черниговъского, чыню вѣдомо и зезнавую сим моим продажным и вечистым записом и листом кождому, кому будет того вѣдати потреба, у каждого права и суду и на каждом мѣсцу, иж я, мѣючы пляц селитбу из огородом, частку куплену от Якима Просмыка у Любечу на предмѣсти Кгончарыщу идучы от межы пляцу бояр Антоновских и помеж пляц сполне отца Григория Пронковича, священника Пятницкаго любецкаго, котору завѣвъ и продал тойже небожчикъ Якимъ Просмык, аже будучи я потребный пѣнязей и иншому никому не ухиляючи на сторону яко близшей и сполна належит ку пляцу помененаго отца Григория, с которым я заведшы торгъ продал есми и уступил зрекся на вѣчност, то ест, отцу Григорию ему самому, малжонцѣ и потомком его на вѣчные часы за готовую суму пѣнязей, а меновѣте: за кои шѣст грошей личбы и монеты литовъской, на котором пляцу волно будет отцу Григорию селитис, будоватис и огород пахати и вшелякий з него пожитокъ мѣти, албо и кому продати, дати, даровати и замѣняти и кому хотячи от себе яким правом пустити ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден ему в той купли перешкодою быти не мает, так я сам, малжонка и потомкове мои и жаден з близких кревных и повинных моих, албо и з людей общых, яко никому ни в чим пенный, ани заведеный, под зарукою вины на близко належачый уряд кои десет; а заплативши предся оная купля при отцу Григорию вѣчне зоставатимет; так теж и сес мой купчий лист вечистой продажи мает мати моц зуполную. При котором справованю торгу и купли были люде добрыи и вѣры годные и того добре свѣдомыи, меновите быт рачил: пан Нецко Орловъский, мещанин любецкий, пан Кондрат Семак, Кондрат Ерченко Семак, Алексей Дроздовъский, земяне тракту любецкого и иншых на тот час будучихъ немало людей вѣры годных, добре справы свѣдомых. И на том дал есми пререченому отцу Григорию Пронковичу сей мой купчий лист вечистой продажи, с подписом руки и с притисненем печати. Писан у Любечу, року месеца и дня звышписаного. Богдан Корнѣевич Дробний, писар сего листу рукою власною. Ланко Мартинович, сам писма неумѣетный, упросилем того же писара, абы он руку мою подписал.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка съ женою на грунты, проданные Кирилу Чобутченку, съ условіемъ на случай возвращенія изъ татарскаго плѣна наслѣдниковъ этихъ грунтовъ. 1677 року, месеца апрѣля 25 дня.

На вряде Любецком перед нами Миною Михайловичом, атаманом городовым любецкимъ, и Мартином Евтушенком, вуйтом на тот час зостаючым Любецким, ставшы очевисто пред нами Евтух Козел Гордѣенко, обевател тракту любецкого, сознал из женою своею Овдотею Яцковною, иж оны продали кгрунтъ небозчика родича своего Яцка Рыбалченка, лежачый в Салкове обмежу П. , . . Жыленицы кгрунта, а другим боком межою Курила Чобутченкова кгрунту, которому и сей помененый грунтъ Яцковицыну продали за готовую суму пѣнезой коп шѣст личбы и монеты литовское, так с полями розробленными и не розробленными, сѣножатями при томже грунти зостаючыми, яко (ужи)вал небожчык Яцко, а по нем зостаючым потомки его Ермола, которого татаре взяли из маткою, теды так и мы вручаем пану Курѣле, ему самому и жонѣ его, волне будет яко своим властным пожытковат, албо по смерти своей кому схотячы вручыт, до вызволеня з неволи целых господарей помененного Ермолы, албо матери его, албо сестры, которую посполо взято, того грунта, а ежелибы Богъ Всемоцный с тых трех особъ которое вызволил з неволи, теды отложившы суму помененному Куриле, албо в кого в поссесыи бы зоставал по нем тот грунт при собѣ одержати мѣе, яко свое непѣнное; що мы вышо помененный вряд, принявшы до собе тую справу, ствержаем сим нашим писанем, и даем потребуючой сторонѣ для лѣпшей твердости при печати нашой врядовой и с подписом рук под печатю нижей именованных и под закладом вины золотых ста на вряд близко наложачый за всчынаня турбацый през сей лист описанный. Дѣелося в Любечу 1677 року, месеца апрѣля 25 дня. Устне и очевисто прошоный о поднис рук до того листа от Курила Чоботченка през тогож писаря подписалися Емелян . . . менко прѣ тои справе будучим и того добре свидом Кирил Худолѣенко печатам того листа рукою.

А особливе доходячы сего декрету и права достоеваючы помененный Курила тратил посполе из жоною своею, а меновите выкладу правного талеровъ два, которое все сполне при тойже суме копъ шести, и сие зостават мае цѣло вѣчными часы не нарушаючы права сего. А хтобы мой сей кгрунт от Курила отобрати (мел) ведлуг сего декрету теды при тых шести копах и сии два талеры повинны будутъ отдати.

26. Домовая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину 1678 г.

Я Крыштопъ Юшъкович, мещанин лоевъский, вѣдомо чыню симъ моим писаном, ижем зостал винен длугу певънаго, то ест копъ шестъ грошей доброе монеты сребръное пану Мишъку Игнатовичу волошанинови тракту Любецъкого Лопатъневъскому, которую копѣ шестъ звышъпомененую маю отдатъ на ден и рок от мене заложеный на ден Сошествия Святаго и Жывотворящего Духа водлуг старого календару в року 1670 осмыиъ, не похибляючы року и дня, под закладем такиежъ сумы под виолякими варунками, кондыцыами, обвязками правными, на що для лѣпшое твердости даю сее мое писане с подписом руки от мене упрошоного. Писан в Лоевѣ року 1670 осмого (М. П.). Очевисто упрошоный печатор од Крыштопа Юшъковича до того цорогграфу подписуюся Ісидоръ Охрѣмович, мещанин лоевъский рукою власною.

27. Росписка Рѣпицкаго священника Θеодора Симеоновича Михалю Тимоθеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. Року 1678, месеця іюня дня 9-го.

Я Θеодор, священнык Рѣпицкий, даю писмо свое пану Михалю Тимофѣевичу прозвищом Мусѣ, которое писмо уволняет его от мене, стороны грунту Убѣжицкого, на котором вышъпомененный Михаль зостает; в том же грунту и панъ Щуковский малъ частку по жонѣ своей першой, которую частку мнѣ, священныку рѣпицкому, отказалъ за похорон и отправованя службы Божой. А гдыж вышпомененный Михаль Муха ближший был до того крунту, поеднал мене, священныка рѣпицкого, за впистку отправу, взявши от похорона и за столи и от субутника, заплатилъ мнѣ панъ Михаль, ведлугъ зможности своей, далъ мнѣ пят талярей, на всем сталося мнѣ досит. А хтобы важился пана Михаля турбоват, албо в тое ся втручоват, теды повинен на старшого вини сто золотыхъ заплатит, а и заплативши повинен грунт при пану Михалю зостават. Тое писмо я вышпомененный священнык отдаю в дому пана Лаврѣна Григориевича в райци чернѣговского и при пану Богдану Петровичу, мѣщанину любецкому. Θеодор священныкъ Симеонович, на тот час резыдуючый в Рѣпках, рукою власною своею подаю писмо вышпомененному пану Михалю Тимофѣевичу Мусѣ.

28. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданную Гурину Зубашенку половину грунта. Року Божего 1679, 15 дня месеца декаврия.

Я Маѯим Васковъ сынъ зъ Любоча, по прозвиску Нѣжинец, чиню явне сим писанем моим вѣчистым записом, жем продал половину

грунъту всего от мала до велика и поле з сѣножати, криницѣ и що належит, що ми з братом моим Проциком были купили у Семена Чорного за коп шест бес пулзолотого, я теж Ма҈им продалем Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девят свою половицю всего вѣчными часы, же я Ма҈им не маю части жадной, анѣ дѣти мои, толко Гуркови волно буде на своей половици що хотѣти чинити, и вол(но) буде продат, дароват и самому будоватъся, яко на своем добром купленом кгрунтѣ. Я теж Ма҈им Васченко вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортних у Конском, а мой брат Процик сяборство из Гурином Зубашенком, поки Богъ позволит, на що и писмо даю от себе Гурину вѣчними часи, при людех добрих и вѣри годних, найперше Павел Евсѣенко Потѣйскакун, року и дня вышменованого. Писар того писаня Феодор Данилович, священник Кротинский рукую власною.

29. Домовая росписка лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г. февраля 1-го.

Я, Васко Лодоп, мещанин лоевъский, вѣдомо чиню тым моим писанем, ижем зостал винен пану Мишъку Игнатенку, отчычу лопатневъскому, то ест золотых тридцатъ твердое монеты личбы литовские; которую то золотых тридцат и золотый маю отдати и скутечне зыстится на рок и ден от мене доброволне зхожоный, то ест на ден Рожества Пресвятыя Богородици, ведлуг старого календару, в року дастъ Богъ прийдучом тисеча шестсотъ осимъдесят третим, непохибляючи менованого дня и року, звышъпомененый терминъ под вшелякими обовязками правъными в середине сего моего церокграфу описанаго отдат и зыстится маю. На що для лѣпшое твердости даю сее писане с подписом руки от мене упрошонаго Дѣелося при людех добрых, вѣры годных, мещанах и отчычах лоевъских, при Тереху Романовичу и Лазару Шишъковичу. Писан в Лоевѣ, року Божего 1680, февраля 1 дня. (М. П.). Очевисто упрошоный печатар от Васка Лодня до того церокграфу подписуюсе Спиридонъ Охрѣмович, свещеникъ лоевъский.

30. Закладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Шпака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на огородъ. 1680 г. априля 5-го.

Я, Богдан Петрович Шпакъ, мешанин любецкий, вѣдомо чиню симъ моим писанем, ижем на пилную свою потребу вызычил у господина отца Григория Прокоповича, священика любецкого Пятницкого, грошей золотых тридцат, в чумъ ему зоставую до пахания и до

вукупена огоруд свуй отцовский, и при тим куплений през мене самого у пана Яна Стецкаго, в значного шляхтича любецкого, который то огород никому ни в чомъ незаведеный и не пѣнный и тилко отецъ Григорий Прокоповичъ повинен пахат, а если бы якъ к лѣпшому пожиткови своему оборочать, а в томъ ни хто господинови не маетъ перечить с кревних моихъ, яко и з инших посполитых людей, хтобы смѣвъ важитися и перепоною быти господинове, таковый на уряд любецкий вину заплатит десет золотих; на що дле лѣпшои вѣрности даю сие мое писане господинови с подписом руки моей власной и при печати. Диялося в Любечи року 1680, месеца апреля дня пятого. (М. П.). Богдан Петрович, мещанин любецкий рукою власною.

31. Урядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Нечипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. Року тисеча шестсотъ осмьдесятъ первого, априля 12.

На вряди перед нами Василием Устимовичом, сотником любецким, Иваном Терешенком, товаришомъ сотни любецкой, Михайломъ Венским, товаришем сотни полковой черниговской, а особливе при бытности Стефана Кодаковича, на тот час зостаючого войтом любецким, и Івана Норца, мищанина любецького, и при иных, прекладал скаргу Грицко Чоботченко, мешканец тракту любецкого на Купрѣя Ничипоровича Богуша в той способъ, же по змартю Кирила Чоботченка, брата рожоного старшого, небожчыка славнои памети оставшыс жона его вдовою безпотомые на имя Маря Реаухиня принела собѣ было вышпомененного Купрѣя за малжонка на въсе свое господарство и мешькали з собою лѣт чотыри, потом змерла и осталос набытку немало, веспол набытого небожчикою из Грицковым братом, першым малжонком своим, а гды помирала, помененому Грицку не дано вѣдати, и остался грунт Яцьковъский, купъленый недавъно за старанем небожчиковым Кириловим, опроч давънѣйшых добъръ набытых. О котором то помененный Грицко, видячи себе быт близшым, доходил, теды помененный Купърѣй, пораховавъшыс з сумъленемъ своим, не въдаючыс далеце в право, а видячы же ему и такъ добре сталос, уступил того зовъсим на вѣчност грунтъ Грицку Чоботченку, брату рожоному небожчикувому Кириловому, першого мужа брату, толко купъчого листа не подал и на въряде не объявлял. Теды мы зверху имянованный вряд, видячы приналежытый ужыток тых добъръ имянованный грунтъ Яцковъский, купълѣный от Евътуха, зятя Рыбалченкового, лежачий у села Галкова (?), зо въсим подаем в моц и посессию Грицку Чоботченку,

ведлуг зреченя Купърѣевого и опису самого купъчого листа. Ежели бы ся хто близшый одозвал, суму откъладаючы, и на том потребуючой стороны казалисмо и сей нашъ врядовый выдати для лѣпъшои твердости лист, при бытности зверху имянованных особъ и притисненемъ печати врядовой любецькой, а на подписе нижей имянованных рукъ. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышъписанного. Васил Устыменко, на сей часъ сотникъ любецкий рукою (М. П.). О которой то справи добре свѣдомым, бывъшы подписуюс Кирил Гапонович Худолѣй рукою.

32. Закладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 20 апрѣля 1682 г.

Wiadomo czynię tym moim listem, iżem wzioł u pana Miszka Ihnatowicza, wołoszczanina Łopotniowsskoho, klacz własnusz nie wczym nikomu niezawiedzionuiu w kopach dwunastu litewsko liczbo, ja Wasili Pluszcz, zostający w opiece u Ostapa, przyiaciela swego y sestrzenca boiarzyna dobr.dzieja naszego, ktorze te pieniędzy mam ja własny wyszpomieniony Wasili Pluszcz, obawatel łoiowsky, panu Miszku Ihnatowiczu, wołoszaninu Łopatkowskomu, oddac we trzy lata liczbo litewsko, poczowszy w roku teraz idącym 1682, w miesiącu aprilu die 20, o Wielkiey Nocy ruskiey, a ieżeli by nie mogł wyszpomienionemu nistifikowac, tedy ostrow Macieiew, pod Burowicami leżący za Dnieprem, ktorym ma on władac, iako swoim, do oddania pieniedzy własnych iego w zakład z sosnoiu bortnoiu na wieczne czasy, w tym że ostrowie o nieczka sosna, niczym tego roku y dnia nie chibiąc pod wszelakimi warunkami y kondiciami wrawnymi, tak zamkowemi, iako y magdeburskimi, winien y powinny będe ten dług utsciwie oddac w domie jego własnym. Pisan w Łoiowie, roku y dnia wyszmianowanego. Michał N. . . . iako pisma nieumieietny de tego dobrowolnego ceregrafu mieszczanin łoiowsky prosił ręki swoiey podpisac. Potap, mieszczanin łoiowsky, Kali Pobołowiec, wołoszanin łoiowsky tez ruki swoie kazali podpisac.

33. Купчій листъ, выданный любецкимъ земяниномъ Климомъ Кирѣйченкомъ Ивану Масловцу на грунты. Року тепер идучом 1684, месеца августа 1 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазаром Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукьяновичом, войтом любецким, и при бытности иных людей, нижеименованных особъ, ставшы очевисто на ймя Клим Кондратович Кирѣйченко, земянин любецкий, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного

примушеня, в тые слова мовячи: ижъ я, мѣючи кгрунтъ свой власный, лежачый обмежу з одной стороны от грунта Законовского, а другой стороны от Онопрѣйковъского грунта, тылом от рѣчъки Варежки, а в проти у шлях любецкий лежачий на Листве, а от третюю от Клима Чорвечошка я Гриня Галабурды, которую уживал прежде небожъчикъ Пантелѣй Галабурда и продал был отцеви моему Кондрату Кирѣйченку, а я, вышъпомененный, яко посессор тых добръ, будучи потребъный пѣнязей, продал есми и зрекшыс на вѣчностъ уступил, то естъ Ивану Андрѣевичу Масловцу за готовую и рук моих дошлую суму пѣнязей, а мяновите за копъ осмънадцат грошей личбы и монеты литовъской, позваляючы ему тым грунтом владѣти, поля пахати и заросли росчыщати, албо и дерево бортъное по той час ты уводити, ежелибыся згожое показати мѣло алъбо рачей продати, дати и даровати и заминяти и яким хотячы правом от себе пустит ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден в том ему перешкодою быти не мае, так я самъ, вышъпомененный, яко теж жона моя и потомки, албо с кревных моих близких и далеких, ани з людей общых, яко никому ни в чем пенно, ани заведено, под зарукою вины на вряд близко належачый золотых ста, а и по заплаченю вины предся тая моя продажа от помененного Ивана и поссесоровъ его отдалена и отсужена быти не мает, яко и сес купъчый лист вечыстой продажы мати мѣет моц зуполную. При котором то справованю сего запису быт рачыли люде добрыи и вѣры годныи, то ест Микита Масловец, Луцько Маслович, Гришъко Бурдукъ, Миколай Гавриловичъ Орищенко и Макъсим Коробъко, и на том, за для лѣпшой вѣры и певности, далисмо сей купъчый лист помененому Ивану с подписом особъ и притисненемъ печати врядовой, а на подписе нижей имянованного руки писарское. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышописанного. (М. П). Кирил Гапонович Худолѣй, писар любецкий, рукою.

34. Квитанція, выданная Гаврилом Янченкомъ Авраму Кваченку въ уплатѣ долга. Року 1684, месеца ноемврия 9 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазарем Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукяновичом, войтом любецким, и при бытности Сидора Яцковича, на тот час будучого войтом кротынскимъ, и при иных нижей особъ имянованных людех, ставшы очевисто Гавърыло Янченко, обывател кротынский, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня, в тых словах мовячы, иж мовит, я мѣючы писане от Аврама Кваченка, приятеля своего, писане на грунтъ его, лежачый в уѣзди

Любецком, посполе с кротыницами даное через Лаврина Цымбалистого, которому винен был помененый Аврам талеровъ чотыри за Енчанку, и не мѣвъшы чым отдати, през оное писане тот грунтъ отчизну свою вручал Гаврилу до часу, абы тот долгъ отдал Лаврину за него; теды Гаврило, окупивши тот грунтъ, владѣл през лѣт килканадцат. А гды повернувъшыся до своей отчызны Аврам и отдал долг свой Гавърылу ведлуг порахунку що ся доходило, а я теж, помененный Гавърыло, его квитую во всем цале, злецаючы вси его добра под протекстом своим державчыи, а писане тое згубил, которое от Лаврина мѣвъ Гаврило на грунтъ Аврамовъ; а ежеля бы хто з оным писанемъ отозвался турбовати Аврама и през сие писане вряду любецкого квитацию, таковый вины заплатит на вряд близко належачый залотыхъ ста, а и по заплаченю вины сия справа отминятися не повинна, яко и сия квитация мати мѣет зуполную моц. И на том, задля лѣпшои вѣры и твердости, мы, зверху имяпосанный вряд, потребуючои сторонѣ казалисмо сию квитацию выдат с подписом рукъ и притисненемъ печати урядовой любецкой, а на подписе нижей имянованных особъ. Дѣялося в Любечу, року, месеца и дня вышписанного.

(М. П.). Кирил Гапонович, писар любецкий рукою.

35. Вытис с книг мѣских права майдеборскаго ратуша черниговского. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксеновною Андреихой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. Року тисяча шестсотъ осимдесят семого, месеца февъраля двадцат осмого дня.

Перед нами Стефаном Отроховичом, войтом черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском засѣлыми, ставъшы очевисто, Мишко Игнатович и Татяна Оѯеновъна Андрѣиха Безбожненковая, жытелка черниговъская, згодне, доброю волею своею перед урядом мѣским помярковала, любо розница межи ними о част кгрунъту небожчыка Ивана Скраги была при сели Лопатнюх и о другую част в Сивери, ув острове Матееве, почавъшы тот островъ увес границею в тракте Любецком и Лоевъском, у Сухий Вир, з Сухого Виру у рѣчъку Смячу, з речки Смячи у рѣчъку Горнечу, з речьки Горнечы у Дорогое болото, з Дорогого болота ув островъ Матеевъ, з деревом бортным и до борта згожымъ, з полями, ролями, запустами, облогами, з селисчами, сеножатми, озерами, углядами, лесами, борами, зо всими пожитками, до тых частей кгрунъту належачыми, вымовивъшы Мишко

приробокъ свой в крунте своем отцевъском, даючы моцъ и владзу одно другому тым всимъ кгрунътом менованымъ частъми по половицы вѣчными часы владѣти и пожитки мѣти, и межи собою якъ хотѣти одно другому, которое захочет сплатити и кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; и на далшое утвержене тое угоды своее то утвердили, иж от сего часу по половици в тыхъ кгрунътах части мают ходити, пожытки всякие на себе брати и спокойне держати, не перешкажаючы одно другому, ани в далшые часы межы собою не мают турбовати, ани до права позывати, под виною на вряд належитый золотых ста; еслибы от сего часу которая з межи них сторона тое помяркованъе и згоду нарушати мѣла, на том доброволная их згода до книгъ мѣских ратушных черниговъских ест записана, с которых и сес выпис под печатю урядовою мѣскою ратушною черниговъскою ест выдан. Писан в ратушу черниговъском. Емелян Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

36. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. Року тепер идучом тисяча шестсот осмъдесят осмого, месеца июня осмнадцатого дня.

Перед нами іеромонахом Климентием Типевичем, уставником катедры черниговское, Иосифом Павловичом Іезуневъским, іеромонахомъ, зослаными от его пастырское милости на ревизию справ духовных и Ерофеем Котовичем, священыком Пречыстенским любецким, так теж вряду свицкого Прокопием Никифоровичем Орловъским, выстановленным на тую справу сотником наказным любецкимъ, Гришком Бурдуком, атаманом городовым любецким, а особливе Тишкомъ Романовичомъ, старостою и дозорцем любецкимъ, и Феодором Красковъским, чынил протестъ и прекладал скаргу Микита Скугар ис сябрами своими на честного господина отца Григория Пронковича, священника любецкого Пятницъкого, о занятю бы огорода их Скугаревского, о котором опи(су)вается в сим же декретн нижей описанном; теды мы, вряд, зверху иманованныи особы, казалисмо перед себе запризват обѣ стороны поводовую и жалобъную на усправедливене, а гды стапули, пытали ихъ помененного Микиты ис сябрами, якимбы способом оны узнавали, же отецъ Григорій их огорода част бы никоторую ку своему огороду, купъленому от Якова Мателюхи, прозываемаго Лашуковского, о котором шырей опи(су)вае в купъчом листи, чы своею достовѣръностю, чыли теж признатемъ посторонных людей? Теды помененный Микита ис сябрами своими вымирялся таким способом: же мы, мовит, прежних часовъ не паметаем досконале, як родичы поки уживали нашы, а сами прешлых

часовъ в отлегломъ мешъканю през руину военную зоставали на розных мѣсцах, теды, мовит, нам признают люде, а меновите: Петро Бубенникъ, который при купъленю и завоженю межы отцу Григорию от Якова Мателюхи был и написаный в рядовые в купъчой отца Григориевой, а другий Володымеръ. А гды передъ себе на вряд казалисмо станут помененным Бубеннику и Володимеру и пыталисмо их, ежелебы оны, достовѣрне бывъшы свидомыи заводу и межы тым огородом поможным, лежачым за Нагорною Брамою любецкою ку улицы Гончарыской, теды Бубенник моцно взялся и Володымер на попартъе празное Микиты на господина и под виною декляровался, же не толко, мовит, доведу того, же господин през завод Мателюхин, зайшовъ Скугаревского огородъ, леч и огорожу старой межы в земли найду, и так квестию завдавъшы честному господину отцу Григорию из его заводцем, одозвался ити на мѣсце межы шукат, а гды, пойшъли и шукал за позволенем врядовым, где схотѣлъ, теды не знайшолъ на томъ мѣйсцу, где имяновал, ни жадной признаки, тылко еденъ кулъ в земли знайшъли старый на межы господиновой, якъ и Мателюха заводивъ при продажи и тепер з заводы сеѣ справы тож посвидчал противъ ложных словъ Бубенниковых и фалчывого признаваня. Которой то справы мы, зверху имянованный вряд, з обох сторон выслухавшы контроверсий поводовой и жалобъной, а узнавъшы шалвѣрство Бубенниково, наказали ему ревсковат, яко нецнотливой губи, и вси шкоды и наклады правныи честному господину отцу Григорию при караню вины панской нагорожат, а прикривши их сим декретом навѣ. . . . честному господину на вѣчность на спокойное ужыване, яко свое власное, поки тепер межа лежыт, ведлуг его купъчой, владѣти позволяем. А хтобы в потомные часы отозвался честного господина отца Григория албо теж его посессоровъ през сей декрет турбоват за тот огород в якой мѣри, яко и сей нецнотливый Бубенник, таковый на вряд близко належачый заплатит вины золотых сто, а и по заплаченю вины при ненарушоной цѣлости сей декрет захован повинен быти. Дѣялося в Любечу року, месеца и дня вышой писанного. Іеромонах Климонтий Тишевич, уставник его пастырской милости. Іеромонах Іосифъ Павлович, вишписаний. (М. П.) (М. П.) Юрый Александрович, сотникъ любецкій рукою. Кирил Гапонович Худолѣй писар.

37. Тестаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича Козачка. 1689 г., сентября 29.

Во йми Отца и Сына и святого Духа, святую живоначалную и нераздѣлимую Троицѣ—Аминь. Я рабъ Божий, Дмитер Григоревичъ Козачко, обеватель и мещанин любецкий, чыню вѣдомо и явно

сознавую сим моим тестаментом каждому, кому будет того вѣдати потреба, тепер и на потомные часы, иж будучи я навѣжоный от Господа Бога обложонною хоробою и на смертелной постели лежачы и видечи себе близшаго ку смерти, а нижли ку животу, теды умыслилем то собѣ перед часом годины смертелное за доброе намети и з доброго розсудку моего, убозтво мое роспорядит и росправит, абы по жывотѣ моем межы близкими кревными и повинными моими, яко теж и межы людми общыми покой стобливый заховат, а на моем сумленю нѣчого не залегло. На первѣй полецаю душу мою грѣшную в руцѣ Створителеви, а тѣло мое грѣшное Стефан, полусынокъ мой, погребом хрестиянским мает поховат, и вшелякие памятки дорочные за душу мою грѣшную при церкви Божой мает отправит, ведлуг звычаю хрестиянского. Которому то звышменованно(му) Стефанови, полусынови моему, по смерт отказую так дом у мѣстѣ стоячий, зобополне з ним убудованый коштом и працею нашею, зовсѣмъ на вся, як сам в собѣ мѣет ис пляцем моим власным у версте в концы лежачим, при том же дворѣ и огород лежачий подле Чисмика, томуж Стефану, полусынови, отказую, а знову зас другий двор мой власный, под Любечом у Вомчымехах стоячий мой власный, ни кому ни в чым не пѣнный, коштом и працею моею убудованый, як сам в собѣ мѣет, тот отказую по смерти дочце моей Поси; а до того теж кгрунтъ мой власный, добра лежачии также у Вомчимехах под Любечом, так поле розробленое и зарослое що илеколвек ест моего власного розробку, теды тое все звышменованым Стефану, полусынови, и дочцѣ моей Поси напол мает поделит. А що ест маю част дерева бортнаго отчиною з розных людей датаго и дарованого, теды Стефану отказую деревъ пят, а дочцѣ моей Поси чтыре. Гумно теж также у Вомчимехах наше власное и тое посполу звышменованым Стефану и дочцѣ моей Поси в зобополном держаню мают мѣти. При котором справованю сего тестамента були люде добрые и вѣры годные, меновѣте: Семен Болоушко, Максимъ Бубеннизкъ, Иван Терещенко, Клим Безноско, обеватели и мещане любецкие и иншых при том часе будучих людей вѣры годных, справы добре свѣдомых. А хто бы смѣл и важился сес мой тестаментъ, остатнюю волю мою, нарушит и касоват, теды с таковым суд буду мѣти на ономъ страшномъ судѣ Христовѣ пред Судиею нелицемѣрнымъ. Писан у Любочу, в дому Дмитра Григоревича, року 1689, месеца сентеврия 29 дня. За устною и очевистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписую Васил Устименко, на тот час сотником любецким рукою (мѣсто двухъ печатей). За устною и очивистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписалемсе Ерофей Іоанович, свещеник Пречистон-

ский любецкий. Року 1698, месеца иануария 4 дня. Пред нами, Павлом Ворошилом, сотником любецким, Семеном Василевичом, атаманом городовым, а Маξимом Стасиком, войтом любецким, и пред иными людми при том часе будучими, ставши персоналите Степан Козаченко, мещанин любецкий, просил нас, власти, абысмо на тоиже его тестаментѣ вписали по отцу ему спадлые добра и виволи литерою з духовници, якиис вже он продал пану Авраму Никифоровичу на вѣчност, на що и купчую от себе урядовне дал. Напрод на пляц з садом и з огородом на продмѣстю, и на двѣ синожати, а потим у Вомчимехах на селище з грунтом, з полями и заростями з утчиною. Що для лѣпшой вѣдомости казали записат, року и дня зверхумененного.

38. Рѣшеніе любецкаго сотеннаго уряда по спору Андрея Злобы съ Юскомъ Злобою объ огородѣ. Року 1691, месеца августа 10 дня.

Перед нами урядом, Миною Михайловичом, на тот час зостаючим сотником наказнимъ любецькым, Илком Стоконским, старостою любецким, Кирилою Гапоновичом Худолием, товаришом сотни любецкой, прекладал намъ скаргу Андрий Злоба, жител шибириновъский вак тежъ на Юска Злобу, жителя села Онтонович, ижъ, мовит незънаю зъ яких мир огород мой отцевский уживает Юско безправне; теди ми на жалобу Андрия Злоби велили припозватъ пред себе и Юска Злобу, що тежъ, пришедши перед уряд, Юско и мовит Андрию Злоби: Нит, мовит, тоби в тум вгороди ни жадной частки. Що тежъ чуючы тии слова, Андрий Злоба вдался до людей, именно: до Ероша Стасика, старинного человика и мещанина любецкого. Теды на тую справу того часу трафился там и Ерошъ Стасик, мещанин любецкий, и почалѣ ми его питати под сумлением, жеби признал о той огород. И онъ, яко памятаючий на смертъ свою, мовит нам: Признаю, мовит, въсе що видаю, ижъ, мовит, той огород, котория и тепер лежачий берег попа пятницкого помижный с поповым огородом, теди купил Андриев Злобин дидъ Юрка в моеѣ тютки рудной за золотых 5, которая и межу отвела небожчику Юрку диду Андриеву. Теди тое почувши признате Юско Злоба от помененного Ероша Стасика и сам в тие слова сознал и уступил тогожъ часу того огорода и во всюм злецил на вичность Андрию Злоби. Що теди ми вислухавши, звишменованый уряд, тои справи, казалисмо и писмо з уряду нашего Андрию Злоби написать с подписом рукъ и притисненемъ печатя врядовой. Писан в Любечу, року, месеца и дня вишъписанного. (М. П.). За позволенем пана сотнѣка, яко самого писат невмиетного, листо сотнико-

вой руки подписую я писар Мина Михайлович, сотник наказний любецкий.—Я теж Илия Иванович, слуга его милости пана полъковъника, видючи подпис руки пана Мины, сотника наказъного, руку свою подписую.

39. Выпис с книгъ мѣских права майдеборского ратуша черниговъского. О продажѣ Исакомъ Григоріевичемъ Голобояриновичемъ части грунта своимъ сябрамъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. Року Божого тисяча шестсотъ деветдесят третего, месеца июля одинадцатаго дня.

На уряде их царского пресвѣтлаго величества мѣским черниговъскимъ, передъ нами Ефимом Иевълевичом, войтомъ черниговъскии, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском заседаючыми, ставъшы очевисте панъ Исакъ Григоревичъ Голобояриновичъ, бывъшый бурмистръ черниговъский, явне, ясне и доброволне до книгъ мѣских ратушных черниговъских признал, иж онъ, маючы част кгрунъту в Матѣевъском острове у Суховиречыне, в тракте любецком з сябрами Марком Каменским и Мишкомъ Лопатичовъским, и Федком и Мартином Кононовичом, свою част власную з деревом бортным и до борта згожим, лесами, борами, дубровами, ... и всими пожитками, до тое части належными, на вѣчност паном Мишку Лопатнюв'ьцу, Мартину Кононовичу, Федку Мишковичу, им самим, жонам и потомком их за сто и за двадцат золотых грошей личьбы литовъское продал, и грошы отобрав'шы, тут же на уряде квитовалъ, даючы моцъ и владзу Мишку и Мартину и Федку, им самим, жонамъ и потомком их при своих частех, тым частю грунътом, счо панъ Исакъ владѣлъ, такъже спокойне владѣти, пожитки мѣти и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; которое продажи части кгрунъту проданого сознаваючый панъ Исакъ самъ и потомки его вѣчными часы боронити не мают и мочы не будутъ под закладом других ста золотых и двадцати золотых на вряд належитый черниговъский. А на далшое утверженъе тое проданое части кгрунъту реченый сознаваючый, панъ Исакъ тутже перед урядом зрекъшыс в реалъную и спокойную вечнистую посессыю паном Мишку Лопатънювъцу и Мартину и Федку подал, зрекъсе и вѣчными часы тую част кгрунъту помененым уступил. Счо все для памети до книг мѣскихъ ратушных черниговъскихъ ест записано, с которых и сей выпис, под печатю мѣскою, ест выдан. Писан в ратушу черниговъским.—Емелянъ Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

40. Обликъ, выданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чоховъ. 1696 г. мая 8.

Я, на имя Петро Семеновичъ, даю на себе тое писаніе пану Тимухови Маковенкови, ижъ облѣкгуюся отдати, щомъ виненъ двадцять золотихъ и пять чоховъ о святомъ Петрѣ, албо тижъ о живахъ, а не алѣ Господь Богъ мене под своею ласкою, яко Богъ Отецъ мой ласкавий, ежели Господь мене споможетъ, я ся обѣцую и прудше отдати, а теперъ мене якосъ Господь Богъ фортуною доброю оминулъ, лечъ надѣю маю на него и знову приверне до мене; а тепер пана Тимофтея прошу и писаніе ведлугъ того долгу на себе даю. При томъ былъ панъ Стефанъ Шчербина, другий панъ Стефанъ Куликъ. В Киевѣ дѣялося тое мѣсяца мая дня 8, в школѣ святой Пречистой року 1696 того. Петръ Семеновичъ рукою своею власною подписуюся.

На сей обликъ одобралем я Тымох Маковѣенко у Петра Семеновича долъжного своего золотых сѣмъ, в Киевѣ року 1696 того мая 9 дня. Дѣялося в дому судовом киевским козацким.

41. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г. іюля 27.

Ихъ милостям паном, на вряди зостаючим, вшелякаго стану людем, при залеценю уклону моего доносим вѣдати, иж оказател сего листу нашего на имя Степан Коробок, земянин тракъту любецкого, простует у города украинские на заживаня пашни, котрого если бы мог нашъ же жител любецкий, прозываемий Гузик, до права потягати, а бы тому Гузеви вѣра не дана, а сего листу подавци ни в чом не турбовано, чого по вашим милостям жадаючи и о том вѣдати доносячи, зостаю на завше вашим милостям во всем зычливый приятель, а рад служити Тимофей Юревичъ, сотник любецкий. З Любеча, 1697 року, мѣсяца юля 27 дня.

42. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. Року тисяча сѣмъсотного первого, мѣсяца августа 21 дня.

Пред урадомъ любецкимъ, Петромъ Теременкомъ, атаманомъ городовымъ, Авърамомъ Никифоровичомъ, войтомъ любецъкимъ, Онисекомъ Вы...цкимъ, товаришомъ сотенным, Романом Пѣшкою, мещаниномъ любецкимъ, и при бытности многихъ людей зацныхъ при томъ часѣ будучихъ, ставъши очевисто Максимъ Коробокъ з чест-

нимъ господиномъ отцемъ Григоріемъ Прокоповичомъ, священником свято-Пятницкимъ любецкимъ, своимъ поможнымъ сябромъ, прекладали жалосне скаргу свою на Мартина Зарѣцкого, жителя коробковъского, который Мартинъ Зарѣцкий, присвоючи собѣ садовину, имъ Максиму и отцу Григорію сполную, на подгорю в Коробкахъ стоячую, Ивана Максименка Коробка обнажилъ з свити, и оную свиту Іванову на урадъ принесши, презентовалъ тое, ижъ якоби в своей власной садовѣнѣ Івана Максименка заставъши, тую свиту з него Івана знялъ. А на подпарто своей справы, тот же Мартин Зарѣцкий становил свѣдка, Дмитра Ветошку, такъ же жителя коробковъского, который Ветошка пред нами урадомъ призналъ, в тіе слова мовячи: ижъ, мовит, за сотнинства пана Тимофѣя Юревича, пома межку Мартиномъ Зарѣцкимъ и межи Стефаномъ а Максимомъ Коробками объ тужъ межу вщалася була турбація, на которой межи Коробки и колокъ були забили, потомъ, неудаючися до права урадового, сами помежку собою дома погодилися и колокъ той з межѣ выкинули, положивши вины на урадъ любецкий копъ десят, хтобы могъ на потомъ объ тую межу яковую вчать турбацію. На которое Ветошино свѣдотство Максимъ Коробокъ з сполнымъ сябромъ своим отцемъ Григоріемъ, хотячи дати слушную релацію, просили нас ураду до Коробковъ на межу; где гдысмо на прозбу ихъ до Коробковъ зъѣхали, тоды отецъ Григорий и Максимъ Коробокъ становили пред нами, урадомъ, людей посторонних, Кирилу Коваля, Лавърина Кукару, Стефана Пищика, мещан любецких, людей старожитныхъ, которіе особы под сумленем межу отведши, пред нами, урадомъ, признали, ижъ, мовитъ не слушне Мартинъ Зарѣцкий з Івана Коробка свиту знялъ на семъ пагорку, поневажъ, мовит, якъ мы запомнимъ же межа лежитъ Зарѣцкихъ з Коробками, почавъши от улицы коробковъской до самого Григорева по узгорномъ, а самий подол належит Зарѣцкимъ; который подол для того Коробки дали Зарѣцкимъ на селитбу, же Зарѣцкіе онымъ поступили част сѣножатей луговых за тую селитбу Коробковъскую, поневажъ, мовит, давъно тутъ Зарѣцкіе неживали, але жили на Клиговѣ, а якъ тут почали жить, на самомъ подоли жили, а узгорокъ и самая гора з лѣсомъ и з садовиною здавъна належит Коробкомъ, а не Зарѣцкимъ. Що и Демъянъ, Прасового зять, на межи стоячи своимъ свидотствомъ потвердилъ, ижъ, мовит, Іванъ Зарѣцк.., на смертелной постели лежачи, мнѣ говорил: тіе, мовит, прищеп.и, которіе на узорку я щепивъ, то я не на своемъ грунтѣ, ал. на Коробковъскомъ прищепилъ, которіе прищепки, жебы не бу.. по моей смерти турбацій, нехай Марко оттолъ выкопавъши пер.садит. На которое людей старожитныхъ подсумленное признане Мартинъ За-

рѣцкий (з) Максимом Коробкомъ и з отцемъ Григоріемъ, при нас, урадовѣ, помежку собою зуполную прииявъши згоду, на межи подлугъ людского признатя, рубежи порубали и копъци покопали; а же садовина, в садку Грицихи Зарѣцкой стоячая, тимижъ рубежами нѣкоторая отишла, тую садовину мѣла Грициха, що будутъ прищены, знести, а дички з землею повинни быт при Максиму Коробку и при отцу Григорію. И на томъ погодилися и руки межи собою подававъши, вину сами межи собою положили на звѣрхнѣйшую власть, золотых сто, а на близко лежачий урадъ копъ двадцат. Которую оныхъ зобополную згоду, мы, урадъ, для лѣпшой памяти, казали записат, и потребуючой сторонѣ казалисмо сее наше урадовое выдат писмо, з подписомъ рукъ и притисненомъ печати, року, мѣсеца и дня звышънисанного. (М. П.) (М. П.) (М. П). Петро Терешенко, атаман городовый любецкий.—Васил Полонѣцкий, сотникъ любецкий подписалемся для крѣпости, жебы впередъ не турбовалися, поневажъ доброволне сами згодилися.—Авърамъ Никифорович, войтъ любецкий.

43. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20.

На врадѣ сотенномъ любецъком, перед Василіем Полонѣцким, сотникомъ любецкимъ, при пану Демяну Посудевском, товаришу знатномъ полковомъ, при атаманнѣ курѣнном и товариству многому, на тот часъ в Любечу будучому, такъже от пана Струтинского, старосты замкового, присланнымъ шафару мѣскомъ Петру Безпалчомъ до тогожъ суду причиною за своимъ человѣкомъ до мѣста наложачим и для прислуханя ся справи таковой: Павел Теромецъкий, товаришъ сотенный и Васил Богушъ мѣский чоловѣкъ, ускаржаючися перед судомъ доходили собѣ отчизны в кгрунтах тестевских Оснаковских пахатных, по жонах своих, Алексѣя Красковского, брата родного тых жонъ Теремецкого и Богуша, подлугъ права ратушного мѣского чернѣговского, в якомъ доложово, жебы з третей части кгрунту, на небожку Красковскую спадаючую, виховала матка их Фесю и Настю, сестри Алексѣеви, и замужъ видала з тоеижъ части, незаймаючи нѣмало отдѣленной части, в том же правѣ специфѣкованой Івана Красковского по отцу толко брата родного оних женъ, Насти и Феси, лечъ оные жени хотѣли собѣ у вѣчност тую част, до виданя толко онымъ належную, сдержати, чого имъ в ратушном правѣ не отсужено, до якого нинѣшний урядъ любецкий стосуючися наказадъ былъ жебы дали покой жонѣ небожчика Івана Красков-

ского и дѣтемъ его, того кґрунту сукцессоромъ, а вже по половинѣ з Алексѣемъ Красковским подѣлоним, и болшъ не турбовати Красковской Іванѣхи и Алексѣя, а до згоды з собою пришли, якожъ перед судомъ доброволне помѣрковалися були и прощение взяли, за що Алексѣй, братъ тых жонъ Феси и Настѣ, по отцу и матцѣ родний, з любвѣ своей ку сестрамъ, четвертую част в половинѣ своей кгрунту, пахатного толко, хотѣлъ лековати по смерти своей, чимъ оны не уконтентовавшися, до вишъшого удалися, по прощеніи своемъ, права. Що мы, уряд любецкий, вѣдячи их упартост и неблагодарствіе, велилисмо записати, а потребуючой сторонѣ видати сию атестацию. Дѣялося в Любечу року 1708, априля 20 дня. Василий Полонѣцкий, сотникъ любецкий. (М. П.).

44. Жалоба Ивана Коробка на Пятницкаго священника Григорія за завладѣніе ґрунтомъ.

Видение мое моей жалобъной скарґи о свое дѣдовское и отцевское житие, на чом зоставал дѣдъ мой и отец мой в селѣ Коробъкахъ, на чомъ и мнѣ Ивану Макъсимовичу Коробъку зостават приходило и дѣтям моѣмъ, отдаючи повинност монаршую и панскую; а же мѣю скорбъ от дядка моего Стефана небожчика, а тепер от панѣ Красковекой, обивателки любецькой, которая невинне мой грунтъ привлащаетъ и тримаетъ, и мене отбивает от части дядка моего Степана Коробъка; в таком дѣлѣ мой отецъ Макъсимъ откупил единаго брата Осипа часть заставную в десяти золотыхъ; а третий брат бил Степанъ вышереченный на своей третей части; теди оный Степан, отца моего брат, почал добиватис третего брата части, (а) отецъ мой, Макъсимъ, мовил: аще мнѣ вернеш половину утраты моей, могу и третую часть брата нашего розъделити по половѣнѣ; на що и люде звели обоѣхъ до мирковання, жеби Степан Макъсиму, брату своему, дал десет золотихъ; на що изволил Степан такъ учинити. Тоды по малом времени приное два таляри, а зостал винен чотири золотих, узял же . . . . тойже дядко мой Степан у шести копах и свою часть заставил Петру Гузяю у шести копахъ до отдания грошей, а гди прийшло время отданя грошам, ми не были в дому, з отцемъ моѣмъ Макъсимомъ на жнивах били, он Степан, брат отца моего, не вѣдаем, чи он продал, чи он заставил у осми копах отцу Григорию, Пятницъкому попу любецкому. Теди отецъ мой Макъсимъ, пробуваши жнива, до господи приѣхавши, отецъ Григорий Пятницкий мовил отцу моему Макъсиму: я тобѣ сябръ, Макъсиме. А отецъ мой сказал: я того не

знаю, покажи, отче, купъчую, чили в заставѣ, чили на вѣчность, а он священникъ мовил: уже в Чернѣговѣ писмо зостает. Не добре, отче, такъ моглъ би я знат, що брат мой такъ у . . . тит мал. Теди колко разъ отец мой Макъсим упоминался купъчой братней, онъ, священникъ, тим отбивал, же у Чернѣговѣ и до сих временъ не знаем, чили купил, чили в заставѣ; бо гди многих людей старожителей питаем, чили не знае о той то купъчой, не можемъ допитат, для якой речи от такого часу тримает грунтъ тот дядка моего Степана в селѣ Коробъкахъ попъ Пятницкий, отец Григорий, бо еще за памяти отца Григория прохали, абы становился пред судъ зо мною и купъчею показал; и так тое вакует до сих час от блаженной памяти небожчика пана Якова Лизогуба, полковника чернѣговского старого; а топер не можем терпѣти таких утисков, кривды, що нашим добърим даремно владѣют и розмножиются, а ми худѣемъ и убожи биваем за ихъ неправедное купление; бо гдижъ моглъби мене Ивана Макъсименка Коробъка силою притягнути, аби увидѣлъ купъчую правдивую, аби болшей не докучал объ тую часть грунту. Я Иван Коробокъ.

Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.

I. Письма Н. И. Костомарова къ М. А. Максимовичу.

Знакомство Костомарова съ Максимовичемъ относится къ 1844 году, какъ свидѣтельствуетъ самъ Костомаровъ въ «Автобіографіи», [1]) и продолжалось очень долго. Но внѣшнія сношенія между двумя украинскими историками были незначительны. У насъ имѣется всего только четыре письма Костомарова къ Максимовичу, періодъ написанія которыхъ обнимаетъ собою семнадцать лѣтъ. 1847—1859—1864 вотъ тѣ годы, къ которымъ относятся письма Костомарова. Какъ видимъ, сношенія между нимъ и Максимовичемъ носили случайный характеръ.

Первое письмо Костомарова особенно цѣнно въ біографическомъ отношеніи. Оно писано незадолго до ареста Костомарова, когда онъ уже былъ обрученъ со своею невѣстою Алиною Леонтьевною Крагельской, на которой женился однако только въ 1875 году, т. е. черезъ 28 лѣтъ, по смерти ея перваго мужа. Въ своемъ письмѣ къ Максимовичу Костомаровъ, полный надеждъ и не знающій о приближающейся грозѣ, разбившей его жизнь, приглашаетъ своего стараго товарища по наукѣ на свадьбу. Но судьба сыграла съ Костомаровымъ злую шутку...

Второе письмо отъ 2 августа 1859 года носитъ исключительно научный характеръ и касается монографіи Костомарова:

---

[1]) «Литературное наслѣдіе», стр. 47.

«Богданъ Хмельницкій». Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить этого письма во всей цѣлости, такъ какъ почеркъ письма до того неразборчивъ, что, при всемъ нашемъ желаніи уразумѣть письмо, мы не могли этого сдѣлать. Костомаровъ вообще отличался удивительно неразборчивымъ почеркомъ, и чтеніе его писемъ иной разъ равносильно рѣшенію труднаго ребуса.

Третье письмо отъ 8 сентября 1864 года является отзвукомъ одного эпизода изъ жизни петербургской громады 60-ыхъ годовъ. Героями этого эпизода были простая сельская дѣвушка Маруся изъ каневскаго уѣзда и нѣкто Григорій Ч—скій. Послѣдній, провожая тѣло Шевченка на Украину, познакомился тамъ съ Марусею и, покоривъ ея сердце своею культурною на видъ любовью, уговорилъ ѣхать въ Петербургъ и обвѣнчаться тамъ съ нимъ. Родители не отпускали Маруси, прежде чѣмъ она не будетъ обручена съ Ч—скимъ, и потому обрядъ обрученія надъ ними былъ совершенъ. Маруся уѣхала съ Ч—скимъ въ Петербургъ и вскорѣ появилась въ украинскихъ кругахъ, выдѣляясь среди сюртуковъ мужчинъ и платьевъ дамъ своимъ національнымъ костюмомъ, украшеннымъ лентами. Всѣ обращали вниманіе на милую деревенскую дѣвушку, но мало кто задумывался надъ тѣмъ, насколько хорошо это выставленіе на показъ крестьянской дѣвушки среди чуждаго ей по развитію общества. Возмущался этимъ одинъ только Костомаровъ.

Маруся была безгранично предана своему возлюбленному и жестоко поплатилась въ концѣ концовъ за свою необдуманную любовь. Ч—скій доказалъ на своемъ примѣрѣ, какъ мало имѣютъ значенія и теоретическія идейныя построенія, и національныя стремленія, и общественное мнѣніе, если человѣкъ не развилъ въ себѣ личныхъ устоевъ нравственности, не достигъ личнаго нравственнаго совершенства. Ничто не помѣшало Ч—скому сдѣлать дурное дѣло: ни то, что онъ провожалъ на Украину останки Шевченка, гордость украинскаго народа, ни то, что онъ, конечно, зналъ и, можетъ быть, гдѣ-либо въ кружкѣ съ чувствомъ читалъ Шевченкову «Катерину». Какъ должно бы было содрогнуться въ могилѣ надъ Днѣпромъ тѣло славнаго поэта, если бы онъ узналъ, что надъ его гробомъ совершено то преступленіе, по поводу ко-

тораго такъ негодовала его страдающая муза, если бы онъ зналъ, что его проводы на Украину создадутъ въ украинскомъ селѣ еще одну покрытку!

Черезъ нѣкоторое время Ч—скій сталъ относиться къ Марусѣ очень грубо и даже жестоко, и потому Маруся становится предметомъ вниманія петербургскихъ украинцевъ. О грубомъ отношеніи Ч—скаго къ Марусѣ прежде всего узнаетъ Н. А. Бѣлозерская, которая въ своихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ оставила свѣдѣнія обо всей этой исторіи, подтверждаемыя документами. [1]) Въ Марусѣ принимаютъ участіе, а Костомаровъ жертвуетъ въ ея пользу одну свою статью. Рѣшили отправить Марусю на родину. Но Ч—скій, очевидно, боясь дальнѣйшей огласки дѣла, поспѣшилъ помириться съ Марусею, однако, какъ и слѣдовало быть, не надолго. Вскорѣ непріятности возобновились, и Маруся должна была искать пріюта у Бѣлозерской, въ семьѣ которой приняла на себя обязанности няньки.

Наконецъ Ч—скій самъ рѣшилъ отвезти Марусю на родину. Это взволновало Костомарова: «А что—пишетъ онъ Бѣлозерской,— если онъ ее на дорогѣ отправить на тотъ свѣтъ. Тотъ, кто способенъ такъ безцеремонно обращаться съ честью женщины, способенъ и на душегубство. Примите это къ свѣдѣнію. Не написать ли къ роднымъ Маруси всю подноготную и просить отвѣта: согласны ли они ее принять? А между тѣмъ насѣсть на Ч—скаго. Онъ долженъ жениться». Однако, изъ послѣдняго ничего не могло выйти: Ч—скій былъ уже женатъ и, когда обольщалъ крестьянскую дѣвушку, не имѣлъ впереди никакой благой цѣли.

Хлопоты по поводу возвращенія Маруси на родину протянулись до 1864 года; въ нихъ приняли участіе Н. А. Бѣлозерская, Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ. Послѣдніе привлекли къ этому дѣлу жившаго тогда въ своемъ полтавскомъ имѣніи на Днѣпрѣ, возлѣ Прохоровки, М. А. Максимовича. Въ мартѣ 1864

---

[1]) «Русская Старина», 1886 г., мартъ: Н. И. Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской».

года Кулишъ обратился съ письмомъ къ Максимовичу и просилъ его переговорить съ матерью Маруси относительно того, можетъ ли она принять къ себѣ свою несчастную дочь или нѣтъ: «Землячка ваша Маруся—писалъ Кулишъ къ Максимовичу, — дочь підгірнього каневскаго рыбака, ошиблась въ своихъ мечтахъ о счастливой жизни. Оказалось, что ея возлюбленный женатъ и потому не можетъ поставить ее въ незазорное положеніе. Она рѣшилась вернуться къ матери, но боится появить очей. Передаю ея покорнѣйшую просьбу переговорить съ ея матерью, которая у васъ бываетъ, и увѣдомить меня, можетъ ли эта сестра Шевченковой Катерины вернуться въ родную хату. Дѣтей у ней нѣтъ, и она все еще похожа на прежнюю Марусю. Можетъ быть, на берегахъ Днѣпра - Славуты она найдетъ себѣ жениха; а здѣсь ей придется погибать сиротою. Маруся не недостойна вашего участія. Кромѣ ея несчастной ошибки, которая, вѣроятно, повела ее къ излишней близости съ обманщикомъ, я ничего предосудительнаго за ней не знаю».

При этомъ, очевидно, подъ вліяніемъ Кулиша или Бѣлозерской, Маруся сама обратилась съ письмомъ къ Максимовичу. Дрожащею, непривычною рукою дѣвушка сочинила посланіе къ Максимовичу, котораго она, повидимому, знала еще на родинѣ. Письмо было исправлено, вѣроятно, Кулишемъ, такъ какъ въ немъ выдержано введенное имъ правописаніе, и затѣмъ переписано Марусею начисто, поскольку она могла сдѣлать это. — «Будте ласкаві, щирий козаче, добродію — такъ писала Маруся Максимовичу — я васъ дуже прошу пириговоріть зматірю замене чи приймуть вони мене, якъ я приіду сама, чи ні, бо мабуть Грицько нипоіде, то будьте ласкаві скажить матирі нихай порадиця збратами, чи луче якъ я приіду, чи щобъ тутъ була, якъ вони скажуть, то я такъ зроблю. Маруся Украінка».

Грыцько—это Ч—скій, самъ сначала желавшій проводить обманутую имъ дѣвушку на родину.

Въ сентябрѣ 1864 года Маруся наконецъ поѣхала на родину. Можно думать, что Костомаровъ черезъ нее лично передалъ Максимовичу печатаемое ниже письмо къ нему; за это говорить

какъ бы рекомендательный тонъ письма. Негодованіе Костомарова по поводу поступка Ч—скаго было велико. Но не только моральная сторона дѣла возмущала Костомарова, — онъ боялся неблагопріятныхъ идейныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ подобныхъ этому случаевъ. Костомаровъ предвидѣлъ, что такія безнравственныя дѣйствія, какое совершилъ Ч—скій, подорвутъ довѣріе народа къ интеллигенціи и породятъ къ ней въ народной средѣ подозрительное отношеніе. Поэтому онъ предлагалъ рѣшительную нравственную мѣру для предупрежденія повторенія такихъ поступковъ, какой позволилъ себѣ Ч—скій: Костомаровъ считалъ необходимымъ предать дѣло гласности.

Маруся поѣхала на родину, но въ Петербургѣ ничего не знали объ ней. Это тревожило всю громаду, и потому по общей просьбѣ Кулишъ снова обратился къ Максимовичу: «Петербургская громада безпокоится о неизвѣстности положенія каневской Маруси и просила меня освѣдомиться у васъ, достигла ли она предѣловъ своей убогой родины. Кстати сообщу вамъ, что въ громадской радѣ, собравшейся 11-го октября, Ч—скій лишенъ общимъ приговоромъ званія громадянина и признанъ недостойнымъ общенія съ честными людьми. Просимъ васъ, при случаѣ, сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ, чтобъ не считали насъ равнодушными къ такимъ подлостямъ и тиранству, какія дозволилъ себѣ Ч—скій относительно Маруси.»

На этомъ письмѣ обрываются точныя свѣдѣнія о Марусѣ. Что было съ нею потомъ? Приняла ли ее родная мать или нѣтъ? На эти вопросы, вѣроятно, мы нашли бы отвѣтъ въ письмѣ Максимовича къ Кулишу, которое конечно, было имъ написано по поводу послѣдняго письма Кулиша. Но если вѣрить слухамъ, ходившимъ въ петербургской громадѣ, судьба Маруси была печальна. Объ этомъ глухо говоритъ Н. А. Бѣлозерская, не ручающаяся, впрочемъ, за достовѣрность сообщаемаго ею извѣстія. Жизнь Маруси согласно съ этими слухами, направилась въ сторону наименьшаго сопротивленія: дѣвушка, лишенная чести, легко ужъ поддалась соблазнамъ со стороны другихъ лицъ и въ концѣ концовъ. . стала жить этимъ. Но повторяемъ, Н. А. Бѣлозерская

оговаривается, передавая петербургскіе слухи, что она ихъ не провѣряла.

Послѣднее письмо Костомарова къ Максимовичу, какъ и второе, посвящено исторіи Богдана Хмельницкаго. Въ этомъ письмѣ нами не разобрано два слова.

I

Кіевъ. Ст. гор.
18 = Ш | д. Монькина / 18 | близь ц. Андрея = 47.
Первозв.

Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Очень жалѣю, что не могъ изъявить вамъ своей благодарности съ тѣмъ самымъ посломъ, который привезъ мнѣ драгоцѣнности для исторіи Украины. Симоновскій, хотя источникъ поздній, однако все-таки заключаетъ кое-что новое, а мнѣ каждая кроха драгоцѣнна при разработкѣ моей Хмельнищины Сто разъ въ восхищеніи благодарю васъ и совѣтую поспѣшить съ пѣснями, ибо Кулешъ, проѣзжая черезъ Кіевъ, извѣстилъ меня, что онъ отдалъ свои пѣсни вмѣстѣ съ частію моихъ Бодянскому, который хочетъ ихъ напечатать въ «Чтеніяхъ». Ради Бога, поспѣшите; употребимъ общія усилія, чтобъ не допустить гордой Москвѣ возвыситься надъ престарѣлымъ нашимъ Кіевомъ. На нашей сторонѣ Шевченко, который, къ сожалѣнію, гдѣ-то пропадаетъ, но скоро явится: мы его засадимъ малевать для сборника. Несмотря на измѣну Кулеша, отдавшагося подъ протекцію московскую, мы еще можемъ одержать первенство быстротою [1]). Зная, что вы открыли подписку и имѣете уже часть суммы, я спѣшу васъ просить. Что до меня лично, желаю только, чтобъ изданы были

---

[1]) П. А. Кулишъ отдалъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, секретаремъ котораго былъ въ то время проф. О. М. Бодянскій, свои этнографическіе матеріалы. Впослѣдствіи эти матеріалы вошли въ «Записки о Южной Руси».

пѣсни; желаю этого, какъ любитель Украины; а какъ преданный вамъ, желаю, чтобъ дѣло совершено было именно вами. Пусть кто началъ, тотъ и кончаетъ[1]). Кулешъ уѣхалъ назадъ тому недѣли двѣ и жилъ здѣсь только два дни. Съ нимъ и женою его поѣхалъ и Бѣлозерскій.

Я бы пріѣхалъ къ вамъ въ Прохоровку, но занятъ важнымъ дѣломъ, именно я женюсь, и желалъ бы видѣть васъ при такомъ многозначительномъ событіи моей частной жизни, а между тѣмъ, принося вамъ самое искреннее, самое задушевное поздравленіе съ наступающими праздниками Воскресенія Христова, съ чувствомъ привязанности, признательности, любви и уваженія пребываю навсегда вашимъ искреннимъ доброжелателемъ и готовымъ на все, чѣмъ могу оправдать ваше ко мнѣ вниманіе, вашъ преданный Николай Костомаровъ.

II

Спб. августа 2. 1859.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ,

Благодарю васъ за честь, сдѣланную мнѣ разборомъ «Хмельницкаго»: вы удостаиваете меня вызовомъ на поединокъ[2]). Я слишкомъ уважаю васъ и знаю, что нелегко мнѣ будетъ состязаться съ вашими знаніями въ южнорусской старинѣ, однако первые удары ваши я отпарировалъ въ № 132 «Спб. Вѣдомостей». Вы обѣщаетесь вывести гнилую болотную воду, найденную вами

---

[1]) Имѣется въ виду подготовлявшійся тогда Максимовичемъ «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ», вышедшій въ 1849 г. въ Кіевѣ.

[2]) Разбору монографіи Костомарова Максимовичъ посвятилъ слѣдующія статьи: «Письмо о Богданѣ Хмельницкомъ», «Украинецъ», 1859, 147—174; «О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья», «Русская Бесѣда», 1859, кн. VI. На статью Костомарова въ «Спб. Вѣдомостяхъ» Максимовичъ отвѣчалъ тамъ же въ № 8-омъ 1860 года.

въ выпискѣ изъ Коховскаго, на чистую воду Днѣпровскую. Вы сдѣлаете большую услугу исторіи. Но въ такомъ случаѣ я васъ попрошу о слѣдующемъ:

1) Не приписывайте моему личному взгляду свидѣтельства современниковъ. Взглядъ Коховского, какъ поляка, не можетъ быть правиленъ, какъ и взглядъ его современника южноруссa, и я привожу ихъ только для того, чтобъ показать, какимъ былъ Хмельницкій для своихъ современниковъ.

2) Не давайте значенія исторической дѣйствительности тому, что имѣетъ характеръ возможности—не болѣе. Такимъ образомъ вы обвинили меня за неясность въ опредѣленіи срока плѣна Хмельницкаго и составили свое предположеніе, которому дали характеръ . . . . . . исторической истины, а между тѣмъ открывается, что, если я виноватъ, то не за то, что не означилъ этого срока, а за то, что принялъ свидѣтельство Сѣркова письма; на дѣлѣ же, по соображенію событій, въ немъ и ошибка . . .
. . . .

Нѣкоторые, основываясь на вашихъ указаніяхъ, обвиняютъ меня въ томъ, будто бы я пользовался польскими источниками безъ всякой критики. Эта мысль была выражена въ « . . . . . Обозрѣніи» недавно съ сылкою на васъ. Пользоваться безъ критики источниками—значитъ принимать ихъ на вѣру безъ размышленія. Но если я не высказываю своихъ понятій о томъ, какъ понималъ или изображалъ такія-то событія такой-то и другой источникъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я пользовался ими безъ критики. Критика осталась у меня въ портфелѣ, ибо я не хотѣлъ издавать критическихъ изслѣдованій. Меня можно обвинять въ томъ, что я не такъ понялъ такой-то источникъ, не такъ смотрѣлъ на него—правда, но никто не можетъ прямо сказать, что я вовсе пользовался ими безъ критики, и вы, вѣроятно, этого не скажете, и доказали это вашимъ разборомъ, гдѣ вы, опровергая меня, хотите, однако, угадать, отчего я такой-то фактъ представилъ такъ, а не иначе. Это потому, что вы дѣло знаете, и вамъ извѣстна процедура историческаго труда. Желалъ бы я, чтобы эти почтенные судіи русской литературы, такъ олимпійски

изрекающіе надо мною приговоръ, доказали мнѣ, безъ вашего пособія, что я пользовался безъ всякой критики польскими источниками, которыхъ они и въ рукахъ не держали.

Теперь я занимаюсь исторіею козаччины до Богдана. Вы бы мнѣ оказали великое благодѣяніе, если бы удостоили указать на источники, которые извѣстны вамъ и, можетъ быть, мнѣ неизвѣстны. Всякое указаніе и замѣчаніе ваше я приму съ полною благодарностію. Передайте или перешлите письмо Шевченку: вѣроятно, вы знаете, гдѣ онъ теперь. Глубокоуважающій васъ, преданный вамъ душевно Н. Костомаровъ.

Адресъ мой: Въ книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова съ передачею Н. И. Костомарову.

III.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Удостойте участіемъ вашимъ бѣдную Марусю: она вамъ уже извѣстна, пристройте ее съ родомъ-племенемъ и, если можно, доставьте ей возможность жить честнымъ трудомъ. Очень прискорбно, что мерзавецъ Ч—скій, погубившій эту дѣвушку, пріѣзжалъ въ Украину съ тѣломъ Шевченка и такимъ образомъ положилъ пятно на патріотическое дѣло, которое ему имѣли неосторожность довѣрить. Надобно стараться, чтобъ имя его было предано достойному презрѣнію, но чтобъ народъ не былъ расположенъ по этому несчастному примѣру встрѣчать съ подозрѣніемъ всякаго, кто къ нему обратится въ интересахъ народности. Надобно бы напечатать о поступкѣ Ч—скаго, между прочимъ.

Хотѣлъ было я перебраться на Украину, чтобы провести остатокъ дней въ странѣ своей, текущей млекомъ и медомъ, но увы!—сильные міра сего, сѣдящіе на сѣдалищахъ власти, по наущеніямъ суеглаголивыхъ клеветниковъ, не допустили меня. Я любилъ всю жизнь Украину, ея народъ, ея языкъ, ея природу:

за это меня слѣдуетъ лишить возможности дожить и умереть тамъ. Глубокоуважающій васъ Н. Костомаровъ.

Сентября 8. 1864. Спб. [1]).

IV.

Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ,

Въ настоящее время занимаюсь передѣлкой «Богдана Хмельницкаго» и съ великою благодарностію воспользуюсь вашими замѣчаніями, высказанными печатно; кромѣ нѣкоторыхъ (1), я со всѣмъ согласенъ; въ особенности каюсь въ повтореніи характеристики Коховскаго, которая идетъ болѣе къ Выговскому, чѣмъ къ Хмельницкому.

У васъ есть . . . . книга. Прикажите выписать изъ нея (на мой счетъ) названія сотенъ, имена начальствующихъ лицъ и приложенныя тамъ стихотворенія. Будьте столько добры.

Кстати, подѣлюсь съ вами любопытнымъ извѣстіемъ. Въ одной изъ рукоп. И. П. Библ. (разноязычн. F. № 5) есть письмо кого-то изъ Львова въ Варшаву о разныхъ вѣстяхъ. Письмо въ іюлѣ 1648 (29) сообщаетъ, что Хмельницкій женился на шляхтянкѣ Чаплинской, вдовѣ шляхтича, убитаго недавно.

Вопр(осъ), того ли Чаплинскаго, съ котораго все началось? Во всякомъ случаѣ, значитъ, всѣ источники, показывающіе бракъ его въ январѣ 1649 года, врутъ, и патріархъ сюда приплетенъ напрасно. А какъ вы думаете, происшествіе съ Чаплинскимъ было прежде или послѣ порученія Владислава строить чайки? Я никакъ не могу этого въ толкъ взять. Я скорѣе наклоненъ думать, что послѣ, и даже послѣ вторичнаго обращенія къ козакамъ, о которомъ говоритъ Грондскій. Первое было въ Варшавѣ въ маѣ 1646 г.; сеймъ въ ноябрѣ того же года разрушилъ затѣи. Грондскій говоритъ, что послѣ того Оссолинскій съ Любовицкимъ

[1]) Вверху почтоваго листа приписано рукою Максимовича: «Пол. 27 сентября».

объѣхали пограничныя крѣпости и опять обращались къ козакамъ, уже къ Хмельницкому. Мнѣ кажется сомнительнымъ поѣздка самого Оссолинскаго, онъ былъ слишкомъ хитръ и остороженъ, а что посылалъ туда Любовицкаго, это очень вѣроятно. Вотъ это-то вторичное предложеніе начать войну съ Турціею и расположило Хмельницкаго выманить у Ильяша (скорѣе, чѣмъ у Барабаша) привилегію, данную королемъ, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ наѣздъ Чаплинскій, имѣвшій, можетъ быть (и болѣе, чѣмъ вѣроятно) столько же политическое побужденіе, сколько и его личное. Наѣздъ этотъ, какъ мнѣ кажется, сдѣланъ былъ, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобъ отнять у Хмельницкаго привилегію.

Какъ вы объ этомъ думаете? сообщите.

Глубокоуважающій васъ Н. Костомаровъ. Окт. 24. 1864. Спб. IX линія, Вас. Остр. д. № 4 кв. № 5.

(1) Писарства Хмельницкаго, времени плѣна у турокъ, участія въ прежнихъ возстаніяхъ и времени отнятія привилегіи. Кстати, ... о Барабашѣ ошибка. Дѣло было съ Ильяшемъ, а не съ Барабашемъ.

(Вверху письма рукою Максимовича приписано: «Пол. 10. Отвѣч. 16»).

II. Н. И. Костомаровъ и „Кіевская Старина".

Основаніе въ 1882 году «Кіевской Старины» должно было быть очень близкимъ сердцу знаменитаго и престарѣлаго уже въ то время Н. И. Костомарова. Какъ, по выраженію древняго книжника, радуется купецъ, сотворившій прикупъ, или писецъ, дошедшій до конца книги, такъ, конечно, долженъ радоваться ученый, занимающійся въ опредѣленной области науки, основанію журнала, посвященнаго его спеціальности. Какъ ни близки были сердцу Костомарова всѣ области русской исторіи, но всетаки ближе всего, роднѣе всего была ему область исторіи украинской, для которой онъ много поту утеръ на лицѣ своемъ,

какъ говорили русскіе лѣтописцы. Въ «Кіевской Старинѣ» Костомаровъ впервые видѣлъ органъ, спеціально посвященный дорогой для него области исторіи украинскаго народа и его быта. Существовавшая въ 60-ыхъ годахъ «Основа» не могла представлять для Костомарова такого же интереса, какъ и «Кіевская Старина», такъ какъ это былъ органъ, главнымъ образомъ посвященный художественной украинской литературѣ и публицистикѣ, и въ незначительной степени отводившій мѣсто разработкѣ историческихъ вопросовъ, касающихся Украины.

Первый редакторъ-издатель «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцевъ могъ вполнѣ разсчитывать на сотрудничество Костомарова, съ одной стороны, по чисто принципіальнымъ соображеніямъ, а съ другой, потому, что могъ всегда положиться на вліяніе и содѣйствіе своего брата Даніила Гавриловича, который былъ старымъ пріятелемъ Костомарова [1]). Однако, неизвѣстно, обращался ли Лебединцевъ черезъ своего брата съ первымъ предложеніемъ къ Костомарову принять участіе въ журналѣ,— имѣющіяся у насъ письма указываютъ лишь на непосредственное обращеніе самого Лебединцева къ Костомарову, а также черезъ В. Б. Антоновича и П. И. Житецкаго, съ просьбою помѣстить въ «Кіевской Старинѣ» монографію «Мазепа». Но это желаніе Лебединцева не осуществилось Костомаровъ уже обѣщалъ «Мазепу» редактору «Русской Мысли» С. А. Юрьеву, и монографія была напечатана въ томъ же 1882 году въ названномъ журналѣ. Но на будущее время Костомаровъ обѣщалъ Лебединцеву ревностное сотрудничество въ его журналѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Костомаровъ выхода «Кіевской Старины», ждалъ, какъ «краснаго солнышка», и, дѣйствительно, нашелъ въ ней для себя много интереснаго и даже новаго, какъ напр., дневникъ польскаго дворянина Станислава Освѣцима, жившаго въ XVII вѣкѣ, въ которомъ онъ описываетъ польско-козацкія столкновенія своего времени. Однимъ только не былъ доволенъ

---

[1]) «Автобіографія» въ книгѣ «Литературное наслѣдіе», стр. 205.

Костомаровъ въ вышедшей первой книжкѣ «Кіевской Старины» — это ея наружнымъ видомъ: «Типографія, гдѣ печатается «Кіевская Старина», хромаетъ, а переплетчикъ, который брошюровалъ экземпляры, изъ рукъ вонъ: невозможно читать книги: такъ и высыпаются листы. Надобно переплетать, на это нужно время, а между тѣмъ хочется познакомиться съ ея содержаніемъ». Небезынтересно сопоставить съ жалобами Костомарова на неудовлетворительную внѣшность «Кіевской Старины» указаніе на то же самое, сдѣланное Н. С. Лѣсковымъ, который также былъ приглашенъ Лебединцевымъ оказать «Кіевской Старинѣ» содѣйствіе своими произведеніями, гдѣ онъ-и напечаталъ «Печерскіе антики.» Вотъ что писалъ Лѣсковъ издателю «Кіевской Старины»: «Обертка новая хороша, но не совсѣмъ: кафли хороши, [1]) а шрифтъ отвратительный. Чортъ ли въ немъ, что онъ съ того или другого рисунка; когда онъ не четокъ, не бьетъ въ глаза, не кричитъ!... По моему это никуда не годится. Еще не хорошо, что вы позволяете переплетчику брошюровать «на клеекъ», черезъ что книгу въ рукахъ держать невозможно,—такъ изъ нея потроха и сыпятся. Читатель не любитъ всего того, что его раздражаетъ. За $1^1/_2$ коп. такую книжку можно брошюровать «на нитку». [2]) Очевидно, Лебединцевъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на внѣшность журнала, можетъ быть, не желая увеличивать расходы по его изданію, и она представлялась черезчуръ безпорядочною, если даже люди 80-хъ годовъ, совершенно не избалованные издателями въ отношеніи красоты и удобства изданій, жаловались такъ дружно на «Кіевскую Старину».

Пообѣщавъ быть полезнымъ журналу, «сколько силъ станетъ», Костомаровъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года спѣшитъ послать въ редакцію свой очеркъ «Поѣздка въ Бѣлую Церковь», сопровождая посылку небольшимъ письмомъ къ редактору. Слѣдуетъ отмѣтить ту скромность, съ какою знаменитый историкъ,

---

[1]) Обложка «Кіевской Старины» была составлена изъ рисунковъ старинныхъ украинскихъ кафель.

[2]) Отъ 22 января, 1883 года.

сотрудничество котораго считалось почетнымъ для всякаго журнала, предлагаетъ Лебединцеву напечатать свою статью. Мы какъ будто видимъ предъ собою начинающаго писателя, еще не увѣреннаго въ своихъ силахъ, не обладающаго именемъ, который трудится и не знаетъ, найдетъ ли его произведеніе пріютъ въ журналѣ, или сухо будетъ возвращено ему редакторомъ обратно: «Если найдете умѣстнымъ, пишетъ Костомаровъ, напечатайте въ «Кіевской Старинѣ», а не найдете, не вмѣните себѣ въ трудъ возвратить по почтѣ мою рукопись».

Лебединцевъ, привлекши Костомарова къ сотрудничеству въ журналѣ, посвящалъ его въ редакціонныя дѣла и, повидимому, совѣтовался съ нимъ. Такъ онъ сообщилъ Костомарову о своемъ несогласіи напечатать украинскую повѣсть И. С. Левицкаго: «Старосвіцькі батюшки та матушки», ссылаясь на то, что повѣсть могла охладить къ журналу лицъ, не читающихъ по украински. Костомаровъ возражалъ Лебединцеву: «Кого же могла отбить она отъ вашего журнала? Развѣ такихъ, какъ Юзефовичъ и Пихно съ братіею?» И Костомаровъ старался доказать Лебединцеву, что помѣщеніе повѣсти было бы полезно для журнала, такъ какъ привлекло бы къ нему еще болѣе украинской публики.

Но для насъ объясненіе Лебединцевымъ факта ненапечатанія повѣсти И. С. Левицкаго, какъ объ немъ можно судить по письму Костомарова, является нѣсколько непонятнымъ. Вѣдь дѣло происходило въ самый разгаръ цензурнаго гнета украинской рѣчи. Да могъ ли Лебединцевъ просто по цензурнымъ условіямъ помѣстить въ «Кіевской Старинѣ» повѣсть на украинскомъ языкѣ? Гораздо позже, въ 1897 году, когда редакція «Кіевской Старины» задумала включить въ программу журнала беллетристику на украинскомъ языкѣ, для этого понадобилось содѣйствіе и благожелательство двухъ генералъ-губернаторовъ юго-западнаго края, гр. А. П. Игнатьева, а затѣмъ М. И. Драгомирова. Подтвержденіе нашему сомнѣнію мы находимъ въ воспоминаніяхъ по поводу даннаго случая самого маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго, къ которому мы обращались за разъясненіемъ. Мы рѣшаемся и считаемъ для себя пріятнымъ удовольствіемъ привести

объясненіе И. С. Левицкаго въ оригиналѣ, выписавъ соотвѣтствующій отрывокъ его письма къ намъ: «Костомаров тут розуміє мою повість: «Старосьвіцькі батюшки та матушки». Не надрукував йіі Лебединцев на українські мові не через те тільки, що мова одбила б читальників з Великороссіи. Це тільки між инчим. В той час (1882 р.) вже було заборонено од Глав. Управленія по діл. Печаті друковать українські повісті. І Лебединцев якось виканючив в тодішнього цензора Рафальского, щоб він дозволив надруковать розмови дієвих особ меж собою по-українськи, а решту, де говоре автор сам од себе, редактор мусів поміщать на великоруські мові. Згодом потім я мусів також на двох мовах помістить в «Кіевской Старинѣ» своє оповідання під заголовком: «Українські штукарі», бо цього домогавсь цензор. І як би я не надписав ще в заголовку «этнографическій очеркъ», то (як казав міні один з редакторів) цензор не пропустив би й українських розмов меж дієвими особами. Мабуть, Костомаров не знав про такий дрібязковий нацад на українську мову в «Кіевской Старинѣ», коли пише оттакий докір Лебединцеву».

Въ такомъ-то двуличномъ видѣ повѣсть И. С. Левицкаго «Старосвѣтскіе батюшки и матушки» появилась въ «Кіевской Старинѣ» и на Костомарова произвела отрицательное впечатлѣніе. Вообще Костомаровъ былъ очень высокаго мнѣнія о творчествѣ И. С. Левицкаго и два его разсказа о бабахъ Палашкѣ и Параскѣ по высотѣ, тонкости и народности юмора ставилъ наравнѣ только съ произведеніями Гоголя [1]), но двуязычное сочиненіе Костомарову не понравилось: «Батюшки и матушки» не клеятся по-русски»,— писалъ онъ Лебединцеву. Что повѣсть «не клеилась», это было такъ естественно. Вѣдь у писателя отнималась его душа — родной языкъ, и никогда компромиссъ его съ цензурными требованіями не могъ выразиться въ цѣльныхъ, вполнѣ художественныхъ формахъ. При томъ же переводъ по-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1882. кн. 2.

вѣсти съ украинскаго на русскій языкъ былъ сдѣланъ не всецѣло самимъ авторомъ, а также редакторомъ Лебединцевымъ [1]). По этому поводу намъ припоминается цензурный случай съ самимъ Костомаровымъ, разсказанный имъ въ автобіографіи. Разсказавъ о томъ, какъ цензоръ архимандритъ Макарій непремѣнно настаивалъ, чтобы сочиненіе: «Сѣвернорусскія народоправства» печаталось точно въ такомъ же видѣ, какимъ оно было послѣ цензурнаго просмотра, хотя дѣло касалось лишь нѣсколькихъ словъ, вставленныхъ Костомаровымъ при печатаніи изслѣдованія и не измѣнявшихъ смысла, Костомаровъ замѣчаетъ: «Сдѣланныя имъ перемѣны, которыя онъ принудилъ меня вставить въ текстъ моего сочиненія, совсѣмъ не сходились съ моимъ слогомъ. Вотъ образчикъ того, какъ авторы вынуждаемы были уступать требованіямъ цензоровъ и допускать въ свои сочиненія выраженія, вовсе несходныя съ тономъ, господствующимъ въ цѣломъ сочиненіи» [2]). Отзываясь о русско-украинской повѣсти И. С. Левицкаго, Костомаровъ и не подозрѣвалъ, какой «образчикъ» цензурнаго привужденія представляетъ эта повѣсть, передъ которымъ блѣднѣетъ и меркнетъ его собственный цензурный случай съ «Сѣвернорусскими народоправствами».

Костомаровъ съ первыхъ же шаговъ изданія „Кіевской Старины" не ограничивался только сотрудничествомъ въ ней, но стремился также популяризовать журналъ и потому писалъ объ немъ рецензіи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" [3]) и въ „Но-

---

[1]) І. Нечуй-Левицький: „Сьогочасна часописна мова на Украіні". стр. 102.

[2]) „Автобіографія" въ книгѣ: „Литературное наслѣдіе", стр. 153.

[3]) „Правительственный Вѣстникъ", 1882 г. № 276 (14 декабря). стр. 2—3. *Библіографія*. „Кіевская Старина". Ежемѣсячный историческій журналъ 1882 года". Статья безъ подписи, но принадлежность ея Костомарову доказывается съ очевидностью письмомъ (X) его къ Лебединцеву. Въ спискѣ сочиненій Костомарова въ книгѣ: „Литературное наслѣдіе" данная статья пропущена.

вомъ Времени" [1]). Изъ писемъ Костомарова къ Лебединцеву видно, что издатель послѣдняго принималъ рецензіи на „Кіевскую Старину" неохотно и печаталъ ихъ, очевидно, только потому, что авторомъ ихъ былъ знаменитый историкъ. Въ письмѣ къ Лебединцеву отъ 17 января 1883 года Костомаровъ объясняетъ эту неохоту со стороны редактора „Нового Времени" печатать рецензіи на журналъ въ своей газетѣ завистью къ „Кіевской Старинѣ". Но съ такимъ объясненіемъ совершенно невозможно согласиться, да и вѣроятнѣе всего, что Костомаровъ сказалъ о зависти съ благою цѣлью поднять значеніе „Кіевской Старины" въ глазахъ самого Лебединцева. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, крупный петербургскій издатель, хотя нѣсколько, завидовать провинціальному, не окупавшему расходовъ изданію? Правда то, что редакторъ „Новаго Времени" не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на популяризацію „Кіевской Старины" на страницахъ газеты, что подтверждаютъ, между прочимъ, письма Н. С. Лѣскова къ Лебединцеву: „Старину вашу, писалъ Лѣсковъ, чай видите,—поддерживаемъ, повторяя ея имя и похваляя ея труды. По моему, я это дѣлаю даже счастливѣе Николая Ивановича, потому что мое проходитъ ради живости и интересности того, что у васъ дергаемъ, а Костомаровскій отзывъ Суворинъ насилу напечаталъ и то сказалъ мнѣ: „Вы оба рекламируете «Кіевскую Старину»; когда есть свой такой же журналъ" [2]). Костомаровъ напрасно это двинулъ такимъ тяжелымъ орудіемъ, — лучше полегче, да почаще, да такъ, чтобы помнилось что-нибудь забирательное". Эта неблагосклонность издателя „Новаго Времени" къ рекламированію „Кіевской Старины" со стороны Лѣскова и Костомарова объясняется исключительно редакціонными соображеніями. Съ одной стороны, для ежедневнаго изданія тяжелыя рецензіи Костомарова были неподходящимъ матеріаломъ по своей ученой серьезности, а съ другой стороны, частыя рецензіи на

[1]) „Новое Время", 1882, № 2212 (рецензія на журналъ за мѣсяцы январь—апрѣль) и №№ 2442 и 2449 (рецензія на журналъ за мѣсяцы апрѣль—ноябрь).

[2]) Т. е. „Историческій Вѣстникъ".

провинціальный журналъ не соотвѣтствовали общимъ стремленіямъ «Новаго Времени», главнымъ образомъ, обслуживавшаго интересы петербургскаго общества.

За первый годъ существованія «Кіевской Старины» Костомаровъ, кромѣ упомянутой статьи: «Поѣздка въ Бѣлую Церковь» [1]), помѣстилъ въ журналѣ «Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года» [2]) и замѣтку: «Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка» [3]).

Къ сентябрю же 1882 года Костомаровъ приготовилъ для «Кіевской Старины» изслѣдованіе: «Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка», при чемъ самъ даже переписалъ статью для журнала и старался переписать какъ можно лучше. Если принять во вниманіе классически неразборчивый почеркъ Костомарова, то его слова въ письмѣ къ Лебединцеву о томъ, что онъ «старался» переписать статью четко, получаютъ особенное значеніе, какъ показатель неутомимаго научнаго рвенія стараго историка. При томъ же въ это время Костомаровъ почти всегда былъ боленъ и разслабленъ, и потому переписка имъ самимъ рукописи пріобрѣтаетъ характеръ ученаго подвига.

Лебединцевъ, конечно, принялъ статью, но, какъ пишетъ ему самъ Костомаровъ, «не безъ соболѣзнованія», потому что Костомаровъ, по мнѣнію Лебединцева, назначилъ за нее дорогую цѣну. На это Костомаровъ приводилъ Лебединцеву слѣдующіе расчеты: «Посудите сами: если мнѣ за то же сочиненіе и за всѣ произведенія, не чисто ученаго, а беллетристическаго содержанія заплатятъ по 200 р., и при томъ запросовъ такъ много отъ разныхъ періодическихъ органовъ, что удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, то вполнѣ справедливо, согласитесь сами, что съ вашего журнала я возьму то, что другіе мнѣ предлагаютъ, но я все-таки предпочитаю помѣстить у васъ, хотя черезъ то на меня надулись тѣ, которымъ я отказалъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ

[1]) „Кіевская Старина“, 1882 г. кн. 5, 241—256.

[2]) Ibidem, кн. 8, 297—304.

[3]) Ibidem, кн. 8, 362—368.

фактомъ денежныхъ отношеній Костомарова къ «Кіевской Старинѣ». Хотя подобныя вещи, прежде всего, не имѣютъ никакого литературнаго значенія, а затѣмъ сами по себѣ слишкомъ мелки, чтобы ими можно было интересоваться въ печати, тѣмъ не менѣе мы считаемъ обязательнымъ остановиться на денежныхъ отношеніяхъ Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», такъ какъ по условіямъ изданія «Кіевской Старины» и ея положенію въ дѣлѣ украинскаго культурнаго возрожденія даже послѣднія могутъ принять нѣкоторую идейную окраску. Намъ приходилось слышать упреки памяти Костомарова за то, что онъ пользовался гонораромъ съ «Кіевской Старины». «Кіевская Старина», правда, была дѣломъ идейнаго характера, но развѣ такіе журналы, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство» не были идейными явленіями? Во тьмѣ общественнаго сознанія конца XIX вѣка они были почти единственно видимыми и доступными свѣточами бодрствующей совѣсти. Однако никто не ставилъ въ упрекъ руководителямъ и сотрудникамъ журналовъ, что они почерпали средства для жизни изъ своей дѣятельности. Правда также то, что «Кіевская Старина» въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго существованія держалась доброхотными дарами сотрудниковъ, но это, говоря словами Костомарова, было «достохвальнымъ пожертвованіемъ». Почему ученый, всю жизнь твердо державшій знамя украинской культуры, перенесшій за это гоненія и невзгоды, долженъ былъ на старости лѣтъ жертвовать своимъ трудомъ, сверхъ силъ, для украинскаго журнала, тогда какъ все остальное украинское общество, или, по крайней мѣрѣ, признававшее себя таковымъ, очень мало принимало участія въ матеріальной поддержкѣ изданія?

Къ тому же Лебединцевъ, идеально преданный своему дѣлу, которое все-таки въ концѣ концовъ оказалось ему не подъ силу, дѣлалъ Костомарову предложенія, бывшія, по выраженію послѣдняго, «физически невозможными». Фактъ пріобрѣтаетъ характеръ курьеза. Лебединцевъ въ 1883 году предложилъ Костомарову «писать исторію послѣднихъ лѣтъ Гетманщины и помѣстить ее въ «Кіевской Старинѣ» даромъ», между тѣмъ какъ гонораръ, полу-

ченный Костомаровымъ за «Руину» съ «Вѣстника Европы» и «Мазепу» съ «Русской Мысли», могъ едва лишь покрыть расходы, которые пришлось сдѣлать историку во время поѣздокъ въ Москву въ мѣстные архивы. Костомаровъ все время болѣлъ, на леченье приходилось истрачивать значительныя суммы, и при такихъ условіяхъ жертвы, которыя предлагалъ Лебединцевъ Костомарову принести на алтарь исторической науки, были свыше человѣческихъ силъ.

Но Костомаровъ обѣщаетъ, сколько можно, рекомендовать журналъ знакомымъ, хотя и не надѣется на успѣхъ подобнаго дѣла, такъ какъ знакомые его «все народъ небогатый». Рекомендовать «Кіевскую Старину» знакомымъ было для сотрудниковъ журнала такою же безкорыстною обязанностью, какъ и писать для него безплатныя статьи. Иные сотрудники припоминали Лебединцеву всѣхъ своихъ знакомыхъ, кто бы могъ, по ихъ мнѣнію, подписаться на журналъ, и Лебединцевъ разсылалъ предложенія такимъ лицамъ. Надо воздать Лебединцеву честь: онъ умѣлъ, даже не платя гонораровъ, привлекать къ своему журналу сотрудниковъ, помѣщавшихъ въ послѣднемъ свои цѣнные труды, за которые авторы ихъ бывали удостаиваемы впослѣдствіи ученыхъ степеней. О томъ, какъ Лебединцевъ дорожилъ сотрудниками, и съ какимъ уваженіемъ онъ относился къ нимъ, свидѣтельствуетъ большая переписка Лебединцева со многими изъ участниковъ журнала. Если они ему писали довольно часто и помногу, то, очевидно, самъ Лебединцевъ не ограничивался какими-нибудь сухими отвѣтами на письма, а то и молчаніемъ. Оканчивая вопросъ о денежныхъ отношеніяхъ Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», для характеристики историка слѣдуетъ подчеркнуть то, что послѣ указаннаго предложенія Лебединцева онъ прислалъ ему для напечатанія статью «Изъ прожитыхъ на Волыни дней» [1]) и гонорара не взялъ.

Въ связи съ матеріальною необезпеченностью «Кіевской Старины» стоитъ фактъ, который до сихъ поръ не былъ совершенно

---

[1]) «Кіевская Старина», 1884, январь.

извѣстенъ даже ближайшимъ сотрудникамъ журнала. Въ нашихъ «Литературныхъ поминкахъ» по «Кіевской Старинѣ», помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мы со словъ одного изъ участниковъ первой редакціи «Кіевской Старины» сообщали, что еще въ редакторство Лебединцева былъ поставленъ вопросъ о закрытіи журнала въ виду его сепаратистскаго направленія.— «Экспертиза благонадежности «Кіевской Старины» была поручена академику А. Ѳ. Бычкову. Лебединцевъ поспѣшилъ послать ему комплектъ вышедшихъ номеровъ журнала, и Бычковъ, разсмотрѣвши содержаніе «Кіевской Старины», далъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что журналъ безупреченъ въ политическомъ отношеніи и высоко цѣненъ въ научномъ» [1]. Въ данномъ случаѣ мы были введены въ заблужденіе упомянутымъ лицомъ, какъ, въ свою очередь, и сообщавшій намъ эти свѣдѣнія находился въ заблужденіи. Весь этотъ разсказъ о подозрѣніяхъ политическаго характера по отношенію къ «Кіевской Старинѣ» не болѣе, не менѣе, какъ легенда нехорошаго свойства, приписывающая покойному академику А. Ѳ. Бычкову роль какого-то эксперта по политическимъ дѣламъ. Легенда, правда, имѣетъ подъ собою дѣйствительное основаніе, но совершенно противоположное ея содержанію.

Письма Костомарова къ Лебединцеву вполнѣ разъясняютъ это дѣло. Лебединцевъ при посредствѣ своего брата Даніила Гавриловича обратился къ Костомарову съ просьбою поддержать «Кіевскую Старину» исходатайствованіемъ субсидіи. Костомаровъ обратился къ академику А. Ѳ. Бычкову, а послѣдній совѣтовалъ попросить И. Д. Делянова, который лично зналъ Ѳ. Г. Лебединцева по его службѣ директоромъ народныхъ училищъ въ Холмѣ. Сначала Бычковъ совѣтовалъ просить только рекомендаціи журнала со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ уже черезъ годъ и субсидіи. Лебединцевъ по совѣту Бычкова и Костомарова обратился съ просьбою къ Делянову, который обѣ-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1907, іюль, 208 стр.

щалъ похлопотать за журналъ, но изъ этого ничего не вышло. Въ министерскихъ кругахъ по поводу субсидіи поднялись толки въ томъ смыслѣ, что, хотя «Кіевская Старина» журналъ «очень дѣльный, почтенный, полезный для науки», но, если государство будетъ поддерживать всѣ научныя предпріятія, у него не хватитъ средствъ. Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло съ «Кіевляниномъ», получающимъ субсидію: эта газета разрабатываетъ въ духѣ правительства политическіе вопросы и проводитъ его интересы въ юго-западномъ краѣ.

Кромѣ Костомарова, Лебединцевъ обращался съ просьбою поддержать ходатайство о субсидіи къ Леонтію, архіепископу холмско-варшавскому. Преосвященный исполнилъ просьбу Лебединцева и сообщалъ ему слѣдующее: «7-го апр. былъ у меня Иванъ Давидовичъ [1]),—и я высказалъ ему ваши потребности. Онъ сказалъ, что имѣетъ отъ васъ письмо и желаетъ помочь доброму дѣлу; обѣщалъ переговорить съ Бунге [2]). Нѣтъ ли у васъ кого изъ знакомыхъ, близкаго къ мин. финансовъ? Даніилъ Гавриловичъ обѣщалъ попросить содѣйствія Костомарова и Бычкова. Это хорошо. Но не лишне изъ Кіева пустить словцо. Журналъ вашъ читаемъ съ удовольствіемъ и пользою. Но удивительно, какъ мало у васъ подписчиковъ. Южане наши, выходитъ, мало интересуются своею исторіею. Я читаю, при всѣхъ недосугахъ, каждый номеръ».

Еще къ болѣе рѣзкому сужденію вслѣдствіе безучастнаго отношенія украинскаго общества къ «Кіевской Старинѣ» приходитъ Костомаровъ: «Если южнорусскій край, пишетъ онъ Лебединцеву, не хочетъ поддержать единственнаго изданія, ему посвященнаго, то стоитъ махнуть на него рукою».

Но все же были кое-какіе положительные результаты ходатайства Лебединцева: журналъ былъ рекомендованъ для выписки въ среднія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

---

[1]) Деляновъ.

[2]) Министръ финансовъ.

Если Лебединцевъ хлопоталъ даже о субсидіи журналу, то откуда же могла возникнуть легенда объ угрожавшей «Кіевской Старинѣ» опасности. Мы думаемъ, что она явилась послѣдствіемъ какой-нибудь неясно оброненной фразы Лебединцева по поводу ходатайства, которую окружавшіе, не зная существа дѣла, приняли въ противоположномъ смыслѣ. При этомъ очевидно то, что Лебединцевъ изъ самолюбія никого изъ кіевлянъ не посвящалъ въ вопросъ о субсидіи.

Слѣдя за дѣятельностью Костомарова на страницахъ «Кіевской Старины», мы остановились на «Жидотрепаніи въ началѣ XVIII вѣка». Оно было напечатано въ 1883 году въ январьской и мартовской книжкахъ журнала. Это раздѣленіе статьи на двѣ части показалось Костомарову необоснованнымъ и умаляющимъ интересъ къ ней: «Напрасно вы мое «Жидотрепаніе» растрепали на два номера, писалъ Костомаровъ; вообще мнѣ кажется, ошибаются тѣ редакторы, которые безъ особой нужды раздѣляютъ на нумера такія сочиненія, которыя имѣютъ интересъ только тогда, когда ихъ можно прочесть за одинъ присѣстъ». Н. С. Лѣсковъ, который въ письмахъ къ Лебединцеву сообщаетъ свои впечатлѣнія, полученныя при чтеніи журнала, также обращаетъ его вниманіе на это неудачное раздѣленіе статьи Костомарова: «Въ статьѣ Костомарова, пишетъ онъ, перерывъ сдѣланъ «на самомъ интересномъ мѣстѣ»,—это непрактично. Статья любопытная и основательная, но пройдетъ въ молчаніи».

Слѣдующею работою Костомарова, появившеюся въ «Кіевской Старинѣ» была статья: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» [1]). Еще въ 70-ыхъ годахъ Костомаровъ высказалъ опредѣленное мнѣніе о характерѣ Кулиша и свойствахъ его литературной дѣятельности. На статью Кулиша: «Козаки въ отношеніи къ государству и обществу» [2]), въ которой авторъ стремился представить козаковъ, какъ силу разрушитель-

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, кн. 2, стр. 221—234.

[2]) Русскій Архивъ, 1877 г., №№ 3 и 6.

ную, противообщественную и противогосударственную, Костомаровъ написалъ статью: «О козакахъ». Здѣсь Костомаровъ, вспоминая «Исторію возсоединенія Руси», даетъ такую характеристику ея автору: «Почтенный авторъ почти вездѣ проявляетъ какой-то странный духъ гордыни и самомнѣнія, съ хвастовствомъ выставляетъ себя на показъ, съ презрѣніемъ топчетъ въ грязь предшествовавшихъ ему тружениковъ по обработкѣ малороссійской исторіи, и, по мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ литераторовъ, сдѣланному, по прочтеніи его книги, напоминаетъ собою евангельскаго фарисея, благодарившаго Бога за то, что онъ не таковъ, какъ прочіи человѣцы» [1]). Изданная Кулишемъ въ 80-ыхъ годахъ книжка: «Крашанка русинамъ и полякамъ на велыкъ день 1882 року», въ которой Кулишъ высказывалъ чрезмѣрныя и мало обоснованныя украинскія симпатіи къ полякамъ, только подтверждала въ глазахъ Костомарова его мнѣніе о Кулишѣ, и онъ даетъ блестящую, мѣткую и остроумную характеристику Кулиша въ одномъ изъ писемъ къ Лебединцеву.

Но написавъ статью о Кулишѣ, Костомаровъ не рѣшался нѣкоторое время напечатать ее. Повидимому, она была сначала написана не въ томъ видѣ, какъ напечатана впослѣдствіи, и въ ней заключались существенныя указанія насчетъ такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, толковъ о которомъ Костомаровъ опасался: «Я опасаюсь, чтобы толки въ печати о бывшемъ . . . тайномъ обществѣ не побудили коситься и на меня, автора этой статьи . . .» Нѣсколько удивляетъ такая осторожность Костомарова, которому не привыкать было не только къ тому, что на него косятся, но и къ обвиненіямъ въ измѣнѣ Россіи и даже чуть-ли не въ участіи въ Польскомъ возстаніи. Но надо помнить, что въ данномъ случаѣ передъ нами глубокій старикъ, въ значительной степени потерявшій способность съ энергіею и мужествомъ противостоять нападкамъ.

Въ томъ же 1883 году Костомаровъ послалъ въ «Кіевскую Старину» еще двѣ свои работы: замѣтку—«Словечко по поводу

[1]) Соч., т. XIV, въ изд. Лит. фонда стр. 619.

замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси» [1]), написанную на статью Д. И. Багалѣя: «Удѣльный періодъ и его изученіе» [2]), и рецензію на драму Старицкаго: «Не судилось» [3]). О напечатанной въ 1884 году статьѣ Костомарова мы уже упоминали.

Характеризуя въ общихъ чертахъ отношенія Костомарова къ «Кіевской Старинѣ», можно сказать, что они выражались въ самыхъ благожелательныхъ для журнала формахъ. Когда читаешь письма Костомарова къ Лебединцеву, забываешь, что ихъ дрожащею рукою писалъ глубокій старецъ, почти совсѣмъ ослѣпшій. Костомаровъ съ участіемъ относится къ жизни и судьбѣ журнала, и только полное равнодушіе къ послѣднему самихъ украинцевъ могло вырвать у историка холодную фразу, что слѣдуетъ махнуть рукою на «Кіевскую Старину». Да такъ и пришлось впослѣдствіи сдѣлать Лебединцеву, который въ 1887 году рѣшилъ прекратить изданіе.

«Кіевская Старина» могла съ гордостью говорить, перефразируя извѣстный стихъ Пушкина, что ее замѣтилъ старикъ Костомаровъ и благословилъ, сходя въ гробъ.

Помѣщаемыя ниже письма Костомарова къ Лебединцеву обнимаютъ собою время отъ 18 октября 1881 года по 6 іюня 1884 года. Этотъ періодъ въ жизни Костомарова былъ очень тяжелымъ для него. Все время Костомаровъ болѣлъ, страдая физически, а также и нравственно, такъ какъ уходило здоровье, все болѣе и болѣе уменьшалась сила зрѣнія, и неутомимый историкъ останавливался съ ужасомъ передъ мыслью о томъ, что онъ не въ состояніи больше работать на пользу науки. Письма Костомарова къ Лебединцеву даютъ достаточное понятіе о состояніи его здоровья, при какомъ Костомарову приходилось доживать свой многополезный и не безъ горестей прошедшій

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, кн. 4, 899—901.

[2]) Ibidem, кн. 2.

[3]) Ibidem, кн. 9, 297—300.

вѣкъ. Картина жизни Костомарова за это же время можетъ быть дополнена интересными воспоминаніями Д. Л. Мордовцева: «Н. И. Костомаровъ въ послѣднія десять лѣтъ его жизни» [1]).

I.

Добрѣйшій многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Въ Тифлисѣ [2]) доставилъ мнѣ отъ васъ письмо В. Бониф. Антоновичъ, а въ Петербургѣ П. И. Житецкій другое — объ одномъ и томъ же. Вы просите «Мазепу». Но я уже отдалъ Юрьеву. Еще въ апрѣлѣ я обѣщалъ ему, но цѣны не назначалъ. Житецкій сообщилъ мнѣ, что вы предлагаете мнѣ 150 р. за листъ. Я уже отдалъ Юрьеву за 100 съ прибавкою. однакожъ, 600 экземпляровъ на его счетъ. Вы со мною видѣлись въ августѣ, но цѣны, о которой сообщалъ мнѣ теперь Житецкій, вы сами тогда не объявили. Я вамъ сказалъ и Антоновичу то же повторилъ, что попрошу у Юрьева впередъ гонораръ за 20 листовъ, и если онъ затруднится. тогда не буду считать себя въ какихъ-либо обязательствахъ съ нимъ. Но Юрьевъ безъ всякихъ прекословій выдалъ мнѣ требуемую сумму тотчасъ. Такимъ образомъ не по моей винѣ мой «Мазепа» не попалъ къ вамъ, а въ «Русскую Мысль», съ которой по этому поводу я вступилъ въ сношенія тогда, когда не зналъ о намѣреніи вашемъ издавать журналъ.

На будущее время прошу считать меня всегда готовымъ къ услугамъ и ревностнымъ сотрудникомъ вашего журнала, если онъ состоится.

Затѣмъ примите увѣреніе въ чувствахъ моего глубочайшаго уваженія и сердечной преданности Н. Костомаровъ.

1881 года октября 18, Спб.

---

[1]) Русская Старина, 1885, дек. 863—962; 1886, фев. 323—482.

[2]) Костомаровъ былъ въ Тифлисѣ въ 1881 году на V Археологическомъ съѣздѣ.

II.

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Отъ полноты души приношу вамъ благодарность за вниманіе, оказанное мнѣ присылкою «Кіевской Старины», которой мы уже не одну недѣлю ждемъ, какъ краснаго солнышка. Что о ней можно сказать, кромѣ похвалы и благодарности отъ имени науки! Выборъ помѣщенныхъ статей превосходенъ: это видно по ихъ заглавію и началу. Еще я не успѣлъ прочитать ихъ всѣ. Очень интересуетъ меня Антоновича извлеченіе изъ дневника Освѣцима. Источникъ для насъ новый, извѣстный намъ до сихъ поръ только по отзывамъ Шайнохи и Кубалы. Съ жадностью примусь за него. Проглядѣлъ я статью Лазаревскаго [1], и то, что встрѣтилъ тамъ случайно, побудило меня написать ему записку, которую, за незнаніемъ его адреса, я посылаю къ вамъ съ просьбою передать ему. Я увѣренъ, что ваша «Старина» будетъ пользоваться достодолжнымъ уваженіемъ не только въ Малороссіи, но и въ Великой Руси. Можетъ быть, слѣдовало бы допустить въ нее и беллетристику, только съ крайнимъ разборомъ и предусмотрительностію, такъ чтобы напечатаніе въ «Кіевской Старинѣ» было рѣдкостію и служило патентомъ на художественное достоинство и вмѣстѣ на значеніе для научнаго знанія. Я съ своей стороны готовъ быть полезнымъ для «Кіевской Старины», сколько силъ моихъ станетъ. Въ теченіе зимы слабость зрѣнія, мѣшающая мнѣ рѣшительно заниматься при ночномъ освѣщеніи, не дозволяла мнѣ предпринять что-либо, требующее времени и усидчивой работы, такъ-какъ времени, въ какое я могъ заниматься, было въ теченіе сутокъ не болѣе трехъ и даже двухъ часовъ съ половиною, при петербургскомъ сумракѣ, который зимою прекращается часовъ въ десять, а снова начинается уже около двухъ, да нерѣдко въ пасмурную погоду цѣлый день господствуетъ безъ пе-

---

[1]) „Люди старой Малоротсіи“.

рерыва. Когда станутъ дни яснѣе, тогда, можетъ быть, и я оживу. Скажу вамъ откровенно, что при счастливомъ выборѣ помѣщенныхъ статей, типографія, гдѣ печаталась «Кіевская Старина», хромаетъ, а переплетчикъ, который брошюровалъ экземпляры, изъ рукъ вонъ: невозможно читать книги: такъ и высыпаются листы. Надобно переплетать, на это нужно время, а между тѣмъ хочется познакомиться съ ея содержаніемъ.

Желая вамъ успѣха, приношу увѣреніе въ неизмѣнности чувствъ моего глубокаго къ вамъ уваженія и полнѣйшей преданности, съ которыми навсегда пребываю вашъ Николай Костомаровъ.

1882 г. января 27. Спб. IX л. Вас. Остр. д. 4. кв. 8.

III

Многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ описаніе нашей поѣздки въ Бѣлую Церковь, совершенную въ августѣ прошлаго года. Если найдете умѣстнымъ— напечатайте въ «Кіевской Старинѣ», а не найдете, не вмѣните себѣ въ трудъ возвратить по почтѣ мою рукопись, такъ какъ другого экземпляра я не сохранилъ у себя, а составленіе ея всетаки стоило мнѣ времени порыться въ Публичной Библіотекѣ и въ Литовской метрикѣ для отысканія свѣдѣній, хотя собственно мало я нашелъ такого, чтобы уже не было извѣстно.

Поздравляю васъ съ праздниками Свѣтлаго Воскресенія Христова.

Вашъ неизмѣнно преданный Н. Костомаровъ.

Марта 31. 1882. Спб.

IV

Я думаю, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ, что вы напрасно не помѣстили малороссійской повѣсти Левицкаго. Кого же могла отбить она отъ вашего журнала? Развѣ такихъ, какъ

Юзефовичъ и Пихно съ братіею? Тѣ, которые не знаютъ по-малорусски, отнеслись бы совершенно равнодушно къ одной какой-нибудь малороссійской статьѣ. Болѣе другую какую-либо едва ли придется вамъ помѣщать, потому что авторы малорусскіе не Богъ знаетъ какъ плодятся, по крайней мѣрѣ талантливые. Между тѣмъ напечатаніе повѣсти Левицкаго по-малорусски привлекло бы къ журналу всѣхъ малоруссовъ, любящихъ свое родное нарѣчіе, а такихъ теперь вовсе не такъ мало, какъ, быть можетъ, кажется.

Очень сожалѣю, что Освѣцимъ не появляется [1]). Я ожидаю его, какъ небесной манны. Именно для меня онъ очень нуженъ, въ виду намѣренія сдѣлать исправленія въ «Богданѣ Хмельницкомъ» [2]). Когда же онъ кончится?

Я всегда къ услугамъ «Кіевской Старины», когда будетъ что готово у меня. Не будете ли такъ добры, коли станетъ вамъ досуга лѣтомъ, прокатиться со мною до Умани. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть этотъ историческій городъ да и на знаменитую Софіевку взглянуть! Я бы нарочно пріѣхалъ въ Кіевъ, и снова для «Кіевской Старины» была бы написана «Поѣздка въ Умань». Тамъ, быть можетъ, было бы у насъ поболѣе интереснаго, чѣмъ нашли мы въ Бѣлой Церкви.

Я не упомянулъ имени почтеннаго бѣлоцерковскаго протоіерея, потому что забылъ это имя. Прибавьте, прошу васъ.

Вашъ преданный Н. Костомаровъ.

1882. Апр. 9.

---

[1]) Дневникъ Освѣцима печатался въ январьской, февральской и затѣмъ, черезъ два мѣсяца, въ майской книгахъ „Кіевской Старины„ 1882 года.

[2]) Слѣдующее изданіе „Богдана Хмельницкаго“ было въ 1884 г.

V.

Безцѣнный, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Я надѣюсь, что вы не поставите себѣ въ тягость распорядиться о высылкѣ мнѣ галицкаго «Діла» за текущій годъ и, если возможно, то и «Крашанки» Кулиша, о которой идутъ такіе толки. Я прочиталъ въ «Новомъ Времени» о Кулишѣ и въ недоумѣніи, кто перещеголялъ кого въ подлости: Кулишъ или С . . . . ? Кулишъ разыгрываетъ въ миніатюрѣ Мазепу; наплевавши на родную украинскую рѣчь и обмазавши грязью Шевченка, онъ заискивалъ у москалей, думалъ—ему отъ нихъ «соболи придутъ», какъ говорили старые гетманы,—а какъ увидалъ, что тамъ его не очень-то высоко цѣнятъ, ударился въ другую сторону и подлаживается къ полякамъ! С . . . . же, съ больной головы на здоровую, восклицаетъ: вотъ куда хочетъ привесть свою народность г. Кулишъ, вотъ къ чему въ концѣ концовъ ведетъ и украйнофильство! При переводѣ на ясный языкъ это значитъ: всякъ занимающійся чѣмъ-нибудь относящимся къ Украинѣ, или украйнофилъ, таитъ такія же задушевныя тенденціи, какъ и Кулишъ! Зная Кулиша, какъ рѣдкій его зналъ, въ теченіе лѣтъ тридцати слишкомъ, я скажу, что это человѣкъ съ необузданнымъ самолюбіемъ; ему хочется быть чѣмъ-то необыкновеннымъ, быть силою, духовнымъ могуществомъ, и къ досадѣ его, ни у своихъ малоруссовъ, ни у москалей (великоруссовъ) не получилъ онъ за собой признанія такой власти, какой ему хочется. Съ досады, какъ Геростратъ, онъ пытается зажечь храмъ народной славы подъ гулъ вражескихъ рукоплесканій. Но эти рукоплесканія скоро умолкнутъ; поляки, вѣрные ихъ всегдашнимъ обычаямъ, ихъ натурѣ легкомысленной, отвернутся отъ него, можетъ быть, еще и облаютъ, и тогда бѣдный Пантелеймонъ останется ни въ сихъ, ни въ тыхъ, на посміхъ и своимъ и чужимъ!

Прочитавши «Діло» и «Крашанку», я, можетъ быть выступлю противъ Кулиша, съ тѣмъ чтобы показать свѣту: що воно есть таке за звірь?

Если бы возможность была пріютиться на лѣто въ Кіевѣ, я бы съ радостію туда поѣхалъ вмѣсто дачи. Не знаете ли при случаѣ, быть можетъ, такого пріюта, чтобъ нанять было можно.

Я о вашей «Кіевской Старинѣ» уже почти окончилъ рецензію, да не знаю еще, гдѣ ее помѣстить. Отдать въ «Вѣстникъ Европы» или въ «Русскую Мысль»—въ долгій ящикъ, пожалуй, положать, да «Русская Мысль» что-то съ цензурой нездорова стала... въ «Новое Время», не хочется послѣ выходки N.... по поводу Кулиша .. подумаю еще... [1]) Вашъ Н. Костомаровъ.

1882 г. апрѣля 18.

VI

Многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ за присланный гонораръ. Я получаю съ «Историческаго Вѣстника» и съ «Русской Старины» по 125 р., но съ васъ довольно будетъ сто рублей, какъ вы сами назначили, такъ какъ вы пишете, что вашъ журналъ еще мало имѣетъ подписчиковъ. Посылаю вамъ для напечатанія статью объ Уманской рѣзнѣ, съ приложеніемъ новыхъ неизвѣстныхъ матеріаловъ. «Дѣло» галицкое и «Крашанку» я получилъ. Желалъ бы еще имѣть и прочитать «Хуторную поэзію» того же автора.

Я нездоровъ, у меня постоянная боль въ груди, не дающая мнѣ ни сидѣть, ни ходить, и заставляющая постоянно лежать. Не знаю, что дальше будетъ. Заниматься трудно; сверхъ того, зрѣніе постоянно въ роковомъ состояніи.

Желаю вамъ здоровья и благополучнаго успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ.

До свиданія или до новаго письма. Вашъ искренно преданный и глубоко васъ уважающій Н. Костомаровъ.

22 дня мая 1882.

[1]) Рецензія была помѣщена въ «Новомъ Времени», № 2212.

VII.

Многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Богъ посѣтилъ меня ужасною болѣзнію. Вотъ съ 10 мая до сего дня я подвергаюсь такимъ адскимъ мукамъ, которыя въ состояніи подать приблизительное понятіе о карѣ грѣшниковъ, угрожающей имъ по кончинѣ земного житія. Боль какъ бы сосредоточивается въ лѣвой сторонѣ живота, но какая боль? Ни сидѣть, ни стоять, ни лежать Я кричалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что сосѣди, перепугавшись, присылали узнать, что такое страшное происходитъ. Забравшись въ Павловскъ, въ надеждѣ, что будетъ лучше на чистомъ воздухѣ, чѣмъ въ душной и лѣтомъ вонючей столицѣ, я поневолѣ отдаюсь въ волю мѣстнаго врача, который при всемъ стараніи ничего осилить не можетъ. Впрочемъ, только недавно облегчается мое положеніе тѣмъ, что меня одолѣваетъ сонъ, а затѣмъ ужасающая слабость, такъ что буквально я съ трудомъ волочу ноги. Я намѣревался было, какъ писалъ вамъ весною, ѣхать въ Кіевъ, но куда! Теперь я отъ своей дачи до вокзала не въ силахъ дотащиться. Тѣмъ не менѣе, воспользовавшись интервалами облегченія, я написалъ по поводу напечатанной въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» статьи Стоянова [1]) небольшую замѣтку и посылаю ее вамъ, прося напечатать. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Іюля 12, 1882.

VIII

Многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Вы спрашиваете меня, какой гонораръ слѣдуетъ мнѣ заплатить за документы, приложенные къ моей статьѣ: «Матеріалы для

[1]) А. Стояновъ: „Южнорусская пѣсня о событіи XI-го вѣка“, „Кіев. Старина“ 1882, іюль. Замѣтка Костомарова объ этой статьѣ: „Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка“, „К. Ст.“, 1882, августъ, стр. 362—368.

исторіи Коліивщины». Археографическая коммиссія назначаетъ задѣльную плату своимъ членамъ за редакцію печатаемыхъ въ ея изданіяхъ актовъ отъ 25 до 30 р. за печатный листъ. Моего сочиненія текста, включая туда и мою статейку о Стояновѣ, выходитъ въ августовской книжкѣ 13 страницъ, а документовъ—17 страницъ. Поэтому извольте сообразить, сколько слѣдуетъ мнѣ личнаго гонорара за мой текстъ и сколько за приложенные документы. Впрочемъ, если огуломъ дадите сто рублей, то и весьма буду доволенъ.

Я начинаю оправляться, но еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Все еще меня давитъ по временамъ, и дня не проходитъ свободнаго; только тогда легче становится, когда лежу навзничь. Ваша «Кіевская Старина» сообщаетъ все болѣе и болѣе любопытныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи Южнаго края. Съ любопытствомъ прочелъ я Лазаревскаго о Миклашевскомъ[1]). Сомнѣваюсь, чтобъ Мазепа обвинилъ его ложно въ склонности къ полякамъ и въ измѣнѣ Россіи. Малорусская старшина того вѣка была вся подъ вліяніемъ воспоминаній о Гадяцкомъ договорѣ, который представлялся имъ идеаломъ, а изъ бывшихъ у меня дѣлъ о Маклашевскомъ видно, что у него были какія то тайныя сношенія съ литовскимъ паномъ Козѐломъ. Въ это время въ 1704 году Мазепа былъ вѣрнѣе царю русскому всѣхъ старшинъ малороссійскихъ. Мазепа сталъ склоненъ къ измѣнѣ только тогда, когда пришелъ къ заключенію, что акціи Петра начинаютъ падать, акціи же Карла значительно повысились. Мазепа былъ эгоистъ и перемѣнялся только, гоняясь за собственною выгодою. Миклашевскій же, при своемъ хорошемъ положеніи, и семейномъ и экономическомъ, могъ, если не измѣнить, то сноситься съ поляками и толковать о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и по дѣлу оказывалось, что поляки подманивали его надеждою, что царь хочетъ усту-

[1]) А. Лазаревскій: «Люди старой Малороссіи. Миклашевскіе». 1882 г., августъ.

нить край малороссійскій Польшѣ. Дѣло темное, но Лазаревскій его не разъясняетъ. Онъ пишетъ по преданію, будто Мазепа въ 1706 г. послалъ Миклашевскаго въ Несвижъ, желая избавиться отъ него, хотя Петръ потребовалъ его полкъ. Очень интересны извѣстія объ исчезнувшихъ животныхъ въ Южной Россіи [1]), преданіе о Шевченкѣ [2]), о судьбѣ Глобы [3]).

Желаю вамъ добраго здоровья. Не забывайте меня, а я еще что-нибудь, Богъ дастъ, вамъ приготовлю и пришлю.

Вашъ Н. Костомаровъ.

Достопочтеннѣйшему Петру Гавриловичу передайте мой усерднѣйшій поклонъ [4]).

Августа 10. Павловскъ. 1882 г.

IX.

Многоуважаемый, незабвеннѣйшій Өеофанъ Гавриловичъ,

Я отзываюсь къ вамъ позже, чѣмъ бы я хотѣлъ. Причина тому та, что послѣ переселенія своего 5 сентября изъ Павловска въ Питеръ, я только на третій день, 8 сентября, и то счастливымъ случаемъ, нашелъ вашу телеграмму, которая доставлена была безъ меня и была закинута между бумаги (sic!), а отъ этой телеграммы зависѣло—посылать ли вамъ мою рукопись. Теперь посылаю оную по вашему желанію, изъявленному въ

---

[1]) М. Левченко: «Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя», ibidem.

[2]) А. Смоктій: «Взглядъ народа на Шевченка», ibidem.

[3]) П. Ефименко: «Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба», ibidem.

[4]) Братъ Ө. Г. Лебединцева, бывшій протоіереемъ Софійскаго собора въ Кіевѣ, П. Г. Лебединцевъ любилъ исторію и занимался ею; велъ знакомство со многими писателями и учеными своего времени, какъ напр., съ М. А. Максимовичемъ, Н. И. Барсуковымъ, Н. С. Лѣсковымъ и другими.

телеграммѣ. Статейка, надѣюсь, небольшая и не будетъ громоздкою для «Кіевской Старины», къ которой по своему содержанію она подходитъ болѣе, чѣмъ къ какому-нибудь иному періодическому изданію.

Не знаю, хорошо ли переписалъ, хотя и старался, но, можетъ быть, не удалось, потому что перебѣливалъ во время болѣзни, отъ которой и теперь совсѣмъ не освободился, хотя какъ будто нѣсколько легче, боюсь похвастать, чтобъ не повторить лѣтнее: казалось, было прошло, а тутъ рецидивъ еще сильнѣе.

Вы писали, что послали мнѣ гонораръ, но я не получалъ его: быть можетъ, съ повѣсткою сталось то, что съ телеграммою. Справлюсь на почтѣ и напишу вамъ.

Вашъ преданный душевно Н. Костомаровъ.

Петербургъ. 9 сент. 1882.

Не успѣвши отослать письмо, я съѣздилъ на почту и узналъ, что давно уже полученъ на мое имя денежный пакетъ въ 100 р., и мнѣ на квартиру послана повѣстка. Я потребовалъ вторичную. Вѣроятно, деньги отъ васъ. Благодарю отъ всего сердца.

X.

Добрѣйшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Извините, что я къ вамъ долго не писалъ и даже статью и книгу свою послалъ безъ приложенія письма. Въ октябрѣ у меня открылось кровохарканье, и врачъ профессоръ Кошлаковъ [1]), находя мою болѣзнь серьезною и опасною, уложилъ меня и запретилъ не только выходить, но даже и вставать, а также читать и писать, и въ такомъ положеніи я пробылъ болѣе мѣсяца. Теперь я, повидимому, выздоровѣлъ: не знаю, что будетъ далѣе; не смѣю надѣяться, такъ какъ, прострадавши цѣлое лѣто, въ

---

[1]) Д. И. Кошлаковъ лѣчилъ Костомарова и Д. Л. Мордовцева.

сентябрѣ я было надѣялся, что уже изцѣлѣлъ, какъ въ октябрѣ новый, уже никакъ нежданный бѣсъ поразилъ меня.

Вы жалуетесь на скудость подписчиковъ, а вотъ Семевскій говорилъ мнѣ, что, издавая «Русскую Старину», онъ пять лѣтъ былъ съ дефицитомъ, а потомъ у него такъ хорошо пошло и до сихъ поръ идетъ, какъ онъ только и могъ желать. Этотъ примѣръ къ вамъ подходитъ, потому что вашъ журналъ и по содержанію, и по достоинствамъ близокъ къ «Русской Старинѣ». Я рецензію послалъ въ «Новое Время» въ дополненіе къ прежней, посланной еще въ апрѣлѣ и напечатанной въ 2112 № газеты. Новая еще не напечатана, но обѣщали. Другую въ «Правительственный Вѣстникъ» я лично передалъ Данилевскому, его редактору. Вы писали, получивши мое «Жидотрепаніе», что будете его печатать, но не безъ соболѣзнованія, потому что я дорого назначилъ за нее. Но я вѣдь вамъ писалъ, что, если для васъ покажется дорого, я не въ претензіи и отдамъ статью Шубинскому, а вамъ пришлю другое [1]). Посудите сами: если мнѣ за то же сочиненіе и за всѣ произведенія, не чисто ученаго, а беллетристическаго содержанія, платятъ по 200 р. и при томъ запросовъ такъ много отъ разныхъ періодическихъ органовъ, что удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, то вполнѣ справедливо, согласитесь сами, что съ вашего журнала я возьму то, что другіе мнѣ предлагаютъ, но я все-таки предпочитаю помѣстить у васъ, хотя черезъ то на меня и надулись тѣ, которымъ я отказалъ.

Вы возбудили мое любопытство, извѣстивши, что А. М. Лазаревскій замѣтилъ вамъ на счетъ Вендюха [2]). Повидимому, ему извѣстно это дѣло и, быть можетъ, лучше, чѣмъ мнѣ. Быть можетъ, онъ въ мѣстныхъ архивахъ нашелъ самое судное дѣло надъ жидами, такъ какъ событіе это мнѣ извѣстно изъ сообщенія гетмана Мазепы къ царю.

---

[1]) Письма, въ которомъ Костомаровъ назначалъ цѣну за „Жидотрепаніе", не сохранилось среди его писемъ къ Лебединцеву.

[2]) Вендюхъ, дѣвицкій сотникъ черниговскаго полка. О немъ говорится въ статьѣ: „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка".

Очень занимательна новая вирша на Рожд. Христово, напечатанная въ декабрьской книжкѣ. Любопытна статья Горленка[1]). Но его пріятели сообщали мнѣ тому назадъ болѣе мѣсяца, будто онъ нашелъ десять новыхъ думъ. На дѣлѣ оказалось не то: это только варіанты прежде извѣстныхъ, и при томъ нѣкоторые въ томъ видѣ, какъ у Горленка, мнѣ лично не были невѣдомы. Но вообще его статья о кобзаряхъ написана очень живо и даровито. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ вашъ журналъ, тѣмъ болѣе уважаешь его и привязываешься къ нему: въ немъ нѣтъ ничего, что бы можно было признать только балластомъ, тогда какъ въ другихъ историческихъ періодическихъ изданіяхъ балласту много. Жаль мнѣ стало, что другой кто то помѣстилъ у васъ объ Умани[2]), а я съ весны мечталъ все о посѣщеніи Умани, но лѣтняя болѣзнь не дозволила мнѣ и думать о поѣздкѣ. Во всякомъ случаѣ, помѣщенная у васъ статья хороша.

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Декабря 8. 1882. года.

А что это за переводъ Новаго Завѣта Негалевскаго? Пустятъ ли меня въ Михайловскій монастырь познакомиться съ нимъ, если я пріѣду? Не имѣете ли возможности узнать, хотя бы черезъ брата вашего Петра Гавриловича[3])?

XI.

Добрѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю, чтобъ онъ для васъ и для вашего журнала былъ сколько возможно благо-

---

[1]) „Бандуристъ Иванъ Крюковскій“, К. С. 1882, декабрь.

[2]) А. Смоктій: «Г. Умань и Софіевка», ibidem.

[3]) Въ 1881 году въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ былъ открытъ переводъ св. Евангелія, составленный на Волыни въ 1581 году Валентиномъ Невгалевскимъ „съ полского языка на речь

полученъ. Напрасно вы мое «Жидотрепаніе» растрепали на два нумера; вообще мнѣ кажется, ошибаются тѣ редакторы, которые безъ особой нужды раздѣляютъ на нумера такія сочиненія, которыя имѣютъ интересъ только тогда, когда ихъ можно прочесть за одинъ присѣстъ. О статьѣ моей о Кулишѣ я попрошу васъ повременить немного: лучше ее напечатать нѣсколько позже. Поговорите откровенно съ цензоромъ, что онъ скажетъ? Видите ли, я опасаюсь, чтобы толки въ печати о бывшемъ (на самомъ дѣлѣ никогда не бывшемъ) тайномъ обществѣ не побудили коситься и на меня, автора этой статьи, и на журналъ, который ее помѣщаетъ. Погодите немного: она не уйдетъ, а между тѣмъ поговорите съ цензоромъ, и я кой съ кѣмъ здѣсь поговорю. Я же вамъ скоро еще кое-что пришлю. Впрочемъ, у васъ недостатка нѣтъ, прекрасныя вещи появляются, а еще прекраснѣе обѣщаются.

Вчера я имѣлъ бесѣду съ Шубинскимъ, издателемъ «Историческаго Вѣстника». Онъ очень огорченъ, что я отдалъ «Жидотрепаніе» вамъ, а не ему, а онъ очень желалъ его помѣстить. Кромѣ того, и онъ и Суворинъ, его патронъ . . . . , морщатся отъ похвалъ, которыя я напечаталъ въ «Новомъ Времени» о «Кіевской Старинѣ» . . . . . Говорятъ: какъ можно цѣлыя два нумера посвящать на спеціальный журналъ, и при томъ провинціальный? Суворинъ де не рѣшался вамъ отказать въ напечатаніи, но печаталъ, скрѣпя сердце. Я вижу зависть . . . . Будьте здоровы и благополучны. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

Мой сердечный поклонъ вашему почтенному брату и В. Б. Антоновичу. Послѣднему я хочу скоро писать.

1883, января 17.

рускую". Извѣстіе объ этомъ переводѣ было помѣщено въ статьѣ П. И. Житецкаго: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ», К. Ст. 1882, ноябрь. У Костомарова фамилія переводчика нѣсколько искажена.

Кстати. Какая это есть церковь Успенія въ Переяславѣ, гдѣ Хмельницкій присягалъ царю московскому? Если въ самомъ дѣлѣ она есть, то недурно было бы въ «Кіевской Старинѣ» приложить ея изображеніе. О ней производилось какое-то дѣло. Хотятъ ломать ее и строить каменную. Увы! варварство, если такъ. Мнѣ говорилъ Кибальчичъ, что какой-то протопопъ хлопочетъ объ этой постройкѣ, между тѣмъ церковь старая деревянная еще существуетъ и можетъ быть поддержана. Правда ли это?

XII

Достопочтеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Данило Гавриловичъ сообщилъ мнѣ непріятное извѣстіе, что подписка у васъ идетъ довольно туго, и вы хотѣли бы поправить свои дѣла по изданію испрошеніемъ содѣйствія правительства. Мы долго разсуждали объ этомъ и порѣшили, согласно вашему желанію, поговорить съ Бычковымъ. Я улучилъ время и объяснилъ ему ваше желаніе. Онъ помнитъ о васъ и сердечно относится къ вамъ и къ вашему журналу. Онъ совѣтовалъ вотъ что: напишите Делянову: онъ вѣдь васъ лично знаетъ. Просите его на первый разъ рекомендаціи отъ министерства къ разнымъ учрежденіямъ, а о субсидіи намекните такъ, что вы собственно не смѣете просить ее, не заявивши вполнѣ, сколько вы можете доставить научной пользы: это скромность будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ обратиться къ Дрентельну [1]) и просить, чтобъ онъ съ своей стороны просилъ министра Народнаго Просвѣщенія оказать вашему изданію покровительство и поддержку. Афанасій Ѳедоровичъ [2]) надѣется, что спустя, можетъ быть, годъ, можно будетъ получить вполнѣ опредѣленную субсидію. Ѣхать вамъ лично для этой цѣли онъ не считаетъ нужнымъ. Все можетъ

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края въ 80-ыхъ годахъ.

[1]) Бычковъ.

обдѣлаться посредствомъ письма. Совѣтуетъ Аѳанасій Ѳедоровичъ прислать вмѣстѣ съ письмомъ Делянову экземпляръ.

Вы писали, что есть извѣстіе о пребываніи Хмельницкаго во Франціи. Дѣйствительно, есть; я помню навѣрное, но не могъ отыскать у кого. Перебралъ Липажа, Швалье, Шерера—нѣтъ, а навѣрное знаю, что у кого-то есть. Я прочиталъ Ежа по-польски, разсказъ живъ и талантливъ, но я не могу сочувствовать искаженію исторіи: романистъ, конечно, можетъ вносить свой вымыслъ, ему дозволено многое, что не дозволяется историку, но надобно, чтобы соблюдалась внутренняя правда, чтобъ изображаемый вѣкъ былъ именно тотъ, куда авторъ хочетъ перенести читателя, и чтобъ историческія лица были по своему характеру именно тѣ, какія были на самомъ дѣлѣ. У Ежа же что нахожу: разбитная, развратная баба, которая за любовь Хмельницкаго заплатила ему не только гнусною измѣною, но еще обокрала его, и за то была казнена, хотя варварскимъ способомъ, но достойно, является нѣжнымъ существомъ, любящимъ Тимоша, а Тимошъ соблазняетъ свою мачиху, потомъ душитъ ее. Черезчуръ большая свобода фантазіи. Романъ Ежа уже печатается въ русскомъ переводѣ въ «Русской Мысли». [1]) Лучше бы взять для «Кіевской Старины» нѣчто иное, а не давать публикѣ одного и того же вдвойнѣ.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ думаетъ, что умноженіе рисунковъ дѣло лишнее, оно только увеличитъ расходы, но едва ли прибавитъ много подписчиковъ. Таково его мнѣніе.

Я все по прежнему прихварываю, хотя нѣсколько легче. Въ этомъ мѣсяцѣ меня постигла большая непріятность: я обронилъ въ государственномъ банкѣ, куда отправился за полученіемъ процентовъ, билетъ въ 300 р. метталлическими деньгами. Это мнѣ тяжелый урокъ не ходить самому по дѣламъ въ банкъ, гдѣ сумрачно и многолюдно.

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

1883, февр. 19.

---

[1]) «Бурное время». Историческій романъ Т. Т. Ежа. Переводъ съ польскаго. Печатался въ приложеніи къ «Русской Мысли» 1883 г.

XIII

Добрѣйшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ отъ души за присланныя деньги. Посылаю вамъ замѣтку по поводу статьи Багалѣя, напечатанной во 2 нумерѣ «Кіевской Старины». Помѣстите ее въ ближайшемъ по возможности нумерѣ. Я писалъ уже вамъ о моей бесѣдѣ объ васъ съ Бычковымъ. Напишите Делянову. Быть можетъ, Богъ вамъ поможетъ. Вамъ неизмѣнно преданный Николай Костомаровъ.

Февр. 21 дня, 1883 года.

XIV

Достоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Благодарю васъ за сообщеніе насчетъ надписи на гробѣ Кочубея; есть у меня одна ошибка типографская: *исписмо* вмѣсто *испилисмо*, и что меня здѣсь непріятно поразило, это то, что ошибка эта была поправлена мною въ присланой корректурѣ, а потомъ явилась снова въ печатномъ экземплярѣ. Что касается до стиха:

Злуданьемъ Мазепы всевѣчне правы,

то именно такъ я разобралъ его самъ на надгробномъ камнѣ, когда послѣдній разъ былъ въ Кіевѣ, и нарочно ѣздилъ въ Лавру затѣмъ, чтобы правильно списать надпись. Я понялъ, что *злуданье* слово сообразное польскому: sludzać (Linde, 1095) обольщать. Можетъ быть, я ошибся, но не я одинъ—и Бантышъ такъ прочиталъ и Евгеній. Тоже и *всевѣчне* вмѣсто *о всевѣдче*, какъ вы прочитали. Мнѣ казалось и теперь кажется такъ, а впрочемъ я свою ошибку сознáю, когда еще разъ посмотрю.

Мы говорили съ Даниломъ Гавриловичемъ и оба пришли къ такому результату, что лучше бы вамъ теперь же написать Делянову да и Бычкову тоже, а я, узнавши, что вы уже написали, налягу на Аѳанасія Ѳедоровича. Вы Бычкову напишите,

именно ссылаясь на меня, что я вамъ о немъ писалъ. Пусть бы сдѣлалось по его совѣту.

Вашъ искренно преданный всею душою Н. Костомаровъ.

1883, марта 7. Спб.

Н. И. Костомаровъ, подъ конецъ своей жизни сильно страдавшій глазами, былъ въ это время плохимъ чтецомъ памятниковъ. Мы нѣсколько разъ съ оригиналомъ этого письма Костомарова въ рукахъ были на могилѣ Кочубея и Искры, которая находится въ Кіево-Печерской лаврѣ, направо отъ главнаго лаврскаго собора, возлѣ трапезной церкви, съ куполомъ, подобнымъ тому, что надъ храмомъ св. Софіи въ Константинополѣ. Сравнивая чтеніе Костомарова съ тѣмъ, что написано на памятникѣ, необходимо приходимъ къ сказанному въ началѣ этихъ строкъ.

Вмѣсто *испилисмо*, какъ читаетъ Костомаровъ, на могильной плитѣ ясно и отчетливо читается слово: **испіймо** въ стихахъ:

И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.

Точно также и *всевѣчне* представляетъ неточное чтеніе: на плитѣ ясно и раздѣльно написано два слова: **всѣ вѣчно**, и стихи, въ которыхъ они встрѣчаются, читаются такъ:

Злу даньемъ Мазепы всѣ вѣчно правы,
Посѣчены зоставше топоромъ во ґлавы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ...

XV

Добрѣйшій, многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Получивши письмо ваше, я отправился въ Публичную Библіотеку и обратился къ Аө. Өед. Бычкову о вашемъ дѣлѣ. Онъ и Деляновъ оба получили ваши письма. Бычковъ сказалъ, что Деляновъ сообразитъ, и кажется, предложитъ вопросъ о субсидіи

Ученому комитету. Между прочимъ я замѣчаю, что будутъ на счетъ этого толки и сомнѣнія. Я слышалъ вотъ какія сужденія: «Кіевлянинъ» иное дѣло; то была газета, занимавшаяся разработкою современныхъ политическихъ вопросовъ, и государственная власть, нуждаясь въ такомъ органѣ, который поддерживалъ бы ея интересы въ юго-западномъ краѣ, давала ему субсидію. Но иное дѣло журналъ, хотя очень дѣльный, почтенный для науки: но какіе же интересы собственно государственные будетъ поддерживать онъ? Его дѣло—наука; это очень одобрительно, похвально, но правительство, если бы стало поддерживать субсидіями всякое такое научное изданіе, то у него на то средствъ не хватило бы. Оно всячески готово покровительствовать полезнымъ трудамъ, но не можетъ же взять на себя изданіе всего, что будетъ являться въ научной сферѣ. Я указалъ на пособія, дававшіяся Кіевской коммиссіи: это указаніе имѣло болѣе силы, но мнѣ замѣтили, что то было для изданія собственно государственныхъ матеріаловъ для исторіи, а въ «Кіевской Старинѣ»—матеріалы только акцессуары, главное же — обработка ученыхъ вопросовъ, и даже въ нѣкоторомъ родѣ беллетристика. Это не подходитъ къ изданію Комиссіи и Архива [1]). Что дальше будетъ — узнаю и васъ извѣщу. Я не знаю, есть ли изъ лицъ, составляющихъ Ученый комитетъ, вамъ благопріятели или записные зложелатели, но что между ними (ихъ же имена Ты, Гдѝ, вѣси!) найдутся неблагопріятели вообще малорусскому элементу, то въ этомъ я, къ сожалѣнію, не сомнѣваюсь: на те воно москаль!

Очень сожалѣю, что ваши дѣла пошли не такъ, какъ бы желалось. Аѳанасій Ѳедоровичъ замѣтилъ: почему не пособятъ этому предпріятію мѣстные богатые дворяне, для которыхъ не составило бы большого потратить на такое дѣло нѣсколько тысячъ въ годъ; при этомъ онъ указалъ на Галагана и Тарновскаго. Во всякомъ случаѣ, онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что, если бы не состоялось дарованіе субсидіи, то все-таки министерство съ своей

[1]) Имѣются въ виду «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ» и Кіевскій Центральный Архивъ.

стороны будетъ покровительствовать вашему журналу. Я при этомъ вспомнилъ Гоголева Ивана Ивановича, который имѣлъ настолько доброе сердце, что не пропускалъ ни одной нищей старухи, чтобы не завести съ нею разговоръ, и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, въ родѣ такихъ: тебѣ ѣсть хочется? Можетъ быть, ты бы и мясо ѣла?—говорилъ въ заключеніе: что жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью!

Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

1883, апр. 9. Спб.

XVI.

Почтеннѣйшій Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Во-первыхъ, Христосъ Воскресе, будьте здоровы и благополучны, во-вторыхъ—если не помѣшаетъ болѣзнь, безпрестанно возобновляющаяся, то я на будущей недѣлѣ буду въ Кіевѣ, и конечно, первое у васъ. Если ваша милость будетъ, доставьте рукопись къ этому времени. Съ Бычковымъ послѣ поста я не видался, а на Страстной недѣлѣ спрашивалъ его: онъ мнѣ ничего ни утѣшительнаго, ни положительнаго не сказалъ. Удивительное несчастіе со мною! Привязалась ко мнѣ новая болѣзнь—кровохарканье, и то пройдетъ, то снова явится. Первый разъ постигла она меня въ октябрѣ, съ мѣсяцъ была, потомъ прошла; съ тѣхъ поръ пять разъ возобновлялась и проходила, а теперь вотъ съ понедѣльника Страстной недѣли не проходитъ. Правда, можетъ быть и я виноватъ. Надоѣло сидѣть сиднемъ — я сталъ выходить и говѣть, отъ этого хуже стало: движеніе вредно. Не болитъ, а врачи говорятъ, что болѣзнь очень серьезная и опасная.

Вашъ преданный Костомаровъ.

1883, апр. 22, Спб.

XVII

Дражайшій, многоуважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ небольшую замѣтку, составляющую отзывъ о драмѣ Старицкаго, о которой пропустилъ сказать вашъ рецен-

зентъ, разбиравшій «Раду». По моему мнѣнію, эта драма достойна того, чтобъ на нее обратить вниманіе. Платы мнѣ за статейку не надо. Что же ваше дѣло съ Деляновымъ? Не получили ли чего? Увѣдомите, адресуя въ Петербургъ, Вас. Островъ, 1 линія, д. 6. Я уѣзжаю 2 сентября. Соскучился отъ бездѣлья. Надо бы приняться за какую-нибудь работу, а еще не знаю самъ, за что. Только слабость зрѣнія мѣшаетъ мнѣ.

Желаю вамъ успѣховъ и благополучія, какъ вамъ лично, такъ и вашему журналу. Вашъ Н. Костомаровъ.

авг. 25, 1883. Прилуки [1]).

Я съ Вас. Петр. Горленкомъ намѣреваюсь отправиться въ Лубны посмотрѣть Мгарскій монастырь [2]).

Я записалъ отъ сельской дѣвки двѣ казки—одна есть источникъ, откуда Гоголь взялъ остовъ для своего «Вія»; другая—баллада того же содержанія, какъ «Ленора» Бюргера и «Людмила» Жуковскаго. Стало быть, у малороссіянъ есть также легенда о похищеніи дѣвушки невѣсты ея женихомъ, погибшимъ на войнѣ и пріѣхавшимъ взять ее за то, что она сильно тосковала и роптала на Бога.

XVIII.

Многоуважаемый Θеофанъ Гавриловичъ,

Вы такъ увлекаетесь желаніемъ спасти «Кіевскую Старину», что предлагаете мнѣ то, что физически невозможно—писать исторію послѣднихъ лѣтъ Гетманщины и помѣстить ее въ «Кіевской Старинѣ» даромъ. Я, дѣйствительно, помышлялъ объ этомъ

---

[1]) Въ с. Дѣдовцахъ, въ 8 верстахъ отъ Прилукъ, было имѣніе жены Костомарова.

[2]) Мгарскій или Лубенскій Преображенскій монастырь находится при селѣ Мгарѣ Лубенскаго уѣзда. Основанъ въ 1619 году. Поѣздка Костомарова съ Горленкомъ состоялась 28 августа (См. „Русская Старина", 1886 г. февр. 353 стр.).

трудѣ, но для него нужно мнѣ будетъ совершить двѣ или три поѣздки въ Москву для занятій въ тамошнихъ архивахъ, какъ было уже съ «Руиною» и «Мазепою». Но скажу вамъ то, что я, напечатавъ оба сочиненія въ журналахъ, едва вознаградилъ издержки, понесенныя въ Москвѣ за прожитье. Оставляя въ Петербургѣ квартиру за собою и платя прислугѣ въ ней, я истрачивалъ въ Москвѣ за одинъ нумеръ, безъ свѣчъ и самовара, 105 р., а сверхъ того—издержки на столъ, прачку, извощиковъ были гораздо выше, чѣмъ на постоянномъ мѣстѣ жительства, не считая проѣзда по желѣзной дорогѣ туда и отсюда. Но, кромѣ того, прежде у меня были сбереженія отъ прежнихъ трудовъ, которыя употреблялъ я на затраты съ цѣлію покрыть ихъ доходами отъ новыхъ трудовъ. Теперь и въ этомъ deficit, такъ (какъ) [1]) прошлый годъ недугъ, которымъ я прострадалъ все лѣто въ Павловскѣ, а всю зиму въ Петербургѣ, потребовалъ много лишняго на врачество. Вотъ почему, при всемъ искреннемъ желаніи спасти «Кіевскую Старину», я не могу содѣйствовать этому дѣлу безкорыстнымъ пожертвованіемъ, предпринявши составленіе исторіи упадка Гетманщины. О Константинѣ Острожскомъ я уже довольно говорилъ въ печати, насколько доставляли мнѣ свѣдѣній матеріалы Публичной Библіотеки. Конечно, если порыться, то, вѣроятно, найти можно болѣе, но едва ли очень важнаго, и ни въ какомъ случаѣ библіотека не удовлетворитъ совершенно.

Я думаю, что объ этомъ лицѣ можно скорѣе найти въ Южнорусскомъ краѣ, чѣмъ здѣсь!

Если такія лица, какъ Иванъ Левицкій, охотно отдаютъ свои труды безмездно въ «Кіевскую Старину», то это съ ихъ стороны достохвальное самопожертвованіе, но оно для нихъ всетаки легче, нежели для меня, потому что по роду ихъ трудовъ, имъ не придется ни рыться въ архивахъ, ни совершать для этой цѣли поѣздокъ. Да они, вѣроятно, моложе и добрѣе меня!

---

[1]) Этого слова въ текстѣ письма нѣтъ.

Я буду предлагать своимъ знакомымъ подписку на «Кіевскую Старину», но можно ли ручаться за большой успѣхъ? У меня знакомые все народъ небогатый; иные, хоть и не безъ удовольствія прочтутъ, но покупать затруднятся по скудости средствъ; иные же не интересуются исторіею Южной Руси въ такой степени, какъ вы и я.

Очень жалѣю, что отвѣтъ на ваше любезное предложеніе не соотвѣтствуетъ моему сердечному расположенію къ вамъ и къ вашему превосходному изданію. Вамъ неизмѣнно преданный Н. Костомаровъ.

P. S. Если южнорусскій край не хочетъ поддержать единственнаго изданія, ему посвященнаго, то стоитъ махнуть на него рукою!

Ноября 4, 1883. Спб.

XIX

Многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Посылаю вамъ для «Кіевской Старины» воспоминанія о посѣщеніи мною въ молодыхъ лѣтахъ Почаевскаго монастыря. Это будетъ какъ бы добавленіемъ къ статьѣ Тарновскаго въ декабрьской книжкѣ прошлаго года. [1]) Гонорара не нужно. Какъ идетъ подписка? Лучше ли? Дай Богъ вамъ успѣха. Батюшки и матушки не клеятся по-русски. Сперва я думалъ, что это будетъ удачнѣе, такъ какъ моя «Черниговка» [2]) написана также по-русски и по-украински. Но у меня дѣйствуютъ малоруссы съ великоруссами, и нельзя было заставить московскихъ дьяковъ и воеводъ говорить по-украински. Въ повѣсти Левицкаго не представляется ничего подобнаго. Вашъ искренно преданный Н. Костомаровъ.

---

[1]) А. Тарновскій: „По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской лавры".

[1]) „Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка."—„Историческій Вѣстникъ", 1881 г., 1—3.

XX.

Многоуважаемый Өеофанъ Гавриловичъ,

Вы собщили мнѣ о томъ, что у В. Б. Антоновича есть какіе-то неизданные источники о времени Мазепы. Сдѣлайте милость, увѣдомите, если знаете, точнѣе: какого рода эти источники, къ какимъ сторонамъ исторической жизни относятся, и откуда они? Если я соображу, что они необходимы для изданія въ свѣтъ «Мазепы» моего, то пріѣду нарочно въ Кіевъ. Но, можетъ быть, это такіе источники, которые хотя и немаловажны, однако не представляютъ никакихъ новыхъ сторонъ для исторіи болѣе тѣхъ, какія открываютъ документы четырехъ архивовъ, бывшихъ у меня подъ рукою при первомъ изданіи моей монографіи.

Вашъ преданный сердечно Н. Костомаровъ.

1884 г., марта 1.

XXI.

Достопочтеннѣйшій Өеофанъ Гавриловичъ,

Мнѣ доставлено изъ Петербурга письмо ваше объ Аннѣ Ярославнѣ, французской королевѣ. Я не въ Петербургѣ, а по возвращеніи туда въ августѣ постараюсь исполнить ваше порученіе, если въ Библіотекѣ найдутся указываемыя книги, и если дозволитъ мое здоровье, а оно—плохо: бѣсъ кровохарканія одолѣваетъ меня, и этотъ бѣсъ несносенъ тѣмъ паче, что запрещается все горячее, куреніе и хожденіе: сиди сиднемъ или лежи бездвижно! А какъ играетъ мною этотъ бѣсъ! Вдругъ утромъ нѣтъ припадка—и думаю, что проходитъ болѣзнь, а тамъ день, другой, и опять кровь показывается.

Писалъ ко мнѣ кишиневской семинаріи инспекторъ Мацѣевичъ: прислалъ выписки изъ проповѣдей какого-то пастыря по-малорусски, просилъ, нельзя ли помѣстить ихъ гдѣ-нибудь. Я отвѣчалъ, что изо всѣхъ повременныхъ изданій, мнѣ извѣст-

ныхъ, ни одно не приметъ, развѣ, можетъ быть, «Кіевская Старина». Этотъ Мацѣевичъ писалъ, что онъ знакомъ близко съ Левицкимъ. Я написалъ ему, что Левицкій близокъ къ «Кіевской Старинѣ» и можетъ рекомендовать эти проповѣди.

Вашъ преданный Костомаровъ.

Прилуки, 1884 г., іюня 6.

Проповѣди, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, по любезному разъясненію И. С. Левицкаго, принадлежатъ, вѣроятно, перу священника подольской епархіи села Чечельника Іосифа Игнатовича. Составленіе ихъ относится къ 1823 году. Языкъ проповѣдей украинскій, но уже нѣсколько устарѣлый. Нѣкоторое время проповѣди Игнатовича находились въ церковной Чечельницкой библіотекѣ, гдѣ были найдены учениками кишиневской семинаріи, передавшими ихъ своему инспектору Льву Степановичу Мацѣевичу. Несмотря на видимыя старанія Мацѣевича напечатать эти проповѣди, онѣ остались въ рукописи. Впослѣдствіи проповѣди Игнатовича были отданы Мацѣевичемъ И. С. Левицкому. По порученію послѣдняго съ проповѣдей была снята копія, а самый оригиналъ ихъ былъ пожертвованъ Черниговскому музею имени В. В. Тарновскаго.

Недавно И. С. Левицкій вспомнилъ въ печати о проповѣдяхъ Игнатовича въ статьѣ «Сьогочасна мова на Украіні.» [1]) Узнавъ изъ этой статьи о существованіи проповѣдей на украинскомъ языкѣ, членъ Каменецъ-Подольской архивной комиссіи протоіерей Сѣцинскій предложилъ напечатать ихъ въ изданіи комиссіи. Слѣдуетъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ этотъ памятникъ украинскаго языка станетъ общимъ достояніемъ.

Къ этому приходится еще добавить слѣдующее. Одинъ подолянинъ въ письмѣ къ И. С. Левицкому авторомъ украинскихъ проповѣдей назвалъ свящ. Іосифа Вишневскаго. Вслѣдствіе этого И. С. Левицкій въ названной статьѣ, довѣряя извѣстію лица,

[1]) «Украіна», 1907 г., мартъ.

близкаго по мѣсту жительства автору проповѣдей, также назвалъ послѣдняго Вишневскимъ. Но въ самой рукописи на ея обложкѣ есть подпись: «священника Іосифа Игнатовича.» Былъ ли Игнатовичъ авторомъ проповѣдей, или только владѣльцемъ рукописи, рѣшить нельзя, но предположительно можно утверждать скорѣе первое, чѣмъ второе, въ виду того, что имя Іосифъ, находящееся въ рукописи, совпадаетъ съ указаніемъ упомянутаго подолянина.

Владиміръ Даниловъ.

П. А. Кулишъ и „Кіевская Старина" подъ редакціей Ѳ. Г. Лебединцева.

Вышедшая въ 1874 году „Исторія Возсоединенія Руси" П. А. Кулиша положила пропасть между авторомъ и украинскимъ литературно-научнымъ міромъ. Поворотъ, который Кулишъ дѣлалъ въ этой книгѣ въ сторону петербургскаго правительства, а затѣмъ послѣдовавшій далѣе поворотъ въ сторону Польши были такъ странны, такъ мало объяснимы для современниковъ на почвѣ чистой идейности, что писателя, имѣвшаго большія заслуги передъ родиною, стали обвинять въ побужденіяхъ личнаго характера. Возникли столь упорные слухи о качествѣ неожиданной эволюціи Кулиша, что даже такой корректный и осторожный писатель, какъ А. Н. Пыпинъ, еще при жизни автора „Записокъ о Южной Руси" сдѣлалъ намекъ по этому поводу весьма недвусмысленнаго характера: „Въ послѣднія десятилѣтія,—писалъ Пыпинъ,—въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупные и на литературной почвѣ трудно объяснимые повороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ" [1])

Вполнѣ понятно при этомъ, что въ обществѣ, гдѣ не было призрака свободы печати, и гдѣ о самыхъ невинныхъ вещахъ часто приходилось говорить втихомолку, передставлялась полная

---

[1]) Исторія русской этнографіи, III, 189.

возможность развитія всякихъ слуховъ насчетъ свойства перемѣны въ мысляхъ Кулиша. Когда люди вступали въ общественную жизнь крадучись, трудно было иной разъ опредѣлить, кто и куда направляетъ свои шаги, и поле для подозрѣній открывалось вольное. Такъ должно было быть и съ Кулишомъ. Во всякомъ случаѣ, пока фактически не доказаны тѣ обвиненія Кулиша въ общественной непорядочности, какъ напр., будто Кулишъ предлагалъ свои услуги министерству внутреннихъ дѣлъ, мы предпочитаемъ думать о покойномъ писателѣ скорѣе лучшее, чѣмъ худшее, и потому наравнѣ со своими соображеніями склоняемся къ предположенію, которое высказалъ о Кулишѣ Пыпинъ.

Пыпинъ думалъ въ цитированной нами книгѣ, что политико-національная неустойчивость Кулиша заключалась во всемъ его духовномъ складѣ. Кулишъ не былъ ученымъ, для котораго истина, какова она ни есть, разъ она доказана, должна быть неизмѣнна; онъ былъ диллетантъ-романтикъ 30-хъ 40-хъ годовъ. Романтизмъ могъ внушать великую любовь къ народности, но въ то же время могъ допускать такіе налеты на своей идейной поверхности, которые стояли въ противорѣчіи съ самою сущностью любви къ народности. Это было тѣмъ болѣе возможно, если сама личность не отличалась большою устойчивостью. А такимъ намъ представляется Кулишъ.

Это былъ честолюбивый эгоистъ, поставившій себя средоточіемъ всей своей жизни. Данный типъ встрѣчается довольно часто. Такіе люди въ душѣ презираютъ всѣхъ окружающихъ, хотя сами не сознаютъ за собою на это права; они склонны ко лжи и способны говорить совершенно не то, что думаютъ. Если подобный человѣкъ дѣйствуетъ въ сферѣ обыденной жизни, онъ ставитъ себѣ опредѣленную цѣль достигнуть извѣстнаго служебнаго или общественнаго положенія и достигаетъ этого всѣми средствами, какія найдутся въ его распоряженіи. Нельзя смѣшивать честолюбивыхъ эгоистовъ съ карьеристами. Карьеристъ также идетъ къ опредѣленной цѣли, но съ сознаніемъ своей силы, на которую и опирается въ своихъ дѣйствіяхъ. Карьеристъ можетъ достигнуть высшихъ для себя благъ и остаться честнымъ человѣкомъ; чес-

толюбивый эгоистъ ничѣмъ не брезгуетъ и за честностью не гоняется. Онъ можетъ сегодня же поклониться тому, что вчера топталъ въ грязь. Если подобный человѣкъ дѣйствуетъ въ обыденной жизни, его честолюбивыя стремленія и вся его „политика“ бываютъ ясны для всѣхъ знающихъ его, и отъ него слѣдуетъ сторониться, такъ какъ такой человѣкъ можетъ причинить много непріятностей и даже зла. Но если честолюбивый эгоистъ дѣйствуетъ въ сферѣ умственной жизни, тутъ его разгадать трудно, и только рѣзкіе шаги его могутъ показать истиную подоплеку подобнаго дѣятеля. Въ умственной сферѣ такой чековѣкъ ставитъ себѣ болѣе широкія задачи: быть знаменитымъ, быть пророкомъ, владѣть умами современниковъ. Онъ всегда ищетъ подходящаго момента, который можетъ его выдвинуть, и, стараясь уловить такой моментъ, способенъ быстро перемѣнить свою прежнюю позицію. Все это дѣлается вполнѣ сознательно, но, можетъ быть, не всегда достаточно обдуманно, поспѣшно. Но нельзя думать, что у честолюбивыхъ эгоистовъ, дѣйствующихъ въ высшей, интеллектуальной области жизни, нѣтъ никакихъ убѣжденій. Какъ у людей мыслящихъ, у нихъ есть извѣстное положительное идейное сознаніе, которое никогда не умираетъ въ нихъ, но которому они не придаютъ никакой цѣнности. Поэтому писатель или ученый типа честолюбивыхъ эгоистовъ, когда лжетъ, отлично сознаетъ это, но тутъ же старается выгородить себя.

Честолюбивымъ эгоистомъ намъ всегда представлялся Гоголь, несмотря на всю любовь, которую мы питаемъ къ геніальному юмористу. Какъ ни обидно сознавать въ великомъ писателѣ такой несовершенный характеръ, тѣмъ не менѣе надо признать, что многое въ его художественномъ творчествѣ стоитъ въ зависимости отъ этого характера. Человѣкомъ такого же склада намъ представляется и Кулишъ, но онъ не былъ геніаленъ и не создалъ ничего великаго, и потому повороты фронта, которые онъ продѣлывалъ такъ часто, затмѣвали собою его прежнюю полезную научную и литературную дѣятельность. Мы нарисовали характеръ честолюбиваго эгоиста, какъ онъ намъ встрѣчался въ жизни, какъ онъ понимаемъ нами сообразно съ извѣстными фактами изъ жиз-

ни Гоголя. И по отношенію къ Кулишу мы находимъ подтвержденіе нашему описанію во мнѣніи человѣка, знавшаго его дружески близко и очень долго, его научнаго и нѣкогда идейнаго соратника— Н. И. Костомарова.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ первому редактору покойной „Кіевской Старины“ Ѳеофану Гавриловичу Лебединцеву Костомаровъ говоритъ о Кулишѣ по поводу статьи о немъ въ „Новомъ Времени“ и характеризуетъ своего невѣрнаго друга: „Я прочиталъ въ „Новомъ Времени“ о Кулишѣ и въ недоумѣніи, кто перещеголялъ кого въ подлости: Кулишъ или С.......? Кулишъ разыгрываетъ въ миніатюрѣ Мазепу; наплевавши на родную украинскую рѣчь и обмазавши грязью Шевченка, онъ заискивалъ у москалей, думалъ—ему отъ нихъ соболи придуть, какъ говорили старые гетманы,—а какъ увидалъ, что тамъ его не очень—то высоко цѣнятъ, ударился въ другую сторону и подлаживается къ полякамъ!... Зная Кулиша, какъ рѣдкій его зналъ, въ теченіи лѣтъ тридцати слишкомъ, я скажу, что это человѣкъ съ необузданнымъ самолюбіемъ; ему хочется быть чѣмъ-то необыкновеннымъ, быть силою, духовнымъ могуществомъ. И къ досадѣ его ни у своихъ малоруссовъ, ни у москалей (великоруссовъ) не получилъ онъ за собой признанія такой власти, какой ему хочется. Съ досады, какъ Геростратъ, онъ пытается зажечь храмъ народной славы подъ гулъ вражескихъ рукоплесканій. Но эти рукоплесканія скоро умолкнутъ. Поляки, вѣрные ихъ всегдашнимъ обычаямъ, ихъ натурѣ легкомысленной, отвернуться отъ него, можетъ быть еще и облаютъ, и тогда бѣдный Пантелеймонъ останется ни въ сихъ, ни въ тыхъ, на посміхъ и своимъ и чужимъ!“

«Прочитавши «Діло» и «Крашанку» я, можетъ быть, выступлю противъ Кулиша, съ тѣмъ, чтобы показать свѣту: що воно есть таке за звір!» [1])

---

[1]) Письмо отъ 18 апрѣля 1882 года.

Исполненіемъ даннаго намѣренія была статья Костомарова: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 годъ.

Характеристика Кулиша, сдѣланная Костомаровымъ, мѣтко очерчиваетъ писателя и совершенно подтверждаетъ наше мнѣніе о его личности.

Съ цѣлью присоединить къ нравственному портрету Кулиша, хотя мелкую, но отвѣчающую дѣйствительности черту его характера мы приведемъ два письма Кулиша къ Ѳ. Г. Лебединцеву, какъ редактору «Кіевской Старины», осносящіяся къ 1885 году.

Раздѣлялъ ли самъ Лебединцевъ рѣзкое отношеніе къ Кулишу, которое явилось въ литературныхъ кругахъ послѣ выхода его «Исторіи Возсоединенія Руси», или только желая свободы мнѣній, допускалъ говорить въ «Кіевской Старинѣ» что угодно, хотя, надо замѣтить, онъ былъ редакторомъ самовластнымъ, какъ свидѣтельствуютъ многія сохранившіяся письма сотрудниковъ журнала, но только въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени въ статьяхъ различныхъ авторовъ стали появляться полемическіе выпады противъ Кулиша, иногда весьма рѣзкаго свойства.

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе полемическихъ выступленій противъ литературной дѣятельности Кулиша была статья Н. П. въ іюнськомъ померѣ перваго (1882) года изданія журнала. Статья Н. П. представляетъ рецензію на двѣ книжки Кулиша, вышедшія во Львовѣ въ томъ же году, а именно—на «Хуторну поэзію» и «Крашанку». Всѣ научныя построенія Кулиша были названы рецензентомъ «историко-соціологическими абсурдами». При этомъ статья заключала не только разборъ этихъ «абсурдовъ», но также нѣкоторые намеки и прямо-таки обвиненія въ литературной непорядочности автора книжекъ. Такъ Н. П. бросалъ Кулишу слѣдующее тяжелое для украинскаго писателя обвиненіе: «Кулишъ даетъ понять читателю, что цензурныя стѣсненія послѣдняго времени были причиною удаленія его изъ Россіи за границу, въ Галицію, хотя мы замѣтимъ, что никто не мѣшалъ ему писать и печатать здѣсь свою пресловутую «Исторію Возсоединенія Руси» и почти одновременно предлагать сво-

имъ землякамъ перелицовать эту «Исторію» въ ихъ пользу, подъ условіемъ уплаты ему по 100 руб. с. за каждый печатный листъ». Далѣе опять слѣдовали прозрачные намеки на литературную продажность Кулиша: «Каждая изъ метаморфозъ г. Кулиша, каждое изъ его крайнихъ мнѣній имѣютъ свои зачатки во всей предыдущей его литературной дѣятельности и періодически выступаютъ наружу, съ большею или меньшею силою, подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра и даже мѣстожительства».

Въ томъ же году нападки на Кулиша встрѣчаются въ августовской [1]) и въ сентябрьской книжкахъ «Кіевской Старины», гдѣ была помѣщена статья Ив. Новицкаго: «По поводу народной пѣсни о взятіи Торческа или же Азова». Авторъ довольно тонко и не безъ остроумія назвалъ Кулиша глупцомъ: «На слова г. Кулиша, — говоритъ Новицкій, — изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь при томъ же на слова Пушкина, что «только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій», полагаться далеко не всегда можно.

Костомаровъ въ упомянутой статьѣ: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» также не безъ рѣзкости предупреждалъ Кулиша отъ его недостойныхъ увлеченій: «Если писатель, — говоритъ онъ, — пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самомнѣніемъ, что читатели его глупцы, которымъ можно что угодно выставить за правду, и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему, и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже,—его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія».

---

[1]) А. К—скій: «Кобзарь Остапъ Вересай».

Неблагосклонное, но вполнѣ корректное замѣчаніе по поводу «Исторіи Возсоединенія Руси» сдѣлалъ также Ф. Николайчикъ въ статьѣ: «Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой» въ мартовскомъ номерѣ 1884 года.

Понятно, что вся эта полемика, переходившая иной разъ литературные предѣлы, должна была раздражать Кулиша, такъ какъ лица его характера, какъ мы понимаемъ его, если и не отличаются особенною щепетильностью, то боятся, видя неудачу во мнѣніяхъ о себѣ окружающихъ. При томъ же Кулишу въ это время было больше шестидесяти лѣтъ: въ этомъ возрастѣ, естественно, сила внутренняго сопротивленія слабѣетъ въ человѣкѣ. Но Кулишъ ни словомъ не обмолвился на нападки «Кіевской Старины», пока въ іюльской книжкѣ журнала за 1885 годъ не появилась маленькая замѣтка: «Случай изъ жизни Костомарова», подписанная буквою N. Замѣтка появилась по поводу воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, напечатанныхъ въ томъ же году въ журналѣ «Новь» (№ 13). Въ этой замѣткѣ N. передаетъ, что Кулишъ, «по признанію яко бы скончавшагося историка, великій человѣкъ», встрѣтился какъ-то съ Костомаровымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ злосчастной «Исторіи Возсоединенія Руси». Оба писателя давно не видѣлись, и Кулишъ поцѣловался съ Костомаровымъ, думая, очевидно, при этомъ, что послѣдній не читалъ его книги, въ которой были рѣзкія выходки противъ историка. Но Костомаровъ сказалъ на это: «Лобзаніемъ ли, отче Пантелеймоніе, предаешь сына человѣческаго»?—«Кулишъ, продолжаетъ далѣе N., по разсказу Костомарова, постарался тотчасъ же стушеваться. Незабвенный нашъ историкъ передавалъ мнѣ этотъ маленькій эпизодъ изъ своей жизни съ игривымъ описаніемъ подробностей, обстановки и, передавая, онъ обыкновенно хохоталъ до упаду».

Это выставленіе въ смѣшномъ видѣ, и при томъ яко-бы со стороны бывшаго друга, переполнило чашу терпѣнія Кулиша, и онъ, даже не разузнавъ хорошенько, какъ зовутъ редактора «Кіевской Старины», пишетъ ему слѣдующее письмо, въ кото-

ромъ видно плохо сдерживаемое раздраженіе и слабо скрываемое презрѣніе и къ самому редактору, и къ своимъ врагамъ.

Милостивый Государь Ѳеофанъ Григоріевичъ.

Въ Вашемъ прекрасномъ журналѣ попадаются выдумки относительно моей личности, показывающія, что Вы знаете меня только издали. Напримѣръ Петровъ, истощивъ свое остроуміе въ оскорбительныхъ для честнаго писателя намекахъ, пишетъ, будто бы я предлагалъ землякамъ переложить «Исторію Возсоединенія Руси» на малорусскій языкъ, если они заплатятъ мнѣ по 100 р. съ печатнаго листа. Лучше бъ онъ объяснилъ публикѣ, почему онъ, при жизни автора, напечаталъ въ своей книгѣ неизданное его стихотвореніе, или почему Чалый обнародовалъ въ своемъ сочиненіи письма мои и моей жены, или почему Ильницкій утаилъ мои рукописи и отправилъ въ Женеву къ Драгоманову? Это былъ бы интересный соціалогическій этюдъ.

Въ подражаніе Петрову, нѣкто N, пользуясь Вашимъ довѣріемъ, сдѣлалъ «Кіевскую Старину» органомъ самой гнусной клеветы. Позвольте надѣяться, что Вы не откажетесь напечатать прилагаемое опроверженіе, въ видахъ излеченія нашей [1]) украинской братіи отъ іезуитства, которое оно ненавидитъ и которому однакожъ часто, въ своемъ ослѣпленіи псевдопатріотизмомъ, подражаетъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи П. Кулишъ. 1885, іюля 27. Борзна.

Отвѣтъ Кулиша на замѣтку N подъ заглавіемъ: „Брошенный изъ-за угла камень" былъ помѣщенъ въ сентябрьской книжкѣ того же года. Кулишъ указываетъ на то, что онъ самъ послалъ къ Костомарову свою книгу, и владѣющіе библіотекою покойнаго историка могутъ видѣть на книгѣ надпись автора, указы-

---

[1]) Послѣ этого слова стоитъ въ письмѣ зачеркнутое слово: пишущей.

ваетъ на какое-то свое письмо къ Костомарову и на тѣхъ общихъ знакомыхъ, у которыхъ Костомаровъ вмѣстѣ съ нимъ бывалъ по дружески въ гостяхъ, хотя и не называетъ ихъ имена. Все это должно, по мнѣнію Кулиша, доказывать, что Костомаровъ всегда хорошо относился къ нему. Доказательства слишкомъ слабыя и притянутыя къ дѣлу не безъ усилія. Его воспоминанія о Кулишѣ, гдѣ въ широкой степени сказалось честолюбіе автора, произвели совсѣмъ не тотъ эффектъ, какого ожидалъ Кулишъ, и увидѣвши неудачу, онъ хотѣлъ какъ-нибудь выгородить себя, не имѣя болѣе серьозныхъ подтвержденій дружбы съ Костомаровымъ въ послѣднее время жизни историка. Легковѣсность этихъ подтвержденій ясна, а мы при томъ знаемъ мнѣніе Костомарова о Кулишѣ, и поэтому въ данномъ случаѣ опроверженіе послѣдняго совершенно не рѣшаетъ дѣла. Такъ и Гоголь, потерпѣвъ неудачу со своими «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями», на которыя онъ возлагалъ много честолюбивыхъ надеждъ, силился оправдаться передъ Бѣлинскимъ и такъ-же неудачно.

На Лебединцева жалоба Кулиша произвела, очевидно, непріятное впечатлѣніе. Ему не хотѣлось возбуждать въ комъ-либо враждебное чувство къ своему журналу и, желая какъ-либо загладить полемическія выступленія сотрудниковъ, Лебединцевъ посылаетъ Кулишу весь комплектъ номеровъ «Кіевской Старины». На это послѣдовало новое примирительное письмо Кулиша къ Лебединцеву.

Милостивый Государь Ѳеофанъ Григоріевичъ,

Вы прислали намъ ни за то, ни за се полный экземпляръ «Кіевской Старины», содержащій въ себѣ много весьма для насъ [1]) интереснаго (о позорномъ для русской прессы по отношенію ко

[1]) Кулишъ имѣетъ въ виду себя и свою жену Анну Михайловну Кулишъ, извѣстную въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ.

мнѣ умалчиваю). Не хочу быть у Васъ въ долгу, и посылаю Вамъ драгоцѣнный документъ—копію съ неизвѣстной еще автобіографіи Шевченка, для помѣщенія въ Вашемъ журналѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи П. Кулишъ.

1885, сент. 10. Х. Мотроновка.

Вниманіе Лебединцева, какъ видимъ, пріятно подѣйствовало на Кулиша, и онъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость по отношенію къ нему, посылаетъ ему «драгоцѣнный документъ» — автобіографію того самаго Шевченка, котораго онъ, по выраженію Костомарова, «обмазалъ грязью, поэзію котораго въ «Исторіи Возсоединенія Руси», назвалъ «пьяною музою». Эта «Автобіографія Т. Гр. Шевченка», писанная для «Народнаго Чтенія», была помѣщена въ ноябрьской книжкѣ 1885 года. Этимъ былъ исчерпанъ возникшій инцидентъ вслѣдствіе неудовольствія Кулиша на «Кіевскую Старину», редакторъ которой Ѳ. Г. Лебединцевъ своею предупредительностью сумѣлъ смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное журналомъ въ старомъ писателѣ.

Владиміръ Даниловъ.